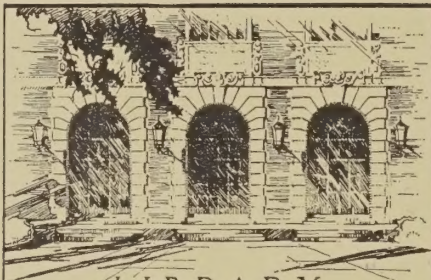

15-249

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

057
ZHO
1896

8/54/54361

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

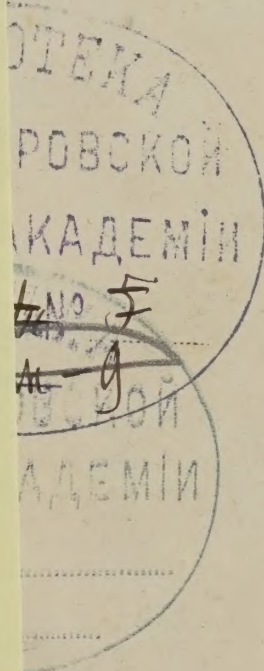
To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

FEB 15 1980

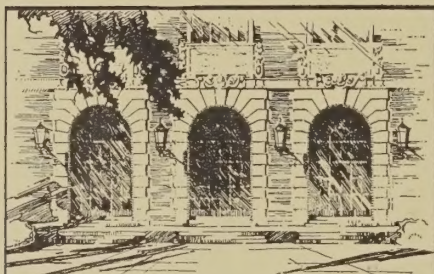
FEB 29 1980

MAY 24 1980

L161-O-1096

15-249

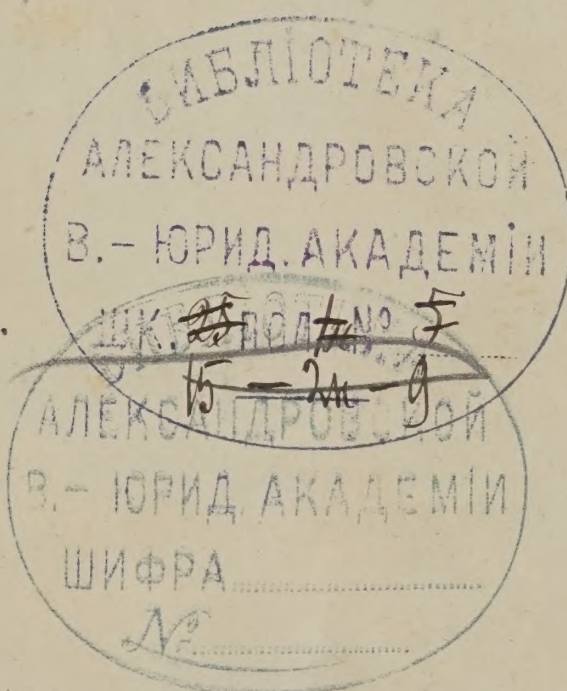
LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

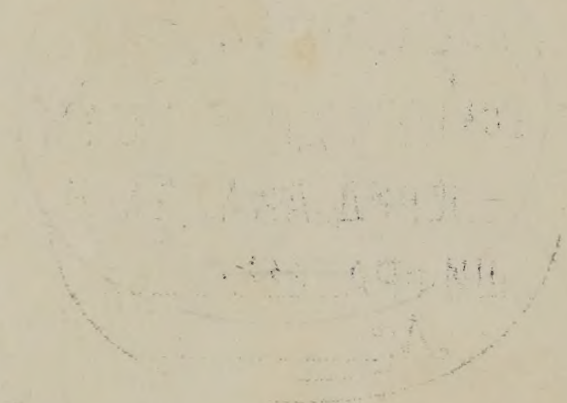
057
ZHO
1896

177A 5 p 1880

1880 5 p 1880

1880 1 p 1880

1835.

1896.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1896 ШИФРА 334.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20-го декабря 1896 г.
 Типографія С. Добродѣва, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

057
2HO
1896

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ТОМА ЖУРНАЛА

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЗА 1896 ГОДЪ.

Стихотворенія.

СТРАН.

СТРАН.

СТРАН.

Агарь въ пустынь, П. Порфирова . . .	424
Безумный, Н. Полилова . . .	408
Буря, Н. Леонтьева . . .	2
Василекъ, В. Лебедева . . .	154
Весталка, Л. Афанасьева . . .	326
Волхвы, Л. Афанасьева . . .	456
Въ степи, Л. Афанасьева . . .	448
Вопросъ, А. Лукьянова . . .	158
Гимнъ Рождеству, В. Лебедева . . .	462
Давно разстались мы, К. Медовдского . . .	6
Дорога жизни, Е. Зарина . . .	134
Зимняя ночь, А. Комарова . . .	450
Изъ Р. Бериса, А. Федорова . . .	78
Кіевъ, В. Петровича . . .	174
Ко сну, Е. Зарина . . .	83
Меня не тѣшитъ, К. Фофанова . . .	214
Мечта, Аполлонъ Коринѣево . . .	254
Міръ Божій, Н. Познякова . . .	58
Молчать и ѣжить ночь, К. Медовдского . . .	93
Мотыльки, М. Майкова . . .	119
На стражѣ, В. Лебедева . . .	342
На Волгѣ, А. Коринѣево . . .	310
Не властенъ, К. Фофанова . . .	374
Не горятъ небеса, Л.	184
Неба глубь ясна, Л.	204
Нѣтъ, не надо, А. Лукьянова . . .	315
Октябрьскій вѣтеръ, В. Лебедева . . .	294
Осень, К. Медовдского . . .	260
Осень, Л. Афанасьева . . .	195
Падающая звѣзда, А. Мейснера . . .	412
Первый снѣгъ, Н. Боровскаго . . .	347
Подъ сѣнью сосенъ, Аполлонъ Коринѣево . . .	114
Послѣ театра, А. Френкеля . . .	392
При лунѣ, П. Порфирова . . .	274
Праздникъ Спаса, В. Петровича . . .	103
Проходящій, В. Бера . . .	22
Радость, Н. Васильева . . .	371
Сегодня въ ночь, К. Фофанова . . .	66
Серенада, Н. Полилова . . .	134
Сказали мнѣ, К. Фофанова . . .	138
Серенада трубадура, Н. Леонтьева . . .	379
Старый пасторъ (Изъ Гейне) . . .	440
Сѣнокосъ, В. Петровича . . .	43
Ты принцесса, А. Бобринцева-Пушкина . . .	428
Царевъ курганъ, Аполлонъ Коринѣево . . .	38
Часть покоя, А. Федорова . . .	367
Что значать люди, К. Фофанова . . .	299

Романы, повѣсти и рассказы.

Аукціонъ, рассказъ Э. Торнера, . . .	386
Бабушка, рассказъ М. Кинъ. . . .	417—433
Банкротъ, рассказъ Л. Авелановой. . . .	379
Блажь, рассказъ П. Россіева	294
Больной № 377, рассказъ П. Зинзюлева. . .	310, 326
Выгодная женитьба, романъ Рене де-Понъ-Жеста 14, 50, 66, 87, 110, 126, 146, 162, 186, 206, 223, 243, 266, 286, 306, 318 и 334	
Выдумка дѣда Потапа, рассказъ В. Рышкова.	224
Въ глухую ночь, рассказъ Н. Леонтьева. . .	428
Гильда, повѣсть Годара де Венси. . . .	119—138
Гордиевъ узелъ, рассказъ А. К. Шеллера (А. Михайлова).	408
Голосъ крови, рассказъ Б. Сертсеева. . . .	393
День Рождества Христова, разск. Литвиновой.	476
Дикій панъ, рассказъ С. Минцлова. . . .	154
Доля матери, очеркъ О. Демертъ. . . .	392
Житейскіе расчеты, повѣсть Н. Дмитриева.	299
Задавленный матросъ, рассказъ Е. Введенской.	64
Искушенье, рассказъ А. Федорова. . . .	440
Итоги лѣта, повѣсть А. Будищева. 174, 195, 214 и	234
Контрабандисты, разск. М. Лисицина. 83—103	
Между небомъ и землей, повѣсть Е. Введенской. 178, 199, 220 и	238
Миссъ Анета, рассказъ А. Писанецкаго. . .	330
Молохъ, рассказъ Андре Пикара. . . .	371
М-ле Роже, монологъ Н. Гриневской. . .	347
Мѣдная дощечка, О. Левоневскаго. . . .	448

Народъ темный, <i>Грантъ-Аллена</i> . . .	315	
На разныхъ языкахъ, рассказъ <i>О. Демертъ</i> . . .	134	
Наши современники, рассказъ <i>Довъ</i> . . .	283	
На часахъ, рассказъ <i>А. Георгиева</i> . . .	465	
Несчастье маленькаго человѣка, рассказъ <i>А. К. Шеллера</i> (<i>А. Михайлова</i>) . . .	242	
Не уступилъ, рассказъ <i>Н. Алексеева</i> . . .	469	
Неизмѣнная любовь, рассказъ <i>М. Шилъ</i> . . .	351	
Неудавшійся геній, рассказъ <i>У. Норриса</i> . . .	448	
Нюнька, рассказъ <i>А. Иноземной</i> . . .	6	
Орденъ льва и солнца, рассказъ <i>В. Венцко</i> . . .	262—274	
Пари, рассказъ <i>А. Дрекслера</i> . . .	476	
Передъ замужествомъ, рассказъ <i>Л. Авеланъ</i> . . .	456	
Поддѣльный вексель, рассказъ <i>А. Зварева</i> . . .	158	
Полѣвка въ тайгѣ, рассказъ <i>Н. Попова</i> . . .	412	
Подневольная клятва, рассказъ <i>Ив. Якутина-Захарина</i> . . .	254	
Свадебный звонъ, рассказъ <i>Натаніеля Готорна</i> . . .	397	
Сильные люди, рассказъ <i>А. И. Фаресова</i> . . .	367	
Сосѣдъ, повѣсть кн. <i>М. Оболенской</i> . . .	78, 98 и 114	
Счастливый день Петра Ивановича, рассказъ <i>Н. Брешко-Брешковскаго</i> . . .	374	
Страшный замокъ, повѣсть <i>В. П. Лебедева</i> . . .	2, 22, 38 и . . .	58
Талисманъ, рассказъ <i>К. Де-Варини</i> . . .	401	
Таня воровка, рассказъ <i>Ив. Якутина-Захарина</i> . . .	26—43	
Христославы, рассказъ <i>А. Кюкина</i> . . .	460	
Честолюбивый гость, рассказъ <i>Н. Готорна</i> . . .	413	
Яблочко, рассказъ . . .	106	
Яковъ-кормилецъ, рассказъ <i>И. Смирнова</i> . . .	278	

Историч. статьи и характеристики

Аладжинскій бой . . .	356
Императрица Екатерина II, В. Лебедева . . .	357
Императоръ Павелъ Петровичъ и Императрица Марія Теодоровна, С. Варескаго . . .	359
Кіевскіе памятники и святыни . . .	188
Нижній Новгородъ . . .	66
Петровъ день въ Римѣ, Л. Рускина . . .	30
Открытие св. мощей св. Теодосія . . .	194
Рѣдкій юбилей, А. Фаресова . . .	271
Столѣтіе города Павловска . . .	364
Сузгунъ и Искеръ, О. Всеволодской . . .	182-203
Трехсотлѣтіе Дома Романовыхъ . . .	46
Шестнадцатая Всероссийская Выставка въ Нижнемъ Новгородѣ . . .	28, 47, 107 и 128

Научныя статьи.

Ксилолитъ, В. Марева . . .	91
Почеркъ и характеръ, О. Лорина . . .	147
Птицы-метеоры . . .	454
Успѣхи и способы освѣщенія, В. Марева . . .	322

Жизнеописанія и біографіи.

Авеланъ, Ф. К.	95
Антокольскій, М. М.	387
Боголюбовъ, А.	341-356
Земцовъ, А. Е.	52
Іоанникій	189
Ковалевскій, В. И.	37
Кази, М. И.	19
Каразинъ, Н. Н.	387
Крузенштернъ, И. Ф.	151
Лобановъ-Ростовскій князь, А. Б. . . .	171
Макъ-Кинлей, Вилліамъ	406
Марковъ, С. В.	438
Митрополитъ, Петръ Могила № 51. . .	49
Пимоненко, М. К.	72
Рѣпинъ, И. Е.	336
Савва Препосвященный	340
Саксенъ, К. Ф. № 45.	18
Сергѣевъ, Н. А.	153
Станюковичъ, К. М.	422
Стасова, Н. В.	307
Тыртовъ, П. П.	131

Шиповъ, П. Д.	52
Якобій, В. И.	387

Портреты.

Е. И. Вел. Гос. Имп. Николай Александровичъ	9
Ея Имп. Вел. Государыня Императрица Марія Теодоровна	75
Е. И. В. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ	364
Е. И. В. Вел. Кн. Александра Іосифовна . . .	365
Е. И. В. Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ	365
Е. И. В. Вел. Кн. Елисавета Маврикіевна . .	365
Авеланъ, Ф. К.	93
Антокольскій, М. М.	380
Барановъ, Н. М.	29
Бенаръ № 42.	1
Билль, № 42.	1
Боголюбовъ, А. П.	341
Ванновскій, П. С.	209
Викторъ Эмануилъ, № 43.	5
Витте, С. Ю.	29
Ганото, Габріель, № 42.	1
Григорьевичъ, Д. В.	28
Добронизскій, А. В.	29
Импер. Екатерина II.	357
Елена, Принцесса, № 43.	5
Земцовъ, А. Е.	53
Іоанникій, митрополитъ	191
Кази, М. И.	17
Каразинъ, Н. Н.	380
Ковалевскій, В. И.	37
Крузенштернъ, И. Ф.	149
Лобановъ-Ростовскій князь, А. Б.	169
Макъ-Кинлей, Вилліамъ	406
Марія Теодоровна, Императрица	364
Марковъ, С. В. № 50.	41
Мелинъ, № 42.	1
Могила, Петръ № 51.	49
Моренгеймъ, А. П.	289
Павелъ I, Императоръ	364
Пимоненко, Н. К.	72
Рѣпинъ, И. Е. № 46.	21
Рамбо, № 42.	1
Савва, Препосвященный № 44.	9
Саксенъ, К. Ф. № 45.	17
Станюковичъ, К. М.	414
Стасова, Н. В.	308
Сергѣевъ, Н. А.	153
Тимирязевъ, В. И.	29
Тыртовъ, П. П.	129
Феликсъ Форъ	269
Шиповъ П. Д.	52
Якобій, В. И.	380

Рисунки.

Автографъ св. Теодосія	200
Агарь и Измаиль, Дюмонда	426
Азіатскій отдѣлъ	33
Аладжинское сраженіе, А. Кившенко . . .	353
Алхимикъ, О. Фрейвиртъ-Люцовъ . . .	137
Альма, Е. Зинзю	322
Архангельскій Соборъ	68
Авонъ, Ю. Ю. Клевера	329
Баль	470
Бездомные, В. Трентена	418
Благовѣщенскій Монастырь	69
Богоматерь, В. Васнецова	177
Богоматерь, Корреджіо	455
Боковая аллея выставки	125
Бурлаки, И. Е. Рыллина	325
Бѣгство въ Египетъ, Л. Кнаузъ	459
Веселая компанія, Гайсера	435
Веселый мотивъ, Ламенмателъ	213
Весна любви, Л. Шмидтъ-Канстана . . .	317
Венгерскій графъ Текели, Шрамма . . .	442-443
Верховая прогулка, С. Аллемана	221
Виды Павловска	368-369
Видъ на ярмарку	69
Владимірская гора	176
Военно-морской отдѣлъ	49

СТРАН.	СТРАН.	СТРАН.
Возвращение съ ученья, П. Д. Шитова . . . 41	Маски сняты, рис. Ричи . . . 475	Св. Θεодосій Углицкий . . . 196
Волхвы, Г. Доре . . . 458	Медовый мѣсяцъ, К. Бергера . . . 407	Свѣжѣть, М. Х. Сертсва . . . 160
Воскрешение дочери Іаира, Н. Е. Рѣпина . 384	Мороситъ, А. Шмидера . . . 165	Секретное посланіе, Н. Махова . . . 431
Вѣдомство учреждений Имп. Маріи . . . 124	На берегу моря, А. Шмидера . . . 256	Сельскій виртуозъ, А. Козакевича . . . 224
Вѣздъ въ Елисейскія поля, Л. Тинера 281—285	На дорожку, А. Наумова . . . 236	Сиротка, Козачинскаго . . . 430
Вѣздъ въ Бальмораль . . . 276	Наказанный амуръ, Келя . . . 419	Собачники, А. Эберле . . . 309
Въ горахъ Кавказа, М. Красническаго . . 337	На каткѣ . . . 478	Соблазнительница, К. Саксена . . . 249
Въ горахъ, М. Самокишъ . . . 105	На охотѣ, Ф. Френца . . . 313	Соборъ Андрея Первозваннаго . . . 176
Въ добрый путь, Г. Монтегана . . . 333	На охотѣ, В. Гребжейна . . . 352	Соборъ св. Софіи . . . 173
Въ ожиданіи начальника, В. Чернера . . 399	Нападеніе тигра, П. Бене . . . 101	Сортировка перьевъ, А. Кившенко . . . 297
Въ опасности, К. Белкруза . . . 5	Неаполь . . . 316	Спасены, К. Ватера . . . 205
Въ погоню за зайцемъ, Ф. Френца . . . 261	Не горятъ небеса . . . 184	Спасо-Преображенскій Соборъ . . . 68
Въ погоню за сѣрымъ, В. Ковальскаго . . 439	Неприятное сосѣдство, К. Троста . . . 140	Сплетницы, К. Зеву . . . 4
Въ полѣ, Дейнеке . . . 161	Новый соборъ въ Кіевѣ . . . 197	Спрячемся, М. Вюнша . . . 398
Гильда Маркети . . . 120	Обелискъ при главномъ входѣ . . . 48	Среди природы, В. Якиши . . . 64
Главный входъ на выставку . . . 32	Осужденная на голодную смерть, Мар- дарелли . . . 434	Старый любовникъ, М. Малова . . . 21
Главный входъ въ центральное зданіе . . 108	Осенняя ночь, Е. Степанова . . . 293	Страда, М. К. Пимоненко . . . 60
Грибники на привалѣ, В. Голыскаго . . . 85	Открытие выставки . . . 32	Сѣнокосъ, К. Свищевскаго . . . 40
Гробница Михаила Никитича Романова . . 44	Охота на лисицу, Ф. Френца . . . 395	Съ виноградомъ, Р. Вюншенберга . . . 225
Гусь, рис. В. Табурина . . . 471	Павильоны цементныхъ заводовъ . . . 109	Съ завтракомъ въ поле, М. Михайла . . 84
Дворецъ въ Гатчинѣ . . . 372	Павильонъ волжско-каспійскаго судо- ходства . . . 109	Съ натуры, Меймахера . . . 447
Доморощенные виртуозы, Цибланда . . . 89	Павильонъ судоходства . . . 108	Съ яблоками, Р. Эшмедта . . . 164
Дорогая бутылочка, П. Массати . . . 300	Павильонъ управления Удѣловъ . . . 49	Товарищество Нобель . . . 125
Дуэль, П. Рода . . . 244—245	Памятникъ-гробница Минину . . . 68	Торжество въ Академіи Художествъ, В. Якоби . . . 360—361
Елку принесли . . . 463	Памятникъ Минину и Пожарскому . . . 68	Трудный вопросъ, Е. Дейля . . . 141
Елку зажигаютъ, рис. В. Амосова . . . 466	Памятникъ Императору Николаю I въ Кіевѣ . . . 180	Туркмены на охотѣ, Н. Н. Каразина . . 376
Елка бѣдняковъ, рис. Табурина . . . 467	Пароходъ Эрнестъ Базень . . . 168	Уличная сцена, А. Вируса-Ковальскаго . 305
Ермакъ, М. Антокольскаго . . . 388	Первобытные люди, Л. Зика . . . 237	У ручья, О. Грушино . . . 88
За грибами, А. Бэма . . . 1	Первые яблоки, К. Дефрессера . . . 144	Финскій заливъ, М. Бродскаго . . . 233
За дровами, Е. Степанова . . . 423	Первый выѣздъ на балъ, П. Маритая . . 312	Христа-ради, Творожникова . . . 451
Закладка моста въ Парижѣ . . . 281	Первый снѣгъ, Ю. Ю. Клевера . . . 373	Художественный отдѣлъ . . . 32
Замокъ Бальмораль . . . 273	Передъ бурей, А. Нордрена . . . 240	Черезъ рѣку, А. Ланни . . . 220
Замаялась, А. Делоба . . . 104	Передъ ученьемъ, Г. Корнели . . . 336	Черниговскіе соборы . . . 193
За работою, П. Стахевича . . . 136	Печальное извѣстіе, Г. Гамзы . . . 348	Честное слово, Ф. Ганфитенля . . . 257
Зацѣпилась, П. Тумана . . . 201	Плѣнница, Е. Люмкэ . . . 411	Чистка грибовъ, Н. Махова . . . 185
Зданіе консерваторіи № 48 . . . 25	Поддѣльный вексель, Т. Маритая . 156—157	Чтеніе Псалтыря, Д. Рампа . . . 325
Зима въ лѣсу, М. Пясекаго . . . 410	По дорогѣ въ Царское Село, Ю. Ю. Кле- вера . . . 133	Что-то изъ-него будетъ? М. Малышева . 217
Зимняя ночь . . . 450	Поздняя осень, А. Шмидера . . . 320—321	Чужія дѣти, Вастаги . . . 57
Знаменосецъ, Н. Н. Каразина . . . 377	Порывъ вѣтра, Ф. Клеймиселя . . . 301	Шалость амура Э. Биссона . . . 80
Игроки, М. Вюнша . . . 253	Послѣдніе цвѣты, А. Бейтлага . . . 241	Швея, бронссъ М. Паленъ . . . 446
Изъ помпейской жизни, К. Каприолли . . 25	Праздникъ Спаса, К. Свищевскаго . . . 100	Эстонское побережье К. Винклера . . . 113
Иисусъ Христосъ и Ап. Петръ, Б. Пюкюрста . 24	Праздникъ цвѣтовъ, Д. Комансъ . . . 145	
Иллюминація Гостиннаго Двора . . . 12	Прибытіе въ Шербургъ . . . 277	
Иллюминація Невскаго проспекта . . . 13	Прибытіе въ Парижъ . . . 280	
Императорскій павильонъ . . . 48	Призваніе на царство Михаила Θεодоро- вича Романова, В. Думитрашко . . . 45	
И ночь, и любовь, М. Кеммерера . . . 117	Пріятная находка, В. Фолера . . . 304	
Интересное чтеніе, Н. Рыбакова . . . 97	Прогулка, Е. Красническаго . . . 296	
Клюсть, Г. Экенаса . . . 394	Рабъ съ головой Св. Іоанна Крестителя Н. Аскани . . . 181	
Колодезь въ пустынѣ, Н. Н. Каразина . . 81	Рояль Беккера въ Царскомъ павильонѣ . 249	
Колокольные заводы . . . 124	Русская эскадра, А. Боголюбова . . . 344—345	
Концертъ у Гайдна, П. Розье . . . 427	Рысь, поймавшая зайца, К. Домбровскаго . 264	
Кувшинчики, Н. Экенаса . . . 121	Самсонъ и Далила, Этана . . . 61	
Къ именинамъ, Г. Зейтца . . . 403	Самсонъ и Далила, А. Кившенко . . . 61—415	
Ледяной домъ, В. Якоби . . . 385	Св. Николай, освобождающій отъ казни невинно осужденныхъ, И. Е. Рѣпина . . 381	
Любимцы, К. Гейдена . . . 116		
Любители музыки, А. Гуццарди . . . 265		
Любить—нѣтъ! М. Наненибруха . . . 65		
Любовь . . . 8		
Лоцманскій домикъ, А. Лагорио . . . 77		
Лунная ночь, Ю. Ю. Клевера . . . 216		
Лунная ночь на морѣ, В. Мещерскаго . . 391		
Маски, рис. Гаусмана . . . 474		

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЖУРНАЛУ:
ШЕСТЬ КНИГЪ—РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ, СТИХОТВОРЕНІЯ, НАУЧНЫЯ, СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ НОВОСТИ, СМѢСЬ И ПРОЧ.
(№№ 7, 8, 9, 10, 11, 12).

НОТЫ:

- 1) Романъ, слова Анисимова-Александрова, музыка А. Ф. Пригожева.
- 2) „Стрекоза и Муравей“, полька-мазурка А. Амборна.
- 3) „Осеннія мечты“, салонная пьеса Э. Ассева.
- 4) „La marseillaise“, Ф. Бейера.
- 5) Салонная пьеса, П. Гейле.

Кромѣ того въ теченіе полугодія, въ видѣ особыхъ приложений, было дано 6 номеровъ «Новѣйшихъ Парижскихъ Модъ», 6 раскрашенныхъ модныхъ картинъ, образцы изящныхъ рукодѣлій, выкройки, образцы для выпиливанія и два художественныхъ приложения:

- 1) Прибытіе Ихъ Императорскихъ Величествъ къ Казанскому Собору (22 іюня 1896).
- 2) Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Николай Александровичъ и Государыня Императрица Александра Феодоровна съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княжной Ольгой Николаевной.

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПРИ № 1 ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» ВСѢМЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ РАЗСЫЛАЮТСЯ:

- 1) Первая книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній — «Домашняя Библіотечка», № 1-й (за январь 1896 г.).—2) № 1-й «Еженедѣльная хроника» (еженедѣльная газета).—3) № 1-й «Новѣйшія Парижскія Моды».—4) «Модные костюмы» (новое приложеніе къ модному отдѣлу, отпечатанное въ нѣскольکو красокъ).—5) Стѣнной календарь на 1896 годъ.—6) Ноты—«Съ новымъ годомъ» (маршъ), соч. Н. Маргова.

сѣ номера журнала сдаются на почту строго провѣренными и въ полномъ количествѣ почтовому служителю, а затѣмъ сообщить въ Главную Контору не позднѣе получения слѣдующаго номера журнала, такъ какъ позднѣйшія претензіи почтамтъ не принимаютъ къ разслѣдованію, а высылать второй экземпляръ не всегда представляется возможнымъ для редакціи.

Гравировалъ на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. Адтъ.

Родные углы. Съ новой картины профессора Ю. Ю. Клевера.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Привѣтъ, друзья! на новый годъ,
Послушна старому преданью,
Вамъ муза нѣжная несетъ
Въ веселой пѣснѣ пожеланья.

Всѣмъ вокругъ нея! И старъ, и малъ...
И пусть для каждаго, какъ хочеть,—
Въ кудряхъ цвѣты, въ рукъ бокаль,—
Она рядъ новыхъ благъ пророчить.

Кто ближе всѣхъ? Ты, юность, ты!
Тебѣ и пѣсни, и мечтанья,
И счастья перваго цвѣты,
И горечь перваго страданья.

Но путь твой дологъ и широкъ.
Пускай порою слабо съѣтитъ
Надежды дальній огонекъ—
Твой зоркій глазъ его замѣтитъ!

Пускай порою сердце бьетъ
Мученья полную тревогу—
Что нужды? Смѣлый духъ найдетъ
Во мракъ верную дорогу.

Чего могу тебѣ желать,
О, жатвы будущей хранитель?
Дай, Боже, намъ не тщетно ждать...
Ты самъ судьбы своей властитель.

Ты, зрѣлый мужъ. Въ твоихъ очахъ
Напрасный гнѣвъ не запылаетъ
И мысль, окрѣпшая въ годахъ,
Причудъ таинственныхъ не знаетъ.

Все взвѣсилъ! Все опредѣлилъ!
Куда идти—ты насъ не спросишь.
Какъ гордо голову ты носишь;
Какъ полонъ мощи зрѣлыхъ силъ!

Дай Богъ не встрѣтиться неожиданно
Тебѣ съ преградой на пути
И не угасшимъ въ мгль туманной
Свой яркій свѣточъ пронести.

О, старость мудрая! Мой низкій
Поклонъ, сыновній мой привѣтъ!
Ты на краю могилы близкой
Полна обѣтовъ юныхъ лѣтъ.

Живешь ты въ новомъ поколѣннѣ,
Считаешь въ немъ плоды трудовъ
И торжествуешь обновленье
Завѣтныхъ дѣлъ, великихъ словъ.

Скажи—чего желать намъ страстно,
Какъ духъ во тьмѣ не угасить,
Въ борьбѣ не тратить силъ напрасно,
Любовь и веру сохранить?

И такъ, я кругъ свой совершила,
Тотъ вѣчный кругъ, гдѣ юныхъ силъ
Источникъ слить со зрѣлой силой
И гдѣ союзъ ихъ завершилъ,

Учитель общій—старость. Снова
Теперь веселія чередъ!
Весельемъ гостя молодого
Урочный встрѣтимъ мы приходъ!..

Н. Медвѣдскій.

БЕЗЪ ХОЗЯЙКИ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ старомъ большомъ саду одного изъ извѣстныхъ учебныхъ заведеній, въ свободное отъ занятій время, сидѣли, гуляли, болтали воспитанники. Ясный майскій день озарялъ садъ своими животворными лучами; молодая зелень сквозила на ласковомъ солнцѣ, и смолистый запахъ только что раскрывшихся почекъ наполнял садъ здоровымъ, ароматнымъ воздухомъ. Зелень была еще не очень густа, и отдѣльные группы воспитанниковъ сквозили тамъ и сямъ, подвижныя и разнообразныя.

Лучшія аллеи, обрѣзанные наиболѣе старыми великанами изъ міра березъ и тополей, искони вѣковъ «принадлежали» старшему классу; сюда малыши не имѣли права ходить; здѣсь курили и занимались зачастую

разговорами, вовсе имъ не подходящими. Многие изъ юношей, гулявшихъ въ этихъ аллеяхъ, отличались только-что пробивавшимися усиками, а одинъ изъ нихъ, князь восточнаго происхожденія, бросался въ глаза усами очень значительныхъ размѣровъ.

Здѣсь, въ этихъ юношахъ, сказывалась тоже, своего рода, весна, но не такая правильная, законная, вѣчная въ своей свѣжести, хотя и поражающая иногда смѣтами въ маѣ мѣсяцѣ, весна петербургская, но другая, особая, своеобразная и во всякомъ случаѣ не такая животворная, какъ весна въ природѣ.

Между юношами этими имѣлись на лицо образчики какихъ-то, какъ-бы задержанныхъ въ своемъ развитіи существъ, съ недостат-

ками тѣхъ или другихъ способностей, того или другого свойства организма; большинство этихъ юношей носило въ себѣ воплощеніе знаменитыхъ стиховъ:

«Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позннимъ ихъ умомъ.
И жизнь ужъ насъ томить, какъ ровный
путь безъ дѣли,

Какъ ниръ на праздникъ чужомъ».

Другой типъ, прямо противоположный этому, представляли юноши со здоровыми организмами, бодрые, болѣе приткые, чѣмъ-бы слѣдовало, болѣе смѣлые, чѣмъ-бы нужно было въ ихъ годы,—юноши, готовые прожигать жизнь всеми доступными имъ способами. Многие изъ нихъ были встрѣчены

въ жизни любовью матери, добротою отца, но, въ то же время, тлетворнымъ вліяніемъ вѣсѣмьейной среды, которая, такъ или иначе, всасывала ихъ въ себя.

Затѣмъ имѣлись между гулявшими особенныя, въ полномъ смыслѣ этого слова, собранныя сюда съ бору да съ сосенки, самостоятельныя не въ силу умственного или сердечнаго ихъ развитія, не въ силу своеобразности психологической или физической, а въ силу своеобразія той среды, изъ которой они вышли; тутъ были сыновья купцовъ, были, какъ сказано, восточный князь, имѣлись какіе-то калмыки ханскаго происхожденія. Эти господа росли такъ, какъ растетъ ножка китайской женщины, принимая форму деревяннаго башмака, въ который она мучительно заключена; ножка китайки до поры до времени страдаетъ, — эти юноши, оформливаясь, не страдали никакимъ образомъ.

Въ заключеніе характеристики юношей, гулявшихъ въ саду, слѣдуетъ сказать, что нормально развитыхъ, среднихъ людей, вполне здороваго матеріала, между ними имѣлось очень мало.

Наступили послѣдніе экзамены, и рѣшалась судьба многихъ изъ нихъ. Мало кто, или почти никто, не понималъ важности значенія этихъ экзаменовъ для всей жизни; всѣ, почти, относились къ нимъ иронически, саркастически, считая чѣмъ-то ниже ихъ стоящимъ, недостойнымъ ихъ вниманія.

Карьеру дѣлаютъ и иначе, чѣмъ по балльнымъ отбѣткамъ и аттестаціи, — вотъ что служило паролемъ и лозунгомъ шести или семилѣтняго курса, и въ этомъ скрывалась причина болѣе чѣмъ легкомысленнаго отношенія большинства юношей къ выпускнымъ экзаменамъ.

Въ одной изъ бесѣдокъ сада, въ самой отдаленной, сидѣло пятеро изъ выпускныхъ: двое помѣстились на скамейкахъ, а трое утѣлись на перилахъ бесѣдки. Шелъ оживленный разговоръ именно о предстоящемъ выборѣ рода службы, о карьерѣ.

Если-бы этихъ юношей подслушалъ кто-либо для нихъ незримый, и этотъ подслушанный оказался человѣкомъ толковымъ и умѣющимъ дѣлать умозаключенія, онъ извлекъ-бы изъ всей дребедени и разнохарактерности юношескихъ мнѣній одну, всѣмъ имъ общую, весьма печальную черту. Ни одинъ изъ юношей даже въ намекъ, даже въ возможности, не представлялъ себѣ своей будущей судьбы — зависящую отъ него самого. Ни одинъ изъ толковавшихъ и не думалъ начать съ себя, съ запаса своихъ знаній, своей энергіи, своихъ силъ. Всѣ они рѣшительно и безъ исключенія думали начать съ того, что открыто рассчитывали на кого-нибудь, на что-нибудь, на родственника, на деньги, на случай, на знакомства. Ни одинъ изъ нихъ не вспоминалъ о своемъ собственномъ «я», о томъ, чего онъ стоитъ, къ чему онъ пригоденъ, на что имѣетъ право, какой запасъ силъ несетъ онъ въ себѣ на торжище жизни.

Одинъ изъ присутствовавшихъ, постарше другихъ, Семезовъ, Анатолій Николаевичъ, сидѣвшій, опираясь спиною на столбикъ бесѣдки, на ея перилахъ, говорилъ мѣтѣ прочихъ и ушаченно курилъ папироску за папироскою. Онъ долго и упорно не вѣшивался въ разговоръ, шедшій вокругъ него, и только прислушивался.

— Нѣтъ, братъ, Мищенко, — говорилъ красноречивый Неплюевъ своему сосѣду, — ты не

правъ, выбирая министерство иностранныхъ дѣлъ; тамъ, братъ, или родовитость, или деньги, а у насъ съ тобою ни того, ни другого.

— У Семезова тоже ни того, ни другого, одноко идти-же туда, — возразилъ Мищенко красноречивому Неплюеву.

— У него, навѣрно, есть что либо въ видѣ заручки. Плещеть хорошо.

— Канканеръ! — подхватилъ кто-то. — Помните, господа, Каменный островъ, въ прошломъ юнѣ?

— Да, да, какъ не помнить! И канканомъ можно карьеру сдѣлать, — добавилъ Мищенко.

— Онъ изъ себя самого пойдетъ какъ пальма, ему протекціи не надо; развѣ канканъ не талантъ? А анекдотцы? У него уйма анекдотцевъ, за нихъ деньги платятъ!

— Да, мастеръ, нечего сказать, и память у него чертовская.

— Ну, вотъ, поди-же, — проговорилъ Неплюевъ, — на исторію или законовѣдніе — никакой памяти, а на анекдотцы — Меццофанти да и только...

— Ну, а ты, Глѣбовъ, — спросилъ Мищенко, — все еще не рѣшилъ?

— Нѣтъ.

— Я-бы тебѣ совѣтъ дать: ступай по синодальной службѣ, добро, богомолость всегда была.

Общій хохотъ послужилъ отбѣтомъ на эту выходку.

— Ну, васъ! — возразилъ Глѣбовъ, — старыя шутки: семь лѣтъ ихъ слушать, надоѣло. Я думаю по землѣ понапривитъ.

— Ну, это не лучше. А развѣ есть рука какая-нибудь?

— Есть.

— Кто-же?

— Жена управляющаго нѣкими графскими имѣніями на Уралѣ Пшеничными заводами. Она сестра Гастунова, директора департамента.

— И молодая?

— Ха, ха, ха! — раздалось снова по сторонамъ.

— А что-же вы, господа, шутите съ синодальнымъ вѣдомствомъ. Туда нашего брата мало идти, сразу виднымъ человѣкомъ становишься, — замѣтилъ Мищенко.

— Ну, это едва-ли къ лицу нашему брату; тамъ семинарскіе кишми кипятъ.

— Своихъ, поди, тоже тянутъ.

— Да вѣдь это и во французской республикѣ тоже самое.

— *Potius sum et nihil humanum a me alienum puto*, — неожиданно для всѣхъ процѣдилъ Семезовъ.

— Это что-же такое? — проговорилъ Неплюевъ, — переводи.

— Или забылъ латынь? Рано, братецъ! — сказалъ Семезовъ.

— Да, я обязанностью своею сочту забыть все здѣшнее, — отвѣтилъ Неплюевъ, отплеываясь.

— И насъ забудешь?

— Ну, не всѣхъ, конечно.

Послѣдовало недолгое молчаніе. Семезовъ сопелъ съ перилъ, потянулся, зѣвнулъ и заговорилъ:

— Дѣти, вы дѣти! Все у васъ бабушки, ворожачія, да тетушки, да дядюшки. — Это все дѣло перемѣнчивое, непрочное! Женитьба, хорошая женитьба, вотъ что неизмѣнно.

— Какъ, сейчасъ, на первыхъ порахъ — возразилъ Мищенко.

— Да хотя-бы и на первыхъ. Взять эта-

кую барышню, или вдовушку съ капиталомъ...

— Кривую, старуху?

— Ну, зачѣмъ такъ, можно и не кривую. Вотъ это обезпеченіе, настоящее обезпеченіе. Взять надо такую, чтобы и денежки были, и родство имѣлось.

— Хорошо, что ты рожей выпелъ! — сказалъ рыжеволосый; — херувимчикъ вербный!

— Ну, да! — отвѣтилъ Семезовъ. — А развѣ это не капиталъ?

— И какой еще! — поддержалъ его Неплюевъ.

— Конечно, и до женитьбы надо постараться устроиться. — продолжалъ Семезовъ, развивая свою мысль. — Можно и должно стараться устроиться службою, но лучше хорошей женитьбы все-таки ничего нѣтъ.

— Продать себя?

— Зачѣмъ продать? На обмѣнъ пойти, вотъ и все. Что-же, развѣ, въ самомъ дѣлѣ, наружность людская такъ ужъ ничего и не стоитъ.

— Эхъ, ты, козуля, козуля! — отвѣтилъ Мищенко. — Какими ты сегодня духами опрыскаешь?

Несомнѣнно, что Семезовъ прыскался духами и мылся какимъ-то особенно благоуханнымъ мыломъ. Не омынно, что онъ былъ и красивъ, и строенъ, и находчивъ. Ранніе лавры побѣдителя украшали его на многихъ домашнихъ спектакляхъ, пикникахъ, въ живыхъ картинахъ и, въ особенности, на литературно-музыкальныхъ вечерахъ, которыхъ онъ былъ ловкимъ устроителемъ и на которыхъ участвовалъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

Разговоръ юношей, видимо, изсякалъ. Къ этому времени садъ началъ пустѣть, потому что время приближалось къ обѣду. Попарно вышли собесѣдники изъ бесѣдки; Семезовъ шелъ одинъ, позади всѣхъ и съелъ своею обязанностию дать подзатыльникъ двумъ мажорамъ, случайно и неосторожно подошедшимъ слишкомъ близко къ аллеѣ, принадлежавшей старшему классу.

Утомилось, повидимому, и майское солнце выслушивать белиберду, раздававшуюся въ бесѣдкѣ; оно быстро заволокло тучами, и теплый весенній дождь сталъ накрапывать по опустѣвшему саду грузными, редкими каплями.

II.

Прошло, безъ малаго, около десяти лѣтъ. Разбрелись по всѣмъ концамъ Россіи прежніе тозарины; кто умеръ, кто сбился съ толку, кто, благодаря случаю, сумѣлъ найти себя и дать лучший плодъ, чѣмъ предвѣщать цвѣтокъ. Семезовъ болѣе и чаще другихъ мѣнялъ свою дорогу; побывалъ онъ въ разныхъ вѣдомствахъ, былъ даже, временно, анонимнымъ предпринимателемъ одного неудавшагося увеселительнаго сада; послѣ этой неудачи бросился онъ совсемъ въ другую сторону и находился полгода въ отставкѣ, рассчитывая попасть на хорошее мѣсто по добровольному флоту, но нигдѣ ему не сидѣлось. Только теперь, когда миновать третій десятокъ лѣтъ, когда отъ прежней свѣжести и кривокъ лица, отъ стройности и крѣпости сложенія осталось немного, приближался онъ, наконецъ, къ давно облюбованной имъ цѣли и сталъ женихомъ нѣкоей барышни Полины Петровны Клѣтвой.

Въ усадьбѣ Петра Петровича Клѣтова, отстоявшей отъ Петербурга, по желѣзной дорогѣ, ровно въ четырехъ часахъ ѣзды, собралось довольно большое общество.

РИСОВАЛЪ ПРОФЕССОРЪ А. І. ШАРЛЕМАНЪ.
Гравировалъ на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. Алтъ.

Св. Іоаннъ Креститель.

РИСОВАЛЪ ХУДОЖНИКЪ И. ВОДЗИНСКІЙ.
Гравировалъ на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. А. Д. Т.

Съ новымъ годомъ!

Собралось оно, по взаимному соглашенію, смотрѣть на солнечное затмѣніе.

Календарь гласилъ, что затмѣніе начнется такого-то числа ровно въ часъ пополудни и будетъ почти-что полное.

Осень на дворѣ стояла прелестная, совсѣмъ даже не походила на осень. Правда, мелкій кустарникъ и береза сильно пожелтѣли и на половину обнажились, но за то дубки и липы остались въ нетронутой почти зелени.

Утренники еще не сожгли георгинъ, а астры находились въ полномъ блескѣ и пестрѣли на куртинахъ передъ домомъ Петра Петровича.

Петру Петровичу было далеко за пятьдесятъ. Осень его жизни была тоже самая свѣтлая, тихая. Никогда ничѣмъ не увлекавшійся, кромѣ вещей самыхъ невинныхъ, наиримѣръ, собственноручнымъ производствомъ наливокъ, онъ, никогда, нигдѣ, ни въ чемъ не искалъ новыхъ путей въ жизни, и жизнь, за это, наградила его: крайне здоровый, спокойный нѣзль, почти полный комплектъ волосъ и зубовъ, очень обезпеченное состояніе, пріятный кругъ знакомыхъ... и жена Марья Антоновна!

Не умирать, да и только!

Лучшимъ брилліантомъ въ коллекціи жизненныхъ благъ Петра Петровича была эта его жена, Марья Антоновна; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему.

Ей было сорокъ пять лѣтъ отъ роду. Петръ Петровичъ былъ ея вторымъ мужемъ, и супружеское счастье ихъ длилось уже около семнадцати лѣтъ.

Смоланка по воспитанію, Марья Антоновна двигалась по жизни чрезвычайно нестрою дороною. Очень скоро по оставленіи института, рѣшилась она выйти замужъ за нѣкоего Чванева, молодого нотаріуса, находившагося съ ней въ сѣбствѣ. Съ этого думала она начать: ей хотѣлось прежде всего стать женщиною.

Извѣстно, что микроскопы и телескопы обладаютъ только извѣстною силою, далѣе которой они становятся, такъ сказать, ничѣмъ. Ничѣмъ, съ фактической стороны, становится и изслѣдованіе судьбы Марьи Антоновны до этого брака ея.

Но по наведенію, по заключенію гипотетическому, несомнѣнно, что что-либо особенное должно было совершиться въ жизни ея и ранѣе этого, т. е., до этой свадьбы, — иначе она не была-бы Марією Антоновною; но сила нашего изслѣдованія далѣе этого не идетъ. За то необычайно ярко выступаетъ личность ея тутъ-же, на первомъ шагу, въ самомъ способѣ ея замужества.

Скоро вѣдѣ за выходомъ изъ института, въ самый день смерти ея вѣтима, т. е. мужа матери, за двадцать слишкомъ лѣтъ до нашего разсказа, произошла слѣдующая сцена.

Покройника отнима только что обмыли, положили на столъ и покрыли простынею.

Надъ остывающимъ тѣломъ, въ комнатѣ съ онущенными шторами и завѣшенными зеркалами, стоятъ два лица: Марья Антоновна—невѣста Чванева, въ полномъ блескѣ красоты и молодости, и графъ Федоръ Васильевичъ Баннъ, молодой человѣкъ, очень красивый, съ блестящимъ положеніемъ въ обществѣ, уже женатый.

Этотъ графъ Федоръ Васильевичъ относился къ числу тѣхъ знакомыхъ въ домѣ только-что умершаго, которые появились въ немъ только со времени выхода изъ Смольнаго Марьи Антоновны. Дѣвушка замѣтила его давно и дала ему замѣтить это, несмотря

на то, что онъ уже былъ женатъ. Казалось-бы: зачѣмъ?

— Посмотрите, графъ, на покойника, на вѣтима, — сказала ему Марья Антоновна быстро отдернувъ съ тѣла простыню.

Покройникъ былъ изъ той помѣи расъ, которая встрѣчается у насъ часто; больше всего сказывался въ немъ типъ жидка: темная, клинообразная бородка торчала надъ небольшимъ образкомъ, положеннымъ на грудь.

— Онъ совсѣмъ не измѣнился, — замѣтилъ графъ.

— Измѣнился мало, это правда... Скажу вамъ, по дружбѣ, я не недовольна тѣмъ, что онъ умеръ.

— Почему же?

— Онъ былъ слишкомъ предприимчивъ.

— А вамъ-то что до этого, mademoiselle Marie?

— Онъ и мнѣ надоѣдалъ!

— Что вы? — быстро спросилъ удивленный и даже немного смущенный графъ.

Дѣвушка въ это время тихою натула простыню на лицо покойника, оправивъ ее и продолжала такъ:

— Что? Удивлены? Я удивлю васъ еще больше. Вы знаете, что я выхожу замужъ?

— Конечно, знаю.

— А знаете-ли вы, зачѣмъ я выхожу замужъ?

— Какъ зачѣмъ?

— Да, зачѣмъ? — я вамъ, такъ и быть, объясню. Развѣ вы шутили, посѣщая меня въ Смольномъ? Развѣ то, что говорилось нами другъ другу, говорится на вѣтеръ? Когда я узнала о вашей женитбѣ и мое замужество, какое-бы то ни было замужество, было тоже рѣшено... И, графъ, выхожу замужъ для васъ...

И mademoiselle Marie, будущая Марья Антоновна, обойдя уголь стола, на которомъ лежалъ умершій, не дожидаясь отвѣта, протянула графу обѣ руки...

Кровь бросилась въ голову молодого графа, въ вискахъ застучало, въ глазахъ потемнѣло; онъ не помнилъ себя отъ чувства какого-то сладкаго одурѣнія...

Такія пьяныя минуты, какъ та, которая переживалъ графъ, возможны только въ самой ранней юности; онѣ даются не всякому, и требуютъ значительныхъ задатковъ самыхъ разнообразныхъ, начиная отъ непремѣннаго участія физической красоты: между уродами подобная сцена не мыслима, — и до присутствія въ сильной степени развращенности, въ организахъ еще неразрушенныхъ...

Это послѣднее условіе, т. е. нахожденіе въ одномъ и томъ же человѣкѣ сильной степени развращенности и еще нетронутого здоровья, не могутъ не быть чрезвычайно краткосрочнымъ въ жизни, такъ какъ быстрое условіе это состоитъ изъ элементовъ саморазрушенія...

Особенная пьяность присуща такимъ минутамъ оттого, что онѣ возможны только въ самой ранней юности. Жизнь еще неизвѣстна; жизнь еще только начинается; жизнь вся еще вперед! Если, думается юношѣ, посѣщенному такою минутою, жизнь на первыхъ же шагахъ способна породить такія великолѣнія, не чуждыя фантастики и сказочности, то что же дастъ она вперед! Впередъ, впередъ... сломя голову... безъ оглядки... безъ раздумья...

Но это «впередъ» несетъ съ собою, несомнѣнно, разочарованіе. Взявъ самыя высокія

ноты свои, жизнь обрываетъ струны и не даетъ и половины того, что обѣщала...

Не дала она обѣщаннаго и графу Федору Васильевичу.

Спустя полгода вѣдѣ за описанною сценою, mademoiselle Marie сдѣлалась дѣйствительно госпожею Чваневою, — Марією Антоновною.

Мужъ ея, нотаріусъ, не замедлилъ, конечно, понять не особенно тщательно скрываемую отъ него тайну. Онъ думалъ задо-бритъ жену деньгами, обстановкою. Нотаріальныя дѣла представляли значительныя удобства для неправильныхъ получекъ, для совершенія даже уголовныхъ преступленій съ торыстными цѣлями... Эти преступленія были совершены; пришлось, до открытія ихъ, бросить дѣло и, по-добру, по-здорову, уѣхать...

Уѣхалъ, конечно, Чваневъ одинъ, и соломенная вдова его зажила припѣваючи. Эти пѣсенки ея, вскружившія все бытіе нотаріуса Чванева, отражались печально и въ семьѣ графа Банна. Состояніе его тоже видимо таяло, такъ какъ онъ жилъ роскошно, на два дома; пришлось обращаться къ займамъ. Деньги нужны были какъ графу, такъ и Марьѣ Антоновнѣ, и тогда незамедлила установиться новая связь ея съ очень богатымъ маклеромъ.

Отставлены-ли были графъ? Отошелъ-ли онъ самъ?

Нѣтъ! Онъ не былъ и не могъ быть отставленнымъ и самъ не отошелъ по многимъ причинамъ. И вотъ, сложилась непривлекательная картинка сожителства «à trois», при несомнѣнномъ значеніи каждымъ изъ этихъ трехъ лицъ дѣйствительнаго положенія дѣла.

Легкая, совершенно искусственная дымка, ни для кого не тайна, — окутывала эти отношенія.

Для Марьи Антоновны, графъ былъ и оставался первою ея привязанностію, живымъ свидѣтелемъ лучшихъ дней, прожитыхъ вмѣстѣ; — прямою связью ея съ аристократическимъ міромъ, всегда ей нравившимся.

Для графа Марья Антоновна была, какъ оказалось, физиологическою потребностію, привычкою; она оставалась, безспорно, весьма замѣтною женщиною Петербурга; кромѣ того, маклеръ-биржевикъ отводилъ глаза графинѣ Банной, которую легко можно было увѣрить въ томъ, что связь Марьи Антоновны съ нимъ яко-бы освободила графа, или скоро освободитъ графа. Бѣдная графиня вѣрила.

Для биржевого маклера и графъ, и Марья Антоновна являлись какъ-бы «облагораживаніемъ» его плебейскаго происхожденія. Пораженный раннею чахоткою, молодой маклеръ пилъ жизнь полною чашею, не стѣнясь, точно торопясь и совсѣмъ неразборчиво.

Затѣмъ весьма быстро, но совсѣмъ не неожиданно, — слѣдуютъ три смерти: умираетъ графиня Банна, умираетъ обѣжавшій мужъ Марьи Антоновны Чваневъ и, почти одновременно съ нимъ — маклеръ. Чего же лучше? Весь горизонтъ очистился. Къ несчастію, Марья Антоновна беременна...

Дѣло, для нея, въ томъ, чтобы воспользоваться этою беременностію.

Казалось-бы, чего-же лучше: графъ Федоръ Васильевичъ вдовъ и свободенъ; но Марья Антоновна не-промахъ. Графъ Баннъ прогорѣлъ и ничего, кромѣ титула, дать ей не можетъ; она ему тоже не находка: потому что ему легко продать себя дороже; ждать

нельзя, потому что ребенок не ждет. И тогда-то, послѣ долгихъ соображеній и взаимныхъ условій, исполняется, совершенно какъ на сценѣ, прекрасно сти равшимися актерами, чудеснѣйшій «tout de force»!

Въ числѣ вѣдыхъ елей и почитателей Марьи Антоновны уже давнымъ давно значился пѣкто Петръ Петровичъ Клѣтовъ, румяный, здоровенный. Клѣтовъ, уже много лѣтъ тому назадъ, сказалъ Марьѣ Антоновнѣ, еще тогда, когда она была Чваневою, слѣдующую фразу:—«Милая моя, неоцѣненная барынька!—всякія вамъ дѣлаюте предложенія, я это знаю; но я вамъ, все-таки,—и свое сдѣлаю; когда вамъ довольно будетъ,—а вамъ будетъ когда-нибудь довольно,—выходите-ка за меня замужъ!»

Эта фраза, сказанная много лѣтъ до солнечнаго затмѣнія, даромъ не пропала...—Какъ только пришло извѣстіе о смерти Чванева, вдова его, въ черномъ платьѣ, по безъ пенлу на волосахъ, заплаканная, является къ Петру Петровичу, на второмъ мѣсяцѣ своей беременности, и говоритъ:

—Такъ и такъ, вотъ въ чемъ дѣло! Стыдно мнѣ, неоправимо, смотрите!—Я беременна! Дайте мнѣ возможность, незамѣтно для всѣхъ, скрыться въ вашу усадьбу. Пройдетъ семь мѣсяцевъ,—я освобожу васъ отъ своей особы! Спасите!...

Два, а не семь мѣсяцевъ спустя, Марья Антоновна была уже госпожею Клѣтовою, а рождавшаяся на свѣтъ дѣвочка, нареченная Полиною, росла не по днямъ, а по часамъ и слагалась въ весьма посредственную, повидимому, барышню.

По мѣрѣ того, какъ удавались Марьѣ Антоновнѣ самыя дерзкія предпріятія, и она не могла не видѣть успѣховъ своей эквилибристики, становилась она все болѣе самоувѣренною, спокойною, гордою...

—Теперь мнѣ въ жизни дороже всего спокойствіе,—говорила она:—я теперь—въ такой тихой пристани; я такъ довольна своимъ положеніемъ; я такъ увѣрена, что застрахована отъ всякихъ сюрпризовъ, что у меня теперь одно только желаніе—это хорошо выдать замужъ Полину. И я выдамъ ее...

Ко времени нашего разказа Полинѣ семнадцать лѣтъ, и Петръ Петровичъ въ ней души не слышитъ. Лучшимъ другомъ дома ихъ, вполнѣ по праву, считается графъ Оедоръ Васильевичъ.

Какъ по маслу идетъ желаніе Марьи Антоновны къ исполненію. Петръ Петровичъ вовсе не прочь отъ брака Полины, потому что предполагаемый женихъ, Анатолий Николаевичъ Семезовъ, ему нравится. Семезову около тридцати лѣтъ; повидимому, у него есть кое-какія средства; онъ образованъ, недурень собою, а главное: его очень любитъ графъ Банинъ, который, не сегодня—завтра все-таки займетъ одинъ изъ самыхъ выдающихся постовъ въ нашей администраціи. Хотя Петру Петровичу Клѣтову отъ этого повышенія графа не будетъ ни тепло, ни холодно, но онъ далеко не прочь считать себя въ числѣ его приближенныхъ: онъ тоже, какъ-будто, непременно вырастетъ.

Эта черта совершенно безмысленнаго, безцѣльнаго прислуживанія «son amog», наша русская черта, несомнѣнно некрасивая; но у насъ она часто встрѣчается. Люди вполнѣ свободные сами лѣзутъ въ то или другое ярмо, въ ту или эту зависимость; будто имъ стоять на своихъ собственныхъ ногахъ и скучно, и неловко, и даже стыдно. Это какіе-то мягкотѣлые, сознающіе, что единственное средство по-

чувать въ себѣ нѣчто вродѣ скелета и соприслѣзаться къ лику позвоночныхъ—состоятъ въ томъ, чтобы такъ или иначе, коснуться администраціи и ея известковыхъ отложеній хотя-бы простымъ знакомствомъ съ администраторомъ. Эти люди гнутся, мнутся, калѣчатся, и все это, буквально, ни за что, съ полнымъ самоабвеніемъ, иногда даже съ нѣкоторыми жертвами! Вѣдь не могъ-же графъ Банинъ, еслибы онъ изъ кожи лѣзъ, дать Петру Петровичу чинъ, хотя-бы статскаго совѣтника. Клѣтовъ никогда не служилъ и даже коллежскимъ регистраторомъ не былъ. Не нужна была Петру Петровичу протекція графа для родныхъ своихъ,—у него не было родныхъ; не искалъ онъ помощи въ дѣлахъ,—у него не было дѣлъ! Единственнымъ объясненіемъ было желаніе угождать Марьѣ Антоновнѣ, не лишиться заручки сильнаго человѣка и не уменьшиться значенія своихъ «пятницъ», посѣщавшихся издавна даже дипломатами.

Зачѣмъ ему заручка? Зачѣмъ Петру Петровичу дипломаты?

И былъ Петръ Петровичъ съ графомъ Банинымъ чрезвычайно ласковъ и очень былъ онъ радъ оказывать всевозможное содѣйствіе Семезову, любимцу графа, въ его видахъ на Полину.

А что-же говорила, что думала Полина?

К. Случевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* *

Все, чѣмъ судьба волновала мятежная,
Все, чѣмъ безумное сердце наказано,
Все, что мечтою моею недосказано,—
Все—отдано тебѣ, милая, нѣжная!

* *

Пусть не отравлена ядомъ сомнѣнія,
Ты доцѣптася съ любовью согласною,—
Въ мірѣ печальномъ для добраго генія
Жизнь уготовить дорогу прекрасную.

* *

Мнѣ-же, у блону, жизнью разбитому,
Мало цвѣтовъ между терній допалоса;
Дума темнелася, сердце терзалоса,—
Вѣчно рвалосъ къ божеству позабытому.

* *

Другъ, не печалься моею кончиною,—
Отдыхомъ сладкимъ могила повѣяла...
Все, что тяжелая память навѣяла,—
Свѣшъ, какъ грезу, елевою единою.

* *

Все-же, что снилось мнѣ жизнью туманною,
Все, чѣмъ безумное сердце наказано,
Все, что въ заботахъ земныхъ недосказано,—
Все отдаю я съ торжкою покаянною...

Б. Фофановъ.

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

(изъ разказовъ моей бабушки)

—2—

Мой докторъ (мужъ бабушки) идеально относился къ жизни и ко мнѣ и былъ честнѣйшихъ правъ чело-вѣкъ, но его научныя и другія убѣжденія сложились въ эпоху процвѣта-

нія у насъ матеріализма. Какъ-то, впрочемъ, и странно было-бы, еслибы докторъ не былъ матеріалистомъ. Однако-же, зная мою наклонность къ таинственному, онъ отъ времени до времени самъ рассказывалъ мнѣ что-нибудь такое, отъ чего у меня сильно билось сердце и я невольно искала его руки и сжимала ее. Конечно, онъ не сочинялъ, онъ на это былъ не способенъ.

Однажды онъ былъ приглашенъ къ своему другу; тотъ умиралъ. Онъ присутствовалъ при его кончинѣ, самъ плакалъ, слыша слезы осиротѣвшихъ и все это крайне его взволновало. Когда покойника обмыли и положили на столъ, мужъ хотѣлъ уходить, но вдова, отозвавъ его въ другую комнату, подала ему какую-то бумагу. Онъ развернулъ ее, прочиталъ; покойный другъ назначилъ его своимъ душеприказчикомъ. Это его еще болѣе связало съ домомъ. По настоятельной просьбѣ дѣтей покойнаго и самой вдовы, онъ рѣшилъ провести ночь въ этомъ домѣ. Легъ онъ въ сосѣдней съ покойникомъ комнатѣ, еще недавно служившей тому кабинетомъ. Было это въ концѣ весны. Онъ занеръ дверь отъ покойника, откуда проникалъ тяжелый ароматъ орхидей, нарциссовъ и розъ вмѣстѣ съ трупнымъ запахомъ, и отворилъ форточку. Надъ широкой отоманкой, на которой была постлана для него постель, висѣла огромная картина, изображавшая покойнаго вмѣстѣ съ женой и дѣтьми. Писалъ ее знаменитый художникъ. Рама отвѣчала картинѣ, она была широка и вѣсила, по крайней мѣрѣ, нудовъ десять.

Докторъ никакъ не могъ заснуть. Весь домъ уже покоился тяжелымъ сномъ, задремалъ даже дѣвочка, читавшій псалтырь. Такая была тишина, что слышно было, какъ капаетъ вода изъ миски со льдомъ, поставленной подъ столонъ, на которомъ лежалъ покойникъ.

Какъ ни старался докторъ забыться, не могъ. Въ глаза точно песку кто насыпалъ, ему больно было сомкнуть вѣки, а между тѣмъ въ головѣ шумѣла кровь и усталость брала свое. Это была безсонница, да оно и понятно: трудно заснуть, когда рядомъ, за перегородкою, лежитъ трупъ близкаго чело-вѣка. Такъ прошло нѣсколько минутъ, хотя мужу показалось, что прошли цѣлые часы; въ безсонницу время растягивается. Вдругъ онъ слышитъ, какъ надъ нимъ что-то шумно пронеслось и стало жужжать, какъ веретело, пущенное привычными пальцами пряжи. Нервы его были напряжены, онъ вскочилъ и зажгъ свѣчу, желая узнать, что означаетъ шумъ. Оказалось, что въ открытую форточку влетѣла большая бабочка, называющаяся мертвою головой. Сообразивъ, что съ этой мертвой головой еще труднѣе заснуть, потому что она ведетъ себя крайне безпокойно, мужъ всталъ съ отоманки и началъ ловить бабочку. Онъ очень скоро поймалъ ее на окнѣ, взявъ въ руки, и нѣкоторое время она просидѣла у него на ладони. Онъ занялся ею и хотѣлъ ее, наконецъ, выпустить, какъ за его спиной раздавался трескъ. Семейный портретъ сорвался съ гвоздя и упалъ на отоманку, острымъ угломъ прорвавъ подушку,—такъ страшно было паденіе. Мертвая голова взмахнула крыльями и улетѣла въ форточку.

Мужъ избавился отъ везанной гибели, только благодаря случайности. Ничего не можетъ быть естественнѣе случайности, но однако-же въ каждой случайности, на мой взглядъ, заключается что-то таинственное. Я долго спорила съ мужемъ. Въ отвѣтъ онъ го-

ЗИМА.

Все бѣлымъ саваномъ одѣто,
Селенье спитъ тяжелымъ сномъ,—
Порой полозья скрипнутъ гдѣ-то
И снова смолкнетъ все кругомъ...

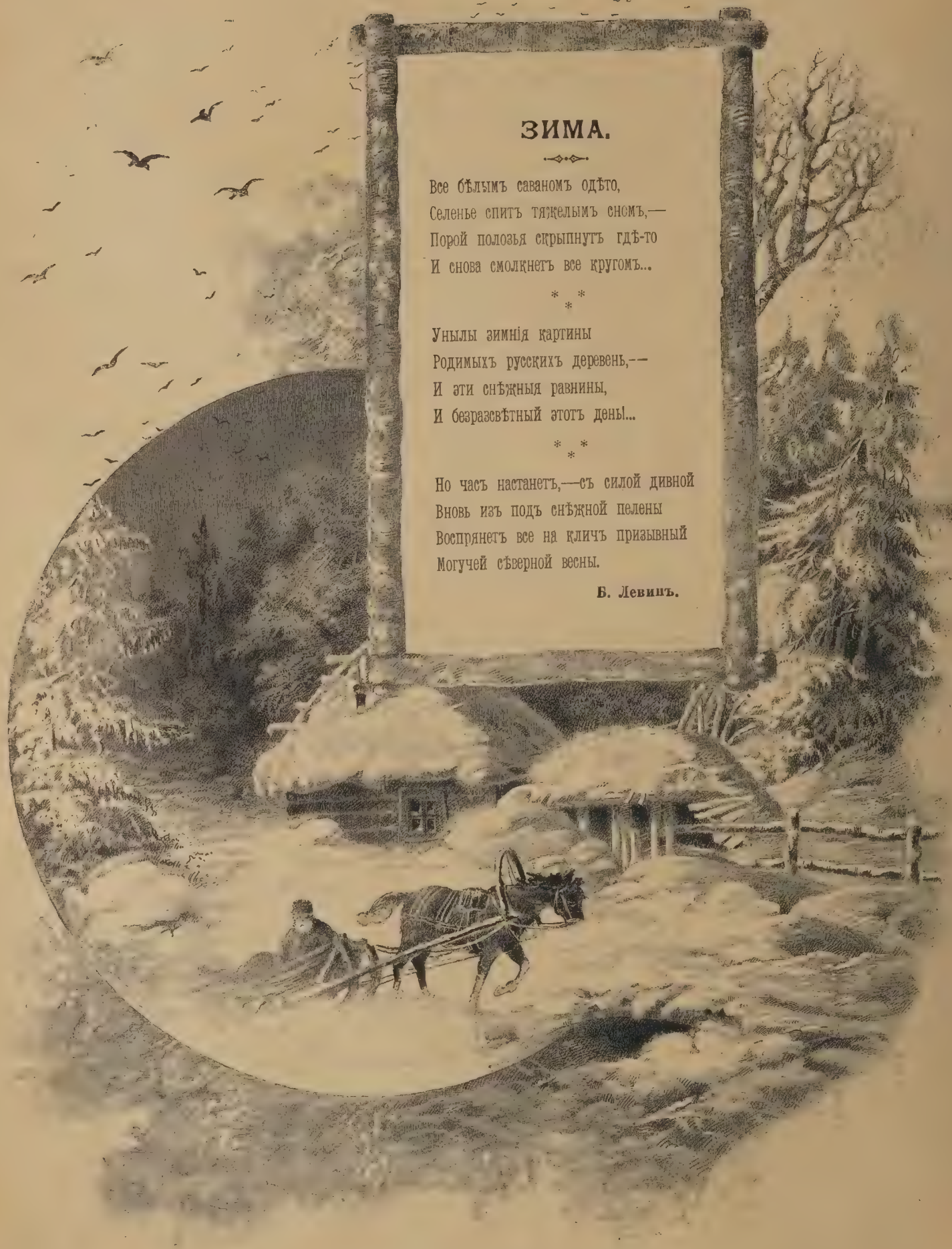
* * *

Унылы зимнія картины
Родимыхъ русскихъ деревень,—
И эти снѣжныя равнины,
И безразсвѣтный этотъ день...

* * *

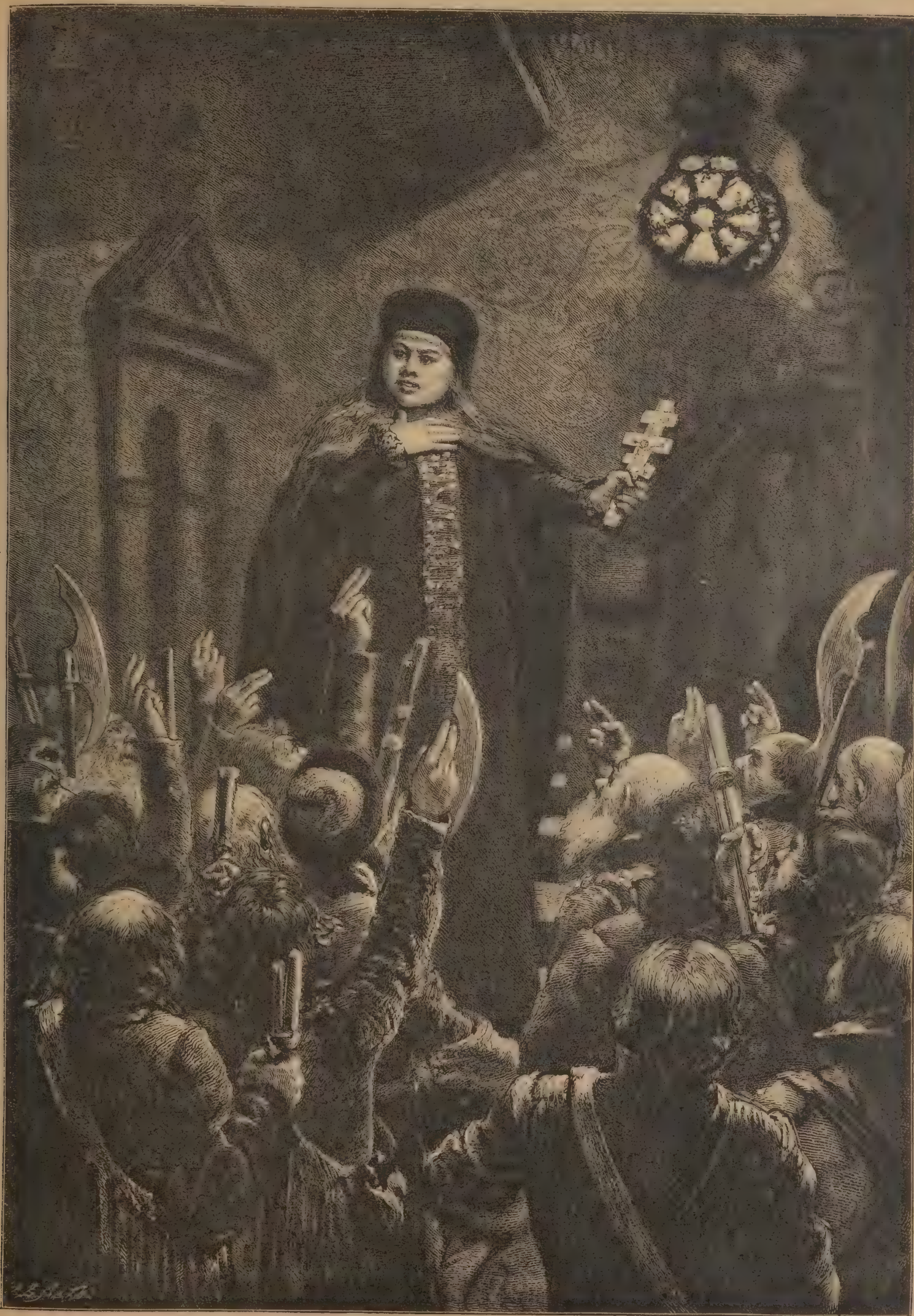
Но часъ настанетъ,—съ силой дивной
Вновь изъ подъ снѣжной пелены
Воспрянетъ все на кличъ призывный
Могучей сѣверной весны.

В. Левинъ.

Рисоваль художникъ К. Кошелевъ.

СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА И. Е. РѢПИНА.
Графироваль на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. А д т ъ.

Царевна Софія и стрѣльцы.

горилъ, что бываютъ счастливыя случайности и несчастныя, это была счастливая случайность,—вотъ и все.

На другой день ему пришлось много хлопотать по устройству дѣлъ осиротѣвшей семьи. Его спросили, зачѣмъ онъ снялъ картину. Когда-же онъ указалъ на то, что очень трудно поднять десяти-пудовую тяжесть, и объяснилъ, какъ все произошло, мальчикъ, слушавшій его, вскричалъ:

— Я всегда думалъ, что души мертвецовъ принимаютъ видъ ночныхъ бабочекъ. Къ вамъ прилетала и васъ предупредила душа нашего отца.

1. Яснскій (Максимъ Бѣлискій).

ПРЕСТУПНИКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

ВѢТРАЯ, холодная почъ...
Бушуетъ вѣтеръ, несутся цѣлыя облака снѣжной пыли, засыпая желѣзнодорожный путь и стоящую возлѣ него сторожку, всю уже и безъ того покрытую острыми ледяными сосульками. Ураганъ не знаетъ предѣла ярости. Онъ свирѣпѣетъ съ каждымъ часомъ, словно хочетъ все разрушить, стереть съ лица земли, показать свое могущество и силу!..

Въ маленькой сторожкѣ, гдѣ живетъ дядя Никитичъ, мрачно и холодно. Рѣзкій, порывистый вѣтеръ проникаетъ въ плохо затворяющееся окно, въ щели досокъ, поминутно задуваетъ керосиновую лампочку, висящую на стѣнѣ, словомъ очень безпокоитъ Никитича, сѣвшаго было къ столу, попить чайку.

— Вишь разбушевался, чтобъ-те пусто было,—ворчитъ онъ, зажигая зеленый, сигнальный фонарикъ,—холоду сколько нагналъ!.. А тутъ еще изволь къ поѣзду выходить... Собакѣ, и той жить легче!..—Сильный порывъ вѣтра заглушаетъ его слова. Оконныя рамы дрожатъ; въ трубѣ непообразимый шумъ...

— Сколько глупости у людей, какъ я посмотрю!—продолжаетъ онъ вслухъ высказывать свои мысли,—вѣдь выдумали фонари поѣзду показывать!.. Ничего по этимъ огнямъ не узнаешь! Нешто могу я знать, исправенъ ли путь, когда такая вьюга. Просто причуда одна и больше ничего!..

Онъ долго еще говоритъ самъ съ собой; удивляется людской недалекости, жалуется на свою непривлекательную, пустую жизнь. Обыкновенно эти разговоры, въ долгіе зимніе вечера, ведутся съ его племянникомъ, молодымъ, здоровымъ парнемъ, живущимъ въ селѣ, за три версты отсюда. Онъ очень часто приходитъ къ Никитичу, поболтать о разныхъ разностяхъ, принося ему, кстати, необходимую провизію.

Сегодня, вѣроятно, испугавшись начинающейся метели, онъ не пришелъ, и сторожъ скучаетъ, не имѣя компаніона для разговора.

— Хотѣлъ бы поѣздъ скорѣй шель, все веселѣй было-бы!—говоритъ онъ, внимательно прислушиваясь,—пожалуй, за шумомъ и свистка не услышишь... Ну, погодка, прости Господи!..

Никитичъ, вообще, терпѣть не можетъ зимы, съ ея постоянными морозами и вьюгами. То-ли дѣло лѣто! Громадное поле покрыто густой, сочной травой; воздухъ легкій, прозрачный, весь налитый ароматомъ цвѣтовъ; весело поютъ птицы; все живетъ и радуется!..

...Черезъ нѣсколько времени, несмотря на шумъ вѣтра, слышится протяжный свистъ под-

ходящаго поѣзда. Вдали мелькаютъ огоньки... Они то потухаютъ, то вновь ярко загораются, дѣлаясь все больше и больше.

— Слава Богу, идетъ,—радуется Никитичъ и, взявъ со стола зеленый фонарикъ, выходитъ изъ сторожки.

Поѣздъ все ближе и ближе... Грохотъ усиливается, сливаясь съ шумомъ урагана. Еще секунда, и мимо будки быстро мелькаютъ одишъ за другимъ освѣщенные вагоны. Потомъ все исчезаетъ... Видѣтъ только красный фонарь, да и тотъ скоро скрывается во мракѣ ночи.

Снова непроходимая темнота, наводящая тоску и уныніе на сторожа... Дѣлать ему больше нечего, а спать еще не хочется, не смотря на усталость; слишкомъ скверно на душѣ!.. Вдругъ до его слуха долетаетъ какой-то слабый стонъ... потомъ другой... третій... Онъ невольно вздрагиваетъ, пугается.

— Что это!? Кто здѣсь шатается въ такую пору! Ужъ не случилось-ли что нибудь!.. Пойти посмотрѣть!

Онъ выходитъ на полотно, освѣщая его насколько возможно фонарикомъ и на шпалахъ, занесенныхъ снѣгомъ, видитъ слѣды крови, не успѣвшей еще застыть!.. Немного дальше, около пути лежитъ какая-то безформенная масса; отсюда и доносится тихіе, надрывающіе душу стоны.

Никитичъ подходитъ ближе и отъ испуга чуть не роняетъ фонарь!..

Измурованный человѣкъ, съ раздробленными ногами, валяется на снѣгу, обливаясь кровью; полшубокъ на немъ разорванъ въ клочья; мѣховая шапка отброшена на нѣсколько шаговъ въ сторону. Онъ еще живъ и видимо испытываетъ страшныя невыносимыя мученія. Лицо блѣдно, какъ полотно, губы судорожно сжаты, глаза дико блуждаютъ. Несчастный даже не потерялъ сознанія, такъ какъ, увидя сторожа, пытается что-то сказать, беззвучно шевеля побѣлѣвшими губами.

— Лежи, лежи,—машетъ тотъ на него рукой,—куда тебѣ говорить! Потерни малость, сейчасъ стану тебя къ себѣ!.. Что?.. Ну ладно, послѣ скажешь!.. Съ громаднымъ усилиемъ; держа въ одной рукѣ фонарь, онъ кое-какъ дотаскиваетъ его до сторожки и кладетъ на самодѣльную кровать изъ досокъ, закрывая старымъ одеяломъ.

— Чѣмъ-же тебѣ помочь, горемычный человѣкъ,—съ участіемъ спрашиваетъ Никитичъ, видя, что страданія увеличиваются съ каждой минутой,—что съ тобой дѣлать?..

— Не надо... ничего... хриплымъ, задыхающимся голосомъ говоритъ бѣдняга, съ величайшимъ трудомъ произнося каждое слово,—оставьте!..

У Никитича отъ жалости разрывается сердце; глаза полны слезъ. Онъ ломаетъ голову, придумывая, чѣмъ бы облегчить мученія несчастнаго, очевидно раздавленнаго промчавшимся поѣздомъ,—но, къ сожалѣнію, подъ рукой нѣтъ никакихъ необходимыхъ средствъ, да и познанія его по медицинской части весьма слабы. «Это, вѣрно, самоубивецъ!—думаетъ онъ, тяжело вздыхая.—Хотѣлъ покончить съ жистью и подъ паровозъ нырнулъ! Жалко человѣка; вѣдь вонъ какъ мучается!.. Завтра, чуть свѣтъ, сбѣгаю на село... Заявить надо! Пожалуй, скоро помереть!.. Еще въ отвѣтъ будешь!..» Ему вдругъ становится жутко; а тутъ еще, какъ нарочно, вѣтеръ врывается въ сторожку, тушитъ лампу. Все погружается въ непроницаемый мракъ... Искалеченный человѣкъ вдругъ отчаянно вскрикиваетъ, хватая сторожа за руку.

— Охъ, боюсь!.. боюсь!—хрипитъ онъ, корчась отъ нестерпимой боли.—Вонъ смерть моя идетъ... А!.. помоги!..

— Что-же я могу сдѣлать?—кричитъ въ свою очередь совѣмъ уже перепуганный Никитичъ.—Нешто я докторъ?! Я-бы радъ помочь, да чѣмъ? Научи!..

Кругомъ темнота. Ни зги не видно. Лампы не отыскать, спичекъ тоже нѣтъ; вѣроятно, онъ ихъ нечаянно выронилъ по дорогѣ, идя къ мѣсту катастрофы.

— Голубчикъ... милый,—шепчетъ страдалецъ, вливаясь ногтями въ его руку,—не могу я больше мучиться!.. Убей ты меня, Христа ради!.. Задужи!..

Сторожъ отшатывается, дрожа всѣмъ тѣломъ. Просьба кажется ему ужасной, ни въ какомъ случаѣ невыполнимой.

— Помилуй, Господи, и спаси! Что мелешь, какъ не стыдно Бога гнѣвить! Самоубивецъ ты этакій!..

Онъ не знаетъ, что сказать, чѣмъ утѣшить обезумѣвшаго отъ боли человѣка, корчащагося въ судорогахъ.

— Не хорошо!—продолжаетъ онъ дрожащимъ голосомъ, стараясь высвободить руку,—только напрасно пугаешь меня! Вмѣсто того чтобы помереть спокойно,—штуки разныя придумываешь! Грѣховодникъ!

Хрипяще и стоны мало-по-малу переходятъ въ отчаянные вопли и крики. Они заглушаютъ ревъ бури, потрясаютъ стѣны. Никитичъ еще болѣе пугается и дрожитъ. Ему приходятъ въ голову такія мысли, что онъ холодѣетъ отъ ужаса, едва держится на ногахъ.

«Не лучше-ли въ самомъ дѣлѣ прикончить?! Вѣдь какъ просить... Зачѣмъ человѣку даромъ мучиться!.. Все равно помереть!.. Что-жъ тутъ дѣлать?!»

Еще одинъ крикъ умирающаго, одна минута раздумья, и онъ схватываетъ подушку съ продранной грубой наволочкой!..

Въ это время слышится свистовъ приближающагося поѣзда и мгновенно отрезвляеть сторожа. Онъ бросаетъ подушку, вырываетъ руку, исцарапанную ногтями, и оцупью пробирается къ маленькому шкафчику, вспоминая, что тамъ лежитъ еще не начатая пачка спичекъ.

Фонарикъ зажженъ. Никитичъ снова на посту.

Опять мелькаютъ огоньки, приближается полоса яркаго свѣта, раздаются грохоты!..

— Стой, стой!—кричитъ вѣ себя сторожъ, когда паровозъ равняется съ нимъ,—погоди! Здѣсь человѣкъ умираетъ!.. Самоубивецъ!..

Но за шумомъ, крика не слышно; онъ слишкомъ слабъ, чтобы обратить на себя вниманіе машиниста. Какъ прежде, одинъ за другимъ проносятся вагоны, показывается красный фонарь и скоро все исчезаетъ!..

Буря, кажется, свирѣпствуетъ еще съ большей силой и энергіей. Рѣзкій вѣтеръ заливаетъ глаза свѣгомъ, не даетъ смотрѣть, колеть лицо ледяными иглами.

Идти обратно въ сторожку Никитичъ не можетъ; это выше его силъ! Оттуда доносятся такіе раздрающіе душу крики, просьбы о помощи, что онъ боится не выдержать характера и сдѣлать ужасное, преступное дѣло.

— Ни за что не пойду!.. нерѣшительно говоритъ онъ, сдерживая съ себя хлѣбъ снѣга.—Подожду здѣсь!.. Авось скоро отдастъ Богу душу. Помучается и перестанетъ!..

Но какая-то непонятная сила влечетъ его туда. Разсудокъ умолкаетъ и только сердце,

переполненное жалостью къ страдалцу, бьется учащенно, отрывисто. Проходитъ нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія... Крики не прекращаются, а напротивъ того усиливаются съ каждой минутой, волнуя еще больше Никитыча, незнающаго положительно на что рѣшиться, что предпринять... Онъ долго думаетъ, потомъ крестится, машетъ рукой и идетъ...

— Родименькій... будь благодѣтелемъ... прикончи!—слышится съ кровати, когда онъ входитъ и ставитъ фонарикъ на столъ.—Моченьки моей ябту... Помоги...

— Невозможно, милый человѣкъ!.. Не могу я такой грѣхъ на душу взять! Не терзай ты меня!..

Онъ случайно взглядываетъ на блѣдное, искаженное страданіемъ лицо, чувствуя, что не въ силахъ болѣе противиться просьбамъ; руки у него дрожатъ; губы трясутся. Вновь быстро схвачена подушка.

— Но я вполнѣ, смотри! кричитъ не своимъ голосомъ Никитычъ, накладывая ее на лицо несчастнаго и плотно прижимая.—Самъ просилъ... не хотѣлъ мучиться! Я вѣдь тоже человѣкъ; душа у меня есть!.. Не могу я на тебя смотрѣть!..

Онъ долго не отнималъ подушку, боясь, что еще не все кончено... Но крики прекращаются. Хрипѣнія не слышно; наступаетъ полнѣйшая тишина, нарушаемая только сильными порывами холоднаго вѣтра. Жизнь раздавленнаго, изуродованнаго человѣка прекратилась, и онъ спитъ теперь покойнымъ, вѣчнымъ сномъ, сразу переставъ мучаться. Лицо его немного поспѣло; руки судорожно сжаты; глаза широко открыты; въ нихъ еще не успѣло застыть выраженіе отчаянной муки; они наводятъ прямо ужасъ...

— Кончился, царство небесное! — набожно крестится сторожъ,—много ты натерпѣлся!.. Эхъ бѣдный, бѣдный!..

Онъ еще не сознаетъ того, что сдѣлалъ, не сознаетъ, что совершилъ преступленіе, караемое закономъ, какъ всякое убійство... Но понемногу, мысли его приходятъ въ порядокъ, и суевѣрный, необъяснимый страхъ охватываетъ Никитыча. Онъ смотритъ на покойника, не отрывая глазъ, боясь шевельнуться... Завтра все узнается и его навѣрное арестуютъ, какъ убійцу беззащитнаго, умирающаго человѣка... Вѣроятно, заподозрять, что преступленіе сдѣлано съ цѣлью грабежа... Много еще чего думаетъ Никитычъ, подавленный случившимся, не имѣя силъ успокоиться и обдумать хорошенько свое положеніе...

Изъ села доносятся слабыя удары церковнаго колокола и дѣйствуютъ на него самымъ удручающимъ образомъ...

— Успокой Господи душу раба твоего,—шепчетъ онъ, опускаясь на колѣни,—и помилуй меня, преступника, убийцу окаяннаго!..

Мало-по-малу, яростный ураганъ стихаетъ... Вьюга прекращается. Начинаетъ свѣтать...

II. Бронскій.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Утро.

— Мелинда, запри дверь, здѣсь въ корридорѣ такъ сквозитъ. Парикмахерша пришла? Который теперь часъ?

— Восемь часовъ, миссъ Эленъ, и парикмахерша еще не пришла.

— Когда она придетъ, сейчасъ же пошли ее наверхъ.

— Слушаю, миссъ Эленъ.

Тоненькая фигурка Елены Сеймаръ отошла отъ перилъ верхней площадки, гдѣ она стояла въ легкомъ утреннемъ капотѣ, и дверь ея комнаты звонко захлопнулась на защелку. Мелинда, черная служанка, зашла на вѣшищахъ туфель, тихо направляясь въ столовую, чтобы накрывать столъ для завтрака. Ловко расправляя бѣлоснѣжныя салфетки, она складками складывала ихъ и вставляла въ высокіе стаканы, останавливаясь передъ каждымъ приборомъ, чтобы вслухъ произнести имя члена семьи, занимавшаго извѣстное мѣсто. По тону ея голоса можно было опредѣлить степенъ ея привязанности къ упоминаемому лицу.

— Мистеръ Генри!—она слегка вздрогнула, проговоривъ это имя, неодобрительно сжала толстыя губы, и быстро вложила салфетку въ стаканы.

— Миссъ Эленъ!—Мелинда далеко отнесла салфетку отъ своей тупой фигуры, презрительно поднула голову, и, церемонно кланаясь, боткнула своими черными пальцами салфетку въ стаканы.

— Мистеръ Вилли!—Мелиндѣ сдѣлалось вдругъ смѣшно. Пестрый платокъ, искусно повязанный на ея курчавую голову, живо заколыхался, а бѣлые зубы сверкнули между алыми губъ, затѣмъ она серьезно посмотрѣла на салфетку, еще разъ тихо прошептала: «Мистеръ Вилли», и, снова засмѣявшись, засунула салфетку въ стаканы у прибора, предназначеннаго для младшаго сына семьи.

Четвертый приборъ, въ концѣ стола, она поставила съ особеннымъ удовольствіемъ. Преданная негрятинка съ очевидной лаской взяла салфетку, стаканы и даже стулъ прежде чѣмъ поставить на мѣсто. «Миссъ Китти, да! Миссъ Кит...». Она не договорила, вздрогнувъ отъ рѣзкаго звонка, раздававшегося внизу. Мелинда, принявъ покорное выраженіе лица мученицы, поспѣшила на лѣстницу, ведущую наверхъ. Она тихо начала подниматься по ступенямъ, но въ эту минуту въ ушахъ у нея опять раздался рѣзкій звонокъ. Мелинда остановилась. Ея черное лицо посмотрѣло наверхъ. Такъ какъ наверху на лѣстницѣ никого не было видно, то лицо ея приняло выраженіе досады. Изъ устъ ея вырвался звукъ, въ родѣ клохтанія, которымъ негры выражаютъ обыкновенно презрѣніе, и, не обращая вниманія на продолжавшійся звонъ, она спокойно слѣла на нижнія ступеньки. Наверху отворилась дверь. «Мелинда! Мелинда!» послышался нетерпѣливый крикъ.

— Иду, миссъ Эленъ, тороплюсь, какъ только могу,—строптиво отвѣчала негрятинка, съ притворной поспѣшностью собираясь подниматься.

— Парикмахерша еще не пришла?

— Нѣтъ еще, миссъ Эленъ.

— Вѣдь ужъ половина девятаго... Когда же она придетъ?

Въ стѣнахъ послышался звонокъ. «Слава Богу, это она!» Елена Сеймаръ сѣлится къ себѣ въ комнату. Накинувъ на плечи бѣлый балахонъ, подходит она къ кровати съ опущенными занавѣсками.

— А ты еще въ постели? — недовольнымъ тономъ спросила она.

— Кажется, что такъ! — отвѣчалъ изъ-за занавѣсокъ веселый голосъ.

— Парикмахерша пришла.

— Поздравляю.

— Знаешь, который теперь часъ?

— И знать не хочу.

Сильный стукъ въ дверь прервалъ разговоръ.

— Эленъ!—послышался за дверью мужской голосъ,—у меня у рубашки оторвалась пуговица, выйди, пожалуйста, и пришей мнѣ ее.

— Теперь не могу, Вилли. Пришла парикмахерша.

Но Вилли не унимался.

— Китти!—съ мольбой вскричалъ онъ,—Китти, не можешь-ли ты? Будь добрымъ другомъ, выпутай меня изъ бѣды, пуговка...

— Постой, минуточку, Вилли, я иду,—послышался звонкій голосъ изъ-за занавѣсокъ, и, вслѣдъ затѣмъ, высунулась заспанная бѣлокурая курчавая головка дѣвушки. Босые ножки спустились на коверъ, и маленькая фигурка Китти Сеймаръ направилась въ бѣлой ночной рубашкѣ къ дверямъ.—Ты тутъ Вилли?

— Можешь быть въ томъ увѣрена, что тутъ.

— Зажмурь глаза, и подай мнѣ рубашку и пуговку. Зажмурь же глаза, слышишь?

Дверь немного пріотворилась, и рубашка перешла изъ рукъ юноши въ руки дѣвушки.

— Благодарю Китти, я тебѣ когда-нибудь заслужу за это.

— Хорошо, хорошо, Вилли, отиравайся скорѣе!

Китти, вздохнувъ отъ удовольствія, вернулась на постель, и не обращая вниманія на съ упрекомъ взглянувшую сестру, которая сидѣла передъ зеркаломъ, предоставивъ въ умѣлыя руки парикмахерши свои темные волосы, она снова завернулась въ шерстяное одѣяло и тихо засмѣялась. Мелинда зашаркала около двери. Она тихо постучалась, но не дождалась позволенія войти.

— Завтракъ готовъ!—лаконически доложила она, высунувъ черную голову.

Волоча ноги пошла она далѣе вверхъ по лѣстницѣ. Наверху она остановилась, чтобы перевести духъ, и затѣмъ постучалась въ дверь.

— Что такое?—послышался рѣзкій повелительный голосъ, и лицо Мелинды нахмурилось. Не отвѣчая, она постучалась во второй разъ.

— Что тамъ нужно?—Говорившій распахнулъ дверь: половина лица у него была намылена для бритья. При видѣ негрятинки, онъ выругался.

Дверь захлопнулась. Бѣлые зубы Мелинды показались, и пробормотавъ бранное слово, она пошла далѣе по корридору: слѣдующая дверь внезапно отворилась.

— Мел... лп... да!—Изъ дому раздался громкій молодой голосъ Вилли Сеймура. Держа въ рукахъ хорошіе лакированные сапоги, стоялъ онъ въ дверяхъ. Лицо негрятинки, при видѣ его, прояснилось, и она весело поймала брошенные ей сапоги.

— Вилли, мистеръ Вилль?—какъ-бы подражая, спросила она, и смѣясь наклонилась, потому что мистеръ Вилль, взявъ со стола платяную щетку, смѣясь грозилъ бросить ей въ голову.—Не надо ваксы?

— Только смѣй, черная чертовка!

— Слушаю, мистеръ! Она наполовину уже спустилась съ лѣстницы, какъ вдругъ, вспомнивъ что-то, остановилась и крикнула наверхъ:—Мистеръ Вилль! Мистеръ Вилль!

Юноша снова появился.

— Мистеръ Вилль! Съ новымъ годомъ!

— Убирайся ты къ чорту! — крикнулъ онъ ей въ отвѣтъ, и въ подтвержденіе такого благочестиваго желанія внизъ полетѣла монета, на которую негрятинка быстро по-

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА В. АМОСОВА.

Запоздалая «Елка».

«Трудный ответъ». Рисоваль художникъ Е. Мейзель.

смотрѣла прежде чѣмъ опустила ее въ карманъ передника.

Завтракъ.

М-ръ и м-съ Сеймаръ сидѣла за обѣденнымъ столомъ уже минутъ десять, и ждали спохвѣ дѣтей съ затаеннымъ нетерпѣніемъ благоспитанныхъ родителей. На лѣстницѣ зашуршало шелковое платье. Тонкая фигура Елены вошла въ столовую.

— Съ Новымъ годомъ, папа! съ Новымъ годомъ, мама!

— Гречневые пирожки, поджаренная ветчина или яйца?

Мелинда монотоннымъ голосомъ проговорила это мню, и хихикая понюхалась съ записомъ Елены въ кухню, чтобы тамъ, сжавъ губы и едва сгибая руку, голосомъ молодой миссѣ прошептала кухаркѣ: «Только чашку чая, смѣю просить».

— Мелинда, серьезно и съ достоинствомъ обратился хозяинъ къ снова вошедшей служанкѣ:—будь такъ добра, звони въ корридорѣ, безъ устали звони, для того, чтобы сыновья мои знали, что завтракъ готовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ столовую появился старшій изъ двухъ сыновей. Генри Сеймаръ былъ высокій блондинъ лѣтъ двадцати четырехъ, носившій на нѣсколько надмѣнныхъ чертахъ лица отпечатокъ разгульной жизни и полного пресыщенія. Онъ былъ во фракѣ, и распространялъ кругомъ себя сильный запахъ мускуса. Онъ любезно раскланялся передъ родителями, говоря нѣсколько въ носъ, поздравилъ ихъ съ Новымъ годомъ, слегка извинился, что опоздалъ, и бросивъ насмѣшливый взглядъ на блестящій туалетъ сестры, сѣлъ рядомъ съ нею.

— Гречневые пирожки, поджаренная ветчина или яйца? продекламировала Мелинда.

— Чаю! такъ рѣзко крикнула молодой человекъ, точно, предлагая ему другія кушанья, ему наносили оскорбленіе. Мелинда съ испугомъ отскочила на шагъ назадъ, вслѣдствіе чего столкнулась съ только что вошедшимъ младшимъ сыномъ хозяевъ.

— Прошу извиненія, милостивая государыня! живо проговорилъ онъ отстраняя отъ себя тучное тѣло Мелинды. Затѣмъ онъ взялъ руку матери. Руку сопротивлявшагося отца онъ съ комическимъ жаромъ и хохотомъ прижалъ къ груди. И вставъ, наконецъ, передъ сестрой, сталъ пристально смотрѣть на нее.

— На правой поздрѣ слишкомъ много пудры, серьезно заявилъ онъ, наклонивъ голову на бокъ и съ видомъ знатока скрививъ ротъ.

Послѣ столкновенія съ Вилли, Мелинда судорожно старалась удержаться отъ взрыва хохота и съ трудомъ сохраняла серьезность.

— Гречневые пирожки, поджаренная ветчина или яйца?

— Гречневые пирожки, поджаренную ветчину и яйца, все, милый верблюдъ, все, и какъ можно скорѣе; обо мнѣ изнываютъ, по крайней мѣрѣ, четырнадцать дамъ... а я проголодавшійся ягненокъ!

Тутъ Мелинда не могла болѣе удержаться. Дрожа всѣмъ тѣломъ, покатила она въ кухню, гдѣ сдержанный потокъ смѣха прорвался. Не смотря на приказаніе посѣлшить, она опустилась на деревянный стулъ и, положивъ черныя руки себѣ на колѣни, огласила кухню хохотомъ въ видѣ гаммы стакато.

— Милый верблюдъ! проголодавшійся ягненокъ! четырнадцать дамъ! Славный мальчикъ... Четырнадцать дамъ! Милый верблюдъ! Господи, помилуй!.. Да я умру отъ смѣха.

Въ столовой между тѣмъ шелъ разговоръ. Мама Сеймаръ высказала мнѣніе, что младшей дочери слѣдовало послать завтракъ наверхъ въ комнату. Папа покачалъ головой и замѣтилъ, что неблагоразумно баловать такъ «малютку». Генри не могъ удержаться, чтобы не сказать, что немного поздно думать объ этомъ.

— Отличная дѣвочка! сказалъ Вилли.

— Да къ завтраку-то она хотѣла придти? спросилъ отецъ.

— Кажется нѣтъ, отвѣчала Елена;—она говорила, что увѣрена, что какой-нибудь добрый человекъ позаботится о ней и принесетъ ей чего нибудь поѣсть.

— Она права, я окажусь такимъ добрымъ человекомъ! вскричалъ Вилли, съ пафосомъ поднимаясь съ мѣста и принимая отъ негрятки только что принесенный завтракъ.—Китти получить мою долю.

Какъ-бы не слыша протеста родителей, онъ пошелъ кушанье въ дверь, но въ корридорѣ остановился, такъ какъ Китти обѣгала съ лѣстницы. Она была въ бѣломъ капотѣ, а бѣлокурыя кудри ее капризно разлетались кругомъ продолговатаго личика.

— Куда направляешь путь, братъ Вилли?

— Къ тебѣ, сестра моего сердца... вѣдь я тебѣ говорилъ, что когда нибудь заслужу. Вотъ завтракъ. Гречневые пирожки, поджаренная ветчина и яйца, сказала-бы Мелинда.

Онъ всталъ на колѣни на нижнюю ступеньку и поставилъ подносъ на ступеньку повыше къ погамъ Китти.

— Прикажешь мнѣ перепрыгнуть черезъ подносъ, или ѣсть отсюда? смѣясь, спросила она.

— Сначала перепрыгнуть, а потомъ ѣсть! рѣшилъ онъ. Китти поднялась повыше, согнулась и затѣмъ прыгнула черезъ подносъ, прямо въ объятія Вилли.

— Съ Новымъ годомъ! Ахъ-ты! Ну, что ты мнѣ подарить? спросилъ онъ, осторожно опуская ее на полъ.

— Гречневые пирожки, поджаренную ветчину и яйца, со смѣхомъ отвѣчала Китти, быстро поднимая подносъ и подавая ему.

Визиты.

Всѣ ставни были закрыты, и шторы спущены. Вдоль большой пріемной залы поставленъ былъ длинный накрытый столъ, уставленный всевозможными яствами и убранный цвѣтами, распространявшій пріятный запахъ по комнатѣ. Елена Сеймаръ, шурша своимъ великолѣпнымъ платьемъ, ходила взадъ и впередъ, озабоченно поправляя то вазу, то цвѣтокъ. Иногда она останавливалась передъ большимъ стѣннымъ зеркаломъ и задумывалась, любясь своей особой. Часы на каминѣ пробили десять часовъ, когда дверь въ залу отворилась, чтобы пропустить маленькую фигурку Китти. Ея гладкое бѣлое кашемировое платье плотно обтягивало ея еще почти дѣтскія формы. Бѣлокурые выющиеся волосы подерживались гладкимъ золотымъ обручемъ и представляли полный контрастъ съ искусственно завитой головой сестры.

— Еще никого нѣтъ? Китти остановилась на порогѣ и съ любопытствомъ осматривалась.

— Запри-же дверь и входи, раздражительно отвѣчала Елена,—неужели ты хочешь показаться гостямъ такъ незавитой?

— Совершенно такъ, объявила Китти, весело подходя къ зеркалу.—По всей комнатѣ пахло человѣческой жертвой, когда ты со

взбитыми и съ сожженными волосами вышла изъ рукъ парикмахерши. Она тебѣ такъ затянула волосы, что брови у тебя поднялись на подлѣюма. До сихъ поръ на лбу у тебя точно вопросительный знакъ. Развѣ не больно?—А! Мелинда! Господи, какая ты важная! Ты тоже принимаешь визиты?

Это привѣтствіе относилось къ негряткѣ, явившейся со стаканами на подносѣ. Она была въ темносинемъ бумажномъ платьѣ, и въ длинномъ свѣтло-желтомъ полотняномъ передникѣ. На головѣ у нея красовался совершенно новенькій красный платокъ. Ея темное лицо лоснилось отъ обильно употребленнаго мыла. Ласковая улыбка освѣтила ея черты, при возгласѣ ея любимицы. Она поставила стаканы около бутылокъ, съ жадностью посмотрѣла на столъ, уставленный лакомствами, и потомъ искоса поглядѣла на Елену. И такъ какъ миссѣ Эленѣ въ эту минуту стояла у окна и пыталась заглянуть сквозь жалюзи на улицу, то негрятка быстро протянула руку и подошла къ столу. Одно ловкое движеніе пальцевъ, и въ одинъ мигъ яблокъ изъ вазы исчезъ въ карманѣ ея фартука.

— Знаешь, Мелинда, я думаю, тебя можно было-бы уговорить съѣсть яблочекъ,—начала Китти, стоявшая у камина и видѣвшая всю продѣлку Мелинды:—смѣю предложить тебѣ яблокъ?

Мелинда вздрогнула. Замышляя маленькое воровство, она и не подумала о «дитятѣ». Она съ безмолвной мольбой сложила руки, ладони которыхъ были такъ-же бѣлы, какъ ладони любой дамы, и со страхомъ указала глазами на окно. Рѣзкій звонокъ заставилъ всѣхъ вздрогнуть. Елена прежде всего бросилась къ зеркалу.

— Такъ рано уже гости!—вскричала она, поправляя на себѣ цвѣты.—Мелинда, открой!

Въ корридорѣ послышались голоса. До залы донесся подавленный смѣхъ. Вслѣдъ затѣмъ раздался сильный стукъ въ дверь.

— Войдите!—такъ мягко и мелодично проговорила Елена, какъ только могла, и на позволеніе ея вошелъ—Вилли.

— Съ новымъ годомъ!—кланяясь, вскричалъ онъ:—безконечно радъ еще разъ пожелать вамъ новаго счастья. Уже много было визитовъ? Нѣтъ? Кажется, вы не совсѣмъ въ духѣ, насколько я замѣчаю, — обратился онъ къ своей старшей сестрѣ, которая при его входѣ въ залу быстро измѣнила любезное выраженіе лица и съ досадой отвернулась.

Холодность ея несколько его не смутила.

— Не принесли-ли мнѣ вамъ жертвы и не остались-ли дома, чтобы помогать принимать гостей? Вы одиѣ, и... Елена перебила его.

— Пожалуйста о насъ не безпокойся, я съ своей стороны вовсе не нуждаюсь въ мужчинахъ!

— Скажите пожалуйста. Какъ же я сильно ошибался; а мнѣ казалось, что сегодня какъ разъ ты въ нихъ нуждаешься! Ну, а ты Китти? ты тоже чувствуешь отвращеніе къ мужскому полу?

Отвѣтъ Китти послышался изъ дальняго угла комнаты, изъ за стола, гдѣ она потихоньку усаждала на низенькую скамейку, и безъ помѣхи уничтожала лакомства и плоды. Она только что стала ѣсть персикъ, и набивъ ротъ, съ удовольствіемъ прищелкивала языкомъ, и потому лаконически отвѣчала:

— Я то? Нѣтъ, сэръ!

— Послушай Китти, подойдя къ ней вполоть, на ухо прошептала Вилли:—правда ли, что у насъ будетъ кузина Эдита? Что она будетъ принимать визиты вмѣстѣ съ вами?

Китти нѣсколько разъ утвердительно кивнула головой!

Пробило уже и одиннадцать часовъ. Елена Сеймаръ съ немалой досадой увидала съ своего наблюдательнаго поста у окна, что къ ихъ vis-à-vis Морелендамъ уже подъѣхало два экипажа. Увидавъ, что подъѣхалъ третій, она отошла отъ окна и подошла къ камину.

— Ты, вѣроятно, находишь, что не можешь быть довольна количествомъ и разнообразіемъ твоихъ гостей? спросилъ Вилли.

— Прежде всего я нахожу, что мои господа братья очень мало постарались для своихъ сестеръ, и вслѣдствіе этого наши знакомые, вѣроятно, отъ васъ не узнали, что мы сегодня дома и принимаемъ?

— Успокойся, мужчине ненавидища, перебилъ ее Вилль;—сегодня ты будешь осыпана визитами; положишь на меня. Аддіо, Кит!

Съ этими словами Вилль выбѣжалъ въ дверь.

— Подъѣхалъ экипажъ! Скорѣе Китти, налей немного вина по рюмкамъ, для того, чтобы не бросилось въ глаза, что это первый визитъ!

— Для скучныхъ гостей столько хлопотъ! съ усмѣшкой сказала Китти.

— Развѣ ты знаешь, кто пріѣхалъ? спросила Елена.

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвушка;—но первые посѣтители всегда скучные.—Дверь залы распахивается.

— Съ Новымъ годомъ, прогнусилъ вошедшій бѣлокурый музыкантъ, съ свѣтлыми бакенбардами въ видѣ котлетъ:—безконечно радъ. Позвольте мнѣ... моего друга м-ра Пинтера; м-ръ Пинтеръ пьянѣетъ... а я композиторъ... хе! хе!

— Хе! хе! весело передразнила Китти, невинно глядя прямо въ глаза блондину.

— Позвольте, господа, вамъ предложить что нибудь! Рюмку вина, или кусочекъ торта? любезно спросила Елена.

— Мнѣ позвольте рюмку коньяку! попросилъ пьянѣть Пинтеръ. При этомъ онъ не спускалъ глазъ съ бѣлокурой головки Китти, и такъ пристально смотрѣлъ на нее, что пролилъ вино на коверъ.

— Ничего, ничего, любезно усмѣхаясь, сказала Елена.—Китти! позвони, и скажи Мелиндѣ... А вы уже отправляетесь?... а, ловимъ. Вамъ, вѣроятно, предстать много визитовъ... Китти что ты дѣлаешь?

— Я звоню и говорю Мелиндѣ, совершенно такъ какъ мнѣ приказано, отвѣчала дѣвушка, безъ усталости дергая за советку, и монотонно повторяя имя Мелинда.

— Прощайте, господа! Она выпустила советку и громко захохотала, когда посѣтители ушли.

— Начало много общается. Не находишь ли ты, что намъ лучше запереться и лечь спать? сердито спросила она.

— Тебѣ, конечно, лучше уйти, чѣмъ вести себя какъ школьница, внушительно проговорила Елена.

— Благодарю, ты очень добра, но я немного еще останусь, чтобы посмотрѣть, что будетъ съ пинтерами и флинтерами, пьянистами и коммюнистами, хе, хе!

— Миссъ Эдитъ! Докладъ Мелинды былъ встрѣченъ съ радостью. Прибытіе предестной кузины оживило весь домъ. Звонкомъ прогудѣлъ два раза подъ рядъ. Послышалось отряхиваніе сѣтга съ ногъ, и стукъ въ дверь...

— М-ръ Вильсонъ!—доложила Мелинда.

— Съ Новымъ годомъ, миссъ Сеймаръ! А и миссъ Китти уже принимаетъ визиты? Поздравляю и васъ съ Новымъ годомъ!

— Благодарю, поздравляю и васъ также!—сказала Елена.—Вы не знакомы? М-ръ Вильсонъ, моя кузина Эдитъ... Китти! пригласи м-ра Вильсона къ столу... ахъ! м-ръ Пратъ... съ новымъ годомъ!

— И васъ также, миссъ Эленъ!—вѣжливо отвѣчалъ вошедшій господинъ.—Миссъ Китти, позвольте мнѣ высказать вамъ свои пожеланія?

— Да, да, высказывайте, прошу васъ! Угодно вамъ вина или виски, м-ръ Вильсонъ? Или не угодно-ли маринованныхъ устрицъ?.. Это правда, что ихъ тутъ, какъ я вижу, немного... но все-таки... Послушай, Эдита, зачѣмъ ты рѣжешь всѣ торты заразъ!.. Здравствуйте Самъ! Съ Новымъ годомъ!—крикнула бойкая дѣвушка въ дверь, за которой стоялъ съ смущеннымъ видомъ молодой человекъ и точно не рѣшался войти. Самъ Треволинъ былъ другомъ Вилли и потому считался дорогимъ гостемъ для Китти.

— Желаю вамъ и всѣмъ вашимъ хорошо провести этотъ годъ, въ смущеніи проговорилъ онъ, подходя къ Еленѣ. Затѣмъ онъ, раздумывая, посмотрѣлъ на присутствующихъ, не рѣшаясь, повидимому, обратиться къ круглымъ съ такимъ-же поздравленіемъ.

— Миссъ Эдитъ, позвольте мнѣ пожелать вамъ счастливо провести этотъ годъ?—перфшительносказалъ онъ, наконецъ, Эдитѣ.

— Благодарю васъ, м-ръ Треволинъ. Подойдите-же поближе..

— А вы уже уходите, м-ръ Вильсонъ, и вы тоже, м-ръ Пратъ?

Елена выразила на лицѣ своемъ сожалѣніе. — Къ сожалѣнію, да, отвѣчалъ послѣдній:—сдѣлаю еще визита два, три и затѣмъ удалюсь съ поля битвы, ужъ я не такъ молодъ...

— До свиданья, м-ръ Вильсонъ, желаю весело провести день...

— Честь имѣю кланяться, благодарю васъ, миссъ Эленъ!

— Мелинда, скорѣе другіе стаканы, чистые ножи!—распорядилась Елена, осматривая столъ. — Ну вотъ... кажется, опять звонить. Мелинда, оставь стаканы, иди отворять!

Четыре посѣтителя сразу; четыре безукоризненно одѣтыхъ франта, извѣстныхъ во всѣхъ салонахъ и знакомыхъ со всѣми тремя дѣвушками.

— Съ Новымъ годомъ! Какъ поживаете? Благодарю! Очень радъ... скверная погода... какъ всегда въ Новый годъ. Вина? Благодарю васъ, я предпочитаю торты. Что вы называете много? Къ сожалѣнію, много. У меня въ списокѣ значится шестьдесятъ восемь... шестьдесятъ восемь... и въ каждомъ домѣ надо поговорить о чемъ нибудь—умномъ.

— Да, это тяжело,—вздохнувъ, сказала Китти, серьезно глядя на говорившаго.

— Что вы хотите сказать? Тяжело? Да... ха!.. въ самомъ дѣлѣ! Честь имѣю, миссъ Сеймаръ... шестьдесятъ восемь визитовъ... вы понимаете, что можно разорваться... хе!.. Прощу васъ, не безпокойтесь, мы сами найдемъ... Честь имѣю... честь имѣю...

— Скажите пожалуйста, Самъ, неужели и вы такой-же дуракъ, или у васъ въ головѣ не много пояснѣе... говорите правду... я могу ее перенести,—спросила Китти, лукаво поглядывая на безмолвно сидѣвшаго Треволина.

Звонятъ. Два посѣтителя. Отвѣтъ остался за Самомъ.

Лицо Китти вдругъ приняло странно смущенное выраженіе, когда она, взглянувъ, встрѣтилась глазами съ высокимъ молодымъ человекомъ, раскланивавшимся съ ея сестрой. Щеки ея вспыхнули, и отвѣтъ да его задумав-

шья и многозначительныя пожеланія едва были слышны.

— Вы точно ландышъ, Китти!

Она быстро подняла глаза, и также быстро опустила ихъ.

— Отчего вы не смотрите на меня? Сердитесь на меня?

Она съ смущеніемъ посмотрѣла на него и отрицательно покачала бѣлокурой головкой. Ей было досадно, что она не могла говорить, когда смотрѣла на него. Ей не хотѣлось... ей страшно не хотѣлось такъ смущаться. Она выпрямилась. Къ нимъ приближалась Елена, которой она никакъ не желала показать своего смущенія.

— Нехотите-ли вы чего-нибудь закусить, м-ръ Вейпретъ?—съ замираніемъ проговорила она.

— Нѣтъ, Китти, но я хочу, если позволите, посмотрѣть на васъ.

Елена, смѣясь, подошла къ столу.

— Вы должны, долетѣть до слуха Китти ея шопотъ;—я стою на томъ, чтобы вы попробовали нашего торта... только попробуйте, прошу васъ!

Стоявшій съ ней долговязый посѣтитель наклонилъ голову.

— Если вы просите...

Отвѣтъ этотъ слышала Китти. Онъ поднялъ стаканъ и шумно чокнулся съ Еленой.

— Желаю вамъ быть счастливой, прекрасная Елена.

— И вамъ тоже, мой Парисъ!

Стаканы еще разъ чокнулись. Эдита и Самъ Треволинъ сѣли на диванъ. Они шептались. Иногда слышалось имя «Вилля»; когда-же общій говоръ смолкалъ, то смолкали и они. Наступило какое-то странное внезапное всеобщее молчаніе, которое, къ немалому удовольствію присутствующихъ, было прервано появленіемъ Мелинды, высунувшей свою пеструю голову въ дверь, и едва удерживаясь отъ смѣха, доложившей:

— Мастеръ Вилль и нѣсколько друзей! Эдита вспыхнула. Она быстро поднялась съ дивана, чтобы пойти на встрѣчу къ кузену. Елена и Китти попросили у своихъ кавалеровъ позволенія на время оставить ихъ.

Дверь въ залу распахнулась. Изъ устъ Елены вылетѣлъ подавленный крикъ отчаянія. Въ прихожей, и въ открытыхъ на улицу дверяхъ толпились молодые люди, всѣ безъ перчатокъ, и большинство не во фракахъ. Впередъ шелъ Вилли Сеймаръ и громкимъ голосомъ ободрялъ юношей, но молодости лѣтъ сильно смущавшихся.

— Впередъ, друзья, впередъ! Ну вотъ, дѣвочки, я привелъ вамъ гостей... все студентовъ. Представлять ихъ я вамъ не буду... все славные мажоры... съ отличнымъ аппетитомъ... Они сначала думали, что одѣты не очень нарядно, но я имъ объявилъ, что тутъ дѣло не въ качествахъ, а въ количествахъ... и затѣмъ я общалъ имъ вина, и милыхъ хозяекъ... и всѣ сорокъ человекъ пошли со мной. Входите-же, господа! Не стѣсняйтесь! Но сначала поздравьте, какъ васъ учили... Ну! разъ! два! три!

— Съ Новымъ годомъ!—крикнулъ сорокъ одинъ голосъ, послѣ чего м-ръ Вилли пригласилъ молодыхъ людей закусить и убѣдительно просилъ выпить.

— Мелинда! Эй, Мелинда! Дай стакановъ и вина! А ты, Китти, разрѣжь все, что тамъ есть... разрѣжь? Ну, Эдита, съ Новымъ годомъ, кузипочка!—Вилли наклонился и поцѣловалъ испуганную дѣвушку прямо въ уста.—Это можно по случаю Нового года, быстро проговорилъ онъ.—А это ты, Самъ Треволинъ; ты одинъ пришелъ сюда, или съ нянькой?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ послышался громкій смѣхъ, въ которомъ принялъ участіе и Самъ.

— Да здравствуетъ Мелинда!—крикнулъ веселый Вилль, когда служанка вошла въ залъ съ чистыми стаканами, и съ трудомъ пробиралась сквозь толпу.

— Пью за здоровье дѣвцы Мелинды! ура! ура!—сразу крикнуло сорокъ голосовъ.

Гости прѣзжали и уѣзжали, а веселымъ студентамъ и въ голову не приходило уходить изъ залы. Наступилъ вечеръ, пробило семь часовъ. Пошатываясь и толкаясь, шумно и весело покинули они, наконецъ, подъ предводительствомъ Треволина домъ. Елена была утомлена и возмущена. Китти молчала. Вилль и Эдита стояли у камина и тихо разговаривали.

— Ну, что-же, Елена, — вдругъ сказалъ Вилль, обращаясь къ старшей сестрѣ:—позаботился я, или нѣтъ? Сыпались визиты?

— Должна признаться, Вилль, что какъ я, такъ и м-ръ Джимъ Вилькинсъ были шокированы, начала Елена.

— М-ръ Джимъ Вилькинсъ можетъ съ моего позволенія хоть повѣситься, если ему угодно...

— Ты позволишь, конечно, объявить тебѣ, что сегодня я дала слово м-ру Джиму Вилькинсу, холодно перебила его сестра.

— Дала слово... ты? Ну, что-же, могу ему сказать только, что отъ души жалѣю его... мое желаніе, чтобы онъ повѣсился, было добрымъ желаніемъ для благороднаго Джима. На сколько мнѣ извѣстно, ты каждый новый годъ выходишь изъ залы помолвленной, только не надолго. Я вотъ знаю одну чету, которая намѣрена отнестись къ этому вопросу гораздо серьезнѣе... не такъ-ли, Эдита? Миссъ Эдитъ Маріотъ, позволяте мнѣ исполнить эту церемонію. Благородная сестра!... Вы видите передъ собою прелестную чету, которая рѣшила, въ сей знаменательный день, соединиться на вѣки, что бы тамъ ни случилось, какъ сказала-бы Мелинда.

Послышался сильный звонокъ. «Такъ поздно!»—проговорила Елена. Сильный стукъ въ корридорѣ заставилъ Вилля поспѣшно открыть дверь. Онъ разразился громкимъ смѣхомъ...

Мелинда заснула на стулѣ въ корридорѣ. Испуганная сильнымъ звонкомъ, она потеряла равновѣсіе и растянулась во весь ростъ по ковру. Съ свойственною неграмъ досадою, когда они видятъ, что служатъ предметомъ насмѣшекъ, она ворча встала съ пола и, не пробудившись хорошенько, пошла отворить дверь.

— Это что, Вейпретъ!—съ удивленіемъ вскричалъ Вилль,—развѣ ты ужъ не былъ сегодня адѣсь? Или ты въ новый годъ всѣмъ знакомымъ дѣлаешь по два визита?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ гость:—я только

общалъ твоей сестрѣ... здравствуйте, миссъ Эленъ... Ну, что-же, Китти?

— Вы... вы пришли такъ поздно, съ упрекомъ проговорила она... Затѣмъ къ немалому удивленію присутствующихъ, она бросилась на шею къ молодому человѣку, который къ ужасу Елены пѣжно привлекъ ее къ себѣ.

— Вотъ оно что!—съ коммическою важностію проговорилъ Вилль:—слѣдовало это сказать прежде всего... вы благоразумные люди... вполнѣ достойные моей любви... Благодарю васъ. Аминь.

День кончился. Въ корридорѣ огни были потушены. Въ гостиной сидѣла семья Рейморъ и разсуждала о событіяхъ дня. Пробыло одиннадцать часовъ. Газъ въ гостиной былъ потушенъ. Удовольствія новаго года кончились. Семья разошлась по своимъ комнатамъ. Когда Вилль сошелъ, чтобы отдать прислугѣ вычистить къ утру сапоги, онъ увидѣлъ сидѣвшую на лѣстницѣ и громко храпѣвшую съ открытымъ ртомъ Мелинду. Быстро вынулъ онъ у себя изо рта чуть-чуть курившую сигару и всунулъ ей въ зубы.

Слѣдующее утро застало ее все еще сидѣвшей на лѣстницѣ... съ крѣпко стиснутой сигарой, въ зубахъ. Звонкомъ, которымъ въ домѣ будили прислугу, разбудилъ и Мелинду. Она вытянулась, открыла глаза, и снова закрыла ихъ, затѣмъ рукой провела по лицу. Ощупавъ сигару, она вскопчила, громко крикнувъ. Наконецъ, по корридору раздался ея звонкій хохотъ—стакато, и она, дрожа всѣмъ тѣломъ, вскричала:

— Ахъ онъ, мастеръ Вилль! Храни Господи этого озорника. Умру отъ хохота! Всю ночь курила и не знала этого.

ЦАРЕВНА СОФІЯ И СТРѢЛЬЦЫ.

(Къ картинѣ профессора И. Е. Рѣпина).

Исторія знаменитой русской правительницы царевны Софіи неразрывно связана съ существованіемъ буйнаго стрѣleckаго войска. Незадолго до времени, эпизодъ изъ котораго взялъ И. Е. Рѣпинъ сюжетомъ, — стрѣльцы управляли судьбами русской земли. Стрѣльцкіе приказы, по теперешнему — полки, были очень многочисленны, и иногда своеволие ихъ доходило до страшныхъ размѣровъ.

Напримѣръ, во время правленія царевны Софіи, въ маѣ 1682 года, произошелъ стрѣльцкій бунтъ преимущественно противъ Нарышкиныхъ, родныхъ малолѣтняго царя Петра Алексѣевича. Во время этого бунта были убиты князь Долгорукій, бояринъ Матвѣевъ, Афанасій Нарышкинъ, князь Ромодановскій и, наконецъ, братъ царицы Наталіи, Иванъ Нарышкинъ. Ободренные успѣхомъ, стрѣльцы вскорѣ затѣяли опять возмущеніе, причемъ вошли въ соглашеніе съ раскольниками, съ ихъ главарями—монахомъ Сергіемъ и потомъ Никитою Пустосвятомъ. Стрѣльцовъ и раскольниковъ впустили въ гранативную палату для собесѣдованія съ патриархомъ и епископамъ.

Внушенные бунтовщики вели себя непристойно. Вотъ какъ рассказываетъ эту сцену Костомаровъ въ своемъ описаніи жизни царевны Софіи: — «Тутъ началъ было ему (Никитѣ Пустосвяту) объяснять холмогорскій архіепископъ Аѳанасій, какъ вдругъ Никита замахнулся на него рукою и закричалъ: «что ты, нога, выше головы ставишься! Я не съ тобою говорю, а со святѣйшимъ патриархомъ». Софія вскопчила съ своего мѣста и закричала:

— Что это такое! Онъ при насъ архіерея бьетъ! Безъ насъ навѣрное убилъ бы его!

— Нѣтъ, государыня,—сказали изъ толпы:— онъ не билъ, а только рукою отвелъ.

— Поминишь-ли, Никита,—сказала Софія,— какъ блаженной памяти отцу нашему и святѣйшему патриарху и всему освященному собору ты принесъ повинную и поклялся великою клятвою: аще впередъ стану бить челомъ о вѣрѣ, да будетъ на мнѣ клятва св. отецъ и семи вселенскихъ соборовъ. Такъ говорилъ ты, въ то время, а нынѣ опять за то же дѣло принялся!

— Что далъ повинную, я въ томъ не запираюсь,—возражалъ Никита.—Далъ за мечомъ и срубомъ! Я подавалъ челобитную, а мнѣ никто не отвѣчалъ изъ архіереевъ, только Семенъ Полоцкій, книгу на меня сложилъ «Жезлъ». Позволишь, Государыня, я буду отвѣчать противъ «Жезла», а останусь виноватъ, дѣлайте со мной, что хотите!

— Нѣтъ тебѣ дѣла говорить съ нами и на очахъ нашихъ тебѣ не подобаетъ быть!—сказала Софія.

Затѣмъ Софія опять сѣла на свое мѣсто и приказала думному дяку читать раскольникую челобитную. Какъ дочитали до того мѣста, гдѣ сказано было, что чернецъ Арсеній, еретикъ и жидовскій обрѣзавецъ, вмѣстѣ съ Никономъ поколебали душу царя Алексѣя Михайловича, Софія опять вскопчила съ своего мѣста и, взволнованная, сказала:

— Если Никонъ и Арсеній были еретики, такъ и отецъ и братъ нашъ были еретики! Значитъ цари не цари, архіереи не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слышать. Мы пойдемъ прочь изъ царства!

— Какъ можно изъ царства вонъ идти! Мы за государей головы свои положимъ, говорили думные...

Послѣ заговора на жизнь Петра, послѣ общей казни стрѣльцовъ, послѣ того, какъ Софію заключили въ монастырь—буйное войско смирилось, но затѣло свою злобу. Петръ уѣхалъ въ чужіе края, и прошелъ слухъ, что Софія затѣваетъ новыя козни. Стрѣльцы, понятно, сейчасъ же обрадовались. Пользуясь темнотою ночи, преданные царевнѣ стрѣльцкіе головы приходили къ ней кланяться въ вѣрности. Съ крестомъ въ рукѣ встрѣчаютъ ихъ на лѣстницѣ, въ снѣгахъ монастыря, сама царевна. Горачія рѣчи льются съ устъ ея, зажигая сердца стрѣльцовъ, въ которыхъ давно накипѣла злоба противъ Петра. Судорожно сжимаетъ она въ рукѣ своей крестъ, которымъ клянется не выдавать тѣхъ, кто пойдетъ заодно съ нею. И стрѣльцкіе головы, высоко поднимая руки съ двушерстнымъ сложениемъ, на томъ же крестѣ кланются ей въ вѣрности. На верху лѣстницы выглядываетъ изъ-за каменнаго столпа царевниной няни, стоящей на сторожѣ. Лицо Софіи мрачно и злобно, лица стрѣльцовъ, освѣщенные фонаремъ — суровы. Сверкаютъ бердыши. Это старина русской земли готовится еще послѣдній разъ возстать на великаго могучаго преобразователя отчизны нашей. Не снести буйныхъ головъ мятежнымъ стрѣльцамъ!..

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библиотека»:

НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р.

НА ПОЛГОДА 4 р. 50 к. На ТРИ мѣсяца 2 р. 25 к. За границу на годъ 16 р.

Безъ доставки на годъ въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к.

Желающіе получить экземпляръ журнала «Живописное Обозрѣніе» (безъ сгиба) и отпечатанный на слоеной бумагѣ, уплачиваютъ за годъ 15 рублей.

1) Желающіе получать самостоятельно книги журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» (безъ журнала «Живописное Обозрѣніе»), уплачиваютъ за годъ (съ доставкой—4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ «Живописное Обозрѣніе» безъ книгъ «Домашней Библиотеки»—НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

Желающіе получить художественныя изданія, какъ новые портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, такъ и другія картины, уплачиваютъ за каждый экземпляръ портрета или картины (съ доставкой на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

ЗА ПЕРЕМѢНУ адреса петербургскаго на иногородный, иногороднаго на петербургскій, уплачивается рубль, иногороднаго на иногородный—28 коп. почтов. марками. На отвѣты и справки необходимо прилагать двѣ 7 коп. почтовые марки.

КЪ СВѢДѢНІЮ АВТОРОВЪ. Рукописи и рисунки, доставляемые въ редакцію журнала «Живописное Обозрѣніе» для печатанія, должны быть за подписью автора (имя, отчество и фамилія) и адресомъ. Кромѣ того, на каждой рукописи или рисункѣ должны быть точно обозначены условія автора. Безъ указанія этихъ свѣдѣній—рукописи или рисунки считаются—бесплатными. Не принятыя къ печатанію рукописи, объемомъ до одного печатнаго листа (въ 35,000 буквъ), а также рисунки, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ со дня поступленія, уничтожаются. Возвращенія рукописей или рисунковъ почтою, редакція на себя не принимаетъ.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 10 до 12 час. пополудни.

С.-Петербургъ. Ковенскій переулокъ, собств. домъ, № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Съ Высочайшаго соизволенія Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ и Принцессою Евгеніею Максимиліановною Ольденбургскою приняты званія почетныхъ членовъ Императорской академіи наукъ. Съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ Георгій Александровичъ и Великій Князь Константинъ Константиновичъ приняли званія почетныхъ членовъ Императорскаго московскаго университета.

— Министръ Императорскаго двора увѣдомилъ министра юстиціи, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на принятіе Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ званія покровителя существующаго въ г. Москвѣ общества художниковъ исторической живописи.

— Министромъ финансовъ представленъ въ Правительствующій Сенатъ, для опубликованія, Высочайше утвержденный, 10-го декабря 1895г., уставъ русско-китайскаго банка.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. — Венецуэльскій вопросъ, видимо, затянулся, хотя не потерялъ своего остраго характера. Америка и Англія все еще находятся во враждебно-выжидательномъ настроеніи. Недавно арестованъ бывшій президентъ Венецуэлы Гермогенъ Лопецъ. У него найдена переписка, указывающая на революціонные замыслы. Президентъ Венецуэлы Креспо издалъ прокламацію, въ которой онъ выражаетъ Кливеленду благодарность за отношенія его къ вопросу объ англо-венецуэльской границѣ. Прокламація требуетъ, чтобы граждане Венецуэлы противопоставили англійскому насилию единодушный отпоръ, но совѣтуетъ оставаться покойными, пока не опредѣлится окончательно образъ дѣйствій правительства Соединенныхъ Штатовъ.

Трансваальская республика. — Двадцатаго декабря англичане, переселившіеся въ республику, захотѣли овладѣть страной и обратить ее въ британскую провинцію. Банда англійскихъ флибустьеровъ, подъ командой Джемсона, вошла въ республику помогать бунтовщикамъ. Сраженіе съ войсками республики произошло 20-го декабря (ст. ст.). Бой

ровъ королевской гвардіи. Джемсонъ будетъ судимъ военнымъ судомъ; войска его будутъ распущены. Нѣсколько ротъ изъ полковъ такъ называемой «Черной стражи» будутъ снаряжены въ походъ, дабы насильственно остановить движеніе впередъ второй англійской шайки, выступившей изъ Булувайо.

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

И. О. Горбуновъ.

(Скончавшійся 24-го декабря 1895 г.).

продолжался отъ 3 час. пополудни до 11 час. вечера. Войска Джемсона три раза безуспѣшно атаковали сильную позицію буровъ: они выказали большую отвагу, но должны были уступить значительному численному превосходству силъ буровъ. Джемсонъ сдался 21-го декабря; онъ и находившіеся при немъ 550 человекъ были отправлены подъ конвоемъ сначала въ Крюгерсдорфъ, а потомъ въ Преторію. Джемсонъ потерялъ 80 человекъ убитыми. Въ Йоганнесбургѣ возстановилось спокойствіе. Въ числѣ участниковъ разбойничьей банды Джемсона, взятыхъ въ плѣнъ бурами, оказалось нѣсколько офицеровъ англійской службы и между послѣдними шестеро офице-

Великобританія. — Консулъ Трансваальской республики, Уайтъ, сообщилъ, что трансваальское правительство приняло мѣры для защиты собственности и сохраненія порядка. При этомъ означенное правительство объявило, что имѣетъ намѣреніе представить на обсужденіе парламента затрудненія, встрѣченныя имъ для устраненія въ странѣ нужды. Въ Йоганнесбургѣ правительство временно уничтожило всѣ существующіе налоги на жизненные припасы: для охраны порядка оно образовало полицейскій отрядъ въ 1,000 человекъ всѣхъ національностей. Англичане, въ тайнѣ подстрекавшіе флибустьеровъ, теперь говорятъ пное. Чемберленъ неустанно заботится о томъ, какъ предотвратить послѣдствія необычайнаго образа дѣйствій Джемсона. Газеты оплакиваютъ новое униженіе, нанесенное Англіи бурами, и опасаются того впечатлѣнія, которое окажетъ это пораженіе на голландское населеніе Канской области. «Standard» высказываетъ надежду, что британскіе флибустьеры отстояли свою честь выказанными ими мужествомъ и храбростью.

Германія. — Императоръ Вильгельмъ отправилъ президенту Трансваальской республики Крюгеру слѣдующую телеграмму: «Выражаю искреннее поздравленіе по случаю того, что, не прибѣгая къ помощи дружественныхъ державъ, вамъ съ вашимъ народомъ удалось собственными силами въ борьбѣ противъ вооруженныхъ шайкъ, ворвавшихся въ вашу страну нарушителями мира, возстановить миръ и оградить независимость страны отъ захватовъ извнѣ. Вильгельмъ». Кромѣ того, германское правительство официально запросило англійское правительство: какія оно предполагаетъ принять мѣры въ виду вторженія въ Трансваальскую республику вооруженныхъ шайкъ изъ состоящей подъ а-

гійскимъ протекторатомъ области, для того, чтобы возстановить законный порядокъ, установленный международнымъ правомъ и международными договорами. Въ виду перенесеннаго въ предѣлы Трансваала возстанія, Германія дѣйствительно приняла энергичныя мѣры къ охраненію германскаго консульства, какъ послѣдняго мѣста убѣжища для германскихъ подданныхъ, причемъ предполагалось высадить съ находящагося въ бухтѣ Делагоа крейсера «Seeadler» десантъ и отправить его въ Преторію. Кромѣ того было предписано стоявшему у Даръ-эс-Салаама крейсеру «Кондоръ» выступить въ дѣйствіе въ случаѣ надобности. Президентъ Трансваальской республики Крюгеръ обратился къ императору Вильгельму съ телеграммою слѣдующаго содержанія: «Приношу вашему величеству мою сердечную и глубоко прочувствованную благодарность за искреннее поздравленіе вашего величества. Съ Божіей помощію надѣмся и впредь сдѣлать все возможное для сохраненія столь дорогою цѣною приобретенной независимости нашей возлюбленной республики».

Франція. Президентъ республики, Феликсъ Форъ, по случаю наступленія Новаго года, принималъ дипломатическій корпусъ, благодарилъ его за добрыя его пожеланія Франціи и прибавилъ, что и Франція искренно желаетъ всего лучшаго государямъ и государствамъ, представители коихъ здѣсь находятся. Событія истекшаго года дали Франціи еще разъ возможность доказать на дѣлѣ свою неизмѣнную вѣрность принципамъ, которыми она прониклась и будетъ проникаться всегда. Франція посвятила себя, безъ малѣйшаго колебанія, дѣлу мира, свободы и прогресса. Каково бы ни было вмѣшательство Франціи, единоличное или въ союзѣ съ нѣкоторыми державами, оно всегда вознаграждалось или какимъ нибудь успѣхомъ для цивилизаціи, или закрѣпленіемъ мира. Въ республикѣ все благополучно. Государственный бюджетъ третьей республики утвержденъ своевременно обѣими палатами національнаго собранія, т.-е. палатою депутатовъ и сенатомъ, и такимъ обра-

зомъ надобности во временныхъ кредитахъ, хотя бы на январь мѣсяцъ, вовсе не будетъ. Большая часть незаконченныхъ вопросовъ устранена ловкою парламентскою тактикою министерства Буржуа, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ поддержанною радикалами и социалистами.

Турція. Армянскія волненія все еще въ разгарѣ. Держится слухъ, что армяне въ недалекомъ будущемъ предполагаютъ произвести демонстрацію въ Константинополь. Въ Зейтунѣ все еще кровопролитіе. Одинъ армянскій епископъ арестованъ по правительственному распоряженію: онъ отправленъ въ Константинополь. Мѣстопробываніе ему будетъ назначено въ Іерусалимѣ. По этому поводу были приняты соотвѣтствующія мѣры для пресѣченія ожидавшихся безпорядковъ. Послѣ кратковременнаго возбужденія, городъ успокоился. Турецкія власти считаютъ епископа руководителемъ армянскаго движенія.

— Революціонное движеніе въ Портѣ тоже еще не подавлено. Арестовано много турокъ. Въ числѣ арестованныхъ находится много высшихъ должностныхъ лицъ, обвиняемыхъ въ принадлежности къ тайному комитету. Многие изъ арестованныхъ отправлены въ ссылку. Комитетъ критянъ обратился къ консуламъ съ вопросомъ: могутъ-ли критяне разсчитывать на какую бы то ни было поддержку. Въ дипломатическихъ сферахъ господствуетъ мнѣніе, что ожидаемый отрицательный отвѣтъ будетъ способствовать прекращенію движенія.

Италія.—Въ Массову прибываютъ войска. Расъ-Маконенъ прислалъ генералу Баратьеріи письмо, въ которомъ заявляетъ о невозможности дальнѣйшаго обузданія собранныхъ на войну расовъ. Въ окрестностяхъ Макалле не случилось ничего новаго. Комендантъ Кассалы телеграфируетъ, что дервиши, опасаясь нападенія войскъ, тщательно охраняютъ пространство отъ Тамата до Эльфашера. Прошелъ слухъ, что два абиссинскихъ принца, изъ коихъ одинъ—родной сынъ расъ Дорги, дади Менелика, а другой—сынъ главнаго

управляющаго дворомъ царицы Тайту, проживавшіе въ Невштателѣ съ образовательными цѣлями, были увезены оттуда 12-го (24-го) декабря итальянскимъ агентомъ Миллорини, при содѣйствіи шоанца Афверка. Обоихъ принцевъ, которыхъ Менеликъ очень любилъ, видѣли 15-го (27-го) декабря въ Италіи, но съ тѣхъ поръ объ нихъ нѣтъ ни слуху, ни духу.—Предполагаютъ, что скоро начнутся опять военныя дѣйствія съ Абиссиніей. Послѣдніе расположены на такъ называемой англійской дорогѣ: расъ-Маконенъ въ авангардѣ, расъ-Алула — въ центрѣ, расъ-Мангаша—въ арьергардѣ.

Японія.— Японское правительство заказало десять военныхъ судовъ англійскимъ фирмамъ. Пятнадцать японскихъ транспортовъ прибыли въ Хиросиму изъ Талиенвана и Чемульпо съ войсками, вывезенными съ Лиатонгскаго полуострова. Эвакуація войскъ съ него подходитъ къ концу. Политическія партіи готовятся съ парламентскою борьбѣ. Настроеніе тревожно. Вообще, въ Японіи замѣчается крутой поворотъ общественнаго мнѣнія въ сторону, враждебную Россіи. Даже недавно сочувствовавшія намъ газеты помѣщаютъ рѣзкія статьи. Возбужденіе противъ Россіи вызвано, по объясненію японской печати, враждебнымъ тономъ нѣкоторыхъ русскихъ газетъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Недавно начались, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Анопова, занятія образованной при министерствѣ народнаго просвѣщенія комиссіи по вопросу о школьномъ обученіи малолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ.

— Подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ д. т. с. Арнольда, начались занятія комиссіи по вопросу объ учрежденіи мѣстныхъ органовъ министерства. Комиссія категорически высказалась противъ проекти-

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Ежегодно повторяющійся торжественный моментъ встрѣчи Новаго года мы, русскіе, можемъ привѣтствовать съ полнымъ сознаніемъ того, что на душѣ у насъ не лежитъ никакой тяжести, заботы или преступленія. Не то могутъ сказать про себя другія европейскія державы: напримеръ, «коварный Альбіонъ» и не менѣе коварная Италія, которыя теперь въ разныхъ концахъ міра беззастѣнчиво проливаютъ кровь своихъ ближнихъ. Россія, увѣренная въ своихъ силахъ, спокойная за свое будущее, съ радостью перешла рубежъ стараго года. Наша невская красавица-столица, по обыкновенію, кипитъ людомъ, весело ждущимъ отъ новаго пришельца новыхъ благъ. Отрадно замѣчать въ эти праздничные дни, какъ въ сердцахъ самыхъ зачерствѣлыхъ людей просыпается состраданіе къ нуждающимся бѣднякамъ, какъ свѣтскіе и несвѣтскіе люди, старые и молодые соперничаютъ другъ-съ-другомъ въ благородномъ дѣлѣ благотворительности. Прежде всего, мы напомнимъ о благотворительномъ базарѣ въ Эрмитажѣ, устроенномъ большинствомъ великосвѣтскимъ обществомъ. Этотъ базаръ, дав-

ший, вѣроятно, возможность многимъ бѣднякамъ встрѣтить оба праздника безбѣдно, такъ сильно привлекалъ публику, что приходилось большей части ея отказывать во входѣ: не доставало мѣста. Заслуживаетъ вниманія еще предложеніе одного противника праздничныхъ визитовъ—онъ совѣтуетъ употребить ассигнованныя на визиты деньги—на покупку обѣденныхъ марокъ для бѣдныхъ. Словомъ, сквозь жирный чадъ рождественскихъ и новогоднихъ гусей и другихъ кушаньевъ пробивается съ каждымъ годомъ новое отрадное вѣяніе уже не только въ пользу желудка, а отдается должное и потребностямъ души.

* * *

Еще хороши однимъ эти благотворительные базары, дешевыя продажи и лотереи. Они сбиваютъ спѣсъ съ нашихъ злодѣевъ наживы—купцовъ и лавочниковъ. Въ этомъ году продавцы Гостиного Двора жаловались на отливъ публики, и, конечно, на крокодиловы слезы ихъ можно только отвѣтить улыбкой. Впрочемъ, нашъ трудящійся Петербургъ такъ убѣгается за это время, что врядъ-ли способенъ даже и блѣдной улыбкой улыбаться. Передпраздничная суматоха на общій взглядъ до того безтолкова, безпричинна, что иногда хочется просто разразиться громомъ надъ этой безтолковой, словно обезумѣвшей толпой. Кондитерскія, фруктовыя, колбасныя,

мясныя—все это берутъ просто приступомъ; ошеломленные приказчики завертываютъ вторыхъ икру съ конфетами, рыбу съ сахаромъ, даютъ сдачи съ рубля—три, а чаще совсѣмъ не даютъ ея, словомъ водворяется какой-то Бедламъ. Но пусть посторонній наблюдатель удержитъ негодующее слово... Подойдемъ-ка поближе къ этимъ обезумѣвшимъ людямъ, и мы поймемъ все. Вотъ худой чиновникъ съ неменьше худой супругой подъ руку и съ деревянной лошадкой подъ мышкой: ему еще надо выбрать пять-шесть игрушекъ, да елку, да всякихъ сладостей—и все это какъ-можно недорого!

* * *

О, ужасное, полное постоянного значенія для средней руки обывателей—недорого! Наша красивая столица, остающаяся, главнымъ образомъ «служилымъ городомъ», живущимъ на жалованье, терпитъ постоянно недостатокъ въ деньгахъ, а кромѣ того, и неособенно умѣетъ ими распорядиться. Это не то, что матушка Москва-Бѣлокаменная—торговый и помѣщичій центръ: тамъ карманы потуже набиты, да крѣпко прилипаютъ къ рукамъ денежки. Оттого сейчасъ-же отличишь положительнаго, солиднаго москвича, съ его авторитетнымъ тономъ,—отъ худощаваго, гемонродальнаго и нервнаго петербуржца съ растерянно бѣгающими глазами. Въ Москвѣ пе-

рованныхъ ранѣе сельско-хозяйственныхъ комитетовъ и противъ всякаго обособленія сельско-хозяйственной части въ какомъ либо спеціальному органѣ.

— Въ особой комиссіи, образованной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для обсужденія мѣръ къ упорядоченію переселенческаго движенія въ окраины, разсматривается вопросъ о заселеніи русскими крестьянами нѣкоторыхъ мусульманскихъ селеній въ Кубинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи, а также Закаспійской области и пограничной черты съ Персіей.

— Въ будущемъ году разрѣшено закончить постройку Черноморской береговой дороги отъ Новороссійска до Туапсе и отъ Сочи до Ново-Афонскаго монастыря, длиною 339 верстъ.

— На предстоящей всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ будетъ устроена временная школа, въ которой будетъ преподаваться возведеніе всевозможнаго рода несгораемыхъ построекъ, преимущественно же крестьянскихъ типовъ.

— Торжественное открытіе Высочайше разрѣшеннаго второго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Москвѣ состоялось, съ разрѣшенія почетнаго предсѣдателя съѣзда, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича, 28-го декабря, въ 2 часа пополудни, въ залѣ россійскаго благороднаго собранія записалось до 1,000 членовъ. Бюро съѣзда помѣщается въ зданіи университета, а отдѣленіе его на выставкѣ, въ Верхнихъ рядахъ. Въ числѣ удобствъ, для членовъ съѣзда исходатайствовано посѣщеніе Императорскихъ и другихъ театровъ на льготныхъ условіяхъ.

— Въ официальной газетѣ Владивостока опубликовано опредѣленіе военно-морского суда о розыскѣ Вебера, служащаго въ мѣстной фирмѣ, обвиняемаго въ участіи въ злоупотребленіяхъ по убою котиковъ карауломъ Тюленьяго острова. Начальникъ караула, бывший въ прошломъ году, уже арестованъ, также привлечены обвиняемыми командиръ транспорта, охранявшаго Командорскіе остро-

ва, и два офицера караула Тюленьяго острова прошлаго и позапрошлаго годовъ.

— Московскій благотворитель В. А. Бахрушинъ приобрѣлъ въ Москвѣ большой домъ, съ цѣлью оказать помощь бѣднымъ семействамъ, предоставивъ въ нихъ распоряженіе бесплатныя квартиры. Домъ былъ приобретень г. Бахрушинымъ за 400 тысячъ рублей; передѣлка его и устройство разныхъ приспособленій потребовало еще расхода свыше 100,000 рублей.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

На закрывшейся сельско-хозяйственной выставкѣ въ Москвѣ выручено отъ входной платы одиннадцать съ половиною тысячъ рублей.

— Въ теченіе послѣднихъ 6—8 мѣсяцевъ отдѣломъ сельской экономіи министерства земледѣлія получено до 20,000 корреспонденцій объ употребленіи сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій; къ разработкѣ этого матеріала приступлено и затѣмъ будетъ издана особая книга, всесторонне охватывающая вопросъ о значеніи машинъ и орудій въ сельскомъ хозяйствѣ.

— По случаю 75-лѣтія существованія Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства происходило 20-го декабря, торжественное собраніе подъ предсѣдательствомъ князя А. Г. Щербатова. Послѣ рѣши предсѣдателя были прочтаны адреса и привѣтствія, присланные обществу: отъ московскаго университета, отъ вольно-экономическаго общества, отъ лифляндскаго общепольнаго экономическаго общества и отъ многихъ другихъ.

— Въвиду опустошительныхъ лѣсныхъ порубокъ, повторяющихся временами въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ предписало лѣсохранительнымъ комитетамъ не разрѣшать рубки лѣса, выходящей изъ опредѣленной закономъ о лѣсоохраненіи нормы.

— Возвратившійся на-дняхъ изъ Москвы управляющій отдѣломъ сельской экономіи

министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ Д. А. Тимирязевъ успѣшно окончилъ дѣло по перенесенію экспонатовъ сельско-хозяйственной выставки на всероссійскую выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ.

— Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ приступаетъ къ изданію указателя земскихъ сельско-хозяйственныхъ учреждений.

— Въ началѣ года образуется при министерствѣ финансовъ особая комиссія изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и земледѣлія для окончательной разработки вопроса о государственномъ страхованіи скота.

— На разсмотрѣніе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ представлено ходатайство таврическаго губернскаго земства объ устройствѣ въ окрестностяхъ Симферополя помологическаго сада.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія, 11-го текущаго декабря, испрошено, законодательнымъ порядкомъ, разрѣшеніе преобразовать, съ 1-го іюля 1896 года, ялтинскую шестиклассную прогимназію въ полную гимназію, открывъ при ней съ указаннаго срока VII классъ и съ 1-го іюля 1897 г.—VIII классъ.

— Въ виду письма министра народнаго просвѣщенія о содѣйствіи къ скорѣйшему отводу городомъ мѣста подъ женскій медицинскій институтъ, спб. городская управа, согласно заключенію городской больничной комиссіи, признала возможнымъ отвести подъ зданіи института часть дворового мѣста Петропавловской больницы со стороны Архіерейской улицы. Для увеличенія городского участка строительная комиссія предполагаетъ купить, кромѣ того, часть сосѣдняго съ Петропавловскою больницею владѣнія.

— По слухамъ, при академіи наукъ въ Петербургѣ открывается новая кафедра географіи, антропологіи и этнографіи. На эту кафедру приглашается извѣстный географъ московскій профессоръ Анучинъ.

только купцы, а даже и литераторы такого колоссальнаго объема, что изъ любого двухъ петербургскихъ можно смастерить.

«Недаромъ дышетъ вся Россія
Дыханьемъ матушки-Москвы!..»

говорить старинный, дорогой русскому сердцу романсъ.

* * *

Веселиться-то и мы, петербуржцы, умѣемъ, да еще какъ! Сколько вечеровъ, концертовъ! То какой-нибудь концертъ въ пользу «убѣжища для малолѣтнихъ дѣтей эстонскаго происхожденія», то «грузинскій вечеръ» съ неизбежной національной пляской. Нечего уже и говорить о разнообразности театровъ, о концертѣ пѣвцовъ-соловьевъ — Фигнеровъ. Въ этомъ году особенно оживленъ и удаченъ былъ грузинскій вечеръ, который посѣтилъ главноначальствующій на Кавказѣ генералъ-адъютантъ Шереметевъ. Грузины—одна изъ симпатичнѣйшихъ національностей Кавказа и вообще они отличаются самою тонкою деликатностью и благодарностью, и это выразилось въ томъ, что сейчасъ-же, на вечерѣ-же, составила депутація грузинскихъ студентовъ для выраженія признательности генералу Шереметеву за его посѣщеніе. Красивые грузинскіе типы, яркіе костюмы Кавказа, заставляли уноситься воображеніемъ далеко-

далеко за предѣлы нашего холоднаго сѣвера.

* * *

Впрочемъ и нашу петербургскую интеллигенцію далеко нельзя назвать неотзывчивою къ своимъ талантливымъ представителямъ. Недавно любители русской беллетристики, которыхъ, несмотря на модныя нападки на нее, очень немало у насъ, праздновали 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности И. И. Ясинскаго. Почтенный беллетристъ дважды былъ почетнъ привѣтомъ своихъ почитателей, своихъ товарищей по перу—дома, у себя, и во время четвертаго очереднаго обѣда беллетристовъ. Всѣ рѣчи и экспромты, обращенные къ юбиляру, отличались сердечностью и задушевностью. Другой, юбилей маститаго лирика-поэта и беллетриста—Я. П. Полонскаго, состоялся по случаю семидесятилѣтія его рожденія. Конечно, депутація отъ литераторовъ привѣтствовала въ прозѣ и въ стихахъ этого знаменитаго дѣятеля литературы, всегда высоко и непоколебимо державшаго знамя истиннаго поэта. Я. П., безпокоимый нѣсколько недугомъ, принималъ своихъ почитателей въ креслѣ и, конечно, былъ до глубины сердца разстроганъ ихъ словами. Если сравнить, какъ глубоко понимаетъ поэтическій даръ своихъ поэтовъ Россія и какъ официально относится къ этому хоть-бы

гордая Британія, то самый строгій судья склонился-бы на сторону Россіи. Вотъ-что говорятъ англійскія газеты: «Поэтомъ-лауреатомъ назначенъ Альфредъ Остинъ—поэтъ посредственный, но съ рѣзко шовинистскими тенденціями». Если посредственнаго поэта—а, значить, и всякаго другого дѣятеля—дѣлать не по его дарованію, а лишь по его направленію—то такую націю можно только жалѣть. Примѣръ чествованія Я. П. Полонскаго, всегда своеобразнаго, всегда убѣжденнаго поэта—ярко высказывается въ пользу насъ.

* * *

Пробѣгая теперь вообще всѣ замѣтки относительно общественной нашей жизни—поражаешься невольно искренне-бодрымъ и оптимистическимъ тономъ ихъ, рѣзко отличающимся отъ прежняго еще недавняго вытѣ и унынія по поводу всего и вездѣ. Искренне желаемъ чтобы настоящій фельетонъ нашей общественной хроники совпалъ съ настроеніемъ нашихъ новыхъ и старыхъ подписчиковъ. Мы всей душой вѣримъ въ будущее нашей общественной организаціи, нашего общественаго улучшенія. И да будутъ правы тѣ изъ нашихъ читателей, которые при встрѣчѣ Нового года, съ полными бокалами любимого вина, исполнятся радужной и справедливой надежды!..

Муръ.

— Министерством народного просвѣщенія, 16-го текущаго декабря, утверждено положеніе о стипендіи имени вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Л. А. Рукавишниковой при обществѣ братства св. Кирилла и Мефодія, основанномъ для помѣщенія на полномъ содержаніи отъ братства бѣдныхъ учениковъ нижегородской гимназіи. Стипендія учреждается на проценты съ капитала въ 4,250 р.

ИСКУССТВО.

Выставка картинъ И. К. Айвазовскаго. 28-го декабря, въ залахъ «Императорскаго общества поощренія художествъ» открылась 120-я выставка картинъ нашего знаменитаго мариниста И. К. Айвазовскаго. Выдѣляются слѣдующія три картины: «На Олимпѣ», «Нептунъ съ Амфитридой» и «Отъ штиля къ урагану». Особенно много разговора вызвала первая картина, изображающая Юпитера, среди боговъ и богинь встрѣчающаго Венеру съ моря. Художникъ изобразилъ Олимпъ, застроенный величественными храмами (одинъ изъ нихъ изображаетъ храмъ Тезея); на площадкѣ передъ однимъ изъ этихъ храмовъ, отдѣленной отъ моря роскошною растительностью и украшенной фонтанами, размѣстились группами олимпийскіе боги и богини, окружая громовержца-Юпитера, который встрѣчаетъ Венеру, выходящую изъ воды. Оживленныя группы стоятъ также у картины «Отъ штиля къ урагану». На полотнѣ, занимающемъ чуть-ли не всю стѣну, изображены постепенные переходы отъ штиля къ урагану. Выставка раздѣляется на два отдѣла: къ первому относятся написанныя художникомъ въ текущемъ году всевозможныя морскія виды (28), ко второму—картины, представляющія воспоминанія о путешествіяхъ. Въ послѣдней группѣ собраны картины, наброски которыхъ были сдѣланы художникомъ во время его многочисленныхъ путешествій, но своевременно не окончены. Тяжелое впечатлѣніе производитъ картина «Среди волнъ», изображающая моментъ, когда на спасшихся на какомъ-то бревнѣ пловцовъ, точно разъяренный звѣрь, набѣгаетъ шквалъ. На тотъ-же сюжетъ написана картина «Послѣ заката на океанѣ».

— Открыта посмертная выставка картинъ бывшаго ректора академіи художествъ покойнаго П. В. Шамшина. Выставка помѣщается въ д. № 29, по В. Конюшенной (гдѣ аукціонный залъ). На ней собрано до 20 картинъ съ сюжетами религіознаго содержанія, историческими и жанровыми. Есть тутъ три большихъ картины на темы изъ русской исторіи—«Возведеніе на царство Михаила Феодоровича», «Покореніе Казани» и «Петръ I спасаетъ на взморьѣ утопающихъ».

— Въ залахъ «Императорскаго общества поощренія художествъ» собраны художественныя работы учениковъ школы общества. Живописныя, скульптурныя, маіоликовыя, фарфоровыя и прочія произведенія учениковъ свидѣлствуютъ о годичной дѣятельности школы, являясь иллюстрированнымъ отчетомъ. Многія картины и художественныя вещицы, представленные учениками на конкурсъ, могутъ поспорить съ заправскими произведеніями художниковъ.

— Св. Синодъ предписалъ епархіальнымъ начальствамъ составить списки церковныхъ и монастырскихъ рѣдкостей во всѣхъ ви-

дахъ: Царскихъ грамотъ и Высочайшихъ указовъ, старинныхъ рукописей, старопечатныхъ книгъ, драгоцѣнной утвари и другихъ цѣнныхъ памятниковъ историческихъ, археологическихъ и художественныхъ. Списки эти должны быть представлены въ Св. Синодъ въ началѣ будущаго года.

— Въ историческомъ музеѣ, въ Москвѣ, открылась, 26 декабря, пятнадцатая періодическая выставка картинъ общества любителей художествъ. Всего шестьдесятъ картинъ, между коими большое полотно К. Е. Маковского «Ромео и Юлія».

— Съ 15-го января по 15-е февраля будетъ открыта въ Соляномъ городкѣ выставка скульптурныхъ работъ художника В. М. Пашенка, исполненныхъ по заказу комиссіи Всероссийской нижегородской выставки для зданія художественнаго отдѣла. Работы эти состоятъ изъ группъ и отдѣльных фигуръ, символизирующихъ разные роды искусствъ и художественныхъ настроеній, и будутъ выставлены съ отдѣльными частями фасадовъ зданія въ натуральную величину. На выставкѣ будетъ, между прочимъ, также выставлена группа «Сфинксы», бывшая въ салонѣ Парижа 1894 г. и исполненная нынѣ художникомъ Пашенко по заказу покойнаго Императора Александра III.

— К. Е. Маковский работаетъ въ настоящее время надъ громадной картиной—«Призывъ Козьмы Минина къ народу русскому въ Нижнемъ-Новгородѣ».

БИБЛИОГРАФІЯ.

Намъ доставлены слѣдующія новыя книги:

Повѣсти и рассказы. А. Заринъ. Ц. 1 р. 60 коп.

Для книги рассказовъ въ 400 страницъ небольшого формата цѣна нѣсколько высока, особенно при равнодушіи теперешней читающей публики. Рассказы А. Зарина написаны, какъ вообще и всѣ появляющіяся за послѣднее время вещи—легко. Изъ восьми рассказовъ и повѣстей ни одна вещь не можетъ навести на читателя скуку. Это, по нынѣшнимъ скучнымъ временамъ, похвально.

Быть и казаться. Три повѣсти изъ дѣтской жизни Н. А. Соковнина. Изд. А. Ф. Девриена. Ц. 2 р.

Написанныя хорошимъ языкомъ повѣсти Н. А. Соковнина снабжены удачными рисунками художницы Самокишъ-Судковской. Нѣсколько нравоучительный тонъ повѣствованія скупить всю книгу, но въ общемъ ея нельзя не признать полезной для дѣтей. Изданіе весьма изящно.

Кавказскіе рассказы, В. П. Желиховской. Изд. А. Ф. Девриена. Ц. 2 р. 50 к.

Рисунки профессора Шарлеманъ помогаютъ читателю воспроизводить картины, описываемыя опытнымъ перомъ г-жи Желиховской. Юное воображеніе найдетъ въ этой книгѣ много пищи для ума и сердца. Тщныя своеобразныя горцы выступаютъ ярко и интересно.

Мои сказки, Н. Н. Каразина. Изд. А. Ф. Девриена.

Великолѣпная обложка, прекрасные рисунки самого автора—все это дѣлаетъ «Мои сказки» однимъ изъ лучшихъ изданій для дѣтей. Издатель Девриенъ славится уже давно не только изяществомъ, но даже роскошью выпускаемыхъ имъ книгъ. Полные драматическаго интереса рассказы маститаго автора изъ восточнаго быта—тоже стяжали уже себѣ не малую извѣстность. Въ этой цѣнной книгѣ—8 литографій, 100 рисунковъ въ текстѣ и прекрасный портретъ автора.

Сказки русскаго народа. Подъ ред. А. Гатицука. Вып. VI. Ц. 25 к.

Давно знакомыя, избитыя русскія сказки снабжены въ этомъ изданіи такими недурными иллюстраціями, что получаютъ довольно свѣжій интересъ.

Рѣпосчесть. Сказка, перев. О. И. Роговой. Изд. А. Ф. Девриена. Ц. 2 р.

Нѣсколько странное названіе книги произошло отъ буквального перевода имени германскаго волшебника, духа горъ—Рюбелъ. Тутъ собраны всѣ преданія о добромъ покровительствующемъ людямъ духѣ нѣмецкихъ преданій. Переводъ очень старателенъ и снабженъ шестью хромофотографіями.

Разводъ и положеніе женщины, М. И. Кулишера. Ц. 1 р. 50 к.

Эта книга по столь интересному живописующему вопросу раздѣлена авторомъ на слѣдующіе отдѣлы: Предварительныя замѣчанія, формы развода, адюльтеръ, двоеженство, жестокое обращеніе, злонамеренное оставленіе, взаимное отвращеніе, заключеніе. Эта разносторонняя разработка темы показываетъ большую опытность автора и его добросовѣстное отношеніе къ дѣлу.

ЮБИЛЕИ.

Адмиралъ И. П. Панафидинъ и вице-адмиралъ И. Н. Стромилловъ. 21-го декабря исполнилось 50-лѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ члена Александровскаго комитета о раненыхъ адмирала Ивана Павловича Панафидина и состоящаго по флоту вице-адмирала Ивана Николаевича Стромилова. Адмиралъ И. П. Панафидинъ родился 11-го февраля 1817 года, въ службѣ съ 1834 г., произведенъ въ мичманы въ 1835 году, въ лейтенанты въ 1841 году, въ капитанъ-лейтенанты въ 1851 году, въ капитаны 2-го ранга въ 1857 году, въ капитаны 1-го ранга въ 1860 году, въ контръ-адмиралы въ 1869 г., въ вице-адмиралы въ 1871 г. и въ адмиралы 1-го января 1849 года. Членомъ Александровскаго комитета адмиралъ Панафидинъ назначенъ 24-го мая 1883 г. и имѣетъ орденъ до св. Александра Невскаго съ брилліантами включительно и иностранный португальскій Башни и Меча.

Вице-адмиралъ И. Н. Стромилловъ родился 27-го января 1817 года, въ службѣ съ 1834 года, произведенъ въ мичманы въ 1835 году, въ лейтенанты въ 1843 г., въ капитанъ-лейтенанты въ 1850 г., въ капитаны 2-го ранга въ 1859 г., въ капитаны 1-го ранга въ 1862 г., въ контръ-адмиралы въ 1871 г. и въ вице-адмиралы 1-го января 1881 г.

— Профессоръ В. О. Ключевскій и профессоръ Г. А. Воскресенскій. Въ 1896 году исполнится 25 лѣтъ ученой преподавательской дѣятельности ординарнаго профессора Императорскаго московскаго университета и московской духовной академіи по кафедрѣ русской гражданской исторіи д. с. с. В. О. Ключевскаго и экстраординарнаго профессора московской академіи по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и исторіи русской литературы Г. А. Воскресенскаго.

— Профессоръ К. Н. Виноградовъ. Врачи и студенты-медики торжественно чествовали на дняхъ профессора военно-медицинской академіи Константина Николаевича Виноградова, учено-медицинской дѣятельности котораго исполнилось четверть вѣка. Врачи, работающіе подъ руководствомъ юбиляра въ клиникѣ патологической анатоміи поднесли ему адресъ и цѣнный жетонъ-книжку съ факсимиле всѣхъ врачей, участвовавшихъ въ подношеніи. Врачи Обуховской больницы, гдѣ профессоръ Вино-

градовъ былъ съ 1885 года до 1890 года про-
секторомъ, тоже чествовали его адресомъ.

НЕКРОЛОГИ.

Иванъ Федоровичъ Горбуновъ, извѣстный
разсказчикъ, литераторъ и артистъ Импера-
торскихъ театровъ (скончался—24-го декабря,
въ третьемъ часу дня, И. О. выступилъ сна-
чала въ Москвѣ на домашней сценѣ г-жи
Пановой въ спектакль, въ которомъ участво-
валъ и покойный А. Н. Островскій. Шла
пѣса «Не въ свои сани не садись». Горбу-
новъ игралъ полового, Островскій — Мало-
мальскаго. Затѣмъ И. О. дебютировалъ на
сценѣ московскаго Малаго театра въ бене-
фисъ П. М. Садовскаго въ роли купеческаго
гулящаго сына комедіи Владыкина «Образо-
ванность». Въ 1855 году былъ принятъ на
сцену Александринскаго театра послѣ удач-
наго дебюта въ роли Вани въ пьесѣ Стахо-
вича «Ночное» и съ тѣхъ поръ не расста-
вался съ этой сценой, выступая преимуще-
ственно въ народныхъ и бытовыхъ пѣсахъ.
И. О. написалъ много сенокъ и бытовыхъ
разсказовъ. Они печатались въ «Отечествен-
ныхъ Запискахъ» Краевскаго (здѣсь появился
первый разсказ покойнаго «Просто случай»),
«Современникъ», а затѣмъ и въ другихъ из-
даніяхъ. Въ послѣднее время былъ напеча-
танъ солидный, но оставшійся неоконченнымъ,
трудъ покойнаго, составленный по самымъ
полнымъ и разнообразнымъ источникамъ, за-
ключающій въ себѣ біографіи драматическихъ
дѣятелей съ основанія русскаго театра. Боль-
шая часть разсказовъ И. О., возбуждавшихъ
смѣхъ и веселье, имѣли значеніе лишь въ его
устахъ. 27-го декабря И. О. Горбуновъ по-
хороненъ на кладбищѣ Александро-Невскаго
монастыря.

— **Михаилъ Лаврентьевичъ Духонинъ**.
Командиръ 4-го армейскаго корпуса, генераль-
лейтенантъ. — Одинъ изъ славныхъ героевъ
послѣдней русско-турецкой войны скончался
въ Москвѣ. Во время войны онъ коман-
довалъ Подольскимъ полкомъ и находился въ
составѣ 14-й пѣхотной дивизіи подъ началь-
ствомъ М. И. Драгомирова. 15-го іюля 1877
года онъ участвовалъ въ переправѣ черезъ
Дунай у Зимницы, въ бою на Систовскихъ
высотахъ и при взятіи Систова. За отличія
въ этихъ бояхъ И. Л. былъ награжденъ ор-
деномъ св. Георгія 4-й степени. Имя покой-
наго связано также съ знаменитымъ пятимѣ-
сячнымъ «шишкинскимъ сидѣніемъ».

— **Павель Осиповичъ Ристори**. Генераль-
лейтенантъ, членъ главнаго военно-морскаго
суда (скончался на 75-мъ году жизни). По-
койный началъ морскую службу въ каспій-
скомъ флотѣ юнкеромъ и въ 1840 году былъ
произведенъ въ мичманы. Послѣ долгой служ-
бы на морѣ, П. О. перешелъ на военно-су-
дебное поприще. Покойный имѣлъ ордена:
св. Георгія 4 кл., Бѣлаго Орла, св. Владимира
2-й степени и проч.

— **Федоръ Степановичъ Цыцуринъ**. лейбъ-
медикъ, дѣйств. тайн. совѣтъ (скончался 22-го
декабря). Покойный родился въ гор. Вирючѣ,
Воронежской губ., въ 1809 г. По окончаніи
курса въ харьковской гимназіи, онъ поступилъ
въ харьковский университетъ. Послѣ непро-
должительной частной практики Ф. С. былъ
командированъ слушать лекціи въ дерптскій
профессорскій институтъ, въ которомъ удачно
защитилъ диссертацию на степень доктора
медицины.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Собаки въ примѣненіи къ военнымъ цѣ-
лямъ. Въ Дрезденѣ, въ присутствіи высшаго
начальства, было произведено испытаніе въ
пригодности собакъ для военныхъ цѣлей. По-
слѣ нѣкоторой дрессировки собакъ, рота стрѣ-
коваго полка «принца Георга» вступила въ
сраженіе, при которомъ собачья служба мо-
гла найти примѣненіе. Собаки оказали не-
оцѣненные услуги, какъ разсыльные съ при-
казаніями. Не смотря на незнакомую, про-
рѣзанную множествомъ перекрестныхъ тро-
пинокъ, мѣстность, собаки приносили свѣдѣ-
нія о движеніи непріятеля въ одну, двѣ ми-
нуты, пробѣгая разстояніе около полутора
километровъ. При дальнѣйшемъ ходѣ сраже-
нія ихъ употребляли для разнески патроновъ
стрѣлкамъ, находившимся на линіи огня.
Каждая собака, въ особеннаго рода сидѣ-
лѣ, укрѣпленномъ на спинѣ, приносила 350 па-
троновъ и, пробѣгая вдоль линіи, снабжала
ими солдатъ. Наконецъ, собакъ употребили
при отыскиваніи мертвыхъ и раненыхъ, и
здѣсь онѣ превосходно выполнили свою обя-
занность. Нужно еще замѣтить, что маневри-
рующія войска были совершенно незнакомы
собакамъ.

Сила свѣта маяковъ. Свѣтъ прежнихъ
маяковъ, когда для ихъ освѣщенія употреба-
лось масло, равнялся 5,000—6,000 свѣчей, съ
введеніемъ электричества сила свѣта увели-
чилась до 60,000 свѣчей, а при помощи раз-
личныхъ комбинацій съ оптическими прибора-
ми, свѣтъ можно усилить до 900,000 свѣчей.
Но на маякъ, который строится теперь около
Тавра, этотъ источникъ свѣта будетъ еще
болѣе усиленъ. Онъ будетъ равняться 2,500,000
свѣчей и полагаютъ, что этотъ свѣтъ будетъ
рефлектировать на англійскій берегъ.

Безрукій художникъ. Комитетъ «Общества
французскихъ артистовъ» (Société des artistes
français) назначилъ премію въ тысячу фран-
ковъ, пожертвованныхъ для этой цѣли однимъ
любителемъ искусствъ, художнику Франсуа
Монтолону, за два нарисованные имъ ланд-
шафта. Монтолонъ признанный и талантливый
художникъ. Замѣчательно, что онъ безрукій,
и управляетъ кистью и палитрой при помощи
деревянныхъ рукъ, что нисколько не мѣшаетъ
ему рисовать хорошія картины. Въ 1889 г. онъ
получилъ почетный отзывъ, а въ 1890—медаль.

Даровыя аптеки для бѣдныхъ. Благодаря
частной инициативѣ и поддержкѣ муниципаль-
наго совѣта, въ бѣдныхъ округахъ Парижа
основаны аптеки для неимущихъ. Въ нихъ
они получаютъ не только даровыя лекарства,
но и пользуются безплатною медицинскою по-
мощью. Для больницъ это значительное облег-
ченіе, онѣ избавляются отъ значительнаго
числа нетрудныхъ больныхъ.

Потери французской арміи за послѣд-
нія сто лѣтъ. Одинъ французскій врачъ Ланьо,
членъ медицинской академіи, составилъ инте-
ресный отчетъ о потеряхъ, понесенныхъ фран-
цузской арміей въ человѣческихъ жизняхъ въ
войнахъ послѣднихъ ста лѣтъ. Ланьо пришелъ
къ слѣдующимъ результатамъ: съ 1791 по
1800 г. во Франціи призвано было подъ ружье
2,800,000 человѣкъ. Они дрались въ Бельгіи,
на Маасѣ, на Рейнѣ, въ Альпахъ, въ Пире-
неяхъ, въ Ломбардіи и въ Египтѣ. Изъ этого
числа пало въ сраженіяхъ или умерло отъ
болѣзней 2,122,402 человѣка. Съ 1801 года до

сраженія при Ватерлоо Франція выставила
3,157,598 человѣкъ. Битвы этого времени уне-
сли около 2,000,000 солдатъ. Походы 1823,
1828 и 1832 гг. были не такъ кровопролитны;
только завоеваніе Алжира потребовало много
жертвъ, павшихъ отчасти и отъ эпидемій.
Крымская война, въ которую Франція по-
слала 309,268 солдатъ, унесла 95,615 жертвъ.
Итальянская война потребовала изъ 500,000
человѣкъ только 18,675 человѣческихъ жизней.
Экспедиціи въ Китай: Кохинчину и Мексику
потребовали около 48 процентовъ. Въ 1870—
71 году подъ ружьемъ было полтора милліона
французовъ. Ланьо называетъ потери въ эту
войну въ 139,000 убитыхъ и 143,000 ране-
ныхъ; сюда нужно еще присоединить смерт-
ность въ народѣ. Общее число потерь за
этотъ періодъ, по мнѣнію французскаго вра-
ча, достигаетъ до 6,000,000 чел., павшихъ
въ войнахъ французовъ.

Пчеловодство на Сенъ-Готардѣ. Уже
много лѣтъ служащіе на желѣзной дорогѣ,
ведущей черезъ Сенъ-Готардъ, занимаются
пчеловодствомъ. Занятіе это сильно поддержи-
вается начальствомъ дороги. Еще въ 1887
году на сѣверномъ склонѣ Готарда было
только три улья, но съ каждымъ годомъ чи-
сло ихъ увеличивается, такъ что въ текущемъ
году количество ульевъ дошло до 257, изъ
нихъ 110 на южномъ склонѣ, а 147 на сѣвер-
номъ склонѣ горы. Въ 1894 году было собра-
но 3,550 фунтовъ меду.

Отапливаемые фургоны для перевозки
горячей пищи. Въ настоящее время такіе
фургоны на улицахъ Берлина представляютъ
весьма обыкновенное явленіе; за весьма ни-
чтожную плату они доставляютъ горячую пи-
щу рабочимъ или вообще людямъ, занятія ко-
торыхъ держатъ ихъ вдали отъ дома. До
сихъ поръ этимъ нововведеніемъ пользова-
лись только лица, у которыхъ существуетъ
семейная обстановка, слѣдовательно есть ко-
му приготовить обѣдъ и отправить его съ
экипажемъ, пробѣжающимъ въ опредѣленный
часъ мимо дома. Теперь же дѣятельность
этихъ фургоновъ находитъ болѣе обширное
примѣненіе. Дѣло идетъ о доставленіи горя-
чей, вкусной и питательной и, нужно приба-
вить, обязательно дешевой пищи неженатымъ
рабочимъ и работницамъ Берлина, занятымъ
въ разныхъ его концахъ. Управленіе деше-
выхъ берлинскихъ столовыхъ вошло въ сно-
шеніе съ обществомъ отапливаемыхъ фурго-
новъ и съ 1-го октября 1895 года рабочіе
могутъ, сообразуясь съ предлагаемой имъ
обѣденной картой, заказать обѣдъ на другой
день, цѣной отъ 12 до 15 копѣекъ, который
и будетъ во время доставленъ на мѣсто ра-
боты отапливаемымъ фургономъ. Заказы на
слѣдующій день принимаетъ кучеръ фургона.
Пользуясь горячей пищей, рабочіе не будутъ
такъ скоро утомляться, особенно при тяже-
лой работѣ, и организмъ, благодаря болѣе
здоровому питанію, будетъ имѣть болѣе
силъ противостоять болѣзнямъ.

Какъ удалить попавшую въ глазъ сорин-
ку. Часто случается, что въ глазъ попадетъ
мошка или какая-нибудь соринка, удалить ко-
торая бываетъ иногда очень трудно. Растира-
ніе глазъ пальцами только усиливаетъ боль.
Существуетъ весьма простое средство, до-
ступное всякому. Достаточно разъ 12 про-
моргать верхнимъ вѣкомъ, и посторонній
предметъ удалится со слезой.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Св. Іоаннъ Креститель. Рис. профес. А. Г. Шарлеманъ.

Предтеча Христа, св. Іоаннъ Креститель изображенъ профессоромъ Шарлеманемъ въ красивой вдохновенной позѣ. Его энергичное, ослепленное зноемъ солнца лицо проникнуто великимъ благоговѣніемъ и глубокимъ сознаніемъ божественнаго долга. Онъ простираетъ одну руку къ небу, призываетъ имя Господне и воздвигаетъ крестъ, бывшій знаменемъ гибели встарину, ставшій знаменемъ спасенія въ наши дни.

Съ Новымъ годомъ. Рисоваль художникъ И. Водзинскій.

«Онъ втроемъ. Одна другой мѣлѣ...
На ихъ устахъ дрожитъ веселый смѣхъ;
И далеки земныхъ печалей всѣхъ,
Онъ надеждой блещутъ все свѣтаѣ...»

Онъ идутъ; сіяютъ ихъ бокалы;
Шуршитъ нарядовъ шелковая ткань;
И заплативъ веселой шуткѣ дань
Горятъ уста—трепещущи и алы...

Онъ втроемъ лепечутъ: «Съ Новымъ годомъ!»
И хоть не вѣршишь въ будущее ты—
Свѣтаѣ при нихъ становятся мечты
И ты при нихъ не хмуришься невгодамъ...»

Трудный отвѣтъ. Съ картины художника Е. Мейзеля.

— И такъ, вы, прелестная Гретхенъ, не любите меня?—спрашиваетъ молодой рыцарь дочку богатого бюргера. Онъ завернулъ въ ихъ домъ невзначай и засталъ даму своей души одну. Сидятъ они въ погребѣ хозяина, гдѣ таятся ряды полныхъ виномъ бочекъ.

Рыцарь уже, видимо, попробовалъ вина лучшаго сорта и все живѣе и горячѣе ухаживаетъ за хорошенькой Гретхенъ...

— Ахъ, оставьте меня, герръ фонъ-дёръ Борнъ!—защищается она.

— Почему это, моя красавица?

— Вы—важный кавалеръ, вы—для баронессы, для графини завидный женихъ; а я незнакома...

— Но если я искренно люблю тебя? Если я тебя сдѣлаю владычицей моего замка?—Гретхенъ не сразу даетъ тяжелый отвѣтъ. Но, кажется, лукавый, хитрый рыцарь окажется побѣдителемъ!

Родные углы. Съ новой картины профессора Ю. Ю. Клевера.

Типичный русскій пейзажикъ, настолько-же незабывливый и хмуры, насколько милый и простой. Это хуторокъ, полускрытый сугробами снѣга, освѣщенный теперъ облетѣвшею листвою. Все дышетъ здѣсь тишью, захоластываетъ. Путникъ, пробирющійся въ родные углы, шагающій по глубокому снѣгу, гадательно глядитъ на готовую вполнѣ раскрыться передъ нимъ памятную картину родимаго жилья. И невольно чувствуетъ одинокой, усталый путникъ въ душѣ жгучій вопросъ—живы-ли родные? Что было, что случилось съ ними?..

Запоздалая елка. Оригинальный рисунокъ художника В. Амосова.

Подъ Рождество и подъ Новый годъ многие добрые люди стараются помочь бѣднякамъ. То появляется объявленіе, что такое-то общество для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство устраиваетъ елку для всѣхъ покровительствуемыхъ имъ бѣдныхъ дѣтей; то состоятельные люди отправляются по квартирамъ неизвестныхъ бѣдняковъ, и тогда происходятъ сцены, похожія на изображенную на картинѣ В. Амосова. Дѣтямъ, не бывшимъ, можетъ, дня два—несутъ елку, лакомство, появляются нѣкоторая роскошь... Эта дама собралась на благотворительные подвиги нѣсколько поздно; уже прошло Рождество, и она привезла своимъ бѣднякамъ помощь

наканунѣ Нового года. Конечно, тѣмъ не менѣе, бѣдная семья въ восторгѣ. Сколько соблазнительнаго содержать въ себѣ эти корзины! Сколько радостей доставить ребятишкамъ и эта запоздалая елка! Хотъ разъ въ годъ вздохнуть бѣдняки. Лучше поздно, чѣмъ никогда!

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Парижъ. Л. Х—шова. Ни одно не подошло. Петербургъ. Ал. Мих—скому. Переводовъ со стороны не беремъ.

Чистополь. Д. Е. Л—о. «Громада», къ сожалѣнію, не удобна для насъ.

Черниговъ. Г. Пер—вой. «Къ роднымъ берегамъ» не будетъ напечатано.

Петербургъ. Из. Ст—чу. Слишкомъ данно для нашего журнала.

Станція Плюсса. Г. Петрову. Не будетъ помѣщено.

Не будутъ напечатаны стихотворенія: «Совѣтъ» и другія, К. В. Кр—ча; «Тишина! тишина!» и др., А. Надинаго; «Ей!» И. И. Рог—ва; «Зима», О. Л. М—ковской; «Отрывокъ изъ дневника», ст. О. Бод—ской; «Желанія души незабывой», В. Л—тева; «Зима», Н. И. Коз—на.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ПРИВИЛЕГІЯ ЗАЯВЛЕНА

ИЗЪ ТРАВЫ
ЧЕРЕДЫ

ДѢТСКОЕ МЫЛО

А.М.Остроумова.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обзоръ» (СПб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“
Историческій романъ А. Михайлова.
Цена 1 руб. 5 к.

НЕОБХОДИМО
всякому, имѣющему занятіе на открытомъ воздухѣ, какъ-то: для гг. военныхъ, инженеровъ, охотниковъ, золото-промышленниковъ, моряковъ, и служащихъ на желѣзн. дорог., а также замѣняющихъ домашній пиджакъ
Вязанная куртка изъ англійской крученой шерсти.
Цѣна: 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелковыми рукавами 15 и 18 руб.
Цвѣта: черныя, темн. синія, коричневыя, сѣрыя и бордо.
ПЕРЕСЫЛКА 1 руб.
При выпискѣ необходима хѣра вокругъ туловища. № 2216—28
въ специальномъ магаз. бѣлья
Ю. ГОТЛИБЪ
СПб. По Владимірскому пр. д. № 2
уголъ Невскаго пр. —31,
Прейс-куррантъ высылается бесплатно

Главное депо часовъ
Эд. Вурхардъ.
СПб., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
2) по Невскому пр., № 6, прот. М. Морской.
Большой выборъ всевозможныхъ часовъ лучш. фабрикъ по самымъ умѣр. цѣнамъ
Никелевые... отъ 6 р. 50 к. до 15 р.
Стальные (черные)... 10 р. — 20
Серебряные мужскіе и дамскіе... 12 — 75
Золотые мужскіе... 50 — 500
Золотые дамскіе... 25 — 100
Регуляторы 2-хъ и 3-хъ... 17 — 65
Будильники... 4 р. 50 к. — 25
Гг. Инородникамъ весьма малозначимымъ платежамъ. Прейс-куррантъ высылаю бесплатно. Карманные часы сумасшедше 10 р. высылаются почтой на счетъ моего магазина. № 1229-1

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ.
—5 СПб., Невскій, 59. № 2261.

НАИЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ САМОГО СЕБЯ.
Портмоне изъ наилучшей черной опойки заграничной выдѣлки съ матовымъ лоскомъ, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ для звонкой монеты. Корпусъ изъ одного куска съ механическимъ затворомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски.
Въ штемпелѣ можно помѣстить имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и коронку. Наружная величина 21/2X11/2, вершка. Цѣна со штемпелемъ съ персильскою въ Европейскую Россію 1 шт. 2 р., 2 шт. 3 75 к., въ Азіатскую—съ прибавленіемъ въсѣхъ за 1 фунтъ за каждую пару. Съ мал. плат. за каждую пару. Съ нѣм. плат. на 10 к. больше.
Также дамскія изящныя разбѣромъ 11/2X11/2, вершка, по тѣмъ же цѣнамъ.
На Фабрику.
Американ. Каучун. Штемпелъ
М. Фишманъ
Варшава, Бѣланская № 28

НОВОСТЬ!
Цвѣточная вода
РАЛЛЕ
замѣняющая духи, фл. 1 р. и 60 к.
Геміотропъ,
Ландышъ,
Илангъ, и т. п.
Поставщикъ въ высочайшаго двора
А. Ралле и К^о.
Невскій, 13 и Садовая 25. —8

№ 2305—5
ВЫИГРЫШ
имѣ 1, 2 и 3 выигрываетъ
БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, НЕВСКІЙ, СПБ.

Фирма премирована на европейскіхъ выставкахъ десятию золот. медалями и высшими знаками.
Косметические СПЕРМАЦЕТОВЫЕ, ЛИЧНЫЕ
УТИРАЛЬНИКИ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ
При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 к., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 р., 4 пачки съ пер. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись. Энглундъ красными чернилами и марку С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОСМЕТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей РОССІИ А. Энглундъ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Михайловская площ., д. Жербина, № 2. № 2041—10

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ!
реком. въ больш. выѣ. и по умѣр. цѣнамъ всевозм. механ. инструменты: дѣтск. ари. тоны 6 р., интона 10 р., серафинъ 14 р., аристонъ-органъ 20 р., герофонъ 25 р., манопанъ 35 и 55 р., піано-мелодико 70, 75 р. и дор., самоигр. съ моторомъ 225 р., органы съ дерев. флейтами самоигр. 225 р.
Механич. піанино на котор. можно ругами и посредствомъ верт. ручки отъ 550 р.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ. І. Ф. МЮЛЛЕРЪ МОСКВА
МОСКВА, ПЕТРОВКА. № 2310-2 Иллюстр. прейс-куррантъ бесплатно.

КУЛАКОВЪ.
ФАБРИКА
торговаго дома
музыкальныхъ инструментовъ
Андрей Емельяновичъ
КУЛАКОВЪ.
въ С.-Петербургѣ,
Садовая ул., № 40.
ГИТАРЫ
Солідной работы и отличнаго тона
рекомендуются
по 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 17, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 руб. и до 100 р.
СКРИПКИ по 2 р. 3, 4, 5, 6, 7, 10,
15, 20, 20, 40 50 руб. и до 100 р.
Иллюстрированный прейс-куррантъ всѣмъ инструментамъ высылается
БЕЗПЛАТНО.
№ 2205—31,

Поступило въ продажу новое изданіе
Ф. ПАВЛЕНКОВА:
СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА
 въ Европѣ и Америкѣ.
 Б. БРАНДА. Спб., 1896 г. 160 стр. Цѣна 60 к.

Поступило въ продажу новое изданіе
Ф. ПАВЛЕНКОВА:
ПСИХОЛОГІЯ ХАРАКТЕРА ПОЛАНА.
 Переводъ съ француз. подъ редакціей и съ предисл. Р. И. Сементковскаго. Цѣна 75 к.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ
 УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

**ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ
 ЛАБОРАТОРІЯ**
 ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПРЯМЪ.

КОЛЬДЪ-КРЕМЪ

КОЛЬДЪ-КРЕМЪ
 ВАЗЕЛИНЪ

КРЕМЪ де ЛИСЪ
 де НИНОНЪ для кожи.

МАГАЗИНЫ въ С.-ПЕТЕРБУРГѣ:
 Вознесенск. и просп. уголь Казанск. ул. домъ № 24-32.
 НЕВСКИЙ ПР. № 32. и НЕВСКИЙ ПР. № 66.

МАГАЗИНЪ въ МОСКВѣ: въ Кузнецкомъ мосту, въ Пустомъ переулке.

4711

Лучшій цвѣточный
„РЕЙНСКІЕ“
 ПРЕВОСХ.
 ИДЕШЕВ. ДУХИ

О-де-колонъ.
 № 4711
БУКЕТЫ“
 ПРОДОЛЖИТЬ
 для ПЛАТКОВЪ

Всѣхъ цвѣточныхъ и модныхъ ЗАПACHОВЪ

РОДАЮТ. ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

4711

И ПАРФЮМЕР. МАГАЗИНАХЪ.

2336-1

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ Спб. и Москвы поступили въ продажу новыя книги:

«НАДЪ ПРОПАСТЬЮ». Повѣсть К. В. Назарьевой. 162 стр. Цѣна 75 к.
 «БРАКЪ КАКИХЪ МАЛО». Романъ К. Назарьевой. Цѣна 75 к.

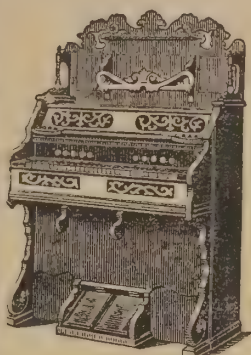
«РЫЦАРЬ ТЬМЫ». Романъ К. Назарьевой. 278 стр. Цѣна 75 к.
 «СТРАШНАЯ МЕСТЬ». Романъ, соч. А. Елизарова. Цѣна 75 к.

Складъ изданій: Спб., невискій пр., у Анничкина моста, д. 68 — 40.

Только что отпечатано и поступило въ продажу во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. К. ШЕЛЛЕРА (А. МИХАЙЛОВА).
 15 большихъ томовъ (по 512 страницъ каждый). Цѣна 25 р. за всѣ тома; за отдѣльный томъ цѣна 2 руб.

ВЕСЬМА ПРИЯТНАГО, МЯГКАГО ТОНА.

ФИСГАРМОНИИ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ
**ШИДМАЙЕРА,
 КАРПЕНТЕРА**
 и другихъ лучшихъ фабрикъ:

въ 85, 100, 110, 125, 130, 140, 150,
 160, 180, 190, 200, 250, 275, 300,
 325, 350, 400, 450, 500, 700, 800 и
 1,000 руб.

(Американская Фисгармонія) Школа самоучитель Пахе, 2 руб.
 КАРПЕНТЕРЪ въ 200 р.)

Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

Спб., Б. Морская, № 34—40, Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.
 № 805 1

ПРОСТОЙ, ПРОЧНОЙ КОНСТРУКЦИИ!

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ въ 1881 г.
 Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 37.
 Основной и запасные капиталы 23.000,000 руб.

Общество заключаетъ:

Страхованіе жизни,

т. е. капиталовъ и доходовъ для обезпеченія семьи или собственной старости, приданаго для дѣвушекъ, стипендій для мальчиковъ и т. п., на особо выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.

Въ 1 Января 1895 г. въ Обществѣ «Россія» было застраховано 31,701 лицо на капиталъ въ 82.708,760 руб.

Страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ

какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, — съ уменьшеніемъ страховыхъ взносовъ въслѣдствіе зачета дивиденда;

Страхованіе отъ огня

Движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода (строений, машинъ, товаровъ, мебели и проч.);

Страхованіе транспортовъ

рѣчныхъ, сухопутныхъ и морскихъ; страхованіе корпусовъ судовъ.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. д., № 37) и Агентами Общества въ другихъ городахъ Имперіи.

Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ.

№ 2331 4—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 г.

364 № еженд. газеты **НОВОСТИ ДНЯ,**

годъ изданія XIV,

и БЕСПЛАТНОЕ КЪ ГАЗЕТѢ ПРИЛОЖЕНІЕ

52 № еженедѣльн. иллюстр. журнала **СЕМЬЯ**

съ иллюстраціями и портретами іерарховъ православной церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей на злобу дня.

Въ 1896 г., въ виду предстоящаго Священнаго Коронованія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ „СЕМЬЯ“ даетъ на своихъ страницахъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этому знаменательному событію.

Въ будущемъ году предстоитъ открытіе Всероссийской художественно-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ; „СЕМЬЯ“ посвятитъ выставкѣ рядъ своихъ номеровъ; на ряду съ описаніемъ будетъ помещенъ альбомъ иллюстрацій по всѣмъ отдѣламъ будущей выставки.

Подписная цѣна: для иногородныхъ на годъ 10 р., на полгода 5 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р., въ МОСКВѣ 8 р., 5 р. и 3 р.

„СЕМЬЯ“ отдѣльно 3 р., а съ еженѣщными книгами

12 „НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“

5 руб. Отдѣльно «Новости иностранной литературы» 3 руб.
 ВСѢ ТРИ ИЗДАНІЯ 13 р.

Адресъ: Москва, «Новости дня», собств. д.

НА ГОДЪ:
8 РУБ.
Съ доставкою и
пересылкою по
Имперіи.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 84-й. — (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ) — ГОДЪ ИЗДАНІЯ 84-й.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ПЕЧАТАЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНО (ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ) ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 48,500 ЭКЗ.

НА ПОЛГОДА:
4 Р 50 К.
Съ доставкою и
пересылкою по
Имперіи.

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ.

Газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» съ 4-го октября 1895 года вступила въ **восемьдесятъ четвертый годъ** своего существованія.

Газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», безусловно независимая и самостоятельная, попрежнему будетъ, по мѣрѣ силъ, служить общему дѣлу въ интересахъ дорогого Отечества, Церкви и Русскаго народа.

Въ виду совершенныхъ реформъ по улучшенію какъ внутренняго содержанія, такъ и внѣшняго вида, газета въ короткий срокъ снова заняла видное мѣсто среди ежедневныхъ изданій, что дало матеріальную возможность, не возвышая прежней скромной ея подписной цѣны, привлечь лучшія журнальныя силы къ по-

стоянному сотрудничеству въ газетѣ и, такимъ путемъ, внести въ изданіе оживленіе и отзывчивость на всѣ общественныя явленія, а также увеличить размѣръ ежедневныхъ номеровъ газеты до формата дорогихъ большихъ столичныхъ изданій, помѣщая въ выдающихся свѣдѣнія и извѣстія **ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.**

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ помѣщаются новыя литературныя произведенія русскихъ и иностранныхъ писателей въ такомъ обиліи, какъ ни въ одномъ другомъ ежедневномъ изданіи.

Изъ краткой приведенной выше программы видно, что газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», въ обновленномъ видѣ,

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ, ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ, ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получаютъ бесплатно:

- 1) **52 НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ**, печатаемыхъ на веленовой глазированной бумагѣ, въ видѣ **ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА**, гдѣ помѣщаются историческіе и современные романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія. Больше 300 художественныхъ рисунковъ, а именно: портреты историческихъ и современныхъ общественныхъ дѣятелей, историческія, бытовые и современные иллюстраціи, имѣющія непосредственное отношеніе къ совершившимся событіямъ, т. е. къ «злобѣ дня», за текущую недѣлю, а также карикатуры, шахматныя, шашечныя задачи и проч.

ПРЕДСТОЯЩІЯ ВАЖНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СОБЫТІЯ ВЪ 1896 ГОДУ:

- 1) **СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ**
- 2) **ВСЕРОССИЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА,**

будутъ даны на страницахъ газеты въ цѣломъ рядѣ оригинальныхъ рисунковъ и подробныхъ описаній специальныхъ корреспондентовъ.

- 2) **ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ — «МОДЫ И РУКОДѢЛІЯ»**. Нумера выходятъ ежемѣсячно и замѣняютъ собою для семействъ дорогой специальный «Модный Журналъ». Въ каждомъ номерѣ помѣщаются рисунки костюмовъ, отличающихся изяществомъ и легкимъ исполненіемъ,
- 3) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ (СЪ КАРТОЮ РОССИИ)**, отпечатанный въ три краски разсылается при первомъ номерѣ.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

- 4) «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» (первое изданіе), при теперешнемъ ея издателѣ, всѣ годовые подписчики газеты, въ 1896 году, получаютъ бесплатно и безъ всякой доплаты за пересылку новое самостоятельное изданіе:

Избранныя литературныя произведенія талантливаго и любимаго читателями русскаго писателя

А. МИХАЙЛОВА

Въ этихъ книгахъ будутъ помѣщены: портретъ, біографія автора и два большихъ романа —

- 1) «ЖИЗНЬ ШУПОВА». — II) «ЛѢСЪ РУБЯТЪ — ЩЕПКИ ЛЕТЯТЪ».

Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ изданій — **ПЯТЬ РУБЛЕЙ.**

Подписная цѣна на газету «Сынъ Отечества» (первое изданіе):

НА ГОДЪ съ доставкою въ Спб. и пересылкою — **8 р.** — На полгода **4 р. 50 к.** — На три мѣсяца **2 р. 50 к.**

РАЗСРОЧКА ВЗНОВОВЪ НА ДРУГІЕ СРОКИ ДОПУСКАЕТСЯ для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а для другихъ лицъ по соглашенію съ Конторою.

Годовые подписчики газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» (перваго или втораго изданія), желающіе пріобрѣсти, на выборъ, новыя художественныя произведенія или другіе за прежніе года, уплачиваютъ за каждый экземпляръ повтрета Ихъ Императорскихъ Величествъ или картины (съ доставкой на скамьи) — **ОДИНЪ РУБЛЬ.** Безъ доставки въ Спб. — **75 к.** Неподписчики — **ТРИ РУБЛЯ** (за два экземпляра портретовъ — **ПЯТЬ** рублей).

1) **НОВЫЕ ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:**

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ТЕОДОРОВНЫ.

Е. И. В. Государь Императоръ изображенъ въ натуральную величину (поисной), въ парадной формѣ л.-г. гусарскаго полка, а Е. И. В. Государыня Императрица Александра Теодоровна изображена въ парадномъ русскомъ нарядѣ и кокошникѣ. Портреты отпечатаны въ 27 красокъ, на пергаментной бумагѣ, съ рельефомъ. Размѣръ портретовъ: высота 20 вершковъ, ширина 16 вершковъ.

- 2) **АВОНЪ ПРИ ЛУННОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.** Новая большая картина, воспроизвед. въ 20 крас., съ оригина. проф. Ю. Ю. КЛЕВЕРА. (Размѣръ: 22×16 в.). Картина эта изображаетъ роскошный восточный пейзажъ, богатый художественными эффектами.

- 3) **БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ.** Съ оригинала профессора И. Е. Рѣпина. Картина отпечатана въ 18 красокъ (Размѣръ: длина 22 в., выш. 16 вершк.).
- 4) **ЖЕРТВА ВОЛГИ.** Съ оригинала художника С. Верещагина. Картина отпечатана въ 18 красокъ (Размѣръ: длина 22 в., шир. 16 вершк.).

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, У АНИЧКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

№ 1 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 3½ листовъ, а именно: I) 2 листа текста съ 8-ю рисунками. II) «Новѣйшія Парижскія Моды», № 1 съ цвѣтною картинкою «Модные костюмы». III) Обложка на январь съ нотами: — «Съ новымъ годомъ» (маршъ), соч. Н. Маргова, IV) «Стѣнной календарь» на 1896 г. и V) «Еженедѣльная хроника» № 1-й.

Кромѣ того, при № 1 журнала «Живописное Обозрѣніе» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылается ежемѣсячное литературное приложеніе — первая книга «Домашней Библіотеки» (за январь 1896 г.).

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библиотека»: НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. НА ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургѣ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 рублей.

1) Желающіе получить самостоятельно книги журнала „ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА“ (безъ журнала „Живописное Обозрѣніе“), уплачиваютъ за годъ (съ доставкою—4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ „Живописное Обозрѣніе“ безъ книгъ „Домашней Библиотеки“—НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка снова допущается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою

Желающіе получить художественныя изданія, какъ новыя портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, такъ и другія картины, уплачиваютъ за каждый экземпляръ портрета или картины (съ доставкою на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

ЗА ПЕРЕМѢНУ адреса петербургскаго на иногородный, иногородняго на петербургскій, уплачивается рубль, иногородняго на иногородный—28 коп. почтов. марками. На отвѣты и справки необходимо прилагать двѣ 7 коп. почтовыхъ марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 10 до 12 час. пополудни. С.-Петербургъ. Ковенскій переулокъ, собств. домъ, № 14.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

Любимая кукла. Съ картины художника К. Негради.

И дождь прошумѣлъ, и гроза пронеслась,—
А капли все падаютъ—падаютъ...
Смыкаю глаза я; ночникъ мой погасъ;
Но прежнія грезы въ полуночный часъ
Не радуютъ душу, не радуютъ!...

И дрогнетъ душа... знать, не даромъ она
Несетъ двѣ утраты тяжелыя:
Утрату любви, что была такъ полна
Блаженныхъ надеждъ въ дни, когда мать-весна
Дарила ей грезы веселыя.

Другая утрата—довѣрчивый взглядъ
И вѣра въ людей, воспитавшая
Святую мечту, что всѣмъ людямъ я братъ,
Что знанье убьетъ растлѣвающій ядъ
И къ свѣту подниметъ все павшее.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

БЕЗЪ ХОЗЯЙКИ.

(Окончаніе).

III.

ПОЛИНА могла понравиться чрезвычайно не многимъ людямъ. Она, такъ сказать, не брала ни внѣшностью ни чѣмъ, и была, несомнѣнно, гораздо менѣе красива, чѣмъ ея матушка Марья Антоновна. Одно только переняла она отъ матери:—это прелестный бюстъ и замѣчательную грацію; особенно красиво была поставлена ея шея,—отличительная черта итальянокъ.

Жилось Полину не хорошо. Одѣвалась она всегда скромнѣе и бѣднѣе матери, какого либо мнѣнія ея никогда не спрашивали; въ ложѣ итальянской оперы сидѣла она всегда на второмъ, дальнѣйшемъ отъ сцены стулѣ; ближайшій занимала Марья Антоновна; люди въ домѣ прислуживали ей какъ-то мимоходомъ; говорила она очень мало, кокетничать не умѣла.

Очень рано сказался въ ней очень недюжинный талантъ къ музыкѣ, удивительная музыкальная память и любовь къ мелодіи. Но, какъ извѣстно, начинающіе только брещутъ! Это брещанье мѣшало Марьѣ Антоновнѣ, и Полину было позволено заняться скульптурою. Мысль о выборѣ этого рода искусства принадлежала всецѣло ея гувернанткѣ, миссисъ Ресси, ея единственному другу, ближайшему къ ней лицу.

Полину, когда ей минуло пять лѣтъ, стали приискивать гувернантку.

— Я хочу, говорила Марья Антоновна,—копѣчно, взять серьезную, пуританку,—поправить въ Полину то, что могла она получить отъ своей матери.

Выборъ палъ на миссисъ Ресси. Миссисъ Ресси, въ свое время, испила горькую чашу жизни и оставила Англію не даромъ. Мы скажемъ все, сказавъ, что мужъ ея былъ казненъ за отравленіе своей любовницы. Онъ исполнилъ это преступленіе при живой женѣ въ то время какъ была она беременна. Совершенно одновременно совершились два отравленія правосудія: одно людское, рукою палача, другое, правосудіе природы, не менѣе возмутительное, надъ миссисъ Ресси: она выкинула ребенка, на шестомъ мѣсяцѣ беременности.

Будь она другого закала, не пройди она прочнаго, хорошаго воспитанія въ квакерской семьѣ, не будь она основательно приготовлена къ роли воспитательницы, назначеніе, отъ котораго она отклонилась совершенно

случайно—бракомъ и къ которому вернулась послѣ кровавой катастрофы съ мужемъ,—направленіе жизни ея могло-бы быть совершенно другимъ, незавиднымъ.

Но дѣло въ томъ, что главною заслугою нравственныхъ основъ, выносимыхъ изъ семьи, и только изъ семьи, а не изъ школы, является возможность послѣдовательныхъ возрожденій челоѣка въ челоѣкѣ, послѣ тяжелыхъ, роковыхъ минутъ, которыхъ не избѣгнуть никому рѣшительно.

Жизнь треплетъ! Паруса становятся лохмотьями! Составить изъ лохмотьевъ новый парусъ и опять составить, и еще составить—возможно только тому, кто несетъ въ себѣ зародыши идеала, хоть какого-нибудь, хоть маленькаго, хоть смѣшнаго!

Миссисъ Ресси поплыла въ жизни подъ вторымъ парусомъ. Она оставила Англію и мытарствовалась по континенту совершенно свободная отъ того стыда, который слѣдовало бы за ея именъ на родинѣ.

Она поставила своею цѣлью воспитаніе дѣтей. Ея особенно влекли къ себѣ несчастныя дѣти и вотъ почему, побывавъ короткое время въ Саксоніи и, кажется, Франціи, въ очень хорошихъ, представительныхъ семействахъ, она, будучи въ Аркашонѣ, и встрѣтивъ тамъ русскую семью одного изъ богатыхъ нижегородскихъ помѣщиковъ, рѣшилась поѣхать въ Россію: она видѣла, что въ этой семьѣ будетъ дѣло, будетъ трудъ, и она—не ошиблась.

Тамъ-то именно, въ Нижнемъ, въ полномъ разгарѣ ея педагогической дѣятельности, съ тѣмъ миссіонерскимъ отбѣнкомъ, котораго она искала, застало ее приглашеніе въ семью Клѣтова.

Въ заключеніе характеристики миссисъ Ресси надобно добавить, что печальная катастрофа съ ея мужемъ повліяла чрезвычайно характерно на ея религіозныя убѣжденія. Вся пасторская фразеологія отвалилась, а остались только чистѣйшіе перлы вѣры въ Бога и въ безсмертіе души. Это были двѣ хоругви, за которыми она слѣдовала, и путь ея казался ясенъ, простъ и не подлежалъ никакому сомнѣнію.

Полина выросла подъ ея вліяніемъ. Безконечно чаще, чѣмъ съ матерью своею, проводила Полина время съ гувернанткою. Миссисъ Ресси, какъ женщина очень умная,

скоро поняла довольно таки безобразный составъ семьи Клѣтова, поняла трудность положенія Полины и не замедлила привыкаться къ ней всею душою своею. Не легко было ей устроить дѣло такъ, чтобы обезпечить за собою долгое пребываніе въ домѣ; для этого нужно было нравиться Марьѣ Антоновнѣ, умѣть во-время молчать, во-время уходить изъ комнаты, во-время и особенно часто шутить и допускать, иногда, двусмысленныя рѣчи и остроты. Положеніе было несомнѣнно двусмысленно, но миссисъ Ресси мирилась съ нимъ, во вниманіе къ кроткой, любящей, видимо обреченной на тяжелую жизнь Полины.

Не слѣдовало, можетъ быть, Марьѣ Антоновнѣ брать въ домъ свой гувернантку чистѣйшую пуританку по убѣжденію, умѣющую, кромѣ того, гдѣ было нужно, вовсе не проявлять своего пуританства. Не слѣдовало, можетъ быть, миссисъ Ресси воспитывать Полину въ томъ духѣ чистоты душевной и кротости, въ которыхъ она ея воспитала. Но жизнь людская не признаетъ никакой логики, и этимъ обуславливается тотъ высокій интересъ столкновеній, надъ анатомированіемъ котораго трудятся большіе мыслители и напрасно добиваются полнаго уясненія.

Безспорно, велика палитра и неисчислимы краски ея, въ распоряженіи художниковъ слова, усиливающихъ изобразить этотъ духовный міръ. Никогда, никогда не систематизировать ихъ. Наука учитъ тому, что въ солнечномъ спектрѣ всего семь цвѣтовъ, что простыхъ тѣлъ въ мірѣ сегодня, въ настоящую минуту шестьдесятъ шесть. Но кто найдетъ спектръ, кто укажетъ на простыя тѣла, составляющія основу духовной дѣятельности челоѣка?

Полина сложилась—безотвѣтною, робкою, доброю, повидимому, неспособною противустоять желаніямъ своей матушки.

Въ одной изъ недавнихъ бесѣдъ съ гувернанткою и Марья Антоновна заявила сію смѣлѣйшую выдать Полину замужъ за Семезова.

На бракъ этомъ настаивалъ и графъ Базиль; онъ интересовался Семезовымъ и, зная, что Полина—единственная наслѣдница Клѣтова, хлопоталъ о скоромъ разрѣшеніи его.

Подходили-ли одинъ къ другому Семезовъ и Полина?

Кто изъ насъ не помнитъ въ числѣ сказокъ, читанныхъ въ дѣтствѣ, вѣчно повторяющагося въ нихъ типа прекрасной царевны, спящей чудеснымъ, подобнымъ смерти сномъ, разбуженной еще болѣе чудеснымъ, прекраснымъ, храбрымъ царевичемъ? Эти оба совершенно подходятъ другъ къ другу! Слѣдуетъ пробужденіе царевны, свадьба, полное счастье! Звучно и весело играютъ люти, поютъ вѣнчанные вѣнками пѣвцы, свѣтитъ луна, бьютъ фонтаны, рисуется прелестная декорация счастливаго замка; бѣдные люди облагодѣтельствованы, воздухъ насыщенъ ароматами и добрыми феями и все это потому, что найденная царевна и нашедшій ее царевичъ совершенно подходятъ одинъ къ другому.

Но, стоитъ представить себѣ нѣчто другое, наприимѣръ, хотя-бы только то, что царевичъ чрезвычайно уменъ, а разбуженная имъ царевна, при всей красотѣ своей, непроходимо глупа, и посмотрите, что изъ сказки выйдетъ?

Но сказка благоразумно умалчиваетъ о возможности этой неожиданности, и отъ того кончается она такъ складно, такъ звучно играютъ люти, такъ ярко свѣтитъ луна.

Жизнь, напротивъ того, постоянно подсовываетъ неопредѣленности и несоотвѣстствія.

Чѣмъ ниже проявленія жизни въ природѣ, тѣмъ менѣе этихъ несоотвѣстствій, и только поэтому кажется намъ, что природа, на нижнихъ ступеняхъ, идетъ законнѣе нашего.

Въ человѣчествѣ—иначе, совсѣмъ иначе. Мыслители первой руки, которымъ-бы, казалось, и карты въ руки, такъ какъ человѣчество есть порода мысли, остаются не у дѣла, въ загонѣ; люди-же, совершенно лишенные мыслительныхъ способностей, правятъ судьбами человѣчества! Въ природѣ дубъ остается дубомъ, тигръ — тигромъ! Въ человѣчествѣ возможны сумасшедшіе правители, — а развѣ это не то же самое, что тигръ, исполняющій права и обязанности дуба, или наоборотъ?

Это рѣзкій примѣръ, но то же самое случается и въ повседневной жизни, и тутъ-то именно причина всей безконечности разнообразія ея проявленій, причина трагедій и комедій, чего въ остальной природѣ мы не видимъ.

Какъ-бы эффектно могъ сложиться нашъ рассказъ, если-бы Полина представляла изъ себя матеріалъ благодарный въ данномъ случаѣ, дѣвушку совсѣмъ заурядную. Съ какимъ-бы успѣхомъ могли поздравить себя мамаша, графъ и миссисъ Ресси, если-бы имъ въ долгіе годы заботъ и вниманія удалось поставить на ноги дѣвушку, имъ пригодную!

Но Полина, отодвинутая на задній планъ, чрезвычайно сосредоточенная, положительно не проявляла себя и никакого матеріала не давала для положительнаго о ней заключенія.

— Золотая она у васъ дѣвушка!—сказалъ однажды о ней миссисъ Ресси графъ.

Но въ чемъ золотая?

IV.

Какъ было сказано, въ усадьбѣ Клѣтова собралось довольно людное и шумное общество, для наблюденія солнечнаго затмѣнія.

День былъ чрезвычайно ясный, безоблачный, даже жаркій.

Въ тѣни густой, старинной и пы обрѣтался самъ Петръ Петровичъ. Онъ высился подлѣ стола и разливалъ наливки — занятіе, наставшее періодически два раза въ годъ:

осенню—для наливокъ, настоянныхъ минувшею зимою и, — по веснѣ, для настоекъ прошлаго лѣта.

Въ сторонѣ отъ него картина представлялась такъ: небольшой холмъ и на немъ, поверхъ ковра, три фигуры, лежащихъ навзничъ, особъ мужеского пола: у каждаго изъ нихъ въ рукахъ по зрительной трубѣ, устремленной къ солнцу, такъ что въ картинѣ прежде всего бросались въ глаза именно эти трубы.

Вдали, на заднемъ планѣ, сквозь порѣдѣвшую листву, яркимъ зеркаломъ блистала широкая, гладкая поверхность пруда; вправо отъ Петра Петровича и его наливокъ, виднѣлся широкій обставленный цвѣтами и окруженный маркизами балконъ его дома.

Петръ Петровичъ, долгая одну изъ бутылокъ, взглянулъ на часы, повернулся лицомъ къ неподвижно торчавшимъ зрительнымъ трубкамъ и проговорилъ:

— Остается вамъ, господа, до затмѣнія ровно полчаса. Неужели лежать будете?

Трубы зашевелились, исключая одной. Раньше другихъ поднялся молодой Семезовъ — женихъ Полины.

— Ну ужъ, земля у васъ, Петръ Петровичъ, какая твердая, жесткая! Да какого происхожденія у васъ этотъ холмъ?—спросилъ онъ, оглядывая свое платье и пощелкивая по поламъ сюртука рукою.

— Хозяйскаго происхожденія, отвѣтилъ Клѣтовъ.

Со стороны балкона захохотали.

— Т. е. это у васъ нѣчто вроде римскаго Monte-Testaccio, изъ черепковъ битой посуды холмъ выросъ?—замѣтилъ, съ трудомъ поднимаясь съ кресла на ноги, графъ Баннъ.

Опять хохотъ, опять общее движеніе.

Одна только труба не шевелилась и по-должала упорно созерцать небо.

Точно сговорившись между собою, двое вставшихъ подошли къ ней съ разныхъ сторонъ и нагнулись.

— Спать?!

— Дѣйствительно, спать?.. Господинъ астрономъ! Федоръ Тихоничъ! Господинъ Березинскій!

Но господинъ Березинскій оставался неподвиженъ.

При подробномъ осмотрѣ тѣла оказалось, что Федоръ Тихоничъ озабочился о нѣкоторыхъ приспособленіяхъ, для болѣе удобнаго лежанія: одинъ изъ локтей былъ подпертъ кочкою холма, подъ другой положена была небольшая лѣйка, случившаяся тутъ-же. Зрительная труба покоилась въ рукахъ спавшаго, точно въ прочныхъ подставкахъ.

Чрезвычайно комично было лицо его, этотъ вздернутый носъ, эти закрытые глаза, глядѣвшіе въ трубу. Надъ нимъ шушукали, смѣялись, дергали его, — онъ ничего не слышалъ и продолжалъ наблюдать затмѣніе.

Подожелъ и самъ Клѣтовъ и тоже нагнулся, чтобы поглядѣть, и улыбнулся.

— Удивительная натура, удивительная натура, удивительная, — проговорилъ онъ.

— Это у него болѣзнь!—замѣтилъ графъ Баннъ.

— Чисто наша русская черта—снѣчка по желанію. Счастливецъ!

— Хорошо счастье, полжизни пропадаетъ, — возразилъ Семезовъ. — А что, если у него теперь трубу изъ рукъ вынуть — очнется онъ, или нѣтъ?

Едва только прикоснулся Семезовъ къ трубѣ со стороны объектива, какъ Федоръ Тихоничъ проснулся, точно отъ электрическаго

удара, и всюю силою особою вскопчилъ на поги. Онъ былъ, видимо, сконфуженъ и какъ-то бессмысленно озирался на стоявшихъ вокругъ него людей, окруженный ихъ улыбками и ослабленными зубами.

— И это вы можете заснуть всегда, вдругъ, гдѣ угодно?—спросилъ Клѣтовъ.

— Гдѣ угодно, — отвѣтилъ Березинскій.

— Что-же, это у васъ въ воспитаніе входило, что-ли?—вернулъ отъ себя графъ.

Звонкій хохотъ Марьи Антоновны, неожиданно раздавшійся съ балкона, положить конецъ описанной нами сценкѣ. Всѣ присутствовавшіе обернулись въ сторону смѣха и направились на встрѣчу къ дамамъ, сходящимъ съ балкона.

Хозяйка, въ сопровожденіи гувернантки Полины, миссисъ Ресси, въ роскошномъ бѣломъ пенуарѣ, только что одѣлась и явилась къ гостямъ сіяющая, спокойная, раздущенная, свѣжая. Все еще прелестные черные глаза ея, слегка отгнѣнные кисточкой, брови, богатый медальонъ на ярко-пунсовой бархатной ленточкѣ, бронзовые полусапожки, виднѣвшіеся изъ подъ значительно приподнятаго спереди пенуара, — все это было гармонично, кстаті, глядѣло весело.

Поводъ къ смѣху Марья Антоновнѣ подала гувернантка.

— Вообразите себѣ, — заговорила Марья Антоновна, поздоровавшись съ гостями, — что миссисъ Ресси обладаетъ замѣчательною способностью рассказывать свои сны. Они у нея, какъ оказывается, въ зависимости отъ запаха цвѣтовъ.

— Какъ такъ?—спросилъ Клѣтовъ.

— Третьяго дня Анатолій Николаевичъ составилъ для Полины букетъ изъ геліотроповъ, — миссисъ видѣла одинъ сонъ; вчера въ въ букетѣ преобладала резеда, и — сонъ былъ совершенно другой, очень, очень характеристичный.

— Какой же именно? — спросилъ графъ Баннъ, дѣлая видъ, будто онъ заинтересованъ снами пожилой миссисъ, и не коса поглядѣлъ на Марью Антоновну.

— А пускай сама расскажетъ, только безъ пропусковъ, — замѣтила Марья Антоновна, отходя къ линѣ и садясь подлѣ наливокъ.

— Какъ, безъ пропусковъ? Значитъ, есть, что пропускать, самое интересное! — спросилъ Семезовъ, подсаживаясь къ Марьѣ Антоновнѣ.

— Господа! Съ наливками осторожнѣе! Не пролейте! — возгласилъ Клѣтовъ, тоже подойдя къ столу и отодвигая бутылки, стоявшія слишкомъ близко къ краю.

— Третьяго дня, — начала миссисъ... Марья Антоновна перебила ее:

— Но вѣдь вы не все-же имъ скажете, что вы мнѣ говорили?

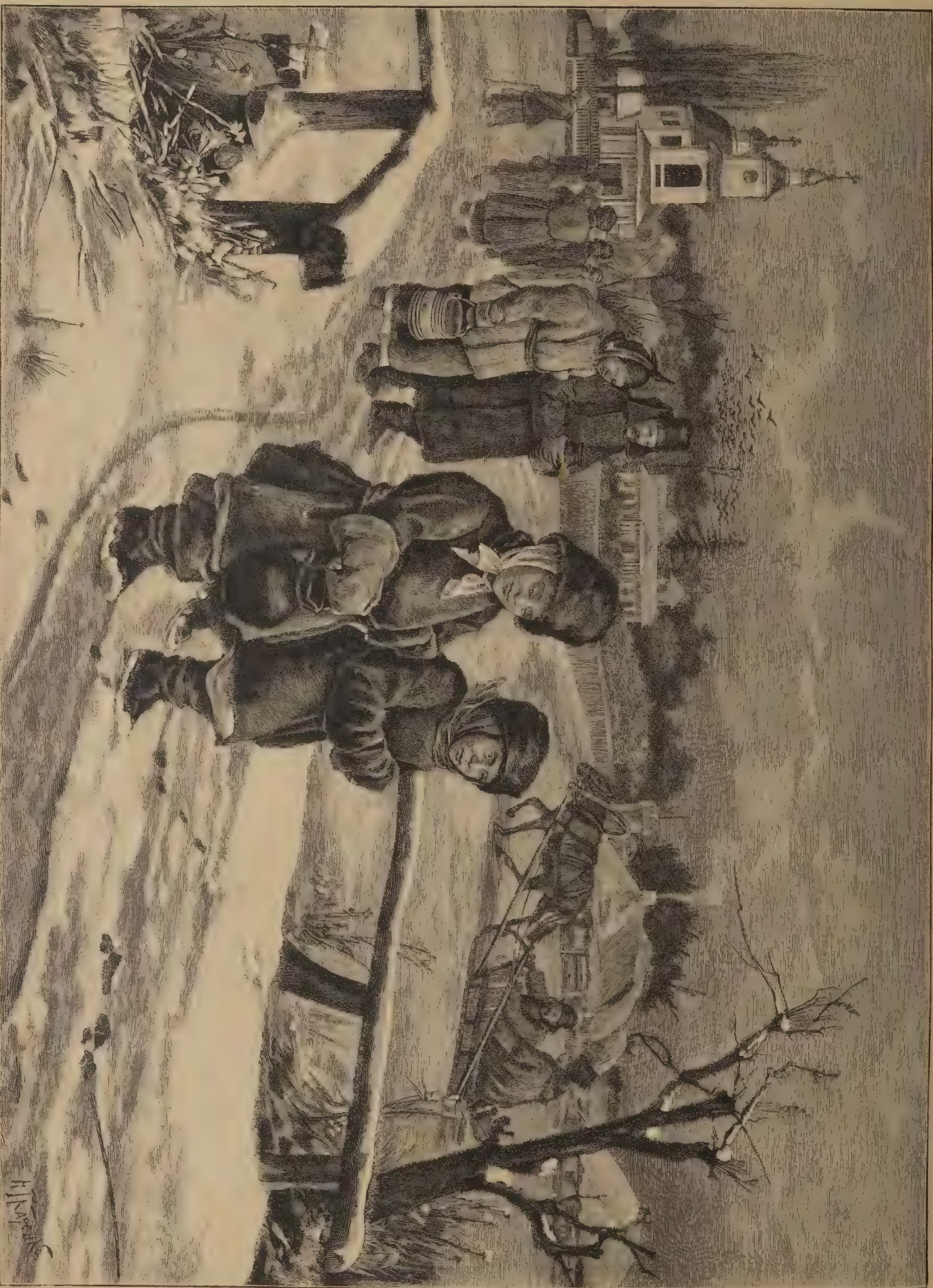
— Нѣтъ, все, все, пожалуйста все, — быстро проговорилъ Семезовъ...

— И такъ, слушайте, господа! — начала вторично миссисъ, объясняясь очень бѣгло, но съ сильнымъ акцентомъ и слегка картавя, — букетъ изъ геліотроповъ стоялъ подлѣ меня на столѣ...

— Сѣти подтаскиваютъ-сь! — рявкнулъ неожиданно кучеръ Дормидонтъ, появившійся со стороны пруда, въ красной кумачевой рубашкѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, босоногій, въ нестрыхъ коленкоровыхъ шароварахъ. Онъ былъ мокрый до пояса и только что вытѣзалъ изъ воды...

— А! — раздалось по обществу, — пойдемте, пойдемте! Сонъ потомъ расскажемъ!

Все общество направилося къ пруду, на-

«КРЕЩЕНСКИН СОЧЕВНИКЪ (ОД СВЯТОЙ ВОДОЙ)». РИСУЕВАЪ ХУДОЖНИКЪ Н. ТИЧЕНКО.

«Въ гостиной». Съ картины художника Ф. Весина.

ходившемуся подлѣ. Человѣкъ шесть народу подтягивали съѣтъ.

— Тяжелыя!—говорили люди съ воды.

— Давно карасей не ловили, вотъ отчего,—проговорилъ Клѣтовъ.

Много было всякихъ возгласовъ, но всѣ они неожиданно замолкли, когда изъ-за тростниковъ и стрѣльниковъ, между широкими листьями купавокъ, неожиданно глянуло какое-то темное очертаніе. Люди, стоявшіе въ водѣ, бросились къ нему, взглянули, продолжая молчать; одна или двѣ головы, разглядѣвъ что-то, тоже молча, повернулись къ стоявшимъ на берегу зрителямъ.

— Ну, ну, что такое?!—быстро проговорилъ Клѣтовъ, подбѣгая къ самому краю воды.—Что такое?

— Барышня-съ!—раздался въ отвѣтъ чей-то голосъ съ пруда.

Прошло нѣсколько мгновений невольнаго торжественнаго молчанія, но вслѣдъ затѣмъ закипѣла работа и вся съѣтъ быстро очутилась на берегу.

Началось обычное качаніе утопленицы, совиты, бѣготня... Все это оказалось напраснымъ. Давнишняго исчезновенія Полены не замѣтили; не замѣтилъ даже женихъ, и она имѣла достаточно времени исполнить свое намѣреніе вполне безпретѣственно.

Мало-по-малу, темнѣлъ на небѣ солнечный дискъ, но—чтобы глядѣть на него въ зрительныя трубы—никто изъ присутствующихъ и не думалъ...

Никто изъ нихъ не задавалъ себѣ также вопросовъ: права-ли была Марья Антоновна, задумавъ воспитать свою дочь совсѣмъ не въ томъ смыслѣ жизни, какого сама она была представительницею? И права-ли была миссисъ Ресей, оставшись въ домѣ и воспитавъ дѣвушку на свой пуританскій образецъ?..

К. К. Случевскій.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ РОМАНЪ.

Здѣсь, въ этой комнатѣ, ты цѣлый часъ была.

Сидѣли чинно мы, воспитанныя дѣти,
И съ милой важностью бесѣда наша шла
О разныхъ ужасахъ, творящихся на свѣтѣ:

О томъ, что въ городѣ испорченъ санный путь;
Что стала отепель и ледъ Невы такъ хрупокъ;
Что ты навѣрное умрешь когда-нибудь
Отъ всякихъ выѣздовъ, визитовъ и покупокъ...

Потомъ простились мы... На долго-ль?—какъ узнать!
Быть можетъ, завтра-же свиданье повторится,
И такъ-же будемъ мы другъ друга понимать—
И такъ-же съ пошлостью, съ условностію мириться...

Сказать, что съ перваго-же взгляда, съ давнихъ поръ
Мы вѣчно думаемъ, тоскуя, другъ о другѣ?
Какъ это мыслимо! А свѣтскій приговоръ?
Матроны, тетеньки, кузины и подружки...

У нихъ—всѣ помыслы, всѣ чувства на показъ;
Ихъ жизнь—приличная затверженная сказка;
Для нихъ приносятся всѣ жертвы, а для насъ..
Для насъ—жестокая, но поздняя развязка!

Сергій Сафоновъ.

ПЕРЕБѢЖЧИКЪ.

Разсказъ.

В ОТЪ уже вторая недѣля, какъ всегда безлюдныя Чанакъ-Атинскія высоты кишатъ народомъ.

На тяжелыя земляныя работы согнали чуть не все самаркандское населеніе и его окрестностей, а все кажется Якубъ-беку, что мало рабочихъ рукъ, не посѣбуютъ управиться съ приготовленіями къ упорной оборонѣ—противъ русскихъ; а самыхъ этихъ „акъ-кульмакъ“ (бѣлыхъ рубахъ)—ожидаютъ не то, что со дня на день—съ часу на часъ... Того и гляди, что въ этой снѣгѣ, надъ долиною Заровшана появятся ихъ бѣлые батальоны.

Крутымъ, каменнымъ гребнемъ поднимаются эти высоты надъ долиною, къ вражей сторонѣ круто—къ городу Самарканду отлого... Чтобы перевалить эту преграду, надо идти большой дорогой, черезъ броды на рѣкѣ, подъ самую кручею повернуть вправо и потомъ уже, обогнувъ гребень съ западной стороны, подняться на перевалъ, откуда уже, до самаго великаго города,—дорога скатертью.

На самой вершинѣ гребня здѣсь бѣлѣтъ куполъ мазарки—святого Чанана-Аты, покровителя пастуховъ, отъ него и высоты имя свое получили, — и оттуда все видно, что въ долину дѣлается, за десять верстъ ничего не скроется... и къ горѣ подступиться не легко: Заровшанъ блудливъ въ лѣтнюю пору: ночью чуть перебѣгаютъ живыя струйки воды по каменному руслу, а за полдень, какъ припечетъ солнце вершины вѣчныхъ льдовъ, усилятся ледниковое таяніе, такъ и повалятся съ горъ башенныя воды, всю долину затопятъ, камни ворушаютъ... Только и стихнуть, успокоятся, когда къ вечеру спрячется солнце и ледники остынутъ, до новаго восхода солнечнаго... По берегамъ-же Заровшана, подальше, къ подножью горъ, разстилаются ярко-зеленыя рисовыя плантаціи, вѣчно дозрѣвающія подъ напускною водою: — ступишь на такое поле, по поясъ въ вязкую грязь увязнешъ и не выберешься... Черезъ Заровшанъ, да черезъ это поле, да еще подъ градомъ ядеръ и картечи съ высотъ господствующихъ горъ, никакому врагу не пройти и шагу, а можетъ врагъ идти только дорогою проѣзжей, гдѣ и переправа—извѣстна, даже значками обозначена, и полей рисовыхъ нѣту, и подъемы горъ гораздо отложе... арбыная широкая дорога пролегаетъ.

Вотъ почему Якубъ-бекъ, начальникъ всѣхъ войскъ эмира, собранныхъ на защиту Самарканда, полагаетъ, что русскіе должны пойти непременно большою дорогою, а потому и всю свою надежду возлагаетъ, главное,—конечно, на милость Аллаха, а послѣ на силу воздвигаемыхъ на этомъ пути укрѣпленій и численность, здѣсь именно сосредоточенной, артиллеріи.

— Если кто пойдетъ тамъ, напрямикъ то есть, согласился съ нимъ вполне и Рахмедъ Инакъ, бекъ Заадинскій, — то, не дойдя, погибнетъ.

— Зачѣмъ «нашимъ» тамъ идти... Безпретѣнно пойдутъ дорогою!—рѣшилъ и Османъ «микбаше» (тысячникъ),—бѣлый казакъ-татаринъ изъ Сибири. Лѣтъ двадцать какъ въ бѣгахъ, до большого чина дослужился на службѣ бухарскаго эмира, а все русскихъ, по старой привычкѣ, «нашими» называетъ.

По отлогому скату, къ городу который, роютъ глубокія ямы, для того, чтобы людей прятать, когда русскіе изъ-за рѣки откроютъ

канонаду—это все по совѣту Хаджи-Бей. Онъ былъ въ Ташкентѣ, когда его русскіе обстрѣливали, года четыре тому назадъ,—и увѣрялъ, что только въ такихъ глубокихъ ямахъ и укрывались отъ русскихъ пушекъ, сидѣли все—выжидали—когда тѣ перестанутъ палить, подумаютъ, что всѣ уже перебиты и пойдутъ въ штыки, въ открытую, — а тутъ, на вотъ тебѣ! Всѣ цѣлы и дружно повысыпаютъ навстрѣчу... Хаджи-бей самъ и распоряжается тѣми работами.

Рахмедъ-Инакъ, человѣкъ ученый,—тотъ соображаетъ, гдѣ лучше пушки разставить: — порѣже, или почаще, выше-ли поднять на самую гору, или въ полторы спустить, чтобы за рѣку даже хватили...

Османъ дорогу въ шести мѣстахъ перекопалъ глубокими канавами и, кромѣ того еще, завалы устроилъ изъ цѣло-срубленныхъ деревьевъ. Якубъ-бекъ тотъ всѣмъ вообще распоряжается, по десяти лошадей, въ лоскъ уѣзженныхъ, смѣняетъ въ день... Всѣ дни, съ восхода до заката солнечнаго, хлопочутъ, только и отдыхаютъ ночью, надѣясь на зоркость и чуткость далеко впередъ, за рѣку, высланныхъ разъѣздовъ.

Русскіе, слышно, собрались, въ семидесяти верстахъ отсюда, въ Япы-курганѣ—лазутчики говорятъ, что завтра должны въ походъ выступить, что ихъ новый генералъ пріѣхалъ уже изъ Ташкента, и такой генералъ важный да знающій, что до сихъ поръ такого и не было. Если завтра выступить, значить, къ ночи на Ташъ-Купрюкъ прійдутъ, на каменный мостъ, значить, а отъ этого Ташъ-Купрюка—всего верстъ тридцать останется; если до разсвѣта съ ночлега снимутся, къ самому полдню, подъ наши пушки понадутъ... Здѣсь имъ и погибнуть.

Эта увѣренность въ полной побѣдѣ надъ врагами—такъ у всѣхъ военачальниковъ бухарскихъ укоренилась, что они впередъ уже эмиру послали гонца сказать, чтобы не беспокоился; и подкрѣпленій даже никакихъ отъ него не требуютъ, потому что тутъ собрано настоящихъ, присяжныхъ сарбазовъ съ ружьями пять тысячъ, да народнаго ополченія двадцать двѣ тысячи,—да шесть тысячъ конницы степной, а пушекъ всѣхъ тридцать восемь — а одна такая, что на полъ-таша (4 персты) стрѣляетъ... у русскихъ даже такой нѣту.

Велѣлъ Якубъ-ханъ свою ставку привезти изъ города и на гребнѣ, около Святой Могилы, разставить. Привезли ставку на двадцати арбахъ,—сорокъ человѣкъ бекевскихъ нукеровъ весь день ставили... Ахнули всѣ, какъ увидали, что за красота заиграетъ на солнцѣ.

Главный шатеръ, круглый какъ башня, изъ алаго шелка съ узорами, головка золоченая и веревки всѣ, что какъ лапы у паука во всѣ стороны тянутся тоже красныя, обвитыя золотымъ шнуркомъ,—отъ главнаго шатра двойной рядъ палатокъ, полукругомъ, свѣтло-зеленыхъ, съ коврами полами, да кромѣ того, на высокихъ складныхъ, точеныхъ столбахъ тѣньевые навѣсы для коней и людей.

Посмотрѣлъ на ставку Рахмедъ-Инакъ,—приказалъ и свою привезти и за пушками поставить.

Тоже богатый палаточный сборъ оказался, не хуже чѣмъ у Якубъ-бека, даже больше мѣста занялъ.—Глядятъ, и Хаджи-бей съ Османомъ свои шатры поставили, а за ними и всѣ военачальники... Разукрасились пестро Чанакъ-Атинскія высоты—многіе даже далеко за Заровшанъ въ долину ѣздили, чтобы оттуда посмотрѣть на занятія войсками и лагеремъ грозныя возвышенности—пріѣхали, говорятъ:

просто будто самъ великій Тимуръ, со всѣмъ воинствомъ, съ того свѣта вновь на землю явился и сталъ станомъ... Увидятъ русскіе и шагъ ступить впередъ не посмѣютъ... Все-го этихъ русскихъ идетъ три тысячи и пушекъ всего четырнадцать.—Это все давно уже хорошо вывѣдано и высмотрѣно.

И военачальники, и сарбазы, и всѣ люди пестраго сброда—ополченія—всѣ чувствуютъ себя въ отличномъ, самомъ праздничномъ настроеніи духа, никто въ побѣдѣ надъ врагами не сомнѣвается, а тутъ еще большое торжество готовится сегодня до полудня: ждутъ великаго, святаго при жизни еще, затворника муллы Аура.—Обѣщались, самъ лично, прибыть въ станъ правовѣрныхъ, благословить знамена ихъ и пушки... Гонцы изъ города прискакали—говорятъ:

— Идетъ уже! Съ Регистана, часъ уже, какъ процессія выступила.

Якубъ поѣхалъ со свитою въ сады, навстрѣчу, а прочимъ велѣлъ выстроиться въ рядокъ, для подобающаго пріема и пушки приготовить для пальбы, холостыми зарядами.

Стѣною стоитъ пылъ надъ темными группами садовъ, нѣтастѣнавсѣближеближеподходить.

Вотъ показались два конныхъ съ зелеными бунчуками, за ними, по-парно, конные-же люди съ факелами (хоть и свѣтило солнце безъ того черезчуръ ярко).—За факельщиками много пѣшаго народа, а за толпою, на бѣломъ ишаке, окруженный учениками и всѣмъ духовенствомъ, мулла Ауръ, такой старый, черный, сухой и сморщенный, что будто одна только громадная, зеленая чалма надъ спиною ишака колыхается. Ополченцы ницъ пали лицомъ въ землю, военачальники съ лошадей сошли и въ поясъ поклонились, колыхнулись и сотни воепныхъ знаменъ навстрѣчу святому... Загремѣли пушки, окутавшись тяжелыми облаками пороховаго дыма, завывли гигантскія трубы, засвистали флейты и гулко зарокотали большіе литавры...

Муллы Ауръ по всѣмъ линіямъ войскъ проѣхалъ шагомъ, сидя на своемъ ишаке, перебирая чотки, скромно опустивъ свою старческую голову. Рослый мулла, чернобородый, пѣшій, шелъ рядомъ, высоко поднимая надъ головою священную книгу, хоръ „дувана“, юродивыхъ нищихъ, пѣлъ стихи изъ Корана... Защитники Самарканда, этой бывшей столицы Тамерлана, имъ самимъ созданной и устроенной, внимали всѣму происходящему передъ ними,—съ торжественнымъ благоговѣніемъ.

Стала процессія обходить всю позицію.

Впереди, указывая путь, поѣхалъ Османъ съ своими пукерами — татаринъ былъ одѣтъ въ красный, бархатный халатъ, расшитый золотомъ и въ высокой черной, бараньей шапкѣ; и пукеры его были всѣ въ красномъ и черныхъ шапкахъ, а значекъ надъ нимъ везли трехугольный, зеленый съ лисыимъ хвостомъ подъ золотымъ коневымъ оконечникомъ.

Съ правой стороны муллы Аура ѣхалъ Якубъ-бекъ, на статномъ, ворономъ аргамакѣ, самъ въ халатѣ парчевомъ, свѣтло-розовомъ, а чалма бѣлая, кисейная. — Значекъ, у него былъ тоже треугольный, только красный, и подковыемъ—пушистый, бѣлый какъ свѣтъ, хвостъ монгольскаго, горнаго быка—яка.

Слѣва ѣхалъ, едва сдерживая горячаго карабаира, Рахмедъ-Инакъ-бекъ-Заадинскій, въ халатѣ изъ дорогой кашемировой ткани, въ такой же чалмѣ, а за нимъ на древкѣ везли только истлѣлыя тряпки, неопредѣленнаго вида и цвѣта, — остатки стараго, трехлѣтняго знамени — хана Азрета, священную реликвию города Заадина.

Хаджи-бей, какъ хаджи, шелъ пѣшкомъ и вель за узду ишака Аурова, одѣтый, для смиренія, въ простой сѣрый халатъ изъ дешевой матихо—этотъ халатъ только сверху былъ напикнутъ, а подъ нимъ сверкало что-то другое, все шитое серебромъ и золотомъ... Самъ хаджи шелъ пѣшкомъ, а коня сзади него вели тысячнаго, покрытаго роскошною попоною, и знамя везли такое, что втроемъ держать приходилось, все исписанное священными изрѣченіями.

Затѣмъ густою толпою, безъ конца другіе мелкіе военачальники, у всякаго свой значекъ и свои пукеры, а тамъ еще сзади вся гора покрылась народомъ... а пушки все палили и палили, трубы завывли и глухо гудѣли большія литавры.

Одинъ только всадникъ не принималъ никакого участія въ торжествѣ. На добромъ степномъ конѣ, одѣтый по бухарски, въ чалмѣ и золотѣ, но очень просто, даже бѣдно, онъ стоялъ одиноко не далеко отъ могилы, значить, на мѣстѣ, откуда хорошо видно—и пристально всматривался въ синѣющую даль противоположнаго берега. Онъ даже биноклемъ помогалъ своему зрѣнію, чего даже у самого Якуба-бека не было, и, казалось, мало обращалъ вниманія на проходившую по линіямъ укрѣпленій, блестящую процессію.

Всадникъ былъ лицомъ много блѣднѣе остальныхъ, борода у него была короткая, золотистая, глаза голубые, не узко прорѣзанные, но выраженіе этихъ глазъ было какое-то странное,—не то смѣющееся, не то тоскливое, точно у приговореннаго къ смерти...

Третьяго дня онъ подѣзжалъ къ Якубъ-беку, говоря очень убѣдительно, что расположены батареи, по его мнѣнію, не хорошо, очень кучно и близко одна за другою, — что ихъ надо растянуть въ одну линію, что правый флангъ позиціи совсѣмъ открытымъ остался...

Якубъ-бекъ, вѣжливо выслушавъ, сказалъ только:

— Вы такъ думаете?

Руки ему не протянулъ и прочь отѣхалъ.— А пушки все-таки остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ.

Говорилъ тоже, свѣтло-бородый, Рахмедъ-Инакъ объ томъ-же, добавляя, что надо хотя бы два батальона сарбазовъ выдвинуть внизъ, впередъ, къ самой рѣкѣ и тамъ окопаться.

Рахмедъ-инакъ тоже выслушалъ вѣжливо, тоже руки не протянулъ, сказалъ, что молъ такъ распорядился Османъ, а тотъ человекъ боевой, опытный и испытанный храбрости, значить, ему надо вѣрить.

Пробовалъ свѣтлобородый — приналежъ на Хаджи-бея, тотъ отъ него, какъ отъ чумнаго, отскочилъ и разговаривать не сталъ вовсе.

Ему не вѣрять, его чуждаются, его не слушаютъ, а какого-нибудь Османку, полудикаго казака неуча,—того слушаютъ и тому вѣрять!

Почему же не ему, вѣдь они знаютъ, кто онъ былъ прежде, вѣдь они же понимаютъ разницу между бѣглымъ, неграмотнымъ казакомъ и образованнымъ, знающимъ хорошо военное искусство, офицеромъ... почему такъ они къ нему относятся?..

А свѣтлобородый мечталъ, что и надъ его головою развернется грозное боевое, знамя, что и за нимъ поскачетъ толпа ему подвластныхъ военачальниковъ, что поймутъ же они, эти пестрые шуты, силу науки и знанія — и подчинятся волѣ его безпрекословно.

Нѣтъ, онъ между ними лишний, не нужный человекъ, его только терять, но присутствіемъ его видимо тяготятся, даже брезгаютъ.

Никто еще не предложилъ ему даже раздѣлится съ нимъ трапезу.—Ему приносятъ, правда, обильную пищу изъ ставки главнокомандующаго, но приносятъ на домъ, воль въ ту скромную, бѣлую палаточку, что стоитъ въ сторонѣ, одна, на солщечекѣ.

— Я предупреждалъ, думаетъ свѣтло-бородый,—я указалъ всѣмъ на недостатки позиціи, и позиціи превосходной, которою эти ослы положительно не умѣютъ воспользоваться. Ихъ разобьютъ,—тогда они почувствуютъ свое невѣжество и обратятся къ нему-же за советомъ... Тогда... Но тогда будетъ поздно... Тогда...

И таинственный всадникъ снова тревожно-пытливо сталъ всматриваться въ синеватую полосу мглы—того, далекаго берега.

Скачутъ гонцы изъ передовыхъ отрядовъ—спѣшно скачутъ, торопливо переправляются на эту сторону. Замылились кони отъ усиленной скачки... Говорятъ:

— Тронулись русскіе, перешли Ташъ-Купрюкъ, всю ночь шли и уже близко, должно быть, отсюда.

За этими гонцами другіе скачутъ:

— Долиной идутъ русскіе... Чу!.. Вотъ и пушка ихъ грохнула—это они по нашимъ вдогонку пальнули.

И, дѣйствительно, далеко-далеко въ долині, что-то словно стукнуло, сухо такъ, и эхомъ въ горахъ отдалось...

Встревожился лагерь, засуетились военачальники.

Тамъ, на той сторонѣ, межъ кучами садовъ, чуть свѣтлѣютъ плоскія крыши сакель, тамъ, тоже, какъ надъ процессіею муллы Аура,—пыль густая поднимается. Скоро въ той пыли значки обозначились, бѣлыя шапки замелькали, заискрились на солнцѣ дула казачьихъ винтовокъ... Рысью выбѣжала на берегъ передовая сотня и стала кучкою: за нею другая показалась и развернулась лѣвѣе... Чуть допелся звукъ трубы,—еще сотня выдвинулась и цѣпью по берегу разсыпалась.

— Пали въ нихъ... чего они стоятъ!—замотался Хаджи-бей, уже теперь не пѣшій въ сѣренкомъ халатѣ, а настоящий военачальникъ, и поскакалъ къ пушкамъ.

Стали заряжать, выпалили:—одна, ближайшая пушка, длинная такая и съ бычачьею головою вмѣсто жерла,—та только зашипѣла, надымилась страсть, и словно выплюнула свое ядро, грузно шлепнувшееся шагахъ во ста передъ дуломъ,—прочія выстрѣлили, какъ слѣдуетъ и только ядра далеко не перелетали черезъ рѣку, не достали до казаковъ и даромъ простонали въ жаркомъ воздухѣ.

— Я говорилъ, что орудія надо спустить гораздо ниже да и стрѣлять залпами по пустякамъ не слѣдуетъ, стрѣлковая цѣль по берегу сдѣлала-бы свое дѣло лучше,—раздался за спиною Хаджи-бея знакомый голосъ.

Обернулся Хаджи-бей, а за нимъ стоитъ свѣтло-бородый и не то смѣется, не то вотъ-вотъ горло перекусить хочетъ.

— Самъ знаю! Тебя никто не спрашиваетъ, огрызнулся Хаджи-бей и приказалъ подрывать хобота, поднимать носы у своихъ орудій.

Отѣхалъ свѣтло-бородый, остановился и бинокль къ глазамъ приставилъ... Говоритъ будто самъ съ собою, а кто близко—слышится ясно, —да и говорить по ихнему, нарочно будто, чтобы поняли...

— Надо будетъ все доложить самому эмиру, какіе это способные къ войнѣ люди, его военачальники.

Рахмедъ-Инакъ это слышалъ, сообщилъ Якубу-беку, а бекъ говоритъ:

РІСОВАЛЪ ХУДОЖНИКЪ П. И. ГОРСКІЙ.

На рекогносцировкѣ.

СЪ АКВАРЕЛИ ХУДОЖНИКА С. ШВЕНИНГЕРА.
Гравированъ на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. Адтъ.

ПОСЛѢ БАЛА.

— Придется, я думаю, его къ шайтану отправить.

Этого свѣтло-бородый слышать не могъ, а потому и не принялъ къ свѣдѣнію.

Вотъ, вслѣдъ за кавалеріей, стала выдвигаться и пѣхота и направляется къ мѣсту переправы, по большой дорогѣ,—дошелъ первый батальонъ и сталъ, вылавъ стрѣлковъ по берегу. За этимъ батальономъ другой сталъ вытягиваться и тоже по дорогѣ, совсѣмъ такъ, какъ бухарскіе военачальники предполагали.

Якубъ-бекъ улыбнулся отъ радости, а Османъ отыскалъ глазами свѣтло-бородаго, да и кричить, не стѣняясь:

— Эй, вы тамъ, ваше благородіе! Сказывали будто, что не пойдутъ по дорогѣ, справа насъ обходить будутъ. Это черезъ поля, да на стѣну... Нѣтъ, «наши» то не совсѣмъ оглупили, лучше знаютъ, значить, свое дѣло—вашего планту не слушаются...

И закричалъ это все Османъ перебѣжнику не по татарски, а хоть и скверно, да по русски, чтобы понятнѣе было.

Кровь хлынула въ лицо свѣтло-бородаго, въ глазахъ позеленѣло, а Османъ, этотъ воръ, бѣглый каторжникъ, нагло проѣхалъ мимо, освѣщенный своимъ величавымъ знаменемъ.

— Ты видишь это, сдержавъ гнѣвъ, указалъ Осману свѣтло-бородый рукой.—Видишь ты, куда пошли тѣ батальоны, знаешь, какія это пошли войска и зачѣмъ? Смотри!

Смутился Османъ и сталъ смотрѣть по указанному направленію.

А тамъ, словно изъ русскаго арьергарда, отдѣлились пѣшія бѣлыя группы и сѣшно выгнали между садами, все лѣвѣе и лѣвѣе, вытягиваясь на берегъ какъ разъ противъ незащищеннаго открытаго праваго фланга чанакъ-атинской позиціи.

— Тамъ они не перейдутъ, тамъ они въ поляхъ завязнутъ... тамъ рѣка глубокая...—заговорилъ Османъ растерянно, а все-таки въ карьеръ бросился къ Якубу-беку.

Переговоривъ недолго, дальше къ Хаджи-бею поскакалъ, къ пушкамъ, и Якубъ самъ поскакалъ туда же, и свѣтло-бородый рысью подогналъ своего степняка.

Рѣшено было пушки перетаскивать, а какъ ихъ скоро перетаскаешь, когда есть такія, что на одну тридцать лошадей нужно.

— Я говорилъ вамъ...—подъѣхалъ свѣтло-бородый къ главнокомандующему.

Тотъ даже не взглянулъ на него.

— Пойдите,—предложилъ хитрый Хаджи-бей,—я выиграю время, я остановлю русскихъ. Собирайте посольство,—я иду къ русскому генералу для переговоровъ. Я знаю, что говорить надо, а вы пока не зѣвайте.

Быстро собралось импровизированное посольство и тронулось къ переправѣ, и русскіе замѣтили эту нарядную по праздничному, блестящую толпу, переправляющуюся въ бродъ черезъ Заровшанъ, уже начинающій бурлить изрядно,—время-то только-что перевалило за полдень, и розливъ Заровшана не забралъ еще свою полную силу.

— Намъ рѣка поможетъ больше посольства,—замѣтилъ это обстоятельство Якубъ-бекъ и, обращаясь черезъ плечо къ свѣтло-бородому, насмѣшливо прибавилъ:

— А вы что же не поѣхали съ нами?

Пришлось и на этотъ разъ проглотить свѣтло-бородому этотъ укоръ и злую насмѣшку.

— Погоди,—процѣдилъ тотъ сквозь зубы,—и тебѣ я сверну, современемъ, шею.

А посольство добралось до враговъ и остановилось какъ разъ противъ большой конной

группы, надъ которою вились въ воздухѣ пестрые знамена. Тамъ шли переговоры... и должно быть скоро кончились... къ добру только или къ худу—неизвѣстно... Смотря отсюда и видя, что послы въ карьеръ назадъ несутся, а русскіе строятся въ порядокъ и орудія рядами вытянули. А тѣ, что вѣдло ушли, тѣ понемногу все ближе и ближе подвигаются... уже перешли одинъ рукавъ Заровшана,—къ другому спускаются.

— Что говорить русскій генералъ?—спросилъ Якубъ-бекъ прибывшихъ.—Что вы ему говорили?

— Мы ему и говорить ничего не успѣли. Онъ намъ сказалъ, вынулъ часы, да и показываетъ рукою.—Вотъ, говоритъ, даю вамъ срокъ, пока стрѣлка сюда перейдетъ, ровно часъ. Поѣзжайте и скажите, что требую безусловной сдачи позиціи и города, а чтобы войска положили оружіе, также безусловно, и назадъ съ отвѣтомъ пріѣзжайте. Ровно часъ вамъ на все—довольно... Дойдетъ стрѣлка до этого мѣста,—первая пушка моя выстрѣлитъ,—тогда поздно будетъ.

— Мы въ часъ ничего не успѣемъ сдѣлать... Одна надежда на Бога, да Заровшанъ,—говоритъ Якубъ-бекъ.—А что до боя—то я готовъ, а на сдачу не согласенъ.

Выѣхалъ тутъ Рахмедъ-Инакъ хитро-умный:

— Аллахъ само собою, Заровшанъ само собою, къ бою готовность тоже дѣло похвальное, а только намъ время выиграть должно. Пошлите сказать, что съ часу на часъ ждемъ посла отъ самого эмира, и что посолъ этотъ слышно, везетъ повелѣніе не проливать крови и вступить, отъ его уже имени, въ мирные переговоры.—Кто идетъ?

— Я не поѣду больше, отказался Хаджи-бей.

— Такъ мнѣ самому ѣхать придется, рѣшилъ Рахмедъ-Инакъ и тронулъ своего аргамака, махнувъ рукою свѣтъ, чтобы за нимъ слѣдовала.

— Да перетаскивайте-же пушки, что время теряете золото!.. суетился тѣмъ временемъ Османъ, нагайкою поощряя выбивающихся изъ силъ ополченцевъ.

Медленно ползутъ въ гору, да косогорьемъ тяжелыя пушки... Гдѣ имъ въ часъ до пужнаго мѣста дотащиться!

Хаджи-бей на свои часы смотритъ и, дивное дѣло, ему кажется: тошло время тихо и стрѣлки еле-еле ползли по бѣлому кружку съ цифрами, а то вдругъ словно затормозились и все ближе да ближе, неудержимо, стремятся къ роковому дѣленію.

Вотъ Рахмедъ-Инакъ уже бродъ переѣхалъ... Ого, какъ глубоко стало! прибываетъ вода—и грозно рокочетъ... по брюхо коню даже въ показанномъ для брода мѣстѣ хватаетъ... Вотъ переправился, къ генералу русскому подъѣхалъ... Что-то будетъ?..

— Задержитъ, говоритъ Хаджи-бей,—этотъ златословъ, этого заслушается кто хочетъ... Этотъ... Вотъ-вотъ стрѣлка подходитъ... подошла... Ага, задержитъ врага Рахмедъ, не даромъ поѣхалъ...

Вдругъ, по всей линіи русскіхъ батарей, грохнулъ залпъ—дымомъ застлало весь вражескій берегъ и въ этомъ дыму зазвенѣли призывныя рожки гарнизонъ... Второй залпъ, громче перваго.

Съ ревомъ и визгомъ борозды воздухъ, пронеслись какія-то страшныя зловѣщія птицы надъ головами и здѣсь разразились новымъ грохотомъ выстрѣловъ, брызнула словно дождь во всѣ стороны картечь... Заносились кони по косогору, сбивая всадниковъ,—послышались стоны и вопли раненыхъ. Звенять вражескія

трубы непрерывно, все ближе и ближе.—Новые залпы потрясаютъ воздухъ.

Гремятъ въ отвѣтъ и бухарскія пушки, только ихъ словно и не слышно. Мало народа около этихъ пушекъ стало видно. Сарбазы стоятъ еще подъ знаменами, а пестрое многотысячное ополченіе народное все уже по предохранительнымъ ямамъ попряталось, что предусмотрительный Хаджи-бей велѣлъ нарыть за лагеремъ.

Одно орудіе дотащилось до новой позиціи и стало готовиться.—Османъ уже другое подтаскивалъ.—Подъѣхалъ туда свѣтло-бородый и все всматривается...

— Не перейдутъ,—самъ себя обнадеживалъ, говоритъ татаринъ.

— Переходятъ,—холодно, словно у него горло не живое, а деревянное, говоритъ свѣтло-бородый.

— Въ болотѣ затопутъ,—продолжаетъ самъ себя утѣшать Османъ.

— Это роты пятаго батальона, они не остановятся,—говоритъ свѣтло-бородый...—Эти роты не знаютъ препятствія. Ихъ ведетъ...

У самаго его уха грянуло первое бухарское орудіе, стѣнникъ метнулся въ сторону, всадникъ едва усидѣлъ на сѣдлѣ.

— Смотри, смотри,—радостно, оживленно заговорилъ Османъ.—Смотри: они ввели орудія въ рисовое поле... не видать пушекъ... засосало—лошади стали... они свои пушки бросаютъ...

— Имъ эти пушки теперь не нужны, завтра наши-же плѣнные ихъ вытащатъ...

— Второе!—командуетъ Османъ, торопясь устанавливать уже третье, прибывшее орудіе...

— Держитесь!—донесся голосъ Якубъ-бека.

Главнокомандующій самъ замѣтилъ уже крайне рискованное положеніе праваго фланга и шелъ сѣшно, ведя за собою два батальона сарбазовъ, но надъ этими именно батальонами словно сосредоточилась вся пальба русскіхъ пушекъ съ того берега, вырывая ежеминутно сотни кровавыхъ жертвъ. Сарбазы дрогнули, рассыпались и побѣжали за-гору... Подъ Якубъ-бекомъ рухнулъ его аргамакъ, Османъ кинулся ему на помощь, свѣтло-бородый остался одинъ, стоя на конѣ между первымъ и вторымъ орудіемъ... Въ одномъ изъ нихъ еще торчалъ банникъ, прислуга исчезла...

За своею спиною слышалъ свѣтло-бородый шумъ безпорядочнаго бѣгства... Цвѣтныя, роскошныя ставки начальства яркими пятнами выдѣлялись въ дыму и тучахъ пыли, оставались незабываемыми... объ нихъ забыли,—пушки и челядь бѣжали первыми—и, захваченные этимъ общимъ бѣгствомъ, сады окрестностей вѣковой столицы Тимура—стонали, словно живые.

А свѣтло-бородый все стоитъ неподвижно и смотритъ впередъ, словно очарованный...

— Какъ идутъ, какъ славно атакуютъ!..

Хриплое, захлебывающееся ура—послышалось внизу, подъ кручею—на гребнѣ обрыва замелькали бѣлыя кони.

А свѣтлобородый не трогается съ мѣста...

— Слѣловатовъ, посмотри-ка... Вѣдь это онъ! Вотъ этотъ убитый!..

Это произнесъ офицеръ, съ головы до ногъ, вмѣстѣ съ своимъ конемъ, перепачканный грязью и иломъ,—слѣдами сумасшедшей переправы.

— Конечно, онъ,—согласился такой-же перепачканный, другой офицеръ, поддерживающій правую рукою свою раненую, лѣвую.

— Присмотрись хорошенько... это очень важно... онъ умеръ, убитъ?

— Нѣтъ, не убить, а застрѣлился... Смотри, вотъ револьверъ въ рукѣ: одного патрона только нѣтъ, а это, въ вискѣ, вотъ видишь, что выпущенная въ упоръ пуля, обожогъ даже видѣнь и закончилъ високъ...

— Да, это онъ!—подѣхалъ третій офицеръ, пристально всмотрѣвшись въ блѣдное лицо свѣтло-бородаго.

— Копчили хоть порядочно—и на томъ спасибо!—рѣшилъ первый, командиръ второй роты, и весело крикнулъ:

— Горнисты, сборъ!.. Смирно!.. Генералъ ѣдетъ... Рота, стройся!

Н. Н. Каразинъ.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ГОСТИ.

Разсказъ Томаса Жанвье.

— О! меня не такъ-то легко провести, я насквозь вижу всякаго мошенника! Сунься только въ мой «Земной рай» любой пройдоха, будь онъ хоть въ образѣ индійскаго султана или самого шаха персидскаго, ему ни за что не провести меня. Я тоже вѣдь не промахъ!

Такъ разглагольствовалъ хозяинъ «Большого отеля Земной рай», кругленькій сорока-семилѣтній Шабассю, съ лысой головою и просѣдою въ бородѣ. Провозглашая въ такихъ словахъ свою проницательность, онъ глядѣлъ съ высоты своего величія на Польвероля, странствующаго приказчика, и вся его фигура дышала чувствомъ сознанія своего превосходства. Польвероль былъ давнишнимъ его пріятелемъ, испытаннымъ другомъ, на котораго можно было положиться съ полнымъ довѣріемъ. Пріѣзжая въ Марсель по коммерческимъ дѣламъ, онъ всегда останавливался въ гостиницѣ «Земной рай».

— Ну, конечно, твоя проницательность всѣмъ извѣстна!—вмѣшалась госпожа Шабассю, фигура и голосъ которой были одинаково тонки и рѣзки.—Ты, вѣрно, уже забылъ про англійскаго милорда?

— Тсъ!—возразилъ Шабассю.—Это было давнымъ давно.

— А итальянскій купецъ прошлаго мѣсяца?—настаивала жена.

— Какъ я уже говорилъ вамъ, Польвероль,—повернувшись спиною къ женѣ, обратился Шабассю къ приказчику,—какъ я уже говорилъ вамъ, виноградь въ настоящемъ году удался на славу и мы можемъ ожидать прекраснаго вина.

Остановившись на минутку посреди комнаты, госпожа Шабассю презрительно и пронзительно фыркнула и поспѣшно вышла вонъ. Комната эта, куда хозяинъ пригласилъ Польвероля выпить передъ обѣдомъ рюмочку полынной настойки, служила кладовой при отелѣ. Изъ кухни-же, приходившейся какъ разъ за нею, доносился такой вкусный запахъ, какой свойственъ только провансальскимъ кухнямъ. Польвероль благоразумно молчалъ, потягивая настойку, съ видомъ полного отреченія отъ всѣхъ суевъ мірскихъ. Шабассю съ еще болѣею сосредоточенностью безмолвно смаковалъ свою настоечку, усладительныя свойства которой не замедлили освѣтить для него всю вселенную ленивымъ солнечнымъ свѣтомъ, затмившимъ въ его памяти и госпожу Шабассю со всѣми ея придирками.

Пять минутъ спустя, на дворѣ поднялась суматоха: послышался стукъ экипажа, остановившагося у крыльца отеля, шаги единственнаго при заведеніи слуги, выбѣжавшаго на подъѣздъ, затѣмъ раздались голоса прі-

ѣхавшихъ посѣтителей, и Шабассю, сія радующимъ, усугубленнымъ еще выпитою настойкой, вышелъ тоже привѣтствовать гостей. Взорамъ его предстали чрезвычайно элегантные посѣтители, поднимавшіеся уже по ступенямъ лѣстницы—по выходѣ изъ собственной кареты, запряженной парой породистыхъ лошадей, между тѣмъ какъ хозяинъ въ почти-тельной позѣ застылъ, какъ статуя, въ дверяхъ своего отеля, никогда еще не удостоивавшагося чести принимать такихъ изящныхъ гостей. Представительный господинъ одѣтъ былъ въ длинный черный сюртукъ, сѣрые брюки, съ тяжелою золотую цѣпочкою, выдѣляющеюся на бѣломъ жилетѣ, и въ лоснящіеся шляпу и сапоги; однимъ словомъ, въ одеждѣ под стать хоть самому префекту департамента Устьевъ Роны. Съ нимъ была элегантная дама въ шелку и кружевахъ, съ шляпою на головѣ, изображавшей собою цѣлый цвѣтникъ. Важный баринъ, не замѣчая Шабассю, животовъ котораго находился прямо у него подъ носомъ, а не на разстояніи шести футовъ, обернулся къ своей нарядной спутницѣ и серьезно произнесъ:

— Вы видите, душа моя, что нашъ другъ Вилькуръ былъ совершенно правъ относительно этого отеля. Здѣсь не видно никакихъ претензій, но на всемъ лежитъ отпечатокъ комфорта, не лишеннаго достоинства.

— Много чести для меня, сударь, но вы нисколько не ошибаетесь. Хотя мнѣ не пристало-бы говорить это, но «Большой отель Земной рай» отличается комфортомъ, какой вы рѣдко встрѣтите во всемъ Марселѣ.

Произнося эти слова, Шабассю склонился, какъ высокое дерево.

— Bravo, добрый хозяинъ, вы сами под стать вашей гостиницѣ,—радушно замѣтилъ господинъ.—А нѣтъ-ли у васъ письма до востребованія, адресованнаго на имя де-Сентъ-Моронъ?—а?

Шабассю былъ въ восторгѣ. Онъ просто торжествовалъ надъ женою. Какъ разъ по поводу этого письма, благодаря мнительности госпожи Шабассю облеченнаго въ такую атмосферу опасной таинственности, возникъ ихъ разговоръ о ловкихъ мошенникахъ. Настоящіе-же предъавители правъ своихъ на это письмо опровергали всѣ сомнѣнія хозяйки. Люди, къ разряду которыхъ принадлежали они, могли наполнить карманы содержателя гостиницы деньгами, а не то, чтобы вытянуть ихъ оттуда. Три или четыре посѣтителя такого пошиба—и слава «Большого отеля Земной рай» упрочена! Съ поклономъ и граціей досталъ Шабассю съ конторки письмо и подалъ его господину де-Сентъ-Моронъ на чисто вытертой тарелкѣ, скорбя душою отъ невозможности поднести его, какъ слѣдовало-бы, на серебряномъ подносѣ, но такового, увы! въ инвентарѣ гостиницы не значилось. Де-Сентъ-Моронъ распечаталъ письмо и, развертывая его, выронилъ розовую бумажку, безшумно опустившуюся на полъ. Паденія этого не замѣтили ни онъ, ни жена, которая находилась въ противоположномъ концѣ комнаты и съ неподдѣльнымъ вниманіемъ разсматривала портретъ Шабассю, сдѣланный пастелью, когда ему было не болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду.

— Какъ странно, душа моя,—сказалъ де-Сентъ-Моронъ, тщательно заглядывая внутрь порожняго конверта,—нотариусъ Жоффрѣ пишетъ, что прилагаетъ почтовый ордеръ на двѣ тысячи франковъ—знаешь, остатки той небольшой суммы,—но при письмѣ не оказывается никакого документа.

— Извините, сударь,—вмѣшался Шабассю, поднимая съ полу незамѣтно выпавшій лоскутокъ бумаги.—Извините, но, можетъ быть, это и есть ордеръ, о которомъ вы изволите говорить.

И дѣйствительно, какъ убѣдился Шабассю, валявшаяся на полу бумажка была почтовымъ денежнымъ ордеромъ; но какъ исчезновеніе ея, такъ и обрѣтеніе, повидимому, не произвели на обладателя ея ни малѣйшаго впечатлѣнія. Небрежно сунувъ ордеръ въ кармашекъ своего бѣлаго жилета, онъ вѣжливо поблагодарилъ Шабассю, но положительно такимъ тономъ, какъ еслибъ дѣло шло о ничтожной услугѣ, въ родѣ передачи шляпы или поднятія оброченной перчатки.

— А теперь, почтеннѣйшій,—сказалъ онъ учтиво,—мы охотно посмотрѣли бы ваши комнаты. Будьте столь добры, принести нашъ дорожный мѣшочекъ. Не видя вашего omnibуса на желѣзнодорожной станціи, мы тамъ оставили багажъ свой, за нимъ надо послать. Вотъ и квитанція на него. Вы можете послать за нимъ во время нашего обѣда.

Шабассю взялъ квитанцію—въ ней значилось пять сундуковъ и безконечное множество чемоданчиковъ и картонокъ: багажъ богатыхъ вельможъ.

— Omnibусъ немедленно будетъ за нимъ посланъ,—сказалъ онъ, покашливая, съ легкимъ колебаніемъ въ голосѣ. Въ сущности, omnibусъ «Большого отеля Земной Рай» существовалъ еще не въ дѣйствительности, а только въ планахъ отдаленной будущности. Ящики коммерческихъ агентовъ, имѣвшихъ обыкновеніе останавливаться тутъ, привозились старымъ Мишелемъ со станціи на ручной тележкѣ.

— Къ чему, другъ мой, таскать сюда весь багажъ?—возразила дама.—У насъ въ мѣшкѣ тутъ все необходимое для ночевки. Сундуки только стѣсняютъ насъ въ этой тѣснотѣ, то есть, я хочу сказать, что такая масса багажа будетъ намъ помѣхой даже и въ громадномъ помѣщеніи.

— Вы по обыкновенію правы, ангель мой,—отвѣтилъ господинъ.—Если яхта моя уже пришла изъ Неаполя, мы перейдемъ на нее завтра съ самаго утра. Если же она еще не прибыла, то времени будетъ у насъ достаточно, чтобы перевезти багажъ сюда.—Говоря это, онъ взялъ квитанцію обратно и сунулъ ее въ тотъ же кармашекъ бѣлаго жилета, гдѣ уже находился ордеръ на двѣ тысячи франковъ.

— Ну, теперь покажите намъ дорогу,—воскликнулъ онъ, живо обернувшись къ Шабассю.—Сведите насъ прямо въ наше помѣщеніе и затѣмъ давайте скорѣе обѣдать—я голоденъ, какъ волкъ!

Шабассю, предшествуя имъ по лѣстницѣ, слегка потиралъ себѣ руки отъ удовольствія. Мало ли чего можно будетъ приписать при составленіи счета, даже за одну только ночь, такимъ посѣтителямъ, какъ эти,—обращавшіеся съ двухтысячными ордерами, какъ съ папиросной бумажкой, и багажъ которыхъ не уступилъ бы въ многочисленности имуществу любого изъ древнихъ королей Франціи! Къ тому же, эти важные господа были привѣтливы и снисходительны, расточая похвалы рѣшительно всему, что имъ показывалось: они хвалили не только маленькую спальню съ двумя кроватями и парой креселъ, но даже видъ изъ единственнаго окошечка—хотя онъ ровно ничего не изображалъ собою, кромѣ глухой стѣны.

— Все здѣсь такъ свѣжо и ново!—говорилъ господинъ.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ВЪ ПАРИЖѢ (САЛОНЪ) 1895 ГОДА.
Гравировать на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. Адтѣ.

Психея и Амуръ. Съ картины художника В. Бугеро.

РИСОВАЛЪ ХУДОЖНИКЪ А. ЗЕМЦОВЪ.
Гравировалъ на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. А. ДТЪ.

Полученіе новыхъ журналовъ.

— Это такое восхитительное приключеніе! — прибавляла жена.

Затѣмъ, сообщая, они стали совѣщаться съ Шабассю по поводу винъ и обѣда.

Шабассю былъ не промахъ, чтобъ упустить изъ рукъ такой рѣдкостный случай. Онъ рекомендовалъ имъ кушанья, наименьшая стоимость которыхъ была не ниже трехъ франковъ. Что же касается до винъ, — такъ какъ посѣтитель желалъ пить только мѣстные вина, то Шабассю составилъ имъ такой списокъ, что только во снѣ можно увидать! Къ устрицамъ и закускамъ, — наливку изъ черной смородины, настаивавшуюся десятки лѣтъ; къ обѣду же вообще — пятнадцатилѣтній леденоль, мягкій и нѣжный какъ богатѣйшее бургонское вино; къ десерту — бутылочку четвертьвѣкового фронтиньяка, и за каждый сортъ взять не менѣе франка за каждый годъ!

Поэтому, каковъ же былъ ударъ для Шабассю, голова котораго была переполнена радужными надеждами, ожидаемыми имъ отъ обѣда, когда благовѣрная супруга его, выслушавъ одушевленные розсказы его о городскихъ посѣтеляхъ и великолѣпномъ обѣдѣ, который ему заказано было приготовить для нихъ, оборвала его со свойственными ей рѣзкостью и горячностью, что онъ ни больше, ни меньше какъ набитый дуракъ, изысканье же эти господа — просто мошенники. Вся штука эта представлялась ей ничѣмъ инымъ, какъ гнусной попыткой на дерзкій и пагубный обманъ, и если затѣя ихъ удастся, то они, чета Шабассю, будутъ разорены въ пухъ и прахъ, а «Большой отель Земной Рай» превратится въ безлюдную пустыню.

— Но вѣдь я своими глазами видѣлъ денежный ордеръ, — вѣшался Шабассю. — Ордеръ на двѣ тысячи франковъ!

— Это не настоящій ордеръ — а если и не поддѣльный, такъ онъ у нихъ въ карманѣ, — возразила хозяйка.

— А багажъ то — двѣнадцать мѣстъ — вѣдь эта подѣ статья королю съ королевой?

— Котораго ты кстати и не видалъ даже, дуракъ ты этакій! Это все то же, что на лупѣ!

— Подожди только до утра и ты сама убѣдишься. А теперь не время разговаривать. Пора готовить обѣдъ. Я самъ приложу къ нему руки.

Шабассю былъ превосходнымъ поваромъ.

— А я не намѣрена ждать до утра — въ то время, какъ наше имущество растрачивается въ вечера. Самымъ благоразумнымъ было бы выгнать сейчасъ же этихъ мазуриковъ вонъ изъ дому и не давать имъ ни глотка, ни крохи въ этомъ «Большомъ Отелѣ Земной Рай», пока они не выложатъ изрядную сумму въ задатокъ! — Произнося эти слова, госпожа Шабассю стала, какъ статуя Рѣшимости, упершись руками въ бока и широко разставивъ ноги.

Но и Шабассю, при случаѣ, умѣлъ проявлять свою самостоятельность, тѣмъ болѣе, что въ данный моментъ онъ рѣшилъ довести дѣло до конца, хотя бы для того, чтобъ доказать женѣ всю ея неправоту.

Господинъ и госпожа де Сентъ-Моронъ на вѣрно подверглись бы серьезному разстройству желудка, если бы могли подозрѣвать, насколько каждый кусокъ, проглоченный ими въ тотъ вечеръ, былъ приправленъ ядомъ горькихъ словъ! Къ счастью, въ невѣдѣніи своемъ они скушали обѣдъ, который, дѣйствительно, былъ превосходенъ, съ полнымъ удовольствіемъ и даже съ еще большимъ наслажденіемъ пили вина, въ общей сложности своего существованія представлявшія собою полвѣка!

Не смотря, однако-же, на ядовитыя стрѣлы недовѣрія, которыми осыпалась грудь Шабассю при каждомъ появленіи его на кухнѣ, такъ какъ онъ самолично подавалъ обѣдъ важнымъ гостямъ своимъ, хорошее расположеніе его духа возросло по мѣрѣ приближенія обѣда къ концу. На дѣлѣ-же, проявленіе его веселаго настроенія обуславливалось отчасти любезностью гостей, заставлявшихъ его выпивать съ ними не менѣе полного стакана изъ каждой бутылки собственныхъ его старыхъ винъ; частью-же отъ удовольствія, почерпнаго имъ изъ разговоровъ ихъ о роскошномъ помѣстьи въ Нормандіи, объ элегантной квартирѣ въ Парижѣ и о собственной ихъ яхтѣ. Кромѣ того, они съ полнымъ добродушіемъ вызвали его на разговоры о собственныхъ его дѣлахъ, съ сочувствіемъ выслушивая всѣ его планы, всѣ мечты о будущности «Большого отеля Земной Рай»; объ его прошлыхъ триумфахъ — величайшимъ изъ которыхъ былъ банкетъ, нѣкогда устроенный подъ его сѣнью «Обществомъ Коммерческихъ Приказчиковъ», когда ему преподнесена была трость съ золотымъ набалдашникомъ. Увлеченный восторженными воспоминаніями объ этомъ достопамятномъ торжествѣ, онъ принесъ имъ даже показать эту самую трость — въ ея замшевомъ футлярѣ. Дама признала трость великолѣпною, господинъ нашель ее роскошною. Сердце Шабассю до того было переполнено радостными ощущеніями, что ему тѣснило грудь въ то время, какъ онъ преподносилъ гостямъ своимъ кофе съ драгоценнымъ арманьякомъ — этимъ перломъ его виннаго погреба, который былъ старше его по возрасту и распространялъ такой букетъ, что способенъ былъ заставить самихъ ангеловъ перевѣситься черезъ небесныя перила, чтобъ съ наслажденіемъ вдохнуть въ себя его утонченный ароматъ! Всѣ-же гнусныя подозрѣнія, высказываемыя его женою по поводу этихъ благороднѣйшихъ особъ, онъ отвергалъ съ презрительнымъ негодованіемъ.

— Ну, теперь, любезнѣйшій Шабассю, — сказалъ де-Сентъ-Моронъ, наливая ему второй стаканъ роскошнаго арманьяка, — укажите намъ, что могли бы мы найти сегодня въ Марсели для нашего развлеченія и гдѣ можно было бы хорошенько поужинать по окончаніи вечера? — И прислушиваясь къ указаніямъ, которыя съ воодушевленіемъ, но отяжелѣвшимъ языкомъ, давалъ Шабассю, элегантный господинъ съ изысканствомъ закурилъ русскую папироску.

— Прекрасно! — произнесъ онъ, когда Шабассю окончилъ. — Прекрасно! Мы отлично проведемъ время. И такъ, душа моя, отправимтесь — и, если позволитъ добрѣйшій Шабассю, я возьму съ собою его великолѣпную трость. Моя осталась на станціи, въ сверткѣ съ пладами.

До глубины души растроганный такою любезною снисходительностью, хозяинъ выразилъ немного безсвязно свою благодарность.

— Ахъ, кстати, добрый Шабассю, — произнесъ заѣзжій гость, стоя уже на лѣстницѣ, — я долженъ просить васъ одолжить мнѣ малую толику мелкихъ денегъ. Я рассчитывалъ получить по моему почтовому ордеру, но мы пріѣхали слишкомъ поздно. Вотъ я сдѣлаю на немъ передаточную надпись на ваше имя, а вы утромъ потрудитесь сходить на почту и получить по немъ деньги. На нынѣшній вечеръ мнѣ потребуется самая бездѣлица — какая-нибудь сотня франковъ.

Они дошли въ это время до конца лѣстницы. Господинъ вошелъ въ небольшую контору

и въ одну минуту сдѣлалъ на ордерѣ передаточную надпись на имя Шабассю, который не долго думая отсчиталъ де-Сентъ-Морону пять золотыхъ двадцатифранковыхъ, послѣ чего этотъ благородный аристократъ, помахивая въ воздухѣ тростью съ золотымъ набалдашникомъ, вышелъ въ отворенную дверь подъ руку съ своею величественною по другой.

И вдругъ, вопреки пышности этихъ исчезнувшихъ гостей, вопреки количеству поглощенныхъ имъ стакановъ собственныхъ старыхъ винъ и теплотѣ, разлитой по всему тѣлу собственнымъ-же старымъ арманьякомъ, Шабассю внезапно былъ объятъ болѣзненнымъ ужасомъ, при мысли, что подозрѣнія его жены въ концѣ концовъ могли быть не лишены основанія! Вѣдь эти богатые незнакомцы исчезли, унося съ собою помимо поглощенныхъ ими яствъ и дорогихъ винъ, выдержанныхъ въ теченіе полустолѣтія, еще на придачу сотню франковъ звонкою монетой и его драгоценную трость съ золотымъ набалдашникомъ. Что, если почтовый ордеръ окажется поддѣльнымъ? Въ этомъ ужасномъ случаѣ все, что оставалось у него теперь въ обезпеченіе, былъ ничтожный дорожный мѣшокъ и дамскій кружевной зонтикъ! Тутъ-то Шабассю, въ душевной тревогѣ, совершилъ величайшую неосторожность. Войдя въ маленькую курильню, гдѣ жена его, хмурясь, какъ туча передъ грозой, высказывала Польверолу свои опасенія, онъ самъ подлилъ масла въ огонь, повѣдавъ имъ обоимъ о случившемся, и молилъ о поддержкѣ въ немъ бодрости противъ возникшихъ у него внезапно сомнѣній. Уже менѣе всего на бѣломъ свѣтѣ слѣдовало бы обращаться Шабассю для подобныхъ утѣшеній въ это прибижище! Польвероль и тотъ посмотрѣлъ на него строго; что же касается до госпожи Шабассю, то она разразилась, какъ двѣ грозныя тучи въ совокупности съ цѣлымъ звѣрищемъ разъяренныхъ дикихъ звѣрей! Въ самыхъ отборныхъ по строгости выраженій она признала Шабассю безнадежнѣйшимъ идиотомъ, какихъ только свѣтъ производилъ. Она плакалась на свою горькую судьбу, связавшую ее на всю жизнь съ такимъ отпѣтымъ дуракомъ. Она молила всѣхъ святыхъ наслать на него кару, достаточно тяжелую и горькую, чтобъ воздать ему по заслугамъ, и, не переводя духу, воскликнула, что нѣтъ казни достаточно жестокой, которая возмѣстила-бы все зло, содѣянное имъ. Чувствуя себя совершенно уничтоженнымъ, прижатымъ къ стѣнѣ, Шабассю обратился къ Польверолу за разрѣшеніемъ спора его — не смотря на то, что самъ не особенно вѣрилъ въ свою правоту — относительно подлинности почтового ордера. При этомъ хозяйка рѣзко обратилась къ Польверолу, требуя немедленнаго подтвержденія ея мнѣнія, что документъ фальшивый. Положеніе странствующаго приказчика между спорящими сторонами было въ высшей степени затруднительно: на Шабассю онъ могъ рассчитывать по части неоднократныхъ угощеній рюмочками полынной настойки и отборнѣйшими произведеніями его кухни, отъ хозяйки-же въ равной степени зависѣло предоставлять ему самую мягкую постель и тончайшее бѣлье въ самой лучшей комнатѣ отеля, но онъ съумѣлъ вывернуться, благодаря счастливому вдохновенію. Одинъ изъ его друзей, сказалъ онъ, находится на службѣ въ почтовомъ отдѣленіи по части денежныхъ ордеровъ. Время было еще не позднее. Съ позволенія господина и госпожи Шабассю, онъ отыщетъ этого пріятеля и попроситъ его раз-

смотреть ордеръ—и такъ или иначе—сомнѣнія будутъ выяснены.

Въ сущности, ни одной души не зналъ Польвероль въ почтовомъ отдѣленіи, но онъ не могъ уйти изъ отеля иначе, какъ подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ. Черезъ часъ времени онъ прислалъ черезъ посыльного записку, въ которой сообщалъ, что пріятель внезапно былъ командированъ по дѣламъ службы въ Э, откуда вернется не раньше недѣли. Повременивъ еще часокъ, Польвероль осторожно вернулся къ «Большому отелю Земной рай», уловивъ минуту, когда ни Шабассю, ни жены его не было въ подъздѣ, и стрѣлою промчался прямо въ свою комнату. Польвероль былъ не промахъ и зналъ, гдѣ раки зимуютъ; ловкій, умный онъ былъ человекъ, для своего возраста и положенія.

На то, что происходило между супругами Шабассю во время отсутствія Польвероля и послѣ его незамѣтнаго имъ возвращенія вплоть до часу ночи, лучше задержать завѣсу! Послѣ этой злополучной ночи, Шабассю всегда говаривалъ, что ему знакомы муки, испытываемыя грѣшниками въ чистилищѣ, а къ утру ему сильно подтянуло животъ и онъ сразу состарился годовъ на десять. Но въ часъ ночи произошелъ перерывъ во враждебныхъ дѣйствіяхъ—вслѣдствіе возвращенія въ гостиницу супруговъ де-Сентъ-Моронъ. Ни мало не подозрѣвая бури, поднявшейся изъ-за нихъ, они преспокойно вернулись въ «Большой отелъ Земной рай», рассказали, какъ пріятно провели вечеръ, потребовали себѣ свѣчей, пожелали самымъ обыденнымъ образомъ доброй ночи хозяину—и пошли въ свою комнату, при чемъ господинъ съ благодарностью возвратилъ Шабассю его трость съ золотымъ набалдашиникомъ.

Разбитыя надежды Шабассю, при этомъ, сразу всѣ воскресли, съ воспрянувшимъ духомъ и съ радостью объявилъ, что теперь все обстоитъ благополучно. Но жена его, насколько не ослабляя страстности своихъ обвиненій, отрицала, чтобы все было прекрасно, и колко заявила, что, вѣроятно, эти проидохы пипдѣ не нашли большихъ дураковъ, почему и вернулись дождать до конца яблочко, въ которое такъ глубоко запустили зубы. Такъ какъ помирить такіа противоположныя мнѣнія не представлялось никакой вѣроятности, то полное замрѣніе было невозможно. Они пришли, однакоже, къ условіямъ вооруженнаго перемирія: хозяйка согласилась, чтобы *мошенникамъ*, какъ она продолжала величать ихъ,—былъ по утру поданъ кофе. Шабассю, съ своей стороны, заявилъ, что имъ не будетъ дозволено выхлѣать изъ отеля, пока онъ не сходитъ на почту и не выяснится вопросъ о годности денежнаго ордера. Тревожно заснули на этомъ соглашеніи воюющія стороны.

Но что вышло удачнѣе всего,—какъ впоследствии всегда рассказывалъ эту исторію Шабассю—это то, что господинъ и госпожа де-Сентъ-Моронъ проспали на слѣдующее утро такъ долго, что было далеко за девять часовъ, когда они позвонили, чтобы потребовать себѣ кофе и болѣе чѣмъ черезъ часъ сошли внизъ: а въ этотъ промежутокъ времени Шабассю успѣлъ побывать на почтѣ и вернуться домой.

Иногда случается именно то, чего мы меньше всего ожидаемъ.

— Несомнѣнно, — сказалъ конторщикъ въ почтамтѣ, — это совершенно годный ордеръ. Приведите кого-нибудь, чтобы засвидѣтельствовать вашу личность, и вамъ будетъ за-

плачено безъ проволоки. Мы здѣсь не затягиваемъ платежей. Республика вѣдь не обанкротившійся банкъ!

Тогда—отправившись съ быстротою молніи за пріятелемъ своимъ Перреномъ, крупнымъ виноторговцемъ, пользующимся заслуженною извѣстностью,—и приведя его съ собою, Шабассю дрожащими руками принялъ и пересчиталъ двадцать шероховатыхъ бумажекъ, по сто франковъ каждая!

Время близилось къ одиннадцати часамъ утра, когда чета де-Сентъ-Моронъ выѣхала изъ «Большого отеля Земной Рай»—безирекословно заплативъ за обѣдъ, номеръ для переночевки и утренній кофе такой счетъ, какого не приводилось Шабассю получать съ самаго основанія гостиницы. На козлахъ, рядомъ съ возницею, сидѣлъ нарядный матросъ, явившійся съ яхты за приказаніями своего господина. Вслѣдъ за каретой слѣдовалъ большой фургоны, нагруженный багажемъ, за полученіемъ котораго матросъ заѣзжалъ на желѣзнодорожную станцію. И этотъ великолѣпный кортежъ прослѣдовалъ изъ отеля посреди бѣлаго дня, въ виду всей улицы, всего свѣта—вся вселенная узнала, какого рода посѣтителей принималъ у себя «Большой отелъ Земной Рай».

— Кто могъ-бы только подумать, что ты, дурачина этакій, осмѣлился заподозрить этихъ особъ въ мошенничествѣ, — восклицала госпожа Шабассю; — и что не будь тутъ меня, ты ихъ по добру, по здорову выпроводилъ-бы вонъ изъ дому!

Шабассю былъ не изъ злопамятныхъ людей. Онъ довольствовался существенною побѣдой и не любилъ перекоряться изъ-за мелочей.

— Ангелъ мой, — отвѣчалъ онъ съ великолѣпнымъ жестомъ, — нынѣшній день — день славы, ликованія, знаменательный въ исторіи «Большого отеля Земной Рай», день, который будетъ увѣковѣченъ для потомства золотыми письменами на серебряной доскѣ.

И по мѣрѣ того, какъ Шабассю такъ блестяще выражался, животъ и вся фигура его раздувались отъ гордости!

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

(Новыя изслѣдованія объ инфлуэнцѣ. — Рожистое воспаленіе и новыя средства для борьбы съ нимъ). — Санитарныя предписанія въ школахъ Нью-Йорка. — Смерть отъ попугаевъ. — Кошка-хозяинница заразы.

Инфлуэнца впервые обратила вниманіе Европы на свои опустошительныя дѣйствія въ 1580 году. Позднѣе въ XVIII столѣтіи она появлялась съ небольшими промежутками въ 10—15 лѣтъ и наконецъ снова напомнила о себѣ въ 1830, 1847 и 1889 годахъ. Съ 1889 года началось ея самое опустошительное пребываніе въ Европѣ,—уже пятый годъ съ приближеніемъ холоднаго времени она вспыхиваетъ то здѣсь, то тамъ, и дѣйствуетъ разрушительно.

Откуда явилась эта болѣзнь? Не смотря на то, что эпидемія 1580 года посѣтила всю Европу и затѣмъ перешла въ Азію и Африку, объ ней было мало извѣстно. Быстрый ея ходъ и опустошительныя дѣйствія поразили всѣхъ и не дали возможности опредѣлить мѣсто ея перваго появленія, но, судя по многочисленнымъ работамъ, вызваннымъ ею въ Германіи, можно предположить тамъ ея первое появленіе; туда она, должно быть, перебралась изъ Россіи. Въ XVII столѣтіи появленія инфлуэнцы имѣли характеръ эндемо-эпидемическій,—въ слабой степени она появлялась въ центрѣ Европы. Но въ XVIII столѣтіи, съ небольшими промежутками, она перебралась въ Европѣ, Азіи и наконецъ Америку. Въ 1830 и 1847 годахъ она несомнѣнно явилась съ Востока, предвѣстницей холеры. Наконецъ наступилъ 1889 годъ, и въ сентябрѣ появились первые симптомы этой болѣзни въ Москвѣ, откуда въ весьма короткое время она пришла въ Петербургъ и не прошло полугодія, какъ она уже свирѣпствовала во всей Европѣ, не исчезая до сихъ поръ. Въ это время она получила свое настоящее названіе инфлуэнцы, до того времени она была извѣстна подъ названіемъ гриппа. Эта болѣзнь не уходитъ изъ одного мѣста въ другое, а расплывается, не теряя своей интенсивности. И на этотъ разъ она явилась спутницей и предвѣстницей холеры.

Слѣдя за ея распространеніемъ съ востока на западъ мѣсто ея жительства нужно искать въ сухихъ, безводныхъ пустыняхъ центральной Азіи, съ ихъ страшно холодной зимою и жаркимъ лѣтомъ, какъ мѣсто жительства холеры на берегахъ Ганга. Азія снабжаетъ насъ и той, и другой!

При тѣхъ успѣхахъ, которыя сдѣлала бактеріологія при помощи микроскопа, несомнѣнно было, что бактеріологи употребятъ всѣ старанія открыть причину болѣзни. И въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ много было найдено различныхъ гематозоозовъ, стрептококковъ, коккусовъ, пневмоцилловъ и т. д., которые, нѣ сожалѣнію, всѣ оказались самыми обыкновенными бактеріями, постоянно гнѣздящимися въ носовой полости здороваго человѣка, а она—то главнымъ образомъ поражается инфлуэнцой. Наконецъ, въ 1892 году Пфейфферъ открылъ и описалъ новую бактерію, которая имѣетъ видъ очень короткой и тонкой палочки. Она во множествѣ встрѣчается въ мокротѣ больныхъ гриппомъ, а при витая обезьянѣ, развила въ ней инфлуэнцу, и не находится ни при какой другой болѣзни. Противники могли только возразить, что и эта бактерія встрѣчается въ носовой полости здороваго человѣка. Но въ этомъ случаѣ можно предположить, что и этотъ микробъ, подобно микробу холерному, не исчезаетъ съ прекращеніемъ эпидеміи, но, не имѣя достаточно почвы для развитія, бездѣйствуетъ до перваго удобнаго случая.

Нѣкоторые анатомо-патологи, основываясь на быстромъ движеніи холеры и инфлуэнцы, доказывали ихъ незаразительность. Но до сихъ поръ не случалось, чтобы та или другая болѣзнь появлялась одновременно въ двухъ мѣстностяхъ, не имѣющихъ между собою никакихъ сообщеній. За ихъ ходомъ всегда можно прослѣдить отъ одного центра до другого. И вообще доказано, что первыми вездѣ заболѣвали почтовые чиновники, т.-е. лица, имѣвшія непосредственныя сношенія съ предметами, приходившими изъ зараженной мѣстности,—къ нимъ зараза переходила посредствомъ писемъ и журналовъ. Этотъ фактъ замѣченъ не только въ Европѣ, но и въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, гдѣ, въ Бостонѣ и Нью-Йоркѣ,—городахъ, въ которыхъ главнымъ образомъ сосредоточены сношенія съ Европой, прежде всѣхъ тоже заболѣвали почтовые чиновники.

Сама по себѣ инфлуэнца или какъ ее прежде называли, гриппъ, не опасна, и рѣдко кончается смертельнымъ исходомъ. Но если она встрѣчается легко поддающейся ей мѣста въ области легкихъ, сердца, желудка, въ нервныхъ центрахъ, болѣзнь начинаетъ развиваться и поражаетъ слабый органъ. Бактерія Пфейффера плохо защищаетъ свои владѣнія отъ вторженія въ нихъ пневмококковъ, стрептококковъ и т. п. Замѣчательно, что умирающіе отъ осложнившейся инфлуэнцы сохраняютъ сознание до послѣдней минуты, кромѣ очень рѣдкихъ случаевъ менингита. Симптомы инфлуэнцы весьма разнообразны. Выздоровленіе идетъ иногда весьма медленно, больной уподобляется истощенному нейрастену. Но какъ только восстанавливается вполнѣ дѣятельность желудка, всегда нарушенная при инфлуэнцѣ,—дѣлается крутой переломъ, и выздоровленіе идетъ быстрыми шагами.

Какія средства борьбы съ этой несомнѣнно заразительною болѣзью? Рациональная терапевтика рекомендуетъ намъ антисептическія или микробоубивающія средства. То есть нужно сдѣлать организмъ недоступнымъ для обитанія въ немъ этого маленькаго, но могущественнаго хищника. Настоящая антисептическая метода заключается въ предохраненіи организма отъ нападеній или уничтоженія патогеннаго агента всѣми средствами, извѣстными своимъ ядовитымъ дѣйствіемъ на него. Такъ дѣйствуютъ всѣ препараты хинина, антипиринъ, фенацетинъ, кодеинъ, алкоголь, всенятинитуръ и разные душистые препараты; кромѣ того крѣпкій чай съ ромомъ или безъ него, кофе, эфиръ, кофеинъ, кола.

Но прежде всего, для того чтобы остановить опустошительныя успѣхи инфлуэнцы, какъ болѣзнь весьма заразительной, слѣдовало-бы принимать предупредительныя мѣры. Выдѣлать цѣлые города отъ сношеній съ сосѣдями невозможно, но возможно отдѣлять больныхъ, дезинфицировать помѣщенія, платье, посуду, которыми пользовались больные и такъ далѣе.

Обязательно избѣгать ночныхъ дежурствъ на холодномъ воздухѣ; долгаго сидѣнія въ спертыхъ воздухахъ, въ неотапливаемыхъ помѣщеніяхъ; продолжительнаго пребыванія подъ дождемъ и снѣгомъ, простуды и переутомленія. Кромѣ того обязательно подвергать скорой дезинфекціи всѣ предметы, получающіеся изъ зараженной мѣстности. Конечно, успѣшность этихъ мѣропріятій весьма проблематична,—но все-же это что-нибудь...

Еще одна побѣда, по словамъ газетъ, одержана наукой; микробъ рожистаго воспаленія пораженъ учеными, которые нашли, наконецъ, и противъ него специфическое средство.

Борьба съ этимъ страшнымъ врагомъ нашего здоровья начата была нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Доктора Шанте-месь, Роже и др. занялись изслѣдованіемъ болѣзни, причиняемыхъ микробами, называемыми «стрептококками». Эти микроорганизмы представляются подъ микроскопомъ въ видѣ мелкихъ зеренъ, сплетающихся въ цѣпочку. Они обитаютъ на поверхности нашей кожи, во рту и въ другихъ мѣстахъ, не причиняя намъ никакого вреда, пока мы здоровы. Стоитъ только нашему организму ослабѣть отъ чего-нибудь и эти стрептококки пріобрѣтаютъ особенную ядовитость, становятся причиной различныхъ инфекціонныхъ болѣзней. На кожѣ они вызываютъ рожистое воспаленіе, подъ кожей—флегмону въ дыхательныхъ органахъ—бронхо-пневмонію. Рождильная горячка также вызывается ими. До открытія сыворотки, дѣй-

ствущей на „стрептококковъ“ пришлось произвести длинный рядъ опытовъ. Получаемая сыворотка то оказывалась слишкомъ сильной, то быстро теряла свои специфическія свойства. Молодой австрійскій ученый, докторъ Марморекъ, и докторъ Роже — первые достигли въ этомъ направленіи успѣшныхъ результатовъ. И вотъ докторъ Марморекъ сдѣлалъ сообщеніе о своемъ способѣ въ биологическомъ обществѣ. Онъ производилъ опыты надъ кроликами, дѣлая ихъ не оспримчивыми къ яду стрептококковъ постепеннымъ впрыскиваніемъ имъ подъ кожу очень сильныхъ разводовъ этого микроба, обладающихъ большою ядовитостію. Сыворотка, добытая отъ нихъ, обладаетъ лечебными и предохранительными свойствами. Докторъ Роже прибѣгаетъ къ прививкѣ животнымъ такихъ культуръ, которыя предварительно стерилизованы посредствомъ жара. Доктора Роже и Шарренъ произвели опыты надъ большою родильной горячкой. Два дня ей впрыскивали упомянутую сыворотку. Положеніе больной было дурно, но постепенно, подъ вліяніемъ впрыскиваній, лихорадка уменьшилась. Черезъ недѣлю больная выписалась изъ госпиталю. Слѣдующіе опыты тоже удались. Полезно оказалась сыворотка и при леченіи ложного крупа.

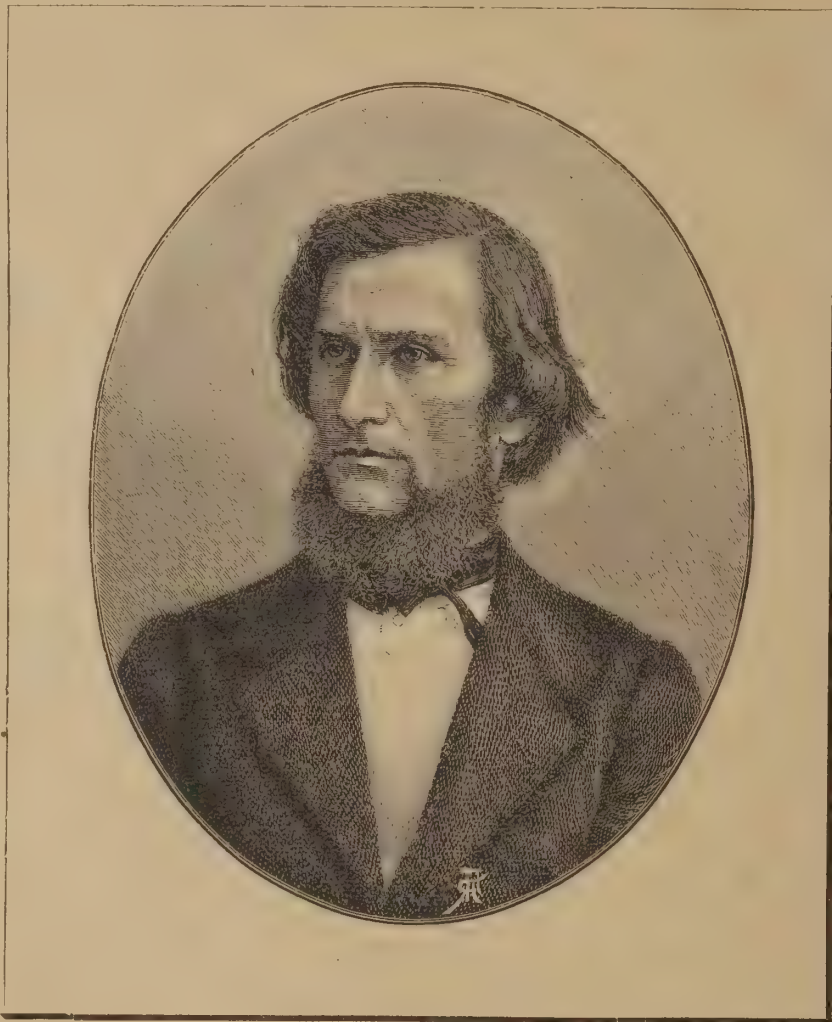
Доктора Роже и Шарренъ начали затѣмъ лечить своимъ способомъ рожестое воспаление. Болѣзнь эта лишь въ исключительныхъ случаяхъ имѣетъ смертельный исходъ и поэтому, для предупрежденія возможныхъ возраженій, что больные выздоравливали бы и помимо ихъ леченія, доктора рѣшили экспериментировать на новорожденныхъ, у которыхъ рожа всегда бываетъ смертельна. Первый же пациентъ выздоровѣлъ въ нѣсколько дней. Лечение же по способу доктора Марморекъ было примѣнено въ широкихъ размѣрахъ въ госпиталѣ Шантемесса. Послѣ полученныхъ результатовъ, муниципальный совѣтъ назначилъ субсидію лабораторіи, гдѣ изготовляется сыворотка. Лечение сывороткой оказываетъ какъ мѣстное, такъ и общее дѣйствіе на организмъ. Уже черезъ 24 часа можно замѣтить уменьшеніе красноты и припухлости кожи, пораженной рожестымъ воспаленіемъ. Болѣзненность также уменьшается. Шелушеніе ускоряется. Ползучая рожа уступаетъ повторнымъ впрыскиваніямъ. Нагноеніе наблюдается рѣдко, а если бываетъ, то быстро уменьшается подъ вліяніемъ впрыскиваній. Бредъ проходитъ, лихорадка исчезаетъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Другіе припадки также быстро уступаютъ леченію. Возвратъ болѣзни предупреждается маленькими дозами сыворотки, которая впрыскивается черезъ правильные промежутки времени.

Какъ бы ни были, однако, велики успѣхи и побѣды медицины, обществу все же приходится принимать все большія и большія санитарныя предосторожности противъ заразныхъ болѣзней. До чего доходятъ иногда эти заботы о санитарномъ положеніи общества, особенно ясно видно изъ новѣйшихъ санитарныхъ правилъ въ школахъ Нью-Йорка. Санитарная Нью-Йоркская коммиссія издала слѣдующія предписанія: 1) во всѣхъ общественныхъ школахъ Нью-Йорка выводится употребленіе аспидныхъ досокъ, грифелей и губокъ; 2) школы должны быть снабжены карандашами и ручками для перьевъ, хранящимися въ пеналахъ съ именами учениковъ, которымъ они принадлежатъ; карандаши и ручки для перьевъ могутъ передаваться въ собственность другихъ учениковъ только послѣ дезинфекціи; 3) всѣ школьныя принадлежности, оставшіяся послѣ заболѣвшаго заразительною болѣзною ученика, или найденныя въ семействѣ, гдѣ были тифъ, дифтеритъ, скарлатина и т. д., должны быть переданы санитарнымъ властямъ для дезинфекціи или уничтоженія; 4) книги, которыя берутся учениками на домъ, должны раз въ мѣсяцъ перекрывать коричневою манильскою бумагою; 5) общія мѣста для питья воды въ школѣ должны быть уничтожены, а вмѣсто нихъ заведены въ каждой комнатѣ закрытыя большія кружки съ водой, которыя наполняются свѣжею водою передъ каждымъ урокомъ; каждый ученикъ получаетъ нумерованный стаканъ, которымъ и пользуется онъ одинъ въ классѣ. Каждый отдѣльный случай заболѣванія среди учениковъ заявляется классному наставнику. Дѣти, приходящія изъ зараженныхъ домовъ, тотчасъ же увольняются изъ школы. Учителя и школьныя власти ни подъ какимъ предлогомъ не имѣютъ права посылать одного ученика въ домъ другого.

Всѣ эти правила имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что заразные болѣзни передаются людямъ такъ часто. Иногда

даже не знаешь, откуда придетъ бѣда. Такъ, годъ дванадцать, въ Парижѣ умерло нѣсколько человѣкъ отъ какой-то непонятной болѣзни, которую занесли только что привезенные изъ Южной Америки маленькіе попугаи (Perruches). Недавно повторился и былъ изслѣдованъ подобный же фактъ: двѣ сестры кормили изо рта недавно привезеннаго попугая и обѣ умерли. Въ первомъ случаѣ дѣло поднялъ санитарный совѣтъ сенокскаго департамента; но особенно опредѣленныхъ результатовъ онъ не достигъ. Узнали только, что всѣ лица, умершія быстро отъ заразной горловой болѣзни, имѣли въ домѣ недавно привезенныхъ попугаевъ. Съ тѣхъ поръ директоръ алтфорской ветеринарной школы Нокаръ сталъ дѣлать опыты, результаты которыхъ онъ и сообщаетъ теперь. Ему не удалось пріобрѣсти живьемъ ни одной изъ

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ СО ДНЯ КОНЧИНЫ.

К. Д. Ушинскій.

сомнительныхъ птицъ, но онъ добылъ крылья подобныхъ птицъ, околѣвшихъ во время перелета изъ Буенос-Айреса въ Гавръ. Эти крылья, отрѣзанные отъ самыхъ спинокъ, должны были поступить въ продажу. Нокаръ взялъ изъ нихъ костный мозгъ и на слѣдующій же день добылъ изъ него культуру микрококковъ, отъ которыхъ кролики, морскія свинки и куры пожелѣли черезъ сорочку восемь часовъ послѣ прививки. Нокаръ сдѣлалъ и другой опытъ: онъ положилъ нѣсколько крылышекъ въ клѣтку здороваго попугая и тотъ околѣлъ черезъ двадцать дней. Теперь же у Нокара въ рукахъ живой попугай, отъ котораго заразились и умерли двѣ сестры, и потому новыя изслѣдованія доктора могутъ дать уже совершенно опредѣленные результаты.

Не менѣе интересный фактъ о кошкѣ, какъ распространителѣ дифтерита, сообщаетъ одинъ англійскій медицинскій журналъ (British Medical Journal). Онъ обращаетъ вниманіе, какъ нужно опасаться домашнихъ кошекъ при эпидеміяхъ дифтерита. Въ послѣднюю эпидемію въ Брайтонѣ всѣ случаи заболѣваній сосредоточились въ двухъ улицахъ. Все указывало на какую нибудь мѣстную причину, заболѣвали какъ дѣти, такъ и взрослые. Молоко не могло быть причиною заболѣваній, потому что оно получалось изъ разныхъ мѣстъ. Очистка домовъ производилась правильно и въ порядкѣ. Случайно обратили вниманіе на то, что въ каждомъ изъ пораженныхъ эпидеміей домовъ были передъ тѣмъ больныя кошки. Болѣзнь ихъ выражалась кашлемъ, сильнымъ насморкомъ, выдѣленіемъ мокроты и исхуданіемъ. Многіе владѣльцы кошекъ думали даже, что онѣ отравлены. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что кошки страдали дифтеритомъ и несомнѣнно, что онѣ распространили заразу на людей.

К. Д. УШИНСКІЙ.

(25-лѣтіе со дня смерти).

—♦—♦—

Въ концѣ декабря исполнилось четверть вѣка со дня кончины Константина Дмитріевича Ушинскаго, извѣстнаго педагога. Ушинскій, по словамъ биографовъ, — среди русскихъ педагоговъ достойно занимаетъ такое же видное мѣсто, какъ Амосъ Коменскій въ славянскомъ мірѣ и Песталоцци въ Швейцаріи. Его христіанскія дѣла дѣтей, очень искусно составленная, — «Родное слово» въ 25 лѣтъ со дня изданія разошлась въ 4.272 тысячахъ экземплярахъ; почти такимъ же широкимъ распространеніемъ пользуются и другія его изданія: «Дѣтскій міръ» и «Человѣкъ», какъ предметъ воспитанія.

Ушинскій, по общему мнѣнію дѣятелей педагогической науки, былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ новаторовъ и реформаторовъ во всей обширной сферѣ учебно-воспитательнаго дѣла, начиная съ обученія грамотѣ и кончая подготовленіемъ лицъ, руководящихъ дѣломъ воспитанія и обученія и пишущихъ о воспитаніи. Трудамъ Ушинскаго, его опытности и выдающемуся пониманію дѣла мы обязаны сознательнымъ, осмысленнымъ отношеніемъ русскаго общества къ учебно-воспитательному дѣлу и его потребностямъ. Именно, Ушинскій впервые вдохнулъ въ русское общество идею, что образованіе обязательно должно быть національнымъ.

Имя Ушинскаго, какъ даровитаго и глубоко-просвѣщеннаго русскаго педагога, извѣстно далеко за предѣлами Россіи. Кромѣ уже упомянутаго его труда: «Антропологін» («Человѣкъ — какъ предметъ воспитанія»), нѣкоторыя изъ учебныхъ книгъ

и журнальныхъ статей публицистическаго (научно-педагогическаго) характера воспроизведены отчасти и въ западно-европейской педагогической литературѣ (особенно же: германской и западно-славянской) въ видѣ извлеченій и передѣлокъ въ переводѣ.

Собраніе петербургскихъ педагоговъ посвятило особый литературно-педагогическій вечеръ чествованію памяти покойнаго К. Д. Семеновъ и Л. Н. Модзалевскій передали свои воспоминанія объ Ушинскомъ, какъ о своемъ бывшемъ сослуживцѣ-начальникѣ по Смоленскому институту и учителѣ-педагогѣ. «Ушинскій, какъ совершенно вѣрно и тепло замѣтилъ г. Семеновъ, является единственнымъ педагогомъ, котораго знаютъ всѣ, «отъ мала до велика». Онъ обратилъ школу слезъ въ школу радостей».

Чествованіе памяти знаменитаго педагога закончилось рѣчью Ю. Ю. Цвѣтковаго, въ которой почтенный ораторъ очень удачно отмѣтилъ вліяніе идей Ушинскаго на преобразование военныхъ корпусовъ въ военныя гимназіи съ кореннымъ измѣненіемъ строя и программъ этихъ учебныхъ заведеній, приносящихъ въ настоящее время, несомнѣнную пользу человѣчеству.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

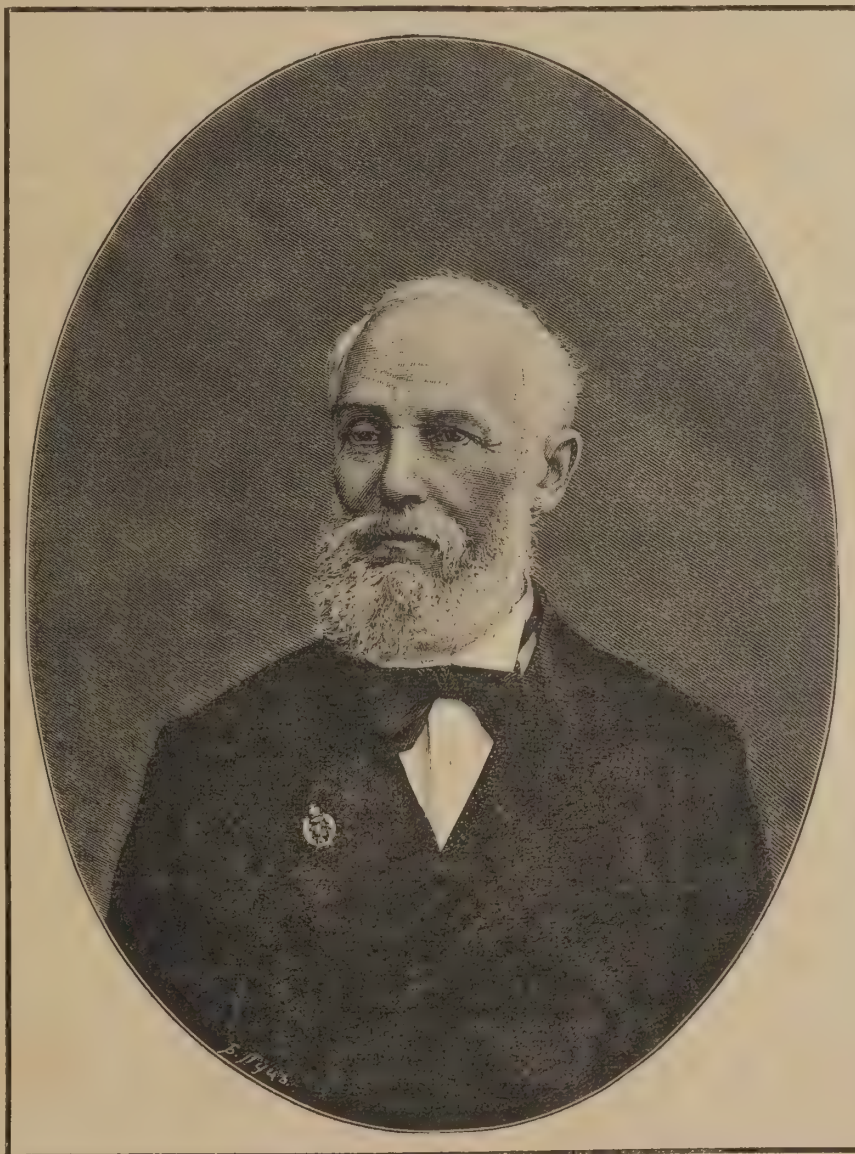
Опубликованъ сводъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1896 годъ: Обыкновенные расходы: Платежи по государственному долгу 269.228,063 р., высшія государственныя учрежденія 2.434,087 р., вѣдомство свѣтѣйшаго синода 17.487,903 р., министерство Императорск. двора 12.964,653 руб., министерство иностр. дѣлъ 4.693,280 руб., военное министерство 288.521,969 руб., морское минист. 57.966,000 руб., министерство финансовъ 186.811,134 р., министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ 32.180,197 р., министерство внутреннихъ дѣлъ 90.024,643 руб., министерство народн. просвѣщ. 24.863,061 р., министерство путей сообщенія 196.411,583 р., министерство юстиціи 28.009,858 руб., государственный контроль 5.956,395 руб., главное управленіе государственнаго коннозаводства 1.535,588 руб. Итого 1.219.088,414 руб. Расходы, непредусмотрѣнные смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности 12.000,000 р. Итого, обыкновенныхъ расходовъ 1.231.088,414 р. Превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами 8.383,281 р. О чрезвычайныхъ расходахъ и доходахъ мы скажемъ въ нашей слѣдующей хроникѣ. Замѣтимъ здѣсь, что наша государственная роспись произвела чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе за границей.

— Государь Императоръ, по всегоданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, 19-го декабря Высочайше соизволилъ на измѣненіе правилъ о присужденіи Ломоносовской преміи при Императорской академіи наукъ въ томъ смыслѣ, чтобы, кромѣ полной преміи въ 1.000 рублей за выolly выдающіяся сочиненія и научныя открытія, была установлена еще и половинная премія по 500 руб. за сочиненія, заслуживающія поощренія.

— Его Императорское Величество всемилостивѣйше соизволилъ осчастливить русское общество «Краснаго Креста», принятіемъ на себя званія перваго дѣйствительнаго члена русскаго общества «Краснаго Креста», а

Государыня Императрица Александра Оеодоровна — званія почетнаго члена этого общества.

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

К. П. Печатниковъ.

(Скончавшійся 27-го декабря 1895 года).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Великобританія. — Телеграмму императора Вильгельма президенту Трансваальской республики Крюгеру газеты и общественное мнѣніе Англій сочли пощечиной, нанесенной Англій, и думали, что съ требованіемъ удовлетворенія англійское правительство официально обратится къ Германіи. На митингахъ были одобрены резолюціи объ отозваніи англійскаго посла при Берлинѣ и исключеніи изъ списковъ англійскаго флота «почетнаго адмирала» — императора Вильгельма. На банкетѣ въ Бирмингемѣ лордъ-меръ провозгласилъ тостъ въ честь королевской фамиліи, за «исключеніемъ одного только внука королевы». Тостъ былъ встрѣченъ восторженно, а при указаніи на исключеннаго внука, т. е. на германскаго императора Вильгельма II, раздались шканья и свистки.

— Чемберленъ предложилъ переслать въ Преторію къ президенту Крюгеру слѣдующую депешу: «По приказу королевы, имѣю сообщить вамъ, что ея величество съ удовольствіемъ узнала о принятіи вами рѣшенія передать лѣнниковъ правительству королевы. Поступокъ этотъ дѣлаетъ честь вашему превосходительству и будетъ содѣйствовать какъ сохраненію мира въ Южной Африкѣ, такъ и согласному дѣйствію англійской и голландской расъ, которое такъ необходимо для дѣла дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія страны». Кромѣ того, онъ телеграфировалъ главѣ ассоціаціи африкандеровъ Гофмейеру, что по дѣлу Джемсона и относительно возстанія будетъ произведено тщательное разслѣдованіе и приняты будутъ надлежащія мѣры къ тому, чтобы сдѣлать впредь невозможнымъ повтореніе подобныхъ замысловъ или попытокъ.

— Вообще, по послѣднимъ извѣстіямъ, англичане нѣсколько успокоились. «Таймсъ» даже начинаетъ заигрывать съ германскимъ императоромъ, хотя все-таки англійское правительство рѣшило поспѣшно отправить въ Капштадтъ подкрѣпленія изъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ частей. Одинъ полкъ, численностью въ 1.000

чел., находящійся на пути изъ Индіи въ Англій, получилъ приказъ остаться въ Капштадтѣ. Въ бухту Делагоа ушелъ крейсеръ перваго класса. Сформирована новая летучая эскадра для секретныхъ порученій. Сначала ей хотѣли дать названіе эскадры Нѣмецкаго моря и предполагалось послать ее къ ганноверскимъ берегамъ, но теперь эскадра, по всей вѣроятности, отправится въ кругосвѣтное плаваніе.

Трансваальская республика. — На при- сланную Чемберленомъ по приказу королевы

денежу, президентъ Крюгеръ отвѣтилъ, что существуетъ серьезное намѣреніе выдать Джемсона и другихъ плѣнниковъ англійскимъ властямъ съ тѣмъ, чтобы они были подвергнуты наказанію британскимъ правительствомъ. Окончательное рѣшеніе по этому дѣлу будетъ принято имъ, Крюгеромъ, тотчасъ по возобновленіи порядка и спокойствія въ Йоганнесбургѣ. Йоганнесбургъ 7-го января (26-го декабря) сдался безусловно. Оружіе было выдано. Крюгеръ выразилъ намѣреніе передать Джемсона и другихъ плѣнныхъ губернатору Капской колоніи, на границѣ Натала. Кризисъ миновалъ.

— Дѣла понемногу разясняются. Напр. открыты документы, свидѣтельствующіе о существованіи обширнаго заговора, направленаго противъ независимости Трансваали. Агитація въ Рандѣ, равно какъ вторженіе Джемсона, входили въ планъ заговорщиковъ. Губернатору Капской колоніи рѣшительно ничего объ этомъ не было извѣстно. По послѣднимъ извѣстіямъ, Джемс. на и товарищей отправляютъ въ Наталь, гдѣ состоится выдача ихъ англійскимъ властямъ. У Зенуанта, близъ Капштадта, арестованъ президентъ Трансваальскаго союза Чарльзъ Леонардъ.

Франція. — Изъ Ниццы сообщаютъ, что 26 декабря (7 января) министръ финансовъ Думэ, въ сопровожденіи префекта, поѣхалъ представиться Наслѣднику Цесаревичу. Его Высочество совершалъ въ это время свою ежедневную прогулку пѣшкомъ. Посѣтителей принялъ баронъ Штапельбергъ, выразившій сожалѣніе отъ имени Его Высочества и заявившій, что Наслѣдникъ Цесаревичъ очарованъ св. имъ пребываніемъ во Франціи. Его Высочество, здоровье котораго, видимо, улучшается, совершаетъ ежедневно послѣ полудня прогулку пѣшкомъ до садовъ Монако, т. е. на разстояніи восьми километровъ.

Сербія. — Король Александръ поручилъ бывшему военному министру генералу Павловичу отправиться въ Черногорію съ ратифи-

каціей торговаго договора, заключеннаго съ княжествомъ. Генералъ вручилъ князю Николаю за его литературныя заслуги орденъ св. Саввы первой степени. Эти дружескія сношенія весьма важны въ отношеніи политическомъ.

Италія. — Военныя дѣйствія въ Абиссиніи возобновились; шоанцы возобновили нападеніе на Макале, но были отбиты съ большими потерями. Шоанцамъ извѣстно, что итальянцы получили подкрѣпленіе какъ пѣхотою, такъ и артиллеріею. На линіи Атбары все спокойно. Въ Абиссинію отправлено изъ Неаполя 18 батальоновъ пѣхоты, 9 батальоновъ берсальеровъ, 1 батальонъ альпійскихъ стрѣлковъ при 5 горныхъ батареяхъ. Это составитъ приблизительно 14,000 человекъ, такъ что съ 15,000 чел. колоніальныхъ войскъ генералъ Баратieri будетъ располагать 29,000 чел. Кроме того, въ Неаполѣ держатся наготовѣ къ отплытію по первому приказанію еще 10 батальоновъ пѣхоты. По послѣднимъ извѣстіямъ 5,000 человекъ при 3 батареяхъ должны уже находиться подъ Адигратомъ.

Изъ Шоа сообщаютъ, что Менеликъ, который выступилъ въ походъ лишь съ дѣйствующею арміею, призвалъ къ знаменамъ ополченіе, т. е. около 75,000 чел. Передаютъ, что 31-го декабря (12-го января 1896 г.) будутъ отправлены въ Массову изъ Неаполя два батальона пѣхоты, а 1-го (13-го) января 1896 г. — еще 3 батальона пѣхоты. Въ Массову высылается также нѣсколько батарей артиллеріи.

Турція. — Продолжаются безпорядки въ Малой Азіи. Совершены страшныя зѣрства, виновниками которыхъ были курды. Власти насчитываютъ 900 убитыхъ. Въ Діарбекирѣ курды вызвали настоящую панику своими угрозами. Они очень недовольны тѣмъ, что Абдулъ-паша, верховный комиссаръ, оказываетъ покровительство христіанамъ. Въ приморскомъ городѣ Чесмѣ (Смирнскаго вилайета) открытъ заговоръ противъ мѣстнаго христіанскаго населенія. Благодаря мѣрамъ, своевре-

менно принятымъ смирнскимъ вали Кимилемъ-пашею, опасность устранена. Въ Маласелѣ арестованъ армянскій священникъ, оказавшійся членомъ армянскаго революціоннаго комитета. При немъ найдены письма, которыми онъ общался съ предводителемъ зейтунскихъ инсургентовъ. Вслѣдствіе чрезвычайно суровой погоды и снѣжныхъ метелей пришлось приостановить операціи турецкихъ войскъ противъ Зейтуна. Большая часть войскъ отступила къ Марашу. Дивизионный генералъ Эдемъ-паша и губернаторъ Абдулъ-паша назначены для веденія переговоровъ о сдачѣ зейтунскихъ мятежниковъ при посредствѣ консульскихъ делегатовъ.

Японія. — Японское правительство предложило русскимъ военнымъ судамъ свободную стоянку во всѣхъ своихъ портахъ безъ ограниченія числа судовъ. Это, повидимому, сдѣлано съ цѣлью отвлечь Россію отъ намѣренія приобрести портъ на Корейскомъ полуостровѣ. Въ Корейскій тревожное настроеніе. Предстоитъ важныя событія — готовится сверженіе короля съ цѣлью возвести на престолъ любимаго внука Тай-Вен-Куна. Сокращеніе японскихъ войскъ въ Корейскій подходить къ концу. Соглашеніемъ иностранныхъ представителей установлена минимальная норма отрядовъ, необходимыхъ для охраны японскаго посольства въ Сеулѣ и факторій въ Гензанѣ и Фузанѣ. Возбужденъ вопросъ о постановкѣ Кореи подъ покровительство соединенныхъ державъ.

Сѣверо - Американскіе Соединенные Штаты. — Финансовая коммиссія одобрила законопроектъ, которымъ, взаменъ выпуска государственныхъ облигацій, устанавливаются свободная чеканка серебряной монеты и изъятіе изъ обращенія кредитныхъ билетовъ цѣнностью ниже 10 долларовъ, а также предоставляется секретарю казначейства совершать выкупъ кредитныхъ билетовъ и билетовъ казначейства либо золотомъ, либо серебромъ. Въ парламентскихъ кругахъ утверждаютъ, что палата представителей измѣнитъ билль о

ФЕЛЬЕТОНЪ.

На сценѣ одного изъ петербургскихъ театровъ дебютировала недавно молодая пѣвица, не обладающая достаточными для успѣха данными, хотя и не послѣдняя уже бездарность. Тутъ-то наша сѣверная публика выказала такую пылкость, такое увлеченіе, что хотъ въ пору самимъ неаполитанцамъ. Но всѣ эти порывы выразились въ отрицательной формѣ. При выходѣ пѣвицы слышались, по словамъ одного изъ присутствующихъ, насмѣшки, шканье, дикіе возгласы неодобренія: «уйдите! довольно!» и все это довело, наконецъ, пѣвицу до того, что она въ третьемъ дѣйствіи зарыдала!.. Тогда только раздался одобрителъные аплодисменты. Какова невская публика! Вѣдь этакъ она скоро начнетъ на сцену бросать гнилыя апельсины, лимоны — какъ бываетъ въ Италіи да Испаніи и о чемъ любятъ повѣствовать тенора, побывавшіе въ этихъ жаркихъ и по чувству, и по климату странахъ. Но шутки шутками, а все-таки эта исторія съ пѣвицкой — жестокость... Видно, лавры-то артистовъ порой очень колются.

Шумить да блеснить наша столица. Все еще праздниковъ не можетъ забыть — сразу-то не остановишься. А между тѣмъ веселящіеся

люди уже порядкомъ, кажется, отрезвили холода, завернувши въ гости. Къ тому-же, людямъ суетѣрнымъ очень, вѣроятно, жутко подумать, что новый годъ начался съ понедѣльника, да еще самъ-то по себѣ — высокосный. Говорятъ, что Касьянъ-немилюстый, пожалуй, и не поглядитъ по головкѣ. Неизвѣстно, почему день Касьяна пользуется такой плохой славою... У поэта Л. Н. Трефолева въ его чудесной обработкѣ народной темы о «Касьянѣ-мужикѣ», героѣ «февраля двадцать-девятого», — мрачнаго очень мало. Конечно, пѣсня кончается смертью замерзшаго мужика, покинуваго «своихъ любезныхъ дѣточекъ, близнецовъ двухъ-малолѣточекъ»... Но это въ наши дни такая обыкновенная исторія, которая никакъ не удивитъ. Ну, да авось, что Касьянъ на этотъ разъ ничего не принесетъ худого.

Прекуръезныя вещи иногда бываютъ въ жизни! На-дняхъ всѣ прочли въ газетахъ, какъ какой-то мошенникъ ободралъ старуху-богадѣленку! Что-же могъ онъ украсть у нея? Какіе-нибудь три-четыре рубля да платокъ старый? Пѣтъ, не тутъ-то было. Онъ отнялъ у старухи, живущей въ богадѣльнѣ, значитъ, очевидно, не имѣющей никакихъ средствъ, восемьдесятъ рублей чистыми деньгами да еще расписки государственнаго банка на нѣсколько тысячъ. Удивительно иногда, какъ

везетъ ворами! Берегитесь теперь всѣ старушки въ салопчикахъ и съ ридикюльчиками! Навѣрно, столичные мошенники обратятъ на васъ должное вниманіе. Да можно объ закладъ побиться, что и многіе солидные обыватели, тоскливо ощущывая опустѣвшіе отъ праздничныхъ «чаевъ» карманы, будутъ съ завистью поглядывать на встрѣчающихся старушекъ этого рода. «Ишь, счастливица, должно-быть, тысячи тащить!» — пробормочетъ чуть не каждый.

Петербургъ насладился выставками до сыта. Сколько и было и есть еще! И на каждую, вѣдь, хватается зрителей! Да что выставки — тамъ есть, конечно, много интереснаго. А вы поглядите-ка на какой-нибудь дрянной музей восковыхъ куколъ, годный развѣ для провинціальной глуши... Вѣдь и тотъ полнымъ-полнехонекъ. Скучаетъ, видно, ужъ очень столичный житель: хотъ куда-нибудь, а поидетъ... Осмотритъ онъ и восковаго Карю, и какую-то неизвѣстную репутациі восковую-же Зюлейку, любимицу султана, зѣвнетъ, пальцемъ колунетъ одеревенѣвшую мумію — и глядишь, доволен! На народѣ поболтался, бока намаялъ, теперь можно и въ буфетъ завернуть куда-нибудь. Поглядите на этого равнодушнаго, скучающаго петербуржца хотъ на той-же выставкѣ Айвазовскаго. Онъ хладнокровѣйшимъ образомъ созерцаетъ Нептуна, Олимпъ,

таможенномъ тарифѣ только въ томъ смыслѣ, что потребуетъ увеличенія пошлины на сахаръ на 15 проц. и пошлины на сельско-хозяйственные продукты на 20—25 проц. Секретарь по морскому вѣдомству Гербертъ внесъ требованіе о постройкѣ двѣнадцати миноносцевъ. Венецельскій вопросъ не усложняется.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Нижегородское биржевое общество, въ экстренномъ засѣданіи, большинствомъ пятидесяти одного голоса противъ одиннадцати, высказалось за совмѣстное ходатайство съ земствомъ и городомъ, о проведеніи сѣверной желѣзной дороги на Вятку и Нижній.

— При министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ образована, подъ предсѣдательствомъ товарища министра А. А. Нарышкина, коммиссія для разработки условій и порядка передачи калмыковъ и инородцевъ-магометанъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Исполнилось 25-лѣтіе состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Великаго Князя Михаила Николаевича уральскаго общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ.

— Дѣятельность нижегородскаго общественаго управленія по городскому положенію 1870 года началась въ Нижнемъ-Новгородѣ съ 30-го декабря 1870 г. Постановлено отмѣтить память этого дня устройствомъ на одной изъ городскихъ площадей (по предположенію коммиссіи—на Верхне-Благовѣщенской) и на городской счетъ монумента Императору Александру II.

— Утверждено положеніе о стипендіи Имени Его Императорскаго Величества при обществѣ брата св. Кирилла и Меодія для бѣдныхъ учениковъ нижегородской гимназіи, на проенты съ капитала въ 4,250 рублей, пожертвованнаго для этой цѣли потомъ почет. гражданъ М. М. Рукавишниковымъ.

— Взамѣнъ двухъ нынѣ существующихъ

тарифовъ прямыхъ сообщеній московско-кавказско-закаспійскаго сообщенія съ начала новаго года будетъ дѣйствовать только одинъ тарифъ для сообщенія всѣхъ станцій общей сѣти съ закавказской дорогой.

— Министерству путей сообщенія ассигновано, въ дополненіе къ ранѣе отпущеннымъ 400,000 руб., еще 1,200,000 руб. на усиленіе землечерпательныхъ средствъ въ азово-черноморскихъ портахъ, съ отпускомъ этой суммы равными частями въ 1896 и 1897 гг.

— Изъ Ставрополя Кавказскаго сообщаютъ, что губернской администраціей испрашивается разрѣшеніе на посылку въ Москву, для присутствованія на предстоящемъ священномъ коронаціи Ихъ Величествъ, депутаціи отъ калмыковъ и инородцевъ-магометанъ.

— Интересъ иностранцевъ къ церемоніи коронаціи и нижегородской выставкѣ такъ великъ, что теперь уже въ заграничныхъ конторахъ международнаго общества спальныхъ вагоновъ записываются на мѣста въ вагонахъ этого общества на апрѣль и май. На Николаевской желѣзной дорогѣ поступаютъ заказы на купе курьерскихъ поѣздовъ изъ Петербурга въ Москву.

— Исполнилось 75 лѣтъ со времени основанія при с.-петербургской духовной академіи духовнаго журнала «Христіанское Чтеніе» (1821—1895 гг.). Это старѣйшій изъ духовныхъ журналовъ.

— Въ Москвѣ вышелъ номеръ новаго журнала «Двигатель», международный вѣстникъ промышленности, торговли и техники. Редакторъ-издатель Галлинь.

— Въ Воронежѣ редакторъ «Филологическихъ записокъ» Хованскій праздновалъ недавно тридцатилѣтіе журнала, имъ основаннаго и все время редактируемаго имъ-же.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Академіей наукъ исходатайствовано разрѣшеніе главной физической обсерваторіи высылать бесплатно ежедневны метеорологическія

депешы въ елисаветградскую метеорологическую станцію, гдѣ мѣстное земство успѣшно предприняло попытку примѣненія предсказаній погоды къ сельскому хозяйству.

— Съ будущаго учебнаго года въ высшихъ и среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ будутъ введены новыя кафедры по исторіи сельскаго хозяйства въ Россіи и иностранныхъ государствахъ и по сельско-хозяйственному законодательству Россіи и другихъ государствъ.

— На разсмотрѣніе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ внесено ходатайство томскаго губернатора объ ассигнованіи кредитовъ на улучшеніе разныхъ сторонъ сельскаго хозяйства въ томской губерніи.

— Министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ командированъ въ Нижній-Новгородъ агрономъ г. Черпенковъ для приѣма сельско-хозяйственныхъ экспонатовъ, перевозимыхъ съ недавно закрывшейся московской выставки.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

По случаю исполнившагося въ концѣ минувшаго ноября семидесятипятилѣтія Михайловской артиллерійской академіи и перваго артиллерійскаго училища, бывшій профессоръ химіи и членъ конференціи академіи и училища, живущій въ настоящее время въ Парижѣ, генералъ-лейтенантъ Николай Павловичъ Оедоровъ пожертвовалъ капиталъ въ двѣнадцать тысячъ рублей для образованія стипендіи при означенномъ училищѣ.

— По случаю предстоящихъ коронаціонныхъ торжествъ государственные экзамены въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ предложено закончить къ 1-му мая будущаго года. Студентамъ, прослушавшимъ восемь семестровъ, но не сдавшимъ выпускныхъ экзаменовъ, предстоитъ, противъ обыкновенія, прибыть въ столицу къ 15-му февраля или къ началу марта, ко времени открытія государственныхъ комиссій.

неревдъ... Что ему Гекуба?!. Но пѣтъ, вотъ онъ оживился чего-то, заболталъ, засуетился.. Къ нему подошелъ знакомый, важный господинъ, старающійся выказать себя знатокомъ живописи. Не отставать-же нашему знакомцу. Вотъ какъ онъ посыпалъ терминами: «мазокъ... красочность, бликъ» и тому подобное... А въ душѣ?..

* * *

Въ Парижѣ умеръ глава декадентовъ и символистовъ — Поль Верленъ, поэтъ очень талантливый и очень мудреный. Онъ ухитрился создавать цѣлую пьесу изъ какого-нибудь почти мгновеннаго ощущенія. Запахъ увядшей розы, промелькнувшая по саду тѣнь—все гонимось ему. Какъ извѣстно, и у насъ начали подражать ему и, конечно, хватили черезъ край. У насъ всегда такъ водится! Къ тому-же показалось очень легко добиться славы: пиши какъ можно болѣе непонятно, такъ, что и самъ-бы не могъ объяснить — вотъ и вся штука. А потомъ скажи важно, что, дескать, я краски выражаю звуками—и баста! Но, слава Создателю, наше общество еще настолько здорово духовно, что эти пискливые мотивы доморощенныхъ Верленовъ отнюдь не пользуются никакимъ вниманіемъ. И чего только бросаетъ насъ начужіе образцы. У насъ столько еще неразработанныхъ жизненныхъ темъ, у насъ настоящая черноземная «цѣлина» для поэтическихъ вдохновеній! Жизнь часто вы-

двигаетъ на сцену совершенно неожиданно какой-нибудь до того важный и животрепещущій вопросъ, что удивленное общество только руками разводило—какъ это, молъ, мы проглядили! Теперь на очереди вопросъ о кормилицахъ. Наши старые читатели обратили, конечно, вниманіе на рассказъ «Молочные братья» въ нашемъ рождественскомъ номерѣ. Авторъ простымъ примѣромъ уясняетъ всю дурную сторону этого глубоко укоренившагося явленія семейной жизни. Тотъ-же вопросъ поднималъ недавно фельетонистъ одной большой газеты. Онъ, между прочимъ, жалѣетъ матерей, которыя ради куска хлѣба бросаютъ собственныхъ дѣтей, а кормятъ чужихъ. Само-собой, много можно сказать про и contra относительно этого вопроса, но вообще нельзя не признать его важности.

* * *

Оригинальное, смѣшное извѣстіе, если не «утку», передаютъ провинціальныя газеты. Актеръ Далматовъ, играющій теперь въ провинціи, участвовалъ въ спектаклѣ въ какомъ-то глухомъ городишкѣ. Сцены настоящей не было, и ухитрились соорудить таковую изъ бочекъ и досокъ. На эти-то, ужъ въ прямомъ смыслѣ «подмостки» вышелъ и Далматовъ. Вдругъ—о, ужасъ!—зрители увидѣли, какъ талантливый премьеръ провалился и исчезъ въ глубинѣ огромной бочки. Насилу вытащили, насилу пьесу доиграли. Подумать, такъ скон-

фузиться въ Гамлетъ, въ монологъ: «быть или не быть!..» Вотъ какіе бываютъ сюрпризы. Но всѣ тревоженія и тягости артистической жизни не мѣшаютъ актерамъ играть на сценѣ по цѣлому полу-столѣтію. Вспомнимъ почтенную артистку Е. Н. Жулеву, которой скоро предстоитъ пятидесятилѣтній сценическій юбилей. Вотъ что значитъ любить свое дѣло, жить имъ!.. Кто видѣлъ Жулеву въ «Смерти Агриппины», тотъ навѣрное поразился-бы правильной, одушевленной, хотя на старый образецъ, игрой артистки.

* * *

Въ заключеніе, свѣженькій политическій анекдотикъ. Дѣло идетъ все о тѣхъ-же британцахъ, которымъ такъ не повезло въ настоящее время. Разгнѣвались англичане на императора германскаго Вильгельма за трансваальскую телеграмму—и ну его поносить! Въ одномъ изъ большихъ театровъ актеръ, жаждавшій популярности и успѣха, въ сценѣ ссоры возьми и вверни такую «отсебятину»: «Что ты вѣчно суешься не въ свои дѣла, словно императоръ германскій Вильгельмъ!» Бура похвалъ наградила остроумца!.. У насъ покаместъ, къ счастью, къ подобнымъ выходкамъ прибѣгаетъ лишь Пальмъ въ опереткѣ... Но, конечно, имъ только и мѣсто въ послѣдней. А англичане еще телеграммы шлютъ объ этомъ... Нравы!..

Муръ.

— Для приготовленія учителей низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ учреждаются особые курсы при харьковскомъ земледѣльческомъ училищѣ. На эти курсы будутъ приниматься, въ числѣ 10 ежегодно, лица, получившія образованіе въ высшихъ и среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Совѣтъ русскаго общества птицеводства приступилъ къ устройству разсадника племенныхъ птицъ. Состоялась торжественная закладка зданія для школы птицеводства на участкѣ земли, отведенной обществу, по Вызочайшему повелѣнію, близъ ст. Ланская, Финляндской желѣзной дороги.

— На разсмотрѣніе и утвержденіе ветеринарнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ представленъ вновь выработанный проектъ устава ветеринарнаго общества, учрежденнаго въ Одессѣ.

ИСКУССТВО.

Акварельная выставка, открытая обществомъ русскихъ акварелистовъ 2-го января новаго года въ залахъ академіи художествъ, по количеству и качеству выставленныхъ работъ можетъ быть названа одной изъ самыхъ удачныхъ за послѣдніе годы. Въ числѣ наиболѣе обращающихъ на себя вниманіе могутъ быть названы работы А. Бенуа, С. Соломко, Сейтгофа, Бергольца, Гефлера, покойнаго А. Д. Кившенко и другихъ. На выставкѣ также помѣщаются интересные жанры В. Маковского, Сая и еще нѣсколькихъ иностранцевъ, приглашенныхъ обществомъ акварелистовъ къ участию на выставкѣ.

— Открылась выставка ученическихъ работъ въ императорскомъ обществѣ поощренія художествъ. Эта выставка носитъ почти такой же характеръ, какъ и въ школѣ Штиглица. Какъ та, такъ и эта — художественно-ремесленная школы, съ тою только разницей, что въ обществѣ поощренія интересъ къ художеству какъ бы беретъ перевѣсъ.

— Въ первыхъ числахъ января въ залахъ Соляного Городка въ С.-Петербургѣ и Политехническаго музея въ Москвѣ будутъ прочитаны съ благотворительною цѣлью публичныя лекціи на французскомъ языкѣ на тему «Sur le mysticisme et le symbolisme».

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

29-го декабря произошло торжественное собраніе Академіи Наукъ. Были прочитаны отчеты: 1) отчетъ о присужденіи преміи имени гр. Д. А. Толстого; 2) отчетъ о присужденіи преміи имени Императора Александра II, учрежденной симбирскимъ дворянствомъ; 3) на соисканіе преміи имени А. М. Сибирякова. Затѣмъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности постоянной коммисіи при академіи для выдачи пособій имени Императора Николая II-го нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. Всего удовлетворено 319 ходатайствъ, въ томъ числѣ отъ 203 лицъ за ихъ собственныя заслуги и отъ 116 лицъ за заслуги ихъ ближайшихъ родственниковъ. Пенсіи назначены 19 лицамъ, въ размѣрѣ отъ 300 до 1,200 руб. въ годъ, всего на сумму 9,780 р. въ годъ.

— Совѣтъ Императорскаго с.-петербургскаго общества естествоиспытателей постановилъ: преміи имени Великаго Князя Александра Михайловича раздѣлить между двумя сочиненіями, — сочиненіемъ преподавателя въ-

домства Императрицы Маріи В. А. Вагнера (L'Industrie des Agaveina) и сочиненіемъ кievскаго профессора С. Г. Навашина объ оплодотвореніи березы.

— 28-го декабря состоялось собраніе членовъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ («литературнаго фонда»). Съ 20-го октября по 11-е декабря комитетъ «фонда» имѣлъ 4 засѣданія. Единовременныхъ пособій выдано 19 лицамъ на 645 р., продолжительныхъ пособій 3 лицамъ на 150 р., продлены продолжительныя пособія 6 лицамъ на 960 руб., безсрочныя ссуды выданы 11 лицамъ на 825 р., срочныхъ ссудъ выдано 300 р., на такую-же сумму назначено пенсій.

— Въ обществѣ горныхъ инженеровъ происходило недавно торжественное собраніе по случаю 25-лѣтія введенія въ Россію на заводахъ пени Мартена Сименса, на которыхъ выплавляютъ у насъ теперь въ годъ до 27.000.000 пудовъ стали.

— Состоялось общее собраніе общества попеченія о нуждающихся семействахъ вонновъ, потерявшихъ здоровье на службѣ. Предсѣдателемъ общаго собранія былъ избранъ ген.-лейт. Дельсаль. Собраніе безъ преній утвердило составленный правленіемъ проектъ смѣты, по которому весь расходъ на будущій годъ исчисленъ въ 14 тыс. руб.

— Было общее собраніе членовъ общества покровительства животнымъ, на которомъ избраны единогласно: предсѣдателемъ общества на предстоящій годъ П. В. Жуковский, вице-предсѣдателемъ полковникъ А. Р. Гершельманъ, въ члены правленія Н. И. Гарвей и П. П. Ланской и въ участковыя попечители С. В. Мартыновъ и Н. О. Хессенъ.

— Коммисія по устройству сада у Зимняго Дворца, учрежденная Императорскимъ Россійскимъ обществомъ садоводства пригласила гг. членовъ общества на конкурсъ по составленію проекта сада между Дворцомъ и зданіемъ Адмиралтейства.

— Въ послѣднемъ общемъ собраніи «Литературно-артистическаго кружка» избраны въ члены кружка: графъ Л. Н. Толстой (почетнымъ членомъ), Я. П. Полонскій, П. В. Биковъ и С. И. Мамонтовъ.

— Среди петербургскихъ ремесленниковъ возникла мысль основать вспомогательную кассу, члены которой, внося ежемесячно не болѣе рубля, будутъ пользоваться, въ случаѣ болѣзни или увѣчья, опредѣленнымъ пособіемъ.

— 2-го января состоялось общее собраніе хлѣбопиротворцевъ Калашниковской биржи. Кромѣ разсмотрѣнія отчета временной коммисіи по устройству хлѣбной биржи обсуждались вопросы, касающіеся внутренняго порядка и организаціи биржи.

— Въ видахъ поднятія научнаго уровня повивальныхъ бабокъ, съ 10-го января 1896 года при Повивальномъ институтѣ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи (С.-Петербургъ, Фонтанка, 148) учреждаются повторительные курсы для повивальныхъ бабокъ, желающихъ обновить и пополнить свои познанія.

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

— Въ Панаевскомъ театрѣ шла на дняхъ опера Гумфрединга—«Гензель и Грета». Постановка этой граціозной музыкальной фееріи заслуживала вниманія въ смыслѣ красивой декоративной обстановки и старательнаго исполненія. Музыка оперы въ большинствѣ нумеровъ талантлива и элегантна по стилю.

Оркестръ шелъ вполне удачно, а вокальныя исполнительницы, г-жи Любатовичъ и Забѣлла (Гензель и Грета) и г-жи Веселовская, Нума и Богдановичъ имѣли успѣхъ.

1896-й годъ для русскихъ театровъ можетъ считаться какъ юбилейнымъ годомъ, такъ и годомъ дорогихъ воспоминаній. Въ 1746 году, въ первомъ построенномъ зданіи въ Петербургѣ, слѣдовательно ровно сто пятьдесятъ лѣтъ назадъ, открытъ былъ доступъ всякому пожелавшему присутствовать на представленіи. Этотъ театръ находился у Казанской церкви и былъ перестроенъ изъ манежа, принадлежавшаго герцогу Бирону.

— Г-жа Сабурова, артистка Императорской сцены, 50-лѣтній юбилей которой чествовался въ ноябрѣ, покидаетъ окончательно службу въ мартѣ мѣсяцъ наступающаго года. — Въ Петербургѣ пріѣхалъ знаменитый теноръ Таманьо. Дебютировалъ у насъ г-нъ Таманьо въ оперѣ Верди «Отелло». Голосъ у г. Таманьо могучій. Изъ всѣхъ теноровъ, перебивавшихъ въ Петербургѣ за послѣднія 35 лѣтъ, нѣтъ ни одного, который-бы могъ съ нимъ сравниться по силѣ и блеску голоса. Развѣ только Тамберлигъ. Декламаторъ г. Таманьо великолѣпный, произноситъ слова необыкновенно отчетливо, поетъ горячо, страстно, съ увлеченіемъ. Если къ этому добавить внушительную фигуру и превосходную игру, то станетъ понятнымъ огромный успѣхъ пѣвца.

— Недавно въ Московскомъ Большомъ театрѣ дали въ первый разъ «Дубровскаго» г. Направника. Опера, по сообщеніямъ московскихъ газетъ, имѣла хорошій успѣхъ. Дирижировалъ самъ авторъ, получившій нѣсколько лавровыхъ вѣнковъ.

— На дняхъ на сценѣ Михайловскаго театра дана была новинка—3-хъ-актная «comédie nouvelle» Альфреда Капюсъ «Бриньоль и его дочь». Герой пьесы Бриньоль—адвокатъ, которому пришлось оставить свою профессію, прожекторъ, биржевой игрокъ, всю жизнь по уши въ долгахъ.

— Въ Москвѣ начались гастроли Эрнесто Росси. Артистъ совершаетъ свою послѣднюю артистическую поѣздку и объ этомъ, конечно, нельзя не пожалѣть. Въ его шекспировскомъ репертуарѣ «Король Лиръ», шедшій въ Москвѣ первымъ, составляетъ коронную роль Росси. Голосъ артиста сталъ нѣсколько слабѣе.

— Ожидается пріѣздъ на гастроли въ Варшаву труппы артистовъ Александринскаго театра, съ М. Г. Савиной во главѣ. Въ составѣ труппы, кромѣ прошлогоднихъ артистовъ, войдетъ также извѣстный уже Варшавѣ по прежнимъ гастролямъ г. Медвѣдевъ.

— Въ училищѣ св. Анны (Кирочная, 8), воспитанницами училища была представлена на греческомъ языкѣ трагедія Софокла «Электра».

— Въ Александринскомъ театрѣ состоялся бенефисъ г. Писарева. Шли три пьесы (не считая водевиля), изъ нихъ двѣ новыхъ и одна старая, Островскаго «Не сошлись характерами». Имѣла успѣхъ и произвела впечатлѣніе на зрителей всѣхъ ярусовъ драма О. К. Нотовича «Безъ выхода». Выведенный въ драмѣ типъ молодого проходимца изъ адвокатовъ безъ практики, несомнѣнно, жизненъ и по смыслу серьезенъ. Одноактная пьеса В. А. Крылова «Въ глуши Сибири» написана тепло и слушается внимательно. Бенефициантъ награжденъ былъ подарками, лаврами и горячими оваціями.

— Въ Москвѣ состоялся дебютъ извѣстной пѣвицы Зигриды Арнольдсонъ на сценѣ италья-

янской оперы. Шелъ «Севильскій цирюльникъ». Спектакль обратился въ сплошной триумфъ артистовъ—Мазини, Арнольдсонъ, успѣхъ которой въ партіи Розины напомнилъ лучшіе дни Аделины Патти.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Намъ доставлены слѣдующія новыя книги:

Стихотвореніе Л. Г. Изд. П. К. Пряниш-никова. Ц. 1 р. 75 к.

Два отдѣла лирическихъ стиховъ, двѣ громадныя пѣсы въ стихахъ-же, и очень неуклюжихъ,—всего—379 большихъ страницъ стиховъ... Прочестъ все это нелегко, а извлечь отсюда два-три сносныхъ стихотворенія еще труднѣе. Въ авторѣ есть жаръ, но не хватаетъ поэтическаго изящества, умѣренности. Форма весьма плоха, а потому и кое-какіе недурные сюжеты пропадаютъ. Авторъ писалъ книгу 16 лѣтъ (1879—1895), но все-таки обработалъ ее очень небрежно. Какъ ни жаль, но приходится сказать, что этотъ трудъ почти потерянъ.

Таинственные разсказы, Эдгара По, Перев. К. Д. Бальмонта. Ц. 1 р.

По, или, какъ его болѣе называютъ—«Поэ», былъ великій мастеръ писать леденящіе душу ужасные разсказы. К. Д. Бальмонтъ, извѣстный молодой поэтъ, перевелъ «Таинственные разсказы» прекрасно, съ драматизмомъ и силой подлинника. Но эти всѣ вещи были уже много разъ переведены. Онѣ знакомы и читателямъ «Живописнаго Обозрѣнія» по одному изъ приложеній прошлаго года.

У болгаръ и заграницей. А. Верещагина. Ц. 1 р.

Братъ извѣстнаго художника В. В. Верещагина написалъ эту книгу довольно живо, но чересчуръ эпизодично. Къ тому-же, заглавіе книги не вѣрно, такъ-какъ въ ней кромѣ разсказовъ о Болгаріи (почему-то исключенной изъ числа заграничныхъ земель) и почти всѣхъ средне европейскихъ государствъ,—помѣщено еще около ста страницъ о самыхъ закоренѣлыхъ мѣстностяхъ Россіи.

Нѣмецко-русскій карманный словарь. Сост. Н. Л. фонъ-Цилеръ. Ц. 60 к.

При небольшой цѣнѣ, эта книжка, изданія Ф. А. Югансона, можетъ быть весьма полезна въ дорогѣ. при обыденныхъ потребностяхъ и сношеніяхъ.

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ.

31 декабря минуло 150 лѣтъ со дня рожденія знаменитаго педагога Генриха Песталоцци. Онъ считается въ исторіи народнаго образованія—основателемъ и творцомъ новѣйшей педагогіи. Идеи, развитыя имъ, все живутъ и растутъ и въ настоящее время. Генриху Песталоцци поставленъ въ Иверденѣ памятникъ, гдѣ онъ изображенъ бесѣдующимъ съ дѣтми.

— Исполнилось тридцать лѣтъ со дня кончины Петра Александровича Плетнева, поэта и критика, литературнаго дѣятеля пушкинской эпохи. Не обладая большимъ дарованіемъ, П. А. все-же высоко цѣнился въ кружкѣ писателей, съ которыми онъ сошелся очень рано. Кружокъ этотъ представлялъ собою тотъ аристократическій Олимпъ, къ которому принадлежали Пушкинъ, Жуковский, Гоголь, Дельвигъ и др. писатели. Со всѣми ними Плетневъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. П. А. глубоко любилъ и понималъ литературу. Будучи поклонникомъ Карамзина, онъ могъ оцѣнить Гоголя, понять Тургенева, Достоевскаго, Писемскаго, Островскаго и другихъ писателей, произведенія которыхъ рѣзко отличались отъ всего того, на чемъ учился, къ чему привыкъ Плетневъ. Умирая, 73-лѣтній Плетневъ писалъ въ одномъ изъ слѣдующихъ, вполне характеризующихъ

строки:—«Жизнь и мысль народа не могутъ остановиться. Какъ самое время, онѣ безпрерывно мчатся впередъ. Окружаемые при этомъ движеніи всѣмъ новымъ, мы прошлому отводимъ мѣсто въ исторіи, подчиняясь въ настоящемъ—властительству новыхъ силъ».

— Въ наступившемъ 1896 году исполняется въ августѣ двадцать лѣтъ службы г. О. Стравинскаго и десять лѣтъ службы—въ апрѣлѣ г-жи М. Долиной, а въ августѣ г-жи Е. Мравининой и г. А. Чернова. Какъ извѣстно, десять лѣтъ службы въ Императорскихъ театрахъ даютъ пока право на пожизненное званіе артиста Императорскихъ артистовъ.

— 16 января минетъ 50 лѣтъ поступленія на сцену артистки Е. Н. Жуковой. 22-го января истекаетъ 50 лѣтъ со дня смерти князя А. А. Шаховскаго, оказавшаго громадныя услуги русскому театру и руководившаго имъ цѣлую четверть вѣка. 16-го мая истекаетъ двадцати-пятилѣтіе службы М. Н. Ермоловой на сценѣ московскаго Малаго театра. Въ 1896 году минетъ 50 лѣтъ со дня первыхъ дебютовъ на Императорскихъ сценахъ слѣдующихъ артистокъ: г-жъ Рѣпиной Н. М. Медвѣдовой, Орловой и А. А. Разсказова.

— Заслуженный ординарный профессоръ московской духовной академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи и ординарный профессоръ по той-же кафедрѣ въ Императорскомъ московскомъ университетѣ (съ 1-го сентября 1895 года), докторъ богословія, Алексѣй Петровичъ Лебедевъ въ половинѣ января 1896 года оставляетъ службу при академіи, прослуживъ при ней болѣе двадцати пяти лѣтъ.

— 1-го января, исполнилось 30-тилѣтіе врачебной дѣятельности главнаго врача больницы св. Николая Чудотворца и Новознаменской дачи для душевно-больныхъ, Антона Антоновича Чечотта. Юбиляръ пользуется почетной извѣстностью не только какъ врачъ-практикъ, но и въ ученомъ мірѣ.

— Клиническій военный госпиталь чествовалъ на-дняхъ своего главнаго врача И. И. Макавѣева, по случаю исполнявшагося двадцати-пятилѣтія его врачебно-служебной дѣятельности. Юбиляру была поднесена художественной работы серебряная чернильница.

НЕКРОЛОГИ.

— К. П. Печаткинъ, извѣстный бумажный фабрикантъ, мануфактуръ-совѣтникъ и инженеръ-технологъ скончался 27-го декабря. По окончаніи курса въ 1839 году въ технологическомъ институтѣ, покойный завѣдывалъ въ теченіе 56-ти лѣтъ писчебумажнымъ производствомъ на фабрикѣ отца въ Красномъ Селѣ, которая въ 1860 году перешла въ его еобственность. Въ продолженіе всей своей дѣятельности покойный заботился объ усовершенствованіяхъ въ русскомъ писчебумажномъ дѣлѣ. Онъ первый въ Россіи замѣнилъ ручной способъ выдѣлки бумаги машиннымъ. Новыя машины и приспособленія стоили покойному болѣе двухъ милліоновъ рублей. К. П., какъ человекъ, отличался мягкимъ и добрымъ характеромъ и, желая успѣха печатному дѣлу, открывалъ широкій кредитъ періодическимъ изданіямъ. Въ 1889 году покойный былъ избранъ въ почетные члены общества технологовъ.

О. О. Эркгардтъ, профессоръ университета св. Владиміра, скончался въ Кіевѣ. Покойный съ 1859 года занималъ кафедру государственнаго врачеванія и въ продолженіе многихъ лѣтъ завѣдывалъ судебно-медицинскимъ отдѣломъ для практическаго преподаванія судебно-медицинскаго изслѣдованія человека при кіевскомъ военномъ госпиталѣ. Онъ пользовался большою извѣстностью среди врачей, какъ опытный экспертъ, приглашаемый на судебныя процессы для медицинскихъ изслѣдованій, и, какъ ученый, перу котораго

принадлежитъ рядъ цѣнныхъ, специально медицинскихъ трудовъ. Научныя работы покойнаго печатались въ «Судебной Медицинѣ», «Судебномъ Вѣстникѣ», «Военно-Медицинскомъ журналѣ».

— Н. А. Сорокинъ, заслуженный профессоръ университета скончался въ Казани скоропостижно.

Ангелика Ивановна Случевская скончалась на 84 году отъ роду. Восьмая часть ея долгой, почтенной жизни была посвящена ей, по призыву почившихъ императора Александра II и императрицы Маріи Александровны, служенію русскому дѣлу въ Царствѣ Польскомъ въ самые тяжелые дни намѣстничества графа Берга, а затѣмъ—графа Коцебу. Въ 1864 году состоялось назначеніе покойной начальницею варшавскаго Александринско-Маріинскаго дѣвичьяго института, и она вступила въ то десятилѣтіе своей жизни, которое въ исторіи развитія русскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ займетъ весьма почетное мѣсто. Зная ея лично, всегда отдавали полную справедливость ея уму, развитію и характеру. Ангелика Ивановна особенно сильно любила покойную императрицу Марію Александровну.

— В. И. Конисскій скончался въ Нижнемъ-Новгородѣ въ преклонныхъ лѣтахъ. Имя завѣдующаго нижегородской городской библіотекѣ Валерія Ивановича Конисскаго тѣсно связано съ исторіей возникновенія и развитія мѣстной городской библіотеки, оказавшей немалыя услуги мѣстному обществу и доведенной покойнымъ до ея нынѣшняго образцоваго состоянія.

— Эмилій Карловичъ Скудельный, извѣстный въ Москвѣ педагогъ и преподаватель нѣмецкаго языка скончался. Покойнымъ были изданы книги: «Учебникъ нѣмецкаго языка», «Курсъ нѣмецкой коммерческой корреспонденціи», «Жизнь и сочиненія главнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ XVIII вѣка».

— Антонъ Филиппъ Рекламъ, извѣстный лейпцигскій издатель «Универсальной Библіотеки», скончался 88 лѣтъ отъ роду. Покойный познакомилъ Германію съ русскими писателями въ дешевыхъ популярныхъ изданіяхъ.

— Поль Верлэнь, талантливый французскій поэтъ, глава декадентовъ и символистовъ, скончался въ Парижѣ, 52 лѣтъ. Главныя наблюденія свои онъ производилъ въ парижскихъ госпиталяхъ, что несомнѣнно вліяло на болѣзненность его творчества.

— Леонидъ Андреевичъ Павловскій, настоятель спб. почтамской церкви скончался на-дняхъ. Онъ былъ сынъ спб. протоіерея Андрея Павловскаго, бывшаго настоятелемъ Знаменской церкви. Леонидъ Андреевичъ въ 1857 году окончилъ курсъ въ здѣшней духовной семинаріи.

СПОРТЪ.

31-го декабря на Семеновскомъ плацу, на бѣгахъ разыгрывался «Орловскій призъ». День розыгрыша Орловскаго приза всегда возбуждалъ интересъ публики, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что въ этомъ призѣ участвуютъ лошади, еще не бѣгавшія, и вслѣдствіе этого для публики еще незнакомыя, о рѣзвости которыхъ и силѣ, въ большинствѣ случаевъ, ходятъ разнорѣчивые слухи. Орловскій призъ учрежденъ въ С.-Петербургѣ въ годовщину празднованія столѣтія основанія рысистой породы графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ въ 1775 г. Съ его основанія призъ этотъ выигрывали: въ 1875 году К. Н. Шмита «Панъ»; въ 1876 г.—И. И. Дацаро «Грамотей»; въ 1878 г. гр. И. И. Воронцова-Дашкова—«Туча»; въ 1878 г. его-же—«Ментикъ»; въ 1879 г. И. Ф. Ванюкова—«Крутой»; въ 1880 г. С. С. де-Бове—«Дымъ»; въ 1881 г. Н. П. Мамошина—«Угаръ»; въ 1882 г. гр. И. И. Воронцова-Дашкова—«Поддача»; въ 1883 г. Ф. С. Макарова—«Сарматъ»; въ 1884 г. Н. Н. Богданова—«Выгонъ»; въ 1885 г. его-же—«Варваръ»; въ 1886 г. свѣтл. князя В. Д. Голицына—«Улыбка»; въ 1887 г. Н. Н. Богданова—«Орфей въ Аду»; въ 1888 г. К. Л. Вахтера—«Ларчикъ»; въ 1889 г. Н. Н. Богданова—«Ковертъ-Самолетъ»; въ 1890 г. К. Л. Вахтера—«Хваленый»; въ 1891 г. Н. Н. Богданова—

ва — «Горностай»; въ 1892 г. Н. В. Хрущева — «Гильдеец 2-й»; въ 1893 г. К. Л. Бахтера — «Славный»; въ 1894 г. его же — «Гра- нить»; въ 1895 г. Б. Н. Бетлинга «Удалой- Крошка». На этотъ призъ ѣхало восемь лошадей: Въ первомъ заѣздѣ: И. А. Лебедева гнд. жер. «Похожий», наѣзникъ Л. Шевляковъ, пришелъ безъ сбоя въ 5 мин. 25¼ сек. и поэтому получилъ 1-й призъ.

Недавно состоялось общее собраніе чле- новъ общества велосипедной ѣзды подъ пред- сѣдательствомъ его Императорскаго Высочес- тва Великаго Князя Гергія Михайловича во дворцѣ. Избраны: вице-предсѣдателемъ гене- ралъ-майоръ Н. П. Гельмерсенъ, секретаремъ — князь Д. А. Ширинскій-Шахматовъ, казначеемъ В. С. Цомакионъ. Въ члены ко- митета: капитанъ К. В. Колокольниковъ, пору- чикъ И. Н. Глинка, Д. К. Ренненкампфъ, поручикъ К. А. Нарышкинъ, полковникъ Я. Г. Жилинскій, М. Т. фонъ-Бютингъ. Въ ревизионную комиссію: А. А. Кудашовъ, графъ В. В. Гудовичъ и М. Г. фонъ-Бю- тингъ.

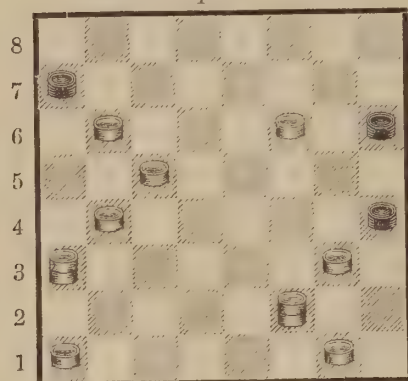
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 1.

А. ИВАНОВА (въ ПЕТЕРБУРГѢ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

ПАРТІЯ № 1.

Игрена на второмъ всероссійскомъ турнирѣ въ Москвѣ 10 іюля 1895 г.

С. В. Васильевъ. Ф. А. Кауленъ.

	Бѣлыя.	Черныя.
1	c3—b4	d6—e5
2	b4—a5	e7—d6
3	e3—f4	f6—g5
4	b2—c3	g5 : e3
5	d2 : f4	b6—c5
6	c3—b4	g7—f6
7	a1—b2	h8—g7 ¹⁾
8	c1—d2 ²⁾	c7—b6
9	a5 : c7	d8 : b6
10	b2—c3 ³⁾	c5—d4 ⁴⁾
11	b4—a5	d4 : b2
12	a3 : c1	b8—c7 ⁵⁾
13	f2—e3	f8—e7
14	g3—h4	e5 : g3
15	h2 : f4	b6—c5
16	g1—h2	f6—e5 ⁶⁾
17	e3—d4 ¹⁷⁾	e5 : c3
18	d2 : b4	c5 : a3
19	c1—b2	a3 : g5
20	h4 : h8	h6—g5
21	h8—g7	d6—c5
22	g7—h6	g5—h4
23	h6—g7	c7—d6
24	g7—a1	e7—f6
25	a1 : g7	d6—e5
26	g7 : b6	a7 : c5
27	e1—d2	c5—d4
28	a5—b6	b4—g3
29	h2 : f4	d4—e3
30	d2—c3	e3 : g5
31	b6—c7	g5—f4
32	c7—b8	f4—e3
33	c3—d4	e3 : c5
34	b8—e5	Сданысь.

Примечанія къ партіи.

1) Здѣсь также хорошо было бы 7 . . . f8—g7.

2) Нельзя играть 8. b2—c3, тогда b6—g5; вѣшена къ требуемому документу. По смерти

9. f4 : h6, e5—f4; 10. g3 : e5, f6 : b2 и выигра- ваютъ.

3) Если 10. f2—e3, то c5—d4; 11. e3 : g5, b6—a5; 12. f4 : d6, h6 : f4; 13. g3 : e5, a5 : a1 и выигр. Если же 10. b4—a5, то очевидно c5—d4; 11. a5 : c7, d4—e3; 12. f2 : d4, e5 : a1 и тоже выигрываютъ.

4) Этотъ ходъ повелъ къ проигрышу партіи. Слѣдовало играть 10 . . . f6—g5; 11. f2—e3! (ошибочно было бы 11. d2—e3, тогда g5—h4; 12. b4—a5, b8—c7; 13. e1—d2, e5—d4!; 14. c3 : e5, f8—e7; 15. a3—b4, c5 : a3; 16. d2—c3, e7—f6 и черн. выигр.), g5—h4 (при 11 . . . c5—d4 черн. проигр.); 12. b4—a5, h4 : b2; 13. a3 : c1, e5 : g3; 14. a5 : e5, f8—e7 и игра равна.

5) Если 12 . . . b6—c5, то 13. a5—b6 и бѣ- лые выигрываютъ шашку.

6) Если 16 . . . a7—b6, то 17. h2—g3, f6—e5; 18. e3—d4 и дальше, какъ въ партіи.

7) Красиво сыграно. Вся эта партія съ на- чала до конца прекрасно играна г. Василье- вымъ и принадлежитъ къ числу лучшихъ въ турнирѣ.

Устроитель 1-го и 2-го всероссійскихъ ша- шечныхъ турнировъ въ Москвѣ П. Н. Бо- дянский организуетъ всероссійскій шашечный турниръ по перепискѣ. Турниръ этотъ начнется 15 марта 1896 года и по своимъ условіямъ во многомъ отличается отъ бывшихъ до сихъ поръ турнировъ. Такъ, участіе въ немъ не соединено съ обязательнымъ взносомъ; за выигранныя красиво партіи выигрывающіе по- лучаютъ денежные выдачи; каждый участникъ турнира, въ самомъ началѣ его, получитъ экземпляръ партій 2-го московскаго турнира; участники турнира получаютъ всѣ партіи объ- являемаго турнира. Съ заявленіями о желаніи участвовать въ этомъ турнирѣ слѣдуетъ обра- щаться къ устроителю турнира по такому адресу: Кіевъ, Обсерваторный пер., д. № 9.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Высокосные годы. Наступившій 1896 годъ есть годъ высокосный; онъ замѣчательнѣе тѣмъ, что слѣдующій высокосный годъ наступитъ не черезъ четыре года, какъ обыкновенно, а че- резъ восемь лѣтъ, т. е. въ 1904 г. Для объ- ясненія этого факта нужно вспомнить, что земля движется вокругъ солнца въ теченіе 365 дней, 5 часовъ, 48 минутъ и 46 секундъ и такой длины должны-бы были каждый годъ, но тогда-бы онъ начинался не съ началомъ дня, а въ различные часы. Поэтому за норму приняты 365 дней, а остальные 5 часовъ, 48 минутъ, 46 секундъ, которые за четыре года образуютъ почти сутки, отнести на чет- вертый годъ, который такимъ образомъ бу- детъ имѣть 366 дней. Но и этотъ расчетъ не совсѣмъ вѣренъ. Въ каждомъ высокосномъ году оказывается излишекъ 44 минутъ и 56 секундъ, т. е. почти ¾ часа, что въ теченіе 400 лѣтъ образуетъ 74 часа 53 минуты и 20 секундъ, т. е. нѣсколько болѣе 3 сутокъ, ко- торые должны быть размѣщены до истеченія 400 лѣтъ. Для этого уничтожаютъ нѣсколько высокосныхъ годовъ, и на основаніи чего тѣ годы, число которыхъ кончается двумя но- лями, если число предшествующее полямъ не дѣлится на четыре, не будутъ высокосными. Такъ годы 1900, 2100, 2200, 2300 и т. д. За то годы 2000 и 2400 будутъ высокосные. Раз- стояніе 8 лѣтъ между высокосными годами; чрезвычайно рѣдкій случай, намъ и нашимъ потомкамъ не придется пережить другой по- добный случай, потому что слѣдующее подоб- ное разстояніе между высокосными годами наступитъ только черезъ 200 лѣтъ, — между 2096 и 2104 годами.

Стѣснительная служба. Въ то время какъ всѣ члены правительства въ Великобританіи пользуются отдыхомъ за предѣлами госуда- рства, лордъ государственный канцлеръ вы- нужденъ сидѣть дома, потому что на его обязанности лежитъ всегда имѣть при себѣ государственную печать, которая никогда не должна выходить изъ предѣловъ государства. Печать состоитъ изъ двухъ серебряныхъ пластинокъ, которыя раздвигаются и между ними кладется разогрѣтый воскъ. Когда воскъ застынетъ, печать готова и можетъ быть при- вѣшена къ требуемому документу. По смерти

королевы пластинки будутъ разъединены и положены въ Тозурѣ.

Оригинальное вычисленіе. — Одинъ швед- скій докторъ высчиталъ, что онъ дѣлаетъ въ теченіе года десять миллионъ шаговъ или 3.333,333 сажени или 6,666 верстъ. Считая скорость хода по 5 верстъ въ часъ, на про- хожденіе 6,666 верстъ пужно потратить 1,333 часа. На велосипедѣ же, по вычисле- нію «Самоката», считая среднюю скорость хода по 20 верстъ въ часъ, это самое раз- стояніе можно пройти въ 333 часа. Слѣдо- вательно, шведскій докторъ потратилъ на передвиженіе въ теченіе года лишннихъ 1,000 часовъ, что при десятичасовомъ трудѣ въ день составитъ сто дней. Если считать гоно- раръ этого доктора по одному рублю въ часъ, то окажется, что онъ потерялъ 1,000 р., отъ чего, съ другой стороны, пациенты док- тора, можетъ быть, выиграли.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Психея и Амуръ. Съ картины художника В. Бугерро. Выставка картинъ въ Парижѣ (Салонъ 1895 г.).

Поэтический и трогательный мнѣ о Психеѣ и Амурѣ обошелъ, кажется, всѣ европейскія литературы. Блещущій красотою богъ, полюбившій смертную краса- вицу и взявшій ее, съ соизволенія Зевса, на небо — этотъ любимецъ олимпійцевъ, появлялся сотни разъ и въ картинахъ и въ статуяхъ вдохновенныхъ худо- жниковъ. Мы видимъ его, легкокрылаго бога любви, поднимающагося во владѣнія небожителей и унося- щаго съ собою чистую, воздушную Психею. Психе- душа со своими нѣжно-идеальными очертаніями вполне отвѣчаетъ высоко-поэтическому образу, который мы привыкли рисовать себѣ...

Полученіе новыхъ журналовъ. Рисовалъ художникъ А. Земцовъ.

Въ семьѣ, всегда и вездѣ, составляетъ очень важ- ный вопросъ — какой журналъ выпустить на слѣдующій годъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ одну изъ семей- ныхъ картинокъ, полныхъ тихаго довольства и домаш- няго счастья. Только-что полученъ первый номеръ «Живописнаго Обозрѣнія», и вся семья вполне отда- лась новинкѣ. Дѣти на полу разглядываютъ картинку; взрослые заняты чтеніемъ за столомъ. Видно, что возбужденъ всеобщій интересъ. Любимый ими жур- налъ и на этотъ разъ не обманулъ ожиданій. Тихая се- мейн я сцена освѣщается мирнымъ свѣтомъ висячей лампы. Въ теченіе будничной, сѣрой жизни огромная отрада, огромное наслажденіе — чтеніе, освѣжающее душу, отрывающее ее отъ заботъ повседневной судо- лки. И хоть минуту забвенія, минуту довольства даетъ усталому люду первый номеръ полученнаго журнала.

На рекогносцировкѣ. Рисовалъ худож- никъ Горскій.

«Только версты полосаты попадаются одиѣ», — такъ воспѣвалъ Пушкинъ пейзажъ зыбкой дороги, подобный изображенному на нашей картинѣ. Пуста еще дорога; одиноко блещетъ тонкій серпъ луны; спротиво бѣ- лѣютъ осѣбженные деревья... Но вышегъ уже изъ лѣсныхъ трущобъ на рекогносцировку хищный сѣрый волкъ и, щелкая зубами, ждетъ добычи. И въ самомъ дѣлѣ, вдали зазвенѣли бубенцы — звать, мчитесь тройка. «Сѣрый» въ затрудненіи... Напасть-ли ему одному, или позвать всею еще ватагу такихъ-же хищниковъ. И стоять сѣрый звѣрь въ недоумѣніи около версты... А бубенцы тройки все ближе, ближе!..

Послѣ бала. Съ акварели художника З. Швеннигера.

«Конченъ балъ... Но послѣ бала
Гдѣ въ толпѣ живыхъ гостей,
Какъ звѣзда, она сіяла
Красотой живою своею.
Посаѣ вихря — вихря танца —
Въ кабинетѣ тишина..
Съ нѣжной краскою румянца
Говорить ему она: —
— Одного тебя люблю я!..
Я не помню никого..
И туманя, и волнуя,
Пролетѣло торжество..
Не тоскуй, о другъ ревнивый,
Безпокоясь и скорбя..
Въ этой жизни суетливой
Одного люблю — тебя!..»

Съ Крещенскою водой. Рисоваль художникъ Н. Ткаченко.

Чисто-русскій праздникъ, крещенскій сочельникъ, очень цѣнится нашимъ народомъ. Тѣ крестьяне, которые на картинѣ Ткаченко несутъ изъ церкви освещенную воду, твердо вѣрятъ въ примѣты и преданія праздника. На Крещенье, въ полночь, по повѣрью, чаша съ водой сама колыблется. Еще думаютъ, если на Крещенье собаки лаютъ, будетъ много зѣбра и дичи. Предъ заутреней въ Крещенье небо открывается, а о чемъ въ Крещенье открытому небу помолиться, то сбывается. «На Крещенье день теплый—хлѣбъ будетъ темный (густой)», говоритъ народное прасловіе. Звѣздистая крещенская ночь предвѣщаетъ урожай на грибы и ягоды. Коли прорубь на іордани полна воды, разливъ великъ будетъ. Вотъ какъ чтить русскій народъ свое любимое Крещенье и вѣрятъ въ него.

Любимая кукла. Съ картины художника К. Негради.

Недавно подаренная на елку кукла что-то весьма серьезно захандрила. Напрасно и тщетно пыкала ее маленькая хозяйка конфетами и апельсинами... Глухая Мими лежала себѣ какъ въ обморокъ! И если-бы еще что-нибудь съ ней серьезное случилось! А то, видите-ли, какая непоправимая беда: стукнули ее раза два головой о комодъ, да потомъ раза четыре уронили на полъ... Стоить развѣ дуться на это? «Ну, Мими, будь веселѣй! Танцуй!»—командуетъ маленькая хозяйка. И любимая кукла, какъ живая, слушается—танцуетъ!

Въ гостинной. Съ картины художника Ф. Весина.

— Ну-съ, господа, Новый годъ давно уже наступилъ, а я все еще не дождалась отъ васъ ни одного

страшнаго святочнаго разсказа!—говорила молодая хозяйка дома собравшемуся у нея небольшому обществу. Молодой, красивый господинъ, сидѣвшій у стола, фатовски откашлялся и сказалъ:

— Позвольте мнѣ быть жертвой вашей немплости.
— Я разскажу вамъ самый страшный, самый неожиданный и потрясающій новогодній случай...
— Ахъ, поскорѣе!—послышались голоса.
— Интересно!..
— Да!—важно продолжалъ разсказчикъ.—Въ этой самой гостинной совершилось злодѣіе, наполнившее мнѣ душу холодомъ! Здѣсь я впалъ въ жесточайшее отчаяніе. Помните, дорогая хозяйка, здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ, вы отдали другому—не мнѣ—мазурку! Обманутое въ ожиданіяхъ общество сперва изумлялось, потомъ раздражалось хохотомъ..

За РЕДАКТОРА—ИЗДАТЕЛЬ С. Довродѣевъ.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ.

62 ТИРАЖЪ 5% СЪ ВЫИГРЫШАМИ ЗАЙМА 1864 Г., ПРОИЗВЕДЕННЫЙ 2-ГО ЯНВАРЯ 1896 Г.

Номера серий.	Номера билетовъ.	Сумма выигрыша.	Номера серий.	Номера билетовъ.	Сумма выигрыша.	Номера серий.	Номера билетовъ.	Сумма выигрыша.	Номера серий.	Номера билетовъ.	Сумма выигрыша.	Номера серий.	Номера билетовъ.	Сумма выигрыша.	Номера серий.	Номера билетовъ.	Сумма выигрыша.	Номера серий.	Номера билетовъ.	Сумма выигрыша.	Номера серий.	Номера билетовъ.	Сумма выигрыша.	Номера серий.	Номера билетовъ.	Сумма выигрыша.	Номера серий.	Номера билетовъ.	Сумма выигрыша.
00029	18	500	01988	31	500	04076	35	1000	05859	9	500	08024	9	3000	09570	18	500	11349	30	1000	13224	48	500	15483	48	500	18381	33	500
00044	6	500	02076	42	10000	04113	20	500	05894	48	500	08108	9	500	09599	46	500	11429	16	500	13328	8	500	15559	15	500	18089	47	500
00088	18	500	02140	44	500	04214	21	500	06056	17	500	08159	47	500	09641	14	500	11453	44	500	13369	22	500	15671	12	500	18274	13	500
00280	37	500	02145	21	500	04297	29	500	06200	3	500	08203	18	500	09707	29	500	11507	14	500	13489	34	500	15695	22	500	18284	45	500
00283	2	1000	02237	46	500	04305	28	500	06301	1	10000	08203	30	500	09759	27	500	11588	39	500	13591	6	500	15703	12	500	18288	18	500
00416	26	1000	02208	41	1000	04406	40	500	06525	45	500	08240	47	500	09834	33	500	11624	13	500	13621	42	500	15729	5	500	18303	8	500
00483	34	500	02274	9	500	04489	31	500	06538	31	500	08253	31	500	09883	47	500	11740	23	500	13630	6	500	15810	19	500	18303	37	1000
00498	13	500	02329	37	500	04504	6	500	06550	25	500	08426	7	500	10072	35	500	11740	29	500	13700	34	500	15824	42	500	18368	48	500
00606	30	500	02372	42	500	04550	23	500	06600	42	500	08428	13	500	10103	17	500	11746	37	500	13700	48	500	15844	31	500	18408	50	500
00626	39	500	02562	18	500	04561	9	8000	06613	3	500	08550	48	500	10132	35	500	11757	15	500	13929	45	25000	15864	17	500	18450	16	500
00740	42	500	02746	48	500	04621	36	500	06642	29	500	08563	19	500	10175	14	500	11851	15	500	14004	42	500	15864	19	500	18502	19	500
00823	30	200000	02855	20	500	04697	24	500	06689	25	500	08603	42	500	10303	8	500	11875	50	500	14184	20	500	16008	1	500	18530	25	500
01020	2	500	02863	14	500	04810	35	500	06706	18	500	08650	50	1000	10305	21	500	12023	6	500	14220	38	500	16190	25	500	18567	25	500
01031	9	500	03052	20	500	04875	7	500	06752	3	500	08793	13	500	10440	7	500	12090	50	500	14231	34	500	16201	41	500	18629	39	500
01037	18	500	03169	17	500	04893	4	500	06803	3	1000	08818	44	500	10442	31	500	12213	35	500	14303	5	500	16417	17	500	18645	42	500
01084	37	500	03215	37	500	04905	28	1000	06829	21	500	08819	21	500	10467	29	1000	12371	6	500	14501	31	8000	16489	43	500	18674	2	500
01117	16	500	03373	38	500	05133	38	1000	06855	4	10000	08853	39	500	10459	7	5000	12459	29	500	14620	32	500	16537	49	500	18853	9	500
01180	18	500	03383	16	500	05187	35	500	07092	2	500	08869	3	500	10904	19	1000	12483	10	8000	14758	6	500	16535	14	500	18877	43	500
01122	32	500	03412	8	75000	05236	16	500	07170	6	500	08918	44	500	10904	50	500	12593	19	500	14769	24	500	16717	17	500	18953	10	500
01212	43	500	03422	39	500	05262	18	500	07279	48	500	08944	38	1000	10907	23	500	12636	13	500	14902	42	500	16743	27	500	18987	23	500
01294	26	500	03463	4	500	05276	24	500	07287	43	500	08954	17	500	10991	18	500	12716	24	500	14933	17	500	16806	43	500	19011	42	500
01397	26	1000	03514	16	500	05297	12	500	07444	43	500	09071	38	500	11006	41	500	12752	8	500	14978	35	500	17054	5	500	19051	37	500
01635	29	500	03626	34	500	05370	16	500	07464	48	500	09146	34	500	11025	40	500	12759	36	500	15018	36	500	17383	27	500	19241	34	500
01679	18	500	03647	37	500	05501	16	500	07489	22	500	09218	44	500	11057	25	500	12771	41	500	15040	23	1000	17415	12	500	19335	44	500
01797	15	500	03698	2	500	05676	20	500	07552	23	1000	09316	9	500	11090	47	500	12801	43	1000	15110	8	500	17587	43	500	19368	31	500
01810	33	500	03711	34	500	05720	11	500	07723	31	500	09348	27	500	11107	44	500	12816	14	500	15172	42	500	17611	45	500	19384	27	500
01824	49	500	03743	5	500	05734	9	500	07794	17	500	09417	9	500	11130	23	500	12863	17	500	15225	35	500	17686	35	500	19516	10	500
01824	49	500	03857	26	500	05740	24	500	07824	22	500	09481	3	500	11153	15	500	12895	22	500	15272	50	500	17787	27	1000	19754	48	500
01857	7	500	03880	25	500	05758	27	500	07957	29	500	09488	32	500	11159	20	4000	13130	46	500	15371	49	500	17915	8	500	19831	1	500
01353	44	500	03950	33	1000	05833	46	500	07959	36	500	09494	24	500	11215	15	500	13163	1	500	15412	32	500	18023	3	8000	19918	28	8000

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ конторѣ Государственнаго Банка, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го апрѣля 1896 г.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Совѣтѣ Государственнаго Банка 2 января 1896 г.

НУМЕРА СЕРІЙ: каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, съ № 1 по 50-й включительно.

00083	01731	02262	02583	03608	04224	05289	06126	07065	08381	09052	10200	12303	13435	14581	15582	17338	18211	19163	19963
00956	01881	02385	02765	03799	04391	05464	06156	07077	08643	09394	10431	12332	13537	14670	16046	17416	18230	19229	19998
01083	02012	02413	03328	04032	04567	05545	06210	07552	08684	09421	10785	12439	13631	15172	16578	17579	18238	19456	
01206	02108	02462	03360	04102	04854	05568	06432	07736	08749	09455	10833	12755	13700	15249	16593	17837	18637	19502	
01454	02221	02515	03499	04116	04860	05682	06506	08020	08882	09965	11975	12825	13977	15257	17230	18039	18668	19634	
01606	02286	02528	03573	04160	04901	05980	06709	08105	09023	10121	12289	13330	14227	15328	17333	18079	18806	19357	

Всего 116 серій, составляющія 5,800 билетовъ, на сумму 754,000 рублей.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 130 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1 апрѣля 1896 г. въ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.

Примѣчаніе: по ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ Положеніямъ о билетахъ внутренняхъ съ выигрышами займовъ, выигрыши, павшіе на билеты, выдаются владельцамъ билетовъ черезъ три мѣсяца отъ дня тиража. Для полученія выигрышей въ установленные сроки, владельцы билетовъ, на которые пали выигрыши, приглашаются предъявлять въ С.-Петербургскую Контору Государственнаго Банка билеты, по крайней мѣрѣ, за двѣ недѣли до наступленія установленныхъ трехмѣсячныхъ сроковъ, чтобы дать время исполнить необходимыя формальности, обуславливающія выдачу выигрышей.

Совѣтъ Государственнаго Банка.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

**ГЛИЦЕРИНОВОЕ
МЫЛО**
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты лица. Цена 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требуется подписи А. Энглундъ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ 11—дѣль Россійской Имперіи. № 2045

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ Спб. и Москвы поступили въ продажу новыя книги:

«НАДЪ ПРОПАСТЬЮ». Повесть К. В. Назааровой. 162 стр. Ц. 75 к.
«БРАКЪ КАКИХЪ МАЛО». Романъ К. Назааровой. Цѣна 75 к.

Складъ изданій: Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. 68 — 40.

«РЫЦАРЬ ТЬМЫ». Романъ К. Назааровой. 278 стр. Цѣна 75 к.

«СТРАННАЯ МЕСТЬ». Романъ, соч. А. Елизарова. Цѣна 75 к.

2225—14

2225—14

2225—14

2225—14

2225—14

2225—14

2225—14

2225—14

ПРОФЕССОРА

Д-ра Егера Фуфайки
Д-ра Егера Рубашки
Д-ра Егера Кальсоны
Д-ра Егера Чулки
Д-ра Егера Носки
Д-ра Егера Наколѣнники
Д-ра Егера Набрюшники
Д-ра Егера Куртки
Д-ра Егера Одежда

2216-32
Въ Специальномъ магазинѣ Бѣлыя
Ю. ГОТЛИБЪ.
По Владимирской д. 2—49 угл. Невск. прос.
Прейс-курантъ высыл. **БЕЗПЛАТНО.**

БЕЗВРЕДНАЯ УРБАНА
КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ И БОРОДЫ
БЕЗЪ ЛЯПИСА

Вновь изобрѣтенное безвредное средство для быстраго окраски волосъ и бороды въ черныи, русый, темный, свѣтло-каштановый, цвѣта. Цѣна: за 1 флаконъ 2 р. съ перес. 2 р. 50 к. продается въ аптекахъ и косметич. магазинахъ. Главн. ный складъ: С.-Петербургъ, Аптекарск. магазинъ В. БЮЛЕРА, Невскій № 49.

2117-26

КОРНЕТЬ-А-ПИСТОНЫ
и всѣ др. духовые, мѣдные
дерев. INSTR., а также и
РОЯЛИ, ПИАНИНО,
ФИСГАРМОНИ

Скрипки . . . отъ 2—100 р.
Гитары . . . " 3—75 "
Балалайки . . . " 1—20 "
Мандолины . . . " 10—75 "
Цитры . . . " 8—75 "
и всѣ проч. струнные INSTR. и принадлежности реком.

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка д. Волкова.
Требуйте иллюстр. прейс-куранта.

№ 2305—7

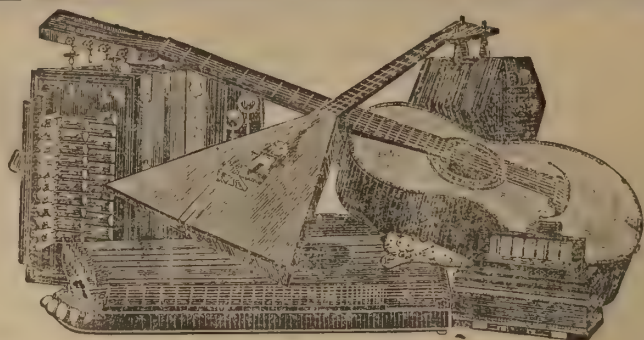
ВЫИГРЫШ
ИМЕ 1, 2 и 3 ЗАЙМЫ ПРОДАЕТЪ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, НЕВСКІЙ, СПБ.

КУЛАКОВЪ.
ФАБРИКА
ТОРГОВОГО ДОМА
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ
Андрей Емельяновичъ
КУЛАКОВЪ.
въ С.-Петербургѣ,
Садовая ул., № 40.

ГИТАРЫ
Солідной работы
и отличнаго
тона

рекомендуются
по 2, 3,
4, 5, 6,
7, 8,
10, 12,
15, 17,
20, 25,
30, 40,
50, 60,
75 руб.
и до
100 р.
СКРИПКИ
по 2 р.
3, 4, 5,
6, 7, 10,
15, 20, 20, 40 50 руб. и до 100 р.
Иллюстрированный прейс-курантъ
всѣмъ инструментамъ высылается
— **БЕЗПЛАТНО.** —

№ 2 208—32.

ГИТАРЫ по 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40,
50, 75, 100 и 125 (отъ 7 руб. и дороже
съ механическими винтами для струнъ).
ЦИТРЫ по 8, 12, 20, 30, 40, 60, 80, 100 и
125 руб.
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ по 3, 6, 7 50 к., 9 и
25 руб.
БАЛАЛАЙКИ по 3 р. 50 к., 4, 8, 12 р.
ОКАРИНО по 40 к., 60 к., 75 коп., 1 р.,
1 р. 50 к., 3, 5 и 7 руб.
АНГЛІЙСКОЕ КОНЦЕРТИНО по 24, 30, 40,
55, 70, 100, 125, 140, 160, 200, 225 и
250 руб.

Гармонія фабрики КАЛЬБЕ
ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ

ОДНОРЯДНЫЯ 3 50 к., 4 50 к., 5, 5 50 к., 6,
6 50 к., 7, 7 50 к., 8, 8 50 к., 9, 10, 11,
12 14, 15, 18 и 20 руб. и концертныя,
хорошей русской работы въ 2 р. 50 к.,
и 7 руб. 50 коп.
ДВУХЪ-РЯДНЫЯ въ 10, 12, 14, 15, 18, 10,
22, 25 и 30 руб. и въскія въ 20 и 30 к.
ТРЕХЪ РЯДНЫЯ въ 50 руб. и въскія 24,
45 и 70 руб.

№ 803—52

а также естъ другіе музыкальные инструменты въ большомъ выборѣ
лучшаго качества, по дешевымъ цѣнамъ рекомендуетъ

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34—40. | Москва, Кузнецкій м. д. Захарьина

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО
“РОССІЯ”

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ въ 1881 г.

Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 37.

Основной и запасные капиталы **23.000.000 руб**

Общество заключаетъ:

Страхованія жизни,

т. е. капиталовъ и доходовъ для обезпеченія семьи или собственной
старости, приданого для дѣвушекъ, стипендій для мальчиковъ и т. п.,
на особо выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей
въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 Января 1895 г. въ Обществѣ «Россія» было застрахо-
вано 31,701 лицо на капиталъ въ 82.708,760 руб.

Страхованія отъ несчастныхъ случаевъ

какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и коллективныя страхованія служащихъ
и рабочихъ на фабрикахъ, — съ уменьшеніемъ страховыхъ
взносовъ вслѣдствіе зачета дивиденда;

Страхованія отъ огня

движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода (строений,
машинъ, товаровъ, мебели и проч.);

Страхованія транспортовъ

рѣчныхъ, сухопутныхъ и морскихъ; страхованіе корпусовъ судовъ.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія
сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская,
собств. д., № 37) и Агентами Общества въ другихъ городахъ Имперіи.

Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчастныхъ
случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на
пароходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и
на пароходныхъ пристаняхъ.

№ 2331—4.

4711

Лучшій цвѣточный
„РЕЙНСКІЕ“
№ 4711
О-де-колонъ.
БУКЕТЫ

ПРЕВОСХ. ИДЕШЕВ. ДУХИ
ПРОДОЛЖИТЬ
ДЛЯ ПЛАТКОВЪ

Всѣхъ цвѣточныхъ и модныхъ запаховъ

4711

ПРОДАЮТ. ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ И ПАРФЮМЕР. МАГАЗИНАХЪ.

2336-2

№ 2 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 3 листовъ, съ 8-ю рисунками. а именно: I) 2 листа текста и II) Листъ «Еженедѣльной хроники» № 2-й.

Кромѣ того, при этомъ номерѣ прилагается необѣщанная копія «За сѣрымъ», съ картины профессора Н. Е. Сверчкова, отпечатанная въ нѣсколько красокъ.

Дозволено цензурою. Спб., 5 января 1896 г.

Типографія С. До. родѣва, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. А. ОБРОБОВА

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала „Домашняя Библиотека“:
НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р.
Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургѣ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 рублей.

1) Желающіе получить самостоятельно книги журнала „ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА“ (безъ журнала „Живописное Обозрѣніе“), уплачиваютъ за годъ (съ доставкой—4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ „Живописное Обозрѣніе“ безъ книгъ „Домашней Библиотеки“—НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка: зносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Желающіе получить художественныя изданія, какъ новые портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, такъ и другія картины, уплачиваютъ за каждый экземпляръ портрета или картины (съ доставкой на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ Спб.—75 коп. ЗА ПЕРЕМѢНУ адреса петербургскаго на иногородный, иногородняго на петербургскій, уплачивается рубль, иногородняго на иногородный—28 коп. почтов. марками. На отвѣты и справки необходимо прилагать двѣ 7 коп. почтовые марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 10 до 12 час. пополудни.
С.-Петербургъ. Ковенскій переулочекъ, собств. домъ, № 14.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у. Аничкина моста, д. 68—40.

«Трудный ходъ». Рисоваль художникъ Ботсъ.

СЧАСТЛИВЫЙ МИГЪ.

Одинъ счастливый мигъ—въ тайникъ души моей
Скольз уль нежданный лучъ участя и привѣта—
И всталъ я отдохнуть, имъ грудь моя согрѣта,
Доволенъ, весель я,—гдѣ горе прежнихъ дней?
Но кто-то шепчетъ мнѣ: не стой, иди скорѣй!
Какъ искорка мелькнетъ—исчезнетъ радость эта,
Трядущей жизни нить въ ночную тьму одѣта..
Кто скажетъ, что въ ней нѣтъ страданій и скорбей?

Чтожъ радость, если ты колеблешься надъ бездной?..
Нѣтъ, шепотъ, замолчи! Я грустью бесполезной
Хоть этотъ рядкій мигъ теперь не омрачу.
Вездѣ печаль, а здѣсь свѣтло, такъ неужель я
Отъ свѣта убѣгу. Нѣтъ, жить, я жить хочу,
Мнѣ нужны свѣтъ и тишь, и юное веселье!

Н. Боровскій.

ПЕРЕПОЛОХЪ.

РАЗСКАЗЪ ВЪ ТРЕХЪ ПИСЬМАХЪ.

I.

Глубокоуважаемая моя сестрица,

Ольга Дмитриевна!

НЕ ждали вы, конечно, нынче письма отъ меня, думали, что вотъ-вотъ самъ я, покончивъ наши гимназическіе экзамены, зайвлюсь въ ваши палестины подъ ваше крылышко отдохнуть, обнять мою Маруську. Да, видно, человекъ располагаетъ, а Богъ опредѣляетъ. Вотъ вѣдь сотни разъ изображалъ я всякими почерками на своихъ прописяхъ это мудрое изреченіе и школьничковъ-фуфлыгъ заставлялъ его переписывать, а самъ все-же продолжалъ суетно мудрствовать и планы разные легкомысленно составлять, точно всѣ планы человеческіе не на песокъ, вѣтромъ колеблемомъ, воздвигаются. Но мои-то планамъ я теперь у васъ на хуторѣ чай долженъ-бы былъ пить, на крылечкѣ сидя, на солнышкѣ грѣясь, а по Божьему-то опредѣленію вышло такъ, что я даже и не знаю, когда попаду къ вамъ...

Стряслась надо мною бѣда великая. Думалъ я, что чаша горечи мною вся выпита, что со всѣмъ прошлымъ счеты покончены, а на дѣлѣ вышло, что нѣтъ. Произошло нѣчто неожиданное, негаданное. Мертвое возстало изъ гроба и предстаетъ съ угрозой передъ живыми. Разскажу вамъ, уважаемая сестрица, въ письмѣ все по порядку, на сколько могу при теперешней сбивчивости моихъ мыслей, такъ какъ лично увижусь съ вами и съ Машурочкой, вѣроятно, не скоро.

Вы хорошо помните, уважаемая сестрица, въ какомъ состояніи духа застали вы меня двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, пріѣхавъ ко мнѣ, только что брошенному тогда Варварой Павловной съ моею Машурочкой. Растерялся я въ то время совсѣмъ и самъ не зналъ, что было для меня страшнѣе: позоръ-ли оставленнаго женою мужа, сокрушеніе-ли о томъ, какая судьба ждетъ неопытную Варвару Павловну, нарушившую законъ и ставшую на скользкій путь паденія, или глубокое несчастье моей двухлѣтней дочурки, лишившейся матери. Много дней прошло, прежде чѣмъ я смирился и покорился судьбѣ и, можетъ быть, произошло все успокоеніе единственно благодаря Вамъ, уважаемая сестрица. Вы заставили меня своею бодростью воспрянуть духомъ, отнестись съ презрѣніемъ къ людскимъ толкамъ и почувствовать себя снова не одинокимъ. Вы, при помощи своего добраго сердца и здраваго смысла, заставили меня даже иначе взглянуть на самый поступокъ Варвары Павловны, чѣмъ я смотрѣлъ на него прежде, и понялъ я, краснѣя за свое прошлое, что ея бѣгства отъ

себя я долженъ былъ ждать ежечасно съ той самой минуты, когда я, отжившій тридцати восьмилѣтній холостякъ, какой-то неотесанный учитель чистописанія и рисованія, задумалъ предложеніемъ своей руки якобы облагодѣтельствовать, а въ сущности загубить ее, только что расцвѣтающую семнадцатилѣтнюю дѣвочку, оставшуюся безъ крова, безъ хлѣба, исключенную изъ гимназій за невзносъ денегъ за ученіе и полную невозможность существовать; наконецъ, Вы на моихъ глазахъ замѣнили моею Машурочкѣ мать — нѣтъ, Вы сдѣлали больше: Вы сумѣли воспитать въ Машурочкѣ высокое понятіе о значеніи матери, тогда какъ до Вашего пріѣзда при Варварѣ Павловнѣ она въ сущности не знала матери, Варвара Павловна умѣла только играть дочерью въ куклы, то окормливая ее сластями, то циня ее за дѣтскіе капризы, а не воспитать дочь, такъ какъ гдѣ-же ей было додуматься въ моемъ обществѣ до какихъ-нибудь великихъ вопросовъ о значеніи жены и матери: взялъ я ее за себя чуть не съ улицы некончившей курса гимназисточкой и выше этого ни она сама не могла пойти, ни я не могъ ее поведи. И вотъ не прошло и года со дня Вашего пріѣзда въ мой домъ, какъ прошлое умерло и для меня, и для Машурочки, — и вдругъ третьяго дня, когда я уже мечталъ, послѣ окончанія экзаменовъ, что не сегодня, такъ завтра и я, освободившись отъ своихъ обязанностей по гимназическому пансіону, переберусь на лѣтній отдыхъ въ Вашъ хуторъ, — мертвое возстало внезапно-негаданно изъ гроба. Это черезъ двѣнадцать-то лѣтъ послѣ того, какъ я его похоронилъ! Тутъ есть отъ чего съ ума сойти, — особенно если взять въ соображеніе, что я тутъ одинъ, безъ всякой поддержки, безъ всякаго разумнаго совѣтника.

Случилось это вотъ какъ.

Кончилисъ экзамены радостно такъ, потому что всѣ мои фуфлыги сдали его хорошо, — и по каллиграфіи, и по рисованію отличились, ни одной дурной отмѣтки экзаменаторы не поставили мнѣ, — вдругъ директоръ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня подъ руку, точно пріятеля какого-нибудь школьнаго, и говорить мнѣ интимнымъ этакимъ тономъ: — «А я васъ попрошу, Петръ Владиміровичъ, зайти сегодня вечеркомъ на пару словъ». Думаю я: «Что такое завадилось?.. Не по пансіону-ли какія шалости подмѣтилъ? Да, вѣдь, кажется, все обстоитъ благополучно?..» Захожу къ нему на квартиру вечеромъ, а у самого сердца не на мѣстѣ: характеръ ужъ такой у меня, какъ вамъ извѣстно, уважаемая се-

стрица, мнительный. Никакихъ проступковъ за мной нѣтъ, а позовите сейчасъ въ судъ — растеряюсь, самъ на себя Богъ вѣсть что наплетутъ. Встрѣчаетъ директоръ мнѣ любезно, предупредительно, сигарой подкутуетъ, точно не знаетъ, что я отъ роду не курилъ, а самъ — чувствую я это — какъ-то егозить, видимо смущенный, точно незаслуженное наказаніе объявить мнѣ хочетъ. — «У меня до васъ, Петръ Владиміровичъ, есть крайне щекотливое дѣльце», заговорилъ онъ, наконецъ. — «Чѣмъ могу, Евтихій Григорьевичъ, служить?» спросилъ я его. — «Вы вѣдь, кажется, уже лѣтъ восемь не живете со своею женой?» спрашиваетъ онъ. — «Двѣнадцать; еще до моего перевода сюда въ городъ разошелся», отвѣтилъ я и почувствовалъ, что у меня кровь бросилась въ голову. Кому какое дѣло до моихъ отношеній съ Варварой Павловной? — «Двѣнадцать! Давно, даже земская давность прошла, пошутить онъ натынуто. — Однако, вы вѣдь, кажется, формально все еще не разведены?» — «Мнѣ никогда и въ голову не приходило желаніе публично позорить мать моей дочери, отвѣтилъ я. — Богъ съ нею... Для меня она умерла». — «Да, да, вы благоразумный и добрый человекъ, я это знаю... Но знаете-ли, онъ замаялся и сталъ путаться. — Ужасны иногда для женщинъ эти двусмысленныя и ложныя положенія... особенно въ столицѣ, въ порядочномъ обществѣ... старый бракъ еще не расторгнутъ, а между тѣмъ новыя сердечныя привязанности создаютъ новое положеніе, новую семью... незаконную, непризнанную обществомъ, съ дѣтьми безъ имени или...» — Точно ножомъ онъ меня полосовалъ, голубушка — сестрица всѣ эти слова повторилъ, которыя и Вы когда-то мнѣ говорили, обвиняя меня, оправдывая Варвару Павловну и доказывая мнѣ, что она гораздо несчастнѣе меня. Я не выдержалъ, круто оборвалъ его, точно равнаго себѣ, на полусловѣ и сказалъ: — «Для меня Евтихій Григорьевичъ, какъ я уже имѣлъ честь доложить вамъ бывшая жена моя Варвара Павловна умерла и въ эти двѣнадцать лѣтъ я не тревожилъ ее ничѣмъ, не справлялся о ея поведеніи нигдѣ и ни у кого, ни единымъ словомъ не тревожилъ ее и не мѣшалъ ей жить, какъ ей угодно, и потому мнѣ было бы очень тяжело снова заговаривать о ней». Онъ, останавливая мою рѣчь смущенную, дружески положилъ мнѣ на плечо руку и поторопился мнѣ заявить: — «Я понимаю, я понимаю все это!» Но тотчасъ-же продолжалъ: — «Но вѣдь вы-то не умерли для нея... у нея...» Я вдругъ вспыхнулъ и рѣзко спросилъ: — «Что-же, я долженъ наложить на се-

би руки іади несл? Онъ мягко началъ успокоивать меня, сознавая, вѣроятно, что задѣлъ самое мое больное мѣсто... Вѣдь что-жь мнѣ скрывать отъ Васъ, уважаемая сестрица, — часто мнѣ, особенно за послѣдніе годы, на мысль приходило, что Варвара Павловна должна желать моей смерти, что я связалъ ее по рукамъ и ногамъ, что, можетъ быть, не разъ она проклинаетъ меня, хотя видитъ Богъ, женясь на ней, въ пресотѣ души своей, я думалъ спасти ее отъ всѣхъ искушеній и бѣдъ, грозящихъ голодной, бездомной сиротѣ, оставшейся на мостовой въ цвѣтущемъ возрастѣ жизни. Однако, Евтихій Григорьевичъ продолжалъ говорить на ту-же тему, говорить не отъ себя, видимо, а по порученію, данному ему... Не могу я, голубушка моя, спокойно и плавно изобразить и передать вамъ все то, что я перечувствовалъ въ эти минуты, все то, что услышалъ, все то, что вздумали требовать у меня. Не жизни моей потребовали, нѣтъ! Потребовали, чтобы я поступился своею совѣстью, чтобы я принялъ на себя роль мужа—развратника, отъ котораго ради этого самъ го разврата его и ушла его жена, потребовали этого не просто во имя моей доброты сердечной, во имя моего состраданія къ несчастной женщинѣ, желающей сочетаться законнымъ бракомъ по любви для того, чтобы ея дѣти законными были, а потребовали съ угрозою, съ пристрастіемъ, что мое упорство можетъ испортить всю мою карьеру, такъ какъ видите-ли, баронъ—этотъ воръ, укравшій мою законную жену, мое семейное счастье, мать моей дочери,—занялъ теперь видное положеніе и можетъ погубить меня, стереть, такъ сказать, меня съ лица земли... Голубушка, да что-же это за люди? Они-же грабятъ и они-же хотятъ заклеить позоромъ безчестія ограбленныхъ ими. Да какъ-бы я сталъ глядѣть въ глаза моей Машурочкѣ, еслибы я на себя этотъ постыдный грѣхъ взялъ, если-бы я призналъ публично, что я своимъ распутствомъ отнялъ у нея мать, или какъ-бы я сталъ объяснять ей истину—объяснять, что я передъ Богомъ чистъ, что я только передъ закономъ играю роль распутника, чтобы сево-бодить ея мать отъ обѣта, даннаго ею мнѣ передъ лицомъ Бога... Да нѣтъ, нѣтъ, ничего этого я и объяснить не могу чистой душой, не знающей семейной грязи и вырсающей съ мыслью, что ея мама давно умерла... Не ради того-ли тогда, вотъ уже одинадцать лѣтъ тому назадъ, и мѣсто я перемѣнилъ, и въ другой дальній городъ уѣхалъ, чтобы никто не могъ Машурочкѣ сказать о поступкѣ Варвары Павловны? А теперь, когда давно все улеглось и забылось, когда о прошломъ нѣтъ и помину, хотятъ они, безбожные люди, снова поднять всю старую грязь, заставить по всѣмъ угламъ говорить о нашей семейной исторіи. Вѣдь въ нашемъ-то городишкѣ не скроешь, что я съ женой развожусь, что я грѣхъ на себя принялъ? Сплетни-то всѣхъ обѣжить! И если взрослые Машенькѣ ничего такого не скажутъ, такъ какой-нибудь фуфлыга по глупости ей брякнетъ эту новость, подслушавъ среди взрослыхъ, какъ мнѣ бока моютъ. Нѣтъ, каково это будетъ, если всѣ мои фуфлыги на меня пальцами то станутъ указывать да хихикать: «каково, молъ, нашъ-то Петръ Владиміровичъ въ чемъ попался!» Господи, Господи, и за что все это? Выяснить мнѣ все это надо ей, Варварѣ Павловнѣ, вѣдь должна-же она понять мое положеніе, положеніе Машурочки. Все-же она мать! Вхалъ я долженъ туда,

въ Петербургъ, лично, лично объяснить все, и о своемъ положеніи, и о Машурочкѣ, — главное, о Машурочкѣ.

Вы меня простите, дорогая сестрица, что я такъ не складно кончаю. Но что-же дѣлать, если такое что-то я ощущаю въ себѣ, точно печально попалъ я въ быструю рѣку, ницу берега, хватаюсь за все руками, а самъ захлебываюсь, захлебываюсь и чувствую, что тону, тону. Цѣлую Ваши ручки. Обнимите за меня Манюшечку и скажите, что ея нападѣ въ Петербургъ по дѣламъ службой уѣхалъ. 31 мая 1892 года.

Валъ истинно уважающій Васъ братъ
Петръ Богуславскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Михайловъ (А. К. Шеллеръ).

Какъ, право, въ нашъ практичный вѣкъ
Людишки мелочны и жалки!
И скучный путь свой—человѣкъ
Проходить точно изъ-подъ палки.

Въ инстинктахъ низменныхъ погрязъ
По горло онъ, какъ утка въ тинѣ,
И задыхается подъ-часъ
Въ своей, имъ избранной, пучинѣ.

Но если-бъ родъ людской готовъ
Былъ помышлять объ идеалѣ,
То люди-бы собой орловъ,
Парящихъ въ высь, напоминали.

Н. Пезняковъ.

ГРАФИНЯ-ТЮРЕМЩИЦА.

Разсказъ.

Конецъ лѣта и осень 1886 года мнѣ довелось прожить за границей — въ Германіи, въ Австріи и, преимущественно, въ Богеміи, на тамошнихъ минеральныхъ водахъ. Я жилъ тамъ съ семейю, — и намъ, въ концѣ, пришлось взять бонну къ моей маленькой дочери — немолодую уже и довольно интеллигентную и добрую дѣвушку, знавшую, какъ оказалось потомъ, массу сказокъ и вслческихъ легендъ, балладъ и разсказовъ; она обладала, къ тому же, прекрасною памятью и мастерствомъ вести рѣчь. Одинъ изъ ея разсказовъ я и передаю здѣсь своими словами, конечно, и давъ ему, отъ себя, подходящее заглавіе. Этотъ разсказъ довольно извѣстенъ во всей южной Германіи и въ Австріи; ходитъ онъ и въ печатномъ видѣ — очень коротенькій, и въ устныхъ разсказахъ, имѣющихъ различные варианты. Дѣйствіе происходитъ, повидимому, въ Богеміи, въ XIII, вѣкѣ; во время существовавшего тогда междоусобицы (interregnum), то-есть, между смертью германскаго императора Конрада IV и воцареніемъ Рудольфа Габсбургскаго.

Въ теперешней Богеміи, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, стояли, по соседству, на высокихъ скалистыхъ холмахъ, два замка: одинъ изъ нихъ назывался Фихтенбургъ, такъ какъ холмъ, на которомъ онъ стоялъ, былъ покрытъ, у подножія своего, сосновымъ лѣсомъ; другой же замокъ носилъ названіе Танненбургъ — потому, что на холмѣ, внизу, росли преимущественно ели. Замки были устроены такъ, какъ нынѣ устраи-

ваются лишь крѣпости: каждый замокъ былъ обнесенъ высокою и толстою каменною стѣною, внизу которой былъ вырытъ глубокій и широкій ровъ, наполненный водою; затѣмъ слѣдовали высокій валъ; отъ него, черезъ ровъ, были перекинута мосты, которые на почъ и въ случаѣ опасности подымались особыми приспособленными для этого машинами и коловоротами, и у этихъ мостовъ стояла постоянная стража.

По имени замковъ, носили фамиліи и ихъ владѣльцы: одного звали графъ Танненбургъ, другого — Фихтенбургъ. Каждый изъ нихъ владѣлъ обширными помѣстьями: имъ принадлежали небольшие соседніе города, окрестные лѣса, луга, поля, озера и прот.; они имѣли, каждый особо, свое небольшое войско и массу крѣпостныхъ людей, жизнью и смертью которыхъ могли располагать по своему произволу.

Между этими двумя владѣтельными домами существовала, издавна, жестокая и непримиримая ненависть, переходившая отъ поколѣнія къ поколѣнію. Послѣднимъ кровавымъ дѣломъ между ними была смерть стараго графа Фихтенбурга отъ руки графа Танненбурга, въ одной изъ открытыхъ схватокъ въ полѣ... Послѣ убитаго остался малолѣтній сынъ Альбрехтъ; когда онъ выросъ и возмужалъ, то рѣшилъ отомстить за смерть отца... Преданный ему старый слуга Карлъ познакомился, а затѣмъ и подружился съ сторожами, представленными графомъ Танненбургомъ къ подъемному мосту его замка; однажды, весною, въ темную и дождливую ночь, Карлъ, взявъ съ собою кошелькъ золота и боченокъ стараго, крѣпкаго вина, отправился къ замку Танненбургу, переползъ и подкулилъ стражу подъемнаго моста, и далъ, затѣмъ, условный знакъ своему графу, который, тихо и осторожно, съ сильнымъ отрядомъ войска, подступалъ уже къ замку и окружалъ его со всѣхъ сторонъ...

Войны графа Фихтенбурга бросились на сияющую и пьяную стражу, переколоты ея и опустили мостъ; затѣмъ, предводимые молодымъ графомъ, перебѣжали мостъ, приставили высокія лѣстницы къ стѣнамъ замка и бросились на штурмъ. Не ожидавшіе нападенія, жители замка Танненбургъ, подъ начальствомъ своего стараго графа, храбро сопротивлялись и отбивали штурмующихъ; но, тѣмъ не менѣе, захваченные върасплохъ, безъ латъ и панцирей, которыхъ не успѣли надѣть, они не въ силахъ были противостать дружному и смѣлому нападенію атакующихъ и стали отступать внутрь замка... Нападающіе бросились за ними по пятамъ, и въ самыхъ дверяхъ замка завязался послѣдній, отчаянный бой: дрались въ рукопашную, мечами и кобыями (порохъ въ то время еще не былъ изобрѣтенъ и войны не знали употребленія пулъ), и когда осажденные стали, наконецъ, ослабѣвать и подаваться назадъ, старый графъ бросился отъ дверей во внутрь замка, въ комнату своей единственной и нѣжно любимой имъ дочери, графини Розы, и вскричалъ ей:

— Спасайся! все погибло!.. Бѣги подземнымъ ходомъ!..

— Но ты, отецъ мой?!.. Развѣ ты оставишь меня одну?!.. Спасемъся вмѣстѣ!.. — громко отвѣтила ему молодая дѣвушка.

— Нѣтъ! Я не могу бросить моихъ вѣрныхъ слугъ, умирающихъ теперь за меня... Я приказываю тебѣ, моя дорогая, милая Роза, исполнить послѣднюю мою волю: спасайся сію же минуту!..

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА Н. ШМЕРЛИНГА.

«ХОЛОСТЯКЪ».

СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА К. Е. МАКОВСКАГО.

«РОМЕО и ДЖУЛЬЕТА».

И крѣпко обнявъ дочь, графъ бросился вновь въ битву...

Графиня Роза, потерявшая мать еще въ дѣтствѣ и воспитанная отцомъ, вѣжно любила его и привыкла повиноваться: обливаясь горькими слезами, она постѣшила исполнить волю отца: побѣжала въ его спальню, откинула большой коверъ, закрывавшій потайную дверь, и спустилась по винтовой лѣстницѣ въ мрачный подземный корридоръ... Только отцу и ей былъ извѣстенъ этотъ тайный подземный ходъ, проведенный одновременно съ постройкой замка, изъ спальни графа, на цѣлую милю подъ землей, въ дремучій сосѣдній лѣсъ, въ избушку угольщика Готлиба, стараго, преданнаго слуги, жена котораго была, когда-то, кормилицей графини Розы, а его дочь, Берта—молочная сестра молодой графини—была съ нею очень дружна; не смотря на разность положенія, обѣ дѣвушки чрезвычайно любили другъ друга и рѣдкій день не видѣлись между собою: Берта приносила своей молочной сестрѣ первые лѣсные цвѣты, первые ягоды, а Роза дарила ей свои платья и разныя цѣнныя бездѣлушки.

Когда, на разсвѣтѣ, графиня Роза, пройдя подземный ходъ, явилась въ домъ угольщика, онъ, а въ особенности его жена и дочь, радостно встрѣтили ее; а затѣмъ старый угольщикъ сообщилъ, со слезами на глазахъ, что замокъ ихъ взятъ, разграбленъ воинами молодого графа Фихтенбурга и сожженъ, всѣ слуги перебиты, или отведены и посажены въ заточенье и что ее, молодую графиню, долго искали по замку, разсчитывая, несомнѣнно, или убить, или взять тоже въ плѣнъ, чтобы заточить потомъ на всю жизнь, какъ это обыкновенно дѣлалось въ тѣ времена,—въ тюрьмѣ, устроенной въ сыромъ подземельѣ замка Фихтенбурга... Поэтому, жена угольщика тотчасъ же переодѣла молодую графиню въ платье своей дочери, испачкала ей углями лицо и велѣла ей, въ случаѣ чего, называться ея племянницей, пришедшей къ ней, изъ сосѣдней деревни, въ гости...

Графиня Роза стала умолять угольщика—идти сейчасъ же, съ нею вмѣстѣ, на дымящіяся развалины замка; чтобы спасти, если можно, ея отца, въ томъ случаѣ, если онъ не убитъ, а лежитъ раненый; но угольщикъ наотрѣзъ отказался исполнить просьбу своей молодой госпожи.

— Мы оба, я и вы, только понапрасну погубимъ себя, а графу не поможемъ,—сказалъ лѣсникъ,—теперь тамъ, на развалинахъ замка, бродятъ пьяные слуги и воины графа Фихтенбурга и дымятся еще догорающія развалины и свѣжая кровь; насъ тотчасъ же опознаютъ и схватятъ, и мы пропадемъ, не принеся никакой пользы старому графу. Мы пойдемъ туда дня черезъ три...

Тогда графиня Роза залилась горькими слезами и стала осыпать упреками стараго слугу:

— Черезъ три дня!... — рыдая, повторяла она:—ты говоришь: черезъ три дня!... Когда отецъ мой, если онъ раненъ, истечетъ кровью, или когда ему, живому, орлы и вороны выклюютъ глаза... Такъ-то ты, Готлибъ, любилъ моего несчастнаго отца!... А мы еще считали тебя самымъ лучшимъ и вѣрнымъ слугою, а твою дочь я считала своею сестрою... Слушай: черезъ три дня меня не будетъ на свѣтѣ,—и ты отвѣтишь Богу за мою смерть!...

Напрасно кормилица Розы плакала и умоляла свою питомицу не губить себя и отложить свое безумное намѣреніе—идти на догорающія развалины замка, розыскивать отца,—

благородная дѣвушка была непреклонна въ своемъ рѣшеніи и объявила, что пойдетъ одна. Тогда, видя ея страшное отчаяніе и безумное горе, добрый угольщикъ согласился, наконецъ, пойти вмѣстѣ съ Розою на развалины замка на другой день, рано утромъ—подъ видомъ мародеровъ, ищущихъ, также, добычи на пепелищѣ богатаго замка.

На утро, едва только стало разсвѣтать, Готлибъ, въ сопровожденіи графини Розы, переодѣтой въ бѣдное крестьянское платье, отправился на пепелище разрушеннаго замка Танненбурга. Когда они, по опущенному и поломанному мосту, перешли ровъ, поднялись на гору и подошли, наконецъ, къ самымъ развалинамъ бывшаго, всего какой-нибудь день назадъ, величественнаго и роскошнаго замка,—имъ представилась ужасающая и грозная картина смерти и разрушенія: отъ замка остались лишь однѣ каменные стѣны да высокія кирпичныя трубы; мѣстами, изъ массы горячаго угля и пепла шель еще дымъ и показывался иногда огонь... Трупы бойцовъ, павшихъ въблизи замка и въ самыхъ стѣнахъ его, были обуглены и черны, съ лопнувшими отъ жары глазами, съ потрескавшейся и кое-гдѣ облѣзшей кожей, изъ подъ которой видѣлось красное, какъ огонь, мясо... Трупы людей, павшихъ у подъемнаго моста и на валу, были покрыты десятками ранъ; но ихъ лица и открытые глаза сохранили на себѣ всѣ слѣды ужаса, или злобы, или, наконецъ, страшныхъ мукъ и страданій... Живыхъ между ними не было: очевидно, всѣхъ раненыхъ враговъ побѣдители прикалывали послѣ боя, на другой день... Повсюду валялось поломанное оружіе и боевые доспѣхи: переломленные копыя и мечи, раздробленные и продыравленные щиты, разрубленные шлемы, и проч... Долго графиня Роза и ея вѣрный слуга, съ искаженными отъ ужаса и жалости лицами, ходили по этому кладбищу войны и смерти, стараясь найти и опознать трупъ стараго графа...

— Должно быть, графа убили въ самомъ замкѣ и его трупъ сгорѣлъ,—сказалъ старый угольщикъ:—пойдемте, добрая барышня, домой, пока насъ не захватили какъ-нибудь слуги графа Фихтенбурга;—они еще долго будутъ розыскивать здѣсь погребенныя подъ пепломъ сокровища... Я все узнаю черезъ нѣсколько дней—и вамъ скажу.

И онъ увелъ, почти насильно, полную горя и отчаянія, графиню Розу опять въ лѣсъ, въ свою избушку... Черезъ три дня, вѣрный Готлибъ, дѣйствительно, исполнилъ свое обѣщаніе: отправился въ сосѣдній городокъ, на рынокъ, и принесъ оттуда молодой графинѣ и печальныя, и, въ то же время, радостныя вѣсти: старый графъ Танненбургъ не былъ убитъ;—онъ былъ лишь раненъ, взятъ въ плѣнъ и, затѣмъ, заключенъ въ одинъ изъ казематовъ, находящихся въ подземельѣ замка Фихтенбурга. Вторая новость была печальная: всѣ земли, лѣса и, вообще, помѣстья побѣжденнаго графа поступали въ собственность побѣдителя,—какъ онъ самъ, по праву сильнаго, оповѣстилъ о томъ по всей окрестности, ссылаясь при этомъ и на предполагаемую имъ смерть единственной наслѣдницы графа Танненбурга—графини Розы, которую всѣ сочли сторгѣвшею въ замкѣ и погребенною, затѣмъ, подъ его развалинами... Третья новость, услышанная Готлибомъ, заключалась въ томъ, что молодой графъ Фихтенбургъ уѣзжалъ, на дняхъ, изъ своего замка на Рейль, гдѣ онъ болѣе года тому назадъ, сосваталъ дочь одного владѣтельнаго фрейгера (барона), но не хотѣлъ на ней жениться до тѣхъ поръ, пока

не отомститъ за смерть отца; и вотъ, теперь, исполнивъ свой злой обѣтъ, онъ, съ спокойною совѣстью, ѣхалъ вѣнчаться на своей нареченной невѣстѣ...

Графиня Роза была чрезвычайно обрадована извѣстіемъ, что отецъ ея живъ—и стала обдумывать планъ съ нимъ увидѣться; но сдѣлать это было, пока, совершенно невозможно: подземные тюрьмы и казематы, гдѣ томились обыкновенные преступники графства, а также и болѣе важныя плѣнники, были поручены досмотру того самаго стараго Карла, который помогъ взять замокъ, подкупивъ и перепонивъ стражу подъемнаго моста. Это былъ не злой, но очень вѣрный и неподкупный человекъ, который не допустилъ бы никого и никогда къ вѣрнымъ его досмотру плѣнникамъ; къ тому же, у него была очень злая, сварливая и жестосердная жена, фрау Гертруда, у которой не уживались даже служанки; эта недобрая женщина замѣняла, иногда, въ тюрьмѣ мужа—если графъ усыпалъ его куда-нибудь по другому дѣлу,—и тогда бѣднымъ заключенникамъ приходилось очень плохо. Вообще, по увѣренію Готлиба, попытку къ свиданію можно будетъ сдѣлать не ранѣе двухъ-трехъ недѣль, когда молодой графъ уѣдетъ жениться;—въ его отсутствіе, строгій досмотръ въ тюрьмахъ смягчится самъ собою. Графиня безропотно подчинилась, на этотъ разъ, совѣту стараго угольщика—и стала терпѣливо ждать...

Прошло пол-мѣсяца,—и вотъ, однажды, Готлибъ, возвратясь изъ сосѣдняго города, съ рынка, сообщилъ Розѣ, что графъ Фихтенбургъ уѣхалъ. Тогда обѣ дѣвушки—Роза и Берта—рѣшили набрать только что начавшей поспѣвать земляники—и явиться съ нею въ замокъ, какъ бы для продажи. Такъ и сдѣлали: одѣлись похуже и побѣдѣе—и отправились въ путь...

Придя въ замокъ, онѣ прямо подошли къ окнамъ квартиры тюремщика Карла. У окна сидѣла въ это время его жена, злая Гертруда; увидавъ дѣвушекъ и узнавъ, что они принесли продавать ягоды, она тотчасъ же нанустилась на нихъ и стала браниться:

— Лѣнтяйки вы и дармоѣдки! Шляетесь по лѣсу за ягодами, а работать, видно, не хотите. Я, вотъ, сижу третій день безъ служанки... нанялась бы лучше которая-нибудь изъ васъ ко мнѣ, чѣмъ таскаться по лѣсамъ да дармоѣдничать!...

Въ это время подошелъ къ окну ея мужъ, старый Карлъ:

— Ну, полно, полно тебѣ, старуха, бранить ихъ! Онѣ ничего дурного не сдѣлали: набрали въ лѣсу земляники—и намъ же принесли ее... А ты развѣ забыла, какъ я люблю эту ягоду, которую я еще и не пробовалъ въ этомъ году?.. Дайте-ка ихъ сюда.

И Карлъ взялъ отъ дѣвушекъ ихъ корзинки и заплатилъ имъ, что слѣдовало.

— Если вамъ, сударыня, угодно нанять служанку,—тихо и несмѣло заговорила Роза,—то я поступила бы къ вамъ...

— Хорошо,—сказала ей Гертруда;—только предупреждаю, что у меня лѣниться и грубить нельзя!...

— Я постараюсь угодить вамъ, добрая сударыня,—отвѣчала Роза.

— А когда ты могла-бы поступить на службу? Не хочешь-ли теперь-же остаться у меня?

— Если вамъ угодно, то я останусь.

И, такимъ образомъ, графиня Роза, къ радости своей, осталась въ томъ замкѣ, гдѣ, въ подземельѣ, томился ея несчастный отецъ...

Не прошло и мѣсяца, какъ молодая служан-

ка спискала къ себѣ довѣріе и расположеніе тюремщика Карла и его сварливой жены. Довѣріе это дошло, наконецъ, до того, что, уѣзжая по воскресеньямъ въ церковь, Карлъ сталъ оставлять Розѣ ключи отъ подземной тюрьмы и отъ всѣхъ отдѣльных казематовъ, а затѣмъ, возвратясь домой и пообѣдавъ, тюремщикъ позпояля себѣ, иногда, выпить кружку-другую любимого имъ краснаго вина, — послѣ чего засыпалъ мертвымъ сномъ вплоть до вечера; и тогда, на обязанности Розы было разнести всѣмъ заключеннымъ вечернюю порцію хлѣба и воды.

Когда Роза вошла, въ первый разъ, въ тѣсный и сырой казематъ отца, онъ не узналъ ее... И только тогда, какъ она подошла къ нему, нѣжно обняла и заговорила съ нимъ, старый графъ убѣдился, что передъ нимъ стоитъ нѣжно любимая дочь... Съ какою внимательно заботою и какъ тщательно убрала она, въ первый разъ, его тюрьму—перемѣнила въ ней стинившую солому на свѣжую, принесла ему чистое бѣлье, часть своего обѣда... И какъ сильно измѣнился ея отецъ—этотъ гордый, богатый, владѣтельный графъ!.. Онъ посѣдѣлъ за это время, обросъ бородою, пожелтѣлъ и похудѣлъ въ лицѣ и сгорбился станомъ—словомъ, превратился совсѣмъ въ дряхлаго старика...

Когда несчастный графъ узналъ, что его дорогая дочь поступила въ служанки, что она ничего не имѣетъ, кромѣ тѣхъ двухъ-трехъ платьевъ, которыя дала ей бывшая ея кормилица,—онъ горько заплакалъ и, обнявъ дочь, проговорилъ:

— Я самъ творецъ всѣхъ своихъ золъ: я не въ силахъ былъ, когда-то, простить своего врага, стараго графа Фихтенбургъ, и убилъ его;—и вотъ, судьба наказываетъ теперь меня за его смерть... Самое-же большее и тяжкое наказаніе для меня, это,—твоя настоящая участь, моя дорогая и милая Роза!..

Но дочь не дала кончить отцу его слово; она нѣжно обняла его еще разъ и стала увѣрять, что она совсѣмъ не такъ несчастна, какъ онъ думаетъ: она сыта, обута и одѣта, она честно трудится,—и еще этимъ самымъ трудомъ можетъ быть полезна свѣму несчастному отцу,—чего-же ей бодѣе?!

Вскорѣ возвратился съ Рейна графъ Фихтенбургъ съ своею молодою женою—и жизнь въ замкѣ пошла прежнимъ, обычнымъ порядкомъ, ни въ чемъ не измѣнивъ жизнь главныхъ дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа.

Такъ прошло четыре года... У графа Фихтенбургъ былъ уже трехлѣтній сынъ Генрихъ, котораго онъ и мать безумно любили,—такъ какъ это былъ ихъ единственный ребенокъ. Роза давно уже пользовалась неограниченнымъ довѣріемъ стараго Карла и его жены, которая даже стала меньше ворчать и браниться. Никто до сихъ поръ, кромѣ угольщика Готлиба и его семьи, не зналъ—кто именно была Роза... Старый графъ Танненбургъ томился, по прежнему, въ своемъ казематѣ, но участь его была теперь всячески облегчаема его дочерью, исполнявшею почти всѣ обязанности тюремщика Карла; она давно и легко могла бы помочь своему отцу бѣжать изъ его тюрьмы;—это, не разъ уже, и совѣтовала ей сдѣлать старый слуга графа, угольщикъ Готлибъ, но она знала, какой страшной казни подвергнется, въ случаѣ бѣгства ея отца, тюремщикъ Карлъ,—и отказывалась исполнить совѣтъ.

— Пусть будетъ то, что угодно Богу, — постоянно отвѣчала она Готлибу на его совѣты:—я не хочу, чтобы изъ-за меня страдали другіе...

Однажды, лѣтомъ, Роза, съ ведрами въ рукахъ, шла внизъ, въ замковый садъ, гдѣ имѣлся колодезь съ водою, годною для питья; колодезь этотъ былъ очень глубокъ, такъ какъ онъ находился не внизу замковой горы, а въ серединѣ ея. Не доходя до колодца какихъ-нибудь ста шаговъ, Роза увидѣла, что къ самому его краю подбѣжалъ трехлѣтній графъ Генрихъ и наклонился головкой внизъ, всматриваясь въ воду... Случайно, колодезь былъ, на этотъ разъ, не закрытъ рѣшеткой, а нянька ребенка сидѣла неподдающему въ сиреневой бесѣдкѣ и сладко дремала... Не успѣла Роза крикнуть нянькѣ, чтобы разбудить ее, какъ вдругъ, къ ужасу своему, увидѣла, что мальчикъ перевѣсился въ колодезь и упалъ въ него: только попки его, обуты въ красныя башмачки, мелькнули въ воздухѣ... Бросивъ ведра и громко призывая на помощь, Роза подбѣжала къ колодезю и, взглянувъ внутрь, увидѣла, что ребенокъ виситъ на серединѣ деревяннаго сруба, зацѣпившись кафтанчикомъ за выдавшійся въ одномъ углу острый сучекъ... Не долго думая, Роза сѣла въ бадью, висѣвшую на колесѣ надъ ко-
одцемъ, и, упираясь руками и ногами въ стѣны сруба, стала потихоньку спускаться внизъ... Вскорѣ она достигла до мальчика—и увидѣла, что онъ былъ безъ движенія, въ глубокомъ обморокѣ... Она подумала, что это случилось съ нимъ отъ страха; бережно отцѣпила его платье и подхватила его на руки,—но вдругъ, почувствовала, что и сама не въ силахъ болѣе дышать тѣмъ удушливымъ и смертнымъ воздухомъ, который былъ въ серединѣ этого глубокаго колодца... Теряя сознаніе, она крѣпко прижала къ себѣ ребенка, хотѣла крикнуть, но не смогла это сдѣлать—голосъ измѣнился ей... Въ это время, нѣсколько сильныхъ рукъ схватились уже за веревку и стали осторожно поднимать бадью наверхъ... Когда, наконецъ, вытащили погибавшихъ на свѣжій воздухъ, то увидѣли, что Роза находится безъ чувствъ, какъ-бы въ обморокѣ, и что она судорожно прижала къ себѣ также безчувственнаго ребенка... У колодца стояли уже графъ и графиня, полные глубокаго горя и страшнаго отчаянія... Они выпули изъ замершихъ рукъ Розы своего дорогаго сына и стали приводить его въ чувство;—свѣжій воздухъ тотчасъ подѣйствовалъ на легкія ребенка,—и онъ слабо вздохнулъ и открылъ глаза...

Радости родителей не было предѣловъ: они тутъ-же упали на колѣни и благодарили Бога за чудесное спасеніе ихъ единственнаго и нѣжно любимаго сына... И тогда, наконецъ, они вспомнили и объ его спасительницѣ:—она все еще лежала безъ чувствъ, на травѣ, вблизи колодца, одинокая и всѣми забытая и оставленная,—такъ какъ все вниманіе собравшихся людей было сосредоточено вокругъ маленькаго графа и горя его родителей... Графиня подошла къ Розѣ, разстегнула ей платье, взбрызнула водою ея лицо и стала ухаживать за ней, стараясь и ее привести въ чувство; вскорѣ Роза вздохнула, открыла глаза и обвела всѣхъ помувившимся еще и безсознательнымъ взглядомъ... Испугъ, чрезмѣрное напряженіе силъ и удушливые газы колодца страшно потрясли ея нѣжный организмъ... По приказанію графа, ее тотчасъ-же перенесли въ замокъ, уложили въ постель—и просили, чтобы она отдохнула и успокоилась; а маленькаго Генриха мать отнесла въ замокъ на своихъ рукахъ—и призванный врачъ сталъ за нимъ ухаживать. Затѣмъ, былъ позванъ капелланъ,—и все населеніе замка должно было выслушать благодарственный молебенъ о чу-

десномъ спасеніи жизни маленькаго графа, ихъ будущаго господина и повелителя.

По окончаніи молебствія, графъ и графиня, въ сопровожденіи свиты, вошли въ ту комнату, гдѣ находилась еще не вполне оправившаяся Роза и сказали ей:

— Дай намъ возможность, добрая дѣвушка, отблагодарить тебя по твоимъ заслугамъ: скажи намъ—чего ты хочешь, и вѣрь, что всякое твое желаніе будетъ тотчасъ же выполнено.

Тогда, Роза проговорила слабымъ голосомъ:

— Я попрошу васъ, милостивые господа, лишь объ одномъ: отдайте мнѣ одного изъ заключенныхъ въ тюремномъ казематѣ, въ подземельѣ вашего замка.

Графъ и графиня переглянулись между собою, и графъ сказалъ своей женѣ на бывшемъ, въ то время, въ модѣ латинскомъ языкѣ:

— Романическая исторія!.. У меня вѣдь содержитсяъ много молодыхъ плѣнниковъ.

Но Роза, которая поняла то, что сказалъ графъ, сильно вспыхнула въ лицѣ и быстро отвѣтила:

— Отдайте мнѣ стараго графа Танненбургъ!..

Графъ и графиня очень удивились этой просьбѣ:

— Не понимаю, зачѣмъ ей этотъ старикъ?..—проговорилъ графъ, вновь, по-латыни, обращаясь къ женѣ...

Графиня, въ отвѣтъ, пожала только плечами...

— Я обѣщалъ тебѣ, — сказалъ графъ Розѣ,—исполнить всякое твое желаніе и охотно исполняю его: возьми этого, уже безвреднаго для меня, врага нашего дома и дѣлай съ нимъ, что хочешь. Но и я, въ свою очередь, имѣю къ тебѣ теперь одну просьбу: скажи мнѣ, зачѣмъ тебѣ нуженъ этотъ, еле живой уже, старикъ?

Тутъ юная графиня Роза не выдержала: событія дня такъ потрясли ее, что она громко разрыдалась и, сквозь слезы, проговорила:

— Этотъ еле живой старикъ — мой отецъ!..

Всѣ были чрезвычайно поражены этимъ извѣстіемъ и, вначалѣ, не могли произнести ни одного слова: они едва вѣрили своимъ ушамъ, такъ какъ графиня Роза Танненбургъ давно уже считалась мертвою—сгорѣвшею, четыре года тому назадъ, въ своемъ разрушенномъ замкѣ... Наконецъ, графъ заговорилъ первый:

— Какъ! вы—графиня Роза Танненбургъ?!

Служанка у моего тюремщика!..

Роза, продолжая еще плакать, тихо отвѣтила:

— Да, я—графиня Танненбургъ, служанка вашего тюремщика...

Графъ, въ сильномъ волненіи, заговорилъ далѣе:

— Вы, дочь человѣка, которому я сдѣлалъ столько зла—и вы, съ опасностью жизни, спасаете моего единственнаго сына!.. Вы—которой тоже причинено мною столько горя и бѣдствій, которую я сдѣлалъ нищей, и вдругъ, вы, вы спасаете мнѣ сына?!!..

И графъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, взявъ ея руку и почтительно поцѣловалъ...

— Простите-ли вы мнѣ все, что я сдѣлалъ вамъ?!..—проговорилъ онъ дрожащимъ и едва слышимымъ голосомъ.

Графиня подошла къ дѣвушкѣ, нѣжно обняла ее и сказала:

— Мой мужъ очень страдаетъ... Простите его!.. Мы постараемся, насколько это будетъ можно, загладить причиненное вамъ зло...

— Отдайте мнѣ моего отца! — могла лишь проговорить сильно взволнованная всею этою сценою графиня Роза.

Въ тотъ же день старый графъ Танненбургъ былъ освобожденъ изъ своего страшнаго подземельнаго каземата, и ему и его благородной дочери Розѣ была отведена запасная половина замка Фихтенбурга. Всѣ окрестные владѣльцы — графы и фрейгеры — были вскорѣ приглашены къ торжественному пиру. Въ числѣ приглашенныхъ были также и графъ Танненбургъ, и его дочь, прекрасная графиня Роза. Передъ началомъ пира, когда всѣ гости только что усадились за столъ, молодой графъ Фихтенбургъ всталъ, съ кубкомъ вина въ рукахъ, и громко разсказалъ печальную исторію своей пражды къ графу Танненбургу и великодушный поступокъ его дочери... Затѣмъ, поднявъ высоко надъ головою кубокъ, онъ провозгласилъ вѣчный миръ и любовь между обоими владѣтельными домами, торжественно объявилъ, что возвращаетъ старому графу все отнятое у него, и выпилъ до дна кубокъ за здоровье своего недавняго врага и плѣнника, а нынѣ самаго почетнаго и дорогаго гостя...

Долго шелъ веселый пиръ, и долго говорили между собою съѣхавшіеся рыцари — графы и фрейгеры — о геройскомъ поступкѣ красивой графини Розы Танненбургъ, и не одинъ молодой гость заглядывалъ, во время пира, на благородное лицо смѣлой дѣвушки, сидѣвшей рядомъ съ своимъ освобожденнымъ отцомъ...

На другой же день послѣ пира, нѣсколько сотъ различныхъ рабочихъ — каменщиковъ, плотниковъ, кровельщиковъ, печниковъ, столяровъ, и проч. — были уже на мѣстѣ разрушеннаго, четыре года назадъ, замка Танненбурга: одни вывозили и убирали старый мусоръ и щебень, другіе привозили камень, желѣзо и дерево, а третьи клали цоколь для фундамента новаго замка, — который, спустя годъ, и былъ, наконецъ, оконченъ: онъ представлялъ собою точную копію съ замка, бывшаго ранѣе.

Всѣ земли, лѣса и помѣстья были, всецѣло, возвращены графомъ Фихтенбургомъ старому графу, который и переѣхалъ, наконецъ, въ свой замокъ, вмѣстѣ съ графинею Розой, и

торжественно отпраздновалъ новоселье, пригласивъ всѣхъ тѣхъ гостей, которые, годъ назадъ, присутствовали на пиру примиренія его съ графомъ Фихтенбургомъ.

Во время этого новаго пира старый графъ испыталъ новую радость: молодой представитель одного славнаго владѣтельнаго дома графъ Саксонскихъ сдѣлалъ графинѣ Розѣ

ЗАГАДКА.

Разсказъ.

I.

ПЕГЪ пошелъ ко мнѣ въ комнату, держа въ рукѣ свертокъ въ темной бумагѣ.

— Трессь, я принесъ тебѣ работу, докажи-

ка свою изобрѣтательность. Онъ съ раздражительной медленностью началъ развязывать веревку; это такой человекъ, который узла не разрѣжетъ даже для спасенія своей жизни. Процессъ развязыванія продолжался, по крайней мѣрѣ, четверть часа. А затѣмъ онъ вручилъ мнѣ ящичекъ. Овальныя ящичекъ около семи вершковъ въ длину и трехъ въ ширину.

Я прочелъ на одной сторонѣ слова:

«Загадка: откройте ящичекъ».

Пегъ объяснился:

— Я нашелъ этотъ ящичекъ въ одной мебелистой лавкѣ, можно сказать, въ лавчонкѣ. Я спрашивалъ лавочника насчетъ загадки. Но онъ ничего не могъ сказать мнѣ. Онъ самъ пытался открыть ящичекъ и всѣ попытки были безуспѣшны. Я купилъ его. Принесъ домой. Пробовалъ открыть и не открылъ. Ты вотъ хвастаешься своей изобрѣтательностью. Я не сомнѣваюсь, что тебѣ удастся открыть, если ты постарайся.

Пока Пегъ разглагольствовалъ, я разсматривалъ ящичекъ. Онъ былъ не новый и состоялъ изъ мелкой, деревянной мозаики. Пластины были изъ разнаго дерева, разнаго цвѣта и разной формы; онъ былъ шестиугольный, восьмиугольный, трехугольный, квадратный, овальный

и даже круглый. Мозаика была великолѣпная. Пластины были такъ пригнаны, что совершенно сливались, и черта соединенія была незамѣтна.

— Я берусь открыть въ двѣ секунды... молоткомъ.

— Еще бы. Молоткомъ-то я и самъ открою. Надо открыть безъ молотка.

Я снова разсмотрѣлъ ящичекъ и въ этотъ разъ даже въ луну.

— Если я не ошибаюсь, Пегъ, секретъ кроется въ одной изъ пластинокъ. Надо нажать, надавить и ящичекъ тогда откроется.

— Таково было и мое убѣжденіе. Я нажи-

«Я—бабушка!» Рисовалъ П. Вагнеръ.

официальное предложеніе; а спустя полгода въ Танненбургскомъ замкѣ была весело отпразднована и самая свадьба.

Богъ послалъ графинѣ Розѣ тихое и долгое счастье, и она умерла въ глубокой старости, окруженная и опланиваемая многочисленною семьею—своими дѣтми и внуками, всѣхъ благословляя и всѣмъ завѣщая миръ, прощеніе и любовь.

Ив. Якушинъ (Захарьинъ).

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА М. ПРОКОФЬЕВА.

«ДОБРЫЙ ДЯДЯ!»

малъ всѣ пластинки, одну за другой. Безъ всякаго результата. Тутъ тайная пружина.

— Конечно, должна быть пружина. Я предполагаю, что ящикъ пустъ.

— Я тоже такъ думалъ, а теперь не увѣренъ въ этомъ. Есть у тебя молоточекъ?

Я подаль ему маленькій молоточекъ.

— Постучи молоточкомъ. Не замѣчаешь-ли ты какъ-бы отраженіе звука?

Пегъ былъ правъ, внутри что-то было; что-то отозвалось на мой стукъ, словно живое существо. Я замѣтилъ это Пегу.

— Невѣроятно. Въ ящикѣ нѣтъ воздуха.

— Почему мы знаемъ? Могутъ быть есть мельчайшія отверстія, парочно устроенныя для воздуха. Я продолжалъ постукивать молоточкомъ.

— Дай-ка мнѣ ящикъ. Пегъ приложилъ ухо къ ящику, и постучалъ. — По моему, вотъ точно такой шорохъ производитъ большой тараканъ или часовщикъ (наѣкомое).

— Это просто сотрясеніе механизма, которымъ открывается ящикъ. Постучи сильнѣе и ты увидишь.

Онъ крѣпко стукнулъ и вздрогнулъ.

— Никакъ я что-то сломалъ. Онъ внимательно прислушался, приложивъ ухо къ ящику. — Штъ, все цѣло. А я побойться готовъ былъ, что сломалъ. Я въ свою очередь прислушивался и встряхивалъ ящикъ. Я постучалъ молоточкомъ тамъ же крѣпко, какъ Пегъ, и тогда раздался странный звукъ. На мой слухъ это былъ звукъ разбитаго стекла.

II.

Я лежалъ въ постели въ полусознательномъ состояніи. Когда я, наконецъ, почувствовала, что я проснулся, я заинтересовался узнать, что разбудило меня. Я тотчасъ-же уловилъ какіе-то звуки среди ночной тишины. Я лежалъ и прислушивался нѣсколько секундъ.

Звуки напоминали тикъ-такъ большихъ, необычайно звонкихъ часовъ. Звуки эти видоизмѣнялись, переходя въ глухой визгъ, похожій на крикъ какого-нибудь крохотнаго созданія въ минуту агоніи. Я всталъ съ постели и зажегъ огонь. Звуки шли съ той стороны, гдѣ стоялъ мой туалетный столикъ. Я подошелъ къ столику, съ зажженной спичкой въ рукѣ, и мой взоръ упалъ на загадочный ящикъ Пегъ. Въ ту-же минуту изъ ящика раздался неприятный визгъ, уже слышанный мною раньше. Меня это такъ поразило, что я выронилъ спичку, въ комнатѣ стало темно, а я продолжалъ стоять, прислушиваясь къ дикому визгу. А потомъ опять я услышалъ тикъ-такъ часовъ. Я зажегъ газъ.

Пегъ оставилъ у меня свой загадочный ящикъ. Мы все перепробовали, чтобы разгадать загадку. И онъ оставилъ его у меня, чтобы я попытался одинъ открыть его.

Взявъ въ руки ящикъ, я приставилъ его къ уху.

Мнѣ пришла въ голову неприятная мысль: а что, если это кака-нибудь новинка по частнъ взрывчатыхъ веществъ? Я не скрываю, что, какъ только эта мысль мелькнула у меня въ головѣ, я положилъ загадку Пегъ обратно на туалетный столикъ. Вышла-бы хорошая разгадка, если-бы ящикъ взорвало, пока я стоялъ въ ночной рубашкѣ передъ нимъ и смотрѣлъ на него. Я подумалъ, не бросить-ли мнѣ загадку Пегъ въ ведро съ водой или просто за окно, или не позвать-ли мнѣ лакея, чтобы онъ убралъ ее къ себѣ, какъ вдругъ тикъ-такъ часовъ и визгъ прекратились и въ ящикѣ стало тихо. Я инстинктивно двинулся къ дверямъ и остановился въ тревогѣ. Но ничего

не случилось и звуки не возобновились. Я вернулся къ столу. Неохотно взявъ въ руки ящикъ и встряхнулъ его; не раздалось ни малѣйшаго звука. Я могъ-бы открыть ящикъ молоткомъ и сказать, что онъ упалъ или его уронили, что-нибудь въ этомъ родѣ, но я боялся, что Пегъ не повѣритъ мнѣ. Я щелкнулъ въ послѣдній разъ по ящику, снова поставилъ его на столъ, потушилъ газъ и легъ.

Я начиналъ уже засыпать, какъ вдругъ ящикъ снова зашумѣлъ. Нечего было и думать о снѣ, пока продолжалась эта музыка. Звуки были громче, чѣмъ прежде. Я подошелъ къ ящику. Если глаза меня не обманывали, ящикъ двигался, подпрыгивалъ. Можетъ быть, это былъ обманъ зрѣнія, но я положительно видѣлъ, какъ съ каждымъ «тикъ-такъ» ящикъ дѣлалъ прыжокъ. И ящикъ увеличился въ объемъ; я могъ побойться, что онъ не только сталъ больше, но онъ даже увеличивался на моихъ глазахъ. Пегъ навѣрно объяснилъ-бы это дѣйствіемъ сверхъестественныхъ силъ, а я объяснилъ это себѣ тѣмъ, что механизмъ напиралъ на всѣ стороны ящика. Я взялъ ящикъ въ руки. Я услышалъ легкое постукиваніе въ ящикѣ, точно стучалъ маленькій молоточекъ. Я падѣлъ халатъ, закурилъ трубку, сѣлъ и пристально уставился на ящикъ. Сидѣлъ я такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, минутъ двадцать, звуки стали стихать. Я сидѣлъ еще нѣсколько минутъ въ ожиданіи. Но ничего не дождался. Я бралъ ящикъ въ руки; подносилъ его то къ одному уху, то къ другому, стучалъ по немъ пальцами. Звуковъ не было. Я легъ въ постель съ намѣреніемъ заснуть и я заснулъ. И я не знаю, раздавались-ли потомъ таинственные звуки изъ нѣдра ящика. Если они и раздавались, то имъ не удалось разбудить меня. Но я проснулся съ сознаніемъ, что мое пробужденіе было вызвано чѣмъ-то страннымъ. Впечатлѣніе было такое, точно я проснулся отъ прикосновенія чьей-то руки. Впечатлѣніе было обманчивое, потому что въ комнатѣ никого не было, въ чемъ я убѣдился, оглянувшись кругомъ.

Я взглянулъ на часы; было около одиннадцати часовъ утра. Я собрался встать и позвонить моему лакею Боба и задать ему нахлобучку за то, что онъ не разбудилъ меня, какъ вдругъ мой взоръ упалъ на туалетный столикъ, куда я наканунѣ положилъ загадку Пегъ. Она исчезла.

Исчезновеніе это такъ поразило меня, что я бросился къ столику. Загадка, впрочемъ, не совсемъ исчезла; ящикъ сломался на кусочки. Мозаика распалась на свои составныя части. Какъ эти части были соединены между собою—это такъ и осталось тайной. Деревянные пластинки были не только разной формы и величины, но онѣ были къ тому-же тонки, какъ самая тончайшая фанерка; а, между тѣмъ, ящикъ держался простымъ соединеніемъ ихъ. Человѣкъ, который сдѣлалъ этотъ ящикъ, обладалъ изобрѣтательностью, достойной лучшей доли. Я понялъ теперь, въ чемъ состояла загадка. Въ ящикѣ былъ механизмъ пружинъ, который, ослабнувъ, вытянулся въ разныя стороны и напиралъ на ящикъ, пока не разломали его на кусочки. И теперь пружины лежали на обломкахъ уничтоженнаго ими ящика. Среди обломковъ лежалъ клочекъ писчей бумаги. На оборотной сторонѣ было написано мелкимъ, неразборчивымъ почеркомъ: «Подарокъ для васъ». Я взглянулъ и глазамъ своимъ не повѣрилъ. На двухъ отвѣсныхъ проволокахъ, съ загнутыми концами, лежалъ кусочекъ стекла или... хрустала. «Подарокъ для васъ!» Вотъ этотъ хрусталь и былъ

подаркомъ. Неужели это былъ брилліантъ? Мысль была смѣшная, нелѣпая. Никакой человѣкъ въ здоровомъ умѣ не спрячетъ брилліанта въ грошевый ящикъ. Однако-же, я зналъ толкъ въ драгоценныхъ камняхъ; если это былъ не брилліантъ, то отличнѣйшая поддѣлка, какую я только когда либо видѣлъ. Чѣмъ больше я глядѣлъ, тѣмъ сильнѣе было мое удивленіе.

Это былъ брилліантъ.

Я смотрѣлъ на него въ лупу и невольно воскликнулъ:

— Голсу даю на отсѣченіе, что это брилліантъ.

Едва успѣлъ я проговорить эти слова, какъ постучались въ дверь.

— Можешь войти!—крикнулъ я, предполагая, что это мой лакей.

Но это былъ не Бобъ, а Пегъ. Увидя меня въ ночной рубашкѣ, Пегъ покачалъ головой.

— Ну, мой милый Трессъ, я успѣлъ позавтракать, прочитать газеты и письма, пришелъ сюда, а ты еще не всталъ!

— Да развѣ я не всталъ?

— Ахъ, Трессъ, Трессъ! Онъ подошелъ къ туалетному столику и увидѣлъ обломки.

— Это что такое?

— Разгаданная загадка.

— Ты... ты честно разгадалъ?

— Разгадка явилась сама собою. Пружины ослабили въ ящикѣ и ночью, въ то время, когда я спалъ, ящикъ открылся.

— Когда ты спалъ? Вотъ тебѣ разъ! Странно... Было что-нибудь въ ящикѣ? Это что такое? Онъ схватилъ бумажку, которую я забылъ на столикѣ. Онъ прочелъ: «Подарокъ для васъ». Что это значитъ? Какой такой подарокъ? Было что-нибудь въ ящикѣ?

— Пегъ, если ты подождешь меня въ соседней комнатѣ, я приду къ тебѣ, какъ только одѣнусь. Надо мнѣ рѣшить съ тобой одинъ вопросецъ, вотъ по поводу этого ящика.

— Вопросецъ по поводу ящика? Какой такой вопросецъ?

— Ты не воображаешь-ли, что я буду стоять здѣсь и дрожать въ рубашкѣ, пока ты разглагольствуешь! Покорно благодарю. Я откладываюсь.

Онъ направился къ двери. Сдѣлавъ шага два, онъ остановился.

— Я падѣюсь, Трессъ, что ты... не захочешь обмануть меня?

— Развѣ можно обманывать стараго пріятеля?

Когда онъ ушелъ, я взялъ хрусталь и подошелъ къ окну. Я поднялъ штору, и солнечный свѣтъ упалъ на него. Я снова взялъ лупу. Это былъ брилліантъ; сомнѣнія въ томъ не могло быть. Сердце у меня забилося, когда я подумалъ, что держу въ рукѣ, быть можетъ, цѣлое состояніе для скромнаго человека. Пегъ не зналъ о моемъ открытіи и могъ совсѣмъ не узнать. Но дѣло въ томъ, что, если-бы я продалъ камень и утаилъ вырученныя за него деньги, то мнѣ-бы пришлось сочинить какую-нибудь исторію для объясненія моего неожиданнаго богатства. Пегъ зналъ мой дѣла не хуже меня самого. Бѣда съ этими старыми пріятелями.

Когда я вошелъ къ Пегу, онъ метался по комнатѣ, какъ медвѣдь на горячихъ плиткахъ.

— Трессъ, что такое было въ ящикѣ?

— Пегъ, согласенъ ты раздѣлить со мной пополамъ мою находку?

— Пополамъ... твою находку? Трессъ... Отдай мнѣ мое!

— Съ удовольствіемъ, Пегъ, если ты объяснишь мнѣ, что это такое «твое»?

— Если... если ты не отдашь, я... я пошлю за полиціей.

— Посылай. Полиція позаботится, чтобы вещь была возвращена ея владѣльцу. И мы съ тобой, Пегъ, получимъ благодарность отъ челоѣка, о которомъ мы никогда и не слышали; а за то, что открылъ находку, а ты за то, что вернулъ ее по принадлежности.

— Трессъ, это не по-пріятельски. Какой я дуракъ былъ, что довѣрилъ тебѣ ящикъ! Я зналъ, что тебѣ нельзя довѣрять. Получай половину. Что было въ ящикѣ?

— Вотъ что.

Я показалъ ему хрусталикъ, который держалъ между большимъ и указательнымъ пальцами.

— Дай мнѣ взглянуть.

— Можешь глядѣть сколько угодно, но изъ моихъ пальцевъ.

Пегъ склонился надъ моей рукой. Глаза у него блестяли. Онъ тоже зналъ толкъ въ драгоценныхъ камняхъ.

— Это... это... Трессъ, вѣдь это брилліантъ? Дай мнѣ взглянуть поближе. Онъ будетъ цѣль у меня. Онъ не мой.

Я тотчасъ-же спряталъ брилліантъ за спину.

— Извини меня, но брилліантъ не твой и не мой. Онъ принадлежитъ челоѣку, который продалъ загадочный ящикъ купцу, у котораго ты купилъ ящикъ. Но ты мой старый пріятель, такъ и быть, я довѣрю тебѣ свою находку, но съ условіемъ, что ты не скроешь ее съ глазъ моихъ и вернешь ее мнѣ, по первому моему требованію.

— Ты... ты очень грубъ со мной. Я возвращу тебѣ.

Я далъ ему хрусталикъ, а также и луцу.

Онъ началъ разсматривать камень въ луцу. Нѣсколько минутъ спустя, онъ поглядѣлъ на меня и его глаза блестяли за стеклами очковъ. Я замѣтилъ, что онъ дрожалъ.

— Трессъ, это... брилліантъ... бразильскій брилліантъ. Цѣлое состояніе. Ты не вѣришь, что это брилліантъ?

— Похоже на брилліантъ. При другихъ условіяхъ, я не колебался сказать-бы, что это брилліантъ. Но, принимая во вниманіе условія, при которыхъ произошла наша находка, я сомѣваюсь. Сколько ты заплатилъ за свою находку, Пегъ?

— Девять пенсовъ. Купецъ просилъ шиллинга, но я далъ девять пенсовъ. Онъ остался доволенъ.

— Девять пенсовъ. Возможное-ли дѣло, чтобы мы нашли брилліантъ въ ящикѣ, который стоитъ девять пенсовъ. Онъ не могъ быть положенъ случайно, онъ былъ положенъ съ намѣреніемъ, положенъ челоѣкомъ, который зналъ секретъ; доказательство тому эта записка.

— Мало-ли есть чудаконъ на свѣтѣ. А я знаю одного челоѣка, который радъ будетъ случаю пріобрѣсти такой брилліантъ и дать за него хорошую цѣну, я свесу его къ нему.

— Пегъ, отдай мнѣ брилліантъ.

— Мой милый Трессъ, я только схожу...

Тутъ пошелъ Бобъ съ завтракомъ.

— Пегъ, отдай мнѣ брилліантъ, а не то Бобъ сходитъ за полиціей.

Онъ отдалъ мнѣ брилліантъ. Я сѣлъ завтракать, а Пегъ стоялъ и ворчалъ на меня.

— Я сума сошелъ, что оставилъ ящикъ у тебя! Я долженъ былъ знать, что тебѣ ничего нельзя довѣрить. Не стоитъ говорить съ тобой. Ты глухъ къ голосу совѣсти. Могу я спросить, мистеръ Трессъ, что вы намѣрены дѣлать?

— Я намѣренъ обратиться къ полиціи. А

впрочемъ, мой дорогой Пегъ, я могу отнестись твою девяти-пенсовую загадку въ одинъ извѣстный мнѣ ювелирный магазинъ и спросить, не желаютъ-ли они купить ее и за сколько.

— Я иду съ тобой.

— Съ большимъ удовольствіемъ, но съ условіемъ, что ты заплатишь за извозчика.

Мы бранились всю дорогу. Признаюсь, мнѣ пріятно сердить Пегъ, онъ такой раздражительный. Мы вошли въ магазинъ рядышкомъ. Магазинъ былъ раздѣленъ прилавкомъ, который шелъ отъ одной стѣны къ другой. Я подошелъ къ челоѣку, стоявшему за прилавкомъ.

— Я желаю продать брилліантъ.

— Мы желаемъ продать брилліантъ, поправилъ Пегъ.

Я повернулся къ Пегу и въ упоръ поглядѣлъ на него.

— Я желаю продать брилліантъ. Вотъ онъ. Что вы мнѣ дадите за него?

Челоѣкъ за прилавкомъ взялъ брилліантъ и я замѣтилъ, какъ сверкнули у него глаза.

— Это... это прекрасный камень.

— Что вы дадите за него?

— Намъ не часто приносятъ въ магазинъ такіе камни. Что вы скажете... о десяти тысячахъ фунтовъ?

Десять тысячъ фунтовъ! Пегъ чуть не задохся.

— Десять тысячъ фунтовъ, — прошепталъ онъ.

Челоѣкъ за прилавкомъ взглянулъ на него, какъ мнѣ показалось, съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

— Если вы дадите мнѣ нужныя свѣдѣнія или удостовѣреніе въ вашей благонадежности, то я готовъ дать вамъ за этотъ брилліантъ чекъ на десять тысячъ или уплатить деньгами.

— Мы согласны, — пролепеталъ Пегъ, но я возражаю:

— Мой дорогой сэръ, вы меня извините, если я замѣчу, что вы очень скоры на рѣшенія. Во-первыхъ, почему вы увѣрены, что это брилліантъ?

Челоѣкъ за прилавкомъ улыбнулся.

— Я былъ-бы плохой торговецъ, если-бы не могъ на глазъ узнавать брилліанты, въ особенности такой вотъ камень, какъ этотъ. Можно, впрочемъ, испытать его.

Челоѣкъ за прилавкомъ поставилъ ногу на педаль колеса, которое стояло возлѣ него, и колесо закрутилось. Онъ приложилъ камень къ быстро вертѣвшемуся колесу. Раздалось шипѣніе. Секунду спустя, въ рукѣ ничего не оказалось: брилліантъ улетучился въ воздухъ.

— Господи! — задыхающимся голосомъ проговорилъ челоѣкъ за прилавкомъ. — Брилліантъ стерся въ порошокъ!..

Это былъ брилліантъ, хотя онъ и превратился въ порошокъ. Въ этомъ-то и состояла вся соль шутки. Челоѣкъ за прилавкомъ не ошибся; изслѣдованіе небольшого количества порошка, которое можно было собрать, доказало этотъ фактъ. Эксперты объяснили, что брилліантъ былъ подверженъ дѣйствию сильнаго и продолжительнаго огня. Въ результатѣ получился брилліантъ хрупкій, какъ стекло...

Владѣлецъ брилліанта зналъ, что, съ торговой точки зрѣнія, камень гроша не стоитъ, потому что онъ не могъ быть отшлифованъ. Обладая юморомъ, онъ посвятилъ дни и недѣли, а можетъ быть, и мѣсяцы, на изобрѣтеніе своей загадки и доставилъ себѣ, такимъ образомъ, много веселыхъ минутъ, представляя себѣ радость счастливца, которому должна была достаться эта находка.

ВСЯ ЖИЗНЬ

Разсказъ.

СНѢГЪ, порхавшій съ утра веселыми блестящими снѣжинками, вдругъ разошелся къ полудню и повалилъ тяжелыми хлопьями. Между мутными низкими облаками и землею образовалась сплошная стѣна непрерывно движущейся однообразной массы. Казалось, снѣгъ погребетъ и сравняетъ съ сугробами всю бѣдную деревушку съ ея тремя десятками покосившихся избушекъ, крытыхъ соломой. Онъ уже и безъ того еле выглядывалъ на свѣтъ Божій крохотными подслѣповатыми оконцами: крышу давила масса снѣга, снизу до оконъ закрывалъ навозъ и солома для тепла, тоже всѣ бѣлая — кажется, еще немного и образуется одинъ сплошной бѣлый бугоръ.

Какъ разъ посреди деревни рядъ избушекъ прерывался, уступая мѣсто широкому двору и саду господской усадьбы. Въ ней тоже было все ветхо, старо и почернѣло. Амбары, погребъ, сарап, да и самый домъ съ мезониномъ, балкончиками и крылечками — все такъ и просилось на покой, такъ и угрожало рушиться окончательно.

Окна нижняго этажа были закрыты ставнями, а кое-гдѣ для крѣпости забиты даже досками. Одинъ мезонинъ въ два окошка съ бѣлѣющими занавѣсками, говорилъ о не совсемъ еще угасшей жизни этого ветерана, выносившаго на своемъ вѣку много бурь и непогодъ.

Тамъ въ двухъ комнаткахъ было уютно и тепло, даже жарко непривычному челоѣку, отъ большой изразцовой печи и низкихъ потолковъ.

Высокій кіотъ, занимающій весь передній уголъ, старомодная мебель, постель съ пуховикомъ и горой подушекъ — все дышало патриархальной стариной, все изобличало жилище стараго челоѣка, и банки цвѣтущаго жасмина, и полинявшая облѣзлая отъ лѣтъ канарейка, и жирный котъ, мурлыкающій на креслѣ — все говорило о какомъ-то покоѣ, о мирной пристани для отжившаго, о тоскливомъ покоѣ, равносильномъ медленному умранію для челоѣка молодого и полнаго силъ.

Старинные часы громко и звонко пробили два часа. Въ большомъ креслѣ у огня зашевелилась сидящая фигура. Эта была старушка лѣтъ шестидесяти съ лишнимъ, съ однимъ изъ тѣхъ мпыхъ старческихъ лицъ, которыя сразу располагаютъ къ себѣ каждого: добрые свѣтлые глаза, безконечная ласковость и добродушіе во всемъ лицѣ, безукоризненная чистота и опрятность всей фигуры — все манило и располагало къ себѣ и вызывало симпатію.

При боѣ часовъ, старушка сняла свои очки и положила вязанье на колѣни.

— Феклинка, кликнула она въ другую комнату, — посмотри-ка печку, не пора-ли закрывать... Не выстудить-бы горницы!..

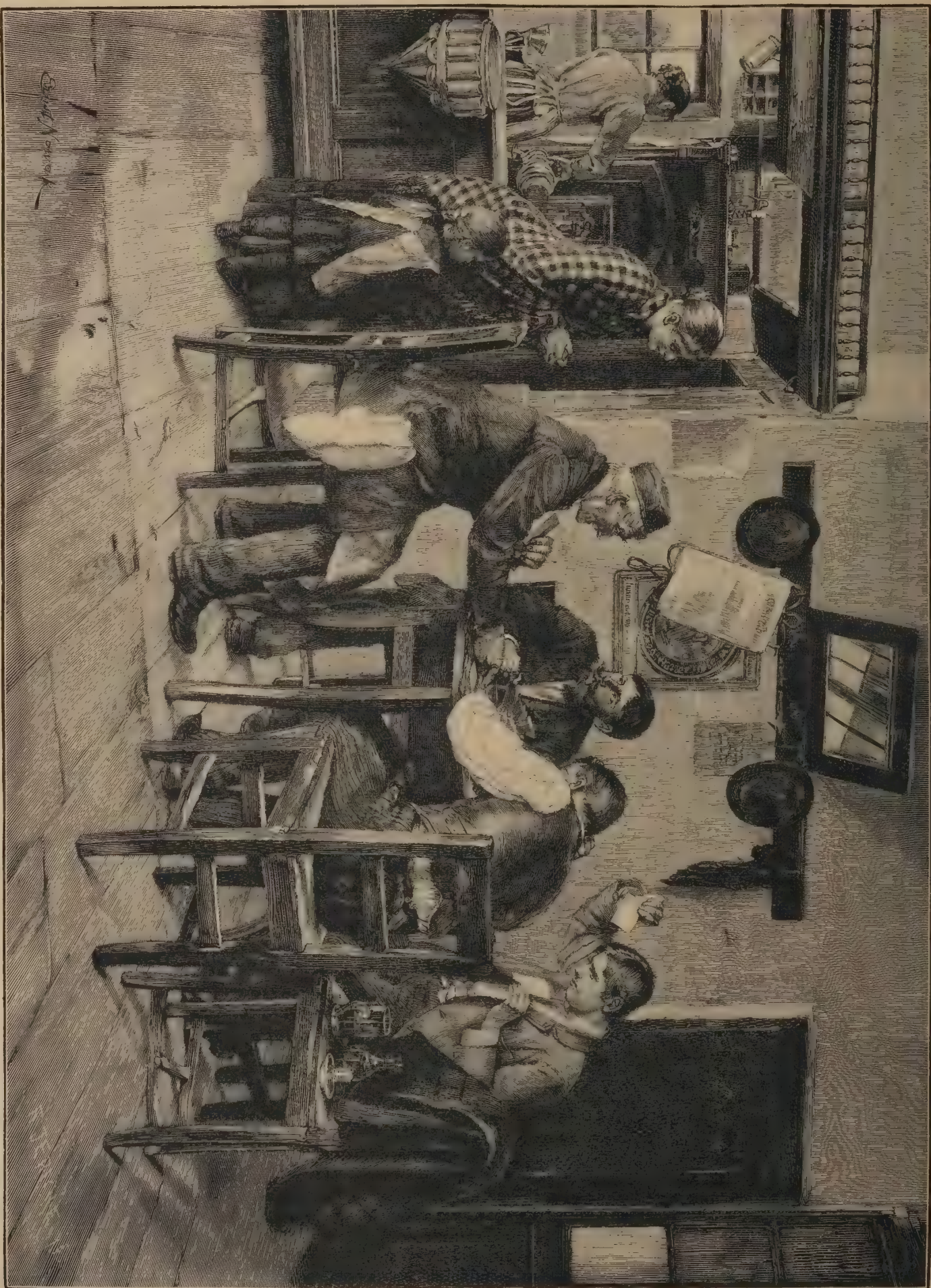
Изъ сосѣдней комнаты появилась старушка прислуга, ровесница барыни, такая-же благодушная, какъ и она, и присѣла передъ печкой, заботливо перемѣшивая кочергой массу жаркихъ углей.

— Чуточку подождемъ, Анна Степановна, еще синій огонекъ видать... Еще угоришь, чего добраго...

— Ну, погоди коли... Вотъ погодку-то Богъ послѣлъ...

— Да... ежели теперь кого въ подѣ застанетъ, не приведи Богъ — зги не видно...

— Почта, пожалуй, опоздаетъ...

«Забывший семью». Сь картины художника Э. Новака.

Парижская выставка картинъ 1895 года: «Дрогоя жертва», съ картины художника X. Фабре.

— И то ужь опоздала... Прошлую пятницу объ эту пору ужь и письмо было, а теперь и колокольцевъ не слышать еще... развѣ за вѣтромъ...

— Да еще будеть-ли, полно, намъ...

— Какъ, чать, не быть... барышня знаетъ, какъ мы ихнихъ писемъ дожидаемъ... Да и долго-ли ей написать... развѣ, два—да и готово... Это вонъ нашъ Демьянычъ покуда соберется, такъ ждать устанешь, а ей долго-ли...

— Смотри, Феклуша, какіе камашки славные вышли...—старушка растянула на колѣнахъ свое вязанье,—куда будутъ теплѣе готовыхъ.

— Ну, еще бы! А все, по моему, чулки теплѣе не въ примѣръ, какъ можно: слѣда закрыта, а въ нѣтъ...

— Что-же дѣлать, не хочетъ Сашенька, а ужь предлагала изъ самой тоненькой шерсти... Не хочу, говорить, приучаться, да и ноги тоскуютъ...

— Тсс... непривычка... Я вотъ такъ въ двухъ парахъ... Такъ это имъ кажется больше, что не могутъ...

— И какъ подумаешь, даже не вѣрится, Сашенька большая дѣвица стала... служить будеть... Давно-ли самою-то грамотѣ учила, потъ здѣсь у этого окошка.

— Эхъ, время-то не видно, а вѣдь ужь чай съ десяткомъ лѣтъ прошло.

— Да и побольше... я ее по седьмому годку начала учить, а теперь ей девятнадцать: вотъ и считай...

— Гм... Пожалуй, коли и всѣ тринадцать вышли... Такъ оно и есть; нынче память-то по Николаю Степановичу была, шестнадцать лѣтъ считали мы съ вами въ тѣ поры...

— Ну да, а Сашенька трехъ лѣтъ осталась.

— Ахъ-хо-хо—своихъ дѣтокъ Богъ не привелъ имѣть, а дѣтки съ рукъ не шли всю жизнь...

— Ужъ, видно, Богъ мнѣ такъ опредѣлилъ. Кабы не я, кто-бы ее вырастилъ.

— Что и говорить, безъ матери дѣтямъ бѣда, а тутъ, накое, и отецъ съedomъ убрался... Много горя вы приняли съ ними...

— За то и до радости дожила... Господи, вырастила мою дѣвочку, воспитала, образовала, теперь Саша будеть хлѣбъ зарабатывать, а главное, жить-то будеть вмѣстѣ, вотъ гдѣ радость-то... Ужъ часто думаю: неужто я не доживу... Ужъ не грѣшно-ли и ждать-то такъ?

— И-и-и... сударыня, да Богъ съ вами. Ужъ вы привыкли все къ горю, да къ заботѣ—намъ и не вѣрится... Чать, и у всѣхъ такъ бываетъ; отучатся да и домой вернутся... Ну, вотъ теперь и закрывать трубу въ самый разъ... Господи благослови... Пойду-ка теперь самоварчикъ поставлю... Съ постнаго-то кушанья вамъ, думаю, пить хочется?

— Поставь, поставь, Феклуша, и то пить хочу.

Старая Феклуша, кряхтя, подпалась съ колѣнъ и, не торопясь, начала спускаться по скрипучей лѣстницѣ въ «дѣвичью». Скоро до-несся стукъ затворяемой входной двери и все замолкло.

Лѣнливо отшелкиваетъ маятникъ свое «тикъ-такъ», канарейка нахохлилась и сидитъ молча, котъ спитъ, уткнувши носъ въ свою теплую шубу, а свѣтъ все падаетъ и падаетъ, безшумно и тихо покрывая все собою.

Долго постукивали силцы старушки, наконецъ, и она положила вязанье на колѣни, неторопливо вынула платокъ и вытерла слезы, мѣшавшія ей хорошо видѣть петли своего вязанья. Слезы эти были, очевидно, не горючія, такъ какъ старушка улыбнулась чему-то и потомъ шепотомъ начала высчитывать:

— Что у насъ сегодня—18-е февраля... Въ апрѣлѣ экзамены—ну, положимъ до конца мѣсяца, а тамъ чего ей ждать: живо соберется и махнетъ сюда... Четыре дня въ дороге, на пятый здѣсь... Два съ половиной мѣсяца только всего осталось. Чать перемѣнилась за два-то года... Пополнѣла-ли, а то такая худенькая была... Гдѣ ужъ, думаю, пополнѣть: занимается много, устаетъ; опять-же эти обѣды кухмистерскіе, чѣмъ и кормить-то. Здѣсь молокомъ отопьется; насчетъ мяса не важно, а ужъ молоко, яйца, масло, курочки—всего вволю. Копната Сашина почти приготовлена и теперь: мебель за-ново обили, такой веселенькій ситчикъ попался, выбѣлили, занавѣски повѣсимъ, а съ марта ужь и протопливать понемногу начинать надо...

Старушка задумалась.

— И подумаешь, какъ нынче все странно: барышня, дворянка и вдругъ фельдшерца будеть. Добро-бы нужда, а то вѣдь нѣтъ, по собственному желанію. Вѣдь вотъ и я сама всю жизнь за больными ухаживала, да за дѣтьми, такъ ужъ это судьба, да и къ тому все родные были, а Сашенькѣ придется лечить чужихъ мужиковъ, бабъ, ребятъ... Сколько грязи, сколько черной работы, да и какихъ болѣзней только нѣтъ: есть и заразные и неприятныя... Да еще какой докторъ попадетъ, хорошо кабы такой, какъ нашъ Василій Ивановичъ, добрый старикъ, деликатный, а вонъ въ Казалицѣ, говорятъ, докторъ-то пьетъ какъ, а вѣдь начальство будеть надъ ней... Погода тоже всякая, холодная, дождливая, а ужъ разбирать не придется. Знаетъ вѣдь, поди, Сашенька все это сама, да, вѣрно, не бонится, коли сама захотѣла. Мудреные они нынче. Гимназію кончила, кажется—чего-бы? Нѣтъ, оная учиться... «Не хочу, говорить, тетя, даромъ жить, нужно приносить положительную пользу въ жизни!» Видно, старый человекъ съ молодымъ не сталкивается: ей-то бы, Аннѣ Степановнѣ, порадоваться на свою любимицу хотѣлось, полюбоваться: вотъ-де какую вырастила, не даромъ ночей не досыпала, куска не доѣдала, за то и дождалась утѣшенія на старости лѣтъ... А она свое: выросла, выучилась, да и сама работать хочетъ.

Ужъ и то Сашенька разъ ей, смѣясь, сказала: «а ужъ я знаю, тетичка, въ-бы меня посадили съ удовольствіемъ на полочку, да и любовались-бы и дѣлать ничего не давали, а кормили-бы вдвоемъ съ Феклушкой на убой!» Пожалуй, что въ родѣ этого. Охъ, вѣдь за то и радости было немного въ ея жизни, по-неволѣ трясешься за счастьемъ, когда-то когда оно выпадетъ!

Съ восемнадцати лѣтъ старшая въ семьѣ... Мать больная всегда; дѣти чуть не каждый годъ, и то ея братъ Коля ужъ четырнадцати лѣтъ бабушкой прозвалъ, за ея серьезность да разсудительность. Были и женихи у ней, нравился даже очень одинъ, да какъ было бросить семью, бросить мать съ шестью ребятами? Отецъ, Богъ его суди, неужо былъ къ семьѣ, выпивать любилъ, да покучивать. Такъ время и проходило: учила старшихъ, нянчила младшихъ, за больной матерью ходила, а мать умерла, такъ пришлось сестеръ замужъ отдавать, за братьевъ хлопотать. За хлопотами и не замѣтила, какъ въ старую дѣву обратилась,—тридцать стукнуло, смѣшно было думать о замужествѣ. Имѣньице отъ родителей досталось, нужно имъ было заняться, привести въ порядокъ, скопить что нибудь для младшихъ, а не-то и для племянниковъ... Еще тогда съ ней случай вышелъ; лѣтъ уже подъ сорокъ было ей и вдругъ явился чело-

вѣкъ, къ которому она вдругъ почувствовала что-то больше обыкновенной симпатіи, а опъ такъ совсѣмъ влюбился въ нее, умолялъ выйти замужъ, пожалуй, и вышла-бы: человекъ хорошій, солидный, честный... Тѣже и ея сердце жаждало любви, личаго счастья и тосковало подчасъ, да, вѣрно, опять-таки не судьба; какъ разъ въ это время умерла жена старшаго брата, осталось тѣе дѣтей, два мальчика, да годовалая дѣвочка Сашенька. Братъ слезно просилъ не оставить его хотя временно, хотя дать ему возможность опомниться, оглядѣться... Приѣхала погостить, а тамъ и братъ захворалъ... Хирѣлъ да чахъ цѣлыхъ два года и умеръ, оставивъ на ея рукахъ трехъ-лѣтнюю дѣвочку. Хорошо, что мальчики-то въ это время уже были пристроены. Ну, вотъ и росла.. не досыпала, не доѣдала... Имѣнье крохотное, запущенное, къ тому-же хозяйничать не умѣла, обдурвалъ всякій, кто могъ. Изъ скудныхъ доходовъ пришлось еще выплачивать отцовскій старый долгъ... Себя уже урѣзывала, гдѣ и въ чемъ только могла, лишь-бы дѣвочка ни въ чемъ не нуждалась. Пришла пора учить Сашеньку серьезно, еще новый расходъ прибавился. Зимой онѣ съ Феклушкой забьются, какъ сурки, вотъ въ эти двѣ комнатки, чтобы весь домъ не топилъ, а вдвоемъ много-ли имъ надо. За то на вакацію дѣвочка приѣзжала изъ пансіона, у ней все было, что только душа пожелаетъ. Тоже было большое горе, что нельзя жить самой въ губернскомъ городѣ, при себѣ держать Сашеньку, но вѣдь это такой-бы былъ расходъ! Да и имѣнье нельзя было бросить безъ себя, стало быть, объ этомъ и думать нечего. Потомъ кончила ученье Сашенька и еще-таки уѣхала на курсы въ Петербургъ.

Господи, вотъ уже слезъ-то сколько было. Плакать при Сашенькѣ не хотѣла, что ее разстраивать, да еще за эгонстку, пожалуй, сочла-бы. За то всѣ ночи плакала на пролетъ, а теперь вотъ и эти два года прошли, два мѣсяца только,—ну, съ половиной, пустяки! Пока все готовить будеть, такъ не замѣтитъ этихъ двухъ недѣль, глядь, ужъ и счастье настанеть.

Внизу снова хлопнула дверь. Очевидно, Оекла явилась съ самоваромъ. Да, это ея скрипучіе тяжелые шаги по лѣстницѣ.

— Ну, говорите, слава Богу,—еще не входя на всю лѣстницу, начала Фекла,—письмо отъ барышни несутъ!

Старушка оживленно встала, уронивъ вязанье съ колѣнъ.

— Вотъ и слава Богу, а уже я и надѣяться переставала...

— Ужъ я говорю—не пропустить, долго-ли ей...

Анна Степановна, улыбаясь, разорвала конвертъ и вся наклонилась къ окну.

— Господи, темень-то какая, еле разберешь.

— Ну, разбирайте пока, а я сейчасъ самоваръ принесу.

«Милая тетичка, родная моя старушка, мнѣ очень грустно думать, что вы, которая съ такимъ нетерпѣніемъ ждете моихъ писемъ, будете огорчены настоящимъ...»

— О, Господи, что такое!

«Огорчены, конечно, только на время, потому что за первой неприятной минутой чисто эгонстическаго горя поймете меня и ту необходимость, которая понуждаетъ меня. Вы знаете, какъ я серьезно отношусь къ своему труду и какъ я горячо хочу работать и слу-

жить тому дѣлу, за которое взялась. А дѣло это серьезное, не шуточное и чтобы изучать его и явиться на мѣсто, на самостоятельную дѣятельность, нужно запастись не малымъ знаніемъ и практикой, иначе, иначе это было-бы недобросовѣстно съ моей стороны. Здѣсь я ученица, здѣсь мною руководятъ свѣтила и труженики науки, у нихъ я почерпаю знанія, пробѣряю свои слабыя силы, тамъ у васъ я являюсь самостоятельнымъ лицомъ—тамъ нужно дѣйствовать, а учиться уже некогда и не у кого. Тамъ я готовый боецъ—здѣсь послушный солдатъ, а вѣдь нигдѣ, какъ на докторскомъ поприщѣ не важна такъ практика—она почти все. Мнѣ предстоитъ ѣхать на лѣто въ одну изъ отдаленныхъ губерній сѣвера, въ какую—неизвѣстно еще, въ мѣстный лазаретъ. Дѣла будутъ по горло, такъ какъ эпидемія тамъ еще не окончилась, а лѣтомъ, пожалуй, усилятся. Работать буду много и при хорошемъ, опытномъ врачѣ, а осенью мнѣ общались уже мѣсто фельдшерницы при одной изъ клиникъ. Нужно поработать еще года два, чтобы быть вполне готовой. Родная моя, вѣдь это только такъ кажется долго—два года, а не увидите, какъ они пройдутъ. Вы сами учили меня любить ближняго и помогать ему чѣмъ можешь, а что можетъ быть лучше и выше, какъ облегчать страданія, спасти жизнь человѣка, а этимъ зачастую спасти жизнь и семьѣ. Вы сами всю жизнь трудились для другихъ, а главнымъ образомъ для меня, дайте-же мнѣ возможность быть достойной васъ ученицей и доказать, что ваши слова и труды попали на добрую почву. Не думайте, дорогая, что я васъ не увижу очень долго: въ сентябрѣ, по возвращеніи изъ своей поѣздки, я обязательно пройду къ вамъ и пробуду цѣлую недѣлю».

— Цѣлую недѣлю, а у нея вся жизнь въ ней!

Далѣе еще было много написано, но глаза старушки такъ застила слезами, что она не могла читать и бесильно откинулась на спинку кресла, опустивъ руки съ письмомъ на колѣни.

— Что, Анна Степановна, аль темно? — Фекла давно наблюдала съ безпокойствомъ за своей госпожей, хлопоча у кипѣвшаго самовара.

— Не пріѣдетъ она, Феклушка, не пріѣдетъ!—почти со стономъ вырвалось у старушки, и она какъ-то по-дѣтски всхлинула, закрывая глаза рукой.

— Не пріѣдетъ!

— Да. На лѣто туда къ холернымъ уѣдетъ.

— Господи, люди бѣгутъ изъ тѣхъ мѣстъ, а она сама ѣдетъ... да что это за люди новіе!

— Учиться все хочется... Осенью пріѣдетъ на недѣлку, а потомъ опять въ Петербургъ на два года.

— Ишь, это ученье-то ихъ одолеваетъ, хоть-бы васъ-то пожалѣла... А все товарки сбиваютъ: у другихъ ни кола ни двора—бездомовья, все равно дѣваться некуда, вотъ ихъ и воститъ, а вашей-то и стыдно-бы было. Подумала-бы тоже: у меня молъ тетинька, старый человѣкъ, ей кажинный годъ на плечи, только и свѣтъ въ глазахъ что она, а она, нутко, все уѣзжаетъ дальше, да дальше. Ну, что плакать-то. Лучше отпишите, что такъ молъ и такъ, пора и объ теткѣ подумать: всего все равно не выучишь. Здѣшнихъ лечить не Богъ знаетъ что нужно.

У насъ вонъ фершалъ-то окромя хины ничѣмъ и не лечилъ, развѣ липовый цвѣтъ иногда велѣлъ пить, а если банки или пиявки, такъ пиявочница-татарка въ Чукчѣ есть. Вы вонъ

печеная, да лечите ихъ... право напишите...

Старушка махнула рукой.

— Что мы знаемъ съ тобой.. Мы какъ насѣдки умѣемъ только на шесткахъ сидѣть, да цыплатъ подъ крылья собирать, да вотъ хлохтать, коли цыпленокъ пропадетъ или уйдетъ далеко. А они, вынѣшніе, вольныя птицы, развѣ удержишь, а и удержишь насильно, такъ потомъ сама не рада будешь... Они любятъ дороги новыя, а мы по старымъ, по протоптаннымъ ходили и ходимъ...

Фекла ничего не поняла, но недовѣрчиво покачала головой.

— Ужъ не знаю, что вы говорите, непонятно что-то мнѣ, а только плохо-ли и вы дѣлали: всю жизнь себя забывали, мать до конца дней не бросали, спроту вскормили, вспоили, въ люди вывели... ужъ коли еще это не по Божьи жили, такъ я и не знаю... — Фекла развела руками,—не пошли небось въ люди, чужія слезы утирать, коли своихъ не оберешься... пора и ей васъ успокоить!..

— Да вѣдь, Феклушка, не на вѣкъ... черезъ два года...

— Ей то хорошо такъ судить, коль ей девятнадцать всего, а вамъ, сударыня, не впередъ года-то... Чай-то кушайте хоть, а то что это разстропились совсѣмъ...

— Иди, Феклушка... я прилягу немного и выравду разстроилась... потомъ я позову, подогрѣть самоваръ... или лучше возьми его себѣ, пей, а потомъ и мнѣ долѣешь...

Фекла, вздыхая и что-то шепча себѣ подъ носъ, ушла съ самоваромъ.

Аннѣ Степановнѣ хотѣлось остаться одной, одной съ своимъ горемъ... Она забыла, что хотѣла лечъ и все по прежнему сидѣла у окна съ письмомъ на колѣняхъ. — Даже думъ въ головѣ никакихъ не было, а такъ какія то обрывки мыслей... Что-то горькое, больное поднималось съ глубины души, не то упрекъ кому-то, что то нестерпимо обидное... потомъ и это смѣнялось тупой покорностью. Значить еще не пора, значить еще нужно ждать, какъ тогда, когда Сашенька кончила гимназію, тогда еще страшнѣе было отпускать одну въ такую даль и опять такой-же срокъ... Доживетъ-ли! О, Господи, только-бы дожить... пройдутъ-же и эти два года, стоитъ только терпѣливо ждать, ждать и ждать!..

Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно и только мутно-бѣлая стѣна за окномъ двигалась все также медленно, съ упорнымъ постоянствомъ засыная всѣ предметы своими мягкими бѣлыми хлопьями. Казалось, что и этотъ домъ, и эта худенькая старушка, прижавшаяся къ спинкѣ кресла—все, все засыняется и закроется этой бѣлой неленой и погрузится они въ тоскливую дремоту, лишь немногимъ отличающуюся отъ смерти.

О. Демертъ.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЗУБЫ, ИХЪ ИСТОРІЯ И СПОСОБЪ ПРИГОТОВЛЕНІЯ.

Важное значеніе зубовъ для здоровья человѣка, а также та роль, какую они играютъ въ эстетическомъ отношеніи, были причиною того, что уже за тысячи лѣтъ назадъ люди прилагали всевозможныя старанія къ сохраненію зубовъ, и въ случаѣ потери естественныхъ замѣняли ихъ искусственными. Впрочемъ, относительно древнихъ народовъ—египтянъ, грековъ и римлянъ—нужно ска-

зать, что въ стремленіи ихъ къ сохраненію зубовъ и замѣнѣ зубовъ естественныхъ искусственными ими руководилъ не столько утилитарный взглядъ на зубы, сколько эстетическій. Искусственные зубы египтянъ, какъ показываютъ находки Бельцони въ саркофагахъ, были грубо выточены изъ дерева, а потому не могли быть употребляемы для жеванія и служили только для закрытія непріятнаго для глазъ отверстія, иначе сказать, здѣсь преслѣдовалась эстетическая цѣль. Въ Греціи и Римѣ уже съ первыхъ временъ замѣтна большая заботливость о зубахъ, что при высокомъ развитіи чувства красоты у грековъ и римлянъ является совершенно понятнымъ. Въ блестящій періодъ Рима обычай вставлять искусственные зубы былъ довольно частъ, по крайней мѣрѣ, поэтъ Марціалъ въ своихъ стихахъ издѣвается надъ искусственными зубами римлянковъ.

Изъ древняго міра искусственные зубы перешли и въ средніе вѣка, при чемъ сохранили многіе прежіе недостатки. Наибольшее развитіе получили, однако, искусственные зубы впервые съ половины прошлаго столѣтія. Матеріаломъ для нихъ служили бедренныя кости быковъ, а также зубы—быковъ, лошадей, собакъ, рыбъ, равно какъ слоновая кость и перламутръ. Насколько они были иногда совершенны по формѣ, настолько не похожи на естественныя зубы по цвѣту. Стараясь устранить этотъ послѣдній недостатокъ, напали на мысль—употреблять въ качествѣ искусственныхъ зубовъ человѣческіе зубы. Но такъ какъ зубы тѣхъ людей, которые уже долгое время лежали въ могилѣ, не обладали большою прочностью, то обращались за зубами въ анатомическіе кабинеты, куда доставлялись трупы для научныхъ цѣлей; при этомъ дѣлали предпочтеніе лицамъ, умершимъ въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ, такъ какъ зубы таковыхъ оказывались наиболѣе прочными. Но все-же и человѣческіе зубы не выдерживали продолжительнаго употребленія, а потому во Франціи въ половинѣ XVIII столѣтія сдѣлали попытку приготовить зубы изъ мѣди, покрытой эмалью.

Первый родъ зубовъ изъ фарфора приготовилъ фармацевтъ Духото въ 1774 году. Для обработки ихъ онъ обращался на фарфоровую фабрику. Его опытъ сначала не удавался, такъ какъ фарфоровая масса искривлялась и морщилась. Только въ союзѣ съ парижскимъ дантистомъ Шеманомъ ему удалось послѣ продолжительнаго труда достигнуть своей цѣли. Шеманъ еще болѣе улучшилъ составъ массы и получилъ отъ Людовика XVI привилегію на свое изобрѣтеніе. Послѣ этого успѣха фабрикація искусственныхъ зубовъ изъ фарфора получила самое широкое развитіе. Въ настоящее время англійскіе и американскіе искусственные зубы безукоризненны.

Въ каждомъ искусственномъ зубѣ различаются двѣ части: тѣло или главная масса и эмаль, которая, покрывая зубъ снаружи, придаетъ ему блескъ и красоту. Масса приготовляется изъ полевого шпата, кремнезема и каолина или фарфоровой глины, а для эмали употребляютъ полевой шпатъ съ красящими веществами. Въ качествѣ красящихъ веществъ служатъ металлы и металлическія окиси, именно, золотая окись служитъ для достиженія свѣтлорозоваго цвѣта, золото въ мельчайшемъ дѣленіи—для розоваго, серебряная окись—для оранжеваго, хромовая окись—для зеленаго, титановая окись—для свѣтложелтаго и губчатая платина—для свѣтлоглубого.

При выдѣлкѣ искусственнаго зуба изъ мас-

сы пользуются латуневыми формами, которыя состоятъ изъ двухъ частей: одна служитъ для передней (губной) поверхности зуба, другая— для внутренней (язычной). Пустое пространство, образуемое чрезъ соединеніе обѣихъ составныхъ частей формы, на одну пятую часть должно быть болѣе, чѣмъ готовый зубъ, въ виду того, что зубная масса чрезъ послѣдующее обжиганіе сѣдается и становится меньше. Прежде чѣмъ наполнить формы зубной массой, одна часть формы, именно передняя, намазывается внутри масломъ и выкладывается эмалью, а въ другую половину формы (заднюю) вставляются два цилиндрическихъ штифта изъ платины, посредствомъ которыхъ зубъ позднѣе прикрѣпляется къ деснамъ. Необходимо употреблять для этихъ штифтовъ именно платину потому, что всякій другой металлъ при жженіи могъ-бы расплавиться. Обѣ части формы, наконецъ, соединяются и кладутся подъ прессъ. Чрезъ производимое давленіе зубная масса становится твердой, причемъ ясно обнаруживаются всѣ характерныя возвышенія и углубленія на поверхности зуба. Послѣ этого формы кладутся въ печь для продолжительной высушки зубной массы. Обжиганіе зубовъ требуетъ извѣстной опытности, такъ какъ если зубы обожжены слишкомъ сильно, то ихъ поверхность будетъ стекловидна, если-же мало,—то въ эмали при охлажденіи образуются трещины.

Что касается до способа прикрѣпленія искусственныхъ зубовъ, то древнѣйшій способъ состоялъ въ привязываніи ихъ къ сосѣднимъ естественнымъ зубамъ. Въ египетскихъ муміяхъ искусственные зубы привязаны къ близъ лежащимъ зубамъ проволокой или простой ниткой. Равнымъ образомъ, въ «XII таблицахъ» римлянъ такой способъ прикрѣпленія упоминается, какъ всѣмъ извѣстный. Нитки для этого употреблялись изъ конопли или шелка, а проволоки были серебряныя или золотыя. Прикрѣпленіе производилось такимъ образомъ, что въ искусственныхъ зубахъ пробурывалось нѣсколько отверстій, чрезъ нихъ вдѣвалась нитка или проволока и затѣмъ обвивалась вокругъ сосѣднихъ зубовъ и оканчивалась узломъ. Этотъ способъ былъ единственно употребительнымъ до первой половины настоящаго столѣтія.

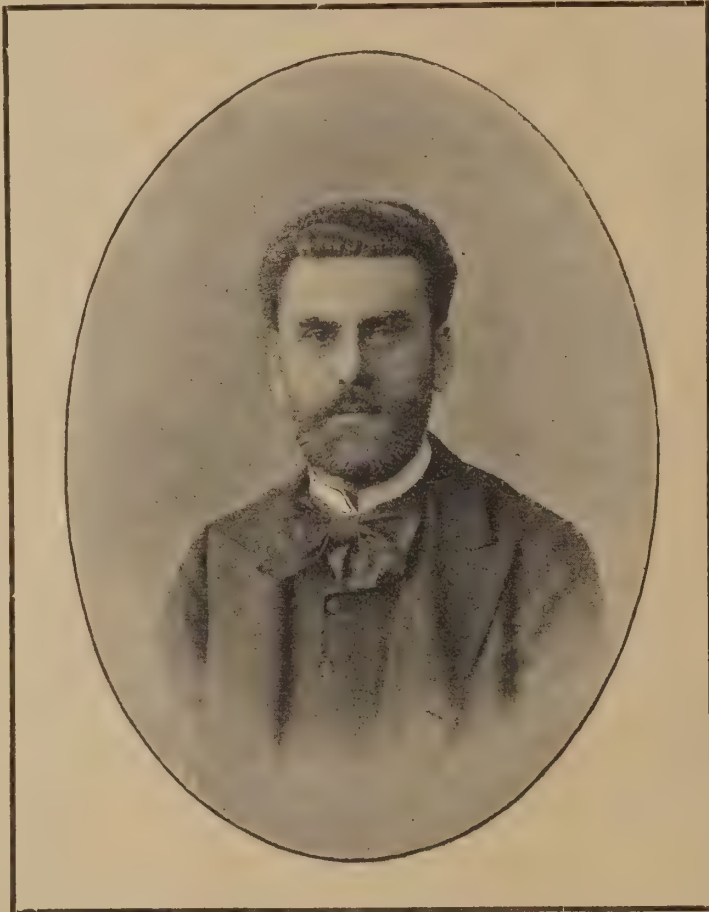
Такъ какъ вставленіе искусственныхъ зубовъ очень часто предполагаетъ насильственное удаленіе зубовъ естественныхъ, то мы скажемъ нѣсколько словъ относительно вырыванія больныхъ зубовъ въ прежнія времена. Уже въ древней Греціи это искусство было извѣстно. Для извлеченія зубовъ употреблялся свинцовый инструментъ подъ названіемъ «одоптагонъ» (буквально: зубовырыватель). Одинъ экземпляръ его положенъ въ храмъ Аполлона въ Дельфахъ, какъ образецъ, достойный быть переданнымъ потомству. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о вырываніи зубовъ мы имѣемъ отъ знаменитаго въ свое время врача Цельса, который жилъ за 30 лѣтъ до Р. Х. Этотъ врачъ рѣшался на насильственное удаленіе зуба только тогда, когда всѣ его средства противъ зубной боли, какъ-то: опиумъ, гольбановая смола, смирна, перецъ, горчичное сѣмя, квасцы, сѣра—не помогали. Прежде чѣмъ вырвать

зубъ, онъ старался отдѣлать его насколько возможно отъ десны и-потомъ начиналъ трясти его до тѣхъ поръ, пока онъ становился совершенно шаткимъ, такъ какъ Цельсъ считалъ очень опаснымъ вырывать крѣпко сидящій зубъ и боялся вывиха челюсти. Такимъ образомъ, въ своей осторожности Цельсъ доходилъ до того, что вынималъ зубъ пальцами. Впрочемъ, онъ обладалъ и щипцами въ нѣсколькихъ формахъ, именно инструментомъ для извлеченія корней зубовъ и кривыми щипцами, которыя позднѣе, благодаря своей фигурѣ, получили названіе вороньяго клюва.

Въ началѣ XII вѣка извѣстенъ арабскій врачъ Абулказемъ. Въ своихъ операціяхъ онъ былъ также очень остороженъ и всѣми силами старался облегчить страданія своихъ

пациентовъ. Опасаясь переломить зубъ, онъ сначала двигалъ его слабыми щипцами и потомъ уже, когда зубъ становился шаткимъ, схватывалъ его сильными щипцами и вырывалъ. Позднѣе, въ средніе вѣка, появились и вошли въ употребленіе многочисленные щипцы и рычагообразные инструменты. Въ 17 и 18 столѣтіяхъ развитіе техники для искусственнаго вставленія и вырыванія зубовъ послѣдовало быстрыми шагами, пока, наконецъ, достигло той высоты, на которой стоитъ это дѣло въ настоящее время.

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Г. Н. ШАУМАНЪ.

(Скончался 7-го января 1896 года).

пациентовъ. Опасаясь переломить зубъ, онъ сначала двигалъ его слабыми щипцами и потомъ уже, когда зубъ становился шаткимъ, схватывалъ его сильными щипцами и вырывалъ.

Позднѣе, въ средніе вѣка, появились и вошли въ употребленіе многочисленные щипцы и рычагообразные инструменты. Въ 17 и 18 столѣтіяхъ развитіе техники для искусственнаго вставленія и вырыванія зубовъ послѣдовало быстрыми шагами, пока, наконецъ, достигло той высоты, на которой стоитъ это дѣло въ настоящее время.

Николай Соколовъ.

Г. Н. ШАУМАНЪ.

(Некрологъ).

Шауманъ, Григорій Николаевичъ. Скончался 7-го января 1896 г. послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни хорошо извѣстный петербуржцамъ своей энергичной и кипучей дѣятель-

ностью въ качествѣ гласнаго Думы и директора Городскаго Кредитнаго Общества. Покойный принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ дѣятелямъ, которые не могутъ быть равнодушными, когда видятъ что-нибудь нехорошее, и являются защитниками общественныхъ интересовъ, какъ своихъ личныхъ. Г. Н. въ этомъ отношеніи былъ неумолимъ: онъ не признавалъ ни родства, ни партій и всецѣло посвящалъ свои силы на всестороннее разсмотрѣніе каго-либо вопроса. Съ его мнѣніемъ всегда приходилось считаться. Онъ обладалъ большою эрудиціей, недюжиннымъ умомъ и рѣдкой способностью передавать свои мнѣнія кратко, ясно и красиво. Его рѣчи были горячими филиппиками и производили сильное впечатлѣніе. Многие называли его, какъ оратора, народнымъ трибуномъ, и были отчасти правы, потому что рѣдко кто принималъ интересы столичнаго обывателя такъ близко къ сердцу, какъ покойный. Очень часто обличеніи Г. Н. Шаумана не приходилось по вкусу многимъ изъ гласныхъ. Покойный родился въ 1841 г. На государственной службѣ онъ находился недолго. Прослуживъ, по окончаніи курса въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, нѣсколько лѣтъ въ л.-гв. гродненскомъ полку и затѣмъ въ канцеляріи военнаго министерства, онъ вышелъ въ 1872 году въ отставку и съ 1877 года по 1893 годъ былъ гласнымъ с.-петербургской Думы и губернскимъ гласнымъ. Въ качествѣ гласнаго Думы онъ принималъ дѣятельное участіе во многихъ коммиссіяхъ: по постройкѣ моста императора Александра II, по постройкѣ новыхъ городскихъ скотобоенъ и др. Особенно памятна его дѣятельность, какъ депутата города при обществѣ водопроводовъ. Потеря такого выдающагося общественнаго дѣятеля тяжела.

МЫСЛИ И АВОРИЗМЫ

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
О ЖЕНЩИНАХЪ.

Женщины могутъ говорить очень остро и мило, но мнѣ не случалось въ серьезныхъ разговорахъ слышать отъ нихъ, кромѣ общихъ мѣстъ и пародоксовъ. *Аодлевъ.*

Въ женщинѣ—ребенѣ больше хитрости, нежели въ самомъ остромъ мужчинѣ. *А. Крыловъ.*

Боже, что за хамеліонъ свѣтская женщина! *Бестужевъ-Марлинскій.*

Всѣ грѣшатъ нетерпѣливо, а женщины нетерпѣливѣй всѣхъ. *Буренинъ.*

Женщина была-бы въ отчаяніи, если-бы природа создала ее такъю, какою дѣлаетъ ее мода. *Буастъ.*

Разгадать женщину такъ-же трудно, какъ выпить ушатъ воды; съ одной стороны пить воду—ужъ чего легче, но выпить ушатъ—дѣло скучное, тяжелое и почти невозможное. Такимъ образомъ, такая безобидная въ маломъ количествѣ стихія, какъ вода, побѣждаетъ человѣка. *А. Блжецкій.*

Мѣркою достоинства женщинъ можетъ быть мужчина, котораго она любитъ. *В. Бялинскій.*

Мужчины бываютъ иногда злѣе женщинъ, но женщины всегда насмѣшливѣе мужчинъ. *Жирардино.*

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ
БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,
Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ: При помощи Божіей, вознамѣрились Мы, въ маѣ мѣсяцѣ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, по примѣру благочестивыхъ Государей, Предковъ нашихъ, возложить на Себя Корону и воспріять, по установленному чину, Святое Мѣропомазаніе, приобщивъ къ сему и Любезнѣйшую Супругу Нашу, Государыню Императрицу Александру Феодоровну. Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, въ предстоящій торжественный день Коронаванія, раздѣлить радость Нашу и вмѣстѣ съ нами вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ, да изліетъ на насъ Дары Духа Своего Святаго, да укрѣпитъ Онъ Державу нашу и да направитъ Онъ насъ по стопамъ Незабвеннаго Родителя Нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогаго Отечества останутся для насъ навсегда свѣтлымъ примѣромъ. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 1-й день января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто шестое, Царствованія же Нашего во второе. На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

— Произведены, за отличие: изъ тайныхъ въ дѣйствительные тайные совѣтники: сенаторы: баронъ Фредоръ Штапельбергъ, Алексѣй Безобразовъ, Григорій Рѣлинскій, Павелъ Марковъ, членъ государственнаго совѣта баронъ Владиміръ Менгденъ, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности, профессоръ и почетный членъ Императорской академіи художествъ Иванъ Айвазовскій, съ оставленіемъ во всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ и званіяхъ.

— Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по

учрежденіямъ Императрицы Маріи, попечитель Императорскаго Александровскаго лицея и почетный опекунъ с.-петербургскаго присутствія опекунскаго совѣта, числящійся по генеральному штабу, генераль-отъ-инфантеріи графъ Пратасовъ-Бахметевъ зачисленъ по гвардейской кавалеріи, съ переименованіемъ въ генераль-отъ-кавалеріи и съ оставленіемъ въ спискахъ генеральнаго штаба и въ настоящихъ должностяхъ.

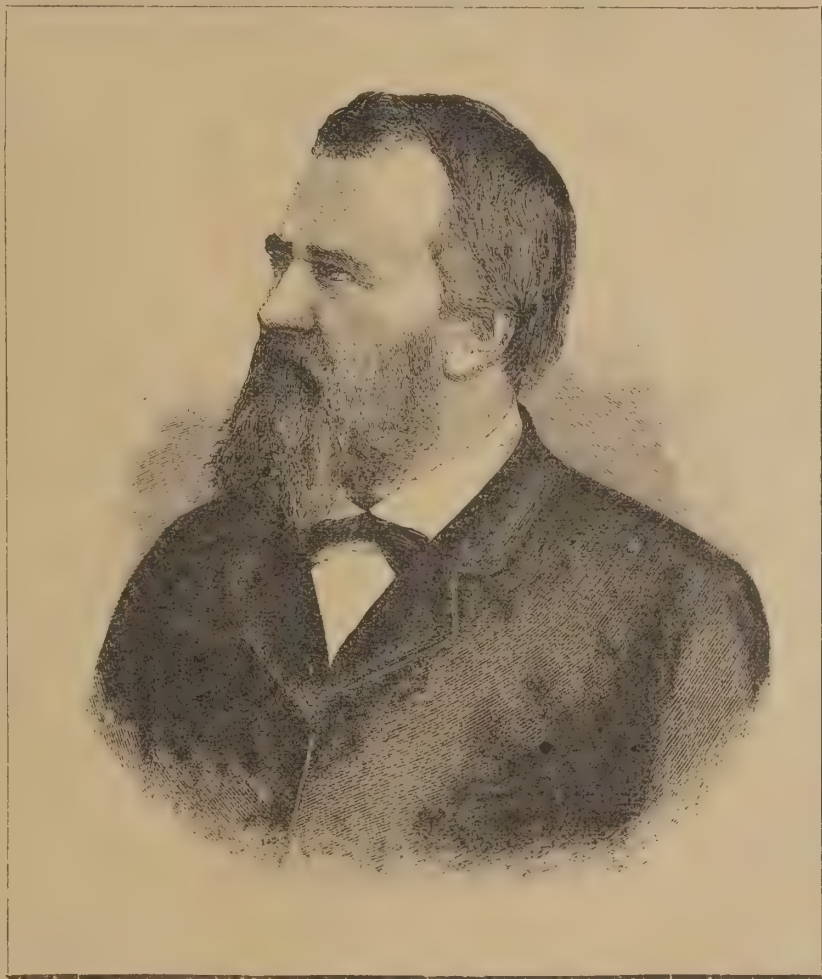
рода не увлекаться партійными интересами, имѣть въ виду лишь благосостояніе имперіи и германскою честью служить общему благу. Тогда Всевышній не оставитъ имперіи безъ Своего благословенія, тогда она отнюдь не будетъ угрожать другимъ государствамъ, тогда она и впредь останется сильнымъ оплотомъ мира.

— Въ королевскомъ замкѣ состоялся, по случаю торжества, большой приемъ, въ присутствіи обѣихъ императрицъ и пяти старшихъ сыновей императора. Когда императоръ вошелъ въ приемный залъ, президентъ рейхстага, баронъ Буоль, провозгласилъ въ честь его hoch. Затѣмъ Буоль прочелъ императорское посланіе, при чемъ слова, касающіяся услугъ князя Бисмарка и сохраненія мира, были покрыты аплодисментами. Послѣ этого императоръ, взявъ знамя 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка, произнесъ возвышеннымъ голосомъ слѣдующія слова: «Въ присутствіи этого знамени, представляющаго собою 200-лѣтнюю доблестную исторію, я возобновляю клятву заступаться въ честь народа и имперіи какъ внутри, такъ и извнѣ. Да будутъ: одна имперія, одинъ народъ, одинъ Богъ!» Торжество закончилось провозглашеніемъ баварскимъ министромъ-президентомъ барономъ Крайльсгеймомъ hoch въ честь императора.

— Въ тронной рѣчи, прочитанной при открытіи прусскаго ландтага, указывается на болѣе благоприятное состояніе финансовъ, чѣмъ въ предшествовавшихъ годахъ. Объясняется это подъемомъ ремесленной дѣятельности и

доходами съ эксплуатируемыхъ казною предприятий.

1861 — ТРИДЦАТИПЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ. — 1896.

Л. Н. Майковъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Германія.—По случаю двадцатипятилѣтія основанія Германской имперіи, обнародовано императорское посланіе, въ которомъ съ чувствомъ благодарности къ Провидѣнію, ниспославшему на имперію свое благословеніе, указывается на сохраненіе мира и непрерывное довершеніе внутренняго устройства имперіи. Непоколебимо довѣря руководству великаго императора и совѣту благонадежныхъ государственныхъ дѣятелей, въ особенности князя Бисмарка, лучшія силы народа усердно были посвящены общей заботѣ. Императоръ, свято обѣщая подражать примѣру своего дѣда, приглашаетъ всѣхъ членовъ на-

Австрія.—Австрійскія газеты такъ говорятъ о германскихъ торжествахъ: «Завтра исполняется 25-лѣтіе провозглашенія Германской имперіи въ зеркальной галлерей Версальскаго дворца. Исполнилась высказанная въ прокламаціи 1871 года надежда, что воскресшая изъ кровавой борьбы имперія будетъ награждена за эту борьбу продолжительнымъ миромъ и эта надежда исполнилась къ великой признательности тѣсной союзницы Германіи—Австро-Венгрии. Союзъ двухъ самыхъ могущественныхъ государствъ средней Европы, къ которому впослѣдствіи присоеди-

нилась Италия, признанъ теперь всѣми частями имперіи зиждителемъ всеобщаго мира. Завтрашнее торжество въ память основанія Германской имперіи — есть торжество мира, ибо имперія эта оправдала данный въ Версаль мирный обѣтъ.

Сѣверо-Американскіе Штаты. — Въ докладѣ, составленномъ сенатскою коммиссіею по иностраннымъ дѣламъ относительно точнаго опредѣленія доктрины Монро, сказано, что если иностранная держава приобрѣтетъ на американскомъ материкѣ территорию по купкою, насильственнымъ или инымъ путемъ, то это будетъ считаться недружелюбнымъ дѣйствіемъ, котораго Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты не допустятъ. Въ случаѣ, если возникшій между иностранною державою и однимъ изъ американскихъ государствъ споръ относительно разграниченія владѣній будетъ разрѣшенъ третейскимъ или другимъ судомъ такимъ образомъ, что нарушится принципъ Монро, то Соединенные Штаты должны оставаться единственнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ.

Оранжевая республика. — Фольксраадъ (парламентъ Оранжевой республики) принялъ резолюцію, въ которой гарантируется южноафриканской республикѣ (Трансваалю) помощь, лишь только она ея потребуетъ; протестуется противъ дальнѣйшаго существованія «Chartered Company», являющейся угрозою миру для Африки, и высказывается мнѣніе, что дарованная компаніи хартія должна быть отобрана и управление Родезіею слѣдуетъ возложить на чиновниковъ британскаго правительства или Капской колоніи. Въ заключеніе требуется отъ Родезіи гарантіи противъ нарушенія мира.

Великобританія. — Первый лордъ казначейства Баллфуръ произнесъ въ Манчестерѣ рѣчь, въ которой сказалъ, что англійское правительство, при всемъ своемъ расположеніи къ Трансваалю, не можетъ вѣрить, чтобы въ этой странѣ водворились удовлетворительные порядки, пока иностранцы не будутъ допущены къ участию въ управленіи, но онъ, Баллфуръ, вполне убѣжденъ, что реформа

конституціи Трансваала будетъ произведена безъ замедленія. Что Англія контролируетъ внѣшнія сношенія Трансваала и не допускаетъ никакого посторонняго вмѣшательства — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

— «Times», въ передовой статьѣ, посвященной празднованію двадцатипятилѣтней годовщины возстановленія Германской имперіи, говоритъ, что несмотря на возникшія разногласія, Англія восторгается преимуществами Германіи и возвышенными качествами сердца, десницы и духа, содѣйствовавшими ея объединенію.

— Членъ парламента, извѣстный писатель сэръ Тольмеджъ Синклеръ обратился къ маркизу Салисбюри съ мемуаромъ по венецуэльскому вопросу. Онъ доказываетъ въ этомъ документѣ, что область, на которую предъявляетъ нынѣ претензіи Великобританія, показывалась на англійскихъ картахъ 1828 года принадлежащею къ территоріи Венецуэлы. Само министерство Салисбюри признавало, по видимому, права Великобританіи на эту область сомнительными, потому что въ 1887 г. по поводу ходатайства нѣкоторыхъ англійскихъ подданныхъ о дарованіи концессіи на разработку рудниковъ въ этой области министерство спрашивало губернатора британской Гвіаны, не можетъ-ли случиться, что концессіи эти не будутъ признаны Венецуэльской республикой. Только съ 1889 г. Великобританія заявила о несомнѣнности своихъ правъ.

Франція. — Въ Курбеву, у подножія памятника національной обороны, состоялось недавно празднованіе двадцатипятилѣтней годовщины битвы подъ Бюзанвалемъ. Въ присутствіи громадной толпы народа, вице-президентъ муниципальнаго совѣта Боденъ произнесъ рѣчь, въ которой почтилъ память защитниковъ Парижа и заявилъ, что благодаря своей новой арміи Франція вновь обрѣла въ Европѣ подобающее ей мѣсто.

— Министръ-президентъ Леонъ Буржуа сказалъ на-дняхъ, между прочимъ, въ одной своей рѣчи слѣдующія слова: «Оставаясь вѣрной такому образу дѣйствій, достойному честнаго человека, отечество наше,—продолжалъ министръ,—будетъ и впредь миролюбиво

стремиться къ распространенію своего вліянія и своей дѣятельности, охраняя миръ не только для себя, но и содѣйствуя поддержанію его, какъ то оно сдѣлало недавно между всѣми въ интересахъ цивилизаціи. Ясностью принциповъ, руководящихъ ея образомъ дѣйствій, Франція оберегаетъ себя отъ внутреннихъ увлеченій, а своимъ военнымъ и дипломатическимъ могуществомъ — отъ внѣшнихъ случайностей».

Италія. — Генераль Баратіери получилъ отъ майора Галліано донесеніе, подтверждающее извѣстіе о сильной атакѣ, произведенной абиссинцами. Атака была окончательно отбита; непріятель понесъ большой уронъ, потери итальянцевъ незначительны. Лазутчики доносятъ, что атака не возобновлялась.

— Въ Ватиканѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ папы, составляется новая энциклика, имѣющая предметомъ все то же неисчерпаемое «соединеніе церквей». Энциклика будетъ называться «ad omnes christianos». Нужно сказать, что извѣстный отвѣтъ константинопольскаго патріарха на послѣднюю папскую энциклику вызвалъ цѣлую бурю въ Ватиканѣ, и папа, какъ онъ это всегда дѣлаетъ, рѣшилъ отвѣчать на посланіе патріарха.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

По случаю двадцатипятилѣтія германской имперіи, германская колонія праздновала этотъ день банкетомъ въ ресторанѣ Колтана. Зала декорирована зеленью и растеніями. Среди нихъ эффектно бѣлѣлись бюсты нашего Государя Императора и императора Вильгельма II. Выше ихъ красовался третій бюстъ — основателя новой германской имперіи Вильгельма I, съ боковъ въ зелени были помѣщены бюсты императора Фридриха и знаменитыхъ дѣятелей современной германской имперіи.

— Комитетъ второго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому образованію въ Москвѣ постановилъ изъ трехъ медалей, назначенныхъ Государемъ Императоромъ для выдачи за особое содѣйствіе распространенію въ Россіи

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Хотя еще нѣсколько мѣсяцевъ осталось до великаго праздника всей земли русской — до торжественнаго дня Царскаго коронованія, но уже всюду началось приготовленіе къ этому торжеству. Со всей нашей широкой и просторной матушки-родины соберутся сословные представители въ Бѣлокаменную Москву и передъ лицомъ всего народа молодой Государь возложитъ на себя царственный вѣнецъ предковъ.

Петербургъ за прошлую недѣлю былъ такъ оживленъ, жизнерадостенъ и свѣтелъ, что его просто нельзя было узнать. Всюду происходили свадьбы, церкви были переполнены сопровождающими жениховъ и невѣстъ знакомыми. Едва одна пара, соединенная навѣки священными узами брака, удалялась къ выходу подъ градомъ любопытныхъ замѣчаній и взглядовъ — какъ уже сейчасъ-же ея мѣсто занимала другая, и опять начинался чудный, трогательный и божественно-потрясающій обрядъ вѣнчанія. Глубоко проникаютъ въ душу

высоко-поэтическія и простые слова молитвъ. Жадно ловитъ слухъ читаемое священникомъ святое повѣствованіе о «брактѣ въ Канѣ галилейской» — и давно знакомыя страницы, въ этой торжественной обстановкѣ, открываютъ новыя глубокія истины. Кажется, что легче жить, если существуютъ еще такіа отрадныя минуты среди мірской прозы...

Ужасную, потрясающую вѣсть принесъ телеграфъ о пожарѣ театра въ Екатеринославлѣ. Представьте себѣ циркъ-театръ, деревянный, биткомъ набитый публикой, преимущественно — дѣтьми. Въ театрѣ есть восемь выходовъ, но шесть изъ нихъ заперты, и при отчаянномъ крикѣ: «пожаръ!» вся масса испуганнаго люда бросилась къ двумъ выходамъ. Произошла давка, огонь все усиливался, и наконецъ охваченная пламенемъ толевая крыша рухнула на испуганныхъ, мечущихся дѣтскія головки. Найдено до сихъ поръ очень немало тѣлъ, но конечно, погибшихъ вдвое болѣе. Но закроемъ глаза передъ этой потрясающей, ужасной картиной!

Въ послѣднее время начинаютъ поговаривать о давно желанной извозничьей тактѣ.

По этому поводу мы позволимъ себѣ привести изъ одного историческаго журнала правила для извозчиковъ, составленные... сто лѣтъ тому назадъ!.. И что всего курьезнѣе: русскій «ванька», оказывается, страдалъ сто лѣтъ тому назадъ такими-же недостатками, какъ и теперь. Цѣлый вѣкъ не въ состояніи былъ обтесать этого допотопнаго мамонта на такой-же допотопной клячѣ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ интересной замѣтки: «Въ городѣ и предмѣстьяхъ ѣздить на взнузданныхъ лошадяхъ малой рысью, а скоро отнюдь не ѣздить. А когда случится подѣхать къ перекрестку, тогда ѣхать тише и осматриваться во всѣ стороны, чтобы кому поврежденія не учинить или съ кѣмъ не сѣхаться; по мостамъ черезъ рѣки каретъ не объѣзжать, а ѣхать порядочно и не скоро. На улицахъ становиться карета за каретою, а рядомъ больше двухъ каретъ отнюдь не становиться. Съ ѣздоками поступать вѣжливо и отнюдь грубости не чинить... Не правда-ли, что все это точь-въ-точь можно повторить и теперешнимъ возницамъ!.. Вотъ она, русская-то окаменѣлость!..

техническаго и профессиональнаго образованія—поднести первую медаль великому князю Константину Константиновичу, а двѣ другія присудилъ общественному управленію города Москвы и управляющему отдѣленіемъ промышленныхъ училищъ И. А. Анопову. 7-го января сѣздъ закрылся. Всѣхъ членовъ было болѣе 1.650.

— Въ Петербургѣ, при департаментѣ почтовыхъ и водныхъ сообщений, созывается сѣздъ русскихъ инженеровъ-гидротехниковъ, на которомъ будутъ рассмотрѣны вопросы по нижеслѣдующей программѣ сѣзда: 1) гидротехническія работы въ Россіи и за границею. 2) организація и задачи технического надзора и технической службы на рѣкахъ; 3) предсказанія колебаній уровня воды въ рѣкахъ и глубины фарватера; 4) землечерпаніе на рѣкахъ.

— Укладка рельсовъ по Уссурийской желѣзной дорогѣ доведена до 494-й версты отъ Владивостока, то-есть, на 122 версты далѣе станицы Графской, до перехода черезъ рѣку Бикинъ (одна изъ правыхъ притоковъ Усури). Укладка производилась одною изъ ротъ недавно прибывшаго желѣзнодорожнаго батальона и будетъ возобновлена весною, съ тѣмъ, чтобы къ осени 1896 года достигъ Хабаровска. На рѣкѣ Бикинъ приступлено къ устройству кессоновъ и желѣзнаго постоянного моста.

— Севастопольская биологическая станція съ каждымъ годомъ расширяетъ свою дѣятельность. Въ истекшемъ году на ней занималось, кромѣ мѣстнаго персонала, двѣнадцать постороннихъ ученыхъ и независимо отъ этого нѣсколько постороннихъ лицъ, преимущественно учительницъ, составлявшихъ коллекцію для школъ. Живой матеріалъ высылался: въ Петербургъ проф. Лесгафту и академ. Ковалевскому, въ Харьковъ проф. Брауну и Бѣлоусову и въ Одессу проф. Зеленскому, Бучинскому и Лебединскому.

— Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 30-го ноября 1896 года, утверждены уставы судосберегательныхъ кассъ: 1) служащихъ при казенномъ, подольской губ., городскомъ общественномъ управленіи; 2) служащихъ въ хорольскомъ, полтавской губ., уѣздномъ земствѣ; 3) служащихъ въ виленьской городской управѣ.

— При общемъ сѣздѣ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ собралась особая коммиссія изъ представителей нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ, а также и представителей министерствъ путей сообщенія и финансовъ, для выработки условій перевозки нѣкоторыхъ грузовъ при проводникахъ.

— Министерство путей сообщенія утверждены условія примѣненія тарифа вывознаго сообщенія на перевозку сыра, масла и муки. Пониженные на 10 проц. тарифы на эти грузы примѣняются при условіи вывоза этихъ товаровъ на пароходахъ, принадлежащихъ пароходнымъ обществамъ, заключившимъ договоры съ желѣзными дорогами о срочныхъ рейсахъ изъ русскихъ портовъ и съ тѣмъ, чтобы экспедиторское посредничество въ портахъ поручалось портовой дорогѣ.

— 25-го января открываются занятія образованнаго при департаментѣ торговли и мануфактуръ, подъ предсѣдательствомъ директора департамента В. И. Ковалевскаго, совѣщанія по вопросу объ устройствѣ мѣстныхъ повѣрочныхъ учреждений.

— Въ Тифлисѣ недавно отпраздновано пятидесятилѣтіе газеты «Кавказъ». Всѣ мѣстныя газеты посвятили юбилею передовыя статьи, отмѣчая историческую заслугу «Кавказа». Въ редакціи отслужено благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Ихъ Величествъ и вѣчной памяти основателю «Кавказа» князю Воронцову и всѣмъ умершимъ редакторамъ и сотрудникамъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Петербургъ отпраздновалъ день праздника Богоявленія Господня, по обычаю, съ большимъ торжествомъ. На Дворцовой набережной, на обитомъ краснымъ сукномъ и коврами помостѣ возвышалась величественная Иорданская сѣнь, въ видѣ восьмигранной съ открытыми арками часовни, накрытой голубымъ съ золотымъ звѣздами куполомъ, на нижнемъ вѣнцѣ купола прикрѣплены съ каждой изъ четырехъ сторонъ иконы въ золоченыхъ рамахъ, а верхъ купола осыпалъ ярко сіявшій на солнцѣ золотой крестъ. На граняхъ, между арками, базы колоннъ какъ-бы

поддерживали золоченыя фигуры ангеловъ. Когда митрополитъ Палладій спустился къ рѣкѣ и погрузилъ въ воду крестъ, по сигналу коменданта загремѣлъ салютъ батарей на Васильевскомъ островѣ и орудій Петропавловской крѣпости; бѣлый дымъ окуталъ ея верхи. По окропленію святою водою четырехъ сторонъ, Государя, Великихъ Князей, знаменъ и штандартовъ, духовная процессія въ томъ-же порядкѣ пошла назадъ, только два архимандрита, идя по сторонамъ митрополита, окропляли ряды войскъ, и митрополитъ несъ крестъ въ рукѣ, а не на головѣ. За духовной процессіей слѣдовали Государь, Царская Фамилія, знамена и проч.

— По представленію министерства путей сообщенія, на новыя работы въ с.-петербургскомъ портѣ отпущено 2.000.000 руб., изъ которыхъ 500.000 руб. ассигнованы по сѣмѣ настоящаго года, а остальные 1.500.000 руб. имѣютъ быть отпускаемы въ теченіе послѣдующихъ четырехъ лѣтъ, въ размѣрѣ, потребномъ по ходу работъ въ каждомъ году.

— Сумма 2,700 руб., вырученная на торгахъ за мѣста вокругъ Б. Гостиннаго двора во время рождественскаго базара, зачислена городской управою въ особый фондъ на дѣла благотворенія, который можетъ быть израсходованъ въ экстренныхъ случаяхъ, когда городскому управленію придется оказать помощь бѣднѣйшему населенію.

— Въ петербургской духовной академіи было совершено постриженіе въ монашество магистра кievской духовной академіи Стадницкаго, назначеннаго нынѣ инспекторомъ новгородской духовной семинаріи. Обрядъ постриженія совершалъ ректоръ академіи преосвященный Іоаннъ.

— Въ засѣданіи городской думы, между прочимъ, обсуждался вопросъ объ образованіи постоянной контрольно-ревизіонной коммиссіи для наблюденія за правильностью веденія городского хозяйства.

— С.-петербургскій губернаторъ графъ Толь утвердилъ на-дняхъ правила сигнализациі во время наводненія для Лахтинской спасательной станціи Императорскаго общества спасанія на водахъ.

Любуемся мы, петербуржцы, новою пьесою Ростана въ стихахъ, переведенною Т. Л. Щепкиной-Куперникъ очень сносно. Пьеса называется «Принцесса-Греза» и очень сдѣлала, хотя сюжетъ взятъ изъ дальней эпохи крестовыхъ походовъ. Въ чудный сказочный міръ перенесены очарованные зрители, и забываютъ они, что дышать холодомъ сѣвера, что живутъ въ болотистой финской столицѣ! А въ Москвѣ чародѣй и магъ въ области драматическаго искусства—Эрнесто Росси—воскрешаетъ намъ на сценѣ чудныя строфы, суровый и яркій образъ пушкинскаго «Скупого рыцаря». Росси имѣетъ огромный успѣхъ, хотя играетъ великую вещь, конечно, въ итальянскомъ переводѣ. И еще жалуются, что у насъ нѣтъ хорошихъ пьесъ! Одна актриса, по слухамъ, даже отказалась, единственно по этой причинѣ, отъ бенефиса. А возьмите-ка старика-Пушкина, возьмите лермонтовскій «Маскарадъ», меевскія драмы («Сервалія», «Царская невѣста»)!. А Алексѣй Толстой? Полноте, господа актеры и госпожи актрисы, у насъ-ли нѣтъ пьесъ!.. А не хотимъ мы найти своего-же да у себя-же, и потому пробавляемся разными «Гави елемин».

* * *

Въ сегодняшней хроникѣ мы упоминаемъ о томъ, что на-дняхъ исполнилось пятидесятилѣтіе со дня появленія на свѣтъ повѣсти Достоевскаго «Бѣдные люди». Вотъ рассказъ самого Достоевскаго о томъ, какъ онъ, отнеся повѣсть Некрасову, ждалъ съ трепетомъ рѣшенія ея участи и что произошло затѣмъ. «Воротился я домой уже въ четыре часа, въ бѣлую свѣтлую, какъ день, петербургскую ночь (это было въ маѣ). Стояло прекрасное, теплое время и, войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій—и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня въ совершенномъ восторгѣ и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ вечеромъ возвратились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать на пробу: «съ десяти страницъ видно будетъ». Но прочтя десять страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не отрываясь, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ. Когда они кончили (семь печатныхъ листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ немедленно. «Что-же такое, что спитъ, мы разбудимъ его, это выше сна!» Въ тотъ-же день Некрасовъ снесъ рукопись Бѣли-

скому. Знаменитый критикъ тоже пришелъ въ восхищеніе отъ этой повѣсти». Читая этотъ простой рассказъ, невольно трепещешь при этихъ славныхъ именахъ золотого вѣка русской литературы. Да, были тогда люди! Богатыри—не мы!..

* * *

Теперь все идутъ толки о томъ, какъ-бы намъ, русскимъ, догнать лѣтосчисленіе новаго стиля. «А то что-же это!»—восклицаютъ недовольные—мы отъ Европы чуть не на двѣ недѣли отстали!» Рекомендуются простое и радикальное средство: ампутировать всѣ мѣсяцы, въ которыхъ тридцать одинъ день. Просто и скоро! Отрѣзали по дню, и никому ни жарко, ни холодно отъ этого, а Европу-то помаленьку догонимъ... Мысль, конечно, блестящая, но врядъ-ли исполнимая у насъ! Украсьте-ка у русскаго мужика, да и у купца тоже, одинъ день изъ мѣсяца! Навѣрное, возникнетъ масса недоразумѣній! Но это все еще въ проектѣ, и въ довольно отдаленномъ проектѣ... Подождемъ—увидимъ.

Муръ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Министерством земледѣлія и государственныхъ имуществъ командированъ одинъ изъ находящихся въ его распоряженіи специалистовъ по кустарному дѣлу въ пензенскую губернію для выясненія, насколько цѣлесообразно устройство въ одномъ изъ имѣній этой губерніи ткацкой мастерской. То-же лицо командировано затѣмъ въ шадринскій уѣздъ, пермской губерніи, для обученія мѣстныхъ ткачей улучшеннымъ приемамъ производства, и въ оханскій уѣздъ, той-же губерніи, для организаціи склада ткацкихъ принадлежностей. Специалистка по кружевному дѣлу, г-жа Давыдова, командирована въ рязанскую губернію для ознакомленія съ постановкою обученія кружевницъ рисованію, и въ богородскій уѣздъ, тульской губерніи, для выясненія, какія надлежало-бы принять мѣры къ поддержанію и развитію кустарнаго (кружевного и др. промысловъ). Той-же специалисткѣ поручено посѣтить школы: 1) женскую рукодѣльную кн. Львовой (московскаго уѣзда), 2) вышивальную г-жи Казначеевой (рязанской губерніи, михайловскаго уѣзда) и 3) кружевную г-жи Огаревой (въ елецкомъ уѣздѣ, орловской губерніи), а также два имѣнія, въ которыхъ устроены склады для снабженія кустарей сырыми матеріалами.

— Въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ вырабатывается проектъ организаціи такого изслѣдованія, цѣлью котораго должно быть выясненіе вопросовъ объ упорядоченіи землепользованія кочевого населенія степныхъ областей и о колонизаціи края переселенцами изъ внутреннихъ губерній.

— Произведенный въ прошломъ году опытъ продажи крестьянскимъ обществамъ, отдѣльнымъ крестьянамъ и кустарямъ лѣса изъ казенныхъ лѣсовъ безъ торговъ и безъ взиманія залога въ обезпеченіе правильности производства операций,—далъ въ результатъ выручку 170,547 р. за 1,842 десят. лѣса проданныхъ въ 25 губерніяхъ.

— Рѣшено обложить садовладѣльцевъ въ пользу филоксерныхъ комитетовъ для борьбы съ филоксерой. Размѣръ обложенія будетъ установленъ департаментомъ земледѣлія, сообразно съ потребностями каждаго района.

— Н. А. Рубакину сельско-хозяйственнымъ свѣдомъ въ Москвѣ присуждена золотая медаль за работы по составленію каталога народныхъ изданій.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа издалъ слѣдующее разъясненіе: «Выпускныя и окончательныя испытанія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ высшихъ, среднихъ и низшихъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, производятся въ обычные сроки, причемъ испытуемые освобождаются отъ занятій во время коронаціонныхъ торжествъ на три дня; въ среднихъ и низшихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ ученіе будетъ продолжаться, какъ и въ прежніе годы, и можетъ продолжиться до 11-го мая, затѣмъ учащіеся будутъ переведены въ слѣдующіе классы безъ экзаменовъ по годовымъ отмѣткамъ, а для слабыхъ учениковъ испытанія назначаются послѣ каникулъ, которые въ нынѣшнемъ году продолжатся до 1-го сентября. Исключительно въ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся въ

Москвѣ, всѣ занятія и экзамены выпускные, полукурсовые и комиссіонные должны быть окончены между 1 и 3 мая».

— По случаю учрежденія въ Одессѣ медицинскаго факультета министерствомъ народного просвѣщенія, по словамъ мѣстныхъ газетъ, командированъ туда директоръ департамента министерства тайн. сов. Аничковъ и попечитель западно-сибирскаго учебнаго округа т. с. Флоринскій. Командированные лица на мѣстѣ должны ознакомиться съ вопросами, связанными съ учрежденіемъ въ Одессѣ медицинскаго факультета.

— Какъ хороши финляндскія школы, доказываетъ программа ихъ преподаванія, куда входятъ Законъ Божій, чтеніе, письмо, начатки ариметики, хоровое пѣніе. Школы грамоты этими предметами и ограничиваются; въ городскихъ же школахъ къ нимъ присоединяются еще рисованіе и гимнастика. Въ высшихъ народныхъ школахъ курсъ длится четыре года; въ нихъ преподаются Законъ Божій, чтеніе, письмо, грамматика, ариметика, знакомство съ прямо и криволинейными фигурами и объемами, ихъ измѣреніе, естественная исторія, отечествовѣдѣніе, краткій курсъ исторіи финской литературы, счетоводство, веденіе книгъ, формы дѣловой корреспонденціи, ремесла, рукодѣліе, пѣніе и гимнастика. Общее число народныхъ школъ на 466 сельскихъ общинъ Финляндіи равняется 960.

— Проектъ реформы экзамена на соисканіе степени доктора медицины рассмотрѣнъ уже медицинскимъ совѣтомъ и возвращенъ въ медицинскій департаментъ; въ весеннюю сессію онъ будетъ, по всей вѣроятности, внесенъ на обсужденіе государственнаго совѣта.

— Томскимъ губернаторомъ, въ видахъ развитія среди сельскаго населенія губерніи грамотности, изданъ недавно циркуляръ объ открытіи домашнихъ подготовительныхъ школъ по возможности во всѣхъ селеніяхъ губерніи. Дѣло обученія въ нихъ поручено сельскимъ писарямъ.

— Общество покровительства животнымъ входитъ въ министерство народного просвѣщенія съ ходатайствомъ о томъ, чтобы преподавателямъ низшихъ учебныхъ заведеній, преимущественно же сельскимъ учителямъ и учительницамъ, предложено было внушать ученикамъ народныхъ школъ понятіе о необходимости хорошаго обращенія съ животными.

ИСКУССТВО.

На 16-ой выставкѣ общества русскихъ акварелистовъ продолжаютъ обрабатывать на себя вниманіе работы Альб. Н. Бенуа, являющіяся результатомъ его поѣздки минувшимъ лѣтомъ на Кавказъ и въ Закавказскій край, причемъ особенное вниманіе удѣлено художникомъ Самарканду. Одна акварель изображаетъ пески самаркандской ж. дор. Очень эффектная акварель «Дзекарскій перевалъ черезъ Казбекъ, по дорогѣ изъ Абастумана въ Кутань». Эффектны также «Море у стрѣлки», виды Нового Афона, Абастумана, Бухары.

— Императорской Академіей Наукъ поручено академику В. Г. Васильевскому и профессору с.-петербургскаго университета А. И. Соболевскому произвести подготовительныя работы по изданію въ свѣтъ двухъ древнихъ рукописей: Лѣтописки Логовета и Хроники Георгія Амартолы. На академика В. В. Радлова возложенъ трудъ изслѣдованія древнетюркскихъ надписей, открытыхъ и собранныхъ

въ Монголіи и Енисейскомъ краѣ трудами экспедицій, снаряженныхъ Академіей Наукъ и Финно-Угорскимъ обществомъ.

— По инициативѣ прот. А. П. Мальцева, въ Берлинѣ устраивается православнымъ Князе-Владимірскимъ братствомъ музей древностей. Въ музей братства найдутъ мѣсто всѣ историческіе и церковные памятники о знаменательныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ Германіи, имѣвшихъ близкое отношеніе къ нашей отечественной исторіи. Братствомъ уже приобретено для устраиваемаго музея не мало интересныхъ картинъ, коллекцій монетъ, медалей, крестовъ, складней и т. п.

— 24-го января исполнится 50 лѣтъ отъ начала литературной дѣятельности О. М. Достоевскаго. Какъ извѣстно, О. М. Достоевскій выступилъ на литературное поприще повѣстью «Бѣдные люди», имѣвшею огромный успѣхъ и сразу доставившей своему молодому автору почетное мѣсто среди корифеевъ тогдашней русской литературы. Въ «Сѣверной Пчелѣ» 24-го января 1846 года, № 20, въ отдѣлѣ «Библиографическія и разныя извѣстія» напечатано: «Въ магазинѣ русскихъ книгъ Ильи Петровича Лоскутова (бывшемъ М. И. Заикина), состоящемъ противъ Гостиннаго двора, подлѣ Императорской Публичной Библиотеки, поступилъ въ продажу «Петербургскій Сборникъ», изданный Н. Некрасовымъ. Съ политическими рисунками. Спб. 1846. Цѣна 4 руб. сер., съ пересылкою 4 р. 50 к.» Въ этомъ сборникѣ и появились «Бѣдные люди».

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

Девятаго января, въ Александринскомъ театрѣ, состоялась бенефисъ любимицы публики М. Г. Савиной. Шла комедія Н. И. Мердеръ и В. А. Крылова «Генеральша Матрена». Несмотря на присущую обоимъ авторамъ страсть къ шаржу, пьеса въ исполненіи прошла довольно удачно. Содержаніе пьесы во многихъ мѣстахъ грѣшитъ противъ истины, но благодаря сценичнымъ эффектамъ можно предвидѣть, что большинству пьесы будетъ нравиться. Изъ исполнителей, конечно, выдавалась своею игрою талантливая М. Г. Савина. Съ ней раздѣляли успѣхъ Жулева, Варламовъ и Аполонскій. М. Г. Савина получила, кромѣ общаго дружественнаго привѣтствія, по обыкновенію, массу подарковъ и цвѣтовъ. Спектакль удостоили своимъ посѣщеніемъ Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, а также и другія высокопоставленныя особы. Послѣ 2-го дѣйствія пьесы публика потребовала гимнъ, который былъ исполненъ оркестромъ и всею труппою театра три раза. Публика восторженно привѣтствовала Государя и Государыню.

— Предсѣдатель совѣта Русскаго театрального общества А. Потѣхинъ получилъ шесть тысячъ рублей отъ неизвѣстнаго, при слѣдующемъ письмѣ: «Завтра бенефисъ М. Г. Савиной. Прилагаемая здѣсь шесть тысячъ (6,000) рублей предназначаются на учрежденіе одной вакансіи имени Маріи Гавриловны Савиной въ основанномъ Русскимъ театральнымъ обществомъ пріютѣ для престарѣлыхъ актеровъ. Желательно, чтобы назначеніе пенсіонеровъ на эту вакансію, какъ въ настоящее время, такъ и въ будущемъ, всецѣло предоставлено было самой М. Г. Савиной».

Неизвѣстный.

— Въ Михайловскомъ театрѣ состоялся бенефисъ г-жи Томассенъ. Спектакль состоялъ

изъ двухъ новыхъ пьесъ: трехъ-актной пьесы Ростана «Les Romanesques» и двухъ-актной комедіи Бонифаса «Les petites maîtres». Граціозная вещь Ростана прошла вчера вполне удовлетворительно. Бенефициантку встрѣтили весьма горячо.

— Въ бенефисъ г-жи Яворской шла въ Маломъ театрѣ интересная пьеса «Принцесса Греза» Эдмонда Ростана, которая оказалась поэтической вещь, увлекла публику съ перваго-же акта и вызвала шумные аплодисменты. Спектакль вообще вышелъ выдающимся во всѣхъ отношеніяхъ: и по прелести пьесы, и по роскоши постановки, и по одушевленной игрѣ всѣхъ артистовъ. Бенефициантку, артистовъ и переводчицу пьесы вызвали много разъ послѣ каждого акта.

— Въ Москвѣ, 3-го января, состоялось первое представленіе «Скупого рыцаря» Пушкина, на итальянскомъ языкѣ, въ театрѣ Эрмитажъ. Росси имѣлъ колоссальный успѣхъ.

— По поводу 25-лѣтняго существованія Петропавловскаго общества любителей хорowego пѣнія, 7-го января была исполнена ораторія «Четыре времени года» Гайдн. Общество, юбилей котораго будетъ праздноваться этимъ концертомъ, ежегодно исполняетъ ораторіи разныхъ композиторовъ въ Дворянскомъ собраніи, въ Петропавловской школѣ и въ иныхъ мѣстахъ. Въ этомъ году въ концертѣ участвовала г-жа Зембрихъ.

— Владикавказская желѣзная дорога приступила въ Кисловодскѣ къ постройкѣ театра и курзала, которые къ веснѣ вполнѣ будутъ готовы. Эксплоатация театра и курзала сдана антрепренеру тифлискаго казеннаго театра В. Л. Форкатти.

— Королевская академія Бельгій (Academie Royale des lettres et des beaux arts de Belgique) въ своемъ засѣданіи 9-го января нов. ст. избрала своимъ общникомъ (associé) Ц. А. Кюн.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Новые люди, разсказъ. З. Н. Гиппиусъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ всѣхъ русскихъ писательницъ нашего времени З. Н. Гиппиусъ едва ли не самая оригинальная. Отличительною чертою ея таланта является способность подмѣчать тонкія, едва уловимыя особенности характеровъ. Въ манерѣ ея изложенія много граціи. Однимъ изъ важныхъ ея достоинствъ—это полное отсутствіе того многословія, которымъ страдаютъ почти всѣ женщины-писательницы. Впрочемъ, подписчики нашего журнала знакомы съ нѣкоторыми произведеніями этой симпатичной писательницы. Въ книгѣ, о которой мы говоримъ, помѣщены тридцать разсказовъ и рядъ стихотвореній. Искренно желаемъ полнаго успѣха этой книгѣ.

Стихотворенія Леонида Афанасьева. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Г. Л. Афанасьевъ началъ свою дѣятельность въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе», и намъ нѣтъ нужды знакомить нашихъ читателей съ особенностями его тихой, мечтательной музы. Скажемъ только, что его стихотворенія всегда глубоко прочувствованы и отличаются изяществомъ формы. Сборникъ изданныхъ имъ стихотвореній довольно изященъ и, сравнительно съ объемомъ, не дорогъ: цѣна за триста почти страницъ одинъ рубль.

Стихотворенія Ф. Е. Зарина. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Въ этой книжкѣ-брошюркѣ менѣе ста крохотныхъ страничекъ, на которыхъ помѣщено сорокъ пять небольшихъ стихотвореній, а цѣна за все это непомерно высока. Наша публика привыкла очень беречь деньги... Къ тому-же, содержаніе книжки Ф. Е. За-

рина не представляетъ ничего яркаго и оригинальнаго. Стихи гладки, и только.

Стихотворенія Федора Сологуба. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Г. Ф. Сологубъ называетъ свой сборникъ «первой книжкой», что даетъ намъ поводъ надѣяться на появленіе и другой книжки его красивыхъ стиховъ. Читатели «Живописнаго Обозрѣнія» знаютъ хорошо всегда сжатые, мелодичные и осмысленные стихи автора. Ф. Сологубъ прекрасно справляется съ оригинальными размерами и римами, прежде всего, является въ стихахъ «самимъ собой». Однимъ словомъ, стихотворенія, подобныя этимъ, легко читаются и, главное, легко запоминаются.

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ.

Н. П. Стояновскій. — 31-го декабря членъ государственнаго совѣта и предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ статсъ-секретарь д. т. с. Н. И. Стояновскій праздновалъ 75-ю годовщину своего рожденія.

— Д. Е. Бѣлаго. — Чины департамента гражданской отчетности Государственнаго контроля недавно чествовали своего генераль-контролера Д. Е. Бѣлаго, по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его служебной дѣятельности.

— И. Ю. Сабинскій. — Врачи и администрація Маріинской больницы для бѣдныхъ чествовали своего товарища, главнаго врача и помощника директора И. Ю. Сабинскаго, по поводу 30-лѣтія его службы въ больницѣ. Чествованіе было частнаго характера, но задушевное и сердечное. Депутация изъ врачей, съ директоромъ больницы Е. В. Павловымъ, собралась на квартирѣ И. Ю. Сабинскаго. Е. В. Павловъ произнесъ прочувствованную рѣчь, посвященную дѣятельности юбиляра, и поднесъ ему отъ товарищей-врачей роскошный золотой жетонъ.

— П. М. Строевъ. — Недавно исполнилось двадцать лѣтъ со времени кончины извѣстнаго археолога П. М. Строева, обогатившаго русскую науку цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ изданій. Къ его трудамъ относятся: «Софійскій временникъ», «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», «Описаніе рукописей и старопечатныхъ книгъ бібліотеки графа Толстого», «Описаніе книгъ и рукописей Царскаго», «Описаніе книгъ бібліотеки Общества исторіи и древностей русскихъ», «Выходы государей», «Списки іерарховъ російской церкви» и «Библіологическій словарь».

— Лютеранское училище, находящееся при церкви св. Анны, справляло 157-ю годовщину своего существованія.

НЕКРОЛОГИ.

В. С. Сумароковъ. Въ ночь съ 5-го на 6-е января скончался начальникъ управленія желѣзныхъ дорогъ, инженеръ путей сообщенія, Василій Сергѣевичъ Сумароковъ. В. С. Сумароковъ родился въ 1850 г. Въ 1872 г., по окончаніи курса въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, уѣхалъ за границу и работалъ два года въ паровозо-строительныхъ мастерскихъ, начавъ съ простаго рабочаго и дойдя до мастера; по возвращеніи на родину онъ поступилъ на службу на московско-нижегородскую ж. д. и въ 1885 г., занимая уже

должность главнаго инженера подвижнаго состава и тяги, былъ переведенъ на ту же должность на с.-петербурго-варшавскую ж. д. Несушные труды покойнаго доставили ему тотъ важный постъ, на которомъ онъ оставался до смерти.

— Н. А. Маевъ. 2-го января скончался отъ паралича сердца Николай Александровичъ Маевъ. Покойный былъ однимъ изъ крупныхъ дѣятелей въ Туркестанскомъ краѣ. По окончаніи курса во второй с.-петербургской гимназій, покойный въ 1855 году поступилъ на военную службу и принималъ участіе въ крымской компаніи. Выйдя въ 1863 году въ отставку, онъ слушалъ лекціи въ с.-петербургскомъ университетѣ. Во время пребыванія въ военной службѣ покойный сотрудничалъ въ народныхъ журналахъ: «Народное чтеніе», «Грамотей», «Мірской Вѣстникъ» и «Чтеніе для солдатъ». — Сотрудничая въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», онъ написалъ большую статью: «Орографія Европейской Россіи». Съ назначеніемъ покойнаго генерала Кауфмана генераль-губернаторомъ Туркестанскаго края, покойный Н. А. Маевъ былъ назначенъ редакторомъ «Туркест. Вѣд.». Последнее время Н. А. жилъ въ Петербургѣ.

— А. М. Фальковский. Въ Москвѣ скончался, какъ передаютъ мѣстные газеты, старѣйшій изъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ А. М. Фальковский.

— Н. Н. Боевъ. Въ Москвѣ скончался извѣстный московскій благотворитель, потомственный почетный гражданинъ Николай Ивановичъ Боевъ, основатель дома призрѣнія и училища въ Сокольникахъ.

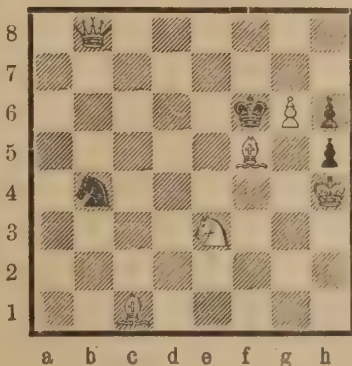
— Ш. Т. Флокъ. Въ Парижѣ скончался отъ воспаленія легкихъ извѣстный государственный дѣятель Флокъ. Шарль Томасъ Флокъ родился въ 1828 году въ Сентъ-Жанъ-до-Люць. Въ молодости онъ былъ адвокатъ и впервые обратилъ на себя вниманіе по случаю извѣстнаго дѣла объ убійствѣ Виктора Нувра принцемъ Пьеромъ Бонапартомъ. Флокъ, требуя возмѣщенія убытковъ семейству убитаго, произнесъ смѣлую рѣчь, направленную противъ тогдашняго режима. Это очень способствовало его популярности. Въ февралѣ 1871 года Флокъ былъ избранъ депутатомъ. Много разъ Флокъ игралъ важную политическую роль.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 1.

В. І. Потемпскаго (въ Ригѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

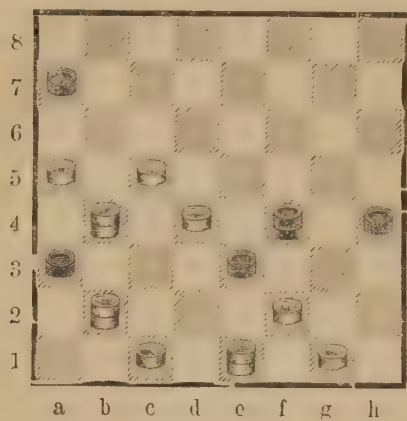
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шошпа.

ЗАДАЧА № 2.

А. С. Егорова (въ Петербургѣ).

Черны.

Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Мнительность Шопенгауэра. Знаменитый философ Артуръ Шопенгауэръ часто подвергался болѣзненнымъ опасеніямъ за свое здоровье и былъ чрезвычайно недоверчивъ. Еще юношей, его мучили различныя воображаемыя болѣзни и тяжбы, говорить его биографъ. Въ Берлинѣ, во время своего ученія, онъ полагалъ себя чахоточнымъ. Когда разразилась война 1813 г., онъ опасался, что его завербуютъ въ военную службу. Изъ Неаполя его выгнала оспа, изъ Берлина холера. Въ Веронѣ его преслѣдовала фантазія, что онъ понохалъ отравленнаго табаку. При малѣйшемъ шумѣ ночью онъ хватался за шпату и пистолеты, которые всегда подлѣ постели лежали. Свои драгоценности онъ такъ запрягивалъ, изъ опасенія воровъ, что многія вещи, не смотря на объясненіе по латыни, данное имъ въ завѣщаніи, съ трудомъ были найдены. Все, что касалось его экономической жизни, онъ всегда писалъ по латыни. Чтобы обмануть воровъ, онъ пряталъ цѣнныя бумаги подъ видомъ медицинскихъ рецептовъ въ старыхъ конвертахъ и тетрадяхъ, а золото подъ чернильницами въ письменномъ столѣ. Никогда онъ не доверялъ своему подбородку бритвѣ цирюльника, и если ему случалось пить воду въ общественныхъ мѣстахъ, онъ употреблялъ для этого кожаный челонокъ, который постоянно носилъ при себѣ. Свою трубку, всякій разъ послѣ куренія, онъ запиралъ подъ замокъ. Онъ постоянно опасался быть обманутымъ. Таковъ былъ въ жизни тотъ самый человекъ, который проповѣдовалъ принципъ: «Лучшій человекъ тотъ, который дѣлаетъ какъ можно меньше различія между собою и остальными людьми».

Гордый поэтъ. Персидскій поэтъ Абдуль Каземъ Манзуръ, болѣе извѣстный подъ именемъ Фирдуси (райскій) долженъ былъ за каждый стихъ своей «Царской книги», по ея окончаніи, получить отъ султана Махмуда по золотой монетѣ (дина). Онъ работалъ надъ своимъ твореніемъ 35 лѣтъ и написалъ 60,000 стиховъ, за которые султанъ заплатилъ ему только 60,000 серебряныхъ монетъ (диргемъ, около 15,000 р. с.). Оскорбленный Фирдуси взялъ деньги, отправился въ баню, затѣмъ

выпилъ стаканъ шербету и отдалъ за это удовольствіе 20,000 диргемовъ, а остальные роздалъ бѣднымъ. Убѣжавъ къ Тусскому султану Кадеру, онъ написалъ пасквиль на Махмуда. Черезъ нѣсколько времени султанъ Махмудъ прислалъ ему его 60,000 динарь. Но въ тотъ самый день, когда верблюды съ золотомъ входили въ одни ворота Туса, несчастнаго поэта выносили въ другія на послѣднее мѣсто упокоенія. Сестра его употребила полученныя деньги на постройку водопроводовъ. Это было въ 1020 году.

Какъ работалъ Мейсонье. — Извѣстный Мейсонье писалъ картину «1814 годъ» очень старательно. Въ 1863 году до самой глубокой зимы не выпало ни снѣжинки. Наконецъ, пошелъ снѣгъ. Едва онъ успѣлъ достаточно плотно устлать землю въ саду художника, какъ послѣдній немедленно принялъ мѣры, заставивъ слугъ топтать этотъ снѣгъ и изрыть землю возами. Она приняла грязный, печальный видъ, какой именно требовался. Мейсонье принялся за работу en plein air, размѣстивъ свои модели верхами, несмотря на стужу, на снѣгу, и съ удивительной энергіей снѣжилъ съ обработкой деталей, для соблюденія документальности, до наступленія оттепели. На его счастье погода выстояла въ теченіе всего необходимаго срока, — то холодо, то снѣгъ, но все съ тѣмъ же печальнымъ и мрачнымъ небомъ, заволоченнымъ оловянными тучами. Вслѣдъ за конвоированными генералами настала очередь Наполеона. Въ части костюма были исполнены подъ наблюденіемъ принца Наполеона и строго скопированы съ тождественныхъ реликвій императора, принадлежавшихъ принцу. Когда пришлось переодѣвать модель въ старье, замѣтили, что оно не годилось для нея. Сюртукъ былъ слишкомъ малъ для плотнаго маляго. Мейсонье самъ примѣрилъ костюмъ. Сюртукъ сидѣлъ на немъ, какъ перчатка, шляпа узко стягивала ему голову, онъ болѣе не колебался. На бѣлой лошади, присланной ему изъ императорскихъ конюшенъ, онъ занялъ мѣсто модели, приказавъ поставить передъ собой зеркало и съ лихорадочной энергіей сталъ списывать свой силуэтъ и фонъ, на которомъ онъ выдѣлялся. Было холодно, ноги застывали въ металлическихъ стремянахъ, подъ ногами у него держали грѣлки и недалеко отъ руки жаровню, надъ которой время отъ времени онъ согрѣвалъ застывшіе свои пальцы.

Желѣзнодорожная сѣть на земномъ шарѣ. 27 сентября 1825 года первый локомотивъ, изобрѣтенный Георгомъ Стефенсономъ, повезъ первый пассажирскій поѣздъ изъ Стоктона въ Дарлингтонъ, со скоростью 15 англійскихъ миль (22 3/4 километровъ) въ часъ. Теперь эта маленькая линія Стоктонъ-Дарлингтонъ составляетъ часть большой сѣверо-восточной линіи, которая владѣетъ 1500 локомотивами и 90,000 вагоновъ. Въ Англіи постройка желѣзныхъ дорогъ сразу сдѣлала большіе успѣхи и уже въ 1829 году была открыта дорога изъ Ливерпуля въ Манчестеръ. Въ настоящее время желѣзнодорожная сѣть на земномъ шарѣ достигла длины 671,170 километровъ, длина эта превышаетъ длину экватора въ 16 3/4 разъ и превосходитъ среднее разстояніе луны отъ земли на 300,000 километровъ. Болѣе половины этого количества—360,415 километровъ—падаетъ на Америку, въ которой на 122,000 километровъ желѣзныхъ дорогъ больше чѣмъ

въ Европѣ (238,550 кил.). Въ Азіи длина желѣзныхъ дорогъ достигаетъ едва 38,788 километровъ, но съ постройкой Сибирской дороги это число значительно увеличится. Какъ въ Азіи, такъ и въ Африкѣ (12,384 килом.) длина желѣзнодорожной сѣти въ нихъ не соответствуетъ громадной величинѣ этихъ частей свѣта. Зато желѣзнодорожная сѣть въ Австраліи, самой юной изъ всѣхъ частей свѣта, можетъ назваться значительной (21,030 килом.) относительно величины поверхности и сильно развитой относительно количества народонаселенія. На 10,000 жителей въ Австраліи приходится 50,6 километровъ, а въ Европѣ только 6,5 километровъ желѣзной дороги, на 100 квадратныхъ километровъ въ Австраліи приходится 0,3, а въ Европѣ 2,4 километра.

Сахара далеко не принадлежитъ къ числу такихъ пустынныхъ мѣстностей, какъ это принято думать. Изъ официально изданныхъ статистическихъ свѣдѣній за 1892 г. видно, что то, что мы привыкли считать обширнымъ песчанымъ моремъ, достаточно заселено. Въ алжирской части Сахары пасутся 9 милліоновъ овецъ, цѣнность которыхъ простирается до 175 милліоновъ франковъ и оплачивается 1.763,000 фр. налоговъ. Кромѣ того въ ней находится 2 милліона козъ и 260,000 верблюдовъ, владельцы которыхъ платятъ за нихъ около милліона налоговъ. Кромѣ того, въ оазисахъ французской Сахары съ успѣхомъ разводятся финиковыя пальмы, лимонныя и абрикосовыя деревья, лукъ, испанскій перецъ и т. д.

Ловля янтаря. Когда осенью и зимою сильныя сѣверныя и сѣверо-западные вѣтры высоко поднимаютъ волны Балтійскаго моря, начинается ловля янтаря. Мужчины въ высокихъ, выше коленъ, непромокаемыхъ сапогахъ и большихъ плащахъ собираются на берегу и вылавливаютъ вырванную и принесенную волнами морскую траву, въ которой скрывается «золото Балтійскаго моря». Женщины и дѣти быстро и ловко роются въ собранныхъ кучахъ травы; меньшіе кусочки янтаря складываются въ передникъ, а крупныя, молча, чтобы не замѣтили сосѣди, бросаются въ мѣшочекъ, повѣшенный на шею. Безстрашно борются ловцы янтаря съ морскими волнами. Эта ловля часто приноситъ хорошій доходъ. Арендаторъ берега платитъ за фунтъ мелкаго янтаря 15 пф. (около 8—10 коп.), а за большіе куски, вѣсомъ въ фунтъ, даютъ 5 и болѣе марокъ (около 3 р.). Въ продажѣ янтаря идетъ почти вдвое дороже. Въ послѣднее время, однако, начинаютъ жаловаться, что добыча янтаря съ каждымъ годомъ уменьшается. Причину этому видятъ въ молахъ и плоскихъ берегахъ, затрудняющихъ скопленіе большихъ кусковъ янтаря.

Древнѣйшій гербарій. Самый древній гербарій находится въ египтологическомъ музеѣ въ Каирѣ. Его составляютъ вѣнки и гирлянды, найденныя въ древнихъ египетскихъ могилахъ. Многіе цвѣтки, несмотря на свою пѣжность, благодаря покрывкѣ, вполне уцѣлѣли, даже окраска мало поблѣкла. Арбузы, найденныя въ могилахъ, когда ихъ опустили въ воду, оказались зеленого цвѣта. Нѣкоторые найденныя растенія имѣютъ около 4,00 лѣтъ,—таковы, напр., клеверъ изъ кирпичной пирамиды въ Дашурѣ, ячмень и можжевельныя ягоды изъ одной могилы въ Саккарѣ; не моложе будутъ цвѣты, найденныя у одной му-

мѣ въ Дейръ-ель-Бахери, какъ и растенія, собранныя въ могилахъ Ахмеса I и Рамзеса II. Между цвѣтами находятсѣ—бѣлый и голубой лотосъ, красный макъ, восточная кавалерская звѣзда, остролистникъ, нѣсколько видовъ хризантемы и различныя травы.

Въ Японіи построено 2000 англійскихъ миль желѣзныхъ дорогъ. Токио освѣщается 20,000 электрическихъ лампочекъ. Добыча каменнаго угля простирается до 5,000,000 бочекъ ежегодно и постоянно увеличивается. Англійскому языку учатъ во всѣхъ японскихъ школахъ, а во многихъ кромѣ того французскому и нѣмецкому.

Ордена «Французскаго Института». — По случаю столѣтняго юбилея «Французскаго Института», награждены орденомъ института: Александръ Половцовъ—Grand-Officier; корреспонденты: Артуръ Раффаловичъ; генералъ Цезарь Кюи и генералъ Тилло — командорскіе кресты; корреспондентъ Радловъ—кавалерскій крестъ.

Интересная дѣтская игрушка.—Игрушка состоитъ изъ подвеса съ ямками и цифрами разнаго достоинства и механическаго прибора, состоящаго изъ двухъ высокихъ стоекъ, между которыми вверхъ и внизъ движется родъ балкона или лѣсничной подъемной машины. Движеніе происходитъ при посредствѣ двухъ тяжелыхъ блоковъ, по которымъ ходитъ канатъ, поднимающій балконъ. Рядомъ со стойками, у основанія ихъ, установлена фигура рабочаго, навивающаго подъемный канатъ на ворота. Игра начинается тѣмъ, что въ лотокъ, прикрѣпленный наверху стоекъ спереди, кладутъ 12 тяжелыхъ шариковъ. Балконъ въ это время поднятъ. Какъ только первый тяжелый шарикъ вкатится на балконъ, послѣдній начинаетъ спускаться и заставляетъ фигуру рабочаго подражать движенію наматывающаго на ворота канатъ; затѣмъ, опустившись внизъ, балконъ автоматически открывается — и шарикъ выкатывается на другой болѣе крутой и короткій лоточекъ и попадаетъ на подносъ съ ямками. Въ это же время ворота начинаютъ работать въ обратную сторону — и опять подтаскиваетъ балкончикъ къ верхнему лотку, а тамъ на балконъ падаетъ слѣдующій тяжелый шарикъ и такъ до 12-ти разъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Л. Н. Майковъ. Вице-президентъ Императорской Академіи Наукъ.

На дняхъ исполнялось тридцатипятилѣтіе высоко-полезной дѣятельности замѣчательнаго высокаго вице-президента Академіи Наукъ—Леонидъ Николаевича Майкова. Л. Н. принадлежитъ къ извѣстной семьѣ Майковыхъ, давшей русской землѣ столько талантовъ. Л. Н. Майковъ пишетъ уже давно; критическія и историко-литературныя изслѣдованія его пользуются заслуженною извѣстностью. Начиная съ магистерской диссертацией «О бызницахъ Владимірова цикла», идутъ многія важныя изслѣдованія, напр. «Симеонъ Половскій», «Къ исторіи русскихъ суетвѣрій». Обладая огромной памятію и блестящими бібліографическими свѣдѣніями, Л. Н. нѣсколько времени занималъ должность помощника директора Императорской публичной бібліотеки. Академія Наукъ избрала Л. Н. въ 1884 г. въ члены, въ 1889 г. онъ былъ избранъ членомъ академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности, въ 1890 г. сдѣланъ экстраординарнымъ академикомъ, въ 1891 г. ординарнымъ академикомъ. Въ 1893 г. тайный совѣтникъ Л. Н. Майковъ высочайшимъ указомъ правительствующему сенату назначенъ вице-президентомъ академіи наукъ. Пользуются большою извѣстностью изданныя, комментированныя, снабженныя

массою примѣчаній «Сочиненія К. Н. Батюшкова», надъ которыми трудился Л. Н. Майковъ. Л. Н. родился въ 1839 г. Онъ кончилъ историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета въ 1860 г. Кромѣ всего вышеупомянутаго, Л. Н. писалъ также своими трудами по статистикѣ.

Трудный ходъ. Рисоваль художникъ Ботсг.

Бѣда старику связаться съ молодыми шаловливыми проказниками! Вотъ этотъ сѣдобородый дядюшка зѣтѣлъ игру въ шахматы съ племянниками. Плохо приходится ему. Скоро свѣжій голосокъ закричитъ—«Шахъ и матъ, дядюшка!» И рады шалуны, что обыграли старика, что заперли его въ безвыходное положеніе. Звонко раздается по комнатамъ ихъ веселый смѣхъ.

Старый холостякъ. Рис. О. Шмерлингъ.

Мертво и привычно проводить свой одинокій зимній вечерокъ старый холостякъ. Покойное кресло, халатъ мягкій и теплый душистый чай, папираса крѣпкаго табаку... Чего ему еще не достаетъ. Вѣрный другъ старый сестеръ растанулся у ногъ его. Было время—мечталъ холостякъ о тихой семейной жизни, о ея радостяхъ. Но судьба не дала свершиться его мечтамъ. И одиноко доживаетъ онъ свою сѣреную жизнь. Желаній и надеждъ у него уже нѣтъ никакихъ. И онъ счастливъ по своему, этотъ старикъ въ своей покойной одинокой жизненной пристани.

Ромео и Джульета. Съ картины профессора К. В. Маковского.

Какъ сладко чувство это,
Которымъ, въ часъ ночной,
Ромео и Джульетта
Согрѣты, какъ весной!

На мраморъ балкона,
На склонахъ дальнихъ кручъ
Сіаешь съ небосклона
Луны пріятный лучъ.

И въ дымкѣ полусвѣта,—
Забывши обо всемъ—
Ромео и Джульетта
Владеваютъ вдвоемъ!

«Я бабушка!»—Рисоваль Ю. Вапнеръ.

—И бабушка!—говоритъ малютка, надѣвъ на голову огромный бабушкинъ чепецъ и одѣлавъ крошечный носикъ большими бабушкиными очками. Она взяла тяжелую книгу съ застѣжками и представляется, что читаетъ. Совсѣмъ какъ большая! Дѣти вообще любятъ рядиться, а тутъ еще попали такіа хорошенкіи игрушки, какъ настоящій чепецъ, и стоящіе очки. И опять весело звучитъ голосокъ малютки:—«И большая! Я бабушка».

Добрый дядя. Оригинальный рисунокъ художника М. Прокофьева.

Долго катался Ваня на салазкахъ у лѣсной избушки дяди лѣсника. Наконецъ, вышелъ самъ лѣсникъ, въ тепломъ полушубкѣ и рукавицахъ.

—Эй, давай сюда, Ванюша, салазки!—крикнулъ онъ.—Садись, на деревню сѣзъ. Какъ не воспользоваться такимъ соблазнительнымъ предложеніемъ! И вотъ поѣхалъ Ваня на деревню, по бѣлому хрустящему снѣжку.

Забывшій семью. Съ картины художника Е. Новаки.

Въ трактирчикѣ собрались четверо собутыльниковъ, затѣлили игру въ карты, со спорами, бранью, съ крупными проигрышами. Жена одного изъ игроковъ долго-долго ждала мужа домой, но не дождалась и потеряла терпѣніе. Взявъ съ собою малютку-дочку, она отправилась искать его и нашла—за виною и картами. Онъ грубо кричитъ ей, чтобы она ушла. Но бѣдная женщина съ умоляющимъ видомъ подходитъ ближе къ столу. Ей хочется хоть чѣмъ-нибудь отвлечь мужа, заставить его вспомнить семью. Но врядъ-ли удастся сдѣлать это бѣдной жертвѣ семейной, неудавшейся жизни.

Дорогая жертва. Съ картины художника А. Фабре.

Никогда не была набожность сильнѣе развита, чѣмъ въ средніе вѣка, въ эпоху престовыхъ походовъ. Каждый босоногий карсезитъ, бѣдный странствующій монахъ пользовался нѣсколько уваженіемъ и почетомъ.

но даже былъ къ нѣкоторой степени властелиномъ думъ вѣрующихъ. На прекрасной картинѣ Фабре, снискавшей на парижской выставкѣ всеобщее одобреніе, изображенъ такой типичный монахъ. Онъ поналъ въ придорожный замокъ, хозяева котораго набожные благочестивые люди! Но у нихъ одно серьезное горе: они бездѣтны, несмотря на многіе вклады въ монастыри, бегомозья и паломничества. И вотъ хозяйки вынимаютъ свой лучшій драгоценный уборъ и отдаютъ его монаху въ пользу монастыря. Мужъ вводитъ сочувствуетъ этой дорогой жертвѣ. «Помолись за насъ, святой отецъ!»—просятъ они. Монахъ внимательно разглядываетъ уборъ, но физиономія ясно выдаетъ его восторгъ отъ пріобрѣтенія такого цѣннаго пожертвованія.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Не будетъ напечатано:

Межирѣчье, Сѣдл. губ. А. А. Ае въ.— «Загадочный случай».

«Тихи»: «Далекому другу» и др., В. С—цова; «Гдѣ въсенъ любви» и другія, А. Е. А—ва; «Скромному поэту», С. Г. П—кова; «Бываютъ дни нѣмыхъ страданій», С—нета; «Поэтъ» и др., Е. П. Пол—кина.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ:—Всѣ присылаемыя рукописи и рисунки должны быть съ полнымъ адресомъ, означеніемъ желаемаго гонорара и съ фамиліей автора. Безъ указаній этихъ свѣдѣній, рукописи и рисунки считаются безплатными. Рукописи не печатнаго листа и рисунки, не признанные годными къ печатанію, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ уничтожаются. Редакція не принимаетъ на себя обязательство возврата рукописей и рисунковъ почтомъ, а также не отвѣчаетъ отдѣльными письмами каждому лицу, обращающемуся къ ней. Для полученія отвѣта необходимо прилагать къ рукописямъ конверты со своимъ адресомъ и маркою. Относительно стихотвореній, редакція не входитъ ни въ какіе нисленные переговоры и предупреждаетъ гг. авторовъ, что этотъ матеріалъ прилагается въ слишкомъ большомъ количествѣ, и рѣдко годно для печати, и потому всѣ стихотворенія, признанныя не удобными къ печати, послѣ отвѣта о нихъ въ почтовыхъ ящикѣ, уничтожаются. Отъ постороннихъ лицъ переводовъ не принимается.

За редактора—издатель С. Довродьевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИВИЛЕГІЯ ЗАЯВЛЕНА
**ИЗЪ ТРАВЫ
ЧЕРЕДЫ**
«ДѢТСКОЕ МЫЛО»
ПРОИЗВОДА
А. М. Остроумова
ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ

Открыта подписка на 1896 г.
На издающуюся въ Ташкентѣ
ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТ. ГАЗЕТУ

«ОКРАИНА»,
единственный частный органъ
печати въ Средней Азіи.

Подписная цѣна съ пересылкою: на годъ
5 р., на 1/2 года 3 р. 50 к., на 3 мѣс.
2 р. 50 к. Подписка принимается въ
Ташкентѣ Сырь-Дарьинск. обл.

ЧАЙ ЦЕЙЛОНСКІЙ
развѣшанный подъ казенной бандеролью чистый, безъ примѣси другихъ чаевъ, только фирмы
М. РОЖИВІУ
представителя Товарищества Цейлонскихъ Плантаторовъ.
Главный складъ:
Москва, Маросейка, д. Лебедевой.
Дѣло въ С.-Петербургѣ у М. Шабли.
Вознесенскій просп., уголъ больш. Садовой. № 43—59. № 2325—2

30 % ЭКОНОМІА

Карамель изъ Травъ

„КЕТТИ БОССЪ“

Б. СЕМАДЕНИ, въ Кіевѣ.

Главный складъ у Александра Венцеля
С.-Петербургъ, Гороховая, 33. — Продается
во всѣхъ аптекахъ и апт. магаз. Россіи.
Цѣна мѣстъ съ кор. 25 коп. № 2010-5

НАИЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ САМОГО СЕБЯ.

Портмоне изъ наилучшей черной кожи
за рѣшительной выдѣлки съ матовымъ лос-
комъ, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ
для звонкой монеты. Корпусъ изъ одного
куски съ механическимъ затворомъ, содер-
жащимъ каучуковый штемпель съ подуш-
кою для краски.

Въ штемпель можно помѣстить имя,
отчество, фамилію и званіе, по желанію
и коронку. Наружная величина 2 1/2 X 1 1/2,
вершка. Цѣна со штемпелемъ съ пере-
сылкою въ Европ. Россію 1 шт. 2 р.,
2 шт. 3 р. 75 к., въ Азіатскую — съ при-
бавленіемъ въ суммѣ за 1 фунтъ за каждую
пару. Съ нѣл. плат. за каждую пару. Съ
нѣл. плат. на 10 к. больше.

Также дамскія изящныя развѣтрѣн-
ныя перчатки, по тѣмъ же цѣнамъ.

На фабрику.
Американ. Каучук. Штемпелей
М. Фишманъ
Варшава, Бѣльска, № 23.

БЕЗПЛАТНО

ВЫСЛАЕТЪ

Иллюстрированный Прейсъ-
Курантъ
Спеціальныя магазинныя
бѣлки

Ю. ГОТЛИБЪ.

Владимірская, д. 2, уг. Невск.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 2216-33

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться пись-
менно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ,
— 8 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Музыкально-Инструментальный

магазинъ и мастерская

И. С. СЕМЕНОВА.

Принимаетъ заказы и
починки струнныхъ ин-
струментовъ, а также
имѣетъ самыя лучшія
струны и всѣ принад-
лежности къ струннымъ
инструментамъ. Цѣны
умѣренныя.

Вознесенскій пр., № 31
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
№ 2223-8

Остерегаться поддѣлокъ!

ДѢТСКОЕ

РОМАШКОВОЕ МЫЛО

Лабораторія А. Энгелундъ.

Нейтральное
мыло, не со-
держащее въ
себѣ афиро-
новыхъ маселъ.
— Рекомен-
дуется какъ
туалетнаго мыла
для ежеднев-
наго употреб-
ленія.

Цѣна 30 к.

за кусокъ, съ пересылкою 4 кусна

1 руб. 50 коп.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ
прошу обратить вниманіе на подписи:
А. Энгелундъ, красными чернилами
и марку С.-Петербургской Космети-
ческой Лабораторіи. Получать можно
вездѣ. — Главный складъ для всей
Россіи А. Энгелундъ, С.-Петербургъ.
Михайловская площ., д. Жербина,
№ 2. № 2046-11

Главное депо часовъ

Эд. Вурхардъ.

Спб., Гороховая ул., у

Краснаго моста, № 17.

2) по Невскому пр.

№ 6, прот. М. Морской.

Большой выборъ все-

возможныхъ часовъ

лучш. фабрикъ по си-

маннымъ умѣр. цѣнамъ

Никелевые... отъ 6 р. 50 к. до 15 р.
Стальные (черные)... 10 р. — 20 р.
Серебряные мужскіе и
дамскіе... 12 — 75 —
Золотые мужскіе... 50 — 500 —
Золотые дамскіе... 25 — 100 —
Регуляторы 2-хъ не-
дѣльных... 17 — 65 —
Будильники... 4 р. 50 к. — 25 —
Гг. Инородины въслѣдъ наложеннымъ
платежемъ. Прейсъ-курантъ выслѣдъ
бесплатно. Карманные часы на суммѣ
до 10 р. выслѣдуются поштой на счетъ
многого магазина. № 1220-2

ПОПРОБУЙТЕ МЫТЬСЯ МЫЛОМЪ

ЮМЪ-ЮМЪ

— 1 ПАРФЮМЕРА ПЬЕРЪ № 2344

и въ другія мыломъ мыться не будете!

Цѣна 20 коп. за кусокъ; получать мож-

но во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмер-

ныхъ магазинахъ. Складъ въ Харьковѣ,

Пассажи, у П. УШАНОВА.

№ 2305-8

ВЫИГРЫШ

ныя 1, 2 и 3 займы продаются

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, НЕВСКИЙ, СПБ.

Поступило въ продажу въ Петербургъ и Москвѣ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Шарля Жиде.

№ 2342-1

Профессора политич. экономіи на юридич. факультетѣ въ Монпелье.

Переводъ съ 4-го французскаго изданія. Цѣна 1 р. 25 к.

ПРЕЛЕСТЬ-АККОРДЕОНЪ

наилучшій въ настоящее время ручной гармоніи. Отли-
чаются замѣчательной легкостью, пріятн. тономъ, удобной
игрой, новымъ патен. грифомъ, и металл. углами у мѣ-
ховъ; продаются во всѣхъ лучш. музык. магазинахъ. Глав-
ный складъ въ музыкально-инстр. торговлѣ и фабрикѣ.

І. Ф. Мюллеръ, Москва.

Подробное описаніе и поли. иллюстр.
прейскурантъ бесплатно. PS. Всѣмъ
ПРЕЛЕСТЬ-АККОРДЕОНЫ должны
имѣть слѣд. клеймо —

2309-3

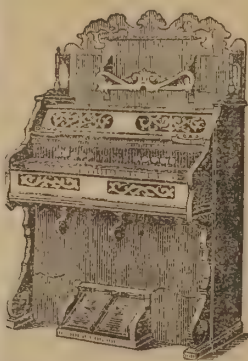

Компаниа Виллеръ и Вильсонъ

ВЪ ВРИЧПОРТЪ (Американскіе Соединенные Штаты) имѣетъ
честь уведомить, что она единственное представительство по
продажѣ своихъ всемірно извѣстныхъ швейныхъ машинъ какъ
для семейныхъ, такъ равно и для всевозможныхъ ремесленныхъ
работъ, передала для Россійской Имперіи

ТОРГОВОМУ ДОМУ ПОПОВА и К^о въ Москвѣ, Зна-
менка соб. домъ

ВЕСЬМА ПРИЯТНАГО, МЯГКАГО ТОНА.

ФИСГАРМОНИИ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ

ШИДМАЙЕРА,
КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ.

въ 85, 100, 110, 125, 130, 140, 150,
160, 180, 190, 200, 250, 275, 300,
325, 350, 400, 450, 500, 700, 800 и
1,000 руб.

(Американская Фисгармонія)

КАРПЕНТЕРЪ въ 200 р.)

Школа самоучитель Пахе, 2 руб.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

Спб., Б. Морская, № 34-40, Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина,
№ 805 3

ПРОСТОЙ, ПРОЧНОЙ КОНСТРУКЦИИ!

4711

ЛУЧШІЙ ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ.

№ 4711

„РЕЙНСКІЕ“ „БУКЕТЫ“

ПРЕВОСХ. ИДЕШЕВ. ДУХИ

ПРОДОЛЖИТЪ ДЛЯ ПЛАТКОВЪ

ВСѢХЪ ЦВѢТОЧНЫХЪ И МОДНЫХЪ ЗАПАХОВЪ

ПРОДАЮТ. ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ И ПАРФЮМЕР. МАГАЗИНАХЪ.

4711

2336-3

№ 3 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 3 листовъ, съ 9-ю рисунками. а именно: I) 2 листа текста и II) Листъ
«Еженедѣльной хроники» № 3-й.

Дозволено цензурою. Спб., 12 января 1896 г.

Типографія С. До. Родѣва, Ковенскій пер., д. № 14.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библиотека»: НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. НА ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 рублей.

1) Желающіе получить самостоятельно книги журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» (безъ журнала «Живописное Обозрѣніе»), уплачиваютъ за годъ (съ доставкой)—4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ «Живописное Обозрѣніе» безъ книгъ «Домашней Библиотеки»—НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка гзисовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Желающіе получить художественныя изданія, какъ новыя портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, такъ и другія картины, уплачиваютъ за каждый экземпляръ портрета или картины (съ доставкою на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ Спб.—75 коп. ЗА ПЕРЕМѢНУ адреса петербургскаго на иногородный, иногородняго на петербургскій, уплачивается рубль, иногородняго на иногородный—28 коп. почтов. марками. На отвѣты и справки необходимо прилагать двѣ 7 коп. почтовыхъ марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 10 до 12 час. пополудни. С.-Петербургъ. Ковенскій переулокъ, собств. домъ, № 14.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

Ледоколъ. Рисоваль художникъ Н. Оболенскій.

БЕЗЪ СЛАВЫ.

Когда-то, въ темныя, съдья времена,
 Какъ царь льсовъ—могучъ, и быстръ, какъ царь ээира,
 Какъ барсъ—свирѣпъ и дикъ, и золь—какъ сатана,
 Кругомъ себя во прахъ ввергая племена,
 Трозой губительной онъ былъ для полуміра.
 О, сколько скорби, мукъ, моленій, нищеты
 Повсюду разсыпавъ рукою онъ обильной!
 Какъ страшно онъ гремѣлъ съ безмѣрной высоты!
 Какъ трепеталъ предъ нимъ и сильный, и безсильный!
 Имъ все разрушено: расторгнута семья;
 Оплакивали женъ, плѣнныхъ имъ, мужья;
 Поля, осиротѣвъ, травую покрывались;
 Къ молитвѣ храмъ не звалъ, и мощные князья
 Къ подножью ханскому съ лобзаньемъ преклонялись.
 То были времена. А нынѣ что? куда
 Дѣвалась эта мощь? гдѣ слава исполина?
 Гдѣ трепетъ и мольбы предъ взоромъ властелина?
 Куда распалась ты, мишурная орда?..
 Все минуло. Судьба-ль обмолвилась ошибкой,—

Но приговоръ ея мнѣ ясно предстаетъ:
 Съ салфеткой подъ локтемъ, съ лакейскою улыбкой,
 Вотъ онъ ко мнѣ бѣжитъ и „кушать“ подаетъ,
 Или подъ окномъ стоитъ съ просительною миной,
 На весь вызывая дворъ: „халать, халать, халать!“
 Или съ покорностью у царственныхъ палатъ
 На улицѣ пометъ сметаешь лошадиный.
 Вотъ, вотъ примѣръ тебѣ, надменный сынъ земли!
 Какъ жалокъ ты въ своемъ величьи пресловутомъ!
 Отъ стонровъ и молитвъ, отъ слезъ людскихъ вдали.
 Себѣ такое-же грядущее сули,
 Когда кичишься ты ничтожествомъ раздутымъ...
 Но время не ушло. Опомнись и—смирись.
 Гордыню подави и сердцемъ умились!
 Чтобы не стать рабомъ ничтожнымъ и трусливымъ,
 Чтобы въ дряхлой старости признать себя счастливымъ,—
 Людей ты возлюби, прильзи къ себѣ весь свѣтъ:
 Нето—грядущее сведетъ тебя на нѣтъ
 И навсегда почтитъ забвеньемъ справедливымъ.

Н. Позняковъ.

ПЕРЕПОЛОХЪ.

Разсказъ въ трехъ письмахъ.

II.

Глубокоуважаемая моя сестрица,

Ольга Дмитриевна!

Спѣшу тотчасъ же извѣстить Васъ о своемъ благополучномъ прибытіи въ столицу, чтобы Вы не беспокоились, не имѣя отъ меня вѣстей. Выѣхалъ я изъ нашего захолустья утромъ 2-го іюня и какъ вступилъ въ вагонъ, такъ слышалъ басовитый возгласъ отца Андрея: — «Ты это куда, Петръ Владиміровичъ?» Удивился, что я по направленію на сѣверъ ѣду, вмѣсто того, чтобы на югъ путь держать, на отдыхъ лѣтній. Нечего дѣлать, объясняю, что по дѣламъ неотложнымъ въ столицу ѣду. — «Да какія такія дѣла-то у тебя могутъ быть?» — спрашиваетъ, ласково улыбаясь. Знаешь, что и дѣла-то я никакихъ дѣлать не умѣю. Нечего дѣлать: сталъ я ему потихоньку, чтобы публика не слышала, разсказывать все досконально, какъ своему отцу духовному. Поджалъ онъ губы, головой сумнительно качаетъ и, бороду свою поглаживая, шепчетъ: «Экія дѣла-то! экія дѣла-то! Что-же ты дѣла-то думаешь?» — «Такъ и такъ, говорю, объясниться съ Варварой Павловной ѣду. А грѣха на себя я никакъ не возьму.» И сталъ я это въ точности свои мысли объяснять про Манюшечку, про фуфлыгъ тоже, — все, что я Рамъ писалъ. Слушала, слушала отецъ Андрей, въ мысляхъ поглаживая свою бороду, да и говоритъ: — «Простъ ты очень, Петръ Владиміровичъ; очень простъ! Говоришь: «грѣха я на себя ни за что не приму». Да тебя, можетъ быть, о твоёмъ желаніи и не спросятъ. Захотятъ злые люди осрамить тебя — такъ послѣ завтра же, какъ ты приѣдешь въ Петербургъ, осрамятъ, съ мадамой какой-нибудь тебя якобы накроютъ и свидѣтелей сколько нужно представлятъ! Это — какъ пить дать. Петербургъ — вѣдь это столица европейская. Всякія усовершенствованія есть». Не могу я вамъ, голубушка-сестрица, и передавать-то

всего того, что мнѣ отецъ Андрей поразсказалъ про эти бракоразводныя дѣла въ Петербургѣ и какія ухищренія по этому поводу изобрѣтены дѣловыми людьми. Поистинѣ и омерзительно, и уму непостижимо. «Ты, говоритъ, прежде чѣмъ съ Варварой Павловной-то ѣхать объясняться, заѣзжай къ свояку моему да съ тѣмъ посоветуйся. Ради меня онъ тебѣ даромъ добрый совѣтъ дастъ». Написалъ это отецъ Андрей на клочкѣ бумажки пару словъ карандашемъ и далъ эту записку къ Александру Петровичу Канарееву, то-есть это къ свояку-то своему. — «Это, говоритъ, Богъ тебя столкнулъ со мною за твою простоту, Петръ Владиміровичъ, а то ты такъ прямо и угодишь бы въ пасть ко льву. Узнали бы, что ты не согласишься грѣхъ на себя взять и что находишься ты въ Петербургѣ, — и конецъ: дегтемъ бы на старости лѣтъ тебя вымазали безъ всякаго грѣха съ твоей стороны». Невольно поцѣловалъ я руку отцу Андрею, благословившему меня на прощаньи. На станціи-то Колбовѣ ему сходить пришлось: женинъ братъ у него въ тѣхъ мѣстахъ благочиннымъ состоитъ; весьма почтенный іерей.

Такъ-то, уважаемая сестрица, приѣхалъ я въ Петербургъ и остановился въ меблированныхъ комнатахъ въ Гончарной улицѣ, признаюсь чистосердечно, въ немаломъ смущеніи, потому-что, по мнительности моей, изъ головы у меня не выходили слова отца Андрея, какъ это ни въ чемъ неповинныхъ людей ни за что, ни про что иногда позорятъ. Знаю вотъ, что ни единая душа еще не знаетъ, что прибылъ въ Петербургъ и остановился тутъ, въ дешевой комнатенкѣ, какой-то Петръ Владиміровичъ Богуславскій, а изъ головы не могу выкинуть всякихъ черныхъ мыслей; на самую содержательницу этихъ комнатъ, пришедшую въ мою комнату любезно освѣдомиться, не требуется-ли мнѣ

чего-нибудь, смотрю подозрительно, точно она уже что-то замышляетъ противъ меня злокозненное. Еще слава Богу, что Александръ-то Петровичъ Канареевъ, какъ оказалось, тутъ же подъ бокомъ — рукой подать отъ Гончарной — и квартировать изволить, и могъ я, не теряя времени, направиться къ нему за совѣтомъ.

Засталъ я его дома за вечернимъ чаемъ благодушствующаго. Какъ только прислужница передала ему, что отъ отца Андрея, молъ, знакомый желаетъ его видѣть, такъ тотчасъ же и приказалъ, не медля ни минуты, просить прямо къ себѣ въ кабинетъ. Усадилъ обязательно и, записку отца Андрея просмотрѣвъ, участливо спрашивать сталъ. Видно, что отца Андрея уважаетъ... Не знаю, дорогая сестрица, какъ вамъ сказать, обрадовалъ-ли онъ меня или обескуражилъ. Человѣкъ онъ, что называется, дока: взглядъ проницательный и въ головѣ всѣ законы. На видъ, правда, невзраченъ, малъ ростомъ, сутуль, черезъ очки маленькими глазками изподлбья смотреть и оспой попорченъ, а заговорилъ, такъ я и ротъ разинулъ. И мой характеръ сразу понялъ, точно со мной вѣкъ прожилъ, и мое положеніе опредѣлилъ тотчасъ по всѣмъ статьямъ законовъ. — «Вы, говоритъ, напрасно совѣмъ, по своей излишней мнительности, теряетесь и боитесь. Боятся вамъ вовсе нечего, такъ какъ не вы въ ихъ рукахъ, а они въ вашихъ Дѣти-то ихъ...» (Забылъ я, дорогая сестрица, въ растерянности своихъ чувствъ и въ горячности написать Вамъ въ прошломъ письмѣ, что Евтихій Григорьевичъ сообщилъ мнѣ, что у Варвары Павловны уже трое дѣтей, — старшенькому-то восьмой годокъ пошелъ. Заграницей родился). Такъ вотъ и говоритъ мнѣ господинъ Канареевъ: «Дѣти-то ихъ, вѣроятно, на ваше имя законными записаны, такъ какъ вы ни кто-нибудь, а дворянинъ потомственный. О су-

существованіи этихъ дѣтей, какъ я сейчасъ имѣлъ честь слышать отъ васъ, вы впервые узнали всего дней пять тому назадъ. Значитъ передъ вами остается еще цѣлый годъ безъ пяти дней на право начать дѣло о признаніи этихъ дѣтей незаконнорожденными, какъ гласятъ 1350 и 1351 статьи устава гражданскаго судопроизводства. Да этого-съ мало. Вы, начавъ дѣло о незаконнорожденности этихъ дѣтей, пресѣчете для вашей супруги и ея возлюбленнаго, даже если вы дадите ей разводъ, возможность когда-нибудь узаконить этихъ дѣтей, такъ какъ статья 144¹ десятаго тома свода законовъ гласитъ, что дѣти, происшедшія отъ прелюбодѣяній, не узаконяются даже бракомъ ихъ родителей». Долго онъ еще бесѣдовалъ со мною, всѣ мои права и преимущества по существующимъ законамъ российской имперіи мнѣ выясняя и снисходительно стараясь поднять бодрость моего духа. Но признаюсь вамъ откровенно, уважаемая сестрица, вышелъ я отъ него какъ въ чаду какомъ-то, чувствуя, что точно камень у меня на сердце легъ какой-то.

Вернулся я въ свою комнату, замкнулся въ ней накрѣпко, помолился Богу и легъ, а сна нѣтъ, какъ нѣтъ. Стоять это передъ моими глазами въ полумгнѣ весенней ночи трое малютокъ, словно ангелочки смотреть на меня, словно говорить мнѣ: «мы-то въ чемъ повинны, за что насъ-то ты преслѣдовать будешь, за что насъ-то на весь вѣкъ пустишь съ кличкою незаконнорожденныхъ безъ фамиліи?» Вижу я это въ мечтаніяхъ безсонныхъ личики ихъ печальныя, слышу голоса жалобныя и таково-то мнѣ больно и жалко сдѣлать ихъ по моему праву, закономъ мнѣ предоставленному, несчастными, что на глаза слезы навертываются. А тутъ ровно кто-то другой наклонился надо мной и шепчетъ мнѣ: «а тебя-то вотъ не жалѣютъ, хотятъ, чтобы ты на себя грѣхъ великій принялъ, имѣя дочь, дѣвочку чистую и безгрѣшную, состоя учителемъ и воспитателемъ фуфлыгъ разныхъ, еще ни о какой грязи такой не думающихъ, и грозятъ тебѣ, что могутъ тебя за несогласіе на это дѣло оставить чуть не безъ куска хлѣба, во всякомъ случаѣ лишитъ той работы, къ которой ты привыкъ въ долгіе годы». И такъ-то, точно въ бреду какомъ, прометался я безъ сна всю эту ночь. И то сказать, и ночь-то петербургская въ іюнѣ на ночь не похожа, ровно мертвецъ на тебя посиѣло-блѣднымъ лицомъ въ окно смотреть. Теперь вотъ, еще на дворѣ совсѣмъ тихо, кругомъ всѣ спятъ, а между тѣмъ давно уже свѣтло, какъ днемъ, и я сижу, строчу это письмо къ Вамъ и волнуясь, волнуясь, ожидая, скоро-ли настанетъ тотъ часъ, когда можно будетъ направиться къ Варварѣ Павловнѣ. Рѣшился я окончательно, дорогая сестрица, идти прямо къ ней и объясниться. Сперва схожу въ церковь ко всѣмъ скорбящимъ Заступницѣ, а потомъ къ Варварѣ Павловнѣ. Объясню ей все, что мнѣ самому теперь, послѣ нашихъ разговоровъ съ Вами, стало ясно,—и какъ я согрѣшилъ когда-то передъ нею, женившись на ней по своему недоумію и загубивъ ее при желаніи только спасти ее отъ нищеты и отъ паденія при помощи законнаго брака, и какъ я послѣ ея бѣгства, сознавъ при Вашей помощи, что я былъ ей не пара и что она естественно могла увлечься другимъ, не только не желалъ преслѣдовать ее, но старался ничѣмъ не напомнить ей о себѣ, ничѣмъ не помѣшать ея жизни, и какъ теперь

только поневолѣ я рѣшился заявиться къ ней, такъ какъ меня угрозами хочетъ баронъ принудить сдѣлать то, чего не позволяетъ сдѣлать моя душа, не позволяеть ужъ ради того, что я отецъ незинной дочери и воспитатель малолѣтнихъ фуфлыгъ. Варвара Павловна должна все это понять: теперь вѣдь она не ребенокъ, теперь вѣдь она мать троихъ дѣтей, не считая Марусеньки, которую она бросила и, вѣрно, не помнить.

Кончаю письмо, такъ какъ въ домѣ все проснулось и, значить, можно, благословясь, напиться чаю и идти. Ужъ такъ-то хочется мнѣ все это выяснитъ скорѣе и вернуться на отдыхъ къ Вамъ, къ Марусенькѣ. Обнимите ее, мою милую дѣвочку, дорогая сестрица, а у Васъ я съ почтеніемъ цѣлую ручки, думая о томъ, какъ дорого бы я далъ за то, чтобы Вы теперь были около меня.

Истинно уважающій Васъ братъ Вашъ
Петръ Богуславскій.

5 іюня 1892 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Михайловъ (А. К. Шеллеръ).

* * *

Съ довѣремъ дѣтекимъ я всю душу имъ открылъ И ворвались они со смѣхомъ и укоромъ И въ мигъ все-все, что я берегъ такъ и любилъ, Покрыли грязью и позоромъ, Глумясь, клеймя меня презрѣнія клеймомъ, Насмѣшкой гордою и гордой благостыней, И, бѣдный жрецъ, стою въ отчаяннѣ нѣмомъ Я надъ поруганной святыней!

А. Бобринцевъ-Пушкинъ.

БАБУШКИНО СРЕДСТВО.

(Разсказъ).

ЖЕ подъѣзду красиваго дома на Кирочной улицѣ подъѣхалъ, подстегнувъ свою лошадедку, извозчикъ, откинулъ полость и высадилъ, закутанную въ шубку, женскую фигурку.

— Подожди! крикнула фигурка, бойко пробѣгая твердыми шажками на крыльцо и юркнула въ дверь подъѣзда, услужливо распахнутую швейцаромъ.— Дома Нина Сергѣевна? звонкимъ, молодымъ голосомъ спросила она.

— Дома, пожалуйста! радостно улыбаясь, отвѣтилъ швейцаръ.— И барыня дома, и молодой баринъ, добавилъ онъ.

Фигурка оказалась молодой, прехорошенькой дѣвушкой съ румяными отъ мороза щеками, красными губками и веселыми карими глазками, лукаво и бойко смотрящими изъ-подъ темныхъ бровей и шаловливыхъ кудерковъ каштановыхъ волосъ, выбѣгающихъ изъ-подъ собольей шапочки на бѣлый и нѣжный лобъ.

Отряхнувъ свѣтъ съ воротника и крохотной муфточки, дѣвушка весело засмѣялась и, уже вбѣгая на лѣстницу, крикнула швейцару:

— Ну, мнѣ до барина и дѣла нѣтъ! Мнѣ нужно барышню...

Швейцаръ, старый и осанистый отставной унтеръ, все такъ-же улыбаясь, покачалъ ей вслѣдъ головой и далъ снизу звонокъ.

Когда дѣвушка вошла во второй этажъ, дверь была уже отворена и приличная, сте-

пная горничная ждала ее, привѣтливо улыбаясь.

— Это все Федоръ трезвонитъ! заговорила барышня еще издали,—вы ужъ извините, голубушка. Что, Нина дома?

— Помилуйте, барышня, что вы это? Развѣ мнѣ трудно? Нина Сергѣевна дома. Пожалуйста.

Барышня быстро сняла шубку и почти бѣгомъ побѣжала по корридору въ комнату своей подруги.

— Можно? крикнула она, распахивая дверь и не дожидаясь отвѣта.

— Кто это? Ахъ, Оля! Конечно, можно! раздался голосъ изъ глубины комнаты и такая-же молоденькая, хорошенькая блондинка, стройная и топенькая, поднялась съ дивана на встрѣчу подругѣ.

— Ахъ, ты моя кошечка бѣленькая! смѣясь и цѣлуя ее, болтала Ольга.—Все за книгами, въ мечтахъ, въ своей бомбопьерочкѣ. Ты читаешь? Что? Впрочемъ, мнѣ не интересно. Я удивляюсь, какъ ты можешь вѣчно читать. Нина? Я не могу, право, не могу! съ комичнымъ удивленіемъ протянула она,—и знаешь почему? Потому что я глу-у-у-пая.

Нина, улыбаясь, смотрѣла на нее своими большими, темно-сѣрыми, какъ-бы усталыми глазами.

— Садись-же, Оля, сними шляпу, сказала она, наконецъ, видя, что ея подруга вертится по комнатѣ.

— Шляпу? Ахъ, да! Что-же я? Я, вѣдь, за тобой! Ѣдемъ! Я все, все узнала, таинственно шепнула она.

Нина вздрогнула.

— Узнала? унавшимъ голосомъ спросила она Ольгу.

— Да, да! Узнала. И знаешь, это такъ вѣрно, такъ вѣрно! Вѣришь ничего быть не можетъ! Ѣдемъ, Ѣдемъ. Дорогой я все разскажу. Только ужъ если это не вѣрно, то я не знаю... я не знаю,—что вѣрно послѣ этого.

И она даже руки сжала для большей убѣдительности и зубы стиснула такъ, что они скрипнули.

— Постой, погоди, блѣднѣя, сказала Нина.— Скажи—что вѣрно? Куда ѣхать?

— Да въ церковь-же! Ну, да одѣвайся. Что тутъ разговаривать. Послѣ скажу. Я уже узнала, все узнала.

— Въ церковь? Зачѣмъ? удивилась Нина.

— Ахъ, какая ты! съ капризнымъ нетерпѣніемъ вскрикнула Ольга.— Ну, въ церковь, ну, да! Ну, милая кошечка! Ѣдемъ! бросаюсь къ Нинѣ на шею, молила она.— Ну, я дорогой все, все разскажу, а теперь ни слова.

— Да какъ-же я поѣду? нерѣшительно замѣтила Нина.—Зачѣмъ?

Ольга, сгорая отъ нетерпѣнія, порывисто подошла къ ней, обхватила ее за шею руками и, наклонясь къ самому лбу, произнесла тихимъ, но рѣшительнымъ шопотомъ:

— Ты любишь Алексѣя? да? И когда Нина вздрогнула, она торжествующе закончила.— Ну, такъ Ѣдемъ! безъ разговоровъ.

Нина послушно позвонила и стала одѣваться, а Ольга опять принялась вертѣться по комнатѣ и трогать разныя бездѣлушки.

— А что, Леонидъ дома? небрежно и глядя въ сторону, спросила она, когда онъ обѣ уже выходили изъ комнаты.

Нина незамѣтно улыбнулась.

— Дома, отвѣтила она.— Хочешь, я велю его позвать?

— Это еще зачѣмъ? невѣрнымъ тономъ п стараясь казаться равнодушной, сказала Ольга.—Ѣдемъ лучше.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА А. ЭРДЕТТЪ.

Гравироваль на деревѣ для журнала «Живописное Обозрѣіе» И. Максимовъ.

УТРЕННІЙ ТУАЛЕТЪ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Р. ВИЛЛИСА-МИДДОКСА.
Гравировать на деревъ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. А. Д. Т.

«МЕДЕЯ».

— Ну, хорошо. Послѣ. Вѣдь ты вернешься ко мнѣ? лукаво улыбаясь, говорила Нина, надѣвая калоши.

— Не знаю... Можетъ быть... Нѣтъ... нерѣшительно отвѣчала Ольга, не глядя на нее.

— Ну, да, конечно, вернешься, весело заключила Нина. — Ну, идемъ. Я готова. И она вдругъ крѣпко поцѣловала зардѣвшую подругу.

Черезъ минуту онѣ ѣхали на извозчикѣ, и веселый голосокъ Ольги то и дѣло срывался отъ ея стараній не говорить громко.

— Ну, куда-жъ ты меня везешь? съ улыбкой спрашивала Нина, прижимая къ лицу свою муфточку. — Или это все еще секретъ?

— Вотъ ты какая! укоризненно отвѣчала Ольга. — Ты однихъ лѣтъ со мной, а въ тонѣ у тебя все какое-то превосходство. Точно ты старшая. Вотъ же не скажу, ничего не скажу! Да и не поѣду! Не хочу я ѣхать съ тобой! Извозчикъ, поѣзжай назадъ! капризно закричала она.

— Ну, ну! Капризница! Успокойся, я пошутитъ. Ну, куда-же мы ѣдемъ?

— Ну, если пошутитъ, такъ слушай! сейчасъ-же успокоилась Ольга. — Нина, голубка! прижимаясь къ подругѣ, начала она. — Вѣдь ты страдаешь, да? Не вздрагивай! Я знаю, что да. И я не могу видѣть, какъ ты мучишься! Не могу! Я ненавижу твоего Алексѣя! Да, да! Ненавижу! Нечего строго смотрѣть! Такая прелесть, такое чудо, какъ ты! Да я бы за тебя всю жизнь, все на свѣтѣ отдала! увлекаюсь, продолжала она. — А онъ? Да кого-же ему надо послѣ этого? Эту толстую Китти Полякову? Ея черные зубы?

— Оля, мнѣ больно! со страданіемъ прошептала Нина.

— Милая, кошечка, прости! Это все потому, что я никакъ не могу молчать о томъ, что думаю! Ну, не буду! Твой Алексѣй прелесть! Ну, что хочешь скажу! Не сердись!

— Ахъ, ты, ребенокъ! не могла не улыбнуться Нина.

— Ну, ребенокъ! Ну, все, что хочешь! Только слушай! Помнишь, я была у гадалки... Ты еще смѣялась... она мнѣ все, все сказала про Лео... правду сказала, сконфузилась Ольга.

— Ну?

— Ну, ты не хотѣла ѣхать. Ты умная, не вѣришь. А потомъ, помнишь твой сонъ? Ты испугалась, просила меня узнать, — торопилась Ольга, — я и узнала. И у бабушки узнала, и у няни. Ну, ты знаешь, бабушка отлично гадаетъ и сны отгадываетъ и все, все знаетъ. Вотъ она и говоритъ, что нужно въ церковь и свѣчку, понимаешь, концомъ вверхъ поставить и за упокой.

— Что? что? — въ испугѣ даже откинулась назадъ Нина.

— Ахъ, какая ты! Ты не пугайся! Понимаешь, ты поставишь свѣчку за упокой, а онъ, Алексѣй твой, сейчасъ-же соскучится и такъ тебя полюбитъ, такъ полюбитъ, что придется, захлебываясь словами, закончила она.

— Да ты съума сошла, Оля! Неужели ты думаешь, я это сдѣлаю! Вѣдь это грѣхъ! Ужасъ! Я никогда не рѣшусь.

— Нинуся! Это совсѣмъ маленькій грѣхъ! Такъ и бабушка сказала. На исповѣди покаешься. За то онъ будетъ твой и это такъ вѣрно, такъ вѣрно, какъ я не знаю что.

И она опять повторила свой жестъ убѣжденія. Нина отрицательно замотала головой.

— Такъ вотъ почему ты раньше не сказала. Только напрасно. Я все равно этого не сдѣлаю. Ни за что! Ни за что! рѣшительно и

взволновано повторила Нина. — За упокой! Да я съума сойду отъ одной мысли, что съ нимъ что нибудь можетъ случиться...

— Да нѣтъ-же, Нина! Ничего не случится. Бабушка сказала, что это самое вѣрное средство. А еще вѣрнѣе, если панихиду отслужить! Такъ это ужъ самое, самое вѣрное...

— Оно точно, что вѣрное! Барышня это правильно говоритъ, вмѣшался вдругъ извозчикъ.

Ольга, увлекаясь, говорила громко, совсѣмъ забывъ объ извозчикѣ, и теперь, при его словахъ, такъ и осталась съ открытымъ отъ неожиданности ртомъ. Нина сконфузилась и разсердилась.

— Vois-tu! C'est ta manière de crier, — досадливо сказала она.

— Да, это правильно, продолжалъ, между тѣмъ, извозчикъ, полуобернувшись къ нимъ. — У насъ на деревнѣ бабки тоже баютъ, что нѣтъ лучше средствія вернуть зазнобу. Отслужилъ панахиду — а она, зазноба то-исть, тутъ, какъ тутъ. Только што я думаю, барышни, это все бабы разговоры один, ни што иное, — философски заключилъ онъ, подстегивая свою лошадку.

Барышни совсѣмъ перекофузились.

— Стой тутъ, на углу! — нашла Ольга первая и, когда сани остановились, она соскочила на тротуаръ. Нина послѣдовала за нею и черезъ минуту онѣ быстро убѣжали отъ смущающаго ихъ извозчика. Пройдя нѣсколько шаговъ, Ольга захохотала такъ весело и заразительно, что и Нина засмѣялась. На Нину напало какое-то шаловливое-возбужденное настроеніе, похожее на опьяненіе и находящее на нее иногда вдругъ, бурными порывами, послѣ чего она иногда бывала даже немного нездорова и разбита. Теперь ей сразу стало весело, захотѣлось смѣяться, дурачиться и болтать такъ-же, какъ Ольга. Она, какъ будто, нравственно отмахнулась рукой отъ всего, что ее мучило.

— Такъ ты думаешь, не грѣхъ! — вдругъ спросила она.

Ольга даже остановилась отъ неожиданности.

— Ну, разумеется, не грѣхъ, съ убѣжденіемъ подтвердила она.

— И не страшно, Оля? Какъ ты думаешь, не страшно?

Ольга минутку подумала.

— Ну, ужъ это я не знаю! сосредоточенно наморщивъ брови, протянула она. — Я думаю, что не... не очень страшно.

И замѣтя, что Нина опять нахмурилась, она вскричала весело:

— Да нѣтъ! Нисколько, нисколько не страшно, а наоборотъ ужасно, ужасно весело! А извозчикъ? Средствіе! И она опять звонко расхохоталась.

— Ахъ ты, маленькая дипломатка! смѣялась Нина. — Такъ не страшно?

— Да нѣтъ-же!

— Ну, не страшно, такъ идемъ! рѣшительно заявила Нина, блестя глазами и удерживая нервный смѣхъ, подступавшій ей къ горлу. — Только, чуръ! Грѣхъ твой!

— Мой, мой, милочка, кошечка, умница! — въ восторгѣ отъ переменъ настроенія Нины, чуть не кричала Ольга.

— Куда-жъ мы пойдемъ?

— Я ужъ придумала. Я все серьезно взвѣсила! съ комической важностью сказала Ольга. — Въ церковь мы не пойдемъ. Тамъ народу много, а мы пойдемъ въ часовню. Тамъ удобнѣе служить панихиду.

— Что? панихиду? ужаснулась Нина. — Ну,

ужъ нѣтъ! Какъ ты себя хочешь, я не стану служить панихиду! Свѣчку еще поставлю, а панихиду ни за что! Ни за что!

— Ну, и не надо! Но только, вѣдь, тогда подѣйствуетъ на половину! разочарованнымъ тономъ сказала Ольга.

— Ни-ни-ни! И не говори! Лучше вернемся.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я на все согласна, пойдемъ только. И Ольга потихонку вздохнула.

Черезъ нѣсколько времени обѣ дѣвушки робко переступили порогъ часовни.

Освѣщенные множествомъ свѣчей образа, темный полумракъ, собравшійся наверху, подъ куполомъ, черный, сѣдой монахъ, съ окаменѣлымъ лицомъ, неподвижно-стоящій около ящика со свѣчами, вся эта торжественно-мрачная обстановка, въ связи съ таинственной цѣлью посѣщенія, заставила робко сжаться сердца барышень. Имъ стало жутко. Даже Ольга прегасмѣла и незамѣтно жалась къ Нинѣ.

Нина стала совсѣмъ серьезна и блѣдна.

— Не уйди-ли? шепнула она Ольгѣ, остановившись на порогѣ.

Ольга нерѣшительно взглянула на образа и на нее, но въ это время монахъ повернулъ голову и вопросительно посмотрѣлъ на вошедшихъ. Въ часовнѣ никого не было. Уйти было неловко.

— Позвольте намъ свѣчку, дрожащимъ голосомъ проговорила Нина, подойдя къ ящику.

— Вамъ какую? Въ пять, въ десять? спросилъ монахъ.

— Все равно... позвольте въ десять.

Получивъ свѣчку, барышни отошли къ образамъ. Ольга, совершенно оправившись отъ перваго впечатлѣнія, посмотрѣла на свѣчку, на образъ и прошептала.

— Нина, а, вѣдь, монаха нужно удалить. При немъ нельзя. Я ему скажу, чтобы священника...

— Нѣтъ, нѣтъ! вся дрожа, отвѣчала Нина, — я не могу! Ни за что. Я такъ поставлю.

— Ахъ, какая ты, право! съ досадой сказала Ольга, — ну, стоило тогда и приходить. Ну, я попрошу молебень? Можно, Нина? дергала она ее за рукавъ.

Нина, не отвѣчая, утвердительно кивнула головой.

Ольга въ одинъ моментъ очутилась около монаха, шепнула ему что-то и когда онъ вышелъ въ маленькую дверцу, ведущую во внутрь часовни, подбѣжала къ Нинѣ.

— Скорѣй, скорѣй! шептала она задыхающимся голосомъ. — Скорѣе, Нина! Да не такъ, не такъ... концомъ вверхъ... вотъ... И говори, «За упокой раба Божья, Алексѣя»...

Нина перевернула свѣчку концомъ вверхъ, подержала надъ огнемъ, чтобы воск стаялъ, и стала пригнѣтять. Руки ея ходили ходуномъ, и она вся дрожала мелкой, нервной дрожью.

— Ну, ну, такъ! поощрала ее Ольга. — Теперь молись, какъ я сказала.

Нина поднесла руку ко лбу и начала: «За упокой раба Божья... Нѣтъ, Ольга! Я не могу! Не могу! Это ужасъ! Это грѣхъ! вдругъ порывисто вскричала она и бросилась къ выходу. Ольга догнала ее и схватила за рукавъ. Нина стала вырываться, но въ это время вошелъ монахъ со священникомъ и дѣвушки волей-неволей должны были вернуться назадъ.

— Благослови, владыко! началъ монахъ.

— Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно, глѣвуче отвѣчалъ священникъ, и служба началась.

Нина стала на колѣни и горячо молилась, какъ-бы прося Бога простить ей только что сдѣланный грѣхъ.

Ольга стояла около нея, и лукавые огоньки такъ и бѣгали въ ея веселыхъ, карихъ глазахъ.

— Какъ имя-то? обратился къ ней басистымъ шопотомъ монахъ.

— Алексѣй, батюшка, отвѣчала она, оглядываясь на Нину.

Нина ничего не слыхала. Устремивъ неподвижный взоръ на икону и на стоящее передъ нею паникадило, Нина молилась.

Вдругъ она замѣтила, что одна изъ свѣчей и, какъ ей показалось, именно поставленная ею, слегка покачнулася, затѣмъ медленно склонилась на сторону и съ тихимъ стукомъ упала на каменный полъ часовни.

— Со духи праведны скончавшимся,—запѣлъ въ тотъ-же моментъ священникъ.

Нина вздрогнула и, съ широко-раскрытыми отъ ужаса глазами, прислушалась къ пѣнію.

— Упокой, Господи, раба Твоего!—продолжалъ священникъ.—Раба Твоего, Алексѣя, помани, упокой...

Нина въ ужасѣ вскочила съ колыма и съ негодованіемъ схватила Ольгу за рукавъ.

— Что это? Это все ты... Твои шутки... Такъ нельзя... не надо... скажи, что не надо... въ страшномъ волненіи бормотала она, тряся испуганную Ольгу.

Монахъ съ удивленіемъ оглядывался на взволнованную дѣвушку, а у Нины слезы градомъ хлынули изъ глазъ, и она, захлебываясь отъ рыданій, прошептала: «Это гадко! Безчестно», и еще разъ встряхнувъ Ольгу, выбѣжала изъ часовни.

Ольга торопливо сунула на налой деньги и бросилась вслѣдъ за подругой, къ полному недоумѣнію священника и монаха.

Она нашла Нину, прислонившуюся къ стѣнѣ часовни и рыдавшую до конвульсій.

— Нина, родная, успокойся! Приди въ себя! Насъ могутъ видѣть...—растерянно шептала она, стоя около Нины и озираясь по сторонамъ.

— Что ты надѣлала? Что ты надѣлала?—рыдала Нина.—Я умру! Я никогда не прощу этого... не забуду...

— Прости меня, — тоже начала плакать Ольга, — я не знала... я думала... я не думала, что это такъ повліяетъ... Я для тебя-же... пойдемъ... прости...—въ совершенномъ отчаяніи шептала она.

Нина, при видѣ искренняго отчаянія Ольги, немного смягчилась.

— Ыдемъ скорѣе домой,—задыхаясь, сказала она.—Не плачь!

Когда онѣ сѣли на извозчика, Нина опять впала въ отчаяніе. Сердце ея сжималось мистическимъ ужасомъ передъ совершеннымъ проступкомъ, тяжелымъ, незамолчимымъ грѣхомъ, какъ казалось ей. Дрожа съ головы до ногъ, она, не мигая, смотрѣла въ спину извозчика. Голова ея начинала горѣть, въ вискахъ нестерпимо стучало. Она опять вспомнила качающуюся, медленно падающую свою свѣчку, заупокойное пѣніе зазвучало въ ея ухахъ и ей ясно представилось дорогое лицо, мертвенно блѣдное, съ закрытыми глазами.

— Ой, Господи!—въ ужасѣ закрывая лицо руками, вскрикнула она.

Вся ея наивная, чистая дѣтская вѣра возмущалась въ ней; старые рассказы и преданія о совершенныхъ кощунствахъ разомъ встали въ ея умѣ, и она съ отчаяніемъ, съ ужасомъ повторала про себя: «Господи, спаси! Господи, помоги!»

Ольга перестала плакать и, не получивъ отъ подруги отвѣта на просьбу о прощеніи, видя ея необыкновенное состояніе, тоже при-
смирѣла и молчала.

Такъ, въ молчаньи, доѣхали онѣ до дому, и Нина, поддерживаемая Ольгой, какъ автоматъ, тяжело поднялась по лѣстницѣ.

Ольга такъ растерялась, что ничего не отвѣтила швейцару на вопросъ: «Что съ барышней?»

Наверху ихъ ждала та-же горничная.

— Господи! Да что это съ барышней?—испуганно вскрикнула она, увидя мертвенно-блѣдную Нину и ея горячіе глаза.

— Не знаю, Пелагеюшка,—отчаянно шепнула Ольга.—Дурно ей.

Нина, не видя и не слыша ничего, машинально раздѣлась съ помощью Пелагеюшки и Ольги и медленно пошла въ свою комнату. На порогѣ она покачнулася и прежде, чѣмъ Ольга успѣла ее поддержать, во весь ростъ грохнулася на полъ. Нервы ея не выдержали.

На испуганный крикъ Ольги прибѣжали мать и братъ Нины.

Отрывисто отвѣчая на торопливые вопросы, Ольга, вся дрожа, помогала поднять Нину и перенести ее на кровать.

Послали за докторомъ.

Мать осталась около постели безчувственной дочери, а Ольга, мучимая угрызениями совѣсти, не будучи въ состояніи видѣть неподвижность Нины, тихонько вышла изъ комнаты, пробралась въ полуосвѣщенную гостиную и, упавъ на первый попавшійся стулъ, зарыдала, какъ ребенокъ, громко всхлиывая и ломая руки.

— Что я надѣлала? Что я надѣлала?—изнемогая отъ отчаянныхъ рыданій, шептала она.

— Что это? И тутъ истерика?—раздался надъ нею молодой, насмѣшливый голосъ, и Леонидъ, братъ Нины, остановился около ея стула.

Ольга взглянула на его красивое, смуглое лицо, съ едва замѣтными черненькими усиками, съ близорукими, насмѣшливыми глазами, съ вьющимися густыми, черными волосами и отвернувшись, нетерпѣливо пожавъ плечами.

— M-lle Olga, объясните—что это значитъ? Тамъ обморокъ—здѣсь истерика? Что случилось? Почему такъ много волненій? пощипывая верхнюю губу и чуть-чуть покачиваясь съ выраженіемъ легкаго фатовства, продолжалъ Леонидъ.

— Оставьте меня въ покоѣ, капризно крикнула Ольга, не глядя на него.—Это безсовѣстно надо все смѣяться! Можетъ быть, въ вашемъ кавалерійскомъ училищѣ это и принято, а... а... только у васъ нѣтъ сердца... да!

— Бѣдное училище! съ комическимъ сожалѣніемъ отвѣчалъ онъ.—Вы его сильно не долюбиваете, m-lle Olga! Но, чтобы доказать, что у меня есть сердце—скажите мнѣ, что случилось, и я вамъ даю слово... честнаго кавалериста, что не буду смѣяться, а заплачу вмѣстѣ съ вами... у-у-у!.. видите, я уже начинаю...

Ольга улыбнулась и, не оборачиваясь, пскоса взглянула на юнкера.

«Какой онъ хорошенькій», подумала она,—«и веселый, какъ я-же!»

— Отстаньте отъ меня, — вслухъ и также капризно произнесла она. Ничего я вамъ не скажу. А что Нина? вдругъ обернувшись къ нему, вспомнила Ольга.

— Тамъ докторъ. Такъ не скажете? улыбаясь Леонидъ, садясь на стулъ рядомъ съ дѣвушкой и стараясь заглянуть ей въ глаза.

— И не скажу! И ни за что! И не просите! — зажимая уши, отвѣтила Ольга, опять приходя въ свое обычное настроеніе и успокаиваясь.

— Ну, и не надо... «А какая она хорошенькая»,—подумалъ и онъ... Ну, и не надо,—повторилъ онъ, глядя на нее съ видимымъ удовольствіемъ.

— А скажите, m-lle Olga,—это вы, можетъ быть, не скроете—что вы думаете обо мнѣ? Ольга покраснѣла.

— Объ васъ?.. Объ васъ?.. Я думаю... что вы противный, ужасный человекъ и я васъ ненавижу... Не смѣйте никогда спрашивать меня объ этомъ!—закричала она, вскакивая со стула и убѣгая.

— Я васъ ненавижу—значить... M-lle Olga!.. это значитъ... я васъ люблю! крикнулъ ей Леонидъ, не вставая съ своего мѣста.

— Что? Что вы сказали? даже остановилась въ дверяхъ Ольга.—Я васъ люблю? Ха-ха-ха! Фаты! — звонко расхохоталась она и убѣжала.

Леонидъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, улыбнулся и сталъ налѣвать какую-то цыганскую пѣсню.

Когда Ольга, взволнованная и красная, вошла въ комнату къ подругѣ, Нина уже пришла въ себя и была одна.

Ольга сразу вспомнила свой поступокъ, и опять слезы показались у нея на глазахъ отъ стыда и отъ жалкости при видѣ блѣдной и утомленной Нины.

— Кошечка, родная, прости меня! кидаюсь на колыма передъ кроватью Нины, заговорила она.—Прости! Я гадкая, глупая! Я виновата, я не буду! Никогда! И она цѣловала ея лобъ, шею и руки.

— Я не сержусь, Оля! тихо отвѣчала Нина, немного отстраняясь отъ ея порывистыхъ ласкъ.—Только не надо говорить объ этомъ. Слышишь? Никогда, никому!.. И со мной не надо!

— Никогда, никому! Ни полъ-словечка! страстно увѣряла Ольга.—Такъ ты простила? Да? Простила, моя прелесть, кошечка моя, бѣленькая!—въ восторгѣ хлопая руками, повторила она.

— Ну, довольно. Я еще немного слаба, ласково улыбаясь, сказала Нина, цѣлуя ее.

— Ну, я не буду! Прости. И Ольга, при-
смирѣвъ, сказала серьезно.—А что говорить докторъ?

Нина улыбнулась.

— Докторъ сказалъ, что на этотъ разъ, къ счастью, все ограничится этимъ... припадкомъ, но могло кончиться хуже.

Ольга въ ужасѣ всплеснула руками.

— И это все я виновата, со своей глупостью и вѣтренностью! И ты простила меня? Ты ангелъ, ты божество, Нина! И она опять бросилась къ подругѣ.

На этотъ разъ Нина не оттолкнула ее, крѣпко поцѣловала и въ ласкъ ея видна была какъ-бы нѣжность матери къ любимому, на-
шавшему ребенку.

К. Барвинокъ.

ОРАКУЛЬ.

Эриста фонъ-Вильденбруха.

ПРИХОДИЛО-ЛИ людямъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ нихъ на мысль, когда ночью не спится, утромъ записать все, о чемъ передумалось и что перечувствовалось за ночь,—мы узнали-бы множество самыхъ удивительныхъ приключеній, передъ нами явился-бы новый міръ

Для созданій, находящихся въ зависимости отъ солнечнаго свѣта, ночь представляетъ уже другой міръ и если сонъ не приходитъ на по-

мощь, чтобы провести насъ между безднами мрака, этотъ міръ полонъ ужасовъ. Разсудокъ, управляющій нами днемъ, теряетъ свою силу; первобытныя силы, которымъ мы напрасно сопротивляемся, берутъ верхъ; всѣ чувства принимаютъ колоссальныя размѣры, они покоряютъ насъ и подчиняютъ себѣ. И рядомъ съ этимъ болѣзненнымъ увеличеніемъ нашей впечатлительности оживаютъ такія душевныя силы, о которыхъ мы днемъ, занятыя злобою его, не имѣемъ понятія. Наша фантазія, не менѣе могущественная, какъ и фантазія сна, но лишенная сладкаго самозабвенія настоящаго сна, уноситъ насъ за десятки лѣтъ назадъ. Мы вспоминаемъ.

большую круглую голову, наклоненную впередъ и на которой была надѣта фуражка изъ темно-синей матеріи.

Такимъ мальчикамъ всегда приходится тяжело между товарищами, надъ ними смѣются, дразнятъ, въ особенности если они не отличаются способностями или не обладаютъ значительною физическою силою, способною всѣхъ держать въ почтеніи. Маленькій толстякъ, къ сожалѣнію, принадлежалъ къ числу посредственностей человѣчества, — а можетъ быть стоялъ и нѣсколько ниже.

скользнуть на землю, получивъ нѣсколько ударовъ канатомъ.

«Маленькій сынокъ» рѣшили товарищи, со всею дѣтскою жестокостію усѣившіе провѣдать, что онъ первый разъ разстался съ семьей и тоскуетъ по ней.

Тоскуетъ! Мы всѣ тосковали болѣе или ме-

Вилла Террасъ, въ Турби, близъ Ниццы—нынѣшнее мѣстопробываніе Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича.

Да, мы вспоминаемъ, но не такъ, какъ днемъ, мы видимъ, чувствуемъ, ощущаемъ всѣми нашими органами. Мы еще разъ переживаемъ пережитое.

Передъ нами явятся давно забытыя лица; мы слышимъ голоса, слышанные нами въ дѣтствѣ, и звукъ ихъ намъ такъ близокъ, такъ знакомъ, будто мы съ ними только вчера разстались.

Очень недавно, въ подобную безсонную ночь передо мною изъ прошлаго воскресло давно забытое лицо, и давно забытый голосъ говорилъ со мной.

) Это было лицо мальчика, толстаго, жирнаго, можно сказать шаровиднаго маленькаго мальчика, который нѣсколько мѣсяцевъ былъ со мною въ педагогическомъ заведеніи въ Галле. Онъ мнѣ представился очень ясно, — я видѣлъ его зеленую суконную курточку, его жилетъ, который вѣчно сѣзжалъ къ верху, его сѣрые, вѣчно короткіе, панталоны, его

лѣнтыемъ его нельзя было назвать, но онъ вѣчно мечталъ и глядѣлъ какимъ-то растеряннымъ; въѣтъ класса онъ не былъ героемъ, вѣчно мягкій, бояливый, скрытный. Особенно эти свойства выражались во время занятій гимнастикой, которой въ нашемъ училищѣ придавали особенное значеніе. Послѣ первой-же гимнастической пробы толстякъ перевелъ въ задніе ряды, гдѣ находились самые маленькіе и самые слабые, и между ними онъ чуть-ли не считался послѣднимъ.

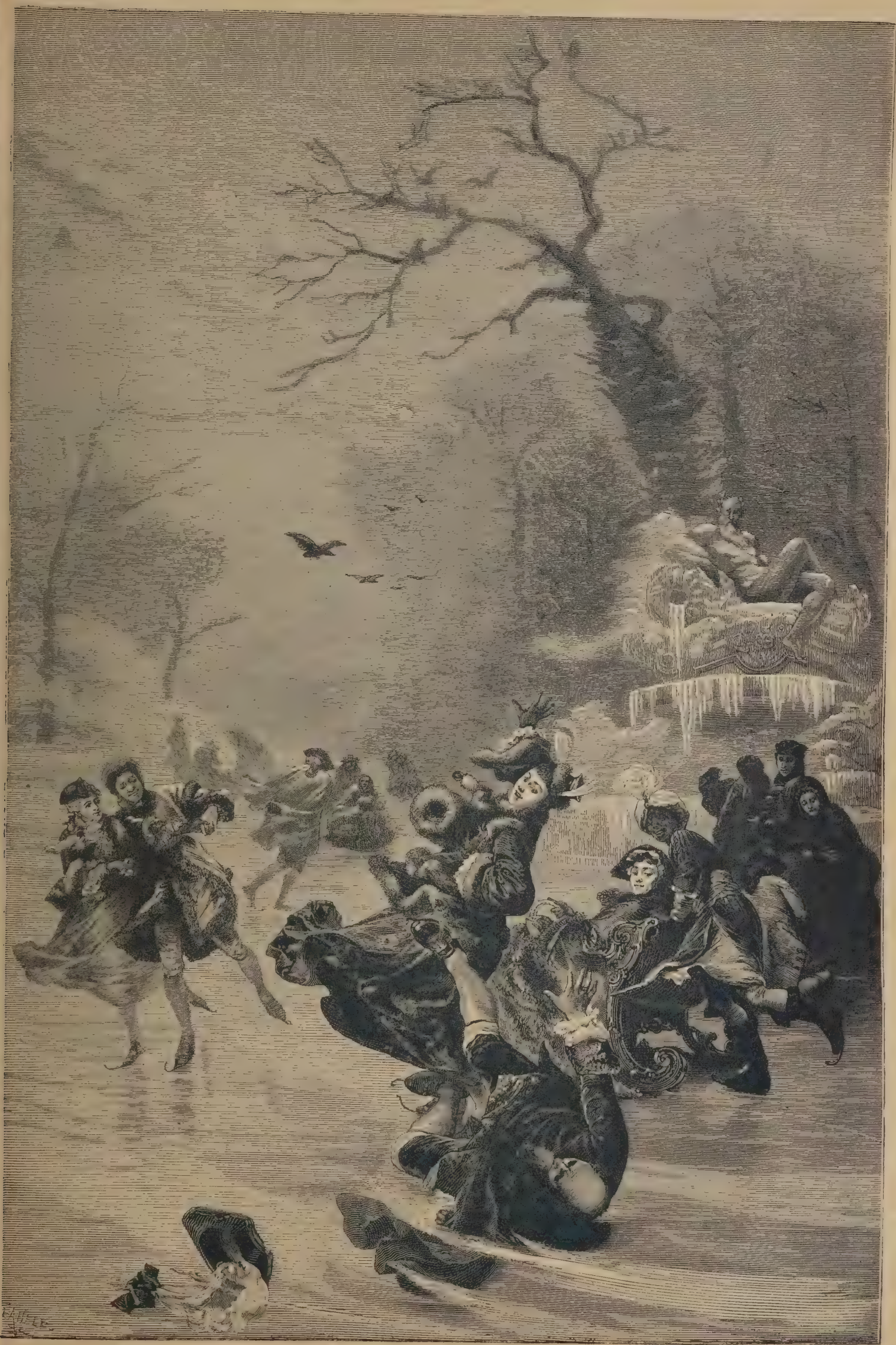
Невѣроятный шумъ поднялся, когда «Мопсъ», прозвище, которымъ маленькаго толстяка окрестили съ перваго дня поступленія въ школу, полѣзъ на качающійся столбъ. Работая руками и ногами, свѣшиваясь, маленькое толстое существо встало на столбъ, сдѣлало шага два, задохнулось и остановилось, совсѣмъ опустившись, пока наконецъ не раздалась сердитая команда: «да сходи прочь!» и онъ могъ со-

нѣе, но сознаться въ этомъ! Какая трусость!

Въ своей комнатѣ Мопсъ вѣчно сидѣлъ у стола, но онъ не учился, — онъ писалъ письма. Письма писались большими, неловкими буквами и всегда адресовались матери. У него нужно было насильно отнимать бумагу и выгонять его изъ комнаты, когда законы школы предписывали прогулку. Сдѣланное нами затѣмъ открытіе было вѣдомъ всему. Мопсъ поступилъ въ училище послѣ лѣтнихъ вакацій, и только на Рождество могъ поѣхать домой, и мы замѣтили, что онъ устроилъ себѣ родъ календаря, написавъ всѣ дни, которые оставались до праздниковъ и вычеркивая каждый прошедшій день. Съ утра до вечера у него, должно быть, не было другой мысли, какъ: — сегодня можно еще одинъ день вычеркнуть.

Когда мы это пронюхали, бѣдняку не было покою.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Ф. МАНДЛЕ.

НА КАТКѢ (ИЗЪ ЖИЗНИ XVIII ВѢКА).

— Мопсъ, что подбывает твой календарь?—Мопсъ, сколько еще осталось дней до Рождества?—Мопсъ, директоръ сказалъ, что не пуститъ тебя домой. — И мальчикъ блѣднѣлъ, слыша послѣднія слова, хотя онъ прекрасно зналъ, что это только злая шутка. Его испугъ вызывалъ еще большій смѣхъ,—онъ такъ глупъ, этотъ Мопсъ! Всему вѣрить!

Между тѣмъ наступилъ ноябрь, стало холодно. Гимнастикой мы стали заниматься въ закрытомъ помѣщеніи; гимнастическій плацъ стоялъ пустой и заброшенный.

Однажды мы, домашніе ученики,—такъ назывались пансіонеры заведенія, въ теплыхъ, наглухо застегнутыхъ зимнихъ пальто, отправились въ садъ на обычную прогулку. Вдругъ я замѣтилъ, что подлѣ стѣны, отдѣлявшей садъ отъ гимнастическаго плаца, собрались школьники, чему-то смѣялись и нетерпѣливо звали остальныхъ. Я подошелъ тоже.

— Тише, Мопсъ дѣлаетъ гимнастику! — Онъ не долженъ замѣтить, что за нимъ наблюдаютъ.

И дѣйствительно, заложивъ руки въ карманы пальто, толстякъ одиноко прогуливался по плацу, толкаясь между всѣми лѣстницами, шестами, столбами, нужными для занятій гимнастикой. Онъ низко наклонилъ свою большую голову и очевидно о чемъ-то размышлялъ. Глаза его постоянно обращались на столбъ, который вытянулся по серединѣ плаца. Наконецъ онъ рѣшился и полѣзъ на него, но такъ неловко, что черезъ минуту онъ свалился. Мы всѣ едва удерживались отъ громкаго смѣха. И что это ему вздумалось? Очевидно онъ размышлялъ, удастся-ли ему пройти по столбу. Но зачѣмъ? Съ какою цѣлью? Отъ нечего дѣлать или ради практики? Но это такъ на него не похоже.

Наконецъ, онъ, должно быть, разсудилъ, что пальто ему мѣшаетъ, и что въ немъ онъ никогда не достигнетъ своей цѣли. Не смотря на холодъ, онъ снялъ пальто и положилъ его на доску. Замѣтно было, что ему очень холодно, руки его посинѣли, пальцы вздулись.

Но что это? Онъ осторожно оглянулся, не видитъ-ли его кто нибудь. Всѣ головы, торчавшія на стѣнѣ, исчезли. Онъ сложилъ свои маленькія застывшія ручки и будто молился. Неужели онъ молится, чтобы ему удалось пройти по столбу? Неужели?..

За стѣной хихикали, судорожно сдерживая громкій смѣхъ. Наконецъ Мопсъ кончилъ и снова пошелъ по мачтѣ, далеко отодвинувъ руки отъ туловища, какъ-бы желая сохранить равновѣсіе. На лицѣ его можно было прочесть, что дѣло идетъ о жизни и смерти.

Сначала, пока у него подъ ногами была голстая часть мачты, дѣло шло кое-какъ. Но чѣмъ дерево становилось тоньше, тѣмъ ему труднѣе было подвигаться. Не смотря на это, очень можетъ быть, что онъ добрался-бы счастливо до конца, если-бы жестокость его товарищей не помѣшала ему. Изъ-за стѣны вдругъ появились головы и поднялись крикъ и хохотъ:

— Мопсъ, упадешь! Мопсъ, упадешь!

Видно было, какъ бѣднякъ испугался. Но онъ не хотѣлъ отказаться отъ своего предпріятія. Стиснувъ зубы, онъ направился дальше. Школьники быстро перелѣзли черезъ стѣну. Одинъ изъ нихъ ухватился обѣими руками за длинный свободный конецъ качели и принялся ее сильно раскачивать. Маленькій толстякъ съ трудомъ удерживался на мачтѣ. «Оставь!» закричалъ онъ, но тотъ продолжалъ раскачивать. Черезъ минуту маленький Мопсъ сосколь-

знулъ на землю. Кругомъ поднялся хохотъ. Но вдругъ Мопсъ, который никогда никого не затронулъ и при всѣхъ дракахъ уходилъ, какъ улитка въ свою раковину, какъ бѣшеный, бросился на мальчика, который помѣшалъ ему, и принялся колотить его обѣими кулаками. Тотъ, конечно, отвѣчалъ тѣмъ-же, товарищи стали ему помогать—это вѣдь была неслыханная дерзость со стороны Мопса! Черезъ минуту маленький мальчикъ лежалъ, обхвативъ мачту обѣими руками и отчаянно рыдалъ.

Онъ не замѣчалъ, что шапка свалилась у него съ головы, что онъ былъ безъ пальто. Наконецъ старшіе вступились и отогнали мучителей, которые продолжали стоять кругомъ и подсмѣивались. Мопса пробовали поднять, уговаривали его, ничто не помогало. Заглушенное рыданіе и отчаянное качаніе головой были его единственнымъ отвѣтомъ.

Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не пришелъ дежурный наставникъ. Каждую недѣлю на обязанности одного изъ учителей лежало слѣдить за уроками и рекреациями учениковъ и такъ какъ наше заведеніе было архи-классическое, то такой дежурный недѣльный надзиратель и носилъ у насъ названіе гебдомадара—по гречески. На эту недѣлю такимъ гебдомадаромъ пришлось быть профессору Даніэлю, большому, толстому, но чрезвычайно доброму и добродушному человѣку.

Онъ гулялъ въ далекомъ углу сада и услышавъ шумъ и крики, поспѣшно, на сколько это допускала его толщина, пришелъ къ намъ на гимнастическій плацъ. Не спрашивая никого, онъ подошелъ къ Мопсу, который все еще лежалъ у столба; своей широкой, полной рукой погладилъ его по головѣ и вспутаннымъ волосамъ.

— Мопсикъ? Мопсикъ? Что тебѣ сдѣлалъ?

Услыхавъ ласковый голосъ стараго учителя, мальчикъ медленно приподнялся. Лицо его было красно и заплакано, и онъ продолжалъ рыдать и захлебываться.

— Дайте ему его пальто, — приказалъ старшій Даніэль, — Зачѣмъ ты снялъ его? Въ такой холодъ?—спрашивалъ онъ, наклонившись къ мальчику. Но Мопсикъ молчалъ.

— Онъ бѣгалъ по качающемуся бревну, — отвѣтили два-три голоса.

— Я не васъ спрашиваю, — выговорилъ имъ учитель. — Пусть Мопсикъ самъ мнѣ скажетъ; зачѣмъ ты влѣзъ на это бревно? Скажи мнѣ. — Мопсикъ замѣтно успокоился, видно было, что онъ готовъ сейчасъ сказать, но что какой-то стыдъ удерживаетъ его отъ признанія. Онъ вынулъ платокъ изъ кармана пальто, которое мы ему снова надѣли, вытеръ слезы и песокъ съ лица.

Но старшій Даніэль былъ терпѣливъ. Сердце у него было доброе и отзывчивое; онъ почувствовалъ въ душѣ этого ребенка глубокое горе, которое стыдливо скрывалось отъ любознательныхъ глазъ.

— Развѣ ты не хочешь мнѣ сказать, Мопсикъ? Мнѣ ты можешь все сказать.

Онъ сѣлъ на нижній край качающагося столба; мальчикъ стоялъ между колѣнными учителя, который держалъ въ своихъ рукахъ его руки.

— Моя... мать, — заговорилъ мальчикъ, но рыданіе перехватило его голосъ.

Даніэль снова погладилъ его по головѣ.

— Моя мать... писала... она такъ больна... и... и...

Слезы ручьемъ полились изъ глазъ мальчика, и онъ бросился на шею старому профессору. Едва можно было разобрать, что онъ говоритъ.

— И... она думаетъ... она не выздоровѣетъ. — Молча мы подошли ближе, — и я... я пошелъ... я думалъ... если я пройду въ конецъ по этому бревну и не упаду... я думалъ... это будетъ знакомъ... который мнѣ Господь пошлетъ... что моя мать поправится.

Старшій Даніэль крѣпко обнялъ мальчика.

— Что-же, ты дошелъ до конца?

— Я почти дошелъ, они приближали и сбросили меня.

Мальчика трясла лихорадка.

Даніэль поднялъ голову, и его, обыкновенно такіе ласковые, глаза посмотрѣли на насъ строго и презрительно. Онъ печально покачалъ головою и, наклонившись къ ребенку, проговорилъ:

— Бѣдное, бѣдное дитя!

Онъ подождалъ, пока Мопсикъ успокоился и пошелъ съ нимъ домой.

— Ступайте и вы домой, — приказалъ онъ намъ, — пора учиться.

Мы пошли за нимъ молча, сконфуженные, какъ преступники. На другой день старшій въ спальнѣ, гдѣ спалъ Мопсикъ, рассказывалъ намъ, что старшій Даніэль навѣщалъ его ночью.

Черезъ нѣсколько дней, мы сидѣли въ классѣ въ ожиданіи учителя, который вошелъ въ сопровожденіи стараго Даніэля.

— Мопсикъ, поди сюда, — сказалъ тотъ, усиливаясь говорить спокойно, но въ голосѣ его слышалась дрожь. Мальчикъ подошелъ къ нему, Даніэль взялъ его за руку; они вышли вмѣстѣ, и Мопсикъ больше къ намъ не вернулся.

Занятія кончились, мы побѣжали внизъ и въ передней увидели Мопса, совсѣмъ одѣтаго въ дорогу. Его сундукъ стоялъ подлѣ него. Что это значитъ? Уѣзжаетъ онъ? До начала каникулъ?

Онъ стоялъ, задумавшись, и не отвѣчалъ на вопросы, — отъ него ничего нельзя было добиться. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ старшій Даніэль, тоже одѣтый по дорожному. Мы пристали къ нему. Онъ сказалъ намъ въ полголоса, что получена телеграмма, что мать мальчика опасно заболѣла и чтобы его привезли домой.

Старшій профессоръ взглянулъ на мальчика.

— Не говорите ему, онъ ничего не знаетъ.

Мы промолчали. Мы даже не подошли къ нему; мы не доверяли себѣ. Потерять мать! — каждый изъ насъ чувствовалъ, что это значитъ. Маленькое существо, служившее цѣлью нашихъ насмѣшекъ, сдѣлалось носителемъ судьбы, при мысли объ осуществленіи которой наши сердца сжимались. Подѣхавъ экипажъ, старшій Даніэль подошелъ къ мальчику и сказалъ ему:

— Ну, пойдемъ, я отвезу тебя домой, къ твоей матери.

Мальчикъ поднялъ голову, радость освѣтила его лицо. Онъ хотѣлъ поднять сундучекъ, но мы бросились къ нему, каждый изъ насъ чувствовалъ потребность въ послѣдній разъ услужить ему.

— Прощай, Мопсикъ! Прощай!

Двадцать рукъ хватали его маленькія, посинѣвшія ручки и пожимали ихъ на прощаніе. По его удивленному лицу видно было, что онъ ошеломленъ и ничего не понимаетъ.

Его посадили въ экипажъ, старшій Даніэль сѣлъ рядомъ. Мопсикъ выглянулъ въ окно и поклонился намъ. Экипажъ тронулся. Мы медленно и молча вернулись на верхъ.

Мопсикъ больше къ намъ въ училище не вернулся. Не знаю, засталъ-ли онъ свою мать въ живыхъ, — я его больше никогда не встрѣчалъ. Никогда—до послѣдней безсонной ночи, когда все рассказанное мною снова встало въ моей памяти, и я снова все это пережилъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МОРЯКА.

Романъ ЛУИ БЕКЕ.

I.
Солькомбъ.

НА страницахъ старинной семейной Библии, картинки которой вы такъ любили разсматривать, мой дорогіи дѣти, на томъ листѣ, на которомъ записаны и ваши имена, вы найдете слѣдующую записку:

«Уильямъ Дью родился 28 февраля 1764 года».

Вашъ дѣдъ былъ хорошій, честный фермеръ, съ нѣкоторою наклонностью къ контрабандѣ. И кто въ то время въ нашей маленькой деревнѣ не былъ нѣсколько контрабандистомъ? Контрабанда была тогда распространена между обитателями всѣхъ сословій на англійскомъ берегу и на островѣ Уайтѣ; въ ней участвовали не только рыбаки, но и маленькіе фермеры, болѣе богатые сквайры и даже мѣстные служащіе. Говорятъ, что искусство провести боченокъ хорошаго бренди подъ носомъ у пограничной стражи еще и теперь не забыто.

Деревня, въ которой родились мой отецъ, я самъ и многіе изъ васъ, дѣти, называлась Солькомбъ. Она расположена была на томъ берегу Уайта, который приходился ближе къ Франціи. Въ моемъ дѣтствѣ, фермы доходили до самой каменной гряды, идущей вдоль берега, черезъ которую въ бурные дни били морскія волны и брызги долетали до садовъ деревни. Прибой волнъ бывалъ иногда такъ силенъ, что шумъ его слышался на другой сторонѣ острова. Повторяясь постоянно многія сотни лѣтъ, прибой продѣлалъ въ градѣ глубокія и мрачныя пещеры, которыя шли далеко въ глубь земли. Малѣйшая бухточка въ береговой линіи по обѣимъ сторонамъ Солькомба давала убѣжище контрабандистамъ для выгрузки ихъ товара, а естественные погреба представляли превосходные склады для французскаго бренди и тюковъ съ шелкомъ и другими предметами роскоши, которые такъ любить важныя барыни, мало думающія о томъ сколько крови пролито, сколько жизней заплачено за нихъ. Въ этихъ пещерахъ товары оставались пока не представлялся удобный случай перевезти ихъ на островъ или доставить на другой берегъ внутри страны.

Трудно доступныя съ земли, извѣстныя только близъ живущимъ, эти пещеры рѣдко находились таможенными. При всякомъ подобномъ открытіи многіе платились жизнью и весьма мало попадались въ плѣнъ и отправлялись въ тюрьму.

Въ то время у насъ царствовалъ Георгъ III и грозила война съ мятежными американцами, а никто тогда не думалъ, что она можетъ кончиться такимъ печальнымъ образомъ.

Отцу очень хотѣлось дать мнѣ какое нибудь образованіе, самъ онъ былъ нѣчто въ родѣ ученаго, потому что въ молодости воспитывался выше своего состоянія, и онъ отдалъ меня въ нашу деревенскую школу, гдѣ я оставался до шестнадцати лѣтъ. Нашъ старый школьный учитель служилъ когда-то въ военной службѣ и все толковалъ намъ, мальчикамъ, о войнѣ. Онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ подъ начальствомъ Марльборо и очень гордился полученной имъ раной въ ногу. Когда въ деревенскомъ трактирѣ заходила рѣчь о войнѣ, онъ говаривалъ, что хотя въ его годы и стыдно хвастаться, но онъ можетъ дать очевидное доказательство того, что онъ служилъ, и послѣ нѣсколькихъ упрямиваній показывалъ икру своей правой ноги и снисхо-

дилъ выпивать пинту эля за короля и на погибель его враговъ.

Время было неспокойное, Англія воевала съ испанцами, французами и голландцами; грозило возстаніе въ Америкѣ и бунты въ Лондонѣ. Видя, что моя голова достаточно набита солдатчиной и стремленіемъ участвовать въ сраженіяхъ съ врагами, мой отецъ взялъ меня изъ школы и заставилъ работать на фермѣ, надѣясь, что за плугомъ я забуду о красномъ мундирѣ. Мать около этого времени умерла, она постоянно хворала, и я боюсь, что страхъ за меня ускорилъ ей конецъ, потому что ее сильно огорчило мое желаніе поступить въ солдаты.

Смерть матери сильно на меня подѣйствовала, но хожденіе за плугомъ имѣло только то слѣдствіе, что усилило мои мечты о военной службѣ. Я колебался только, какую службу выбрать, гдѣ болѣе короткій путь къ славѣ, — идти-ли въ море сражаться съ испанцами и французами подъ начальствомъ Роднея и вернуться домой съ карманами, полными призовыхъ денегъ, или искать почестей и счастья въ войскахъ, посылаемыхъ въ Америку.

II.
Мэри Бродъ.

Такъ прошелъ годъ или два и я все неохотѣ и неохотѣ работалъ на фермѣ, по мѣрѣ чего усиливалось неудовольствіе моего отца. Иногда мнѣ приходило на мысль переправиться въ Портсмутъ и понастѣя вербовщикомъ, такъ чтобы мой отецъ не могъ предположить, что это случилось по моей волѣ. Но около этого времени Мэри Бродъ поступила въ услуженіе къ миссъ Фэрфаксъ, дочери солькомбскаго сквайра, и я, глухой мальчишка, влюбился въ нее съ перваго разу, какъ увидѣлъ ее. Любовь къ солдатчинѣ и любовь къ Мэри сдѣлали то, что моя голова была совѣсмъ не въ порядкѣ.

Сквайръ Фэрфаксъ жилъ въ Солькомбѣ Мэноръ-гаузѣ и былъ важнымъ челоѣкомъ въ околѣдѣ. Онъ былъ вдовецъ, имѣлъ сына и дочь; это былъ красивый, видный мужчина, лицо его съ пронизательными голубыми глазами ясно выражало его великодушное сердце и вспылчивый характеръ. Сынъ, его, Чарльзъ Фэрфаксъ, былъ лейтенантомъ морской службы въ то время какъ Мэри поступила къ нимъ, и я сильно ревновалъ его краснѣйшій мундиръ и золотыя голуны, которые по моему мнѣнію должны были произвести сильное впечатлѣніе на дѣвушку.

Отецъ Мэри былъ молодой французскій офицеръ, взятый въ плѣнъ и вмѣстѣ съ другими поселенный у насъ. Не смотря на то что солькомбцы не любили иностранцевъ, они нашли, когда этотъ офицеръ поселился между ними, что онъ красивый, пріятный челоѣкъ и онъ скоро нашелъ между ними друзей. Онъ происходилъ изъ гугенотской семьи, и потому неудивительно, что одна дѣвушка въ Солькомбѣ, полюбивъ его, вышла за него замужъ. Но на столько велико было вообще предубѣжденіе противъ иностранцевъ въ деревнѣ, что когда, вскорѣ послѣ рожденія дочери, онъ умеръ, въ деревнѣ нашли, что это наказаніе послано его жентъ за то, что она обвинялась съ иностранцемъ, хотя онъ былъ и протестантъ. Англичане передѣлали его имя въ Бродъ, и онъ сталъ такъ писать его и Мэри продолжала тоже. Послѣ смерти мужа, мать Мэри шитьемъ зарабатывала хлѣбъ, и часто

работала у Фэрфаксовъ, которые постарались дать ей дочери кое-какое образованіе. Затѣмъ онѣ поселились въ Ньюпортѣ, мать Мэри открыла маленькую лавочку, гдѣ я тратилъ всѣ свои карманныя деньги.

Я еще и теперь хорошо помню ея красивое лицо и граціозную фигуру. Она сильно отличалась отъ остальныхъ дѣвушекъ и манерами и лицомъ. Она наследовала красоту отца, его черные волосы и черные глаза, и въ приниженномъ положеніи прислуги умѣла держаться съ достоинствомъ.

Миссъ Шарлотта Фэрфаксъ была тогда избалованная молодая дѣвушка, умѣвшая постоять на своемъ; отецъ былъ сильно къ ней привязанъ и она дѣлала съ нимъ все, что хотѣла. Однажды въ Ньюпортѣ она зашла за какою-то мелочью въ лавку мистриссъ Бродъ и увидѣла Мэри.

— Боже мой, — сказала она, — какая прелестная дѣвушка! Скажите мнѣ, дитя мое, кто вы и откуда?

Обращеніе «дитя мое» не было по вкусу Мэри, она вздернула голову и что-то отвѣтила нелюбезно, хотя хорошо знала, кто говорилъ съ нею. Мистриссъ Бродъ услышала вопросъ, вошла въ лавку и объяснила, что онѣ такія, слѣдствіемъ чего было то, что Мэри поступила въ услуженіе въ Мэноръ-Гаузъ въ качествѣ горничной миссъ Шарлотты.

Дочери сквайра было тогда двадцать два года, а Мэри восемнадцать. Миссъ Фэрфаксъ была красивая блондинка съ голубыми глазами: голова ея была заполнена различными глупостями и презрѣніемъ къ деревенской жизни, гдѣ она не могла выказать своего умѣнія держаться въ обществѣ, чему она выучилась отъ своихъ родственниковъ въ Лондонѣ. Съ Мэри она обращалась скорѣе какъ съ другомъ, а не какъ съ прислугой, скоро стала ея повѣрною, и я полагаю, что сильный, рѣшительный характеръ Мэри скоро подчинилъ себѣ слабохарактерную миссъ Шарлотту, которая только по имени была госпожей. Только благодаря этой силѣ воли, Мэри могла вынести все то, что ей пришлось вынести изъ-за Уилла Брайента.

Брайенты были ирландцы и жили въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Солькомба, гдѣ, нельзя сказать, чтобы ихъ особенно любили, — наши островитяне полагали, что всѣ ирландцы непремѣнно симпатизируютъ французамъ, которыхъ мы всей душой ненавидѣли въ то время. Я помню, что много лѣтъ спустя, когда ходили слухи о вторженіи Бонапарта, который хотѣлъ сдѣлать изъ насъ папистовъ или снять наши головы, мы составили отряды волонтеровъ, — въ которыхъ служили безъ жалованья, для защиты острова. Къ счастью, для Брайентовъ, они были протестанты, и благодаря этому ихъ подозрѣвали менѣе, чѣмъ если-бы они были паписты. Вся семья ихъ — отецъ, мать и два сына — занимались или контрабандой или браконьерствомъ, и старшій сынъ, Уильямъ, былъ одинъ изъ извѣстныхъ и ловкихъ контрабандистовъ острова. Онъ говорилъ, что работаетъ, какъ лодочникъ между Портсмутомъ и Райдомъ, но что-то здѣсь онъ мало зарабатывалъ. Но деньги у него всегда водились. Это и его красивая наружность, я думаю, привязали къ нему Мэри Бродъ.

Однажды осенью 1786 года я гулялъ по берегу, не спуская глазъ съ фрегата, который на всѣхъ парусахъ проходилъ въ виду, и ду-

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА А. РИЧЧИ.

Старый шутникъ.

мая, какъ-бы я дорого далъ, чтобы быть на немъ капитаномъ, какъ обернувшись, я увидалъ Мэри, которая подходила ко мнѣ. — «Быть капитаномъ Уилльямомъ Дью и жениться на Мэри! Большаго нельзя и желать!» — Я поспѣшилъ къ ней навстрѣчу. По взгляду ея я угадалъ, что она вовсе не рада моему обществу, но, не смотря на это, я подошелъ къ ней.

— Боятесь вы меня или я такъ вамъ неприятенъ, что вы не желаете, Мэри, остановиться поговорить со мной? — сказалъ я сердито.

— Васъ боятся, Уилльямъ Дью? — вскричала она, ея черные глаза гнѣвно вспыхнули. — Нечего сказать, хороша я буду, если буду бояться такого, много о себѣ думающаго мальчишки, какъ вы.

— Значить, я вамъ противенъ.

— Нѣтъ, вы мнѣ не противны. На то нѣтъ причинъ. Боятся васъ въ самомъ дѣлѣ! — И она покачала своей маленькой головкой и пожала плечами. — Такія дѣвушки, какъ я, не боятся подростковъ, которые весь день ходятъ за отцовскимъ плугомъ, пьютъ снятое молоко вмѣсто хорошаго элю, какъ настоящіе простофили.

Я разсердился и сказалъ, что лучше ходить за плугомъ, чѣмъ быть контрабандистомъ. Ея бѣлые зубы сверкнули между пунцовыми губками.

— О, да, вы совѣтъ порядочный человѣкъ, признаюсь, но будь я мужчиной, я бы не побоялась помочь сложить грузъ. Во всякомъ случаѣ не стала бы торчать всю жизнь въ ничтожной деревушкѣ. Я захотѣла бы повидать свѣтъ, какъ...

— Какъ лейтенантъ Фэрфаксъ? И вернуться съ золотыми галунами и ухаживать за хорошенькой горничной своей сестры.

— Нѣтъ, я не думала о мистерѣ Фэрфаксѣ, а если-бы и такъ, то во всякомъ случаѣ это не ваше дѣло, господинъ Дью. Я хотѣла назвать Уилля Брайента.

Въ такомъ родѣ были всѣ наши разговоры при встрѣчахъ, — я страшно ревновалъ. Несомнѣнно, что въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ, какъ Солькомба, всякій интересовался дѣлами сосѣда, и скоро стали говорить, что лейтенантъ Фэрфаксъ ухаживаетъ за горничной своей сестры и что ихъ не одинъ разъ видѣли вмѣстѣ. Теперь, когда я повидаль свѣтъ, я убѣжденъ, что не всегда нужно вѣрить тому, что женщины говорятъ о другихъ женщинахъ, особенно если тутъ замѣшались мужскія имена, но тогда я страшно страдалъ при мысли, что Мэри одинаково расположена къ лейтенанту и Уиллю Брайенту, котораго, я зналъ, она очень любила.

Первое время, когда Мэри только что поступила въ Мэноръ-гаузъ, она часто со мной гуляла и была со мной ласкова, но это продолжалось недолго, недѣли двѣ, три, до появленія Уилля Брайента, когда шансы мои сильно упали. Много тутъ была виновата хорошенькая миссъ Фэрфаксъ, какъ я впоследствии узналъ; она все твердила Мэри, какой красивый, мужественный человѣкъ этотъ Брайентъ. И неудивительно, что онъ нравился женщинамъ, онъ дѣйствительно былъ очень красивъ, такой статный, стройный.

Я рѣшился серьезно поговорить съ Мэри, когда мы встрѣтились.

— Простите меня, Мэри, сказалъ я, — но мнѣ невыносимо видѣть васъ въ такой дружбѣ съ человѣкомъ, у котораго такой сердитый отецъ, какъ сквайръ Фэрфаксъ. Вы знаете, что онъ никогда не допуститъ... и... и... Мэри,

дорогая, мнѣ невыносимы людскіе толки, когда васъ такъ часто видятъ вмѣстѣ.

— Превосходно, Уилльямъ Дью! Но какъ вы смѣете говорить со мной такимъ тономъ, будто я глухой ребенокъ?

— Мэри, вы знаете, почему я такъ говорю, вы знаете, какъ я васъ люблю. Если-бы я былъ увѣренъ, что Уилль Брайентъ стоитъ васъ, я разбилъ-бы свое сердце прежде, чѣмъ заговорилъ съ вами въ такомъ духѣ. А теперь я говорю потому, что считаю своею обязанностью сказать вамъ, что этотъ франтъ съ золотыми галунами играетъ вами.

Она ступила шагъ впередъ, глаза ея металіи гнѣвные искры. — Уилльямъ Дью, сказала она, — во всю свою жизнь я не скажу съ вами больше ни слова. Никогда не прошу васъ вашей дерзости. Любить меня, въ самомъ дѣлѣ! Глупый мальчишка! Уилль Брайентъ стоитъ дюжины такихъ, какъ вы. Послужите отечеству, тогда вы можете что нибудь сказать о себѣ, а Уилль Брайентъ служилъ, да... — она повернулась и пошла прочь.

— Одно слово, Мэри, будете-ли вы обо мнѣ иначе думать, если я поступлю на службу? Могу я падѣяться, когда вернусь со службы?

— Обѣщать вамъ ничего не могу, Уилльямъ Дью. Но если у васъ хватитъ мужества быть мужчиной и повидать свѣтъ, всѣ станутъ думать о васъ лучше.

Мэри ушла и оставила меня размышлять о ея словахъ, которые были для меня причиной многихъ бѣдствій. Теперь я знаю, — она ничего дурного не думала, она хотѣла только ободрить меня.

III.

Уилль Брайентъ убѣждаетъ меня взяться за дѣло.

Слова Мэри Бродъ такъ воспламенили меня, что я рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ поступить въ армію или во флотъ. И для того чтобы сдѣлаться человѣкомъ и не быть простакомъ, я сталъ посѣщать пивныя въ окрестностяхъ Солькомба и изучать громкіе разговоры и манеры посѣтителей. Однажды вечеромъ, въ одной изъ такихъ тавернъ я встрѣтилъ Уилля Брайента. Мы заговорили и скоро нашъ разговоръ перешелъ на Мэри Бродъ. Хотя я и сильно ревновалъ Брайента, но онъ былъ такъ добродушенъ, казался такимъ сильнымъ, что я, даже зная, что онъ бездѣльникъ, не могъ на него сердиться, а бездѣльникъ, не могъ на него сердиться, а одна-другая пинта эля, которымъ онъ меня угостилъ, развязали мой языкъ. Мое ухаживаніе за его милой видимо не раздражало его, и онъ, казалось, жалѣлъ меня. Онъ, должно быть, смотрѣлъ на меня, какъ на подростка, и прежде чѣмъ мы разстались, мы были почти друзьями.

Дѣло было такимъ образомъ: Уилль спросилъ меня, давно-ли я видалъ Мэри? На это, ежеминутно опасаясь, что онъ разсердится и поколотитъ меня или другого, я рассказалъ ему о молодомъ Фэрфаксѣ.

Онъ откинулся назадъ и громко расхохотался. — О, я знаю, въ чемъ дѣло. Ничего дурного. Молодой Фэрфаксъ наивнѣйшій господинъ, какой когда либо существовалъ, а Мэри превосходная дѣвушка, какихъ на свѣтѣ не бываетъ, — въ глазахъ его появилось лукавое выраженіе. — Я знаю, мистеръ Фэрфаксъ любитъ дѣвушку и сейчасъ-бы женился на ней, если-бы могъ получить согласіе старика, которое ему такъ-же легко получить, какъ мнѣ сдѣлаться командиромъ семидесяти четырехъ пушечнаго корабля. Мэри забавляется, общая выйти за него замужъ, когда старикъ дастъ согласіе.

— Но не думаете-ли вы... — началъ я, но онъ прервалъ меня.

— Я ничего не думаю! Эта дѣвушка, когда ей надоѣстъ ея забава и онъ уйдетъ въ море, вернется ко мнѣ. Когда я буду, наконецъ, имѣть возможность, я женюсь, хотя люди навѣрное скажутъ, что ей лучше повѣнчаться съ чортомъ.

Я давно уже зналъ, что онъ имѣетъ на нее сильное вліяніе и чувствовалъ, что онъ былъ правъ и что, можетъ, едва захочетъ, жениться на ней.

— Да, Уилльямъ, — продолжалъ онъ, — Мэри хорошая дѣвушка, и если я женюсь на ней, я хочу, чтобы у нея былъ свой уголъ, а теперь я этого дать не могу. А покаместъ мы оба любимъ свою свободу и торопимся нечего.

— Какъ-бы я хотѣлъ имѣть ваше счастье, Уилль, я охотно отдалъ-бы свою свободу! — съ горечью замѣтилъ я.

— Ничего, молодецъ. Придетъ и ваша очередь, и вы встрѣтите дѣвушку, которая будетъ для васъ такой-же хорошей женой, какой могла-бы быть Мэри. Только не вѣшайте такъ носа. И почему вамъ не отправиться въ море и не повидать свѣтъ? Полагаю, вы во всю свою жизнь не были дальше Портсмута?

— Вы правы, Уилль. Я ничего не видалъ; я былъ только два раза въ Портсмутѣ и разъ въ Соутгэмптонѣ. Не всякому удается служить на королевскомъ кораблѣ и сражаться съ французами, какъ вамъ. Я охотно пробѣжалъ-бы въ Индію, но не хочу служить на купеческомъ кораблѣ; притомъ здѣсь такъ мало пристаевъ купеческихъ кораблей.

— Вамъ нужно подучиться. Пойдемъ съ нами, поучитесь управлять лодкой. Это будетъ лучше, чѣмъ ходить за плугомъ и донти коровъ.

Мы выпили вторую пинту эля и я сдѣлался весьма храбрымъ.

— Охотно, сказалъ я, — но я очень неловко управляюсь на водѣ, и могу надѣлать глупостей.

— Вотъ въ чемъ дѣло, Уилльямъ, вы можете помочь намъ, не правя лодкой. Нужно выгрузить по близости Солькомба небольшой грузъ, и если у васъ хватитъ мужества и вы поможете намъ, вы даже заработаете немного деньжонокъ. Это поможетъ вамъ сдѣлаться человѣкомъ.

— Уилль, я понимаю, что вы хотите сказать, но я не хотѣлъ-бы быть контрабандистомъ.

— Почему нѣтъ? серьезно спросилъ онъ. — Видѣ вашъ отецъ покупаетъ французское бренди, когда его выручаютъ. Даже сквайръ Фэрфаксъ не прочь воспользоваться хорошимъ товаромъ...

Такими и подобными имъ рѣчами Уилль Брайентъ уговорилъ меня принять участіе въ моемъ первомъ и послѣднемъ контрабандномъ приключеніи, то есть въ послѣднемъ, въ которомъ я игралъ роль контрабандиста.

IV.

Что вышло изъ того, что я послушался дурныхъ совѣтовъ.

Ночь двѣ спустя, согласно данному обѣщанію, я встрѣтилъ Уилля Брайента въ милѣ отъ Солькомба, въ уединенномъ на берегу мѣстѣ. Ночь была темная, и хотя было тихо, но волны били о скалы и бѣлая пѣна прибой сверкала въ темнотѣ. Мы высматривали контрабандный люгерь, которому нужно было подать сигналъ о возможности выгружать, и

для этой цѣли у Брайента подъ плащемъ былъ спрятанъ фонарь.

Я ужасно боялся, я чувствовалъ, что въ такую тихую и темную ночь, таможенная стража будетъ на ногахъ и меня изловятъ на первой попыткѣ ограбить короля.

Вдругъ мой спутникъ сказалъ:—Теперь около полуночи, Уилльямъ. Стойте здѣсь, а я пойду съ фонаремъ поближе къ скаламъ, отсюда я легче увижу. Если вы замѣтите или услышите что-нибудь, идите спокойно по этой тропинкѣ и скажите мнѣ. Если съ вами кто-нибудь заговоритъ, отвѣчайте громко, чтобы я могъ услышать, тогда я буду знать, что нужна осторожность. Я буду лежать тамъ на скалахъ, какъ разъ надъ вашей головой и могу все слышать.

Я отвѣчалъ шепотомъ, что исполню все. Онъ ушелъ по тропинкѣ, а я остался одинъ, со страхомъ вглядываясь въ темноту. Я простоялъ такимъ образомъ минуты двѣ-три, которыя мнѣ показались за столько же часовъ, какъ слышалъ звукъ заглушенныхъ шаговъ, звукъ послышался со стороны тропинки, по которой ушелъ Уилль. Я пошелъ навстрѣчу, думая, что онъ вернулся, еще что-нибудь передать мнѣ. Но моментально, прежде чѣмъ я могъ опомниться, меня схватило нѣсколько рукъ, на голову мнѣ набросили мѣшокъ и связали ноги.

— Всунь этому мошеннику что-нибудь въ ротъ и пристукни его хорошенько, если онъ пошевеливается,—шепотомъ проговорилъ кто-то.

— И такъ будетъ съ него, сударь, онъ не шевелится,—отвѣчалъ другой?

Я зналъ, что случилось, однако, мнѣ приятно вспомнить, что въ такую минуту моя первая мысль была о Брайентѣ и что онъ обо мнѣ подумаетъ. Неужели онъ подумаетъ, что я предалъ его. Но скоро я убѣдился, что мнѣ нечего этого опасаться.

— Нездѣ, отнеси его въ пещеру и покарауль его тамъ. Союзгѣтъ, поднимись на верхъ и прикажи остальнымъ принести сюда и другую птичку. Смотрите, чтобы у обоихъ были завязаны рты, а то на шумитъ,—распорядился офицеръ.

Меня протащили въ одну изъ небольшихъ пещеръ подальше на берегу и скоро послышались шаги и шепотъ людей, несущихъ какую то тяжесть, и Уилль Брайентъ былъ брошенъ со мной рядомъ.

— Мистеръ Бельтонъ, ступайте съ этимъ фонаремъ туда на скалы, и какъ только вы увидите судно, покажите имъ три раза огонь быстро одинъ за другимъ. Когда они будутъ приставать и окликнуть, отвѣчайте, «все благополучно!» и спѣшите назадъ, намъ будутъ нужны все наши люди.

Я слышалъ, какъ мистеръ Бельтонъ ушелъ и со страхомъ думалъ, что будетъ со мной. Офицеръ отдалъ еще кое-какія приказанія, зажегъ другой фонарь и приказалъ раскрыть наши головы, онъ хотѣлъ знать, кто его плѣнники.

Въ полусвѣтѣ я увидѣлъ, что насъ окружало человѣкъ двѣнадцать солдатъ съ обнаженными тесаками въ одной рукѣ и съ заряженными пистолетами въ другой, а бѣдный Уилль Брайентъ лежалъ на спинѣ, ротъ его былъ заткнутъ паклей, а руки и ноги крѣпко связаны. Когда свѣтъ упалъ на его блѣдное и окровавленное лицо, я замѣтилъ, что онъ смотрѣлъ на меня съ выраженіемъ такой несправедливости, что мнѣ сдѣлалось страшно, но черезъ минуту онъ увидѣлъ, что я точно также лежу связанный и съ вѣдомъ во рту, выраженіе его лица

смягчилось, и я зналъ, ему стало жаль, что запуталъ меня.

— О!—вскричалъ офицеръ, освѣщая наши лица,—знакомые оба, но васъ то, Дью, я никакъ не ожидалъ здѣсь встрѣтить. Я думалъ, что вы порядочный, нравственный юноша.

— Это въ первый разъ, лейтенантъ, увижу васъ, что въ первый разъ,—сказалъ я дрожащимъ голосомъ, меня въ эту минуту освободили отъ кляпа. Я зналъ хорошо этого офицера, онъ былъ довольно друженъ съ моимъ отцомъ.

— О, конечно! Только нечего пищать. Пищаніе не заставитъ вѣрить вамъ. Что касается другого молодца, Уилль Брайентъ, вамъ это не пройдетъ даромъ! Я давно за вами слѣжу, милѣйшій; вы постоянно участвовали въ этой игрѣ.

— Вы задумаете этого человѣка, сударь,—сказалъ я со слезами.—Прикажете вынуть у него изо рта кляпъ.

— Не беспокойтесь, мой пѣнный юноша; его задумаетъ другимъ способомъ. Если я его освобожу отъ кляпа, онъ вспугнетъ судно, которое теперь должно быть близко. Я его слишкомъ хорошо знаю.—Офицеръ повернулся и вышелъ изъ пещеры. Но черезъ минуту быстро вернулся, переговорилъ шепотомъ съ своими людьми, которые все, кромѣ одного, ушли за нимъ. Огонь въ пещерѣ былъ еще ранѣе потушенъ и мои глаза привыкли настолько къ темнотѣ, что я могъ различать большой тукъ въ одномъ углу,—я зналъ, что это Уилль Брайентъ, и лицо караульнаго, который стоялъ между нами съ обнаженнымъ тесакомъ.

— Лежать спокойно, малый, сказалъ онъ,—а не то я тебя по своему успокою... А это мнѣ не по вкусу, ты еще слишкомъ молодъ.

Я заговорилъ, но онъ ударомъ тесака заставилъ меня молчать и въ эту минуту раздался окликъ «все въ порядкѣ!» Послышался скрипъ приставшей лодки, шепотъ людей, выгружавшихъ контрабанду. Затѣмъ раздался голосъ лейтенанта: «Сдавайтесь!»

Вѣшенный ревъ былъ отвѣтомъ. Послышался стукъ оружія, выстрѣлы, брань и проклятія, наконецъ, стоны. Я трясся при мысли, сколько будетъ убитыхъ и что скажетъ мой отецъ завтра, узнавъ, что его сынъ замѣшанъ въ такомъ дѣлѣ. Борьба продолжалась недолго, всего нѣсколько минутъ, которыя мнѣ показались цѣлыми часами. Наконецъ, раздался шагъ, пещера освѣтилась и въ нее вошли солдаты таможенной стражи со своими плѣнниками, которыхъ было всего восемь и большая часть изъ нихъ были ранены. Солдаты тоже сильно пострадали,—контрабандисты были не изъ такихъ, которые безобидно дадутъ захватить себя. Но вообще дѣло было не очень серьезно, хотя моимъ неопытнымъ глазамъ оно казалось страшно кровавымъ.

Контрабандисты вошли въ пещеру, бранясь и ругаясь, что ихъ предали, называя Уилля Брайента предателемъ, но увидавъ его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, они поняли, что онъ не виноватъ.

Командующій офицеръ приказалъ всѣхъ насъ заковать и тогда только былъ вынутъ кляпъ изо рта бѣднаго Уилля. Первые слова, которыя онъ произнесъ, были сказаны въ мою защиту.

— На этотъ разъ вы изловили насъ, господинъ лейтенантъ, сказалъ онъ,—по этотъ мальчикъ тутъ не при чемъ. Я привелъ его съ собою и онъ не имѣлъ понятія о нашемъ предпріятіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЯ НАУЧНЫЯ ОТКРЫТІЯ

Открытіе профессора Рентгена.—Планета Марсъ и открытія на ней астронома Лауэлли.

XIX вѣкъ есть вѣкъ всевозможныхъ открытій, которыя, чѣмъ больше мы приближаемся къ концу вѣка, тѣмъ чаще слѣдуютъ одно за другимъ съ замѣчательною быстротой и во всѣхъ областяхъ знаній. Къ такимъ открытіямъ можно смѣло отнести недавнее открытіе, сдѣланное профессоромъ физики вюрбургскаго университета Рентгеномъ. Онъ открылъ новый родъ свѣтовыхъ лучей, невидимыхъ для глаза, которые онъ назвалъ «X-лучами». Они имѣютъ способность воздѣйствовать на флуоресцирующие предметы и на фотографическія пластинки и проникаютъ сквозь почти все предметы, непроницаемые для обыкновенныхъ свѣтовыхъ лучей. Они проходятъ сквозь дерево и всякія органическія вещества. Соли кальція, барія, стронціана, кости и металлы ихъ не пропускаютъ.

Профессоръ Рентгенъ попалъ на свое открытіе совершенно случайно. Ему понадобилось для какого-то опыта пропустить сильный электрическій токъ сквозь круковскую безвоздушную трубку. Черезъ нѣсколько времени онъ замѣтилъ на приготовленной въ нѣкоторомъ отдаленіи бумагѣ какія-то линіи, которыя до сихъ поръ при дѣйствіи электрическаго тока не замѣчались. Онъ продолжалъ наблюденія и замѣтилъ, что при всякомъ проявленіи пока, стѣна, покрытая растворомъ ціанистаго барія и ціанистой платины, начинала свѣтиться, т.-е. флуоресцировать зеленымъ цвѣтомъ, между тѣмъ какъ лучъ свѣта, вызвавшій это явленіе, былъ вполне невидимъ наблюдателю. Это свѣтовое явленіе дѣйствовало на разстояніи двухъ метровъ и проходило почти черезъ все плотные предметы. Для произведенія этого опыта могутъ служить все приборы, подобные извѣстной въ физикѣ гейслеровой трубкѣ, напр. приборы Гитторфа, Ленара, Крука. Напомнимъ, что гейслеровой трубкой называется безвоздушная стеклянная трубка, съ двухъ сторонъ которой впаяны платиновыя проволоки, приводимыя въ соприкосновеніе съ анодомъ и катодомъ румкорфовой спирали, причемъ катодъ начинается иеу-скать лучи, а въ трубкѣ появляется зеленоватый свѣтъ, отъ котораго исходятъ, должно быть, тѣ невидимые лучи, дѣйствіе которыхъ открыто профессоромъ Рентгеномъ.

Трубку, сквозь которую былъ пропущенъ электрическій токъ отъ румкорфовой спирали, закрывали чернымъ непроницаемымъ для обыкновеннаго свѣта картономъ и поставленный вблизи прибора бумажный экранъ, смазанный растворомъ ціанистаго барія и ціанистой платины, въ совершенной темнотѣ свѣтилъ зеленоватымъ свѣтомъ при такой-же обстановкѣ фотографировали закрытую шкатулку. Невидимые лучи проникли черезъ все преграды и отпечатились на находившейся въ ней металлической равновѣсѣ, который превосходно отпечатался на фотографіи. Эти лучи такъ-же легко проходятъ сквозь все считавшіяся до сихъ поръ не проникаемыми предметы, какъ обыкновенные лучи проходятъ сквозь стекло. На фотографіи, снятой съ человѣческой руки, отчетливо отпечатался скелетъ руки, на одномъ пальцѣ которой свободно надѣты кольца. Для снятія фотографій этимъ способомъ нѣтъ надобности въ настоящемъ фотографическомъ аппаратѣ, крышка, которую обыкновенно поднимаютъ при снятіи фотографіи обыкновеннымъ путемъ, въ этомъ случаѣ можетъ не

открываться. Съ негативомъ поступаютъ какъ при обыкновенномъ фотографированіи.

«Х—лучи» невидимы для глаза, не развиваютъ теплоты, ни въ чемъ не преломляются, сквозь воду проходятъ прямо и не оказываютъ никакого вліянія на магнитъ. Ни увеличительныя стекла, ни призмы не заставляютъ ихъ уклоняться въ сторону. Они проходятъ не волнообразно, какъ обыкновенный свѣтъ, но прямо. Толщина предметовъ нисколько не мѣшаетъ имъ проходить сквозь нихъ; напр. между фотографируемымъ предметомъ и трубкой поставили книжку въ тысячу листовъ и она не помѣшала снятію фотографіи. Пластики вулканизированнаго каучука и алюминіевыя пластинки пропускаютъ Х—лучи, хотя, можетъ быть, нѣсколько ослабляютъ ихъ. Фотографическія пластинки и подготавливаемая бумага чрезвычайно чувствительны къ ихъ проявленію. Наблюденія надъ свойствомъ этихъ лучей заставляютъ думать, что это не ультрафіолетовые и не катодическіе лучи, а профессоръ Рентгенъ склоняется къ тому мнѣнію, что это продольныя вибраціи эфира.

На первенство въ чести этого открытія, которому предстоить великая будущность въ медицинѣ, особенно при опредѣленіи діагноза, уже заявлены претензіи, между прочимъ венгерскимъ профессоромъ физики Леноромъ, но Рентгенъ отрицаетъ его заявленія и только стремится усовершенствовать свое открытіе.

Въ Вѣнѣ у двухъ больныхъ, подлежащихъ операціи профессоромъ Мозетигомъ, сняты были этимъ путемъ фотографіи съ больныхъ органовъ, и на фотографіи ясно обозначились поврежденія лѣвой руки у одного мужчины, раненаго выстрѣломъ изъ пистолета и видно было мѣсто, гдѣ находилась пуля, а у другого субъекта, молодой дѣвушки, снимокъ указалъ мѣстонахожденіе уродливости на ногѣ.

Конрадъ Рентгенъ, профессоръ физики Вюрцбургскаго университета, родился 27 марта 1845 года въ Леннепѣ въ Дюссельдорфскомъ округѣ. По окончаніи гимназіи и университета, онъ получилъ въ 1869 году въ Цюрихскомъ университетѣ докторскій дипломъ. Въ 1870 году онъ былъ назначенъ ассистентомъ при физическомъ факультетѣ Вюрцбургскаго университета, а въ 1872 г. ассистентомъ при физическомъ факультетѣ въ Страсбургѣ и читалъ здѣсь лекціи въ 1874 г. какъ приват-доцентъ. Отсюда въ 1875 году онъ перешелъ ординарнымъ профессоромъ въ Академію въ Гогенгеймѣ. Затѣмъ въ 1876 г. былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ Страсбургскаго университета, а въ 1879 г. ординарнымъ профессоромъ и директоромъ физическаго института въ Гиссенѣ. Въ 1888 г. онъ былъ призванъ ординарнымъ профессоромъ и ректоромъ физическаго факультета при Вюрцбургскомъ университетѣ (послѣ Кольрауша). На 200 лѣтнемъ юбилей Галльскаго университета, онъ былъ представителемъ Вюрцбургскаго университета.

Конечно, и у насъ не замедлили обратить вниманіе на новое открытіе, и въ Москвѣ въ физической лабораторіи университета производятся опыты П. Н. Лебедевымъ.

Другое недавнее открытіе быть можетъ въ данную минуту не имѣетъ такого мірового практическаго значенія, но тѣмъ не менѣе оно очень интересно и умолчать о немъ нельзя. Новое открытіе касается планеты Марса и

сдѣлано американскимъ астрономомъ Лоуеллемъ (Lowell). Обладая большимъ телескопомъ въ 45 септиметровъ въ діаметрѣ, онъ дѣлалъ наблюденія на высотѣ 2,200 метровъ при замѣчательной прозрачности воздуха, такъ что увеличеніе могло быть доведено до 800, 900 разъ, такимъ образомъ, Марсъ сталъ въ пять разъ ближе къ землѣ, чѣмъ луна, видимая невооруженнымъ глазомъ. Лоуелль нашелъ, что Марсъ покрытъ цѣлою сѣтью каналовъ и множествомъ озеръ всевозможной величины. Онъ отрицаетъ предположеніе большихъ массъ воды на Марсѣ, доказывая, что все то, что принимаютъ за воду, есть растительность, луга, оазисы. Американскій астрономъ вполне увѣренъ, что не ошибается и кромѣ того, указывая на геометрическую правильность каналовъ и точекъ ихъ соединенія,

за моря, а затѣмъ расходится по каналамъ, геометрическая правильность которыхъ заставляетъ думать о высокой цивилизаціи; каналы питаютъ луга, можетъ быть лѣса, а затѣмъ несутъ воду въ отдаленныя степи.

Извѣстно, что на этой планетѣ притяженіе центра много слабѣе, что человѣкъ, который на землѣ вѣситъ четыре пуда, на Марсѣ едва будетъ вѣсить пудъ съ четвертью, что плотность веществъ тамъ весьма незначительна и что условія жизни много разнятся отъ нашихъ. Эта планета старѣе нашей и обитатели ея навѣрное много ушли впередъ насъ.

Къ счастью, успѣхи оптики быстро идутъ впередъ, и, можетъ быть, недалеко то время, когда на Марсѣ можно будетъ еще что-нибудь рассмотреть и гораздо яснѣе.

Маревъ.

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

БАРОНЪ Г. А. РАМЗАЙ.

(Скончался 30-го декабря 1895 года въ Ниццѣ).

похожихъ на небольшія озера, высказываетъ предположеніе, что это искусственное образование для дренажа водъ.

Камилль Фламмаріонъ между прочимъ замѣчаетъ, что поднимаясь на воздушномъ шарѣ мы видимъ наши рѣки въ видѣ весьма узкихъ ленточекъ, хотя теченіе ихъ замѣчательно видѣется на зеленыхъ лугахъ. Собственно воды не видно, а видѣется только будто лента желтаго песку. То же явленіе наблюдается на Марсѣ. Но что на этой планетѣ должны быть большія водяныя пространства, еще говоритъ Фламмаріонъ, это доказывается присутствіемъ свѣговъ, лежащихъ зимою вокругъ полюсовъ на широтѣ равной Петербургу и даже иногда Парижу и которые подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей быстро таютъ. Въ противномъ случаѣ не откуда и появляться свѣгу. Нужно предположить, что она наполняетъ каналы и расходится по всей поверхности континентовъ для орошенія жаждающей почвы. На Марсѣ никогда или почти никогда не бываетъ дождя. Хорошая погода представляетъ тамъ постоянное явленіе. Тамъ вѣтъ ни облаковъ, ни дождей, ни ручейковъ, ни рѣкъ. Движеніе воды производится иначе, чѣмъ у насъ. На основаніи новѣйшихъ наблюденій можно заключить, что вода, получаемая отъ таянія свѣговъ, сначала производитъ эти пятна, которыя мы принимаемъ

А. Э. РАМЗАЙ.

(Некрологъ).

Стало меньше однимъ крупнымъ дѣятелемъ, о смерти котораго скорбятъ многіе, и знакомые, и сослуживцы. Недавно въ г. Ниццѣ скончался управляющій г. Павловскомъ, въ должности шталмейст. двора Его Величества д. ст. с. баронъ Алексѣй Эдуардовичъ Рамзай. Баронъ Рамзай родился 15-го января 1841 года, воспитывался въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ, откуда вступилъ въ службу прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ 16-го іюня 1860 года и вскорѣ былъ назначенъ на должность адъютанта къ великому князю Константину Николаевичу, бывшему намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ. Этимъ началась блестящая карьера покойнаго, занимавшаго такое выдающееся мѣсто среди придворныхъ чиновъ. Тѣло усопшаго было привезено по варшавской дорогѣ въ Петербургъ въ адмиралтейскій св. Спиридонія соборъ, а оттуда, при большомъ стеченіи друзей и сослуживцевъ А. Э., на Смоленское кладбище, гдѣ было торжественно погребено. Общее сожалѣніе сопровождало печальную церемонію.

МЫСЛИ И АПОРИЗМЫ

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О ЖЕНЩИНАХЪ.

Любовь это борьба половъ, въ которой обѣ стороны отлично знаютъ, чего хотятъ, а потому женщина должна защищаться сначала, а мужчина потомъ. *Дюма сынъ.*

Любовь нужно пить изъ бурнаго источника, въ чистомъ и тихомъ она отравлена усыпительнымъ напиткомъ. *К. П. Вяземскій.*

Чувствовать себя на всегда связанымъ съ женщиной—это одно изъ величайшихъ жизненныхъ неудобствъ. Если она зла, то влостью убить, ежели добра—добротой убить. Ежели она невѣжественна—отравитъ жизнь наивностями; ежели начитана и нѣчто знаетъ—дойметъ умными разговорами. Поэтому жениться слѣдуетъ только въ такія лѣта, когда ни злость, ни доброта, ни невѣжество, ни начитанность—ничто уже не дѣйствуетъ. *Щедрина.*

Конкетство,—это кража чужаго чувства съ помощью надетой маски, это нравственное шулерство. *Добрикова.*

Всѣ молодыя дамы вообще съ удовольствіемъ извиняютъ шалости, обнаруживающія смѣлость и пылкость характера! *Пушкинъ.*

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Въ особомъ приказаніи по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военного округа объявлено: Высочайше разрѣшено войскамъ, вошедшимъ въ составъ командироваемаго въ Москву на время Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ своднаго гвардейскаго корпуса, имѣть въ каждой отдѣльной части по одному знамени или штандарту. О таковой Монаршей волѣ Его Императорское Высочество главнокомандующій войсками приказалъ объявить къ руководству, назначивъ затѣмъ въ составъ частей, въ дополненіе вѣдомости, объявленной при особомъ по округу приказаніи 1895 г. за № 116, полковыхъ и баталіонныхъ адъютантовъ, знаменщиковъ, штандартныхъ унтеръ-офицеровъ и асистентовъ, считая послѣднихъ по одному на каждое знамя и штандартъ, при соответствующемъ числѣ верховыхъ лошадей. Къ сему присовокупляется, что взамѣнъ второй батареи 1-го 3-й артиллерійской бригады, по выраженному Его Императорскимъ Высочествомъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ желанію, Великимъ Княземъ избрана въ составъ коронаціоннаго отряда третья батарея той-же бригады.

— Въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 21-го декабря 1895 года, объявлено, что, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ, взамѣнъ отпускаящейся ежегодно въ Николаевскую академію генеральнаго штаба изъ суммъ Его Высочества одной тысячи рублей на поѣздку за границу одного изъ отличѣйшихъ офицеровъ академіи для усовершенствованія военнаго образованія, или на выдачу премій за военныя сочиненія, пожаловалъ, въ ознаменованіе 35-ти-лѣтія профессорской дѣятельности ген.-лейтенанта Леера, капиталъ въ 25.000 руб., съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала были выдаваемы въ премію одному изъ первыхъ воспитанниковъ академіи для поѣздки за границу или-же обрачаемы въ премію за лучшее сочиненіе, и чтобы премія этой было присвоено наименованіе: «Премія имени генералъ-лейтенанта Леера».

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Италія.—Абиссинскій принцъ Гауза, увезенный недавно загадочнымъ способомъ изъ Швейцаріи въ Италію, прибылъ въ Ада-Агамусъ; встрѣченъ генераломъ Баратіери съ почестями: генералъ Баратіери отвелъ приву палатку рядомъ съ главною квартирою и думаетъ эксплуатировать плѣнъ принца для переговоровъ о мирѣ.

— Защищавшійся геройски въ обложенномъ абиссинцами Макалле, майоръ Галиано, сдался

СОВРЕМЕННЫЯ ДѢЯТЕЛИ.

Е. Н. ЖУЛЕВА.

По поводу пятидесятилѣтней сценической дѣятельности.

В. Н. ВЕРЕВКИНЪ.

(Скончался 13-го января 1896 года).

на весьма почетныхъ условіяхъ. Менеликъ предложилъ ему выйти изъ Макалле во главѣ своего батальона, съ ружьями, огнестрѣльными припасами, обозомъ и ранеными; Расъ-Маконенъ и итальянскій эмисаръ Фельтеръ слѣдовали за колонною Галиано. Расъ-Маконенъ распорядился доставкою палатокъ для

итальянскихъ офицеровъ и приготовленіемъ 300 муловъ для перевозки раненыхъ и обоза форта Макалле. Это истолковывается какъ знакъ уваженія абиссинцевъ къ итальянцамъ и какъ желаніе ихъ заключить миръ. Лазутчики полагаютъ, что итальянскіе плѣнные будутъ выпущены на свободу. Распространенъ слухъ, что Расъ-Маконенъ посѣтитъ генерала Баратіери.

Германія.—Императоръ принималъ 14 янв. въ воскресенье, въ семь часовъ вечера, русскаго посла графа Остенъ-Сакена, который вручилъ его величеству собственноручное письмо Государя Императора съ благожеланіями по случаю дня рожденія и картину масляными красками, изображающую Кильскую гавань при открытіи Канала императора Вильгельма, въ моментъ прохожденія императорской яхты «Гогенцоллернъ» передъ русскимъ адмиральскимъ судномъ «Императоръ Александръ II».

— На дняхъ императоръ Вильгельмъ пожаловалъ подполковнику Галиано орденъ Короны второй степени съ мечами, при чемъ послалъ итальянскимъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ свои поздравленія по поводу обнаруженнаго ими при оборонѣ Макалле мужества, напоминающаго, по словамъ императора, геройскіе подвиги древнихъ римлянъ.

Франція.—Общее волненіе возбудило отозваніе французскаго посла при Ватиканѣ, оставшагося тамъ болѣе десяти лѣтъ. Причины разрыва объясняются слѣдующимъ образомъ. Наканунѣ новаго года Левъ XIII имѣлъ бесѣду съ г. Бегеномъ и высказалъ ему свою тревогу и неудовольствіе по поводу новой церковной политики Франціи. Папа сказалъ, что при такихъ условіяхъ церковь врядъ-ли въ состояніи будетъ поддерживать добрыя отношенія съ французскою республикой. Г. Бегенъ сообщилъ правительству, что, по его мнѣнію, отношенія Франціи къ куріи могутъ ухудшиться. Тогда его немедленно-же отозвали.

— Совѣтъ министровъ разсматривалъ новый мирный трактатъ, который французскій генеральный резидентъ заставилъ мадагаскарскую королеву подписать. Этимъ трактатомъ Мадагаскаръ объявленъ французскимъ владѣніемъ. При этомъ королева и туземная администрація сохранены. Такимъ образомъ Франціи не придется, такъ въ земляхъ, находящихся подъ ея протекторатомъ, договариваться съ иностранными государствами относительно таможеннаго режима и страны.

— Въ палатѣ депутатовъ происходили пренія о тонкинскомъ займѣ. Губернаторъ Индо-Китая Руссо оправдываетъ заемъ, доказываетъ необходимость усовершенствовать производительность Тонкина и присовокупляетъ, что развитіе Тонкина и Аннама пойдетъ такимъ-же скорымъ шагомъ, какъ развитіе Кохинхины, которая въ настоящее время уже

никакихъ расходовъ со стороны метрополіи не требуетъ. Морское разбойничество еще существуетъ, но ему скоро-будетъ положенъ конецъ. Ст. 1-я законопроекта, разрѣшающая заключеніе займа, принята большинствомъ 325 голосовъ противъ 165, а затѣмъ палата вотировала весь законопроектъ о тонкинскомъ займѣ.

Англія.—Государственные люди Великобританіи громко и открыто заявляютъ, что образъ дѣйствій Германіи вынуждаетъ Англію дать другое направленіе своей внѣшней политикѣ. Этимъ объясняются уступки, сдѣланныя Франціи, крайняя умѣренность, выказываемая по отношенію къ Америкѣ, и нескрываемое желаніе войти въ соглашеніе съ Россіей.

— Джемсонъ съ сподвижниками отправленъ въ Англію на транспортномъ судѣ «Викторія». По новѣйшимъ извѣстіямъ всѣ рассказы о героической оборонѣ Джемсона оказываются вымышленными; съ отрядомъ въ 800 человекъ англійскихъ добровольцевъ онъ сдался отряду буровъ въ 400 человекъ. Англійскіе законовѣды не находятъ ни одной статьи закона, на основаніи которой можно было-бы предать суду Джемсона. Въ виду этого будетъ учреждена коммиссія для изслѣдованія причинъ и поводовъ всего инцидента въ Трансваалѣ.

— Скончался принцъ Генрихъ Баттенбергскій, любимый зять королевы Викторіи и братъ покойнаго князя болгарскаго Александра Баттенбергскаго.

Испанія.—Смуты и возстанія на Кубѣ продолжаются; маршалъ Мартинецъ-Кампосъ уволенъ въ отставку и что на его мѣсто назначенъ генералъ-губернаторомъ Кубы генералъ Вейлеръ. По испанскимъ газетамъ положеніе улучшилось. Большинство повстанцевъ преслѣдуется по пятамъ испанскими войсками и отступило къ востоку. Маршалу Мартинецу-Кампосу, при отъѣздѣ его изъ Гаванны, устроили шумныя оваціи.

Японія.—Государственные расходы Японіи въ текущемъ году опредѣлены въ 170 милліоновъ, ординарные доходы—90 милл., дефи-

цитъ покрывается контрибуціей. Усиленіе арміи и флота продолжается. Шовинизмъ въ имперіи растетъ и можетъ повлечь ее въ неплатные долги. Японское правительство рѣшительно стремится къ господству въ сѣверной половинѣ Тихаго океана и асигновало значительныя суммы на усиленіе флота и арміи, вплоть удовлетворивъ требованія шовинистовъ.

Китай.—Пекинское правительство асигновало крупную сумму на созданіе флота; судостроительная программа обширна; сдѣланъ заказъ на постройку броненосцевъ, крейсеровъ и миноносцевъ. Внутреннія смуты затихли, тайныя общества притаились. Мусульманское возстаніе въ провинціи Кансу, вслѣдствіе раздоровъ вождей, начинаетъ принимать оборотъ благоприятный правительству, но извѣстія объ окончательномъ прекращеніи возстанія преждевременны. Несчастная война съ Японіей открыла Небесной имперіи глаза на бесспорныя преимущества европейскаго образованія. Первымъ признакомъ новаго поворота является проектъ, внесенный вице-королемъ Чили, Вангъ-Вень-Шао, объ открытіи университета въ Тянь-Цзинѣ, по европейскому образцу. Китай согласился открыть англичанамъ для торговли рѣку Сикангъ съ тѣмъ, чтобы Англія согласилась на сохраненіе за Китаемъ участка, уступленнаго Англіи по бирманско-китайскому договору 1894 года. Дѣло передано на заключеніе маркиза Салисбюри.

Турція.—Порта желаетъ испросить согласіе державъ на монополію спирта, папиросной бумаги, спичекъ и игральныхъ картъ. Послы обѣщались донести желаніе Порты до свѣдѣній своихъ правительствъ.—Приступлено къ распущенію 35 мобилизованныхъ баталіоновъ редифовъ 1-го, 3-го и 4-го армейскихъ корпусовъ.

Черногорія.—Сербскій генералъ Павловичъ былъ принятъ въ официальной аудіенціи наслѣднымъ княземъ Данииломъ и прочими

князьями и государственными сановниками. Затѣмъ наслѣдный князь лично повелѣлъ генерала Павловича къ князю Николаю, который все еще боленъ. Генералъ вручилъ собственноручное письмо короля Александра и знаки ордена св. Саввы. Послѣ аудіенціи у князя Николая генералъ Павловичъ представился княгинѣ Миленѣ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

9-го января, въ зданіи морского кадетскаго корпуса, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Генералъ-Адмирала Великаго Князя Алексѣя Александровича и Великаго Князя Александра Михайловича, управляющаго морскимъ министерствомъ и многихъ высокопоставленныхъ лицъ, состоялось открытіе высшаго курса морскихъ наукъ при Николаевской морской академіи.

— Въ сто сорокъ первую годовщину основанія московскаго университета, совершенно торжественное богослуженіе въ университетской церкви епископомъ дмитровскимъ Несторомъ. На торжественномъ собраніи профессоръ Зерновъ произнесъ рѣчь.

— Александровской общинѣ сестеръ милосердія «Утоли моя печали», Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, разрѣшено устроить подписной сборъ на сумму 100,000 р. на устройство и обезпеченіе «больницы-пріюта св. Царицы Александры для престарѣлыхъ сестеръ милосердія».

— Императорское русское географическое общество празднуетъ на-дняхъ 50-лѣтіе своего существованія. Въ юбилейномъ торжествѣ примутъ участіе многія ученые общества Россіи, которымъ географическое общество разослало особыя приглашенія.

— При министерствѣ финансовъ возобновились, подѣ председательствомъ директора департамента торговли мануфактуръ В. И. Ковалевскаго, засѣданія коммисіи по пересмотру проекта новаго положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Татьянинъ-день—этотъ ежегодный веселый студенческій праздникъ—былъ, по обыкновенію, шумно и оживленно справленъ и въ Петербургѣ. Трогательно видѣть, какъ прочны и крѣпки связи, соединяющія сердца старыхъ студентовъ съ памятью о ихъ alma mater. Да и неудивительно это! На чиновничьемъ стулѣ, на профессорской кафедрѣ, за скромнымъ учительскимъ столомъ—вездѣ-вездѣ и старыя и молодыя сердца одинаково сладко трепещутъ при мысли о прошлыхъ свѣтлыхъ годахъ науки, о дняхъ увлеченій всѣмъ прекраснымъ, о стремленіяхъ къ идеалу. Черство то сердце и суха та душа, которыя не просвѣтлѣютъ, не согрѣются, думая обо всемъ этомъ. У насъ еще, слава Богу, есть и чувство, и память. Во время студенческаго обѣда 12-го января въ числѣ многихъ уже прославившихся и извѣстныхъ питомцевъ петербургскаго университета сидѣли за ссобнымъ столомъ самые старѣйшіе изъ студентовъ. И они—представители прошлаго—подозвали къ столу юнѣйшаго изъ окончившихъ университетъ въ 1894 г. и привѣтствовали его. Представитель новаго, молодого поколѣнія, конечно, благодарилъ стариковъ за пожеланія и,

въ свою очередь, привѣтствовалъ ихъ. Таки-ми-то добрыми отношеніями, такимъ-то теплымъ, не признающимъ лѣтъ товариществомъ сохраняются искры добра и правды въ душѣ молодежи, выходящей на темный и трудный путь жизненныхъ тревоженій.

* * *

Въ настоящее время въ Петербургѣ бенефисъ шахматистовъ. Изъ всѣхъ концовъ Европы и даже изъ Америки собрались чемпионы шахматнаго искусства. И сидятъ эти полководцы деревянныхъ фигурокъ съ важнымъ и глубокомысленнымъ видомъ, дѣлая по одному ходу чуть не въ полчаса. За каждымъ ихъ соображеніемъ слѣдять, каждую шахматную варіацію перепечатаваютъ въ газетахъ. На этотъ разъ турниръ кончился весьма печально для нашего героя туръ и пѣшекъ—М. И. Чигорина. Первый призъ взялъ Ласкеръ, побѣдившій и новую шахматную звѣзду, американца Пильсбера, и прежняго «шахматнаго короля» Стейнница. Не везетъ нашему Чигорину. Въ бышемъ уже въ Петербургѣ турнирѣ его съ Таррашемъ онъ тоже не могъ никакъ одолѣть противника. И въ этомъ году онъ, такъ-сказать, подтянулся напоследокъ, но не тутъ-то было. Оставаться послѣднимъ куда не весело, особенно, когда бралъ заграничій и первые и вторые призы. Или онъ проигралъ изъ гостепріимства? Словомъ, пер-

вый призъ Чигорину улыбнулся, но самъ онъ наврядъ-ли улыбнется этому.

* * *

Отрадно было прочесть извѣстіе о томъ, что санитарная коммиссія занялась или, по крайней мѣрѣ, хочетъ заняться охраненіемъ здоровья ученицъ въ швейныхъ, модныхъ, цвѣточныхъ мастерскихъ, гдѣ работаютъ дѣвушки и дѣвочки. Особенно тяжело положеніе послѣднихъ. Оно, кажется, довольно ярко было уже иллюстрировано въ прошломъ году двумя самоубійствами малолѣтнихъ швеекъ. Дѣвочки, по закону, не должны работать болѣе восьми часовъ въ сутки и обязательно должны кончать работу въ 9 ч. Но, вѣдь, давно уже извѣстно, что правила существуютъ для того, чтобы ихъ не исполнять. Дѣвочекъ мучатъ работой и больше и позже, чѣмъ велѣно. Казалось-бы, теперь, когда возбужденъ этотъ вопросъ, надо обратить вниманіе и на положеніе взрослыхъ мастерицъ. Тяжелая ихъ доля! Утомляющая глаза и грудь работа оплачивается такъ скудно, что плата двадцать рублей въ мѣсяцъ уже признается роскошной. Немудруно, что просидѣвъ въ мастерской до ночи—если работы много и хозяйка строга—бѣдныя труженицы еще работаютъ дома и ночью. Нѣсколько лишнихъ рублей—новенькая кофточка, шляпка!.. А вѣдь молодости хочется пожить. А потомъ еще капризы хозяйки!.. Уйти-и не поступать въ мастерскую—

— Начались занятія XXI общаго тарифнаго сѣзда представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Передъ началомъ занятій была отслужена панихида по бывшемъ начальникѣ управленія желѣзныхъ дорогъ В. С. Сума-роковѣ.

— Министерство земледѣлія государственныхъ имуществъ увеличило съ нынѣшняго года отпускаемую обществу рыболовства и рыболовства субсидію съ 2 тыс. до 5 тыс. руб. въ годъ съ тѣмъ, чтобы оно оказало изъ своихъ средствъ содѣйствіе кievскому отдѣлу по пріятію мѣръ противъ хищническаго лова рыбы въ Днѣпрѣ.

— Въ первую годовщину Высочайшей милости ученымъ литераторамъ и публицистамъ, выразившейся въ ежегодномъ отпускѣ пятидесяти тысячъ пенсій, въ Москвѣ, въ храмѣ св. Сергія на Большой Дмитровкѣ, послѣ литургіи и благодарственного молебствія, освещена икона Николая Чудотворца, художественно написанная и украшенная превосходною серебряною позолоченною ризой съ эмалью.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Въ собраніи Общества садоводства сообщено о Всемилостивѣйшемъ Государя Императора соизволеніи на пріятіе Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгиней Елисаветой Феодоровною Общества садоводства подѣ ея Августѣйшее покровительство.

— Проживающіе въ Петербургѣ бывшіе студенты московскаго университета праздновали годовщину своей almae matris—Татьянинъ день. Собралось болѣе 250 человекъ. Среди нихъ старѣйшими въ нынѣшнемъ году студентами были А. Д. Шумахеръ, А. Ф. Бычковъ, М. Н. Капустинъ, В. К. Саблеръ и А. Ф. Кони. Они занимали почетныя и главныя мѣста за обѣденнымъ столомъ. Здѣсь же присутствовали Л. Ф. Рагозинъ, В. С. Кудринъ, Н. В. Склифасовскій, Н. Н. Баженовъ и мно-го старыхъ и юныхъ студентовъ, профессо-

ровъ, медиковъ, юристовъ, военныхъ, педагоговъ и чиновниковъ.

— Состоялся официальный раутъ у германскаго посла, въ отелѣ германскаго посольства, на Большой Морской улицѣ. Въ числѣ присутствовавшихъ находились: члены государственнаго совѣта, министры, сенаторы, придворные чины и кавалеры, статсъ-секретари, почетные опекуны, свита, генералитетъ, гражданскіе сановники и представители нашей гвардіи, а въ числѣ приглашенныхъ дамъ: статсъ-дамы, гофмейстерши, камеръ-фрейлины и фрейлины.

— Кружокъ петербургскихъ любителей атлетики чествовалъ на дняхъ инициатора дѣла—д-ра Краевского. Когда онъ вышелъ, ему сыграли тушь и затѣмъ начался ужинъ, продолжавшійся чуть не всю ночь, за которымъ тостъ за доктора-виновника торжества провозгласилъ одинъ изъ распорядителей, графъ Рибошьеръ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ назначило 10,000 рублей въ видѣ субсидіи на устройство въ 1897 году въ Кіевѣ селско-хозяйственной и промышленной выставки и ужъ отпустило 3,000 руб. въ распоряженіе выставочнаго комитета, который теперь и приступилъ къ подготовительнымъ работамъ.

— На дняхъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ подведены итоги его оросительной дѣятельности за пятнадцатилѣтіе ея существованія. Оказывается, что за этотъ періодъ министерство израсходовало на обводненіе южной и части восточной Россіи 2,269,800 руб.

— Министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ принимаются мѣры къ увеличенію числа опытныхъ полей и станцій, путемъ устройства ихъ цѣликомъ на средства казны, или путемъ содѣйствія соотвѣствующимъ начинаніямъ земствъ и селско-хозяйственныхъ обществъ.

— Департаментъ торговли и мануфактуръ на дняхъ заканчиваетъ составленіе проекта мѣръ, какъ для поднятія у насъ хмѣлеводства, такъ и для развитія вывоза хмѣля за границу. Въ основаніе проекта положены заявленія и пожеланія, высказанныя хмѣлеводцами на бывшемъ въ ноябрѣ прошлаго года при департаментѣ совѣщаніи.

— Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ рѣшило расширить свой павильонъ на нижегородской промышленной выставкѣ, чтобы дать возможность сельскимъ хозяевамъ, экспонирующимъ на московской селско-хозяйственной выставкѣ, помѣстить въ немъ свои экспонаты.

— Въ имѣніи т. с. Н. В. Муравьева «Скугаревѣ» открывается съ текущаго мѣсяца отдѣленіе пречистенской школы молочнаго хозяйства; на содержаніе этого отдѣленія будетъ отпускаться по 1,952 руб. въ годъ изъ суммъ департамента земледѣлія.

— При мощногородиченской низшей селско-хозяйственной школѣ, кievской губ., черкаскаго уѣзда, им. Балашовыхъ, разрѣшено устройство, въ теченіе января, февраля и марта, зимнихъ вечернихъ курсовъ, для небогатыхъ землевладѣльцевъ и лицъ селскаго населенія, вообще по земледѣлію.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Государь Императоръ, по Всеподданнѣйшему докладу въ 7-й день истекшаго декабра о постановленіи московской городской думы относительно открытія, въ ознаменованіе рожденія Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны, пяти новыхъ городскихъ училищъ и сложенія недоимокъ по сбору за леченіе, на сумму 15,000 руб., Всемилостивѣйше повелѣлъ благодарить московскую думу.

— При женскихъ гимназіяхъ одесскаго учебнаго округа, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, учреждаются безплатныя школы для бѣдныхъ неграмотныхъ дѣ-

нелзя. Ручной трудъ такъ подавленъ теперь машиннымъ производствомъ, что за плату, даваемую магазиномъ, не купишь и матеріала для работы. Конечно, положеніе мастерицъ и вездѣ такое, но развѣ это утѣшительно?..

* * *

Въ нашей столицѣ устроилось что-то вродѣ женскаго клуба. На Пушкинской, въ особомъ, строго охраняемомъ отъ непрекраснаго пола помѣщеніи собирается дамское общество, читаетъ, разсуждаетъ. Г-жа Лухманова, новопрославленная беллетристка, излагаетъ касающіеся женскаго вопроса рефераты... Все это, конечно, какъ нельзя болѣе похвально и хорошо, но интересно знать—много-ли принесетъ пользы... Въ Англіи прекрасный полъ гораздо проще дѣятелей, если можно такъ выразиться. Напримѣръ, одно благотворительное общество устроило въ Лондонѣ слѣдующую демонстрацію противъ пьянства. Хоръ молодыхъ дѣвицъ и людей помѣстился около дверей кабака и началъ исполнять разныя народныя мелодіи. Идущій пьянствовать рабочий людъ отвлекался отъ этой заманчивой цѣли, останавливался слушать... И въ концѣ-концовъ, нарядныя леди достигли-таки хотя и не весьма крупнаго, но все-же хорошаго результата—кабатчикъ не досчитался порядочной доли изъ обычной выручки и на улицѣ было менѣе пьяныхъ... и было тише и уютнѣе въ бѣдныхъ семьяхъ, не перепало обычныхъ

колотушекъ изможденнымъ женамъ, бѣднымъ, голоднымъ малюткамъ. Вотъ это называется «ковать желѣзо, пока горячо»!.. Само-собой, что нашъ русскій ломовикъ не заслушался-бы реферата г-жи Лухмановой, но вѣдь можно найти всегда благоую середину!

* * *

Гуляющіе по Невскому, между прочими интересными и показными вещами, останавливаются передъ витриной одного фотографа, гдѣ выставлены кабинетные портреты многихъ старыхъ и молодыхъ поэтовъ и беллетристовъ. Публика всегда интересуется наружностью тѣхъ, кого читаетъ, и поэтому зрителей передъ карточками немало. Интересно знать, чѣмъ руководился фотографъ въ порядкѣ размѣщенія карточекъ. На самомъ виду, въ числѣ популярныхъ и извѣстныхъ именъ, выставлены весьма даже мало-извѣстныя фамиліи. Не слѣдовало-бы фотографу полагаться въ этомъ случаѣ на собственный авторитетъ, а нехудо было-бы спросить указаній у болѣе свѣдущихъ людей. Но какъ-бы то ни было, а поэты красуются на Невскомъ, поражая закинутыми головами и растрепанными волосами. Отчего это у насъ молодые поэты почти всѣ такъ растрепаны? Не вслѣдствіе-ли частыхъ трепокъ отъ критиковъ?..

* * *

Теперь то самое время года, когда издатели, авторы и типографіи выпускаютъ массы

книгъ на книжный рынокъ. Тяжелы условія этого выпуска для начинающихъ, мало-извѣстныхъ авторовъ. Книгопродавцы выказываютъ по части «коммиссіонныхъ» весьма и весьма изрядные аппетиты. Какой-нибудь наивный читатель думаетъ, что авторъ такъ и получилъ за свою книжку выставленный на ней рубль! Увы, эти мнѣстскіе рубли такъ-же цѣнны, какъ турецкіе финансы... Счастливы тотъ, кто заплатитъ книжному магазину всего 30 к. коммисіи за рублевую книжку. А не угодно-ли 40 или 45 к., а то и цѣлый полтинникъ?.. А безъ магазиновъ не обойдешься—не самому-же стоять на Невскомъ и предлагать проходящимъ: «купите мои новыя стихотворенія! Купите мои новыя разсказы!..»

* * *

Курьезное недоразумѣніе относительно того, что Левъ Толстой заимствовалъ у какой-то госпожи Бренко сюжетъ «Власти тьмы»—разъяснилось письмомъ этой дотолѣ неизвѣстной особы. Оказывается, все выдуманно интервьюеромъ, конечно, въ видахъ болѣе обильнаго сбора соблазнительныхъ построчныхъ пятачковъ. Интервьюеръ—здѣсь, интервьюеръ—тамъ!.. Теперь надо забыть прежнюю посылку: «cherchez la femme!» а въ случаѣ спора, ссоры, недоразумѣнія—прямо освѣдомляться:—«Ищите интервьюера!..»

Муръ.

тей. Преподавательницами названныхъ школъ будутъ ученицы 8-ми педагогическихъ классовъ, которымъ предоставляется такимъ образомъ, подъ надлежащимъ руководствомъ, практиковаться въ начальномъ преподаваніи.

— Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возбужденъ и находится въ производствѣ вопросъ о разрѣшеніи съ новаго учебнаго года принимать лучшихъ изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ воспитанниковъ на восточный факультетъ, безъ права перехода на другіе факультеты университета.

— Св. синодомъ вмѣнено епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ въ обязанность позаботиться о скорѣйшемъ открытіи въ каждомъ изъ уѣздовъ епархіи по двѣ второклассныхъ церковно-приходскихъ школы (мужской и женской) съ учительскими при нихъ курсами, для подготовленія учителей и учительницъ въ школы грамоты.

— Училищный совѣтъ при св. синодѣ предложилъ, чтобы заведывающіе церковно-приходскими школами на линияхъ желѣзныхъ дорогъ священники оказали полное содѣйствіе командированнымъ министерствомъ путей сообщенія лицамъ при обозрѣніи заведываемыхъ ими школъ.

— Возбужденъ вопросъ о введеніи курса фотографіи во всѣхъ высшихъ и среднихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, нѣкоторыхъ профессиональныхъ и техническихъ училищахъ.

— Изъ Риги пишутъ, что въ тамошнемъ Политехническомъ институтѣ до сихъ поръ лекціи читаются на нѣмецкомъ языкѣ, несмотря на то, что обѣщано было вновь поступающимъ чтеніе лекцій на русскомъ языкѣ. Въ Политехническомъ институтѣ учащихся 1,130 человекъ, изъ которыхъ 80% не знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ.

— Общее число начальныхъ народныхъ училищъ въ петербургской губерніи, за исключеніемъ городовъ, 493, въ томъ числѣ училищъ, содержимыхъ земствомъ, 254, министерствомъ народнаго просвѣщенія—28, воспитательнымъ домомъ—81, епархіальнымъ братствомъ и церковнымъ попечительствомъ—57, частными лицами—24 и крестьянскими обществами и на счетъ платы съ учащихся—49. Число учащихся достигаетъ 25,000.

ИСКУССТВО.

11-го января, открылась для публики выставка новыхъ картинъ и этюдовъ нашего маститаго русскаго художника В. В. Верещагина. Выставка вызываетъ большой интересъ въ обществѣ. Видно, насколько разностороненъ и могучъ талантъ г. Верещагина: онъ является въ одно и то же время пейзажистомъ, портретистомъ и баталистомъ. Наибольшій интересъ возбуждаютъ картины новаго жанра, относящіяся къ историческимъ эпизодамъ пребыванія Наполеона I въ Россіи въ 1812 году: «Наполеонъ предъ Москвой, въ ожиданіи депутаціи бояръ», «На большой дорогѣ—отступленіе, бѣгство», «Партизаны». Интересна картина, гдѣ изображена внутренность Чудова монастыря, въ которомъ остановился маршалъ Даву, сдѣлавшій у иконостаса свою спальню, и картина № 2, изображающая внутренность Успенскаго собора, гдѣ помѣщены лошади. Много публики посѣщаетъ выставку.

— На дняхъ открывается выставка скульптурныхъ произведеній художника В. М. Пашенко въ Солянскомъ городѣ. На выставкѣ,

кромя произведеній В. М. Пашенко, будутъ находиться четыре фигуры работъ Р. Р. Баха и А. И. Адамсона.

— Въ Москвѣ готовится всероссійская фотографическая выставка въ верхнихъ торговыхъ рядахъ. Всероссійскій съѣздъ фотографовъ состоится на Святой недѣлѣ. На выставку пока поступили заявленія отъ 60 иногороднихъ экспонентовъ. Выставлена будетъ фотографическая коллекція судебного слѣдователя Москвы Баранцевича, по антропометрическимъ изслѣдованіямъ надъ преступниками.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

16-го января въ александринскомъ театрѣ состоялся бенефисъ Е. Н. Жулевой за 50-ти лѣтнюю службу. Спектакль удостоили своимъ высокимъ присутствіемъ Государь Императоръ и Государыня Императрица. Въ числѣ юбилейныхъ пьесъ шла, между прочимъ, юбилейная шутка: «Е. Н. Жулева». Чествованіе артистки было грандіозно. Отъ И. И. Высочества Великихъ Князей артистка получила большой ящикъ, наполненный столовымъ серебромъ. Всего важнѣе было пожалованіе ей нагруднаго золотого знака, установленнаго для солистовъ Его Императорскаго Величества и заслуженныхъ артистовъ. Е. Н. благодарила публику за постоянное вниманіе, благодарила всѣхъ своихъ сослуживцевъ, своихъ товарищей. Н. О. Сазоновъ отвѣчалъ ей краткой характеристикой ея, какъ артистки и какъ человека. Когда подняли занавѣсъ то появилась группа артистокъ, одѣтыхъ въ костюмы тѣхъ лицъ, которыхъ юбилярша изображала, начиная съ Людовика XIV («Королевская охота») и кончая Кабановой («Гроза») и Пестовой («Дворянское гнѣздо»). Затѣмъ слѣдовали депутаціи отъ театровъ петербургскихъ и московскихъ, съ вѣнками и подарками; наконецъ, депутаціи заключились нѣсколькими литераторами, во главѣ съ Д. В. Григоровичемъ, который привѣтствовалъ Е. Н. отъ литературы. П. И. Вейнбергъ прочиталъ ей адресъ отъ публики.

— 12-го января, на сценѣ Малаго театра шла въ первый разъ комедія г-жи Смирновой «Муравейникъ». Пьеса имѣла успѣхъ, которому много способствовали своимъ прекраснымъ исполненіемъ гг. Красовскій и Судьбининъ. Остроуміе и мѣткія сатирическія опредѣленія автора вызвали общее одобреніе. Въ пьесѣ преслѣдуются клеветники и вообще злословіе, такъ развившееся у насъ за послѣднее время. Г-жа Смирнова, супруга актера Н. Сазонова, давно уже извѣстна въ литературѣ своими прекрасными романами—«Огонекъ», «Соль земли» и проч.

— Недавно въ «Акваріумѣ», послѣ продолжительнаго откладыванія и перемѣнъ, наконецъ, дали «Гамлета». «Гамлетъ» занимаетъ на всѣхъ сценахъ почетное мѣсто и всегда пользуется успѣхомъ независимо отъ ролей, дающихъ благодарный матеріалъ исполнителямъ. У г-жи Зембрихъ съ давняго времени партія Офеліи одна изъ блестящихъ въ репертуарѣ. Ея образцовое вокальное искусство здѣсь соединяется съ лиризмомъ и немудрено, что публика была отъ нея въ восторгѣ. Чудеснымъ Гамлетомъ былъ г. Батистини.

— Шестое собраніе русскихъ квартетистовъ, состоявшееся въ залѣ консерваторіи въ четвергъ, 11-го января, заключало въ себѣ: «Новеллетты» А. К. Глазунова, сириничію,

сонату (A-moll) Шумана и квартетъ ор. 18 Бетховена. «5 Novellettes» ор. 15 г. Глазунова, написанныя для струннаго квартета, представляютъ 5 характерныхъ пьесъ, полныхъ музыкальной свѣжести и оригинальности, разнообразія и пикантности ритмовъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Любовь. О. К. Нотовичъ. Изд. пятое. Ц. 1 р. 50 к.

«Любовь» и «Красота»—эти два философскіе этюда О. К. Нотовича произвели въ литературномъ мірѣ большое волненіе и возбудили общій интересъ. Мѣткія заключенія и характеристика, остроумные выводы автора вполне оправдываютъ этотъ интересъ. Пятое изданіе снабжено предисловіями Ц. Ламброзо и Г. Ферреро, а также «Письмами къ автору съ Олимпіа» Д. Л. Мордовцева. Книга издана очень изящно и необходима для каждой бібліотеки.

Стихотворенія. Н. М. Минскій. Изданіе третье. Ц. 2 руб.

Популярный поэтъ Н. М. Минскій даетъ публикѣ уже третье изданіе своихъ глубокихъ и прочувствованныхъ стиховъ. Всегда оригинальная, сильная мысль, красивая форма стиха и точно выкованные образы—вотъ отличительныя качества недюжинной музы извѣстнаго поэта.

Донцы. Разказы изъ казачей жизни П. Н. Краснова. Спб. Ц. 1 р.

Авторъ хорошо знаетъ и нравы и страну своихъ любимыхъ героевъ—донцовъ. Особенно ярко изображаетъ онъ вліяніе корыстнаго и пошлаго Петербурга на цѣлныя натуры казаковъ. Особенности быта этихъ оригинальныхъ поселеній приковываютъ вниманіе читателя. Многие разказы дышатъ неподдѣльнымъ, глубокимъ драматизмомъ.

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ.

Е. Н. Жулева.—16-го января исполнилось 50 лѣтъ со дня перваго дебюта извѣстной артистки Императорскихъ театровъ Екательины Николаевны Жулевой.

— А. Н. Сѣровъ. 20-го января истекаетъ четверть вѣка со дня кончины композитора А. Н. Сѣрова.

— Е. М. Бемъ. 10-го января, исполнилось 20 лѣтъ художественной дѣятельности Елизаветы Меркурьевны Бемъ. Е. М., родившаяся въ 1843 г., происходитъ изъ семьи ярославскихъ помѣщиковъ Эндоуровыхъ.

— Профессоръ Кургановъ. На дняхъ исполнилось 100 лѣтъ со дня смерти профессора Курганова, составившаго извѣстный и столь популярный «Письмовникъ».

— Геокъ-Тепе. 12 января, исполнилось 15 лѣтъ со времени, когда побѣдоносныя русскія войска, подъ командою генерала Скобелева, взяли штурмомъ крѣпость Геокъ-Тепе, построенную текинцами для обороны ахалтекинскаго оазиса отъ вторженія русскихъ.

— 21-го января исполняется пятидесятилѣтіе существованія Императорскаго русскаго географическаго общества. Вице-предсѣдателемъ общества—П. П. Семеновымъ составленъ историческій очеркъ общества.

— По инициативѣ статистическаго отдѣленія Императорскаго русскаго географическаго общества, 22-го февраля будетъ celebrated столѣтіе со дня рожденія основателя научной статистики въ Европѣ и бельгійскаго профессора Адольфа Кетле († 1874).

— Колегин Павла Галагана въ Кіевѣ 1-го октября 1896 года исполнится 25 лѣтъ со дня открытія ея. Бывшіе питомцы колегин предполагаютъ ознаменовать 1 октября, день празднованія юбилея, учрежденіемъ въ кіевскомъ университетѣ стипендіи имени основателя колегин гр. Пав. Галагана для студентовъ, окончившихъ курсъ.

НЕКРОЛОГИ.

В. Н. Веревкинъ. 13-го января скончался на 76-мъ году жизни комендантъ Петропавловской крѣпости генералъ отъ инфантеріи Владиміръ Николаевичъ Веревкинъ. Покойный, выказавъ всегда присущую ему силу воли, еще самъ подписалъ въ послѣднія минуты, сидя на кровати, бумаги, касавшіяся сдачи командованія Петропавловской крѣпостью генералу Даниловскому. В. Н. Веревкинъ, начавъ службу въ л.-гв. Измайловскомъ полку, въ крымскую войну командовалъ уже Екатеринбургскимъ полкомъ, геройски защищалъ, при осадѣ союзниками Севастополя, въѣранный ему 4-й бастионъ, и былъ награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени. По окончаніи войны, онъ былъ назначенъ начальникомъ бригады, а затѣмъ—витебскимъ губернаторомъ и начальникомъ мѣстныхъ войскъ въ Вильнѣ.

— **Н. С. Гераковъ.** 8-го января на Смоленскомъ кладбищѣ состоялось погребеніе послѣдняго изъ старожиловъ 1-го кадетскаго корпуса генералъ-маіора Николая Семеновича Геракова, умершаго на 78 году отъ рожденія. Фамилія Гераковыхъ тѣсно связана съ исторіею 1-го кадетскаго корпуса: сто пятьдесятъ лѣтъ существуетъ корпусъ, почти сто лѣтъ фамилія Гераковыхъ состояла въ спискахъ корпуса, начиная съ 1797 года, когда отецъ покойнаго, Семенъ Васильевичъ, поступилъ въ корпусъ дежурнымъ офицеромъ и преподавателемъ математики. Почти вся жизнь Н. С. протекала въ стѣнахъ корпуса: здѣсь онъ родился, здѣсь воспитывался, здѣсь провелъ все время своей службы и здѣсь же доживалъ послѣ выхода въ отставку свои послѣдніе дни.

— **А. В. Арсеньевъ.** 14-го января, скончался Александръ Васильевичъ Арсеньевъ, сотрудникъ дѣтскихъ и историческихъ журналовъ и авторъ исторической пьесы «Бояринъ Нечай Ногаевъ», поставленной въ первый разъ на сценѣ Александринскаго театра въ нынѣшнемъ сезонѣ и имѣвшей большой успѣхъ. Труды покойнаго появлялись на страницахъ разныхъ періодическихъ изданій. Историческая пьеса «Бояринъ Нечай Ногаевъ» сразу выдвинула имя покойнаго. А. В. скончался в 42 году.

СПОРТЪ.

Общество велосипедной ѣзды устраиваетъ скоро въ Михайловскомъ манежѣ большія велосипедныя состязанія. На призы отчислено нѣсколько тысячъ рублей. Гонки—атлетическое упражненіе. Поэтому гонщиковъ очень мало. На 8,000 велосипедистовъ Петербурга и окрестностей насчитывается всего 60 гонщиковъ. Они ѣздятъ въ Царскомъ Селѣ, Стрѣльнѣ, Кронштадтѣ и на Новомъ велодромѣ. На всю Москву насчитывается, по послѣднему отчету «Циклиста», 63 гонщиковъ. Изъ 100 новыхъ велосипедистовъ только одинъ можетъ стать гонщикомъ. Обществу велосипедной ѣзды принадлежитъ заслуга въ дѣлѣ велосипеднаго спорта: введеніе новаго гоночнаго устава, уничтожающаго раздѣленіе гонщиковъ на профессионалистовъ и любителей. Это раздѣленіе, неудачно взятое изъ англій

скаго устава «Национальнаго Союза», весьма тормозило развитіе велосипеднаго спорта. Новый уставъ дѣлать ѣздоковъ только на гонщиковъ и туристовъ. Поэтому въ состязаніяхъ могутъ принимать участіе всѣ ѣздоки (прежде могли только любители), иностранцы и русскіе.

— На бѣгахъ недавно былъ разыгранъ одинъ изъ почетнѣйшихъ призовъ сезона—призъ Его Имп. Выс. Наслѣдника Цесаревича въ 5,600 р. Призъ разыгрался очень неожиданно, выиграла лошадь, обладавшая наименьшими шансами; съ опаснымъ изъ соперниковъ «Полканомъ», гг. Кожевниковыхъ, по небрежности наѣздника случилось приключеніе: онъ на приѣмѣ оборвалъ возжу и долженъ былъ съѣхать съ круга. Получившій первый призъ «Свѣтъ» московскаго охотника Н. С. Коншина, прошелъ четыре версты, какъ хотѣлъ, въ 6 м. 49 с.; съ однимъ сбѣгомъ. Второй призъ достался «Визануру» Д. С. Полякова, пришедшему въ 6 м. 53½ с. Записанная на это состязаніе «Баядерка» была снята владѣльцемъ съ афиши.

ПРОИСШЕСТВІЯ И ПРОЦЕССЫ.

Пожаръ поѣзда. Въ ночь на 6-е января, въ скоромъ поѣздѣ, идущемъ изъ Севастополя въ Харьковъ, въ одномъ изъ вагоновъ перваго класса произошелъ пожаръ, чуть было не кончившійся нѣсколькими смертями. Въ одномъ изъ отдѣленій вагона слѣдовала одна харьковская семья—мать, серьезно больная грудью, и двѣ дочери. При входѣ въ вагонъ еще въ Севастополѣ пассажирки ощущали запахъ гари, но, успокоенныя проводникомъ вагона, не обратили на это вниманія; онѣ заняли свое купѣ и, приготовивъ себѣ постели, легли спать, раздѣвшись. Въ 4 часа утра пассажирки проснулись вслѣдствіе удивительнаго дыма; барышни немедленно вскочили, чтобы разбудить истонника, но тотъ спалъ пьяный въ одномъ изъ купѣ. Вагонъ, который былъ запертъ изнутри, между тѣмъ, горѣлъ. Перепуганныя барышни разбили стекло въ окнѣ купѣ, чтобы достать сигнальную веревку, но только сильно изрѣзали себѣ руки; мать свою онѣ поставили у окна, чтобы та отдышалась, такъ какъ она было задохлась,—а сами снова принялись будить истонника, который, наконецъ, проснулся и высадилъ дверь вагона. Пассажирки, въ одномъ бѣлѣ, выскочили на площадку, а затѣмъ соскочили на полотно, во время замедленнаго хода поѣзда. Счастье, что истонникъ далъ сигналъ машинисту о несчастіи. Пассажирки немедленно приняли участіе въ судьбѣ перепуганныхъ и поранившихъ руки и колѣни пассажирокъ.

Процессъ о скопчествѣ. Въ уголовномъ отдѣленіи тамбовскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, недавно слушалось дѣло по обвиненію 6 крестьянъ и 5 женщинъ моршанскаго уѣзда въ самооскопленіи, въ кощунствѣ и въ возвращеніи въ скопчество. Присяжные всѣмъ вынесли обвинительный вердиктъ, за исключеніемъ одной подсудимой, крестьянки Февроньи Королевой. Судъ приговорилъ 9 подсудимыхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Восточной Сибири, съ учрежденіемъ за ними особаго полицейскаго надзора, и подсудимаго—крестьянина Василия Невѣрова, какъ обвинявшагося и признаннаго виновнымъ въ кощунствѣ,—къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Сибири.

Омнибусъ гибели. Страшное несчастье произошло въ привислянскомъ краѣ. По дорогѣ въ Лодзь ѣхалъ громоздкій омнибусъ. Внутри его, точно въ герметически закупоренномъ ящикѣ, сидѣло шесть пассажировъ—евреевъ. Всю дорогу они немилосердно галдѣли, но съ наступленіемъ ночи притихли. Уже совершенно стемнѣло, когда омнибусъ приблизился къ селенію Пабіанице. Дорога шла въ гору. Лошадямъ съ каждымъ шагомъ становилось тяжелѣе. Съ обѣихъ сторонъ шоссе протекала рѣка, пересѣкающая нѣсколько разъ дорогу. Къ водѣ спускались крутые откосы, не отгороженные ничѣмъ отъ дороги. Ни забора, ни столбиковъ не было въ поминѣ. Морозъ крѣпчалъ, и дорога с ановилась все болѣе и болѣе скользкой. Вдругъ

крикъ ужаса вырвался изъ груди кучера. Омнибусъ наклонился въ сторону и въ одно мгновеніе по обледѣлому откосу полетѣлъ въ воду, увлекая своею тяжестью барактавшихся лошадей. На-глухо запертые въ экипажѣ пассажиры подняли нечеловѣческой крикъ. О какой-либо помощи ночью, среди дороги, не могло быть и рѣчи. Недолго продолжались предсмертныя муки несчастныхъ евреевъ. Омнибусъ быстро скрылся подъ водою. Все стихло. Шесть человѣкъ утонуло, и только кучеръ остался въ живыхъ.

Открытый грабежъ. Въ Сосновцахъ было совершено нападеніе разбойниковъ на улицѣ. Около 11-ти часовъ вечера, близъ новаго костела, раздались выстрѣлы и страшные крики. Публика всполошилась и бросилась на мѣсто происшествія. Близъ дома булочника Фельдмана среди улицы лежало нѣсколько человѣкъ пораненныхъ и искалѣченныхъ. Явилась полиція; началось предварительное дознаніе, и обнаружено, что нѣсколько злоумышленниковъ напали на проходившаго мимо своего дома расположеннаго въ самомъ центрѣ Сосновецъ, мѣстнаго булочника Фельдмана. Нападеніе совершено было съ цѣлью грабежа. Фельдманъ кое-какъ защищался, но, получивъ нѣсколько глубокихъ ранъ въ животъ и грудь, упалъ, обливаясь кровью. На крикъ, поднятый Фельдманомъ, сбѣжались прохожіе и, окруживъ злодѣевъ, старались задержать ихъ, но разбойники, добывъ револьверы, стали стрѣлять въ публику; а нѣкоторые изъ нихъ пустили въ ходъ ножи. Преступники успѣли скрыться. Ф. скончался.

Житомирское убійство. Въ Житомирѣ совершено страшное преступленіе. Всѣмъ уважаемый присяжный повѣренный Иванъ Игнатьевичъ Корчинскій былъ задушенъ грабителями въ своей квартирѣ. Весь городъ буквально взволнованъ роковымъ событіемъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ грабителей собственный лакей И. И. Корчинскаго. Слѣдствіе ведется подъ наблюденіемъ прокурора окружнаго суда г. Матусевича. Хотя изъ виновниковъ этого страшнаго преступленія никто еще не пойманъ, тѣмъ не менѣе, обнаружено бѣгство одного изъ главныхъ виновниковъ преступленія—лакея покойнаго Корчинскаго, нѣкоего Яковенко. Въ Бердичевѣ найдены взятая убійцей шуба покойнаго Корчинскаго и платье самого убійцы, который всѣ эти вещи успѣлъ сбыть и себѣ купилъ новый костюмъ, въ которомъ и скрылся въ одномъ изъ проходившихъ черезъ Бердичевъ поѣздовъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Гигиеничный способъ подниматься на лѣстницу. Лицамъ, которымъ вслѣдствіе ихъ занятій приходится подниматься по лѣстницамъ, не мѣшаетъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Обыкновенно, всходя на верхъ, со ступеньки на ступеньку, переступаютъ на носкахъ ноги, вслѣдствіе чего вся тяжесть тѣла опирается на весьма незначительную часть мускуловъ ноги, которые очень скоро устаютъ. Во избѣжаніе такого утомленія ногу слѣдуетъ ставить на ступеньку всей подошвой и спокойно переставлять другую ногу такимъ-же образомъ на слѣдующую ступеньку и т. д., въ такомъ случаѣ всѣ мускулы бедра и ноги примутъ участіе въ работѣ, вслѣдствіе чего они менѣе утомляются.

Въ войскахъ давно уже введенъ такой шагъ, что нога сгибается и становится плоско и свободно съ пятки, вмѣсто прежняго вытягиванія носка и напряженія мускуловъ при каждомъ движеніи. Такъ инстинктивно ставятъ ноги старики и усталые люди.

Пароходъ для движенія по водѣ и землѣ. Весьма естественно, что въ мѣстностяхъ, гдѣ вода и земля часто смѣняють другъ друга, заботятся объ изобрѣтеніи способовъ безпрепятственнаго передвиженія, не перегружая людей и товары. Въ большомъ ходу поэтому пароходы-паромы, которые перевозятъ цѣлыя поѣзда черезъ рѣки, морскія губы и небольшія озера. Недавно въ Даніи сдѣланъ опытъ приспособленія парохода къ путешествію по землѣ. Эта идея уже не первый разъ

появляется на сценѣ, въ Америкѣ давно пытались построить черезъ Техуантепенскій перешеекъ такую желѣзную дорогу, по которой могли-бы проходить океанскіе пароходы, и соединить такимъ образомъ Атлантическій океанъ съ Тихимъ. Въ Даніи удалось привести эту идею въ исполненіе, конечно въ маленькомъ масштабѣ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ въ сѣверной части острова Зеландіи циркулируетъ пароходъ, на которомъ путешественники безъ перерыва проѣзжаютъ по чудеснымъ внутреннимъ озерамъ Лингби, Фуръ и Фарумъ и по небольшимъ участкамъ земли, лежащимъ между ними. Этотъ земноводный пароходъ носитъ названіе «Лебедь», имѣетъ 15 метровъ длины (22½ арш.), нѣсколько болѣе 3 метровъ ширины (4½ арш.), въ немъ помѣщается 70 человѣкъ. Его паровая машина имѣетъ 27 лошадиныхъ силъ. При подъемѣ и спускѣ на берегъ устроена искусственная подвижная плотина, по серединѣ которой проходятъ рельсы, которые простираются нѣсколько подъ водой. Когда «Лебедь» подходитъ къ перешейку, черезъ который ему нужно пройти, нажимаютъ на приспособленный подѣвнута зубчатый желѣзный штангъ, зубцы котораго захватываютъ тогда винтъ и опускаютъ четыре придѣланные ко дну парохода колеса. Колеса расположены къ рулю горизонтально и немедленно вступаютъ на рельсы, по которымъ и катятся съ помощью того-же дѣйствія паровой силы. Когда пароходъ выходитъ изъ воды, можно видѣть его винтъ, который первую минуту еще бьетъ по водѣ крыльями и, наконецъ, вертится на воздухѣ. Дно парохода между колесами совершенно плоско, такъ что отъ рельсъ оно отстаетъ нѣсколько. Колеса болѣе и внутри пустыя, какъ у вагоновъ. Они заключены въ непротускающіе воду барабаны, которые наполняются водою, едва пароходъ опустится въ воду. Переѣхавъ перешеекъ, пароходъ снова по рельсамъ спускается въ воду, винтъ начинаетъ работать, нажимъ на желѣзный штангъ освѣбждаетъ его, и колеса поднимаются до слѣдующаго переѣзда. Все это происходитъ очень скоро и безъ всякаго затрудненія. Этотъ оригинальный пароходъ изобрѣтенъ шведскимъ инженеромъ Магнеллемъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Ледоколъ. Рисоваль художникъ Н. Оболенскій.

Зимній день. На голыхъ вѣткахъ
Снѣжный искрится налетъ.
И блестятъ на солнцѣ синій
Крупно-вырубленный ледъ.

Дымъ чернѣетъ надъ избушкой;
На конькѣ своемъ худомъ
Мужичекъ везетъ на дровняхъ
Синій ледъ въ господскій домъ.

Паръ струится отъ лошади.
Холодна, морозна высь.
Чтобъ прожить на бѣломъ свѣтѣ—
Потерпи и потердишь.

Школа вѣчнаго терпѣнья
И работы трудовой—
Это русская деревня
Лѣтомъ, осенью, зимой!..

Утренній туалетъ. Съ картины художника А. Эрдема.

Было уже позднее утро, когда баловница-мать разбудила свою любимую дочку. Въздѣвѣтъ полезно спать подольше, да послать... Шалунья проснулась въ очень веселомъ настроеніи и, приступая къ важной процедурѣ утренняго мытья, весело смѣется. Приготовлена уже вода для умыванья, рядомъ бѣлѣтъ полотенце, — а проказница все еще не хочетъ заняться своимъ туалетомъ. Мать притворно сердится, но что подѣлаешь съ избалованной дочкой!..

Медея. Съ картины художника Р. Виллеса-Миддокса.

Мрачный образъ братоубійцы и дѣтоубійцы Медеи вдохновлялъ сотни разъ драматурговъ и живописцевъ. Всѣмъ извѣстенъ этотъ романтическій и трагическій мифъ. Герой Язонъ отправился за золотымъ руномъ въ

Колхиду и погибъ-бы, еслибы ему не помогла влюбившаяся въ героя дочь Эета, царя Колхиды, Медея. Она намазала его чудодѣйственнымъ снадобьемъ, и Язонъ счастливо выполнилъ порученіе Эета. Царь, однако, все еще не отдавалъ руна. Тогда Медея усыпила дракона и вмѣстѣ съ Язономъ ушла на кораблѣ. Разгнѣванный за измѣну дочери царь послалъ погоню за бѣглецами. Погоня настигла ихъ, но Медея хитростью заманила своего брата въ уединенный храмъ, убила его и раскидала куски его трупы по пути преслѣдователей. Пока Эетъ собиралъ члены своего несчастнаго сына, Язонъ и его товарищи успѣли уйти отъ погони. Наконецъ, Аргонавты прибыли въ Іоакъ, но Язона ничего не ждало здѣсь, кромѣ нежданныхъ для него вѣстей. — Пелій, его дядя, въ отсутствіе Язона велѣлъ убить своего брата и малолѣтняго брата Язона — Промакха, мать-же Язона наложилла на себя руки. Съ помощью Медеи Язонъ отомстилъ Пелію. Незнакомно вошла Медея во дворецъ Пелія и предложила царскимъ дочерямъ возратить юность ихъ дряхлому отцу. Недовѣрчиво встрѣтили царевны ея слова, но Медея взяла старого козла, изрѣзала его на куски, и послѣ таинственныхъ заклинаній изъ котла выскочилъ игривый козленокъ. Тогда дочери Пелія зарѣзали, по совѣту Медеи, своего отца, но коварная колхидянка поднялась на вышку дома и дала знакъ Аргонавтамъ напасть на городъ; Іоакъ былъ взятъ, но Язонъ не удержался въ немъ и вмѣстѣ съ избранницей своего сердца бѣжалъ изгнанъ сыномъ Пелія, своимъ прежнимъ другомъ Акастомъ. Язонъ бѣжалъ въ Коринѣ. Десять лѣтъ прожили они здѣсь счастливо, окруженные цвѣтущимъ семействомъ, но Язонъ оказался неблагодарнымъ по отношению къ Медеѣ. Дальнѣйшая судьба ея изложена въ одноименной драмѣ Еврипида. На рисункѣ Гербаара изображена месть Медеи Пелію. Лучшей драмой на этотъ сюжетъ считается «Медея» Еврипида.

Вилла Террасъ. Мѣстопребываніе Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича.

Турбія — около Ниццы — гдѣ находится въ настоящее время Наслѣдникъ Цесаревичъ, занимающій тамъ «Виллу Террасъ», принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ общинъ Франціи; обитатели ея ничего не платятъ, а только собираютъ доходы. Эта область простирается отъ высоты, командующихъ Монте-Карло, до розовыхъ скалъ на берегу Средиземнаго моря. «Вилла Террасъ» расположена въ болѣе низкой части Турбіи. Дорога ведетъ къ ней среди скалъ и вся открыта лучамъ солнца. Желѣзная дорога появляется въ изгибахъ берега, постоянно исчезая въ безчисленныхъ туннеляхъ. Дымъ локомотива стелется въ оврагахъ, покрытыхъ дикими цвѣтами. Вилла расположена на мѣстѣ соединенія дороги изъ Турбіи и дороги, ведущей въ Ниццу въ Ментону. Она изначио выстроена изъ бѣлаго камня и кирпича, очень скромно, никакихъ пестрыхъ украшеній въ раковинѣ. Вдоль фасада тянутся пять оконъ всего. Двѣ небольшія башенки высятся по краямъ дома, по серединѣ терраса, на которой можно видѣть небольшую желѣзную лѣстницу. Вокругъ виллы разбитъ громадный садъ, въ которомъ по цѣлымъ днямъ распеваютъ птицы. Видъ съ нея великолѣпный и обширный. Спокойный пейзажъ, направо по дорогѣ къ Ниццѣ склоны горъ, покрытые оливковыми деревьями. Съ террасы на столахъ, которая окаймляетъ садъ спереди и поднимается надъ дорогой, видно безконечное море. Воздухъ здѣсь чудесный, чистый. По близости устроенъ телефонъ, телеграфъ. Входъ въ виллу черезъ садъ. Конечно, кромѣ всего этого «Вилла Террасъ» снабжена и всѣми остальными подробностями самаго утонченнаго комфорта. Августѣйшій обитатель виллы, въ видахъ поддержания здоровья, совершаетъ ежедневныя прогулки среда пышной природы и благотворнаго климата.

На каткѣ (изъ жизни XVIII вѣка).

Мы видимъ передъ собою забаву знатнаго общества восемнадцатаго вѣка. Эта забава все та же, которая развлекаетъ и насъ. Одѣтое въ блестящія наряды красивой эпохи, общество любителей катанья разсыпалось оживленными группами по гладкой ледяной поверхности озера. Фонтанъ, обрамленный льдинками застывшей воды, недвижимъ и его замерзшій Пештунъ хищится сквозь иней. Катанье идетъ весело. Но вотъ въ одномъ мѣстѣ слышенъ неудержимый смѣхъ. Какой-то уже немолодой щеголь, рьяно ухаживая за юной красавицей-дѣвицей, скользя около ея кресла и разсыпаясь въ любезностяхъ. Но негръ слуга, который везъ по льду своего господу, захотѣлъ пошутить и ловкимъ поворотомъ сшибъ съ ногъ любезника. Щеголь, парикъ — все разлетѣлось по льду. Надавъ, злополучный любитель коньковъ задрѣлъ еще катившуюся рядомъ даму и та тоже валится. Окружающіе весело смѣются надъ потѣшной сценой. И негръ оскалилъ свои крупные, бѣлые зубы.

Въ ожиданіи добычи. Изъ жизни животныхъ. Съ картины художника Е. Арнольда.

Хищные зѣбры и хищныя птицы всего болѣе голодаютъ зимой, когда все прячется въ норы, поглубже, да потеплѣе. Мрачно бродятъ по лѣсамъ и полямъ исхудавшіе волки. Не рѣдкость зимою сцены, подобныя представленной на нашей картинѣ. Хищная большая птица орлиной породы подстерегаетъ и поймала острыми когтями вкусную дичину. Только-что отдохнувъ отъ погони и уединившись въ укромное мѣстечко лѣса, намѣреналась хищница приняться за привлекательную трапезу, какъ послышался шумъ, и появились нежданные гости. Голодное чутко волковъ открыло сразу, что вблизи пахнетъ пищей. И вотъ, какъ три рыцаря печальнаго образа, волки устрѣлись передъ деревомъ, слѣда жадно за счастливицей. Но та спокойно и гордо поглядываетъ на голодныхъ бродягъ и занимается добычей.

Старый шутникъ. Съ картины художника А. Ривини.

Чета мирно и дружно живущихъ старичковъ весело коротаютъ однообразный и медленный зимній вечерокъ. Только что кончили они свой скромный ужинъ, и теперь старикъ запалилъ свою любимую обкуренившую старую трубочку. Онъ въ отлучившемъ благодушномъ настроеніи. Да и чего гужить? Работа есть, сыновья пишутъ часто и помогаютъ родителямъ; ревматизмъ давно уже притихъ. Даже мелкіе, смѣшныя домашніе споры давно уже не было. И вотъ старикъ нѣжничаетъ по своему съ своей подругой. Онъ пускаетъ ей въ лицо струю табачнаго дыма и ласково ворчитъ сквозь зубы. Доброе лицо старушки сіяетъ довольною улыбкой. Счастливая семейная идиллія! Счастливые, добрые старички!..

За редактора — издатель С. Довгодвевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ СОЛИТЕРА леченіе.
СПБ. САДОВАЯ 59.

№ 2305—1

ВЫИГРЫШ

нме 1, 2 и 3 займы продаетъ

БАНКІРСКИЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, НЕВСКИЙ, СПБ.

ВАЖНО

Посвоей практичности и удобству эластичные вязанные кальсоны безъ внутренняго шва усовершенствованной кройки. Особенно рекомендована для верховой ѣзды. Цѣна: Кручевые въ 2 нитки 1 р.

50 к., въ 3 нит. 1 р. 75 к., въ 4 нит. 2 р. каждые. При выпискѣ требуется мѣра пояса и длина. Менѣе трехъ невысылается. Въ спеціальному магазинѣ бѣлая

Ю. ГОТЛИБЪ.

По Владимірск. д. 2, угл. Невск. пр.
Прейсъ-курантъ высыл. бесплатно.

Фирма премпирована на европейскіхъ выставкахъ десятию золот. медалями и высшими знаками.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

Косметика А. Энглундъ.

Для чѣистоты и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія подѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОСМЕТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ. Получать можно вездѣ. Главн. складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Михайловская площ., д. Жербина, № 2. № 2042 1

МЫЛО
ПРОВИЗОРА
А.М.ОСТРОУМОВА
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

НЕ ПОКУПАЙТЕ РУЖЕЙ

не прочитавши иллюстр. прейсъ-куранта
1896 г. высыл. бесплатно. Адресъ: Каменскъ
Донск. Обл. А. В. Тырнополскому.

СЪМЯНА
Красивѣйшіе и испытанные сорта: для
клумбъ, группъ, бордюровъ и комнатъ.
Удешевл. коллѣкц. въ 35 сор. 2 р., въ
55 сор. 3 р., въ 75 сор. 4 р., въ 100 сор. 5 р.
СЪМЯНА { огородная
{ садовая
бесплатно при коллѣкціяхъ цвѣточн. въ 2 р. 6 сор., въ 3 р. 10 сор., въ 4 р. 15 сор., въ 5 р. 20 сор. по 1 лот. каждаго сор. названій по желанію.
Пересылка и Руководство къ Безплатно
послѣ и уходу за цвѣтами. Только безпристрастные и дѣльные отзывы такъ или иначе, которые выписывали мои Коллѣкціи, даютъ мнѣ возможность рекомендовать ихъ всѣмъ любителямъ цвѣтовъ. Сѣмяно-торговля А. К. Черенина въ Г. Кашино Тверск. губ.
ОБЩЕДОСТУПНО.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ И. И. Даугуля
существуетъ съ 1822 года въ г. Юзе въ (Дерптѣ), Лифляндской губ. и высылаетъ бесплатно и франко иллюстрированный КАТАЛОГЪ СѢМЯНАМЪ огороднымъ, цвѣточнымъ и экономическимъ, 500 сор. РОЗОНАМЪ, грунтовымъ и орнаментальнымъ, Георгинамъ, Гвоздикамъ, цвѣточн. луковичнымъ, воздушн. и тепличнымъ растениямъ, фруктовымъ и украшательнымъ.

ДЕРЕВАМЪ и КУСТАРНИКАМЪ, клубникамъ, спаржѣ, шампиньонъ, гриздамъ, растительн. гигрометрамъ (предсказыв. перемену погоды въ точности за 24 ч. впередъ, ц. 2 р. и пр., съ обозначеніемъ крайнихъ цѣнъ.

КУЛАКОВЪ
ФАБРИКА
ТОРГОВАГО ДОМА
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ
Андрей Емеляновичъ
КУЛАКОВЪ
въ С.-Петербурѣ,
Садовая ул., № 40.
ГИТАРЫ
Солідной работы и отличнаго тона
рекомендуются
по 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 17, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 руб. и до 100 р.
по 2 р. 3, 4, 5, 6, 7, 10,
15, 20, 20, 40 50 руб. и до 100 р.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ высылается
БЕЗПЛАТНО.
№ 2305—3.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ высылается
БЕЗПЛАТНО.
№ 2305—3.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обзоръ»
(Спб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“
Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб. 5 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкиргегіі домъ Генрихъ Блокъ.
— 1 Спб., Невскій, 59. № 2361.

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНЪ И ВЫШЕЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
АЛЬБОМЪ ПАРИЖСКИХЪ КРАСАВИЦЪ
составленъ изъ картинъ лучшихъ французскихъ художниковъ и въ составъ этого альбома вошли слѣдующія картины: 1) Триумфъ Венеры, художника Ливонель Рай; 2) Потифаръ, худ. Февръ Диффе; 3) Леда съ лебедемъ, худ. Мора; 4) Судъ Париса, худ. Гино; 5) Дианна при купаньи, худ. Шугельбергера; 6) Послѣ купанья въ гаремѣ, худ. Бушардъ; 7) Венера, являющаяся тремя граціямъ, худ. Е. Веннеръ; 8) 4 дамы, худ. Ле-Кезнь; 9) Скала и Волна, худ. Тьеро пар.
Всѣ картины въ немъ Парижской школы въ особенности замѣчательны тѣмъ, что художники съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ изобразили
КРАСОТУ ЖЕНЩИНЫ.
Весь Альбомъ пріятный подарокъ. Всѣ картины помѣщены въ изящно тисненную золотыми и черными рисунками мапку. Цѣны съ пересылкой наложен. платежомъ.
Въ изящной мапкѣ . . . 2 руб. 90 коп. 2 за 5 р. 85 к.
Безъ мапки 2 руб. 05 коп. 2 за 3 р. 60 к. 1—
Базаръ Марокъ { С.-Петербургъ
Невскій пр. д. № 20.

СЪМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ А. Б. МЕЙЕРЪ.
Москва, Мясницкая, д. Кузнецова, противъ дома Общедной.
СЪМЕНА
НАИЛУЧШАГО КАЧЕСТВА
и испытанной всхожести
по умѣрен. цѣн.
Каталоги безплатно.

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ!!
реком. въ больш. выѣ. и по умѣр. цѣнамъ всевозм. механ. инструменты: дѣтск. аристонъ 6 р., интона 10 р., серафинъ 14 р., аристонъ-органъ 20 р., герофонъ 25 р., мѣлопанъ 35 и 55 р., піано-мелодико 70, 75 р. и дор., самоигр. съ моторомъ 225 р., органы съ дерев. флейтами самоигр. 225 р.
Механич. піано на котор. можно руками и посредствомъ верч. ручки отъ 550 р.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ. І. Ф. МЮЛЛЕРЪ МОСКВА
МОСКВА, ПЕТРОВКА. № 2310-3 Иллюстр. прейскурантъ бесплатно.

СИМФОНИОНЫ
Музыкальныя шкатулки съ пріятнѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ возможность мѣнять по произволу пѣсни, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручкой безъ нотъ. 5 —
Ноты по 25 —
Заводной безъ нотъ. 10 —
Ноты по 25 —
Заводной 60-тонный безъ нотъ 28 —
Ноты по 50 —
Заводной 84-тонный безъ нотъ 40 —
Ноты по 60 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie 70 —
Ноты по 80 —
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie Piccolo 100 —
Ноты по 1 —
НОВОСТЬ: Часы съ музыкой. Солідные часы, разъ въ день заведенные, играютъ сами черезъ каждый часъ выбранныя по произволу пѣсни. Въ случаѣ желанія—игрываютъ, когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.
Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.
Списки пѣснь для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Зихарина.

4711
Лучшій цвѣточный О-де-колонъ.
№ 4711
„РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ“
ПРЕВОСХ. ПРОДОЛЖИТЕ
ИДЕШЕВ.ДУХИ ДЛЯ ПЛАТКОВЪ
Всѣхъ цвѣточныхъ и модныхъ запаховъ
ПРОДАЮТ. ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ И ПАРФЮМЕР. МАГАЗИНАХЪ.
4711

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ НОВ. АМЕРИК. КОНСТ. ИЗМ. П. ЗРОТАНЮ СЛЕ
рояли и піано америк. констр. со всѣми новѣйш. усоверп., перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ, двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч. двойн. рѣшетникою, пріятн. и сильн. тона.
Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и дор.
Піанино „ „ „ 350 375, 425, 460, 500, 550, 600 и дор.
Армоніопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія на нѣсколько лѣтъ
№ 2321—

1812—БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА—1896

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 84-й.—(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)—ГОДЪ ИЗДАНІЯ 84-й.

НА ГОДЪ:

8 РУБ.

Съ доставкою и
пересылкою по
Имперіи.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ПЕЧАТАЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНО (ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ) ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 48,000 ЭКЗ.

НА ПОЛГОДА:

4 р. 50 к.

Съ доставкою и
пересылкою по
Имперіи.

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ.

Газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» съ 4-го октября 1895 года вступила въ восемьдесятъ четвертый годъ своего существованія.

Газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» безусловно независимая и самостоятельная, попрежнему будетъ, по мѣрѣ силъ, служить общему дѣлу въ интересахъ дорогаго Отечества, Церкви и Русскаго народа.

Въ виду совершенныхъ реформъ по улучшенію какъ внутренняго содержанія, такъ и внѣшняго вида, газета въ короткій срокъ снова заняла видное мѣсто среди ежедневныхъ изданій, что дало матеріальную возможность, не возвышая прежней скромной ея подписной цѣны, привлечь лучшія журнальныя силы къ по-

стоянному сотрудничеству въ газетѣ и, такимъ путемъ, внести въ изданіе оживленіе и отзывчивость на всѣ общественныя явленія, а также увеличить размѣръ ежедневныхъ изданій, помѣщая до формата дорогихъ большихъ столичныхъ изданій, помѣщая всѣ выдающіяся свѣдѣнія и извѣстія ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ помѣщаются новыя литературныя произведенія русскихъ и иностранныхъ писателей въ такомъ общемъ, какъ ни въ одномъ другомъ ежедневномъ изданіи.

Изъ краткой приведенной выше программы видно, что газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», въ обновленномъ видѣ,

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ, ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ, ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получаютъ бесплатно:

- 1) 52 НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, печатаемыхъ на веленовой глазированной бумагѣ, въ видѣ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА, гдѣ помѣщаются: историческіе и современные романы, повѣсти, разказы и стихотворенія. Болѣе 300 художественныхъ рисунковъ, а именно: портреты историческихъ и современныхъ общественныхъ дѣятелей, историческія, бытовые и современные иллюстраціи, имѣющія непосредственное отношеніе къ совершившимся событіямъ, т. е. «зюбъ дня» за текущую недѣлю, а также карикатуры, шахматныя, шашечныя задачи и проч.

ПРЕДСТОЯЩІЯ ВАЖНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СОБЫТІЯ ВЪ 1896 ГОДУ:

- 1) СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ
- 2) ВСЕРОССИЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА, будутъ даны на страницахъ газеты въ цѣломъ рядѣ оригинальныхъ рисунковъ и подробныхъ описаніяхъ специальныхъ корреспондентовъ.
- 2) ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ—«МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ». Нумера выходятъ ежемѣсячно и замѣняютъ собою для семействъ дорогой специальный «Модный Журналъ». Въ каждомъ номерѣ помѣщаются рисунки костюмовъ, отличающихся изяществомъ и легкимъ исполненіемъ,
- 3) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ (СЪ КАРТОЮ Россіи), отпечатанный въ три краски разсылается при первомъ номерѣ.

НОВОЕ ВЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

- 4) «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» (первое изданіе), при теперешнемъ ея издателѣ, въ годовые подписчики газеты, въ 1896 году, получаютъ бесплатно и безъ всякой доплаты за пересылку новое самостоятельное изданіе:

Избранныя литературныя произведенія талантливаго и любимаго читателями русскаго писателя

А. МИХАЙЛОВА

Въ этихъ книгахъ будутъ помѣщены: портреты, біографія автора и два большихъ романа—

- 1) «ЖИЗНЬ ШУПОВА».—II) «ЛѢСЪ РУБЯТЪ—ЩЕПКИ ЛЕТАЮТЪ».

Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ изданій—ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

Подписная цѣна на газету «Сынъ Отечества» (первое изданіе):

НА ГОДЪ съ доставкою въ Спб. и пересылкою—8 р.—На полгода 4 р. 50 к.—На три мѣсяца 2 р. 50 к.

РАЗСРОЧКА ВЗНОСОВЪ НА ДРУГІЕ СРОКИ ДОПУСКАЕТСЯ для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а для другихъ лицъ по соглашенію съ Конторою.

Годовые подписчики газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» (перваго или втораго изданія), желающіе приобрести, на выборъ, новыя художественныя произведенія или другіе за прежніе года, уплачиваютъ за каждый экземпляръ портрета Ихъ Императорскихъ Величествъ или картины (съ доставкою на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ Спб.—75 к. Неподписчики—ТРИ РУБЛЯ (за два экземпляра портретовъ—ПЯТЬ рублей).

1) НОВЫЕ ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ТЕОДОРОВНЫ.

Е. И. В. Государь Императоръ изображенъ въ натуральную величину (поисной), въ парадной формѣ л.-гв. гусарскаго полка, а Е. И. В. Государыня Императрица Александра Теодоровна изображена въ парадномъ русскомъ нарядѣ и кокошникѣ. Портреты отпечатаны въ 27 красокъ, на пергаментной бумагѣ, съ рельефомъ. Размѣръ портретовъ: высота 20 вершковъ, ширина 16 вершковъ.

- 2) АВОНЪ ПРИ ЛУННОМЪ ОСВѢЩЕНІИ. Новая большая картина, воспроизвелъ въ 20 крас., съ оргин. проф. Ю. Ю. КЛЕВЕРА. (Размѣръ: 22×16 в.). Картина эта изображаетъ роскошный восточный пейзажъ, богатый художественными эффектами.

- 3) БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ. Съ оригинала профессора И. Е. Рѣпина. Картина отпечатана въ 18 красокъ (Размѣръ: длина 22 в., выш. 16 вершк.).
- 4) ЖЕРТВА ВОЛГИ. Съ оригинала художника С. Верещагина. Картина отпечатана въ 18 красокъ (Размѣръ: длина 22 в., шир. 16 вершк.).

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, У АНИЧКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

№ 4 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 3 листовъ, съ 10-ю рисунками. а именно: I) 2 листа текста и II) Листъ «Еженедѣльной хроники» № 4-й.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

со всѣми бесплатными къ нему приложениями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»: НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. НА ТРИ мѣсяца 2 руб. Заграницу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

1) Желающіе получить самостоятельно книги журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА» (безъ журнала «Живописное Обозрѣніе»), уплачиваютъ за годъ (съ доставкою—4 рубля, за полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ «Живописное Обозрѣніе» безъ книгъ «Домашней Библіотеки»—НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Получающіе журналъ съ разсрочкою взносовъ, добавляютъ къ объявленной подписной годовой цѣнѣ 50 коп. за напечатаніе адресовъ и другіе расходы.

Желающіе получить художественныя изданія, какъ новыя портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, такъ и другія картины, уплачиваютъ за каждый экземпляръ портрета или картины (съ доставкою на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ С.-Петербургъ—75 коп.

ЗА ПЕРЕМѢНУ адреса петербургскаго на иногородный, иногородняго на петербургскій, уплачивается рубль, иногородняго на иногородный—28 коп. почтов. марками. На отвѣты и справки необходимо прилагать двѣ 7 коп. почтовые марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 10 до 12 час. пополудни.

С.-Петербургъ. Ковенскій переулокъ, собств. домъ, № 14.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

Масляница: «на вейкѣ». Рисоваль А. Сафоновъ.

МАСЛЯНИЦА.

Праздникъ шумный, праздникъ русскій!
Въ головѣ угаръ и чадъ,—
Жизни сумрачной и узкой
Шумно-пестрый маскарадъ...

Вдоль по улицамъ столицы,
Какъ стрѣла, во всѣ концы
Мчатся троекъ вереницы
И смѣются бубенцы.

Клубы, цирки, рестораны
Наполняютъ праздный людъ;
И до ночи балаганы
И стрѣляютъ, и поютъ!

Позабыты всѣ заботы,
Позабыты дни тоски;
Отъ мучительной работы
Отдыхаютъ въ дни.

И по всей широкой Руси
Разливается волной
Этотъ праздникъ въ русскомъ вкусь
Этотъ гулъ и шумъ хмельной...

Хмель гуляетъ... Чтожъ такое?—
Иль осудить кто-нибудь?
Вѣдь за праздникъ этотъ втрое
Утомится послѣ груды!..

В. Петровичъ.

ПЕРЕПОЛОХЪ.

РАЗСКАЗЪ ВЪ ТРЕХЪ ПИСЬМАХЪ.

III.

Глубокоуважаемая сестрица моя,

Ольга Дмитриевна!

Простите, что замедлил посылкомъ настоящего моего письма и, конечно, заставилъ Васъ тревожиться. Но, видите Богъ, не моя нерадивость вызвала сію неакuratность, а единственно тотъ неожиданный несчастный случай, ради котораго я нѣсколько дней не могъ взяться за перо и о которомъ Вамъ уже сообщилъ мой милѣйшій докторъ, какъ я о томъ просилъ его, боясь, что Вы какъ-нибудь стороной узнаете о моемъ приключеніи и, пожалуй, напрасно приѣдете въ Петербургъ съ Машурочкой, не дожидаясь моего выздоровленія. Теперь докторъ позволилъ мнѣ и самому писать Вамъ, изъ чего Вы можете заключить, что никакой опасности для моего здоровья теперь нѣтъ, что я совсѣмъ оправляюсь и смѣю надѣяться, по милости Божіей, скоро увидаться съ Вами лично. О моихъ семейныхъ дѣлахъ (докторъ, конечно, ничего этого не знаетъ и потому могъ сообщить Вамъ только о состояніи моего здоровья)—сообщу Вамъ по порядку.

Въ тотъ день, когда я писалъ Вамъ послѣднее мое письмо, отправился я рано утромъ въ церковь всѣхъ скорбящихъ Заступницы и былъ такъ счастливъ, что попалъ случайно къ молебну напутственному—купецъ какой-то служилъ, сына своего на ярмарку отправляя. Помолился я усердно и пошелъ отыскивать жилище Варвары Павловны. Прихожу, справляюсь въ домѣ, швейцаръ говоритъ: «на дачѣ въ Лѣсномъ лѣто господѣ проводить». Взялъ я адресъ и направился къ клиникѣ Вилье, а оттуда на паровой конкѣ поѣхалъ въ Лѣсной. Розыскалъ дачу. Богатѣйшій домъ съ большимъ садомъ. Звоню, вышелъ лакей, спрашиваю:—«Дома-ли барыня Варвара Павловна Богуславская?» Лакей осмотрѣлъ меня, спрашиваетъ:—«Да вы кто будете? Какъ о васъ сказать?».. Сконфузился я, фамилию-то совѣстно называть, говорю:—«Скажи моль, что Петръ Владиміровичъ изъ Спиридонова». Заперъ онъ дверь передо мною, точно передъ воромъ какимъ, и пошелъ докладывать. Прошло, должно быть, съ полчаса, а отвѣта все нѣтъ. Я ужъ и на крылечко пристѣлъ, а вну-

три меня все это что-то ходуномъ ходить, сердце такъ птицей въ груди и трепещетъ. «Вотъ, думается, Александръ Петровичъ Канареевъ говорилъ, что они въ моихъ рукахъ, а чего тутъ о законахъ да о правахъ толковать, когда и смѣлости у меня надлежащей нѣтъ, и капиталами я не обладаю, и мѣстомъ служенія завишу отъ высшихъ лицъ. Она-то, Варвара Павловна, вотъ въ какихъ хоромахъ живетъ, а меня лакей ея оглядѣлъ да на дворѣ оставилъ: «сташить, моль, что нибудь». Сажу я это на крылечкѣ, волнуясь все больше, да больше, какъ вдругъ слышу:—«Сударь, а сударь, баронъ къ себѣ васъ просить». — «Баронъ?» чуть не вскрикнулъ я, очнувшись: разыскивалъ-то я все Варвару Павловну, а о томъ и не справился, одна-ли она съ дѣтьми живетъ или и баронъ съ нею. — «Да, говоритъ лакей, баронъ просить васъ къ себѣ». Нечего дѣлать—не бѣжать-же назадъ. Пошелъ я, а самъ чувствую, что все во мнѣ вдругъ поднялось внутри-то. Передъ Варварой Павловной я виноватъ, глубоко виноватъ, съ нею я на колѣняхъ готовъ былъ объясняться, а съ нимъ—и жену онъ у меня укралъ, и именемъ моимъ пользуется для своихъ дѣтей, и отъ меня-же подъ угрозой требуетъ, чтобы я грѣхъ постыдный передъ лицомъ честныхъ людей на себя принялъ. Вы вѣдь знаете, дорогая сестрица, мой не-суразный характеръ: годы я могу терпѣть обиды, годы могу молчать, но бываютъ минуты дикаго упомощенія, когда самъ я собой не владю и не вижу, и не слышу, что вокругъ дѣлается, а внутри меня все что-то такое невѣдомое поднимается, душитъ за горло, къ головѣ приливаетъ, въ глазахъ свѣтъ застилаетъ. Почувствовалъ я, что именно такой моментъ для меня настаетъ, и хотѣ бѣги отъ грѣха. А между тѣмъ я уже стоялъ передъ барономъ. Тоненькій, подвижной, молодой, въ бархатномъ пиджачкѣ, быстро окинулъ онъ меня съ когъ до головы глазами, пригласилъ движеніемъ руки сѣсть и небрежно началъ извиняться, что Варвара Павловна не такъ здорова и что принять меня потому не можетъ, но что онъ, пользуясь случаемъ, что я здѣсь, желаетъ переговорить со мною за нее. Засунувъ руки въ карманы

и мелькая взадъ и впередъ передо мною, заговорилъ онъ часто-часто и что такое онъ говорилъ тогда—передать Вамъ, уважаемая сестрица, я въ точности не умѣю. Не знаю онъ-ли въ словахъ путался, у меня-ли пониманье притупилось. Слышалъ я только отрывочныя фразы: «Это надо покончить!» «Это-же нелѣпое положеніе!» «Не будь у меня дѣтей, тогда другое дѣло». «Пустыя формальности!» «Вы примете грѣхъ на себя!» «У васъ не будетъ никакихъ расходовъ по дѣлу, я всѣ матеріальные расчеты приму на себя!» «А то вѣдь это вся капитель просто смѣшна!» Помню я теперь, что при этой фразѣ я вздрогнулъ и вообразилась мнѣ вдругъ страшная нелѣпость, будто-бы онъ все время надо мною безсовѣстно смѣялся, нагло вышучивъ я меня. Поднялъ я голову, хотя въ глазахъ все темно стало, и черезъ силу, сдерживаясь, не своимъ голосомъ отвѣтилъ:—«Я никогда не стану хлопотать о признаніи незаконнорожденными вашихъ дѣтей. Клянусь въ этомъ Господомъ Богомъ. Но и грѣха я на себя никогда не возьму. Лгать ни передъ Богомъ, ни передъ людьми не хочу, и позорилъ себя распутствомъ на старости лѣтъ не стану». Онъ странно какъ-то засмѣялся. — «Чудакъ вы! Развѣ позоръ для мужчины, что онъ не монахъ, не евнухъ? Въ ваши годы иные хвалятся тѣмъ, что хорошо сохранились. А если вы боитесь того, что, принявъ на себя грѣхъ, вы сами потеряете право на женитьбу. Такъ на что вамъ жениться? Дѣтей у васъ незаконныхъ нѣтъ и, вѣроятно, уже не будетъ, такъ какъ въ эти двѣнадцать лѣтъ не было-же ихъ отъ той особы, съ которой вы жили и живете». Тутъ-то, дорогая сестрица, и произошло нѣчто неожиданное и страшное. Не помня себя, не помня, съ кѣмъ говорю, и слыша только глумленіе надъ собой и надъ Вами, святой женщиной, потерялъ я всякое самоблагоданіе и, крикнувъ: «Какъ ты смѣешь позорить честныхъ людей? Я тебя задую, не одяй!» схватилъ его за горло и повалилъ на диванъ... И его, и меня заставилъ очнуться женскій возгласъ, Я обернулся и увидѣлъ нарядную дебелую даму, выскользнувшую при моемъ крикѣ изъ-за подъемы въ

кабинетъ барона. Должно быть, это была Варвара Павловна. Не призналъ я ее сразу. Она хотѣла уже позвонить слугамъ. Но высвободившись изъ моихъ рукъ б'ронь, быстро поднявшись съ дивана, встряхнувшись и тяжело дыша, остановилъ ее за руку, гнѣвно крикнувъ: «Что, вы хотите еще новаго скандала на весь городъ?» и тутъ-же рѣзко приказалъ мнѣ: «Уходите, пока вы цѣлы!»

Какъ я, уважаемая сестрица, отъ нихъ вышелъ, какія мысли, какія чувства охватили меня—описать я Вамъ моимъ перомъ подробно не могу: и неизбежная отставка пришла на память, и судъ за поднятіе руки на значительную особу, и участь Машурочки съ отцомъ, выгнаннымъ безъ прошенія со службы и судимымъ за оскорбленіе дѣйствіемъ чиновнаго лица, и сознаніе, что дикимъ звѣремъ я сейчасъ былъ, готовымъ не больше, не меньше какъ задушить человѣка, все смѣшалось въ головѣ, какъ вдругъ, что-то громадное, твердое, какъ стѣна, съ шумомъ и грохотомъ словно обожгло меня сзади,шибло съ ногъ, какъ былинку ничтожную, мощно отбросило въ сторону, чуть-чуть протанцало по землѣ, и умчалось, пыхтя и сопя, дальше... Очнувшись въ больницѣ съ поврежденною лѣвою ногою, съ разбитымъ лѣвымъ бокомъ. Говорить докторъ, что если-бы на вершокъ ближе я шелъ по рельсамъ, то паровая конка, ударившая меня сбоку, косточки живой во мнѣ не оставила-бы. Но, видно, всѣхъ скорбящихъ Заступница услышала мои молитвы за напутственнымъ молебномъ и спасла меня Своимъ щитомъ несокрушимымъ. Говорятъ, объ этомъ случаѣ и въ газетахъ было напечатано: изъ нихъ узнали о моемъ несчастіи и Петръ Александровичъ Канареевъ, желавшій черезъ меня петербургскіе гостинцы отцу Андрею послать, и баронъ...

О послѣднемъ, дорогая сестрица, долженъ я Вамъ сказать, что въ моемъ испѣленіи онъ много помогъ и примирился я невольно съ этимъ человѣкомъ. Онъ, какъ говорилъ мнѣ докторъ, тотчасъ-же пріѣхалъ въ больницу, прочитавъ въ газетахъ о моемъ несчастіи, просилъ докторовъ позаботиться обо мнѣ, навѣщалъ меня чуть не ежедневно, и сегодня еще, когда я вотъ уже почти совсѣмъ поправился и могу писать къ Вамъ, онъ провелъ нѣсколько часовъ у моей постели. Какъ ошибаемся мы, милая сестрица, въ суетныхъ и легкомысленныхъ нашихъ сужденіяхъ о счастьи и несчастіи людей, судя о нихъ по внѣшнему ихъ облику. Я когда-то думалъ облагодѣтельствовать Варвару Павловну, а въ сущности погубилъ ее. Въ ея любви думалъ баронъ, еще совсѣмъ юношей, найти счастье, а въ сущности испортилъ всю свою жизнь. Онъ, конечно, мнѣ не говорилъ о своемъ несчастіи, такъ какъ въ ихъ кругу не принято жаловаться; но понялъ я изъ его намековъ, изъ случайныхъ обмолвокъ, что онъ несчастный изъ несчастныхъ людей.— «Вы знаете ея характеръ, говорилъ онъ мнѣ. Нервы, истерики». И пристращать то меня отставкой вздумалъ не онъ, а она черезъ жеху директора нашего хотѣла все оборудовать, его именемъ свесовольно пользуясь. Онъ даже возмутился, когда узналъ это. Она-же и меня то ему расписала самыми черными красками, будто я ради своей развращенности и ее погубилъ, и потомъ... Писать-то я не могу, что она про наши съ Вами отношенія барону говорила. Онъ удивился, услышавъ, что Вы моя двоюродная сестра и что Вы совсѣмъ старый человѣкъ, котораго я за мать родную почитаю, а не то что вертушка какая нибудь.

И вотъ вѣдь какъ странно: Вы говорили мнѣ, что я не пара Варварѣ Павловнѣ по своему воспитанію и развитію, а у барона тоже сорвалось съ языка, что, «конечно, она по своему воспитанію и развитію не пара ему, но что жить съ ней ему приходится, такъ какъ она мать его дѣтей, а для нихъ онъ на всѣ жертвы готовъ». Меня даже слеза сегодня прошибла, когда онъ, уходя отъ меня, совсѣмъ какъ виноватый, молящимъ голосомъ сказалъ мнѣ:—«Вы честный человѣкъ, Петръ Владиміровичъ, и никогда не обидите моихъ дѣтей, не правда-ли?» Я понялъ его и осѣнился крестнымъ знаменіемъ, проговоривъ:—«Видить Богъ, что я ни на одну секунду и не думаю никогда оспаривать законности происхожденія этихъ крошекъ. Нимнѣ передъ ними, ни имъ за меня краснѣть не придется».

Дорогая сестрица, Богъ дастъ, черезъ нѣсколько дней обниму я мою Машурочку и поцѣлую Ваши ручки послѣ всего этого неожиданнаго переполоха. Вернусь я немного калѣкою, такъ какъ на лѣвую ногу придется мнѣ теперь, по словамъ доктора, хромать весь вѣкъ. Но не въ томъ суть жизни: хромаешь-ли человѣкъ на одну ногу или нѣтъ. Важно то, что никогда еще не былъ я такъ спокоенъ духомъ, какъ теперь. И знаете-ли что: даже вина моя передъ Варварой Павловной не мучитъ меня, потому что, по моему слабому разумѣнію, ни я, ни баронъ загубили ея жизнь, а... Вотъ вѣдь сказалъ я это, а самъ и не знаю, кого винить въ томъ, что такъ сложилась у нея жизнь. Ну, да Господь проститъ и ее, какъ всѣхъ насъ, слѣпотствующихъ и малоумныхъ.

Истинно уважающій Васъ братъ Вашъ
Петръ Богуславскій.

3 іюля 1892 г.

А. Михайловъ (А. К. Шеллеръ).
КОНЕЦЪ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи! Еще рано.. Туманы сѣдые
Тихо ползутъ по землѣ..
Спи, милый другъ, пока сны золотые
Снятся тебѣ.

Юность промчится, въ житейское море
Ветупишь, невгоды придутъ..
Грезы умчаться.. Узнаешь ты горе..
Сны пропадутъ.

Н. Б.—роут.

МАТЬ-МАЧИХА.

Повѣсть.

I.

СТАРЕНЬКІЙ учебный столъ былъ заваленъ книгами. Лампа горѣла тускло. Деятнадцатилѣтній Алексѣй Ингельштетъ казался утомленнымъ и скучающимъ. У него было еще совсѣмъ дѣтское лицо, очень блѣлое, съ чуть розоватымъ налетомъ на щекахъ, нѣжное, какъ у дѣвушки; волосы—лыняные, малые, какъ пухъ, немного рѣдкіе,—висели надо лбомъ. Въ синихъ глазахъ было всегда какое-то ожиданіе и робость.

На желѣзной кровати, въ углу, лежалъ кто-то и спалъ.

— Вадимъ Петровичъ! негромко окликнулъ Алексѣй.

Спящій отъ перваго звука вдрогнулъ и вскопился.

— А? а? Что вы сказали, Алешенька? — быстро зашепталъ онъ, поправляя на шеѣ широкій черный шарфъ, въ который былъ закутанъ, какъ въ платокъ.

— Послушайте, Вадимъ Петровичъ, сказалъ Алексѣй,—чего вы тамъ спите? Мнѣ до смерти скучно, я усталъ. Пойдемте-ка прогуляться.

Вадимъ Петровичъ замахалъ рукой, какъ будто-бы Алексѣй предложилъ ему совсѣмъ невозможную вещь. Онъ медленно, на ципочкахъ, подошелъ къ столу и сѣлъ рядомъ на кончикъ стула.

— Что вы, Алешенька, — гулять, а Елена Филипповна? Вѣдь тамъ — гости. Вѣдь она только потому и позволила уйти оттуда, что послѣ завтра латынь у васъ.

Алексѣй вздохнулъ.

— Голова болитъ, сказалъ онъ покорно.

Вадимъ Петровичъ сдѣлалъ встревоженное лицо. Онъ имѣлъ вообще очень странный видъ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ, не болѣе. Волосы на головѣ, тщательно подвитые, лежали странными фестонами. Лицо съ рыжеватыми усиками выражало не то глупость, не то женственность. Весь онъ какъ-то извивался и кривлялся, безпрестанно поправляя — то волосы, то рубашка, то закутылся въ черный шарфъ, съ которымъ никогда не разставался.

— Ахъ, Алешенька, промолвилъ онъ, закатывая глаза,—пойдемте, право, пойдемте въ гостиную. Голова болитъ, устали, а тамъ — гости. Я самъ усталъ, да вотъ теперь отдохнулъ у васъ. А тамъ я вамъ сыграю что-нибудь.

Алексѣй покорно всталъ, поправилъ парусинную блузу съ гимназическимъ поясомъ и проговорилъ:

— Да, вѣдь, Люба тамъ, вѣдь, эга Люба, Вадимъ Петровичъ...

— Знаю, знаю, она мнѣ самому противна, — галка черная, ворона съ березы! Ну, да я ее отъ васъ отведу...

И Вадимъ Петровичъ маленькими шажками, осторожно ступая на высокихъ каблукахъ, послѣдовалъ съ Алексѣемъ въ залу.

Въ залѣ, точно, сидѣли гости, но было не весело и тихо. Въ одномъ углу самъ генералъ Ингельштетъ, — уже сѣдой, съ добродушнымъ выраженіемъ лица, — игралъ въ карты. Партнеры его были тоже люди пожилые. На диванѣ сидѣла мать, Елена Филипповна, съ работой, окруженная нѣсколькими дамами. Она работала неспокойно, торопливо; ея блѣлые сухіе пальцы нетерпѣливо и зло перебирали вышивку, какъ будто-бы она работала поневолѣ. Когда вошелъ Алексѣй, она быстро подняла вверхъ свѣтлыя рѣсницы и взглянула на него своими блѣдными глазами.

— Ты кончилъ?—спросила она.

Голосъ у нея былъ такой-же блѣдный, какъ и глаза, точно равнодушная вода падала съ крыши послѣ долгаго дождя.

— Садись. Вотъ Вадимъ Петровичъ намъ сыграетъ что-нибудь.

— Ахъ, ахъ, ужъ я не знаю, — забормоталъ Вадимъ Петровичъ, однако, приближаясь къ роялю, — ну, ужъ я вамъ Листа сыграю.

Онъ открылъ рояль и заигралъ. И безъ его предупрежденія можно-бы знать, что онъ будетъ играть Листа. Вадиму Петровичу только одинъ Листъ и давался. За Листа ему покровительствовали всѣ барыни губернскаго города: доставляли ему уроки музыки

Парижская выставка картинъ (Салонъ 1895 г.): «Завтракъ дѣтей». Съ картины художницы М. Родштейнъ.

«Влюбленный змей». Съ картины художника Э. Ферри.

рекомендовали приѣзжимъ знаменитостямъ, грѣли и пекли. Вадимъ Петровичъ былъ какъ-бы ихъ общимъ сыномъ. Онъ не зналъ и не имѣлъ никакой родни, нигдѣ не учился, былъ полуграмотенъ. Его счиали за ребенка и пророчили ему будущность.

Зато Вадимъ Петровичъ блистательно игралъ Листа: пальцы такъ и бѣгали по клавишамъ, но сыпались, какъ горохъ, и ужасающіе пассажи были ему нипочемъ. Правда, Вадимъ Петровичъ не могъ сыграть даже самую простую сонату Бетховена; но зачѣмъ губернскимъ дамамъ, покровительницамъ артистовъ, — сонаты Бетховена? Переложеніе Листа — для нихъ вполне достаточно.

Алексѣй стоялъ къ створенному окну. Тамъ была весенняя, южная темнота. Съ улицы пахло пылью и цвѣтущими каштанами. Близкія, большія звѣзды двигались на небѣ.

Алексѣю было неловко — ему все казалось, что мать слѣдитъ за нимъ взглядомъ. Онъ отодвинулся дальше, такъ что его нельзя было видѣть, и въ ту-же минуту къ нему подошла смуглая дѣвушка, которая до тѣхъ поръ сидѣла поодаль, около рояля.

— Алеша, произнесла она тихо. — Грели Вадима Петровича заглушали его голосъ. Однако, Алексѣй ее услышалъ.

— Послушайте, Алеша, — продолжала она, — вы не хотите больше приходить къ намъ, играть на скрипкѣ?

— Мнѣ теперь некогда, — проговорилъ Алексѣй, — экзамены...

— Нѣтъ, скажите, что вы не хотите, скажите просто. Ну, что-жъ, мнѣ это больно все, конечно, но мнѣ другое еще больнее. Зачѣмъ вы, Алеша, мать огорчаете?

Алеша вздрогнулъ, какъ будто на него брызнули холодной водой, и ничего не сказалъ.

Люба подождала немного и продолжала:

— Это ужасно, что вы мать огорчаете. Это для нея — смерть. Я вижу, какъ она мучится. И такъ она мучится каждымъ вашимъ непослушаніемъ, даже самымъ маленькимъ, а тутъ вдругъ вы задумали такую вещь. Нѣтъ, это ее убьетъ. Двадцать лѣтъ не разставалась съ единственнымъ сыномъ, знаетъ, какой вы несамостоятельный, какъ за вами нужно слѣдить — и вдругъ позволить поѣхать вамъ — Богъ знаетъ куда на четыре года! Никогда она этого не позволитъ, да и не понимаю я, какъ вы можете такъ ее огорчать.

Алексѣй посмотрѣлъ на Любу съ ненавистью. Она была некрасива, съ хищнымъ выраженіемъ въ смугломъ лицѣ, очень маленькомъ, несматривающемъ на полное тѣло. Сѣрые глаза слегка косили, такъ что взглядъ ея былъ всегда обращенъ не на того, съ кѣмъ она говорила. Густые черные волосы были заплетены въ одну косу. Когда-то Люба казалась Алексѣю довольно привлекательной. Можетъ быть, ея необычная любовь къ нему трогала его: можетъ быть, и то было причиной, что только одну Любу онъ видѣлъ у нихъ въ домѣ и только у одной Любы могъ бывать; Елена Филипповна такъ хотѣла, и Алексѣй даже не размышлялъ никогда, долженъ онъ или не долженъ слушаться матери. Онъ писалъ Любѣ нѣжныя письма, хотя она жила со своей матерью въ двухъ шагахъ, даже поцѣловалъ ее нѣсколько разъ, но на томъ дѣло и кончилось. Его охладило, главнымъ образомъ, то, что, какъ будто, все было это извѣстно матери, за всѣмъ она слѣдила и позволяла. Даже больше: какъ будто это дѣла-

лось съ ея приказанія. И тутъ въ первый разъ Алексѣю захотѣлось повернуть въ другую сторону. Люба не хотѣла знать перемѣнъ, она все такъ-же приходила къ нему, такъ-же звала его къ себѣ и постоянно говорила съ нимъ о матери, и постепенно расположение Алексѣя переходило въ ненависть.

— Оставьте, Люба, — сказалъ онъ съ рѣзкостью, — что вамъ до того? Я поступаю, какъ могу.

— Вы не любите меня больше, Алеша? — вдругъ плаксиво протянула Люба, — скажите, вы меня не любите?

Не было такой вещи, которую Алексѣй могъ сказать съ рѣшительностью. Онъ хорошо зналъ, что терпѣть не можетъ Любу, а между тѣмъ физически не могъ сказать ей это или показать слишкомъ прямо. Онъ не зналъ, что отвѣчать ей теперь и уже собирался сказать, что любить, когда она сама, не дождавшись отвѣта, продолжала:

— А я васъ люблю, Алеша, я васъ ужасно люблю. Я умру, если вы уйдете въ университетъ на четыре года. И вѣдь это капризъ у васъ, эти естественныя науки, — вы всегда хотѣли быть офицеромъ...

— Когда-же я хотѣлъ? — слабо попытался возразить Алексѣй.

— Ну, все равно, Елена Филипповна хотѣла. А естественныя науки — это Шмитъ вамъ вбилъ въ голову.

— Не трогайте Шмита, онъ мой другъ, — произнесъ Алексѣй, вставая. Ему было тяжело разговаривать съ Любой, а она не понимала этого и съ наивной безтактностью не хотѣла ступить его. Къ счастью, Вадимъ Петровичъ кончилъ своего Листа. Его похвалили, попросили сыграть еще, но онъ не сыгралъ, а пошелъ къ окну выручать своего друга. Но выручать не пришлось: Люба, завидѣвъ Грушевскаго, отошла опять къ дивану и сѣла за кресломъ Елены Филипповны.

— Нѣтъ, я не могу, — шепнула Алексѣй Вадиму Петровичу, — я ударю гульта, мнѣ душно. Пойдемте со мной, Вадимъ Петровичъ, какъ будто въ комнату сначала, а оттуда можно — въ окно.

— Да что вы? — проговорилъ Вадимъ Петровичъ съ выраженіемъ полного ужаса на лицѣ. — Подождите, будемъ на Бѣломъ Ключѣ, тамъ другая воля, а въ городѣ — страшно.

— Ничего, пойдемте...

И Алексѣй рѣшительно пошелъ къ двери. Вадимъ Петровичъ поплелся за нимъ, все съ тѣмъ-же выраженіемъ ужаса на лицѣ.

II.

Бѣлый Ключъ, гдѣ у Ингельштетовъ была собственная дача, и гдѣ они жили каждое лѣто, было мѣсто невеселое и довольно неприятное. Тамъ стояло въ лагерѣ нѣсколько полковъ. Но и офицеры жили какъ-то скучно и монотонно. Музыка играла рѣдко. Паркъ заросъ бурьяномъ. Дачники мало знакомились другъ съ другомъ и сходились развѣ только на почтѣ, куда слѣдовало самимъ отправляться получать письма два раза въ недѣлю. Гулянья было довольно: дороги во всѣхъ направленіяхъ, громадная сосновая роща на горѣ.

Но Алексѣй не любилъ Бѣлаго Ключа. Жизнь его нисколько не отличалась отъ городской: такъ-же игралъ онъ на скрипкѣ подъ аккомпаниментъ Любы, которая лѣтомъ гостила у нихъ совсѣмъ, — и такъ-же, казалось ему, слѣдили за нимъ всюду блѣдныя глаза матери.

Но въ прежніе года у Алексѣя была без-

заботная покойность, какой-то полусонъ, онъ зналъ, что будетъ съ нимъ осенью, и потомъ опять — лѣтомъ, и зналъ, что это неизбежно. Теперешнее лѣто было безпокойное и мучительное. Онъ кончилъ гимназію, и перемѣны дѣлались необходимы. Алексѣю не доставало его друга — Шмита. Шмитъ общался приѣхать, но не раньше іюля.

Вопросъ о томъ, что-же будетъ съ Алексѣемъ, — такъ и оставался пока нерѣшеннымъ, стоялъ на пути. Если-бы не Шмитъ, можетъ-быть, этого вопроса и не существовало-бы. Но Шмитъ далъ мысль Алексѣю, что онъ можетъ устроить жизнь, какъ ему болѣе нравится, и теперь Алексѣй держался за это, самъ удивляясь, откуда у него берутся силы. Точно стоворившись, все первое время молчали объ этомъ, но разъ за завтракомъ отецъ произнесъ добродушно:

— Что-жъ, Алексѣй, пора ужъ думать, чтобы тебя записали. Вѣдь ты въ юнкерское?

Алексѣй, не поднимая глазъ, проговорилъ:

— Нѣтъ, папа, вѣдь ты знаешь, я хочу въ университетъ...

— Все еще въ университетъ? продолжалъ отецъ съ искреннимъ изумленіемъ, — а я думалъ, у тебя это прошло. Какъ-же ты пойдешь? Вѣдь мать не хочетъ.

Знакомое чувство — не то страха, не то отчаянія и обиды облило Алешу съ ногъ до головы, и онъ прошепталъ:

— Я на естественный...

— Вотъ видишь, на естественный, — съ прежнимъ добродушіемъ началъ отецъ, — и откуда у тебя эти фантазіи? Какая тутъ будущность? Вѣдь это капризы, баночки да скляночки разставлять. Ну, что тамъ, мать не хочетъ, значить и говорить нечего. Надо поскорѣе въ юнкерское записываться.

Алеша хотѣлъ возразить, крикнуть, но слезы подступили ему къ горлу. Онъ, — самъ не зная, что дѣлаетъ, — вскочилъ изъ-за стола и убѣжалъ къ себѣ.

Нѣсколько времени онъ лежалъ на своей постели безъ мысли и только съ желаніемъ плакать. Вдругъ вошла Люба.

— Алеша, — проговорила она тихо, оставившись на порогѣ, — идите, мама васъ зоветъ къ себѣ. Ай, ай Алеша, что вы надѣлали!

Въ голосѣ ея — былъ ужасъ и безнадежность. Алешѣ захотѣлось вскочить и спустить Любу съ лѣстницы. И когда онъ всталъ, Любѣ, должно-быть, не понравилось выраженіе его лица, потому-что она быстро юркнула вонъ.

Комната матери была угловая, очень свѣтлая, безъ мягкой мебели, которую Елена Филипповна не любила, только съ однимъ плетенымъ кресломъ около рабочаго столика.

На этомъ креслѣ она сидѣла, когда вошелъ Алексѣй.

— Вы меня звали, мама? сказалъ онъ, глядя въ сторону.

Онъ всегда въ такихъ случаяхъ смотрѣлъ въ сторону, потому-что еще съ самаго ранняго дѣтства ему внушалъ ужасъ и знакомое ожиданіе наказанія видъ блѣднаго пробора на блѣдныхъ волосахъ, открытые свѣтлые глаза и руки съ длинными пальцами, нетерпѣливо рвущія работу.

— Да, я звала тебя, беззвучно проговорила Елена Филипповна, — сядь, пожалуйста, намъ надо поговорить.

— Мы вѣдь ужъ говорили, — съ невыразимой тоской произнесъ Алексѣй, садясь по другую сторону рабочаго стола.

— И еще поговоримъ, это не мѣшаетъ. Я

хочу, наконецъ, выяснитъ и кончить. Исторіи твои неумѣстны. Я знаю, откуда идутъ эти новости, но я тоже знаю, чего я хочу. Поѣхать на четыре года за тысячу вѣрстъ, жить одному, изучать безъ цѣли то, что тебѣ не нужно, попасть въ дурную компанію, перестать быть тѣмъ, что я изъ тебя сдѣлала— всего этого я не могу допустить. Передъ тобой всякая карьера, которая не отрываетъ тебя отъ дома. Черезъ два года ты будешь уже настоящимъ человѣкомъ съ извѣстнымъ положеніемъ. Этотъ путь я для тебя выбрала, и никакихъ возраженій я не потерплю. Что же ты молчишь?

— Я ничего, проговорилъ Алексѣй.—Ну, что-жь, пусть...

Но вдругъ онъ съ необыкновенной ясностью увидѣлъ всю нелѣпость своего положенія. Почему онъ не идетъ въ ту сторону, куда ему хочется? Ему двадцать лѣтъ, его жизнь принадлежитъ прежде всего ему, а онъ долженъ безъ всякой причины сдѣлать ее противной, тоскливой, безъ всякой надежды на послѣдній интересъ, который у него былъ въ душѣ. Ему вспомнились насмѣшливые глаза друга, — Шмита, и онъ, неожиданно для себя, проговорилъ:

— Я не желаю быть офицеромъ, вы не можете мнѣ запретить учиться...

Въ зеленыхъ глазахъ Елены Филипповны блеснули насмѣшка и злорадство.

— Чужими словами заговорилъ. Подумаешь, какая прыть. Я тебя лучше тебя самого знаю. Если будетъ нужно, милый другъ, я тебя свяжу, съ дороги ворочу; да не придется, самъ никуда не поѣдешь. Теперь ступай, прибавила она, вставая.—Бумаги твои будутъ отправлены куда слѣдуетъ. И смотри, помни нашъ разговоръ!

Отъ ея темнаго платья отдѣлялся, какъ всегда, раздражающій и унылый запахъ— не то старинныхъ травъ, не то розовой воды. Алексѣй съ дѣтства зналъ этотъ запахъ и ненавидѣлъ, и боялся, и покорялся ему.

Теперь онъ всталъ и, не глядя на мать, вышелъ изъ комнаты.

III.

Онъ прошелъ черезъ всю дачу—на балконъ, потомъ въ садъ и направился по дорогѣ къ рошѣ. Онъ встрѣтилъ Вадима Петровича, который бѣжалъ къ нимъ, но, увидавъ блѣдное лицо Алексѣя съ розовыми пятнами на щекахъ, понялъ, что была какая-то неприємность. Онъ повернулъ и пошелъ рядомъ съ Алексѣемъ, стараясь не разспрашивать его ни о чемъ и болтая разный вздоръ, чтобы развлечь его. Когда Алексѣй проходилъ мимо сада, онъ видѣлъ тамъ Лису въ ея голубомъ платьѣ съ бѣлыми полосами, съ книжкой. Она имѣла такой видъ, будто чего-то ждала. Теперь Алексѣй смутно боялся, чтобы она не догнала ихъ, и все присваивалъ шагъ Вадимъ Петровичъ отлично понималъ его.

— Бѣжимъ-ка, бѣжимъ-ка, повторялъ онъ, семена ножами.—Чтобы эта галка черная насъ не догнала!

Алексѣй всегда чувствовалъ нѣжность къ Вадиму Петровичу, какъ къ чему-то смѣшному и слабому, а Вадимъ Петровичъ искренно боготворилъ Алексѣя, и всѣ мелкіе камни, какіе могъ, старался удалять съ его пути. Онъ даже дерзалъ спорить съ Еленой Филипповной, конечно, тономъ капризнаго, балованнаго ребенка, и ему прощалось многое, что не простилось-бы другимъ. Но у Вадима Петровича была тайная печаль: онъ ревновалъ Алексѣя къ Шмиту, къ тому самому

Шмиту, который имѣлъ такое вліяніе на Алексѣя послѣдній годъ. Но это чувство бѣдный Вадимъ Петровичъ скрывалъ.

Теперь онъ болталъ безъ умолку. Алексѣй шелъ рядомъ молча. Они спустились въ оврагъ, черезъ который надо было пройти, чтобы попасть въ рошу. Внизу шумѣла рѣчка, не очень быстрая, какъ будто и не горная. Черезъ нее былъ перекинутъ березовый мостикъ. Громадныя сосны уже начинались за мостомъ, — съ красными стволами, съ черными верхушками. День стоялъ не очень жаркій, но на солнцѣ пекло, и лучи, падая кое-гдѣ на гладкіе стволы, вызвали душистыя смоляныя слезы, крупныя, какъ вишни. Каждая капля была совершенно прозрачна и тихо ползла внизъ, но если дотронуться до нея пальцемъ, — она вдругъ мутнѣла, застыла и даже не благоухала такъ сильно.

Въ самой рошѣ, гдѣ было почти темно, запахло иглъ и смолы казался острымъ, — такъ онъ былъ силенъ. Около скользкой тропинки кое-гдѣ, подъ прорвавшимся лучемъ, горѣло зеленымъ свѣтомъ яркое пятно мха. Странная тишина роши смущала сердце. Не было ни птицъ, ни кузнечиковъ, никакого шопота и гама лѣсного, только выше голыхъ стволовъ, казалось, въ самомъ небѣ, гудѣли, какъ далекое море, черныя верхушки сосенъ.

Вадимъ Петровичъ выболталъ все и на минуту замолкъ. Онъ собирался рассказать Алексѣю, какъ гувернантка Алферовыхъ, m-lle Тумбъ и гувернантка Алпатовыхъ, m-lle Флей—обѣ хотѣли учить его по-французски и ссорятся, кому онъ достанется, а онъ не знаетъ, какую выбрать, потому что m-lle Тумбъ мала и ужасно толста, такъ что онъ ея боится, а m-lle Флей довольно высокая и еще толще m-lle Тумбъ, и онъ ея тоже боится.

Но эту богатую тему для соображеній Вадиму Петровичу не пришлось развить. Алексѣй усталъ отъ болтовни и собственнаго молчанія. Онъ не слушалъ Вадима Петровича, а все время думалъ о себѣ и своемъ горѣ неумѣло и болѣзненно. Ему захотѣлось жаловаться кому нибудь, — все равно; хотъ Вадиму Петровичу рассказывать, недоумѣвать, спрашивать, чтобы ему сочувствовали и успокаивали его. Оба пнѣсли на мохъ у тропинки, и жалобы Алешки полились. Онъ говорилъ безсвязно, повторяя одно и то же, и безпрестанно упоминая Шмита и мать. Вадимъ Петровичъ покорно и внимательно слушалъ, хотя невольно, при словѣ «Шмитъ», глаза его дѣлались похожими на глаза ребенка, который хочетъ заплакать. Звонкій, дерзкій хохотъ раздался совершенно неожиданно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. За стволами никого не было видно. Алексѣй замолчалъ, оба прислушались. Смѣялась, очевидно, женщина, другая ей возразила что то по-нѣмецки.

— Ахъ, Агнеса, сказала громко и отчетливо та, которая смѣялась, — какъ вы надоѣли! Это еще что, обижаться вздумали! Я не виновата, что у васъ такія ноги, которыхъ никто не могъ-бы видѣть безъ смѣха. Вы—Донъ-Кихотъ, Агнеса, вы—совершенный Донъ-Кихотъ. Я даже читала гдѣ-то про Донъ-Кихота: «ноги тощія, какъ палки»... Я и смѣюсь надъ вами, какъ всѣ, потому что я совершенно, какъ есѣ. Разница только, что другіе смѣются, когда вы повернете спину, а я—глядя вамъ въ глаза. Но вѣдь я же ваша воспитанница, а вы—моя гувернантка: это даетъ мнѣ какія-нибудь привилегіи, я

надѣюсь. Но вы мнѣ надоѣли; спою-ка я лучше пѣсенку.

И говорившая запѣла, прекрасно произнося французскія слова, даже съ какимъ-то шикомъ и дерзостью:

Regardez par ci,
Regardez par la!

— Фуй, фуй, заплевалась нѣмка, — Калерія, я не могу позволять такіе куплеты при мнѣ запѣвать. Я знаю эта пѣсня, я не могу позволять...

— Васъ смущаетъ, что по-французски? — засмѣялась Калерія, — ну, я вамъ другую спою, русскую. Ахъ, если-бы вы знали, какъ мама ее божественно поетъ! Въ Петербургѣ послѣдній разъ ей поднесли громадную корзину орхидей, только однѣхъ орхидей. Вотъ, слушайте:

Немножко любви,
Вѣрности чуть-чуть,
И побольше лукавства,
Вотъ въ чемъ вся суть!

— Нѣтъ, я пошла домой, — проговорила Агнеса, очевидно полная сдержаннаго негодованія.—Грибовъ не набралъ, а слушать такія пѣсни я прыгать не могу.

— Охъ, охъ, охъ! неожиданно вздохнула Калерія, ну, пойдѣте домой. Этакая скука здѣсь!

— И въ чемъ справедливость? Изъ-за маминныхъ дѣлъ сердечныхъ я должна кинуть здѣсь вмѣсто того, чтобы въ Бадень-Бадень... ужъ, конечно, не собирать грибы, милая Агнесочка! Ну, пойдѣте. Ай, да тутъ сидятъ!

Послѣднія слова относились къ Вадиму Петровичу и Алексѣю, которыхъ говоришя увидѣла, спустившись на дорожку. Это была дѣвушка небольшого роста, очень молоденькая, лѣтъ пятнадцати, въ темно-красномъ фланелевомъ платьѣ, съ легкимъ бѣлымъ шарфомъ на головѣ, концы котораго спускались до подола. Гувернантка ея, Агнеса, немовѣрно высокая, — она даже передъ соснами не теряла—худая, какъ жердь, съ маленькимъ растеряннымъ, старымъ лицомъ, на которомъ розовѣла пуговка носа и очень добрыми милыми глазами, остановилась отъ неожиданности. Калерія тоже стояла и смотрѣла на сидѣвшихъ.

— Гимназисты! — протянула она спокойно, не безъ любопытства вглядываясь въ лицо Алексѣя.

— А другой — художникъ заштатный должно быть, только младъ и зеленъ очень.

Алексѣй и Вадимъ Петровичъ чувствовали себя крайне неловко отъ такого безцеремоннаго разсматриванія и сужденія вслухъ, особенно потому, что дѣвушка была прехорошенькая: бѣлая, какъ молоко, съ темно-коричневыми волосами, которые падали ей до бровей легкими завитками. Каріе глаза смотрѣли весело и дерзко. На подбородкѣ была глубокая ямочка.

Вадимъ Петровичъ нашелся первый. Алексѣй еще стоялъ у стола въ нерѣшительной позѣ. Вадимъ Петровичъ приблизился къ дѣвушкѣ и произнесъ, чуть-чуть картавя, какъ дѣти, которыя хотятъ быть милыми:

— А я васъ знаю: вы—мадамъ Загуляевой-Задонской дочка!

— Ну, чтожь тутъ удивительнаго, что знаете, — проговорила дѣвушка, поднимая брови, — мама достаточно извѣстна. А меня замѣтить и запомнить не трудно. Правда, мы только три дня здѣсь, и я удивляюсь, гдѣ вы могли насъ видѣть.

— А я васъ и не видалъ, я не видалъ! торжествующе сказалъ Вадимъ Петровичъ. — Я догадался по вашимъ словамъ. Я раньше слышалъ, что тутъ артистка одна прѣхала съ дочкой, ну, а по разговору вашему и догадался. А я — пианистъ, Грушевскій; очень люблю пѣніе; я даже хотѣлъ съ вашей мамашей знакомиться.

— Вы — пианистъ? спросила дѣвушка съ нѣкоторымъ удивленіемъ, вотъ я не думала. Но это интересно, познакомимся. А этотъ кто-же? прибавила она, кивая въ сторону Алексѣя.

— А это другъ мой, Алеша Ингельштетъ, суетливо проговорилъ Вадимъ Петровичъ.

— Ну, пускай будетъ Алеша, — рѣшила дѣвушка. — Авось — Агнеса Ивановна, моя гувернантка. Такимъ образомъ, мы всѣ познакомились и можемъ гулять вмѣстѣ. Пойдемте, доведите насъ до дому. Къ намъ раньше вечера нельзя; теперь у мамы графъ Криницкій сидитъ.

— Фуй, Калерія, но графъ не помѣшалъ, и если молодые люди...

— Ахъ, ужъ я знаю, помѣшалъ или нѣтъ! нетерпѣливо вскрикнула Калерія. — Ну, пойдемте, Алеша, дайте мнѣ руку, а вы, пианистъ, ведите Агнесу Ивановну. Она вамъ можетъ сказать нѣмецкіе стихи дорогой. Даберегите ее, чтобы она ногами за кустъ не зацѣпилась, она за всѣ кусты цѣпляется.

Калерія развязно взяла подъ руку Алешу, и они чуть не побѣжали по скользкой тропинкѣ. Алеша молчалъ и смущался. Розовая кровь стояла пятнами подъ тонкой кожей на его щекахъ. Онъ не привыкъ ни къ такому безцеремонному обращенію, ни къ такой веселой и дерзкой живости, какая была въ характерѣ Калеріи. Хорошенькая дѣвушка казалась ему неестественной, даже неприличной, и онъ съ ужасомъ спрашивалъ себя, куда онъ идетъ: къ какой-то актрисѣ, къ которой даже и войти нельзя, потому что у нея графъ Криницкій. И, думая о графѣ, онъ неожиданно спросилъ:

— Это тотъ самый графъ Криницкій, который имѣніе «Аурекъ» купилъ, богатое имѣніе, недалеко отсюда?

Калерія поглядѣла на него сбоку.

— Да, тотъ самый, — протяжно сказала она. — И пришла-же ему фантазія тащиться сюда... Эхъ, еслибъ Бабень-Бадень! — прибавила она со вздохомъ.

— Я знаю графа Криницкаго! вскричалъ Вадимъ Петровичъ, — и онъ меня знаетъ. Его тоже Вадимъ зовутъ.

Калерія сдвинула брови.

— Ну, и прекрасно, что знаете, у насъ часто встрѣчаться будете. Алеша, послушайте, вы гимназистъ?

— Нѣтъ, я кончилъ.

— Я тоже кончила гимназію, и теперь вотъ съ Агнесой; а вы что-же, въ университетъ?

Алеша вадрогнулъ. Этотъ вопросъ ему сразу напомнилъ его печали и муки.

— Я не знаю...

— Куда-же вы, въ полотеры? Вѣдь нельзя же останавливаться на гимназій.

И она засмѣялась.

— Я, можетъ быть... военнымъ буду.

— Не совѣтую, не совѣтую, — дѣловито сказала Калерія. — Я много на своемъ вѣку офицеровъ видала; это жалкій народъ. Впрочемъ, мы еще поговоримъ. Я вижу, вы не бойкій, но вы мнѣ нравитесь: въ васъ что-то милое есть. Хотите, будемъ друзьями? Но для этого вы должны мнѣ все, все рассказать, съ начала до конца. А мнѣ очень нужно другъ; у меня была подруга Вѣра, но мы не переписываемся теперь. А, напри-

шого роста, довольно полная, а рядомъ съ ней — высокій, худой господинъ, съ громадными сѣдыми усами на непріятномъ лицѣ.

— Мама, заговорила Калерія, приблизившись къ дамѣ, — вотъ, молодые люди хотѣть съ тобой познакомиться: это — Алеша Ингельштетъ, студентъ, а вонъ тотъ — Грушевскій, пианистъ и пѣвецъ.

— Здравствуйте, лѣниво проговорилъ графъ, подавая руку Грушевскому, — мы, кажется, знакомы.

Артистка Загуляева-Задонская была вылитый портретъ своей дочери, если только пятнадцатилѣтняя толенькая дѣвочка можетъ

походить на даму зрѣлую, дебелую, съ яркими губами и черными рѣсницами. Пожалуй, мать была красивѣе дочери, но Алексѣю она показалась непріятной и странной.

— Милости просимъ, — произнесла она нараспѣвъ, — заходите къ намъ, господа. Теперь мы идемъ съ графомъ въ клубную бібліотеку, но вечеромъ — пожалуйста. Вы, москве, не откажете намъ въ удовольствіи послушать васъ? прибавила она, обращаясь къ Вадиму Петровичу.

Затѣмъ она кивнула головой и поплыла мимо.

— Такъ слышали, господа, вечеромъ! звонко проговорила Калерія. — Сегодня вечеромъ и приходите.

— Я не знаю, — пробормоталъ Алеша, вдругъ вспомнивъ лицо Елены Филипповны, — какъ удастся...

— Это еще что за вздоръ? нахмуривъ брови, проговорила Калерія. — Какимъ-же вы можете быть другомъ, если даже не хотите притти? Я и знать ничего не желаю. И чтобы къ восьми часамъ вы непременно были тутъ! Мы цѣлый концертъ устроимъ.

Вадимъ Петровичъ пожималъ руку нѣмкѣ, которая дѣлала ему сладкіе глаза.

— Ну, идемте, Агнеса, довольно! До вечера, господа! Да будетъ вамъ, Агнесочка, присѣдать передъ Вадимомъ Петровичемъ, вѣдь увидитесь вечеромъ.

И Калерія побѣжала къ дому. Длинныя концы ея вуаля развѣвались, и Алексѣй машинально слѣдилъ за нимъ глазами.

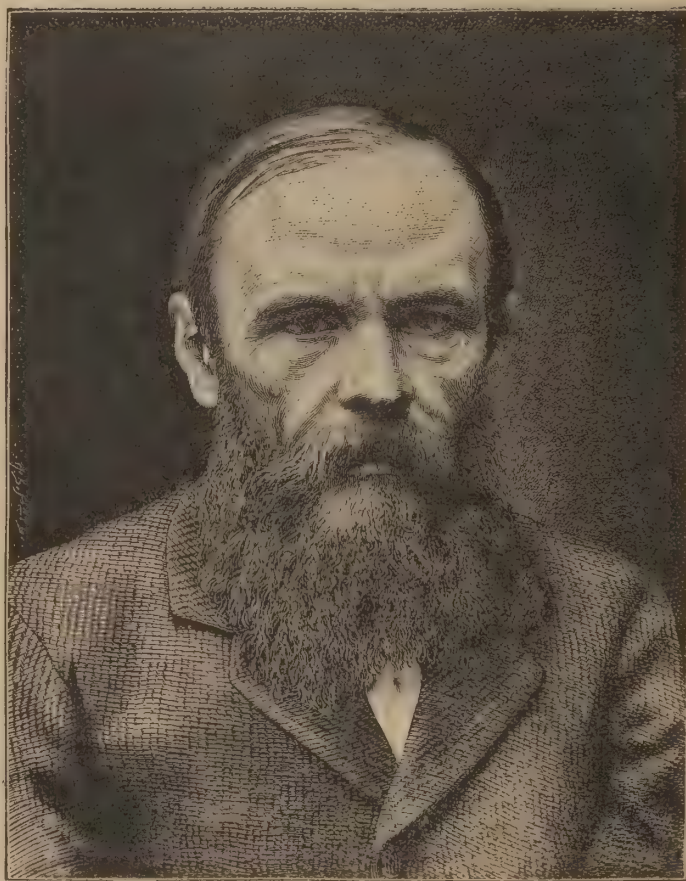
(Продолженіе слѣдуетъ).

3. Гиппійесъ.

ФИЛИМОНЪ И БАВКИДА.

Разсказъ Джамса Гау.

ЛАМПА была зажжена. Но ея свѣтъ былъ далеко не пропорціоналенъ ея запаху, и мистриссъ Кэзи приходилось держать работу близко къ глазамъ, чтобы стежки попадали въ надлежащее мѣсто. Иголка позвякивала о наперстокъ, постепенно стихая по временамъ, потому что старушка устала. Она шила дѣтскіе башмаки. На ней было темное платье въ заплаткахъ, заштопанное черными нитками. Лицо у ней было маленькое и плоское. Слово природы, слѣпивъ его, наградила шлепкомъ свое не окрѣпнувшее произведеніе. Жидкія сѣдыя

Ф. М. Достоевскій.

(По поводу пятидесятилѣтія романа «Бѣдные люди»).

мѣръ, Агнеса для друзей не годится. Охъ, какъ скучно! — вздохнула она вдругъ, серьезно и печально взглянувъ на Алексѣя.

Она все больше и больше нравилась ему, хотя онъ былъ далеко отъ мысли, что это именно такъ. Позади — Вадимъ Петровичъ разливался передъ Агнесой. Нѣмка сдержанно и довольно хихикала. Они спустились въ оврагъ, потомъ поднялись на другую сторону его и повернули въ улицу, гдѣ были самыя большія дачи.

Алексѣй разговорился... Калерія тоже болтала, и они, дѣйствительно, чувствовали себя друзьями. Алексѣй опять забылъ и о матери, и о томъ, что мучало его.

— А вонъ и наша дача, — произнесла Калерія, указывая на старый, большой домъ, чуть видный изъ за густого сада. — Хороша дача, старый сарай какой-то! Да лучше не было, — взяли, какую нашли.

И они повернули въ аллею, которая вела къ дачѣ.

— Батюшки, вонъ и мама идетъ, и графъ съ ней! Куда это они собрались?

Дѣйствительно, по аллеѣ шла дама неболь-

ВЪ ЛѢСУ, НА КАТКѢ И НА ТРОЙКѢ.

пряди волосъ выбивались изъ-подъ чернаго чепчика, который покрывалъ ихъ, какъ парикъ, и былъ неизмѣненъ, какъ парикъ; ротъ, вслѣдствіе потери зубовъ, провалился, а глаза глубоко впали. Физиономія была странная, но ее спасала отъ безобразія прелесть,—вызванная, быть можетъ, контрастомъ грусти и радости въ глазахъ и губахъ и чувствомъ собственного достоинства, которое часто встрѣчается у бѣдныхъ людей въ независимомъ положеніи.

Она положила, наконецъ, на столъ башмачекъ съ глубокимъ вздохомъ облегченія. Товарищъ ея, который дремалъ у каминна, видимо встрепенулся отъ этого вздоха.

— Кончила, Генріэта? — спросилъ онъ тихимъ, веселымъ голосомъ.

— Да, голубчикъ. А ты, поди, соскучился по ужины?

— Немножко, Генріэта, немножко, — отвѣтилъ онъ, потирая руки. — А что у насъ на ужинъ?

Онъ повернулся въ ту сторону, откуда раздавался ея голосъ. Онъ отлично зналъ, гдѣ она сидѣла, хотя и не могъ видѣть ея, потому что былъ слѣпъ уже пятнадцать лѣтъ.

Мистриссъ Кэзи отодвинула свой стулъ и подошла къ маленькому столику, покрытому газетой, который служилъ имъ кладовой. Она подняла бумагу и достала конченную селедку. Она была хорошая женщина, но она иногда лгала и считала себя правой.

— Селедки, — сказала она.

— Одна штука, Генріэта?

— Я, кажется, сказала «селедки», Томасъ, пояснила мистриссъ Кэзи, воткнула рыбу на маленькій вертелъ и начала держать надъ огнемъ.

— Толстыя селедки, Генріэта?

— Одинъ жиръ, Томасъ, и съ молоками.

— Съ молоками, укоризненно проговорилъ старикъ. — Авѣдъ ты любишь селедки съ икрой. Только одна селедка съ молоками, — спокойно возразила мистриссъ Кэзи, вернувшись къ столу нарѣзать хлѣба.

На пути она остановилась, лицо ея вдругъ исказилось болью и она невольно простовала. Тонкій слухъ старика уловилъ стонъ. Онъ тотчасъ-же спросилъ:

— Что такое, Генріэта? Ты ушиблась?

Старушка съ минуту не отвѣчала. Она вытирала лобъ передникомъ. Потомъ она отвѣтила: — у меня опять заняла мозоль.

— Дорогая моя, сказалъ мужъ, — это не хорошо; ты бы полечила мозоль, Генріэта. Пара башмаковъ, вотъ и готово лекарство.

Мистриссъ Кэзи грустно улыбнулась. — Очень нужно, сказала она. — Ты не безпокойся, Томасъ.

— Я не могу не безпокоиться, возразилъ старикъ.

— Ты для меня все, ты изъ тысячи одна; ты вѣчно трудилась для меня, ухаживаешь за мною; никогда не жалуешься; понятно, что мнѣ неприятно, когда ты страдаешь, хотя-бы даже легко. Ты должна купить лекарство, Генріэта.

— Ну, ну... примирительно сказала старушка, подавая ему его ужинъ. Онъ протянулъ руку, бѣлую и чистую, и взялъ ея руку, темную, испорченную работой, и приложилъ ее къ своему лицу.

— Я не вижу тебя, Генріэта, но я чувствую, что какъ будто я вижу, и глаза у тебя блестятъ, какъ въ то время, когда я былъ твоимъ женихомъ. Если бы кто-нибудь мнѣ тогда сказалъ, что я полюблю тебя еще сильнѣе, то онъ отвѣдалъ-бы тогда моего кулака, а между тѣмъ я люблю тебя теперь сильнѣе, Генріэта;

тогда ты была моею возлюбленною, а теперь ты моя жена, мой ангель-хранитель, ты свѣтъ мой, жизнь моя... Естественно, что мнѣ приятно, если тебя безпокоитъ что-нибудь, хотя-бы даже мозоли.

— Ну, ну, Томасъ... сказала мистриссъ Кэзи и поцѣловала его. Глаза ея были полны слезъ и она утирала ихъ укладкой, точно онъ могъ видѣть ихъ.

— Какъ вспомнить все, что было, продолжалъ старикъ, принимаясь за селедку, изъ которой она вынула кости, — такъ наша жизнь, право, была лучше, чѣмъ у многихъ, Генріэта. Мы не знали роскоши и развлеченій, вся наша роскошь заключалась въ нашей взаимной любви; дѣтей у насъ, правда, не было, но тѣмъ крѣче мы любили другъ друга и никакихъ переменъ мы не знали. Одно меня только огорчаетъ, что ты никогда не видала деревенскихъ полей. Они такіе зеленые и красивые, я слышалъ.

— Я не жалѣю объ этомъ, Томасъ; я могу вообразить ихъ себѣ.

— А также море, откуда вотъ эти селедки. Онъ чрезвычайно вкусны, Генріэта. Надѣюсь, что тебѣ также попалась хорошая, сочная селедка.

— Настоящая тичборнская, — сказала мистриссъ Кэзи, отломивъ кусочекъ сухого хлѣба.

— А распустившіеся цвѣты, воздухъ ароматный, какъ духи, которые я какъ-то нюхалъ... Генріэта, ты ничего не ѣшь?

— Я ѣмъ, Томасъ.

Но она едва прикоснулась къ кусочку хлѣба. Она устала и лицо у ней подергивалось какъ-бы отъ боли. Въ головѣ, вѣроятно, сказались усталость потому что старый возлюбленный догадался, что она страдаетъ.

— Ты въ башмакахъ, Генріэта? — спросилъ онъ.

— Да, Томасъ.

— Сними ихъ. Они давятъ ногу, въ сырую погоду мошлы разбухаютъ. Одѣнь мои туфли.

Мистриссъ Кэзи сейчасъ-же нагнулась и сняла башмаки. Они были такіе старые и стоптанные, что врядъ-ли могли натрудить даже самую чувствительную ногу.

Вскорѣ послѣ того, какъ ужинъ былъ конченъ и все было убрано, они собрались ложиться спать. Мистриссъ Кэзи раздѣла мужа, который былъ удивительно безпомощенъ даже для слѣпца; она умыла ему руки и лицо, затѣмъ они опустились рядомъ на колѣни и вмѣстѣ прочитали «Отче Нашъ» своими старческими голосами, какъ они привыкли дѣлать утромъ и вечеромъ, въ теченіе всей своей скромной жизни.

Эта комната крѣпко связала ихъ обѣ жизни. Они со дней молодости занимались одной и той-же работой; ихъ брачная жизнь протекла безмятежно, безъ радостей и безъ горестей; были только радости любви и неприятности, неразлучныя съ бѣдностью. Голой нужды они не знали, и даже когда старикъ ослѣпъ, мистриссъ Кэзи могла прокормить его и себя. Разумѣется, потребовались жертвы съ ея стороны. Но она была счастлива приносить жертвы.

Долго спустя послѣ того, какъ она заснула, Кэзи все еще не спала. Онъ раздумывалъ, какъ бы помочь ей. Утромъ онъ сказалъ ей:

— Генріэта, ты слишкомъ много ходишь. Ты не ходи сегодня за башмаками. Я возьму у сосѣдей маленькую Бесси проводить меня, и я принесу тебѣ башмаки.

Мистриссъ Кэзи воспротивилась. Она любила подышать свѣжимъ воздухомъ, когда хо-

дила за работой, говорила она. Но Кэзи былъ твердъ. Иногда онъ былъ уступчивъ, какъ ребенокъ, а въ другой разъ упрямъ до глупости. Мистриссъ Кэзи приходилось наслаждаться свѣжимъ воздухомъ только изъ своего маленькаго окошка.

Несмотря, однако, на эти предосторожности, мозоль у мистриссъ Кэзи не проходила; тонкій слухъ мужа иногда ловилъ сдержанные стоны. Онъ, видимо, удивлялся, что бы это такое было, и однажды вечеромъ неожиданно сказалъ:

— Генріэта, я рѣшилъ бросить курить трубку.

— Ради чего ты это выдумалъ? — съ удивленіемъ спросила мистриссъ Кэзи, потому что онъ никогда не скрывалъ удовольствія, которое доставлялъ ему небольшой еженедѣльный запасъ табаку.

— Мнѣ пришло на мысль, — задумчиво сказалъ онъ, — что я, такимъ образомъ, приучу себя къ маленькимъ лишеніямъ. Мнѣ кажется, мы не должны баловать себя.

— Надобности никакой нѣтъ, рѣшительно сказала она. — Ты вовсе не эгоистъ и несколько не балуешь себя.

— Такъ-то такъ, — отвѣтилъ Кэзи, — но все-же... мнѣ было бы интересно копить деньги. Если ты будешь давать мнѣ пенни, я стану прятать ихъ въ коробку и буду слѣдить, какъ они будутъ приумножаться.

— Мнѣ сдается, Томасъ, — замѣтила мистриссъ Кэзи съ необычайной строгостью (потому что она угадала причину этой фантазіи своего супруга), — что ты себя обманываешь. Это ужъ будетъ не лишеніе, если ты замѣнишь одно удовольствіе другимъ. Если тебѣ пріятно копить деньги, такъ почему бы тебѣ не курить?

На такое резонное замѣчаніе отвѣчать было нечего, и мистриссъ Кэзи думала, что побѣда осталась за ней. Но она ошибалась. Когда она подала мужу вечеромъ трубку, онъ затаился нѣсколько разъ, сдѣлалъ гримасу и отложилъ трубку въ сторону.

— Генріэта, — сказалъ онъ, — мнѣ что-то не хочется курить.

— Табакъ не хорошъ?

— О, я не скажу этого, но вкуса у меня нѣтъ. Нездорово, вѣрно, для меня, вотъ природа и протестуетъ. Она иногда такъ дѣйствуетъ, я слышалъ. Она отвращаетъ насъ отъ того, что намъ слѣдуетъ бросить. Можетъ быть, когда желудокъ мой поправится, я снова начну курить.

Такимъ образомъ, онъ настоялъ на своемъ, и пенни скопились, хотя и не быстро. Когда ихъ набралось штукъ девять, онъ вынулъ ихъ изъ коробки и положилъ въ карманъ. Въ тотъ день ему надо было отнести башмаки и принести матеріалъ для новой работы. Онъ попросилъ Бесси свести его въ химическую лабораторію и принесъ оттуда кое-что, видимо пріятное для него. Вернувшись домой, онъ тотчасъ-же вручилъ покупку въ руки жены. Это былъ пузырекъ съ жидкостью отъ мозолей.

— Тутъ написано, какъ употреблять, — сказалъ онъ. — Мозоль надо смазывать кисточкой на ночь, а черезъ нѣсколько времени ты сдѣлаешь себѣ теплую ножную ванну и мозоль исчезнетъ.

Мистриссъ Кэзи развернула пузырекъ слегка дрожащей рукой и въ глазахъ у ней было грустно-насмѣшливое выраженіе когда она поблагодарила его, побранивъ его, какъ бранить ребенка, который купилъ вамъ подарокъ на деньги, данныя ему на гостинцы.

— Тутъ немного, судя по величинѣ пузырька,—сказала Кэзи,—но мы купимъ еще, когда жидкость выйдетъ.

— О, вѣтъ, вѣтъ,—быстро отвѣтила она,—довольно будетъ... за-глаза довольно, Томасъ.

Вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ лечь спать, она откупорила пузырекъ, опустила туда кисточку и слегка помазала какой-то лоскутокъ. Жидкость издавала ѣдкій, непріятный запахъ, который старикъ вдыхалъ, какъ ароматъ цвѣтовъ.

— Генріэта, ты смазываешь?

— Да,—отвѣтила старушка, зажавъ носъ.

— Кусаетъ?

— Не особенно.

— Потомъ закусаешь. Какъ ты думаешь... скоро пройдетъ мозоль?

— Я надѣюсь, Томасъ,—отвѣтила мистриссъ Кэзи и бросила лоскутокъ въ каминъ.

Операция эта производилась каждый вечеръ, къ большому удовольствію старика, а въ концѣ недѣли мистриссъ Кэзи объявила, что мозоль стала меньше.

Но, хотя мозоль и стала меньше, она, очевидно, мучила ее. На лицѣ ея какъ бы запечатлѣлось страдальческое выраженіе, и она часто откладывала работу въ сторону и молчала мала руки. Она не позволяла себѣ стонать. Она предоставила мужу ходить съ дѣвочкой за работою и не высказывала желанія сопровождать его. Когда его не было дома, она занималась своимъ маленькимъ хозяйствомъ, и тогда она вознаграждала себя, громко и горько плакала, справляя свои дѣла. Глаза у ней еще болѣе впили, лицо еще болѣе похушло, а кожа стала грубѣе и темнѣе. Но слѣпой старикъ былъ избавленъ отъ горя видѣть эту перемѣну въ ней и былъ по прежнему спокоенъ, доволенъ и счастливъ.

Попавъ какъ-то разъ подъ дождь, онъ простудилъ себѣ грудь, и она не пустила его въ магазинъ; надѣла платокъ, взяла старый зонтикъ, который они навѣно считали защитой отъ дождя, и отправилась сама, держа подъ мышкой башмаки. А старикъ сѣлъ у камина и ждалъ ея возвращенія.

Онъ прождалъ все утро, она не вернулась; огонь потухъ, въ комнатѣ стало холодно и онъ проголодался. Наступили сумерки и хотя день и ночь для него были равны, но онъ зналъ, что было поздно. А ея все еще не было. По мѣрѣ того, какъ время уходило, онъ дѣлался безпокойнѣе и тревожнѣе. Его тянуло идти искать жену, но онъ не зналъ, какъ идти. Волненіе отразилось на немъ физически, ему было страшно пройти по комнатѣ, хотя онъ часто дѣлывалъ это, когда жена была дома. Ему нуженъ былъ провожатый, и онъ раза два позвалъ Бесси, но такимъ тихимъ голосомъ, что зовъ не могъ проникнуть дальше запертой двери. Кое-какъ добрался онъ до постели и легъ, всхлиывая и ломая свои слабыя, старческія руки: «Генріэта... вернись... гдѣ ты, Генріэта?» Наконецъ, къ его великой радости, онъ услышалъ, какъ дверь открылась и кто-то вошелъ въ комнату тихими, нерѣшительными шагами. Онъ вскопился.

— Генріэта, это ты? воскликнулъ онъ.

— Да, отвѣтилъ слабый голосъ.—Это я, Томасъ.

— О, съ чувствомъ проговорилъ онъ.—Я думалъ, что ты не вернешься. Я такъ усталъ ждать. Гдѣ ты была? Дай мнѣ твою руку.

Блѣдный свѣтъ луны проскользнулъ въ комнату. Она увидѣла мужа, съ трудомъ подошла и обняла его. Радость была такъ велика, что онъ заплакалъ, какъ ребенокъ.

— О, Генріэта, сказалъ онъ,—что ты дѣлала? Такъ поздно. И я не зналъ, что случилось... и я ничего не могъ сдѣлать. Я такой безпомощный безъ тебя. Что тебя задержало, Генріэта?

— Я тебѣ сейчасъ расскажу, голубчикъ, сказала она.—Дай мнѣ сперва зажечь лампу и затопить каминъ. Ты голоденъ, не правда ли? Тебѣ надо поужинать.

— Мнѣ ничего не надо, кромѣ тебя. Я совершенно счастливъ теперь, сказалъ онъ. Но онъ отпустилъ ее. Онъ слишкомъ усталъ и обезсилѣлъ, чтобы противорѣчить.

Мистриссъ Кэзи зажгла лампу. При свѣтѣ ея стало видно, что лицо у ней было блѣдное и растерянное, а платье разорвано и въ грязи. Онъ могъ судить по ея шагамъ, что она страшно устала.

— Ты, вѣрно, очень устала, Генріэта, сказалъ онъ.

— Да, Томасъ, я устала, отвѣтила мистриссъ Кэзи, и такое признаніе было необычайно съ ея стороны.

— Мнѣ больно, что я утруждаю тебя, Генріэта. Я одно лишь бремя для тебя, грустно сказалъ старикъ.—Я не знаю, что бы я сталъ дѣлать безъ тебя.

Вѣроятно, она стала раздражительна отъ усталости. Она никогда не говорила съ нимъ такъ рѣзко и сердито, какъ отвѣтила теперь:

— Ради Бога, Томасъ, не говори ты мнѣ этого. Мнѣ надоѣло слышать.

— Генріэта, жалобно проговорилъ онъ,—вѣдь я тебя такъ люблю... дорогая моя. Я не желаю докучать тебѣ.

— Господи! проговорила со вздохомъ мистриссъ Кэзи. Она опустилась на стулъ и начала качаться взадъ и впередъ.

Старикъ прислушивался съ минутой въ удивленіи и печали. Потомъ онъ соскользнулъ съ постели и побрелъ къ ней. Онъ опустился на колѣни подлѣ нея и началъ искать ея руку.

— Генріэта, ты не сердись на меня?

— Точно я могу, Томасъ! И старикъ со старухой, обнявшись, смѣшали свои слезы.

— Скажи мнѣ, Генріэта, что тебя тревожитъ.

— О, мнѣ такъ хочется сказать, Томасъ. Давно я ужъ хотѣла... И надо поторопиться. Но врядъ ли ты можешь вывести это.

— Ты же могла, дорогая?

— О да, я привыкла. Я давно привыкла.

— И ты никогда не подѣлилась со мной. Генріэта, ты не хорошо поступила со мной. Мы общались не такъ другъ отъ друга ни радостей, ни горестей и у меня на сердцѣ не было тайны отъ тебя.

— Я думала лучше сдѣлать, право, такъ. Но я тебѣ скажу. Я должна, должна. А ты будешь бодръ духомъ?

— Буду, Генріэта, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Я обманывала тебя, Томасъ, но я думала, что такъ лучше будетъ. Кстати, вотъ о мо-

золи, Томасъ... у меня не было никакой мозоли... десять лѣтъ какъ не было.

— Такъ это и все? проговорилъ онъ съ облегченіемъ.—Но это не такъ ужъ дурно. Такъ у тебя не было мозоли? А какъ-же жидкость... зачѣмъ же ты сочинила, Генріэта? Но вѣдь ты стонала? Сколько разъ я слышалъ, какъ ты стонала, и твои стоны ножомъ вонзились въ мое сердце. Что тебя понудило, Генріэта? Но я не осуждаю тебя, продолжалъ онъ, поглаживая ея щеку.

Мистриссъ Кэзи судорожно прижала его къ себѣ.—Я это сдѣлала, чтобы пощадить тебя, Томасъ.

— Пошадить меня... пошадить... Ген...ріэта! Но... о, не говори... такъ это...

Она молчала.

— Генріэта... Его голосъ понизился до шопота.

Наступило долгое молчаніе.

Огонь весело трепеталъ и освѣщалъ ихъ скорбныя лица, его слѣпые глаза, искавшие ея взора, и ея глаза, слишкомъ полные слезъ, чтобы видѣть его.

— Вотъ что... наконецъ заговорила она тихо, съ длинными паузами,—болѣзнь развивалась постепенно, иногда совсѣмъ не было боли, а иногда являлась жестокая боль и я не могла удержаться отъ стога. Мозоль была предлогомъ... я никогда не употребляла жидкости. Становилось все хуже и хуже, по временамъ силъ не хватало терпѣть. А сегодня вотъ, какъ только я прошла немного, я почувствовала такую боль... я пошла дальше и упала... со мной сдѣлался обморокъ.

— Генріэта, ты разбилаешь мнѣ сердце.

— Меня взяли въ больницу... Она остановилась и притянула его ближе къ себѣ.—Въ больницѣ сказали, что я должна остаться, я не согласилась ради тебя... я плакала до тѣхъ поръ, пока не отпустили меня. Самъ докторъ привезъ меня и хотѣлъ войти, но я не позволила. Я подумала, что ты испугаешься. Да, Томасъ, въ первый разъ я пробѣжала въ каретѣ, хоть это утѣшительно.

Она старалась быть веселой и развлечь его. Но онъ вернулъ ее къ дѣлу.

— Ну, Генріэта... Докторъ сказалъ?..

— Онъ мнѣ сказалъ, Томасъ, что я не могу поправиться.

— О... она залилась слезами,—онъ сказалъ, что мнѣ недолго жить... Я готова умереть, я такъ страдаю, но что будетъ съ тобой? Все это время я о тебѣ думала. Для меня самое главное, чтобы ты былъ счастливъ. Было бы лучше, прости меня, Господи! если бы ты умеръ раньше.

Лицо старика было прекрасно по выраженію любви и благородства и трогательно по своей грусти.

— Генріэта, сказалъ онъ,—ты поступила такъ, надѣясь, что такъ лучше будетъ, и я недостойнъ прикоснуться къ тебѣ. Но не ропщи на Господа, дорогая. Онъ знаетъ, что дѣлаетъ. Если-бы я умеръ раньше тебя, ты осталась бы одинокой калѣкой; но Господь знаетъ, что когда ты умрешь, тогда и я умру. Безъ тебя мнѣ не жить. О, Генріэта, со стономъ проговорилъ онъ,—не надо роптать. Вспомни въ прошлое, мы можемъ сказать, что наша жизнь была лучше, чѣмъ у многихъ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА В. КОВАЛЬСКАГО.

Масляница: «Возвращение изъ гостей».

СЪ АКВАРЕЛИ ХУДОЖНИКА И. ЧУМАКОВА.

Этюдъ головы.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МОРЯКА.

Романъ ЛУИ БЕКЕ.

V.

Я вступаю въ свѣтъ, и Мэри дона зываетъ Брайенту свою любовь.

ДИНЪ изъ контрабандистовъ, все время державшій платокъ у лица, чтобы остановить кровь изъ раны, полученной имъ во время сраженія, Петеръ Коллисъ, нашъ близкій сосѣдъ въ Солькомбѣ, порядочный негодяй, вскричалъ:

— Какъ попалъ сюда Дью? Онъ, должно быть, шпионъ!—Другіе закричали тоже.

— Да, да, онъ доносчикъ!

Я сталъ доказывать свою невинность въ такомъ подломъ дѣлѣ, но встрѣтилъ взглядъ Брайента и понялъ, что долженъ молчать. Лейтенантъ посоветовалъ самъ держать языкъ за зубами и приберечь свои показанія для судьи, и приказалъ намъ строиться. Стража окружила насъ съ обнаженными мечами и повела въ тюрьму въ Ньюпортъ.

Я не хочу говорить, какія мученія я вынесъ, почувствовать себя заключеннымъ по обвиненію въ такомъ ужасномъ преступленіи. На другой день утромъ насъ провели по всему Ньюпорту, и мы предстали предъ судьей. При входѣ въ залъ одинъ изъ караульных отдѣлилъ меня отъ моихъ спутниковъ и отвелъ въ другую комнату, гдѣ меня ждалъ мой отецъ.

Тѣмъ временемъ арестованные были приведены къ судьямъ—сквайру Ферфаксу и нашему пастору, который рвалъ и металъ противъ всѣхъ попавшихся ему въ руки контрабандистовъ,—онъ былъ очень жестокий человекъ,—а между тѣмъ, очень любилъ бренди, когда оно бывало выгружено. Носъ его былъ такъ красенъ, что рыбаки говорили, что онъ можетъ служить маякомъ въ темную ночь. И, конечно, всѣ восемь были переданы на ближайшую сессию суда.

Упреки моего отца были мнѣ такъ невыносимы, что я радъ былъ, когда меня позвали въ залъ суда, хотя мнѣ было очень стыдно стоять передъ сквайромъ и пасторомъ наравнѣ съ обыкновенными ворами. Счастье для меня, что судьей былъ сквайръ Ферфаксъ, онъ еще утромъ переговорилъ съ моимъ отцомъ и этотъ разговоръ много смягчилъ мое положеніе. Мой отецъ даже пригласилъ для моей защиты мистера Шарпа, главнаго ньюпортскаго адвоката.

Адвокатъ разсказалъ судьямъ, какъ было дѣло, и тогда ввели Уилльама Брайента, который такъ честно взялъ всю вину на себя, сказалъ, что онъ старался сбить меня съ пути, за что и получилъ строгій выговоръ отъ сквайра. Затѣмъ, сквайръ попохалъ табаку и обратился ко мнѣ.

— Я вижу, молодой человекъ, что вы спутались съ этими мошенниками изъ похвальнаго желанія научиться чему нибудь, кромѣ хожденія за плугомъ,—весьма честнаго занятія, между прочимъ,—чтобы имѣть возможность поступить на государственную службу. Мнѣ сказали, что вы стремитесь поступить на службу королю; я говорилъ объ этомъ съ офицеромъ, который васъ ночью арестовалъ, и онъ согласенъ взять назадъ свое обвиненіе, и чѣмъ скорѣе вы поступите на службу, тѣмъ для васъ будетъ лучше. Ваши товарищи арестованы при другихъ обстоятельствахъ и потому съ ними будетъ поступлено иначе.

Я былъ пораженъ и едва былъ въ состояніи проговорить нѣсколько словъ въ видѣ благодарности. Мой отецъ вышелъ вмѣстѣ со мной и прерывающимся голосомъ сказалъ:

— И такъ, Уилльамъ, ты добился своего, и можешь уйти изъ стараго гнѣзда, когда тебѣ будетъ угодно.

— Что это значить? Какъ это случилось?—спросилъ я.

Отецъ объяснилъ мнѣ, что онъ сказалъ офицеру береговой стражи и сквайру Ферфаксу о моемъ желаніи поступить въ солдаты или матросы, и что это желаніе, должно быть, втянуло меня въ бѣду. А молодой Ферфаксъ, который при этомъ присутствовалъ, замѣтилъ:

— Если малому такъ хочется служить, пусть его, я запишу его въ свою роту и посмотрю за нимъ.

— Превосходно,—отвѣчалъ на это офицеръ береговой стражи,—я не хочу становиться ему поперекъ дороги, и если Брайентъ въ своемъ показаніи подтвердитъ это, я не буду настаивать на обвиненіи. Если онъ желаетъ быть морякомъ, пусть его; сквайръ можетъ его оправдать, а сынъ сквайра взять въ свою команду и не будемъ больше говорить объ этомъ.

Недѣлю спустя, я распрощался съ отцомъ и его сестрой, теткой Доротей,—она вела у насъ хозяйство,—и отправился въ Портмутъ, въ морское депо. Сознаться, я чувствовалъ себя порядочно-таки несчастнымъ, войдя въ лодку вмѣстѣ съ красноволосямъ, но довольно добродушнымъ капраломъ морской службы, подъ надзоръ котораго я былъ отданъ и который всю дорогу разсказывалъ мнѣ, какія шутки онъ и его товарищи играли съ рекрутами, и предупреждалъ меня принимать все въ хорошую сторону и не сердиться.

Я мало помню, что я дѣлалъ въ барракахъ, они не имѣли никакого вліянія на мою послѣдующую жизнь. Я былъ достаточно развитъ и, смѣло могу сказать, былъ значительно лучше завербованныхъ молодыхъ людей.

Моряки дѣлились на дивизіоны, я принадлежалъ къ портмутскому дивизіону и былъ зачисленъ въ роту мистера Ферфакса. Это былъ превосходный человекъ, все что можно было сдѣлать, чтобы ободрить меня и приучить къ исполненію обязанностей, онъ дѣлалъ, и дѣлалъ это съ такой добротой, что невольно побуждалъ меня стараться и сдѣлать честь его указаніямъ. Пока я въ барракахъ учился быть солдатомъ, или лучше сказать, морякомъ, дѣло контрабандистовъ слушалось въ сессіи суда, и всѣ они, кромѣ бѣднаго Уилля Брайента, были осуждены на пять лѣтъ тюремнаго заключенія; Уиллю пришлось хуже,—его осудили на семь лѣтъ. Я подумалъ о Мэри, когда услышалъ это, я зналъ, что для нея это будетъ ужаснымъ ударомъ. Но скоро я успокоился въ этомъ отношеніи и, долженъ сознаться, почти обрадовался, я рассчитывалъ, что мои шансы поднимутся и вернувшись, покрытый славой, изъ первой же кампаніи, я могъ надѣяться. Но всѣ мои надежды быстро разсѣялись прахомъ, и первое, что я услышалъ о Мэри, доказало мнѣ, какъ я мало ее зналъ и какъ мало понималъ, на сколько была сильна ея любовь къ Брайенту.

Однажды лейтенантъ Ферфаксъ потребовалъ меня къ себѣ, и я пошелъ къ нему съ нѣкоторой тревогой; хотя онъ былъ ко мнѣ

добръ и снисходителенъ, такъ что, въ моихъ глазахъ, онъ стоялъ выше всякаго генерала, но все-же я боялся его строгости, какъ и всѣ его подчиненные.

— Взойдите, Дью,—сказалъ онъ, когда я остановился въ дверяхъ, отдавая честь.—Слышали-ли вы что-нибудь въ послѣднее время о Мэри Бродъ, горничной моей сестры? Мнѣ помнится, что вы нѣсколько за ней приударяли, такъ, что-ли?

— Нѣтъ, сударь—отвѣчалъ я, сильно покраснѣвъ,—я считаю Мэри за хорошую дѣвушку, и надѣюсь, что ея довольны у сквайра.

— Ну, тогда я скажу вамъ новость, которая васъ сильно удивитъ. Три или четыре дня тому назадъ Уилль Брайентъ пытался бѣжать изъ тюрьмы, и Мэри поймала, какъ она помогала ему. Она ушла изъ Меноръ-гауза, не предупредивъ никого и не сказавъ, куда она направляется.

Эта новость поразила меня, я не могъ себѣ представить, что Мэри рѣшится на такой поступокъ, и почтительно заявилъ это лейтенанту.

— И все-же она рѣшилась на него,—отвѣчалъ Ферфаксъ.—Она подкупила одного изъ тюремщиковъ и увѣрила его, что она сестра Брайента, пронесла ему веревки и разное платье, и какъ разъ, когда все было готово и они собрались уйти, заговоръ былъ открытъ, и теперь оба сидятъ въ тюрьмѣ.

— Это очень дурно,—сказалъ я.—А что съ ней будетъ, какъ вы думаете, сударь?

— Обоихъ повѣсятъ,—къ сожалѣнію, прибавлю.

— О, небо! Неужели они захотятъ повѣсить женщину. Вѣдь она почти ребенокъ.

— И не смотря ни на что повѣсятъ; признаюсь, Дью, хотя я на службѣ нахожусь, а вы еще рекрутъ, и мое желаніе противно присягѣ, но я отъ всего сердца желаю, чтобы имъ удалось бѣжать. Вотъ въ чемъ дѣло, Уилль Брайентъ ловкій паренъ, такого жаль вѣшать, а дѣвушка,—ну, онъ ее не стоитъ. Ступайте, Дью, я все сказалъ вамъ.

Въ глазахъ у него стояли слезы, когда онъ выговорилъ послѣднія слова. Что касается меня, то я былъ такъ пораженъ, что не могъ ничего сообразить, я чувствовалъ только, что мнѣ теперь не зачѣмъ добиваться славы. Придя въ барракъ, я легъ на свою койку и плакалъ, какъ ребенокъ, равнодушный къ насмѣшкамъ и шуткамъ товарищей.

VI.

Ужасное приключеніе.

Портмутскій морской дивизіонъ, между прочимъ, долженъ былъ помогать береговой стражѣ въ охранѣ части длинной линіи берега, другую часть караулили солдаты полковъ, расположенныхъ въ той сторонѣ. Часовые отъ моряковъ стояли на разстояніи миль другъ отъ друга; вся линія тянулась миль на десять, приходилось и на мою долю часа по четыре дежурить въ одиночествѣ, высматривая контрабандистовъ. Въ одно изъ такихъ дежурствъ и случилось со мною то ужасное приключеніе, которое совершенно измѣнило мою судьбу.

Въ одну декабрьскую ночь 1786 года мнѣ пришлось такимъ образомъ простоять на караулѣ. Въ тѣ времена часовые смѣнялись только черезъ четыре часа и провѣрки ка-

раульныхъ офицерами бывали рѣдки и неправильны. Пространство, за которымъ я долженъ былъ наблюдать, простиралось на двѣсти пятьдесятъ ярдовъ въ обѣ стороны отъ будки. Погода была въ эту ночь ужасная, дождь лилъ какъ изъ ведра, вѣтеръ дулъ сильными, холодными порывами; я пошелъ смѣнить своего товарища съ твердымъ намѣреніемъ провести всѣ эти четыре часа,—отъ десяти до двухъ,—въ будкѣ. Постъ былъ не изъ особенно важныхъ, предполагалось, что береговая стража внимательно слѣдитъ за контрабандистами, а мы, моряки, составляемъ только дѣль на случай, если имъ понадобится помощь. Такъ мы смотрѣли на эту службу, тѣмъ болѣе, что всѣ мы были ею очень недовольны.

Сержантъ привелъ меня на караульный постъ и послѣ обычныхъ церемоній, отдачіи чести, передачи пароля, онъ сказалъ мнѣ:—Смотри въ оба, малый, мы слышали, что гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ готовится выгрузка. Если замѣтишь, что пристааетъ лодка, не торопись окликать, дай имъ время выгрузить. А тогда выстрѣломъ изъ ружья обрати вниманіе стражи.

Главная квартира стражи находилась въ Жузеи-Кэстаѣ, стѣны котораго поднимались архаичъ въ пятистахъ за моей будкой и какъ бы господствовали надъ ней. Несомнѣнно, что если контрабандисты рискнуть выгрузить свой товаръ въ этомъ мѣстѣ, они, пожалуй, спасутся, но товаръ навѣрняка погибнетъ. При томъ я не вѣрилъ, чтобы они рѣшились такъ рисковать. Во всякомъ случаѣ, я исполнилъ долгъ службы, бодрствовалъ и добросовѣстно отмѣривалъ свои пятьсотъ ярдовъ. Иногда мнѣ казалось, я слышу сквозь шумъ вѣтра и дождя плескъ веселъ и шелестъ лодокъ, но принималъ все это за игру воображенія.

Въ полночь сержантъ дѣлалъ обходъ и нашелъ все въ порядкѣ. Два часа, которые прошли, тянулись для меня дольше цѣлой ночи, а когда сержантъ ушелъ, я рѣшился отдохнуть и спрятаться въ будку, но черезъ минуту насторожилъ уши, мнѣ явственно послышался плескъ веселъ. На этотъ разъ я былъ правъ, было время прилива, и вода на нѣсколько ярдовъ только не доходила до моихъ ногъ. Я поправилъ ружье, и помня приказаніе сержанта, приготовился ждать выгрузки.

Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ, какъ пристала лодка,—мнѣ казалось,—что я слышу голоса, затѣмъ лодка отчалила и я услышалъ шаги одного человѣка, который подходилъ ко мнѣ и прежде чѣмъ я нацѣлилъ ружье, чей-то голосъ сказалъ:

— Не поднимайте шума, Уильямъ, у меня есть къ вамъ порученіе.

Я зналъ этотъ голосъ, онъ принадлежалъ одному изъ нашихъ сосѣдей въ Солькомбѣ, и мои опасенія на минуту успокоились, но скоро я вспомнилъ, что этотъ человѣкъ былъ всѣмъ извѣстный контрабандистъ, который совершенно случайно не участвовалъ въ предпріятіи, потувившимъ Уилла Брайента, и насторожился.

— Что вамъ нужно?—спросилъ я.

— Я принесъ вамъ извѣстіе отъ Мэри Бродъ и Уилла Брайента.

— Что такое, и какъ вы могли получить его?

— Это ужъ мое дѣло, какъ я получилъ его. Они просили передать вамъ поклонъ и прощаются съ вами; свидѣться вамъ больше не придется.

— Почему? Неужели ихъ повѣсятъ? Лейтенантъ Фэрфаксъ говорилъ мнѣ, что его отецъ хлопотеть о смягченіи наказанія. Это было

правда, сквайръ, пасторъ и вся знать острова употребила всѣ усилія, что спасти несчастныхъ отъ смерти.

— О, ихъ не повѣсятъ, но отправить въ Ботани-Бэй, потому они и прощаются съ вами.

— Да, это ужасно. Это хуже смерти. Я слышалъ, что сосланныхъ туда поѣдаютъ людоеды, если они не умрутъ съ голоду. Но,—тутъ я вспомнилъ, что говорившій со мной великій мошенникъ,—почему вы пришли ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ сюда и ночью? Я могъ застрѣлить васъ, или вызвать караулъ,—я знаю, что вы въ дружбѣ съ контрабандистами, которыхъ мы ожидаемъ.

Этотъ человѣкъ разсмѣялся.

— Правда,—сказалъ онъ,—меня подвезла даже лодка съ люггера, но сегодня выгрузки не будетъ.

— А,—сказалъ я тщеславно,—вы насъ боитесь? Сознаетесь!

— Да, мы знаемъ, что вы всѣ на сторожѣ, и притомъ погода слишкомъ скверная, и потому люггеръ ушелъ въ море. Мнѣ нужно побывать въ Портсмутѣ и меня высадили на берегъ.

— Какъ, послѣ того, что случилось тогда съ Брайентомъ, вы снова рискуете?

— Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ. Я дѣйствительно побывалъ на этомъ суднѣ во Франціи и вернулся на немъ обратно,—я общалъ участвовать въ экспедиціи. Но теперь я умываю руки.

— Я очень радъ слышать это, и надѣюсь, теперь вы приметесь за честный трудъ.

— Да, Уильямъ. Но я не желалъ бы служить въ моряхъ и проводить на берегу по четыре часа въ подобную ночь.

Тутъ я спросилъ его, какъ онъ узналъ, гдѣ найтѣ меня.

— О, отвѣчалъ онъ,—одинъ изъ нашихъ развѣдывалъ и слышалъ, какъ матросы говорили, что молодой Дью стоитъ на часахъ вблизи замка, и я подумалъ, что велю высадить меня гдѣ нибудь здѣсь по близости и передать вамъ поклонъ бѣдной Мэри. Прощайте, Уильямъ. Ахъ, да, я совсѣмъ забылъ. Я взялъ съ собою чѣмъ согрѣться въ такой холодъ и сырость. Выпейте,—и онъ подаль мнѣ бутылку съ водкой.

Я сдѣлалъ глотокъ и смутно помню, что повторилъ его нѣсколько разъ, а что было затѣмъ, ничего не знаю. Дежурный офицеръ далъ такое показаніе: «Въ два часа ночи двадцать перваго декабря я отправился съ сержантомъ Бруксомъ проверить часовыхъ и смѣнить рядового Дью. Ночь была очень темная; сильный порывистый вѣтеръ обдавалъ потоками дождя. Мы не нашли ни часового, ни его будки. Кругомъ были слѣды, что на этомъ мѣстѣ была высадка и выгружена контрабанда. Въ полночь при проверкѣ часовыхъ сержантомъ, рядовой Дью былъ на своемъ мѣстѣ и все было въ порядкѣ. Когда разсвѣло, мы убѣдились, что участіе контрабандистовъ въ его исчезновеніи несомнѣнно. Кругомъ видны были слѣды людей и лошадей, видно было, что къ берегу приставало нѣсколько лодокъ. Я удвоилъ караулъ и продолжалъ поиски рядового Дью, но до сихъ поръ не найдено даже слѣдовъ его».

Этотъ рапортъ былъ поданъ рано утромъ. Нѣсколько часовъ спустя разсылный драгунъ привезъ нашему командиру слѣдующее доведеніе:

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ИЗЪ БІОГРАФІИ В. Г. БѢЛИНСКАГО.

Во всѣхъ извѣстныхъ біографіяхъ БѢлинскаго болѣе или менѣе подробно разсказывается о желаніи нашего знаменитаго критика въ трудныя минуты жизни схватиться за «якорь спасенія», какъ онъ выражался,—за нять казенныя мѣста съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Такъ, по выходѣ изъ университета, перебиваясь мелкимъ литературнымъ заработкомъ, по большей части переводами, онъ въ концѣ апрѣля 1833 года подалъ почетному бѣлорусскаго учебнаго округа Карташевскому прошеніе о зачисленіи его на мѣсто учителя уѣзднаго училища, искалъ учительскаго мѣста и въ московскомъ учебномъ округѣ; въ августѣ 1834 года подавалъ просьбу ректору московскаго университета о представленіи ему мѣста корректора при университетской типографіи. Но эти попытки БѢлинскаго запятъ болѣе или менѣе обезпеченныя казенныя мѣста относятся къ труднымъ минутамъ его жизни.

Новая попытка неслужащаго дворянина В. Г. БѢлинскаго, слѣдую призываю каждому благомыслящаго дворянина, вступить на гражданскую Его Императорскаго Величества службу, относится къ половинѣ 1841 года, когда онъ уже устроился въ Петербургѣ, завоевалъ себѣ видное мѣсто въ русской критикѣ и вступилъ въ послѣднюю фазу умственного своего развитія и общественныхъ взглядовъ, овладѣлъ «соціальной идеей», которая стала для него «идеею идей». Объ этомъ «ревностномъ желаніи» БѢлинскаго нѣтъ нигдѣшшаго упоминанія ни въ біографіяхъ, ни въ многочисленныхъ «воспоминаніяхъ» и «перепискѣ» друзей нашего знаменитаго критика. Въ архивѣ министерства путей сообщенія хранится дѣло объ опредѣленіи неслужащаго дворянина Виссаріона Григорьева сына БѢлинскаго на службу въ художественныя заведенія управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій,—нынѣ министерство путей сообщенія. Начальникъ художественныхъ заведеній, полковникъ Денисовъ, представляя главноуправляющему путями сообщенія просьбу БѢлинскаго объ опредѣленіи его на службу въ подвѣдомыя ему заведенія, писалъ: «состоящіе при художественныхъ заведеніяхъ кантонисты, употребляемые по литографическимъ и гравернымъ работамъ, въ которыхъ весьма часто требуется вырѣзываніе надписей, дѣлаютъ въ послѣднихъ по совершенному незнанію правописанія безпрестанныя ошибки, замедляющія ходъ работы, почему для обученія кантонистовъ правописанію я пригласилъ неслужащаго дворянина Виссаріона БѢлинскаго, извѣстнаго теоретическими и практическими знаніями своими по части языкознанія и издаваго русскую грамматику. Дворянинъ БѢлинскій принялъ на себя изъясненную обязанность, не требуя за исполненіе оной никакого вознагражденія, но изъявляя желаніе вступить на гражданскую дѣйствительную службу въ художественныя заведенія. О такомъ безкорыстномъ и похвальномъ желаніи дворянина БѢлинскаго имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства, долготъ поставляя присовокупить, что въ свѣдѣтельствѣ, выданномъ БѢлинскому изъ правленія Императорскаго московскаго университета, въ коемъ съ 1824 года по 1832 годъ слушалъ словесныя науки, значится, что упоминаемый БѢлинскій, не окончивъ полнаго курса, былъ уволенъ изъ университета по слабости здо-

ровья, состояніе коего не позволяло ему по сіе время вступить на службу. Таковая разстроенность здоровья, препятствовавшая усил. хамъ ученія Бѣлинскаго въ бытность его въ университетѣ, подала оному поводъ къ заключенію объ ограниченности его способностей, которыя при поправленіи здоровья, принявъ должное направленіе, оправдались напротивъ того полезными трудами по части теоріи языка. Нынѣ, совершенно освободясь отъ болѣзненного положенія и слѣдуя призванію каждаго благомыслящаго дворянина, г. Бѣлинскій ревностно желаетъ вступить въ гражданскую Его Императорскаго Величества службу. Въ подтвержденіе способности Бѣлинскаго къ обученію кантонистовъ правильному письму полковникъ Денисовъ долгомъ считалъ представить у сего и вышеупомянутую, изданную Бѣлинскимъ грамматику *), при-совокупляя, что подлинныя документы о происхожденіи Бѣлинскаго, упоминаемые въ университетскомъ свидѣтельствѣ, находятся нынѣ въ пензенскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи и будутъ возвращены ему въ непродолжительномъ времени. При этомъ и р и л о ж е н а просьба. В. Г. Бѣлинскаго на гербовой бумагѣ, подписанная такъ: «къ сему прошенію Виссаріонъ Григорьевъ сынъ Бѣлинскій руку приложилъ». Это представленіе полковника Денисова помѣчено 3 іюня 1841 года.

Спустя нѣсколько времени, отъ главноуправляющаго путями сообщенія послѣдовало къ начальнику художественныхъ заведеній за-просъ о присылкѣ свидѣтельства о поведеніи Бѣлинскаго по выходѣ изъ университета и документовъ о его происхожденіи. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ отъ начальника художественныхъ заведеній было послано свидѣтельство с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера, генералъ-адъютанта Кокоткина отъ 11 сентября 1841 г., что «Бѣлинскій во время проживанія въ С.-Петербургѣ съ ноября мѣсяца запрошлаго 1839 года по настоящее число, при хорошемъ поведеніи, образъ жизни велъ приличный его званію, дѣлъ-же и взысканій по полиціи до него не имѣлось. Относительно документовъ о происхожденіи Бѣлинскаго полковникъ Денисовъ отвѣтилъ, что «таковыя еще не доставлены пензенскимъ дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ, но что самъ Бѣлинскій ожидаетъ ихъ въ непродолжительномъ времени, причемъ покорнѣе испрашиваетъ впредь до представленія упомянутыхъ документовъ опредѣлить его въ художественныхъ заведеніяхъ хотя на правахъ оберъ-офицерскаго сына, ибо, какъ значится въ подлинномъ университет-

скомъ свидѣтельствѣ, онъ, Виссаріонъ Бѣлинскій, есть сынъ штабъ-лекаря.

Въ докладѣ по этому предмету, представленномъ штабомъ корпуса путей сообщенія отъ 27 числа сентября 1841 года, прописано представленіе начальника художественныхъ заведеній, прошеніе Бѣлинскаго, свидѣтельство генералъ-адъютанта Кокоткина, просьба о томъ, чтобы Бѣлинскаго зачислили пока на службу хотя на правахъ оберъ-офицерскаго сына, законы объ опредѣленіи на службу дворянъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей, справка о томъ, что граверы художественныхъ заведеній путей сообщенія получаютъ жалованья 342 р. 20 к. серебромъ. Изъ всего этого штабъ вывелъ такое заключеніе: «представленные Бѣлинскимъ документы недостаточны для признанія его въ правахъ не только дворянина, но и оберъ-офицерскаго сына, что обстоятельство это будетъ служить препятствіемъ къ производству Бѣлинскаго въ чинъ;

ляющаго путями сообщенія, генералъ-лейтенантъ Х.—остается, для насъ по крайней мѣрѣ, тайной.

М. Орловъ.

НОВЫЯ НАУЧНЫЯ ОТКРЫТІЯ.

Женская рука, освѣщенная при посредствѣ аппарата Рентгена.

Въ прошломъ номерѣ мы упоминали о новыхъ свѣтовыхъ опытахъ профессора В. Рентгена. Теперь дополняемъ эти свѣдѣнія объ этихъ опытахъ интереснымъ снимкомъ изображенія кисти руки, гдѣ видны вполне ясныя очертанія костяка, — скелета этой кисти. Полученіе этихъ изображеній объясняется тѣмъ, что оболочка, кожа и мускулы руки легко пронизываются лучами Рентгена, не задерживаютъ ихъ; непроницаемой же средой для нихъ являются металлы кости. Буду-

щее покажетъ, какую пользу извлечетъ изъ этого медицина для изслѣдованія разрушеній и неправильностей въ органахъ. Рентгенъ высказываетъ предположеніе, что новые лучи должны быть приписаны продолжнымъ колебаніямъ ээира, и объясненіе это представляется Рентгену, помѣръ развитія его изслѣдованія, все болѣе и болѣе вѣроятнымъ. Не безынтересны біографическія свѣдѣнія

Женская рука, освѣщенная при посредствѣ аппарата Рентгена.

по что во всякомъ случаѣ штабъ признавалъ бы возможнымъ опредѣлить Бѣлинскаго въ художественныя заведенія, объявивъ Бѣлинскому, чтобы онъ озаботился скорѣйшимъ доставленіемъ документовъ. Впрочемъ, все это штабъ имѣлъ честь повергнуть на собственное благоусмотрѣніе г. товарища главноуправляющаго путями сообщенія, почтительнѣе поднесъ изданную Бѣлинскимъ грамматику». На этомъ докладѣ товарищъ главноуправляющаго положилъ такую резолюцію: «На опредѣленіе дворянина Бѣлинскаго въ томъ видѣ, какъ сіе здѣсь изложено, моего согласія никакъ изъяснить не могу, а потому возвратить ему его документы.»

Эта резолюція сообщена начальнику художественныхъ заведеній 30 сентября; на подлинной бумагѣ сдѣлана слѣдующая помѣтка: «документы возвращены г. Бѣлинскому».

Такъ неожиданно и рѣзко окончилась почти три мѣсяца тянувшаяся исторія «ревностнаго желанія Бѣлинскаго, слѣдуя призванію каждаго благомыслящаго дворянина, вступить на гражданскую службу». Почему такъ усердно хлопоталъ объ опредѣленіи Бѣлинскаго на службу начальникъ художественныхъ заведеній, полковникъ Денисовъ и почему такъ рѣшительно отказалъ въ этомъ опредѣленіи, не давши даже срока для представленія требуемыхъ документовъ, товарищъ главноуправ-

ляющаго путями сообщенія, генералъ-лейтенантъ Х.—остается, для насъ по крайней мѣрѣ, тайной.

изобрѣтателя этого новаго способа освѣщенія, могущаго оказать наукѣ громадную услугу. Вильгельмъ Конрадъ Рентгенъ родился въ 1845 году, изучалъ физику подъ руководствомъ Августа Кундта. Онъ выступилъ на ученое поприще съ диссертацией, разработанной въ физическомъ кабинетѣ цюрихскаго университета, по предложенію Кундта — «объ опредѣленіи отношенія единицы теплорода воздуха»; Цюрихскій университетъ призналъ его докторомъ. Когда Кундтъ перешелъ въ Вюрцбургъ, Рентгенъ послѣдовалъ за нимъ въ качествѣ ассистента, но въ 1872 году они оба перешли во вновь основанный страсбургскій университетъ императора Вильгельма. Здѣсь въ качествѣ приватдоцента, Рентгенъ началъ читать лекціи. Затѣмъ онъ былъ приглашенъ Готенгеймской высшей академіей для преподаванія физики и математики. Экстраординарнымъ профессоромъ онъ возвратился въ 1876 г. въ Страсбургъ. Въ 1879 г. онъ уже былъ ординарнымъ профессоромъ и директоромъ высшаго физическаго института въ Гиссенѣ. Съ 1888 года Рентгенъ состоитъ профессоромъ и директоромъ физической лабораторіи при вюрцбургскомъ университетѣ. Въ слѣдующемъ номерѣ журнала мы помѣстимъ новые интересные снимки и портретъ профессора В. Рентгена.

*) «Основанія русской грамматики для первоначальнаго обученія, составленныя Виссаріономъ Бѣлинскимъ. Часть первая. Грамматика аналитическая (Этимологія)». Москва. Въ типографіи Николая Степанова. 1837 года.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

По указу Его Императорскаго Величества, свѣтѣйшій правительствующій синодъ, въ виду предстоящихъ торжествъ, по случаю Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ маѣ текущаго года, постановилъ: 1) во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ московской епархіи, мужскихъ и женскихъ, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, а равно въ московской духовной академіи переводные и выпускные экзамены въ академіи и выпускные въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ окончить не позже 3-го мая, воспитанниковъ и воспитанницъ, имѣющихъ удовлетворительные годовые баллы (не ниже 3) по всѣмъ предметамъ, перевести въ слѣдующіе классы безъ испытаній, съ тѣмъ, чтобы 5-го мая всѣ учащіеся были уволены на каникулы; неудостоеннымъ-же перевода безъ испытаній назначить таковые въ промежутокъ времени 15-го августа по 1-е сентября; 2) въ прочихъ мужскихъ и женскихъ высшихъ, среднихъ и низшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Имперіи выпускные экзамены окончить не позже 30-го мая, освободивъ учащихся отъ занятій на время коронационныхъ торжествъ на 3 дня; переводныя-же испытанія въ духовныхъ академіяхъ, кромѣ московской, окончить къ 11-му мая, а переводъ воспитанниковъ и воспитанницъ среднихъ и низшихъ духовно-учебныхъ заведеній въ слѣдующіе классы, равно какъ назначеніе испытаній неудостоеннымъ перевода произвести на основаніяхъ, указанныхъ для таковыхъ-же учебныхъ заведеній московской епархіи, съ отпускомъ на каникулы также 11-го мая, и засимъ 3) учебныя занятія во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Имперіи въ 1896—97 учебномъ году начать 1-го сентября; о чемъ, для объявленія къ исполненію по духовно-учебному вѣдомству, напечатать въ журналѣ «Церковныя Вѣдомости».

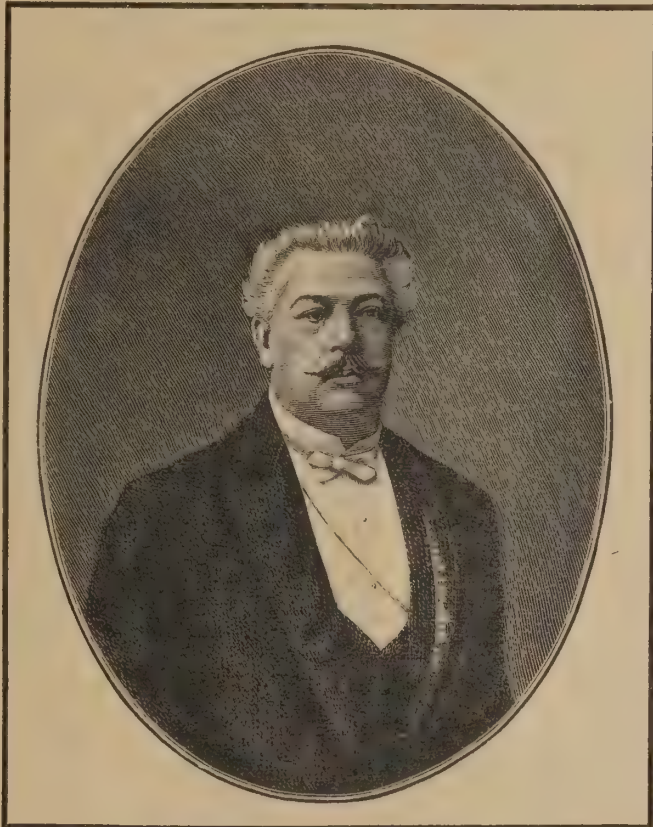
ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Италія. Въ лагерь Баратіери пришелъ батальонъ Галиано. Батальонъ выступилъ изъ окрестностей Хаусена, гдѣ 17 января вечеромъ сосредоточилась вся армія шоанцевъ. Генералъ Баратіери выѣхалъ изъ главной квартиры на встрѣчу Галиано и объявилъ благодарность короля и отечества какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ, итальянцамъ и туземцамъ, за достойные удивленія духъ и поведеніе, обнаруженные ими при оборонѣ Макале. Галиано имѣлъ при себѣ оружіе, боевые припасы и военный матеріалъ. Батальонъ

сопровождалъ одинъ изъ подчиненныхъ Расу-Маконену абиссинскихъ начальниковъ. Въ лагерь итальянцевъ большой энтузіазмъ. Батальонъ Галиано оказаны воинскія почести. Императоръ Вильгельмъ отправился въ итальянское посольство, гдѣ, высказавъ свое удовольствіе по поводу соединенія колонны Галиано съ итальянскими войсками, просилъ посла поздравить съ этимъ событіемъ короля Гумберта и итальянское правительство и по-

леграммы, будто положеніе дѣлъ въ этомъ городѣ внушаетъ опасенія; почти всѣ телеграммы эти не имѣютъ подписей и исходятъ, очевидно, отъ отдѣльной, небольшой группы лицъ. Министръ колоній не вѣритъ, что депеши эти представляютъ вѣрную картину положенія, и горючилъ англійскому агенту въ Преторіи отправиться въ Йоганнесбургъ, откуда и донести о настоящемъ положеніи дѣлъ; если агенту будутъ предъявлены справедливыя претензіи, удовлетвореніе которыхъ окажется возможнымъ, то онъ обязанъ обратить на это вниманіе Трансваальской республики, которая, какъ надо надѣяться, имѣетъ возможность, а также намѣреніе принять необходимыя мѣры.

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

М. О. Микшинъ.
(Скончался 17-го января 1896 года).

желать имъ скорого и благополучнаго окончанія войны.

Англія. Въ Лондонѣ опубликована объемистая «Синяя Книга» по армянскимъ дѣламъ, излагающая причины сассунской рѣзни. «Синяя Книга» заканчивается докладною запискою британскаго делегата Шинбеля, въ которой приведенное британскою иностранною прессою число жертвъ объявляется преувеличеннымъ.

— Статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи, Гамилтонъ, произнесъ 17 января въ Чисвикѣ (одно изъ лондонскихъ предмѣстій) рѣчь; въ которой сказалъ, что, благодаря примирительному образу дѣйствій Соединенныхъ Штатовъ, онъ надѣется, что венецуэльскій вопросъ будетъ рѣшенъ почетнымъ и удовлетворительнымъ образомъ.

— Въ Англіи разными лицами получены отъ англійскихъ подданныхъ въ Йоганнесбургѣ те-

леграммы, что 2-го февраля текущаго года, въ праздникъ Срѣтенія Господня, послѣдуетъ священное муропомазаніе наслѣдника престола Бориса, князя Тытновскаго, по обряду національной православной церкви. Да благословитъ Царь Царей сіе рѣшеніе и да сохранитъ на вѣки наше отечество и домъ нашъ. Данъ въ столицѣ нашей Софіи 22-го января, дѣла отъ Рождества Христова 1896, царствованія-же нашего 9-е. Фердинандъ».

Франція. По свѣдѣніямъ изъ вѣрнаго источника, президентъ республики Феликсъ Форъ въ началѣ марта будетъ имѣть свиданіе въ Ниццѣ съ императоромъ Францемъ-Иосифомъ. Около того-же времени Ф. Форъ отдастъ визитъ королевѣ Викторіи на Саръ Мартин. Однимъ изъ кандидатовъ на постъ французскаго посланника при Ватиканѣ называютъ бывшаго министра ин-о-странныхъ дѣлъ Гавото

— Совѣтъ министровъ занимался бюджетомъ на 1897 годъ. Въ этомъ бюджетѣ появляется подоходный налогъ, который замѣнитъ налогъ на недвижимыя имущества и налогъ на окна и двери. Новый налогъ долженъ дать до ста пятидесяти милліоновъ франковъ, опредѣляясь отъ 1-го до 5-ти процентовъ, смотря по суммѣ дохода. Доходы ниже двухъ тысячъ пятисотъ франковъ избавлены отъ подоходнаго налога.

Германія.—Въ «Имперскомъ Указателѣ» опубликованъ благодарственный рескриптъ императора по случаю полученныхъ имъ въ день его рожденія пожеланій и адресовъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ, гдѣ живутъ нѣмцы. Пожеланія эти сердечно обрадовали императора и вызвали въ немъ величайшее чувство удовольствія, такъ какъ онъ видитъ въ нихъ доказательство того, что его неустанныя усилія, направленные къ безопасности и преуспѣянію отечества, не оказались безплодными и что онъ встрѣчаетъ все болѣе и болѣе во всѣхъ классахъ народа разумную оцѣнку его мѣропріятій и полную готовность оказывать ему искреннее содѣйствіе.

Турція.—Прибывшіе въ Зейтунъ для переговоровъ съ инсургентами консула нашли, что положеніе тамъ весьма серьезное: отъ голоднаго тифа и цынги умираютъ среднимъ числомъ 140 человекъ въ сутки. Состояніе здоровья турецкихъ войскъ лучше. Инсургенты недавно попытались прорваться, но попытка не удалась. Консула уже открыли переговоры для достиженія капитуляціи. Тѣмъ временемъ изъ Зейтуна бѣжали нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ католики и четыре священника, которые отправлены въ Марашъ.

— Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты настаиваютъ на допущеніи судна «Санъ-Франциско» въ качествѣ стационера. На возраженіе Турціи, что вопросъ этотъ касается также державъ, подписавшихъ подлежащіе договоры, Соединенные Штаты отвѣтили, что разъ они не принадлежатъ къ числу этихъ державъ, подписанные послѣдними договоры здѣсь и непримѣнимы. Порта надѣется на улаженіе спора.

Трансваальская республика.—Въ виду намѣренія нѣкоторыхъ обществъ въ Рандъ закрыть свои рудники, президентъ трансва-

альской республики издалъ прокламацію, въ которой заявлено: «Имѣется достаточное основаніе предполагать, что задуманное закрытіе рудниковъ является продолженіемъ происшедшаго въ послѣднее время вреднаго и незаконнаго движенія. Подобное произвольное закрытіе рудниковъ должно причинить акціонерамъ обществъ убытки и препятствовать развитію горнаго промысла, поэтому объявляю, что правительство и впредь будетъ продолжать твердо заботиться о мирномъ развитіи этой промышленности. Каждый, который попытается помѣшать такому развитію, будетъ подвергнутъ строжайшей законной карѣ. Тотъ, который будетъ уличенъ въ бунтъ или незаконномъ сопротивленіи властямъ на золотыхъ промыслахъ, будетъ сверхъ того лишентъ правъ на свое имущество. Правительство принимаетъ мѣры, чтобы ускорить замѣну теперешнихъ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ туземными рабочими».

Сѣверо-Американскіе Штаты.—Учрежденный при сенатѣ комитетъ по иностраннымъ дѣламъ представилъ слѣдующую резолюцію. Конгрессъ находитъ, что война на островѣ Кубѣ приняла такіе размѣры, которые должны обратить на себя вниманіе всѣхъ цивилизованныхъ державъ. Войнѣ этой слѣдовало-бы дать, по отношенію къ веденію ея, предусмотрѣнный международнымъ правомъ базисъ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ приглашается приложить свои старанія къ дружественному воздѣйствію на Испанію въ томъ смыслѣ, чтобы она признала за инсургентами права воюющей державы.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

21-го января Русское Императорское Географическое Общество праздновало полулѣтній юбилей своей многопользой дѣятельности. На торжествѣ присутствовали Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья: Президентъ Императорской Академіи наукъ Константинъ Константиновичъ, Дмитрій Константиновичъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта Михаилъ Николаевичъ, Георгій Михайловичъ, Александръ Михайловичъ и герцогъ Георгъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій. Кромѣ того, въ чествованіи принимали уча-

стие: члены Государственнаго Совѣта, д. т. с. Н. И. Стояновскій, статсъ-секретарь И. Н. Дурново, статсъ-секретарь В. И. Вешняковъ, А. О. Бычковъ, генераль-адъютанты: адмиралъ гр. Гейденъ 1-й, Игнатьевъ 2-й, князь Голицынъ, Кауфманъ, Рихтеръ, т. с. Тернеръ, нѣкоторые министры и другія высокопоставленныя лица. Торжество началось съ благодарственнаго молебствія, совершеннаго протоіереемъ Головиннымъ; въ концѣ молебствія было возглаголено Царское многолѣтіе и многолѣтіе всѣмъ членамъ общества. Затѣмъ былъ прочитанъ милостивый Высочайшій рескриптъ Обществу. Далѣе, передъ эстрадой, гдѣ заняли мѣста вице-предсѣдатель Географическаго Общества сенаторъ т. с. П. П. Семеновъ и члены совѣта Общества, генер. Тилло, Стебницкій, Поморцевъ, проф. Мушкетовъ, В. Ламанскій, Вильсонъ, адм. Назимовъ, Барковский, Струве и Веселовскій,—дефилировала масса депутацій отъ всевозможныхъ ученыхъ обществъ. На торжествѣ были получены телеграммы отъ нѣсколькихъ особъ Императорской фамиліи.

— Недавно харьковскій университетъ отпраздновалъ 91-ю годовщину своего основанія. Послѣ архіерейскаго служенія въ университетской церкви, въ актовомъ залѣ состоялся актъ. Рѣчь читалъ профессоръ Анфимовъ. Ректоръ университета читалъ отчетъ, гдѣ отмѣтилъ смерть почетнаго члена университета Бунге, а также Людвигъ Пастера.

— Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утверждены уставы: 1) петровскаго общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ Введенской церкви на Петербургской сторонѣ, въ С.-Петербургѣ, 2) казанскаго попечительства о школахъ дѣтскаго трудолюбія общества, 3) убожища для малолѣтнихъ сиротъ въ гор. Лубнахъ.

— Воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на проведеніе желѣзной дороги изъ Петербурга въ Петрозаводскъ. Губернское земское собраніе съ восторгомъ встрѣтило эту радостную вѣсть и постановило повергнуть къ столамъ Государя Императора всеподданнѣйшій благодарственный адресъ.

— Въ послѣднемъ засѣданіи географическаго общества по отдѣленію географіи физической и математической предложено командировать г. Буша для изслѣдованія кубанской области, по преимуществу нагорной ея части, въ физическомъ и географическомъ отношеніяхъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Наша столица за послѣднее время охвачена какою-то горячкой преобразованій и улучшеній. Поминутно засѣданія, коммисіи, безпрестанно поднимаются разные интересные вопросы. Напримѣръ, недавно коммиссія по выкупу конно-желѣзныхъ дорогъ пригласила въ засѣданіе представителей «конокъ» и долго совѣщалась съ ними относительно благоустройства довольно-таки неблагоустроенныхъ интересныхъ дилижансовъ. Этакъ скоро, пожалуй, у насъ, въ смыслѣ уличнаго движенія, настанетъ золотой вѣкъ... Комфортабельныя, теплыя, не дребезжающія всѣми швами общественныя кареты будутъ быстро катиться, запряженные сытыми, неизмученными лошадыми. Сходъ съ вагоновъ будетъ удобенъ, неловкіе пассажиры не будутъ ломать себѣ рукъ и ногъ при выходѣ, не испытаютъ удовольствія полежать подъ чугунными колесами конки... Все будетъ хорошо, дешево, безопасно, а поэтому

давайте радоваться и надѣяться, — вѣдь «надежда петербуржцевъ питаетъ»!

* *

Исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти князя Шаховскаго. Сколько воспоминаній о славныхъ дняхъ русскаго драматическаго искусства навѣваетъ это имя! Яркое охарактеризованъ князь Шаховской въ запискахъ Сергѣя Тимофеевича Аксакова. Это былъ человекъ, любившій свое дѣло—театръ болѣе всего на свѣтѣ и отдававшій ему все свои силы, весь свой далеко недюжинный талантъ. Шаховской былъ очень комиченъ съ виду; маленький, толстый, некрасивый—онъ къ тому-же еще картавилъ немилосердно, пришепетывалъ, и его рѣчь дѣлалась совершенно непонятною въ минуту раздраженія. А раздражаться ему приходилось на сценѣ, на репетиціяхъ, частенько. Разъ, введенный изъ терпѣнія какою-то актрисой, Шаховской схватилъ себя за волосы, упалъ на колѣни и завопилъ на всю залу дикимъ голосомъ. Вмѣстѣ съ такою горячностью, Шаховской былъ душевный и добрый человекъ; онъ всегда изви-

нялся передъ обиженнымъ имъ. Истинно русское гостепріимство дополняло яркій и оригинальный характеръ этого чудака, такъ много сдѣлавшаго для русскаго драматическаго театра.

* *

Новые свѣтовые опыты профессора Рентгена возбуждаютъ всеобщее вниманіе. Интервьюеры бесѣдуютъ съ разными учеными, пытаясь мнѣніе послѣднихъ о новооткрытомъ свѣтѣ. Ученые, по обыкновенію, заявили, что эти опыты не новы, что изобрѣтатель только дополнилъ чужую идею—ну, словомъ, къ бѣдному профессору отнеслись такъ, какъ всегда относятся въ подобныхъ случаяхъ. Кромѣ того, нѣкоторые ученые пытались острить, что, конечно, вышло у нихъ весьма неудачно, но вольно-же братья не за свое дѣло! Изобрѣтеніе профессора Рентгена уже эксплуатировано досужими иностранными драмодѣлами и беллетристами. Появились рассказы и комедіи, гдѣ новый свѣтъ играетъ большую роль въ завязкѣ. Конечно, при теперешнихъ

— Губернское дворянское собраніе въ Москвѣ опредѣлило взимать при записи въ дворянскую родословную книгу новыхъ родовъ по 200 руб., предоставивъ губернскому предводителю, въ случаѣ бѣдности записываемаго лица, уменьшать взносъ, по своему усмотрѣнію или совершенно освобождать отъ платы.

— Изъ Нижняго-Новгорода выѣхали въ Петербургъ представители биржевого общества, земства и города для ходатайства о нижегородскомъ направленіи сѣверной дороги. Ими будетъ представлена совместно выработанная записка, подробно разсматривающая значеніе этого направленія для края и всей поволжской промышленности.

— Комитетъ Добровольнаго флота для развитія торговыхъ сношеній съ Востокомъ рѣшилъ по примѣру учрежденнаго имъ справочно-выставочнаго бюро въ Москвѣ устроить по возможности въ теченіе нынѣшняго года подобныя-же бюро и во всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ.

— Рѣшено отпустить изъ государственнаго казначейства 35,000 руб. на устройство въ 1897 г. Высочайше разрѣшеннаго международнаго съѣзда врачей въ Москвѣ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Въ совѣщаніи городской управы съ предсѣдателями спб. исполнительныхъ комиссій и разными свѣдущими лицами многіе энергически высказались за необходимость устройства спб. кредитнымъ общественнымъ управленіемъ отдѣльнаго павильона на выставкѣ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ не только Москва, но и нѣкоторые провинціальныя города.

— Общество спб. ветеринарныхъ врачей празднуетъ скоро 50-лѣтній юбилей своего существованія созывомъ перваго съѣзда ветеринарныхъ врачей въ С.-Петербургѣ, съ 24-го октября по 2-е ноября 1896 г. Въ настоящее время предсѣдателемъ общества, проф. В. Е. Воронцовымъ, получено уже разрѣшеніе на празднованіе.

— Недавно въ штатѣ войскъ гвардіи состоялось сообщеніе полковника Галкина «о Пампрахъ». На сообщеніи присутствовали Ихъ Императорскія Высочества Главнокомандующій войсками Великій Князь Владиміръ Александровичъ, генераль-фельдмаршалъ Великій

Князь Михаилъ Николаевичъ, Его Высочество герцогъ Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій, высшія начальствующія лица и офицеры генеральнаго штаба.

— Въ залѣ спб. городской думы происходило недавно, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Іоанна, епископа нарвскаго, годовое собраніе православнаго миссіонерскаго общества по спб. его отдѣленію. Предсѣдатель, открывая засѣданіе, промѣсь рѣчь о значеніи и нуждахъ миссіонерскаго дѣла въ Россіи.

— Въ Императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ, въ весьма многочисленномъ собраніи III-го отдѣленія, 18-го января, В. Т. Зиминъ сдѣлалъ сообщеніе объ учрежденной имъ «артели изъ переселенцевъ въ Сибири».

— Городская спб. комиссія по народному образованію внесла въ думу докладъ съ проектнымъ планомъ постройки городского дома для помѣщенія въ немъ I начальнаго училища съ 11 классами, на городскомъ мѣстѣ, на углу Средняго просп. и 7 линіи Васильевскаго острова.

— Петербургская санитарная комиссія вошла въ городскую управу съ ходатайствомъ объ изысканіи средствъ для снабженія теплою одеждой тѣхъ изъ ношежниковъ, которые были вылечены въ больницахъ отъ тифа и подвергаются опасности снова заболѣть имъ вслѣдствіе неимѣнія теплой одежды.

— Петербургская городская управа находитъ возможнымъ удешевить цѣну за воду изъ городскихъ водопроводовъ для тѣхъ потребителей, которые пользуются водомѣрами. Управа предполагаетъ понизить цѣну съ 7-ми коп. за 100 ведеръ, въ незарѣчныхъ частяхъ города, до 6-ти коп. за первые два милліона ведеръ въ годъ и до 5½ и 5-ти коп. за остальное количество, въ зарѣчныхъ-же частяхъ, не имѣющихъ фильтровъ, до 5½ коп. за первые два милліона ведеръ, съ послѣдующею сбавкой до 5-ти и 4½ коп.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Недавно открывшееся мешковское общество сельскаго хозяйства единогласно избрало министра земледѣлія А. С. Ермолова почетнымъ предсѣдателемъ.

— Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ рѣшило приступить съ на-

стоящаго года къ буренію артезианскихъ колодезевъ на югѣ Россіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

— Рѣшено въ дополненіе къ ежегодно ассигнуемымъ изъ казны суммамъ на покрытие расходовъ по поземельному устройству сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ кievской, подольской и волинской отпустить изъ государственнаго казначейства на ту-же надобность въ 1896 г. 25,950 р.

— Министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ разрѣшилъ Императорскому русскому обществу садоводства устраивать въ Петербургѣ курсы для садовыхъ учениковъ.

— Министерство государственныхъ имуществъ устраиваетъ въ текущемъ году два завода для искусственнаго разведенія рыбы. Первый изъ нихъ будетъ расположенъ на рѣкѣ Камѣ близъ Перми и будетъ выводить бѣлорыбицу и линей. Второй проектированъ на рѣкѣ Курѣ для разведенія осетровыхъ породъ и каспійскихъ лососей.

— Съ разрѣшенія министерства государственныхъ имуществъ на предстоящей всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ выступать въ качествѣ экспонентовъ шестьдесятъ школьныхъ пасѣкъ. Для объясненія экспонатовъ будутъ командированы два свѣдущихъ лица отъ этихъ-же пасѣкъ.

— Въ непродолжительномъ времени при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ начнется свои занятія комиссія по общему пересмотру дѣйствующихъ правилъ объ охотѣ. Въ составъ комиссіи войдутъ представители разныхъ вѣдомствъ и охотничьихъ обществъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Ученый комитетъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что изъ числа представляемыхъ авторами, издателями и другими лицами рукописныхъ учебниковъ, предназначающихся для употребленія въ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ, ученымъ комитетомъ принимаются къ разсмотрѣнію лишь сочиненія по вспомогательнымъ и специальнымъ предметамъ четко написаннымъ и соответствующимъ програм-

бѣдныхъ сюжетами временяхъ, дорогѣ всякая тема, даже такая курьезная. Драгоценности въ шкатулкѣ, открытыя въ потайномъ отдѣленіи посредствомъ новыхъ лучей, запряганный въ шканъ ухаживатель, съ котораго снята фотографія—развѣ это не темы, достойныя пера современнаго водевилиста?! Что же медлятъ наши Скрибы и Сарду? На ихъ мѣстѣ каждый съ удовольствіемъ состряпалъ бы новый сценическій винигреть.

* * *

До чего курьезны бываютъ разныя надписи, а преимущественно разныя каталоги въ дешевыхъ музеяхъ и на балаганныхъ выставкахъ! Приведемъ краткое, но характерное описаніе изъ каталога музея восковыхъ фигуръ Винтера. Дѣло идетъ не болѣе не менѣе, какъ о фигурѣ, изображающей знаменитаго изобрѣтателя фонографа—Эдиссона. Въ каталогѣ стоитъ слѣдующее: «Фома Эдиссонъ. Служить примѣромъ самоученаго человѣка. Любознание его въ то время было такъ велико, что онъ абовировалъ книги въ одной изъ вели-

чайшихъ библіотекъ и посвятился электро-техническимъ наукамъ. Онъ значительно усовершилъ телефонъ, изобрѣлъ фонографъ, эрофонъ, квадрупль-телеграфъ. Отъ него можно ожидать еще множества міропотрясающихъ открытій». Вотъ какимъ «восковымъ» языкомъ говоритъ каталогъ!

* * *

Наше время—время дешевыхъ лавровъ, копѣчныхъ знаменитостей, фольговой славы и мишурныхъ талантовъ. Чѣмъ пріобрѣтается извѣстность—просто удивительно! Напримѣръ, какому-то Луриху дали медаль изъ кружка любителей атлетики за то, что онъ выталкиваетъ рукою сколько-то пудовъ. Достойное награды дарованіе! А вѣдь кружокъ основанъ докторомъ Краевскимъ исключительно въ гігіеническихъ видахъ. Зачѣмъ же эта полудѣтская игра въ ленточки да значки?.. Чемпионство въ модѣ: чемпионъ борьбы, чемпионъ коньковъ, чемпионъ-лыжникъ, чемпионъ-гребецъ!.. Фу! просто задохнешься, пересчитывая всѣхъ этихъ «талантливыхъ людей».

Скоро уличные мальчишки тоже будутъ имѣть чемпионовъ игры въ снѣжки...

* * *

Зимній сезонъ близится къ концу. Обоимъ наслаждается уже чадомъ жирныхъ блиновъ; анонсы: «Свѣжая икра» дразнятъ вездѣ аппетитъ; слухъ обворожаетъ чухонскіе бубенцы... Пора балагановъ, гдѣ подвизаются «старіки» съ ихъ циническими, но иногда остроумными прибаутками. Масляницей запахло и въ репертуарѣ театровъ. Появилось уже опереточное обозрѣніе, по обыкновенію слѣпленное, вѣроятно, бездарными виршекропателями и уснащенное дубовыми остротами «отъ себя» и кривляньями да пришепетываніями опереточныхъ quasi-комиковъ. Бѣдная публика, чѣмъ угощаютъ тебя! Накушайся лучше до отвала блиновъ да завались спать—меньше сумбуру въ головѣ останется... Плохо, плохо стряпаютъ у насъ эти поддѣланные подъ французскій манеръ обозрѣнія! Именно уже—«за вкусъ не берусь, а горячо будетъ!..» Муръ.

мамъ преподаванія этихъ предметовъ въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ; рукописные же (а равно и печатные) учебники по предметамъ общеобразовательнымъ къ разсмотрѣнію вовсе не принимаются и должны подлежать оцѣнкѣ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Къ сему ученый комитетъ присовокупляетъ, что восходящія на его разсмотрѣніе печатныя сочиненія должны быть представляемы непременно въ двухъ экземплярахъ каждое.

— Московское губернское дворянское собраніе разсмотрѣло докладъ объ устройствѣ въ Москвѣ института для благородныхъ дѣвицъ имени Императрицы Екатерины Второй и планы надстройки этого обширнаго зданія. Собраніе постановило планы представить на Высочайшее благоусмотрѣніе, и поручить депутатскому собранію разработать учебную программу и смѣту содержанія института.

— Подъ зданіе высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ рѣшено отвести мѣсто при сиб. Петропавловской больницѣ. Отводится до 2,000 кв. саженъ земли. Планъ зданія, со всѣми аудиторіями, анатомическими театрами, кабинетами, выработанъ особой комиссіей.

— Для практическаго изслѣдованія обученія состоящими въ гимназіи уроженцами костромской губерніи способовъ преподаванія въ народныхъ училищахъ, губернское земское собраніе постановило открыть при григорьевской гимназіи образцовую школу для 40 дѣвочекъ съ трехлѣтнимъ курсомъ.

— Губернское костромское собраніе постановило ходатайствовать у правительства о ежегодномъ безвозвратномъ отчисленіи 540,000 руб. на народное образованіе губерніи изъ спеціальнаго дорожнаго капитала.

— Въ одромъ изъ послѣднихъ засѣданій новгородскаго губернскаго земскаго собранія разсматривался докладъ о школахъ грамотности и о всеобщемъ обученіи. Собраніе постановило: возбудить ходатайство о томъ, чтобы земствамъ представлено было право открывать школы грамоты и чтобы эти школы состояли въ исключительномъ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Въ засѣданіи Астрономическаго Общества былъ доложенъ проектъ правилъ о стипендіи имени С. П. Глазенапа. Премія выдается изъ процентовъ съ капитала, собраннаго членами общества, золотою медалью, стоимостью въ 135 р. золотомъ (200 р. кредитн. по курсу 1895 г.), за лучшія сочиненія изъ области трудовъ С. П. Глазенапа.

— Министерствомъ народнаго просвѣщенія, 17-го января, утверждено положеніе о стипендіи имени бывшаго директора пермскаго Алексѣевского реальнаго училища, статскаго совѣтника М. М. Дмитриевскаго.

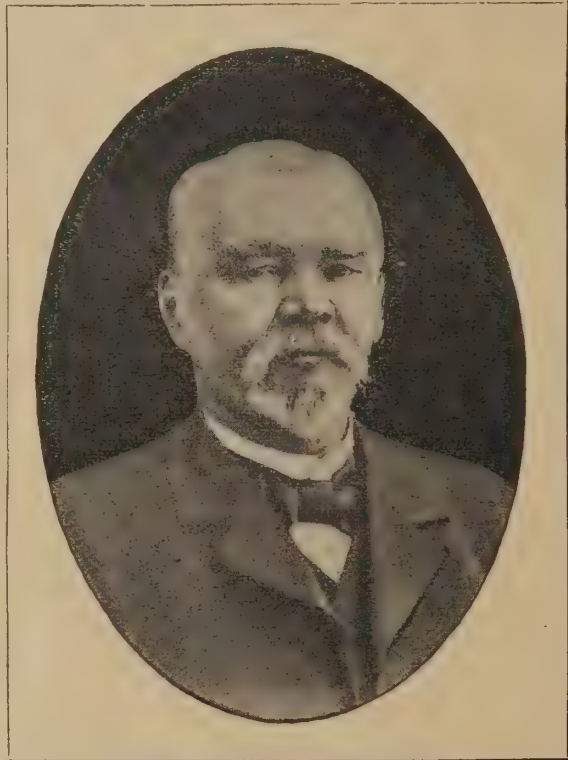
ИСКУССТВО.

Императорская Академія Художествъ, въ составѣ 25 членовъ, съ вице-президентомъ, графомъ И. И. Толстымъ во главѣ, осматривала представленные къ 15 января проекты статуи въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III для постановки ея въ центральномъ залѣ будущаго «Русскаго національнаго музея». Всего на объявленный академіей конкурсъ было представлено 35 проек-

товъ. Изъ нихъ первую премію въ 500 р. получилъ проектъ, представленный подъ девизомъ «Всѣ Его благословляютъ», вторую премію въ 300 р.—проектъ съ девизомъ «Миръ и третью премію въ 200 р.—проектъ «Глѣвъ да милость». Авторомъ перваго проекта оказался извѣстный скульпторъ Р. Р. Бахъ, авторомъ второго—не менѣе извѣстный В. А. Беклемишевъ и авторомъ третьяго—бывшая ученица академіи г-жа Вернеръ.

— Въ залахъ Соляного Городка открыта выставка скульптурныхъ произведеній, предназначенныхъ для зданія художественнаго отдѣла всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Изъ двѣнадцати выставленныхъ произведеній восемь принадлежатъ художнику В. М. Пашенко. Изъ группъ В. М. Пашенко

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ.

А. Я. КРАСОВСКИЙ.

(Директоръ Родовспомогательнаго заведенія).

обращаетъ на себя вниманіе «Сфинксъ», изготовленный художникомъ по заказу въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. За «Сфинксомъ» слѣдуетъ отмѣтить еще 2 группы того-же художника это—«Ненависть» и «Поэтъ и муза». Изъ гипсовъ другихъ художниковъ нельзя не замѣтить «Салу» Р. Р. Баха.

— Вдова художника-академика А. Д. Кившенка, желая устроить посмертную выставку художника, проситъ лицъ, имѣющихъ картины А. Кившенка: «Переправа на паромѣ черезъ рѣку Бугъ» и «Дѣти, несущія обѣдъ женщинамъ», дать ихъ на выставку. Желательно, чтобы всѣ лица, могущія оказать свое содѣйствіе въ устройствѣ болѣе полной, посмертной выставки А. Д. Кившенка, пришли на помощь устроительницѣ г-жѣ Кившенко.

— Г. Шильдеръ выполняетъ въ настоящее время, по порученію товарищества нефтяного производства бр. Нобель, большую художественную работу для предстоящей выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Онъ пишетъ картину въ 80 аршинъ длины и 9 арш. 8 верш. вышины, которая будетъ изображать круглую панораму. Эта панорама представляетъ видъ на ту часть Баку, которая извѣстна подъ названіемъ Чернаго города, гдѣ сосредоточено нефтяное производство.

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

Государь Императоръ назначилъ изъ собственныхъ суммъ Русскому театральному обществу ежегодное пособіе по 5,000 руб. на расширеніе убѣжища для престарѣлыхъ и больныхъ сценическихъ дѣтелей, оказавшихъ услуги русскому театру. Выслушавъ съ общимъ восторгомъ и глубокою благодарностью въ ближайшемъ засѣданіи сообщеніе о Царской милости, общее собраніе постановило поднести Его Императорскому Величеству благодарственный адресъ.

— 22-го января на сценѣ Императорскаго Маринскаго театра дана была опера «Отелло» съ итальянскими артистами; поющими въ «Акваріумѣ» и усиленнымъ хоромъ. Роль «Отелло» была исполнена извѣстнымъ Томаньо, Яго — Баттистини, Кассіо — Россети, Дездемона — г-жей Габби. Главная роль «Отелло» была проведена артистомъ Таманьо прекрасно, какъ въ музыкальномъ, такъ и драматическомъ отношеніи. Другіе артисты ничего особеннаго не проявили. Вообще спектакль съ итальянскими артистами прошелъ очень удачно и вызвалъ дружные аплодисменты. Спектакль былъ удостоенъ Высочайшаго присутствія.

— Въ Маринскомъ театрѣ дали недавно «Вертера» Массенэ. Успѣхъ оперы непроченъ, несмотря на большіе расходы на декорации и роскошные костюмы. Всего больше понравилась въ «Вертерѣ» декорация г. Иванова, поэтическая и превосходно передающая зимній пейзажъ заснуващаго города. Понравилась и музыка, сопровождающая эту картину. Главныя роли превосходно были переданы г-жею и г. Фигнеръ, г. Яковлевымъ, и г-жею Рунге.

— 24-го января въ Александринскомъ театрѣ, въ бенефисъ г. Чернова, была дана новая пьеса кн. Волконскаго «Рабыня». «Рабыня» — пьеса неудачная. Авторъ пьесы не владѣетъ драматической формой и не умѣетъ передать зрителю ни сюжета, ни идеи. Г. Чернову пришлось исполнять въ «Рабынѣ» неблагодарную, совершенно неопредѣленную роль «богатаго коммерсанта». Г-жа Савина изображала «рабыню». Какъ г. Варламовъ, такъ и другіе артисты, вѣроятно, не знали, что они изображали.

— Въ Москвѣ состоялся бенефисный спектакль М. Н. Ермоловой, назначенный въ день двадцатипятилѣтія ея службы. Большой театръ привлекъ многочисленную публику.

— Въ Маринскомъ театрѣ состоялся бенефисъ г-жи М. М. Петипа, данный за 20-лѣтнюю службу. Бенефисъ г-жи Петипа ознаменовался постановкой двухъ новыхъ одноактныхъ балетовъ «Ацисъ и Галатея» (программа г. Лангаммера, музыка г. Кодлеца), (и «Привалъ кавалеріи», (программа г. Петипа, музыка — г. Армсгеймера). Первый балетъ долженъ былъ воспроизвести одинъ изъ эпизодовъ метаморфозъ Овидія. Балетъ г. Армсгеймера красивѣе и живѣе и имѣлъ достаточный успѣхъ.

— Въ Михайловскомъ театрѣ, въ бенефисъ талантливаго комика г. Лортера, была возобновлена комедія Жюль Муанэ и Александра Биссона — «Un conseil judiciaire». Прежде главныя мужскія роли исполнялись гг. Итмансомъ и Ренаромъ. Комедія эта написана съ большимъ остроуміемъ и веселостью. Несмотря на незатѣйливость содержанія, публика все время смѣется.

— Въ залѣ кредитнаго общества состоялся

концертъ пианиста г. Голлидэй. Собравшаяся въ довольно значительномъ количествѣ публика очень хорошо принимала г. Голлидэя, блеснувшего и на этотъ разъ своими обычными достоинствами: безукоризненной техникой, мягкимъ, пріятнымъ туше и, мѣстами, изяществомъ передачи. Молодому артисту, исполнившему разнообразную программу, въ которую вошли сочиненія Шопена, Листа, Шумана, Рубинштейна и др., былъ поднесенъ вѣнокъ.

— Въ понедѣльникъ, 22-го января, въ Василеостровскомъ театрѣ, въ бенефисъ артиста А. Аркадьева, поставлена была въ 1-й разъ драма А. Бренко «Дотаевцы». Пьеса «Дотаевцы» отъ сокращенія безусловно выиграла бы. Она не производитъ сильнаго впечатлѣнія, благодаря тому, что въ драмѣ мрачныя картины смѣняются бытовыми комическими сценами. Исполнители были недурны. Особствѣ сюжета пьесы со «Властью тьмы» нѣтъ и рѣчи.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Обязательный минимумъ образованія. М. Л. Песковского. Спб. Ц. 80 к.

Новая книга М. Л. Песковского представляетъ собою полную программу того, чего должно достигнуть въ цѣломъ народное образованіе. Извѣстное имя автора вполне отвѣчаетъ за его новый трудъ.

Астрономія. А. Ф. Мебиусъ. Спб. Ц. 80 к.

Въ толково изложенной и хорошо переведенной книжкѣ трактуется о землѣ, о годовомъ движеніи свѣтила, о кометахъ и о теоріяхъ. Приложена карта сѣвернаго звѣзднаго неба. Прочитавшій книжку, усваиваетъ быстро необходимыя астрономическія свѣдѣнія.

Борьба за право. Рудольфъ Герингъ. Спб.

Эта брошюрка представляетъ собою собраніе лекцій, читанныхъ авторомъ (умершимъ въ 1892 г.) въ вѣнскомъ юридическомъ обществѣ. Она имѣетъ не только спеціально-юридическое значеніе, но обнимаетъ предметъ болѣе широко.

Румынія и тройственный союзъ. А. П. Липранди (А. Волинецъ). Спб. Ц. 40 к.

Въ этой брошюркѣ излагается исторія сношеній Россіи съ Румыніей, которыя дѣлятся, какъ извѣстно, съ давняго времени. Далѣе обсуждается возможность и правильность присоединенія Румыніи къ тройственному союзу.

Исторія чудеснаго. Л. Фигье. («Полезная библіотека»). Изд. Сойкина. Спб. Ц. 50 коп.

Въ первой части извѣстнаго труда Л. Фигье «Исторія чудеснаго въ новѣйшее время» содержатся слѣдующія главы: «Кудесничества Калиостро», «Магнетизеры-мистики», «Электро-биологія», «Стучащіе духи». Хорошій переводъ содѣйствуетъ высокому интересу книги.

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ.

А. Я. Красовскій—16-го января праздновали въ залахъ Родовспомогательнаго заведенія 25-лѣтіе службы директора его, лейбъ-акушера А. Я. Красовскаго. На квартирѣ юбиляра присутствовалъ принцъ Е. И. В. Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Получено письмо отъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Константиновича. Затѣмъ прибыли къ юбиляру: Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна. На юбилейномъ торжествѣ были: почетные опекуны, генералы Араповъ, Блокъ, Зуровъ, д. т. с. Гойнигевъ

Гюне, князь Манвеловъ, Оомъ, генералы: с.-петербургскій градоначальникъ Клейгельсъ, графъ Келлеръ, Шницбергъ. Затѣмъ присутствовали многія медицинскія знаменитости. Государь Императоръ пожаловалъ д-ру Красовскому чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника съ оставленіемъ во всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ и званіяхъ.

— А. Н. Сѣровъ.—20-го января исполнилось 25-лѣтіе со дня смерти композитора А. Н. Сѣрова. Лучшее его вещь была опера «Юдифь», имѣвшая громадныя успѣхъ, поразившая всѣхъ новостью и оригинальностью художественнаго замысла. Черезъ два года Сѣровъ выступилъ съ новой крупной пятяктной оперой «Рогнеда», которая имѣла такой-же успѣхъ и обратила на себя особенное вниманіе тѣмъ, что темой для нея послужило древне-русское сказаніе. Содержаніе оперы и музыка невольно переносили зрителя въ сѣдую, древне-русскую старину. Въ 1868 г. Сѣровъ принялся за послѣднюю свою оперу «Вражья сила», сюжетъ которой онъ взялъ изъ комедіи Островскаго—«Не такъ живи, какъ хочется». Дирекція Императорскихъ театровъ рѣшила по поводу двадцатипятилѣтія оперы «Вражья сила», поставить 31-го января эту оперу на сценѣ Маринскаго театра съ подобающимъ чествованіемъ покойнаго русскаго композитора.

— Ф. М. Достоевскій.—Послѣднее исполняемое 50-лѣтіе со дня появленія въ печати повѣсти «Бѣдные люди» Ф. М. Достоевскаго помѣщаемъ портретъ автора. Въ одномъ изъ прошлыхъ номеровъ мы разсказывали объ обстоятельствахъ появленія упомянутой повѣсти. Славянское благотворительное общество 24-го января, въ среду, когда исполнилось 50 лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ «Бѣдныхъ людей»—перваго литературнаго произведенія Θεодора Михайловича Достоевскаго, въ 11 часовъ утра, въ Свято-Духовской церкви Александрo-Невской лавры присутствовало на заупокойной литургіи, а по окончаніи ея была отслужена панихида на могилѣ Ф. М. Достоевскаго.

— Князь А. А. Шаховской.—22 января исполнилось 50-лѣтіе со дня смерти драматурга и воообща театральнаго дѣятеля князя А. А. Шаховскаго. Князь А. А. Шаховской, родившійся 24-го апрѣля 1777 г., былъ сынъ небогатаго смоленскаго помѣщика. Подобно многимъ молодымъ людямъ той эпохи, Шаховской получилъ образованіе въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, числясь въ то-же время (съ 10-тилѣтняго возраста) на службѣ въ преображенскомъ полку. Послѣ попытки пойти по военному поприщу, Шаховской, чувствуя болѣе склонности къ театру, сталъ искать службы по театральной части и въ 1802 г. перешелъ въ театральную дирекцію съ чиномъ надворнаго совѣтника. Съ этихъ поръ онъ вполне отдался театру. Его пьесы имѣли въ свое время огромный успѣхъ, его наставленія образовали многихъ хорошихъ актеровъ. Лучшими произведеніями князя Шаховскаго могутъ считаться «Полубарскія затѣи», «Ссора или два сосѣда», «Казакъ-стихотворецъ», «Липецкія воды». Князь Шаховской скончался 22-го января 1846 г., въ Москвѣ, гдѣ тихо провелъ послѣдніе годы своей жизни.

— Ф. Ф. Мартенсъ.—Исполнилось двадцатипятилѣтіе преподавательской дѣятельности профессора с.-петербургскаго университета Ф. Ф. Мартенса. Воспитаникъ здѣшняго университета, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1867 году, всѣ 25 лѣтъ своей преподавательской дѣятельности онъ посвятилъ родной alma mater.

НЕКРОЛОГИ.

М. О. Микѣшинъ. 17-го января 1896 г. Скончался академикъ-скульпторъ Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ. Покойный родился въ селѣ Максимовкѣ, рославльскаго уѣзда смоленской губерніи, 6-го февраля 1836 г. Онъ кончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ и выдвинулся изъ среды своихъ товарищей талантливымъ рисованіемъ масляными красками. На его творчество обратили вниманіе, привезли юношу въ Петербургъ и опредѣлили въ академію художествъ. На большую золотую медаль онъ конкурентовъ дважды, написавъ «Паденіе Литовской крѣпости Пиллоны въ княженіе Гедимина» и «Графъ Тилли въ Магдебургѣ». Въ 1859 г. былъ объявленъ конкурсъ на сочиненіе памятника тысячелѣтія Россіи, и М. О. одержалъ побѣду на этомъ конкурсѣ. Изъ другихъ извѣстныхъ работъ покойнаго упомянемъ слѣдующіе проекты памятниковъ: освободителю Сербіи—Кара-Георгію, адмиралу А. С. Грейгу, сербскому князю Михаилу Обреновичу и др. Погребеніе М. О. Микѣшина состоялось 21-го января на кладбищѣ Александрo-Невской лавры.

— П. В. Трачевскій.—Скончался на-дняхъ протоіерей Трачевскій, священствовавшій болѣе 60 лѣтъ и въ томъ числѣ 40 лѣтъ—въ г. Кронштадтѣ. Тѣло его было перенесено въ гор. Кронштадтъ, гдѣ и погребено на мѣстномъ кладбищѣ.

СПОРТЪ.

На послѣднихъ бѣгахъ интересенъ былъ слѣдующій отдѣлъ: призъ лошадямъ 2-го класса разыгранъ совѣтъмъ неожиданно. Поразили всѣхъ своею рѣзвостью первый заѣздъ, гдѣ почти все время боролся «Грозный Разсвѣтъ» Д. Ф. Бѣляева и «Козырь» С. Н. Кошнина. Обѣ лошади шли отлично и только на послѣдней полуверстѣ «Козырь» немного сдалъ. Бѣгъ окончили: «Грозный Разсвѣтъ» въ 5 м. ³/₄ с. и «Козырь» въ 5 м. ¹/₄ с. Во второмъ заѣздѣ бѣжали: «Метеоръ» Г. И. Кологривова и «Орфей-въ-аду» Н. И. Попова. «Метеоръ», въ рукахъ Байкова, опять бѣжалъ хорошо, помогъ только повторить прежнія свои секунды 5 минутъ 10 ¹/₂ секундъ, «Орфей-въ-аду» былъ совсѣмъ тихо въ 5 м. 18 с. Послѣднимъ бѣжалъ главный фаворитъ «День» Н. Н. Богданова. Онъ одновременно со звонкомъ, вмѣсто того, чтобы начать бѣгъ, преспокойно повернулъ назадъ, въ конюшню, куда и былъ водворенъ. «Грозный Разсвѣтъ» получилъ первый призъ 1,144 р., «Козырь»—второй призъ 312 р. и «Метеоръ»—обратно свою подписку.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Самоотверженная любовь.—Екатеринo-славскія газеты передаютъ трогательныя подробности о супружѣхъ Слепнеръ, погибшихъ въ сгорѣвшемъ театрѣ. Супруги Слепнеръ были еще совсѣмъ молодые люди, женившіеся всего года три тому назадъ. Въ театрѣ супруги Слепнеръ сидѣли на балконѣ. Въ тотъ моментъ, когда въ зрительномъ залѣ показался огонь, мужъ и жена бросились къ выходу, причемъ онъ попалъ въ средину толпы и его волной вынесло на улицу. Осмотрѣвшись и убѣдясь, что жена его еще не успѣла выйти, онъ съ крикомъ отчаянія бросился вновь въ горѣвшій театръ черезъ тотъ-же выходъ, которымъ онъ вышелъ; пробывъ тамъ, вновь выбѣжалъ на улицу, призывая жену. Затѣмъ онъ вновь бросился въ пылавшее зданіе съ такой стремительностью, что удержать его никто не успѣлъ, и болѣе онъ уже не показывался. Трупы супруговъ были найдены при раскопкѣ въ дамской уборной.

Бандиты въ юбкѣ.—Въ Сувалкахъ очень много шума вызвало звѣрское преступле-

ніе, совершенное женщинами. Крестьянин Баніонісъ, продавъ кабана, возвращался изъ города домой, вмѣстѣ съ 13-лѣтнимъ сыномъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ кабакъ, гдѣ встрѣтился съ двумя неизвѣстными женщинами. Последнія просили свезти ихъ въ деревню Рожале, на что Баніонісъ согласился. На слѣдующее утро нашли близъ Алексоты отца и сына Баніонісовъ безъ чувствъ, лежавшихъ въ грязи. Повозка и лошадь, а также деньги оказались украденными. Установлено, что несчастные сдѣлались жертвами отравленія: названныя женщины попотчивали, повидимому, ихъ въ дорогѣ отравленнымъ пивомъ.

Раскопки въ Вавилонѣ. П. Шейль, ведущій раскопки въ Вавилонѣ по порученію французскаго правительства, нашелъ недавно довольно длинное описаніе изъ временъ послѣдняго вавилонскаго царя Набонета (553—538 до Р. Х.) Оно занимаетъ одиннадцать страницъ и заключаетъ множество мелочей и важныхъ дѣлъ государства. Между прочимъ, тамъ разсказана мстительная война, которую вавилоняне со своими союзниками вели противъ ассирійцевъ, прежде чѣмъ Саннехерибъ (698) разрушилъ ихъ городъ. Кромѣ того описанъ выборъ и коронованіе Набонета (553) и его чудесный сонъ, когда ему во снѣ явился Навуходоносоръ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Масляница. На «вейкѣ». Рисовалъ художникъ *А. Сафоновъ*.

Кому изъ петербургскихъ жителей неизвѣстенъ потѣшный, малорослый «вейка», везущій въ своихъ саняхъ чуть не по пяти человѣкъ на масляничныя «горы». Безобидный и не корыстный чухна довольно бойко катитъ гонимую компанію. На рисункѣ г. Сафонова въ санки «вейки» помѣстилось трое. Тутъ и кавалеръ съ гармошкой, и жеманная дама изъ прислуги... Весело мчитъ лохматая лошадевка. А впереди съдобно ждуть балаганы, ждегъ простонародно-остроумный «старикъ». Гуляй во всю ширь: на то и масляница!..

Завтракъ дѣтей. Съ картины художницы *М. Родерштейнъ*.

Чудесная сценка семейной жизни. Дѣти недавно поднялись и, весело болтая, завтракаютъ съ большимъ аппетитомъ. Старшая сестра рѣжетъ имъ хлѣбъ, наливаетъ молоко. Самая маленькая дѣвочка прекомично уткнулась носомъ въ свою большую чашку. Чистенькая, свѣтлая комнатка представляетъ собою хорошенькую рамку для этой оживленной, простой картинки.

Влюбленный змѣй. Съ картины художника *Э. Ферро*.

Змѣй почти болѣе всѣхъ другихъ животныхъ любить музыку, которая укрощаетъ и усыпляетъ этихъ пресмыкающихся. Эффектная картина Ферро изображаетъ внутренность какого-нибудь африканскаго гарема. Огромный змѣй, прирученный и обезвреженный посредствомъ вырыванія ядовитыхъ зубовъ играетъ со своей красавицей-хозяйкой. Въ сторонѣ невольница играетъ на струнномъ инструментѣ, чѣмъ еще болѣе развѣжено огромное животное. Змѣй словно влюбленъ въ розу гарема. Онъ обвиваетъ могучими кольцами прекрасное тѣло красавицы и приближаетъ къ ея чудному лицу свою страшную голову. Яркъ и оригиналенъ контрастъ нѣжной кожи красавицы съ жесткою и холодною чешуею змѣя. Эффектъ и сильный

замыселъ картины, навѣянной романомъ „Саламбо“, не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Въ лѣсу на тройкѣ, на каткѣ. Оригинальная виньетка художника *М. Михайлова*.

Зима—веселая пора года, особенно въ концѣ сезона, на масляной. Какъ знакомы эти картинки зимнихъ развлеченій, талантливо набросанныя нашимъ сотрудникомъ! «Вотъ мчится тройка удалая», мчится она на загородный пикникъ въ морозную, чудную ночь. Звенятъ бубенцы, слышенъ визгъ полозьевъ и храпъ лошадей... А вотъ сценка на каткѣ, гдѣ, уединясь подалѣе, подъ звуки оркестра, любезничаютъ влюбленная парочка. Яркъ горятъ щечки красавицы... «Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ»—давно уже сказалъ иѣтко поэтъ. Хорошее, веселое времячко—зима!

Масляница. «Изъ гостей». Съ картины художника *В. Ковальскаго*.

Довольно было истреблено блиновъ, довольно выпито на масляничной пирушкѣ. И ѣдутъ, веселые и сытые, молодой мужъ съ женой изъ гостей. Погода тихая и теплая, сани катятъ быстро-быстро. На душъ такъ беззаботно и весело. Немудрено, что молодая парочка такъ громко хохочетъ и возится, что платокъ и верхняя душегрейка свалились въ сани и малодушъ нехолодно! Хорошее дѣло—молодость!

Этюдъ головки. Съ акварели художника *Ц. Чумакова*.

Ея глаза—глаза русалокъ:
То сердце жгутъ, то леденятъ...
Въ нихъ все—безстрастие весталокъ
И сладострастіе менадъ.

Но не найду я въ этомъ взглядѣ
Ни чистыхъ думъ, ни чистыхъ слезъ,
Когда, томясь, ласкою пряди
Благоухающихъ волосъ.

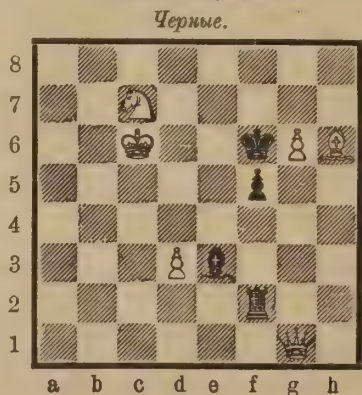
Когда—предтечей поцѣлую—
Ея глаза сибются мнѣ,
И я теряюсь и тоскую
Въ ихъ непонятной глубинѣ!..

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 3.

М. Музиля (въ Прагѣ).

Третій призъ на 1-мъ конкурсѣ задачъ «Шахматнаго журнала».

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Международный шахматный турниръ въ Петербургѣ, начавшійся 1-го декабря 1895 г., окончился 15-го января этого года. Первый призъ получилъ Э. Ласкеръ, второй—В. Стейницъ, третій—Г. Пильсбери и четвертый—М. Чигоринъ.

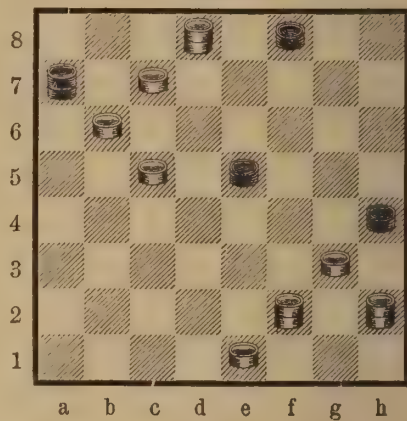
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 4.

А. Иванова (въ Петербургѣ).

Черныя.

Бѣлые.

Запереть дамку и простую.

ПАРТІЯ № 2.

Игрена на второмъ всероссійскомъ турнирѣ въ Москвѣ.

С. А. Воронцовъ. В. В. Васильевъ.

Бѣлые.

Черныя.

1. c3—d4, d6—c5; 2. b2—c3, f6—g5; 3. c3—b4, g5—h4; 4. b4 : d6, e7 : c5; 5. d2—c3, g7—f6; 6. g3—f4, h8—g7; 7. f2—g3, h4 : f2; 8. e1 : g3, f6—g5; 9. a1—b2, b6—a5; 10. d4 : b6, a7 : c5; 11. g3—h4, g7—f6; 12. c3—d4, c7—d6; 13. d4 : b6, a5 : c7; 14. b2—c3, d6—c5; 15. c1—b2, c7—b6; 16. c3—b4, d8—e7; 17. b4 : d6, e7 : c5; 18. b2—c3, b6—a5; 19. h2—g3, a5—b4; 20. c3 : a5, c5 d4; 21. e3 : c5, g5 : e3; 22. g3—f4, e3 : g5; 23. a5—b6, g5—f4; 24. a3—b4, f4—e3; 25. b6—c7, b8 : d6; 26. c5 : g5, h6 : f4; 27. b4—c5, e3—d2; 28. c5—b6, d2—c1; 29. h4—g5, f4 : h6; 30. b6—c7. Ничья.

Примѣчанія къ партіи.

1) Если 9... c7—d6, то 10. f4—e5, d6 : b4; 11. g3—h4, c5 : e3; 12. a3 : c5, b6 : d4; 13. h4 : h8 и выигрываютъ. На 9... g5—h4 послѣдовало бы 10. f4—e5, h4 : f2; 11. a3—b4, c5 : a3; 12. e5—d6, c7 : e5; 13. d4 : h8, f2 : d4; 14. c3 : e5 и бѣлые должны выиграть.

2) Ошибочно было бы здѣсь 14. a3—b4, тогда f6—e5; 15. h4 : d4, d6—c5; 16. b4 : d6, c7 : a1 и выигрываютъ.

3) Хорошо было бы также 15... f8—e7 съ преимуществомъ въ положеніи.

4) Повидимому, лучше было бы 28... f4—e3, но и тогда, впрочемъ, игра свелась бы къ ничьей.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ 1896 ГОДА.

НОВЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАВАНІЯ—ПРЕМІИ ПОДПИСЧИКАМЪ ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» ЗА 1896 ГОДЪ—

1) Портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы

АЛЕКСАНДРЫ ВЕОДОРОВНЫ

воспроизведенный въ 23 краски, на пергаментной бумагѣ (размѣръ: 20 вершковъ вышины и 16 вершк. ширины).

2) Большая художественно выполненная картина съ ориг. профессора Ю. Клевера

«АВОНЪ ПРИ ЛУННОМЪ ОСВѢЩЕНІИ»

воспроизведенная въ 18 красокъ (размѣръ: 20 вершковъ длины и 16 вершковъ вышины)

ОТПЕЧАТАНЫ И РАЗСЫЛКА ТАКОВЫХЪ НАЧНЕТСЯ СЪ 1-ГО МАРТА 1896 ГОДА.

Картины будутъ разсылаемы по очереди поступающихъ требованій, только тѣмъ гг. подписчикамъ, которые уплатили сполна годовую подписную сумму на журналъ (съ доставкою), а также и за выбранную ими картину—ОДИНЪ РУБЛЬ.

Отъ СОЛИТЕРА лѣченіе.
СПБ., САДОВАЯ, 59.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обзор.»
(Спб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб. 5 к.

№ 2305—2
ВЫИГРЫШ
ныя 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, НЕВСКІЙ, СПБ.

Поступило въ продажу во всѣхъ книж-
ныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы
новое изданіе романа

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ
„ПОГРОМЪ“
Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ
сокращеній). Цѣна 75 коп. Въ книгѣ 566
страницъ.

Предлагаемый романъ извѣстнаго талант-
ливаго французскаго писателя полонъ са-
маго живого интереса, гдѣ, между прочимъ,
авторъ художественно знакомитъ читателя
съ причинами и со всѣми ужасами воен-
ныхъ дѣйствій, которые слѣдствіемъ опустоши-
тельнымъ ураганомъ по Франціи въ 1870—
1871 годѣхъ.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не
платятъ. Требования исполняются съ пер-
вой почтой, но только при полученіи де-
негъ. Для удобства покупателей стоимость
книги можетъ быть выслана почтовыми
марками.

Складъ изданій при конторѣ журнала
«Живописное Обозрѣніе»
Невскій пр. у Анничкина моста, д. 68—40.

Остерегаться поддѣлокъ!
ПРОВИЗОРЪ
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И
ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
продается бездѣ-
льн. 50 к. 1/2 к. 30 к.

Вышло въ свѣтъ:
Какъ я излѣчилъ свою нервную болѣзнь.
Записки несвѣдущаго въ медицину, стра-
давшаго прежде нервною болѣзью, те-
перь же совершенно здороваго.
Цѣна брош. съ перес. 28 к. почт. марк.
Адресъ: Эстляндія, Ревель, Шир. Пе-
сочи. 356, Мельманъ. 2354—1

Открыта подписка на 1896 г.
На издающуюся въ Ташкентѣ
ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТ. ГАЗЕТУ
«ОКРАИНА».
единственный частный органъ
печати въ Средней Азій.

Подписная цѣна съ пересылкою: на годъ
5 р., на 1/2 года 3 р. 50 к., на 3 мѣс.
2 р. 50 к. Подписка принимается въ
Ташкентѣ Сырь-Дарьинск. обл.

Карамель изъ Травъ
„КЕТТИ БОССЪ“.
Б. СЕМАДЕНИ, въ Кіевѣ.
Главный складъ у Александра Венцеля
С.-Петербурга, Гороховая, 33. — Продается
во всѣхъ аптекахъ и апт. магаз. Россіи.
Цѣна емѣстѣ съ мор. 25 коп.
Малая коробка 15 коп. № 2010-5

ЗАИКАНИЕ
вызывается основательно въ спеціаль-
номъ заведеніи Карла Эрнста. Принимаются
приходящіе и пансіонеры. № 2303
СПБ., Невскій пр., д. № 100, кв. 7.
Руководство въ самообученію 3 руб.
СВѢДѢНІЯ БЕСПЛАТНО. 15

Музыкально-Инструментальный
магазинъ и мастерская
И. С. СЕМЕНОВА.
Принимаетъ заказы и
починки струнныхъ ин-
струментовъ, а также
имѣетъ самыя лучшія
струны и всѣ принад-
лежности къ струннымъ
инструментамъ. Цѣны
умѣренныя.
— о —
Вознесенскій пр., № 31
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
2323—4

ПЕРВАЯ
НЕОБХОДИМОСТЬ
для каждаго—БѢЛЫЕ.
Прочное и элегантнаго по-
крытій для Гг. офицеровъ
особо новаго покрова, въ
спеціальному магазину бѣлыя,
Ю. ГОТЛИБЪ
По Владимірска д. 2, уг. Невск. пр.
Прейс-курантъ высыл. БЕСПЛАТНО.
№ 2216 — 35

Главное депо часовъ
Эд. Вурхардъ.
Спб., Гороховая ул., у
Краснаго моста, № 17.
2) по Невскому пр.,
№ 6, прот. М. Морской.
Большой выборъ все-
возможныхъ часовъ
лучш. фабрикъ по са-
мымъ умѣр. цѣнамъ
Никелевые... отъ 6 р. 50 к. до 15 р.
Стальные (черные)... 0 р. — 20
Серебряные мужскіе и
дамскіе... 12 — 75
Золотые мужскіе... 50 — 500
Золотые дамскіе... 25 — 100
Регуляторы 2-хъ не-
дѣльных... 7 — 65
Будильники... 4 р. 50 к. — 15
Гг. Инородины высылку наложеннымъ
платежемъ. Прейс-курантъ высылку
бесплатно. Карманные часы сумасше-
ше 10 р. высылаются почтой на счетъ
моего магазина. № 1229-3

НАИЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ САМОГО СЕБЯ.
Портмоне изъ наилучшей черной опойки
варшавской выдѣлки съ матовымъ лос-
комъ, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ
для звонкой монеты. Корпусъ изъ одного
куска съ механическимъ затворомъ, содер-
жащимъ каучуковый штемпель съ подуш-
кою для краски.
Въ штемпелѣ можно помѣстить имя,
отчество, фамилію и званіе, по желанію
и коронку. Наружная величина 2 1/2 X 1 1/2
вершка. Цѣна со штемпелемъ съ пересы-
лкою въ Европейскую Россію 1 шт. 2 р.,
2 шт. 3 р. 75 к., въ Авіатскую—съ при-
бавленіемъ въсомъ за 1 фунтъ за каждую
пару. Съ нал. плат. за каждую пару. Съ
нал. плат. на 10 к. больше.
Также дамскія издѣлія разнѣромъ
1 1/2 X 1 1/2, першка, по тѣмъ же цѣнамъ.
На Фабрику
Американ. Каучук. Штемпелей
М. Фишманъ
Варшава, Бѣльская, № 23.
№ 2330 — 4

Поступило въ продажу новое изданіе
Ф. ПАВЛЕНКОВА:
ДУШЕВНЫЯ ДВИЖЕНІЯ.
Популярно-научный очеркъ Д-ра Ланге.
Переводъ съ франц. и нѣм. Цѣна 40 коп.

А. ПОЛЬКО.
Петербургъ, Гороховая, № 31.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля.
С.-Петербургъ, Б. Морская № 34 и 40. — Москва, Кузнечій м., д. Захарьина.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться пись-
менно: Банкирскаго д. изъ Генрихъ Блокъ.
— 2 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Фирма премпирована на европейскихъ
выставкахъ десятью золотыми меда-
лями и высшими знаками.
ДЛЯ ВОЛОСЪ.
БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛПТИ
Косметика А. Энглундъ.
средство для
волосъ, оесѣ-
жаетъ голов-
ную кожу.
Цѣна флак.
1 р. 50 к.,
съ перес. 2 р.
2 флакона съ
перес. 3 р.
50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ
прошу обратить вниманіе на подписи:
«А. Энглундъ» красными чернилами
и маркою С.-Петербургской Косме-
тической Лабораторіи. Получать
можно вездѣ. — Главный складъ для
всей Россіи **А. Энглундъ**
С.-Петербургъ, Михайловская площ.,
д. ЖЕРБИНА, № 3.

А. ПОЛЬКО.
Петербургъ, Гороховая, № 31.

Складъ алюминіевыхъ и никели-
рованныхъ издѣлій. Папиросница
изъ алюминія 1 руб. Дамскія порт-
моне изъ алюминія 2 руб. 50 коп.
Дамскіе приборы для причесокъ по
2 руб., 2 р. 50 коп., 3 руб., кар-
манная пудреница 60 коп. Карман-
ный пульверизаторъ 75 коп., па-
пиросница изъ никеля по 40, 60,
75 коп., за штуку. При высылкѣ
7 копѣчной марки высылается на-
люстрированный прейс-курантъ
БЕСПЛАТНО.
№ 2356—1

СЪМЕННОЯ
ТОРГОВЛЯ
А. Б. МЕЙЕРЪ.
Москва, Мясницкая, д. Кузнецова,
противъ дома обшдвой.
СЪМЕНА
НАИЛУЧШАГО КАЧЕСТВА
и испытанной всхожести
по умѣрен. цѣн.
Каталоги безъ
платно.

ФИСТАРМОНІИ
ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ
ШИДМАЙЕРА,
КАРПЕНТЕРА
и другихъ лучшихъ фабрикъ:
въ 85, 100, 110, 130, 135, 150,
160, 180, 190, 200, 225, 240,
250, 300, 325, 350, 400, 450,
500, 550, 750, 800 и 1,000 руб.
Школа-самоучитель—Паже 2 р.
Иллюстрированный прейс-курантъ
БЕСПЛАТНО. — 5

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля.
С.-Петербургъ, Б. Морская № 34 и 40. — Москва, Кузнечій м., д. Захарьина.

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВЪ РОССІИ ЦВѢТНЫХЪ ПРОЗРАЧНЫХЪ ИЗОБРАЖЕНІЙ И ОРНАМЕНТОВЪ, ЗАМѢНЯЮЩИХЪ ДОРОГУЮ ЖИВОПИСЬ НА СТЕКЛѢ.

ДЛЯ УКРАШЕНІЯ ДВЕРЕЙ И ОКОНЪ ЦЕРКВЕЙ, ЧАСОВЕНЪ, ДАЧЪ, БЕСѢДОКЪ, БУДУАРОВЪ, СТОЛОВЫХЪ, ГОСТИННЫХЪ, КАБИНЕТОВЪ, БИБЛИОТЕКЪ, КЛАССНЫХЪ КОМНАТЪ, КОНТОРЪ, МАГАЗИНОВЪ, РЕСТОРАНОВЪ И ПРОЧ.

Въ числѣ разныхъ готовыхъ прозрачныхъ (на стеклахъ и въ листахъ) художественно выполненныхъ изображеній, воспроизведенныхъ цвѣтными красками, имѣются и религіознаго содержанія:

- 1) „СЕ ЧЕЛОВѢКЪ“ („ЕССЕ НОМО“) Прозрачное изображение, замѣняющее живопись на стеклѣ и изображающее ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, воспроизведено въ 18 красокъ съ картины Гвидо Рени (размѣръ 11×13). Изображеніе это, будучи помѣщено въ окнѣ, передъ свѣтомъ или зажженною лампадою въ кабинетѣ, столовой, спальнѣ или дѣтской, — особенно величественно и эффектно. Цѣна на стеклѣ 2 р. Безъ стекла 1 р.
- 2) „МОЛЕНИЕ О ЧАШѢ“ Проф. О. Бруни (въ двухъ форматахъ). Первый размѣръ 25×15 д. Цѣна на стеклѣ 5 руб. съ орнаментомъ, замѣняющимъ раму, — 7 руб. Безъ стекла 3 руб. (безъ перес.). Второй размѣръ: 11×15 дюймовъ. Цѣна на стеклѣ 2 руб. Безъ стекла 1 руб.
- 3) „ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ“ (размѣръ 19×13 дюймовъ). Цѣна на стеклѣ 3 р. Безъ стекла 2 р.
- 4) „РОЖДЕСТВО ІИСУСА ХРИСТА“ (размѣръ 19×13 дюйм.) Цѣна на стеклѣ 3 р. Безъ стекла 2 р.
- 5) „БОГОМАТЕРЬ У КРЕСТА“ (размѣръ 12×11 дюймовъ). Цѣна на стеклѣ 2 р. Безъ стекла 1 р. за экз. (безъ перес.).
- 6) „ПРЕОБРАЖЕНІЕ ГОСПОДА ІИСУСА ХРИСТА“ (размѣръ 32×16 дюйм.) Цѣна на стеклѣ 8 р. Безъ стекла 6 р. (безъ перес.).

- 7) „СПАСЪ НЕРУКОТВОРЕННЫЙ“. Копія съ чудотворной иконы, находящейся въ С.-Петербургѣ, въ домикѣ Императора Петра Великаго (размѣръ 12×10 дюймовъ). Цѣна на стеклѣ 2 р. Безъ стекла (въ листахъ) 50 к. за экз. безъ перес. Въ этомъ-же форматѣ имѣются изображенія этой иконы и на деревѣ съ позолотою. Цѣна 1 рубль (безъ пересылки).
- 8) „МАТЕРЬ БОЖІЯ СЪ ПЛАДЕНЦЕМЪ“. Съ карт. Рафаэля (размѣръ 32×16 дюйм.). Цѣна на стеклѣ 8 р. Безъ стекла 6 р. (безъ перес.).
- 9) „БОГОМАТЕРЬ, возносящаяся на небо среди ангеловъ“. Съ картины Мурильо. Размѣръ 32×16 дюйм. Цѣна на стеклѣ 8 р. Безъ стекла 6 р. (безъ перес.).
- 10) „СПАСИТЕЛЬ, благословляющій“ и 11) „БОГОМАТЕРЬ СЪ ПЛАДЕНЦЕМЪ“ (иконостасные). Размѣръ 17×9 дюйм. Цѣна на стеклѣ 3 р. Безъ стекла 2 р. за каждый экземпляръ (безъ перес.).
- 12) „СВ. НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ“ и 13) „СВ. БЛАГОВѢРНЫЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ“ (размѣръ 17×9 д.). Цѣна на стеклѣ 3 р. Безъ стекла 2 р. за каждый экземпляръ (безъ пересылки).
- 14) „ПО НЕБУ ПОЛУНОЧИ АНГЕЛЪ ЛЕТАЛЪ“ (разм. 19×13 дюймовъ). Цѣна на стеклѣ 3 р. Безъ стекла 2 р.

Въ особенности эффектны эти прозрачныя изображенія, будучи поставлены на свѣтъ или предъ зажженною лампадою.

Всѣ готовые прозрачныя картины имѣются только въ указанную величину, но съ добавкою около картины орнаментовъ и фоновъ легко увеличить форматъ до желаемого размѣра. Прозрачныя изображенія могутъ быть, по заказу, высланы **ВЪ ЛИСТАХЪ И НА СТЕКЛАХЪ**, вставленныхъ въ рамки. Всѣ украшенія изъ прозрачныхъ картинъ и орнаментовъ весьма просто прикрѣпляются къ дверямъ и окнамъ, а также просто снимаются при желаніи перемѣстятъ ихъ или при переѣздѣ съ квартиры.

ИЗЯЩНО, ПРОЧНО И ДЕШЕВО.

Кромѣ того въ складѣ имѣются готовые, воспроизведенныя цвѣтными красками, прозрачныя картины-копіи съ художественныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ на самые разнообразныя сюжеты и разныхъ форматовъ (но не менѣе 12×12 дюймовъ), въ двухъ видахъ:

- 1) НАКЛЕЕННЫЯ НА СТЕКЛА И 2) ВЪ ЛИСТАХЪ БЕЗЪ СТЕКОЛЬ.
- Пейзажи, морскіе виды, бытовой и историческій жанръ, цвѣты, птицы, китайскія, японскія фигуры, аллегорическія, геральдическія — изображенія, рисунки и т. п.

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ МУЖСКИХЪ КАБИНЕТОВЪ ИМѢЮТСЯ БОЛЬШІЯ И ЭФФЕКТНЫЯ КАРТИНЫ:

- 1) «ФРИНА ПЕРЕДЪ КУПАНЬЕМЪ», съ картины профес. Г. Семирадскаго и 2) «ПЕРВОЕ УКРАШЕНІЕ», съ картины Бугеро (размѣръ: 17×11½ дюймовъ). Цѣна въ листахъ 2 р. На стеклѣ 4 р.
 - 3) «РѢШИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ». 4) «ПѢСНЯ ЛЮБВИ».
- Цѣна въ листахъ 2 р. На стеклѣ 4 р. за экземпляръ.

ОРНАМЕНТЫ И ФОНЫ

въ стиляхъ средневѣковомъ, романскомъ, готическомъ, кельтическомъ, византійскомъ, Возрожденія, восточномъ, fantaisie, разныхъ форматовъ.

Приготовлены цѣлыми листами для наклейки прямо на оконныя стекла нижнихъ этажей, вмѣсто ширмъ и панно.

УПАКОВКА И ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТЪ ПОКУПАТЕЛЯ.

Заказы выполняются только при полученіи денегъ, при заказѣ, кромѣ пересылки.

СКЛАДЪ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПРОСП., У АНИЧКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

№ 5 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 10-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) Листъ «Еженедѣльной хроники» № 5-й.

При этомъ номерѣ разсылаются инороднымъ подписчикамъ (кромѣ Москвы) объявленіе отъ сѣменной торговли Л. А. Галахова.

НОВОЕ ИЗЯЩНОЕ УКРАШЕНІЕ ОКОНЪ.
Цѣна 8 руб. За двѣ 15 руб.
(Величина 13×13 вершковъ).

НОВОЕ ИЗЯЩНОЕ УКРАШЕНІЕ ОКОНЪ.
Цѣна 8 руб. За двѣ 15 руб.
(Величина 13×13 вершковъ).

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

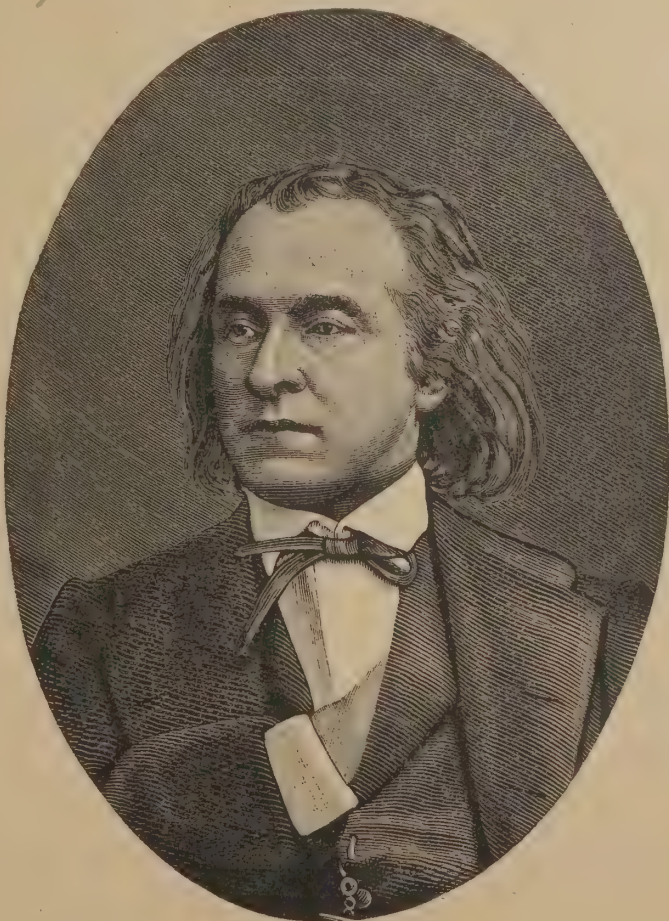
ПРИ № 6 ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВСѢМЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ РАЗСЫЛАЮТСЯ:

- 1) Вторая книга еженѣсныхъ литературныхъ приложеній—«Домашняя Библиотечка», № 2-й (за февраль 1896 г.).—2) № 6-й «Еженедѣльная хроника» (еженедѣльная газета).—3) № 2-й «Новѣйшія Парижскія Моды».—4) «Модные туалеты для выѣзда» (новое приложеніе къ модному отдѣлу, отпечатанное въ нѣскольکو красокъ).—5) Ноты—«Среди друзей» (салонная пьеса), соч. Эрнеста Келлера.

Всѣ номера журнала слаются на почту строго проверенными и въ полномъ количествѣ всѣхъ тѣхъ приложеній, о которыхъ заявляется въ номерѣ. Неполучившіе при номерѣ какого либо приложенія, олаговолять заявить объ этомъ немедленно доставившему номеръ журнала почтовому служителю, а затѣмъ сообщить въ Главную Контору не позднѣ получения слѣдующаго номера журнала, такъ какъ позднѣйшія претензіи почтамтъ не принимаются къ разслѣдованію, авысылать второй экземпляръ не всегда представляется возможнымъ для редакціи.

ДВАДЦАТЬ пять лѣтъ прошло со дня кончины Александра Николаевича Сѣрова, выдающагося русскаго музыкальнаго дѣятеля шестидесятихъ годовъ, составившаго себѣ сравнительно въ короткое время громкую извѣстность какъ на композиторскомъ, такъ и въ особенности на критическомъ поприщѣ. Непомогимъ изъ русскихъ артистовъ приходилось въ такомъ позднемъ возрастѣ выступать на общественный судъ и еще меньшему числу изъ нихъ удавалось сразу обратить на себя общее вниманіе: все это вышло на долю Сѣрова—композитора, который, къ сожалѣнію, для него не долго пользовался плодами своей дѣятельности. Родившись въ 1820 году и окончивъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія въ 1840, А. Сѣровъ выступаетъ на музыкально-критическомъ поприщѣ въ 1850 г. въ журналѣ «Современникъ» и съ этихъ поръ продолжается почти непрерывно его критическая работа во всевозможныхъ органахъ печати, число которыхъ доходило до двадцати восьми. Такимъ образомъ литературныя свои занятія нашъ критикъ началъ, имѣя лѣтъ тридцать отъ роду, возрастъ вполне нормальный для начального поприща общественнаго дѣятеля; но никто, однако, не подозревалъ, что тринадцать лѣтъ спустя, этотъ талантливый критикъ, за все это время почти

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ СО ДНЯ КОНЧИНЫ.

А. Н. Сѣровъ.

не заявлявшій о своихъ композиторскихъ способностяхъ, заставить о себѣ говорить, какъ о выдающемся оперномъ композиторѣ. Это

явленіе уже было довольно рѣдкое, ибо въ сорокъ лѣтъ занять мѣсто виднаго композитора, послѣ блестящаго опернаго дебюта, выпадало на долю немногихъ европейскихъ музыкантовъ. Затѣмъ ему пришлось пережить самый счастливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ самый короткій періодъ своей жизни, а именно всего лишь восемь лѣтъ, съ 1863 по 1871 годъ, то есть тотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго приобрѣтало все большую и большую извѣстность его композиторское имя, созданное его двумя операми—«Юдифь», поставленной въ 1863 г. и «Рогнедой»—въ 1865 году. До постановки третьей оперы—«Вражеской силы», Сѣровъ не дожилъ, достигнутый смертью врасплохъ 20-го января 1871 года, въ то самое время, когда онъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ жилъ розовыми надеждами на будущій успѣхъ, посившихся въ его пылкомъ воображеніи, задуманныхъ новыхъ твореній—трехъ оперъ:—«Тарасъ Бульба», «Кузнецъ Вакула», «Гуситы» подного комическаго балета. Всѣ эти планы и соображенія на счетъ будущихъ, едва лишь намѣченныхъ произведеній, свидѣтельствуютъ о большой увѣренности пятидесятилѣтняго Сѣрова въ своихъ творческихъ

силахъ и способностяхъ: онъ готовъ былъ въ то время приняться чуть не сразу за созданіе нѣсколькихъ крупныхъ произведеній

между тѣмъ какъ и опера «Вражья сила» не была еще вполне отдѣлана, — но крайней мѣрѣ, пятый ея актъ, самый слабый, съ его скучной музыкой, оставался безъ инструментовки.

Всѣ, только что упомянутыя важнѣйшія хронологическія данныя, мы приводимъ съ цѣлью указать на самые рельефные моменты жизни Сѣрова, а также во избѣжаніе подробнаго пересказа общезвѣстныхъ біографическихъ свѣдѣній, изъ которыхъ мы ниже воспользуемся лишь тѣми, какія необходимы для выясненія его личности, какъ человѣка и какъ общественнаго дѣятеля, т. е. критика и композитора.

Двадцать пять лѣтъ со дня кончины Сѣрова — срокъ совершенно достаточный для того, чтобы избавить современнаго, т. е. теперешняго его біографа отъ того фарисейства, отъ той слезливой сентиментальности и отъ того лживаго энтузіазма, какими голыя оцѣнки личности выдающихся покойныхъ дѣятелей въ устахъ ихъ похоронныхъ панегиристовъ, ораторовъ и литературныхъ критиковъ. А. Н. Сѣровъ получилъ еще въ дѣтскихъ годахъ въ стѣнахъ училища Правовѣдѣнія сравнительно весьма недурное музыкальное образованіе. Дѣло музыкальнаго преподаванія въ ту эпоху, по свидѣтельству самого Сѣрова и его ближайшаго товарища и пріятеля В. В. Стасова, стояло въ училищѣ довольно высоко, а Сѣровъ, въ ранніе дѣтскіе годы не чувствующій особеннаго призванія къ музыкѣ, а затѣмъ, съ переходомъ къ юношескому возрасту, наоборотъ, проявившій къ ней страстное влеченіе, вскорѣ выдѣлился своими музыкальными способностями среди всѣхъ прочихъ учениковъ и оказался даже весьма сильнымъ техникомъ въ игрѣ на фортепіано и на виолончели. Страсть къ музыкѣ и въ особенности къ чтенію лучшихъ произведеній европейской музыкальной литературы развивалась въ немъ настолько быстро, что уже къ выходу изъ стѣнъ учебнаго заведенія онъ основательно зналъ до мельчайшихъ подробностей фактуры множество замѣчательнѣйшихъ сочиненій, а слѣдовательно въ значительной степени усвоилъ себѣ теоретическія познанія, о чемъ свидѣлствуютъ его многочисленныя аранжировки этихъ произведеній на различные инструменты приблизительно въ тотъ же періодъ времени, а также и упорство, съ которымъ онъ уже въ 1844 г. преслѣдовалъ мысль написать оперу на сюжетъ «Виндзорскихъ кумушекъ» Шекспира, ради чего имъ весьма толково и детально составленъ былъ весь сценаріумъ предполагаемой двухактной оперы; литературную обработку ея либретто Сѣровъ предназначалъ своему гимназическому товарищу г. Зотову, который недавно и опубликовалъ означенный сценаріумъ. Если въ то время у Сѣрова не могло быть композиторской опытности, то, во всякомъ случаѣ, его письма къ г. Зотову доказываютъ его увѣренность въ дѣлѣ музыкальной композиціи и въ собственномъ творествѣ, а худож., хорошо-ли, конечно, нельзя было приниматься за созданіе оперы безъ знакомства съ гармоніей и другими элементами музыкальнаго сочиненія. Далѣе, то обстоятельство, что отецъ Сѣрова, считая сумасбродствомъ всѣ музыкальныя стремленія сына, совершенно безуспѣшно претраждалъ ему всѣми силами путь къ музыкальнымъ занятіямъ, предлагая ему чиновничью карьеру, служить лучшимъ доказательствомъ неколебимо твердаго рѣшенія А. Сѣрова сдѣлаться профессиональнымъ музыкантомъ. Лучшими помощниками въ этомъ дѣлѣ были даровитость его натуры, увѣренность въ музыкальномъ его предопредѣленіи, желѣзная энергія и настойчивость, примѣрная любознательность въ области литературы и искусства и, наконецъ, огромное самоувѣреніе.

Возвращаясь къ подготовительнымъ музыкальнымъ занятіямъ Сѣрова, можно еще разъ съ увѣренностью заявить, что его самостоятельныя работы безъ малѣйшихъ руководителевъ принесли ему огромную пользу. Самъ онъ отмѣчаетъ между прочимъ въ автобіографіи, что единственными руководителями его въ этомъ случаѣ были партитуры классическихъ произведеній, которыя онъ изучалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, усваивая

себѣ правила композиціи и, въ частности, инструментовки. Упомянемъ здѣсь, мимоходомъ, что автобіографія Сѣрова, оставшаяся обществу неизвѣстною до 1889 года, является, не смотря на свою сжатость, весьма цѣннымъ матеріаломъ для всѣхъ его біографовъ.

Проводя первые годы своей чиновничьей службы сперва въ Крыму, а затѣмъ въ Петербургѣ, Сѣровъ не терялъ времени, но воспользовался имъ наилучшимъ образомъ для своихъ музыкальныхъ цѣлей. Еще раньше, передъ отъѣздомъ въ Крымъ, онъ познакомился съ Глинкой и Даргомыжскимъ, самымъ основательнымъ образомъ изучилъ партитуры обоихъ оперъ перваго и все, что только было написано Глинкой въ ту пору, до музыки къ «Князю Холмскому» включительно. Это музыкальное знакомство съ произведеніями гениальнаго композитора оказало его собственному творчеству, конечно, не меньшую услугу, чѣмъ усвоеніе имъ образцовъ западной музыки. Почти около двадцати лѣтъ подъ рядъ Сѣровъ испытывалъ себя въ композиторскомъ отношеніи, написавъ довольно много сочиненій всякаго рода и формъ, въ особенности набивая себѣ руку въ техническомъ смыслѣ всевозможными переложеніями, изъ которыхъ хотя большинство осталось не изданнымъ, но заслуживаетъ вниманія своей образцовой фактурой; многія изъ этихъ переложеній въ 4 и 8 рукъ иностранной и Глинкинской музыки въ 50-хъ годахъ игрались на вечерахъ у Глинки и вызвали какъ его одобреніе, такъ и похвалы другихъ серьезныхъ музыкантовъ, присутствовавшихъ на вечерахъ. За недостаткомъ мѣста здѣсь придется мнѣ коснуться лишь тѣхъ трехъ главныхъ произведеній Сѣрова, которыя создали ему имя талантливаго русскаго композитора. До созданія «Юдифи» были дѣлаемы попытки въ оперной области, изъ которыхъ одна близка была къ осуществленію: то была опера «Майская ночь» на сюжетъ Гоголя, почти совершенно доведенная до конца, и одно время состоявшая предметъ большихъ заботъ ея автора. Къ чести его музыкальнаго вкуса, слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что композиторскимъ своимъ попыткамъ до 1860 года Сѣровъ не придавалъ особаго значенія, въ результатѣ чего и «Майская ночь» была имъ же самымъ оставлена безъ исполненія.

Выше уже было сказано, что на критическомъ поприщѣ Сѣровъ выступилъ въ 1850 году. Съ тѣхъ поръ до 1860 года, непрерывно занимая положеніе музыкальнаго критика въ различныхъ, хотя и мало распространенныхъ органахъ печати, Сѣровъ неоднократно измѣнялъ свои музыкально-критическіе взгляды, въ чемъ, конечно, нельзя поставить большого упрека человѣку, передъ которымъ, благодаря его пыливости и любознательности, музыкальный горизонтъ развѣтывался все шире и шире, а слѣдовательно прежніе его идеалы смѣнялись новыми. За этотъ промежутокъ времени Сѣровъ дважды успѣлъ побывать за границей, лично познакомился съ Рихардомъ Вагнеромъ, съ его музыкальными принципами и со всѣми его повѣйшими произведеніями, до которыхъ въ Петербургѣ не имѣлъ никто ни малѣйшаго понятія. Страстная, увлекающаяся и впечатлительная натура Сѣрова сразу поддавалась вліянію смѣлыхъ, никогда еще въ музыкальномъ творествѣ не встрѣчавшихся тенденцій германскаго новатора. Эти тенденціи въ значительной степени были вложены имъ въ его оперу «Юдифь», лучшее изъ его созданій, не только въ творческомъ смыслѣ по стремленію композитора къ выраженію правды въ музыкѣ, но и по замѣчательно тщательной фактурѣ. Правда, все лучшее здѣсь не вполне самостоятельно и восточный элементъ въ особенности отражаетъ на себѣ вліяніе восточной музыки «Руслана»; къ недостаткамъ оперы относится также и преобладаніе скорбнаго настроенія въ хоровахъ массахъ, играющихъ здѣсь большую роль; наконецъ въ оперѣ только два главныхъ лица — Юдифь и Олофернъ. Тѣмъ не менѣе композиторское дарованіе Сѣрова, крупное, но далеко не гениальное, ни въ одной изъ двухъ послѣдующихъ оперъ не было столь-же оригинальнымъ и не достигало такихъ же чисто музыкальныхъ достоинствъ.

Въ «Рогвѣдѣ», не смотря на привлекательный историческій сюжетъ изъ эпохи полуязы-

ческой Руси, Сѣровъ, пробуя отрѣшиться отъ вагнеровскихъ тенденцій и проявить свою полную самостоятельность, незамѣтно отошелъ къ старымъ округленнымъ формамъ, а въ элементъ народно-бытового впадалъ въ нѣкоторую вульгарность и грубость, на примѣръ, въ характеристикѣ великокняжескаго шута.

Въ третьей своей оперѣ «Вражья сила», Сѣровъ опять находится уже подъ вліяніемъ иныхъ вѣяній. Возстаивая въ своихъ критическихъ статьяхъ противъ реальнаго направленія новой русской школы, на дѣлѣ, то-есть въ творческомъ смыслѣ, онъ показалъ, что находился подъ сильнымъ ея вліяніемъ. Сцены на постояломъ дворѣ у Спиридоновны, да и самая характеристика послѣдней, безъ всякаго сомнѣнія, навѣяны на него сценой въ корчмѣ и фигурой корчмарки въ «Борисѣ Годуновѣ», Мусоргскаго.

Послѣ дѣлаго ряда колебаній относительно выбора сюжета будущей оперы, А. Н. Сѣровымъ перечитано было множество разныхъ польскихъ романовъ; онъ остановился въ 1867 году на выдающейся драмѣ Островскаго «Не такъ живи, какъ хочешь». Этотъ выборъ удивилъ даже самого автора драмы, который только съ трудомъ и послѣ цѣлыхъ возраженій Сѣрова согласился на сотрудничество по составленію либретто. Однако уже сотрудничество его ограничилось лишь тремя первыми актами, тѣмъ болѣе, что пятый актъ получилъ у Сѣрова кровавую развязку. Изъ сценъ всей оперы превосходно удалась Сѣрову великолѣпная народно-бытовая сцена — Масляница, полная жизни, разнообразія и правдиваго реализма. Изъ дѣйствующихъ лицъ наиболѣе яркими и характерными чертами обрисованы у него Спиридоновна, Вася и отчасти Груня. Затѣмъ кузнецъ Еремка, хотя и получилъ у него внѣшній рельефъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ производитъ отталкивающее впечатлѣніе своимъ грубымъ реализмомъ и пѣснями фабричнаго склада, распѣваемыми имъ ввидѣ побасенокъ на задаваемые ему вопросы. Вообще, не смотря на то, что время дѣйствія Сѣровъ, ради «художественной перспективы» отодвинулъ на два столѣтія назадъ, многіе народныя номера оперы, за исключеніемъ отмѣченныхъ, полны самаго современнаго ухарства и вульгарнаго фабричнаго гошпа, что не говоритъ въ пользу художественнаго инстинкта композитора. Музыкальными недостатками оперы являются вообще отсутствіе въ ней широкой мелодической изобрѣтательности и очень слабое развитіе полифоніи; этотъ послѣдній недостатокъ, впрочемъ, всюду присущъ творческой манерѣ Сѣрова и лишаетъ его значенія первограднаго опернаго композитора, такъ какъ симфоническій элементъ всегда составлялъ видное украшеніе всѣхъ лучшихъ оперъ русскихъ композиторовъ. Къ достоинствамъ оперы относятся удачныя моменты народно-бытовыхъ сценъ, а въ техническомъ смыслѣ — ея инструментовка, короткая и довольно живописная, хотя слишкомъ пестрая и грубоватая.

«Вражья сила» поставлена была впервые по кончинѣ Сѣрова 19 апрѣля 1872 года при слѣдующемъ распредѣленіи партій: Груня — Лавровская, Спиридоновна — Леонова, Дарья — Платонова, Еремка — Саріотти, Петръ — Кондратьевъ, Илья — г. Васильевъ, Вася — Булаховъ. Опера сперва не понравилась и выдержала въ первый годъ лишь два представленія, но въ послѣдствіи приобрѣла значительную популярность среди нашей публики.

Дѣлая общую характеристику творческому значенію Сѣрова, можно сказать, что это былъ композиторъ очень даровитый, но лишенный опредѣленной индивидуальной физиономіи, что показываетъ полное различіе стилей въ его трехъ операхъ. Композиторская дѣятельность Сѣрова была односторонняя и ограничивалась оперной сферой, ибо онъ, очевидно, не чувствовалъ въ себѣ способностей къ симфоническимъ формамъ и къ широкимъ оркестровымъ иллюстраціямъ. Вообще, какъ критикъ, благодаря своимъ остроумнымъ и мѣткимъ взглядамъ, а также благодаря огромной начитанности и добросовѣстному изученію музыкальныхъ произведеній и исторіи музыки вообще, Сѣровъ занимаетъ гораздо болѣе высокое положеніе, чѣмъ какъ композиторъ.

II. Веймаръ.

Ищите новые пути!—
 Сталь тѣсень міръ, его оковы
 Неумолимы и суровы,—
 Тдѣ-жъ вѣчнымъ розамъ зацвѣсти!—
 Ищите новые пути!

Мечты исчерпаны до дна,—
 Изяскъ источникъ вдохновенья!
 Но близко, близко возрожденъ,—
 Иная жизнь иного сна!—
 Мечты исчерпаны до дна...

Но есть любовь, но есть сердца...
 Великъ и вѣченъ храмъ искусства,—
 Жрецы невѣдомаго чувства
 Къ нему нисходятъ безъ конца!...
 И есть любовь... и есть сердца!...

Мы не въ пустынь, не одни,—
 Дорогъ невѣдомыхъ есть много,—
 Какъ звѣздъ на небѣ, думъ у Бога,
 Какъ сновъ въ загадочной тѣни!...
 Мы не въ пустынь, не одни!

Н. Фофановъ.

МАТЬ—МАЧИХА.

ПОВѢСТЬ. (Продолженіе).

IV.

Елена Филипповна была дочь богатого помѣщика харьковской губерніи. Мать ея умерла рано, и первыя туманныя воспоминанія ея были странны. Она видѣла себя въ высокихъ комнатахъ, окруженную няньками и дѣвками, или въ оранжереѣ, сидящую высоко на плечѣ стѣла, который прохаживался взадъ и впередъ. Ей вспоминался крикъ отца, бранящаго кого-то, крыльцо, стаи собакъ, люди верхами и звукъ роговъ. Она слышала иногда ночью вскрикиванія и пѣніе отцовскихъ гостей, и, когда она спрашивала, что это такое, испуганная нянька шопотомъ стѣбала ей, «у папеньки пиръ». Потомъ все измѣнилось. Разъ отецъ позвалъ ее въ оранжерею, посадилъ рядомъ съ собой и говорилъ что-то долго. Она ничего не поняла и слѣдила за движеніемъ его губъ и сѣдыхъ усомъ, пожелтѣвшихъ съ табаку. Ей было тогда лѣтъ шесть.

Послѣ этого разговора, Леночку посадили въ экипажъ и увезли. Бѣжалъ съ ней самъ отецъ, но она видѣла его только на станціяхъ, потому что сидѣла съ няньками въ другой каретѣ.

Подростающая Леночка мѣшала отцу, и онъ рѣшилъ отвести ее за рѣицу и помѣстить въ монастырь въ окрестностяхъ Парижа. Въ монастырь св. Себастьяна—или, какъ онъ назывался иначе, «Les Dames Bleues»,—принимали со строгимъ выборомъ, и надо удивляться, какъ Леночка попала въ число счастливыхъ. Отецъ уѣхалъ, и долгіе годы о немъ ничего не было слышно. Изъ пухлаго ребенка Елена Филипповна успѣла превратиться въ худую, даже костлявую, четырнадцатилѣтнюю дѣвочку. Она ходила, наклонившись немного впередъ, съ плотно сжатыми губами; безпокойные, блѣдные глаза были опущены, и въ нихъ мелькало иногда что-то недоброе. Подруги чуждались ея, хотя она осыпала ихъ ласками, старалась быть веселой и привлекательной съ ними. Но въ ея ласковости чувствовалось стремленіе къ какой-то цѣли, и у всякаго къ ней было невольное недоверіе. Училась она хорошо, скоро кончила курсъ и осталась на правахъ старшей. Ей минуло тогда семнадцать лѣтъ, и съ этого года у нея началось увлеченіе католичествомъ. Она окончательно удалась отъ ласкетъ, выпросила позволеніе одѣ-

ваться такъ-же, какъ сестры: длинное голубое платье съ бѣлымъ поясомъ и бѣлымъ чепцомъ, на руки надѣла четки и простаивала ночи на молитвѣ въ своей комнатѣ на голомъ полу. Ея молитвы не были смиренны: она всегда требовала чего-то отъ Бога съ ожесточеніемъ, силой и неистовствомъ, сама не понимая—чего и зная, что не удовлетворилась бы никакой долей. Впрочемъ, она рѣшила остаться на всю жизнь въ монастырѣ. Она хотѣла власти надъ сестрами и настоятельницами, но у нея не было способности къ интригѣ тонкой, обдуманной и терпѣливой: она вся была одинъ порывъ, злая, иногда рѣзкая, безумно упрямая. Ея боялись, ненавидѣли и избѣгали. Замѣчая это, она выходила изъ себя, запиралась и рыдала по ночамъ, забывая даже молиться. Она хотѣла формально перейти въ католичество и постричься, но не могла этого сдѣлать безъ разрѣшенія отца. Ей казалось, что, какъ только она сломастъ свою жизнь и навсегда запретъ себя за этими стѣнами, то сразу перестанетъ желать необъяснимаго и успокоится. Рѣшеніе ея было твердо, и она, дѣйствительно, сдѣлалась немного спокойнѣе, сосредоточившись на исполненіи строгихъ уставовъ. Она находила отраду во власти надъ собой, но часто эта власть измѣняла ей.

Когда ей шелъ двадцатый годъ, за ней неожиданно пріѣхалъ отецъ. Она не узнала его: въ ея воспоминаніи онъ былъ еще бодрый, крѣпкій, а она увидала развалину: желтое лицо со сморщенными вѣками, стертые плечи, лысину. Онъ смотрѣлъ и не вѣрилъ, что эта блѣдная монахиня, съ утомленнымъ и жестокимъ лицомъ, съ опущенными глазами и тихимъ французскимъ говоромъ нараспѣвъ,—его дочь. Она сразу и твердо выразила свое рѣшительное желаніе остаться здѣсь и постричься. Отецъ взглянулъ на нее и понялъ, что спорить бесполезно. Онъ сказалъ, что согласенъ, если она на нѣсколько мѣсяцевъ съѣздитъ съ нимъ въ Россію, устроить кое-какія дѣла, а что потомъ она вернется сюда навсегда. Елена Филипповна должна была покинуть голубое монашеское одѣяніе—ненадолго, какъ она думала,—и пріѣхала въ Москву, гдѣ тогда жилъ отецъ. Въ старомъ отцовскомъ домѣ, на Пречистенкѣ, она устроила себѣ келью,

какъ въ монастырѣ св. Себастьяна. Родственники, гости, пріѣзжавшіе къ нимъ, находили ее миленькой, хотя немного сторонились и не знали въ сущности, что объ ней думать. Черезъ два мѣсяца она говорила по-русски свободно и безъ акцента,—это былъ единственный языкъ, который она знала до семилѣтняго возраста. Отецъ давалъ вечера. Елена Филипповна присутствовала на нихъ, окруженная московской молодежью, которая знала, что это—богатая невѣста... Холодность и презрительное удивленіе, съ какими Елена Филипповна принимала всякія ухаживанія, оттолкнуло отъ нея многихъ. Къ любви она не чувствовала ни малѣйшаго влеченія, ни даже любопытства. Она хотѣла всего, что можетъ дать любовь: власти, поклоненія, силы, могущества, какихъ-то невѣдомыхъ упоеній жестокостью, но она хотѣла это не черезъ любовь—такой путь ей казался недостойнымъ и не пужнымъ. Она съ нетерпѣніемъ ждала времени, когда вернется въ монастырь, но тутъ случилось обстоятельство, неожиданное для всѣхъ, которое перевернуло ея жизнь и сдѣлало изъ мечтательной дѣвушки съ широкими, злыми, безсильными замыслами, съ сухимъ огнемъ въ душѣ—скучающую, злую женщину.

Между ея самыми усердными ухаживателями былъ молодой офицеръ Ингельштетъ, почти мальчишъ, извѣстный по всей Москвѣ своими кутежами и смѣлыми выходками. Это была не настоящая энергія, а какое-то упрямое самодурство, которое по существу даже не вязалось съ его характеромъ.

Онъ увидалъ Елену Филипповну и отнесся къ ней сначала довольно равнодушно; но потомъ, когда стали носиться странные слухи о возможномъ постриженіи этой богатой невѣсты, о ея строгой жизни и полной недоступности, онъ заинтересовался. Какъ-то разъ въ кругу товарищей ему пришла несчастная мысль похвастаться, что эта монахиня, если онъ захочетъ, завтра будетъ его женой. Разговоръ зашелъ далеко, и пылкій Ингельштетъ, побуждаемый общимъ недоверіемъ, далъ торжественно честное слово, что онъ говоритъ не безъ основанія, и что все именно такъ и будетъ. Можетъ быть, избалованному офицеру и дѣйствительно показалось, что Елена Филипповна его отличала; однако, когда онъ сдѣлалъ предложеніе, ему было отказано.

СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА Е. МАРИАНИ.
Гравироваль на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. Адъ.

СРѢТЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

ОРИГІНАЛЬНИЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА Н. ПЯСЕЦКАГО.

Зимнія развлеченія.

наотрѣзъ, все съ тѣмъ-же презрительнымъ удивленіемъ. Но отступать было нельзя. Обречь себя на долгое, упорное ухаживанье Ингельштетъ не могъ,—да и врядъ-ли это къ чему нибудь-бы повело,—и онъ рѣшилъ принять крутыя мѣры, не задумываясь о послѣдствіяхъ. И одинъ разъ, зимнимъ вечеромъ, когда Елена Филипповна вышла прогуляться со своей горничной, — она всегда ходила въ извѣстный часъ, — къ тротуару подскочила тройка, какіе-то люди въ шубахъ схватили Елену Филипповну, при помощи горничной, которая была въ заговорѣ, усадили въ сани и увезли.

Нѣкоторое время о Еленѣ Филипповнѣ ничего не было слышно: она какъ воду канула. Отецъ поднялъ ш. мѣ, началъ дѣло: Ингельштетъ былъ ничтожный офицерикъ безъ связей и состоянія. Потомъ прошелъ слухъ, что Елену Филипповну нашли, что она не желала вѣнчаться съ Ингельштетомъ, а намѣревалась преслѣдовать его судомъ, и возвращается къ отцу.

Тѣ, кто вѣрили, что Ингельштетъ увезъ Елену Филипповну насильно, негодовали и возмущались. Дѣло вспыхнуло и обещало быть интереснымъ. Но вдругъ все оборвалось неожиданно: услышали, что Елена Филипповна сама прекратила все, и въ какой-то годмошской деревнѣ была обвѣнчана съ Ингельштетомъ. Онъ сдержалъ слово, но продолжать службу въ Москвѣ, въ томъ-же полку, послѣ всей исторіи, было невозможно, и онъ переехалъ на Кавказъ, куда и уѣхалъ вмѣстѣ съ женой.

Первое время имъ было тамъ трудно: у Ингельштета ничего кромѣ жалованія не было, а отецъ Елены Филипповны вскорѣ умеръ, оставивъ ей, къ общему удивленію, только разстроенныя дѣла и долги. Но Ингельштетъ пошелъ быстро по службѣ: черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ уже полковникомъ и ожидать еще повышенія. Характеръ его съ женитьбы совсѣмъ измѣнился: онъ сразу и безповоротливо подпалъ подъ власть Елены Филипповны. Отъ прежнихъ самодурствъ не осталось и слѣда. Онъ даже не пытался протестовать противъ малѣйшихъ приказаній жены, которая, въ свою очередь, одержавъ побѣду, почти не замѣтила ея, такъ она была легка. Годы шли. Провинціальная жизнь затягивала Елену Филипповну въ свое болото. Но ей еще предстояли перемѣны. Рожденіе сына вдругъ пробудило въ ней прежній духъ. Этотъ человекъ былъ данъ ей, принадлежалъ ей съ начала до конца. И она принялась за воспитаніе Алешы съ горячностью, окружая его собственной властью, стремясь, чтобы волосъ съ его головы не упалъ безъ ея воли. Такъ прошло около двадцати лѣтъ. Алеша смотрѣлъ на мать, какъ на рокъ, какъ на что-то неумолимое и неизбежное.

V.

— Люба, я васъ просилъ не входить ко мнѣ въ комнату такъ сразу, вѣдь я могу быть не одѣтъ.

Я пришла спросить, Алеша, будемъ мы вечеромъ ту сонату разучивать?

Алешѣ было особенно непріятно появленіе Любы, потому что Вадимъ Петровичъ принесъ ему съ почты письмо отъ Шмита. Мать читала Алешины письма, и Алеша упрямилъ Вадима Петровича письма Шмита брать на почту къ себѣ и передавать ихъ ему тайкомъ. Люба могла увидѣть, что Алеша читаетъ письмо, и, пожалуй, вышла-бы исторія.

Предложеніе разучивать сонату тоже раз-

сердило Алешу: онъ твердо рѣшилъ отправиться къ Задонскимъ, только не зналъ, какъ это сдѣлать—убѣжать трудею, а спроситься у матери—смѣшно: она, все равно, не пуститъ.

Послѣ Калеріи Люба казалась ему черной, толстой, уродливой и старой, и онъ подумалъ съ отвращеніемъ:

— Какъ это я могъ ее цѣловать?

Люба постояла, постояла и сѣла.

Комната Алешы была наверху въ мезонинѣ. Широкое венеціанское окно выходило въ садъ. Стволъ толстаго бука былъ такъ близко отъ окна, что его легко было достать рукой. Вадимъ Петровичъ и Алеша называли этотъ букъ «лѣстницей», потому что перѣдко вечеромъ приходилось соскальзывать по этому стволу внизъ, если хотѣлось прогуляться по саду.

Алеша опять взглянулъ на Любу со злобою и подумалъ:

— Ну, чего она сидитъ?

Люба замѣтила взглядъ, но не поняла его и подумала, что Алеша смотритъ только съ недоверіемъ. Она приняла таинственный видъ и произнесла:

— Зачѣмъ вы, Алеша, это дѣлаете? Это же Вадимъ Петровичъ галъ подбавляетъ. Вѣдь мамаша можетъ узнать...

— Что такое? О чемъ узнать?

— А нашъ поваръ Махметъ видѣлъ васъ, какъ вы съ актрисами гуляли. Нехорошо. Алеша, развѣ это для васъ компанія? Вы подумайте, если мамаша узнаетъ.

— Да что вы съ этой мамашей!—не выдержалъ Алексѣй.—Что она можетъ узнать? Не могу я случайно пройтись, съ кѣмъ хочу. Да и вы, Люба, какое вамъ дѣло меня поучать?

Люба даже ротъ раскрыла отъ такого непривычнаго тона.

— Ну да, нечего на меня смотрѣть!—разгорячась, продолжалъ Алексѣй.—Что вы мнѣ такое? Если я увлекался вами,—онъ произнесъ это съ умысломъ: ему было стыдно,—то это прошло. Мы можемъ остаться друзьями, но почему вы за мной слѣдите, я не понимаю.

Признаніе было такъ-же неожиданно для Алексѣя, какъ и для Любы. Глаза ея мгновенно наполнились слезами; она встала, замала рукой и хотѣла выйти. Алексѣю стало ее жалъ.

— Куда вы?—спросилъ онъ ласково.—Ну что тамъ, я всегда радъ для васъ все.

— Такъ ты меня разлюбилъ!—выговорила Люба, и вдругъ она неожиданно какъ-то изогнулась, съ громомъ упала на стулъ и протяжно и гулко зарыдала. Алексѣй тщетно пытался ее успокоить, предлагалъ ей воды и растерянно суетился. Онъ хотѣлъ запереть дверь на крючокъ, но сообразилъ, что это будетъ хуже. Онъ съ отчаяніемъ ожидалъ, что придутъ, кто былъ внизу, и, точно, на лѣстницѣ послышались шаги. Вошелъ отецъ, потомъ горничная, потомъ мать и даже гостя, — пожилая, болѣзненная женщина, съ двѣнадцатилѣтнею дочерью, розовой дѣвочкой въ гимназическомъ педуникѣ, съ пепельно-блѣдыми голосами, зачесанными гладко, съ добрымъ и кроткимъ личикомъ... Звали ее Викуся. Теперь свѣтло-голубые глаза ея были полны любви ства.

— Что тутъ за крикъ? сказала Елена Филипповна.

— Я... не знаю,—смущенно говорилъ Алексѣй.—Это Люба...

— Люба, что это такое?

Люба громко взвизгнула, потомъ сквозь рыданія проговорила:

— Алеша... меня вонъ... а самъ съ актрисами... гуляетъ...

— Молчи сейчасъ, чтобы этого крика не было! Господа, уйдите всѣ, пожалуйста: дѣвочка разстроилась, ее нужно успокоить.

Всѣ медленно вышли. Люба умолкла и только тихо всхлипывала.

— Чѣмъ ты ее обидѣла? обратилась Елена Филипповна къ трясущемуся въ углу Алешѣ,—какія актрисы?

— Я—ничѣмъ, я, напротивъ, готовъ быть ей другомъ, а актрисъ я не знаю. Я случайно встрѣтился съ одними въ рождѣ, но это—барышня съ гувернанткой.

— А, хорошо. Пойдемъ, Люба,—и она взяла ее за руку. — А ты сиди здѣсь, и — ни шагу. Можешь ложиться спать. Завтра утромъ я тебя отопру.

Она спокойно вышла, заперла дверь, и ключъ громко щелкнулъ.

Обида и возмущеніе были въ душѣ Алексѣя.

— Какъ мальчишку заперла, въ постель уложила, думалъ онъ.—Нѣтъ, правду Шмитъ пишетъ, что это—погибель. Нѣтъ, тутъ мое право—хитрить и обманывать.

Онъ сѣлъ на кровать и задумался.

Когда чуть стемнѣло, подъ окномъ раздался тихій свистъ. Это былъ вѣрный Вадимъ Петровичъ. Алексѣй надѣлъ фуражку, пріотворилъ окно и безъ шума скользнулъ въ темноту по стволу бука.

VI.

3-го іюня, суббота. Бѣлый-Ключъ.

Такая скука! и не скука, а злосъ. Агнеса много разъ заставляла меня писать нѣмецкій дневникъ, но я не писала, а теперь вотъ хочу русскій натать. Такъ и слышу ея голосъ: «Калерія, schreiben Sie Ihr Tagebuch, das ist schön für ein junges Fräulein». А я и по-русски ненавижу и не умѣю писать. Мнѣ учитель въ гимназій за сочиненія два ставилъ. Значить ужъ мнѣ тошно и одиноко, если я писать принялась. Почему они меня не учатъ? Можетъ, у меня призваніе; я хочу быть артисткой, какъ мама; вѣдь у меня есть голосъ. Что за чудо! Быть свободной, ѣхать, куда хочешь, бриллианты, туалеты, поклонники. Самой влюбляться — это глупо, надо, чтобы въ тебя влюблялись. Я это лучше мамы понимаю. Нахожу, что часто она поступаетъ какъ маленькій ребенокъ. О, я буду не такая, и полно тогда огорчаться разными исторіями съ глупыми гимназистами, да съ ихъ пріятелями! Этотъ пріятель Алешинъ, Шмитъ, — который еще недавно пріѣхалъ, — меня возмущаетъ. Что это за пренебрежительныя манеры? И даже не пренебрежительныя, а какія-то ласково-покровительственныя; самому-то едва можно дать двадцать шесть лѣтъ, и вовсе не красивъ: худой, высокій, ноги, какъ жерди (хотя онъ, должно быть, танцуетъ хорошо: у него какая-то гибкость) и лицо длинное и весь блѣлокурый, блѣлокурый, просто, какъ лень. Хорошо еще, что не прямые волосы, а курчавые: немножко борода тоже курчавая, а глаза, по моему, злые; не то, что злые, а—неумолимые; и вѣтъ странно, что вмѣстѣ съ этой неумолимостью есть въ нихъ и ласка. Но какъ онъ себя со мной держитъ! Этого нельзя позволить. Подумаешь, князь какой-нибудь богатый, а просто себѣ—студентъ окончившій, посланный сюда для какихъ-то тамъ изслѣдованій, Осенью онъ возвращается въ Москву;

тамъ, говорить, дадутъ ему мѣсто. Не завидное, я думаю, мѣсто! Но что-же это я все о Шмитѣ? У меня вѣдь главная возня съ Алешей. Смѣшной мальчикъ, хотя какой-то странный: упрямъ до-нельзя, но и безхарактеренъ. Какъ онъ позволяетъ своей матери такъ съ нимъ обращаться. Мать, какъ мнѣ кажется, очень странная: не то эгоистка, не то полоумная. Но онъ такъ въ ея рукахъ, что тутъ и Шмитъ ничего не сдѣлаетъ.

Алеша въ меня влюбленъ, я это вижу. Онъ мнѣ нравится. Иногда приходитъ въ мысль, не попытаться-ли посредствомъ любви вырвать его изъ рукъ этой вѣдьмы. Я много разъ хотѣла притвориться влюбленной въ Алешу, но тутъ былъ Шмитъ и онъ мѣшалъ: мнѣ казалось, что онъ непременно догадается. Но все-таки я попробую, это не трудно, развѣ онъ мнѣ уже нравится.

Мама все со своимъ графомъ, я все съ Агнесой — хорошо, что она влюбилась въ этого шута, Вадима Петровича, и не надоѣдаетъ мнѣ. Онъ учится у нея по-нѣмецки, а она вздыхаетъ и глядитъ съ томностью, — а мнѣ тревожно и скучно. Ну, чего-бы я хотѣла? Во-первыхъ, чтобы Шмитъ уѣхалъ: онъ совсѣмъ не у мѣста; во-вторыхъ, чтобы Алеша не былъ такимъ киселемъ, влюбился въ меня, какъ слѣдуетъ, и оставилъ-бы съ собою мамашу; вѣдь я могла-бы тогда его убѣдить поступить въ университетъ, спасла бы его; посмотримъ, что сказалъ бы на это Шмитъ. А въ концѣ я бы хотѣла уѣхать куда-нибудь далеко, забыть все мои теперешнія мысли и сдѣлаться артисткой, пѣть, слушать аплодисменты... и никого не любить ни о комъ не думать, потому-что это мучительно, невыносимо, гадко...

Калерія писала дневникъ въ саду въ бесѣдкѣ, откуда была видна дорога. Написавъ последнее слово, она оглянулась и вдругъ увидала подходившаго къ забору Алешу. Онъ былъ одинъ. Калерія вскочила и побѣжала навстрѣчу.

— А гдѣ-же вашъ другъ? Вы одни? Ну, это отлично. Хотите, пойдемте гулять? такъ сейчасъ, сразу: я вотъ въ этомъ чепцѣ — она называла чепцомъ большую изогнутую шляпу, закрывавшую ей уши, — даже безъ зонтика. Только скорѣе, а то увидитъ Агнеса.

Она отворила калитку и, схвативъ подъ руку оробѣлаго Алексѣя, чуть не бѣгомъ пустилась съ нимъ къ рощѣ. Всю дорогу они молчали и только въ рощѣ, на горѣ, усѣвшись на свѣтлый мохъ, озаренный предзакатными лучами, они перевали дыханіе, взглянули другъ на друга и улыбнулись.

— Опасность на время избѣгнута! — воскликнула Калерія, развязывая ленту шляпы. — Да что съ вами? прибавила она, глядя на лицо Алексѣя, — я и не замѣтила, а вы какой-то разстроенный. Что-нибудь случилось?

— Не случилось, а... Я вамъ все скажу Калерія, вѣдь вы — мой другъ, да? У меня большія неприятности. Вы меня поймете. Моя мать, знаете, странная женщина, и, вообще, жизнь моя странная. Я вполне понимаю, что ей, конечно, трудно со мной разстаться, но она, видите-ли, хочетъ, чтобы я въ здѣшнее юнкерское училище поступилъ и былъ офицеромъ, а я рѣшительно не хочу быть офицеромъ: у меня давно склонность къ естественнымъ наукамъ, я и мечталъ, что поѣду въ университетъ, а тутъ вдругъ эта исторія. Но знаете, противъ матери идти трудно, такъ я ужъ рѣшилъ было рукой махнуть; конечно, и Шмитъ меня поддерживалъ силь-

но, но, откровенно говорю, я не могъ дольше боро-ся. Если бы вы знали мою мать, вы бы лучше поняли. Потомъ вдругъ вы пріѣхали... И еще другія у меня въ домѣ неприятности, — прибавилъ онъ, перебивая самого себя.

— Ну, я пріѣхала, что-же дальше? — съ любопытствомъ спросила Калерія.

— Вы тоже мнѣ не совѣтуете и не хотите... И не намѣренъ я здѣсь киснуть въ юнкерскомъ; вы убѣдете, а я все здѣсь, и служить потомъ здѣсь-же... Развѣ это жизнь?

— Конечно, это невозможно. Вы должны быть твердымъ и настоять. Я не хочу, чтобы мой другъ былъ солдатъ. Я отрекусь отъ васъ, если вы пойдете въ юнкерское.

«Не слишкомъ-ли я круто повернула?» подумала она, — «какъ будто и неестественно».

— Вы отъ меня отречетесь? — растерянно повторилъ Алексѣй. — Послушайте, Калерія, да какъ же это? Знаете, я вотъ за эти три недѣли, что знакомъ съ вами, совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ. Я васъ люблю, Калерія, я васъ люблю всѣми силами души! Я живу только вами! — гозорилъ онъ, безсознательно повторяя фразы, вычитанныя имъ изъ романа, и часть которыхъ онъ уже повторялъ Любѣ. — Скажите, Калерія, вы не сердитесь? Калерія, если вы меня не любите, — я умру; правда, въ самомъ дѣлѣ умру, — все равно моя жизнь проклятая.

Онъ произнесъ это неожиданное заключеніе съ такой горечью и правдивостью, что Калерія невольно обернулась и протянула къ нему руки.

— Нѣтъ, что за вздоръ, — сказала она. — Не говорите такъ. Я тоже васъ люблю.

Алеша съ несвойственной ему рѣшимостью и смѣлостью вдругъ обнялъ ее и прижалъ къ себѣ. Она хотѣла вырваться, но потомъ разсудила, что — все равно. Надо было не испортить начатое, къ тому-же Алеша ей нравился, и она подумала даже на секунду, точно-ли она притворяется.

Тонкое, пронзительное аukanье заставило ихъ вздрогнуть и отодвинуться другъ отъ друга.

— Это Вадимъ Петровичъ и Шмитъ, — сказалъ Алеша почти шопотомъ. — Пойдемте дальше, въ глубину лѣса, тамъ мы будемъ одни.

— Нѣтъ, зачѣмъ убѣгать, — возразила Калерія, поднимая упавшую шляпу. — Ее, очевидно, несколько не плѣняла мысль уединенія съ Алешей.

— Чтожъ дѣлать, они насъ ищутъ?

И она звонко и ясно крикнула въ отвѣтъ. На поворотѣ дорожки скоро показалась высокая фигура молодого человѣка въ свѣтлой одеждѣ. Онъ былъ такъ тонокъ и худъ, что казался еще выше. На бѣлокурыхъ волосахъ была такая-же свѣтлая шляпа. За нимъ шелъ Вадимъ Петровичъ въ своемъ неизмѣнномъ шарфѣ.

— Здравствуйте, Калерія Александровна, — произнесъ Шмитъ, протягивая руку. — Признаюсь, это было для меня неожиданностью, — вашъ тайный побѣгъ съ симъ молодымъ человѣкомъ. Приходимъ на мѣсто вашего жительства и узнаемъ во-первыхъ, что вы исчезли безслѣдно, а во-вторыхъ, что достойная воспитательница ваша, обуреваемая ужасомъ, ринулась искать васъ, неизвестно куда. Она можетъ пропасть, и, если счастливая звѣзда не приведетъ ее на ваши слѣды, она способна въ минуту отчаянія броситься со скалы и такимъ образомъ окончить дни свои...

Калерія смѣялась.

— Ничего, я знаю, гдѣ она меня ищетъ, дальше оврага она не пойдетъ: ей почему-то представляется, что я люблю берега рѣки; когда мнѣ наскучитъ гулять, я отправлюсь туда и найду ее — въ отчаяніи, правда, но здоровой и невредимой. Да лучше бы вы пошли къ ней, Вадимъ Петровичъ, обратилась она къ музыканту, — только не говорите, что я здѣсь: мнѣ воля дорогъ.

— Я и такъ думалъ, — сказалъ Вадимъ Петровичъ, противъ обыкновенія, тихо и невесело, — да я за Алешей: Алешѣ домой нужно.

Радостный и взволнованный Алексѣй только теперь взглянулъ на лицо Вадима Петровича и невольно поблѣднѣлъ: онъ понималъ, что опять что-нибудь случилось.

— За мной? Чтожъ, надо идти.

— Идите, идите, разсѣянно проговорила Калерія, — со мной Никаноръ Ильичъ останется.

Шмитъ съ преувеличенной алантностью свернулъ руку калачикомъ и, подавая ее Калеріи, сказалъ:

— Останусь, останусь и въ полной сохранности возвращу васъ на лоно вашей воспитательницы. Иди, братъ Алеша, — прибавилъ онъ съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ ироніи, — торопись, не то опоздаешь.

— Пройдетесь еще немного, — сказала Калерія, когда Вадимъ Петровичъ и Алексѣй ушли.

— Съ удовольствіемъ, милая барышня, я вамъ кое-что поразскажу о моихъ знакомыхъ. Они пошли въ глубь рощи. Наступалъ вечеръ. Небо между верхушками сосенъ было блѣдное, высокое, легкое. Калерія невольно подняла къ нему глаза.

— Смотрите, какъ хорошо, — сказала она.

— Что хорошо? Небо? Да, славное, чистое небо, хорошая погода будетъ, и еслибъ такое небо въ деревнѣ, во время покоса, мужикъ-бы радовался: сѣно не смочить.

Калерія взглянула на него съ удивленіемъ, но ничего не отвѣтила.

— Вижу, вы къ поэзіи склонны, милая барышня, — сказалъ Шмитъ, — это ничего, это хорошо: всякой ягодѣ — свое время, — въ третьемъ классѣ гимназіи, повѣрите-ли, и я стихи писалъ. Да, что стихи — скринку купилъ, въ артисты чуть не записался. Вотъ какъ люди растутъ, да мѣняются.

— А вы любите музыку? — вдругъ оживившись, спросила Калерія.

— Некогда этимъ заниматься, да и думать объ этомъ некогда, Калерія Александровна: намъ жизнь для работы дана, а не для того, чтобы пѣсенки наигрывать. Я вамъ напрямикъ скажу: если вы разсчитываете со мной салонные разговоры вести объ музыкахъ, да разныхъ тамъ искусствахъ, — такъ чтожъ, это можно, только въ свободное время, по холодку, — я и не о такихъ пустякахъ говорить могу, но только сдается мнѣ, что человѣкъ вы хороший, дѣльный, а такъ это на васъ только напущено, вы можете созвѣмъ въ этихъ музыкахъ да поэзіяхъ погнѣнуть, а мнѣ всякаго гибнущаго человѣка отъ души жаль. Вотъ, на примѣръ, Алексѣй, — ну, тотъ ужъ прямо отъ нелѣпости, отъ полного абсурда погибаетъ. Съ задатками мальчикъ, со способностями, кто знаетъ, что изъ него-бы вышло, и вдругъ — мать такая, а у него, какъ на грѣхъ, и душа-то кисельная. Его нужно укрѣплять, утверждать, а не поэзіями разслаблять, какъ вы дѣлаете, Калерія Александровна, — прибавилъ онъ, вдругъ строго взглянувъ на нее.

Калерія густо покраснѣла, опустила го-

лову и не думала отпираться. Она только пробормотала, по-дѣтски смущаясь:

— Я хотѣла то-же, что вы. Повліять на него. Чтобы онъ противъ матери. И пошелъ бы въ университетъ.

— Вотъ то-то и есть,—наставительно сказалъ Шмитъ,—вамъ все-бы вліять, а будетъ ли польза или вредъ челоѣку—это вамъ все равно. Алексѣю отъ этого будетъ вдвое хуже, а вамъ онъ не нравится, такъ что и для васъ корысти не много.

— Нѣтъ, онъ мнѣ нравится,—пыталась возразить Калерія, но Шмитъ перебилъ ее, и она умолкла.

Шмитъ производилъ на нее странное впечатлѣніе: силы, смѣлости, противорѣчія ея собственнымъ мыслямъ, но и какой-то привлекательности. Она выросла въ кругу актеровъ и актрисъ, гдѣ всѣ, — притворно или искренно, — восхваляли искусство, поклонялись искусству. Между ними были и настоящіе музыканты, и музыка, помимо всѣхъ веселыхъ пѣсенокъ, которыя Калерія переняла отъ матери, помимо всѣхъ мечтаній о блескѣ и радостяхъ артистической карьеры, привлекала Калерію чѣмъ-то внутреннимъ, необъяснимымъ, но неотразимымъ. Теперь Шмитъ говорилъ ей, что все—вздоръ. Онъ посягнуть на самое заветное въ ея душѣ и смѣлость его и пугала, и удивляла ее, но не отталкивала. Она слушала его, какъ ребенокъ, и чѣмъ больше онъ ей нравился, тѣмъ болѣе она вѣрила въ его слова.

А Шмитъ былъ по своему краснорѣчивъ. Бывало, среди товарищей въ университетѣ онъ первый вскакивалъ на столъ и произносилъ рѣчи. Увлекаясь, онъ и съ Калеріей говорилъ такъ, какъ съ товарищами. Слова его были просты, опредѣленны, грубоваты, мечтанія не широки, но увѣренны, и въ голосѣ звучала такая искренность, былъ такой огонь, что нельзя было не сочувствовать ему. Калерія не отдѣляла его словъ отъ него самого, воспринимала все цѣликомъ, изумлялась и вѣрила ему.

Они не замѣтили, какъ закатилось солнце и стало темнѣть.

— Однако, пойдемте, — прервалъ вдругъ самъ себя Шмитъ,—ужъ поздно, васъ серьезно ждутъ.

Шмитъ видѣлъ, какое впечатлѣніе онъ производилъ на Калерію, и былъ радъ. Она казалась ему и красивой и, главное, толко-

вой дѣвушкой, со способностями, испорченной немного воспитаніемъ,—но кто-же воспитанъ нормально,—а съ дѣльнымъ руководителемъ изъ нея могло-бы выйти кое-что.

Такъ думалъ Шмитъ, когда они молча спустились внизъ въ потемнѣвшемъ воздухѣ. Вадимъ Петровичъ, должно-быть, увелъ Агнесу домой, потому что ея тутъ не было, да Калерія не думала ни объ Агнесѣ, ни объ ея тревогѣ. Медленно дошли они до калитки

собою сколько угодно кружевъ и не платять за нихъ пошлины; но если имъ необходимо ѣхать домой черезъ Францію, тогда съ нихъ берутъ за брюссельское кружево пошлину на пограничной французской таможнѣ. Пошлина довольно значительна.

Не смотря на это непріятное обстоятельство, англичанки все-таки предпочитаютъ путь въ Англію черезъ Францію, потому что переездъ на пароходѣ изъ Калѣ въ Дувръ гораздо

короче, нежели прямо изъ Остендѣ. Извѣстно каждому, что морская болѣзнь, къ которой мужчины обыкновенно относятся со столь непонятнымъ безразличіемъ, представляетъ собою многія неудобства для благосклонной леди. Черезъ Дувръ рѣшили ѣхать и мои героини, которыхъ имѣю удовольствіе вамъ представить.

Миссъ Уилли — двѣ очаровательныя, среднихъ лѣтъ дамы, чрезвычайно любящія путешествія, костюмы, кружева и флотскихъ лейтенантовъ. Обѣ миссъ только-что сдѣлали поѣздку по Германіи, спустились внизъ по Рейну и провели пріятную недѣлю въ Брюсселѣ. Изъ всѣхъ достопримѣчательностей, въ родѣ Музея Виртца, поля Ватерлоо и тому подобныхъ, самымъ привлекательнымъ пунктомъ оказалась галерея St. Hubert съ ея витринами, полными кружевъ. Миссъ Милисса не могла устоять противъ чуднаго блага кружева; миссъ Аннора не могла устоять противъ чернаго. Каждая изъ нихъ купила себѣ то, что ей нравилось, обольщаемая змѣемъ въ образѣ изящной продавщицы; миссъ Уилли приобрѣ-

ли себѣ кружевъ фишу, кружевъ collarettes, кружевъ на метръ. Каждый день онѣ прибавляли что-нибудь къ своему запасу.

Наконецъ, оказалось необходимымъ ѣхать домой и проѣзжать черезъ эту ужасную Францію, съ ея покровительственными пошлинами. Тогда онѣ рѣшили обсудить свое положеніе: какъ быть съ кружевами?

— Мы не можемъ по совѣсти сказать, что у насъ нечего предъявлять къ досмотру. Кружева подлежатъ оплатѣ пошлиной, сказала миссъ Мелисса.

— Но намъ нельзя рисковать запаковать ихъ, возразила миссъ Аннора.—Эти господа могутъ рыться въ нашемъ багажѣ, если это имъ понравится...

— Какъ-же мы проведемъ кружево? тоскливо спросила миссъ Мелисса.

ПО ПОВОДУ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ ОПЕРЫ А. Н. СѢРОВА «ВРАЖЬЯ СИЛА».

1) Д. М. Леонова въ роли С придоновныи 2) Саріотти въ роли Еремки.
(Изъ оперы «Вражья сила», А. Н. Сѣрова).

3. Гиппизъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ТОЛСТЯКЪ.

Рассказъ В. Гаррисона.

Въ Брюсселѣ огромное количество изящныхъ кружевъ выставлено въ витринахъ на соблазнъ прохожихъ. Англійскія леди восхищаются кружевами и покупаютъ ихъ. Если онѣ ѣдутъ къ себѣ домой въ Англію привычнымъ путемъ изъ Бельгіи, то берутъ съ

собою сколько угодно кружевъ и не платять за нихъ пошлины; но если имъ необходимо ѣхать домой черезъ Францію, тогда съ нихъ берутъ за брюссельское кружево пошлину на пограничной французской таможнѣ. Пошлина довольно значительна.

«Широкая масляница». Рисоваль художникъ К. Свищевскій.

— Мы должны его провезти! былъ настоя-
чивый отвѣтъ старшей сестры, которая затѣмъ
на минутку задумалась.

— Яшла! воскликнула она съ торже-
ствующимъ видомъ. — Мы будемъ имѣть право
провезти кружево... Оно будетъ нашито на
нашихъ костюмахъ, а за вещи, находящіяся
въ употребленіи, пошлина не берется.

— Это правда, согласилась Мелисса. — Но
какъ-же будемъ мы носить наше новое кру-
жево въ дорогѣ? Бѣлое залацкается, а черное
изомнется во время пути... Да, къ тому-же,
кружево, нашитое на дорожныхъ платьяхъ и
пакидкахъ, должно показаться подозритель-
нымъ для таможенныхъ чиновниковъ.

— Оно будетъ выглядѣть довольно нату-
рально на нашихъ шляпкахъ, догадалась Ан-
нора.

И сестры принялись за работу. Въ какихъ
либѣ полчаса онѣ превратили свои дорож-
ныя шляпки въ удивительныя произведенія
кружевного искусства. Черное кружево было
перехлещено съ бѣлымъ, фишу съ оборкой—
самымъ живописнымъ образомъ, и хотя шляп-
ки стали выглядывать немного утрированно,
ва то все кружево было помѣщено въ безо-
пасности; таково было, по крайней мѣрѣ,
убѣжденіе обѣихъ миссъ, которыя единоглас-
но рѣшили, что мужскіе глаза таможенныхъ
чиновниковъ не замѣтятъ въ ихъ шляпкахъ
ничего особеннаго. Эта остроумная выдумка
дала обильную пищу веселости сестеръ, и онѣ
сѣли въ вагонъ въ самомъ игривомъ настро-
еніи. Ихъ совѣсь была чиста; онѣ въ правѣ
сказать теперь: «rien à déclarer»...

Въ отдѣленіи вагона, гдѣ онѣ помѣстились,
находились, кромѣ нихъ, только одинъ пасса-
жиръ, толстый господинъ съ добродушнымъ
видомъ. Сестры заключили по его толщинѣ и
одутловатости, а также по его улыбающейся
физиономіи, что это—нѣмецъ средняго класса.

Всѣ нѣмцы, которые говорятъ по англійски,
обыкновенно, очень общительны съ своими
спутниками-англичанами. Такъ какъ этотъ
нѣмецъ не заговаривалъ съ обѣими миссъ, то
онѣ сейчасъ-же и рѣшили, что онъ ни звука
не понимаетъ по англійски; на этомъ основаніи
онѣ болтали при немъ вполнѣ свободно.

— Я думаю, сказала Мелисса, — что моя
шляпка выйдетъ недурно? Не бьетъ-ли она
въ глаза своимъ черзчуръ пышнымъ ви-
домъ, Аннора?

— О, конечно! отвѣчала, смѣясь, Аннора. —
Правда, что для особы съ хорошимъ вкусомъ
твоя шляпка покажется аляповатой, но для
этого случая тебѣ притворительно имѣть дурной
вкусъ. Ну, а какъ ты находишь мою?

— О, она сдѣлана артистически: этюдъ
чернымъ и бѣлымъ, какъ говорятъ художники.

Обѣ леди громко хохотали въ предвкуше-
ніи будущаго триумфа надъ бдительностью
французской таможни. Нѣмецъ дѣлалъ забав-
ное и глупое лицо, которое дѣлаютъ всѣ не-
понимающіе языкъ, но желающіе показать,
что немощно понимаютъ.

Наконецъ, поѣздъ подошелъ къ границѣ.
Станція Бланденъ, таможня!.. Обѣ миссъ вы-
прыгнули весьма граціозно изъ дверцы ва-
гона; онѣ сами несли свой небольшой ручной
багажъ и спокойно ждали приближенія тамо-
женныхъ чиновниковъ.

Тяжело выбрався изъ вагона и толстый нѣ-
мецъ и сейчасъ-же подошелъ къ одному изъ
старшихъ таможенныхъ служащихъ; онъ что-
то сказалъ ему, продолжая по прежнему глупо
улыбаться.

— Rien à déclarer! — сказали въ одинъ го-
лосъ обѣ миссъ, когда пришла ихъ очередь.

— Одеколонъ, кружева, табакъ, спиртные
напитки... бѣгло говорилъ таможенный чи-
новникъ.

— Rien, rien, твердо отвѣчали миссъ Уилли.
Чиновникъ не настаивалъ больше, и обѣ
леди почувствовали себя на вершѣ блаженства.
Онѣ только что хотѣли присѣсть на ближай-
шую скамью, въ ожиданіи желаннаго при-
зыва: «En voiture, s'il vous plaît!», какъ вдругъ
къ нимъ подошелъ тотъ самый таможенный
чиновникъ, съ которымъ передъ этимъ гово-
рилъ толстый нѣмецъ.

— Кажется, леди—большія охотницы до
кружевъ? — спросилъ чиновникъ по-англійски
нашихъ миссъ.

У бѣдняжекъ упало сердце.

— Да, промѣтала Аннора.

— Немного... еле слышно прибавила Ме-
лисса.

— Извините меня, продолжалъ безжалост-
ный чиновникъ: — но мнѣ кажется, что ваши
шляпы могли-бы имѣть на себѣ не столь боль-
шое количество кружевъ. Будьте любезны,
покажите мнѣ ваши шляпы.

Миссъ Уилли чувствовали себя погибшими.

— Но мы носимъ это кружево! — отчаянно
пискнула миссъ Аннора.

Миссъ Мелисса отъ ужаса не могла про-
молвить ни слова.

— Mesdames, сказалъ чиновникъ чрезвы-
чайно любезно: — я удивляюсь вашему остро-
умію, но такое количество кружевъ не можетъ
быть пропущено безъ оплаты пошлиной, даже
на вашихъ шляпкахъ. Три, четыре, пять,
шесть... двѣнадцать метровъ!.. считалъ онъ,
прикидывая на глазъ несчастныя кружева.
Фишу, оборка и тому подобное... Столько-то
франковъ пошлины, или я конфискую кружево.

— En voiture, s'il vous plaît! — слышалось
у вагоновъ.

Сумма, требуемая чиновникомъ, была такого
размѣра, что съ прибавкою покупной цѣны
кружевъ, эти послѣднія обходились теперь
бѣднымъ миссъ гораздо дороже, нежели онѣ
когда-либо ихъ покупали въ Англіи. Въ от-
чаяніи онѣ сорвали свои шляпки, вытащили
изъ нихъ безчисленное количество булавокъ,
и цѣлый ворохъ фишу, оборокъ и прочаго
перешелъ въ руки таможеннаго чиновника.
Что касается до самихъ леди, то бѣдняжки
едва имѣли силы добѣжать до вагона и упали
на свои мѣста, задыхаясь отъ волненія и
обиды. Онѣ чувствовали себя вполнѣ несчаст-
ными. Еще-бы! Удавшийся обманъ это—одна
вещь; но неудавшійся обманъ это—совсѣмъ
другая вещь, которая причиняетъ иногда
убытокъ и всегда острые уколы совѣсти и
самолюбія.

— Ужасно! вскрикнула, наконецъ, миссъ
Мелисса, когда поѣздъ тронулся. — Что она съ
подумала тамъ?!

— Это все надѣлалъ нѣмецъ, сказала
Аннора. — Онъ понимаетъ по-англійски; онъ
слышалъ, что мы говорили; онъ выдалъ насъ
чиновнику. О, мужчина можетъ улыбаться и
улыбаться и все-таки быть негодяемъ!..

И онѣ долго сѣтовали на свое несчастіе.
При первой-же остановкѣ поѣзда дверь ихъ
купѣ открылась и къ нимъ снова влѣзъ него-
дай, со своею улыбкою. Обѣ леди замкнулись
въ ледяномъ молчаніи; онѣ заговорили:

— Леди, началъ толстякъ на чистѣйшемъ
лондонскомъ нарѣчій: — мнѣ очень досадно, что
я навлекъ на васъ неприятность; но я считалъ
своимъ долгомъ выдать васъ таможнѣ. Вы не-
винно рассказали мнѣ о своей ловкѣ. Изъ
уваженія къ нашей великой странѣ, по имя
англійской честности, — я обязанъ былъ при-

влечь вниманіе таможни на ваши шляпки.
Можете вы простить меня?

— Нѣтъ! — воскликнула Аннора.

Но Мелисса подумала, глядя на нѣмца, что,
не смотря на его скверный поступокъ, есть
что-то чрезвычайно милое въ его улыбкѣ.

— Я настаиваю на вашемъ прощеніи, лэ-
ди, продолжалъ онъ внушительно. — Даже болѣе,
я умоляю васъ оказать мнѣ одну милость.

— Сэръ?.. — воскликнула Аннора въ недо-
умѣніи.

— Миссъ Уилли, — продолжало это презрѣн-
ное существо, которое уже успѣло прочитать
ихъ имена на багажѣ. — Миссъ Уилли, вы ока-
жете мнѣ большую милость, если позволите
узнать вашъ адресъ.

Аннора выпрямилась, Мелисса покраснѣла.
Что могла означать эта странная просьба? —
подумали онѣ обѣ. Можетъ быть, онъ усты-
дился гнусной роли, которую сыгралъ отно-
сительно ихъ; можетъ быть, онъ намѣренъ
извиниться и оправдаться передъ ними пись-
менно. Или-же мужество, съ которымъ онѣ
перенесли свою неудачу, тронуло его; нако-
нецъ, онъ могъ быть просто очарованъ одною
изъ нихъ, такъ что, натурально, желалъ встрѣ-
титься съ ними впослѣдствіи, имѣя въ виду...

На этой точкѣ ихъ предположенія скромно
обрывались.

Аннора поглядѣла на Мелиссу, и Мелисса
поглядѣла на Аннору. Тогда старшая сестра
проговорила:

— Мы живемъ на Edwin Square, 113 S. W.
Нѣмецъ записалъ адресъ въ свою книжку.
Мелисса едва не спросила у него его имя, —
какъ вдругъ онъ сказалъ отрывистымъ тономъ:

— Вы скоро будете имѣть свѣдѣнія о мнѣ.

Затѣмъ, сдѣлавъ два-три замѣчанія по по-
воду мѣстности, среди которой они проѣзжа-
ли, онъ зарылся въ свою газету и болѣе не
промолвилъ ни слова. На слѣдующей оста-
новкѣ онъ всталъ, сказалъ коротко:

— До свиданія, лэди!

И вышелъ изъ вагона. Такъ миссъ Уилли
болѣе и не увидѣли его въ теченіе всего
остального пути.

Миссъ Мелисса чувствовала, что она очень
взволнована. Вообще, должно замѣтить, что
она была характера весьма романтическаго;
въ данномъ-же случаѣ ей казалось, что она
имѣетъ особыя причины краснѣть и вздыхать.
Этотъ странный господинъ съ его симпатич-
ной улыбкой заинтересовалъ ее до послѣдней
степени, и она могла допустить лишь одну
цѣль въ его желаніи знать ихъ адресъ. Она
все-таки порѣшила, что онъ нѣмецъ, но только
говорящій по англійски удивительно хорошо.
Видно было также сразу, что онъ не джентль-
менъ; поэтому она уже заранѣе приготовля-
лась отказать ему, когда онъ попроситъ ея
руки, что, несомнѣнно, должно скоро слу-
читься.

По прибытіи домой, миссъ Уилли озаботи-
лись, конечно, приведеніемъ въ порядокъ сво-
его хозяйства, чисткой, выбиваніемъ пыли и
тому подобными полезными занятіями. Два
дня прошло незамѣтно. На третій день была
получена съ почты посылка и при ней письмо.

Въ то время, пока Аннора вскрывала тща-
тельно увязанный и запечатанный пакетъ,
Мелисса читала письмо. Оно было слѣдую-
щаго содержанія:

«Mesdames!

«Я чувствую себя весьма обязаннымъ Вамъ
со времени случая на таможнѣ. Я человѣкъ
очень тощій на самомъ дѣлѣ, и если я пока-
зался Вамъ толстымъ, такъ это только потому,
что на мнѣ было намотаго нѣсколько сотъ

ярдовъ брюссельскихъ кружевъ. Мнѣ необходимо было отвлечь отъ себя вниманіе таможенныхъ чиновниковъ, и я не могъ найти ничего болѣе подходящаго къ обстоятельствамъ, какъ натравить чиновниковъ на Ваши шляпки. Вы видите, что я дѣйствительно такимъ образомъ только для самозащиты. Но будучи при-

чиной потери Вашихъ кружевъ, я считаю себя обязаннымъ вознаградить Васъ за это; поэтому позволяю себѣ послать Вамъ кружевъ болѣе топкихъ, нежели тѣ, которые Вы потеряли.

Остаюсь, съ глубочайшимъ уваженіемъ,
Вашъ Подозрительный Толстякъ.

Миссъ Аннора вступилъ во владѣніе дюжиной ярдовъ чудной черной оборки, а Мелисса получила тончайшее бѣлое кружево и отбѣланный кружевной каймой носовой платокъ. Все это оказалось до того мило, что онѣ обѣ вполне простили вѣрному его предательство и его толщину.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МОРЯКА.

Романъ ЛУИ БЕКЕ.

«Сегодня утромъ, вблизи Джилькикера, часовой замѣтилъ на небольшой песчаной полосѣ, на половину покрытой водой, предметъ, который ему показался похожимъ на будку. Дежурный офицеръ послалъ лодку съ сержантомъ и двумя рядовыми изслѣдовать, что это такое, лодка скоро вернулась и привезла рядового морской службы Дю и его часовую будку. Рядовой Дю находится въ полусознаніи. Онъ не въ состояніи дать какое-нибудь толковое объясненіе, какъ онъ попалъ на эту песчаную полосу. Онъ находится въ крѣпости и подъ наблюденіемъ доктора».

Этотъ рапортъ былъ подписанъ командующимъ офицеромъ въ крѣпости.

Коротко, мошенникъ контрабандистъ ополъ меня и только когда докторъ привелъ меня въ чувство, я узналъ, что случилось.

Меня затѣмъ отправили въ военную тюрьму, гдѣ я провелъ двое сутокъ, мучимый стыдомъ и сдѣлавъ предметомъ любопытства для арестантовъ и караульныхъ.

Страхъ, что меня могутъ наказать кошками и даже разстрѣлять за то, что я ушелъ съ караула, насмѣшки товарищей сдѣлали эти дни вѣчно для меня памятными и научили меня серьезнѣе относиться къ обязанностямъ, взятымъ на себя. И хотя рѣдко кому удается такъ счастливо отбѣлаться, какъ мнѣ, но ужасъ, испытанный въ эти два дня, преслѣдовало меня всю мою службу.

Черезъ нѣсколько дней за мной прислалъ полковникъ, командующій Портсмутскимъ Морскимъ дивизиономъ; меня повели подъ карауломъ. Полковникъ сидѣлъ за столомъ съ тремя или четырьмя офицерами, и въ томъ числѣ, къ великой своей радости, я замѣтилъ лейтенанта Ферфакса. Я былъ увѣренъ, что въ немъ я найду защитника.

Я остановился и сдѣлалъ честь, лейтенантъ мнѣ ободрительно улыбнулся.

— Нечего такъ бояться и трусить, — сказалъ полковникъ. — Разскажи намъ всю правду, все, что ты знаешь объ этомъ дѣлѣ, и я постараюсь сдѣлать для тебя, что могу. Твой командиръ говоритъ, что изъ тебя можетъ хорошій солдатъ выйти, и лейтенантъ Ферфаксъ тоже на твоей сторонѣ. Я вовсе не расположенъ наказывать людей, которые по неопытности попадаютъ въ бѣду, и если ты приведешь мнѣ дѣльную причину, которая заставила тебя уйти съ поста, отправиться въ плаваніе въ твоей будкѣ и стать на часы на песчаной пустой полосѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ твоего прежняго поста, я прощу тебя. — Я замѣтилъ, что старшій полковникъ и остальные офицеры еле удерживаются отъ смѣха.

Я со стыдомъ разсказалъ о моемъ прежнемъ знакомствѣ съ контрабандистами и просилъ лейтенанта Ферфакса засвидѣтельствовать, что я говорю правду. Лейтенантъ подтвердилъ мои слова и сказалъ, что я больше ничего, какъ неопытный мальчикъ, и что мѣшечники воспользовались этимъ. Онъ приоб-

вилъ, что надѣется, что этотъ второй урокъ будетъ мнѣ всю жизнь памятенъ.

— Смѣло могу обѣщать, господа, — сказалъ я, мое сердце нѣсколько успокоилось при этихъ сердечныхъ словахъ. — И если я еще встрѣчу этого мошенника, не одобровать ему.

Разспросивъ въ подробности, какъ меня ополли, полковникъ обратился къ остальнымъ офицерамъ.

— И такъ, господа, вполне ясно, что этотъ человекъ отравилъ малаго, и когда питье подействовало на его слабую голову, контрабандисты спокойно выгрузились и, добавокъ, насмѣшки ради, забрали часового и его будку на люггеръ и высадили ихъ на этомъ несчастномъ островкѣ.

— Несомнѣнно, что это такъ случилось, сэръ, сказалъ лейтенантъ, — и кромѣ того несчастному грозила опасность утонуть, потому что временами вода покрываетъ этотъ островокъ на нѣсколько футовъ.

— И такъ, малый, — продолжалъ полковникъ, — я хочу помочь тебѣ. Дѣло извѣстно всему гарнизону, и все готовится смотрѣть, какъ тебя будутъ наказывать, я вполне увѣренъ, что ты не захочешь доставить имъ это удовольствіе. Но вотъ въ чемъ дѣло. Намъ нужны волонтеры для флота, снаряжаемаго въ Ботани-Бей. Лейтенантъ Ферфаксъ назначенъ на этотъ флотъ и просилъ позволить тебѣ идти волонтеромъ, присматривать за каторжниками. Мало кто идетъ туда охотно, но кто нибудь долженъ идти. И такъ, если ты готовъ быть волонтеромъ, ты получишь полное прощеніе. Это еще что такое?

Слезы брызнули у меня изъ глазъ при мысли, чѣмъ кончились мои мечты о славѣ, я колебался одну минуту, но вспомнилъ кошки и отвѣчалъ:

— Благодарю васъ, господинъ полковникъ, за ваше снисхожденіе. Надѣюсь, что ваша честь не получитъ обо мнѣ дурного мнѣнія за то, что я такъ огорченъ, теряя возможность отличиться въ войнахъ съ иностранцами. Вѣдь я не для того поступалъ на службу, чтобы быть тюремщикомъ.

— Та, та, та, малый, когда нибудь твое желаніе исполнится. Берегись только, чтобы каторжники не поставили тебя въ такое же дурацкое положеніе, какъ контрабандисты. Освободите арестанта; капитанъ Уестонъ, запишите имя Дю въ число волонтеровъ на *Спріусъ*.

VII.

Контрабандисты еще разъ меня проводятъ.

Первый флотъ собрался весь и готовился къ отплытію на другой день, какъ я вступилъ на *Спріусъ*. У меня не было времени попрощаться съ Солькомбомъ, и я написалъ записку и отправилъ ее съ однимъ лодочникомъ.

Я вступилъ на палубу *Спріуса* въ понедѣльникъ, шестаго мая 1787 года, — памятный для

меня день. И первое, что меня поразило, былъ страшнѣйшій безпорядокъ кругомъ. Это такъ было нехоже на то, что я всегда слышалъ о необыкновенной чистотѣ и порядкѣ на военномъ кораблѣ. Но тутъ было другое дѣло, все зависѣло отъ назначенія корабля; нужно было помѣстить на суднѣ самый необычный грузъ, запастись множествомъ различныхъ предметовъ, несудивительно, что начальство терло голову и не знало, куда все размѣстить.

Каждое транспортное судно, кромѣ обыкновеннаго груза, забирало множество различныхъ земледѣльческихъ орудій; всевозможные предметы одѣянія, — какъ шерстяные чулки, башмаки и платье всѣхъ сортовъ. Морская пѣхота получила небольшую прибавку къ содержанію и кромѣ того была снабжена подходящимъ къ ботанибейскому климату платьемъ. Мы могли вернуться домой только черезъ пять лѣтъ. Весь этотъ грузъ размѣщался въ тѣ камеры, гдѣ должны бы были находиться порохи и пули, еслибы судну предстояла болѣе благородная служба. Благодаря этому безпорядку, мое дѣло на кораблѣ еще не было определено.

Главные офицеры на *Спріусѣ* были капитанъ Филиппъ, капитанъ Понтеръ, майоръ Россъ (главный командиръ) и лейтенантъ Кингъ. Кромѣ нихъ тутъ находились еще докторъ и судья-адвокатъ Коллинсъ. Было еще нѣсколько офицеровъ, имена которыхъ я позабылъ.

Среди всей этой суматохи я не переставалъ думать о Мэри Бродъ и Уиллѣ Брайентѣ, и какъ-то спросилъ лейтенанта Ферфакса, не знаетъ-ли онъ, что съ ними.

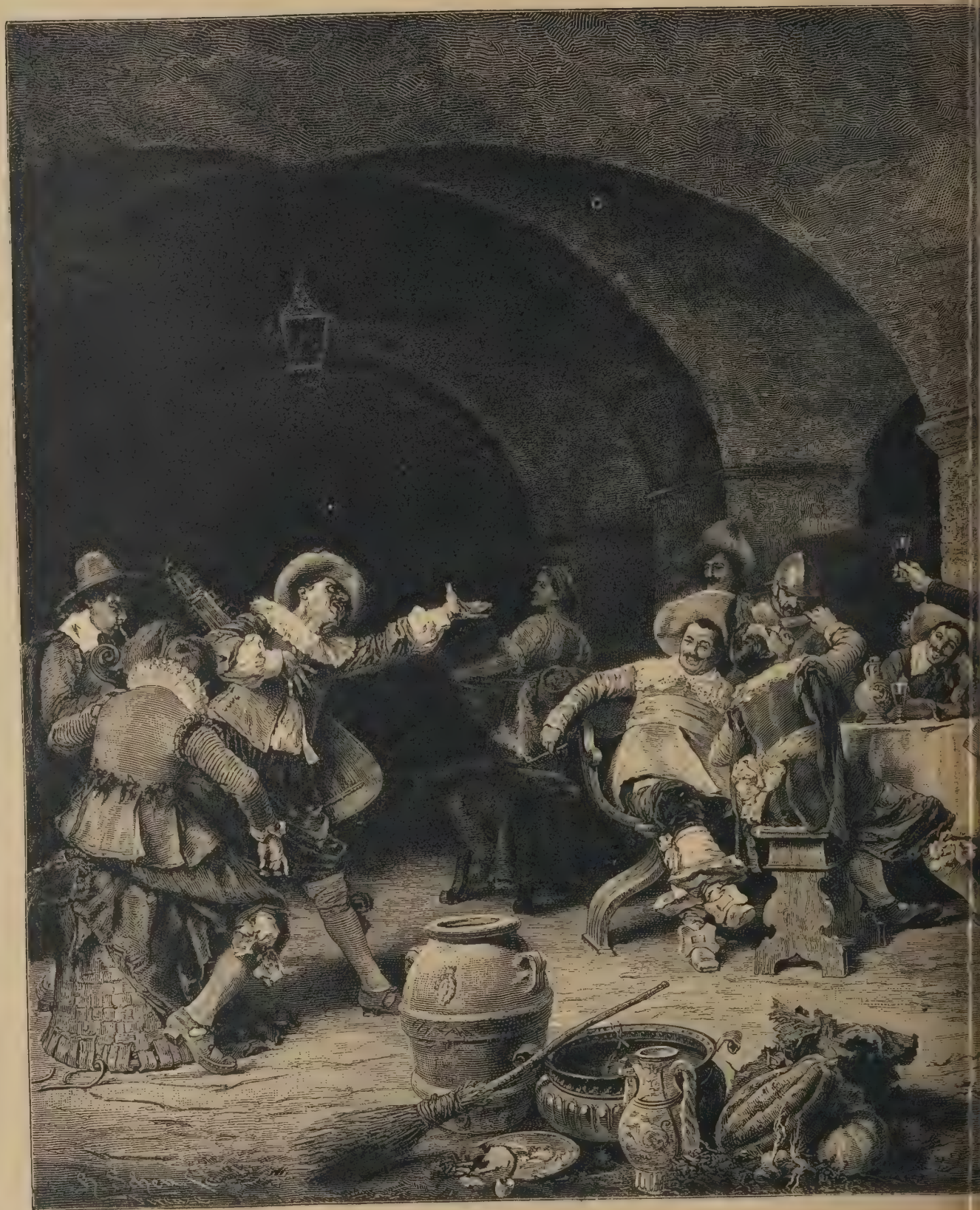
— Вотъ что я знаю, — сказалъ онъ, — Брайентъ находится на одномъ изъ транспортовъ, не знаю только на которомъ. Мой отецъ столько хлопоталъ за него, что его обѣщали освободить по приѣздѣ, но возвратиться на родину, онъ можетъ, только отбывъ свой срокъ.

— Какъ добръ сквайръ! сказалъ я, — а заблуждающаяся молодая дѣвушка?

— Клянусь Георгомъ, Дю! Мэри, можетъ быть, и заблуждается, но не смотря на это, у нея чертовски замѣчательный характеръ. — И затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ, какъ сквайръ просилъ пастора навѣстить ее въ тюрьмѣ, какъ тотъ уговаривалъ ее покаяться и обѣщавъ тогда выхлопотать ей прощеніе. — И какъ вы думаете, что она отвѣтила? — спросилъ Ферфаксъ.

— Полагаю, что покалась въ своей глупости и поблагодарила сквайра.

— Ничего подобнаго. Она просила пастора похлопотать, чтобы ее отправили съ Брайентомъ, а если это невозможно, то съ женщинами-арестантками, которыя высылаются съ нами. Сквайръ находилъ, что онъ ни для чего другого не годится, а мол сестра и я, мы оба думаемъ, что нѣтъ принятъ не исполнить ея желаніе. Вотъ и все, Дю, мнѣ нечего болѣе разсказывать.

ХНИКА Т. КОНТИ.

МПАНИЯ.

Такъ всегда кончалъ лейтенантъ наши частные разговоры, полагая, напоминая такимъ образомъ разницу нашихъ положеній, потому что въ старое время разговаривать съ подчиненнымъ солдатомъ было большою снисходительностью со стороны офицера.

Больше я ничего не могъ узнать о несчастномъ контрабандистѣ или Мэри, хотя и сиранился о нихъ на другихъ судахъ. Заключение держали въ такомъ секретѣ, что до самаго дня отплытія я не зналъ, находился ли на транспортахъ кто нибудь изъ знакомыхъ мнѣ лицъ. Все что узналъ, это то, что изъ арестантовъ были выбраны, большею частью, имѣвшіе понятіе о земледѣліи; а женщины всѣ были одна хуже другой, изъ нѣтъ гетской тюрьмы, и я сомнѣвался, чтобы Мэри рѣшилась попасть въ ихъ общество.

Но, пользуясь моею неопытностью, контрабандисты преслѣдовали меня, и удивляюсь только какъ, благодаря имъ, я снова не попалъ въ число арестантовъ.

Лейтенантъ, зная мою неопытность и желая чтобы я находился близко, позвалъ меня однажды и сказалъ:

— Я послалъ затобую, Дью, по слѣдующему дѣлу, — ты можешь отказаться, если не согласишься. По уставу, я имѣю право взять изъ роты одного человѣка, какъ деньщика. Конечно, я понимаю, что молодой фермеръ можетъ не найти ничего привлекательнаго въ деньщичьей службѣ; но всѣ рядовые равны, а эта служба избавитъ тебя отъ болѣе тяжелой работы на кораблѣ.

Я сердечно поблагодарилъ его за это предложеніе и принялъ его съ удовольствіемъ, и хотя мое положеніе теперь измѣнилось, я не могу не сказать, что горжусь тѣмъ, что служилъ у такого добраго и хорошаго господина.

Для два послѣ того былъ посланъ куттеръ привезти изъ Портсмута кое какой еще грузъ, а лейтенантъ Ферфаксъ поѣхалъ съ нами по какому то дѣлу.

Я помогалъ переносить тюки въ лодку, въ это время какой то старый лодочникъ причалилъ рядомъ съ нами и спросилъ меня:

— Здѣсь люди съ Сиріуса?

— Здѣсь, — отвѣчалъ я.

— Значитъ все какъ слѣдуетъ, — сказалъ лодочникъ, — а кто изъ офицеровъ съ вами?

— Лейтенантъ Ферфаксъ, — отвѣчалъ я, — онъ скоро здѣсь будетъ.

— Все какъ слѣдуетъ. Теперь помогите мнѣ.

— Въ чемъ?

— Видите эту бочку элю, — сказалъ онъ, показывая на большую бочку, помѣченную числомъ XXX. — Ее нужно перемѣнить, при-слали скверный эль, я привезъ эту бочку сейчасъ съ вашего корабля. Тамъ мнѣ сказали, что я найду васъ на берегу и что вы можете мнѣ.

— Что нужно сдѣлать?

— Больше ничего, какъ помочь прикатить эту бочку къ Стеру и Гэртеру, ее оттуда при-слали.

Мы вчетверомъ выкатили бочку на берегъ, и я помогъ лодочнику катить ее по Большой улицѣ. Мы очень торопились, потому что лодочникъ все твердилъ, что мистеръ Ферфаксъ будетъ очень недоволенъ, если это не будетъ сдѣлано немедленно. Когда мы катили бочку, на встрѣчу намъ попался офицеръ береговой стражи, вопросительно посмотрѣлъ на бочку и затѣмъ на меня.

— Принадлежитъ офицеру, — сказалъ лодочникъ, не ожидая вопроса.

— Эль, который мой начальникъ, лейте-

нантъ Ферфаксъ, приказалъ возвратить, — прибавилъ я.

— Ладно, — сказалъ офицеръ, дѣлая на бочкѣ знакъ мѣломъ, и мы покатили ее дальше.

Стеръ и Гэртеръ были недалеко, но къ нимъ нужно было свернуть нѣсколько въ сторону. Но старый лодочникъ вдругъ остановился у дверей одного дома.

— Спасибо, молодецъ; вотъ тебѣ на стаканъ элю. Когда-нибудь я тебѣ въ свою очередь помогу. А теперь послушайся моего совѣта, смотри въ оба въ Ботани-Бэй, а не зѣвай, какъ теперь.

— Что такое? — сердито спросилъ я.

— А вотъ что, со смѣхомъ отвѣтилъ онъ. — Но только помни мой совѣтъ, никому не рассказывай. Эта бочка принадлежитъ мнѣ и пойдетъ ко мнѣ, а не къ Стеру и Гэртеру. Это не эль, это самая лучшая французская водка.

— Что-такое? снова спросилъ я. — Развѣ бочка не принадлежитъ моему лейтенанту?

— Конечно, нѣтъ, мой юный солдатикъ. Это контрабандная водка.

— Ахъ вы, негодный мошенникъ! Я вижу, вы воспользовались моимъ мундиромъ, чтобы выгрузить вашу бочку съ водкой; и изъ-за этого я могу погибнуть. Но, что бы тамъ ни было, я пойду и предупрежу офицера береговой стражи.

— Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете. Никто ничего не будетъ знать, если вы промолчите; ну, а если вы донесете, вы сами себя втянете въ бѣду.

— Вотъ кстати, идетъ лейтенантъ Ферфаксъ, онъ видѣлъ насъ вмѣстѣ. Я расскажу ему и посмотримъ, что онъ на это скажетъ.

— Расскажи. Онъ только посмѣется надъ тобой. Да я самъ расскажу ему.

Лейтенантъ, видя насъ разговаривающихъ, пожелалъ узнать, почему я такъ далеко ушелъ отъ своей лодки; старый лодочникъ поклонился ему и сказалъ:

— Прошу прощенія, ваша честь! Я позависновалъ однимъ изъ вашихъ солдатиковъ. И къ моему стыду, онъ рассказалъ всю исторію.

Лейтенантъ Ферфаксъ хохоталъ отъ всего сердца: — Старый плутъ, вы за свою ловкость заслужили свое бранди. Не будемъ больше объ этомъ говорить, — сказалъ онъ. Потомъ обращаясь ко мнѣ, прибавилъ: — надѣюсь, что это будетъ послѣднее изъ твоихъ контрабандныхъ приключеній, Дью. Счастье для васъ обоихъ, что мы черезъ нѣсколько дней отправляемся на другой конецъ свѣта, а то бы это такъ не пришлось для васъ. Теперь же самое лучшее забыть. Только помни, что въ будущемъ такіе вещи не должны повторяться. А то ваши арестованные разбѣгутся, если ты не будешь смотрѣть въ оба.

VIII.

Флотъ для колонизаціи Ботани-Бэй.

Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшее описаніе моей жизни, я хочу сказать нѣсколько словъ о нашей экспедиціи въ Новую Голландію, или какъ ее теперь называютъ Новый Южный Валлисъ. Я ограничусь, конечно, моими личными воспоминаніями. Флотъ состоялъ изъ двухъ военныхъ кораблей и девяти транспортовъ. На Сиріусѣ двадцатипушечномъ въ шестьсотъ двѣнадцать тоннъ грузу, помѣщалось сто шестьдесятъ человѣкъ команды, флагъ командующаго флотомъ commodora Артерра Филиппа, и который былъ назначенъ первымъ губернаторомъ поселенія. Моряки не особенно хорошо отзывались о морскихъ качествахъ Сиріуса, такъ что мы, морская пѣхота, кромѣ

различныхъ обычныхъ неудобствъ, испытывали еще постоянное чувство страха. На обоихъ военныхъ корабляхъ ни каторжные, ни арестованные не помѣщались, а были распределены по транспортамъ. На военныхъ корабляхъ былъ размѣщенъ штабъ командующаго флотомъ и много другихъ офицеровъ. Кромѣ того съ нами ѣхалъ капелланъ съ своей женой и докторъ съ нѣсколькими помощниками.

Пока запасы не истощились, мы получали хорошіе раціоны — въ недѣлю семь фунтовъ хлѣба (корабельныхъ сухарей), четыре фунта мяса, два фунта свинины, три съ половиной пинты рому и остальные продукты въ подходящемъ количествѣ. Арестанты получали такіе-же раціоны, которые, однако, въ малѣйшее непослушаніе уменьшались. Но большая часть вышеупомянутыхъ продуктовъ была весьма сквернаго качества, я слышалъ, какъ офицеры говорили, что масло, сыръ и мясо были такіе, что на сушѣ собака ихъ не стала-бы ѣсть.

На каждомъ транспортѣ на кормѣ и носу была забрана загородка изъ толстыхъ досокъ: въ нихъ помѣщались арестованные; въ загородкѣ на носу были продѣланы отверстія, чтобы въ случаѣ бунта стража могла стрѣлять.

Хотя мы готовы были къ плаванію еще въ мартѣ, но благодаря неблагоприятнымъ вѣтрамъ и другимъ мелкимъ препятствіямъ мы могли выйти въ море только въ маѣ. Такой поздній выходъ имѣлъ только одну хорошую сторону — не было раздражающихъ прощаній съ отъѣзжающими. Всѣ жены, матери, невѣсты свободныхъ и арестантовъ давно уже осушили слезы и вернулись домой, гдѣ имъ долго пришлось ждать извѣстій. Тогда не было еще ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ, люди путешествовали мало, и вѣстія приходили рѣдко.

Мой отецъ не пріѣхалъ проводить меня, онъ написалъ мнѣ, пожелалъ мнѣ благополучія, выразилъ надежду, что я буду исполнять какъ слѣдуетъ свои обязанности; я чувствовалъ, что онъ не простилъ мнѣ причиненнаго ему горя.

Позднѣе мнѣ рассказывали что арестанты на транспортахъ, въ особенности женщины, обрадовались, услышавъ, что матросы поднимаютъ якоря, и многіе подѣлывали даже матросамъ, когда тѣ убирали кабановъ. Никто изъ нихъ не думалъ, что они на вѣки покидаютъ родную землю, — надо сознаться, что англійскія тюрьмы того времени были ужасны, и когда мы, свободные люди, съ грустью слѣдили за исчезавшей полоской земли, эти несчастные думали только объ ужасахъ, оставленныхъ ими за собой.

Къ счастью, нашъ commodorъ былъ хорошій, великодушный человѣкъ, — онъ никогда не поступилъ-бы своими обязанностями, всегда былъ готовъ сдѣлать все, что только можно, для облегченія участи несчастныхъ. Когда мы вышли въ море, онъ потребовалъ на «Сиріусѣ» всѣхъ командующихъ и докторовъ съ остальныхъ судовъ. Каждый изъ прибывающихъ проходилъ на корму, привѣтствовалъ commodora и съ любопытствомъ ждалъ, чего отъ него потребуютъ. Я стоялъ тогда на часахъ у кормоваго спасательнаго бакеана и слышалъ все, что говорилось. Commodorъ, пристально глядя на собравшихся, заговорилъ серьезно и рѣшительно:

— Господа, я послалъ за вами, чтобы повторить вамъ, всѣмъ вмѣстѣ, инструкціи, которыя я далъ каждому отдѣльно. Я знаю, что вы всѣ хорошіе офицеры и увѣренъ, что вы несомнѣнно какъ слѣдуетъ исполните свою

обязанность. Но я умоляю васъ, господа, сдѣлать по возможности все, чтобы обращаться съ арестантами хорошо: таксе обращеніе наведетъ ихъ скорѣе на путь раскаянія. Мы знаемъ, что они принадлежатъ къ поддонкамъ нашихъ соотечественниковъ, но эта экспедиція предпринята не съ цѣлью наказывать ихъ, а скорѣе съ цѣлью дать имъ возможность начать новую жизнь. Въ виду этого я прошу васъ насколько возможно избѣгать обращенія, которое-бы напомнило имъ то, что они вынесли въ тюрьмахъ Англіи.

Онъ на минуту остановился и затѣмъ продолжалъ болѣе спокойнымъ, но еще болѣе рѣшительнымъ тономъ:

— Но въ то же время, господа, предупреждаю васъ, что всякое непослушаніе должно быть наказано съ большей строгостью, чѣмъ на сушѣ. Дайте понять вашимъ арестантамъ, что всякая попытка къ бунту или бѣгству будетъ немедленно наказана смертью. Кромѣ того, на женщинъ никогда не слѣдуетъ надевать кандалы; когда мы выйдемъ въ море, снимите кандалы со всѣхъ, чтобы они могли по-человѣчески отдохнуть ночью. Вотъ все, господа, что я хотѣлъ сказать вамъ, въ доброе вѣнечіе къ моимъ прежнимъ инструкціямъ и полученнымъ вами письменнымъ приказаніямъ.

Онъ замолчалъ, и офицеры, почтительно поклонившись, собрались уйти, но капитанъ ласково остановилъ ихъ. «Еще одно слово, господа. Я слышалъ въ Портсмутѣ, какъ одинъ изъ васъ выразился, что насъ назначили на службу, которая не сдѣлаетъ намъ чести, а скорѣе принесетъ позоръ. Прошу васъ, господа, откажитесь отъ такого неправильнаго взгляда. Что можетъ быть почетнѣе, какъ посвятить себя исправленію и возвращенію въ общество этихъ несчастныхъ преступниковъ? Дай намъ Богъ только силы исполнить нашу обязанность!» — и, пожавъ всѣмъ руки, онъ отпустилъ ихъ.

IX.

Что случилось въ пути.

Фрегатъ Гіэна сопровождалъ насъ до нашего выхода изъ канала и, передавъ 20 мая капитану Филипу послѣднія инструкціи, вернулся въ Портсмутъ. Едва онъ успѣлъ удалиться, какъ арестанты затѣяли бунтъ. Штурманъ транспорта *Скарборо*, г. Доронъ Мэршалъ, явился на Сиріусъ и донесъ, что арестанты составили заговоръ завладѣть кораблемъ.

Морская пѣхота подъ командой лейтенанта Фэрфакса была направлена на Скарборо за зачинщиками. На транспортѣ насъ выстроили по обѣ стороны рѣшетчатого люка и тогда докторъ выскочилъ съ гг. Фэрфаксомъ и Мэршалемъ спустились въ междупалубное пространство и сквозь рѣшетку стали уговаривать арестантовъ, которые столпились у рѣшетки и со страхомъ смотрѣли въ нее.

— Мы знаемъ все и знаемъ зачинщиковъ, сказалъ докторъ. — Намъ нужны эти люди; что касается остальныхъ, все будетъ зависеть отъ ихъ дальнѣйшаго поведенія. Отойдите отъ рѣшетки.

Всѣ отхлынули назадъ.

— Слушайте теперь, продолжалъ докторъ, — здѣсь достаточно солдатъ, которые будутъ стрѣлять при малѣйшемъ сопротивленіи. Оставайтесь на мѣстѣ, пусть выйдутъ нумера чотыреста семидесятый и двѣсти девяностый, — Филиппъ Форрель и Томасъ Гриффизъ.

Они вышли, солдаты по знаку доктора окружили двери, которыя были немедленно снова заперты.

— Не думаю, чтобы вы другой разъ попро-

бовали такую игру, сказалъ докторъ, обращаясь къ двумъ арестантамъ.

Мы перевезли ихъ на Сиріуса, гдѣ коммодоръ сдѣлалъ имъ, по моему мнѣнію, весьма слабый выговоръ, предостерегъ ихъ относительно ихъ будущаго поведенія, сказалъ, что въ случаѣ повторенія онъ ихъ повѣситъ, а за этотъ разъ присудилъ къ шести дюжинамъ ударовъ плетью. Наказаніе было немедленно приведено въ исполненіе, по окончаніи его арестантовъ отправили на другой транспортъ. Я никогда не забуду чувства ужаса, испытаннаго мною при видѣ этого ужаснаго наказанія. Но послѣ него до самаго нашего прибытія въ Ботани-Бей не было ни малѣйшихъ попытокъ и нѣкоторое время все шло тихо и спокойно.

Кромѣ службы у лейтенанта Фэрфакса я долженъ былъ еще прислуживать въ каютъ-кампаніи. Благодаря этому обстоятельству я узналъ многія вещи, которыя иначе никогда не дошли-бы до моихъ ушей. Мои товарищи были всѣ круглые невѣжды, набранные въ Гэмпширъ и Суссебетъ, а изъ рядовыхъ морской пѣхоты я одинъ умѣлъ читать и писать, и потому, можетъ быть, начальство обратило на меня вниманіе. Каждый изъ офицеровъ велъ нѣчто въ родѣ дневника объ экспедиціи, потому что она выходила изъ ряду вонъ. Пріимѣръ моего начальства подѣйствовалъ на меня заразительно, и, не находя подходящаго общества среди своихъ товарищей, я задумалъ тоже вести дневникъ. Къ счастью, я не былъ особеннымъ любителемъ грога и могъ отдавать свою порцію сержанту за листки бумаги, оставшейся у него лишними, а лейтенантъ давалъ мнѣ перья и чернила. Я отдавалъ свой грогъ, а бѣдные арестованные, какъ я слышалъ, сильнѣе всего терпѣли отъ недостатка крѣпкихъ напитковъ и табаку. Докторъ Уайтъ говорилъ, что они умоляютъ разрѣшить имъ эти предметы.

Въ началѣ іюня мы прибыли въ Теверифъ. Въ тотъ день намъ роздали по пинтѣ вина и все время нашей стоянки въ Санто-Крудъ мы получили свѣжую провизію. Арестантамъ тоже было сдѣлано облегченіе, коммодоръ приказалъ выдавать имъ по фунту мяса и достаточное количество свѣжаго хлѣба.

Во время нашей стоянки въ Санто-Крудъ я многое записалъ въ свой дневникъ; первое, что я тогда услышалъ, было безпокойство офицеровъ, что насъ, морскую пѣхоту, снабдили весьма незначительнымъ количествомъ ружейныхъ припасовъ, и что на всемъ флотѣ не было ни ружейнаго мастера, ни инструментовъ. Насколько возможно, это держалось въ тайнѣ, но все-же стража на транспортахъ прослышала и сильно безпокоилась, что дѣлать въ случаѣ бунта. Капитанъ Филиппъ и его помощники были возмущены такою небрежностью правительства, и послѣдній написалъ весьма откровенное донесеніе и только ждалъ случая отправить его.

Сиріусъ былъ такъ нагруженъ на пушечной палубѣ, что мы не имѣли возможности салютовать испанскому губернатору. Въ то время мы съ Испаніей не воевали и нашему коммодору пришлось извиняться въ кажущейся неучтивости.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЯ НАУЧНЫЯ ОТКРЫТІЯ.

Опыты надъ Рентгеновскими лучами.

Въ виду громаднаго интереса и значенія для человѣчества новаго открытія профессора В. Рентгена мы дополняемъ въ этомъ номерѣ

свѣдѣнія дальнѣйшими подробностями и рисунками.

Несомнѣнно, что никакое учное открытіе не можетъ явиться на свѣтъ и развиваться далѣе безъ многочисленныхъ первоначальныхъ работъ и опытовъ, производимыхъ различными учеными. Конечно, и рентгеновскому открытію предшествовали подобныя-же опыты, какъ и теперь они имъ вызываются. Такъ, еще въ прошломъ году венгерскому профессору Ленару удалось сдѣлать опыты вывести катодные лучи изъ Круксовой трубки, отверстіе которой онъ закрывалъ алюминіевымъ кружкомъ, и сквозь который проходили лучи, проявлявшіеся до сихъ поръ только въ трубкѣ. Но что такое рентгеновскіе X-лучи, если-ли они тѣ-же катодные лучи? Катодные лучи отклоняются магнитомъ, рентгеновскіе проходятъ прямо, не отклоняясь и не преломляясь. Происходятъ-ли они отъ катодныхъ лучей, независимыми ихъ назвать нельзя, пока не найдена возможность образовать ихъ другимъ способомъ. Прошлый разъ мы уже говорили, что различные опыты доказывали, что это не ультра-фіолетовые лучи. Вполнѣ-ли зависить появленіе ихъ отъ большаго или меньшаго разрѣженія воздуха, потому что при болѣе или менѣе слабomъ разрѣженіи воздуха, чѣмъ миллионная часть атмосферы, феноменъ исчезаетъ. Для того, чтобы можно было сказать послѣднее слово, будемъ ждать, что намъ скажутъ изслѣдованія ученыхъ. Открытіе настолько велико, что уже находитъ обширное примѣненіе въ медицинѣ, а главное—въ хирургіи.

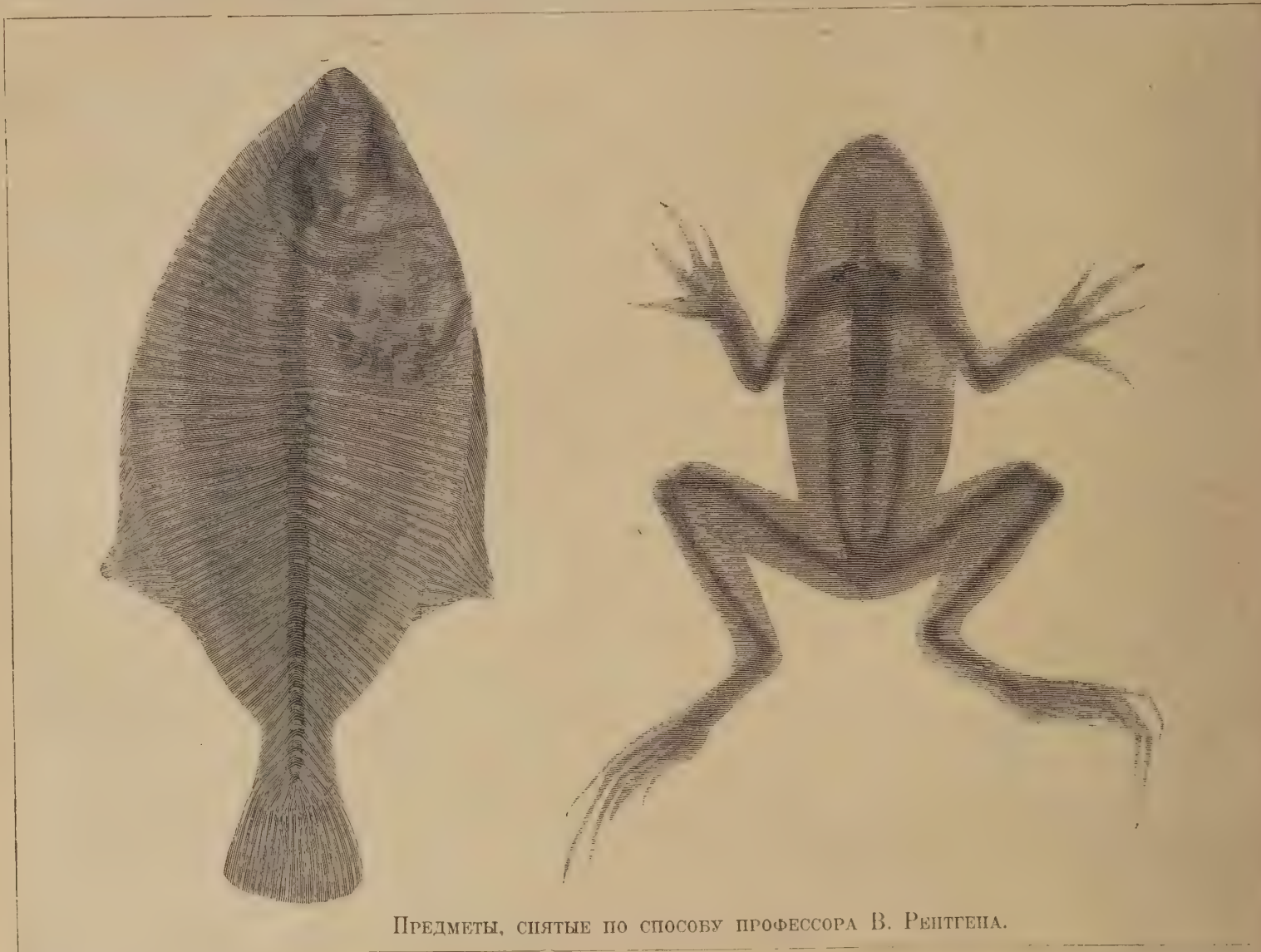
Еще въ прошломъ году профессоръ Ленаръ производилъ свои опыты на аппаратѣ, довольно сложномъ сравнительно съ нынѣшнимъ, хотя и онъ уже самъ по себѣ былъ довольно простъ. (См. рисунокъ на 136 страницѣ). Этотъ аппаратъ изображенъ у насъ на рисункѣ. Онъ состоитъ изъ индуктивной катушки В, стеклянной трубки V съ двумя электродами особой формы, *анода* (положительнаго электрода), пустого металлическаго цилиндра внутри трубки, его *катода* (отрицательнаго электрода) С, алюминіеваго кружка, припаяннаго къ концу длинной проволоки. Катодные лучи проходили черезъ кружокъ, заслонившій отверстіе на концѣ трубки V, и отражались на фотографической пластинкѣ. Объ этомъ открытіи тогда же говорили во французскихъ журналахъ.

Теперь опытъ производится гораздо проще: берутъ обыкновенную стеклянную трубку, такъ называемую Круксову, въ которой воздухъ разрѣженъ до миллионной части атмосферы, затѣмъ индуктивную катушку, дающую искры длиною въ 5—10 сант., и столбъ изъ нѣсколькихъ элементовъ. Когда пропускаютъ токъ, трубка освѣщается чуднымъ зеленымъ свѣтомъ, лучи, находящіеся въ трубкѣ, начинаютъ флуоресцировать. Въ 5-ти сантиметрахъ разстоянія, между фотографической пластинкой, обернутой въ два-три листа черной бумаги съ одной стороны и трубкой съ другой, ставятъ на время отъ 10-ти минутъ и болѣе непрозрачное тѣло, руку, шкатулку и т. п.; проявивъ затѣмъ обычнымъ образомъ пластинку, можно убѣдиться, что кости, отчасти металлы останавливаютъ лучи, но мускулы, кожа, дерево пропускаютъ ихъ.

Основываясь на этомъ, во всей Европѣ воспользовались этимъ открытіемъ для произведенія снимковъ въ области хирургіи. Въ прошлыхъ номерахъ мы дали уже свѣдѣнія по поводу рентгеновскихъ лучей и снимковъ съ челоѣческой руки, а въ сегодняшнемъ номерѣ даемъ снимки ля-

гушки и рыбы, сфотографированныя въ одной изъ парижскихъ лабораторій г. Перреномъ. Французскіе ученые первые стали производить опыты съ этимъ открытіемъ, примѣняя его къ ме-

микъ Егоровъ, въ присутствіи профессоровъ и студентовъ академіи, прочиталъ лекцію объ открытіи Рентгена. Профессоръ демонстрировалъ свое сообщеніе сдѣланными имъ въ видѣ слабого контура. Также отчетливо вышелъ на негативѣ скелетъ сфотографированныхъ живой и мертвой лягушекъ. У послѣдней ясно обозначился на изображеніи ис-

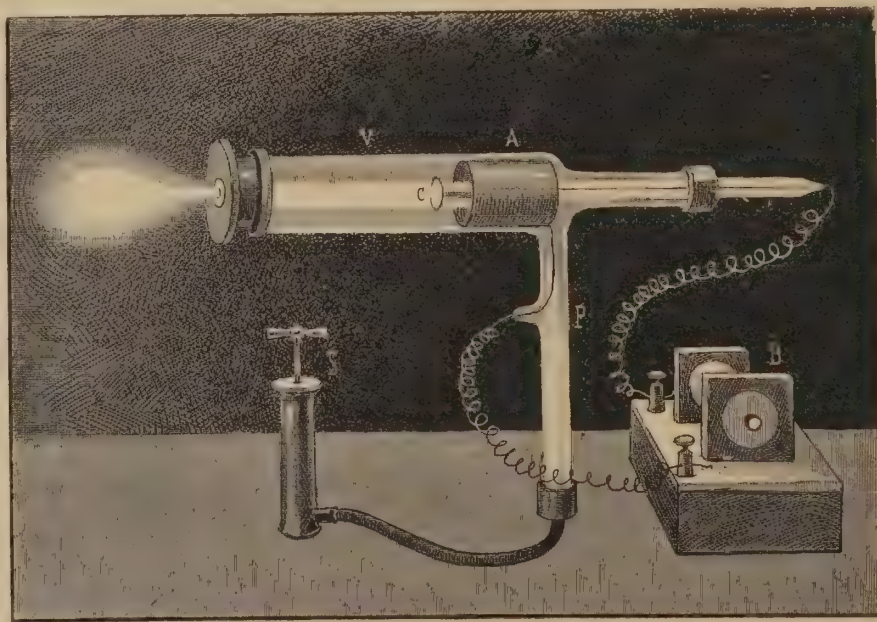

Предметы, снятые по способу профессора В. Рентгена.

дицинѣ. Лягушка и рыба были положены на станокъ черного дерева, въ которомъ заключалась фотографическая пластинка. Сверху дѣйствовала Круксова трубка. Рентгеновскіе лучи, не смотря на черной герметическій ящикъ, сквозь который не могъ бы проникнуть самый ослѣпляющій свѣтъ, произвели свое дѣйствіе на пластинку: скелеты лягушки и рыбы, какъ почти непроницаемые, лучами Рентгена отпечатались на пластинкѣ.

Нельзя сказать, чтобы снимки давали образы въ полномъ смыслѣ этого слова, это скорѣе тѣни или силуэты. Кромѣ того нѣтъ никакой надобности работать въ темнотѣ. Пластинку оставляютъ въ стаканѣ подъ крышкой, дневной свѣтъ до нея не доходитъ, но рентгеновскіе лучи проходятъ сквозь дерево и отражаютъ предметъ.

Недавно ординарный профессоръ физики военно-медицинской академіи, акаде-

Аппаратъ профессора Ленара, предшествовавшій новому открытію профессора В. Рентгена.

всѣма отчетливыми снимками ручной кисти, подъ которую были подложены ключъ, цѣпочка и ключикъ отъ часовъ. Всѣ металлическіе предметы вполне ясно отпечатались на пластинкѣ, равно какъ и кости руки, тогда какъ мягкія ея части изобразились только

кустаренно сдѣланный переломъ одной ея ланки.

На дняхъ, французскимъ врачомъ Ланлонгомъ, представившимъ въ послѣднемъ засѣданіи парижской академіи наукъ нѣсколько интереснѣйшихъ фотографическихъ снимковъ конечностей, пораженныхъ болѣзью костей, сдѣланы тоже сообщенія по поводу новаго открытія. На одномъ снимкѣ, полученномъ помощью новаго рода лучей, отчетливо выступаетъ кость бедра, пораженная остеомиелитомъ (воспаленіемъ костномозговой ткани). На фотографіи ясно видно нѣсколько бѣлыхъ пятенъ въ глубинѣ черного фона кости, указывающихъ на существованіе внутреннихъ

кавернь. Такимъ образомъ вполне подтвердилось сдѣланное еще ранѣе Ланлонгомъ указаніе, что при остеомиелитѣ разрушеніе кости начинается изнутри и распространяется къ периферіи.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ 1896 ГОДА.

НОВЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ—ПРЕМІИ ПОДПИСЧИКАМЪ ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» ЗА 1896 ГОДЪ—

1) Портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы

АЛЕКСАНДРЫ ВЕОДОРОВНЫ

воспроизведенный въ 23 краски, на пергаментной бумагѣ (размѣръ: 20 вершковъ вышины и 16 вершк. ширины).

2) Большая художественно выполненная картина съ ориг. профессора Ю. Клевера

«АВОНЪ ПРИ ЛУННОМЪ ОСВѢЩЕНІИ»

воспроизведенная въ 18 красокъ (размѣръ: 20 вершковъ длины и 16 вершковъ вышины)

ОТПЕЧАТАНЫ и РАЗСЫЛКА ТАКОВЫХЪ НАЧНЕТСЯ СЪ 1-го МАРТА 1896 ГОДА.

Картины будутъ разсылаемы по очереди поступающихъ требованій, только тѣмъ гг. подписчикамъ, которые уплатили сполна годовую подписную сумму на журналъ (съ доставкою), а также и за выбранную ими картину—ОДИНЪ РУБЛЬ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Переводъ телеграммы Его Императорскаго Величества къ его высочеству принцу Фердинанду, въ Софію. С.-Петербургъ, 25-го января 1896 года.

Искренно поздравляю Ваше Высочество съ принятіемъ патриотическаго рѣшенія, о комъ Вы сообщаете Мнѣ въ письмѣ вашемъ, отъ 21-го сего января.

Свиты Моей генераль-майоръ, графъ Голенищевъ-Кутузовъ, везетъ Вамъ отвѣтъ Мой, и ему поручается присутствовать, отъ Моего Имени, при обрядѣ присоединенія возлюбленнаго сына Вашего въ церкви народа болгарскаго.

сія народнаго собранія, по всей вѣроятности, будетъ продолжена на нѣсколько дней для того, чтобы собраніе, какъ законодательное учрежденіе, могло присутствовать на предстоящихъ торжествахъ.

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

ПРОФЕССОРЪ В. РЕНТГЕНЪ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Болгарія.—Въ народномъ собраніи принцъ Фердинандъ произнесъ рѣчь, которую заключилъ такъ: «Западъ подвергъ меня аннексіи, но зараждающаяся на Востоку заря обрамляетъ сіяніемъ мою династію и освѣщаетъ путь къ нашей будущности». Рѣчь принца была встрѣчена не поддающимися описанію и нескончаемыми возгласами восторга. Цанковистскіе члены національной партіи приняли живое участіе въ оваціяхъ, но радославовцы отнеслись къ рѣчи принца съ холодною. Послѣ непродолжительной остановки принцъ прочелъ телеграмму, полученную имъ отъ Государя Императора.

— Народное собраніе разрѣшило безъ преградъ чрезвычайный кредитъ въ 250,000 левъ на празднества по случаю св. миропомазанія принца Бориса и дополнительный кредитъ въ 60,000 левъ для болгарскаго экзархата. Программа празднествъ будетъ установлена по прибитіи болгарскаго экзарха, ожидаемаго въ Софію непременно въ воскресенье вмѣстѣ съ министромъ-президентомъ. Говорятъ, что сес-

— Болгарская газета «Міръ» напечатала статью, въ которой, восторженно восхваляя принесенную принцемъ и принцессою Кобургскими жертву, заявляетъ, что Кобургская династія сдѣлалась народною и навсегда связанною со страной, и что она положитъ конецъ всѣмъ приключеніямъ, государственнымъ переворотамъ и заговорамъ: это—разрѣшеніе болгарскаго кризиса. «Ожидаемое согласіе Императора Всероссийскаго быть воспріимни-

комъ при св. миропомазаніи принца Бориса—воскликаетъ газета—будетъ второе освобожденіе Болгаріи»

— Марія-Луиза Кобургская выѣхала сегодня въ Ниццу. Газеты сообщаютъ, что прин-

цеса Клементина встрѣтится съ нею либо по дорогѣ, либо въ Ниццѣ. Султанъ, посылаетъ въ Софію для присутствованія при обрядѣ миропомазанія принца Бориса сановника изъ христіанъ и одного изъ своихъ адъютантовъ.

Италія.—Папа еще не выражалъ своего прямого мнѣнія о болгарскихъ дѣлахъ, но одна клерикальная газета осуждаетъ переходъ принца Бориса въ православную церковь, который по національнымъ соображеніямъ, какъ утверждаетъ Фердинандъ, не былъ, по мнѣнію газеты, необходимъ, такъ какъ въ обряды католической церкви входятъ также и грекоболгарскіе. Фердинандъ нынѣ будто-бы отверженъ изъ общины вѣрующихъ, а Борисъ, не смотря на присоединеніе къ православію, останется католикомъ до тѣхъ поръ, пока, достигнувъ совершеннѣйшаго, не согласится добровольно на перемѣну вѣры.

Франція.—Во Франціи восхваляютъ принца Фердинанда. Газеты говорятъ: «Въ одно мгновеніе ока принцъ Фердинандъ сдѣлался популярнѣйшимъ въ княжествѣ человекомъ, такъ что прошелъ почти незамѣченнымъ

фактъ, что непримиримые вожди оппозиціи, Каравеловъ и Радославовъ, отсутствіемъ своимъ въ засѣданіи народнаго собранія какъ-бы хотѣли протестовать противъ общаго ликованія. Дѣло въ томъ, что въ принатіи наслѣдника въ лоно православной церкви болгарскій народъ усматриваетъ, кромѣ утвержденія въ Болгаріи православной династіи, еще кое-что. Народъ этотъ держится мнѣнія, что исключивъ изъ конституціи статью, прибавленную къ ней

Стамбуловымъ и касающуюся вѣроисповѣданія княжескаго дома, Фердинандъ сдѣлалъ шагъ, который, быть можетъ, вернетъ Болгаріи благоволеніе Россіи».

— Въ сенатѣ происходило обсужденіе предложенія, воспрепятствующаго рабочимъ казенныхъ учреждений и желѣзнодорожнымъ рабочимъ принимать участіе въ коалиціяхъ. Кавеньякъ полагалъ, что правительство достаточно вооружено на случай стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ, но онъ надѣется, что до этого дѣла не дойдетъ. Буржуа также оспариваетъ предложеніе, такъ какъ оно лишило бы общахъ правъ полмиліона французовъ, преданность и патриотизмъ которыхъ не подлежатъ сомнѣнію. Демоль защищаетъ предложеніе, которое принято было въ первомъ чтеніи большинствомъ 159 голосовъ противъ 82.

Трансваальская республика. — Президентъ Крюгеръ принялъ предложеніе Чемберлена пріѣхать въ Англію. Пріѣдетъ президентъ не одинъ, а въ сопровожденіи комиссіи и до его отъѣзда будутъ установлены пункты, долженствующіе служить предметомъ переговоровъ съ англійскимъ правительствомъ. Работы на розсыпяхъ возобновились по всей линіи. Возраженія противъ введенія въ Йоганнесбургѣ муниципальнаго управленія оказались основанными на недоразумѣніяхъ. Всѣ лица, имѣющія въ Йоганнесбургѣ собственность, приносящую 200 фунтовъ ежегоднаго дохода, имѣющія тамъ мѣсто жительства и получившія право гражданства, могутъ быть избираемы въ члены муниципальнаго совѣта.

Великобританія. — Торговая лига королевства представила маркизу Салисбюри записку, въ которой она проситъ принять зависящіе мѣры къ тому, чтобы были отмѣнены въ торговыхъ договорахъ съ Бельгіею и германскимъ таможеннымъ союзомъ тѣ статьи, которыя пренятствуютъ предоставленію годоубающаго преимущества товарамъ, привозимымъ въ англійскія колоніи изъ Англіи. Записка напоминаетъ маркизу о данномъ имъ въ 1891 г. обѣщаніи, что онъ воспользуется каждымъ случаемъ, чтобы избавить Великобританію отъ подобныхъ ненормальныхъ явленій.

— Правительство намѣревается израсходо-

вать 10 мил. ф. с. на постройку новыхъ судовъ. Въ теченіе финансоваго 1896 года предполагается построить 5 эскадренныхъ броненосцевъ, 4 крейсера перваго класса и, вѣроятно, 3 крейсера втораго класса, 6 крейсеровъ третьаго класса и 20 контръ-миноносцевъ по ни одной миноносцы.

Турція. — Переговоры консуловъ о сдачѣ Зейтуна оказываются почти безуспѣшными, такъ какъ каждая изъ двухъ сторонъ отклоняетъ условія, предъявляемыя другою. Турки требуютъ, чтобы инсургенты положили оружіе, выдали бы своихъ вождей и выстроили бы вновь разрушенныя ими казармы, а зейтуны настаиваютъ на томъ, чтобы были обезоружены и мусульмане, не исключая мусульманъ Аинтабскаго округа. Порта выразила все-же готовность уладить съ зейтунами вопросы о постройкѣ вновь казармъ и о сложеніи не доплатокъ, а также назначить каймакана изъ христіанъ и гарантировать укrywшимся въ Зейтунѣ 6,000 бѣглецамъ свободное возвращеніе на родину.

Сѣверо-Американскіе Штаты. — Комитетъ по иностраннымъ дѣламъ составилъ докладъ о новой резолюціи, которою замѣнена резолюція отъ 17-го (29-го) января относительно войны на о. Кубѣ. Въ новой резолюціи заявлено, что между Испаніею и правительствомъ, провозглашеннымъ населеніемъ о. Кубы силою оружія и имъ же поддерживаемымъ, существуетъ военное положеніе и что Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, соблюдая строгій нейтралитетъ, должны предоставить обѣимъ сторонамъ въ портахъ и областяхъ Соединенныхъ Штатовъ права воюющей державы.

Японія. — На островѣ Формозѣ вспыхнуло возстаніе. Инсургенты численностью свыше десяти тысячъ атаковали Тамсуй, Жирамъ, Сунхо, Косуки, Таипе; они порятъ желѣзныя дороги, телеграфы. Въ Келунгъ прибыла въ качествѣ подкрѣпленія седьмая японская бригада и спустя два дня вступила въ бой. Инсургенты сражаются съ отчаянною энергіею и нанесли нѣсколько пораженій отдѣльнымъ японскимъ отрядамъ. Положеніе дѣлъ серьезное. Выѣсто заболѣвшаго Кабайяма назначается

генераль-губернаторомъ Формозы морской министръ маркизъ Саито.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Государственный Секретарь увѣдомилъ, что составленное государственною канцеляріею и отпечатанное въ государственной типографіи сводное продолженіе Вселюднѣйшаго повергнуто имъ на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора. Его Императорское Величество, соизволивъ принять означенное продолженіе, 27-го декабря 1895 года, Высочайше соизволилъ на внесеніе оного въ Правительствующій Сенатъ, для обнародованія. О вышензложенномъ министръ юстиціи, 3-го января 1896 года, предложилъ Правительствующему Сенату, вмѣстѣ съ экземпляромъ упомянутаго изданія, присовокупляя, что означенное сводное продолженіе и вошедшія въ него новыя изданія нѣкоторыхъ частей свода законовъ Высочайше повелѣно именовать продолженіемъ и изданіями 1895 года.

— Государственный Совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода объ увеличеніи, съ 1896 года, кредита на содержаніе городского и сельскаго духовенства, мнѣніемъ положилъ: въ дополненіе къ суммамъ, отпускаемымъ нынѣ на содержаніе городского и сельскаго духовенства, отпустить изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1896 года, по пяти-сотъ тысячъ рублей въ годъ, со внесеніемъ сего расхода въ подлежащее подраздѣленіе финансовой смѣты Святѣйшаго Синода.

— Черноморскій флотъ въ серединѣ прошлаго декабря началъ кампанію по внезапно отданному приказанію, причемъ офицеры были собраны разосланными повѣстками и всѣ команды перешли на свои суда къ 8 часамъ утра въ порядкѣ и сейчасъ же приготовились къ выходу въ море, что было возможно вслѣдствіе того, что всѣ механизмы были собраны и вооруженіе находилось на своихъ мѣстахъ, по правиламъ для вооруженія резерва. Произведенныя немедленно испытанія на ходу и боевая стрѣльба подтвердили дѣйствительную боевую готовность флота, а соединенное маневрированіе въ теченіе двухъ сутокъ при

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Еще блинный чадъ носится тяжелыми удлинными клубами и въ воздухѣ, и въ головѣ прилежно исполняющихъ завѣты старины обывателей. Еще недавно смолкли захватскіе бубенчики веекъ и эти угрюмые «пасынки природы» повезли вырученныя деньги домой... Еще не сняли съ Марсова поля тѣхъ подмостковъ, на которыхъ подвизался знаменитый клоунъ Дуровъ... Но что-же горевать! Что вейки, балаганы, блины!.. Не говори съ тоской; «ихъ нѣтъ», а съ благодарностію—«были!» Какія-же особо интересныя событія произошли на масляной недѣлѣ?.. Заботливый фельетонистъ, конечно, обязанъ подвести балансъ всѣмъ проторямъ и убыткамъ обывательскихъ желудковъ, кармановъ и такъ далѣе... Относительно послѣднихъ, могутъ отвѣчать, впрочемъ, тѣ метръ-дотели ресторановъ и клубовъ, которые соблазняютъ вкусъ и взоръ публики. Но карманы, какъ извѣстно, у насъ гораздо слабѣе желудковъ, а потому

ихъ и чаще осаждаютъ. Зрѣлища! зрѣлища! сколько вы стоите Петербургу и какія вы—извините за откровенность!—бываете плохія!.. Конечно, опытные увеселители сдобриваютъ грѣшный и пріѣвшійся прейскурантъ увеселеній припостями отечественнаго изобрѣтенія. Такъ, пресловутое коновское «обозрѣніе» было приправлено на масляной недѣлѣ «преміей за красоту дамъ». Призомъ служила яко-бы японская ваза, которая и досталась какой-то молодежькой и вертлявой особѣ, собравшей 305 билетовъ на премію. Можно, конечно, предполагать, что вертлявость много помогла въ данномъ отношеніи счастливѣцѣ.

Умерла Дарья Михайловна Леонова, феноменальный голосъ которой восхищалъ почитателей, хотя не теперешній, но сравнительно недавней русской оперы. Ученица самого Глинки, любимица Стрѣкова—Д. М. была первою русской пѣвицей, снискавшей себѣ громкую славу не только на родинѣ, а и въ чужихъ краяхъ. Леонова первая рѣшилась сдѣлать артистическое путешествіе, чтобы познакомить новыхъ слушателей съ мотивами Глинки и Стрѣкова. И этотъ крупный талантъ,

эта болѣе 20-ти лѣтъ поддерживавшая русскую оперу пѣвица—не спаслась отъ сравнительной бѣдности: въ послѣднее время ея жизни давались въ пользу ея концерты. Да, блестящая жизненная дорога артистическаго таланта, но какъ видно, не всегда приводитъ она и къ обезпеченной старости. На комъ лежитъ отвѣтственность за покойный конецъ жизни артистовъ? Не на публикѣ-ли?..

Весна и поздняя осень—двѣ поры наиболѣе обильныя самоубійствами, такъ какъ въ это время погода оказываетъ самое большое вліяніе на настроеніе духа. Раздражающій влажный воздухъ ранней весны, навѣвающей какія-то неопредѣленныя стремленія, какія-то неудовлетворенныя желанія—унесъ и въ этомъ году нѣсколько челоуѣческихъ жертвъ. Много говорятъ о самоубійствѣ одного молодого, состоятельнаго челоуѣка, причемъ, по слухамъ, въ этомъ замѣшана и женщина, и какое-то слово, данное товарищамъ. Всего же вѣроятнѣе, что молодой самоубійца спусилъ курокъ просто отъ моднаго нынѣ «пресыщенія жизнью». Ужасно, какъ скоро и легко молодежь наша пресыщается за послѣднее время

морозъ и свѣжемъ вѣтрѣ показало хорошую подготовку въ этомъ отношеніи.

— На разсмотрѣніи министерствъ внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія и финансовъ находится въ настоящее время рядъ ходатайствъ горнопромышленниковъ юга Россіи. Главнѣйшія изъ нихъ сводятся къ слѣдующему: 1) пониженіе тарифовъ на перевозку со станцій Полѣскихъ желѣзныхъ дорогъ лѣса для крѣпленія шахтъ и подземныхъ галерей; 2) постройка подъѣздныхъ путей.

— Начались занятія образованной при министерствѣ финансовъ, подъ предсѣдательствомъ директора департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскаго, комиссіи по вопросу объ устройствѣ мѣстныхъ повѣрочныхъ учреждений. Послѣ открытія засѣданія, комиссія была ознакомлена съ довольно подробной справкой о современном положеніи обращающихся въ торговлѣ мѣръ и вѣсовъ.

— Среди членовъ харьковскаго общества рамотности возникла мысль объ организаціи въ Харьковѣ новаго общества для устройства народныхъ увеселеній. Инициаторы этого дѣла ставятъ своей задачей устройство не только народныхъ спектаклей, но и чайныхъ съ газетами и журналами, клубовъ, разнаго рода чтеній и туманныхъ картинъ.

— Въ февралѣ предполагается поѣздка внутрь Персіи съ зоологическою цѣлью. Ѣдетъ Н. А. Зарудный, занимавшійся научными изслѣдованіями въ Оренбургской губерніи, Закаспійскомъ краѣ и въ провинціи Хорасанъ. Г. Зарудный намѣренъ сдѣлать рядъ наблюденій гнѣздованія и разныхъ явленій изъ жизни птицъ. Поѣздку онъ совершаетъ съ субсидіей въ 400 р. отъ зоологическаго музея Академіи Наукъ.

— При виленскомъ Свято-Духовскомъ братствѣ образовался особый комитетъ, имѣющій цѣлью изданіе религіозно-просвѣтительныхъ книгъ для православнаго русскаго народа въ Сѣверо-Западномъ краѣ Россіи.

— Въ 1895 г. лицъ призывнаго возраста въ Европейской и Азіатской Россіи числилось по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ 982,227 ч. и, кромѣ того, изъ туземнаго населенія Закавказья и инородцевъ Терской и Кубанской областей 25,318 ч. Въ число, назначенное по разверсткѣ къ поступленію на службу, принято 272,992 ч. Недоборъ исчи-

сляется въ 1,658 ч. Не явилось къ призыву 30,498 ч., въ томъ числѣ 7,524 еврея. По невозможности дана отсрочка 97,093 ч.; въ ратники перваго разряда зачислено 220,163 ч. Изъ туземнаго населенія Закавказья и инородцевъ Терской и Кубанской областей принято 2,749 ч., съ недоборомъ 1.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

29 января начались занятія петербургскаго губернскаго собранія. Засѣданіе было открыто спб. губернаторомъ графомъ С. А. Толь невольною рѣчью, въ которой онъ выразилъ надежду, что земство обратитъ надлежащее вниманіе на вопросы о призрѣніи душевнобольныхъ, устройства домовъ трудолюбія и работы по содержанію дорогъ. Предсѣдательствуетъ въ собраніи старѣйшій изъ уѣздныхъ предводителей дворянства — петергофскій, баронъ М. Н. Корфъ. Собранію предстоитъ разсмотрѣть отчетъ за 1894 г. и до ста докладовъ управы по различнымъ отраслямъ земскаго хозяйства. Въ эту же сессію собранію предстоятъ выборы предсѣдателя и членовъ управы, а также другихъ должностныхъ лицъ.

— Въ петербургскомъ университетѣ возобновилось чтеніе лекцій по судебной психіатріи, прекратившееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ среду, 24 января, въ актовомъ залѣ университета приватъ-доцентъ, д-ръ медицины Б. В. Томашевскій прочелъ вступительную лекцію «О психическомъ вырожденіи въ его судебно-психіатрическомъ и общественномъ отношеніи».

— Въ историческомъ обществѣ въ засѣданіи 24 января С. М. Середонинъ прочелъ рефератъ о «Значеніи помѣстнаго и денежнаго окладовъ въ исторіи служилого класса московскаго государства». Докладъ этотъ интересенъ подробной характеристикой тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось наше дворянство.

— Въ обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговли, въ общемъ собраніи, 24 января, Н. Я. Яковсонъ сдѣлалъ сообщеніе «о мѣропріятіяхъ для урегулированія нашей промышленности и торговли».

— Городская спб. управа снова поставила на очередь вопросъ о переустройствѣ ваго-

новъ конно-желѣзныхъ дорогъ, съ цѣлью приспособленія ихъ для проѣзда женщинъ на имперіалахъ вагоновъ. Предполагается избрать особую комиссію, которая выработаетъ типъ лѣстницы, наиболѣе удобной для поднятія по ней женщинъ на имперіалы вагоновъ.

— Разрѣшено учредить въ Петербургѣ «Общество посыльныхъ-сорокоходовъ» для введенія и эксплуатаціи электрическихъ вызововъ—посредствомъ особыхъ аппаратовъ въ связи съ услугами и посыльныхъ-сорокоходовъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

29-го января въ русскомъ жепскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ баронесса А. И. Будбергъ читала докладъ о своей первой сельско-хозяйственной школѣ—въ Поме-мунѣ (Курляндія). Слушательницъ собралось очень много. Проектъ баронессы Будбергъ объ открытіи агрономическаго института для женщинъ съ высшимъ образованіемъ возбудилъ искреннее сочувствіе.

— Въ открытую на-дняхъ очередную сессію петербургскаго губернскаго земства вносится, между прочимъ, вопросъ объ учрежденіи должностей агрономическихъ смотрителей, съ тѣмъ, чтобы таковыя назначались за счетъ земства министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

— На разсмотрѣніе министерства финансовъ поступило ходатайство херсонскаго земскаго банка о расширеніи операцій выдачи ссудъ подъ виноградники.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Къ соисканію преміи Императорскаго спб. минералогическаго общества—«Николая-Максимиліановской золотой медали» въ триста рублей и двухсотъ рублей деньгами—въ этомъ году допущены сочиненія по минералогіи. На конкурсъ могутъ быть представлены какъ спеціальныя сочиненія, такъ и учебники. Пріемъ конкурсныхъ сочиненій, прекращается 1-го августа; послѣ этого срока только члены минералогическаго общества могутъ представлять на конкурсъ сочиненія, не присланные самими авторами, но не позже 1-го октября.

жизнью. Точно завтракъ съѣлъ въ ресторанѣ—и сытъ. Добро бы дѣйствительно тутъ были замѣшаны неудовлетворенныя желанія, неопредѣленные стремленія! А то вѣдь у нашей молодежи стремленія, по вывѣшнымъ временамъ, весьма опредѣленныя — на теплое мѣстечко, а то и ближе — въ буфетъ!..

* * *

Происходятъ, съ легкой руки шахматистовъ, псяческіе турниры! Былъ турниръ силачей... Любопытная, гогоучая публика цирка Чипизелли смотрѣла, какъ мясникъ Трусовъ, булочникъ Матюшенко и еще такіе-же популярныя «современные дѣятели» вытягивали тяжеловѣсныя штанги, поднимали ихъ, вертѣли. Затѣмъ происходилъ двухдневный турниръ конькобѣжцевъ! Двухдневный! Много, значить дней-то свободныхъ у нашей публики!.. И что-же случилось? — Первый призъ, да еще по всѣмъ четыремъ разрядамъ, получилъ нѣкій голландецъ Эденъ, какъ нарочно, пріѣхавшій изъ страны голландскихъ селедокъ, чтобы осрамить нашихъ спортсменовъ ледяного поля. Да и развѣ это удивительно! Вѣдь голландецъ на конькахъ родился, конь-

комъ повить, конькомъ выкормленъ. Онъ и спитъ-то чуть не на конькахъ, а ужъ ухаживаетъ, гуляетъ, танцуетъ, конечно, на нихъ. Еще происходитъ въ какомъ-то клубѣ турниръ на бильярдахъ, причемъ тайна сего важнаго явленія общественной жизни ревниво скрывается отъ нескромныхъ очей. Вотъ если-бы на бильярдный турниръ пригласили маркеровъ отъ Доминика, да еще изъ двухъ-трехъ святилищъ и академій благороднаго бильярднаго искусства—ну, тогда-бы, пожалуй, было-бы интересно полюбоваться!..

* * *

Литературно-артистическое общество хочетъ въ своемъ Маломъ театрѣ возродить переставшіе интересовать публику маскарады. Для этого, конечно, надо много вкуса, много старанія, и, кажется, у заправилъ этой затѣи нѣтъ недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ. Артистки многихъ труппъ участвуютъ въ этихъ праздникахъ, продавая въ кіоскахъ различныя вещи. Собирается много свѣтскихъ кавалеровъ, не менѣе литераторовъ. Особый успѣхъ, кажется, имѣетъ серпантинъ, конфетти, бумажная баталія. Эти всѣ нововведе-

нія какъ-то привились къ веселому характеру русской публики.

* * *

Курьезныя дѣла происходятъ! Вотъ длится, напримѣръ, борьба сторонниковъ классическаго воспитанія съ противниками оного. Происходитъ засѣданіе общепедагогическаго отдѣла, и... находятъ, что ничкать головы подросткающаго поколѣнія тяжеловѣсною латынью — необходимо! Кажется, къ этому выводу пришли уже давно-давно... Нѣтъ, не скоро еще греческій и латинскій камни преткновенія на учебной стезѣ нашего многострадальнаго юношества уничтожатся. Да это и было-бы странно—представить себѣ гимназіста безъ греческой и латинской единицы.

* * *

Городская комиссія по водоснабженію что-то сулитъ петербуржцамъ массу миллионовъ ведеръ воды. Но и за это грозитъ, кажется, отдѣльная плата... Скоро, вѣроятно, доберутся и до воздуха. Придется, пожалуй, дышать аномальнѣе,—такъ, раза два въ минуту. Времени!..

Муръ.

— Конкурсъ на премію имени профессора Н. В. Склифосовскаго въ с.-петербургскомъ медицинскомъ обществѣ продолженъ на текущій годъ въ виду того, что изъ поданныхъ въ 1895 году сочиненій ни одно не было удостоено этой преміи.

— Министерствомъ народного просвѣщенія рѣшено, какъ мы слышали, въ ближайшемъ будущемъ приступить къ пересмотру дѣйствующихъ для начальныхъ еврейскихъ школъ правилъ и программъ.

— Императорской военно-медицинской академіей назначено производство испытаній на фармацевтическія званія съ 1-го февраля по 15-е марта.

ИСКУССТВО.

Городская художественная Третьяковская галерея въ Москвѣ получила въ прошломъ году значительное приращеніе, о чемъ было доложено въ засѣданіи московской городской думы 23-го января. На отпущенные городомъ въ 1895 г. 5,000 руб. галерею приобрѣтены у г-жи Юнге два альбома оригинальныхъ рисунковъ, четыре восковыхъ барельефа и мраморный бюстъ — работы покойнаго отца ея, извѣстнаго художника гр. О. П. Толстого. На проценты съ капитала С. М. Третьякова (5,280 руб. 10 коп.) приобрѣтено 6 картинъ, въ томъ числѣ «Кама» А. Васнецова, «Мать и дочь» В. Е. Маковского и «Ссора изъ-за картъ» его же. Въ послѣднюю треть истекшаго года галерея получила отъ разныхъ лицъ въ даръ картину «Тайная вечеря» работы покойнаго профессора С. А. Живаго, нѣсколько портретовъ и три рисунка работы профессора М. В. Воробьева. Попечитель галереи И. М. Третьяковъ, по словамъ московскихъ газетъ, пожертвовалъ въ теченіе года тринадцать картинъ масляными красками, въ числѣ которыхъ находятся: «Вечерня въ церкви св. Франциска въ Асези» М. Боткина, «Этиюдъ лѣса» Шишкина и «Двадцать этюдовъ изъ путешествія въ Іерусалимъ» В. Д. Полѣнова, а также 29 рисунковъ разныхъ художниковъ, въ томъ числѣ К. П. Брюлова (пить), О. А. Бруни и П. А. Федотова.

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

31-го января въ Маріинскомъ театрѣ состоялось двадцатипятилѣтіе оперы «Вражья сила», А. Сѣрова. Спектакль былъ особенно торжественный и собралъ массу избранной публики.

— Въ память двадцатипятилѣтней кончины Сѣрова въ Панаевскомъ театрѣ шла на-дняхъ «Рогвѣда». Это совпало съ бенефисомъ тенора г. Ф. Соколова, который выступилъ въ роли Руальда, одной изъ лучшихъ въ его репертуарѣ. Послѣ сцены и аріи 3-го дѣйствія публичка, устроила бенефицианту овацію, съ подношеніями разныхъ цѣнныхъ подарковъ и цвѣтовъ. Рогвѣду пѣла г-жа Любатовичъ. Балладу «Застонало сине море» она вынуждена была повторить. Отличнымъ княземъ былъ г. И. Я. Соколовъ. Роль шута исполнилъ типично г. Довѣринъ-Кравченко; хорошъ былъ въ партіи странника г. Дементьевъ.

— 30-го января въ Маломъ театрѣ была дана въ первый разъ надѣлавшая много шуму и имѣвшая въ Парвѣ громаднѣйшій успѣхъ комедія Сарду весьма сносно. Первый актъ, требующій особеннаго оживленія, шелъ вяло, неровно. Въ остальныхъ хороши были г-жи Паскалова и Каратыгина и гг. Анчаровъ Эльстонъ, Высоцкій и Красовъ. Постановка

«Марсели» весьма хороша. Группы, планировка сцены, декорации, все это очень хорошо и живописно.

— Въ бенефисъ Андріе, на Михайловскомъ театрѣ возобновили старую комедію Гондива и Биссона — «Un voyage d'agrément». Комедія эта весела по своей темѣ. Бенефициантъ, г. Андріе, игравшій главную роль Фернанда де-Сюзора, былъ не въ ударѣ и безъ веселости провелъ свою роль. Изъ другихъ артистовъ наиболѣе выдѣлялись г. Делормъ въ роли молодого адвоката, добивающагося руки племянницы де-Сюзора, и г. Куперъ — директоръ тюрьмы. Женскія роли въ комедіи совершенно безцвѣтны.

— Въ Акваріумѣ, въ бенефисъ г-жи Зембрихъ съ огромнымъ успѣхомъ дали «Люцію», которая имѣетъ прежде всего за собою несомнѣнную талантливость музыки. Помимо красоты голоса и рѣдкаго искусства пѣнія, въ которомъ г-жа Зембрихъ имѣетъ такъ мало соперницъ, пѣвица исполнила эту роль еще съ особымъ вдохновеніемъ. Зала «Акваріума» переполненная, какъ всегда въ торжественныхъ случаяхъ, аплодировала какъ одинъ человекъ, слушая великую художницу пѣнія, заставившую всѣхъ пережить незабываемые моменты. Оваціи, которыя масса публики вчера дѣлала г-жѣ Зембрихъ были безконечны. Г-жа Зембрихъ — истинное украшеніе лирическаго искусства нашихъ дней. Имя ея будетъ блескѣть и тогда, когда померкнутъ многія другія имена. Успѣхъ Зембрихъ дѣлалъ и Котопи.

— Въ бенефисъ г. Полонскаго у Неметти или «Цвѣты просвѣщенія» г. Сикевича. Названная въ афишѣ комедія — грубый, пошлый фарсъ съ претензіями на сатиру. Никакой сатиры въ шестъ пѣтѣ. Произведеніе г. Сикевича потерпѣло въ Москвѣ фиаско, лѣтомъ оно шло въ «Аркадіи» и не удалось на сценѣ театра Неметти.

— Въ кредитномъ собраніи концертировалъ съ успѣхомъ г. Зауэръ. Зауэръ произвелъ сильное впечатлѣніе своимъ рѣдкимъ дарованіемъ. Программа его вечера составлена была интересно; въ ней встрѣчались сочиненія, рѣдко исполняемыя другими пианистами, наприм., вариации (H-moll) Шуберта-Паузинга, мастерски имъ сыгранныя, и болеро Шопена. Сонату Бетховена ор. 110 тоже не часто приходится слышать.

— Въ Москвѣ, трагикъ России въ бенефисъ его, кромѣ вѣнковъ и подарковъ, поднесены председателемъ Общества любителей россійской словесности: дипломъ на званіе почетнаго члена и адресы отъ журнала «Русская Мысль», «Московскихъ Вѣдомостей», Общества искусства и литературы, студентовъ университета и артистовъ русской и итальянской оперы.

БИБЛОГРАФІЯ.

Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г. Ц. 1 р.

Армянскій вопросъ возбуждаетъ теперь всеобщій интересъ. По этому поводу и издана названная книга съ портретами В. Гадстона и католика Мкртича І. Въ книгѣ помѣщены: рѣчь Гадстона, статья Ролень-Жеммена, Макъ-Коля, Грина, Диллона, Діева и др. Профессоръ Л. А. Комаровскій предпосылаетъ этому всему весьма интересное предисловіе.

Сочиненіе Шелли. Выпускъ 4-й, переводъ К. Д. Бальмонта. Ц. 50 к.

Прекрасно переведенный и изданный четвертый выпускъ стиховъ Шелли, благодаря таланту г. Бальмонта, конечно, будетъ имѣть такой-же успѣхъ, какъ и предшествующіе выпуски. Въ этомъ выпускѣ помѣщены: поэма «Эпипсихидіонъ» — восторженный гимнъ высшей, чистѣйшей любви — два лирическихъ стихотворенія: «Вопросъ» и «Облако» и, наконецъ, прозаическій этюдъ: «Въ зачатѣ поэзіи». Въ оригинальномъ талантѣ г. Бальмонта есть что-то родственное Шелли и потому неумудрено, что переводы сдѣланы прекрасно.

Сердечное слово. С. Волженскій.

Брошюрка г. Волженскаго имѣетъ цѣлью высказать народнымъ наставникамъ ихъ обязанности и очертить кругъ ихъ дѣятельности. Брошюрка и посвящается народнымъ наставникамъ.

Патріаршіе пѣвчіе, дяки и поддѣяки. Прот. Д. В. Разумовскаго. Ц. 50 к.

Извѣстный знатокъ исторіи русскаго церковнаго пѣнія протоіерей Разумовскій скончался въ 1889 г. Онъ написалъ и издалъ до 11 сочиненій по своей специальности. Названный нами очеркъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ.

Іерусалимъ и св. земля. Г. Бѣловъ. Ц. 40 к.

Г. Бѣловъ даетъ намъ интересный рассказъ о путешествіи холмскихъ паломниковъ ко гробу Господню. Эти очерки выходятъ вторымъ изданіемъ и снабжены 16-ю рисунками.

ЮБИЛЕИ и ГОДОВЩИНЫ.

Царь Іоаннъ Алексѣевичъ. — 29-го января нынѣшняго года исполнилось двѣсти лѣтъ со дня кончины государя Іоанна Алексѣевича, сына царя Алексѣя Михайловича и брата Петра Великаго: онъ скончался 29 января 1696 г. и погребенъ въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

— На-дняхъ праздновался 50-лѣтній юбилей пріюта принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго.

— Н. А. Кремлевъ. — 28-го января, исполнилось сорокъ лѣтъ служебной дѣятельности заслуженнаго профессора по кафедрѣ римскаго права Н. А. Кремлева, читающаго лекціи въ с.-петербургскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента.

НЕКРОЛОГИ.

Н. Н. Страховъ. — 24-го января, въ 8 час. утра, скончался на 68 году отъ рожденія Николай Николаевичъ Страховъ, извѣстный талантливый публицистъ, философъ и критикъ. О трудахъ этого выдающагося писателя мы скажемъ подробно въ слѣдующемъ номерѣ нашего журнала, о помѣщая портретъ покойнаго.

— Д. М. Леонова. 25-го января, скончалась Дарья Михайловна Леонова — краса и сила бывшей русской оперы. Дочь бѣднаго чиновника, Д. М. вмѣстѣ съ отцомъ пріѣхала въ Петербургъ. Красота ея голоса, талантливость и выразительность ея исполненія сразу обратили на нее вниманіе. Она была принята въ русскую оперу, успѣхи ея росли съ каждымъ годомъ. Глинка, Сѣровъ, Мусоргскій и другіе русскіе композиторы видѣли въ ней громаднѣйшій своеобразный талантъ. Глинка не мало занимался съ Леоновою и далъ ей указанія для исполненія партіи Вани въ «Жизни за Царя» и Ратмира въ «Русланѣ». Леонова была въ свое время образцовою исполнительницею этихъ партій. Она пѣла не только русскія, но всевозможныя роли въ операхъ тогдашняго репертуара и иногда передавала ихъ съ поразительною силою (напр., Азучена въ «Трубадурѣ»). Лучшее всего талантѣ ея проявлялся въ роляхъ русскихъ: — такъ, въ оперѣ Сѣрова «Вражья сила» ея исполненіе партіи Спиридоновны было прямо типично. Д. М. Леонова скончалась почти наканунѣ двадцатипятилѣтія оперы, гдѣ она играла видную роль. Д. М. была на сценѣ болѣе 20-ти лѣтъ. Въ этомъ номерѣ на 128 страницѣ мы помѣщаемъ рисунокъ, изображающій Д. М. Леонову въ роли Спиридоновны, а Сариотти въ роли Еремки (изъ оперы «Вражья сила», А. Сѣрова).

— Гр. М. В. Толстой. Скончался въ Москвѣ на 84-мъ году жизни, извѣстный дѣятель въ области церковно-исторической литературы, графъ Михаилъ Владиміровичъ Толстой. Покойный родился въ 1812 году, получилъ блестящее домашнее образованіе, затѣмъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ со званіемъ лекаря и съ серебряной медалью за сочиненіе по хирургіи. М. В. занялся благотворительностью и изученіемъ памятниковъ церковной старины. Будучи хорошо знакомъ по мѣсту своего первоначальнаго воспитанія въ Московской духовной Академіи съ братіей Троице-Сергіевой лавры,

онъ получилъ возможность работать въ лаврскомъ архивѣ и библіотекѣ; затѣмъ онъ напечаталъ въ 1840 году книгу: «Жизнь и чудеса св. Николая Мирликійскаго чудотворца», выдержавшую шесть изданій. Потомъ онъ выпустилъ рядъ другихъ прекрасныхъ изданій, посвященныхъ описанію жизни святыхъ и русскихъ подвижниковъ.

— П. Ф. Стефановскій. 26-го января, скончался во Владикавказѣ, пользовавшійся популярностью на Кавказѣ общественный и литературный дѣятель Павелъ Фроловичъ Стефановскій. Уроженецъ Харьковской губерніи, онъ получилъ высшее сельско-хозяйственное образование, по окончаніи котораго въ 1881 году устраивалъ въ Курской губерніи учебное хозяйство первой въ Россіи низшей сельско-хозяйственной школы нормальнаго типа. Главная дѣятельность покойнаго длилась однако, затѣмъ на Кавказѣ. П. Ф. собиралъ образцы кавказской народной поэзіи и хорошо зналъ послѣднюю. Онъ основалъ газету «Кавбекъ».

СПОРТЪ.

— 28-го января, на бѣгу разыгрывался императорскій призъ, достигавшій суммы въ 17,720 руб. Призъ оспаривало семь лошадей, изъ которыхъ выиграла кобыла О. П. Добрыниной «Балдерка», завода А. Н. Добрынина, прошла она четыре версты съ прекрасною рѣзвостью въ 6 м. 48¹/₄ с. Побѣда «Балдерки» была встрѣчена всеобщими рукоплесканіями. За два дня до розыгрыша этого приза, ей была единогласно присуждена 1-я премія за красоту формъ и статей. Второй призъ достался «Чудному» 2-му В. Т. Молостова, пришедшему въ 6 м. 50 с. и третій—«Ворожею» П. П. Мосолова, бывшему у звонка въ 6 м. 53¹/₄ с.

— На дняхъ происходилъ двухдневный турниръ конькобѣжцевъ. Результатъ турнира слѣдующій: Я. Эдэнъ получилъ четыре первыхъ приза и золотую медаль «перваго конькобѣжца въ свѣтѣ въ 1896 г.». Г. Эстландеръ получилъ три вторыхъ приза и одинъ третій; г. Дж. Винкъ—2 третьихъ приза; г. Мюллеръ—1 третій и 2 четвертыхъ приза г. Быстровъ—1 четвертый призъ; г. Россъ—1 четвертый призъ и г. Папикинъ—одинъ четвертый призъ. Публика устроила голландцу г. Эдэну овацію. Онъ заслужилъ эту овацію, такъ какъ, до сихъ поръ, не было еще такого случая, чтобы участникъ турнира вышелъ побѣдителемъ на всѣхъ назначенныхъ по программѣ дистанціяхъ. Г. Эдэнъ участвовалъ въ четырехъ состязаніяхъ нынѣшняго турнира, и во всѣхъ состязаніяхъ вышелъ побѣдителемъ. Такимъ образомъ, онъ показалъ замѣчательную рѣзвость (въ состязаніи на 500 метровъ) и изумительную выносливость (на дистанціи въ 10,000 метровъ). Впрочемъ, всемірнаго рекорда на дистанцію въ 10,000 метровъ онъ не побилъ. Рекордъ этотъ 17 м. 56 сек.

24-го января въ циркѣ Чинизелли было первое состязаніе любителей-силачей. Собственно отличились трое изъ нихъ: гг. Тусовъ, Матюшенко и Медвѣдевъ. Выбрасываніе правой и лѣвой руками небольшой штанги продѣлали немногіе. Одной только правой продѣлалъ 3 раза Липанинъ и 1 разъ Орловъ. Двумя руками штангу въ 5 пуд. Матюшенко толкнулъ 4 раза, Тусовъ—3 и Медвѣдевъ—1. Въ общемъ всѣхъ движеній Матюшенко сдѣлалъ 52, Тусовъ—36¹/₂, Медвѣдевъ—22, Липанинъ—20, Зотовъ—19 и Орловъ 11. По приговору трехъ опытныхъ и лучшихъ любителей составлявшихъ, по приглашенію г. Чинизелли, жюри, серебряный жетонъ былъ присужденъ г. Матюшенко.

— С.-Петербургскій кружокъ любителей спорта устроилъ недавно весьма любопытное состязаніе бѣга на лыжахъ. Бѣгъ былъ въ три «заѣзда»... Дистанція для первыхъ двухъ «заѣздовъ» опредѣлена въ 1 километръ (466²/₃ саженей). Судьи г. Москвинъ, Пауль и Спельманъ помѣщались у Крестовскаго острова и отсюда состояющіеся направлялись по Большой Невкѣ къ ресторану Фелисьена, гдѣ дѣлали поворотъ, и возвращались къ судейскому мѣсту. Награды присуждены по всѣмъ заѣздамъ. Завладѣвъ золотой жетонъ, ему же серебряный, Кравцову и Пауль—

тоже по серебряному жетону. Слѣдующее состязаніе будетъ въ февралѣ.

— Изъ Петербурга вчера отправился «скороходъ» Бондаревскій, задавшійся цѣлью совершить путешествіе по «образу пѣшаго хожденія» въ Сибирь. «Курсъ» онъ намѣренъ держать черезъ Москву, Ярославль и т. д. Каждый день пропутешествовать по 84 версты при хорошей дорогѣ и по 55 в. при дурной, снѣжной. Въ Москвѣ онъ намѣренъ вызвать соребнователей...

ПРОИСШЕСТВІЯ И ПРОЦЕССЫ.

Якутскій богъ. Въ Гижигинскѣ, Колымскаго края, въ которомъ только числятся жители, и построекъ въ которомъ одна или двѣ, былъ исправникъ. Исправникъ сошелъ съ ума и провозгласилъ себя Юрингъ Ли-Тойеномъ (главнымъ богомъ ламутскаго и якутскаго пантеона). Юрингъ Тойену стали воздавать божескія почести. Каждый день его съ большою торжественностью носили по городу при безпрерывномъ колокольномъ звонѣ. Прошелъ годъ, во Владивостокъ не прибываютъ никакія вѣсти отъ гижигинскаго исправника, и капитану парохода (приходившему въ Гижигинскъ всего разъ въ годъ) поручается узнать въ чемъ дѣло. Два года подрядъ капитану жители давали неизмѣнный отвѣтъ, что исправникъ ухалъ по дѣламъ службы въ округъ. На третій годъ, капитанъ, сдѣлавъ видъ, что ушелъ, вернулся ночью и къ утру послалъ баркасъ къ городу. Вдоль берега всюду пылали громадные костры. Прибывшихъ встрѣтила удивительная процессія. На высокихъ носилкахъ, обвѣшанный крылышками куропадокъ, лентами, пучками волосъ, бубенчиками, важно засѣдалъ гижигинскій богъ. Носилки таскали на плечахъ восемь разряженныхъ якутовъ, а вокругъ носилокъ съ визгомъ вертѣлись всѣ обыватели города; впереди отплясывали аюны (шаманы), колола изо всѣхъ силъ въ плоскіе, глухіе бубны. Это—население праздновало избавленіе своего бога отъ великой опасности. Бога забрали въ баркасъ, пересадили на пароходъ и отвезли во Владивостокъ, въ домъ для умалишенныхъ.

Страшная смерть. Въ одномъ изъ русскихъ портовъ погибъ страшною смертью еврей-переселенецъ. Посадка на пароходъ партіи назначена была утромъ. Но такъ какъ въ партіи были, между прочими, 18 молодыхъ евреевъ, не имѣвшихъ паспортовъ, а передъ выходомъ парохода въ море пассажиры обыкновенно обходятъ жандармы именно для осмотра паспортовъ, то рѣшили обмануть бдительность властей. Ночью, накачнувъ отхода судна, провели на пароходъ 18 евреевъ, которыхъ и спустили тамъ въ какое-то, ниже еще трюма находящееся, помѣщеніе и наглухо замкнули его, замаскировавъ входъ. Въ 10 часовъ утра жандармы обходили пароходъ и, не найдя ничего подозрительнаго, отпустили его въ плаваніе. Между тѣмъ пароходные узники, уже тотчасъ послѣ заключенія почувствовали, что имъ не хватаетъ воздуха. Съ каждой минутой положеніе ихъ становилось тяжелѣе. Сперва они все-таки опасались подавать о себѣ признаки жизни, чтобы не обратитъ вниманія бывшихъ на пароходѣ лицъ, но, потомъ, задыхаясь, начали стучать, кричать, искать выхода... Однако, крики ихъ не были услышаны, или ихъ не хотѣли услышать, такъ какъ на пароходѣ съ утра уже производился таможенный досмотръ. Наконецъ, всѣ формальности были окончены. Пароходъ снялся съ якоря и вышелъ въ море. Тогда только капитанъ сдѣлалъ распоряженіе открыть таинственный люкъ, и взорамъ представилась такая картина: всѣ 18 евреевъ лежали въ глубокомъ обморочномъ состояніи, съ искаженными чертами лица. Шестеро евреевъ задохлись до смерти и были тутъ же, по распоряженію капитана, выброшены въ море.

Одесская буря. Страшная буря разыгралась на дняхъ въ Одессѣ. Въ Одессѣ сила шторма была настолько чувствительна и даже разрушительна, что 20-го января, въ 1 часъ дня, была сорвана крыша волнистаго желѣза, покрывавшая оваломъ пакгаузъ Русскаго общества пароходства и торговли, на Новомъ

молѣ. По счастью, на набережной никого не было. Это совершилось такъ скоро и неожиданно, что никто изъ служащихъ въ пакгаузѣ и опомниться не могъ, какъ они очутились подъ открытымъ небомъ. Подхваченная съ навѣтренной стороны крыша была опрокинута ровнымъ пластомъ на другую сторону, покрывъ собою полотно желѣзной дороги. Самая незначительная часть крыши осталась на зданіи, а площадь въ 200 квадр. саженъ была переброшена, какъ листъ бумаги. Шторму же должны быть приписаны и опозданія пароходовъ. Въ Севастополѣ штормъ 19-го и 20-го января не позволилъ выйти пароходамъ Русскаго общества пароходства и торговли «В. К. Ольга» и «Императрица Марія». Ожидавшій пароходъ «Царь» изъ александрійскаго рейса также до вечера 20-го января не приходилъ еще. При всемъ этомъ, изъ Одессы ушли пароходы: «Цесаревна» крымско-кавказскимъ прямымъ и «Нахимовъ» анатолійскимъ рейсомъ. Пароходъ «Нахимовъ» снялся изъ Одессы въ 12 час. дня, но выйти изъ воротъ у Воронцовскаго маяка не могъ, даже при помощи парохода «Полезный». Причиной этому послужили англійскіе пароходы, которые, вопреки распоряженію капитана надъ портомъ—не входятъ въ гавань до освобожденія ея отъ нагруженныхъ пароходовъ,—запрудили выходъ, съузивъ его до того, что пытаться выходить «Нахимову», безъ риска серьезной аварии было неблагоприятно и почти невозможно. Уже было 5 час. вечера и часъ прошелъ противъ опредѣленнаго времени для съемки парохода «Чихачовъ» александрійскимъ рейсомъ, а пароходъ «Нахимовъ» торчалъ у выхода въ безпомощномъ состояніи. И это въ благоустроенномъ портѣ! Штормъ угналъ въ море столько воды, что уровень ея въ гаваняхъ понизился на 2 фута съ лишнимъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

На лыжахъ въ Америку. Нѣсколько дней тому назадъ одинъ морякъ и одинъ спортсменъ, оба посѣще одно имя—*1 англійецъ*, отправились изъ Христіаніи на лыжахъ въ Сѣверо-Американскіе Штаты, въ Дронтеймъ. Онъ намѣренъ завестись различными инструментами, картами, записными книжками. Маршрутъ предполагается слѣдующій: черезъ сѣверную Швецію въ Ваддѣ на Варангфюрдѣ, гдѣ они надѣются быть черезъ три мѣсяца. Оттуда черезъ сѣверную Финляндію, Архангельскую губернію, сѣверную Сибирь, гдѣ они собираются обратитъ свои лыжи въ сани и отправиться далѣе на собакахъ, вѣроятно, путешествуя съ помощью собакъ до самаго Берингова пролива, который въ продолженіи восьми мѣсяцевъ бываетъ покрытъ льдомъ. Далѣе путешественники направятся черезъ Аляску и Британскую Колумбію въ Соединенные Штаты, откуда послѣдуетъ возвращеніе на родину уже на пароходѣ. Они надѣются вернуться черезъ три года. Одинъ изъ этихъ путешественниковъ уже участвовалъ въ четырехъ экспедиціяхъ. О цѣли своего предпріятія они молчатъ, будто что никакой, кромѣ спорта, не имѣютъ.

Экспедиція на Огненную Землю. Отто Норденскіольдъ, глава шведской экспедиціи на Огненную Землю, пишетъ отъ 18-го декабря прошлаго года фрейгерру Оскару Дикону въ Готенбургъ, что онъ прибылъ въ Пунто-Аренасъ въ Магелановомъ проливѣ. Его ученые спутники Олинь и Дузень уже находились тамъ и въ теченіе шести недѣль составили богатое зоологическое и ботаническое собраніе. Аргентинскій пароходъ Уругвай, на которомъ Норденскіольдъ отплылъ изъ Буэнос-Айреса, бросилъ въ началѣ декабря якорь въ Багіа Санъ-Себастьянъ, на восточномъ берегу Огненной Земли. Въ этой части материка прежде находили много золота, и румынецъ Попперъ основалъ тамъ первую колонію. Большихъ богатствъ тамъ не было открыто, особенно Попперомъ самимъ. Но и теперь тамъ существуютъ промыслатели золота. Огненная Земля, благодаря своимъ небольшимъ долинамъ, производитъ хорошее впечатлѣніе. Съ первыхъ шаговъ замѣтно, что образованіе долинъ вызывается двумя причинами, во пер-

выхъ, потому что слою третичной формации были покрыты глетчерами, которые оставили за собою пустыя мѣста; во вторыхъ, потому что еще въ недавнее время тамъ господствовалъ влажный климатъ, вызывавшій рѣки, которыя вездѣ прорѣзали глубокія долины, а теперь тамъ едва протекаютъ небольшіе ручьи. Норденскій указываетъ на Огненную Землю, какъ весьма плодородную. Экспедиція останется на этомъ мѣстѣ около мѣсяца и затѣмъ отправится въ неизслѣдованныя еще нѣтъ области.

Обычай на полуостровѣ малакка. Недавно въ Пекаѣ, при дворѣ царствующаго султана Ахмета (султанство Пахангъ на восточномъ берегу полуострова) былъ данъ одинъ изъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ праздниковъ. Обыкновенно малаецъ, подъ влияніемъ болѣзни или несчастія, которымъ нельзя помочь человѣческими средствами, даетъ своимъ богамъ различныя обѣщанія. Большею частью, обѣщанныя жертвы заключаются въ деньгахъ, которыя и остаются въ храмахъ, и рѣдко случается, чтобы обѣщанія не исполнялись. На этотъ разъ у султана Ахмета сосѣдній султанъ захватилъ въ плѣнъ любимую дочь во время ея путешествія и помѣстилъ ее въ своемъ гаремѣ. Въ гнѣвѣ, султанъ Ахметъ хотѣлъ объявить ему войну, но англійскій резидентъ помѣшалъ, заявивъ, что онъ постарается дипломатическимъ путемъ возвратитъ отцу Тунку-Лонгъ (такъ зовутъ принцессу). Тогда несчастный отецъ далъ обѣщаніе, если получить ее обратно, сдѣлать своимъ подданнымъ такой праздникъ, какового въ его государствѣ не запомнятъ. А чтобы омытъ дѣвушку отъ нанесеннаго ей позора, омытъ ее въ ваннѣ изъ крови буйволовъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько недѣль, Тунку-Лонгъ вернулась къ отцу и тотъ исполнилъ свое обѣщаніе и созвалъ на праздникъ тысячи своихъ подданныхъ. Для гостей были разбиты громадные лаватки; длинные столы уставлены всевозможными лакомствами, плодами, сладостями, жареными баранами, утками, гусями и т. п. День и ночь актеры давали представленія, а въ залахъ дворца танцовщицы и музыканты показывали свое искусство. На другой день празднества должно было произойти очищеніе. На большомъ дворѣ замка поставили большую серебряную ванну; придворные въ парадной одеждѣ, подъ руководствомъ высшаго духовнаго лица, подвели къ ваннѣ шесть буйволовъ, перерѣзали ихъ горло и выпустили въ нее кровь изъ нихъ. Наполнивъ ванну горючею кровью, ее перенесли въ тронную залу и поставили на эстраду, обитую желтымъ шелкомъ. Главное духовное лицо разбавило кровь въ ваннѣ освященной, душистой водой, и на эстраду вошла принцесса, съ сопровождаемъ всѣхъ принцессъ, гаремныхъ и другихъ знатныхъ дамъ. Всѣ онѣ были одѣты въ бѣлыя платья и украшены драгоценностями. Тунку-Лонгъ, кромѣ того, въ расушенныхъ волосахъ имѣла роскошную діадему изъ смарагдовъ и рубиновъ.

Согласно малайскому обычаю, она вошла въ другую, рядомъ стоящую ванну, и по знаку духовнаго лица ея прислужницы, тоже одѣты въ бѣлое, черпали кровь большими серебряными чашами и обливали ею принцессу, пока вся кровь не была вылита такимъ образомъ. Платье, руки, лицо, волосы прислужницъ были покрыты кровью, кровь капала на шелковую обивку и скоро покрыла полъ тронной залы. Видъ принцессы, когда она въ сопровожденіи прислужницъ удалилась въ сосѣднюю залу, былъ ужасенъ. Воздухъ въ тронной залѣ былъ такой душный, что съ нѣкоторыми сдѣлалось дурно. Въ сосѣдней залѣ принцессу нѣсколько разъ выкупали въ священной и душистой водѣ и одѣли въ новыя, еще болѣе роскошныя одежды бѣлаго цвѣта. Затѣмъ, въ сопровожденіи своихъ гаремныхъ дамъ, высоко поднявъ голову, она вышла къ ожидавшимъ ее придворнымъ. Нанесенный ей позоръ былъ вполнѣ омытъ кровью, и она была снова чиста. Труны битыхъ буйволовъ были брошены въ рѣку Пахангъ, какъ жертва богамъ.

Молочное дерево.—Въ Южной Америкѣ, въ провинціи Каракасъ, растетъ дерево, которое мѣстные жители называютъ palo de vacasse, это молочное дерево, галактодендронъ. Подобно всѣмъ хлѣбнымъ, маслянымъ, восковымъ

и жировымъ деревьямъ оно растетъ только въ жаркомъ климатѣ. Еще Гумбольдтъ о немъ упоминаетъ. Если на этомъ деревѣ сдѣлать надрѣзъ, то изъ него вытекаетъ нѣсколько клейкое молоко, оно имѣетъ пріятный балзамическій запахъ и очень вкусно; его употребляютъ какъ суррогатъ коровьяго молока; его питательность и полезное дѣйствіе на здоровье людей ставится очень высоко. Оно реагируетъ кислымъ, какъ сыворожка, оставшаяся отъ сбиванія масла, и на воздухѣ или послѣ кипяченія покрывается тонкой кожицей, подъ которой отстаетъ маслянистая жидкость, которую намазываютъ на хлѣбъ или дѣлаютъ изъ молока сыръ.

Подобное-же дерево растетъ на берегахъ Венецулы и на Цейлонѣ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Срѣтеніе Господне. Съ картины проф. *Е. Мариани*

Кто не читалъ чудныхъ евангеліскихъ строкъ, живописующихъ намъ одинъ изъ великихъ церковныхъ праздниковъ... Кто не повторялъ потрясающихъ словъ—«Иисъ отпущаеши раба Твоего съ миромъ Господи!...»

Святое Евангеліе отъ Луки такъ повѣствуетъ о Срѣтеніи Господнемъ: «Тогда былъ въ Иерусалимѣ человекъ, именемъ Симеонъ. Онъ былъ мужъ праведный и благочестивый, чающий утѣшенія Израилева и Духъ Святой былъ на немъ. Ему было предсказано Духомъ Святымъ, что онъ не увидитъ смерти доколѣ не увидитъ Христа Господня. И пришелъ онъ по вдохновенію въ храмъ, и когда родители принесли младенца Іисуса, чтобы совершить надъ Нимъ законный обрядъ—онъ взявъ его на руки, благословлялъ Его и сказалъ: «Иисъ отпущаеши раба Твоего Владыко по слову Твоему съ миромъ, ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ передъ лицомъ всѣхъ народовъ, свѣтъ къ проsvщенію язычниковъ и славу народа Твоего Израилѣ».

Зимнія развлечения. Ориг. рис. художн. *Н. Пассекаго.*

Незатѣйливо масляничное веселье деревенскихъ ребятишекъ. Обознать водою горку, расчистить ее—и пошла потѣха... Мчатся самодѣльные, легкія салазки. Крикъ и визгъ и шумъ. Начинается игра въ сыжки, кипитъ общее веселье. А накатаются ребятишки—ихъ въ теплой изѣждутъ вкусныя масляничныя блины. Развѣ не хороша пора масляницы!..

Сцена изъ оперы «Вражьи силы», Сѣрова.

Двадцатипятилѣтній юбилей оперы А. Н. Сѣрова—«Вражьи силы» даетъ намъ поводъ помѣстить рисунокъ, изображающей исполнителей ролей Ерепки и Степаниды въ этой оперѣ. Г. Саріотти и Д. М. Леонова сняты въ костюмахъ. О самой оперѣ «Вражьи силы» мы говоримъ въ началѣ нумера, а некрологъ скончавшейся наканунѣ, Д. М. Леоновой помѣщенъ въ сегодняшнемъ номерѣ.

«Широкая масляница» Рисун. художн. *К. Свицескаго.*

Катанье съ горъ и маскарады...
Балы; спектаклей цѣлый рядъ...
Всѣ люди веселы и рады
И всѣ на масляной кутятъ.

* * *

Веселыхъ троекъ бѣтъ мятежный,—
Веселый смѣхъ, живая рѣчь—
Летать, летать дорогой сыжкой
И все съ собой хотѣть увлечь...

* * *

На шумной масляной недѣлѣ
Раздолье просто для ребятъ:
Салазки, горы и качели—
Забавъ веселыхъ—цѣлый рядъ!..

Веселая компанія. Съ картины художника *Т. Конти.*

Веселая компанія ландскнехтовъ затѣяла шумный кутежъ въ погребѣхъ городка, черезъ который проходила ихъ армія. Раздается пѣніе, шутки, музыка. Одинъ гуляка танецъ громовую военную пѣсню. Другой, въ сторонкѣ—у бочкы—принялся ухаживать за хорошенькой служанкой. Гости все шипятъ, за

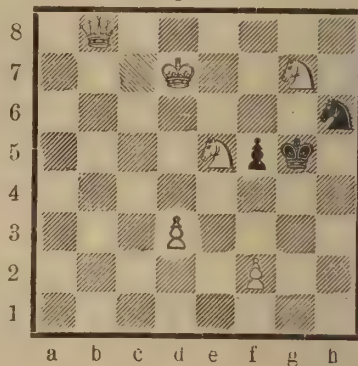
столомъ уже нѣтъ мѣста. Толстая хозяйка гостиницы, предвкушая прибыль, весело любитъ доходными посетителями. Рядомъ съ ней—потѣиваетъ вино тучный странствующій монахъ. Ой тоже не прочь повеселиться съ военными. Гдѣ-то этотъ среднебѣжовый жанръ очень жизненъ и таинственъ.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 3.

І. БЕРГЕРА (въ Грацѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Опечатка. Въ задачѣ М. Музиля, помѣщенной въ № 5 «Живоп. Обзоръ», на f2 должна быть бѣлая ладья.

ШАШКИ.

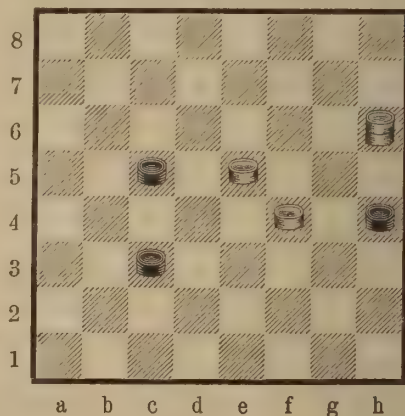
Подъ редакцію В. И. Шомина.

ЗАДАЧА № 4.

Д. И. САРГИНА (въ Москвѣ).

(Э т ю д ѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

Главныя условія шашечнаго турнира по перепискѣ, о которомъ мы сообщали въ № 2 «Живописнаго Обозрѣнія», таковы:

Каждый съ каждымъ играетъ по двѣ партіи. Всѣ партіи ведутся одновременно. Отвѣтныя ходы отправляются не позже 5-го дня, а при числѣ участниковъ, превышающемъ 15, — не позже 8-го и даже 10-го, смотря по числу участниковъ. Игра ведется каждымъ самостоятельно. Вступленіе въ число участниковъ турнира сопровождается обязательнымъ взносомъ пяти рублей; вся сумма этихъ взносовъ распределяется между сдѣлавшими эти взносы, пропорционально количеству выигранныхъ ими партій. Участники турнира получаютъ денежныя призы за каждую красиво сыгранную партію. На эти призы устроитель турнира жертвуетъ сто рублей. Участники турнира, сдѣлавшіе взносы, получаютъ безплатно предъ началомъ турнира партіи 2-го всерос. турнира въ Москвѣ (юль 1895 г.), вмѣстѣ съ игравшими тогда матчевыми партіями первыхъ игроковъ.

Въ началѣ каждого мѣсяца устроитель турнира уведомляетъ участниковъ о ходѣ турнира и сообщаетъ имъ копии всѣхъ окончанныхъ къ тому времени турнирныхъ партій.

Выбывающіе изъ турнира теряютъ право на какія-либо денежныя выдачи имъ, уведомления о ходѣ турнира и сообщенія партій.

Устроитель турнира П. Н. Болынский, которому и посылаются заявленія и взносы по адресу: Кіевъ, Обсерваторный пер. д. № 9.

Судьею достоинства партій—И. И. Чирьевъ (Кіевъ, 1-я гимназія).

Начало турнира 15-го марта 1896 г.
Въ болѣе подробной формѣ условія эти сообщаются устрой-
телемъ турнира каждому, заявившему о своемъ желаніи
вступить въ число участниковъ турнира.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

СПБ. Н. С—лову.—Подобныя мелкія замѣтки
составляются редакціею, а отъ постороннихъ не
принимаются.

Александровскъ (Ек. губ.) А. С—ской.—
«Безъ исхода» и «Отщепенцы общества» не будутъ
напечатаны.

Москва. И. Пш—кову.—Стихи не пойдутъ. Не
видѣвъ разсказа, отвѣтить нельзя.

Не будутъ помѣщены:

Стихи: «Одинокій старикъ», А. Е—ва; «Собака
п Осеа» (басня), И. И. М—кова; «Ты уже не

моя», Л. Л—о; «Наядя», В. К—ш; «Орфей и
Эвридика» (изъ Овидія), Ф. С—хаевъ; «Свиданіе»
и другія ст., Сапожника: «Я помню тотъ вечеръ...»
и др. ст. А. А. Ал—ва.

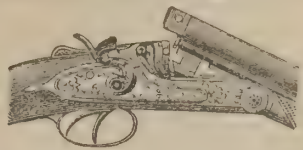
Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

Всѣ присылаемые рукописи и рисунки должны быть
съ полнымъ адресомъ, фамиліею автора и съ обозначеніемъ
желаемаго гонорара. Безъ указаній посылать въ-
дѣлѣ, рукописи и рисунки считаются безплатными. Ру-
кописи менѣе печатнаго листа и рисунки, не признанные
годными къ печатанію, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ
уничтожаются безъ объясненія причинъ. Редакція не
принимаетъ на себя обязательство возвращать рукописи
и рисунки почтою, за исключеніемъ нѣкоторыхъ слу-
чаевъ. Для полученія отвѣта необходимо прилагать къ
рукописямъ конверты со своимъ адресомъ и маркою.
Относительно стихотвореній, редакція не входитъ ни въ
какія письменныя переговоры и предупреждаетъ гг.
авторовъ, что этотъ матеріалъ присылается въ един-

комъ большомъ количествѣ, и рѣдко годномъ для пе-
чати, а потому всѣ стихотворенія, признанныя неудоб-
ными къ печати, послѣ отвѣта на нихъ въ почтовомъ
ящикѣ, уничтожаются. Письма не ополнѣ опла-
ченныя гербовыми сборомъ съ почты редакціею не
принимаются. Анонимныя письма не читаются.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НЕ ПОКУПАЙТЕ РУЖЕЙ

не прочитавши иллюстр. прейсъ-куранта
1896 г. высыл. безплатно. Адресъ: Каменскъ
Донск. Обл. А. В. Тарнопольскому.

ПРОФЕССОРА

Д-ра Егера Фуфайки
Д-ра Егера Рубашки
Д-ра Егера Казысоны
Д-ра Егера Чулки
Д-ра Егера Носки
Д-ра Егера Палочники
Д-ра Егера Набрюшники
Д-ра Егера Куртки
Д-ра Егера Одыла

Въ Специальномъ магазинѣ Вѣлы
Ю. ГОТЛИБЪ.
По Владимирской д. 2—49 угл. Невск. прос.
Прейсъ-курантъ высыл. **БЕЗПЛАТНО.**

15, 20, 20, 40 50 руб. и до 100 р.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ
всѣмъ инструментамъ высылается
БЕЗПЛАТНО.

№ 2203—35

ЛЮБИТЕЛЯМЪ СЪМЯНА
Красивѣйшіе и изысканныя сорта: для
калубъ, группъ, бордюровъ и комнатъ.
Удешевл. коллѣкц. въ 35 сор. 2 р., въ
55 сор. 3 р., въ 75 сор. 4 р., въ 100 сор. 5 р.
СЪМЯНА (огородныя)
бесплатно при коллѣкціяхъ цвѣточныхъ
въ 2 р. 6 сор., въ 3 р. 10 сор., въ 4 р.
15 сор., въ 5 р. 20 сор. по 1 лоз. каж-
даго сор. названій по желанію.
Пересылка и Руководство къ
посѣву и уходу за цвѣтами. **БЕЗПЛАТНО.**
Только безпристрастные и лестные отзы-
вы тѣхъ лицъ, которые выписывали
мои Коллѣкціи, даютъ мнѣ возмож-
ность рекомендовать ихъ всѣмъ любите-
лямъ цвѣтовъ. Съмяно-торговля А. Х.
Черенина въ Г. Кашинѣ Тверск. губ.

ОБЩЕДОСТУПНО.

Отъ СОЛИТЕРА льченіе.
СПБ., САДОВАЯ, 59.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться пись-
менно: Банкиръ Іудъ мѣ Генрихъ Блоккъ.
— 3 СПБ., Невскій, 59. № 2261.

Фирма премирована на европейскіхъ
выставкахъ десятью золот. медалями
и высшими знаками.

КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ, ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
При употребленіи спермацетовыхъ
утиральниковъ, кожа лица дѣлается
чистой. Удобное средство въ дорогѣ,
гдѣ лицо особенно подвержено влія-
нію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда
имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 к.
съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 р.
4 пачки съ пер. 3 р. Для предупре-
жденія поддѣлки, прошу обратить вни-
маніе на подпись. Энглундъ крас-
ными чернилами и марку С.-Пе-
тербургской Косметической Лабо-
раторіи. Получать можновезъ т. Глав-
ный складъ для всей РОССІИ
А. Энглундъ, С.-Петербургъ. Ми-
хайловская площ., д. Жербина, № 2.
№ 2044—2

№ 2305—3
ВЫИГРЫШ
нык 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, НЕВСКІЙ, СПБ.

Товарищество сарпиннокъ въ Саратовѣ предлагаетъ:
Натуральныя сарпинскія ткани изъ шелка и бумаги. Неподражаемый выборъ всѣхъ
родовъ бѣлы, чулковъ и носковъ.
ПЕРЕСЫЛКА ТКАНЕЙ ЗА СЧЕТЪ ФИРМЫ.
Образцы въ изящномъ альбомѣ высылаются за 42 коп. марками. 2358-1

Компания Виллеръ и Вильсонъ
въ ВРИНПОРТѣ (Американскіе Соединенные Штаты) имѣетъ
и съ удовольствіемъ, что она единственно претендуетъ на по-
продажъ своихъ всемирно извѣстныхъ швейныхъ машинъ какъ
для семейныхъ, такъ равно и для всевозможныхъ ремесленныхъ
работъ, передала для Россійской Имперіи
ТОРГОВОМУ ДОМУ ПОПОВА и К°,
въ Москвѣ, Зна-
менная соб. домъ.

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ
рояли и пиано америк. констр. со всѣми новѣйш. усоверш.
перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ,
двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч.
двойн. репетицією, пріятн. и сильн. тона.
Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и дрор.
Піанино „ „ 350 375, 425, 450, 500, 550, 600 и дрор.
Армоніопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія
на нѣсколько лѣтъ № 2-2-2

СИМФОНІОНЫ
Музыкальными шкатулки съ пріятнѣйшимъ тономъ. въ родѣ швейцарскихъ, даютъ
возможность вѣшать по произволу пьесы, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.
Съ ручкой безъ потъ. 5 —
Потъ по 25 —
Заводной безъ потъ. 10 —
Потъ по 2 —
Заводной 60-тонный безъ 28 —
Потъ по 50 —
Заводной 84-тонный безъ 40 —
Потъ по 60 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie 70 —
Потъ по 80 —
Заводной 100-тонный Sublime Har-
monie Piccolo 10 —
Потъ по 1 —
НОВЫЕ: Часы съ музыкой. Солидные часы,
разъ въ день заведенные, играютъ сами
черезъ каждый часъ выбранную по про-
изволу пьесы. Въ случаѣ иссяканія — играютъ
когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.
Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.
Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ
инструментамъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ и нотная торговля.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарьинъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ, ПИСАТЕЛЕЙ и КОМПОЗИТОРОВЪ.

(Величина большихъ бюстовъ: высота 12—14 дюймовъ, ширина 7—9 дюймовъ).

Давно ощущается потребность среди интеллигентнаго класса, въ особенности проживающаго въ провинціи, имѣть бюсты государственныхъ дѣятелей, или нѣкоторыхъ любимыхъ русскихъ писателей и композиторовъ въ художественномъ выполненіи. Между тѣмъ очень высокая цѣна за металлические бюсты (отъ 25 до 50 руб. за экземпляръ, находящіеся въ продажѣ въ столицахъ, большинству совершенно недоступна; рыночныя же издѣлія подобнаго рода отличаются небрежной работой и, кромѣ того, будучи сдѣланы изъ дешеваго алебаstra, крайне непрочны и хрупки.

Въ виду этого, желая дать исключительную возможность под-

писчикамъ нашихъ изданій, а также другимъ любителямъ изящества, имѣть прочныя металлические бюсты въ художественномъ выполненіи и притомъ за баснословно дешевую цѣну, мы приступили къ изготовленію первой серіи художественно выполненныхъ бюстовъ изъ легкаго металла, одинаковой прочности и вида дорогой бронзы, по совершенно новымъ моделямъ, воспроизведеннымъ по нашему специальному заказу, съ извѣстныхъ портретовъ и масокъ скульпторами-художниками Императорской Академіи Художествъ: Р. Бахъ, А. Скирелло, Я. Сертсвамъ, Тимусъ и др. Лестные отзывы періодической печати о художественномъ выполненіи предлагаемыхъ бюстовъ служатъ лучшею рекомендаціею.

Въ настоящее время изготовлена первая серія металлическихъ бюстовъ, состоящая изъ 10 бюстовъ, а именно:

- 1) Его Императорское Величество Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III (въ Бозѣ почившій).
- 2) Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна.
- 3) Е. В. Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II (въ Бозѣ почившій).

ПИСАТЕЛИ:

- 4) А. С. Пушкинъ.—5) М. Ю. Лермонтовъ.—6) И. С. Тургеневъ.—7) Н. В. Гоголь.—8) Ф. М. Достоевскій. 9) —Графъ Л. Н. Толстой.

- 10) ПРОТОІЕРЕЙ ОТ. ІОАННЪ СЕРГІЕВЪ (Кронштадтскій).

КОМПОЗИТОРЫ:

М. И. Глинка и П. И. Чайковскій имѣются большаго формата, но только отлитые изъ прочнаго, небоящагося воды, цейлонскаго гипса.

ЦѢНА

За одинъ металлическій бюстъ большаго формата (на выборъ):

Для подписчиковъ—4 руб.

Неподписчиковъ—5 р.

(Безъ пересылки и укупорки).

Въсв одного бюста съ упаковкою приблизительно 8—10 фунтовъ).

Въ виду большого спроса металлическихъ бюстовъ Протоіерея о. ІОАННА СЕРГІЕВА (Кронштадтскаго), изготовлены, съ его разрѣшенія, по послѣднему фотографическому снимку, совершенно схожіе, металлические бюсты малаго формата.

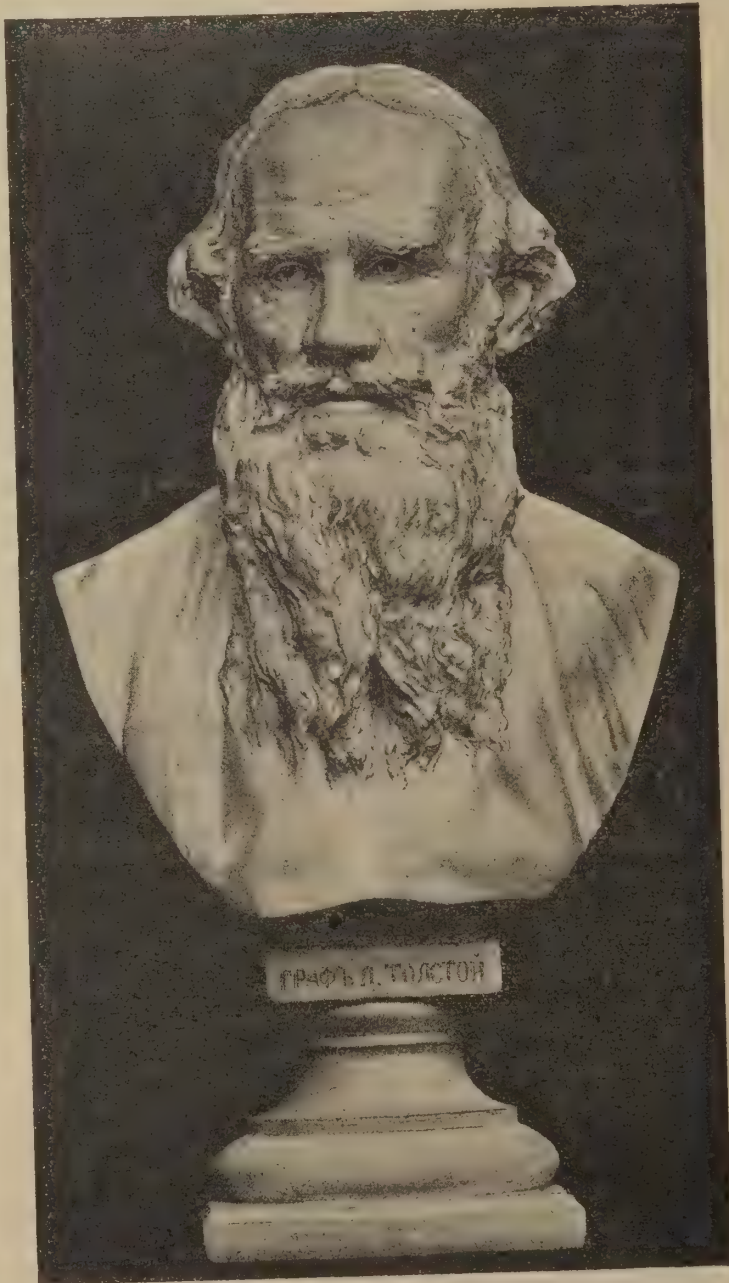
Цѣна для подписчиковъ—2 р.

Неподписчиковъ—3 р. (безъ пересылки).

(Въсв одного бюста до 5 фунтовъ).

СКЛАДЪ и ВЫСТАВКА БЮСТОВЪ:

Спб., Невскій проспектъ, д. № 68—40.

Съ имокъ съ бюста, уменьшенный противъ дѣйствительной величины).

БЮСТЫ

изъ прочнаго, небоящагося воды, цейлонскаго гипса (подъбѣлый мраморъ).

Независимо отъ изготовленія бюстовъ изъ металла, въ настоящее время, въ виду множества поступившихъ требованій на бюсты подѣблый мраморъ, изготовлена полная коллекція бюстовъ большаго формата, изъ цейлонскаго гипса.

(Размѣръ большихъ бюстовъ: высота 12—14 дюйм., ширина 7—9 д.).

Эти бюсты воспроизведены съ тѣхъ же моделей и въ тотъ же форматъ, какъ и металлические, но двухъ цвѣтовъ:

- 1) Бѣлые (подѣ мраморъ).
- 2) Цвѣта терра-коты.

Цѣна за одинъ бюстъ художественной работы изъ цейлонскаго гипса или цвѣта терра-коты (на выборъ), большаго формата:

Для подписчиковъ—2 руб.

Неподписчиковъ—3 руб.

(Безъ пересылки).

Кромѣ того имѣются бюсты изъ цейлонскаго гипса и малаго формата (высота: 8—9 дюймовъ, ширина: 5—6 дюймовъ):

- 1) Е. И. В. Императоръ Александръ III (въ Бозѣ почившій) 2) Е. И. В. Императрица Марія Феодоровна. 3) Протоіерей от. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій). 4) А. С. Пушкинъ. 5) М. И. Глинка.

Бюсты высылаются только по полученіи при заказѣ сполна причитающихся за нихъ денегъ.

СКЛАДЪ и ВЫСТАВКА БЮСТОВЪ:

Спб., Невскій проспектъ, д. № 68—40.

№ 6 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 3¹/₂ листовъ, а именно: I) Два листа текста съ 10-ю рисунками. II) «Новѣйшія Парижскія Моды» № 2 съ раскрашенною картинкой «Туалеты для выѣздовъ» III) Листъ выкроекъ и узоровъ. IV) Обложка съ нотами: «Среди друзей», соч. Э. Келлера, и V) «Еженедѣльная хроника». № 6. Кромѣ того, всѣмъ гг. подписчикамъ, при этомъ номерѣ, разсылаются вторая книга «Домашней Библіотеки» (за февраль 1896 г.).

Дозволено цензурою. Спб., 31 января 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

со всеми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»: НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. НА ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновои бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

1) Желающіе получить самостоятельно книги журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» (безъ журнала «Живописное Обозрѣніе»), уплачиваютъ за годъ (съ доставкою—4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ «Живописное Обозрѣніе» безъ книгъ «Домашней Библіотеки»—НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Получающіе журналъ съ разсрочкою взносовъ, добавляютъ къ объявленной подписной годовой цѣнѣ 50 коп. за напечатаніе адресовъ и другіе расходы.

Желающіе получить художественныя изданія, какъ новые портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, такъ и другія картины, уплачиваютъ за каждый экземпляръ портрета или картины (съ доставкою на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ С.-Петербургъ—75 коп.

ЗА ПЕРЕМѢНУ адреса петербургскаго на иногородный, иногородняго на петербургскій, уплачивается рубль, иногородняго на иногородный—28 коп. почтов. марками. На отвѣты и справки необходимо прилагать двѣ 7 коп. почтовые марки.

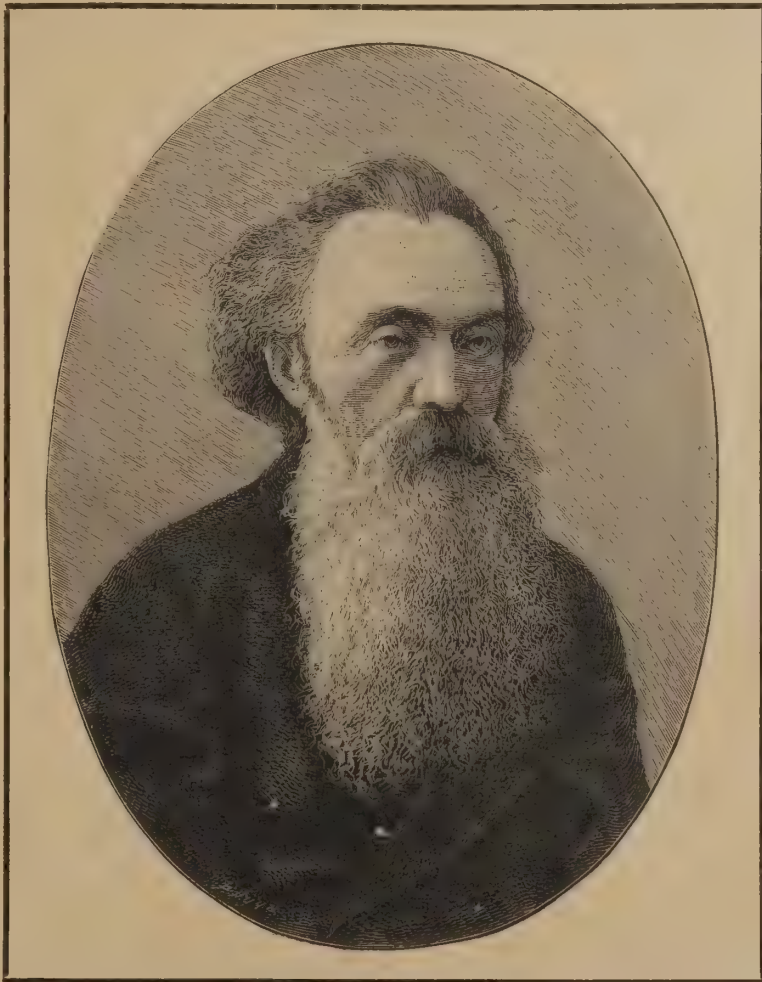
Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 10 до 12 час. пополудни.

С.-Петербургъ. Ковенскій переулокъ, собств. домъ, № 14.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

ДВАДЦАТЬ четвертаго января скончался Николай Николаевичъ Страховъ, такъ много потрудившійся на поприщѣ критики, публицистики, философіи и естественныхъ наукъ. Н. Н. родился 16-го октября 1828 г. Лишившись девяти лѣтъ отца, жилъ затѣмъ у дяди. Въ костромской семинаріи онъ окончилъ курсъ средняго (философскаго) отдѣленія въ 1844 г., высшее образованіе получилъ въ с.-петербургскомъ университетѣ въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Затѣмъ Н. Н. преподавалъ физику и математику въ одесской гимназіи, а послѣ во второй спб. гимназіи въ теченіе девяти лѣтъ преподавалъ естественную исторію. Въ 1857 г. онъ защитилъ диссертацию на степень магистра зоологіи «О косяхъ запястья у млекопитающихъ». Послѣ этого скоро Н. Н. выступилъ въ печати съ рядомъ статей, подъ заглавіемъ «Письма объ органической жизни», послужившихъ основою его позднѣйшаго труда «Міръ, какъ цѣлое». Статьи заинтересовали извѣстнаго критика А. Григорьева. Въ 1861 г. Н. Н. вышелъ въ отставку. Н. Н. былъ постояннымъ сотрудникомъ журналовъ «Время» и «Эпоха», редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Зари», помощникомъ редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Въ 1873 г. Н. Н.

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Н. Н. СТРАХОВЪ.

(Скончался 24-го января 1896 года).

ной библіотеки. Окончательно вышелъ въ отставку Н. Н. въ 1855 г. съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Съ 1874 г. до кончины состоялъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, а въ 1889 г. избранъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ. Къ шестидесятымъ годамъ относится его полемическая журнальная дѣятельность, которая часто вызывала шумный интересъ среди читающей и мыслящей интеллигенціи. Самыми цѣнными сочиненіями Н. Н. были книги: подъ общимъ заглавіемъ «Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ», «Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ», «Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физиологіи», «О вѣчныхъ истинахъ», «Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ», «Воспоминанія и отрывки», «Изъ исторіи литературнаго нигилизма» и, наконецъ, въ минувшемъ году — «Философскіе очерки». Покойнымъ изданы «Сочиненія А. Григорьева» и «Россия и Европа» Н. Данилевскаго. Кромѣ того сдѣлано нѣсколько превосходныхъ переводовъ ученыхъ произведеній Куно Фишера, Ланге, и др. Въ наше бѣдное талантами время смерть такого философа и ученаго, какъ Страховъ—большая потеря. 26-го января Н. Н. похоронили на кладбищѣ Новодевичьяго монастыря.

СТРАННИКЪ.

*Впередъ! Что назади—не жаль!
Вагонъ смѣняя на каюту,
Я все стремлюсь куда-то въ даль,
Къ покою и уюту.*

*Гдѣ тотъ завѣтный уголокъ,
Желанный отдыхъ для стремлений,
Гдѣ-бъ злой меня покинулъ рокъ—
Мой безпокойный геній?*

*Неумолимо вдаль влекомъ,
Люблю мечтать порой ночью:
Вотъ домикъ съ мирнымъ огонькомъ—
Какъ онъ зоветъ къ покою!*

*Вагонъ стучитъ... и снова мгла,
За мглой темнѣетъ безконечность...
Опять тоска на грудь легла,
Опять на мысли—вѣчность!...*

*Средь моря берегу я радъ:
Вотъ гдѣ покой—заливчикъ синий!
Тамъ лебедь спитъ, лаская взглядъ
Красой спокойныхъ линій!*

*Чрезъ мигъ не берегъ видѣнъ мнѣ,
Но только то за нимъ, что далѣ:
Селенье, горы въ глубинѣ...
И сердце вновь—въ печали!*

*Отъ дали скрыться я-бъ хотѣлъ!
О, непонятная истома!
Когда-жъ увижу я предѣлъ?
Когда-жъ я буду дома!*

*И что-то шепчетъ мнѣ: «Страдай,
Страдай, поэтъ, небесъ изгнанникъ!
Не на землѣ—родной твой край,
Тѣ и въ отчизнѣ—странникъ!»*

Вс. Чешихинъ.

КАМЕННАЯ БАБА

(Датская легенда).

ВЪ ДАЛЕКОЙ и прекрасной Даніи есть низменная и очень бѣдная мѣстность—полуостровъ Ютландія. Море окружаетъ его съ трехъ сторонъ, и оно-же, больше всего, кормитъ его жителей: они ловятъ рыбу, устрицъ и морскихъ раковъ; берутъ отъ моря все, что оно выбрасываетъ, начиная съ обломковъ кораблей и кончая цвѣтными раковинами; собираютъ, наконецъ, морской иль и удобряютъ имъ клочки своей неблагодарной, песчаной земли,—и тогда садятъ на ней картофель и сѣютъ разный хлѣбъ и даже ленъ. Внутри полуострова есть множество озеръ, которыя, также, служатъ для бѣдныхъ ютландцевъ источникомъ существованія: даютъ имъ рыбу и птицъ на їду и камышъ на постилку для скотины и на топливо.

На большой дорогѣ, пролегающей по срединѣ полуострова, стояли, когда-то, два двора: одинъ повыше, на небольшомъ холмѣ, другой—пониже, у подножія холма. Верхній дворъ носилъ на себѣ всѣ признаки бѣдности и нищеты: плетень, окружающій дворъ, на-половину обвалился, самый домъ былъ очень ветхъ и черепичная крыша на немъ была продырявлена въ нѣсколькихъ мѣстахъ; сарай, стоявшій на дворѣ, былъ полуразрушенъ... Но, не смотря на эту вѣшнюю бѣдность, внутри дома были удивительная чистота и порядокъ: глиняный полъ единственной комнаты былъ чистъ и опрятенъ, стѣны были бѣлы и украшены многими картинками, изображавшими сцены изъ библіи; въ углу стояла небольшая кровать, завѣшенная чистыми ситцевыми драпировками, а надъ кроватью висѣла на стѣнѣ, въ рамкѣ, литографія, изображавшая голову Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ; въ другомъ углу комнаты, подъ окномъ, стоялъ чистый деревянный столъ, покрытый полотняной скатертью, и

на немъ лежала, въ кожаномъ старинномъ переплетѣ, съ металлическими застежками, библія; по стѣнамъ стояло нѣсколько деревянныхъ, съ высокими, прямыми стѣнками, стульевъ; у другого окна стоялъ простой ткацкій станокъ: въ противоположномъ углу отъ него, къ свѣту, находилась небольшая печка, нагрѣвавшая комнату и, въ то же время, служившая для стряпни: въ ней хозяйка двора Марья-Бѣдная—какъ называли ее во всей окрестности—готовила свой скромный обѣдъ. Это была старая, бездѣтная вдова, не имѣвшая ни земли, ни хозяйства: она существовала лишь тѣмъ, что снимала въ аренду, ежегодно, четверть морга (моргъ—нѣсколько менѣе десятины) земли, а иногда и болѣе, у своей сосѣдки, Марьи-Богатой, дворъ которой находился внизу холма; на снятой землѣ она сѣяла, нанимая поденщика, ленъ, сама потомъ убирала его, вяла и, затѣмъ, ткала холстъ, который и продавала въ сосѣднемъ городѣ. А на землѣ своего огорода она сѣяла картофель, фасоль, бобы и прочій овощъ,—и такимъ образомъ, питалась кое-какъ, изо дня въ день, круглый годъ...

Всѣ сосѣди чрезвычайно любили Марью-Бѣдную—за ея кроткій и ласковый характеръ, а главное, за ея доброту, радушіе и сильное гостепріимство: въ бурную, ненастную осень, или зимою, въ морозъ и метель, сбившіяся съ дороги, или-же усталый и обледенѣлый путникъ находилъ всегда у старушки-вдовы радушный пріемъ и ночлегъ, при чемъ, она дѣлилась съ нимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба; у постелей больныхъ бѣдняковъ, своихъ сосѣдей, вдова, ухаживая за ними, проводила, часто, цѣлые дни и ночи. Во второмъ дворѣ, расположенномъ внизу, у самой почти большой дороги, жила, въ

большомъ каменномъ домѣ, тоже одинокая и бездѣтная вдова, Марья-Богатая, которой принадлежала вся окрестная долина, раздѣленная на маленькіе участки—въ пол-морга и въ четверть морга,—разбираемые, ежегодно, въ аренду сосѣдними жителями бѣдняками; большую-же, лучшую часть своей земли Марья-Богатая обрабатывала сама, для чего и нанимала нѣсколько человѣкъ работниковъ и работницъ,—она сѣяла разнаго рода хлѣбъ и не мало льна; работницы, по зимамъ, ткали этотъ ленъ, а вдова возила холсты въ сосѣдній городъ, на продажу. Часть хлѣба она, тоже, продавала—если стояли на него хорошія цѣны; другую-же часть она любила раздавать въ долгъ бѣднякамъ сосѣдямъ, въ то время, когда у нихъ совсѣмъ оканчивался ихъ собственнй хлѣбъ,—что, обыкновенно, случалось зимою, около Рождества; Марья-Богатая не отказывалась дать имъ займы мѣрку-другую ржи, или картофеля, но за это должникъ обязывался, роспискою, возвратить, осенью взятое имъ въ двойномъ количествѣ и, кромѣ того, обработать вдовѣ отъ každого, взятаго займа пуда, или отъ каждой мѣрки по одному рабочему дню, по первому ея зову и приказанію. Много, такимъ образомъ, наживала Марья-Богатая денегъ, но жила очень скаречно и прятала ихъ въ подвалъ. Никто не любилъ ее, такъ какъ она, кромѣ алчности и корыстолюбія, имѣла еще и другіе пороки: была чрезвычайно злая, дерзка и негостепріимна; но нужда и крайность заставляли, по неволѣ, бѣдняковъ крестьянъ, ея сосѣдей, имѣть съ нею дѣло.

Однажды, глухою осенью, въ холодный и ненастный вечеръ, одинокій прохожій, свернувъ съ большой дороги, постучался въ окно Марьи-Богатой...

— Кого еще припесло въ такую непо-

годъ?! — послышался изнутри сердитый голос хозяйки: — кто тамъ?

— Я... странникъ... — быть отвѣтъ.

— Чего-же тебѣ нужно? — еще строже спросила вдова.

— Переночевать...

— Не пуцую. Нѣтъ у меня ничего — ни хлѣба, ни постели...

— Мнѣ ничего не нужно: я хотѣлъ-бы только обогрѣться... я обледенѣлъ весь — замерзаю...

— Иди, иди дальше! не пуцуй! — и хозяйка затворила внутреннюю, деревянную ставень окна.

Странникъ постоялъ еще нѣсколько секундъ у окна, какъ-бы ожидая, что жестоко-сердая вдова измѣнитъ свое рѣшеніе... Затѣмъ, онъ тяжело вздохнулъ и оглянулся вокругъ: наверху, въ окнѣ домика Марьи-Бѣдной, привѣтливо свѣтился огонекъ; туда и направился странникъ. Онъ подошелъ къ окну и тихо постучался.

— Кто тамъ? — послышался привѣтливый голосъ старушки, — и она приотворила окно.

— Я... странникъ...

— Чай, переночевать тебѣ? — ласково спросила вдова.

— Да...

— Заходи, если ты не взыскателенъ... потому что у меня во всемъ домѣ есть лишь небольшой кусочекъ хлѣба, да отъ обѣда осталось картофельной похлебки немного...

— О, съ меня вполне довольно этого! — кротко отвѣтилъ путникъ.

Вдова быстро затворила окно, накинута на голову платокъ и вышла на улицу встрѣтить гостя. Она ввела его въ свою чистенькую комнату, сняла съ него верхнюю обледенѣлую одежду, повѣсила ее поближе къ печкѣ и затѣмъ, предложила ему, прежде всего, обогрѣться... При этомъ, она въ первый разъ взглянула на своего гостя болѣе внимательно и пристально: онъ былъ молодъ, высокаго роста и строенъ, съ изможденнымъ и блѣднымъ лицомъ, съ ясными и кроткими очами, съ свѣтлыми, волнистыми и длинными волосами, раздвоенными на его плечи, и съ небольшою бородою... Лицо его показалось старухѣ знакомымъ; но гдѣ она его видѣла и когда-того не въ силахъ она была вспомнить...

Когда путникъ согрѣлся немного, вдова достала изъ печи горшокъ съ картофельною похлебкой и налила ее въ круглую глиняную чашку, накрыла, затѣмъ, чистою скатертью столъ, поставила на него похлебку, достала ложку, солонку и оставшіяся въ ящикѣ стола хлѣбъ — и предложила своему гостю эту незатѣйливую трапезу; онъ омылъ руки, подошелъ къ столу, сотворилъ молитву — и сѣлъ, и сталъ ѣсть... А старуха, тѣмъ временемъ, вышла въ сѣни, принесла оттуда охапку камыша и постлала его на полу, для странника, положивъ ему въ головы подушку съ своей постели.

Когда путникъ утолил свой голодъ, то всталъ отъ стола, помолился вновь — и, затѣмъ, легъ на изготовленную ему постель. Старуха убрала со стола, загасила огонь — и, тоже, легла и тотчасъ заснула. Утромъ, когда она проснулась, гость ея былъ уже одѣтъ по дорожному.

— Подожди уходить, — сказала ему вдова: — вчера отъ твоего ужина остался еще кусочекъ хлѣба, — возьми и закуси на дорогу.

Путникъ принявъ предложеніе хозяйки попросилъ у нея кружку воды — и позавтракалъ. Уходя, онъ поблагодарилъ старуху и сказалъ ей:

— Прощай, добрая женщина!.. Я ничѣмъ не могу отплатить тебѣ за твое гостепріимство и радушіе, потому что *ничего не имѣю*; но — да благословитъ Богъ твое первое дѣло!..

Онъ низко поклонился хозяйкѣ и тихо ушелъ со двора.

Когда старуха осталась одна, она сказала себѣ: — Теперь у меня вышелъ послѣдній кусокъ хлѣба... Картофеля тоже нѣтъ — не уродился... Надо продать холстъ... Отмѣрю я половину, отнесу въ городъ — и куплю муки...

Она достала изъ сундука кусокъ холста, взяла аршинъ и стала мѣрить... Отсчитала дѣсять, двадцать, наконецъ пятьдесятъ, сто аршинъ, а конца холсту все нѣтъ, какъ нѣтъ... И намѣрила она, такимъ образомъ, полную избу: вездѣ лежалъ въ горахъ холстъ — на полу, на столѣ, на постели... И догадалась старуха, что гость ея былъ не простой человѣкъ... и еще разъ стала она припоминать — гдѣ же и когда она его видѣла?.. И вдругъ, взоръ ея, случайно, упалъ на то изображеніе, что висѣло въ изголовьѣ ея кровати... И тогда, она постигла все... И поняла она смыслъ послѣднихъ словъ своего гостя, когда онъ, прощаясь съ нею, сказалъ, что «ничего не имѣть» — и призвалъ благословеніе Божіе на ея «первое дѣло»...

Въ это самое время, подошла къ ея окну Марья-Богатая. Она видѣла уходящаго странника и любопытствовала узнать — заплатилъ-ли онъ за ночлегъ и сколько?... Когда она всмотрѣлась сквозь стекло въ комнату, увидѣла повсюду вороха холста и узнала, затѣмъ, отъ Марьи-Бѣдной — въ чемъ дѣло, она тотчасъ-же побѣжала вслѣдъ за странникомъ, скоро нагнала его на дорогѣ и стала убѣдительно просить возвратиться — и зайти къ ней въ домъ.

— Я тебя *не такъ* приму и накормлю, какъ та, нищая!.. — говорила Марья-Богатая, — и почти насильно воротила странника съ дороги, привела его въ свой домъ, усадила за столъ и стала подчивать его разными кушаньями и угощать медомъ... Онъ, понемногу, отвѣдалъ всего, скорѣй собрался уходить и, прощаясь, сказалъ хозяйкѣ.

— Спасибо! Пусть также благословеніе будетъ и твое первое дѣло!..

И онъ тихо ушелъ со двора.

Марья-Богатая живо отослала, подъ какимъ-то предлогомъ, находившуюся въ домѣ работницу, подошла къ окну и съ нетерпѣніемъ стала слѣдить за уходящимъ странникомъ — когда онъ уйдетъ подальше... Въ это время, мимо ея окна прошла, съ нѣсколькими свертками холста въ рукахъ, Марья-Бѣдная. Взглянувъ на нее, жадная старуха сказала про себя:

«Я не буду такой душой, какъ она — *не стану мѣрить холстъ*... а пойду внизъ, въ подвалъ, достану свое золото и буду его считать...»

Она отскочила отъ окна, быстро перебѣжала комнаты своего дома и направилась въ сѣни, гдѣ былъ устроенъ ходъ въ подвалъ; но, по дорогѣ, не замѣтивъ стоявшаго на полу въ сѣняхъ ведра съ водою, зацѣпила его ногой и опрокинула...

— Надо поскорѣе подтереть воду, а то будетъ полъ гнить, — подумала Марья-Богатая и стала вытирать... А вода изъ ведра лилась да лилась, между тѣмъ, безостановочно, широкою и полною струею... И залила вода, сначала, подвалъ, гдѣ хранились сокроища жадной старухи, а затѣмъ залила и домъ, и дворъ, и всю землю Марьи-Богатой на большое пространство, — не подойдя, даже и близко, къ дому Марьи-Бѣдной, находящемуся нѣ сосѣднемъ холмѣ.

Охваченная ужасомъ, выскочила Марья-Богатая изъ сѣней на дворъ — спасаться: стала на крышѣ своего каменного дома — и *такъ и окаменѣла на-вѣки*...

До сихъ поръ, въ сѣверо-западной части Ютландіи существуетъ небольшое озеро и среди него стоитъ, надъ поверхностью воды, высокая каменная фигура, очень похожая на женскую. Народная молва убѣждена, что это — окаменѣлая Марья-Богатая, домъ которой стоялъ, когда-то, на этомъ самомъ мѣстѣ.

Пв. Якуинъ (Захаринъ).

* *

Я вѣрю, — настанетъ то время, —
Съ меня навсегда упадетъ
Труда подневольнаго бремя
Съ цѣпами насущныхъ заботъ.

* *

Я вѣрю, — когда-бъ не дана
Мнѣ будущность лучше и крѣпше,
Не сталъ-бы и пить я до дна
Страданій глубокую чашу.

* *

Но, можетъ быть, долгіе годы
Мучительно тихо пройдутъ
До лучшей поры, а невзгоды
Все больше — растутъ и растутъ.

* *

И жить, и на жизненный путь
Лить кровь изъ-за каждаго шага
Могу я. Но что, какъ отвaga
Ослабнетъ, надломится грудь,

* *

Покинуть до времени силы,
И только желаннаго дня
Дождусь я, — какъ вдругъ на меня
Повѣетъ дыханье могилы?

Н. Боровскій.

МАТЬ—МАЧИХА.

Повѣсть.

(Продолженіе).

VII.

НЕЛЬЗЯ сказать, чтобы Алексѣй любилъ Калерію: онъ не чувствовалъ къ ней никакой нѣжности, она не была ему дорога, онъ только изумлялся, восхищался и боялся ея. Все въ ней казалось ему чудеснымъ и новымъ, потому что онъ никогда не встрѣчалъ челоуѣка, подобнаго ей. И эта струя вѣншей жизни, ворвавшаяся въ его тюрьму, казалось ему счастьемъ. Вѣчно приподнятое, безпокойное чувство его къ ней можно было назвать влюбленностью, но не любовью. Нѣчто подобное этому увлеченію испытывала Калерія къ Шмиту, конечно, безъ откровеннаго отгѣнка поклоненія и почти не замѣчая этого сама.

Нѣсколько дней Алеша не видѣлъ Калерію: мать слѣдила за нимъ, и убѣжать было невозможно. Только разъ вечеромъ онъ встрѣ-

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА М. КАРЕЛИНА.
(Право на воспроизведение составляет исключительную собственность журнала „Живописное Обозрѣніе“).

Февраль — «Весна».

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА А. НАУМОВА.

Гравироваль на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. Адтъ.

Благочестивая беседа.

тиль ее около почты и не успѣлъ сказать ей двухъ словъ, только за угломъ шепнулъ:

— Вы меня любите? Да? А я васъ такъ люблю, такъ люблю.

Калерія твердо помнила наставленія Шмита, не имѣла охоты продолжать комедію, но тутъ положительно не было времени сказать что-нибудь Алексѣю.

Прошло еще нѣсколько дней. Любовь Алексѣя отъ препятствій, которыя дѣлала ему мать, становилась острѣе и мучительнѣе. Онъ написалъ Калеріи письмо, дѣтское, полное неловкихъ фразъ, вычитанныхъ изъ романа, но искреннее и горячее. Онъ говорилъ что рѣшилъ побѣдить все и сдѣлать такъ, какъ она хочетъ—пойти въ университетъ, что для нея—онъ все можетъ.

Часто безсильные люди убѣждены, что они способны на многое и на многое, и даже чувствуютъ въ себѣ силу, пока не приходитъ время дѣйствовать. Калерія не отвѣчала: ей въ то время было не до Алеши и его университета. Алексѣй написалъ другое письмо, коротенькое, гдѣ только говорилъ, что онъ сходитъ съ ума и хочетъ ее видѣть. Это письмо попало въ руки Елены Филипповны по неосторожности самого Алексѣя и было причиной того, что случилось.

VIII.

Давно Люба не заходила къ Алексѣю, и онъ думалъ, что она не бываетъ въ его комнатѣ. Но это было не такъ. Она явилась къ нему, когда онъ сидѣлъ внизу, какъ ищейка поводила носомъ во всѣ стороны, отыскивая сама не зная что, и проворно убѣжала. И въ одинъ прекрасный день ее усердіе было награждено: она увидела на столѣ копченое, но еще незапечатанное письмо, написанное рукой Алексѣя. По какой-то непонятной разсѣянности онъ не положилъ его въ карманъ, чтобы передать вечеромъ Вадиму Петровичу, а оставилъ его на столѣ. Люба схватила письмо, не стала даже читать его, боясь, что войдетъ Алексѣй, и съ драгоценной добычей бросилась внизъ, гдѣ, впрочемъ, вовсе не показала своего волненія. Любѣ такъ хотѣлось поскорѣе отдать письмо Еленѣ Филипповнѣ, что это поспѣшное желаніе побѣдило даже любопытство, и она не успѣла прочитать письмо сама. Она и такъ чувствовала, что письмо это важное и что оно «откроетъ все». Алексѣй вышелъ на балконъ и со вздохомъ смотрѣлъ на дорогу; уйти онъ не смѣлъ. Еленѣ Филипповнѣ понадобилось что-то въ ея комнатѣ. Она стояла у стола спиной къ дверямъ, когда вошла Люба—тайственная и красная.

— Письмо! сказала она свистящимъ шопотомъ. Елена Филипповна быстро обернулась.

— Письмо не вамъ,—продолжала Люба,—а Калеріи Александровнѣ Задонской отъ Алексѣя Николаевича Ингельштета! торжественно произнесла она, поднимая письмо вверхъ.

Но съ Еленой Филипповной шутки были неумѣстны. Она вырвала письмо, взглянула на адресъ и сказала Любѣ:

— Поди!

— Какже, а письмо!—произнесла Люба робко, но обиженно, увидя, что ее отстраняютъ отъ ея же дѣла.—А что-же тамъ, въ письмѣ?

— Ты хорошо сдѣлала, что не читала,—произнесла Елена Филипповна,—поди!

Люба вышла, не смѣя сказать больше ни слова. Оставшись одна, Елена Филипповна нѣсколько разъ прочла письмо. Въ посты-

скриптомъ Алексѣй повторялъ, что употребить всѣ силы и ни за что не пойдетъ въ юнкерское. Елена Филипповна сѣла въ свое кресло, расправила складки шелкового платья, положила письмо въ рабочий ящикъ и позвонила. Вошедшей горничной она приказала позвать сюда молодого барина.

Алексѣй уже гулялъ въ садъ, онъ мечталъ, такимъ образомъ, добраться до дороги и улизнуть.

— Самое скверное, соображалъ онъ,—это, что она (онъ подразумѣвалъ мать) сидитъ теперь каждый вечеръ у того окна, что какъ разъ подъ моимъ, и окно раскрыто, и все дерево освѣщено; по стволу сойти невозможно.

Когда горничная позвала его, онъ удивился, но пошелъ безъ всякихъ предчувствій. Онъ даже мечталъ, что вдругъ она опомнилась и скажетъ:

— Я виновата передъ тобой, Алеша. Ты—взрослый человѣкъ, иди, куда хочешь, я тебѣ вполне довѣрю, и отнынѣ будемъ друзьями.

Онъ даже умилился отъ этого воображаемаго діалога съ матерью и, войдя въ комнату, почти съ нѣжностью поцѣловалъ прозрачную руку, которую Елена Филипповна ему протянула.

— Сядь,—сказала она мягко.—Ну, что скажешь?

— Я хотѣлъ пойти погулять, мамаша.

— А, погулять. Подожди, вотъ поговоримъ. Я хотѣла тебя спросить, ты все еще думаешь въ университетъ?

Алексѣй неожиданно для себя смѣшался.

— Видите-ли, мамаша... я бы хотѣлъ... «Эхъ, тряпка,—подумалъ онъ про себя,—надо рѣшительнѣе».

Но мать его ласково перебила:

— Сегодня вечеромъ мы все рѣшимъ, голубчикъ. У меня есть кое-какія соображенія, по которымъ, я думаю, можно будетъ сегодня-же все рѣшить. А теперь сдѣлай мнѣ удовольствие, мнѣ нужно отослать письмо къ дядѣ Ивану Матвѣевичу, въ деревню. Оѣдай лошадь и поѣзжай и попроси отвѣта, да возвращайся немедленно, какъ онъ дастъ отвѣтъ.

Имѣніе дяди было въ восьми верстахъ. Алексѣй и не думалъ протестовать; онъ былъ обрадованъ ласковымъ тономъ матери, и на что-то надѣялся. Люба ожидала сцены и очень удивилась, когда увидела Алексѣя, выходящаго изъ комнаты матери съ веселымъ лицомъ.

Какъ только Алексѣй уѣхалъ,—пришелъ Вадимъ Петровичъ и Шмитъ. Вадимъ Петровичъ казался растеряннымъ, а Шмитъ объявилъ, что пришелъ проститься и желалъ бы видѣть Алексѣя.

— Проститься?—повторила Елена Филипповна, глядя на него изъ подъ свѣтлыхъ рѣсницъ—вы уѣзжаете?

— Да, я черезъ полчаса ѣду. Можетъ быть, впрочемъ, я еще вернусь, но тутъ случай такой вышелъ; одни знакомые мои собрались неожиданно, такъ я ихъ провожу, докуда возможно.

— Они въ Россію ѣдутъ? Кто-же это такіе?

— Задонскіе. Да, въ Россію, въ Питеръ, гдѣ, можно сказать, и мое пристанище будетъ черезъ малое время. А жалъ, жалъ, что Алексѣя нѣтъ. Теперь мнѣ надо снѣшить на почту—тамъ, я думаю, лошади ужъ готовы.

Онъ поговорилъ еще немного и ушелъ, холодно простившись съ Еленой Филипповной, которая была его непримиримымъ врагомъ.

Надо было снѣшить: Алексѣй могъ вернуться. Елена Филипповна прошла въ свою комнату и стала одѣваться. Она одѣвалась всегда въ черное,—особенно когда выходила,—и очень хорошо. У ней была тонкая, стройная талія, какъ у шестнадцатилѣтней дѣвочки, и всякое платье сидѣло на ней безукоризненно. Черныя рюши у ворота дѣлали ея лицо гораздо моложе и блѣднѣе. Опущенные глаза и сжатые губы невольно напоминали въ ней бывшую монахиню.

Она вышла, стараясь, чтобы ее не увидели и не окликнули: къ ней могла привязаться Люба. Дорога къ почтѣ тянулась паркомъ. День былъ сѣрый, хотя облака шли высоко и не общали дождя. Елена Филипповна повернула направо, потомъ налево, миновала паркъ и, наконецъ, увидѣла каменное зданіе въ два этажа съ широкимъ крыльцомъ и палисадникомъ сбоку. Въ этотъ палисадникъ были открыты окна изъ станціонной залы, и, приблизившись, Елена Филипповна услышала пѣніе, смѣхъ, шелканіе пробоекъ и восклицанія. Это провозжали прелестную Загуляеву-Задонскую. Елена Филипповна различила пѣтушья крики Вадима Петровича и басокъ Шмита. Графъ Кривницкій тоже провозжалъ: онъ собирался выѣхать двумя днями позже. Лошадей еще не подавали. Елена Филипповна подошла ближе, ее ничто не смущало, и она вошла въ залу, если бы въ эту минуту на ступеняхъ крыльца не показалась Калерія, которой надоѣли безсмысленный шумъ и крики. Рыжій дорожный костюмъ изъ толстой, но легкой англійской матеріи, плотно охватывалъ ея слегка пополнѣвшую фигуру. Дорожная шляпа съ прямыми полями и шведскія перчатки дѣлали ее изящной, подходящей болѣе къ заграничному курорту, чѣмъ къ пустынямъ Бѣлаго Ключа.

Калерія спускалась по ступенямъ, и на послѣдней онѣ встрѣтились съ Еленой Филипповной. Калерія взглянула въ блѣдное лицо, хотѣла пройти мимо, но остановилась.

— Вы — Калерія Задонская? — спросила Елена Филипповна съ такимъ безконечнымъ пренебреженіемъ въ голосѣ, что Калерія невольно смутилась, слегка покраснѣла и проговорила только:

— Да, я.

— Вы были знакомы съ Алексѣемъ Ингельштетомъ, вы вели себя съ нимъ извѣстнымъ образомъ, такъ что онъ могъ увлечься и имѣлъ право думать, что вы отвѣчаете на это увлеченіе?

Калерія вдругъ догадалась, кто передъ нею, овладѣла собой и отвѣчала немного насмѣшливо, голосомъ, въ которомъ не было уже и тѣни смущенія.

— Да, я знакома съ Алексѣемъ Ингельштетомъ. Я старалась относиться къ нему дружески, когда другіе обижали его, стремилась убѣдить его итти работать и учиться, когда другіе пытались запереть его въ темный ящикъ. Я жалѣла его и хотѣла протянуть ему руку помощи, и мнѣ больно, что я не сумѣла этого сдѣлать.

— Вы—интриганка,—сказала, смотря ей въ лицо, Елена Филипповна.—Я пришла сказать вамъ, предупредить васъ, чтобы вы не вернули назадъ и не встрѣтились мнѣ больше на моемъ пути. Ваше дѣло—успѣха имѣть не будетъ.

— А если Алексѣй пріѣдетъ въ Петербургъ?—уже съ явной насмѣшкой, произнесла Калерія.—Смотрите, какъ бы вы не оказались лишней...

Смѣлая слова этой дѣвушки, которая не давала себя въ обиду, поразили Елену Филипповну и пробудили въ ней такую злобу, что она нѣсколько мгновѣній ничего не могла отвѣтить. Калерія опять взглянула въ лицо, сдѣлавшееся блѣднѣе мертвого, поняла, что—ея верхъ, и съ презрительнымъ великодушіемъ сказала:

— Я жалѣю, что волновала васъ напрасно,—мнѣ слѣдовало тотчасъ-же сказать, что на вашего сына я никакихъ претензій не имѣю, ни на жертвы, ни на его привязанность не рассчитываю и не хочу ея, и отнынѣ, вѣроятно, имени его не услышу,—потому что я выхожу замужъ за Никанора Ильича Шмита.

Сказавъ это, она повернулась и пошла наверхъ къ двери, гдѣ стояла Агнеса, съ ужасомъ слѣдившая за всей сценой. Въ эту-же минуту послышался звонъ колоколовъ и бубенчиковъ, и почтовая тройка, круто завернувъ, остановилась у крыльца.

IX.

Алексѣй вернулся поздно, дядя задержалъ его. Онъ прошелъ прямо въ комнату матери и подаль ей записку, на которую она едва взглянула и велѣла ему сѣсть. Алексѣю стало страшно, хотя онъ самъ не зналъ, чего. Въ комнатѣ стоялъ тяжелый запахъ уксуса, мѣха, травы и какихъ-то раздражающихъ духовъ, которые напоминали ароматъ ладона. Свѣча подъ зеленымъ абажуромъ бросала дрожащій свѣтъ на блѣдное, узкое лицо съ сжатыми губами.

— Ты узнаешь это письмо?—беззвучно сказала Елена Филипповна, кладя на столъ его собственное письмо къ Калеріи.

Алексѣй вскопчилъ было, онъ хотѣлъ что-то сказать и не могъ.

— Да, это твое письмо,—продолжала мать, ты дѣвчонкѣ общаешься итти въ университетъ, дѣлать такъ, какъ говорить она, а не такъ, какъ говорю я,—итти за ней противъ меня. Понялъ-ли ты, что ты дѣлаешь?

— Но я самъ хочу въ университетъ!—вскрикнулъ Алексѣй,—и вы должны,—продолжалъ онъ, волнуясь,—вы не можете... моя жизнь мнѣ принадлежитъ...

— Тебѣ?—протяжно произнесла Елена Филипповна, вставая и подходя къ нему близко.—Нѣтъ, эта жизнь принадлежитъ мнѣ, съ начала и до конца, и я могу ей дать конецъ, какъ дала начало. Я не только могу направить ее, куда хочу, имѣть ее, пользоваться ею,—я убить тебя могу, вотъ также, какъ теперь быю.

Она подняла руку и ударила его сильно, не по-женски, по щекѣ и по глазу. Алексѣй вскрикнулъ, поднялъ руки къ лицу и, рыдая, повторялъ какія-то, не то гнѣбныя, не то жалкія слова. Потомъ сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ двери и произнеся внятно, прерывистымъ голосомъ:

— Богъ вамъ судья. Я не знаю, что вы отъ меня хотите... А только я пойду къ Калеріи... Я ее люблю, я прямо говорю...

Елена Филипповна засмѣялась тонко, тихо, показавъ рядъ бѣлыхъ, слегка заостренныхъ зубовъ.

— Пойдешь къ Калеріи? Пойди. Не скрою, впрочемъ, отъ тебя, что она въ два часа сегодня уѣхала въ Петербургъ. Можешь справиться.

— Въ Петербургъ?—въ смертельномъ ужасѣ проговорилъ Алексѣй.—Почему? А я?...

— А ты?—Ужъ не знаю, какъ она о тебѣ рѣшила. Не хочешь-ли за ней въ Петер-

бургъ? Кстати, и друга тамъ своего встрѣтишь,—Шмита. М-ше Загуляева-Задонская мнѣ лично объявила, что она въ самомъ скоромъ времени выходить замужъ за Шмита.

Алексѣй нѣсколько секундъ безмысленными глазами смотрѣлъ на мать, потомъ тяжело упалъ на стулъ и закрылъ лицо руками.

Судьба его была рѣшена...

X.

Въ пышномъ и веселомъ мѣстечкѣ, Орчутъ не каждый день были балы. Воды тамъ считались не особенно цѣлебными: пили ихъ больше для удовольствія, да для того, чтобы лишній разъ пойти въ паркъ, гдѣ находился источникъ и гдѣ во всякое время можно было встрѣтить веселую компанію кавалеровъ и барышень съ розовыми личиками.

На вечерней музыкѣ бывало особенно торжественно и интересно. Всѣ считали своимъ долгомъ надѣвать лучшіе туалеты и ходить большими компаніями.

Незадолго до начала музыки, на верандѣ, прилегающей къ библіотекѣ, сидѣло нѣсколько барышень въ свѣтлыхъ платьяхъ и два офицера. Крайнія барышни, черныя и носатія, — какія-то грузинскія княжны,—больше молчали, одна хохотала и кокетничала, а та, которая сидѣла у самаго выхода, облокотившись рукой на перила, въ сѣренькомъ платьѣ съ бѣлыми кружевами,—только улыбалась кротко и весело, а говорила мало. Это была худенькая дѣвушка лѣтъ двадцати, скромная и тихая, съ гладко зачесанными пепельными волосами, мелкими чертами лица и добрымъ взоромъ голубоватыхъ глазъ. Она жила у родителей барышни, которая кокетничала,—и давала уроки ея братьямъ.

Виктуса послѣ смерти матери осталась со-всѣмъ одна и рада была прикѣпиться въ семью, хотя жизнь ея оказалась тамъ не-отраднѣе, работа тяжелой, а вознагражденіе пустымъ. Но Виктуса не жаловалась, особенно послѣднее время, когда они перѣехали въ Ори.

Давалъ отвѣты и шутилъ съ бойкой барышней рыжій, толстый офицеръ, который сидѣлъ напротивъ. Другой былъ никто иной, какъ Алексѣй Ингельштетъ. За послѣдніе девять лѣтъ онъ такъ измѣнился, что врядъ-ли кто-нибудь, помнившій нѣжнаго мальчику съ тонкимъ лицомъ и легкими волосами, узналъ бы его въ этомъ армейскомъ офицерѣ. Лицо загорѣло, огрубѣло, въ глазахъ постоянно было тупое выраженіе равнодушной покорности и привычнаго страха. Печать какого-то застарѣлаго унынія лежала на всей его фигурѣ. Такія лица бывають у переносчиковъ непосильныхъ тяжестей, и лица эти какъ-будто говорятъ:—Ну, навали на меня еще больше: мнѣ привычно, мнѣ, все равно, не долго.

Алексѣй и шутилъ, и смѣялся, и танцевалъ, и ухаживалъ за барышнями и даже считался веселымъ и услужливымъ кавалеромъ, но все это онъ дѣлалъ слегка, машинально и безучастно. Онъ никогда не могъ вникнуть въ офицерскую службу, но не боролся, никуда не порывался, только тупо надѣялся, что это когда-нибудь кончится — все равно, какъ нибудь. Онъ сильно кутилъ иногда, но и пьяный не проявлялъ дѣятельности, а ложился на постель и плакалъ, либо запирался въ свою комнату и никого не пускалъ къ себѣ цѣлые часы. Коротко остриженные волосы его стали

очень рѣдки, на головѣ ясно обозначилась лысина. Стѣжь его умеръ, мать по прежнему жила съ нимъ, и все въ ихъ отношеніяхъ было по прежнему.

— Вонъ музыканты пришли, — сказала Виктуса, указывая на движущуюся толпу между деревьями и ярко-горящіе мѣдные инструменты подъ лучами вечерняго солнца.

— Да, и сколько сегодня народу,—произнесъ Алексѣй.—Здѣсь, на верандѣ, еще не такъ, а тамъ, посмотрите.

— Все новыя пріѣзжаютъ,—отвѣчала Виктуса задумчиво.—Хотя скучно, когда много народу,—я не люблю.

— Ну, пожалуйста, не кривляйся,—грубо прикрикнула на нее бойкая барышня, которую звали Варей.—Не любить общества! И отлично, сидѣла бы съ Колей и Мишей, и няньки не нужно было-бы, а то—нѣтъ, какъ на музыку,—такъ и глаза заблестятъ!

Виктуса ничего не стѣдила, вспыхнула и стала смотрѣть въ сторону.

— А знаете,—продолжала Варя,—сегодня—событіе: говорить, московская пѣвица Рендичъ пріѣхала.

— Какая это еще Рендичъ? —спросилъ толстый офицеръ съ рыжими усами.

Алексѣй улыбнулся галантно и произнесъ:

— Что намъ до пріѣзжихъ пѣвицъ, когда у насъ свои барышни.

— Нѣтъ, да вы не знаете,—продолжала Варя.—И Дудышкинъ, и Хлоповъ, и Тутиджиби—всѣ уши мнѣ прожужжали этой пѣвицей: молодая, говорить, совсѣмъ, а ужъ въ Москвѣ на оперной сценѣ. И красота, говорить,—неописанной!

— Что-то не слыхалъ про такую пѣвицу,—скептически произнесъ толстый офицеръ.

— Ахъ, какой вы Конечно, она не всемирная извѣстность, но и не хористка тоже. Она Ваню въ «Жизни за Царя» поетъ. Мнѣ Дудышкинъ очень вѣрно говорилъ, что нельзя въ такіе молодые годы гремѣть, какъ Патти. А, впрочемъ, я и сама не вѣрю въ эту пѣвицу, особенно въ красоту ея,—Дудышкинъ вѣчно вретъ—а посмотрѣть ее все-таки интересно. Выпялится, должно быть, въ столичные туалеты,—прибавила она уже съ нѣкоторой ненавистью,—и навѣрно раньше восьми не придетъ.

Въ эту минуту подошли еще какія-то барышни, поговорили, пощебетали, уюмянули о пріѣхавшей пѣвицѣ, которая всѣхъ очень интересовала, и ушли, захвативъ съ собою двухъ черныхъ княженъ.

Черезъ нѣсколько времени Варя вскопчила.

— Пойдемте въ библіотеку, я вамъ что-то скажу,—обратилась она къ рыжему офицеру.

Офицеръ бодро и молодецки всталъ, дрогнувъ на ногахъ и любезно предложилъ Варѣ руку. Варя, смѣясь, побѣжала съ нимъ по верандѣ. Ингельштетъ и Виктуса остались одни. Нѣсколько минутъ они молчали. Потомъ, Алексѣй подвинулся къ Виктусѣ и сказалъ ей тихо:

— Вы получили мое письмо?

Виктуса вспыхнула.

— Да... Только, ради Бога, Алексѣй Николаевичъ... это такъ трудно... если кто-нибудь узнаетъ, это будетъ ужасно...

— Послушайте, Виктуса,—началъ Алексѣй,—скажите мнѣ, наконецъ, что вы меня любите, и позвольте начать хлопотать о нашей свадьбѣ.

Виктуса подняла на Алексѣя глаза, полные обожанія.

— Господи, я-то васъ не люблю!—проговорила она, всплеснувъ руками,—Только это

невозможно, Алексѣй Николаевичъ, и выйти за васъ замужъ я не могу согласиться.

— Какъ не можете? Отчего? Послушайте, Виктуса, я вамъ откровенно скажу: я гибну. Да я и не жалѣю себя нисколько, т. е. не жалѣю, потому что видѣлъ—все равно, а

Однако, голосъ его звучалъ неувѣренно и странно.

— Нѣтъ, она не согласится,—съ горькимъ убѣжденіемъ произнесла Виктуса и покачала головой.—Она меня ненавидитъ.

Алексѣй хотѣлъ сказать, что это все равно,

дѣлались ласковѣе. Предзакатное солнце золотило верхушки липъ.

— Какъ хорошо,—сказала Виктуса и, взглянувъ на Алексѣя, прибавила:— Ахъ, еслибъ все было хорошо!

Алексѣй сидѣлъ съ поникшей головой. На

«Не во время». Съ картины художника Г. Шмутцлеръ.

какъ полюбилъ васъ, такъ опять началъ на что-то надѣяться. Вы одна только можете меня спасти. И если вы меня покинете, такъ что-же это будетъ?

— Я не покидаю васъ,—прошептала Виктуса,—я только не могу ничего, потому что Елена Филипповна не согласится.

Въ лицѣ Алексѣя что-то дрогнуло. Онъ сказалъ:

— Почему не согласится? Отчего ей не согласиться? Вотъ вздоръ...

согласится она или нѣтъ, но почувствовалъ, что не можетъ лгать передъ ней, и проговорилъ только:

— Такъ ничего нельзя знать, надо спросить. Но, если вы, Виктуса, меня бросите — я совсѣмъ погибшій человекъ. Я... Вы мою жизнь знаете, Виктуса, а люблю я васъ крѣпко.

Музыка играла какой-то нѣжный вальсъ задержаннымъ темпомъ. Звуки, приходя изъ дальней аллеи, смягчались, распылялись,

осунувшемуся лицѣ было прежнее выраженіе безнадежности. Вѣроятно, онъ не вѣрилъ въ эту минуту, что все будетъ хорошо.

— Посмотрите, вотъ она,—вдругъ торопливо шепнула Виктуса. Она говорила о прѣзжей пѣвицѣ, которую всѣ ждали съ такимъ интересомъ.

По верандѣ шла цѣлая компанія: красиво одѣтый немолодой человекъ въ штатскомъ, студентъ, гвардейскій офицеръ, и еще сзади двое или трое. Подъ руку съ пожилымъ

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА И. ПАРХОМЕНКО.

(Право на воспроизведение составляет исключительную собственность журнала „Живописное Обозрѣніе“).

ПО МІРУ.

господиномъ шла сама Рендичъ. Она была невысока ростомъ, скорѣе полна, чѣмъ худая, о ея молодости и свѣжести, одѣта просто, почти скромно. На каштановыхъ волосахъ не было шляпы, только длинный, бѣлый вуаль спускался къ подолу, обрамляя розовое и нѣжное лицо. Но, вмѣстѣ съ нѣжностью въ этомъ лицѣ было что-то рѣшительное и упорное. Алексѣй взглянулъ сначала равнодушно, потомъ съ безпокойствомъ: бѣлый вуаль напомнилъ ему что-то забытое и больное. Онъ слегка приподнялся, вглядываясь близорукими глазами въ лицо проходившей, съ величайшимъ усиленіемъ стараясь припомнить, потомъ вдругъ, сразу, точно завѣса, скрывавшая прошлое, разорвалась; онъ вспомнилъ: это было лицо Калеріи Задонской.

Рендичъ прошла мимо, скользнувъ равнодушнымъ взглядомъ и не остановивъ его ни на дѣвушкѣ, ни на угрюмомъ офицерѣ, сидѣвшемъ въ углу вранды, она не узнала, — да и странно было, еслибы она узнала Алексѣя. Виктуса увидала перемену въ Алексѣе, хотѣла спросить его, но не посмѣла, а самъ Алексѣй молчалъ. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялся и проговорилъ:

— Какъ это странно. Знаете, Виктуса, я былъ знакомъ съ этой Рендичъ, давно, когда она была еще дѣвочкой. Она милая, хорошая, я только не понимаю, вѣдь она вышла замужъ за одного моего знакомого.

Виктуса смотрѣла, жалобно, испуганно.

— Я знаю, что вы думаете, — проговорилъ Алексѣй, — я васъ одну люблю, васъ одну только и люблю, потому что вы одно мое спасеніе. А если вы меня покинете, — пусть тогда все пропадаетъ, надо что-нибудь съ собой дѣлать.

— Алеша, ради Бога! — прошептала Виктуса, протягивая къ нему руки.

— Да, да, это такъ. А теперь пойдите, васъ уже, вѣрно, ищутъ и злословятъ, что вы со мной наединѣ.

Виктуса покорно встала, и они пошли по направлению къ библиотекѣ.

XI.

Алексѣй нѣсколько дней не выходилъ изъ дому. Онъ отказался отъ участія въ пикникѣ, не ѣздилъ верхомъ и даже не ходилъ на музыку. Его считали болельщикомъ. Между тѣмъ онъ былъ здоровъ и сидѣлъ дома по инерціи: первая и главная — была та, что онъ каждую минуту хотѣлъ — и не могъ сказать Еленѣ Филипповнѣ о своемъ намѣреніи жениться на Виктусѣ. Никогда между ними не было сказано о Виктусѣ, но Алексѣй чувствовалъ ея нервы, что гнетитъ здѣсь самый упорный протестъ. Изъ всѣхъ, кого знала Елена Филипповна, она не ненавидѣла одну Любу. Она знала, что Алексѣй не можетъ ее серьезно полюбить. Но истиннаго расположенія она и къ Любѣ не чувствовала: повзвизывая съ ней года два, она ее отдала, почти оттолкнула, къ удовольствію Алексѣя. Теперь бѣдная Люба которая такъ и не вышла замужъ, очень рѣдко бывала у Ингельштетель.

Елена Филипповна любила, когда Алексѣй сидѣлъ дома, и онъ безсознательно въ эти четыре дня надѣялся привести мать въ хорошее расположеніе духа. Но, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ менѣе у него было рѣшительности, тѣмъ менѣе чувствовалъ онъ себя способнымъ сказать то рѣшительное слово, которое было необходимо.

Елена Филипповна нѣсколько не измѣни-

лась: тѣ же свѣтлыя брови, тѣ же бѣлыя глаза, тотъ же голосъ, зловѣщій и монотонный, похожій на звонъ капель, падающихъ съ крыши, и такъ же пахло отъ нея пропитательными и противными духами, коорые напоминали Алексѣю дѣтство, отчаяніе и безнадѣжность...

Другая причина, заставлявшая Алексѣя сидѣть дома, заключалась въ опасеніи встрѣтить пѣвицу Рендичъ. Собственно, это было даже не боязнь, — а стыдъ. Онъ не любилъ Калерію, онъ зналъ, что они не подходятъ другъ къ другу, что онъ даже не смогъ бы любить ее, — потому что для такой, какъ она, нужно быть сильнѣе и глубже, — онъ искренно любилъ Виктуса, ждалъ союза съ нею, какъ послѣдняго пристанища отъ пустоты и нелѣпости жизни, но передъ Калеріей ему было мучительно стыдно. Не то стыдно, что онъ ее разлюбилъ или не любилъ, а стыдно за себя, за свою жизнь, за то, чѣмъ онъ сталъ и даже чѣмъ былъ. Ему казалось, что она — его строгій судья, хотя и не понималъ самъ, какое право она имѣла судить его.

Дни проходили, Алексѣй такъ и не могъ начать разговора съ матерью. И напрасно онъ обматывалъ себя, выжидая хорошаго расположенія духа Елены Филипповны: она не удивлялась и не радовалась, что Алексѣй сидитъ дома, — она, просто, считала это въ порядкѣ вещей и не становилась ни ласковѣе, ни сердитѣе. На пятый день произошла сцена. Вечеромъ Алексѣй пришелъ въ столовую пить чай. Мать сидѣла въ большомъ креслѣ, обитомъ кожей, — послѣднее время она чувствовала себя не совсѣмъ здоровой, — и блѣдное лицо ея на темномъ фонѣ съ гладкими сѣрыми волосами и свѣтлыми глазами казалось еще блѣднѣе и мертвеннѣе.

— Я все знаю, Алексѣй, — беззвучно сказала она, смотря на не о пристально.

Алексѣй окаменѣлъ. Въ душѣ у него былъ ужасъ и въ то же время радость, что она уже узнала помимо него.

— Эта женщина здѣсь, — продолжала Елена Филипповна, — я не хочу касаться ея прошлаго, потому что не хочу повторять словъ, которыя мнѣ говорили. Но я надѣюсь, — слышите ли? — Надѣюсь, что ты слишкомъ уважаешь себя, чтобы хоть на минуту примкнуть къ ея обществу.

Прежнее уныніе охватило Алексѣя. Она о Калеріи. Значитъ, про Виктуса все-таки нужно будетъ говорить.

— Мама, до чего вы, — сказалъ онъ, — я эту пѣвицу и не узнаю. — Онъ лгалъ твердо и привычно. — И она меня не узнала. Впрочемъ, я нахожу, что встрѣтятся съ ней случайно, сказать два-три слова, для мужчины нѣтъ ничего особенно унижительнаго. Я бы даже хотѣлъ, — продолжалъ онъ, набираясь храбрости, — чтобы мы какъ-нибудь встрѣтились. Я бы спросилъ ее, какимъ образомъ она дошла до жизни актрисы, фиглярки. Говорить можно съ кѣмъ угодно. Повѣрьте, мама, что я бы себя не уважалъ, еслибы ея мнѣ еще оставалась хоть тѣнь прошлаго чувства къ этой женщинѣ. И повѣрьте, что, еслибы я когда-нибудь собрался жениться...

— Жениться? — переспросила Елена Филипповна ледянымъ тономъ. — Ты говоришь: жениться? А зачѣмъ тебѣ нужно было бы жениться?

— Да нѣтъ, — пробормоталъ Алексѣй, смущаясь, — я такъ... я думаю, что если бы... если бы нашлась хорошая, кроткая дѣвушка, которую я бы любилъ...

Елена Филипповна тряслась на своемъ креслѣ отъ беззвучнаго страшнаго смѣха.

— Которую ты бы любила! — выговорила она наконецъ. — Вотъ какъ! Вотъ какъ. Ужъ нѣтъ-ли у тебя невѣсты на примѣтѣ? Свои гнѣздо вить хочешь, своимъ домкомъ жить? А я то куда-же дѣнусь? При чемъ же я останусь? Ты будешь жену любить, а я, значить, сойдемъ за бортъ? Нѣтъ, милый дружокъ, пока я жива, — ты мнѣ принадлежишь, и никакой дѣвушкѣ «кроткой» не дамъ я самаго маленькаго мѣста около тебя!

Алексѣй слышалъ противный, раздражающій запахъ духовъ, смотрѣлъ въ блѣдныя глаза, и давнишній дѣтскій ужасъ опять леденилъ его члены, приводилъ въ оцѣпенѣніе, похожее на кошмаръ.

Онъ смѣлъ, не могъ оторвать глазъ, и не могъ произнести ни слова. Потомъ съ усиленіемъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Ему хотѣлось идти все прямо, не останавливаясь, въ темнотѣ, дойти до какой-нибудь пропасти и упсть въ нее.

Упасть и заснуть, или умереть — все равно — только не видѣть, не понимать и не страдать. Такъ навѣки безнадежно и непобѣдимъ тяжело казалось ему окружающее.

XII.

На горѣ, по дорогѣ въ паркъ, закрытая съ всѣхъ сторонъ деревьями — каштанами и липами, — стояла маленькая дача, которую давно никто не занималъ. Она принадлежала какой-то графинѣ, которая вѣчно жила за-границей, а управляющій спрашивалъ за дачу такую невѣроятную сумму денегъ, какую экономные туземные князья не соглашались платить; къ тому-же семейнымъ дача не годилась: въ ней было мало комнатъ, неудобно расположенныхъ, и цѣнилась она по внутреннему убранству и архитектурѣ, которая дѣлала ее похожей не на дачу, а скорѣе на какую-нибудь виллу у берега Средиземнаго моря. Садъ былъ запущенъ, все въ домѣ немного обветшало и пришло въ упадокъ, но не теряло красоты и очень нравилось Калеріи. Если-бы не нашлась такая дача, Калерія, вѣрно, и не осталась-бы въ Ори.

Теперь, въ жаркій, послѣ полуденный часъ, когда каштаны подъ солнцемъ не шевелили вѣтвями, и даже легкая пыль на дорогѣ улеглась, Калерія Шмидтъ, — по сценѣ Рендичъ, — сидѣла у окна въ маленькомъ будуарѣ въ креслѣ, обитомъ слегка выцвѣтшимъ, золотистымъ атласомъ. На колымажѣ у нея лежала книга, выраженіе лица было скучающее и раздраженное. Недалеко отъ нея, въ такомъ-же креслѣ, сидѣлъ пожилой господинъ, чрезвычайно хорошо, изысканно одѣтый, съ удивительными ногтями, мишленовидной формы. Онъ курилъ и поглядывалъ въ окно.

— Какъ скучно! — произнесла Рендичъ. — Вы, Пьеръ, совершенно одинъковы и въ жару, и въ холодъ, и на югѣ, и на сѣверѣ. Хотѣ бы вы сказали что-нибудь.

— Я предлагалъ вамъ, — утонченно-вѣжливо замѣтилъ господинъ, — поѣхать въ наиболѣе оживленный европейскій центръ. Вы сами предпочли глухой Кавказъ и отказались ѣхать со мной въ Aix-les-Bains.

— Ахъ, я скучаю не отъ Кавказа, — не-терпѣливо сказала Калерія. — Я раскаиваюсь, что взяла этотъ отпускъ. Мнѣ скучно безъ дѣла, и, кромѣ того, — нестерпимо скучно съ вами.

— Благодарю васъ за любезность. Но, право, не знаю, чѣмъ веселить васъ.

— О, хоть-бы кто-нибудь пришел!—воскликнула Калерія.—Бываютъ дни, когда я не могу смотрѣть равнодушно на ваше лицо. Да вотъ, кто-то идетъ, кажется,—сказала она радостно, прислушиваясь къ скрипу шаговъ на песокъ дорожки.—Это Горяиновъ. Все равно,—лучше, чѣмъ ничего.

Въ комнату вошелъ, вытирая лобъ платкомъ, юный студентъ, робкій и подобострастный, ухаживающій за Рендичъ.

— Извините,—проговорилъ онъ смущенно.—Я не мѣшаю?

Онъ съ искреннимъ и дѣтскимъ восхищеніемъ смотрѣлъ на Калерію въ свободномъ платьѣ изъ легкой матеріи, цвѣта чайной розы, на ея небрежно закрученные каштановые волосы.

— Садитесь,—сказала Калерія привѣтливо.—Откуда вы? А я сижу дома,—у меня меланхолія, должно быть, отъ жары.

— Я изъ парка,—отвѣтилъ студентъ.— Тамъ была музыка...

— Бѣдненькій, такъ вы еще не завтракали! Я велю вамъ сейчасъ подать.—И она позвонила.—Чего хотите? Кофе, шоколаду, сыру, яицъ?

Студентъ краснѣлъ немилосердно, хотѣлъ отказаться, но не смѣлъ и поэтому соглашался на все.

— Ну, что-же тамъ въ паркѣ?—продолжала Калерія—занимайте меня, говорите что-нибудь!

— Въ паркѣ все тѣ-же. Спрашивали о васъ... Такъ вамъ не нравится Кавказъ?—проговорилъ онъ жалобно, перебивая самого себя.—Вы говорите: жара...

Калерія засмѣялась.

— Нѣтъ, напротивъ, очень нравится,—сказала она.—Да я не въ первый разъ на Кавказѣ. Я была здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ еще совсѣмъ дѣвочкой. Не въ этомъ мѣстѣ, правда, но тутъ-же гдѣ-то по близости. У меня даже связаны съ Кавказомъ первые романтическія воспоминанія.—И, точно спохватившись, она прибавила поспѣшно:

— Тутъ у меня были нѣкоторые знакомые, которыхъ я не забыла: Вадимъ Петровичъ Грушевскій, Ингельштетъ...

— Ингельштетъ?—съ живостью подхватилъ студентъ. Какой это? Ужъ не Алексѣй-ли?

— Да, Алексѣй,—съ нѣкоторымъ удивленіемъ проговорила Калерія, сразу вспомнивъ имя.—Вы его знаете? Что съ нимъ теперь?

— Какъ не знать Алексѣя Ингельштета... Да онъ здѣсь, вы его видѣли. Я помню, я шелъ съ вами, онъ сидѣлъ на верандѣ съ блѣдненькой барышней... неужели вы не замѣтили?

— Нѣтъ, не замѣтила.. Да кто онъ? Неужели офицеръ?—прибавила она вдругъ, смутно вспоминая при этихъ словахъ высокую, жалкую фигуру офицера рядомъ съ блѣдной барышней.

— Да, офицеръ. Что-же вы такъ удивились?

— Я ничего... но неужели это онъ?—прибавила она какъ-бы про себя, все больше и больше припоминая встрѣтившагося ей Алексѣя, котораго она не узнала. И потому, покоряясь внезапной мысли, она произнесла живо:

— Послушайте, милый Горяиновъ, хотите сдѣлать мнѣ большое удовольствіе? Вы говорили, что Ингельштетъ здѣсь и что вы его даже видѣли въ паркѣ... Приведите его ко мнѣ, хорошо?

— Съ наслажденіемъ, я непременно. Какъ

только встрѣчу его слѣдующій разъ, я ему скажу: онъ будетъ въ восторгѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу теперь; я даже не стану васъ о немъ спрашивать, я хочу все отъ него узнать. Пожалуйста, милый Горяиновъ, вѣдь вы знаете, гдѣ онъ живетъ, вѣдь вы ходите къ нему!

— Я, положимъ, знаю, гдѣ онъ живетъ, но къ нему не хожу. Онъ, видите-ли, живетъ съ матерью... Калерія весело засмѣялась.

— А! все еще съ матерью. Я знаю его мать. Но надѣюсь, она его теперь отпускаетъ въ гости?

— Ну, не всегда...

— Да вы не говорите ничего матери. Скажите просто, что я хотѣла-бы его видѣть,—произнесла Калерія, вдругъ сдѣлавшись серьезной.—Просто скажите это, и больше ничего.

Пожилой господинъ, котораго Калерія называла Пьеромъ, всталъ и проговорилъ, почтительно и вѣжливо поцѣловавъ руку Калеріи, «желаю вамъ менѣе скучать!» Горяиновъ тоже ушелъ. Калерія осталась одна и не выходила цѣлый день. Ей было уже не скучно, а тоскливо. Свиданія съ Ингельштетомъ она ждала не безъ интереса, но и не безъ непріятнаго чувства, похожаго на чувство, съ которымъ ѣдутъ на неожиданную могилу знакомаго человѣка.

Такъ прошелъ день, и наступилъ вечеръ.

Въ комнатахъ было пусто и темно. Калерія отослала служанку и рѣшила, что просто не отпереть, если у калитки будетъ кто-нибудь звонить. Ингельштета она такъ поздно не ждала, а о Пьерѣ она не заботилась. Темнѣло быстро, сразу. Сумерокъ почти не было, и на небѣ теперь дрожали большія и близкія звѣзды. Калерія хотѣла зажечь лампу, но въ ней не оказалось керосина. Мракъ сталъ пугать ее, ей хотѣлось, чтобъ горничная вернулась поскорѣе. На балконѣ все-таки было свѣтлѣе, и она вышла на балконъ. Въ лицо ей пахнуло пронзительною вечернею сыростью горнаго ущелья. Казалось, блѣдный, тонкій туманъ шевелился между деревьями. Со всѣхъ сторонъ тѣснили горы, сдавливали узко, а полоса неба наверху казалось выше.

Калерія плотно закуталась въ красный платокъ, казавшійся теперь совсѣмъ чернымъ по сравненію съ ея платьемъ. Такъ-же чернѣли на блѣдномъ лицѣ губы, слишкомъ яркія днемъ.

Вдругъ Калерія почувдила скрипъ шаговъ. Кто это могъ быть? Калитка заперта. Положимъ, заборъ такой низенькій... Вѣрно, какой-нибудь кинто забрался сюда и, врьдъ-ли, съ добрыми намереніями. Калерія въ ужасѣ вскочила съ кресла. Какая неосторожность оставаться одной ночью, да еще на Кавказѣ! Она собиралась закричать, но вдругъ увидала передъ собой довольно высокую, сутуловатую фигуру въ бѣломъ.

— Кто это?—спросила Калерія.

— Нельзя-ли видѣть госпожу Рендичъ?

Что-то очень далекое, знакомое послышалось Калеріи въ звукахъ этого голоса.

— Рендичъ—я, отвѣчала Калерія.—Что вамъ угодно?

— Гы меня не узнаете, Калерія Александровна?

— Да, конечно, тутъ темно...И, можетъ быть, я слишкомъ поздно... Но мнѣ передалъ Горяиновъ, что вы позволяете мнѣ навѣстить васъ...

— Алексѣй... Алеша Ингельштетъ!—съ первыми смѣхомъ воскликнула Калерія,—

этовъ? Идите сюда, здравствуйте! Такъ темно, что я не вижу васъ, но это и не нужно: мы хорошо помнимъ другъ друга. не правда-ли? Алексѣй вошелъ на балконъ и, пожавъ протянутую въ темнотѣ руку, сѣлъ недалеко отъ Калеріи. Лица его совершенно нельзя было различить; свѣтлѣлъ только бѣлый китель, да фуражка въ рукахъ.

Калерія, не смотря на свою практичность и косность, имѣла нѣкоторую склонность къ романтизму. Это странное свиданіе въ темнотѣ съ человѣкомъ, который любилъ ее въ дни юности, волновало ее. Она не видѣла Алексѣя, и ей казалось, что передъ ней тотъ-же гимназистъ съ легкими кудрявыми волосами, она сама — наивная дѣвочка, которой этого мальчикъ начинаетъ нравиться. Ей подумалось, что, можетъ быть, Алексѣй любить ее до сихъ поръ, — ей хотѣлось, чтобы это было такъ.

— Вы здѣсь, и не зашли ко мнѣ,—сказала она съ упрекомъ.—Вѣдь вы-же знали, что я всей душой буду рада васъ видѣть.

— Калерія Александровна, я не зналъ... много времени прошло...

Она замѣтила въ его голосѣ какіе-то новые звуки—усталые и даже огрубѣлые.

— Вы думаете, что я забыла, что я очень измѣнилась? О, я все та-же дѣвочка въ глубинѣ души, увѣряю васъ. Можетъ быть, я виновата передъ вами. простите меня. Мнѣ пришлось много пережить съ тѣхъ поръ, увидѣть свои ошибки. Я стала умнѣе, не вспоминайте мнѣ злого...

И Алексѣй почувствовалъ, какъ маленькая, теплая рука схватила его руку и пожала. Онъ тоже былъ взволнованъ, но не радостно, а какъ-то пугливо, тяжело. Къ волею примѣшивалось чувство неожиданности и стыда. Онъ зналъ, что любить Виктусю, а между тѣмъ, этотъ мракъ и эта втрѣча смущали его и заставляли вспоминать прежнее, дѣтское, тяжелое, но все-таки ему дорогое. Онъ хотѣлъ, идя къ ней и помня ее умной и рѣшительной, быть откровеннымъ, попросить совѣта и утѣшенія, ждалъ отъ нея покровительственнаго тона, и, вдругъ, она встрѣчаетъ его въ темнотѣ, говорить взволнованнымъ голосомъ, беретъ его за руку. Онъ не хотѣлъ вникать въ это, но и не могъ остаться равнодушнымъ.

— Послушайте, Алеша, расскажите мнѣ все: какъ вы жили, какъ тогда... Она остановилась на минуту.—Вы скоро тогда забыли меня? Расскажи е мнѣ всю вашу жизнь, а я расскажу вамъ про себя, и вы увидите, что мы еще можемъ понять другъ друга.

— Эхъ, что рассказывать, Калерія Александровна,—проговорилъ Алеша.—Моя жизнь тяжелая, пустая; но, повѣрьте, воспоминаніе о васъ—это такое свѣтлое пятно... Не знаю, какъ бы я жилъ безъ этого воспоминанія. Но я вамъ расскажу все, и вы увидите...

— Расскажите, дорогой другъ,—проговорила Калерія,—вы не знаете, какъ сердце мое готово понять и утѣшить васъ. Я тоже одинока и совсѣмъ не такъ счастлива, какъ думаютъ обо мнѣ...

Вдругъ въ окнахъ дачи замелькалъ свѣтъ, и, прежде чѣмъ Алеша успѣлъ отвѣтить, на порогъ балкона показалась горничная съ яркой лампой въ рукахъ. Весь балконъ теперь былъ облитъ лучами. Въ саду сдѣлалось еще темнѣе: онъ чернѣлъ, какъ пропасть. Свѣтъ лампы казался слишкомъ рѣзкимъ, желтымъ и непріятнымъ.

— Ахъ, Дуниша,—проговорила Калерія,

поднимая къ глазамъ узкую руку,—зачѣмъ вы... Ну, все равно; дайте сюда!

Дуняша поставила лампу на столъ и вышла. — Подайте намъ чаю!—крикнула ей вслѣдъ Калерія уже совѣмъ другимъ, хозяйскимъ, голосомъ.

На огонь тотчасъ-же слетѣлись ночныя бабочки, большія, черныя, безмолвно трепетавшія мягкими крыльями около бѣлаго колпака. Калерія и Алексѣй съ удивленіемъ посмотрѣли другъ на друга. Настроеніе, вызванное темнотой и прежними воспоминаніями, исчезло безвозвратно. Калерія не могла повѣрить, что она за мину передъ тѣмъ волновалась, держала за руку этого загорѣлаго, сутулаго офицера съ запуганнымъ, грубымъ и даже тупымъ лицомъ. Прошлое отошло вмѣстѣ съ мракомъ, который отодвинулся дальше, въ садъ. Не было ни мальчика, ни школьницы. Калерія менѣе всего походила на дѣвочку: пополнившаяся, красивая, съ недѣтскимъ, рѣшительнымъ и смѣлымъ выраженіемъ лица,—это была уже много испытанная женщина. Алексѣй невольно припомнилъ робкое и нѣжное лицо Виктуси. Имъ обоимъ было стыдно. Нѣкоторое время они молчали, потомъ Калерія сказала:

— Да, Алексѣй Николаевичъ, со старыми друзьями всегда пріятно встрѣтиться. Расскажите, расскажите, какъ поживали, что подѣлывали... Я даже не слышала, что вы офицеромъ сдѣлались. И перемѣнились какъ! Возмужали!—протянула она, съ чуть замѣтной усмѣшкой поглядывая на ясно обозначившуюся лысину подъ коротко-остриженными волосами. Алексѣй сидѣлъ согнувшись, опустилъ глаза, и скоро досадное чувство Калеріи замѣнилось жалостью. Прежняго Алеши не было, онъ превратился во что-то некрасивое и забитое, и Калерія теперь хотѣлось узнать, какъ это случилось, куда дѣвался милый мальчикъ, котораго она еще нѣсколько минутъ тому назадъ наивно думала найти неизмѣненнымъ.

— Ну, что-же вы молчите?—прибавила она голосомъ, опять болѣе задушевнымъ, но уже какъ старшіе обращаются къ младшимъ, и, видимо, желая его ободрить. — Право, мнѣ очень хочется знать, какъ вы жили и что дѣлали, и какъ живете теперь. Я помню вашу мать, — будемъ говорить откровенно,—эта женщина дѣлала вамъ жизнь такой тяжелой тогда. Я надѣюсь, что теперь это все измѣнилось...

Алексѣй поднялъ на нее умоляющіе глаза, похожіе на глаза животнаго, котораго очень много били, и его неожиданное, смѣлое волненіе исчезло. Онъ сталъ просительнымъ, робкимъ и безнадежнымъ.

— Нѣтъ, я плохо жилъ,—заговорилъ онъ, — я очень плохо жилъ. Я и теперь не знаю, зачѣмъ я живу, и какъ это все будетъ... конечно, живешь, живешь,—терпишь, терпишь,—а потомъ вдругъ—силъ не хватаетъ. Я вотъ теперь именно на краю, пустоты больше не могу вынести. Моя мать, вы знаете, какая, а я—не могъ и не могу про-

тивъ нея... ужъ это — судьба. Каждый человекъ, конечно, мечтаетъ о спасеніи, за соломенку хватается, и вотъ, еслибы моя мать

Услыхавъ его признаніе, Калерія на мигъ

спаси поддержать, а вотъ мать не хочеть... Что-же дѣлать, какъ быть?

СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕ

За въ

согласилась... Я люблю одну дѣвушку, Калерія Александровна,—продолжалъ онъ, спѣша все сразу высказать и чувствуя, что если остановится теперь, то второй разъ не начнетъ. — Я ее люблю. Она одна мо- ла-бы ме-

нута опять сдѣлалось стыдно, когда она вспомнила свои нелѣпыя мысли о томъ, что, можетъ быть, Алексѣй ее еще любитъ,—стыдно и непріятно. Но она пересилила себя и сказала участливо:

— Ваша мать не хочетъ вашего брака? на своемъ поставить... Но, что обо мнѣ, потомъ... Но вѣдь вы же взрослый человекъ, вѣдь Скажите о васъ, Калерія Александровна... Это странно и нелѣпо... Если вы думаете, Вы—довольны вашей жизнью, счастливы?

мѣсяца послѣ нашей свадьбы выяснилось, что онъ любитъ несвѣжее бѣлье, длинные волосы, черную работу и деревенскую грязь. А я люблю только красивое, музыку и славу. И мы разошлись. Съ тѣхъ поръ... Не все-ли равно, что съ тѣхъ поръ? Вы знаете, я — актриса, пою въ оперѣ, надѣюсь со временемъ пѣть еще лучше, если не потеряю голоса. Я почти довольна... Но — вы, милый другъ, вотъ гдѣ главное! Еслибъ я могла помочь вамъ... да врядь-ли я могу что-нибудь...

Она хотѣла сказать:—«Познакомьте меня съ вашей невѣстой»,—но остановилась, вспомнивъ, что здѣсь, въ провинціи, многія дамы чуждаются ея общества и боятся ея знакомства.

— Хотите, я поговорю съ вашей матерью.. начала было Калерія нерѣшительно, но Алексѣй посмотрѣлъ на нее съ такимъ ужасомъ, что Калерія не кончила фразы.

Долго они говорили еще. Алексѣй становился все откровеннѣе, высказывался, путаясь и спѣша, забывая о собесѣдницѣ, только отдыхая на томъ, что можетъ говорить, а Калерія все больше было жаль этого изуродованнаго человека съ непобѣдимымъ ужасомъ передъ собственной матерью. Калерія было жаль, но она чувствовала, что безсильна. Ингельштетъ ее интересовалъ.

XIII.

Въ бесѣдкѣ, около довольно богатой дачи, на горѣ, сидѣла Виктуся съ двумя рыжими веснушчатыми мальчиками и занималась съ ними арифметикой.

— Ну вотъ, ну вотъ,—твердила она слабымъ голосомъ, — ежели въ басейнѣ выходятъ три крана...

Старшій мальчикъ, съ вихрами бѣлыми длинными, перебилъ ее:

— Ладно, три крана... А отчего у васъ, Викторія Федоровна, глаза красные? Вы точно курица мокрая ходите. Вы и о задачахъ-то не думаете нисколько.

— Занимайтесь вашимъ дѣломъ,—сказала Виктуся, стараясь придать голосу строгость, но строгости не вышло.

— Нѣтъ,—я попрошу маму нанять мнѣ гувернера, — продолжалъ мальчикъ. — Что мнѣ съ бабьемъ нюни разводить? Какая вы для насъ гувернантка? Вы и въ компаньонки къ Варѣ не годитесь: Варя васъ терпѣть не можетъ.

Виктуся хотѣла что-то возразить, но въ эту минуту у калитки палисадника показалась высокая, прямая фигура м-ше Ингельштетъ, которая заставила Виктусю поблѣднѣть и умолкнуть сразу. Мальчики, напротивъ, пользуясь предлогомъ, вскочили и бросились навстрѣчу гостьѣ.

— Здравствуйте, Елена Филипповна,—проговорилъ старшій довольно,

впрочемъ, сдержанно, потому что они оба безотчетно боялись этой высокой, серьезной дамы.—Мама дома, не угодно-ли я проведу васъ къ ней?

— Не беспокойся, милый, я найду дорогу,—

что въ этомъ—ваше спасеніе,—идите противъ нея...

— Да не могу я!—воскликнулъ Алексѣй съ отчаяніемъ.—Никогда не могъ и теперь не могу! Она сильнѣе, она погубитъ меня, а

— Я довольна. Моя жизнь простая, ее нечего рассказывать. Вы, вѣрно, интересуетесь, какъ мы разошлись съ вашимъ другомъ, Шмитомъ? Мы, собственно, никогда и не сходились, это была ошибка. Черезъ три

А. М. МАНТЕГАЦЦА.

истову.

сухо сказала она, слегка отстраняя его. — Вы, кажется, занимались? Ступай, ступай къ Викторіи Ѳеодоровнѣ...

И она, издали кивнувъ головой Виктусѣ, прошла въ домъ.

М-ме Осокина встрѣтила Елену Филипповну съ необычайной ласково-стью и почтениемъ. Это была полная дама лѣтъ сорока пяти, низенькая, съ рѣдкими каштановыми волосами, съ толстыми щеками и слегка заплывшими глазками, которые не выражали ничего, кромѣ хитрости и большой злости.

— Ахъ, Елена Филипповна! Милости просимъ! Какъ вы рѣшились на нашу гору? Когда я была у васъ прошлый разъ, — мнѣ помнится, гашимъ ногамъ было хуже. Надѣюсь, теперь вы здоровы?

— Благодарю васъ, Анна Дмитріевна, какъ вы поживаете? Что Варенька? Гдѣ она теперь, дома?

— Нѣтъ, Варя поѣхала кататься верхомъ. Знаете, сезонъ кончается... вѣдь ужъ августа вторая половина, скоро есъ разъѣдутъ; такъ надо пользоваться послѣдними удовольствиями.

— А что, какъ дѣла съ Грумъ-Гржимайло? — произнесла Елена Филипповна съ тонкой улыбкой.

Собесѣдницы сидѣли въ спальной Анны Дмитріевны. Изъ открытаго окна въ садъ доносились голоса мальчиковъ.

При вопросѣ Елены Филипповны, Анна Дмитріевна слегка покраснѣла и сверкнула злыми глазками.

— А! вы знаете... — протянула она, стараясь говорить небрежно. — Ничего, рѣшительно ничего. Конечно, онъ ухаживаетъ сильно... Варенька и теперь поѣхала кататься съ нимъ... но о предложеніи пока рѣчи не было. Да вѣдь рано — всего только мѣсяць знакомы... Чтужъ, я благослови: партія прекрасная.

«Еще-бы ты не благословила, — подумала Елена Филипповна, — только не женится богатый петербургскій офицеръ на твоей халдѣ!»

И прибавила вслухъ:

— Конечно, завидная партія, если только это состоится...

И она опять улыбнулась.

Анна Дмитріевна поняла, что гостя пришла неспроста, что ей что-то нужно. Она знала, что Елена Филипповна опасна, и ссориться съ ней невыгодно.

— Дѣти—это такая обуза, — продолжала Елена Филипповна. — Ученіе, воспитаніе, а тамъ — замужество или женитьба... все это для матери либо горе, либо радость — и всегда забота...

— Что это вашъ Алеша не женится? — сказала Анна Дмитріевна. — Хотя, конечно, выростъ у меня сыновья — изо всѣхъ силъ буду стараться, чтобы они не женились. Дѣвушка — другое дѣло.

— Да, я держусь того же мнѣнія. Объ Алешѣ я и пришла поговорить. Съ вами можно быть вполне откровенной. Я буду кратка. Вы замѣчали что нибудь за вашей молоденькой родственницей, гувернанткой?

Лицо Анны Дмитріевны выразило живѣйшій интерес и участіе.

— Да, знаете... произнесла она, какъ бы извиняясь. — слухомъ земля полнится... Говорила что-то Варя, но не помню теперь. Я думала — пустяки какіе нибудь. Она, эта Виктуся, — ужасная обуза для меня... Съ одной то молодой дѣвушкой не знаешь, какъ справиться, а тутъ другая — тоже, въ нѣкоторомъ родѣ, на попеченіи. Въ гувернантки она и не годится совсемъ, мои мальчики ужъ велики. Были у меня относительно ея кое-какія соображенія, но еще ничего не знаю.

— Видите-ли, дорогая Анна Дмитріевна, что Викторія — дѣвушка ненадежная. Я понимаю, что ей хочется замужъ, но съ такой настойчивостью преслѣдовать чело-вѣка, какъ она дѣлаетъ это съ моимъ Алексѣемъ — невозможно, и я позволю́тъ должна принять какія нибудь мѣры, потому что брака этого не желаю, и это вы легко поймете.

— Еще бы, еще бы! — заволновалась Анна Дмитріевна. — Ахъ, Боже мой! Вотъ я никогда не думала.

— Но это еще ничего, — продолжала Елена Филипповна. — Я могла бы выхлопотать переводъ Алексѣю — да это, вѣроятно, и будетъ

во всякомъ случаѣ — но я пришла предупредить васъ: случайно я узнала, что Викторія Ѳеодоровна играетъ двѣ игры: не удастся одна — удастся другая. Съ до-товѣрностью могу сказать вамъ, что она въ перепискѣ съ тѣмъ же Грумъ-Гржимайло. Неужели вы ничего не успѣли замѣтить? и Грумъ-Гржимайло говорилъ при мнѣ Алешѣ, что ему нравятся такіа блѣдныя, робкія личики мадоннъ, какъ у Викторіи.

Анна Дмитріевна вздрогнула, вспыхнула и попала въ ловушку. При своей хитрости она была не умна.

— Въ перепискѣ? — почти прошептала она. — Да, мнѣ кажется — я кое-что замѣчала, я вспоминаю теперь. Благодарю васъ, милая Елена Филипповна... И знаете? — прибавила она, оживляясь, — я теперь рѣшила — тутъ нечего и разсуждать, вы меня поймете, Я, признаться, и раньше думала, но я ничего не знала. Видите, у меня гостила моя belle-soeur изъ Карса. Завтра она уѣзжаетъ, ей нужно бонну — она съ удовольствіемъ возьметъ эту дѣвушку. Въ Карсѣ она даже могла бы составить себѣ партію: тамъ, говорятъ, много жениховъ. Это во всѣхъ отношеніяхъ удачная мысль. Я могу уговорить сестру остаться еще на день — потому что не ловко, знаете, такъ, сразу. Но послѣ-завтра это будетъ кончѣнъ.

— Согласится-ли барышня? осторожно спросила Елена Филипповна. — Имѣете-ли вы на нее достаточное вліяніе?

— Что вы, что вы, — испуганно воскликнула Анна Дмитріевна и замахала руками. — Вѣдь я ей все равно, что мать. Нѣтъ, Елена Филипповна, это дѣло рѣшенное, послушайте, что я вамъ расскажу...

Она придвинулась ближе и стала говорить съ жаромъ и со злобой; Елена Филипповна молча кивала головой. А изъ сада по-прежнему доносились ароматы августовскихъ цвѣтовъ, и слышались голоса и крики мальчи-ковъ.

3. Гипписъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МОРЯКА.

Романъ Луи Бене (Продолженіе).

До сихъ поръ я не встрѣчалъ чужестранцевъ и долженъ признаться, что испанцы принимали насъ очень любезно. Я увезъ изъ «Тенерифа» очень хорошее мнѣніе о черноусыхъ обитателяхъ его. Во время нашего пребыванія на «Тенерифѣ» произошло слѣдующее весьма непріятное происшествіе: какъ-то на разсвѣтѣ съ транспорта «Александръ» пріѣхалъ офицеръ и донесъ коммодору, что около полуночи съ судна бѣжалъ арестантъ Іосифъ Поуэлль и не поймавъ.

Въ это время меня смѣняли съ часовъ и я былъ назначенъ въ команду, которую послали отыскивать Поуэлля. Спустили лодки, и мы отправились на поиски, шагъ за шагомъ осматривая берегъ. Изъ дознанія оказалось, что на «Александрѣ» оставили за кормой ботъ. Поуэлль какими-то судьбами удалось пробраться въ него и незамѣтно спустить его на воду. И только въ четыре часа, когда смѣняли часовыхъ, замѣтили исчезновеніе бота. У самой кормы «Александра» стоялъ на якорѣ какой-то голландецъ, и Поуэлль направилъ къ нему свой

ботъ и предложилъ свои услуги, но они отказались взять его на службу, тогда онъ поплылъ на западъ отъ Санта-Круцъ. На нашемъ ботѣ находился капитанъ «Александра», онъ былъ страшно золъ на преступника, потому что за всякаго сбѣжавшаго арестанта онъ былъ обязанъ платить штрафъ въ сорокъ фунтовъ стерлинговъ. Но онъ такъ подгонялъ гребцовъ и такъ жаловался на свое несчастье, что мы всѣ невольно смѣались. Его безпокойство, однако, скоро кончилось. Мы подходили съ западной стороны къ берегу, какъ лейтенантъ съ «Александра», который тоже былъ съ нами, приказалъ людямъ остановиться. На самомъ берегу, у подножія скалы, на которую онъ, должно быть, пробовалъ влѣзть, лежалъ несчастный, до того измученный, что не въ состояніи былъ пошевелиться. Офицеръ быстро схватилъ мое ружье.

— Не стрѣляйте, сударь, — невольно вскричалъ я.

Но тотъ, не обращая на меня вниманія, прицѣлился и закричалъ:

— Сдавайся, Поуэлль, а не то я буду стрѣлять. Несчастный! Онъ не въ силахъ былъ слова выговорить и только повернулъ къ намъ свое поблѣднѣвшее лицо, покрытое кровью. Лейтенантъ опустил ружье, и ботъ присталъ къ землѣ.

— Пусть двое изъ васъ принесутъ его въ ботъ, приказалъ офицеръ; мы, вдвоемъ съ товарищемъ, принесли бѣдняка. Я никогда не забуду ужаснаго выраженія отчаянія на его лицѣ. Мы привезли его на бортъ «Сиріуса», гдѣ на другой день капитанъ Филипъ приказалъ наказывать его двѣнадцатью дюжинами линьковъ и отправилъ на его транспортъ, гдѣ онъ до вѣхода въ море оставался закованнымъ. Были еще попытки дѣланія фальшивой монеты, въ распространеніи которой участвовали матросы. Но это было скоро открыто и всѣ виновные наказаны, — матросы лишены грога, а фальшивый монетчикъ, какъ арестантъ, понесъ тѣлесное наказаніе.

Мы съ недѣлю оставались въ «Тенерифѣ», а затѣмъ поплыли въ Рио-ди-Жанейро.

Х.

Остановлена мысь Доброй Надежды.

Судьба Мэри Бродъ и Уилльяма Брайента все это время не выходила у меня изъ головы. Несчастная дѣвушка, погубившая себя ради такого недостойнаго человѣка, какъ Брайентъ. То-есть, Уиль былъ недостойный человѣкъ относительно Мэри, но въ дѣйствительности онъ имѣлъ много хорошихъ качествъ, какъ это оказалось впоследствии. Последнее, что я о нихъ слышалъ, еще въ началѣ нашего путешествія, было что сквайръ Фэрфаксъ хлопоталъ объ облегченіи участи Уилля Брайента, и что Мэри просила своей высылки въ Ботани-Бей. Я справился у солдатъ морской пѣхоты, занимавшихъ караулъ на транспорте, не случалось ли имъ слышать имена Бродъ и Брайента, но они знали арестантовъ только по померамъ. Трудность пайти Брайента въ этомъ случаѣ меня не удивляла, но я всегда полагалъ, что красота Мэри не останется незамѣченной среди окружающихъ ее женщинъ, и потому рѣшилъ, что ея навѣрное нѣтъ на транспорте. Спрашивать объ нихъ лейтенанта Фэрфакса я не хотѣлъ, въ то время дисциплина была очень строга, и свободное отношеніе рядового къ начальнику ни въ какомъ случаѣ не могла допускаться.

Но какъ-то однажды, когда мы уже оставили Тенерифъ, лейтенантъ заговорилъ со мной самъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, когда я чистилъ его мундиръ, и сказалъ:

— Дью, ты слышалъ что нибудь о Брайентѣ и этой бѣдной дѣвушкѣ, горничной моей сестры?

— Нѣтъ, сударь,—отвѣчалъ я,—но я былъ бы очень радъ, еслибы достоверно узналъ, что дѣвушка осталась въ Англии.

— Къ сожалѣнію, она несомнѣнно находится на одномъ изъ транспортовъ. Какъ-то при случаѣ я спросилъ коммодора, но онъ посмотрѣлъ въ спискахъ и сказалъ, что Уилльямъ Брайентъ и Мэри Бродъ находятся въ числѣ арестантовъ.

— Да поможетъ имъ обѣимъ Господь, сударь,—сказалъ я, между тѣмъ какъ въ моихъ глазахъ промелькнули искаженные, ужасныя лица и въ ушахъ звучали ругательныя слова, такъ легко произносимыя женщинами-арестантками.

— Я былъ вполне увѣренъ, Дью,—прибавилъ лейтенантъ,—когда этотъ малый Поуэзль сбѣжалъ съ судна, что это Брайентъ, и хотѣлъ повѣрить мѣня, но признаюсь, я былъ бы очень радъ еслибы это былъ Брайентъ и ему удалось бѣжать. Какая жалость, что такого прекраснаго малаго постигла подобная судьба.

— Еще хуже для заблудшей женщины, которая погубила себя ради него,—возразилъ я.

Лейтенантъ секунду или двѣ смотрѣлъ на меня своими пронзительными сѣрыми глазами и затѣмъ быстро сказалъ:

— Да, твоя правда! Ахъ да, кстати, Дью, мнѣ помнится, что ты очень приударялъ за нею, а?

— Это давно было, сударь, прежде чѣмъ я сдѣлался человѣкомъ и солдатомъ, да и она ничего не хотѣла знать обо мнѣ.

Онъ улыбнулся и прибавилъ:

— Мы постараемся, Дью, когда придемъ въ Ботани-Бей, помочь ей. Но прежде всего служба, Дью. Наши чувства никогда не должны мѣшать ей.

— Полагаю, сударь,—сказалъ я,—и горжусь тѣмъ, что могу такъ говорить, потому что вы сдѣлали хорошаго солдата изъ Уилльяма Дью.

— Вѣрно, Дью. Я радъ, что ты такъ говоришь.

Я былъ счастливъ, что лейтенантъ разговариваетъ со мною и принимаетъ такое участіе въ моихъ дѣлахъ. Но узнать, что Мэри находится на одномъ изъ транспортовъ, было для меня ударомъ. Я такъ надѣялся, что власти не обратятъ вниманія на ея просьбу.

Въ началѣ августа мы прибыли въ Рио-ди-Жанейро и могли снова попытаться свѣжей провизіей. Мы были въ морѣ съ начала мая и за это время умерло пятнадцать арестантовъ и одинъ ребенокъ. Я однажды слышалъ, какъ капитанъ Филиппъ говорилъ нашему штурману, что не смотря на скверныя условія, въ которыхъ находятся переполненные транспорты въ жаркую погоду, которая насъ сопровождала, мы можемъ только благодарить Господа, что у насъ не умерла половина нашего человѣческаго груза. Но доктора дѣлали все, что могли, для очищенія воздуха въ междупалубномъ пространствѣ гдѣ они часто производили небольшіе взрывы пороха, брызгали дегтемъ.

Нашъ коммодоръ когда-то служилъ у португальцевъ и при нашемъ прѣбытіи городъ былъ въ честь его иллюминированъ и къ намъ ко всѣмъ отнеслись очень внимательно, и кромѣ того не взяли съ флота никакой платы за стоянку въ гавани.

Въ Рио-ди-Жанейро коммодоръ запасся всевозможными сѣменами для будущихъ поселеній, и по просьбѣ нашего командира морской пѣхоты майоръ Посса сдѣлалъ запасъ пороха и пулъ.

Нагрузившись, мы направились къ мысу Доброй Надежды. Былъ конецъ сентября, погода стояла скверная, «Сиріусъ» страшно качало, и мы были въ постоянномъ страхѣ. Вообще нужно сказать, что всѣ корабли были въ весьма плохомъ состояніи отправлены въ плаваніе; можно только удивляться, какъ мы дошли благополучно.

Въ пути между Рио и мысомъ Доброй Надежды снова былъ открытъ заговоръ завладѣть однимъ изъ транспортовъ, и открытъ совершенно случайно. Не «Александръ» нѣсколько ящиковъ со сѣменами были взломаны и одинъ изъ офицеровъ задумалъ поймать вора, и для этого забрался потихоньку въ кладовую. Сидя около переборки, онъ услышалъ, какъ матросы обсуждали планъ завладѣть кораблемъ, который они затѣяли вмѣстѣ съ арестантами. Мятажники успѣли даже украсть порядочное количество ломовъ для раздачи арестантамъ, когда наступитъ минута нападенія на стражу.

Командиръ «Александра» немедленно донесъ капитану Филиппу, который приказалъ приковать зачинщиковъ на палубѣ, а четыре матроса были замѣнены людьми съ «Сиріуса». Затѣмъ до самаго нашего прибытія въ концѣ октября на мысъ Доброй Надежды не случилось ничего особеннаго, кромѣ того что на одномъ изъ транспортовъ одна изъ женщинъ-арестантокъ родила сына.

Здѣсь мы снова сдѣлали запасъ свѣжей провизіи и нагрузили много живого скота, необходимаго для будущихъ поселеній. Все это страшно загромодило суда, и моряки прозвали ихъ поездами ковчегомъ.

Когда все было готово къ отплытію, коммодоръ рѣшилъ послать свой флагъ съ «Сиріуса» и перейти на «Селлей», у котораго ходъ былъ лучше. Онъ хотѣлъ отправиться впередъ и подыскать мѣсто для стоянки. Три транспорта должны были слѣдовать за нимъ и между арестантами выбрали плотниковъ, кузнецовъ, землемѣровъ и помѣстили на этихъ судахъ.

Благодаря перемѣщенію арестантовъ и арестантокъ съ одного транспорта на другой, лейтенанту Фэрфаксу пришлось встрѣтиться съ Мэри Бродъ. На транспортъ Эдди Педринтъ, который долженъ былъ идти съ коммодоромъ, собрали всѣхъ женщинъ; въ тотъ самый день какъ ихъ перевозили, лейтенантъ прѣхалъ на транспортъ за какими-то бумагами. Я не былъ свидѣтелемъ того что произошло, но лейтенантъ Фэрфаксъ описалъ мнѣ всю сцену впоследствии.

Всѣ офицеры собрались въ каютъ-кампанин и толковали о дѣлахъ службы, какъ въ дверь постучалъ боцманъ съ докладомъ, что привезли четырехъ женщинъ и двухъ дѣтей и что сержантъ желаетъ видѣть доктора.

Докторъ вышелъ и, вернувшись черезъ минуту, сказалъ оставшимся офицерамъ.—У меня подъ командой оказываются все женщины. Я начинаю думать, что коммодоръ имѣетъ очень высокое понятіе о моей добродѣтели, что посылаетъ ихъ ко мнѣ въ такомъ количествѣ.

— О,—сказалъ мистеръ Фэрфаксъ,—вамъ нечего хвастаться вашею добродѣтелью. Эти женщины, если я вѣрно слышалъ, не отличаются ни красотой, ни добродѣтелью, слѣдовательно искушеніе не велико.

— Пройдите на палубу, мистеръ Фэрфаксъ, и посмотрите сами на послѣднее прибавленіе къ моему стаду, и я увѣренъ, что вы признаете за нимъ право красоты.

Всѣ со смѣхомъ и шутками поднялись на палубу и прошли на корму, гдѣ стояли женщины въ ожиданіи распоряженій.

— Гдѣ же ваша лебедка, мистеръ Боуэсъ?—весело спросилъ лейтенантъ.

При звукѣ его голоса одна изъ женщинъ быстро обернулась и взглянула на него. Ступивъ шага два впередъ, она умоляюще протянула руки.

— Клянусь Георгомъ, Фэрфаксъ, она васъ знаетъ,—замѣтилъ капитанъ Кэмибель.—Она вздрогнула, услышавъ вашъ голосъ.

— Къ несчастью, я хорошо знаю бѣдную дѣвушку,—отвѣчалъ лейтенантъ.—Она была горничной у моей сестры,—и видя, что она лукаво переглянулась, онъ прибавилъ:—господа, вы жестоко ошибаетесь; это вполне честная и чистая дѣвушка, и только ея страстная любовь къ извѣстному контрабандисту Брайенту привела ее въ это ужасное положеніе.

И онъ разсказалъ имъ подробности. Всѣ пожалѣли Мэри. Докторъ сказалъ, что поставится сдѣлать для ея удобства все, что только можно, и скажетъ ей это сейчасъ. Онъ подошелъ къ ней, но черезъ минуту подозвалъ лейтенанта. Когда тотъ подошелъ, остальные женщины и мистеръ Боуэсъ отошли въ сторону, чтобы не слышать ихъ разговора.

— Мэри, дорогая, какъ вамъ живется?—спросилъ мистеръ Фэрфаксъ, и я увѣренъ, что его ласковый тонъ долженъ былъ глубоко проникнуть въ ея сердце.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЯ НАУЧНЫЯ ОТКРЫТІЯ.

Обоняніе.

Быстрое развитіе культуры за послѣднее время обратило множество предметовъ роскоши въ повседневное употребленіе самому небогатому человѣку. Чай, кофе, сахаръ, даже табакъ сдѣлались къ концу столѣтія необходимою для всѣхъ и съ каждымъ днемъ ихъ распространеніе умножается. Съ увеличеніемъ количества предметовъ необходимыхъ для жи-

ни и наслаждения, улучшается вкус, возвышаются требования. Все наше воспитание стремится въ высшей степени развить наши чувства и ребенок, еще на школьной скамьѣ, образовываетъ старательно слухъ, зрѣніе и осязание, занимаясь пѣніемъ, рисованіемъ и пользуясь нагляднымъ обученіемъ. Но два остальныхъ чувства — обоняніе и вкусъ остаются почему-то въ забросѣ. Можемъ-ли мы обойтись безъ нихъ? Почему они не вызываютъ большаго вниманія?

Никому не придетъ въ голову утверждать, что природа безъ цѣли наградила насъ этими двумя чувствами, — вкусомъ и обоняніемъ. Именно носъ часто предупреждаетъ насъ объ опасностяхъ, которыхъ мы не можемъ ни видѣть, ни осязать, ни слышать. Что обоняніе не всегда насъ спасаетъ при сильныхъ выделенияхъ угольной кислоты и другихъ газовъ изъ колодезь, клоакъ, печей, въ винныхъ и пивныхъ погребахъ, доказываетъ только его слабую развитость, да и другія чувства тоже часто вводятъ насъ въ заблужденіе, хотя на развитіе ихъ потрачено достаточно трудовъ. Кромѣ того, часто забываютъ, что зрѣніе, слухъ и осязание независимы другъ отъ друга, вкусъ и обоняніе тѣсно связаны между собою, такъ что слабое развитіе одного влечетъ за собою несовершенство другого. Страдающій насморкомъ обязательно теряетъ вкусъ.

И въ практической жизни эти два чувства приносятъ большія услуги: какъ часто химикъ, хозяйка, докторъ и т. д., можно пересчитать почти всѣ отрасли промышленности, только вкусомъ и обоняніемъ могутъ опредѣлить качества и значеніе различныхъ продуктовъ, когда другія контрольныя средства весьма долговременны и кооптны. А куда дѣнется поэзія душистыхъ цвѣтовъ, зелени деревьевъ? Поэзія даже аппетита при готовленномъ обѣдѣ и хорошо накрытаго стола? Всѣ эти предметы, лишены запаха, теряютъ для насъ часть значенія. Различные душистые запахи растений насъ потому такъ увлекаютъ, что они невидимы. Даже вино, сигары, при невозможности обонять, ихъ теряютъ свою цѣнность. Именно всѣ гастрономы служатъ намъ доказательствомъ возможности развитія и образованія вкуса и обонянія. Также точно исключительно бываютъ развиты эти два чувства у различныхъ «пробователей» вина, чаю. Изъ этого можно заключить, что правильное образованіе чувствъ обонянія и вкуса всегда возможно. Конечно, и въ этомъ отношеніи, какъ и во всякомъ другомъ, слѣдуетъ избѣгать крайности: вмѣсто пользы, она можетъ сослужить дурную службу.

Въ классической древности и у всѣхъ восточныхъ народовъ еще въ настоящее время мы видимъ особенную привязанность къ душистымъ запахамъ, особенно въ видѣ мазей и эссенцій, между тѣмъ, какъ европейскіе культурные народы вообще очень ограниченно пользуются ими и эти предметы все болѣе и болѣе выходятъ изъ моды, мужчинамъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ допускается прибѣгать къ духамъ. Южные народы вообще предпочитаютъ сильныя острые запахи, между тѣмъ, какъ сѣверные въ этомъ отношеніи гораздо умѣреннѣе. Причину этому слѣдуетъ искать отчасти въ большомъ выборѣ различныхъ душистыхъ растений, въ которыхъ сѣверянинъ чувствуетъ недостатокъ, притомъ южные жители имѣютъ въ легко добываемомъ

оливковомъ маслѣ превосходное средство для сохраненія въ мазяхъ и бальзамахъ запаховъ, добываемыхъ изъ цвѣтовъ. Южанинъ прибѣгаетъ къ благовоннымъ мазямъ, чтобы уничтожить запахъ неприятныхъ испареній тѣла и защитить кожу отъ вліянія жаркихъ лучей солнца. Во всякомъ случаѣ, у образованныхъ грековъ и римлянъ существовали извѣстныя границы въ употребленіи духовъ и бальзамовъ, переступить которыя считалось безвкусіемъ.

Въ римской имперіи любовь къ благовоніямъ была сильно развита между тамошней аристократіей; продавцы сильно наживались, потому что за новизобрѣтенные духи они брали немнѣшныя суммы. Въ средніе вѣка крестовые походы принесли съ Востока моду на благовонія, употребленіе которыхъ въ XIV и XV вѣкахъ достигло немнѣшнаго количества, такъ что магистраты принуждены были установить штрафы за неумѣренное ихъ употребленіе. Затѣмъ эта мода исчезла и снова проявилась въ вѣкъ Людовиковъ XIV и XV. Несомнѣнно, что мода на ароматы и благовонія существовала въ Россіи «ароматники золотъ

относительно чеснока, гвоздичный эссенціи и т. п. Изъ чего можно вывести, что у мужчинъ обоняніе вдвое сильнѣе развито, чѣмъ у женщинъ. Этимъ объясняется пристрастіе нѣкоторыхъ женщинъ къ очень сильнымъ духамъ. На нашъ первый вопросъ даетъ отвѣтъ слѣдующее обстоятельство. Злоупотребленіе духами вызываетъ частыя головныя боли, бываетъ причиною безпокойнаго сна, но и злоупотребленіе другими чувствами тоже вызываетъ болѣзненные ощущенія.

Умѣренное употребленіе благовоній не приноситъ ни пользы, ни вреда здоровому человеку. Конечно, никакой ароматъ не въ состояніи будетъ доставить намъ того наслажденія, какое доставляетъ хорошая музыка или картина. Вотъ причина, почему на обоняніе не обращаютъ такого исключительнаго вниманія. Кромѣ того, благовонія не составляютъ для насъ такой необходимости. Многіе довольствуются, когда никакіе скверные запахи ихъ не беспокоятъ.

Этотъ низкій уровень обонянія относительно другихъ органовъ чувствъ происходитъ отъ того, что это чувство чисто химическаго свойства. Оно не можетъ распространяться на большія пространства, какъ слухъ и зрѣніе, а ограничивается только областью, доступною носу. Подобно вкусу, оно скоро утомляется. Если цвѣтокъ нюхать непрерывно въ теченіе извѣстнаго времени, онъ теряетъ для насъ свой запахъ. Мы скоро можемъ убѣдиться въ томъ, что наши нервы обонянія ослабѣли, потому что, поднося цвѣтокъ къ носу, черезъ нѣкоторое время мы убѣждаемся въ существованіи запаха. Если пить попеременно бѣлое и красное вино, вкусъ его теряется.

Слѣдовательно, считая обоняніе отчасти предметомъ роскоши, нельзя удивляться, если это чувство мало развивается у дѣтей. Съ

развитіемъ обонянія не соединяется никакой духовный интересъ, опредѣленная цѣль, преслѣдованіе идеи. Мы обоняемъ и воспринимаемъ запахъ безъ всякой мысли.

Нашъ органъ обонянія, однако, обладаетъ весьма чувствительною способностью различать слѣды благовоній, такіе слѣды, которые невозможно опредѣлить даже химически. Присутствіе зернышка мускуса въ комнатѣ безошибочно ощущается носомъ на другія сутки. Во всякомъ случаѣ, если обоняніе не имѣетъ такого значенія въ жизни человека, какъ остальные чувства, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться лишнимъ.

В. Маловъ.

Гигантъ-черепаха.

Недавно поймана на островѣ св. Эгмонта, лежащаго въ Индѣйскомъ морѣ къ сѣверовостоку отъ Мадагаскара гигантъ-черепаха. Длина этой большой черепахи достигаетъ почти двухъ аршинъ (1 метръ 63 сантиметра). Рисунокъ изображаетъ общій ея видъ въ то время, когда четыре человека съ трудомъ поднимаютъ животное, причемъ можно хорошо рассмотреть величину и формы гигантской черепахи. Вѣсъ ея 240 килограммовъ (12½ пудовъ). Длина спиннаго щита вдоль выгибаетъ 1 метръ 66 сантиметровъ (1 аршинъ 15 вершковъ).

Гигантъ-черепаха.

съ финифты» составляли необходимую принадлежность туалетнаго стола царицъ и царевенъ.

Нашъ вѣкъ не чувствуетъ особаго расположенія къ удовольствіямъ, которыя благовонія доставляютъ нашему носу. Были годы, когда благовонія совсѣмъ исчезали изъ употребленія, какъ безцѣльные. Теперь они почти исключительно сдѣлались принадлежностью женщинъ; мужчины прибѣгаютъ къ нимъ только въ особенныхъ случаяхъ.

Вредны-ли благовонія? Слѣдуетъ-ли развивать обоняніе?

Женщины, у которыхъ сильно развиты другіе органы чувствъ, обладаютъ довольно слабымъ обоняніемъ, что доказывается особенно ихъ любовью къ крѣпкимъ духамъ. То же можно сказать относительно вкуса. Въ кухонномъ искусствѣ, которое считается какъ бы обязательною областію занятій женщины, онѣ уступаютъ въ тонкости приготовленія кушаній поварамъ.

Американскіе профессора Никольсъ и Бэйлей производили изслѣдованія надъ силой обонянія у 44 мужчинъ и 38 женщинъ, — всѣ были здоровы, молоды и сильны и принадлежали различнымъ общественнымъ положеніямъ. Изъ опытовъ оказалось, что у мужчинъ обоняніе вдвое сильнѣе развито, чѣмъ у женщинъ. Запахъ синильной кислоты исчезалъ для женщинъ въ растворѣ 1:20,000, между тѣмъ какъ мужчины ощущали его въ растворѣ 1:100,000. Лимонная эссенція была чувствительна для мужчинъ въ количествѣ 1:250,000, а для женщинъ только — 1:100,000. То же можно сказать

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Съ Высочайшаго соизволенія, въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, поста-

новлено: 1) Сметы чрезвычайныхъ расходовъ повѣсть вѣдомствамъ представляются въ государственный совѣтъ не позже 1-го ноября предшествующаго смѣтному года и одновременно съ тѣмъ сообщаются на заключеніе министерства финансовъ и государственнаго контроля. 2) Министерство финансовъ и государственный контроль замѣчанія свои по означеннымъ сметамъ представляютъ въ государственный совѣтъ и сообщаютъ подлежащимъ вѣдомствамъ въ теченіе двухъ недѣль со дня полученія сметы, — и 3) Объясненія вѣдомствъ на замѣчанія министерства финансовъ и государственнаго контроля представляются въ государственный совѣтъ въ теченіе одной недѣли со дня полученія замѣчаній.

— Согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, въ законодательномъ порядкѣ, Высочайше разрѣшено, 22-го минувшаго января, отпустить изъ казны 450,000 р. на расширеніе зданія Императорской публичной библиотеки, въ теченіе 1896, 1897 и 1898 годовъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Болгарія. — 2-го февраля, вечеромъ, часовъ въ пять, толпа народа стала собираться для манифестации. Десятитысячное факельное шествіе двинулось къ дворцу съ криками «ура!»

Русскому Царю и князю Фердинанду. Князь вышелъ на балконъ и, обратившись къ народу, сказалъ слѣдующее: «Какъ болгаринъ, я

началъ стекаться въ Софійскій соборъ государственные чины Болгаріи, посланники, министры, народное собраніе, городское управленіе, депутаціи, начальники войсковыхъ частей,

представители печати, именитые граждане, дамы. Князь Фердинандъ стоялъ справа на возвышеніи подъ высокимъ балдахиномъ. Слѣва сталъ посланникъ русскаго Царя, графъ Голенищевъ-Кутузовъ, окруженный представителями Турціи Кара-теодори, французскимъ сербскимъ и румынскимъ послами. Посреди собора воздвигнутъ былъ балдахинъ изъ шелка и бархата, для совершенія таинства мѣропомазанія. Богослуженіе совершалъ болгарскій экзархъ со всѣми митрополитами, епископами и высшимъ духовенствомъ. Торжественная служба, благоговѣйное, возжелѣнное состояніе присутствующихъ указывали, что всѣ сознаютъ величіе совершающагося событія. Всѣ взоры устремлены на русскаго Царскаго посланника и на князя болгарскаго. Послѣ херувимской, подъ единодушные восторженные возгласы народа, былъ привезенъ принцъ Борисъ. Министры вышли на персть навстрѣчу малютки-принца, внесли его въ

ПО ПОВОДУ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ ВЪ БОЛГАРІИ

Принцъ Фердинандъ Кобургскій.

все сдѣлалъ и все сдѣлаю для болгарскаго народа во славу народности и православія. До здравствуетъ Болгарія!» Толпа стала кричать: «да здравствуетъ Русскій Царь Николай II, да здравствуетъ Россія, слава царскому посланнику графу Кутузову». Графъ Голенищевъ-Кутузовъ отвѣчалъ на привѣтствія съ балкона.

— Второго февраля, въ 10 часовъ утра

соборъ и посадили на кресло царскаго мѣста. Ребенокъ съ прекрасными, чудными глазами, одѣтъ въ бѣлое платье съ орденской лентой черезъ плечо. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ всталъ возлѣ князя Бориса. Начался обрядъ присоединенія, а затѣмъ мѣропомазанія. Вся церковь радовалась и молилась; многіе плакали. Послѣ мѣропомазанія, церковная служба продолжалась. Когда была приступлено къ

танству приобщения, князь взял на руки своего сына и поднесъ самъ его къ причастью. Затѣмъ князь посадилъ снова Бориса на кресло и сталъ принимать поздравленія. Первымъ поздравилъ князя экзархъ, причемъ князь приложился ко кресту и поцѣловалъ руку экзарха. Князь держалъ крестъ по православному. Присоединеннаго къ лону православія Бориса министры вывели изъ церкви.

— При окончаніи обѣда была получена телеграмма изъ Вѣны, гласящая, что Австрія признаетъ болгарскаго князя и присоединяется къ Россіи, Франціи, Турціи, Сербіи и Румыніи. По одному знаку Императора Николая II, русская дипломатія разрѣшила многолѣтній вопросъ. Послѣ торжества происходилъ парадъ, войска совершенно схожи съ русскими; прекрасное обученіе, безукоризненная выправка; молодые офицеры и командиры производятъ отличное впечатлѣніе. Пѣхота и артиллерія прошли дважды очень стройно. Во дворцѣ затѣмъ происходилъ обѣдъ представителямъ державъ и государственнымъ чинамъ. Вечеромъ состоялся большой приемъ. Народное собраніе отъ имени болгарскаго народа поднесло князю Борису полмиліона франковъ. Сумма эта будетъ взята въ день совершеннолѣтія князя, къ которому времени она утвится. Въ тронной рѣчи князь сказалъ: «Поблагодаримъ его величество султана, нашего сюзерена, за то, что онъ свесся съ великими державами для прекращенія неопредѣленнаго положенія дѣлъ и признанія теоря строя Болгаріи, на что получились благопріятные отзывы. Этимъ счастливымъ исходомъ мы обязаны особенному благоволенію Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Императора Николая II, которое онъ питаетъ къ Болгаріи. Благодареніе за эти дорогія для насъ чувства Русскаго Царя, удостоившаго болгарскій княжескій домъ воспріимчивостію предъ святымъ алтаремъ нашего любимаго сына, болгарскаго престолонаслѣдника Бориса князя Тырновскаго, и благоволившаго снова начать прерванныя политическія отношенія Россіи и Болгаріи». Отъ русской печати присутствовали на болгарскомъ торжествѣ представители русской печати Амфиатовъ, Комаровъ и другіе. Они удостоились многихъ овацій.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Въ то время, какъ по широкой матушкѣ-Россіи заунывно благовѣстятъ колокола, а въ храмахъ совершаются величественныя богослуженія, — въ далекой Болгаріи, осчастливленной однимъ словомъ, раздавшимся съ вершины русскаго Трона, ликуетъ весь народъ и торжественно принцъ Борисъ принимается въ лону православной церкви. Отраднo видѣть, что узлы, связывавшія освобожденную страну со страной-освободительницей, опять окрѣпли, что народъ, казавшійся неблагодарнымъ, на самомъ дѣлѣ можетъ быть такимъ чуткимъ къ милости и ласкѣ. Болгары — нація небольшая, но съ горячимъ сердцемъ, дѣятельная и бодрая. По воспоминаніямъ участниковъ въ русско-турецкой войнѣ, болгары куда лучше, живѣе и симпатичнѣе, на примѣръ, сербовъ. Да и страдали болгары болѣе, чѣмъ сербы отъ ига мусульманъ. Въ сегоднешнемъ номерѣ читатели наши найдутъ портреты принца Фердинанда и принца Бориса. Послѣднему всего два года, но своимъ цвѣтущимъ видомъ и яснымъ взоромъ малютка пробудилъ въ присутствующихъ

Италію. — По ходатайству негуса Менелика генералъ Баратіери, съ разрѣшенія совѣта министровъ, отправилъ въ абиссинскій лагерь майора Сальсу. Офицеръ этотъ былъ встрѣченъ абиссинцами съ большими почестями и имѣлъ разговоръ съ Менеликомъ, который заявилъ, что условіями для заключенія мира должны быть: очищеніе занятыхъ итальянцами территоріальныхъ участковъ и совершенно измѣненіе училійскаго договора. По полученіи донесенія объ этомъ майора Сальсы, генералъ Баратіери отвѣтилъ, что итальянское правительство согласилось бы войти въ переговоры о заключеніи мира, будучи увѣрено, что будетъ достигнуто справедливое и полезное какъ для Италіи, такъ и для негуса рѣшеніе, однако предложенныя Менеликомъ условія не только не могутъ быть приняты, но не могутъ быть даже обсуждены, какъ основы для переговоровъ.

Корея. — Въ Сеулѣ 30-го января (11-го февраля) вспыхнуло возстаніе. Первый министръ и 7 чиновниковъ убито; король и наслѣдникъ принцъ нашли убѣжище въ русской миссіи, гдѣ находится и отецъ короля Тайвенкунъ. Русскій десантъ въ 200 человекъ охраняетъ русскую миссію. Прибыли отряды британскихъ, америкавскихъ и французскихъ солдатъ морской пѣхоты. Король все еще находится въ русской миссіи. Сформировано новое министерство. Королевскимъ декретомъ предписывается подвергнуть смертной казни нѣсколькихъ бывшихъ министровъ. Въ русской миссіи происходитъ совѣщаніе представителей иностранныхъ державъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Готовы проекты иллюминаціи Кремля во время предстоящей коронаціи. Рисунки для иллюминаціи исполнены художниками Каразинымъ, Прокофьевымъ и Бенуа. Всѣхъ огней будетъ $\frac{1}{2}$ миліона, при чемъ 14 тыс. электрическихъ лампочекъ освѣтятъ колокольню Ивана Великаго и верхушки кремлевскихъ башенъ; верхушки кремлевскихъ стѣнъ будутъ унизаны газовыми огнями, въ пролетахъ башенныхъ стѣнъ будутъ бенгальскіе огни, а по всѣмъ архитектурнымъ линиямъ Кремля и

на важномъ торжествѣ въ Болгаріи хорошія надежды.

* * *

Великолѣпное время располагаетъ даже веселаго фельетониста къ печальнымъ темамъ. На дняхъ въ «Сынѣ Отечества» говорилось о грустномъ состояніи могилы недавно умершаго новатора въ области сельскаго хозяйства А. Н. Энгельгардта. Это у насъ исторія довольно обыкновенная, что, конечно, не мѣшаетъ ей быть и довольно возмутительной. Меланхоличный петербургскій обыватель, прогуливаясь по Волкову кладбищу, по Новодевичьему, Смоленскому и Александровскому — не разъ, вѣроятно, обращалъ вниманіе на то, какъ небрежно сохраняются памятники и могилы литераторовъ и вообще всѣхъ общественныхъ дѣятелей. Еще Некрасовъ мѣтко выразился про могилы, что «если на нихъ нѣтъ ни плиты, ни креста — то, значитъ, тамъ и лежитъ литераторъ». Хороша-же благодарность, хороша-же память потомства!.. Иногда и у насъ, такъ-сказать, просыпается общественная совѣсть... Недавно газеты сообщали, что одинъ московскій интеллигентъ пожертвовалъ значительную сумму на поддер-

жѣ кремлевскихъ садахъ — разноцвѣтные лампы и стаканчики.

— Въ Москвѣ, на Ходынскомъ полѣ, противъ Петровскаго дворца, въ виду предстоящаго Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ строятся павильоны въ русскомъ стилѣ XV вѣка. Кромѣ Царскаго павильона на Ходынскомъ полѣ воздвигаются: два большіе открытые театра, два малые открытые театра, црѣкъ, 12 качелей, 11 каруселей, 10 эстрадъ для музыкантовъ, двѣ мачты для лазанія на призы, 10 буфетовъ для раздачи народу дароваго угощенія и 22 сараи для бочекъ съ пивомъ и медомъ.

— Въ Перми, въ день храмоваго праздника Срѣтенія Господня, послѣ молебствія, въ присутствіи губернатора и чиновъ администраціи, совершенно торжественное освященіе электрической станціи при типографіи губернскаго правленія. Оборудование станціи обошлось въ 20,000 р. Станція 425 лампами освѣщаетъ домъ губернатора, губернское правленіе, типографію, губернское акцизное управленіе и другія учрежденія, а фонарями — прилегающую улицу.

— На разсмотрѣніе государственнаго совѣта вносится новый проектъ торговой регистраціи. Торговая записка проектирована не при окружныхъ судахъ, какъ предполагалось ранѣе, а при конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка. Признаніе векселей торговыми допускается только для векселей владельцевъ регистрированныхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній.

— Тарифъ на перевозку съ малою и большою скоростью книжнаго товара и разныхъ учебныхъ пособій, вводимый въ дѣйствіе съ 3-го февраля по всей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ, по распоряженію министра финансовъ будетъ распространенъ и на Уральскую и Закавказскую дороги.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Въ среду, 31-го января, состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго археологическаго общества подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. Докладъ представилъ г. Д. Кудрявскій на тему «Грихья-

жаніе упомянутыхъ памятниковъ. Послѣдуютъ ли его примѣры? Можно навѣрно сказать: «наврядъ-ли!»

* * *

Начинаетъ сильно пахнуть весной; хотя дѣдко-Морозъ отнюдь еще не хочетъ такъ скоро уступить кокетливой дѣвицѣ-Веснѣ своего сезона. Уже явилась весенняя ласточка — извѣстіе о томъ, что лѣтній театръ въ лѣсномъ, въ Беклешевскомъ саду, возобновится послѣ пожара, какъ фениксъ изъ пепла. Кстати, что это теперь за мода пошла на пожары театровъ. Послѣ екатеринославскаго сгорѣлъ еще и кіевскій, хорошо, что не во время представленія. Бѣднымъ актерамъ и безъ того грозитъ уже время голодухи, а тутъ еще пошли горѣть арены ихъ искусства! Классическое путешествіе «по шпаламъ» начнется скоро опять и уже, конечно, будетъ исполнено съ большимъ «ансамблемъ», чѣмъ любая классическая пьеса...

* * *

Современныхъ декадентовъ и вообще всякихъ любителей извращенностей и несообразностей можно поздравить. Въ Россіи появилось куреніе опіума! Армяне и мусульмане въ Ба-

Сутра, какъ источникъ для изученія индо-европейской бытовой культуры».

— Въ собраніи экономистовъ, 2-го февраля, С. Н. Миклашевскій сдѣлалъ сообщеніе: «Впечатлѣнія поѣздки по Турецкой Арменіи и очеркъ ея экономического положенія» (по личнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ).

— Въ послѣднемъ засѣданіи «Литературнаго фонда» избрано нѣсколько новыхъ членовъ. Въ члены комитета взаимѣнъ выбывающихъ избраны: Я. Г. Гуревичъ, В. Г. Короленко, В. И. Сергѣевичъ и К. М. Станюковичъ. Новый комитетъ изъ среды своей избралъ на текущій годъ: предсѣдателемъ В. И. Сергѣевича, товарищемъ его Н. С. Таганцева, казначеемъ Е. П. Картавцева и секретаремъ Н. Ф. Анненскаго. Уходящаго предсѣдателя В. А. Манасина собраніе поблагодарило за понесенные имъ труды аплодисментами.

— 2-го февраля происходило годовое 27-е общее собраніе Сергѣевского братства, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Великаго Князя Сергія Александровича. Въ собраніи былъ прочитанъ годовой отчетъ за 1895 годъ. Къ 1-му января текущаго года въ братствѣ состояло 433 члена.

— 31-го января, на Лицейской улицѣ, въ домѣ № 22, состоялось освященіе новаго Дома Трудолюбія. Первоначальныя средства для Дома, въ размѣрѣ 500 рублей, даны попечительствомъ о Домахъ Трудолюбія и Работныхъ Домахъ; кромѣ того, въ пользу учрежденія поступили многія пожертвованія. На первое время Домъ Трудолюбія рассчитанъ на 50 человекъ.

— С.-Петербургское общество содѣйствія физическому развитію мало-по-малу расширяетъ сферу своей дѣятельности. Кромѣ катка и игръ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, оно нынѣшнюю зимою устраиваетъ новый типъ зимнихъ игръ на открытой площадкѣ. Такія игры будутъ происходить, подъ руководствомъ опытныхъ лицъ, каждое воскресенье, начиная съ 11-го февраля.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ ассигнованы правительственнымъ субсидіи на три года: кавказ-

скому Обществу сельскихъ хозяевъ по 1,500 рублей въ годъ на изданіе сельско-хозяйственнаго журнала, кievскому Обществу сельскихъ хозяевъ по 1,000 руб. въ годъ, полтавскому и харьковскому сельско-хозяйственнымъ обществамъ по 500 руб.

— Къ числу обязанностей палатъ земледѣлія отнесены недавно созывы окружныхъ сѣздовъ мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ. Помощникамъ управляющихъ палатами, являющимся представителями министерства въ губерніяхъ, предоставлено созывать періодическіе сѣзды сельскихъ хозяевъ данной губерніи.

— Въ великорусскихъ губерніяхъ начинаютъ признавать необходимость организовать сельско-хозяйственную и земледѣльческую самопомощь. Среди сельскихъ хозяевъ орловской и новгородской губерній возникла мысль образовывать сельско-хозяйственный союзъ взаимной помощи.

— При министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ учреждается специальная коммиссія для пересмотра законоположеній о земельномъ и общественномъ устройствѣ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній.

— Министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ призналъ возможнымъ назначить девяти народнымъ школамъ въ псковской губ. на устройство при нихъ садовъ 500 руб. изъ средствъ департамента земледѣлія.

— При с.-петербургской губернской земской управѣ предполагается устроить складъ земледѣльческихъ орудій и сельско-хозяйственное коммиссіонерство.

— Инспекторъ по рыбной части при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ — д-ръ Гриммъ командированъ въ Москву для прочтенія студентамъ старшаго курса московскаго сельско-хозяйственнаго института практическаго курса по рыбоводству.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

На послѣднемъ собраніи директоровъ классическихъ с.-петербургскихъ гимназій, въ присутствіи инспекторовъ учебнаго округа, обсуждался вопросъ объ экзаменахъ въ стар-

шихъ классахъ гимназій. Въ виду того, что ученики, имѣющие удовлетворительные баллы, будутъ переведены въ высшій классъ безъ экзамена, рѣшено отмѣнить письменныя экзаменаціонныя работы по латинскому и греческому языкамъ.

— Таврическое губернское земское собраніе рѣшило ходатайствовать передъ правительствомъ объ отводѣ безземельнымъ татарамъ надѣловъ изъ такъ называемой вакуфной земли, и объ отводѣ этой земли подъ татарскія школы.

— Въ засѣданіи казанской городской думы 23-го января городской голова С. В. Дьяченко доложилъ, что въ Петербургѣ онъ узналъ отъ Министра путей сообщенія кн. Хилкова о рѣшеніи правительства открыть новый институтъ путей сообщенія.

— Въ Асхабадѣ открылась первая русская школа для мусульманъ. Начальникомъ области была произнесена при открытіи къ собравшимся ученикамъ рѣчь о пользѣ школы, въ которой они начнутъ учиться русской грамотѣ.

— Директоромъ Археологическаго института А. Н. Трубецкимъ, по взаимному соглашенію съ черниговскимъ губернаторомъ Е. К. Андреевскимъ, выработанъ проектъ устава для предполагаемой къ учрежденію черниговской губернской ученой архивной коммиссіи.

— 27-го января юрьевскій ветеринарный институтъ праздновалъ 48-ю годовщину своего существованія. Институтъ насчитываетъ 64 почетныхъ членовъ; 32 членовъ-корреспондентовъ, 6 профессоровъ, 3 доцентовъ, 1 профессора и 2 его помощниковъ, 2 преподавателей и 12 чиновниковъ по учебной, административной и др. частямъ. Студентовъ въ настоящее время 271 челов.

— Въ учебной инспекціи министерства финансовъ приступлено къ разработкѣ проекта по вопросу о содѣйствіи къ учрежденію повсемѣстно частныхъ обществъ распространенія научныхъ и прикладныхъ знаний.

— Министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ выработаны окончательныя предположенія объ открытіи средняго земледѣльческаго училища въ тульской губерніи.

княжеской губерніи съ увлеченіемъ предаются этому одуряющему удовольствію. Года въ два эта погубная привычка значительно разрушаетъ человѣчскій организмъ. Впрочемъ намъ, кажется, нечего особенно опасаться этого новаго увлеченія. У насъ вѣдь старорусскій молодецъ-хмѣль и крѣпкое «зелено-вино» съ успѣхомъ уже укрѣпились въ ампула опіума. Опьяненіе и одуреніе—это тѣ губительныя средства, которыми обижены судьбою люди стараются спастись отъ мучительнаго сознанія безцѣнности и обидности своего существованія. Полицейскіе отчеты ясно доказываютъ, какая масса безобразно-опьянѣвшихъ субъектовъ задерживается еженедѣльно на столичныхъ улицахъ. Теперь еще, къ счастью, меньше преступленій и убійствъ въ пьяномъ видѣ; а что еще недавно было!..

Въ Москвѣ проектируется налогъ на велосипеды... значитъ, наши доморощенные самокатчики все-таки не совсѣмъ безнаказанно будутъ пугать прохожихъ внезапными звонками, внезапнымъ появленіемъ, словно изъ-подъ земли, и причудливыми, чтобы не сказать рѣзче, костюмами. Какъ, въ самомъ

дѣлѣ, расподились у насъ послѣдователи этого быстро-летательнаго спорта! Въ Москвѣ, по первому январю текущаго года выдано 2,263 разрѣшенія на ѣзду на велосипедѣ. Налогъ, обсуждаемый теперь, можетъ дать свыше 30,000 рублей. Вѣроятно, это окажется безбездольнымъ подспорьемъ въ бюджетѣ городского хозяйства. Этотъ налогъ, конечно, ловкіе и сильные герои велосипеда могутъ наверстать изъ призовъ велосипедныхъ гонокъ...

Скончался профессоръ русской словесности Незеленовъ. Это былъ тонкій знатокъ, тонкій критикъ русскихъ классиковъ, которыхъ помянуть у насъ по большей части только изъ приличія, по традиціи. Многочисленныя статьи недавно умершаго профессора дышали такою любовью къ литературѣ, такое стараніе, такая добросовѣстная работа видны были въ каждомъ его изслѣдованіи, даже самомъ мелкомъ — что глубокое сожалѣніе охватываетъ душу всякаго хоть немного любящаго память нашихъ корифеевъ при печальномъ извѣстіи о его кончинѣ. Незеленовъ, видимо, заимствовалъ свое высоко-добросовѣстное отношеніе

къ любимому дѣлу отъ тѣхъ гениевъ, чьимъ биографомъ и толкователемъ былъ всю жизнь. Да, прежде знали и любили свое дѣло. Умершіе гении скромно и прилежно работали надъ каждой строчкой, цѣнили каждое мнѣніе. Вотъ что, напримѣръ, писалъ В. А. Жуковскій Гнѣдичу: — «Я самъ осмѣлился сдѣлать опытъ перевода гекзаметромъ Аббадони — извѣстный вамъ эпизодъ изъ Клопштокковой «Мессіады». Прошу сдѣлать замѣчанія. Такъ какъ и всегда, прошу не отказывать мнѣ въ своихъ братскихъ совѣтахъ...» Какова скромность!.. Теперь не такъ: скорѣе тянь-да-лянь, а что выходишь?

Недурно характеризуетъ питерскіе нравы происшествіе на недавнемъ балу учениковъ художественнаго училища при Академіи Художествъ. Изъ призовъ за костюмы для собравшихся гостей небольшая марина И. К. Айвазовскаго была... что-бы вы думали? — была украдена ловкими ворами передъ самымъ началомъ бала!.. Это, и въ самомъ дѣлѣ, очень ловко!..

Муръ.

ИСКУССТВО.

Въ Болгаріи изготовляется альбомъ, отъ имени болгарскаго народа Его Императорскому Величеству Государю Императору по случаю священнаго коронованія. Исполненіе альбома поручено скульптору Борису Шацу. Альбомъ поддерживается двумя болгарами въ народныхъ костюмахъ; одинъ изъ нихъ, съ правой стороны, представленъ открывающимъ альбомъ, другой, стоя на колѣняхъ, придерживаетъ альбомъ снизу. На лицевой сторонѣ альбома изваяны въ медальонахъ портреты Императоровъ Александра II и Александра III, а по обѣимъ сторонамъ медальоновъ — портреты нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора и Государыни Императрицы.

— Комитетомъ Общества взаимнаго вспоможенія русскихъ художниковъ въ Парижѣ поднесенъ нашему послу въ Парижѣ барону А. П. Моренгейму, роскошный адресъ, подписанный членами русской колоніи и украшенный акварельными видами трехъ столицъ, гдѣ баронъ въ теченіе своей пятидесятилѣтней дипломатической службы былъ представителемъ нашихъ государей. Адресъ скрѣпленъ печатью общества, а на другой сторонѣ помѣщена литера L съ пальмою. Видъ Парижа исполненъ профессоромъ А. П. Боголюбовымъ.

— А. П. Боголюбовъ заканчиваетъ большую картину «Русская эскадра въ Тулонѣ», сдѣланную по заказу Его Величества. Эта картина представляетъ копію съ той, которая подарена г. Лиону. Она въ общемъ гораздо свѣтлѣе, воздушнѣе и чрезвычайно красива по тонамъ.

— Въ Петербургѣ на Невскомъ открывается совершенно особая выставка картинъ. На этой выставкѣ, кромѣ произведеній барана Медема, Цюнглинскаго, Кравченка, будутъ работы многихъ художниковъ, обѣщавшихъ поддержать новый отдѣльный кружокъ. Въ числѣ таковыхъ можно назвать работы Крыжницкаго, Ткаченка, Гриценка, Бергольца и Бакста.

— Во вторникъ, 6-го февраля, въ 8 час. вечера, въ помѣщеніи Императорскаго слѣб. общества архитекторовъ были выставлены акварели (числомъ до 40) академика М. Я. Вилье, составляющія собственность Его Величества Государя Императора и предназначенныя для отправки въ художественный отдѣлъ на всероссійскую выставку въ Нижнемъ Новгородѣ.

— XII обыкновенное собраніе (бесѣда) Русскаго Литературнаго Общества, 5-го февраля, имѣло предметомъ занятій: «Бѣдные люди» и «Братья Карамазовы», какъ начальный и конечный моментъ творчества Достоевскаго, очеркъ Л. Е. Оболенскаго.

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

Сезонъ въ Маринскомъ театрѣ закончился «Ромео и Джульеттой» съ г-жею Михайловой, гг. Ершовымъ и Черновымъ.

— 2-го февраля, въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣе состоялся спектакль. Была исполнена «Русалка» А. С. Пушкина при слѣдующемъ распредѣленіи ролей: мельникъ — Н. И. Арцишевскій, его дочь — Г. В. Веневитиновъ; князь — А. А. Колубакинъ, княгиня — Т. И. Тарасовъ, конюшій — Л. В. Нарышкинъ, ловчій — баронъ К. А. Штакельбергъ, сватъ — С. А. Максимовичъ, сваха — И. И. Викторъ-Берченко; гость — князь Л. В.

медіи Островскаго, было поднесено нѣсколько лавровыхъ вѣнковъ, нѣсколько цвѣточныхъ корзинокъ и нѣсколько цѣнныхъ подарковъ.

— Въ театрѣ «Акваріумъ» съ большимъ успѣхомъ прошелъ бенефисъ талантливаго дирижера оркестра г. Подести. Давали «Демона» съ г. Баттистини въ заглавной партіи. Ему, по обыкновенію, пришлось повторять, по требованію слушателей. Партіи Тамари и ангела пѣли артистка панаевскаго театра г-жа Веселовская и г-жа Верони, имѣвшія успѣхъ. Г. Боргатти воздержался отъ исполненія прелестнаго романса князя Синодала по нездоровью.

— 2-го февраля, петербургскій драматическій кружокъ (залъ Павловой) праздновалъ десятилѣтіе своего существованія. Послѣ пьесы г-жи Назарьевой «Правда», поднялся занавѣсъ, и члены кружка, при аплодисментахъ публики, чествовали своего директора Н. И. Костромитинова. Дана была еще въ заключеніе спектакля шутка г. Билибина «Молчаніе».

— 4-го февраля состоялось закрытіе балетныхъ спектаклей, при чемъ были поставлены одно дѣйствіе «Талисманъ» и балеты «Привалъ кавалеріи» и «Ацисъ и Галатея». Главный интересъ заключался въ томъ, что въ роли Галатеи, вмѣсто г-жи Рославлевой, выступила г-жа Кшесинская 2. Танцы послѣдней, конечно, уже не отличались тою законченностью, которая присуща г-жѣ Рославлевой, къ тому же многія трудныя варіаціи были пропущены. Въ общемъ же г-жа Кшесинская довольно удачно справилась съ новою для себя партіей и получила нѣсколько цвѣточныхъ подношеній. Конечно, въ «Привалѣ кавалеріи», какъ и въ первомъ спектаклѣ, приходится выдѣлать г-жѣ Леняни и Петипа. Во время спектакля во внутреннемъ фойѣ

Принцъ Борисъ.

Урусовъ, дружокъ — Н. И. Анжу, мамка — князь С. А. Оболенскій, русалочка — А. Д. Полубоиновъ и русалокъ — Д. О. Гершельманъ, В. В. Поповъ, князь О. С. Масальскій, графъ Э. Э. Сиверсъ, графъ А. Э. Сиверсъ и Н. А. Волковъ.

— 3-го февраля въ Маринскомъ театрѣ состоялся ежегодный маскарадъ, устраиваемый Императорскимъ русскимъ театральнымъ обществомъ, который въ матеріальномъ отношеніи удался на славу. Два оркестра Александр. и Михайловск. театровъ, военный и цыгане Н. Шишкина увеселяли публику.

— Въ субботу, 3-го февраля, состоялся бенефисъ главнаго режиссера нашей михайловской сцены г. Ланжалло, познакомившаго публику съ послѣдней пьесой Пальерона «Sabotins».

— Для своего бенефиса г. Карновъ, режиссеръ Малаго театра, составилъ сборный спектакль. Тутъ было 4-е дѣйствіе «Принцессы Грезы», одно-актное «Tête-à-tête» и «Бѣдность не порокъ». Чествованіе бенефицианта происходило между 1-мъ и 2-мъ дѣйствіями ко-

труппа прощалась съ г-жей Оголейтъ 2, покинувшей, за выслугою лѣтъ сцену. Отъ балетной труппы г-жѣ Оголейтъ были поднесены сережки и брошка, на послѣдней сдѣлана соответствующая подпись.

БИБЛИОГРАФІЯ.

«Нашъ балетъ». Александра Плещеева.

Изящно изданная, написанная очень легко и занимательно, книга А. Плещеева «Нашъ балетъ» является безспорно интересной новинкой въ литературѣ, тѣмъ болѣе, что литература по хореографіи у насъ очень скудная. Если не считать книги «Танцы и балетъ» К. А. Скальковскаго и очерка В. О. Михневича «Шляски на Руси въ хоровахъ, на балу и въ балетѣ», мы остаемся безъ руко одства, въ области искусства, навѣвавшего свои грезы Пушкину, Грибоедову и Лермонтову. Г. А. Плещеевъ собралъ интересную хронику балета и передалъ ее въ живыхъ и яркихъ рискахъ, пересыпанныхъ стихами, анекдотами и личными воспоминаніями. Авторъ относится съ большими симпатіями къ балету; онъ по справедливости ставитъ его очень высоко и скорбитъ о нападкахъ на русскую образцовую сцену. Но его мнѣнію, здѣсь столько звѣздъ, что самъ великій Фла-

маріонъ сбился-бы съ толку. Мы-бы искренно рекомендовали талантливо и живо составленную хронику балета А. Плещеева всѣмъ эстетикамъ и любителямъ пластики и балета. Книга А. Плещеева издана прекрасно и украшена 106 превосходными портретами и рисунками, отпечатанными разными цвѣтными красками. Можно надѣяться, что она сдѣлается настоящимъ украшеніемъ у всѣхъ истинныхъ цѣнителей хореографіи, чего она вполне заслуживаетъ.

Разсказы. Ек. Бекетова. Спб. Ц 1 р. 50 к.

Второе посмертное изданіе сочиненій Бекетовой (въ замужествѣ Красновой) представляетъ собою объемистую книжку разсказовъ. Въ прозѣ Е. Бекетовой часто проскальзываютъ сатирическій оттѣнокъ, но добродушный, не жесткій, напоминающій манеру Д. В. Григоровича. Первою въ книжкѣ—повѣсть «Не судьба» съ весьма трагическимъ, даже мелодраматическимъ концомъ. Завязка сдѣлана чрезвычайно искусно. Затѣмъ идутъ фантастическіе и бытовые разсказы, всѣ читающіеся съ интересомъ. Вообще, можно сказать, что въ прозѣ дарованіе Ек. Бекетовой гораздо разнообразнѣе и ярче, нежели въ стихахъ.

Стихотворенія. Ек. Бекетова. Спб. 1895 г. (Посмертное изданіе). Ц 1 р.

Изъ изданныхъ книгъ мелодичныхъ стиховъ покойной поэтессы нѣсколько однообразно по тону поэтическихъ вдохновеній. Тѣмъ не менѣе отличительныя качества автора—задушевность, блѣдныя, но красивые образы и музыкальность разрывовъ—все это подкупаетъ сильно читателей. Грустное настроеніе, разлитое въ стихахъ Бекетовой, часто трогаетъ за сердце. Приятно, что книжка совсѣмъ далека отъ современной декадентщины.

Добрыя души. Послѣ раздѣла. Разсказъ И. Покровскаго. Ц. 5 к.

Подобныя названію разсказы правоучительнаго содержанія предназначаются для народа. Форму эту избиралъ Левъ Толстой, а затѣмъ, конечно, появились подражатели, по большей части неудачные, какъ и въ данномъ случаѣ. Разсказъ И. Покровскаго очень шаблоненъ.

НЕКРОЛОГИ.

А. И. Незеленовъ.—31-го января скончался въ Гурзуфѣ, экстраординарный профессоръ по кафедрѣ русской словесности С.-Петербургскаго университета А. И. Незеленовъ. Покойный читалъ лекціи по русской литературѣ и словесности въ Училищѣ Правовѣдѣнія и на Женскихъ педагогическихъ курсахъ. Ему принадлежатъ цѣлый рядъ цѣнныхъ сочиненій о русскихъ классическихъ поэтахъ и писателяхъ. А. И. родился 21-го августа 1845 г. въ Петербургѣ, воспитаніе получилъ въ пансіонѣ Ларіонова, а затѣмъ въ 3-й петербургской гимназіи. Поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, и окончивъ университетъ со степенью кандидата, А. И. сдѣлался преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Екатерининскомъ институтѣ. Въ 1876 году, за разсужденіе «Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.» онъ удостоенъ степени магистра и былъ допущенъ къ чтенію лекцій по русской словесности въ качествѣ приватъ-доцента. Послѣ ухода изъ университета О. О. Миллера А. И. занялъ его кафедру.

— **Преосвященный Гавріилъ.** Скончался преосвященный Гавріилъ, епископъ имеретинскій. Преосвященный Гавріилъ (въ мірѣ Герасимъ Кикодзе, род. въ 1825 г.), окончивъ среднее образованіе въ тифлисской духовной семинаріи, поступилъ въ петербургскую духовную академію. Въ 1849 г., преосвященный Гавріилъ назначенъ былъ инспекторомъ тифлисской духовной семинаріи, затѣмъ преосвященный занималъ много другихъ важныхъ постовъ духовной іерархіи. Въ 1860 г. его перевели въ Имеретію и на этомъ посту онъ состоялъ 35 лѣтъ слишкомъ. Преосвященный Гавріилъ написалъ «Основанія опытной пси-

хологіи». Проповѣди его выдержали на грузинскомъ языкѣ три изданія.

— **В. Р. Зотовъ.** 6-го февраля скончался одинъ изъ старѣйшихъ тружениковъ на нашей литературной нивѣ, Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ, поэтъ, романистъ, журналистъ и критикъ. В. Р. родился въ Петербургѣ 22-го іюня 1821 г., воспитывался въ одной изъ петербургскихъ гимназій и поступилъ въ 1836 г. въ Царскосельскій Лицей, гдѣ кончилъ курсъ въ 1841 г. Прослуживъ въ военномъ министерствѣ и въ департаментѣ податей и сборовъ, В. Р. вышелъ въ 1861 г. въ отставку и отдался исключительно литературѣ. Изъ старыхъ журналовъ онъ писалъ въ «Пантеонѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ», далѣе сотрудничалъ въ «Голосѣ». Кромѣ того онъ участвовалъ въ составленіи многихъ словарей. В. Р. работалъ до послѣдней минуты, и его почтенная литературная дѣятельность составила-бы много десятковъ томовъ. Капитальнѣйшій трудъ покойнаго—«Исторія всемірной литературы» въ 4-хъ томахъ.

— **Амбруазъ Тома.** Въ Парижѣ умеръ композиторъ Амбруазъ Тома. Онъ велъ дѣла парижской консерваторіи, мѣсто директора которой онъ занялъ въ маѣ 1871 г. послѣ смерти Обера и которою руководилъ почти 25 лѣтъ. За нѣсколько дней до смерти онъ хлопоталъ объ устройствѣ торжествъ столѣтій парижской консерваторіи. Послѣднюю оперу покойнаго была «Франческа да Римини», явившаяся въ 1884 году. Съ 1837 года имъ написано 16 оперъ и одинъ балетъ «Жипси», поставленный еще въ 1839 году. Большая часть оперъ его не правилась публикѣ; только съ «Канди» (1849 г.) и «Сна въ лѣтнюю ночь» (1850 г.) начинается его успѣхъ въ публикѣ. Европейскую славу ему доставили «Миньона» (1866 г.) и «Гамлетъ» (1868 г.).

СПОРТЪ.

4-го февраля, на бѣгу въ Спб. разыгрывался самый крупный призъ зимняго сезона—призъ «Будущности» въ 18,200 р. Изъ бѣжавшихъ пяти лошадей, двухъ владѣльцевъ, рѣзвѣйшимъ оказался «Хваленый» Его Имп. Выс. Великаго Князя Дмитрія Константиновича собств. завода, окончившій двѣ версты въ 3 мин. 18¹/₄ с. съ однимъ сбоемъ; второй призъ достался «Ходъ» Н. Н. Богданова, завода графа И. И. Воронцова-Дашкова, пришедшій въ 3 м. 21 с. безъ сбоя. Розыгрышъ цѣннаго приза не внесъ обычнаго оживленія, такъ какъ угадать побѣдителя было не трудно.

— Въ Гельсингфорсѣ состоялось грандіозное состязаніе конькобѣжцевъ. Призы получили при дистанціи въ 5,000 м.: Бакманъ изъ Таммерфорса (9 м. 33 с.), Винкъ изъ Гельсингфорса (10 м. 7 с.), Ватень изъ Гельсингфорса (10 м. 7¹/₂ с.), при дистанціи въ 1,500 м.: Бакманъ (2 м. 50 с.), Винкъ (2 м. 51 с.). При дистанціи въ 500 м. никакого приза не было присуждено, потому что Папыкинъ изъ Петербурга мѣшали во время бѣга собаки. На слѣдующій день лучшіе баллы получили: Эстландеръ—52³/₄ с., Бакманъ—52¹/₂ с., Густавзонъ и Ватень—53¹/₂ с., Винкъ—55, Папыкинъ—56¹/₄ с. Эстландеръ прервалъ свой бѣгъ на дистанціи 1,500 м. и не принималъ участія въ состязаніи на дистанцію 5,000 м. Въ дальнѣйшемъ состязаніи на дистанцію въ 500 м. первый призъ получилъ Бакманъ изъ Таммерфорса (54 с.), второй Ватень изъ Гельсингфорса (55¹/₂ с.), третій Винкъ (57) и Папыкинъ (58).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

Вліяніе алкоголя на продолжительность жизни.—Джемсъ Уайтъ, секретарь британскаго союза противъ употребленія крѣп-

кихъ напитковъ, уже въ теченіе тридцати лѣтъ дѣлаетъ изслѣдованія вліянія алкоголя на продолжительность жизни. Изъ документовъ, полученныхъ имъ отъ страховыхъ обществъ, можно вывести положительное заключеніе, что употребленіе алкоголя, даже въ незначительномъ количествѣ, сокращаетъ жизнь.

Если раздѣлить людей, какъ это дѣлаютъ англичане, на двѣ группы, пьющихъ крѣпкихъ напитки и пьющихъ только чай, то окажется, что смертность между послѣдними на цѣлую треть меньше. Г. Уайтъ высчиталъ, что изъ 1,000 *напотребителей* 590 достигали возраста шестидесяти пяти лѣтъ; изъ 1,000 индивидуумовъ, потреблявшихъ крѣпкіе напитки только въ небольшомъ количествѣ, этого возраста едва достигаютъ 453 человека.

Всѣ занятія, имѣющія отношеніе къ алкоголю, ведутъ за собою усиленную смертность. Между тѣмъ, какъ на 1,000 человекъ различныхъ профессій число смертей будетъ: для духовенства 8, для хлѣбопашцевъ 9, для плотниковъ 12, для пивоваровъ 13, для каменщиковъ 14, оно доходитъ до 24 для кабатчиковъ и 35 для трактирной прислуги.

Г. Уайтъ, основываясь на своихъ наблюденіяхъ сдѣлалъ еще тотъ выводъ, что смертность отъ алкоголя въ богатыхъ классахъ больше, чѣмъ въ бѣдныхъ. Пронсходитъ-ли это отъ количества потребляемыхъ напитковъ, или отъ того, что алкоголь старыхъ винъ и водокъ дѣйствуетъ на организмъ разрушительнѣе, чѣмъ простой алкоголь, заключающійся въ дешевыхъ напиткахъ?

САМОДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИНЪ.

Приложеніе женскаго труда къ интересамъ текущей дѣятельности часто задерживается незнаніемъ женщинами этихъ интересовъ. Между тѣмъ европейская жизнь и въ этомъ отношеніи даетъ много поучительныхъ фактовъ для русскихъ женщинъ, съ недавняго времени основавшихъ въ Петербургѣ спеціально женскій клубъ не только для пріятнаго провозженія остающагося у женщинъ свободнаго отъ домашнихъ работъ времени, но и для взаимной помощи въ присканіи заработка нуждающимся изъ нихъ, и для восполненія недостатковъ домашняго образованія правильными чтеніями, бесѣдами и книгами изъ клубной бібліотеки. Предсѣдательницей недавно возникшаго клуба числится женщина-врачъ А. Н. Шабанова, и самый клубъ помѣщается на Пушкинской улицѣ, въ домѣ № 10. Мы не сомнѣваемся, что при серьезномъ отношеніи учредительницъ къ симпатичнымъ задачамъ клуба, послѣдній вполне будетъ отвѣчать назрѣвшимъ потребностямъ по женскому вопросу. Въ этомъ отношеніи весьма интересны помѣщенныя въ одномъ изъ журналовъ замѣтки г. Балахнина: «Женскіе клубы въ Англіи». Знаменитый клубъ въ Лондонѣ «Alexandra» славится тѣмъ, что туда «герцогини и леди между посѣщеніями магазиновъ и визитами заѣзжаютъ на минуту вынуть рюмку портвейна, закусить бисквитомъ и поболтать съ сочленами о послѣднихъ новостяхъ Ворта». Слѣдующій наиболѣе типичный клубъ, во тоже съ значительнымъ членскимъ взносомъ, называется «Клубъ женскихъ пионеровъ». Члены этого клуба, въ общемъ, принадлежатъ къ избранному кругу, но «выйдя изъ состоянія зависимости, онѣ жаждутъ добиться такой-же свободы и для другихъ женщинъ, менѣе имущихъ, болѣе скромныхъ и отсталыхъ или забытыхъ жизнью... Аполостольство, безспорно, въ характерѣ англичанъ и прекрасно гармонируетъ съ увѣренностью въ себѣ, которою обладаютъ всѣ женщины этой расы». Авторъ статьи говоритъ: «Намъ не разъ приходилось видѣть уличныя проповѣди противъ пьянства, съ аккомпаниментомъ бубновъ и барабаннаго боя, пресловутой «Арміи спасенія» и быть свидѣтелями печально-комическихъ результатовъ ея; тѣмъ пріятнѣе мы были поражены, случайно увидѣвъ, какъ и чѣмъ участвуютъ въ этомъ дѣлѣ члены «Pioneers Women Club'a». Возвращаясь однажды въ воскресенье, около 11 часовъ ночи, домой, и выходя изъ omnibуса на углу улицы, гдѣ разливаютъ снопы электрическаго свѣта, все тотъ же пріютъ народнаго горя—кабакъ,

мы увидѣли у роскошной зеркальной двери его громадную толпу народа. Изъ середины толпы неслись не дикіе звуки фанатиковъ «арміи спасенія», а стройные аккорды хоро-вого духовнаго пѣнія. На мостовой стоялъ гармоні-флютъ, аккомпанировала почтенная старушка, а вокругъ нея пѣлъ хоръ элеган-ныхъ молодыхъ людей въ цилиндрахъ и реди-готахъ съ бутоньерками и изящныхъ молодыхъ мистриссъ и миссъ. Хоръ, рѣдкій по силѣ и стройности, пѣлъ сложный и торжественный концертъ... Въ отвѣтъ на стройное и могучее пѣніе, въ моменты, когда хлопали двери public house'a, оттуда вырывались пьяные крики и смѣхъ... Контрастъ поразительный... Вдоль тротуара, шагахъ въ тридцати, вытя-нулся рядъ экипажей съ ливрейными лакеями. Мой сосѣдь въ толпѣ, живописецъ, съ по-стороню говорилъ мнѣ объ этомъ хорѣ, за которымъ онъ ходилъ отъ кабака къ кабаку съ пяти часовъ и на Tottenham-Court Road, вѣстѣ съ хоромъ былъ об-литъ водой изъ бель-этажа надъ каба-комъ. Отъ лакеевъ любознательный живо-писецъ узналъ и громкія имена этихъ ле-ди и миссъ—всѣ онѣ члены «Pioneers Women Club'a», а мужчины—братья и знакомые ихъ. Онѣ здѣсь поютъ уже около часа—кабакъ пустѣетъ, а толпа слушателей растетъ... И дѣйствительно, толпа вокругъ все увеличива-лась, направлявшіеся въ кабакъ задержива-лись при входѣ и заслушивались прекрасной музыкой. Изъ кабака выходили, шатаясь, поспѣтели, но музыка многихъ отрезвляла, и они, молча, сдерживая брань, готовую сор-ваться съ устъ, присоединялись къ слушате-лямъ». Больше скромный клубъ и менѣе заня-тый политикой и религіей—въ честь ученой шотландки Мэри Сомервилъ носить названіе знаменитой математички: «Сомервилъ-клубъ», съ доступнымъ—среднему классу членскимъ взносомъ. Члены Сомервилъ-клуба, не при-надлежа ни къ одной изъ политическихъ партій, входятъ въ составъ такихъ ассоціацій и обществъ, какъ «Союзъ матерей», «Ассо-ціація женщинъ», «Общество пріюта для бѣд-ныхъ дѣвушекъ», «Общество друзей молодыхъ дѣвушекъ», «Общество помощи молодымъ дѣ-вушкамъ» и многихъ другихъ. Въ секретар-іатъ клуба часто является молодая дѣвушка или женщина и заявляетъ, что вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ она должна зара-батывать себѣ хлѣбъ, но не знаетъ, за какое дѣло взяться, ибо особаго призванія ни къ чему не чувствуетъ, какими либо талантами не обладаетъ и проситъ совѣта. Имя клиентки записывается и ей предлагаютъ придти вече-ромъ, когда въ клубѣ собирается нѣсколько десятковъ членовъ. Клиентку принимаютъ, какъ знакомую въ семьѣ—ее прежде всего обласкаютъ и успокоятъ, если это нужно, затѣмъ просто и радужно бесѣдуя съ ней, члены знакомятъ съ ея образованіемъ, знаніями, при-вычками, направленіемъ, характеромъ, и т. д. Если клиентка находится въ полной нуждѣ, ее поддержать, но не выберутъ ей ни рода дѣятельности, не дадутъ мѣста до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ ее, какъ слѣдуетъ. Иногда она визитируетъ клубъ до двухъ недѣль еже-дневно; наконецъ, положеніе ея обсуждается комитетомъ членовъ, ею занимавшимся и, по большинству голосовъ, постановляется рѣше-ніе относительно подходящаго для нея за-нятія, и, если клиентка на это рѣшеніе со-гласна, то работа отыскивается ей немедлен-но, ибо рекомендація комитета Сомервилъ-клуба пѣнится весьма высоко; а желающій имѣть у себя хорошую работницу—бонну, гу-вернантку, секретаря, переписницу, даже про-сто горничную—прямо обращается въ секре-таріатъ клуба.

Существуетъ еще клубъ—писательницъ («Wrieter's-Club»). Члены его распредѣ-ляютъ между собою занятія, обсуждаютъ раз-личные вопросы, главнымъ образомъ, лите-ратуры, художества и педагогики, а вече-ромъ читаютъ лекціи въ многочисленныхъ за-лахъ для конференцій по всѣмъ кварталамъ Лондона, при чемъ лекціи эти всегда дар-овныя.

Главная задача членовъ—возможно широ-ко развить дѣло безплатныхъ публичныхъ лекцій для бѣдняковъ, не имѣющихъ возмож-ности вносить и низкой платы за слушаніе таковыхъ въ народномъ дворцѣ и другихъ ему подобныхъ учрежденіяхъ, и затѣмъ, раз-витіе начинающихъ уже устраиавшихся но-

выхъ клубовъ для рабочихъ дѣвушекъ и жен-щинъ.

Идея клубовъ для женщинъ-рабочихъ при-надлежитъ члену Wrieter's club'a миссъ Модъ Станлей. Она три года завѣдывала вече-рними классами для дѣвушекъ-рабочихъ Seven Dials'a, одного изъ самыхъ мрачныхъ, бѣд-нѣйшихъ и безправнѣйшихъ кварталовъ Лондона. Около праздника св. Пасхи клас-сы кончались, и взрослые ученицы, прощаясь съ Модъ Станлей, всегда выражали сожалѣ-ніе, что разстанутся съ ней до октября, что въ теченіе шести мѣсяцевъ кружокъ ихъ не будетъ собираться. Это сожалѣніе возбудило у миссъ Станлей мысль устроить нѣчто въ родѣ клуба для рабочихъ дѣвушекъ, гдѣ онѣ могли-бы собираться въ лѣтніе мѣсяцы для здоровыхъ развлеченій и вмѣстѣ съ тѣмъ для продолженія своего образованія, въ програм-мы зимнихъ вечернихъ классовъ. Дѣвушки должны были платить еженедѣльно такую сумму, по раскладкѣ, которая окупала-бы затрату на помѣщеніе. Первый клубъ миссъ Станлей помѣщался въ двухъ маленькихъ ком-наткахъ, въ томъ-же безобразномъ кварталѣ Лондона, гдѣ она работала, и имѣлъ около пятидесяти членовъ дѣвушекъ-рабочихъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ квартала, въ возрастѣ отъ 13 до 20 лѣтъ. Черезъ пять лѣтъ этотъ клубъ имѣлъ уже 200 членовъ, перешелъ въ другое, свѣтлое и обширное по-мѣщеніе, имѣлъ экономку и прислугу на жа-лованьи, бібліотеку и музыкальные инстру-менты. Въ 1890 году такихъ клубовъ, устро-енныхъ по образцу клуба миссъ Станлей, на-считывалось въ Лондонѣ до 30, а къ январю 1895 года болѣе 50, причемъ всѣ они носятъ названіе «клуба дѣвушекъ-работницъ такого-то квартала». Авторъ цитируемой нами статьи говоритъ: «Въ одно изъ моихъ посѣщеній Wrieter's club'a я былъ представленъ, между прочимъ, леди К... одной изъ дѣятельныхъ членовъ клуба и типичнѣйшей представитель-ницѣй «новой женщины» Англии. Леди К... со-стоитъ репортеромъ одной изъ выдающихся газетъ Лондона и ни передъ чѣмъ не оста-навливается, въ интересахъ своего занятія; такъ, получивъ предложеніе газеты дать эскизы изъ жизни уличныхъ цвѣточницъ Лон-дона (жизни—съ точки зрѣнія чопорныхъ дамъ—весьма безнравственной, а на самомъ дѣлѣ просто несчастной), она переодѣтая цѣ-лую недѣлю торговала цвѣтами на Пикадил-ли, лично испытала всѣ прелести темной жизни лондонскихъ цвѣточницъ, ночевала въ рабочихъ домахъ, гдѣ принимаютъ на поч-легъ совсѣмъ безденежныхъ лицъ, уплачиваю-щихъ за него на другой день работой. Чтобы дать газетѣ очеркъ изъ быта прислуги, леди К... три мѣсяца служила горничной и т. д. Та-кихъ женщинъ въ Англии уже не мало».

Въ Англии дѣвушка, невыходящая замужъ, должна сама пробивать себѣ дорогу, и въ выборѣ профессіи по вкусу и способностямъ не мало помогаютъ ей клубы—говоритъ г. Ба-лахинъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Принцъ Фердинандъ Кобургскій и его наслѣдникъ принцъ Борисъ.

Принцъ Фердинандъ Саксенъ-Кобургскій, —младшій сынъ принца Августа Саксенъ-Кобургскаго, герцога Саксонскаго, и принцессы Клементины Орлеанской, дочери французскаго короля Людовика-Филиппа, —имѣетъ отъ роду 35 лѣтъ и воспитывался въ католической религіи, религіи своихъ родителей. Въ августѣ 1887 года онъ былъ избранъ болгарскимъ собра-ніемъ, вмѣстѣ свергнутому принцу Александру Батенбергъ-Гессенскаго, который отрекся въ 1886 г. и который былъ протестантъ. Ліянія саксонскаго гер-цогскаго дома, къ которой принадлежалъ принцъ Ав-густъ Саксенъ-Кобургскій и его сынъ принцъ Фер-динандъ, обитала въ Австріи, и вслѣдствіе вліянія австрійской политики принцъ Фердинандъ былъ из-бранъ. Но вслѣдствіе условій берлинскаго трактата 1878 г., принцъ не былъ признанъ султаномъ, пока его не признаютъ всѣ великія государства Европы. Изъ обитателей Болгаріи (3,300,000)—2,600,000 принадлежатъ къ православной религіи, —которая и есть господствующая, —22,600 католиковъ и 640,000 маометанъ. Въ 1893 г. принцъ женился на прин-цессѣ Маріи-Луизѣ Пармской, изъ итальянской ко-ролевской фамилии Бурбонъ, и абдодательно като-

личъ. Ходятъ слухи, что онъ общался невѣстѣ и ея родителямъ, что дѣти будутъ воспитываться въ ре-лигіи матери. Принцъ Борисъ родился 18 (30) ян-варя 1894 г. и крещенъ въ католической религіи. Но въ настоящемъ году принцъ Фердинандъ объявилъ своимъ подданнымъ, что сынъ его и наслѣдникъ бу-детъ присоединенъ къ православію въ Софіи, т. е. надъ нимъ будетъ произведено миропомазаніе. Этотъ поступокъ вызвалъ, конечно, неудовольствіе его же-ны, ея родныхъ и папы.

Февраль—весна. Оригинальный рису-нокъ художника М. Карелина.

«Когда весну несетъ февраль—
Тенѣе день, свѣтѣе даль.
Вездѣ плывутъ до половины
Уже растаявшія льдины,
И ужъ глѣзнуть, въ весенней ибѣ,
На вѣткахъ влажные побѣги.»

* * *

Звонче слышенъ щебетъ птицъ
И ужъ румяный блескъ денницы
Не дышетъ мглой и морозомъ;
И по оттаявшимъ берегамъ
То здѣсь, то тамъ ластокъ зеленый
Блеститъ, водою орошенный».

Благочестивая бѣсѣда. Съ картины ху-дожника А. Наумова.

Прекрасный жанръ А. Наумова передаетъ намъ весьма обычную картинку изъ жизни средняго класса обитателей. Къ набожной хозяйкѣ дома пришелъ стран-никъ, ходящій изъ обители въ обитель монаховъ. Та-кихъ странниковъ—великое приволье на широкой, гостепріимной и набожной Руси. Странникъ пришелъ на этотъ разъ изъ Кіева и повѣствуетъ, попивая чашекъ, о дѣйпровскихъ святыхъ и пещерахъ. Хо-зяйка слушаетъ его съ благоговѣніемъ и ужасомъ. «И все, золотая моя,—танетъ монахъ,—лежатъ тамъ въ пещерахъ мощи святыхъ такъ мирно да тихо, рядкомъ. Понаставлены свѣчки да лампадки, ладо-номъ пахнутъ. И со всей земли русской ходятъ люде да молятся. Такая-то благодать!» Тихо, увле-ченная, слушаетъ хозяйка.

Не во-время. Съ картины художника Г. Шмидлера.

Не очень-то успѣшно шелъ урокъ музыки и пѣнія у этого молодого учителя съ не менѣе молодой учени-цей. Давно уже, съ первой встрѣчи, ихъ сердца ужа-лилъ проказникъ Купидонъ. И въ этотъ разъ юноша рѣшилъ приступить къ объясненію. Поводъ къ этому далъ нѣжный разучиваемый романсъ. Скоро дѣло до-шло до признанія и жаркими губами онъ припалъ къ ея рукѣ. Но въ это время дверь распахнулась, и во-шла строгая мать дѣвушки. Въ хорошую-же исторію попадетъ влюбленная парочка!...

По міру. Оригинальный рисунокъ ху-дожника И. Пархоменко.

Бѣдному люду часто приходится прибѣгать къ со-страданію ближнихъ. Нерѣдко многіе кормятся въ де-ревняхъ Христовымъ именемъ. Довольно одного не-урожайнаго года, падежа скотины или вообще подоб-ной деревенской невзгоды—и идутъ съ сумой бабы и ребята по ближнимъ деревнямъ. Мы видимъ на ри-сункѣ женщину еще не старую, но съ искаженнымъ, съ похуѣвшимся отъ нужды лицомъ. Кое-какъ заку-танная въ лохмотья, съ сумой, съ палкой, идетъ она поворваться. Съ ней—маленькая дочка, уже понимаю-щая и горе и нужду.

«За вѣтру Христову». Съ картины про-фессора М. Мантейшана.

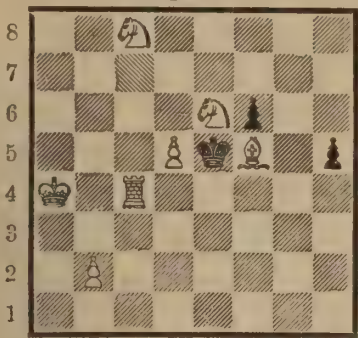
«Christianos ad leones!» («Львамъ—христіанъ») раздавалось еще съ утра въ вѣчномъ Римѣ, и не-смѣтные толпы народа сбѣжали къ цырку, гдѣ рева-ли некормленные зѣбры, ожидающія жертвъ. Быстро на-полнились зрители каменные переходы амфитеатра. Пришелъ и императоръ Неронъ съ огромной толпою кліентовъ. И вотъ на арену вывели полуобнажен-ныхъ христіанъ, пойманныхъ во мракѣ катакомбъ. Братья и сестра, просвѣщенные и укѣпленные вели-кимъ ученіемъ Христа, безтрепетно ожидаютъ смерти. Вотъ поднялась желѣзная рѣшетка цирковаго зат-ринца, и дикіе ливійскіе львы, съ ревомъ, прибли-жаются къ добычѣ. И подъ взглядами сенаторовъ, весталокъ, черни—эти бѣдные христіане ожидаютъ гибели. Прекрасно передалъ художникъ мрачныя окружающій амфитеатръ и бѣдныя фигуры жертвъ.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 4.

Г. Ванъ-Дюбена (въ Ландскронѣ).
Первый призъ на 2-мъ конкурсѣ задачъ
«Шахматнаго Обозрѣнія».

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

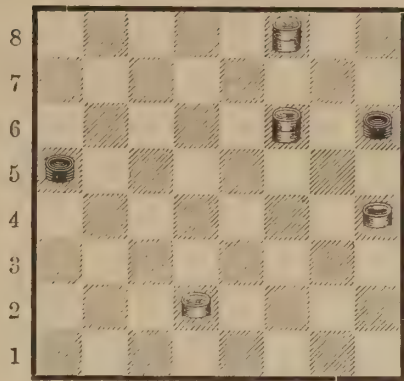
30-го января Э. Ласкеръ въ С.-Петербургскомъ Шахматномъ Обществѣ далъ сеансъ одновременной игры; изъ 24 партій онъ выигралъ 20, проигралъ 2 и 2 окончилъ въ ничью.

ШАШКИ.

Подъ редакціею В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 5.

А. И. Шошина (въ Петербургѣ).
Черный.

Бѣлые.

Запереть простую.

Въ шахматномъ турнирѣ по перепискѣ (см. №№ 2 и 6 «Живоп. Обозр.») пока заявили желаніе участвовать слѣ-

дующія лица: П. Н. Бодянский, В. И. Шошинъ, В. А. Бѣляевскій, Е. Ф. Андреевъ, Н. Н. Панкратовъ, А. К. Чайковскій, М. С. Семеновъ, В. Е. Приломовъ, А. А. Овдовъ и А. Г. Савельевъ.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

Всѣ присылаемые рукописи и рисунки должны быть съ полнымъ адресомъ, фамиліею автора и съ обозначеніемъ желаемого гонорара. Безъ указаній послѣднихъ свѣдѣній, рукописи и рисунки считаются безплатными. Рукописи не возвращаются, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ уничтожаются безъ объясненія причинъ. Редакція не принимаетъ на себя обязательствъ возвращать рукописи и рисунки почтою, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ. Для полученія отвѣта необходимо прилагать къ рукописямъ конверты со своимъ адресомъ и маркою. Относительно стихотвореній, редакція не входитъ ни въ какія письменныя переговоры и предупреждаетъ гг. авторовъ, что этотъ матеріалъ присылается въ единственномъ большомъ количествѣ, и рѣдко годнымъ для печати, а потому всѣ стихотворенія, признанныя неудобными къ печати, послѣ отвѣта на нихъ въ почтовомъ ящикѣ, уничтожаются. Письма не вносятся оппеченными гербовымъ сборомъ съ почты редакціею не принимаются. Анонимныя письма не читаются.

За РЕДАКТОРА—ИЗДАТЕЛЬ С. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ СОЛИТЕРА льщеніе.
СПБ., САДОВАЯ, 59.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обозр.» (СПб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб. 5 к.

ПОПРОБУЙТЕ МЫТЬСЯ МЫЛОМЪ
ЮМЪ-ЮМЪ

—1 ПАРФЮМЕРА ПЬЕРЪ № 2344
и въ друтихъ мыломъ мыться не будете!
Цѣна 20 коп. за кусокъ; получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Складъ въ Харьковѣ, Пассажъ, у П. УШАНОВА.

№ 2305—4
ВЫИГРЫШ
иже 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, НЕВСКІЙ, СПБ.

Чай Цейлонскій,
развѣшанный подъ казенной бандеролью, чистый, безъ примѣси другихъ чаевъ, только фирмы
М. РОЖИВЮ
представителя Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ.
Главный складъ:
Москва, Маросейка, д. Лебедевон.
Дело въ С.-Петербургѣ у М. Шабли,
Вознесенскій просп., уголъ больш. Садовой, № 43—58. № 2325—3

30 % ЭКОНОМІА.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться лично: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ. —4 Спб., Невскій, 59. № 2261.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Для извѣстности лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требовать подписи А. Энглундъ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. 1—дѣль Россійской Имперіи. № 2945

Главное депо часовъ
Эд. Вурхардъ.
СПб., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
2) по Невскому пр., № 6, прот. М. Морской. Большой выборъ всевозможныхъ часовъ: лучшихъ, фабричныхъ по самымъ умѣр. цѣнамъ.
Никелевые... съ 6 р. 50 к. до 15 р.
Стальные (черные)... 0 р. — " 20 "
Серебряные мужскіе и дамскіе... 12 " — " 75 "
Золотые мужскіе... 50 " — " 500 "
Золотые дамскіе... 25 " — " 100 "
Регуляторы 2-хъ недѣльных... 7 " — " 65 "
Будильники... 4 р. 50 к. — " 15 "
Гг. Изящно одѣтые выслать наложеннымъ платежѣмъ. Прейсъ-куррантъ высылать бесплатно. Картины часовъ суммъ свыше 10 р. выслаются почтой на счетъ моего магазина. № 1229-4

ВАЖНО

По своей практичности и удобству эластичные вязанные кальсоны безъ внутренняго шва усовершенствованной кройки. Особенно рекомендована для верховой ѣзды. Цѣна: Крученые въ 2 нитки 1 р. 50 к., въ 3 нит. 1 р. 75 к., въ 4 нит. 2 р. каждые. При выпискѣ требуется мѣра пояса и длина. Менѣе трехъ не высылается. Въ специальномъ магазинѣ бѣлая
Ю. ГОТЛИБЪ.
По Владимірск. д. 2, угл. Невск. пр. Прейсъ-куррантъ высыл. бесплатно.
Въ книжномъ магазинѣ М. М. Ледерле Невскій пр. № 42
Продаются слѣдующія книги, соч. К. М. Станюковича.
1) Новые морскіе рассказы и маленькіе моряки, ц. 2 р. 50 к.
2) Пассажирка, ц. 80 к.
3) Жертвы, ц. 1 р.
4) Въ море, ц. 1 р.
5) Морскіе рассказы, ц. 1 р. 50 к.
6) Подъ тропиками, ц. 5) к.

!!! Важно для дамъ !!!
Зачное обученіе шитью и крою посредствомъ лекцій-корреспонденцій по новейшему, легчайшему и понятному для каждого методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются бесплатно. Плата уѣзденная.
Преподавательница Е. Д. Ангарина. Кіевъ, Житомирская, № 4. № 2359—1

Товарищество сарининокъ въ Саратовѣ предлагаетъ:
Натуральныя саринскія ткани изъ шелка и бумаги. Неподражаемый выборъ всѣхъ родовъ бѣлы, чулковъ и носковъ.
ПЕРЕСЫЛКА ТКАНЕЙ ЗА СЧЕТЪ ФИРМЫ.
Образцы въ изящномъ альбомѣ высылаются за 42 коп. марками. 2358-2

Карамель изъ Травъ „КЕТТИ БОССЪ“
Б. СЕМАДЕНИ, въ Кіевѣ.
Главный складъ у Александра Венцеля С.-Петербургъ, Гороховая, 33. — Продается во всѣхъ аптекахъ и алт. магаз. Россіи.
Цѣна 1 мѣстѣ съ кор. 25 коп. Малая коробка 15 коп. № 2010-6

АЛЬБОМЪ ПАРИЖСКИХЪ КРАСАВИЦЪ
составленъ изъ картинъ лучшихъ французскихъ художниковъ и въ составъ этого альбома вошли слѣдующія картины: 1) Триумфъ Венеры; 2) Потифаръ; 3) Леда съ лебедемъ; 4) Судъ Париса надъ тремя граціями; 5) Диана при купаньи; 6) Послѣ купанья въ гаремѣ; 7) Венера являющаяся тремя граціямъ; 8) 4 дамы; 9) Скала и Волна.
Всѣ картины въ немъ Парижской школы въ особенности замѣчательны тѣмъ, что художники съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ изобразили
КРАСОТУ ЖЕНЩИНЫ.
Всѣ картины помѣщены въ изящно тисненную золотыми и черными рисунками манку.
Цѣны съ пересылкою { Въ манкѣ... 2 руб. 90 коп. 2 за 5 р. 35 к.
Наложен. платежѣмъ { Безъ манки... 2 руб. 05 коп. 2 за 3 р. 60 к.
Базаръ Марокъ { С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20-25.

ФИСТАРМОНІИ
ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ
ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА
и другихъ лучшихъ фабрикъ:
въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 180, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 750, 800 и 1,000 руб.
Школа-самоучитель—Паже 2 р.
Иллюстрированный прейсъ-куррантъ **БЕЗПЛАТНО.**
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля. С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40.—Москва. Кузнецкій м., д. Захарьина.

СПИСОКЪ ИЗДАНИЙ

Выписывающіе изъ Главной Конторы (Спб., Невскій, д. № 68—40) что-либо изъ нижеупомянутыхъ въ этомъ спискѣ изданій, не смотря на то, что цѣны для нихъ значительно понижены, за пересылку не платятъ.

ШЕКСПИРЪ, В. Полное собраніе сочиненій съ иллюстраціями и виньетками, отпечатанными на отдѣльныхъ листахъ. Двѣнадцать томовъ въ изящной оберткѣ. Перевелъ прозою и стихами съ новѣйшаго англійскаго изданія **П. Каншина**. Біографическій очеркъ написанъ профессоромъ **Н. И. Стороженко**. Примѣчанія **П. И. Вейнберга** и др. Цѣна за 12 томовъ (перваго изданія) — **пять руб.**

Новое (второе) изданіе, отпечатанное на велевовой бумагѣ и увеличеннаго формата, цѣна за 12 томовъ (второго изданія) — **семь руб.** Желающіе имѣть первое или второе изданіе «Сочиненія В. Шекспира» въ переплетахъ (изъ англійскаго коленкора, съ тисненіемъ золотомъ и чернью), добавляютъ за 12 переплетовъ въ вышеуказанной цѣнѣ — **4 р.** Такіе же переплеты къ первому изданію могутъ быть высланы отдѣльно. Цѣна за 12 переплетовъ: а) Изъ англійскаго коленкора съ чернью и отдѣлкой подъ золото — **3 р.** б) Изъ англійскаго коленкора съ чернью и червоннымъ золотомъ — **3 р. 60 коп.** За пересылку переплетовъ въ этомъ случаѣ уплачивается на мѣстѣ (наложеннымъ платежомъ).

ПОГРОМЪ Новый романъ **Эмилы Золя**. Переводъ **П. Каншина**. Въ книгѣ 566 страницъ. Новый романъ талантливаго французскаго писателя полонъ самаго живого интереса, гдѣ, между прочимъ, авторъ художественно знакомитъ читателя съ причинами возникновенія войны и всѣми ужасами военныхъ дѣйствій, принесшихъ опустошительнымъ ураганомъ по Франціи въ 1870—1871 годахъ. Цѣна **75 коп.**

СОВРЕМЕННЫЙ ВАВИЛОНЪ. Романъ **Поля Бурже**. Изящное изданіе съ виньетками въ текстѣ и иллюстраціями, отпечатанными на отдѣльныхъ листахъ.

Предлагаемый новый романъ современнаго талантливаго французскаго писателя вызвалъ во Франціи, въ короткій срокъ, нѣсколько изданій. Романъ этотъ, по своему сюжету, очень интересенъ и богатъ психологическими выводами, а также драматическими сценами. Цѣна **одинъ рубль.**

«**ДВОРЕЦЪ И МОНАСТЫРЬ**». Новый историч. романъ изъ временъ Іоанна Грознаго. **А. Михайлова** (А. К. Шеллера). 329 стр. 2 ч. съ 8 рисунками въ текстѣ. Ц. 1 руб.

«**ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ**». Историческій романъ-хроника, **А. Михайлова** (А. К. Шеллера), съ приложеніемъ восьми рисунковъ, воспроизводящихъ сцены изъ романа, отпечатанныхъ въ два тона 330 стр. Ц. 1 р.

«**БЛАГА ЖИЗНИ**». Большой романъ изъ современной жизни **А. Михайлова** (А. К. Шеллера). 230 стр. Ц. 1 р.

«**АЛЧУЩІЕ**». **А. Михайлова** (А. К. Шеллера). Больш. ром. Ц. 75 коп.

«**НАДЪ ПРОПАСТЬЮ**». Повѣсть **К. В. Назаревой**. 162 стр. Ц. 75 к.

«**РЫЦАРЬ ТЬМЫ**». Романъ **К. Назаревой**. 278 стр. Цѣна 75 коп.

«**СТРАШНАЯ МЕСТЬ**». Романъ соч. **А. Елизарова**. Цѣна 50 коп.

«**ТАЙНА**». Романъ въ 2-хъ частяхъ. **А. Елизарова**. Цѣна 75 коп.

«**ЗОЛОТЫЯ ГОРЫ**». Романъ **А. Елизарова**. 150 стр. Цѣна 50 коп.

«**РУХНУВШІЙ ВЕЛИКАНЪ**». Романъ **Е. Дубровинскій**. (Съ 4-мя рисунками). 277 стр. Цѣна 75 коп.

«**ДВА РОМАНА**»: 1) «Безъ матери» **Е. Нелидовой**, и 2) «Жертва любви» **Аларконъ**. Цѣна 75 коп.

«**ЧУЖАЯ ВИНА**». Большой романъ изъ современной жизни **И. Панаева**. 352 страницы. Цѣна 1 руб.

«**ТЯЖЕЛАЯ СУДЬБА**. Романъ **К. Павлова**. 179 стр. Цѣна 75 коп.

«**НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ, А ВЪ ПРАВДѢ**». Историческій романъ соч. **К. Дмитриева**. 252 стр. Цѣна 1 руб.

«**МУЧЕНИЦА НА ТРОНѢ**». Истор. романъ **О. И. Крашевскаго**. Ц. 75 к.

«**БЪГЛЕЦЫ**». Романъ изъ жизни на Востоку. **А. Ильина**. Ц. 75 к.

Заживо погребенные. (Послѣдніе дни Помпей). Большой романъ извѣстнаго англійскаго писателя **С. Бульвера**, полонъ всевозможныхъ сценъ изъ восточной жизни далекаго прошлаго, съ ея роскошью интригами и жестокостями, вызывающими большой интересъ въ читателѣ. 480 стр. Цѣна 1 р.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. (Съ художественными иллюстраціями). Три тома (всего 1030 страницъ). Съ портретомъ автора, факсимиле, снимками съ неизданныхъ его рукописей. Біографія написана извѣстнымъ бібліографомъ **П. В. Быковымъ** по новымъ источникамъ. Двѣнадцать рисунковъ, изображающихъ выдающіяся сцены (рисунки отпечатаны въ два тона и на отдѣльныхъ листахъ). Текстъ украшенъ виньетками. Цѣна за три тома: въ обложкѣ — **2 р. 2)** Въ напочномъ переплетѣ — **2 р. 50 к.** Въ переплетѣ изъ англійскаго коленкора съ тисненіемъ, въ двухъ книгахъ (I томъ особо, а II и III-й вмѣстѣ) **3 руб. 3)** Въ переплетѣ изъ англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ и золотымъ обрѣзомъ въ 3-хъ книгахъ (каждый томъ особо) **5 р.**

БАЙРОНЪ, Л. Полное собраніе сочиненій. (Съ художественными иллюстраціями и виньетками). Въ шести томахъ. Цѣна 2 руб. 50 к.

ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ. (Разсказы Шахеразады). Съ художественными иллюстраціями и виньетками. Въ шести томахъ. Цѣна за шесть томовъ — **2 руб. 50 к.**; въ напочномъ переплетѣ — **3 р. 50 к.**

Новые переводы этихъ любимыхъ публикою произведеній сдѣланы съ позднѣйшихъ англійскихъ изданій, извѣстными знатоками англійской литературы и снабжены необходимыми примѣчаніями, а также иллюстрированы лучшими художниками.

Мы увѣрены, что эти два серьезно задуманные и солидно исполненные изданія займутъ видное мѣсто въ бібліотекѣ каждаго читателя.

Мы не будемъ доказывать здѣсь, какой высокій интересъ имѣютъ эти гениальныя литературныя произведенія, такъ какъ это хорошо извѣстно всему читающему міру, но считаемъ необходимымъ обратить вниманіе, на то, что издать такіа объемы, цѣнные и полезныя для каждой семьи изданія, за такую скромную цѣну, возможно лишь при большахъ ихъ распространеніи.

«**ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА**». Романъ изъ жизни червонныхъ валоетовъ. Соч. **В. Владимірова**. 328 стр. Цѣна 1 руб.

«**БРАКЪ, КАКИХЪ МАЛО**». Романъ **К. Назаревой**. Цѣна 50 коп.

«**НЕПРЕОДОЛИМАЯ ПРЕГРАДА**». Романъ **В. Михайлова**. Цѣна 50 к.

«**МЕДУЗА**». **Б. Александрова**. Романъ изъ уголовной хроники. 340 стр. Цѣна 1 руб.

«**ПУТЕШЕСТВІЕ СТЭНЛИ ВЪ ПУСТЫНЯХЪ АФРИКИ**». Иллюстрированное изданіе, переводъ съ англ. **П. А. Каншина**. Цѣна 50 коп.

«**РАЗВѢНЧАННАЯ КОРОЛЕВА**». Романъ изъ придворной современной сербской жизни. Соч. **Марка Столякова**. 456 стр. Ц. 1 р.

«**ЛЮБОВЬ ВСЕ ПРОЩАЕТЪ**». Романъ **Дж. Гаттисъ**. «Черезъ мѣсяцъ» **В. Савовскаго** и «Клятва и самоотверженіе», ром. **П. Гольдина**. 336 стр. Ц. 1 р.

«**ИСУСЪ НАВИНЪ**». Романъ **Георга Эберса**. Цѣна 50 коп.

«**НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА**». Историческій романъ изъ временъ язычества **Эберса** (съ порт. автора). 452 стр. Ц. 1 р.

«**ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ**». Романъ **Георга Эберса**, перев. **Л. Шелгунова**. 332 стр. Цѣна 1 руб.

«**КОНСУЗЛО**». Романъ **Жоржъ-Зандъ**, перев. **Лѣтнева**. 460 страницъ. Цѣна 1 руб.

«**БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ**». Романъ **Э. Туарджі**. Цѣна 75 коп.

«**БЕЗСМЕРТНЫЙ**». **Альфонсъ Додэ**. Новый романъ (съ 11-ю рисунками и портретомъ автора). Ц. 1 р.

«**ОКО ЗА ОКО**». Романъ **Маттеи**, 216 страницъ. Цѣна 1 р.

«**ФОРПОСТЬ**». Романъ **Пруса**. Цѣна 1 р.

«**ВЪ СТОЛИЧНОМЪ ОМУТѢ**». Романъ-хроника, соч. **В. Довгилло**. Ц. 75 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ИЗДАНИЙ: СПБ., НЕВСКІЙ ПРОСП., У АНИЧКОВА МОСТА, Д. 68—40.

№ 7 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 9-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) Листъ «Еженедѣльной хроники» № 7.

При этомъ номерѣ прилагается иногороднимъ подписчикамъ (кроме Москвы и тр. 2 и 3) объявленіе отъ книжнаго магазина **А. М. Земскаго** въ Москвѣ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. А. ОБОРОВА

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»: НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновои бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

1) Желающіе получать самостоятельно книги журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА» (безъ журнала «Живописное Обозрѣніе»), уплачиваютъ за годъ (съ доставкою—4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ «Живописное Обозрѣніе» безъ книгъ «Домашней Библіотеки»—НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Получающіе журналъ съ разсрочкою взносовъ, добавляютъ къ объявленной подписной годовой цѣнѣ 50 коп. за напечатаніе адресовъ и другіе расходы.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ПРОФЕССОРА П. ЛІВАЗОВСКАГО 1896 ГОДА.

Нептунъ, несущійся по океану.

РАННЯЯ ВЕСНА.

Таетъ снѣгъ и таютъ льдинки
На сырой корѣ вѣтвей;
Но кой-гдѣ еще снѣжинки
Вьются въ радугѣ лучей.

Воздухъ влаженъ, воздухъ свѣтелъ...
Ручеекъ ужъ на бѣгу
Слѣдъ извилистый отмѣтилъ
На оттаявшемъ снѣгу.

Солнце ярче, солнце краше;
Даль манящая яснѣй—
И куда-то сердце наше
Улетаетъ вмѣстѣ съ ней...

Въ тѣ заоблачныя страны,
Гдѣ въ толпѣ пугливыхъ тучъ—
Разсыпаются туманы,
Золотой сіяетъ лучъ...

Тамъ—мгновенно возникая
Въ дуновеньи Божества—
Наша греза неземная
Лучезарна и жива!

Тамъ—источникъ правды вѣчной—
Въ этой, блещущей въ огнѣ,
Безпредѣльной, безконечной,
Безпорочной вышинѣ!..

И маня насъ за предѣлы,
За покровъ земного сна—
Золотящіяся стрѣлы
Сыплеть ранняя весна;

И журча въ глубокомъ снѣгѣ,
Пробиваясь наугадъ—
О весенней свѣтлой нѣгѣ
Ручейки намъ говорятъ!..

В. Лебедевъ.

НАХОДКА.

РАЗСКАЗЪ.

КОГДА, два года тому назадъ, Варвара Александровна прижалась своимъ хорошенькимъ личикомъ къ его груди и шепнула ему: «Да, я васъ люблю», онъ обезумѣлъ отъ восторга и положилъ свое доброе, честное сердце къ ея ногамъ.

Эту, многозначительную для него, фразу она сказала ему, оставшись съ нимъ наединѣ, пока мужъ пошелъ надѣть фракъ, чтобы ѣхать съ ней на вечеръ.

— Ждите меня, я приду къ вамъ завтра, между тремя и пятью часами, — шепнула она ему на прощанье.

Иванъ Николаевичъ Вальцевъ не спалъ всю ночь и, рано поднявшись, онъ началъ убирать свою холостую квартиру, приходя въ отчаяніе оттого, что его комната казалась ему недостаточно элегантной для такой изящной женщины, каковой была Варвара Александровна.

Онъ купилъ живыхъ цвѣтовъ, приготовилъ ей чудный букетъ, притащилъ чуть не пудъ конфетъ и все это разложилъ на столахъ. Онъ не вѣрилъ еще своему счастью, не вѣрилъ, чтобы эта женщина, на которую онъ едва смѣлъ поднимать глаза, сама назначила ему свиданіе.

Въ четыре часа раздался звонокъ и влетѣла Варвара Александровна, нарядная, розовая, улыбающаяся.

Иванъ Николаевичъ совсѣмъ растерялся. Бѣдный! Онъ былъ такой новичекъ въ любви.

А Варвара Александровна уже держала его за обѣ руки и, звонко смѣясь, говорила: — Что, не ожидали, счастливы?

Онъ цѣловалъ ея руки.

Варвара Александровна порхала по комнатѣ, восхищалась букетомъ, грызла конфеты или, близко наклонясь къ нему, шептала, что любить его. А онъ, блѣдный отъ

волненія, со слезами на глазахъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ прислушивался къ лепету и смѣху, сердце его усиленно билось, и онъ чувствовалъ, какъ любовь его безумно росла къ этой чаровницѣ...

Съ тѣхъ поръ прошло два года.

Иванъ Николаевичъ также преданно и горячо любилъ эту маленькую женщину, отдавая ей все свои помыслы. Онъ еще больше сталъ работать, чтобы имѣть возможность баловать своего идола, чтобы услышать при каждомъ новомъ подаркѣ ея серебристый смѣхъ, увидеть радостный блескъ ея черныхъ глазъ. За это онъ готовъ былъ дать всю свою молодую жизнь. Стоило Варварѣ Александровнѣ похвалить какую-нибудь вещь, какъ черезъ нѣсколько дней, какихъ-бы это лишений ни стоило Ивану Николаевичу, онъ съ восторгомъ подносилъ ее молодой женщинѣ.

— Какъ-же мнѣ не любить тебя, — говорила она, любясь блескомъ какого-нибудь брилліанта, подареннаго имъ, — ты такъ балуешь меня, — и она бросалась цѣловать его со всей горячностью избалованнаго ребенка. А глаза Ивана Николаевича искрились слезой счастья и радости.

Разъ онъ написалъ ей, что просить пріѣхать непременно къ нему на другой день, по полученіи его записки.

Она отвѣчала:

«Ненаглядный, я, конечно, пріѣду, но пораньше—жди меня завтракать. Я рада поглядеть моего Жаника.

Твоя Бебе».

Онъ былъ въ восторгѣ.

Все ея любимыя кушанья съ устрицами стояли на столѣ, когда раздался ея звонокъ. Она вприхнула веселѣ птички и защебетала.

Когда первые восторги встрѣчи прошли,

онъ сѣлъ подлѣ нея и, взявъ ее за руку, тихо сказалъ:

— Знаешь-ли ты, отчего именно сегодня я просилъ тебя прійти?

— Ахъ, да,—перебила она,—мнѣ это было такъ неудобно, мнѣ еще надо сѣздить по дѣлу (она взглянула на стѣнные часы)—къ четыремъ часамъ быть у моей belle-sœur, тамъ меня будетъ ждать мужъ.

— Сегодня, — началъ онъ снова съ чувствомъ,—ровно два года, какъ ты осчастливила эту квартиру своимъ присутствіемъ.

— Неужели такъ давно?—удивилась она,—и ты все еще меня любишь?

— Больше, чѣмъ когда-либо. И онъ съ блаженной улыбкой глядѣлъ на нее. — А ты?—робко спросилъ онъ.

Она лукаво взглянула на него, что-то вроде усмѣшки пробѣжало по ея губамъ и она сказала:

— Никогда и не любила.

Онъ поблѣднѣлъ.

А она уже со звонкимъ смѣхомъ обнимала его и шептала...

— Люблю... люблю... люблю...

Въ три часа, накинувъ ретонду, она еще разъ вернулась къ нему и, сдѣлавшись серьезной, сказала:

— Жаникъ, я тебя люблю больше жизни, никогда никого я любить не буду, кромѣ тебя. Слышишь? Я клянусь тебѣ въ этомъ.

Она была почти торжественна.

Въ дверяхъ она еще разъ повернулась и послала ему воздушный поцѣлуй.

Господи! Какъ онъ любилъ ее, какъ онъ былъ счастливъ!

Въ воздухѣ носились еще ея духи, изъ всѣхъ угловъ слышался ему ея голосъ, глядѣли ея черные глаза. Вдругъ онъ замѣтилъ маленькую свернутую бумажку, подъ тѣмъ кресломъ, гдѣ она сидѣла

Онъ быстро наклонился и поднялъ ее. Это была раздвоенная записка, начинавшаяся словами:

«Бебе, Ты несносная, гадкая кокетка, и не будь я такъ увѣренъ въ Твоей любви, я бы приревновалъ Тебя къ этому уроду, Вальцеву. Но я знаю, что моя милая дѣвочка, какъ она тысячу разъ мнѣ говорила, дразнить меня, любезная съ нимъ».

«И хотя я все это прекрасно знаю, но мучусь и ревную».

«Помни, жду Тебя сегодня въ 4 часа, въ нашей маленькой, уютной квартирѣ, гдѣ Ты, со свойственнымъ Тебѣ юморомъ расскажешь мнѣ что нибудь смѣльное о моемъ бѣдномъ соперникѣ».

«Твой рыцарь печальнаго образа».

Записка полетѣла на полъ. И, закрывъ лицо руками, Иванъ Николаевичъ зарыдалъ...

До сумерокъ въ комнатѣ было тихо. Иванъ Николаевичъ сидѣлъ и думалъ. Гдѣ всѣ его иллюзии, гдѣ идолъ, которому онъ поклонялся? Все лежало разбитое въ кускахъ у его ногъ...

Сердце до боли стучить въ груди, въ головѣ ни одной связанной мысли, а на полу бѣлая бумажка, выдѣляясь въ темнотѣ, прищипываетъ нестерпимую боль.

Дѣвушка вошла съ зажженной лампой.

Иванъ Николаевичъ сорвался со стула и, поднявъ бумажку, сѣлъ къ письменному столу. На поднятомъ письмѣ онъ приписалъ нѣсколько строкъ. Вотъ онѣ:

«Милостивая Государыня!

«Послѣ Вашего ухода я сдѣлалъ находку, которую, вѣроятно, Вы выронили изъ Вашего кармана. Будьте осторожны на будущее время».

«Вальцевъ».

Напрасно, противъ своей воли, онъ ждалъ отъ нея хоть нѣсколько словъ оправданій, прихода, лжи, онъ на все былъ согласенъ, чтобы только увидеть ее.

Но она не пришла.

Онъ заболѣлъ, пролежалъ долго въ кровати, и его отправили на югъ поправлять нервы.

Прошло полгода.

Иванъ Николаевичъ, возвратясь, пересталъ бывать въ тѣхъ домахъ, гдѣ бывала Варвара Александровна. Перемѣнилъ квартиру и старался себя увѣрить, что не думаетъ о ней. Разъ онъ подымался къ своему брату по лѣстницѣ и вдругъ на поворотѣ столкнулся съ ней.

«Онъ замеръ и прислонился къ стѣнѣ».

А она, узнавъ его, кокетливо запахнувшись въ свою бѣлую шубу, съ улыбкой глядѣла на него.

— Жаникы!—проговорила она.

Онъ отдѣлился отъ стѣны, безумное желаніе схватить эту женщину и сбросить ее головой внизъ съ лѣстницы, охватило его.

Онъ протянулъ руки, а она понявъ по выраженію его лица, что ей грозитъ опасность, легче серны скользнула мимо его и, крикнувъ снизу «сумашедшій», залилась звонкимъ смѣхомъ.

Онъ присѣлъ на ступени, подавленный и уничтоженный своимъ порывомъ бѣшенства. Съ тѣхъ поръ они не встрѣчались.

З. Яковлева.

* *

Я далеко отъ шума городского,—
Вокругъ меня лежитъ глубокій снѣгъ;
Но кони быстро мчатся на ночлегъ,
И я боюсь: тоска вернется снова!

* *

Какая ночь... Нѣтъ сумрака ночного..
Ямщикъ, сдержи коней летучій бѣгъ,—
Хотѣлъ-бы я не видѣть цѣлый вѣкъ
Угрюмыхъ стѣнъ покинутого крова!

* *

Прочь отъ него, отъ шума и людей!
Люблю просторъ и тишину полей,
Мерцающія звѣзды на дальнемъ небосклонѣ...

* *

Простивъ судьбѣ, не помню грустныхъ дней,
Мечты летятъ за счастьемъ въ погонѣ,—
Я вижу сонъ... О, тише, тише, кони!

А. Лукьяновъ.

МАТЬ—МАЧИХА.

Повѣсть.

(Окончаніе).

XIV.

АЛЕКСѢЙ быстрыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по аллеѣ пустыннаго парка—не большого парка въ ущельи, а другого, на берегу широкой и мутной горной рѣки. Было очень рано и гуляющихъ не попадалось. Осень уже слегка, чуть-чуть, золотила листья каштановъ и вязовъ, осины краснѣли кое-гдѣ и подрагивали круглыми листочками на слишкомъ тонкихъ стебляхъ. У самаго берега, обрывистаго въ этомъ мѣстѣ, стоялъ толстый и черный вязъ, верхушка котораго расширялась въ небѣ и давала такую густую тѣнь, что ни на песокъ около, ни на скамеечку, окружавшей гигантскій стволъ вяза, не лежало ни одного солнечнаго просвѣта, а день былъ яркій.

Алексѣй сѣлъ на скамейку подъ вязомъ. Рѣка шумѣла, какъ постоянный дождь. Алексѣй снялъ фуражку, отеръ лобъ, машинально посмотрѣлъ наверхъ, на низко-находящуюся крѣпкія, черныя вѣтви дерева—потомъ сталъ вглядываться въ глубь аллеи. Лицо его было тревожно.

Долго никто не шелъ. Потомъ вдругъ показалась маленькая женская фигурка, двигающаяся торопливо и невѣрно. Алексѣй поднялся было ей навстрѣчу, но она быстро подошла и сѣла рядомъ съ нимъ на круглую скамейку.

Вчера вечеромъ Алексѣй, съ большими затрудненіями, получилъ отъ Виктуса записку, гдѣ она извѣщала его сбивчивыми, неловкими фразами, что случилось что-то ужасное, неожиданное, что ей нужно поговорить съ нимъ и просила притти въ семь часовъ утра въ нижній паркъ. По письму Алексѣй понималъ, что дѣло серьезное, да и свиданіе Виктуса ему назначала въ первый разъ—это было и трудно, и неосторожно.

Виктуса была заплакана, казалась некрасивой и растерянной. На голубое ситцевое платье она едва накинула лѣтнюю желтую пелерину. Шляпа не прикрывала растрепавшихся, свѣтло-пепельныхъ волосъ. Видно, Виктуса убѣжала изъ дому быстро, схва-

тивъ первое, что попало подъ руку. Алексѣй молча и вопросительно смотрѣлъ на нее.

Виктуса перевела духъ, хотѣла заговорить—но вдругъ заплакала и плакала долго и тихо, прижавъ къ лицу платокъ. Алексѣй не прерывалъ ее: лицо его по прежнему выражало тупое мученіе.

Наконецъ, спохватившись, что время уходитъ, Виктуса, сдерживая рыданія, отняла платокъ отъ покраснѣвшихъ глазъ.

— Знаете, Алеша...—проговорила она шепотомъ.—Я сегодня вечеромъ уѣзжаю.

Алексѣй встрепенулся, поднялъ на нее глаза.

— Какъ вечеромъ? Куда? Нѣтъ?

— Въ Карсъ уѣзжаю,—захлебнувшись, отвѣчала Виктуса.—Съ невѣсткой Анны Дмитриевны... Къ ея дѣтямъ...

— Что за вздоръ! Зачѣмъ? Кто смѣетъ отправить васъ, если вы не хотите?

— Да куда-же я дѣнусь, Алеша? Анна Дмитриевна меня выгонитъ, прямо выгонитъ... У меня ничего нѣтъ, десяти рублей нѣтъ... И потомъ Анна Дмитриевна надо мной все имѣетъ право сдѣлать, я моими родителями ей поручена, когда они умирали—а сама я, вы—знаете, какая, я съ дѣтства приучена къ покорности, я слова не посмѣю сказать... Охъ, Алеша, тяжело мнѣ... Охъ, лучше въ воду... Вотъ если-бъ вы, Алеша, если-бы вы... Да нѣтъ...

И она опять зарыдала, на этотъ разъ громко, мучительно и однообразно.

— Послушайте, Виктуса, милая, радость моя, надежда моя, я этого не могу, я не допущу!—твердилъ Алексѣй, безпомощно хватая дѣвушку за рукавъ платья.—Никто не смѣетъ насильно, я заступлюсь, я скажу... Этого нельзя, вы моя невѣста, я васъ люблю, я безъ васъ жить не могу... Мы скажемъ, что вы моя невѣста...

Виктуса только безнадежно качала головою, чувствуя и понимая всю безпомощность словъ Алексѣя.

— Нѣтъ ужъ, Алеша, видно не судьба... Намъ съ вами на роду написано покоряться... Нѣтъ ужъ, Алеша, вы ничего не можете...

— Вы думаете, я такъ и приму это?—почти крикнулъ Алексѣй.—Да мнѣ послѣ этого и жить не стоитъ. Для чего жить? Все то-же, все та-же пустая, бессмысленная служба, рабство безъ надежды, непониманіе—для чего? И даже послѣднее, послѣдняя привязанность, любовь, надежда на осмысленность, что-то теплое, хорошее, нѣжное—и то возмуть, неизвѣстно зачѣмъ? Во имя чего? Нѣтъ, это конецъ, конецъ... Виктуса! Неужели вы не вѣрите? Неужели вы не жалѣете? Сдѣлайте усиліе, не покоряйтесь, не покидайте меня—вѣдь вы одна мое спасеніе...

— Господи, что я могу? Алеша, милый, успокойтесь... Но что-же дѣлать-то? Вѣдь я одна совсѣмъ, никто за меня и слова не скажетъ... И куда я одна?...

— Постойте,—проговорилъ Алексѣй, точно обдумывая что-то.—Погодите. У меня знакомая есть одна... Эта актриса, Рендичъ. Я съ ней поговорю. У ней деньги, связи... Она во мнѣ такое участіе... Я не знаю какъ, но пусть какъ-нибудь выручаетъ меня. Я ей все расскажу. Только вы, Виктуса, общайтесь мнѣ, что не уѣдете сегодня, подождете. Ну, хоть больной притворитесь. А я попытаюсь. Пусть Рендичъ поговоритъ съ Анной Дмитриевной, возьметъ васъ къ себѣ, пока я... не устрою съ матерью... Общайтесь не уѣзжать, Виктуса... Да?

УДАЧНАЯ ОХОТА.

ПАРТІЯ ПРОИГРАНА. СЪ НАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Ф. РУБО.

— Я постараюсь,—тихо сказала Виктуса съ прежней безнадежностью въ голосъ. Привычнымъ и любящимъ сердцемъ она не вѣрила ни въ отрывочные планы Алексѣя, ни въ то, что онъ когда-нибудь «устроить съ матерью».

Алексѣй, напротивъ, болѣзненно возникъ. Онъ погавилъ фуражку, оглянувшись ео-кругъ,—крѣпко обнявъ Виктусу и сказалъ непривычно живо:

— Ну, теперь идите домой, радость моя, ждите моихъ извѣщеній. И помните, не отдайте васъ, а то мнѣ не жить. И ни за что не уѣзжайте сегодня. А я иду прямо къ ней. Она добрая. Она пойметъ. Она какъ-нибудь устроитъ....

XV.

Алексѣй, дѣйствительно, пошелъ прямо къ дачѣ Рендичъ, но по дорогѣ вспомнилъ, что теперь едва восемь часовъ утра и что, пожалуй, Калерія его не приметъ. Въ нерѣшительности онъ остановился, не зная, какъ быть и куда дѣвать время. Улица, поднимавшаяся въ гору, была еще пустынна, дачи оживали понемногу. Проходили только кинто-разнозчики, выкрикивая что-то на ломаномъ языкѣ, мѣрнымъ, качающимся шагомъ шли лошади и мулы съ двумя кожаными мѣшками по бокамъ, наполненными свѣжей и свѣтлой водой, которая прыгала, разбивалась и брызгала въ стороны. Это были здѣшніе водовозы — «тулукчи». Направо, на недавно построенномъ деревянномъ двухъ-этажномъ домѣ красовалась вывѣска: «Гостиница Марсель». Алексѣй машинально поднялъ глаза—и вдругъ со второго этажа, съ балкона, послышались ослепые, но неунывающие голоса:

— Эй, Ингельштетъ! Ты? Куда это такъ рано? Вали сюда! Да скорѣй, не бойся! Все свои!..

Алексѣй зналъ, что это компанія офицеровъ, живущая въ «Марсели», извѣстная своими кутежами за послѣднее время. Алексѣй ее избѣгалъ, хотя тамъ были офицеры и его полка.

Приглашенія усиливались. Алексѣй повернулъ къ крыльцу, надъ которымъ висѣлъ большой, почернѣвшій фонарь, и поднялся по деревянной лѣстницѣ.

Гость былъ встрѣченъ шумными изъясненіями радости. Все-таки новый человѣкъ! Офицеры только-что воротились съ какого-то дальняго озера, куда ѣздили на всю ночь, въ арбахъ. Всѣ бурдюки, въ которыхъ сохранилось густое, пахучее, темное кахетинское вино—были привезены пустыми. Спали въ арбахъ, пока ѣхали назадъ. Теперь господа офицеры чувствовали себя не особенно хорошо, но не унывали и опять пили.

— Да что ты, маленький сынокъ, дѣвица красная!—угваривали они Алексѣя.—Пей—да и дѣло съ концомъ! И ты пить-то не дуракъ, мы знаемъ! Съ утра, знаешь, начать—разлюбезное дѣло!

— Нѣтъ, я не буду, — угрюмо отозвался Алексѣй.

Онъ не пилъ вина даже за обѣдомъ, ни капли, потому что самая маленькая рюмка производила на него странное дѣйствіе. Онъ могъ пить много, не пьянѣя, но каждый глотокъ дѣлалъ его угрюмѣе, мрачнѣе, все, о чемъ онъ забывалъ или хотѣлъ забыть, — вставало въ душѣ съ безпощадной ясностью, вся жизнь была передъ нимъ сразу въ мельчайшихъ подробностяхъ—онъ медленно впадалъ въ стѣяннѣе, какъ въ яму, и это отчая-

ніе было страшно. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сердцѣ, именно отъ стѣяннѣе, являлась тайная, неистовая сладость, какъ отъ зубной боли,—и онъ пилъ, пилъ, не будучи въ состояніи остановиться, его тянуло на дно этого отчаянія и этой сладости.

Теперь и безъ вина душа его мучилась. Товарищи видѣли его настроеніе и тѣмъ усиленнѣе его подчивали. Отказываться было нелзя. И Алексѣй подумалъ, что, можетъ быть, ему лучше выпить рюмку передъ разговоромъ съ Калеріей.

Выпивъ два стакана, онъ почувствовалъ, что настроеніе его дѣлается хуже, углубляется. Онъ всталъ и рѣшительно началъ прощаться. Къ тому-же былъ уже двѣнадцатый часъ, и складывать дѣло не приходилось. Товарищи стали его удерживать.

— Ну, что за вздоръ! Ну, куда ты? Послушай, Ингельштетъ; теперь мы тебя ступимъ, но дай слово, что въ восьмомъ часу ты придешь на гору въ Михайловскую гостиницу. Тамъ у Коншина такой номеръ—шикъ! Весело будетъ. Общайся, а нето не пустимъ! Я-бы на твоёмъ мѣстѣ эту, извини, старую вѣдьму каждый день-бы проучивалъ, мамашу твою. Я-бы ее денежкамъ протеръ глазки. Да ты, братъ, не унывай, ты только вечеромъ-то приходи!

Алексѣй еле вырвался и быстро направился къ дачѣ Калеріи. Мысли его были обращены въ одну сторону, хотя онъ самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, — чего собственно, какой помощи онъ могъ ожидать отъ пѣвицы. Онъ только чувствовалъ, что эта нелѣпая надежда — послѣдняя тонкая дощечка подъ нимъ и что если она сломится, то онъ куда-то провалится. У него не было даже волненія, когда онъ подходилъ къ дачѣ Рендичъ. Онъ вошелъ въ калитку и приблизился къ дому. На балконѣ никого не было. Въ первой комнатѣ его поразилъ беспорядокъ, груды платьевъ, лежащихъ на креслахъ, открытые баулы и сундуки, и цѣлыя колонны чистаго, душистаго бѣлья на столахъ и около сундуковъ. Изъ другой комнаты слышался мужской голосъ, довольно рѣзкій, французская рѣчь съ польскимъ акцентомъ. Говорившій, кажется, сердился. Отвѣта не было слышно. Изъ-за сундука вынырнуло испуганное личико молоденькой горничной, которая вопросительно посмотрѣла на Алексѣя.

— Калерія Александровна дома? спросилъ Ингельштетъ. Горничная что то пробормотала и юркнула въ сосѣднюю комнату. Мужской голосъ смолкъ, вмѣсто него послышался какія-то фразы, обращенныя къ горничной недовольнымъ голосомъ самой Калеріи. Дверь открылась, и она вошла въ длинномъ темно-красномъ капотѣ съ бѣлыми кружевами. Лицо ея было блѣдно и желчно, но сейчасъ же на немъ появилась привычная, свѣтлая улыбка, и она сказала, подавая руку Алексѣю:

— Ахъ, это вы! Здравствуйте, здравствуйте. Пришли проститься? Да, завтра утромъ я уѣзжаю. И славу Богу! Соскучилась здѣсь, признаться. Присядьте, здѣсь у меня беспорядокъ, но на одну минуту я могу васъ принять.

Она сѣла. Алексѣй тоже присѣлъ на кончикъ стула и смотрѣлъ впередъ. Ему вдругъ показалось безмысленнымъ и нелѣпымъ, что онъ пришелъ сюда, и захотѣлось уйти. Но онъ пересилилъ себя, сталъ говорить какимъ то чужимъ голосомъ. Чѣмъ дольше онъ говорилъ, чѣмъ больше старался объяснить, тѣмъ стыднѣе и безнадежнѣе ему становилось.

— Вы принимали участіе... — лепеталъ онъ,—нѣкоторое участіе... Такъ вотъ нелзя ли... не можете-ли...

Калерія пожала плечами.

— Что-же я могу? проговорила она. — Я вамъ отъ души сочувствую, жалѣю васъ, я возмущена. Но, согласитесь сами, ваша мать и слушать меня не захочетъ, если я вздумаю говорить съ ней. Да и, наконецъ, какое я имѣю право... Увѣрю васъ, Алексѣй Николаевичъ, что я тутъ гораздо меньше могу сдѣлать, чѣмъ вы сами. Постарайтесь хоть на этотъ разъ быть мужчиной, поступите рѣшительно, скажите вашей матушкѣ, что вы женитесь—и кончено. Вотъ вамъ мой совѣтъ. А больше, вы сами видите, мнѣ нечего дѣлать. А пока развеселитесь, я увѣрена, что все хорошо обойдется. Мы еще сегодня увидимся, приходите на танцевальный вечеръ—я буду тамъ. Вѣдь ваша невѣста не уѣдетъ раньше завтрашняго дня. Потолкуемъ.

Въ это время къ Калеріи подошла горничная и сказала ей что-то на-ухо.

— Сейчасъ! отвѣтила Калерія нетерпѣливо.—Скажите, сію минуту.

Алексѣй видѣлъ, что онъ стѣсняетъ, что говорить больше не о чемъ, что у этой красивой женщины въ длинномъ платьѣ есть свои дѣла и заботы, а что къ его, Алексѣевымъ, дѣламъ она совершенно равнодушна и права въ своемъ равнодушіи. Онъ всталъ, неуклюже и странно поклонился, какъ-то вбокъ, протянулъ обрадованной и облегченной Калеріи холодную руку и молча вышелъ. Калерія что-то кричала ему вслѣдъ,—кажется, опять о вечерѣ,—но онъ даже не обернулся.

XVI.

Алексѣй пошелъ прямо домой, въ свою комнату, легъ на постель и сталъ смотрѣть вверхъ. Онъ не помнилъ — сколько времени такъ лежалъ и о чемъ думалъ. Искать свиданія съ Виктусей онъ не хотѣлъ. Онъ вспомнилъ о словахъ Калеріи, что они еще потолкуютъ вечеромъ, ждалъ вечера, и какая то совершенно дикая, безсловесная надежда жила въ немъ. Алексѣй слышалъ, какъ мать ходила въ сосѣдней комнатѣ, его звали обѣдать, но онъ ничего не отвѣтилъ и не пошелъ. Потомъ, часу въ восьмомъ, когда солнце уже спряталось, Алексѣй вдругъ всталъ, надѣлъ чистую сорочку, новый бѣлый китель, расчесалъ рѣденькіе волосы на головѣ, даже надушился и вышелъ. Онъ думалъ идти на вечеръ. Но, можетъ быть, потому, что было рано—пошелъ въ другую сторону. Смеркалось, но было еще свѣтло и все видно. Изъ за угла, навстрѣчу Алексѣю, вышла парочка: дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ, которая громко хохотала, и высокій, тонкій офицеръ, одѣтый съ той изысканной элегантностью, которая сразу отличала его отъ всей мѣстной молодежи. Это былъ нѣтербургскій офицеръ, Грумъ-Гржимайло, и Варя, дочь Анны Дмитриевны. Варя окликнула Алексѣя.

— Куда это вы? А мы—на вечеръ. Сейчасъ зайдемъ за мамой къ Алябевой и отправимся всѣ вмѣстѣ. Вы будете? Ахъ, да! Вамъ поклонъ... угадываете, отъ кого? Наша Виктуса уѣхала сегодня въ три часа...

Алексѣй почувствовалъ, что струя ледяной воды полилась на него.

— Уѣхала? Какъ? прошепталъ онъ чуть внятно.

— Да, вѣдь вы знаете, что тетя хотѣла взять ее съ собой въ Карсъ. Хотѣли ѣхать завтра, но тетя такъ заторопилась, такъ заторопилась—ни за что не хотѣла дольше оста-

ваться. Въ три часа мы ихъ и отправили.. Однако, что же это я? спохватилась Варя.— Вѣдь мама ждетъ! До свиданья, Алексѣй Николаевичъ, приходите же на вечеръ—постанцуетъ!

Грунт-Гржимайло приподнял фуражку, улыбаясь и красиво изогнувъ станъ. Парочка удалилась, но Алексѣй все еще продолжалъ стоять на мѣстѣ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ, какъ бы повинувшись прежнему намѣренію, повернулъ назадъ, въ гору. На горѣ была Михайловская гостинница, гдѣ пьянствовали офицеры. Алексѣй твердымъ голосомъ спросилъ Коншина, поднялся во второй этажъ и вошелъ въ большую комнату, гдѣ было очень накурено. Кажется, играли въ карты.

— А, Ингельштетъ! встрѣтилъ его толстый офицеръ, совершенно пьяный.—Садись, садись, пей! Мы, братъ, по-просту. Пей, сколько влѣзетъ—будь только душа-человѣкъ!

Алексѣй молча сѣлъ около окна, налилъ стаканъ, потомъ сталъ пить, не считая, и не проронилъ ни одного слова. Сначала къ нему приставали, потомъ оставили въ покоѣ. Все слилось въ дымъ и винныхъ парахъ. Алексѣй сидѣлъ у самаго окна, держа въ рукѣ за бѣлую спущенную занавѣску. Сбоку висѣлъ тоже бѣлый, немного посѣрѣвшій отъ пыли толстый шнурокъ, посредствомъ котораго вздергивалась занавѣска. Алексѣй взялся за шнурокъ правой рукой и потянулъ его внизъ, лѣвой придерживая штору. Шнурокъ не поддавался. Алексѣй потянулъ сильнѣе—шнурокъ лопнулъ на верху и, падая, ударилъ Алексѣя по лицу. Кто то засмѣялся. Алексѣй подхватилъ шнурокъ и, съ несвойственной ему быстротой движеній, спряталъ его въ карманъ. Онъ сидѣлъ еще нѣсколько минутъ, но уже вина не пилъ. Потомъ всталъ и, ни съ кѣмъ не прощаясь, направился къ дверямъ, точно все, что ему было здѣсь нужно—онъ уже сдѣлалъ. Кто-то закричалъ ему вслѣдъ пьянымъ голосомъ:

— Куда ты?—но онъ даже не обернулся, медленно и аккуратно приворнулъ за собой дверь и пошелъ внизъ по лѣстницѣ. Въ немъ не было ни одной мысли. Онъ самъ все глубже уходилъ въ ту черную яму и только хотѣлъ достичь ея дна, куда его вѣчно тянуло и гдѣ онъ еще не былъ. Яма казалась такой же темной, какъ августовская ночь, которая уже наступила, когда онъ вышелъ изъ гостинницы. Должно быть, на небѣ низко ползли облака, потому что звѣзды не сверкали и сверху было такъ-же черно, какъ и внизу. У крыльца стоялъ извозчикъ. Алексѣй велѣлъ ѣхать прямо, къ нижнему парку. Экипажъ мягко покотился по шоссе. Кругомъ былъ мракъ, только двѣ расширяющіяся полосы свѣта отъ фонарей пролетки бѣжали впередъ лошадей и не разгоняли, а ступали темноту.

— Нижний паркъ,—сказалъ извозчикъ.

Алексѣй хотѣлъ выйти, но вдругъ остановился.

— Нѣтъ,—проговорилъ онъ.—Погоди! Поѣзжай еще, знаешь, въ ущелье, гдѣ ротонда.

Экипажъ опять покотился и черезъ нѣсколько минутъ былъ у воротъ другого парка. Тамъ сверкали огни и слышалась далекая музыка.

— Нѣтъ,—сказалъ Алексѣй,—ступай назадъ, опять въ нижній...

Удивленный кучеръ повернулъ лошадей. У глухой калитки пустынного нижняго парка Алексѣй слѣзъ и расплатился съ извозчикомъ.

Онъ наугадъ направлялся къ тому самому черному вязу, гдѣ утромъ видѣлся съ Виктусей. Онъ шелъ вѣрно. Скоро зашумѣла рѣка—непрерывно и глухо, какъ постоянный дождь.

XVII.

Около дѣнадцати часовъ ночи веселье въ ротондѣ смѣнилось какимъ то страннымъ смущеніемъ. Приставъ, который танцевалъ котильонъ, извинился передъ своей дамой—и исчезъ. Нѣсколько человѣкъ офицеровъ посѣшшо вышли изъ залы. Въ углу, у окна, неподвижно сидѣла Елена Филипповна въ черномъ: Алексѣй не возвратился домой, и она думала, что онъ долженъ быть здѣсь. На нее нѣсколько разъ поглядывала Рендичъ, которая мало танцевала и тоже поджидала Алексѣя. Ея мучала мысль, что она, можетъ быть, слишкомъ небрежно обошлась съ нимъ сегодня. Теперь она уже готовилась уходить и стояла у двери съ капюшономъ, накинутымъ на голову. Общее смущеніе не ускользнуло отъ нея.

— Узнайте, что такое? обратилась она къ студенту, который помогалъ ей одѣваться.

Черезъ нѣсколько минутъ студентъ воротился.—Представьте, говорятъ, что съ какимъ-то офицеромъ несчастіе, что онъ застрѣлился, что-ли...

— Ингельштетъ!—воскликнула невольно Калерія и такъ громко, что многіе обернулись.

— Пойдемте, пойдемте...—торопила Калерія, таща за собой студента.—Скорѣе, я знаю... я хочу видѣть...

— Гдѣ? Что?

Они выбѣжали въ паркъ, какъ разъ въ то мгновеніе, когда приставъ садился въ экипажъ.

— Хрисанфъ Ивановичъ!—попросила Калерія,—ради Бога, возьмете насъ!

Приставъ молча помогъ ей вскочить въ экипажъ и они покотились.

Ръ нижнемъ паркѣ по темнымъ аллеямъ уже мелькали огни. Когда Калерія и ея спутники добѣжали до вяза—тамъ была толпа народа съ фонарями и факелами. Никто не смѣлъ притронуться къ мертвецу. Не пріѣзжалъ и докторъ. Черный, толстый вязъ, освѣщенный снизу дрожащими огнями, казался еще чернѣе. На самый нижній сукъ былъ закинутъ бѣлый шнурокъ, не очень толстый, но крѣпкій. Онъ былъ даже связанъ вдвое, а на одномъ концѣ сдѣлана мертвая петля. Алексѣй просунулъ въ нее голову, стоя на скамейкѣ—и ему нужно было согнуть колѣни, чтобы повиснуть. Теперь, когда сукъ ослѣлъ подъ тяжестью застывающего тѣла, Алексѣй казался стоящимъ на колѣняхъ на скамейкѣ, и только приблизившись можно было видѣть, что ноги чуть-чуть не касаются дерева. Бѣлый китель свѣтлѣлъ мертвымъ пятномъ. Руки висѣли прямо. Лицо, поднятое кверху, казалось чернымъ—его трудно было разсмотрѣть.

— Да снимите-же его! крикнулъ кто-то.—Можетъ быть, онъ живъ.

Пріѣхалъ докторъ. Алексѣя сняли и положили на скамью. Члены еще сгибались свободно, но жизнь кончилась. Лицо, черное, опухшее, съ открытыми глазами, какъ отъ непомѣрнаго изумленія, имѣло отвратительное, не то насмѣшливое, не то просто веселое выраженіе. Между полуоткрытыми губами виднѣлся кончикъ языка.

Заплывшій, врѣзавшійся шнурокъ былъ снятъ. На шеѣ трупа такъ и осталось черное углубленіе.

Калерія, въ первую минуту отвернувшись, теперь смотрѣла жадно: ее невольно, непобѣдимо привлекало безобразіе этой смерти, тайна, облеченная въ столь уродливую форму. Калерія вся холодѣла, ей казалось—что она куда-то падаетъ—и все-таки она смотрѣла неотрывно на черное, веселое лицо Алексѣя.

Докторъ сдѣлалъ все, что могъ. Алексѣй былъ мертвъ. Въ толпѣ, плотно сдвинувшейся у тѣла, почувствовалось движеніе. Кто-то сказалъ шепотомъ:

— Мать!

И точно, высокая фигура женщины въ темномъ платьѣ прошла мимо людей, давшихъ ей дорогу, и остановилась у трупа.

— Не привели въ чувство? спросила она у доктора голосомъ яснымъ и громкимъ.

— Нѣтъ, сказалъ докторъ.—Все бесполезно. Скончался.

Она посмотрѣла внизъ, гдѣ лежало тѣло съ раскрытой грудью, съ глазами, попрежнему изумленными, безъ взгляда.

— Ушелъ... проговорила она, сдвинувъ брови. Лицо ея было даже не блѣдно, а бѣло, какъ мѣловое.—Ушелъ...

И повернувшись, раздвинула опять было сомкнувшуюся толпу и медленно и твердо удалилась въ темноту.

Все остались въ глубокомъ молчаніи.

3. Гипнѣусъ.

ВЪ ПАМЯТЬ ПРОШЛАГО.

Разсказъ Изы Доффосъ Гардей.

БАРБАРА Сорнъ сидѣла за столомъ, подперевъ голову рукой и смотрѣла на лежавшій передъ ней фотографическій портретъ. Онъ нечаянно попался ей въ руки, когда она вздумала въ пыльномъ ящикѣ своего стола прибирать письма, бумаги, счета. Когда эта карточка попала въ руки, она оставила работу и забыла все окружающее.

Человѣкъ, чей портретъ лежалъ передъ ней, когда то составлялъ для нее все. Теперь она забыла и думать объ Оливерѣ Десмондѣ; при воспоминаніи о немъ у нея только шемило сердце,—онъ оскорбилъ ея гордость, разбилъ ея любовь. Давно прошло то время, когда она только думала о немъ, когда его образъ и день и ночь стоялъ передъ ея глазами, но не смотря на это, она теперь съ болью отшатнулась отъ мучительныхъ картинъ прошлаго, которыя вдругъ встали передъ ней. Горькое воспоминаніе неотомщеннаго оскорбленія, разрушенной вѣрности, разбитой любви... Какъ могла она пережить все это? Любовь, мученіе, горе, которыя ей казались тогда вѣчными! Ничто не прерывало ея мыслей, она была одна, съ утра одна. Одинокой она себя никогда не чувствовала, не смотря на уединенность калифорнійскаго ранчо въ долинѣ среди Скалистыхъ горъ. Барбара постоянно была занята цѣлый день,—она жила у своего женатаго брата, въ его «Санель-Ранчъ» и вмѣстѣ съ невесткой исполняла всѣ домашнія работы;—въ этой мѣстности прислуга или помощники представляютъ расточительную роскошь. Въ этотъ день она осталась совершенно одна, ея братъ съ женой уѣхалъ на цѣлый сутки. Нервами она не страдала. Руки ея никогда не оставались безъ работы, даже и теперь, послѣ дневной усталости, она, въ видѣ отдыха, вздумала прибирать бумаги въ ящикѣ стола, когда ей попала въ карточка Десмонда. Рѣдко случалось Барбарѣ преда-

ваться своимъ воспоминаніямъ, которыя въ настоящее время потеряли свою острую горечь, но теперь она такъ задумалась, что забыла, что часъ тому назадъ смотрѣла на дорогу, въ ожиданіи посѣщенія одного человека, который рѣдко пропускалъ день, не навѣстивъ ее.

Въ открытое окно врывались солнечные лучи и золотили волосы Барбары. Въ дали, за густымъ, темнымъ, вѣчнозеленымъ лѣсомъ линіей, рѣзко обрисовывало на безоблачномъ небѣ контуры зубчатыхъ скалъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Видъ былъ очень красивъ, но глаза Барбары были устремлены на портретъ человека, котораго она когда-то любила. Возненавидѣла ли она его? Ненавидѣла ли его теперь? Погруженная въ свои мысли она не слыхала шаговъ, пока на порогѣ открытой двери не появился человекъ и заслонилъ свѣтъ.

Барбара вскочила и сдѣлала невольное движеніе съ цѣлью спрятать карточку; но какъ ни быстро и незамѣтно это ни произошло, глаза посетителя замѣтили все. Да и что могло скрыться отъ взгляда Роба Зеффрея, болѣе известнаго въ окрестностяхъ Райскаго Города подъ именемъ полковника Зеффа; «Райскій Городъ» называлось ближайшее поселеніе.

Полковникъ Зеффъ былъ большаго роста, крѣпко сложенъ, съ жесткими чертами, загорѣвшимъ лицомъ, черными сѣдѣющими волосами и бородой. По обычаю той мѣстности, на немъ были надѣты высокие сапоги, и широкое сомбреро отбѣняло его лобъ. Обыкновенно жесткое и серьезное выраженіе его лица дѣлалось ласковымъ, когда онъ смотрѣлъ на Барбару. Краснѣя, она быстро пошла ему на встрѣчу. Онъ, молча, вглядывался въ нее, будто въ ея лицѣ былъ магнитъ, притягивавшій его глаза и отъ котораго онъ не могъ оторваться, потомъ обнялъ ее и вѣжно поцѣловалъ. Барбара подчинялась ласкамъ съ вѣжною преданностью любящей женщины. Она не принадлежала къ числу тѣхъ, которыя не довѣряютъ всѣмъ мужчинамъ, потому что одинъ изъ нихъ обманулъ ихъ; которыя ненавидятъ всѣхъ мужчинъ, потому что одинъ изъ нихъ оказался обманщикомъ. Пришло время, котораго она никакъ не ожидала, что она, Барбара Сорнъ, оскорбленная, унижен-

ная, отданная на общее посмѣяніе,—она снова любила.

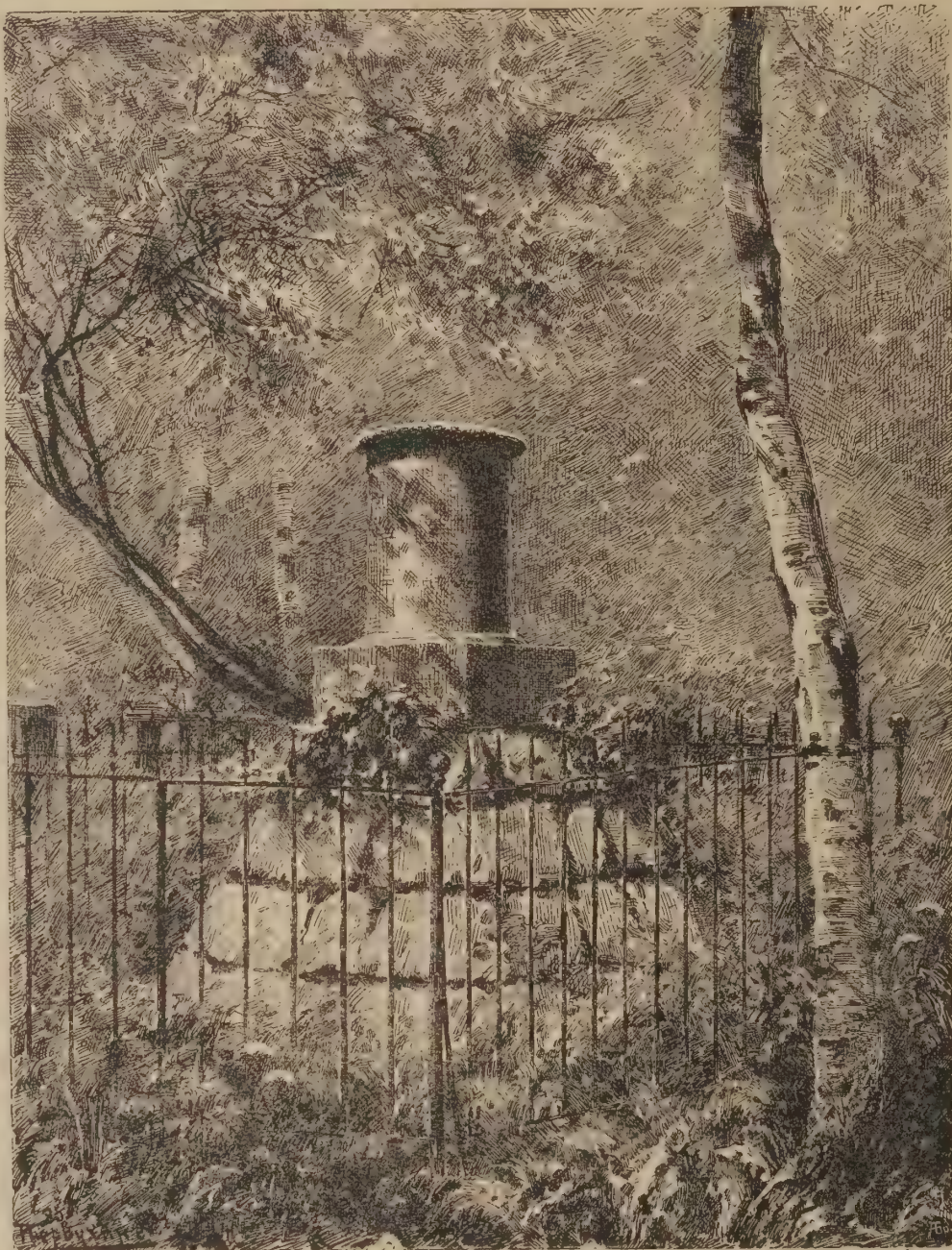
Преданность этого человека была бальзамомъ для ея раненаго сердца.

— Совсѣмъ одна, дорогая дѣвочка?—спросилъ онъ тихо.

— Да, Томъ и Гэтти съ утра уѣхали, отвѣчала она.

— Ты не чувствовала себя одинокою?

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Могила Н. А. Полевого (на Волковомъ кладбищѣ).

— О, нѣтъ, у меня довольно было дѣла за цѣлый день.

Полковникъ Зеффъ взглянулъ на столъ, на которомъ лежала карточка лицомъ вверхъ. — Кто это у тебя здѣсь?—спросилъ онъ беззаботно. Барбара сдѣлала было движеніе, будто хотѣла протянуть руку и взять карточку.

Полковникъ сначала равнодушно взглянулъ на фотографію, но вдругъ брови его грозно сжались. Онъ не похожъ былъ на человека, котораго можно безнаказанно оскорбить.

— Ты все еще о немъ думаешь?—спросилъ онъ, въ голосѣ его слышались гнѣвъ и горе.

— Я нашла портретъ случайно, разбирая въ ящикѣ старыя бумаги, — отвѣчала она, отвѣчая скорѣе на его мысли, чѣмъ на самыя слова.

— Ты смотрѣла на этотъ портретъ, будто... будто... для тебя въ немъ заключается весь міръ,—замѣтилъ онъ.

— Ты ошибаешься. Это только воспоминаніе и очень тяжелое воспоминаніе,—сказала она, голосъ ея слегка дрожалъ.

— Только воспоминаніе?—его глаза смотрѣли на нее пылливо и строго.

— Еслибы было больше, могла-ли бы я быть для тебя тѣмъ, что я есть? — возразила она, смотря ему прямо въ лицо.

— Что ты для меня? — спросилъ онъ. Сказанныя другимъ тономъ, эти слова, можетъ быть, показались-бы грубыми, но, не смотря на кажущуюся жесткость, въ нихъ не было и слѣда желанія оскорбить, обидѣть. — Ты знаешь, — продолжалъ онъ, — мы оба знаемъ, что ты для меня единственная женщина въ мірѣ, — но что-же дальше? Весь вопросъ въ томъ, любишь-ли ты меня?

— Больше всего на свѣтѣ.

— Больше... Онъ хмуро взглянулъ на портретъ.

— Безконечно больше, — рѣшительно отвѣчала она, ея неуклонная любовь къ истинѣ заставила ее прибавить, — теперь.

— Теперь? — переспросилъ онъ сердито, невольно удивляясь ей. — Барбара, ты слишкомъ честна, чтобы лгать... Онъ остановился, тяжело дыша, почти задышался.

— Чтобы отречься отъ прошедшаго? — переспросила она, когда полковникъ замолчалъ. — Да, отречься отъ него я не въ силахъ! Ты знаешь и всегда зналъ, Рикъ, что моего «вче-

ра» я тебѣ отдать не могу.

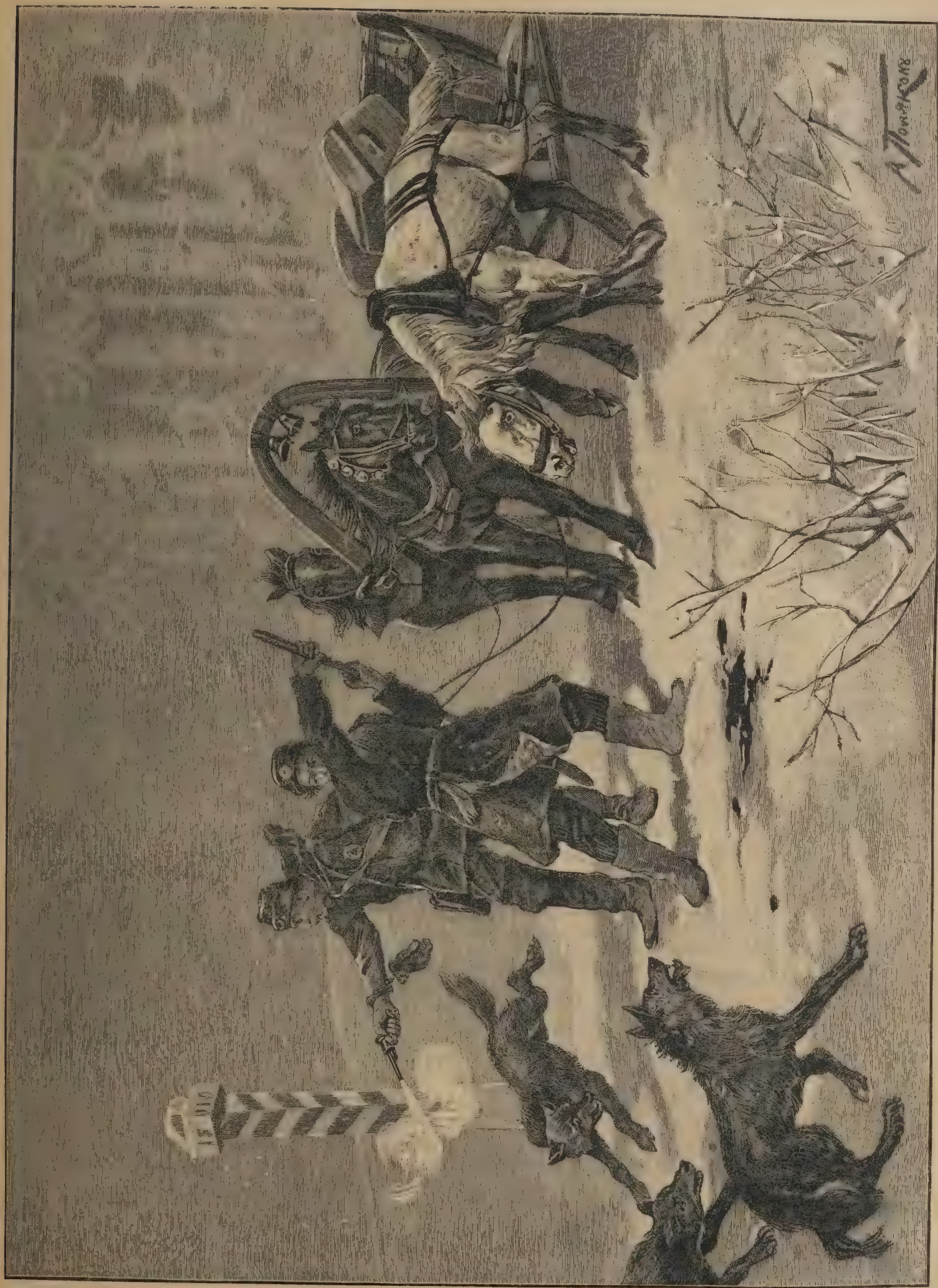
— Барбара, я ревную къ этому «вчера», — сказалъ онъ, помолчавъ.

— Зачѣмъ съ неудовольствіемъ думать о «вчера», когда каждое «сегодня» принадлежитъ тебѣ?

Его глаза засвѣтились яркимъ, вѣрнымъ блескомъ.

— Всѣ, всѣ слѣдующіе дни? И никого, кто бы захотѣлъ дѣлиться со мной, ограбить меня? Все будущее мое? — Онъ захватилъ обѣими руками ея вѣжное лицо и приподнялъ его. — Барбара, — сказалъ онъ, — знаешь-ли ты, что плохо придется тому мужчине, который захочетъ стать между тобой и мной.

— Этого никто не сдѣлаетъ! — отвѣчала она съ серьезнымъ убѣжденіемъ.

Нападение волковъ. Съ картины художника А. Полянова.

Полковникъ Зеффе крѣпко ее обнялъ.
— Такъ-ли это? Дорогая моя Барбара,— шепталъ онъ, лаская ее.

— Ты никогда не долженъ ревновать къ прошлому, дорогой Рикъ,—повторила она.
— Прости меня, если я тебя обидѣлъ, я не долженъ былъ такъ говорить съ тобой.

— Да, мнѣ было больно. Оставь покойниковъ въ ихъ могилѣ.

— Я ихъ больше, конечно, не побеспокою, только уберу это,—сказалъ онъ, отодвигая портретъ въ сторону.—Онъ очень на него похожъ и мнѣ непріятно видѣть его близко подлѣ тебя.

Полковникъ Зеффе зналъ Оливера Десмонда, по крайней мѣрѣ, въ лицо и слышалъ,—кто этого не слышалъ?—исторію Барбары Сорнъ: какъ парадная невеста прѣехала въ церковь, окруженная всѣми родными и знакомыми, а женихъ не явился... Еще и теперь, когда Барбарѣ случалось вспоминать этотъ день, холодъ пробѣгалъ по ея жиламъ. Только съ тѣхъ поръ, какъ она узнала привязанность Рика Зеффе, она рѣже стала думать о томъ, первомъ. Рана затихивалась.

Въ первую минуту тогда она рѣшила, что только смерть могла быть причиной его исчезновенія. Позднѣе она узнала, какъ и весь свѣтъ узналъ,—что онъ покинулъ ее для другой. Одно только извѣщеніе могло быть нанесенному ей оскорбленію, что его увлекла не новая любовь, но внезапно вспыхнувшая старая страсть. Позднѣе распространившіеся слухи о дальнѣйшей жизни Оливера Десмонда были ужасны,—говорили, что онъ кутилъ, игралъ, переходилъ отъ сквернаго къ худшему,—полнѣйшее раззореніе. Прошли годы, слухи о немъ замолкли, и онъ былъ забытъ даже своими прежними знакомыми.

Помирившись, Зеффе и Барбара провели пріятный часъ; солнце стало садиться за темный лѣсъ, когда полковникъ ушелъ, его ждалъ пріятель въ Райскомъ Городѣ. Очень неохотно онъ разставался съ Барбарой и ей стоило сказать слово, и онъ бы остался.

Уже надвигались вечернія сумерки, когда сама Барбара, проводивъ своего возлюбленнаго, вернулась въ кухню и занялась хозяйствомъ. Въ кухнѣ было уже совсѣмъ темно, и Барбара отворила наружную дверь, чтобы воспользоваться послѣднимъ меркнущимъ свѣтомъ, подобрѣла на очагъ нѣсколько поленьевъ, принесла лампу и хотѣла приготовить себѣ чай. Вдругъ у дверей послышались шаги,—не твердые, рѣшительные шаги ея обычнаго посѣтителя, но поспѣшные, неуверенные, неловко вызывающіе мысль о путешественникѣ въ бродягахъ. Для путешественниковъ время было позднее, и какъ ни мужественна была Барбара, все же она съ нѣкоторымъ страхомъ пыталась рассмотреть чужестранца. Она едва успѣла замѣтить видимо измученнаго, усталаго, худого, опустившагося челоука, какъ онъ заговорилъ, снимая шапку движеніемъ челоука, привычнаго къ лучшему обществу.

— Простите, будьте добры, дайте мнѣ глотокъ воды, кусокъ хлѣба и позвольте часокъ отдохнуть.

При этомъ голосѣ Барбара вздрогнула: онъ звучалъ въ ея ушахъ эхомъ прошлаго. И даже въ темнотѣ очеркъ лица и фигуры казался ей знакомымъ.

— Кто... кто вы такой?—проговорила она. Теперь пришла его очередь вздрогнуть; онъ вопросительно вглядывался въ блѣдное лицо, бывшее въ темнотѣ. Она его узнала и не могла вѣрить своимъ глазамъ, своимъ ушамъ,—это невозможно, чтобы этотъ грубый, опустившійся малый, въ лохмотьяхъ, съ темными пятнами на рукавахъ былъ дѣйствительно красивый, нѣжный любовникъ ея юности, тотъ, жаждавшій свободы женихъ, который покинулъ ее у алтара.

— Оливеръ!—проговорила она тихонько и дрожа.

Онъ ее тоже узналъ при послѣднемъ свѣтѣ умирающаго дня.

— Барбара!—вскричалъ онъ; онъ тяжело дышалъ и стоялъ, будто пришибленный громомъ.—Это ты? Неужели это ты, Барбара?

— Развѣ я такъ измѣнилась?—спросила она, въ ея голосѣ слышалась горечь.

— Я... Я не зналъ, въ темнотѣ...—заикался онъ.—Еслибъ я... еслибъ я зналъ...—Онъ казался еще больше взволнованнымъ, чѣмъ она. Она стояла, какъ оглушенная, и молча смо-

трѣла на него.—Я не хочу павязываться тебѣ, Барбара,—сказалъ онъ тихо и неувереннымъ голосомъ.—Я не зналъ, что ты здѣсь живешь. Къ тебѣ я не долженъ былъ приходить.

— Оливеръ!—вскричала она, когда онъ повернулся, чтобы уходить.—Подожди! Ты просилъ крова и кусокъ хлѣба?

— У тебя я ничего не долженъ просить,—сказалъ онъ съ болью.

— Войди,—рѣшительно сказала она, почти повелительно заставляя его войти.

— Ты усталъ?—спросила она, замѣтивъ его шлепающую походку.—Садись, я сейчасъ зажгу огонь.—Она взяла свѣчки и зажгла лампу, при свѣтѣ которой она узнала, что пятна на рукавахъ были пятна крови.—Что случилось? Съ тобой случилось какое-нибудь несчастье?—спросила она, смотря на него испытующе, но не праждебно.

— Только царапина,—отвѣчалъ онъ механически, будто думая о другомъ.— Должно быть, когда пролѣзалъ подъ кустами.—Онъ не сѣлъ на стулъ, который она ему предложила, а оперся о доску стола и смотрѣлъ на ея ярко освѣщенное лицо. Она замѣтила, какъ онъ былъ блѣднѣе отъ усталости и голода и поспѣшно стала готовить ему поѣсть.

— Подожди, Барбара,—проговорилъ онъ.— Не дѣлай для меня ничего, не зная, для кого это дѣлаешь. Меня преслѣдуютъ проклятыя собаки Наблюдательнаго Комитета. Они повѣсятъ меня на первомъ деревѣ, если поймаютъ; моя жизнь въ твоихъ рукахъ. Я знаю, Барбара, что отъ тебя я не заслуживаю снисхожденія. Да и стоить-ли хлопотать о спасеніи,—прибавилъ онъ холоднымъ тономъ, въ которомъ звучала горечь.

Барбара поблѣднѣла.—Что ты сдѣлалъ?—спросила она.

— О, я никого не убилъ. Лучше было-бы, еслибъ я это сдѣлалъ. Убить челоука дозволяется, но увести лошадь,—за это грозитъ висѣлина.

— Расскажи мнѣ все, Оливеръ,—сказала она, не теряя самообладанія.

— Рассказывать нечего,—отвѣчалъ тотъ,— у меня не было ни гроша, и я подрядился у одного фермера въ Пайнъ-Валлей. Въ одинъ прекрасный день мы поссорились, онъ не хотѣлъ заплатить мнѣ заработаннаго мною,—я вывелъ изъ конюшни лошадь и укакалъ на ней.

— Это безуміе, Оливеръ,—замѣтила Барбара. Она хорошо знала, что въ той мѣстности копокраду не было пощады.

— Лошадь не стоила дороже заработаннаго мною,—продолжалъ онъ.—Меня предупредили, что меня преслѣдуютъ, я надѣялся, однако, укакать отъ нихъ. Но они похали на перерѣзъ и послали мнѣ пулю въ догонку, я отвѣтилъ тѣмъ-же и, кажется, ранилъ предводителя. Пока они его поднимали, я снова былъ впереди, но прежде чѣмъ я успѣлъ уйти отъ нихъ, они убили подо мной лошадь. Я удачно соскочилъ въ кустарникъ и поползъ, какъ собака. Меня покидали силы, когда я увидѣлъ этотъ домъ.

— Что дѣлать?—спросила она, ища выхода изъ этого положенія.—Однако, прежде всего тебѣ нужно поѣсть. Затѣмъ, мы обдумаемъ, какъ лучше поступить.

Она поставила на столъ хлѣбъ, мясо, молоко, и Десмондъ жадно принялся угощать голодь.

— Лошадь моего брата стоитъ въ конюшнѣ,—сказала Барбара задумчиво.—Она бѣгаетъ хорошо и можетъ тебя спасти; только бы узнать, съ которой стороны они подѣдутъ. Съ братомъ объясниться будетъ уже мое дѣло.

— Ты не должна ничѣмъ рисковать для меня, Барбара,—возразилъ онъ.—Я вижу, ты осталась такая-же, какъ и была—солъ земли! Я заслужилъ, чтобы ты предала меня моимъ врагамъ, но... ты этого не хочешь?

— Нѣтъ,—медленно отвѣчала она.—Этого я не сдѣлаю.

Онъ наклонился и смотрѣлъ на нее.

— Ты была всегда слишкомъ добра для меня, Барбара. Неужели ты меня простила?

— Это не идетъ къ дѣлу,—холодно отвѣчала она.—Достаточно, если я помогу тебѣ спастись.—Она пристально посмотрѣла на него. Она не узнавала полуубога своей юности. Какъ онъ огрубѣлъ, опустился. Она видѣла, что онъ вспыхнулъ при ея словахъ.

— Горящіе уголья,—сказалъ онъ, будто

шута, но съ болью въ сердцѣ,—если это тебѣ можетъ доставить удовольствіе, да, они жгутъ.

— Съ которой стороны могутъ они притти?—спросила она, будто не слыша его.

— Должно быть, они окружили лѣсъ; а можетъ быть, заняли и другую дорогу.

— По какой-бы ты дорогѣ ни поѣхалъ, ты легко можешь, слѣдовательно, попасться имъ въ руки. И если они найдутъ тебя опять на чужой лошади, это только ухудшитъ дѣло, они не повѣрятъ, что тебѣ ее одолжили.

— Они не станутъ терять времени на допросы,—сухо замѣтилъ онъ.—Можетъ быть, можно гдѣ-нибудь спрятаться, пока погоня не прекратится. Ты съ кѣмъ здѣсь, Барбара?

— Сегодня одна. Мой братъ съ женой уѣхалъ до утра.

— Ты одна?—въ голосѣ его звучало нѣжная почтительность.—Прости меня. Не безпокойся обо мнѣ; я съѣмъ и отдохну и могу продолжать путь.

Они еще обсуждали, въ которую сторону ему лучше всего направиться, какъ въ дали послышался шумъ.

— Что это?—спросилъ Десмондъ; у него захватило дыханіе.

— Изъ верхнихъ оконъ можно видѣть дорогу,—вскричала она, быстро вскакивая и поспѣшно запирая наружную дверь. Со второго этажа можно было прекрасно рассмотреть освѣщенную луной дорогу, а вдали какую-то темную движущуюся массу,—группу всадниковъ, которые направлялись къ Санель Ранчу.

— Это они,—прошепталъ Десмондъ, онъ какъ-то вдругъ успокоился, когда опасность была такъ близко.—Они направляются сюда, а вотъ передъ домомъ и дерево къ ихъ услугамъ.—Барбара въ отчаяніи ломала руки.

— Вѣжать поздно!—вскричала она.—Мы не успѣемъ осѣлать лошади, какъ они здѣсь будутъ. Нужно куда-нибудь спрятаться.

— Если съ ними собаки, я погибъ.—Барбара бросилась къ одной, другой двери, нигдѣ ни одного угла, гдѣ можно было бы укрыться, что она и безъ того знала. Ни потайныхъ шкафовъ, ни подвижныхъ стѣнъ, ни темнаго угла, ни опускной двери. Въ дворовыхъ постройкахъ,—тамъ они прежде всего будутъ искать. Во второмъ этажѣ было только три комнаты, комната Барбары, ея брата съ женой и комната для прѣзжихъ. Вездѣ стояла самая простая и необходимая мебель. Только въ комнатѣ Барбары находилась единственная роскошь,—платяной шкафъ и въ него она поспѣшно спрянула Десмонда.

Барбара едва имѣла время спуститься въ кухню и убѣдиться, что не осталась никакихъ слѣдовъ присутствія бѣглеца, какъ послышался топотъ лошадей и въ дверь застучали. Барбара слышала, что домъ со всѣхъ сторонъ окружили. На стукъ, она отворила дверь и съ огнемъ въ рукахъ стояла, веселая, спокойная. Собравшіеся мужчины были нѣсколько сконфужены появленіемъ дамы.

— Простите,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—мы хотѣли бы знать, нѣтъ-ли въ домѣ кого-нибудь, кромѣ членовъ вашей семьи?

— Никого,—отвѣчала она.

— Было здѣсь кто-нибудь чужой?

— Нѣтъ.

— Мнѣсь Сорнъ,—сказалъ одинъ изъ группы, выступая впередъ, они были нѣсколько знакомы.—Мы бы желали видѣть вашего брата.

— Моего брата нѣтъ дома. Въ данную минуту я одна представляю всю семью. Полагаю, что вы пришли по дѣлу, господа?

— Да, по дѣлу, но мы не станемъ васъ беспокоить, какъ только убѣдимся, что лица, котораго мы ищемъ, здѣсь нѣтъ. Мы приказали обыскать надворныя постройки и съ вашего позволенія осмотримъ домъ. Въ верхнее окно очень легко влѣзть безъ вашего вѣдома.

— Сомнѣваюсь,—замѣтила Барбара.

— Мы имѣемъ основаніе полагать, что челоука, котораго мы ищемъ, спрятался здѣсь.

— Надѣюсь, что нѣтъ. Но, сдѣлайте одолженіе ищите.—Барбара любезно повела этихъ господъ по всему нижнему этажу. Кухня была свѣтло освѣщена; на столѣ стоялъ хлѣбъ, чашка, тарелка; несомнѣнно, что Барбара готовилась ужинать, когда они ей помѣшали. Пока общество проходило по комнатамъ, послышался лошадиный топотъ и прѣзжавшіе вошли въ домъ; одинъ изъ нихъ былъ полковникъ Зеффе.

Его встрѣтили привѣтствіями. Онъ заботливо взглянулъ на Барбару, которая слегка поблѣднѣла отъ его пытливаго взгляда, но заставила себя смотрѣть на него ласково и спокойно.

— Найдены слѣды?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще. Мы обыскиваемъ домъ.

— Наверху?—спросилъ полковникъ Барбару, указывая на лѣстницу.

— Только три комнаты, наши спальни.

— Я замѣчу, что на верхъ очень легко забраться изъ сосѣдняго строенія,—сказалъ предводитель.—Позвольте осмотрѣть верхнія комнаты; вы тоже будете чувствовать себя безопаснѣе.

У Барбары упало сердце, но она видѣла, что возражать нельзя.—Пожайлуста,—сказала она, направляясь къ лѣстницѣ. Преслѣдователи, однако, изъ уваженія къ дамѣ, рѣшили, что достаточно будетъ, если одинъ или двое изъ нихъ осмотрятъ верхнія комнаты. Барбара вся застыла отъ ужаса, но по наружности сохраняла спокойствіе; можетъ быть, они не замѣтятъ дверей шкафа, думала она, хватаясь за соломѣнку. Она боялась только, что Оливеръ выпрыгнетъ въ окно, услышавъ шаги. Но раздумывать было некогда, еще нѣсколько минутъ, и судьба Оливера рѣшится. Первою она показала спальню своего брата.

— Позволь,—сказалъ полковникъ, и взялъ у нея изъ рукъ свѣчку. Онъ вошелъ въ комнату и высоко поднялъ огонь. Его орлиный взглядъ быстро оглядѣлъ все, измѣрилъ всѣ углы; онъ хорошо видѣлъ что спрятаться негдѣ. Его спутникъ почтительно остановился на порогѣ: онъ считалъ достаточнымъ, не желая оскорбить деликатность женщины, если только одинъ изъ нихъ войдетъ въ комнату. Затѣмъ они прошли въ комнату для гостей; опять вошелъ одинъ полковникъ и осмотрѣлъ комнату,—онъ считалъ это нужнымъ для безопасности своей избранной. Теперь была очередь комнаты Барбары. Напряженное состояніе Барбары было мучительно. Полковникъ вошелъ вмѣстѣ съ Барбарой, которая не отходила отъ него; она готова была броситься между нимъ и шкафомъ, готова была умолять о милости; затѣмъ здѣсь только этотъ свидѣтель! Полковникъ оглядѣлся кругомъ; Барбара не дышала. Замѣтивъ шкафъ, онъ направился къ нему, но нечаянно взглянулъ на Барбару,—вдругъ выраженіе его лица измѣнилось, глаза вскинулись. Онъ взялся за ручку дверцы, губы Барбары пошевелились, но ни звука не вылетѣло изъ нихъ. Въ вихрь мыслей, кружившихся въ головѣ, промелькнула мысль, а что если у Десмонда есть оружіе и онъ убьетъ Рика, единственнаго дорогаго ей человѣка? Ей предстояло видѣть или того, или другого мертвымъ. Рикъ отворилъ дверцы, поднялъ свѣчку, осмотрѣлъ шкафъ, затѣмъ заперъ шкафъ снова и спокойно подошелъ къ товарищу, не взглянувъ на Барбару.

— Есть здѣсь чердакъ?—спросилъ онъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Нѣтъ, чердака не существуетъ,—Барбара не узнала своего голоса, произнося эти слова.

Убѣдившись въ этомъ они ушли. Барбара готова была упасть въ обморокъ и шла за ними только потѣму, что боялась остаться одна. Наблюдательный комитетъ не терялъ времени; убѣдившись, что бѣглеца нигдѣ нѣтъ, они собрались ѣхать дальше, и предводитель извинился въ произведенномъ безпокойствѣ.

— Я потомъ извинюсь,—сказалъ полковникъ, уходя со всѣми. Барбара замѣтила его мрачный взглядъ и почувствовала, что это «потомъ» будетъ скоро.

Не прошло часа, какъ въ дверь снова постучали.

— Я знала, что ты придешь,—сказала она, когда передъ ней обрисовалась крупная, могучая фигура полковника, который на нее сурово смотрѣлъ.

— Для этого ты меня хорошо знаешь!

Она заперла двери и пошла въ приемную, спокойно приглашая полковника. Онъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и невольнымъ восторгомъ, который скорѣе напоминалъ бѣшенство, чѣмъ любовь. Вмѣсто того чтобы подъ тяжестью стыда и позора ползать у его ногъ, эта женщина стояла передъ нимъ, какъ королева.

— Я не съ тобой пришелъ говорить,—сказалъ онъ, будто торопясь.—Я спасъ тебя отъ стыда и скандала. Но съ тобой мнѣ нечего разговаривать,—всѣ мои расчеты должны быть съ твоимъ любовникомъ. Гдѣ онъ?

— Постой,—сказала она, когда онъ направился къ двери.—Онъ не любовникъ мой.

— Ты хочешь сказать, что онъ тамъ спрятался помимо тебя.

— Нѣтъ, этого я не могу сказать.

— Ты не смѣешь, я видѣлъ твое лицо, прочелъ это въ твоихъ глазахъ, прежде чѣмъ отворилъ дверцы.

— Я смѣю сказать тебѣ правду, я знала это,—безстрашно встрѣчая его враждебный взглядъ, сказала она. Не смотря на свой гнѣвъ, который бывалъ ужасенъ, полковникъ былъ пораженъ мужествомъ этого нѣжнаго созданія.—Я не могла говорить съ тобой одинъ на одинъ,—продолжала она,—объяснила-бы...

— Я не желаю объясненій,—жестко возразилъ онъ,—я знаю довольно.

— Остановись,—вскричала она, гордо смотря на него,—этотъ человѣкъ, котораго я спасла, потому что они убили-бы его, они затѣмъ пришли...

— Какое тебѣ дѣло до его жизни и смерти?

— Этотъ человѣкъ принесъ мнѣ много горя. Ты это хорошо знаешь. Онъ убилъ мою любовь къ нему, а мертвая любовь не воскресаетъ. Но онъ оскорбилъ меня меньше, чѣмъ ты, говоря, что ты достаточно знаешь. Разъ ты сказалъ мнѣ, что любишь меня; ты научилъ меня любить тебя. Ты долженъ меня выслушать.—Она не просила, она страстно повѣла.

— Говори,—сказалъ онъ серьезно, но не съ тою горечью.

— Я хочу сказать только, что если ты меня любишь, ты долженъ мнѣ вѣрить. Женщина, которая закроетъ двери несчастному, преслѣдуемому бѣглецу, даже совсѣмъ посто- роннему, не заслуживаетъ любви и уваженія.

— Этотъ человѣкъ не посторонній.

— Онъ пришелъ ко мнѣ, какъ посторонній, не подозрѣвая, что я здѣсь живу. Неужели ты станешь отъ меня требовать, чтобы я стала теперь мстить за причиненное мнѣ зло тому нападъ зло? Я собачи не прогону, когда она меня о чемъ-нибудь проситъ. Онъ пришелъ, просилъ, чтобы его накормили и позволили отдохнуть. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ сдѣлалъ и что его преслѣдуютъ. Я слишкомъ давно здѣсь живу, чтобы не знать, что это значитъ. Я не хочу, чтобы въ моихъ глазахъ

беззаконно убили человѣка, который просилъ у меня убѣжища. Онъ преступникъ, онъ заслуживаетъ наказанія, но не такого, какимъ ему грозятъ.

— Они повѣсили-бы его тамъ на деревѣ, противъ твоихъ дверей? Такъ ему и слѣдовало.

— Я не думаю, чтобы онъ заслужилъ смерть,—твердо сказала Барбара,—чтобы его спасти, я рисковала болѣе, чѣмъ жизнью.—Голосъ ея дрожалъ.

— Ты исковала своимъ добрымъ именемъ...

— И еще большимъ,—тихо произнесла она.

— Большимъ?—Онъ вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Да, твоимъ довѣріемъ. Потеряла я его? Онъ помолчалъ минуту.—Барбара, когда человѣкъ любитъ, какъ я люблю, то это на всю жизнь.

Яркій лучъ загорѣлся въ ея ясныхъ глазахъ.—Я не потеряла твоей любви, Рикъ?

— Я люблю тебя по прежнему.

— А твое довѣріе? Одно безъ другого не имѣть никакой цѣны.

— Ты говоришь, Барбара, что моя любовь не имѣетъ никакой цѣны.

— Да, безъ твоего довѣрія. Вѣрь мнѣ, или брось меня.

— Я вѣрю тебѣ, дорогая моя,—сказалъ онъ, крѣпко держа ея руки.—Развѣ можно смотрѣть въ эти чистые глаза и сомнѣваться? Но, дорогая, ты была неосторожна. Ты поступила необдуманно, съ ангельской добротой женщины. Нашъ Наблюдательный Комитетъ, можетъ быть, жестокъ, но онъ необходимъ въ этой мѣстности. Ты подвергалась опасности и весьма возможно, что напрасно. Они поймутъ его.

— Нѣтъ, не поймутъ, если ты не выдашь.

— Выдать его, значить выдать тебя. Я буду молчать. Не ради него, а ради тебя. Но что съ нимъ дѣлать? Здѣсь онъ не можетъ оставаться.

— И не затѣмъ. Онъ можетъ взять лошадь моего брата, его пальто и шапку. И сегодня ночью, или завтра на разсвѣтѣ ѣхать.

— Но твой братъ? Что онъ скажетъ?

— Я не знаю. Да мнѣ все равно. Я взяла это дѣло на себя и хочу довести его до конца. Я знаю, что мой братъ и его жена могутъ быть жестоки; единственное, что они могутъ мнѣ сдѣлать, это выгнать изъ дому. И если это случится...

— Ты придешь въ мой домъ, какъ хозяйка, какъ моя дорогая жена...

На разсвѣтѣ Оливеръ Десмондъ низко преклонилъ голову передъ женщиной, которая столько рисковала для его спасенія, и почтительно поцѣловала ея руку, какъ руку святой. И полковникъ Зеффъ печально и молча стоялъ подлѣ. Онъ далъ слово и сдержалъ его.

— Ты лучшая изъ женщинъ,—сказалъ Оливеръ —забудь, что ты меня когда-нибудь знала. Я никогда не попадусь больше на твоёмъ пути, но никогда тебя не забуду.

Барбара вышла замужъ за полковника и очень счастливо; между ними не лежало никакой тѣни, даже Оливера Десмонда. Взаимное довѣріе ихъ полное. Много прошло времени послѣ той ночи, когда они узнали, что Десмондъ погибъ. Онъ сдержалъ слово и никогда не становился на пути Барбары.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МОРЯКА.

Романъ Луи Бене (продолженіе).

НИЧЕГО, сударь, благодарю васъ. Я не могу жаловаться,—сказала молодая дѣвушка; но вдругъ ея глаза вспыхнули, губы задрожали и она умоляюще сложила руки. Она была одѣта въ простое шерстяное платье и на голову накинута платокъ, какъ у всѣхъ женщинъ арестантокъ. Не смотря на всю бѣдность и невзрачность наряда, ея замѣчательная красота выдавалась, какъ яркая звѣзда на темномъ небѣ, рассказывавъ въ послѣдствіи лейтенантъ Ферфаксъ. Глаза ея сверкали точно такъ же, какъ въ старое время въ Солькомбѣ,

когда она завладѣла нашими сердцами. Перенесенное ею горе мало ее измѣнило.

Минуты двѣ она молчала, потомъ вдругъ заговорила страстно, положивъ свою руку на его.

— Чарльзъ Ферфаксъ, когда-то вы любили меня, говорили, что я создана быть госпожей; когда вы нашли, что я не годюсь для игрушки, которую повгнали и потомъ бросили, вы готовы были унизиться и разбить сердце вашего отца, женивъ на мнѣ. На столько ли правдивы были тогда ваши слова, чтобы

вы согласились помочь мнѣ теперь? Господу извѣстно, что вы можете мнѣ много помочь.

— Мэри,—заговорилъ онъ, но она положила ихъ на руку обѣ свои руки и, сбросивъ съ головы платокъ, смотрѣла на него выраженіемъ глубокаго страданія на лицѣ.

— Простить меня, мистеръ Ферфаксъ. Я больше ничего, какъ бѣдная слабая женщина, которая не должна была напоминать вамъ слова, которыя она сама давно забыла. Но я умоляю васъ, какъ честнаго человѣка и офицера, исполнить мою просьбу. Вы первый

мужчина, котораго я прошу о милости. Окажите ее мнѣ, и можетъ быть, Господь пошлетъ мнѣ возможность выказать вамъ мою благодарность. Чарльзъ, небожь заклинаю васъ, не откажите мнѣ, или я съ ума сойду отъ не-

— Да,—отвѣчала дѣвушка.—Я люблю его такою любовью, о которой вы, господа, и понятія не имѣете. Но вѣдь только моя разумная воля спасла васъ отъ меня и за это вы должны быть мнѣ благодарны,—и она гордо отступила отъ него.

это поговорить съ этимъ дуракомъ, или старшимъ тюремщикомъ, или кто тамъ ваше начальство, и попросить ихъ помѣстить меня на одинъ корабль съ моимъ Уиллемъ.

— Что изъ этого выйдетъ хорошаго Мэри?

Вселячакъ. Съ картины художника Р. Эппль.

пзвѣстности.—Она дрожала съ головы до ногъ, какъ въ лихорадкѣ и, еслибъ не держалась за его руку, непременно упала бы.

Лейтенантъ сильно смутился и не зналъ, что ей сказать.

— Мэри,—выговорилъ онъ наконецъ,—дѣйствительно, ваша красота тогда свела меня съ ума. Но вѣдь вы меня въ дѣйствительности знать не хотѣли. Вы любили и любите Брайента.

— Скажите, Мэри, что вы желаете. Я имѣю достаточно значенія, чтобы сдѣлать для васъ все, что только не противно исполненію моихъ обязанностей; но вѣдь это было ваше собственное желаніе ѣхать съ...

— О, небо!—глаза ея вспыхнули и голосъ ея сдѣлался жесткимъ.—Къ чему эти проповѣди? Неужели вы думаете, что я хочу идти на попятный дворъ? Все, о чемъ я прошу васъ,

Здѣсь мы останемся день или два, и затѣмъ не увидимъ земли до самаго поселенія, такъ что если вы надѣетесь бѣжать...

— Бѣжать! Ничего подобнаго пѣтъ у меня въ мысли. Неужели вы не видите, что я, вытерпѣвъ столько, чтобы имѣть возможность сказать съ Уиллемъ слово, изываю въ ожиданіи, и сознаніе, что я буду на одномъ кораблѣ съ нимъ, поможетъ мнѣ терпѣливо

ждать возможности заговорить съ нимъ.—Рыданіе прервало ея голосъ.

— Хорошо, я постараюсь сдѣлать все, что могу, но я даже не знаю, на которомъ транспортѣ находится Брайентъ.

Фэрфаксъ,—отвѣчала она, улыбаясь,—доброй надежда со мной.

Лейтенантъ отошелъ, а докторъ сказалъ дѣвушкѣ, чтобы она вела себя хорошо, что онъ сдѣлаетъ ей всѣ облегченія, какія въ его власти.

мистеръ Фэрфаксъ попроситъ коммодора и тотъ разрѣшитъ.

XI.

Прибытіе на мѣсто назначенія.

Въ тотъ самый день, когда лейтенантъ встрѣ-

Насѣдка. Съ картины художника Ф. Шлезингера.

— И я не знаю. Мистеръ Фэрфаксъ, ради тѣхъ прошлыхъ дней, которые никогда не вернутся, умоляю васъ исполнить мою просьбу!—Одна только слеза упала на его руку.

— Я постараюсь, Мэри,—желая ободрить ее, онъ спросилъ ее съ улыбкою,—подаю вы знаете, какъ называется мѣсто, гдѣ мы теперь находимся?

— Да благословитъ васъ Богъ, мистеръ

Мэри отвѣчала покорно и ушла со своими спутницами.

Лейтенантъ разсказалъ ея исторію, и тутъ только узналъ, что Брайента только наканунѣ перевезли съ этого транспорта на другой, на мѣсто одного плотника, который отправлялся съ коммодоромъ. Офицеры этого транспорта заявили, что они ничего не имѣютъ противъ возвращенія Брайента къ нимъ, если только

тился съ Мэри Бродъ, капитанъ Филиппъ обѣдалъ въ каютъ-компаніи съ офицерами, которые не были въ это время заняты службой. На другой день было назначено отплытіе.

Послѣ обѣда, за стаканомъ вина онъ высказалъ нѣкоторыя свои намѣренія по прибытіи въ Ботани-Бэй, куда онъ надѣялся прибыть раньше остальныхъ транспортныхъ. Я прислуживалъ за столомъ и мое сердце силь-

но забилося, когда я услышалъ слѣдующія слова:

— Первое, что я сдѣлаю, когда мы высадимся на берегъ, я перевѣчаю нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ женщинъ съ лучшими изъ мужчинъ. Нужно развѣивать между ними понятія о нравственности, и я намѣренъ соединить какъ можно больше паръ. У насъ не будетъ столько свободныхъ дѣвушекъ или вдовъ, сколько свободныхъ мужчинъ, мы постараемся пополнить недостатокъ мѣстными жителями.

Нашъ капелланъ, мистеръ Джонсонъ, былъ методистъ, и я увѣренъ, что это онъ подалъ эту мысль коммодору.

— Какъ-же вы хотите назначать эти драгоценныя парочки?—спросилъ капитанъ Гентеръ.

— Полагаю, что самое лучшее будетъ по жребію,—сказалъ коммодоръ.

— Чертовски прекрасная мысль!—выразился майоръ Россъ; я готовъ былъ побить его за эти слова.

— Позвольте мнѣ выбрать по физическимъ достоинствамъ и недостаткамъ,—сказалъ нашъ старшій докторъ.

— Прекрасная идея, докторъ,—замѣтилъ капитанъ Филиппъ, чокаясь съ нимъ.

— Я думаю, лучше будетъ предоставить это дѣло мнѣ,—серьезно сказалъ пасторъ Джонсонъ.—Если необходимо соединять эти несчастныя созданія въ пары подобно кошкамъ, позвольте мнѣ, которому придется произвести благословеніе, поискать у нихъ нравственную сторону и постараться сдѣлать хотя бы изъ нѣкоторыхъ изъ нихъ хорошихъ гражданъ.

Офицеры засмѣялись потихоньку, никто не любилъ этого пастора, но коммодоръ сказалъ:

— Нашъ капелланъ правъ, господа. Мы образуемъ выборную комиссію, въ составъ которой войдутъ мистеръ Джонсонъ, докторъ и я самъ. Можетъ быть, намъ удастся приготовить изъ очень сквернаго матеріала хорошихъ подданныхъ нашему королю.

Дальнѣйшихъ разсужденій объ этомъ предметѣ мы не слыхали, потому что насъ всѣхъ прислуживавшихъ за столомъ, отпустили. Я рѣшилъ разсказать все лейтенанту Ферфаксу, какъ только онъ вернется на корабль, въ надеждѣ, что ему, можетъ быть, удастся устроить такъ, что эти предполагаемые браки послужатъ на пользу парочкѣ, которой мы оба съ нимъ интересовались. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, я разсказалъ ему все, хотя не зналъ, какъ онъ посмотритъ на такую мою смѣлость.

— Это очень странно, Дью,—сказалъ онъ.— Я долженъ видѣть коммодора, что-бы тамъ ни вышло.

И онъ разсказалъ мнѣ, что произошло на транспортѣ, конечно, безъ подробностей, которыя я узналъ много лѣтъ спустя.

— Я общалъ попросить коммодора исполнить желаніе Мэри,—продолжалъ лейтенантъ. Онъ не спрашивалъ моего мнѣнія, и я ничего не смѣлъ сказать, но думалъ, что ничего хорошаго не выйдетъ изъ этого.

Послѣ обѣда мистеръ Ферфаксъ отправился на «Сепилей». Капитанъ Филиппъ согласился его принять, и онъ разсказалъ ему всю исторію и свою просьбу. Вернувшись, лейтенантъ сказалъ мнѣ:—Коммодоръ отказался помѣстить обоихъ на одинъ транспортъ, но обѣщавъ, что они будутъ изъ первыхъ паръ, которыхъ обвѣчаютъ по прибытіи въ Ботани-Бей. Не будемъ больше говорить объ этомъ.

Лейтенантъ, видимо, былъ огорченъ и обижень отказомъ коммодора.

На другой день весь флотъ вышелъ въ море, и Сепилей съ своимъ конвоемъ ушелъ впереди. Все время стояла северная погода и на одномъ изъ транспортовъ даже человекъ упалъ съ мачты въ море. 2-го января мы, наконецъ, увидели давно желанный берегъ, это былъ Южный Мысъ, который впоследствии оказался островомъ и былъ названъ Ванъ-Дименовой землей.

XII.

Ботани Бэй.

Прежде чѣмъ нашему флоту со всѣмъ его живымъ грузомъ удалось бросить якорь у дикихъ береговъ Ботани-Бэя, ему пришлось много потерпѣть отъ бурь и непогодъ.

Съ тѣхъ поръ это поселеніе, первая сѣмена котораго были посеяны среди слезъ, вздоховъ и криковъ несчастныхъ преступниковъ; среди свиста ужасныхъ «кошекъ» и звона цѣпей на измученныхъ членахъ, сдѣлалось свободной и цвѣтущей колоніей, и ужасное прошлое давно уже забыто. Хотя меня возмущали ужасныя наказанія, выпадавшія на долю несчастныхъ, пробовавшихъ въ новой землѣ приниматься за прежнее ремесло, и хотя многіе изъ высшаго начальства были жестоки и безсердечны, но все же я думаю, что мои старшіе были хорошіе и совѣстливые люди, добросовѣстно исполнявшіе свою обязанность, и я считаю большою честью, что мнѣ пришлось служить подъ ихъ начальствомъ.

Сепилей прибылъ только двумя двумя, тремя раньше насъ, и коммодоръ немедленно принялся осматривать берегъ, отыскивая мѣсто для поселенія. Но берегъ, къ которому они пристали, былъ болотистый и открытый. Во время этихъ поисковъ имъ попалось на встрѣчу нѣсколько человекъ мѣстныхъ жителей,—они были совершенно голы и не выказывали никакихъ воинственныхъ наклонностей, покорно кланялись и скоро подружились съ нашими людьми. Но они были трусливы только относительно насъ, другъ съ другомъ дрались превосходно и не выказывали недостатка въ храбрости. Скоро послѣ нашей высадки въ Портѣ-Джэксонѣ капитанъ Филиппъ,—губернаторъ—былъ свидѣтелемъ подобнаго сраженія между ними.

Капитану Филиппу мѣсто высадки очень не понравилось, онъ рѣшилъ осмотрѣть берега далѣе къ сѣверу и отправился туда на нѣсколькихъ катерахъ, поручивъ двумъ офицерамъ отыскивать прѣсную воду на выбранномъ прежде для поселенія мѣстѣ,—отсутствіе хорошей воды составляло главный его недостатокъ. Часть арестантовъ должны были расчищать мѣсто для построекъ, въ случаѣ, если будетъ рѣшено здѣсь остаться, чтобы начало было бы уже положено. Но черезъ нѣсколько дней коммодоръ вернулся и поселеніе было перенесено на девять миль сѣвернѣе въ Портѣ-Джэксонъ, гдѣ на другой день былъ водруженъ флагъ, земля занята подъ власть англійскаго короля и офицеры шли его здровье.

Въ тотъ же день весь флотъ бросилъ якорь въ гавани. Гавань окружена возвышенностями и представляетъ вполне удобную безопасную стоянку.

Небольшая рѣчка, чрезвычайно прозрачная, вытекаетъ изъ горъ; вообще мѣстность лѣсистая и чрезвычайно красивая. Небольшія скалы на берегу не портятъ ее. На слѣдующій день наши люди и арестанты были высажены на берегъ и расположены лагеремъ на одномъ берегу рѣчки, а на другомъ берегу расположились офицеры и губернаторъ.

Въ то время какъ мы уходили изъ Ботани-Бэя, туда пришли два французскихъ корабля подъ командой капитана Ла-Перуза. Цѣль ихъ путешествія была открытіе новыхъ странъ, но вообще путешествіе ихъ было очень несчастливо: на островахъ, которые они посѣтили, дикари убили у нихъ нѣсколько офицеровъ.

Мы размѣнялись визитами и письмами. Но нашимъ письмамъ не удалось попасть домой. Скоро послѣ того какъ Ла-Перузъ покинулъ Ботани-Бэй, онъ погибъ со всѣмъ своимъ экипажемъ у береговъ острова Ваникоро.

XIII.

Я принимаю участіе въ очень важной церемоніи.

Я былъ назначенъ въ караулъ къ губернатору, въ его помѣщеніе въ бухтѣ Сиднея, какъ ее впоследствии называли, въ честь лорда Сиднея, — первоначальное намѣреніе было назвать ее Альбіономъ. День и ночь въ теченіе недѣли я долженъ былъ безотлучно проводить, если не стоялъ на часахъ, въ караульной палаткѣ, гдѣ находились знамена отряда. Кромѣ знаменъ тутъ же хранились ящики съ важными бумагами, деньгами и тому подобнымъ; въ случаѣ возстанія туземцевъ или бунта между арестантами эта палатка должна была служить намъ пунктомъ сбора.

Въ первые дни высадки я не видалъ и ничего не слыхалъ объ Уиллѣ и Мэри. На берегу, по другую сторону бухты, находилась только часть арестантовъ, они рубили деревья и разбивали палатки для помѣщенія всего экипажа, и первую недѣлю женщинъ еще не было на берегу. Но скотъ и всѣ принадлежности сельскаго хозяйства были уже выгружены по эту сторону бухты,—гдѣ помѣщался губернаторъ. Черезъ нѣсколько дней высадили пять женщинъ и отправили ихъ на островъ Норфолкъ, куда на Сепилей пошелъ лейтенантъ Кингъ. Наконецъ, на слѣдующій день высадили всѣхъ остальныхъ и размѣстили по палаткамъ. Послѣ переклички оказалось, что за время плаванія у насъ умерло только сорокъ восемь человекъ.

Въ ночь послѣ общей высадки поднялась ужасная буря съ ливнемъ и такой грозой, какая мнѣ и во снѣ не спилась. Нашего скота много погибло, а у майора Росса погибло пять овецъ, чему въ глубинѣ души я былъ очень радъ. Мнѣ былъ порученъ уходъ за ними и отыскиваніе ихъ, когда онѣ разбѣгались, я очень боялся встрѣчь съ туземцами. Въ эту ночь моимъ товарищамъ, которые занимали караулы у арестантовъ, пришлось очень тяжело, имъ пришлось быть свидѣтелями самыхъ ужасныхъ сценъ; меня морозъ пробралъ по кожѣ, когда, слушая разсказы о видѣнныхъ и испытанныхъ ужасахъ, я вспомнилъ Мэри...

На другое утро, къ десяти часамъ, всѣ были собраны на берегу, капитанъ Филиппъ хотѣлъ прочесть свои полномочія. Мы, морская пѣхота, были всѣ подъ ружьемъ съ распушенными знаменами и музыкой, и только у караульной палатки остался часовой. Арестанты помѣщались съ другой стороны. По серединѣ стоялъ походный столъ и на немъ лежали бумаги, которыя мистеръ Колленсъ—судья-адвокатъ—прочелъ громкимъ голосомъ. Въ этихъ бумагахъ заключалось назначеніе губернатора, судьи-адвоката, пастора и главнаго таможеннаго инспектора. Затѣмъ губернаторъ поблагодарилъ отрядъ за службу и приказалъ ссыльнымъ сѣсть, чтобы они могли обратить на его слова все свое вниманіе. Тутъ я первый разъ увидалъ Брайента и Мэри,—они сидѣли рядомъ, держали другъ друга за руку.

и, казалось, были совершенно равнодушны ко всему остальному. Молодая дѣвушка не могла наглядѣться на своего возлюбленнаго. Позднѣе я узналъ, что они встрѣтились первый разъ по отѣздѣ изъ Англіи. Мужчины и женщины были приведены на эту церемонію по разнымъ направленіямъ и теперь неожиданно узнавали старыхъ знакомыхъ. Странно сказать, но Мэри и Уилль весьма мало измѣнились за это время. Мэри казалась счастливой, — будто было чѣмъ гордиться, понавѣ въ такое положеніе. Когда ссыльные усѣлись, капитанъ Филиппъ обратился къ нимъ съ сѣдующими словами, на сколько я ихъ упоминалъ:

«Арестанты, я наблюдаю за вами во время переѣзда и теперь нѣкоторые работали на моихъ глазахъ, и, къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что вижу, что многіе изъ васъ не исправимы, и что только строгостью съ ними можно справляться. Помните», — здѣсь голосъ его сдѣлался жесткимъ, — «если сцены прошлой ночи повторятся, часовые получили приказаніе стрѣлять въ васъ. Ради васъ самихъ, умоляю васъ быть осторожными. Изъ шестисотъ человѣкъ васъ, едва двѣсти заявили желаніе работать. Я позабочусь, чтобы трудолюбивые не работали на лѣнливыхъ, — кто не работаетъ, тотъ не долженъ ѣсть. Конечно, трудъ, который выпадетъ здѣсь на вашу долю, не можетъ равняться съ тѣмъ трудомъ, который бы вы дѣлали дома, но каждый изъ васъ долженъ приложить всѣ старанія къ процвѣтанію общины. Мы начнемъ съ постройки удобныхъ жилищъ для офицеровъ и солдатъ отряда морской пѣхоты, а затѣмъ подходящихъ домовъ для васъ самихъ». — Затѣмъ губернаторъ напомнилъ, чѣмъ они провинились и наконецъ закончилъ сѣдующими словами: «Я предлагаю тѣмъ изъ васъ которые желаютъ начать новую жизнь и которые окажутся достойны, выбрать себѣ жену, съ которою они будутъ законнымъ образомъ обвѣнчаны».

Затѣмъ мы сдѣлали три выстрѣла, и отрядъ и арестанты вернулись въ свои помѣщенія.

XIV.

Уилль Брайентъ и Мэри Бродъ обвѣнчаны.

Однажды вечеромъ лейтенантъ Ферфаксъ пришелъ въ караульную палатку, гдѣ я былъ дежурнымъ, и сказалъ:

— Дю, я боюсь, что тебѣ больше нельзя оставаться у меня въ услуженіи. Губернаторъ желаетъ, чтобы мы брали прислугу изъ ссыльныхъ, а что красные мундиры нужны для несенія караульной службы. Я говорилъ съ губернаторомъ, — продолжалъ лейтенантъ, — Мэри Бродъ и Брайентъ будутъ обвѣнчаны въ сѣдующее воскресенье.

— Давно пора, сударь, — возразилъ я. — Могу я спросить, съ вашего позволенія, замѣтили-ли вы, какъ молодая дѣвушка держала себя въ прошлую среду?

— Да, я видѣлъ, но не замѣтилъ ничего дурного въ поведеніи Мэри. Она показала, какъ глубоко она привязана къ Брайенту. Что ты тутъ находишь дурнаго?

— Ничего дурного, сударь, если вы находите, что это было поведеніе скромной молодой дѣвушки, — сказалъ я нѣсколько сконфуженно.

— Вотъ что, Дю, мой малый, я боюсь, что ты чертовски добродѣтеленъ и легко возмущаешься при видѣ глубокой сердечной привязанности. Тебѣ непонятъ такой дѣвушки, какъ Мэри. Я убѣжденъ, что ни одна, выбранная тобою женщина, не будетъ любить страстно.

— Я на нѣкоторое время уѣзжаю для изслѣдованія страны, — продолжалъ онъ, — и не скоро тебя увижу. Исполни свою обязанность, какъ человѣкъ и какъ солдатъ, какъ ты до сихъ поръ дѣлалъ, и все пойдетъ, какъ слѣдуетъ. Я хорошо аттестовалъ тебя офицеромъ и надѣюсь, они не забудутъ моей рекомендаціи. Прощай!

— Прощайте, сударь, — сказалъ я, отдавая ему честь, но онъ взялъ мою руку и пожалъ ее, говоря:

— Пожалъ руку хорошему товарищу не будетъ преступленіемъ противъ дисциплины...

Въ воскресенье, десятаго февраля, его преподобіе Ричардъ Джонсонъ служилъ обѣдню подѣ большимъ деревомъ, вокругъ котораго былъ собранъ отрядъ и всѣ ссыльные. Послѣ службы судья Колленсъ выступилъ впередъ и прочелъ списокъ мужчинъ и женщинъ, которые должны были быть обвѣнчаны. Первыми, прочитанными имъ имена были: — Мэри Бродъ и Уилль Брайентъ. Когда ихъ имена были названы, они вышли впередъ, и лейтенантъ Ферфаксъ, стоявшій въ группѣ офицеровъ подѣ губернатора, одобрительно имъ улыбнулся. Глаза дѣвушки смотрѣли счастливо и радостно, хотя она дрожала, какъ осиновый листъ; мнѣ казалось, что еще никогда она не была такъ хороша. Губернаторъ вполголоса сказалъ нѣсколько словъ пастору и лейтенанту, который въ отвѣтъ поклонился. Я понималъ, онъ подтверждаетъ, что онъ за нихъ просилъ. Капитанъ Филиппъ подозвалъ Уилля и Мэри къ себѣ поближе и заговорилъ съ ними ласково и на столько громко, что мы слышали каждое слово.

— Я рѣшилъ, что вы, Брайентъ, и вы, Мэри Бродъ, будете первая пара, которую обвѣнчаютъ въ поселеніи. Лейтенантъ Ферфаксъ рассказалъ мнѣ вашу исторію. Надѣюсь, что вы оправдаете его заботы о васъ и что въ особенности вы, Уилль Брайентъ, всегда будете видѣть въ любви этой дѣвушки якорь, привязывающій васъ къ честной жизни. Въ противномъ случаѣ вы выкажете себя съ очень дурной стороны. Господинъ капелланъ, прошу васъ, начните обрядъ.

Уилль Брайентъ поклонился губернатору и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Да благословитъ Богъ вашу честь! Вы можете быть увѣрены, что я исполню свой долгъ и что Мэри, моя будущая жена, сдѣлаетъ изъ меня такого же хорошаго человѣка, какихъ вы имѣете между нами, арестантами.

— Будетъ очень скверно, сударь, если она не сдѣлаетъ васъ лучше, — спокойно отвѣчалъ капитанъ Филиппъ. Но я видѣлъ, что отвѣтъ Брайента ему понравился.

— Я также благодарю васъ, и благодарю мистера Ферфакса за его доброе дѣло, — сказала Мэри, нисколько не смущаясь, хотя ея руки дрожали и она задыхалась. — Но, сэръ, — и черные глаза ея вспыхнули и заискрились, какъ въ прежніе дни, а рука ея захватила руку Уилля, — мы не преступники, мы столько же честные люди, какъ и всѣ, находящіеся здѣсь, свободные и несвободные.

— Та, та, дѣвушка! — нѣсколько нетерпѣливо отвѣтилъ губернаторъ, и я ужасно боялся, что онъ разсердится, гдѣ ему было знать, чѣмъ Мэри и Уилль отличались отъ другихъ нарушителей закона. Но лейтенантъ сказалъ ему нѣсколько словъ, онъ улыбнулся и прибавилъ:

— Хорошо, хорошо, для меня теперь нѣтъ разницы; дальнѣйшее поведеніе укажетъ мнѣ эту разницу. Контрабандисты, воры, всѣ вы начинаете новую жизнь съ сегодняшняго дня. Пожалуйста, господа капелланъ, вы знаете,

списокъ длиненъ и у насъ не хватитъ времени, если мы со всякой парой будемъ по часу разговаривать.

Пасторъ торжественно началъ обрядъ; кольцо губернатора служило связующимъ звеномъ, но пасторъ только надѣвалъ его на палецъ каждой невѣсты и затѣмъ возвратилъ его губернатору обратно. Нашъ командиръ, майоръ Россъ, замѣтилъ, что подобнымъ людямъ опасно показывать золотыя кольца. Но commodоръ отвѣтилъ на это:

— Не шутите такъ, майоръ. И у этихъ людей есть нравственные чувства, нѣтъ никакой надобности напоминать имъ прошлое.

Такъ Мэри Бродъ сдѣлалась Мэри Брайентъ и возвращаясь съ этого парада, я чувствовалъ, что пережилъ сильную бользнь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. А. ПОЛЕВОЙ.

50 лѣтъ тому назадъ, 22-го февраля 1846 года, скончался такъ много сдѣлавшій для русской литературы историкъ, критикъ, драматургъ, беллетристъ и журналистъ Николай Алексѣевичъ Полевой. Онъ происходилъ изъ курскаго купеческаго рода и родился въ Иркутскѣ въ 1796 г., такъ какъ его отецъ занимался тамъ торговлей. Послѣдній любилъ чтеніе и немудрено, что сынъ наследовалъ отъ него эту страсть. Десяти лѣтъ Н. А. перечелъ уже массу книгъ и даже самъ написалъ нѣсколько писемъ. Въ то-же время онъ занимался и дѣлами отца. Всѣми средствами Полевой стремился получить хоть обрывки образованія, и дѣйствительно, имѣлъ массу свѣдѣній по всѣмъ наукамъ, но это все было довольно безсистемно. Въ 1817 году появилась въ «Русскомъ Вѣстникѣ» первая статья Полевого, что, конечно, еще болѣе его подзадорило. Въ 1818 году двѣ статьи Полевого появились въ «Вѣстникѣ Европы». Со смерти отца Полевой всего себя посвятилъ литературѣ, переехалъ въ Москву, познакомился съ Каченовскимъ, съ Кирѣевскимъ, участвовалъ въ «Сѣверномъ Альманахѣ» Бугарина. Въ 1824 году Полевому разрѣшили издавать отдѣльный журналъ «Московский Телеграфъ», и онъ такъ талантливо его велъ, выбралъ такихъ сотрудниковъ, что журналъ сразу сталъ въ первые ряды русской печати. Особенно хороши были критическія статьи Н. А., написанныя съ глубокимъ пониманіемъ дѣла. Смѣлые взгляды Н. А., конечно, доставили ему массу недруговъ, но многіе сдѣлались поклонниками смѣлаго писателя, низвергающаго дутыя знаменитости Сумарокова, Озерова и т. д. Полевой признавалъ за великихъ поэтовъ только Державина и Пушкина. Замѣчательны сѣдующія статьи Н. А. — «Жуковский и его сочиненія», «Борисъ Годуновъ», «Пушкина». Въ послѣднемъ трудѣ есть взгляды, вполне совпавшіе со взглядами знаменитаго критика Виссаріона Бѣлинскаго. Въ «Московскомъ Телеграфѣ» участвовали князь Вяземскій и Пушкинъ. Подписка на журналъ Полевого дошла до 2,000 экземпляровъ, что для того времени составляло неслыханную цифру. Популярность Полевого дошла до колоссальныхъ размѣровъ, и публика доходила въ своихъ симпатіяхъ къ нему до того, что шикала актрисѣ, пѣвшей куплетъ противъ него. Кромѣ журнальной дѣятельности, Полевой писалъ въ это время еще много прозой и стихами. Изъ его романовъ и повѣстей главнымъ образомъ извѣстны: «Клятва при гробѣ Господнемъ», «Аббадона», «Мечты о жизни». Все это было написано въ довольно приподнятомъ тонѣ, въ духѣ Гофмана и Вальтеръ-Скотта. Произведенія эти пользовались большимъ успѣхомъ. Около этого времени Полевой написалъ и переводъ «Гамлета» Шекспира и сдѣлалъ его такъ хорошо, что «Гамлетъ» его идетъ еще и теперь на сценѣ. Наконецъ, въ своей неутомимой дѣятельности все въ это-же время Полевой затѣялъ еще одинъ большой и тяжелый трудъ. Мы говоримъ объ «Исторіи русскаго народа», гдѣ главною

дѣлю, главною задачею новаго историка является бытописание народа, а не государства. Н. Костомаровъ очень высоко ставилъ «Исторію русскаго народа» Полевого именно за эту особенность. Полевой считаетъ всѣ факты русской исторіи до Ярослава—легендами. Онъ возставалъ противъ историческихъ понятий, противъ историческихъ взглядовъ, укрѣпленныхъ «Исторіей Государства Россійскаго» Карамзина. Само-собою это вызвало и полемику со сторонниками Карамзина, и породило много недовольства въ литературныхъ кругахъ. Въ 1834 году, критическая статья въ «Московскомъ Телеграфѣ», направленная противъ драмы Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла» — послужила поводомъ къ запрещенію журнала. Такимъ образомъ Полевому пришлось прекратить любимое дѣло, на которое онъ потратилъ лучшія десять лѣтъ жизни, въ которое вложилъ столько силъ, знаний и таланта. Кромѣ того, онъ понесъ значительные матеріальные убытки. Не привыкнувъ быть безъ дѣла, Полевой уже въ 1837 году принялъ дѣятельное участіе въ «Библіотекѣ для чтенія» Смирдина, для чего и переселился въ Петербургъ. Редакторомъ этого журнала былъ извѣстный тогда Сенковский («Баронъ Брамбеусъ»), и онъ не очень ладилъ съ Полевымъ, которому тоже, конечно, было тяжело подчиняться, послѣ своего редакторства, другому. Но нужда заставляла Н. А. трудиться. Онъ писалъ и ставилъ пьесы, пытался издавать опять журналъ «Сынъ Отечества», занимался исторіей и критикой. Но утомленный литературнымъ труженіемъ началъ уже понимать, что силы ему измѣняются, что жизнь выдвигаетъ на путь новыхъ дѣятелей, и горькое разочарованіе вкрадывалось мало-по-малу въ его душу. Онъ писалъ своему брату Ксенофонту Алексѣевичу, въ это время, въ слѣдующемъ мрачномъ тонѣ: «Я уже не журналистъ болѣе... Избави меня Богъ приняться когда-нибудь снова за журналы!.. Я уже болѣе не драматическій писатель, ибо далъ себѣ слово ничего и никогда не писать болѣе для сцены—трудъ непріятный, неблагоприятный и безплодный!» Но все-же привычка къ труду заставила его въ послѣдній годъ его жизни приняться за обработку популярной «Исторіи Наполеона». Не сдержалъ Н. А. и своего зарека относительно журналистики. Онъ затѣялъ издавать «Литературную Газету» и на это изданіе, трудясь день и ночь, потратилъ послѣдніе остатки силъ, душевной бодрости и энергіи. Но изданіе оказалось неудачнымъ и неутомимому труженнику грозило окончательное разореніе. Смерть—этотъ могучій разрыватель всѣхъ земныхъ нуждъ и горестей,—освободила Н. А., наконецъ, отъ тяжелой жизни 22-го февраля 1846 года. Имя Полевого навсегда останется въ исторіи русской литературы. Это не былъ яркій талантъ или гений—это былъ честный, неутомимый работникъ, неуспѣшнымъ трудомъ проложившій въ литературѣ многія тропинки, которыя потомъ превратились въ широкія дороги для другихъ. Николай Алексѣевичъ Полевой погребенъ въ «Литераторскихъ мосткахъ» Волкова кладбища, недалеко отъ могилъ Бѣлинскаго и Добролюбова. Н. А. Полевой сошелъ въ могилу раньше нихъ, и вообще онъ былъ первымъ похороненнымъ лицомъ, простымъ литераторомъ, погребеннымъ на названномъ кладбищѣ. На могилѣ Н. А. воздвигнуть, по указаніямъ и при участіи друга покойнаго адмирала Рикорда памятникъ, представляющій собою гладкую, изыщную колонну краснаго мрамора, выступающую изъ груды грубоотесанныхъ камней. Несомнѣнно, этимъ строителя хотѣли обозначить недюжинный талантъ Полевого, возникшій въ грубой тогда среды купечества. Кромѣ того, замѣчательно, что колонна сдѣ-

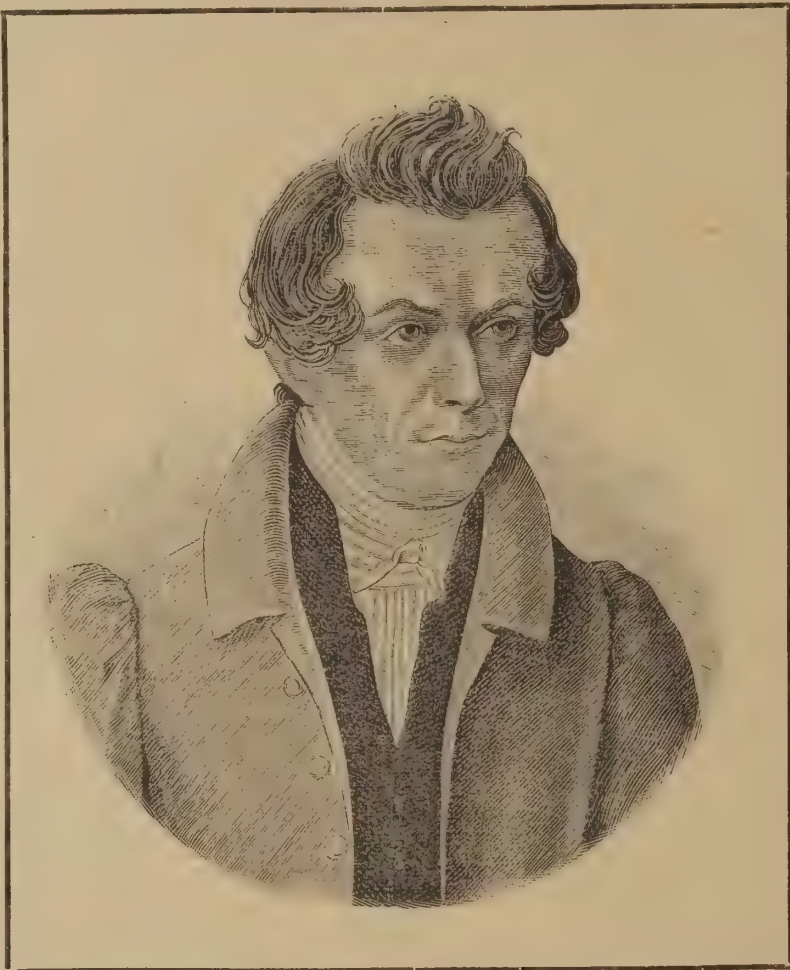
лана изъ осколка скалы, отправленной для постройки памятника Наполеону I въ парижскомъ «Домѣ инвалидов». Полевой, авторъ «Исторіи Наполеона», поконтрабанднымъ путемъ подтѣмъ же камнемъ, какъ и Наполеонъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Удачная охота. Съ картины профессора А. Кившенко (посмертная выставка картинъ А. Кившенко).

Рано утромъ собрались нарочно прѣхавшіе изъ города охотники на «Михаила Топтыгана» въ облаву.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Н. А. Полевой.

(Пятидесятилѣтіе со дня его кончины).

Панятая толпа мужиковъ крикомъ, свистомъ и трещетками выгнала медвѣдя изъ логова и направила его на цѣль охотниковъ. Затрещали выстрѣлы, но второпныхъ первые стрѣлки промахнулись. Наконецъ, мѣткая пуля свалила мышку, но не совсѣмъ. Онъ поднялся и, заревѣвъ неистово, пошелъ, на заднихъ лапахъ, на ближайшаго охотника. Тотъ—опытѣе и мѣтче своего собрата—всадилъ пулю прямо въ ухо косматому непріятелю. Медвѣдь рухнулъ безжизненнымъ. Охотники сошлись у его огромнаго тѣла, и тутъ вдругъ затѣяли споръ. Первый, ранившій въ рѣ стрѣлокъ, и второй, убившій его, спорять, кому принадлежить честь побѣды. Хотя въ изслѣдованіи, гдѣ засѣла пуля. Дѣло доходить чуть не до брани. Остальные охотники съ завистью поглядываютъ на побѣдителей. Вся охотничья сценка А. Д. Кившенко, посмертная выставка произведеній котораго открылась теперь въ Петербургѣ, схвачена очень мѣтко.

Партія проиграна. Съ картины художника Ф. Рубо.

Средневѣковая жизнь была полна тѣхъ-же мелкихъ житейскихъ страстишекъ и увлеченій, какъ и наша. Вотъ, напримѣръ, на картинѣ Рубо представлена компанія шахматныхъ игроковъ, оживленно спорящихъ по поводу неожиданной развязки партіи. Осторожный и ловкій игрокъ, сдѣлавъ хитрый расчетъ игры и подстергая каждую ошибку противника, въ удобный моментъ перешелъ въ наступленіе. Нѣсколько обдуманныхъ заранее ходовъ, и побѣда одержана. Вспыльчивый партнер не выдержавъ, вскопчалъ

съ мѣста и началъ оспаривать игру, доказывать, что съ его стороны это просто разсѣянность, недосмотръ. Его горячія оправданія слушаютъ и противникъ, и зрители игры, но ясно, что всѣ надъ нимъ смѣются и какъ-будто говорятъ: «А все-же проигралъ!»

Нападеніе волковъ. Съ картины художника А. Полякова.

На своей картинѣ художникъ Поляковъ изобразилъ намъ весьма часто случающееся приключеніе въ пустынной деревенской мѣстности. Почтовая тройка ѣхала глухимъ полемъ уже довольно поздно вечеромъ. Вьюги не было, но все небо покрывалось болѣе и болѣе тучами. И вдругъ среди бѣлой поверхности снѣжной равнины замелькали темныя пятна и послышался протяжный, зловѣщій волачій вой. Почтаलों и ямщиковъ стухнуло, хотя это было для нихъ далеко не новость. Вдругъ три хищника, наиболѣе смѣлые или голодные, вынеслись впередъ и загородили дорогу. Лошади встали, шарахнулись... Тогда ямщикъ и почтаलों рѣшились сдѣлать вылазку, хрюро бросились они на роковъ. Почтаलों выстрѣлилъ изъ ружья, ямщикъ отбивается дубинкой. Лишь-бы путь расчистить...

Весельчакъ. Съ картины художника Г. Энля.

Тирольская семья веселится, встрѣтивъ весенній праздникъ. Вездѣ радости и смѣхъ, шуточки... Вотъ у дверей одного тиръзскаго дома расположилась небольшая семья. Къ нимъ подошелъ мѣстный весельчакъ и ловеласъ съ гитарою въ рукахъ, въ пономѣ праздничномъ нарядѣ. Гансъ—ловкій охотникъ, хорошій проводникъ по горамъ, а кромѣ того, веселый малый, разбитной танцоръ и красавецъ. Онъ подошелъ съ веселою прибауткой, устая и затанулъ смѣшную пѣсню. Старуха, мать семьи, слушаетъ его съ улыбкой и вслѣдъ за нимъ: «Вотъ-бы женишокъ моей дочкѣ! только—какой?»

Насѣдка. Съ картины художника Ф. Шлезингера.

Рано утромъ обитатели избышка—бабушку и двухъ внучатъ—разбудило отчаянное хлопанье курицы. Когда старушка полюбопытствовала узнать причину беспокойства курицы-наседки, то она увидѣла нѣсколько головокъ молодыхъ цыплятъ, торчащихъ изъ подъ крылышекъ насѣдки. Конечно, домовитая хозяйка обрадовалась и позвала внука и внучку раздѣлять ея радость. Дѣти пришли и любовно цыплятами. Возлѣ копошится и другая курица, которая уже вывела цыплятъ на кормъ и теперь вся преисполнена долгомъ материнской заботливости. Старушка-бабушка рассказываетъ дѣтямъ, какъ она выходила любимую насѣдку, какъ та была хилой и болѣзненной итд. итд. сначала, какъ се чуть не унесъ злой ястребъ... А теперь вотъ она какая красивая, большая. И сколько она вывела уже цыплятокъ, и Богъ дастъ, сколько еще выведетъ. Молча и съ интересомъ слушаютъ ребятишки рассказы доброй бабушки.

Нептунъ, носящійся по океану (выставка картинъ профессора И. Айвазовскаго 1896 года).

Воздымаются волны, и мчится Нептунъ,
И громко трубятъ водяные тритоны.
И слышится рокотъ невидимыхъ струнъ,
И слышится вздохъ, и ропотъ, и стоны...

* * *

То стоны валовъ, угнетенныхъ стопой
Безумно-летящаго грознаго бога...
Онъ мчится, и мчится въ отвѣтъ саблѣй
И пѣна, и волны...—ихъ много и много!..

* * *

Его колесница, трезубецъ его
Сверкаютъ и блещутъ въ пѣнящейся влагѣ,
И онъ, уносясь, не щадитъ никого
Въ своей безудержной и мощной отвѣгѣ!..

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Въ положеніи о порядкѣ вызова и о составѣ сословныхъ и другихъ представителей при предстоящемъ торжествѣ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ упоминается, прежде всего, что къ торжествамъ Священнаго Коронованія въ Москву вызываются представители: 1) отъ дворянства, 2) отъ земства, 3) отъ городского населенія, 4) отъ сельского населенія, 5) отъ духовенства иновѣрныхъ исповѣданій, 6) отъ казачьихъ войскъ, 7) отъ областей, находящихся въ управленіи военнаго вѣдомства, и 8) отъ великаго княжества Финляндскаго. Представители приглашаются къ участию въ церемоніяхъ — торжественнаго въѣзда въ Москву и торжества Священнаго Коронованія и допускаются для принесенія поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ въ Москвѣ, во время торжествъ Священнаго Коронованія.

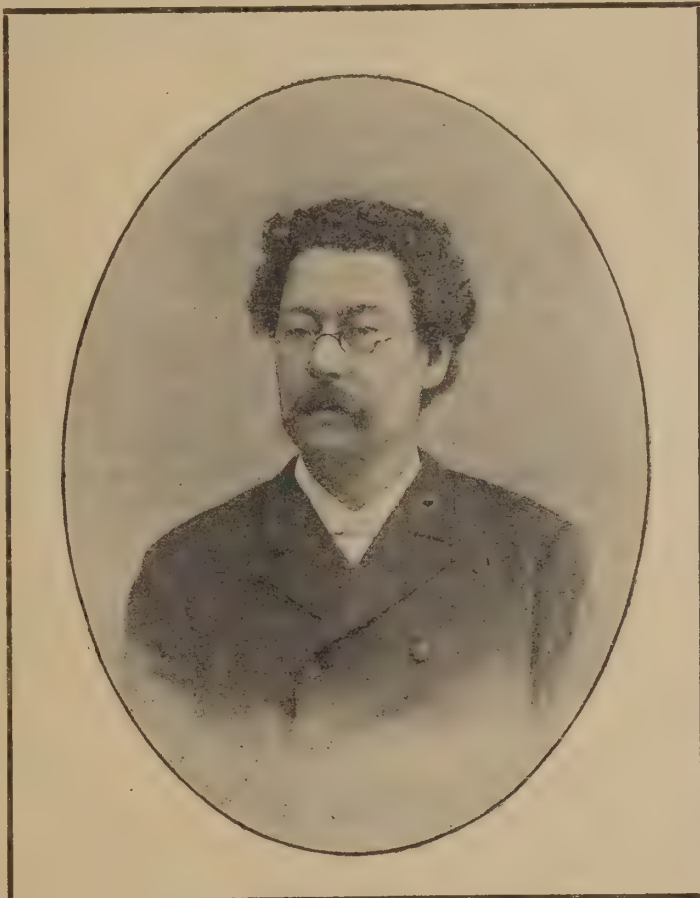
— Министерствомъ народнаго просвѣщенія, 29-го минувшаго января, въ законодательномъ порядкѣ испрошено разрѣшеніе на учрежденіе въ гор. Асхабадѣ, Закаспійской области, четырехклассной мужской прогимназіи, съ отпускомъ изъ казны суммъ на ея содержаніе. Вновь учреждаемая прогимназія, приуроченная къ кавказскому учебному округу, будетъ открыта съ 1-го іюля текущаго года въ составѣ приготовительнаго и перваго классовъ, слѣдующіе же классы будутъ открываться послѣдовательно по одному въ годъ, впродъ до полнаго сформированія прогимназіи.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Корея.—Въ Корей все болѣе разгораются безпорядки. Японофилы, напуганные возрастающимъ вліяніемъ Россіи на ходъ корейскихъ дѣлъ устроили, какъ мы уже передавали, новый заговоръ противъ королевской семьи, симпатій которой къ Россіи стали очевидными. Заговорщики напали 30-го января на дворецъ, съ цѣлью убить короля и наследнаго принца, которые съ трудомъ спаслись только при содѣйствіи русскаго посланника, требовавшаго въ Сеулъ изъ Чемульпо сильный отрядъ съ военныхъ стационеровъ. Высланный десантъ охраняетъ неприкосновенность королевской семьи, находящейся въ русскомъ посольствѣ, и поддерживаетъ порядокъ въ столицѣ, нарушенный японскою партіею. Возбужденіе противъ Японіи разрастается, ее

обвиняють во всѣхъ смутахъ. Народъ доведенъ японскими интригами до озвѣрѣлаго состоянія и начинаетъ избивать японцевъ въ Сеулѣ. Японскій телеграфъ на Фузанѣ испорченъ; престижъ Японіи палъ окончательно во всей Корей, правительство жаждетъ русскаго протектората. Энергическое вмѣшательство въ Россіи въ корейскія дѣла неотложно.

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

ПРОФЕССОРЪ Ю. Т. ЧУДНОВСКІЙ.

(Скончался 9-го февраля 1896 года).

Франція.—Въ Парижѣ произошелъ конфликтъ между сенатомъ и палатою депутатовъ. Сенатъ требовалъ отставки министерства, но послѣднему палата выразила довѣріе, и сенатъ, послѣ бурныхъ засѣданій, смирился. Г. Буржуа произнесъ въ одномъ изъ засѣданій превосходную рѣчь въ свою защиту, и эта то рѣчь и спасла его положеніе. Онъ заявилъ, что не разстанется съ министромъ юстиціи Рикаромъ, на котораго сенатъ больше всего нападалъ. Кабинетъ считаетъ г. Рикара честнымъ человекомъ. Передъ сенатомъ же онъ не склонится до тѣхъ поръ, пока палата будетъ дарить его своимъ довѣріемъ. Но если палата лишитъ его довѣрія, онъ уйдетъ. Такимъ образомъ министерство одержало блестящую побѣду.

— Во Францію прибылъ побѣдитель-завоеватель Мадагаскара генералъ Дюшенъ. На всемирныя слѣдованія генерала въ Марсели стояли

громадныя толпы народа и улицы были украшены флагами. Мэръ, префектъ и генералъ Цурлинденъ ожидали генерала на пристани. Послѣ горячихъ привѣтствованій, они поздравили Дюшенъ съ одержанными побѣдами, честь которыхъ генералъ приписалъ своимъ солдатамъ. Затѣмъ генералъ Дюшенъ поѣхалъ въ префектуру, привѣтствуемый восторженными кликами народа, который осыпалъ путь его цвѣтами. Въ Парижѣ генерала окружили тоже почестями и оваціями. Президентъ республики, принимая генерала въ присутствіи всѣхъ министровъ, поздравилъ его съ исполненіемъ возложеннаго на него порученія. Генерала Дюшенъ поздравилъ также министр-президентъ, который его благодарилъ за то, что онъ украсилъ военную исторію Франціи новою славною страницей. Дюшенъ вручилъ президенту республики собственноручное письмо королевы мадагаскарской.

Италія.—Расы Сабать и Агосъ отпали отъ итальянцевъ и атаковали небольшой постъ Кольслету, расположенный къ югу отъ Адикрата. Капитанъ Маккагата, во главѣ отряда изъ 300 чел., двинулся противъ инсургентовъ и сразился съ ними въ проходѣ Алегуа, воздерживаясь, однако, отъ рѣшительныхъ дѣйствій въ ожиданіи подкрѣпленій. По прибытіи маіора Вилли съ 7-мъ батальономъ, Кольслета послѣ горячаго боя была взята обратно.

— Въ Римѣ опубликовано подробное донесеніе генерала Баратіери о дѣлахъ подъ Сектою и Алекою. Общая убыль итальянскихъ войскъ въ этихъ дѣлахъ составляла 97 человекъ убитыми и 30 ранеными, а

40 человекъ попали въ плѣнъ. Потери абиссинцевъ не ниже итальянской убыли; найдено пока 50 труповъ. Подтверждается смерть поручиковъ Чимино и Негретти; одинъ солдатъ заявилъ, что былъ свидѣтелемъ смерти поручика Декончилиса. Абиссинцы, разбитые на голову, отступили къ Саассіа, къ востоку отъ Адикрата.

Египетъ.—Сэръ Эдвинъ Пальмеръ представилъ состоявшемуся подъ предсѣдательствомъ хедива совѣту министровъ въ Каирѣ отчетъ объ исполненіи государственной росписки за прошлый годъ. Согласно этому отчету, избытокъ доходовъ надъ расходами составляетъ 1.088,000 лиръ, изъ которыхъ 756,000 лиръ остаются въ кассѣ государственныхъ долговъ, а 332,000 лиръ — въ распоряженіи правительства на чрезвычайные расходы по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и оро-

спительныя и меліораціонныя работы. Хедивъ высказалъ свое удовольствіе.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

На-дняхъ въ Москвѣ была перевезена съ большою торжественностью изъ государственнаго древлехранилища, состоящаго при главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Оружейную палату большая государственная печать. Эта печать будетъ присоединена къ Императорскимъ регалиямъ, употребляемымъ при Священномъ Коронованіи. Государственная печать имѣетъ въ діаметрѣ около трехъ вершковъ и представляетъ изображеніе государственнаго орла съ круговымъ ободкомъ, безъ областныхъ гербовъ.

— Въ Императорскомъ Обществѣ для содѣйствія русскому торговому мореходству, въ Москвѣ, было доложено, что Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ выразилъ свое согласіе на принятіе званія почетнаго члена общества. Въ почетные члены кромѣ того, избраны: министръ финансовъ С. Ю. Витте, министръ пароднаго просвѣщенія графъ П. Д. Деляновъ, министръ путей сообщенія князь М. И. Хилковъ и еще нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ.

— Государь Императоръ, согласно ходатайству общества «Московскій Муравейникъ», Всемилостивѣйше сизволилъ присвоить дому трудолюбія этого общества именованіе «Сергіевскій», въ честь Августѣйшаго московскаго Генералъ-Губернатора Великаго Князя Сергія Александровича.

— Въ Кіевѣ открылась пастеровская бактериологическая станція. Врачебный инспекторъ В. Н. Сохновскій сообщилъ при открытіи станціи поучительныя цифры о числѣ укушенныхъ (ѣшными животными въ кіевской губерніи за послѣдніе три года. За 1893, 1894 и 1895 гг. было такихъ больныхъ 228, 261 и 340 чел., изъ которыхъ на гор. Кіевъ приходится 81, 96 и 106 чел. Отправлены въ Одессу, и другія станціи 161, 196, и 251 ч.

— Ирбитскій ярмарочный комитетъ въ засѣданіи 9-го февраля, признавая, что для взаимнаго торговаго обмѣна Сибири съ Европейской Россіей ирбитская ярмарка существенно необходима и полезна, рѣшилъ ходатайствовать предъ министромъ финансовъ о разрѣшеніи обсудить на цѣдстоящемъ торгово-промышленномъ сѣздѣ въ Нижнемъ Новгородѣ вопросъ о нѣждахъ ирбитской ярмарки и о допущеніи къ участію въ сѣздѣ съ правомъ голоса двухъ представителей ярмарочнаго комитета.

— Приказомъ нижегородскаго начальника губерніи по полиціи предписывается проивести при участіи техниковъ и брандмейстеровъ осмотръ нижегородскихъ театровъ въ мѣстностяхъ городской, ярмарочной и прилегающей къ выставкѣ, съ цѣлью выбора пунктовъ для постановки въ каждомъ театрѣ паровой машины на случай пожара.

— Министерство путей сообщенія приступило къ составленію отчета о дѣятельности желѣзныхъ дорогъ, въ особенности казенныхъ, въ сравненіи съ дѣятельностью заграничныхъ дорогъ.

— По порученію директора департамента таможенныхъ сборовъ въ настоящее время происходитъ ревизія таможенныхъ учрежденій Кавказа, Закавказья и Закаспійскаго края.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

На-дняхъ состоялся ежегодный обѣдъ бывшихъ воспитанниковъ Пажескаго корпуса. Собралось всего 190 человекъ. Предсѣдательское мѣсто занималъ за столомъ ген.-адъют. О. Б. Рихтеръ. Старѣйшими пажами на обѣдѣ явились бывшіе воспитанники выпуска 30-го года почетный опекунъ д. т. с. Корниловъ и 32-го года ген.-ад. Семена. Въ числѣ же присутствовавшихъ на обѣдѣ находились: фельд-маршалъ І. В. Гурко, командующій войсками Одесскаго военнаго округа ген.-адъют. графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, министръ путей сообщенія князь Хилковъ, ген.-адъют. свѣтлѣйшій князь Имеретинскій, ген.-адъют. Галль, командиръ 1-го армейскаго корпуса ген.-отъ-инфант. Даниловъ, помощникъ главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, ген.-отъ-инфант. Ребиндеръ, ген.-лейт. баронъ Мейендорфъ.

— С.-Петербургскій университетъ праздновалъ 8-го февраля, 77-ю годовщину со дня своего основанія. Годичный актъ привлекъ въ университетъ многочисленныхъ гостей. На торжествѣ присутствовали товарищи министра пароднаго просвѣщенія князь М. С. Волконскій, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа М. Н. Капустинъ, начальникъ Николаевской академіи генеральнаго штаба Г. А. Лееръ, директоръ высшихъ женскихъ курсовъ Н. П. Раевъ.

— Предсѣдательствовавшему въ засѣданіи географическаго общества 7-го февраля сенатору П. П. Семенову была выражена глубокая признательность отъ всего общества за его голувѣковую ученую дѣятельность. Въ знакъ признательности и для увѣковѣченія маститаго географа былъ выставленъ въ залѣ засѣданія заказанный на средства общества портретъ его, исполненный масляными красками.

— Въ состоявшемся 10 февраля засѣданіи гражданскаго отдѣленія юридическаго общества обсуждался докладъ мирового судьи гор. Варшавы О. П. Будкевича «Новая теорія владѣнія» и записка его о необходимыхъ измѣненіяхъ въ гражданскомъ правѣ и судопроизводствѣ.

— 11-го февраля, г. Мальяръ-де-Бельмаръ читающій въ Соляномъ Городкѣ рядъ лекцій о французской литературѣ, сообщилъ интересные біографическія подробности о дѣтствѣ Эмиля Золя и первыхъ шагахъ его на литературномъ поприщѣ. Собравшаяся публика со вниманіемъ прослушала его сообщеніе.

— Приходское благотворительное общество при церкви Вознесенія Господня, въ ознаменованіе двадцатипятилѣтія своего существованія, открываетъ въ своемъ приходѣ домъ трудолюбія и бесплатную столовую для бѣдныхъ прихожанъ и нищихъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ разрѣшилъ нѣкоторымъ профессорамъ Московскаго сельско-хозяйственнаго института прочесть, по приглашенію комитета Политехническаго музея, рядъ публичныхъ лекцій по скотоводству, молочному хозяйству и травосѣянію.

— 10-го февраля при министерствѣ финансовъ открываются совѣщанія по пересмотру вышѣ дѣйствующихъ тарифовъ на перевозку

по желѣзнымъ дорогамъ лѣсныхъ матеріаловъ и дровъ.

— Херсонское губернское земское собраніе поручило земской управѣ произвести подробное мѣстное изслѣдованіе сельско-хозяйственныхъ артелей, устроенныхъ въ губерніи Н. Левитскимъ.

— Согласно ходатайству предсѣдателя земской управы Лиліенфельда, саранская дума постановила подарить въ полную собственность вновь возникающему здѣсь отдѣленію Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства тридцать десятинъ городской черноземной земли и нѣсколько десятинъ лѣса для устройства опытнаго поля и земледѣльческой школы низшаго разряда, а также земледѣльческой колоніи для призрѣнія дѣтей нищихъ.

— Готовится засѣданіе сѣзда представителей желѣзныхъ дорогъ, лѣсныхъ обществъ, биржевыхъ комитетовъ и лѣсопромышленниковъ, созваннаго для пересмотра дѣйствующихъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ тарифовъ на перевозку лѣсныхъ матеріаловъ. Приглашено до 90 представителей.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Для охраненія отъ истребленія памятниковъ церковной старины Прибалтійскаго края и для собранія ихъ въ одно древлехранилище, гдѣ-бы могли пользоваться ими лица, занимающіяся церковною археологіею, въ Ригѣ открытъ церковно-археологическій музей, который помѣщается въ зданіи мѣстнаго духовнаго училища.

— Велѣдствіе постановленія александровскаго уѣзднаго земскаго собранія (екатеринславской губ.), въ канцелярію комитета министровъ поступило 200 руб., ассигнованные собраніемъ на постройку церковъ-школъ по линіи сибирской желѣзной дорогѣ.

— Состоялось открытіе курсовъ обученія прививкамъ сибирской язвы, 15-го минувшаго января, при бактериологической станціи харьковскаго ветеринарнаго института.

— Совѣтъ с.-петербургскаго Фребелевскаго общества постановилъ объявить конкурсъ на соисканіе преміи общества за лучший сборникъ мелкихъ рассказовъ или за отдѣльный рассказъ для дѣтей до-школьнаго возраста.

ИСКУССТВО.

I.

Ихъ Императорскія Величества на выставкѣ картинъ „Товарищества художественныхъ передвижныхъ выставокъ“

10-го февраля Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна и Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Павелъ Александровичъ, Михаилъ Николаевичъ и Александръ Михайловичъ съ Августѣйшей супругою Великою Княгинею Ксенью Александровною посѣтили, открывшуюся 11-го февраля въ залахъ Императорскаго общества поощренія художествъ «XXIV передвижную художественную выставку», устроенную товариществомъ передвижныхъ выставокъ. При входѣ Ихъ Императорскія Величества были встрѣчены вице-президентомъ Императорскаго общества поощренія художествъ егермейстеромъ Высочайшаго двора И. П. Балашевымъ и секретаремъ общества Н. П. Собоко. При обзорѣ выставки Высочіе

посѣтителі приобрѣли: Государь Императоръ картины художниковъ Н. Н. Дубовскаго «Иматра», и И. И. Шишкина «Сѣверный еловый лѣсъ». Государыня Императрица Александра Феодоровна—картины художниковъ: Е. Е. Волкова «Туманное утро» и Н. К. Пимоненко «Страда»; Великій Князь Александръ Михайловичъ—этюды Н. Н. Дубовскаго «Палермо» и картину Е. Е. Волкова «Долина» и Великая Княгиня Ксенія Александровна этюды Н. Н. Дубовскаго «Палермо». Послѣ обзора выставки, Ихъ Императорскія Величества прошли въ помѣщеніе музея Императорскаго общества поощренія художествъ, гдѣ осматривали исполненные учениками рисовальной школы этого общества рисунки съ предметовъ старинной обстановки Императорскихъ дворцовъ. Послѣ осмотра Ихъ Государь Императоръ, Государыня Императрица, Великіе Князья и Великая Княгиня отбыли изъ зданія общества поощренія художествъ. 11-го же февраля выставку посѣтили Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владимиръ Александровичъ съ Августѣйшею супругою Великою Княгинею Маріею Павловною. Во время обзора выставки Великій Князь Владимиръ Александровичъ приобрѣлъ два этюда («Казаки») В. И. Сурикова къ его картинѣ «Покореніе Сибири Ермакомъ» и картину П. Г. Сергеева «Первый снѣгъ».

Выставки картинъ «Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ» всегда были интересны и, въ большинствѣ случаевъ, щеголяли картинами историческаго жанра.

Въ этомъ году, такъ называемаго, «гвоздя» выставки нѣтъ. Нельзя же считать гвоздемъ выставки декорацию, написанную г. Шильдеръ, по заказу бакинскихъ нефтепромышленниковъ для вижегородской выставки, изображающую «Храмъ огнепоклонниковъ въ Баку». Хотя картина написана добросовѣстно и художникъ вполне справился съ эффектами освѣщенія.

Далѣе, въ самомъ неудобномъ мѣстѣ, поставлена большая картина извѣстнаго художника г. Полѣнова—«Среди учителей». Картина изображаетъ синагогу, гдѣ среди ученыхъ старцевъ и мудрецовъ, сидящихъ на коврахъ, разостланныхъ на каменномъ полу, помѣщается и отрокъ, изображающій Иисуса Христа. Картина написана прекрасно, а восточные типы стариковъ-евреевъ изображены безукоризненно. Что же касается главной фигуры, долженствовавшей господствовать въ картинѣ, Иисуса-Отрока,—то она пропала на второмъ планѣ, а потому картина не оставляетъ того впечатлѣнія, которое могло-бы получиться, если-бы Иисусъ-Отрокъ былъ изображенъ стоя, въ то время, когда Онь спрашивалъ у учителей объясненія на вопросы, которые заставляли ихъ не только смущаться, но и молчать.

Г. Мясоѣдовъ выставилъ картину историческаго жанра—«Семья Годунова», гдѣ художникомъ взяты тотъ моментъ, когда стражники входятъ въ покои, чтобы произвести извѣстную расправу. Картина написана, какъ всѣ картины г. Мясоѣдова, во всѣхъ мелочахъ вполне художественно, но композировку фигуръ нельзя признать удачною.

Другая большая историческая картина г. Милорадовича—«Патріархъ Гермогенъ въ заключеніи», не представляетъ собою ничего новаго, такъ какъ тема эта очень избита и трактована разными художниками во всевозможныхъ положеніяхъ дѣствующихъ лицъ. Картина написана въ общемъ хорошо, но все-таки жалко трудовъ хорошаго художника на непроизводительную работу.

Жанръ г. Касаткина—«Углекопы», представляетъ собою нѣкотораго рода новинку въ технику живописи. Но содержаніе картины мало отвѣчаетъ интересу зрителя, и картина не производитъ того сильнаго впечатлѣнія, какое получается отъ картины на эту же тему польскаго художника И. Пекарскаго—«Наканунъ праздника». Непонятно, почему г. Ка-

саткинъ въ этой картинѣ у нѣкоторыхъ рабочихъ сдѣлалъ глаза и зубы свѣтящимися въ темнотѣ фосфорическимъ свѣтомъ?

Картины г. Лемохъ всегда хорошо написаны и замѣчательно вѣрно передаютъ ту бѣдную обстановку, въ которой живутъ наши крестьяне; такъ и теперь выставленная небольшая картина «Деревенская дѣвочка» безукоризненно написана, но въ то же время картина страдаетъ безсодержательностью и остается незамѣченною.

Г. Савицкій выставилъ хорошую картину по темѣ «Печальныя вѣсти по дому», но написана картина очень эскизно и требуетъ еще большой работы въ отдѣлкѣ. Картина изображаетъ биржу домовыхъ извозчиковъ; къ одному изъ такихъ подошла женщина, какъ видно только что пришедшая изъ деревни, и сообщаетъ ему печальныя новости, которыя удручающе подѣйствовали на слушателя.

Очень удачно удалось справиться съ яркимъ солнечнымъ освѣщеніемъ и фигурами г. Пимоненко, въ его картинѣ—«Страда». Картина проста, но написана мастерски и производитъ хорошее впечатлѣніе.

Изъ пейзажей прекрасны картины извѣстнаго нашего знатока сѣвернаго лѣса—профессора И. И. Шишкина и Дубовскаго—«Пашня».

На выставкѣ находится до 140 картинъ и, понятно, нѣтъ никакой надобности подробно описывать всѣ картины, а потому приходится ограничиться только нѣкоторыми, особенно заслуживающими вниманія.

Кромѣ упомянутыхъ выше картинъ, на этой выставкѣ много пейзажей г. Дубовскаго—«На взморьѣ» (рыбаки готовятъ сѣти), «Иматра», «Воспоминаніе о Палермо», «Въ чужихъ краяхъ», И. И. Левитана—«Лилія», «Осень», «Вблизи дремучаго лѣса», «Волга,—вечерѣтъ», «Волга,—вѣтренно!» и друг. Много морскія въ видахъ А. П. Боголюбова («Буря—прибой въ Ментонѣ», «Отливъ—въ Нормандіи», «Константинополь—приходъ парохода» и др.). Хорошіе пейзажи выставили: Е. Е. Волковъ («На разсвѣтѣ», «Лѣсная рѣка», «Туманное утро» и друг.), И. И. Ендотуровъ («Сумерки», «Лунная ночь» и друг.), И. И. Шишкинъ («Дубовая роща», «Послѣ дождя» и др.), А. М. Васнецовъ—«Кавказъ», «Эльбурсъ передъ восходомъ солнца» и рядъ кавказскихъ этюдовъ, А. А. Киселевъ—«На снѣжныхъ вершинахъ» и проч.

Жанръ: В. А. Сѣровъ—«Лѣтомъ», «У лоптей» и др.; Н. А. Ярошенко—портреты П. П. Сменова и г-жи Фольвинъ, «Лѣтомъ», «Забитыі храмъ», «Идѣ Кавказа» и др.; Е. М. Татевсацъ—«На чужбинѣ»; М. Я. Шенкель—«Искушеніе»; А. Е. Архиповъ—«Подъпины на чугуно-литейномъ заводѣ»; М. В. Нестеровъ—«Подъ благовѣстъ»; Н. В. Орловъ—«Проводы переселенцевъ».

Н. Д. Кузнецова («Вонъ живъ», «Дѣвочка съ гусями» и др.), Ф. А. Бронникова, А. К. Бегрова, Н. К. Бодаръ всаго («На свиданіи»), М. П. Клодта, А. С. Степанова, В. И. Сурикова (этюды), К. К. Первуха, В. В. Переплетчикова, А. М. Корина, Л. О. Пастернака и др.

Изъ скульптурныхъ работъ на выставкѣ обращаетъ на себя вниманіе группа скульптора Л. В. Позена «Убитый казакъ».

II.

Ихъ Императорскія Величества на художественной выставкѣ картинъ «Спб. общества русскихъ художниковъ».

12 го февраля Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна посѣтили открытую въ залахъ Императорской академіи наукъ IV выставку картинъ «С.-петербургскаго общества художниковъ». При входѣ Ихъ Императорскія Величества были встрѣчены Августѣйшимъ президентомъ Императорской академіи наукъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ съ Августѣйшею супругою Великою Княгинею Елисаветою Мавриковною, вице-президентомъ и непремѣннымъ секретаремъ академіи. При входѣ въ залъ, гдѣ

выставлены картины, Ихъ Императорскія Величества были встрѣчены правленіемъ общества художниковъ и комитетомъ выставки, во главѣ съ пре сѣдателемъ общества Г. П. Кондратенко, и экспонентами выставки. Предсѣдатель общества Г. П. Кондратенко поднесъ Ихъ Императорскія Величества каталогъ выставки, въ видѣ большого альбома съ писанными акварелью, сепіею и карандашемъ копіями большинства выставленныхъ картинъ. Во время обзора выставки Государь Императоръ приобрѣлъ картины: художника О. О. Фрейвиртъ-Лютцова «Алхимикъ» (№ 24) и В. П. Озьянникова «Соборъ Василія Блаженнаго XVI вѣка» (№ 241), а Великій Князь Константинъ Константиновичъ акварель Н. А. Сергѣева «Финскій заливъ» (№ 208). Осмотрѣвъ выставку, Ихъ Императорскія Величества, при восторженныхъ кликахъ собравшагося на набережной, противъ зданія академіи наукъ, народа, отбыли изъ академіи.

11-го февраля въ залахъ Императорской академіи наукъ открылась четвертая выставка картинъ «Спб. общества художниковъ». На выставкѣ находится до 280 картинъ.

Мариинскій г. Блиновъ выставилъ нѣсколько картинъ, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе «Встрѣча русской и французской эскадры передъ входомъ на кильскій рейдъ» и «Гибралтарскій проливъ». Проф. Л. Ф. Лагорио выставилъ вѣсколько картинъ «Яффа съ моря», «Чижилскій перевалъ близъ Арабата» и друг. Художникъ А. С. Егоровъ написалъ около 10 пейзажей, среди которыхъ выдѣляются «Надъ долиной», «Начало зимы», «Въ Паринейхъ», «Бывшая лахтинская паромная приставка», «Въ горахъ Швейцаріи» и друг.

Около 15 пейзажей выставилъ г. Беркосъ («Виды Крыма», «Земля», «Отдыхъ», «Къ осени», «Морозно», «Башня Тамары» и др.) Небольшія по размѣрамъ картины Э. К. Липгардта («Клятва любви», «Ночь», «Михайловскій дворецъ»). На выставкѣ имѣются картины г. Сухоровскаго «Подъ впечатлѣніемъ романа» и «Въ мастерской художника». Есть еще пейзажи художниковъ Писемскаго («Сѣрый день», «Осень», «Надъ Волгой», «Туманъ» и др.), Мещерскаго («Передъ дождемъ», «Нарвскій портъ вечеромъ», «Нарвскій рейдъ» и др.), Васильковскаго («Малороссійскій хуторъ», «Веселое утро въ днѣпровской плавнѣ», «На перемычкѣ», «Къ осени» и др.), Нестерова («Берегъ Тавриды», «На жатвѣ» и др.), П. Сала («Восходъ» и др.), Вельцъ («Со станціи Казбекъ военно-грузинской дороги», «Батумская гавань со стороны города» и др.), Сейтгофа («Елагинъ островъ» и др.), Шрейбера (виды Бахчисарая), Казанцева («Первые цвѣты», «Дождь прошелъ», «Утренній туманъ» и др.), Берггольца и др.

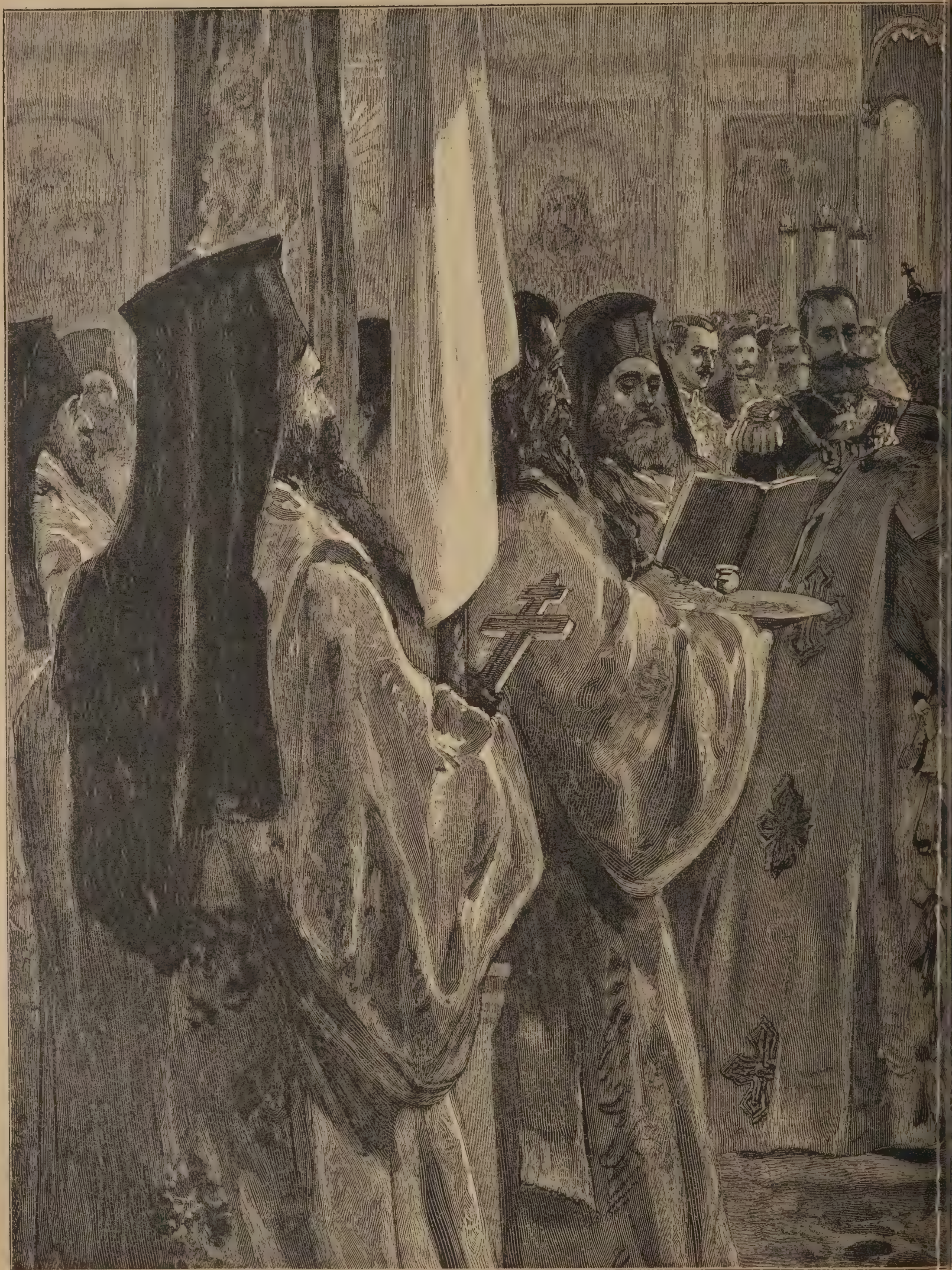
Въ ряду жанровыхъ картинъ есть работы Маймова («Мой букетъ съ каждымъ днемъ все увядаетъ», «Молитва въ лѣсу» и др.), Малышева («Что-то выйдетъ и др.), Галкина («Дѣвочка въ цвѣтахъ», «Мечты»), Геллера («Любитель» и др.), Степанова («Дѣвочка съ курами» и др.), Штембергъ («Головка итальянки», «Сирень», «Мечты» и др.), Лукашевича («Старуха съ письмомъ» и др.).

Изъ приведеннаго перечня картинъ видно разнообразіе выставленныхъ картинъ и, по справедливости, слѣдуетъ сказать, что эта выставка, по обилію картинъ, занимаетъ первое мѣсто среди другихъ выставокъ.

Мы не можемъ въ краткомъ нашемъ обзорѣ дать полный разборъ картинъ, а потому скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ:

Прекрасно удалась большая картина г. Мазуровскому—«Послѣдній зимній парадъ въ 1893 г. на Дворцовой площади». Не смотря на массу лицъ, художникъ сумѣлъ удачно справиться съ портретами главныхъ дѣствующихъ лицъ въ картинѣ и придать жизненность массѣ войска.

Большое вниманіе привлекаетъ, большая картина г. Кондратенко—«Видъ на Этну». Картина изображаетъ причудливыя развалины древняго греческаго храма, освѣщенныя лучами заходящаго солнца. Вдали море и чуть

СВ. МΥΡΟΠΟΜАЗАНІЕ БОРИСА, НА

Графъ Голенщевъ-Кутузовъ,
представитель Русскаго Императора.

НАГО БОЛГАРСКАГО ПРИНЦА.

каархъ

Принцъ Борисъ.

Фердинандъ, князь Болгарскій.

Каратеодори-паша,
представитель Турціи.

чуть видѣется дымящаяся Этна. Картина поражает зрителя прозрачностью воздуха и прекрасною перспективой.

Изъ пейзажей замѣчательна по правдѣ и мастерству, съ какими написана, большая картина г. Сергѣева — «Финская симфонія». Вѣковые сосны, покрыты мхомъ, песчаная почва и верескъ со своими мелкими лповыми двѣточками совершенно переносятъ воображеніе зрителя на берега Финскаго залива. Этимъ-же художникомъ выставлена большая акварель — «Свѣжѣть», изображающая море, покрытое волнами. Картина замѣчательна переходами тоновъ волнующейся воды и прекрасной перспективой.

Очень хорошо выписаны всѣ детали въ пейзажѣ г. Холодовскаго — «Рѣчная заводь».

Очень изящны и вѣрны природѣ небольшой пейзажъ г. Казанцева — «Взошла луна».

Правдивъ и эффектенъ пейзажъ г. Мещерскаго — «Передъ дождемъ».

Изъ историческаго жанра выдѣляется хорошо скопанованная и мягко написанная картина Пелевина — «Иоаннъ Грозный на молитвѣ».

Картина г. Сакса выставлена безъ названія, но изображаетъ трехъ мо одыхъ жеплицъ, разсматривающихъ новыя туалеты. Надо видѣть эту картину, чтобы судить, какого замѣчательнаго искусства писать масляными красками достигъ этотъ молодой художникъ. Картина эта отличается замѣчательнымъ изяществомъ письма, тоновъ и отдѣлкою всѣхъ деталей.

Нельзя не обратить вниманія на простую, по своему содержанію, жанровую картину баронессы Паленъ — «Швея», но весьма удачно разрѣшенную въ двухъ-свѣтовыхъ эффектахъ — дня и горящей керосиновой лампы. Картина изображаетъ скромную обстановку маленькой комнатки швеи, которая, проработавъ ночь, какъ видѣть передъ разсвѣтомъ, съ работою на рукахъ, заснула, сидя на стулѣ.

Очень удаченъ по мысли и выполнению жанръ г. Малышева — «Что-то выйдетъ?» Картина изображаетъ молодую семью. Отецъ и мать стоятъ у стола и любятъ двумя своими дѣтьми, играющими на разостланномъ на полу коврѣ.

Изящно и тонко также написана небольшая жанровая картина г. Фрейвиртъ-Люцова — «Алхимикъ».

Знаетъ черкесской жизни г. Ф. Рубо далъ очень эффектную картину — «Отдыхъ горцевъ».

Изъ маринъ выдѣляются, какъ всегда, картины г. Лагоріо, о достоинствахъ которыхъ говорить нечего, ибо онъ всегда былъ вѣренъ дѣйствительности и выписаны мастерски.

Неудурна жанровая картина г. Степанова, изображающая «Дѣвочку съ курами».

Кромѣ картинъ, эта выставка богата хорошо скульптурою, изъ которой выдѣляются группа мрамора — «Дѣвочка съ собаками», г. Лавренкаго, и группа изъ воска «Калево и Соракъ», г. Адамсона.

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

Въ Михайловскомъ театрѣ, въ бенефисъ г. Поля Ренэ, были возобновлены двѣ старыя комедіи: «Il ne faut jurer de rien» — Альфреда де-Мюссе и «La poudre aux yeux» — Лабийша. Пьеса Мюссе написана въ прозѣ, но въ изысканно-изящномъ стилѣ. Г-жа Томассенъ была очень мила въ роли Сесили. Сцена ночного свиданія съ Валентиномъ прошла прелестно. Много способствовали ансамблю г-жа Берти (мать Сесили), г. Андриэ (аббатъ) и г. Делормъ (учитель танцевъ).

Въ Александринскомъ театрѣ начались гастроли нѣмецкой труппы. Шли пьесы: драма П. Линдау «Die Venus von Milo» и комедія «Die Romantischen», — пьесы костюмныя, дѣйствіе идетъ среди красивыхъ декораций. Драма Поля Линдау происходитъ за 370 лѣтъ до Р. Хр. въ Афинахъ, въ виду Акрополиса. Обѣ пьесы имѣли успѣхъ.

Въ театрѣ «Акваріумъ» начались спектакли Эрнесто Росси. Итальянскій трагикъ

выступилъ въ «Королѣ Лирѣ». Его встрѣтили дружными рукоплесканіями. Въ антрактахъ Росси поднесли лавровые вѣнки. О томъ, какъ передаетъ г. Росси роль Лира, нечего и говорить. На этотъ разъ Росси былъ особенно въ ударѣ и доставилъ многочисленнымъ зрителямъ истинное эстетическое наслажденіе. Театръ «Акваріумъ» былъ совершенно полонъ.

С.-Петербургская музыкальная школа предположила устроить въ Дворянскомъ соборѣ въ теченіе поста пять симфоническихъ концертовъ, управлять которыми пригласила извѣстнаго мюнхенскаго дирижера Фридриха Реша. Предполагается исполнить разныя пьесы русскихъ авторовъ и слѣдующія иностранныя: Берлиоза — увертюру къ «Лирѣ», Бетховена — «Коріоланъ», 8-я симфонія, два концерта (для фортепіано и для скрипки), Вагнера — увертюры къ «Фаусту», къ «Моряку-скитальцу», къ «Тристану», Вебера — «Эврианта», Гайдна — симфонія, Гензельта — концертъ, Листа — «Прелюдіи», «Орфей», «Тассо», Моцарта — серенада и симфонія, Раффа — «Леопора», Сметаны — «Молдава», Фолькмана — «Ричардъ III», Р. Штрауса — симфоническія поэмы, Шуберта — симфонія (B-dur), Шумана — концертъ.

На-дняхъ состоялся благотворительный концертъ въ пользу школъ Императорскаго женскаго патриотическаго общества. Кромѣ г-жи Арнольдсонъ и г. Мазини, въ немъ приняли участіе меццо-сопрано г-жа Борги, драматическое сопрано г-жа Джудичи, теноръ г. де-Марки и баритоны гг. Карусонъ и Дюфришъ. Концертъ имѣлъ полный успѣхъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Стихотворенія Д. С. Мережковскій.

Извѣстный поэтъ Д. С. Мережковскій издалъ небольшой, изящный томикъ новыхъ своихъ стихотвореній. Лучшимъ изъ стихотвореній является библейская поэма «Юль», въ которой и выдержанный колоритъ, и образы, и сильная мысль слились въ одно гармоничное цѣлое.

Женщина XVIII ст. В. О. Михневичъ. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вѣчно живая и интересная тема о женщинѣ послужила В. О. Михневичу для составленія 18 біографическихкихъ характеристикъ выдающихся женщинъ Россіи, въ важныя для страны нашей XVIII вѣкъ. Всѣ характеристики написаны кратко, ярко и оригинально и дышатъ недюжиннымъ талантомъ почтеннаго писателя.

Все пріятель. А. В. Кругловъ. 1896 г.

Сборникъ дѣтскихъ разказовъ А. В. Круглова написанъ очень тепло, интересно и живо, какъ все, что пишетъ талантливый писатель, столько потрудившійся для дѣтской литературы. Это трудная задача, но опытное перо А. В. Круглова прекрасно разрѣшило эту задачу.

ЮБИЛЕИ и ГОДОЗЩИНЫ.

А. Я. Данилевскій. — 12-го февраля исполнился 25-лѣтній юбилей учено-преподавательской дѣятельности проф. Императорской военно-медицинской академіи А. Я. Данилевскаго. Юбиларъ былъ встрѣченъ своими почитателями-студентами и врачами въ аудиторию, гдѣ послѣ продолжительныхъ и восторженныхъ аплодисментовъ, приветствовавшихъ появленіе любимаго профессора, ему былъ поднесенъ адресъ отъ студентовъ академіи.

И. Д. Палажченко. 14-го февраля исполняется 50-лѣтіе службъ въ классныхъ чи-

нахъ тайнаго совѣтника И. Д. Палажченко. Юбиларъ состоялъ директоромъ канцеляріи с.-петербургскаго опекунскаго совѣта и былъ ближайшимъ помощникомъ председателя опекунскаго совѣта, извѣстнаго своей дѣятельностью покойнаго принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго.

А. М. Жемчужниковъ. На-дняхъ минула 75-лѣтняя годовщина рожденія А. М. Жемчужникова, поэта, составившаго себѣ, громкую извѣстность въ нашемъ обществѣ шутками, афоризмами и пародіями, писавшимъ имъ вмѣстѣ съ его братомъ, г. В. Жемчужниковымъ, и гр. А. К. Толстымъ подѣ собирательнымъ именемъ Кузьмы Пруткова. А. М. началъ писать довольно поздно, и полное развитіе его недюжиннаго таланта проявилось уже въ преклонномъ возрастѣ у поэта. Всего 3—4 года тому назадъ А. М. издалъ свои стихи. Тепло и искренность поэтическаго дарованія А. М. доставили ему много поклонниковъ.

НЕКРОЛОГИ.

Ю. Т. Чудновскій. — Въ Вѣнѣ въ ночь на 9-ое февраля скончался извѣстный профессоръ специалистъ по внутреннимъ болѣзнямъ Юлій Трофимовичъ Чудновскій. Еще студентомъ медико-хирургической академіи, Ю. Т. занялся изслѣдованіемъ вопроса о трихинахъ и трихинозной болѣзни въ Россіи. Академія признала это изслѣдованіе достойнымъ серебряной медали. По окончаніи курса со званіемъ врача онъ былъ оставленъ при академіи. Послѣ диссертация на степень доктора медицины, покойный уѣхалъ въ 1870 году за границу для усовершенствованія своихъ знаній, и по возвращеніи, былъ приглашенъ медико-хирургической академіей въ качествѣ ассистента терапевтической клиники Вилье. Въ 1876 г. ду Ю. Т. былъ назначенъ адъюнктомъ-профессоромъ по кафедрѣ внутреннихъ болѣзней, а въ 1885 г. — ординарнымъ профессоромъ.

Л. К. Калогерасъ. — 10-го февраля, контръ-адмиралъ Леонидъ Константиновичъ Калогерасъ скончался въ Афинахъ. Покойный родился въ 1839 году; Л. К. въ продолженіе своей сорокалѣтней службы совершилъ нѣсколько заграничныхъ плаваній.

П. В. Жуковскій. — Скончался камергеръ Высочайшаго двора Петръ Владиміровичъ Жуковскій. П. В. Жуковскій состоялъ гласнымъ петербургской думы. Послѣдніе годы онъ состоялъ председателемъ двухъ исполнительныхъ думскихъ комиссій — санитарной и по надзору за освѣщеніемъ города.

П. Н. Кушнеревъ. — 10-го февраля скончался извѣстный издатель, основатель крупнейшей въ Москвѣ типографіи — Иванъ Николаевичъ Кушнеревъ.

Н. А. Охотинъ. — 16-го января скончался въ Гонтъ-Контъ старшій врачъ броненосца «Императоръ Николай I» докторъ медицины, хирургъ Иванъ Александровичъ Охотинъ. Съ 1878 года И. А. служилъ по морскому вѣдомству и совершилъ нѣсколько кругосвѣтныхъ плаваній.

СПОРТЪ.

Въ воскресенье, 11-го февраля, на бѣгу былъ разыгранъ «Большой петербургскій» призъ въ 15,100 руб. Изъ семи бѣжав-

шихъ лошадей рѣзвѣйшимъ оказался «Полканъ» братьевъ Кожевниковыхъ, завода Терещенка, окончившій три версты въ 4 м. 55¼ с., съ двумя сбоями; вторымъ послѣ него былъ «Чудный 2-й» В. П. Молодцова, пришедшій къ столбу въ 4 м. 58¼ с. безъ сбоя. Призъ разыгранъ съ очень хорошою рѣзвостью; пока на этомъ испытаніи русскія лошади не приходили съ такою скоростью.

СВ. МУРОПОМАЗАНІЕ БОРИСА, НАСЛѢДНАГО БОЛГАРСКАГО ПРИНЦА.

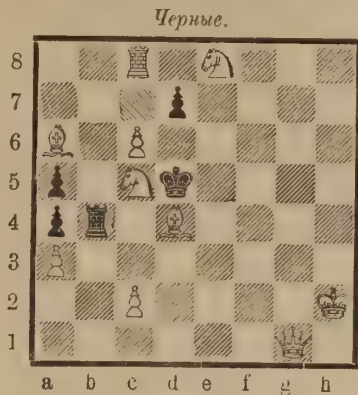
(Къ рисунку на 188 и 189 страницахъ).

Муропомазаніе юнаго болгарскаго наследника принца Бориса было окружено большимъ великолѣпіемъ. Уже съ 8 часовъ, въ день Срѣтенія Господня, толпы народа, празднично-разодѣтаго окружали небольшой Софійскій соборъ, гдѣ все готовилось къ торжеству. Внутренность собора была украшена лентами болгарскихъ цвѣтовъ — бѣлыми, зелеными и красными. Надъ трономъ принца устроены были великолѣпный балдахинъ увѣнчанный болгарскимъ львомъ. Въ 10 час. въ наполненный избраннымъ обществомъ соборъ начали являться власти. Первыми прибыли члены совѣта министровъ, за ними появились дипломатическіе агенты иностранныхъ державъ, между которыми не было, однако, германскаго, итальянскаго и англійскаго. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ помѣстился среди представителей державъ рядомъ съ французскимъ агентомъ. Наконецъ, въ одиннадцатомъ часу, при крикахъ «ура» и громѣ пушекъ, принцъ Фердинандъ въ парадномъ мундирѣ вступилъ въ церковь. Черезъ нѣсколько времени новыя крики и «ура» возвестили прибытіе малютки принца Бориса. На рукахъ гувернантки малютка-принцъ со своими каштановыми волосами, съ черными глазами, розовымъ личикомъ, одѣтый весь въ бѣлое — былъ престеленъ. На малюткѣ была надѣта красная лента св. Александра и, кромѣ того, нѣсколько орденовъ еще. Принца Бориса посадили на кресло по правую сторону принца Фердинанда. По порядку службъ, болгарскій экзархъ въ сопровожденіи епископовъ приблизился къ принцу Борису. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ сталъ по правую руку принца въ качествѣ воспріемника. Началась церемонія присоединенія принца къ православной церкви. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ исполнилъ все, требуемое обрядами. Принцъ Борисъ перенесъ довольно-длинную церемонію весьма послушно и серьезно. Всеобщій восторгъ охватилъ всѣхъ присутствующихъ. Опять послышались громовыя «ура». На прилагаемой картинѣ изображенъ тотъ торжественный моментъ, когда болгарскій экзархъ, приблизившись къ маленькому принцу, совершаетъ торжественное муропомазаніе.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 5.

М. Фейглы (въ Вѣнѣ).

Мать въ 2 хода.

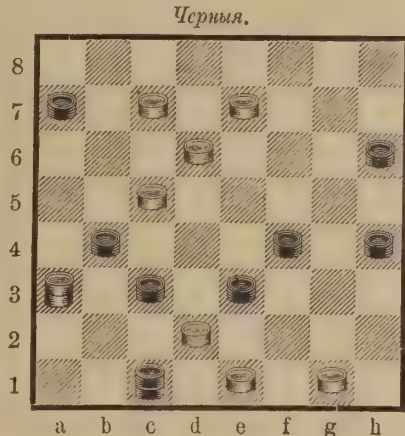
7-го февраля въ С.-Петербургскомъ Шахматномъ Обществѣ начался годовой турниръ—гандикапъ при участіи 24 игроковъ.

ШАШКИ.

Подъ редакціею В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 6.

М. И. Туманова (въ Сызрани).

Запереть дамку и простую.

ПАРТІЯ № 3.

Играна на второмъ всероссійскомъ турнирѣ въ Москвѣ.

С. А. Воронцовъ. М. С. Ивановъ.

Бѣлыя. Черныя.
1. c3-d4, f6-g5; 2. b2-c3, g5-h4; 3. c3-b4, d6-c5; 4. b4-d6, e7-c5; 5. d2-c3, g7-f8; 6. c3-b4, f8-g7; 7. b4-d6, c7-c8; 8. c1-b2, h6-g5; 9. b2-d4, f6-e5; 10. d4-f6, g5-e7; 11. e3-d4, b6-c5; 12. d4-b6, a7-c5; 13. g3-f4, d8-c7; 14. a1-b2,

c7-b6; 15. b2-c3, g7-f8; 16. f4-g5, b8-c7; 17. g5-h6, f6-e5; 18. c3-b4, e7-d6; 19. b4-a5, e5-d4; 20. a3-b4, c5-a3; 21. f2-g3, h4-f2; 22. g1-a7, a8-b2; 23. a7-b8, b2-a1; 24. h6-g7, h8-f6; 25. a5-b6, c7-a5; 26. b8-h8. Черн. сдались.

Примѣчанія къ партіи.

1) Чаше здѣсь играютъ 6... d8-e7; 7. b4-d6, c7-c3; 8. c1-b2, e7-d6; 9. b2-d4, d6-e5; 10. d4-c5, b6-d4; 11. e3-c5, h6-g5; 12. c5-b6, a7-c5; 13. g3-f4, e5-g3; 14. h2-h6, f6-e5—игра равна.
2) Вторяно, лучше было-бы 11... e7-d6.
3) Ошибочный ходъ, погубившій партію. Слѣдовало играть 15... b6-a5.
4) Очевидно, что нельзя мѣняться 16... e7-d6; 17. g5-e7, d6-f8; тогда 18. c3-b4 и если c5-d4, то 19. f2-g3, h4-f2; 20. g1-a7 и выигр. Если 18... b8-a5, то 17. g5-h6, f6-e5 (если 17... b8-c7 или e7-d6, то 18. h6-g7 и бѣл. выигр. шашку); 18. c3-b4, a5-c3; 19. e1-d2, c3-g3; 20. h2-f8 и выигр. Если же 18... f6-e5, то очевидно 17. c3-b4, h4-f6; 18. b4-f8 и выигрываютъ.
5) Не лучше было-бы и 18... c7-d6; тогда 19. b4-a5, c5-d4 (если 19... e7-f6; 20. a5-c7, d6-b8, то 21. h6-g7 и выигр.); 20. a5-c7, d6-b8; 21. f2-g3, h4-f2; 22. g1-c5 и бѣл. должны выиграть, имѣя шашку больше.
6) На 23... b2-c1 послѣдовало-бы 24. a5-b6, c7-a5; 25. b8-f4, c1-g5; 26. h6-f4 и выигрываютъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Опасность искусственныхъ зубовъ. Недавно профессоръ Крѣйлейнъ на одномъ публичномъ чтеніи въ Цюрихѣ заявилъ, что ему лично извѣстно около 37 случаевъ проглатыванія искусственныхъ зубовъ, вызывавшихъ операціи глотательнаго горла. Изъ оперированныхъ выздоровѣло 29, а 8 умерло. Профессоръ предупреждаетъ всѣхъ, кому приходится носить фальшивые зубы, никогда не забывать вынимать фальшивыя челюсти на ночь, а испортившіяся немедленно отдавать въ починку. Именно къ послѣднему часто относятся весьма небрежно.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

Всѣ присылаемые рукописи и рисунки должны быть съ полнымъ адресомъ, фамиліею автора и съ обозначеніемъ желаемаго гонорара. Безъ указанія послѣднихъ свѣдѣній, рукописи и рисунки считаются *безплатными*. Рукописи менѣ печатнаго листа и рисунки, непризнанные годными къ печатанію, по прошествіи *двухъ мѣсяцевъ* уничтожаются безъ объясненія причинъ. Редакція не принимаетъ на себя обязательствъ возвращать рукописи и рисунки почтою, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ. Для полученія отвѣта необходимо прилагать къ рукописямъ конверты со своимъ адресомъ и маркою. Относительно стихотвореній редакція не входитъ ни въ какіе письменные переговоры и предупреждаетъ гг. авторовъ, что этотъ матеріалъ присылается въ слишкомъ большомъ количествѣ и рѣдко годнымъ для печати, а потому всѣ стихотворенія, признанныя неудобными къ печати, послѣ отвѣта на нихъ въ почтовомъ ящикѣ, *уничтожаются*. Письма не *оплаченныя* гербовымъ сборомъ съ почты редакціею не *принимаются*. *Анонимныя письма не читаются*.

За редактора—издатель С. Довродевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обзоръ» (Спб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“
Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб. 5 к.

№ 2305—5
ВЫИГРЫШ
име 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, нескій, спб.

Отъ СОЛИТЕРА льченіе.
СПБ. САДОВАЯ, 59.

Паро вая
Красильная фабрика ПОЛЬ МАРИ
бывшій Сатіасъ
Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества. Единственный магазинъ въ С.-Петербургѣ.
Невскій просп. № 11.
существуетъ съ 1850 года.
Имѣемъ честь извѣстить почтеннѣйшую публику, что отъ лица, которыя не прѣбываютъ въ сей столицѣ, мы принимаемъ работу по умѣреннымъ цѣнамъ изъ разныхъ городовъ, и кѣ скоро будетъ готова, возвращаемъ вещи съ первою стриховою почтой.
КРАСКА и ЧИСТКА на собственной паровой фабрикѣ: мужскихъ и дамскихъ платьевъ, матеріа, военныхъ мундировъ, пальто и т. п., занавѣсей, портьеръ, ковровъ и мебели.
Спеціальное отд. для чистки и починки: кружевъ, перьевъ и перчатокъ.
РАБОТА ИЗЯЩНАЯ и ПРОЧНАЯ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ 1896 ГОДА.

НОВЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАВАНІЯ—ПРЕМІИ ПОДПИСЧИКАМЪ ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» ЗА 1896 ГОДЪ—

1) Портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы
АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ

воспроизведенный въ 23 краски, на пергаментной бумагѣ (размѣръ: 20 вершковъ вышины и 16 вершк. ширины).

2) Большая художественно выполненная картина съ ориг. профессора Ю. Клевера

«**АВОНЪ ПРИ ЛУННОМЪ ОСВѢЩЕНІИ**»

воспроизведенная въ 18-красокъ (размѣръ: 20 вершковъ длины и 16 вершковъ вышины)

ОТПЕЧАТАНЫ и РАЗСЫЛКА ТАКОВЫХЪ НАЧНЕТСЯ СЪ 1-ГО МАРТА 1896 ГОДА.

Картины будутъ разсылаемы по очереди поступавшихъ требованій, только тѣмъ гг. подписчикамъ, которые уплатили сполна годовую подписную сумму на журналъ (съ доставкой), а также и за выбранную ими картину—ОДИНЪ РУБЛЬ.

Ахроматическ. универсал. БИНОКЛ. И

Карманнаго формата въ замшеомъ кошелькѣ 8 руб., перес. за 3 ф. Большого формата въ шагреновомъ футлярѣ съ ремнемъ 9 руб., перес. за 4 ф. «Аргусъ» имѣетъ превосходныя оптическія качества, одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра, а потому вполне заслуживаетъ названіе «Универсал. бинокля».

Предостережен. Вслѣдствіе уси. спроса на наши универ. бинокли «АРГУСЪ» и «ЛИЛИПУТЪ», возникли дешев., но крайне плохія поддѣлки; поэтому считаемъ долгомъ предупредить гг. покупателей, что настоящ. бинокли нашей фабр. продаются въ Россіи исключ. только въ ниже указаннымъ мѣстахъ.

Е. КРАУСЪ и К^о
Спеціальная фабрика оптическихъ инструментовъ:
Парижъ, Rue Albouy, 21—23.
Единственный складъ для Россіи
С.-Петербургъ, Мойка, № 42 (у Полицейскаго моста).
Иллюстр. прейсъ-курантъ высылается за семи коп. марку. 2364-2

ТРЕБУЮТЪ
МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАЗЕЛИН. КУС. 30к.
ПУДРУ ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАЗЕЛИН. КОР. 60к.
ПРОДАЕТСЯ ВЪСЬДѢ

Товарищество сарининокъ въ Саратовѣ предлагаетъ:
Натуральныя саринскія ткани изъ шелка и бумаги. Неподражаемый выборъ всѣхъ родовъ бѣлыхъ, чужбыхъ и носковъ.
ПЕРЕСЫЛКА ТКАНЕЙ ЗА СЧЕТЪ ФИРМЫ.
Образцы въ изящномъ альбомѣ высылаются за 42 коп. марками. 2358-3

АЛЬБОМЪ ПАРИЖСКИХЪ КРАСАВИЦЪ

составленъ изъ картинъ лучшихъ французскихъ художниковъ и въ составъ этого альбома вошли слѣдующія картины: 1) Триумфъ Венеры; 2) Потифаръ; 3) Леда съ лебедемъ; 4) Судъ Париса надъ тремя граціями; 5) Диана при купаньи; 6) Послѣ купанья въ гаремѣ; 7) Венера являющаяся тремъ граціямъ; 8) 4 дамы; 9) Сила и Волна.

Всѣ картины въ немъ Парижской школы въ особенности замѣчательны тѣмъ, что художники съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ изобразили

КРАСОТУ ЖЕНЩИНЫ.

Всѣ картины помѣщены въ изящно тисненную золотыми и черными рисунками манку.

Цѣны съ пересылкою { Въ манкѣ . . . 2 руб. 90 коп. 2 за 5 р. 35 к.
Наложен. платежомъ { Безъ манки . . . 2 руб. 05 коп. 2 за 3 р. 60 к.

Базаръ Марокъ { С.-Петербургъ.
Невскій пр. № 20 25.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Бюнкерстидъ мѣ Генрихъ Блокъ.
—5 Спб., Невскій, 59. № 2261.

ЗАЯВЛЕНІЕ

выдѣляется основательно въ спеціальн. заведеніи Карла Эрнста. Принимаются приходящіе и пансіонеры. № 2203
СПб., Невскій пр., д. № 100, кв. 7.
Руководство въ самообученію 3 руб.
СВѢДѢНІЯ БЕЗПЛАТНО. 16

Остерегаться поддѣлокъ!

ДѢТСКОЕ РОМАШКОВОЕ МЫЛО

Лабораторіи А. Энглундъ.

Нейтральное мыло, не содержащее въ себѣ афривныхъ маселъ. — Рекомендуются какъ туалетн. мыло для ежедневнаго употребленія.

Цѣна 30 к

за кусокъ, съ пересылкою 4 куса 1 руб. 50 коп.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., д. Жербина. № 2. № 2046—2

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ

рояли и пиано америк. констр. со всѣми новѣйш. усоверш., перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ, двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч. двойн. репетицією, пріятн. и сильн. тона. Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и др. ПIANO . . . 350 375, 425, 460, 500, 550, 600 и др. Армоніпано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія на нѣсколько лѣтъ № 2321—

СИМФОНИОНЫ

Музыкальныя шкатулки съ пріятѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ возможность мѣнять по произволу пѣсни, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручкой безъ нотъ	5 —
Ноты по	— 25
Заводной безъ нотъ	10 —
Ноты по	— 25
Заводной 60-тонный безъ нотъ	28 —
Ноты по	— 50
Заводной 84-тонный безъ нотъ	40 —
Ноты по	— 60
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	70 —
Ноты по	— 80
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie Piccolo	10 —
Ноты по	1 —

НОВОСТЬ: Часы съ музык. о. Силидные часы, развѣ въ день заведенныя, играютъ сами черезъ каждый часъ выбранныя по произволу пѣсни. Въ случаѣ желанія — играютъ,

когда угодно. Густые, пріятѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.

Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.

Списки пѣснь для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. № 805-8

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля. С.-Петербургъ, Б. Морская. № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

РЕКОМЕНДУЮ ОГРОМНѢЙШІЙ ВЫБОРЪ Карманныхъ ЧАСОВЪ.

Высылаемая во всѣ мѣста Россіи, тщательно проверенныя въ изысканн. футлярахъ съ 2-хъ лѣтней гарантіей, по значительно удешевленнымъ цѣнамъ: часы черные изъ вороненой стали, вѣдущіе, открытые Анкеръ-Ремонтуръ съ заводомъ безъ ключа прочной конструкціи. Вѣчными русскими, французскими или немецкими календаремъ (т. е. показывающіе мѣсяцъ, число, день и фазы луны) цѣна 10 р. 75 к. Тѣмъ же самымъ глухіе серебряные всѣ 3 крышки 84 пробы, прочной конструкціи и прелестной отдѣлки 16 р. 50 к.

Часы серебряные глухіе 84 пробы, прочной конструкціи и прелестной отдѣлки, наружнымъ ходомъ 23 р. 00 к.

Часы серебряные, всѣ 3 крышки 84 пробы, глухіе, анкеръ, прочной конструкціи, заводъ ключемъ на 23-хъ каннѣхъ мужскихъ 9 р. 50 к.

Часы серебряные, всѣ 3 крышки 84 пробы особенно изящнаго фасона и прочности, съ заводомъ безъ ключа Ремонтуръ 11 р. 50 к.

Часы серебряные, всѣ 3 крышки 84 пробы изящнаго фасона, цилиндръ-дажкѣ заводъ ключемъ или ремонтуръ 8 р. 50 к.

Имѣются прелестныя цѣпочки изъ накладнаго золота, гарантированныя, ничѣмъ не отлич. отъ настоящаго золота по 3, 4 и 5 р. ш. По желанію Гг. покупателей часы высылаю наложеннымъ платежомъ, при полученіи задатка.

Требованія прошу адресовать:

ТОРГОВОЙ ФИРМѢ Ш. БИТКЕРЪ.

Варшава, улица Святого Георгія, 28.

Прейсъ-куранты высылаю франко.

№ 2263—1

№ 8 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 10-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) Листъ «Еженедѣльной хроники» № 8.

Дозволено цензурою. Спб., 16 февраля 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

✿ ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ✿

Главная Контора журнала: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ № 68—40.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ 1896 ГОДА

Дорогой гость. Съ картины художника И. Тихомірова.

* * *

... Какъ странно небо просвѣтлѣло!
Какъ блѣденъ солнца желтый кругъ!
Ужь потонулъ въ туманѣ лугъ,
Ужь степь, какъ дымомъ, заблѣла...

Изподтишка мятель ползла;
Курилась тихо на сугробѣ—
И вдругъ рванулась, понесла
И закружилась въ дикой злобѣ!

Въ саду, въ пыли, и гулъ, и трескъ...
Какъ искры солнца на газетѣ,
Морозныхъ иглъ колючій блескъ
Несется въ мутномъ желтомъ свѣтѣ...

Мятель и блескъ! Но ни ракитъ,
Ни крышъ, ни вѣшекъ—все въ туманѣ,
Все въ этомъ снѣжномъ океанѣ
Зловѣщей радостью гремитъ!...

Ив. Бунинъ.

В С П Ы Ш К А.

Р а з с к а з ъ .

АЛЕКСѢЙ Павловичъ Чердынцевъ, страшный, какъ туча, ходить нервными шагами по кабинету. Онъ не сомкнулъ глазъ во всю ночь, не притронулся къ завтраку утромъ, выпилъ только залпомъ стаканъ холоднаго чаю и только все ходитъ и ходитъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Видъ столовой съ одинокимъ приборомъ такъ удручающе дѣйствовалъ на нервы, что Чердынцевъ почти выбѣжалъ оттуда, боясь, что онъ просто разрыдается, какъ ребенокъ, если сядетъ за этотъ осиротѣвшій столъ.

— Уѣхала-таки... уѣхала, теперь нѣтъ никакого сомнѣнія!

Всю ночь Алексѣй Павловичъ прислушивался; ему казалось по временамъ, что онъ слышитъ стукъ подъѣзжающаго экипажа и онъ стремительно вскакивалъ съ своей оттоманки и, прижимая лицо къ холодному стеклу, силился разсмотрѣть что-нибудь въ темнотѣ октябрьской дождливой ночи. Но нѣтъ... одинъ вѣтеръ шумѣлъ, хлопалъ чѣмъ-то, скрипѣлъ акаціями въ саду и потрясалъ балконной дверью.

— Уѣхала!

Была слабая надежда на то, что пароходы больше не ходятъ по случаю сильныхъ заморозковъ, но и эта надежда исчезла утромъ, когда вернувшійся съ лошадыми и пустымъ экипажемъ кучеръ заявилъ, что сдалъ барыню благополучно на пароходъ и самъ видѣлъ, какъ «отваливали» стѣ пристани.

— Уѣхала!

Хотя вся прислуга отлично поняла, что господа пессорились, но всѣ показывали видъ, что вѣрять нѣтъ не видѣнной телеграммѣ, извѣщающей о болѣзни барыниной матери, живущей въ Москвѣ, къ которой ихъ барыня будто-бы и поѣхала, захвативъ и маленькую барышню.

— Какъ-бы не такъ! Еслибы все было по хорошему-то, такъ развѣ пустил-бы баринъ барыню одну съ ребенкомъ по такой распутицѣ? До пароходной пристани вѣдь цѣлыхъ сорокъ пять верстъ отъ ихъ помѣстья.

Всѣ объ этомъ шептались, но никто и виду не показывалъ, что догадывается о ссорѣ.

А баринъ все ходитъ и ходитъ по кабинету.

Уѣхала и увезла Зину съ собой. Исчезъ тотъ милый шумъ и безпорядокъ, который вносить въ домъ ребенокъ, и домъ сразу точно умеръ, сталъ холоднымъ, суровымъ, непригляднымъ...

Алексѣй Павловичъ измученный бросился, наконецъ, въ кресло и сжалъ ладонями виски, въ которыхъ стучало точно молотомъ.

— Подумать, только подумать, изъ-за какого пустяка все вышло: она, Ната, не хотѣла, чтобы онъ ѣхалъ на охоту съ Прядильниковыми... Мелкая ревность, потому что жена Прядильникова тоже ѣздитъ за зайцами... Ну, и чертъ съ ней, пусть ѣздитъ, развѣ онъ обращалъ когда-нибудь на нее вниманіе! Изъ-за этого началась ссора... Цѣлая безобразная, дикая сцена... какимъ-то образомъ перешли на денежный вопросъ, была задѣта теща, потомъ его мать, ея разведенная замужняя сестра, припомнили барышню, за которой онъ когда-то ухаживалъ и ея кузена, задѣли по дорогѣ покойнаго отца, потомъ всплыла на свѣтъ Божій какая-то записка... бр... даже вспомнить противно, какъ это все вышло пошло и мѣщански грубо! Какъ онъ могъ унизиться до тѣхъ упрековъ, которые онъ ей дѣлалъ, какъ могъ высказывать тѣ подозрѣнія, въ которыхъ и самъ, въ сущности, не вѣрилъ, хотѣлось просто сдѣлать больно и больше ничего... А все оттого, что у обоихъ невозможно вспыльчивые и неуступчивые характеры!

Онъ ждалъ, что она выйдетъ мириться, а она, оказывается, уложила чемоданъ и уѣхала, оставивъ лаконическую записку: «Уѣзжаю съ Зиной къ мамѣ; остальные мои вещи вышлите потомъ...» и уѣхала. А онъ-то думалъ, что она ѣдетъ къ своей кузинѣ въ Отрадное за семь верстъ и еще подумалъ: «Пусть освѣжится и образумится!»

— Что-же, однако, предпринять? Оставаться одинъ онъ положительно не можетъ. Ѣхать къ знакомымъ... давать пищу сплетнямъ, пересудамъ, догадкамъ, встрѣчать жадное любопытство подъ видомъ участія... Развѣ уѣхать въ Поспѣлово къ Александру Дмитриевичу... То-то будетъ торжествовать старый, заклятый врагъ семейной жизни, но за то передъ нимъ не нужно притворяться и играть комедію, а это тяжелѣе всего.

Рано утромъ другого дня «баринъ» тоже уѣхалъ. Дорога была убійственная, земля была тверда, какъ желѣзо, и грязь замерзла комками и кочками. Экипажъ подбрасывало и встряхивало немилосердно.

— Воображаю, что теперь дѣлается на Волгѣ,—думалъ Чердынцевъ,—холодно, отвратительно, буфетовъ больше нѣтъ, отогрѣться-то даже нечѣмъ... Бѣдная Зинка, за что она-то страдаетъ! Вѣдь вотъ что значить

тѣшить свое упрямство: кутала и берегла ребенка до глупости, а теперь потащила въ такую погоду... Ну, ужъ и женщины...

Усталый и измученный, Алексѣй Павловичъ, не смотря на всѣ неудобства, наконецъ, задремалъ.

Его разбудилъ сильный толчокъ, отъ котораго весь экипажъ накренился на бокъ. Было соебѣмъ темно... они стояли среди поля.

— Что такое, Парфень,—куда мы попали?—окрикнулъ Чердынцевъ кучера, слѣзавшаго съ козелъ.

— Лесора лопнула,—отвѣтилъ мрачно тотъ,—по этойкой дорогѣ гдѣ-же лесорамъ вытерпѣть—не земля, а чугунъ!

— Что-же теперь дѣлать будемъ?

— Не иначе какъ до жилья доѣхать надо, а тамъ видно будетъ. Извольте пересѣсть на тою сторону, все не такъ напирать на колесо станеть.

— А гдѣ мы теперь?

— Да верстъ пятью до Волковой слободы не доѣхали, тамъ и заночевать придется...

— Этакая гадость!

Экипажъ, кряхтя и шаркая немилосердно сломанной рессорой, потащился почти шагомъ, снова подпрыгивая и качаясь изъ стороны въ сторону.

Наконецъ, замелькали огоньки «Волковой слободы», и инвалидъ-экипажъ запрыгалъ по широкой улицѣ.

Намѣтивъ избу поновѣе и попросторнѣе другихъ, Чердынцевъ велѣлъ остановиться у воротъ и послалъ Парфена вызвать хозяина.

Вскорѣ изъ калитки вышелъ благообразный старикъ безъ шапки, но въ тулупѣ и валенкахъ.

— Дѣдушка, можно вѣхаться переночевать у тебя?—началъ Алексѣй Павловичъ.

— Съ превеликимъ-бы моимъ удовольствіемъ, милость ваша, да, вишь, оказія какая—мѣстовъ больше нѣтъ.

— Какихъ мѣстовъ?

— Да то ись для ночлега... нонеча у насъ два семейства съ парохода въ избѣ ночуютъ.

— Съ парохода?

— Да, вишь, грѣхъ-то какой вышелъ: пароходъ почитай льдинами затерло—онъ дальше-то и не пошелъ, привернулъ къ берегу значить, ну и, значить, выходите, кто ѣхалъ на ѣмъ, до и только... Такъ на пустой берегъ и ссадилъ пассажировъ.

— Такъ они сѣла прѣехали?

— Кабы пріѣхали, а то, сердечные пѣшечкомъ приплелись... человекъ пятнадцать было ихъ—версть пятью проехали; которые взяли подводы, да въ городъ уѣхали, простой народъ, тотъ пѣшкомъ пошелъ, кто до мѣста, и кто назадъ къ дому. Мой парень тоже одного купца до самого Василя-Сурска довезъ, говорить, экстренно нужно быть... Такой купецъ плотный, чуть не задохся: чемоданъ изрядный на себѣ тащить.

— Такъ, значить, не можешь... Куда-бы намъ толкнуться, укажи-ка...

— Да вотъ черезъ три избы... попроситесь, тамъ тоже пустятъ, у нихъ никакъ никого нѣту, а коли и есть, такъ самая малость; барыня тутъ отъ насъ ушла, тѣсноты побоялась...

— Барыня!

Сердце Чердынцева вдругъ дрогнуло, и кровь горячей струей обдала лицо.

До сихъ поръ онъ слушалъ довольно безучастно старика, не спрашивая даже, откуда шелъ пароходъ, съ верху или съ низу, но теперь, точно охваченный предчувствіемъ, онъ быстро спросилъ:

— Барыня... одна?

— Нѣтъ, съ дитей... махонькая дѣвочка при ней, да разведужилась, видно, такъ барыня и ушла, гдѣ послободѣе.

— Она, навѣрное, она... и Зина больная... Ну, трогай Парфень, черезъ три избы остановишься... Прощай дѣдъ, спасибо!

— Ненадѣмъ, кормилецъ нашъ добрый... Тамъ старуху Власьевну спросите... аль Микиту...—кричалъ старикъ въ догонку.

Алексѣй Павловичъ волновался страшно и, не посылая кучера, самъ выскочилъ изъ экипажа и осторожно постучалъ въ оконце. Крайнее окно было завѣшано чѣмъ-то цвѣтнымъ и въ этомъ «чѣмъ-то» Чердынцевъ тотчасъ-же узналъ теплый большой платокъ жены.

Значить, сердце не обмануло его... здѣсь онѣ, жена и дочь.

Вышедшая старуха не особенно охотно согласилась впустить новаго ночевальщика, заявивъ, что барыня очень просила на счетъ тишины... ребеночекъ у ней разведужился,—поясняла старуха,—и барыня-то плачетъ жалъ ее, сердечную.

Увѣривъ, что онъ никакого шума не сдѣлаетъ, и, сунувъ въ руку старухѣ синюю бумажку, Чердынцевъ велѣлъ кучеру въѣзжать во дворъ, заговоривъ уже шепотомъ на улицѣ.

— Мы ей всю избу предоставили,—поясняла на ходу старуха,—сами въ заднюю ушли, а она съ дитей въ боковушкѣ, а я, было, тутъ легла въ избѣ, потому у меня сонъ чуткій, если что ночью завадбится...

Алексѣй Павловичъ вошелъ на ципочкахъ въ избу, заявивъ еще въ сѣняхъ, что ему рѣшительно ничего не нужно, кромѣ огня.

Дверь въ «боковушку» была завѣшена пледомъ... Оттуда слышались легкіе шаги и слабый капризный голосокъ Зины, протестующій противъ чего-то.

— Ну, выйей-же, дѣточка, выйей, родная, это-же сладко,—полупшепотомъ произнесъ знакомый низкій голосъ, при звукахъ котораго задрожали всѣ нервы Чердынцева.

Вѣдь прошло только двое сутокъ, какъ онъ не слышалъ его, а между тѣмъ ему казалось, что это было страшно давно.

Въ эту минуту онъ такъ сильно любилъ жену, какъ никогда, кажется, не любилъ даже въ первые мѣсяцы своей женитьбы. Онъ опустился на лавку и, затѣвъ дыханіе, прислушивался къ малѣйшему шороху въ со-

сѣдной комнатѣ: вотъ зашелестѣло платье мягкимъ шелковымъ шелестомъ, очевидно, Ната опустилась на колѣна около лавки, гдѣ лежала Зина... Звукъ поцѣлуя и снова ласковый шопотъ; «ну... Зинуша, выйей... для мамочки... ну, ну... еще... всю до конца... вотъ умница, вотъ цинька»!..—И снова звуки поцѣлуевъ...

— Теперь спи съ Богомъ... спи, моя дѣтка!..

— А папа?—послышался дѣтскій голосокъ.

— Папа... завтра, завтра, пріѣдетъ... спи дѣтка, спи...

— Мама, о чемъ ты плакала, тогда?

— О тебѣ, радость моя, оттого, что у тебя головка болитъ... не разговаривай, дѣтка, спи, а то папа и завтра не пріѣдетъ—знаешь, что ты не пай...

Свѣтъ уменьшился, лампочку чѣмъ-то заставили высокимъ... Еще съ минуту слышались легкіе шаги по комнатѣ, снова шелестъ шолка и легкій звукъ перевертываемыхъ листовъ книги...

Вошла старуха, но Алексѣй Павловичъ такъ усиленно замахалъ на нее руками, что она, тоже махнувъ успокоительно рукой: «что шумѣть-де не буду!»—осторожно полѣзла на печку и, повозившись минуту, тяжело вздохнула, а зѣвкомъ почти тотчасъ послышалось ея ровное, шумное дыханіе.

Въ избѣ все затихло. У Чердынцева даже ноги затекли отъ неподвижнаго положенія, въ которомъ онъ сидѣлъ. Въ «боковушкѣ» только изрѣдка слышался шелестъ листа и еле уловимый шорохъ платья... Дѣвочка невидя заснула... Алексѣй Павловичъ ясно слышалъ тиканье часовъ въ боковомъ карманѣ да бѣшеное свое сердце. Но что это? Какіе-то иные звуки... прерывистое дыханіе, судорожные вздохи, сдвоенное рыданіе. Ну да, она плачетъ... Его Ната плачетъ!.. Она считаетъ себя одинокой, несчастной съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ въ отвратительной непривычной обстановкѣ и плачетъ...

Бѣдная милая Ната!

Алексѣй Павловичъ всталъ и сдѣлалъ шагъ впередъ: скрипнула половица, но шаги, благодаря валеннымъ сапогамъ, не были слышны... Еще шагъ и онъ войдетъ и увидитъ ихъ обѣихъ... одинъ пледъ раздѣляетъ ихъ... Онъ приподнял его край и увидѣлъ ту картину, которую угадывалъ слухомъ: у одной сѣбны на лавкѣ, укутанная одѣяломъ и ротондой спала Зина; ея личико только угадывалось въ тѣни, такъ какъ передъ лампой съ ея стороны былъ поставленъ на столѣ большой сакъ-вожатъ. У некрашеннаго столика съ неубраннымъ самоваромъ, сидѣла его жена закутанная въ бѣлый оренбургскій платокъ, въ одной нижней шолковой юбкѣ, книга лежала раскрытая, а надъ нею опершись на локти, прижавъ платокъ къ лицу, сидѣла она и ея плечи и руки вздрагивали отъ заглушенныхъ рыданій.

— Ната,—чуть слышно позвалъ ее мужъ,—но она не слышала.

— Ната!—сказалъ онъ громче и шагнулъ впередъ.

Она вскочила какъ ужаленная, испуганно вглядываясь въ полумракъ опухшими отъ слезъ глазами.

— Алексѣй! Вы... вы здѣсь, какими судьбами? Зачѣмъ?

Она уже успѣла овладѣть собою, и лицо приняло холодное и недвѣнное выраженіе.

— Судьба, Ната,—ласково началъ онъ,—подумай, развѣ я могъ угадать, что пароходъ не пошелъ дальше и что ты здѣсь въ этой деревнѣ, въ этой именно избѣ...

— Но почему вы вообще здѣсь... все-таки не понимаю?

— Поѣхалъ къ Поспѣлову, на дорогѣ сломался экипажъ, и вотъ я здѣсь сижу давно и слушаю... Зина больна?

— Пустяки, легкій жарокъ... Надѣюсь, что къ завтраму все пройдетъ и мы поѣдемъ дальше на почтовыхъ... трактъ отсюда въ тридцати верстахъ.

— Ната!

Онъ съ упрекомъ поднялъ на нее глаза, но она притворилась, что не поняла его.

— Лошадей до станціи здѣсь можно достать и плетушку, въ ней очень удобно...

— Но какъ ты добралась сюда съ ребенкомъ?

— Ахъ, очень счастливо... На пароходѣ ѣхала цѣлая артель плотниковъ или вообще какихъ-то рабочихъ... двое взяли нести багажъ, а одинъ несъ Зину...

— Но ты сама... вѣдь говорить нѣтъ въ верѣ... по такой дорогѣ.

Наталия Михайловна пожала плечами.

— Дошла, какъ видите, устала немного, что-же изъ этого—отдохну.

Она старалась говорить какъ можно небрежнѣе.

— На почтовыхъ-то... отдохнешь? — съ упрекомъ подхватилъ мужъ, — съ больнымъ ребенкомъ... какъ не стыдно, Ната, какъ не грѣшно... пожалѣй хоть ее-то!

Онъ кивнулъ головой на спящую Зину.

Жена вся вспыхнула и заносчиво подняла голову.

— Позвольте мнѣ думать, что я люблю ребенка не меньше васъ и отлично знаю, что дѣлаю...

— Тише, Ната, ты ее разбудишь!

— Наконецъ, вы не имѣете никакого права...

— Полно, полно... успокойся... тише.

Но Зина уже проснулась и сѣла на лавкѣ, обводя комнату изумленными глазами.

— Папочка, папочка,—вдругъ вскричала она, узнавъ отца и протягивая къ нему ручки,—ты пришелъ къ намъ... я была пай и вынуждена лекарство... ты не уходи, у меня головка болитъ, а мама плачетъ...

Алексѣй Павловичъ молча цѣловалъ спутанные волосики дѣвочки и тоже шепталъ:

— Спи, спи, родная, я не уйду!

Но дѣвочка вдругъ разныкалась и закашлялась.

Мать такъ и кинулась къ ней.

— У тебя болитъ что-нибудь, что ты хрипишь... Горлышко болитъ... да? Вотъ здѣсь болитъ?

— Болитъ... Я домой хочу, въ свою постельку... здѣсь гадко... домой... домой,—и Зина уже совсѣмъ капризно хлопала ногами по постели.

— Нужно согрѣвающий компрессъ,—растерянно говорила Наталия Михайловна,—есть здѣсь аптека?

— Нужно узнать... если здѣсь нѣтъ, то по близости гдѣ-нибудь... можно послать верхового.

— А фланель... гдѣ-же взять фланели... Господи, вдругъ у нея скарлатина!

— Можно обвязать платкомъ, вотъ хотя твоимъ оренбургскимъ...

— Нужно смазать въ горлѣ обязательно таниномъ съ глицериномъ...

— Пойди, первымъ дѣломъ я пойду, разбужу хозяина и узнаю насчетъ аптеки.

Чердынцевъ быстро вышелъ.

Когда черезъ двадцать минутъ онъ вернулся назадъ, дѣвочка дремала, изрѣдка вскрикивая, а Наталия Михайловна горько плакала, сидя на лавкѣ.

Въ путь-дорогу. Рисоваль художникъ И. Волковъ.

СЦЕНА ИЗЪ ДРАМЫ «НЕЧАЙ-НОГАЕВА», СОЧ. А. АРСЕНЬЕВА. РИСОВАЛЪ ХУДОЖНИКЪ В. ЮРГЕНСОНЪ.

— Ната, милая, Наточка, не плачь, успокойся... Здѣсь все есть, и аптека и докторъ. Оказывается, что здѣсь земская больница. Парфень сейчасъ идетъ, скажи только все, что надо, я запишу...

Чердынцевъ быстро уже вырываетъ листокъ изъ записной книжки.—Клеенка, глицеринъ, танинъ, йодъ, кисточку, кетати пусть возьметъ валеріановыхъ капель для тебя... Еще что?

— Салициловый натръ... не знаю, что еще.

— Ну, докторъ скажетъ, да и пропишетъ навѣрное что-нибудь, тогда пошлемъ еще разъ... Да не плачь-же, Ната, будь благо-разумнѣе, къ чему предполагать худшее...

— Если у нея диф... дифте... дифтеритъ... она умретъ и сама... ее... ум... умо... рила...

Молодая женщина просто захлебывалась отъ рыданій и уже не отстранялась отъ мужа, который обнялъ ее за плечи и ласково гладилъ по головѣ, какъ ребенка.

Черезъ часъ явился и докторъ. Осмотрѣвъ дѣвочку и увѣривъ, что у нея въ горлѣ рѣшительно ничего нѣтъ, кромѣ простой охри-лости, онъ для успокоенія матери пропе-салъ какую-то микстуру и положилъ вмѣстѣ съ нею согрѣвающий компрессъ, а еще че-резъ часъ Зина, накапризничавшись вдо-воль, уснула.

Мужъ и жена сидѣли около спящей, при-слушиваясь къ ея дыханію и дѣлая шпо-томъ замѣчанія и предположенія по поводу болѣзни. У обоихъ давно улеглось всякое злое чувство другъ къ другу, но никто еще не рѣшался первый заговорить и примиренія.

Въ окна чуть-чуть брезжилъ свѣтъ.

— Домой... домой... къ папочкѣ... — забор-мотала вдругъ во снѣ Зина.

Мать низко нагнулась надъ ней, убаюки-вая какъ совсѣмъ маленькаго ребенка и по-глаживая ее по спинкѣ.

Алексѣй Павловичъ тоже всталъ и тихо обнялъ жену за талію.

— Такъ какъ, Ната, домой — а? Какъ-же ты рѣшишь, домой, милая, дорогая, домой?..

Ната быстро поднялась и порывистымъ движеніемъ спрятала сконфуженное лицо на груди мужа.

О. Демертъ.

* * *

Не любите міра,
Ни того, что въ мірѣ;
Міръ надежду видитъ
Лишь въ одномъ кумирѣ;
Златомъ онъ окованъ
И красой сіяетъ,
И улыбка страсти
На устахъ играетъ.
Мраморной рукою
Ярче блеска снѣга,
Онъ зоветъ въ ту куцу,
Гдѣ любовь и нѣга,
Гдѣ царить забвеніе,
Гдѣ забыты бра-да,
Слезы ихъ и стоны,
Вопли и проклятія;
Гдѣ забыто небо,
Богъ и Икупитель,
Гдѣ хохочетъ нагло
Душъ людскихъ губители...

Гибнетъ міръ! Забудьте,
Братъ, о кумирѣ!
Не любите міра,
Ни того, что въ мірѣ...

Н. Леонтьевъ.

ПОѢЗДЪ БЛАГОПОЛУЧНО ПРИБЫЛЪ!

(Разсказъ).

ВѢТЕРЪ свисталъ и несъ снѣжные хлопья прямо на маленькую стенную станцію, съ явнымъ намѣреніемъ срав-нять это черное пятнышко съ бѣлою гладью степи. Сквозь мглу метели едва виднѣлись красноватые блики фонарей подходящаго по-ѣзда, который давалъ знать о своемъ прибли-женіи глухимъ сотрясеніемъ почвы.

Въ конторѣ начальника станціи, среди ея обычной казенной обстановки, казалось такъ тепло и уютно, сравнительно съ непо-годой наружи.—по этой, вѣроятно, причинѣ ни начальнику станціи, ни его помощнику и въ голову не приходило выходить встрѣ-чать на платформу прибывшій товарный поѣздъ. Дверь отворилась и въ контору во-шелъ занесенный снѣгомъ старикъ оберъ-кондукторъ, съ обычнымъ рапортомъ о бла-гополучномъ прибытіи и съ поѣздными бу-магами. Нѣсколько произнесенныхъ имъ словъ заставили начальника поднять голову и съ удивленіемъ посмотреть на вошедшаго. Лицо старика имѣло дѣйствительно настоль-ко странное выраженіе, что оба сидѣвшіе невольно переглянулись другъ съ другомъ.

— Чтось вами, голубчикъ?—участливо спро-силъ начальникъ станціи:—вы нездоровы?

— Да, да, онъ плачетъ!—воскликнулъ по-мощникъ.

— Нѣтъ-съ, это просто отъ вѣтра, сами знаете, не молодой человѣкъ ужъ, глаза сла-бы,—утирая набѣжавшія слезы, отвѣтилъ ста-рикъ Рыжиковъ.

Исправивъ необходимыя формальности, на-чальникъ станціи отпустилъ кондуктора отпра-вляться въ путь.

Станція была маленькая и поѣздъ оста-навливался всего на нѣсколько минутъ.

— Желаю быть здоровымъ, господинъ на-чальникъ,—попрощался Рыжиковъ, выходя изъ комнаты. Начальникъ внимательно по-смотрѣлъ ему въ слѣдъ.

«Ей-ей неладное, что то со старикомъ», про-бормоталъ онъ, затѣмъ звѣнулъ и вышелъ на платформу посмотреть, какъ поѣздъ, скрывъ засѣвшими буксами, двигался мимо, постепенно ускоряя ходъ.

Старикъ-кондукторъ стоялъ на площадкѣ тормоза до тѣхъ поръ, пока станція не скры-лась изъ виду. Раза два брался онъ за ключъ, но какъ будто-бы не рѣшался отворить дверь своей каютки, затѣмъ, какъ будто рѣшив-шись на что-то, вошелъ въ нее. Его фонарь освѣтилъ маленькое помѣщеніе, жарко на-топленное стоявшею въ углу желѣзною печкою. На скамейкѣ сидѣла, согнувшись, че-ловѣческая фигура, которая, когда фонарь освѣтилъ ея лицо, оказалась молодымъ че-ловѣкомъ, почти мальчикомъ, на видъ лѣтъ восемнадцати—девятнадцати. При входѣ кон-дуктора малый поднялся съ мѣста, на лицѣ его выражалось очевидное безпокойство. Сна-чала ни тотъ, ни другой не промолвили ни слова. Рыжиковъ, не торопясь, поставилъ фо-нарь на полъ, туда-же положилъ портфель съ бумагами и, тяжело опустившись на ска-

мейку, закрылъ лицо обѣими руками. Изъ груди его вырвался хриплый стонъ.

— Батюшка...—порывисто произнесъ моло-дой человѣкъ, сдѣлавъ шагъ къ старику, и остановился въ нерѣшительности. При сдѣ-ланномъ имъ движеніи обнаружилось весьма странное обстоятельство, а именно, что руки его были скручены сзади веревкою.—Ба-тюшка...

— Господи, Господи!—простоналъ старикъ, взявшись руками за голову,—за что Ты такъ меня наказываешь! Воръ, воръ!—яростно за-кричалъ онъ на юношу.—Сынъ мой воръ... о, Господи!

— Батюшка,—проговорилъ тотъ снова,—не губи, отпусти ты меня... Христомъ Богомъ клянусь, исправлюсь, честнымъ человѣкомъ буду, отпусти только, грѣхъ погубитъ!

— Молчи! крикнулъ сурово старикъ.—Въ Сибирь тебѣ дорога! Опозорилъ старика, опо-зорилъ честную семью...

Напрасно бѣдный отецъ силился говорить жестко; голосъ его прервался, и рыданія по-трясли все его грузное тѣло.

Вотъ что произошло часъ тому назадъ.

Темная зимняя ночь безъ просвѣта, безъ звѣздочки, кругомъ метель, поѣздъ, весь за-метенный снѣгомъ, еле движется по пусты-ному пространству между двумя степными станціями. Старику Рыжикову, пріятно успо-коенному теплотою его каютки, сладко дрем-лется. Ему снится семья, жена и весь его мирный уголокъ. Снится ему его первенецъ Гриша, на котораго много надеждъ онъ воз-ложилъ и которому далъ даже нѣкоторое образованіе. Въ техническомъ училищѣ, по-ложимъ, курса онъ не окончилъ; ну, да что-же дѣлать, лѣнливъ немножко... Да оно, по-жалуй, и лучше, при дѣлѣ онъ теперь, въ мастерскихъ работаетъ; глядишь, и же-лованье хорошее дадутъ... похлопотать лишь надо.

Григорій не глупый мальчикъ, съ весьма мягкимъ характеромъ, благодаря ранней смерти матери, остался на рукахъ мачихи, совсѣмъ не смотрѣвшей за мальчуганомъ. Онъ росъ почти на полной свободѣ, отца по цѣлымъ днямъ не бывало дома и никто не интересовался знать, какъ Гришутка про-водитъ свое время. А Гришутка проводилъ время превесело: въ классѣ шелъ послѣд-нимъ за отсутствіемъ какихъ-либо познаній, зато товарищъ былъ лихой. Рано позналъ онъ прелесть заперенныхъ пирюшекъ, въ шестнадцать лѣтъ бѣгалъ за дѣвками, а въ послѣднее время даже ухитрился надѣ-лать долговъ и водился съ весьма подозри-тельной компаніей. Отецъ ничего не вѣдалъ про подвиги сына и въ простотѣ душевной считалъ его парнемъ недалекимъ, но зато хоть смирнымъ, и то слава Богу! Съ прыт-костью далеко не уйдешь, а смирныхъ на-чальство любить.—Мирно дремалось старику Рыжикову подъ мѣрный стукъ поѣзда, но вдругъ его дремота была прервана трое-кратнымъ продолжительнымъ свисткомъ па-ровоза, командовавшимъ тормазъ на уклонѣ. Онъ поднялся и вышелъ на платформу. Кру-гомъ шумѣла метель, свистъ вѣтра смѣши-вался съ дребезжащимъ лязгомъ вагонныхъ буферовъ. Вдругъ необычные звуки при-влекли его вниманіе; сквозь стукъ колесъ онъ явственно различилъ человѣческіе голоса совсѣмъ близко отъ себя. Тревожно прислу-шавшись, онъ убѣдился, что въ сосѣднемъ вагонѣ были люди; такъ какъ вагонъ былъ не тормазной и прислуги при немъ быть не могло, то, очевидно, что въ ва-

гонѣ хозяйничали воры. Съ опытностью стараго служака, Рыжиковъ быстро составилъ планъ дѣйствія; скинувъ свой тяжелый тулупъ, онъ влѣзъ на крышу своего вагона и оттуда, рискуя оборваться, перебрался на сосѣднюю крышу, подъ которой голоса и возня продолжали раздаваться. Осторожно, стараясь не дѣлать шума, Рыжиковъ ползкомъ подобрался къ той части крыши, гдѣ находилась раздвижная дверь вагона; онъ на нуль голову и увидѣлъ, что дверь была отодвинута во всю ширину. Съ нечеловѣческой силой, держась одною рукою за край крыши и упираясь носками сапогъ, онъ другою рукою началъ задвигать дверь. Визгъ блоковъ тотчасъ-же обратилъ на себя вниманіе воровъ, которые увидѣли себя въ западнѣ; еще не успѣвъ Рыжиковъ задвинуть дверь, какъ одинъ изъ нихъ быстро вскользя на оставшееся отверстіе и соскочилъ на путь. Но товарищъ его остался въ плѣну, трофеемъ торжествующаго оберъ-кондуктора, который успѣлъ накинуть наружную щеколду двери. Въ это время поѣздъ подходилъ къ разъѣзду, гдѣ онъ дѣлалъ минутную остановку. Этимъ моментомъ Рыжиковъ воспользовался, чтобы позвать на помощь и перевести своего арестанта въ болѣе подходящее для того помѣщеніе. Назовъ его прибѣжалъ его старшій сослуживецъ кондукторъ, которому Рыжиковъ вкратцѣ и торопливо передалъ суть дѣла; вооружившись веревкою и тяжелыми пломбовыми щипцами, они быстро вскочили въ вагонъ и овладѣли воромъ, который, впрочемъ, и не сопротивлялся и довольно спокойно далъ себя связать. Онъ былъ немедленно-же водворенъ въ каюткѣ оберъ-кондуктора и затѣмъ поѣздъ вновь двинулся въ путь.

Причину небольшого замедленія никто изъ прислуги не успѣлъ узнать, кромѣ помогавшаго Рыжикову кондуктора. И вотъ здѣсь-то, при мерцающемъ свѣтѣ фонаря въ крошечной каюткѣ кондуктора, разыгралась ужасная драма: въ ворѣ старикъ Рыжиковъ узналъ своего сына. Фонарь, освѣтившій лицо преступника, нисколько не измѣнилъ извѣстной руки пораженнаго ужасомъ отца. Невольный свидѣтель этой сцены, старшій товарищъ Рыжикова съ недоумѣніемъ и состраданіемъ переводилъ свой взглядъ съ одного на другого, и языкъ его не поворачивался сказать слово ни утѣшенія, ни укора.

— Выйди, Петровъ, на площадку, оставь меня съ нимъ,—глухо, отрывисто промолвилъ старикъ и потомъ, когда тотъ молча выходилъ,—добавилъ слегка колеблющимся голосомъ:

— Да послушай, Петровъ, ты, братъ, куда тамъ не говори никому,—я ужъ самъ... и бѣдняга махнулъ безнадежно рукою, а слезы такъ градомъ и катились изъ глазъ его.

Вотъ что произошло часъ тому назадъ.

Теперь, сидя на скамейкѣ передъ преступникомъ-сыномъ, бѣдный отецъ все еще не могъ удержаться отъ рыданій, судорогой давившихъ ему горло. Тяжело было старику предавать въ руки правосудія своего первенца, да и самому ему оказывалось невозможнымъ продолжать службу послѣ этого позорнаго случая.

Молодой негодай съ робкою надеждою смотрѣлъ на слезы, струившіяся по морщинистымъ щекамъ отца... и простить старикъ, не захочетъ нести сраму, не выдержать...

И точно, Рыжиковъ не выдержалъ. Молча поднялся онъ съ мѣста, крутымъ жестомъ

повернулъ къ себѣ сына и сдернулъ веревку, связывающую ему руки.

— Такъ слушай ты у меня,—проговорилъ онъ твердо, слезъ не было въ его глазахъ,—я тебя отпускаю. Не хочу я принимать позору на мою сѣдую голову. Богъ тебѣ судья! Не вѣрится мнѣ, что изъ тебя выйдетъ путный человѣкъ, ну, да это твое дѣло—что посѣялъ, то и пожнешь. Знай только одно: живи ты, гдѣ хочешь, дѣлай, что знаешь, а я тебѣ не отецъ и ты мнѣ не сынъ... Иди! никто про то не знаетъ, а Петровъ смолчать, я ужъ ему закажу. Иди сейчасъ-же,—прибавилъ онъ, отворяя дверь на площадку и указывая ему въ темноту.—Богъ тебѣ судья!—проговорилъ онъ еще разъ и снова слезы зазвучали въ его голосѣ.

Ни слова не сказавъ сынъ въ отвѣтъ; онъ схватилъ жесткую руку отца, на мгновеніе прильнулъ къ ней губами и, махнувъ рукою, спрыгнулъ съ площадки и исчезъ въ глубокой темнотѣ бурной ночи...

— Поѣздъ прибылъ благополучно, господинъ начальникъ,—отрапортовалъ Рыжиковъ начальнику слѣдующей станціи, подошедши къ нему на платформѣ.

— Кой чортъ благополучно!—огрызнулся тотъ съ досадою;—нате, читайте!—и онъ протянулъ Рыжикову телеграмму. Въ ней стояло слѣдующее:

«Сейчасъ, по осмотрѣ пути, послѣ прохода № 23-го, найденъ на сто третьей верстѣ трупъ молодого человѣка, задавленна оэтимъ поѣздомъ»...

На другой день Рыжиковъ лежалъ въ мѣстной больницѣ, въ нервной горячкѣ.

Г. Сѣверцовъ.

ВСЕ СЛѢПОЙ СЛУЧАЙ!

(Съ датскаго).

ВЫЛЪ тихій, ясный и морозный февральскій вечеръ; мѣсяцъ освѣщалъ бѣлое поле, каменный заборъ, большой колодезь съ насосомъ, соломенная кровля котораго была засыпана снѣгомъ, а кругомъ ея висѣли длинныя ледяныя сосульки. Мѣсяцъ отражался и въ блестящихъ замерзшихъ лужахъ на дорогѣ, заглядывая и въ окна красиваго, небольшого домика подлѣ колодца, на которыхъ стояли вѣтушіе гиацнты.

Передъ нами красивая большая и уютная комната; въ печкахъ весело трещитъ огонь. Тишину нарушало спокойное дыханіе престарѣлаго господина съ сѣдыми волосами, который спалъ, прислонясь къ углу дивана, и однообразное тиканіе часовъ въ карманѣ его жилета. Кромѣ него въ комнатѣ находились еще двѣ молодыя дѣвушки; одна сидѣла на скамеечкѣ и дремала; мѣсяцъ ярко освѣщалъ ея свѣтлыя волосы, розовыя щеки и беззаботное веселое личико; другая, будто статуя, сидѣла не шевелясь въ креслѣ у топившейся печки,—замѣтно было, что она не спитъ и что ее гнетутъ тяжелыя мысли.

Большой, желтый датскій догъ положилъ лапы ей на колѣни и смотрѣлъ на нее съ такимъ безпокойствомъ и участіемъ, будто чувствовалъ, что у нея на душѣ есть горе и ему досадно, что онъ не можетъ ее утѣшить. И мѣсяцъ и огонь въ запуски освѣщали ея легкую, стройную фигуру, роскошныя темнокаштановыя волосы и красивыя, правильныя черты. На юномъ, почти дѣтскомъ личикѣ лежалъ отпечатокъ твердаго характера и рѣшимости, смягчавшійся выраженіемъ кротости

и покорности судьбѣ. Замѣтно было, что у нея много силы воли, но никакихъ капризовъ и упрямства.

Тишина была внезапно нарушена. Въ сѣняхъ послышались шаги, стукъ деревянныхъ башмаковъ; дверь осторожно пріотворилась и въ ней показалась голова грубоватаго маляга.

— Тише, Ларсъ, профессоръ спитъ.

— Теперь не время спать, госпожа Юлія, въ городѣ пожаръ,—отвѣчалъ тотъ поспѣшно и съ выраженіемъ вѣкотораго испуга.—Выйдите на дорогу и посмотрите, какъ пламя поднимается въ воздухѣ; слышите, бѣютъ въ набатъ.

Холодный воздухъ проникъ въ темную комнату, другая дѣвушка съ крикомъ вскочила. Профессоръ проснулся; онъ сердито протираетъ глаза и ворчалъ:

— Что тамъ такое? Проклятая подагра не дала заснуть всю ночь, теперь едва отлегло, такъ не даютъ покоя. Что же вы всѣ молчите? Юлія, говори, а ты, глупый мальчишка, тамъ, затвори двери, нашелъ когда выпускать тепло.

— Въ городѣ пожаръ, дядя, смотри, какое зарево! Успокойся, милка Камилла, пожаръ не здѣсь, а въ городѣ.

Старый господинъ вскочилъ, и всѣ вышли на дорогу взглянуть на страшное пламя, которое поднималось большими языками и расширялось въ стороны. Набатъ звучалъ глухо и наводилъ ужасъ. Хотя до города было съ четверть мили, но казалось, что огонь тутъ близко, рядомъ, и красный отблескъ освѣщалъ испуганныя лица. Служанка, маленькая Стина, присоединилась къ остальнымъ, закрыла голову большимъ передникомъ и дрожала, какъ осиновый листъ.

Лицо Ларса выражало только безграничное желаніе быть тамъ, и онъ не помнилъ себя отъ радости, когда его баричъ сказалъ:

— Невыносимо! Хищное чудовище! Мнѣ слѣдуетъ быть тамъ и бороться съ нимъ. Старикъ и мальчикъ тоже могутъ сдѣлать чтонибудь. Собирайся, Ларсъ, или ты боишься?

Слово не могло быть выразительное, какъ рѣзкое, почти презрительное выраженіе, съ которымъ Ларсъ откинулъ голову назадъ.

— Дядя, милый! Скользко и холодно. Твоя подагра вернется.

— Папа, намъ страшно остаться одиѣмъ.

— А сгорѣть развѣ не страшно? Безъ бабей болтовни и здоровья! Идемъ, малы!

— Дядя, ты забылъ надѣть на голову шапочку, и вотъ твоя мѣховая шапка и палка; а сверхъ сапогъ надѣнь эти черныя чулки; не будетъ такъ скользко.

Юлія буквально поймала минуту, когда ея дядя поднялъ ногу, чтобы доказать, что черныя чулки не будутъ ему въ пору, и быстро натянула на нее чулокъ, послѣ чего онъ добровольно предоставилъ ей другую ногу.

Когда профессоръ и Ларсъ ушли такъ далеко, что ихъ уже нельзя было разглядѣть, молодыя дѣвушки вернулись въ комнаты. Юлія зажгла лампу, а Камилла не спускала глазъ съ огня. Прошло нѣсколько минутъ, маленькая Стина отворила дверь и вошла въ комнату. Она была блѣдна, какъ смерть, плакала и причитала:

— Это горитъ у насъ въ домѣ, я знаю. Господи, мама! сестра! Имущество наше ни нитки не застраховано! Я отдала имъ спрятать мой новый платокъ, мое новое ситцевое платье! Я пойду туда; молъ бѣдная, несчастная мама можетъ умереть отъ страха. Дорогія, милыя барышни, пустите меня.

— Нѣтъ, Стина, этого нельзя; и то ужь раза и через минуту она уже была на до- краснымъ заревомъ освѣщала снѣгъ и блѣдныя
скверно, что другіе ушли. Ты непременно роѣ въ городъ. лица дѣвушекъ. Одна глядѣла такъ испуганно,
должна оставаться дома. другая такъ печально, что онѣ невольно обнялись.

— Сжалось! Я сойду съ ума!—и малень- Я ни за что не останусь одна. — Несчастные люди! Господи, смилуйся
кая Стина въ отчаяніи ломала руки. — Одну минуточку, Камилла! Я согрѣю надъ ними!

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Ф. БРЮТТА.

Послѣдняя цѣнная вещь.

— Посмотри на нее, Камилла,—шепнула ей Юлія.—Право, она—плохая защита. Не плачь, Стина, а иди съ Богомъ, если ты не можешь успокоиться. Судя по направленію огня, горитъ не въ той сторонѣ, гдѣ живутъ твои родители. Но ты вѣдь не повѣришь, пока не убѣдишься своими глазами. Возьми въ шкапу палку и толстый платокъ и ступай съ Богомъ. Стинѣ не нужно было повторять этого два

портвейнъ для твоего отца и приготовлю ему халатъ и туфли. Потомъ затоплю печку у Стины и положу печься яблоки ей и Ларсу. Хочешь, иди со мной.

Спокойно и не суетясь, Юлія сдѣлала свои маленькія приготовленія, и скоро обѣ кузины опять стояли у окна.

Вѣтеръ усилился, въ трубахъ завывало и сви- стѣло. Колоколь звонилъ, не переставая. Огонь

— Ахъ, если бы только папа былъ дома! Господи, скорѣе бы прошелъ этотъ ужасный, безконечный вечеръ. Мнѣ все кажется, что должно случиться что-нибудь ужасное.

Между тѣмъ, огонь все шире и шире рас- пространялся и, казалось, захватилъ все, что только можно было видѣть кругомъ.

На той-же проѣзжей дорогѣ, въ подумилъ

минуту перенесли больного въ хорошенькую маленькую комнатку, гдѣ мягкая постель доставила ему, наконецъ, возможный покой. Онъ впалъ въ состояніе между сномъ и бордстваніемъ и только спустя нѣсколько часовъ пришелъ въ себя, услышавъ въ сосѣдней комнатѣ шумные голоса.

— Когда кошки нѣтъ дома, мыши скачутъ по столу, — кричалъ сердитый голосъ, — онъ уйдетъ прочь, даже если-бы мнѣ самому пришлось выкинуть его на дорогу. Никогда не слыхалъ ничего подобнаго! Да, мы великодушны, мы богаты, держимъ себя миллионерами. Нашъ собственный домашній врачъ не хорошъ; нужно пригласить самаго дорогаго въ городѣ. Старикъ, разумѣется, бѣденъ, какъ церковная крыса, и мнѣ придется за все платить. Но я не хочу, не дамъ ни копейки.

— Дядя, позволь мнѣ, наконецъ, прервать тебя, — послышался тихій, послѣ того гнѣвнаго, звучащій почти шаловливо, голосъ. — Я была у нашего доктора, по того не было дома и я пригласила этого, потому что требовалась немедленная помощь. Весьма возможно, что старый господинъ въ состояніи заплатить самъ за себя; если же нѣтъ, будемъ благодарить Господа, что онъ попалъ въ христіанскія руки. За лекарство и доктору заплачу я.

— Ты? Ты совѣтъ не въ своемъ умѣ.

Юлія не обратила вниманія на эту выходку и продолжала:

— Тебя не было дома, дядя; я знаю, ты желаешь, чтобы мы поступали согласно твоимъ принципамъ, и мы поступили такъ. Я не осмѣлилась бы встрѣтить твой честный взглядъ, если-бы мы поступили иначе. Пріотвори дверь, дядя, посмотри, какъ онъ блѣденъ. Уснулъ бѣдный! Слава Богу, что огонь потушили и ты опять съ нами, дорогой. Ты, кромѣ того, спасъ человѣческую жизнь, да благослови тебя Богъ за это. Я горжусь тобою. Вотъ твой халатъ и туфли и стаканъ теплаго вина, согрѣйся; но прежде поцѣлуй меня и скажи, что не серднишься.

Больной слышалъ каждое слово, — внутри его оборвалось что то жесткое и слезы выступили на глазахъ. Сначала раздраженіе профессора нѣсколько испугало его, но онъ скоро понималъ, что тутъ больше шуму, чѣмъ дѣйствительной опасности; больше раскатовъ грома, чѣмъ разрушающей молніи. Съ каждымъ словомъ молодой дѣвушки гнѣвъ затихалъ и кончился отеческими объятіями.

Тихо въ маленькомъ домицѣ. Всѣ спали подъ покровомъ своихъ геройскихъ подвиговъ, — даже Ларсъ спасъ изъ пламени любиматаго кота какой-то старухи, — спали, утомленные испугомъ и вызваннымъ имъ безпокойствомъ. Юлія одиноко сидѣла у постели больного. Онъ долго смотрѣлъ на нее; казалось, будто онъ что-то обдумывалъ.

— Вы хотите чего нибудь? — спросила Юлія.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами. Видите-ли, моя милая, дорогая госпожа, я опасаясь, что всѣ эти расходы превысятъ мои...

— Не думайте объ этомъ. Вы нашъ гость, и ни слова объ этомъ. Вотъ здѣсь бумага и чернила, — если хотите увѣдомить вашихъ близкихъ о томъ, что съ вами случилось, я могу написать подъ вашу диктовку.

— Я уѣхалъ путешествовать и меня не ждутъ скоро домой. Обо мнѣ никто не будетъ безпокоиться. Моихъ близкихъ! — онъ горько засмѣялся, — у меня нѣтъ близкихъ.

Маленькія ручки Юліи нѣжно и участливо поправили подушки; потомъ она осторожно перемѣнила компрессъ на рукѣ больного,

дала ему успокоительныхъ капель и опять сѣла у постели.

— Вы спрятали мое платье? — живо спросилъ онъ вдругъ, — вы отвѣчаете, если что нибудь пропадетъ изъ кармана моего пальто.

— Я отворю шкафъ, — видите, вотъ виситъ ваше платье, и оно будетъ здѣсь висѣть, пока вы не выздоровѣете. Но позвольте спросить васъ, какъ васъ звать?

— Стокъ или Стэнъ, какъ хотите!

Дѣвушка спокойно взглянула на него; неужели опять лихорадка? Она убѣдилась въ этомъ, когда къ утру больной приподнялся на постели и вскричалъ: «Я за нимъ не поѣду; нѣтъ, не поѣду!»

На другое утро онъ проснулся слабый и съ сильными болями. Яркое зимнее солнце пробивалось въ комнату сквозь полутотаявшія окна; дрова весело трещали въ блестящей изразцовой печкѣ. Въ хорошенькой клѣткѣ канарейка завела громкую трель, стараясь перекричать сердитый голосъ профессора, который раздавался въ сосѣдней комнатѣ.

— Ларсъ, ты трогалъ мои бумаги? Не ты? Да, да, такъ это, Стина? Я выучу ее дотрогиваться до моихъ бумагъ.

Прошло около часу, пока старому господину удалось сосредоточить свои мысли и собразить, гдѣ онъ находится. Скоро, однако, все представилось ему ясно и онъ нашелъ свое положеніе оригинальнымъ и интереснымъ.

Эгоистическое-ли чувство заставило молодую дѣвушку ради него ночью отправиться въ городъ нѣшкомъ по весьма неудобной дорогѣ, уступить ему свою хорошенькую комнатку, провести ночь у его постели? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Онъ долженъ благодарить за это свое несчастье, свою безпомощность, и онъ чувствовалъ, что сердце его билось горяче.

— Какое счастье! — думалъ онъ, — имѣть такую дочь! У меня нѣтъ дѣтей, я не хочу думать о дерзкомъ мальчишкѣ. Онъ, вѣрно, обрадовался-бы, если-бы зналъ, какъ я мучусь.

И несчастный страдалъ, страдалъ сильно; лихорадка весь день не покидала его. Мало-помалу ему дѣлалось лучше и онъ лежалъ тихо и терпѣливо, наблюдалъ окружающихъ, изучалъ нравы и характеръ обитателей дома.

Господинъ Стэнъ, — такъ называлъ себя незнакомецъ, — забавлялся раздражительностью профессора и охотно пряталъ длиннаго Ларса подъ свою кровать, чтобы избавить его отъ неизбѣжныхъ, но вполне заслуженныхъ побоевъ. Къ сожалѣнію, это убѣжище было скоро открыто, и виновный, не смотря на то, что это могло дурно повліять на больного, былъ вытащенъ изъ-подъ кровати и основательно поколоченъ толстой палкой. Мальчишка выносилъ со стоическимъ спокойствіемъ сыпавшіеся на его спину удары, разъ не удалось отъ нихъ спастись, и, въ дѣйствительности, пострадавшимъ оказывался самъ хозяинъ, который задыхался отъ утомленія одновременно бить и читать правоученія.

И на долю маленькой Стины выпадало тоже много колотушекъ; онѣ стояли ей мужественныхъ слезъ, — она никакъ не могла, подобно нѣкоторымъ, призвать, что ее учили, а не били со злымъ намѣреніемъ. Чтобы избѣжать такого обращенія, она пугалась, вертѣлась, какъ кошка, агала, вывертывалась, и когда ей ложъ выходила наружу, ей доставалось вдесятеро больше. Камилла тоже охотно избѣгала попадаться на глаза отцу. Одна Юлія встрѣчала его спокойно и смѣло, умѣла сдерживать и удовлетворять его.

Господинъ Стэнъ не могъ достаточно налюбоваться своей молодой хозяйкой и неохотно принималъ лекарство изъ другихъ рукъ. Ея обращеніе было всегда такое мягкое и ласковое; все, что она дѣлала, она дѣлала отъ сердца, угадывала его малѣйшія желанія. Было что-то успокоивающее въ ея голосѣ, въ ея походкѣ. Онъ внимательно смотрѣлъ на нее, когда она сидѣла у швейнаго столика, просто, но изящно одѣтая, и прилежно работала, и не могъ не замѣтить нѣсколько страдальческаго выраженія ея физиономіи, которое, однако, тотчасъ исчезало, едва она замѣчала, что за ней наблюдаютъ, и на его пытливый взглядъ она отвѣчала веселой улыбкой.

Господинъ Стэнъ и Юлія не разъ спорили о взглядахъ и отношеніяхъ. Его глубокое знаніе людей, злое остроуміе побѣждали ее совершенно, и она умолкала, — но щеки ея пылали, на глазахъ сверкали слезы, — она горячо защищала свои взгляды.

— Вы побѣждены, милая дѣвушка!

— Да, но не убѣждена, и желала-бы, чтобы кто-нибудь съ большимъ умѣніемъ взялся защищать мое дѣло.

— Во всякомъ случаѣ побѣда за мной?

— Да, побѣда надо мной.

— Ну, я буду незамѣтно подвигаться впередъ, — сказалъ господинъ Стэнъ, улыбаясь. — Разъ вы ничего не находите возразить на мои холодныя, опытнымъ нажитыя замѣчанія, они проникнутъ, если не въ душу къ вамъ, то въ выраженіе вашихъ чувствъ, — если можно такъ выразиться, какъ вода мало-помалу долбитъ камень. Въ мою долгую жизнь я часто бывалъ огорченъ и раздраженъ положеніями, къ которымъ приводило меня время, привычки и обстоятельства и не разъ желалъ начать жизнь сызнова, узнать другихъ людей, набраться новаго опыта. Признаюсь, это желаніе исполнилось теперь съ избыткомъ. Я началъ новый отдѣлъ жизни, и такъ удивительно, что иногда онъ кажется мнѣ сномъ.

Въ это время изъ кухни раздался раздражающій громкій крикъ, за нимъ послѣдовалъ стукъ двери, рѣзкій голосъ профессора и дрожащій отвѣтъ Стины:

— Это не я, а Ларсъ! Ларсъ — а не я.

— Какое дѣло Ларсу до суповой чашки: ну да, визжи громче, это поможетъ!

Подобныя домашнія невзгоды вносили развлеченіе въ эту мирную жизнь. Не проходило недѣли, чтобы Ларсъ не отпразднелъ въ городѣ, въ посудную лавку. Маленькая Стина сама ничего не била, но она была такъ неповоротлива, что никуда-бы не поспѣла, если-бы Ларсъ не помогалъ ей. Этотъ малый умѣлъ разрываться на части. Принести воду, подмести, почистить все, отшлифовать ножи, — онъ все поспѣвалъ. Мыть окна и посуду ему было положительно воспрещено, но Стина не подвигалась съ мѣста, онъ рѣшался помогать ей, и слѣдствіемъ бывали осколки.

Первое время профессоръ Брусъ былъ очень внимателенъ къ своему больному гостю, но они скоро столкнулись. Господинъ Стэнъ не позволялъ относиться къ себѣ, какъ къ школьнику, а профессоръ не могъ вынести его спокойнаго, почти покровительственнаго обращенія, — даже его обычная вѣжливость при этомъ пропадала. Однако, господинъ Стэнъ очень занималъ его и былъ для него живой загадкой. Что это за человекъ, къ торъ вездѣ чувствовалъ себя, какъ дома; который такъ много видѣлъ, и такъ, не стѣсняясь, принималъ гостепріимство и уходъ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА А. КОВАЛЬСКАГО.

На поискахъ добычи.

СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА Ф. АНДРЕОТТИ.

Запрещенный плодъ сладокъ.

— Что это вы так торопитесь?—спросилъ Со-
бой какъ-то утромъ въ концѣ марта, —
и чему такъ радуется госпожа Камилла?

— Сегодня есть чему порадоваться: въ го-
родѣ назначенъ большой балъ, —отвѣчала Ка-

мила, кружась по комнатахъ съ упирающимся
Трофастомъ.

— Ага!..

Господинъ Стэнъ взглянулъ на Юлію, паль-
чики которой быстро двигались по свѣтло-

голубому газу. «Неужели и она поѣдетъ?» —
подумалъ онъ. И когда въ сумеркахъ обѣ
дѣвушки исчезли изъ комнаты, онъ вскричалъ,
почти съ упрекомъ: «Она таки ѣдетъ на балъ!»
(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МОРЯКА.

Романъ Луи Бене (продолженіе).

XV. Поселеніе Портъ-Джэксона.

КАКЪ акъ я уже говорилъ выше, лей-
тенантъ Кингъ въ февралѣ былъ по-
сланъ на «Сепилей», съ различнымъ
грузомъ и людьми, чтобы положить основаніе
поселенію на островѣ Норфолкѣ, очень плодо-
родномъ и лежащемъ въ разстояніи трехъ
сотъ географическихъ миль отъ нашего мате-
рика; губернаторъ надѣялся сдѣлать изъ него
житницу для главнаго поселенія, гдѣ почва
далеко не оказалась такъ хороша.

На половинѣ дороги «Сепилей» открылъ не-
большой островъ, достаточно плодородный,
который лейтенантъ Кингъ назвалъ «Лордъ
Гоу», по имени перваго лорда Адмирал-
тейства. Высадивъ экипажъ въ Норфолкѣ,
бригъ въ маршъ вернулся обратно.

Наше поселеніе начинало понемногу про-
цвѣтать. Обвѣнчанные арестанты по большей
части всѣ знали какое нибудь ремесло и были
трудолюбивы; губернаторъ отвѣлъ каждой
парѣ участокъ земли для воздѣлыванія, и
Брайенты слыли за хорошихъ и трудолюбивыхъ
работниковъ. Вокругъ «Портъ Джэксона»
страна была очень бѣдна, такъ что для гу-
бернатора былъ построенъ красивый домъ и
устроена ферма въ нѣсколькихъ миляхъ выше
по берегу. Большіе дома строились изъ камня,
изъ того-же материала были начаты бараки
для насъ, до постройки которыхъ какъ мы,
такъ и арестанты помѣщались въ грубо ско-
лоченныхъ хижинахъ. Каждый изъ офицеровъ
получилъ участокъ земли въ два акра и ссыль-
наго для ея обработки.

Скоро послѣ нашей высадки между нашимъ
командиромъ, майоромъ Россомъ и губерна-
торомъ начались серьезныя неудовольствія
относительно обязанностей морской пѣхоты.
Дѣло было такимъ образомъ. Одинъ изъ моихъ
товарищей, рядовой Юсифъ Гентъ, ударилъ
рядового Уилла Демпси и судился военнымъ
судомъ, который присудилъ Гента публично
просить у Демпси извиненія или получить сто
ударовъ. Майоръ считалъ этотъ приговоръ
не согласнымъ съ военными законами, потому
что онъ давалъ преступнику право выбирать
наказаніе и требовалъ, чтобы судъ отмѣнилъ
его, что судъ отказался сдѣлать. Тогда майоръ
арестовалъ всѣхъ членовъ суда; когда офи-
церы потребовались на службу, губернаторъ
пробовалъ согласить майора съ его подчинен-
ными. Но офицеры стояли на своемъ приго-
ворѣ, а майоръ на ихъ арестъ, пока они его
не отмѣнятъ. Такъ продолжалось нѣсколько
недѣль, и капитанъ Филиппъ, видя, что всѣ его
убѣжденія не помогаютъ, приказалъ офице-
рамъ вернуться къ своимъ обязанностямъ. Съ
этого начались распри между гражданскими
и военными властями и продолжались до воз-
вращенія отряда въ Англію. Майоръ Россъ
счелъ дорожилъ достоинствомъ своего отряда
и не желалъ видѣть насъ въ должности тюрем-
щиковъ, губернаторъ-же требовалъ, чтобы мы
помогали въ наблюденіи за арестантами и
слѣдили, чтобы они хорошо работали на по-

стройкахъ. Майоръ Россъ полагалъ, что мы
составляемъ вооруженную стражу для защиты
поселенія на случай нападенія туземцевъ или
буйства арестантовъ. Капитанъ Филиппъ тре-
бовалъ кромѣ того, чтобы наши офицеры при-
нимали участіе въ гражданскомъ судѣ, а они
не считали, чтобы ихъ инструкціи налагали
на нихъ эту обязанность. Другая причина не-
удовольствія была вызвана тѣмъ, что губер-
наторъ образовалъ полицію изъ лучшихъ изъ
ссылныхъ и они осмѣлились арестовать нѣ-
которыхъ изъ нашихъ людей, что страшно
возмутило майора Росса.

Мы старались жить въ мирѣ съ туземцами,
которые казались безобидными и довольно глу-
пыми. Они ходили совершенно нагіе и не
имѣли никакихъ жилищъ, кромѣ чего то въ
родѣ загородки, сдѣланной изъ коры дерева,
за которой они укрывались отъ дождя и вѣтра.
Ихъ рѣдко можно было видѣть больше двадца-
ти или тридцати человѣкъ вмѣстѣ; обыкно-
венное ихъ занятіе было рыболовство. Оружіе
составляли палки, грубо сдѣланныя копья и
родъ дротиковъ, которые они такъ ловко бро-
сали во враговъ, что описавъ кругъ, дротикъ
возвращался обратно. Хотя они очень боя-
лись нашего огнестрѣльнаго оружія, но пре-
небрегать ими нельзя было, благодаря ихъ
коварству и предательскимъ наклонностямъ.
Губернатору пришлось испытать это на себѣ,
одинъ изъ нихъ ошашно его ранилъ, прицѣп-
ившись изподтишка. Губернаторъ, однако, не же-
лалъ преслѣдовать измѣнника.

На этой землѣ не водилось ни дикихъ звѣрей,
никакихъ другихъ чудовищъ, которыя могли-бы
увеличить ужасъ нашего положенія; только
воды залива кишѣли прожорливыми акулами.
Въ лѣсахъ водилось очень любопытное жи-
вотное — кенгуру, которое очень смѣшно хо-
дило и скакало на заднихъ ногахъ, и мно-
жество всевозможныхъ пестрыхъ попуга-
евъ.

Первый поселенецъ фермеръ былъ ссыльный
Джемсъ Розъ. Губернаторъ отвѣлъ ему уча-
стокъ въ тридцать акровъ въ мѣстѣ, называе-
момъ Паррамата. Розъ женился, имѣлъ дѣтей
и довелъ свою ферму до такого преуспѣянія,
что губернаторъ подарилъ ему эту землю, ко-
торая формально была закрѣплена за нимъ
въ 1792 г. подъ именемъ Опытной фермы.

XVI. Капитанъ Филиппъ посылаетъ искать золото.

Большая часть арестантовъ были ужасные
негодяи, часто приходилось ихъ наказывать,
а нѣкоторыхъ пришлось повѣсить, пока, нако-
нецъ, водворился между ними нѣкоторый поря-
докъ. Черезъ недѣлю послѣ нашей высадки
были уже водружены треугольники (родъ
косого полукреста, къ верхнимъ концамъ ко-
торого привязывались руки, а къ нижнему
одна нога наказуемаго); хотя только висѣлица
могла въ дѣйствительности нагнать нѣкото-
рый страхъ на этихъ разбойниковъ; наказаніе
кошками они выносили довольно терпѣливо.

Мы еще не совсѣмъ устроились, какъ стали

поговаривать о мѣстонахожденіи золота. Еще
въ пути объ этой странѣ толковали, какъ о
странѣ богатой золотомъ. Можетъ быть, эти
разсказы явились подъ влияніемъ прежнихъ
разсказовъ объ открытіи Южной Америки,
гдѣ надѣялись загребать золото лопатами.
Слухи о золотѣ дошли, конечно, и до арестан-
товъ, которые жадно прислушивались ко
всему, что вокругъ говорилось. Одинъ изъ
нихъ, ирландецъ Дели, сосланный за фаль-
шивую монету и порядочный негодяй, вос-
пользовался этимъ. Онъ пришелъ къ одному
изъ нашихъ офицеровъ и, показывая кусокъ
металла, похожій на золото, сказалъ, что на-
шелъ мѣсто, гдѣ золото находится въ гро-
матномъ количествѣ. Если, говорилъ онъ, гу-
бернаторъ проститъ его и отошлетъ на ро-
дину его и одну женщину, съ которой онъ
былъ близокъ, то онъ укажетъ мѣсто, при
этомъ лукавые глазки его бѣгали по сторо-
намъ. Губернаторъ потребовалъ его къ себѣ
и сказалъ:

— Ну, Дели, расскажите-ка намъ о вашей
чудесной находкѣ. Мы посмотримъ, что можно
сдѣлать.

Негодяй принялъ простоватый видъ и ска-
залъ, что онъ дѣйствительно нашелъ золото
и продалъ его одному изъ господъ. Губерна-
торъ собралъ всѣхъ и потребовалъ, чтобы
Дели указалъ, кому онъ передалъ золото. Ко-
нечно, тотъ не могъ указать. Тогда съ нимъ
послали одного офицера и двадцать человѣкъ
рядовыхъ, —я былъ въ томъ числѣ, —чтобы
онъ указалъ мѣсто, гдѣ нашелъ золото. Пройдя
миль десять, негодяй вдругъ сбѣжалъ, мы
долго его искали и, наконецъ, вернулись ни
съ чѣмъ, —оказалось, то онъ дома и подсмѣи-
вается надъ нами. Майоръ Россъ приказалъ
привязать его къ треугольнику, а губернаторъ
велѣлъ бить его до тѣхъ поръ кошками, пока
онъ не сознается. Онъ вынесъ триста ударовъ
и только тогда сознался, что солгалъ все отъ
перваго до послѣдняго слова. Позднѣе уже,
когда нашъ отрядъ ушелъ въ Англію, этотъ
человѣкъ былъ повѣшенъ за грабежъ.

Для насъ, морской пѣхоты, между тѣмъ на-
ступили тяжелыя времена, губернаторъ съ
неумолимою строгостью наказывалъ малѣйшее
нарушеніе дисциплины съ нашей стороны.
Если ссыльный ударилъ моряка, онъ получалъ
полтора удара, но если моряка находили
въ одной изъ женскихъ палатокъ, его нака-
зывали сотнею ударовъ. Всѣ роптали, къ
счастью наши офицеры были хорошіе люди
и не дали возродиться бунту, который въ про-
тивномъ случаѣ былъ неизбеженъ. Вообще
нельзя сказать, чтобы губернаторъ былъ осо-
бно снисходителенъ къ ссыльнымъ; тѣлесныя
наказанія сдѣлались очень обыкновенны и
кромѣ того нѣсколько этихъ негодяевъ было
повѣшено за воровство запасовъ.

Въ маѣ вернулся лейтенантъ Фэрфаксъ.
Онъ ѣздивъ въ глубь страны, гдѣ наблюдалъ
за постройкой и устройствомъ обсерваторіи
и закладкой главной фермы поселенія. За
время его отсутствія я былъ произведенъ въ

капралы и очень гордился этимъ, на что имѣлъ полное право, принявъ въ основаніе мою дозволенную короткую службу. Товарищи очень мнѣ завидовали. Капралъ, мѣсто котораго я получилъ, былъ разжалованъ за то, что въ дракѣ опасно ранилъ своего товарища. Его несчастье способствовало моему возвышенію.

Около этого времени губернатору пришло на мысль наказывать лѣнливыхъ арестантовъ, отправляя ихъ на хлѣбъ и на воду на небольшой скалистой островокъ, лежавшій при входѣ въ бухту, вмѣсто наказанія кошками. Недостаточная пища и одиночество живо усмиряли самыхъ буйныхъ.

Понемногу всѣ транспорты, одинъ за другимъ, отправлялись обратно въ Англію и скоро въ гавани остались только «Сиріусъ» и «Сепилей». Не смотря на уменьшавшееся количество народа, нельзя сказать, чтобы наши дѣла шли очень хорошо. Запасы сильно истощались. Феи въ Розъ-гиллѣ и на берегу приносили мало пользы, губернатору пришлось убѣдиться, что жатва перваго года будетъ ничтожна, сѣмена испортились отъ долгаго путешествія. Кажется, что вашъ губернаторъ надѣялся получить запасы изъ Англіи, скоро послѣ нашего прибытія и былъ весьма недоволенъ, убѣждаясь что правительство тамъ мало помнитъ наши нужды. Островъ Нор-фолькъ тоже могъ снабжать насъ хлѣбомъ только въ будущемъ, и бѣдному, старому, полурасбитому «Сиріусу» пришлось отправиться за запасами на мысъ Доброй Надежды.

Въ самомъ началѣ нашего поселенія мы еще въ большомъ количествѣ ловили рыбу, но она вдругъ исчезла и заливъ наполняли только голодные акулы. Къ довершенію всего, индійцы, какъ мы называли черныхъ туземцевъ, стали возмущаться; я думаю, что тутъ много была виновата доброта губернатора, который допускалъ только ласковое обращеніе съ ними. Часто случалось, что они нападали на нашихъ людей или ссыльныхъ, тѣ, конечно, не оставались въ долгу, но губернаторъ всегда наказывалъ только бѣлаго. Онъ говорилъ: «Я убѣдился, что туземцы тихіе, смиренные по характеру люди, которые возмутятся только въ такомъ случаѣ, если ихъ къ тому вызовутъ». Но я вполне убѣжденъ, что это была предательская раса, съ наклонностями и стремленіями къ убійству. И я имѣлъ основаніе. Въ маѣ двое изъ нашихъ ссыльныхъ, недалеко отъ поселенія, рѣзали и связывали хворостъ. Въ назначенное время они не вернулись, и нѣсколько человѣкъ было послано отыскать ихъ. Ихъ тѣла, со множествомъ стрѣлъ, были найдены въ кустахъ. Дикари унесли рабочий инструментъ. Я зналъ, что эти двое убитые были тихіе, довольно безобидные люди. Губернаторъ отправился съ небольшимъ отрядомъ отыскивать убійцъ. Встрѣтивъ дикарей, онъ не наказалъ ихъ, а только знаками показывалъ имъ, на сколько ихъ поступокъ нехорошъ. Это было дѣйствительно весьма человѣколюбиво, но я согласенъ съ мнѣніемъ майора Росса, что лучше-бы съ нами помягче обращаться и не пожалѣть нѣсколько по оху и пулю на этихъ дикарей.

Какъ только было рѣшено отправить «Сиріусъ» на Мысъ Доброй Надежды за запасами, судно принялись вооружать и часть его экипажа перешла на него, но такъ какъ это все же былъ военный фрегатъ, то губернаторъ рѣшилъ присоединить къ экипажу четырехъ рядовыхъ морской пѣхоты при одномъ капралѣ, и я былъ назначенъ на этотъ важный постъ.

Наше поселеніе понемногу увеличивалось, по между нами, солдатами морской пѣхоты, и ссыльными не было никакихъ сношеній. Во-первыхъ, намъ было запрещено сходить съ ссыльными, а во-вторыхъ, уважающимъ себя людямъ между моими товарищами не о чемъ было говорить съ арестантами. Эти причины заставляли меня не искать встрѣчъ съ Брайентами, да я и не имѣлъ никакого желанія возобновлять съ ними знакомство, особенно, съ тѣхъ поръ, какъ мое положеніе такъ измѣнилось.

-XVII. Заслужилъ.

Я очень гордился своимъ повышеніемъ, но съ удовольствіемъ вспоминаю, что я держалъ себя скромно. Лейтенантъ Фэрфаксъ былъ на столько добръ, что поздравилъ меня съ повышеніемъ.

— Здравствуй, капралъ Дью. Я очень радъ, что ты произведешь.

— Благодарю васъ, сударь,—отвѣчалъ я,—я надѣюсь въ попомъ званіи исполнить свою обязанность такъ же хорошо, какъ и прежде.

— Не сомнѣваюсь,—сказалъ лейтенантъ,—только вотъ что, Дью,—и онъ положилъ руку мнѣ на плечо,—только будь снисходителенъ къ рядовымъ, твоимъ подчиненнымъ, не забывай, что ты самъ былъ рядовымъ.

Его ласковыя манеры глубоко тронули меня и я не находилъ словъ отвѣчать ему. Онъ весело засмѣялся, и мнѣ показалось, что онъ потѣшается надо мной, хотя, какъ кажется, не было ничего смѣшного въ моей новой отвѣтственности.

— Слыхали-ли ты что-нибудь или, можетъ быть, даже видалъ своихъ друзей Брайентовъ?—вдругъ спросилъ онъ.

Я подумалъ, что о такихъ людяхъ не говорить, и возразилъ:—Нѣтъ, сударь; я не имѣю никакихъ сношеній съ арестантами: это запрещено уставомъ.

— О, нѣтъ. Я не думалъ, что ты разорвешь такія связи,—его сѣрые глаза сверкнули,—притомъ ихъ положеніе значительно улучшилось за послѣднее время. Губернаторъ узналъ, что Брайентъ хороший морякъ, и поручилъ ему рыбную ловлю, въ надеждѣ, что онъ найдетъ рыбу тамъ, гдѣ это не удалось менѣе опытнымъ людямъ.

Я угадалъ, что тутъ не обошлось безъ вліянія лейтенанта, и подумалъ, что онъ слишкомъ добръ, принимая такое участіе въ подобныхъ людяхъ; при этомъ онъ выразилъ мнѣ надежду, что было бы хорошо, если бы я зашелъ попрощаться съ Брайентами, и если я вздумаю сдѣлать это, онъ дастъ мнѣ письменное разрѣшеніе.

Эта идея мнѣ не особенно пришла по сердцу, но лейтенантъ Фэрфаксъ должно быть, полагалъ, что мое повышеніе покажетъ этимъ людямъ, какъ наше начальство умѣетъ награждать хорошее поведеніе, поэтому я сказалъ ему, что если онъ считаетъ это необходимымъ, я пойду и навѣщу ихъ, и въ послѣднее воскресенье передъ нашимъ выходомъ въ море, я отправился къ Брайентамъ.

Портъ-Джэксонъ заключаетъ множество маленькихъ бухточекъ и заливовъ. Около и первой изъ этихъ бухточекъ, у самаго залива Сидней, были устроены наши фермы и здѣсь же находилась хижина Брайнта, неподалеку отъ кото-ой была причалена лодка. Когда я подходилъ къ хижинѣ, Брайентъ сидѣлъ подлѣ двери и чинилъ сѣтъ; увидѣвъ меня, онъ всталъ и пошелъ мнѣ на встрѣчу.

Въ Солькомбѣ, когда я съ нимъ послѣдній разъ разговаривалъ, это былъ красивый, му-

жественный молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести-семи. Тогда онъ держался прямо и смѣло смотрѣлъ всею въ глаза своими голубыми ясными глазами, которые голо или вамъ, что онъ честный человѣкъ, хотя и занимается контрабандой. Волосы у него были тогда свѣтлые, курчавые. Послѣ того я видѣлъ его только издали и больше смотрѣлъ на его жену, чѣмъ на него; но встрѣтившись теперь лицомъ къ лицу, я былъ пораженъ происшедшей въ немъ переменой. Одѣтъ онъ былъ въ глубокую парусину, какъ и другіе арестанты; его платье кроилось все по одному образцу и сразу налагало на че овѣка особый отпечатокъ. Вмѣсто гладко обритаго лица — сѣдьющая борода; волосы казались нѣсколько дней нечесанными, лицо огрубѣло и было вымазано; взглядъ жесткій.

— Здравствуйте, Брайентъ,—сказалъ я,—надѣюсь, что вамъ живется хорошо и что ваша жена здорова.

— Здравствуйте, капралъ Дью,—отвѣчалъ онъ.—Вы очень добры, освѣдомляясь объ насъ. Мнѣ живется хорошо, на столько, на сколько я этого заслужилъ, разумеется, потому что я ничего больше, какъ самый обыкновенный осужденный преступникъ. Моя жена здорова, наше роскошное кушанье и пріятная жизнь, со всѣмъ комфортомъ, который она намъ даетъ, ей очень нравятся, вы конечно въ этомъ не сомнѣваетесь. Теперь я могу имѣть смѣлость спросить и васъ о причинѣ вашего посѣщенія? Почти два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разговаривали.

— О, я пришелъ попрощаться съ вами, какъ со старымъ знакомымъ; я отправляюсь на «Сиріусъ». Конечно, съ тѣхъ поръ, какъ съ вами случилось это несчастье, мы съ вами не разговаривали. Теперь не тѣ времена, какія были въ Солькомбѣ.

— Я вполне убѣжденъ, что вы очень добры, очень снисходительны, капралъ Дью. Но вотъ моя жена. Несомнѣнно, что и она тоже оценитъ вашу доброту.

Мэри вышла изъ хижины и, глядя мнѣ прямо въ лицо, спросила:

— Вамъ что нибудь нужно, Уильямъ Дью?

— Я пришелъ только попрощаться съ вами, миссисъ Брайентъ; мы такіе старые знакомые, я думаю, что вы не найдете ничего дурного, если я скажу вамъ до свиданія, я уйду на «Сиріусъ».

— О, въ самомъ дѣлѣ! Полагаю, съ подобными намъ вы простились уже давно,—очень давно.

— Да, когда я попалъ въ бѣду,—сказалъ Брайентъ, спокойно глядя на меня.

— Да, когда ты и Уильямъ Дью оба попали въ бѣду и онъ, благодаря тебѣ, выпутался,—сказалъ Мэри.

Я почувствовалъ, сколько было горькаго въ этой встрѣчѣ, и подумалъ, что лучше-бы сдѣлать, если-бы вовсе не пришелъ.

— Навѣрное вы съ «Сиріусомъ» вернетесь и тогда, когда васъ произведутъ въ сержанты, явится другой благопріятный случай, показать, какъ хорошо идутъ ваши дѣла. Прощайте! Желаю вамъ всего хорошаго,—сказала Мэри. Она протянула мнѣ кончики пальцевъ, при чемъ ея черные глаза сверкнули, и ушла въ хижину.

— Вы должны извинить насъ, господинъ Дью,—сказалъ Брайентъ.—Вы удивляетесь, но въдь вы знаете, что теперь все идетъ иначе и ваше положеніе относительно насъ совсѣмъ другое.

Я начиналъ сознать, что представляюсь не въ особенно выгодномъ свѣтѣ, что я совер-

шевно забылъ, какъ легко могъ попасть въ число этихъ самыхъ арестантовъ, между которыми и собою я проводилъ такую черту, не находя между нами ничего общаго. Я вспомнилъ, что если-бы Брайентъ былъ менѣе великодушенъ, когда онъ взялъ на себя всю вину въ контрабандномъ дѣлѣ, онъ пострадалъ-бы менѣе, а я-бы не выпутался. Особенное чувство заставило меня, уходя, протянуть руку Брайенту и сказать:

— Прощайте, Уилль. Если въ моихъ силахъ будетъ сдѣлать что нибудь въ пользу маленькаго, котораго вы ожидаете, помните, что хотя я и капралъ морской пѣхоты, но ребенокъ всегда найдетъ во мнѣ друга.

Уилль Брайентъ крѣпко пожалъ мою руку, и, не давъ ему выговорить ни слова, я поспѣшно ушелъ. Только одинъ разъ я оглянулся: Брайентъ стоялъ на томъ-же мѣстѣ, сжавъ руки и наклонивъ голову. Мэри вышла и, какъ ребенка, уведла его въ хижину.

XVIII. Путешествіе «Сириуса».

Передъ отправленіемъ мы выгрузили на берегъ восемь пушекъ съ нашего фрегата, чтобы очистить мѣсто для тѣхъ запасовъ, которые мы должны привезти. Лейтенантъ Фэрфаксъ устроилъ на берегу редутъ и помѣстилъ ихъ тамъ.

Наше путешествіе было весьма утомительное, старый корабль скрипѣлъ при каждомъ болѣе сильномъ порывѣ вѣтра, и, кромѣ того, не успѣли мы выйти изъ Порты - Джэксона, какъ между нашими матросами открылась цынга и трое изъ нихъ умерли. Затѣмъ въ суднѣ обнаружилась течь, и мы были невыразимо счастливы, когда наконецъ, достигли мѣста назначенія. Тутъ мы узнали, что нѣкоторые изъ транспортовъ на пути въ Англію потерпѣли крушеніе, и мы были счастливы, что съ нами не случилось того-же. Матросы говорили, что корабль совершенно гнилой и боялись возвращаться на немъ, — они разбѣжались-бы, если-бы мы, моряки, не караулили ихъ.

Нагрузившись запасами, мы отправились въ обратный путь. Миляхъ въ двѣнадцать уже отъ Ванъ-Дименовой земли насъ встрѣтилъ такой ужасный южный вѣтеръ, что положеніе наше сдѣлалось очень опасно. Въ теченіе трехъ часовъ старый «Сириусъ» то погружался въ бездны, то всплывалъ наверхъ громадныхъ волнъ. Всѣ съ ужасомъ смотрѣли въ подвѣтренную сторону, въ которой мы могли рассмотреть неясныя очертанія земли. Капитанъ Гентеръ не сходилъ съ палубы, за всѣмъ слѣдилъ и успокаивалъ всѣхъ. Я никогда не забуду ужасовъ этой ночи, но когда я взглядывалъ на нашего капитана, мужество возвращалось ко мнѣ.

Когда разсвѣло, мы увидали, что прошли мимо скалъ, которыя остались въ полумилѣ отъ насъ. Но опасность не уменьшилась, корабль работалъ тяжело, и не одинъ разъ капитанъ Гентеръ думалъ, что всякая надежда спасти корабль исчезла. Какъ мы ни старались держаться вдали отъ берега, но когда наступило утро послѣ другой такой-же ужасной ночи, наши сердца упали, мы увидѣли,

что находимся очень близко къ берегу. Но, къ нашему счастью, вѣтеръ сталъ понемногу утихать, и часа черезъ два мы замѣтили, что земля отъ насъ удаляется, и капитанъ имѣлъ возможность снова направить курсъ корабля, хотя море еще далеко не улеглось и буря не совсѣмъ стихла. Когда мы вступили въ гавань Порты-Джэксона, насъ не узнали, такъ корабль былъ растрепанъ. Но затѣмъ насъ встрѣтили съ невыразимою радостью, тѣмъ болѣе, что мука у нихъ была уже на исходѣ и ее выдавали только по фунту на недѣлю. Наше прибытіе означало прибытіе запасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

А. В. АРСЕНЬЕВЪ.
(Скончался 14-го января 1896 года).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Дорогой гость. Съ картины художника И. Тихомірова.

Въ небогатую, скромную семью ремесленниковъ прибылъ дорогой гость. Это—взятый въ солдатчину сынъ старика и братъ молодыхъ рабочихъ, изображенныхъ талантливою кистью художника. Прежде этотъ бравый, щеголеватый солдатъ работалъ рядомъ съ ними, а теперь онъ занятъ другими интересами, поглощенъ иной средою. Прифрантившаяся по случаю праздника семья встрѣчаетъ привѣтливо родного гостя, угощаетъ его, но что-то чуждое чувствуется ей въ его знакомомъ голосѣ и лицѣ. Пытливо смотритъ дядя на племянника, недоумѣвающе приглядываются братья. Только обрадованный отецъ не замѣчаетъ ничего и только засмѣетъ да угощаетъ любимого сына.

Въ путь-дорогу. Рисовалъ художникъ И. Волковъ.

Уже первый вѣтеръ весны смягчилъ суровое безмолвіе и жесткій холодъ зимы. Но когда выдестся свѣтлая холодная ночь, тогда весны какъ будто и незаметно. Въ такую-то холодную, красивую ночьку выѣхалъ въ путь-дорогу этотъ крестьянинъ, изображенный на рисункѣ художника Волкова. Онъ выѣхалъ по сибиному дѣлу; оттого и не сталъ дожидаться утра. Да и зачѣмъ? Луна сіяетъ такъ ярко, что видна малѣйшая рытвина на дорогѣ. Мало-растая, бодрая лошадевка прилежно перебираетъ но-

гами и тащитъ извѣстныя санки. Хозяинъ сидитъ, закутавшись до глазъ, и думаетъ свою крестьянскую думу. «Вотъ будетъ весна, лѣто, страда деревенская... Хорошо, что зимой отдохнули малость!.. Но! но!—Сивка!...»

Кающаяся Магдалина. Съ картины художника А. Батони.

Художникъ Помпей Батони долго изучалъ въ Римѣ художественныя древности и избралъ своею спеціальностью историческій жанръ—портреты и миниатюры. Изъ его картинъ лучшія: «Св. Варволомей» (въ Луккѣ), «Св. Екатерина» (въ Сенинѣ) и «Кающаяся Магдалина», которая находится въ дрезденской галлерей. Св. Магдалина изображена въ пещерѣ, въ уединеніи, кающаяся въ своихъ грѣхахъ и читающая священныя страницы. Громкая извѣстность этой картины вполне оправдывается ея рѣдкими достоинствами.

Къ драмѣ «Нечай-Ногаевъ», соч. А. Арсеньева. Рис. художникъ О. Юргенсонъ.

Пользовавшаяся большимъ успѣхомъ въ настоящемъ и прошломъ сезонѣ пьеса недавно умершаго А. В. Арсеньева весьма сценична. Помѣщая въ настоящемъ номерѣ портретъ умершаго драматурга, мы даемъ и изображение одной изъ картинныхъ сценъ драмы. У боярина Нечай-Ногаева есть дочь, просватанная за боярина Опочинина, но сама Любушка любить пьяницу и кутилу дворянскаго сына Истому Окладного. Бояринъ перехватываетъ письмо Истомы къ дочери и устраиваетъ ему засаду. Здѣсь-то и происходитъ сцена, которая дана въ нашемъ журналѣ. Это вторая сцена четвертаго дѣйствія. Бояринъ кричитъ: «Взять его разбойника и задавить, какъ пса!» Въ общемъ драма кончается благополучно.

Последняя цѣнная вещь. Съ акварели художника Ф. Брютта.

«О, бѣдность! бѣдность!»—думала эта несчастная мать, сидя весь день въ холодной комнаткѣ, дрожа отъ холода и тѣсно стараясь согрѣть своего несчастнаго больного ребенка. Долго боролась она, долго терпѣла холодъ и голодъ, но судьба все-же не сжалилась надъ несчастной. Бѣдность росла и росла... И вотъ въ эту послѣднюю ночь, въ этотъ послѣдній голодный день, она рѣшилась пожертвовать послѣдней дорогой вещью, обручальнымъ кольцомъ. Память прошлого! Съ ней разставаться такъ тяжело! И въ это игнорное, когда высохшіе ростовщики отсчитываютъ ей нѣсколько несчастныхъ копѣекъ, страшная мука терзаетъ ей сердце. Ну, проживутъ они съ ребенкомъ еще недѣлю, двѣ—а тамъ что?—Голодная смерть или нищенство!..

На поискахъ добычи. Съ картины художника А. Ковальскаго.

Еще морозъ трещитъ, еще лѣсная глушь завалена снѣжными сугробами и крѣпко еще сидитъ зима въ лѣсныхъ тѣнищахъ. Все еще голодаетъ сѣрый разбойникъ волкъ и щелкаетъ день и ночь своими страшными зубами. Вѣдь онъ не «мышка», который сытъ собственною лапой. И вотъ выходитъ отоцавшій хищникъ на рекогносцировку, не удастся-ли спалить оплошавшаго зайчишку, или хоть крысу какую-нибудь полу-замерзшую. И долго стоитъ онъ, насторожившись, слушаетъ, нюхаетъ, но, видно, не суждено ему сегодня пообѣдать.

Запрещенный плодъ сладонъ. Съ картины профессора Ф. Андреотти.

Старшіе ушли куда-то, свобода полная—и эти двѣ молодыя дѣвушки-шалуньи пользуются тѣмъ, что за ними никто не слѣдитъ. Скорѣе, скорѣе подбѣжали онѣ къ заветному столу съ запретными для нихъ книжками и торопятся прочесть нѣсколько интересныхъ страничекъ. Старшая читаетъ, торопливо, ошибаясь, а младшая жадно ловитъ каждое словечко. Веселая улыбка озаряетъ то и дѣло ея лицо, при мысли, какъ они хорошо обманываютъ старшихъ. А вдругъ раздастся звонокъ, вернутся родители, и придется бросить запретную, но интересную книжку до новаго удобнаго случая.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Управляющій Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею увѣдомилъ, что Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: стать-секретарямъ Его Величества, пожалованнымъ въ сіе званіе въ царствованіе Императора Александра II и состоявшимъ въ ономъ въ царствованіе Императора Александра III, предоставить право ношенія особаго нагруднаго вензелеваго знака, по образцу подобнаго [знака, Высочайше установленнаго 25-го февраля 1895 года для лицъ Свѣты Его Величества. Знакъ этотъ носить на лѣвой сторонѣ груди.

— Высочайше утвержденнымъ, 17-го ноября 1895 года, положеніемъ комитета министровъ постановлено: «Состояніе при Императорскихъ обществахъ: вольномъ экономическомъ и московскомъ сельскаго хозяйства, комитеты грамотности, вмѣстѣ съ принадлежащими имъ суммами и другимъ, какое окажется, имуществомъ, передать нынѣ же въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, съ подчиненіемъ ихъ непосредственно центральному управленію сего министерства и съ предоставленіемъ послѣднему, по передачѣ въ его вѣдомство названныхъ комитетовъ, составить и, по сношеніи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ Святейшаго Синода, утвердить общій для обоихъ или отдѣльный для каждаго изъ комитетовъ уставъ, съ сохраненіемъ нынѣшняго ихъ названія комитета грамотности или же съ присвоеніемъ имъ другого соотвѣстнаго названія; впредь же до изданія такого устава, сдѣлать въ дѣйствующихъ правилахъ о сихъ комитетахъ тѣ измѣненія или дополненія, кои окажутся необходимыми, вслѣдствіе означенной передачи, или по другимъ соображеніямъ».

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Италія.—Король Гумбертъ въ Неаполѣ производилъ на-дняхъ смотръ выступающимъ въ Африку войскамъ, отправляющимся въ Африку съ генералами Гейшъ, Валлесъ и Гаццурелли и офицерами неаполитанскаго гарнизона. По окончаніи смотра король обратился къ войскамъ съ слѣдующими словами: «Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты! я хотѣлъ лично передать прощальное привѣтствіе

родны и проститься съ вами какъ солдатъ. Страна, въ которую вы отправляетесь, обогрѣна кровью вашихъ братьевъ и вамъ уже знакома. Вы тамъ найдете еще живой отголосокъ нашихъ побѣдъ и воспоминанія о мужествѣ, храбрости и самоотверженіи: подражайте этимъ доблестнымъ примѣрамъ. Передайте вашимъ сотоварищамъ по оружію бла-

въ бою со всею шоанскою арміею; колонна не могла устоять противъ превосходящихъ ее силъ абиссинцевъ и должна была призвать бригаду генерала Аримонди, которая оставила центръ, чтобы прикрыть отступленіе колонны Альбертоне. Альбертоне, вслѣдствіе стѣсненнаго положенія, не могъ стянуть къ себѣ все свои силы полностью. Между тѣмъ

нападенія шоанцевъ по всему фронту становилось все сильнѣе. Шоанцы обошли фланги итальянцевъ справа и слѣва, такъ что послѣдніе должны были покинуть свои позиціи. Благодаря большому затрудненіямъ, представляемымъ мѣстностью боя, горная артилерія не могла быть увезена. Итальянцы отступили за Белезу, какъ побѣжденные.

Франція.—Французская палата депутатовъ вотировала миллионный кредитъ на представительство страны въ священные дни коронованія въ Москвѣ. Докладчикъ коммиссіи депутатъ Райбертъ сказалъ при этомъ: «Франція настолько богата, чтобы покрыть расходы, связанные съ ея славой и съ чувствами къ дружественной націи».

— Изъ 33 членовъ бюджетной коммиссіи 29 безусловно противны всякому налогу на доходъ, только четверо одобряютъ этотъ налогъ въ принципѣ, но дѣлаютъ формальныя оговорки относительно проекта. Избраніе коммиссіи въ такомъ составѣ является безпримѣрнымъ пораженіемъ, нанесеннымъ подоходному налогу. Какъ пренія въ бюро, такъ и избраніе членовъ коммиссіи находились исключительно въ связи съ этимъ налогомъ. Въ числѣ избранныхъ членовъ находятся Шарль Ру, Зигфридъ,

Андре Лебонъ, Гро и Пельтанъ.

— Президентъ республики посѣтилъ Ліонъ и Тулонъ. Въ одной изъ рѣчей Форъ, упомянувъ о Карно, замѣтилъ, что тогда приходилось управлять страной среди болѣе серьезныхъ кризисовъ, что президентъ Карно мужественно стоялъ на стражѣ конституціи съ твердой вѣрой въ окончательный успѣхъ идей справедливости и свободы. Эти великія традиціи, переданныя Карно, свято чтутся тѣми, что заступили его мѣсто и которые сѣмѣютъ проникнуться ими, дабы выполнять въ теченіе всего положеннаго срока ихъ служенія возложенную на нихъ миссію.

Великобританія.—Въ Лондонѣ начался процессъ Джемсона. Ему устроили восторженную овацію. Въ залѣ суда его ожидали

Ген.-адъют. П. А. Черевинъ.

(Скончался 19-го февраля 1896 года).

голожеланія Италіи, которая знаетъ, что сыны ея солидарны съ нею, когда дѣло идетъ о защитѣ знамени». Слова короля воодушевили войска.

— Въ абиссинской арміи генералъ Баратіери рѣшилъ атаковать позиціи шоанцевъ утромъ 18-го февраля (1-го марта) тремя колоннами. На лѣвомъ флангѣ находилась колонна генерала Альбертоне въ составѣ 4 батальоновъ туземной пѣхоты и 4 горныхъ батарей; центръ образовала бригада генерала Аримонди, а на правомъ флангѣ шла бригада генерала Даборнида съ 4 горными батареями; въ резервъ стояла бригада генерала Эллена съ батареею скорострѣльных орудій. Головы колонъ достигли дороги въ Адую и заняли ихъ безъ боя. Колонна генерала Альбертоне, двигаясь на Аббакариму, вскорѣ оказалась

герцога Аберкорнскій и члены правленія «Chartered Company» съ женами. Всего обвиняемыхъ представлено 15 человекъ. Обвиненіе поддерживалъ главный прокуроръ Матьюсъ. Каждого изъ обвиняемыхъ, при входѣ въ залъ, публика встрѣчала восторженными рукоплесканіями. Наконецъ, засѣданіе было отложено на 2 недѣли, и виновные выпущены на поруки, по внесеніи за каждого изъ нихъ 20,000 рублей залога.

Турція.—Султанъ принималъ на дняхъ посла А. И. Нелидова и русскаго дипломатическаго агента въ Софіи Н. В. Чарыкова въ аудіенціи.

— На о. Критѣ произошли безпорядки, во время которыхъ убиты 2 христіанина и 1 турецкій жандармъ, а ранены 3 христіанина. Для возстановленія порядка отправлены два батальона пѣхоты и 2 орудія. Авторитетъ властей въ округахъ Селино, Аиокоропа и Сфакиа поколебленъ. Правительство предполагаетъ обезоружить все населеніе, но мѣра эта едва ли осуществима; имѣется въ виду усилить гарнизоны. Положеніе генералъ-губернатора считается потрясеннымъ; говорятъ, что на этотъ постъ вновь назначается Джеватъ-паша.

Трансваальская республика.—При своемъ предполагаемомъ посѣщеніи Англіи президентъ Крюгеръ будетъ добиваться слѣдующихъ уступокъ: отмена конвенціи 1884 г. и замѣна ея торговымъ договоромъ и договоромъ о дружбѣ, причемъ Англія будетъ признана первенствующею въ Южной Африкѣ державою; присоединеніе Свазиланда къ Южно-Африканской республикѣ; гарантія независимости Трансваала; предоставленіе права первенства при покупкѣ бухты Кози на берегахъ Делатга Южно-Африканской республики. «Уитландерамъ» будутъ предоставлены избирательныя права.

Корея.—Корейскій король пребываетъ еще въ домѣ русской миссіи. Внутри Кореи продолжаютъ возстанія. По слухамъ, Японія предлагаетъ Россіи установить обоюдный контроль надъ Кореей. Полагаютъ, что Ямагата во время своего пребыванія въ Москвѣ будетъ вести переговоры о союзномъ договорѣ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Полтавская городская дума ознаменовала въ экстренномъ собраніи 16-го сего февраля 25-лѣтіе существованія въ Полтавѣ городского управленія по положеніямъ 16-го іюня 1870 года и 11-го іюня 1892 года торжественнымъ засѣданіемъ и всенароднѣйшей телеграммой на Высочайшее Имя.

— Согласно Высочайше утвержденному, 29-го января 1896 года, мнѣнію Государственнаго Совѣта, въ архангельской губерніи вводятся судебныя уставы Императора Александра II въ полномъ объемѣ, но безъ присяжныхъ засѣдателей.

— Комиссія о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, засѣдающая въ Москвѣ, рассмотрѣвъ ходатайство бактериологическаго института о городскомъ пособіи, нашла необходимымъ содѣйствовать развитію института въ виду требованій антидифтеритной сыворотки и въ Москвѣ, и въ губерніяхъ.

— Въ приказаніи по войскамъ приамурскаго военнаго округа объявлено, что временно-командующій войсками округа, при-

зная въ весьма полезнымъ распространеніе среди офицеровъ частей войскъ округа знанія китайскаго и японскаго языковъ, намерѣвъ возмощить выдавать преміи на основательное изученіе выше названныхъ восточныхъ языковъ.

— Въ Ярославлѣ будетъ реставрированъ одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ старины—древняя Богородская башня на сѣверо-западномъ углу ограды Спасо-Преображенскаго монастыря (архіерейскаго дома), въ которомъ имѣлъ пребываніе первый государь изъ дома Романовыхъ, а именно, въ 1613 году, 21-го марта, царь Михайлъ Ѳеодоровичъ.

— По соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ главноначальствующимъ, въ Тифлисѣ образована, подъ предѣлительствомъ члена совѣта главноначальствующаго К. В. Якимова, особая комиссія для пересмотра законныхъ крестьянскихъ законоположеній.

— Духовенствомъ нѣкоторыхъ западныхъ губерній возбуждено ходатайство о перенесеніи ярмарочныхъ и базарныхъ дней съ воскресенья на понедѣльники.

— Принцъ Хаиме де-Бурбонъ, старшій сынъ извѣстнаго Донъ-Карлоса, принятъ на русскую службу корнетомъ въ Лубенскій драгунскій полкъ, квартирующий въ Кишиневѣ. Принцъ уже выѣхалъ изъ Петербурга къ мѣсту своего служенія.

— Въ Гельсингфорсѣ строится обширный институтъ для пріюта слѣпыхъ. На устройство его финляндскій сенатъ отпустилъ 300 тысячъ финскихъ марокъ.

— Финляндское лоцманское управленіе предполагаетъ выставить на нижегородской выставкѣ модели лодокъ, лоцманскихъ пароходовъ и другихъ судовъ лоцманской службы.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

19-го февраля, въ день освобожденія крестіянъ, въ Исаакіевскомъ соборѣ была совершена литургія. Литургію совершалъ высокопреосвященный Іустинъ, архіепископъ одесскій и херсонскій, съ соборнымъ духовенствомъ.

— 19-го февраля, въ день 18-лѣтней годовщины санъ-стефанской Болгаріи, проживающіе въ Петербургѣ болгары отслужили въ Казанскомъ соборѣ панихиду по въ Бозѣ почивающемъ Императорѣ Александрѣ II и всѣхъ участникахъ освободительной войны.

— Въ субботу, 17-го февраля, с.-петербургская духовная академія праздновала 87-ю годовщину своего существованія. Въ присутствіи многочисленной посторонней публики, профессоровъ и студентовъ, состоялось обычное торжественное собраніе. Въ числѣ почетныхъ гостей находились: митрополитъ петербургскій Палладій, архіепископы—новгородскій—Осोगность, финляндскій—Антоній, херсонскій—Іустинъ, англиканскій лордъ-епископъ Вилькинсонъ, министръ народнаго просвѣщенія—графъ И. Д. Деляновъ, обер-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ.

— Въ залѣ городского кредитнаго общества, 18-го февраля, состоялось особое торжественное засѣданіе с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества. Приступовали: высокопреосвященный Антоній, архіепископъ Выборгскій и финляндскій, графъ Н. П. Игнатьевъ, генералъ М. Г. Черняевъ, т. с. В. К. Саблеръ, вице-адмиралъ А. Б. Асланбековъ, г.-м. Шведовъ, А. А. Кирѣвъ,

секретарь англо-русскаго общества въ Лондонѣ г. Бирбенъ.

— Въ Петербургъ прибылъ его преосвященство лордъ-епископъ Вилькинсонъ, докторъ богословія Оксфордскаго университета, бывшій начальникъ духовной миссіи въ Средней Африкѣ, викарій лорда-епископа лондонскаго для всѣхъ приходовъ англиканской церкви въ сѣверной и центральной Европѣ. Лордъ-епископъ принятъ былъ его преосвященствомъ митрополитомъ Палладіемъ.

— 17-го февраля—день праздника 1-го кадетскаго корпуса. Въ стѣнахъ его было совершено благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ и Александрѣ Ѳеодоровнѣ и всему Царствующему Дому. Вечеромъ состоялся обѣдъ бывшихъ питомцевъ 1-го кадетскаго корпуса. Въ числѣ присутствовавшихъ находились: начальникъ главнаго штаба ген.-адъют. Н. Н. Обручевъ, иркутскій генералъ-губернаторъ ген.-отъ-инф. Горемыкинъ, приамурскій генералъ-губернаторъ ген.-лейт. Духовской, членъ Государственнаго Совѣта ген.-отъ-инф. Роопъ, главный редакторъ «Правительственнаго Вѣстника» К. К. Случевскій.

— 13-го февраля, въ штабѣ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа состоялось сообщеніе причисленнаго къ генеральному штабу штабъ-капитана Новицкаго: «Сравненіе условій мобилизаціи и сосредоточенія нашей арміи передъ войною 1877—78 гг. и нынѣ».

— Въ Обществѣ для содѣйствія русскому торговому мореходству, въ засѣданіи 16-го февраля В. Ф. Никонъ сдѣлалъ докладъ: «Владивостокъ, какъ портъ, вполне соотвѣтствующій военнымъ и торговымъ цѣлямъ».

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Особая комиссія, подъ предѣлительствомъ министра народнаго просвѣщенія графа И. Д. Делянова, выработала правила пріема въ открываемый въ Петербургѣ женскій медицинскій институтъ. Пріемъ слушательницъ рѣшено произвести въ 1896—97 учебномъ году. Первоначальный комплектъ установленъ въ 125 человекъ.

— Министерствомъ народнаго просвѣщенія внесены въ государственный совѣтъ представленія объ учрежденіи технологическаго института въ Томскѣ и медицинскаго факультета при новороссійскомъ университетѣ.

— На текущій годъ смѣта главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній составлена въ 5,573,486 руб. расхода и 628,838 руб. дохода.

— Членъ ученаго комитета вѣдомства учреждений Императрицы Маріи А. Г. Вороновъ командированъ въ сѣверо-западный край для производства ревизіи мѣстныхъ учебно-воспитательныхъ заведеній.

— Московскому комитету грамотности пожертвовано неизвѣстнымъ около 50,000 рублей на бесплатную разсылку библиотекъ, на пособія воскреснымъ школамъ, на изданія комитета и на другіе расходы по распространенію грамотности среди народа.

— Въ испытательную комиссію восточныхъ языковъ, имѣющую быть при петербургскомъ университетѣ, весной текущаго года назначены: предѣлатель академикъ баронъ Розенъ, и членами—профессора: Смирновъ, Позднѣвъ, Жуковский, Веселовскій и Ивановскій.

— А. О. Морозовъ внесъ въ Государственный банкъ 20,000 рублей на содержаніе въ городѣ Війскѣ женской прогимназіи.

— Въ карвской части, въ С.-Петербургѣ, кромѣ имѣющагося тамъ церковно-приходскаго попечительства, учреждается новое ремесленно-промышленное попечительство, которое будетъ заботиться о ремесленномъ образованіи возможно большаго количества дѣтей мѣстныхъ жителей.

ИСКУССТВО.

Выставка русскихъ художниковъ.

Въ воскресенье, 18-го февраля, открылась для публики четвертая и, вѣроятно, послѣдняя въ этомъ сезонѣ художественная выставка картинъ (Невскій пр., д. № 27), не попавшихъ, по разнымъ причинамъ, ни на одну изъ открытыхъ уже до сихъ поръ трехъ выставокъ.

Выставка эта не особенно богата. Всего 149 картинъ, въ число которыхъ входятъ картины, написанныя масляными красками, и акварели (жанръ, пейзажъ, марины, портреты и семь скульптурныхъ издѣлій).

Изъ картинъ, интересныхъ по сюжету и хорошо написанныхъ, выдаются слѣдующія: большая акварель г. Шинова—«Возвращеніе съ ученія батальона преображенскаго полка съ пѣснями впереди». Картина эта богата жизнью и художникомъ вѣрно схвачены лица солдатъ, забывшихъ при пѣснѣ про свою усталость.

Очень хорошъ пейзажъ г. Крыжцакаго—«Лугъ передъ сѣнокосомъ». Художникъ прекрасно справился со всѣми деталями и солнечнымъ освѣщеніемъ. Если бы облака были написаны немного легче, то картина была бы безукоризненна.

Пейзажъ проф. Ю. Клевера—«Зимній вечеръ» правдивъ и эффектенъ, какъ и всѣ его картины, но въ виду многократнаго повторенія этого сюжета въ разныхъ видахъ—новая картина не оставляетъ впечатлѣнія.

Почтенный проф. Н. Е. Сверчковъ выставилъ картину—«Въ метель». Тема эта въ его картинахъ давно уже разработана. Выставленную же картину нельзя причислить къ удачнымъ.

Молодая художница Е. З. Краснушкина выставила двѣ картины «Тройка»,—картины эффектные и хорошо выписаны.

Картина Лагоріо—«Гибель парохода Владиміръ» изображаетъ моментъ, когда половина парохода уже затонула, а несчастные пассажиры спасаются—кто на лодкѣ, кто вѣлавъ. Картина оставляетъ удручающее впечатлѣніе.

Очень хорошо и бойко написана жанровая картина г. Бухгольца—«Подруги». Картина изображаетъ будuarъ, гдѣ на кушеткѣ лежитъ молоденькая женщина, а другая полѣстилась на стулѣ и за чашкою кофе сообщаетъ городскія сплетни. Обѣ фигуры написаны эффектно и непринужденно.

Г. Скиргелло выставилъ жанровую картину—«Деревенскій ловеласъ». Картина изображаетъ только двѣ фигуры (это большое мѣсто нашихъ художниковъ)—деревенскій паренъ съ гармоникой и дѣвушка. Картина написана очень хорошо и правдивы всѣ детали, но мы не понимаемъ, чего ради художнику вздумалось писать картину на эту тему почти въ натуральную величину? Будь эта картина написана въ восемь разъ меньше, она выиграла бы значительно и скорѣе нашла бы себѣ покупателя.

Изъ портретовъ очень хорошо написаны художникомъ Кравченко портреты д-ра Кравецкаго, а также дѣвочки. Очень удаченъ и вѣренъ портретъ проф. Сорокина, написанный г. Цюглинскимъ.

Изъ скульптурныхъ издѣлій хороша группа художника Сала—«Проводы отца на рыбную ловлю» и Штейнмана—«Е. И. В. Императоръ Александръ III».

О другихъ картинахъ говорить нечего, ибо онѣ страдаютъ или безсодержательностью, или плохую технику.

— 15-го февраля, въ 2 ч. 30 м. дня, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна посѣтили с.-петербургскую рисовальную школу Императорскаго общества поощренія художествъ, что на р. Мойкѣ, у Синяго моста. При входѣ Ихъ Императорскія Величества были встрѣчены всѣмъ персоналомъ школы. Государь Императоръ съ Императрицею посѣтили классы: живописи съ натуры, головной, классъ масокъ и живописи по фарфору. Обойдя эти классы, Ихъ Императорскія Величества спустились внизъ, посѣтили классъ композицій рисунковъ.

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

Главнымъ режиссеромъ Императорской драматической сцены съ 1-го мая, вмѣсто В. А. Крылова, приглашенъ Е. П. Карповъ.

— Въ Михайловскомъ театрѣ состоялся бенефисъ г-жи Ратклиффъ. Шли: четырехъ-актная комедія «Le Filleul de Pompiгnas» и двѣ одно-актные пьески, изъ коихъ «Un mari dans du coton» извѣстна у насъ подъ названіемъ «Вспышка у домашнего очага» въ переводѣ М. П. Федорова. «Le Filleul de Pompiгnas» написана авторомъ вмѣстѣ съ Дюма-сыномъ.

— Нѣмецкая труппа въ Александринскомъ театрѣ дала довольно неудачную вторую поинку репертуара: «Der Dornenweg» («Тернистый путь») Феликса Филиппа. Сцены пьесы построены на семейной драмѣ, но очень неумѣло. Актеры старались, но пьеса успѣха не имѣла.

— 18-го февраля, въ залѣ дворянскаго собранія состоялся духовный концертъ нашего образцоваго хора русской оперы. Съ большимъ успѣхомъ прошли всѣ нумера программы, посвященной духовнымъ произведеніямъ Львова, Турчанинова, Бахметева, Львовскаго, Березовскаго, Чайковскаго, Виноградова и Бортнянскаго.

— Въ «Акваріумѣ», 17-го февраля, Эрнесто Росси праздновалъ 50-лѣтній юбилей своей артистической дѣятельности. Шелъ «Скупой рыцарь» Пушкина, въ итальянскомъ переводѣ, и третій актъ «Гамлета». Росси былъ великолѣпенъ. Артисту поднесли хлѣбъ-соль на блюдѣ отъ публики, золотой жетонъ съ бриллиантовою римскою цифрою L, золотую шишу съ надписью на эфесѣ—«чудесному Отелло отъ русской публики», два вышитыхъ буюара отъ почитателей и почитательницъ таланта. 18-го февраля, въ театрѣ «Акваріумъ» состоялся прощальный спектакль съ Петербургомъ Э. Росси, для котораго артистъ избралъ пьесу «Кардиналь Ришелье». Характеръ властолюбиваго кардинала какъ нельзя болѣе удался Э. Росси.

— Состоялся первый симфоническій концертъ, изъ пяти объявленныхъ Петербургскою музыкальною школою. Единственною новостью программы была «Молдава», поэма чеха Сме-

таны, въ послѣдніе годы, послѣ своей смерти, начинающаго пріобрѣтать извѣстную популярность въ Германіи.

— Талантливая пианистка, г-жа Тимапова, выступила недавно въ залѣ городского кредитнаго общества. Концертантка выбрала программу изъ пьесъ труднаго виртуознаго жанра и имѣла успѣхъ.

— Концертмейстеръ русской оперы, г. Вальтеръ, далъ на-дняхъ концертъ въ Петровскомъ училищѣ. Онъ выступилъ въ Петербургѣ впервые и показалъ себя дѣйствительно выдающимся скрипачемъ-солистомъ.

ЮБИЛЕИ и ГОДОВЩИНЫ.

В. А. Татариновъ.—14-го февраля исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти государственнаго контролера Валеріана Алексѣевича Татаринова. В. А. родился въ 1816 г. въ Симбирскѣ. Окончивъ блестяще курсъ въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, онъ въ 1835 г. началъ службу въ канцеляріи государственнаго контроля и скорѣе обратилъ на себя вниманіе выдающимися способностями. В. А. неоднократно былъ назначаемъ въ разныя комиссіи и командировки по Россіи и за границу. Въ 1851 г. В. А. получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Съ 1-го января 1863 г. онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность государственнаго контролера, а утвержденъ въ ней 19-го апрѣля 1864 г. В. А. поставилъ себѣ задачею проведеніе въ жизнь тѣхъ коренныхъ началъ контрольной повѣрки, которыя онъ выработалъ для Россіи, на основаніи изученія постановки дѣла въ Западной Европѣ. Съ этого времени начинается блестящій періодъ улучшенія системы государственной отчетности. Вмѣстѣ съ тѣмъ насталъ быстрый ростъ ежегоднаго государственнаго бюджета. В. А. своей дѣятельностью сохранилъ государству многіе миллионы рублей и положилъ надежное основаніе для стройнаго и въ будущемъ хода государственной отчетности.

К. Н. Виноградовъ.—17-го февраля исполнилось 25-лѣтіе служебно-медицинской дѣятельности ординарнаго профессора Императорской военно-медицинской академіи Константина Николаевича Виноградова. К. Н. происходитъ изъ духовнаго званія. Онъ родился 1-го марта 1847 года, высшее образованіе получилъ въ медико-хирургической академіи, окончивъ ее въ 1870 году. Въ 1871 году К. Н. получилъ назначеніе младшаго врача 7-го гренадерскаго самогитскаго эрцгерцога Франца-Карла полка. Въ 1872 году К. Н. былъ уже докторомъ медицины; въ 1874 году К. Н. былъ признанъ академіей частнымъ доцентомъ. По открытіи томскаго университета, К. Н. былъ назначенъ туда ординарнымъ профессоромъ, причемъ исполнялъ тамъ обязанности декана медицинскаго факультета. Въ 1892 году юбиларъ былъ переведенъ ординарнымъ профессоромъ въ Императорскую военно-медицинскую академію. Онъ читаетъ тамъ лекціи и въ настоящее время. К. Н. принималъ участіе въ послѣдней турецкой кампаніи.

— А. Я. Гаркави. 18-го февраля исполнилось тридцать пять лѣтъ ученой дѣятельности одного изъ современныхъ ориенталистовъ, доктора А. Я. Гаркави. А. Я. получилъ образованіе въ с.-петербургскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ по факультету восточныхъ языковъ. Въ 1868 г. за диссертацию «Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ» А. Я. получилъ степень магистра

исторіи Востока. Въ 1872 году онъ защитилъ докторскую диссертацию.

— В. А. Александровъ. 16-го февраля, инспекторъ народныхъ училищъ с.-петербургской губерніи В. А. Александровъ праздновалъ тридцатипятилѣтіе своей дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ. Дѣятельность г. Александрова началась въ 1861 году. Онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на составленіе и изданіе книжекъ для народнаго чтенія.

НЕКРОЛОГИ.

П. А. Черевинъ. — 19-го февраля скончался дежурный при Его Императорскомъ Величествѣ генералъ, генералъ-адъютантъ Петръ Александровичъ Черевинъ. Покойный родился 10-го октября 1837 г. и получилъ образованіе въ школахъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Сначала П. А. отличился въ войнѣ съ горцами. Съ 1863 г. по 1865 г. П. А. состоялъ для особыхъ порученій въ распоряженіи командующаго войсками виленскаго военного округа покойнаго М. Н. Муравьева, въ 1867 году былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству, черезъ годъ зачисленъ въ свиту Его Величества. Въ 1869 году П. А. былъ назначенъ командиромъ собственного Его Величества конвоя. Последнюю русско-турецкую войну онъ находился въ составѣ отряда генерала І. В. Гурко. Онъ участвовалъ въ атакѣ Горнаго Дубняка и при взятіи Телишскихъ укрѣпленій. Въ 1878 году П. А. занялъ должность товарища шефа жандармовъ и главнаго начальника III отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи. 6-го августа 1880 года генералъ Черевинъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ М. С. Кахановымъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Эту должность онъ занималъ до 25-го декабря 1881 года, когда получилъ высшее назначеніе, сосредоточившее въ его рукахъ охрану спокойствія и безопасности въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. Съ тѣхъ поръ покойный П. А. приблизился къ Царской Семѣ, во всѣхъ почти путешествіяхъ онъ сопровождалъ Царя и Царицу и пользовался Ихъ милостивымъ расположеніемъ.

Генералъ-адъютантъ П. А. Черевинъ скончался въ 10 ч. 20 м. утра. Передъ этимъ, въ десятомъ часу утра, прибыли навѣстить опасно больного Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Марія Оеодоровна. Больной еще находился въ сознаніи. Въ 3 часа дня у тѣла скончавшагося генералъ-адъютанта была совершена духовенствомъ первая панихида. На панихидѣ присутствовали Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Марія Оеодоровна и Александра Оеодоровна и Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Владиміръ Александровичъ съ Августѣйшею супругою Великою Княгинею Марією Павловною, Алексѣй Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Николай Николаевичъ, Михайлъ Николаевичъ, Георгій Михайловичъ и Александръ Михайловичъ съ Авгу-

стѣйшею супругою Великою Княгинею Ксению Александровною и Князь Евгений Максимиліановичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій. На панихидѣ также присутствовали: министръ Императорскаго двора графъ И. И. Воровцовъ-Дашковъ съ супругою; управляющій морскимъ министерствомъ генералъ-адъютантъ адмиралъ Н. М. Чихачевъ; члены Государственнаго Совѣта, К. П. Побѣдоносцевъ и многіе другіе высокопоставленныя лица.

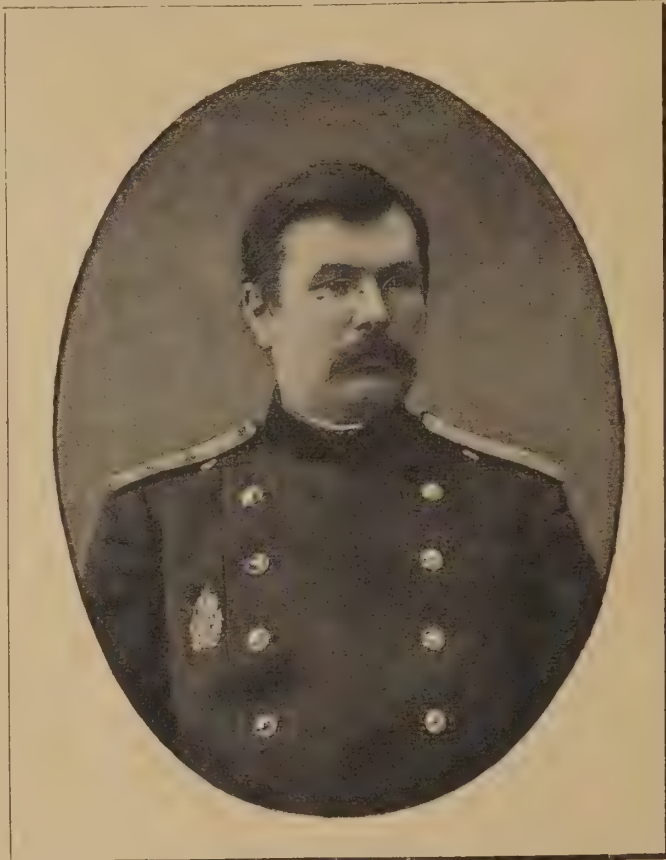
А. П. Петровъ. — Скончался тайный совѣтникъ Александръ Петровичъ Петровъ. Покойный состоялъ по военному министерству. На государственную службу А. П. вступилъ болѣе 60 лѣтъ тому назадъ.

Арсенъ Гуссѣ. — Въ Парижѣ умеръ романистъ и критикъ Арсенъ Гуссѣ. Онъ былъ

версты на званіе чемпиона Михайловскаго манежа на эту дистанцію. Въ первомъ пришли мертвымъ гитомъ (вмѣстѣ) Бутылкинъ и Докучаевъ, а во второмъ побѣдилъ М. И. Дьяковъ, сдѣлавшій дист нцію въ 1½ версты 2 мин. 13 ¾ сек. Вторымъ былъ А. Бутылкинъ, еле попавшій во флагъ. Публики было масса.

— На прудкахъ Юсупова сада состоялось состязаніе въ бѣгѣ на конькахъ. Дистанція состояла изъ 1,500 метровъ. Записалось на состязаніе 12 конькобѣжцевъ, которые были раздѣлены на три категоріи. 1-я категорія состояла изъ лицъ, не участвовавшихъ никогда на состязаніяхъ въ Юсуповомъ саду. Ко второму разряду принадлежали лица, не участвовавшія въ международномъ состязаніи. Къ третьему разряду принадлежали конькобѣжцы, участвовавшіе въ международномъ состязаніи. Призы: секундомѣръ получилъ г. Вазилевскій; письменный приборъ получилъ г. Э. Лидвалъ; серебр. карандашъ — г. Шмунъ и г. Фолленвейдеръ — серебр. медаль.

1871—ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ—1896.

К. Н. Виноградовъ.

(Профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи).

очень популярнымъ писателемъ. Кромѣ романовъ и критическихъ статей по различнымъ отраслямъ искусства, онъ занимался историческими изслѣдованіями.

СПОРТЪ.

На рисенныхъ состязаніяхъ, 18-го февраля, разыгрывался почетѣйшій призъ зимняго сезона—призъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы въ 6,720 р. Побѣдителемъ вышелъ «Полканъ» И. В. и Я. В. Кожевниковыхъ, сдѣлавъ 5 верстъ въ 8 м. 30¼ с., рѣзвѣ прошлагодняго побѣдителя «Лея» г. Малютина на ¼ секунды. Второй призъ достался «Вазануру» Д. С. Полякова, пришедшему въ 8 м. 35 секундъ съ четырьмя соями. Американскіе рысакъ на пяти верстахъ приходили: «Флешъ» въ 8 м. 19 с., «Нелли» въ 8 м. 28 с. Въ этотъ же день на бѣгу былъ побитъ рекордъ русскаго рысака на 3 версты (5 минутъ) «Недотрогомъ» Н. М. Коноплина, пришедшимъ на ¼ секунды скорѣе.

— 17-го февраля, состоялись гонки, устроенныя Обществомъ велосипедной ѣзды съ Михайловскомъ манежѣ. Самыми интересными заѣздъ ми были на 4¼ версты 1 класса и на 1¼

ДОКТОРЪ ФРИДІОФЪ НАНСЕНЪ И ЕГО ЭКСПЕДИЦІЯ

(КЪ ПОРТРЕТУ НА 213 СТРАНИЦѢ).

Нѣсколько дней тому назадъ телеграфъ извѣстилъ, что сибирскій купецъ Кушнаревъ, агентъ доктора Нансена въ Сибири, извѣдомилъ совѣтника Кандасова, что онъ получилъ извѣстіе объ открытіи докторомъ Нансеномъ Сѣвернаго полюса. Позднѣе ему было дано знать, что британскій вице-консулъ въ Архангельскѣ телеграфировалъ министерству иностранныхъ дѣлъ, что Нансенъ возвращается съ Сѣвернаго полюса. Насколько эти извѣстія заслуживаютъ того, чтобы имъ вѣрили, теперь трудно рѣшить. Капитанъ Виггинсъ, который недавно пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Енисейска, сомнѣвается въ правдивости свѣдѣній. Клементсъ Маркгамъ, председатель географическаго общества и Скоттъ Кельти, агентъ Нансена, тоже склонны не довѣрять этимъ слухамъ; отсутствіе подробностей не говоритъ въ пользу извѣстія. Докторъ Фридіофъ Нансенъ отплылъ въ арктическія страны въ іюнѣ 1893 г. на «Фрамъ», небольшой трехмачтовой шхунѣ. Передъ отъѣздомъ докторъ Нансенъ выразилъ мнѣніе, что ясно доказано, что дорога къ полюсу черезъ Баффиновъ заливъ не удобна, какъ съ этимъ согласился Парри въ 1827 г. Экспедиція «Жаннетты» въ 1879 г. была единственная, правильно смотрѣвшая на дѣло. «Жаннетта», какъ извѣстно, направилась въ Берингово море въ надеждѣ найти болѣе или менѣе открытый водяной путь, происшедшій отъ теплаго японскаго теченія. Изъ того, что было вполнѣ дѣйстви найдено отъ Жаннетты, докторъ Нансенъ вывелъ заключеніе, что отъ Берингова моря съ одной стороны и Атлантическаго океана съ другой идетъ водяной путь къ полюсу. Планъ его былъ—пройти черезъ Беринговъ проливъ къ западу вдоль сѣвернаго берега Сибири къ новымъ сибирскимъ островамъ и затѣмъ пробиваться черезъ ледъ, пока будетъ возможно. Нансенъ рассчитывалъ пробить въ путешествіи на шхунѣ околѣ двухъ лѣтъ. Последнія извѣстія отъ Нансена были получены въ іюлѣ прошлаго года, когда была получена телеграмма изъ Сандефіорда, въ Норвегій, что видѣнъ былъ корабль, похожій на «Фрамъ», замерзшій во льду. Нансену всего 35 лѣтъ отъ роду, онъ не новичокъ въ арктическихъ экспедиціяхъ. Выйдя изъ училища, онъ совершилъ свое знаменитое путешествіе черезъ Гренландію съ тремя или четырьмя избранными спутниками. Затѣмъ онъ напечаталъ описаніе своихъ путешествій.

Недавно появилась въ газетахъ статья самого Нансена о подробностяхъ этой экспедиціи. Онъ написалъ ее, готовясь къ путешествію въ 1893 году.

«Участвуютъ въ экс едипіи,—говоритъ онъ,

между прочимъ, — слѣдующія лица: Отто Свердрупъ, владѣлецъ судна. Онъ же былъ моимъ спутникомъ въ экспедиціи по Гренландіи; Сигурдъ Скоттъ Ганзевъ, лейтенантъ норвежскаго флота и начальникъ метеорологическихъ, астрономическихъ, магнитическихъ и геодезическихъ наблюдений. Генрикъ Блессингъ, врачъ при экспедиціи и ботаникъ; Клавдій Теодоръ Якобсенъ, штурманъ «Фрама», прежде бывшій охотникомъ за тюленями и шкиперомъ въ Арктическомъ морѣ вокругъ Шпицбергена и Новой Земли; Педеръ Гендриксенъ — гарпуникъ; прежде охотникъ на тюленей и шкиперъ въ Арктическомъ морѣ вокругъ Шпицбергена и Новой Земли; Гальмаръ Юганнесенъ, лейтенантъ норвежской арміи; на «Фрамъ» — кочегаръ и исполнялъ также разныя другія полезныя работы. Иваръ Могстадъ — плотникъ; Ларсъ Петтерсенъ — инженеръ. Адольфъ Юелъ — поваръ и матросъ; прежде былъ шкиперомъ. Беритъ Бентсенъ, матросъ. Всѣхъ тринадцать человѣкъ. Продовольствія забрано съ собою въ изобиліи и притомъ очень разнообразнаго. Разнообразие въ пищѣ — чрезвычайно важная статья для избѣжанія цынги, погубившей не мало хорошо снаряженныхъ экспедицій. Заготовлены мясные консервы во всевозможныхъ видахъ — вареномъ, жареномъ и соленомъ, бранина, зайцы, битки, оксфордскія сосиски, котлеты, свинина, ветчина, сало; консервы рыбы и икры въ разныхъ видахъ, консервы изъ фруктовъ, сушеные фрукты, варенье, мармеладъ, бланманже, яичный порошокъ и порошокъ для печенія, концентрированный лимонный сокъ, изюмъ, горошекъ, гороховый супъ, чечевичный супъ, сушенныя овощи, сухари, шоколадъ, Кэдбюри, мука, сушеная рыба, сушеный картофель, консервированное молоко съ сахаромъ и безъ сахара, пресованный чай, сыръ, сахаръ, а главнымъ образомъ масло, очень важное для холоднаго климата, гдѣ человѣкъ особенно нуждается въ жирѣ. Костюмы для пребыванія на воздухѣ шерстяные. Для вѣтряной погоды зимою есть непронускающіе воздухъ костюмы изъ легкой, но плотной ткани, защищающей отъ мятели. Въ сильные морозы будетъ служить мѣховое платье, преимущественно изъ волчьихъ и оленьихъ шкуръ. Чтобы спать въ снѣгу или въ палаткахъ во время экспедицій, въ саняхъ заготовлены мѣшки изъ того же матеріала, въ которыхъ легко и удобно можно выдержать температуру въ сто градусовъ ниже нуля.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Хлѣбъ и его свойства при питаніи.

Величайшее открытіе, подвинувшее человѣка по пути прогресса и превратившее его изъ пастуха въ земледѣльца — было открытіе хлѣбныхъ злаковъ.

Древніе греки, которые свои потребности и стремленія олицетворяли въ образѣ боговъ, поклонялись богинѣ Церерѣ, изображавшей плодородіе земли вообще и въ частности хлѣбъ. Такимъ образомъ народъ называлъ хлѣбъ просто божествомъ — Церерой. Но, по словамъ Цицерона, изъ этого не слѣдуетъ, что поѣдая хлѣбъ, мы пожираемъ самое божество, богиню Цереру.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ художниковъ древности Пракситель изваялъ прелестную статую Цереры. Въ лѣвой рукѣ она держитъ корзину съ колосьями, а въ правой — зажженный факелъ. Въ честь этой богини въ древности совершались различныя празднества, и торжества, и церемоніи... Эти празднества въ Афинахъ отличались большою торжественностью и собирали въ одну семью до тридцати тысячъ народу. Все это сопровождалось пѣніемъ гимновъ, игрой на инструментахъ и разными танцами въ честь богини.

Потомъ въ міеологіи разсказывается, что Церера обрѣла какого-то ребенка Триптолема, которому она поручила обойти всю землю, научая людей искусству земледѣлія. Все это доказываетъ, какъ древность почитала земледѣліе и какъ высоко она цѣнила хлѣбъ. Такое же высокое значеніе придается земледѣлію и хлѣбу и въ Библии. «Воздѣлывай хлѣбъ свой въ потѣ лица своего», предписываетъ Библия человѣку на зарѣ исторіи. По изслѣдованіямъ ученыхъ, скотоводство пред-

шествуетъ земледѣлію. Но Библия какъ-бы измѣнила эту послѣдовательность и приписала земледѣліе старшему сыну Адама — Каину, а скотоводство младшему — Авелю. Однако, убійство Авеля Каиномъ слѣдуетъ понимать такъ, что земледѣліе вытѣснило скотоводство...

Что-бы ни говорили современные поклонники деревни, одно безусловно вѣрно, что городъ возникъ, благодаря земледѣлію и хлѣбу. Пастухъ ведетъ кочевой образъ жизни; хлѣбопашу нужна осѣдность и, если вы вздумаете упразднить городъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ сокрушите всю культуру и вернетесь вспять въ первобытное состояніе пастуха и охотника на дикихъ звѣрей. Надо понимать вещи, прежде чѣмъ высказывать свои поверхностныя мысли.

Не смотря, однако-же, на міеологическія и библейскія свидѣтельства, наши злаки куда древнѣе историческихъ сказаній и памяти человѣческой. Уже въ каменномъ вѣкѣ были извѣстны злаки ячмень и пшеница; въ бронзовомъ періодѣ къ нимъ слѣдуетъ причислить рожь и овесъ. Злаки эти вначалѣ росли дико

Д-ръ Фридрихъ Нансенъ.
(Начальникъ Сѣверной экспедиціи).

въ азиатскихъ степяхъ, откуда въ видѣ небольшихъ дорожныхъ запасовъ ихъ приносили съ собою переселявшіяся племена. Въ плодородную низменность Евфрата ячмень попалъ съ сѣвера, а въ благословенный Египетъ оттуда-же съ сѣвера попала пшеница. Рядомъ съ ячменемъ и пшеницей въ каменномъ вѣкѣ Европы воздѣлывалось много проса.

И все-таки очень медленно, тихо, лѣнливо подвигалась культура земледѣлія. По словамъ Пешеля, обдуманное изобрѣтеніе земледѣлія казалось слишкомъ недоступнымъ для умственныхъ силъ человѣка; поэтому они приписывали его божеству, точно также египтяне ко всѣмъ прочимъ почестямъ Озириса прибавляли еще славу того, что онъ научилъ человѣчество земледѣлію. Въ первомъ посѣвѣ растений, хотя-бы онъ сдѣланъ былъ бродячими ордами на мѣстѣ лѣтнихъ кочевекъ, лежать уже въ зачаткѣ всѣ будущіе успѣхи, человѣкъ какъ-бы перестаетъ быть нищимъ въ садахъ природы, богатыхъ корнями и дичью, онъ не находится уже въ зависимости отъ каприза и случая каждаго дня. Точно также ему остается время подумать о предметахъ болѣе высокихъ, такъ какъ силы его не всегда истощаются въ усиліяхъ, требуемыхъ охотою. Высокія душевныя способности, которыя встрѣчаются у многихъ охотничьихъ племенъ, совершенно истощаются самою охотою, такъ какъ они напряженно и непрестанно должны быть направлены въ вѣншему наблюдению характера самой дичи и мѣста охоты, а въ то же время этотъ промыселъ утомляетъ и тѣло человѣка. Итакъ, пока человѣкъ охотникъ и у него нѣтъ другого способа питанія какъ охота, нечего и думать о духовномъ развитіи, которое всегда требуетъ физическаго покоя.

Убѣдившись, что злаки съдобны и питательны, человѣкъ сталъ придумывать способы превратить зерно въ муку, а потомъ изъ нея приготовить хлѣбъ. Процедура эта оказалась

далеко не изъ легкихъ, такъ какъ и теперь не всѣ народы и не всѣ люди пользуются одинаково хорошимъ хлѣбомъ, хотя по библейскимъ сказаніямъ хлѣбопеченіе также древне, какъ и самъ человѣкъ. Праотецъ нашъ Авраамъ говоритъ повелительно своей хозяйкѣ Сарѣ: «Замѣси три мѣры муки и спеки хлѣбъ въ золѣ». Не думаемъ, чтобы эти хлѣбы были особенно хороши, вкусны и чисты.

Обычаемъ и наукой пока установлено, что для правильнаго питанія человѣка необходима смѣшанная пища. Это, конечно, потому, что ни одно изъ нашихъ пищевыхъ веществъ не содержитъ азота и углерода въ такихъ количествахъ, чтобы человѣкъ при исключительномъ употребленіи его, могъ питаться имъ вполне удовлетворительно. Такъ, человѣкъ культурный, не дикарь, не можетъ питаться изюмъ въ день исключительно однимъ мясомъ. На короткое время, конечно, человѣкъ можетъ обречь себя на одну какую-нибудь пищу, можетъ обречь себя даже на пищу св. Антонія, или на постную порцію, но такой способъ питанія не рационаленъ и не можетъ быть безнаказанно переносимъ человѣкомъ продолжительное время. Тѣмъ не менѣе однимъ хлѣбомъ человѣкъ все-таки можетъ долгое время питаться. «Не безынтересно, говоритъ Эрисманъ, что ближе всего подходитъ къ пищѣ взрослого человѣка, по своему относительному составу, мука хлѣбныхъ зеренъ, которой требуется опредѣленное количество для полученія необходимыхъ количествъ азота и углерода. Съ этой точки зрѣнія вегетарианцы, пожалуй, отчасти и правы... Но это, однако-же, очень опасный путь. И Эрисманъ справедливо боится такихъ категорическихъ утвержденій. Не отрицая того, что при извѣстныхъ благоприятныхъ, но исключительныхъ условіяхъ хлѣбъ можетъ замѣнять мясо въ пищѣ взрослого человѣка, мы все-таки должны сказать, что этимъ нисколько не устраняется необходимость съ общественно-гигиенической точки зрѣнія настаивать на томъ, чтобы мясо или вообще животная пища была всякому по возможности доступна и чтобы въ составъ пищи каждаго человѣка входила часть и животныхъ продуктовъ.

Тѣмъ не менѣе, основой питанія рабочаго, земледѣльческаго и фабричнаго населенія долженъ быть хлѣбъ, главнымъ образомъ хлѣбъ прежде всего хлѣбъ и, по возможности, лучшій хлѣбъ...

Посмотримъ, какой изъ нихъ считается лучшимъ... Пшеничное сѣмячко имѣетъ продолговатую круглую форму и бороздкѣ дѣлится на двѣ доли. Въ каждомъ сѣмязкѣ различаютъ кору, зародышъ и ядро. Кора ничто иное какъ отруби и хотя онѣ очень богаты азотистыми веществами, но желудокъ человѣка съ трудомъ ихъ перевариваетъ, и то не всякій желудокъ, а потому при изготовленіи хлѣба ихъ необходимо удалить, отсѣять и предоставить въ кормъ скоту. Подъ корою, или отрубями, лежитъ бѣлковинный слой, содержащій питательное вещество клейковину и фосфорно-кислую известь, потомъ идетъ слой бѣлка, чистой муки, содержащей въ своихъ клѣточкахъ особое маслянистое вещество, названное въ честь Цереры — цереалиномъ. Это масло легко портится и хлѣбъ отъ него горькнетъ. Зародышъ очень богатъ азотистыми веществами, солями и масломъ. Наконецъ, ядро преимущественно содержитъ крахмалъныя зерна, не отличающіяся особенной питательностью.

Если употребляютъ рожь, и зерно размоло то цѣликомъ и все превращено въ муку, то получается черный хлѣбъ. Пшеничное зерно, вмѣстѣ съ отрубями превращенное въ муку, даетъ сѣтвый хлѣбъ или пеклеванный. Но мука, очищенная отъ оболочки зерна, отъ отрубей, распадается на нѣсколько сортовъ и чѣмъ сортъ выше, тѣмъ такая мука относительно содержитъ меньше бѣлковинныхъ веществъ и больше крахмалистыхъ, и хотя такой хлѣбъ не отличается особенно высокой питательностью, но онъ вкуснѣе, легче переваривается и переносится желудкомъ и въ смѣси съ другой пищей совершенно удовлетворяетъ питательнымъ требованіямъ нашего культурнаго организма.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ докторъ Н. П. Поповъ произвелъ цѣлый рядъ опытовъ съ чернымъ и бѣлымъ хлѣбомъ и издалъ брошюру подъ именемъ «Голодный хлѣбъ». Онъ кормилъ взрослыхъ людей, солдатъ однихъ исключительно чернымъ хлѣбомъ —

а других исключительно бѣлымъ хлѣбомъ и пришелъ къ точнымъ выводамъ. Люди, воспитанные на черномъ хлѣбѣ, при питаніи однимъ этимъ хлѣбомъ, жаловались на отощаніе, на голодъ, но тѣмъ не менѣе никогда не приходилось слышать отъ нихъ, чтобы этотъ хлѣбъ имъ когда либо опротивѣлъ. И все-таки, не смотря на прекрасныя качества, черныи хлѣбъ составляетъ для человѣка пищу весьма не удовлетворительную. Люди послѣ трехдневнаго исключительнаго питанія чернымъ хлѣбомъ очень отошались (слышите, въ три дня!), жаловались на голодъ, выглядели сонливыми, вялыми, апатичными, неохотно принимались за всякую даже очень легкую работу, имѣли склонность больше лежать и вообще казались утомленными. Все это потому, что черныи хлѣбъ съ отрубями очень плохо усваивается человѣкомъ. Поэтому, въ силу опытовъ, Поновъ считаетъ черныи отрубный хлѣбъ малопитательнымъ, потреби-тель его постоянно находится въ вѣкоторой степени азотнаго голоданія. Всѣ тѣла у та-кихъ людей понижается, они теряютъ въ вѣсѣ, температура тѣла у нихъ тоже пони-жается и пульсъ становится слабѣе. Но это лишь до тѣхъ поръ, пока они питаются ис-ключительно однимъ чернымъ хлѣбомъ. Если же пища смѣшанная, то недостатки питанія чернымъ хлѣбомъ далеко не такъ замѣтны и вовсе не особенно серьезны: жить можно...

Соведемъ другое дѣло бѣлый хлѣбъ. По из-слѣдованіямъ того-же Попова, бѣлый хлѣбъ, французская булка, по своей усвояемости за-нимаетъ первое мѣсто. Составныя части бѣ-лаго хлѣба лучше усваиваются, чѣмъ всякихъ другихъ хлѣбовъ. Правда и то, что если людей, привыкшихъ къ черному хлѣбу, начать кор-мить бѣлымъ, то послѣдній имъ скоро пріи-дается и становится неприятнымъ вследствие отсутствія кислотности, ароматичности, а затѣмъ люди эти привыкли обременять свой желудокъ громоздкой пищей и задавать ему трудную работу. Поэтому въ первое время имъ бѣлый хлѣбъ не нравится. Съедемъ одна-коже увѣрить, что это явленіе далеко не редкѣ наблюдается. Въ Поволжѣ населеніе преимущественно питается пшеничнымъ хлѣ-бомъ, правда сытнымъ. Но крестьяне, пріѣз-жающіе изъ деревень въ городъ, съ особымъ удовольствіемъ покупаютъ калачъ даже пер-ваго сорта и лакомятся имъ, какъ пряникомъ. Вы видите, какъ мужикъ сидитъ лѣнво на возу, держитъ ковригу хлѣба въ грязныхъ рукахъ и съ наслажденіемъ улетаетъ за ошъ щеки вкусный бѣлый хлѣбъ. Мы вполне ему сочувствуемъ. Побывавъ раза три въ Европѣ, въ Швеціи, Норвегіи, Парижѣ, Гер-мани и Швейцаріи мы убѣдились личнымъ опытомъ, что такого бѣлаго, вкуснаго и де-шеваго калача, какъ у насъ въ Поволжѣ, нѣтъ нигдѣ въ цѣлой Европѣ. Притомъ-же самарская пшеница бѣлотурка по красотѣ и величинѣ зерна, по обилію въ немъ питатель-ныхъ веществъ—лучшая въ свѣтѣ. Изъ са-марской бѣлотурки, особенно-же новоузел-ской готовится особая конфектная мука, изъ которой изготовляются самыя вѣжныя печенья—деликатесы къ утреннему кофе ко-ролевы англійской или великобританской императрицы...

Никакими суррогатами, никакая кукуруза не можетъ замѣнить или вытѣснить бѣлотурку и нашъ поволжскій калачъ или московскую сайку. Надо, однакоже, сознаться, что въ Евро-пѣ, въ Парижѣ, особенно же въ Швейцаріи хлѣбъ несравненно лучше испеченъ и даже нѣсколько жестокъ, такъ что нужны крѣпкіе зубы, крѣпкія челюсти и подолгу жевать. чтобы преодолѣть эту твердую, но вкусную и питательную массу въ формѣ круглой булочки. Дѣло въ томъ, однакоже, что въ Швейцаріи нѣтъ ни собственной пшеницы, ни собственного хлѣба, а мы не знаемъ, куда дѣваться съ хлѣбомъ. Впрочемъ, нѣтъ добра безъ худа. Въ Поволжѣ и въ Самарѣ пудъ пшеницы стоитъ 50 к. сер.—бебывала деше-ва, а пудъ муки перваго сорта около 2 руб. Такая рѣзкая разница объясняется стачкой мукомоловъ, которые теперь, покупая про-дуктъ за дешево и продавая его послѣ пере-работки въ муку въ три дорога, страшно бо-гаются, буквально наживаются миліоны. Но это потому, что они завели у себя усовершен-ствованные приборы. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ мука изготовлялась на мельницахъ съ жерновами изъ известняка, а воиъ уже

лѣтъ 25 какъ завели мельницы съ цилиндра-ми, которые доведены до небывалаго совер-шенства и даютъ муку тонкую, бѣлую, чистую, безпримѣсную.

Для изготовленія мельничныхъ цилиндровъ прежде употребляли камень, потомъ стекло, сталь и фарфоръ. Теперь исключительно поль-зуются для этого закаленнымъ чугуномъ и вы-дѣлываютъ самыя усовершенствованные ци-линдры. Въ такихъ мельницахъ изготовляютъ муку нѣсколькихъ сортовъ. Чѣмъ тоньше и бѣлѣе мука, тѣмъ она дороже, но это незна-читъ, что высшіе сорта муки и самыя пита-тельные. Тутъ въ оцѣнкѣ достоинствъ муки нужно нѣкоторая осторожность. Французы называютъ настоящимъ, совершеннымъ хлѣ-бомъ (pain complet) приготовленный изъ пше-ничной муки, не просѣянной: это хлѣбъ очень грубый, плотный и мягкій. Но наука не при-знаетъ его совершеннымъ. Принимаемъ со-ставъ зерна: оно состоитъ изъ зародыша, ядра и оболочки шести слоевъ. По вѣсу опре-дѣленному Жираромъ, на сто частей зерна приходится 1 зародыша (1,43 грамма) 84 грам-ма ядра и 14 граммовъ оболочки. Всѣ эти со-ставныя части богаты содержаніемъ пита-тельныхъ веществъ, оболочки и зародышъ да-же болѣе богаты азотными и фосфорными ве-ществами, чѣмъ ядра. Но лучшая мука полу-чается главнымъ образомъ отъ ядра, въ со-ставъ котораго входятъ клейковина, крахмалъ, соли, масла и сахаръ, всего 75 на сто пита-тельныхъ веществъ зерна. Такъ называемый полный хлѣбъ (или цѣльный—complet) содер-житъ часть отрубей, превращенныхъ въ тон-чайшій порошокъ, и цвѣтъ его зависитъ отъ примѣси *цереалина*, открытой Меж-Мурье. Это значитъ такъ называемый ситный хлѣбъ. Но ситный хлѣбъ никоимъ образомъ не лучше бѣлаго хлѣба. Отруби или оболочки и зародышъ содержатъ, правда, въ обиліи питатель-ныя азотистыя вещества, но они неусвояемы, они проходятъ сквозь организмъ, не подвер-гаясь воздѣйствію питательныхъ соковъ, какъ это воочию доказалъ Жераръ. Въ общемъ, слѣдовательно, *комплетный*, то-есть ситный хлѣбъ чѣмъ питателенъ и болѣе неудобова-римъ, чѣмъ бѣлый. Конечно, многимъ черныи или ситный хлѣбъ кажется болѣе пріятнымъ, но это дѣло вкуса, а о вкусахъ не спорятъ, да это, наконецъ, отчасти понятно, такъ какъ за-родышъ зерна содержитъ особое ароматиче-скоемасло, которое и придаетъ хлѣбу специа-льно пріятный вкусъ. Но это же масло весьма быстро горкнетъ и становится причиной пор-чи муки. Ситный хлѣбъ, однако же, имѣетъ свои цѣнныя особенности. Онъ отличается вязкой плотностью. Это свойство зависитъ отъ того, что во время изготовленія тѣста *цереалинъ* дѣйствуетъ на крахмалъ. Это качество имѣетъ свою цѣльность, когда нужно изготовить хлѣбъ въ запасъ на одну или двѣ недѣли; такой хлѣбъ не такъ быстро черствѣетъ, но тамъ, гдѣ вы можете каждый день имѣть свѣжій хлѣбъ, это мнимое качество никакъ не годно. Правда и то, что гигиена совѣтуетъ при упо-требленіи хлѣба нѣкоторое весьма разумное правило: хлѣбъ долженъ быть хорошо испе-ченъ и всегда лучше употреблять его на дру-гой день, а не сѣжимъ, съ пылу горячимъ, только что изъ печи. И въ Петербургѣ, и въ Вѣнѣ аристократія любитъ горячія сдобныя булочки съ кофеемъ. Такимъ хлѣбомъ очень удобно нажить себѣ неизлѣчимый катарръ желудка, доходящій у обжоръ до смертельна-го рака. Напротивъ того, хорошо испеченный наканунъ и въ сухомъ мѣстѣ переночевавшій хлѣбъ, нѣсколько сухой, чуточку черствый лучше переваривается желудкомъ и не при-чиняетъ ни пучения, ни отрыжки, ни катар-ровъ и раковъ.

Что касается до отрубей, то они раздра-жаютъ слизистую оболочку желудка и ки-шечника и у людей изнѣженныхъ могутъ вызвать или констипацію или діаррею. Это во-все не такъ желательно для культурной публики. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ тому интересному выводу и заключенію, что еди-нодушное предпочтеніе народомъ бѣлаго хлѣба съ искони вѣковъ основано на несомнѣнномъ его преимуществѣ и всецѣло согласуется съ данными науки.

Чѣмъ пшеничный хлѣбъ бѣлѣе, тѣмъ онъ лучше. Изъ этого не слѣдуетъ, что онъ и наиболѣе питательный, да этого отъ него и не требуется. Богатый человѣкъ, зажиточные люди, буржуазныя семьи, населяющія города,

пользуются очень разнообразной, обильной и питательной пищей. Для богача хлѣбъ въ пищу имѣетъ значеніе почти второстепенное, поэтому онъ смѣло можетъ употреблять «хлѣбъ роскоши» (pain de luxe) то-есть са-мый лучший калачъ, пирогъ, печенья и т. д.

Бѣдникъ-же, которому нужно ограничить свое питаніе почти исключительно хлѣбомъ, хорошо сдѣлаетъ, если предпочтетъ ситный или даже черныи хлѣбъ, а въ праздники и въ торжественные случаи полакомится бѣ-лымъ. Ясно, что въ болѣе или менѣе бли-жайшемъ будущемъ бѣлый хлѣбъ вытѣснитъ всѣ другіе сорта хлѣба... И слава Богу...

В. Португаловъ.

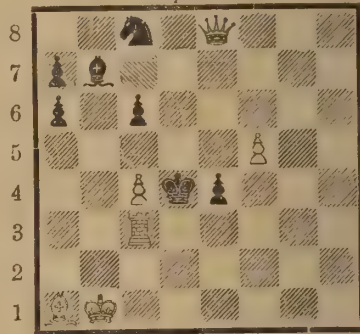
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 6.

О. Немо (въ Вѣнѣ).

Почетный отзывъ на конкурсѣ «Giornale di Sicilia».

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

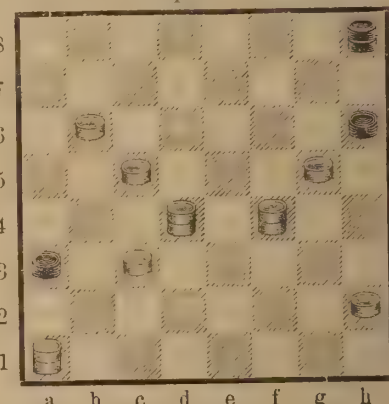
ШАШКИ.

Подъ редакціею В. П. Шомина.

ЗАДАЧА № 7.

А. Иванова (въ Петербургѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку.

Рѣшенія шашечныхъ задачъ.

№ 1. Иванова. 1. a3-b2; 2. b2-c3; 3. c5-d6; e7-a3; 4. f2-c5; 5. g1-e3; 6. c8-d2; 7. c5-b4 и 8. a1-b2. 3... a7-a3; 4. d6-f8; 5. c8-d2; 6. g1-h2; 7. f8-b4 и 8. b4-e1.

№ 2. Егорова. 1. c5-b6, a3-c5; 2. g1-h2; 3. b2-a3; 4. e1-f2; 5. a3-g3 и 6. c1-a3. 1... a7-c5 или e3-c5; 2. b4-g3; 3. a5-b6; 4. g1-h2; 5. e1-a5; 6. b2-d4 и т. д.

№ 3. Иванова. 1. d8-e7, f8-b8; 2. f2-g1; 3. h2-d6 и 4. d6-b8. 1... f8-b4; 2. e7-d8; 3. d8-a5 и 4. a5-h8.

Рѣшили: Е. Ф. Андреевъ, А. Г. Савельевъ, К. Подоль-скій, А. С. Егоровъ (Спб.), Н. А. Кукуевъ (Москва), М. И. Ту-мановъ (Сызрань) и И. В. Петровъ (Кострома)—всѣ; П. И. Швецъ (Спб.)—№ 3.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

Вино
Сенъ-Рафаэль
Превосходно на вкусъ.

Сохраняется по способу ПАС-ТЕРА.

На каждой бутылкѣ печать Россійской таможи. Къ каждой бутылкѣ приложена брошюра о Сенъ-Рафаэльскомъ винѣ, какъ о ПИТАТЕЛЬНОМЪ УКРЕПЛЯЮЩЕМЪ и ЦѢЛЕНОМЪ средствѣ вслѣдствіи Д-ръ Де-Барре.

2366-1

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскаго дѣла Генрихъ Блокъ. — 6 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятию золот. медалями и высшими знаками.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

Косметика А. Энглундъ.

Для чистоты и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія подблѣтокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въездъ. Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., д. Жернина, № 2.

!!! Важно для дамъ !!!

Зачное обученіе шитью и крою посредствомъ лекцій-корреспонденцій по понятному, легчайшему и понятному для каждаго методу. Полная гарантія въ успѣхъ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются бесплатно. Плата умеренная.

Преподавательница Е. Д. Анжарина. Кіевъ, Житомирская, № 4. № 2359-2

ЭЛЕОПАГЪ

Пр. КИНУ-ПЕНЬ для волосъ. Элеопатъ или нундъ изобрѣтенъ въ провизорской аптечѣ. Содерж. 20 граммовъ. Пр. 50 к. безъ перес. Прислать образцы и инструкцію можно въ самомъ стеклѣ каждаго флакона. Провизоръ Кинуненъ. № 2275-6. Главный складъ, Спб. Демидовъ пер. № 1.

ЗА 10 РУБЛЕЙ

съ пересылкою миниатюрный астрономическій бинокль аргусъ завода Sterns & Co Paris со шнуркомъ въ замочекъ, который удобно помѣщается въ карманъ и вполне замѣняетъ большіе тяжелые бинокли.

Складъ А. ПОЛЬКО

№ 237. Гороховая № 31. С.-Петербургъ.

В. И. КОСТИНОВСКІЙ

Уголъ Чернышева пер. и Садовой, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ

ШЕЛКУ, ШЕРСТИ И БУМАЖНОЙ ПРЯЖИ

ПОСТАВЛЯЮТЪ много прѣятыхъ и профессиональныхъ школъ женскаго рукодѣла: чулочнаго и трикотажнаго произв-дства и для бабонахъ издѣлій: шелкъ, шерсть, гарусъ, бумага во всевозможныхъ цвѣтахъ, нитки, фильденосъ, узоры, канва, кроше, макроне, пухъ индѣйскій, пензенскій, гагачій, Шерсть чулочная, берлинская для вышив. для вяз. и. и прочіе сорта (en poseaux genres). Прейсъ-куррантъ доставляется почтой. 2365-1. Требования гг. иногороднихъ исполняются съ наложеннымъ платежомъ немедленно.

Компани Виллеръ и Вилсонъ

НЬ БРИЧПОРТЪ (Американскіе Соединенные Штаты) имѣетъ честь уведомить, что она единственное представительство по продажѣ своихъ всемірно извѣстныхъ швейныхъ машинъ какъ для семейныхъ, такъ равно и для всевозможныхъ ремесленныхъ работъ, передана для Россійской Имперіи ТОРГОВОМУ ДОМУ ПЕПОВА И К^о въ Москвѣ, Знаменна соб. домъ.

Товарищество саринпокъ въ Саратовѣ предлагаетъ:

Натуральныя саринскія ткани изъ шелка и бумаги. Неподражаемый выборъ всѣхъ родовъ бѣлыя, чулковъ и носковъ.

ПЕРЕСЫЛКА ТКАНЕЙ ЗА СЧЕТЪ ФИРМЫ.

Образцы въ изящномъ альбомѣ высылаются за 42 коп. марками. 2368-1

АЛЬБОМЪ ПАРИЖСКИХЪ КРАСАВИЦЪ

составленъ изъ картинъ лучшихъ французскихъ художниковъ и въ составъ этого альбома вошли слѣдующія картины: 1) Триумфъ Венеры; 2) Потифаръ; 3) Леда съ лебедемъ; 4) Судъ Париса надъ тремя граціями; 5) Диана при купаньи; 6) Послѣ купанья въ гаремѣ; 7) Венера являющаяся тремъ граціямъ; 8) 4 дамы; 9) Скала и Волна.

Всѣ картины въ немъ Парижской школы въ особенности замѣчательны тѣмъ, что художники съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ изобразили

КРАСОТУ ЖЕНЩИНЫ.

Всѣ картины помѣщены въ изящно тисненную золотыми и черными рисунками книгу.

Цѣны съ пересылкою { Въ малѣ . . . 2 руб. 90 коп. 2 за 5 р. 35 к.
Налож. платежомъ { Безъ марки . . . 2 руб. 05 коп. 2 за 3 р. 60 к.

Базаръ Марокъ { С.-Петербургъ,
Невскій пр. № 20-23.

ФИСТАРМОНІИ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ

ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ:

въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 180, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 750, 800 и 1,000 руб.

Школа-самоучитель—Паке 2 р.

Иллюстрированный прейсъ-куррантъ БЕЗПЛАТНО.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля. С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захаркина.

№ 2305-6

ВЫИГРЫШ

нмѣ 1, 2 и 3 займы продаются

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, НЕВСКІЙ, СПБ.

Въ книжномъ магазинѣ М. М. Ледерле

Невскій пр. № 42

Продаются слѣдующія книги, соч. К. М. Станюковича.

- 1) Новые морскіе рассказы и малевскіе моряки, ч. 2 р. 50 к.
- 2) Пассажирка, ч. 80 к.
- 3) Жерты, ч. 1 р.
- 4) Въ море, ч. 1 р.
- 5) Морскіе рассказы, ч. 1 р. 50 к.
- 6) Подъ трюмными, ч. 50 к.

Главное депо часовъ

Эд. Вурхардъ.

Спб., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

2) по Невскому пр., № 6, прот. М. Морской. Большой выборъ всевозможныхъ часовъ, а также, фабрикъ по самымъ умѣр. цѣнамъ.

Никелевые . . . отъ 6 р. 50 к. до 15 р.
Серебряные мужскіе . . . 10 р. — " 20 "
Серебряные дамскіе . . . 12 " — " 75 "
Золотые мужскіе . . . 50 " — " 500 "
Золотые дамскіе . . . 25 " — " 100 "

Регуляторы 2-хъ н.-дѣльных . . . 7 " — " 65 "
Будильники . . . 4 р. 50 к. — " 15 "
Гг. иногороднимъ высылаю наложеннымъ платежомъ. Прейсъ-куррантъ высылаю бесплатно. Карманные часы на суммусъше 10 р. высылаются почтой на счетъ моего магазина. № 1229-5

НЕОБХОДИМО

всѣмъ, имѣющему отношеніе къ открытому воздуху, какъ-то: для гг. военнаго, инженернаго, охотничьяго, золото-пробыльничьяго, моряковъ и саужающихъ на желѣз. дорог., а также замѣняющихъ домашній воздухъ

Вязанія куртки изъ англійской крученой шерсти. Цѣна: 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелковыми рукавами 15 и 18 руб. Цвѣта: черныя, темн. синія, коричневыя, стрѣлы и бордо.

ПЕРЕСЫЛКА 1 руб.

При вышесл. необходима мѣра вокругъ туловища. № 2216-28

въ спеціальному магаз. бѣлыя

Ю. ГОТЛИБЪ

Спб. По Владимирскому пр. д. № 2 уголъ Невскаго пр. — 39.

Прейсъ-куррантъ высылаются бесплатно

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ 1896 ГОДА.

НОВЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ—ПРЕМІИ ПОДПИСЧИКАМЪ ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» ЗА 1896 ГОДЪ—

<p>1) Портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы
АЛЕКСАНДРЫ ВЕОДОРОВНЫ
воспроизведенный въ 23 краски, на пергаментной бумагѣ (размѣръ: 20 вершковъ вышины и 16 вершк. ширины).</p> | <p>2) Большая художественно выполненная картина съ ориг. профессора Ю. Клевара
«АВОНЪ ПРИ ЛУННОМЪ ОСВѢЩЕНІИ»
воспроизведенная въ 18 красокъ (размѣръ: 20 вершковъ длины и 16 вершковъ вышины)</p> |
|---|--|

ОТПЕЧАТАНЫ И РАЗСЫЛКА ТАКОВЫХЪ НАЧНЕТСЯ СЪ 15-ГО МАРТА 1896 ГОДА.

Картины будутъ разсылаемы по очереди поступавшихъ требованій, только тѣмъ гг. подписчикамъ, которые уплатили сполна годовую подписную сумму на журналъ (съ доставкой), а также и за выбранную ими картину—ОДИНЪ РУБЛЬ.

ВНИМАНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, въ настоящее время, мы приступили къ выпуску цѣлаго ряда художественныхъ изданій, которыя, по своему содержанію и художественному выполненію, всегда могутъ служить украшеніемъ помѣщеній каждой христіанской интеллигентной семьи, тѣмъ болѣе, что небывалая дешевая цѣна, назначенная нами за такія большія художественныя изданія, даетъ полную возможность пріобрѣтать ихъ каждому.

Въ числѣ новыхъ изданій мы предлагаемъ гг. под-

писчикамъ на выборъ двѣ большія гравюры, отпечатанныя третьимъ изданіемъ, которыя изображаютъ великіе моменты изъ послѣднихъ дней земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.

Глубокое знаніе эпохи и психологическая правда, трогательная простота и величіе, съ которыми передано извѣстными художниками потрясающее міровое событіе,—придаютъ этимъ картинамъ неоспоримое значеніе образцовыхъ произведеній въ пиклѣ знаменитыхъ шедевровъ христіанскаго творчества.

I. „ШЕСТВІЕ ІИСУСА ХРИСТА НА ГОЛГОВУ“.

Съ картины художн. Г. ДОРЭ (Размѣръ картины: длина 18 в., шир. 12¹/₂ в. Картина отпечатана на пергаментной бумагѣ).

Великій драматическій моментъ, въ который изображенъ художникомъ Божественный Страдалецъ, совершающій Свой Крестный путь, въ сопровожденіи архіереевъ, судей, военачальниковъ, исполнителей приговора и массы народа, невольно сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе зрителя.

II. „ІИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА КРЕСТѢ“

Съ картины проф. М. МУНКАЧЧИ (Размѣръ картины: длина 18 в., шир. 12¹/₂ в.). Картина отпечатана на слоеной бумагѣ.

Эта картина изображаетъ тотъ моментъ, когда неправедный человѣческій судъ приведенъ уже въ исполненіе и на крестѣ распростеръ свои руки Божественный Страдалецъ распятый среди двухъ разбойниковъ. Жестокая казнь только что совершилась, и жадная до зрѣлищъ толпа народа съ ужасомъ удаляется съ мѣста казни вмѣстѣ съ судьями, военачальниками и исполнителями приговора. На Голгоѣ, у подножія креста, находятся:

плачущая Пречистая Матерь Его, ученикъ Іоаннъ, благочестивыя жены и стерегущіе воины. Возмущившаяся злодѣяніемъ челоуѣчества природа покрыла весь горизонтъ неба темными тучами, и вдали видѣются уже признаки сильной грозы, но Ликъ Божественнаго Страдальца остается по прежнему, спокойнымъ и обращеннымъ къ небу съ молитвою за враговъ своихъ.

Гг. подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе» могутъ получить на выборъ одинъ экземпляръ изъ двухъ предлагаемыхъ картинъ, съ доставкою и пересылкою по Россіи (на скалкѣ)

ЗА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ, А ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ОБЪ ГРАВЮРЫ ОДНОВРЕМЕННО ЗА 1 р. 50 к.

для неподписчиковъ цѣна 2 рубля за каждый экземпляръ, а за двѣ гравюры 3 руб. съ (пересылкою на скалкѣ).

До сихъ поръ эти картины, гравированныя на мѣди, въ томъ-же размѣрѣ, продавались въ эстампныхъ столичныхъ магазинахъ по 50—60 руб. за экземпляръ.

НОВЫЯ ГРАВЮРЫ, ОТПЕЧАТАННЫЯ ВЪ ТРИ ТОНА:

1) «ИРОДІАДА СЪ ГОЛОВОЮ ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ». Съ оригинала П. Рубенса. Цѣна 50 коп. (съ пересылкою). 2) «ІИСУСЪ ХРИСТОСЪ И ГРѢШНИЦА». Съ карт. Отто Вольфа. Цѣна. 50 к. (съ пересылкою).	3) «ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ». Съ карт. проф. Иванова. Цѣна 50 к. (съ пересылкою). 4) «НЕСЕНІЕ КРЕСТА» Съ карт. Рафаэля. Ц. 50 к. (съ перес.). 5) «ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ». Съ картины Леонардо де Винчи. Цѣна 50 к. (съ пересылкою).

Требованія исполняются съ первой почтой, но только при полученіи денегъ сполна при заказѣ. Желающіе могутъ высылать слѣдующія за картины деньги почтовыми марками.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ: Спб., Невскій проспектъ, у Аничкина моста, № 68—40.

№ 9 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 11-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) Листъ «Еженедѣльной хроники» № 9.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНИЕ С. А. ОБРОБОВА

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРѢ ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» ВСѢМЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ РАЗСЫЛАЕТСЯ
Третья книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній—«Домашняя Библіотечка», № 3-й (за мартъ 1896 г.).

Всѣ нумера журнала слаются на почту строго прозѣренными и въ полномъ количествѣ
всѣхъ тѣхъ приложеній, о которыхъ заявляется въ нумерѣ. Неполучившіе при нумерѣ какаго
либо приложенія, благоволятъ заявить объ этомъ немедленно доставившему нумеръ журнала
почтовому служителю, а затѣмъ сообщить въ Главную Контору не позднѣе получения слѣ-
дующаго нумера журнала, такъ какъ позднѣйшія претензіи почтамтъ не принимаются къ разслѣ-
дованію, а высылать второй экземпляръ не всегда представляется возможнымъ для редакціи.

«Сладкія рѣчи». Съ картины художника В. Арланда.

● ◆ ● ◆ ●

✻ ✻

44

44

云 華

✻ 43

45

• — ◆ — •

• — ◆ — •

— Доложи Якову Павловичу, что я, дворянинъ Ромуальдъ Петровичъ Михольскій—по особо важнымъ дѣламъ ѣду въ Кіевъ, не могъ найти по дорогѣ нигдѣ пристанища, опоздалъ, и надѣюсь на гостепріимство Якова Павловича, а также прошу его о ночлегѣ.

Мальчишки заиграли польскій — трумъ-трумъ — трумъ-трумъ! — а Яковъ Павловичъ, взявъ подъ руку молодого человѣка, продолжалъ идти съ нимъ мѣрнымъ шагомъ, вытягивая носокъ правой ноги, пока не привелъ его въ гостиную и не представилъ своей достойной супругѣ, сухонькой, румяной старушкѣ съ необыкновенно широкимъ ртомъ и совершенно безумными глазами, изъ которыхъ одинъ былъ, какъ будто, больше. Голова ея была украшена яркой наколкой; на плечахъ, какъ на жерди, была надѣта бѣлая шелковая шаль.

— Вамъ не родегвенники князья Муранскіе? А графы Балтасовы?

Михольскій отрекался отъ родства. Но Настасья Аполлоновна преслѣдовала его. Изысканный туалетъ Михольскаго и бриллантовая брошка въ его галстукѣ выгодно, должно быть, говорили въ его пользу.

— Ваша свѣтлость, ваша свѣтлость! — нараспѣвъ, съ страннымъ упоеніемъ и сонно прищуривъ глаза, произнесла Настасья Аполлоновна.

— Ваша свѣтлость, графъ свѣтлѣйшій! — забасилъ Яковъ Павловичъ.

«Не грезится-ли мнѣ дурной сонъ?» — подумалъ Михольскій и ощупать себя.

Стали ужинать. На грязноватую, ярко освѣщенную скатерть были, какъ попало, поставлены стаканы и рюмки, выщербленныя тарелки и начатыя бутылки. Ужинъ былъ скудный — не въ гармоніи съ тѣмъ почетомъ, который оказывали гостю помѣщики Безлюдные. Лакеи, сѣдые и небритые, безъ толку носили грязную посуду и тутъ-же въ залѣ, повернувшись только спиной къ господамъ, хватали объѣдки и улетали за объѣдки, обтирая жирныя руки о ливренъ.

Когда постъ ужина было приступлено къ сладкимъ наливкамъ, глаза у Настасьи Аполлоновны стали горѣть совсѣмъ безумнымъ огнемъ; она дико начинала хохотать. Нисколько не пугаясь ея хохота, мелкимъ дробнымъ смѣхомъ вторилъ ей Яковъ Павловичъ, подмигивая ей и Михольскому. Такъ въ темный лѣтній вечеръ перекликаются между собою то звонкимъ урчаньемъ, то меланхолическимъ стономъ лягушки изъ двухъ сосѣднихъ лужъ.

Михольскому давно ужъ было не по себѣ въ обществѣ этихъ престарѣлыхъ безумцевъ. И онъ отъ души обрадовался, когда его отпустили спать.

Постель ему была приготовлена въ угольной комнатѣ на огромномъ кожаномъ диванѣ и состояла изъ множества подушекъ, горою возвышавшихся чуть не до потолка. Когда Михольскій легъ, явилась дѣвченка съ предложеніемъ почесать ему пятки. Но онъ прогналъ ее — ему показалось, что и эта дѣвченка тоже сумасшедшая. Хотѣлось ему запереть дверь на замокъ, да задвижки не было и не было замка. Онъ приставилъ тяжелое кресло къ дверямъ и, подъ охраною этой баррикады, предался, наконецъ, сну.

«Завтра-же чуть свѣтъ надо вѣхать», — думалъ онъ, засыпая, и его стала тревожить мысль о томъ, что такое съ Трофимомъ, накормили-ли его и не придется-ли завтра утромъ насильно вырываться отсюда?

Едва онъ задремалъ, какъ услышалъ, что дверь кто-то нажалъ съ той стороны и кресло тихо подвинулось по гладкому крашеному полу. Раскрывъ глаза, онъ схватилъ верхнее платье, въ боковомъ карманѣ котораго былъ его бумажникъ, и положилъ къ себѣ подъ одеяло. Ему вообразилось, что его хотятъ обворовать. Черезъ нѣкоторое время повторился стукъ, и кресло опять проѣхало по полу. У Михольскаго забилось сердце, и онъ замеръ отъ страха. Еще прошло нѣсколько минутъ. На этотъ разъ наступленіе было серьезное и беззащитное — кресло покатилося съ такимъ шумомъ, что могло-бы разбудить Михольскаго, если-бы онъ спалъ даже мертвымъ сномъ. Онъ видѣлъ, какъ въ сумракѣ выдѣлилась блѣдая фигура, въ которой, судя по ея округленнымъ очертаніямъ, можно было узнать самого Якова Павловича.

— Ваша свѣтлости!

Михольскій не откликнулся.

— Ваша свѣтлость, вы спите? — тихо спросилъ Безлюдный.

Молчаніе.

— Спите? — повторилъ Безлюдный громче. Опять не получивъ отвѣта, онъ приблизился къ Михольскому и взялъ его за плечи.

— Послушайте, ваша свѣтлость, ваша свѣтлость!

— Что вамъ надо? — рѣзкимъ голосомъ сказалъ молодой человѣкъ.

— Много у васъ денегъ? — спросилъ Яковъ Павловичъ.

— Затѣмъ вамъ?

— Если много, — таинственно началъ Безлюдный, — поѣдемте со мной на ярмарку въ Сквирню. Я вѣтъ что хотѣлъ вамъ предложить. Мы сейчасъ велимъ заложить лошадей и марш! Надуемъ Настеньку. А то вѣдь увяжется, надо и ее брать? Она помѣшаетъ. А въ Сквирнѣ цыганскій таборъ. Мы накупимъ жеребцовъ, хорошихъ, хорошихъ, я толкъ знаю! Да ремонтерамъ и перепродадимъ. А?

Онъ сѣлъ на диванъ, на которомъ лежалъ Михольскій, и сталъ ожидать отвѣта. Необычное предложеніе Якова Павловича окончательно смутило молодого человѣка.

— У меня не столько денегъ, чтобы пускаться въ такія аферы, — началъ онъ: — и наконецъ, у меня совсѣмъ другія цѣли, я ѣду въ Кіевъ, мнѣ надо сдѣлать длинный путь. Простите, не могу!

— Отказываетесь? — съ горечью спросилъ старикъ. — Вы ставите этимъ меня въ крайне неловкое положеніе. Эхъ, какихъ мы лошадей накупили-бы! Какіе барышни получили-бы!

— Я вовсе не лошадиный барышникъ... Вы мѣшаете мнѣ спать!

— Такъ одолжите мнѣ самую малость... Одолжите тысячу рублей!

— Я хочу спать, уходите, Яковъ Павловичъ. Убирайтесь къ чорту!

— А, вотъ какъ, ваша свѣтлости! Такъ я васъ силой заставлю!

— Какъ силой?

— Такъ, силой. Я заставлю тебя, шенокъ, повиноваться мнѣ! — заревѣлъ Безлюдный. — Будешь ты у меня спать, молокоососъ! Фертики! Свѣтлости! Я тебя за присвоеніе титула къ суду привлеку. Свяжу и къ станочному. Да я тебя на конюшнѣ выдеру, только смѣй мнѣ ротъ раскрыть! Гдѣ твои деньги?

— У меня совсѣмъ нѣтъ денегъ, — сказалъ Михольскій. — Я получу только въ Кіевѣ, — сталъ онъ хитрить.

— Такъ какъ-же ты смѣлъ захватить ко мнѣ, если у тебя нѣтъ денегъ? — вскричалъ Яковъ Павловичъ и сталъ ругать молодого человѣка. — Мальчишка! Плуты! Разбойники! Висѣльщики! Эй, люди!

Онъ вскочилъ и отворилъ дверь, но никто не откликнулся на зовъ. Его голосъ злобѣющимъ эхомъ прокатился по пустымъ комнатамъ, и Михольскому стало такъ жутко, что у него зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ. Однако, онъ воспользовался свободной минутой и быстро сталъ одѣваться.

Онъ ждалъ, что Яковъ Павловичъ еще возвратится къ нему. Но Безлюдный широко шагаль по комнатамъ и зычнымъ голосомъ звалъ прислугу, которая все не откликалась. Черезъ нѣкоторое время послышался трескъ мебели: помѣщикъ опрокинулъ столъ.

Одѣвшись, молодой человѣкъ вооружился чубукомъ, который нашель въ углу гостиной, и вышелъ въ переднюю. Нанковы

лакеи спали на ларяхъ. Ихъ нельзя было разбудить: въ отвѣтъ, они мычали и били ногами въ воздухъ.

Выйдя на крыльцо, Михольскій не смѣлъ сдѣлать дальше шагу, потому что весь дворъ облегли собаки и заливались отчаяннымъ разноголосымъ ласкомъ, при махѣишемъ его движеніи. Такъ простоялъ онъ почти до самаго утра. На разсвѣтѣ, онъ увидалъ своего Трофима, съ плачевнымъ видомъ приближавшагося къ нему.

— Что, баринъ? — спросилъ Трофимъ, кнутомъ стегая собакъ направо и налево.

— Куда мы попали? Намъ надо поскорѣй уѣзжать! Это сумасшедшій домъ! — сказалъ Михольскій.

— Да и я также думаю, баринъ. Вѣрите-ли, у меня хлѣбъ съ мякиною. Въ нашей губерніи этого нигдѣ не выдано. А лошадей овса такъ и не дали, хорошо, что у меня былъ съ собою.

— Такъ нечего мѣшкать! Закладывай! — сказалъ Михольскій и, подъ прикрытіемъ кучера, отправился на черный дворъ.

Лошади были запряжены, и дворовые люди, проснувшись, глазѣли съ усмѣшкой на отъѣздъ гостя; имъ такіе раніе внезапные отъѣзды были не въ диковину.

— Что вашъ баринъ, снятъ? — спросилъ Михольскій и указалъ пальцемъ на лобъ.

— Вы лучше насъ знаете, — отвѣчали дворовые.

Все это былъ худой, заморенный, обшмыганный и, въ то же время, должно быть, страшно лѣнивый народъ.

— Нѣтъ, что-жъ, панъ чудесный, — сказалъ плюгавенькій рыжебородый мужикъ, кланяясь Михольскому: — добрый панъ, любить угостить. Имъ всѣ довольны, и барыня добрая, дай имъ Богъ всякаго здоровья.

Мужикъ хвалилъ господъ и глупо-лукаво смотрѣлъ на Михольскаго.

Когда лошади тронули, Яковъ Павловичъ, успѣвшій соснуть, показавъ въ окнѣ. Возлѣ него стояла его сумасшедшая супруга. Оба они были въ бѣлѣ и что-то кричали уѣзжающему гостю, грозя кулаками.

Экипажъ, однако, благополучно выбрался изъ воротъ усадьбы. Трофимъ ударилъ по лошадамъ и, проѣхавъ деревню, черезъ часъ очутился въ чистомъ полѣ, которое было заброшено. Это тянулись нивы «Безлюднаго».

І. Ясинскій.

НА ПОѢЗДѢ.

Во мглѣ весенняго разсвѣта,
Колеблясь тяжко и звеня,
Нашъ поѣздъ мчится, какъ комета,
Сверкая искрами огня.
И онъ несетъ — тотъ вихрь желѣзный —
Насъ чрезъ поля, сквозь лѣсъ густой
И надъ зіяющею бездною,
И надъ синѣющей рѣкой.
Внимая массѣ желѣзныхъ грому,
Подъ лязгъ колесъ и вѣтра шумъ,
Вновь вѣришь разуму людскому,
Какъ отраженію Божьихъ думъ.
Глядишь побѣдными глазами,
Какъ безграничный властелинъ,
На лѣсъ, на степь, на дно долины,
Что мчатся, въ пестрой панорамѣ...

«Возвращение съ охоты». Съ картины художника Ф. Фаль-дерб-Венне.

Парижская выставка картинъ (салонъ) 1895 г.: «Предсказатель». Съ картины художника И. Орели.

О, человекъ!... А въ сторонѣ
Темнѣетъ кладбище глухое:
Здѣсь спать все въ мертвенномъ покоѣ,
Какъ спать въ могильной глубинѣ.
И покачнулися гробницы,
И лишь порой, проснувшись, птицы
Плещутъ крылами въ тишинѣ,
Да сквозь деревья, теплая ясно,
Огни кладбищенскихъ лампадъ
Кой-гдѣ предъ образомъ дрожать...
А побѣдъ мчитъ и мчитъ... Но властно
Бѣлѣютъ издали кресты
И словно думаютъ: напрасно,
Напрасно, бѣдный, рвѣшься ты...
Что человѣческія силы!
О, знай-же, помни, что куда-бъ
Ни—рвался, не уйти могилы:
Ты жалкій, безответный рабъ!...

И. Порфирьевъ.

МОЛОДЫЯ СИЛЫ.

Разсказъ.

ХРАКТИЧЕСКАЯ эскадра только недавно окончила кампанію и суда уже разоружены. Долго и трудно вооружить судно, приготовить его къ плаванію, а разоружить его—и легко, и скоро... Холостая молодежь уже отыскала себѣ въ Кронштадтѣ квартиры и меблированные комнаты, и понемногу устраивалась на зимнее время. За квартиры заплачено впередъ за мѣсяцъ, купленъ на мѣсяцъ чай, сахаръ, табакъ, внесено въ морское собраніе за обѣды—и въ карманѣ ни у кого изъ мичмановъ почти ни гроша.

Оживился Кронштадтъ. Въ морскомъ собраніи, простоявшемъ все лѣто въ заустѣннѣ, бѣгаютъ, суетятся лакеи, слышится въ столовой и буфетѣ стукъ тарелокъ, ножей и вилокъ; въ биллиардной щелкаютъ шары и раздаются возгласы: «дуплетъ въ уголь!..» и «quatre bancs въ среднюю!..» «Василій!—Дай мнѣ машинку!..» Стоитъ только выйти на Господскую улицу, или въ Екатерининскій паркъ, всѣмъ извѣстный больше подъ названіемъ: «Собачьяго» парка, чтобы на каждомъ шагу встрѣчать морскую форму.

Третій часъ на исходѣ. Въ Екатерининскомъ паркѣ—большое движеніе. Идутъ домой съ уроковъ гимназисты, реалисты, гимназистки; мичмана и лейтенанты, компаніями, по нѣскольку человекъ, идутъ въ собраніе, обѣдать. Стоитъ въ воздухѣ веселый говоръ, смѣхъ... Беззаботная молодость!.. Въ паркѣ вошелъ, тихой походкой съ перевальцемъ, молодой мичманъ. Худощавый, небольшого роста, немножко сутуловатый,—онъ казался шестнадцати—семнадцати лѣтнимъ мальчикомъ. Войдя въ паркъ, онъ свернулъ въ боковую аллею и, дойдя до первой скамейки, опустился на нее и задумался, устремивъ глаза куда-то въ пространство. Все его тонкое, выразительное и умное лицо дышало грустью и заботой. Заботой былъ полонъ глубокій взглядъ его ласковыхъ темно-карихъ глазъ, забота сказывалась въ наморщенномъ высокомъ лбѣ и нахмуренныхъ черныхъ бровяхъ, забота видна была и въ плотно сжатыхъ губахъ его маленькаго рта, отъявненнаго небольшими усами. Нѣсколько минутъ просидѣлъ онъ

такъ, и затѣмъ, вынувъ изъ кармана письмо, написанное мелкимъ женскимъ почеркомъ, сталъ его перечитывать:

«Дорогой мой Миша! Наконецъ-то мнѣ, съ Вѣрочкой и Петей, удастся пріѣхать на непродолжительное время въ Петербургъ, чтобы повидать тебя. 11-го сентября, съ поѣздомъ, приходящимъ въ половинѣ второго часа дня, буду я въ Петербургѣ. Отпросись у начальства и пріѣзжай встрѣтить насъ, и побыть съ нами. Я такъ счастлива, что увижусь, наконецъ, съ тобой, мой дорогой, мой славный мальчикъ. Тороплюсь послать письмо, такъ какъ укладываемся въ дорогу. Крѣпко цѣлую тебя, мой хороший. Вѣрочка и Петя также цѣлуютъ тебя. Да благословить тебя Господь, какъ я благословляю тебя.

Твоя мать».

— Чортъ возьми!.. пробормоталъ онъ, перечтя письмо:—сегодня уже десятое... Теперь въ экипажѣ никого не застанешь... Ну, въ отпускъ, положимъ, и завтра утромъ успѣю отпроситься... А деньги?.. Достану-ли я ихъ гдѣ-нибудь?.. Въ Питерѣ-то можно и пѣшкомъ отъ пристани до вокзала дойти, но все-же надо на пароходъ шестьдесятъ копѣекъ... Достану-ли?.. Скверно...

Михайлу Михайловичу Копренину было всего двадцать два года, и онъ только два года тому назадъ окончилъ Морское Училище... Пробывъ двухъ-мѣсячный отпускъ, даваемый послѣ выпуска, въ деревнѣ у матери, въ пермской губерніи, онъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ на службу, и съ тѣхъ поръ еще не видалъ матери, которую любилъ до обожанія. И вдругъ, теперь, когда мать завтра пріѣзжаетъ въ Петербургъ, всего за 25 верстъ отъ него, онъ—изъ-за того, что нѣтъ у него какихъ-то несчастныхъ шестидесяти копѣекъ—долженъ отказаться отъ радости увидаться съ ней!.. Это—немыслимо!..

Онъ медленно поднялся со скамьи и тихо направился къ морскому собранію, обѣдать. У него была еще слабая надежда достать тамъ, у кого-нибудь изъ товарищей, деньги на пароходъ... хотя, въ то же время, онъ въ этомъ и сомнѣвался сильно, зная, что, когда до двадцатаго остается десять дней, денегъ у холостой молодежи ни у кого нѣтъ...

Въ собраніи ему не посчастливилось. Къ кому онъ ни обращался,—денегъ ни у кого не было. Онъ просидѣлъ тамъ въ биллиардной, смотря какъ играютъ, часовъ до восьми, ожидая: не навернется-ли кто-нибудь съ деньгами. Но—никто не наворачивался.

— Не пойти-ли въ коммуны,—тамъ позаниматься?—пришло ему въ голову...

Коммуна, въ которую направился Копренинъ, состояла изъ четверыхъ его товарищей—однокашниковъ: Полянцева, Боданина, Каюкова и Мажитова. Они нанимали квартиру въ три комнаты и жили своимъ хозяйствомъ.

Въ этотъ вечеръ у нихъ собралось еще трое товарищей, — и устроился винтъ «на книжку» — до двадцатаго числа. Полянецъ и Боданинъ не принимали участія въ винтѣ. Полянецъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, — гдѣ онъ помѣщался съ Мажитовымъ,—за письменнымъ столомъ, и занимался переводомъ «Английской Морской Практики». Боданинъ сидѣлъ въ другой спальнѣ, также за письменнымъ столомъ. Передъ нимъ лежалъ ка-

бинетный портретъ молодой дѣвушки, на который онъ грустно смотрѣлъ, облокотившись на столь обѣими руками и сжавъ голову между ладонями. Это былъ коренастый, средняго роста, блондинъ, съ голубыми глазами и безъ признаковъ растительности на юномъ лицѣ.

— Чортъ возьми, какая гадость, однако! вскричалъ онъ, стукнувъ по столу кулакомъ; вскочилъ и началъ быстрыми шагами ходить изъ угла въ уголь.

Цѣлую недѣлю не былъ уже онъ въ Петербургѣ, не видалъ ее... Въ послѣдній разъ она была такъ ласкова съ нимъ, дала ему свою карточку, и онъ почти уже объяснился ей въ любви... Послѣ завтра — день ея рожденія... Онъ долженъ быть въ этотъ день въ Петербургѣ!.. Онъ обѣщался ей быть у нихъ непременно, и твердо рѣшился объяснитьсь съ ней и сдѣлать ей предложеніе... Не можетъ же онъ не сдержать своего слова, и не пріѣхать!.. А денегъ—ни копѣйки!.. И ни у кого изъ сожителей его—нѣтъ тоже!.. Пробовалъ онъ взять у экипажнаго казначея, въ счетъ жалованья... Такъ уперся, вѣдь, проклятый жиждъ!.. Не даетъ! — И никакихъ резоновъ не слушаетъ!.. Увѣряетъ, что дать не можетъ, что нѣтъ суммъ.

— Что же тутъ подѣлаешь?.. А выдумать что-нибудь надо, необходимо!.. Чортъ возьми!.. — и онъ, схвативъ лежавшую на столѣ толстую линейку, сломалъ ее на четыре куска и со злобой швырнулъ ихъ въ уголь...

Въ гостиной, гдѣ играли въ винтъ Каюковъ, Мажитовъ и ихъ гости,—ходили волны табачнаго дыма. Было тамъ накурено, что ничего нельзя было разглядѣть; какъ въ туманѣ видѣлись фигуры играющихъ, безъ сюртуковъ, и изрѣдка слышались возгласы: «три бубны!..» «пять пикъ!..» Выходящій партнеръ, за отдѣльнымъ столомъ, наливалъ чай и приготовлялъ тартишки съ солониной и ветчиной, взятыми «на книжку» въ мелочной лавочкѣ... Они всѣ были очень веселы и, играя, болтали о всякомъ вздорѣ, пересыпая разговоръ удачными и неудачными каламбурами.

Дверь открылась и вошелъ Копренинъ. Онъ остановился въ дверяхъ и сталъ всматриваться, чтобы разобрать что-нибудь въ облакахъ папироснаго дыма. Его встрѣтили веселыми возгласами.

— А Мишель!..

— Мишель!

— Ursus minoris!

— Топтыгинъ—здорово!

Все это были прозвища, данныя ему еще въ училищѣ, за сутуловатость, неповоротливость и слегка угрюмый видъ.

— Садись играть съ нами со слѣдующаго робера...

— Не могу, господа; не хочется. — отвѣчалъ онъ, подходя къ столу:—нѣтъ-ли у васъ, у кого-нибудь, шестидесяти копѣекъ до двадцатаго числа? Мнѣ надо на пароходъ. Завтра пріѣзжаетъ въ Питеръ моя мать, и мнѣ надо встрѣтить ее...

Эка, братъ, выдумалъ просить чего!.. — Да откуда же у насъ могутъ быть такіа деньги?.. Вонъ, Мажитовъ — Крезъ у насъ: у него цѣлыхъ восемнадцать копѣекъ есть — сказалъ Каюковъ.

— И тѣхъ, дружище, не осталось; купишь двадцать пять штукъ «Бабочки» — курить-то, вѣдь, хочется — и осталось три копѣйки всего...

За то—съ папирсами и съ «предсказаніемъ» теперь, отвѣчалъ Мажбитовъ и, вынувъ изъ кармана коробку папирсовъ, продолжать, обращаясь къ Копренину: вишь, шельма—«Бабочка» предсказываетъ: «не зѣвайте—счастье близко»... А между тѣмъ—въ винтъ не везетъ сегодня; все проигрываю.

— Должно въ любви повезетъ,—замѣтилъ Ардтъ, намазывавшій таргунки.—А не наберемъ-ли мы въ складчину шестидесяти копѣекъ, господа? У тебя, Копренинъ, есть хоть сколько-нибудь? Вотъ, у меня — пять копѣекъ, у Мажбитова — три, — продолжалъ онъ.

— Ни гроша,—печально отвѣтилъ Копренинъ.

— У меня есть «китѣйка»,—отозвался Каюковъ.

— У меня—пять пенни финскихъ!

— У меня пинты!

— Ну, на томъ далеко не уѣдешь, добродушно отозвался Полянцевъ изъ своей комнаты.—А что, господа, чай-то готовъ?

— Давно ужъ.

Полянцевъ поднялся изъ-за стола и вошелъ въ гостиную, морщась отъ дыма.

— Фу, какъ вы тутъ надымили табачищемъ вашимъ!—пробасилъ онъ.

— Не любишь, душа?!—поддѣлываясь подъ армянскій выговоръ, сказалъ Каюковъ.

— Здравствуй, Мишка,—протягивая Копренину руку, сказалъ Полянцевъ.—Давай чай пить... Можетъ быть, что-нибудь и придумаемъ. Вонъ—«жаба» тоже рветъ и мечетъ также, какъ и ты. Тожъ въ Питеръ ѣхать ему надо.

Полянцевъ былъ очень высокаго роста, довольно плотный, но еще не исполнѣ сложившійся молодой человѣкъ. Продолговатое, съ крупными чертами, лицо его было выразительно и дышало энергіей, отвагой и суровымъ добродушіемъ. Его коротко-остриженные, густые бѣлокурые волосы щеткой стояли надъ четверугольнымъ, почти, лбомъ.

Въ это время шитеры окончили роберъ и рѣшили прервать игру, и, какъ слѣдуетъ, заняться чаемъ.

Каюковъ былъ худой, высокій бронецъ, съ некрасивымъ, но подвижнымъ, энергичнымъ и симпатичнымъ лицомъ. Мажбитовъ—плотный, тоже некрасивый, шатень, средняго роста, косой, съ лицомъ восточнаго типа, вѣчно улыбающимся. Ардтъ—имѣлъ видъ веселаго, добраго бурша. Двое остальныхъ гостей: Трофимъ въ и Ляшенко — казались добрыми, славными малыми, и, насколько первый взглядъ исполнѣ русскимъ помѣщикомъ,—на столько второй сразу производилъ впечатлѣніе истаго хохла...

— Эй!.. жаба!.. Иди чай пить! — крикнулъ Полянцевъ Боданину, который почему-то получилъ въ училищѣ эту кличку.

— Не хочу!—отвѣчалъ тотъ изъ своей комнаты.

— Иди! Мишка пришелъ. Тебе, какъ и ты, завтра хотеть даромъ въ Питеръ ѣхать... Иди... Какъ-нибудь обсудимъ и рѣшимъ за чаемъ-то.

— Иди, иди, жаба! подхватали и другіе.

— Пожалуй, сейчасъ приду...

И онъ стремительно вылетѣлъ въ гостиную...

— Я еще хочу попытаться завтра у нашего «жида» дстать, говорить Копренинъ, прихлебывая маленькими глотками чай:— когда пойду проситься у экипажнаго... Обратился къ самому экипажному, да, вѣдь, онъ никому никогда не даетъ...

— Да!.. У казначея!.. Держи карманъ шире!.. Я уже пробовалъ сегодня, — швырнувъ ложку на столъ и нервно подергивая плечами, сказалъ Боданинъ: эта скотина—жидъ сущій!—отказалъ мнѣ... Нѣтъ суммъ, говорить... Вретъ, шельма!.. Онъ на проценты кладезь казенныя деньги, чтобы хоть нѣсколько рублишекъ лишнихъ нажить... Поэтому и суммъ нѣтъ!..

Всѣ предлагали разные проэкты, одинъ другаго невыполнимѣе. Кто-то предложилъ попробовать проѣхать даромъ...

— А я вотъ что придумалъ, господа!—своимъ звучнымъ, громкимъ басомъ сказалъ Полянцевъ:—возьмите вы мою «Наяду» и валайте подъ парусами завтра. Только выѣзжайте пораньше...

— А ты, Копренинъ, иди за отпускомъ завтра въ экипажъ къ девяти часамъ. Экипажный командиръ будетъ въ экипажѣ ровно въ девять, сказалъ Каюковъ...

— Ура!.. ура!.. закричали, сразу повеселѣвшіе, Боданинъ и Копренинъ. Боданинъ вскочилъ и колесомъ прошелся по комнатѣ.

Всѣ какъ-то повеселѣли.

«Наяда» была—роскошная, довольно большая финка, съ врѣзаннымъ чугуннымъ балластомъ въ сто пудовъ, очень хорошо ходившая подъ парусами и, вообще, обладавшая хорошими морскими качествами. Всѣ собравшіеся въ коммунѣ часто на ней катались и дѣлали экскурсіи гораздо большія, чѣмъ разстоянія между Кронштадтомъ и Петербургомъ. И Копренинъ, и Боданинъ хорошо управлялись подъ парусами и были хорошими моряками...

Всѣ удивлялись, какъ никому раньше не пришелъ въ голову этотъ простой исходъ изъ казавшагося такимъ безвыходнымъ положенія... Къ винтерамъ присоединился и Копренинъ. Боданинъ сидѣлъ тутъ же, слѣдя за игрой, такъ какъ самъ не игралъ въ карты, — и отпуская каламбуръ за каламбуромъ, въ чемъ съ нимъ сильно соперничали Копренинъ и Каюковъ, да и другіе не отставали. Только Полянцевъ рано ушелъ къ себѣ и улегся спать, такъ какъ утромъ долженъ былъ отправляться въ караулъ... Разошлись въ четвертомъ часу...

Еще съ пяти часовъ утра, 11-го сентября, подняли конусъ на штурманской рубкѣ Техническаго Училища *). Вѣтеръ все крѣпчалъ да крѣпчалъ.

Ровно въ девять часовъ утра Копренинъ былъ въ экипажѣ, и, получивъ недѣльный отпускъ отъ экипажнаго командира, въ четверть десятаго вышелъ, довольный, изъ казармъ. У воротъ его поджидалъ Боданинъ.

— Ну, идемъ скорѣе... Къ вечеру шторма здоровый будетъ... — Надо намъ торопиться. Хорошо, что вѣтеръ попутный,—сказалъ Копренинъ:—быстро домчимся.

— А еще лучше, Мишель, что мнѣ удалось удрать изъ дому раньше, чѣмъ Полянцевъ всталъ и въ караулъ отправился. А то — не видать-бы намъ сегодня «Наяды», а слѣдовательно и Питера—какъ своихъ ушей!.. Онъ не позволилъ-бы намъ взять ее въ такой вѣтеръ...

— Что-же дѣлать? Я и самъ ни за что не пошелъ-бы сегодня подъ парусами, если

*) На рубкѣ (башнѣ) Техническаго Училища Морского Вѣдомства, въ Кронштадтѣ, устроена сигнальная мачта, и на ней поднимаютъ чернѣй конусъ, когда ожидаютъ шторма.

бы не было такъ необходимо быть въ Питерѣ... Вѣтеръ, правда, чертовскій...

Въ это время они вошли въ гавань, подошли къ «Наядѣ» и стали готовить лѣсткъ къ отплытію...

Полянцевъ, дѣйствительно, когда всталъ, и услышавъ завываніе вѣтра, прежде всего пошелъ въ комнату къ Боданину, чтобы отказаться дать въ этотъ день «Наяду», но не нашелъ уже его дома. Всталъ онъ такъ поздно, что, еле успѣвъ проглотить стаканъ чаю, долженъ былъ ѣхать въ экипажъ, чтобы вести караулъ на разводъ, а оттуда на загородную гауптвахту...

— Экая мерзость, что я не одного съ ними экипажа, и что нѣтъ у меня времени зайти туда, наложить свое «veto» на шлюпку!.. Какъ только приду на гауптвахту, — пошлю разсылнаго съ письмами разыскивать Боданина и Копренина... Авось, и не отправятся еще они до тѣхъ поръ...

Онъ такъ и сдѣлалъ... Когда, изрыскавшій весь Кронштадтъ и не нашедшій Боданина и Копренина, разсылный вернулся и доложилъ ему, что не нашелъ ихъ, Полянцевъ въ агитаціи, началъ ѣздить по караульной комнатѣ... Въ этотъ день онъ и не сѣлся за свою «практику», и всю ночь не могъ заснуть...

Каюковъ проснулся въ половинѣ десятаго, и началъ медленно одѣваться...

— Фу, ты, чертъ!.. Какъ задуваетъ, однако! — сказалъ онъ, прислушиваясь къ вою и свисту вѣтра въ трубѣ:— жаба!.. Да гдѣ-же онъ? Неужели они съ Мишкой отправились на «Наядѣ» въ такую погоду?

Онъ быстро одѣлся и, не пивъ чаю, побѣжалъ, вмѣстѣ съ проснувшимся Мажбитовымъ въ экипажъ, думая успѣть захватить Копренина и Боданина и не пустить ихъ. Тамъ имъ сказалъ адъютантъ, что Копренинъ, только двадцать минутъ тому назадъ, ушелъ изъ экипажа. Они, какъ сумасшедшіе, бросились въ гавань...

«Наяды» нѣтъ на ея мѣстѣ.

— Смотри, сказалъ Мажбитовъ:—вонъ, она изъ гавани выходитъ!.. Сумасшедшіе!..

— Проклятіе!.. На какихъ-нибудь десять минутъ... меньше даже, опоздали!.. Это будетъ чудо, если они не погибнутъ!..

Тяжелымъ, свинцовымъ пологомъ нависло надъ землею небо. Оно, казалось, хотѣло броситься на землю, задавить ее этими темными тучами. Вѣтеръ, холодный, пронизывающій, съ дикимъ воемъ и свистомъ несся по-надъ моремъ, подгоняя тучи, и съ бѣшенствомъ срывая бѣлые грибки взбушевавшихся волнъ. Было гдѣ ему разгуляться, промчавшись вдоль всего Финскаго залива...

На Маломъ Кронштадтскомъ рейдѣ стоялъ фрегатъ, готовящійся идти въ кругосвѣтное плаваніе. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что якоря не держали, и были разведены пары, подъ которыми и держался фрегатъ.

Вахтенный начальникъ, кутаясь и ежась отъ пронизывающаго вѣтра, бѣгалъ по мостику, ругаясь на погоду.

— Что за свинство!.. Сегодня и на берегъ не попадемъ!.. ворчалъ онъ:—никакого сообщенія; немисливо даже паровой катеръ посылать. Вонъ, и пароходы въ Ораніенбаумъ и въ Петербургъ не ходятъ!.. Вотъ когда изображаешь изъ себя Крыловскую лисицу, и приходится говорить такъ о себѣ!

«.... На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зелень—ягодки нѣтъ спѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь!..»

Вѣдь, какъ близко этотъ проклятый Кронштадтъ!.. Какія-нибудь четверть часа ходу на паровомъ катерѣ!.. И онъ, подойдя къ борту, сталъ смотрѣть въ бинокль на Кронштадтъ.

Вдругъ онъ увидалъ выходящую изъ гавани подъ парусами шлюпку.

— Что за чортъ?!.. Куда и какіе сумасшедшіе могутъ въ такую погоду отправляться на шлюпкѣ подъ парусами? воскликнулъ онъ

Узловъ *) шестнадцать дѣлаютъ! — воскликнулъ кто-то въ толпѣ.

— Да, только такъ летѣть — живо голову сломишь! сказала старшій офицеръ. — Какое безуміе!.. Или — перевернется, или — волной накроетъ!..

Шлюпка скрылась изъ виду за Военнымъ угломъ. Офицеры всѣ, молча, разошлись, съ какой-то тяжестью на душѣ...

Легче птицы летитъ «Наяда» подъ зарифленными парусами... Просто духъ захватываетъ... Копренинъ и Боданинъ и говорить

бѣлыхъ пушистыхъ шапкахъ, безучастно смотрятъ на тебя своими маленькими, старческими, слезящимися красными глазами — окнами... Темно-зеленые сосны и ели бора, опущенные снѣгомъ, блистая какъ алмазами своимъ дивнымъ уборомъ, вихремъ проносятся мимо... Необозримую гладью лежатъ снѣжные поляны, сливаясь съ темно-синимъ, усеяннымъ брилліантами звѣздъ, глубокимъ небомъ, на которомъ серебрянымъ щитомъ сверкаетъ красавица-луна... Ахъ, прахъ возьми, какъ хорошо!.. Но я не знаю большого наслажденія, какъ мчатся на шлюпкѣ, подъ

«Даровой концертъ». Съ акварели художника Е. Рейхерта.

и еще пристальнѣе сталъ смотрѣть на шлюпку въ бинокль. — Двое морскихъ офицеровъ... Что они — съ ума, что-ли, сошли? Или — пьяны?.. Или лишать себя жизни эксцентрическимъ образомъ рѣшились?.. Кажется, это — шлюпка мичмана Полянцева... Она и есть!.. Надо, однако, имъ хоть закричать... Сигнальщики!.. Дай живѣй мнѣ рупоръ, и бѣги, доложи старшему офицеру, что изъ гавани вышла шлюпка подъ парусами, съ двумя офицерами.

И, взявъ поданный рупоръ, онъ во всѣ легкія гаркнулъ въ него:

— Назадъ!.. Вернитесь!.. Куда вы?.. Вѣдь, это — безуміе!.. Не слышать... Господи!..

Въ это время наверхъ выбѣжали старшій офицеръ и все офицерство.

Всѣ стали напряженно смотрѣть за шлюпкой. Вотъ, она, легши на фордевиндъ *), стрѣлой помчалась по направленію къ Петербургу.

— А и лихо-же летитъ, прахъ ее возьми!..

*) Фордевиндъ — попутный вѣтеръ въ когю.

между собою не могутъ, такъ какъ вѣтеръ совершенно заглушаетъ голоса. Трудно править рулемъ, отъ ударающей сзади волны, но еще труднѣе — держать шкоты **).

Хорошо вихремъ мчатся на огневомъ конѣ по ровному полю... Духъ замираетъ... Слышишь свистъ воздуха, разсѣкаемаго быстрымъ бѣгомъ коня... И чувствуешь себя гдѣ-то далеко отъ земли и всѣхъ мелочныхъ дрязгъ ея... А нестись въ саняхъ на тройкѣ, въ лунную морозную ночь!.. Звенить колокольчикъ, бубенцы позвякиваютъ... Мелкой снѣжной пылью брызгаетъ въ лицо изъ-подъ копытъ быстро мчащихся коней. Рта открывать нельзя: боишься задохнуться отъ морозного воздуха. Мимо пробѣгаютъ полузанесенныя снѣгомъ деревушки... Маленькія, приземистыя избы словно гномы въ

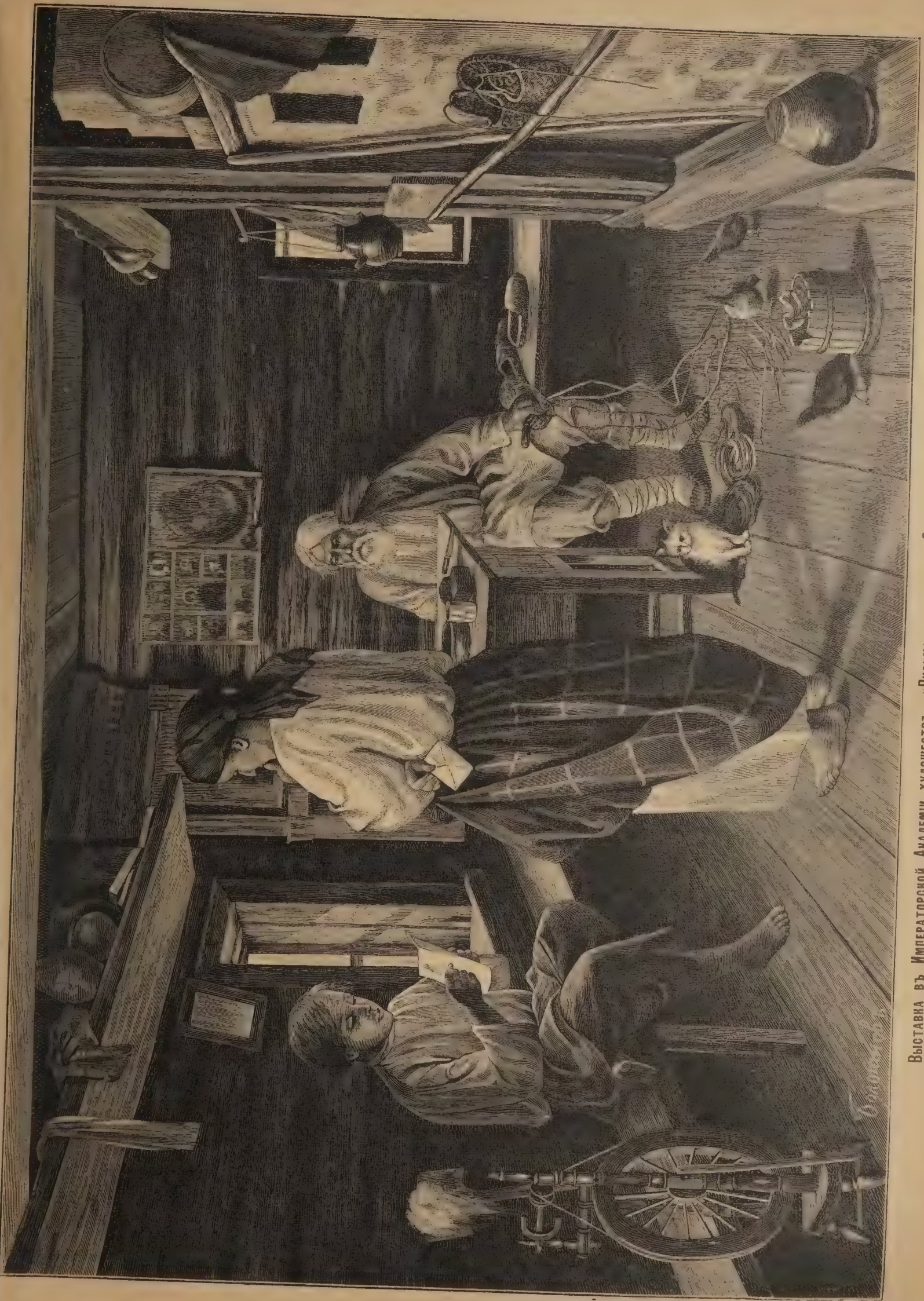
*) Узелъ — $1\frac{3}{4}$ версты; дѣлать 16 узловъ въ часъ, значитъ — проходить 28 верстъ.

**) Шкоты — веревки, при помощи которыхъ управляютъ парусами.

парусами, по волнующемуся морю. Какая необъятная ширь, какой безграничный просторъ!.. Накренившись, словно избоченая, гоголемъ скользить шлюпка, съ шумомъ разрывая волны, и онѣ злобно шипятъ и пѣняются... Легкая мачта слегка потрескиваетъ и скрипитъ. На фонѣ неба красиво и изящно выдѣляются бѣлые, гордо надутые, паруса... И чувствуешь, что достаточно одного легкаго движенія твоей руки, чтобы шлюпка послушно направилась туда, куда ты желаешь... Надъ тобой — необъятная глубь небесъ, подъ тобою — бездна моря; а ты, на легкой скорлупкѣ, свободно и вольно мчишься межъ этихъ безднъ, чувствуя себя ни отъ кого независящимъ, кромѣ какъ отъ самого себя...

Сначала Копренину и Боданину показалось очень весело мчатся съ такой неудержимой быстротой... Какое невыразимое блаженство — идти наперекоръ стихіямъ, гордо вызывать ихъ на бой и чувствовать, что ты повѣдываешь ими, что ты не уступаешь въ этой борьбѣ!..

Но, когда ихъ все больше стала накрыва-

Выставка въ Императорской Академіи художествъ. «Письмо отъ сына». Съ картины художника Н. Болотнова.

вать и захлестывать волна, такъ что уже полшлюпки наполнилось водою, когда мачта стала трещать все больше и больше, а управлять рулемъ и держать шкоты пришлось одному, а другой вынужденъ былъ отливать ковшемъ воду, а вмѣсто каждаго вылигаго ковша вливалось ихъ три-четыре, — имъ стало жутко... Съ блѣдными лицами, съ крѣпко стиснутыми зубами, они уже не думали о томъ, что быстро домчатся до Петербурга; имъ уже не казалось любо летѣть такъ, легче и быстрѣ вѣтра... «Еслибы можно было вернуться!» неотвязчиво думается имъ. Но они отлично понимаютъ, что объ этомъ только и можно, что — думать. Какъ повернуть въ такой вѣтеръ, при такой волнѣ съ фордевинда? Какъ лавировать, когда и такъ уже руки совсѣмъ закоченѣли, и не слушаются?.. Они оба готовы зарыдать... только другъ друга совѣстно... Погибель — неизбежна... А погибнуть въ двадцать два года, на расцвѣтѣ жизни, когда эта жизнь такъ много сулитъ въ будущемъ, когда все кругомъ такъ улыбается имъ!.. Господи!..

Вдругъ, громадная волна, нагнавъ ихъ и поддавъ снизу, сорвала руль съ петель и окатила ихъ съ ногъ до головы. Въ тотъ-же моментъ мачта, не выдержавъ напора вѣтра, глухо треснула и упала, держась только на вантахъ... Копренинъ, не будучи болѣе въ силахъ удержать въ закоченѣлой рукѣ шкоты, выпустилъ ихъ и, не выдержавъ — зарыдалъ... Боданинъ безпомощно опустил руки... Смерть!.. Да, смерть, — потому что спасенія никакого не можетъ быть... Шлюпка, потерявшая возможность убѣгать отъ волнъ, уже медленно, только по инерціи, двигалась впередъ, съ каждой минутой все болѣе наполняясь водою. Вотъ катятся одна за другою двѣ громадныя волны...

— Господи!.. За что? шепчетъ Боданинъ и крестится окостенѣвшей рукой... Копренинъ уже ничего не видитъ изъ-за слезъ, застывшихъ глаза...

Съ шумомъ обрушиваются волны на беззащитную шлюпку, — какъ подстрѣленная птица въ предсмертной агоніи, трепещущую своими изорванными, упавшими парусами, — проглатываютъ ее и величаво и грозно бѣгутъ дальше, торжествуя побѣду...

Увидя «Наяду», уходящую изъ гавани, Каюковъ и Мажбитовъ, молча, медленно пошли домой. Въ этотъ день они не пили чаю, не обѣдали... На другой день въ экипажъ пришла на имя Копренина телеграмма. Адъютантъ послалъ ее съ разсылнымъ на квартиру Копренина... Вскорѣ разсылный вернулся съ телеграммой и доложилъ, что: «его благородіе со вчерашняго утра ушодчи, и хозяйка говорить, что они, должно, въ Питеръ уѣхадчи»... Въ это время въ канцелярію вошли Полянцевъ, Каюковъ и Мажбитовъ, и сказали адъютанту, что Копренинъ и Боданинъ уѣхали вчера на шлюпкѣ въ Петербургъ. Адъютантъ доложилъ объ этомъ экипажному командиру. Тотъ вышелъ изъ своего кабинета и сталъ разспрашивать «коммунистовъ». Тѣ ему рассказали, какъ Копренинъ 10-го числа получилъ письмо отъ матери, что она 11-го пріѣзжаетъ въ Петербургъ, какъ онъ, по неимѣнію денегъ, рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ Боданинымъ на «Наядѣ» Полянцева, какъ Каюковъ и Мажбитовъ, проснувшись и увидя, какой штурмъ бушуетъ, побѣжали въ экипажъ и въ гавань, чтобы не допустить товарищей до такого безумства, и какъ опоздали. Адъютантъ до-

ложилъ, что на имя Копренина пришла телеграмма, и подаль ее экипажному командиру, который, распечатавъ и прочтя ее, сказалъ:

— Господи!.. Эта телеграмма — отъ матери Копренина, изъ Петербурга, послана сегодня въ 7½ часовъ утра. Въ ней она пишетъ, что пріѣхала вчера, остановилась въ «Grand Hôtel de Paris» и ждетъ сына... Слѣдовательно, они до Петербурга не доѣхали... Надо искать ихъ, или ихъ тѣла... А кто-нибудь изъ васъ долженъ сообщить о случившемся матери Копренина... Впрочемъ, не раньше, какъ будетъ точно извѣстна судьба, постигшая ихъ... Мнѣ не хочется вѣрить, что они погибли... Можетъ быть, ихъ выкинуло гдѣ-нибудь на берегъ между Кронштадтомъ и Петербургомъ...

Каюковъ и Мажбитовъ вызвались искать товарищей, прося только, чтобы экипажный далъ имъ денегъ въ счетъ жалованія. Полянцевъ отправился въ свой экипажъ, разсказавъ тамъ о случившемся, и тоже взялъ денегъ у экипажного командира. Немедленно снарядилась экспедиція изъ Полянцева, Каюкова, Мажбитова, Аридта и еще нѣсколькихъ товарищей, и отправилась. Весь Кронштадтъ зналъ о случившемся въ тотъ-же день... Искали пять дней, но ни самихъ пропавшихъ, ни тѣла ихъ — не нашли. Тринадцатаго сентября въ Кронштадтъ пріѣхалъ Петръ Копренинъ, чтобы узнать, отчего не ѣдетъ братъ, и, узнавъ въ чемъ дѣло, отправился приготовить мать и сестру, и принять затѣмъ участіе въ розыскахъ... По окончаніи безуспѣшныхъ поисковъ, въ Андреевскомъ соборѣ отслужили панихиду по погибшимъ...

Въ маѣ слѣдующаго года, верстъ за триста отъ Кронштадта, въ Финскомъ заливѣ, волны морскія выбросили трупъ, который, только по остаткамъ морскаго сюртука, можно было признать за тѣло морского офицера... А въ іюнѣ, въ другомъ мѣстѣ Финскаго залива, были выкинуты на берегъ такіе-же останки другого офицера...

Н. Ворошиловъ.

ВСЕ СЛѢПОЙ СЛУЧАЙ!

(Съ датскаго).

(Окончаніе).

НѢ былъ очень раздраженъ, считалъ, что его обманули, но скоро опомнись.

— Эгоизмъ, эгоизмъ, на который я такъ часто жаловался, теперь сидитъ онъ во мнѣ. Старый извергъ, она жертвовала мнѣ цѣлыя недѣли, а я не доп. скаю ей одного веселаго вечера!..

Его мо. ологъ дальше не пошелъ, — дверь отворилась и вошла Юлія въ своемъ будничномъ платьѣ и двумя свѣчами въ рукахъ, а за ней Камилла, весьма интересная въ свѣтъ оглубумъ, съ бѣлыми цвѣтами въ волосахъ.

— Скажите госпо и ѣ Стэнъ, могу я г р диться тѣмъ, какъ я ее одѣла? До свиданія, милая, желаю тебѣ ми го удовольствія; только будь осторожна, берегись сквозного вѣтра и не ѣшь мороженаго, когда тебѣ жарко. Прощай! Прощай!

— Я долженъ-бы былъ сказать, — замѣтилъ господи Стэнъ, когда экипажъ съ отцомъ и дочерью уѣхалъ, — что мнѣ очень жаль, что вы остались дома, но это я солгу.

— Я рада, что нѣсколько ѣжна вамъ, Мы

тоже доставимъ себѣ удовольствіе, — я пригтовлю чай здѣсь, у васъ. У насъ будутъ и цвѣты. Что скажете вы объ этихъ поденѣжникахъ и красныхъ анемонахъ? Они изъ нашего садика; я люблю ихъ, какъ предвѣстниковъ вес ы.

— Если-бы мы могли сыграть въ шахматы! — вздыхая сказалъ большой посѣ чаю. — Такъ печально сознавать се я нивлидомъ.

— Попробуемъ. Назначайте, а я буду двигать шахматы за себя и за васъ.

Къ обоюдному удовольствію, Юлія три раза получила мать. Потомъ господи Стэнъ разсказалъ нѣсколько веселыхъ эпизодовъ изъ своихъ путешествій, и вдругъ круто оборвалъ себя и сказалъ:

— Госпожа Юлія, вы слушаете съ кажущимся интересомъ, улыбаетесь; но я напрасно стараюсь вызвать у васъ сердечную улыбку. Во все время моего пребыванія здѣсь въ домѣ я ни разу не слыхалъ звука вашего смѣха, — и ничто такъ не радуешь сердца, какъ свѣжій, молодой смѣхъ. — Простите, я, кажется, огорчилъ васъ.

— О, нѣтъ, — это давнишнее горе. Вамъ пора спать. Я зажгу ночную лампочку. Докторъ говоритъ, что вамъ прежде всего нуженъ укрѣпляющій сонъ.

Господи Стэнъ проснулся около часу ночи, освѣженный сномъ, и обратилъ вниманіе на Юлію, которая горько плакала, закрывъ лицо руками. Это было тихое, заглушенное, безнадежное рыданіе; первую минуту онъ вообразилъ, что дѣвушка плачетъ оттого, что не могла ѣхать на балъ, и вскричалъ:

— Зачѣмъ вы не поѣхали? Вамъ не зачѣмъ было приносить мнѣ эту жертву.

— Я думала, вы спите, — сказала она и быстро отерла слезы. — Кто говоритъ о жертвѣ? Вы подразумеваете балъ? Могу васъ увѣрить, что туда я во всякомъ случаѣ-бы не поѣхала.

— И вамъ едва девятнадцать лѣтъ, не понимаю! Я боюсь, у васъ много горя!

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери, — отвѣчала она тихо.

— Не то, не то. Подойдите ближе, дитя. Неужели люди обманули васъ и гадко поступили съ вами?

— Нѣтъ, люди всегда были добры ко мнѣ.

— Но судьба жестока?

— Судьба! Я называю это полнымъ любви Провидѣніемъ, которое никогда не было и не можетъ быть жестоко. Горе, павшее на мою долю, служить къ лучшему для меня, иначе я была-бы отъ него избавлена; этому я вѣрю глубоко. Придетъ время, когда я это вполне познаю. Имѣя свое горе, я испытываю больше участія къ другимъ, и мнѣ кажется, что теперь я лучше сумѣю утѣшить. Вполнѣ счастливые — горя не понимаютъ. Маленькой дѣвочкой я играла и шумѣла въ комнатѣ, рядомъ съ которой еж ла больная наша старая экономка. Мама нѣсколь ко разъ говорила мнѣ, чтобы я не шумѣла, — при всемъ желаніи, черезъ минуту я забывала и болѣющую, и предупрежденіе. Подъ конецъ я прищемила палецъ въ дверяхъ, мнѣ было больно, и только тогда я поняла, что должна была чувствовать больная. Это дѣтская исторія, но она правдива, теперь я, частью, испытала то же самое. Прежде всего никогда не будешь несчастенъ, если глубоко вѣруешь, что все дѣлается къ лучшему. Развѣ я не права?

— Это чересчуръ. Значитъ я долженъ вѣрить, что я расшибся къ лучшему для себя?

— Разумѣется. Я убѣждена въ этомъ.

— Ваша вѣра только усилится, если я скажу, какъ я былъ въ то время сердитъ на всѣхъ людей; съ какимъ увлеченіемъ я отъвергалъ мысль, что Провидѣніе управляетъ этими безсердечными созданіями, которыя живутъ только эгоизмомъ и корыстолюбіемъ. Вы навѣрное скажете, что мое несчастье было заслуженнымъ наказаніемъ за эти мысли.

— Зачѣмъ называть это наказаніемъ? Ваши нравственныя мученія тогда были, вѣрно, сильнѣе тѣлесныхъ теперь, потому что теперь васъ окружаютъ люди, въ сердечномъ участіи которыхъ вы не можете сомнѣваться. Я называю это скорѣе милостью, а не наказаніемъ.

— Вы находите, что я долженъ еще быть благодаренъ за мою сломанную руку и вывихнутую ногу?

— Не слѣдуетъ шутить такими серьезными вещами, господинъ Стэнъ; я полагаю только, что вы должны быть во всякомъ случаѣ благодарны, и я увѣрена, внутренне вы очень рады, что вашей ногѣ на столько лучше, что послѣ завтра вы можете встать... а скоро начнете дѣйствовать и рукою.

— Я дѣйствительно благодаренъ, моя дорогая утѣшительница; я вѣрю въ Господа и прошу Его благословить васъ и дать вамъ счастья. Горе тому, кто заставитъ эти глаза плакать. Нѣтъ, не качайте головой, я еще разъ повторю, горе тому! Бѣдное дитя, не смѣйтесь такъ, въ этой улыбкѣ больше горя, чѣмъ въ вашихъ слезахъ.

На слѣдующее утро Камилла сидѣла подлѣ господина Стэна, разсказывала ему о вчерашнемъ балѣ, заставляя угадывать свои побѣды; Ларсъ вошелъ съ письмомъ.

— Письмо госпожѣ Юліи,—сказалъ онъ,—гдѣ она? Письмо нужно, посланный сидитъ въ кухнѣ и ждетъ отвѣта.

— Дай Богъ, чтобы въ письмѣ заключалось хорошее!—вскричалъ старый господинъ.—Пожалуйста мнѣ письмо, и не качайте такъ безнадежно головой, милая госпожа Камилла.

Онъ живо схватилъ письмо, но едва прочелъ надпись; какъ почти вскричалъ съ кровати и въ ужасѣ закричалъ:

— Да это не ей! Здѣсь написано Вибе,—госпожѣ Юліи Вибе, а ее зовутъ Брусъ. Дочь брата вашего отца можетъ носить только имя Брусъ.

— Что съ вами, господинъ Стэнъ, не шепчите такъ больной рукой; вы ошибаетесь, Юлію зовутъ Вибе. Ея отецъ, полковникъ Вибе, братъ моего отца только по матери. Какой у васъ измученный видъ! Понятно, вы такъ безпокойны; докторъ строго запретилъ всякое движеніе. Дать вамъ чего-нибудь?

— Нѣтъ.

Холодный, рѣзкій отвѣтъ разсердилъ Камиллу. Она не желала болѣе счастливить своимъ присутствіемъ такого грубіана и ушла изъ комнаты.

Какія бурныя, разнорѣчныя мысли пробѣгали въ его головѣ, пока онъ спокойно лежалъ съ закрытыми глазами!

Возможно-ли? Предметъ, вызвавшій его привязанность и удивленіе, и предметъ, на которомъ сосредоточился его гнѣвъ, его ненависть—одинъ и тотъ-же! Она дочь полковника Вибе, человѣка, который такъ глубоко оскорбилъ его, что даже смерть не могла сгладить оскорбленія!

Развѣ это не ужасный лихорадочный бредъ? Нѣтъ, онъ не бредитъ: вотъ письмо, почеркъ его сына; презирая отцовское запрещеніе, онъ писалъ ей.

«Я не поѣду за тобой!» Что сказала я сего-

дня ночью?—Горе тому, кто вызоветъ слезы на эти глаза! Горе, горе мнѣ значить; но я не могу уступить! Тише, она идетъ, пусть прочтеть письмо. Какое мученіе!

Господинъ Стэнъ полежалъ минуту съ закрытыми глазами, дѣлая видъ, что спитъ; но исподтишка слѣдилъ за Юліей, которая, къ его удивленію, не распечатывая, подождала письмо въ другой конвертъ.

— Что вы дѣлаете?—вдругъ спросилъ онъ.—Не грѣшно-ли? У васъ хватаетъ духу огорчить человѣка, написавшаго это письмо, или вы полагаете, что это не огорчитъ его?

— Вы жестоки, господинъ Стэнъ,—отвѣтила она и написала адресъ торопливо, дрожащей рукой.—Въ васъ нѣтъ сожалѣнія! Какъ охотно приняла бы я все горе на свою долю. Я должна такъ поступить; лучше сразу отнять надежду,—одно большое горе легче многихъ маленькихъ. Оно пройдетъ, оно должно пройти. Господи, укрѣпи и утѣши его. Ларсъ, вотъ отвѣтъ. Напиши ли посланнаго кофею? Дайте ему кофе.

Юлія была въ страшномъ, непривычномъ ей волненіи, она будто опасалась, что мужество покинетъ ее. Большой лежалъ и нравственно выносилъ тяжелую борьбу. На одной сторонѣ стояли благодарность, чувство долга, отеческая привязанность,—на другой—старая обида, непреклонное властолюбіе, гордость и оскорбленная власть.

— Какой вы мрачный,—сказала дѣвушка послѣ долгаго молчанія, тихимъ, почти покорнымъ тономъ,—вы на меня сердитесь? Сейчас я была съ вами невнимательна, даже невѣжлива. Еслибы вы знали, какая это была для меня тяжелая минута, вы бы меня простили.

Онъ хотѣлъ смотрѣть на нее, но это ему не удавалось; онъ не могъ сказать ей слово участія, онъ будетъ лежкомъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Въ его власти дать ей счастье, но онъ не хочетъ; нѣтъ, не хочетъ.

— Я хочу спать,—сказалъ онъ и закрылъ глаза, и лежалъ такимъ образомъ, пока потемнѣло, и тогда онъ могъ свободно наблюдать за Юліей. Она сидѣла у печки въ маленькой калиткѣ, было что-то трогательное во всемъ ея существѣ,—она не боролась болѣе, она подчинилась своему горю и плакала.

Сердце капризнаго старика смягчилось, онъ многое допустилъ; теперь равновѣсіе въ мысляхъ сошло на него. Что можетъ онъ возвратить? Но тише, кто тамъ? Это ея шаги, ея голосъ!

— Я долженъ, я хочу видѣть ее,—слова эти были сказаны съ отчаяннымъ упорствомъ.

Дверь въ комнату больного открылась и въ нее быстро вошелъ стройный молодой человѣкъ. Трудно сказать, кто изъ этихъ трехъ лицъ былъ болѣе взволнованъ, или лучше сказать, чье сердце билось сильнѣе.

— И у тебя хватило духу возвратитъ мое письмо, не читая; ты хотѣла отпустить меня безъ слова привѣта на прощаніе? Нѣтъ, когда я вижу тебя, я ни въ чемъ не могу упрекать тебя; я не въ силахъ сказать, что я почти подумалъ: «она тебя не любитъ!» Да, ты любишь меня, смертный грѣхъ сомнѣваться въ этомъ, но ты жестока, безчеловѣчно жестока. Ты жертвуешь счастьемъ всей жизни двухъ людей капризу старика. Ты находишь, что нужно слѣпо повиноваться внутреннему голосу, который указываетъ намъ, что право и что не право; но и этотъ голосъ можетъ ошибаться. У тебя онъ всегда совѣтуетъ самопожертвованіе и самоотреченіе. Ты всегда

должна жертвовать собою, всегда страдать; это понятно, когда это необходимо, а теперь нѣтъ никакой надобности. Неужели ты думаешь, Юлія, что я могу предложить тебѣ, что-нибудь дурное? Нѣтъ, какъ Богъ на побѣ, я не хочу этого, хотя бы отъ этого зависѣло все мое счастье. Человѣкъ совершеннѣйшій можетъ самъ выбирать себѣ жену, и если мой отецъ, вмѣсто того, чтобы гордиться моимъ выборомъ, отказывается въ своемъ согласіи, я могу обойтись безъ него. Пусть лишаетъ меня наслѣдства, мы прекрасно проживемъ на то, что мнѣ досталось отъ матери. Ты качаешь головой, но какъ ни непреклонна твоя воля, ты должна обѣщать мнѣ, что будешь моею, когда между нами ничего не будетъ стоять. Я могу ждать; но отказаться отъ тебя я не могу;—не могу, Юлія.

— Твой внутренний голосъ, Гаральдъ, обманываетъ тебя; въ тебѣ говоритъ страсть—то должно быть истина, чего ты желаешь. Да благословитъ тебя Богъ, уходи! Все прошло. Ты забылъ, что отецъ грозилъ тебѣ проклятіемъ, и я не призову проклятія на твою голову, Гаральдъ!

— Невозможно, чтобы ты, такъ глубоко вѣрующая, могла допустить хоть одну минуту, что Всемогущій приметъ проклятіе стараго грѣшника. Это пустое слово, а если нѣтъ, оно падетъ на его голову.

— Я знаю, ты любишь своего отца, Гаральдъ, ты любишь его, не смотря на все, и я не хочу становиться между имъ и тобой; о, если бы я могла васъ помиритъ! Если бы ты исполнилъ мое послѣднее желаніе и ради нашей любви уступилъ и вернулся къ нему; кто знаетъ, можетъ быть, онъ подлѣ концы смягчится.

— Никогда, никогда; скорѣе съ солнцемъ упадетъ камень, чѣмъ его характеръ уступитъ. Нѣтъ, Юлія, не требуй невозможнаго. Я не могу идти въ тиски. Отвергнутый имъ ради тебя, я поѣду странствовать по свѣту, съ надеждою, что Господь пошлетъ мнѣ раннюю могилу.

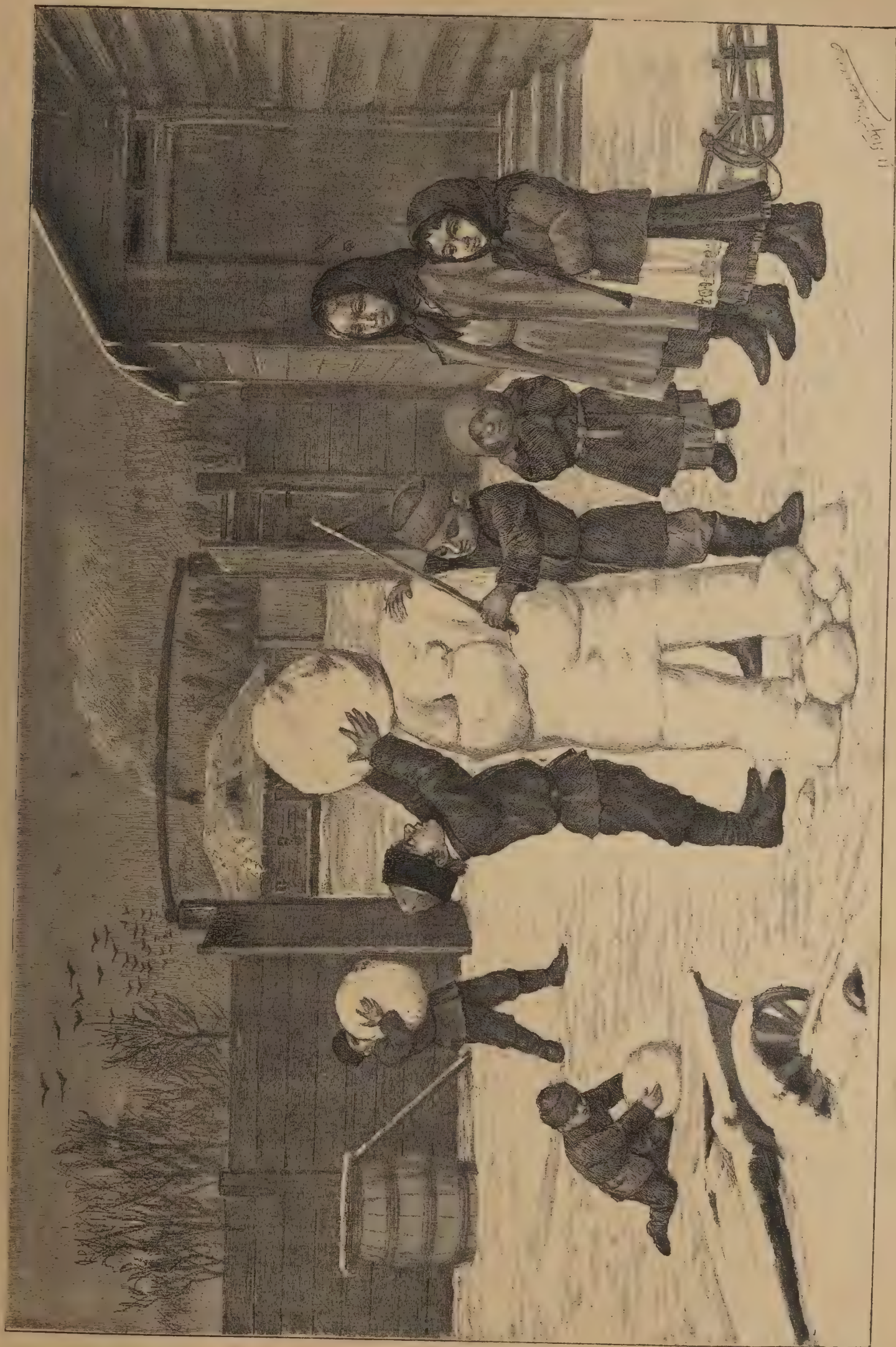
— Последнее время я много думала о твоёмъ отцѣ; мнѣ представилось, какъ онъ одинокъ и бѣденъ, не смотря на все свое богатство. Ты говоришь, онъ недовѣрчивъ, имѣетъ отталкивающій характеръ, упрямъ,—а я тебѣ въ то же время говорю, онъ добръ, благороденъ, благодѣтель. Какъ тепло ты говорилъ о немъ, пока онъ не отказалъ въ своемъ согласіи. Притомъ мой отецъ оскорбилъ его, а такія раны не легко излечиваются. Если онъ умретъ, пока вы въ ссорѣ, это броситъ тѣнь на всю твою жизнь. Вѣрно, онъ вернулся изъ своего заграничнаго путешествія, поѣзжай къ нему, Гаральдъ; если любишь меня, сдѣлай это. Ты слышалъ, вѣрно, о старомъ господинѣ, который расшибся у нашихъ дверей; у него нѣтъ родныхъ, нѣтъ друзей, никого, кто бы ему былъ дорогъ, онъ самъ сказалъ. Еслибы ты зналъ, какъ подѣйствовало это на меня, я подумала о твоёмъ отцѣ; онъ точно также одинокъ; онъ также старый человѣкъ съ сѣдыми волосами. Ради его сѣдыхъ волосъ, Гаральдъ!

— Не своди меня съ ума, Юлія, замолчи!

— Ты можешь сдѣлать его счастливымъ: самъ ты мало-по-малу успокоишься; можешь,—я знаю, это будетъ не скоро, въ этомъ убѣждена,—можешь завязать новыя привязанности. Если я доживу до того времени, я благодарю Господа, давшаго мнѣ силы перенести все. Что касается меня, я люблю тебя и не люблю никого другого. Ступай. Да благословитъ тебя Богъ. Если ты поѣдешь къ отцу, ты снимешь большую тяжесть съ моей души.

«ВОСКРЕШЕНИЕ ДОЧЕРИ ЛАРА». СЪ НАТИНЫ ХУДОЖНИКА ГАРІОЛА МАСА.

Снѣгурна. Рисоваль художникъ И. Пархоменко.

— Нѣтъ, нѣтъ, клянусь!

Явственный стонъ на постели прервалъ этотъ разговоръ. Дѣвушка заставила Гаральда выйти, но пообѣщала ему попроситься съ нимъ и подошла къ постели.

— Вамъ хуже, господинъ Стэнъ, чѣмъ могу я помочь вамъ? Простите, что мы побезпокоили васъ: мы думали, что вы спите.

— Я не спалъ, я все слышалъ. И вы не ненавидите безсердечнаго, капризнаго старика; вы въ самомъ дѣлѣ не ненавидите его?

— Отца Гаральда? О, нѣтъ, я люблю его, и мнѣ ужасно его жалъ. Чувство гнѣва и ненависти ужасно; какъ бы онъ былъ счастливъ, еслибы не закрывалъ своего сердца; какъ бы благодаренъ былъ его сынъ, какъ бы мы оба любили и почитали его! Онъ зажилъ бы новою жизнью и помолодѣлъ въ нашемъ счастьѣ; а теперь, въ лучшемъ случаѣ, онъ встрѣчаетъ только вынужденную покорность и подогрѣтую вѣжливость отъ своего сына, сердце котораго онъ разбилъ,—сознаніе этого должно мучить его ежедневно. Я пойду теперь и скоро вернусь.

— Еще минуточку! Неужели даже смерть не разрушитъ власти безумнаго старика? На нашемъ мѣстѣ я пожелалъ бы ему сломать шею и лишиться рукъ и ногъ.

— Не кощунствуйте. Еслибы я согласилась быть женою Гаральда послѣ смерти его отца, онъ невольно сталъ бы желать этой смерти. Я не хочу подвергать его такой страшной душевной борьбѣ. Ну, мнѣ пужно идти.

— Ни къ чему это не послужить, дитя, онъ васъ не послушаетъ. Если вы въ самомъ дѣлѣ хотите, чтобы онъ помирился съ отцомъ и забылъ васъ, я, старый и опытный человѣкъ, могу сказать ему слово, которое убѣдитъ его.

— Конечно, я всѣмъ сердцемъ хочу этого, но сомнѣваюсь,—если мое вліяніе...

— Пусть онъ войдетъ; стоить попытаться. Только вы уйдете, мы должны быть одни.

Чтобы только исполнить желаніе старика, Юлія позвала Гаральда, который очень неохотно послѣдовалъ за ней. Отворивъ дверь, онъ спросилъ рѣзко и торопливо:

— Что вамъ угодно?

— Гаральдъ!.. Не пугайся, я не призракъ. Подойди ближе, возьми мою руку; нѣтъ, лѣвую; чувствуешь, она пожимаетъ твою? Значитъ въ ней есть плоть и кости. Сынъ мой, мой славный мальчикъ, садись и слушай; она, твоя вѣвѣста, ходила за мною, ночей не спала; она возвратила мнѣ вѣру въ Бога и въ людей. Казалось, скорѣе камень растаетъ на солнцѣ, чѣмъ сломится мое упрямство, оно все-же сломилось; я хочу помолодѣть и начать новую жизнь въ вашемъ счастьѣ. Обними меня, мой мальчикъ; теперь все пойдетъ хорошо!

— Отецъ, ты въ самомъ дѣлѣ прощаешь мнѣ, что я о тебѣ говорилъ? Она вѣдь говорила только хорошее.

— Ну, слава Богу, что и мнѣ есть что прощать, это легче. Только одно условіе, ни слова больше сегодня вечеромъ; я не вынесу больше. Сдѣлай видъ, будто я уговорилъ тебя; завтра приходи. Съ завтрашняго дня, мой мальчикъ, начнется новая жизнь. Вы можете войти, госпожа Юлія.

Побѣдоносно и торжествующе звучалъ голосъ господина Стэна, когда дѣвушка отворила дверь.

— Прощай, Юлія,—сказалъ Гаральдъ страннымъ, глухимъ голосомъ,—я пойду къ отцу, исполню твое желаніе. Да благословитъ тебя Богъ, прощай.

Гаральдъ ушелъ. Юлія, стояла, не шевелясь,

по срединѣ комнаты; больной замѣтилъ добродушнымъ голосомъ, который зазвучалъ какъ-то безсердечно при данныхъ обстоятельствахъ:

— Что-же вы горюете? Ваше желаніе исполнилось.

— Сердечно благодарю васъ; мнѣ только кажется чрезвычайно странно, почти пѣвчато, что вы, совершенно посторонній человѣкъ, могли приобрести надъ нимъ такое вліяніе.

— Не играетъ-ли тутъ какой нибудь роли колдовство, кто знаетъ? Нѣтъ, я не могу видѣть васъ такою; лучше плачьте, дитя, плачьте и надѣйтесь! Быть можетъ, завтрашній день принесетъ что нибудь хорошее. Господь справедливъ.

— Справедливъ!

— И милосердъ?

— Безконечно милосердъ.

— Вы произнесите эти слова черезъ чуръ безучастно, не соединяя съ ними никакой надежды въ будущемъ. И испытавъ такое горе, вы можете такъ говорить?

— Теперь я истинно познала милость Божію; я знаю, что стояла на краю пропасти; мое горе даетъ миръ моей душѣ, какого я не испытывала до моего отказа.

— Странно, не уступать такъ-же бываетъ тяжело для одного, какъ для другого отказъ. Вы зажигаете лампу, будто намѣреваясь сидѣть подлѣ меня; я этого не допущу, вамъ нужно хорошенько выспаться.

— Забота развлечетъ меня; за чужими страданіями я забываю свое горе. Видите-ли, мое положеніе во многихъ отношеніяхъ можетъ назваться счастливымъ. Я-бы хотѣла найти старую, больную, одинокую особу, которую я могла-бы утѣшить и успокоить. Если я буду чувствовать, что кому нибудь необходима, мнѣ кажется, моему сердцу будетъ легче и оно будетъ спокойнѣе.

— А если данная особа будетъ странная и капризная?

— Этого я не боюсь. Лучше всего, если она будетъ безъ средствъ; богатые вездѣ найдутъ помощь; а я достаточно богата, чтобы платить за себя.

— Будьте покойны; я знаю одного стараго, несноснаго, тяжелаго человѣка, который сдѣлаетъ вашу жизнь на столько горькой, на сколько вы усладите его жизнь; но объ этомъ будетъ время поговорить завтра—великій день, когда я первый разъ встану съ постели послѣ семи недѣль лежанія.

На слѣдующее утро мартовское солнце ярко свѣтило въ комнату, и господинъ Стэнъ, закутанный въ прекрасный теплый халатъ, сшитый руками Юліи, и въ туфляхъ работы Камиллы, стоялъ подлѣ постели, не рѣшаясь сдѣлать первый шагъ.

Веселыя восклицанія дѣвушекъ придавали мужество этому первому шагу, за которымъ скоро послѣдовали другіе, которые мало-помалу сдѣлались утѣреніемъ.

Профессоръ не принималъ участія въ общемъ восторгѣ и былъ молчаливымъ свидѣтелемъ,—но недолго выдержалъ:—вызвалъ Юлію въ сосѣднюю комнату и далъ выходъ волновавшимъ его чувствамъ.

— Слава Тебѣ, Господи, наконецъ, онъ всталъ. Чѣмъ скорѣе онъ уберется изъ дома, тѣмъ лучше. Долго я уступалъ тому, что все подчинялось неблагодарному болвану, который не умѣетъ найти дружескаго слова за всѣ заботы. Я хочу снова быть хозяиномъ у себя въ домѣ, и ты можешь сказать ему, чѣмъ скорѣе онъ уберется, тѣмъ лучше.

— Нѣтъ, дядя, ты доведешь дѣло до конца,

и не откажешь въ твоемъ гостепріимствѣ. Если онъ не благодаритъ словами, онъ чувствуетъ благодарность сердцемъ, его довольство всѣмъ доказываетъ это.

— Его довольство! Еще бы! Онъ захочетъ вѣчно здѣсь оставаться; такія заботы ему не привычны.

— Тише, дядя, тише.

Но предупрежденіе опоздало; сердечный и раскатыстый смѣхъ раздался въ комнатѣ рядомъ. Дверь отворилась и въ ней показался господинъ Стэнъ, оживленный и съ такимъ внушительнымъ видомъ, что трудно бы вообразить болѣе представительнаго или импонирующаго пожилого человѣка.

— Я скоро уйду, дорогой профессоръ. Удивляюсь не тому, что вы потеряли терпѣніе, а тому, что оно такъ долго продолжалось. Какъ хороша природа! Посмотрите на озимое поле, какое зеленое, ровное, глаза радуется. Отворите окно, Камилла, мнѣ хочется подышать свѣжимъ воздухомъ. А! А! Здравствуй, Ларсъ, ты воду таскаешь; колодезь уже освободился отъ ледяного покрова. Здѣсь поскользнулась лошадь, объ этотъ камень я ударился головою, и это послужило къ добру. Я знаю, Юлія, это не случайность. Неужели это я, тотъ самый, который скакалъ тогда ночью, раздраженный, несчастный. Да, многое пережилъ; съ того дня еще не сошелъ съ ногъ съ полей, а внутри меня растаялъ ледъ. Какъ славно поетъ жаворонокъ, тамъ, высоко въ воздухѣ. Фіалки выглядываютъ въ садикѣ. Ну, госпожа Камилла, весна идетъ.

— Да, да, хорошо кругомъ.

Господинъ Стэнъ взялъ руку Юліи:

— Моя дорогая сидѣлка, не правда-ли, природа хороша?

Она оглянулась кругомъ, кивнула головою, но слезы блеснули на ея глазахъ. Ничто больше не связывало ее съ этой чудной природой; она чувствовала себя чужою.

— Я попрошу васъ, госпожа Юлія, быть моимъ секретаремъ и написать за меня письмо. Я столько слышалъ вчера о дурномъ вліяніи отца на счастье сына, что хочу оказать милость моему потерянному сыну и соединить его съ его милой.

— У васъ есть сынъ? Какъ я рада, что вы не будете одиноки, и что вы хотите простить его и сдѣлать его счастливымъ. Слава Богу, что наша печальная исторія можетъ послужить кому-нибудь къ счастью.

— Готовы вы? Пишите: «Дорогой мальчикъ, тебя съ нетерпѣніемъ ждетъ любящій тебя отецъ».

— Дальше?

— Больше ничего не нужно. Этого достаточно. Напишите адресъ: «Барону Гаральду Христіану Гедде»... Но, дитя, что съ вами? Мужественная дѣвушка, которая одна отправилась ночью въ горящій городъ, можетъ много вынести. Она заботилась о чловѣкѣ, дала ему кровъ, одежду, пищу, главное умѣла разбудить въ немъ его лучшую натуру; теперь она сама должна узнать, что такое счастье. Юлія, дитя мое, не отвертывайся, дай мнѣ поглядѣть на тебя.

Она взяла его руку и поцѣловала ее, но взглядъ ея былъ безпокойный и разстроенный, она не рѣшалась вѣрить. Профессоръ обратился въ каменную статую. Камилла отступила; она никакъ не могла примириться съ простой фигурой отца Гаральда, котораго она представляла себѣ не иначе, какъ въ лѣтѣ и коммерческомъ мундирѣ.

— Только по этому Гаральдъ позволилъ

уговорить себя,—снова заговорилъ старый господинъ.—Онъ никогда не согласился бы на уступку,—въ противномъ случаѣ онъ не стоялъ бы ни слезинки. Если бы онъ бросилъ тебя меня ради, я никогда бы не простилъ ему.— Ну-съ, профессоръ Брусъ, дайте вы свое согласіе?

— Нечего и спрашивать. Я никакъ не могу опомниться. Благослови тебя Господь, моя дорогая дѣвочка. Достаточно было у насъ слезъ, теперь ты будешь счастлива. Ну, еще что? Вотъ дѣвчонки! Обѣ плачутъ! Есть за что разсердиться. Вы заслуживаете всю вашу жизнь проливать только слезы! Что касается васъ, господинъ баронъ, вы съ нами сыграли нехорошую штуку...

— Но въѣвъ вы слышали, что я чудакъ, вотъ вамъ и причина! Я хотѣлъ испытать, какъ смотреть на людей безъ хвоста. Къ счастью, всѣ предполагаютъ, что я провелъ это время за границею, а то можно было бы опубликовать обо мнѣ въ рубрику «безъ вѣсти пропавшихъ». Если бы ты, Юлія, была истинная дочь Евы, и заглянула въ портфель въ моемъ пальто, ты нашла бы въ немъ всѣ мои бумаги, и давно бы узнала, кто я. Вотъ передъ тобою старый упрямецъ, о которомъ я говорилъ тебѣ вчера. Можешь ли ты рѣшиться постоянно оставаться съ нимъ? Онъ не можетъ обойтись безъ тебя.

— А мы всѣ,—вскричалъ профессоръ,—кто будетъ справляться съ нами, умирять насъ, когда ее не будетъ? Она умѣетъ это, вы еще попадете подъ башмакъ, утѣряю васъ.

Молодая дѣвушка стояла у окна, сердце ея было счастливо и переполнено. Да, земля хороша! Зеленое поле, каменная стѣла, маленький садикъ, голубое небо, теплое солнце, даже старый колодезь!.. Издали можно было видѣть человека верхомъ, скачущаго въ галопъ; это былъ онъ, съ которымъ, она думала, что накупитъ навѣки попрощалась...

КРЕДИТОРЪ.

Очеркъ Клода Бертонъ.

НАКОНЕЦЪ, поручикъ Аршеро, я увѣренъ въ томъ, что говорю. Я узналъ совершенно случайно, что у этого стараго разбойника Периньона находятся ваши векселя... Я считаю своею обязанностью предупредить васъ.—Я не люблю, чтобы имена моихъ офицеровъ попадались у подобныхъ людей.

— Но, полковникъ...

— Повторю вамъ, бесполезно отрицать. Вы расплатитесь и чтобы объ этомъ не было больше и рѣчи... Я васъ предупреждаю, какъ отецъ... Прощайте, милостивый государь.

И полковникъ, поднеся руку къ кэпи, короткимъ жестомъ отпустилъ своего подчиненнаго. Тотъ хотѣлъ было еще протестовать, но не осмѣлился, при томъ въ эту минуту затрубили концы отдыха. Отдавъ честь, онъ отправился къ своему мѣсту и учене продолжалось.

Послѣ учения, отвѣдя въ казармы свой взводъ и сдѣлавъ обычный обходъ, поручикъ Аршеро пошелъ домой. Выговоръ полкового командира ошеломилъ его, и, наивнудъ кэпи на глаза, онъ шелъ домой большими шагами, нахмуривъ брови и сердито сбивая хлыстомъ пылъ съ своихъ ботфортовъ. Онъ такъ былъ увѣренъ,—конечно!—что ничего не долженъ Периньону. Съ самаго своего прѣзда въ М*, послѣ выхода изъ Сомюра, не смотря на всѣ настоянія, онъ отвергнулъ предложенія этого стараго торговца лошадьми, ростовщика, бяршника, биржевика, поставщика винъ, который льстилъ себя надеждой эксплуатировать этого расточительнаго сына богатой семьи.

Не дѣлать долговъ въ мѣстѣ стоянки! Филиппъ Аршеро взялъ это за правило. Конечно, и онъ покупалъ всякій вздоръ, но, какъ чело-

вѣкъ практичный, желалъ имѣть выгоду отъ конкуренціи, почему предпочиталъ дѣлать подобныя покупки въ Парижѣ, у извѣстныхъ и скромныхъ поставщиковъ.

Но утверждение полковника было слишкомъ ясно и точно, чтобы молодой офицеръ могъ сомнѣваться, и онъ мысленно припоминалъ счетъ своихъ долговъ и имена кредиторовъ, спрашивая себя, который изъ нихъ могъ предать его Периньону. Подойди къ красивому домику внутри двора, онъ толкнулъ калитку, взбѣжалъ на крыльцо и, не снимая кэпи и сабли, бросился въ кресло въ своей курительной, забросивъ хлыстъ, который упалъ на письменный столъ, гдѣ «Парижская жизнь», хроники спорта и рѣдко открываемыя техническія сочиненія валялись въ перемѣшку.

— Лоріо!.. Лоріо!..—закричалъ онъ,—есть письма? Былъ кто нибудь?

— Никто, господинъ поручикъ, но вотъ телеграмма.

Ординарецъ Лоріо стоялъ передъ нимъ, нѣсколько труся при видѣ дурного расположения духа, которое ясно выражалось на лицѣ поручика, и испуганно глядя на него, пока тотъ разрывалъ голубой конвертъ. Но, прочитавъ телеграмму, лейтенантъ просіялъ.

— Лоріо, въ четыре часа ты запряжешь богги, я побѣдунавокалъ встрѣчать мою мать... Прибери все въ домѣ и приготовь ея комнату.

Лоріо повернулся по военному, и черезъ минуту Филиппъ услышалъ, какъ онъ, тяжело ступая, съ чисто-военною добросовѣстностью чистилъ и выметалъ всѣ закоулки въ домѣ.

Когда госпожа Аршеро начинала чувствовать, что парижская жизнь утомила ея нервы, она являлась къ своему сыну отдохнуть среди провинціальной тишины. Ей нравилась подобная перемѣна жизни и среды. Она брала съ собою только темныя туалеты, напускала на себя буржуазныя манеры, играла въ провинціалку, въ мать, очень заботящуюся о будущности своего сына. Въ сопровожденіи Филиппа, она дѣлала визиты епископу, командующему генералу, префекту. Побывавъ у всѣхъ важныхъ лицъ города, она возвращалась въ Парижъ, спокойная, съ отдохнувшою головою, увѣренная, что поработала для повышенія молодого офицера, и немедленно отправлялась къ своей портнихѣ справляться, не перемѣнились ли моды въ ея отсутствіе.

Испечная, милая, вѣчно суетящаяся по пустякамъ—вотъ госпожа Аршеро. Не смотря на свои сорокъ пять лѣтъ, она была еще очень красива; ея душа безсознательнаго ребенка сохранила ей свѣжесть и жесты молодой женщины. Мужъ—банкиръ, широко поддерживалъ ея расточительныя привычки; сынъ ея—красавецъ-офицеръ, о какомъ она всегда мечтала... она была счастлива. Филиппъ обожалъ свою мать; ея посѣщенія доставляли ему двойную радость,—онъ всегда получалъ при этомъ значительную добавку къ своему содержанию,—подарочекъ на шалости. Получивъ телеграмму, онъ воскресъ.

— Ба! Ничего не будетъ легче какъ сойтись съ Периньономъ!—подумалъ онъ, оправдываясь передъ зеркаломъ и зажигая сигару.

Онъ отправился на службу и уже вышелъ изъ калитки сада, какъ его остановили. Передъ нимъ стоялъ человекъ высокаго роста, закутанный въ громадный плащъ, на шеѣ видѣлся грязный воротникъ, мало скрытый дурно повязаннымъ фуляромъ; на ногахъ были надѣты истоптанныя и побѣдѣвшіе башмаки.

— Господинъ поручикъ Аршеро?—спросилъ этотъ человекъ, поднося руку къ истрепанному полямъ своей мягкой шляпы.

— Это я, милостивый государь.

И поручикъ оглядѣлъ этого страннаго посетителя, черты котораго не напоминали ему ничего знакомаго. Незнакомецъ, казалось, былъ въ нерѣшительности, но, сдѣлавъ усилие, произнесъ:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами... господинъ поручикъ... поговорить съ вами... по секрету.

Онъ произнесъ послѣднія слова, близко подходя къ офицеру. Филиппъ почувствовалъ, что отъ него сильно несетъ водкой. Воспаленныя щеки и блестящія ярко глаза подъ распухшими вѣками указывали на лихорадочное возбужденіе непрерывнаго алкоголизма.

— Извините меня, но меня жутитъ,—сказалъ поручикъ, предполагая въ этомъ подозрительномъ господинѣ какого нибудь попрошайку, и хотѣлъ пройти мимо.

Незнакомецъ отступилъ назадъ и загрозилъ дорогу.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами! Потрудитесь вернуться къ себѣ и принять меня.

Заскорузлыя губы пьяницы произнесли эту фразу повелительно. Незнакомецъ выпрямился и съ нѣкоторымъ достоинствомъ прибавилъ:

— То, о чемъ намъ нужно говорить, не разсказывается на улицѣ.

Несмотря на все желаніе избѣжать разговора, поручикъ былъ вынужденъ уступить.

— Хорошо, потрудитесь войти!—сказалъ онъ, пропуская его.

Незнакомецъ поклонился и, пошатываясь, прошелъ въ садъ. Черезъ минуту они сидѣли другъ противъ друга въ курительной.

— Скажете ли вы мнѣ, наконецъ, кто вы?—спросилъ Филиппъ.

— Давидъ Винтроппъ, маклеръ...

Маклеръ, то-есть букмакеръ, подумалъ поручикъ, разсматривая quasi-профессіональный костюмъ своего посетителя, который, хотя и стѣснялся нѣсколько, и съ заплетавшимся отъ пьянства языкомъ, но все-же онъ старался держаться прилично. Онъ выбиралъ слова, говорилъ медленно и тихо, будто боялся, чтобы его не услышали. Вѣжливо поблагодаривъ молодого офицера, онъ посмотрѣлъ минуту ему въ лицо и вдругъ сказалъ:

— Я знаю, что у Периньона есть ваши векселя.

— А, вы знаете, что я давалъ векселя Периньону,—вдругъ настороживъ уши, сказалъ поручикъ,—а я вамъ скажу, что я этого самъ, до послѣдней минуты, не зналъ. Теперь вы мнѣ говорите то-же. До сихъ поръ, я былъ увѣренъ въ противномъ, но теперь я начинаю вѣрить.

— И не сказалъ, что вы давали векселя Периньону, я сказалъ, что у него есть векселя за вашей подписью... тутъ есть... разницы...

— То-есть, третье лицо перепродало мои векселя Периньону, хотя я въ этомъ нѣсколько сомнѣваюсь... Вамъ извѣстно, кто ихъ передалъ Периньону?

— Я... Я предложилъ ихъ Периньону... Поручикъ посмотрѣлъ на Давида Винтроппа.

— Значитъ, вамъ извѣстна сумма?

— Три тысячи по двумъ векселямъ, каждый въ полторы тысячи,—лаконически отвѣтилъ маклеръ.

— Два векселя по полторы тысячи франковъ, я никогда не подписывалъ и чего подобнаго. Это фальшивые векселя, не сомнѣвно.

— Фальшивые.

— Значитъ, насъ обоихъ обокрали, милостивый государь. Когда вы передавали эти векселя Периньону, ихъ происхожденіе вамъ навѣрно не было извѣстно.

Лицо незнакомца вспыхнуло.

— Нѣтъ... Я зналъ его.

— Значитъ, вы знаете, кто сдѣлалъ фальшивую подпись?

— Знаю...

— И онъ, дѣлжно быть, прислалъ васъ ко мнѣ, чтобы узнать, заплачу ли я?.. Нечего сказать, порядочная дерзость!

— Да, это онъ прислалъ меня... Господинъ поручикъ Аршеро, вы должны уплатить по этимъ векселямъ. Вы должны помочь бѣдному человеку... Что значать это три тысячи для васъ? Вы молоды, богаты, довольны, вы не знаете, что есть несчастные, которымъ очень тяжело живется... а подписать такъ не трудно...

— Все это прекрасно, но кромѣ того, что я не поздравляю васъ съ вашими знакомствами, я скажу вамъ, что я въ самыхъ скверныхъ отношеніяхъ съ Периньономъ, что я не давалъ ему никакихъ векселей даже на грошъ, что, предавая меня въ руки этому негодню, вашъ другъ... другъ сдѣлалъ мнѣ большое зло и что на основаніи этого я не заплачу!.. Незнакомецъ поблѣдѣлъ.

— Вы не заплатите?

— Никогда?

Давидъ поднялся, руки его дрожали, лицо подергивалось судорогами, голосъ упалъ.

— Господинъ Аршеро, умоляю васъ...

— Нѣтъ, я рѣшилъ...

На этотъ разъ незнакомецъ выпрямился, не смиренный болѣе, но грозный; его налитые кровью глаза уставились на собесѣдника.

— Вы заплатите!—произнесъ онъ съ изостью.

— Бесполезно говорить объ этомъ,—ска-

залъ раздраженный поручикъ.—Я не заплачу. Это мое последнее слово. Разговаривать больше нечего. Прощайте, милостивый государь.

Филиппъ въ свою очередь всталъ и пошелъ къ двери. Но незнакомецъ сталъ ему поперекъ дороги, не давая уйти.

— Вы заплатите...—говорю вамъ... Я подписалъ эти векселя!.. Онъ съ хрипомъ произнесъ прямо въ лицо Филиппу послѣднія слова.

Тотъ отступилъ и оба посмотрѣли другъ другу въ глаза.

— А если я... не смотря ни на что... откажу?—проговорилъ Филиппъ, взбѣшенный дерзостью Давида.

— Если вы откажете...—Незнакомецъ остановился, лицо его выразило ужасъ, но, оправившись, онъ продолжалъ:—Ну, чтожъ! Нѣтъ, вы не захотите сдѣлать ваше несчастье, ваше и вашихъ близкихъ.

— Мои близкіе не имѣютъ ничего общаго съ подозрительными спекуляціями подобнаго вамъ человѣка,—высокомѣрно заявилъ Филиппъ.

— Дурное дѣло всегда влечетъ за собой несчастье... Вы заплатите!..

— Нѣтъ! Ни копейки! Оставьте меня въ покоѣ!

— Берегитесь, господинъ Аршеро, мнѣ не откуда взять. Вашъ отказъ составляетъ безчестіе не только для меня, но и для васъ...

— Вы говорите?..

— Для вашей матери!..

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ Филиппъ бросился на него, поднимая руку. Но букмекеръ схватилъ его и сильнымъ движеніемъ посадилъ на стулъ.

— Не троньте меня!.. Вы не знаете, кого вы хотите ударить!..

Въ его движеніи и голосѣ было столько силы, что офицеръ не сопротивлялся. Наступило молчаніе. Филиппъ и старый пьяница снова стояли другъ противъ друга. Давидъ, опираясь болѣе на здоровую ногу, быстро ронялъ безсвязныя слова, будто торопясь скорѣе отдѣлаться отъ постыдныхъ вещей, которыя онъ долженъ былъ сказать. Филиппъ слушалъ его, опустивъ глаза, подавленный тяжестью того, что узнавалъ.

Давидъ Винтроппъ, нѣкогда виконтъ Лазеръ, рассказывалъ свою собственную исторію.

Онъ рассказывалъ, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ его полюбила молодая дѣвушка, какъ ему отвѣтила семья его возлюбленной, когда онъ явился требовать права исправить обоюдную ошибку и дать имя будущему ребенку. Онъ рассказывалъ, какъ эти люди,—богатые,—но чтобы удовлетворить низменные интересы, свѣдали несчастную дѣвушку съ молодымъ банкиромъ («съ будущностью»), который, благодаря имени и связямъ своихъ новыхъ родственниковъ, быстро достигъ громаднаго состоянія, и дерзко, не сморгнувъ, принялъ на себя апокрифическое родство. Онъ рассказывалъ еще исторію этого виконта Лазера, дворянина безъ средствъ, ловкаго наѣздника, живущаго призами, полученными на скачкахъ за ѣзду на лошадяхъ друзей; полу-жокея, полу-барина; до тѣхъ поръ пока онъ не сломалъ себѣ ногу, упавъ съ лошади. Онъ долженъ былъ отказаться отъ скачекъ и влачилъ такимъ образомъ свое сомнительное существованіе отъ ипподрома къ ипподрому... Далѣе онъ падалъ все ниже и ниже на скользкомъ пути, сдѣлался букмекеромъ, изъ нѣкотораго чувства стыдливости, отказался отъ своего имени и виконтъ Лазеръ обратился въ Давида Винтроппа, пьяницу отрубѣшаго, деморализованнаго, который, въ одинъ прекрасный день, потерявъ всѣ источники средствъ, послѣ большихъ потерь на скачкахъ, далъ Периньону, на три тысячи франковъ фальшивыхъ векселей, подписавъ ихъ именемъ того, кто долженъ былъ быть его сыномъ!..

Рассказъ былъ конченъ. Филиппъ не шевелился, пораженный, боясь поднять глаза и увидать передъ собою обрюзглое лицо Давида, который внезапно разчувствовался и изъ глазъ его лились и падали на полъ, крупные слезы, слезы пьяницы.

— Я кончилъ,—произнесъ онъ.—Вотъ... ея письма.—И онъ положилъ на столъ засаленный пакетъ.—Я хотѣлъ продать ихъ вамъ за ту сумму. Но достаточно и того сквернаго... что я сдѣлалъ... чтобы... доходить до этого... Я вижу, вы вѣрите мнѣ... вы заплатите Периньону... я уйду...

— Я уйду...—повторилъ онъ.

Но Филиппъ не отвѣчалъ.

— Да... я понимаю... но во всякомъ случаѣ, вы не можете меня презирать столько, сколько я самъ себя презираю... Я уйду!..

И согнувшись, прихрамывая, онъ подошелъ къ двери. На порогѣ онъ обернулся и, конфузясь, сказалъ:

— Если вы захотите... что нибудь... сказать мнѣ... до завтрашняго вечера я буду въ гостиницѣ «Трехъ-Королей».

Филиппъ, не поднимая глазъ, сдѣлалъ знакъ головой.

— Да... да... благодарю... до завтра, гостиница «Трехъ-Королей»... благодарю... я уйду.

Послѣднія слова застыли на его губахъ и онъ исчезъ въ полуоткрытую дверь, будто передъ нимъ раскрылась стѣна и поглотила его.

Филиппъ не замѣчалъ временіи, когда онъ былъ вдругъ отвлеченъ отъ своихъ печальныхъ мыслей веселымъ голосомъ и обнимающими его руками.

— Здравствуй, мой дорогой!.. Ты ждалъ меня только въ четыре часа, но я имѣла возможность воспользоваться экспрессомъ и вотъ я здѣсь!—Мать цѣловала и обнимала его.

Но она вдругъ замѣтила его разстроенный видъ.

— Дорогой мой! Филиппъ мой! Что за печальная фигура!.. У тебя есть неприятности, милый?.. Женщина, навѣрно?.. О, да, это женщина?..—вскричала она съ увѣренностью.

— Да... да... это женщина...

И Филиппъ, рыдая, бросился на шею матери.

— Бѣдный мой!.. И ты ее очень любишь, эту злую?..

— Да... да... очень люблю!..

— Видишь-ли, голубчикъ,—говорила она, вытирая слезы, которыя текли изъ глазъ ея сына,—мнѣ нужно прощать, женщинамъ, когда онѣ заставляютъ васъ страдать; это не всегда ихъ вина и часто онѣ сами не знаютъ причины. Мы бываемъ нѣсколько невѣжественны, неотвѣтственны... забудь... милый мой, дорогой... забудь.

— Ахъ! дорогая моя мама, я люблю ее!..

Филиппъ долго плакалъ, положивъ голову на плечо пустынной госпожи Аршеро.

На другой день утромъ, слуга въ гостиницѣ «Трехъ-Королей», войдя къ Давиду Винтроппу, нашелъ его лежащаго посерединѣ комнаты, грудь его была пробита двумя революционными пулями. Наканунъ вечеромъ онъ вернулся домой совершенно пьяный, предположили, что онъ застрѣлился въ припадкѣ пьяной горячки. Старому Периньону было заплачено. Но что особенно поразило всѣхъ и о чемъ долго говорили въ офицерскомъ клубѣ, это то, что поручикъ Аршеро провозжалъ гробъ пьяницы букмекера до самаго кладбища,—одинъ и безъ шапки.

Когда его спрашивали, почему онъ выказываетъ столько уваженія подобному человѣку:

— Это одинъ изъ моихъ кредиторовъ... спросите Периньона,—отвѣчалъ онъ, чтобы отдѣлаться отъ допрашивателей.

Въ М. долго говорили о кредиторѣ поручика Аршеро.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Сладкія рѣчи. Съ картины художника В. Арланда.

Весьма счастливъ и доволенъ этотъ средневековый воинъ на картинѣ Арланда. Онъ смакуетъ добрую кружку стараго вина въ уютномъ погребѣ богатаго горожанина и сверхъ того, ведетъ пріятную бесѣду съ хорошенькой дочкой хозяина. Онъ опытный ловеласъ, и потому сразу пускается въ ходъ веселыя шутки. Онъ рассказываетъ, какъ часто доставалась ему прекрасная богатая добыча, какъ хотѣлъ-бы онъ отдохнуть отъ холостой жизни въ родной семьѣ... красота внимательно слушаетъ, но, судя по лукавому взгляду, не вѣритъ красноречію.

Возвращеніе съ охоты. Съ картины художника Ф. фонъ-деръ-Венна.

Долго продолжалась опасная и интересная облава на лѣснаго негодима, бурега мышку. Охотники внимательно всматривались со своихъ мѣстъ въ бѣлѣ-

щую чашу лѣса и ждали, когда покажется уродливое туловище и страшная пасть медвѣдя. Наконецъ, появился лохматый пріятель и какъ разъ повернулся подъ ступенную пулю ловкаго стрѣлка. За первой пулей, полетѣли другія и безжизненная туша звѣря растянулась на окровавленномъ снѣгу. Собрались домой. Привели большія, крѣпкія сани, запряженные тройкой сильныхъ рабочихъ лошадей, и съ трудомъ взвезли тяжелую добычу. Шарахнулись лошади, зафыркали, почуявъ звѣря, и быстро помчались къ дому. За ними сѣдомъ мчатся трое саней съ охотниками.

Пророчество. Съ картины художника Г. Орели.

Въ мрачный кастильскій замокъ гордаго испанскаго гранда, живущаго тамъ съ двумя дочерьми и сыномъ, явился бродячій алхимикъ, астрологъ, полу-ученый, полу-шарлатанъ. Долгая жизнь изборождала морщинами его лицо и пронизательно сверкали глаза его. Дорожный, итальянскаго покроя, костюмъ былъ сильно поношенъ. Суетвное семейство гранда, съ отцомъ во главѣ, радостно встрѣтило странника, долженствующаго обладать сверхъестественными знаніями. Угоstitвъ и одаривъ астролога, хозяинъ попросилъ его составить гороскопъ молодого графа, сына. Дѣвочки провели въ башнѣ астрологъ и вотъ явился на третій день печальный. Онъ объявилъ собравшейся семьѣ, что созвѣздія не благосклонны къ молодому графу, что ему въ жизни грозитъ немилость короля, измѣна друзей... Молча, въ суетномъ смущеніи слушаетъ старикъ грозное пророчество; дрожатъ дочери. Но молодой графъ гордо поднимаетъ голову и кровь предковъ закипаетъ въ немъ. Онъ вызываетъ судьбу на бой, онъ не боится угрозъ ея...

Даровой концертъ Съ акварели художника Е. Рейхерта.

Шаловливую семью граціозныхъ, маленькихъ котятокъ оставили на нѣсколько минутъ одну въ комнатѣ. Скорѣе за дѣло! Звѣрка, какъ по командѣ, аттаковала раскрытый рояль. Двое забѣгали по клавишамъ и удивляются, что раздаются звуки; одинъ комфортабельно помѣстился на нотахъ, безъ всякой вѣжливости къ произведенію композитора. Самый пугливый, пятый, полу-спрятался за пиюитръ. А клавиши все звенятъ, все длится потѣшный даровой концертъ.

Письмо отъ сына. Съ картины художника Н. Болотникова.

Долго, долго ждали письма изъ Питера отъ сына этотъ старикъ со старухой. Ушелъ пареня на заработки, да и ни слуху, ни духу о немъ. «Видно, загулялъ!—сердито думалъ старикъ-отецъ.—Извѣстное дѣло: тамъ народъ базовный, фабричный; долго-ли спитесь!..» А старуха-мать о другомъ безпокоится материнскимъ сердцемъ: «Не заболѣлъ-ли, сердешный!..» Но вотъ пришло письмо. Младшій грамотный сыншникъ читаетъ слово за словомъ плохой почеркъ. Слышится фразы: «вашего родительскаго благословенія навѣки нерушимого...», поклонъ кумѣ, куму, свату». «А еще уведомляемъ васъ, что скоро буду домой. Работы было много, и денегъ привезу вдоволь!..»—стоитъ почти въ концѣ.

Воскрешеніе дочери Іаира. Съ картины художника Габріеля Макса.

Простота и возвышенность этой картины заставляютъ вспомнить чудныя строки святаго повѣствованія... «Пришелъ челоѣкъ, именемъ Іаиръ, который былъ начальникомъ синагоги и пашинъ къ ногамъ Іисуса, просилъ Его войти къ нему въ домъ. Потому что у него была одна дочь, лѣтъ двѣнадцати, и та была при смерти... Приходитъ нѣкто изъ дома начальника синагоги и говоритъ ему: дочь твоя умерла, не утруждай Учителя. Но Іисусъ, услышавъ это, сказалъ ему: не бойся, только вѣруй, и спасена будетъ. Пришедши-же въ домъ, не позволяя войти никому, кромѣ Петра, Іоанна и Іакова, и отца дѣвочки и матери. Онъ выслалъ всѣхъ вонъ и взявъ ее за руку, возгласилъ: дѣвица, встань! И возвратился духъ ея; она тотчасъ встала, и Онъ велѣлъ дать ей ѣсть!..»

Снѣгурка. Рисовалъ художникъ И. Пархоменко.

На заднемъ дворикѣ одной изъ дальнихъ улицъ города затѣялась веселая игра. Пользуясь влажнымъ и липкимъ весеннимъ снѣгомъ, нѣсколько ребятшекъ лѣпять «снѣгурку». Уже выведены толстыя, бѣлыя ноги, туловище. Вотъ скатали огромный снѣжный шаръ—это будетъ голова... Весело шумя, работаютъ ребята, а сестренки ихъ глазѣютъ съ восхищеніемъ на неуязвимую «снѣгурку». Много-ли надо для веселія и удовольствія дѣтамъ!..

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Данъ слѣдующій Именной Высочайшій указъ: «Господину министру финансовъ. Признать полезнымъ, по представлению вашему, въ особомъ комитетѣ разсмотрѣнному, присоединить къ размѣнному фонду золота на 75.000,000 рублей, обезпечивающее на ту же сумму выпускъ кредитныхъ билетовъ, повелѣваемъ вамъ: 1) Золото въ суммѣ 75.000,000 рублей, принадлежащее государственному банку и обезпечивающее временный выпускъ кредитныхъ билетовъ на ту же сумму, приобрести отъ государственнаго банка за счетъ государственнаго казначейства съ уплатой сему банку, за ссодъ явшейся уже передачей въ его распоряженіе временнаго выпуска на 75.000,000 руб. кредитныхъ, 25.860,000 р., представляющихъ разницу между покупной и нарицательной цѣной означеннаго золота; 2) По мѣрѣ изыятія изъ обращенія кредитныхъ билетовъ временнаго выпуска, во исполненіе Высочайшаго указа, отъ 8-го іюля 1888 г., присоединять къ размѣнному фонду обезпечивающее оныя золото на сумму, равную изытому количеству билетовъ, съ уплатой изъ наличности государственнаго казначейства подлежащей суммы государственному банку и съ соответственнымъ уменьшеніемъ безпроцентнаго по выпуску кредитныхъ билетовъ долга государственнаго казначейства, — и 3) Для возмѣщенія государственному казначейству части предстоящихъ во исполненіе ст. 1 и 2 настоящаго указа

расходовъ, приступить къ выпуску государственной 4 проц. ренты на основаніяхъ, изъясненныхъ въ ст. 1 Высочайшаго указа, отъ 8-го апрѣля 1894 года, на нарицательный

ТРИДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ СО ДНЯ КОНЧИНЫ.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

капиталъ 30.000,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы реализація сего выпуска производилась по вашему усмотрѣнію, въ зависимости отъ состоянія денежнаго рынка».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано

«НИКОЛАЙ».

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Франція.—Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ 22 февр. (5-го марта), въ сопровожденіи герцога Лейхтенбергскаго и принца Ольденбургскаго, сдѣлалъ въ Ниццѣ визитъ президенту Фору. За Его Высочествомъ посланъ былъ въ Ла-Тюрби президентскій поѣздъ. У вокзала ждали президентскіе экипажи и почетный военный эскортъ. Г. Форъ находился въ большомъ салонѣ префектуры, окруженный министрами, которыхъ онъ и представилъ высокимъ гостямъ. Послѣ общаго разговора, продолжавшагося нѣсколько минутъ, г. Форъ остался одинъ съ Ихъ Высочествами. Бесѣда отличалась сердечнымъ характеромъ. Населеніе оказало Ихъ Высочествамъ восторженный приемъ. Несмѣтная толпа народа ожидала приѣзда Наслѣдника Цесаревича у вокзала, убраннаго русскими и французскими флагами и гербами. Его Императорское Высочество былъ въ русской морской формѣ и при лентѣ Почетнаго Легіона. Его Высочество имѣлъ вполне здоровый видъ. Наслѣднику Цесаревичу отданы были воинскія почести. Его Высочество милостиво отвѣчалъ на виваты публики. На президентѣ республики была лента ордена Андрея Первозваннаго. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Петръ Николаевичъ, ихъ высочества герцогъ Ольденбургскій и герцогъ Лейхтенбергскій удалились для бесѣды съ г. Форомъ и прошли въ особый салонъ.

Бесѣда продолжалась съ четверть часа, и Высочайшій Гость выразилъ свое удовольствіе по поводу пребыванія въ Турби.

— Императоръ австрійскій имѣлъ въ Ментонѣ свиданіе съ президентомъ Форомъ. Императоръ прибылъ въ мэрію, гдѣ былъ встрѣченъ президентомъ Форомъ у входа въ залъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій императоръ вошелъ въ кабинетъ мэра, гдѣ президентъ представилъ его величеству министровъ. Немного спустя послѣдніе откланялись, и императоръ остался наединѣ съ президентомъ. Бесѣда продолжалась минутъ двадцать. Императоръ представилъ г. Фору графовъ Паара и Волькенштейна, послѣ чего президентъ проводилъ императора до лестницы. Императора какъ при пріѣздѣ его, такъ и при отъѣздѣ многочисленная публика привѣтствовала кликами: «Да здравствуетъ миръ!» Военскія почести были оказаны императору кирасирами и стрѣлками. Императоръ выразилъ генералу Гебгардту свое удовольствіе за состояніе войскъ

Италія. — Вся страна, послѣ пораженія Баратьеріи при Адуѣ, надѣла трауръ. Происходить рядъ манифестацій. Газеты всѣхъ партій осуждаютъ поведеніе Баратьеріи, который изъ самолюбія поторопился напасть на шванцевъ до прибытія новаго главнокомандующаго — генерала Бальдиссеры. «Итальянскіе солдаты», — говоритъ «Messaggero», — сражались не за честь Италіи, а за честь Баратьеріи. Послѣдній поступилъ какъ доведенный до отчаянія игрокъ и поставилъ «ва банкъ». Правительство Криспи получило первое официальное донесеніе о битвѣ при Адуѣ отъ генерала Баратьеріи. Въ немъ генералъ возмущенъ образомъ дѣйствія итальянскихъ батальоновъ; они, будто-бы не выдержали напора шванцевъ и такъ поспѣшно бѣжали, что артиллерія не успѣла израсходовать зарядовъ. Это была не битва, а колоссальное бѣгство. Донесенію не вѣрятъ. Криспи и его кабинетъ отказались отъ власти. Король принялъ ихъ отставку. Когда министръ-президентъ, въ засѣданіи, поднялся съ мѣста и безъ дальнихъ околичностей объявилъ, что кабинетъ въ полномъ составѣ подалъ королю прошеніе объ отставкѣ и что отставка принята его величествомъ, сообщеніе это встрѣчено было неистовыми аплодисментами и «браво». Рукоплескали не только почти всѣ депутаты и публика, даже дамы высшей аристократіи, находившіяся въ придворной ложѣ. Народъ оскорблялъ и поносилъ министровъ; генералъ Мочении едва не былъ растерзанъ толпой, а Криспи долженъ былъ бѣжать отъ разъяренной массы темными закоулками. Трибуны палаты наводнили солдатами, такъ какъ крики мужчинъ и женщинъ слились въ одинъ сплошной гулъ. При появленіи Криспи на трибунѣ, вездѣ слышалось только: «Долой убійцу! Вонъ вора! Убейся, разбойникъ!»

— Вотъ подробности о разгромѣ итальянцевъ въ Энтрефѣ. Общая потеря итальянскихъ войскъ въ дѣлѣ подъ Адуею доходить до 4,500 ч., изъ которыхъ 3,000 относятся къ колоннѣ генерала Альбертоне, въ составѣ которой находились 4 батальона туземцевъ и въскольکو отдѣленій итальянскихъ войскъ. Генералъ Дабормида навѣрное убитъ, Альбертоне упалъ съ лошади раненымъ, а генералъ Аримонди пропалъ безъ вѣсти. Шванцами взято въ плѣнъ около 400 итальянцевъ, въ томъ числѣ извѣстный полковникъ Галиано. Большая часть бригады Дабормиды уничтожена, по остатки ея сопротивлялись до ве-

чера и, такимъ образомъ, задержали дальнѣйшее наступленіе непріятеля. Генералъ Дабормида, пронизанный пулями, умеръ посреди своихъ солдатъ; подполковникъ Миллини, умирая, воскликнулъ: «Впередъ, мои альпійскіе стрѣлки!» Воины Асмари прикалывали и грабили раненыхъ, а раненымъ аскариямъ отрубали руки и ноги. Прислуга бывшихъ въ огнѣ батарей была перебита, всѣ офицеры батарей бригады Аримонди были убиты. Полагаютъ, что и самъ Аримонди либо убитъ, либо взятъ въ плѣнъ.

Англія. — Въ палатѣ общинъ первый лордъ адмиралтейства, развивая программу объ организаціи флота, предложилъ постройку слѣдующихъ судовъ: 5 броненосцевъ, 4 крейсеровъ перваго ранга, 3 крейсера второго и 6 — третьяго ранга, а также 28 контръ-миноносцевъ. Постройка этихъ судовъ должна быть окончена въ 1899 году; требуемая для нихъ общая сумма въ десять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ будетъ распределена по росписямъ трехъ лѣтъ. Гошевъ прибавилъ, что смѣты построекъ исчислены умѣренно. Увеличеніе флота — заявилъ первый лордъ адмиралтейства — представляетъ собою увеличеніе не только числа судовъ, но и числа мастерскихъ, а также увеличеніе личнаго состава военно-морскихъ учебныхъ заведеній и вызываетъ постройку большихъ сооружений для флота на морѣ и сушѣ. Личный составъ флота предполагается увеличить на 4,200 человекъ. Въ росписъ текущаго финансоваго года внесены особою статьею 200,000 фунтовъ стерлинговъ на расходы по покупкѣ орудій и снарядовъ, а для финансовой смѣты будущаго года предусмотрено увеличеніе подлежащихъ статей на 850,000 ф. ст.

— Извѣстный заядлый русофобъ Ашмедъ Бартлетъ предложилъ недавно палатѣ пригласить правительство вернуться къ политикѣ лорда Биконсфильда, открыто враждебной Россіи; но когда Бартлетъ сказалъ, что въ Турціи болѣе терпимости и свободы, весь парламентъ разразился громкимъ хохотомъ. Бартлетъ кончилъ тѣмъ, что взялъ назадъ предложенную имъ резолюцію. Въ клубѣ либеральной партіи маркизъ Розбери произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: «Если мы въ свое время провозносили до небесъ героевъ берлинскаго трактата (лорда Биконсфильда и маркиза Салисбюри), — въ правѣ ли мы порицать Россію за то, что она отказалась приступить къ дѣйствіямъ на Востокѣ въ сообществѣ одного изъ авторовъ этого трактата».

Испанія. — Извѣстіе, что вашингтонскій сенатъ призналъ за кубанскими инсургентами права воюющей стороны, вызвало какъ въ Мадридѣ, такъ и въ другихъ испанскихъ городахъ сильное волненіе. Во многихъ кафе Мадрида публика неоднократно требовала исполненія національнаго гимна и кричала: «Долой Соединенные Штаты!» Передъ американскимъ консульствомъ студенты произвели шумныя манифестаціи. Раздавались крики: «Смерть дядѣ Саму!» Домъ американскаго посланника пришлось оцѣпить войсками. Въ Барселонѣ 15,000 чел. процессіонально прошли по улицамъ, оглашая воздухъ кликами: «да здравствуетъ Испанія! долой янки!» Стекла въ домѣ американскаго консула были выбиты.

Корея. — Изъ Сеула сообщаютъ, что 10-го февраля прибыли туда 127 солдатъ русскаго флота и что король и наслѣдникъ принца на-

ходятся въ домѣ русской миссіи. Сформировано новое министерство. Бывшій первый министръ и семь другихъ министровъ, сочувствующихъ Японіи, обезглавлены. Токиоскія газеты утверждаютъ, что король, подчиняясь вліянію русскаго посланника, остается въ домѣ русской миссіи.

Болгарія. — Княжескимъ рескриптомъ, обращеннымъ къ министру-президенту Стоилову, министру вѣроисповѣданій и министру внутреннихъ дѣлъ, заявляется, что князь, твердо убѣжденный, что духовное воспитаніе наслѣднаго принца Бориса должно быть довѣрено духовному лицу, дабы наслѣдникъ престола проникся принципами и догматами отечественной православной церкви, назначаетъ его духовникомъ архимандрита Василія, бывшаго ученика московской духовной академіи и студента теологическаго факультета Гейдельбергскаго университета.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Москвѣ быстро и дѣлательно готовятся къ коронаціи. У Тверской заставы возводятся двѣ башни, увѣнчанныя шапками Мономаха съ огромными флагами, украшенными вензелями Ихъ Величествъ. На Триумфальной площади строятся для представителей города павильонъ съ башней и гербомъ Москвы на фронтонѣ. На площади генералъ-губернаторскаго дома будетъ роскошно декорированный древній теремъ, освѣщенный изнутри. Предъ зданіемъ думы четыре 10-саженныхъ обелиска, украшенные цитами и флагами и увѣнчанные жертвенниками. Здѣсь-же строятся эстрада для шестнадцати тысячъ воспитанниковъ городскихъ училищъ. На Театральной площади, для вечерняго освѣщенія, сооружаются колоссальный щитъ, пирамида и мачты, соединенныя между собою гирляндами шкаликовъ. На Лубанской площади — павильонъ со свѣтящимся фонтаномъ. Противъ почтамта огромный обелискъ. Москворѣцкій и каменный мосты и москворѣцкая набережная будутъ украшены мачтами, соединенными гирляндами шкаликовъ. Остальное пространство займутъ разукрашенные башни и мачты 15 и 10 саженей высоты.

— Пожертвованій на устройство въ Москвѣ памятника въ Бозѣ почившему Императору Александру III-му поступило въ Высочайше учрежденный комитетъ съ 1-го по 15-е февраля текущаго года 47,369 руб. 24 коп. Къ 16-му февраля 1896 года касса комитета состояла изъ 1,442,719 руб. 50 коп., заключающихся въ процентныхъ бумагахъ и наличныхъ деньгахъ.

— Святѣйшій синодъ, признавая желательнымъ увеличеніе состава пекинской духовной миссіи, поручилъ преосвященному иркутскому воеводѣ въ обсужденіе вопроса о томъ, не окажется ли возможнымъ готовить иркутской духовной семинаріи достойныхъ кандидатовъ для служенія въ пекинской духовной миссіи.

— Для плаванія по Балтійскому морю въ текущемъ году назначены слѣдующія суда, которыя войдутъ въ составъ практической эскадры: эскадренные броненосцы: «Гангутъ», «Петръ Великій» и «Сисой Великій»; броненосцы береговой обороны: «Адмиралъ Лазаревъ», «Адмиралъ Чичаговъ», «Адмиралъ Сенявинъ», «Адмиралъ Ушаковъ»; мореходная канонерская лодка «Храбрый»; минные крейсера «Воевода» и «Посадникъ», минно-

посецъ «Соколы», 10 другихъ миноносцевъ и пароходъ «Работникъ».

— Совершенно освященіе новой раки подобнаго Аврааміа, чухломскаго чудотворца, въ чухломскомъ Аврааміевомъ монастырѣ, костромской епархіи, преосвященнымъ Виссариономъ. Рака, стоявшая 8,000 руб., сооружена въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ на пожертвованные деньги, причемъ однимъ изъ жертвователей внесено 1,300 рублей.

— Получено Высочайшее соизволеніе на выдачу изъ спеціальнаго камыскаго капитала добавочной ссуды въ 30,000 руб. для распределенія бѣдствующимъ вслѣдствіе снѣжной суровой зимы камыскамъ.

— Вечеромъ, 16-го февраля, въ таврической губерніи можно было наблюдать лунное затмѣніе. Что касается собственно Симферополя, то здѣсь это небесное явленіе началось въ исходѣ девятаго часа и до 9¼ его можно было прекрасно наблюдать.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

26-го февраля, въ Петропавловскомъ соборѣ, въ крѣпости, была совершена духовникомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, протопресвитеромъ придворныхъ соборовъ, І. Л. Янышевымъ, въ сослуженіи съ придворнымъ духовенствомъ и при пѣніи придворной пѣвческой капеллы, заупокойная литургія въ день рожденія въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III.

Въ соборѣ на заупокойной литургіи присутствовали Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ, Государыни Императрицы Марія Ѳеодоровна и Александра Ѳеодоровна и Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Михаилъ Александровичъ, Великая Княжна Ольга Александровна, Великіе Князья Владиміръ Александровичъ съ Августѣйшею супругою Великою Княгинею Марією Павловною, Константинъ Константиновичъ съ Августѣйшею супругою Великою Княгинею Елисаветою Мавриковною, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ, Александръ Михайловичъ съ Августѣйшею супругою Великою Княгинею Ксенією Александровною и вся остальная Царская Фамилія, министръ Императорскаго Двора и лица ближайшей свиты Государя Императора.

Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна посѣтили на-дняхъ Николаевскую инженерную академію и училище. При входѣ Ихъ Величествъ встрѣтилъ начальникъ академіи и училища генералъ Шильдеръ и командиръ роты полковникъ Ивковъ. Высokie Гости осмотрѣли все училище.

— Для охраны внутреннихъ покоевъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Зимнемъ дворцѣ ежедневно наряжаются офицерскіе караулы отъ войскъ гвардіи: пѣхотный—въ Пикетной комнатѣ, противъ дворцовой церкви, и кавалерійскій—въ большомъ фельдмаршальскомъ залѣ. Въ нынѣшнемъ году Его Императорскому Величеству благоудно было осчастливить включеніемъ въ общую караульную очередь нижеслѣдующія военно-учебныя заведенія: пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ, морской кадетскій корпусъ, Михайловское и Константиновское артиллерійскія училища, Николаевское инженерное, Павловское военное и Николаевское

кавалерійское училища и спб. пѣхотное юнкерское училище.

— Въ залѣ географическаго общества состоялось особое общее собраніе членовъ славянскаго благотворительнаго общества. Присутствовали: высокопреосвященный Антоній, гр. Н. П. Игнатьевъ, ген. Н. И. Кирѣевъ, В. К. Саблеръ.

— Въ засѣданіи земскаго собранія, состоявшемся 17-го февраля, рассмотрѣны доклады управы. По вопросу о сооруженіи петербурго-уральской жел. дор. собраніе подтвердило прошлогоднее свое постановленіе о томъ, чтобы: 1) повернуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества всеподданнѣйшую просьбу о проведеніи Уральской дороги на Петербургъ и 2) просить о принятіи означенной линіи подъ Высочайшее покровительство, съ передачей ея, какъ продолженіе сибирской линіи, въ вѣдѣніе сибирскаго комитета и вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовать о скорѣйшемъ сооруженіи петербурго-уральской дороги со стороны Петербурга.

— Официальныя приготовленія къ предстоящимъ въ будущемъ 1897 году городскимъ выборамъ уже начались. Городская Управа уже выдѣлила изъ своей канцеляріи отдѣльный столъ, въ которомъ заготавливаются, между прочимъ, списки избирателей по разрядамъ и по довѣренностямъ.

— Въ субботу, 17-го февраля, состоялась въ Соляномъ Городкѣ лекція гжи Литвиновой на тему «Объ умственномъ интересѣ въ обыденной жизни»; половина сбора съ этой лекціи пошла въ пользу «Общества вспоможенія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ».

— Въ археологическомъ обществѣ, въ понедѣльникъ, 19-го февраля, состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества. Предметомъ обсужденія были доклады С. А. Жебелева («Архитектурныя изслѣдованія С. И. Иванова») и М. И. Ростовцева.

— Третья публичная лекція профессора В. И. Модестова на тему «Римъ древній и новыи» была прочитана въ понедѣльникъ, 26-го февраля, въ Соляномъ городкѣ.

— Министерство внутреннихъ дѣлъ входитъ на-дняхъ, въ сношеніе съ духовнымъ вѣдомствомъ о закрытіи въ С.-Петербургѣ кладбищъ: Волкова, Митрофаньевскаго и Смоленскаго. Кладбища эти переполнены.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Возобновляются занятія Высочайше учрежденной, подъ предѣлательствомъ министра земледѣлія А. С. Ермолова, коммисіи для составленія проекта положенія о поземельномъ устройствѣ поселянъ сибирскихъ губерній.

— Русское общество человодства ходатайствуетъ о разрѣшеніи созыва, во время всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, однопредѣльнаго съѣзда человодовъ, подъ предѣлательствомъ директора ботаническаго сада А. Ф. Баталіна.

— Министерство финансовъ разрѣшило управленію московско-курской желѣзной дороги производить выдачу ссудъ подъ залогъ хлѣбныхъ грузовъ, при участіи государственнаго банка.

— Министерство внутреннихъ дѣлъ приступило на-дняхъ къ разработкѣ вопроса объ урегулированіи положенія чиншевиковъ. На первую очередь поставлены чиншевики въ гсрдахъ.

— Проектъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ о меліорационномъ кредитѣ будетъ скорѣ окончательно рассмотрѣнъ государственнымъ совѣтомъ.

— Съ цѣлью распространенія элементарныхъ свѣдѣній по различнымъ ремесламъ среди кустарей, отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ предпринялъ изданіе популярнаго руководства по кустарной промышленности.

— Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ приступаетъ съ весны къ опытамъ культуры душистыхъ лекарственныхъ и пряныхъ растений на казенныхъ фермахъ и опытныхъ поляхъ.

— Министерствомъ земледѣлія разрѣшено одному изъ народныхъ учителей бердянскаго уѣзда устройство чтеній по шелководству въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Въ Москвѣ на Дѣвичьемъ полѣ открытъ гистологическій институтъ для врачей, сооруженный Шалапутинымъ и пожертвованный московскому университету. На освященіи присутствовали Великій Князь Сѣргій Александровичъ съ супругою, генераль-адъютантъ Костанда, городской голова, попечитель учебнаго округа, ректоръ и профессоръ университета.

— Казанскія газеты сообщаютъ, что вопросъ объ открытіи въ гор. Казани техническаго училища рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ и что на этотъ предметъ ассигновано 400,000 рублей.

— Въ учебномъ комитетѣ при св. Синодѣ состоялось присужденіе премій за сочиненія, представленныя на конкурсъ по соисканію премій преосвященнаго Макарія, митрополита московскаго, за лучшія сочиненія богословскаго характера. Изъ 9 сочиненій признаны достойными половинныхъ премій, по 500 рублей каждая, 2 сочиненія.

— Общество поощренія женскаго ремесленнаго образованія переименовано на-дняхъ въ общество женскаго профессиональнаго образованія съ расширеніемъ дѣятельности на всю Россію. Кромѣ того обществу дана ежегодная субсидія въ 1,000 рублей.

— Департаментомъ торговли и мануфактуръ министерства финансовъ изготовленъ для внесенія въ государственный совѣтъ проектъ промышленной школы въ Миргородѣ имени Н. В. Гоголя.

— Согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о преобразованіи нижегородскаго реальнаго училища въ горно-заводское училище.

— Рѣшено построить церковь-школу въ ознаменованіе священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ дер. Сластениковской волости, ростовскаго у., въ самомъ южномъ населенномъ пунктѣ ярославской губ.

— Профессоромъ московскаго университета, докторомъ Захарынымъ, пожертвованъ капиталъ въ 50,000 руб., проценты съ котораго должны поступать на содержаніе церковно-приходскихъ школъ губерній пензенской и саратовской.

— Покойный Ю. Т. Чудновскій назначилъ въ пользу Общества вспоможенія нуждаю-

щимся студентамъ академіи капиталъ въ 30,000 руб., подъ условіемъ поступленія его въ кассу общества не ранѣе кончины его вдовы.

— Въ присутствіи губернатора торжественно освящена въ Симферополѣ первая въ Таврической губерніи профессиональная школа для дѣвочекъ, устроенная женщиной-врачемъ Машковцевой.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Въ Михайловскомъ театрѣ шла веселая пьеса Бюснаха и Дювала «Le remplaçant», поставленная въ бенефисъ г-жи Баллетта. Пьеса очень понравилась публикѣ.

— На Александринскомъ театрѣ шла новая драма Зудермана «Das Glück im Winkel» («Скромное счастье»). Исторія, рассказываемая зрителю, очень мало интересна.

— Въ Марининскомъ театрѣ дали «Гибель Фауста» Берліоза, въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ повторяемую изъ года въ годъ.

— Духовный концертъ хора Императорской русской оперы, данный 18-го февраля подъ управленіемъ г. Беккера, привлекъ многочисленную публику. За исключеніемъ двухъ концертовъ, Бортнянскаго и Березовскаго, прежде исполнявшихся опернымъ хоромъ, остальные произведенія, вышедшія въ составъ программы, были исполнены въ первый разъ. Наибольшее впечатлѣніе произвели: херувимская Бахметева (№ 1), и оба концерта («Господи, силою Твоею», Бортнянскаго и «Не отвергни меня во время старости», Березовскаго).

— Въ залѣ дворянскаго собранія въ четвергъ, 22 го февраля, состоялся второй симфоническій концертъ при участіи г-на Карла Халиръ (изъ Берлина) и оркестра подъ управленіемъ Фридриха Рема (изъ Мюнхена). Въ программѣ, имѣвшей успѣхъ, значились слѣдующія вещи: 1) Увертюра къ др. Шекспира «Король Ричардъ III» Фолькмана. 2) Симфонія В-dur Фр. Шуберта. 3) «Камаринская» Гавинки. 4) Концертъ для скрипки съ оркестромъ (D-dur) Бетховена, исп. г. Халиръ. 5) «Olaf's Hochzeitsreigen», симфоническій вальсъ Риттера. 6) «Прелюдія», симфоническая поэма Листа.

— Въ симфоническомъ концертѣ 24-го февраля первая симфонія (H-moll) ор. 4. А. С. Аренскаго составила капитальный нумеръ программы этого концерта. Въ своей симфоніи (H-moll), авторъ заявляетъ себя прежде всего отличнымъ музыкантомъ, безупречно владѣющимъ всѣми средствами композиторской техники. Въ творческомъ отношеніи его симфонія также представляетъ несомнѣнные достоинства: ея стиль отличается благородствомъ.

— Навремя коронаціи въ составъ московской оперы командированы супруги Фигнеръ, г-жа Фриде, баритонъ Яковлевъ и басъ Серебряковъ. То, жественная кантата Глазунова будетъ исполнена, подъ дирижерствомъ И. К. Альтана, г-жами Фостремъ и Фриде, гг. Кошницемъ и Трезвинскимъ.

— Литературно-артистическій кружокъ свою театральную дѣятельность въ будущемъ сезонѣ переноситъ въ Панаевскій театръ, контрактъ на аренду котораго заключенъ уже 25-го февраля.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Стихотворенія. М. А. Лохвицкая (Жиберж). Москва, 1896 г.

Талантливая молодая поэтесса М. А. Лохвицкая давно уже обратила на себя вниманіе публики свѣжестью, яркостью и горячностью своихъ стихотвореній. Хотя мотивы стиховъ молодой поэтессы всегда сосредоточены на любовныхъ страданіяхъ и увлеченіяхъ, по это однообразие искупается гармоніей рифмы, переѣмной разбитовъ и тому подобными необходимыми атрибутами поэтическаго творчества. Лучшее стихотвореніе въ книгѣ: «Сафо въ гостяхъ у Эроты».

Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Е. Водовозовой. (Испанцы). Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Серія полезныхъ книжекъ г-жи Водовозовой, знакомящихъ въ краткомъ и популярномъ изложеніи съ жизнью чужихъ народовъ, дополнялась еще «Испаніей». Изящно изданная книжка читается съ интересомъ и снабжена посемью рисунками художника Васнецова и др.

Счетоводство какъ самый опасный врагъ и какъ самое точное зеркало. Составилъ О. Езерскій. Изд. 2-е.

Въ названномъ трудѣ извѣстный специалистъ по наукѣ счетоводства г. Езерскій выясняетъ всѣ недостатки въ образѣ веденія счетоводства въ нашихъ торговыхъ фирмахъ, товариществахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ.

Наполеонъ I въ придворной и домашней жизни. Фр. Массонъ. Изд. С. Н. Кирилина, Спб. 1896 г.

Авторъ-французъ, съ свойственнымъ его націи остроуміемъ, съ легкостью описываетъ въ нѣсколько анекдотической манерѣ домашнюю жизнь Наполеона I. Книга раздѣляется на слѣдующія рубрики: «Этикетъ», «Шоки дворца», «Туалетъ», «Выходъ», «Завтракъ», «Рабочій кабинетъ», «Работа», «Обѣдъ», «Вечеръ», «Воскресенье». Конечно, каждая черточка характера знаменитаго завоевателя заслуживаетъ интереса и поэтому книга г. Массона весьма занимательна.

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ.

Т. Г. Шевченко. — Въ воскресенье, въ 1 ч. дня, въ Казанскомъ соборѣ была отслужена панихида по малороссійскому поэтѣ Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченкѣ по поводу 35-лѣтія со дня его кончины, исполнившейся 26 февраля. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко родился въ 1814 г. 25 февраля. Онъ былъ крѣпостнымъ помѣщикомъ Энгельгардта. Поэтъ Жуковский и художникъ Брюловъ обратили вниманіе на способнаго мальчика, служившаго у своего помѣщика въ Петербургѣ лакеемъ. 22-го апрѣля 1838 года императрица Александра Оеодоровна и другія лица императорской фамилии собрали десять тысячъ рублей ассигнаціями и купили свободу будущему автору «Кобзаря». Обладая дарованіемъ художественнымъ, Т. Г. уже въ 1847 году получилъ степень свободнаго художника, но вскорѣ послѣ этого онъ былъ сосланъ въ оренбургскіе лѣйные батальоны рядовымъ и только черезъ 10 лѣтъ получилъ дозволеніе вернуться въ Петербургъ. Онъ получилъ въ академіи художествъ мастерскую и провелъ послѣдніе годы своей жизни сравнительно покойно. Т. Г. Шевченко умеръ 26 февраля 1861 года. Т. Г. любилъ живопись и имѣлъ дарованіе, но истиннымъ призваніемъ его была поэзія, которой онъ не измѣнялъ во всю свою жизнь. Тоскующая, меланхолическая муза малороссійскаго поэта была всегда съ нимъ. Лучшими произведеніями Т. Г. являются поэмы: «Кобзарь», «Гайдамаки», «Наймичка», «Катерина», «Невольникъ», «Холодный яръ», «Иванъ Гусь», Кромѣ того, Шевченко написалъ много балладъ и пѣсень изъ эпохи казачьей воле-

ности. Степная удалъ, дикая, но трогательная мечтательность и яркая картинность его произведеній вполне утвердила за нимъ славу лучшаго украинскаго поэта. Предполагается открытіе вновь учреждаемаго въ Петербургѣ общества имени Шевченка, по инициативѣ недавно скончавшагося М. О. Микѣшина и профессора П. П. Пелехина.

— Н. П. Келеръ. — 24-го февраля былъ день семидесятилѣтней годовщины рожденія талантливаго профессора исторической и портретной живописи Ивана Петровича Келера. Члены разныхъ эстонскихъ обществъ чествовали маститаго юбиляра, всегда горячо относившагося къ лучшимъ заветамъ и куства.

— А. И. Чупровъ. — 18-го февраля былъ 25-лѣтній юбилей профессора московскаго универ и ета А. И. Чупрова. По случаю юбилея профессора депутаты, прибывшіе изъ г. Мосальска, мѣста его родины, 18-го февраля поднесли А. И. адресъ, икону и званіе почетнаго гражданина.

НЕКРОЛОГИ.

Д. П. Григорьевъ. — 21-го февраля скончался членъ Александровскаго комитета о раченыхъ, генераль-лейтенантъ Дмитрій Петровичъ Григорьевъ. Покойный роди ся въ 1827 году, образованіе получилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и въ Михайловской артиллерійской академіи. Досуи свои покойный посвятилъ изученію богословія и философіи. Ему принадлежатъ нѣсколько цѣнныхъ сочиненій: «Сущность христіанскаго ученія» (переведена на англійскій языкъ), «Вопросы христіанской жизни» (по поводу сочиненія графа Л. Н. Толстого—«Въ чемъ моя вѣра»), «Чрезвычайныя дѣйствія св. Духа въ церкви», «Смыслъ жизни въ твореніи».

С. А. Бершадскій. — Скончался экстраординарный профессоръ с.-петербургскаго университета по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права Сергій Александровичъ Бершадскій. Изъ изслѣдованій покойнаго извѣстны: «Михель изъ Бреста», «Документы и реестръ къ исторіи литовскихъ евреевъ» (два тома), «Исторія виленьской еврейской общины» и др.

К. М. Лингенъ. — 21-го февраля скончался одинъ изъ старѣйшихъ петербургскихъ врачей, т. с. К. М. Лингенъ. К. М. Лингенъ, изъ дворянъ острова Эзеля, родился въ 1817 г.; въ 1835 г. поступилъ въ дерптскій университетъ, пробылъ нѣкоторое время въ петербургской медико-хирургической академіи и закончилъ свое медицинское образованіе въ Берлинѣ.

А. И. Кирпотенко. — Скончался 24-го февраля преподаватель Александровскаго кадетскаго корпуса Александръ Потаповичъ Кирпотенко. Покойный извѣстенъ въ учебной литературѣ своими весьма цѣнными работами по естественновѣдѣнію. Имъ составлены: «Учебный курсъ ботаники» и «Начальная ботаника».

К. А. Козьминъ. — Въ Москвѣ скончался 18-го февраля преподаватель московскаго учительскаго института Константинъ Андреевичъ Козьминъ, авторъ многихъ дѣльныхъ и распространенныхъ учебниковъ по русской грамматикѣ, словесности и исторіи литературы. Подъ его редакціей были изданы для школъ «Сочиненія Пушкина». Покойный занимался педагогическою дѣятельностью 23 года.

В. А. Корсакъ. — 21-го февраля похоронили на Смоленскомъ кладбищѣ одну изъ симпатичнѣйшихъ танцовщицъ Императорскаго слб. балета Вѣру Александровну Корсакъ.

СПОРТЪ.

Въ воскресенье, 25-го февраля, въ Михайловскомъ манежѣ состоялось третье состязаніе въ скачки черезъ препятствія (concourse hippique). Для начала разыгрывался призъ общества въ 400 руб. для гг. офицеровъ казачьихъ войскъ, на казачьихъ уздечкахъ и сѣдлахъ: первой лошади—250 р., 2-й—100 р. и 3-й—50 р. Изъ 6 записавшихся лошадей чисто и легко взяли препятствія слѣдующія: «Градъ», свѣтло-гнѣд. жереб. 10 л. Сотника Краснова; фэд. владѣлецъ (1-й призъ), «Цыганъ», вор. жереб. 9 л. сотн. Медвѣдскаго, фэд. владѣлецъ (2-й призъ) и «Индусъ», бурый жер. 4 л. хоруж. Голубинцева, фэд. хоружий Павловъ (3-й призъ). Послѣ небольшого антракта разыгрывался призъ въ память посѣщенія состязаній общества Ихъ Императорскими Величествами, для фэдковъ-охотниковъ, въ 1,300 руб.: 1-й лошади 800 р., 2-й—300 р. и 3-й—200 р. Первымъ побѣдителемъ этого состязанія оказался г. Г. Н. Сверчковъ, скакавшій на сѣр. коб. «Сиголь» (1-й призъ), онъ же взялъ и второй призъ на сѣр. коб. «Гадрава». Третій призъ достался князю Голицыну, скакавшему на карак. мер. «Фреско». Состязаніе закончилось призомъ общества для шорныхъ одиночекъ въ 300 р.: 1-й запряжкѣ 150 р., 2-й—100 р. и 3-й—50 р. Первый призъ получила шорная одиночка, прин. лежащая князю С. П. Оболенскому, лошадь, пони «Бой»; второй призъ также кн. Оболенскаго, лошадь карак. мер. «Уланъ», и третій призъ—г. Целибѣва, лошадь, пони, «Нани», пѣг. коб.

— Въ субботу, 24-го февраля, обществомъ велосипедной фэды устроено было второе состязаніе. Первымъ разыгрывался призъ «Утѣшительный». Первымъ пришелъ г. Ковмаръ въ 12 м. 48³/₄ с., вторымъ—г. фонъ-Пауль въ 12 м. 49²/₄ с. и третьимъ—г. Мурманъ въ 12 м. 52²/₄ с. Призы: 1-й призъ—цѣнная вещь въ 150 руб., 2-й—цѣнная вещь въ 100 р. и 3-й—серебряный жетонъ. II. Заѣздъ—для лицъ не моложе 35-ти лѣтъ. Первымъ пришелъ г. фонъ-Петерсонъ въ 2 м. 58³/₄ с., вторымъ—г. Ратовъ въ 2 м. 59³/₄ с. 1-й призъ—цѣнная вещь въ 150 р. и 2-й—цѣнная вещь въ 75 р. 3-й призъ остался не разыграннымъ. III. Заѣздъ для членовъ общества велосипедной фэды. Первымъ пришелъ г. Денсьевъ въ 5 мин. 40³/₄ с. (призъ—цѣнная вещь въ 250 р.); вторымъ былъ фонъ-Лоде въ 5 мин. 40³/₄ с. на четверть колеса сзади (призъ—цѣнная вещь въ 100 р.) третьимъ—гр. Ниродъ въ 5 мин. 49³/₄ с. (призъ—золотой жетонъ). IV. Заѣздъ—для лицъ, не состоящихъ членами велосипедныхъ обществъ. Первымъ пришелъ г. Ковмаръ въ 7 м. 40³/₄ с., за что получалъ 1-й призъ—цѣнную вещь въ 100 р.; г. Яковсонъ и Суворовъ оба пришли въ 7 мин. 41³/₄ сек. призы:—цѣнная вещь въ 50 р. и серебряный жетонъ. Остальные заѣзды представляли менѣе интереса.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗЕМЛЯ.

Съ первыхъ дней весны поденжники исчезаютъ, расцвѣтаютъ первоцветы, алемоны и фіалки, розы въ полномъ цвѣтѣ. Воздухъ оглашается разными радостными восклицаніями: насѣкомыя жужжатъ, птицы поютъ, вся природа обновляется. Наблюдая со вниманіемъ это время года, можно замѣтить, что не всѣ цвѣты появляются въ одно и то-же время, а рѣдаются постепенно; одни распускаются раньше другихъ, потомъ отцвѣтаютъ, чтобы уступить мѣсто другимъ. То же самое можно замѣтить среди насѣкомыхъ, сперва появляются бабочки, потомъ комары, жуки, затѣмъ трудолюбивыя пчелы и граціозныя стрекозы. Итакъ, фауна и флора каждый годъ возобновляются постепенно; природа какъ будто въ миниатюрѣ хочетъ представить намъ, какъ въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ на землѣ появлялись различныя созданія. Попробуемъ вкратцѣ начертить картину этого. Но для того, чтобы дать о ней болѣе полное

понятіе, мы должны обратиться къ началу міра, къ той эпохѣ, когда нашъ маленькій шаръ занялъ мѣсто въ небесномъ пространствѣ.

Земля—угасшее солнце.

Можетъ быть, мы удивимъ нѣкоторыхъ нашихъ читателей, сказавъ, что земля, на которой мы живемъ—*угасшее солнце*. Однако, нѣтъ ничего болѣе вѣроятнаго. Простые рудокобы знаютъ, что температура земли увеличивается на одинъ градусъ каждыя 15 саженъ по мѣрѣ углубленія въ нее; кромѣ того изверженія вулкановъ доказываютъ, что внутренность земли находится въ огненно-жидкомъ, расплавленномъ состояніи; отъ этой внутренности насъ отдѣляетъ слой толщиной въ 12 миль, называемый земной корой. Эту кору съ ея холмами и горами можно сравнить съ кожей апельсина, покрытой ямочками. Намъ нечего доказывать, что земля кругла, вращается вокругъ своей оси въ двадцать четыре часа, отчего происходитъ день и ночь, и что, наконецъ, она вращается вокругъ солнца въ 365 дней. Мы ограничимся только указаніемъ на очень любопытный опытъ, который каждому можно произвести у себя дома, и который вполне удовлетворительно объясняетъ нашу солнечную систему. Нужно взять бутылку съ масломъ и сосудъ съ водой, разбавленной спиртомъ, причѣмъ плотность воды должна равняться плотности масла. Если въ такую воду тихонько наливать масла, то оно начнетъ превращаться въ шаръ; если затѣмъ въ такой шаръ воткнуть палочку и сообщить ему скорое вращательное движеніе, то шаръ начнетъ вздвигаться въ серединѣ и упирается къ краямъ, какъ земля, на которой мы живемъ. Если поворачивать палочку, то вокругъ шара образуется кольцо, какъ у Сатурна; затѣмъ это кольцо разбивается на рядъ маленькихъ шариковъ, которые вращаются вокругъ большого—какъ планеты вокругъ солнца. Этотъ опытъ даетъ довольно точное понятіе о томъ, какъ образовался земной шаръ.

Первоначальная эпоха.

Невозможно сказать, какое громадное количество земли было отдѣлено отъ солнца; но легко понять, что сперва она представляла огромную, расплавленную, блестящую туманную, объемъ которой въ 1,400,000 или 1,500,000 разъ былъ болѣе объема современнаго земного шара. Пробѣгая небесныя пространства, эта парообразная сфера постепенно охлаждалась. Наиболѣе густыя части устремлялись къ центру и составили тамъ расплавленную массу, образовавшую земное ядро. Въ данный моментъ подъ влияніемъ охлажденія это ядро покрылось тѣстоватымъ, болѣе или менѣе густымъ, потомъ отвердѣвшимъ слоемъ, который еще нынѣ встрѣчаютъ въ формѣ гранита то на поверхности земли, то на нѣкоторой глубинѣ. Надъ этимъ слоемъ, представляющимъ основу земной коры, продолжала вращаться газообразная густая и теплая оболочка, которая, очистившись, должна была образовать постепенно атмосферу, т. е. воздухъ, которымъ мы дышимъ.

Не станемъ описывать сильныхъ изверженій, колебаній и поднятій, которыя происходили на поверхности земли и породили наши горы. Не станемъ также говорить и объ опусканіяхъ. Самая глубокія изъ этихъ опусканій сдѣлались бассейнами, гдѣ скопились моря и океаны. Менѣе глубокія сжатія сдѣлались долинами, по которымъ пробѣгали ручьи и рѣки. Достаточно только сказать, что первые дожди произвели сильное охлажденіе атмосферы, что они падали могучимъ потокомъ на расплавленную массу, испарились и затѣмъ падали снова. Скопленіе ихъ въ наиболѣе глубокихъ мѣстахъ земли произвело океаны. Вода въ нихъ была горячая. Воздухъ, черезъ который еще не проникли солнечные лучи, былъ труденъ для дыханія. Никакая органическая жизнь не могла зародиться въ такомъ темномъ мірѣ.

Переходная эпоха.

Наступилъ, однако, моментъ, когда атмосфера значительно очистилась вслѣдствіе охлажденія верхнихъ слоевъ и сильныхъ дождей, и на землѣ появился свѣтящійся туманъ. Это былъ моментъ появленія первыхъ живыхъ существъ: нѣкоторыхъ морскихъ растений, водорослей, мховъ, слѣпыхъ и микро-

скопическихъ животныхъ, корненожекъ, мшанокъ, остатки которыхъ находятъ въ осадочныхъ породахъ, такъ что колыбель первыхъ существъ слѣдуетъ искать въ глубинахъ океана.

Наконецъ, черезъ слои атмосферы проникъ первый лучъ солнца. *Да будетъ свѣтъ*, и міръ дѣйствительно вышелъ изъ мрака, въ который былъ погруженъ. Въ этотъ моментъ на землѣ появилось первое животное съ глазами: это былъ *трилобитъ*, маленькое ракообразное животное въ нѣсколько сантиметровъ длины, исчезнувшее уже миллиарды лѣтъ тому назадъ. Въ наши дни о немъ можетъ дать прилпнительное понятіе только одна мокрица. Снабженный безчисленными лапками и вооруженный членистымъ щитомъ, онъ могъ плавать въ глубокихъ водахъ. Пищу онъ добывалъ среди маленькихъ оригинальныхъ существъ, извѣстныхъ подъ именемъ полиповъ, которые заключены въ каменистыхъ ячейкахъ. Эти подоживыя животныя заложили первыя основы земного шара и продолжаютъ еще до сихъ поръ въ южныхъ странахъ свои гигантскіе труды. Что касается до трилобита, единственнаго животного, снабженнаго органомъ зрѣнія, то онъ могъ считать себя царемъ природы. Надо указать еще на персента или угря, который дополняетъ картину тогдашняго причудливаго населенія.

Обширные океаны этой отдаленной эпохи извѣстны подъ именемъ Силлурійскаго моря. Приближаясь къ Девонскому морю, т. е. къ слѣдующей эпохѣ, мы поднимаемся на одну ступень въ глубинѣ безконечности вѣковъ. Въ этотъ періодъ появляются первыя рыбы, которыхъ насчитываютъ пять или шесть видовъ. Въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ число ихъ увеличивалось, а формы видоизмѣнились. Вмѣстѣ съ первыми рыбами появляются первыя аммониты—родъ морскихъ улитокъ, которыя сильно размножились въ слѣдующую эпоху. Теперь этотъ видъ болѣе не существуетъ, но въ ископаемомъ состояніи его находятъ во множествѣ.

Посреди Девонскаго океана выступали островки, покрытые довольно красивыми травянистыми кустами *астерофеллиитами*, въ сосѣдствѣ съ которыми росли мхи и, вѣроятно, грибы. На берегахъ росли водоросли и разныя другія морскія растенія. Ихъ остатки составляютъ нижніе слои каменнаго угля.

Мало-по-малу число островковъ на поверхности океана увеличилось; они покрылись непроходимыми лѣсами, исполненными растеніями—это былъ каменноугольный лѣсъ.

Этотъ лѣсъ, или вѣрнѣе лѣса, слѣды которыхъ мы находимъ во всѣхъ странахъ отъ экватора до полюсовъ, были обязаны своимъ возникновеніемъ жгучей тѣлотѣ и обильнымъ дождямъ, которые падали тогда почти ежедневно. Эта эпоха одна изъ важнѣйшихъ въ исторіи міра какъ по своей продолжительности, обнаруживающейся значительной массой деревьевъ, наслоенныхъ другъ на друга, такъ и выгодами, которыя мы извлекаемъ изъ угольныхъ остатковъ; они даютъ намъ уголь для топлива и свѣтильный газъ. Насчитываютъ до 150 первобытныхъ лѣсовъ, нагроможденныхъ другъ на друга и образующихъ слой толщиной болѣе 25 саженъ. Главныя деревья этой эпохи были *калмиты* съ голыми стволами, нѣчто вродѣ исполинской спаржи, вышиною въ 4—5 саженъ, лепидодендроны, елгиллрии, наконецъ, огромные древовидные папоротники, съ красивыми листьями, подъ тѣнью которыхъ росли разныя травянистыя растенія. Но среди этой величественной, хотя однообразной природы жили только насѣкомыя, а изъ болѣешихъ животныхъ только *архазауръ* (*archeosaurus*) скромная змѣя. Этотъ періодъ былъ ознаменованъ сильными землетрясеніями. Въ дощѣ произошли громадныя трещины, откуда извергались кипучія воды, цѣлые потоки гранита, порфира, мрамора, а также цинка, желѣза, свинца, золота и серебра, которые отвердѣвали, охлаждаясь. Теперь ихъ разрабатываютъ съ лихорадочной дѣятельностью.

Вторичная эпоха.

Мы достигли огромнаго періода, представителемъ котораго являются *триасовыя, юрскіе* и *мѣловыя* слои. Если предшествующая эпоха поражаетъ насъ своими колоссальными растеніями, то въ этой мы должны удивляться исполинскимъ, причудливымъ животнымъ. Укажемъ на *лабиринтодона*—исполинскаго ля-

гушку, величиною съ быка, снабженную пастью акулы. *Темозавра*, *эйлозавра*, покрытых на спинѣ и на животѣ — какъ рыцари среднихъ вѣковъ — непроницаемымъ щитомъ; *ихтиозавра* и *плезіозавра* чудовищныхъ ящеровъ въ три сажени длины, нѣкоторыхъ крокодиловъ, огромныхъ черепахъ, нѣкоторыя породы летучихъ мышей, величиною отъ лебедя до воробья, вооруженныхъ крѣпкимъ клювомъ и снабженныхъ острыми зубами. Всѣ эти земноводныя существа плавали, цѣплялись и ползали по берегамъ тогдашнихъ острововъ, которые безпрестанно наводняли приливы и отливы. Въ это время достигли своего полного развитія *аммониты*; нѣкоторые изъ нихъ величиною доходили до колеса кареты. Моря изобиловали этими красивыми раковинами, которые казались владыками эпохи. Огромныя деревья каменноугольнаго лѣса исчезли, или уменьшились въ ростѣ, потомъ замѣнились другими, между которыми отиѣтились первыхъ шишконосныхъ и пальмъ. Наконецъ, появляются двѣты, а вслѣдъ за ними пчелы, извлекающія изъ нихъ медъ; присоединимъ къ нимъ очаровательныхъ бабочекъ, послѣднихъ порожденныхъ изъ семьи насекомыхъ «истинныхъ живыхъ цвѣтовъ», жизнь которыхъ проходить въ благоухающей средѣ. Окончивъ описаніе этого періода, приступимъ къ царству «безконечно малыхъ». Все населеніе его, за исключеніемъ нѣсколькихъ раковинъ разнообразной величины, состоитъ изъ микроскопическихъ существъ, сотни тысячъ которыхъ можно удержать на кончикѣ пальца. При мысли, что цѣлыя горы сооружены микроскопическими существами, и что маленькія корненожки сложили массы мѣла, вашъ умъ невольно поражается и готовъ спросить, не хотѣла-ли природа показать этимъ человѣку, что не надобно пренебрегать маленькими существами.

Третичная эпоха.

Эпоха, къ которой мы приступаемъ, является преддверіемъ настоящаго времени. Среди обширныхъ морей размножились острова; самые близкіе соединяются другъ съ другомъ перешейками; мало-по-малу образовались материкъ почти въ такомъ-же видѣ, какъ теперь; поэтому мы приступаемъ какъ-бы къ зарѣ современной эпохи, отчего ея періодамъ дали названіе *эоценовъ* отъ греческаго слова *зоэ* — жизнь, *міоценовъ* и *палеоценовъ*. Юра, самыя древнія французскія горы, существовали уже тысячу вѣковъ; Пиринеи поднялись въ началѣ этого періода, Альпы немного позднѣе. Вслѣдствіе поднятія этихъ громадныхъ массъ произошли потоки, которые покрыли часть Франціи и Европы. Безъ сомнѣнія, при этомъ погибло много живыхъ существъ, но изъ островныхъ растеній и животныхъ сдѣлались континентальными. Какъ и въ предшествующій періодъ тропическая растительность смѣшивалась съ растительностью умѣренныхъ странъ. Рядомъ съ пальмами росли сосны, ивы, кипарисы, туи, вяза и орѣшники. Размножались цвѣты, а съ ними и насекомыя; тогда-же воздухъ огласился радостнымъ пѣньемъ и щебетаньемъ птицъ, какъ то: чижики, воробьи, лебеди и соловьи. Въ то-же время появились на землѣ первыя млекопитающія, изъ которыхъ нѣкоторые обладали гигантскими размѣрами, какъ напимѣръ: *динотеріумъ*, *мастодонтъ*, *мегастеріумъ*, *милодонъ*, *сиватеріумъ* *) и нѣкоторыя громадыя черепахи. Въ концѣ этого періода появились обезьяны, а затѣмъ *человѣкъ*, который отличался отъ нихъ весьма немногимъ. Можно, однако, предполагать, что наши первые предки, появившіеся голыми и безпомощными на землѣ, благодаря превосходству своего ума и способностей, нашли средство бороться съ исполинскими животными, которыя окружали ихъ болыбелъ. Конечно, много мужчинъ, женщинъ и дѣтей погибло подъ ихъ мощными когтями, и было изгрызено ихъ острыми зубами, но наступилъ день, когда самые умные поняли, что для борьбы съ опасностью надо соединяться въ союзы; они стали составлять ихъ и изъ нихъ вышелъ первый свѣтъ возрождающейся цивилизаціи.

Четвертичная или современная эпоха.

Наконецъ мы достигли послѣдняго геологи-

*) *Мастодонтъ* и *динотеріумъ* напоминаютъ нынѣшняго слона, *мегастеріумъ* — нынѣшняго лѣннца, *милодонъ* также; *сиватеріумъ* одной породы съ *мастодонтомъ*.

ческаго періода, который продолжается еще до сихъ поръ. На глазахъ людей послѣдовательно исчезали одни животныя и замѣнялись другими; такъ, вмѣсто антракотеріума появилась свинья, вмѣсто гиппаріона — лошади и ослы, вмѣсто ксифодона — газели, вмѣсто мастодонта и динотеріума — слоны. Въ эту отдаленную эпоху наши предки видѣли, какъ возродились дубы, лавры, орѣшники, тополи, миндальныя и фиковыя деревья. Затѣмъ человѣческая раса пережила ледниковый періодъ, причина и продолжительность котораго неизвѣстны, но слѣды котораго сохранились еще во многихъ странахъ. Альпійскіе ледники таялись тогда до Лионскаго залива. Много лѣдей погибло отъ холода, что доказывается находимыми скелетами. Но мало-по-малу температура начала стягиваться; земля снова покрылась цвѣтами и плодами, и цивилизація пошла ускореннымъ шагомъ впередъ.

С. П.

Фотографированіе мумій. По предложенію доктора Дедекнда, хранителя египетскаго отдѣла вѣнскаго художественно историческаго придворнаго музея, въ учебномъ и опытно-фотографическомъ заведеніи въ Вѣнѣ сдѣланъ былъ опытъ фотографированія древней египетской муміи при помощи рентгеновскихъ лучей. Эта мумія по наружности имѣетъ форму человѣческой фигуры, но считается коллективной муміей *ибиса*, котораго древніе египтяне почитали какъ священную птицу, но доказательствъ въ истинѣ этого предположенія не было. Мумія представляетъ уникумъ и потому развѣрнуть ее не хотѣли. Рентгеновскіе лучи дали чудесное средство убѣдиться въ истинѣ предположенія. Ту часть муміи, которая по формѣ можетъ соответствовать головѣ и плечамъ человѣческой фигуры, подвергли освѣщенію рентгеновскими лучами. На фотографіи ясно выдѣлились очерки птичьихъ костей и замѣтно было отсутствіе человѣческаго скелета. Такимъ образомъ составъ муміи точно опредѣленъ, и ее можно окончательно считать муміей *ибиса*; кромѣ того опредѣленно доказана пригодность новаго метода фотографированія для подобныхъ цѣлей.

Громадный слитокъ серебра. — Не такъ давно въ серебряныхъ минахъ Аспена, въ штатѣ Колумбіи (Сѣв.-Ам. Штаты) найденъ самый большой слитокъ серебра, какой когда-либо существовалъ. Рабочіе печально наткнулись на громадную твердую массу, которая по ближайшему разсмотрѣнію оказалась слиткомъ чистаго серебра. Только съ большими усилиями удалось вытащить на свѣтъ этотъ громадный кусокъ металла, который вѣситъ 3,300 фунтовъ и стоитъ около 75,000 рублей. Слитокъ серебра, найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Гибсоновскихъ минахъ, считавшіяся до сихъ поръ самымъ большимъ, вѣсилъ только 300 фунтовъ.

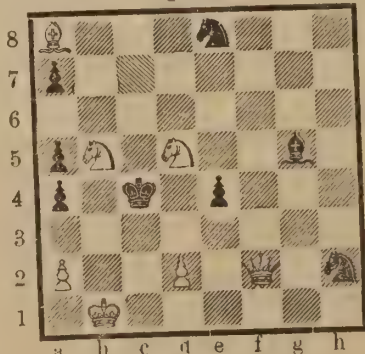
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 7.

3. Шустера (въ Будапештѣ).

Первый призъ на конкурсѣ «Sakk Szemle»

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ.

№ 1. Потемкинско. 1. С с1—а3, со; 2. Ф, К или С X.

№ 2. Музилл. 1. Л f2—e2, со; 2. Ф, Л или К X.

№ 3. Бергера. 1. Ф b8—h8, со; 2. Ф или К X.

Рѣшили: Е. Ф. Андреевъ, К. Подольскій, (Спб.), И. В. Петровъ (Кострома) и П. Н. Поповъ (Саратовъ) — всѣ; Н. В. Сносарева (Спб.) — № 1.

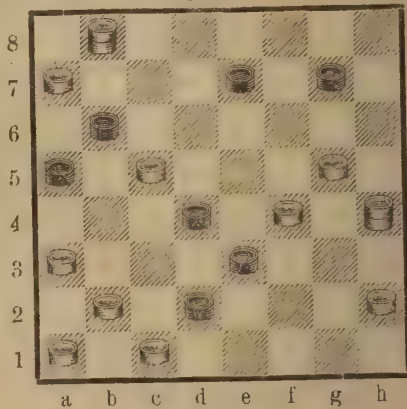
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шомина.

ЗАДАЧА № 8.

Н. А. Кукучева (въ Москвѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку.

Этюды и окончанія партій.

№ 1. И. И. Чирѣва (въ Кіевѣ).

Изъ «Шахматнаго Обозрѣнія» 1892 г.

— а7, с5, h6, h4.

— f6; — d8, e5, h8.

Бѣлыя выигрываютъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Межирѣчье. А. А. Аф. Чисто анекдотическій сюжетъ разсказа не интересенъ и не можетъ служить темой для цѣлаго безастретическаго произведенія.

Петербургъ. С. С. Кам—скому. Разсказъ В. Кселя не можетъ быть напечатанъ.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

Всѣ присылаемыя рукописи и рисунки должны быть съ полнымъ адресомъ, фамиліей автора и съ обозначеніемъ желаемаго гонорара. Безъ указаній послѣднихъ свѣдѣній, рукописи и рисунки считаются *безплатными*. Рукописи менѣе печатнаго листа и рисунки, непризнанные годными къ печатанію, по прошествіи *двухъ мѣсяцевъ* уничтожаются безъ объясненія причинъ. Редакція не принимаетъ на себя обязательствъ возвращать рукописи и рисунки почтою, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ. Для полученія отвѣта необходимо прилагать къ рукописямъ конверты со своимъ адресомъ и маркою. Относительно стихотвореній редакція не входитъ ни въ какіе письменные переговоры и предъпредаетъ гг. авторовъ, что этотъ матеріалъ присылается въ слишкомъ большомъ количествѣ и рѣдко годнымъ для печати, а потому всѣ стихотворенія, признанныя неудобными къ печати, послѣ отвѣта на нихъ въ почтовомъ ящикѣ, *уничтожаются*. Писма не *вполнѣ оплаченныя* гербовыми сборомъ съ почты редакціей не принимаются. Анонимныя писма не читаются.

За РЕДАКТОРА — ИЗДАТЕЛЬ С. Довгудевъ.

ПОПРОБУЙТЕ

отличающіеся своей
практичностью и удобствомъ
эластичныя
вязаныя кальсоны
усовершенствованной кройки
БЕЗЪ ВНУТРЕННЯГО ШВА.

Только въ спеціальному магазину бѣла

Ю. Готлибъ

Владимірская, д. 2—49, уголъ Невскаго пр., Спб.

Цѣна: крученныя въ 2 нитки 1 р. 50 к., въ 3 нитки 1 р. 75 к., въ 4 нитки 2 р. каждая. При выпискѣ требуется жѣрка пояса и длина. Мѣнѣе 3-хъ не выписывается.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышло второе издание брошюры: Какъ и извѣщать свою
«НЕРВНУЮ БОЛѢЗНЬ».
 Цена брош. съ перес. 28 к. почт. марк.
 Адресъ: Эстляндія, Ревель, Шир. П.-
 соч. 356, Исламанъ. 2368-1

Вино
Сенъ-Рафаэль
 Превосходно на вкусъ
 Сохраняется по способу ПАС-
 ТЕРА.
 На каждой бутылкѣ печатъ
 Россійской таможенн. Къ каждой
 бутылкѣ приложена брошюра о
 Сенъ-Рафаэльскомъ винѣ, какъ о
 питательномъ и укрепля-
 ющемъ и цѣлбномъ
 средствѣ исцѣленія д-ра
 Де-Барре.
 2366-2

ПАМЯТЬ
 «ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ».
 (Что такое мнемоника?)
 книга (платное издание)
 профессора мнемоники **С. ФАЙНШТЕЙНА**
 и печатныя условія заочнаго (платного)
 курса изошренія и укрѣпленія памяти
 и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.)
 высылаются за шесть 7 коп. марк.: на веде-
 нной бумагѣ въчетъ съ условіями—за
 восемь 7 коп. марокъ.
 Посредствомъ моего метода, основаннаго
 на законахъ физиологій, психологій, логики
 и педагогикъ, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ПОС-
 лѣднимъ ее, дѣлается хорошей и умѣ-
 ющихъ плохую, и лучшей—у обладающъ
 хорошею.
 Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразно-
 сти моего метода убѣдились гг. врачи, пе-
 дагоги, военные, студенты и тысячи ду-
 шныхъ лицъ разныхъ профессій, званій и
 возрастовъ, «живущихъ у меня курсъ
 укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня
 благодарности. (Условія за курсъ безъ
 кнѣтъ высылаются за одну 7 коп. марку).
 Адресъ: Одесса, Гаванинъ ул. (Сиповнаго
 Ж. О. 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ)
 д. Бродскаго № 640, кв. 4-5-8, безъ-этажъ.
 Профессоръ мнемоники членъ парижской
 академіи **С. Файнштейнъ.** № 2298-5.

№ 2305-7
ВЫИГРЫШ
 ИМЕ 1, 2 и 3 ЗАЙМЫ ПРОДАЕТЪ
 БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
 59, НЕВСКІЙ, СПБ.

ОСВѢЖАЮЩІЙ
ХВОЙНЫЙ ВОЗДУХЪ
 въ комнатахъ, при употребленіи
ЛѢСНОЙ ВОДЫ
 ФИРМЫ
№ 4711.
 Продается въездъ

ЗА 10 РУБЛЕЙ
 съ пересылкою миниатюрный астрономическій бинокль
 аргусъ завода Stern et Ce Paris, со шпуркомъ въ зам-
 ковомъ ношеликѣ удобно помещается въ карманъ и
 вполне замѣняетъ большіе тяжелые бинокли.
 Складъ **А. ПОЛЬКО**
 № 2367. Гороховая, № 31. С.-Петербургъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться пись-
 менно: Банкирскаго дома Генриха Блокъ.
 — 7 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Ахроматическ. универсальн. бинокли
 Карманнаго Формата въ замшевомъ ко-
 шелькѣ 8 руб., перес. за 3 ф. Большаго
 формат. въ шагреновомъ футлярѣ съ рем-
 немъ 9 руб., перес. за 4 ф.
 «Аргусъ» имѣетъ превосходныя оптиче-
 скія качества, однаково пригоденъ для
 военныхъ цѣлей. охоты, поля и театра,
 и потому вполне заслуживаетъ названіе
 «Универсальн. бинокля».
 Предостережен. Вѣдѣніе усила. спроса
 на наши универс. бинокли «Аргусъ» и
 «Лилипутъ», возникли дешев., но край-
 не плохіе поддѣлки; поэтому считаемъ
 долгомъ предупредить гг. покупателей,
 что настоящ. бинокли нашей фабр. про-
 даются въ Россіи исключ. только въ на-
 ше указанномъ складѣ

Е. КРАУСЪ и К^о
 Специальная фабрика оптическихъinstru-
 ментовъ:
 Парижъ, Rue Albouy, 21—23.
 Единственный складъ для Россіи
 С.-Петербургъ, Мойка, № 42 (у Полицей-
 ского моста).
 Иллюстр. прейсъ-куранта высылаются за
 семи коп. марку. 2364-2

Фирма премирована на европейскихъ
 выставкахъ десятию золотыми меда-
 лями и высшими знаками.
ДЛЯ ВОЛОСЪ.
БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ
 Косметина **А. Энглундъ.**
 средство для
 волосъ, осве-
 жающъ голо-
 вную кожу.
 Цѣна флак.
 1 р. 50 к.,
 съ перес. 2 р.
 2 флакона съ
 перес. 3 р.
 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ
 прошу обратить вниманіе на подпись:
 «А. Энглундъ» красными чернилами
 и маркою С.-Петербургской Косме-
 тической Лабораторіи. Подкупать
 можно вездѣ.—Главный складъ для
 всей Россіи **А. Энглундъ**
 С.-Петербургъ, Михайловская площ.
 д. ЖЕРЫНА, № 3.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ
 свѣжія цвѣтныя **СЪМЯНА**
 Красивѣйшіе и испытанные сорта: для
 клумбъ, группъ, бордюровъ и комнатъ.
 Удешевл. коллѣкц. въ 35 сор. 2 р.; въ
 55 сор. 3 р.; въ 75 сор. 4 р.; въ 100 сор. 5 р.
СЪМЯНА свѣжія огородныя
 бесплатно при коллекціяхъ цвѣточныхъ
 въ 2 р. 6 сор., въ 3 р. 10 сор., въ 4 р.
 15 сор., въ 5 р. 20 сор. по 1 сот. каж-
 даго сор. названій по желанію
 Пересылка и Руководство къ **БЕСПЛАТНО**
 посылу и уходу за цвѣтами.
 Только безпримѣснныя и кестные отзы-
 вы тѣхъ лицъ, которые выписывали
 мои коллекціи, даютъ мнѣ возмож-
 ность рекомендовать ихъ всѣмъ любите-
 лямъ цвѣтовъ. Сѣмяно-торговецъ **А. Я.**
 Черенина въ Г. Кашинѣ Тверск. губ.
ОБЩЕДОСТУПНО.

Товарищество сарпинковъ въ Саратовѣ предлагаетъ:
 Натуральныя сарпинскія ткани изъ шелка и бумаги. Неподражаемый выборъ всѣхъ
 родовъ бѣлы, чулковъ и носковъ.
ПЕРЕСЫЛКА ТКАНЕЙ ЗА СЧЕТЪ ФИРМЫ.
 Образцы въ изящномъ альбомѣ высылаются за 42 коп. марками. 2358-5

АЛЬБОМЪ ПАРИЖСКИХЪ КРАСАВИЦЪ
 составленъ изъ картинъ лучшихъ французскихъ художниковъ и въ составъ
 этого альбома вошли слѣдующія картины: 1) Триумфъ Венеры; 2) Потифаръ;
 3) Леда съ лебедемъ; 4) Судъ Париса надъ тремя граціями; 5) Дача
 при купаньи; 6) Послѣ купанья въ гаремѣ; 7) Венера являющаяся тремя
 граціямъ; 8) 4 дамы; 9) Скала и Волна.
 Всѣ картины въ немъ Парижской школы въ особенности замѣчательны тѣмъ,
 что художники съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ изобразили

КРАСОТУ ЖЕНЩИНЫ.
 Всѣ картины помѣщены въ изящно тисненную золотыми и черными расун-
 камъ майку.
 Цѣны съ пересылкою { Въ майкѣ . . . 2 руб. 90 коп. 2 за 5 р. 35 к.
 Налож. платежомъ { Безъ майки . . . 2 руб. 05 коп. 2 за 3 р. 60 к.
Базаръ Марокъ { С.-Петербургъ.
 { Невскій пр. № 20-25.

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ НОВАЯ АМЕРИКА
 И ПИАНИНО КОНСТРУКЦИОННОЕ
 рояли и пианино америк. констр. со всѣми новѣйш. усовершен-
 перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ,
 двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч-
 двойн. репетицією, пріятн. и сильн. тона.
 Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и др.
 Пианино . . . 350 375, 425, 480, 500, 550, 600 и др.
 Армоніопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантия
 на нѣсколько лѣтъ № 2324-1

Торговый домъ **АЛЕКСАНДРЪ и К^о**
 Спб. 1). Гостинный дворъ № 15. 2). Пассажъ № 36.
ИЗЯЩНЫЯ И ДЕШЕВЫЯ УКРАШЕНІЯ
 изъ накладнаго золота съ искусственными брилліантами изъ горъ Юга, а также
 имѣется большой выборъ разныхъ парижскихъ новостей изъ накладнаго золота
 и золота 56 п.бы. Вещи по требованію высылаются съ наложеннымъ платежомъ.
 а каталогъ—бесплатно. № 2372-1

РЕКОМЕНДУЮ ОГРОМНѢЙШІЙ ВЫБОРЪ
Карманныхъ ЧАСОВЪ.
 Высылаемыя во всѣ мѣста Россіи, тщательно про-
 вѣренныя въ паяльныхъ футлярахъ съ 2-хъ лѣтней
 гарантіею, по значительно удешевленнымъ цѣнамъ:
 часы черныя изъ вороненой стали; элѣгантныя,
 открытыя Анкеръ-Ремонтуръ съ заводомъ безъ ключа
 прочной конструкціи. Вѣчными русскими, француз-
 скими или нѣмецкими календаремъ (т. е. показываю-
 щие мѣсяцъ, число, день и фазы луны) цѣна 10 р. 75 к.
 Также-же самыя глухіе серебряныя въ 8 крышки
 84 пробы, прочной конструкціи и прелестной
 отделки . . . 16 р. 50 к.
 Часы серебряныя глухіе 84 пробы,
 прочной конструкціи и прелестной
 отделки, наружнымъ ходомъ
 заводящіеся разъ въ недѣлю . . . 23 р. 00 к.
 Часы серебряныя, въ 3
 крышки 84 пробы, глухіе, ан-
 керъ, прочной конструкціи,
 заводъ ключемъ на 23-хъ ва-
 няхъ мужскіе . . . 9 р. 50 к.
 Часы серебряныя, въ 3
 крышки 84 пробы особенно
 изящнаго фасона и пропн-
 сти, съ заводомъ безъ ключа
 Ремонтуръ . . . 11 р. 50 к.
 Часы серебряныя, въ 3
 крышки 81 пробы изящнаго
 фасона, пазивдъ-дамскіе за-
 водъ ключемъ или ремонтуръ . . . 8 р. 50 к.
 Имѣются прелестныя цѣпочки изъ на-
 кладнаго золота, гарантированныя, ничѣмъ не отлич. отъ настоящаго золота по 3, 4 и 5 р. ш.
 По желанію Гг. покупателей часы высылаю наложеннымъ платежомъ, при полученіи
 задатка.
 Требованія прошу адресовать:
ТОРГОВОЙ ФИРМѢ Ш. БИТКЕРЪ.
 Варшава, улица Святого Георгія, 28.
 Прейсъ-куранты высылаю франко. № 2263-2

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

со всеми бесплатными къ нему приложениями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библиотека»: на годъ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. на полгода 4 руб. на три мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

1) Желающіе получить самостоятельно книги журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» (безъ журнала «Живописное Обозрѣніе»), уплачиваютъ за годъ (съ доставкой—4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ «Живописное Обозрѣніе» безъ книгъ «Домашней Библиотеки»—НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. назначенъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Получающіе журналъ съ разсрочкою взносовъ, добавляють къ объявленной подписной годовой цѣнѣ 50 коп. за напечатаніе адресовъ и другіе расходы.

Желающіе получить художественныя изданія, какъ новые портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, такъ и другія картины, уплачиваютъ за каждый экземпляръ портрета или картины (съ доставкой на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ С.-Петербургъ—75 коп.

ЗА ПЕРЕМѢНУ адреса петербургскаго на иногородный, иногородняго на петербургскій, уплачивается рубль. иногородняго на иногородный—28 коп. почтов. марками. На отвѣты и справки необходимо прилагать двѣ 7 коп. почтовые марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 10 до 12 час. пополудни.

С.-Петербургъ. Ковенскій переулокъ, собств. домъ, № 14.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ 1896 ГОДА.

НОВЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАВАНІЯ—ПРЕМИИ ПОДПИСЧИКАМЪ ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» ЗА 1896 ГОДЪ—

1) Портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы

АЛЕКСАНДРЫ ВЕОДОРОВНЫ

воспроизведенный въ 23 краски, на пергаментной бумагѣ (размѣръ: 20 вершковъ вышины и 16 вершк. ширины).

2) Большая художественно выполненная картина съ ориг. профессора Ю. Клевера

«АВОНЪ ПРИ ЛУННОМЪ ОСВѢЩЕНІИ»

воспроизведенная въ 18 красокъ (размѣръ: 20 вершковъ длины и 16 вершковъ вышины)

ОТПЕЧАТАНЫ И РАЗСЫЛКА ТАКОВЫХЪ НАЧНЕТСЯ СЪ 15-ГО МАРТА 1896 ГОДА.

Картины будутъ разсылаемы по очереди поступающихъ требованій, только тѣмъ гг. подписчикамъ, которые уплатили сполна годовую подписную сумму на журналъ (съ доставкой), а также и за выбранную ими картину—ОДИНЪ РУБЛЬ.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

СИМФОНИОНЫ

Музыкальныя пианушки съ пріятнѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ возможность играть по произволу пьесы, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручной безъ нотъ	5 —
Ноты по	25 —
Заводной безъ нотъ	10 —
Ноты по	25 —
Заводной 60-тонный безъ нотъ	28 —
Ноты по	50 —
Заводной 84-тонный безъ нотъ	40 —
Ноты по	60 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	70 —
Ноты по	80 —
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie Piccolo	10 —
Ноты по	1 —

НОВОСТЬ: Часы съ музыкой. Солидные часы, развѣ въ день заведенные, играютъ сами чрезъ каждый часъ выбранныя по произволу пьесы. Въ случаѣ желанія—играть,

когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.

Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.

Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. № 805-10

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

ПСИХОЛОГІЯ НАРОДОВЪ И МАССЪ

Густава Лебона.

Переводъ съ французскаго. Спб., 1896 г. 320 стр. Цѣна 1 рубль.

СРОКЪ ВТОРОГО ВЗНОСА.

Главная контора журнала «Живописное Обозрѣніе» доводитъ до свѣдѣнія Гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ РАЗСРОЧКОЮ, что **СРОКЪ ПЛАТЕЖА ВТОРОГО ВЗНОСА ДЕНЕГЪ ИСТЕКАЕТЪ 15 МАРТА,**

а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорнѣйше проситъ достигшихъ высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своевременно слѣдующаго взноса, дальнѣйшая высылка журнала **СЪ ПЕРВАГО АПРѢЛЯ БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.**

Книжки № 1 и 2 (январь и февраль) за 1896 годъ журнала «Домашняя Библиотека» печатаются для новыхъ подписчиковъ—ВТОРЫМЪ ИЗДАВАНІЕМЪ.

№ 9 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 11-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) Листъ «Еженедѣльной хроники» № 9 и III) Книжка ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений «Домашняя Библиотека» за мартъ (№ 3).

При этомъ номерѣ разсылаются гг. иногороднимъ подписчикамъ (кроме гор. Москвы) прейсъ-курантъ фирмы «Базаръ Марокъ».

Дозволено цензурою. Спб., 1 марта 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

Вышла вторая (февральская) книга ежемѣсячно-литературно-политическаго изданія

«РУССКАЯ МЫСЛЬ».

Содержаніе: I. Писания (Folle journées). Оконч. Д. В. Григоревича. II. Изъ литературной переписки Н. Д. Кавелина. III. Пенсіонеры, разск. И. А. Салова. IV. Камо грядеши (Quo vadis). Ром. изъ времъ Нерона Генрика Сенкевича. Пер. съ польск. В. М. Л. Продолж. V. Стих. П. Я. VI. Трагическая идея (Космополитич. правы), ром. Поля Бурже, пер. съ франц. М. Н. Р. Продолж. VII. Корова, разск. Е. П. Гославскаго. VIII. Необходимость отмены тѣлесныхъ наказаній В. И. Семевскаго. IX. Какъ и что читаетъ народъ въ Восточ. Сибири. Оконч. Л. С. Личкова. X. По поводу предстоящей реформы нашего судостроительства. Продолж. В. П. Даневскаго. XI. Велетристы—народники. (Собр. соч. П. Засодимскаго). М. Н. Цебриковой. XII. Гуденъ и Римъ. (Картины антич. міра по Э. Рену). Продолж. М. Н. Ремева. XIII. Нѣсколько словъ по поводу статьи Г. Оболенскаго о «Новомъ распорядкѣ въ нашей интеллигенціи». (Письмо въ редакцію) П. Э. Струве. XIV. Дѣла выставки въ Москвѣ по народному образованію. В. А.—ва. XV. Очерки провинціальной жизни. И. И. Ивановова. XVI. Не въ очередь. В. А. Гольцева. XVII. Клубы для рабочихъ дѣлушекъ въ Лондонѣ. А. В. Пожоевой. XVIII. Картины современныхъ нравовъ. К. М. Станюковича. XIX. Спектакли Эрнесто Росси. И. И. Иванова. XX. Внутреннее обозрѣніе. ХХI. Иностранное обозрѣніе. В. А. Г. ХХII. Современное искусство: театръ Ан. Музыканальна хроника. А. Барсова. ХХIII. Библиографическій отдѣлъ. ХХVI. Объявленія.

Для новыхъ подписчиковъ прилагается ром. Сенкевича «КАМО ГРЯДЕШИ» напечатанное въ «Р. М.» 1895 г.

Принимается подписка на 1896 г. (Семнадцатый годъ изданія).

Цѣна съ доставкой и перес.	Годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во всѣ мѣста Россіи	12 р.	9 руб.	6 руб.	3 руб.	1 руб.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 руб.	3 р. 50 к.	— руб.

Для годовыхъ подписокъ, допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апр., 1 июля, 1 окт. по 3 руб. Книгопрод. уступка 50 коп. съ полнаго годоваго экз. Подписка приним. въ Москвѣ въ конт. журн. уголъ Леонтьевск. пер. и Б. Никитской д. № 2—24. Въ Петерб. въ книжн. магаз. Н. Фену и К° Невскій. Въ Кіевѣ книжн. магаз. Л. Издиковскаго.

ПРИ РЕДАКЦІИ ОТКРЫТЬ

МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

съ пріемомъ подписки на всѣ журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изд. и высылаетъ всѣ существ. въ продажѣ книги и ноты. Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ. О. 1—1)

КУРОРТЪ И МОРСКОЕ

КУПАНЬЕ ПЕРНОВЪ

Лифляндской губерніи. Сезонъ съ 20 Мая по 31 Августа.

Подробнѣйшія свѣдѣнія бесплатно чрезъ **КУПАЛЬНУЮ КОМАНДЮ.**

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. А. ОБОРОТОВА

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами: ежемѣсячнаго журнала „Домашняя Библіотека“: НА ГОДЪ (съ доставкою въ Слб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. НА ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

1) Желающіе получать самостоятельно книги журнала „ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА“ (безъ журнала „Живописное Обозрѣніе“), уплачиваютъ за годъ (съ доставкою—4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ „Живописное Обозрѣніе“ безъ книгъ „Домашней Библіотеки“—НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка взносов допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Получающіе журналъ съ разсрочкою взносов, добавляютъ къ объявленной подписной годовой цѣнѣ 50 коп. за напечатаніе адресовъ и другіе расходы.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

«Насмѣшницы». Рисоваль художникъ Ф. Весинъ.

ПѢСНЯ ВѢТРА.

Не люблю я ненастные хмурые дни—
Мнѣ на сердце тоску навѣваютъ они!
Если вѣтеръ гудитъ, если небо темно,
Если дождикъ упорно стучится въ окно,
Мнѣ невольная въ душу крадется печаль,
И кого-то мнѣ жаль!..

И кого-то мнѣ жаль, но не знаю кого,
И хочу я чего-то, не знаю чего...
Много въ сердцѣ скопилось рыдающихъ думъ,
Не разгонитъ ихъ вѣтра назойливый шумъ,
Не разгонятъ дождя ледяныя струи
Эти думы мои!

Эти думы мои не тоскуютъ о дняхъ,
Когда солнце сверкаетъ въ хрустальныхъ ручьяхъ,
Когда птичка такъ нѣжно и звонко поетъ,
Когда бабочка вьется и роза цвѣтетъ,
Когда рыбка играетъ въ прозрачной водѣ,
Когда счастье вездѣ...

Когда счастье вездѣ, и въ душѣ у меня
Льются свѣтлыя пѣсни, безпечно звеня!
Не о пѣсняхъ душа востосковалась теперь,
Не о горѣ былыхъ невозвратныхъ потерь!
Не о солнечныхъ дняхъ, не о прежней любви
Плачутъ думы мои!

Плачутъ думы мои... Непогода кругомъ
Заливаетъ поля непрерывнымъ дождемъ,
Вѣтеръ грозный въ лѣсу и шумитъ и гудитъ,
И шумитъ, и гудитъ, и душѣ говоритъ:
„О тоскѣ и печали я пѣсню пою,
Слушай пѣсню мою!

„Слушай пѣсню мою! Вольный вѣтеръ споетъ,
Отчего у тебя въ сердцѣ горе живетъ.
Одиноко и сыро въ избушкѣ твоей
Въ мглѣ ненастной дождливыхъ, тоскующихъ дней.
Одинокъ ты, и нѣтъ никого, кто, любя,
Приласкалъ бы тебя...

„Приласкалъ бы тебя и съ тобою вдвоемъ
Скороталъ эти дни за намокшимъ окномъ.
Нѣтъ подруги съ тобой, дорогой и родной,
Съ голубыми очами, съ пушистой волной
Золотистыхъ и вьющихся мягкихъ кудрей,
Съ лаской нѣжныхъ рѣчей...

„Съ лаской нѣжныхъ рѣчей улыбаясь, тебѣ
Она счастье дала бы всегда и вездѣ.
Отчего же подруги съ тобою здѣсь нѣтъ?
Отчего для тебя не сіяетъ привѣтъ
Безконечно любимыхъ и любящихъ глазъ
Въ этотъ горестный часъ?

„Въ этотъ горестный часъ твое сердце молчитъ,
На устахъ твоихъ горько проклятье звучитъ
И въ душѣ у тебя, какъ въ могилѣ, темно,—
Оттого что любовь ты растратилъ давно,
Оттого что ты ласокъ стыдливыхъ не зналъ,
Ихъ вездѣ разсыпалъ...

„Ихъ вездѣ разсыпалъ ты безъ чистой любви,
А теперь ихъ по свѣту ищи и лови!
Не надѣйся! Не жди! Пусть поблекнутъ мечты!
Не вернешь голубиной ты вновь чистоты,
Безъ нея же и свѣта и радости нѣтъ—
Она радость и свѣтъ!“

Б. Беръ.

ПРОСНУЛАСЬ СОВѢСТЬ.

РАЗСКАЗЪ.

На-дняхъ я получилъ довольно интересное
письмо, слѣдующаго содержания:

„Милостивый Государь

Георгій Алексѣвичъ!

Убѣдительно прошу Васъ, во имя Вашей
дружбы съ Максимомъ Петровичемъ Зарян-
скимъ, захватить ко мнѣ по весьма важному
дѣлу. Не откажите исполнить эту просьбу
умирающей».

Далѣе слѣдовала подпись: «Елена Аза-
нова» и адресъ.

Прочитавъ это лаконическое посланіе, я
сталъ припоминать, кто такая эта Елена
Азанова, гдѣ и когда я познакомился съ
нею и почему она обращается ко мнѣ съ
просьбою «во имя дружбы» мой къ Макеу
Зарянскому. Всѣ старанія мои найти отвѣты
на эти вопросы были тщетны. Никакой Аза-
новой я никогда въ жизни не зналъ. Пред-
положивъ, что это просто какая-нибудь ми-
стификація, я рѣшилъ не брать. Однако,
любопытство взяло верхъ, и потому на дру-
гой день я отправился по адресу.

Азанова жила на Петербургской сторонѣ,
и потому мнѣ пришлось нанять извозчика.
На дворѣ стояла ранняя весна; на улицахъ
повсюду скалывали снѣгъ и дорога поэтому

была отвратительная. Около часа везъ меня
«ванька» на своей клячѣ; наконецъ, мы
остановились у воротъ деревяннаго двухъ-
этажнаго домика. Разсчитавшись съ извоз-
чикомъ, я вошелъ во дворъ, гдѣ меня гром-
кимъ лаемъ встрѣтила дворовая собаченка.
На лай собаки изъ дверей небольшого строе-
нія, ютившагося въ сторонѣ двора, вышла
женщина съ подогнутыми подоломъ платья
и съ засученными рукавами.

— Вамъ кого? обратилась она ко мнѣ.

— Г-жу Азанову.

— Азанову?—переспросила женщина.—Не
знаю живеть-ли здѣсь такая. Цыцъ, Ша-
рикъ!—прикрикнула она на собаченку, все
еще продолжавшую лаять.

— Да вѣдь это домъ № 31-й? спросилъ я.

— Кажись, что 31-й. Я, баринъ, не
здѣшняя—въ поденщицахъ я, бѣлье стираю,
а ламъ-бы дворника спросить, только онъ
никакъ теперь съ бѣльемъ на рѣку уѣ-
халъши!

Въ это время изъ-за спины говорившей со-
мною женщины показалась другая.

— Имъ кого надо-то?

— Азанову, вишь, ищутъ.

— Азанову! Елену Павловну! Живетъ

здѣсь такая, это дѣйствительно. Да вы не
дохтуръ-ли будете?.. Хворая она...

— Гдѣ-же ея квартира?—обратился я, не
отвѣчая на вопросъ.

— А живетъ она у Спиридовича... ком-
нату тамъ снимаетъ. Вонъ направо кры-
лечко со ступеньками, такъ туда и ступайте,
а тамъ въ верхній этажъ поднимитесь, вто-
рая дверь будетъ... въ углу въ самомъ.

Я стирался по указанію. Дверь была
не заперта, и я вошелъ въ небольшую тем-
ную прихожую, гдѣ меня встрѣтила до-
вольно добродушная старушка въ бѣломъ
чепцѣ на головѣ.

«Должно быть, сама хозяйка», подумалъ я
и обратился къ ней съ вопросомъ объ Аза-
новой.

— Ждутъ васъ, ждутъ,—радостно загово-
рила старушка.—Повремените только мину-
точку, я схожу, посмотрю, не спитъ-ли
Елена Павловна. Слаба она стала за по-
слѣднее время; таетъ не по днямъ, а по ча-
самъ.

Хозяйка зашлепала башмаками по кор-
ридору. Снявъ пальто и калоши, я остался въ
выжидательной позѣ. Минуты черезъ двѣ хо-
зяйка вышла изъ задней комнаты и сказала:

— Пожалуйте вотъ сюда. Елена Павловна васъ проситъ къ нимъ войти.
Я вошелъ.

Небольшая, свѣтлая, уютная комната убранная съ большимъ вкусомъ, произвела на меня хорошее впечатлѣніе. Всюду чистота и опрятность ласкали зрѣніе.

— Наконецъ-то пришли! Благодарю васъ, Георгій Алексѣевичъ!—послышался изъ-за ширмы слабый женскій голосъ. Подойдите, сюда, пожалуйста!

Я подошелъ. За ширмами на постели полусидѣла въ подушкахъ Азанова. Она протянула мнѣ руку.

— Здравствуйте! Еще разъ спасибо, что пришли! Присядьте... мнѣ хочется о многомъ поговорить съ вами.

Она указала мнѣ на стулъ возлѣ кровати. Я былъ неровно пораженъ, увидя предъ собою молодую еще женщину, черты лица которой мнѣ сразу показались знакомыми. Я сталъ внимательнѣе всматриваться, стараясь припомнить, гдѣ я видѣлъ ее раньше.

— Не узнали? Впрочемъ, не мудрено—мимолѣтныя встрѣчи скоро забываются. Да и измѣнилась я—видите, какъ похорошѣла!

Она горько улыбнулась.

— Мнѣ ваше лицо очень знакомо, — началъ я, — только не знаю, право, гдѣ...

— Видѣли меня? А помните, года три тому назадъ на музыкѣ въ Павловскѣ... Впрочемъ, теперь это безразлично... Да и тогда мы были только представлены другъ-другу. Если я и рѣшилась обратиться къ вамъ съ просьбою пріѣхать ко мнѣ, то только потому, что много слышала о васъ отъ Макса... отъ Максима Петровича. Онъ всегда съ такимъ увлеченіемъ говорилъ мнѣ про васъ...

Большая закашлялась. Когда прошелъ періодъ удущья, она открыла глаза и снова заговорила:

— Вы его давно видѣли?

— Зарянского? спросилъ я.

— Да.

— На прошлой недѣлѣ.

— Ну, что, скажите, какъ онъ поживаетъ, счастливъ?

— Кажется, счастливъ.

— Ну, давай Богъ ему всего хорошаго. Я его давно не видала, съ тѣхъ поръ какъ мы разстались навсегда... Скоро встѣдъ затѣмъ я узнала, что онъ женился...

Она опять какъ-то грустно улыбнулась. Разговоръ этотъ возстановилъ въ моей памяти слѣдующее событіе: однажды, года три-четыре тому назадъ, я совершенно случайно встрѣтилъ Зарянского въ Павловскѣ подлѣ руку съ красавицей-брюнеткой. Ходили въ то время слухи, что эта красавица, обращавшая на себя общее вниманіе, замужняя женщина, что Заряскій влюбился въ нее и, пользуясь взаимностью, хлопочетъ о разводѣ, чтобы сочетаться съ ней законнымъ бракомъ. И эта-то самая красавица лежитъ теперь предо мною больная, почти на краю могилы.

«Безпомядное время!—подумалъ я невольно.—Какъ измѣнило ты когда-то красивыя черты!»

Дѣйствительно, Азанова смотрѣла почти мертвецомъ. Страшная худоба и блѣдность смѣнили когда-то полное, румяное, овальное личико; тонкій, правильный носъ какъ-то обострился; остались одни только глаза, чудные, обаятельные, черные глаза, но и въ нихъ теперь не было прежняго блеска, не

было той оживляющей страстности и смотрѣли они какъ-то безжизненно, напряженно...

— Простите, что я позволила себѣ обезпокоить васъ, но за то теперь, когда вы пришли, я могу спокойно умереть!

— Зачѣмъ говорить такъ, зачѣмъ тревожить себя? Развѣ всякая болѣзнь оканчивается смертью?

— Нѣтъ, я умру! Да и къ чему жить мнѣ, для кого? Кому я нужна? Вы жизни моей не знаете, потому такъ и говорите. Годъ тому назадъ, я, правда, пожалѣла-бы, страшно было-бы умереть, а теперь мнѣ все равно! Прежде къ жизни привязывалъ меня мой сынъ, но послѣ его смерти я болѣе ни чѣмъ не связана на землѣ. Все разрушено, все разбито! Довольно перенесла я,—по грѣхамъ Богъ наказалъ!.. Попросите Макса; онъ вамъ многое передастъ—сама не могу—вспоминать страшно! Объ одномъ прошу васъ, Георгій Алексѣевичъ, не судите меня строго. Для насъ, женщинъ, предначертанъ удѣлъ вѣчныхъ страданій, потому что вся наша жизнь покуда не идетъ дальше чувства. Любовь—это для женщины альфа и омега. Нѣтъ любви, нѣтъ сознанія этого чувства, нѣтъ отвѣта на него, и предъ вами нѣтъ женщины во всемъ высокомъ значеніи этого слова! Скажите, права-ли я?

Я кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— А сознайтесь, вѣдь рѣдко кто изъ насъ не заплатилъ дорогою цѣною за это счастье, рѣдко кто былъ истинно счастливъ! Вы, мужчины, дѣло другое, вы разсудочнѣе, практичнѣе. Ваша сфера—умственная дѣятельность; для васъ существуетъ жажда иныхъ, высокихъ наслажденій, которыя или непонятны, или мало доступны намъ, женщинамъ. Любовь—для васъ отдыхъ отъ труда, а чаще—забава. Вы спокойнѣе, разсудочнѣе смотрите на это чувство и часто, не желая совѣтъ, оскорбляете насъ, женщинъ, вашимъ холоднымъ спокойствіемъ! А развѣ мы виноваты въ томъ, что наши роли, наши назначенія различны, что мы сильнѣе чувствуемъ, понимаемъ? Отнимите у насъ любовь—вы отнимите все! А что дѣлать тогда, когда чувство это поругано, осмѣяно, забросано грязью?.. Стоить-ли жить послѣ этого! Нѣтъ, смерть лучше, спасительнѣе!..

Больная, утомленная длинною рѣчью, закашлялась.

— Не волнуйтесь такъ, ради Бога, берегите силы... вѣдь вы молоды! Мало-ли что въ жизни бываетъ... успокойтесь!..

— Мое спокойствіе — тамъ!..

Азанова слабо подняла глаза къ небу.

— Не жилища на свѣтѣ! Хотя немного вышло на мою долю счастья, а все-же извѣдала я его, и теперь спокойно жду, когда навсегда прощусь съ этимъ міромъ!..

Она хотѣла продолжать, но новый, болѣе сильный приступъ кашля прервалъ ее рѣчь. Больная поднесла платокъ ко рту—онъ былъ весь въ крови.

— Смотрите,—показала она мнѣ,—я рада была, когда въ первый разъ увидѣла кровь—мучиться не долго!..

Опустивъ голову на подушки, Азанова на минуту, какъ-бы въ изнеможеніи, закрыла глаза.

— Георгій Алексѣевичъ, дайте мнѣ эту икатулку, — снова заговорила она, послѣ небольшого перерыва, указывая глазами на столъ, гдѣ стояла рѣзная, чернаго дерева изящная икатулка. Я подалъ. Слабою рукою отворила она маленькимъ ключикомъ

икатулку и достала оттуда массивный золотой медальонъ и пачку писемъ, тщательно сложенныхъ и перевязанныхъ лепточкою.

— Вотъ моя послѣдняя просьба къ вамъ, Георгій Алексѣевичъ, — прерывая кашлемъ, заговорила Азанова, — этотъ медальонъ и письма отвезите Максѣ; отдайте ему и скажите, что я искренно, глубоко любила его, что не переставала все время думать о немъ, что я имъ однимъ только и жила! Скажите, что онъ глубоко оскорбилъ меня не тѣмъ, что бросилъ съ ребенкомъ на произволъ судьбы, а тѣмъ, что хотѣлъ деньгами купить мой позоръ! Я ему все простила, пусть и онъ проститъ меня, если я въ чемъ-нибудь была передъ нимъ виновата. Говорятъ, кто умѣетъ любить, тотъ умѣетъ прощать! Пусть онъ сохранитъ обо мнѣ свѣтлое воспоминаніе!.. Вы исполните эту просьбу? Васъ это не затруднитъ?

— Помилуйте, нисколько! Я сочту своимъ святымъ долгомъ все исполнить въ точности!..

— Благодарю васъ. Я знала, что вы добрый, хорошій... Погодите немного,—продолжала Азанова, увидавъ, что я хочу спрятать медальонъ и письма.—Письма возьмите, я ихъ вчера еще все пересчитала. Сколько хорошихъ воспоминаній, свѣтлыхъ грезъ навѣяли они на меня! Сколько въ нихъ дорогого, нѣжнаго, хорошаго чувства! Нѣтъ, онъ не лгалъ, когда писалъ ихъ — такъ лгать нельзя! Мнѣ было-бы больно сознаться въ этомъ! Нѣтъ, тутъ правда, одна только правда!.. Спрячьте ихъ... вотъ такъ... А медальонъ дайте,—я хочу еще разъ взглянуть на портретъ... Силь нѣтъ открыть — помогите!..

Я исполнилъ. Азанова взяла изъ моихъ рукъ открытый медальонъ, какъ какую-нибудь святыню. На глазахъ ея навернулись слезы.

— Хорошій мой! Дорогой! — шептали ей губы, и слезы сквозь улыбку блесгли на воспаленныхъ глазахъ.

Она поднесла портретъ къ губамъ и поцѣловала долгимъ поцѣлуемъ.

— Возьмите! Возьмите... скорѣй!.. Не надо... не надо!.. Чужой вѣдь онъ мнѣ теперь... всеѣмъ чужой!..—закричала Азанова и замесалась на кровати. — Везите скорѣй къ нему... а, главное, не забудьте сказать то, что я просила!

— Успокойтесь, не волнуйтесь! Вамъ это вредно!..

— Уходите, уходите!..—слабѣющимъ голосомъ шептала больная и, какъ-бы въ бессиліи, закрыла глаза.

Я подошелъ къ кровати и осторожно взялъ Азанову за руку. Больная не шевельнулась. Учащенное дыханіе стало ровнѣе... пульсъ бился спокойнѣе!..

«Кажется, уснула,—подумалъ я.—Можетъ быть, это къ лучшему: сонъ успокоительнѣе подѣйствуетъ на нее».

Осторожно, чтобы не разбудить спящую, вышелъ я изъ ея комнаты и, пройдя корридормомъ, отворилъ дверь, ведущую на лѣстницу, гдѣ снова встрѣтился съ хозяйкою.

— Ну, что, батюшка, изволили видѣть нашу Елену Павловну... совѣтъ плоха, голубушка!..

— Богъ не безъ милости, авось, поправится,—отвѣтилъ я.

— Мало надежды, очень мало... на ладонь дышетъ... сегодня ночью полагали, что кончится... А и жалко-жъ ее, бѣдную... така-то она ласковая, да привѣтливая!..

Я не сталъ продолжать разговора, такъ

ССОРА Е. СЕРРА.

ВДЫ.

какъ время терять было нельзя — слѣдовало снѣшить къ Зарянскому. Къ счастью, извозчикъ, на которомъ я ѣхалъ, стоялъ за воротами.

— Въ Малую Италянскую! — крикнулъ я ему, вскочивъ на дрожки.

Быль двѣнадцатый часъ въ началѣ, а потому я рассчитывалъ, что застану Зарянского еще дома. Такъ и вышло на самомъ дѣлѣ. Максъ былъ дома, но собирался куда-то уѣзжать — запряженная парой сѣрыхъ заводскихъ рысаковъ коляска ожидала его у подъѣзда. Максъ радушно встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Что тебѣ? Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ тебя видѣть такую рань!

— Я по дѣлу и весьма серьезному.

— Хорошо, но только не задержи меня — мнѣ необходимо съѣздить на полчаса... тутъ недалеко... Посиди пока съ женой, по-сѣбѣй; я живо вернусь!

— А отложить поѣздку нельзя?

— Да что такое случилось? Говори скорѣй!

— Пройдемъ въ кабинетъ, тамъ расскажу.

— Ого! Секретъ?

— Да и большой!... Я отъ Азановой!

Максъ широко раскрылъ глаза и лицо его невольно передернулось судорогой. Мы вошли въ обширный, съ большимъ вкусомъ обставленный кабинетъ. Максъ осторожно, наглухо затворилъ дверь.

— Ты видѣлъ Азанову... Леля?... — спросилъ онъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.

— Да, видѣлъ, — отвѣтилъ я съ разстановкой, не знаю почему, любясь произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— Гдѣ? Когда?

— Я сейчасъ отъ нея.

Рассказать о запискѣ Азановой, о моемъ посѣщеніи, передать почти дословно нашъ разговоръ, было бы дѣломъ всего какихъ-нибудь пяти минутъ; но я съ умысломъ растягивалъ рассказъ, останавливаясь на мельчайшихъ подробностяхъ. Мнѣ было какъ-то отраднѣло видѣть, какъ мѣнялись черты лица Макса, какъ онъ страдалъ, нравственно подавленный моимъ рассказомъ.

«Не зачерствѣло еще въ немъ сердце», — подумалъ я, угадывая, какъ бы инстинктивно, подробности его романа съ Азановой.

— Вотъ письма и медальонъ, — добавилъ я, передавая Максу и то, и другое.

— Этотъ медальонъ я подарилъ ей давно, въ день ея ангела, въ первый годъ нашего знакомства. Взявъ его она сказала мнѣ: «Этотъ медальонъ будетъ для меня дороже всего на свѣтѣ; я никогда не разстанусь съ нимъ. Когда буду умирать — я возвращу его тебѣ!»

— Что-жъ, она сдержала свое слово — дни ея сочтены!

— Неужели-же нѣтъ никакой надежды?

— Думаю, что нѣтъ!

— Ёдемъ!... Ёдемъ сейчасъ-же!... Вези меня къ ней!... Можетъ быть, возможно будетъ спасти!... Пригласимъ докторовъ, соберемъ консилиумъ, — говорилъ Максъ, поднявшись съ кресла и запирая ящикъ письменнаго стола, куда онъ убралъ письма и медальонъ, которыхъ я ему передалъ.

— Да вѣдь тебѣ нужно ѣхать по дѣлу!... Туда еще успѣемъ, — съ нескрывтою ироніею замѣтилъ я ему.

— Ахъ, Боже мой, какія теперь дѣла, когда ты говоришь, что Леля при смерти! Леля, которую я такъ безумно когда-то любилъ, которая пожертвовала для меня всѣмъ!

И слишкомъ быть виноватъ передъ нею, я не сумѣлъ оцѣнить ея любви!... Ну, ёдемъ-же, ёдемъ!...

Мы быстро спустились съ лѣстницы. Курьеръ подаль коляску, лошади понеслись!

Прошелъ всего какой-нибудь часъ времени, и вотъ вторично мнѣ приходится подниматься по той-же лѣстницѣ. У входныхъ дверей мы столкнулись съ гладко-бритымъ мужчиною, невысокаго роста, но чрезвычайно плотнаго сложенія. Старушка-хозяйка встрѣтила насъ, утирая платкомъ обильно катившіяся по морщинистымъ щекамъ слезы. Я сразу понялъ, что мы опоздали, что Азановой не стало на свѣтѣ.

— Умерла? — спросилъ я Спиридонову.

— Получаса не прожила, голубушка, какъ вы уѣхали!... Вошла я, это, комнату, а она-то по постели такъ и мечется. Глаза страшные такіе въ одну точку уставлены, а языкомъ что-то все лепечетъ, да такъ быстро, быстро, а словъ разобрать невозможно. Подошла я къ кровати, взяла ее за руку; посмотрѣла она на меня, да, видно, ужъ не признала!... Потомъ вырвала отъ меня свою руку, перекрестилась, должно быть, захотѣла, да не смогла, болѣзная. Заметалась опять!... разъ-другой вздохнула, да такъ и кончилась!... Старушка снова заплакала. Я взглянулъ на Макса — онъ былъ мертвенно-блѣденъ.

— Пойдемъ туда, къ ней!... — прошепталъ онъ и, схвативъ мою руку, крѣпко сжалъ ее въ своей рукѣ.

— Можно пройти къ покойницѣ? — спросилъ я Спиридонову.

— Пожалуйте! Сейчасъ только обмыли, да на столъ положили!... Батюшка послѣ вечера придетъ панихиду служить. Передъ вами вотъ гробовщикъ былъ, мѣрку снялъ, всхлипывая, говорила словоохотливая хозяйка, идя слѣдомъ за нами въ комнату Азановой.

— Хорошо еще, что безъ покаянія не умерла, голубушка наша!... Вчера я батюшку пригласила, такъ онъ ее и отысповѣдывалъ и Таинъ Святыхъ приобщилъ!... Сама пожелала!... словно предчувствовала, что не проживетъ долго.

Твердою поступью переступилъ Максъ слѣдомъ за мною порогъ той комнаты, гдѣ окончила жизнь горячо любившая его, до самой послѣдней минуты, женщина. Опушенные сторы преобразили уютную комнату Азановой: она смотрѣла теперь полумрачною, непривѣтливою. Въ переднемъ углу, подъ образами, предъ которыми теплилась красноватымъ свѣтомъ лампада, стоялъ столъ, покрытый чѣмъ-то бѣлымъ, а на немъ лежала покойница. Лицо ея не выражало страданій; напротивъ, какая-то свѣтлая улыбка, казалось, играла на немъ; словно не умерла она, а только уснула спокойно, забывъ муки и страданія, которыя выпали въ жизни на ея долю. Максъ сдѣлалъ шага три впередъ и, подойдя къ покойницѣ, съ благоговѣніемъ опустился на колѣни и набожно перекрестился. Я послѣдовалъ его примѣру. Затѣмъ онъ всталъ и близко-близко наклонясь къ лицу умершей, долго смотрѣлъ на нее.

— Простишь-ли ты меня, Леля! — тихо прошепталъ онъ, — простишь-ли за все, что ты перенесла, выстрадала изъ-за меня?

На глазахъ Зарянскаго показались слезы. Онъ тихо зарыдалъ и припалъ губами къ помертвѣлымъ губамъ покойницы. Я овернулъ, чтобы смахнуть слезу, которая невольно навернулась на глаза.

— Родственникъ, вѣрно? — шепотомъ спросила меня Спиридонова.

— Да! — съ трудомъ отвѣтилъ я.

Спиридонова снова заморгала глазами и вышла чѣмъ-то распорядиться. Прошло минутъ пять тяжелыхъ, томительныхъ. Наконецъ, я обратился къ Максу:

— Ну, полно, перестань!... Умѣй хотя владѣть собою!

На мой голосъ Максъ обернулся.

— Тяжело!... Охъ, какъ тяжело!... Давить... вотъ тутъ давить, — показалъ онъ на горло, — Господи, мука какая!... Вѣдь я сознаю, хорошо сознаю, что я одинъ — виновникъ ея смерти! Вѣдь, это я... я убилъ ее!

— Однако, душно здѣсь, пойдёмъ!... — сталъ торопить я его, видя, какія муки испытывалъ онъ, находясь лицомъ къ лицу съ покойной.

Но Максъ молчалъ и уставивъ взоръ въ прекрасное лицо покойницы, казалось, не могъ оторваться отъ него. Простоявъ въ такомъ положеніи еще минутъ пять, онъ опустился на колѣни, перекрестился, поцѣловалъ еще разъ покойницу и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Да, пойдёмъ!... Здѣсь дѣлать намъ больше нечего!... Все сдѣлано!... Леля мертва и никому ничего не скажетъ!... Ёдемъ!

Мы вышли. Въ корридорѣ Максъ вынулъ бумажникъ и, отдавая пачку денегъ хозяйкѣ, слѣдовавшей за нами, сказалъ:

— Возьмите! Тутъ триста рублей; можетъ быть, понадобятся на расходы. Сдѣлайте, пожалуйста, все, какъ слѣдуетъ!

Простившись со Спиридоновой, мы сѣли въ экипажъ и поѣхали обратно. Максъ молчалъ всю дорогу. Когда мы подъѣхали къ дому, гдѣ онъ жилъ, я спросилъ:

— На панихиду поѣдешь?

— Не думаю!...

— А слѣдовало-бы...

— Затѣмъ? Развѣ я воскрешу ее своимъ присутствіемъ? При одномъ взглядѣ на спокойное выраженіе лица Лели совѣсть мучитъ меня невыносимо! Даже теперь вотъ, какъ живая, стоитъ она предо мною со словами прощенія за то, что я разбилъ, загубилъ ея молодую жизнь!... Она, ты говоришь, просила рассказать тебѣ о ея жизни... о нашей то есть... Эту волю умершей я исполню, но только не теперь... не сегодня. Погоди немного, дай мнѣ одуматься, придти въ себя!... Все расскажу, все, ничего не утаю!... А теперь, прощай!... Къ себѣ я тебя не зову!... Я долженъ остаться одинъ, совершенно одинъ!... Прощай!

— Максъ, ты слишкомъ взволнованъ! Тебѣ необходимо успокоиться!...

— Скоро, скоро успокоюсь!... Все пройдетъ скоро!... Время и не такіе удары заставляетъ забывать!... Прощай!

Онъ нервно пожалъ мнѣ руку и вбѣжалъ въ подъѣздъ. Я поѣхалъ домой. Дорогою сталъ я припоминать факты изъ жизни Зарянскаго, которые пролились бы свѣтъ на его прошлое, на отношенія его къ Азановой. Я припомнилъ, между прочимъ, что года четыре тому назадъ, слѣдовательно года два до женитьбы, Максъ вдругъ какъ-то странно измѣнился. Всегда веселый, безпечный, любившій общество, кутежи, попойки, онъ сдѣлался мрачнымъ, раздражительнымъ, необщительнымъ. Въ это время какъ разъ умеръ кто-то изъ близкихъ ему родственниковъ и этой-то именно потерей приписывали тогда его настроеніе.

Не прошло, кажется и полугода послѣ

СЪ НОВОЙ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА Ю. КЛЕВЕРА.
СОБСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Поселокъ въ Финляндіи.

подъ котораго помѣстили одну изъ пушекъ «Сиріуса», чтобы немедленно дать знать о прибытіи. Но, увы, это были напрасныя ожиданія.

На сѣверномъ берегу гавани, на мысу находились всѣ наши научные инструменты и мы называли это мѣсто «Обсерваторія». Къ западу лежалъ госпиталь, не подалеку отъ него начиналась главная улица, вдоль которой расположились бараки и временныя постройки, тутъ же находилась и тюрьма. Къ западу было построено помѣщеніе для губернатора и по близости помѣщался также караулъ. На четверть мили въ глубь страны находились квартиры офицеровъ, а за ними хижины ссыльных и тутъ же были расположены мастерскія. На краю поселенія находились магазины. Треконечники и висѣлицы были отнесены вѣскольکو дѣльше, поближе къ кладбищу. А по ту сторону гавани лежала небольшая ферма и жили рыбаки, къ которымъ принадлежалъ Брайнтъ.

Многіе изъ матросовъ и солдатъ морской пѣхоты привезли съ собой женъ и дѣтей, ихъ хижины были выстроены недалеко отъ хижины лучшихъ женатыхъ ссыльных, но, понятно, между тѣми и другими не было никакихъ сношеній, — жены и семьи моихъ товарищей слишкомъ для этого уважали себя. Конечно, относительно дѣтей это было вѣскольکو жестоко, но я помню, какъ жена одного изъ нашихъ солдатъ говорила мнѣ, что хотя дѣти ссыльных превосходно выдержаны, но она никогда не позволятъ своимъ дѣтямъ даже разговаривать съ нами. Я могъ только въполнѣ съ нею согласиться.

Ежедневная работа въ поселеніи шла чрезвычайно правильно. Безъ дѣла никто не спѣлъ, — въ одномъ мѣстѣ рубили лѣсъ, въ другомъ стучала и дымилъ кузница, въ третьемъ арестанты таскали камни для построекъ, и здѣсь и тамъ сверкали штйки моряковъ, которые караулили арестантовъ во время работы. Губернаторъ, капитанъ Филиппъ, за всѣмъ наблюдалъ, слѣдилъ, какъ работали арестанты, но никто изъ нихъ не слышалъ отъ него брани, а нѣкоторые на столько приобрѣли его довѣріе, что имъ было поручено наблюдение за своими товарищами.

Брайнтъ тоже былъ сдѣланъ старшимъ надъ рыбаками; какъ я скоро услышалъ, онъ велъ себя очень хорошо и былъ на хорошемъ счету у начальства. Тогда же я узналъ, что у него родился мальчикъ, и его назвали Эммуиломъ, по имени одного изъ офицеровъ, который вмѣстѣ съ лейтенантомъ особенно имъ покровительствовалъ.

Къ несчастью, все это время недостатокъ припасовъ было очень чувствителенъ, хотя «Сепилей» два раза и при озилъ кое-что съ острова Норфолька, на который между прочимъ онъ увезъ нѣскольکو арестантовъ, но караулъ тамъ былъ слишкомъ незначителенъ и арестанты бунтовались, хотя лейтенантъ Кингъ былъ не изъ тѣхъ, которые легко уступаютъ. Недостатокъ провизіи дошелъ до того, что шесть человѣкъ изъ нашего отряда были пойманы въ воровствѣ общественныхъ припасовъ въ магазинѣ и повѣшены за это. Иакопецъ, губернаторъ, отчаявшись получить изъ Англіи припасы, рѣшилъ отправить часть поселенія на островъ Норфолькъ, который, казалось, процвѣталъ. Оба корабля были снаряжены и на нихъ посадили двѣ роты нашего отряда подъ начальствомъ майора Росса, который долженъ былъ смѣнить лейтенанта Кинга.

Мнѣ приходилось снова разставаться съ

лейтенантомъ Форфаксомъ, но къ счастью я не былъ занесенъ въ списки тѣхъ, которые назначены были оставаться на Норфолькѣ. Мы должны были какъ можно скорѣе вернуться, потому что намъ предстояло идти потомъ въ Батавію за припасами. Когда мы отплыли на Норфолькъ, губернаторъ сократилъ всѣмъ рационъ, не исключая себя, — каждый получалъ въ недѣлю четыре фунта муки, два съ половиной фунта свинины и полтора фунта риса.

XX. Гибель «Сиріуса».

Все время нашего путешествія къ острову стояла чудесная погода; издали островъ намъ всѣмъ очень понравился, глазъ отдыхалъ на множествѣ зелени; вообще онъ богато одаренъ — чудный климатъ, замѣчательное плодородіе. Только когда мы подошли ближе и къ счастью успѣли посадить большую часть нашихъ пассажировъ, задулъ сильный вѣтеръ и намъ пришлось высаживать остальныхъ съ большимъ трудомъ и опасностями.

На Норфолькѣ существуетъ нѣскольکو гаваней, изъ нихъ лучшія Сидней-Бэй и Каскадъ-Бэй. Берегъ около послѣдней чрезвычайно красивъ, покрытъ зеленью и большими деревьями и напоминаетъ наши англійскіе парки. Къ югу отъ Сидней-Бэй лежитъ очень опасный коралловый рифъ. Неподалеку отъ острова Норфолька находится небольшой островокъ, похожій на башмакъ. Нѣскольکو лѣтъ поздне, послѣ того — какъ я оставилъ Норфолькъ, на немъ было землетрясеніе, сильно перепугавшее жителей.

Мы высадили нашихъ пассажировъ и часть багажа въ Каскадъ-Бэй, но, вслѣдствіе сильнаго волненія, не могли отправить на берегъ припасовъ, и капитанъ Гентеръ сильно безпокоился, что на берегу разовьется голодъ, если дурная погода продолжится.

«Сепилей», меньше «Сиріуса», обогналъ насъ и безъ затрудненія прошелъ въ заливъ Сидней, гдѣ бросилъ якорь. Капитанъ Гентеръ, опасаясь, какъ я уже сказалъ, голода на берегу, рѣшилъ рискнуть и попытаться подойти къ берегу, слѣдомъ за «Сепилей»; сдѣлавъ это, онъ, не смотря на волненіе, спустилъ шлюпки и сталъ ихъ нагружать. Когда лодки отплыли и вѣтеръ сталъ нѣскольکو утихать, хотя море было очень высоко, капитанъ вдругъ замѣтилъ, что корабль сильно накренило. Большая часть матросовъ ушла съ лодками, а мы, оставшіеся не могли справиться, и намъ предстояла опасность попасть на рифъ; къ счастью, течение было въ противоположную сторону, но тогда корабль повнесло къ берегу, мы снова попробовали остановить его, но старый корабль плохо повиновался. Видя, что устоять нѣтъ возможности, капитанъ приказалъ спустить паруса и бросить запасный якорь, но прежде чѣмъ его спустили, судно съ силою ударилося о рифъ.

Страшный стукъ и послѣдовавшій шумъ меня сначала сильно испугали. Но видя спокойствіе капитана, который шутилъ, не смотря на то, что волны заливали палубу, и собиралъ всѣхъ ближе къ капитанскому мостику, гдѣ было безопаснѣе, совершенно меня успокоили. Тѣмъ временемъ на берегу видѣли наше бѣдственное положеніе; и офицеры и команда съ «Сепилей» перебросили намъ канатъ, одинъ конецъ котораго мы привязали къ остатку бизань-мачты, которую мы потеряли одну изъ первыхъ, а другой конецъ на берегу былъ привязанъ къ дереву. Это сдѣлалось чрезвычайно быстро, и тогда капитанъ Гентеръ призвалъ трехъ юнгъ и отправилъ ихъ по канату на берегъ. Одинъ изъ нихъ ужасно боялся и

со страхомъ хватался за ноги капитана, но его схватили, привязали и полуживого отправили на берегъ. Два часа продолжалась наша переправа; многіе изъ насъ прежде чѣмъ достигли берега, получили ушибы. Слава Богу, что наша жизнь осталась цѣла.

Когда я проснулся на друге утро, я возблагодарилъ Создателя за свое спасеніе и далъ себѣ слово всегда исполнять свою обязанность. Вѣтеръ значительно утихъ; прибой у рифа былъ не такъ силенъ, и нашъ корабль еще былъ въ цѣлости. Около полудня сдѣлалъ попытку спасти что-нибудь изъ припасовъ и двое изъ ссыльных отправились туда по канату, чтобы выбросить за бортъ живность, — какъ овецъ, поросятъ, птицу, которые могли таки въ образѣ выплыть къ берегу. Эти люди дѣйствительно выкинули за бортъ нѣскольکو штукъ, а затѣмъ отправились въ каюту, отыскали крѣпкіе напитки и принялись пить. Наступилъ вечеръ, они все еще были на кораблѣ. Когда стемнѣло, они зажгли всѣ лампы, какія наши, и продолжали пьянствовать. Такъ какъ вѣтеръ къ вечеру утихъ, мы могли на берегу слышать ихъ пѣніе и смѣхъ. Майоръ Россъ, опасаясь, что негодяи зажутъ корабль, вызвалъ охотниковъ отправиться за ними и выкинуть ихъ за бортъ. Вызвалось насъ двое, я и одинъ молодой ссыльный, по имени Джонъ Аскоттъ. Насъ привязали къ канату и мы отправились въ путь. Намъ нельзя было терять ни минуты, потому что одна изъ каютъ была уже въ огнѣ. Мы поспѣшно потушили огонь и тогда занялись нашими двумя негодяями, которые весьма удобно улеглись на подушкахъ и спали мертвецкимъ сномъ. Хотя майоръ приказалъ выкинуть ихъ за бортъ, но я не исполнилъ этого приказанія, а вытащивъ ихъ на палубу, привязалъ къ канату, на которомъ мои товарищи не особенно бережливо перетаскивали ихъ на берегъ, — они были злы за выпитый тѣми грогъ. За нами и мы вернулись на берегъ и немедленно пошли съ донесеніемъ майору, который вмѣстѣ съ другими офицерами ждалъ насъ. Аскоттъ немедленно получилъ свободу за свое хорошее поведеніе; а мнѣ было приказано переодѣться и отдохнуть.

На другой день майоръ призвалъ меня и сказалъ:

— Капитанъ Дью, ты все время исполнилъ свою обязанность, какъ хорошій солдатъ, а прошлую ночь, по моему мнѣнію, ты заслужилъ большую награду. Хотя ты и недавно на службѣ, но поздравляю тебя сержантомъ.

Это была самая счастливая минута въ моей жизни.

XXI. Снуа на пустынномъ островѣ.

Корабль продержался дня два и намъ удалось спасти большую часть багажа и припасовъ; но едва задулъ первый вѣтеръ, послѣднѣе, не прошло нѣсколькихъ часовъ, какъ отъ бѣднаго стараго «Сиріуса» мы могли видѣть только верхушки мачтъ.

Майоръ Россъ былъ человѣкъ совсѣмъ другого пошиба, чѣмъ капитанъ Филиппъ. Это былъ вполнѣ военный и не годился для того дѣла, за которымъ насъ сюда прислали. Едва исчезли послѣдніе остатки «Сиріуса», онъ велѣлъ барабанщику бить сборъ и объявилъ, что островъ находится на военномъ положеніи. Эта прокламація была прочтена имъ утромъ рано, для чего на берегу водрузили флагъ и насъ выстроили въ двѣ линіи. Прочтя прокламацію, майоръ прибавилъ:

— Всѣ вы слышали, какой на островъ господствуетъ законъ. Прошу васъ соблюдать

его. Наше положеніе очень серьезное, и я предупреждаю васъ, что сочту своею обязанностью за малѣйшее нарушеніе его наказывать со всей строгостью. Что касается васъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ ссыльнымъ:—будьте честны, послушны, работайте, и все пойдетъ хорошо. Но помните, что отъ меня нечего ждать снисхожденія.

Мы три раза крикнули ура и всѣ, начиная съ майора, прошли подъ флагомъ, снимая шляпу въ знакъ общаго повинованія военному закону. Такъ началась наша жизнь на этомъ пустынномъ островѣ, подъ командой стараго майора.

«Сепилей» былъ отправленъ обратновъ Сидней съ ново тями, которые поразили всѣхъ. Лейтенантъ Кингъ тоже уѣхалъ на этомъ бригѣ, и я слышалъ, какъ ссыльные говорили между собой, что самый негодный изъ нихъ сожалѣетъ объ его отъѣздѣ, потому что теперь они остались всѣ на произволъ майора.

Услыхавъ это, я сдѣлалъ выговоръ разговаривавшему, который, впрочемъ, очень смиренно заявилъ, что онъ ничего дурного не думалъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ, сударь, лейтенантъ наказывалъ насъ на трехконечникахъ, когда мы этого дѣйствительно заслужили; а майоръ преслѣдуетъ насъ ими.

Я долженъ былъ-бы донести объ этомъ разговорѣ, но малый говорилъ такъ почтительно, что я этого не сдѣлалъ. Въ сущности, всѣ сожалѣли объ отъѣздѣ лейтенанта Кинга, который хотя и былъ чрезвычайно строгъ, но въ то-же время и справедливъ. Изъ Портъ-Джэксона капитанъ Филиппъ отправилъ его въ Англію съ донесеніями и просьбою прислать вспоможеніе. Лейтенантъ Кингъ отправился черезъ Батавію, куда «Сепилей» былъ посланъ за запасами.

Мы оставались на Норфолькѣ одиннадцать долгихъ, томительныхъ мѣсяцевъ, и эти мѣсяцы, не смотря на красоту острова и постоянное занятіе службой, которое оставляло мало времени для скуки, все-же были невыносимы. Лишений приходилось испытывать много, даже въ одеждѣ. Много вещей погибло вмѣстѣ съ «Сиріусомъ», тѣмъ болѣе что прежде всего мы старались спасти то, что было необходимо всѣмъ. Оставаясь на островѣ, я долженъ былъ поочереди съ остальными сержантами завѣдывать цѣннымъ карауломъ, какъ мы его называли, потому что арестанты, которыхъ мы караулили на работѣ, болѣею частью, все время работали закованные въ кандалы, что вообще производило весьма печальное впечатлѣніе.

На островѣ было уже выстроено нѣсколько зданій и возводились новыя. Хлѣбопашество удалось, во изъ льна ничего не вышло, хотя много позднѣе удалось-таки развести ленъ и ткать даже внослѣдствіи изъ него полотно. Островъ Норфолькъ своими холмами и долинами и своимъ плодородіемъ сильно напоминаетъ Англію. Но не смотря на это, мы были очень счастливы, когда по прошествіи одиннадцати мѣсяцевъ «Сепилей» пришелъ за нами и увезъ насъ обратно въ Портъ-Джэксонъ.

XXII. Прибытіе второго флота.

Передъ нашимъ отъѣздомъ на Норфолькъ губернаторъ сильно сократилъ общіе раціоны, но послѣ гибели «Сиріуса» онъ былъ вынужденъ еще усилить сокращеніе и всѣмъ выдавалось на семь человѣкъ въ день по два съ половиной фунта муки, два фунта свинины и два фунта рису. «Сепилей» былъ посланъ въ Батавію, откуда черезъ шесть мѣсяцевъ онъ привезъ необходимые запасы только для сво-

его экипажа, потому что въ Батавіи тоже былъ недостатокъ въ провизіи; но командиръ «Сепилей» уговорился съ капитаномъ одной голландской шхуны, чтобы тотъ привезъ съѣстные припасы въ Портъ-Джэксонъ. Но голландецъ могъ явиться только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а тѣмъ временемъ къ счастью прибыла «Леди Юліана», первый корабль изъ второго флота, и привезла кое-какіе запасы.

Вслѣдъ за ней стали прибывать остальные транспорты съ ссыльными, которыхъ было около тысячи, не смотря на то, что ихъ много погибло въ пути. «Леди Юліана» привезла намъ письма изъ дома. Отецъ лейтенанта Фэрфакса умеръ и сестра звала его домой. Когда я вернулся съ Норфолька, лейтенантъ прочелъ мнѣ часть письма, особенно то мѣсто, гдѣ говорилось обо мнѣ. Миссъ Фэрфаксъ писала, что мой отецъ сильно постарѣлъ, тоскуетъ и зоветъ меня домой, желая умереть на моихъ рукахъ. Миссъ Фэрфаксъ просила брата привезти меня съ собою. Я сознавалъ все ея великодушіе, съ которымъ она заботилась о такомъ низкооставленномъ лицѣ, какъ я, и невольно заплакалъ. На наше счастье, съ новыми ссыльными прибылъ вновь сформированный полкъ и нашъ батальонъ долженъ былъ отправиться домой на кораблѣ «Горгона», на который была посажена остальная часть полка.

Но мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ и «Горгона» не появлялась. Губернаторъ рѣшилъ отправить насъ на голландской шхунѣ «Ваксамгендъ», которую обратили въ транспортъ. Мы радовались скорому отъѣзду, тѣмъ болѣе что мы не сошлись съ вновь прибывшими солдатами и у насъ происходили постоянныя стычки. При томъ за это время дисциплина силъ не упала и лейтенантъ Фэрфаксъ позволялъ себѣ со мною часто разговаривать. Между прочимъ онъ рассказалъ мнѣ, что дѣла Брайентовъ идутъ хорошо, что у нихъ родилась дѣвочка, которую называли по имени миссъ Фэрфаксъ. Я только удивлялся, какъ лейтенантъ могъ это допустить. Уиль Брайентъ былъ назначенъ старшимъ въ рыболовномъ отрядѣ.

Черезъ нѣсколько дней лейтенантъ подошелъ ко мнѣ съ весьма вытянутой физиономіей.

— Сержантъ, я долженъ сказать тебѣ весьма печальную новость,—мы остаемся здѣсь. На «Ваксамгендѣ» отправится только команда «Сиріуса», а моя рота была давно съ него списана, и такъ какъ ты находишься въ моей ротѣ, то и тебѣ придется оставаться. Что-же дѣлать, служба!

Это извѣстіе меня поразило, я подумалъ о моемъ бѣдномъ старомъ отцѣ, котораго, вѣроятно, мнѣ не придется болѣе увидѣть. Положеніе лейтенанта тоже было скверное,—дѣла по наслѣдству требовали его присутствія. Капитанъ Тентеръ отправился на родину только со своимъ экипажемъ. По прибытіи ему пришлось предстать передъ военнымъ судомъ за гибель «Сиріуса», но къ счастью онъ былъ вполне оправданъ.

Но прежде чѣмъ голландецъ ушелъ, я замѣтилъ какіе-то переговоры между нимъ и Мэри Брайентъ. Дѣло въ томъ, что его судно стояло на якорѣ недалеко отъ того мѣста, гдѣ находились хижины рыбаковъ. Оно грузилось вещами, принадлежащими экипажу Сиріуса, а капитанъ шхуны, фамилія котораго должно было быть Шмидтъ, но онъ называлъ себя Смисъ, большой толстый, жирный господинъ, часто прогуливался на берегу. Я, какъ нарочно, былъ назначенъ въ караулъ въ эту

мѣстность и на моей обязанности лежало наблюдать также за ссыльной рыболовной командой и, видя этого барина каждый день, не могъ не признать его.

Когда меня назначили на этотъ постъ, я видѣлъ, что случилось то, чего я такъ опасался со дня прибытія въ Ботани-Бэй,—мнѣ пришлось быть тюремщикомъ бѣднаго Уилли Брайента и женщины, которую я когда-то любилъ. Прочитавъ, однако, списокъ ссыльныхъ, находившихся подъ моимъ наблюдениемъ, я былъ очень радъ убѣдиться, что могъ мѣшаться въ дѣла рыбацкаго селенія, только если бы рыбаки стали дурно себя вести. Имя Уилли Брайента и его семьи стояло первымъ въ списокѣ и съ самой прекрасной аттестаціей. Караулъ состоялъ изъ меня, капрала и четырехъ ридовыхъ, которые ставились на часы у губернаторскаго дома, лежащаго по близости. На ночь ставился только часовой за караульнымъ домомъ, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ на случай нападенія, единственная опасность, которой мы боялись. Изъ караульнаго дома было видно, гдѣ причалены лодки, и на обязанности капрала лежало запираеть замки у дѣтей и брать ключъ къ себѣ.

Днемъ лодки были вполне на попеченіи Брайента; онъ былъ единственный женатый человѣкъ въ селеніи и потому хижина его стояла нѣсколько отдѣльно отъ другихъ.

Вступивъ въ караулъ и разставивъ часовыхъ, я направился вдоль берега къ Брайентамъ. Уилль, при помощи двухъ рыбаковъ, накладывалъ заплатку на ботъ, изъ остальныхъ людей его команды одни ловили рыбу тутъ-же по близости, другіе чинили сѣти. Мэри сидѣла у дверей и кормила ребенка, сынишка ея, хорошенькій мальчикъ съ вьющимися волосами и голубыми глазами, игралъ у ея ногъ. Я взглянулъ на нее мелькомъ, мнѣ показалось, что она поудѣла и поблѣднѣла, но черные глаза сохранили прежнюю красоту.

— Я счастливъ, Уилль Брайентъ, что вы получили эту работу, благодаря вашему хорошему поведенію,—сказалъ я,—продолжайте такъ, и мнѣ не придется дѣлать вамъ замѣчанія.

— Вы новый сержантъ, назначенный въ караулъ?—отвѣчалъ мой старый знакомый.—Благодарю васъ за вашу доброту и постараюсь вести себя хорошо, какъ вы говорите.

Мое замѣчаніе было сдѣлано съ цѣлью показать, что между человѣкомъ въ моемъ положеніи и имъ или его женою не можетъ быть короткости; отвѣтъ Уилли показывалъ, что онъ вполне меня понялъ.

— Это ваша жена тамъ, полагаю,—сказалъ я, уходя и показывая на хижину. Уилль сразу понялъ, что я не хочу, чтобы его товарищи знали о нашемъ прежнемъ знакомствѣ.

— Да, это моя жена и дѣти,—отвѣчалъ онъ.

— Прекрасно. Скажите ей, что пока вы будете вести себя такъ-же хорошо, какъ до сихъ поръ, и вамъ будетъ хорошо,—сказалъ я и ушелъ, не взглянувъ на Мэри.

XXIII. Мой разговоръ съ капитаномъ «Ваксамгенда».

Какъ я уже сказалъ, этотъ капитанъ Смисъ каждый день появлялся на берегу, и я замѣтилъ, что по дорогѣ къ губернаторскому дому, онъ всякій разъ останавливался у рыбацкихъ хижинъ. Дня черезъ два я замѣтилъ, что онъ свелъ знакомство съ Брайентами и видѣлъ, какъ онъ шутилъ и смѣялся съ Мэри. Мнѣ ничего не стоило-бы положить конецъ этимъ разговорамъ, если бы Брайенты были

ПО ПОБЕДУ 40-ТЫСИ СО ДНИ ПАРИЖСКОГО ТРАКТАТА. (1856—18 МАРТА.—1896).

Кавуръ.

Кугелъ.

Конференція въ Парижъ (18 марта 1856 г.). Съ картины художника Е. Дюбуфа.

Бюль.

Кн. Орловъ.

Бурнезъ, Гюбнеръ,
Мантефелъ, Валевскій.

Джонсъ, Бенеттъ,
Кларендонъ.

Бруновъ,
Али.

Гафсхальтъ,
Визамарина.

«Ревнивый мужъ». Съ картины художника Э. Мейзеля.

простые арестанты,—но Уилль был старшимъ въ своей командѣ и мое начальство, особенно лейтенантъ Фэрфаксъ, приказало мнѣ не притѣснять его. И все мое наблюдѣніе относительно его и его команды ограничивалось тѣмъ, что я слѣдилъ, чтобы они были дома при заходѣ солнца. До Мэри и ея дѣтей мнѣ совершенно не было дѣла. Но при всей моей увѣренности въ честности Брайента, я, все-жѣ, не спускалъ глазъ ни съ него, ни съ его команды. Арестанты вѣдь такіе странные люди, когда имъ захочется свободы. Сколько ихъ убѣгало внутри страны, не смотря на всѣ опасности. Несомнѣнно, что они пропадали безъ вѣсти, можетъ быть попадали въ руки дикарей, а можетъ быть—умирали отъ истощенія.

Замѣтивъ, что толстый голландецъ дружитъ съ Брайентами, я рѣшилъ узнать въ чемъ дѣло и попытался, нельзя ли что нибудь выведать отъ самаго Смиса, и вотъ, однажды, когда онъ проходилъ мимо караульнаго дома и породоровался со мной, я заговорилъ съ нимъ.

— Здравствуйте, мистеръ Смисъ, я вижу, вы принимаете участіе въ Брайентахъ. Но я долженъ васъ предупредить, что всякія сношенія съ ссыльными запрещены закономъ.

Онъ коротко повернулся и, захвативъ своимъ толстымъ, грязнымъ пальцемъ за петлю моего мундира и дергая меня взадъ и впередъ, сказалъ своимъ лманымъ англійскимъ нарѣчіемъ:

— Слушай мой совѣтъ, дружочекъ, и не мѣшай себя въ чужихъ дѣлахъ. Жена этотъ Брайентъ очень красивый, и я люблю говорить съ ней; не безпокой себя, милостивый государь, будь богаче, смотря за своими дѣлами.

Я хотѣлъ поколотить этого толстаго, жирнаго дурака, когда онъ устоялъ на меня безпѣвныя рыбы глаза, но во время одумавшись, вспомнивъ, что такая женщина, какъ Мэри, не захочетъ любить подобнаго человѣка, и если тутъ любовь и играла какую-нибудь роль, то исключительно съ его стороны. Я только отвѣтилъ:

— Прекрасно, господинъ Смисъ; вы знаете, что моя обязанность наблюдать за порядкомъ. Разговаривайте съ ними, сколько хотите, только не восбуждайте, что миссисъ Брайентъ влюблена въ васъ.

— Я знаю правило, и ничего не дѣлаешь, чтобы его нарушить. Прощай, молодой солдатъ,—сказалъ онъ, направляясь къ губернагорскому дому.

Въ тотъ же самый день вечеромъ, я видѣлъ, какъ онъ встрѣтилъ Мэри довольно далеко отъ ея хижины, въ то время, какъ ея мужъ былъ на берегу и передалъ ей большой наружный мѣшокъ, такой тяжелый, что Мэри видимо съ трудомъ донесла его домой, хотя она была далеко не изъ безсильныхъ. Это бы еще ничего, но этотъ негодяй взялъ ея руку, — съ моего наблюдательнаго поста я это прекрасно видѣлъ,—Мэри охотно слушала его любовныя объясненія. Это меня раздражало. Ясно, что я обязанъ вмѣшаться,—этотъ глупый, толстый голландецъ не имѣетъ права исподтишка доставлять запасы ссыльнымъ, и если Мэри такъ низко упала, я не долженъ покрывать ее.

Лейтенантъ Фэрфаксъ былъ на другой день въ караулѣ, и я доложилъ ему обо всемъ, отвѣда его въ сторону.

— Сержантъ,—сказалъ онъ, не спуская съ меня глазъ,—замѣчалъ ты когда-нибудь, чтобы и небрежно относился къ службѣ?

— Сударь,—почтительно отвѣчалъ я,—я ничего подобнаго и помыслить не смѣю.

— Прекрасно. Позволь мнѣ дать тебѣ со-

вѣтъ. Ты самый младшій сержантъ въ отрядѣ и, слѣдовательно, иногда черезчуръ ревностенъ. Видишь вещи, которыхъ не долженъ былъ бы видѣть, и... и... Дю, ты въ своемъ родѣ хорошій малый, но не суетись такъ много. Я припоминаю нѣкоторый случай передъ нашимъ отплытіемъ изъ Портсмута, когда при твоей помощи, старый плутъ провезъ въ городъ бочку контрабандной французской водки. Помнишь?

Я повѣсилъ голову и пробормоталъ:—Правда, сударь, вы были очень добры ко мнѣ и я былъ очень глупъ.

— Совершенно вѣрно. Эта бѣдная Мэри любезничаетъ съ толстымъ голландцемъ съ цѣлью выпросить у него немного муки для своихъ малютокъ или что-нибудь въ такомъ родѣ, и если ты ничего не будешь видѣть, бѣды въ томъ никакой не будетъ. Бѣдная дѣти вѣдь просить вѣтъ.

Онъ ушелъ. Но чѣмъ больше я думалъ, тѣмъ болѣе укрѣплялась моя рѣшимость сказать Мэри нѣсколько словъ по этому поводу. И на другой день воспользовавшись удобнымъ случаемъ, я подошелъ къ хижинѣ Брайента и вызвалъ Мэри.

— Что вамъ отъ меня угодно, сержантъ Дю?—спросила она прежнимъ вызывающимъ тономъ.

— Миссисъ Брайентъ,—сказалъ я,—я пришелъ по долгу службы. Я замѣтилъ ваши переговоры съ капитаномъ голландской шхуны и предупреждаю васъ, чтобы вы...

— Что вы видѣли?—Ея темные глаза сверкнули сердито.

— Я видѣлъ, какъ онъ передавалъ вамъ мѣшокъ муки или чего-то въ такомъ родѣ, и я видѣлъ, какъ онъ любезничалъ съ вами и вы его слушали.

— Послушайте, Уилль. Простите, что я называю васъ по старому, вы теперь такъ высоко стоите надъ подобными мнѣ. Я не чувствую къ этому голландцу ничего,—въ голосѣ ея послышалось рыданіе,—но мои бѣдныя дѣти голодаютъ. Уилль, Уилль, забудьте хоть одну минуту, что вы сержантъ, забудьте, что вы нашъ тюремщикъ, что Уилль и я—мы отмѣчены позорнымъ клеймомъ, не смотря на нашу не виновность, но вспомните, и я увѣрена, что вы вспомните, Уилль, чѣмъ я была для васъ въ тѣ времена, которыя никогда не вернутся.

Ея голосъ растрогалъ меня до глубины души; я не могъ видѣть ея сжатыхъ, умоляющихъ рукъ. Грудь ея поднималась высоко, большіе черные глаза наполнились слезами.

— Ради прежнихъ дней, Уилль,—продолжала она, въ голосѣ ея слышалась мольба;—ради моихъ безвинныхъ, несчастныхъ дѣтей; ради нихъ, и хеня, и Уилля не отбирайте у насъ того, что далъ этотъ капитанъ. И не судите меня строго.

— Да простить мнѣ небо, Мэри, если я судилъ васъ строго; но, вы знаете, что я дѣйствовалъ по долгу службы. И что сказалъ бы мужъ, если бы онъ увидалъ, какъ этотъ жирный дуракъ держалъ вашу руку?

— Дорогой сержантъ Дю, мой бѣдный Уилль вполне вѣренъ губернатору... И онъ хорошій человѣкъ, онъ знаетъ, что не долженъ сердиться на меня, если я что-нибудь возьму отъ голландца; не говорите больше объ этомъ и я обещаю вамъ, что не стану больше разговаривать съ голландцемъ, сколько бы корабль ни простоялъ здѣсь.—Она отерла слезы и засмѣялась.

— Съ этимъ условіемъ, Мэри, я больше не скажъ ни слова и я радъ, что вашъ мужъ ниче-

го объ этомъ не знаетъ,—я повернулся, собираясь уходить.

— Прощайте, сержантъ, вы не хотите протянуть мнѣ руку въ память прошлаго?

— Прощайте,—отвѣчалъ я,—конечно я хочу пожать вашу руку; надѣюсь, мы часто будемъ видѣться, хоти я не хочу подавать виду, что дружески расположенъ къ вамъ; вы знаете—долгъ службы.

Я пожалъ ея руку и пошелъ на свою квартиру, чувствуя, что Мэри Брайентъ была честная женщина.

XXIV. Уилль Брайентъ и его романъ да исчезли.

Извѣстіе о чудесномъ путешествіи лейтенанта Блейга, котораго его взбунтовавшіеся подчиненные посадили въ лодку съ нѣсколькими людьми и пустили въ открытое море, было занесено къ намъ людьми второго флота и я часто думалъ, что кто-нибудь изъ ссыльных воспользуется этимъ разсказомъ. Но я не боялся за Брайента. Женатый человѣкъ, съ двумя маленькими дѣтьми,—ему не могло придти въ голову пуститься въ такое безразсудное предпріятіе. Но все-же эта мысль сидѣла глубоко у меня въ головѣ, потому что, вернувшись домой послѣ разговора съ Мэри, я провѣрилъ, всѣ-ли ключи отъ лодокъ были въ десять часовъ на мѣстѣ. Въ дѣйствительности моя опасенія были смѣшны, потому что лодокъ у насъ было вообще очень немного и самая большая находилась для рыбной ловли въ другой части залива, а тутъ было только двѣ небольшихъ, въ которыхъ очень опасно было-бы пуститься въ море.

На другой день, на зарѣ, меня разбудилъ окликъ часового, который вызывалъ караулъ. Мы всѣ выбѣжали, схватывая на ходу ружья и срашивая, что случилось.

— Что такое, часовой?—спросилъ я, не видя ничего, зачѣмъ было на тѣ вызывать въ такой ранній часъ.

— Лодка, сержантъ,—отвѣчалъ онъ,—лодка, которая побольше, исчезла.

Дѣйствительно, ея не было на мѣстѣ.

— Канатъ оборвался и ее унесло въ море,—сказалъ капралъ.

— Какія глупости —замѣтилъ я,—какъ могла она выхлѣсти изъ тины и оборвать цѣпь? Нужно посмотреть, всѣ-ли наши арестанты дома. Прежде всего идемъ къ Брайенту; онъ можетъ помочь намъ.

Мы прямо пошли къ хижинѣ Брайента и громко постучали въ дверь, но, къ моему ужасу, сколько мы ни стучали, дверь не отворялась. Тогда мы, безъ всякой церемоніи, открыли дверь и вошли,—я сразу понялъ, что случилось. Въ хижинѣ было совсѣмъ пусто, даже одежда, которая висѣла на стѣнѣ, была взята. Полъ въ хижинѣ былъ досчатый, и одна изъ досокъ была оторвана и лежала подлѣ, подлѣ нею находилось пустое пространство, которое, какъ видно служило складомъ. Остаться здѣсь было не зачѣмъ и мы отправились къ остальнымъ арестантамъ, составлявшимъ команду Брайента;—ихъ тоже никого не было. Мы нашли только записку, адресованную однимъ изъ бѣглецовъ молодой женщиной, на кого, ой онъ долженъ былъ жениться. Я безъ церемоніи раскрылъ записку и прочелъ ее. Онъ совѣтовалъ ей бросить дурныя привычки, которыя онъ въ ней замѣчалъ. Говорилъ, что если бы она была другая женщина, онъ не присоединился-бы къ этимъ безумцамъ или взялъ ее съ собою. Что у нихъ есть компасъ и квадрантъ, которые Брайентъ получилъ, она знаетъ отъ кого, и затѣмъ под-

пись. Прочитавъ письмо, я по слѣдамъ бѣглецовъ дошелъ до мѣста, гдѣ былъ привязанъ ботъ, и увидалъ, что цѣль была перенилена. Большая сѣть лежала подлѣ, а та, которая была поменьше, исчезла.

Первое, что нужно было сдѣлать, это извѣстить начальство, и лейтенантъ Фэ, факсъ немедленно явился. Придя, онъ подозвалъ меня и сказалъ:

— Помнишь, что ты тогда говорилъ мнѣ? Ты былъ вполнѣ правъ и я ошибся. Но ради Бога не говори объ этомъ. Я и такъ въ скверныхъ отношеніяхъ съ начальствомъ, а если они провѣдаютъ мою безпечность, они поднимутъ невѣроятный шумъ.

— Не опасайтесь ничего, сударь, — отвѣчалъ я, — и мнѣ приходилось плохо. — И я напомнилъ, какъ онъ своимъ молчаніемъ вырубилъ меня.

— Ты добрый человекъ, Дью, — замѣтилъ онъ, — и когда мы, наконецъ, выберемся изъ этого проклятаго поселенія, я выйду въ отставку, чтобы не знать этихъ нарушенийъ лост-новленій и ты будешь моимъ фермеромъ, какъ твой отецъ былъ у моего отца.

Затѣмъ онъ сказалъ громко, такъ чтобы всѣ слышали: — Ихъ не поймать, у насъ нѣтъ лодки, а пока приведутъ лодку изъ Ботани-Бэя, они всѣ будутъ или на днѣ моря или ихъ съѣдятъ акулы.

XXV. Я возвращаюсь домой.

Извѣстіе о бѣгствѣ Брайентовъ живо распространилось въ поселеніи. Въ двѣнадцать часовъ дня лейтенантъ Фэрфаксъ и я мы были вытребованы къ губернатору. Его превосходительство былъ страшно сердитъ, хотя не могъ обвинить ни меня, ни мои тѣ людей. Онъ желалъ только знать одно, какъ бѣглецы могли завести съѣстные припасы и в дою помимо часовыхъ и кто такой этотъ человекъ, на котораго указываетъ оставленное письмо.

Я сказалъ, что навѣрное не знаю, но подозреваю.

— Кого ты подозреваешь? — спросилъ губернаторъ.

— Господина Смиса, капитана голландской шхуны, — отвѣчалъ я.

— Почему вы думаете, что онъ помогать имъ?

Прежде чѣмъ я отвѣтилъ, лейтенантъ сказалъ:

— Сержантъ Дью доносилъ мнѣ, что этотъ человекъ много разговариваетъ съ Брайектами, но я не велѣлъ ему вѣшиваться. Они вели себя хорошо, не было надобности притѣснять ихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ губернаторъ, — сержантъ Дью, я не думаю, что ты или твои люди виноваты, можешь идти.

Впоследствии я узналъ, что губернаторъ сильно распекъ лейтенанта за его легкомысленное отношеніе къ дѣлу.

— Вѣдь это тѣ самые люди, которыми вы такъ интересовались во время пути?

— Да, сэръ. Но, надѣюсь, вы не думаете, что я поэтому не строго отнесся къ своимъ обязанностямъ.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ, мистеръ Фэрфаксъ, — сказалъ капитанъ Филиппъ, поднимаясь, — вы скоро уѣзжаете изъ поселенія, слѣдовательно, лучше объ этомъ молчать, все равно пользы не будетъ.

Тѣмъ дѣло кончилось; но нѣсколько дней спустя лейтенантъ разсказалъ мнѣ, что губернаторъ снова требовалъ его, показать ему предполагаемъ и путь, по которому направились эти несчастные и выразилъ желаніе ради несчастной

женщины и бѣдныхъ дѣтей, чтобы ихъ всѣхъ подобралъ какой-нибудь корабль. Чтобы они могли добраться до Остъ-Индіи было весьма сомнительно. Затѣмъ они заговорили о чудесномъ путешествіи лейтенанта Блейга, который сдѣлалъ четыре тысячи миль, не потерявъ ни одного человека. Капитанъ Филиппъ надѣялся, что бѣглецы скоро увидятъ все безумство ихъ предпріятія и пристанутъ гдѣ-нибудь по близости П-рты-Джэксона.

Послѣ этого происшествія жизнь наша потонула по прежнему однообразно, мы считали дни до прибытія «Горгоны», которая такъ запоздала, что многіе думали, не погибла-ли она. Только нападенія туземцевъ нѣсколько разнообразили нашу жизнь. Губернаторъ по прежнему искалъ въ нихъ друзей и, взявъ двухъ, трехъ въ плѣнъ, старался пріучить ихъ къ обычаямъ и привычкамъ цивилизованныхъ странъ.

«Горгона» наконецъ явилась, почти на цѣлый годъ поздне, и слѣдомъ за ней прибылъ третій флотъ съ арестантами и караульными, такъ что на «Горгонѣ» могъ отправиться домой весь нашъ отрядъ морской пѣхоты. Многимъ изъ насъ было предложено на выборъ: уѣзжать или остаться поселенцами. Но лейтенантъ Фэрфаксъ и я, мы оба стремились домой и не знали, какъ дожидаться отплытія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ янтарномъ зототѣ багрянаго заката

Плыветъ и гаснетъ зимній день;

Сгущаясь, крадется, беззвучіемъ объята,

Къ смерть, безтрепетная тѣнь.

Занудѣвѣлый лѣсъ въ молчаньи неподвиженъ,

Стоитъ, склоняся челомъ сѣдымъ...

Изъ пчелъ чернѣлыхъ трубъ въ снѣгу зарытыхъ хижинъ,

Видься, летитъ поспѣшный дымъ.

Сверкаетъ, какъ свѣча, на отдаленномъ храмѣ

Въ огнѣ заката яркій крестъ;

Плыветъ тягучій звонъ надъ снѣжными полями

И разливается окрестъ.

Ужъ незамѣтно мракъ туманнымъ покрываломъ

Слетаетъ съ гаснущихъ небесъ

И застилаетъ даль, въ огнѣ и блескѣ аломъ,

И заволакиваетъ лѣсъ.

А мѣсяцъ молодой, подернутый туманомъ,

Встаетъ неясный, какъ мечта,—

И тѣшатъ взоръ межъ тучъ плѣнительнымъ обманомъ,

Мѣняясь, краски и цвѣта

Такъ радужной игрой обманчивыя грезы

Насъ часто тѣшатъ въ дни любви,

Пока бездушный мракъ и ледъ житейской прозы

Не охладятъ огонь въ крови!

Леонидъ Афанасьевъ.

СОРОКАЛѢТІЕ ПАРИЖСКАГО ТРАКТАТА.

Восемнадцатаго (30) марта сего года исполняется 40 лѣтъ со дня подписанія европейскими дипломатами знаменитаго мирнаго парижскаго трактата, закончившаго тяжкую для Россіи севастопольскую кампанію. Крымская кампанія съ самаго начала своего вступила очень серьезныя опасенія русскому об-

ществу и хотя разные квасные патріоты кричали, что мы враговъ «закидаемъ шапками», а виршенлеты писали храбро насмѣшливыя куплеты «о воеводѣ Пальмерстонѣ поражающемъ Русь на картѣ», но въ успѣхъ борьбы съ Турціей, Франціей, Англіей и Италіей никто не вѣрилъ. Разумѣется, всѣ жаждали мира, и этотъ миръ сдѣлался возможнымъ только послѣ смерти императора Николая Павловича. Этотъ важный моментъ, имѣвшій такое крупное вліяніе на общественную жизнь и политическую роль Россіи, въ Европѣ, долженъ быть памятенъ нашей родинѣ навсегда, такъ какъ только послѣ заключеннаго въ Парижѣ въ 1856 году мира она могла исполнить отдѣльную ту великую плодотворную работу, которою было полно незабвенное царствованіе Царя-Освободителя. Во время еще дѣющейся кровопролитной войны, въ разгарѣ севастопольской обороны — скончался 18-го февраля 1855 года Императоръ Николай Павловичъ и на престолъ вступилъ Царь-Освободитель Александръ II. При послѣднемъ еще въ жизни лобзаніи своему преемнику, умирающій Императоръ Николай Павловичъ говорилъ (по словамъ современника) — «Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое; оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое... Провидѣніе судило иначе!» И, правда, тяжело было новому русскому Царю справиться съ невзгодами и бѣдствіями, встрѣтившими его вступленіе на царство. Всѣ успія молодой Монархъ употребилъ прежде всего на достиженіе мира съ врагами, и прошло немного болѣе года, какъ мирный трактатъ въ Парижѣ былъ подписанъ. Уже въ февралѣ уполномоченными воюющихъ державъ было постановлено въ Парижѣ, чтобы главнокомандующіе нашихъ и непріятельскихъ войскъ заключили перемиріе, до 19-го (31-го) марта, еслибы прежде сего срока оно не было возобновлено съ общаго согласія. Перемиріе это не должно было имѣть вліянія на блокаду нашихъ береговъ уже учрежденную, или имѣющую быть установленною; но начальствующіе морскими непріятельскими силами получили повелѣніе: въ продолженіе онаго не предпринимать никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ прибрежныхъ нашихъ владѣній. Генералъ-адъютантъ Лидерсъ донесъ по телеграфу, что, на основаніи вышеизложеннаго постановленія 17-го февраля, уполномоченные обѣихъ воюющихъ сторонъ въ Крыму имѣли первое свиданіе на р. Черной, у Каменнаго Моста, и условились прекратить военныя дѣйствія, о чемъ отданы были въ нашей и непріятельской арміяхъ надлежащія приказанія. По случаю перемирія начались дружескія сношенія между воюющими арміями и торжественныя свиданія и смотры. 3-го апрѣля русскій главнокомандующій присутствовалъ на смотрѣ французской арміи. По окончаніи смотра, главнокомандующіе съ своими свитами отправились въ главную квартиру англійской арміи, на хуторъ генерала Бракера, гдѣ у генерала Кодрингтона былъ приготовленъ обѣдъ, къ которому были приглашены французскіе и англійскіе начальники дивизій и всѣ русскіе генералы, а также штабъ и оберъ-офицеры, состоявшіе въ свитѣ генералъ-адъютанта Лидерса. Впереді дома, занимаемаго англійскимъ главнокомандующимъ, стояли по обѣ стороны дороги двѣ разомкнутыя линіи англійскихъ гусаръ, которые, съ приближеніемъ главнокомандующихъ, отдали имъ честь, а стоявшая подлѣ дома сардинская музыка заиграла «Боже, Царя храни»...

Все это и тому подобное предвѣщало, конечно, близкій миръ. Прежде чѣмъ привести главныя статьи мирнаго договора, назовемъ дипломатовъ, участвовавшихъ въ этомъ событіи. Со стороны Россіи — генералъ-адъютантъ графъ Алексѣй Орловъ и баронъ Филиппъ Бруновъ, полномочный министръ при германскомъ союзѣ. Со стороны Австріи — графъ Буоль-Шауенштейнъ и баронъ фонъ-Гюбнеръ. Со стороны Франціи — графъ Колонна-Валевскій и баронъ Буркенъ. Со стороны Англіи — графъ Кларендонъ и баронъ Каулей. Со стороны Сардиніи — графъ Капуръ и маркизъ де-Вилла-Марина. Со стороны Турціи — верховный визирь Ма'оммедъ-Еминъ-Али и Магоммедъ-Джемилъ-Бей. Затѣмъ былъ приглашенъ для подписанія трактата и король Пруссій, назвавшій полномочными барона Мантейфеля и графа Гац-

фельдтъ-Вильденбургъ-Шенштейнъ. Важнѣйшія статьи трактата были слѣдующія...

Вслѣдствіе счастливаго возстановленія мира между Ихъ Величествами, земли, во время войны завоеванныя и занятыя ихъ войсками, будутъ ими очищены. О порядкѣ выступленія войскъ, которое должно быть учинено въ скорѣйшее по возможности время, постановлены будутъ особые условия. Его Величество Императоръ Всероссійскій обязуется возвратить Его Величеству Султану городъ Карсъ съ цитаделюю онаго, а равно и прочія части отоманскихъ владѣній, занимаемыя русскими войсками. Ихъ Величества Императоръ Французскій, Королева Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, Король Сардинскій и Султанъ даруютъ полное прощеніе тѣмъ изъ Ихъ подданныхъ, которые оказались виновными въ какомъ-либо впродолженіе военныхъ дѣйствій соучастіи съ непріателемъ. При семъ постановляется именно, что сіе общее прощеніе будетъ распространено и на тѣхъ подданныхъ каждой изъ воевавшихъ державъ, которыя во время войны оставались въ службѣ другой изъ воевавшихъ державъ. Военнопленные будутъ немедленно возвращены, съ той и другой стороны. Черное Море объявляется нейтральнымъ: открытый для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ входъ въ порты и воды онаго формально и на всегда воспрещается военнымъ судамъ, какъ прибрежнымъ, такъ и всѣхъ прочихъ державъ, съ тѣмъ только исключеніями, о коихъ постановляется въ статьяхъ 14-й и 19-й настоящаго договора. Свободная отъ всякихъ препятствій торговля въ портахъ и на водахъ Чернаго моря будетъ подчинена однимъ лишь карантиннымъ, таможеннымъ, полицейскимъ постановленіямъ, составленнымъ въ духѣ, благоприятствующемъ развитію сношеній торговыхъ.

Дабы пользамъ торговли и мореплаванія всѣхъ народовъ даровать все желаемое обезпеченіе, Россія и блистательная Порта будутъ допускать консуловъ въ порты свои на берегахъ Чернаго моря, согласно съ правилами международного права.

Въ замѣнъ городовъ, портовъ и земель, возвращенныхъ Россіи, и для вѣщаго обезпеченія свободы судоходства по Дунаю Его Величество Императоръ Всероссійскій соглашается на проведеніе новой граничной черты въ Бессарабіи.

Началомъ сей граничной черты постановляется пунктъ на берегу Чернаго моря, въ разстояніи на одинъ километръ къ востоку отъ соленого озера Бурнаса, она примкнетъ перпендикулярно къ аккерманской дорогѣ, по коей будетъ слѣдовать до Траянова Вала, пойдеть южнѣе Болграда, и потомъ вверхъ по рѣкѣ Ялпуху до высоты Сараика и до Катамори на Прутѣ. Отъ сего пункта вверхъ по рѣкѣ прежняя между обѣими имперіями граница остается безъ измѣненія. Новая граничная черта должна быть означена подробно нарочными комиссарами договаривающихся державъ. Пространство земли, уступленное Россіи, будетъ присоединено къ Княжеству Молдавскому, подъ верховною властью блистательной Порты. Живущіе на семъ пространствѣ земли будутъ пользоваться правами

и преимуществами, присвоенными княжествамъ, и въ теченіе трехъ лѣтъ имъ дозволено будетъ переселиться въ другія мѣста и свободно распорядиться своею собственностью...

Для достиженія мира Россія принесла извѣстныя жертвы, но что значили онѣ въ виду тѣхъ внутреннихъ пріобрѣтеній, которыя ждали ее послѣ заключенія парижскаго трактата? Только теперь могла она приступить къ освобожденію крестьянъ, къ введенію новыхъ судовъ, къ созданію земскихъ учреждений, къ пересозданію женскаго образованія, однимъ словомъ, ко всѣмъ тѣмъ реформамъ, которыми было такъ полно царствованіе Императора Александра II и которыя могли

честіе, бѣшеные сподвижники разгромили соседнюю страну, опустошили ее огнемъ и мечемъ. Много пѣлицъ и много сокровищъ привезли домой правотѣрные полчища. И вотъ повелитель приказываетъ привести къ нему всѣхъ пѣленныхъ красавицъ. Грубо тащатъ мусульманскіе воины испуганныхъ христіанокъ. Привели дочь убитаго христіанскаго князя соседней страны. Она въ ужасѣ бросается къ ногамъ завоевателя и молить о пощадѣ, молить лучше убить ее, чѣмъ отдавать на позоръ. Но суровъ и непреклоненъ кроваваго вѣзды владыка... Въ это время вносятъ еще другую княжескую дочь, лишившуюся чувствъ отъ страха. Безпомощно виситъ нѣжное тѣло въ грубыхъ рукахъ вооруженнаго грабителя. Завоеватель велитъ знакомъ положить безчувственную на полъ около другой жертвы. Онъ холодно глядитъ на страданія дѣвушки и — словно каменный — застылъ въ своей грозной повелительной позѣ. Всѣ трепещутъ...

СОРОКАЛѢТІЕ ПАРИЖСКАГО ТРАКТАТА.

Его Императорское Величество Николай I.

(Въ Бозѣ почившій 18 февраля 1855 г.).

развиваться только подъ условіемъ мира. Вотъ почему такъ важно значеніе этого дипломатическаго акта, сорокалѣтнюю годовщину котораго мы переживаемъ теперь — это сорокалѣтняя годовщина великаго русскаго обновленія.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Насмѣшницы. Рисоваль художникъ Ф. Весинъ.

Молодой, веселый парень отвезъ въ городъ кладъ и шажкомъ, съ прохладной возвращается къ себѣ на хуторъ. При проѣздѣ мимо господскаго дома, ему встрѣтился дѣвъ молодой работницы, идущія за водой. Конечно, парень-зубоскалъ сейчасъ-же встрѣтилъ ихъ шуточкой, прибауточкой, на что немедленно послѣдовалъ бойкій отвѣтъ. Были осмѣяны лошади, плетущіяся еле-еле, былъ осмѣянъ самъ возница, растянувшійся на саняхъ, какъ на лежанкѣ. Парень шуточно огрызается, остроумно парируетъ насмѣшки. И долго, долго слышится эта бойкая перепалка въ холодномъ морозномъ воздухѣ.

Добыча побѣды. Съ картины профессора Е. Серра.

Суровый мусульманскій завоеватель-султанъ только что вернулся изъ побѣдоноснаго похода. Его фанати-

«Я—бабушка!»... Рисоваль А. Людвигъ.

Старшіе куда-то ушли, и вотъ дѣтишки сейчасъ-же принялись шалить. Старшая сестренка надѣла оставленные бабушкой юбку, кофту и чепецъ, нацѣпила бабушкины очки и заявила: «Я—бабушка!» Братиска ставитъ ей подъ ноги скамеечку, какъ настоящей бабушки. Другой братиска надѣлъ большую отцовскую шляпу и представляется, что читаетъ газету. Самый младшій малютка съ восхищеніемъ и страхомъ глядитъ на проказы старшихъ. А вдругъ войдетъ мама?...

Конференція въ Парижѣ 18 марта 1856 г. Съ картины художника Е. Дюбуфа.

Въ отдѣльной статьѣ этого номера «Живописнаго Обозрѣнія» говорится о чрезвычайно важномъ значеніи «Парижскаго трактата» для Россіи, здѣсь же мы скажемъ только нѣсколько словъ о картинѣ извѣстнаго художника Е. Дюбуфа, который сохранилъ для потомства и портреты всѣхъ лицъ, участвовавшихъ на конференціи, гдѣ былъ подписанъ этотъ трактатъ, и обстановку, при которой происходили засѣданія конференціи. Сходство портретовъ князя Орова, Валевскаго, Кларендона, Брунова и другихъ лицъ здѣсь поразительно и эта знаменитая картина имѣетъ такое-же историческое значеніе, какъ картина Антона Вернера, обезсмертившая сцену и дѣйствующихъ лицъ «Берлинскаго трактата».

Поселокъ въ Финляндіи. Съ картины художника Ю. Клевера.

«Снѣгъ бѣлѣетъ. Тихъ поселокъ. Вѣетъ холодомъ отъ елокъ, Отъ небесъ и отъ рѣки. Все пустынно и угромо, И на всемъ какъ будто дума Злого горя и тоски. Это—финская природа, Это—бѣднаго народа Неприглядное житіе. А весна на край унылый, Пролетая съ новой силой, Уже струитъ тепло свое!..»

Ревнивый мужъ. Съ картины художника Э. Мейзеля.

Къ этой красавицѣ явился молодой щеголь и любовникъ. Онъ, конечно, не ожидалъ встрѣтить и ея мужа. Вѣроятно, онъ ошибся часомъ. А ревнивый мужъ уже подмѣчаетъ обоюдное замѣшательство молодыхъ людей и свирѣпо воззрился на жену. Собачка тоже подозрительно оглядываетъ сконфуженнаго гостя. Непріятное положеніе! О, ревнивецъ-мужъ!..

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Данъ Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату: — «Возлюбленный Родитель Нашъ мудрымъ правленіемъ Своимъ, не обнажая меча, неуклонно велъ дорогое Наше Отечество по славному пути. Всюду повсюду миръ и успокоеніе, оставилъ Онъ благословенное Имя Свое на вѣки въ сердцахъ вѣрнаго Своего народа. Въ память незабвеннаго Царя-Миротворца, нынѣ, въ 51-ю годовщину со дня Его рожденія, Мы учредили для сотрудниковъ почившаго Императора въ дѣлахъ Его правленія серебряную медаль, съ изображеніемъ Родителя Нашего. Да послужитъ она имъ постояннымъ напоминаніемъ о свѣтломъ образѣ Государя-Вождя, не щадившаго Себя для блага Отечества. Медаль эта установлена для ношенія на груди, на лентѣ ордена св. Александра Невского, состоявшимъ на дѣйствительной службѣ въ минувшее Царствованіе; іерархамъ, священнослужителямъ, генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и класснымъ чинамъ всѣхъ вѣдомствъ. Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано
«НИКОЛАЙ».

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Италія. — Новый итальянскій кабинетъ сформированъ наконецъ, послѣ долгихъ стараній, въ слѣдующемъ составѣ: ди-Рудини — министр-президентъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, Газтани-Сермонета — министръ иностранныхъ дѣлъ, Рикотти — военный министръ, Брини —

морской, Коломбо — министръ казначейства, Бранка — финансовъ, Коста — юстиціи, Джантурко — народного просвѣщенія, Пераши — общественныхъ работъ, Гвичардини — земле-

латѣ онъ отказался отъ политической дѣятельности и вступилъ снова въ палату только въ 1882 году. Въ качествѣ министра-президента онъ возобновилъ въ 1891 году тройственный союзъ.

СОРОКАЛѢТІЕ ПАРИЖСКАГО ТРАКТАТА.

Его Императорское Величество Александръ II.

(Въ Бозѣ почившій 1-го марта 1881 г.).

дѣля и Кармине — почтъ и телеграфовъ. Министръ-президентъ и министръ внутреннихъ дѣлъ маркизъ ди-Рудини въ первый разъ стоялъ въ главѣ правительства въ 1891 году. Онъ родился въ 1839 году, 26 лѣтъ былъ синдикомъ (городскимъ головою) Палермо и въ 1869 году — министромъ внутреннихъ дѣлъ въ министерствѣ Менабреа. Послѣ пораженія въ па-

положенный къ Италіи и одобренный ею абиссинскій сановникъ. Шоанцы вступаютъ въ союзъ съ итальянцами для общаго дѣйствія противъ дервишей.

— Майоръ Зальца, посланный къ Менелику съ просьбой о погребеніи убитыхъ при Адуѣ, доноситъ, что въ плѣну у Менелика находится генералъ Альбертоке, полковникъ Нава, май-

— Въ итальянской политикѣ произошелъ переворотъ, одобряемый и общественнымъ мнѣніемъ. Начаты переговоры съ негусомъ Менеликомъ о заключеніи мира. Военныя дѣйствія пока можно считать приостановленными, вслѣдствіе чего миръ и покой снова мало-по-малу возвращаются въ Италію. «Messaggero», передаетъ, что замѣститель Баратieri — генералъ Балдиссера еще передъ своимъ отъѣздомъ въ Африку былъ уполномоченъ министромъ Криспи очистить Кассалу, Агордаты и Адигратъ. Самъ негус Менеликъ пожелалъ возобновить переговоры о заключеніи мира, при чемъ поставилъ условіемъ, чтобы граница Эритрейской колоніи къ юго-западу была образована Маробскими горами; негусъ обѣщавъ выдачу плѣнныхъ и свободный пропускъ со всѣми военскими почестями адигратскаго гарнизона, которому будетъ разрѣшено отступить съ оружіемъ и всѣми припасами. Къ юго-востоку граница должна быть проведена до Сенафе, который останется въ итальянскихъ предѣлахъ; линія Адуа — Адигратъ останется во владѣніи абиссинцевъ. Тигре превратится въ независимую провинцію, которою будетъ управлять дружественно рас-

оръ Гамерра, шесть капитановъ и шестнадцать поручиковъ. Взяты въ плѣнъ еще другіе офицеры, но майору Зальца не удалось узнать ихъ фамилій.

— Въ Генуѣ дѣлаются приготовленія къ предстоящей встрѣчѣ императора Вильгельма II съ королемъ Гумбертомъ. Позднѣе къ нимъ присоединится также и третій союзникъ императора австрійскій Францъ-Иосифъ. По слухамъ, короля Гумберта будетъ сопровождать, во время поѣздки въ Геную, новый министр иностранныхъ дѣлъ кабинета ди-Рудини, герцогъ де-Сермонета.

Англія.—Началось разбирательство дѣла Джемсона и пятнадцати его товарищей-офицеровъ, участвовавшихъ въ набѣгѣ на Трансвааль. Въ залѣ судебныхъ засѣданій присутствуетъ много аристократической публики, великосвѣтскихъ дамъ, политическихъ дѣятелей и журналистовъ. По обвинительному акту Джемсонъ и его товарищи обвиняются лишь въ приготовленіяхъ къ военной экспедиціи противъ дружественнаго Англіи государства; наивысшая мѣра наказанія — два года тюремнаго заключенія, самая легкая — небольшой штрафъ. Главный обвинитель — государственный прокуроръ Англіи произнесъ обвинительную рѣчь въ такомъ духѣ, какъ будто онъ — защитникъ обвиняемыхъ, онъ хвалитъ ихъ мужество и добрыя намѣренія. Всѣ обстоятельства дѣла и все обвиненіе ловко подтасованы.

Франція.—Австро-венгерскій посолъ, 2-го (14) марта, отправился со всѣми членами посольства въ Елисейскій дворецъ, для торжественной передачи президенту республики ордена св. Стефана 1-й степени. Г. Форъ принималъ посла въ присутствіи министра иностранныхъ дѣлъ и лицъ своей военной свиты. Послу оказаны дворцовымъ карауломъ военныя почести какъ при пріѣздѣ, такъ и при отъѣздѣ изъ дворца.

Турція.—Волненія на островѣ Критѣ усиливаются. Въ Спаниакосѣ христіане убили нѣсколькихъ турокъ, вслѣдствіе чего туда отправился государственный прокуроръ въ сопровожденіи полубатальона пѣхоты. Сорокъ человекъ были арестованы, но послѣ допроса прокуроръ призналъ ихъ невиновными. Офицеры, однако, воспротивились освобожденію арестованныхъ, стали грозить прокурору и уничтожили составленный имъ протоколъ. Повсюду происходятъ сходы, особенно въ Сфакіи и Ретимно.

Германія.—Австрійскій премьеръ графъ Голуховскій имѣлъ на-дняхъ долгую аудіенцію у императора Вильгельма II. Сверхъ того, графъ Голуховскій, какъ утверждаютъ газеты, совѣщался въ Берлинѣ съ германскими государственными дѣятелями также о возможности совмѣстныхъ дѣйствій Австро-Венгріи и Англіи, особенно на Востокъ.

Болгарія.—Бывшій салоникскій вали Зихни-паша въ сопровожденіи подполковника Тиниура-бея прибылъ въ Софію и вручилъ торжественно принцу Фердинанду фирманъ о признаніи его княземъ болгарскимъ и украшенный брилліантами знакъ ордена Османіи первой степени.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Вновь учрежденная въ память въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III серебряная медаль имѣетъ на лицевой сторонѣ портретъ Императора въ профиль, и вокругъ него: съ одной стороны эмблему мира — палмовую вѣтвь, а съ другой — слова «Александръ III». На оборотной сторонѣ помѣщены цифры годовъ царствованія Императора: 1881—1894. Капитулъ Императорскихъ орденовъ уже началъ разсылку медалей.

— Къ коронаціоннымъ торжествамъ въ Москву придутъ эмиръ бухарскій Сеидъ-Абдуль-Ахадъ-ханъ и ханъ хивинскій Сеидъ-Магомедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханъ. Ханъ хивинскій отправится вмѣстѣ со старшимъ сыномъ своимъ, и наслѣдникъ бухарскаго эмира, воспитывающійся въ С.-Петербургѣ, придутъ въ Москву.

— Проценты съ капитала, собраннаго обществомъ технологовъ для увековѣченія памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, рѣшено, въ общемъ собраніи, расходовать на поддержку престарѣлыхъ или больныхъ технологовъ, а также ихъ вдовъ и сиротъ.

— Съ Высочайшаго соизволенія, вывезенный изъ Новгородскаго Юрьева монастыря прахъ трехъ братьевъ: свѣтлѣйшаго князя Григорія и графовъ Алексѣя и Оедора Григорьевичей Орловыхъ прибылъ въ родовое имѣніе московской губерніи «Отрады» въ понедѣльникъ, 26-го февраля, и въ тотъ-же день преданъ землѣ въ родовой усыпальницѣ.

— Въ Москвѣ почти закончены работы по реставрированію большого Успенскаго собора. На-дняхъ ихъ осматривалъ оберъ-прокуроръ свѣтлѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевъ. Въ вербное воскресенье, 17-го марта, послѣдуетъ торжественное освященіе собора.

— Въ «Романовскій отдѣлъ древностей», учреждаемый при кустромской ученой архивной комиссіи, поступило до десяти рукописей, касающихся подвига Ив. Сусанина.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Во вторникъ, 27-го февраля, въ 9 часовъ вечера, происходило въ Зимнемъ Дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, при участіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Владиміра Александровича и Константина Константиновича, годовое общее собраніе Императорскаго русскаго историческаго общества.

— 26-го февраля исполнилась первая годовщина исправительно-воспитательнаго пріюта для несовершенно-лѣтнихъ преступницъ, состоящаго въ вѣдѣніи с.-петербургскаго дамскаго благотворительнаго тюремнаго комитета.

— 2 марта, по Знаменской улицѣ, открылся новый домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ, находящійся въ вѣдѣніи состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Оеодоровны попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ.

— 27-го февраля, въ с.-петербургскомъ родовспомогательномъ заведеніи вѣдомства учреждений Императрицы Маріи было произведено публичное испытаніе ученицъ школы сельскихъ повивальныхъ бабокъ. Диплома сельской повивальной бабки удостоились 20 ученицъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Инспекторъ по учебной части министерства финансовъ дѣйств. ст. сов. С. С. Григорьевъ, командированъ для ревизіи коммерческихъ училищъ въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

— Съ 1896—97 учебнаго года будетъ приступлено къ реорганизациіи школъ въ приволжскихъ и южныхъ нѣмецкихъ поселеніяхъ Волынской губерніи.

— Въ министерство народнаго просвѣщенія одновременно поступили ходатайства объ учрежденіи въ городахъ Касимовѣ, рязанской губ., и Александровскѣ, екатеринославской губ., среднихъ техническихъ училищъ по механической спеціальности, съ участіемъ мѣстныхъ городскихъ и земскихъ обществъ въ расходахъ, необходимыхъ для содержанія этихъ училищъ и для устройства училищныхъ зданий.

— Весною текущаго года обществомъ для пособія учащимся въ начальныхъ народныхъ училищахъ Н.-Новгорода, въ 18 верстахъ отъ города, на участкѣ, пожертвованномъ И. М. Мореновымъ открывается первая лѣтняя школьная колонія.

— 20,000 рублей, недавно пожертвованныя на народное образованіе одною благотворительницею, рѣшено раздѣлить на двѣ половины: одна изъ нихъ (10,000 р.) будетъ употреблена на учреженіе училища для слѣпыхъ дѣвочекъ въ Самарѣ, а остальные 10,000 р. — на устройство (въ Самарѣ же) общежитія для воспитанниковъ училища слѣпыхъ по выходѣ ихъ изъ училища.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Въ Михайловскомъ театрѣ состоялся спектакль — испытаніе по драматическому искусству учениковъ и ученицъ класса П. Д. Ленскаго. Давали сцены изъ «Василисы Мелентьевой», пятый актъ драмы г. Шпагинскаго «Въ старые годы» и двѣ одноактные пьесы: «Елка» В. И. Немировича-Данченко и «Воздушные замки» Хмелницкаго.

— Состоялся концертъ М. И. Доляной, который привлекъ массу публики въ залъ Дворянскаго собранія и прошелъ блестяще. Г-жа Доляна внесла 1000 рублей для образованія фонда на надгробный памятникъ покойной Леоновой.

— Въ воскресенье, 3-го марта, въ залѣ Павловой состоялась литературно-музыкальный вечеръ, посвященный чествованію памяти Т. Г. Шевченка по поводу 35-лѣтія со дня его кончины. Вечеръ изобилвалъ гостями въ малороссійскихъ костюмахъ мужскихъ и женскихъ.

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ.

Десятилѣтіе наданія газеты «Сынъ Отечества». 5-го марта текущаго года исполнилось десятилѣтіе газеты «Сынъ Отечества» при теперешнемъ ея издателѣ С. Е. Довродьевѣ и новомъ составѣ редакціи. Газета за этотъ періодъ времени совершенно реформирована и въ 11 разъ увеличила число своихъ читателей сравнительно съ тѣмъ, что было десять лѣтъ назадъ. 5-го марта сотрудники чествовали издателя торжественнымъ обѣдомъ и поднесли ему на память золотой массивный

жетонъ съ цифрою X, состоящую изъ бри-
ллантовъ, а служащіе въ экспедиціи и конто-
рѣ поднесли прекрасно написанный адресъ въ
роскошномъ переплетѣ.

Епископъ Мартиніанъ. 3-го марта въ Симферополѣ праздновали пятидесятилѣтіе священнослуженія епископа Мартиніана. Уклонясь отъ чествованія, епископъ Мартиніанъ удалился въ Херсонесскій монастырь; онъ получилъ множество поздравительныхъ телеграммъ. Вечеромъ въ клубъ состоялся бесплатный духовный концертъ.

— М. М. Стасюлевичъ, 1-го марта исполнилось 30-лѣтіе литературной и издательской дѣятельности редактора-издателя журнала «Вѣстника Европы» дѣйств. ст. сов. Михаила Матвѣевича Стасюлевича. Въ этотъ день М. М. получилъ массу поздравленій. Съ юбилеемъ М. М. Стасюлевича совпалъ и юбилей одного изъ наиболѣе близкихъ его сотрудниковъ— А. Н. Цылина, тридцать лѣтъ трудившагося на учено-литературномъ поприщѣ.

— В. Ф. Снегиревъ. Въ декабрѣ прошлаго года исполнилось 25-лѣтіе общественной дѣятельности профессора-гинеколога московскаго университета В. Ф. Снегирева. Тогда же среди коллегъ и почитателей В. Ф. явилась мысль отпраздновать этотъ юбилей одновременно съ открытіемъ гинекологическаго института, что и было сдѣлано на дняхъ.

— Лѣсное Общество. 2-го марта спб. лѣсное общество отпраздновало двадцатипятилѣтіе своего существованія. Присутствовали, между прочимъ, г. министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ.

— Г. Дитмайеръ. 12-го марта придворному садоводу г. Дитмайеру общество садоводства подносит привѣтственный адресъ и альбомъ съ фотографическими карточками, по случаю 75-лѣтія со дня рожденія.

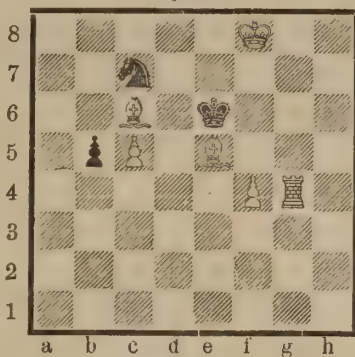
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 8.

Р. ВЕЙНГЕЙМЕРА (въ ВѢИѢ).

Второй призъ на конкурсѣ шахм. общ. въ
Вюрцбургѣ.

Черные.

Бѣлые.

Мать въ 3 года.

21-го февраля в Ростов-на-Дону начался матч между В. Стейницем и Э. С. Шифферсом. Победителем в этом матче будет признан тот, кто выиграет большинство из 12-ти партий.

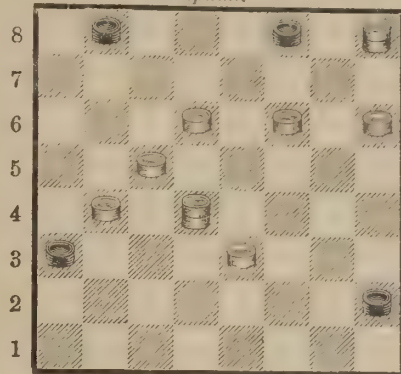
Ш А Ш К И.

Подъ редакціею В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 9.

Д. А. Краюшкина (въ Сызрани).
Черныя.

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть простую.

ЭТЮДЫ И ОКОНЧАНИЯ ПАРТІЙ.

№ 2. Д. И. САРГИНА (въ Москвѣ).

Изъ „Шахматнаго Обозрѣнія“ 1892 г.

— b4, d6, e1; — f4.

— d8, f6.

Бѣлыя выигрываютъ.

Въ шашечномъ турнирѣ по перепискѣ заявили еще жела-
ние участвовать слѣдующіе лица: К. М. Аксеновонъ, З. Кор-
блюмовъ, В. А. Сыробрянскій, К. А. Климовъ, В. В. Латтвѣ,
Л. К. Истоминъ, П. Н. Верникий, А. В. Абазъ, И. П. Мыч-
никъ, А. Я. Рыбинъ, Я. Юлевъ, Н. А. Кукучевъ, Н. Миль-
грамъ, С. П. Индикъ, Н. Н. Кузнецовъ, В. Г. Филипповъ,
А. Е. Кокушкинъ, В. В. Локотьяновъ, Д. О. Фишбинъ, Ѳ. Ѳ.
Старостинъ, М. М. Сессоровъ, Н. П. Зайцевъ, А. И. Высоц-
кій и П. И. Холодовъ.

ЗА РЕДАКТОРА—ИЗДАТЕЛЬ С. ДОБРОДВЕВЪ.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ.

60 ТИРЖЬ 2-ГО ВНУТРЕННЯГО 50% СЪ ВЫИГРЫШАМИ ЗАЙМА 1866 Г., ПРОИЗВЕДЕННЫЙ 1-ГО МАРТА 1896 Г.

[illegible]

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ конторѣ Государственнаго Банка, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го іюня 1896 г.

ТАБЛИЦА

серий билетов 2-го внутреннего 5% с выигрышами займа 1866 г., вышедших в тираж погашения, произведенный в Совете Государствен-
ного Банка 1 марта 1896 г.

НУМЕРА СЕРІЙ: каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, съ № 1 по 50-й включительно.

0010	01050	02016	02691	04002	05128	06184	07422	08624	10195	10893	12037	13691	14074	15622	15980	17338	18395	19839
0034	01275	02037	02947	04301	05543	06270	07644	09082	10312	11569	12085	13751	14674	15629	16225	17808	18621	19873
0068	01488	02373	03392	04696	05565	06711	07792	09082	10319	11670	12139	13885	14888	15696	16243	17818	18955	
0089	01706	02531	03479	04709	05714	06470	08039	09411	10474	11675	12228	13932	15360	15720	16972	17875	18978	
0157	01725	02649	03533	05031	05723	06734	0850	09598	10532	11830	12735	13951	15385	15869	17158	17904	19519	
0174	01897	02669	03872	05038	06124	06745	08394	09613	10600	12022	12916	13960	15495	15904	17422	17996	19775	

Всего 110 серий, составляющих 5,500 билетовъ, на сумму 715,000 рублей.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 130 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1 іюня 1896 г. въ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.

Примѣчаніе: по ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ Положеніямъ о билетахъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ, выигрыши, павшіе на билеты, выдаются владельцамъ билетовъ черезъ три мѣсяца отъ дня тиража. Для полученія выигрышей въ установленные сроки, владельцы билетовъ, на которые пали выигрыши, приглашаются предъавлять въ С.-Петербургскую Контору Государственнаго Банка билеты, но крайней мѣрѣ, за двѣ недѣли до наступленія установленныхъ трехмѣсячныхъ сроковъ, чтобы дать время исполнить необходимыя формальности, обусловливающія выдачу выигрышей.

Советъ Государственнаго Банка.

ЗАЯВЛЕНІЕ

вызывается основательно въ спеціальномъ заведеніи Карла Эрнста. Принимаются приходящіе ПАНСИОНЕРЫ. СПб., Невскій пр., 100, кв. 7. Руководство въ самообученію 3 руб.

Д. Киннманъ и К^о

СКЛАДЪ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ

СПБ.
Киннманъ и К^о

Требуйте каталоги!

!!! Важно для дамъ !!!

Заочное обученіе шитью и крою посредствомъ лекцій-корреспонденцій по новейшему, легчайшему и понятному для каждого методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются бесплатно. Плата умеренная.

Преподавательница Е. Д. Ашмарина
Кіевъ, Житомирская, № 4. № 2359-3

Поступило въ продажу новое изданіе
Ф. ПАБЛЕНКОВА:

ПРИСВѢТЪ ЗВѢЗДЪ.

Популярно-научные очерки ФЛАММАРИОНА
Цѣна 1 рубль

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы новое изданіе романа

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

„ПОГРОМЪ“

Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп. Въ книгѣ 566 страницъ.

Предлагаемый романъ извѣстнаго талантливаго французскаго писателя полонъ самаго живого интереса, гдѣ, между прочимъ, авторъ художественно знакомитъ читателя съ причинами и со всѣми ужасами военныхъ дѣйствій, происшедшихъ ошустопительнымъ ураганомъ по Франціи въ 1870—1871 годахъ.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Требования исполняются съ первой почтой, но только при полученіи денегъ. Для удобства покупателей стоимость книгъ можетъ быть выслана почтовыми марками.

Складъ изданій при конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“

Невскій пр. у Анничкина моста, д. 68—40.

со всѣми необходимыми принадлежностями для изготовленія искусственныхъ цвѣтовъ по 5 р., съ прилож. руководства для начинающихъ по 10, 15, 20 руб. Руководство въ прил. изученію производства искусств. цвѣтовъ изъ матеріи, 300 рис. Цѣна 1 р. 50 к. Изданіе Р. Лютерманъ
СПБ. Невскій пр. 34 и 28.

Вино
Сенъ-Рафаэль

Превосходно на вкусъ.
Сохраняется по способу ПАС-ТЕРА.

На каждой бутылкѣ печати Россійской таможенн. На каждой бутылкѣ приложена брошюра о Сенъ-Рафаэльскомъ винѣ, какъ о ПИТАТЕЛЬНОМЪ, УКРЕПЛЯЮЩЕМЪ и ЦѢЛЕБНОМЪ средствѣ изслѣдованія Д-ра Де-Барре.

2366-2

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ, —8 СПб., Невскій. 59. № 2261.

Въ конторѣ журнала „Живоп. Обзоръ“ (СПб., Невскій, д. 68—40) продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“

Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб. 5 к.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

ГОЛЛЕНДЕРЪ,

цвѣтовъ: чернаго, каштановаго и темнорусаго. Легкій способъ и прочностъ окраски. Цѣна коробки 1 руб. 50 коп. съ пересылкою 2 руб. 25 коп.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

СПБ., Демидовъ переулокъ, дома № 1

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ОСВѢЖАЮЩІЙ

ХВОЙНЫЙ ВОЗДУХЪ
въ комнатахъ, при употребленіи

ЛѢСНОЙ ВОДЫ

ФИРМЫ

Продается въздѣ

ПЕРВАЯ

НЕОБХОДИМОСТЬ

для каждого—БѢЛБЕ.
Прочное и элегантное покрывало: для Гг. офицеровъ особ. новаго покроя, предлагается спеціальныи магазинъ бѣлыя,

Ю. ГОТЛИБЪ

По Владимірской д. 2, уг. Невск. пр.

№ 2216 — 41

ПАМЯТЬ

„ИСКУССТВО УКРЕПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“.

(Что такое мнемоника?)

книга (платное изданіе)

профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА и почтеннаго условія за заочный (письменный) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.) высылаются за шесть 7 коп. марк. на вѣзевой бумажѣ вмѣстѣ съ условіями—за восемь 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогикъ, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую, и лучшей—у обладающихъ хорошей.

Въ несомнѣнной пользѣ и дѣлесеобразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, военные, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званій и возраста, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безъ книгъ высылаются за одну 7 коп. марку). Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Синовица д. О. 40) (рядомъ съ Городецкимъ садомъ) д. Бродскаго № 6 40, кв. 4-5-6, бель-этажъ. Профессоръ мнемоники членъ парижской академіи С. Файнштейнъ. № 2298—6.

ПОПРОБУЙТЕ МЫТЬСЯ МЫЛОМЪ**ЮМЪ-ЮМЪ**

— 3 ПАРФЮМЕРА ПЬЕРЪ № 2344

и вы другимъ мыломъ мыться не будете! Цѣна 20 коп. за кусокъ; получить можно во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Складъ въ Харьковѣ. Пассажи, у П. УШАНОВА.

№ 2305—8

ВЫИГРЫШ

име 1, 2 и 3 займы продаетъ

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, невскій, спб.

Главное депо часовъ

Эд. Бурхардъ.

СПб., Гороховая ул., у

Краснаго моста, № 17.

2) по Невскому пр.,

№ 6, прот. М. Морской.

Большой выборъ всевозможныхъ часовъ

лучш. фабрикъ по самымъ умѣр. цѣнамъ

Никелевые... отъ 6 р. 50 к. до 15 р.

Стальные (черные)... 0 р. — 20

Серебряные мужские и

дамскіе... 12 — 75

Золотые мужскіе... 50 — 500

Золотые дамскіе... 25 — 100

Регуляторы 2-хъ не-

дѣльных... 7 — 65

Будильники... 4 р. 50 к. — 15

Гг. Инородимымъ высылаю наложеннымъ

платежемъ. Прейс-курранты высылаю

бесплатно. Карманные часы на суммусы-

мо 10 р. высылаются почтой на счетъ

моего магазина. № 1229-6

Товарищество сарпинковъ въ Саратовѣ предлагаетъ:

Натуральныя сарпинскія ткани изъ шелка и бумаги. Неподражаемый выборъ всѣхъ родовъ бѣлыя, черныя и пестрыя.

ПЕРЕСЫЛКА ТКАНЕЙ ЗА СЧЕТЪ ФИРМЫ.

образцы въ издѣломъ АЛЬБОМѢ высылаются за 42 коп. марками. 2358-6

ЗА 10 РУБЛЕЙ

съ пересылкою миниатюрный астрономическій бинокль аргусъ завода Stern et Co Paris, со шнуркомъ въ замшевомъ чехлѣкъ удобно помѣщается въ карманъ и вполне замѣняетъ большіе тяжелые бинокли.

Складъ А. ПОЛЬКО

— 3 Гороховая, № 31. С.-Петербургъ.

АЛЬБОМЪ ПАРИЖСКИХЪ КРАСАВИЦЪ

составленъ изъ картинъ лучшихъ французскихъ художниковъ и въ составъ этого альбома вошли слѣдующія картины: 1) Триумфъ Венеры; 2) Потифаръ; 3) Леда съ лебедемъ; 4) Судъ Париса надъ тремя граціями; 5) Диана при купаньи; 6) Послѣ купанья въ гаремѣ; 7) Венера являющаяся тремъ граціямъ; 8) 4 дамы; 9) Скала и Волна.

Всѣ картины въ немъ Парижской школы въ особенности замѣчательны тѣмъ, что художники съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ изобразили

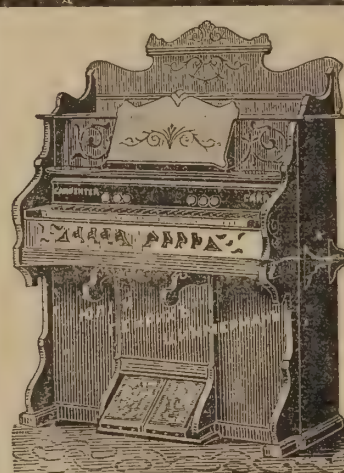
КРАСОТУ ЖЕНЩИНЫ.

Всѣ картины помѣщены въ изящно тисненную золотыми и черными рисунками машинку.

Цѣны съ пересылкою (Въ машинкѣ... 2 руб. 90 коп. 2 за 5 р. 35 к.

Наложен. платежомъ (Безъ машинки... 2 руб. 05 коп. 2 за 3 р. 60 к.)

Базаръ Марокъ (С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20-25)

ФИСТАРМОНІИ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ

ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ:

въ 85, 100, 110, 130, 135, 150,

160, 180, 190, 200, 225, 240,

250, 300, 325, 350, 400, 450,

500, 550, 750, 800 и 1,000 руб.

Школа-самоучитель—Паже 2 р.

Иллюстрированный прейс-куррантъ

БЕЗПЛАТНО. —11

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

№ 11 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 8-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) Листъ «Еженедѣльной хроники» № 11, III) «Новѣйшія Парижскія Моды», за мартъ, № 3-й, IV) Листъ выкроекъ и узоровъ и V) Раскрашенная картинка «Весенніе модные костюмы».

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. А. ОБРОБЪЕВА

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

со всеми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала „Домашняя Библіотека“:
НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р.
Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургѣ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

СНЯТІЕ СО КРЕСТА. РИСОВАЛЪ ХУДОЖНИКЪ А. ЛУКАШЕВИЧЪ. (Совств. «Жив. Обзор.»).

ПТИЦЫ.

(Изъ БЕРАНЖЕ).

Отъ дыханья зимы обнажились поля
И умчались птицы на югъ,
Гдѣ живительнымъ солнцемъ согрѣта земля
И не слышно ни бури, ни вьюгъ.
Но и чудной страны и тепло, и покой
Полуночныхъ гостей не прельстятъ,
И съ приходомъ весны они снова домой
Изъ далекихъ степей прилетятъ.

Улетаютъ онѣ, замолкаетъ кругомъ
Щебетанье и рокогъ и свистъ;
Точно вымерло все иль оковано сномъ;
Лишь шуршитъ опадающій листь.
Птицы-жъ пѣсни поютъ надъ широкой рѣкой
Гдѣ гигантскіе сфинксы стоятъ,
Но съ приходомъ весны онѣ снова домой
Изъ далекихъ краевъ прилетятъ.

Обреченнымъ судьбою на мѣстѣ сидѣть,
Выносить и морозъ и туманъ,
Намъ съ сердечной тоской остается глядѣть,
Какъ уносится птицъ караванъ.
Какъ счастливы онѣ, что ненастной зимой
Ихъ широкія крылья умчатъ,
А съ приходомъ зимы онѣ снова домой
Изъ далекихъ краевъ прилетятъ.

Птицы знаютъ, что здѣсь ихъ давно уже ждутъ,
И лишь солнце появится вновь—
Возвратятся и снова—и кровлю найдутъ
И сердечный привѣтъ и любовь.
И милѣе, чѣмъ Нилъ, имъ ихъ сѣверъ родной,
Гдѣ ручьи ужъ журчатъ и шумятъ,
И съ приходомъ весны онѣ снова домой
Изъ далекихъ степей прилетятъ.

Н. Н. Д.

О Ж И Л И.

РАЗСКАЗЪ.

Мои средства никогда не позволяли мнѣ скольконибудь распространить и расширить свою благотворительность; но мнѣ кажется, у меня есть врожденная къ ней склонность; я не только жалѣю, а просто люблю всякаго человѣка, нуждающагося въ удовлетвореніи первыхъ потребностей. Не могу объяснить себѣ только, почему всякій разъ, когда кліенту моему удастся перейти изъ лагеря голодныхъ въ лагерь сытыхъ, я не только перестаю интересоваться его дальнейшей судьбою, но вмѣсто прежней симпатіи начинаю чувствовать къ нему нѣчто похожее на отвращеніе? Я разскажу одинъ случай, который особенно хорошо сохранился въ моей памяти.

Разъ какъ то, возвратившись домой вечеромъ, я нашла у себя на столѣ грязное, измятое, можно сказать изношенное письмо. Прислуга моя объявила мнѣ, что письмо это принесъ «какой-то» и съ нимъ приходила тоже «какая-то», должно быть, его жена. Они ушли и сказали, что скоро придутъ за отвѣтомъ. Письмо это было отъ моей кормилицы; оно состояло изъ нѣсколькихъ строкъ, но отвѣчать на него было не совсѣмъ легко, потому что отвѣчать надо было не словами, а дѣломъ, да еще довольно труднымъ. Кормилица просила меня прислать подходящее мѣсто ей сыну и невѣсткѣ. Я знала, что Алексѣй, такъ звали сына кормилицы, былъ одно время приказчикомъ у своего стараго барина, но молодой баринъ отказалъ ему тотчасъ же послѣ смерти своего отца.

Прежде всего надо сказать, что кормилица моя въ былое время пользовалась въ домѣ моихъ родителей большимъ почетомъ; когда она пріѣзжала изъ своей деревни къ намъ въ гости, то, къ удивленію всей прислуги и особенно кормилицы младшаго брата, свободно расхаживала по всѣмъ комнатамъ въ своихъ котахъ, въ своей синей поддевкѣ и съ пестрымъ платкомъ на головѣ; писколько не стѣсняясь, она заходила даже къ отцу моему въ его неприкосновенный кабинетъ и въ гостиную, когда въ послѣдней

не было гостей. Моя кормилица пользовалась всѣми этими, недоступными для другихъ вольностями, потому что я у родителей своихъ была первымъ ребенкомъ и въ то время, когда она меня кормила, они были очень молоды, податливы и мягки; кормилица была старше ихъ обоихъ, имѣла уже дѣтей и обладала большей опытностью въ обращеніи съ ребенкомъ. Она часто утѣшала своихъ молодыхъ господъ, когда они напрасно беспокоились о здоровьи ребенка и т. д. Женщина она была съ характеромъ, здоровая и красивая, которая, казалось, не умѣла и не хотѣла старѣться. Она имѣла себѣ въ большую заслугу то, что меня выкормила, и никогда не сомнѣвалась въ томъ, что все во мнѣ хорошее приобрѣла я отъ ея «молока». Послѣ всего этого понятно, что сына ея и не вѣстку, когда они ко мнѣ пришли за отвѣтомъ, я приняла, какъ дорогихъ гостей; обласкала и угостила. Пришли они въ сумерки, въ морозный день, и перезѣли, потому что были одѣты очень легко. Алексѣй разсказалъ мнѣ, что маманька приказывала ему ѣхать прямо въ Петербургъ и дала ему письмо ко мнѣ, а онъ остался въ Москвѣ почитать счастье; пробыли они тамъ съ женой больше года—прожились въ конецъ; много передавали денегъ людямъ, обѣщавшимъ отыскать мѣстечко, а теперь явились въ Петербургъ ни съ чѣмъ и въ Петербургѣ имъ тоже очень плохо приходится. О послѣднемъ, впрочемъ, нечего было упоминать; это было и безъ того хорошо замѣтно. Я велѣла затонить каминъ въ столовой и во время обѣда старалась какъ можно меньше говорить для того, чтобы дать имъ хорошенько напиться и наѣсться. Мнѣ же хотѣлось разсмотрѣть ихъ, какъ слѣдуетъ. Трудно отыскать еще два такіхъ противоположныхъ существа, думала я, разматривая поочередно то жену, то мужа. Онъ былъ смуглъ и довольно толстъ, не смотря на то, что потому, какъ онъ ѣлъ, было замѣтно, что давно уже живетъ онъ впроголодь. Онъ ѣлъ очень скоро, и кусокъ то и дѣло останавливался у него въ горлѣ; тогда

онъ поспѣшно запивалъ его то виномъ, то водою, то квасомъ и при этомъ захлебывался, старался сглотить это, крѣпко стискивалъ свои бѣлые, мелкіе зубы, но безпрестанно краснѣвшіе глаза выдавали его. Не смотря на толщину Алексѣя, его темные, почти черные глаза совсѣмъ ввалились; они смотрѣли печально, смиренно и такъ боязливо, какъ иногда смотритъ ребенокъ въ темное пространство. Жена моего молочнаго брата была маленькая, худенькая, вертлявая, бѣлокурая, съ бѣлыми рѣсницами и бровями; она сильно напоминала собою мать. По манерѣ ея держать себя и одѣваться можно было замѣтить, что она вышла изъ «чистыхъ горничныхъ». Она была менѣе печально настроена, чѣмъ ея мужъ, и никакъ не могла ѣсть молча. Она вѣрила въ то, что «вдругъ» они найдутъ на улицѣ деньги, да еще и большія, «вдругъ» имъ свалится съ неба мѣсто, да еще и хорошее. Это слабое, заморенное существо, казалось, постигло трудную науку питаться воздухомъ, или, какъ она сама говорила, совсѣмъ разучилась ѣсть. Къ кушаньямъ она едва притронулась и то, кажется, больше изъ любопытства. Говорила она невнятно, точно жуужкала, и все какъ то металась въ разныя стороны.

Послѣ обѣда я подробно спросила и жену, и мужа, чѣмъ они раньше занимались и какой именно работы хотятъ. На прощанье я обѣщала поискать мѣсто Алексѣю: швейцара или старшаго дворника. Мои послѣднія слова привели въ восторгъ жену Алексѣя; она завертѣлась, заголила, затараторила; а мужъ ея отчеканилъ только:

— Благодаримъ покорно!

Въ его голосѣ слышалось безысходное отчаяніе и какое-то недовѣріе къ моимъ словамъ. Проводивъ ихъ, я стала раздумывать, къ кому-бы обратиться съ просьбой поискать мѣсто бѣдному Алексѣю и пришла мнѣ въ голову, что лучше всего поѣхать на вечеръ къ знакомымъ, у которыхъ обыкновенно бываетъ много народу. Это былъ простой вечеръ, на которомъ молодежь танцевала подъ фортепьяно, подъ даровую игру учительницы

музыки, а пожилые люди играли въ карты, лѣниво по привычкѣ острили и съ нетерпѣніемъ ждали обильнаго, вкуснаго ужина. Хозяева дома были не завзятые богачи, но люди, умѣвшіе хорошо устроиться, обладатели казенной квартиры, казенныхъ дровъ и освѣщенія; ихъ дѣти воспитывались на казенный счетъ и по окончаніи своего образованія могли рассчитывать на казенныя же мѣста. И гости принадлежали къ числу переправившихся съ голоднаго берега на сытый, гдѣ нѣтъ воздыханія и печали. Тамъ были: учителя, занимавшіе уже мѣста директора или инспектора или успѣвшіе выпустить въ свѣтъ руководства, одобренныя министерствомъ, литераторы, пишущіе во «всѣхъ» журналахъ; духовныя лица, облеченные въ дорогія бархатныя ряссы, на которыя дамы бросали пріятно изумленные взгляды. Все это общество мужчинъ и женщинъ, когда не играло въ карты и не танцовало, вело разговоры объ испытанныхъ и предстоящихъ удовольствіяхъ и о «кое-стояхъ дня». Всѣ наслаждались сытнымъ довольствомъ, въ которомъ, какъ говорится, катились какъ сыръ въ масло, но, разумеется, каждый дѣлалъ это по своему; одни утопали въ довольствіи и дремали, «какъ дремлетъ стадо на тихой рѣчкѣ въ лѣтній день», другіе, напротивъ, съ бѣшенствомъ увлекались имъ и неслись куда-то на всѣхъ парахъ.

Я сидѣла въ сторонкѣ и думала: къ кому подступиться и какъ мнѣ «начать» разговоръ о человѣкѣ, дошедшемъ до послѣдней крайности, которому нужно мѣсто. Такихъ, какъ мой Алексѣй съ женою, такъ много; никого ихъ участію, навѣрно, не удивишь, и, пожалуй, не тронешь. Какъ-бы то ни было, я рѣшила попытать счастья; подсаживалась попеременно то къ тѣмъ, то къ другимъ и только убѣдилась, что однихъ не пробудишь, другихъ не остановишь. Многіе, слушая меня, дѣлали видъ, что «понимаютъ», чувствуютъ, постараются, поищутъ мѣста, найдутъ, но по глазамъ было видно, что сейчасъ у нихъ изъ головы вылетитъ моя просьба. Не смотря на это убѣжденіе, я все говорила и говорила, потому что не могла замолчать, но чувствовала, что пишу на водѣ, толку воду!

Возвращаясь домой, я сожалѣла, что потеряла вечеръ и ни на шагъ не подвинулась въ своемъ дѣлѣ. Въ то время, когда я проѣзжала мимо церкви Преображенія, было три часа. Бой часовъ, въ ночной тиши, заставилъ меня вздрогнуть всѣмъ тѣломъ; я какъ-то встрепенулась и мнѣ такъ живо представилось все страшное значеніе этихъ двухъ словъ: «нѣтъ мѣста!» Для бѣднаго человѣка это значитъ: «нѣтъ мѣста на землѣ; ложись въ могилу». Какъ ужасно, какъ обидно и оскорбительно здоровому, способному работать человѣку не имѣть мѣста!

Прошло нѣсколько недѣль, и мнѣ все не удавалось найти мѣста Алексѣю и его женѣ; много непріятныхъ минутъ пережила я, общаясь имъ о своихъ неудачахъ, когда они приходили ко мнѣ справляться о своей участи. Я, конечно, всячески старалась смягчить непріятное для нихъ извѣстіе, но все же оно производило свое дѣйствіе. Аннушка, жена Алексѣя, всякій разъ являлась ко мнѣ съ самыми радужными надеждами и мнѣ приходилось ихъ разбивать. Что касался Алексѣя, то онъ, слушая меня, только глухо повторялъ:

— Такъ я и зналъ, такъ и зналъ.

Я чувствовала себя передъ ними безъ вины виноватой, утѣшала ихъ, какъ могла,

Алексѣю давала книги, Аннушкѣ кой-какое питье, за которое платила вдвое дороже, и бесѣдовала съ ними разъ въ недѣлю къ великому неудовольствію своей горничной, не любившей подавать кушанья «какимъ-то». Меня же эти бесѣды нисколько не тяготили. Мой молочный братъ былъ умный мужикъ; къ тому же все, что говорилъ онъ въ то время, было и прочувствовано и въ высшей степени справедливо.

— Господи, сколько же времени мы маменькѣ не писали, — гогорила Аннушка, — онъ теперь ужасно какъ беспокоится.

— Что писать-то, — какъ бы про себя замѣтила Алексѣй. — Сидимъ безъ мѣста, собираемся съ голоду помирать. Такими вѣстями ее вѣдь не успокоишь.

Вообще онъ говорилъ о своей матушкѣ неинтересно, какъ со слезами на глазахъ. Казалось, нечего бы на свѣтѣ онъ для нея не пожалѣлъ, все бы ей сдѣлалъ, если-бы только былъ въ состояніи.

Наконецъ, черезъ два мѣсяца лишь мнѣ удалось отыскать Алексѣю мѣсто швейцара, двѣнадцать рублей жалованья въ мѣсяцъ съ готовой квартирой, (полутемной каморкой въ подвалѣ) съ дровами и керосиномъ. При этомъ извѣщеніи жена Алексѣя съ радости бросилась было цѣловать у меня руки. Но самъ Алексѣй какъ то не могъ взять въ толкъ, что это онъ получилъ мѣсто. Жена долго объясняла ему, что за квартиру теперь имъ ничего не придется платить и что двѣнадцать рублей такіе деньги, которыхъ имъ ни проѣсть, ни пропить, что, наконецъ, пахота на дворѣ, онъ будетъ праздничные получать и маменькѣ «къ Троицѣ» большую нашь купить. Однимъ словомъ, Аннушка успѣла наговорить много въ то время, какъ Алексѣй едва пришелъ въ себя, перекрестился, поблагодарилъ Бога за то, что не придется ему теперь ни идти съ рукой, ни умирать съ голоду, потомъ поблагодарилъ меня за хлопоты и сталъ торопить жену отпраляться домой писать матушкѣ, по которой у него вся душа выболѣла.

Они ушли и съ тѣхъ поръ я долго не видѣла Алексѣя; Аннушка забѣгала одна и говорила, что Алексѣй занятъ, да и больше ходить — напрасно меня беспокоить. У самой у ней былъ теперь постоянно разстроенный, разочарованный видъ; какъ будто теперь ей жилось хуже прежняго. Мнѣ она сказала, что швейцарская ихъ ужасно сыра и двѣнадцать рублей имъ рѣшительно ни на что не хватаетъ. Съ горничной-моей она была откровеннѣе и говорила ей, что отъ такого то мѣста, мало проку, хотя Алексѣй утѣшалъ, что не успѣлъ еще приспособиться и что швейцары даже деньги наживаютъ. Вскорѣ же, послѣ святой, Аннушка явилась къ намъ въ новомъ платьѣ; въ глазахъ у ней проявился нѣкоторый блескъ; на щекахъ ея, еще вналыхъ, выступилъ чуть замѣтный румянецъ. Посмотрѣвъ на нее, я подумала должно быть, Алексѣй приспособился. Такъ и оказалось на самомъ дѣлѣ. Аннушка весело рассказывала, какъ ея мужъ сначала, чтобы угодить жильцамъ до двухъ-трехъ часовъ ночи у подъѣзда дежурилъ и собственноручно лампой освѣщалъ лѣстницу; жильцы же, возвращаясь домой, видѣли, что огонь горитъ, швейцаръ не спитъ и ни гроша ему не давали. Потомъ Алексѣй догадался; началъ подъѣздъ запираеть, какъ и полагается, въ одиннадцать часовъ. Всякому, кто позднѣе придетъ, даетъ позвонить хорошенько, потомъ отворить, тогда всякій ви-

дитъ, что пришелъ поздно, побеспокоилъ и даетъ двугривенный.

— Теперь, — продолжала Аннушка, — Алексѣй все знаетъ: передъ кѣмъ только шанку снять, кому кромѣ того поклониться пониже, кому только дверь отворить, кого посадить въ экипажъ. А главное онъ умѣетъ всѣмъ жильцамъ угодить. Въ одной квартирѣ покойникъ случился; Алексѣя позвали покойника вымыть — вымылъ. Въ другой свадьба была — онъ за лакея служилъ. Одинъ баринъ эдоджалъ много, приказалъ кредиторовъ спроваживать всячески, Алексѣй и на это мастеръ. А тутъ еще барышня богатая въ студента влюбилась, хлопотъ Алексѣю надѣлала: письма пришлось передавать. И ни отъ чего такого нельзя отказаться и все это надо дѣлать умѣючи, скоро и ухо держать востро.

Изъ откровенныхъ разсказовъ Аннушки можно было заключить, что и она, и ея мужъ не плошали и зашибали деньги. Мнѣ, конечно, непріятны были эти разсказы, но они меня какъ-то не возмущали, такъ какъ и я понимала, что двѣнадцати рублей ни на что не хватитъ, и нужда загавитъ какъ нибудь изворачиваться. Но скорѣ я замѣтила, что у нихъ явилось поползновеніе къ скорой наживѣ; обнаружилось это сперва въ легкой формѣ; они начали покупать «по случаю» старыя вещи, которыя «при случаѣ» дорого продавали. Вырученные барыши они откладывали, чтобы купить давно желанный билетъ. Это умѣнье дешево купить и дорого продать Аннушка считала высшимъ проявленіемъ ума своего Алексѣя, потому всегда распространялась объ этомъ предметѣ съ особеннымъ удовольствіемъ. Разсказы послѣдняго рода начинали меня возмущать, потому я, чтобы прекратить посѣщенія Аннушки, перестала давать ей работу. Но она все-таки забѣгала; Алексѣю хотѣлось получить черезъ меня мѣсто старшаго дворника. И не прошло году, кто-то изъ жильцовъ выхлопоталъ ему желанное мѣсто. Это было для нихъ такое радостное событіе, что они оба, — и Алексѣй, и Аннушка — явились сообщить мнѣ о своемъ счастьи, наивно увѣренные въ томъ, что я всякія ихъ радости горячо принимаю къ сердцу. Я нашла, что оба они, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ нельзя болѣе измѣнились; въ особеннѣе Алексѣй сталъ неузнаваемъ; кроткій человѣчскій образъ точно смѣло съ лица его; куда дѣвалась его набожная серьезность и тихая сосредоточенность; и въ его глазахъ, и въ улыбкѣ мелькало что-то плотоядное, хищническое. Глаза, какъ говорится, маслились, лицо лоснилось. Онъ сдѣлался ужасно рѣчистъ и живо посвятилъ меня во всѣ прелести положенія старшаго дворника.

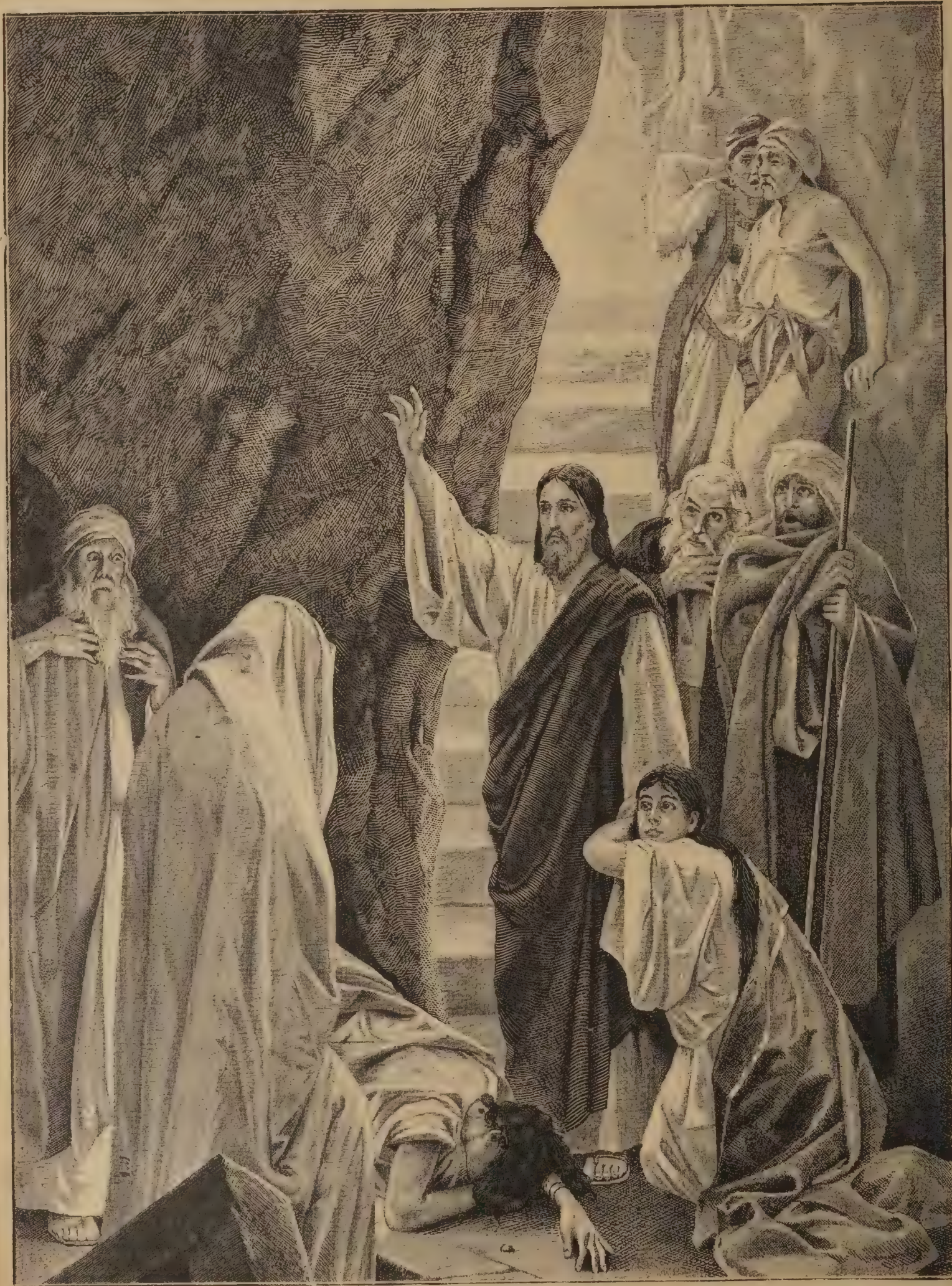
— Во первыхъ, — говорилъ онъ, — у меня всѣ младшіе дворники подъ началомъ; жалованье имъ положу, какое хочу, потому что народу теперь безъ мѣста очень много.

— Молоко у насъ будетъ некупленное, — подтягивала Аннушка, — старшему дворнику молочница иногда даже сливки даетъ даромъ, потому что онъ, какъ захочетъ, со двора ее прогнать можетъ.

Я съ удивленіемъ замѣтила, что прежде они такъ часто говорили о «маменькѣ», а теперь ни одного слова. Я спросила ихъ, наконецъ, живали-ли моя кормилица и думаютъ-ли они теперь перевезти ее къ себѣ? Алексѣй отвѣчалъ мнѣ:

— Куда же матушкѣ на старости лѣтъ сюда ѣхать

СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА П. СВѢДОМСКАГО.

Воскрешеніе Лазаря.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА М. МАТВѢВА.

Собственность журнала „Живописное Обозрѣніе“.

Продажа вербъ.

— Да маменькѣ ужъ и умирать пора,—не стѣсняясь, шутила Аннушка,—а еще наряжаться хотѣть: безпрестанно деньгами насъ беспокоятъ.

Оба они ушли, оставивъ въ мнѣ самое неприятное впечатлѣніе, и, недовольные въ свою очередь моимъ приѣмомъ, они долго не приходили. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Аннушка не вытерпѣла—прибѣжала сообщить новость,—Алексѣй завелъ лошадей, трехъ извозчиковъ держитъ.

— Это,—говорила она,—очень хорошо, потому что труда никакого, а польза есть; всѣ старшіе дворники непременно чѣмъ-нибудь такимъ занимаются.

Я сказала:

— Вы, Аннушка, и одѣты теперь совсѣмъ по модѣ.

Она отвѣчала, что за фасонъ платья заплатила пять рублей, потому что не зачѣмъ самой шить, только доброе погнѣть. Замѣтивъ, что я сухо, не попрежнему съ ней обращаюсь, она начала извиняться:

— Не хотѣла я васъ беспокоить, да маменька пишетъ—приказываетъ васъ провѣдать, Богу молиться за васъ велитъ, потому что черезъ васъ,—говоритъ,—мы въ люди вышли. Ахъ, если-бы маменька посмотрѣла, въ какой Алексѣй шубѣ-то ходитъ; одинъ баринъ ему изъ нужды продалъ. Теперь и я къ Алексѣю пристала, чтобъ мнѣ шубу хорошую сшила; нѣльзя-же, онъ идетъ въ шубѣ, какъ господинъ, а я такъ... надо-же подѣ кадрили.

Словарь Аннушки, очевидно, обогатился новыми словами и оборотами; она сказала, что набралась этого ума у хорошихъ знакомыхъ. Они теперь водятъ хорошее знакомство, потому что угостить есть чѣмъ; къ нимъ ходитъ не только городской, но и самъ околоточный.

— Вы говорите, что хорошо живете,—сказала я,—отчего-же не поправаляетесь, все такая-же худая и блѣдная?

— Меня теперь ревность замучила; все мужа ревную; все плачу.

— Да рзвѣ у васъ есть причина его ревновать?

— Нѣтъ, что вы! Причины, слава Богу, никакой нѣтъ. А такъ вотъ, сижу, сижу, да и вздумаю: ну, что, если онъ меня броситъ, заведетъ себѣ какую-нибудь и будетъ ей хорошія платья шить и дарить золотыя браслетки?.. Ну и заплачу, заплачу!..

— А какъ вашъ мужъ поживаетъ?

— Ничего, за воротами сидитъ—присматриваетъ, деньги записываетъ, деньги считаетъ, меня ругаетъ за то, что попусту плачу, а то думаетъ, думаетъ... Очень ему хочется на вывозку мусора подрядиться. У нашего земляка-мусорщика теперь ужъ домъ свой. Ну, и Алексѣю тоже хочется мусорщикомъ сдѣлаться, да денегъ-то у насъ еще такихъ нѣтъ, подняться-то еще не съ чего. Иногда и ночью не спитъ, да и мнѣ спать не даетъ,—разбудитъ и скажетъ: «Аннушка! Какъ мусорщикъ-то живетъ, а вѣдь онъ грамотѣ-то хуже насъ съ тобой знаетъ; надѣ письменнымъ столомъ-то у него лапотъ виситъ, въ лантяхъ, значить, изъ деревни въ Петербургъ пришелъ. А мы-то съ тобой лаптей и не нашивали. Неужели мнѣ до мусорщика не дойти. Извозчики встѣ все выручку утаиваютъ».

— И чтожъ изъ всего этого. Лучше-ли намъ теперь, чѣмъ прежде?—спросила я въ заключеніе Аннушку.

— Ну, какъ можно, какъ можно,—сказала

она,—теперь мы совсѣмъ, совсѣмъ оживли, все-же таки оживли!

Е. Литвинова.

ИСПОВѢДЬ.

Передъ святымъ Евангеліемъ Твоимъ
И предъ крестомъ Твоимъ животворящимъ
Стою я, тяжестью грѣховъ томимъ,
Въ слезахъ, съ раскаяньемъ живымъ, палящимъ.

* * *

О, Господи, Всесильный Царь царей,
Лишь Ты Одинъ людскихъ грѣховъ цѣлитель,
Внемли-жъ страданіямъ души моей,
Наставь ее на путь добра, Учителы!

* * *

Судья святыи! — душа моя слаба,
Не въ силахъ выполнить Твоихъ велѣній!
Прости-жъ, Благій, молящаго раба
И огради отъ новыхъ прегрѣшеній!

Н. Полозовъ.

НАЙДЕНЫШЪ.

Разсказъ І. Я. Кремера *). (Съ голландскаго).

ГЛАХЛА ты нашу деревенскую новость? — спросилъ работникъ Петеръ Янсенъ свою жену, которая собирала ему ужинъ. — Слыхала ты, Нетье, какъ скоро вдова Клааса Гермсена ушла за своимъ мужемъ?

— Что ты говоришь? — вскричала хозяйка, ставя на столъ глянцую миску съ дымящейся похлебкой. — Хрема Христина умерла? Боже мой! Не на долго они разстались. Клаасъ умеръ весною, а Христина... да, ровно шесть мѣсяцевъ позднѣе. Боже мой, скверное дѣло для Ми (сокращеніе Маріи) въ люлкѣ! Куда она дѣнется? У нея ничего нѣтъ,—ни гроша... шить и вязать она умѣетъ, но думаю, что не особенно хорошо... Цыцъ вы, пострѣлята! — прикрикнула она вдругъ на ребятишекъ, у которыхъ текли слюнки при видѣ миски, изъ которой поднимался такой аппетитный паръ. — Вашей матери не разорваться!.. Въ жизнь мою не слыхала ничего подобнаго! Христина было лѣтъ пятьдесятъ, а въ Ивановъ день исполнится ровно восемнадцать лѣтъ, какъ Ми въ люлкѣ живетъ у насъ въ деревнѣ... Помогимся, Петеръ, ребятишки такъ лѣзутъ и шумятъ, что своихъ словъ не слышно!

Янсенъ вынулъ трубку изъ рта, закрылъ глаза шапкой, жена его ткнула въ бокъ старшаго сынишку, чтобы онъ также закрылъ глаза.

Помолились. Петеръ искренно благодарилъ Господа; у его сосѣда Виллема навѣрное не было такого сытнаго ужина для жены и дѣтей. Кончивъ молитву, онъ изъ-за края шапки увидѣлъ красныя щеки своей доброй жены и цвѣтущія личики дѣтей, и снова закрылъ глаза и мысленно проговорилъ, всѣмъ сердцемъ обращаясь къ Создателю: «Благодарю Тебя, великій и милосердый Боже! Аминь!»

Жена его не менѣе искренно молилась, по смерти хромой Христины нѣсколько смутила ее, и къ молитвѣ примѣшивалась мысль,—

*) Іаковъ Янъ Кремеръ, голландскій писатель, беллетристъ, родился въ 1827 году, умеръ въ Гаагѣ въ 1880 г. Сначала занимался живописью, но вскорѣ перемѣнилъ кисть и перо. Его разсказы изъ провинціальной жизни отличаются наблюдательностью, энергическимъ языкомъ и сердечнымъ юморомъ. И смѣло могутъ быть причислены къ лучшимъ образцамъ голландской литературы. Онъ писалъ также романы и драматическія произведенія.

когда ее будутъ хоронить, придутъ-ли родственники? И вдругъ у нея мелькнула мысль,—она могла также умереть, что-бы сталъ дѣлать Петеръ съ маленькими дѣтьми. И на ея лѣвомъ глазу выступила слеза — она всегда плакала лѣвымъ глазомъ прежде,—и отъ всего сердца она поблагодарила Господа за свою жизнь: «Благодарю Тебя, великій и милосердый Боже!»

Ребятишки быстро проговорили молитву. «Очи всѣхъ на тя, Господи...» и томящимися глазами смотрѣли то на дымящуюся миску, то на своихъ родителей,—скоро-ли они кончатъ?

Отецъ надѣлъ, наконецъ, шапку на голову, и мать сдѣлала знакъ, что можно начинать,—не прошло пяти минутъ, какъ похлебка отправилась въ надлежащіе желудки.

Послѣ ужина дѣти улеглись спать. Петеръ поправилъ на очагѣ головешки, огонь весело заигралъ, и набилъ себѣ новую трубку. Нетье принялась кормить меньшого ребенка, который передъ тѣмъ спалъ въ старой плетеной люлкѣ.

— Боже мой,—сказала Нетье, озабоченно смотря,—какъ онъ еще малъ!

— Что ты хочешь сказать, Нетье? — спросилъ ее мужъ.

— Что я хочу сказать? Подумай только, вдругъ у тебя не будетъ работы, или ты заболѣешь, или Господь призоветъ кого нибудь изъ насъ двухъ, что станетъ съ бѣдными дѣтьми?.. Альберту едва девять лѣтъ, а онъ старшій; этому только одиннадцать мѣсяцевъ, а къ Срѣтенію...

— Ну, дѣло еще не такъ плохо,—сказалъ Петеръ успокоительнымъ тономъ,—у насъ должно быть полъ-дюжины... Вѣдь такъ, Нетье?

— Да, вы, мужчины, всегда такъ говорите,—улыбаясь отвѣтила жена,—и не хотите подумать...

— Дѣти—даръ Божій,—прервалъ ее мужъ,—они растутъ съ каждымъ днемъ и становятся ближе къ работѣ. Увидишь, Нетье, черезъ нѣсколько годочковъ...

— Ба, ба, ба! — закричала Нетье. — Маленькія дѣти—маленькія заботы, большія дѣти—большія заботы.

— Не безпокойся, Нетье. До сихъ поръ мы не голодали и ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Я здоровъ и хорошо зарабатываю; ты здорова и дѣти тоже, слава Богу...

— Да, все это хорошо, Петеръ, но если съ нами случится тоже, что съ Гермсенами?

— Да, если... если... Господь до сихъ поръ не оставлялъ насъ и впередъ не оставитъ. Ты только что говорила, что у насъ много дѣтей, а если-бы одинъ изъ нихъ заболѣлъ и Господь прибралъ его?

— Бога ради, Петеръ, не грѣши,—вскричала испуганная женщина, поспѣшно склонившись надъ люлкой и цѣлуя маленькаго, будто опасаясь, что смерть прежде всего направитъ свою косу на этого. Но тотъ остался не особенно доволенъ материнскою пѣжностью, скрипнулъ гримасу и готовился заплакать, мать поспѣшно закачала люльку.

Когда ребенокъ успокоился, добрая женщина со слезами въ голосѣ сказала:

— Не сердись на меня, Петеръ, но я не могу забыть Гермсеновъ; если съ нами подобное случится, нашимъ дѣтямъ будетъ еще хуже, чѣмъ Ми въ люлкѣ. Благодареніе Господу, что мы еще здоровы!

Супруги посидѣли еще немного, но когда на церковной башнѣ пробило десять, они уже спокойно спали.

Вѣсть, что хромая Христина умерла, быстро разнеслась по деревнѣ; всѣ знали, что бѣдная «Ми въ люлькѣ» осталась одна; всѣ жалѣли хорошенькую дѣвушку, у которой никого не было близких на свѣтѣ, но никому не пришло въ голову взять ее къ себѣ.

Никто не зналъ, откуда она родомъ. Почему она получила странное прозвище «Ми, то есть Марія въ люлькѣ», могъ разказать только хозяинъ «скребнищ».

Неудивительно, Гермсенъ и онъ всегда водили дружбу. Онъ хорошо помнилъ, будто это вчера было, какъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ, въ Ивановъ день, Клаасъ въ шесть часовъ утра прибѣжалъ къ нему на токъ, гдѣ онъ поилъ телят. Онъ хорошо помнитъ, какъ Клаасъ, задыхаясь, сказалъ: — «Послушай, Христіанъ, я тебѣ удивительную новость скажу». Онъ былъ такой странный, Клаасъ; они пошли въ маленькую кухню и Клаасъ снова началъ: — «Слушай, Христіанъ, ты такой человекъ, на котораго можно положиться,—подумай только, сегодня утромъ...» — и Клаасъ оглянулся на двери, не подса шиваетъ ли кто, и когда Христіанъ увѣрилъ его, что онъ можетъ спокойно говорить, Клаасъ продолжалъ: — «Сегодня утромъ, въ три часа, я запрягъ лошадей въ телѣгу, чтобы вывезти навозъ, и съ полной телѣгой выѣхалъ за деревню, чтобы отвезти его туда на поле, около выгона, и что я увидѣлъ!.. Удивительную вещь! Подѣл дорожнаго столба по серединѣ дороги стояла маленькая желѣзная люлька, покрытая зеленымъ платкомъ; и подошелъ ближе, подпалъ платокъ и вижу, въ люлькѣ лежитъ маленькое созданіе, личико ангельское, и спитъ. Ты можешь себѣ представить, Христіанъ, какое у меня было лицо, когда я увидалъ ребенка, который вдругъ заплакалъ, я не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Не долго думая, я отнесъ люльку въ сторону, отвезъ навозъ на поле такъ скоро какъ скоро мой бѣлый могъ ѣхать. Когда я вернулся, люлька стояла на томъ же мѣстѣ, я оставилъ ее съ ребенкомъ вмѣстѣ на мою телѣгу.

«Когда я вернулся домой—продолжалъ Клаасъ,—моя жена мыла масло. Едва она увидѣла люльку и ребенка, она подняла шумъ, я испугался, чтобы съ ней чего нибудь не случилось. Я объяснилъ ей въ чемъ дѣло, и что стыдно быть такой недовѣрчивой; поговоривъ, мы рѣшили, что нужно заявить все бургомистру. Я такъ сдѣлалъ, бургомистръ и его секретарь, Ширикъ, пришли къ намъ, обыскали люльку и нашли въ ней, кромѣ ребенка, шепотку сѣна и запечатанный конвертъ, на которомъ написано:

«Нашедшаго просить приютить ребенка; Богъ наградитъ его за это. Ребенокъ крещенъ,—зовутъ ее Марія. Люлька должна принадлежать ей. Письмо она должна распечатать, когда вырастетъ».

Клаасъ получилъ отъ бургомистра разрѣшеніе воспитать ребенка, — своихъ дѣтей у него не было, а онъ былъ уже тринадцать лѣтъ женатъ...

Хозяинъ еще рассказывалъ, что въ ту ночь у его гостиницы останавливался экипажъ; кучеръ разбудилъ его, вынулъ водки и сказалъ, что ѣдетъ въ Б. Христіанъ послѣ узналъ, что онъ это нарочно сказалъ, потому что этотъ экипажъ на слѣдующій день видѣли совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ...

Клаасъ и его жена воспитали покинутую дѣвочку, какъ родную дочь. Въ люлькѣ нашли ее, и потому деревенскіе обыватели прозвали ее «Ми въ люлькѣ».

Прошло четыре недѣли съ того вечера,

какъ мы присутствовали за ужиномъ Петера Янсена и его семьи. Было раннее утро, а такъ какъ въ ноябрѣ солнце показывается только въ восемь часовъ, то было бы совсѣмъ темно, если-бы не свѣтила полная луна.

Петеръ Янсень вскочилъ съ постели и отворилъ внутренній ставень.

— Снѣгъ! — вскричалъ онъ. — Ночью зима стала! Вставай, жена! — продолжалъ онъ, оглядываясь на теплую постель, которую только что оставилъ, — вставай. Снѣгу вѣрно навалило фута на полтора, нужно скорѣе дорогу прочистить...

Послушная жена исполнила приказаніе мужа. Она разгребла передъ домомъ снѣгъ по сторонамъ, и только тогда повѣсила надъ огнемъ котелокъ съ водою; въ другой, меньшій, положила лотъ молотаго кофе и когда вода закипѣла, она налила его полный, помѣшала щепочкой плавающий сверху кофе и поставила еще немного на огонь. Петеръ выпилъ первую чашку съ наслажденіемъ и медленно: «очень горячо!» и потребовалъ другую, тогда онъ потеръ отъ удовольствія руки и сказалъ, что очень вкусно.

— Слушай, Петеръ, — заговорила жена, присѣвъ на конецъ. — Какой я сегодня странный сонъ видѣла. Вижу я, что въ кухню къ намъ пришелъ человекъ въ блестящей, бѣлой одеждѣ, какъ у того ангела въ церкви надъ купелью. Были ли у него крылья, я отъ страху не разсмотрѣла; тоже не знаю, попросила ли я его сѣсть, но я ясно слышала, какъ онъ сказалъ: «Женщина, ты скоро умрешь и Петеръ также; приготовьтесь!» Когда я это услышала, мнѣ казалось, я проваливаюсь. «Ради Бога, кто же будетъ заботиться о нашихъ дѣтяхъ?» Я чувствовала, Петеръ, что я во снѣ плачу, тогда ангелъ ласково сказалъ: «О вашихъ дѣтяхъ позаботятся добрые люди; дѣлайте для другихъ то, что вы хотите, чтобы для васъ сдѣлали!» На этомъ я проснулась, Петеръ. Думая о своемъ снѣ, я вспомнила, что жадный наслѣдникъ продастъ сегодня все, что осталось послѣ Хромой Христины. Я подумала о человекѣ въ бѣлой одеждѣ и о «Ми въ люлькѣ», и видишь ли, Петеръ...

— Ты под мала, что намъ слѣдуетъ взять къ себѣ бѣдную покинутую дѣвушку, — сказалъ Петеръ.

— Да, — отвѣчала жена. — Я такъ понимаю этотъ сонъ: во первыхъ — общаніе долгой жизни, а во вторыхъ, указаніе позаботиться о бѣдняжкѣ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ. Добрые люди, у которыхъ и своя семья была велика, рѣшили прибавить еще къ ней покинутую дѣвушку; они твердо вѣрили, что на то воля Божія и что Господь наградитъ ихъ за это.

Прежде чѣмъ Петеръ ушелъ изъ дому, они еще рѣшили, что онъ купитъ на аукціонѣ желѣзную люльку... «Скоро можетъ понадобиться!».

За ночь много навалило снѣгу. На всемъ лежало будто бѣлое по рывало. Деревья, еще вчера гола и непривѣтливая, за ночь одѣлись въ новое, роскошное платье, на самыхъ тонкихъ вѣткахъ лежалъ толстый слой снѣгу. Красиво, но отъ яркой бѣлизны глазамъ было больно.

По деревенской улицѣ всюду были проложены тропинки; тяжело приходилось только лошадямъ тащить нагруженные возы, и даже мельникъ, ко ораго Петеръ и встрѣчалъ, идя на аукціонъ, запрягъ пару въ свою телѣгу. Скупой Стоффель Гольмъ изъ К. и его сестра Гретъ были единственные наслѣдники Хромой Христины. Въ деревнѣ, однако, всѣ

были увѣрены, что не умри Христина такъ неожиданно, они ничего не получили бы...

Всѣ вещи покойной были свесены въ одно мѣсто и занумерованы. Судебный приставъ съ своимъ писаремъ сидѣлъ въ кухнѣ, — писарь записывалъ имена покупателей и сумму, за которую вещь продана. Передъ домомъ снѣгъ былъ сметенъ, и направо отъ дверей, выше окна, былъ растянута въ видѣ навѣса большой кусокъ полотна, — подъ нимъ стоялъ столъ и скамейки, на которыхъ сидѣло нѣсколько евреевъ, крестьянъ и крестьянокъ, пришедшихъ покупать или просто поглазѣть. Аукціонаторъ Липпсъ стоялъ на скамьѣ у окна, въ которое ему подавались вещи, расхваливалъ ихъ, сопровождая хвалу всевозможными шутками и остротами.

Охотниковъ покупать было немного. Шуткамъ и остротамъ смѣялись, но покупателей не находилось. Больше другихъ покупалъ торговецъ старьемъ Самуилъ, носъ котораго за сто шаговъ, а запахъ за тридцать выдавали, что онъ принадлежитъ къ потомкамъ сѣмени Авраама.

— Здѣсь тебѣ нечего искать, — послышался грубый голосъ Гольмса, — люльку захотѣла взять, нищенка! Ты довольно объѣдала тетку Христину и сидѣла на ея шеѣ!

Петеръ стоялъ въ сторонѣ, прислушиваясь къ аукціону, и видѣлъ, какъ жадный наслѣдникъ схватилъ за руку любимую всѣми «Ми въ люлькѣ» и вытолкнулъ изъ дому, въ которомъ безъ малаго восемнадцать лѣтъ ее любили.

Крикъ негодованія пронесся между зрителями, и счастье для Стаффеля Гольмса, что онъ поторопился скрыться въ домъ, а то ему пришлось-бы выслушать кое-что неприємное, а можетъ быть и почувствовать...

Бѣдная Марія стояла печальная, — одна на этомъ свѣтѣ; кругомъ такъ холодно; жадный наслѣдникъ ее все обвиняетъ второй матери былъ такъ грубъ съ нею. Бѣдная обиженная дѣвушка горько плакала на порогѣ того самаго дома, гдѣ такъ часто весело играла ребенкомъ.

— Рѣдная вещь, — закричалъ аукціонаторъ, когда ему подали въ окно желѣзную люльку. — Настоящая рѣдкость и барскаго происхожденія! Самуилъ, не купишь-ли для твоей Сары? Всѣ расхохотались.

— Рѣшайся, Самуилъ, пожертвуй гульдентъ, — приставалъ аукціонаторъ.

— Нѣтъ, Липпсъ, купи эту штуку лучше самъ для твоей невесты, тебѣ она нужна.

— Желѣзная люлька, кто хочетъ купить? — закричалъ Липпсъ среди смѣха.

— Пять штиверовъ, — раздалось изъ дома.

— Съ четвертью! — сказалъ Петеръ Янсень.

— Еще четверть, — предложилъ Самуилъ.

— Три четверти, — снова раздалось изъ дома.

— Гульдентъ, — предложилъ сердито Петеръ.

— Еще четверть, — сказалъ Самуилъ.

— Три четверти, — вскричалъ Петеръ.

— Гульдентъ и три четверти! — закричалъ аукціонаторъ, — кто больше? Разъ... Два... Три!...

Конечно, Янсень получилъ люльку. Пока женщины разсматривали ее, стоитъ-ли она заплаченныхъ денегъ, Петеръ подошелъ къ плачущей дѣвушкѣ. Тяжело было бѣдняжкѣ видѣть и слышать, какъ ее неоспоримая собственность, единственная память ея неизвѣстныхъ родителей, была продана съ молотка жаднымъ Стоффелемъ... Всѣ сердились на Стоффеля, всѣмъ было жалъ бѣдняжку, но Петеръ былъ первый и единственный, который протянулъ ей руку помощи и ласково предложилъ ей уголь въ своемъ домѣ.

Приближалось Срѣтеніе, и у Петра Янсена должна была пополниться полдюжина... «Ми въ люлькѣ» жила уже два мѣсяца у нихъ, помогала хозяйкѣ; дѣти ее очень любили и постоянно вѣшалась на пѣс, не отставая какъ речейникъ.

Ми, принеси люльку съ чердака, мы оторемъ старую обивку и обошьемъ новой.

Ми побѣжала на чердакъ, притащила люльку и принялась за работу.

— Какъ крѣпко пришито, — сказала дѣвушка, повозившись болѣе получаса. — Между

И когда Марія сказала ему, что это три билета нидерландскаго банка, каждый въ тысячу гульденовъ, Петеръ застылъ отъ удивленія и молча, съ открытымъ ртомъ, смотрѣлъ на дѣвушку.

Неожиданное открытіе взбудоражило всю семью.

Геосиманскій садъ въ настоящее время.

Петеръ вернулся изъ города и бросилъ на столъ свертокъ.

— Вотъ новая покрывка на люльку. Если Ми сошьетъ, вы вдвоемъ живо приведете люльку въ порядокъ.

— Хорошая матерія, — сказала жена Янсена, развертывая свертокъ. — Что заплатилъ за локоть?

— Безсовѣстный еврей спросилъ полгульдена, я далъ четверть, и онъ уступилъ.

— Да, они живьемъ дерутъ, но ты не переплатилъ, тебя нужно будетъ чаще посылать.

верхомъ и подкладкой положены какія-то бумаги, посмотрите, Петеръ...

— Что? — спросилъ Петеръ, онъ снималъ кожаные сапоги, чтобы замѣнить ихъ деревянными башмаками, — бумага засунута? Ей самомъ дѣлѣ, ты права, дѣвушка. — Пори скорѣе, но не разрѣжь... Бумага, и какая тонкая и пестрая! Нетъе, дай мнѣ очки скорѣй! Еще такой листъ и еще! Боже великій, будто банковые билеты, — я недавно видѣлъ такіе у сборщика податей! Марія, прочти, что на нихъ написано, у тебя глаза молодые!

Марія не рассказала добрымъ людямъ, которые такъ внимательно отнеслись къ ней, что по надписи на конвертѣ люлька эта должна была составлять ея неотъемлемую собственность.

Сумма въ три тысячи гульденовъ, зашитая въ покрывку люльки, привела Петра въ порядочное-таки замѣшательство.

— Да, — думалъ онъ, — я купилъ люльку на аукціонѣ, значитъ купилъ и то, что въ ней было спрятано... но... если я хочу поступить честно, я долженъ... — Но демонъ алчности, о

Воскрешение сына вдовы въ Наинъ. Рисоваль художникъ Л. Фельдманъ.

которомъ такъ часто проповѣдывалось въ церкви, зашевелился въ немъ и усилилъ желаніе оставить всѣ деньги у себя.

Петеръ еще не произнесъ ни слова, какъ жена его вскричала:

— Ну, Ми, ты теперь богата! Насъ, пожалуй, не захочешь знать. Три тысячи—это цѣлое состояніе!.. — И она разсматривала интересныя бумажки, которыя свалились къ нимъ въ домъ, будто снѣгъ на голубу.

Послѣ долгихъ переговоровъ было рѣшено распечатать конвертъ, хранившійся у Ми, и прочесть письмо. Въ письмѣ было только сказано, что, достигнувъ совершеннолѣтія, молодая дѣвушка въ зеленой покрывкѣ люльки найдетъ, зашитые въ ней, три тысячи гульденовъ, которыхъ достаточно, чтобы она могла выйти замужъ за порядочнаго крестьянина, — само собою разумѣется, что Марія сильно покраснѣла при этихъ словахъ, — и что тогда она можетъ отблагодарить своихъ благодѣтелей.

При послѣднихъ словахъ Марія расплака-

лась; она подумала о Клаасѣ Гермсенѣ и его женѣ, которые теперь не нуждались ни въ какой благодарности.

Петеръ быстро поборолъ своего демоническаго искушителя и не захотѣлъ ничего брать изъ этихъ денегъ; Марія убѣждала его, что онъ вмѣстѣ съ люлькой купилъ и деньги, и тоже отказывалась взять ихъ.

— Дѣвушка, ты съ ума сошла, — рѣшительно вмѣшалась жена Янсена, — кто когда на свѣтѣ слышалъ, чтобы за два гульдена можно было купить три тысячи, — и съ этими словами отдала ей банковые билеты.

Марія взяла ихъ и положила два изъ нихъ передъ Петеромъ, но Нетье взяла одинъ изъ нихъ и возвратила дѣвушкѣ. На томъ согласилась всѣмъ.

Марія не ушла отъ этихъ добрыхъ людей. Петеръ положилъ ее двѣ тысячи въ сберегательную кассу, пока не явится подходящій женихъ. Свою тысячу онъ раздѣлялъ, купилъ участокъ земли, двухъ коровъ и лошадей. На вопросы односельцевъ, онъ отвѣчалъ: что его

дѣла идутъ хорошо, что Господь «тысячекратно» вознаградилъ его за то, что онъ пріютилъ бѣдную дѣвушку.

Черезъ три дня послѣ Срѣтенія жена Янсена произвела на свѣтъ хорошенькую дѣвочку, которую Марія крестила, и малютка вѣжлилась въ заново отдѣланной люлькѣ.

«Порядочный крестьянинъ» тоже скоро напелся. Годъ спустя братъ Нетье вернулся изъ военной службы; Марія ему понравилась и онъ ей — и не прошло году, какъ и въ нихъ была парочка. Они получили въ приданое старую желѣзную люльку, которая у нихъ не пустовала.

Какъ ни бился, Петеръ ничего не могъ узнать о настоящемъ происхожденіи Маріи, и когда она какъ-то пристала съ распросами къ Христіану, тотъ на всѣ его вопросы могъ только отвѣтить: — «Да, пріятель, если-бы я самъ могъ что-нибудь провѣдать, отъ радости я въ первое воскресенье пожертвовалъ-бы цѣлый гульденъ на церковь».

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МОРЯКА.

Романъ Луи Бене (продолженіе).

XXVI. Происшествіе на мысѣ Доброй Надежды.

«Горгон» отплыла изъ Портъ Джэксона при сильномъ гоцутномъ вѣтрѣ. Это былъ красивый корабль, хорошій ходокъ, и команда его гордилась имъ. До нашего прибытія къ мысу Доброй Надежды все шло спокойно и не случилось ничего особеннаго, — только по мѣрѣ приближенія къ родимѣмъ берегамъ лейтенанта со мной дѣлалось проще и снисходительнѣе. Онъ окончательно рѣшилъ немедленно по прибытіи выйти въ отставку и него обѣщаніе хлопотать о моей отправкѣ, какъ только онъ покончитъ со своими дѣлами по наслѣдству, сдѣлало меня вполне счастливымъ. За это время, мы не одинъ разъ говорили о безумномъ предпріятіи Брайентовъ, не сомнѣваясь въ ихъ гибели. Я помню, какъ одинъ изъ офицеровъ рассказывалъ тогда, что корабль, на которомъ онъ когда-то служилъ, потерпѣлъ крушеніе, и онъ съ нѣсколькими людьми команды проплылъ семьсотъ миль въ открытомъ боѣ къ острову Цейлону, — всѣ они остались живы, хотя все время плаванія ихъ сильно мучила жажда. Я замѣтилъ, что можетъ быть и Брайенты достигли какой-нибудь пристани. На что офицеръ возразилъ, что это очень сомнительно, — судя по нашимъ рассказамъ, ботъ долженъ былъ быть переполненъ. Такъ быстро исчезла промелькнувшая была надежда, что Уилль и Мэри живы.

Прибывъ къ мысу Доброй Надежды, мы позннали наши запасы и собирались уже отплыть далѣе, какъ туда-же прибылъ голландскій корабль, на которомъ оказались люди съ двухъ потерпѣвшихъ крушеніе английскихъ кораблей и въ томъ числѣ взбунтовавшаяся команда, пустившая въ открытое море лейтенанта Блейга. Намъ предложили взять всѣхъ этихъ людей и отвезти въ Англію. Мы спустили всѣ наши лодки и послали за ними. Я стоялъ у борта и смотрѣлъ, какъ высаживались на палубу эти несчастные, вынесшіе столько мученій въ морѣ, думая въ то же время о злополучныхъ Брайентахъ. Въ эту минуту лейтенантъ Фэрфаксъ тронулъ меня

за плечо и спросилъ меня, о чемъ я думаю; я сказалъ ему и вдругъ замѣтилъ, что онъ чѣмъ-то взволнованъ, лицо его то блѣднѣло, то краснѣло. Онъ схватилъ меня за руку и сказалъ:

— Дью, мой другъ, ради Бога, взгляни въ ту сторону, на этотъ ботъ, который идетъ сюда, не узнаешь-ли ты сидящихъ въ немъ?

Онъ провелъ меня на ту сторону палубы, откуда можно было разсмотрѣть сидѣвшихъ въ ботѣ. Я увидалъ, но съ трудомъ узналъ женщину, о которой только-что думалъ. Ботъ присталъ къ нашему кораблю, матросъ, находившійся по близости, помогъ выйти изъ него истощенной, едва державшейся на ногахъ, Мэри Брайентъ, одной рукой она прижимала къ груди свою маленькую дѣвочку. Она сдѣлала нѣсколько невѣрныхъ шаговъ по палубѣ, поддерживаемая матросомъ, и когда ея большіе черные глаза печально обвели всѣхъ присутствующихъ, у меня на глазахъ выступили слезы.

— Боже, смилуйся надъ бѣдняжкой, — проговорилъ подлѣ меня старый боцманъ, и со всѣхъ сторонъ послышались выраженія сочувствія.

Мистеръ Фэрфаксъ забылъ свое званіе и бросился къ ней, оттолкнувъ матроса и схватилъ на руки ее и ея ребенка и положилъ ее на скамью, потому что прежде, чѣмъ она узнала и сообразила, чье сердце было такъ благородно, чтобы помнить только чувство нѣжной жалости, она упала въ обморокъ. Всѣ грубые и суровые моряки наперерывъ бросились помогать доктору и мистеру Фэрфаксу въ ухаживаніи за ней. Они взглянули на поступокъ лейтенанта, какъ на весьма великодушный и благородный и онъ высоко поднялся въ ихъ глазахъ. Я видѣлъ только Мэри и безсознательно смотрѣлъ, какъ другіе отогревали ей руки и старались возбудить искорку жизни, которая еще не потухла въ ней. Опомившись, я замѣтилъ, что изъ одиннадцати человѣкъ сѣжавшихъ, пристали къ кораблю только четыре и пятая Мэри съ ребенкомъ Брайента не было. Когда Мэри очнулась, командиръ «Горгон», замѣчательный сердечный человѣкъ, распорядился

помѣстить ее въ офицерской каютѣ и поручилъ попеченію доктора.

Трудно описать, какъ измѣнились всѣ эти люди, какъ они постарѣли, были истощены и измучены, — до неузнаваемости. Хотя эти четыре славшихся ссмыльных были негодянъ, но я не могъ не пожалѣть ихъ. Нѣсколько часовъ спустя, корабль отплылъ въ Англію. Увы! Что значило для этихъ несчастныхъ возвращеніе на родину?

По мистеру Фэрфаксу, а по его примѣру, и остальные очень заботились объ этихъ несчастныхъ. Понемногу онъ узналъ отъ Мэри всю исторію ихъ ужаснаго приключенія и записалъ ее, дополнивъ подробностями, которыя ей не могли быть извѣстны, но которыя онъ получилъ отъ ея спутниковъ. Онъ хотѣлъ по прибытіи въ Англію подать по начальству петицію о ея помилованіи, приложивъ описаніе всего, что она вынесла. Тогда же и я списалъ ея рассказъ.

XXVII. Разсказъ Мэри.

Я, одна я, вызвала на насъ эти ужасныя страданія, и я молю Бога простить, что своему безумству я пожертвовала жизнью тѣхъ несчастныхъ и моего ребенка. Мой мужъ начиналъ примиряться съ своею судьбою и своимъ хорошимъ поведеніемъ и трудолюбіемъ приобрѣлъ довѣріе не только капитана Филиппа, но и остальныхъ офицеровъ поселенія. Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ насъ высадили на берегъ въ Портъ-Джэксонѣ, вмѣстѣ съ нашими ужасными спутниками, и мы встрѣтились первый разъ, послѣ долгой разлуки, когда онъ бросился ко мнѣ среди этихъ грубыхъ людей, окружавшихъ насъ, схватилъ мои руки и поцѣловалъ меня.

— Мэри, Мэри, дорогая моя, — сказалъ онъ, и я чувствовала, какъ поднималась его грудь и билось его сердце, когда онъ обнялъ меня. — Да поможетъ мнѣ Господь быть тебѣ хорошимъ мужемъ!

Скоро послѣ того насъ обвиняли. Два года передъ тѣмъ, онъ говорилъ мнѣ, что еще одинъ грузъ и онъ броситъ контрабанду и тогда явится въ Мэноръ-Гаузъ и потребуетъ меня какъ свою жену. «И сыграю такую

свадьбу, на зло всѣмъ этимъ старымъ бабамъ, которыя хотѣли насъ поссорить, что Солькомбъ и вообще на островѣ долго будутъ ее помнить».

Все это оказалось мечтой. Вы знаете, что случилось послѣ того, какъ я пробовала помочь Уиллю убѣжать. Я забыла всѣ эти ужасные дни, всѣ мученія, вынесенныя мною въ обществѣ отвратительныхъ женщинъ, отъ одного разговора которыхъ морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, а все забыла, когда могла положить голову на его грудь, хотя и въ чужой странѣ, и отъ радости, что нашла потеряннаго убѣжища, я плакала, какъ ребенокъ. Насъ обвиняли. Не звонили при этомъ колокола, какъ-бы это было въ Солькомбѣ, только звонъ цѣпей и рѣзкая команда офицеровъ сопровождала наше вѣдѣніе. Такъ началась наша жизнь ссыльно-поселенцевъ.

Первые два года нашей супружеской жизни дали мнѣ много горькихъ уроковъ; но какъ ни тяжело было то время, теперь я-бы вынесла его тысячу разъ, потому что я, страдавшая мейнше, отравляла жизнь моего Уилля своими горькими жалобами и непреклоннымъ характеромъ. Я не на то жаловалась, что послѣдовала за человѣкомъ, котораго любила, о—нѣтъ; но я отъ глубины души возненавидѣла нашихъ окружающихъ; видъ красивыхъ мундировъ, которые съ утра до вечера караулили Уилля и его товарищей ссыльныхъ, и цѣлый день торчали на берегу, возмущалъ меня и по одинъ разъ у меня являлось желаніе вырвать ружье у часового и убѣжать съ Уиллемъ куда-нибудь въ лѣсъ или умереть въ борьбѣ за свою свободу.

Но Уилль, мужественный Уилль, неутомимо работалъ, ласково успокаивалъ меня, уговаривалъ надѣяться на лучшее будущее, хотя я знаю, онъ страдалъ больше меня. Такъ проходили мѣсяцы и день за днемъ являлась одна и та-же, измѣнная работа для Уилля. Своею готовностью работать, своею силою онъ сдѣлался извѣстелью офицерамъ морской пѣхоты, которые всѣ ему покровительствовали. Одинъ изъ нихъ, который зналъ Уилля въ прежнее, счастливое время, замолвилъ за Уилля слово губернатору, и сказалъ ему, что Уилль хорошо умѣетъ управлять лодкой и хорошій рыбакъ. Черезъ нѣсколько времени губернаторъ поручилъ Уиллю рыбачью лодку и тогда мы поселились на берегу небольшой бухты, гдѣ была еще одна лодка. Здѣсь мы образовали съ нѣсколькими другими ссыльными рыболовную станцію. Вся бухта была въ нашемъ распоряженіи и къ намъ никто не могъ мѣшаться, даже караулъ, находившійся между нами и поселеніемъ.

Подчиняясь желаніямъ мужа, я усмиривъ свой языкъ и характеръ и поняла, что не зачѣмъ было выходить изъ себя, когда кто-нибудь изъ офицеровъ обращался съ нами высокомерно, какъ съ арестантами. Мы жили уже довольно долго на этой рыбачей фермѣ и моему второму ребенку—дѣвчонкѣ было уже шесть мѣсяцевъ, когда оказался недостатокъ въ кормовыхъ запасахъ, страдали всѣ и свободные и арестанты. Страна сама по себѣ не давала ничего. Изъ Англіи запасы не присылали, какъ того ожидалъ капитанъ Филиппъ, и мы всѣ скоро узнали, что значатъ мученія голода. Первое время, когда капитанъ Филиппъ всѣмъ сократилъ порціи, мы еще кое-какъ справлялись, Уилль и его люди прятали для своихъ дѣтей мелкую рыбку за пазуху. Но это не долго продолжалось, потому что едва боть съ рыбой приставалъ къ берегу, ее стали принимать и считать караульные

солдаты. Дѣла шли съ каждымъ днемъ все хуже и хуже и незначительное количество свинины и муки уменьшалось. Къ этому присоединилось мученіе слышать, какъ мой мальчикъ плакалъ и просилъ ѣсть. Конечно, мы съ Уиллемъ лишали себя всего, чтобы только дѣти были сыты, но этого всего было такъ мало. Въ отчаяніи я рѣшилась сама отыскать имъ пищу.

Хотя Уилль и я, сравнительно съ другими арестантами, мы пользовались нѣкоторой свободой и снисходительностью со стороны нашихъ тюремщиковъ, но и мы должны были подчиняться правиламъ и съ заходомъ солнца быть дома. Я знала, между прочимъ, что вдоль берега было очень много слизняковъ и видѣла однажды, какъ двое изъ людей команды моего мужа принесли ихъ множество и жарили ихъ. Эти раковины были очень невкусны, но для голоднаго человѣка и то было хорошо. И каждый вечеръ до поздней ночи Уилль помогалъ мнѣ собирать раковины, которыя мы затѣмъ варили на небольшомъ огнѣ. Все это мы должны были продѣлывать изъподтишка,—если-бы въ поселеніи узнали о существованіи этихъ раковинъ, ихъ-бы живо расхватали, а насъ обвинили въ воровствѣ. Одинъ часовой, однако, замѣтилъ какъ-то, что въ темнотѣ на берегу что-то шевелилось и выстрѣлилъ; рыбакъ, который набралъ было полную корзину, съ испугу уронилъ ее и бѣжалъ въ свою хижину, а потомъ пришелъ и рассказалъ моему мужу, что случилось. Не смотря на то, что мой мужъ не хотѣлъ, я пошла, отыскала корзину и притащила ее домой, но мы не смѣли зажигать ночью огонь—насъ могли увидѣть. Съ тѣхъ поръ, такъ какъ мужнины боялись, я ходила одна,—я не могла отказаться отъ пищи, которая давала мнѣ возможность отдавать дѣтямъ получаемую нами муку и мясо.

Какъ-то набравъ полную корзину раковинъ, я возвращалась домой. Шелъ дождь, было холодно и я очень торопилась, вдругъ сзади мнѣ посыпшались шаги и кто-то положилъ руку мнѣ на плечо.

— Добрый вечеръ, миссисъ Брайентъ, — произнесъ насмѣшливый голосъ.—Я наблюдалъ за вашей работой на берегу, и такъ какъ мнѣ очень нравится ваше смазливое личико, я позволилъ себѣ подождать васъ здѣсь.

Это былъ одинъ изъ офицеровъ транспорта, на которомъ меня привезли; во время перѣзда онъ все подѣлывалъ меня вертѣлся, хотя постоянно получалъ короткіе и рѣзкіе ответы. Капитанъ Филиппъ далъ ему какое-то занятіе здѣсь на берегу и хотя рѣдко, но мнѣ приходилось съ нимъ встрѣчаться, и онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался сказать мнѣ такую любезность, что если-бы Уилль или даже самъ губернаторъ услышалъ, ему пришлось-бы плохо.

Я повернулась къ нему и спросила его, какъ онъ смѣетъ останавливать меня.

— Смѣю, дорогая! О, я много посмѣю сдѣлать ради такого личика!—и онъ подошелъ ко мнѣ ближе.

— Попробуйте меня тронуть, милостивый государь, хотя вы и офицеръ, но я вызову сержанта изъ караула,—и я оттолкнула его руку крюкомъ, которымъ доставала раковины.

Онъ взбѣсился и сказалъ, что онъ знаетъ, какъ мы воруетъ раковины по ночамъ и что онъ объ этомъ доложитъ губернатору и что насъ подвергнутъ тѣлесному наказанію. Въ ужасѣ, я стала просить у него прошенія, просила его выкинуть въ мое положеніе, какъ матери, что только ради моихъ голодающихъ

дѣтей я собирала эти раковины. Онъ отпустилъ меня наконецъ, но съ условіемъ встрѣчаться съ нимъ.

— Въ противномъ случаѣ,—сказалъ онъ,—вамъ дорого обойдутся ваши ужины, миссисъ Брайентъ.

Я была такъ напугана, что, прибѣжавъ домой, бросила корзину къ ногамъ Уилля и разрыдалась. Потомъ позволюсь должна была разсказать ему мое приключеніе. Въ ту ночь я задумала уговорить Уилля постараться улучшить наше положеніе и бѣжать изъ поселенія.

XXVIII. Продолженіе разсказа Мэри.

Ужасъ нашего положенія и жизни, которая ожидала нашихъ бѣдныхъ дорогихъ дѣтей,—дѣлались съ каждымъ днемъ очевиднѣе и мысль бѣжать до такой степени завладѣла мной, что я ни минуты не давала Уиллю покою. Сначала онъ опровергалъ всѣ мои аргументы и заявилъ что не желаетъ обмануть оказываемое ему довѣріе, но наконецъ мое безумное упрямство взяло верхъ, и какъ дорого я за него заплатила.

Долгое время не представлялось удобнаго случая, но наконецъ обстоятельства сложились такъ благоприятно, что было-бы удивительно, если-бы мы ими не воспользовались. Къ нашему отряду присоединили одного поселенца, прибывшаго со вторымъ флотомъ, это былъ морякъ, много путешествовавшій, превосходно знавшій ближайшія къ намъ мѣстности, онъ много этимъ хвастался, желая выказать свое превосходство надъ нами. Онъ много разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ. Видя, что онъ имѣетъ нѣкоторыя понятія въ плаваніи, я сказала Уиллю, чтобы онъ звалъ его съ нами, потому что онъ поможетъ намъ управиться съ ботомъ и проведетъ въ какую-нибудь страну, гдѣ мы можемъ зарабатывать нашъ хлѣбъ безъ страха. Въ это самое время къ намъ прибылъ голландскій пароходъ, и капитанъ его, мистеръ Смисъ, вздумалъ выказывать мнѣ свое расположеніе, я этимъ воспользовалась къ нашей общей выгодѣ. Различными способами, какъ это умѣютъ женщины, я дала ему понять, что онъ завладѣлъ моимъ сердцемъ, и что ради него я обману своего дорогого, умершаго мужа и покину дѣтей. Я много лгала ему и, наконецъ, внушила ему мысль, что если онъ доставитъ Уиллю средство бѣжать, тотъ предоставитъ меня своей судьбѣ, и тогда, конечно, желанія голландца могутъ быть исполнены. Тщеславный глупецъ вѣрилъ мнѣ, и мало-по-малу далъ мнѣ хорошій люгерный парусъ, компасъ и квадратъ, карту и различныя книги, которыя, по словамъ того моряка, Бетчера, были необходимы чтобы достигнуть Тимара, куда мы собирались направиться.

Мы спрятали всѣ эти предметы подъ поломъ въ нашей хижинѣ и стали собирать провизію. Какъ разъ въ это время въ караулъ былъ назначенъ другой сержантъ, и онъ видѣлъ, какъ я разговаривала со Смисомъ и замѣтилъ мнѣ, что я не должна этого дѣлать, потому что это противно постановленіямъ. Я давно знала этого солдата, его зовутъ Дью. Я думаю, что онъ потому сдѣлалъ это замѣчаніе, что, какъ хорошій человѣкъ и строгій солдатъ, не хотѣлъ, чтобы его снисходительность приписали нашему старому знакомству и прежней дружбѣ. Но не смотря на всю его строгость, мнѣ удалось получить отъ Смиса много нужныхъ вещей—и цѣлую корзину съ провизіей.

Остальные рыбаки провѣдали о нашемъ на-

НЕСУЩИЙ ПУТЬ ИИСУСА ХРИСТА.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА В. ШИЛЬХЕЙНА.

ПОГРЕБЕНІЕ ТѢЛА ІИСУСА ХРИСТА.

мѣреніи, и хотя мой мужъ опасался переполнить боть, но разъ они узнали, ихъ пришлось взять съ собой. Одинъ изъ нихъ даже хотѣлъ взять съ собой свою невѣсту, но сержантъ слишкомъ подозрительно слѣдилъ за нами, такъ что мой мужъ, котораго выбрали предводителемъ, ускорилъ наше бѣгство. Провизіи у насъ было не особенно много.

Въ концѣ марта погода стояла хорошая и вѣтеръ былъ попутный, вечеромъ послѣ десяти часовъ мы переплыли цѣль, на которой держался боть, спустили его на воду, потихоньку ушли въ него и поплыли сначала къ югу; плескъ веселъ не былъ слышенъ, потому что они были обернуты. Мы шли вдоль берега и упавшая вѣтка разбудила мою дѣвочку, которая спала у меня на рукахъ. Она проснулась со страшнымъ крикомъ. Мы остановились въ ужасѣ, ее могли услышать, но кругомъ все было по прежнему тихо и мы поплыли къ ближайшему скалистому острову. Вѣтеръ былъ благоприятный, а по близости не было корабля, откуда бы насъ могли увидѣть, почему Уилль и Бетчеръ подняли парусъ. Черезъ полчаса мы были у выхода въ море. Волны катились одна за другой и брызги ихъ достигали насъ. Мое сердце сильно забилося, передъ нами лежала неизвѣстность.

Такъ началось это опасное предпріятіе, вызванное моимъ безумствомъ и сильною любовью моего мужа ко мнѣ. Когда разсвѣло, мы были уже далеко отъ мѣста, гдѣ я провела три несчастные года, а моя малютка спокойно и безсознательно спала у меня на рукахъ.

XXIX. Продолженіе разсказа Мэри.

Карта, которую намъ далъ голландецъ, въ вашихъ рукахъ, и вы по ней можете видѣть, какой дорогой мы шли, всѣ наши остановки отмѣчены крестомъ. Мы такъ изучили эту карту, что каждый изъ насъ зналъ каждую черточку, каждую точку, каждое названіе.

Нашъ боть былъ такъ малъ и такъ нагруженъ, что на другой день послѣ нашего бѣгства, вода ежеминутно грозила залить насъ. Наконецъ намъ попался небольшой островокъ, мы къ нему пристали и привели нѣсколько нашихъ ботъ въ порядокъ. Всѣмъ хотѣлось нѣсколько отдохнуть на этомъ островѣ, но Уилль, котораго выбрали главнымъ, боялся, что насъ могутъ преслѣдовать, и потому мы поплыли дальше. Проплывъ нѣсколько времени, намъ удалось высадиться на одномъ островѣ, въ которомъ была хорошая гавань. Боть вытащили на песокъ, а я съ дѣтми расположилась подъ деревьями, мы страшно устали отъ долгаго неподвижнаго сидѣнія въ ботѣ. Здѣсь мы остались пять дней, которые принесли намъ большую пользу. Двое изъ нашихъ, отыскивая раковины, нашли множество крупныхъ омаровъ, которые доставляли намъ превосходный обѣдъ, а одинъ изъ насъ такъ ими объѣлся, что чуть не умеръ. Ночью мы разложили большой огонь и пока остальные спали, двое караулили,—мы боялись индѣйцевъ и дѣйствительно утромъ услышали голоса и увидели толпу ихъ на ближайшемъ холмѣ, но они съ угрожающими жестами скоро скрылись. На слѣдующую ночь мы спустили боть на воду и перенесли мѣсто нашего ночлега на другое мѣсто. Первые дни наши люди набрали множество раковъ, у которыхъ мы отрезали хвосты,—очень вкусные и питательные, и распластавъ ихъ, вялили на солнцѣ и такимъ образомъ набрали около двухъ сотъ фунтовъ, которые аккуратно сложили въ боть вмѣстѣ

съ другими вещами. Мы оставили этотъ островъ съ легкимъ сердцемъ и надеждой на успѣхъ нашего предпріятія. Когда мы довольно далеко отплыли, мы видѣли, какъ множество голыхъ индѣйцевъ вышли изъ лѣсу и разсматривали мѣсто нашего ночлега.

Въ морѣ мы оставались цѣлую недѣлю и приставали только два раза, чтобы запастись водою и расправить члены. Хотя дождь лилъ не переставая, у насъ не было посуды, куда бы можно было набирать воду. Я думаю, что дождь былъ причиною того, что дорогія мнѣ лица захворали. Наше платье не просыхало и кромѣ того попортилась часть провизіи. На наше несчастье поднялся сильный вѣтеръ, и мы были вынуждены пристать къ первому попавшемуся острову. Остановка оказалась удачною. Хотя мѣстность была ровная, но мы вытащили боть на землю и всѣ, кромѣ моего мальчика, спали эту ночь хорошо, подъ прикрытіемъ бота. Мы были тѣмъ спокойнѣе, что индѣйцевъ нигдѣ не было видно. На другой день мы принялись сушить платье; я уложила своихъ дѣтей въ боть и сидѣла подлѣ нихъ. Мой бѣдный мальчикъ сильно страдалъ. Уилль и остальные отправились искать омаровъ, но ничего не нашли. Наконецъ вѣтеръ сталъ ослабѣвать, хотя большія волны ходили по морю и намъ приходилось переждать, тѣмъ болѣе что мой мальчикъ сильно кашлялъ. Но, странно сказать, не смотря на всѣ лишнія дѣвочка росла и здоровѣла; и весело кричала и смѣялась, когда Уилль съ нею разговаривалъ. Не находя ничего на берегу, нѣкоторые изъ нашихъ отправились въ глубь острова и нашли множество утиныхъ гнѣздъ, гдѣ были яйца, и принесли ихъ, такъ что мы хорошо поѣли. Они говорили, что видѣли утокъ, я думала, что можно-бы было поймать ихъ и сварить супъ моему бѣдному мальчику, но Уилль сказалъ, что объ этомъ нечего и думать. Мы-бы остались на этомъ островѣ дольше, но увидели дикарей и посѣщили спустить боть и отплыть. Къ счастью, вѣтеръ переѣвился, но за то полилъ проливной дождь и вымочилъ насъ до нитки.

XXX. Первое наказаніе.

Мы продолжали подвигаться впередъ, изрѣдка приставая чтобы отдохнуть; вѣтеръ все время былъ попутный, но дождь замучилъ насъ. Кромѣ того, мы замѣтили, что чѣмъ больше мы подвигались впередъ, тѣмъ больше увеличивалось количество дикарей, такъ что мы могли приставать только ночью и отплывать съ разсвѣтомъ.

Наконецъ мы замѣтили, что море дѣлается спокойнѣе и принимаетъ зеленый оттѣпокъ. Бетчеръ сказалъ, что это коралловые рифы, открытые лейтенантомъ Кукомъ, и что до самаго Тимора море будетъ спокойно. Но тутъ мы попали между рифами и чуть было не погибли; при этихъ обстоятельствахъ Бетчеръ показалъ свое мужество и свое знаніе. Не смотря на темноту, онъ такъ удачно направилъ боть и такъ во время бросилъ якорь, что боть остановился и мы скоро очутились въ спокойной водѣ подъ защитой рифовъ. Утромъ, мы увидели, что вблизи находилось множество небольшихъ красивыхъ островковъ. Сильно утомленные, мы воспользовались случаемъ и причалили боть въ песчаному берегу, гдѣ, къ нашему удовольствію, мы нашли множество черепашъ. Здѣсь мы остались нѣсколько дней, потому что нигдѣ не было видно слѣдовъ дикарей. Отсюда мы проходили мимо многихъ острововъ и даже материка, но нигдѣ не рисковали приставать на долго, а отъ нѣ-

которыхъ мѣстъ, не смотря на всю глупую привлекательность, мы старались уходить подалѣе, такъ пугало насъ появленіе дикарей. Къ счастью, благодаря дождямъ, воды у насъ было достаточно. Наконецъ мы подошли къ Пальмовымъ островамъ. Вѣтеръ утихъ совершенно и намъ пришлось идти на веслахъ. Мѣсто, къ которому мы пристали, было довольно низменно, а въ глубинѣ видѣлись горы; оно тѣмъ болѣе останется мнѣ вѣчно памятно, что здѣсь я похоронила моего бѣднаго мальчика.

Давно уже мы съ Уиллемъ начали замѣчать, что сѣрая тѣни смерти падаютъ на веселое личико и яркіе голубые глазки нашего мальчика. Не одну ночь, держа на рукахъ его ослабѣвшее тѣлце, я проливала горькія слезы раскаянія въ своемъ безумствѣ. Если бы дорогой мальчикъ могъ понять мои мученія, онъ-бы хотѣлъ на минуту раскрыть глазки и крѣпче прижаться ко мнѣ. Едва боть присталъ къ берегу, какъ ребенокъ вдругъ очнулся, посмотрѣлъ кругомъ, вздрогнулъ и въ моихъ рукахъ былъ холодный трупъ. Я чуть не умерла съ горя на этомъ несчастномъ островѣ; сколько времени мы здѣсь оставались, я не знаю, но помню, что всѣ эти грубые, суровые люди относились ко мнѣ очень нѣжно, брали мою дѣвочку и со слезами качали ее.

Когда мы отсюда отчалили, мой мужъ, который правилъ рулемъ, передалъ его мнѣ и, закрывъ лицо руками, горько зарыдалъ.

XXI. Бѣглецы достигли Голландской Индіи.

Мы поплыли къ сѣверу; дождливый періодъ скоро кончился и солнце сильно жгло. Уже нѣсколько сотъ миль мы шли вдоль коралловаго рифа, онъ, наконецъ, сталъ приближаться къ матерку и намъ приходилось проходить между множествомъ мелкихъ, болѣею частью, песчаныхъ, рѣдко покрытыхъ растительностью островковъ. Хотя съ юго-востока дулъ довольно сильный вѣтеръ, но море было спокойно, коралловый рифъ въ нѣкоторомъ разстояніи составлялъ преграду океанскимъ волнамъ. Къ матерку мы, изъ опасенія встрѣчь съ индѣйцами, совсѣмъ не приставали и осмѣливались только изрѣдка, чтобы нѣсколько отдохнуть, пристать къ одному изъ песчаныхъ островковъ. Въ одномъ мѣстѣ, однако, намъ пришлось пристать за водой и тутъ мы чуть не погибли. Къ счастью, мы уже набрали воды и могли уйти, какъ на берегу появилось множество индѣйцевъ, которые забросали насъ ботъ камнями и копьями; всѣ наши посѣщали войти въ воду и столкнуть боть въ болѣе глубокое мѣсто, такъ что намъ удалось бѣжать. Все это время намъ приходилось держаться береговъ, потому что теченіе было очень сильно. Иногда у береговъ мы видали моржей, но у насъ не было никакого оружія, чтобы ихъ убить. Наконецъ мы пристали къ мысу Гранвилъ; у насъ былъ сильный недостатокъ въ водѣ и провизіи и хотя кругомъ были видны слѣды индѣйцевъ, мы должны были рискнуть,—намъ не оставалась другого выбора. Тѣмъ болѣе что моя дѣвочка начинала страдать отъ недостатка питательной пищи. Часть нашихъ осталась со мной въ ботѣ, а остальные отправились искать черепахъ и раковинъ. Они скоро вернулись со множествомъ наловленной рыбы, а одинъ изъ нихъ принесъ пронасть неоперившихся птенцовъ, которыхъ онъ набралъ изъ гнѣздъ. Мы развели огонь и, накаливъ камни, клали ихъ въ небольшую лужичку воды въ скалѣ, въ

которую были опущены, порѣзанныя на кусочки, птички. Повторивъ нѣсколько разъ раскалываніе камней, намъ удалось сварить очень питательный супъ, которымъ покормили также и ребенка. Шарлотта ѣла его съ удовольствіемъ, такъ что мы спрятали для нея все, что осталось, переливъ его въ бутылку, которую мы случайно нашли во время одной изъ нашихъ остановокъ. Мясо птичекъ оказалось тоже очень вкусно. Этихъ птицъ и большихъ и маленькихъ мы набрали множество, еще раза два въ тотъ день сварили такимъ образомъ супъ и наѣлись до сыта. Тутъ же мы наловили много рыбы, которую, распластавъ, вялили на солнцѣ. На этомъ берегу мы остались нѣсколько дней, — тѣмъ болѣе что супъ, который мы варили, очень укрѣплялъ мою дѣвочку, да и всѣмъ намъ онъ былъ въ пользу. Запасшись провизіей, мы отправились дальше; теперь намъ все время приходилось плыть между островами и рифами и такъ какъ ночи наступили очень темныя, мы были вынуждены каждую ночь приставать куда нибудь. На островахъ мы находили крупныхъ черепахъ, такой величины, что два человека съ трудомъ поднимали одну, — и разводили огонь. Въ одномъ мѣстѣ мы пристали къ материку гдѣ могли запасть хорошей водой, но здѣсь трое изъ нашихъ чуть не погибли. Они погнались за какой-то птицей, покрытой черными волосами, но голова которой была снабжена клювомъ; имъ пришлось пробѣжать около какихъ то деревьевъ съ очень красивыми, большими листьями, нечаянно до- тронувшись до которыхъ, они почувствовали страшнѣйшую боль, будто ихъ жгли каленымъ желѣзомъ. Они чуть съ ума не сошли отъ боли, которая продолжалась нѣсколько дней.

Наконецъ мы обогнули мысъ Юркъ и пристали на ночь къ небольшой бухтѣ, тѣмъ болѣе, что пужно было нѣсколько приспособить нашъ ботъ къ плаванію въ открытомъ морѣ. Когда мы поѣли, Бетчеръ разложилъ на песокъ карту и показалъ, сколько намъ нужно было проплыть открытымъ моремъ, чтобы достигнуть Тимора. При этомъ видѣ наши сердца упали. Но Уилль и Бетчеръ успокоивали говоря, что хотя триста миль и большое разстояние, но мы ихъ скоро пройдемъ, потому что намъ нигдѣ не придется останавливаться. Но не смотря на это, идти все открытымъ моремъ мы не имѣли возможности, потому что боялись попасть подъ сильный вѣтеръ и кромѣ того остаться безъ провизіи и воды. Мы рѣшили идти, держась близко береговъ большого залива, и приставать изрѣдка для пополненія нашихъ припасовъ. Наше путешествіе въolz этого залива Карпентаріа оказалось удачнымъ, мы находили на берегу черепахъ, рыбу и въ достаточномъ количествѣ въ теченіе двухъ недѣль, которыя мы употребили, чтобы пройти вдоль этихъ береговъ Новой Голландіи, пока, наконецъ, мы ихъ не оставили окончательно. Это часть Новой Голландіи производитъ непріятное впечатлѣніе, — она болотиста и кишитъ крокодилами, а лѣса наполнены змѣями. Въ заливѣ за нами нѣсколько разъ гнались лодки дикихъ; онѣ были на парусахъ и палубныя и въ нихъ помѣщалось около тридцати человекъ. Отъ нихъ мы спасались, только лавируя. Мой бѣдный Уилль заболѣлъ злокачественной лихорадкой. Шарлотта сильно ослабѣла отъ недостатка пищи. Наконецъ, полумертвые, истощенные, мы достигли Конданъ, — такъ называлось голландское поселеніе въ Тиморѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЕРБНЫЯ ПРАЗДНЕСТВА ВЪ РОССИИ И ДРУГИХЪ СТРАНАХЪ.

Въ русскомъ праздникѣ «вербы» сливаются и религіозные обряды, и народные обычаи, что и дѣлаютъ эти весенніе свѣтлые деньки такими дорогими и приятными для русскаго сердца и души.

Празднованіе нашею церковью этого достопамятнаго дня совершается съ особою торжественностью, и еще съ болѣею торжественностью праздновалось въ старину. Утромъ въ Вербное Воскресенье начинался звонъ во всѣхъ церквахъ, во всѣ колокола. Патриархъ выходилъ изъ своихъ покоевъ въ великолѣпномъ облаченіи. Золото, жемчугъ и драгоценныя камни украшали его мантию. Бѣлый клобукъ его былъ увѣчанъ крестомъ. Въ церкви, облачившись, патриархъ раздавалъ всѣмъ вербы и начиналъ утреню. Потомъ патриархъ садился на лошадь, покрытую бѣлымъ холстомъ съ особымъ сдѣланіемъ. Патриархъ держалъ крестъ и Евангеліе. За патриархомъ слѣдовало духовенство, бояре, стрѣльцы. Иногда самъ царь бралъ патриаршую лошадь подъ уздцы правою рукою, а иногда эту обязанность исполнялъ царскій наѣстникъ. Затѣмъ, вся процессія медленно двигалась между рядами стрѣльцовъ. Патриархъ обѣнялъ крестомъ вошедшихъ на его пути народъ. Изъ собора патриархъ пробѣжалъ въ церковь св. Троицы и, отслуживъ заутреню, возвращался въ соборъ. Торжество кончалось общей трапезой, на которой часто присутствовалъ царь. Всѣ получали богатые подарки. Процессія предшествовала экипажъ, на которомъ устроивалась верба. По словамъ И. Е. Забѣлина, онъ назывался «санями», хотя и былъ на колесахъ. На саняхъ подъ деревомъ за перилами стояли и ѣли стихиръ цвѣтоносью патриарше пѣвчіе, подъяки меншихъ станицъ — мальчики лѣтъ двѣнадцати въ бѣлыхъ одеждахъ. Число стрѣльцовъ дѣтей, участвовавшихъ въ обрядѣ шествіи въ вербное воскресенье, не всегда бывало одинаково и увеличивалось или уменьшалось, смотря по обстоятельствамъ. Великолѣпнѣе въ обрядѣ болѣе всего зависѣло отъ погоды. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда вообще въ обрядахъ было меньше пышности, число дѣтей простиралось отъ 50 до 100, при царѣ Алексѣ Михайловичѣ оно доходило до 800, а при царѣ Ѳеодорѣ до 1,000 человекъ, изъ которыхъ 800 стлали сукна, 200 кафтаны. Сукна, постилавшіяся передъ царемъ и патриархомъ 10 и 15 лѣтними мальчиками изъ стрѣльцкихъ дѣтей, были преимущественно зеленыя и красныя. Сшивались сукна кусками по 6 аршинъ въ длину и по 4 въ ширину.

Не одни русскіе, а и всѣ христіанскіе народы чтутъ Вербное Воскресенье. Протестанты ограничиваются чтеніемъ Нового Завета о вѣздѣ Иисуса Христа въ Иерусалимъ; католики тоже ходятъ крестнымъ ходомъ и освящаютъ вѣтви разныхъ деревьевъ. Въ Швеціи и Норвегіи освящаютъ ель и березу, въ Сѣверной Франціи берутъ молодыя буквыя деревья. Въ Провансѣ — лавровыя, оливковыя, мирковыя деревья замѣняютъ нашу вербу. Въ Римѣ на Вербной недѣль ежегодно привозятъ нарочно собранныя вѣтви пальмовыхъ деревьевъ. На берегахъ Италіи и Испаніи дѣлаютъ изъ сухихъ пальмовыхъ вѣтвей различныя предметы, напоминающіе муки и страданія Христа, напримѣръ: лѣстницу, молотокъ, гвозди, терновый вѣнецъ, крестъ. Такъ живое чувство религіознаго человека чтитъ память одного изъ великихъ дней, составляющихъ эпоху странствованія Господа Спасителя нашего. Тотъ день, когда весь Иерусалимъ встрѣчалъ кроткаго Небеснаго Учителя, сидящаго на простомъ, кроткомъ животномъ, когда ваи и одежды летѣли подъ ноги осленку, везущему Спасителя міра — этотъ великій день отразился навсегда во многихъ обрядахъ и обычаяхъ. Свѣтлый весенній день Вербное Воскресенье — равно дорогъ, равно понятенъ каждому народу.

На Балканскомъ полуостровѣ существуютъ еще въ Вербное Воскресенье нѣкоторые древніе обычаи. Черногорцы въ этотъ день собираются большими толпами ученики и ученицы мѣстныхъ училищъ и, распѣвая духовныя пѣсни, огромнымъ хоромъ идутъ на сосѣднія горы. Дѣтей сопровождаетъ духовенство въ

праздничномъ облаченіи. Когда вся процессія взойдетъ на возвышенность, духовенство разоблачается и садится на отдыхъ, а веселая и шумная дѣтвора разыгрывается по рошамъ и пригоркамъ, затѣвая игры и собирая цвѣты и срывая зеленыя вѣтки... Убранныя зеленью и цвѣтами, дѣти становятся въ правильные ряды и вмѣстѣ со священниками идутъ къ источнику «Великая княгиня Милица». У источника, который черногорскій народъ очень чтитъ, освящаютъ воду и затѣмъ съ тѣми-же духовными пѣснями возвращаются домой.

У насъ, въ Россіи, въ Вербное Воскресенье женщины, возвращаясь въ деревнѣ изъ церкви съ священными прутьями вербы, хлещутъ ими своихъ ребятъ, приговаривая: «верба хлестъ, бей до слезъ!» Костромскія крестьянки пекутъ въ Вербное Воскресенье баранки, кормятъ ими скотину, а вербу берегутъ до «рѣва дня, до перваго выгона скота въ поле. Этой вербой хлещутъ скотину, приговаривая: «Господи, благослови и здоровьемъ награди!» Вообще, вербу принято сохранять круглый годъ за образами. Съ вербою у русскаго народа связано много повѣрій, присловій и прибаутокъ. «Не верба бьетъ, старый грѣхъ», «Дождешься какъ отъ вербы яблокъ», «Кто вербу посадитъ, самъ на себя заступъ готовитъ» (т. е. умретъ, когда изъ вербы можно будетъ вытесать лонату) — вотъ что говорить о вербѣ народная мудрость. Народъ любитъ и пошутить по поводу вербы: «Иѣмецъ что верба, куда ни ткни, вездѣ приживется». «Вербка красна, бьетъ напрасно; верба бѣла, бьетъ за дѣло». Относительно погоды и урожая тоже съ вербою связаны многія поговорки. «Если вербная недѣля ветреная, съ утренниками, то яри хороши будутъ», — говоритъ ярославецъ. Новгородецъ замѣчаетъ въ свою очередь: «На вербѣ морозъ — яровые хороши будутъ». Рыбаки говорятъ: «Плѣтва трется въ первый разъ на вербной...» Въ Вербное Воскресенье въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи варятъ изъ цвѣта вербы кашу и ѣдятъ въ этотъ-же день; цвѣтъ смѣшиваютъ съ настоящею кашей.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Снятіе со креста. Рисоваль художникъ А. Лукашевичъ.

Свершилось! Великій Учитель почалъ на крестѣ Головы, проливъ Свою кровь за грѣхи міра. Но не всѣ вѣрны, приверженцы и ученики сѣзали въ страхъ и трепетъ. Тайный ученикъ Христа Іосифъ Аримаѣйскій обратился къ Пилату съ просьбой — позволить снять тѣло Спасителя и похоронить. Получивъ позволеніе, Іосифъ и другой ученикъ Никодимъ ночью сняли тѣло Богочеловѣка съ креста. Затѣмъ взяли составъ изъ смирны и алоя и овили догтое тѣло пеленами съ благовоніями. И послѣ этого Спасителя схоронили въ саду Іосифа Аримаѣйскаго, въ новой пещерѣ.

Продажа вербъ. Оригинальный рисунокъ художника М. Матвѣева.

Знакомая столбному жителю картинка! Въ ясный денекъ Вербнаго Воскресенья, у воротъ церковной ограды и у церковной наперти толпятся гурьба ребятъшекъ и дѣвченокъ, продающихъ вербы съ нацѣпленными на нихъ херувимами. Эти своеобразные, маленькіе торговцы на перебой пристають къ входящимъ и выходящимъ изъ церкви. Прихожане уже получили въ церкви освященные вербы, но теперь охотно берутъ продаваемые за грошовую цѣну украшенныя восковыми херувимами пучечки. Вотъ молодая парочка, выходящая изъ церкви, выбираетъ вербы погуще и красивѣе... Надо же порадовать единственнаго малютку, который теперь дома покою не даетъ нянѣкъ, крича: «Гдѣ папа? Гдѣ мама?»

Воскрешеніе Лазаря. Съ картины профессора П. Свѣдомскаго.

Чудный, высокій рассказъ Евангелія о воскрешеніи Лазаря самъ напрашивается на картинку. Лазарь изъ Виваніи, котораго любилъ посѣщать Спаситель во время Своего земного странствованія, жилъ съ сестрами Маріей и Марою. Какъ просто и вѣрно евангельское опредѣленіе этихъ двухъ дѣвъ — земной, и стремящейся къ духовному совершенству. Вотъ слышатъ однажды Иисусъ, что Лазарь боленъ, что онъ умеръ. «Лазарь уснулъ», — сказалъ онъ. — Я иду его разбудить». Придя въ Виванію, онъ встрѣтилъ Мароу,

не повѣрившую, что Онъ воскреситъ ея брата. Марія пала къ Его стопамъ. Онъ возскорбѣлъ духомъ и, подойдя къ могилѣ Лазаря, воззвалъ: «Лазарь, гряди вонъ!» И вышелъ умершій, обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами.

Геосиманскій садъ въ настоящее время.

То мѣсто, гдѣ Спаситель, готовясь къ крестной смерти, ожидая враговъ своихъ, молился Отцу Своему о поданіи Ему силъ—называлось Геосиманскимъ садомъ и находилось на окраинѣ города Иерусалима, за пологимъ Кидронъ, на горѣ Елеонской. Это было, соб-

Мертвый поднялся, сѣлъ и сталъ говорить, и отдалъ его Иисусъ матери.

Крестный путь Иисуса Христа. Рисоваль художникъ Г. Папперница.

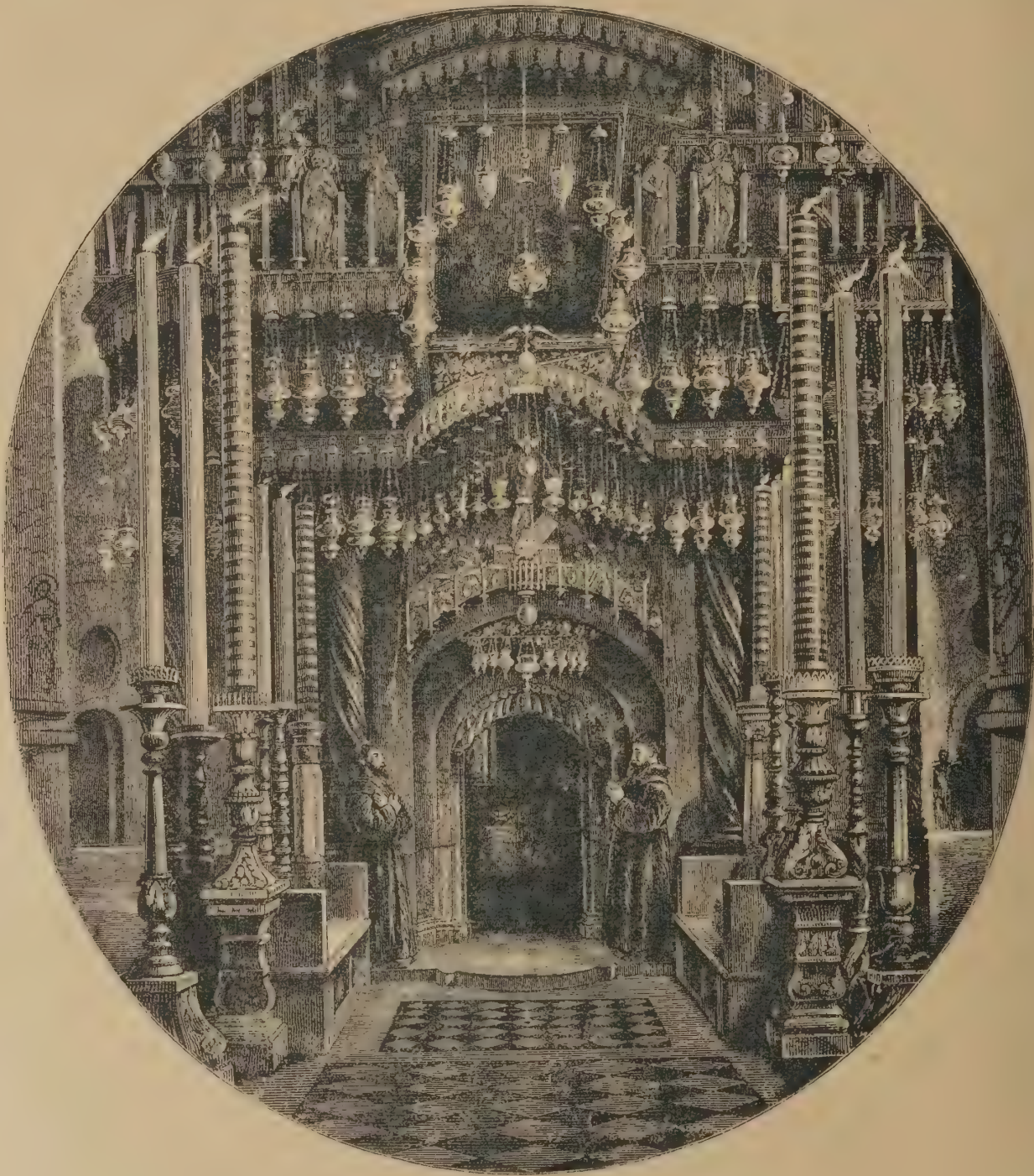
Доблился, наконецъ, своего злобные книжники и фарисей. Въ ихъ рукахъ тотъ пророкъ, тотъ великій Учитель и Воскреситель, который однимъ чудомъ, однимъ благимъ словомъ доказывалъ тщету и пустоту ихъ лукаваго ученія. Они осудили Его на позорную смерть на крестѣ и, для болѣе свѣдѣнаго униженія, велѣли распять Его между двоихъ разбойниковъ и заста-

было торопиться, такъ какъ въ наступающую субботу иудей, по закону своему, не должны были дѣлать никакихъ дѣлъ.

ВТОРОЕ ЭКСТРЕННОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ за 1896 годъ.

Моленіе о чашѣ. Съ картины профессора О. Бруни.

Божественное величіе и смиреніе Спасителя Бога нашего, молящагося въ саду Геосиманскомъ, 1890-

Часовня у гроба Господня (въ Иерусалимѣ).

ственно, не только садъ, а цѣлое селеніе, называвшееся Геосиманією. Теперь, конечно, это мѣсто очень измѣнилось, но привлекаетъ массу благочестивыхъ странниковъ. Много горячихъ молитвъ возносится къ Спасителю съ того самаго мѣста, гдѣ Онъ молился некогда Самъ.

Воскресеніе сына вдовы въ Наинъ.

Рисоваль художникъ Л. Фельдманъ.

Многихъ исцѣлилъ Спаситель однимъ прикосновеніемъ чудотворной руки Своей и однимъ изъ самыхъ чудныхъ исцѣленій было возвращенію къ жизни сына бѣдной вдовы изъ города Наина. Христосъ, входя въ Наинъ, встрѣтилъ у воротъ погребальную процессію: хоронили единственнаго сына бѣдной вдовы. Увидѣвъ горе матери, Спаситель сказалъ ей: «Не плачь!» подошелъ, прикоснулся къ одру, на которомъ несли умершаго, и сказалъ: «Юноша, тебѣ говорю: встань!»

Или Его нести крестъ на мѣсто казни Самому. Взбирался на крутую Голгофу, съ терновымъ вѣнцомъ на израненномъ челѣ, съ тяжкимъ крестомъ, Онъ изнемогъ и палъ. Его осыпали поруганіями и побоями, потомъ велѣли ибѣскому Симону Коринеанину помочь нести крестъ осужденному. Двигалась озлобленная толпа фарисеевъ, гремѣло оружіе римскихъ воиновъ, а Онъ—весь въ крови—безропотно несъ крестъ Свой.

Погребеніе тѣла Иисуса Христа. Съ картины Б. Пальмейна.

Снявъ тѣло Спасителя міра, тайный ученикъ Христа Иосифъ Ариматейскій и Никодимъ, расклавъ и увѣровавшій фарисей, тайно схоронили его въ пещерѣ, высѣченной въ скалѣ. Это было въ пятницу, уже наступала суббота. Послѣдовали за тѣломъ и женщины, слѣдовавшія за Иисусомъ изъ Галилеи, и смотрѣли, гдѣ и какъ полагалось тѣло Его. Надо

далеку отъ сонныхъ учениковъ, о непослѣдствіи Ему силъ для горькой чаши страданій—что можетъ быть выше и трогательнѣе. На горѣ Елеонской, въ саду Геосиманскомъ провелъ послѣднюю ночь Спаситель съ учениками Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ. Онъ велѣлъ имъ бодрствовать, но сонъ смыкалъ ихъ очи, и трижды пробуждалъ ихъ Иисусъ, говоря: «Не можете развѣ вы бодрствовать и молиться?» Спаситель молился Отцу Своему, говоря: «Отче, Отче! Да не вѣсть Меня чаща, но не Моя воля, а Твоя да будетъ!» И явился Ему ангелъ съ небесъ и укрѣплялъ Его. И снова, въ бореніи духа, молился Онъ и былъ потъ Его, какъ капли крови, падающія на землю. Послѣ того, какъ въ третій разъ пробудилъ Онъ сонныхъ учениковъ, вдали за деревьями засверкали факелы и оружіе: то шелъ съ воинами предатель Іуда Искариотъ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Италія. — Итальянскій парламентъ утвердилъ большинствомъ 214 голосовъ противъ 47 кредитъ на расходы по африканской экспе-

Маяташу и Алулу; расъ-Себатъ и Агостофари находятся въ Агамѣ.

— Лагерь Менелика и его армія заслуживаютъ большого вниманія. Очевидцы сообщаютъ очень интересныя описанія. Главную роль играетъ красный военный шатеръ негуса, при-

говыхъ отряда; войска центра занимаютъ принадлежащее имъ по праву мѣсто, т.-е. вокругъ боевого шатра, а арьергардъ разбиваетъ свой лагерь позади лагеря центра. Какъ только всѣ войска расположились лагеремъ, красный боевой шатеръ снимается и на его

СОВРЕМЕННЫЯ СОБЫТІЯ.

Негусъ Абиссиніи Менеликъ и его главные военачальники.

диціи и пріостановилъ вслѣдъ затѣмъ свои засѣданія до 16-го (28-го) апрѣля. Передъ тѣмъ, какъ разойтись на продолжительныя пасхальныя вакаціи, палата депутатовъ выразила свое довѣріе министерству д-Рудини большинствомъ 219 голосовъ противъ 119.

— Военныя дѣйствія въ Абиссиніи пріостановлены. Менеликъ и его приверженцы желаютъ мира. Супруга негуса Таяту, расъ-Оліе и тигринскіе начальники не участвуютъ въ совѣщаніяхъ и возвращаются обратно въ Шою. Менеликъ оставляетъ въ Тигре расовъ

обрѣтающій въ военное время особое значеніе. На походѣ шатеръ этотъ постоянно слѣдуетъ за негусомъ. Какъ только негусъ избралъ мѣсто для разбивки лагеря, прежде всего ставятъ красный шатеръ. Открытая сторона его обращена въ сторону непріятеля и обозначаетъ, слѣдовательно, фронтъ арміи, такъ что по его расположенію ориентируются пять главныхъ предводителей арміи для устройства своихъ лагерей. Авангардъ располагается впереди на надлежащемъ разстояніи, справа и слѣва, соблюдая установленныя интервалы и дистанціи, выстраиваются оба флан-

мѣсто ставятъ обыкновенную царскую палатку, внутренность которой поражаетъ своимъ великолѣпіемъ тѣхъ итальянскихъ офицеровъ, которые въ качествѣ парламентаровъ имѣли случай представляться Менелику. Основаніемъ перевооруженія абиссинцевъ современными ружьями послужила одержанная ими 9-го марта 1876 г. побѣда надъ египтянами. Трофеями побѣды оказались 15,000 ремингтоновскихъ ружей, которыми были вооружены войска Измаила-паши. Но больше всего содѣйствовали дѣлу перевооруженія абиссинской арміи сами итальянцы. Они снабжали ружья-

ми абиссинцевъ и въ мирное время, но еще больше въ теченіе нынѣшней войны. У нихъ же взяли абиссинцы и много пушекъ.

Англія.—Дервиши осадили Кассалу, ждутъ къ себѣ Османа-Дигму. Поэтому Англія затѣваетъ экспедицію изъ Египта для усмиренія и взятія Судана. Англійскія газеты увѣряютъ, что маркизъ Салисбюри очень удачно затѣялъ эту экспедицію въ Донголу, такъ какъ, благодаря этому, Германія, изъявившая согласіе на отпускъ денегъ изъ египетской казны на экспедицію, очутилась опять въ одномъ лагерѣ съ Англіей, Франція-же и Россія—въ другомъ. Словомъ, благодаря японской экспедиціи, разстроилось соглашеніе Германіи съ Франціей и Россіей въ дѣлахъ международной политики и снова восстановлено дружественное соглашеніе Англіи съ державами тройственного союза. Шовинисты отсюда выводятъ заключеніе, что Салисбюри откажется теперь отъ выжидательной политики и приступитъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Для параднаго коронаціоннаго спектакля въ Большомъ театрѣ исполняются чудныя художественныя программы съ разнообразнымъ орнаментомъ. Программы представляютъ брошюру, въ которой на 24 страницахъ будетъ помѣщенъ текстъ на русскомъ и французскомъ языкахъ съ художественными рисунками. Наглядное представленіе объ этихъ программахъ можетъ дать тотъ фактъ, что онѣ обойдутся свыше 12 тыс. рублей. Кромѣ «Жизни за Царя» въ парадный спектакль пойдетъ аллегорическій балетъ Петина.

— Въ министерство финансовъ поступило представленіе начальника Закаспійской области по вопросу о введеніи въ Закаспійской области русскихъ мѣръ и вѣсовъ.

— Особая коммиссія, образованная при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, для пересмотра положенія о сбереженіи лѣсовъ, выработала карательныя взысканія за нарушенія закона о сбереженіи лѣсовъ.

— Въ гор. Лодзи открыты комитетъ торговли и мануфактуръ на основаніяхъ, изложенныхъ въ Высочайше утвержденномъ, 7 іюня 1872 г., положеніи о совѣщательныхъ учрежденіяхъ по части торговой и мануфактурной промышленности.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Отправляется отрядъ Краснаго Креста изъ Петербурга въ Абиссинію; онъ будетъ состоятъ изъ 10 докторовъ и хирурговъ, 20 сестеръ милосердія и 60 санитаровъ. Отрядъ долженъ скоро выступить изъ Петербурга.

— Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ въ засѣданіи совѣта профессоровъ Археологическаго института, происходившемъ на дняхъ, избранъ въ почетные члены института.

— 8-го марта у персидскаго чрезвычайнаго посланника состоялся раутъ гдѣ присутствовали: министры земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ, путей сообщенія князь Хилковъ, генералы: Комаровъ, Куропаткинъ, Адельсонъ и много другихъ. Въ 12 часу на раутъ прибылъ спб. градоначальникъ.

— Состоялось годовое собраніе Импера-

торскаго православнаго палестинскаго общества. Въ числѣ почетныхъ гостей въ засѣданіе прибылъ высокопреосвященный Густинъ, архіепископъ одесскій и херсонскій. Предсѣдательствовалъ сенаторъ статсъ-секретарь Н. Н. Селифонтовъ. Присутствовали: В. К. Саблеръ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія Н. М. Анничковъ, Н. В. Хитрово.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Въ ознаменованіе священнаго коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ таврической губерніи рѣшено открыть 50 новыхъ народныхъ школъ.

— Съ будущаго учебнаго года въ Саратовѣ будетъ открыта вторая гимназія, а также принципиально рѣшено, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ, вопросъ объ учрежденіи въ Саратовѣ-же средняго профессиональнаго училища.

— Съ 1-го апрѣля открывается четыре новыхъ низшихъ лѣсныхъ школы въ губерніяхъ минской, нижегородской, харьковской и вятской.

— Симбирская городская дума, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій постановила, въ ознаменованіе 25-тилѣтія со дня введенія въ гор. Симбирскѣ Городового Положенія, ходатайствовать передъ правительствомъ объ открытіи въ гор. Симбирскѣ реальнаго училища.

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ.

С. В. Завойко.—9-го марта, исполнилось тридцатилѣтіе службы по государственному контролю помощника генераль-контролера департамента военной и морской отчетности, С. В. Завойка. Всѣ его сослуживцы привѣтствовали его многолѣтнія заслуги и доброе отношеніе къ подчиненнымъ по службѣ. Въ 1865 г. С. В. окончилъ курсъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ.

— В. М. Тимаевъ. Въ среду, 13-го марта, исполнилось 35-лѣтіе педагогической дѣятельности инспектора Павловскаго института В. М. Тимаева. Юбиларъ состоитъ членомъ учебнаго комитета вѣдомства Императрицы Маріи.

— Протоіерей Гавріилъ Любимовъ. 10-го марта исполнилось пятидесятилѣтіе служенія въ священническомъ санѣ протоіерея ораніенбаумской придворной церкви Гавріила Любимова.

НЕКРОЛОГИ.

А. А. Свѣчинъ.—Скончался 8 марта членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, генераль-отъ-инфантеріи, генераль-адъютантъ Александръ Алексѣевичъ Свѣчинъ. Покойный хорошо извѣстенъ своими боевыми заслугами. Имя его занимаетъ видное мѣсто въ исторіи покоренія Кавказа и тѣсно связано съ славными подвигами гренадерскаго Грузинскаго полка, которымъ онъ командовалъ съ 1861 г. по 1865 годъ.

— М. И. Шварцъ. Скончался 7-го марта контръ-адмиралъ Михаилъ Павловичъ Шварцъ. М. И. принадлежалъ къ числу славныхъ участниковъ Синопскаго боя и героевъ-защитниковъ Севастополя. При истребленіи турецкой эскадры на Синопскомъ рейдѣ М. И., въ чинѣ лейтенанта, находился на кораблѣ «Чесма» и за отличіе былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ.

— А. Е. Грелль. Скончался извѣстный дѣятель по садоводству и земледѣлію А. К. Грелль. А. К. былъ главнымъ сотрудникомъ московскаго журнала «Русское садоводство» и читалъ плододство въ земледѣльческой школѣ Московскаго общества сельскаго хозяйства.

— В. Л. Берманъ. Скончался 6-го марта, въ Каирѣ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Василій Лазаревичъ Берманъ. Онъ умеръ молодымъ, 34 лѣтъ, отъ злой чахотки.

— И. П. Долинъ. Скончался въ Ниццѣ талантливый опереточный артистъ Иванъ Петровичъ Долинъ.

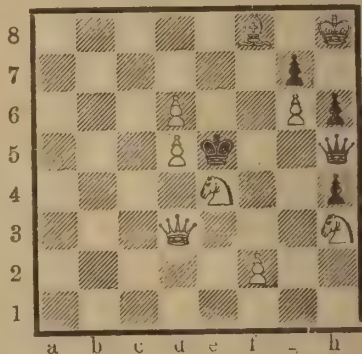
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 9.

Ф. Шиндлера (въ Ботенвальдѣ).

Первый призъ на конкурсѣ «Täglichen Rundschau».

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

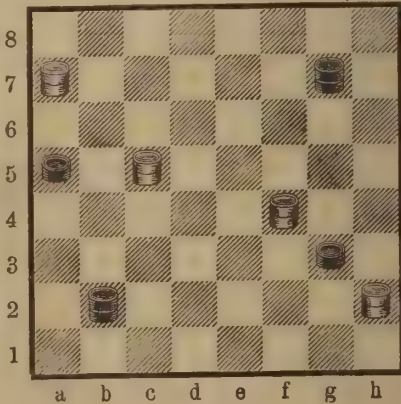
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шошина.

ЭТЮДЪ № 3.

Д. И. Саргина (въ Москвѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

ПАРТІЯ № 4.

Играна по перепискѣ съ 16-го февраля по 30-е октября 1894 г.

В. И. Шошинъ.

А. А. Оводовъ.

(въ С.-Петербургѣ).

(въ Епифани).

Бѣлыя.

Черныя.

1. c3-d4, b6-a5; 2. d4-c5, d6-b4; 3. a3-c5, f6-g5; 4. g8-f4, g5-h4; 5. b2-c3, e7-f8; 6. c8-b4, a5-c8; 7. d2-b4, f6-g5; 8. a1-b2, g7-f8; 9. b2-c3, d8-e7; 10. c3-d4, e7-d6; 11. c5-e7, f6-d4; 12. c1-b2, c7-b6; 13. b2-a3, b6-a5; 14. f4-e5, a5-c8; 15. d4-b2, h8-g7; 16. e3-d4, f8-e7; 17. b2-c3, g7-f8; 18. e5-g7, h6-f8; 19. h2-g3, a7-b6; 20. f2-e3, h4-f2; 21. e1-g3, g5-h4; 22. g8-f4, d8-c7; 23. c3-b4, b8-a5; 24. b4-c5, a5-b4; 25. c5-b6,

с7: а5; 26. а3: с5, е7—d6; 27. с5: е7, f3: d6; 28. g1—f2, b8—a7. Признана за ничью 4).

31. е8—d4, а5—b4—ничья. Если же 29. f2—g3, h4: f2; 30. е3: g1, то d6—с6; 31. d4: b6, а7: с5—тоже ничья.

«Пророкъ» и рени...», «Ласт...» и др., А. М... «Памяти дру... ла, о, Мари... Н. Краси... и др., Н... и шесть д... За РЕД...

Примѣчанія къ партіи.

- 1) Если 10. с1—b2, то а7—b6; 11. с5: а7, f8—e5; 12. f4: d6, е7: f4; 13. f2—g3, h4: f2; 14. е1: е5, h8—e7 и черн. должны выиграть.
- 2) Ошибочно было бы 13. b4—a5, тогда h4—g3; 14. f2: f6 (а6: с7, g3: a1), f8—g7; 15. а5: с7, g7: a1 и выигрывают.
- 3) Чтобы не дать чернымъ разбить поспешно въ 16... g7—f8 и 17... g5—f4.
- 4) Если 29. d4—e5, то а7—b6; 30. е5: с7, b6: d8;

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

Не будутъ напечатаны:

Стихотворенія: «Я стою на скалѣ среди мрака и тьмы» и др. В. Наз—ва; «Я набралъ васыльковъ...» и др. П. Гол—ва; «Въ амфитеатрѣ» и др. Н. П. Рак.—Ква; «Великій постъ» и др. Н. Троф—ва;

СРОКЪ ВТОРОГО ВЗНОСА

Главная контора журнала „Живописное Обозрѣніе“ доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, получающіхъ **СРОКЪ ПЛАТЕЖА ВТОРОГО ВЗНОСА ДЕНЕГЪ ИСТЕКАЕТЪ** въ а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорнѣйше проситъ посѣлшить высылкою печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своеврѣйшая высылка журнала **СЪ ПЕРВАГО АПРѢЛЯ БУДЕТЪ** по Книжки № 1 и 2 (январь и февраль) за 1896 годъ журнала «Домашняя Библиотека» печатаются для новыхъ подп...

ОЪЯВЛЕНІЯ.

Карамель изъ Травъ „КЕТТИ БОССЪ“, Б. СЕМАДЕНИ, въ Кіевѣ.

Главный складъ у Александра Венцеля С.-Петербургъ, Гороховая, 33. — Продается во всѣхъ аптекахъ и ант. магаз. Россіи. Цѣна мѣстъ съ кор. 25 коп. Малая коробка 15 коп. № 2010-7

ПОПРОБУЙТЕ

отличающіеся своей практичностью и удобствомъ эластичныя вязаныя кальсоны усовершенствованной кройки БЕЗЪ ВНУТРЕННЯГО ШВА. Только въ спеціальному магаз. зинѣ бѣла

Ю. Готлибъ

Владимірская, д. 2—49, уголъ Невскаго пр., Спб.

Цѣна: круточки въ 2 нити 1 р. 50 к., въ 3 нити 1 р. 75 к., въ 4 нити 2 р. каждая. При выпискѣ требуется мѣрка по ш. и длина. Менше 3-хъ не высылается

ФАБРИКИ С. СОБЕННИКОВА

Магазины: 1-ый Невскій 58-2-ой Невскій 18 въ Спбурѣ

ПРЕДЛАГАЮ непромокаемыя нандины пальто, вискосиновые и резиновые черныя и сѣрыя Цѣны удешевлены! Прейс-курантъ и образцы вышлю **БЕЗПЛАТНО**.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золот. медалями и высшими знаками.

КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ, ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліанію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 к., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 р. 4 пачки съ пер. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратитъ вниманіе на подписи. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., д. Жермина, №2.** № 2044-2

Каждая хозяйка, хоть разъ испробовавшая „Какао Бенсдорпъ“

убѣдится на опытѣ въ его хорошихъ качествахъ.

Какао Бенсдорпъ

здоровый, питательный, дешевый и экономическій напитокъ для дѣтей, кормилицъ, слабыхъ, больныхъ и выздоравливающихъ и здоровыхъ.

Э. Киникманъ и Ко

Требуйте каталоги!

ПАМЯТЬ

„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“.

(Что такое мнемоника?) книга (платное изданіе)

профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА и печатныя условія заочный (письменный) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія забывчивости (въ 10 ур.) вышл. пош. за шесть 7 коп. мар.; на вложенной бумагѣ вышл. съ условіями—за воемъ 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физіологіи, психологіи, логики и педагогикѣ, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ въ первичное ея дѣлается хорошею у имѣющихъ плохую, и лучшею—у обладающихъ хорошею.

Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, вознѣе, студенты и тысячи дѣтей, различныя профессіи, званій и возраста, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безплатны, вышл. пош. за одну 7 коп. марку). Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Сип. виама № 0. 40) (рядомъ съ Городевичъ садомъ) д. Бродскаго № 6 40, кв. 4-5-8, белъ-этажъ. Профессоръ мнемоники членъ парижской академіи С. Файнштейнъ. № 2298—7.

ТРЕБУЮТЪ

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАЗЕЛИН. КУС. 30к.

ПУДРУ ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАЗЕЛИН. КОР. 60к.

СПЕТЕРБУРГЪ ДЕМИДОВЪ ПЕРІ

ПАРФЮМЕРН. ЛАБОРАТ. ГОЛЛЕНДЕРЪ

ПРОДАЕТСЯ ВЪ СЛДѢ

ОСВѢЖАЮЩІЙ ХВОЙНЫЙ ВОЗДУХЪ въ комнатахъ, при употребленіи

ЛѢСНОЙ ВОДЫ

ФИРМЫ

Продается вездѣ

Вино Сень-Рафаэль

Превосходно на вкусъ.

Сохраняется по способу ПАС-ТЕРА.

На каждой бутылкѣ печать Россійской таможни. Въ каждой бутылкѣ приложена брошюра о Сень-Рафаэльскомъ винѣ, какъ о НАИЛУЧШЕМЪ, УКРѢПЛЯЮЩЕМЪ и ЦѢЛБНОМЪ средствѣ изслѣдованія Д-ра Де-Барре.

2366-4

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО

Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ НОВАЯ АМЕРИКА. КОНОТЪ ИЗМ. П. БРОТАНІО С. П.

рояли и пиано амеріа. констр. со всѣми новѣйш. усоверш. перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ, двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч. двойн. репетицією, пріятн. и сильн. тона. Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и до р. Піанино „ „ „ 350 375, 425, 460, 500, 550, 600 и до р. Армониопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія № 2321—

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАТЕНКОРА:

Сочиненія В. БѢЛИНСКАГО.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ БОЛЬШИХЪ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и статей Н. К. Михайловскаго. Въ новомъ дешевомъ изданіи „Сочиненій В. Бѣлинскаго“ читатель найдетъ всѣ его критическія статьи и около 56 остальныхъ литературнаго матеріала (библиографическихъ отзывовъ, журнальных замѣтокъ, статей о театрѣ), входившаго въ составъ прежняго, 15-ти-рублеваго изданія. Исключено изъ библиографическаго отдѣла лишь то, что утратило всякій интересъ для современнаго читателя и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣетъ никакого историко-литературнаго значенія. Цѣна наждаго тома 1 р. 25 к. 2377-1

ЧАЙ

СЪ ОСТРОВА ЦЕЙЛОНА!!!

чистый и экономическій, наилучшій чай въ мірѣ.—

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

М. РОЖИВЮ

Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ. Главный складъ: МОСКВА, Маросейка, домъ Лебедевой. Дѣпо въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: у М. Шабли, Вознесенскій просп., уголъ больш. Садовой., № 43—59.

ИНЪИШІЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ.

во всѣ мѣста Россіи, тщательно произведенныхъ футлярахъ съ 2-хъ лѣтней значительной удешевленными цѣнами: изъ вороненой стали, элегантные, перь-ремонтуръ съ заводомъ безъ ключа, ружьи. ВЪЧНЫМЪ русскимъ, французскимъ календаремъ (т. е. показываю- сь, день и фазы луны) цѣна 10 р. 75 к. не глухіе серебряные всѣ 3 крышки прочной конструкции и прелестной 16 р. 50 к.

серебряные глухіе 84 пробы, конструкция и прелестной ни, наружнымъ ходомъ 23 р. 00 к. е. 8-ми дневные 23 р. 00 к. асы серебряные, всѣ 3 ышки 84 пробы, глухіе, ан- рь, прочной конструкции, водъ ключемъ на 23-хъ на- ихъ мужскіе 9 р. 50 к. асы серебряные, всѣ 8 ышки 84 пробы особенно ищдаго фасона и прочно- ни, съ заводомъ безъ ключа ремонтуръ 11 р. 50 к. асы серебряные, всѣ 8 ышки 84 пробы изящнаго асана, цилиндръ-дамскіе за- одъ ключемъ для ремонтуръ 8 р. 50 к. мьются прелестныя цѣпочки изъ на- отъ настоящего золота по 3. 4 и 5 р. ш. вадатка.

Требованія прошу адресовать:
ТОРГОВОЙ ФИРМѢ Ш. БИТКЕРЪ.

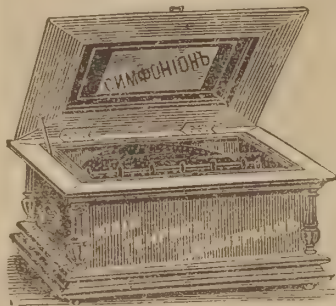
Варшава, улица Святого Георгія, 28.

Прейсъ-куранты высылаю франко.

№ 2263—2

СИМФОНІОНЫ

Музыкальныя пѣтули съ пріятѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ возможность мѣнять по произволу пѣсьи, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручной безъ нотъ	5 —
Ноты по	25 —
Заводной безъ нотъ	10 —
Ноты по	25 —
Заводной 60-тонный безъ	28 —
Ноты по	50 —
Заводной 84-тонный безъ	40 —
Ноты по	60 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	70 —
Ноты по	60 —
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie	100 —
Ноты по	1 —

новость: Часы съ музыкой. Солідные часы, разъ въ день заведенные, играютъ сами черезъ каждый часъ выбравшя по произволу пѣсьи. Въ случаѣ желанія — играютъ,

когда угодно. Густые, пріятѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.

Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.

Списки пѣсень для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. № 805-10

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарина.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

музыкальныхъ инструментовъ

А. Е. КУЛАКОВЪ.

САДОВАЯ УЛИЦА 33.

ФАБРИКА Садовая ул. 47.
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

предлагаетъ всевозможные музыкал. инструменты лучшаго качества по фабричнымъ цѣнамъ.

ЮБИЛЕЙНЫЙ

роскошно иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣхъ инструм. высылается БЕЗПЛАТНО.

Товарищество сарпинковъ въ Саратовѣ предлагаетъ:
Натуральныя сарпинскія ткани изъ шелка и бумаги. Неподражаемый выборъ всѣхъ родовъ бѣлья, чулковъ и носковъ.
ПЕРЕСЫЛКА ТКАНЕЙ ЗА СЧЕТЪ ФИРМЫ.

Образцы въ изыщномъ альбомѣ высылаются за 42 коп. марками. 2358-д

Ф. ВИНТЕРЪ.

ФАБРИКА

И

ДЕПО

ЧАСОВЪ.

Невскій

проспектъ,

№ 78.

Въ

С.-Петербургѣ.

РЕКОМЕНДУЕТЪ ОГРОМНѢЙШІЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ.

Никелевые	отъ 6 р. до 20 р.	Регуляторы двухне- дѣльнаго завода	отъ 15 р. до 100 р.
Стальные (черные)	8 " 30 "	Столовые часы	4 " 275 "
Серебряные мужскіе	10 " 100 "	Будильники	4 " 100 "
Серебряные дамскіе	10 " 30 "	Симфоніон. (муз.instr.)	6 " 110 "
Золотые	25 " 225 "	Полифоны	20 " 125 "
Стѣнные часы	40 " 80 "	Вашенные часы	150 " 4000 "
По желанію гг. покупателей часы высылаются съ наложеннымъ платежомъ.	2 " 200 "		
Подробные прейсъ-куранты высылаются БЕЗПЛАТНО.			

АЛЬБОМЪ ПАРИЖСКИХЪ КРАСАВИЦЪ

составленъ изъ картинъ лучшихъ французскихъ художниковъ и въ составъ этого альбома вошли слѣдующія картины: 1) Триумфъ Венеры; 2) Потифаръ; 3) Леда съ лебедемъ; 4) Судъ Париса надъ тремя граціями; 5) Діана при купаньи; 6) Послѣ купанья въ гаремѣ; 7) Венера являющаяся тремъ граціямъ; 8) 4 дамы; 9) Скала и Волна.

Всѣ картины въ немъ Парижской школы въ особенности замѣчательны тѣмъ, что художники съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ изобразили

КРАСОТУ ЖЕНЩИНЫ.

Всѣ картины помѣщены въ изящно тисненную золот. и черн. рисунками манку.

Цѣны съ пересылкою { Въ манкѣ . . . 2 руб. 90 коп. 2 за 5 р. 35 к.
Наложен. платежомъ { Безъ манки . . . 2 руб. 05 коп. 2 за 3 р. 60 к.

Базаръ Марокъ { С.-Петербургъ.
Невскій пр. № 20-25

ПРОШУ ПРОЧЕСТЬ! ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ!

Малая Конюшенная, № 16,

уголъ Невскаго дома ГАНЗЕНЪ.

ОСНОВАНА ВЪ 1866 ГОДУ

Одна изъ наибольшихъ фабрикъ въ этомъ родѣ. Элегантный магазинъ, наилучшее исполненіе. Цѣны дешевыя и безъ запроса.

Изгородние заказы исполняются скоро и хорошо. Отдѣленія находятся въ Вильнѣ, Ковно, Ригѣ, Двинскѣ, Юрьевѣ, и др. гор. Принимая въ химическую чистку, стирку и краску всевозможныя гардеробныя вещи НЕПОРОЧНЫМЪ какою бы рода оны ни были и съ полнымъ ручательствомъ, что старыя платья не возмущаются и окрашенные вещи не пачкаются при носкѣ. Особенно рекомендую

Химическую чистку и окраску мундировъ, ливрей, флаговъ, ризъ, перьевъ, зонтиковъ, перчатокъ, лентъ, кружевъ, вязанныхъ вещей, одѣялъ, мебели, вышивокъ, бархата, шелка, плюша, сукна, драпа и въ кускахъ, а также всѣхъ вещей ДАМСКАГО, МУЖСКАГО И ДѢТСКАГО ГАРДЕРОБА.

Отдѣленіе для стирки занавѣсей

занавѣси НЕ ПОРЯТСЯ ни при стиркѣ, ни при априурѣ. Прошу почт. читателей о азать мнѣ довѣрие и удовольствоваться въ моемъ умѣли и добросовѣстности.

Масса окоченныхъ ризъ и жакетъ въ магазинѣ для осмотра публикой.

№ 12 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 9-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) Листъ «Еженедѣльной хроники» № 12 и III) Второе экстренное художественное бесплатное приложеніе за 1896 годъ «Моленіе о чашѣ». Съ картины профессора В. Бруни.

Дозволено цензурою. Спб., 15 марта 1896 г.

Типографія С. Добродѣва, Ковенскій пер., д. № 14.

Колокольный звонъ далеко
Черезъ лѣсъ и доли лется,
За разлившейся рѣкою
Мягкимъ эхомъ раздается.

* * *

Оглашаются долины
Перекатнымъ вѣшнимъ шумомъ,
Съ крикомъ птицы ветрепнулись,
Гулъ прошелъ въ бору угрюмомъ.

* * *

Колокольный звонъ все дальше
Лется, воздухъ потрясая,
Пробужденную природу
Чудной вѣстью оглашая.

Солнце яркое восходитъ,
День зажегся пышнымъ блескомъ.
Гимну радостному вторять
Воды рѣкъ немолчнымъ плескомъ.

* * *

Колокольный звонъ все шире,
Все торжественнѣе лется,
Словно вмѣстѣ съ нимъ надъ міромъ
Клиръ невидимый несется...

* * *

И стоюстно славить Бога,
Въ свѣтлый праздникъ Воскресенья
Всѣмъ народамъ, всѣмъ языкамъ
Возвѣщая обновленья!

К. Медвѣдскій.

ЛѢСНАЯ ФІАЛКА.

(Старая быль).

ЧТО БЫЛО въ январскій морозный вечеръ 1779 года. Пустынный берегъ, Невы передъ Таврическимъ дворцомъ, принадлежащимъ князю Потемкину, былъ освѣщенъ тою-же луною, что свѣтитъ и въ наши дни, тѣми-же вѣчно мерцающими звѣздами.

Самъ дворецъ темными окнами глядѣлъ на скованную льдомъ Неву, на корабль, застывшій у самаго берега, и казался необитаемымъ. Окруженный рвомъ-канавою, наполненной водою и высокими частоколами, онъ походилъ на какую-то крѣпость.

Кругомъ все было тихо; ни пѣшехода, ни экипажа. Но вотъ гдѣ-то вдали по мерзлой землѣ гулко раздались шаги, щелкнулъ замокъ, и калитка, вдѣланная въ стѣну лѣваго флигеля дворца, отворилась и въ ней показалась высокая, статная фигура человека, закутаннаго во что-то темное. Завернувъ за собою дверь, мужчина еще болѣе надвинулъ на лобъ шляпу съ полями и быстро пошелъ вдоль улицы, видимо торопясь; вѣтеръ теребилъ его плащъ, мѣшая ему от-

даваться своимъ мыслямъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ и поднялъ голову; ему послышался женскій крикъ, и не успѣвъ онъ опомниться, какъ изъ-за угла выскочила молодая дѣвушка и съ крикомъ «помогите» упала почти къ его ногамъ.

За ней бѣжали съ хохотомъ два военныхъ въ гвардейскихъ мундирахъ.

— Остановитесь, господа! — повелительно проговорилъ мужчина въ плащѣ.

Молодые люди встали, какъ вкопанные. Хмель моментально вылетѣлъ изъ головы, — они узнали голосъ говорившаго.

— Кто эта дѣвушка, и почему вы ее преслѣдуете? — спросилъ высокій мужчина, вглядываясь въ лица офицеровъ.

Тѣ молчали.

— Отвѣчайте, или... — и пренебрежительная нотка зазвучала въ его голосѣ. — Вамъ легче безобразничать, чѣмъ держать отвѣтъ за свои дѣйствія.

— Мы ее не знаемъ! — запинаясь, отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Зачѣмъ-же вы за ней бѣжали?

— Простите, ваша свѣтлость...

Его свѣтлость взглянулъ при свѣтѣ луны на прелестное, помертвѣвшее личико почти лишившейся чувствъ дѣвушки, лежавшей у его ногъ, и тотчасъ-же понялъ, почему они преслѣдовали ее...

Онъ перевелъ свои темные, холодные глаза на нихъ и сказалъ:

— Семеновцы?.. А какъ ваши фамиліи?

— Розановъ.

— Князь Волынский.

— Хорошо. Сейчасъ отправляйтесь въ казармы, а завтра къ десяти часамъ быть у меня!.. Да никому ни слова о происшествіи!.. Завтра самъ разберу.

И, сдѣлавъ повелительный жестъ рукой, онъ отпустилъ въ конецъ перепуганныхъ юношей.

Оставшись одинъ, его свѣтлость тщательно завернулъ въ накидку молодую дѣвушку и поднявъ свою ношу, вмѣстѣ съ ней исчезъ въ темнотѣ той калитки, изъ которой только что вышелъ.

Когда молодая дѣвушка открыла глаза, она увидала, что лежитъ на большой кровати подъ шифоннымъ балдахинѣмъ, что золоченные амуры поддерживаютъ складки матеріи и розовый свѣтъ спускается съ потолка. Зеркальная стѣна отразила ея фигуру. Она еще болѣе испугалась, когда увидала, что передъ ней на колѣняхъ стоитъ красивый напудренный человѣкъ въ бархатномъ кафтанѣ, залитомъ золотомъ и драгоценными камнями. Молодая дѣвушка ахнула и быстрымъ движеніемъ соскочила на полъ.

— Гдѣ я?—растерянно проговорила она,—и кто вы?

— Вы у меня, а я—вашъ новый другъ!—съ улыбкой отвѣчалъ мужчина, граціозно подымаясь съ колѣнъ и кланяясь ей.

Дѣвушка хотѣла отвѣтить на поклонъ, но пошатнулась и чуть не упала. Хозяинъ дома подхватилъ ее и, усадивъ въ большое вольтеровское кресло, проговорилъ съ безконечной добротой:

— Прежде всего оправьтесь и успокойтесь, дитя мое, а затѣмъ мы поговоримъ.

Онъ налилъ ей стакавъ вина и видя, что она не рѣшается глотнуть, добавилъ:

— Пейте!.. Не бойтесь.

И она выпила.

А тотъ, кого звали «ваша свѣтлость», съль противъ нея и невольно залюбовался той наивной прелестью, которой вѣяло отъ молодой дѣвушки. Ея худенькая фигура, одѣтая въ черное траурное платье, ея темнорусые волосы, вьющіеся отъ природы и не напудренные по модѣ, давали ей оригинальный видъ, который все больше и больше привлекалъ вниманіе избалованнаго, взыскательнаго аристократа, какимъ былъ его свѣтлость.

Большіе, темные глаза, испуганные и выразительные, окаймленные дугой соболиныхъ бровей, красивый алый ротъ, подергивающійся отъ рыданій, и чистое, почти дѣтское выраженіе лица наполняли безконечною жалостью душу его свѣтлости.

Видя, что она немного успокоилась, онъ сказалъ:

— Теперь расскажите, дитя, кто вы, и что съ вами случилось?

— Меня зовутъ Натальей Дмитріевной Татищевой,—застѣнчиво начала дѣвушка,—и на дняхъ я схоронила батюшку!.. Теперь я одна на всемъ Божьемъ свѣтѣ!

Она зарыдала.

— Вы здѣшняя?

Дѣвушка отрицательно покачала головой.

— Откуда-же вы?

Справившись съ волненіемъ, она отерла глаза и въ короткихъ словахъ рассказала свою незатѣйливую исторію, а изящный собесѣдникъ ея, положивъ ногу на ногу, не спускалъ съ нея глазъ и думалъ:

— Никогда не видалъ я лица, къ которому-бы такъ шли слезы.

Дѣвушка между тѣмъ говорила, что отецъ ея отставной маіоръ, что они жили въ Новгородѣ, и у нихъ былъ свой домъ, который мѣсяцъ тому назадъ сгорѣлъ со всемъ ихъ имуществомъ. Они остались нищими, и отецъ пріѣхалъ съ ней въ Петербургъ просить прибавки пенсіи, но нѣсколько дней тому назадъ неожиданно умеръ. Последнія деньги она изтратила на похороны отца, затѣмъ ее выгнали изъ комнаты, которую они занимали, и она пошла къ свѣтлѣйшему князю Потемкину, о добрѣтѣ котораго она такъ много слышала. Пошла, чтобъ умолить помочь ей.

Не зная дороги, долго плутала; наконецъ, къ ней пристали двое офицеровъ и передъ тѣмъ, какъ ей встрѣтить своего благодѣтеля, одинъ изъ нихъ уже догналъ ее, обнялъ и хотѣлъ цѣловать.

— Но я увидала васъ,—добавила дѣвушка,—бросилась къ вамъ и нашла защиту.

Съ этими словами она скользнула съ кресла и опустилась на колѣни передъ сидящимъ. Онъ съ нѣжностью поднялъ ее и съ улыбкой спросилъ:

— Такъ вы шли къ Потемкину?

— О, да!.. Къ нему! Всѣ говорили, что онъ одинъ можетъ помочь мнѣ.

— Хотите, я представлю васъ ему?—съ улыбкой спросилъ его свѣтлость.—Я его немного знаю.

— Какъ благодарить мнѣ васъ,—горячо проговорила дѣвушка, хватая холеную, точно точеную руку своего собесѣдника и поднося ее къ губамъ.

— Что вы дѣлаете, дитя!..

Онъ вскопчилъ съ кресла и сталъ ходить по комнатѣ, точно соображая что-то, а она глядѣла на него, и думалось ей, не во снѣ ли ей грезятся эти пышныя хоромы и ходящій по нимъ изящный, статный баринъ, и донельзя нравилось ей въ немъ все, отъ его большихъ, слегка прищуренныхъ сѣрыхъ глазъ до его гордой походки и властныхъ граціозныхъ жестовъ!.. Она никогда не видала такого очаровательнаго человѣка такъ близко, какъ теперь смотритъ на этого вельможу. О! она не сомнѣвается, что онъ вельможа; у него и видъ такой.

Между тѣмъ ходившій остановился передъ ней и со своей обаятельной улыбкой спросилъ ее:

— Вы мнѣ довѣряете?

Она протянула ему обѣ руки. Онъ съ минуту молча глядѣлъ на нее, не выпуская ея рукъ и, наконецъ, сказалъ:

— Садитесь и слушайте. Для того, чтобы я былъ въ состояніи помочь вамъ, надо, чтобы ни одна человѣческая душа не подозрѣвала, что вы находитесь въ этомъ домѣ.

— Понимаю!..

— Вы останетесь въ этой комнатѣ до завтрашняго дня!.. Успокойтесь,—добавилъ онъ, увидавъ ея пугливое движеніе,—вы запретесь на ключъ, а сегодня я собственноручно буду служить вамъ. Завтра-же, часовъ въ семь вечера, когда стемнѣетъ, вы выйдете въ садъ въ эту дверь,—онъ указалъ на дверь, ведущую на баллонъ,—дойдете до первой калитки и отворите ее этимъ ключемъ,—добавилъ, онъ подавая ей небольшой бронзовый ключъ,—тамъ васъ будетъ ждать возокъ и вѣрный холопъ на козлахъ, который доставитъ васъ въ безопасное мѣсто. Тамъ вы найдете все необходимое и не будете нуждаться ни въ чемъ.

Онъ замолчалъ и выжидательно глядѣлъ на нее.

— Согласны ли вы все это исполнить, не спрашивая зачѣмъ и почему?.. Достаточно ли вы довѣряете мнѣ?

— Вполнѣ! искренно произнесла Наталья Дмитріевна.

— Значить,—радостно произнесъ онъ,—вы спасены.

Хозяинъ вышелъ изъ комнаты; она слышала, какъ онъ замкнулъ ее, и черезъ четверть часа возвратился, неся на серебряномъ подносѣ всевозможныя яства, чай и хлѣбъ. Все это онъ поставилъ передъ изумленной дѣвушкой и, смѣясь, проговорилъ:

— Сударыня, кушать подано.—Затѣмъ, взявъ ея обѣ руки, онъ почтительно поднесъ ихъ къ губамъ, говоря:—шутки въ сторону; садитесь, кушайте, успокойтесь и ложитесь спать; утро вечера мудренѣе. Я ухожу,—мнѣ надо къ Потемкину, съ которымъ я буду говорить о васъ; мы съ вами не увидимся нѣсколько дней; не удивляйтесь и не пугайтесь моего отсутствія,—такъ надо,—и, отвѣсивъ ей низкій, церемонный поклонъ, онъ вышелъ изъ комнаты.

На берегу Невы, далеко за Александроневской лаврой и тѣми мѣстами, гдѣ теперь стоятъ фарфоровый и стеклянный заводы, въ 1779 году, раскинулось богатое село «Озерки», принадлежавшее свѣтлѣйшему князю Потемкину и подаренное ему Екатериною, гдѣ онъ не жилъ, но гдѣ былъ его увеселительный дворецъ, въ которомъ онъ давалъ пышные праздники, на которыхъ Екатерина любила бывать.

Въ дни своей хандры Потемкинъ иногда пріѣзжалъ сюда проесть недѣлю, другую въ полномъ уединеніи.

Поэтому никто не удивился, когда свѣтлѣйшій собрался въ свои «Озерки».

Проживъ дня три, онъ снова ненадолго вернулся ко двору въ Петербургъ, а затѣмъ все чаще и чаще сталъ ѣздить въ свои помѣстья и все долѣе засиживать въ немъ. Начinalи уже толковать объ этихъ постоянныхъ поѣздкахъ. Императрица раза два милостиво подшутила надъ хронической хандрой князя, а когда онъ на другой день поѣхалъ къ княжнѣ Марѣ Львовнѣ Любомирской, урожденной Нарышкиной, въ которую онъ когда то былъ влюбленъ, и, оставшись ея другомъ, часто навѣщалъ ее, то князь былъ встрѣченъ насмѣшкой Маріи Львовны и съ какими-то намеками на то, что она знаетъ тайну, она стала дразнить его новой страстью, которую онъ, повидимому, отъ всѣхъ скрывалъ.

Усѣвшись подлѣ хорошенькой княгини, свѣтлѣйшій весело смѣялся ея поддразниваніямъ, пока были посторонніе, потомъ вдругъ сдѣлался серьезенъ и мраченъ, когда они остались одни.

— Милый другъ,—сказалъ онъ, взявъ ее за руку,—вы угадали: я влюбленъ, какъ никогда еще въ жизни не былъ.

Молодая княгиня поблѣднѣла.

— Вотъ какъ!—сквозь зубы процѣдила она,—кто-же эта счастливица?

— Скромная маленькая фіалка, живущая среди льбовъ.

Княгиня пылливо посмотрѣла на него.

— Такъ вотъ гдѣ причина вашихъ частыхъ отлучекъ!

— Передъ вами, мой другъ, Марья Львовна, не скрою,—да, это она!

— И гдѣ-же вы достали это сокровище?

— О! это цѣлая исторія!.. Не спрашивайте. Только порадитесь за вашего покорнаго слугу.

Княгиня незамѣтно вздохнула.

— Я счастливъ,—продолжалъ князь, не замѣчая ея волненія,—какъ школьникъ въ каникулярное время!.. Сколько въ ней чистоты, нѣжности, о которой, увѣряю васъ, княгиня, у насъ въ обществѣ не имѣютъ и понятія!

Молодая женщина не возражала. Прощаясь и цѣлуя ея руку, Потемкинъ просилъ сохранить его тайну. Княгиня обѣщала; а по его отъѣздѣ она долго стояла передъ пояснымъ портретомъ Потемкина, украшав-

шимъ ея пріемную комнату, и съ искрившейся слезой на глазахъ и недоброю усмѣшкой на устахъ вспоминала свое прошлое и только что нанесенную ей обиду...

Вѣдь не даромъ при дворѣ говорили, что княгиня Марья Львовна еще до сихъ поръ любить свѣтлѣйшаго князя Потемкина.

Черезъ нѣсколько дней былъ пріемный день у императрицы. Екатерина Алексѣевна была особенно въ духѣ и, оставивъ у себя нѣсколько избранныхъ лицъ, повела ихъ въ свой кабинетъ; между оставшимися была и княгиня Любомирская. Императрица называла ее своей крестницей, такъ какъ сама сосватала ее за князя, но княгиня Марья Львовна, казалось, была не особенно благодарна императрицѣ за заботу о ея судьбѣ и рѣдко показывалась на пышныхъ дворцовыхъ праздникахъ. Но на этотъ разъ княгиня почему-то была обрадована приглашеніемъ императрицы и, вошла съ другими въ ея кабинетъ, гдѣ всѣ, отбросивъ церемонію, чувствовали себя хорошо и свободно въ обществѣ умной женщины, которая, не смотря на свой высокій санъ императрицы, превращалась, въ это время, въ простую, любезную хозяйку.

— А гдѣ-же свѣтлѣйшій, — спросила Марья Львовна, обводя глазами всѣхъ присутствующихъ, — отчего его не видно?

— Хандрить, сидитъ въ своихъ «Озеркахъ», — отвѣчала императрица, кормя бискупитами свою любимую ливретку.

— Хандра-ли это?... — съ улыбкою спросила княгиня. — Нѣтъ-ли какой-нибудь заколдованной принцессы въ его дремучихъ лѣсахъ?

Февраль былъ на дворѣ, солнце уже грѣло; снѣга таяли и ледъ слегка поддался на двухъ большихъ озерахъ въ паркѣ свѣтлѣйшаго князя, — на тѣхъ озерахъ, отъ которыхъ и само имѣнье получило названіе «Озерковъ».

По очищеннымъ дорожкамъ можно было гулять и даже кататься въ экипажѣ. Потемкинъ, закутавшись въ мѣховую шубу, совершалъ свою послѣбѣднюю прогулку.

Не успѣлъ князь отойти на четверть версты отъ дома, какъ большой рыдванъ съ императорскими гербами въѣхалъ во дворъ и остановился у параднаго крыльца. Дворецкій и прислуга бросились къ экипажу, понявъ, какая высокая гостья пріѣхала навѣстить затворника.

— Не докладывайте, — строго произнесла императрица, — я сама найду хозяина, — и вошла въ домъ.

Государыня прошла цѣлую амфиладу роскошныхъ комнатъ; отворила дверь кабинета и, увидавъ женскую фигуру, какъ вкопанная, остановилась на порогѣ.

Вся озаренная лучами солнца, стояла у окна въ бѣломъ платьѣ съ темными волосами, съ палитрой въ рукахъ, молодая дѣвушка, показавшаяся особенно пріятельской государынѣ, — и писала картину.

Услыхавъ стукъ отворяемой двери, стоявшая, не поднимая глазъ, проговорила:

— Это ты, мой ненаглядный?

— Нѣтъ, это я, — проговорила императрица.

Молодая дѣвушка быстро оглянулась.

— Вы?... Кто вы?... Я васъ не знаю!

Но Потемкинъ, предупрежденный уже, бѣжалъ и, преклонивъ колѣно, привѣтствовалъ высокую посѣтительницу.

— Матушка-государыня!.. Какая честь мнѣ—рабу твоему!.. Какое счастье увидеть тебя!..

Государыня милостиво протянула ему свою руку.

— Пріѣхала узнать, какъ поживаете!.. Что твоя хандра?.. Ужъ долго больно тянется.

Потемкинъ молча цѣловалъ протянутую руку.

— А это кто? — указала императрица на остоленѣвшую дѣвушку. — Ужъ и впрямь-ли не заколдованная принцесса, какъ мнѣ докладывали?..

Свѣтлѣйшій подбѣжалъ къ Натальѣ Дмитриевнѣ, взявъ ее за руку, шепнуть:

— Слушайся...

Свѣтлѣйшій подвелъ ее къ императрицѣ; та упала передъ ней на колѣни.

— Крестница моя—Наталья Дмитриевна Татищева, — проговорила Потемкинъ.

— А что она у тебя тутъ дѣлаетъ? — произнесла императрица.

— Ждетъ дня своей свадьбы, матушка-государыня!.. Она — невѣста моего молодого ординарца.

Князь назвалъ Петра Михайловича О***.

— А!.. — протянула государыня. — Гдѣ-же женихъ? Покажи его.

— Поди, приведи его, — строго проговорилъ Потемкинъ Натальѣ Дмитриевнѣ. Та машинально поднялась и, шатаясь, вышла изъ комнаты.

Но ей далеко не пришлось идти; за дверью стоялъ О***, слышавшій все. Казалось, онъ подстерегалъ дѣвушку во все время ея пребыванія въ «Озеркахъ» и слѣдилъ за нею, какъ тѣнь. Онъ схватилъ дѣвушку за руку и бодро ввелъ ее въ комнату.

Съ блѣднымъ лицомъ Потемкинъ взглянулъ на него и, встрѣтившись съ добрымъ, преданнымъ взглядомъ своего ординарца, облегченно вздохнулъ.

— Вотъ, государыня-матушка, и женихъ!..

Екатерина милостиво улыбалась колѣнопреклоненнымъ передъ нею молодымъ людямъ и, повернувшись къ Потемкину, сказала:

— Что-жъ, свѣтлѣйшій, не зовешь меня въ посаженные матери?.. Будемъ съ тобой благословлять; и свадьбу сыграемъ въ Таврическомъ дворцѣ.

— Не смѣлъ и мечтать о такомъ счастьи!.. — Дѣти, благодарите великодушнѣйшую изъ монархинь!..

— Ну, оставимъ влюбленныхъ, — сказала государыня, — пойдемъ: мнѣ надо съ тобой о дѣлахъ поговорить, — и, кивнувъ головой молодымъ людямъ, она величественно вышла изъ комнаты, а за ней съ поблѣвшимъ лицомъ и съ поникшей головой послѣдовалъ Потемкинъ.

Молодые люди остались одни. Наталья Дмитриевна подняла глаза на молодого человека; онъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, не глядя на нее, съ искаженнымъ злымъ лицомъ. Она сдѣлала шагъ къ нему:

— Что все это значить?... Бога ради, скажите мнѣ!..

— Ничего другого, какъ-то, что мы должны обвѣнчаться!..

— Ни за что!.. Никогда!

Молодой человекъ злыми глазами посмотрѣлъ на нее.

— Неужели вы думаете, что я охотой женюсь на васъ?.. Я вѣдь знаю, кто вы.

Она закрыла лицо руками.

— Такъ зачѣмъ-же эта комедія, — сквозь

рыданія проговорила она, — къ чему эта жертва?..

Онъ зло расхохотался.

— Подумайте наединѣ обо всемъ, можетъ быть, догадаетесь, — и, повернувшись, онъ вышелъ изъ комнаты.

Наталью Дмитриевну прислуга нашла безъ чувствъ у дверей кабинета. Свѣтлѣйшій уѣхалъ съ императрицей въ Петербургъ.

Прошло два мѣсяца. Въ эти долгіе дни Наталья Дмитриевна была совершенно одна. Ни вѣсточки отъ любимаго человека, ни извѣстія о томъ, что ждетъ ее; она приходила въ отчаяніе.

Спасенная свѣтлѣйшимъ, привезенная въ его уединенный дворецъ, окруженная его влюбленнымъ вниманіемъ, увлеченная его красотой, молодая дѣвушка не могла не полюбить этого обольстительнаго человека, считавшагося неограниченнымъ и среди высшаго свѣта. Онъ, благородный, великодушный, казался ей какимъ-то героемъ, и когда князь, упавъ къ ея ногамъ, признался ей въ любви, она всецѣло отдалась ему, не разсуждая, не колеблясь, счастливая мыслью принадлежать ему.

Боже, сколько счастливыхъ дней и недѣль провела она съ нимъ, въ этомъ уединеніи!.. Вспоминая обо всемъ, Наталья Дмитриевна рѣшилась уже бѣжать къ пруду, чтобы покончить съ собою, но изъ кустовъ появился человекъ и преградилъ ей путь къ смерти. Ночью она сдѣлала петлю изъ веревки и и ужъ почти затянула ее, какъ вошла дѣвушка и освободила ее изъ петли, Наталья Дмитриевна поняла, что ее стерегутъ. А отъ милаго — хоть-бы строка!..

Молодая дѣвушка думала нѣсколько разъ, что сойдетъ съ ума.

Въ одно утро ей доложили, что пріѣхалъ О***. Она велѣла провести его на свою половину и встрѣтила его молча съ опущенными глазами. Петръ Михайловичъ быстро вошелъ, молодой, полный жизни.

Увидавъ исхудалое, блѣдное лицо своей невѣсты, онъ съ невольнымъ участіемъ спросилъ, что съ нею. Молча указавъ ему на кресло, Наталья Дмитриевна съ горькою усмѣшкой проговорила:

— Не думайте, Петръ Михайловичъ, чтобы я не старалась избавить васъ отъ себя и позора женитьбы на мнѣ!.. Но мнѣ не даютъ даже распорядиться своею жизнью!..

— Господь съ вами, Наталья Дмитриевна!.. Какія мысли!.. Что суждено — должно быть!.. Оба замолчали.

— Какъ вы должны меня ненавидѣть, — снова начала молодая дѣвушка.

— Я это дѣлаю не для васъ, — холодно произнесъ О***, — я это дѣлаю для моего благодѣтеля и второго отца!.. Онъ далъ мнѣ слово съ вами больше не видѣться!.. Надѣюсь, и вы не посрамите моего имени, когда будете моей женой!.. Я выйду въ отставку, и мы уѣдемъ въ имѣнье.

Дѣвушка подошла къ О*** и, схвативъ его за руку, сказала:

— Дайте мнѣ возможность бѣжать отсюда, умереть!.. Я не хочу вашего несчастья!..

Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ!.. Мы должны быть повѣнчаны!.. Такъ онъ хочетъ.

Спустя нѣкоторое время Петръ Михайловичъ уѣхалъ.

Векоръ послѣ визита жениха явилась въ «Озерки» княжна Любомирская, чтобы, по

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА П. КИСЛИНГА.
Гравироваль на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» Б. Пущѣ.

Явление Христа Маріи Магдалинѣ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА В. КОНДРАТЬЕВА.

Христосъ Воскресе!

просьбѣ Потемкина, взять Наталью Дмитриевну къ себѣ до свадьбы. Княгиня Марья Львовна, красивая и нарядная, съ лаской встрѣтившая дѣвушку, сразу очаровала ее.

Не безъ любопытства осматривала княжна ту «лѣсную фіалку», о которой ей такъ страстно говорилъ любимый человѣкъ. Наталья Дмитриевна, похудѣвшая и больная, своимъ запуганнымъ видомъ не особенно понравилась ей. Но хитрая женщина цѣловала молодую дѣвушку, называла себя ея другомъ,—говоря, что отецъ крестный, князь Потемкинъ много рассказывалъ княгинѣ о ней и что она вызвалась приютить ее до свадьбы.

Грустнымъ взглядомъ, уѣзжая, окинула дѣвушка тотъ домъ, гдѣ она была такъ счастлива и, уѣхавъ въ возокъ подлѣ княгини, она на всѣ ея вопросы отвѣчала короткимъ «да» и «нѣтъ».

«Эго какая то деревенская дура» думала княгиня, поглядывая искоса на молчаливую дѣвушку.

— Я умѣю быть другомъ,—говорила княгиня Любомирская—Потемкину, кокетливо пожимая ему руку,—и ваша крестница найдеть у меня семью.

Дѣйствительно, дѣвушка ожила; тѣ три дня, которые она прожила у Любомирской, были счастливыми днями. На другое утро по приѣздѣ княгиня впрорхнула къ ней веселѣе птички и зашебетала. Княгиня дѣлала видъ, что вѣрить въ ея духовное родство съ Потемкинымъ, въ ея любовь къ О*** и что донельзя интересуется ея свадьбой. Наташа надѣялась увидать князя, объяснить и умолить отпустить ее на волю, но князь не явился, а прислалъ бриллиантовый фермуаръ и много подарковъ своей крестницѣ.

— Вы будете очаровательны подѣ вънцомъ,—говорила княгиня, присутствуя при примѣркѣ подвѣснаго платья.—Вы будете славная парочка, вашъ женихъ красавецъ и многія завидуютъ вамъ.

Наташа отвѣчала на это только тяжелымъ вздохомъ, а княгиня, будто не замѣчая ея грусти, рассказывала ей о милостяхъ Екатерины къ ея крестному стцу, о любовныхъ похожденияхъ Потемкина и съ улыбкой видѣла, какъ блѣднѣло безъ того блѣдное личико дѣвушки. Княгиня была не злая женщина, но ей доставляло невыразимое наслажденіе видѣть, что и «лѣсная фіалка» страдаетъ, какъ страдала она.

Наканунѣ свадьбы приѣхалъ Петръ Михайловичъ. Посидѣвъ нѣкоторое время съ женихомъ и невестой, княгиня, объявивъ, что не хочетъ мѣшать имъ, вышла изъ комнаты.

Молодой человѣкъ былъ серьезенъ и, какъ показалось невестѣ, болѣе чѣмъ печаленъ.

— Завтра,—началъ онъ, когда они остались одни,—мы сдѣлаемся съ вами для свѣта мужемъ и женой, но другъ для друга,—онъ поднялъ на нее глаза,—мы навсегда, конечно, останемся чужими.

— Знаю!..—коротко отвѣчала она, —но если ничего нельзя перемѣнить въ нашей тяжелой долѣ, то позвольте мнѣ передъ великимъ завтрашнимъ днемъ поклясться, что я сдѣлаю все, чтобы заслужить, если не вашу любовь, то прощеніе.

— Благодарю!..

Горечь насмѣшки слышалась въ его голосѣ. Затѣмъ онъ равнодушно рассказалъ ей, что отвезетъ ее въ свое родовое имѣнье, что будетъ иногда нѣзжать къ ней и что

теперь, взявъ отпускъ, онъ снова вернется на службу въ Петербургъ, а она останется безвыѣздно въ деревнѣ.

Молча, низко склонивъ голову, дѣвушка слушала рѣчи жениха, сулившія ей безъисходную безразсвѣтную жизнь впереди, и слезы подступали къ горлу, но Наталья Дмитриевна сдѣлала усиліе надъ собой и, холодно проговорила:

— Я исполню вашу волю; я на все согласна!..—встала со стула, желая показать этимъ, что имъ не о чемъ болѣе говорить.

Петръ Михайловичъ, официально простясь съ ней, уже подходилъ къ двери, но вдругъ на секунду остановился и, какъ будто на что то рѣшившись, быстро подошелъ къ стоявшей посреди комнаты дѣвушкѣ и, глядя на нее въ упоръ, какъ то рѣзко, взволнованно проговорилъ:

— Вы его все еще такъ же сильно любите?..

Дѣвушка поблѣднѣла; съ минуту подумала, потомъ, поднявъ на него с онъ открытые глубокіе глаза, тихо сказала:

— Нѣтъ!.. Мнѣ кажется, я его ненавижу.

Молодой человѣкъ хотѣлъ что-то сказать нерѣшительно повертѣлъ свою фуражку въ рукахъ, глубоко вздохнулъ и... уѣхалъ.

Княгиня Любомирская была права,—Наталья Дмитриевна, взволнованная и блѣдная, была очаровательна въ своемъ подвѣсочномъ платьѣ; въ фіжмахъ, въ пудренныхъ волосахъ ея красота выступала какъ-то рѣзче, рельефнѣе...

Княгиня Марья Львовна привезла ее въ Тавричскій дворецъ, гдѣ въ большой залѣ съ колоннами ждали приглашенные княземъ Тавриды на свадьбу своей крестницы и на празднество, которое онъ устроилъ по случаю приѣзда къ нему императрицы во дворецъ.

Зала блистала роскошью и огнями. До двадцати тысячъ свѣтъ освѣщало колоссальное зало. Эстрада, предназначенная для императрицы, была покрыта роскошнымъ персидскимъ шелковымъ ковромъ. Зимній садъ, куда былъ выходъ изъ большой залы, былъ покрытъ кустами изъ живыхъ цвѣтущихъ розъ, олеандровъ и лилій. Птицы, перелетая, щебетали и пѣли; между кустами были разставлены невидимыя курильницы и билъ фонтанъ изъ лавандовой воды. По срединѣ сада стоялъ бюстъ императрицы изъ каррарскаго бѣлаго мрамора.

Князь Потемкинъ не узналъ въ элегантной, блѣдной невестѣ маленькую Наташу и въ изумленіи отступилъ; а княгиня Марья Львовна, взявъ за руку Наталью Дмитриевну, подвела ее къ хозяину дома и, присѣдая, съ улыбкой проговорила:

— Свѣтлѣйшій князь, я исполнила свою миссію.

Наташа стояла передъ княземъ съ поблѣвшими губами, не смѣя поднять глазъ на него. Всѣ кругомъ стояли и смотрѣли на нихъ. Князь понималъ опасность этой минуты и со свойственной ему свѣтскостью и находчивостью протянулъ руку молодой дѣвушкѣ и, цѣлуя ее въ лобъ, громко проговорилъ:

— Великій день для тебя наступилъ, дитя мое!.. Будь счастлива и достойна своего нареченнаго.

Приѣздъ государыни былъ великолѣпнѣе и пышнѣе по массѣ царедворцевъ и красавицъ, сопровождавшихъ ее. Императрица была въ бѣломъ атласномъ платьѣ, затканномъ золотомъ, и залита брилліантами.

Серьезная и сосредоточенная, благословила она молодую дѣвушку и гордо вошла въ церковь, куда Потемкинъ велѣлъ за нею вѣль за руку свою крестницу. Ни князь, ни Наталья Дмитриевна, идя рука объ руку, ни разу не взглянули другъ на друга; рука ея въ бѣлой перчаткѣ лежала въ дрожащей рукѣ князя и не отвѣчала на его пожатіе. Смѣло, съ высоко поднятой головой всталъ женихъ на свое мѣсто подлѣ невесты, а она съ поникшей головой, не видя никого, испуганная этимъ свѣтомъ и незнакомой пышной толпой, казалось, была готова нѣсколько разъ лишиться чувствъ, и только сила воли да страстное желаніе не выдать себя поддерживали ее.

Вѣнчаніе кончилось.

Опять она у ногъ государыни получаетъ ея благословеніе и благодаритъ за милость, и вотъ вокругъ ея столпились незнакомыя лица, которыя ее поздравляютъ, желаютъ счастья.. Она ихъ не знаетъ и страшно ей этого шума, этой толпы.

Государыня удалилась въ особые покои, приготовленные для нея, чтобы играть съ приближенными въ карты.

Музыка на хорахъ играетъ величественный менуэтъ: пары вѣстъ падаютъ, присѣдая, впереди всѣхъ — новобрачные. Они еще не обмѣнялись ни однимъ словомъ послѣ вѣнчанія, кромѣ нѣсколькихъ пустыхъ фразъ, сказанныхъ Петромъ Михайловичемъ съ улыбкой для окружавшей ихъ толпы. Танецъ конченъ. Императрица играетъ; и видитъ Наталья Дмитриевна, какъ свѣтлѣйшій, войдя въ зало, ищетъ кого-то глазами и чувствуетъ, что это—ее, и безпомощно падаетъ она въ кресло, возлѣ котораго стояла. Молодая женщина не ошиблась, князь подошелъ къ ней и сѣлъ рядомъ.

Свѣтлѣйшій оглядѣлся,—близко никого не было—и, наклонясь къ ней, прошепталъ:

— Наташа!.. Прости!.. Я такъ виноватъ!..

Блѣдное лицо молодой женщины еще болѣе поблѣднѣло, но она нашла въ себѣ силы съ достоинствомъ и холодно отвѣтить:

— Полноте, ваша свѣтлость!.. Можете-ли вы быть виноваты предъ такой ничтожной женщиной, какъ ваша покорная слуга!..

— Наташа!..

— Вѣроятно, ваша свѣтлость, не я—первая, не я—последняя, сердцемъ которой вы поиграли и бросили.

— Что ты говоришь!.. Я докажу еще тебѣ, что люблю тебя!..

— Ваша свѣтлость!.. Мнѣ, —женѣ другого, неприлично слушать такіа слова!..—и, взглянувъ въ сторону мужа, она увидала его блѣдное лицо и черные сверкавшіе глаза, которые прямо смотрѣли на нее; она послала ему привѣтливую улыбку и, низко присѣвъ передъ княземъ, отошла отъ него.

Прошелъ годъ. Опять весна: опять распустились цвѣты и запѣли соловьи въ кустахъ. Въ курской губерніи, въ большомъ барскомъ старинномъ домѣ О***, въ его родовой вотчинѣ «Загуляевкѣ», гдѣ постоянно живетъ Наталья Дмитриевна со дня своей свадьбы и куда по уговору раза три приѣзжалъ ея мужъ, оставаясь иногда мѣсяцъ въ деревнѣ, и снова уѣзжалъ, не говоря, куда и зачѣмъ, готовились къ Свѣтлому празднику Воскресенья Христова.

Наталья Дмитриевна и не спрашивала, куда мужъ уѣзжалъ, она жила затворницей; ни къ кому изъ сосѣдей не ѣздила, а, попросивъ мужа прислать ей разныхъ книгъ изъ

Петербурга, занялась чтеніемъ; рисовала съ натуры и играла на клавикордахъ; но чаще всего она сидѣла въ дѣтской... Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы у Натальи Дмитриевны родилась дочь. Мужа въ то время въ деревнѣ не было, и Наталья Дмитриевна на рукахъ чужихъ людей, едва не умеревъ, дала жизнь слабой крошечной дѣвочкѣ, которую съ любовью прижала къ своей наболѣвшей груди, и вся отдалась ребенку.

Петръ Михайловичъ щедро награждалъ управляющаго, привезшаго ему эту радостную вѣсть, но послѣ этого четыре мѣсяца не показывался въ деревнѣ, а когда пріѣхалъ, не спросилъ о дочери, которую Наталья Дмитриевна назвала Татьяной, а молодая женщина не смѣла заговорить о ребенкѣ. Такъ *** и не видалъ дѣвочки. Петръ Михайловичъ былъ холодно спокоенъ въ общеніи со своей женой; ни упрека, ни намека о прошломъ она не слыхала отъ него; пріѣзжая, онъ при всѣхъ цѣловалъ ее въ лобъ; обѣдалъ и ужиналъ съ нею, а остальное время пропадалъ въ полѣ. Только иногда, когда она, не подозрѣвая, что онъ дома, садилась за клавикордъ и пѣла грустные пѣсни, въ которыхъ слышались слезы, тогда онъ, какъ въ былые дни въ «Озеркахъ», на цыпочкахъ подкрадывался къ двери и, не шевелясь, готовъ былъ слушать цѣлые часы ея музыку и пѣніе...

Молодая женщина на вольномъ воздухѣ разцвѣла и похорошѣла; она всегда какъ то особенно оживлялась при пріѣздѣ мужа, кокетливо одѣвалась и съ улыбкой встрѣчала его, а онъ не замѣчалъ или не хотѣлъ видѣть ея радости при видѣ его, ея желанія быть ему пріятной.

Въ послѣдній его пріѣздъ она встрѣтила его нѣсколько сконфуженно и за обѣдомъ попросила его зайти на ея полозину. Онъ удивился ея приглашенію, но пошелъ. Въ первый разъ входилъ онъ въ ея комнату, которая при его матери носила названіе диванной. Петръ Михайловичъ не узналъ этой большой пустынной комнаты, въ которой когда-то ребенкомъ проводилъ вечера. Все въ ней теперь было такъ уютно и красиво. Цвѣты, начатыя работы пастелью, разбросанные книги и старинные шкафы и баульчики наполняли комнату, а на главномъ мѣстѣ, на стѣнѣ красовался его портретъ мальчикомъ лѣтъ десяти; портретъ былъ украшенъ цѣлымъ пучкомъ засушенныхъ цвѣтовъ. Наталья Дмитриевна перенесла портретъ изъ комнаты его покойной матери, запертой, нежилой, и повѣсила у себя.

Наталья Дмитриевна встрѣтила его у порога и церемонно попросила сѣсть.

Имъ обонимъ было неловко.

— Какъ у васъ комфортабельно, — сказалъ онъ, оглядывая комнату.

— Безъ васъ я почти никогда не выхожу изъ нея, — съ улыбкой пояснила молодая женщина.

Онъ взглянулъ на нее. Ей было восемнадцать лѣтъ, и она была очаровательна.

— Вы очень скучаете?.. — неловко вырвалось у него.

— Нѣтъ, — спокойно отвѣчала она. — Я была бы даже счастлива, если-бы не мысль... — она сѣтановилась.

— Какая-же?.. Можно узнать?.. — небрежно спросилъ онъ, играя лорнетомъ.

— Что я испортила вамъ жизнь, — потупилъ, отвѣчала Наталья Дмитриевна.

— О!.. не беспокойтесь!.. — засмѣялся онъ рѣзко и непріятно. — Я, какъ Потемкинъ

умѣю найти и взять свое счастье, гдѣ и когда захочу!

Онъ въ первый разъ при ней произнесъ это имя. Она не шевельнулась, не взволновалась, только вдругъ стала серьезной и сказала:

— Хорошо, что вы, назвавъ князя Потемкина, напомнили мнѣ, зачѣмъ именно я просила васъ зайти ко мнѣ, — и, вынувъ изъ стариннаго баульчика вчетверо сложенное письмо, она подала его мужу.

— Вотъ, что я получила отъ свѣтлѣйшаго въ ваше отсутствіе.

Петръ Михайловичъ схватилъ письмо и съ волненіемъ, котораго не могъ скрыть, прочелъ на четырехъ страницахъ горячее объясненіе въ любви великолѣпнаго князя Тавриды. Онъ молилъ ее вернуться къ нему, говоря, что жизнь ему опостыла съ той минуты, какъ онъ разстался съ ней.

Петръ Михайловичъ докончилъ читать письмо и швырнулъ его на полъ.

— Какъ-же вы поступили? — спросилъ онъ, сверкая глазами.

Наталья Дмитриевна спокойно подняла письмо и снова, подавая его мужу, сказала:

— Я ждала васъ, чтобы просить васъ собственноручно вложить это письмо въ конвертъ и отослать свѣтлѣйшему. Другого отъѣзда съ моей стороны и быть не можетъ.

Онъ молча взялъ отъ нея письмо и на другой день уѣхалъ изъ усадьбы.

Праздникъ Пасхи въ 1780 году приходился въ концѣ апрѣля, и Наталья Дмитриевна не получая никакихъ извѣстій отъ мужа, собиралась одиноко встрѣтить этотъ великій, торжественный день. Молодая женщина простояла заутреню въ деревенской церкви, вся въ бѣломъ, красивая и нарядная; похристосовавшись со всѣми окружающими, она вернулась домой съ причтомъ, который пригласила съ собой разговѣться.

Не успѣла Наталья Дмитриевна пригласить своихъ скромныхъ гостей къ трапезѣ, какъ дверь распахнулась и въ комнату вбѣжалъ Петръ Михайловичъ.

— Христосъ воскресъ, моя милая Наташа! торжественно воскликнулъ онъ, широко раскрывая свои объятія.

— Воистину воскресъ!.. падая къ нему на грудь и замирая отъ счастья, прошептала Наталья Дмитриевна.

Онъ покрылъ лицо ея поцѣлуями, потомъ отодвинулъ отъ себя и, страстно, любовно глядя ей въ глаза, проговорилъ:

— Любимая, ненаглядная женушка!.. Пойдемъ къ нашей дочуркѣ!.. — и, поднявъ ее своими сильными руками, онъ чуть не бѣгомъ черезъ всю амфиладу комнатъ донесъ ее до дѣтской...

Солнце высоко стояло надъ землей, а въ комнатѣ Натальи Дмитриевны еще слышались голоса.

Сама она, счастливая и радостная, сидѣла на диванѣ, а у ея ногъ — тотъ, который цѣлый длинный, тяжелый годъ не хотѣлъ признавать ее. Слушаетъ она его рассказы, прерываемые поцѣлуями, какъ онъ съ первой встрѣчи съ нею полюбилъ ее, какъ онъ страдалъ и ревновалъ ее, когда, пріѣзжая въ «Озерки» съ княземъ Потемкинымъ, онъ изъ окна наблюдалъ, какъ князь ухаживалъ за ней на прогулкахъ, какъ цѣловалъ и любить. Все это онъ видѣлъ и зналъ, слѣдя тѣнью за нею, и по цѣлымъ ночамъ рыдалъ, проклиная свою жизнь.

Да, онъ былъ счастливъ жениться на ней,

но изъ гордости и изъ ревности не хотѣлъ показать ей этого. Цѣлый годъ онъ ее испытывалъ. Боже, чего это ему стоило! Онъ двадцать разъ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ, а вмѣсто этого уѣзжалъ на долгіе мѣсяцы.

Теперь онъ знаетъ, что она любитъ его; теперь онъ вѣритъ ей, и Петръ Михайловичъ, крѣпко обнимая жену, шепталъ ей:

— Моя!.. Моя на жизнь и смерть!

А въ окно глядѣло солнце и теплыми лучами окутывало ихъ.

З. Яковлева.

Чей-то голосъ съ небесъ въ эту ночь намъ звучитъ, —

И пасхальнымъ, торжественнымъ звономъ

Говоритъ нашъ угрюмый привнескій гранитъ

Съ безконечнымъ самымъ небосклономъ!

Мнитесь, колоколъ дивный въ эфирѣ поетъ;

Мнитесь, бьютъ въ него ангеловъ руки, —

И скрываются призраки смертныхъ невзгодъ

И земныя страданья и муки...

И невѣдомо-сладокъ, и мощно-могучъ —

Этотъ праздничный звонъ надъ столицей,

То несется въ туманъ, то взлетаетъ до тучъ

Задремавшихъ вверху вереницей...

Пламя красныхъ огней, озаряющихъ храмъ,

Словно рвется изъ смертной юдоли —

Рвется съ трепетной дрожью къ святымъ небесамъ,

Жаждетъ сбросить оковы неволи!

Такъ сердца обездоленныхъ жизнью людей, —

Въ эту ночь Воскресенья Христова, —

Согрѣваются вѣрой и мыслятъ теплѣй,

Забывая всѣ муки былого...

И стремишься повѣрить опять чудесамъ

Въ этомъ мрачѣ Божественной ночи;

И — молясь — поднимаешь къ святымъ небесамъ

Просіявшія, влажныя очи!..

В. Лебедевъ.

ВЪ ОДИНОЧЕСТВѢ.

Разсказъ.

— А! Созонту Созонтовичу напе почтенъ! — проговорилъ, останавливаясь около воротъ одного изъ домовъ на Пескахъ, высокій старикъ въ толстомъ, драбизомъ пальто и со свертками въ рукахъ; мягкая шляпа, нагнутая на лобъ, и приподнятый воротникъ закрывали его лицо, оставляя открытымъ лишь длинный носъ, да щетинистые, сѣдые усы.

Тотъ, котораго звали Созонтомъ Созонтовичемъ, былъ маленькій старичекъ съ круглымъ, гладко выбритымъ подбородкомъ, сѣрыми глазками и съ крошечнымъ носомъ, изъ порою тѣхъ носовъ, каковыя, обыкновенно, называются «пуговками». Сѣдую голову его украшала потертая фуражка съ краснымъ околышемъ и кокардою.

— Здравствуйте, здравствуйте, Иванъ Никандровичъ! — и Созонтъ Созонтовичъ, улыбаясь, протянулъ руку Ивану Никандровичу. — Развѣнько сегодня встать изволили: я это ду-

малъ, что вы еще спите, потому и не зашелъ даже, а вы и меня опередили сегодня. Куда это прогуливаться вздумали, а?

— О прогулкахъ-ли тутъ думать! Дѣла полонъ ротъ, а вы, прогуливаюсь—говорите. Само ничто не придетъ, обо всемъ позаботиться надо... Я вотъ сегодня ночь не спалъ, да думалъ какъ-бы купить, чего не забыть; и вотъ теперь меня беспокоитъ это-же самое.

— Напрасно, то есть совсѣмъ напрасно-съ беспокойство это самое, Иванъ Никандрычъ.

себѣ подъ носъ, онъ смотрѣлъ вслѣдъ за развѣвающейся шинелью удалявшагося Созонта Созонтовича...

Созонтъ Созонтовичъ Глотовъ и Иванъ Никандрычъ Хмыровъ—большіе пріятели; уже болѣе десяти лѣтъ онѣ живутъ вмѣстѣ «въ меблировкѣ», стѣнка о стѣнку, такъ какъ ихъ комнаты приходится рядомъ. Комната Глотова маленькая, въ одно окно, а у Хмырова побольше и окошекъ въ ней цѣлыхъ два, и меблировка какъ будто получше,

«меблировкѣ» и ужился; но что грѣхъ таить, и отсюда уже нѣсколько разъ порывался выхлѣбъ, разругавшись съ хозяйкой, да Созонтъ Созонтовичъ помѣшали и разговорили; «и то сказать, врядъ-ли гдѣ найдешь дешевле да лучше! Это правда: грязновато немного, и комнаты низки, и прислуга грубовата тоже, но все-же ничего: тепло, покойно! И привычка тоже не мало значитъ: вторая она натура. Да и гдѣ лучше? — развѣ, что тамъ, гдѣ насъ нѣтъ!» Созонтъ Созонтовичъ

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА И. ПЯСЕЦКАГО.

РАСКРАСКА ЯИЦЪ.

Ну, забыли что, такъ снова сходить можно, а то и такъ сойдемъ.

— Вотъ у васъ всегда: ладно! сойдемъ! Такой ужъ характеръ у васъ странный!

— Точно, что странный,— всѣ говорятъ такъ.— покорно согласился Созонтъ Созонтовичъ.

— И по моему тоже; тутъ безпокоишься, бьешься, а вамъ и горя мало... Э, да что у васъ, Созонтъ Созонтовичъ, за кулекъ подъ шинелью? Неужто покупки какія дѣлать вздумали?

— Какія тамъ покупки! Это такъ... пустячки сущіе...—И Созонтъ Созонтовичъ ревниво запахнулъ полы шинели отъ нескромныхъ взглядовъ Ивана Никандрыча и затѣмъ быстро прибавилъ:—ну, ступайте себѣ съ Богомъ, а я только пройдуся неподалеку, да и вернусь скорехонько.

Иванъ Никандрычъ окинулъ его взглядомъ, какъ-бы говоря: «ладно, знаемъ молъ, какъ это неподалеку!» и долго еще, ворча что то

потому что Иванъ Никандрычъ платитъ двѣнадцать рублей, а Созонтъ Созонтовичъ всего на всего семь. И понятно: первый и чиномъ повыше, и пенсію получаетъ болѣе солидную. Глотовъ только и есть, что арміи отставной штабсъ-капитанъ, между тѣмъ какъ Хмыровъ носитъ на себѣ чинъ чуть-ли почти не генеральскій и Созонтъ Созонтовичъ искренно убѣжденъ, что Ивану Никандрычу непременно-бы «дѣйствительнаго статскаго» дали, если-бы неуживчивый и нѣсколько сварливый характеръ Хмырова не помѣшали всей его служебной карьерѣ. Этотъ характеръ, опять таки по мнѣнію Глотова, ясно отразился даже въ формулярномъ спискѣ его друга; гдѣ, гдѣ только ни служилъ, въ какихъ мѣстахъ Россіи не перебивалъ Иванъ Никандрычъ за тридцать пять лѣтъ своей службы, переходя съ мѣста на мѣсто, изъ губерній въ губернію и все потому, что ни гдѣ ужиться не могъ. Только развѣ въ этой

вѣрить въ это непоколебимо. Онъ врагъ всякихъ волнений и дразгъ. «Да и чего еще ему надо? — Комната сухая, теплая; подъ окошкомъ на дворѣ даже березки растутъ и такъ это онѣ хорошо пахнутъ во время цвѣта,— будто въ провинціи живешь». Насчетъ-же грубости прислуги, такъ прямо уже пустяки одни: «будь самъ вѣжливъ и съ тобою будутъ тоже»—таковъ девизъ Созонта Созонтовича. И дѣйствительно: даже Акулина, та самая Акулина, которая, въ минуты недобраго расположенія духа, особенно часто навѣщающаго ее по утрамъ, швыряетъ сапоги прямо въ лицо жильцамъ—и та съ Глотовымъ отменно любезна. (Фамильярность, которую та усвоила въ обращеніи со всѣми жильцами, понятно за грубость считать не приходится). Эта Акулина даже въ полковники произвела его и названіе «полковникъ» такъ и утвердилось за Созонтомъ Созонтовичемъ среди обитателей «меблировки».

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА ПРІОНА.

«ВЕСНА ИДЕТЬ».

Вотъ уже десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ вывѣщенный у воротъ билетикъ, гласящій, что «въ № 14 отдѣлка комната съ мебелью и прочими удобствами» привелъ сюда Глотова. И комната, и «мебель», и «прочія» удобства понравились ему, цѣна припала по карману. Утромъ далъ задатокъ въ суммѣ одного рубля, а къ вечеру извозчикъ внесъ холщевый чемоданъ и такой же мѣшокъ, и новый жилецъ переѣхалъ.

Въ тотъ же день по аттестату, данному жильцомъ для прописки, хозяйка узнала, что ея новый постоялецъ—арміи отставной штабсъ-капитанъ Созонтъ Созонтовичъ Гловъ, пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду и получающій пенсію въ размѣрѣ двадцати одного рубля сорока трехъ копѣекъ въ мѣсяцъ. А на утро другого дня Акулина оповѣстила всѣхъ обитателей мебелировки, что переѣхалъ новый жилецъ: «полковникъ, должно быть». «Полковникъ», однако, никому не показывался и въ первый разъ заявилъ о своемъ присутствіи робкими звуками скрипки. Эти звуки проникли сквозь тонкую переборку въ комнату Ивана Никандровича, заставили его открыть глаза и проснуться.

— Только этого еще не доставало!—недовольно пробормоталъ Хмыровъ, проклиная и соседа и его скрипку.

Но это не помогло.

Звуки, робкіе сначала, росли и усиливались, а съ ними росло и усиливалось волненіе Хмырова.

Онъ вскопчилъ съ постели и, шлепая туфлями, нервно заходилъ по комнатѣ.

И чѣмъ быстрѣ держалъ темнѣ Созонтъ Созонтовичъ, тѣмъ быстрѣ и нервнѣ шалалъ по комнатѣ Иванъ Никандровичъ, ворча и отплевываясь и громко посылая ко всѣмъ чертямъ новаго жильца. Въ концѣ-же концовъ его громовый басъ сливался съ крикливымъ сопрано Акулины.

— Нешто не видите: самоваръ несутъ! Чего годъ самый самоваръ-то лѣзете!—завопила Акулина.

— У, баба! молчи! Молчи, говорятъ!—завасилъ Хмыровъ.

И въ это время, среди перебранки, какъ бы не желая быть ея слушателемъ, соседъ еще отчаяннѣе, еще сильнѣе запиликалъ на скрипкѣ.

— Всякую шваль пускаютъ... кто еще тамъ поселился?

— Извѣстно кто: жилецъ.

— Жилецъ! жилецъ! Кто такой, спрашиваю тебя?

— Откуда я знаю... старичокъ какой-то... полковникъ.

— Ну, такъ и скажи, лупоглазая, старичку своему, полковнику этому самому, что ежели онъ хоть разъ еще вздумаетъ спозаранку пикировать на своей скрипкѣ безструнной, спать не давать, такъ и скажи музыканту этому, что ему тоже въ стѣнку полѣномъ по ночамъ стучать начну... Самъ не лягу, но и ему-же спать не дамъ...

Раздраженіе Ивана Никандровича, предоставленное самому себѣ, начинало мало-помалу стихать, къ тому-же въ сосѣдней комнатѣ воцарилась полная тишина. Но долго еще, отхлебывая глотками горячій чай, Хмыровъ недовольно жевалъ губами и ворчалъ, пока взглядъ его не упалъ на только что принесенную вмѣстѣ съ самоваромъ газету. Иванъ Никандровичъ весь погрузился въ чтеніе; глѣвъ его утихъ окончательно.

Не утихла одна лишь Акулина. Она не

преминула сообщить Созонту Созонтовичу, что «сосѣдъ разозлился страсть, потому скрипка спать помѣшала». И закончила весьма политично:— «да вы вниманья на него не обращайтесь—онъ у насъ со всѣми лается; болтастъ, что боленъ все, а никакой какъ есть болѣсти у него нѣтъ, вретъ все—такой ужъ правъ у него подлый!»

Созонтъ Созонтовичъ хотя и отвѣтилъ Акулинѣ, что «онъ въ чужія дѣла не касается, а сплетень терпѣть не можетъ», но слова Акулины произвели на него впечатлѣніе странное: «можетъ быть, и правда больной человекъ, кто-жъ его знаетъ! А больному человеку и покой нуженъ», размышлялъ онъ самъ съ собой.

Уже нѣсколько дней Гловъ не игралъ на скрипкѣ и все искалъ случая извиниться передъ Хмыровымъ, за «содѣянное ему безпокойствіе».

Случай представился скоро.

Они оба столкнулись, около дверей Хмырова, въ узкомъ корридорѣ. Созонтъ Созонтовичъ любезно посторонился и произнесъ короткое «виновать-съ!», на которое Иванъ Никандровичъ отвѣтилъ не менѣе короткимъ «ничего!»

— Вы, кажется, сосѣдомъ моимъ будете?—спросилъ Гловъ.

— Да. Вамъ, собственно, что?

— Во-первыхъ, честь имѣю рекомендовать: отставной штабсъ-капитанъ Гловъ.

— Весьма польщенъ.... Хмыровъ, Иванъ Никандровичъ.

— Очень-съ пріятно... но я, видите-ли, потому... хочу принести свое извиненіе за безпокойствіе, содѣянное моею игрой... Слышалъ, въ ту пору болѣны были вы...

— А, а! Ничего, теперь много лучше.

Иванъ Никандровичъ съ чувствомъ глубокаго достоинства протянулъ Созонту Созонтовичу руку, улыбнулся и процѣдилъ не безъ важности:

— Весьма доволенъ считать своимъ сосѣдомъ такого благороспитаннаго человека, весьма доволенъ!

Предупредительность Глотова польстила самолюбію Хмырова, и сосѣди разошлись, взаимно довольные другъ другомъ. Съ этого дня они начали кланяться и изрѣдка даже вступать въ разговоры.

Мало-по-малу встрѣчи дѣлались чаще, разговоры продолжительнѣе, темы затрогивались все болѣе животрепещущія. А однажды Созонтъ Созонтовичъ, придя отъ обѣда, былъ крайне пораженъ: на столѣ въ комнатѣ Глотова лежала визитная карточка, на которой значилось: «статскій совѣтникъ Иванъ Никандровичъ Хмыровъ», а внизу козырькомъ было приписано: «покорнѣйше просить достоуважаемаго Созонта Созонтовича пожаловать къ себѣ на пирогъ въ день своего тезоименитства». Гловъ былъ совсѣмъ озадаченъ такою галактичностью и пораженъ официальной вѣжливостью подобнаго приглашенія; однако, скоро нашелся; со стѣнки былъ снятъ новый парадный мундиръ, сшитый лѣтъ восемь назадъ и одѣваемый лишь въ исключительныхъ, по своей торжественности, случаяхъ; облекшись въ парадный костюмъ и пригладивъ предъ осколкомъ зеркала свои жидкіе волосы, Гловъ отправился къ сосѣду.

Общество не было многочисленно—всего трое, считая въ томъ числѣ и хозяйна; одинъ старикъ и одна пожилая дама; но все это общество находилось въ самомъ отнѣнномъ настроеніи духа. Опечалило Хмырова лишь

одно обстоятельство, а именно, что Созонтъ Созонтовичъ въ карты не играетъ; но такъ какъ парія была и Сезъ Глотова на лицо, то Иванъ Никандровичъ скоро успокоился; ужинъ, закончившій этотъ торжественный день, прошелъ крайне оживленно: Созонтъ Созонтовичъ даже на скрипкѣ игралъ. И странно: съ этихъ поръ скрипка уже не раздражала нервовъ Ивана Никандровича, какъ то было прежде. Иногда самъ стукнетъ рукою въ стѣнку и скажетъ:—а ну-ка, сыграйте-ка... «мою царицу» что-ли!—И самъ, видимо наслаждаясь сидеть съ дрянною сигарой въ рукахъ на продранное кресло и слушаетъ.

— Превосходно-съ! Премного благодаренъ, истинное наслажденіе доставили,—и снова попросить продолженія игры, пока Созонтъ Созонтовичъ не заявитъ:

— Ну, ужъ и будетъ! Усталъ я!

Совмѣстная жизнь въ мебелировкѣ сблизила ихъ, но сдружила болѣзнь Ивана Никандровича, приключившаяся года два спустя послѣ ихъ первой встрѣчи. Какъ нянька какая ходилъ тогда за Хмыровымъ Гловъ; онъ и въ аптеку бѣгалъ, и компрессы мѣнялъ, и миндаль толочь въ ступкѣ для больного, около постели котораго просиживалъ ночи и дни. Тогда во всей полнотѣ высказалось любвеобильное сердце Созонта Созонтовича, и Иванъ Никандровичъ счумѣлъ оцѣнить его по достоинству. Онъ крѣпко сжалъ руку своего новаго друга.

— Спасибо вамъ, голубчикъ... Безъ васъ-бы прямо въ больницу...

Съ этого времени они стали друзьями неразрывными. Съ утра, какъ встанетъ Иванъ Никандровичъ (а встаетъ онъ не рано), идетъ онъ въ комнату Глотова; здѣсь читается еслухъ газета, и Иванъ Никандровичъ пускается въ «высшю» политику; говоритъ онъ одинъ—Созонтъ Созонтовичъ мнѣнія своего не высказываетъ; политикой онъ не интересуется: «Богъ съ ней, политикой этой!»

Они оба привязались другъ къ другу всей силою своихъ одинокихъ сердецъ, жаждущихъ на старости лѣтъ хоть капли ласки и участія, которыми не баловала ихъ жизнь.

Объ этой прошлой жизни они не любили распространяться: рѣдко-рѣдко кто-либо изъ нихъ обмолвится о ней случайнымъ словомъ... Сойдись двѣ старыя дѣвы,—онѣ давно-бы до тонкости изучили подноготную каждой, вывѣдали-бы тайны другъ друга,—а здѣсь ни старовенности, ни тайны. Иванъ Никандровичъ знаетъ лишь, что у Созонта Созонтовича никого нѣтъ: ни родныхъ, ни знакомыхъ. И пріѣхалъ Гловъ въ Петербургъ лишь потому, что «здѣсь все-же поближе къ роднымъ могилкамъ, гдѣ родимые батюшка съ матушкой почиваютъ». На эти могилки каждый праздникъ ходитъ стирикъ; Иванъ Никандровичъ никогда ему не сопутствуетъ: одинъ видъ кладбища навѣдываетъ его на неприятныя мысли. Созонтъ Созонтовичъ, наоборотъ, послѣ каждого посѣщенія является домой какъ-то особенно хорошо и умиротворенно настроеннымъ. Въ ясные, вѣсные дни онъ съ особой любовью посѣщаетъ кладбище. Видъ молодыхъ побѣговъ на деревьяхъ, зеленой травы, пробивающейся здѣсь и тамъ на могилкахъ, ласкаетъ и радуетъ его старое сердце, точно и его еще могла возродить, идущая внонь, весна. На душѣ Глотова становится такъ тихо, хорошо, покойно. Онъ всегда любилъ эту тишину, привыкъ къ ней, живя въ провинціи. Шумная столица смущала его, и Созонтъ

Созонтовичъ никакъ не могъ согласиться съ Хмыровымъ, «что лучше Петербурга и города нѣтъ». На нихъ обоихъ, проводившихъ болѣе половины жизни въ провинціи, эта послѣдняя оставила совсѣмъ различныя впечатлѣнія. Хмыровъ только въ столицѣ и видѣлъ жизнь. Онъ равно восхищался и парадомъ войскъ, и электричествомъ Невскаго, и его широкими тротуарами, гдѣ любилъ прогуливаться Иванъ Никандровичъ. Созонтъ Созонтовичъ наоборотъ по улицѣ пробирался сторонкой, безъ всякаго авантюража.

— Куда ужъ намъ, чиномъ-съ не вышли! говорилъ онъ не безъ горечи, правда, едва уловимой. Эта горечь рѣдко слышалась въ рѣчахъ Глотова, рѣдко выплывая наружу, у Ивана же Никандровича какъ разъ наоборотъ: желчь была слышна почти въ каждой фразѣ. Особенно же жельно относился Иванъ Никандровичъ къ женщинамъ. Здѣсь онъ уже терялъ всякое самообладаніе и даже Созонтъ Созонтовичъ начиналъ возмущаться, слушая рѣчи «убѣжденнѣйшаго въ мірѣ холостяка» — такое прозваніе далъ самъ себѣ Хмыровъ и весьма гордился имъ. А между тѣмъ когда то этотъ «убѣжденнѣйшій въ мірѣ холостякъ», лѣтъ двадцать тому назадъ, уже совсѣмъ былъ готовъ опутать себя «глупѣйшими изъ всѣхъ цѣпей на свѣтѣ» — цѣпями супружества». И у него былъ свой романъ, слѣдствіемъ котораго явилась настоящае убѣжденіе... Но къ чему «копаться» въ чужихъ сердцахъ — не любили наши друзья обнажать свое прошлое другъ передъ другомъ и никогда не сказалъ Иванъ Никандровичъ о своемъ неудачномъ романѣ Созонту Созонтовичу. А послѣдній въ простотѣ души своей вѣрилъ и сожалѣлъ о томъ, что ни разу не довелось его другу встрѣтить на своемъ пути хотя бы одну порядочную дѣвушку... Но и сожалѣнія свои Глотовъ высказывалъ рѣдко вслухъ: еще скажешь что не такъ, да и обидишь человѣка, а пользы-то вѣдь никакой не принесутъ сожалѣнія-то эти! Вообщемъ, они оба были скорѣе молчаливы, чѣмъ словоохотливы. Иногда по цѣлымъ часамъ сидятъ вдвоемъ въ комнатѣ и только слышно какъ постукиваютъ часы; но оба, и Хмыровъ, и Глотовъ, чувствуютъ себя хорошо и покойны сознаніемъ присутствія другъ друга.

При долгомъ отсутствіи кого либо одного, каждый испытываетъ какую-то не то тоску, не то безпокойство.

Особенно же волнуется Иванъ Никандровичъ, когда Созонту Созонтовичу вздумается опоздать къ обѣду. Обѣдаютъ они вмѣстѣ, потому вдвоемъ дешевле, да и лучше дома, чѣмъ бѣгать по дешевымъ кухмистерскимъ. Хозяйственныя обязанности несетъ на себѣ Хмыровъ и онъ ужасно мучаетъ его, потому что экономія никакъ не укладывается у него съ понятіемъ о хорошемъ. Только что покончатъ съ обѣдомъ, а тамъ, глядишь, и день прошелъ, и ночь опять подходить. И такъ день за днемъ, за годомъ годъ, живутъ стѣнка о стѣнку эти одинокіе, словно отторженные отъ всего остального міра, люди...

Но сегодня этотъ однообразный строй жизни, гдѣ день похожъ на другой, нарушенъ. Сегодня канунъ праздника и кажется что этотъ ожидаемый свѣтлый праздникъ закрался и сюда въ этотъ бѣдный уголъ, согрѣлъ и оживилъ его своею святинею. Чѣмъ-то торжественно праздничнымъ вѣетъ отъ чистенько прибранныхъ комнатъ Хмырова и Глотова, отъ возбужденно-озабоченнаго лица Ивана Никандровича. «Сѣренькая» жизнь точно готовитъ проблескъ радости, свѣта и нигдѣ,

нигдѣ, какъ среди подобной жизни, — бѣдной впечатлѣніями и событіями, праздникъ не является такимъ истинно свѣтлымъ, желаннымъ гостемъ.

Еще съ утра Иванъ Никандровичъ проявляетъ крайнюю озабоченность. Онъ даже поднялся сегодня раньше обыкновеннаго; хозяйственныя хлопоты вполнѣ заполнили его и ему нѣтъ даже времени, какъ слѣдуетъ, выкурить папиросу. Всю ночь онъ не спалъ почти и думалъ о томъ неожиданномъ сюрпризѣ, который онъ преподнесетъ Созонту Созонтовичу и его, какъ ребенка, радовало, что Глотовъ ничего не знаетъ объ экономіи, которую сдѣлалъ за постъ Хмыровъ и, благодаря которой, у нихъ сегодня будетъ полный столъ всякой снѣди...

Наконецъ и хозяйственныя хлопоты окончены.

Иванъ Никандровичъ садится къ окошку и, увидя входящаго Созонта Созонтовича — такого сияющаго, радостнаго, — онъ обращается къ Глотову, на этотъ разъ безъ обычной воркотни на его долгое отсутствіе.

— Ну, что, какъ? Гдѣ побывалъ? — дружелюбно спрашиваетъ Хмыровъ.

— Вездѣ, вездѣ-съ побывалъ и душу свою, такъ сказать, отвелъ-съ; всѣхъ своихъ навѣстилъ...

Хмыровъ что-то пробормоталъ и крѣпче затушевалъ папироской.

Наступали сумерки — тѣ особенныя благоговѣнно таинственныя сумерки, которыя всегда сопутствуютъ этой Святой ночи. Они какъ-то особенно мягко настраиваютъ Созонта Созонтовича, и онъ говоритъ задумчиво и тихо: — Вотъ и опять доводится вмѣстѣ намъ встрѣчать праздничекъ...

— Доводится, Созонтъ Созонтовичъ, доводится! — и, помолчавъ, Хмыровъ прибавляетъ шутливо и улыбаясь:

— А все-таки, знаете, какъ будто не того... что-то скучно однимъ... давайте-ка поженемся, а?

— Ишь вѣдь выдумаете тоже! И какъ только вамъ, Иванъ Никандровичъ, такія мысли могутъ приходить въ голову на старости-то лѣтъ... и думать-то объ этомъ грѣшно: женитьба не шуточное дѣло!

— Эхъ вы! Какія нѣсни запѣли: не шуточное дѣло, — тоже! — укоризненно замѣчаетъ Хмыровъ. И что, право, за привычка у васъ такая, Созонтъ Созонтовичъ, всякую пустяковину принимать къ сердцу. Вотъ ужъ по истинѣ не подобаетъ этого на старости-то лѣтъ! А я, къ чести моей будь сказано, всегда смотрѣлъ на этотъ самый вопросъ просто и опредѣлительно и поклонникомъ этого самаго женскаго пола никогда не былъ и всегда, рѣшительно всегда, предостерегалъ молодыхъ людей отъ увлеченій любви. «Молодой человекъ!» — такъ говорилъ я постоянно имъ, — вы стѣйте на краю пропасти разверстой, съ глазами закрытыми; духъ самообольщенія обуялъ васъ и разсудокъ вашъ затемненъ страстью. Памятуйте, молодой человекъ, женитьба такая шутка, на которую всякій дуракъ способенъ и ума никакого здѣсь не требуется, но знайте одно, милѣйшій: добродѣтельныхъ женщинъ не существуетъ на свѣтѣ, развѣ что имѣются на свѣтѣ однѣ добродѣтельныя дѣвицы и то до той-съ поры, пока онѣ, такъ сказать, на кандидатскихъ вакансіяхъ состоятъ и еще надежды попасть въ штатъ замужнихъ дамъ не утратили... а тамъ-съ пойдетъ извѣстная пѣсня! Долго-лѣтъ своимъ убѣжденъ въ этомъ и на всемъ вѣку своемъ не знаю суще-

ства болѣе коварнаго, злого и измѣнчиваго, какъ то, которое женщиной именуется, потому будь она не такова, такъ она-бы и женщиной не называлась, а какое-либо другое названіе для нея придумали-бы. Но самой природѣ онѣ уже всѣ таковы, что вѣчно къ переменамъ и обольщеніямъ склонны и, какъ покроемъ нарядовъ ихъ, мѣняемыхъ чуть-ли не каждодневно, — суетны и легкомысленны. Сегодня васъ избранникомъ сердца своего называть изволятъ, а на завтра, смотришь, уже охлажденіе воспослѣдовало... А тамъ, уже погода, и сами понимаете, что никакого сердца у нея какъ есть и не было и нѣтъ, а замѣсто его какая-то тамъ деревяшка безчувственная имѣется, но за то у васъ, у избранника-о ея, какъ есть настоящіе, самые заправскіе рога выросли и какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ до сей поры вы полагали, что только мозги находятся. А ей и горя мало, смѣется еще, да тутъ-же за вашей спиной различныя штуки продѣлываетъ: «мы, моль, слабый полъ! Мы, моль, самый прекрасный полъ!» Хорошо-съ, не правда-ли? И вотъ всѣ-съ таковы, всѣ на одну мѣрку!

— Ну-съ, нѣтъ! Не всѣ, далеко не всѣ-съ! — запальчиво перебиваетъ Глотовъ.

— Всѣ, рѣшительно всѣ! — и тутъ-же прибавляетъ тише, но съ ироніей: — иныхъ видѣть не доводилось, да и нѣтъ ихъ! Развѣ, можетъ, вы одного какого ангела знаете?

— И знаю, и знаю-съ... И совсѣмъ не изъ таковыхъ была, какъ вы только-что кохунственно выражались изволили... и говорю вамъ, Иванъ Никандровичъ, не женщина была, а ангелъ. Именно такъ...

Созонтъ Созонтовичъ какъ-то съеживается и вздыхаетъ; Иванъ Никандровичъ смотритъ на него и тоже молчитъ теперь.

— Кто молодежь не бывалъ, — говорить задумчиво Глотовъ и, помолчавъ, прибавляетъ: — коли слушать хотите, такъ скажу я вамъ, потому все на себѣ испыталъ, все перечувствовалъ. Да-съ. И говорю вамъ, не женщина была, а ангелъ. Именно такъ. И звали-то ее, впрочемъ, зачѣмъ вамъ ея имя... Имячко-то славное было... Вѣрочкой, вотъ какъ звали ее... А сама такая тоненькая да стройненькая, а глазки какъ звѣздочки какія... ясные, ясные, и все въ этихъ глазкахъ видно, точно по книгѣ раскрытой читаешь, бывало, по нимъ.

Въ ту самую пору, какъ это я познакомился съ нею, жила она у дяди своего, потому ни матери, ни отца не было у ней; сироткой, какъ говорится, круглой была. Ну, извѣстно, жизнь-то какая, коли хлѣбъ ни свой ѣшь: горе да брань — одно слово: горелитъ. Да и то сказать, у дяди-то своихъ дочерей цѣлыхъ двѣ, а она посреди нихъ какъ-бы чужая, хоть и брата покойника дочь. И сразу, знаете, это замѣтно: нацѣпять это, бывало, кружевъ да лентъ, браслетки на руки вздѣнуть, ватерпруфы, тамъ, модные, а моя-то Вѣрушка въ бурнусикъ своемъ съ ними рядомъ. Вотъ какъ сейчасъ, знаете, это вижу: бурнусикъ у ней такой сѣренькій былъ. А все-жъ какъ ни радись, лучше Вѣрочки-то моей нѣтъ, потому красота-то Богомъ дается, а коли ея нѣтъ, такъ какими ты рюшками, да фальшюлками не обвѣшивайся — все ничего не выйдетъ.

И нравъ-же у нея былъ, доложу я вамъ, — другого такого характера поискать еще надо: тихій да ровный, слова дурного ни про кого не скажетъ. Ну, молодежь характеровъ такихъ ангельскихъ не любитъ,

Пасхальная ночь в селѣ. Оригинальный рисунокъ академика В. Назанцева.

В. Назанцевъ

Розговъны. Оригинальный рисунокъ художника Б. Томашевича.

а женихъ—тѣ приданого ищутъ. А какое у сироты приданое, сами про то знаете. Только мнѣ то она ужь больно правила, такъ правила, что и сказать не умѣю... А что я за женихъ? Ни чиномъ, ни умомъ особымъ не взысканъ... Коли разсчитаете—такъ сами увидите, велико-ли жалованье армейское въ поручичьемъ чинѣ, да и лѣта-то, какъ будто, не жениховскіе—безъ малаго сорокъ было тогда. Не такого жениха ей было нужно. Думаю то такъ, а сердце не то говорить. Помню это, праздникъ свѣтлый понадвинулся, у заутрени, значить, тѣлько мелькомъ взглянулъ на нее и подойти-то хочется и боязно какъ-то... Такъ, вѣдь, и не подошелъ; утра на силу дождался, да къ нимъ съ визитомъ къ первымъ махнулъ; начальство свое обошелъ, пренебрегъ... Цѣлыхъ вѣдь двѣ недѣли нарочно избѣгалъ, а тутъ не вытерпѣлъ... Вхожу я это къ нимъ, какъ есть во всемъ парадѣ, а Вѣрочка тутъ, какъ тутъ, навстрѣчу ко мнѣ. «Что, говорите, Созонтъ Созонтовичъ, забыли вы насъ, стыдно вамъ очень!» Я это и такъ, и сякъ, разные, значить, предлоги выдумываю и, знаете, какъ есть одинъ другого хуже. Барышни смѣются и головками качаютъ, не вѣрятъ мнѣ, а Вѣрочка-то моя и говорить серьезно, знаете, такъ, видно, жаль меня стало, сердешной:—Созонтъ Созонтовичъ никогда не лжетъ, онъ не изъ такихъ...—слышите, такъ-таки и сказала: «никогда не лжетъ!» А сама смотритъ на меня пристально, пристально и только глазки смѣются. Умѣла это она такъ смѣяться: одними глазками только. Просидѣлъ я у нихъ съ четверть часа—уходить крѣпко не хочется, просидѣлъ еще четверть, а уходить еще того хуже,—не охота совѣмъ—такъ-бы вѣкъ просидѣлъ и все-бы на нее любился. «Вы насъ-то не забываете, мы всегда васъ рады видѣть!»—сказала она, когда я попрощаться подошелъ къ ней, и такъ это сказала, что у меня сердце готово выпрыгнуть было. Да-съ. Вышелъ это я отъ нихъ самъ не свой, а тутъ еще по начальству идти съ визитами нужно... Ну, ничего, обошлось, только всю ночь я промучился; вижу, совѣмъ схожу съ ума и дѣлать не знаю что; на согласіе съ ея стороны и разсчитывать не смѣю, а отказъ—прямо въ сердце ножъ...

Созонтъ Созонтовичъ примолкъ на минуту.

— Вотъ какъ сейчасъ, знаете, помню: воскресенье было; на бульваръ всѣ посыпали—гулянье цѣлое, да и денекъ-же чудный выдался: совѣмъ весна! Спужу я это, на скамеечкѣ одинехонекъ, а самъ ничего не вижу, только на нее, ненаглядную, люблюсь... И ужь не упомню, какъ все это вышло, только гляжу, а Вѣрочка, знаете, съ сестрицей съ своей двоюродной да еще съ прапорщикомъ однимъ, Мандрыкинымъ звали его, прямо ко мнѣ идутъ. «Вотъ, говорятъ, и скамеечку побережь для насъ Созонтъ Созонтовичъ!» А дѣло-то тутъ вовсе не въ скамеечкѣ, доложу вамъ, было. Политика своя, знаете, тоже: втроемъ-то не такъ ходить удобно, а Мандрыкинъ въ ту пору за сестрицею Вѣрочки—Марьей Александровной, пріударялъ сильно. Посидѣли они это такъ минутъ съ пять—вижу: не сидится обоимъ на мѣстѣ.—«Мы немного походимъ, а ты посидишь, Вѣрочка, ты устала, вѣдь?» И такъ это сказала сестрица-то, что Вѣрочка все равно ничего-бы другого отвѣтить не могла, какъ «устала-молъ». Такъ-таки и остались мы вдвоемъ. Сидимъ, знаете, и молчимъ. Хочу слово вымолвить, а слова на языкъ липнутъ. А она, родная моя, тоже молчитъ и глазки потупила, да бѣткой

обмахивается. а потомъ тихо, тихо такъ, голубка моя, вымолвить:—«Что вы такой все скучный, Созонтъ Созонтовичъ?»—«О того, говорю, что счастье свое, нашелъ, да взять его не умѣю...» — «А вы, говорите, будьте смѣлѣе, авось, и возьмете то, что нашли».—«Это уже совѣмъ не отъ меня зависитъ, а отъ васъ, Вѣра Павловна, потому все счастье мое—вы-съ». А она молчитъ; серьезная вдругъ такая стала, а глазки, глазки такъ и блестятъ.

— «Не знала я этого, Созонтъ Созонтовичъ, и не мнѣ наше счастье составить; кому другому ничего бы не сказала, а ужь вы такой человекъ, что лгать передъ вами совѣстно... За честь-бы сочла ваши слова, если-бы другой раньше не завладѣлъ моимъ сердцемъ... я люблю Фролова». А Фроловъ этотъ, знаете, былъ большой руки пустельга, по амурной части ходокъ, и были мы съ нимъ въ отношеніяхъ прямо враждебныхъ... Ничего этого я ей не сказалъ, все въ себѣ подавилъ, и въ глазахъ вдругъ темно, темно у меня стало: ночь совѣмъ. Не упомню ужь, какъ довела я Вѣру Павловну до сестрицы ея, а самъ откланялся. И началъ я это горе свое топить, гдѣ топить его, сами знаете. Сидимъ это однажды въ холостецкой компаніи, выпиваемъ и Фроловъ тутъ же. Ну, языки развязались, всякій вздоръ болтаютъ; а тутъ еще одинъ юноша-бахвалъ большой руки давай вслухъ перечислять поименно всѣ свои побѣды. Я это, какъ не навеселѣ былъ, замѣчаю ему о всей непристойности такого поступка, а остальные смѣются и поощрительно головами качаютъ... А онъ чѣмъ дальше, тѣмъ пуще, да возьми еще да Вѣру Павловну упомяни съ весьма нехорошей, для ея репутаціи дѣвической, стороны. Смотрю это я на Фролова, а онъ хоть бы глазомъ моргнулъ, хоть не смѣется, а слушаетъ. Тутъ ужь я самъ себя забылъ.—«Вы, говорю, бахвалъ и только, и если такъ репутаціи чужихъ людей мараєте, то и сама не больно-то видно чиста. Если, говорю, здѣсь всѣмъ молчать угодно, то я не потерплю и за оскорбленіе этой самой особы удовлетворенія попрошу, а такъ какъ вы есмь извѣстный трусишка, то я васъ публично подлецомъ-съ называю». Этого-съ никто не ожидалъ и вышло, могу сказать, поразительно, а Фроловъ подходит ко мнѣ и, знаете, руку мнѣ такъ сочувственно жметъ, противно даже стало; товарищи помогли: всѣмъ, знаете, интересно, какъ одинъ человекъ въ другого стрѣлять станетъ. Свою жизнь-то я всегда цѣнилъ въ копѣйку, а тутъ и гроша ломаного бы не далъ за нее... Поставили это насъ другъ противъ друга, смотрю я на своего врага и никакой къ нему злобы нѣтъ; стоитъ предо мною юноша, только что эполеты одѣлъ, со скамейки сошелъ, а самъ и храбрится и, какъ березка молодая, въ то же время трепещетъ, рука дрожить... Далъ я ему выстрѣлить, бросилъ о земь свой пистолетъ и говорю:—«вы храбрѣе меня, а я трусъ и не хочу стрѣляться больше: вы удовлетворены-съ?» Онъ молчитъ и молча руку протягиваетъ, а у самого на глазахъ чуть ли не слезы; пожали мы руки другъ другу, обнялись даже и почувствовали оба, что какъ ненавистью и злобой сердца ни питай, а одна только любовь согреваетъ и живитъ его... И, знаете, тогда только понялъ я, что не та любовь, которую я питалъ тогда къ Вѣрочкѣ и которая гнѣздилась въ сердцѣ моемъ рядомъ съ ненавистью, могла бы дать счастье, согрѣть душу. И никакого бы счастья не было, какъ

посмотрю я теперь: нѣтъ тамъ истиннаго счастья, гдѣ борются страсти, одолевая человека... Думалъ-ли, гадалъ-ли я, Иванъ Никандровичъ, что вотъ доведется мнѣ такъ спокойно вспоминать то, чего, казалось, и пережить то не смогу. Анъ-нѣтъ: все пережилось и осталось лишь въ памяти и вотъ такъ хорошо теперь, точно душу всю вамъ высказать...

Созонтъ Созонтовичъ замолкъ; ночь звѣздная и ясная уже смотрѣлась въ окошко. Въ комнатѣ было тихо, но чѣмъ-то, умиротворяющимъ и кроткимъ вѣяло отъ этой тишины; она наполняла лаской и трепетомъ старыя сердца, лаская ихъ предчувствіемъ чего-то торжественнаго, радостнаго и, казалось имъ обоемъ, что какъ будто посвѣтѣла и улыбулась имъ ихъ «сѣренькая» жизнь, ихъ одинокое существованіе.

Николай Носковъ.

ГОЛГОЕА.

Титанъ изъ мрака преисподней
Безъ всякой свиты черныхъ силъ,
Смѣясь надъ волею Господней
На землю дерзко наступилъ.
Онъ слышалъ, какъ неслись моленья,
Какъ вѣкъ за вѣкомъ пролеталъ...
И онъ, верховный сынъ паденья,
Глядѣлъ и злобно хохоталъ.
Онъ хохоталъ, когда, страдая,
Первоуица неся въ даль,
Когда пророкъ, сойдя съ Синая,
Разбилъ небесную скрижаль;
Онъ хохоталъ, когда съ мольбою
Ему-жъ воздвигли алтари,
Когда кровавою борьбою
Земля питалась до зари;
Онъ хохоталъ, когда пытался
Мудрецъ раскрыть всеобщій мракъ,
И, какъ ни думалъ, ни старался,
Но разгадать не могъ никакъ
Онъ хохоталъ. Побѣднымъ взоромъ
Окинулъ горы и поля;
И предъ горды и приговоромъ
Склонилась въ трепетъ земля..
И вдругъ раздался вопль народный,
Погасли въ темнотѣ огни,
И рабъ кричалъ, и вылъ свободный:
«Распни Его, распни, распни!»
И вотъ, увидя мигъ позора,
Могучій духъ загрепеталъ,
И стѣ его стального взора
Не скрывалась тайна. Онъ молчалъ.
Улыбка злобная сбѣжала...
Онъ снова хохотать хотѣлъ;
Но смѣхъ Голгоа поражала,
И онъ съ проклятемъ улетѣлъ.
И онъ легѣлъ, что было мочи,
Но отогнать уже не могъ
Съ креста божественныя очи,
Что на Него, Владыку ночи,
Глядѣли такъ, какъ смотритъ Богъ.

Н. Леонтьевъ.

Н О Б Ъ Д А.

Р А З С К А З Ъ .

ОТЪ Телешовыхъ на станцію быть высланъ возокъ, запряженный парой рыжихъ лохматыхъ лошадейкохъ гусемъ. Когда Юлія Дмитріевна съ горничной усѣлись въ него, а вещи кое-какъ разбѣтали сзади и на козлахъ, Юлія Дмитріевна подумала, что было-бы гораздо любезнѣе со стороны сестры, если-бы она выѣхала сама, въ особенности послѣ того, какъ она такъ сухо отвѣтила на письмо. Бѣды отъ станціи до усадьбы было верстъ семь—восемь, но Юлія Дмитріевна дорога показалась безконечной. Какъ только возокъ выѣхалъ изъ станціонныхъ воротъ, кругомъ раскинулось безконечное снѣжное поле, глаза, утомленные безсонной ночью въ вагонѣ, заломило отъ свѣта. Юлія Дмитріевна опустила вѣки и откинулась назадъ, стараясь устроиться поудобнѣе, но сейчасъ-же ее сильно ударило въ голову, въ спину, потомъ бросило въ сторону. Она съ испугомъ схватилась за руку горничной Даши и разсердилась.

— Покричи ему, покричи, чтобы онъ ѣхалъ осторожнѣе!—приказала она, указывая на спину кучера. Возокъ продолжало бросать изъ стороны въ сторону. Юлія Дмитріевна наклонилась и стала стучать въ переднее окно. Кучеръ придержалъ лошадей и обернулся, наклоняясь къ окну.

— Тише! осторожнѣе!—кричала Юлія Дмитріевна, дѣлая ему знаки рукой. Кучеръ не слышалъ. Горничная поспѣшно опустила окно и выеунулась по поясъ.

— Генеральша приказала, чтобы осторожнѣе. Дорогу разбирай... Трясетъ очень.

— Какъ ее разбирать-то? Дорога одна,—сказалъ кучеръ.—Тише развѣ ѣхать?—это можно.

Поѣхали тише. Черезъ поднятое окно Юлія Дмитріевна видѣла все то же безконечное снѣжное поле съ черной полоской лѣса на горизонтѣ и темнѣющей изогнутой линіей дороги, уходящей въ даль. Надъ снѣжной пеленой тамъ и сямъ торчали какіе-то высохшіе голые прутики,—низко-низко пролетала ворона, садилась на прутикъ и качалась на немъ, или-же опускалась прямо на снѣгъ и важно шла большими, увѣренными шагами.

Возокъ продолжало качать. Лицо Юліи Дмитріевны, красивое, но уже не молодое, а только молодежавое, приняло горькое выраженіе и видно было, что она призывала на помощь все свое терпѣніе, чтобы покорно, какъ тяжелое испытаніе, вынести остатокъ пути. Она стала припоминать свое письмо сестрѣ.

«Насъ почти одновременно постигло величайшее горе: горе потерять любимого человека. Я лишилась мужа, ты—сына. Я не знала счастья быть матерью и не узнаю ужаса утраты дѣтей. Но у тебя осталась дочь, а у меня никого во всемъ мірѣ. Мой мужъ былъ старъ и боленъ, но онъ любилъ меня и я чувствовала себя, какъ за каменной стѣной. Теперь я одна. Я не чувствую себя въ силахъ встрѣтить праздникъ въ этомъ ужасномъ одиночествѣ и ѣду къ тебѣ. Долгіе годы жили мы далеко другъ отъ друга, многое мѣшало намъ сойтись, какъ настоящимъ сестрамъ, но у насъ теперь общее то, что мы обѣ несчастны...»

Сестра Софья Дмитріевна отвѣтила очень коротко:

«Иду тебя, голубушка. Напиши, когда выслать лошадей», и еще нѣсколько фразъ, написанныхъ небрежнымъ и неразборчивымъ почеркомъ. Этотъ почеркъ и краткость письма такъ и возстановили въ памяти Юліи Дмитріевны фигуру сестры Сони, ея манеры и странности, которыя до этой поры такъ долго раздѣляли и сестеръ. Самой крупной странностью Сони былъ выборъ мужа, теперь умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ. Это былъ молодой еще человекъ съ болѣзненнымъ лицомъ и удивительнымъ, яснымъ, какъ у ребенка, взглядомъ голубыхъ глазъ. Онъ былъ сыномъ «ученаго» управляющаго имѣніями родителей Соф и Дмитріевны, но въ домѣ у нихъ принять не былъ и о немъ говорили, какъ о несчастии и обузѣ всей его семьи. Онъ кончалъ курсъ въ земледѣльческой академіи, но не кончилъ, потому что былъ исключенъ. За что-то «пострадалъ» и когда вернулся въ семью, оказался физически и нравственно разбитымъ и ни къ чему не пригоднымъ лишнимъ ртомъ. Вскорѣ обнаружилось и новое несчастье: онъ пилъ.

Никто не замѣтилъ, какъ и когда полюбила Соня. Въ то же лѣто уже не молодой, но блестящій гвардейскій полковникъ Бутаковъ сдѣлалъ предложеніе красавицѣ Юліи и былъ объявленъ женихомъ. Бутаковъ былъ богатъ, стоялъ на прекрасной дорогѣ и обрадованные родители Юліи сосредоточили на ней все свое вниманіе и всѣ заботы. Сонѣ предоставлено было любить, страдать, быть счастливой, или несчастливой по полной волѣ. И только когда она робко, но твердо высказала свое рѣшеніе отдать свою жизнь тому, кому уже отдала свою душу, кругомъ нея поднялась цѣлая буря. Она видимо ждала ее и приготовилась къ ней.

— Но подумай, Соня, онъ... пьетъ!—съ отращеніемъ и ужасомъ воскликнула Юлія Дмитріевна. Соня поглядѣла на брезгливое лицо сестры и сразу приняла ей одной свойственное улыбающееся растерянное выраженіе.

— Да, да, Юлинька... Онъ такъ... Онъ ничего...

Это выраженіе и ничего незначащія слова, которыя послѣднее время такъ часто употребляла Соня сердили Юлію. За нихъ она иногда начинала ненавидѣть сестру. Понимать что либо изъ того, что происходило съ Соней она рѣшительно отказывалась и, мысленно, съ пріятнымъ чувствомъ превосходства сравнивала себя съ ней.

— У меня натура высшаго порядка,—думала она;—все это грязненькое, несчастненькое и мизерное претитъ мнѣ и вызываетъ брезгливость. Я не могу жалѣть, потому что презираю. Это сильнѣе меня!

У Сони стали появляться новыя затѣи. Иногда сквозь сонъ Юлія слышала какъ она вставала и одѣвалась; она знала уже, что сестра теперь часто къ это время уходила въ церковь, но эта напускная, какъ она думала, набожность и ханженство до того возмущали ее, что она каждый разъ старалась огорчить ее.

— Что ты, Соня?—нарочно испуганно спрашивала она.

— Я вотъ... я сейчасъ...—тихо отвѣчала Соня.

— Ты что дѣлаешь? отчего не спишь?

— А я такъ...—Юлія зажигала свѣчку.

— Зачѣмъ ты одѣлась? куда ты идешь?

— Я ничего... Это, право, ничего. Прости, Юлинька, за безпокойство.

Когда Соня вышла замужъ противъ воли и родителей, подъ угрозой ихъ проклятій, она просила прощенія и у нихъ, и у сестры.

— А мнѣ что-же?—съ презрительной холодностью удивилась Юлія Дмитріевна, тогда уже г-жа Бутакова. — Развѣ ты мнѣ сдѣлала вредъ? Ты себѣ сдѣлала вредъ. Ты понимаешь, что принимать у себя твоего мужа мы не можемъ. Онъ не нашего круга, ну, и... ты понимаешь! Сердиться на меня и на моего мужа ты, надѣюсь, не будешь.

Соня улыбалась со слезами на глазахъ.

— Нѣтъ, Юлинька... Но если-бы ты захотѣла... Вѣдь и ты любишь... Юлинька!

— Соня!—строго говорила Юлія Дмитріевна,—я понимаю: можетъ быть увлеченіе, страсть... я все понимаю, я все могу простить, но есть вещи...—она брезгливо содрогнулась,—вещи, которыя мнѣ претятъ. Вѣроятно, у насъ очень разныя натуры, но я не въ силахъ, понимаешь-ли, я не могу!.. Это что-то порочное, низменное... лишнее всякой красоты...

Сестры разстались. Потомъ Юлія Дмитріевна часто говорила своимъ знакомымъ:

— У насъ съ сестрой Соней теперь нѣтъ ничего общаго. Вы знаете, мы всегда были очень различны.

— А ея мужъ?—спрашивали ее. Она поднимала плечи и закрывала глаза.

— Говорятъ, что онъ, собственно, хорошій человекъ, добраго сердца. Но, все понимаете, интересы наши слишкомъ разны... Ничего не знаю о ихъ жизни.

— Мнѣ говорили,—замѣтилъ ей кто-то я слышалъ изъ вѣрнаго источника, что этотъ Телешовъ пресимпатичный. Онъ былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ горячъ и поверкалъ свою жизнь изъ за пустяковъ.

— Можетъ быть, можетъ быть!—съ глубокимъ вздохомъ отвѣчала Юлія Дмитріевна.—Тѣмъ лучше для бѣдной Сони.

Когда Юлія Дмитріевна случайно узнала о смерти мужа сестры, она сейчасъ-же написала ей, но въ письмѣ ея сквозило много обиды по поводу того, что о смерти Телешова она узнала стороной, много напускнаго состраданія и очень мало искренняго участія къ горю сестры. Соня не отвѣтила, и Юлія Дмитріевна продолжала считать себя обиженной. Свое рѣшеніе навѣстить сестру она искренно считала теперь подвигомъ христіанскаго смиренія и любви.

Когда возокъ подъѣхалъ къ крыльцу невзрачнаго деревенскаго домика, и дворъ съ жалкими надворными строеніями, и самый домъ казались вымершими. Горничная выпрыгнула изъ экипажа, поглядѣла кругомъ и обратилась къ кучеру:

— Гдѣ-жъ у васъ?.. Никого что-то не видать.

— А идите въ домъ. Ничего, идите!—успокоительно замѣтилъ кучеръ.

Юлія Дмитріевна, безпомощно глядѣвшая въ окно, внезапно рѣшилась и съ видомъ человека, отважившагося на трудный шагъ, вышла изъ возка и стала подниматься на крыльцо. Горничная засуетилась, но генеральша сама толкнула входную дверь, очутилась въ свѣтлой галерейкѣ и пошла дальше къ другой двери, обитой ободранной клеенкой. Въ передней она остановилась, не зная что предпринять дальше.

— Кто тамъ?—спросилъ знакомый голосъ изъ сосѣдней комнаты.

— Я, Софи!—громко отвѣтила Юлія Дмитріевна. Сейчасъ же въ дверяхъ показалась высокая, нѣсколько сгорбленная женщина

въ темной блузѣ, опоясанной шнуркомъ, въ черненькомъ платочкѣ на головѣ.

— Соня!—съ удивленіемъ вскрикнула Бутакова, вглядываясь въ пожелтѣвшее морщинистое лицо сестры.

— Юлинка! — протяжно позвала Софья Дмитриевна. Она нерѣшительно, словно робѣя протянула руки и когда Юлія Дмитриевна подошла, она обняла ее за шею и, дрожа отъ волненія, стала цѣловать сестру въ щеки, въ лобъ, въ глаза...

Юлія Дмитриевна передѣлась съ дороги и сидѣла въ зальцѣ за чашкой кофе. Она уже рассказала сестрѣ всѣ подробности смерти мужа, его торжественныхъ похоронъ и, рассказывая, много плакала. Сестра гладила ее по рукѣ, глядѣла ей въ лицо и улыбалась своей прежней разсѣянной улыбкой.

— Ахъ, какой это ужасъ, Соня! Какой это ужасъ! — повторяла Юлія Дмитриевна, утирая лицо платкомъ. Софья Дмитриевна иногда прерывала ее.

— Скушай еще кофейку, Юлинка. Вотъ съ булочкой свѣжей... Скушай. — Сестра отвѣчала ей отрицательнымъ жестомъ.

— Очутиться одной... одной во всемъ мірѣ! —

— А какая ты все еще красавица, Юлинка! Ты совсѣмъ не мѣняешься! — Юлія Дмитриевна горько улыбнулась и махнула рукой.

— Сорокъ два года! — сказала она.

— А я... Мнѣ сорокъ одинъ, а я старуха.

Юлія Дмитриевна вспомнила, что сестра еще ничего не рассказала о себѣ, о своемъ горѣ.

— Такъ скажи-же, Соня... Какъ это? Почему? Чѣмъ онъ болѣлъ? — спросила она, стараясь придать лицу и голосу какъ можно болѣе участливое выраженіе.

— Кто? — почти испуганно спросила Софья Дмитриевна.

— Твой сынъ... Вѣдь онъ уже былъ большой мальчикъ?

— Да, да... большой. Онъ такъ... Онъ былъ не... не здоровъ.

— И долго хворалъ? — продолжала допрашивать Юлія Дмитриевна.

— Да, долго. Онъ долго... — Она замялась и вдругъ словно спохватилась и опять стала угощать сестру.

— Юлинка, не прикажешь-ли яичка въ сметку? Ты прежде любила.

Въ комнату вихремъ влетѣла дѣвочка лѣтъ восьми и испуганно остановилась при видѣ гостей.

— Это моя Людмила, — сказала Софья

Дмитриевна, — поди сюда, Милочка; это твоя тетя. Поди, мой ангелъ. — Дѣвочка подбѣжала къ матери и прыгнула къ ней на колѣни. При каждомъ движеніи ребенка прекрасные блондинистые волосы его разсыпались по плечамъ, набѣгали на лицо, и Мила откидывала ихъ порывистымъ, нетерпѣливымъ жестомъ. Большіе голубые глаза ея блестѣли ярко, почти неестественно.

— Здравствуй, Милочка! — ласково обратилась къ ней Бутакова. Дѣвочка вдругъ соскочила съ колѣнъ матери и принялась бѣгать по комнатѣ. Она бросалась изъ угла въ

чему въ другихъ, болѣе просторныхъ и менѣе душныхъ комнатахъ могло-бы быть безпкойно, но когда она въ теченіе дня пригладѣлась къ Милочкѣ, ея сперва овладѣло недоумѣніе, а потомъ досада: дѣвочка почти не прекращала своихъ «бѣснованій», какъ опредѣлила тетка ея преувеличенную рѣзвость. Когда она вырывалась изъ дѣтской, по всему дому раздавались крики, шумъ падающихъ предметовъ. Изнѣженная генеральша нервно вздрагивала и потомъ съ удивленіемъ наблюдала, какъ сестра становилась передъ дѣвочкой на колѣни и, прижимая ее къ груди, уговаривала ее пооблѣднѣвшими трясущимися губами:

— Ангелъ мой, успокойся! Сдѣлай для мамы... мама умретъ... Ангелъ мой!

«Почему «ангелъ мой?» Просто взять-бы да высѣчь», — не одобрила про себя Юлія Дмитриевна.

Вечеромъ, когда дѣвочка заснула, сестры сидѣли вмѣстѣ все въ томъ-же неуютномъ и неприбранномъ зальцѣ. Почти всю мебель изъ гостиной перенесли въ комнату пріѣзжей. Юлія Дмитриевна опять плакала и говорила, какъ сильно любилъ ее мужъ.

— Я никогда не входила ни во что. Дежанныхъ дѣлъ, расчетовъ я не знала никакихъ. Онъ все отстранялъ отъ меня и я пользовалась готовымъ. И вотъ теперь... Не знаю, какъ и быть съ дѣлами, съ имѣніями. А ты какъ? — вдругъ спросила она сестру. — Сдаешь?

Софья Дмитриевна сильно покраснѣла.

— А у меня тутъ все Егоръ... Онъ всегда... Я не касаюсь.

— Но все же: онъ управляетъ, или арендуетъ?

Софья Дмитриевна смутилась еще больше.

— Онъ честный. А я живу... Мнѣ немного нужно. Я знаю, что я не права, Юлинка, но мнѣ такъ покойнѣе. — Она чувствовала себя виноватой и извинялась тономъ и выраженіемъ глазъ. Сестра удивленно глядѣла на нее.

— Но я все-таки не понимаю. Есть же у тебя какое-нибудь условіе, или какъ?

— У меня ничего. Меня не обираютъ, Юлинка.

— Но у тебя дочь, Соня! — строго замѣтила Юлія Дмитриевна. Софья Дмитриевна улыбнулась, нервно поела плечами и вдругъ вспомнила о томъ, что пора подавать ужинать, и поспѣшно ушла въ дѣвичью.

Юлія Дмитриевна примирилась съ своеобразной атмосферой своей комнаты и сочла за лучшее почти безвыходно сидѣть у себя.

Христосъ воскресъ!

уголъ, всакивала на стулья, роняла ихъ и бѣжала опять.

— Однако, рѣзвая она у тебя! — морщась отъ непривычнаго шума, замѣтила Юлія Дмитриевна. Но сестра не слышала ея замѣчанія, она не сводила глазъ съ ребенка и въ этихъ глазахъ свѣтились глубокая нѣжность и напряженная безграничная тревога.

Юлія Дмитриевна отвѣли небольшую комнату окнами во дворъ. Бутакову поразило множество образовъ, въ свѣтлыхъ ярко-вычищенныхъ ризахъ въ правомъ углу, спускающихся съ потолка лампы и особый, повидимому, вѣдливый въ этой комнатѣ запахъ масла, свѣчей и ладона.

— Я здѣсь тебя... — какъ-бы извиняясь, сказала Софья Дмитриевна. — Здѣсь, въ сторонѣ, тебѣ будетъ спокойно.

Сперва Юлія Дмитриевна не поняла, по-

ОРИГИНАЛЬНИЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА К. СВИЩЕВСКАГО.

Послѣдній снѣгъ.

Неряшливая беспорядочность комнат и судорожная подвижность Милочки дѣйствовали на ея нервы.

— Зачѣмъ я сюда пріѣхала? — мысленно спрашивала себя генеральша. — Съ сестрой мы попрежнему чужія. Я, кажется, стѣсняю ее и нарушаю обычное теченіе ея жизни. Понять другъ друга мы, попрежнему, не можемъ. Даже горе у нея не такъ выражается, какъ у меня. Эти менѣ сложные натуры и любятъ, и чувствуютъ, и страдаютъ грубѣ, менѣ тонко, менѣ чутко. — Она доставала платокъ и опять начинала плакать.

— Уѣду, уѣду. Встрѣчу праздникъ и уѣду. Я сдѣлала все для сближенія, моя совѣсть чиста. — Софья Дмитріевна часто заглядывала въ комнату сестры, но посѣщенія ея были коротки и она постоянно казалась занятой и озабоченной. Улыбка не сходила съ ея лица, а глаза глядѣли пылливо и робко, какъ будто она постоянно чувствовала себя виноватой.

— Посиди! — сухо приглашала Юлія.

— Я попозже, Юлинька, когда Мила заснетъ.

— Но твоя Мила не дастъ тебѣ покоя и я знаю, что ты даже не спишь ночей. Ты такъ избаловала ее, что мнѣ кажется иногда, что она сумасшедшая, увѣрю тебя.

— Тебѣ кажется? да? — упавшимъ голосомъ спрашивала Софья Дмитріевна и закрывала рукой глаза.

— Она производитъ такое впечатлѣніе, не сердись за правду!

— Какъ... сердиться! — съ трудомъ говорила Софья Дмитріевна и подъ какимъ либо предлогомъ уходила въ дѣтскую.

Два раза въ день Софья Дмитріевна уѣзжала въ церковь. Передъ тѣмъ какъ ѣхать она заходила въ комнату сестры и робко сѣвѣдомлялась:

— Не хочешь-ли со мной, Юлинька? —

Бутакова отказывалась, но одинъ разъ, послѣ легкаго колебанія, она согласилась.

— Да, поѣду! — сказала она съ глубокимъ вздохомъ, — можетъ быть, Богъ... — Она не договорила, и поднесла платокъ къ глазамъ.

Въ маленькой церкви было тѣсно и душно. Юлія Дмитріевна принесли стулъ и разостлали подъ ноги коврикъ. Софья Дмитріевна встала позади и когда среди службы Бутакова обернулась, она увидела сестру на колѣняхъ. Лицо ея улыбалось, глаза, тревожные и молящіе, глядѣли на образа, а изъ груди ея вмѣстѣ съ дыханіемъ вырывался тихій, но непрерывный стонъ. Въ одну минуту Юлія Дмитріевна испытала удивленіе, жалость и досаду. Въ сущности, она даже не знала причины горя сестры. Въ этой скрытности, въ этой упорной отчужденности она узнавала сестру Сою еще много-много лѣтъ назадъ. Она всегда любила тайны. Если эта странная душа была закрыта для нея, Юлія Дмитріевна, то не могла-же она силой вторгаться въ нее, навязать ей свое участіе и состраданіе. Юлія Дмитріевна горестно вздохнула, закатила глаза и подумала еще разъ:

— Зачѣмъ я пріѣхала? Мы чужія.

Въ домѣ шла уборка и приготовленія къ празднику.

— У нихъ нипіе со всего околodka разговляются, — сообщила Бутаковой ея горничная Даша.

— Гдѣ? — съ ужасомъ спросила Юлія Дмитріевна.

— Въ этомъ году будутъ только въ застольной и въ кухнѣ. А то, когда мѣста не хватало, въ дѣвичью пускали и въ залу.

Юлія Дмитріевна ужаснулась.

— Но кто-же знаетъ этотъ народъ? Могутъ обокрасть, поджечь... — Горничная улыбалась и за этой улыбкой чувствовалось ея глубокое презрѣніе къ этому дому и его порядкамъ. Видно было, что она знаетъ еще многое и многое еще могла-бы и хотѣла-бы рассказать, а если молчать, то только изъ почтенія къ генеральшѣ.

Насталъ вечеръ Великой Субботы. Юлія Дмитріевна одѣвалась къ заутрени. Съ помощью горничной она надѣла новое шумящее бѣлое платье и наколола на волосы легкой бѣлый чепецъ. Она глядѣла на себя въ зеркало и съ раздражительной брезгливостью думала о томъ, что въ церкви будетъ тѣсно отъ мужиковъ и бабъ и воздухъ будетъ пропитанъ тяжелой мужицкой духотой.

Будетъ пахнуть дегтемъ, масломъ на волосахъ, избой и еще Богъ знаетъ чѣмъ, и никакія селъ и духи на платкѣ не заглушатъ этого запаха. На клиросѣ безтолково и, по ея мнѣнію, непристойно будетъ галдѣть хоръ такихъ же напояженныхъ масломъ мужиковъ и мальчишекъ и только, можетъ быть, ради торжественности случая, отецъ дьяконъ перемѣнитъ свои громадныя грязныя сапоги на болѣе изящную обувь. Эти сапоги ясно запомнились Юлія Дмитріевнѣ съ предыдущей службы.

— Готова-ли Софья Дмитріевна? Узнай! — приказала она горничной. Сообщивъ Даше о нищихъ, крики Милы и напряженность которая невольно чувствовалась между сестрами, все это раздражало Юлію Дмитріевну и приводило ее въ дурное настроеніе. Даша вернулась и объявила:

— Софья Дмитріевна еще не одѣвалась. Онѣ у барышни.

— Не одѣвалась? Но уже время ѣхать. Придется пробираться черезъ толпу, — съ неудовольствіемъ замѣтила генеральша.

— Онѣ у барышни, — повторила Даша.

— Но это, наконецъ, несносно! — вдругъ разсердилась Юлія Дмитріевна и даже стукнула слегка кулачкомъ по столу. Она поднялась и, шелестя праздничнымъ платьемъ, направилась къ дѣтской. Но когда она уже приближалась къ двери, ей навстрѣчу быстро вышла сестра Соня и загородила ей дорогу.

Лицо ея было блѣдно, измучено и она слегка пошатнулась.

— Что такое? Что ты? — удивленно спросила Бутакова. Софья Дмитріевна улыбнулась, подняла руки съ вздрагивающими пальцами и крѣпко сжала ими голову.

— Не сердись, Юлинька. Я не могу... поѣзжай одна.

— Но что случилось? Неужели изъ-за каприза Милы? Это становится невыносимымъ, Соня! Ты нарочно портишь себѣ жизнь.

— Нѣтъ, нѣтъ... — сказала Софья Дмитріевна.

— Какъ нѣтъ? Ты раба этой маленькой тиранки и она мучитъ тебя, какъ хочетъ.

Софья Дмитріевна отняла руки отъ головы и пылливо заглянула въ глаза сестры.

— Юлинька! — сказала она, — у нея... съ ней сейчасъ былъ припадокъ. — И не обращая вниманія на удивленное лицо сестры, она взяла ее за руку и повела за собой. — Иди теперь. Войди. Она спитъ и будетъ спать долго.

Она отворила дверь въ дѣтскую, и онѣ вошли. Въ комнатѣ былъ полумракъ отъ темнаго абажура и царилъ полный беспорядокъ. На полу между игрушекъ валялось бѣлье, а кровать ребенка была выдвинута

на середину. Софья Дмитріевна подошла, быстро опустилась на колѣни, взяла въ свои руки маленькую ручку ребенка и прижалась къ ней лицомъ. Въ первую минуту Юлія Дмитріевнѣ показалось, что дѣвочка умерла: ея хорошенькое личико было изсинѣ блѣдно, а бѣлокурые волосы слиплись на високѣ влажномъ лобикѣ. Дыханіе было едва замѣтно.

— И это не въ первый разъ? Соня! — прошептала Юлія Дмитріевна. Но сестра не слышала: она жадными глазами глядѣла на ребенка и губы ея что-то невнятно шептали. Юлія Дмитріевна осторожно придвинула стулъ и сѣла. Цѣлый рядъ воспоминаній пробудился въ ея душѣ, и, словно освѣщенныя неожиданнымъ и яркимъ свѣтомъ, эти мелкія воспоминанія объяснили ей многое. Не дожидаясь отвѣта сестры, она поняла, что у дѣвочки припадокъ далеко не первый, она поняла тревожныя молебны матери: «ангелъ мой, успокойся!» она поняла выраженіе ея лица и тотъ смертный ужасъ, который вырывалъ у нея жалобную угрозу: «мама умереть...» И ей тутъ-же припомнилось ея отношеніе къ ребенку и та «правда», которую она не безъ удовольствія говорила сестрѣ: «Твоя дочь похожа на сумасшедшую». Горячій румянецъ стыда покрылъ ея лицо.

— Соня! — сказала она, трогая сестру за плечо, — но есть средства... Надо обратиться къ хорошему врачу. Ты пробовала?

Софья Дмитріевна подняла къ ней свои глаза, изъ которыхъ глядѣло непередаваемое страданіе.

— Безъ равно! — сказала она. — Мальчика моего... Гришеньку... я возила, лечила, его мучили и... все равно, его нѣтъ. Она тоже уйдетъ. Да будетъ надъ ней одна воля Божья! — Она опять припала къ ручкѣ ребенка. — Ангелъ мой! — сказала она тихо. — Ангелъ мой!

Въ комнатѣ надолго воцарилось молчаніе. Юлія Дмитріевна, вся бѣлая, сидѣла неподвижно, а воспоминанія, впечатлѣнія все шли, все смѣнялись въ ея пробужденной душѣ.

— Но что это? Что? — съ глубокимъ участіемъ спросила она. — Какая это болѣзнь? Отчего оба?

Не вставая съ колѣнъ, Софья Дмитріевна повернулась къ сестрѣ.

— Юлинька, — сказала она глухо, — я тебѣ все скажу! Я скрывала отъ тебя, потому что боялась... боялась потерять тебя совсѣмъ. Подумай: если бы кто оскорбилъ память твоего мужа, Юлинька! Но онъ былъ такой же, какъ и ты, чистый и безупречный и ты не боишься ничего. Клянусь тебѣ, я ни минуты не жалѣла о своемъ замужествѣ. Я любила его, я отдала ему всю мою душу и память его для меня дорога и священна. Я знала все, что онъ выстрадалъ и вынесъ, и я съ радостью страдала за него. Я все снесу, Юлинька. Богъ посылаетъ мнѣ силы и терпѣніе. Но я не снесу, чтобы изъ-за меня осудили его еще теперь, осудили холодно, равнодушно... Его нѣтъ! Миръ душѣ его! Богъ послалъ намъ крестъ за нашу любовь, за наши грѣхи, я несу его одна... Я не жалуюсь. Ужасно то, что не мы, а дѣти наши несутъ на себѣ наказаніе за нашу жизнь, за наши пороки. Но они ангелы. И она скоро умретъ, моя Мила, и ей тамъ воздастся за все. И кому-же, скажи, кому осудить насъ тогда? Мы любили и мы все выстрадали, все перенесли до конца! Когда ты пріѣхала, я сейчасъ-же поняла, какое у насъ

различное, несравнимое горе: твое—спокойное и безупречное, какъ вся твоя жизнь, и мое... Юлинка! скажи-же мнѣ теперь: потеряла я тебя, потеряла навсегда? или... или...

Въ полумракѣ комнаты Софія Дмитриевна видѣла красивое лицо сестры, ея большіе, широко раскрытые глаза, и вдругъ она замѣтила, что изъ этихъ глазъ потекли слезы и стали скатываться на грудь, на колѣни...

— Юлинка! — съ тоской позвала она еще разъ.

— Богъ мой! — словно пробуждаясь отъ сна, сказала Юлія Дмитриевна, — нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ, не должно быть! Соня, сестра моя! Ты отдала свою душу, а мнѣ мою некому отдать. Мы должны сдѣлать все, что-бы спасти нашу дѣвочку. У меня есть средства, увеземъ ее за границу, дадимъ ей все, все, что можетъ дать наука. Мы такъ будемъ

хотѣть, такъ будемъ любить, что сдѣлаемъ чудо. Повѣрь-же мнѣ, что я съ радостью отдамъ все, что имѣю. Повѣрь, что со мной въ эту минуту ты сдѣлала то, чего я еще не испытала въ жизни.

Она тихо наклонилась, протянула сестрѣ свои бѣлыя изнѣженныя руки, а та, на колѣняхъ, взяла ихъ, вздохнула полной грудью и вдругъ пошатнулась, упала головой въ колѣни сестры и зарыдала. И онѣ обѣ долго плакали первыми слезами надежды и облегченія.

— Христосъ воскрес! — громко и радостно сказала Софія Дмитриевна часа два спустя, появившись въ застольной, гдѣ разгавливались нищія и бѣднѣйшія семьи деревни.

— Воистину воскрес! — такъ-же радостно и умиленно отвѣтили ей десятки голосовъ, и, прерывая трапезу, разгавливающіеся поднимались съ своихъ мѣстъ и кланялись ей.

— Миленькіе... сидите, кушайте... — непри-

вично звенящимъ голосомъ говорила Софія Дмитриевна. — Кушайте, миленькіе... А у меня-то радость какая: смотрите, я къ вамъ сегодня не одна.

Сзади нея вся бѣлая, нарядная, стояла Юлія Дмитриевна. Она глядѣла на радостныя, ласковыя лица незнакомыхъ ей людей, и до вѣрне къ этимъ людямъ и участіе къ нимъ казались ей теперь такъ естественны и сладки. Она нагнулась къ сестрѣ и стала шептать ей на ухо:

— Скажи имъ, скажи. Пусть будетъ такъ, какъ всегда, Соня. Здѣсь имъ тѣсно, душно и приходится ждать очереди. Зови ихъ въ домъ и... можно мнѣ? Позволь... я хочу дать денегъ на игрушки дѣтямъ.

Софія Дмитриевна вдругъ засмѣялась. Потомъ она обратилась къ людямъ и сказала громко:

— Миленькіе! Идите къ намъ...

Л. Авилонъ.

Прощать!..

Прощать, какъ Ты, Христосъ, намъ, людямъ, заповѣдалъ,
Прощать, какъ Ты прощалъ, не можемъ мы, Христосъ!
Такой тяжелый крестъ еще никто не несъ!
Никто изъ насъ, людей, такихъ страстей не вѣдалъ!
Прощать лишь можетъ тотъ, кто самъ умѣлъ страдать!

Прощать!..

О, кто изъ насъ, людей, кланущихъ и преступныхъ,
И тонущихъ въ крови, прощалъ своихъ враговъ?
Примѣровъ больше нѣтъ! Средь множества вѣковъ,
Такихъ, какъ Ты, Христосъ, средь правды неподкупныхъ
И цѣломудренныхъ — намъ больше не сыскать!

Прощать!..

О, научи-же насъ, Великій Геній свѣта,
Святой учитель нашъ, прощать, какъ Ты прощать!
— Ты правды и любви великій идеалъ!
Дай намъ постичь слова священнаго завѣта
И также, какъ и Ты, любить и умирать!

Леонидъ Арнасъевъ.

ОТЕЦЪ И ДОЧЬ.

Пасхальный рассказъ.

—♦—

БОЛЬШЕ стѣнные часы пробили половину десятого, когда Николай Ивановичъ Барсовъ кончилъ переодѣваться и вышелъ изъ спальни въ кабинетъ. Времени до поѣздки въ церковь оставалось еще порядочно, но онъ привыкъ все дѣлать, не спѣша; кромѣ того, нужно было до завтра разсмотрѣть вѣдомость входныхъ билетовъ въ церковь св. Георгія Побѣдоносца, гдѣ Барсовъ много лѣтъ уже состоялъ въ должности ктитора.

Николай Ивановичъ уселся за письменный столъ и занялся нужнымъ дѣломъ.

Большая, съ темнымъ абажуромъ лампа ярко освѣщала нижнюю половину обширнаго, солидно обставленнаго темной кожаной мебелью кабинета, письменный столъ и самого Барсова; верхняя-же часть комнаты была погружена въ густую тѣнь, и только прямо надъ лампой, на бѣломъ, украшенномъ лѣпными орнаментами потолкѣ, рисовалось свѣтлое, съ туманными краями, дрожащее пятно. Въ кабинетѣ царила полная тишина; съ улицы чуть-чуть доносилось дребезжанье проѣзжавшихъ мимо экипажей, стукъ колесъ и чьи-то неясные голоса. Николай Ивановичъ былъ осанистый, лѣтъ пятидесяти пяти или шестидесяти, человѣкъ; открытое, начисто выбритое, съ крупными чертами лицо его вполне гармонировало съ плотной, широкой фигурой, облеченной въ парадный, украшенный звѣздами и другими орденами мундиръ. Вообще, было видно, что старческая немощь и дряхлость еще не коснулись крѣпкаго организма Николая Ивановича и только сѣдина въ густыхъ воло-

сахъ да легкія морщины на лицѣ свидѣтельствовали объ его почтенномъ возрастѣ. Просмотрѣвъ бумаги и оставшіеся билеты, Барсовъ аккуратно сложилъ ихъ и отодвинулъ въ сторону. Онъ хотѣлъ было уже позвать камердинера и приказать подавать лошадей; когда взгляды его печально упали на печатный отчетъ общества благотворителей. Въ этомъ обществѣ онъ состоялъ теперь на фиктивной службѣ. Николай Ивановичъ раскрылъ брошюру и улыбнулся, — онъ вспомнилъ, что въ заграничьемъ приказѣ его ожидаетъ новое пожалованіе орденомъ.

— Право, недурно, — думалъ онъ, — нитѣ, на самомъ дѣлѣ, не слугу, очень мало работаю, а, между тѣмъ, получаю награды. Можно-ли было даже мечтать объ этомъ тридцать лѣтъ тому назадъ? Безъ средствъ и безъ протекціи, заѣденный нуждой, я помышлялъ только о томъ, чтобы не умереть съ голоду... А теперь все есть, — и чины, и общественное положеніе, и средства... За то чего все это стоитъ? Сколько трудовъ, лишеній, сколько униженій!...

Барсовъ даже вздрогнулъ отъ охватившаго его непріятнаго чувства.

— Еще одинъ былъ — все пичего; а послѣ женитбы, послѣ того, какъ улегся пылъ молодости, впервые извѣданной любви и на сцену выступили прозаическія нужды быденной жизни... Сколько пришлось перенести, сколько пришлось выстрадать! Бѣдная моя, бѣдная Надя, не много ты видѣла радостей на своемъ вѣку!...

Опущенный было взоръ старика маши-

нально обратился къ стоявшему здѣсь-же на письменномъ столѣ кабинетному портрету. Тусклая, слегка выдѣтная фотографія изображала молодую миловидную женщину въ нѣсколько странномъ, давно уже вышедшемъ изъ моды костюмѣ. Не смотря на блеклый тонъ портрета, пятна и неясныя линіи, Барсову казалось, что покойная жена смотритъ на него и улыбается своей обычной, ласковой, немного грустной улыбкой. Больше пятнадцати лѣтъ прошло со дня ея смерти, но воспоминаніе и фотографія воскремали ея образъ съ поразительной ясностью.

Николай Ивановичъ откинулся на спинку кресла и зажмурилъ глаза. Однако, и въ такомъ положеніи онъ совершенно живо видѣлъ свою Надю, ея свѣтлую добрую улыбку и, казалось, слышалъ ея голосъ. Въ тѣмъ въ воображеніи старика вставала другой, почти такой-же образъ, но веселый и живой, недавно еще видѣнный!...

Барсовъ недовольно тряхнулъ головой и выпрямился, — онъ вовсе не хотѣлъ теперь вспоминать о своей дочери, онъ уже разъ навсегда положилъ себѣ забыть ее и очень досадовалъ, что это пока не удастся. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ каждый разъ, когда онъ воспоминаетъ жену, рядомъ съ образомъ послѣдней является и дочь, живой портретъ своей покойной матери.

— Немудрено, — подумалъ старикъ, — вѣдь между ними поразительное сходство.

И, будто желая убѣдиться въ вѣрности своего заключенія, онъ открылъ было одну изъ ящиковъ стола, чтобы достать оттуда

РА К. Е. МАКОВСКАГО.

ОБРЯДЪ.

портрет дочери, но вдруг остановился и с сердцем зашелкнул замок. Страшная, непонятная злоба овладела всем его существом.

— Неблагодарная! — думал он; — отнесись так подло и низко к своему родному отцу... Могь-ли я думать, что воспитывал такую мерзкую? Убила, опозорила!.. Развѣ я не любил ее? Развѣ я притѣснял ее въ чемъ-нибудь? Вѣдь я не принуждал ее къ замужеству съ кѣмъ-нибудь по своему выбору, а только оберегал ее-же отъ рискованнаго поступка.

Старикъ окончательно разстроился и, вставъ съ кресла, принялся ходить по кабинету. Совершенно бессознательно, но естественно, онъ вспомнилъ про сыновей и нѣсколько успокоился.

— Вотъ тѣ совѣтъ въ другомъ родѣ, — размышлялъ Николай Ивановичъ; — тоже молодые, полные силъ люди; однако, какъ они выдержаны... корректны, что-ли..

Онъ нарочно хотѣлъ какъ можно точнѣе опредѣлить качества своихъ сыновей, чтобы подольше подумать о нихъ, но, противъ воли, воображеніе его снова рисовало передъ нимъ нѣжную, свѣтлорусую головку, то грустную, то веселую, пристально-пристально смотрящую на него..

— Николай Ивановичъ, прикажете подавать лошадь? — раздался вдругъ тихій голосъ неслышно вошедшаго въ кабинетъ камердинера.

Барсовъ сначала не могъ понять, въ чемъ дѣло.

— Что ты, Ефимъ, говоришь?

— Я говорю, прикажете подать лошадь? — спокойно повторилъ слуга. — Уже десять часовъ, а раньше вы всегда изволили въ это самое время ѣхать къ заутрени.

— А лошадь запряжена?

— Такъ точно-съ, и Минка давно уже дожидается во дворѣ.

— Хорошо, прикажи подавать, — рѣшилъ, наконецъ, баринъ.

Прежняя нить мыслей порвалась и вмѣсто семейныхъ дѣлъ на сцену выступили дѣла, относившіяся къ встрѣчѣ праздника. Вообще Барсовъ очень внимательно относился къ своимъ обязанностямъ ктитора и теперь онъ по привычкѣ сталъ перебирать въ умѣ всѣ распоряженія, сдѣланныя имъ за послѣднее время.

Съ давно знакомымъ радостнымъ чувствомъ запахнулъ онъ въ поданную Ефимомъ шинель и быстро вышелъ на подъѣздъ.

Рядомъ, подъ воротами послышался звучный съ перебоемъ стукъ подковъ и мягкое шуршанье резиновыхъ шинъ. Нѣсколько мгновений спустя коляска остановилась передъ самымъ подъѣздомъ.

— Тите... не балуй! — неизвѣстно для чего отнесся кучеръ къ спокойно стоявшей лошади.

Николай Ивановичъ бодро вскочилъ въ экипажъ и приказалъ трогать.

— Такъ помни-же, Ефимъ, приготовь все, какъ я говорилъ тебѣ! — крикнулъ онъ вышедшему на тротуаръ камердинеру.

— Слушаю, баринъ, я... — отвѣтилъ тотъ. Далѣе за разстояніемъ и уличнымъ шумомъ ничего уже нельзя было разобрать.

Вездѣ царило обычное передъ пасхальной заутреней оживленіе. По мостовой шумискатились всевозможные экипажи; на тротуарахъ чернѣли цѣлыя толпы куда-то спѣшившихъ пѣшеходовъ. Наблюдательный человекъ сейчасъ-же замѣтилъ-бы, что уличное движеніе вездѣ тяготѣетъ къ извѣстнымъ только пунктамъ города, къ храмамъ. Въ воздухѣ стоялъ смѣшанный гулъ фѣзы и человеческихъ голосовъ. Хотя праздникъ еще и не наступилъ, но видно было, что сердца всѣхъ полны ожиданіемъ радостнаго мгновенья, что пройдетъ часъ, другой и по всей православной землѣ изъ конца въ конецъ раздастся живое и могучее: «Христосъ во креслѣ!» Сама природа, казалось, испытывала и выражала общее настроеніе. Темно-синее, усыпанное яркими звездами небо, будто сводъ гигантскаго чудеснаго шатра, раскинулось надъ городомъ. Было свѣжо и сухо. Полнѣйшее спокойствіе воздуха не нарушалось даже самымъ слабымъ дыханіемъ вѣтерка.

Послѣ теплой комнатной атмосферы Николай Ивановичъ, выйдя на улицу, ощутилъ легкій ознобъ и плотнѣе закутался въ ши-

нель. Теперь онъ ни о чемъ не думалъ, а вездѣ отдался во власть какого-то чисто физически пріятнаго ощущенія. Онъ видѣлъ передъ собой широкую, казавшуюся неподвижной спину Миней, чувствовалъ плавное, безшумное покачиваніе коляски и слышалъ рѣзкіе удары подковъ бойко бѣжавшей лошади. Онъ даже не замѣтилъ, какъ подъѣхалъ къ церкви и очнулся только отъ прекратившагося ощущенія быстрой фѣзды. Машинально выскочивъ изъ экипажа, онъ постоялъ нѣсколько мгновенья и тихо вошелъ въ притворъ.

Не смотря на то, что служба еще не начиналась, въ церкви было уже очень много народа. Главную массу явившихся слушать заутреню составлялъ разный чиновный и, вообще, одѣтый въ нѣмецкое платье людъ. Нарядные свѣтлые туалеты дамъ перемежались разнообразными мундирами и черными фраками мужчинъ. Въ толпѣ было нѣсколько знакомыхъ Николаю Ивановичу лицъ; онъ это замѣтилъ еще изъ притвора, пока сторожъ снималъ съ него шинель. Войдя въ переднюю часть храма, старикъ кое-съ кѣмъ поздоровался, рефлексивно отвѣтилъ на нѣсколько обращенныхъ къ нему вопросовъ и по обыкновенію пошелъ на амвонъ къ правому придѣлу.

Сначала онъ развѣяннo слушалъ доносившійся до него изъ алтаря разговоръ священнослужителей, затѣмъ почему-то обратилъ вниманіе на визгъ блока, поднимавшаго лампаду; но, спустя минуту, всѣ внѣшнія впечатлѣнія слились въ одну неопредѣленную массу и воображеніе снова начало рисовать картины прошлой жизни, встрѣчу Насхи въ семьѣ, образы жены, сыновей и дочери.

Барсовъ, поморщившись, передернулъ плечами и хотѣлъ было и сильно думать о другомъ, но вдругъ рѣшилъ разъ на всегда разсѣять мучившее его сомнѣніе въ собственной правотѣ, доказавъ свою невинность возможно логичнѣе.

— Ну, что-же дурного въ моемъ поступкѣ? задалъ онъ себѣ вопросъ. — Соня была не благодарна и я самъ отказался отъ нея. Она опозорила меня, убила всѣ мои надѣжды; развѣ я могъ ожидать отъ моей умной, милой дѣвочки такого поступка? Однако, фактъ на лицо, — она не только не послушалась моихъ совѣтовъ, но наоборотъ, пошла наперекоръ имъ, бросила меня, своего отца, ради какого то нищаго, недоучившагося мальчишки... И тотъ тоже хорошъ! Разсчитывалъ поддѣлать богатую невѣсту, сразу достигнуть обезпеченія, т. е. того, что дается только годами упорнаго труда. Ловокъ, нечего сказать..

Старикъ сильно разсердился, но въ то же время почувствовалъ себя нѣсколько спокойнѣе. Вѣдь онъ правъ, а не она, такъ чего больше? Всѣ эти мученія и угрызенія совѣсти ничѣмъ разумнымъ не обусловлены. Когда началось богослуженіе, онъ уже совсѣмъ пришелъ въ себя и очень внимательно относился ко всему происходившему въ храмѣ. Но прошло минутъ десять, и расположеніе духа Николая Ивановича снова начало портиться. Опять въ мозгу его понеслись картины минувшаго..

Маленькая бѣдная комнатка. Небольшой, установленный разной пасхальной свѣдью столъ. Около стола суетится его дорогая Надя..

Потомъ картина внезапно мѣняется; Николаю Ивановичу кажется, что бѣдная комнатка внезапно превратилась въ роскошную столовую, а вмѣсто жены явилась на сцену дочь ихъ Соня..

— Фу! что это за глупости, — съ неудовольствіемъ подумалъ Барсовъ. — Право, скоро, кажется, я начну галлюцинировать. Должно быть, я не совсѣмъ здоровъ. Лучшѣ поѣду домой, а то вѣдь, пожалуй, расхвораетесь еще здѣсь въ церкви; это ужъ будетъ совсѣмъ нехорошо... Нѣ, а дома можно принять кой-какія мѣры противъ этой сантиментальной мнительности: — пошлю Соню къ какому-нибудь кѣмъ-нибудь, пусть не поминать лихомъ. Да и то сказать, если я теперь для нея не отецъ, то все-же на мнѣ лежатъ опекуныскія обязанности... Да, такъ будетъ лучше.

Быстро перекрестившись, Николай Ивановичъ вышелъ изъ за рѣшетки и направился къ выходу. Онъ былъ очень взволнованъ, хотя никто не замѣтилъ этого. Трогалъ по при-

вычкѣ орденъ на шеѣ, онъ важно и спокойно проходилъ между рядами молившихся и всѣ знавшіе старика полагали, что онъ идетъ къ своему помощнику, находившемуся у свѣчной выручки. Сторожа очень удивились, когда ктиторъ ихъ приказалъ подать шинель и встѣдъ затѣмъ уѣхалъ домой раньше конца богослуженія.

Вопреки ожиданію, Барсовъ не нашелъ дома своего камердинера. Кухарка и мальчикъ-лакей сказали, что встѣдъ за нимъ ушелъ куда-то и старый камердинеръ. Между тѣмъ послѣдній былъ необходимъ Николаю Ивановичу, — безъ Ефима онъ всегда былъ, какъ безъ рукъ.

— Да и адреса этой дрянной дѣвочки теперь не достанешь; одинъ Ефимъ знаетъ, — съ тоской думалъ Барсовъ, безцѣльно бродя по кабинету.

Онъ былъ очень разстроенъ и нетерпѣливо ждалъ возвращенія своего слуги. Каждая секунда казалась ему очень большимъ временемъ.

— Господи, скоро-ли? — тихо шепталъ старикъ и метался во всѣ углы кабинета.

Онъ подходилъ къ окну, всматривался въ неясные, темные силуэты прохожихъ, прислушивался къ малѣйшему шуму на кухнѣ, но все было тихо.

Онъ чувствовалъ, что наступаетъ такой моментъ, когда его волненіе или разрывитъ какой-нибудь невѣроятной вспышкой, или-же временно замѣнится полнѣйшей ко всему апатіей. Въ то же время онъ сознавалъ, что временныя равнодушіе и спокойствіе не исходятъ волненія, а только слѣдствіе духовнаго перемѣненія. Вдругъ неожиданная мысль мелькнула въ его мозгу.

— Вѣдь можно справиться въ адресномъ столѣ по телефону чрезъ полицейскій участокъ; можно написать туда записку, выдумать причину... сочинить что-нибудь.

Николай Ивановичъ быстро ушелъ въ кресло, досталъ бумагу и началъ было уже писать, когда вдругъ услышалъ за собой какой-то шорохъ.

На порогѣ кабинета стоялъ Ефимъ. Барсовъ вскоинилъ.

— Ты гдѣ-же это пропадалъ до сихъ поръ?

— Нигдѣ не пропадалъ, Николай Ивановичъ, спокойно возразилъ камердинеръ, — а ходилъ по самонужнѣйшему дѣлу.

— Да развѣ время теперь по дѣламъ ходить? — зѣкнятился Барсовъ. — Вѣдь ты не въ церкви-же былъ... А вотъ здѣсь ничего не приготовлено, не прибрано, вездѣ безпорядокъ.

Онъ сразу догадался, гдѣ былъ Ефимъ, и разсердился.

— Никакихъ безпорядковъ у насъ здѣсь нѣтъ и не было, — спокойно протестовалъ Ефимъ, — потому что я всегда за всемъ смотрю, а если позволите, я вамъ-доложу про другое... про другой безпорядокъ, тихо закончилъ онъ и шагнулъ впередъ.

По обыкновенію старый камердинеръ былъ важенъ и серьезенъ; теперь-же его бритое, обрамленное сѣдыми бакеннами лицо имѣло кромѣ того особенно суровое выраженіе.

— Что-же, говори... — съ дѣланной улыбкой, но явно упавшимъ голосомъ позволилъ баринъ и, сѣвъ въ кресло, отвернулся къ письменному столу.

— Что-же мнѣ говорить, я полагаю, вамъ самимъ дѣло это — извѣстно, началъ послѣ минутнаго раздумья Ефимъ.

— А я полагаю, неизвѣстно... самъ не зная, что говорить, возразилъ Барсовъ.

— Шутить изволите, Николай Ивановичъ? — строго перебилъ его камердинеръ. — Я знаю, что я человекъ маленький и всегда нахожусь на своемъ мѣстѣ; слава Богу, тридцать лѣтъ у васъ живу... А только теперь силъ моихъ нѣтъ... Да что тутъ! По просту сказать, былъ я у Софьи Николаевны, поздравить съ праздникомъ, и нашелъ ихъ съ Евгеніемъ Федоровичемъ въ такомъ бѣдномъ состояніи, что не дай никому Господи, а кромѣ того Софья Николаевна больна-съ, и даже очень, повторилъ онъ, видя, что баринъ его зѣрзалъ въ креслѣ; — очень больна и обѣ васъ убиваются. А вылечить ихъ нельзя, — одно то, что онѣ сердцемъ вашимъ огорчаются, а другое — бѣдность у нихъ большая, не на что лечиться... вотъ какъ!

— Ты говоришь, въ бѣдности?—вскочилъ Николай Ивановичъ.

— Прямо даже—нищета-съ,—укоризненно подтвердилъ Ефимъ.

— Такъ я... я хотѣлъ послать тебя съ деньгами.

— Этого теперь не нужно-съ,—возразилъ камердинеръ,—потому что, увидѣвъ все это, я самъ... теперь у нихъ медицинскій студентъ есть, товарищъ Евгенья Федоровича, господинъ Покровскій,—поправился онъ.— Ну, а васъ я никакъ не могъ туда доставить.

Стыдъ и жалость сдавили сердце Николая Ивановича. Онъ, какъ оплеванный, сидѣлъ передъ своимъ старымъ камердинеромъ и даже не могъ поднять на него глазъ.

«Что-же это такое,—ужасался онъ,—посторонній человѣкъ, слуга, помогаетъ, а я, родной отецъ, забылъ... Бѣдная моя Соня, бѣдная; вѣдь и мы съ Надей когда-то испытывали нужду, и намъ не откуда было ждать помощи; долженъ-же я былъ знать, какъ это тяжело... Положимъ, Соня заслужила свои страданія, но все-же»...

— Ты говоришь, что имъ денегъ не надо. Ну, все равно, я еще свезу,—быстро проговорилъ баринъ.—Гдѣ они живутъ?

— Сбѣдите, Николай Ивановичъ, сбѣдите,—обрадовался Ефимъ;—право слово, какъ они ради-то будутъ, страсть.

— Да гдѣ они живутъ?—нетерпѣливо повторилъ Барсовъ.

Камердинеръ сказалъ адресъ.

Соня и Евгенья Федоровичъ жили въ меблированныхъ, специально студенческихъ комнатахъ на Екатерингофскомъ проспектѣ. Помѣщеніе, занимаемое ими, состояло изъ маленькаго, сажени три въ квадратѣ, отгороженнаго постоянными ширмами угла. По крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе производила ихъ комната на всякаго попавшаго туда. Тоненькая, чуть-ли не картонная перегородка не доходила до потолка на цѣлый аршинъ; такимъ образомъ, во всѣхъ клѣткахъ и въ корридорѣ была общая атмосфера и общій мѣлъ звукъ.

Въ комнаткѣ нашихъ молодыхъ людей тоже царилъ небывалое оживленіе. Самъ хозяинъ ея, Евгенья Федоровичъ Корольковъ, съ выраженіемъ живѣйшаго удовольствія разсматривалъ цѣлую коллекцію кульковъ и свертковъ, принесенныхъ гимназическимъ товарищемъ его, медицинскимъ студентомъ.

— Сіе есть пасха, сіе — колбаса и прочіе конченныя припасы,—перечислялъ медикъ, разглагольствуя;—сіе же есть начало всѣхъ началъ, именуемое остроумными галлами водою жизни...

— Фу, да ты цѣлый трактиръ купилъ,—весело перебилъ его Корольковъ.

— Трактиръ не трактиръ, а разговѣться можно... Софья Николаевна, распорядитесь, куда что ставить.

— Нѣтъ, ужъ лучше вы сами распорядитесь, Никодимъ Павловичъ; вы знаете, какая я теперь кислая,—слабо улыбнулась молодая дѣвушка.

— Вы, однако, хозяйка,—возразилъ медикъ.— Ну, все равно, ради немощи вашей, даю вамъ снисхожденіе.

И онъ быстро принялся разставлять принесенное на столѣ и подоконникѣ.

Евгенья Федоровичъ, молодой, безбородый человѣкъ, очень походилъ на Соню, какъ чертами лица, такъ и небольшою, тонкою, стройной фигурой.

— Однако, какъ все это неожиданно,—словно про себя произнесла Соня.

— Да, спасибо Ефиму,—загудѣлъ медикъ,—право, добрейшій старичина; если-бы не онъ такъ совѣтъ было-бы плохо.

— Чего хуже,—согласился Корольковъ,—пришлось-бы разговѣяться собственнымъ языкомъ. А за то теперь какое великолѣпіе.

— Чего радуешься,—возразилъ Никодимъ Павловичъ,—печалиться долженъ о своей винѣ. Развѣ можно такъ опуститься? Что, у тебя рукъ нѣтъ, что-ли?

— Ну, Покровскій, ты меня напрасно упрекаешь, я дѣлалъ все, что могъ...

— Да, Никодимъ Павловичъ, Женя совѣтъ не виноватъ,—заволновалась вдругъ Соня,—онъ и безъ того, бѣдный, много вытерпѣлъ. Раньше было не легко, а теперь такъ и совѣтъ бѣда пришла. Помилуйте, вѣдь нужно было и въ университетѣ вѣсти, и жить, и меня еще лечить.

— А товарищи для чего?—перебилъ ее Покровскій.

— Товарищи?—горько улыбнулся Евгенья Федоровичъ,—у нихъ, братъ, есть особое соображеніе; одинокому помочь, а семейному—никогда; мы, говорить, роскоши не потворствуемъ...

— Во всякомъ случаѣ, зачѣмъ-же ты ушелъ изъ университета?—не унимался медикъ.

— А зачѣмъ, что некогда было учиться, надо было деньги зарабатывать.

— И все-то это изъ за меня,—тяжело вздохнула Соня.

— Вздоръ какой,—нахмурился Корольковъ,—не изъ за тебя, а скорѣе изъ за его превосходительства.

— Отчасти это правильно,—согласился медикъ,—но и ты изрядно плохъ. Впрочемъ, «не судите, да не судимы будете».

Наступило продолжительное молчаніе. Покровскій по прежнему суетился около стола, Евгенья Федоровичъ безцѣльно смотрѣлъ на своего товарища, а Соня поникла головой и погрузилась въ размышленія.

— Кто тутъ виноватъ?—думала она,—всѣ отчасти; нельзя-же было помириться съ несбыточностью своей надежды и спокойно отказаться другъ отъ друга. Равно или поздно такъ должно было случиться. Положимъ, если-бы отецъ далъ свое согласіе, можно было-бы и подождать...

— ... Вы говорите, въ десятомъ номерѣ?—прервалъ вдругъ ея мысли знакомый голосъ въ корридорѣ.

— Сказано, въ десятомъ, значить, тамъ и есть,—небрежно отвѣчала, очевидно не привыкшая стѣсняться съ гостями своихъ постояльцевъ, хозяйка;—здѣсь, что имъ дѣлается.

Корольковъ и медикъ также услышали этотъ диалогъ и насторожили вниманіе.

— ... Лѣвѣе, господинъ... вотъ здѣсь...—указывала хозяйка въ-то время, когда чьи-то неровные шаги приближались къ десятому номеру.

Дверь тихо скрипнула, отворилась и на порогъ комнатки появился Николай Ивановичъ. Онъ былъ сильно взволнованъ и видимо немного потерялся. Не снятая по забывчивости шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ, свѣсившаяся съ одного плеча шинель и сверкающій орденами мундиръ плохо гармонировали съ разстроеннымъ лицомъ старика. Вообще, онъ имѣлъ нѣсколько комичный видъ.

Соня вскочила съ кровати и, не вѣря своимъ глазамъ, какъ безумная смотрѣла на отца. Корольковъ и Покровскій также совершенно оцѣпенѣли отъ изумленія, въ особенности послѣдній, онъ даже потеръ себѣ лобъ, будто желая удостовѣриться, сонъ это или дѣйствительность. Даже вся окружающая ихъ обстановка измѣнилась,—всѣ звуки затихли, и шепотъ, и хохотъ, и споры. Казалось, обитатели студенческой квартиры чего-то ждали...

Но, чу! послышался гдѣ-то далеко-далеко глухой неясный звукъ... черезъ нѣсколько мгновеній другой, третій... Звукъ росъ, приближался и скорѣе слился въ одинъ общій могучій аккордъ. Мѣдные голоса колоколовъ возвестили православному міру о наступленіи великаго «праздника праздниковъ».

— Папочка, родной мой, Христосъ воскрес!—бросилась вдругъ Соня къ Николаю Ивановичу.

— Воистину воскрес!—радостно отозвался старикъ, обнимая дочь.

— Добрый ты... Какъ ты меня обрадовалъ, какъ мнѣ хорошо... Я никакъ не могу опомниться,—плача и смѣясь, говорила Соня;—какъ все это неожиданно. Не сердись и на Женю...—вспомнила вдругъ она.

— Не сержусь, моя дѣточка, не сержусь. Христосъ воскрес, друзья мои!—обратился старикъ къ молодымъ людямъ.

— Воистину воскрес!—откликнулись тѣмъ весело поцѣловались съ Николаемъ Ивановичемъ.

— Надо-бы васъ наказать,—шутилъ счастливый отецъ,—тебя, Евгенья, за преступленіе, а васъ, «коллегъ», за пособничество, да ужъ такъ и быть, прощаю... Однако, теперь Пасха, а у меня въ осиротѣвшей квартирѣ ровно ничего не приготовлено.

— У насъ есть... Съ нами разговѣтесы!—одинъ за другимъ предлагали Соня и Евгенья Федоровичъ.

— Ну, если есть, такъ тѣмъ лучше. Съ великимъ праздникомъ, дѣтки!

А. Васильковскій.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Великій ежегодный праздникъ христіанскаго міра наступилъ. Подъ торжественный благовѣстъ пасхальныхъ колоколовъ пробуждаются въ душѣ дорогія съ дѣтства воспоминанія, рисующія жизнь, смерть и воскресеніе Спасителя міра. Видимъ мы каменистую почву Палестины и кроткій образъ Небеснаго учителя. Онъ воскресъ, онъ вышелъ изъ могилы, и Марія Магдалина въ смущеніи узнѣла, камень, отваленный отъ крышки гроба. Марія стояла у гроба и плакала, и когда плакала наклонившись надъ пенсерою, то увидѣла двухъ ангеловъ въ бѣломъ одѣяніи, сидящихъ одного у главы, другого у ногъ, гдѣ лежало тѣло Иисуса. И они говорятъ ей: «жена, что ты плачешь»? Говоритъ имъ Марія: «унеси Господа моего, и не знаю, гдѣ положили Его». Сказавъ это, она обратилась назадъ и увидѣла Иисуса стоящаго, но не узнала, что это Иисусъ. Марія не узнала Его, но онъ сказалъ ей: «Марія!»—и она воскликнула: «Учитель!» Спаситель запретилъ ей касаться Его, но велѣлъ извѣстить о воскресеніи Его другимъ. Намъ рисунокъ, изображающій этотъ моментъ, принадлежитъ кисти художника П. Кислинга.

Слѣдующая картина возвращаетъ насъ къ настоящему времени, къ празднованію дней св. Пасхи. Мы видимъ крестный ходъ вокругъ деревенской церкви, видимъ крестьянскую толпу, идущую съ освященными пасхами и горящими свѣчами отъ заутрени. Вотъ въ помѣщеніи домъ молодая мать христосуетъ съ сонной дочкой; вотъ, въ пасхальное утро дѣткишки забавляются уже катаньемъ яицъ.

Немало труда, хотя, конечно, легкаго труда, потрачено на окраску и украшеніе этихъ яицъ. Взгляните на нашу слѣдующую картину... Цѣлая семья занята этой кропотливой работой. На столѣ стоятъ баночки съ краской, валяются пестрые лоскутки. Вотъ одна изъ участвующихъ хвастаетъ своимъ красиво окрашеннымъ яичкомъ. Другія еще болѣе прилежно продолжаютъ свое занятіе.

Всѣ эти празднества, всѣ ликованія какъ-будто отзываются и на самой природѣ. Воздухъ свѣтлѣе и теплѣе, прилетаютъ птицы, распускаются почки... Прекрасное аллегорическое изображеніе идущей весны на слѣдующей картинѣ выказываетъ богатую фантазію художника Пріона. Вотъ мчится фея-Весна, окруженная Эльфами. Нѣжное тѣло дышетъ юностью и свѣжестью; самъ воздухъ какъ-будто несетъ и нѣжить долгожданную красавицу. Щеголы весеннихъ птицъ провожаютъ ее.

Художникъ Казанцевъ, со свойственной ему яркой и отчетливой манерой рисунка, даетъ намъ—даже—видъ богатаго велико-русскаго села въ пасхальную ночь. Сіяетъ сельскій храмъ пасхальными огнями, сіяютъ окошки богатыхъ высокихъ избъ и ярко свѣтятся окошца бѣдныхъ лачужекъ. Сельская улица оживлена, но тиха и торжественна. Надъ землею проносятся великая, святая ночь. Но перепесемъ въ шумный, людный городъ.

На слѣдующемъ рисункѣ мы видимъ веселое общество, разговляющееся за роскошно убранымъ столомъ. На столѣ красуется пасха, куличи и еще десятки лакомыхъ блюдъ. Весело раздаются звонъ бокаловъ съ шампанскимъ и шумно идетъ оживленная бесѣда. На всѣхъ лицахъ—у этого стараго генерала, у хорошенькой дамы, у красиваго молодого человѣка—радостное сознаніе Свѣтлаго Праздника. Слѣдующая картина—христосованье по старому христіанскому обычаю. Пасхальный чистый и святой поцѣлуй звучитъ въ эти великіе дни повсюду...

Рисунокъ художника К. Свищевскаго представляетъ холодный мартовскій денекъ, когда, по минутному капризу природы, снова окрѣпнѣть почти стаявшій уже снѣжокъ и заиндеветъ деревья! Но это все похоже на недолгую шутку. Стоитъ покрѣпче пригрѣть солнышку, и снова все растаетъ, зажурчатъ весенніе ручьи. Старушка пробирается по мостику къ сосѣднему кладбищу—помолиться въ пасхальное утро на могилкахъ давно умершихъ близкихъ...

Переходя теперь къ великолѣпной картинѣ г. Маковского «Поцѣлуйный обрядъ», мы опять должны перенестись въ далѣ вѣковъ. Разгульно и привольно было житье богатаго русскаго боярина стараго времени. Пиръ и гулянки часто развлекали его

въ сидячей неподвижной жизни. На данной картинѣ мы видимъ конецъ веселаго пира, достойно заключившагося «поцѣлуйнымъ обрядомъ». Жившія подъ замкомъ въ теремахъ боярыни рѣдко показывались гостямъ. Лишь въ торжественныхъ случаяхъ, когда хозяйинъ особенно желалъ почтить дорогихъ гостей, онъ приказывалъ женѣ угощать ихъ виномъ заморскимъ или медомъ. Хозяйка одѣвалась въ роскошный, «большой» нарядъ и, въ со-

провожденіи приближенныхъ женщинъ, выходила въ столовую палату, гдѣ шелъ шумный пиръ. Въ рукахъ жена хозяина несла подносъ съ полными кубками вина или меда. Начинаясь церемонный поцѣлуйный обрядъ. Гости—по старшинству, по знатности рода—подходили къ хозяйкѣ; она кланялась каждому въ поясъ и угощала. Выпившіи кубокъ гости кланялись хозяйкѣ въ ноги и цѣловали ее въ уста савхарныя. На картинѣ К. Е. Маковского изоб-

ражено начало обряда. Видно, что гости уже знатно подгуляли: одинъ пьетъ, другой уже заснулъ за столомъ, а третій уже и совсѣмъ свалился подъ столъ. Но подходящіе къ хозяйкѣ стараются держаться чинно и пристойно. Старикъ-хозяинъ, за кресломъ котораго пріютился шутъ, наблюдаетъ съ важнымъ видомъ за церемоніей.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

СРОКЪ ВТОРОГО ВЗНОСА.

Главная контора журнала „Живописное Обозрѣніе“ доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ РАЗСРОЧКОЮ, что **СРОКЪ ПЛАТЕЖА ВТОРОГО ВЗНОСА ДЕНЕГЪ ИСТЕКАЕТЪ ВЪ МАРТѢ**, а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорѣйше проситъ поспѣшить высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своевременно слѣдующаго взноса, дальнѣйшая высылка журнала **СЪ ПЕРВАГО АПРѢЛЯ БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.**

Книжки № 1 и 2 (январь и февраль) за 1896 годъ журнала «Домашняя Библиотека» печатаются для новыхъ подписчиковъ—ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обозр.» (Спб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
Историческій романъ А. Михайлова.
Цена 1 руб. 5 к.

Вино
Сенъ-Рафаэль
Превосходно на вкусъ.
Сохраняется по способу ШАС-ТЕРА.
На каждой бутылкѣ печать Россійской таможи. Къ каждой бутылкѣ приложена брошюра о Сенъ-Рафаэльскомъ винѣ, какъ о ПИТАТЕЛЬНОМЪ, УКРЕПЛЯЮЩЕМЪ и ЦѢЛБНОМЪ средствѣ изслѣдованія Д-ра Де-Барре.
2366-5

ГЛИЦЕРИНОВОЕ
МЫЛО
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Для чистоты лица. Цена 50 коп. Остерегайтесь поддѣлокъ. Требуется подпись А. Энглундъ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ лавкахъ Россійской Имперіи. № 2045

ОСВѢЖАЮЩІЙ
ХВОЙНЫЙ ВОЗДУХЪ
въ комнатахъ, при употребленіи
ЛѢСНОЙ ВОДЫ
ФИРМЫ
№ 4711
Продается въздѣ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ
всякаго рода и лучшаго качества
РЕКОМЕНД. въ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петровка, домъ Волкова.
НИЖЕГ. ЯРМ. Главный домъ № 6.
ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТ. КАТАЛОГЪ.

НЕЗАМѢНИМОЙ
прочности
НАСТОЯЩІЕ ДЖУТОВЫЕ
ЧУЛКИ и НОСКИ
БЕЗЪ ШВА.
Носки 5 р., чулки 7 руб., самые тонкіе носки 6 р., чулки 9 р. за дюж. 2216 43
Въ спеціальной магазинѣ бѣлы
Ю. ГОТЛИБЪ.
По Владимирской, д. 2, уг. Невскаго.

Главное депо часовъ
Эд. Вурхардъ.
Спб., Гороховый ул., у Краснаго моста, № 17.
2) по Невскому пр., № 6, прот. М. Морской.
Большой выборъ всевозможныхъ часовъ: лучшихъ фабричныхъ по самымъ умѣр. цѣнамъ.
Никелевые... отъ 6 р. 50 к. до 15 р.
Стальные (черные)... 10 р. — „ 20 „
Серебряные мужскіе и дамскіе... 12 „ — „ 75 „
Золотые мужскіе... 50 „ — „ 500 „
Золотые дамскіе... 25 „ — „ 100 „
Регуляторы 2-хъ нѣдѣльных... 7 „ — „ 65 „
Будильники... 4 р. 50 к. — „ 25 „
Гг. Инородимъ выслать наложеннымъ платежомъ. Прейсъ-куррантъ высылаю бесплатно. Карманные часы на суммусъ 10 р. высылаются почтой на счетъ моего магазина. № 1220-7

ПАМЯТЬ
„ИСКУССТВО УКРЕПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“.
(Что такое мнемоника?) книга (плотное издание)
профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА и печатныя условія за златный (письменный) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.) высылаются за шесть 7 коп. мар.; на вложенной бумагѣ вышлѣ съ условіями—за восемь 7 коп. марокъ.
Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогикіи, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потеряннѣе ея, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую, и лучшей—у обладающихъ хорошей.
Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, воинные, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безъ книгъ высылаются за одну 7 коп. марку). Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Спловина Ж. О. 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ) д. Бродякова № 6 40, кв. 4-5-8, безъ этажа.
Профессора мнемоники членъ парижской академіи С. Файнштейнъ. № 2298-8.

ФАБРИКИ С. СОБЕННИКОВА
Магазины: 1-ый Невскій 58. 2-ой Невскій 68 въ СПбургѣ
ПРЕДЛАГАЮ
Непромокаемыя накидки ПАЛЬТО викистиновые и резиновые ЧЕРНЫЯ и СѢРЫЯ Цѣны удешевленныя
Прейсъ-куррантъ и образцы высылаю БЕЗПЛАТНО. 2378-2

!!! Важно для дамъ !!!
Заочное обученіе шитью и крою посредствомъ лекцій-корреспонденцій по новейшему, легчайшему и понятному для каждаго методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются бесплатно. Плата умеренная.
Преподавательница Е. Д. Апмарилла. Киевъ, Житомирская, № 4. № 2359-4

Товарищество сарпинокъ въ Саратовѣ предлагаетъ:
Натуральныя сарпинскія ткани изъ шелка и бумаги. Неподражаемый выборъ всѣхъ родовъ бѣлы, чулковъ и носковъ.
ПЕРЕСЫЛКА ТКАНЕЙ ЗА СЧЕТЪ ФИРМЫ.
образцы въ изящномъ АЛЬБОМѢ высылаются за 42 коп. марками. 2358-7

АЛЬБОМЪ ПАРИЖСКИХЪ КРАСАВИЦЪ
составленъ изъ картинъ лучшихъ французскихъ художниковъ и въ составъ этого альбома вошли слѣдующія картины: 1) Триумфъ Венеры; 2) Потифаръ; 3) Леда съ лебедемъ; 4) Судъ Париса надъ тремя граціями; 5) Диана при купаньи; 6) Послѣ купанья въ гаремѣ; 7) Венера являющаяся тремъ граціямъ; 8) 4 дамы; 9) Скала и Волна.
Всѣ картины въ немъ Парижской школы въ особенности замѣчательны тѣмъ, что художники съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ изобразили

КРАСОТУ ЖЕНЩИНЫ.

Всѣ картины помѣщены въ изящно тисненную золот. и черн. рисункомъ манку.
Цѣны съ пересылкою { Въ манкѣ... 2 руб. 90 коп. 2 за 5 р. 35 к.
Налож. платежомъ { Безъ манки... 2 руб. 05 коп. 2 за 3 р. 60 к.

Базаръ Марокъ { С.-Петербургъ. Невскій пр. № 20-25

ФИСТАРМОНІИ
ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ
ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА
и другихъ лучшихъ фабрикъ:
въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 180, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 750, 800 и 1,000 руб.
Школа-самоучитель—Паке 2 р.
Иллюстрированный прейсъ-куррантъ БЕЗПЛАТНО. -18
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарыина.

№ 13 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 11-ю рисунками, а именно: I) три листа текста, и II) Обложка и ноты «Объятый ужасомъ и жаромъ». Романъ: Слова Н. Медвѣдскаго, музыка В. Викторисъ.

Дозволено цензурою. Спб., 20 марта 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»: НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. НА ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

1) Желающіе получать самостоятельно книги журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА» (безъ журнала «Живописное Обозрѣніе»), уплачиваютъ за годъ (съ доставкою—4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ «Живописное Обозрѣніе» безъ книгъ «Домашней Библіотеки»—НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Получающіе журналъ съ разсрочкою взносовъ, добавляютъ къ объявленной подписной годовой цѣнѣ 50 коп. за напечатаніе адресовъ и другіе расходы.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

„На свалку“. Рисовать художникъ Э. Соколовскій.

Такъ полно, такъ полно
Любилъ я, что выразить словомъ не въ силахъ...
И долго безмолвно
Томился, страдая, въ мечтаньяхъ унылыхъ!

Такъ свято, такъ страстно
Я вѣрилъ въ могущество пѣсень и въ звуки—
Но вѣрилъ напрасно:
Безсильное слово рождаетъ безсильныя муки!

И молча—мнѣ больно!—
И сердце обиды людскія шута переносить.
Довольно! довольно!
Душа отстрадала и только забвенія просить!

Н. Фофановъ.

НЕ ОТЪ МІРА...

Р о м а н ъ.

I.

МОЛОДАЯ быстро прошла въ будуаръ, держа въ рукѣ письмо, только что поданное дѣвучкой. Улыбаясь, она опустила на низенькій диванъ-помпадуръ и вскрыла конвертъ.

— Ахъ, милый мальчикъ!..—съ оттѣнкомъ глубокой нѣжности произнесла она, увидѣвъ четыре страницы розовой бумаги, исписанной дѣтскимъ крупнымъ почеркомъ.

«Дорогая теточка Леночка! Ты такая хорошая, добрая, красивая, и я тебя очень люблю. Я тебя люблю больше, чѣмъ папу съ мамой или тетю Соню, больше чѣмъ дядей... Ты всѣхъ лучше! А раньше я тебя совсѣмъ не любилъ. Мама всегда говорила, что ты глупая. Но это неправда—ты умная. Помнишь, когда въ прошломъ году мама такъ обидѣла Дуню, а я вступился за нее и потому мама хотѣла поставить меня въ уголъ, ты одна защитила меня. Я говорилъ правду, меня не за что было ставить въ уголъ, а изъ всѣхъ ты одна только поняла это. И я съ тѣхъ поръ сталъ тебя любить и мнѣ было стыдно, что я раньше вѣрилъ мамѣ, что ты глупая. Нѣтъ, нѣтъ! Ты умная, ты добрая, потому что ты всегда говоришь правду... Оттого у тебя и лицо такое... хорошее, а у мамы и тети—нѣтъ, у нихъ не такое хорошее лицо. Теперь ты вышла замужъ за Роберта Ивановича. Я знаю, онъ тебя любитъ, потому что онъ женился на тебѣ. Но я все-таки думаю, что я тебя больше люблю. Я слышалъ, что теперь ты должна любить только одного Роберта Ивановича... но какъ же это? Какъ же меня-то? Неужели ты не будешь меня больше любить? Милая теточка Леночка! Отвѣть, будешь-ли ты меня любить по прежнему. Я всю ночь думалъ объ этомъ. Я нарочно и письмо написалъ... Мнѣ было стыдно говорить тебѣ объ этомъ... и не ловко. Робертъ Ивановичъ могъ насъ подслушать—онъ ревнивый. Ты тоже напиши отвѣтъ и передай мнѣ черезъ Агнію.

«Напиши, пожалуйста, будешь-ли ты меня по прежнему брать къ себѣ, вѣдь ты далеко теперь будешь жить. Напиши, милая теточка! Я, право, даю честное слово, что не буду мѣшать Роберту Ивановичу, а то мама говоритъ, что тебѣ теперь не до меня и что теперь мнѣ незачѣмъ бывать у тебя. Цѣлую тебя самое и цѣлую твои ручки, крѣпко, крѣпко.

Твой тебя любящій племянникъ
Володя».

— Милый мальчикъ! — нѣжно повторила молодая женщина, прочитавъ письмо. За мѣтила въ сосѣдней комнатѣ дѣвучку и обратилась къ ней:

— Агнія, позовите, пожалуйста, Володю.

— Ахъ, Елена Григорьевна, да придетъ-ли онъ? Онъ отъ васъ записку какую-то ждетъ и мнѣ наказывалъ: не смѣйте, говорить, мнѣ и показываться безъ записки отъ теточки.

— Ничего, ничего, позовите. Скажите, я буду сердиться на него, если онъ не придетъ. Дѣвучка быстро скользнула по мягкому ковру.

Елена встала съ диванчика, подошла, какъ бы въ раздумьи, къ большому трех-створчатому туалетному зеркалу, машинально взглянула въ него, машинально поправила на головѣ вѣточку флер-д'оранжа, опять вернулась къ прежнему дивану и опустила на него.

Ей было двадцать два года, но она смотрѣла семнадцатилѣтней дѣвочкой. Хрупкая, тоненькая. Подвѣчное платье изъ серебристой тяжелой ткани, казалось, совсѣмъ пригнетало ее. Бѣлизна платья еще больше подчеркивала почти прозрачную, хотя и не болѣзненную, блѣдность ея лица. Между бровями вырѣзалась чуть замѣтная черточка. Сѣрые глаза свѣтились съ какой-то вдумчивою сострадательностью.

Но едва-ли не самымъ привлекательнымъ въ симпатичномъ, неправильномъ лицѣ была улыбка. Эта застѣнчивая улыбка, обнѣжающая мелкіе ровные зубы, какъ бы навѣвала на все лицо выраженіе нѣжной ласковости и доброты.

До молодой женщины доносился смутный шумъ говора и движенія цѣлой толпы гостей, приглашенныхъ попить на ея свадьбу. Аккорды музыки вдругъ властно ворвались въ этотъ шумъ... Чуть звякнули хрустальные подвѣски у двухъ бра, висѣвшихъ въ будуарѣ. Слабый музыкальный звонъ трепетно оборвался въ воздухѣ и замеръ.

Елена какъ-то безучастно относилась къ тому, что происходило внизу, гдѣ танцевали, веселились.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ наивнаго письма Володи, она вспоминала непріятную прошлогоднюю сцену, на которую тотъ намекалъ.

У старшей сестры, матери Володи, гдѣ она часто гащивала, отказали прислугу — дѣвучку еще молодую и тихую. Отказали по наускиванію старой кухарки, глупой, но

хитрой женщины, подмѣтившей слабыя струнки хозяйки и съ большимъ умѣньемъ пользовавшейся своимъ опытомъ.

Елена сидѣла въ столовой за книгой, когда Володя, вбѣжавшій съ искаженнымъ лицомъ, сталъ умолять ее пойти съ нимъ на кухню.

— Что съ тобой? Зачѣмъ? Отчего ты плачешь?

— Ахъ, теточка... пожалуйста! скорѣе! скорѣе! Тамъ мама обижаетъ Дуню, обзываетъ ее воровкой, а это неправда!—торопилъ мальчикъ, задыхаясь отъ гнѣва и слезъ.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ... успокойся!—говорила Елена, сама вдругъ взволнованная этимъ дѣтскимъ, но не по-дѣтски выражаемымъ горемъ,—разберемъ тамъ, мама, вѣрно, шутить.

— Нѣтъ, нѣтъ! Такъ не шутятъ!—стоялъ на своемъ Володя.

На кухнѣ у двери, ведущей въ людскую, Еленѣ представилась возмутительная картина.

Сундукъ отказанной дѣвучки вытащенъ на середину. Ея сестра, въ какомъ-то азартѣ, стоя на коѣняхъ, на одномъ изъ платьевъ служанки, собственными руками выбрасывала на полъ одну за другою вещи горничной, отыскивая свою пропажу—золотую брошку, въ видѣ двухъ раскрытыхъ раковинъ.

Бѣдная дѣвучка была тутъ-же, блѣдная, оскорбленная, дрожащая, не могущая высказать словами своего кроткаго негодованія.

— ... Барыня... милая барыня! Да когда же я?

Она заламывала руки, забывая вытереть слезы, крупными каплями текущія по ея щекамъ.

— Ахъ!.. Ахъ!..

Она крутила въ рукахъ передникъ.

Бумажные цвѣты, ленточки, карточки—всѣ эти, можетъ, дорогія для нея воспоминанія были выброшены нетерпѣливой рукой хозяйки, тщетно отыскивающей свою пропажу. Выброшены и растоптаны тутъ-же стоящими хозяиномъ, съ двусмысленной улыбкой покуривающимъ папиросу, дворникомъ, приглашеннымъ на случай уликъ, кухаркой, злорадно улыбающейся и стоящей подбоченившись.

Увидѣвъ все это, Елена не могла удержаться.

— Саша, — сказала она по-французски сестрѣ, — какъ-же это можно.. гдѣ улики? Вѣдь ты-же ее оскорбляешь!

— Молчи, когда ты ничего не понимаешь!—

рѣзко отозвалась по-русски сестра.—Ты извѣстная потворщица прислуги, вотъ погоди, они тебѣ за это... и она сказала плоскую нецензурную остроту, заставившую поблѣднѣть Елену и покраснѣть отъ удовольствія и смѣха ея достойнаго зятя, дворника и кухарку.

— А вотъ!—съ торжествомъ вытащила барыня изъ сундука черный кашемировый платокъ.—Это откуда, а?—спросила она съ искаженнымъ лицомъ у дѣвушки.

Дворникъ придвинулся.

— Барыня, сами-же вы мнѣ на Рождество подарили!

— Мама, слышишь ты, мама!—не вытерпѣлъ Володя, красный, съ блистающими глазами,—не смѣй брать у нея этотъ платокъ ты его подарила... не смѣй!

И онъ бросился отымать платокъ.

— Ахъ, ты, скверный мальчишка! Вотъ погоди, я съ тобой потомъ раздѣлаюсь! Да, я теперь вспомнила, я дѣйствительно его подарила, но такъ какъ ты оказалась воровкой—я снимаю у тебя подарокъ, слышишь, отнимаю!

— Богъ съ вами! Мнѣ не нуженъ...

— А... ты еще смѣешь грубить!

— Ты смотри, Авдотья, ты барынѣ не смѣй...—счелъ нужнымъ вступиться за барыню дворникъ.

— И это за всю мою хлѣбъ-соли!—выкидывала вещь за вещь возмущенная барыня.

Память измѣнила въ этотъ моментъ зыскаательной Александрѣ Григорьевнѣ, и она забыла, что эту «хлѣбъ-соль» дѣвушка зарабатывала тяжелымъ трудомъ, а не получала въ видѣ милости.

Елена не вытерпѣла.

— Скажи, однако, что именно ты ищешь у нея?

— Брошку, госпожа-заступница, брошку, которую мнѣ подарилъ Витя на именины третьяго года.

— Да, слушай-же, однако... какъ-же можно такъ! Ты при мнѣ ее положила въ махитовую коробочку на твоёмъ туалетѣ... И тебѣ сейчасъ покажу ее!—и, не удержавшись, Елена бросилась въ спальню сестры и черезъ минуту вернулась. Въ рукахъ она держала «пропавшую» брошь.

Глѣвъ и смущеніе барыни не знали предѣловъ.

Лишившись теперь возможности сдѣлать что нибудь дѣвушкѣ, она набросилась на Володю. Тотъ, увидѣвъ брошку, подошелъ и обнялъ обиженную дѣвушку.

Александра Григорьевна ударила сына по щекѣ и велѣла встать въ уголъ. Володя, считая себя невиноватымъ, отказался. Вступилась Елена и увела его къ себѣ въ комнату, гдѣ онъ и заснулъ среди слезъ и поцѣлуевъ, которыми онъ хотѣлъ выразить свою признательность теткѣ за добрую помощь.

Съ этого памятнаго вечера Володя боготворилъ свою «теточку Лену».

Все это припомнила теперь Елена, равнодушно прислушиваясь къ доносящемуся снизу глухому и плавному шуму говора и движенія гостей, шуму, какъ-бы окрыленному музыкой.

— Что-жъ этотъ мальчуганка не идетъ, неужели упрямится?

Въ сосѣдней комнатѣ слышались шаги, заглушаемые ковромъ, шаги Агнии и Володи.

— Вотъ-съ, Елена Григорьевна, привела я

къ вамъ капризнаго барина,—шутливо представила Агния.

Красивый мальчикъ лѣтъ восьми, съ большими синими глазами, блѣдный, съ длинными русыми локонами, въ бархатномъ костюмѣ маркиза прошлаго вѣка — держась одной рукой за руку Агнии, смущенно подошелъ къ Еленѣ.

Та быстро привлекла его къ себѣ и, страстно цѣлуя, порывисто спрашивала:

— Хорошій... милый... мой мальчикъ! Какъ могъ ты подумать, что я вдругъ разлюбила тебя,—я люблю тебя больше всего на свѣтѣ... Какое ты хорошее письмо написалъ... Ну, скажи, почему ты думалъ, что я разлюбила тебя?—спрашивала она его.

И, положивъ на плечи Володи обѣ руки, чуть-чуть отодвинулась, чтобы взглянуть ему прямо въ глаза.

Она оживилась; на щекахъ зажегся нѣжный розовый румянецъ. Она была хороша въ эту минуту.

— Теточка... Леночка... Я тебя люблю... такъ люблю!—Голосъ мальчика перервался.

Елена еще разъ поцѣловала его и прильнула щекой къ его щекѣ. Володя ободрился и сказалъ:

— Я думалъ, что теперь ты должна одного Роберта Ивановича любить... Робертъ Ивановичъ... я не знаю—я не люблю его.

Онъ поглядѣлъ прямо, на этотъ разъ, въ глаза теткѣ, какъ-бы прочитавъ въ нихъ сочувствіе, и тихо закончилъ:

— Вотъ Алексѣя Васильича—я люблю... Онъ... онъ... лучше Роберта Ивановича!—убѣжденно закончилъ Володя.

Боже, что сдѣлалось съ Еленой!

Она оглянулась кругомъ — они были одни — она задрожала вся отъ какого-то внезапнаго порыва... Двѣ слезинки, какъ двѣ капли росы, повисли на ея рѣсницахъ. Она снова охватила руками голову мальчика и стала цѣловать.

— Милый!.. Это правда, это правда! Онъ лучше, неизмѣримо лучше... Даже ты своей дѣтской душошкой понималъ это... О! если-бы каждому можно было устраивать свое счастье такъ, какъ онъ самъ того хочетъ... о, если-бы не было!..

И она стала говорить съ Володей, стараясь объяснить, почему она вышла за Роберта Ивановича. Она говорила съ нимъ такъ, какъ говорила-бы со взрослымъ товарищемъ, другомъ. Она рассказала ему день за днемъ, часъ за часомъ, всѣ малѣйшія подробности своей несчастливой любви. Она передавала о своихъ мукахъ, сомнѣніяхъ, тяжелой непосильной борьбѣ. Выясняла этому пытливому и развитому не по лѣтамъ мальчику всю внутреннюю сторону тѣхъ драгоцѣнныхъ событій ея жизни, единственнымъ свидѣлемъ которыхъ былъ онъ.

Конечно, Володя не понималъ нѣкоторыхъ фразъ, многое ускользнуло отъ него, но основной тонъ передаваемыхъ перипетій чувства былъ вполне ему понятенъ. Онъ внимательно слушалъ, забравшись съ ногами на диванъ, иногда кивая головою, въ знакъ одобренія или согласія.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не люблю Роберта Ивановича — я люблю Алексѣя Васильича — тотъ хорошій и добрый... а этотъ нѣтъ.

И онъ рассказалъ, какъ на дняхъ, Робертъ Ивановичъ, желая подшутить надъ нимъ, маленькимъ, посадилъ его на буфетъ.

— Я знаю, что онъ не смѣлъ-бы меня тамъ оставить, но... не слѣдовало этого дѣлать — онъ хотѣлъ посмѣяться надо мной.

Потомъ Робертъ Ивановичъ однажды выслалъ его изъ комнаты, говоря, что «маленькіе не должны слушать, когда говорятъ большіе».

Подъ впечатлѣніемъ своихъ рассказовъ объ этихъ огорченіяхъ мальчикъ заплакалъ.

Они теперь плакали оба — молодая женщина и ребенокъ. Ихъ удручала ужасная мысль о своей беззащитности. Одинъ и тотъ же человекъ унижилъ и оскорбилъ ихъ совершенно безнаказанно.

Елена забыла, что сегодня день ея свадьбы, забыла о своемъ мужѣ, забыла о гостяхъ, веселящихся въ эту минуту въ ея домѣ — для нея существовать и былъ дорогъ теперь только этотъ мальчикъ, присутствіе котораго говорило, напоминало ей о миломъ человѣкѣ.

Она утѣшала Володю, достала альбомы и стала показывать ему портреты и виды, поясняя, что ему было незнакомо.

Время отъ времени она перекидывалась съ мальчикомъ отрывочными фразами.

— Помнишь тогда?... — На кого это похоже, а?

И они, забывъ все на свѣтѣ, словно электризировали другъ друга полуданскими, взглядами, напоминающими имъ обоимъ недавніе блаженные дни.

А снизу такъ и врывались въ этотъ тихій уголокъ назойливые звуки вальса, шумъ танцевъ... Эти волны чужого веселья какъ-бы стремились неудержимымъ потокомъ залить въ душахъ Елены и ея маленькаго друга милое прошлое.

Вошла дама, высокая, въ голубомъ шелковомъ вырѣзномъ платьѣ, отдѣланномъ серебрянымъ жѣ.

— Мама!—громко шепнулъ Володя и снялъ руку съ плеча Елены.

Дама всплеснула эффектированно руками и голосомъ съ театральными переливами произнесла нѣсколько въ носъ.

— Господи Боже мой! Скажите, пожалуйста... Ищутъ молодую, а она сидитъ чуть не два часа въ будуарѣ и разсматриваетъ съ маленькимъ мальчикомъ альбомы!

— Да, дѣйствительно, я виновата, я немного вышла освѣжиться... Въ залѣ душно... потомъ мазурка—я ее не танцую.

— Помилуй, тамъ третью мазурку послѣ тебя станцовали! — воскликнула дама и, вдругъ подойдя ближе, взяла Елену за руку и проговорила серьезнымъ, материнскимъ тономъ.

— Что ты, въ самомъ дѣлѣ, глупости дѣлаешь... неловко. Робертъ сердится. Выйдемъ въ зало.

— Хорошо. Я сейчасъ выйду.

Елена подошла къ зеркалу и поправила фату, волосы и флер-д'оранжъ.

Мать обратилась къ сыну.

— Ну, а ты... все около теткойной юбки сидишь? Пора, кажется, привыкнуть, что теперь будешь рѣже ее видѣть.

Мальчикъ нахмурился и умоляюще поглядѣлъ на Елену. Та взяла его руку и сказала сестрѣ:

— Почему-же мы будемъ рѣдко видѣться съ Володей? Я думаю, ты позволишь ему бывать у меня и гостить?

— Ахъ, Лена... Ему учится пора, да и Робертъ, сама знаешь, не особенно любитъ дѣтей. Онъ будетъ мѣшать только.

— Нѣтъ, нѣтъ, Сама. Это рѣшено. Володя будетъ у меня гостить.

— Слушай...

Елена странно поглядѣла на сестру и, не

спуская съ нея взгляда, тихо и раздѣльно проговорила:

— Сестра, оставь мнѣ хоть это утѣшеніе... Развѣ я не сдѣлала для васъ все, что вы

II.

Въ одной изъ первыхъ линій Васильевскаго Острова стоитъ хорошенькій домикъ-особнякъ. Онъ построенъ въ стилѣ маленькихъ

Два раза въ недѣлю были званые вечера.

Экипажи финансовой знати, одинъ за другимъ, безшумно подкатывали къ задра-

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ СПБ. ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ Х.

Послѣдній зимній парадъ въ 1893 г. на Дворцовой площади въ присутствіи
(Приобрѣтена Е. И. В. Государемъ II)

хотѣли? Оставь же мнѣ моего милаго мальчика!

Она провела тонкой рукой по локонамъ Володи.

Александра Григорьевна жемного смутилась.

— Ну, хорошо, хорошо. Не будемъ говорить объ этомъ... больше.

Она коснулась сухими губами холодной щеки Елены.

И они вышли:

замковъ и невольно обращаетъ на себя вниманіе своей оригинальной архитектурой.

Этотъ замокъ выстроилъ себѣ въ самую блестящую пору своей дѣятельности извѣстный биржевикъ Григорій Павловичъ Зубовъ.

Теперь дѣятельность его клонится къ закату—друзья повымерли, времена перемѣнились—но тогда, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, его имя упоминалось во всѣхъ самыхъ крупныхъ биржевыхъ операціяхъ.

пированному подъѣзду Зубовскаго дома. У подъѣзда собиралась толпа любопытныхъ, тѣсно отгоняемая грозными окликами важнаго швейцара. Въ толпѣ жадно слѣдили за выпархивающими, выходящими и грузно вытѣзающими гостями. Называли по фамиліямъ.

— Баронъ Блигницъ..

— Это старикашка-то?

— Да, сѣденькій, тощенькій, а въ карманѣ сотня миллионъ!

— О Господи!—слышался чей-то горестный возгласъ, вѣроятно, жалоба на несправедливость судьбы.

— Грузберги!

вели большую карточную игру, предвкушали тонкій ужинъ...

Пріѣзжія знаменитости: пѣвицы, скрипачи, піанисты—считали за честь показать свое

французски, играла на рояли Шопена и Шумана, считала неудобнымъ выходить изъ дому безъ ливрейнаго лакея, слегка подсмѣивалась надъ богомольностью родствен-

НИКОВЪ (ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ) 1893 г.

І. В. Императора Александра III. Съ картины художника В. Мазуровскаго. (Оромъ Николаемъ Александровичемъ).

— Вотъ тоже, говорятъ, раньше нищимъ скрипачемъ былъ, а теперь!

Вниманіе толпы исключительно сосредоточивалось на главахъ «фирмъ», съумѣвшихъ нажить извѣстными и неизвѣстными способами состоянія, тысячная доля которыхъ спасла-бы отъ преступленія не одну сотню людей. Разряженныхъ дамъ, женъ и дочерей денежныхъ геніевъ почти не замѣчали, ими не интересовались...

А изъ дома неслись мотивы танцевъ, тамъ

искусство на вечерахъ Григорія Павловича. Они знали, что помимо щедрой «благодарности» они, по вліятельной рекомендаціи Зубова, будутъ приглашены въ лучшія «биржевые салоны»—а это чего-нибудь да стоило.

Григорій Павловичъ былъ женатъ на дочери московскаго фабриканта Д***.

Марья Александровна Зубова представляла интересный образецъ атакизма. Она обучалась въ лучшемъ тогдашнемъ французскомъ пансіонѣ, безукоризненно говорила по

никовъ и даже высказывала нѣкоторыя весьма и весьма вольныя мысли, чѣмъ приводила въ ужасъ своихъ родителей.

Знакомые и родные указывали на нее, какъ на блестящій прамѣръ, подтверждающій ненужность и даже вредъ женскаго образованія. Они называли ее «непутевой» и «фармазонкой». Но когда наступило время этой «фармазонкѣ» сдѣлать серьезный жизненный шагъ, тогда обнаружилось, что домохозяйной морали ея дѣдовъ, московскихъ

купцов—не вытравить французскимъ воспитаніемъ. Она вышла замужъ за человѣка, котораго ей указали родители.

Если-бы молодая дѣвушка захотѣла, то отецъ навѣрное согласился-бы на ея бракъ съ однимъ докторомъ, въ котораго она серьезно была влюблена. Ея отецъ, вообще, предоставлялъ ей значительную, по тогдашнимъ понятіямъ, свободу. Но инстинктивное, безусловное повиновеніе родительской волѣ, воссавшееся въ нее съ материнскимъ молокомъ—продиктовало ей должный отвѣтъ. Она сказала «да» на предложеніе отца. Сердце ея готово было въ эту минуту разорваться отъ боли и горькое рыданіе вырвалось у нея. Въ ту минуту, она почувствовала, что однимъ только словомъ, она схоронила на вѣки свою первую... и послѣднюю любовь.

Мужа она не любила, но въ силу того-же инстинктивнаго наслѣдственнаго убѣжденія—его воля для нея была такъ же священна, какъ и родительская. Григорій Павловичъ обладалъ болѣе мягкимъ характеромъ, чѣмъ жена, но Марья Александровна никогда даже и не пыталась пріобрѣсти какое-нибудь вліяніе на мужа. «Мужъ единственный распорядитель судебъ семьи, жена и дѣти—ничто иное, какъ его вѣрные и покорные слуги». Въ такихъ-же взглядахъ Марья Александровна воспитывала и своихъ дѣтей.

За сыновьями Зубова какъ-то меньше слѣдила, почти убѣжденная, что ихъ воспитаніе должно лежать на отцѣ. За то дочери каждую минуту чувствовали надъ собою ея неуклонный и строгій надзоръ. Мать требовала отъ нихъ слѣпнаго рабскаго повиновенія. Старшая дочь Александра, менѣе прямодушная, чѣмъ младшая Елена, лицемерно преклонялась передъ каждымъ материнскимъ желаніемъ. Елена-же изъ всѣхъ требованій, предъявляемыхъ ей, какъ-то всегда отдѣляла деспотическія ухватки, вызванныя минутнымъ раздраженіемъ, отъ настоящихъ требованій, серьезныхъ. Это сердило вспышчивую Марью Александровну и Еленѣ чаще другихъ дѣтей приходилось испытывать домашнія наказанія.

Нерѣдко, по своей жестокости, эти наказанія не соответствовали маловажности проступка. Напримѣръ, Зубова иногда подолгу не говорила съ провинившимся ребенкомъ. Это наказаніе особенно удручающе дѣйствовало на нервную Лену. Она блѣднѣла, худѣла, сѣрые, красивые глаза ея туманились. Мать не говорила съ нею ни одного слова по цѣлымъ недѣлямъ. Отецъ, занятый вѣчно своими дѣлами, видѣлся съ семьей больше въ обѣденные часы и по вечерамъ, вообще не удѣляя женѣ и дѣтямъ особенно много времени. Братъ и сестра, опасаясь материнскаго гнѣва, тоже въ эти опальные дни какъ-то сторонились отъ бѣдной «провинившейся».

Въ такіе минуты одиночества, особенно тяжелыя для ребенка ея лѣтъ и впечатлительности, дѣвушка убѣгала въ людскую. Слуги любили «свою барышню», съ такими добрыми и задумчивыми глазами, и стѣснялись болтать при ней двусмысленности. Ленѣ было такъ уютно слушать въ полутемной людской разныя страшныя сказки и она всегда съ тоской уходила оттуда, на зовъ своей бонны, типичной вѣмки, внушавшей къ себѣ дѣтямъ что угодно, кромѣ любви и довѣрія.

Всякій разъ разстроенная, послѣ какого-нибудь наказанія, Елена долго не могла уснуть. Она сбивала одеяло, ей становилось жарко.

— Почему, почему?—шептали ея губы.

Она пыталась разрѣшить вопросы, слишкомъ сложные для ея дѣтскаго разумія. Она живо чувствовала, что къ ней относятся не такъ, какъ къ другимъ дѣтямъ.

— Почему-же мама не любитъ меня? почему... никто не любитъ меня?

Бонна замѣчала, что она не спитъ, и окликала:

— Что вы не спите, Лена? Шурочка давно спитъ.

— Я сплю, фрейлейнъ...—отзывалась дѣвочка.

Стараясь лежать смирно, вглядываясь въ ярко-освѣщенный золотой образъ Спасителя, она снова отдается во власть безпокойной думы.

— Мама и папа не любятъ меня! Братъ и Шурочка не хотятъ играть со мною—они говорятъ, что я скучная... и я одна, всегда одна!...

И она засыпаетъ, полная смутнаго сознанія, что ей нуженъ кто-нибудь добрый, хорошій, кто приласкалъ-бы ее, кто-бы утѣшилъ ея дѣтское, но не по-дѣтски чувствующее, одинокое сердце.

И вотъ, когда ей исполнилось девять лѣтъ въ ихъ домѣ появился человѣкъ, давшій то, въ чемъ отказала ей родная мать—сердечную ласку.

Это былъ младшій братъ ея отца—Иванъ. Мистикъ, онъ, кончивъ гимназію, семнадцати лѣтъ ушелъ въ далекій монастырь. Пятнадцать лѣтъ онъ провелъ въ подвигахъ тяжелаго послушанія. Наконецъ, старшій братъ, узнавъ, въ какомъ монастырѣ онъ жилъ, отправился туда и увидѣлъ исхудалаго, прежде времени посѣдѣшаго, точно снѣдаемаго какою-то внутреннею болѣзнію Ивана. Между братьями произошла трогательная сцена. Григорій Павловичъ умолялъ брата уѣхать съ нимъ въ Петербургъ и если не останется, то все-таки отдохнуть, полечиться годъ-другой. Иванъ отказался. Тогда Григорій Павловичъ воспользовался своими связями. Появились на игумена. Тотъ приказалъ Ивану оставить монастырь и вернуться въ міръ. Иванъ повиновался.

Ему стѣли у брата комнату наверху. Онъ устроилъ ее образами; на полочкахъ, покрытыхъ парчею, стояли старинныя книги священнаго писанія; горѣли три неугасимыхъ лампы; пахло арабійскимъ ладаномъ.

Въ этой-то «кельѣ», какъ называлъ свою комнату Иванъ, или «модельнѣ», какъ окрестила ее недолюбливающая деверя Марья Александровна, и пережила самыя радостныя минуты своего дѣтства Лена. Она всей душой привязалась къ дядѣ. Рѣдкой красоты голосъ и чудные горящіе экстазомъ глаза дѣлали незабываемой эту сутуловатую, слегка прихрамывающую фигурку дяди Ивана, съ лицомъ неправильнымъ и затронутымъ оспой. Онъ разгадалъ богато-одаренную, нѣжную и впечатлительную натуру Лены и постарался передать ей самое высшее изъ всѣхъ сокровищъ, по его понятіямъ, чистую вѣру. Онъ выучилъ ее славянскому языку, вдохнулъ въ нее любовь къ возвышеннымъ красотамъ нѣкоторыхъ молитвъ. И домашніе чувствовали себя немало шокированными, когда во время визита какого-нибудь биржеваго туза вдругъ доносилось съ верха «Свѣте тихій», сопровождаемое аккомпаниментомъ скрипки.

Даже поступивъ въ пансіонъ, Лена каждую свободную минуту проводила на верху у дяди, повѣряя ему всѣ свои сомнѣнія, думы,

выслушивая отъ него разныя житейскія совѣты, трогательныя и наивныя совѣты человѣка, живущаго на землѣ только однимъ тѣломъ. Смерть дяди была страшнымъ ударомъ для Елены, только что окончившей въ то время пансіонъ шестнадцатилѣтней дѣвочки. Она заболѣла и опасались за ея жизнь. Единственный другъ ея, больше чѣмъ другъ—наставникъ, духовный отецъ, переселился въ ту невѣдомую страну, о которой онъ такъ страстно мечталъ, и все вокругъ Елены вдругъ опустѣло, обезцвѣтилось.

Спустя годъ траура, ее стали вывозить. Ея оригинальная внѣшность, легкость въ танцахъ были замѣчены. Молодежь усердно увивалась за нею, смакуя мысленно солидную цифру ея приданаго. Вечера, устраиваемые дома и сводившіе съума ея замужнюю сестру—казались Еленѣ невыносимой тяготой.

Подругъ не было у Елены и, оставаясь, точно по какому-то фатальному закону, всегда одинокою, она или читала, или въ полутемной, затѣненной цвѣтными стеклами, гостиной, играла на роялѣ. Она не любила, кромѣ нѣсколькихъ исключительныхъ вещей, играть чужія сочиненія, и импровизировала. Легкія прозрачныя мелодіи, красивыя грустными аккордами срывались съ клавишъ и, трепеща въ воздухѣ, терялись въ золоченыхъ лѣпныхъ карнизахъ и шелковыхъ драпиріяхъ богатой гостиной Зубовскаго дома.

Порою находило на нее бывшее молитвенное настроеніе. Она запиралась въ своей комнатѣ (въ церковь она не особенно любила ходить) и, опустившись на колѣни, горячо, со слезами молилась. Она съ дѣтства привыкла отдаваться всѣмъ чувствамъ молитвы и, молясь, испытывала чудныя невыразимо-сладкія мгновенія. Иногда, въ особенности вскорѣ послѣ смерти дяди Ивана, ей вдругъ казалось, что дядя присутствуетъ, невидимо при ея молитвѣ. Это и пугало и радовало ее. Однажды, это случилось спустя годъ послѣ его смерти, она вдругъ совершенно яственно увидѣла въ лунномъ лучѣ дядю. Онъ что-то говорилъ, но она не слышала ни одного слова. Она перепугалась и, бросившись на колѣни передъ призракомъ, стала умолять его,

— Дядя, ради Бога, не приходи больше!..

И съ тѣхъ поръ онъ не являлся ей.

Женитьба ея двухъ братьевъ какъ-то мало повліяла на переѣзду ея семейнаго положенія. Братъ остался жить съ отцомъ. И только два новыхъ лица стали появляться за столомъ. Невѣстки представляли изъ себя что-то безличное и Елена не сошлась съ ними.

У братьевъ дѣтей не было. У сестры подросъ одинъ мальчикъ, Володя. Къ этому ребенку Елена вскорѣ привязалась, но онъ не любилъ ее, отчасти настраиваемый своей матерью. Время отъ времени Марья Александровна заговаривала, что не дурно было-бы, молъ, и тебѣ, Елена, выйти замужъ. Но все это говорилось вскользь и врядъ-ли даже сама м-ше Зубова была увѣрена, что Еленѣ пора выходить. Внутренне, она была убѣждена, что Елена какая-то странная!

«Охъ, этотъ Иванъ! Испортилъ ее совсемъ... и какъ только я согласилась пустить въ домъ этого юрковатаго?»—думала частенько Марья Александровна.

Года шли за годами, мало что измѣняя въ жизни Елены; привычки ея оставались все тѣ-же. И только она еще больше при-страстилась къ музыкѣ, импровизаціи. Удиви-

тельно красивы музыкальныя картины приходили ей въ голову, и она мучилась стараясь передать ихъ, и не могла—не хватало школы.

Она попросила позволенія поступить въ музыкальную школу и... получила отказъ. Ей было высказано категорично, что дѣвучкѣ ея лѣтъ, ея общественнаго положенія не годится бѣгать въ школу, что ей пора подумать о будущемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, ей шелъ уже двадцать третій годъ.

Н. И. Забрежневъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЕЗСИЛІЕ.

Тихо. За полночь. Творческій жаръ, какъ видѣнье, Грудь взволновалъ мнѣ, вспыхнулъ и скрылся

въ мгновенье.

Думы и чувства, все то, чѣмъ сердце объято Было сегодня,—гдѣ они? чѣмъ они взяты? Завтра спугнуло грезы и только оно...

Чѣмъ же? Вѣдь завтра—муки знакомыя. Но Грозно, какъ туча въ полдень, виситъ надо мною Страхъ о грядущемъ. Всея я охваченъ тоскою. Стихъ не оконченъ,—мысль ступѣла, не рвется. Сердце стучится... Кто же на стукъ отвѣтятся? Тихо и темно... Слезы струятся съ лица. Кажется,—ночи и скорби не будетъ конца.

Н. Боровскій.

ЧТО МЫ ИМѢЕМЪ.

„Поступай какъ должно — и не бойся никого“.

ЭТО было очень давно...

На Востокѣ, въ Индіи, въ одномъ изъ независимыхъ туземныхъ государствъ, которое теперь сошло уже съ лица земли, владычествовалъ царь, прямой и честный, любящій правду и ненавидящій ложь; а такъ какъ, въ числѣ людей, его окружающихъ—придворныхъ, военачальниковъ, вельможъ и министровъ—мало кто удовлетворялъ строгому требованію царя говорить ему всегда правду, то онъ и сталъ снисходить до знакомства съ другими, низшими сословіями,—и, наконецъ, нашелъ въ средѣ купечества одного человѣка, по имени Абу-Хассана, который вполне подходилъ подъ его требованія и желанія; всѣ, кого переодѣтый царь ни спрашивалъ объ этомъ человѣкѣ, отвѣчали вотъ что:

— О-о-о, уста Абу-Хассана не знакомы съ ложью, а руки его—съ нечистымъ дѣломъ!—говорилъ одинъ.

— Добро, дѣлаемое Абу-Хассаномъ, объявлялъ другой,—можно было-бы раздѣлить на десять *суннази* (святыхъ людей).

— Абу-Хассанъ творить столько добра, добавлялъ третій,—что ему могъ-бы позавидовать даже и нашъ добрый государь, желающій творить добро, но не могущій его дѣлать—по невѣдѣнію истиннаго положенія дѣлъ въ нашемъ царствѣ и по незнанію нашего народа.

Царь, поразспросивъ еще кое-кого изъ встрѣчавшихся ему людей и слыша отъ всѣхъ одинаково хорошіе отзывы о купцѣ Абу-Хассанѣ, вернулся чрезвычайно довольный въ свой дворецъ и тотчасъ-же распорядился послать за этимъ, столь расхвален-

нымъ человѣкомъ. Абу-Хассанъ явился во дворецъ безъ всякаго страха и опасенія, такъ какъ, не зная за собою никакихъ дурныхъ, или злыхъ дѣлъ. Царь встрѣтилъ его милостиво и ласково:

— Я призываю тебя, Абу-Хассанъ, потому, что слышалъ о тебѣ очень много добраго. Я нуждаюсь въ такомъ человѣкѣ, какъ ты—и прошу тебя остаться постоянно со мною.

— Велика честь и милость твоя, великій государь, ко мнѣ, простому и темному человѣку! — тихо отвѣчалъ Абу-Хассанъ: — Но осмѣливаюсь просить тебя—дозволь мнѣ вести мое торговое дѣло по прежнему,—потому что, сыновья мои еще малы и замѣнить меня не могутъ, а дѣло мое большое и безъ меня придетъ въ упадокъ и разореніе; а когда только я буду тебѣ нуженъ, то пришли за мною—и я стану немедленно являться предъ свѣтлое лицо твое.

Царь подумалъ—и согласился. И сталъ съ тѣхъ поръ купецъ Абу-Хассанъ бывать у царя, въ его дворецѣ, почти ежедневно, и царь бесѣдовалъ съ нимъ, большею частію, съ глазу на глазъ—и узналъ многое такое, чего, ранѣе, совсѣмъ не зналъ и что отъ него тщательно скрывали его приближенные: онъ узналъ многую неправду, творимую министрами и вельможами бѣдному, кроткому и терпѣливому его народу; — узналъ—гдѣ стыдливо скрывается истинная бѣдность, гдѣ таится настоящее великое горе... Все, о чемъ его забитый и запуганный народъ говорилъ лишь въ своихъ четырехъ стѣнахъ, шепотомъ и пугливо оглядываясь по сторонамъ,—Абу-Хассанъ говорилъ царю прямо и смѣло, не боясь никого и ничего. И стали, мало-по-малу, появляться результаты бесѣдъ Абу-Хассана съ царемъ: неправедные суды и безжалостные начальники получили увольненіе отъ своихъ должностей; многіе бѣдняки, тягавшиеся съ богатыми, стали выигрывать на судѣ свои дѣла—если только правда была на ихъ сторонѣ; стали появляться, время отъ времени, новые, мудрые законы, приноровленные къ дѣйствительнымъ нуждамъ народнымъ и государственнымъ потребностямъ;—словомъ, всѣ, кому было тяжело, вздохнули свободнѣе—и громко прославляли добраго царя и его мудраго совѣтника Абу-Хассана.

Новый порядокъ вещей, однако сильно не нравился всему двору и приближеннымъ царя, изъ коихъ то одинъ, то другой стали впадать въ немилость... Изъ всѣхъ вельможъ и важныхъ людей выдѣлялся, въ то время, своимъ умомъ, способностями и хитростью великій визирь Гуссейнъ-Амедъ; онъ пользовался еще милостью и довѣріемъ царя — и рѣшилъ, во что бы ни стало, удалить отъ него такого прямодушнаго, честнаго и смѣлаго совѣтника, какимъ былъ Абу-Хассанъ.

— Этотъ купецъ,—сталъ соображать великій визирь,—ведетъ такую обширную торговлю и въ то же время такъ много раздаетъ бѣднымъ, что едва ли и самъ знаетъ — что имѣетъ... На этомъ я его и поймаю.

И вотъ, будучи, разъ, призванъ къ царю по какому-то государственному дѣлу, Гуссейнъ-Амедъ, въ концѣ бесѣды, очень искусно навелъ разговоръ на Абу-Хассана:

— Ты считаешь, великій государь, этого человѣка за образецъ правды и добра и что уста его, будто бы, никогда не открываются для лжи и злословія; но это не совсѣмъ такъ. Абу-Хассанъ человѣкъ не правдивый и жадный; и если тебѣ, государь, угодно убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, то сдѣ-

лай твоему *совѣтнику*—какъ, по своей неисреченной милости, изволишь называть этого недостойнаго человѣка—слѣдующее испытаніе: въ первый же разъ, какъ онъ явится къ тебѣ, спроси его—какъ велико его богатство, то есть, *что именно онъ имѣетъ?* — и ты увидишь, что онъ, изъ боязни, что ты, осведомясь объ его огромномъ достояніи, нажмешь всякими торговыми плутнями, отберешь когда-нибудь отъ него эти богатства себѣ, не скажетъ тебѣ правды—и пожелаетъ скрыть отъ тебя большую часть своего состоянія. Получивъ же его—навѣрное, лживый—отвѣтъ, прикажи, государь, своимъ, болѣе вѣрнымъ, слугамъ провѣрить этотъ отвѣтъ Хассана.

Царь задумался... Онъ былъ характера, мягкаго и нетвердаго, поддающагося, иногда хитрымъ наговорамъ своихъ приближенныхъ,—и коварная рѣчь великаго визиря зашла, на этотъ разъ, въ его подозрительную душу...

— Хорошо,—сказалъ царь,—я исполню твой совѣтъ и испытаю Абу-Хассана; хотя я увѣренъ заранѣе, что ты ошибаешься и что Хассанъ не скроетъ отъ меня своихъ богатствъ и скажетъ, навѣрное, правду—что онъ имѣетъ.

На другой день царь, увидя вошедшаго къ нему Абу-Хассана, исполнилъ лукавый совѣтъ великаго визиря и спросилъ своего любимца:

— Скажи мнѣ, Абу-Хассанъ: правда-ли, что ты, какъ говорятъ, чрезвычайно богатъ? Что ты имѣешь?—Я тебя никогда не спрашивалъ объ этомъ, но теперь, я хочу это знать.

Абу-Хассанъ сильно смутился, смиренно опустилъ глаза въ землю, сложилъ руки на груди и, вздохнувъ, робко отвѣтилъ:

— Я имѣю очень немного, великій государь, всего лишь нѣсколько десятковъ тысячъ рупій...

— Какъ?!—воскликнулъ мгновенно прогнѣвавшійся царь:—ты имѣешь такъ мало?!.. всего нѣсколько десятковъ тысячъ рупій?!.. Не лжешь ли ты, Абу-Хассанъ?

— Я отвѣчалъ тебѣ сущую правду, государь.

Разгнѣванный царь позвалъ, тогда, великаго визиря и сказалъ ему:

— Я начинаю думать, что ты правъ, Гуссейнъ-Амедъ: нашъ бѣдный Хассанъ имѣетъ всего, нѣсколько десятковъ тысячъ рупій... Возьми съ собой опытныхъ въ счетоводствѣ чиновниковъ, отправься во всѣ лавки и конторы моего совѣтника и провѣрь его слова. Если онъ, за все мое слѣпое довѣріе къ нему, отплатилъ мнѣ ложью, то будетъ наказанъ такъ-же, какъ и всякій другой мой рабъ, осмѣливающійся обманывать своего государя!

Сконфуженный и огорченный Абу-Хассанъ, уныло опустивъ голову, вышелъ изъ покоевъ царя; а великій визирь тотчасъ же отправился исполнять полученное имъ приказаніе—привести въ извѣстность всѣ богатства купца Абу-Хассана.

Черезъ нѣсколько дней томительнаго для всѣхъ ожиданія, великій визирь явился съ отчетомъ къ царю и доложилъ ему, что онъ и еще три счетныхъ чиновника провѣрили, въ теченіе трехъ дней, наличную кассу купца Абу-Хассана, его товары въ магазинахъ и складахъ, оцѣнивали его дома и сады, шелковичныя плантаціи и прочее имущество—и насчитали такового болѣе чѣмъ на миліонъ рупій, не считая нѣсколькихъ десятковъ каравановъ съ различными товарами, находившихся въ пути, по дорогѣ въ соседняго государства.

Выслушав доклад великаго визиря, царь приказалъ немедленно посадить въ тюрьму своего бывшаго совѣтника и, затѣмъ, судить его. Судъ и приговоръ были немилостивы: Абу-Хассанъ былъ присужденъ къ смертной казни—за явный обманъ и ложь, которые онъ себѣ дозволилъ предъ лицомъ своего великаго государя. Когда смертный приговоръ суда былъ поднесенъ на утверждение, то добрый царь, памятуя минувшія великія заслуги своего бывшаго совѣтника, а главное, ту любовь, которую онъ, государь, снискалъ себѣ за последнее время въ народѣ, по милости Хассана, отложилъ подписаніе приговора и пожелалъ увидѣть еще разъ провинившагося слугу и совѣтника.

Абу-Хассанъ предсталъ теперь предъ своимъ повелителемъ не въ томъ уже видѣ, какъ прежде: на немъ была позорная тюремная одежда, самъ онъ былъ худъ и блѣденъ, и изможденъ содержаніемъ въ тюрьмѣ, и нарочито жестокимъ съ нимъ обращеніемъ тамъ...

Царь, взглянувъ на Абу-Хассана восчувствовалъ въ сердцѣ своемъ жалость—и тихо сказалъ ему:

— Ты знаешь, Хассанъ, что дни твои сочтены... Скажи мнѣ теперь: ради чего ты осмѣлился обмануть меня и солгать мнѣ?

Абу-Хассанъ опустилъ, вновь, свои глаза въ землю и тихо отвѣтилъ:

— Я не лгалъ тебѣ, государь. Когда сказалъ, что имѣю всего нѣсколько десятковъ тысячъ рупій... Правда, принадлежавшіи мнѣ капиталъ болѣе чѣмъ на миллионъ рупій, дома, сады, плантаціи, товары и многіе караваны въ пути... Но—все это принадле-

жить не мнѣ: еще и при жизни своей, я легко могу потерять все это богатство; а если и сохранию его до конца моихъ дней, то оно достанется моимъ дѣтямъ и наслѣдникамъ. Я же считаю принадлежащимъ мнѣ лишь то, что я раздаю бѣднымъ; это—все, что мы имѣемъ и что никогда и никѣмъ не отнимется отъ насъ и послѣ нашей смерти, государь!..

Царь былъ очень пораженъ этимъ отвѣтомъ Абу-Хассана—и глубоко задумался...

— Но почему ты знаешь, сколько именно раздашь,—спросилъ, наконецъ, царь:—развѣ ты считаешь раздаваемую тобою милостыню?

— Я считаю это поневолѣ: какъ человѣкъ торговый, я долженъ записывать все, что раз-

даю изъ своего имущества; а раздаю я большую часть получаемыхъ мною доходовъ.

— Но отчего ты не раздаешь все, что имѣешь—разомъ?—полюбопытствовалъ царь.

Абу-Хассанъ отвѣтилъ:

— Имѣніе свое я получилъ отъ моего отца,—и не хочу, государь, чтобы мои наслѣдники поминали меня, какъ расточителя,—и я не имѣю права оставлять ихъ нищими: я передалъ имъ все то, что получилъ въ на-

РИСОВАЛЪ ХУДОЖНИКЪ А. ЗИНОВЬЕВЪ.

Освященіе сѣмянъ для посѣва.

слѣдство самъ; отъ себя же оставляю имъ лишь завѣтъ—жить и поступать такъ, какъ жилъ и поступалъ я. Къ тому же еще, если бы я раздалъ все, что имѣю, то лишился бы возможности помогать нуждающимся; а нѣтъ для человѣка большаго горя, какъ видѣть людскія страданія, желать имъ помочь—и не имѣть силъ и средствъ сдѣлать это!..

— Зачѣмъ жетъ, Хассанъ, былъ такъ смущенъ тогда, какъ я спросилъ тебя—что ты имѣешь?

— Это потому, — отвѣтилъ Абу-Хассанъ, — что я не ожидалъ и не думалъ, что мнѣ когда-нибудь доведется громко объявлять—что я имѣю,—и людямъ станетъ извѣстна моя тайна, сколько я раздаю, тайна, которую я хранилъ до сего времени ото всѣхъ; но не смѣлъ лишь скрыть отъ тебя, великій государь!..

Слезы навернулись на глазахъ добраго царя. Онъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ смиренно стоявшему у порога дверей Абу-Хассану—и протянулъ ему руку примиренія.

Ив. Якуининъ (Захарьинъ).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МОРЯКА.

Романъ Луи Бене (окончаніе).

XXXII. Бѣглецы арестованы.

Мы достигли Конпана вечеромъ пятаго іюня. На берегу собралось множество чернаго и бѣлаго народу и смотрѣли, какъ мы приставали и высаживались. Видъ нашъ былъ, дѣйствительно, ужасный. Мы всѣ страшно загорѣли, нѣкоторые были скорѣе похожи на дикихъ звѣрей, чѣмъ на людей. Я была такъ слаба, что едва могла держать маленькую Шарлотту на рукахъ; Уилль била лихорадка.

Голландцы приняли насъ очень хорошо; мы рассказали, что нашъ корабль потерпѣлъ крушеніе на пути изъ Америки въ Портъ-Джэксонъ, и что мы провели въ лодкѣ десять недѣль,—тутъ мы не солгали. Бетчеръ, по нашимъ словамъ, былъ одинъ изъ спасшихся офицеровъ, а Уилль и я — пассажиры.

Голландскій губернаторъ прислалъ къ намъ доктора и женщину помогать мнѣ и ходить за ребенкомъ, кромѣ того онъ прислалъ мнѣ вино и необходимые запасы. Остальныхъ тоже накормили и одѣли. Мы прожили въ Конпанѣ три мѣсяца и все шло хорошо. Нужно-же было Бетчеру и двумъ изъ нашихъ, которые жили недалеко отъ солдатскихъ помѣщеній, подѣлять вынуж-

денъ таго спирта, громко говорить о нашемъ бѣгствѣ. Въ это время мимо дома проходили капитанъ одного голландскаго корабля и одинъ голландскій купецъ, которые понимали по-англійски. Изъ услышаннаго, они догадались, что мы бѣглецы изъ Ботани-Бэя, и, отправившись къ губернатору, сказали ему. Въ этотъ самый день въ Конпанъ прибыла «Пандора» съ частью взбунтовавшейся команды, пустившей въ море лейтенанта Блейга. Услыхавъ отъ голландскаго губернатора, что насъ подозреваютъ въ бѣгствѣ изъ Ботани-Бэя, командиръ «Пандоры» велѣлъ всѣхъ насъ схватить, и всѣхъ, кромѣ меня, заковать и посадить въ тюрьму. Бѣдный Уилль едва имѣлъ время поцѣловать меня и Шарлотту. Меня посадили отдѣльно.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Г. ГОФМАНА.

Гравировать на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. А. Д. Т.

Христосъ и Марія.

Черезъ нѣсколько дней командиръ «Пандоры» зафрахтовалъ голландскій корабль, чтобы перевезти всѣхъ въ Батавію, гдѣ онъ надѣялся посадить насъ на другой корабль и отправить на мысъ Доброй Надежды. Всѣ мои спутники, закованные, были помѣщены на этотъ корабль. Я съ ребенкомъ на рукахъ должна была сидѣть на палубѣ, къ счастью мой дорогой мужъ былъ близко. Матросы были ко мнѣ добры и пользовались всякимъ случаемъ передать мнѣ бутылку молока для ребенка. Для меня это путешествіе было ужасно. Ребенокъ съ крикомъ тянулся къ отцу, который, я видѣла, умиралъ, и я не могла прижать его болѣзную голову къ своей груди. Часовому было приказано не позволять мнѣ разговаривать съ моими товарищами по несчастью.

Была темная и душная ночь, дышать было нечѣмъ. Подлѣ меня послышался стукъ цѣпей, и одинъ изъ несчастныхъ, который весь день лежалъ недвижимо, вдругъ тихо приподнялся и осторожно подползъ къ Уиллю, чтобы часовой не услышалъ, шепнулъ ему нѣсколько словъ и они пожали другъ другу руки. Затѣмъ онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ подвинуться къ нему.

— Миссисъ Брайентъ,—прошепталъ онъ,—дайте мнѣ руку. Я не доживу до утра.

— Не говорите такъ, посмотрите, какъ мой бѣдный Уилль переноситъ все.

— Миссисъ Брайентъ, всѣмъ намъ остается только умереть и чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше. Дайте мнѣ руку и протяните вашу малютку, чтобы я могъ ее поцѣловать.

Я протянула ему малютку, онъ прижался губами къ ея лбу и вдругъ вскочилъ во весь ростъ, цѣпи его страшно загремѣли, онъ бросился къ борту корабля и перескочилъ черезъ него. Поднялся шумъ, но бѣднякъ какъ камень пошелъ ко дну. За то остальныхъ, чтобы они не послѣдовали его примѣру, приковали къ кольцамъ на палубѣ. Въ эту ночь поднялась буря и все время шелъ проливной дождь. Къ утру еще одинъ лежалъ мертвымъ. Затѣмъ еще одинъ умеръ, но такъ спокойно, что объ его смерти узнали, только когда капитанъ подошелъ и ему приказалъ встать. Наконецъ, мы прибыли въ Батавію. Уилль былъ такъ плохъ, что даже наше строгое начальство сжалилось надъ нимъ и отправило его въ госпиталь, куда мнѣ позволили идти за нимъ. Госпиталь представлялъ длинное зданіе, на видъ очень бѣдное, но чистое внутри. Уилля положили на нары, и голландскій докторъ, который нѣсколько говорилъ по-англійски, подошелъ къ нему.

— Вы жена его?—спросилъ онъ меня ласково, велѣлъ подать мнѣ стулъ и позволилъ сѣсть подлѣ больного. Осмотрѣвъ его, онъ сказалъ мнѣ, что конецъ близко. Я не думала, что Уилль услышитъ, но онъ горячею рукою сжалъ мою руку и сказалъ:

— Мэри, дорогая... Да сохранить тебя Богъ. Тяжело умирать, дорогая женушка... оставить тебя и малютку.

Слезы душили меня, я наклонилась и поцѣловала его. Глаза его тускнѣли и онъ дышалъ все труднѣе. Ему дали глотокъ вина, онъ выпилъ и откинулся назадъ, но глаза его жалобно на меня смотрѣли. Онъ нѣжно пожалъ мою руку и попросилъ доктора позволить ему повидать маленькую Шарлотту, которую мнѣ не позволили взять съ собою въ госпиталь.

— Дай мнѣ ребенка на руки,—слезы текли у него изъ глазъ. Минуту онъ прижималъ къ себѣ малютку. Еще одинъ взглядъ любви ко мнѣ—и онъ испустилъ послѣдній вздохъ.

На другой день капитанъ Эдуардъ нанялъ другой корабль, который привезъ насъ на мысъ Доброй Надежды. Теперь я только одного прошу, чтобы мою маленькую дѣвочку спасли отъ моей участи. Я заслужила наказаніе, я одна; мои спутники заслуживаютъ помилованія, потому что я втянула ихъ въ это бѣдственное предпріятіе.

XXXIII. Прибыліе въ Англію.

Ребенокъ Мэри умеръ еще въ морѣ. Со дня похоронъ малютки мы мало видали Мэри, она была больна и такъ ослабѣла, что не въ силахъ была выйти изъ комнаты. Наконецъ, въ іюнѣ 1792 года, «Горгона» прибыла въ Англію.

Тяжело было пропускать мимо себя арестантовъ. Первые сошли съ корабля люди, принимавшіе участіе въ бунтѣ, они знали, что ихъ ждетъ смерть, и только одинъ изъ нихъ былъ въ послѣдствіи помилованъ и отличился на службѣ во флотѣ. За ними шли оставшіеся изъ спутниковъ Брайента. Мэри однимъ взглядомъ попрощалась съ нами, моряками, которыхъ выстроили на палубѣ. Увидавъ лейтенанта Фэрфакса и меня, она повернулась къ намъ, чтобы попрощаться. Я забылъ дисциплину и протянулъ ей съ своего мѣста руку; майоръ Россъ взглянулъ на меня очень строго, но ничего не сказалъ. Онъ, должно быть, видѣлъ, что и лейтенантъ наклонилъ въ знакъ пріѣзда ей свою саблю.

Насъ всѣхъ отправили въ Чатамъ, а черезъ нѣсколько дней дали намъ продолжительный отпускъ; радостно отправились мы по домамъ. Передъ моимъ отъѣздомъ лейтенантъ Фэрфаксъ послалъ за мной и сказалъ:

— Мнѣ очень жаль Дью, но я не могу ѣхать съ тобою. Когда ты пріѣдешь въ дорожку, старый Солькомбъ, думай объ одномъ, что ты свободенъ. Когда я вернусь изъ Лондона, дѣло будетъ устроено, и я привезу съ собою твою отставку.

Я былъ очень счастливъ, что мой покровитель не забылъ своего обѣщанія и отъ души поблагодарилъ его.

— Отдай это письмо моей сестрѣ и скажи ей,—продолжалъ лейтенантъ, передавая мнѣ пакетъ,—что я остаюсь въ Лондонѣ, пока не получу отставки и что я сдѣлаю все, чтобы облегчить участъ Мэри Брайентъ.—Онъ отвернулся отъ меня на минуту.—Ступай и готовься быть хорошимъ фермеромъ.

Я доѣхалъ до Портсмута въ дилижансѣ и въ газетахъ, купленныхъ въ этомъ городѣ, прочелъ «Исторію удивительнаго бѣгства изъ Ботани-Бэя». Между прочимъ, тамъ было рассказано, что оставшіеся въ живыхъ бѣглецы на судѣ выказали искреннее раскаяніе и что ихъ заключили въ Ньюгэтъ. Всѣ выражали надежду, что ихъ простятъ, принявъ во вниманіе вынесенныя ими страданія.

XXXIV. Дѣла въ Сольномбѣ.

Еще въ Чатамѣ я получилъ письмо отъ сестры Доротеи съ увѣдомленіемъ, что она вышла замужъ; она писала, что ей очень хотѣлось отложить свадьбу до моего пріѣзда, чтобы и я могъ потанцевать на ней, но ея теперешній мужъ ни за что не хотѣлъ согласиться на ея просьбу. Онъ говорилъ ей:—«Мы успѣемъ состарѣться, пока твой братъ вернется».

Они обвѣнчались, сестра уѣхала съ мужемъ на другой конецъ острова, а отецъ остался одинъ на попеченіи старой служанки. Когда я присталъ къ острову, ко мнѣ подошелъ какой-то лодочникъ и спросилъ меня:

— Солдатъ, не будете-ли вы молодой сержантъ Дью изъ Ботани-Бэя?

— Я сержантъ Дью,—отвѣчалъ я.

— Превосходно,—продолжалъ онъ,—вы меня не помните, хотя я вашъ ближайшій сосѣдъ въ Солькомбѣ. Васъ съ нетерпѣніемъ ждутъ, вашъ старикъ отецъ очень плохъ, очень можетъ быть вы не застанете его въ живыхъ.

Услыхавъ эту печальную новость, я, насколько было возможно, поторопился домой. У постели отца я засталъ сестру, ея мужа и доктора. Отецъ сохранилъ настолько сознанія, что благословилъ меня и простилъ мнѣ все причиненное ему горе. Онъ не долго проболѣлъ и скоро закрылъ глаза навѣки и оставилъ меня единственнымъ владѣльцемъ нашей маленькой фермы.

Я устроилъ приличные похороны, а миссъ Шарлотта Фэрфаксъ прислала свой экипажъ проводить покойника. Я глубоко почувствовалъ эту честь. За болѣзнью и смертью отца я долженъ былъ послать ей письмо ея брата, и просилъ позволенія повидать ее позднѣе. Она очень любезно отвѣтила мнѣ, чтобы я сообразовался со своимъ собственнымъ временемъ. Когда все было кончено, я отправился къ ней. Меня провели въ гостиную.

Миссъ Фэрфаксъ жила совершенно одна, управляя при помощи знающаго помощника имѣніемъ брата. Немолодая уже особа была у нея компаньонкой и домоправительницей. Миссъ Фэрфаксъ, какъ я уже говорилъ раньше, была очень хороша, и на мой взглядъ весьма мало постарѣла; но манеры и разговоръ ея сдѣлались очень сдержанны, какъ у вполне пожилой особы. Она была очень любезна со мной и называла меня мистеръ Дью. Послѣ первыхъ пріѣздовъ, она сказала:

— Но, мистеръ Дью, зачѣмъ-же вы явились въ вашей военной формѣ? Слава Богу, у насъ на островѣ все мирно.

— Низшее званіе не допускаетъ у военныхъ другой одежды, и кромѣ того, миссъ Фэрфаксъ, у меня нѣтъ ничего другого.

— А, значитъ, вы еще не имѣете извѣстій отъ моего брата.—Она ласково улыбнулась.—Сегодня я получила письмо отъ брата, въ которомъ онъ пишетъ, что выхлопоталъ свою и вашу отставку.

Это извѣстіе было мнѣ очень пріятно, и я не зналъ какъ благодарить за него. Миссъ Фэрфаксъ, казалось, хорошѣла съ каждой минутой, особенно, когда она попросила меня рассказать ей приключенія Брайентовъ. Когда я рассказалъ все, что извѣстно уже читателю, она закрыла лицо руками и горько заплакала.

Успокоившись, она была такъ добра, что пригласила меня напиться чаю съ нею и ея старой компаньонкой. Возвращаясь домой, я чувствовалъ, что сдѣлалъ важной особой,—я могъ начать жизнь однимъ изъ главнѣйшихъ фермеровъ въ сосѣдствѣ.

XXXV. Мистеръ Фэрфаксъ пріѣзжаетъ на короткое время.

Вернувшись домой, я нашелъ письмо моего бывшаго начальника со вложеніемъ форменной отставки. Между прочимъ онъ писалъ, что сильно хлопочетъ о полномъ помилованіи Мэри и ея спутниковъ, и что не скоро вернется въ Солькомбъ. Кромѣ того онъ просилъ меня помогать его сестрѣ въ управленіи имѣніемъ. Такъ что мнѣ пришлось очень часто бывать въ Мэнорѣ и миссъ Фэрфаксъ охотно со мной совѣтовалась и во всѣхъ отношеніяхъ обращалась со мной, какъ съ равнымъ.

Такъ прошло два или три мѣсяца и мистеръ Фэрфаксъ пріѣхалъ на нѣсколько дней. Сестра упрекала его, что онъ не хочетъ навѣстить ее, и онъ явился совершенно неожиданно и въ тотъ-же день пришелъ ко мнѣ на ферму. Я поблагодарилъ его, что онъ не забылъ стараго слугу и далъ мнѣ возможность сдѣлаться снова порядочнымъ человѣкомъ.

— Вотъ что, Дью,—отвѣчалъ онъ,—разъ навсегда, оставимъ въ сторонѣ эти отношенія господина и слуги. Я сдѣлался крайнимъ вигомъ и надѣюсь какъ вигъ быть выбраннымъ отъ острова въ депутаты. Я думаю что всѣ люди, какъ мужчины, такъ и женщины, равны,—и только нравственные качества дѣлаютъ разницу. Мы больше не на службѣ и потому забудемъ начальника и подчиненнаго. Я полагаю, что вы такой-же человѣкъ, какъ и я, а Мэри Брайентъ така-же женщина, какъ и моя сестра. Что вы на это скажете?

Я былъ возмущенъ и позволилъ себѣ возразить, что такіа чувства дѣлаютъ больше чести его сердцу, чѣмъ его головѣ.

— Да, сударь, довольно уже скверно дѣлать слугу равнымъ господину; но сравнивать миссъ Фэрфаксъ съ ея горничной... съ сеньерой...

— Такъ оно будетъ, Дью,—возразилъ онъ,—я ничего подобнаго слышать не желаю. Боюсь, что вы всегда будете способны на какую нибудь глупость.

Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ, что собирается жить въ Лондонѣ, гдѣ все еще хлопочетъ объ освобожденіи Мэри и надѣется на скорый успѣхъ. Просилъ меня, чтобы я помогалъ его сестрѣ.

— Дѣло въ томъ, Дью,—сказалъ онъ,—ей понадобится вся ваша помощь. Я не люблю сельскаго хозяйства, ничего въ немъ не понимаю и ничего не хочу имѣть съ нимъ общаго. Я такъ ей и сказалъ.

— Она будетъ очень огорчена,—отвѣчалъ я,—она навѣрное ждала вашего возвращенія съ нетерпѣніемъ.

— О, нѣтъ! Она вполне счастлива и довольна, что вы будете ея совѣтникомъ. До свиданія,—и пожавъ мнѣ сердечно руку, мой бывшій господинъ ушелъ, оставивъ меня нѣсколько ошеломленнымъ высказанными имъ убѣжденіями.

Черезъ нѣсколько времени я узналъ, что спутники Мэри, кромѣ Бетчера были отправлены кончать наказаніе. Дѣло Мэри все еще не было рѣшено, а Бетчеръ, подавъ прошеніе, чтобы на основаніи пріобрѣтеннаго имъ опыта и знаній относительно земледѣльческой культуры въ Ботани-Бэй, его туда снова послали и такимъ образомъ дали ему возможность приложить свои знанія къ дѣлу. Онъ былъ зачисленъ въ полкъ и отправленъ въ поселеніе, гдѣ получилъ въ свое распоряженіе порядочный участокъ земли и сдѣлался вполнѣ зажиточнымъ фермеромъ.

XXXVI. Пріятныя новости.

Много времени прошло, прежде чѣмъ мы, то есть миссъ Фэрфаксъ и я, получили какое-нибудь извѣстіе отъ ея брата. Письма, правда, получались отъ него часто; изъ нихъ мы знали, что онъ часто посѣщаетъ Ньюгэтскую тюрьму и что онъ выхлопоталъ много облегченій для Мэри, которая почти совсѣмъ выздоровѣла. Въ своихъ письмахъ онъ постоянно передавалъ миссъ Фэрфаксъ привѣтствія отъ Мэри.

Мы получали извѣстія и изъ Портъ-Джексона. Островъ Норфолькъ процвѣталъ подѣ

разумнымъ управленіемъ лейтенанта Кинга. Майоръ Россъ былъ оставленъ въ Англіи при какомъ-то депо. Хотя онъ былъ и хорошій офицеръ, но я былъ радъ, что избавился отъ него. Губернаторъ Филиппъ вернулся въ Англію, гдѣ дослужился до адмиральскихъ чиновъ и умеръ въ глубокой старости, а на его мѣсто былъ назначенъ капитанъ Гейтеръ.

Прошло еще почти два года, и я, наконецъ, прочелъ въ газетахъ, что Мэри Брайентъ получила полное прощеніе. Это извѣстіе доставило мнѣ большое удовольствіе. Особенно меня радовалъ успѣхъ просьбы моего бывшаго начальника и господина.

Мы скоро получили письма отъ мистера Фэрфакса, подтверждавшія новость и увѣдомлявшія о его скоромъ пріѣздѣ. Миссъ Фэрфаксъ тоже очень обрадовалась, получивъ извѣстіе о прощеніи Мэри, и написала ей очень ласковое письмо, которое передъ тѣмъ, какъ послать, прочла мнѣ. Она предлагала взять Мэри снова къ себѣ на службу; а брату своему говорила, что теперь, когда онъ добился прощенія для Мэри, ему слѣдуетъ вернуться домой и заняться своимъ имѣніемъ. «Хотя,—писала она,—мистеръ Дью и много и охотно мнѣ помогаетъ, но съ моей стороны жестоко забирать все его время. И потому, поторопись вернуться, мой дорогой братъ».

XXXVII. Поразительное извѣстіе.

Прошло два мѣсяца и отъ мистера Фэрфакса была получена только короткая записка съ просьбой не ожидать его скоро. Прошло еще нѣсколько времени и я получилъ изъ Мэноръ-Гауза приглашеніе мистера Фэрфакса посѣтить его. Прежде чѣмъ отправиться туда, я пріѣхалъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ посѣщать миссъ Фэрфаксъ, я сталъ очень заботиться о томъ, чтобы быть прилично одѣтымъ. Портной въ Соусгэмптонѣ, котораго мнѣ рекомендовалъ мистеръ Фэрфаксъ, сшилъ мнѣ двѣ пары платья, и миссъ Фэрфаксъ находила, что это платье было мнѣ очень къ лицу. Вообще за послѣднее время я старался больше читать, исправлять свои манеры, однимъ словомъ держаться вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ. Такимъ образомъ, нарядившись въ новое платье, которое мнѣ стоило два фунта стерлинговъ, я отправился въ Мэноръ-Гаузъ. Меня провели прямо въ гостиную. По серединѣ комнаты стоялъ мой господинъ и держалъ за руку Мэри, которая такъ похорошѣла, что я едва узналъ ее. Когда я вошелъ въ комнату, онъ пошелъ мнѣ на встрѣчу, продолжая держать Мэри за руку, и сказалъ:

— Наконецъ вы пришли, другъ Дью... Позвольте представитъ васъ моей женѣ, вашей старой знакомой Мэри.

Я былъ такъ пораженъ, что стоялъ какъ вкопанный и ничего не говорилъ. Тогда мой бывшій господинъ похлопалъ меня по плечу и сказалъ:

— Развѣ вы не хотите поздравить меня, Уильямъ Дью?

Я, должно быть, совершенно ошалѣлъ, потому что выпрямился и, отдавая честь какъ часовой, сказалъ:

— Да, сударь, поздравляю васъ.

Мистеръ Фэрфаксъ расхохотался и вскричалъ:

— Онъ ревнуетъ!

Тогда Мэри протянула мнѣ руку и сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Дью только удивленъ, что его старый другъ и начальникъ могъ на столько забыть свое положеніе и

жениться на мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Дью можетъ удивляться.

Я взялъ ея руку и молча смотрѣлъ ей въ лицо, на которомъ видѣлъ выраженіе такого глубокаго счастья, какого прежде не замѣчалъ у нея. Она не постарѣла отъ вынесенныхъ ею страданій; это была по прежнему красивая женщина, назвать которую своею женою всякій могъ-бы только гордиться.

Я пришелъ въ себя и началъ сознавать, что хотя мой бывшій господинъ и сдѣлалъ глупость, но во всякомъ случаѣ Мэри и въ прежнее время была много выше лицъ ея круга и всегда была скорѣе похожа на госпожу. Мало-по-малу мы разговорились, но миссъ Фэрфаксъ не выходила; тогда я спросилъ мистера Фэрфакса, видала-ли его сестра Мэри?

Онъ отвѣлъ меня въ сторону.

— Да, но тутъ и заключается загвоздка,—сказалъ онъ.—Моя сестра поклялась никогда не простить намъ обоимъ и заперлась въ своей комнатѣ, откуда она клянется не выйти, пока не можетъ переѣхать въ другое помѣщеніе.

Я выразилъ сожалѣніе, что его бракъ изгнать миссъ Фэрфаксъ изъ Мэнора.

— О, нѣтъ,—отвѣчалъ мистеръ Фэрфаксъ,—мы сегодня-же уѣзжаемъ съ женою въ Лондонъ, гдѣ мы будемъ жить, а моя сестра останется здѣсь. Дѣло въ томъ, Дью, я горжусь своею женою, но и она и я, мы хорошо знаемъ, какъ здѣсь будутъ смотрѣть на нашъ бракъ. Моя сестра показала образчикъ того, что скажетъ свѣтъ. Между прочимъ, прошу васъ, вы не оставляйте мою сестру, помогайте ей и постарайтесь уничтожить ея предубѣжденія.

Мы распрощались, они уѣхали въ Лондонъ, гдѣ прожили много лѣтъ, пока у лейтенанта не родилось уже трое дѣтей.

Я жилъ одиноко на моей фермѣ, изрѣдка навѣщала меня моя сестра со своей семьей. Иногда я проводилъ вечера въ пріемной лучшей гостиницы въ Солькомбѣ, гдѣ собиралось избранное общество. Я дѣлался человѣкомъ состоятельнымъ, все мнѣ удавалось. Миссъ Фэрфаксъ продолжала приглашать меня въ Мэноръ-Гаузъ; иногда мы играли съ нею въ триктракъ, иногда отправлялись въ сопровожденіи ея старой компаньонки гулять по берегу. Эти дни ярко отмѣчены въ моей спокойной и однообразной жизни.

XXXVIII. Счастливое происшествіе кончаетъ мою исторію.

Хотя мистеръ Фэрфаксъ и совсѣмъ поселился въ Лондонѣ, но все-же онъ изрѣдка навѣщалъ насъ; миссъ Фэрфаксъ примирилась съ его бракомъ, но все-же онъ не привозилъ жены съ собою. Братъ и сестра очень любили другъ друга, и послѣднее время она мнѣ часто говорила, что ея братъ былъ правъ, женился на женщинѣ, которую онъ любилъ. Однако, не смотря на то, что, по ея словамъ, она простила брату, мы все-же съ нимъ думали, что она глубоко поражена этимъ, потому что отказывала всѣмъ женихамъ, а между ними было много блестящихъ партій.

Въ одно изъ своихъ посѣщеній Солькомба мистеръ Фэрфаксъ еще болѣе удивилъ меня, чѣмъ удивилъ своею свадьбою. Онъ пришелъ ко мнѣ на ферму провести вечеръ; мы вспоминали старое и шли грогъ, какъ онъ вдругъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Дью, я всегда зналъ, что вы порядочно глупы, но теперь вижу, что съ годами это у васъ усиливается. Вы ведете здѣсь безтолковую, одинокую жизнь. Женщина, которая сейчасъ готова выйти за васъ замужъ, дѣ-

«На могиль отца». Съ картины художника А. Линна.

Новое потомство. Рисоваль художникъ М. Лебллингъ.

лаетъ со своей стороны то-же самое, и такъ у васъ проходитъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Годы идутъ и когда вы, наконецъ, опомнитесь, вы оба настолько постарѣете, что поздно будетъ думать о свадьбѣ.

— Что такое вы говорите, сударь?—Я никакъ не могъ отучиться отъ привычки говорить ему «сударь».

— Если-бы вы не были такъ глупы, вы сообразили-бы, что она не можетъ-же сдѣлать вамъ предложеніе, хотя всѣми возможными способами выражаетъ вамъ свою любовь. Во всемъ она спрашиваетъ вашего совѣта, все равно, имѣете-ли вы понятіе о данномъ предметѣ или нѣтъ. Вы сами писали мнѣ, что она часто говоритъ о томъ, какъ ошибалась, находя, что лица, родившіяся въ разныхъ слояхъ общества, не могутъ вступать въ бракъ.

— Ради Бога, сударь, неужели вы полагаете, что я могу такъ забыться и думать о бракѣ съ вашей сестрой?

— И когда вы забудете это проклятое смиреніе, которое за два или три года службы буквально вросло въ васъ?

— Но, сударь, наши положенія на столько рознятся, и ваша сестра, если узнаетъ о нашемъ разговорѣ, запретитъ мнѣ бывать у нея.

— Во-первыхъ, въ нашихъ положеніяхъ нѣтъ никакой разницы. Вы одинъ изъ самыхъ богатыхъ фермеровъ. Мое имѣніе даетъ мнѣ весьма немного, а моя сестра вполне зависитъ отъ меня.

— Но, сударь...

— Подождите минутку. Во-вторыхъ, я ей сказала, что вы ее любите, что это я давно вижу, на что она мнѣ отвѣтила, что если бы вы только забыли свою смиренность, она не была бы къ вамъ равнодушна. Теперь, сударь, что вы на это скажете?

— Но, сударь, хотя дѣйствительно, миссъ Шарлотта мнѣ давно нравится, но зная хорошо свое мѣсто, я заботливо скрывала свои чувства, и кромѣ того, я никакъ не могу предположить... что миссъ Ферфаксъ думаетъ обо мнѣ.

— Но это такъ, Дью. Берите вашу шляпу и пальто.

И не давъ мнѣ опомниться онъ привелъ меня въ Мэпсортъ-Гаузъ, ввелъ прямо въ гостиную, гдѣ миссъ Ферфаксъ сидѣла одна, и самымъ холоднымъ тономъ сказалъ ей:

— Шарлота, я привелъ Уилла Дью къ тебѣ. Онъ о чемъ то хочетъ поговорить съ тобою и спросилъ на то у меня разрѣшенія, которое я далъ ему отъ всего сердца.

Оставляя меня въ гостиную, онъ прошепталъ мнѣ: «Желаю успѣха, безтолковый человѣкъ!». Онъ ушелъ и заперъ за собою дверь. Но когда я увидалъ, какъ вспыхнуло дорогое мнѣ личико, мой языкъ развязался...

Немного времени спустя мы были обвѣнчаны въ старой Солькомбской церкви, и жизнь наша потекла мирно и счастливо. Дѣтей у насъ было много.

ЭПИЛОГЪ.

Какъ я уже сказалъ, нашъ славный губернаторъ капитанъ Филиппъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ въ чинѣ адмирала и до послѣдней минуты жизни всегда былъ любимъ и уважаемъ всѣми, кому приходилось съ нимъ сталкиваться.

Мистеру Ферфаксу и моей женѣ, а его сестрѣ, пришлось разъ встрѣтиться со старымъ адмираломъ въ Портсмутѣ, куда онъ пріѣхалъ осмотрѣть новый военный корабль. Мистеръ

Ферфаксъ съ семьей жилъ въ это время въ этомъ же городѣ, Шарлотта гостила у нихъ. Адмиралъ Филиппъ остановился въ домѣ одного знакомаго Ферфакса; узнавъ объ этомъ, тотъ отправился навѣстить своего стараго начальника и взялъ съ собою сестру, которая осталась въ экипажѣ у подъѣзда. Адмиралъ былъ очень радъ видѣть стараго товарища и горячо привѣтствовалъ его. Онъ не забылъ меня и спросилъ, гдѣ я и что дѣлаю. Ферфаксъ отвѣчалъ, что мои дѣла идутъ хорошо и что я женатъ на его сестрѣ; узнавъ, что миссисъ Дью въ экипажѣ ждетъ своего брата, любезный старый офицеръ поторопился выйти, чтобы познакомиться съ ней. Подойдя къ экипажу, онъ наговорилъ ей тысячу любезностей, между прочимъ восхвалялъ мое поведеніе во время гибели «Сиріуса». Прощаясь, онъ снялъ свои часы съ дорогой цѣпочкой и подаль ихъ Шарлоттѣ, прося передать ихъ мнѣ на память «тѣхъ минутъ, которыя мы вмѣстѣ провели на службѣ.»—Его собственныя слова. Нечего и говорить, что я очень дорожу этимъ подаркомъ и никогда съ нимъ не расстаюсь.

О Гентерѣ я не много могу сказать. Онъ былъ назначенъ командиромъ семидесяти-пушечнаго фрегата и, крейсиря около Торской бухты, посадилъ его на мель, спасая человека, который упалъ за бортъ. Онъ былъ преданъ суду и оправданъ. Когда его спросили, зачѣмъ онъ привелъ корабль въ такое опасное мѣсто, онъ отвѣчалъ: «Я считаю жизнь британскаго матроса дороже цѣлаго корабля». Онъ тоже дослужился до адмиральскихъ чинъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Камни, падающіе съ неба.

Въ Мадридѣ, 10-го февраля (30-го января). 1896 г. утромъ, въ 9 часовъ 29 минутъ 30 секундъ, среди яснаго голубого неба, ярко освѣщеннаго солнцемъ, близъ зенита появилось небольшое бѣлое облачко, изъ котораго вдругъ сверкнулъ ослѣпляющій свѣтъ, отъ котораго мгновенно вспыхнула вся атмосфера. Облачко двигалось по направленію съ сѣверо-востока на сѣверо-западъ, имѣло 6° длины и 1° ширины и загибалось полукругомъ, вылукуность котораго была обращена къ востоку. Въ серединѣ, на самой вершинѣ округлости замѣчалось красноватое сгущеніе, похожее на облака при солнечномъ заходѣ. Въ общемъ облако имѣло видъ перистой массы. Свѣтъ взрыва былъ настолько силенъ, что, не смотря на солнечный день, онъ грѣнилъ въ дома. Черезъ 70 секундъ послѣ взрыва этого болида раздался страшнѣйшій трескъ или ударъ грома, будто выстрѣлъ множества орудій съ продолжительными раскатами, такими грозными, густыми, что весь городъ трясся. Раскаты продолжались около двухъ минутъ. Жителей охватила паническій страхъ, представился взрывъ динамита, землетрясеніе, конецъ міра. Ученики разбѣжались изъ учебныхъ заведеній; на одной табачной фабрикѣ работницы собрались бѣжать, столпились на лѣстницѣ, которая подъ ними подломилась. Дома дрожали, стекла разлетѣлись въдребезги. Электричество, освѣщающее ры-

ночные погреба, такъ-же внезапно вспыхнуло, какъ и потухло. Барометръ то поднимался, то опускался сразу. Животныя опѣнѣли отъ страха. Облачко было видимо до 3 часовъ пополудни; верхнія теченія атмосферы двигали его къ востоку-сѣверу-востоку и, наконецъ, дойдя въ перспективѣ градусовъ на 20 надъ горизонтомъ, оно скрылось.

Этотъ метеоръ представлялъ рѣдкій случай паденія при свѣтѣ дня, на глазахъ у многихъ людей, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осколки его могли быть тутъ-же подняты. Возможность наблюдать паденіе метеоровъ является очень рѣдко, хотя ежегодно ихъ падаетъ около 2,000. Пространство, на которомъ былъ видѣнъ этотъ болидъ, громадно. Его можно было наблюдать въ Испаніи, въ Португаліи, на юго-западѣ Франціи, въ Верхнихъ и Нижнихъ Пиринеяхъ. Свѣдѣнія, полученныя изъ разныхъ мѣстъ Испаніи, сходны съ мадритскими. Въ Мадридѣ и другихъ мѣстахъ собрано множество осколковъ, изъ которыхъ самый тяжелый не вѣситъ болѣе 1½ фунтовъ. Основываясь на этихъ данныхъ, можно предположить болидъ необычайной величины.

Разстояніе болида въ моментъ взрыва можетъ быть исчислено по времени, которое прошло между появленіемъ свѣта и громомъ. Если предположить на средней высотѣ надъ Мадритомъ между поверхностью земли и нахожденіемъ болида температуру 0°, то звукъ дойдетъ до насъ проходя 150 сажень въ секунду. Промежутокъ времени между взрывомъ и громомъ продолжался 70 секундъ, разстояніе болида отъ земли нужно предполагать около 11,550 сажень. Въ дѣйствительности онъ былъ ближе къ землѣ, потому что не находился въ зенитѣ. Это разстояніе меньше разстоянія обыкновенныхъ падающихъ звѣздъ.

Откуда являются къ намъ эти посланники? Основываясь на различныхъ наблюденіяхъ, мы можемъ только дѣлать предположенія. Между болидами и падающими звѣздами существуетъ нѣкоторое наружное сходство, заставляющее прежде всего ассоціировать эти два феномена. Но теперь—мы болѣе или менее знаемъ, говорить—Фламмаріонъ, происхожденіе падающихъ звѣздъ, знаемъ, что это осколки разбившихся кометъ. Въ пространствѣ онѣ движутся по тѣмъ-же самымъ орбитамъ. Въ своемъ годичномъ движеніи вокругъ солнца земля встрѣчаетъ 10-го августа н. с. массу падающихъ звѣздъ, двигающихся по орбитѣ большой кометы 1862 и идущихъ къ намъ отъ созвѣздія Персея. 14-го ноября встрѣчаются падающія звѣзды, направляющіяся отъ созвѣздія Льва по орбитѣ кометы 1866 года. Падающія звѣзды, которыя мы видимъ 27-го ноября, представляютъ осколки кометы Біэла, разбитой лѣтъ 30 тому назадъ, и движутся отъ созвѣздія Андромеды. Факты однако не оправдываютъ сопоставленія болидовъ и падающихъ звѣздъ. Тучи падающихъ звѣздъ иногда въ количествѣ 50,—60,—100,000 въ одну ночь, не несутъ съ собою болидовъ, а шаръ земной въ своемъ движеніи встрѣчаетъ ежегодно до 146 миллиардовъ подобныхъ звѣздъ. Только разъ случилось, что во время паденія звѣздъ—осколковъ кометы Біэла 27-го ноября 1885 г. въ Мазателѣ въ Бразиліи упалъ уранолитъ. Паденія уранолитовъ не подчиняются никакимъ законамъ, ни въ пространствѣ, ни во времени, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ ничего противнаго не доказано. Въ ихъ появленіи не констатировано ни ежегодной періодичности, ни опредѣленнаго направленія. Болѣе вѣроятно, что они

не имѣютъ никакой связи ни съ падающими звѣздами, ни съ кометами. По другой гипотезѣ, въ этихъ осколкахъ видѣли остатки исчезнувшихъ міровъ. Но и эта гипотеза неудовлетворительна. Если подобный міръ принадлежалъ къ нашей солнечной системѣ, если это была планета, которая въ силу космогоническихъ обстоятельствъ, трудно разрѣшимыхъ, была разбита на части, то эти части продолжали-бы двигаться по орбитѣ бывшаго міра и онѣ ни въ какомъ случаѣ не могли-бы встрѣтиться съ землей. Притомъ если бы это были осколки разрушенныхъ міровъ, то на наши головы падали-бы цѣлыя горы.

Предположимъ, что у нашей планеты былъ когда-то второй спутникъ, который разбился, но и эти осколки продолжали-бы путь по своей геометрической орбитѣ, и притомъ между ними встрѣчались-бы на столько крупные остатки, что ихъ было-бы можно наблюдать въ небѣ подъ видомъ маленькихъ быстро двигающихся звѣздъ. Упастъ на наши головы они могли-бы, только встрѣтивъ сопротивленіе своему движенію, причины которому не видны.

Третья гипотеза представляетъ ихъ остатками первобытной космической матеріи. Но въ такомъ случаѣ, эти небесныя тѣла должны имѣть сферическую форму, которой они, однако, не имѣютъ. Скорѣе можно предположить, что это куски, осколки минераловъ, образованные геологическими процессами, аналогичными тѣмъ, которые содѣйствовали производству земныхъ минераловъ. Въ нихъ находятъ желѣзо, никель, желто-зеленой изумрудъ, магній, кремній, иногда углеродъ и водородъ, — но всегда элементы входящіе въ составъ земныхъ минераловъ и, скажемъ больше, въ тѣхъ же соединеніяхъ и въ тѣхъ же условіяхъ.

Болиды пробѣгаютъ въ секунду отъ 10,000 до 25,000 саженой, иногда даже больше, — напр. болидъ, видѣнный 5 сентября 1858 года, показавшійся на высотѣ 155 верстъ, исчезъ на высотѣ 65 верстъ и пробѣжалъ это воздушное пространство со скоростью 44,000 саженой въ секунду. Болиды взрываются отъ сопротивленія воздуха, которое они встрѣчаютъ, а этотъ болидъ не взорвало потому, что на той высотѣ, на которой онъ двигался, атмосфера слишкомъ разрѣжена. Прежде чѣмъ болидъ станетъ двигаться въ пространствѣ, онъ имѣетъ очень низкую температуру — 273°, но вслѣдствіе сильнаго сопротивленія воздуха, онъ раскаляется до-бѣла, горитъ, производитъ облако дыма и распадается на тысячи мелкихъ осколковъ, которые вслѣдствіе своей тяжести падаютъ на землю. Осколки покрыты расплавленнымъ слоемъ и на-ощупь горячи, но если ихъ разбить, они внутри холодны. Яркій свѣтъ и громъ при взрывѣ происходятъ отъ сжатія воздуха.

Въ различныхъ коллекціяхъ собраны уранолиты и болиды всѣхъ величинъ отъ нѣсколькихъ золотниковъ до сотенъ пудовъ. Самый большій находится въ Багін (Бразилія) и вѣситъ около 273½ пудовъ. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ паденій болидовъ произошло въ 1492 году 7 ноября въ Эзисгеймѣ, въ Эльзасѣ, на глазахъ у императора Максимилиана и всей его арміи. Этотъ болидъ вѣсилъ около 10 пудовъ. Его помѣстили въ мѣстной деревенской церкви.

Замѣтимъ, что всѣ безъ исключенія уранолиты, болиды, аэролиты и т. д., — назовите ихъ какъ хотите, — состоятъ изъ зеленыхъ матеріаловъ и, соотвѣтственно различной плотности, ихъ раздѣляютъ на четыре категоріи. Не указываетъ-ли существованіе различной плот-

ности на разное происхожденіе? — замѣчаетъ Фламмаріонъ.

Снарядъ, пущенный съ земли со скоростью 6½ верстъ въ секунду (вытѣя силу сопротивленія воздуха), никогда не упадетъ на землю. При скорости отъ 5 до 6 верстъ, онъ упадетъ на землю черезъ сотни тысячъ лѣтъ. При скорости отъ 4½ до 5 верстъ онъ упадетъ на землю черезъ тысячи лѣтъ. На нашей планетѣ въ послѣднія геологическія эпохи дѣйствовали болѣе огромные вулканы, чѣмъ теперь. Хотя и въ наше время бываютъ ужасныя изверженія, какъ напримѣръ, вулканъ Кракатда.

Тѣло, брошенное съ луны со скоростью отъ 850 саженой до двухъ верстъ въ секунду, не вернется на луну, но упадетъ на землю. На Марсѣ, на Юпитерѣ, на Солнцѣ тоже могутъ быть вулканы. Почему не предположить, говоритъ далѣе Фламмаріонъ, что большая часть уранолитовъ идетъ изъ этихъ источниковъ. Несомнѣнно, что многіе изъ нихъ могутъ быть песчинками погибшихъ міровъ. Но замѣчательное сходство ихъ строенія съ строеніемъ камней, находящихся внутри земли, заставляетъ предполагать ихъ земное происхожденіе. Аэролиты, падающіе не съ такою силою, могутъ происходить съ луны. Болѣе скорое движеніе указываетъ на происхожденіе отъ звѣзды, но для того, чтобы такой болидъ достигъ до насъ съ самой ближайшей звѣзды, нужно 7 милліоновъ лѣтъ.

Что болиды, благодаря своему составу, могутъ подвергаться обработкѣ, это доказываютъ мечи Великаго Могола Кхангъ-Гюира и знаменитаго южно-американскаго патріота Боливара, «Освободителя», которые были выкованы изъ желѣза метеорова. Точно также печать, подаренная французскимъ правительствомъ молодому Аннамскому королю Донгъ-Хану, была выдѣлана изъ куска метеорита, упавшаго въ январѣ 1868 года, въ Пултускѣ и нарочно купленнаго для подарка. В. Маревъ.

Вопросъ о сохраненіи зубовъ. Замѣчательно, что до сихъ поръ среди публики господствуютъ тѣ-же ошибочныя взгляды на науку о зубахъ, которая въ сущности есть младшая дочь общей матери-медицины. Еще и теперь есть люди, которые зубнаго врача сравниваютъ съ средневѣковымъ — *Aggacheurs de dents* — (вырывателямъ зубовъ), возмущивъ въ одной телѣжкѣ: помаду для рошенія волосъ, мазь отъ мозолей, различныя элексиры и рвалы зубы. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается полное пренебреженіе гигиеной зубовъ, а между тѣмъ наша пріяная лица и вредный образъ жизни угрожаютъ большой опасностью и нашимъ зубамъ, и жизни.

Объяснимъ, почему такъ важно сохраненіе зубовъ. Испорченные зубы препятствуютъ правильному размельченію пищи, что ведетъ за собой расстройство желудка, а потомъ и катарры. Кромѣ того порча зубовъ вызываетъ воспаленіе десенъ, расшатываніе челюстей и даже образованіе фистулъ.

Мы не говоримъ уже о страданіяхъ, вызываемыхъ зубной болѣзью.

Какъ же предохранить зубы отъ выпаденія и болѣзней?

Главное — постоянный уходъ за зубами. Помимо того необходимо два или три раза въ годъ обращаться къ дантисту. У насъ-же обыкновенно тогда идутъ къ врачу, когда уже зубъ совершенно испорченъ или невыносимо болитъ. Въ Англіи, Америкѣ и Франціи почти каждая зажиточная семья имѣетъ домашняго дантиста. Такимъ образомъ зубы хорошо сохраняются, потому-что врачъ своевременно замѣтитъ появленіе болѣзни.

Ежедневный уходъ за зубами состоитъ въ первыхъ въ чисткѣ зубовъ, во-вторыхъ въ полосканіи рта. Чистить необходимо мягкой щеткой утромъ и вечеромъ, передъ сномъ. Въ продажѣ есть щетки всевозможныхъ формъ,

но лучше всего мягкія и гладкія. Гораздо важнѣе вопросъ, какъ чистить зубы. Обыкновенно чистятъ справа налево и обратно, но это совсѣмъ неправильно. Надо водить щеткой сверху внизъ и снизу вверхъ, такимъ образомъ удаляются остатки пищи между зубами. Кромѣ того надо чистить зубы не только снаружи, но и внутри. Еще при чисткѣ употребляютъ порошокъ. Ихъ такая масса всевозможныхъ видовъ, что мы ограничимся только указаніемъ тѣхъ, которыми пользоваться не слѣдуетъ. Угольный порошокъ безусловно вреденъ — онъ слишкомъ жестокъ и стираетъ эмаль. Пемзовый порошокъ можно употреблять только по указанію врача и тогда, если надо снять шероховатость эмали или сильный налетъ. Тоже относится и къ квасцамъ. Особенно надо остерегаться порошковъ, обобщающихъ въ короткій срокъ придать зубамъ ослѣпительный блескъ. Они содержатъ въ себѣ такія вещества, которые губятъ зубы. Что касается до зубнаго мыла, пасты и т. п., то они не вредны и ими можно пользоваться по личному желанію и вкусу каждаго.

Полоскать ротъ тоже слѣдуетъ утромъ и вечеромъ и каждый разъ послѣ принятія пищи. Для освѣженія десенъ и устраненія дурного запаха во рту прибавляютъ въ воду разныя медикаменты. Въ продажѣ встрѣчаются всевозможные сорта. Укажемъ на тѣ изъ нихъ, употребленія которыхъ надо избѣгать. Къ нимъ принадлежатъ салициловыя кислоты и ихъ соединенія. Раньше салициловую кислоту превозносили до небесъ, но потомъ убѣдились, что она болѣе приноситъ вреда, чѣмъ пользы. Но публику очень трудно разубѣдить въ предвзятомъ мнѣніи. Самое дешевое средство противъ дурного запаха во рту — марганцево-горько-кислой кали, но его употреблять надо очень осторожно, чтобы вода была чуть-чуть окрашена; долгое употребленіе его вредно.

Профессоръ Сальвони въ Перузіи изобрѣлъ инструментъ, дѣлающій Рентгеновскіе лучи видимыми человѣческому глазу. Изобрѣтатель назвалъ свой инструментъ «Криптоскопомъ». Съ помощью криптоскопа глазъ можетъ видѣть непосредственно въ человѣческомъ тѣлѣ постороннія тѣла безъ примѣненія фотографіи.

Новое средство противъ чахотки открылъ нью-іоркскій врачъ Цирусъ Эдсонъ. Онъ впрыскиваетъ асептолинъ. Асептолинъ содержитъ 97% воды, 3% фенола и пиллокарпина. 50 американскихъ врачей испытали это средство со слѣдующими результатами: 23 пациента выздоровѣли совершенно, 68 почти вылечились; состояніе 91 значительно улучшилось и только одинъ умеръ.

Военно-историческій музей Закавказья. Зданіе для этого музея въ Тифлисѣ недавно окончено и въ архитектурномъ отношеніи представляетъ украшеніе главной улицы Тифлиса, Головинскаго проспекта. Къ выступающему portalу съ обѣихъ сторонъ примыкаетъ красивая кованная рѣшетка, столбы которой образованы изъ захваченныхъ турецкихъ орудіи, на которыхъ помѣщается русскій двухголовый орелъ. Между колоннами одноэтажнаго зданія помѣщается десять большихъ досокъ чернаго мрамора, на которыхъ упомянуты главныя событія кавказской войны. На двухъ другихъ доскахъ приведены исторически-памятныя обнаруженія, положившія основаніе русскому государственному господству на Кавказѣ. На первой: Грузинскаго правительства въ 1800 году — «Такъ какъ, нашъ повелитель, Георгій, царь Грузіи, Кахетіи и т. д., духовенство и народъ выразили желаніе сдѣлаться подданными Всероссійскаго Императора, они обѣщаютъ вѣрно всѣ исполнять, что требуется отъ русскихъ подданныхъ, не удаляться никакихъ законныхъ обязанностей и признавать Государа всей Россіи своимъ прирожденнымъ Повелителемъ и Самодержцемъ», а на второй — «Всероссійскаго Императора отъ того-же 1800 г.: «Не для расширенія нашего могущества и не для увеличенія предѣловъ самаго большого государства въ мірѣ, нашей имперіи, принимаемъ мы власть надъ грузинскимъ царствомъ; достоинство, честь и человѣколюбіе налагаютъ на насъ священную обязанность устроить въ Грузіи правительство, которое дастъ всякому

защиту законовъ».—Залы музея освѣщаются сверху. Въ нихъ находится богатое собраніе военныхъ трофеевъ, оружія и красивой одежды кавказскихъ народовъ; множество картъ и плановъ и, наконецъ, картины выдающихся художниковъ, изображающія различные эпизоды кавказской войны.

КЪ РИСУНКАМЪ.

На свалку. Рисоваль художникъ Э. Соколовскій.

Подъ яркими и теплыми лучами весенняго солнца быстро таетъ накопившійся за зиму снѣгъ. Въ городѣ мо-

тины, сходство главныхъ лицъ, изображенныхъ на картинахъ, удивительная прозрачность воздуха, все это дѣлаетъ картину положительно выдающимся произведениемъ нынѣшней выставки. Картина приобретена Государемъ Императоромъ.

Освященіе сѣмянъ для посява. Рисоваль художникъ А. Зиновьевъ.

Ужъ весна на дворѣ. Мужички ладятъ бороны и сохи. Вотъ настаетъ время и сѣять. Православный русскій людъ любитъ на всемъ Божіе благословеніе, а въ такомъ важномъ дѣлѣ, когда готовится засѣять кормилицу-ниву, какъ-же можно быть безъ молитвы. Приглашаетъ заботливый хозяинъ священника, и деревенскій «батюшка» освящаетъ готовые къ посяву сѣмена. Какъ жарко молится старшій, но крѣпкій еще

На могилѣ отца. Съ картины художника А. Липта.

Настала Великая недѣля, вторникъ. Благочестивые люди, сохраняющіе въ сердцахъ память о милыхъ и близкихъ усопшихъ, собираются на кладбище, на родныя могилки. Это вѣсныя поминки, а есть еще осеннія, въ родительскую или Дмитріеву субботу. Собравшись на кладбище, поминальщики молятся о душахъ усопшихъ, призываютъ ихъ на радость пресвѣтлаго воскресенія. Иногда на могилку приносятъ пасхальныя яйца. Затѣмъ, пьютъ, ѣдятъ, и этимъ кончаются поминки. Въ городѣ, въ этотъ день, на кладбища собирается масса народа. Такъ свято и трогательно сохраняетъ русскій народъ память о дорогихъ усопшихъ.

Охота съ соколами. Рисоваль художникъ В. Ковальскій.

тыги и ломы дворниковъ скололи затвердѣвшій и грязный зимній покровъ мостовыхъ, и уже стучать по камнямъ колеса дрожекъ. Но за городомъ еще снѣга вдоволь... Цѣлыя рѣки журчатъ по канавамъ, вездѣ—грязно и тонко, но кое-какъ еще можно проѣхать на саняхъ. Вотъ показались возы со снѣжными глыбами, сколотыми на городскихъ улицахъ, которые съ большимъ трудомъ тащатъ за городъ, чтобы разбросать снѣгъ на поляхъ, гдѣ на солнцѣ онъ скорѣе растаетъ.

Послѣдній зимній парадъ въ 1893 г. на Дворцовой пл. въ присутствіи Е. И. В. Императора Александра III. Съ картины художника В. Мазуровскаго.

На нынѣшней выставкѣ картинъ въ Императорской академіи художествъ особенно сильное впечатлѣніе производитъ картина г. Мазуровскаго, копію съ которой мы публикуемъ въ настоящемъ номерѣ «Живописнаго Обозрѣнія». Передъ нами, какъ живой, передъ своей свитой покойный Государь, дѣлающій смотръ войскамъ—послѣдній смотръ. Компановка кар-

пахарь! Хозяйка учить парнишку складывать крестное знаменіе. А въ окно дышетъ ранняя весна; вдали чернѣютъ распаханныя поля, и видно, какъ сосѣдъ перепихиваетъ еще разъ свои бороны.

Христосъ и Марія. Съ картины художника Г. Гофмана.

Евангельское сказаніе о Марѣ и Маріи, сестрахъ Лазаря, содержитъ въ себѣ и глубокую божественную истину и великую простоту и красоту. «Мареа! Мареа!»—сказалъ Спаситель.—«Ты печешься о многомъ земномъ!» И съ любовью ободрилъ Онъ и защитилъ Марію отъ упрека сестры. Не однимъ хлѣбомъ земнымъ сытъ человекъ, ему нужно и хлѣбъ духовный. Божественный завѣтъ Иисуса Христа открылъ людямъ путь къ духовному блаженству. Но и до сихъ поръ мы встречаемъ вездѣ божіе Марей, пекущихся о земномъ, чѣмъ Марій, заботящихся о духовной пищѣ. Дѣвъ сестры Лазаря—олицетвореніе двухъ, вѣчно противныхъ, началъ—небеснаго и земнаго.

Новое потомство. Рисоваль художникъ М. Леблннгъ.

У ручныхъ зайчиковъ вывелась въ уголкѣ сарая цѣлая семья. Мать-зайчиха заботливо опекаетъ своихъ хорошенькихъ зайчатъ. И представьте ея ужасъ! Вдругъ въ мирный уголокъ ворвалось другое семейство: дворняга со своими щенятами. Послѣдніе любопытно оглядываютъ новыхъ знакомыхъ и, видимо, не желаютъ ихъ обижать. Но близко сойтись этимъ мольдымъ псколбнѣямъ, вѣроятно, не удастся. Навѣрно, дѣдушка этихъ щенятъ придумалъ гдѣ-нибудь въ кустахъ, когда нибудь, дѣдушку этихъ зайчатъ. Изволь, послѣ этого, дружить!..

Охота съ соколами. Рисоваль художникъ В. Ковальскій.

Имя этого талантливаго художника не сходитъ съ страницъ лучшихъ иллюстрированныхъ изданій, такъ какъ картины его всегда отличаются правдою и знаніемъ того предмета, который онъ пишетъ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшій рескриптъ, данный на имя московскаго генералъ-губернатора, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича.

«Ваше Императорское Высочество. Возложивъ всѣ распоряженія по приготовленіямъ къ предстоящему Коронованію Нашему на министра Двора Нашего и поручивъ исполнительную дѣятельность по приготовленію и по устройству торжествъ Коронованія подлежащимъ установленіямъ министерства Двора Нашего, поручаемъ Вашему Императорскому Высочеству всѣми зависящими отъ Васъ мѣрами содѣйствовать успѣшному дѣлу сего совершенію, оказывая Ваше содѣйствіе генералъ-адъютанту графу Воронцову-Дашкову, а также лицамъ, начальствующимъ надъ соотвѣствующими частями придворнаго вѣдомства».

На полнѣнномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Турція. — Князь Фердинандъ 15-го (27-го) марта былъ принятъ султаномъ. По возвращеніи князя Фердинанда съ аудіенціи у султана во дворецъ Курутъ-Чесма, сынъ султана принцъ Ахметъ-эффенди вручилъ князю брилліантовые знаки ордена «Нисанъ-Имтіазъ». Вечеромъ во дворцѣ Курутъ-Чесма былъ сервированъ обѣдъ на 24 куверта. Князя посѣтили экзархъ и делегаты вселенскаго патріархата.

— 19-го вечеромъ всѣ члены дипломатическаго корпуса, послы и начальники иностранныхъ миссій дѣлали отвѣтные визиты князю Фердинанду. Раньше были у князя великій визирь и всѣ министры. Въ этотъ-же день князь принималъ депутаціи отъ греческаго патріархата и болгарскихъ обществъ. Князь Фердинандъ вообще принялъ Портою великолѣпно, при дворѣ его титулуютъ королевскимъ высочествомъ. Князь посѣтилъ нашего посла Нелдова. Русскій посолъ отдалъ князю визитъ.

— Изъ Константинополя князь Фердинандъ Болгарскій прибудетъ въ Петербургъ.

Франція. — Произошелъ частный министерскій кризисъ. Бертело — министръ иностранныхъ дѣлъ — вышелъ въ отставку. Но Леону Буржуа удалось уговорить г. Сарриена принять портфель министра иностранныхъ дѣлъ, отъ котораго онъ сначала рѣшительно отказался. Министерство, такимъ образомъ, снова оказывается въ полномъ составѣ.

— На дняхъ опять произошло столкновеніе кабинета съ сенатомъ. Сенаторъ Милляръ заявилъ, что, въ виду донгольской экспедиціи и отставки Бертело, патріотизмъ его не позволяетъ ему успокоиться. Правительство, по его

мнѣнію, было застигнуто врасплохъ событіями. Ораторъ внесъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, гласящую, что сенатъ признаетъ объясненія правительства недостаточными, заявляетъ, что оно не пользуется его довѣріемъ и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ. Формула эта была принята большинствомъ 155 голосовъ противъ 85. Министры удалились изъ зала засѣданій. Весь кабинетъ былъ у президента. Въ концѣ концовъ министры рѣшили не отказываться отъ власти, такъ-какъ палата выразила имъ послѣдовательное довѣріе.

Корея. — Дѣла въ Корей ухудшаются, благодаря злостнымъ интригамъ японской партіи. Король продолжаетъ спасаться въ русской миссіи, подъ охраной сильнаго нашего десанта. На дняхъ неизвѣстный японецъ старался пробраться въ миссію съ явной цѣлью убить короля: преступникъ схваченъ русскими часовыми. Не смотря на опасность, угрожающую жизни короля, англійскій, германскій, американскій посланники настаиваютъ на переездѣ короля на жительство во дворецъ.

Египетъ. — По слухамъ, сообщеннымъ изъ Суакима, Османъ-Дигма направляется съ значительнымъ отрядомъ войскъ въ Синай. Десятому суданскому батальону, который долженъ былъ выступить черезъ Коссейръ для присоединенія къ донгольской экспедиціи, предписано отправиться въ Токаръ. Послѣдній пунктъ въ Суакимѣ нуждается въ подкрѣпленіи на случай нападенія на нихъ Османа-Дигмы. Полученною изъ Каира телеграммою подтверждается, что египетское министерство финансовъ взяло изъ кассы государственныхъ долговъ остальные 300,000 фунтовъ для экспедиціи вверхъ по Нилу.

Абиссинія. — Англійская дипломатія задумала заручиться содѣйствіемъ Абиссиніи въ предстоящей борьбѣ съ дервишами, но что Менеликъ очень искусно сумѣлъ отвѣтить на сдѣланный ему предложенія. Негусъ именно отвѣтилъ, что онъ не желаетъ воевать вмѣстѣ съ англичанами противъ дервишей, такъ какъ еще въ 1883 г. англійскій уполномоченный сэръ Ностель рѣшительно объявилъ тогдашнему негусу Іоанну, что на расширеніе своей территоріи въ сѣверномъ направленіи Абиссинія никакъ рассчитывать не должна, такъ какъ египетскія владѣнія неприкосновенны; къ тому же Англія не расположена уступать Абиссиніи земли съ мусульманскимъ населеніемъ. За то Англія ничего не имѣетъ противъ территоріальнаго приращенія Абиссиніи въ южномъ направленіи, т.-е. въ сторону Конго и Траффы. Въ виду такихъ заявленій, онъ, Менеликъ, рѣшился держаться выжидательнаго положенія до тѣхъ поръ, пока противъ дервишей не начнется наступательныхъ дѣйствій государство Конго.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ главномъ управленіи «Краснаго Креста» получено отъ итальянскаго правительства официальное извѣщеніе о полномъ согласіи на свободный проходъ русскаго отряда «Краснаго Креста» черезъ Эритрею къ Менелику. Увѣдомляя объ этомъ, итальянское правительство предлагаетъ часть отряда, предназначенную для подаванія помощи раненымъ итальянцамъ, отправить въ Неаполь, гдѣ сосредоточены всѣ раненые и больные изъ Эритрейской колоніи. Такой-же отвѣтъ данъ Германіи. Рѣшено весь отрядъ «Краснаго Креста», снаряжавшійся для отправленія въ Абиссинію, направить къ негусу Менелику. Отрядъ этотъ состоитъ изъ 10 докторовъ, 6 фельдшеровъ, 20 сестеръ милосердія, 3 агентовъ и 1 священника. Главнымъ уполномоченнымъ и начальникомъ отряда, какъ извѣстно, назначенъ генералъ Н. К. Шведовъ, а его помощниками состоятъ поручикъ Коховскій и капитанъ Звягинъ.

— Личный составъ во всѣхъ моряхъ, по программѣ плаванія на нынѣшній 1896 годъ, долженъ состоять изъ 14 адмираловъ, 265 штабъ-офицеровъ, 748 оберъ-офицеровъ, 98 подвахтенныхъ офицеровъ, 104 артиллерійскихъ, 241 штурманскихъ, 336 инженеръ-механиковъ, 5 корабельныхъ инженеровъ, 135 медиковъ, 168 содержателей, 37 священнослужителей, 476 гардемаринновъ, кадетъ и воспитанниковъ и 29,856 нижнихъ чиновъ.

— Кружокъ лицъ, взявшихъ на себя заботу объ исправленіи памятниковъ на могилахъ писателей на Волковомъ кладбищѣ, получилъ, кромѣ мелкихъ пожертвованій, 1,000 р. отъ К. Т. Солдатенкова, послѣ того, какъ первоначальная ближайшая задача была уже исполнена: памятники Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева исправлены, на могилѣ Рѣшетникова положена новая плита. Новая пожертвованія будутъ направлены уже не на исправленіе могилъ, а на постановку новыхъ памятниковъ и не на Волковомъ только кладбищѣ. Безъ памятниковъ доселѣ остаются могилы Н. Д. Заіончковской (В. Крестовскій псевдонимъ), Н. С. Курочкина, М. В. Авдѣева.

— Профессоромъ астрономіи казанскаго университета, Д. Н. Дубяго, снаряжается экспедиція на Новую Землю для наблюденія предстоящаго 28-го іюля полнаго солнечнаго затменія. Въ составъ экспедиціи, кромѣ ближайшихъ сотрудниковъ г. Дубяго, войдетъ профессоръ ботаники Н. В. Сорокинъ.

— Въ Москвѣ въ пользу общества покровительства безпризорнымъ и освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія несовершеннолѣтнимъ поступило пожертвованіе въ 30,000 рублей. По волѣ жертвователяницы, не пожелавшей оглашать своего имени, 18,000 руб. будутъ употреблены на погашеніе долга по закладной за приобрѣтенный обществомъ для своего убѣжища домъ, а 12,000 р. на постройку при томъ домѣ церкви въ память Императора Александра III.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Для князя Фердинанда Болгарскаго приготовлены апартаменты во второй запасной половине Зимняго дворца.

— Въ Петербургѣ, въ мастерской профессора скульптуры М. П. Попова, изготовляются модели фигуръ для памятника императрицѣ Екатеринѣ II, сооружаемаго въ Одессѣ.

— Въ годовомъ собраніи русскаго астрономическаго общества, 14-го марта, было доложено о послѣдовавшей Высочайшей милости, выразившейся въ пожалованіи обществу пяти тысячъ рублей на организуемые имъ экспедиціи для наблюденія предстоящаго полнаго солнечнаго затмѣнія 28-го іюля.

— Въ собраніи III отдѣленія Императорскаго вольно-экономическаго общества, 16-го марта, Л. В. Ходскій сдѣлалъ сообщеніе «по вопросу о возстановленіи металлическаго обращенія въ Россіи». Въ послѣдовавшихъ продолжительныхъ и оживленныхъ преніяхъ приняли участіе гг. Гурьевъ, проф. Исаевъ, проф. Лебедевъ, Струве, Лоранскій, Шарановъ, Родичевъ.

— Извѣстная картина И. К. Айвазовскаго и И. Е. Рѣпина «Пушкинъ на берегу Чернаго моря», находившаяся въ фойе Александринскаго театра, пожертвована русскому театральному обществу. Въ настоящее время эта картина приобрѣтается въ историческій музей, открываемый въ Михайловскомъ дворцѣ. На сумму, вырученную отъ продажи картины, будетъ учреждена кровать имени гг. Айвазовскаго и Рѣпина въ пріютѣ для престарѣлыхъ артистовъ.

— Общество технологовъ рѣшило посылать на свой счетъ за границу или на русскіе фабрики и заводы извѣстныхъ правленію общества по своимъ познаніямъ и трудолюбію технологовъ для изученія различныхъ производствъ.

— По распоряженію городской думы, отнынѣ бесплатныя лекарства для бѣдныхъ жителей столицы выдаются изъ городскихъ больницъ по рецептамъ врачей для бѣдныхъ.

— Въ Императорской публичной бібліотекѣ, для облегченія способа пользованія книгами, предполагается въ самомъ непродолжительномъ времени ввести пневматическое сообщеніе.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Съ началомъ слѣдующаго учебнаго года въ Петербургѣ открывается около 32 городскихъ народныхъ училищъ. 12 изъ нихъ — очередное число, открывающееся каждый годъ, а остальные приурочиваются къ позднѣйшимъ выдающимся событіямъ изъ жизни Царствующаго Семейства: къ бракосочетанію Ихъ Величествъ, къ рожденію Великой Княжны Ольги Николаевны и ко дню предстоящаго священнаго коронованія.

— При исправительныхъ пріютахъ проектируется устройство сельско-хозяйственныхъ школъ. Первый почи въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ таврическому земству, которое, ассигновать на устройство этой школы 5,000 рублей, рѣшило въ теченіе пяти лѣтъ отпускать на содержаніе ея по 1,000 рублей.

— Одесскій 1-й гильдіи купецъ М. Менделевичъ, въ ознаменованіе предстоящаго священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, пожертвовалъ на постройку зданія для одесскаго ремесленнаго училища еврейскаго общества «Трудъ» 30,000 руб.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Л. А. Авилова. Счастливецъ и другіе рассказы. С.-Петербургъ. 1896 г. Цѣна 1 руб.

Наши женщины-писательницы отличаются многословіемъ и вычурностью языка. Г-жа Авилова не страдаетъ именно этими недостатками. Сжатость и простота изложенія у нея вездѣ. Въ ея рассказахъ много теплоты чувства, много поэзіи въ настроеніи, много изящества и полное отсутствіе той циничной распушенности, которую теперь такъ часто щеголяютъ въ литературѣ мужчины и дамы. Ея книжку можно смѣло дать любой молодой дѣвушкѣ, не боясь, что та и толкнется на какую-нибудь грязь, что книга пробудитъ въ ней дурныя инстинкты. Особенно понравился намъ по своей тонкой отдѣлкѣ и по горькой правдѣ рассказъ «Безъ привычки». Онъ оставляетъ тяжелое впечатлѣніе... Съ нѣкоторыми произведеніями автора знакомы читатели «Живописнаго Обозрѣнія», гдѣ еще въ прошломъ году былъ помѣщенъ рассказъ Л. А. Авиловой «Не тѣ года»... Желаемъ отъ души полнаго успѣха этой книжкѣ.

У. Хэдсонъ. Натуралистъ въ Ла-Платѣ. Съ 27 рисунками. Перев. Д. Струкина. С.-Петербургъ. Изд. Девриена. 1896 г.

Отъ начала до конца эта книга читается съ неоглабляющимъ интересомъ, какъ самый завлекательный романъ. Авторъ относится къ животнымъ и птицамъ, какъ Брэмъ, т. е. съ какимъ-то отеческимъ чувствомъ и прямо говорить, что у него въ царствѣ животныхъ есть свои любимцы и баловни. Особенно хороши у него нѣкоторыя характеристики какъ, напримеръ, характеристика пумы или американскаго льва, пауковъ и т. д. Нѣкоторыя главы написаны похвалительно художественно, какъ можетъ писать о животныхъ только человекъ съ большою эрудиціей, не обременяющей своего изложенія массой ссылокъ и цитатъ, сознающій, что онъ самъ «авторитетъ» въ наукѣ. Переводъ сдѣланъ прекрасно, а изданіе, какъ всѣ изданія г. Девриена, изящно.

НЕКРОЛОГИ.

А. П. Богдановъ. 16-го марта, въ 10 час. вечера, послѣ продолжительной болѣзни скончался профессоръ московскаго университета Анатолій Петровичъ Богдановъ. Покойный хорошо извѣстенъ своими многочисленными сочиненіями въ области естествознанія и антропологіи.

— И. Н. Березинъ. 22-го марта, въ 10^{1/2} час. утра, скончался заслуженный профессоръ с.-петербургскаго университета по кафедрѣ турецко-татарскихъ языковъ Илья Николаевичъ Березинъ. Покойный родился 19-го іюля 1818 г. въ Екатеринбургѣ.

— М. О. Дю-Гамель. 21-го марта скончался членъ адмиралтействъ-совѣта адмиралъ Михаилъ Осиповичъ Дю-Гамель. Покойный принадлежалъ къ числу старѣйшихъ моряковъ, прослужившихъ во флотѣ болѣе шести десяти лѣтъ.

— Н. Г. Ершовъ. 12-го марта скончался бывшій редакторъ «Ученыхъ трудовъ и изданій русскаго энтомологическаго общества» Николай Григорьевичъ Ершовъ. Покойный принадлежалъ къ числу извѣстныхъ русскихъ энтомологовъ, хорошо изучившихъ чешуекрылыхъ и жесткокрылыхъ.

— Н. Л. Ширавъ. 18-го марта скончался въ Царскомъ Селѣ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ «Прав. Вѣстника», «Сына Отечества» и «Живописнаго Обозрѣнія» Николай Лаврентьевичъ Ширавъ. Н. Л. Ширавъ родился 18 августа 1853 г. воспитаніе получилъ домашнее, нѣсколько лѣтъ посвятилъ государственной службѣ, а въ послѣднее время занимался литературными работами. Долголѣтнія занятія покойнаго отечественною исто-

рію сказались въ цѣломъ рядѣ статей, очерковъ и замѣтокъ.

— Г. М. Веселовскій. 18-го марта скончался, на шестидесятомъ году жизни, редакторъ газеты «Донъ», Григорій Михайловичъ Веселовскій. Уроженецъ саратовской губерніи, Г. М. Веселовскій получилъ высшее образованіе въ бывшемъ главномъ педагогическомъ институтѣ.

— А. С. Размадзе. 14-го марта въ Москвѣ скончался, послѣ непродолжительной болѣзни, бывшій профессоръ московской консерваторіи и критикъ Александръ Соломоновичъ Размадзе. Онъ родился въ Пензѣ въ 1845 г.

— В. С. Пругавинъ. Въ Москвѣ скончался Викторъ Степановичъ Пругавинъ, извѣстный своими статистическими изслѣдованіями кустарной промышленности и сельскаго хозяйства.

— Е. П. Мартынова. 19-го марта скончалась писательница Елена Петровна Мартынова, писавшая подъ псевдонимомъ Ольги Павловой. Покойная начала свою литературную дѣятельность въ «Звѣздочкѣ», Ишимовой.

— А. К. Жизневскій. 19-го марта, въ Твери скончался археологъ и директоръ-основатель тверскаго историческаго музея, управляющій тверскою казенною палатой, Августъ Казимировичъ Жизневскій. Покойный — старѣйшій питомецъ московскаго университета.

— М. А. Бѣлинъ. Скончался въ Москвѣ прозекторъ московскаго университета докторъ медицины Михаилъ Андреевичъ Бѣлинъ, хорошо извѣстный своими многочисленными судебно-медицинскими изслѣдованіями.

СПОРТЪ.

На дняхъ происходило общее собраніе членовъ с.-петербургскаго рѣчного яхтъ-клуба. Предложено было 30 новыхъ членовъ. Была роздана общая программа парусныхъ и гребныхъ гонокъ на предстоящій лѣтній сезонъ. Всѣхъ парусныхъ гонокъ предполагено пять и столько же гребныхъ. Первая парусная гонка назначена на 26-е мая. Гребные гонки начнутся съ 3-го іюня. На 23-е іюня назначено состязаніе гребцовъ-любителей по особой программѣ. Собраніемъ рассмотрѣны и утверждены отчетъ дѣятельности клуба за 1895 г. Расходу въ прошломъ году было 14,243 р. 89 к., въ приходѣ поступило 15,543 р. 37 к. Возобновленіе недвижимаго и движимаго имущества послѣ пожара на яхтъ-клубу обошлось въ 36,453 р. 30 к. На этотъ расходъ получено страховою преміей отъ общества «Саламандра» 34,190 р.

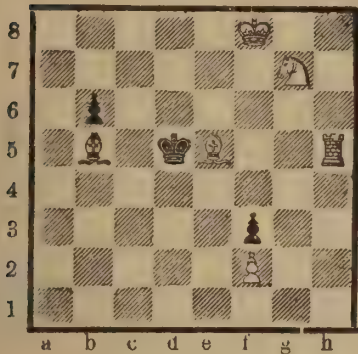
— 5-го апрѣля по новому стилю, т. е. въ воскресенье, 24-го марта, по нашему стилю, въ Афинахъ состоялось открытіе первыхъ олимпійскихъ игръ. Идея возстановленія этихъ всемірныхъ атлетическихъ праздниковъ — конкурсѣ принадлежитъ первому международному атлетическому съѣзду, созванному по инициативѣ извѣстнаго спортсмена барона де-Курселя въ 1894 г. въ Парижѣ. Съѣздъ этотъ состоялся въ великолѣпномъ залѣ Сорбонны, который французское правительство любезно предложило въ услуги любителей и сторонниковъ физическаго развитія, въ средѣ которыхъ были представители всѣхъ странъ и государствъ. Современныя Олимпійскія игры, по примѣру античныхъ будутъ происходить черезъ каждые четыре года (Олимпійскія игры древней Греціи повторялись черезъ каждые 50 мѣсяцевъ), но въ нѣсколько иномъ видѣ, такъ какъ всѣ послѣдующіе вѣка создали новыя условія новыя виды спорта, какъ, напримеръ: фехтованіе на рапирахъ (флореты), шпатахъ, стрѣльбу изъ ружей и пистолетовъ, наконецъ, велосипедный спортъ.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 10.

В. ПОТЕМПСКОГО (въ РИГѢ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ.

№ 4. *Ванъ-Дюбена*. 1. К е6—d8, Кр е5: d5; 2. К d8—e6, ♚ 3. К или Л х. 1... Кр е5: f5; 2. К с8—e7+, ♚ 3. К х. 1... h5—h4; 2. К d8—f7+, ♚ 3. К х.

№ 5. *Фейля*. 1. С а6—e2, ♚ 2. Ф, Л, С, К или П х.

№ 6. *Немо*. 1. С а1—b2, Кр d4—c5; 2. С b2—a3+, ♚ 3. 4 х. 1... К с8—d6; 2. Ф е8—e5+ и 3. Л с8—f3 х. 1... К с8—b6; 2. Ф е8—h8+ и 3. Ф х. 1... К с8—

е7; 2. Ф е8—e7, ♚ 3. Ф х. 1... С b7—a8; 2. Ф е8—d8+, ♚ 3. Ф, Л или С х. Остальные варианты понятны.

Рѣшили: К. Подольскій, Н. А. Марковъ (СПб.), А. Г. Савинъ (Москва), Е. Ф. Андреевъ (Кіевъ), П. Н. Поповъ (Саратовъ) и И. В. Петровъ (Кострома)—всѣ; Н. В. Вологитинъ (Симбирскъ)—№ 2, 3 и 4; В. А. Ивановъ (СПб.)—№ 5.

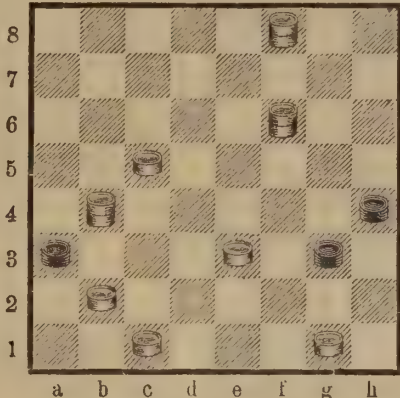
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шомина.

ЗАДАЧА № 10.

А. И. Шомина (въ ПЕТЕРБУРГѢ).

Черныя.

СРОКЪ ВТОРОГО ВЗНОСА.

Главная контора журнала „Живописное Обозрѣніе“ доводитъ до свѣдѣнія Гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ РАЗСРОЧКОЮ, что **СРОКЪ ПЛАТЕЖА ВТОРОГО ВЗНОСА ДЕНЕГЪ ИСТЕКАЕТЪ ВЪ МАРТѢ**, а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своевременно слѣдующаго взноса, дальнѣйшая высылка журнала **СЪ ПЕРВАГО АПРѢЛЯ БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА**.

Книжки № 1 и 2 (январь и февраль) за 1896 годъ журнала «Домашняя Библіотека» печатаются для новыхъ подписчиковъ—ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ.

Въ конторѣ журнала „Живоп. Обозр.“ (Спб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб. 5 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскаго д. м. Генрихъ Блокъ.
— 1 Спб., Невскій, 59. № 2261.

ФОТОГР. АППАРАТЫ К. И. ФРЕЛАНДТЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№ 27—18 УЛИЦА УЛИЦА

РЕКОМЕНДУЮ ОГРОМНѢЙШІЙ ВЫБОРЪ Карманныхъ ЧАСОВЪ.

Высылаемая во всѣ мѣста Россіи. «чѣтательно проверенная въ изысканныхъ футлярахъ съ 2-хъ лѣтней гарантіей, по значительному удешевленнымъ цѣнамъ: часы черные изъ вороненой стали, алетантныя, открытыя Анкеръ-Ремонтуръ съ заводомъ безъ ключа прочной конструкціи. Вѣчные русскіе, французскіе или нѣмецкіе календаремъ (т. е. п. казывающие мѣсяцъ, число, день и фазы луны) цѣна .0 р. 75 к. Также же самыя глухіе серебряныя всѣ 3 крышки 84 пробы, прочной конструкціи и прелестной отделки . . . 16 р. 50 к.

Часы серебряныя глухіе 84 пробы, прочной конструкціи и прелестной отделки, наружнымъ ходомъ, заводишеся разъ въ недѣлю . . . 23 р. 00 к.

Часы серебряныя, всѣ 3 крышки 84 пробы, глухіе, анкеръ, прочной конструкціи, заводъ ключемъ на 23-хъ камняхъ мужские . . . 9 р. 50 к.

Часы серебряныя, всѣ 3 крышки 84 пробы особенно изящнаго фасона и прочности, съ заводомъ безъ ключа Ремонтуръ . . . 11 р. 50 к.

Часы серебряныя, всѣ 3 крышки 84 пробы изящнаго фасона, цилиндръ-дамскіе заводъ ключемъ или ремонтуръ 8 р. 50 к.

Имѣются прелестныя цѣпочки изъ чистаго золота, гарантіюнные, ничѣмъ не отлич. отъ настоящаго золота поз. 4 и 5 р. ш. По желанію Гг. покупателей часы высылаю наложеннымъ платежомъ, при полученіи задатка.

Требованія прошу адресовать:
ТОРГОВОЙ ФИРМѢ Ш. БИТКЕРЪ.
Варшава, улица Святого Георгія, 28.
Прейсъ-курранты высылаю франко. № 2263—4

Отпечатанъ и поступилъ въ продажу

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

произведеній **СТУДЕНТОВЪ**

ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго университета подъ редакціей и съ предисловіемъ

Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго

въ пользу Общества вспоможенія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

Цѣна 3 руб.

ФАБРИКА
РОЯЛЕЙ
И ПИАНИНО

Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ

НОВ. АМЕРИК.
КОНСТР. ИЗМ. П.
ЭРОТА НЮ СБ.

рояли и пианино америка. констр. со всѣми новѣйш. усоверш. перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ, двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч. двойн. репетицією, пріятн. и сильн. тона.

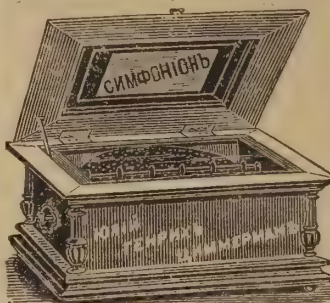
Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и бол.

Пианино . . . 350, 375, 425, 460, 500, 550, 600 и бол.

Армоніопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія на нѣсколько лѣтъ. № 232—

СИМФОНИОНЫ

Музыкальныя шкатулки съ пріятнѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ возможность имѣть по произволу пьесы, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручкой безъ нотъ	5 —
Ноты по	25 —
Заводной безъ нотъ	10 —
Ноты по	25 —
Заводной 60-тонный безъ	28 —
Ноты по	50 —
Заводной 84-тонный безъ	40 —
Ноты по	60 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	70 —
Ноты по	80 —
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie Piccolo	100 —
Ноты по	1 —

НОВОСТЬ: Часы съ музыкой. Солидные часы, разъ въ день заведенные, играютъ сами черезъ каждый часъ выбраннаго по произволу пьесы. Въ случаѣ желанія—играютъ,

когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.

Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.

Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-куррантъ всѣмъ

инструментамъ бесплатно.

№ 805-14

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

М-ме ЗИНА,

СПБ. Мойка. Демидова пер. № 1.
Громадный выборъ готовыхъ пальто, плащъ, костюмовъ и платьевъ для дѣтей до 16 лѣтъ. Новѣйшіе парижскіе фасоны. Лѣтніе костюмы.
Пересылка нал. платежомъ. „Лѣтскія Моды“ и Прейсъ-куррантъ бесплатно. 2380—2

Продана участковая земля въ Александріи (бывшей Звѣринцѣ), мѣстности, расположенной вблизи Вильны, отдѣленной отъ города только рѣкой Вильей, черезъ которую дерекнутъ мостъ, соединяющій Александрію съ главной улицей Вильны—Георгіевскимъ проспектомъ.

Мѣстность песчаная, покрытая старымъ сосновымъ лѣсомъ, въ гигиеническомъ санитарномъ отношеніи—ничего лучшаго желать нельзя. Климатъ мягкій. Дачная жизнь съ марта по ноябрь. Цѣна участка отъ 4 руб. за кв. сажень и дорожке, продажа за наличныя и въ разсрочку на 18 лѣтъ.

Такъ какъ пробыдѣ теперь дешевый, то желающимъ рекомендуется пріѣхать и посмотреть.

АДРЕСЪ:

Вильно. Контора Александріи (бывшей Звѣринцѣ).

№ 14 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 8-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) Листъ «Еженедѣльной хроники» № 14.

Дозволено цензурою. Спб., 29 марта 1896 г.

Типографія С. Дородьева, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Главная Контора журнала: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ № 68—40.

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРѢ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВСѢМЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ РАЗСЫЛАЕТСЯ:
Четвертая книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній — «Домашняя Библіотека», № 4-й (за апрѣль 1896 года).
Всѣ номера журнала сдаются на почту строго проверенными и въ полномъ количествѣ всѣхъ тѣхъ приложеній, о которыхъ заявляется въ номеръ. Неполучившіе при номерѣ какаго либо приложенія, благоволятъ заявить объ этомъ немедленно доставившему номеръ журнала почтовому служителю, а затѣмъ сообщить въ Главную Контору не позднѣ получения слѣдующаго номера журнала, такъ какъ позднѣшнія претензіи почтамтъ не принимаются и разсѣлованію, а высылать второй экземпляръ не всегда представляется возможнымъ для редакціи.

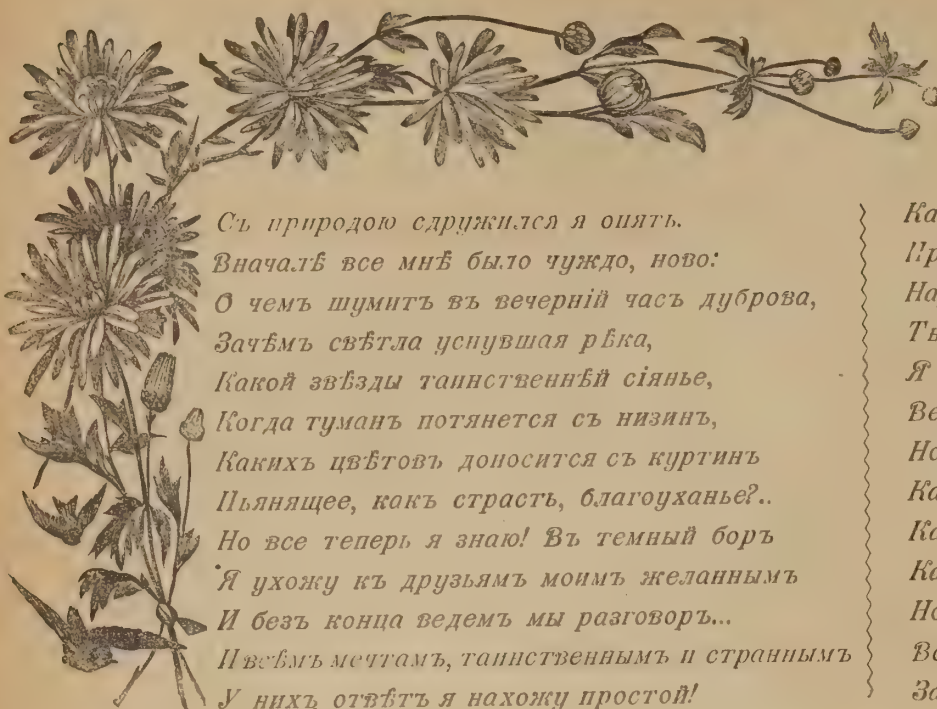
ПОМОЛВКА ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ (23 марта 1896 года).

АВГУСТЪЙШІЕ
ЖЕНИХЪ И НЕВѢСТА.

Ея Королевское Высочество Королевна Греческая
Марія Георгіевна.

Его Императорское Высочество Великій Князь
Георгій Михайловичъ.

Съ природою сдружился я опять.
Вначалѣ все мнѣ было чуждо, ново:
О чемъ шумитъ въ вечерній часъ дуброва,
Зачѣмъ свѣтла уснувшая рѣка,
Какой звѣзды таинственнѣй сіянье,
Когда туманъ потянется съ низинъ,
Какихъ цвѣтовъ доносится съ куртинъ
Пьянящее, какъ страсть, благоуханье?..
Но все теперь я знаю! Въ темный боръ
Я ухажу къ друзьямъ моимъ желаннымъ
И безъ конца ведемъ мы разговоръ...
И въѣмъ мечтамъ, таинственнымъ и страннымъ
У нихъ отвѣтъ я нахожу простой!

Какъ ожилъ я, помолодѣлъ душой!
Природа-мать! Когда съ тобою союзъ
Нарочно-ли, случайно-ли нарушенъ—
Ты покарать умѣешь! Вѣчныхъ узъ
Я не порвалъ съ тобою; я былъ послушенъ
Велѣнію безжалостной судьбы,
Но какъ страдалъ, какъ сердце изсушалось,
Какъ я слабѣлъ среди пустой борьбы,
Какъ радость мнѣ не часто улыбалась,
Какъ вдохновенье гаснуло во мнѣ!
Но снова я съ тобою. Душа открыта...
Все, что вдали тебя безславно пережито—
Забвенью предано. То было лишь во снѣ!..

Н. Медвѣдскій.

НЕ ОТЪ МІРА...

Романъ И. И. Забреннева (продолженіе).

ВЪ ТОТЪ годъ Зубовы жили на Кре-
стовскомъ, на дачѣ.

Съ половины лѣта, домашнія стали
замѣчать за Еленой какія-то «странности»,
какъ выразилась ея старшая сестра.

— Что съ тобою, Елена, случилось? Ты
такая разбѣянная. Ходишь, какъ луна-
тикъ...—то и дѣло спрашивали молодую дѣ-
вушку мать и сестра съ зятемъ.

— О, со мной ничего, конечно!—съ розо-
вымъ смущеннымъ румянцемъ отвѣчала та,
тишечно избѣгая слишкомъ пытливыхъ и про-
ническихъ взглядовъ родни.

— Ну, вѣтъ... Что-то такое есть!

О, Господи, что было съ нею! Да развѣ
знала она сама, что именно сдѣлалось съ
нею съ нѣкоторыхъ поръ? Развѣ она смогла
бы проанализировать весь этотъ сложный
наплывъ новыхъ чувствованій, новыхъ ощу-
щеній...

Былъ такой день, около двухъ недѣль то-
му назадъ, и въ этотъ день, какъ занавѣсъ
подымается въ театрѣ, взвилась передъ нею
пелена, скрывающая жизненные явленія
первостепенной важности. Въ этотъ знаме-
нательный день Елена вдругъ оцѣнила ни
съ чѣмъ несравнимую цѣнность своихъ двад-
цати двухъ лѣтъ.

— О, какъ жизнь хороша! Какое наслаж-
деніе дышать, двигаться, думать! А моло-
дость!..

Казалось, всѣ ея мечты о возможномъ
земномъ счастьѣ, такіа далекая, отвлечен-
ныя, разомъ осуществились...

Ея задумчивое, всегда сосредоточенное
личико озарилось новымъ выраженіемъ ка-
кой-то нѣжной ласки, тихаго безпредметна-
го восторга. Ахъ, этотъ день! Свѣтлый, свер-
кающій, залитый солнцемъ...

Ея рука треметала отъ радостнаго волне-
нія въ рукѣ Алеши и она, впервые еще
въ своей жизни, сказала «люблю!»

До этого дня она и не знала какой чуд-
ной мелодіей звучитъ это простое слово.

И теперь, она вся жила подъ могучимъ

обаяніемъ новаго, пламенемъ охватившаго
ее чувства.

Во флигелѣ на дворѣ дачи, гдѣ они жи-
ли, занималъ комнату Алексѣй Васильичъ
Хоромскій. Молодой человѣкъ служилъ въ
большомъ торговомъ домѣ. Занимая отвѣт-
ственное мѣсто, онъ видимо получалъ зна-
чительное содержаніе и пользовался свобод-
нымъ временемъ съ четырехъ часовъ.

Однажды, Елена, встрѣчая сестру, сидѣла
съ Володей у паровой пристани, какъ
вдругъ, мальчикъ дернулъ ее за руку.

— Тетя! Погляди, Алексѣй Васильичъ съ
нашего двора!

— Какой Алексѣй Васильичъ съ нашего
двора?

— А это мой другъ... товарищъ,—съ важ-
ностью пояснилъ Володя и окликнулъ свое-
го друга:

— Алексѣй Васильичъ!

Молодой человѣкъ остановился, снялъ
шапку и, глядя на Елену, раскланялся
улыбаясь съ Володей.

Елена чуть-чуть наклонила голову и почти
безсознательно подумала: онъ красивъ.

— Какой онъ красивый!—какъ-бы въ от-
вѣтъ на ея мысль сказалъ Володя. — Я его
очень люблю; онъ обѣщалъ покатать меня
на лодкѣ.

На другой день былъ праздникъ. Прогу-
ливаясь на Елагиномъ съ Володей, Елена
встрѣтила Хоромскаго въ яхтъ-клубской ша-
почкѣ. Онъ подошелъ къ нимъ, предста-
вился Еленѣ и, какъ взрослому, крѣпко по-
жалъ руку Володѣ. Мальчикъ не отпу-
скалъ его.

— Алексѣй Васильичъ, ну спросите у тети,
что вы хотѣли спросить?

— Елена Григорьевна,—обратился Хором-
скій,—вы отпустите со мною Володю, пока-
таться на лодкѣ?

— Отпущу,—просто отвѣтила молодая дѣ-
вушка, по своей привычкѣ, прямо глядя въ
глаза Хоромскому. —Если вы только не пере-
вернетесь съ вашей лодкой,—добавила она.

— Полноте! Вѣдь я яхтъ-клубскій при-
зѣръ...

Съ этой вторичной встрѣчи они стали ви-
даться.

Они скоро сдружились—молодость такъ
скоро понимаетъ другъ друга. Володя сдѣ-
лался какъ-бы ихъ тайнымъ сообщникомъ.
Часто отправляясь вмѣстѣ съ Володей, Елена
встрѣчалась въ условленномъ мѣстѣ съ Хо-
ромскимъ. И время проходило незамѣтно.
Они гуляли вмѣстѣ, катались на лодкѣ, бол-
тали дружески о томъ, о другомъ и радова-
лись, какъ дѣти, если сходились во взглядахъ.

Почти сама того не замѣчая, вглядываясь
въ добрые, каріе глаза молодого человѣка,
въ открытое выраженіе его умнаго и муже-
ственного лица, прислушиваясь къ его про-
стой и сердечной рѣчи—Елена привыкла къ
нему, какъ не могла привыкнутьъ къ роднымъ
братьямъ.

Не видя Алексѣя два-три дня, она начи-
нала беспокоиться, разными мыслями, которыя
она сама потомъ называла «смѣшными»,
приходили ей въ голову, но въ душевной
простотѣ своей, она и не думала спрашивать
себя, нѣтъ-ли въ всемъ этомъ чего-нибудь
особеннаго.

— Мы тоже друзья съ Алексѣемъ Васильи-
чемъ,—нисколько не маскируясь, отвѣтила
она, какъ-то, на ребяческій вопросъ Володи:—
«Теточка, мы съ Алексѣемъ Васильичемъ
друзья, а ты... какъ ты съ нимъ?»

Вздумавъ-бы предложить ей подобный во-
просъ кто изъ домашнихъ, она-бы отвѣтила
чистосердечно той-же фразой: «мы друзья!»

Да и Алексѣй Васильичъ, можетъ быть,
безсознательно подчиняясь влиянію болѣе
впечатлительной Елены, не разыгрывалъ
«комедіи страсти нѣжной», не вздыхалъ, си-
дя рядомъ съ нею, не говорилъ компли-
ментовъ...

Но съ каждымъ разомъ, онъ чувствовалъ
себя въ ея обществѣ все смѣлѣе и смѣлѣе.
Наконецъ... это случилось такъ неожиданно,
что и самъ онъ на другой день не могъ

припомнить съ чего началось,—онъ разска- залъ молодой дѣвушкѣ всю свою жизнь. Кажется, говоря о чемъ-то Володѣ, Алексѣй упомянулъ о ранней смерти своего отца.

— А, стало быть, вы совѣтъ не помните его,—сказала Елена.

— Нѣтъ, смутно помню... Все-таки, онъ умеръ, когда мнѣ было пять лѣтъ.

Алексѣй взглянулъ на дѣвушку. Она задумы- валась о чемъ-то; алые отблески заходя- щаго солнца озарили ея блѣдное личико; потемнѣвшіе глаза смотрѣли мечтательно и неопредѣленно.

Что-то искоркой вспыхнуло въ немъ...— Разскажу ей все!—внезапно рѣшился онъ.

И онъ разсказалъ ей все. Разсказалъ, что онъ теперь одинокъ, совсѣмъ одинокъ: въ прошломъ году умерла его мать; онъ всегда жилъ съ нею. Разсказалъ, какъ въ училищѣ учился, перебиваясь уроками. А тамъ по- ступилъ въ торговый домъ Джаксона—«о размѣрѣ моего перваго жалованья умолчу: стыдно!» Однако, приходилось содержать и себя, и мать.

— Тяжело было, а ничего не сдѣлаешь!

Работа, работа и работа!.. Днемъ—обыкно- венныя занятія; вечеромъ—добавочныя. Такъ прошло года три. А тамъ началось завоева- ніе благосостоянія—медленное, но упорное.

— Теперь... теперь я прочно сижу. Теперь я богатъ!..

И Алексѣй засмѣялся, въ душѣ удивля- лись своей неожиданной откровенности и то- му, что все пережитое, казавшееся ему та- кимъ долгимъ и громоздкимъ—вылилось въ какія нибудь четверть часа.

— О, благодарю, благодарю васъ! И Елена порывисто схватила руку Алексѣя, крѣпко сжала ее. Она была признательна ему за великое довѣріе, которое онъ оказалъ ей. Онъ говорилъ такъ просто о своей немудреной жизни. А жизнь его была трудовая и одинокая!..

Изъ всего, что говорилъ Алексѣй, укрѣпи- лась въ ея памяти только одна яркая чер- та: онъ былъ всегда одинокъ. Его мать относи- лась къ нему равнодушно, хотя онъ и былъ ея единственной поддержкой. Друзей на- стоящихъ никогда у него не было!

— Другъ мой!—такъ и вырывалось у Елены признаніе,—а я-то какъ жила!

Неожиданная исповѣдь молодого человѣка захватила своею искренностью ея чуткую впечатлительность. Она едва удержалась отъ разсказа своей жизни!..

Сдержала себя... И только ея взглядъ, потемнѣвшій отъ внутренняго волненія, да крѣпкое товарищеское пожатіе руки, были наградою Алексѣю.

И эта проская ласка произвела на простое сердце молодого человѣка странное, неувом- нное впечатлѣніе.

Вернувшись домой, онъ долго сидѣлъ, не раздѣваясь, у окна.

— А что-же?—подумалось ему,—развѣ ужъ я и не имѣю права на счастье?

Ему припоминалась вся его трудовая, пол- ная борьбы и тревоги жизнь, прошлое кото- рой онъ самъ только-что затронулъ. Вспоми- нались глубокіе глаза Елены, въ которыхъ свѣтилось къ нему такое безграничное уча- стіе. Ему стало жарко, и онъ шире распах- нулъ окно. Тонкій, изысканный контуръ молодого мѣнца вырисовывался въ синевато-золоти- стомъ сумракѣ лѣтняго неба. Едва замѣтныя звѣзды мерцали электрическими огонька- ми въ недосыгаемой вышинѣ. На сосѣд- ней дачѣ праздновали чьи-то именины. До-

носились отдѣльныя слова и фразы, кажу- щіяся дикими въ этой торжественной тиши- нѣ вечерняго часа. Проѣхали дрожки... На сосѣдней дачѣ пили что-то здорье, стучали ногами и двигали стульями!..

Тоска, страшная тоска. Точно его всегдаш- нее одиночество глянуло ему прямо въ глаза своимъ безжизненнымъ, искривленнымъ въ проницательную усмѣшку лицомъ, своимъ хо- лоднымъ могильнымъ взглядомъ!..

Онъ схватился за послѣднюю надежду.

— Милая моя дѣвушка! Милая Лена, ты спасешь вѣдь меня отъ этого ужаса одино- чества? Спасешь вѣдь? А я отдамъ тебѣ свою жизнь!

И вдругъ съ эгоистическимъ пыломъ мо- лодой, здоровой натуры, ему страстно захо- тѣлось простого людского счастья, схватить Елену въ свои объятія, назвать своею, за- цѣловать ее!..

Молодая дѣвушка вернулась домой взвол- нованная, въ глубокой задумчивости. Ей те- перь такъ хотѣлось остаться одной!..

Но нѣтъ. Нужно было еще пить чай, слег- ка ужинать. Ей кусокъ не шелъ въ горло, она съ большимъ трудомъ составляла самыя простыя фразы, а надо было закусывать и поддерживать общій разговоръ, иначе не въ мѣру подозрительная родня закидаетъ рас- просами.

Наконецъ—«слава Богу, одиннадцать ча- совъ!» Она свободна и можетъ уйти въ свою комнату.

Она опустила въ пенюарѣ въ старин- ное кресло, стоящее около постели. При слабомъ голубомъ свѣтѣ ночника, она казалась такою оригинальною въ этомъ высокомъ кре- слѣ, широко въ локоть одѣяніи, съ полуоб- наженными прекрасными руками, свободно лежащими на ручкахъ кресла, съ общимъ выраженіемъ напряженной думы на блѣд- номъ первомъ лицѣ.

Всѣ ея мысли, какъ стальные опилки къ магниту, прильнули теперь къ одной точкѣ!..

Ее ошеломила внезапная исповѣдь Але- ксѣя. Никогда еще не приходилось ей узна- вать чужую жизнь въ такой полнотѣ и под- робностяхъ. Въ ея родной семьѣ каждое ду- шевное движеніе, каждой искренній порывъ тщательно скрывались и заглушались, какъ нѣчто недостойное.

— Стало быть, вотъ какою бываетъ чело- вѣческая жизнь!

Елена вздохнула.

Ей было жаль Алексѣя. Тѣ мѣста его по- повѣди, въ которыхъ можетъ быть помимо его собственнаго желанія звучалъ тонъ сер- дечныхъ страданій, болѣзненно отзывались въ ней.

— Такъ нельзя жить! Безъ любви, безъ возможности подѣлиться съ родной душой горемъ или радостью!

Слишкомъ хорошо была знакома ей въ ро- дительскомъ домѣ такая жизнь!

Она вспомнила открытый доверчивый взглядъ Алексѣя; вспомнила, какъ вздрогнула его рука, въ моментъ, когда она благодарилъ его однимъ безмолвнымъ пожатіемъ.

Молодая дѣвушка вдругъ встала съ крес- ла и, быстро подойдя къ окну, взглянула въ ту сторону, гдѣ виднѣлось окно Алексѣя. Но тотчасъ-же отошла и снова опустилась въ кресло. Не спалось. Въ эту сосредоточен- ную минуту особаго состоянія, средняго ме- жду сномъ и бодрствованіемъ, какъ-то не- ожиданно скользнули въ памяти Елены нѣ- сколько туманныхъ очерковъ, воспоминаній давно-пержитыхъ дней.

Она маленькой дѣвочкой въ пансіонѣ. Всѣ завидуютъ ей. Ни у кого нѣтъ такихъ плать- евъ и гостинцевъ, какъ у нея. Но за то къ ея «бѣднымъ» подругамъ часто приходятъ ихъ матери, ласково бесѣдуютъ съ ними и нѣжно-нѣжно цѣлуютъ. А къ ней пріѣдетъ маманъ, привезетъ гостинцевъ, о которыхъ въ пансіонѣ говорятъ цѣлую недѣлю, оки- нутъ ее холоднымъ взглядомъ, сухо поцѣ- луетъ и уйдетъ. А ея маленькое сердце такъ хотѣло ласки и участія. Всѣ въ пансіонѣ, начиная съ madame Линьи и кончая млад- шей горничной Палашей, твердятъ, что Ле- ля Зубова счастливица!.. Она счастливица!

— Ахъ это счастье, счастье!—Елена горько усмѣхнулась.

А потомъ дома все то-же, то-же и то-же. Внѣшній видъ довольства и счастья, а на душѣ!..

Но съ кѣмъ же раздѣлитъ она всю затаен- ную нѣжность своего разцвѣтающаго серд- ца, кому принесетъ она въ даръ и свою не- тронутую молодость, и свою первую любовь?

Прошло полторы недѣли. Они гуляли всѣ вмѣстѣ: Елена, Володя и Алексѣй.

Володя встрѣтилъ знакомую барышню— миниатюрное созданье, лѣтъ семи, съ чер- ными живыми глазками и розовыми щеч- ками.

Онъ былъ такъ радъ, такъ радъ! Онъ ее давно не видалъ: съ того самаго дня, какъ они играли на именинахъ ея маманъ, въ кро- кетъ. И онъ надѣется, что милая, хорошая, красивенькая теточка Леночка отпуститъ его поговорить съ Мери!.. Всего на какихъ ни- будь полчаса!

— Вѣдь m-lle Angeline будетъ съ нами; а ты посиди съ Алексѣемъ Васильичемъ.

— Хорошо.

Володя отправляется съ барышней и ея гувернанткой m-lle Angeline, сыграть пар- тію—другую въ крокетъ. Елена остается съ Алексѣемъ.

Они молчали.

Оба они были молоды, оба любили въ пер- вый разъ въ жизни.

Къ чему слова? Они были такъ близко другъ къ другу! Они спорили, клялись и обожали въ этомъ безмолвіи внѣшней рѣчи. Они точно переживали цѣлую жизнь!..

Алексѣй тихо дотронулся до ея руки и она впервые услышала признаніе въ любви. Не мудреное то было признаніе! Не изъ красныхъ словъ оно состояло, пожалуй, оно было даже банально. Но глаза... но голосъ... но пожатіе руки!..

Молитвенное умиленіе передъ этой мину- той навсегда запечатлѣлось въ сердцѣ Еле- ны.

И съ этого дня Елена сразу перемѣни- лась. Она ходила теперь съ высоко-поднятой головой. Жизнь, вдругъ получившая для нея разумную основу, зажгла нѣжный румянецъ на ея блѣдныхъ щекахъ.

Голосъ ея сталъ звучнѣй. Взглядъ увѣрен- нѣе и важнѣе. Точно она испытала посвя- щеніе въ какой-то могущественный орденъ, точно что-то необычайно-великое открылось ея изумленнымъ очамъ и наложило неизгла- димый отпечатокъ на всю ея личность, мыс- ли и поступъ.

Теперь участились ихъ свиданія. Они не могли наговориться въ тѣ короткіе полчаса или часъ, которые они могли удѣлить сво- имъ встрѣчамъ, и они писали еще другъ дру- гу письма. Они переживали драгоценнѣйшія неповторяемыя минуты своей жизни.

И Елена, и Алексѣй ни слова не говорили

«Распутица». Сь картины художника В. Новальскаго.

Сюжетны. Оригинальный рисунокъ художника И. Пархоменко

о будущемъ. Они жили настоящимъ: они передавали другъ другу свои мечты, были горести и радости...

Не дѣлая никакихъ особенныхъ успѣй они сумѣли уберечь свои отношенія отъ нескромнаго любопытства постороннихъ, даже прислуга ничего не подозрѣвала. Одинъ Володя былъ свидѣтелемъ ихъ свиданій, но и онъ съ какой-то непонятною скрытностью оберегалъ ихъ. Они не боялись, что онъ проговорится и свободно сидѣли при немъ, слегка обнявшись. Нерѣдко, въ порывѣ шутки, Володя соединялъ ихъ головы вмѣстѣ и они цѣловались.

Приближался день большой гонки, въ которой долженъ былъ участвовать Алексѣй. Елена теперь часто видѣла, какъ раннимъ утромъ, по дымящейся рѣкѣ, онъ, тренируясь, разбѣжалъ въ гичкѣ со своими компаньонами.

На гонку Зубовы отправились всѣмъ семействомъ.

Гичка Алексѣя обогнала на три фута гичку противниковъ и рулевой получилъ серебряный жбанъ, а Алексѣй съ своимъ компаньономъ по парѣ изящныхъ золотыхъ запонокъ. Эти запоны, ввидѣ якорей, Елена увидѣла во снѣ, въ ту-же ночь.

Послѣ торжественной раздачи призовъ побѣдителей, клубъ задѣлъ торжественный обѣдъ.

За обѣдомъ Елена сидѣла со своими, а панкось сидѣлъ Алексѣй съ своимъ компаньономъ, высокимъ молодымъ человѣкомъ съ упорнымъ взглядомъ и рыжими усами.

Многіе клубисты, а участвовавшіе въ гонкахъ всѣ—шеголяивъ гоночныхъ костюмахъ. Веселый смѣхъ, обнаженные мускулы, богатые груди.

Обѣдали съ музыкой, игравшей тушь, всякій разъ, какъ провозглашалось здоровье побѣдителей.

Обѣдъ кончился. И вскорѣ начались танцы.

На роялѣ игралъ сѣднѣйшій старичекъ, знаменитѣйшій тадеу въ Петербургѣ.

Елену охватило желаніе танцовать. Ей хотѣлось пѣть, прыгать. Она была очаровательна въ своемъ свѣтло голубомъ платьѣ, украшенномъ живыми цвѣтами.

Подошелъ Алексѣй съ молодымъ человѣкомъ въ рыжихъ усахъ.

— Елена Григорьевна, позвольте представить моего друга Роберта Ивановича Джаксонъ.

— О да, я хочу имѣть эту честь: знакомиться вами.—сказалъ въ свою очередь англичанинъ, обладающій могучими мускулами, эффектно вырисовывающимися подъ легкой тканью гоночнаго костюма.

Джаксонъ пригласилъ ее на вальсъ, и она почувствовала себя въ объятіи этого гиганта такую безпомощною, маленькою, слабою. На поворотахъ онъ поднималъ ее, какъ перышко. Онъ оказался знакомымъ по биржѣ съ мистеръ Сообой и, будучи племянникомъ главы фирмы, управлялъ ея здѣшнимъ отдѣленіемъ, гдѣ служилъ Алексѣй. Освѣдомившись въ вальсѣ, гдѣ сидѣли родители Елены, Джаксонъ прошелъ къ нимъ, но они уже уѣхали, оставивъ младшую дочку на попеченіи старшей.

Тогда Робертъ представилъ Александрѣ Григорьевнѣ и ея мужу, который былъ очень радъ погрозить линией расѣ женнымъ подаркомъ—серебряными шпорами съ малиновымъ звономъ.

Танцы шли своимъ чередомъ. Мелькали

розовые, бѣлые, голубые платья. Ихъ обладалыницы съ легкостью сплѣсидѣ трепетали и кружились въ мускулистыхъ рукахъ своихъ кавалеровъ. Иногда становилось тѣсно въ залѣ, тогда пары уносились въ сосѣднія гостиныя. Это походило на пхиппение сабинянокъ.

Алексѣй съ Робертомъ пошли провожать Елену и Александру Григорьевну съ мужемъ. Алексѣй впереди съ Еленой, разговаривалъ о сегодняшней гонкѣ, она отвѣчала ему; но они говорили одно, а думали другое. Робертъ рассказывалъ своимъ немного комичнымъ языкомъ англійскіе и французскіе анекдоты, смѣша до слезъ жену и мужа.

Снимая галстукъ передъ зеркаломъ (онъ остался ночевать у Алексѣя), Робертъ заявилъ:

— Знаешь, Алексѣй, я до сихъ поръ предпочиталъ женщинъ толстыхъ, крупныхъ (въ этомъ отношеніи рижскія нѣмки незамѣнимы), но теперь... я не знаю—мнѣ начинаютъ нравиться и хрупкія. У нихъ глаза... да, именно, глаза обладаютъ особенной силой, тѣмъ, что называется нервной силой... магнетизмомъ...

Позже, уже въ постели, онъ опять обратился къ Алексѣю:

— Не помнишь, я не рассказывалъ тебѣ, какъ прошлымъ лѣтомъ я встрѣтилъ въ Единбургѣ одну визионерку (это фанатическая секта). Я сразу почувствовалъ къ ней странное влеченіе... И знаешь, она, эта Лена Зубова, удивительно напомнила мнѣ ту... У нихъ что-то общее... въ глазахъ... эта сила... нервная сила...

— Ну, тебѣ, какъ товарищу, я могу сказать,—подѣлился Алексѣй,—мы любимъ взаимно. Лена и я—уже объяснились... Что? Ты смѣешься, кажется, Робертъ?

— Вотъ еще! Откуда ты взялъ? Я очень радъ за тебя. Однако, пропай. Спать хочется. Я порядкомъ сегодня усталъ.

IV.

— Слушай, Лена, сколько времени это будетъ продолжаться? Ахъ, я всегда знала, что ты самая неудачная изъ дѣтей, что ты много горя причинишь и мнѣ, и отцу... Ты никогда не будешь нашимъ утѣшеніемъ. Богъ тебя накажетъ за это, Елена! Молитвы родителей къ Нему всегда доходятъ. Какъ! Отецъ и мать совѣтуютъ своей дочери,—еще незнающей людей, невидящей и непонимающей свѣта—совѣтуютъ выйти за человѣка, вполне достойнаго; богатаго... молодого, наконецъ, не старика, вѣдь...

Мать еще ближе подошла къ сидящей дѣвушкѣ.

— И потомъ... (и ты это хорошо знаешь!) этотъ человѣкъ, если захочетъ, можетъ разорить насъ! Слышишь ты это!—глаза Марьи Александровны засверкали—онъ можетъ всѣхъ насъ сдѣлать несчастными! И все это изъ-за тебя, изъ-за твоего каприза, дикаго, глупаго каприза мерзкой дѣвочки—всегданняго несчастья своихъ родителей! О проклятіе! зачѣмъ я родила тебя!

Мать схватилась за начинающія сѣдѣть волосы.

— Безъ дозволенія родителей сблизиться съ какимъ-то мальчишкой, безъ всякаго будущаго, безъ обезпеченія... Неужели ты думаешь, что Робертъ Ивановичъ не прогонитъ Хоромскаго, если только ты выйдешь за него? Непокорная дочь! Берегись! Ты заставляешь свою мать унижаться передъ тобой, упрашивать, когда она по закону имѣетъ право

приказать тебѣ!... Встань, когда передъ тобой стоятъ старшія. Какъ ты смѣешь сидѣть? Ты скажешь, что это мелочи, но въ этихъ-то мелочахъ и зло все. Я слишкомъ мало обращаю вниманія на твою непокорность... Вотъ, вотъ—результаты этого!..

Она на мгновеніе замолчала, провела бѣлой красивой рукой по лицу и вдругъ, внезапнымъ порывомъ, привлекла на свою мощную грудь Елену, безмолвную, похудѣвшую отъ всѣхъ волненій и того, что ей пришлось пережить за эти послѣднія двѣ недѣли.

— Леночка, моя милая Леночка! Будь послушна: выходи замужъ за Роберта! Не ставь своего отца и свою мать, на старости лѣтъ, пойти съ сумой! О, раньше, раньше, если-бы... Я-бы не настаивала, но теперь это ужасно... въ наши годы, лишиться всего, начинать сызнова... О, пожалѣй хоть отца, если тебѣ не жалъ меня!.. Лена, Лена!

Крупныя слезы Марьи Александровны упали на голову бѣдной дѣвушки. Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Что-то неизъяснимое произошло съ нею, она отклонилась отъ матери и скорѣе вскрикнула, чѣмъ сказала, простирая руку:

— О мама, ради Бога... уйди сейчасъ! Я не въ силахъ... Я дамъ отвѣтъ, скоро, сегодня-же, но только—не сейчасъ!.. Нѣтъ, уйди, уходи!..

Мать отступила на два шага. Выраженіе радости растеклось у нея по лицу. Она взялась за ручку двери и издали перекрестила дочь.

— Царица Небесная пусть вразумитъ тебя! И вышла, шурша шелковой юбкой и шепча: «Помяни Господи царя Давида и всю кротость его!»

Въ открытое окно врывался шумъ лѣтняго дня; жужжала пчела, копошась въ цвѣткѣ, стоявшемъ на окошкѣ; канарейка высвистывала соловьемъ на сосѣдней дачѣ; дѣтскіе свѣжіе голоса слышались въ садикѣ за дворомъ...

Елена подошла къ двери, изъ которой только-что вышла мать, и повернула ключъ; потомъ такъ-же тихо прошла къ дивану, взяла бархатную подушку и легла на нее лицомъ.

И замерла. Ни звука; даже дыханія не было слышно въ комнатѣ бѣдной осужденной. Только въ открытое окно робко врывался вѣтерокъ, колыхавшій тюлевую гардину; пчела жужжала въ цвѣткѣ; канарейка звенѣла соловьемъ у сосѣдей, да дѣти, продолжая играть въ саду, весело смѣялись надъ чѣмъ-то...

Но ничего этого не слышала Елена. Передъ закрытыми глазами дѣвушки сыпался цѣлый вулканъ огненныхъ искръ. Жгучими воспоминаніями проходили передъ нею день за днемъ, эти ужасныя двѣ недѣли ея крестныхъ мукъ.

... На другой день послѣ той гонки, Робертъ подошелъ къ Зубову и, сдѣлавъ нѣсколько комплиментовъ Еленѣ, сообщилъ важное извѣстіе, давшее возможность старику въ тотъ-же день заработать десять тысячъ. Григорій Павловичъ пріѣхалъ домой въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа.

Боже! какія блестящія комбинаціи зародились въ его финансовомъ воображеніи! Вдругъ, Джаксонъ сдѣлается его зятемъ; у него образуется цѣлый рядъ новыхъ коммисій и онъ сотретъ съ лица земли своихъ исконныхъ враговъ «Братьевъ Роденау и К°»...

Его глаза искрились отъ удовольствія, когда онъ передавалъ за обѣдомъ семьѣ:

— И тогда я спросил: такъ вамъ очень нравится моя дочь? А онъ: о, я въ восторгѣ! Слышишь, Елена, этимъ надо пользоваться!

Елена сидѣла, вся похолодѣвъ. Съ этого началось.

Черезъ три дня отецъ привезъ предложеніе Роберта. «Онъ, видно сейчасъ, умный человекъ, сначала сиранился у отца!»

— А ты... ты согласна, конечно?

— Нѣтъ!—тихо, но твердо отвѣтила Елена.

Это было такъ неожиданно, такъ неожиданно, что Григорій Павловичъ не могъ даже открыть рта и только поглядѣлъ на жену.

Жена нашлась...—О, она сказала глупости, она подумаетъ.

— Выйди, Елена!—отдала она приказаніе.

Та поднялась и вышла, чувствуя, какъ рыданія душатъ ее и кровь стучитъ въ вискахъ.

Вечеромъ, въ ея комнату пришла мать и внушила, что она должна выйти за Роберта, а иначе имъ все въ плохое придется: Робертъ, если захочетъ, можетъ разорить ихъ.

Елена заявила, что любить другого и сказала кого.

На слѣдующій день отецъ позвалъ ее въ кабинетъ и ледянымъ тономъ сообщилъ, что Робертъ слишкомъ благоразуменъ и готовъ подождать отвѣта...

— За Хоромскаго-же ты никогда, слышишь, никогда не выйдешь! Я не хочу устанавливать за тобою полицейскій надзоръ и потому ты сию-же минуту даешь мнѣ честное слово, что не увидишься съ Хоромскимъ въ теченіе двухъ недѣль... Поняла?

Она дала это слово.

Все послѣдующее было также ужасно.

Изъ дня въ день и отецъ, и мать, и сестра терзали ее. Она истомилась вся.

Володя носилъ ей записки отъ Алексѣя. Она мучилась, но сдержала слово и только написала ему, что ихъ любовь подвергается испытанію и что въ продолженіе двухъ недѣль они не должны видѣться.

Наконецъ, эта послѣдняя сцена съ матерью. Отъ нея требовали жертвы. Она любила Алексѣя... Видитъ Богъ, какъ она любила его! Но эти грядущія несчастія, готовые обрушиться на всю ея семью, изъ-за того, что она захотѣла личнаго счастья!

М-ме Зубова была искусный стратегъ, она вѣрно рассчитала ударъ.

— Боже мой! Боже мой!.. Я буду жить, наслаждаться любовью дорогого человека, а они все... Неужели Джаксонъ такъ жестоко отомститъ имъ изъ-за меня?

Мать сказала, что она съ отцомъ пойдетъ съ сумою... И Елена представилась страшная картина: мать и отецъ, въ нищенскихъ лохмотьяхъ, приходятъ къ ней, веселой, счастливой. Они просятъ у нея милостыни, а она имъ подаетъ... о!

Она все еще лежала. Сердце все еще болѣло и разрывалось отъ страданій.

Заблаговѣстили къ вечеру... Не всегда можно было слышать этотъ благовѣстъ, но теперь тихіе, скорбные звуки донеслись до Елены въ вѣжномъ полетѣ вѣтерка. И эти звуки какъ-бы наполнили ея комнату, заглушили все другое въ ея душѣ, все другіе звуки жизни...

Ее осіяло точно... Ахъ, эта давно неизвѣданная сладость молитвы! Эта далекая комната, вся въ образахъ, дышащая ароматомъ ладана... И мистическія бесѣды, и «Свѣте тихій», и вдохновенное лицо дяди Ивана, съ неземнымъ восторгомъ въ глазахъ говоря-

щаго о тщетѣ земного, о самоотверженіи, о страданіи за другихъ... «Вся жизнь Господа нашего была крестъ и мученіе, а ты, ты жаждешь покоя и радости!»

Елена быстро поднялась съ дивана, подошла къ углу, гдѣ блистала въ золотой ризѣ, освѣщенная трепетнымъ огонькомъ красной лампадки, икона Богоматери. Опустилась на колѣни, отодвинула коверъ, чтобы было больше и заломила руки. Былой молитвенный экстазъ овладѣлъ ею...

«О помощи!.. Ты Страдальца сама! Если они все погибнутъ, то неужели я буду причиною ихъ гибели? О, пусть любовь моя скроется, разбѣется... О, пусть моя жизнь разобьется, но дай, дай только моему другу снести ударъ!.. Пусть онъ будетъ счастливъ! Пусть, онъ будетъ счастливъ цѣною моей жизни... и пусть онъ будетъ счастливъ цѣною моего счастья. О, пусть!.. О Пречистая, помоги!.. Святая!.. Непорочная!..»

Слезы теперь лились свободнымъ потокомъ. Елена сдѣлала земной поклонъ и долго оставалась такъ, распростертою на холодномъ полу. Потомъ поднялась... Взглянула еще разъ глубокимъ и пристальнымъ взглядомъ на озаренную икону Богоматери. На золотой ризѣ дрожали отблески лампадки, красные, какъ кровь.

И, уже рѣшившая вопросъ жизни, подошла къ столу и твердымъ почеркомъ написала:

«Богу не угоденъ нашъ союзъ. Я выхожу за другого. Такова воля моихъ родителей и теперь моя. Благодарю Васъ за все... и прощайте навсегда. Умоляю Васъ, не старайтесь видѣться со мной и не пишите... Господь да хранитъ тебя! Е.»

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОНЪ.

Я спалъ...

И былъ глубока мой сонъ, какъ смерть. Душа моя, покинувъ все земное, Перенеслась за грани бытія, Въ безплотный міръ блаженнаго покоя.

* * *

И жизнь казалась мнѣ какимъ-то давнимъ сномъ, Но воскресить его я въ памяти не могъ. А я скорбѣлъ душой, я тосковалъ о немъ, Я жаждалъ вновь страстей, страданій и тревогъ.

* * *

Не помню я, какихъ видѣній рой Смушалъ мой взоръ среди пространствъ безплодныхъ. Тамъ тишина, какъ мертвый океанъ, Была полна какихъ-то тайнъ холодныхъ

* * *

И смерть была вокругъ, и смерть была во мнѣ — И хоть-бы лучъ одинъ души разсѣялъ тьму! — Но все, что видѣлъ я въ загадочной странѣ, Все было чуждо мнѣ, и я былъ чуждъ всему

Н. Полиловъ.

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ИСТОРІЯ.

Разсказъ.

—

А ларчикъ просто открывался. Крыловъ.

І.

КАКЪ-ТО, послѣ праздниковъ, когда въ столицѣ происходитъ обыкновенно особенно оживленный обмѣнъ прислуги, въ домѣ столоначальника Криветова смѣнилась «локуста».—Агафья отказалась и

ушла, а какая-то Акулина явилась и пришла... Она пожила съ недѣлю, присматриваясь—можно-ли прожить на новомъ мѣстѣ хотя-бы до слѣдующихъ «праздниковъ», рѣшила, что «можно» и, какъ водится, только тогда перевезла отауда-то свои «вещи»: — матрацъ безъ кровати и красный сундукъ съ всякимъ замкомъ. Вечеромъ она разобрала имущество: развѣсила по стѣнѣ, надъ своимъ ложемъ, юбки, кофты и вообще — гардеробъ, въ красномъ углу кухни прибила, повыше господскаго, «свой образъ», подъ нимъ повѣсила сахарное пасхальное яйцо, надъ нимъ—прошлогоднюю вербу съ полинявшими херувимомъ, а надъ кухоннымъ столомъ припилила булавками къ стѣнѣ нѣсколько фотографическихъ карточекъ безъ рамокъ; тутъ было: два «кузена», или кума—гвардійскій солдатъ и писарекъ военный—было и цѣлое семейство какое-то, за самоваромъ, висѣли двѣ-три теткі, снятыя въ разныхъ замѣчательно принужденныхъ позахъ, да двѣ-три молодыя фразтихи-подруги... А въ самомъ центрѣ карточекъ выступалъ портретъ какого-то молодого блондина — чиновника, въ вицъ-мундирѣ...

II.

На утро, когда барыня, madame Криветова, вошла, въ отсутствіе новой кухарки, въ кухню и взглянула на ея друзей, она положительно опѣшила!.. Молодой блондинъ — чиновникъ, приколотый булавками среди кузовьевъ и кузовъ Акулины, былъ ея собственный мужъ, былъ самъ monsieur Криветовъ!.. Нѣчто совершенно непонятное и даже дикое! И мудрено-ли, что madame Криветова опѣшила?!.. Нѣсколько моментовъ она не дѣлала даже предположеній и догадокъ; она смотрѣла только и убѣждалась... Онъ! Положительно, это былъ онъ! Портретъ значительно выцвѣтшій и замазанный, но такой точно, какой имѣется и у нихъ въ альбомѣ, и у нѣкоторыхъ знакомыхъ, — снятый лѣтъ восемь тому назадъ! Да, и фотографъ — Нестли!.. Что-же это такое, однако?! Въ чемъ-же дѣло? Какимъ образомъ, какими путями онъ достался этой кухаркѣ?!.. «Она очень не дурна собою... и молода... Но, если даже допустить это невѣроятное предположеніе—то какъ-же у меня въ домѣ, въ моей кухнѣ, она вышаетъ портретъ моего мужа?!..» Совершенно потерянная, madame Криветова бѣжала въ кабинетъ мужа.

— Поди, пожалуй та, сюда, посмотри, пожалуй! Я совсѣмъ ничего не понимаю!—говорила она, увлекая его въ кухню, а когда привлекла — указала на стѣнку и сказала, чуть не плача:—Что такое это значитъ?!..

Столовая-начальникъ смотрѣлъ въ центръ кузовьевъ, кузововъ, тетокъ и подругъ, видѣлъ передъ собою свое изображеніе, узналъ, конечно, и себя, и свой вицъ-мундиръ и самый портретъ, снятый у фотографа Нестли, но тоже обалдѣлъ и не понималъ — какъ могъ онъ попасть къ новой кухаркѣ... «Когда я снималъ этотъ портретъ — я былъ уже женатъ, а съ тѣхъ поръ, какъ я женатъ — я былъ вѣренъ своей женѣ», — соображалъ и онъ. — «Чортъ возьми, какими-же пугами?!.. Въдъ я, слава Богу, не актеръ, не писатель и не знаменитый полководецъ, стало-быть, мой портретъ нельзя купить на всякомъ перекресткѣ и вѣшать всюду, гдѣ вздумается... А самъ я не давалъ его этой кухаркѣ! Что за чертовщина!..»

Въ это самое время въ замочной скважинѣ входныхъ дверей завозился ключъ; кухарка

возвращалась, и господа убѣждали поскорѣе изъ кухни въ кабинетъ... Раньше чѣмъ принять какія-нибудь мѣры, надо-же было все-таки толкомъ поразмыслить о томъ, какъ все это могло случиться..

III.

А я знаю уже, какъ это случилось и непосредственно расскажу и вамъ эту веселенькую исторію... Начало было ей положено дѣйствительно лѣтъ восемь тому назадъ, когда столоначальникъ Креветовъ былъ еще помощникомъ столоначальника пятого отдѣленія департамента безконечныхъ проволочекъ.

мнѣннѣе подношенія, я предлагаю господамъ столоначальникамъ и ихъ помощникамъ нынѣ-же озаботиться изготовленіемъ своихъ фотографическихъ портретовъ и при-свокупляю, что, для соблюденія желательнаго и даже необходимаго однообразія въ портретахъ — всѣмъ надлежитъ сняться въ избранной и указанной комиссіею фотографіи Нестли и въ вицъ-мундирахъ безъ орденовъ. Повторяю—предложеніе это относится лишь къ штатнымъ чинамъ, а на канцелярскихъ чиновниковъ и служителей не распространяется..

Сказавъ свою рѣчь безъ передышки и безъ

правовѣдовъ и потому по ихъ лицамъ положительно невозможно было догадаться, какъ они думаютъ... Старые, «устоявшіеся» помощники столоначальниковъ принялись немедленно высчитывать,—кто на бумажкѣ, а кто и на счетахъ—точную сумму предстоящаго денежнаго изъяна, соображая, какую изъ необходимыхъ статей ежемѣсячнаго расхода слопаетъ эта департаментская гессенская муха, этотъ юбилейный налогъ,—этотъ альбомъ и фотографъ Нестли... А молодые, еще «бурлящіе» помощники, и особенно женатые и вообще семейные—вознегодовали... Они негодовали, конечно, втихомолку, потому что

Ловля рыбы. Рисоваль художникъ А. Мюль.

Начальникъ этого отдѣленія вошелъ какъ-то, послѣ обычнаго доклада у вицъ-директора, въ свое отдѣленіе, гдѣ сидѣло человѣкъ двадцать штатныхъ чиновниковъ и столько-же канцелярскихъ чиновниковъ и служителей и, остановившись въ довольно официальной позѣ, произнесъ достаточно официальнымъ тономъ: — Господа! Черезъ два мѣсяца, а именно тринадцатаго марта сего года, исполняется ровно двадцать пять лѣтъ службы по нашему вѣдомству нашего высокоуважаемаго начальника, господина директора департамента безконечныхъ проволочекъ, его сиятельства, князя Сергія (онъ не сказалъ «Сергія») Васильевича Омаро-Татарова. Частная комиссія, выбранная изъ нашихъ сослуживцевъ, для разработки программы юбилейнаго торжества, постановила, между прочимъ, поднести его сиятельству альбомъ съ фотографическими портретами его ближайшихъ сотрудниковъ и подчиненныхъ. Въ виду сего, зная притомъ, что каждый изъ васъ будетъ счастливъ участвовать въ упо-

малѣйшей записки, какъ, не отрывая пера отъ бумаги, онъ отмахивалъ и казенныя отношенія и предложенія, и, видимо, крайне этимъ довольный, начальникъ отдѣленія сдѣлалъ легкій полупоклонъ и удалился въ свой кабинетъ, а чиновничество пошаркивало, провожая его глазами, но «ни взглядомъ, ни улыбкою» не выдало своихъ впечатлѣній..

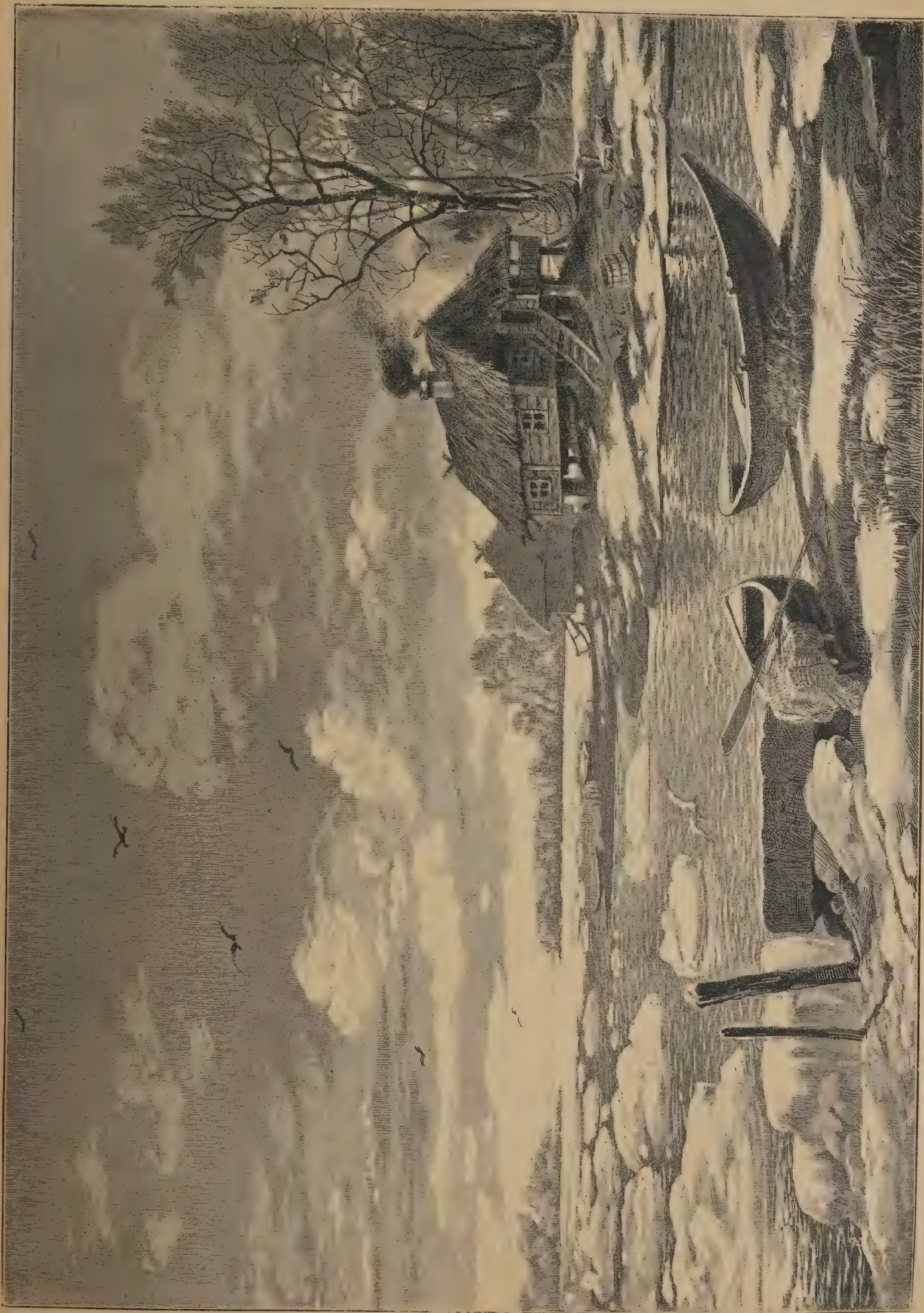
VI.

А межъ тѣмъ... Департаментская мелкота—самый невожатый и безшабашный народъ, которому нечего ждать, но ужъ за то нечего и терять—ликовала:—начальство сказало, что на нихъ «это не распространяется!» И слава тебѣ, Господи!.. Тѣмъ, что, въ нѣкоторомъ родѣ, имъ было вѣжливо подпущено: «а вы, молъ, съ суконнымъ рыломъ не суйтесь»—они вовсе не оскорбились... Старые столоначальники нашли, что все это не только въ порядкѣ вещей, но даже и «лестно»... Молодые столоначальники были все больше дипломаты изъ лицейстовъ и

сидѣли въ присутственномъ мѣстѣ, но шепотомъ они даже бранились. Помощникъ столоначальника Креветовъ покраснѣлъ отъ злости и съ пѣной у рта шепталъ своему товарищу, тоже помощнику и стало-быть тоже пострадавшему отъ гессенской мухи, Рачкину:—Подло, подло и подло! Заставлять меня швырнуть на это пятнадцать рублей изъ пятидесятирублеваго мѣсячнаго содержанія—подло!

— Архи-подло!—усилилъ Рачкинъ.—И на кой чортъ ему наши рожи! Онъ насъ ни разу и въ глаза не видалъ, шага въ отдѣленіе не сдѣлалъ, да и насъ къ себѣ въ кабинетъ тоже не приглашалъ знакомиться... — Я-жъ и говорю—подло! твердилъ въ мучительномъ, непроявленномъ бѣшенствѣ Креветовъ...

Но... подло не подло, а—«назвался груздемъ — полезай въ кузовъ!» «Съ волками жить—по волчьимъ быть!»—снялись всѣ, и—именно у фотографа Нестли и въ вицъ-мундирахъ безъ орденовъ...

Ледоходъ. Оригинальный рисунокъ художника П. Дмитриева.

V.

Черезъ два мѣсяца, наканунѣ юбилея, въ большомъ пріемномъ залѣ министерства проходило малая часть торжества, выработаннаго программой специальной комисіи. Всѣ штатные чины пяти отдѣленій департамента безъ изъятыхъ проволокъ, «съ ихъ начальниками во главѣ», собрались въ вице-мундирахъ при орденахъ, встрѣтили усиленнымъ шарканьемъ своего директора, князя Оморо-Татарова, поднесли ему альбомъ, напоминавшій величиною и тяжестью каменную плиту надгробнаго памятника, и выступили рѣчь его сіятельства... Юбиларъ «прочувствовалъ» ее, плакалъ, и на другой день въ газетахъ это было описано съ банальной трогательностью... Дѣйствительно, кончая рѣчь, Оморо-Татаровъ сказалъ: «Благодарю васъ, господа! Благодарю за все и—за подарокъ! Не дорогъ, конечно, подарокъ, но дорога мысль... идея!»...—Ну, а мнѣ и самый подарокъ въѣхалъ въ копѣчку! шепнулъ Рачкину безчувственный Кретьковъ.—«Идея дорога, мысль», продолжалъ юбиларъ: «Въ этомъ альбомѣ вы собрали дорогія и симпатичныя мнѣ лица моихъ сотрудниковъ и помощниковъ... Я знаю хорошо эти лица и теперь я вижу ихъ постоянно»...—И уклоняется отъ истины: мое «дорогое лицо» не видалъ ни разу!—шепнулъ, въ отвѣтъ Кретькову, и безсердечный Рачкинъ.—«...Но, это—теперь... Однако, ничто не вѣчно подъ луной, и когда нибудь и я могу разстаться съ роднымъ департаментомъ безконечныхъ проволокъ. И вотъ, тогда, разсматривая этотъ альбомъ... Нѣтъ, господа, я не могу, я не могу говорить!» всхлинулъ, какъ старая баба, директору и кончилъ, всхлиывая уже ежеминутно: «Скажу одно: прикажу своимъ дѣтямъ хранимъ этотъ подарокъ, какъ святыню!»

Онъ обнялъ, стоявшаго вблизи, вице-директора, и они заплакали вмѣстѣ... Молодымъ и безчувственнымъ помощникамъ столоначальниковъ (съ непривычки, должно быть!) было до того дико видѣть плачущими и директоромъ и вице-директоромъ, что, напримѣръ, Кретькову стало уже мерещиться, будто передъ нимъ, поднявшись на хвосты, рыдаютъ два зеленыхъ крокодила, и изъ глазъ ихъ не слезы каплютъ, а валился ледяные квадраты, какими набиваютъ ледники...

Впрочемъ, и всѣ чиновники были смущены, потому что не знали, что дѣлать: заплакать ли всѣмъ, хоромъ, утѣшать ли разперившееся начальство, или сочувствовать молча. Дѣйствительно: двадцатипятилѣтній юбилей директоръ все-таки не часты; даже очень старые чиновники переживаютъ не больше двухъ, а на долю большинства приходится, слава Богу, по-одному, и потому, въ данномъ случаѣ, чиновники не могли поступить «по бывшимъ примѣрамъ»... Такъ что они только шаркали, памятуя, что это полагается и днесь, и присево, и во-вѣки...

VI.

Прошло пять лѣтъ... По улицамъ столицы двигалась на кладбище похоронная процессія... Архимандритъ, а не простой священникъ, пѣвчіе въ кафтанахъ, шестерка лошадей въ попонахъ съ гербами Бога въѣхъ какого дворянскаго рода, мишурный балдахинъ подъ золоченой колесницей, вѣнковъ на тысячу рублей и хвостъ каретъ, а въ общемъ—много помпы даже и тутъ и, стало-быть, несомнѣнно—мало горя!... Хоронили директора департамента безконечныхъ прово-

локъ, князя Оморо-Татарова... Впереди шли и чиновники въ вице-мундирахъ; они несли ордена. Рачкинъ и Кретьковъ были уже столоначальниками и несли не «Станислава», а—«Анну».

— А какъ ты думаешь, Петръ Петровичъ, кому достанутся теперь наши портреты?—спросилъ Рачкина Кретьковъ.

— Онъ собирался обязать своихъ дѣтей хранить ихъ, какъ святыню,—усмѣхнулся Рачкинъ.

— Ну, это было сказано въ юбилейномъ экстазѣ. въ забвеніи чувствъ, какъ говорится, когда въ зобу дыханье сперло... А въ самомъ дѣлѣ? Интересно бы...

— Постой... кажется—литія...

— Да... повернись...

VII.

Прошелъ еще годъ... Вдова князя Оморо-Татарова разбирала тѣ бумаги и вещи покойнаго мужа, на которые и не взглянули его старшіе сыновья, «разбирая» имущество вообще, черезъ шесть недѣль послѣ кончины родителя. Теперь матери помогали лишь младшій сынъ—двѣнадцатилѣтній мальчикъ. Многие они разобрали и, наконецъ, очередь дошла и до нѣсколькихъ альбомовъ, переполненныхъ портретами личныхъ знакомыхъ покойнаго князя, которыхъ семья его вовсе не знала и даже никогда не видала; между этими альбомами былъ, конечно, и тотъ—юбилейный, похожій на надгробную плиту и напичканный уже совершенно невѣдомыми семействамъ бывшаго директора фотіями его подчиненныхъ... Книжныя и князекъ извлекали изъ альбома всѣхъ этихъ Кретьковыхъ, Рачкиныхъ и Ракушкихъ и складывали ихъ въ кучу ненужныхъ вещей, то и дѣло набравшуюся во время разборки «этого» имущества князя. Наконецъ, когда опять мусора набралось порядочно, княгиня сказала сыну:—Душечка, позвони опять Оому; пусть онъ вынесетъ все это...

— Мама, я хотѣлъ отобрать кое-что для себя,—замѣтилъ мальчикъ:—тутъ есть офицеры, полковники и одинъ генералъ; потомъ—какой-то господинъ въ странномъ костюмѣ и другой какой-то господинъ—съ собакой. Этихъ я хотѣлъ раскрасить и вырѣзать для своего театра...

— Отбери ихъ, отбери, милый, я не мѣшаю! Только остальное надо вынести, а то тутъ наберется столько хлама...

Князекъ отобралъ портреты военныхъ людей и облюбованныхъ имъ господъ—въ національномъ костюмѣ и съ собакой; а все остальное Оома унесъ въ людскую... Тутъ на этотъ хламъ накинута «люди»: имъ пригодились все, что выбросила княгиня; и даже никому невѣдомые портреты разошлись по рукамъ: поваръ взялъ нѣсколько штукъ для игры своимъ ребятамъ, прачка брала—своимъ, а подгорничная Глаша и судомойка Акулина—молодыя дѣвушки—стали было выискивать офицерскіе портреты; но, такъ какъ князекъ предупредилъ ихъ, онѣ удовольствовались молодыми чиновниками въ вице-мундирахъ... И тутъ-то Кретьковъ и Рачкинъ, рядомъ сидѣвшіе въ юбилейномъ альбомѣ, вмѣстѣ выброшенные изъ него княгиней Оморо-Татаровой въ мусорную кучу и выпесенные въ людскую, были разлучены: Глаша любила бюретовъ и схватила Рачкина, потому что онъ былъ черенъ и смуглъ, а судомойка Акулина захватила себя блондина Кретькова...

Впоследствии, научившись у повара гото-

вить, Акулина произвела себя изъ судомойки въ кухарки...

VIII.

Но вы желаете, конечно, знать и конецъ этой веселенькой исторіи? Извольте.

Вспомнивъ кое-что изъ разсказаннаго, а кое-о-чемъ догадавшись, Кретьковъ рѣшилъ «попытать» Акулину, но, во всякомъ случаѣ, не оставлять на стѣнѣ въ своей кухнѣ, въ числѣ кумовьевъ и кузеновъ кухарки, свой собственный портретъ въ вице-мундирѣ.

Онъ вошелъ въ кухню.

— Акулина, скажите, пожалуйста,—ласково заговорилъ онъ:—кто этотъ господинъ въ вице-мундирѣ? Такое знакомое лицо!

— Это мой знакомый—съ!—соврала кухарка такъ нагло, какъ вретъ только столично-проставленная прислуга.

— Да?.. А какъ его фамилія? спросилъ Кретьковъ.

Кухарка смутилась на мгновение: о томъ, какъ фамилія этого знакомаго ей, ей не приходилось думать до сихъ поръ.

— Ихъ фамилія—Семеновъ—съ,—соврала она наконецъ.

— Семеновъ?..

Кретьковъ убѣдился, что этимъ путемъ онъ ничего не добьется, потому что Акулина будетъ лгать, доколѣ онъ будетъ ее спрашивать. И онъ пошелъ напрямки.

— Послушайте Акулина, вѣдь это мой портретъ. И мнѣ интересно знать, какъ онъ къ вамъ попалъ?—сказалъ онъ уже менѣе ласково, но все-таки сдержанно.

— Что-жъ это вы меня съ первой недѣли воровкой почитаете?!—крикнула, мгновенно озлившись, кухарка.

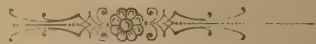
— Не имѣлъ и въ помыслахъ, Акулина! Вы скажите только—служили вы когда нибудь у князя Оморо-Татарова?

Акулина покраснѣла, какъ кумачъ, сдѣлала маленькую паузу, а потомъ быстро соврала со стѣны портретъ стоявшаго передъ нею оригинала, швырнула его въ свой сундукъ и выкрикнула короткое, но типичное, петербургское:

— Пожалте расчесть!..

Вернуть портретъ удалось лишь при благосклонномъ участіи околотовнаго...

Викторъ Рышковъ.

* * *

Солнце, стой! Мнѣ жалко дня,—

Этотъ день не повторится;

Завтра горе ждетъ меня,

А сегодня счастье снится.

* * *

Пусть оно лишь только сонъ,

Свѣтлый сонъ среди ненастья,

Но за то какъ ярокъ онъ...

Солнце, стой,—я полонъ счастья!

Л. Косиновичъ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА О. РЕКНАГЕЛЯ.

Победитель.

Остальные, Мариусъ Турадъ и Софронъ Дюбюсъ были гасконцы,—вѣчно хвастающіеся, вѣчно суетящіеся, они никогда ни въ чемъ не сомнѣвались, особенно въ самихъ себѣ. Однимъ словомъ, они принадлежали къ числу тѣхъ гасконцевъ, изъ которыхъ, смотря по обстоятельствамъ, вырабатываются пѣвцы, брадобреи, крупные или политическіе люди. Но и эти господа не сразу вступили на ровный путь. Подобно большинству эмигрантовъ, они немедленно отправились на поиски золота, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что имъ стоитъ только явиться, заговорить громко и имѣть только трудъ, наклонившись, подбирать золото. Но въ Сакраменто они тоже наткнулись на первыхъ пришельцевъ и должны были уйти прочь ни съ чѣмъ.

Правда, въ Калифорніи существовали въ то время такъ называемые наблюдательные комитеты, обязанность которыхъ была защищать искателей золота, къ какой-бы національности они ни принадлежали. Но эти комитеты грабили больше, чѣмъ защищали искателей золота, особенно европейцевъ. Когда тѣ, изгнанные и ограбленные, жаловались суду, ихъ едва выслушивали. Не имѣя силы бороться съ мошенниками и разбойниками, власти могли только хоронить убитыхъ и совѣтовать ограбленнымъ не возвращаться на розсыпи.

Достигнувъ Санъ-Франциско съ весьма небольшимъ запасомъ денегъ, наши гасконцы возымѣли вполне гениальную идею. Они замѣтили въ городѣ громадный недостатокъ женщинъ и рѣшили его устранить. Дѣйствительно, въ то время въ Санъ-Франциско едва можно было насчитать пятьдесятъ женщинъ на шестьдесятъ тысячъ мужчинъ.

Въ своей ранней юности, Мариусъ Турадъ, отъ котораго отецъ былъ радъ какъ-нибудь избавиться, сдѣлалъ два или три морскихъ путешествія, въ качествѣ лодманскаго ученика, на трехъ-мачтовомъ суднѣ, принадлежавшемъ его дядѣ. На этомъ основаніи онъ считалъ себя морякомъ и потому взялъ на себя морскую часть предпріятія и на хорошенькомъ бригѣ, которому дали многозначительное названіе «Купидонъ», отправился собирать прекрасный полъ по берегамъ Тихаго океана, Мексиканскаго залива и доходилъ даже до Перу.

Изобрѣтательный гасконецъ старался всегда дѣйствовать убѣжденіемъ и никогда не употреблялъ насиія, тѣмъ болѣе, что никогда не получалъ отказа. Условія, которыя онъ заключалъ съ хорошенькими мексиканками, португалками,—бѣлыми или метисками, были весьма не тяжелы. Онъ бралъ за перевозку, на полномъ содержаніи, шестьдесятъ, восемьдесятъ или сто піастровъ, смотря по мѣсту отплытія; деньги должны были быть уплачены черезъ недѣлю послѣ прибытія въ Санъ-Франциско, гдѣ Софронъ заботился о ихъ приѣмѣ. Ни разу ни одна изъ эмигрантокъ не осталась на рукахъ торговцевъ. Мариусъ умѣлъ выбирать. Выпущенные холостяки всегда съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали прибытія «Купидона». Грузъ разбирался, едва попадалъ на берегъ. Наши гасконцы успѣли приобрести такимъ образомъ порядочное состояніе, но это занятіе скоро перестало быть доходнымъ,—путь былъ указанъ добровольной женской иммиграціи и больше не оказалось надобности въ посредникахъ. Тогда Турадъ и Дюбюсъ открыли кассу ссудъ, давая деньги подъ залогъ вещей и взимая только пятьдесятъ процентовъ въ мѣсяцъ...

Въ этотъ день всѣ пятеро сошлись вмѣстѣ

въ гостиницѣ Лафайеттъ, чтобы проводить Пьерро де-Марга, который уѣзжалъ во Францію, гдѣ умерла одна изъ его тетокъ и оставила ему около двадцати тысячъ ливровъ дохода. Баронъ нетерпѣливо стремился на родину, чтобы принять участіе въ жизни удовольствій, которая начиналась въ Парижѣ съ бракосочетаніемъ императора Наполеона III. Онъ зналъ, что много знатныхъ фамилій примкнули къ новому режиму. Самъ онъ былъ весьма не прочь сдѣлаться империалистомъ, лишь-бы это принесло ему выгоды.

Но прежде чѣмъ покинуть Санъ-Франциско, гдѣ оставалась его хорошенькая подруга Люси Дартуа, которая хотѣла вернуться въ Парижъ, только составивъ большой капиталъ, баронъ, во что-бы то ни стало, хотѣлъ попробовать свои силы противъ Джо Гарриса, того американца, который изгналъ его изъ Невады. Джо Гаррисъ былъ одинъ изъ хозяевъ Эльдорадо, громаднаго игорнаго дома, поглощавшаго не только всѣ суммы, приносимыя съ розсыпей, но и большую часть капиталовъ работавшихъ въ Калифорніи. Соотечественники ждали появленія пріятельницъ,—возлюбленной барона и Жанны Меренъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Эльдорадо. Наконецъ, онѣ явились, хорошенькія, нарядныя, веселыя. Ихъ угостили шампанскимъ и всѣ отправились.

— Ты не хочешь отказаться отъ своего памфрелія?—спросилъ графъ де-Пенгре.

— Ни за что!—вскричалъ баронъ.

— Ты все спустишь.

— Увидимъ.

— Будемъ надѣяться, что именно этого-то мы не увидимъ,—замѣтила Люси.—Идемте.—И она кокетливо оперлась на руку барона.

Жанна взяла графа подъ руку.

— Какъ! вы не идете?—спросилъ графъ Дюбюса и Турода, которые спокойно продолжали курить сигары, развалившись въ креслахъ, между тѣмъ какъ Ромэнъ тоже всталъ.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Дюбюсъ,—завтра вы будете знать по крайней мѣрѣ гдѣ искать денегъ, когда эти разбойники, Гаррисъ и его сообщники, вась ограбятъ. Мы съ Мариусомъ умѣемъ вась.

Пьеръ де-Марга пожалъ плечами и вышелъ первый. Было совсѣмъ темно, но улицы были достаточно освѣщены газомъ и почти безопасны, благодаря полиціи, которая старалась честно исполнять свою обязанность. Притомъ Эльдорадо находился недалеко. Кромѣ того баронъ и его друзья всѣ были вооружены небольшими револьверами. Спустивъ десять минутъ наши французы переступили порогъ знаменитаго игорнаго дома, фасадъ котораго былъ ярко освѣщенъ.

II.

Эльдорадо было одно изъ самыхъ замѣчательныхъ учреждений въ своемъ родѣ. Оно отвѣчало всѣмъ аппетитамъ и всѣмъ требованіямъ. Кромѣ театра, кафе-концерта, игорнаго дома, ресторана, тутъ были еще кабинеты для чтенія. По главную приманку составляли безчисленныя залы, въ которыхъ можно было играть во всевозможныя игры, извѣстныя и неизвѣстныя: — фараонъ, ландскнехтъ, тридцать-сорокъ, рулетка съ двумя пулями, четъ и нечетъ и множество другихъ почти безъ названія. Средствъ разориться предлагалось множество. Кромѣ того золотоискатели могли тутъ-же размѣнять свои самородки и песокъ на какую угодно монету.

Джо Максимъ Гаррисъ, на котораго такъ

злостовалъ баронъ, былъ одинъ изъ главныхъ владѣльцевъ дома. Судя по его выговору, онъ принадлежалъ къ сѣвернымъ американцамъ. Это былъ еще молодой человѣкъ средняго роста, широкоплечій, съ круглымъ лицомъ, на которомъ выражался умъ и насмѣшливость. Онъ прибылъ въ Санъ-Франциско четыре года тому назадъ, со своимъ двоюроднымъ братомъ Самомъ Терперъ, длиннымъ, худымъ, нѣсколько грубоватымъ, но слѣпо преданнымъ своему родственнику. Они пришли въ долину Сакраменто съ востока и сразу счастливо попали на розсыпи, что придало Гаррису большое значеніе между остальными золотоискателями; такъ что, когда имъ пришлось для изгнанія грабителей сплотиться вмѣстѣ, они выбрали Джо предводителемъ. Тогда-же они составили наблюдательное общество съ цѣлью защищать розсыпи отъ всѣхъ, кто не былъ американцемъ или мексиканцемъ. Въ качествѣ такихъ наблюдателей они заставили Марга и его пріятеля уйти прочь. Баронъ поклялся отомстить, но онъ никакъ не ожидалъ, что года черезъ два имъ придется встрѣтиться въ Санъ-Франциско.

Находя, что ихъ покровитель обходится имъ чрезчуръ дорого, золотоискатели рѣшили покончить съ нимъ судомъ Лича, но Джо, въ время предупрежденный о заговорѣ, успѣлъ бѣжать съ Самомъ въ Санъ-Франциско, гдѣ, въ одинъ прекрасный вечеръ, онъ въ одной кофейнѣ сѣлъ рядомъ съ графомъ и барономъ. Встрѣча чуть не кончилась трагически, но графъ де-Пенгре успокоилъ своего пріятеля, который ограничился нѣсколькими грубыми прозвищами по адресу Гарриса, не появившаго ихъ или сдѣлавшаго видъ, что не понимаетъ. Узнавъ черезъ мѣсяцъ своего обидчика въ Эльдорадо, въ качествѣ одного изъ его хозяевъ, баронъ повелъ противъ него неутомимую борьбу. Но крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю онъ боролся съ нимъ или въ рулетку или въ фараонъ, но неизмѣнно всегда проигрывалъ все, что приносилъ. Впрочемъ, и другіе игроки не были счастливые его. Говорили, что Гаррисъ и его компаньоны за десять мѣсяцевъ выиграли около трехъ милліоновъ. Не трудно понять, что поэтому онъ пользовался самой скверной репутаціей. У него часто бывали столкновенія съ тѣми, кого онъ обыгрывалъ, — они обвиняли его, что онъ помогаетъ случаю. Но онъ смѣло стоялъ противъ нихъ, хотя между ними были проходивцы всѣхъ странъ, каждую минуту готовые прибѣгнуть къ ножу или револьверу. Только при малѣйшемъ угрожающемъ жестѣ Джо и Самъ подносили руку къ поясу, за которымъ видѣлись пистолеты, и дѣло рѣдко принимало скверный оборотъ. Притомъ Джо позволялъ осматривать рулетку, позволялъ провѣрять въ ней нумера. Онъ позволялъ тасовать и перетасовывать карты, снимать и переснимать ихъ, но, несмотря на то еще, что карты были громадныя, ему не довѣряли, хотя это нисколько не мѣшало залу, въ которомъ дѣйствовалъ Гаррисъ, быть наиболѣе посѣщаемымъ въ Эльдорадо, въ силу той притягательной силы, которая заставляетъ игроковъ идти туда, гдѣ больше денегъ, хотя они даже убѣждены, что тутъ то ихъ и оберутъ.

Нужно еще замѣтить, что несмотря на свое не совсѣмъ честное занятіе Джо и Самъ были весьма пріятные собесѣдники, умѣли пить, ухаживать; хорошіе боксеры; охотно оказывали услугу и были великодушны. Кромѣ того контрастъ между этими двумя фигурами, когда они шли подъ руку, уже возбуждалъ веселость.

Джо Гаррисъ смѣялся громко, заразительно; Самъ Тернеръ едва улыбался. Первый былъ разговорчивъ и остроуменъ, второй не всегда, казалось, понималъ, что ему говорили и отвѣчалъ односложно. Джо превосходно наизвистывалъ, Самъ танцевалъ, причемъ оба не теряли серьезности. Такимъ образомъ они имѣли обыкновеніе выражать свою радость, гдѣ бы это ни было. И хотя ихъ прошлое было прекрасно извѣстно, но у нихъ было множество друзей, и Гаррисъ былъ извѣстенъ подъ именемъ толстаго Джо.

Баронъ Марга и его друзья направились къ залу, гдѣ предсѣдательствовалъ этотъ самый Джо. Они должны были оставить въ сѣняхъ свои тросточки, — тамъ уже находился цѣлый арсеналъ ружей, сабель или ножей. Не смотря на относительную свободу, царствовавшую въ залахъ Эльдорадо, люди съ оружіемъ въ рукахъ не допускались. Для происходившихъ тамъ весьма часто трагическихъ сценъ достаточно было различныхъ пистолетовъ, кинжаловъ, кастетовъ, которые проносились тайкомъ, скрытые въ карманахъ платья.

Люси Дартуа со страхомъ смотрѣла, какъ накупивъ своего отъѣзда ея любовникъ рисковалъ большими суммами. Во-первыхъ, какъ ловкая особа, она боялась, что онъ станетъ рисковать, сильно проиграется и не дастъ ей обѣщанныхъ денегъ. Во-вторыхъ, баронъ сильно выпилъ и она опасалась, чтобы, подъ вліяніемъ вина, онъ не вызвалъ какой нибудь непріязненной стычки съ Гаррисомъ. Потому при входѣ въ залъ она вдругъ удержала его и замѣтила ласково:

— Не станемъ играть сегодня. Пойдемъ лучше слушать музыку.

— Да, Люси права, — сказала Жанна, которая всегда нѣсколько трусила общества людей, посѣщавшихъ игорный залъ.

Она попыталась удержать своего кавалера графа де-Пенгре.

— Вотъ сумасшедшія! — вскричалъ баронъ. — Я чувствую себя въ ударѣ и непременно обыграю этого мошенника Гарриса.

Быстро подойдя къ столу съ рулеткой, онъ бросилъ сто долларовъ, выигралъ, удвоилъ ставку, выигралъ еще и такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ выигралъ шестьдесятъ тысячъ франковъ. Тогда, опьяненный успѣхомъ, онъ принялся играть во всю и черезъ полчаса выигралъ семьдесятъ тысячъ франковъ и сорвалъ банкъ. Гаррисъ съ улыбкой смотрѣлъ на этотъ успѣхъ и когда банкъ былъ сорванъ, поставилъ новую сумму въ двѣсти тысячъ франковъ. Борьба продолжалась. Многие игроки, видя счастье барона, шли по его стопамъ и выигрывали тоже. Игорные столы въ соседнихъ залахъ опустѣли, всѣ сбѣжались смотрѣть на необычайное счастье француза.

Зрители представляли весьма живописную картину, — тутъ были мексиканцы въ пестрыхъ, богато вышитыхъ курткахъ, въ шляпахъ съ широкими полями, окаймленными галуномъ; мѣдно-красные перуанцы, съ блестящими глазами, чертами лица напоминавшие древнихъ инка; блондинскіе пѣмцы, флегматичные англичане, китайцы съ обернутой вокругъ головы косой, чтобы въ тѣнотѣ какой нибудь шалувъ не дернулъ или даже не отрѣзалъ ее. Далѣе индійцы центральной Америки, одеждой и прической напоминавшие героев Фенимора Купера. И среди всѣхъ этихъ представителей человѣческаго рода, толкались женщины всѣхъ странъ. И всѣ эти наблюдатели, мужчины и женщины, аплодировали каждому выигрышу Пьерра де-Марга, потому

что большинство были жертвы Гарриса. Раздался крикъ радости, когда американецъ возобновилъ банкъ, удвоивъ капиталъ. Всѣ надеялись, что французъ и это заберетъ. Дѣйствительно онъ выигралъ еще тысячу сорокъ, какъ вдругъ Гаррисъ, переговоривъ съ однимъ изъ своихъ компаньоновъ, закрылъ рулетку. Онъ, конечно, былъ вправѣ, но этотъ его подвигъ былъ встрѣченъ всеобщимъ смѣхомъ. Гаррисъ, отходя отъ рулетки, сказалъ громко, съ вызывающимъ видомъ смотря на барона:

— Сейчасъ начнется фараонъ, банкъ будетъ отвѣчать на всякую ставку.

И въ сопровожденіи кассира съ оставшимися сто пятидесятью тысячами франковъ, Гаррисъ направился къ другому столу, за которымъ онъ самъ металъ банкъ.

— Надѣюсь, что ты больше не станешь играть, — сказала Люси своему возлюбленному, который бросился за Гаррисомъ. — Ты выигралъ съ лишнимъ сто тысячъ франковъ! Ты вполне отомщенъ!

— Тутъ и половины нѣтъ того, что этотъ мошенникъ укралъ у меня въ теченіе шести мѣсяцевъ, — возразилъ Пьеръ. — Неужели ты хочешь, чтобы этотъ грабитель вообразилъ, что я его боюсь?

— Не въ томъ дѣло, — возразилъ графъ де-Пенгре. — Не все-ли равно тебѣ, что можетъ подумать или не подумать мастеръ Гаррисъ? Самое важное, это то, что ты побѣдилъ его сегодня. Глупо будетъ возвращать ему деньги. Унесемъ ихъ!

Жанна, Люси и Шарль Ромэнъ, которые тоже нѣсколько выиграла, присоединились къ графу, но упрямый и все еще пьяный баронъ вырвался отъ нихъ и побѣжалъ къ игорному столу, гдѣ Джо Гаррисъ уже раздавалъ карты. Борьба возобновилась. Американецъ, спокойный, хотя нѣсколько покраснѣвшій, принималъ всѣ ставки; одинъ изъ его компаньоновъ и неизбѣжный Самъ стояли подлѣ. Баронъ, послѣ cadaго проигрыша, нервно удивлялся и утробивалъ ставки на одну карту. Не прошло часу, какъ Марга отдалъ весь свой выигрышъ. Потерявъ голову, произнося бранныя слова и не слушая своихъ друзей, баронъ поставилъ на карту все, что было при немъ денегъ и банковыхъ билетовъ.

— Сколько? — спокойно спросилъ Гаррисъ.

— Двадцать пять тысячъ франковъ, — дерзко отвѣчалъ Марга. — Это васъ пугаетъ?

Джо улыбнулся, пожалъ слегка плечами и попросилъ барона снять колоду картъ, изъ которой онъ долженъ былъ взять свои двѣ карты. Давъ понтующимъ время назначить ставки, Джо медленно открылъ правую карту, — баронъ проигралъ. Вторая карта отдавала Джо ставки всѣхъ остальныхъ понтующихъ, которые подняли ропотъ на такое счастье. Но Гаррисъ невозмутимо тасовалъ карты и раздавалъ ихъ играющимъ. Марга, потерявъ и эти двадцать пять тысячъ, произнесъ ругательство и, вынувъ изъ кармана нѣсколько оставшихся у него золотыхъ и серебряныхъ монетъ, бросилъ ихъ въ лицо американцу со словами:

— Вотъ тебѣ, мошенникъ, возьми и это!

Получивъ ударъ прямо въ лицо, Джо вспыхнулъ, выхватилъ пистолетъ изъ кармана и прежде чѣмъ ему успѣли помѣшать, два раза выстрѣлилъ въ своего противника, который былъ раненъ въ грудь и лѣвую руку.

Все это не продолжалось и минуты, но тутъ поднялся невыразимый шумъ. Женщины кричали, крупье спасали деньги со всѣхъ столовъ, чтобы онѣ не исчезли въ суматохѣ, —

охотники поживиться на чужой счетъ всегда находились. Немногіе благоразумные люди спѣшили удалиться, а полиція, услышавшая шумъ и выстрѣлы, грубо пробивалась въ залы. Пока раненаго перенесли въ другую комнату и побѣжали за докторомъ, полицейскій бригадиръ допрашивалъ Гарриса. Тотъ не отрекался, что хотѣлъ отомстить за оскорбленіе, нанесенное ему французомъ, который уже нѣсколько мѣсяцевъ преслѣдуетъ его и вызываетъ на ссору. Онъ можетъ представить челоуѣкъ двадцать свидѣтелей, да и суда не боится. Неужели американцы обязаны выносить оскорбленія отъ этихъ европейцевъ, которые являются отнимать у нихъ богатства ихъ родной земли. Часть публики аплодировала, а Самъ утверждалъ, что Гаррисъ былъ вызванъ, и полиція не рискнула арестовать его. Главный вопросъ былъ въ томъ, было ли тутъ убійство или нѣтъ? Выстрѣлы были въ правахъ Калифорніи и привычкахъ Эльдорадо. Не отдавъ даже приказанія караулить Гарриса, бригадиръ отправился въ комнату, гдѣ лежалъ Марга, блѣдный, сильно страдавшій, но сохранившій сознаніе. Несмотря на просьбы Люси успокоиться, онъ сильно волновался и бранился:

— Мошенникъ, воръ, убійца! Если я выздоровѣю, я съумѣю его пайти... Я буду ловчѣе, я убью его, какъ собаку!..

Пришелъ докторъ, нашелъ, что рана на рукѣ не представляетъ никакой опасности, но что въ боку пуля зашла глубоко, и что при выниманіи ея могутъ произойти осложненія. Онъ велѣлъ немедленно перенести его домой, очень ловко вынулъ пулю и почти ручался за его жизнь. Все же Марга приходилось пролежать больше мѣсяца, прежде чѣмъ онъ могъ уѣхать въ Европу. Притомъ онъ поклялся отомстить Гаррису. Эту клятву онъ возобновлялъ каждый день, особенно когда докторъ говорилъ, что онъ идетъ быстрыми шагами къ выздоровленію. Барону, однако, пришлось разочароваться, — недѣли черезъ двѣ де-Пенгре сообщилъ ему, что Джо и его родственникъ Самъ Тернеръ были на допросѣ у слѣдователя и послѣ того исчезли.

Судья, не желая явиться защитникомъ иностранца противу американца, посоветовалъ послѣднему на нѣкоторое время скрыться, пока дѣло не заглохнетъ.

Гаррисъ поспѣшно привелъ въ порядокъ свои дѣла, и въ одинъ прекрасный день обѣжалъ въ сопровожденіи вѣрнаго Сама, унося около восьми сотъ тысячъ франковъ. Узнавъ о бѣгствѣ своего врага, Пьеръ де-Марга страшно разсердился и болѣзнь его ухудшилась; онъ поклялся, едва будетъ въ состояніи сѣсть на лошадь, во что-бы-то ни стало, преслѣдовать его, хотя-бы пришлось проѣхать весь американскій континентъ. Но мало-помалу онъ успокоился, а когда недѣлю черезъ шесть было изъ Франціи получено новое письмо, напоминавшее ему полученное наслѣдство, а онъ къ тому времени достаточно поправился, онъ забылъ все и поторопился уѣхать въ Европу. Однако, прощаясь съ своими друзьями, — Рауль де-Пенгре собирался тоже уѣхать скоро въ Парижъ, — баронъ сказалъ:

— Если Джо появится въ Санъ-Франциско, не оставляйте его въ покоѣ, или лучше всего, посоветуйте ему отвезти въ Парижъ награбленные имъ деньги...

Гуляя, вечеромъ того дня, по палубѣ своего корабля, баронъ, пожимая плечами, мысленно отказался отъ своей мести, — развѣ могла быть какая-нибудь возможность, чтобы

этотъ бандитъ появился во Франціи? «Его ждетъ одна судьба,—думалъ баронъ,—товарищи въ одинъ прекрасный день линчуютъ его». Но какъ онъ жестоко ошибался—ему предстояло не только встрѣтиться съ Джо Гаррисомъ въ Парижѣ, но даже столкнуться съ нимъ въ своемъ собственномъ кругу, въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстьи.

конецъ пролога.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Неожиданное возвращеніе.

День замѣчательно скоро прошелъ для Джо Максима Гарриса, одного изъ самыхъ богатыхъ промышленниковъ Чикаго. Утромъ онъ посѣтилъ свои двѣ громадныхъ мастерскихъ, расположенныхъ—одна по близости Нордъ-Райвера, другая въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города на берегахъ Мичигана, и изъ которыхъ онъ еженедѣльно отправлялъ во все страны свѣта по озерамъ и рѣкѣ св. Лаврентія тысячи коробокъ пищевыхъ консервовъ; остальное время до пяти часовъ онъ провелъ въ конторѣ, а въ пять вернулся домой, въ свое роскошное помѣщеніе на Мичиганъ-авеню.

Въ огромныхъ сѣняхъ дома, куда выходила особенно любимая имъ курительная, камердинеръ Уилли остановилъ его.

— Сударь, госпожа Дерсонъ приѣхала и просила сказать ей, когда вы вернетесь.

Замѣтно было, что эта новость не особенно обрадовала Гарриса, онъ съ трудомъ подавилъ многозначительную гримасу и спросилъ:

— Госпожа Дерсонъ? Что, моя дочь видѣла ее?

— Нѣтъ, сударь. Когда госпожа Дерсонъ приѣхала, миссъ Джэнъ уже не было дома и она не вернется раньше шести часовъ. Барышня поѣхала на кладбище со своею воспитательницею и просила передать вамъ, чтобы вы не беспокоились, если она опоздаетъ.

— Бѣдная дѣвочка! Она поѣхала навѣстить свою мать!

Эти слова были произнесены съ такою нѣжностью, какой никакъ нельзя было ожидать, глядя на грубые черты его лица. Вспомнивъ ту, чье посѣщеніе, повидимому, не особенно его радовало, съ жестомъ покорности судьбѣ онъ прибавилъ:

— Скажите миссисъ Дерсонъ, что я вернулся.

Толкнувъ кулакомъ дверь курительной, онъ вошелъ туда, растянулся на курильномъ креслѣ и, покачиваясь, съ комическимъ отчаяніемъ простоналъ:

— Какого чорта понадобилось снова моей сестрицѣ и откуда она явилась? Неужели она въ четвертый разъ развелась!

Великому промышленнику было за пятьдесятъ. Онъ былъ крѣпко сложенъ, средняго роста, широкоплечій, и нѣсколько начиналъ толстѣть, хотя былъ еще очень ловокъ. Волосы у него были рыжіе, почти красные; большіе блѣдно-голубые глаза, подъ выдающимися мохнатыми бровями; крупный носъ, толстыя губы, которыя, улыбаясь, открывали прекрасные зубы. Онъ былъ всегда тщательно обритъ, оставляя на подбородкѣ небольшую широкую бородку. Несмотря на общую грубоватость и неотесанность, нельзя сказать, чтобы Джо Гаррисъ имѣлъ отталкивающій видъ. На лицѣ его выражались умъ и доброта. Нѣсколько привыкнувъ къ нему, легко можно было замѣтить, что этотъ малообразованный, но дѣловой человѣкъ съ сангвиническимъ тем-

пераментомъ, весьма властный въ своихъ мастерскихъ и съ своими подчиненными, дома дѣлался весьма податливъ.

Раскачиваясь въ своемъ креслѣ, онъ съ безпокойствомъ размышлялъ, что понадобится его сестрѣ, которую онъ предполагалъ спокойно живущею въ Филадельфіи и отъ которой онъ за послѣдній годъ едва получалъ извѣстія. Дверь курительной отворилась и пропустила такъ мало нѣсколько минутъ тому назадъ ожидаемую имъ особу, госпожу Пальмиру Дерсонъ, рожденную Гаррисъ.

Не переставая качаться, онъ протянулъ ей руку, которую миссисъ Пальмира усердно потрясла, и вдругъ, секунду пристально поглядѣвъ на брата, она бросилась ему на шею. Это произошло такъ внезапно, что они оба чуть не свалились. Оправившись, она вскричала, поднимая глаза къ небу:

— Наконецъ я здѣсь, дорогой мой Джо, и чтобы никогда больше съ тобой не разставаться! Семья прежде всего!

Гаррисъ быстро съ своимъ кресломъ повернулся къ своей сестрѣ, которая, должно быть утомленная избыткомъ чувствъ, упала въ кресло, и вопросительно смотрѣлъ на нее, выражая на своемъ лицѣ все удивленіе, возбужденное въ немъ ея патетическимъ восклицаніемъ.

Миссисъ Пальмира Дерсонъ была моложе брата лѣтъ на десять, но чрезвычайно на него похожа. Такіе-же рыжіе волосы, такіе-же блѣдно-голубые глаза, только съ нѣсколько растеряннымъ выраженіемъ, тотъ-же крупный носъ и красиво сложенные губы. Она не была такъ полна; высокаго роста, костлявая, съ плоской таліей, мало выдающимися бедрами и безрельефнымъ бюстомъ; съ большими руками и ногами. Весьма мало привлекательности, хотя ее нельзя было назвать уродомъ. Одѣта она была въ коричневое платье, просто и не изящно сшитое, настоящій костюмъ квакерши.

Что касается ея характера и ея понятій, съ ними не трудно познакомиться, госпожа Дерсонъ не принадлежала къ числу лицъ, носившихъ на лицѣ маску и измѣнительски къ вамъ подходящихъ. На нѣмой вопросъ своего брата она отвѣчала важнымъ и внушительнымъ тономъ:

— Конечно! Развѣ я могу оставить тебя одного во главѣ дома, изъ котораго улетѣлъ незабвенный ангелъ Фанни, такъ долго бывшій его хранителемъ, и которую я не меньше тебя любилъ! Нужно, чтобы подлѣ тебя былъ кто-нибудь, на кого ты бы могъ положиться, чтобы беречь нашу дорогую Джэнъ, такую еще молодую! Чтобы направить ее на путь Господень, чтобы управляться съ твоей прислугой и наконецъ ухаживать за тобой, если ты заболѣешь! Съ того дня, какъ ты лишился твоей преданной подруги, я только объ одномъ думала—замѣнить ее и какъ только представился удобный случай, я имъ воспользовалась, чтобы уѣхать изъ Филадельфіи и занять подъ твоей кровлей мѣсто, котораго я никогда не должна была оставлять! Ты знаешь, какъ сильно я всегда любила тебя и мою хорошенькую племянницу.

И миссъ Пальмира Дерсонъ вспрыгнула съ своего кресла съ явнымъ намѣреніемъ снова броситься въ объятія своего брата, но Гаррисъ быстро всталъ и, защитившись отъ нея своимъ курительнымъ кресломъ, отвѣчалъ сначала съ искреннимъ волненіемъ, а потомъ съ мало скрытой насмѣшкой:

— Да, въ домѣ сдѣлалось очень грустно послѣ смерти моей дорогой жены, и мы съ

Джэнъ часто ее оплакиваемъ. Полагаю, что мы ее никогда не забудемъ. Твои чувства меня очень, очень трогаютъ и я радъ тебя видѣть. Но что-же ты сдѣлала съ своимъ мужемъ, моимъ драгоценнымъ зятемъ Ионафамомъ? Чѣмъ ты объяснила ему свой отъѣздъ?

— Ничѣмъ!

— Проще всего! Онъ по прежнему живѣтъ въ Филадельфіи?

— Безъ сомнѣнія!

— И онъ тебѣ не сдѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія?

— По какому праву?

— Какъ «по какому праву»? Развѣ вы развелись?

— Нѣтъ, хотя мы не сходимся въ разъясненіи нѣсколькихъ стиховъ V главы посланія апостола Павла къ Ефессянамъ.

— И это такъ важно, дѣйствительно.

— Не смѣйся.

— И не думаю. Что говорится въ этомъ стихѣ?

— Ты не поймешь его такъ, какъ могутъ понять только души, отрѣшившіяся отъ всего матеріальнаго.

— Да, въ дѣйствительности я не... Но поучи меня.

— Апостолъ указываетъ на обязанности между супругами и говоритъ: «Какъ Церковь подчиняется Христу, такъ и жены должны во всемъ подчиняться своимъ мужьямъ».

— А! А! «Во всемъ»? Вполнѣ правильно!

— Ты думаешь? Бѣдный Джо! Эти слова не должны буквально пониматься. Нужно проникнуться ихъ духомъ. Ну, мы съ Ионафамомъ не сходимся въ ихъ объясненіи. Совершенно, совершенно не сходимся.

— И потому ты его бросила?

— Развѣ это не достаточная причина для квакерши, дорожающей своимъ достоинствомъ?

— Да, правда, ты квакерша! Я забылъ. Прости меня, я все думалъ, что ты методистка!

— О, какъ ты отсталъ, братецъ,—это было при моемъ третьемъ мужѣ, Уильямѣ Брайтѣ, съ которымъ я имѣла несчастье здѣсь познакомиться.

— Ахъ да, это правда; вспоминаю; ты получила этого мужа изъ моихъ рукъ. Я даже купилъ его за двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ, если память меня не обманываетъ. Это былъ очень талантливый адвокатъ, превосходный человѣкъ, усердный методистъ!

— Именно. Черезчуръ экзальтированный языкъ священнослужителей этой церкви заставилъ меня поскорѣе съ нею разстаться. Выслушивать угрозы мученіями ада за малѣйшую провинность; слушать завывающія молитвы, подъ предлогомъ непосредственнаго общенія съ Божествомъ. Все это меня пугало и было мнѣ противно!

Хотя достойная Пальмира произнесла эти слова съ неподдѣльнымъ ужасомъ, но тѣмъ не менѣе ея братъ, никогда не принимавшій ее въ серьезъ, отвѣчалъ ей тѣмъ-же насмѣшливымъ тономъ:

— Конечно, въ собраніяхъ квакеромъ эти вещи продѣлываются гораздо спокойнѣе. Но бросать своего четвертаго супруга изъ за одной не такъ понятой строчки!.. Надѣюсь, что ты не имѣешь намѣренія испробовать такимъ образомъ все двадцать пять или тридцать религіозныхъ сектъ нашей страны? У тебя окажется слишкомъ много мужей,—всякій разъ какъ ты мѣняешь церковь, ты меня награждаешь новымъ зятемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Съ соизволенія Государя Императора и съ согласія короля и королевы эллиновъ и Великаго Князя Михаила Николаевича, 23-го сего марта, Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михайловичъ помилуетъ съ королевой греческой Маріей.

— Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволить: перевезенію Императорскихъ Регалій изъ Императорскаго Зимняго Дворца въ Москву, въ Оружейную Палату, быть 3-го апрѣля, въ 3 часа дня.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Греція.—Король Георгъ 24 марта (5 апр.) сообщилъ официально президенту совѣта министровъ г. Деліанису о предстоящемъ бракосочетаніи своей дочери, ея высочества королевы Маріи греческой, съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Михайловичемъ, пребывающимъ въ настоящее время въ Афинахъ. Свадьба состоится въ Петербургѣ. Народонаселеніе ликуетъ по поводу радостнаго и счастливаго событія въ популярномъ королевскомъ домѣ эллиновъ.

Италія.—Въ Венецію, 30 марта (11 апр.) въ 4 часа пополудни, прибыло судно «Hohen-zollern» съ германскою императорскою четою. На «Hohen-zollern» тотчасъ-же отправились король и королева итальянскіе, принцъ неаполитанскій и итальянскій посолъ въ Берлинѣ графъ Ланца.—Прибытіе судна «Hohen-zollern» встрѣчено публично восторженно. Встрѣча германской императорской четы съ итальянскою королевскою четою имѣла весьма сердечный характеръ. На другой день вечеромъ, послѣ придворнаго обѣда, германскій императоръ и король Гумбертъ вели продолжительную бесѣду, въ присутствіи маркиза ди-Рудини, адмирала Брига, герцога ди-Сермонета и германскихъ пословъ въ Римѣ и Вѣнѣ: фонъ-Бюлова и графа Эйленбурга. Отъѣздъ германской императорской четы по желѣзной дорогѣ въ Вѣну изобиловалъ оваціями.

Африка.—21 марта (2 апр.) полковникъ Стевани подъ Махрамомъ имѣлъ дѣло съ дервишами, кончившееся побѣдою итальянцевъ: дервиши разсѣяны и прибывшія изъ Тукруфа значительныя подкрѣпленія дервишей также обращены въ бѣгство. Уровъ дервишей большой; итальянцы потеряли только до 100 человекъ убитыми. Расъ Маконенъ послалъ маюру Сальса письмо съ приглашеніемъ, поторопиться пріѣздомъ въ лагерь шоанцевъ.

Сѣверо-Американскіе Штаты.—Президентъ Кливлэндъ послалъ въ Мадридъ письмо, въ которомъ онъ увѣряетъ Испанію въ самомъ дружественномъ расположеніи Соединенныхъ Штатовъ. Кливлэндъ выставляетъ на видъ несчастное положеніе дѣла на островѣ Кубѣ, указавъ на нынѣшнее и прежнія возстанія на этомъ островѣ, и предлагаетъ добрыя услуги Соединенныхъ Штатовъ для посредничества между Испаніею и инсургентами на Кубѣ, при чемъ Кливлэндъ заявляетъ, что предложеніе это онъ дѣлаетъ изъ дружбы къ Испаніи и единственно съ желаніемъ почетнаго для нея окончанія войны.

Турція.—Князь Фердинандъ, принимая на-дняхъ посланныхъ вселенскаго патріарха, благодарилъ за выраженныя имъ пожеланія отъ имени вселенской церкви и поцѣловалъ руку архіепископа Константинополя. Затѣмъ князь обѣщалъ, что будетъ покровительствовать греческимъ епископамъ, имѣющимъ мѣстопробываніе въ Болгаріи. Вселенскій патріархъ прилагаетъ большія усилія къ прекращенію схизмы. Какъ патріархъ, такъ и русскій посолъ Нелидовъ за послѣднее время часто пріѣзжали съ этою цѣлью въ Илдізъ-Киоскъ, о чемъ, однако, ничего оффиціального не сообщалось. Увѣряютъ, что по той же причинѣ князь Фердинандъ остается въ Константинополѣ дольше, чѣмъ предполагалось.

Японія и Китай.—Японское правительство, во избѣжаніе столкновенія съ Россіей на почвѣ корейскаго вопроса, формально заявило о своемъ желаніи дѣйствовать въ Корей въ согласіи съ русской политикой. Призывъ запасныхъ нижнихъ чиновъ и приведеніе флота въ боевое положеніе объясняются будто бы опаснымъ положеніемъ японскихъ подданныхъ на корейскомъ полуостровѣ, а также продолжающимися затрудненіями на островѣ Формозѣ. Здѣсь открываются для иностранной торговли порты Тамсуи, Келунгъ-Аньинъ, Таннанъ, Такао. Изъ Шанхая сообщаютъ, что въ Европу выѣхали въ качествѣ представителей на коронацію Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ со стороны Японіи принцъ Фушима, отъ Китая—Ли-Ханъ-Чжанъ, отъ Корей—сановникъ Мпръ-Юнь-Хіанъ.

Капская колонія.—По телеграфному сообщенію губернатора Капской колоніи, находящейся близъ Тули (въ 30 миляхъ отъ Булувайо)отрядъ комиссара Бранда потерялъ въ дѣлахъ съ туземцами 2 человека убитыми и 20 человекъ ранеными. Въслѣдствіе просьбы Бранда, ему немедленно высылаются подкрѣпленіе въ числѣ 230 человекъ и одной пушки Норденфельда. Инсургенты въ Макаппосскихъ горахъ имѣютъ достаточный запасъ скота и хлѣба.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Вновь учреждается орденъ св. Николая. Орденъ будетъ имѣть 3 степени: 1-я степень—звѣзда, вторая—на шею и 3-я—въ петлицу. Орденомъ 3 ст. будутъ награждены всѣ имѣющіе уже ордена св. Анны и Станислава 3 ст. Высшими-же степенями будутъ награждаться въ общемъ порядкѣ.

— 30-го марта, въ Севастополѣ, въ Херсонскомъ монастырѣ освященъ семсотпудовый колоколъ, сооруженный въ память Царя-Миротворца, Августѣйшаго благодѣтеля Херсонеса. Во время тумановъ призывной звонъ колокола будетъ предупреждать мореходовъ о близости берега.

— 27-го марта, въ Казани, послѣ молебствія, совершоннаго архіепископомъ Владимиромъ, открыта, казанскимъ обществомъ трезвости, первая въ Россіи лечебница для алкоголиковъ. Главнымъ врачомъ избранъ профессоръ Даркшевичъ. На открытіи присутствовали губернаторъ и представители общественныхъ учреждений.

— Въ Астрахани 27-го марта послѣдовало торжественное открытіе отдѣла Императорскаго православнаго палестинскаго общества въ присутствіи начальника губерніи гене-

раль-лейтенанта М. А. Газенкамфа и прочихъ почетныхъ представителей разныхъ учреждений. Избраны единогласно предсѣдателемъ отдѣла преосвященный Митрофанъ и товарищемъ генераль-лейтенантъ М. А. Газенкамфъ.

— Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ готовитъ къ нижегородской всероссійской промышленной выставкѣ статистическій сборникъ всѣхъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній. На выставкѣ будутъ экспонировать сорокъ пять такихъ учебныхъ заведеній.

— Въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ поступило ходатайство нѣсколькихъ землевладѣльцевъ херсонской губерніи о разрѣшеніи учредить въ Одессѣ сельско-хозяйственное товарищество съ предоставленіемъ ему права производства коммисіонныхъ и ссудныхъ операций подъ обезпеченіе сельско-хозяйственныхъ произведеній.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Во второй половинѣ апрѣля на Марсовомъ полѣ состоится Высочайшій смотръ войскамъ гвардейскаго корпуса и петербургскаго округа. Въ нынѣшнемъ году будетъ происходить лишь одинъ смотръ. Въ парадѣ примутъ участіе: двѣ пѣхотныя дивизіи, одна стрѣлковая бригада, три кавалерійскія дивизіи, двѣ пѣшія артиллерійскія бригады, одна конно-артиллерійская бригада и всѣ военныя училища. Расположеніе войскъ будетъ слѣдующее: на Марсовомъ полѣ встанетъ пѣхота, по набережной Невы—кавалерія, по Милліонной улицѣ—артиллерія. Смотръ закончится атакою всей кавалеріи развернутымъ фронтомъ.

— 2-го апрѣля, въ Императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ состоялось продолженіе преній по докладамъ Л. В. Ходскаго и В. И. Касперова «по вопросу о металлическомъ денежномъ обращеніи».

— Въ среду, 3-го апрѣля, въ 8 час. вечера, въ общемъ собраніи членовъ Императорскаго географическаго общества проф. А. Н. Красновъ сдѣлалъ сообщеніе о своемъ путешествіи на дальній Востокъ.

— На-дняхъ происходило открытіе первой въ Петербургѣ профессиональной школы для образованныхъ женщинъ, основанной г-жею А. М. Прокопе. На молебнѣ присутствовали министръ народнаго просвѣщенія гр. И. Д. Деляновъ.

ИСКУССТВО.

Въ Москвѣ, въ политехническомъ музеѣ, открылся первый съѣздъ русскихъ дѣятелей по фотографическому дѣлу; предсѣдатель съѣзда В. К. Вульфегтъ. Съѣзду представлены, между прочимъ, доклады: объ обезпеченіи потерявшихъ способность къ труду фотографовъ, о правѣ собственности, о примѣненіи фотографіи къ книгопечатанію, объ пксь-лччахъ; какая нужна фотографическая школа, фотографія, какъ женскій профессиональный трудъ.

— 26-го марта, въ залѣ петербургскаго общества поощренія художествъ открылась выставка перваго дамскаго художественнаго кружка. Выставка очень большая (251 №№). Изъ работъ особенно интересны: скульптура М. Л. Диллона и Е. Сая и акварели В. Назарова, А. Егорнова, Писемскаго, нѣсколько

прекрасныхъ этюдовъ покойнаго Космакова и Лагоріо.

— Въ Москвѣ, въ помѣщеніи общества любителей художествъ открылась выставка изображеній Спасителя изъ собранія Великаго Князя Сергія Александровича, принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, графини Уваровой и другихъ. Всѣхъ изображеній до 400 въ оригиналахъ и копіяхъ съ IV по XVII вѣкъ, исключительно иностранныхъ художниковъ.

— Императорской гранильной фабрикой изготовлена для нижегородской выставки скала изъ породы всевозможныхъ уральскихъ горныхъ минераловъ. Скала внутри представляетъ гротъ, красиво устланный мхомъ; скала въ вышину около 2 саж. и составлена изъ уральскаго гранита, яшмы, горнаго хрусталя, шиферовъ, селенита, малахита и другихъ камней; все это изящно покрыто мхомъ; наверху орелъ изъ селенита.

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

Весенній сезонъ въ Мариинскомъ театрѣ начался дебютомъ г. Секаръ-Рожанскаго въ «Аидѣ». Зала была совершенно полна и на кассѣ вывѣшено объявленіе о немѣнѣ свободныхъ мѣстъ. Дебютантъ имѣлъ средній успѣхъ.

— Въ Александринскомъ театрѣ состоялся бенефисъ вторыхъ артистовъ. Онъ вполне удался въ матеріальномъ отношеніи. Александринскій театръ былъ совершенно полонъ. Давали извѣстную, одну изъ первыхъ, комедію В. Сарду «Nos intimes», въ передѣлкѣ князя Кутушева и подъ названіемъ «Друзья-пріатели».

— Весенній сезонъ въ Литературно-Артистическомъ театрѣ (Малый театръ) открылся «Принцессой Грезой». Театръ былъ полонъ и исполнителей много вызывали. Г-жа Яворская получила много цвѣтовъ, а гг. Красовъ и Анчаровъ подарки.

— Въ бенефисъ г-жи Паскаловой на сценѣ Малаго театра шла драма Фр. Коппе «Иза-за вѣща» въ стихахъ, переведенная А. М. Ѳедоровымъ. Бенефициантку вызывали очень дружно и поднесли цвѣты.

— Въ среду, 3-го апрѣля, въ бенефисъ артистки Малаго театра, З. А. Холмской, шла передѣлка романа Тургенева «Дымъ».

БИБЛИОГРАФІЯ.

Вокругъ Россіи. В. Дядловъ. Изданіе М. М. Ледерле и комп. Цѣна 2 р.

В. Дядловъ—большой мастеръ рассказывать свои путевыя впечатлѣнія. Мѣшая съ остроумной шуткой серьезные факты, онъ достигаетъ быстро своей цѣли—приковать читателя къ книгѣ. Въ настоящей книгѣ, изданной съ солидною изящностью М. М. Ледерле, авторъ знакомитъ читателей съ Польшей, Бессарабіей, Крымомъ, Ураломъ, Финляндіей. Особенно живо и ярко вышло у г. Дядлова описаніе Нижегородской армарки въ послѣднемъ отдѣлѣ книжки.

Иліада Гомера. Переводъ Н. М. Минскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. Ц. 75 к.

Слѣло взявшійся за этотъ большой и тяжелый трудъ переводчикъ указываетъ на то, что переводъ Гнѣдича совершенно устарѣлъ. Съ этимъ трудно согласиться. Слишкомъ хорошо понялъ и передалъ Гнѣдичъ всю глубину и мощь классическаго гения создателя Иліады. Забыть его грѣшныя гекзаметры не легко. Но г. Минскій даетъ намъ болѣе современную передачу рѣчей и ощущеній гомеровскихъ героевъ, болѣе мяг-

кости и нѣжности въ стихѣ Иліады. Новый переводъ, если-бы въ немъ было и меньше достоинствъ, все-же заслуживалъ-бы большаго вниманія.

Дѣтскій мірокъ. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Изд. М. В. Ключкина. Ц. 75 к.

Трудная задача писателя, взявшагося за перо для того, чтобы бросить первую искру мысли, первое сознаніе въ неоформившейся и еще дремлющей дѣтской умѣ. И благо тому, кто успѣетъ приготовить благодарную почву въ сердцахъ и душахъ дѣтей для воспріятія дальнѣйшихъ уроковъ правды и добра. Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, одинъ изъ лучшихъ писателей для дѣтей, написалъ вышеозначенную книжку двадцать лѣтъ тому назадъ и первое изданіе все разошлось тогда-же. Но въ продолженіе двадцати лѣтъ все появлялись требованія этой книжки, и теперь вышло второе изданіе въ исправленномъ видѣ. Для дѣтской книги—такая память о ней публики—большая рекомендація. Желаемъ труду почтеннаго автора прежняго успѣха.

Нѣчто изъ артистическаго міра. Изд. М. М. Ледерле и комп. Ц. 4 р.

Это великолѣпное изданіе содержитъ въ себѣ рассказы В. А. Боброва, П. И. Гнѣдича, бар. М. П. Кюдта, М. Е. Малышева, М. О. Микѣшина, В. М. Михеева, Н. И. Познякова, М. О. Розова. Иллюстрировали книгу, кромѣ названныхъ художниковъ, еще Богдановъ, Винцманъ, Крюковъ, Лебедевъ, Максимовъ, Шарлеманъ. Весьма изящны и интересны два стихотворенія Н. И. Познякова и рассказы П. П. Гнѣдича. Вообще, вся книга заслуживаетъ похвалы и по содержанію, и по исполненію рисунковъ.

ЮБИЛЕИ и ГОДОВЩИНЫ.

М. Н. Ермолова.—15 апрѣля исполняется тридцать лѣтъ со дня перваго появленія на сценѣ московскаго малаго театра высокоталантливой артистки М. Н. Ермоловой. Тринадцатилѣтнею воспитанницей московскаго театральнаго училища она впервые сыграла роль Фаншетты въ водевилѣ «Женить на расхватъ», который шелъ въ бенефисъ ея отца, Н. А. Ермолова, 15 апрѣля 1866 года.

— Рене Декартъ. 31-го марта исполнилось 300 лѣтъ со дня рожденія отца новой философіи, Рене Декарта, положившаго начало такъ называемой картезианской школѣ философіи. Во всѣхъ странахъ образованнаго міра сдѣланы уже приготовленія къ торжественному празднованію этого дня, а во Франціи изготовлено юбилейное изданіе полнаго собранія сочиненій Декарта.

НЕКРОЛОГИ.

А. Н. Труворовъ.—30-е марта принесло большую потерю для археологическаго института въ лицѣ директора его Аскалона Николаевича Труворова, скончавшагося на 77-мъ году жизни. Покойный принадлежалъ къ числу видныхъ научныхъ дѣятелей, хорошо извѣстныхъ своими многочисленными и цѣнными трудами по археографіи и изслѣдованію русской старины, богатыхъ замѣчательной энергіей и неутомимостью, а также самостоятельностью въ оцѣнкѣ памятниковъ русской исторіи. Изъ многочисленныхъ научныхъ и литературныхъ трудовъ покойнаго назовемъ: «Какъ легко ошибиться при производствѣ слѣдствія», «Былое изъ пугачевщины», «О саняхъ, употребившихся при погребеніи русскихъ великихъ князей, царей и царицъ», «Волхвы и ворожеи на Руси въ концѣ XVII вѣка» и «О времени учрежденія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ».

— Г. А. Рождественскій. 30-го марта скончался настоятель Благовѣщенской церкви

лейбъ-гвардіи коннаго полка протоіерей Григорій Александровичъ Рождественскій. Г. А. окончилъ курсъ въ с.-петербургской духовной семинаріи.

— А. А. Бертельсъ. 28-го марта скончался старшій врачъ Охтенскаго порохового завода Александръ Андреевичъ Бертельсъ. Онъ отличался неутомимою дѣятельностью на поприщѣ благотворительности.

Н. П. Новиковъ-Ивановъ. Въ Одессѣ скоропостижно скончался драматическій артистъ Николай Петровичъ Новиковъ-Ивановъ, начавшій свою артистическую карьеру въ Петербургѣ, по выпускѣ изъ здѣшняго театральнаго училища.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Допотопное животное игуанидонъ. Это допотопное животное испанской величии, остатки котораго найдены въ нижнихъ мѣловыхъ слояхъ Англіи и Бельгіи, принадлежало къ виду игуанидовъ ящерницъ легуановъ (Iguanidae). Изъ частей скелета видно, что это пресмыкающееся, подобно кенгуру, двигалось на заднихъ ногахъ, причемъ поддержкой служилъ очень сильный хвостъ. Объ его образѣ жизни можно судить по формѣ челюстей. Спереди находилось два рогообразныхъ отростка, отъ которыхъ въ обѣ стороны шло по восьмидесяти зубовъ. Сходство ихъ жевательнаго аппарата съ такимъ-же аппаратомъ у черепахъ оправдываетъ предположеніе, что игуанидонъ питался растительною пищею. Кенсингтонскому музею недавно удалось составить полный скелетъ пресмыкающагося. Переднія конечности имѣютъ шесть футовъ длины, кончаются четырьмя пальцами, къ которымъ сбоку присоединяется пятый палецъ, снабженный острымъ когтемъ; вовсе не приспособлены для хожденія. Заднія конечности—въ десять футовъ длины, имѣютъ по три когти и напоминаютъ конечности безкрылыхъ птицъ, какъ эму и динорнисъ. Хвостъ состоитъ изъ множества костяныхъ позвонковъ и поддерживалъ не только прямое положеніе животнаго, но и служилъ одновременно рулемъ при плаваніи. Длина всего скелета отъ головы до хвоста тридцать футовъ.

Въ прусскихъ войскахъ стремятся распространить изученіе стенографіи. Для этой цѣли въ унтеръ-офицерскихъ и шкиперскихъ школахъ будетъ введено преподаваніе этого предмета.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Распутица. Съ картины художника В. Ковальскаго.

Весна часто бываетъ похожа на осень. Разверзается всѣмъ хлѣбъ небесный, все тонетъ въ мокротѣ, идетъ не то дождь, не то снѣгъ. Такую пору изобразилъ намъ талантливый художникъ, знатокъ польско-литовскаго быта—В. Ковальскій. Мы видимъ охотника, усадившаго съ собою въ тележку и собакъ, видамъ наглухо закрытую повозку, которую еле-еле везетъ тройка сильныхъ лошадей. Словомъ, полная картина дорожной неурядицы и прихотливаго каприза погоды.

Смотрины. Оригинальный рисунокъ художника И. Пархоменко.

Къ одному изъ патриархальныхъ обычаевъ сельскаго духовенства принадлежитъ слѣдующій, давній сюжетъ нашему художнику. Если у вдовой попадѣ, или вообще въ семьѣ священника есть дочери-невесты, то женихъ,—конечно, кончившій семинарію—получаетъ выѣздъ съ женою и приходъ. Многими церемоніями обставленъ процессъ сватовъ а. Мы видимъ на нашемъ рисункѣ, что сельскій батюшка съ сыномъ какъ-бы невзначай завернули къ сосѣдѣ, вдовой попадѣ. У сосѣдки—дочь невеста, которая, конечно, знаетъ намѣренія гостей. Идетъ бесѣда, чаепіе. Орломъ глядитъ на невесту женихъ, скромной голубкой слѣдитъ она, принарядясь по праздничному. И будутъ коротать они сельское однообразное жите-

быть вместе; и къ ихъ дочкѣ прѣдетъ такой же бравый молодецъ...

Ловля рыбы. Рисовалъ художникъ **А. Мюль.**

Неспокойное море не мѣшаетъ храбрымъ рыбакамъ, заниматься обычной ловлей, какъ это изображено на нашмъ рѣшкѣ. Вѣдь если они будутъ сидѣть дома въ-за каждаго волненія, то чѣмъ-же корить и одѣвать ждущіа ихъ на берегу семьи. Вонъ жены и ребятишки вышли на пристань, чтобы хоть издали поглядѣть на знакомые паруса. Вѣтеръ бушуетъ, море пѣнится, а ловля и привычная работа идетъ себѣ своимъ чередомъ.

Ледоходъ. Оригинальный рисунокъ художника **П. Дмитріева.**

«Шумитъ весенній ледоходъ
Передъ пѣзубскою рыбацѣй.
И солнца лучъ уже горячій
Бѣжитъ, цѣлуя бѣлый ледъ.

Уже висятъ рыбацкія сѣти
На вбитыхъ кояхъ, на вѣвяхъ;
И чайки мчатся въ небесахъ,
Крича, кружась въ весеннемъ свѣтѣ.

Освобожденная рѣка
Разбитый ледъ уноситъ въ море...
Такъ исчезаетъ въ жизни горе
И просвѣтлѣваетъ тоска...

«Для влюбленныхъ нѣтъ преградъ». Рисовалъ художникъ **К. Нейнфельдъ.**

Южное солнце освѣщаетъ характерную, компанную сценку. Влюбленныхъ, по обыкновенію, преслѣдуютъ, но для горячихъ сердецъ нѣтъ преградъ! Увидя на высокомъ заборѣ свою даму сердца, этотъ молодой погонщикъ мигомъ взобрался на своего ослика, и вотъ идетъ нѣжная бесѣда. Вѣроятно, ослику въ первый разъ случается служить для такихъ поэтическихъ цѣлей.

Побѣдитель. Съ картины художника **О. Рекнагелъ.**

Ослики—эти граціозныя, кроткія животныя, на самомъ дѣлѣ очень склонны къ ссорамъ и битвамъ. Весною, особенно, они часто вступаютъ въ бой изъ-за самокъ. Иногда случается, что рога ихъ спутываются и сдѣлается до невозможности освоодить ихъ. Тогда оба бойца оклаиваются съ голода. На нашей картинѣ изображено окончаніе боя. Сильнымъ ударомъ сваливъ противника, самецъ-побѣдитель гордо торжествуетъ. Стройная и мускулистая фигура животного передана великолепно. Другой противникъ, израненный и избитый, валяется безсильно на землѣ. Битва, вѣдимо, была долгая и тяжелая.

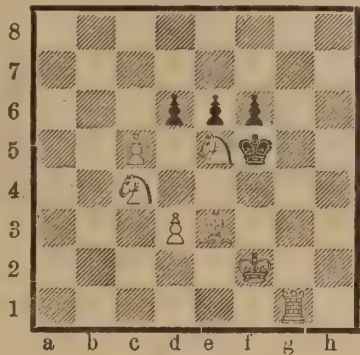
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 11.

Г. Готшалъ (въ Берлинѣ).

Первый призъ на конкурсѣ «General Anzeiger».

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 3 хода.

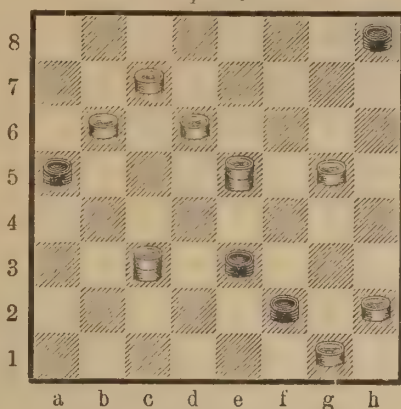
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 11.

А. Иванова (въ Петербургѣ).

Черныя.

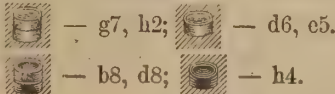
Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Этюды и окончанія партій.

№ 5. Д. И. Саргина (въ Москвѣ).

Изъ «Шахматнаго Обозрѣнія» 1893 г.

Бѣлыя выигрываютъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

Всѣ присылаемыя рукописи и рисунки должны быть съ полнымъ адресомъ, фамиліей автора и съ обозначеніемъ желаемого гонорара. Безъ указаній послѣднихъ свѣдѣній, рукописи и рисунки считаются *бесплатными*. Рукописи менѣе печатнаго листа и рисунки, непризнанные годными къ печатанію, по прошествіи *двухъ мѣсяцевъ* уничтожаются безъ объясненія причинъ. Редакція не принимаетъ на себя обязательствъ возвращать рукописи и рисунки почтою, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ. Для полученія отвѣта необходимо предлагать къ рукописямъ конверты со своимъ адресомъ и маркою. Относительно стихотвореній редакція не входитъ ни въ какіе письменные переговоры и предупреждаетъ гг. авторовъ, что этотъ матеріалъ присылается въ слишкомъ большомъ количествѣ и рѣдко годномъ для печати, а потому всѣ стихотворенія, признанныя неудобными къ печати, послѣ отвѣта на нихъ въ почтовомъ ящикѣ, уничтожаются. Писма не *вполнѣ* оплаченныя гербовымъ сборомъ съ почты редакціею не принимаются. Анонимныя писма не читаются.

За редактора—издатель **С. Довгудевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НА ВОСПИТАНІЕ ДЕТЕЙ И НА ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
60. ТЕЛЕФОНЪ 1560. ИМПЕРАТОРСКАГО ЧЕЛОВѣКОЛЮБИВАГО ОБЩЕСТВА
ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕРТВОВАТЬ ему
НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ
АУКЦИОНЪ по вторникамъ ВОСПИТАНІЕ до 500 дѣтей
ДОБРОСРЪДНЫШКОМЪ
ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 1141.

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга
«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».
Романъ изъ жизни червонныхъ вѣлотовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.
Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы новое изданіе романа
ЭМИЛЯ ЗОЛЯ
„ПОГРОМЪ“
Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп. Въ книгѣ 566 страницъ.
Предлагаемый романъ известнаго талантливаго французскаго писателя полонъ самаго живого интереса, гдѣ, между прочимъ, авторъ художественно знакомитъ читателя съ причинами и со всѣми ужасами воинныхъ дѣйствій, происшедшихъ опустошительнымъ ураганомъ по Франціи въ 1870—1871 годахъ.
Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Требованія исполняются съ первой почтой, но только при полученіи денегъ. Для удобства покупателей стоимость книги можетъ быть выслана почтовыми марками.
Складъ изданій при конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе»
Невскій пр. у Аничкина моста, д. 68—40.

ПАМЯТЬ
„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“.
(Что такое мнемоника?) книга (плотное изданіе)
профессора мнемоники **С. ФАЙНШТЕЙНА** и печатныя условія заочнаго (письменнаго) курса изощренія мнѣмнленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 уро.) высылаются за шесть 7 коп. мар.; на вложенной бумагѣ вмѣстѣ съ условіями—за восемь 7 коп. марокъ.
Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогикъ, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую, и лучшей—у обладающихъ хорошей.
Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, возмнныя, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ укнрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безъ книгъ высылаются за одну 7 коп. марку).
Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Сип.-линка № 0. 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ) д. Бродскаго № 6 40, кв. 4-5-8, бель-этажъ.
Профессору мнемоники членъ парижскаго акдеміи **С. Файнштейнъ.** № 2293—10.

ФАБРИКИ С. СОБЕННИКОВА
Магазины: 1-ый Невскій, 58. 2-ой Невскій, 68 въ СПбургѣ
ПРЕДЛАГАЮ Непромокаемыя накидки
ПАЛЬТО вискосиновые и резиновые ЧЕРНЫЯ И СѢРЫЯ
Цѣны удешевленныя
Прейс-куррантъ и образцы высылаю **БЕЗПЛАТНО.** 2378—4
Фирма прежирована на европейскыхъ выставкахъ десятию золот. медалями и высшими знаками.
БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ
Косметика **А. ЭНГЛУНДЪ.**
Для нѣжности и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к.
Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. — Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., д. Жеребина, № 2.** 2042-3.

кому дорого здоровье, пусть читаетъ кн. „Вѣрный путь къ достиженію и сохраненію
Здоровато и крѣпкого сна“.
Цѣна кн. съ перес. 42 к. почт. марк. Складъ: Эстляндія, Ревель, Шпр. Нее. 356. Е. В. Н. Мельманъ, 2386-1
МУЗЫКАЛЬНЫЯ ИНСТРУМЕНТЫ
ВСЯКАГО РОДА И ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА РЕКОМЕНД. ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петрова, домъ Волкова. НИЖЕГ. ЯРМ. Главн. домъ № 6. ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ.
№ 2305—2
ВЫИГРЫШ
нвы 1, 2 и 3 займы продактъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, невискій, спв.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться пись-
менно: Банкирскій д-ръ Генрихъ Блокъ.
— 2 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обзоръ»
(Спб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб. 5 к.

Вино
Сенъ-Рафаэль
Превосходно на вкусъ.
Сохраняется по способу ПАС-
ТЕРА.
На каждой бутылкѣ печать
Россійской таможни. Къ каждой
бутылкѣ приложена брошюра о
Сенъ-Рафаэльскомъ винѣ, какъ
о питательномъ и укреп-
ляющемъ и цѣлебномъ
средствѣ въслѣдованія Д-ра
Де-Барре.

2366-7

!!! Ванно для дамъ !!!

Заочное обученіе шитью и крою посред-
ствомъ лекцій-корреспонденцій по новѣй-
шему, легчайшему и понятному для каж-
даго методу. Полная гарантія въ успѣхѣ.
По окончаніи курса свидѣтельство. Усло-
вія и программы высылаются бесплатно.
Плата умеренная.

Преподавательница Е. Д. Аншарина.
Кіевъ, Житомирская, № 4. № 2359-5

ПЕРВАЯ
НЕОБХОДИМОСТЬ

для каждого—БѢЛЬЕ.
Прочное и элегантнаго по-
кроя; для Гг. офицеровъ
особо, новаго покроя, пред-
лагаетъ спеціальныя магазинъ бѣлья,

Ю. ГОТЛИБЪ

По Владимирской д. 2, уг. Невск. пр.
№ 2216 — 45

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

А. Е. КУЛАКОВЪ.

САДОВАЯ УЛИЦА 33.

ФАБРИКА Садовая ул. 47.
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

предлагаетъ всевозможные музыкал.
инструменты лучшаго качества по
фабричнымъ цѣнамъ.

ЮБИЛЕЙНЫЙ

роскошно иллюстрированный
прейсъ-курантъ всѣхъ инструм.
высылается БЕЗПЛАТНО.

НОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
СЪ ПЕРЕС. 20 К.

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№ 27-18 УЛИЦА УЛИЦА

ФИСТАРМОНІИ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ

ШИДМАЙЕРА,
КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ:
въ 85, 100, 110, 130, 135, 150,
160, 180, 190, 200, 225, 240,
250, 300, 325, 350, 400, 450,
500, 550, 750, 800 и 1,000 руб.

Школа-самоучитель—Паке 2 р.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ
БЕЗПЛАТНО. — 15

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

Главное депо часовъ
Эд. Вурхардъ.

Спб., Гороховая ул., у
Краснаго моста, № 17.
2) по Невскому пр.,
№ 6, прот. М. Морской.
Большой выборъ все-
возможныхъ часовъ
лучш. фабрич. по са-
мымъ умѣр. цѣнамъ

Никелевые... отъ 6 р. 50 к. до 15 р.
Стальные (черные)... 10 р. — 20
Серебряные мужскіе и
дамскіе... 12 — 75
Золотые мужскіе... 50 — 500
Золотые дамскіе... 25 — 100
Регуляторы 2-хъ не-
дѣльных... 7 — 65
Будильники... 4 р. 50 к. — 25
Гг. Инородины въслѣдъ наложеннымъ
платежемъ. Прейсъ-куранты высылаю
бесплатно. Карманные часы на суммусы-
мо 10 р. высылаются почтой на счетъ
моего магазина. № 1229-8

Продажа участковъ земли въ Алексан-
дріи (бывшей Звѣринцѣ), мѣстности, рас-
положенной вблизи Вильны, отдѣленной отъ
города только рѣкой Вильей, черезъ которую, ую
перезакрытъ мостъ, соединяющій Алексан-
дрію съ главной улицей Вильны—Георіев-
скимъ проспектомъ.

Мѣстность песчаная, покрыва старымъ
сосновымъ лѣсомъ, въ гигиеническомъ
санитарномъ отношеніи — ничего луч-
шаго желать нельзя. Климатъ мягкій.
Дачная жизнь съ Марта по Ноябрь. Цѣна
участка въ 4 руб. за кв. сажень и
дороже, продажа за наличныя и въ раз-
срочку на 18 лѣтъ.

Такъ какъ пробаждъ теперь деше-
вый, то желающимъ рекомендуется
пріѣхать и посмотреть.

АДРЕСЪ:
Вильно, контора Александріи (бывшей
Звѣринцѣ).

№ 15 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 8-ю рисунками, а именно: I) два съ половиною листа
текста и II) Обложка на апрѣль съ нотами: — «Вальсъ». Сочиненіе Франца Зуппе.

Кромѣ того, при этомъ номерѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылаются ежемѣ-
сячное литературное приложеніе—четвертая книга «Домашней Библіотеки» (за апрѣль 1896 г.).

Дозволено цензурою. Спб., 4 апрѣля 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

№ 16 — 14 апрѣля 1896 г.

14 апрѣля 1896 г. — № 16.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

Ея Императорское Величество Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА съ дочерью Е. И. В. В. К. ОЛЬГОЮ НИКОЛАЕВНОЮ.
(Съ фотографіи Л. ПАЗЕТТИ).

«ИСТИНА».

(СКАЗАНІЕ).

I.

Въ одной странѣ (пусть будетъ та страна
Венеціей, иль Римомъ,—какъ угодно),
Тамъ, гдѣ цвѣтетъ и властвуетъ весна,
Гдѣ жизнь царитъ, нарядна и ясна,
Безъ бурь и грозъ, привольно и свободно,—
Быль, говорятъ, когда-то край такой,—
Ваятель жилъ, прославленный молвой.

II.

Не требуя за трудъ высокой платы,
Психей и нимфъ ваяя круглый годъ,
Онъ украшалъ богатыя палаты.
Его за то любили меценаты—
И на рукахъ носилъ простой народъ.
Такъ прожилъ онъ, работая, двѣ трети
Счастливой жизни на счастливомъ свѣтѣ.

III.

Но день насталъ, когда, лишенный силъ,
Онъ понялъ вдругъ, что жилъ не для искусства,
И не ему онъ жертвы приносилъ...
Зачѣмъ, тогда, онъ сердце износилъ,
Измучилъ умъ, родникъ исчерпалъ чувства?..
Онъ былъ рабомъ невѣждъ, глупцовъ, блудницъ,—
Подъ ихъ ярмомъ склонялся геній ницъ.

IV.

Какъ онъ рыдалъ въ порывѣ покаянья!
Какъ, трепеща, онъ клялся посвятить
Остатокъ силъ,—всѣ помыслы, всѣ знанья
Для новаго, великаго созданья,
Достойнаго потомство пережить!..
Онъ бросилъ міръ съ мишурной суетою—
И началъ жить одной своей мечтою.

V.

Хвала!.. Оконченъ зановѣдннй трудъ:
Одинъ ударъ рѣзцомъ—для оживленья—
И статуя пойдетъ на общій судъ.
Ее давно какъ откровенья ждутъ...
Но вдругъ—бѣда! отъ слезъ, отъ утомленья
Ослѣпъ скульпторъ,—ослѣпъ въ послѣдній мигъ,
Передъ концомъ всѣхъ помысловъ своихъ!..

VI.

Пусть такъ: вѣдь онъ тотъ образъ въ сердцѣ носилъ,
Его рука попрежнему—вѣрна...
Послѣдніе удары онъ наносилъ,
Зоветь толпу, ея сужденья просить—
Но хохотомъ отвѣтствуетъ она:
„Намъ „Истину“ явить въ такомъ уродѣ?—
Безумецъ ты!..“—такъ рѣшено въ народѣ.

VII.

Онъ слышалъ все, онъ понялъ—но стоялъ
Предъ „Истиной“ съ улыбкой вдохновенной:
Вѣдь для него сквозь вѣчный мракъ сіялъ
Имъ созданный великій идеалъ,
Во всей красѣ божественно-нелѣпной...
Пусть ихъ шумятъ, невѣжды и глупцы:
Онъ—ярчай, онъ, они-же всѣ—слѣпцы!

Сергей Сафоновъ.

НЕ ОТЪ МІРА...

Романъ И. И. Забреннева (продолженіе).

МОЛОДЫЕ поселились на Англійской набережной, въ томъ-же домѣ, гдѣ помѣщалась контора торговаго дома.

Первые три недѣли родня не особенно навѣщала ихъ. Она не желала мѣшать юному счастью молодыхъ супруговъ. Но потомъ родственные визиты участились. Квартира Джаксона была такъ роскошно обставлена. Его четверги всегда такъ обильно сыпскавались настоящимъ токайскимъ князя Эстергази, какимъ угощались иногда съ пріятелями, Зубовъ никогда не пилъ дома. Кромѣ того, братья и зять-капитанъ очень любили играть въ карты. У Джаксона можно было найти превосходныхъ партнеровъ. Въ случаѣ проигрыша—занять у хозяина, который никогда карточныхъ долговъ не спрашивалъ, а самъ принципиально проигрывалъ.

Словомъ, бракъ Елены всѣмъ ея родственникамъ доставилъ большія выгоды; одной ей—онъ принесъ горе. Она согласилась на жертву, но все-же она не думала, что ея будущее сложится именно такимъ невозможнымъ образомъ.

Ея мужъ былъ дикій звѣрь...

Всѣ тонкіе плоды культуры: деликатность,

пѣжность, изящная фантазія—все это осмѣивалось имъ, считалось чѣмъ-то низменнымъ.

Ихъ натуры являли собою коренныя противорѣчія, взаимно исключая одна другую.

Боже! Сколько оскорбленій нанесъ онъ ей въ первые-же дни ихъ совместной жизни. Нельзя сказать, чтобы эти оскорбленія были нанесены сознательно, но они были нанесены! О, какъ горько Еленѣ въ этихъ пышныхъ, холодныхъ комнатахъ... Ея душа то-сковала. Ея стыдъ и совѣсть—все здѣсь по-ширалось.

На третій или четвертый день, послѣ свадьбы, мужъ позвалъ ее въ кабинетъ и, точно случайно, подсунулъ ей альбомъ съ фотографическими карточками. Ея щеки загорѣлись яркой краской за него и себя.

Негодующая, она воскликнула:

— Какъ вамъ не стыдно!

И вышла въ слезахъ.

Джаксонъ былъ пораженъ. Онъ пробормоталъ только:

— Глупость какая!—И выскочивъ изъ комнаты, крикнулъ вслѣдъ:

— Чтожъ, развѣ нельзя тебѣ теперь ви-

дѣть это? Вѣдь ты не пятнадцати-лѣтняя барышня!

Черезъ часъ онъ пришелъ и сталъ извиняться. Послѣдовало примиреніе.

Мѣсяць-пустынная скандальная «исторія». Послѣ театра Робертъ предложилъ ей поужинать въ ресторанѣ, гдѣ, по его словамъ, ихъ поджидали женатые товарищи.

Это была милая шутка... Товарищи дѣйствительно оказались товарищами, но дамы вовсе не ихъ женами.

— Я їду домой,—сказала Елена. Робертъ и его компанія расхохотались. Но когда глаза молодой женщины сверкнули, Робертъ проворчалъ какое-то проклятіе и поѣхалъ домой.

Эти и подобные имъ мелкіе случаи наносили неизгладимые удары чувству достоинства и самоуваженія Елены.

Наединѣ у себя въ комнатѣ она часто плакала.

— Что-же,—думалось ей,—неужели такъ и жизнь пройдетъ вся, въ непрерывной мукѣ, безъ любви, безъ уюта и ласки и безъ счастливыхъ дней?

Она теперь видѣла мужа насквозь. Не-

сложная натура, не злая, но крайне испорченная самообольщениемъ, лестью окружающихъ; человекъ, поклоняющійся только богатству, внѣшнему успѣху, не могущій заглянуть во внутрь вещей.

И она, разочаровавшись въ возможности для себя личнаго счастья, потрясенная утратою любви своей, отдалась теперь всѣмъ сердцемъ милому для нея воспоминанію. Володя часто бывалъ у нея, и они подолгу бесѣдовали съ этимъ мальчикомъ, бывшимъ свидѣтелемъ ея любви; о ней, объ этой погибшей любви, они только и говорили.

Алексѣй отказался отъ мѣста въ конторѣ Джаксона и уѣхалъ въ Москву. Нѣсколько страстныхъ писемъ пришло отъ него. Елена не одну ночь промучилась и потомъ, послѣ борьбы, рѣшила исполнить свой долгъ передъ мужемъ: сжечь письма, а если Алексѣй пришлетъ еще—поступить также.

Рука ея не поднялась совершить то, что казалось ей святотатствомъ, и она попросила Володю. Ребенокъ понялъ, отъ кого письма, и осторожно, какъ драгоценную вещь, положилъ ихъ на раскаленные уголья. Когда они вспыхнули, Елена вздрогнула и заплакала. Володя утѣшалъ ее:

— Не плачь, милая теточка Лена, не плачь! Она все больше и больше привязывалась къ мальчику. Она была тоже ребенкомъ со своими мечтами, чистой вѣрой и незапятнанной душой.

То, что Робертъ называлъ «излишней религіозностью», скорѣе стало для нея источникомъ единственной и величайшей отрады. Володя подолгу гащивалъ у нея, и они ѣздили вмѣстѣ съ нимъ въ церковь. Она любила также при свѣтѣ лампадки молиться въ Володиной комнатѣ.

Однажды, Робертъ засталъ ихъ молящимися.

Боже! какимъ глубоко-презрительнымъ взглядомъ окинулъ этотъ человекъ: икону съ мерцающей лампадкой и восковыя свѣчи и книги съ золотымъ обрѣзомъ... Какой дикой и смѣшной показалась эта церковная обстановка Джаксону! Эта женщина и мальчикъ...—они навѣрное не въ своемъ умѣ!

— Елена, вотъ тебѣ паря! Да твоимъ мужемъ долженъ быть такой вотъ мальчикъ, а не настоящій мужчина, сильный, нормальный, здоровый...

Нормальный мужчина, развивавшій въ себѣ ежедневной гимнастикой волевую силу, имѣлъ и вкусы волевыя. Убѣдившись, что изъ жены не сдѣлаешь такой Берты, какія ему нравились, онъ сразу охладѣлъ къ ней и мало-по-малу вернулся къ своей холостой компаніи и холостымъ попойкамъ.

Однажды, онъ устроилъ загородную прогулку. Пригласилъ товарищей, деверей, свояка-капитана, будто-бы только покататься на тройкахъ за Парголово. Поѣхали на шести тройкахъ. И вдругъ неожиданный сюрпризъ... Большой крестьянскій домъ весь убранъ коврами, бронзой. Превосходно сервированный на серебрѣ—столъ.

— Bravo, bravo, Робертъ! — Дѣти, это еще закуска—ужинъ впереди,—торжествующе поясняетъ Джаксонъ.

Послѣ закуски—танцы. Домъ стоялъ у самой опушки сосноваго лѣса и далеко въ лѣсу какимъ-то страннымъ эхомъ отдавались звуки вальсовъ и мазурокъ. Яркое освѣщенные окна отражали на стѣнѣ свѣтовые квадраты. Кругомъ дома стояли десятка два любопытствующихъ крестьянъ съ женами и дѣтьми.

— А передъ ужиномъ, я угощу васъ одной штучкой!—порадовалъ гостей Джаксонъ.

Дверь сосѣдней комнаты отворилась и вошли два огромныхъ медвѣдя, шелкая зубами и держа въ лапахъ бубны. Повывырейдъ съ ними не было и всѣ перепугались. Сообразивъ, однако, что страшные звѣри ручные—гости успокоились.

Медвѣди проплясали русскую, продѣлали нѣсколько фокусовъ и стали просить водки.

— Коньяку имъ нужно дать, коньяку!

И въ теченіе какихъ нибудь двадцати минутъ медвѣдямъ спилили четыре бутылки коньяку. Тѣ отъ этого не опьянѣли, но сдѣлались черезчуръ развязны. Ихъ увели.

— А теперь номеръ второй!—закричалъ Джаксонъ, успѣвшій уже перепробовать въ качествѣ хозяина всѣ заготовленные вына.

Вѣбжали, приплясывая, пять дѣвочекъ и пять мальчиковъ, въ національныхъ финскихъ костюмахъ. Они что-то спѣли, затѣмъ принялись танцовать. И то и другое вышло очень мило. Дамы зааплодировали.

— А теперь, mesdames, номеръ внѣ программы!

Ввалились полушныные медвѣди и съ ревомъ стали рвать одежду съ перепуганныхъ на смерть дѣтей. Поднялся общій переполохъ. Шумъ... Крики...

— Прекратите, прекратите! Довольно!..

— Уведите медвѣдей!

— Ничего, ничего... они ручные, не укусятъ!—старался успокоить Джаксонъ.

— Смотрите!.. кровь!..

Медвѣдь оцарапалъ зубами руку дѣвочки... Въ наружную дверь съ угрожающей бранью ломались крестьяне.

— Это гнусность! Прекратите сейчасъ-же, Робертъ! Что за издѣвательство надъ людьми!—голосъ Елены, зазвенѣвшій какъ надорванная струна, оборвался и она упала безъ чувствъ.

Она очнулась въ сосѣдней комнатѣ.

— Прекратите это издѣвательство... Это гадко...—были ея первыя слова.

— Успокойся, Лена,—говорилъ хлопотавшій около нея братъ,—успокойся, ихъ увели!..

— Свежи меня домой, я не хочу больше оставаться здѣсь,—сказала она рѣшительно.

И они уѣхали вдвоемъ на одной изъ троекъ.

На утро, Робертъ устроилъ ей формальную сцену.

Вскорѣ послѣ этого случая произошла повая маленькая «исторія»...

Тогда Робертъ, не долго думая, серьезно поговорилъ съ Зубовымъ. Тотъ передалъ женѣ. Жена с старшей дочери. Всѣ ужаснулись.

Расположеніе Джаксона именно вотъ теперь и нужно было старику. Мать и сестра отпировались увѣщевать Елену. Та ничего не подозрѣвала.

За кофеемъ онѣ обѣ разомъ начали доказывать молодой жениху «всю неблаговидность ея поведенія»

— Ты не умѣешь цѣнить такого мужа!

— Ты даже не понимаешь, что мужчина не можетъ любить такую размазню!

И скрѣпляли другъ друга:

— Боже! Она ни на что не годится! Она всегда была и останется несчастіемъ нашей семьи!

Ошеломленная ихъ дружнымъ нападеніемъ, Елена слабо протестовала:

— Да поймите-же! Онъ невозможно себя держать по отношенію ко мнѣ!..

И рассказала нѣсколько случаевъ изъ своей семейной жизни.

Мать и сестра театально всплеснули руками. Нѣтъ! она дѣйствительно ненормальна!..

— И это ты хочешь поставить въ вину мужу? Ха, ха, ха!.. картинки показались... Ха, ха, ха!.. Свежь въ отдѣльный кабинетъ ресторана.. Испугалъ ручными медвѣдями... Да, вѣдь, онъ значить тебя за товарища считалъ! А она!

— Да вѣдь это стыдъ, позоръ!

— Стыдъ, позоръ! Ты не двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, ты жена, голубушка! Вотъ стыдно то, что ты дѣлаешь, а не то, что онъ дѣлаетъ... Онъ мужчина, ему многое дозволяется!

И онѣ долго еще говорили. Остались обѣдать и все наставляли ее.

Онѣ явно ухаживали за Робертомъ. Онѣ лстили ему въ глаза, и при ней чуть-чуть не говорили: ужъ вы простите такую дуру, намъ стыдно за нее, но ничего, ничего! Мы ее выучимъ, будьте покойны!

Эти сцена родственнаго объясненія сильно потрясла молодую женщину. Она заболѣла даже. Мать и сестра вообразили, что она беременна, и стали поздравлять Роберта. Велико было разочарованіе, когда ихъ надежды не оправдались!..

— И это мои родные! Самые близкіе люди на свѣтѣ!..—съ тоскою думала Елена.

Ее убивало сознаніе какой-то фатальности, неотразимости всего, что такъ обрушивалось на ея голову. И эта родня—холодная, корыстная—въ непосредственной близости съ которой ей суждено было такъ долго жить!..

— Я принесла въ угоду имъ величайшую изъ жертвъ, какую только можетъ принести человекъ: отказалась отъ личнаго счастья!..

А теперь родные ея соединяются съ мужемъ, чтобы совмѣстными усиліями угнетать ея душу и волю.

Прежде, когда она читала или слыхала о тяжелыхъ семейныхъ неурядицахъ, о женахъ, тиранизируемыхъ мужьями—ей казалось, что всегда можно противопоставить: насилію—благородную покорность; грубости—всепрощающую любовь!..

О, какъ понимала она теперь всѣхъ этихъ невѣдомыхъ мученицъ домашняго очага, какъ скорбѣла о неогнѣнныхъ сокровищахъ женскаго сердца, такъ грубо попираемыхъ мужчиной, который—любимъ онъ или нѣтъ—всегда остается неограниченнымъ властелиномъ судьбы женщины.

— Робертъ, теперь въ обращеніи со мной считаетъ излишней даже простую вѣжливость,—говорила Елена.

И въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкоторыхъ поръ, онъ разговаривалъ съ женой, не иначе, какъ возвышая голосъ и рѣзко выкрикивая отрывистыя фразы, точно отдавая приказанія.

Алексѣй снова прислалъ два письма изъ Москвы. Это были страстные, безыскусственныя и трогательныя письма. Она, вопреки своему обѣщанію: не читать,—не удерживалась. Слишкомъ ужъ горько приходилось ей. Вскрыла, прочла. Нѣсколько дней ходила счастливой.

И вдругъ топоромъ на ея сознаніе упала мысль: она измѣнила супружескому долгу!

Она проклинала слабость своей воли, не устоявшей передъ искушеніемъ. Ей казалось что этою ложью обманывая самое себя, она неоправимо пятнала свою совѣсть!.. Она пришла даже къ мысли: рассказать все Роберту.

ТРИУМФЪ «ВЕСНЫ». СЪ КАРТИНЫ

ПЕССОРА Г. СЕМИРАДСКАГО.

Елена сидѣла, задумавшись, опустивъ голову на грудь и полузакрывъ глаза, когда вошелъ Володя. Онъ увидѣлъ ея заплаканные глаза, обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Теточка, не плачь! Я самъ тогда буду плакать.

Она нѣсколько разъ крѣпко поцѣловала его и передала ему письма Алексѣя.

Володя съ серьезнымъ видомъ покачалъ головой и промолвилъ убѣжденно:

— Теточка, ихъ нужно сжечь.

— Да, сжечь, — повторила Елена. — Да... сжечь... — еще разъ повторила она, и велѣла затопить каминъ.

И когда только бѣловатый пепелъ остался отъ дорогихъ ей посланій, она дала въ душѣ новую, крѣпкую клятву: никогда больше не читать писемъ Алексѣя, немедленно сжигая ихъ по полученіи.

Для Елены наступили дни душевнаго спокойствія (можетъ быть равнодушія...). Она вернулась къ своей позабытой музыкѣ. И теперь, уединяясь по вечерамъ, играла до самозабвенія. Она наслаждалась, находя даже у такого жизнерадостнаго композитора какъ Россини, нотки затаеннаго страданія.

Въ бурныхъ allegro assai ей чудились унылые, замирающіе звуки чьей-то скоропроходящей радости... Вотъ она замедлила темпъ и точно въ падающихъ, угасающихъ *pendentes* зазвучала хватающая за сердце скорбная мелодія малороссійской простонародной пѣсенки о горькой долѣ молодежи Оксаны, бросившейся отъ постылаго мужа... — «во глубокий прудъ, къ сестрамъ русалочкамъ...»

Мѣсяцевъ черезъ семь послѣ ихъ свадьбы, къ Роберту пріѣхалъ изъ Англіи глава фирмы мистеръ Альфредъ Джаксонъ.

Это былъ сѣдолосый джентльменъ, съ розовыми щеками, умѣренными бакенбардами, легкою поступью и навѣрняка, болѣе атлетъ, чѣмъ Робертъ. Старикъ былъ женатъ третьимъ бракомъ. Послѣдній разъ онъ женился и подарилъ ея величеству двухъ новыхъ подданныхъ. А въ это время у его младшаго сына утонулъ семилѣтній ребенокъ. Всѣхъ дѣтей у мистера Альфреда было въ живыхъ пятнадцать, а умерло шестеро.

Его вѣдла встрѣчать въ Кронштадтѣ цѣлая депутація, во главѣ съ Робертомъ.

Робертъ представилъ жену. Старикъ буркнулъ: «werevell» и пожалъ руку Елены. Та вскрикнула отъ боли.

За столомъ мистеръ Альфредъ все время обращался къ племяннику, точно не замѣчая молодой женщины. Изъ ихъ разговора — или вѣрнѣе рѣчи м-ра Альфреда, потому что Робертъ только почтительно слушалъ — Елена поняла немного; старикъ говорилъ съ какимъ-то особеннымъ акцентомъ. Она уловила только, что дядя и племянникъ, между прочимъ, говорили и о ней.

Послѣ обѣда, уходя курить въ кабинетъ, старикъ сказалъ племяннику, указывая глазами на Елену:

— Ну, Бобъ, ты не поддержишь славы твоего отца, у котораго было пятнадцать мальчугановъ!

Робертъ съ горькимъ жестомъ отвѣтилъ: — О, да! Я сдѣлалъ ошибку, женившись на этой...

И онъ произнесъ необычайно грубое слово.

На этотъ разъ они говорили отчетливо и тихо. Елена хорошо слышала это ужасное слово. Разъ какъ-то, его кричалъ на дворѣ кучеръ Томъ. Не найдя такого слова въ словарѣ, она спросила у мужа. Тотъ, не стѣсняясь, смотря ей прямо въ глаза, удовлетво-

рилъ ея любопытство. А теперь этимъ словомъ, которымъ бранился кучеръ, Робертъ обозвалъ ее.

Ее оскорбила не грубая брань, а его невозможное отношеніе къ ней, его не деликатность. Вѣдь онъ могъ-же допустить, что она пойметъ его по тону.

Она ушла къ себѣ и вечеромъ не вышла къ чаю, сказавшись больной.

Услышавъ это, дядя и племянникъ выразительно поглядѣли другъ на друга.

VI.

— Баринъ еще не уѣхалъ?

— Никакъ-съ нѣтъ, барыня. Они въ кабинетѣ.

Съ замирающимъ сердцемъ Елена подошла къ кабинету мужа. Она была блѣдна и дрожала. Она рѣшилась на шагъ большой важности. Она шла «примиряться...»

Была-ли она причиной холодности, разившейся въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ? По чистой совѣсти, она не могла винить себя. Но отецъ, мать, наконецъ сестра, приступали къ ней, требуя, какъ у своей данины, отчета: почему мужъ такъ холоденъ съ тобой?

Они говорили въ такихъ выраженіяхъ, но подразумевали иное... — «Какъ ты смѣешь чѣмъ-то тамъ не потѣшить своего мужа! Неразумная, пойми, что наши интересы страдаютъ отъ этого и смирись!»

Все ея существо возмущалось; она протестовала.

— Боже, я не знаю, почему Робертъ избѣгаетъ меня! Видитъ Богъ, что я все готова вытерпѣть, лишь-бы моя семейная жизнь была такою, какою она должна быть... Правильно-же, я не знаю...

— Она не знаетъ!... Невинность! Она не знаетъ, чѣмъ молодая женщина можетъ привязать мужа. Это удивительно.

Но она не знала. Ея дѣтски чистой души, не огрязненной даже прикосновеніемъ грубаго мужа, были непонятны эти намеки.

Она мучилась разгадкой этой тайны. Она перебирала свою замужнюю жизнь день за днемъ, часъ за часомъ, шагъ за шагомъ... Съ душевной болью она видѣла сколько было принесено жертвъ своей семьѣ, мужу, сколько и тѣмъ и другимъ, поругано и смято всего, что ей было мило и дорого...

И она даже мысленно, на минуту, не осудила этихъ людей, причинившихъ ей столько горя, она отыскивала только:

— Въ чемъ-же коренится моя вина передъ мужемъ? Почему всѣ жертвы мои пропали безплодно?

Она мучилась, билась надъ разгадкою и ничего не разгадывала.

Сонъ ея былъ тревоженъ. На утро, лишь только она просыпалась, терзающей вопросъ неотразимо вставалъ передъ нею: какъ-же мнѣ «помириться» съ мужемъ?

И вотъ всѣ ея тревоженія, казалось, такъ просто разрѣшились.

— Я пойду къ мужу, объяснюсь съ нимъ... Упрошу его сказать мнѣ откровенно, что онъ находитъ въ моемъ характерѣ и поступкахъ нехорошаго. И дамъ ему клятвенное обѣщаніе загладить всѣ свои прежнія вины, быть на будущее время самой послушной женой...

Она подойдетъ къ нему и спроситъ.

Елена тихо-тихо отворила тяжелую дверь. Робертъ сидѣлъ за бумагами. Онъ слышалъ, что открылась дверь, инстинктомъ угадалъ

присутствіе жены и, вдругъ нахмурившись, углубился въ свои счета.

Молодая женщина почти не слышно прошла по ковру. Она входила въ этотъ обширный кабинетъ, съ темными обоями, темною мебелью, какъ провинившійся ребенокъ. Ей было жутко. Холодъ леденилъ ея душу.

Она осторожно подошла къ этажеру, недалеко отъ письменнаго стола, тихонечко переставила двѣ статуетки, деликатно намекая, что она не осмѣлится оторвать его отъ работы, она подождетъ. О, она будетъ ждать, сколько ему угодно!

Робертъ обернулся, наконецъ. Онъ пренебрежительно взглянулъ на жену.

— А! это ты.

Онъ расправилъ свои могучія плечи. Его мощная фигура казалось нелѣпой за письменномъ столомъ. Онъ будто-бы былъ созданъ для подвиговъ Геракла.

Робертъ еще разъ бѣгло взглянулъ на Елену.

Она стояла, какъ осужденная, въ своемъ темномъ простенькомъ платьѣ, съ пышными волосами, насилу уложенными въ прическу и все еще непокорными, блѣднымъ лицомъ и сверкающими сѣрыми глазами.

— Ну, что-же... Тебѣ что нибудь нужно? — спросилъ онъ своимъ безразличнымъ тономъ.

Руки ея хрустнули. Чѣмъ было ближе объясненіе, тѣмъ больше она волновалась.

— Робертъ... Я пришла... Мнѣ надо сказать тебѣ...

Она безпомощно коснулась стола рукой. Взглядъ Роберта скользнулъ по этой рукѣ и, смягчившись, онъ разрѣшилъ:

— Какая смѣшная... Чего-жъ ты не сядишь?

Елена сѣла, оставивъ руку съ тонкими, красивыми пальцами на сукаѣ стола. Огонекъ пробѣжалъ въ холодныхъ глазахъ Роберта, онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— О нѣтъ, нѣтъ! Я не стою этого... Ты не знаешь, какъ я виновата передъ тобою!

Робертъ опѣшилъ. Онъ истолковалъ это «я не стою» такъ, какъ ему хотѣлось. Его настроеніе мгновенно исчезло. Гримаска презрѣнія проползла по его губамъ.

— Ну, что-же... Что-же... Въ чемъ дѣло? — сталъ торопить онъ, раздражаясь все больше и больше.

— Ахъ, дорогой мой, прости меня...

Елена встала. Онъ смѣрилъ ее взглядомъ.

— Я... Я виновата передъ тобою!

— Въ чемъ дѣло?

— Я не могу сказать опредѣленно, но я знаю, что я виновата... Я можетъ не всегда исполняла твои желанія... Я противорѣчила тебѣ... Я была, можетъ, рѣзка. Я право... не знаю что еще! Но мнѣ такъ грустно, такъ грустно... что ты теперь холоденъ со мною...

Елена опустилась въ кресло.

— Право, я не знаю, что говорить еще... Но мнѣ тяжело, мнѣ больно... Я не умѣю объяснить...

Она зарыдала. Робертъ ненавидѣлъ такія «сентиментальности». Онъ почти брезгливо отодвинулъ кресло, на которомъ сидѣла жена, подальше отъ стола (слезы могли капнуть на бумаги) и позвонилъ.

— Дайте барынь воды.

И не обернувшись, вышелъ. Ему было некогда, онъ и безъ того опоздалъ на биржу, минутъ на двадцать.

Послѣ «объясненія», отношенія супруговъ сдѣлались еще болѣе натянутыми.

Случалось, что Елена не видѣла мужа по

цѣлымъ недѣлямъ. Онъ никогда не заходилъ къ ней. Рѣдко ночевалъ дома.

Всякій разъ, какъ Елена посѣщала своихъ, ее ожидали тамъ новыя сцены, новыя оскорбленія.

— Не умѣй угодить такому прекрасному мужу, какъ Робертъ, это... это надо быть идиоткой! — заявилъ однажды отецъ за обѣдомъ.

Мать поддержала. — Да, ужъ я не знаю, чѣмъ это назвать: глупостью или...

— Просто ребяческимъ упрямствомъ, нежеланіемъ подчиниться, — нашла объясненіе сестра.

— Саша! — съ тихимъ упрекомъ поглядѣла на нее Елена.

— Скажите!.. Точно не правду говорятъ!

Обѣдъ конченъ. Елена беретъ за перчатки.

— Уѣзжай, уѣзжай, матушка. Авось, на досугъ надумаешь, какъ дѣло поправить! — шепчетъ ей на дорогу пожеланія.

Елена прѣѣзжаетъ домой. И здѣсь она чужая. И здѣсь ей нѣтъ пріюта. Нѣтъ пріюта ей наболѣвшему сердцу!

Роберту удалась выгодная сдѣлка. Онъ пожелалъ вознаграждать себя за труды и съ тремя друзьями рѣшилъ съѣздить на полторы недѣли въ Олонецкую губернію, поохотиться на медвѣдей.

Въ назначенный день всѣ собрались у него. Знатно закусили и выпили.

— Пора, — сказалъ кто-то.

Не вѣря стѣннымъ часамъ, каждый посмотрѣлъ на свои карманные.

— Ну-съ, до свиданья, — проговорилъ Робертъ, холодно пожавъ руку жены.

Какъ! Ни поцѣлуетъ, ни объятія?

Ничего! И даже Елена не рѣшилась сильнѣе пожать руку Роберту.

Она поняла, что она чужая ему. Эта мысль была тягостна. Но что дѣлать? Она уже начинала привыкать къ одиночеству въ домѣ мужа такъ-же, какъ въ свое время привыкла къ одиночеству въ родительскомъ домѣ....

«Завтра привеземъ Роберта. Онъ провалился въ болото. Большой опасности нѣтъ, но начинается тифъ».

Эту телеграмму Елена получила черезъ пять дней послѣ отъѣзда мужа.

Родъ какого-то болѣзненнаго трепета пробѣжалъ по ея тѣлу. Въ одинъ мигъ забыла она все, что перенесла отъ этого человѣка. Вся сокрытая сила ея любви теперь претворилась въ чувство безконечнаго сожалѣнія къ Роберту, непытающему въ настоящую минуту страданія, могущему умереть.

Энергія возбудилась въ ней. Она отдавала необходимыя приказанія — твердо и спокойно.

Роберта привезли въ каретѣ, укутаннаго.

О, эти дни сидѣнья и дневного и ночного у постели мужа. Эти дни геройской борьбы любвеобильной женской души, любящей безъ разбора и врага и друга.

Двѣ недѣли Робертъ находился надъ могилкой. Никто не видѣлъ, чтобы Елена спала эти двѣ недѣли. Въ простомъ платьѣ, въ передникѣ, со скромной прической — она была для большого истинной сестрой милосердія. И на самомъ дѣлѣ, она болѣе подходила къ роли сестры милосердія, чѣмъ жены.

Эти мучительныя ночи тяжелаго бреда, тяжелой борьбы сильной молодой жизни съ костлявой смертью — миновали. Робертъ былъ спасенъ, хотя болѣзнь страшно истерзала даже его богатырскую натуру.

Главный докторъ, пожимая на прощанье руку Елены, сказалъ Роберту:

— О, это не мы спасли васъ! По совѣсти говоря, если-бы не было у васъ такой идеальной сестры милосердія, наши лекарства мало помогли-бы вамъ. Да, вы счастливцевъ, потому-что обладаете такой любящей и преданной женой!

— Докторъ! — сказала Елена.

— Ничего, ничего, сударыня! Я уже старикъ, я могу говорить правду... Не стыдитесь того, что на самомъ дѣлѣ прекрасно.

Робертъ, казалось, тоже оцѣнилъ всю самоотверженность молодой женщины. Онъ теперь рѣдко бралъ ея руку и долго, долго прижималъ къ своимъ губамъ. Его взглядъ какъ-то сдѣлался мягче. Онъ теперь часто и охотно рассказывалъ ей о своихъ дѣлахъ, шутилъ и острлилъ.

Елена была счастлива. Она разцвѣла вся. Порю она бросалась передъ образомъ и горячо благодарила за свою услышанную молитву. Точно новая жизнь начиналась для нея.

— Ты, кажется, поумѣла? — замѣчали ей свои.

— О да, я поумѣла, — нисколько не обижаясь, весело отвѣчала Елена.

Робертъ теперь выѣзжалъ вмѣстѣ съ Еленой на прогулку. Онъ все еще былъ слабъ. Сидя вмѣстѣ съ нимъ въ коляскѣ, бокъ о бокъ, катаясь по Невскому, Морской, набережнымъ — она чувствовала себя такою счастливою.

Ей казалось, что она мать, а онъ большой ребенокъ, вполне предоставленный ея попеченіямъ. Она какъ-бы показывала его всѣмъ, заставляла любоваться на него.

Къ Роберту приходили друзья побесѣдовать, сыграть въ шахматы, а она все-же оставалась при немъ. Онъ даже просилъ ее не уходить. Она доставала ему книгу, нужную для справокъ, бумаги; онъ давалъ ключи — привести въ порядокъ счета, личную корреспонденцію... Его обращеніе съ нею сдѣлалось неузнаваемымъ.

Робертъ поправлялся. Они стали подумывать уѣхать на лѣто въ Крымъ.

— Я куплю яхту, назову «Hélène», и будемъ кататься съ утра до ночи... А дѣла къ черту — все сдамъ управляющему...

Она вполне сочувствовала его планамъ. Бѣлая хорошенькая яхточка скользитъ по зеленовато-бирюзовымъ волнамъ... На яхточкѣ два-три матроса, и она съ Робертомъ... Съ голубой вышнныя солнце обливаешь ихъ своими лучами, не здѣшнее тусклое, сѣверное солнце, а южное — горячее, благодатное! Они любятъ проходить передъ ними напоромъ живописныхъ береговъ и дышать ароматнымъ ласкающимъ вѣтеркомъ...

— Ты будешь ѣсть виноградъ и пить кумысъ; смотри, какъ ты располѣнешь! — говоритъ Робертъ, проводя рукою по пышнымъ волосамъ, спадавшимъ ей слегка на лобъ.

Признательная за ласку, она схватила и поцѣловала его руку.

Но мечты о поѣздкѣ такъ и остались мечтами.

Пришелъ циркуляръ изъ Англіи, приглашавшій Роберта, если онъ чувствуетъ себя здоровымъ, немедленно выѣхать въ Лондонъ, для обсужденія важнаго вопроса объ открытіи фирмой новаго рода торговли.

Крѣпко опечалилась Елена. Но дѣлать нечего. Съ фактомъ трудно спорить. А лондонскій циркуляръ былъ именно фактъ.

Робертъ чувствовалъ себя хорошо. И онъ

рѣшилъ ѣхать. Это была не поѣздка на медвѣдей въ Олонецкую губернію и на этотъ разъ прощаніе было трогательное.

Всѣ служащіе собрались провожать своего хозяина.

День былъ прекрасный. Шли птицы. Весна! На сердцѣ у Елены была также весна. Она чувствовала себя съ избыткомъ вознагражденной за всѣ прежнія терзанія, и она молила Бога объ одномъ только, чтобы ея перешнее блаженство продолжалось еще долго, долго. Она, когда-то покинутая, обездоленная, теперь съ непередаваемымъ наслажденіемъ оцѣняла себя радостью жизни.

Елена послѣднюю вышла изъ вагона мужа. Тамъ, обнявши ее такъ, какъ онъ никогда ее еще не обнималъ, Робертъ прошепталъ ей на ухо:

— Елена, я знаю, что я во многомъ виноватъ передъ тобою... Ты — чистая душа, а я... я недостойнъ тебя! Но погоди, я загладжу всѣ свои проступки. Что-то особенное дѣлается со мною. Я чувствую, что я обязанъ тебѣ жизнью. Погоди, я вѣрю, что за нашу кратковременную разлуку — моя привязанность перейдетъ въ глубокую, серьезную любовь.

Первое письмо отъ Роберта пришло раньше, чѣмъ она ожидала. Это письмо было полно любви, признаній, какъ-бы долго сдерживаемаго чувства.

Робертъ писалъ, что только въ разлукѣ онъ узналъ, какъ дорога она ему. Письмо было писано языкомъ совершенно не свойственнымъ Роберту — оно все было огонь и пламя.

За первымъ послѣдовало второе, третье... всѣ полныя глубокаго раскаянія за прошлое и страстныхъ обѣщаній лучшаго будущаго. Елена отвѣчала такъ, какъ только могло отвѣтить ея пламенное, отзывчивое сердце, давно уже искавшее и не находившее источника всеобъемлющему чувству, которымъ оно было переполнено.

Она пересчитывала часы между полученіями писемъ. Она считала дни, когда онъ долженъ прѣѣхать обратно. Она вся горѣла своимъ новымъ счастьемъ, какъ горитъ и сверкаетъ подъ внезапнымъ лучомъ солнца многоцвѣтныя брилліанты.

Но вотъ, болѣзненная нотка, неожиданно зазвучавшая въ письмахъ Роберта, встревожила чутко настроенное воображеніе Елены.

Робертъ писалъ, что онъ опять сильно простудился, но просилъ ее не беспокоиться: онъ остороженъ и т. п.

Съ неспостижимымъ предвидѣніемъ Елена сразу почувствовала, что ея счастье подвергается новому испытанію. Она увидѣла — какъ? она и сама не сумѣетъ объяснить — что волшебный замокъ ея будущей лучшей жизни она построила на слишкомъ зыбкой почвѣ... Налетитъ ураганъ — съ лицомъ, искаженнымъ отъ страха, она уже прислушивалась къ его приближенію — и тогда... тогда все рухнетъ въ бездну!

Какія данныя были для такихъ ужасныхъ предположеній? — двѣ, три фразы, какіе-то пустяки...

Но она бродила теперь по пустымъ комнатамъ, заламывая руки, едва сдерживая рыданія, съ безысходнымъ отчаяніемъ, дымякою разлившимся по тонкимъ чертамъ ея лица, съ глубоко-запавшими глазами.

Каждый звонокъ, малѣйшій шорохъ пугалъ ее, она вздрагивала въ предположеніи, что вотъ сейчасъ, сію минуту случится то «великое и ужасное», что заставляетъ ее стра-

питься, и о близкомъ появленіи котораго ее предвѣщаютъ—и этотъ трепетъ, это смущеніе.

Въ слѣдующихъ письмахъ Робертъ сообщаетъ, что ему лучше. Но она, съ упорствомъ фанатички, стала ждать, что ему будетъ хуже.

Она только вскользь сообщала свои опасенія роднымъ. Тѣ встревожились. Требовали его письма и, видя только самыя обыкновенныя фразы, удивлялись ея «наивности» и манерѣ все преувеличивать, корчить изъ себя «какую-то пророчицу».

Она отмалчивалась...

Наконецъ Робертъ написалъ, что ему лучше и что онъ выѣзжаетъ въ Петербургъ.

Но, конечно, отъ этого переселенія состояніе молодой женщины нисколько не улучшилось. Особенно ее мучили бессонницы. Рѣдко выдавались такія минуты, когда она крѣпко засыпала.

Однажды, ночью, она внезапно проснулась. Ей показалось, что лампадка, ярко освѣщавшая ея спальню, вдругъ погасла и, вся комната на одно мгновеніе погрузилась въ мракъ. Грудь Елены сжала невыносимая смертельная тоска. Задышавшись, она, босая, прошла въ комнату сестры. Та испугалась.

— Что, что съ тобой?

— Робертъ умеръ! — сказала Елена ка-

Институтъ, какъ извѣстно, въ тѣ года, воспитывалъ насъ въ полномъ невѣдѣніи настоящей жизни, мы вступали въ нее съ такими радужными, фантастическими представленіями всѣхъ ея прелестей, ждали отъ нея радостей. однихъ только радостей,—ни о какой борьбѣ и въ голову не приходила мысль.

Ни о матеріальныхъ средствахъ, ни о семейныхъ своихъ дѣлахъ мы не задумывались. Всѣ мы считали себя непремѣнно богатыми, стало быть никакихъ лишеній въ будущемъ не могли себѣ и представить.

Такъ вотъ такая наивная была и я.

Изъ института прямо я пріѣхала къ бабушкѣ въ деревню, къ старушкѣ доброй-пре-

Курды на молитвѣ. Съ картины художника Рубо.

Это письмо доставило Александрѣ Григорьевнѣ лишній случай подгруппить надъ Еленой.

— Господа, наша пророчица-то... каково? Нѣтъ, Елена, не совѣтую тебѣ этимъ ремесломъ заниматься. Совсѣмъ не выгодно—разоришься!

Но скептицизму Александры Григорьевны не долго пришлось торжествовать. Съ парохода пришло извѣстіе объ ухудшеніи болѣзни. Двоюродный братъ Роберта, провожавшій его въ Россію, по совѣту докторовъ, нашелъ необходимымъ остановиться на продолжительное время въ Копенгагенѣ.

Изъ Копенгагена Еленѣ пришли два письма. Они такъ ясно предвѣщали близкую развязку, были написаны такимъ страннымъ языкомъ, что Елена никому не рѣшилась ихъ показать.

Она страдала невыносимо, ожидая съ минуты на минуту грознаго извѣстія.

На семейномъ совѣтѣ было рѣшено поселить на время къ Еленѣ старшую сестру.

кимъ-то страннымъ, точно не своимъ голо- сомъ и, какъ спомъ, опустилась на полъ.

Когда ее привели въ чувство, она изумилась, увидя себя въ комнатѣ сестры. Она забыла, что съ нею произошло.

Утромъ пришла телеграмма:

«Робертъ скончался. Приготовьте Елену».

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЙ ПЕРВЫЙ БАЛЪ.

(Разсказъ).

ХРЕЖДЕ, чѣмъ приступить къ описанію моего перваго бала, я должна сказать нѣсколько словъ о себѣ и объ окружавшей меня обстановкѣ въ то время.

Въ маѣ 1862 года я кончила курсъ въ одномъ изъ московскихъ институтовъ. Въ іюнѣ мнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ.

добрый, любившей меня до безконечности. Съ шести лѣтъ, со смерти мамы, я исключительно находилась подъ ея крылышкомъ: только она одна и заботилась обо мнѣ.

Былъ у меня отецъ, но въ дѣтствѣ я его мало видѣла, то онъ на охотѣ, то въ карты играетъ гдѣ-нибудь; дома онъ былъ гость, и за время пребыванія моего въ институтѣ я совсѣмъ отвыкла отъ него, потому что въ шесть лѣтъ мы видѣлись раза два, три въ пріемной; домой, на каникулы, насъ тогда еще не отпускали.

Я какъ-то боялась отца, при немъ, какъ улитка, уходила въ себя, куда дѣвалась моя обычная веселость и бодрость, сразу притихала. А боялась я его потому, что онъ, какъ то, даже въ дѣтствѣ, какъ помню себя, странно обходился со мною. Ласки я отъ него никогда не видѣла, всегда-то онъ надо мною глумился и вышучивалъ. Помню, мнѣ это очень было обидно и я втихомолку не разъ плакала.

Когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, отецъ

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА В. ТАБУРИНА

Ледоходъ на невь. (Александровскій мостъ).

женится на очень красивой brunetке, молодой вдовѣ, у которой были двѣ маленькія, прехорошенькія дочки. Объ этомъ обо всемъ мнѣ говорила бабушка, отецъ въ институтъ ко мнѣ послѣ не пріѣзжалъ и мачиху свою я еще не видала.

Какъ я сказала раньше, изъ института я пріѣхала прямо къ бабушкѣ, радость этого свиданія и описать нельзя: и плакала то она и цѣловала, и крестила меня, голубушка!

Отецъ въ то время былъ предводителемъ дворянства въ уѣздномъ городѣ, гдѣ онъ и жилъ съ женою и ея дѣтьми. Городъ былъ верстахъ въ тридцати отъ насъ.

Для черезъ два мы съ бабушкою поѣхали къ отцу. Онъ, по обыкновенію, какъ то вскользь поцѣловалъ меня, прищурился и, осмотрѣвъ съ головы до ногъ, процѣдилъ сквозь зубы:

— Нельзя сказать, чтобъ была красива! Слава Богу, приданое есть, въ дѣвкахъ не засидится.

Я покраснѣла до корней волосъ отъ этого милого привѣтствія. Слезы такъ и подступили къ горлу, только я сдержалась, заплакать не смѣла. Ъхала я и думала: «вотъ отецъ обрадуется мнѣ такъ же, какъ бабушка, разцѣлуетъ меня. Я ему расскажу, какъ нынче у насъ торжественно было на актѣ, что курсъ я кончила медальеркой, онъ будетъ очень доволенъ, онъ такой самолюбивый! Скажу ему, какъ мнѣ захотѣлось его поскорѣе увидать, какъ я хочу любить его, моего милого папку»; — мнѣ тогда всѣхъ хотѣлось любить! Воображеніе мнѣ рисовало образъ отца совсѣмъ не такимъ, какимъ былъ мой отецъ—нѣжнымъ любящимъ, ласковымъ хотѣла я видѣть его. Конечно, послѣ этихъ словъ его я не могла ничего ему сказать, только очень ужъ больно было мнѣ это.

Мачихи не было дома, но она скоро пришла: высокая, красивая, гордая. — Я было сдѣлала движеніе къ ней, да такъ и застыла на мѣстѣ отъ того спокойнаго, холоднаго взгляда, которымъ она меня подарила. Мнѣ жутко стало.

Отецъ представилъ меня, она поцѣловала, но какой это былъ ужасный поцѣлуй, словно я къ мрамору прикоснулась губами.

— Вотъ твоя мать,—сказалъ онъ,—ты должна любить и уважать ее такъ же, какъ меня. Подъ ея руководствомъ ты вступишь въ общество, будь съ нею откровенна, а то по своей наивности надѣлаешь столько глупостей, что будешь общимъ посмѣшищемъ—это мнѣ будетъ непріятно.

Марья Александровна, такъ звали мачиху, обняла меня и сказала:

— Мы будемъ съ тобою друзьями, Оля, поѣдемъ, я употреблю все стараніе, чтобъ замѣнить тебѣ, на сколько возможно, твою мать, а теперь я тебя познакомлю съ твоими сестрами. Маша, Соня!—крикнула она и черезъ минуту вбѣжали двѣ дѣвочки, такія прелестныя, что я, не дожидаясь представленій, бросилась къ нимъ и разцѣловала.

Онѣ по-дѣтски отозвались на мою горячую ласку.

— Это ты сестрица Оля, что пріѣхала изъ Москвы? Мама говорила, ты будешь жить у насъ и учить насъ, правда? Наказывать ты насъ не будешь?—дещали онѣ.

О томъ, что я буду жить у отца и заниматься съ дѣтьми, я вовсе не думала и только вопросительно взглянула на бабушку, она какъ бы избѣгала моего взгляда, видно, и ей это было сюррипизъ, о которомъ дѣти выболтали раньше времени. Перспектива гувернантки мнѣ

вовсе не улыбалась и ужъ вовсе не входила въ мои мечты.

— Оля, ты не пугайся,—проговорила мачиха,—ты будешь заниматься съ ними, если пожелаешь. Нельзя, мой другъ, ничего не дѣлать, постоянно бывать въ обществѣ—тоже наскупить.

— Avec grand plaisir, maman,—отвѣтила я сконфуженно и, кажется, даже присѣла.

Отецъ расхохотался, мачиха улыбнулась и, помолчавъ, прибавила:

— Ты знаешь, здѣсь полковымъ командиромъ твой дядя, Дмитрій Николаевичъ Курлаевъ, завтра мы имъ сдѣлаемъ визитъ.

Дядя и тетя оказались премилые, я ужасно любила бывать у нихъ, такіе простые, ласковые, веселые. Я чувствовала у нихъ себя больше дома, чѣмъ у отца.

Въ роль гувернантки я вошла скоро, занималась охотно. Дѣти меня любили. Мачиха старалась быть нѣжною, очень мягко дѣлала замѣчанія за мои промахи въ обществѣ. Отецъ продолжалъ издѣваться и ничѣмъ-то, ничѣмъ я не могла заслужить отъ него похвалу, не говоря уже о тепломъ, душевномъ словѣ, котораго я жаждала, какъ воздуху, какъ свѣту. Вообще въ домѣ отца я чувствовала себя, какъ птица въ клеткѣ. Тянуло меня къ бабушкѣ въ деревню, на волю, на свободу, къ любви и ласкѣ, на которыя моя милая старушка не скупилась.

Бабушка пріѣзжала часто, я просила, умоляла взять меня съ собою, она все уговаривала, увѣряла, что надо подождать немного.

Наконецъ, къ моему величайшему благополучію, въ началѣ іюля, меня съ дѣтьми отправили къ бабушкѣ въ усадьбу. Я точно ожила тамъ, не меньше маленькіхъ моихъ сестреночекъ бѣгала по саду, по полямъ, рада была и счастлива вполнѣ!

Роль гувернантки ко мнѣ вовсе не пристала, сама я была совсѣмъ еще дитя и самой не мѣшало-бы имѣть постоянно умную, добрую руководительницу. Въ то время на гувернантку, вѣдь, совсѣмъ иначе смотрѣли, отъ нея не требовали воспитанія дѣтей, надо было только, чтобы она учила ихъ тому, что они въ состояніи были воспринять, усвоить. На эту послѣднюю обязанность я еще годилась, такъ какъ сама училась хорошо, да намъ и въ институтѣ давали двухъ слабыхъ ученицъ изъ того-же класса, и мы отвѣчали за нихъ.

Ну вотъ, жили мы въ деревнѣ и блаженствовали. Къ намъ пріѣзжали сосѣди и изъ города много офицеровъ во главѣ съ моимъ cousin, превеселымъ прапорщикомъ. Не проходило недѣли, чтобы у насъ экспромтомъ не устраивались soirées dansantes. Бабушка радушно всѣхъ принимала, и я разыгрывала роль самой любезной хозяйки. Офицеры ухаживали за мною потому-ли, что я была племянница полковаго командира, потому-ли, что считалась довольно богатою невѣстою, или, можетъ, и правда правилась своею простотою, не знаю, да тогда я и не вдавалась въ объясненія ихъ визитовъ, мнѣ было весело и больше я ни о чемъ не думала.

Такъ прошелъ іюль. Въ половинѣ августа пріѣхали отецъ съ мачихою и объявили, что 8 сентября, въ день тысячелѣтія Россіи, будетъ балъ въ благородномъ собраніи, на который возьмутъ и меня.

Восторгу не было конца, мечты смѣнялись мечтами. Да и какъ не мечтать, когда это былъ первый балъ шестнадцатилѣтней дѣвочки-ребенка, просидѣвшей шесть лѣтъ въ закрытыхъ стѣнахъ института.

Мы скоро уѣхали въ городъ, на этотъ разъ и я съ удовольствіемъ, надо-же было и платье заказать и... мало-ли что еще надо было приготовить къ балу.

По пріѣздѣ въ городъ мачиха позвала портниху и заказала мнѣ самое простенькое бѣлое кисейное съ мушками платье, даже не декольтѣ. Когда я замѣтила, что на балы всѣ надѣваютъ цвѣты, мачиха отвѣчала:

— Ты слишкомъ молода для цвѣтовъ и ваперу.

Я вѣрила на слово и успокоилась. Вотъ наступилъ и желанный день бала... Съ утра я (была) въ страшной ажитации, мнѣ просто на мѣстѣ не сидѣлось, безпрестанно спрашивалась о часахъ и день, казалось, тянулся ужасно, наконецъ наступилъ и этотъ нетерпѣливо-ожидаемый часъ, надо было собираться!

Меня одѣли въ это бѣленькое, совсѣмъ гладкое платьице, съ высокимъ лифомъ, длинными рукавами и голубымъ шпензеромъ (это былъ родъ полулифа съ мысами), отъ котораго сзади болтались два узкихъ, некрасивыхъ конца. Причесаться велѣли просто, какъ обыкновенно.

Посмотрѣвшись въ зеркало, я не совсѣмъ осталась довольна собою, и этотъ балный туалетъ мнѣ показался больше похожимъ на нарядъ нашей горничной Саши, но я вѣрила мачихѣ и успокоилась: она вѣдь лучше знала, какъ, что и когда надѣть.

Каково-же было мое удивленіе, когда вошла въ залъ она, моя мачиха! На ней было чудное темно-вишневое бархатное платье съ длиннымъ треномъ, декольтѣ и короткими рукавами, съ великолѣпными кружевами и цвѣтами, какъ на платьѣ, такъ и въ волосахъ. Бриллианты горѣли въ ушахъ, на шеѣ и на обнаженныхъ рукахъ. Она была хороша, какъ королева, а я, я рядомъ съ нею такая маленькая, жалкая, несчастенькая въ своемъ болѣе чѣмъ простомъ нарядѣ! Мнѣ было неловко, не хорошо рядомъ съ нею и я инстинктивно отодвинулась. Явилась мысль, что она нарочно одѣла меня такъ, чтобы самой быть еще красивѣе. Балъ потерялъ для меня сразу всю прелесть, я заговорила о головной боли, мнѣ хотѣлось остаться дома. Мачиха посмотрѣла на меня какъ-то сверху, самодовольно улыбаясь и промолвила спокойно:

— Пустяки, пройдетъ, пора ѣхать!

Когда мы вошли въ уборную собранія, гдѣ всѣ дамы и барышни, весело болтали, поправляли свои чудные туалеты, я совсѣмъ сконфузилась. Ни одной-то не было въ такомъ ужасномъ костюмѣ, какъ я! Всѣ барышни были въ ваперовыхъ, газовыхъ, тюлевыхъ платьяхъ съ цвѣтами, открытыми лифами. Такія всѣ красивыя, воздушныя! А я, въ своемъ жалкомъ платьѣ, годилась бы, развѣ только, для того, чтобы, въ случаѣ необходимости, поправить, почистить или зашить роскошное платье мачихи, но ни въ какомъ случаѣ въ залу мнѣ нельзя было показаться на общее посмѣшище, это ужъ я сразу, при всей своей неопытности, поняла изъ тѣхъ улыбокъ, которыя появлялись при видѣ меня у проходившихъ мимо дамъ.

Когда мы съ мачихою остались одни, долго сдерживаемыя слезы обиды, разочарованія брызнули у меня изъ глазъ, и я довольно рѣшительно заявила, что такой Сандрильоной ни за что на свѣтѣ не войду въ залъ, а ѣду домой.

— Очень глупо,—отвѣтила она спокойно, хотя щеки и шея покрылись пятнами,—этимъ ты докажешь, что капризная, дрянная дѣ-

ченка... Впрочемъ, я скажу сейчасъ отцу о твоёмъ намѣреніи, — добавила она, уходя.

Всѣ ушли изъ уборной, я осталась одна съ моими слезами и горькими думами. Изъ залы слышно было, какъ музыканты настраивали инструменты... вотъ сейчасъ начнутся танцы... и я, рыдая, бросилась на кушетку. «Зачѣмъ она это сдѣлала?» вертѣлся у меня одинъ вопросъ, «вѣдь и такъ хороша!»

Вошелъ отецъ.

— Что это ты, матушка, еще придумала? Хочешь осрамить меня и мою жену, которая была, до сихъ поръ, слишкомъ добра къ тебѣ! Иди сейчасъ въ залъ и нюнь не смѣй!—равнуль онъ меня за руку.

— Ни за что, ни за что!—рыдала я,—позволь мнѣ уѣхать! Зачѣмъ она такая злая, зачѣмъ одѣла меня на смѣхъ, а сама... а сама...—не могла я докончить фразы, рыданія душили меня.

— Ну, такъ сиди-же тутъ, дура!—и онъ, отбросивъ меня, хлопнулъ дверью.

Я повалилась снова на кушетку и рыдала, рыдала неудержимо. Минутъ пять спустя вошли ко мнѣ дядя съ тетей. Тетя сѣла подлѣ меня, обняла нѣжно такъ и сказала, вытирая мнѣ собственнымъ платкомъ лицо:

— Ну, не плачь, дитя мое. Нарядъ твой, дѣйствительно, ужъ очень простъ, но ты вѣдь тутъ всѣхъ моложе, а молодость украшаетъ лучше всякихъ нарядовъ. Дай ей воды,—обратилась она къ дядѣ.—Ну, полно-же, перестань, пойдемъ, дружокъ!

Я понемногу успокаивалась при этой теплой, сердечной ласкѣ.

Въ эту минуту заиграли вальсъ, и дядя, милый дядя, подхватилъ меня и прямо изъ уборной, черезъ гостиную, вальсомъ влетѣлъ со мною въ залъ, не давъ мнѣ даже опомниться.

Послѣ него, разумѣется, всѣ офицеры непрерывно танцовали со мною, смѣняя одинъ другого. Cousin особенно старался. Всѣ кадрили были разомъ разобраны и на мазурку пригласилъ лучшій танцоръ—полковой адъютантъ.

Въ половинѣ бала уже у мачихи разболѣлась голова, должно быть, отъ духоты, потому что она совсѣмъ мало танцевала. Отецъ хотѣлъ меня тоже увезти, но дядя съ тетей протестовали и взяли подъ свое покровительство.

Баль продолжался до четырехъ часовъ и мнѣ было такъ весело, такъ весело, что я забыла о всѣхъ своихъ огорченіяхъ.

— Вотъ видишь ты, дитя мое,—сказала тетка, провожая меня съ бала домой,—твое простенькое платьице нисколько не помѣшало тебѣ танцовать больше другихъ, ты была очень мила.

Я крѣпко разцѣловала ихъ обоихъ на прощанье. Я понимала, что благодаря только имъ, мой первый балъ не былъ моимъ полнымъ fiasco въ обществѣ.

Что было дома послѣ бала—описывать не буду, только на другой-же день меня отправили къ бабушкѣ въ деревню и ужъ послѣ я всегда заботилась сама о своемъ туалетѣ и, съ помощью милой, доброй тети, съ которою я и выѣзжала всюду, была всегда прилично одѣта, бабушка денегъ не жалѣла для своей любимицы.

А мачиха? Мачиха продолжала блестящею красотою и туалетами, около нея увивался нѣкій молодой человѣкъ Сольскій, отецъ считалъ его своимъ большимъ другомъ и, уѣзжая часто по дѣламъ на цѣлыя недѣли, просилъ его почаще навѣщать жену и не давать ей скучать въ его отсутствіе. Злые языки говорили, что Сольскій охотно исполнялъ это порученіе и что моя belle mère очень любила эти бесѣды tête-à-tête...

О. Ч.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

— Нѣтъ, нѣтъ, но хотя господинъ Дерсонъ и прекрасный человѣкъ и честный гражданинъ,—онъ слишкомъ мало развитъ. Кромѣ того, домъ безъ дѣтей не связываетъ. Ахъ! Еслибы, при моемъ первомъ бракѣ, я имѣла счастье сдѣлаться матерью, неужели ты думаешь, я развелась-бы? Впрочемъ, между моимъ супругомъ и мною еще нѣтъ окончательнаго разрыва.

— Слава Богу! Тѣмъ болѣе что этотъ бѣдный Ионафанъ не виновникъ своихъ предшественниковъ. Во всемъ, мнѣ кажется, виновата ты одна. На этотъ разъ твое неправильное толкованіе стиха послалія...

— Святого Павла къ Ефесеямъ.

— Да! святого Павла... развѣ не оно причиной твоего одиночества? Развѣ этотъ стихъ не говоритъ ясно, что жена должна во всемъ подчиняться мужу? Во всемъ, сестрица! Чортъ возьми! Во всемъ!

Онъ произнесъ послѣднія слова съ нѣсколькими грязной улыбкой; миссисъ Пальмира скромно потупила глаза и произнесла:

— О! Джо, Джо!

— Ну, что-же дѣлать?—съ комическою важною продолжалъ Гаррисъ,—вы не сходились въ толкованіи текстовъ,—основательная причина бросить этого упрямца Ионафана! Не будемъ больше объ этомъ говорить! Я ничего больше какъ хорошій чистокровный янки, весьма мало практикующій старій лютеранинъ, который не объясняетъ Библии, потому что не читаетъ ея; который сумѣлъ составить хорошенькое состояніе, живетъ какъ живется; имѣетъ единственную дочку, которую обожаютъ и нѣсколько сумасшедшую сестру, которую, тѣмъ не менѣе, онъ очень любитъ. Разводись въ четвертый разъ, если это доставляетъ тебѣ удовольствіе, и живи у меня, пока новая секта и новый мужъ не завладеютъ тобой.

— Съ завтрашняго дня я вступаю въ управленіе домомъ.

— Превосходно. Со смерти моей Фанни, вотъ уже шесть мѣсяцевъ, я не знаю, какъ идутъ дѣла. Джэнь еще слишкомъ молода, а м-ше Бренъ, ея воспитательница, не въ состояніи одновременно считаться съ поставщиками, наблюдать за прислугой и слѣдить за образованіемъ ея ученицы.

— Эта французенка все еще здѣсь?

— Конечно, и я обѣщала дорогой покойницѣ никогда не разлучать съ ней Джэнь. Притомъ, онѣ очень любятъ другъ друга,—будто двѣ сестры, одинаково милыя и добрыя. Конечно, Джэнь самая красивая изъ двухъ. Да вотъ она! Какъ она будетъ тебѣ рада!

Максимъ Гаррисъ слышалъ, какъ отворились ворота и подѣхалъ экипажъ. Черезъ двѣ или три минуты дверь курительной пріотворилась, и въ ней показалась прелестная блѣлокурая головка и нѣжный голосъ спросилъ:

— Можно войти, отецъ?

— Конечно,—поспѣшно отвѣтилъ Гаррисъ, со вздохомъ облегченія. Его бесѣды съ этой ужасной сестрой могла наконецъ кончиться и онъ протянулъ руки самой прелестной дѣвушкѣ, какую только можно было себѣ вообразить.

Это была дѣйствительно миссъ Джэнь, единственная дочь миллионера—фабриканта пищевыхъ консервовъ. Первое, что въ ней бросалось въ глаза, это были густые, тяжелые блѣлокурые волосы съ золотыми отливами, голубые глаза, какъ незабудки, нѣжный цвѣтъ лица, небольшой ротъ, пунсовые губки, среди которыхъ сверкала и два ряда жемчужинъ; она была стройна и чрезвычайно изящна. Кромѣ того Джэнь была очень добра, ласкова; умъ ея былъ развитъ: живое воображеніе умѣрлось серьезнымъ воспитаніемъ и строгими религіозными правилами, даже нѣсколько узкими, въ которыхъ ея мать воспитала ее.

Только поздоровавшись съ отцомъ миссъ Джэнь замѣтила присутствіе миссисъ Дерсонъ Пораженная нѣсколько, она вскричала:

— Дорогая тетя? Какой милый сюрпризъ!

Не замѣчая, что отецъ иронически улыбнулся на ея дружеское восклицаніе, она обняла достойную квакершу, которая отвѣчала ей серьезнымъ тономъ, отмѣчая каждую изъ своихъ фразъ взглядомъ на небо.

— Да, это я, моя хорошенькая племянница! Ты меня такъ-же мало ждала, какъ и мой братъ? Но вотъ я теперь съ вами на долгое время, навсегда, если такова будетъ воля Всевышняго. Я употребляю всѣ силы, чтобы, какъ умѣю, замѣнить твою добрую мать. Джэнь, ты вступаешь въ жизнь, гдѣ на каждомъ шагу западни ждутъ такихъ неопытныхъ, какъ ты. Я буду твоимъ другомъ, твоимъ советникомъ. Ты будешь меня слушаться и будешь меня любить, не правда-ли?

— Я всегда васъ очень любила, дорогая тетя!

Дочь Максима Гарриса произнесла эти слова съ любовью, хотя при вѣсти о поселеніи миссисъ Дерсонъ въ домъ, сердце ея больно сжалось. Чтобы скрыть свое волненіе она подошла снова къ отцу, поцѣловала его въ щеку, чѣмъ когда-либо, будто уже искала у него защиты и протянула свою маленькую ручку теткѣ, которая захватила Джэнь въ свои объятія и крѣпко сжала, будто показывая, что это ужъ ея собственность.

Джэнь уѣзжала въ свою комнату, чтобы переодѣться нѣсколько къ обѣду. Ея воспитательница ждала ее.

— Мари,—сказала она, задыхаясь и падая въ кресло,—миссисъ Дерсонъ здѣсь... Она пріѣхала съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ остаться.

— Ну, что-же? Нечего такъ волноваться!—замѣтила молодая женщина, улыбаясь.

Мари Бренъ было уже тридцать; она не была красива, но въ ея лицѣ было что-то пріятное, искреннее, симпатическое. Дочь одного профессора, оставшись послѣ смерти отца безъ всякихъ средствъ, она посвятила себя воспитанію и ей удалось, почти въ са-

ПЕРВЫЙ МЕНУЭТЪ. СЪ НАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Д. ШЧЕГОЛЕВА.

Друзья-приятели. Съ картины художника К. Бенера.

момъ началъ своей карьеры черезъ посредство канадцевъ, которыхъ она знала въ Парижѣ, поступить къ Максиму Гаррису. Около десяти лѣтъ она жила подлѣ Джэни и была ей и крѣпкимъ другомъ; миссъ Джэни любила ее, какъ старшую сестру, и не скрывала отъ нея ни одной изъ своихъ самыхъ затаенныхъ мыслей. И потому она съ искреннимъ удивленіемъ переспросила:

— Вы спрашиваете, почему присутствіе миссъ Дерсонъ приводитъ меня въ такое волненіе?

— Да,—отвѣчала Мари, по прежнему улыбаясь,—я не понимаю.

— Развѣ вы забыли ея попытки обратить меня въ протестанство,—всякій разъ какъ она прѣзжала сюда послѣ своихъ разводовъ съ мужьями.

— О! Твоя тетка навѣрное давно уже отказалась отъ этого обращенія. Но, если она снова вздумаетъ возобновить свои попытки, мы быстро положимъ имъ конецъ, попросивъ господина Гарриса вступить. Онъ это сдѣлаетъ. Вѣдь онъ поклялся твоей матери передъ ея смертію, что тебя никогда никто не будетъ беспокоить за твои вѣрованія.

— Да, это правда. Онъ въ то же время обѣщалъ ей, что насъ съ вами никогда не разлучать.

— Такъ чего-же такъ бояться вліянія твоей тетки? Твой отецъ честный человѣкъ и онъ тебя очень любитъ; онъ сдержитъ свое слово. Сознайся, дорогая, точно-ли тебя пугаютъ одні попытки обращенія этой достойной кватерши?

Мари сѣла подлѣ нея и, нѣжно сжимая ея руки, смотрѣла ей прямо въ лицо. Миссъ Джэни конфузливо проговорила:

— Нѣтъ... Это не все... Есть еще Марсель... Господинъ Марсель!..

— О, между нами, ты можешь просто говорить—Марсель, вѣдь я твой сообщникъ, какъ была имъ также добрая миссъ Гаррисъ, когда она была съ нами... Ну, что-же? Что за дѣло миссъ Пальмирѣ Дерсонъ до господина Марселя Рено?

— Мари, дорогая Мари! Но если теткѣ вздумается противиться нашимъ предположеніямъ будущаго?

— Но какому праву?.. Это до нея не касается.

— Правда! Но все-же когда она мнѣ объявила, что будетъ жить съ нами, мое сердце сжалось. И что скажетъ дядя Самми, который никогда не могъ выносить тетки Пальмиры?

— Господинъ Самъ? Да это еще одинъ защитникъ! Онъ тебя очень любитъ, а твой отецъ очень къ нему привязанъ и если бы что грозило твоему счастью, онъ не задумается сказать слово въ твою пользу. Онъ сужветъ стать между госпожею Дерсонъ и тобою.

— Я думаю; я почти увѣрена! Но все равно, я боюсь, очень боюсь.

И со слезами на глазахъ бѣдная дѣвушка бросилась на шею своей подругѣ, которая ласковыми словами на столько успѣла ее успокоить и утѣшить, что черезъ десять минутъ миссъ Джэни садилась за столъ между своимъ отцомъ и страшной теткой и ласково ей улыбалась.

II. Возвращаясь съ дальняго запада.

За двадцать пять лѣтъ до сены, рассказанной нами въ предыдущей главѣ, едва пробило семь часовъ утра, какъ миссъ Сара Борнеттъ, имѣвшая небольшую книжную торговлю въ Чикаго, открыла свой магазинъ и миссъ Пальмира Гаррисъ, уже одѣтая, вышла изъ

своей комнатки и сошла внизъ, чтобы помочъ своей теткѣ сложить и разобрать газеты и журналы, за которыми должны были прислать постоянные кліенты магазина или взять сами, отправляясь на службу.

Пальмирѣ Гаррисъ едва тогда исполнилось пятнадцать лѣтъ, волосы у нея были рыжіе, глаза блѣдно-голубые, крупный носъ, довольно выразительное лицо, но слишкомъ серьезное; хотя фигура ея была довольно стройная, но манеры не были граціозны. Притомъ возрастъ ея былъ самый неблагоприятный, ничто еще не напоминало будущаго развитія женщины. Талія, бюстъ были не сформированы; длинныя и худыя руки указывали на будущій очень большой ростъ. Несмотря на это, благодаря свѣже. в цвѣту лица и красивому рту съ прекрасными зубами, она могла нравиться съ перваго разу, если не очень разбирать ея черты, а судить по первому впечатлѣнію.

Пощелковавъ тетку, молодая дѣвушка выбѣжала на порогъ двери, будто привѣтствуя весеннее солнце; вернувшись въ магазинъ, она принялась разбирать газеты.

— Что, тетя, ничего новаго сегодня утромъ?—спросила она у своей тетки, маленькой, худощавой, сморщенной, но весьма живой, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, и вообще доброй и хорошей женщины.

— Ничего!—отвѣчала тетка.—Но это меня не удивляетъ, и даже, напротивъ, успокаиваетъ.

— Почему?

— Вѣдь недѣли двѣ тому назадъ мы получили отъ твоего брата письмо съ извѣстіемъ, что онъ выѣзжаетъ изъ Санъ-Франциско прямо въ Чикаго!

— Дѣйствительно.

— Такъ какъ теперь онъ ничего не пишетъ, значитъ онъ не отложилъ свой отъѣздъ и не измѣнилъ маршрута; вѣроятно, онъ въ дорогѣ и его нужно ждать съ минуты на минуту. Признаюсь я ждала его еще вчера вечеромъ, и кузена Сама то же.

— Вотъ они, ура! — кто-то закричалъ въ эту минуту такимъ оглушительнымъ голосомъ, что миссъ Борнеттъ и ея племянница въ ужасѣ вскочили. На порогѣ магазина стояло два человѣка, лица ихъ сіяли и объятія были раскрыты. Обѣ женщины, опомнившись, бросились къ пришедшимъ и весело закричали:

— Максимъ! Кузень Самъ! Дорогой братъ! Какое счастье! Пять лѣтъ не видались!

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ только и слышались поцѣлуи. Наконецъ, путешественники усѣлись, и Сара стала угощать ихъ душистыми старыми виски въ большихъ рюмкахъ. Джо Максимъ Гаррисъ былъ тогда лѣтъ тридцати и совершенно еще такой, какимъ мы его видѣли въ Санъ-Франциско. Сама мы тоже знаемъ; между двоюродными братьями существовало то же несходство, какъ и прежде.

Оба они страшно загорѣли, какъ люди, которые провели нѣсколько мѣсяцевъ на воздухѣ, подвергаясь всякимъ переменамъ погоды,—солнечной жарѣ, дождю и вѣтрамъ. Оба они были одѣты удобно и прочно: въ темно-коричневомъ суконномъ платьѣ, цвѣтныхъ рубашкахъ съ широкими галстуками, въ прочныхъ зашнурованныхъ ботинкахъ; за широкимъ кожанымъ, вышитымъ и разукрашеннымъ поясомъ торчали пистолеты, револьверы Кольта,—единственные, существовавшіе въ это время, но уже бывшіе неизбѣжными спутниками всякаго чистокровнаго янки.

Гаррисъ былъ родной племянникъ миссъ

Борнеттъ,—родной сестры его матери, которая умерла, произведя на свѣтъ Пальмиру. Пять лѣтъ спустя отецъ Гарриса былъ убитъ въ дракѣ и въ то время говорили, что эта смерть спасла его отъ висѣлицы, потому что вся вина была на его сторонѣ. Въ Чикаго долго помнили Петера Гарриса, который брался за всякое ремесло, особенно такое, гдѣ легко можно попользоваться чужимъ добромъ. Тетка Сара взяла къ себѣ Пальмиру послѣ смерти ея отца, а нѣсколько лѣтъ спустя, взрослый братъ Пальмиры, который бѣдствовалъ въ Чикаго, исчезъ оттуда вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ Самомъ Торнеръ. Они отправились на западъ. Долгое время объ нихъ ничего не было слышно, какъ въ одинъ прекрасный день разнесся слухъ, что они въ Калифорніи въ погонѣ за богатствомъ искали золото, которое капитанъ Соттеръ открылъ въ долинѣ Сакраменто.

Послѣ года молчанія Гаррисъ сталъ писать миссъ Борнеттъ аккуратно каждые полгода, высылая деньги для нея и для своей маленькой сестры, и наконецъ послѣ долгаго отсутствія онъ явился съ своимъ двоюроднымъ братомъ къ своимъ сначала испуганнымъ, потомъ обрадованнымъ родственникамъ. Миссъ Борнеттъ разсматривала своихъ родственниковъ, пока они съ удовольствіемъ попили ея чудесное виски, и, судя по ихъ цвѣтущему и здоровому виду, вывела заключеніе, что они вернулись богаче, чѣмъ ушли. Наконецъ Максимъ заговорилъ:

— Да, дѣйствительно, мы не видались болѣе четырехъ лѣтъ. Вы, тетя Сара, ничуть не измѣнились, но за то тебя, сестричка, я-бы ни за что не узналъ, если-бы встрѣтилъ на улицѣ! Ты выросла и похорошѣла, скоро пора замужъ, я привезъ тебѣ приданое изъ Сакраменто.

— Благодарю, дорогой братъ!—отвѣчала Пальмира, цѣлуя его,—но я не думаю еще уходить отъ нашей доброй тети, я ей нужна.

— Такъ у тебя развѣ нѣтъ еще ни поклонника, ни жениха, съ твоими розовыми щеками и красивыми зубами?

— Джо, Джо!—сказала миссъ Борнеттъ,—дѣвчкѣ еще нѣтъ шестнадцати, и она очень скромна, набожна, воспитана въ хорошихъ правилахъ.

— Ну, что-же! Хорошія правила дѣлаютъ хорошихъ женъ! Годикъ, другой еще, и мы поищемъ ей мужа, если она сама не найдетъ кого-нибудь до тѣхъ поръ; я все устрою! Мы теперь не прежніе бѣдняки! Не правда-ли, Самми?

— Правда, мы вернулись не съ пустыми карманами,—отвѣчалъ длинный кузень, разваливаясь на своемъ креслѣ,—въ особенности онъ! Я-то не такъ ловокъ, какъ Джо!

— Ты глупъ, Самми, глупъ, какъ оселъ! Если я богатъ, такъ и ты богатъ! Ахъ, тетя Сара! Тяжело жилось въ эти четыре года!

— Да, я слышала, много приходилось выносить, чтобы успѣть. Да и теперь тамъ такъ-же обкрадываютъ и убиваютъ, какъ и въ первое время открытія золота.

— Почти! Но, къ счастью, мы не такъ легко поддавались... Когда-нибудь я вамъ поразкажу... Ну, а здѣсь какъ идутъ дѣла?

— Довольно хорошо! На деньги, которыя ты мнѣ высылала, я открыла магазинъ и у меня довольно много заказчиковъ. Да и народонаселеніе здѣсь съ каждымъ днемъ увеличивается. Вы увидите, какъ Чикаго измѣнился, увеличился, украсился. Торговля хлѣбомъ сильно развилась. Когда вы уѣхали, здѣсь едва было двадцать тысячъ жителей,

а теперь, говорятъ, ихъ больше семидесяти тысячъ. У насъ была только одна церковъ методистская и одна католическая часовня.

— Весьма достаточно!

— Да, для тебя, безбожникъ! А теперь у насъ пять церквей, роскошный соборъ...

— А сколько кофеенъ, танцевальныхъ и музыкальныхъ залъ?

— Я въ такія мѣста не хожу.

— Не сердитесь, дорогая тетя! Я справляюсь, больше ничего... для Самми!

— Все такой же, Джо! Ты будешь поражать, когда пройдешься по городу, особенно туда, ближе къ озеру. Какія тамъ фабрики настроены, ты представить себѣ не можешь!

— Мнѣ говорили уже объ этомъ! А такъ какъ всякая новинка меня привлекаетъ, особенно новинка пріятная, то я сейчасъ и отправлюсь осматривать городъ. Идемъ, Самми?

— Конечно,—отвѣчалъ кузень, быстро скакивая, какъ человѣкъ, который не особенно любитъ сидѣть дома.—Мы навѣрно повстрѣчаемъ старыхъ друзей.

— Завтракать вернетесь?—спросила госпожа Борнеттъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Максимъ, подумавъ,—мы въ самомъ дѣлѣ можемъ повстрѣчать старыхъ друзей, какъ надѣется Самми, съ ними придется поболтать и, конечно, за столомъ. Но обѣдать мы придемъ непременно! И такъ какъ я хочу, чтобы обѣдъ былъ особенно вкусный, но чтобы онъ вамъ ни гроша не стоилъ и потому вотъ вамъ, тетя Сара, деньги на расходъ! А это тебѣ, сестричка, на обновки!

И Гаррисъ вытащилъ изъ кармана горсть золотыхъ монетъ, которыя, не считая, раздѣлилъ между миссисъ Борнеттъ и Пальмирой; когда онѣ стали его благодарить, онъ возражалъ:

— Пустяки! Вы еще не то увидите! Въ дорогу, кузень, расправь свои длинные ноги.

— Гдѣ вы будете ночевать?—спросила Сара, останавливая племянника на пути.—Здѣсь, не правда-ли? У меня наверху есть большая комната съ двумя окнами на улицу, въ ней, правда, кровать только одна, но я велю поставить другую.

— Превосходно! Это намъ очень удобно! Съ вокзала принесутъ наши вещи, вы ихъ велите тамъ поставить. Это чудная мысль! Мы снова поживемъ немного въ семьѣ. До вечера!

Поклонивъ Пальмиру, которая перебралась съ ладони на ладонь полученныя ею гиней, Джо вытолкнулъ своего пріятеля на улицу и сказалъ ему:

— Осмотримъ новые кварталы.

— Ты знаешь, что я всегда охотно иду за тобою,—беззаботно отвѣчалъ Торнеръ, зажигая трубку.

Пройдя нѣсколько улицъ, они очутились на берегу Норсъ-Ривера, гдѣ множество судовъ грузилось хлѣбомъ, а кругомъ возвышались фабрики, заводы и склады. Максимъ Гаррисъ выражалъ свое удивленіе короткими восклицаніями и дѣлалъ замѣтки въ записной книжкѣ; иногда онъ заходилъ въ конторы и дѣлалъ служащимъ и тому подобному народу множество вопросовъ. Такъ прошло два часа, пока наконецъ Самъ, который никакъ не могъ сообразить цѣлей своего пріятеля, замѣтилъ:

— Что за странная прогулка!

— Это только начало!—загадочно отвѣчалъ Максимъ,—идемъ дальше!

— Идемъ дальше,—равнодушно повторилъ Самми, засунувъ руки въ карманы.

Наконецъ, около полудня, Гаррисъ рѣшился остановиться въ очень порядочной на видъ

кофейнѣ, котърая имъ попала на пути. Кофейня была полна. Всевозможные служащіе и рабочіе сосѣднихъ фабрикъ и мастерскихъ закусывали въ ней. Максимъ и Самъ усѣлись за отдѣльный столикъ, куда имъ подали кровавый ростбифъ, вареную картофель, ветчину, пикантные соусы, честеръ, свѣтлое пиво, и много другихъ вкусныхъ вещей, которыя быстро исчезли. Не прошло получаса, какъ Торнеръ откинулся на спинку своего стула, протянулъ свои длинные ноги и произнесъ:

— А! Такъ-то лучше!

Затѣмъ, онъ набилъ свою трубку, закурилъ и принялся пить маленькими глотками старую водку, которою онъ всегда заканчивалъ свои обѣды и завтраки. Это онъ продѣлывалъ, полузакрывъ глаза и не заботясь о Гаррисѣ, который между тѣмъ возобновлялъ знакомство со старыми пріятелями, узанными имъ среди посѣтителей кофейной, и которыхъ онъ спрашивалъ обо всемъ, что произошло въ Чикаго за время его отсутствія. Свѣдѣнія, полученныя имъ, видимо сильно его интересовали. Но когда его собесѣдники разошлись по своимъ дѣламъ, Гаррисъ вернулся къ своему столу, заплатилъ по счету и позвалъ своего кузена идти дальше. Отдохнувшій и подкрѣпившій свои силы Торнеръ безпрекословно всталъ. Такимъ образомъ они обошли весь городъ и вернулись домой только вечеромъ. Но Гаррисъ нисколько не имѣлъ усталого вида. Придя домой, они спросили у миссисъ Борнеттъ позволенія только нѣсколько почиститься и переодѣться. Черезъ десять минутъ они уже сидѣли за столомъ и сдѣлали честь вкусному обѣду, пригोветному миссисъ Борнеттъ. Нечего и говорить, что Гаррису пришлось за обѣдомъ и послѣ обѣда отвѣчать на множество вопросовъ миссисъ Борнеттъ и Пальмиры.

За послѣдніе два-три года разсказывали столько необычайнаго объ этой странѣ золота, что обѣимъ женщинамъ страстно хотѣлось узнать истину о знаменитомъ Эльдorado, гдѣ можно было разбогатѣть сразу, гдѣ вчерашній носильщикъ дѣлался сегодня миллионеромъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорила молва, изъ знакомыхъ, побывавшихъ тамъ, онѣ никого не встрѣчали. Онѣ съ особеннымъ вниманіемъ слушали Гарриса, который разсказывалъ свои приключенія цвѣтистымъ языкомъ, скользя по тѣмъ мѣстамъ, которыя могли бы возмутить своею безправственностью старую тетку и оскорбить невинныя уши сестры. Замѣчая, что вступаетъ на скользкій путь, Джо вдругъ останавливался и поправлялся. Тогда между нимъ и Самомъ поднимался комичный споръ. Предполагая, что память измѣняетъ брату, Самъ, гордясь тѣмъ, что онъ ничего не забылъ, переступалъ границу, на которой остановился Гаррисъ, и тому съ трудомъ удавалось заставить его молчать.

— Да ты съ ума сходишь!—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ,—ты все путаешь, и факты, и людей! Мы тамъ не были, а были такой-то и такой-то.

— Но...—возражалъ Самъ.

— Никакихъ но!.. Пей, кури и молчи!

И длинный Самми умолкалъ и съ раскрытымъ ртомъ слушалъ, какъ Максимъ разсказывалъ, что если они и набрали много денегъ то они сдѣлали много добра и совѣсть ихъ была вполне чиста. Разъ два-три дѣйствительно случилось имъ обмѣняться выстрѣлами—въ защиту отъ бандитовъ,—а какъ это имъ было тяжело! Такъ за разсказами прошло время до одиннадцати часовъ, для миссисъ Борнеттъ и Пальмиры, это было слишкомъ

поздно. Наконецъ они разошлись. Оставшись одинъ съ Торнеромъ въ своей комнатѣ, Гаррисъ сказалъ ему:

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАУЧНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

ИСПЫТАНІЕ СЛУХА.

Если мы пороемся въ воспоминаніяхъ нашего школьнаго дѣтства, въ памяти многихъ изъ насъ воскреснетъ образъ ребенка, вѣчно сидящаго на задней скамейкѣ, ничего или не впопадъ отвѣчающаго на вопросы учителя; запуганный, забитый товарищами, онъ какъ-то странно на всѣхъ смотритъ, выраженіе лица у него недоумѣвающее, можно сказать почти идиотское. Иногда счастливый случай помогалъ такому несчастному и выяснялъ, что онъ плохо слышитъ на одно или на оба уха, что вообще у него чувство слуха не доразвилось до нормальнаго состоянія. Такимъ образомъ легко находилось объясненіе предполагаемой тупости, лѣни, невнимательности и тому подобнымъ преступленіямъ, въ которыхъ обвинялся бѣдный ребенокъ. Постоянные тычки дѣйствительно портили характеръ, а окрики и запугиванія заглушали умственное развитіе.

Мы не будемъ касаться физическихъ и анатомическихъ причинъ явленія недоразвитія слуха, онѣ не входятъ въ область и размѣры нашей замѣтки, мы хотимъ только сказать нѣсколько словъ—какъ опредѣлить величину и силу этого недостатка и тѣмъ предотвратить вліяніе его на умственное и нравственное развитіе человѣка, на образованіе его характера и избѣжать, такимъ образомъ, тяжелыхъ послѣдствій.

Случаи нѣкоторой относительной слабости слуха встрѣчаются чаще, чѣмъ думаютъ, но, къ сожалѣнію, на нихъ мало обращаютъ вниманія и потому полагаютъ ихъ выходящими изъ ряда вонъ. Подобно зрѣнію и слухъ развивается у людей весьма различно,—онъ проходитъ всѣ степени отъ полной глухоты до едва замѣтнаго ослабленія чувства слуха. Какъ часто, напр., случается, что лицо, къ которому обращаются, не сразу схватываетъ сказанное и постоянно переспрашиваетъ. Обыкновенно на такое переспрашивание смотрятъ какъ на дурную привычку, которая, между тѣмъ, во многихъ случаяхъ основывается на томъ, что человѣкъ безсознательно не дослышитъ. Если такое ненормальное состояніе слуха начинаетъ проявляться въ дѣтскомъ возрастѣ, положеніе такихъ дѣтей въ школѣ можетъ сдѣлаться невыносимымъ; часть уроковъ будетъ проходить для нихъ безслѣдно, и конечно, знанія ихъ не увеличатся. Если учитель внимательный и замѣтитъ недостатокъ во время, онъ отчасти можетъ помочь ему, помѣстивъ плохослышащихъ на первую скамейку, къ себѣ поближе. Но для этого нужно, чтобы учитель умѣлъ произвести испытаніе слуха, что, впрочемъ, вовсе не трудно и доступно всякому. Никакихъ особыхъ инструментовъ для этого не требуется, достаточно спокойной, удаленной отъ всякаго малѣйшаго шума, комнаты, карманныхъ часовъ или камертона и умѣнія говорить шепотомъ.

Для опыта выбираютъ такіе часы, которые, на сколько возможно, громко и отчетливо тикаютъ. Прежде всего нужно точно опредѣлить—на какомъ разстояніи лицо, обладающее нормальнымъ слухомъ, слышитъ тиканіе часовъ. Опредѣливъ это разстояніе, испытуемое лицо усаживаютъ въ спокойной комнатѣ

на стулъ, заставляють его закрыть одно ухо указательнымъ пальцемъ, положимъ, лѣвое и, становясь сзади, относятъ часы на то разстояніе, на которомъ ихъ тиканіе слышалъ человекъ съ нормальнымъ слухомъ. Если испытуемый тоже слышитъ тиканіе на такомъ же разстояніи, значитъ его незакрытое ухо вполне здорово. Въ противномъ случаѣ, часы подносятъ ближе, до тѣхъ поръ, пока тиканіе не слышится ему отчетливо слышно. и тогда отмѣчаютъ, насколько слухъ въ данномъ ухѣ слабѣе нормального. Полученный результатъ можно выразить и въ числахъ для большей точности, что бываетъ весьма необходимо при составленіи статистики. Напримеръ, опредѣлилось вполне точно, что нормальное ухо слышало тиканіе часовъ на разстояніи, положимъ, 150 сантиметровъ,—измѣреніе производится посредствомъ сантиметровой мѣрки, которую ведутъ отъ часовъ до наружнаго отверстія уха,—тогда полученное число, означающее ослабленіе слуха, выражаютъ дробью, числитель которой показываетъ число ослабленія, а знаменатель—нормальное число, которое въ данномъ случаѣ мы беремъ 150. Если при испытаніи какого-нибудь уха окажется, что оно слышитъ только на разстояніи 20 сантиметровъ, то силу слуха въ данномъ ухѣ мы выразимъ цифрой $\frac{20}{150}$. Если тиканіе слышится, когда часы подносятъ къ самому уху, то это обозначается 0; если оно совсѣмъ не слышится, то придется обозначить его двумя нулями, то есть $\frac{0}{0}$, между тѣмъ какъ нормальная точка слуха будетъ выражаться $\frac{150}{150}$. Ухо, противолежащее испытуемому, всегда должно быть закрыто пальцемъ. Испытаніе будетъ успешнѣе, если испытуемый не будетъ видѣть часовъ, для чего глаза съ боковъ въ видѣ наглазника закрываютъ рукой или книгой.

Такимъ же точно образомъ производится испытаніе слуха камертономъ. Ударивъ камертонъ, тоже опредѣляютъ разстояніе, на которомъ слышится его звукъ. Къ камертону прибѣгаютъ, если желаютъ опредѣлить болѣе тонкую разницу въ слухѣ; испытаніе производится въ такихъ случаяхъ черезъ черепныя кости. Такимъ образомъ удается опредѣлить самое незначительное ослабленіе слуха. Если закрыть оба уха пальцами, то собственный голосъ или звукъ камертона слышится отчетливѣе, чѣмъ при открытыхъ ушахъ. Особенно это замѣтно при односторонней глухотѣ. Звукъ камертона слышится яснѣе на той сторонѣ, на которой слухъ слабѣе, чѣмъ на здоровой. Подобный опытъ каждый можетъ произвести надъ самимъ собою и опредѣлить существующую разницу между обоими ушами. Этотъ же опытъ можно произвести слѣдующимъ образомъ: стукнувъ камертонъ, его подносятъ къ уху нормально слышащаго человека, и затѣмъ, стукнувъ его снова, подносятъ его къ головѣ и зубамъ, онъ слышитъ звонъ камертона ухомъ гораздо долѣе, чѣмъ черезъ голову или зубы. Если же бываетъ наоборотъ, то это доказываетъ ослабленіе слуха, и чѣмъ слабѣе слухъ, тѣмъ сильнѣе звукъ отражается въ черепныхъ костяхъ. Испытаніе камертономъ требуетъ много терпѣнія и внимательности, но оно даетъ возможность замѣтить ослабленіе слуха въ самомъ началѣ и при возможности помѣшать его дальнѣйшему развитію.

Но самый дѣйствительный способъ испытанія слуха даетъ языкъ, притомъ онъ самый естественный. Но при этомъ гласные и согласные звуки имѣютъ разное значеніе. Гласные звучатъ сильнѣе, слышатся на болѣе дальнемъ разстояніи, чѣмъ согласные, и раз-

стояніе ихъ воспріятія также различно. Напримеръ, а слышится очень ясно здоровымъ ухомъ на разстояніи 360 шаговъ, у только на разстояніи 280, ж едва—63, а не болѣе—12 шаговъ, и т. д.

Изъ этой разницы разстояній, на которыхъ слышатся единичные звуки, не трудно вывести, что и цѣлыя слова слышатся также различно. Если при испытаніи слуха прибѣгать не къ единичнымъ звукамъ, а цѣлымъ словамъ, то получаются весьма неопредѣленные результаты; при громкомъ произношеніи слова гласные звуки выдаются рѣзче, чѣмъ согласные, что при паденіи слуха уменьшаетъ точность воспріятія. Весьма обычное явленіе, что глухнущіе тѣмъ хуже слышатъ, чѣмъ громче съ ними говорятъ. Причина та, что при громкомъ произношеніи гласные звуки выговариваются яснѣе, чѣмъ согласные, что затрудняетъ воспріятіе и, слѣдовательно, пониманіе слова. Для этого при испытаніи слуха слѣдуетъ прибѣгать къ шепоту. При шепотѣ сглаживается разница между гласными и согласными, и здоровое ухо ясно слышитъ его и разбираетъ на разстояніи 20—25 метровъ. На такомъ разстояніи и слѣдуетъ начинать испытаніе, подходя къ испытуемому до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ разбирать произнесенныя шепотомъ слова, такъ что можетъ повторить ихъ. Для такого испытанія слѣдуетъ выбирать слова, содержащія много гласныхъ или шипящихъ звуковъ, потому что они легче воспринимаются, чѣмъ другія. Также нужно слѣдить, чтобы испытуемый не видалъ говорящаго и, слѣдовательно, не могъ прочесть слова по губамъ, какъ это дѣлаютъ многіе плохослышащіе. Напоминаемъ, что такое испытаніе тоже должно производиться въ спокойной комнатѣ и надъ каждымъ ухомъ отдѣльно. Конечно, въ этомъ случаѣ изслѣдованіе не можетъ быть такъ точно, какъ при помощи часовъ или камертона, такъ какъ и закрытое ухо будетъ отчасти слышать, конечно въ слабой степени, потому что всѣ звуковыя впечатлѣнія получаютъ нами двумя путями—черезъ ухо и черезъ черепныя кости. Звуковыя волны приводятъ черепныя кости въ сотрясеніе, которое также, подобно непосредственно дѣйствующимъ звуковымъ волнамъ, передается слуховымъ нервамъ. Вотъ почему мы можемъ слышать разговоръ, даже закрывъ оба уха. Во всякомъ случаѣ въ сомнительныхъ случаяхъ обязательно повторить испытаніе нѣсколько разъ и притомъ въ различные дни. При этомъ опредѣлятся также вліяніе погоды. Известно, что трудно слышать при перемѣнѣ погоды, именно сухой и солнечной на пасмурную, туманную и дождливую, начинаютъ слышать хуже, чѣмъ при погодѣ постоянной. Причину, должно полагать, нужно искать въ большемъ содержаніи влажности въ воздухѣ, хотя ближайшая связь еще не опредѣлена точно. Это явленіе замѣчается и при другихъ болѣзняхъ, напр. при подагрѣ и ревматизмѣ. Часто ухудшеніе слуха является много раньше перемѣны погоды, какъ и при упомянутыхъ болѣзняхъ, такъ что подобные болѣзнь въ своей болѣзни имѣютъ родъ барометра. Вотъ почему слухъ обязательно испытывать въ различную погоду, если не желаютъ прийти къ неправильнымъ заключеніямъ. Лучше проверить слухъ много и даже лишніе разъ, чѣмъ недостаточной проверкой дать невѣрное опредѣленіе, отъ котораго иногда можетъ зависѣть будущность ребенка.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Тріумфъ весны. Съ картины профессора Генр. Семирадскаго.

Аллегоризировавъ пышный весенній разцвѣтъ природы и пробужденіе всѣхъ ея силъ и чувствъ, извѣстный художникъ Генрихъ Семирадскій даетъ чудное эффектное произведеніе творческой фантазіи. Онъ взялъ прекрасныя формы классическихъ мифовъ и распорядился ими такъ умѣло, такъ оживилъ ихъ новыми чудными чертами, что получилось нѣчто цѣлое, одухотворенное. Весна олицетворяется Купидономъ, съ его мѣткимъ лукомъ любви. Впередѣ мчится, показывая путь къ счастью, Гименей со свѣчей факеломъ, украшенный розами. Внизу, дремлющая вакханка уже охвачена вѣгвой и зноемъ приближающейся весны и раскинулась въ красивыя позы. Надъ ними вѣетъ маленький Эльфъ. Вдали сыплются цвѣты изъ роскошной кошицы природы. Мощные львы, олицетворяющіе темныя силы природы, тоже очарованы красотою, вѣгвой и тепломъ весны. Крупный талантъ Г. Семирадскаго проглядываетъ въ каждой мельчайшей черточкѣ.

Курды на молитвѣ. Съ картины художника Франца Рубо.

Извѣстный художникъ Ф. Рубо, знатокъ кавказской жизни и типовъ, даетъ на своей картинѣ характерный моментъ молитвы мусульманскаго племени. Одинъ изъ свирѣпѣйшихъ мусульманскихъ народовъ—курды, какъ и всѣ правовѣрные, очень религіозны. Мы видимъ сторожевую постъ курдовъ и совершающаго свой «намазъ» мусульманина. Сойдя съ лошади, онъ совершилъ омовеніе водою горнаго ручья и теперь, обогрѣвшись ладонью къ востоку, молить Аллаха, да ниспослетъ тотъ вѣрному рабу своему богатство и счастливую жизнь. Если же суждено ему погибнуть въ бою, то пусть красивѣйшія гурія пророка слетятся къ нему въ садахъ Аллаха... Дикія горы служатъ подходящей рамкой для сидящей фигуры молящагося мусульманина.

Ледоходъ на Невѣ (Александровскій мостъ). Оригинальный рисунокъ художника В. Табурина.

Сѣверная красавица-Нева всегда подолгу и съ большимъ трудомъ освобождается отъ льда. Если-бы навигация не начиналась до прохода ледянаго льда, то ждать пришлось-бы слишкомъ долго, а потому, едва сама рѣка сбрасываетъ свои оковы—перемѣной пробѣда коменданта—воды Невы дѣлаются доступны для лодокъ и пароходовъ. На рисункѣ нашего художника мы видимъ, что плывутъ еще большіе ледяные обломки, но несмотря на это, шныряютъ уже финляндскіе пароходки. Вотъ и яичники перевозятъ пассажировъ; иногда онъ отпихиваетъ багромъ опасныя льдины. Пассажиры немного трусятъ, а ледъ все шуршитъ и движется кругомъ.

Первый менуэтъ. Съ картины художника А. Шмюцлера.

Молодая дѣвица, еще недавно бывшая дѣвочкой, беретъ первый урокъ стариннаго граціознаго танца—менуэта. Вся семья ея принимаетъ въ этомъ участіе. Одна сестра играетъ на клавикордахъ, другія одобряютъ начинающую и помогаютъ ей советами. Вообще, урокъ въ полномъ разгарѣ; даже старикъ-дѣдушка выползъ посматривать на внучку. Сама дебютантка, видимо, робѣетъ, но ея поза такъ граціозна, такъ мило переступаютъ маленькія, изящныя ножки, что въ будущемъ ей можно посулить блестящій успѣхъ балльной царяны.

Друзья-пріатели. Съ картины художника К. Бекера.

Начега нѣтъ ближе и дороже для нѣжнаго дѣтскаго чувства, какъ природа и животныя. Въ животныхъ, кроткихъ домашнихъ животныхъ, дѣтя часто находятъ первыхъ друзей въ жизни. Поэтому такъ мила и трогательна нашъ рисунокъ, гдѣ малютка, окруженная домашними животными, хочетъ угостить друзей-пріателей. Вѣроятно, молоко, которое ей налила сестра, назначается рѣзвому потомству доброй домашней собаки. Коровы вытянули свои добродушныя морды и какъ-будто ждутъ, не будетъ-ли и имъ угощения?

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайше утвержденное росписание дней торжествъ и празднествъ предстоящаго Свящ. Коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

6-го мая. День рожденія Государя Императора. Приѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Петровскій дворецъ. 7-го Высочайшій объѣздъ Ходынского лагеря и зоря съ церемоніей. 8-го. Серенада у Петровскаго дворца. 9-го. Торжественный въѣздъ. Перѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Александрійскій дворецъ. 10-го. Приемъ чрезвычайныхъ пословъ и посланниковъ. 11-го. Родительская суббота. Говѣніе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Приемъ чрезвычайныхъ пословъ и посланниковъ. Объявленіе о Св. Коронаваніи. 12-го. День Св. Троицы. Говѣніе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Церковный парадъ. Объявленіе о Св. Коронаваніи. Освященіе государственнаго знамени. 13-го. День Св. Духа. Говѣніе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Объявленіе о Св. Коронаваніи. Перенесеніе Императорскихъ регалій. Перѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Кремль. 14-го. Священное коронаваніе. Трапеза Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Грановитой палатѣ. Иллюминація. 15-го. День памяти Св. Коронаванія Императора Александра III. Принесеніе поздравленій. Обѣдъ духовенству и особамъ первыхъ 2-хъ классовъ въ Грановитой палатѣ. Иллюминація. 16-го. Принесеніе поздравленій. Вечерній выходъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Грановитую палату. Иллюминація. 17-го. Принесеніе поздравленій. Перенесеніе Императорскихъ регалій. Торжественное представленіе въ Большомъ театрѣ. Ночлегъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Петровскомъ дворцѣ. 18-го. Народный праздникъ. Обѣдъ волостнымъ старщинамъ въ Петровскомъ дворцѣ. Балъ у французскаго посла. 19-го. Обѣдъ для сословныхъ представителей въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца. Балъ у австрійскаго посла. 20-го. День памяти Св. Алексія митрополита. Начало Петрова поста. Литургія въ Чудовомъ монастырѣ. Балъ у его императорскаго высочества московскаго генералъ-губернатора. 21-го. Церковный парадъ. Балъ московскаго дворянства. 22-го. День кончины Государыни Императрицы Маріи Александровны. Поѣздка Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Сергіеву лавру. 23-го. Большой балъ въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго Дворца. 24-го. Музыкальное собраніе у германскаго посла. 25-го. День Рожденія Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Обѣдъ для пословъ и посланниковъ въ Георгіевскомъ залѣ Кремлевскаго Дворца. Ночлегъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Петровскомъ Дворцѣ. 26-го. Парадъ войскамъ. Обѣдъ представителямъ московскихъ правительственныхъ и сословныхъ учреждений въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго Дворца. Отъѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Москвы.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Болгарія.—Газета «Міръ» 7-го (19) апр. говоритъ слѣдующее: «Сегодня князь отъ имени болгарскаго народа повергнетъ предъ трономъ Русскаго Царя выраженія признательности, глубоко хранящейся въ болгарскомъ сердцѣ. Новый живительный лучъ озаряетъ историческій путь Болгаріи. Русскій Царь великодушно простеръ руку Болгаріи, и болгарскій народъ черезъ своего господара цѣлуетъ признательно эту благодѣтельную и мощную руку. Нѣтъ большаго единенія, чѣмъ единеніе, созданное Божественнымъ Создателемъ. Связь крови и вѣры между двумя братскими народами, скрѣпленная столькими жертвами въ прошломъ, съ благословенія Божьяго останется на вѣки нерушимой».

Австро - Венгрія.—Императоръ Вильгельмъ горячо пріялъ въ Вѣнѣ. Австрійскій императоръ пожаловалъ германскому имперскому канцлеру князю Готенлоу орденъ Золотого Руна, а германскій императоръ князю Голуховскому орденъ Чернаго Ора. За завтракомъ въ іозефштадтскихъ кавалерійскихъ казармахъ императоръ Вильгельмъ, отвѣчая на провозглашенный въ честь его тостъ, сказалъ, что онъ съ радостью провѣлъ сегодня свой гусарскій полкъ передъ императоромъ Францемъ-Иосифомъ. «Я убѣжденъ въ томъ,—добавилъ царственный ораторъ,—что явлюсь истолкователемъ чувствъ всѣхъ сидящихъ за этою трапезою и имѣвшихъ случай любоваться прекрасною и бодрою фигурою императора, если радостно и съ взволнованною душою я воскликну: эльенъ, эльенъ, эльенъ императору Францу-Иосифу и его войску».

Франція.—Феликсъ Форъ посѣтилъ Туль. Послѣ банкета, президентъ республики и военный министръ отправились на «риш» въ военный собраніи. Г. Форъ произнесъ рѣчь, въ которой восхвалялъ старанія офицеровъ при обученіи войскъ, которыя, находясь на передовомъ посту, понимаютъ значеніе своей задачи, и прибавилъ: «Страна можетъ твердо на васъ полагаться, а вы можете быть увѣрены, что представляете надежду отечества». Г. Форъ провозгласилъ тостъ за армию и 6-й армейскій корпусъ.

Великобританія.—Гиксъ-Бичъ внесъ въ палату общинъ государственную роспись. Доходы за прошлый годъ опредѣлились въ 102 мил. фунтовъ, расходы, со включеніемъ дополнительныхъ кредитовъ, въ 98 мил. За текущій годъ расходы исчислены въ 100 мил., доходы въ 101 ³/₄ мил.

— Лондонской воздухоплавательной командѣ приказано держать на готовѣ отрядъ для участія въ донгольской экспедиціи. Сверхъ того рота піонеровъ, предназначенная къ отплытію въ Суакимъ, также должна присоеди-

ниться къ колоннѣ, дѣйствующей въ долинѣ Нила. Рѣшено усилить гарнизоны Южной Африки однимъ батальономъ пѣхоты.

— Начальникъ пѣхотныхъ частей гibraltarскаго гарнизона, генералъ сэръ Фредерикъ Керрингтонъ, получилъ приказъ безотлагательно отправиться въ Южную Африку, чтобы принять начальство надъ войсками, предназначенными для дѣйствій противъ Матабеле.

Африка.—5-го (17-го) апр., около Суакима, 300 конныхъ и 1,000 пѣшихъ дервишей атаковали у Токара отрядъ египетскихъ войскъ подъ командою майора Сидней, но были разбиты и обращены въ бѣгство. Конница дервишей произвела также нападеніе на эскадронъ майора Фьювика. Дервиши потеряли 30 чел. убитыми, египтяне—18.

— Отдѣленіе отряда «Краснаго Креста», предназначенное для Абиссиніи, отправилось изъ Александріи, 7 апр., въ Джибути; отдѣленіе же, предназначенное для Эритреи, т.-е. подполковникъ Максимовъ, 12 сестеръ милосердія и 6 санитаровъ, возвращаются въ Россію.

Кобургъ.—Состоялось бракосочетаніе наследнаго принца Готенлоу-Лангенбургъ съ принцессою Александрою Кобургскою. Свадебное шествіе въ дворцовую церковь открывали герцогъ Альфредъ Кобургскій съ императрицею германскою и императоръ Вильгельмъ съ герцогинею Маріей Александровной. При обмѣнѣ колецъ произведенъ былъ въ крѣпости салютъ изъ орудій.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Для торжествъ священнаго коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ составленъ изъ войскъ гвардіи петербургскаго и варшавскаго округовъ особый коронаціонный отрядъ—сводный гвардейскій корпусъ. Главное начальство надъ всѣми войсками въ Москвѣ и окрестностяхъ приметъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, начальникомъ коронаціоннаго штаба назначенъ начальникъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго округа генералъ-лейтенантъ Бобриковъ, его помощникомъ генералъ-майоръ Аффаносовичъ; командиромъ своднаго гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ Манзей, начальникомъ штаба корпуса генералъ-майоръ Глазовъ.

— Вслѣдствіе выраженнаго Е. И. В. Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ желанія, въ высшей морской школѣ Франціи будетъ предоставлена одна вакансія для офицера русскаго флота.

— Валовой доходъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ (за исключеніемъ приновской, обоянской, с.-петербурго-сестрорѣцкой и участка Свѣянны-Поставы) составилъ за 1895 годъ

всего 372.730,660 р. противъ 357.755,025 р. въ 1894 г., т. е. увеличился на 14.975, 635 р. или на 4,2 проц.

— Киргизами внутренней орды астраханской губернии собрано было 8,000 рублей, которые по ихъ желанію были затѣмъ переданы казанскому университету на учрежденіе при немъ стипендіи въ ознаменованіе бракосочетанія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

6-го апрѣля прибылъ въ Петербургъ князь Фердинандъ болгарскій. Его встрѣтили на платформѣ: Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, командующій Императорскою главною квартирою, ген.-адъют. Рихтеръ, министръ путей сообщенія князь Хилковъ, помощникъ министра Императорскаго Двора ген.-адъют. баронъ Фредериксъ, командиръ гвардейскаго корпуса ген.-адъют. Манзей, за начальника штаба войскъ гвардіи и округа генер.-м. Афанасовичъ, генер.-лейт. Гришенбергъ, турецкій посолъ Гузни-паша съ членами посольства, с.-петербургскіе комендантъ генер.-лейт. Адельсонъ, градоначальникъ ген.-м. Клейгельсъ. Кромѣ того, князя привѣтствовала болгарская депутація. Съ княземъ Фердинандомъ болгарскимъ прибыли: министр-президентъ Стоиловъ, военный министръ Петровъ, начальникъ конвоя князя подполковникъ Марковъ и еще лица свиты.

— Въ отведенныхъ князю покояхъ Зимняго дворца его привѣтствовали члены славянскаго благотворительнаго общества: членъ военнаго совѣта генералъ-лейтенантъ М. Г. Черняевъ, В. В. Комаровъ, бывший болгарскій посланникъ въ Сербіи Д. К. Кировичъ и другіе.

— Въ 4 часа пополудни князь Фердинандъ болгарскій отправился въ Царское Село, гдѣ въ Александровскомъ дворцѣ былъ принятъ Ихъ Величествами Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицею Александрою Феодоровною.

— 7-го апр. въ Зимнемъ дворцѣ въ Концертной залѣ состоялся обѣдъ на 49 особъ въ честь князя Фердинанда болгарскаго. Присутствовали Ихъ Величества, Особы Императорской Фамиліи, придворныя дамы, старшія лица свиты болгарскаго князя. Въ центрѣ стола заняли мѣста Государь Императоръ Государыня Императрица Александра Феодоровна, слѣва Ея Величества сидѣлъ князь Фердинандъ болгарскій.

— 8-го апр. князь Фердинандъ болгарскій посѣтилъ усыпальницу русскихъ царей—Петропавловскій соборъ. Князя сопровождалъ русскій флигель-адъютантъ Рейтеръ. При входѣ въ соборъ князя встрѣтилъ комендантъ Петропавловской крѣпости генералъ Элисъ. Князь посѣтилъ гробницу Императора Александра и возложилъ на нее вѣнокъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

14-го апрѣля начинаются на высшихъ женскихъ курсахъ лекціи по агрономіи и садоводству. Ученицы принимаются три раза въ годъ: въ апрѣлѣ, маѣ и сентябрѣ.

— При городскомъ училищѣ въ г. Ахалкалакѣ и при двухклассномъ училищѣ въ м. Цалка, тифлисской губерніи, учреждаются особыя сельско-хозяйственныя отдѣленія, для ознакомленія учащихся, главнымъ образомъ, со скотоводствомъ и молочнымъ хозяйствомъ.

— При харьковскомъ земледѣльческомъ училищѣ устраиваются практическіе курсы садоводства, огородничества, пчеловодства и шелководства для учителей народныхъ школъ харьковской губ.

— Въ Александровскомъ (финляндскомъ) университетѣ разрѣшено открыть двѣ новыя кафедры по земледѣлію. Кромѣ того, въ городѣ Гельсингфорсѣ въ скоромъ времени будетъ учреждена семинарія для приготовленія учителей ручного труда и вообще всякаго кустарнаго производства.

— Нижегородское губернское земство ходатайствуетъ о разрѣшеніи открытія въ Государственномъ банкѣ кредита на потребности, связанные съ предполагаемымъ открытіемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ постояннаго кустарнаго торговаго склада-музея.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

4-го апрѣля состоялся въ Александринскомъ театрѣ дебютъ г-жи Комиссаржевской. Дебютантка—хорошая опытная актриса, съ отчетливой дикціей, съ пріятнымъ тембромъ голоса, съ привычкою къ простотѣ и естественности. «Бой бабочекъ», пьеса Зудермана, несмотря на чисто нѣмецкіе нравы и характеры, смотрится съ интересомъ.

— Дирекція Императорскихъ театровъ приобрѣла у Вальца въ собственность либретто японскаго балета «Данта», который ставится съ необычайной роскошью и пойдетъ въ Большомъ театрѣ въ одномъ изъ коронаціонныхъ спектаклей.

— Въ театрѣ «Литературно-Артистическаго кружка» (Малый театр) состоялся бенефисъ даровитой актрисы г-жи Холмской. Публики собралось много; бенефициантку встрѣтили радушно, дружными аплодисментами. Давали въ первый разъ сцены «Дымъ», по роману Тургенева, передѣлку А. К. и Б. Б. Передѣлка не изъ удачныхъ.

— Въ среду 10-го апрѣля состоялся бенефисъ артистки театра «Литературно-Артистическаго кружка» А. П. Никитиной. Симпатичная артистка выбрала для своего бенефиса народную драму Островскаго «Не такъ живи какъ хочется».

— Въ театрѣ Немецки, 5-го апрѣля, была представлена трагедія А. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго», съ В. П. Далматовымъ въ заглавной роли.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Говорящая голова. Разказы А. Зарина. Изданіе М. М. Ледерле и комп. Ц. 1 р. 50 к.

Вторая книга разказовъ г. Зарина вся посвящена изображенію интереснаго и малоизвѣстнаго намъ быта странствующихъ—вѣрнѣе—бродячихъ артистовъ. Передъ нами проходятъ балаганные фокусники, площадные жонглеры, акробаты. Авторъ старается вложить въ героевъ своихъ сердце и чувство, но это рѣдко удается, да и вполнѣ понятно: среда слишкомъ груба и темна для свѣтлыхъ чувствъ. Знаніе быта и удачно выбранная форма—въ манерѣ І. І. Ясинскаго—сдѣлали то, что новый сборникъ молодого писателя можно назвать шагомъ впередъ.

Варваръ, Эллинь, Еврей. В. Л. Дядлова. Изд. М. М. Ледерле и комп. Ц. 2 р.

На обложкѣ этой книги профессоръ Васнецовъ нарисовалъ сфинкса, символизирующаго жизнь и ея красоту. У подножія—разгульный варваръ, тонко наслаждающійся жизнью эллинь и лукаво мудрствующій еврей. Это три типа безлестрической трилоги В. Л. Дядлова. Варваръ—земскій дватель, мучитель-

но разгадывавшій жизнь, и вдругъ бѣшено ринувшійся въ кипящій разгулъ ея. Эллинь—тонко-эпикурействующій художникъ, который упивается прелестью жизни въ самыхъ мельчайшихъ ея прозвучаніяхъ и думаетъ, что понимаетъ ее. Еврей—карьеристъ-чиновникъ, яко-бы любитель поэзіи, представляющійся мягкимъ, чуткимъ, а на дѣлѣ—себялюбивый эгоистъ, конечно, уже перазрѣшавшій жизненной задачей. И первостепенные и второстепенные типы очерчены со свойственною автору сжатостію и яркостью. Присущая г. Дядлову недюжинная оригинальность еще увеличиваетъ интересъ книги. Въ общемъ сфинксъ—жизнь остается попрежнему нѣмой загадкой.

НЕКРОЛОГИ.

В. В. Оливъ. Въ Симферополѣ 3-го апрѣля вечеромъ скончался губернский предводитель камергеръ Вилліамъ Вилліамовичъ Оливъ.

— С. В. Назаревскій. 3-го апрѣля скончался въ Москвѣ на 48 году отъ роду, помощникъ правителя дѣлъ главнаго управленія по дѣламъ печати, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергій Владиміровичъ Назаревскій. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, высшее образованіе получилъ въ московской духовной академіи.

— А. А. Рюльманъ. Въ Спб. 3-го апрѣля скончался извѣстный специалистъ по горловымъ, носовымъ и ушнымъ болѣзнямъ, докторъ медицины Антонъ Антоновичъ Рюльманъ. Покойный родился въ 1842 году. Медицинское образованіе получилъ въ медико-хирургической академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1866 г.

— П. А. Вульфійусъ. Въ Москвѣ умеръ директоръ мѣстной дѣтской больницы св. Владиміра Павелъ Александровичъ Вульфійусъ, извѣстный специалистъ дѣтскихъ болѣзней. Покойный родился въ 1830 году, медицинское образованіе получилъ въ Юрьевскомъ университетѣ.

СПОРТЪ.

3-го (15-го) апрѣля при великолѣпной погодѣ состоялась церемонія торжественной раздачи наградъ побѣдителямъ на олимпійскихъ играхъ, близъ Афинъ. По національностямъ побѣдители на олимпійскихъ играхъ распредѣляются такъ: американцевъ—11, грековъ—10, германцевъ—7, венгерцевъ—2, австрійцевъ—2, французовъ—5, англичанъ—3, датчанъ—1, австрійцевъ—2, швейцарцевъ—1.

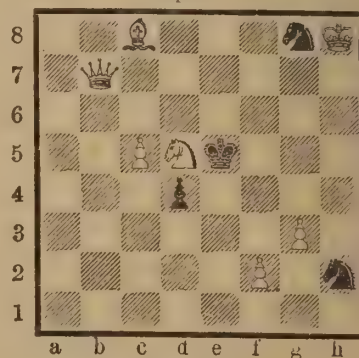
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 12.

А. В. Галицкаго (въ Спасскѣ).

Первый призъ на второмъ конкурсѣ «Шахматнаго Обозрѣнія».

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Матчъ В. Стейница съ Э. С. Шифферсомъ, о которомъ мы сообщали въ № 11 «Живописн. Обзоръ», окончился побѣдой перваго при 6 партіяхъ выигранныхъ, 4 проигранныхъ и 1—ничьей.

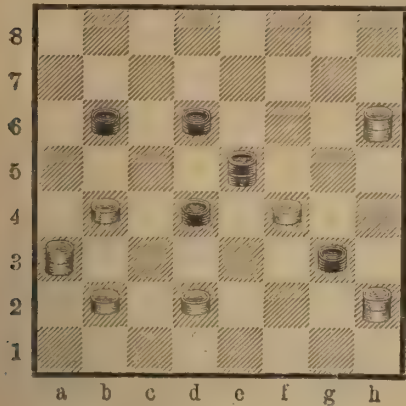
Ш А Ш К И.

Подъ редакцію В. И. Шомина.

ЗАДАЧА № 12.

В. И. Баскакова (въ Москвѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и прѣступо.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Богородскъ. В. Ш—ну. Надо еще много ра-
ботать надъ вещами.

Сызрань. О. Ф. В—ной. Не выдавъ повѣсти,
не можемъ отвѣтить.

Спб. Фонтанка. В. Г. Переводчики есть по-
стоянные.

Не будетъ напечатано:

Проза: «Пара», А. Ю. Ал—на; «Ночь въ
корчмѣ», М. К—ка; «Скрипачъ», Е. Па—ной; «Ода-
лиска», Л. И. Г.; «Соперники», драматическая
сцена В. П. С.

Стихи: «Христосъ Воскресе», В. А. Ао—а;
«Стихотворенія» (8 ст.), А. Д. Кал—скаго; «Не
буда мое сердце...», М. Юж—на; «Какъ лѣтомъ...»,
М. А. А—ва; «О, не вѣрите, не вѣрите...» (и пре-
жнія ст.), Н. Кор—каго; «Я стояла...», О. Пор—ной;
«Весна», А. Рож—ова; «Пѣня рыцаря», Е. А. Е—ва;
«Сонъ» и др., Невом; «Искусство» и др., В. В.
Г—ва; «Дѣла Маши» и др., А. Пок—на; «Половцы»
и др., Н. С. Кр—ко; «Передъ осенью» и др.,
С. К. К—ца; «Превременная старость» и др.,
А. З. К—скаго; «Наши дѣти», Н. Ц—скаго; «И
солнце брызнуло...», Н. Б—ва; «Приди, мой другъ...»,
З. С—скаго; «Начало весны...», И. Ш—кова;

«Подожди...», К. М—тина; «Если ты на раз-
прать...», П. Хол—скаго; «Весной» и др., А.
Р—кова; «Ноктюрно» и др., Е. Со—ва; «Съ ма-
лорусскаго», В. С—ова; «Раннюю весной» и др.,
И. Кр—ца; «Филемонтъ и Бавкада», А. Ч—съ;
«Утро въ деревнѣ», А. Н. Ер—кова; «Сказка»,
Л. Б—женкова; «Вѣрь и помни...», Л. Л—на;
«Жизнь бѣдняка», М. Кр—ва; «Письмо пришло...»,
С. Ст—нова; «Въ жатву» и др., С. С—скаго.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

№ 2305—3

ВЫИГРЫШ

выигр. 1, 2 и 3 займы продалъ

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, невскій, спб.

Изъ конторъ журнала „Живописное Обозрѣ-
ніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Пeters-
бурга и Москвы, поступила въ продажу
новая книга
„ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА“.
Романъ изъ жизни чернышнихъ вѣстовъ.
Владимирова. Цѣна 1 рубль.

Б **ЕЗПЛАТНО**
ВЫСЛАЕЕТЪ
Иллюстрированный Прейс-
Курантъ
Спеціальный магазинъ
бѣлыя
Ю. ГОТЛИБЪ.
Владимірская, д. 2, уг. Невск.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
№ 226—46

Спеціальный оружейный магазинъ
И. И. ЧИЖОВА.
С.-Петербургъ Литейный пр. д. 51.
Представитель Львешской Мануфактуры на
ружья со стволами изъ стали «Корниль». Не-
бывало роскошно-иллюстрированный прейс-
курантъ на 1896 г. высылается бесплатно. На
пересылку прилагать марку въ 10 коп.

Вино
Сенъ-Рафаэль
Превосходно на вкусъ.
Сохраняется по способу ПАС-
ТЕРА.
На каждой бутылкѣ печать
Россійской таможи. Къ каждой
бутылкѣ приложена брошюра о
Сенъ-Рафаэльскомъ винѣ, какъ
о ПИТАТЕЛЬНОМЪ УКРѢ-
ПЛЯЮЩЕМЪ и ЦѢЛБНОМЪ
средствѣ исцѣленія Д-ра
Де-Барре.
2366-8

ПАМЯТЬ

„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“.

(Что такое мнемоника?)

книга (платно изданіе)

профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА
и печатныя условія за значимый (письмен-
ный) курсъ изощренія иукрѣпленія памяти
и устраненія разбѣянности (въ 10 ур.)
высылаются за шесть 7 коп. мар. на веле-
новой бумагѣ вмѣстѣ съ условіями—за
восемь 7 коп. марокъ.
Посредствомъ моего метода, основаннаго
на законахъ физиологій, психологій, логики
и педагогикъ, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ
потерявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣ-
ющихъ плохую, и лучшей—у обладающ.
хорошей.

Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразно-
сти моего метода убѣдились гг. врачи, пе-
дагоги, воины, студенты и тысячи дру-
гихъ лицъ разныхъ профессій, званій и
возраста, „вончившихъ у меня курсъ
укрѣпленія памяти и удивившихъ меня
однагодарности. (Условія за курсъ безъ
книгъ высылаются за одну 7 коп. марку).
Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Сип-виза
№ 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ).
д. Бродскаго № 6 40, вв. 4-5-8, бѣль-этажъ.
Профессоръ мнемоники членъ парижской
академіи С. Файнштейнъ. № 2298—11.

ЭЛЕОПАТЪ

Пр. КИНУ-
НЕНЬ
для волосъ.
Элеопатъ Ки-
нуненъ нахо-
дится въ про-
дажѣ въ всѣхъ
сѣзыхъ аптекъ
магаз. Цѣна
фл. содерл.
20граммъ. Пр.
50 к. безъ пе-
гес. Проситъ
обращать вни-
маніе на клей-
мо въ самомъ стеклѣ флакона.
Провизоръ Кинуненъ. № 2275—6
Главный складъ, Спб. Демидовъ пер., № 1.

М-ме ЗИНА,

СПб. Мойка, Демидовъ пер. № 1.
Громадный выборъ готовыхъ пальто, шляпъ,
костюмовъ и платьевъ для дѣтей до
16 лѣтъ. Новѣйшіе парижскіе фасоны.
Лѣтніе костюмы.
Пересылка пал. платяжкомъ „Лѣтнія Мо-
ды“ и Прейс-курантъ бесплатно.
2380—3

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№ 27—18 УЛИЦА УЛИЦА

КУРОРТЪ И МОРСКОЕ
КУПАНЬЕ ПЕРНОВЪ

Длифландской губерніи. Сезонъ съ 20 Мая по 31 Августа.
Подробнѣйшія свѣдѣнія бесплатно чрезъ КУПАЛЬНУЮ КОММИСИЮ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
А. Е. КУЛАКОВЪ.
САДОВАЯ УЛИЦА 33.
ФАБРИКА Садовая ул. 47.
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
предлагаетъ всевозможные музыкал.
инструменты лучшаго качества по
фабричнымъ цѣнамъ.
ЮБИЛЕЙНЫЙ
роскошно иллюстрированный
прейс-курантъ всѣхъ инструм.
высылается БЕЗПЛАТНО.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣлательныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій д-ръ Генрихъ Блокъ.
— 3 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Большое депо часовъ
НЕВСКИЙ ПР.
№ 42.
Б.АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейс-кур. высыл. безпл.

Каждой хозяйке, хотъ разъ испробовавшая
„Какао Бенсдорпъ“

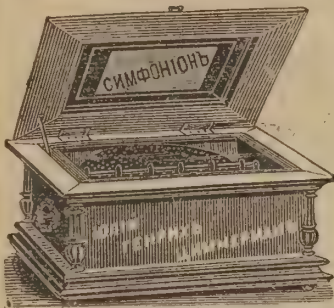
убѣдится на опытъ въ его хорошихъ
качествахъ. — 3

Какао Бенсдорпъ

здоровый, питательный, дешовый и
экономическій напитокъ для дѣтей,
кормилицъ, слабыхъ, больныхъ и
выздоравливающихъ въ здоровыхъ.

СИМФОНИОНЫ

Музыкальныя шкатулки съ пріятѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ
возможность мѣнять по произволу пьесы, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручкой безъ нотъ.	5 —
Ноты по	— 25
Заводной безъ нотъ.	10 —
Ноты по	— 25
Заводной 84-тонный безъ	28 —
нотъ	— 50
Ноты по	— 30
Заводной 84-тонный безъ	40 —
нотъ	— 60
Ноты по	70 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	— 80
Ноты по	— 80
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie	10 —
Piccolo	1 —
Ноты по	— 1

НОВОСТЬ: Часы съ музыкой. Солнечныя часы,
разъ въ день заведенныя, играютъ сами
черезъ каждый часъ выбранныя по про-
изволу пьесы. Въ случаѣ желанія — играютъ,

когда угодно. Густые, пріятѣйшія звуки. Богатый репертуаръ.

Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.

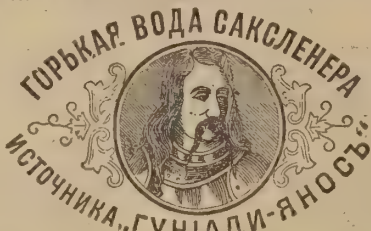
Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейс-курантъ всѣмъ
инструментамъ безплатно. № 805-14

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля.
С.-Петербургъ, Б. Морская. № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

„ГУНИАДИ
ЯНОСЪ“

представляетъ
собой продуктъ
природы, слаби-
тельное дѣйствіе
котораго из-
вѣстно. Для нор-
мальныхъ, приема
достаточно 1/2
обыкновеннаго
стакана.

Просимъ обра-
тить вниманіе на
предохранитель-
ную марку
„портретъ“, ко-
торая неизменно
находится на
этикетѣ каждой
бутылки настоя-
щей воды

ВЛАДЕЛЕЦЪ АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ ВЪ БУДАПЕШТѢ.
ПРОДАЕТСЯ У ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ И АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ № 2392-1

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ФАБРИКИ С. СОБЕННИКОВА

Магазины: 1-ый Невскій, 58.
2-ой Невскій, 68 въ Спбурѣ
ПРЕДЛАГАЮ
Непромокаемыя накидки
ПАЛЬТО и резиновыя
ЧЕРНЫЯ и СѢРЫЯ
Цѣны удешевлены
Прейс-курантъ и образцы высылать
БЕЗПЛАТНО. 2378-5

НЕ ПОКУПАЙТЕ РУЖЕЙ

не прочитавши иллюстр. прейс-куранта
1896 г. высыл. безплатно. Адресъ: Каменскъ
Донец. Обл. А. В. Тарнопольскому.

Продажа участковъ земли въ Алексан-
дріи (бывшей Зѣбрицѣ), мѣстности, рас-
положенной востѣ Вильны, отдаленной отъ
города только рѣкой Вильей, черезъ которую
перекинутъ мостъ, соединяющій Алексан-
дрію съ главной улицей Вильны — Георгиев-
скимъ проспектомъ.

Мѣстности песчаная, покрытая старымъ
сосновымъ лѣсомъ, въ гигиеническомъ
санитарномъ отношеніи — ничего луч-
шаго желать нельзя. Климатъ мягкій.
Дачная жизнь съ Марта по Ноябрь. Цѣна
участкамъ отъ 4 руб. за кв. сажень и
дороже, продажа за наличныя и въ раз-
срочку на 18 лѣтъ.

Такъ какъ пробаждъ теперь деше-
вый, то желающимъ рекомендуется
пріѣхать и посмотреть.

Адресъ:
Вильно, контора Александріи (бывшей
Зѣбрицѣ).

Громадный складъ
велосипедовъ, принадлежностей и отдѣльн. частей

«Монополь»
отъ 162 руб.

«Адлеръ»
отъ 150 руб.

Э. КИНКМАНЪ и К^о.

С.-Петербургъ Гороховая, 4.

Собств. мастерская для починки велосип. всѣхъ сист. — Каталогъ высыл. безплатно.

ПРОШУ ПРОЧЕСТЬ! ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ!

ПАРОВАЯ КРАСИЛЬНАЯ
и
ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА
А. ДАНЦИГЕРЪ.

ОСНОВАНА ВЪ 1866 ГОДУ
С.-Петербургъ, Малая Конюшенная, № 16,
уголъ Невскаго, домъ ГАНЗЕНЪ.

Элегантный магазинъ! Наилучшее исполненіе! Одна изъ наибольшихъ
фабрикъ въ этомъ родѣ. Цѣны дешовыя и безъ запроса.
Изгородные заказы исполняются скоро и хорошо.
Отдѣленія имѣются во многихъ городахъ провинціи.
Принимаю отъ химической чистки, стирки и окраски всевозможныя гардеробныя вещи
НЕПОРТЫМЫ. какого бы рода онѣ ни были съ полнымъ ручательствомъ, что
старыя пятна не возвращаются и окрашенныя вещи не пачкаются при носкѣ.

ОСОБЕННО РЕКОМЕНДУЮ

Химическую чистку и окраску: мундировъ, ливрей,
флаговъ, ризъ, перьевъ, зонтиковъ, перчатокъ, лентъ,
кружевъ, вязанныхъ вещей, одѣялъ, мебели, вышивокъ,
бархата, шелка, плюша, сукна, драпа и въ кускахъ, а так-
же всѣхъ вещей.

ДАМСКАГО, МУЖСКОГО И ДѢТСКАГО ГАРДЕРОБА.
Отдѣленіе для стирки занавѣсей

занавѣси НЕ ПОРЯТЪСЯ ни при стиркѣ, ни при аппретурѣ.

Такъ какъ извѣстно, что занавѣси пострадаютъ отъ долгаго лежанія въ гряз-
номъ видѣ, то по желанію принимаю ихъ теперь весною для чистки и, уже послѣ
лѣтняго сезона, дамъ имъ аппретуру для передачи.

Прошу почт. читателей удостоверить въ моемъ полнѣйшемъ
умѣнии и добросовѣстности.

Масса оконченныхъ работъ лежатъ въ магазинѣ для
осмотра публикой.

ФАБРИКА
РОЯЛЕЙ
И ПИАНИНО **Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ** КОНСТ. ИЗМ. П.
ПРОТ. НЮ СРБ

рояли и пианино амерія. констр. со всѣми новѣйш. усоверш.,
перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ,
двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч.
двойн. репетицією, пріятн. и сильн. тона.
Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и бол.
Пианино „ „ „ 350, 425, 450, 500, 550, 600 и бол.
Армоніопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія
на нѣсколько лѣтъ № 2391-1

№ 16 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 3 1/2 листовъ, съ 8-ю рисунками, а именно: I) два съ половиною листа
текста. II) «Новѣйшія Парижскія моды», за апрѣль, № 4-й. III) Листъ выкроекъ и узоровъ и IV) Раскрашенная кар-
тинка «Модные весенніе туалеты».

Дозволено цензурою. Спб., 12 апрѣля 1896 г.

Типографія С. Довродѣва, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

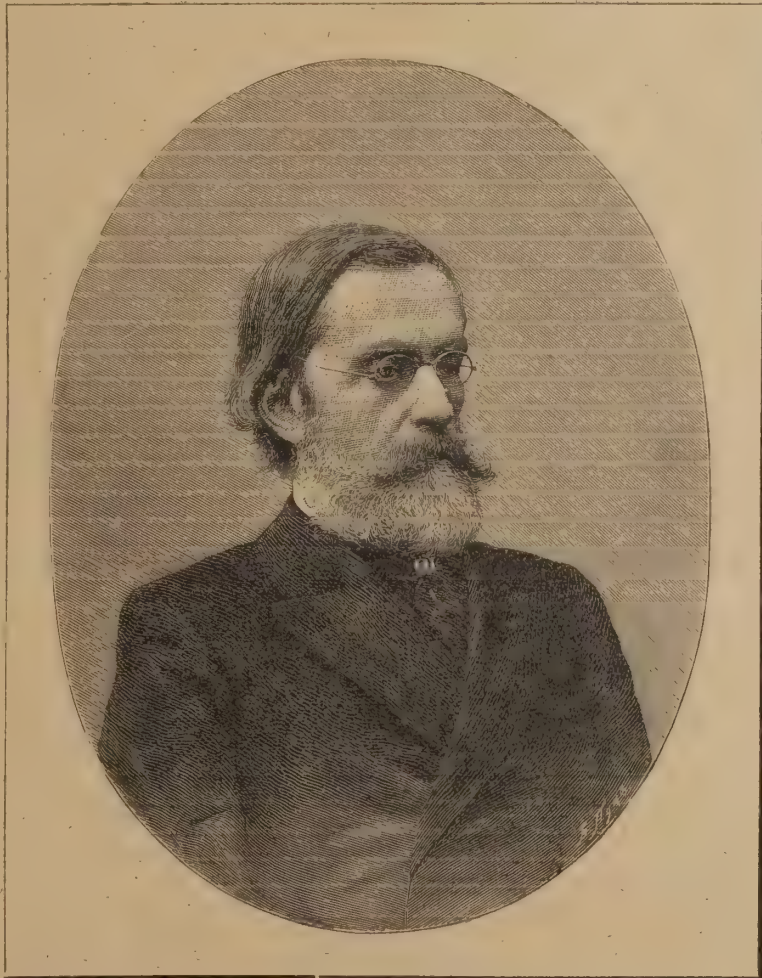
со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»: НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургѣ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

Въ апрѣлѣ нынѣшняго года исполняется сорокалѣтіе литературной дѣятельности разносторонне образованнаго и даровитаго писателя, Михаила Андреевича Загуляева. Получивъ образованіе въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія и въ кондукторскихъ ротахъ учебнаго морского экипажа, а также хорошо изучивъ французскій и англійскій языки, М. А., вскорѣ послѣ выпуска въ 1855 году въ офицеры корпуса морской артиллеріи, занялся по службѣ въ морскомъ артиллерійскомъ департаментѣ переводами техническихъ сочиненій, а въ 1856 г. его имя уже появилось въ «Морскомъ Сборникѣ». Литературная дѣятельность его началась собственно съ газеты «Сынъ Отечества», гдѣ онъ началъ печатать рассказы, а съ 1857 по 1860 годъ писалъ фельетоны о петербургской жизни. Въ это же время подъ его редакціей печатались въ «Библіотекѣ для чтенія» Дружинина «Записки А. Т. Болотова». Въ 1860 г. М. А. перешелъ въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія на должность бібліотекаря. По выходѣ въ отставку въ 1863 году, М. А. посвятилъ себя исключительно литературѣ и журналистикѣ. Онъ сталъ заниматься преимущественно иностранной политикой, работая въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ особенности его работы важны съ 1871 г. въ «Journal de St.-Petersbourg», гдѣ, кромѣ

ведетъ литературную хронику и занимается театальной критикой. Его критическую дѣятельность во французской газетѣ без-

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ.

М. А. Загуляевъ.

ежедневной работы по внутреннему отдѣлу (не официальной части), онъ еженедѣльно

спорно нужно признать одною изъ его главныхъ заслугъ. Будучи всегда безпристрастнымъ и обладая большимъ вкусомъ и пре-

восходно знакомый съ иностранною литературою, онъ считается, вполне заслуженно однимъ изъ серьезныхъ и добросовѣстныхъ критиковъ, а потому его отзывы о современной русской литературѣ очень цѣнны, ибо они знакомятъ Европу съ текущей русской литературой и на этомъ поприщѣ никто изъ русскихъ журналистовъ не сдѣлалъ столько сколько сдѣлалъ М. А. Уже за одно это, помимо другихъ его заслугъ, ему нужно сказать искреннее спасибо.

Послѣ прекращенія «Голоса», М. А. напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы», возбуждившій большой интересъ въ обществѣ, оригинальный романъ «Странная исторія», изданный впоследствии отдѣльно подъ заглавіемъ «Русскій Якобинецъ». Съ 1892 года онъ состоитъ секретаремъ Русскаго литературнаго общества, а съ 1895 года — въ качествѣ представителя прессы — членомъ постоянной комиссіи для пособія ученымъ, писателямъ и публицистамъ, Высочайше учрежденной при Императорской академіи наукъ. М. А. теперь 62 года, но онъ по-прежнему бодро и много работаетъ, оставаясь вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ и своимъ взглядамъ на обязанности русскаго писателя.

Съ своей стороны искренно привѣтствуемъ почтеннаго юбиляра съ достопамятнымъ для него днемъ сорокалѣтія его ли-

тературной дѣятельности и желаемъ ему впредь продолжать свою полезную дѣятельность многие, многие годы.

Б У Р Я.

Гулъ и трескъ въ дремучемъ борѣ:
Точно въ степи хищный кречетъ,
Грозно буря на просторѣ
Все ломаетъ, рветъ и мечетъ,

И гудитъ, и яро стонетъ:
„Преклонись передо мною!“
И, покорный бурѣ, клонитъ
Лѣсъ косматой головою.

Эхъ ты, буря грозовая,
Развернулась ты широко
И, размахисто играя,
Рвешь и мечешь ты жестоко.

Что-жъ, шуми, гулай по бору—
Развернись еще ты шире—
Благо много есть простору
Въ необъятномъ Божьемъ мірѣ.

Съ корнемъ рви, мечи что можно,
Что безсильно предъ тобою:
Ты сама предъ тѣмъ ничтожна,
Что не дрогнетъ предъ борьбою.

Не страшна ты грознымъ скаламъ,
Не страшна вершинамъ горнымъ,
Не похвалишься обваломъ
Береговъ пучинамъ чернымъ.

И предъ мощью ихъ могучей
Ты невольно онѣмѣешь
Силой ты своей кипучей
Только пыль отъ нихъ отвѣешь.

В. Ночеровъ.

НЕ ОТЪ МІРА...

Романъ И. И. Забреннева (продолженіе).

ЕЛЕНА стала вдовой.

Она долго не могла привыкнуть къ своему новому положенію. Теперь она свободна и... самостоятельна. Она скорбѣла душой о Робертѣ, умершемъ такъ рано, въ полномъ разцвѣтѣ силъ. Она готова была отдать полжизни, лишь-бы онъ остался живъ. Но, странно, чѣмъ больше она анализировала ихъ взаимныя отношенія, тѣмъ все больше, и больше убѣждалась, что никогда, никогда она не любила Роберта и не была-бы въ состояніи дѣйствительно полюбить его.

— Я обманула и себя, и его,—говорила она мысленно.—Тогда еще, подъ вліяніемъ его безграничной благодарности за мои заботы во время его болѣзни, затѣмъ подъ впечатлѣніемъ его пробуждающейся страсти мнѣ самой показались осуществимыми наши наивныя мечты, а теперь...

Она видѣла, что это были только мечты.

Она была слишкомъ впечатлительна, чтобы могли безслѣдно исчезнуть изъ ея памяти—тѣ нравственныя муки, которыя причинилъ ей лично онъ, и которыя причиняли ей другіе во имя его интересовъ.

— То были одни только кратковременныя иллюзіи,—думала она,—смерть погасила ихъ, но и живи онъ, они никогда не разгорѣлись-бы настолько, чтобы въ ихъ пламени поггло прошло.

Она бичевала свою совѣсть, называла себя злой, твердила, что память Роберта за тѣ короткія предсмертныя минуты, когда онъ такъ полюбилъ ее—должна быть ей священна... но напрасно!

Неумолимый анализъ доказывалъ ей, что и Робертъ не любилъ ее никогда, потому-что признательность и, пожалуй, раскаяніе—не любовь.

И образъ мужа быстро померкъ въ ея со-

знаніи, какъ нѣчто случайное, мимолетное.

Даже тотъ фактъ, что, по распоряженію старика Джаксона, тѣло Роберта не было привезено въ Россію, а похоронено въ Англіи, даже это обстоятельство, попирающее ея права жены—какъ-то мало тронуло ее. Нѣтъ, она никогда не любила его!

Она поселилась у своихъ. Ей отвели ту самую комнатку на верху, которую она занимала дѣвухой.

И Елена была несказанно рада, что такъ вышло. Эта комнатка была дорога ей: она говорила о проивмыхъ дняхъ «задумчивыхъ и грустныхъ»...

А она сама, развѣ не была прежней Леной, мечтательной и одинокой?

Какъ только стало извѣстно, что глава фирмы, вообще не долюбивающей Елену, постарался, чтобы пай Роберта цѣликомъ перешелъ въ «домъ», а вдовѣ выслали всего двадцать тысячъ, негодованіе отца не знало предѣловъ. Онъ бѣгалъ по комнатамъ и кричалъ:

— Мерзавцы, да что-же я продать имъ дочь, что-ли! а? Да я швырну имъ эти деньги!

Онъ считалъ себя оскорбленнымъ, но не въ лицѣ своей дочери, а какъ человѣкъ, котораго «провели».

Мать успокаивала. Наконецъ, вдоволь накричавшись, Зубовъ объявилъ, что деньги онъ положить въ свое дѣло и постарается увеличить; дочери-же онъ запрещаетъ писать и сноситься «съ этими негодяями».

Необходимость снова, какъ во дни дѣвчества, подчиняться требованіямъ своеобразной зубовской дисциплины особенно была тяжела для Елены.

За время замужества, она уже успѣла

отвыкнуть отъ этого мелочнаго и унижительнаго для взрослага человѣка отдаванія отчета во всякихъ пустякахъ. Между тѣмъ, отецъ и особенно мать смотрѣли на нее совершенно, какъ на неразумнаго ребенка. Ей, на-примѣръ, внушалось, чтобы она и не думала заводить какія-нибудь стороннія знакомства. По неопытности и незнанію людей она, чего добраго, заведетъ дружбу, могущую ее скомпрометировать. Почтенныхъ, уважаемыхъ семействъ, которыхъ знаютъ ея родители, для нея совершенно достаточно.

Не все-ли равно, молиться въ той или другой церкви? Нѣтъ, Елена (какъ, впрочемъ, и другіе члены семьи) имѣетъ право молиться только въ церкви, изрѣдка посѣщаемой самимъ Григоріемъ Павловичемъ. Было много и другихъ такихъ-же обязательныхъ, и такихъ-же оригинальныхъ правилъ маленькаго Зубовскаго «Домостроя», плохой копійи съ плохого оригинала. Всѣ эти правила подчасъ невозможно удручали молодую женщину...

На домашнихъ вечерахъ или въ гостяхъ, Елена, находясь вблизи матери или сестры, часто могла слышать, какъ та или другая передавали кому-нибудь громкимъ шопотомъ:

— Да, мы ее взяли опять къ себѣ... знаете, молодость, неопытность! Она у насъ несчастливица. Мужъ ея погибъ такъ трагически.

«Къ чему это говорятъ онѣ... Какое дѣло постороннимъ до моей интимной жизни?»—съ горечью думаетъ Елена.

А къ ней уже подходитъ гость или гостыя и сокрушенно вздыхая, съ фальшивой интонаціей голоса, выражаетъ глубокое соболѣзнованіе «ея невознаградивой потерѣ».

— Очень благодарю васъ,—отвѣчаетъ она и съ трудомъ удерживается отъ вопроса: но что вамъ до меня?

Если ей случалось, увлекшись темой разговора съ кѣмъ нибудь изъ товарищей зятя или просто гостей, пробесѣдовать съ ними нѣсколько болѣе того времени, чѣмъ полагалось «семейнымъ этикетомъ»—дипломатическимъ маневромъ она отзывалась въ сторону.

— Помни, что хотя ты и носишь чужую фамилію, но живешь въ домѣ родителей и потому строго должно слѣдить за своей репутаціей. Пятно упадетъ на насъ.

Изъ боязни-ли этого «пятна», падающаго невѣдомо откуда на фамильную «Зубовскую честь», или по какимъ либо инымъ, болѣе реальнымъ соображеніямъ, ей усиленно совѣтывалось:

— Трауръ кончится черезъ столько-то мѣсяцевъ, но тебѣ слѣдуетъ теперь уже приглядываться—къ людямъ солиднымъ и пожилымъ, конечно, а не къ мальчишкамъ-вѣтрогонамъ. Твои жалкія двадцать тысячъ не особенно могутъ привлечь, но имя твоего отца и родство съ нимъ чего нибудь да стоитъ.

— Боже мой! Я вовсе не думаю выходить снова замужъ.

— А развѣ ты разсчитываешь всю жизнь «сидѣть» на шеѣ родителей?

Противъ такого аргумента трудно было возражать.

Процентомъ съ ея собственныхъ денегъ, по высшимъ соображеніямъ, выдавалось ей всего тридцать рублей въ мѣсяць.

— Куда тебѣ деньги? Сыта, обута...

Каждый шагъ ея былъ извѣстенъ и глубокомысленно обдумывался. Рядомъ съ еякомнатой помѣстили Ефросинью Яковлевну, старуху, состарившуюся на службѣ у Зубовыхъ. Старая ворчунья частенько ночью заходила въ комнату Елены и на ея вопросъ: что нужно?—безъ церемоніи тушила лампу.

— Нечего, нечего керосинъ-то жечь батюшкѣ съ матушкой. Керосинъ-то имъ не даромъ достается! Спать лучше ложись!

Было и смѣшно и досадно, но что дѣлать? Кому жаловаться и какъ протестовать?

Въ двери не полагалось ни замка, ни защелки. Наконецъ, выведенная изъ терпѣнія Елена попросила сдѣлать замокъ.

Старуха, сидѣвшая въ бѣломъ кружевномъ чепцѣ съ лиловыми лентами, за однимъ столомъ съ господами,—прямо заявила:

— Нечего, нечего! Не слушайте ее батюшка баринъ. Глупости молодой бабенкѣ лѣзутъ въ голову. Ей вотъ не нравится, что я иногда заглядываю, а это ничего—полезно. А тамъ еще ночью глаза портить, романы французскія читать станеть, да пожаръ сдѣлать и сама спорить и всѣхъ спалить. Я человѣкъ старый: и не выберешься. А Богу-то, я замѣтила, почитай и совѣмъ не молится. Николи, не слышу, чтобы молитву читала.

Невѣстки, немного шокированные выходкой старухи, опустили глаза въ тарелки. Григорій Павловичъ, тоже задѣтый, строго взглянулъ на Ефросинью Яковлевну и хотѣлъ что-то сказать:

— Не знаю...

Но жена перебила:

— Яковлевна дѣло говорить. Ночью нужно спать, а не заниматься глупостями. Мужа схоронила, два года была замужемъ, а ума не нажила. У простой женщины болѣе здраваго смысла. Нѣтъ, нѣтъ—не надо ей замковъ дѣлать. Вздоръ.

Только ночью въ постели могла остаться Елена, воедино со своими думами.

Съ отчаяніемъ стараясь проникнуть въ будущее, она въ тысячный разъ перечитывала скорбныя страницы своего прошлаго. Бя настоящее? Это было нѣчто холодное, безжизненное, гнетущее, какъ низкій потолокъ, удручающее, какъ тоскливый напѣвъ.

Она спрашивала и не могла найти отвѣта: что ожидать ей въ будущемъ, когда и теперь она чувствуетъ себя надломленной, обезсиленной въ борьбѣ съ грозной судьбой, невѣдомо за что на нее ополчившейся.

Неужели такъ и пройдетъ бесплодно жизнь и на вѣки заглухнутъ всѣ добрые порывы, запросы пытливаго ума, чуткая нѣжность ея любящаго и привязчиваго сердца?

Лучше смерти! Она чувствовала себя оставленною всѣми, безъ подругъ, безъ друзей. Даже маленькаго товарища Володю и того ей приходилось видѣть теперь очень рѣдко. Его отдали въ приготовительный пансіонъ и онъ пріѣзжалъ только по субботамъ. Она была вѣчно одна!

Докторъ нашель, что она слишкомъ малокровна. Кромѣ акуратнаго приема прописанныхъ лекарствъ, необходимо ежедневно гулять часа полтора—два.

И Елена усердно гуляла по набережнымъ. За нею, по пятамъ, какъ солдатъ за арестантомъ, слѣдовала Ефросинья Яковлевна. Молодую женщину раздражалъ одинъ видъ старухи-аргуса.

— Вотъ возьму и брошусь на ея глазахъ въ Неву. Какая она холодная, темно-синяя!—приходило иногда ей въ голову.

Что тогда сдѣлаетъ Яковлевна? По всей вѣроятности, она тоже кинется въ воду. Ахъ, отъ старухи съ злыми глазами никуда не уйдешь, какъ и отъ этой постылой, безцвѣтной жизни!

Неожиданное обстоятельство, однако, вскорѣ избавило Елену отъ старухи-аргуса.

Однажды ночью, ее разбудила старшая сестра.

— Ахъ, Елена, Елена!

— Я ничего не понимаю... Успокойся, выпей воды!

Александра Григорьевна отпила нѣсколько глотковъ, вытерла слезы и рассказала ужасную исторію, заставившую ее ночью прибѣжать къ Еленѣ.

— Представь себѣ... Тамъ экономка, Богъ знаетъ кто такая, и она осмѣлилась его ударить, понимаешь, ударить!

— Ахъ, Боже мой! Ударить милаго ребенка, нашего Володю!—вспыхнула Елена.—Какъ-же ты узнала?

— Только сейчасъ вотъ... Въ два часа ночи...

Александра Григорьевна, случайно проснувшись, услышала, какъ бредилъ во снѣ Володя. Была суббота и онъ ночевалъ дома. Прислушавшись, она убѣдилась, что кто-то серьезно обидѣлъ мальчика. Она разбудила его, заставила рассказать все, и возмущенная бросилась наверхъ къ Еленѣ.

Въ ней говорила оскорбленная материнская гордость и она знала, что никто въ цѣломъ домѣ не раздѣлитъ, въ такой степени ея негодованія, какъ Елена.

— Онъ скрывалъ изъ самолюбія... А въ бреду, онъ Богъ знаетъ, что говорилъ...

— И неужели ты думаешь оставить его тамъ?

— Право, Леночка, я ничего не подумала... Конечно, завтра Викторъ съѣздитъ серьезно объясниться... но я не знаю—вѣдь экзамены близко...

— Ты боишься, что онъ не попадетъ въ корпусъ?

— Да...

— Бери его Саша немедленно... Умоляю тебя. Нельзя оставлять такого ребенка въ пансіонѣ, гдѣ бьютъ... Ты знаешь—Володя довѣрчиво стносится ко мнѣ—ручаюсь что я успѣю его приготовить.

— Ахъ, если-бы такъ, Леночка! Да, тогда хорошо... Но, подумай: бить ребенка! Я, до сихъ поръ, не могу придти въ себя!..

Володя былъ взятъ изъ пансіона. Елена не чувствовала себя болѣе такой одинокой. Она проводила съ нимъ цѣлые дни. Занималась подготовкой, давала уроки музыки. Гуляла съ нимъ каждый день подолгу, счастливая уже тѣмъ, что ее не сопровождаетъ больше Ефросинья Яковлевна, «добрая незамѣнимая старушка», какъ отзывалась объ этомъ монстрѣ м-ме Зубова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СНЫ.

(Памяти сына).

Я вижу сны: въ полночной тишинѣ
Приходитъ онъ ко мнѣ,—
И, разбудивъ неслышными перстами,
Взираетъ кроткими очами...

* * *

То вижу я, что ангельскимъ крыломъ
Меня онъ прикрываетъ,—
И яркимъ, неземнымъ лучомъ
Глава его сіяетъ.

* * *

То гимны мнѣ онъ чудные поетъ
Съ лазурной высоты;
Иль, головой поникнувши, идетъ,
Исполненный мечты...

* * *

Мнѣ радостно и больно такъ во снѣ,
Глаза слезами полны,—
И я встаю и вновь такъ тяжко мнѣ,
И все вокругъ—безмолвно.

И. Якушинъ-Захарыинъ.

ОТДОХНУЛЬ.

Рассказъ.

◆◆◆

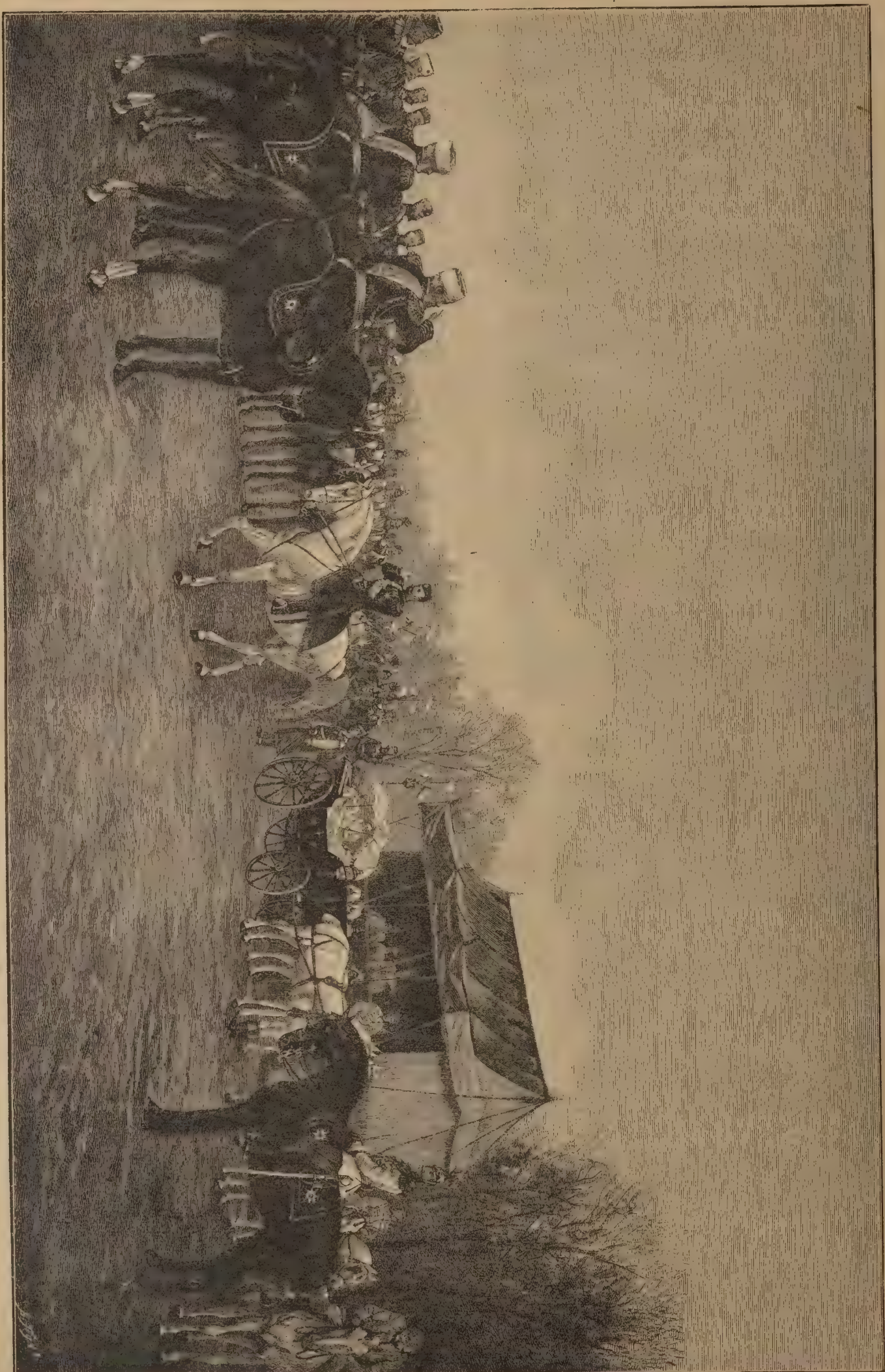
— Ну, что-жъ... Удумалъ... Что-жъ!.. Въжай, кормилецъ, съ Господомъ!.. Что-жъ!..

Бабка Матрена провожала сына. Она отворила ворота. Руки ея дрожали и намерзшая, обледѣвшая скоба не поддавалась. Наконецъ, она рванула съ усиліемъ, и ворота, скрипя и охая, повиновались... На дворъ, не смотря на близящуюся весну, была курь. Сугробами замело избы до оконъ. Выло и стонало кругомъ. Ничего было не видно около.

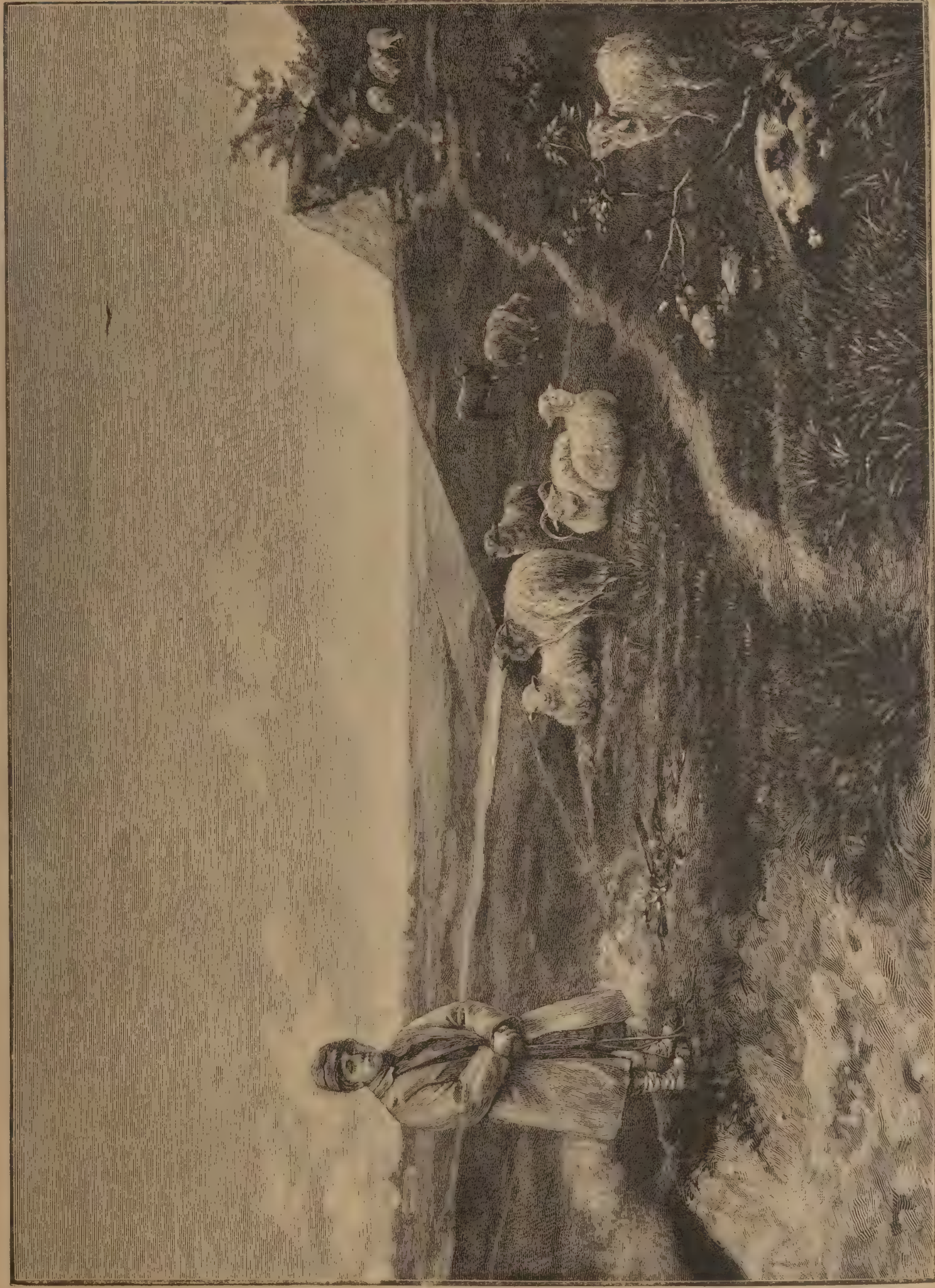
— Охъ, выѣдешь ли! Глянько-съ, завалило!.. А то...—старуха не договорила, вырвавшийся изъ за угла вихрь съ шумомъ захлопнулъ ворота и чуть не сбилъ ее съ ногъ.

Неторопливо, почти торжественно собирался Иванъ въ дорогу. Пососредоточенному, серьезному выраженію его лица было видно, что онъ самъ понималъ опасность, которой подвергался, и относился къ ней не легкомысленно. Онъ еще не обмолвился ни однимъ сло-

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ СЪВ. ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ (ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ) 1896 Г.
СЪ КАРТИНЪ ХУДОЖНИКА В. В. МАЗУРОВСКАГО.

ВЫСОЧАЙШИЙ СМОТЪРЪ.

Первый выгонъ въ поле. Съ картины художника Б. Томашевича.

вомъ въ отвѣтъ матери. А бабка все лепетала, лепетала, точно въ этомъ лепетѣ искала успокоенія.

Иванъ подтянулъ потуже кушакъ по полушубку, надѣлъ сверху суконный домотканый армякъ съ большимъ воротникомъ, опоясался поверхъ еще разъ и взялъ рукавицы. Оглядѣвшись и съ минуту подумавъ—«все ли?»—онъ снялъ шапку и чуть не до земли поклонился матери.

— Прости, матушка, коли что... проговорилъ онъ.

Старуха отвѣтила ему такимъ же поклономъ, но вдругъ не выдержала, кинулась къ нему и, обхвативъ его, заголосила.

— Полно, мамонька, не время!.. Цѣль буди!.. Оставляйтесь съ Богомъ!..

Бабка и сама онамотовалась и отошла отъ сына. Она дрожала, кутаясь въ накинутый на голову шушпакъ. Губы ея что то шептали.

— Попридержи, мамонька, ворота!.. Да побереги Натаху то!.. дрогнувшимъ голосомъ закончилъ Иванъ.

— А то, сынокъ, я бы съѣздила?! Пра...а!.. Ну, ну!.. А то... Ну, ѣзжай!.. Онучи то подвернулъ суконный?.. Може, и такъ Богъ отпустилъ ей... Ну, ну, ѣзжай!..

...Медленно подвигалась лошадь впередъ, то пофыркивая, то вздрагивая худыми, поджарыми боками. Временами она упиралась, испугавшись большого, снѣжнаго сугроба, но Иванъ, легонько понукивая, посылалъ ее впередъ. Въ объѣздъ на шагъ взять нельзя. Хотъ бы прямо то продержаться. Свернешь чуть—около своего двора—закрутишься.

Ничего впереди, ничего по бокамъ, кромѣ снѣжныхъ сугробовъ, вихря съ злымъ, сухимъ свистомъ и морознаго, больно бьющаго снѣга. Крутящаяся, снѣжная масса окутала и обледенила все.

Лошадь стукнулась обо что то и шарахнулась въ сторону. Отъ неожиданнаго толчка Иванъ чуть не вылетѣлъ изъ саней. «Ветелка! Значитъ селу конецъ. Теперь надо-востро ухо держать! Дорога пойдетъ полями!»

Щемитъ сердце Ивана. Временами нападаетъ оторопь.

«... Вотъ тутъ, у ветлы, позапрошлый годъ замерзъ Сюдаевскій мужикъ... Тоже въ куру попалъ!.. А того года по зимѣ отрыл изъ подъ снѣга прохожаго... Никто не призналъ!.. Такъ и землѣ предали!.. Жуть!..»

Но вдругъ ясно слышатся мужику стоны и крики Натахи-жены... Онъ встрепетаетъ, страха какъ ни бывало и опять задергаетъ робкую лошадь.

«...Шутка ли, третьи сутки маится!..»

По тѣлу Ивана пробѣжала дрожь.

«...Крещенные они,—нешто можно не поѣхать?.. Самъ докторъ не поѣдетъ—повитуху пошлетъ... Земскіе вѣдь, крестьянскіе!.. А жалъ бабочку... Хороша!.. Не даромъ Иванъ два года бился, чтобы ее засватать... И конца радостямъ не было, какъ женился на ней!.. А тутъ вотъ пришла пора родить...»

И опять по тѣлу пробѣжала дрожь... Насквозь пронизала.

«...Что-жъ это, нѣтъ отъ думы... А можетъ и правда холодъ забрался...»

Иванъ прислушался и подождать...

«...Словно знобитъ... И ноги въ пальцахъ понываютъ... Руки то давно шибко зазябли... Надо пройти маленько...»

Онъ вылезъ изъ саней и, похлопывая рукавицами, нарочно вертается и раскачиваясь всѣмъ корпусомъ, зашагалъ рядомъ съ лошадью по глубокому снѣгу. Ноги вязли, снѣгъ забирался снизу подъ армякъ и полушубокъ.

«...Нѣтъ этакъ хуже! Лучше съѣсть!..»

Онъ опять забрался въ сани.

«...Точно бы пора бараку быть... А въ путался?.. Ну...у!.. Дорожка объѣзженная!.. Одного кирпича изъ города на барскій дворъ на постройку сколько перевозилъ!.. Дорога прямая, пока въ баракъ упрешься... А тамъ завернуть и опять до города прямо!.. Поди, и Гнѣдка дорогу то знаетъ... А въ бросить возжи, можетъ, самъ-то вольный пойдетъ!.. Эхъ, вылезать было не зачѣмъ!..»

Теперь ужъ Иванъ прямо чувствовалъ холодъ. Снизу все намокло.

«...Ну да авось ничего. И не такъ промерзали!..»

Онъ легонько пошевельвалъ возжами. Лошадь осторожно, точно пробуя, медленно подвигалась впередъ.

А разбушевавшійся бурянь не зная удержу,—онъ бѣшено кружилъ снѣжныя груды,—то столбомъ поднимая ихъ въ воздухъ, то разсыпая въ рыхлые сугробы...

«... Вотъ такъ то прозябъ, какъ у Краюшкина въ работникахъ жилъ... Сатанинская душа! живемъ хотъ кого слопаешь! И моя кровиночка не одна тамъ стекла!.. Кафтаны кучерской сшилъ!.. А и кучеръ и работникъ все одно!.. Ломаются:—«у меня-де кучеръ у воротъ!..» Бывало, часовъ восемь по городу ѣздитъ!.. Тамъ чайку, тамъ «внутряной» хватить!.. А кучеръ обогрѣться радъ, зубами стучить!.. Вотъ такъ то, за кучера бывши, разъ чуть Богу душу не отдалъ!.. Спасибо захватили, давъ избу сволокли!.. Краюшкинъ!..» Иванъ усмѣхнулся.—«И какъ это мѣръ придумаетъ! Фамилія то его настоящая по другому была. И какъ это Сидоръ Ивановичъ его въ затѣвы принялъ! Служъ былъ,—дочка то до вѣнца согрѣшила! Ну, тогда что подѣлаешь... Кабакъ имъ открылъ, аренду заплатилъ... Все за свой счетъ. А ужъ съ господскаго двора всѣмъ валилъ! Печеные пироги слалъ!.. Ну, мѣръ то и не перекрестилъ зятка! Краюшкинъ! пообвыкъ теперь—откликается, а спервоначала на стѣну лѣзъ!.. Н-да! Поди, вотъ... Хватись-ка за него теперь то! Самому Сидору Ивановичу не уступитъ! Пять кабаковъ въ нашей волости!.. Н-да!.. Въ пару Сидору то Ивановичу! Тоже душегубъ первостатейный!.. старый то! А отъ господъ довѣрье! Всей усадьбой орудуетъ! Потому имъ пользително—въ свой карманъ гребетъ и они не въ обдѣл! Нашъ братъ отдувается!.. И за что лѣтось у меня пятерку урвалъ?.. Не во время, говоритъ, на пашню выѣхалъ! Не во время! Сей день оповѣстили, день годъ выѣхалъ!.. Кабы отдалъ! Тутъ бы она сейчасъ была!.. Оно бы и вниманье другое оказали!..»

«Что-й-то... Никакъ Гнѣдка свернула? Такъ и есть. Видно, баракъ... Онъ! Ишь, болѣзненный, знаетъ, куда ѣхать!.. Ну, теперь ничего! Тутъ-то оно страшно было... Свернуть... А теперь стрѣлой дорога-то... До города!.. Н-да!.. Тоже вотъ холерный баракъ! Какъ-то сей годъ Господь съ холерой помплетъ!.. Меръ народъ, страсти!.. Содержали плохо!.. А на леченье-то съ насъ шло!.. И такъ съ насъ, и эдакъ съ насъ!.. Вонъ Сидоръ Ивановичъ на баракъ сторублевою отвалилъ... Тутъ, поди, и моя пятерка пошла!..»

Ужъ лошадь давно шла по собственному разумію. Иванъ глубоко ушелъ въ высокій воротникъ обледѣлаго армяка и только держалъ возжи застывшими руками.

«Никакъ яснѣтъ?.. Словно тише выть стало. И то!.. Ыдетъ кто-то... Видно, тоже къ снѣгу!.. Изъ города... Батюшки, никакъ Си-

доръ Ивановичъ! Онъ и есть! Легокъ на поминъ!..»

А ужъ сани поравнялись...

— Тпру-у!.. Иванъ, ты?

— Я, Сидоръ Ивановичъ. Всѣ-ли здоровы?

— Спасибо. Ты, братъ, куда это? Въ куру самую, значить, выѣхалъ? Иль незадача въ чемъ?

— Незадача и есть, Сидоръ Ивановичъ. Хозяйка помираетъ!

— Ну-у?! Она, кажется, сносихъ была?

— На сносихъ, Сидоръ Ивановичъ. Разродиться не можетъ. Третьи сутки пошла! Крикомъ кричала, а теперь, знать, голосъ перепалъ,—только стонетъ!.. Слушать не можно! Думаю, доѣду до доктора—можетъ, и ослобонятъ бабу!..

И видитъ Иванъ, Сидоръ Ивановичъ задумался.

— Что-жъ, можетъ, допросишься, попытай!.. Они народъ ученый... Ученье, говорятъ, свѣтъ!.. Ну, а на лекарство и тамъ на все!.. Какъ-же? Есть у тебя?

И не знаетъ Иванъ что сказать,—растерялся.

— Холстомъ думаю... У меня тутъ съ собой три конца прихвачено, да утиральниковъ шитыхъ три штуки.

И видитъ Иванъ: полѣзъ Сидоръ Ивановичъ за пазуху и вытащилъ бумажникъ толстый, претолстый.

— Ты тогда ослушничать сталъ,—не по первому приказу на работу вышелъ!.. На твою пятирублевку! Да на другой разъ покрѣпче помни!.. Бабу твою жалко!.. Это, братъ, получше твоихъ холстовъ будетъ!..

Духъ занялся у Ивана. А ужъ Сидоръ Ивановичъ тронулъ свою сытую пару и она въ мигъ исчезла изъ глазъ Ивана.

— И съ чего это онъ такъ?! Въ каждой твари Господней душа есть,—не то, что въ человѣкѣ!..

Видитъ Иванъ погода совсѣмъ успокоилась. Разъяснело. Морозная луна въ радужномъ кольцѣ далеко освѣщала путь. Повеселѣвшій Гнѣдка трусилъ мелкой рысцой. Вотъ и городъ. Только въ гору поднялся. Мѣстами снѣгъ посудло до гола. По гололедицѣ трудно управиться лошади... Иванъ легонько подстегнулъ Гнѣдку. Онъ фыркнулъ и пустился смѣшнымъ одностороннимъ галопомъ. Счастливо миновали подъемъ. Въѣхали въ городъ.

«Теперь прямо къ доктору и въ ноги!..—думаетъ Иванъ.—Нешто устоитъ?! Сидоръ Ивановичъ пятерку отдалъ, а онъ, докторъ, не пожалѣтъ! Всякую грамоту произошелъ!.. Узнать-бы только, гдѣ живетъ... Никакъ городской. Эхъ, кабы не озвѣрѣлый!.. А то и морды не поворотить!.. Была, не была!..»

Иванъ подѣхалъ къ городскому, остановилъ лошадь и съ полнымъ уваженіемъ снялъ шапку.

— Покрой голову-то, не такое теперь время, застудиться можно!..—милостиво разрешилъ городской.—Доктора? Баба, говоришь, умираетъ? Поѣзжай ты все прямо до конца, тамъ свороти вправо за уголъ,—третій домъ будетъ. Еще окна узорчатыми занавѣсками позавѣшаны. Звони прямо—допустить. Потому Алексѣй Ивановичъ баринъ настоящій, не откажетъ!..

«И что-й-то за день такой! Городовой вотъ тоже!.. А еще матушка ѣхалъ разговаривала, сердце, говорить, вѣщунъ, бѣду по вѣтру чуетъ... Ишь!.. Какъ скажешь,—баба помираетъ—всякій оцутвется!—Видно, передъ смертью-то всякому боязно!..»

Вотъ ужъ Иванъ и въ прихожей у доктора. Выходитъ докторъ. На ногахъ у него туфли шитые и газета въ рукахъ.

— Тебѣ чего, братецъ?

Бухнулся тутъ Иванъ въ ноги. Такъ и такъ, баба помираетъ, третьи сутки мается, къ вашей, молъ, милости.

— Экой ты какой, братецъ! Что-жъ ты раньше-то думалъ? Третьи сутки!.. Вотъ и всѣ вы такъ: сперва по своимъ лекаркамъ-пакостницамъ бѣгаете, а ужъ потомъ къ доктору, да въ ноги!.. Чего въ ногахъ валяешься!.. На все воля Божья. Ему и кланяйся, а я не Богъ!.. Ну, что-же, поѣдемъ. Анютка, отведи его въ кухню, пусть обогрѣется, да закусить ему что-нибудь дайте!

И докторъ ушелъ въ комнаты, а Анютка, служанка-горничная въ бѣломъ фартукѣ, повела Ивана корридормъ въ кухню.

Кухня большая, теплая. Кругомъ все полны съ посудой всякой. И какой тутъ посуды пѣты! И черная, простая, и начищенная, — какъ жаръ горитъ!.. Посреди плита, въ углу печка. И работница тутъ другая: толстая, рыхлая и фартукъ на ней пестрядиный. Сейчасъ видно — въ кухаркахъ, по черному дѣлу. Перекрестился Иванъ и сѣлъ на лавочку у дверей. Анютка съ кухаркой переговорилась что-то и убѣжала въ комнаты. И видитъ Иванъ: кухарка на столъ собираетъ:

— Иди, поѣшь, что Богъ послалъ, — сказала она.

Иванъ распоясаясь, снялъ армякъ и въ одпомъ полусубкѣ сѣлъ за столъ. Горячія, постыны щи дымилась въ чашкѣ. Пахло вкусно масломъ и грибами. Иванъ былъ очень голоденъ. Дома-то кусокъ въ горло не шель, почитай, больше сутокъ не ѣлъ!

Жаркая кухня, горячія щи!.. Потъ лилъ съ Ивана градомъ. Онъ чувствовалъ, какъ по жиламъ переливалась разгоряченная кровь...

— Готовъ, что-ли? Баринъ ждетъ! — крикнула, пріотворивъ дверь въ кухню, Анютка. Паскоро перекрестившись и поблагодаривъ кухарку, Иванъ одѣлся и почти бѣгомъ пустился на улицу.

У подъѣзда его сани... Видитъ и не вѣритъ Иванъ: запряжены парой! Сытый, добрый конь въ корнѣ, а его Гнѣдка на пристяжкѣ. Держить лошадей, должно быть, кучеръ и усмѣхается.

— Управилъсь? — говорить.

— Отчего вѣтъ! Да это чей конь-то?

— Докторскій. На твоего лихача потому баринъ не полагается. Смотри, не задержай! Знаемъ мы вашего брата: «Ну, да ну!..» Баринъ и то сумѣвается!..

А тутъ и баринъ выходитъ.

— Что, братецъ, справишься? Твоя лошадка курой ѣхала, — устала! говорить. — На одной-то долго бы не добрались. Кучеръ здѣсь нуженъ... Ты и назадъ меня предоставить долженъ. Справишься?

— Помилуйте, господинъ докторъ, въ кучерахъ при заводѣ жилъ!..

И радостно и весело на сердцѣ у Ивана. «Теперь вдвое скорѣе доѣхать можно!..»

Онъ ловко усѣлся на передкѣ и взялъ возжъ. Коренникъ пофыркивалъ. «Ничего, обойдется!.. Усѣлся и докторъ.

— Трогай!..

Коренникъ рванулся въ сторону... Ошалѣлъ и Гнѣдка: забралъ голову въ бокъ, вскинулъ задними ногами и со всего размаху саданулъ въ сани...

Напрасно Иванъ изо всѣхъ силъ оживлялъ пару, напрасно кучеръ забѣгалъ то съ той, то съ другой стороны, напрасно визжала на

крыльцѣ благимъ матомъ Анютка, — остановить взбѣшенныхъ лошадей было невозможно. Фыркала и хрипя, онѣ кружили сани на одномъ мѣстѣ!..

Вдругъ раздался ударъ... Въ ухахъ Ивана зазвенѣло... Заныло что-то въ головѣ... Ноющая боль почувствовалась во всемъ тѣлѣ... И все помутилось...

Иванъ открылъ глаза. Онъ лежалъ въ своихъ саниахъ поперекъ. Его чѣмъ-то терли, больно терли. «Разбился, видно», подумалъ онъ.

Куря успокоилась, но луны не было. Туманный, суровый вечеръ. Въ саниахъ впряженъ понурый Гнѣдка. «А гдѣ же докторскій конь?»

— Отжилъ, кажись, — проговорилъ кто-то.

— Живъ, что-ли? — окликнули его.

— Живъ... А докторъ...

— Докторъ! Больно важенъ!.. Доктораему!..

— Со мной былъ... Коня-то выпрягли...

— Чего зря болтаешь!.. Куда ѣхалъ, сказывай?..

Иванъ ничего не понималъ. Руки и ноги ныли, точно послѣ мороза отходить начали. Въ головѣ мутно. Подъ ложечкой изжога...

— Охмѣлѣлъ, видно. Полсороковкивкатили!..

Иванъ почувствовалъ во рту вкусъ водки.

— Ты припомни, куда ѣхалъ? Въ городъ или изъ города? Мы тебя тутъ нашли... Въ городъ ѣдемъ по коммерціи. Поперекъ сани твои стояли. Видно, лошадь въ сомнѣніи была — куда ѣхать. А ты, это, скрючился въ комочекъ, возжи выпустилъ и костенѣть началъ. Въ безчувствіи ужъ!..

— А Сидоръ Ивановичъ... Встрѣнулся мнѣ тутъ...

— Сидоръ Ивановичъ? Да онъ вторую недѣлю въ Москвѣ!.. Ты чей самъ-то?

— Дегтянскій.

— Дегтянскій, а не знаешь?

Тутъ вспомнилъ и Иванъ, что и правда, Сидоръ Ивановичъ въ Москву уѣхалъ.

— Грудь палить...

— Да ты давно ѣлъ-то?

— Коли такъ... давно... Тутъ я у доктора... бредилось, значить!..

— Ну, она — водка на тощее брюхо и палитъ!..

Привезли Ивана въ городъ. Отогрѣли. Силой накормили на постояломъ дворѣ. Совсѣмъ опамитовался мужикъ и только рвется скорѣе за докторомъ. Но пока онъ совсѣмъ не оправился, не отпустили его случайные благодѣтели.

Наконецъ, кой-какъ поблагодаривъ ихъ, онъ уѣхалъ.

«... Докторскій домъ знаю. Не разъ посылали. И зачѣмъ тогда у городского спрашивалъ!.. А хорошо было! Умреть не надо!.. А можетъ сонъ-то въ руку!..» думалъ Иванъ по дорогѣ къ доктору.

— Нѣту барина, въ уѣздѣ! — отрѣзала грубо докторская горничная.

— Человѣкъ у меня помираетъ...

— Говорятъ тебѣ нѣту!

— А когда будутъ-то?

— Когда пріѣдутъ, тогда и будутъ!

— А дворникъ сказывалъ, у себя они...

— У себя, да не дома!

И дверь захлопнулась.

... Въ жарко натопленной кухнѣ акушерки стоялъ Иванъ, прижавшись къ дверямъ. Отчаяніе било у него въ помутившемся взглядѣ. Вошла акушерка и онъ повалился ей въ ноги.

— Будь заступницей... Смилуйся... Не уйду... Богъ велитъ... Ученые вы!.. Полоумнымъ бредомъ вылетали у него слова

На силу поняла акушерка, въ чемъ дѣло. — Тутъ нуженъ докторъ, я бесполезна. Да и участокъ не мой... Иди къ доктору!..

— Былъ. Въ уѣздѣ онъ...

— Попроси хорошенько!

Поплелся мужикъ вонъ. Больше идти некуда. «Аль еще къ доктору толкнуться?!..»

Докторъ выходилъ изъ подъѣзда. Тутъ же въ снѣгу рухнулъ Иванъ ему въ ноги.

— Ваше благородіе! Господинъ докторъ! У тебя самого хоздѣйка есть!.. Пожалѣй!.. Возьми ты что хочешь!.. Укрѣпи роспискою!.. Холста у меня...

— Чудакъ ты, братецъ!.. Попимаешь, не могу! У меня тутъ больные!.. Я не окружной. Окружной въ уѣздѣ. Что-жъ ты раньше думалъ? Вези ее въ больницу!..

... Гнѣдка бѣжалъ безъ оглядки домой. Иванъ и не правилъ. Ему стало все равно... Онъ ничего не думалъ и не чувствовалъ...

— Вернулся! Слава Христу! — встрѣтила бабка Матрена сына. — Мучится! Тебя, видно, ждетъ. Совсѣмъ, почитай, духъ вышелъ, а все дышаетъ!.. Поди, желанный, протиснись... Отпусти ты ее!..

... Меньше чѣмъ черезъ сутки хоропили Натаху. На другой день былъ большой праздникъ, священникъ не хотѣлъ затемнять торжества и торонилъ управиться съ похоронами.

Не разродилась Натаха, — умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ.

А Иванъ часто вспоминалъ чудной сонъ... «Такъ бы пожить!.. Отдохнуть бы!..»

Е. Рязанцевъ.

ДЫМЪ.

Разсказъ.

ХУДОЖНИКЪ Валеріанъ Васильевичъ Снявинъ видѣлъ еще какой-то интереснѣйшій сонъ, когда въ дверь къ нему постучались и недовольный голосъ горничной Даши (она всегда была чѣмъ-то недовольна) заявилъ: «Баринъ, половина девятого... второй разъ стучу... просили ровно въ восемь будить».

Снявинъ крикнулъ и быстро повернулся на спину, что означало окончательное рѣшеніе отогнать отъ себя дремоту.

— Опять-таки проспалъ, — подумалъ онъ, протягивая руку къ столу за папирсомъ и спичками, — а сегодня, между тѣмъ, долженъ дьявольски работать... Выставка на носу, а у меня хоть бы что... Да и эти рисунки нужно сдать, во что бы то ни стало, денегъ совсѣмъ на умаленіи...

Снявинъ привсталъ, желая подвинуть къ себѣ спички, и вдругъ почувствовалъ, что у него болитъ лѣвый високъ.

— Этого еще не доставало! Вотъ такъ, пожалуй, и весь день опять пропадетъ!

Валеріанъ Васильевичъ страдалъ не рѣдко головными болями и единственнымъ лекарствомъ для него были — спокойствіе и свѣжій воздухъ... За то этотъ день былъ погибшимъ въ смыслѣ работы. Дама внесла стаканъ чаю и также недовольно заявила:

— Прачка пришла тамъ...

Художникъ нанималъ комнату отъ жильцовъ и волей-неволей велъ самъ свое несложное хозяйство.

— Ну, началось! — съ тоской подумалъ онъ. Скрипя корзиной и внося струю свѣжаго

воздуха, въ дверь бокомъ пролѣзла прачка, высокая, здоровенная женщина.

— Здравствуйте, баринъ... Сорочки ваши нынче такъ выглажены, что изъ магазина,—

начала она, развязывая тряпку, покрывавшую бѣлье, — извольте посмотрѣть сами.

— Ну, ужъ ладно, ладно, кладите тамъ... Въ кой-то вѣки, можетъ быть, и удалось, а прошлыя сорочки всѣ бы слѣдовало переложить назадъ, а не только что двѣ...

— Ужъ извините, дѣйствительно, въ тотъ разъ мастерица сплосховала, а нынче другая гладила, уже эта не испортить. Извольте проверять?

— Послѣ... когда встану.

— А за бѣльемъ когда прикажете... У насъ стирка въ понедѣльникъ, — приставала прачка.

— Ну, тогда и приходите, нѣкогда мнѣ сегодня возиться съ вами, — уже раздраженно заявилъ Синявинъ, — и деньги въ понедѣльникъ, нѣтъ у меня сейчасъ...

— Слушаю — съ... прощайте.

— Прощайте.

Художникъ сердито потушилъ обѣ поля окурковъ папиросы, благо ему это было очень удобносдѣлать съ низкой оттоманки, служавшей постелью, и сѣлъ, сунувъ ноги въ войлочные туфли.

Вдругъ изъ сосѣдней комнаты ему послышался ненавистный звукъ натирания половъ.

— Фу, ты чортъ, никакъ полотеры... Такъ и есть, пятница въѣдъ сегодня... Ахъ, ты мерзость какая, да еще съ мастикой чего добраго.

И Валеріану Васильевичу живо представился тотъ хаосъ, который предстоитъ ему: сдвинутый мольбертъ и манекенъ, папки, сложенные въ кучу и перепутанные такъ, что старыя и ненужныя бумаги очутятся подъ рукой, а нужные рисунки и наброски исчезнутъ безслѣдно и, точно поддразнивая его, найдутся потомъ гдѣ нибудь въ совершенно неожиданномъ мѣстѣ, тогда, когда уже Синявинъ переберетъ мысленно, а иногда даже и сдержаннымъ шепотомъ, весь запасъ крѣпкихъ словъ по адресу полотеровъ.

Да, ихъ Синявинъ положительно считалъ своими личными врагами и если пускалъ, то только благодаря усиленной просьбѣ хозяйки, не пускайте... А только что полы въѣдъ не крашенные, а паркетные; что-же съ ними бу-
знавала двѣ вещи въ жизни — свою кухню и дѣть, коли ихъ не натирать, грязью заростутъ!

— Следующую квартиру непременно буду искать безъ паркета, — съ какимъ-то озлобленіемъ подумалъ Синявинъ, забирая свои карандаши и бумагу на оттоманку. У него была большая доска, на которой онъ наклеивалъ иногда рисунки на картонъ, она же давала ему возможность набрасывать рисунки, сидя съ поджатыми ногами на диванѣ.

Не успѣлъ онъ набросать первую какую-то фигурку, какъ въ комнату, стуча сапогами, вошли его мучители: одинъ высокий со щеткой, сзади него шелъ мальчишка съ ведромъ.

— Къ чорту, къ чорту мастику, — закричалъ Синявинъ и даже рукой замахалъ, — сказано не пушу!

— Какъ угодно — сѣ итакъ коли натремъ... Ванюшка, ступай въ семнадцатый къ ена-ральшѣ...

Рослый парень невозмутимо принялся натирать кускомъ грязнаго воску ножную щетку и уже черезъ минуту, заложивъ руку за спину, началъ ритмически раскачиваться, производя ненавистный Синявину звукъ.

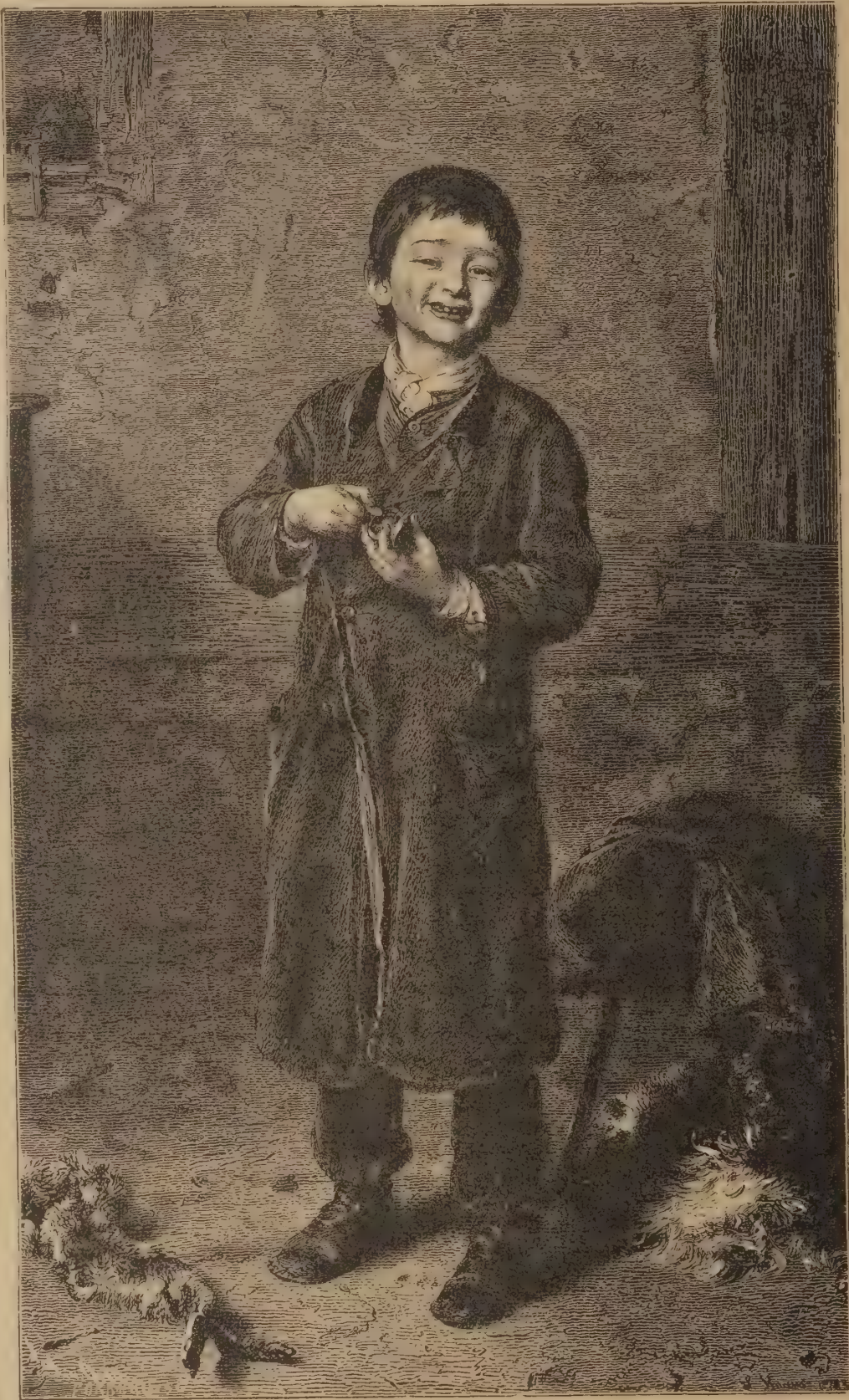
Нѣсколько минутъ художникъ пробовалъ работать, но эта качающаяся спина въ грязной красной рубахѣ и ровный звукъ такъ стали раздражать его, что онъ бросилъ карандашъ и, закуривъ папиросу, снова повалился на подушку.

Когда онъ лежалъ, этотъ звукъ и эти движенія не надоѣдали, а скорѣе навели какое-то приту-

пленіе въ родѣ дремоты съ раскрытыми глазами.

— Подлая должность, — подумалъ Синявинъ, — танцуй, какъ дуракъ, на одной ногѣ, да въѣдъ и устаешь навѣрное... А впрочемъ, чѣмъ-же подлая... Ничто его не мучаетъ, не волнуется, работаетъ въ теплѣ, моціонъ хороший, жалованье опредѣленное. Придетъ домой, наѣстся и завалится спать... Вечеромъ навѣрное свободенъ.

— У васъ артель, что-ли? — обратился онъ вдругъ къ полотеру.

«Первый барышъ». Съ картины художника Л. Кнауса.

Художникъ накинулъ старое лѣтнее пальто, служавшее ему халатомъ, и подошелъ къ двери.

— Даша, что у насъ полотеры съ мастикой сегодня?

— Съ мастикой, баринъ.

— Ну, нѣтъ, ужъ какъ вы тамъ хотите, а я сегодня съ мастикой не пушу... Еще такъ... туда сюда, а съ мастикой пусть убираются къ чорту! Такъ и Амаліи Федоровнѣ скажите, что не пустилъ, молъ, и баста!

— Да мнѣ что... По мнѣ хоть и совсѣмъ

НЕДОРАЗУМЬЕ. СЪ ПАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Н. Д. ЛОСЕВА.

Тотъ не сразу понялъ, что «сердитый ба- ринъ» заговорилъ съ нимъ, но потомъ отвѣ- тилъ:

— У васъ-то? Нѣтъ, у насъ три брата, отецъ тоже работаетъ, да еще мальчишку отъ себя нанимаемъ.

— Значить семьей живете?

— Такъ точно. Матушка у насъ померла, тамъ моя жена за хозяйку, а братья не же- натые.

— А-а... ты значить семейный?

— Уже пятый годъ... ре ять двое.

— Гм., и навѣрное счастливъ по своему, — продолжалъ философствовать Синявинъ, дымя папирсомъ, — все во время готово, самъ ни о чемъ не думаетъ. Да, если-бы я былъ же- натъ, уже, конечно, тоже не пришлось-бы грязное бѣлье записывать, да на беззастѣ- селихъ завтракъ готовить... А потомъ эта ходьба по ресторанахъ, тѣшь чортъ знаетъ что, только теперь и отдохнулъ, какъ у Ольги Петровны сталъ обѣдать, а то даже аппетитъ пропадать было началъ. — Синявинъ устало обвелъ глазами комнату. — И вездѣ пыль, грязь: ужасная неряха эта Даша! По правдѣ сказать, и онъ риновать въ этомъ, всегда гонить ее скорѣе вопъ съ ея тряпками и метелками... А все оттого, что живешь въ одной комнатѣ, уйти некуда, ну, все и мѣ- шаетъ. Вотъ и сейчасъ она явится убирать, то есть иными словами водворять сумбуръ въ его кистяхъ, карандашахъ и рисункахъ. А солнце свѣтитъ прямо въ окно (и дерзко-же панять комнату, выходящую на югъ), стало быть, опять писать нельзя. Эхъ, пойти про- бѣжаться развѣ, авось и головная боль прой- деть».

Синявинъ быстро вскочилъ и направился въ уголъ, гдѣ у него за большимъ холстомъ устроена была цѣлая гардеробная и умы- вальная.

Черезъ полчаса онъ уже шагаль по Нев- скому, но мысли, пришедшія въ голову еще дома, продолжали работать въ томъ-же на- правленіи.

«Да, разумѣется свобода прекрасная вещь... Искусство и художникъ должны быть свобод- ны... Все это истины старья и извѣстныя... Но... все это хорошо, если есть средство... Хороша свобода, если я завишу отъ поло- теровъ, прачекъ, Дашинныхъ тряпокъ и ще- токъ! Иной разъ настроеніе такое хорошее, кажется, чуть не въ одинъ присѣсть напи- салъ-бы цѣлую картину... Такъ нѣтъ, вотъ тутъ-то какъ на зло и одолѣють тебя всѣ мучители!.. И оторвать отъ работы и изве- дуть до бѣшенства. Эхъ, эти деньги прокля- тыя!»

Будь у него своя мастерская... Пригла- силъ натуру, пиши спокойно, не торопясь... А то вѣдь доходить до того, что большую картину въ верхъ ногами перевертывалъ, что- бы тона провѣрять, нѣтъ правильного освѣ- щенія да и только.

«Жениться! Одно средство жениться... Къ чѣрту! глупое самолюбіе и щепетильность... что-же изъ этого, что у Ольги Петровны есть средства, а у меня нѣтъ... Вѣдь это вопросъ времени... какой-нибудь годъ, много два и я, не пужаясь тогда въ ежедневномъ заработкѣ, не тратя время на эти подлые иллюстраціи, живо окончу картину, продамъ... да и массу маленькихъ напашу... А все-та и жутко какъ-то жениться!»

Вѣдь вотъ раньше, до встрѣчи съ Ольгой Петровной мысль о женитьбѣ ему и въ голо- гу не приходила... Онъ художникъ, артистъ, — онъ могъ рабоблаться, увлекаться, ухижи-

вать — все это полагается артисту, ожив- ляетъ впечатлѣніе, заставляетъ работать жи- вѣ фантазію, молодить талантъ, но женить- ся съ Ольгой Петровной, его какъ-то никуда не тинеть, даже кружки забросилъ и всѣ да- мы точно полиняли и отошли на задній планъ. Онъ у нея просиживаетъ цѣлые вечера, ра- ботаетъ въ ея кабинетѣ, совѣтуется о сюже- тахъ, повѣряетъ впечатлѣнія, дорожить ея мнѣніемъ и... мысль, что съ этой женщиной не дурно-бы прожить вмѣстѣ всю жизнь, все чаще и чаще является ему.

Она вдова, самостоятельная, обезпеченная женщина, дѣтей нѣтъ, жизнь она знаетъ хо- рошо и съ ней спокойно во всѣхъ отноше- ніяхъ... И все-таки... страшно какъ-то... Тридцать семь лѣтъ прожилъ холостымъ и вдругъ будетъ женатымъ!

А вдругъ будетъ раскаяваться, жалѣть?

Между тѣмъ, характеръ Валеріана Василь- евича такой, если уже онъ рѣшится сдѣлать предложеніе, то назадъ не пойдетъ... Нѣтъ, предложеніе, то назадъ не пойдетъ... Нѣтъ, уже тутъ онъ самъ, такъ сказать, нравствен- но возьметъ себя за шиворотъ и поведетъ къ алтарю.

«Семь разъ примѣрь и одинъ отрѣжь!» Это совершенно вѣрная поговорка и никогда не любилъ онъ людей, берущихъ свои слова и рѣшенія обратно. «Это что уже и за люди!» — говорилъ онъ про такихъ.

Да, положеніе трудное: съ одной стороны, милая женщина, обаятельная даже, а съ дру- гой, не менѣе милая свобода, потому что же- нитьба во всякомъ случаѣ накладываетъ не- мало стѣсненій, уступокъ, обязанностей.

«А вотъ сдѣлаю же сегодня предложеніе, — рѣшилъ вдругъ Синявинъ, послѣ получасова- го размышленія, — эти за и противъ — беско- нечны и все равно ни къ чему не приведутъ. Сегодня или никогда»...

— Сегодня или никогда! — твердилъ онъ мыс- ленно, взираясь уже на лѣстницу къ квар- тирѣ Ольги Петровны. Сегодня или никогда! — повторилъ онъ еще разъ, уже нажимая пугов- ку электрическаго звонка.

Однако, такая рѣшимость сдѣлала Синяви- на угрюмымъ и молчаливымъ.

Обѣдъ прошелъ вяло. Говорила почти одна хозяйка: сначала она хотѣла обязательно втянуть въ разговоръ и гостя, но потомъ, убѣдившись, что онъ не въ духѣ, оставила его въ покоѣ.

Только послѣ обѣда, когда Синявинъ цѣ- лые полчаса молча мѣрять изъ угла въ уголъ ея гостиную, хозяйка спросила его:

— А вы сегодня не въ духѣ?

— Немного, скорѣе нервный.

— И есть опредѣленная причина?

— И да, и нѣтъ. Во-первыхъ я сегодня не работалъ весь день, а это уже всегда по- рождаетъ во мнѣ недовольство собой.

— Что же, это легко исправить: вашъ вче- рашній рисунокъ, вы хотѣли кончать его.

— Совершенно вѣрно. Мерси, что напоми- ли, хотя онъ у меня плохо компоновался вчера.

— Начните съизнова.

Валеріанъ Васильевичъ поспѣшно присѣлъ къ столу и какъ-то судорожно принялся раз- рывать рисунки въ портфель, разыскивая вче- рашній, начатый для иллюстрированного жур- нала. Хозяйка подошла къ тому же столу, взявъ свою работу. Нѣсколько разъ она изум- ленно взглядывала на Синявина, удивляясь его волненію: два раза онъ уже сломалъ каран- дашъ, согнулъ уголь бумажки и пролилъ воду, натирая тушь.

«Что съ нимъ? Онъ всегда такой ровный и веселый»...

Она даже два раза нетерпѣливо махнула рукой на горничную, появившуюся въ две- ряхъ съ желаніемъ убрать забытый на столѣ стаканъ, думая тишиной успокоить нервы своего гостя.

За послѣднее время, когда рѣшено было, что Синявинъ будетъ столоваться у нея за плато, и видаться по этому каждый день, от- ношенія ихъ замѣтно упростились и приняли самый простой и дружескій оттѣнокъ.

Ольга Петровна любила и уважала Синя- вина, въ тайникѣ души желала бы назвать его своимъ мужемъ, но, разумѣется, не могла дѣлать сама первыхъ шаговъ въ этомъ на- правленіи и ограничивалась простыми това- рищескими отношеніями, не теряя надежды, что они перейдутъ со временемъ въ болѣе теп- лые и прочныя чувства.

Догадка о томъ, что Синявинъ рѣшилъ ей сдѣлать предложеніе, а тѣмъ болѣе въ этотъ вечеръ, разумѣется, не могла ей придти въ голову.

— Нѣтъ, не рисуется и баста! — заявилъ Синявинъ, откидываясь на спинку кресла. — И замѣчательно у васъ это уютная комна- та: я въ ней терпѣть не могу работать. Ме- бель неудобная, комната проходная...

— Пойдемте въ кабинетъ, если хотите.

— Перейдемте, голубушка... И знаете что: побалуйте меня, велите подать самоваръ ту- да-же. Здѣсь у васъ какъ-то холодно, а тамъ каминъ затопимъ, такъ будетъ уютно. Я знаю, что буду чувствовать себя тамъ совсѣмъ иначе.

— Ну, и отлично. Кстати, тамъ дрова по- ложены съ утра, вѣдь вы любите сами рас- тапливать?

— Конечно, самъ... Синявинъ оживился и быстро началъ собирать свою работу.

— Ну, куда же здѣсь уютнѣе! — воскли- цалъ онъ черезъ двѣ минуты, усаживаясь въ глубокое кресло въ кабинетѣ хозяйки, — вы не замѣчали, Ольга Петровна, что часто раз- говоръ самый задушевный зависитъ отъ уют- ности комнаты и мебели... Случалось вамъ наблюдать это?

— О, еще бы! Я, напримѣръ, совершенно мнѣняюсь, если меня усадятъ въ гостиную пе- среди дивана, да еще за столомъ: я сейчасъ дѣлаюсь чопорна и мало разговорчива и на- оборотъ: въ уютномъ уголкѣ въ низенькомъ креслѣ, въ непринужденной позѣ, да еще у камина или печки, я дѣлаюсь болтлива и от- кровенна.

— Ну, ну, вотъ точъ въ точъ, какъ и я... Есть вещи, о которыхъ вообще говорить не легко... словъ не скоро подыщешь, а если къ тому же чувствуешь себя не по себѣ, это положительно замораживаетъ.

Хозяйка снова слегка удивленно взглянула мелькомъ на гостя, но ничего не сказала и только встала и заботливо поставила около него сигары, пепельницу и спички.

— Мерси, — художникъ поймалъ на лету ру- ку молодой женщины и немного крѣпче обык- новеннаго поцѣловалъ ее, — теперь мнѣ со- всѣмъ хорошо.

— А камилль?

— Подождемъ немного... Дайте мнѣ нощ- баритничать съ сигарой... Сегодня я какъ-то особенно настроенъ, Ольга Петровна. Какъ бы выразиться... лирически, что ли... Мнѣ и грустно, и хорошо, и какъ-то тихо на душѣ. Ваше общество на меня всегда такъ влияетъ... вы удивительно спокойная женщина: какой-бы ни пришелъ къ вамъ измученный и злой — по- сидишь съ вами часокъ и все уляжется... правда?

— Очень рада... если это правда.

— Нѣтъ, право... Я вѣдь комплиментовъ не умѣю говорить. Вы вотъ также, какъ при- рода... Сегодня я бродилъ долго по улицамъ, чтобы успокоить головную боль, потомъ за- брелъ въ Александровскій садъ и сѣлъ на скамейку... Хорошо тамъ, тихо, снѣгъ чистый, блестящій, деревья всѣ въ иней, а на- рочно забрался на дальнюю дорожку, гдѣ ма- ло ходятъ... Что-то вспомнилось далекое, дѣт- ское, и хорошо... и грустно... У меня вѣдь дѣт- ство невеселое, я говорилъ вамъ... Мать оставила отца, когда я еще былъ совсѣмъ ма- лышемъ. Отецъ у меня строгій, можно ска- зать, суровый, никогда не ласкалъ меня, а когда подпалъ подъ влияние этой Таганской, такъ и совсѣмъ забросилъ... Я всегда былъ одинокъ и даже одно время, уже юношей, со- всѣмъ нелюдимымъ сдѣлался, женщинъ про- сто боялся и конфузился до болѣзненности...

— А теперь?—шутливо отозвалась хозяйка. Она съ недоумѣніемъ слушала Синявина: его внезапный переходъ отъ раздраженнаго на- строенія къ какому-то нѣжному и мечтательно- му взволнованью ее и наполнялъ сердце смутнымъ предчувствіемъ чего-то необыкновеннаго.

— А что вы думаете?—и теперь побавля- юсь... Развѣ я остаюсь бы до этихъ поръ хо- лостякомъ, вонъ уже лысѣть начинаю, — онъ наклонилъ свою красивую голову съ черны- ми, дѣйствительно слегка рѣдѣющими воло- сами, — вѣрно, боялся, только не сознавалъ этого и безсознательно удалялся... Вотъ толь- ко вы одна... и все-таки, пожалуй, и васъ я отчасти боюсь...

— И меня! — съ немного дѣланымъ смѣ- хомъ переспросила хозяйка.

— Отчасти... Я не всегда рѣшаюсь сказать вамъ всего, что у меня на душѣ, а иногда на ней много, много есть не высказаннаго...

— Напрасно. Я-бы очень хотѣла, чтобы вы видѣли во мнѣ самаго хорошаго друга, сама- го вѣрнаго товарища.

— Д-да, это легко сказать!.. Есть такія сложные, тонкія ощущенія, что и самому трудно въ нихъ разобраться точно, безоши- бочно, а не то что передать...

— И не нужно разбираться... Знаете, это не- всегда полезно, уже очень-то копаться въ душѣ.

— Вотъ, вотъ и я прихожу къ тому-же рѣ- шенію, — перебилъ ее, нервно смѣясь, Синя- винъ, — не лучше-ли прямо свалить весь грузъ сомнѣній и колебаній и разбирать ихъ вмѣстѣ съ такимъ милымъ, добрымъ и снисходитель- нымъ другомъ, какъ вы.

Художникъ всталъ, прошелся по комнатѣ, взъерошивая волосы.

— Вотъ, видите-ли, я давно... Что-же это я, однако, каминъ-то не затопляю, — перебилъ онъ самъ себя и какъ-то быстро, точно ста- раясь скрыть смущеніе, схватился за лучину слегка дрожащими руками.

— Да, я очень давно собирался погово- рить съ вами, дорогая Ольга Петровна, да какъ- то случая не выходило. Нѣтъ, и это не то, зачѣмъ врать... просто-таки не рѣшался, а случай найти, разумѣется, можно-бы было. Только вотъ что, голубушка, заранѣе умо- ляю васъ, если вы найдете то, что я вамъ скажу, нелѣпостью, невозможнымъ дѣломъ, вы такъ и скажите, ради Бога, я не оби- жусь.

— Полноте, Валеріанъ Васильевичъ, гово- рите откровенно все, что хотите... вы должны знать меня, я—человѣкъ прямой и простой.

— Я вотъ иногда думаю, что вотъ это-то заброшенное дѣтство имѣетъ большое влияние на всю жизнь... Оно дѣлаетъ человѣка не-

увѣреннымъ въ себя и... и безхарактернымъ до извѣстной степени. Подчасъ даже ка- кое-то самоуниженіе одолеваетъ: думаешь, и на что ты годенъ... и кому ты нуженъ? И какъ-то руки опускаются, всякое довѣріе къ себѣ теряешь, и къ себѣ и къ людямъ всѣмъ...

— Это уже совершенно напрасно: нужно отличать друзей отъ «всѣхъ».

— Вотъ именно въ то же время хочется вѣ- рить, что есть люди, расположенные къ тебѣ искренно, сердечно и, разумѣется, къ тѣмъ людямъ стремишься всей душой, стремишься настолько, что хотѣлось бы сказать имъ...

— Фу, какая дурацкая лучина, не горитъ совсѣмъ, только дымитъ.

— Попробуйте лучше корой...

— Да уже я пробовалъ, тоже потухаетъ... Такъ вотъ сегодня съ утра я предпринялъ твердое рѣшеніе... Такъ вотъ и сказалъ себѣ: сегодня—или никогда... Я, знаете, иногда умѣю взять себя въ руки, тѣмъ болѣе, что я вѣдь душой стремлюсь къ этому... это за послѣднее время моя излюбленная мечта, сначала я не совсѣмъ освоился съ нею, но теперь почти увѣренъ, что остается только... гм... гм... Что-же это за дымъ, однако!..

— Открыта-ли труба... Ой... потушите луч- ше... вѣрно, вѣтеръ прямо въ трубу и не пу- скаетъ дымъ...

— Попробовать отворить форточку, чтобы тага была.

Синявинъ съ досадою всталъ съ кофѣнъ и направился къ окну.

Форточка была открыта, но и это не по- могало: дыму оказалось больше, чѣмъ это за- мѣтили разговаривающіе, онъ скопился подъ потолкомъ и теперь, раздуваемый свѣжимъ воз- духомъ заколебался по всѣмъ направленіямъ.

У Ольги Петровны выступили даже слезы на глазахъ, и она встала съ своего мѣста.

— Попробуйте теперь подуть мѣхами, мо- жетъ быть, лучше будетъ...

Но въ эту минуту вылетѣлъ такой клубъ дыма, что она, не договоривъ фразы, отско- чила къ двери.

— Ну, что-же-это! Дуняша, Дуняша, — звала она горничную, отмахиваясь посовымъ платкомъ.

— Что прикажете, барыня... Ой, что это дымище какой!..

— Дуняша, растопите вы каминъ, только не закрывайте пока фортъ чу, пусть дымъ весь выйдетъ...

— Нечего дѣлать, перейдите пока въ го- стиную, Валеріанъ Васильевичъ... я просто смотрѣть не могу, такъ глаза щиплетъ.

— Это, барыня, не иначе, что опять кир- личъ въ трубу упалъ; нужно за дворникомъ сходить... Извольте припомнить: прошлаго года также было.

— Ну, или тогда скорѣе, или пошли Марью.

Хозяйка съ гостемъ направилась въ гости- ную, но почему-то не сѣли, а точно по мѣ- лчаливому соглашенію принялись ходить изъ угла въ уголъ. Синявинъ снова сдѣлался мра- ченъ и молчаливъ.

Видя, что разговоръ больше не возобно- вится, хозяйка прервала неловкое молчаніе.

— Замѣчательно у насъ небрежное отно- шеніе къ дому. Я еще весною говорила управляющему, что остаюсь только съ услові- емъ, чтобы были передѣланы печи; общали... И вотъ, видите...

— Д-да—это ужасная гадость...

— Представьте, хозяйка страшная халжа, тратитъ массу денегъ на всякихъ странницъ и богомолокъ и жалѣетъ истратить что-либо на ремонтъ дома.

— Гм... да, это неприятно. — Синявинъ,

очевидно, не слушалъ, что говорилось, по- хозяйка принуждала себя говорить, лишь бы не было неловкаго молчанія.

— Ужасно трудно найти удобную квартиру, вѣдь вотъ эта не дурна, но холодна, особенно гостиная...

— Сударыня, пожалуйста, теперь не ды- мить... мы съ Марьюшкой почти цѣлый день кирпичъ съ мусоромъ изъ трубы-то вытаски- такъ поперекъ и лежалъ, ну дыму-то выхо- да и не было,—заявила Дуняша, показываясь въ дверяхъ.

Но въ кабинетѣ было уже холодно и не уютно; горькій запахъ дыма назойливо лѣзъ въ горло и щекоталъ его; обуглившіеся дрова шипѣли и горѣли какъ-то внутри, не давая веселаго пламени.

— Нѣтъ, Дуняша, подайте самоваръ лучше въ столовую, — рѣшила хозяйка, здѣсь совсѣмъ неприятно сидѣть, пойдемте Валеріанъ Ва- силевичъ.

— Да вѣтъ уже, Ольга Петровна, вы меня извините, я пойду... Совсѣмъ, было, упустилъ изъ виду, что пятница сегодня, а мнѣ непре- мѣнно надо повидать кой-кого.

— Вотъ какъ, — совсѣмъ улавлившимъ голо- сомъ замѣтила хозяйка, — а я думала, что мы посидимъ, поболтаемъ, я одна сегодня... И неужели это все дымъ надѣлалъ?

— Нѣтъ, я право забылъ, мнѣ необходимо ѣхать. Знаете, нашему брату, «не знамени- тости» необходимо толкаться на виду, а то и забудутъ, чего добраго.

— Жаль, очень жаль... Но вы зайдете завтра?

— Завтра... не думаю. Мнѣ необходимо съѣздить въ Гатчину къ дядѣ, старикъ давно зоветъ меня. Дня черезъ два, три загляну обязательно. До свиданія.

Пощелай руки вышелъ на этотъ разъ уже гораздо холоднѣе.

— До свиданія.

Синявинъ, нахлобучивъ шапку и поднявъ воротникъ пальто, зашагалъ вдоль набереж- ной. Онъ вовсе не располагалъ идти въ кру- жокъ художниковъ, но теперь рѣшилъ и даже увѣрилъ себя, что это необходимо.

«А то и вправду обаяннѣе... которую уже пятницу пропускалъ изъ-за женской юбки. Нѣтъ, тоже женишься этакъ, сдуру, а потомъ и казнишь всю жизнь, пожалуй, и искусство полетитъ къ чорту... А вѣдь чуть-чуть не вло- пался! Одно еще слово и все теперь было-бы по другому и я чувствовалъ бы себя связан- нымъ человѣкомъ...»

Синявинъ даже улыбнулся и съ наслажде- ніемъ потянулъ всей грудью легкій морозный воздухъ, точно онъ, дѣйствительно, избавился отъ чего-то ужаснаго.

«И во время этотъ дымъ канальскій пова- лилъ... Первую минуту я было проклиналъ его, а теперь очень благодаренъ. Нѣтъ, какъ тамъ ни говори, а свобода—вещь незамѣнимая!..»

И художникъ совсѣмъ уже бодро запечаталъ черезъ Николаевскій мостъ, направляясь на Васильевскій островъ.

А Ольга Петровна осталась грустная и недо- умѣвающая; она старалась понять и все-таки не поняла, что случилось и что хотѣлъ ей ска- зать ее странный сегодня и нервный гость и почему не сказалъ...

Она такъ и не узнала никогда, какъ была близка услышать роковое объясненіе и какъ такой пустой случай — задымившій каминъ измѣнилъ рѣшеніе болѣе чѣмъ симпатичнаго человѣка, какъ этотъ дымъ разсѣялъ и унесъ съ собою то, на что она надѣялась и чего тщетно ожидала.

О Демертъ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА П. ВАГНЕРА.

«КНИЖКА СЪ НАРТИНКАМИ».

СЪ НОВОЙ. КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА П. ЗИХЕЛЯ.

«ОДАЛИСКА».

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

— Какъ ты глупъ! Ты не умѣешь держать языка за зубами. Какая надобность рассказывать все, что тамъ происходило! Мы должны сдѣлаться серьезными негодяями, вполне горячными людьми, чтобы заработанные нами доллары породили намъ потомство. Мы достаточно для этого рисковали своею жизнью. Только мѣсяцъ, какъ мы покинули Санъ-Франциско, а мнѣ кажется, что это было такъ давно. Да! Вчерашняя прогулка дала мнѣ превосходную идею!

— Какую?—спросилъ Самми.

— Послѣ скажу. А теперь давай спать.

Съ этими словами Джо мгновенно раздѣлся и легъ. Черезъ пять минутъ онъ уже храпѣлъ на весь домъ. Торнеръ никогда не противорѣчилъ своему кузену и въ этомъ случаѣ господствовалъ его примѣру.

Джо Максимъ Гаррисъ проснулся на другое утро въ семь часовъ и полуодѣтый подбѣжалъ къ окну и раскрылъ его. Видя, что кузенъ Самъ еще не просыпается, онъ сталъ такъ громко насвистывать мотивъ джига, что мертвый бы проснулся. Торнеръ открылъ глаза, потянулся, поворчалъ немного, соображая, гдѣ онъ и что такое слышитъ, и наконецъ, не говоря ни слова, вскочилъ съ постели, натянулъ панталоны, сунулъ ноги въ сандалии и съ замѣчательнымъ искусствомъ принялся исполнять джигъ, музыку котораго насвистывалъ Джо. Чѣмъ болѣе Джо ускорялъ темпъ музыки, тѣмъ быстрее вылисалъ Самъ. Все это продѣлывалось самымъ серьезнымъ образомъ. Наконецъ, дверь комнаты отворилась и въ ней показались нѣсколько испуганныхъ и удивленныхъ лицъ миссисъ Борнеттъ и Пальмиры. Комната, въ которой ночевали пріѣзжіе, находилась какъ разъ надъ магазиномъ, гдѣ были уже заняты тетка и племянница. Услыхавъ такую возню наверху, онѣ бросились туда, сильно обезпокоенныя. Неудивительно, что найдя кузеновъ за такимъ, по меньшей мѣрѣ, страннымъ занятіемъ, обѣ женщины были поражены и невольно подумали, что имѣютъ дѣло съ сумасшедшими; но наконецъ сообразили, что это особенный способъ выраженія удовольствія по поводу возвращенія домой. Наконецъ, Джо усталъ свистѣть, а Самъ плясать, они остановились разомъ и важно раскланялись съ дамами и, взявшись за руки, во все горло запѣли «Nail Columbia». Пальмира не могла удержаться и присоединилась къ пѣвцамъ; даже сама миссисъ Борнеттъ приняла участіе въ хорѣ.

Наконецъ пѣвцы умолкли, прокривавъ въ заключеніе своей пѣсни громогласное ура, Самми продѣлалъ еще одно на джига и тетку въ сопровожденіи Пальмиры вернулась въ магазинъ, предупредивъ своихъ гостей, что ихъ ждетъ чай.

Черезъ полчаса, когда чай, съ изряднымъ количествомъ рома, былъ выпитъ, Гаррисъ сказалъ своему кузену.

— Ты знаешь, ты мнѣ не нуженъ. Если наша вчерашняя прогулка тебѣ не по вкусу, оставься дома, кури трубку, но ничего не рассказывай теткѣ Сарѣ. А то еще проговоришься! Лучше ухаживай за моей сестричкой. Какъ хочешь!

— Я лучше пойду съ тобой,—сказалъ Самми, котораго общество дамъ, и молодой, и старой, не особенно соблазняло.

— Ну, такъ въ дорогу!

И они вышли, заявивъ, что вернутся только къ обѣду.

III. Длинный Самъ, наконецъ, понимаетъ Джо.

И въ этотъ день Джо снова осматривалъ мѣста, по которымъ они наканунѣ проходили, снова спрашивалъ, измѣрялъ, разсматривалъ, ничего не объясняя своему спутнику, который впрочемъ ничего не спрашивалъ. Вечеромъ они вернулись домой, пообедали съ миссисъ Борнеттъ и Пальмирой, рассказали имъ нѣсколько избранныхъ эпизодовъ изъ своей жизни въ минувшій и затѣмъ уснули спокойнымъ и укрѣпляющимъ сномъ. Эти прогулки продолжались дней восемь, и Самъ не позволялъ себѣ ни одного вопроса, ни одного замѣчанія, безпрѣкословно слѣдуя всюду за Джо, и останавливаясь только тогда, когда Джо заходилъ въ какую-нибудь контору; во время своихъ странствованій онъ перебивалъ у множества различныхъ повѣренныхъ, банкировъ и тому подобныхъ лицъ, и куда онъ не считалъ, повидимому, нужнымъ брать съ собою Сама.

Возвращаясь домой, Джо обнималъ тетку и сестру, потиралъ руки, улыбался съ таинственнымъ видомъ, съ ласковою жалостью поглядывая на Самми, и иногда дружески тыкая его кулакомъ въ бокъ. Прошла такимъ образомъ недѣля, когда вдругъ однажды вечеромъ, Гаррисъ, пообедавъ, и развалясь на своемъ креслѣ, сказалъ, насмѣшливо глядя на своего родственника:

— Знаешь-ли ты, сколько мы съ тобой приоброѣли въ Санъ-Франциско, за четыре года честнаго труда, тяжелаго существованія, постоянной борьбы съ препятствіями, съ бандитами, которые были готовы ограбить насъ и убить, если бы мы не сумѣли защищаться, какъ настоящіе лики? Да, знаешь ты, сколько мы оттуда вынесли?

Удивленный вопросомъ, а особенно воспоминаніями, которыми Гаррисъ его разукрашивалъ, Торнеръ минуту замаялся и наконецъ отвѣчалъ:

— Сколько ты заработалъ и вынесъ оттуда, я не могу сказать даже приблизительно, ты такъ ловокъ! Но, мнѣ кажется, что лично я вручилъ тебѣ около тридцати тысячъ долларовъ, которые ты перевелъ сюда въ Чикаго.

— Нѣсколько больше: тридцать одну тысячу пятьсотъ долларовъ, то есть, сто пятьдесятъ семь тысячъ франковъ. Я же, ловкій, какъ ты говоришь, получилъ на свою долю сто двадцать восемь тысячъ долларовъ или шестьсотъ сорокъ тысячъ франковъ.

Миссисъ Борнеттъ и Пальмира слушали, раскрывъ ротъ отъ удивленія.

— Такъ, не правда-ли?—спросилъ Джо.

— Должно быть, такъ, если ты говоришь.

— Слѣдовательно, когда мы восемь дней тому назадъ пріѣхали въ Чикаго, у насъ съ тобою было почти восемьсотъ тысячъ франковъ. Ну-съ, а теперь, дорогой Самми, у насъ ничего нѣтъ.

И Джо вывернулъ свои карманы и развернулъ ладони рукъ.

— Что? Что такое? Что ты говоришь?

— Зарычалъ Самми, вскакивая съ своего мѣста. Женщины окаменѣли. Такая громадная сумма и вдругъ ничего!

— Или почти что ничего,—продолжалъ Гаррисъ, утѣшая.

— Какъ это случилось?—со стономъ произнесъ Торнеръ.

— Обокрали, мой бѣдный другъ, насъ обокрали.

— Обокрали! Тебя обокрали?! Еще что!

Сказавъ это, Самми опустился на свое мѣсто, развалясь и расхохотался.

Гаррисъ зашелъ далеко, онъ сдѣлалъ неправдоподобнѣе и это успокоило Самми. Его обокрадутъ! Онъ шутитъ! Польщенный мнѣніемъ своего родственника Гаррисъ въ свою очередь расхохотался и замѣтилъ, обращаясь къ миссисъ Борнеттъ:

— Длинный Самъ не такъ глупъ! Онъ меня знаетъ. Онъ правъ, меня не обокрали, но тѣмъ не менѣе это правда, что изъ всѣхъ нашихъ денегъ у насъ едва осталось тысячъ полтораста франковъ. Остальныя я истратилъ. Сейчасъ я дамъ вамъ всѣмъ отчетъ.

Онъ вытащилъ изъ внутренняго кармана куртки нѣсколько бумагъ, покрытыхъ цифрами, планами, подписями, положилъ ихъ на столъ и сталъ читать. Изъ чтенія его оказалось, что онъ купилъ около шестисотъ десятинъ земли въ разныхъ мѣстахъ Чикаго и въ томъ числѣ домъ, въ которомъ находилась книжная торговля миссисъ Борнеттъ.

— Ты видишь, это все принадлежитъ мнѣ, или лучше сказать, намъ съ тобою, дорогой Самми. Мы теперь собственники въ Чикаго и вотъ почему у меня осталось едва полтораста тысячъ франковъ.

— Съ ума ты сошелъ, Джо?—вскричалъ Торнеръ, который изъ всего этого объясненія понималъ только одно, что лишился своего небольшого состоянія, съ такимъ трудомъ нажитого.—На что тебѣ всѣ эти участки земли? И за эти-то ты восемь дней бѣгалъ по городу и меня заставлялъ бѣгать?..

Миссисъ Борнеттъ и ея племянница съ безпокойствомъ смотрѣли на таинственнаго Гарриса, который аккуратно сложилъ свои бумаги и отвѣчалъ своему кузену:

— Ты угадалъ! Для этого мы развѣ десять измѣрили Чикаго вдоль и поперекъ. А на что мнѣ эти участки, это мое дѣло! Что касается этого дома, завтра придутъ рабочіе и заведутъ имъ, а мы переберемся въ другое мѣсто.

— Какъ, въ другое мѣсто? И я, и Пальмира?—вскричала пораженная Сара.—Ни за что въ мірѣ! А мой магазинъ, мои журналы, мои газеты, мои заказчики?

— Дорогая тетя, хозяинъ всегда имѣетъ право выселить жильцовъ, уплативъ имъ неустойку, конечно. Самми и я, мы приглашаемъ васъ выѣхать, если вы не послушаетесь, мы пожалуемся на васъ мировому судѣ! Такъ, кузенъ?

— Я, я ничего не знаю! Ничего ни понимаю!

Дѣйствительно, это было слишкомъ много для головы бѣднаго Торнера. Миссисъ Борнеттъ и ея племянница не вѣрили своимъ ушамъ. Джо заговорилъ, улыбаясь, чтобы всѣхъ успокоить.

— Черезъ мѣсяцъ, дорогая тетя, вы съ сестричкой вернетесь опять къ себѣ. Только вашъ магазинъ и ваша квартира измѣнятся; домъ тоже приметъ другой видъ. Увидите! Положитесь на меня! Для этого я оставилъ тебѣ

полтора ста тысячъ. Планъ у меня уже вырабатанъ, увидите!

— Я вѣрю, конечно, я вѣрю,—сказала старушка, на половину успокоиваясь.—Но это нарушить всѣ мои привычки.

— Черезъ мѣсяцъ вы къ нимъ вернетесь. Пора спать, поздно уже. Завтра день рано начнется. Спокойной ночи, тетя, спокойной ночи, сестричка.

Гаррисъ увелъ Самми, который все еще не могъ придти въ себя, но не думалъ ни протестовать, ни спрашивать объясненій. На другой день, дѣйствительно, книжный магазинъ былъ запертъ. Миссисъ Борнеттъ и Пальмира переѣхали въ хорошую гостиницу по сосѣдству и толпа рабочихъ завладѣла домомъ. Черезъ нѣсколько дней, находя, вѣроятно, что Сара, Пальмира и Самми стѣсняютъ его своимъ присутствіемъ въ Чикаго, Гаррисъ отправилъ ихъ въ Нью-Йоркъ повеселиться, снабдивъ деньгами въ достаточномъ количествѣ. Было рѣшено, что они будутъ увѣдомлять о себѣ часто, но не вернуться, пока ихъ не потребуютъ. Оставшись одинъ, Джо такъ торопился работами, что менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ лѣса были сняты. Домъ сталъ неузнаваемъ. Тогда Джо телеграфировалъ Торнеру, что онъ можетъ со своими спутниками вернуться. На другой день вечеромъ Джо встрѣтилъ ихъ на вокзалѣ и, ничего не объясняя, отвезъ въ ихъ гостиницу. На слѣдующее утро, около десяти часовъ, онъ пришелъ за ними и привезъ ихъ къ передѣланному дому. Выйдя изъ экипажа, они не могли не вскрикнуть отъ удивленія и восторга.

Передъ нимъ находился громадный магазинъ, свѣтлый, большія окна котораго выходили на обѣ улицы, такъ какъ домъ былъ на углу. Надъ окнами шла большая вывѣска съ надписью золотыми буквами. Прежняя лавочка тетки Сары тоже приняла совсѣмъ другой видъ, изящный, веселый. Витрины и полки ея были наполнены книгами и различными письменными принадлежностями. Гаррисъ только проведъ обѣихъ женщинъ черезъ большой магазинъ и поднялся по лѣстницѣ въ квартиру, гдѣ миссисъ Борнеттъ нашла всю свою мебель исправленною. Вообще вся обстановка была такъ приведена въ порядокъ, съ такими удобствами, на какія бѣдная женщина никогда въ жизни не рассчитывала.

— Дорогой Джо!—вскричала она, со слезами на глазахъ обнимая племянника.

— Дорогой Джо!—повторила Пальмира, покрывая брата поцѣлуями, послѣ того какъ побывала въ своей комнатѣ, кокетливой и красивой.

Торнеръ, восхищенный, молча смотрѣлъ, но когда они сошли внизъ и тетка Сара и Пальмира остались въ книжной лавкѣ, Гаррисъ подвел своего кузена снова къ магазину и показалъ ему надпись на вывѣскѣ и на обѣихъ половинкахъ дверей.

— Что ты на это скажешь? «Д. М. Гаррисъ и К°»?

— Я говорю... Я не знаю,—пробормоталъ Самми.—Это твоѣ имя.

— Конечно, глупый... но «и К°»?

— «И К°»?

— Да, «Д. М. Гаррисъ и К°». Ну? Д. М. Гаррисъ, это я, а «и К°»...

— Это я?

— Конечно! Это все равно, какъ бы здѣсь всѣми буквами было написано: Джо Максимъ Гаррисъ и Самъ Торнеръ.

— А что мы будемъ продавать?

— Ты развѣ не прочелъ, тамъ, кругомъ написано: «англійскіе, американскіе и фран-

цузскіе колоніальныя товары. Иностранная вина и водки».

— Не видалъ! Значитъ мы бакалейщики.

— Купцы, торгующіе колоніальными товарами, мастеръ Самъ Торнеръ!

— Но нашъ магазинъ совсѣмъ пустъ.

— Имѣй терпѣніе! На будущей недѣлѣ увидишь! Теперь пойдемъ къ теткѣ Сарѣ и Пальмирѣ. Пора завтракать.

И они вернулись въ книжную лавку, гдѣ миссисъ Борнеттъ съ гордостью убиралась. Черезъ недѣлю дѣйствительно въ магазинѣ не было ни одной пустой полки. Во всѣхъ углахъ торчали бочки, боченки, ящики, бутылки, бутылки всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ. На окнахъ на выставкѣ лежали, возбуждая аппетитъ, іорскіе и вестфальскіе окорока, пироги съ трюфелями изъ Кольмара, ласочныя пѣзда изъ Ладрона, плавники сингапурскихъ акулъ, желе изъ антильскихъ гуавъ, имбирное варенье. Въ подвальномъ этажѣ находились склады всевозможныхъ винъ, водокъ, портера, эля,—однимъ словомъ, всѣхъ жидкостей, существующихъ для питья. А въ первомъ этажѣ, различныя сладости занимали цѣлый рядъ красиво убранныхъ комнатъ. Къ услугамъ покупателей являлось до двадцати приказчиковъ, дѣйствительныхъ, вѣжливыхъ одѣтыхъ въ одинаковыя сѣрыя блузы, и какъ наблюдающій за порядкомъ рассказывалъ длинный Самми, въ темной одеждѣ, въ сѣрой высокой шляпѣ и подвязанный бѣлымъ широкимъ передникомъ, чтобы имѣть возможность, не опасаясь испортить костюмъ, въ случаѣ надобности приложить руки къ дѣлу.

Д. М. Гаррисъ находился въ особенномъ бюро, отдѣленномъ отъ магазина стеклянными перегородками и отсюда при помощи служащихъ, кассировъ, бухгалтеровъ управлялъ дѣлами фирмы. Выходя изъ дому, онъ непременно останавливался въ магазинѣ, говорилъ два-три любезныхъ слова своему товарищу, который, по уходѣ кузена, самодовольно выпрямлялся, гордясь быть «и К°» такого человѣка. И они оба дѣйствительно имѣли право гордиться своимъ успѣхомъ. Едва прошло шесть мѣсяцевъ со дня открытія ихъ магазина, какъ никакой другой магазинъ въ этомъ родѣ въ Чикаго не могъ съ ними конкурировать и подпись Д. М. Гаррисъ и К° стояла до трехъ милліоновъ франковъ, тѣмъ болѣе, что цѣна на участки земли, принадлежавшіе компаньонамъ, утроилась.

Случалось иногда, что кассиръ уходилъ вечеромъ, назвавъ сумму выручки большую, чѣмъ въ предыдущіе дни... Джо готовъ былъ засвистѣть, а Самъ заплесать. Но это было бы слишкомъ легкомысленно для владѣльцевъ такой фирмы, и они довольствовались тѣмъ, что уходилъ, взявшись подъ руку, въ клубъ, гдѣ они важно выкуривали безчисленное множество трубокъ и выпивали безчисленное множество рюмокъ виски, развалившись въ креслахъ и положивъ ноги на столъ.

IV. Максимъ Гаррисъ и Самъ Торнеръ совершенно перерождаются.

Менѣе чѣмъ черезъ три года Гаррисъ не только стоялъ во главѣ самой значительной торговли колоніальными товарами во всемъ Иллинойсѣ, но еще построилъ на берегахъ Норсъ-Ривера громадную фабрику пищевыхъ консервовъ, которая приносила ему значительные барыши и управляющимъ которой былъ кузень Торнеръ, сбросившій свой бѣлый передникъ. Если-бы случай привелъ въ Чикаго барона де-Марга или кого-нибудь изъ его соотечественниковъ, побывавшихъ одно-

временно въ Калифорніи, они съ трудомъ признали-бы своихъ бандитовъ. Конечно, Джо не сдѣлался ипохондрикомъ, не приобрѣлъ изыщанныхъ манеръ, по прежнему былъ готовъ засвистѣть при случаѣ мотивъ Nail Columbia, а Самми не растолстѣлъ, не сдѣлался разговорчивѣе, но они старались быть серьезными людьми, хотя Гаррисъ позволялъ себѣ иногда пошутить, а Самми отколотъ какое-нибудь наджига. Если имъ случалось вспоминать прошлое, они первые смѣялись надъ своимъ превращеніемъ и приходили къ убѣжденію, что въ Санъ-Франциско они только защищались и, живя съ волками, по-волчьи и были.

Эти три года не остались безъ вліянія и на ихъ близкихъ. Миссисъ Борнеттъ умерла почти скоропостижно, а миссъ Пальмира вышла замужъ за нѣкоего Оому Спринна, молодого стряпчего, котораго столько-же, если не больше, соблазнило приданое миссъ Пальмиры,—сто тысячъ франковъ, какъ и ея свѣжее личико. Но только бракъ этотъ былъ неудачный, Сприннъ оказался негодяемъ и безбожникомъ. И жена его, оскорбленная въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и нравственныхъ правилахъ и кромѣ того разоренная, развелась съ нимъ и вернулась къ брату, который принялъ ее охотно, хотя и подшучивалъ надъ ней, когда она клялась, что если и выйдетъ опять замужъ, къ чему, однако, у нея повидимому было сильное желаніе,—то непременно за честнаго и скромнаго священника.

Разводъ Пальмиры менѣе чѣмъ черезъ годъ замужества возстановилъ добрыя Самми противъ брака. Онъ поклялся остаться холостымъ. Но на Максима брачныя неудачи его сестры повидимому не имѣли никакого вліянія, потому что года черезъ два, вернувшись изъ Квебека, куда онъ ѣздилъ по дѣламъ, Максимъ заявилъ бывшей миссисъ Сприннъ и Саму Торнеру, что намѣренъ жениться на дѣвицѣ Фанни Бессонъ, дочери его корреспондента и пріятеля, живущаго въ столицѣ Южной Канады. Пальмира благоразумно промолчала, но длинный Самъ торжественно заанодировалъ своему кузену. Черезъ двѣ недѣли Джо Максимъ Гаррисъ, который не любилъ откладывать дѣла въ долгій ящикъ, отправился въ сопровожденіи своей сестры и свидѣтелей—кузена Торнера и банкира Джона Мельвиля, въ Квебекъ, гдѣ Жакъ Бессонъ уже ждалъ ихъ пріѣзда.

Бессоны были нормандцы и принадлежали къ числу первыхъ французскихъ переселенцевъ въ Канаду. Въ семьѣ никогда не переставали говорить по французски. Страданія и радости Франціи находили здѣсь отзывъ. Многіе изъ молодыхъ людей семьи Бессоновъ сражались въ республиканскихъ или имперіалистскихъ войскахъ; католическая религія была господствующею въ семьѣ.

Положеніе Жака Бессона было изъ самыхъ почетныхъ. Нельзя сказать, чтобы Джо Гаррисъ задумалъ жениться на его дочери Фанни потому, что ему холостая жизнь надоела, вѣрнѣе предположить, что онъ хотѣлъ заручиться преданнымъ корреспондентомъ въ Квебекѣ. Но Жакъ Бессонъ былъ вдовецъ и у него было нѣсколько дочерей, о которыхъ, слѣдовательно, ему приходилось самому заботиться, и потому онъ съ готовностью принялъ предложеніе богатаго американскаго негодянта, съ которымъ онъ года два уже велъ дѣла. Во всякомъ случаѣ онъ собралъ свѣдѣнія объ этомъ человѣкѣ, желавшемъ сдѣлаться его зятемъ. Все, что онъ узналъ, вполнѣ его удовлетворило,—въ Чикаго успѣли

забыть прежнего Гаррииса. Нужно замѣтить, что въ это время въ Америкѣ общественное прошлое не существовало. Репутація, честность, уваженіе въспали на вѣсахъ обладаемаго состоянія, и человекъ, стоявшій два съ половиной милліона долларовъ, не могъ быть дурнымъ человекомъ. Къ этому нужно прибавить, и всѣ это признавали, что Джо Гарриисъ не былъ ни пьяницей, ни грубымъ человекомъ, ни кутилой, ни игрокомъ. Дѣвица Фанни Бессонъ позволила себѣ только одно замѣчаніе, — Джо Гарриисъ былъ протестантъ, и ей было-бы тяжело, если-бы ея дѣти были воспитаны въ другой религіи, чѣмъ ея. Господинъ Бессонъ передалъ будущему зятю это безпокойство своей дочери, на что тотъ отвѣтилъ, что онъ предоставитъ ей полную свободу въ этомъ дѣлѣ; что она можетъ воспитывать своихъ дѣтей въ католической религіи, если ей нравится, и что во всякомъ случаѣ ей никому не придется отдавать отчета въ своихъ вѣрованіяхъ.

Это снисходительность, уваженіе къ ея религіи, покладливость характера будущаго жениха произвели на миссъ Фанни очень хорошее впечатлѣніе. Притомъ, не смотря на нѣкоторую толщину, массивность и грубоватость, Джо не могъ быть названъ уродомъ и могъ поправиться серьезной дѣвушкой, не обращающей на физическую красоту особеннаго вниманія. Она согласилась, и день свадьбы былъ назначенъ. Джо Гарриисъ оказался и въ этомъ отношеніи весьма аккуратенъ.

Какія бы ни были причины, побудившія нашего героя посвататься, но онъ выказалъ тутъ и вкусъ, и практичность. Фанни была прелестная дѣвушка, серьезная, образованная, одинаково чисто говорившая по-французски и по-англійски, воспитанная въ старинныхъ семейныхъ правилахъ, дѣлающихъ хорошихъ женъ, неопытныхъ хозяекъ дома и превосходныхъ матерей. При томъ она была красива, хорошо сложена, изящная, привлекательная; въ ея лицѣ было что-то ласкающее, твердое и искреннее. Въ ея чудныхъ глазахъ видѣлась душа чистая, честная, преданная, сознающая свой долгъ. Два чувства въ ней преобладали: — глубокая любовь къ Франціи и непоколебимость ея католическихъ вѣрованій. Однимъ словомъ, это была жемчужина, которую нашелъ нашъ искатель приключеній изъ Сьеры-Невады. Десять дней спустя послѣ женитьбы. Джо съ молодой женой выѣхалъ въ Чикаго.

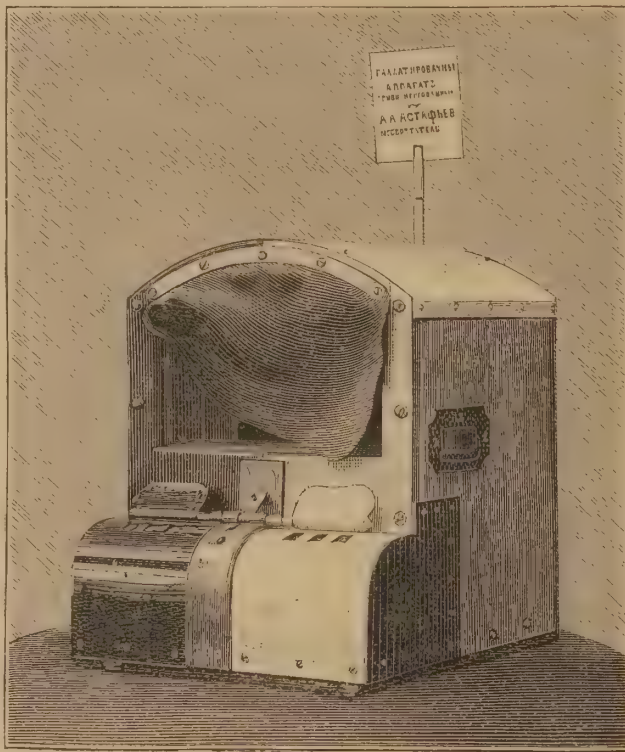
(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВѢЙШІЯ РУССКІЯ ИЗОБРЕТЕНІЯ.

Баллотировочный аппаратъ.

Помѣщая въ этомъ номерѣ журнала рисунокъ съ вновь изобрѣтеннаго г. Астафьевымъ «баллотировочнаго аппарата», въ виду общаго интереса, даемъ краткое объясненіе. Аппаратъ имѣетъ цѣлью замѣнить, при выборахъ закрытой баллотировкой и вообще при подачѣ голосовъ, практикующейся до сего времени извѣстный баллотировочный ящикъ, раздѣленный на двѣ половины, — правую и лѣвую, соответствующія голосамъ избирательнымъ и не избирательнымъ, куда баллотировавшіе опускаютъ заранѣе раздаваемые имъ деревянные шары. Этотъ примитивный способъ, какъ извѣстно, требуетъ много времени и, главное, совсѣмъ не гарантируетъ пра-

вильность выборовъ. Не говоря уже о легкой возможности подтасовки голосовъ путемъ собиранія шаровъ въ одні руки, причемъ передавши свои шары другимъ продѣлываютъ манипуляцію подачи голосовъ, не имѣя въ рукахъ ничего, — находятся люди опускающіе въ ящикъ — съ цѣлью нарушить нежелательный имъ порядокъ баллотировки или просто съ цѣлью насмѣшки, — все, что имъ вздумается, вроде орѣховъ, скорлупы, картофеля... Можно было бы привести массу подобныхъ курьезовъ и смѣшныхъ, и грустныхъ, то и дѣло появляющихся на страницахъ нашихъ газетъ. Ничего подобнаго не можетъ быть продѣлываемо при посредствѣ новаго баллотировочнаго аппарата А. Астафьева. Аппаратъ этотъ не только способствуетъ ускоренію дѣйствія баллотировки (такъ какъ при немъ не раздаются шары на руки и не считаются) и абсолютной правильности выборовъ, но и об-

Новый баллотировочный аппаратъ.

наруживаетъ немедленно каждую допущенную несправность, выдавая совершившаго еще до окончанія выборовъ. Аппаратъ приспособленъ для шаровъ (ихъ только два) точно опредѣленной величины и вѣса, такъ что посторонній шаръ, другого размѣра или вѣса, не вліяетъ на аппаратъ. Шары, послѣ каждого опусканія ихъ, въ правую или лѣвую коробку, выходятъ всегда наружу въ особый подвижной ящикъ сзади аппарата и видны всѣмъ. При аппаратѣ имѣются лишь два шара съ извѣстною нумераціею, а потому всякій посторонній шаръ, если бы, даже, случайно былъ подходящимъ по размѣру, вѣсу и по нумераціи, выдасть-бы, послѣ выхода изъ аппарата, что тамъ болѣе двухъ шаровъ.

Такимъ образомъ этотъ новый баллотировочный аппаратъ исключаетъ дѣйствительно совершенно всякія умышленно-неправильныя дѣйствія баллотировавшихъ, сокращаетъ время баллотировки болѣе чѣмъ въ три раза и вмѣстѣ съ тѣмъ остается вполне соответствующимъ требованіямъ закона.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Е. И. В. Государь Императоръ Николай Александровичъ принимаетъ начальниковъ частей войскъ, участвующихъ въ парадѣ на Марсовомъ полѣ (Спб.). Съ картины художника В. Мазуровскаго (Выставка картинъ 1896 г.).

Блестящіе парады нашихъ войскъ всегда привлекаютъ массу зрителей и представляютъ для столичныхъ обывателей одно изъ наиболѣе любимыхъ развлеченій. Еще Пушкинъ въ своемъ «Мѣдномъ Всад-

никѣ» воспѣвалъ «пѣхотныхъ ратей и коней однообразную красоту...» Особенно торжественъ бываетъ большой весенній парадъ, на которомъ всегда присутствуетъ Августѣйшій вождь русскаго войска — Государь Императоръ. Художникъ Мазуровскій изобразилъ Е. И. В. Государя Императора Николая Александровича принимающимъ, по окончаніи парада, начальниковъ отдѣльныхъ частей, участвовавшихъ въ этомъ парадѣ.

Первый выгонъ въ поле. Съ картины художника Б. Томашевича (Выставка картинъ 1896 г.).

Своего рода праздникъ, своего рода событіе составляетъ въ деревенскомъ скромномъ быту первый весенній выгонъ скота въ поле. Истощившаяся за долгую зиму въ душномъ хлѣву скотина точно пьютъ, выпущенная на чистый воздухъ, на свѣжую траву. Обставленъ этотъ выгонъ особенно торжественно. Пастуха заботливыя хозяйки надѣляютъ нарочно для этого испеченными мучными сѣдьями. Скотину выпускаютъ съ приговорами да пожеланіями. Да какъ-же и не заботиться деревенскому люду о своихъ полъцахъ и коровильцахъ. На картинѣ г. Томашевича мы видимъ стадо овецъ, которое стережетъ подпасокъ. Овцы уже набѣгались, устали, успокоились и нѣжатся на свѣжей травкѣ.

Первый заработокъ. Съ картины художника Л. Кнауса.

Извѣстный германскій художникъ Л. Кнаусъ взялъ очень интересный типъ для своей картины. Это — будущій «дѣловый человекъ»... Уже по выраженію лица этого мальчика, считающаго первыя заработанныя имъ деньги, можно видѣть, что бѣсъ корыстолюбія уже вполне овладѣлъ имъ. Уже въ этомъ отпрыскѣ практическаго еврейскаго племени можно предугадать будущаго заправизу банковской конторы, гдѣ-нибудь на Невскомъ. Уже теперь видны въ немъ зачатки той ловкости и изворотливости, съ которой онъ будетъ въ зрѣлые дни стричь, какъ барановъ, доверчивыхъ кліентовъ своей будущей конторы. Первый заработокъ мальчугана вырастетъ навѣрно въ солидный капиталъ.

Недоразумѣніе. Съ картины художника Д. Лосева.

На мраморной скамьѣ, въблизи римской дѣтней виллы происходитъ граціозная сценка. Юная римлянка ревнуетъ своего возлюбленнаго къ сосѣдкѣ, великолѣпной красавицѣ, которая блистаетъ на всѣхъ празднествахъ своимъ туалетомъ и драгоценными украшеніями. Еще вчера онъ — этотъ невѣрный извѣстникъ — поднесъ той притворной патріцянкѣ Клавдіи великолѣпный букетъ розъ. И вотъ произошла сцена ревности; клятвы, слезы, упрёки раздавались въ благоухающемъ весеннемъ воздухѣ. Конечно, кончилось долгимъ, горькимъ плачемъ. Онъ дѣлаетъ попытку къ примиренію, и это, вѣроятно, ему удастся. Женское сердце всегда жаждетъ кого-нибудь простить.

Книжка съ картинками. Съ картины художника П. Вайнера.

Молодая мать подарила дочкѣ новую книжку съ картинками. Ничто такъ не пріохочиваетъ маленькихъ дѣтей къ чтенію, какъ картинки. Любопытная малютка то и дѣло спрашиваетъ: «Это что, мама? А это что?» Мать объясняетъ ей и прибавляетъ: «Вотъ читай поприлежнѣе и узнаешь все». Дѣвочка увлекается книжкой и навѣрно скоро прочтетъ ее съ начала до конца...

Одалиска. Съ картины художника П. Зисслера.

«Льется пѣсня одалиски —
Мелодична и жива,
Сердцу дороги и близки
Пѣсни жгучія слова.

У любимцы султана,
Повелительницы грезъ,
Очи — глубже океана
И уста — нѣжнѣе розъ.

На рукахъ звенятъ браслеты;
Рокотъ струнъ звучитъ нѣжный...
Если пѣсни страстно слыть —
Поцѣлуй еще страстнѣй!

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Болгарія.—Болгарскія газеты «Міръ» и «Прогрессъ» выражаютъ глубокую благодарность Царю, простершему Свою могущественную десницу Болгаріи, молившей о прощеніи и помощи. Сердечная признательность выражается и князю Лобанову-Ростовскому, не оставшемуся хладнокровнымъ къ искреннему призыву Болгаріи. Народъ будетъ вѣчно помнить великодушный поступокъ Царя, создавшего, какъ истинный защитникъ и покровитель славянства, новую эру для Россіи и всего славянскаго міра. Къ коронаціи изготовленъ для поднесенія Государю Императору громадный и роскошный альбомъ изъ 24 картинъ болгарскихъ художниковъ, съ изображеніемъ видовъ и типовъ Болгаріи.

Франція.—13-го (25-го) апрѣля въ Парижъ прибылъ князь Фердинандъ Болгарскій. Въ 3 часа пополудни князь, въ парадномъ ландо, сопровождаемомъ кирасирами, отправился изъ гостиницы въ Елисейскій дворецъ, чтобы сдѣлать визитъ президенту республики. Дворцовый караулъ оказалъ князю воинскія почести при пріѣздѣ и отъѣздѣ его. Собравшіеся у дворца болгарскіе студенты привѣтствовали князя восторженными возгласами. Во время визита въ Елисейскомъ дворцѣ, князь Фердинандъ имѣлъ на себѣ ленту ордена Почетнаго Легіона, которая ему была прислана президентомъ республики. Г. Форъ принялъ князя въ присутствіи Буржуа и офицеровъ президентской главной квартиры. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Буржуа давалъ обѣдъ въ честь князя Фердинанда. На обѣдѣ присутствовали всѣ министры и Муниръ-бей.

— Министерство Буржуа вышло въ отставку, несмотря на поддержку палаты. Сенатъ отказалъ кабинету въ мадагаскарскихъ кредитахъ. Президентъ палаты Бриссонъ созвалъ депутатовъ 11-го (23-го) апрѣля и Буржуа прочелъ декларацию, въ которой заявилъ, что сенатское рѣшеніе лишило правительство возможности законнымъ образомъ обезпечить содержаніе войскъ на островѣ Мадагаскарѣ. При этихъ словахъ въ палатѣ раздались многочисленные возгласы: «долой сенатъ!» Буржуа продолжалъ: «я считалъ необходимымъ, прежде чѣмъ вручить президенту республики прошеніе объ отставкѣ, представить объясненіе палаты, непосредственно избранной всеобщей подачей голосовъ. Мы не измѣнили доктринъ о главенствѣ палаты надъ сенатомъ, которой твердо придерживалось республиканское правительство со временъ знаменитаго своего вождя Гамбетты; мы выходимъ въ отставку по побужденіямъ патріотическимъ». Затѣмъ министры вышли изъ залы засѣданій. Общественное мнѣніе противъ сената. Устраиваются демонстраціи, ходятъ слухи о преобразованіи сената. Форъ рѣшилъ образовать министерство примиренія и сосредоточенія.

Великобританія.—Между Англіей и Соединенными Штатами, по венецуэльскому вопросу, никакого соглашенія, даже въ принципѣ, не достигнуто, переговоры нисколько не подвигаются впередъ, а между тѣмъ приближается срокъ, назначенный американской комиссіи для представленія правительству доклада о границахъ владѣній Англіи и Венецуэлы. Какъ только докладъ будетъ представленъ въ конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, столкновеніе съ Англіей можетъ сдѣлаться неизбежнымъ.

Капская колонія.—Въ Булувайо, 300 человекъ, въ томъ числѣ 100 бѣлыхъ, выступили по утру 13-го (25-го) апрѣля изъ городскихъ стѣнъ, но тотчасъ были атакованы матабелами, которые обложили Булувайо съ трехъ сторонъ на разстояніи 4 англійскихъ миль отъ города. Численность атакующаго англичанъ скопища матабелей опредѣляется въ 3,000 чел. Завязался горячій бой, но орудіе Максима произвело такое опустошительное дѣйствіе въ рядахъ матабелей, что они, наконецъ, не выдержали и бѣжали.

Италія.—Ватиканъ официально увѣдомилъ русское правительство, что представителемъ папы на коронаціонныхъ торжествахъ назначается папскій нунцій въ Вѣнѣ монсиньоръ Аліарди.

Трансваальская республика.—Губернаторъ Капской колоніи получилъ отвѣтъ президента Трансваальской республики на приглашеніе Чемберлена прибыть въ Лондонъ. Крюгеръ сообщаетъ, что въ Англію теперь ѣхать не можетъ, потому что фольксраадъ требуетъ его присутствія въ странѣ.

Египетъ.—Французскій и русскій члены управленія кассы государственныхъ долговъ заставили другихъ членовъ этого управленія предстать 15-го (27-го) апрѣля передъ смѣшаннымъ судомъ. Они заявляютъ, что постановленіе 14-го (26-го) марта незаконно, и требуютъ, чтобы египетское правительство передало обратно въ резервный фондъ, съ наросшими процентами, всѣ суммы, взятые для донгольской экспедиціи.

Корея.—Король отказался отъ всѣхъ реформъ, волнующихъ народъ, разрѣшилъ попрежнему не рѣзать волосы, носить національное платье; японскія затѣи, несоотвѣтствующія государственному строю и народному духу, окончательно пали. Волненіе въ странѣ постепенно стихаетъ, осталась общая ненависть къ японцамъ, сплотившая всѣ партіи. Японскія войска охраняютъ телеграфную линію Сеуль-Фузанъ съ согласія русскаго правительства.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

На чрезвычайномъ московскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи избраны 12-го апрѣля, для внесенія блюда во время трапезы Ихъ Величествъ въ Грановитой палатѣ дворяне изъ отставныхъ военныхъ: генералъ-майоры: А. П. Тучковъ, М. М. Демидовскій. И. В. Коломинъ; полковники: С. С. Смирновъ, А. В. Гулевичъ и В. Н. Флейшеръ; подполковники: Ф. А. Ульянинъ и князь В. Д. Голицынъ.

— Въ Одессу, въ понедѣльникъ 13-го апрѣля, въ 8 ч. утра, прибыло китайское посольство на пароходѣ русскаго общества «Россія» изъ Порты-Саида. Во главѣ посольства, канцлеръ Китайской имперіи Ли-Хунгъ-Чангъ, одиннадцать высокопоставленныхъ чиновниковъ, 35 мандариновъ и многочисленная свита. Портъ былъ украшенъ для встрѣчи, въ которой участвовали всѣ представители военнаго и гражданскаго вѣдомствъ.

— Чиновникъ особыхъ порученій при управленіи московской конторой Императорскихъ театровъ, камеръ-юнкеръ В. А. Нелидовъ, откомандированъ заведывать бюро иностранныхъ корреспондентовъ, пріѣзжающихъ въ Москву по случаю Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

— Въ министерство внутреннихъ дѣлъ поступило хадатайство о сооруженіи въ Москвѣ храма во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Московское городское управленіе безвозмездно отводитъ для этого на Міусской площади участокъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

15-го апрѣля петербуржцы любовались весеннимъ, такъ-называемымъ, «майскимъ» парадомъ. Въ Высочайшемъ присутствіи маневрировали: 47³/₄ батальоновъ пѣхоты, 40 эскадроновъ и сотенъ кавалеріи, въ 3-хъ баталіонномъ составѣ, 140 пѣшихъ и конныхъ орудій артиллеріи, всего болѣе 36,000 человекъ. Въ свитѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ находились: военный министръ генералъ-адъютантъ Ванновскій, министръ Императорскаго Двора генер.-адъют. графъ Воронцовъ-Дашковъ, его помощникъ генер.-адъют. баронъ Фредериксъ, командующій Императорскою главною квартирою генер.-адъют. Рихтеръ и его помощникъ генер.-адъют. графъ Олсуфьевъ, управляющій морскимъ министерствомъ генер.-адъют. Чихачовъ, начальникъ главнаго штаба генер.-адъют. Обручевъ, дежурный генер.-адъют. Галль, дворцовый комендантъ свиты Его Величества генер.-майоръ Гессе и др. Парадъ прошелъ блестяще. Помѣщаемая нами въ этомъ номерѣ копія съ картины В. Мазуровскаго—прекрасно передаетъ моментъ, когда

Е. И. В. Государь Императоръ благодаритъ начальниковъ частей войскъ, участвовавшихъ въ парадѣ.

— 10-го апрѣля князь Фердинандъ болгарскій выѣхалъ изъ Петербурга въ Парижъ. Князи провожали Е. И. В. Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Князь Фердинандъ, уѣзжая, былъ при Владимірской звѣздѣ первой степени.

— 14-го апрѣля, подъ предѣтельствомъ гофмейстерины А. С. Озеровой, происходило годовое общее собраніе членовъ Общества доставленія дешевыхъ квартиръ и другихъ пособій нуждающимся жителямъ Петербурга. Изъ прочитаннаго въ собраніи отчета о дѣятельности общества за прошлый годъ, видно, что къ 1-му января 1896 года въ немъ числился 221 членъ. Приходъ выразился въ суммѣ 132,994 руб., а расходъ—132,937 руб. Смета расходовъ на нынѣшній годъ исчислена въ 104,307 руб.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Въ увѣковѣченіе памяти священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ кирилловскомъ уѣздѣ учреждается двухклассное образцовое училище.

— Чрезвычайное губернское земское собраніе въ Москвѣ постановило: на содержаніе 20 женскихъ школъ, открываемыхъ въ ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Величествъ, отпускать ежегодно по 510 руб.

— Въ ознаменованіе священнаго коронованія Ихъ Величествъ, общество крестьянъ деревни Фроловской, нижегородскаго уѣзда, постановило открыть въ деревнѣ Фроловской начальную школу.

— Возникъ вопросъ объ открытіи въ Москвѣ учебнаго заведенія вѣдомства путей сообщенія совершенно новаго типа. Называться оно будетъ инженернымъ училищемъ, выпускать будетъ инженеровъ-строителей и курсъ будетъ имѣть трехлѣтній. Всѣ эти отличія отъ инженернаго института сдѣланы съ извѣстнымъ расчетомъ.

— Въ Москвѣ возникъ проектъ школы золотого, серебрянаго и ювелирнаго дѣла. Курсъ школы—пятилѣтній; приниматься въ нее будутъ мальчики отъ 12 до 15 лѣтъ, окончившіе курсъ начальнаго училища.

— Въ нынѣшнемъ году предполагается открыть телеграфныя школы на станціяхъ Москва, Серпуховъ, Тула, Скуратово, Орелъ, Поньри и Курскъ, курсовой линіи и на станціяхъ Москва, Владиміръ, Ковровъ и Нижній, нижегородской линіи.

— Со второй половины іюня до августа, въ разныхъ мѣстностяхъ Финляндіи для народныхъ учителей будутъ устроены бесплатные курсы русскаго языка.

— Въ Орлѣ организуется общество распространенія въ народѣ грамотности. Уставъ его уже выработанъ. Онъ представляетъ почти копію устава харьковскаго общества грамотности.

ИСКУССТВО.

Въ историческомъ музеѣ, въ Москвѣ, вскорѣ открывается, подъ покровительствомъ Великой Княгини Елизаветы Оеодоровны, выставка русскіхъ старинныхъ одеждъ, головныхъ уборовъ, старинныхъ тканей, кружевъ и современныхъ работъ, исполненныхъ по древнимъ образцамъ.

— Для открывающагося въ Нижнемъ-Новгородѣ историческаго и художественнаго музея прислано въ даръ отъ Императорской академіи художествъ: Мещерскаго—«Головка негра», Ковалевскаго—«Спускъ къ перевозу», Писемскаго—«Груша въ цвѣту», Казанцева—«Тишь» и Венита—«Дмитрій Самозванецъ». Вместе съ этими картинами присланы гипсовые слѣпки: головъ—Юпитера, Люція, Флоры и Геркулеса; фигуръ: Венеры Милосской, Апоксіаменос и Германика.

— Третьяковская городская художественная галлерея въ Москвѣ приобрѣла картину В. Д. Полѣнова «Среди учителей» за 10 тысячъ рублей. Въ этомъ году поступили въ галлерею въ даръ: отъ А. Н. Бенуа—портретъ масляными красками художницы М. В. Шпакъ-Бенуа, рисунокъ карандашомъ: «Въ Сухумъ-Кале»; отъ И. И. Шашкина два рисунка карандашомъ работы О. А. Васильева; отъ В. Е. Маковского этюдъ работы В. Г. Перова; отъ В. М. Васнецова два картонна углемъ: «Святители» для Владимірскаго собора въ Кіевѣ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

По великой русской рѣкѣ. А. П. Валуевой (Мунтъ). Изд. М. М. Ледерле и К^о.

Описаніе поѣздки отъ верховьевъ Волги до ея устья снабжено и иллюстрировано чудесными рисунками талантливаго художника Т. И. Никитина. Вся книга написана живымъ образнымъ языкомъ и даетъ много цѣнныхъ свѣдѣній о дорогой сердцу каждаго русскаго матушкѣ-Волгѣ. О великой рѣкѣ, о ея городахъ и селахъ писалось уже много, но все-же каждая новая книга о ней—подарокъ русскому обществу.

Сказки. А. Г. Сахаровой. Спб. Изд. М. М. Ледерле и комп.

Въ этой книгѣ, изданной съ большимъ изысканствомъ, которымъ всегда отличается вышеупомянутая фирма, помѣщено 14 рассказовъ фантастическаго характера. А. Г. Сахарова, видимо, заимствовала нѣкоторые сюжеты изъ нѣмецкихъ народныхъ преданій, а также и изъ сказокъ другихъ народовъ. Умѣло обработанныя темы, въ которыхъ вѣншній интересъ всегда связанъ съ легкимъ правдоученіемъ, дѣлаютъ всѣ рассказы весьма полезными для маленькихъ читателей. Хорошо исполненныя иллюстраціи придаютъ еще болѣе цѣнности этой хорошей книгѣ.

Физиологія ума. Полланъ. Пер. съ фр. Изд. М. В. Ключкина.

Эта книжка принадлежитъ къ серіи «Общеползной бібліотеки для самообразованія». Главные отдѣлы книги: «Первая система и умъ», «Статистическое изученіе ума» и «Организация ума».

«Собраніе сочиненій Фридриха Шпильгагена» «Между молотомъ и наковальней». Т. I. (Вторая серія). Переводъ съ нѣм., подъ ред. С. Бриллианта.

Только что вышелъ первый томъ второй серіи полнаго собранія сочиненій Шпильгагена, изданіе товарищества «Общественная Польза». «Между молотомъ и наковальней», первый томъ второй серіи, изданъ, какъ и первые восемь первой, опрятно и добросовѣстно. Переводъ, подъ редакціей С. Бриллианта, сдѣланъ литературно, съ сохраненіемъ колорита подлинника.

НЕКРОЛОГИ.

В. А. Яковлевъ. Въ Одессѣ скончался экстра-ординарный профессоръ Новороссійскаго университета и завѣдывающій городской публичной бібліотекой Владиміръ Алексѣевичъ Яковлевъ. Покойному принадлежитъ много печатныхъ трудовъ, таковы: «Домо-

строй», «Сказаніе о Цареградѣ», «Русская хрестоматія».

— Архимандритъ Исаія. 11-го апрѣля скончался намѣстникъ Александровъ-Невской лавры архимандритъ Исаія. Покойный родился въ Новгородской губерніи, въ 1825 году.

— Морицъ Гиршъ. 9-го (21-го) апрѣля близъ Коморна скончался отъ паралича сердца баронъ Морицъ Гиршъ, извѣстный миллионеръ и инициаторъ переселенія евреевъ въ Аргентину. Огромное состояніе Гирша частью унаслѣдовано было имъ отъ отца, баварскаго банкира, частью удвоено и утроено на железнодорожныхъ операціяхъ въ Турціи.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Олимпійскія игры. Еще лѣтомъ 1894 г. интернаціональный атлетическій конгрессъ, собиравшійся въ Парижѣ, рѣшилъ возобновленіе олимпійскихъ игръ и первое празднованіе ихъ было предложено въ Афинахъ. Конгрессъ отнесся къ этому рѣшенію съ большимъ энтузіазмомъ, но остальная публика взглянула на дѣло гораздо холоднѣе. Указывали между прочимъ на многочисленныя трудности, которыя встрѣтитъ выполненіе затѣянныхъ игръ. Но стараніями страстныхъ поклонниковъ атлетическаго искусства всѣ препятствія были устранены. И въ назначенный день у подножія Акрополя съ его величественными развалинами собрались юные атлеты всѣхъ странъ, чтобы помѣряться силами съ сынами Атики.

Игры происходили въ пасхальную недѣлю, въ присутствіи короля и всей его семьи. Эллинскій комитетъ вспомнилъ всѣ должности и названія, присущія древнимъ играмъ, появились архонты, эфоры, эфеты и т. д. Былъ устроенъ великолѣпный стадионъ, назначенный для бѣга и гимнастическихъ игръ. Открытая громадная зала прилегаетъ къ холму, въ ней можетъ помѣститься 60,000 человекъ, и вполне воспроизводитъ древній панатенаическій стадионъ; архитекторъ Анастасъ Метаксасъ выстроилъ ее на деньги Георга Аверова, богатаго греческаго купца. Зала эллиптической формы, имѣетъ около 130 саженей въ длину и около 70 саженей въ ширину. Дорога для бѣга занимаетъ 115 саженей при 11 саженяхъ ширины. Мѣста амфитеатра въ настоящее время сдѣланы изъ дерева и выкрашены бѣлой краской, но будутъ передѣлываться впоследствии изъ Пантеликійскаго мрамора и бѣлаго Пирейскаго камня.

Слѣдующія олимпійскія игры будутъ праздноваться въ Парижѣ въ 1900 году.

Мы не можемъ сочувствовать такому увлеченію олимпійскими играми и значенію, которое имъ придается. Тѣмъ болѣе, что теперь даже не существуетъ той физической красоты, которую такъ любили древніе греки. Всякій спортъ, всякое физическое развитіе несомнѣнно приноситъ свою пользу, но не тогда, когда ихъ доводятъ до крайности и когда они начинаютъ убивать божественную искру въ человѣкѣ, то есть дѣйствуютъ въ ущербъ его умственному развитію.

Смерть ребенка отъ прививки антидифтеритной сыворотки. Какъ въ медицинскомъ мірѣ, такъ и въ газетахъ, и среди обыкновенныхъ смертныхъ много толкуютъ о несчастномъ случаѣ въ семьѣ профессора доктора Лангерганса. Профессоръ Робертъ Лангергансъ былъ ассистентомъ профессора Вирхова, а теперь занимаетъ мѣсто прозектора въ моабитскомъ госпиталѣ въ Берлинѣ. Объявляя о смерти своего ребенка, онъ указываетъ крупными буквами, и не одинъ разъ, на антидифтеритную сыворотку доктора Беринга, какъ на причину внезапной смерти мальчика. Дѣло въ томъ, что у него заболѣла прислуга дифтеритомъ. Ее увезли въ больницу и во избѣжаніе зараженія докторъ Лангергансъ привилъ своему вполне здоровому мальчику, которому былъ годъ и 9 мѣсяцевъ, антидифтеритную сыворотку, и ребенокъ, будто отравленный быстрымъ ядомъ, внезапно скончался. Но чѣмъ руководится докторъ Лангергансъ, такъ увѣренно утверждая, что сынъ его умеръ

именно отъ прививки. Выражаетъ онъ свою увѣренность очень рѣзко, не приводя ни малѣйшаго научнаго доказательства. Не было бы удивительно, если-бы къ такому выводу пришелъ человѣкъ не знающій, котораго горе заставляетъ поступать необдуманно и вполнѣ его извиняетъ. Но этого никакъ нельзя ожидать отъ научно образованнаго врача, который ни въ какомъ случаѣ не долженъ терять хладнокровія. Тѣмъ болѣе что многочисленные опыты, произведенные надъ Беринговой сывороткой, доказали противное, а такое заявленіе, подписанное врачомъ, пожалуй заставитъ нѣкоторыхъ мнительныхъ родителей удержаться въ случаѣ надобности отъ употребленія единственнаго средства, могущаго спасти ихъ ребенка.

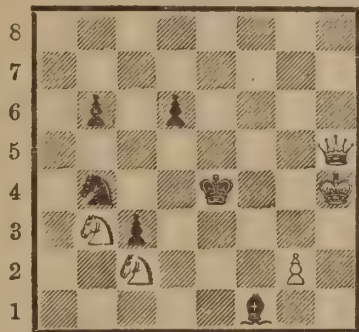
Быстрая смерть ребенка вызываетъ другіе вопросы, не могъ ли самъ докторъ Лангергансъ ошибиться? Не произошла ли смерть отъ закупорки кровеносныхъ сосудовъ? Вскрытіе, можетъ быть, разъяснитъ этотъ вопросъ, а можетъ быть и оставитъ его открытымъ. Объявленіе въ газетахъ вызвало внимательство суда, который потребовалъ вскрытія. Можно только одно сказать, что употребленіе или неупотребленіе Беринговой сыворотки не можетъ имѣть ничего общаго съ этимъ случаемъ въ семьѣ доктора Лангерганса.

Самый большой броненосецъ въ мірѣ есть англійскій броненосный крейсеръ *Геррибъ*. Длина его 164 метра (246 аршинъ); наибольшая ширина 21,6 метровъ (около 33 аршина). Водоизмѣщеніе при средней глубинѣ 8,2 метровъ (12½ аршинъ) 14,200 тоннъ. Броня, идущая во всю длину крейсера, защищаетъ помѣщенія: машинное, котельное, запасовъ, торпедо и рулевое отъ ударовъ снарядами. Машинное помѣщеніе имѣетъ 74 метра (111 аршинъ) въ длину; по сторонамъ его находятся склады угля, гдѣ его помѣщается 3.000 тоннъ. 48 котловъ Бельвиля даютъ необходимый для дѣйствія машины паръ. Двѣ тройныя Экспансіонъ-Компаундъ машины развиваютъ 25,000 лошадиныхъ силъ и даютъ крейсеру скорость 22 узловъ въ часъ. Вооруженіе состоитъ изъ 42 орудій большого калибра и 14 маленькаго.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 13.

В. Шинкманъ (въ Нью-Йоркѣ).
Первый призъ на конкурсѣ „St. John's Globe“.
Черные.

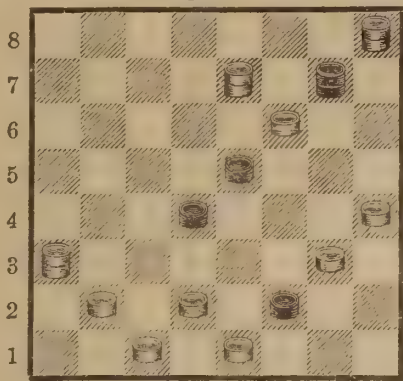
Бѣлые.
Мать въ 3 года.

ШАШКИ.

Подъ редакцію В. П. Шошина.

ЗАДАЧА № 13.

А. С. Егорова (въ Петербургѣ).
Черныя.

Бѣлыя.
Запереть дамку.

Въ шашечномъ турнирѣ по перепискѣ (см. №№ 2, 6, 7 и 11 „Живоп. Обзор.“) заявили еще желаніе участвовать слѣдующія лица: В. А. Калмыковъ, А. Г. Зинченко, Д. А. Николаевъ-Бородинъ, В. И. Тимофѣевъ, Г. А. Харченко, П. Ф. Матвѣевъ, К. И. Недригайловъ, А. Ш. Кентофъ, А. П. Свѣеровъ, И. М. Шостаковский, М. В. Краснухинъ, В. В. Вармужъ, П. Н. Куликовъ, П. И. Ивановъ и А. А. Кулаковъ.

Турниръ начался 11-го апрѣля 1896 г.

Участники турнира раздѣлены на три группы. Составъ каждой группы опредѣленъ по жребію. Каждый ведетъ одновременно игру со всеми участниками только своей группы. По окончаніи всѣхъ партій, образуется турниръ лучшихъ силъ, въ которомъ примутъ участіе только лица, оказавшія наиболѣе сильными, въ количествѣ отъ 4-хъ до 6-ти человѣкъ отъ каждой группы.

За РЕДАКТОРА—ИЗДАТЕЛЬ С. Добродѣевъ.

НА ВОСПИТАНІЕ МУЖСКИХЪ ДѢТЕЙ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕРТВОВАТЬ СЕБѢ

НЕОУЖНЫЯ ВЕЩИ

АМПУНТЪ ПО ВТОРНИКАМЪ ВОСПИТАНІЕ ДО 500 ДѢТЕЙ ВОЗРАСТНЫМЪ

ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 1141.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ журнала „Живописное обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

„ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА“.

Романъ изъ жизни черноморскихъ вилетовъ Владиміра Цѣна 1 рубль

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

ГОЛЛЕНДЦА,

цвѣтовъ: чернаго, каштановаго и темнорусаго. Легкій способъ и прочность окраски. Цѣна коробки 1 руб. 50 коп. съ пересылкою 2 руб. 25 коп. -1

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: Спб., Демидовъ переулокъ, дома № 1

И. ГОЛЛЕНДЦЕРЪ.

ФАБРИКИ С. СОБЕННИНОВА

Магазины: 1-ый Невскій, 58. 2-ой Невскій, 68 въ Спбурѣ

ПРЕДЛАГАЮ Непромокаемыя накидки ПАЛЬТО вискатиновые и резиновые ЧЕРНЫЯ И СѢРЫЯ

Цѣны удешевлены! Пріесть-курanty и образцы высылаю БЕЗПЛАТНО. 2378—6

Карамель изъ Травъ

„КЕТТИ БОССЪ“,

Б. СЕМАДЕНИ, въ Кіевѣ.

Главный складъ у Александра Венцеля С.-Петербурга, Гороховая, 33. — Продается во всѣхъ аптекахъ и ант. магаз. Россіи.

Цѣна имѣетъ съ мор. 25 коп. Малая коробка 15 коп. № 2010-8

ШАМПАНСКІЯ ВІНА

Топленныя оладьи. Топленныя оладьи. Топленныя оладьи.

Н. П. ДАНИНА

Москва, Москворецкій мостъ, соб. домъ.

Спеціальный оружейный магазинъ

И. И. ЧИЖОВА.

С.-Петербургъ Литейный пр. д. 51. Представитель Льежской Мануфактуры на ружья со стволами изъ стали „Кокриль“. Небывало роскошно-иллюстрированный прейскурантъ на 1896 г. высылается бесплатно. На пересылку прилагать марку въ 10 коп.

Вино

Сенъ-Рафаэль

Превосходно на вкусъ.

Сохраняется по способу ПАС-ТЕРА.

На каждой бутылкѣ печать Россійской таможни. Къ каждой бутылкѣ приложена брошюра о Сенъ-Рафаэльскомъ винѣ, какъ о ЛИТАТЕЛЬНѢМЪ. УКРѢПЛЯЮЩЕМЪ и ЦѢЛЕНѢМЪ средствѣ изслѣдованія Д-ра Де-Барре.

2366.

ТОЛЬКО

что вновь получены велосипеды

„АДЛЕРЪ“

изящные, прочные и легкіе 150 р. — к.

Велосипедные фонари

„Германія“ и „Блицъ“

никогда не тухнущіе, отъ

Моментально снимающіе

Щиты отъ грязи

изъ клеенки и алюминія 2 „ 25 „

Свѣтики „ТОРПЕДО“

необходимыя для Командировъ

при обществен. поездкахъ — 50 „

Американскіе ключи

для гаекъ всѣхъ размѣровъ — 50 „

Покрывшки для сѣделъ

ковровыя и войлочные 1 „ 20 „

Велосипедные звонки

лучшихъ системъ — 60 „

Жел. скл. подставки

необходимыя при частѣхъ и смазкѣ велосипедовъ 1 „ 25 „

Плащи отъ дождя

выстигиваемыя и шелковыя 2 „ 30 „

а также по дешев. цѣнамъ: насосы, сплывы, батажники, сумки, часо-и фонаре-держатели, масло для фонаря и смазки, шарики, спицы, нипеля, гайки и пр. и пр.

3. КИСКМАНЪ и К°

С.-Петербургъ, Гороховая 4.

Иногород. наложен. платежамъ.

Каталоги бесплатно.

Въ конторѣ журнала „Живоп. Обзор.“

(Спб., Невскій, д. 68—40) продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ А. Михайлова.

Цѣна 1 руб.

III Важно для дамъ !!!

Зачное обученіе шитью и крою посред-

ствомъ лекцій корреспонденткой по пошл-

ному, легчайшему и понятному для каж-

даго методу. Полная гарантія въ успѣхѣ.

По окончаніи курса свидѣтельство. Усло-

вія и программы высылаются бесплатно

Плата умеренная.

Преподавательница Е. Д. Ашмарина.

Кіевъ, Житомирская, № 4. № 2359.

ДЛЯ ВОЛОСЪ.

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ

Косметика А. Энглундъ.

средство для

волосъ, осы-

жасть голов-

ную кожу.

Цѣна флак.

1 р. 50 к.

съ перес. 2 р.

2 флакона съ

перес. 3 р.

50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ

прошу обратить вниманіе на подписку:

„А. Энглундъ“ красными чернилами

и маркою С.-Петербургской Косме-

тической Лабораторіи. Получать

можно вездѣ. — Главный складъ для

всей Россіи А. Энглундъ

С.-Петербургъ, Михайловская площ.

д. ЖЕРБИНА, № 2.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться пись-
менно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ.
— 4 Спб., Невскій, 59. № 2261.

ВЕЛОСИПЕДЫ

ВЕЛОСИПЕДЫ

съ новѣйшими усовершенствованіями
1896 г. Предлагаются въ громадномъ вы-
борѣ представитель фирмъ:
ГУМБЕРЪ и КО, ЛИМИТЕДЪ КВАНТОНЪ и КО,
и АДАМЪ АПЕЛЬ и другіихъ первоклассныхъ
фабрикъ. Всевозможныя велосипедныя
принадлежности. **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ.**
РОБЕРТЪ ГЕТЦЪ
д. ВОДЕНИКОВА 2805—37
Уголь Садовой и Гороховой. С.-Петербургъ
Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

№ 2305—4

ВЫИГРЫШ
нмѣ 1, 2 и 3 займы продаются
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, НЕВСКІЙ, СПБ.

НЕОБХОДИМО

всѣмъ, имѣющему занятіе
на открытомъ воздухѣ, какъ-
то: для гг. военныхъ, инже-
неровъ, охотниковъ, золото-
промышленниковъ, моряковъ
и служащихъ на желѣзн. до-
рогѣ, а также замѣняющаго до-
машній пиджакъ

Вязанія куртки изъ ан-
глійской крученой шерсти.
цѣна: 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелко-
выми рукавами 15 и 18 руб.
Цвѣта: черныя, темн. синія, коричне-
выя, сѣрыя и бордо.

ПЕРЕСЫЛКА 1 руб.
При выпискѣ необходима мѣра вокругъ
туловища. № 2216—28
въ специальномъ магаз. бѣлья
Ю. ГОТЛИБЪ
СПб. По Владимирскому пр. д. № 2,
уголъ Невскаго пр. — 47.
Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

**МУЗЫКАЛЬНЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ**
ВСЯКАГО РОДА и ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА
РЕКОМЕНД. въ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петровка, домъ Волкова.
НИЖЕГ. ЯРМ Главн. домъ № 6.
ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ

Громадный складъ
велосипедовъ, принадлежностей и отдѣльн. частей

«Монополь»
отъ 162 руб.

«Адлеръ»
отъ 150 руб.

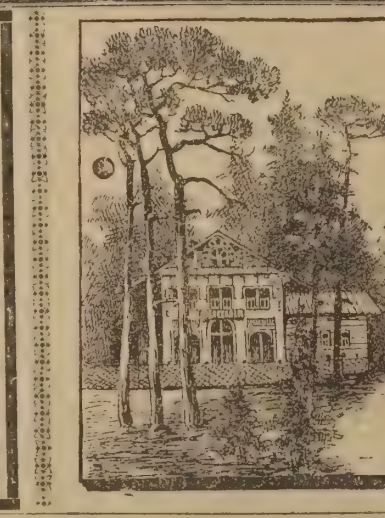
Э. КИНКМАНЪ и КО.
С.-Петербургъ Гороховая, 4.
Собств. мастерская для починки велосип. всехъ сист. — Каталогъ высыл. бесплатно.

ЧАЙ
СЪ ОСТРОВА ЦЕЙЛОНА!!!
чистый и экономическій наилучшій чай въ мірѣ. —
ОСТОЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!
М. РОЖИВЮ
Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ.
Главный складъ: МОСКВА, Маросейка, домъ Лебедевой.
Депо въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: у М. Шабли, Вознесенскій просп., уголъ
больш. Садовой, № 43—59.

Главное депо часовъ
Эд. Бурхардъ.
Спб., Гороховая ул., у
Краснаго моста, № 17.
2) по Невскому пр.
№ 6, прот. М. Морской.
Большой выборъ все-
возможныхъ часовъ
лучш. фабрикъ по са-
мымъ умѣр. цѣнамъ

Никелевые . . .	отъ 6 р. 50 к. до 15 р.
Стальные (черные) . . .	10 р. — 20 "
Серебряные мужскіе и	
дамскіе	12 " — 75 "
Золотые мужскіе . . .	50 " — 500 "
Золотые дамскіе . . .	25 " — 100 "
Регуляторы 2-хъ не-	
дѣльных	7 " — 65 "
Будильники	4 р. 50 к. — 25 "

Гг. Инородимъ высылка наложеннымъ
платежомъ. Прейсъ-курранты высылаю
бесплатно. Карманные часы сумасу-
ше 10 р. высылаются почтой на счетъ
моего магазина № 1223-9

ПРОДАЮТСЯ

ВЕЗДѢ.

Жирная
пудра. 4711

Эссенція
Рейн-
ская
Фіалка. 4711

Эссенція
Рейн-
ская
Фіалка. 4711

Рейн-
Букетъ. 4711

Хрусталь-
ное
Розовое
МЫЛО. 4711

Рейн-
Букетъ. 4711

ФИСТАРМОНІИ
ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ
**ШИДМАЙЕРА,
КАРПЕНТЕРА**
и другихъ лучшихъ фабрикъ:
въ 85, 100, 110, 130, 135, 150,
160, 180, 190, 200, 225, 240,
250, 300, 325, 350, 400, 450,
500, 550, 750, 800 и 1,000 руб.
Школа-самоучитель — Паке 2 р.
Иллюстрированный прейсъ-куррантъ
БЕЗПЛАТНО. — 17

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 27-18 МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
УЛИЦА УЛИЦА

№ 17 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2½ листовъ, съ 8-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и
II) «Еженедѣльная хроника», № 17-й.

Дозволено цензурою. Спб., 19 апрѣля 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНИЕ С. А. ОБОЗРѢВЪ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРѢ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВСѢМЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ РАЗСЫЛАЕТСЯ:

Пятая книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній — «Домашняя Библіотечка», № 5-й (за май 1896 года).

Всѣ нумера журнала сдаются на почту строго проверенными и въ полномъ количествѣ почтовому служителю, а затѣмъ сообщать въ Главную Контору не позднѣе получения слѣдующаго нумера журнала, такъ какъ позднѣйшія претензіи почтамтъ не принимаютъ и разслѣдованію, а высылать второй экземпляръ не всегда представляется возможнымъ для редакціи.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ПРОФЕССОРА И. АЙВАЗОВСКАГО 1896 ГОДА.

БОСФОРЪ. Гравировалъ на деревѣ В. Адтъ.

ПРИЗРАКИ ПРОШЛАГО.

(Изъ Гете).

Вы близко вновь, туманныя видѣнья,
Что съ юныхъ лѣтъ влекли мой грустный взоръ.
Остановить-ли ваше появленіе?
Хранить-ли грудь ту грезу съ давнихъ поръ?
Вы здѣсь толпой!.. Такъ въ нашемъ я владѣнн!
Кругомъ изъ мглы вы мчитесь на просторъ,
И вашъ полетъ чарующимъ дыханьемъ
Волнуетъ грудь мнѣ юнымъ содраганьемъ.

А съ вами прошлыхъ лѣтъ воспоминанья
И много поднялось родныхъ тѣней...
Какъ пѣснь полузабытаго сказанья,
Вотъ первая любовь и дружба съ ней;
Скорблю я вновь: межъ счастья и страданья
Стремится жизнь вдоль множества путей.
Всѣ лучшіе, гоняясь за мечтою,
Въ мигъ обольщенья гибли предо мною.

Ужъ вамъ не слышны звуки этихъ пѣсень,
О, вы, кому я первая пѣвала!
Распался въ прахъ кружокъ, что былъ такъ тѣсенъ.
Согласный хоръ навѣки отзвучалъ.
Толпѣ чужой мой голосъ сталъ извѣстенъ,
Страшусь ея участія и похвалъ;
Все, что, любя, моей внимало лирѣ,—
Коль и живетъ, такъ врозь блуждаетъ въ мірѣ.

И я стремлюсь къ тѣмъ призракамъ безгласнымъ,
Въ ихъ чистый міръ, давно забытый мной
Ужъ пѣснь возникла лепетомъ неяснымъ,
Какъ будто арфѣ золотыхъ игрой;
Роняю слезы; трепетъ въ сердцѣ властнымъ;
И слабъ, и нѣженъ духъ суровый мой...
Все, чѣмъ живу,—вдали, покрыто мглою,
Погибшій міръ воскреснулъ предо мною!

А. Борисовъ.

НЕ О Т Ъ М І Р А...

Романъ И. И. Забрѣннева (продолженіе).

КАКЪ исполнился весь Zubовскій домъ когда узнали, что Елена опять свидѣлась съ Алексѣемъ. И чего бы, кажется, имъ? Не сами-ли они твердятъ ежедневно, что она отрѣзанный ломоть, что она сама должна слѣдить за своей репутаціей... Такъ, нѣтъ-же, нужно лишній разъ показать, что есть «старшіе въ домѣ». Всего интереснѣе, что Елена сама сообщила объ этомъ свиданіи роднѣ, ничего не подозревавшей до того времени.

Въ тотъ день никто не замѣтилъ довольно долгаго отсутствія Елены изъ дома: всѣ уѣхали въ гости къ генеральшѣ Приптичкиной. Володя отправился въ сопровожденіи Ефросиньи Яковлевны къ своему новому товарищу, Павлѣ Кривцову.

Входя въ подъѣздъ, Елена спросила у швейцара, разукрашеннаго тремя Георгіями: — Мама дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, уѣхавши-съ. И потомъ маленькій баринъ ушелъ.

«И, прекрасно! — весело подумала, Елена, — по крайней мѣрѣ, обойдется безъ разспросовъ: гдѣ была? что дѣлала?»

Раздѣвшись, она прошла въ будуаръ матери, сама недоумѣвая, зачѣмъ туда идетъ. И уже входя за портьеру, сообразила:

«Ну, конечно, для того, чтобы лично провѣрить ея отсутствіе!» И невольно усмѣхнулась:

«Вотъ, какъ у меня духъ недовѣрія развился... въ Zubовской школѣ!»

Эта комната была свидѣтельницей многого въ дѣтской жизни Елены.

Потолокъ со строгой лѣпкой и тоненькимъ золотымъ бордюромъ на линіи, гдѣ онъ соприкасался со стѣнами. Темные обои съ темно-красными большими розами; на ихъ лепесткахъ едва замѣтный золотистый отблескъ. Старинная дорогая мебель гранатнаго штофа. Въ глубинѣ — каминъ, весь задрапированный шелковой персидской матеріей, цвѣта темно-красной бронзы.

Елена подумала на мгновеніе.

— А кака-то комната у Алеши?

И ей почему-то представилось, что она должна быть вродѣ комнаты Ефросиньи Яковлевны — длинная, узенькая, съ большимъ венеціанскимъ окномъ и бѣлой изразцовой печью.

— Ну, почему я могу знать, что за вздоръ? — разсмѣялась она. И продолжала разглядывать обстановку будуара, точно въ первый разъ видѣла ее.

Старинные портреты масляными красками, тусклые и сѣрые, дагеротипы — пожелтѣвшіе и выцвѣтшіе.

— Вонъ у дѣдушки, все лицо выцвѣло: одна борода осталась, точно привязная.

Стеклянный шкафъ, съ маленькими зеркальцами, полный стариннаго сакса.

Дѣйствительно, прелестныя вещицы: теперь что-то не дѣлаютъ такихъ...

Маленькая люстра.. Елена взглянула на хрустальные подвѣски и вспомнила, какъ она, маленькой, нарочно топала ногами подъ люстрой, чтобы звенѣли эти радужные подвѣски. За это ей часто попадало.

Туалетъ съ перламутровой отдѣлкой. Какъ красивая вещь и какъ она хорошо помнитъ этотъ туалетъ!

Она училась читать у матери, женщины нервной и раздражительной.

— «Читай басню!» — Она читаетъ. — «Не такъ, не такъ! Когда я тебя научу? что это въ самомъ дѣлѣ!» Молчаніе. — «Изволь сидѣть, тутъ у моего рабочаго столика, пока не выучишь, какъ слѣдуетъ!»

И Леля сидитъ, слезы украдкой падаютъ на «Елку» Дарагана, такую милую книжку, вдругъ превратившуюся въ ея мучителя. И она плачетъ, плачетъ...

— «А, плакать?» — мать бросаетъ въ негодованіи вышиванье или кружева на диванъ. — «Плакать?» повторяетъ она. — «Вотъ погоди, я тебя!» — и въ минуту рѣшеніе! — «Такъ какъ ты скверная дѣвченка, лѣнтяйка: не хочешь учиться... то... то... встань у туалета съ книжкой и не смѣй опираться. Ты бу-

дешь такъ стоять, пока не заучишь, какъ слѣдуетъ... Марш!»

Лена съ книжкой становится у туалета. Ноги начинаютъ затекать...

— Мама!

Мать молчитъ и сдвигаетъ брови.

— Мамаша!

Мать строго поглядываетъ.

— Мама не говоритъ съ мерзкой дѣвченкой!

Вся вина «мерзкой дѣвчонки» въ томъ, что судьба послала ей безтолковую преподавательницу. Ноэта преподавательница — ея мать и потому приходится считаться съ ея педагогическими воззрѣніями. «Мать — лучшая учительница для своихъ дѣтей!»

«Мерзкая дѣвчонка» не унимается.

— Мама, я не могу учиться: канарейка поетъ и мѣшаетъ.

— Ахъ, ты негодная! Ты, вѣроятно, розги хочешь? Она тутъ, недалеко.

Розга всегда занимала почетное мѣсто за столбикомъ туалета.

Дѣвочка потупляетъ глаза и начинаетъ усиленно «зубрить».

Съ невѣроятными усилиями басня выучена и отвѣчена.

Дѣвочка радуется. Что-жъ, она выучила и сейчасъ убѣжитъ играть. Свобода! свобода!

Но мать надумывается.

— Такъ какъ ты слишкомъ долго учила, то ты не будешь сегодня играть, а пойдешь въ комнату и прочитаешь французскій урокъ.

— О, мама! — съ неподдѣльнымъ страданіемъ говоритъ Леля.

Мать бросаетъ строгій взглядъ. Леля идетъ, вмѣсто отдыха читать французскій урокъ, правда, по роскошной книгѣ съ золотымъ обрѣзомъ и въ сафьяновомъ переплетѣ. Какъ ни странно, это стихотвореніе Ламартина... но шестилѣтней дѣвчкѣ не то нужно для отдыха.

А вотъ эта малахитовая вазочка другое напомнила Еленѣ.

Знакомый привезъ изъ Сибири и подарилъ

Ближе, все ближе весна..
Тая, сбѣгаютъ снѣга,
Будить рѣчная волна
Плескомъ своимъ берега.

* * *

Стайми птицы спѣшать
Съ юга въ родные лѣса,
Вѣшнимъ привѣтомъ звучать
Радостно ихъ голоса.

* * *

Ночи свѣтлѣй и свѣтлѣй,
Жарче веселые дни,
Жизнь закипаетъ смѣлѣй
Всюду, куда ни взгляни.

* * *

Въ воздухѣ пѣсня дрожить,
Въ пѣснѣ—любовь и печаль.
Ясная греза летитъ
Снова въ прозрачную даль.

* * *

Ближе, все ближе весна
Тая, сбѣгаютъ снѣга,
Будить рѣчная волна
Плескомъ своимъ берега.

Н. Медвѣдскій.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА К. БОДЕНГАУЕРА.

ПЕРВЫЕ ЦВЕТЫ.

тебѣ всю свою жизнь отдамъ, лишь-бы ты испытала хоть маленькую долю счастья! Теперь я выросла... Открылись у меня глаза, я поняла, въ какой мглѣ я жила до сихъ поръ, какимъ интересамъ служила, пѣть! Теперь я только твоя!»

Въ заранѣ условленный день Елена вышла изъ дому свидѣться съ Алексѣемъ.

Можетъ быть, такъ и было на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, показалось—только Елена уловила недовѣрчивый взглядъ тата, когда сообщила, что пойдетъ прогуляться.

Она смутно надѣялась, что съ утрированной вѣжливостью ей предложатъ вопросъ: — Не къ вашему-ли старому другу?

Тогда она не станетъ лгать и прямо скажетъ:

— Да, я иду къ Алексѣю.

Но ничего не спросили... только одинъ взглядъ—да и то не навѣрное еще.

Когда она уже вышла изъ комнаты, тата окликнула:

— А къ обѣду вернешься?

— О, конечно, конечно... Вѣдь я уже не такъ далеко,—поспѣшно отвѣтила молодая женщина и упрекнула себя за эту поспѣшность.

Только на улицѣ она вздохнула полною грудью.

Ощущеніе нравственной зависимости такъ вѣдается въ сознаніе человѣка, что даже и сбросивъ ее, все еще, кажется, чувствуешь ея тлетворное вліяніе. Такъ, каторжники, освободившись отъ оковъ, долго еще, послѣ, машинальнымъ жестомъ оправляютъ ихъ на рукахъ.

Елена хотѣла нанять извозчика, но передумала. Ей показалось, что пѣшкомъ она дойдетъ скорѣе.

Она въ скверѣ. Входитъ съ трепетомъ въ условленную аллею.

На ихъ скамейкѣ сидитъ какой-то студентъ и читаетъ лекціи. Бродятъ по пустыннымъ дорожкамъ трое или четверо. Скверъ пустуетъ въ это время. Алексѣя пока еще нѣтъ. Что-то похожее на предчувствіе закрадывается въ ея сердце. Но она тотчасъ же успокаивается.

— Онъ придетъ, конечно. Непремѣнно придетъ!

Она поправила вуалетку. Студентъ искоса поглядѣлъ и крикнулъ. Ему, видно, хотѣлось заговорить. Онъ поворачивался, поглядывалъ, бормоталъ что-то, но сказать ничего не рѣшился.

Знакомая фигура показалась за поворотомъ аллеи. Елена восторженно вскрикнула. Алексѣй быстрыми шагами приближался къ ней.

— Ты давно ждешь?.. Прости, меня задержали немного. Молодая женщина глазами показала ему на студента и взяла его руку. Они вышли.

По дорогѣ пришлось идти мимо Zubовскаго дома. Легко можно встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ своихъ. Отецъ могъ ѣхать съ биржи. Но ей теперь все равно. Она пойдетъ объ руку съ Алексѣемъ передъ цѣлымъ свѣтомъ.

— Никого нѣтъ,—сказалъ Алексѣй, взглянувъ въ подъѣздъ. Ни швейцара, ни дворника.

— Ты не испугайся, Лена. Ты, вѣроятно, такихъ комнатъ еще не видывала. Привыкла вѣдь жить въ хоромахъ... большой барыней.

— Не бойся,—смѣялась молодая женщина.—Былъ бы только ты въ этой комнатѣ, а до остального мнѣ и дѣла нѣтъ.

Они разговаривали, не смолкая, всю довольно длинную дорогу. Тутъ были и шутки,

и серьезное, и смѣхъ, и воспоминанія... Разговоръ, который можно вести только съ тѣмъ, кого любишь. Какъ будто пустяки, самыя обыкновенныя фразы, старые анекдоты, неважные каламбуры,—а чувствуется, что все это—такъ весело, ново, оригинально. И главное, главное—отъ такихъ разговоровъ легко на душѣ и точно хмѣлѣешь отъ чувства, очень похожего на безмятежную радость.

Они остановились передъ большимъ, недавно выстроеннымъ, каменнымъ домомъ. Вошли въ одинъ дворъ, въ другой—и стали подниматься по лѣстницѣ. Алексѣй пропустилъ Елену впередъ,—нельзя было идти рядомъ, ступеньки были слишкомъ узки.

— Что, немножко высоко? Ничего, милая, къ небу ближе!—шутитъ Алексѣй, слегка поддерживая за руку свою гостью.

Позвонили.

Женщина съ подвязанными передникомъ и щекою, отворила дверь.

— Здравствуйте, Ликсе Васильчъ... И вы, парышня, здравствуйте.

Молодые люди улыбнулись на такое любезное привѣтствіе.

Да, имъ было весело сегодня. Счастливыя улыбки, даже и безъ всякаго видимаго повода, такъ и искрились у нихъ на устахъ.

— Вотъ мое «обитаемое мѣсто», какъ говоритъ одинъ мой знакомый нѣмецъ.

Комната почти квадратная, но небольшая. Желтенькіе дешевые обои съ красными мелкими цвѣтками. Нѣсколько олеографій... («Не мои, не мои—это хозяйкины»—конфузливо пояснилъ Алексѣй). Пять-шесть портретовъ. Тикали часы съ росписаннымъ цвѣтами циферблатомъ и висячими гириками—какія, обыкновенно, можно купить за рубль двадцать—рубль пятьдесятъ.

Елена подошла къ окну и слегка вскрикнула отъ неожиданности. Двора совсѣмъ не было видать, за то едва-ли не во всю величину Исаакій, нѣсколько золотыхъ церковныхъ куполовъ, и море красныхъ и сѣроватыхъ крышъ. Зато свѣта—вдоволь!

— Однако, какъ... высоко! Крыши однѣ!—проговорила Елена,—но мнѣ нравится такой видъ... оригинально...

И развязывая одной рукой шарфикъ, она вытянула назадъ другую, помогая Алексѣю снять съ себя пальто.

— Ты, небось, никогда не бывала такъ высоко.

— Никогда не бывала,—созналась Елена.

— Ей, бабушка, намъ бы самоварчикъ!

— Смоди, тебѣ знакомо это?

Онъ подвелъ ее къ большой фотографіи.

Была снята та самая яхтъ-клубская гонка, которая имѣла для нихъ обоихъ такое огромное значеніе.

— Къ чему ты держишь ее?—печально сказала Елена.—Уничтожь... Это грустное, тяжелое воспоминаніе. Погоди, я ее у тебя возьму.

— Возьми.

И онъ сталъ заворачивать въ газету фотографію.

Старуха внесла маленькій, похожій на тыкву, самоваръ.

Елена хотѣла заняться чаемъ, но Алексѣй не допустилъ.

— Ни за что! Ты моя гостья. Сиди, какъ китайскій божекъ, въ почетномъ углу, на диванѣ.

— Замужъ не выйду!—шутливо обидѣлась Елена.

Они сидѣли рядомъ и пили чай со сливками и печеньемъ. Разговоръ такъ и пере-

леталъ съ одной темы на другую. Фразы переплетались съ поцѣлуями. — Ну и что-же, послѣ...? Поцѣлуй. — И тогда ты имъ сказала: не буду...? — Конечно! Поцѣлуй. — Какая ты милая! — Ты самъ милый! Поцѣлуй... одинъ... два... цѣлыхъ три поцѣлуя!

На столѣ—коробка монпансье. Замѣчательно вкусно! Честное слово, это монпансье вкуснѣе всѣхъ тончайшихъ Джексоновскихъ и Zubовскихъ десертовъ!

Елена вынула золотые эмальированные часики.

— О! я уже у тебя два часа... половина шестого..

Алексѣй поглядѣлъ на часики и чуть-чуть сдвинулъ брови.

— Это тѣ, что подарилъ онъ?

— Я сама не люблю ихъ.

И снявъ часы, она положила ихъ на столъ.

— Перебѣни къ слѣдующему разу на другіе.

Онъ покраснѣлъ...—Хорошо! И поцѣловалъ ея руку.

— Пора дорогой! Я хотѣла быть къ обѣду.

У него была взята на домъ работа и она упростила не провожать ее.

На порогѣ, прощаясь, онъ шепнулъ:

— Мы будемъ любить... друга друга... да?

— Нѣтъ. Къ чему?—съ лукавой улыбкой возразила Елена и горячо его поцѣловала.

Ихъ свиданія участились. Трудно было рѣшить Еленѣ: подозрѣваютъ-ли что либо дома.

Иногда, казалось, что да, — иногда, что нѣтъ.

Она находила невыразимое наслажденіе при мысли, что жизненный путь ея теперь вполне ясенъ. Она принадлежала къ числу тѣхъ любвеобильныхъ и, пожалуй, экзальтированныхъ натуръ, которыя, отдавшись дѣлу возрожденія какой нибудь человѣческой личности, не знаютъ уже предѣловъ своему благородному рвенію. И тѣмъ ниже палъ человекъ, тѣмъ больше жертвъ приносятъ онъ во имя своей задачи.

Она вошла въ мельчайшія подробности быта Алексѣя. Она узнала, какъ и чѣмъ жилъ онъ до сихъ поръ, какія приобрѣлъ привычки, узнала его истинные взгляды на жизнь и людей—взвѣсила все это и ужаснулась...

Нѣсколько разъ она замѣчала, что отъ Алексѣя пахнетъ виномъ. А онъ клялся, что уже бросилъ пить... И она провѣрила. Это открытіе на цѣлыхъ три дня лишило ее сна.

Однажды, не найдя Алексѣя на условленномъ мѣстѣ, Елена поспѣшила къ нему на квартиру. Кухарка сообщила, что онъ уже не былъ дома два дня.

— Я подожду его.

Она прождала его до вечера и онъ явился, но въ какомъ видѣ! Елена поднялась ему на встрѣчу.

— Алексѣй... Алеша... и тебѣ не стыдно! Онъ узналъ ее и забормоталъ:

— Ахъ, прости меня! Что-же дѣлать. Была добавочная работишка. Очистилось три красненькихъ...

Она при помощи кухарки уложила его въ постель. Подождала, пока не уснулъ и совсѣмъ разбитая вышла. Кухарка говорила за нею:

— Да теперь-то ничего еще... изрѣдка...

Какъ вы стали ходить. А прежде страхъ! Елена пришла опять на другой день и Алексѣй со слезами цѣловалъ ей руки и на

ея мягкіе укоры обѣщали напередъ всѣ свои усилія, чтобы удержаться отъ пьянства.

— Ахъ, Лена и грудь ужъ разбита! И воля измочалилась... Безразсуднымъ ребенкомъ я сталъ... Только ты, ангель-хранитель мой, прости мнѣ, не оставляй меня! Безъ тебя я погибну совсѣмъ!..

Алексѣй ровно двѣ недѣли держалъ свое обѣщаніе. Но черезъ двѣ недѣли, онъ пришелъ къ подъѣзду дома Зубова и потребовалъ вызвать къ нему Елену. Онъ былъ сильно выпивши. Швейцаръ не хотѣлъ, тогда Алексѣй вынулъ лоскутокъ бумаги и написалъ дрожащимъ почеркомъ: «Радуйся! Я нагрубилъ нашему бухгалтеру. Меня прогнали и я напился, что ты на это скажешь?» Елена послѣдшне одѣлась и сбѣжала съ лѣстницы, но всѣ уже узнали, въ чемъ дѣло.

— Вотъ, Ленушка... вотъ что!— встрѣтилъ ее у подъѣзда Алексѣй.

Дворники готовы были по первому жесту Елены отправить его въ участокъ, и каково было ихъ изумленіе, когда Елена твердымъ голосомъ велѣла позвать извозчика и сказала: «пьяному барину».

— Садись, Алеша!

И уѣхала съ нимъ.

Они молчали всю дорогу. Когда они пріѣхали, она помогла Алексѣю взойти домой, послала кухарку за зельтерской водой, сдѣлала ему компрессъ. Опыяненіе его стало проходить. Тогда она взяла его за руку и ласково, точно говоря съ ребенкомъ, сказала ему:

— Ты губишь себя, Алеша! Потерялъ мѣсто? Что-жъ за бѣда, мы отыщемъ другое! Не горюй!—она провела свободной рукой по его волосамъ.—Завтра утромъ я приду къ тебѣ и мы все обсудимъ. Ложись съ Богомъ!

Она перекрестила его. Затѣмъ, поцѣлова-ла его въ лобъ.

— Спи-же спокойно. Я завтра буду у тебя. Она знала, что ее ждетъ дома, и ужъ рѣшившая какъ поступить, пошла на встрѣчу объясненіямъ.

Въ кабинетѣ, куда ее пригласили, кромѣ отца съ матерью, сидѣли братья и сестра съ мужемъ.

Елена твердою поступью подошла къ отцу и, не давъ ему начать, подчеркивая, каждое слово—сказала:

— Безполезно распространяться о томъ, что всѣмъ уже извѣстно. Что случилось, то случилось. Я хочу только знать, къ какому рѣшенію вы пришли.

Григорій Павловичъ остановилъ жестомъ жену и, видимо сдерживая себя, отвѣтилъ:

— Ты избѣгаешь объясненія? Прекрасно! По своему ты права. Эти объясненія мало доставятъ удовольствія и тебѣ, и намъ. Ты только интересуешься моимъ рѣшеніемъ, рѣшеніемъ твоего отца. Вотъ оно: ты не можешь оставаться дольше въ родительскомъ домѣ.

Глаза Елены радостно заблестѣли.

— Это какъ разъ то самое рѣшеніе, къ которому и я пришла!

Отецъ продолжалъ:

— Прекрасно. Завтра тебѣ будетъ нанята комната. Деньги твои будешь получать какъ и прежде получала, т. е. у меня. Вотъ и все. Прощай.

— Прощайте.

И Елена вышла, не обернувшись въ сторону зятя, который не могъ удержаться:

Но его выслать изъ Петербурга нужно, этого проходима. Онъ позоритъ честную фамилію, этотъ пьяница!

... Три часа ночи... Елена готовится къ отъѣзду. Она уже уложила все, что хочетъ взять съ собой. Лампа догорѣла и свѣча боязливо мигаетъ на маленькомъ столѣ.

Выдвинуты ящики. Книги разложены по стульямъ. Разныя вещи разбросаны на туалетѣ, диванѣ, на полу.

Тоска!

Утомленная, Елена опустилась на диванъ. Завтра ея уже не будетъ здѣсь.

Цѣлая полоса ея жизни рухнула... Вотъ такъ сваливается на пожарахъ стѣна сгорѣвшаго дома; яркія искры взлетаютъ на воздухъ—это послѣднія воспоминанія; легкій дымокъ—и все покрывается непломъ.

Завтра ея уже не будетъ въ этомъ домѣ, гдѣ она выросла и гдѣ ею столько пережито...

— Какой безпорядокъ! Точно кто чужой здѣсь распоряжался!

Тихая давящая грусть сосущей змѣей вползла въ сердце Елены.

Это тоскливая грусть, вѣрная спутница разставанья—все равно, съ человѣкомъ или привычнымъ жильемъ.

— Что же ждетъ меня?

Елена вглядывается въ мелькающій огонекъ свѣчки и думаетъ объ Алексѣѣ, о себѣ, о неизвѣстномъ, темномъ будущемъ...

...Въ эту ночь она не ложилась.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАЛЕНЬКАЯ НАТУРЩИЦА.

Рассказъ Ж. Клареси.

I.

МАЛЕНЬКАЯ натурщица, прелестная подъ широкими полями шляпы времени Директоріи, въ плотно облегающемъ тѣло розовомъ полосатомъ платьѣ, съ черными, слегка курчавыми и взбитыми волосами, недовольно качала головой, пока художникъ мягкими штрихами набрасывалъ на полотно очертанія ея тонкаго, гибкаго тѣла.

— Мое платье очень, очень красиво, господинъ Жоржъ; но не такъ хотѣла-бы я быть одѣтой, чтобы меня рисовали.

Она слегка картавила. На мѣдiano-блѣдномъ лицѣ ребенка-арабки печально глядѣли большіе черные глаза.

— А! Въ какомъ платьѣ вы хотите быть нарисованной, мадемуазель Кора?

Печальные глаза маленькой натурщицы вдругъ вспыхнули, она отвѣтила взволнованнымъ голосомъ:

— Въ какомъ платьѣ? Я хотѣла-бы видѣть себя сестрой милосердія!

— Сестрой милосердія?

— Да. Съ такими большими бѣлыми крыльями, которыя спускаются съ обѣихъ сторонъ лица. Этотъ чепчикъ такъ красивъ, такъ красивъ! Сестра милосердія! Какъ хорошо быть сестрой милосердія!.. Быть сестрой милосердія, а не...

Она остановилась и на ея черныхъ глазахъ выступили крупныя слезы.

— Кора, милочка, если вы будете плакать, вы не будете похожи на щеголиху времени Директоріи!

Дѣло происходило въ мастерской моего юнаго пріятели Жоржа, въ двухъ шагахъ отъ церкви Сентъ-Венсаъ де-Поль, обѣ башни которой видѣлись въ широкое окно; сѣрые

силуэты ихъ вырѣзались на прекрасномъ голубомъ майскомъ небѣ, легкомъ, полномъ жизни. Глубокіе глаза маленькой Кору смотрѣли на это весеннее небо, на эти сѣрыя башни; она покачивала своей головкой маленькой африканки въ розовой шляпкѣ времени Директоріи, а художникъ набрасывалъ веселую картину франтовъ и франтихъ того времени, сидящихъ за шерботомъ въ цвѣтущей бесѣдкѣ,—смѣсь зеленыхъ стульевъ, полосатыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ, русыхъ волосъ, пестрыхъ чулокъ, вѣровъ, улыбокъ, и въ глубинѣ всего—Парижъ, великій революціонный Парижъ, смутно различаемый въ сумеркахъ и глухо ревушій у ногъ щеголей и щеголихъ, весело смѣющихся на высотахъ Монмартра или Беллевиля.

Маленькая натурщица была далеко, очень далеко отъ картины, въ которой она фигурировала. Взглядъ ея, полный безграничной грусти, дѣлался неподвижнымъ, останавливаясь на башняхъ церкви.

— Сестра милосердія!

Ея блѣдно красныя, толстыя, но классически правильно очерченныя губы, тихо повторяли эти слова, которыя она только что произнесла громко съ выраженіемъ пылаго сожалѣнія:

Сестра милосердія!

— Ну, а здоровье какъ?—спросилъ художникъ, продолжая рисовать.

— Здоровье, господинъ Жоржъ? Ну, оно не дурно... Я думаю, я поправлюсь! Докторъ далъ мнѣ лекарство, съ эфиромъ, оно помогаетъ мнѣ. Я сплю лучше...

Она кашлянула и быстро прибавила, какъ бы извиняясь или обманывая сама себя.

— Я еще кашляю, но очень мало!.. Со стороны здоровья все хорошо, господинъ Жоржъ, все хорошо!.. Плохо только...

Она остановилась, пробуя улыбнуться,—но ея дѣтское личико чужестранки невольно выразило надрывающее горе...

— Голова вотъ не поправляется!..

— Вѣрнѣе сказать сердце? Вы все думаете о немъ?

— Все, все! И всегда буду думать,—повторила маленькая креолка.

У маленькой Кору романъ? Да, у нея былъ романъ; эта блѣдная хорошенькая головка, это сердце женщины-ребенка имѣло свою мечту, свое страданіе. Жизнь жестоко коснулась этой натурщицы съ грустнымъ взглядомъ. Дуновение любви прошло по этимъ чернымъ, курчавымъ волосамъ, опечалило эти полныя губы, созданныя для поцѣлуевъ и улыбокъ...

Да, въ мірѣ существовалъ кто-то, кто для нея былъ онъ, къ кому ея мысль постоянно обращалась; кто безъ сомнѣнія забылъ ее, больше объ ней не думалъ. Онъ, который для нея былъ только Пьеръ, она не знала ему другого имени, — все, что ей осталось отъ прошлаго, весьма недавняго, ей самой едва исполнилось восемнадцать лѣтъ.

— Но,—печально говорила она,—у насъ въ восемнадцать лѣтъ уже старухи. У насъ рано старѣютъ, особенно...—и она пыталась улыбнуться, — особенно если въ жизни не было удач.

II.

— Кто онъ,—господинъ Пьеръ,—(она продолжала звать его господиномъ, какъ при первой встрѣчѣ тамъ, на Мадагаскарѣ). — Кто онъ? Лейтенантъ морской пѣхоты! Такой милый, добрый! Маленькаго роста,—не больше меня,—бѣлокурый, съ небольшими приподнятыми усиками... Мы сразу полюбили другъ друга... мы были свободны, чувствовали, что нравимся одинъ другому; родныхъ никого!..

Я жила у старой тетки, которая хотѣла сдѣлать изъ меня модистку. Странная идея! Какія тамъ на островѣ шляпы? Я была свободна и полюбила Пьера, не думая и не спрашивая его, — женился-ли онъ на мнѣ? Я говорила себѣ: «онъ меня любитъ, слѣдовательно онъ сдѣлаетъ меня своею женою; я никого другого не любила и не буду любить, я честная дѣвушка, — и онъ честный человѣкъ!» — Я любила его, всей душой, всѣмъ сердцемъ. Подъ руку съ нимъ, — такимъ красивымъ, — опираясь о золотые галуны его мундира, я чувствовала себя гордой, будто меня сдѣлали президентшей республики. Когда я прохожу здѣсь въ

какъ свистѣли пули!.. Какое мнѣ дѣло до пуль, онъ былъ подлѣ меня.

Подчиненные обожали его не меньше меня. Лейтенантъ! О! Когда они говорили лейтенантъ, можно было думать, они говорили о Богѣ! Куда-бы онъ ни приказалъ идти, они шли!.. У меня былъ три-три, талисманъ, который мнѣ далъ одинъ старый колдунъ. Это насъ отъ всякихъ бѣдъ спасло. Капитанъ, который позволилъ мнѣ въ качествѣ переводчика слѣдовать за отрядомъ, умеръ отъ таноса (столбняка). Онъ былъ раненъ, но не обращалъ на это вниманія. Пьеръ за нимъ ухаживалъ лучше всякаго хирурга. Умирая,

думала! Дурочка ты, моя маленькая Кора! Правда, я была глупа. Но если бы его сдѣлали генераломъ, а кашла-бы это совершенно правильнымъ.

Я не ожидала, что этотъ походъ насъ разлучитъ, что его вызовутъ въ Парижъ подъ предлогомъ повышения... Онъ объявилъ мнѣ это какъ-то утромъ, сіяя отъ радости и не замѣчая, что я оторчена. Онъ уѣзжалъ во Францію, надѣялся прочесть по пріѣздѣ о наградѣ орденомъ и удивлялся, что я плачу. Я радовалась вмѣстѣ съ нимъ, но мнѣ было тяжело, очень тяжело... Онъ не подозрѣвалъ моего горя, онъ радовался...

Весенній разсвѣтъ. Оригинальный рисунокъ Е. Степанова.

Парижѣ мимо казармъ морской пѣхоты, я останавливаюсь и смотрю на эти мундиры, на эти желтые эполеты, и думаю: «Вдругъ я его увижу!» — Его вѣтъ въ Парижѣ, но я все надѣюсь... При видѣ этихъ морскихъ свинокъ — вы знаете, это ихъ прозвище, онъ мнѣ самъ сказалъ, — я начинаю плакать... Вспоминается прошлое...

Встрѣчая матроса, я снова вижу островъ, море, корабли, наше небо, наши деревья... И я мечтаю, хотя и говорю себѣ: — Какъ ты глупа, Кора! Все это прошло, ты не дома, ты въ Парижѣ. И какой онъ скучный, этотъ Парижъ! Какъ тяжело здѣсь жить!

Хорошее было время, когда, въ качествѣ переводчицы, я дѣлала съ нимъ походъ. Я любила тогда опасности, усталость... Подъ его начальствомъ находились охотники изъ Реюньона въ Фарафатъ и съ ними я ходила противъ гавасовъ. И клянусь вамъ, я не боялась. Меня забавляла канонада въ Маянгѣ, и стрѣльба флотскихъ стрѣлковъ съ палубы Боннамари... Нужно было слышать,

онъ сказалъ: «Ужасно! Ужасно! Околѣвать здѣсь!.. Проклятая страна!.. Лейтенантъ, поручаю вамъ нашихъ людей. Чѣмъ больше изъ нихъ вы отведете во Францію, тѣмъ лучше». Я и теперь все слышу голосъ капитана: «Околѣвать здѣсь!» Я тихо сказала Пьеру: «Это ужасно!» Онъ мнѣ серьезно отвѣтилъ, онъ, который всегда смѣялся: «Что-же дѣлать, такъовъ долгъ!..» Однако, я часто думаю, что усталость, недостатокъ воды, густой кустарникъ, въ которомъ скрывалась смерть, ночи, когда непріятель подкарауливалъ насъ, — все это было хорошее время! Я хотѣла-бы снова пережить эти дни... Но они ушли, далеко ушли!..

Наконецъ отрядъ вернулся въ Таматаву. Капитана оставили тамъ, далеко, вмѣстѣ съ другими... Пьеръ былъ начальникомъ и весело возвращался. Онъ сильно загорѣлъ и былъ такой-же черный, какъ я... Губернаторъ очень хвалилъ его; — хорошо хвалилъ, — совсѣмъ какъ въ книгахъ! Я сходила съ ума отъ радости. Я говорила ему: «Тебя сдѣлаютъ, по крайней мѣрѣ, полковникомъ!» Лейтенанта? Что вы-

Должно быть онъ не могъ взять меня съ собою. На казенномъ кораблѣ не спрячешься, какъ въ кустахъ. Какъ я сожалѣла о нашихъ кустарникахъ съ ихъ опасностями, выстрѣлами, гавасами, тетаносомъ. Тамъ было лучше! Онъ обѣщалъ мнѣ непремѣнно писать. Развѣ онъ можетъ забыть свою Кору! Свою маленькую Кору?

Цѣлуя меня, онъ говорилъ:

— Твою мордочку можно вставить въ рамку...

Да, онъ прибавлялъ: *прекстину!* Вставить въ рамку! Видите, господинъ Жоржа, мнѣ суждено было быть натурщицей. Я знаю, ему тяжело было разстаться со мною. Я просила его: — «Спрячь меня куда нибудь, между твоими вещами! Я сдѣлаюсь совсѣмъ, совсѣмъ маленькой, меня не замѣтятъ!» На все былъ только одинъ отвѣтъ: «Дурочка!» или «Сумасшедшая!» Да, когда сильно любишь, дѣлаешься и дурочкой, и сумасшедшей.

Наступилъ день отъѣзда... Послѣдній поцѣлуй, послѣдняя просьба тихо на ухо: «Пи-

Конская ярмарка въ Венгрии. Съ картины художника І. Брандта.

ши, ниши! Его усы послѣдній разъ приласкали мои губы: «Да, да, маленькая Кора, я буду писать!» Онъ исчезъ въ корабль, будто его поглотила акула. Корабль сталъ удаляться, — уменьшался и, наконецъ, обратился въ точку и исчезъ изъ виду. Ничего больше! Ничего!.. Прощай, Пьеръ! Прощай любовь! Бѣдная Кора осталась одна въ мірѣ, одна на этой землѣ, гдѣ ей больше некого было любить.

Сначала я надѣялась: — «Онъ вернется!» или говорила — «Забываютъ!.. вѣдно можно забыть!..» Но время проходило, а я не забывала. Еслибъ вы знали, какъ я горевала! Тоска и желаніе умереть! Да, я не одинъ разъ хотѣла умереть, я была очень несчастна безъ него. Потомъ въ мою голову засѣла мысль, сумасшедшая мысль: отыскать его, ѣхать за нимъ во Францію. И вотъ грошъ за грошомъ, работая шляпки, я собирала деньги на проѣздъ въ Марсель. Да!.. въ послѣднемъ классѣ вмѣстѣ съ тюками и бѣдными!.. Мнѣ было все равно!..

Не смѣйтесь надо мною;—я думала: «Морская пѣхота въ Парижѣ, я найду его». И знаете, какъ я надѣялась найти Пьера? На большой площади. Да. Я представляла себѣ Парижъ какъ большую деревню, гдѣ, какъ у насъ, есть большая площадь, на которой бываетъ базаръ, бываетъ музыка и можно встѣяться.

Когда я на пароходѣ говорила, что ѣду въ Парижъ, отыскивать кого-то на большой площади, надо мною смѣялись. Но я не обращала на нихъ вниманія. Я пріѣхала въ Парижъ, ни минуты не оставаясь въ Марсели. Я остановилась въ маленькой гостинницѣ подлѣ Мазаса и прежде всего спросила:

— Покажите мнѣ пожалуйста, гдѣ большая площадь? Какъ туда пройти?

Хозяйка и гарсоны съ удивленіемъ смотрѣли на меня. Большая площадь? Но ихъ нѣсколько. Площадь Согласія, Королевская, Маделены, Республики... и др. Много домовъ, много площадей! Эти улицы! Эти бульвары!.. Я начинала бояться Парижа. Куда это я пріѣхала? Какъ найти Пьера въ этой деревнѣ, которая оказывается цѣлымъ міромъ?

Я ходила, искала, спрашивала. Меня принимали Богъ вѣсть за кого. На меня скверно смотрѣли. Въ министерствѣ меня спросили: какъ зовутъ этого Пьера, его званіе? Я не умѣла сказать. Я знала его—Пьеръ, и я любила его; вотъ все, что я знала. Я даже въ казармѣ заходила, но меня приняли тамъ скверно, за какую-то бродягу, что я больше не осмѣлилась приходить туда... Желтые эпюлеты, къ которымъ я обращалась, или смѣялись надо мною или хотѣли шутить со мной, — что еще хуже... Я подумала: «Подождемъ! Можетъ быть случай поможетъ». Не правда ли,—глупо? Я пріѣхала въ этотъ Парижъ, имѣя только шестьдесятъ пять франковъ въ карманѣ... Возвращаясь домой въ свою маленькую комнатку, такую оборванную и печальную, я жалѣла Реюнионъ и даже Таматаву, и плакала. Потомъ вытирала слезы и думала: «Ты хорошо сдѣлала, что пріѣхала, ты найдешь его!..» Но какъ жить, когда истратится послѣдній грошъ? Я не умѣла дѣлать такихъ красивыхъ шляпокъ, какія я видѣла на выставкѣ въ магазинахъ... Наконецъ, я дошла до того, что мнѣ нечѣмъ было заплатить за комнату; я не знала, что буду ѣсть на другой день, и подумывала уже, не отправиться-ли мнѣ сегодня вечеромъ въ воду. Да, господи Жоржъ, я дошла до этого. Я все разсказала хозяйкѣ, прося ее обождать, пока

не найду работы. Я хотѣла искать ее у всѣхъ модистокъ. Я довольно ловка. Ни за что не хотѣла я уѣхать изъ Парижа, не повидавъ его. Не хотѣла, не хотѣла, ни за что не свѣтъ!..

Хозяйка оказалась добрая женщина. Она мнѣ сказала, чтобы я положила на нее, что она постарается устроить меня. И въ самомъ дѣлѣ она не дала мнѣ умереть съ голоду, но какими средствами, Боже мой! У нея жилъ бывшій директоръ театра въ Блэдѣ, Бистрѣ, не знаю однимъ словомъ, въ какомъ-то алжирскомъ городкѣ. Онъ привезъ въ Парижъ цѣлый караванъ различныхъ арабскихъ костюмовъ, газовыхъ платьевъ, ожерельевъ изъ секиновъ, бабшей и двухъ сестеръ, двухъ толстыхъ евреекъ; онъ увѣрилъ ихъ, что хочеть открыть въ Парижѣ алжирскій кафе-концертъ... Этотъ господинъ Кастельбьель искалъ помѣщеніе и труппу... Помѣщеніе онъ нашелъ въ предмѣстѣи Сень-Мартенъ въ небольшой пивоварнѣ, хозяйнѣ которой обанкрутился. Онъ хотѣлъ убрать ее алжирскими матеріями, въ глубинѣ залы устроить эстраду. Надъ дверями, среди позолоченныхъ полумѣсяцевъ и арабскихъ буквъ, сдѣлать надпись: «Кафе-концертъ Пророка. Самые лучшіе напитки и танцы». Обѣ еврейки должны были пѣть алжирскія пѣсни... Къ сожалѣнію, онѣ не могли танцовать, — онѣ были слишкомъ толсты... И г. Кастельбьель подумалъ обо мнѣ и сказалъ хозяйкѣ, — если я поступлю къ нему въ его пивоварню, я буду получать сто су въ день, костюмы на выборъ, и для этого я только должна танцовать.

— Но я не умѣю танцовать, я никогда, никогда не танцевала!..

— Г. Кастельбьель говоритъ, что не нужно никакого умѣнія, чтобы танцовать танецъ бедръ,—достаточно изгибать тѣло.

— Но подумайте,—танецъ бедръ...

— О, моя милая,—возразила госпожа Суверенъ,—во время выставки, этотъ танецъ былъ въ такой модѣ, что всѣ знатныя дамы танцевали его!..

Ея слова сильно меня удивили; притомъ она все твердила, что не легко каждый день находить по пяти франковъ. Господинъ Кастельбьель, марселецъ, огонь и пламя, говорилъ много и громко:

— Знаете-ли вы, что я вамъ предлагаю? Вы имѣете не только обезпеченный кусокъ хлѣба; вы становитесь на первую ступень къ славѣ. Разъ дебютируешь, въ Парижѣ можно всего добиться. Хорошенькая дѣвушка, — типъ, да типъ,—кто знаетъ, танцуя въ «кафе-концертъ Пророка», вы дѣлаете можетъ быть первый шагъ къ подмосткамъ оперы?.. (О, я хорошо помню все, что онъ говорилъ). Вы танцовать не умѣете? Вздоръ! Всѣ женщины умѣютъ танцовать, какъ утки плавать. Танцы составляютъ часть женскихъ прелестей. Вы не танцовали танца бедръ? Вы сдѣлаете видъ, что танцуете его. Танцуйте руками, плечами. Все будетъ хорошо. У васъ будетъ красивый костюмъ, — газъ, золотой поясъ, розовыя туфли... Вы отыскиваете въ Парижѣ дорогаго вамъ человѣка, но это лучшее средство найти его. Онъ прочтетъ объявленіе объ открытіи «кафе-концерта Пророка» и придетъ непременно. Онъ не можетъ знать, что вы въ Парижѣ. А тутъ онъ прочтетъ на афишѣ: дебютъ дѣвицы Кору Бертъ, восточной танцовщицы... и придетъ, будетъ вамъ аплодировать, вскоптитъ на эстраду, обниметъ васъ, — и вы нашли его!

Слова Кастельбьеля до сихъ поръ звучатъ у меня въ ушахъ. О! Медовый азыкъ! Мысль,

что я могу наконецъ найти Пьера, побѣдила все. Тѣмъ хуже! Я буду плясать! Я вплела секины въ волосы, открыла руки и стала танцовать. Г. Кастельбьель былъ правъ, всѣ женщины умѣютъ танцовать... Я плясала каждый вечеръ и, кажется, хорошо справлялась, не смотря на духоту, на табачный дымъ, который хваталъ меня за горло и душилъ; я вглядывалась въ толпу, сквозь пыль и туманъ, не увижу-ли его... Но сколько я ни искала, все не находила его... Танецъ бедръ, удары въ тамбурины Фатмы и Медже, алжирскія пѣсни, сопровождавшія мою пляску, вотъ все—а Пьера не было... И каждый вечеръ я возвращалась въ свою маленькую комнатку и спрашивала не приходилъ-ли онъ безъ меня? Я не была счастлива, мое ремесло меня утомляло, но что хотите, жить нужно! Одинъ старый актеръ, господинъ Брешанто, котораго Кастельбьель пригласилъ для чтенія стиховъ между танцами,—онъ называлъ это классическимъ номеромъ, говорилъ мнѣ:

— Тяжелая задача, дитя мое—нужно жить... Вы молоды, вы добьетесь чего нибудь; я хотя и старъ, но надежды не теряю. Подумайте только, я когда-то игралъ вмѣстѣ съ Рашелью, а теперь... читаю *эти* стихи. Покорился, дитя мое, будемъ вѣрить въ искусство, передъ нами будущее.

Я ему говорила, что мнѣ нѣтъ дѣла до искусства, пляска бедръ мнѣ не по вкусу... Онъ отвѣчалъ мнѣ,—онъ зналъ мою исторію съ Пьеромъ:

— Вы получите свою награду, какъ я свою, вы въ восемнадцать, я въ шестьдесятъ, я—славу, вы—любовь.

Проходили дни, мѣсяцы; они были такъ длинны и въ тоже время проходили такъ скоро. «Кафе-концертъ Пророка» не имѣлъ успѣха. Все заперли. Господинъ Кастельбьель уѣхалъ, бросивъ на произволъ судьбы евреекъ и господина Брешанто, который поступилъ статистомъ не знаю въ какой театръ. Мнѣ и еврейкамъ предложили поступить на «Красную Мельницу», и танцовать тотъ-же танецъ бедръ внутри громаднаго салона. Тутъ вы меня увидели, господинъ Жоржъ. Я начинала приходить уже въ отчаяніе... Я была больна, простудилась еще въ «Кафе-концертъ Пророка». Мнѣ надоѣла моя однообразная пляска... Я обрадовалась, когда вы предложили мнѣ быть натурщицею. Я могла дышать другимъ воздухомъ. Тамъ я задыхалась. Болитъ грудь, внутри жжетъ. Я не люблю зимы, парижскихъ тумановъ,—мнѣ нужно солнце... Мнѣ тепло у вашей печи, она мнѣ грѣетъ спину, хотя отъ этого у меня горло болитъ... Прошла-бы скорѣе зима, я отправлюсь въ деревню искать солнца.

Когда она говорила, ея большіе усталые глаза всныхивали, оживлялись. Надежда увидѣть солнце тѣсно соединялась съ образомъ этого исчезнушаго офицера. И тутъ-же рядомъ у нея являлись чисто дѣтскія желанія:

— И чего-бы мнѣ еще хотѣлось,—это имѣть мой портретъ сестрою милосердія... Быть сестрой бѣдныхъ! Это мнѣ очень нравится...

— У васъ будетъ такой портретъ, Кора.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Она хлопала въ ладоши, въ восторгъ, какъ ребенокъ, которому пообѣщали игрушку.

— Видите, какая я смѣшная,—продолжала она,—мысль, что я не увижу Пьера, мучитъ меня... Да, я не увижу его... Но надежда видѣть себя сестрой милосердія даже только на портретѣ утѣшаетъ меня. Тамъ были сестры милосердія, онѣ ходили за больными французскими солдатами. Мнѣ будетъ ка-

заться, что я его сестра милосердія и забочусь о немъ.

III.

Я увесъ трогательное воспоминаніе объ этой бѣдной маленькой Корѣ, столько было въ ней прелести, фаталистической покорности судьбѣ въ этомъ красивомъ созданіи, которое, чтобы только увидѣть друга сердца, подверглось всѣмъ случайностямъ парижской жизни.

Бѣдная дѣвочка! Ее прельщала костюмъ сестры милосердія, въ дѣйствительности-же въ ней было призваніе сердца къ этому занятію. Прошло довольно много времени, я почти забылъ ее, иногда про себя улыбаясь, если неожиданно вспоминалъ ее, вспоминалъ ее безумное довѣріе, побудившее переѣхать море въ погоню за любовью. Однимъ вечеромъ, въ Сентъ-Мартенскомъ театрѣ, мнѣ показалось я узналъ мою маленькую натурщицу между рабынями, сгруппированными вокругъ Клеопатры; присматриваясь, я убѣдился, что это дѣйствительно Кора въ прозрачномъ костюмѣ египетской альмен, съ золотыми украшениями на лбу, на рукахъ, на ногахъ, и пока тоскующая царица слѣдила усталыми глазами за своею улетающею мечтою, египетская танцовщица отплясывала подъ печальную и медленную музыку тотъ самый танецъ бедръ, который она изъ-за куска хлѣба выучилась танцевать въ знаменитомъ кабакѣ Кастель-белла.

Кора! Маленькая Кора, которая хотѣла видѣть себя сестрой милосердія, по крайней мѣрѣ на портретѣ! Мнѣ казалось, что она перемѣнилась, что изгнѣбаніе ея худого тѣла креолки давали полную идею египетской

альмен этой публичкѣ, которая не подозрѣвала бѣднаго романа, разбившаго дѣтское сердце; прикрытое газомъ и театральнымъ трико.

Я думала, парижская жизнь увлекла ее, она забыла! Прощай Пьеръ! Теперь она, разумѣется, далеко не то невинное созданіе, которое пріѣхало въ большую деревню искать своего милаго; это была танцовщица, ей аплодировали, и въ одинъ прекрасный день ея фотографія очутилась въ витринахъ бумажныхъ магазиновъ.

Еще прошли мѣсяцы, я забылъ маленькую танцовщицу, когда трогательное, грустное письмо напомнило мнѣ ее... Она просила засвидѣтельствовать ея прошеніе морскому министру. Больная, чахоточная, писала она, она боялась смерти въ Парижѣ. Она хотѣла вернуться на Мадагаскаръ, на родину, увидѣть солнце, ожить! Парижъ убивалъ ее, она боялась бѣдности и всего, что ведетъ за собою эта злая мегера! Она не менѣе страстно хотѣла уѣхать, какъ страстно стремилась пріѣхать, чтобы отыскать Пьера. Но для того, чтобы уѣхать, нужны деньги. Она боялась снова очутиться въ междуналубномъ простраствѣ съ ея кашлемъ, «съ болью вездѣ». Она умоляла отправить ее на родину и просила объ одной только милости, — не въ третьемъ классѣ, — чтобы она могла дышать оживляющимъ воздухомъ моря и смотрѣть ночью на звѣзды...

Пароходъ отходилъ изъ Марсея 3 апрѣля. Кора просила объ отъѣздѣ еще въ январѣ. Конечно, она знала, какъ долго приходится ждать официальныхъ отвѣтовъ. Ей отвѣтили, что «ея просьба не касается мор-

ского министра, а входитъ въ обязанности государственнаго секретаря колоній, которому и передано ея прошеніе...»

Въ маленькой печальной комнаткѣ, кашляя, Кора ждала, живя нѣсколькими грошами, скопленными во время представленій въ театрѣ... сомнѣваясь, хватить-ли этихъ грошей и ея силъ дожидаться отъѣзда... У нея пропала даже охота позировать для портрета сестрой милосердія.

— Нѣтъ. Устала. Похудѣла. Я буду некрасива. Нѣтъ, нѣтъ, я лучше оставлю вамъ мою фотографію, сдѣланную въ то время, когда я могла считать себя хорошенькой. Нарисуйте портретъ на память и прибавьте только бѣлый чепчикъ... Вы мнѣ пришлете портретъ туда!

Въ апрѣлѣ маленькая Кора уѣхала! Я часто объ ней вспоминаю. Часто вспоминаю эту дѣтскую головку съ мечтательными глазами; этотъ нѣжный голосъ, когда она просила:

— О, да, господинъ Жоржъ, сестрой милосердія! Это такъ красиво!..

И думаю, можетъ быть, надъ бѣлой подушкой, на которую уронила свою темную головку маленькая креолка, склонился бѣлый чепчикъ который она находила такимъ красивымъ, чепчикъ съ большими крыльями бѣлаго мотылька и такой-же нѣжный голосъ, какъ ея, прошепталъ усталой малюткѣ, на вѣки закрывая ея глаза:

— Сии, сии, маленькая Кора!

И она уснула, чтобы видѣть во снѣ своего друга Пьера, котораго она будетъ искать на большой площади еще большаго міра, чѣмъ нашъ:—міра безконечности.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

ЖОНЕЧНО всѣ эти вопросы очень интересовали сестру Джо, но излагавшій и объяснявшій ихъ имѣлъ всего сорокъ лѣтъ отъ роду, былъ не женатъ, не дурень собою, имѣлъ хорошее общественное положеніе; съ другой стороны, она очень хорошо видѣла, что играть какую нибудь роль въ домѣ брата ей не удастся, а такая жизнь ей уже наскучила и она была бы рада, если бы Уильямъ Брайтъ изрѣдка мѣнялъ предметъ разговора, особенно, когда они сидѣли въ большихъ креслахъ какой нибудь изъ бесѣдокъ парка. Но адвокатъ былъ въ этомъ отношеніи безупреченъ. Было отъ чего прійти въ отчаяніе, тѣмъ болѣе что всѣ въ домѣ, господа и служащіе, ждали развязки этихъ долгихъ прогулокъ вдвоемъ.

Однажды утромъ ех-миссисъ Скоттъ задумчиво отправилась въ садъ, размышляя о томъ, что процессъ конченъ и выигранъ, что адвокатъ долженъ уѣхать, и повстрѣчала своего брата. Она поспѣшно подошла къ нему, взяла его подъ руку и сказала, слегка краснѣя:

— Ты замѣтилъ, дорогой Джо, что мистеръ Брайтъ за мной ухаживаетъ?

— Нисколько!—возразилъ тотъ съ удивленіемъ и нѣсколько насмѣшливо.—Во-первыхъ, это до меня не касается. Я видѣлъ, что ты часто исчезала въ глубинѣ парка вдвоемъ съ моимъ краснорѣчивымъ адвокатомъ, но полагалъ, что вы обсуждаете какіе нибудь религіозные вопросы. Развѣ мой пріятель Уильямъ осмѣлился...

— Нѣтъ, нѣтъ... напротивъ...

— Какъ напротивъ? Такъ значить ты, Пальмира...

— О, Джо! Джо!.. Я могу только сказать, что мистеръ Брайтъ вполне порядочный человекъ.

— Какой тебѣ нравится?

— Я не знаю, могу-ли я признаться...

— Да въ чемъ дѣло, просить онъ твоей руки?

— Мнѣ кажется, что онъ этого желаетъ, но не смѣетъ.

— Я не думала, чтобы онъ былъ такъ застѣнчивъ! Значить ты хочешь, чтобы я ободрилъ его?..

— Нѣтъ, не то!

— Но, по крайней мѣрѣ, чтобы я узналъ объ его намѣреніяхъ?

— Ты меня очень обяжешь.

— Съ удовольствіемъ. Да вотъ онъ идетъ къ намъ. Поздоровайся съ нимъ, и потомъ уйди подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Уильямъ Брайтъ, дѣйствительно, увидавъ съ террасы Гарриса и его сестру, поспѣшилъ сойти къ нимъ.

— Только, пожалуйста осторожнѣе, Джо!—шепотомъ умоляла Пальмира, когда адвокатъ былъ уже въ двухъ шагахъ.

Братъ отвѣтилъ ей пожатіемъ руки и когда мистеръ Брайтъ поклонился молодой женщинѣ, Гаррисъ сказалъ ему:

— Дорогой другъ мой, у васъ замѣчательный талантъ; вы выиграли мнѣ важный процессъ; вы красивы, очень образованы, вполне порядочный человекъ, но у васъ есть одинъ громадный недостатокъ.

— Одинъ только?—спросилъ, улыбаясь, адвокатъ, весьма удивленный такимъ началомъ разговора.

— Вы холостякъ, и притомъ закоренѣлый холостякъ, потому что вамъ уже около сорока лѣтъ. Такое поведеніе не внушаетъ довѣрія семьямъ! Я хочу исправить васъ! Я знаю одну прелестную молодую женщину, ученую, великую богословку, которая охотно опуститъ свою руку въ вашу... въ ея рукѣ находится двѣсти-пятьдесятъ тысячъ франковъ.

— Джо!..—проговорила Пальмира, вспыхнувъ, какъ пистонъ.

— Какъ!—возразилъ тотъ,—ты меня просила вести дѣло осторожно и ловко. Надѣюсь...

— Господинъ Гаррисъ,—серьезно прервалъ Брайтъ,—имѣю честь просить у васъ руки вашей сестры.

Разводка вздрогнула, но подумавъ, что съ ея стороны смѣшно будетъ ломаться и кокетничать, она протянула руку адвокату, который нѣжно пожалъ ее,—а Джо вскричалъ:

— Какъ не трудно составить счастье двухъ влюбленныхъ!

И мысленно прибавилъ:

— И избавиться отъ стѣняющей сестры.

Съ этимъ должно быть были согласны миссъ Гаррисъ, дѣвица Брэнъ и особенно Торнеръ, потому что вечеромъ, за обѣдомъ, поздравляя обрученныхъ, онъ сдѣлалъ даже краснорѣчивъ. Черезъ недѣлю молодыхъ обвѣнчали въ новой методистской часовнѣ, а черезъ день послѣ того вся семья Гаррисъ провожала мо-

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Е. ЛОНЦЕРОТТО.

ПРИЗНАНИЕ ВЪ ЛЮБВИ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Х. КАУЛЬБАХА.

Урокъ вязанья.

лодых на желѣзную дорогу. Только длинный Самъ отсутствовалъ.

Многочисленные объятія, пожатія рукъ, пожеланія, возгласы «досвиданія» предшествовали отъѣзду. Едва поѣздъ вышелъ изъ подъ навѣса, какъ появился Самъ.

— Ты опоздалъ, не смотря на твои длинные ноги,—сказалъ ему Джо.— Зачѣмъ ты пришелъ?

— Чтобы убѣдиться своими глазами, что два уѣхала,—отвѣчалъ Торнеръ, продѣлывая на джига подѣ аккомпаниментъ смѣха маленькой Джэнь.

VI. Въ домѣ на Мичигенъ-авеню.

Не прошло двухъ недѣль послѣ отъѣзда миссисъ Брайтъ, какъ ее почти совсѣмъ поглотили въ домѣ брата. Изрѣдка вспоминались ей разводы и нея новый бракъ и то, болѣею частью, когда отъ нея получались довольно рѣдкія письма, въ которыхъ, къ счастью, никогда не заявлялось желаніе навѣстить семью брата, но за то въ каждомъ письмѣ выражалось горькое сожалѣніе того, въ какой религіи воспитывалась ее племянница.

Конечно, Гаррисъ, превосходный человѣкъ, снисходительно смотрѣвшій на человѣческія заблужденія, всегда готовъ былъ хорошо принять невыносимую Пальмиру, но жена его не была такъ хорошо расположена къ своей золовкѣ. Она не могла ей простить критическихъ замѣчаній во время перваго причащенія дѣвочки по поводу, какъ Пальмира выражалась, суетвѣрій римско-католической церкви. Самми былъ также равнодушенъ къ религіи, какъ и его другъ Джо, и по знаку Джэнь готовъ былъ сдѣлаться католикомъ, мусульманиномъ или буддистомъ, но кромѣ того онъ не могъ забыть, что, въ минуту шутки, Джо предложилъ ему жениться на своей сестрѣ и что по ее милости Джэнь плакала.

Все шло въ семьѣ Гаррисъ по развѣденному порядку. Джо Максимъ продолжалъ прибавлять милліоны къ милліонамъ. Одна продажа городскихъ участковъ принесла ему громадные прибыли. Миссисъ Фанни Гаррисъ сдумѣла сдѣлать изъ своего дома самый изящный и самый пріятный во всемъ Чикаго. Подѣ руководствомъ умной и преданной воспитательницы миссъ Джэнь развилась въ прелестную молодую дѣвушку, умную и образованную. Къ тому-же она была превосходная музыкантша. Длинный Самъ кстати припомнилъ ремесла своей юности, когда онъ былъ наѣздникомъ въ циркѣ, учителемъ плаванія и профессоромъ джига и взялъ на себя физическое развитіе своей маленькой кузины. Въ семнадцать лѣтъ, хорошенькая Джэнь Гаррисъ ѣздила верхомъ, какъ наѣздница, могла не уставая цѣлый часъ плавать и какъ фрисландка бѣгала на конькахъ, однимъ словомъ, занималась всѣми тѣлесными упражненіями, которыя, разумно и умѣренно направленные, такъ развиваютъ женщину въ Америкѣ. Нравственные качества миссъ Джэнь тоже стояли очень высоко, она взяла отъ матери ея доброту, сердечность, ее нравственные понятія, а отъ отца хладнокровіе, твердость духа.

Но и Самъ вполне преобразился, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ своей родственницей. Онъ сдѣлался почти изыщенъ, прятался, чтобы курить трубку или продѣлывать на джига, не клялся, не ругался, старался выражаться правильно, избѣгалъ грубостей.

Миссъ Джэнь было уже семнадцать лѣтъ, какъ однажды, за завтракомъ, Максимъ Гаррисъ навелъ на всѣхъ ужасъ, потрясая въ воздухѣ письмомъ, которое онъ только что

получилъ. Письмо было отъ Пальмиры, которая писала изъ Филадельфіи, что уже около года она больше не жена знаменитаго адвоката Брайта, но послѣ третьяго развода законная супруга почтеннаго машиннаго фабриканта, Ионафана Дерсона, одного изъ свѣтилъ квакерства, человѣка тихаго и добраго, съ которымъ она очень счастлива. Она не уведомила брата раньше о своемъ новомъ бракѣ и лишила себя удовольствія представить семью своего новаго супруга, потому что, зная взгляды своей невѣстки Фанни и ее мнѣніе о разводѣ, она не захотѣла подвергаться критическимъ замѣчаніямъ лицъ, которыя никогда не выказывали ей особенной привязанности. Она прибавляла, что мастеръ Брайтъ поступилъ какъ честный человѣкъ, и возвратилъ ей полностью ее приданое, что дало ей возможность вступить въ компанію со своимъ послѣднимъ мужемъ. Четвертое превращеніе тетки никого не удивило. Миссисъ Гаррисъ была рада, что дѣло обошлось безъ посѣщеній и ничего не сказала; дѣвица Бренъ и ее воспитанница промолчали тоже, а Джо со смѣхомъ сказалъ:

— Если эта сумасшедшая будетъ такъ продолжать, ей мужей придется занумеровывать! Этотъ мнѣ ничего не стоитъ, я молчу.

И въ тотъ же день онъ написалъ своей сестрѣ письмо, поздравляя ее, что она сдѣлалась квакершей, и прибавилъ, что онъ только объ одномъ сожалѣетъ, что не знаетъ, въ какой квакерской сектѣ она принадлежитъ, — чистой, свободной или мокрой, потому что это имѣетъ очень важное значеніе. Миссисъ Ионафанъ Дерсонъ, должно быть, поняла намѣтку, потому что не отвѣчала на письмо брата. Госпожа Гаррисъ была этимъ очень довольна, на нѣсколько времени она была избавлена отъ посѣщеній своей золовки и могла вполне отдаться своей дочери, которая появилась уже въ свѣтъ, присутствуя на прощальномъ вечерѣ, который Джонъ Картеръ давалъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Европу, куда онъ ѣхалъ, желая показать своей дочкѣ Францію и Итацію. На этомъ вечерѣ Джэнь произвела фуроръ, и мать увидала, что ее пора вывозить, и что слѣдуетъ начать съ небольшихъ вечеровъ у себя дома, принимая не только близкихъ друзей, но нѣсколько расширивъ кругъ знакомыхъ. Она представила свой проектъ мужу, который вполне его одобрилъ и открылъ ей безграничный кредитъ. Миссисъ Гаррисъ начала давать обѣды, вечера два-три въ мѣсяцъ, на которыхъ было очень весело и которые бывали очень хорошо устроены, всѣ стремились получать на нихъ приглашенія, тѣмъ болѣе, что хорошенькая миссъ Джэнь была лучшая партія во всемъ Иллинойсѣ.

Женихи спѣшили заявлять свои желанія, рассчитывая, что богатый промышленникъ дастъ за свою дочь богатое приданое.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, въ началѣ весны 1877 года, миссисъ Гаррисъ сидѣла въ гостиной одна со своею дочерью. Слуга подаль ей карточку, на которой подѣ словами «Марсель Рено, французскій консулъ», была приписка: «привезъ письмо отъ г. Жака Бессона, изъ Квебека».

— Отъ моего отца! Просите! — вскричала миссисъ Гаррисъ.

Въ гостиную вошелъ красивый молодой человѣкъ лѣтъ тридцати; у него были большіе каріе глаза, смотрѣвшіе прямо и открыто; тонкія черты лица съ интеллигентнымъ выраженіемъ; приличные, изящныя манеры. Во-

обще онъ производилъ симпатичное впечатлѣніе.

— Прошу у васъ прощенія,—сказалъ онъ, подавая миссисъ Гаррисъ письмо ея отца, — что я явился къ вамъ, не спросивъ сначала разрѣшенія, но мнѣ не хотѣлось откладывать даже на одинъ день возможность представиться вамъ. Я былъ вице-консуломъ въ Квебекѣ, гдѣ дружески познакомился съ вашимъ семействомъ! Господинъ Бессонъ видѣлъ, какъ мнѣ тяжело было уѣхать изъ Канады, и прибѣгнувъ къ самому лучшему способу утѣшить меня,—онъ далъ мнѣ рекомендацію къ вамъ; онъ мнѣ много рассказывалъ о васъ и своей дорогой внучкѣ.

Господинъ Рено еще разъ поклонился и передалъ миссисъ Гаррисъ письмо ея отца, которая попросила позволенія прочесть его; прочитавъ его, она протянула руку Рено.

— Вы встрѣтите здѣсь такой-же пріемъ, какъ и въ Квебекѣ. Здѣсь вы можете чувствовать себя среди французовъ, моя дочь и я, мы любимъ отечество нашихъ предковъ. Я знаю, мой отецъ превосходный судья, а онъ отзывался о васъ въ такихъ выраженіяхъ, что вы можете смѣло считать себя другомъ нашего дома, если только не будете у насъ скучать.

Молодой консулъ протестовалъ жестомъ и взглядомъ, съ трудомъ скрывая удивленіе, что встрѣтилъ такихъ милыхъ, изящныхъ особъ въ совсѣмъ еще новомъ, почти дикомъ городѣ, гдѣ онъ не рассчитывалъ даже на какое нибудь общество. Миссъ Джэнь, должно быть, замѣтила удивленіе господина Рено, потому что сказала ему съ улыбкой:

— Вы увидите, что хотя мы и живемъ въ сосѣдствѣ Сіу, мы еще не совсѣмъ дикари. У насъ всѣ говорятъ по французски, мой отецъ не хуже насъ. Это что нибудь да значить для васъ! Но это еще не все. Если вы ѣдите верхомъ, вы можете дѣлать далекія прогулки съ нами, то есть съ m-lle Бренъ, французенкой, моей бывшей воспитательницей, а теперь моимъ другомъ, и кузеномъ Самомъ, который тоже говоритъ по французски. Если вы любите танцевать, у насъ развѣ въ недѣлю танцуютъ. Если вы не боятесь музыки, у насъ услышите ее, и недурную, такъ мнѣ кажется.

Молодой дипломатъ былъ совсѣмъ очарованъ и не зналъ, какъ благодарить молодую дѣвушку за чудесную программу, которую она ему представила. Въ эту минуту въ гостиную вошелъ хозяинъ дома.

— Мой мужъ,—сказала миссисъ Гаррисъ, обращаясь къ посѣтителю, который всталъ.

— Господинъ Марсель Рено, новый французскій консулъ въ Чикаго. Онъ привезъ мнѣ очень пріятныя извѣстія изъ Квебека, гдѣ былъ хорошо знакомъ съ моимъ отцомъ,—прибавила она, обращаясь къ Джо.

— Значитъ, милостивый государь, вы мнѣ вдвойнѣ пріятны, какъ французъ,—моя жена и моя дочь выучили меня цѣнить ихъ,—и какъ другъ моего дорогаго тестя, господина Жака Бессона, который не очень щедро раздаетъ свое уваженіе и свою дружбу. Я очень радъ случаю, занесшему меня въ гостиную, куда я рѣдко вхожу въ дни пріемовъ моей жены. Вотъ вамъ моя рука!

И онъ протянулъ свою большую руку Рено. Потомъ, тяжело сядя на диванъ и приглашая гостя сѣсть, онъ прибавилъ:

— Впрочемъ, я объ васъ уже слышалъ. Сообщая мнѣ, что въ Чикаго будетъ назначенъ французскій консулъ, вмѣсто прежняго вице-консула, мнѣ назвали и того, кто назначенъ, прибавивъ много хорошаго о васъ.

Дѣла у васъ здѣсь будетъ много, наши сношенія съ Франціей значительны и быстро увеличиваются, потому что нашъ городъ приобретаетъ все больше и больше значенія по экспортной торговлѣ. Вы доставите намъ большое удовольствіе, какъ можно чаще посѣщая насъ, — вы видите, мы все говоримъ по-французски. Я едва зналъ нѣсколько словъ на этомъ языкѣ, когда женился, но моя жена выучила меня ему, а дочка цѣлуетъ меня только, когда я по-французски попрошу ее объ этомъ.

— О, отецъ! — возразила миссъ Джэнь.

— И здѣсь, и въ консульствѣ, намъ часто придется встрѣчаться.

— Я буду очень счастливъ, — отвѣчалъ Рено, на котораго Гаррисъ произвелъ хорошее впечатлѣніе своею простотою, какъ жена его и дочь, наоборотъ, изяществомъ и пріятностью своего обращенія.

Нѣсколько минутъ спустя молодой консулъ распрощался для перваго раза, скромно сокративъ свой визитъ, но получивъ приглашеніе на обѣдъ, который долженъ былъ быть черезъ день. Выйдя изъ дома, онъ невольно подумалъ: «Какой пріятный домъ! Какой гостепріимный! Какой славный человекъ этотъ милліонеръ! Онъ не потерялъ головы отъ своего богатства. Какія милыя особы его жена и дочь! И какъ она хороша, какъ изящна, миссъ Гаррисъ! Ее зовутъ Джэнь! Чудное имя!»

Миссъ Гаррисъ, оставшись одна съ дочерью, прочла ей письмо ея дѣда.

«Дорогая Фанни, — писалъ тотъ, — письмо передать тебѣ господинъ Марсель Рено, нашъ бывший вице-консулъ, назначенный консуломъ въ Чикаго. Я не могу сказать тебѣ всего хорошаго, что я объ немъ думаю, потому что по обычаю я долженъ вручать ему письмо не запечатаннымъ. Но ты и твой мужъ вполне оцѣните г. Рено. Мы все эгоистично сожалѣемъ объ его отъѣздѣ, потому что мы очень его любимъ; кромѣ различныхъ хорошихъ качествъ, онъ, мало того, что французъ, онъ, какъ и мы, нормандецъ, изъ Гранвилля. Кто знаетъ, если поискать, восходя за сто лѣтъ назадъ, не найдется ли какого-нибудь родства между нами. Но покаместъ онъ нашъ другъ, надѣюсь, онъ будетъ и вашимъ другомъ.

«Жму руку твоему мужу, а мы все нѣжно цѣлуемъ т. б. и мою дорогую внучку.

«Твой старый любящій тебя отецъ

«Жакъ Бессонъ».

— Дѣдушка правъ! — сказала вдругъ миссъ Гаррисъ, — мнѣ тоже господинъ Рено понравился. Онъ, можетъ быть, нашъ родственникъ!.. Марсель, зовутъ его? Хорошенькое имя!..

То-же самое, какъ намъ извѣстно, думалъ относительно Джэнь новый представитель Франціи, идя домой. Въ эти два дня, которые прошли до обѣда, Марсель Рено больше, чѣмъ-бы, можетъ быть, слѣдовало, думалъ о Джэнь и, конечно, въ назначенный срокъ не замедлилъ явиться въ домъ на Мичигэнъ-авеню за полчаса до обѣда. Онъ хотѣлъ поскорѣе убѣдиться, что не былъ ослѣпленъ внѣшностью. Не слишкомъ-ли онъ увлекся любезностью пріема? Правда, за это время онъ осторожно наводилъ справки, разговаривая съ лицами, давно знавшими семью Гаррисовъ, и ото всѣхъ получалъ самые благоприятные отзывы, особенно о госпожѣ Гаррисъ и ея дочери. Ему рассказали также, что Джо-Максимъ Гаррисъ не всегда былъ богатъ, что нѣкогда ходили слухи, что въ пятидесятыхъ годахъ онъ вернулся изъ Калифорніи съ мил-

ліономъ въ карманѣ, который, вѣроятно, ему не легко достался, такъ что даже онъ счелъ благоразумнѣе удалиться оттуда. Правда, что ничего точнаго не указывалось, никакихъ доказательствъ не представлялось. Весьма было возможно, что это были выдумки, пущенныя въ ходъ завистниками. Все эти рассказы только усилили желаніе молодого консула хладнокровно наблюдать и видѣть своими глазами. Тѣмъ болѣе, что онъ узналъ, и притомъ извѣстнѣе сердце его больно сжалось, онъ самъ не зналъ почему, что Джо-Гаррисъ гораздо богаче, чѣмъ онъ полагалъ. Говорили о семидесяти, восьмидесяти милліонахъ, собранныхъ менѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ, послѣ того, какъ онъ устроилъ свой колониальный магазинъ.

Марсель Рено явился къ Гаррисамъ нѣсколько на-сторожѣ, рѣшившись не поддаваться необдуманному энтузіазму. Но едва онъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ миссъ Гаррисъ и двумя-тремя взглядами съ миссъ Джэнь, какъ снова подпалъ очарованію.

Мать и дочь были одѣты очень просто и изящно, безъ избытка драгоценностей, — доказательство хорошаго вкуса, которое не могло не поразить парижанина. Миссъ Гаррисъ, въ бѣломъ платьѣ съ лиловой отдѣлкой, просто причесанная, безъ всякихъ украшеній въ волосахъ, была еще лучше, чѣмъ онъ ее себѣ представлялъ. Рено казалось, что онъ недостаточно восхищался ея чудными голубыми глазами, небольшимъ ртомъ, стройной и тонкой тальей. Когда она протянула ему руку, ему показалось, что эти ручки еще меньше, что голосокъ ея еще нѣжнѣе. Такое же хорошее впечатлѣніе снова произвели на него госпожа Гаррисъ и ея мужъ. Онъ подумалъ, что не ошибся, и рѣшилъ помнить только хорошее, которое ему рассказывали о Гаррисахъ. Не менѣе понравилась ему и м-ме Брентъ, представляя которую миссъ Гаррисъ рассказала, какъ преданно и дружески она относилась къ своей бывшей ученицѣ, замѣняя ей старшую сестру. Пришла очередь Торнера. Рено сразу почувствовалъ къ нему симпатію, особенно когда хозяйинъ дома рассказалъ, что этотъ длинный кузень былъ самый вѣрный, самый преданный другъ Джэнь, учившій ее верховой ѣздѣ, танцамъ, плаванію, игрѣ въ крокетъ, ея тѣлохранителемъ, и чтобы понравиться Джэнь, нужно приобрести любовь Самми.

Въ числѣ приглашенныхъ были Джонъ Мельвилъ, одинъ изъ самыхъ гдныхъ банкировъ, который, какъ читатели, вѣрно, помнятъ, былъ шаферомъ Гарриса; затѣмъ аббатъ Фокстонъ, священникъ католической церкви Божьей Матери въ Чикаго, духовникъ хозяекъ дома и, наконецъ, Чарльзъ Максвеллъ, замѣчательный инженеръ, который завѣдывалъ работами по канализаціи Чикаго.

Дворецкій доложилъ по-французски, что обѣдъ поданъ, и все перешли въ столовую, большую, роскошно отдѣланную комнату, въ которой свободно могли помѣститься чело-вѣкъ сорокъ. Простѣеи столовой были обтянуты пунсовой шелковой матеріей и увѣшаны охотничьими видами; громадный каминъ въ стилѣ Генриха II и громадныя окна, выходившія въ зимній садъ, придавали столовой очень уютный видъ. Марсель Рено сидѣлъ рядомъ съ хозяйкой и былъ пораженъ роскошнымъ и изящнымъ убранствомъ стола, посреди котораго стояла великолѣпная золотая ваза, выгравированная прелестной яхтой Гарриса на гонкѣ на призы. Обѣдъ былъ очень хорошъ, вина лучшаго виноградииковъ

Франціи, Испаніи и Велгрии. Прислушиваясь къ разговору хозяина дома съ банкиромъ и инженеромъ, Рено пришелъ къ заключенію, что хотя тотъ не блестящъ образованіемъ, но въ природномъ умѣ ему нельзя было отказать.

Дамы были такъ любезны съ нимъ, что когда обѣдъ кончился и дамы собирались удалиться въ гостиную, Рено хотѣлъ за ними послѣдовать, но уступая просьбамъ Джо Гарриса и Торнера, остался въ столовой, безсознательно, можетъ быть, вспомнивъ слова отца Джэнь: «Чтобы понравиться Джэнь, нужно прежде понравиться Самми».

Однако, выпивъ свою чашку кофе, Марсель воспользовался длиннымъ разсужденіемъ Гарриса о дорожныхъ сообщеніяхъ Чикаго, и ускользнулъ къ дамамъ. Онъ вошелъ въ залу, какъ разъ въ ту минуту, когда подъ аккомпаниментъ м-ле Брентъ на роялѣ, Джэнь пѣла одинъ изъ романсовъ Шуберта, своего любимаго композитора. Голосъ Джэнь былъ сильнымъ, глубокий, и она превосходно, съ большимъ чувствомъ, передавала нѣмецкаго автора. Марсель былъ въ восторгѣ и, благодаря ея за удовольствіе, съ восхищеніемъ заговорилъ о Моцартѣ, Мендельсонѣ и Шубертѣ. Миссъ Джэнь его спросила:

— Вы поете? Въ такомъ случаѣ...

— О нѣтъ, — прервалъ ее молодой консулъ, признаюсь у меня скверный голосъ. Но не обладая талантомъ вашей пріятельницы, я все же могу замѣнить ее иногда за фортепіано.

— О, какое счастье! Мы можемъ снова пѣть наши дуэты; мы должны были отказаться отъ нихъ послѣ смерти органиста нашей церкви, который аккомпанировалъ намъ; теперь Мари приходится пѣть сидя, а это отнимаетъ часть силы у ея голоса.

— Къ вашимъ услугамъ! Когда прикажете?

— Когда? Да сейчасъ. Ты позволишь, мамочка?

Миссъ Гаррисъ дала разрѣшеніе граціознымъ наклоненіемъ головы и Марсель занялъ за роялемъ мѣсто м-ме Брентъ. Игралъ онъ очень хорошо и превосходно аккомпанировалъ, молодыя дѣвушки пѣли лучше, чѣмъ когда либо и приписали ему большую часть своего успѣха. Дуэты слѣдовала за дуэтами; когда онъ кончили великолѣпный дуэтъ Гаи-де, раздались аплодисменты и крики ура. Максимъ Гаррисъ съ своими гостями стоялъ въ дверяхъ залы и все они неистово аплодировали пѣвицамъ.

— Bravo, bravo! — кричали хозяйинъ дома, хотя, въ дѣйствительности, онъ не придавалъ особеннаго значенія музыкѣ. — Bravo, господинъ Рено, именно васъ не хватало этимъ барышнямъ, я собирался даже выписать имъ аккомпаньатора изъ Нью-Йорка или даже Парижа. Онѣ должны быть очень счастливы, не говорю уже объ удовольствіи, которое вы намъ всѣмъ доставили.

Вечеръ прошелъ весело; говорили о Франціи, ея литературѣ, модахъ, парижскихъ театрахъ, бѣгахъ; Марсель хорошо былъ знакомъ со всеми этими предметами и остроумно рассказывалъ о нихъ. Между прочимъ онъ замѣтилъ, что очень любитъ верховую ѣзду, что даже привезъ съ собою изъ Квебека хорошую верховую лошадь арабской крови и собирается каждое утро ѣздить верхомъ. Миссъ Гаррисъ весело вскричала:

— Если вы хотите сопровождать насъ, мы покажемъ вамъ окрестности Чикаго. О, какія чудныя прогулки мы будемъ дѣлать по берегамъ озера. Моя пріятельница и я, мы обо-

жаемъ верховую ѣзду, отцу никогда нѣтъ времени, мамочка совѣтъ не наѣзница, такъ что мы затрудняемъ кузена Самми,—однѣ мы не хотимъ ѣздить, даже съ жокеемъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, я къ вашимъ услугамъ, и когда занятія не позволятъ господину Торнеру сопровождать васъ, онъ смѣло можетъ поручить васъ мнѣ.

Первая прогулка была назначена на послѣ завтра прежде, чѣмъ гости разошлись. Самъ долженъ былъ также участвовать въ прогулкѣ, хотя онъ сдѣлался много сдержаннѣе. Рено весело возвращался домой, съ удовольствіемъ вспоминая проведенный вечеръ, а миссъ Джэнь говорила, поднимаясь съ своей пріятельницей въ свою комнату:

— Какой милый и любезный человекъ нашъ консулъ,—музыкантъ, ѣздитъ верхомъ, добръ, услужливъ, такой простой! Только ваши соотечественники, дорогая моя, обладаютъ такимъ множествомъ пріятныхъ качествъ. Я одного только боюсь, чтобы его у насъ не отняли, здѣсь въ Чикаго всѣ за нимъ будутъ гоняться.

— Я думаю, моя дѣвочка, что этотъ домъ онъ всегда предпочтетъ другимъ,—отвѣчала бывшая воспитательница.

— Почему?

— Почему? О, просто потому, что ты краснѣешь, дѣлая этотъ вопросъ.

— Мари!

И не возражая, хорошенькая дѣвушка нѣжно поцѣловала свою пріятельницу и убѣжала въ свою комнату.

Въ это же время Торнеръ задумчиво возвращался къ себѣ. Этотъ французъ, молодой и красивый, слишкомъ скоро занялъ мѣсто въ домѣ, это беспокоило Сама. И въ этотъ вечеръ добрый Самъ тихо легъ въ постель, не продѣлавъ ни одного па джига. У него сдѣлался сплинъ, которому онъ не находилъ причины.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА ВОЛОСОКЪ ОТЪ СМЕРТИ.

Рассказъ Альфонса Додэ.

ВОТЪ что въ одинъ изъ четверговъ разсказалъ намъ Альфонсъ Додэ изъ своихъ воспоминаній о войнѣ 1870 года.

«Прошло два дня послѣ сраженія при Шампиньи; батальонъ національной гвардіи, въ которомъ я находился, былъ посланъ въ караулъ на аванпостъ въ сторону Перрѣ. Стоялъ ноябрь, было холодно и пасмурно; я шелъ одинъ вдоль Марны и далеко опередилъ своихъ. Подлѣ одной лодки я увидалъ моряка и вольнаго стрѣлка, у котораго на кени была прищиплена мертвая птичка.

— Напротивъ, въ Ити-Бри,—сказалъ онъ мнѣ,—въ залѣ мэріи брошены шасспо и тамъ же на столѣ лежитъ подполковникъ, кожа у него бѣлая, какъ у женщины, и такіе прекрасные сапоги...

Брошенные шасспо,—соблазнительно; но при этомъ морякъ сознался, что онъ не умѣетъ грести.

— Я только парижскій лодочникъ, но поучу васъ.

Работа оказалась тяжелой. Марна была на прибыли и по ней ходили тяжелыя, желтыя волны, переѣздъ былъ великъ, весла, безъ уключинъ, держались на замерзшихъ веревочкахъ.

Въ залѣ мэріи мы нашли оружіе, сложенное въ кучу подлѣ стѣны, и на столѣ лежащаго подполковника,—длинный блондинъ, половина лица котораго была закрыта платкомъ и сапоги, тѣ красивые сапоги, стащить которые, какъ видно, были уже попытки, не закрывали икръ на ногахъ.

Мы стали выбирать ружья... «Саксонцы!»—закричалъ морякъ, выскочилъ въ окно и бросился по переулку къ рѣкѣ, я за нимъ и мы быстро вернулись къ своей лодкѣ. Подлѣ лодки стоялъ еще спутникъ и просилъ его взять съ собою; невозможно, морякъ и вольный стрѣлокъ улеглись на дно и лежатъ въ водѣ, если прибавить тяжесть шасспо, которыми мы унесли,—лодка можетъ затонуть.

— Ладно, я пойду по берегу, по бечевнику.

Человекъ ушелъ, я взялся за весла и вскорѣ на берегу, отъ котораго мы отчалили, между рѣдкими коренастыми грушевыми деревьями показались саксонскіе застрѣльщики. Впереди бѣжалъ маленький, безъ шапки, съ повязанной головой, и саженьяхъ въ двадцати отъ меня прицѣлился. Своимъ крестомъ на шапкѣ я представлялъ превосходную цѣль. Не переставая грести, я посмотрѣлъ на него. Что прочелъ онъ въ моихъ глазахъ? Но онъ не выстрѣлилъ и въ теченіе всего переѣзда черезъ Марну, въ теченіе тѣхъ семи или восьми минутъ, которыя мнѣ показались рѣшающею вѣчностью, пока весла были въ моихъ рукахъ, онъ не выстрѣлялъ.

Берегъ, къ которому мы пристали, былъ изрытъ. Морякъ первый выскочилъ изъ лодки. Я съ трудомъ удержалъ лодку у берега. Вольный стрѣлокъ выскочилъ затѣмъ и, наконецъ, пришла моя очередь; я запутался со своимъ ружьемъ, которое было у меня на перевязи и двумя шасспо, которыя я захватилъ; земля тутъ размякла и я упалъ въ грязь. Поднявшись, я увидалъ среди своихъ какого-то господина, очень хорошо одѣтаго, изящнаго, изъ отряда Франкетти, который сказалъ мнѣ:

— У меня только дробь для моего Лефотше, мнѣ говорили, что вдоль Марны водится маленькая дичь.

Я ему предложилъ пули для этой дичи... саксонцевъ, которые въ данную минуту стрѣляли въ насъ.

Неподалеку былъ садъ, примыкавшій къ дому, почти лѣсъ, гдѣ мы могли скрыться. Это было настоящее воскресное, буржуазное жилище, въ полномъ смыслѣ галлороманская вилла съ портикомъ и громаднымъ металлическимъ шаромъ впереди, часть котораго была увнесена выстрѣломъ. Я подумалъ, что и того, что осталось отъ этого разбитаго зеркала, достаточно, чтобы отразить какой нибудь драматическій эпизодъ, можно тутъ подлѣ получить ударъ и, падая, видѣть себя страшно изуродованнымъ...

Въ залѣ вольные стрѣлки развели огонь; внутреннее устройство домика осталось недоконченнымъ; обтянутыя тканью стѣны не были вполне обиты, мебель—нуга, весьма безвкусная, просто ужасная—служила прекраснымъ топливомъ для камина, у котораго я грѣлся и сушилъ свое вымокшее платье. Въ части дома, выходящей въ садъ и къ рѣкѣ, продѣланы были бойницы, въ которыя могли стрѣлять находящіеся въ домѣ. Сидя передъ огнемъ, среди мертвой тишины окружающаго, я слышу только шелканіе курковъ и мнѣ кажется, что осенью, въ воскресный день, я въ гостяхъ у гостепріимныхъ буржуа, которые играютъ сзади меня въ трикъ-тракъ».

КЪ РИСУНКАМЪ.

Босфоръ. Выставка картинъ И. К. Айвазовскаго въ 1896 году.

Волшебная кисть маститаго мариниста даритъ насъ все новыми и новыми чудесными картинами. На

выставкѣ 1896 года изъ другихъ вещей особенно выделялось полотно, изображающее лунную ночь на Босфорѣ въ извѣстномъ своей красотой «Золотомъ рогѣ». Высокія башенки минаретовъ и кіосковъ сияютъ своими шпильками; турецкія длинныя лодки скользятъ по серебрищейся поверхности воды. Стройная шкуна словно застыла, облитая луннымъ сіяніемъ, а за ней рисуются вдали силуэты другихъ судовъ. Поэзія этой картины, мягкость красокъ и освѣщенія не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Первые цвѣты. Съ картины художника К. Боденауэра.

«Свѣжи и душисты юною весною
Въ садикѣ зеленомъ первые цвѣты;
Дышать ароматомъ, блеснуть бѣлзною,
Полные весенней, нѣжной красоты.

Упиваясь жадно дивнымъ ароматомъ
Дѣва молодая ловить лепестки.
На коврѣ зеленомъ, на коврѣ песнятомъ
Сыплются, слетая, бѣлые листки.

Какъ идутъ къ фигуркѣ и головкѣ этой—
Вѣтки молодыя, нѣжный ароматъ,
Да и весь шумящій и весной согрѣтый
Для весенней жизни пробужденный садъ!..

Весенній разсвѣтъ. Оригинальный рисунокъ Е. Степанова.

Раннее, раннее утро; на горизонтѣ чуть проглянуло красивое пламя зари. Тонкіе берега болотистой рѣчки туманятся, какъ-будто дымятся, а въ гладкой водѣ замерцаютъ мелкія искорки. Лѣсъ неподвижно стоитъ, опрокинувшись въ водѣ—по образному выраженію А. Фета. Деревья еще безлиственны, но уже отъ бухнувшихъ почекъ пахнетъ ранней весной. Въ этотъ безмолвный часъ весенняго разсвѣта совершается великая тайна пробужденія природы для плодотворнаго обильнаго жизни лѣта. Тихая прелесть предутренняго сумрака яввляется на душу покой и миръ.

Конская ярмарка въ Венгріи. Съ картинъ художника Г. Брандта.

Своеобразная жизнь празднующей теперь тысячелѣтіе своего существованія Венгріи. Въ характерѣ венгерцевъ есть много цыганщины. Знаютъ венгерскаго быта Юсифъ Брандтъ даетъ часто изъ этой жизни интересные сцены. Передъ нами живописная, пестрящая національными нарядами ярмарка. Венгры, этотъ прежде кочевой народъ—сохранили до сихъ поръ сильную страсть къ лошадамъ. Въ этомъ они соперничаютъ даже со специалистами конской торговли—цыганами. На картинѣ Брандта представлена проба покупаемой лошади. Ее заставляютъ прыгать черезъ соломенный высокоподнятый жгутъ. Продавецъ горячитъ красивое животное, а покупатель слѣдитъ за каждымъ движеніемъ и важно обсуждаютъ статьи коня.

Признаніе въ любви. Съ картины художника Ланцеротто.

Югъ—страна пламенныхъ страстей, горячей, какъ солнце, любви. На картинѣ Ланцеротто разыгрывается одна изъ гаммъ всеобщей музыки любви, мелодично звучащей въ молодыхъ сердцахъ. Эта пылающая южанка слушаетъ нѣжные признанія своего смуглаго кавалера, вся охваченная зноемъ южнаго дня, прерывающимъ кровь въ жилахъ въ растопленнымъ сланцемъ. Ея алые губы, раскрываясь въ улыбку, точно ждуть поцѣлуя. Въ очахъ уже загораются молнии. Еще минуца—и начнется она тогда говорить о чемъ молчала, цѣловать, какъ никогда до того не цѣловала, по словамъ поэта.

Урокъ вязанья. Съ картины художника Х. Каульбаха.

Добродушный монахъ приучилъ къ себѣ ласками блдную сиротку-дѣвочку, соседняго лѣсника-сторожа. Въ свободные часы отъ молитвы онъ не проводитъ время безъ дѣла, а потому началъ заниматься вязаньемъ чулокъ и мало-по-малу совсѣмъ свылся съ этой работой. Сидитъ себѣ на солянышкѣ и вяжетъ. Его дѣвочка, прелестное дитя лѣтъ пяти-шести, тоже захотѣла научиться вязать. Старикъ терпѣливо и любовно разъясняетъ ей, какъ и что надо дѣлать. Вотъ уже у маленькой вязальщицы готово начало чулка. Она въ восторгѣ, радуется и старикъ. Контрастъ нѣжной юности и глубокой старости знаменитая кисть художника Каульбаха-сына изобразила какъ нельзя лучше.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Телеграмма его величества шаха Музафферъ-Эддина Его Величеству Государю Императору. Тавризмъ, 20-го апрѣля (2-го мая) 1896 г.

Увѣренный въ благосклонномъ сочувствіи Вашего Императорскаго Величества, сообщаю Вамъ о печальномъ событіи, которое жестокимъ ударомъ лишило меня возлюбленнаго отца и повергло народъ мой въ глубокую скорбь. Принявъ бразды правленія, поставлю себѣ первою обязанностью поддерживать и развивать тѣ дружескія отношенія, которыми покойный шахъ, мой возлюбленный родитель, былъ связанъ, Государь, съ Вашею Императорскою Семьею.

Телеграмма Его Величества Государя Императора шаху Музафферъ-Эддину, въ Тавризмъ.

Выражая вашему величеству живѣйшее участіе, принимаемое Мною въ вашемъ горѣ, прошу васъ вѣрить Моимъ искреннимъ пожеланіямъ счастья и славы начавшемуся царствованію вашему. Я надѣюсь на продолженіе тѣхъ отношеній дружбы и добраго сосѣдства, которыя такъ счастливо установились между Россіею и Персіею въ царствованіе искренно сожалѣемаго шаха Насръ-Эддина. Царское Село, 20-го апрѣля 1896 г.

Телеграмма его величества шаха Музафферъ-Эддина Его Величеству Государю Императору. Тавризмъ, 22-го апрѣля (4-го мая) 1896 г.

Искренно благодарю Ваше Императорское Величество за то сочувствіе и тѣ пожеланія, которыя Вамъ угодно было выразить мнѣ въ настоящую минуту тяжкаго для меня и моего народа испытанія. Пользуясь случаемъ еще разъ засвидѣтельствовать Вашему Императорскому Величеству, что искреннее желаніе моего сердца — продолжать и развивать издавна существующія отношенія дружбы и добраго сосѣдства, такъ счастливо установившіяся между Россіею и Персіею

Персія.—О новомъ шахѣ сообщаютъ слѣдующія подробности. Музафферъ-Эддинъ, не смотря на то, что ему 43 года, никогда не выезжалъ за предѣлы Персіи, зато онъ много путешествовалъ по своей странѣ, что дало ему возможность отлично изучить государство, которымъ ему приходится теперь править. Въ своей дѣятельности, какъ генералъ-губернаторъ Адербейджана, онъ всегда стремился къ улучшенію экономического положенія населенія. Когда въ прошломъ году провинцію

постигъ неурожай и хлѣбъ сильно вздорожалъ, Музафферъ-Эддинъ не задумался покупать хлѣбъ по 15 тумановъ и продавать его населенію по 5 тумановъ, при чемъ имъ были сдѣланы запасы на 2 года. Шахъ, въ бытность его наслѣднымъ прищемя, проявлялъ также большую заботливость объ улучшеніи быта войскъ. По его распоряженію, въ Тавризмѣ построены большія казармы для солдатъ, отвѣчающія новѣйшимъ требованіямъ

— Въ началѣ депутатскій военный министръ защищалъ на дняхъ рѣшеніе правительства отказаться отъ провинціи Тигре и отъ протектората надъ Абиссиніей и отвергалъ мысль объ истребительной войнѣ и о постепенномъ завоеваніи Абиссиніи. Правительство поставлено добиться освобожденія плѣнныхъ. Министръ высказался за проведеніе границы отъ Мареба до Белезы, надѣясь, что такая граница послужитъ поводомъ къ заключенію перемирія; онъ потребовалъ укрѣпленія Асмары и Сенафе и установленія сообщенія между этими пунктами и Массовой. Генералу Балдиссера предписано, въ случаѣ надобности, очистить Адигратъ.

— Сообщаютъ, что 26-го апрѣля (8-го мая) генералъ Балдиссера пригласилъ расовъ Мангашу, Себата и Агостафари освободить имѣющихся у нихъ итальянскихъ военнопленныхъ, въ противномъ случаѣ Балдиссера прибѣгнетъ къ репрессаліямъ. Себатъ и Мангаша отвѣтили уклончиво; а Агостафари выпустилъ на свободу имѣющихся подъ рукою плѣнныхъ. Переговоры съ Мангашей и Себатомъ продолжаются. Балдиссера приказалъ завтра начать репрессаліи.

Сербія.—25-го апрѣля (7-го мая) князь Фердинандъ со свитою прибылъ въ Бѣлградъ въ 7 часовъ 20 минутъ вечера и былъ встрѣченъ королемъ, членами турецкой миссіи, болгарскимъ дипломатическимъ агентомъ Сармаджевымъ, сербскими министрами и властями. На платформѣ былъ выстроенъ почетный караулъ со знаменемъ и музыкою. Король пожаловалъ болгарскому князю орденъ Бѣлаго Ора первой степени, министрамъ Столову и Петрову орденъ Такова первой степени. Князь Фердинандъ пожаловалъ королю, митрополиту, первому министру Новаковичу орденъ Александра первой степени.

Болгарія.—27-го апрѣля (9-го мая) князь Фердинандъ вернулся въ Софію. Встрѣчать князя на вокзалѣ собрались: министры, три митрополита, православное и иповѣрное духовенство, гражданскія власти, иностранные представители, бюро народнаго собранія, народныя представители, войска со знаменами и оркестрами, городской совѣтъ, кметы и представители печати. Поездъ прибылъ въ 11 час. 20 м. утра и былъ встрѣченъ громогласнымъ «ура», гимномъ «Шуми, Марица» и «Маршемъ Фердинанда». Князь подошелъ къ благословенію къ старшему митрополиту, поздравился съ почетнымъ карауломъ и выслушалъ привѣтствія духовенства, кмета и стар-

Музафферъ-Эддинъ, шахъ персидскій.

строительнаго искусства и гигиены. По его же инициативѣ было приступлено къ реорганизации персидскихъ войскъ, для чего были имъ приглашены австрійскій и русскій инструкторы.

Италія.—Получено извѣстіе, что генералъ Балдиссера освободилъ гарнизонъ Адиграта. Прежде всего изъ форта вышелъ большой караванъ больныхъ и раненыхъ. Войска выстроились шпалерами и громовые крики «E viva» огласили воздухъ. Вслѣдъ затѣмъ въ фортъ вступилъ генералъ де-Майно и облобызался съ первыми встрѣтившимися ему на пути солдатами. На банкетѣ, представители печати провозгласили тостъ за коменданта крѣпости Адиграта, майора Престияри, встрѣченный восторженно. Ходятъ, однако, слухи, что фортъ Адигратъ будетъ скорѣе очищенъ.

пины дипломатического корпуса (бельгійскаго политическаго агента); князь подалъ руку русскому агенту Чарыкову и французскому агенту Лако.

Австро-Венгрія. — Празднованіе тысячелѣтія Венгріи ознаменовывается торжественнымъ шествіемъ, на которомъ, между прочимъ, въ числѣ знаменъ странъ, подвластныхъ Венгріи, должны фигурировать румынское и сербское знамя. Оскорбленные этимъ, румынскіе студенты устроили демонстрацію противъ празднованія венгерцами тысячелѣтія существованія ихъ государства. Собравшись въ саду Чисмиджіу и выстроившись въ ряды, они въ такомъ порядкѣ прошли по главнымъ улицамъ Бухареста, имѣя во главѣ оркестръ, игравшій народныя пѣсни. До 40,000 постороннихъ лицъ присоединились къ манифестантамъ. Сербскіе студенты сожгли во время такой-же демонстраціи венгерское знамя. По этому поводу венгерскій депутатъ Францъ Кошутъ и его единомышленники сдѣлали правительству грозный запросъ.

Англія. — Глава либеральной оппозиціи, сэръ Гаркортъ въ недавней рѣчи напалъ на Родса и его сообщниковъ, сдѣлавшихъ набѣгъ на Трансвааль. Опаснымъ и пагубнымъ явленіемъ въ государственной жизни Англіи Гаркортъ признаетъ паденіе нравственнаго чутія въ англійской печати, которая защищала и даже восхваляла дѣйствія, возмущающія всякаго порядочнаго человѣка. Глубокая безправственность самаго заговора и его защитниковъ прямо-таки отвратительна и вполне оправдываетъ сложившееся у другихъ народовъ мнѣніе о «политикѣ коварнаго Альбіона», расширяющаго предѣлы своихъ владѣній ложью, обманомъ и предательствомъ. Министръ колоній Чемберленъ заявилъ о предстоящемъ назначеніи чрезвычайной слѣдственной комиссіи изъ членовъ палаты общинъ и палаты лордовъ.

Германія. — 28-го апрѣля (10-го мая), въ 25-ю годовщину заключенія франкфуртскаго мирнаго договора, во Франкфуртъ-на-Майнѣ, на торжество прибылъ императоръ Вильгельмъ. Императора встрѣчали гражданскія и военныя власти, народъ привѣтствовалъ его восторженно. Его величество присутствовалъ на богослуженіи въ Екатерининской церкви. Императоръ Вильгельмъ послалъ князю Бисмарку по этому случаю привѣтственную телеграмму.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

29-го апрѣля въ Баку прибылъ хивинскій ханъ Сеидъ-Махмудъ-Рагимъ-Богадуръ-Ханъ, на пароходѣ «Цесаревичъ» для слѣдованія въ Москву на коронацію. При немъ сынъ, четыре министра и свита.

— 27-го апрѣля въ Одессу прибыло на пароходѣ изъ Константинополя чрезвычайное духовное посольство вселенскаго патріарха, отправляющееся въ Москву. Въ составъ посольства входятъ митрополиты Филовей и Василій, архимандриты, секретари, священнослужители. Посольство было встрѣчено командированнымъ въ Одессу епископомъ сухумскимъ Арсеніемъ.

— 27-го апрѣля отбыли въ Москву министры путей сообщенія князь М. М. Хилковъ и верховный коронаціонный маршалъ графъ Палей.

— 24-го апрѣля въ Москву прибыли члены бюро-корреспондентовъ, въ составъ котораго находится: начальникъ бюро В. С. Кривенко, секретарь Н. И. Опритцъ и состоящіе при бюро гг. Г. А. Сеславинъ, В. В. Щеголовъ и Н. П. Петровъ.

— Дума города Риги постановила отпустить на устройство торжествъ въ дни коронаціи 10,000 рублей и въ память коронаціи учредить въ строящейся дѣтской больницѣ 10 бесплатныхъ кроватей, а также расширить городскую больницу.

— 23-го апрѣля, въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, въ 1 часть дня открытъ въ городѣ Сувалкахъ Домъ Трудолюбія.

— Русскими инженерами и техниками открыто въ Любавѣ, 29 апрѣля отдѣленіе Императорскаго технического общества. Предсѣдателемъ избранъ строитель порта Императора Александра III, военный инженеръ-генералъ Макдональдъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Государь Императоръ, по ходатайству почетнаго предсѣдателя русскаго общества охраненія народнаго здравія его императорскаго высочества великаго князя Павла Александровича, Высочайше соизволилъ на разрѣшеніе русскому обществу охраненія народнаго здравія отсрочить празднованіе столѣтняго юбилея открытія вакцинаціи Дженнеромъ и выставки оспопрививанія до ноября текущаго года.

— На дняхъ въ Мраморномъ дворцѣ, въ присутствіи августѣйшаго предсѣдателя Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, великой княгини Александры Ѳеодоровны, а также великаго князя Константина Константиновича и великой княгини Елисаветы Мавриковны, состоялось испытаніе учениковъ и ученицъ С.-Петербургской консерваторіи.

— 28-го апрѣля происходило годовое собраніе Общества попеченія о больныхъ и бѣдныхъ дѣтяхъ въ присутствіи августѣйшей покровительницы Общества ея императорскаго высочества великой княгини Елисаветы Мавриковны. Предсѣдателемъ общаго собранія былъ избранъ В. А. Ратьковъ-Рожновъ.

— 28-го апрѣля состоялся торжественный актъ Археологическаго института. Присутствовали почетные члены и гости, а также бывшіе слушатели. Актъ открылъ и. д. директора проф. Н. В. Покровский, прочитавшій годовую отчетъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Учреждается 20 новыхъ начальныхъ училищъ имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны въ борисоглѣбскомъ уѣздѣ на счетъ мѣстнаго земства, которое, ассигновавъ 54,000 р. на постройку зданій, будетъ ежегодно вносить въ земскую смѣту сумму, достаточную на ихъ содержаніе.

— Мусульманское населеніе гор. Шуши постановило, въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ открыть въ этомъ городѣ двухклассное училище для мальчиковъ, назвавъ его «Николаевскимъ».

— Киргизы Тургайской области (Николаевскаго уѣзда) пожертвовали 12,400 р. въ поль-

зу вновь учреждаемой въ гор. Николаевскѣ русско-киргизской женской прогимназіи.

— Пять сельскихъ обществъ разныхъ уѣздовъ с.-петербургской губерніи составили недавно приговоры объ открытіи съ будущаго учебнаго года ремесленныхъ отдѣленій при существующихъ народныхъ школахъ.

— Жители г. Велижа, желая ознаменовать Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ, рѣшили ходатайствовать объ устройствѣ въ память этого событія въ городѣ общественной библиотеки, на каковую цѣль имѣются уже значительныя пожертвованія.

— Съ начала будущаго 1896—97 учебнаго года на физико-химическомъ отдѣленіи с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ вводится преподаваніе зоологіи.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

25-го апрѣля въ Маринскомъ театрѣ дали впервые въ этотъ сезонъ «Князя Игоря» Бородина. Несмотря на то, что сезонъ уже близится къ закрытію, театръ былъ почти полонъ и опера была встрѣчена очень сочувственно. Изъ новыхъ исполнителей болѣе выдающихся ролей слѣдуетъ выдѣлить г. Шалапина (Владиміръ Галицкій) и г-жу Долину (Кончаковна). Г. Шалапинъ далъ очень яркій типъ.

— 27-го апрѣля открылась лѣтняя сцена театра Немецки. Спектакли открылись прекрасно поставленной, съ полными эффектами декорациями и костюмами опереткой І. Штрауса—«Баядерки». Оперетка—одно изъ старыхъ произведеній «короля вальсовъ»; она вѣкогда шла въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ.

— Въ ревельскомъ городскомъ театрѣ начались спектакли русской драматической труппы г. Волковскаго. 21-го, 23-го и 24-го апрѣля состоялись гастролы знакомой Петербургу артистки г-жи Дарьяль. Поставлены были «Клеопатра» и «Принцесса Греза».

— Артисты Александринской труппы: г-жа Мичурина, гг. Давыдовъ и Леясскій приглашены нѣсколькими провинціальными антрепренерами на гастролы. Репертуаръ составленъ изъ пьесъ: «Горе отъ ума», «Ревизоръ», «Мертвыя души», «Коварство и любовь», «Тартюфъ».

— 27-го апрѣля въ музыкальной школѣ Кривошеина и Даннемана имѣла мѣсто лекція г. К. о «Духовныхъ операхъ» Рубинштейна. Чтеніе сопровождалось музыкальными отрывками изъ нихъ, исполненными пѣвцами и учениками школы. Были исполнены отрывки, между прочимъ, изъ послѣдней оперы «Христосъ».

БИБЛИОГРАФІЯ.

Сэръ Джонъ Леббокъ. «Радости жизни», пер. М. Ловцовой съ предисловіемъ А. Михайлова (А. К. Шеллера). Второе изданіе. Спб. 1895 года. Цѣна 90 к.—Его же. «Идеалы жизни», перев. М. Ловцовой. Спб. 1895 г. Цѣна 75 коп.

Знаменитый ученый Леббокъ, какъ-бы соблазненный успѣхами Смайльса, написалъ книги такого-же чисто дидактическаго характера. Первый изъ его опытовъ—«Радости жизни»—оказался очень удачнымъ и переводъ этой книги пользуется у насъ большимъ успѣхомъ. Эту книгу можно смѣло рекомендовать, особенно юношамъ. Второе сочиненіе англійскаго ученаго—«Идеалы жизни»—гораздо слабѣе. Его портитъ особенно то, что авторъ является тутъ

нѣсколько кваснымъ патриотомъ и слишкомъ вѣрять въ то, что англичане самый образованный и самый гуманный народъ.

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ.

Св. Стефанъ Пермскій.—26-го апрѣля исполнилось ровно 500 лѣтъ со дня блаженной кончины св. Стефана, просвѣтителя Перми (или Біарміи), сѣверо-восточной части Россіи отъ Сѣверной Двины и Бѣлаго моря до рѣки Печоры, заключавшей въ себѣ нѣшнія губерніи—архангельскую, вологодскую, вятскую и пермскую. Св. Стефанъ былъ первымъ владыкою пермской епископіи. Преставился святитель въ праздникъ Преполювенія Пятидесятницы, 26-го апрѣля 1396 г. въ Москвѣ. Великое множество народа собралось на погребеніе блаженного Стефана, духовныхъ и мірянъ. Тѣло его со всѣмъ торжествомъ и подобающею честью погребено въ Москвѣ въ великокняжескомъ Спаскомъ монастырѣ, что нынѣ дворцовый соборъ Спаса на Бору.

М. И. Долина. На дняхъ исполнилось десятилѣтіе талантливой артистической дѣятельности контральто русской императорской оперы М. И. Долиной.

НЕКРОЛОГИ.

Г. А. Колпаковский.—23 апрѣля скончался генералъ-отъ-инфантеріи, членъ военнаго совѣта Герасимъ Алексѣевичъ Колпаковский, хорошо извѣстный своими боевыми и административными заслугами. Его имя знаютъ всѣ, какъ побѣдителя кокандцевъ подъ Пишпекомъ, завоевателя Кульджинскаго ханства и устроителя Забайкальскаго края.

Р. В. Эссенъ. На дняхъ скончался на 59-мъ году жизни ломжинскій губернаторъ Романъ Васильевичъ Эссенъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ эстляндской губерніи, образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ.

В. Е. Богдановская. 25-го апрѣля на Ижевскомъ заводѣ, вятской губ., скончалась извѣстная женщина-химикъ Вѣра Евстафьевна Богдановская, по мужу Попова. Вѣра Евстафьевна была дочь извѣстнаго хирурга Е. И. Богдановскаго и родилась въ Петербургѣ въ 1867 году. Окончивъ курсъ въ Смольномъ институтѣ въ 1883 г., а затѣмъ на высшихъ женскихъ курсахъ по естественному отдѣленію, она потомъ работала по химіи въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ въ Женевѣ. Какъ беллетристъ, она работала въ «Живоп. Обозр.».

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Секта бабистовъ—убійца шаха персидскаго. Недавно получено извѣстіе, что шахъ персидскій Насръ-Эддинъ, во время своихъ частыхъ путешествій посѣщавшій Россію,—убить, и что убійца его одинъ изъ послѣдователей секты бабистовъ.

Что представляютъ изъ себя бабисты? Что это за секта? Какія ихъ вѣрованія? Главное основаніе ихъ религіозныхъ воззрѣній составляетъ религіозное преобразованіе мусульманскаго ученія.

Основатель секты, Мирза-Али-Могамедъ, гордился своимъ происхожденіемъ отъ пророка и заставлялъ о себѣ много говорить около 1840 г. Онъ выдавалъ себя за посланца небесъ, для реформированія магометанства, и перемѣнилъ свое имя на прозваніе *бабъ*,—что значитъ *дверь*—то есть, врата, которыми идутъ къ Богу—и подъ этимъ именемъ, онъ

сталъ извѣстенъ. Конечно мораль, вытекающая изъ его первоначальнаго ученія, и которая ясно вытекаетъ изъ написанныхъ имъ въ то время сочиненій, нисколько не позволяетъ думать, что она могла привести къ политическимъ убійствамъ.

Мирза-Али уничтожаетъ смертную казнь за религіозныя убѣжденія, осуждаетъ многоженство и наложничество, говоритъ противъ покрывала для женщинъ, сокращаетъ мелкія обрядности молитвъ и отрицаетъ нечистоту невѣрныхъ, вѣрованіе, которое всегда ставило непреодолимыя преграды между мусульманскимъ міромъ и остальными религіями. Эта проповѣдь въ свое время надѣлала много шума и навѣрное распространилась бы одною силою логической убѣдительности, если бы Мирза-Али остался одинъ главою движенія. Но онъ держался своей роли правдиваго проповѣдника вѣры, предоставивъ вышнее дѣло двумъ изъ своихъ послѣдователей, которые измѣнили смыслъ ученія, заявляя, что не пройдетъ года, какъ бабисты будутъ владѣть всею землею и что люди стараго ученія будутъ имъ служить.

Это было какъ разъ въ эпоху вступленія на престолъ Насръ-Эддина. Персидское духовенство, въ виду грозившаго раскола, дѣлало все возможное, чтобы заглушить движеніе. Борьба была кровавая, въ концѣ которой неопиты соединились въ крѣпости Али-Мерданъ-Ханъ, гдѣ ихъ осадилъ 18,000 регулярнаго войска. Возмущившіеся, наконецъ, сдались, измученные голодомъ—они принуждены были ѣсть похлебку изъ костяной муки, и хотя имъ была обѣщана жизнь, ихъ убивали тутъ же на площади или же отправляли въ Тегеранъ для преданія казнямъ. Мирза-Али бѣжалъ. Изъ двухъ его послѣдователей одинъ палъ съ оружіемъ въ рукахъ, другой былъ казненъ въ Тавризѣ.

Возмущившіеся сдѣлались заговорщиками и впали въ ошибку, начавъ дѣйствовать противъ молодого шаха. Они надѣялись, что со смертю шаха и изгнаніемъ могущественныхъ лицъ, имъ удастся приманкой грабежа привлечь на свою сторону народъ и даже солдатъ. Двѣнадцать человекъ самыхъ рѣшительныхъ были выбраны, чтобы въ удобную минуту убить шаха. Въ 1852 году, шахъ отправился въ свою лѣтнюю резиденцію. На пути къ шаху, который ѣхалъ нѣсколько впередъ своей свиты, подошли три человека, одинъ изъ нихъ подаль ему прошеніе, и когда шахъ протянулъ за нимъ руку, въ него выстрѣлили. Первый выстрѣлъ не попалъ, второй былъ отклоненъ однимъ изъ членовъ свиты, а третій—слегка ранилъ шаха въ руку. Рана оказалась неопасной, потому что пистолетъ былъ заряженъ дробью. Насръ-Эддинъ возвратился во дворецъ, чтобы перевязать руку, и выказалъ хладнокровіе, сильно поразившее народъ.

Бабисты приписывали неуспѣхъ нетерпѣнію трехъ заговорщиковъ, которые, не дождавшись остальныхъ девяти, вышли за полчаса раньше условленнаго времени.

Возмездіе было ужасно.

Г-жа Дѣлафуа въ своемъ описаніи Персінъ рассказываетъ: «Первый министръ рѣшилъ, что казни, существовавшія и употреблявшіяся до сихъ поръ, недостаточны для наказанія множества арестованныхъ по этому случаю. Шахъ, говоритъ онъ, будетъ судить о привязанности къ нему служащихъ по тѣмъ пыткамъ, которымъ они будутъ подвергаться преступниковъ...»

И они изощрялись. Одни кололи ихъ перочиннымъ ножомъ, другіе привязывали ихъ за руки и ноги къ болѣзненнымъ верхушкамъ деревьевъ, которыя, принимая первоначальное положеніе, вырывали конечности у осужденныхъ. Многихъ бабъ разрывали на части плетями; наконецъ, по базарамъ Тегерана водили людей въ видѣ живыхъ подсвѣчниковъ. Въ надрѣзы на груди были вставлены зажженные свѣчи; догорая, онѣ гасли отъ запекшейся крови. Почти всѣ эти несчастные выказывали замѣчательное мужество, отцы спокойно наступали на тѣла дѣтей; дѣти требовали, чтобы имъ рубили головы на трупахъ отцовъ. Казни кончились за недостаткомъ казнимыхъ».

Къ этой эпохѣ массовыхъ казней относится смерть Гуррегъ-Эль-Айнъ, пророкицы бабъ, самой чистой представительницы этого религіознаго движенія. Она не принимала ни малѣйшаго участія въ заговорѣ и была дѣйствительно мученицей. Ученіе бабъ не могло не

проникнуть въ гаремы и несомнѣнно, что тамъ оно должно было имѣть многихъ послѣдователей, благодаря той эмансипаціи, которую оно обѣщало женщинамъ. Одна молодая персіанка, высоко развитая и говорить замѣчательной красоты, вполне прониклась идеями новаго ученія и съ открытымъ лицомъ стала проповѣдовать, на площадяхъ. Обращеній она сдѣлала множество. Послѣ покушенія на жизнь шаха ее тоже взяли и обѣщали ей жизнь, если она отречется отъ своихъ вѣрованій, но она продолжала громко заявлять свои убѣжденія и была осуждена умереть на кострѣ. Говорятъ, что палачи сжалились надъ ней и задушили ее, прежде чѣмъ пламя коснулось ея тѣла.

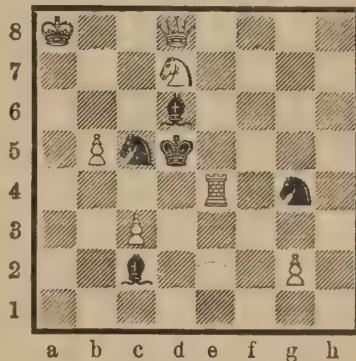
Бабизмъ былъ подавленъ, но не уничтоженъ. Въ послѣдствіи шахъ мудрымъ направленіемъ старался заставить забыть жестокости, совершонныя въ молодости. Но бабисты ничего не забыли...

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 15.

Г. Кейданскаго (въ Берлинѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ.

№ 7. Шустера. 1. d2-d4, ∞; 2. Ф или КХ.
№ 8. Вейнгеймера. 1. С е5-b2, Кр. е6-f6; 2. Л. g4-g5 +, ∞; 3. С или ПХ. 1... К ∞; 2. f4-f5 + и 3. СХ. 1... b5-b4; 2. Л. g4-g5, ∞; 3. f4-g5 X.
№ 9. Шиллера. 1. R е4-f6, ∞; 2. Ф, С, К или ПХ.
№ 10. Потемкинскаго. 1. К g7-e8, ∞; 2. С или КХ.
Рѣшили: К. Подольскій (Спб.), Е. Ф. Андреевъ (Кіевъ), И. В. Петровъ (Кострома) и П. Н. Поповъ (Саратовъ)—всѣ; М. Т. Левской (Новгородъ)—№ 7 и 10; К. Н. Рождественскій (Минскъ) и В. А. Ивановъ (Спб.)—№ 10.

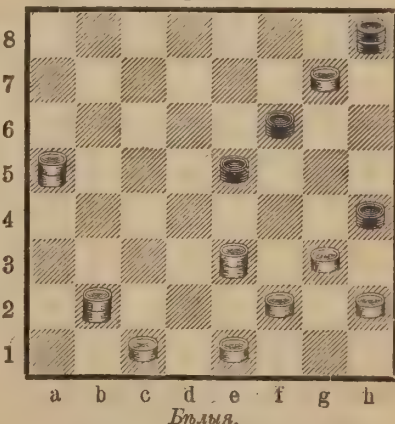
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 15.

А. И. Шошина (въ С-Петербургѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамбу и простую.

ЭТЮДЫ И ОКОНЧАНІЯ ПАРТІЙ.

№ 6. Д. И. Саргина (въ Москвѣ).

— b8, e1; — b4.

— f6; — a7, d4.

Бѣлыя выигрываютъ.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

!!! Важно для дамъ !!!

Заочное обученіе шитью и крою посредствомъ лекцій-корреспонденцій по новейшему, легчайшему и понятному для каждаго методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются безплатно. Плата умеренная.

Преподавательница Е. Д. Ашмарина.
Кіевъ, Житомирская, № 4. № 2350-7

ФАБРИКИ С. СОБЕННИКОВА

Магазины: 1-ый Невскій, 58,
2-ой Невскій, 68 въ СПбургѣ

Предлагаю
Непромокаемую нарядную
ПАЛЬТО и резиновые
ЧЕРНЫЯ и СѢРЫЯ
Цѣны удешевлены

Прейсъ-курантъ и образцы высылаю
БЕЗПЛАТНО. 2878-8

ШАМАНСКІЯ ВІНА

По своимъ достоинствамъ не уступаютъ самымъ лучшимъ сортамъ французскихъ марокъ.
Говорятъ, шампанское въ Москвѣ, въ рондону, можно поддѣлать.

Н. П. ДАНИНА
Москва, Москворѣцкій мостъ, соб. домъ.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ АППАРАТЫ

ТОЛЬКО 5 Р.

Съ треножникомъ, не игрушка, коимъ каждый, даже ребенокъ, можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч., съ подробными свѣтлыми и руководствомъ.

Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтений, Большая Морская 33.

Заказы высылаю, немедля. Можно и налож. платежемъ.

Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтений и подарковъ за 14 коп. марку. 4916-1

БЕЗПЛАТНО

ВЫСЛАЕТЪ

Иллюстрированный Прейсъ-Курантъ

Спеціальный магазинъ

Ю. ГОТЛИБЪ.

Владимірская, д. 2, уг. Невск.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 2216-40

ВЕЛОСИПЕДЫ

ВЕЛОСИПЕДЫ

съ новѣйшими усовершенствованіями 1896 г. Предлагаетъ въ громаднѣмъ выборѣ представитель фирмы: ГУМБЕРЪ и К^о, ЛИМИТЕДЪ КВИНТОНЪ и К^о, МАДАМЪ АПЕЛЬ и другихъ первоклассныхъ фабрикъ. Всевозможныя велосипедныя принадлежности. ТОРГОВЫЙ ДОМЪ.

РОБЕРТЪ ГЕТЦЪ

д. ВОДЕНИКОВА 2305-4

Уголъ Садовой и Гороховой, С.-Петербургъ.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

ЭЛЕОПАТЪ

Пр. КИНУ-РЕНЪ
для волосъ.
Элеопатъ Кинуненъ находится въ продажѣ во всѣхъ солидн. аптекахъ, парикмахерскихъ, Цѣна фла. 20 граммовъ. Пр. 50 к. безъ перес. Просить обращаться на марку и кле-мо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона.

Провизоръ Кинуненъ, № 2275-3
Главный складъ. СПб. Демидовъ пер., № 1.

ТОЛЬКО

что вновь получены велосипеды

„АДЛЕРЪ“

изящные, прочные и легкіе 150 р. — 2.

Велосипедные фонари

„Германія“ и „Блицъ“

никогда не тухнущіе, отъ 4 „ — „

Моментально снимающіе

Щиты отъ грязи

изъ жести и алюминія 2 „ 25 „

Свѣтки „ТОРПЕДО“

необходимы для Командировъ

при обществен. поѣздкахъ — 50 „

Американскіе ключи

для гаекъ всѣхъ размѣровъ — 50 „

Покрывшки для сѣделъ

ковровыя и войлочные 1 „ 20 „

Велосипедные звонки

лучшихъ системъ — 60 „

Жел. екл. подставки

необходимыя при частыхъ и

смазкѣ велосипедовъ 1 „ 25 „

Плащи отъ дождя

высатиновые и шелковые 2 „ 80 „

а также по дешев. цѣнамъ: насосы, стѣлы, багажники, сумки, чпо-и фонари, держатели, масло для фонаря и смазки, шарикъ, спицы, шпатель, пилы и пр. и пр.

З. КИНКМАНЪ и К^о

С.-Петербургъ, Гороховая 4.

Иногород. наложен. платежомъ.

Каталоги безплатно.

Остерегаться поддѣлокъ.

Фирма премірована на европейскыхъ выставкахъ десятию золот. медалями и высшими знаками.

Косметическіе СПЕРМАЦЕТОВЫЕ, ЛИЧНЫЕ

УТИРАЛЬНИКИ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ

утиральниковъ, кожа лица дѣлается

чистою. Удобное средство въ дорогѣ,

гдѣ лицо особенно подвержено вліянію

пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда

имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 к.,

съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 р.,

4 пачки съ пер. 3 р. Для предупрежденія

поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе

на подпись. Энглундъ красными

чернилами и марку С.-Петербургской

Косметической Лабораторіи. Получать можно

по всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Ми

хайловская площ., д. ЖЕРБИНА, № 2.

№ 2044-2

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

„ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА“.

Романъ изъ жизни червонныхъ вѣстовъ

Владимірова. Цѣна 1 рубль.

НОВОСТЫ

ПИШУЩАЯ МАШИНА

Только 8 руб.

Не игрушка. Самая простая изъ всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ. Писать можетъ даже ребенокъ. Не смѣшивать съ машиною „Малютка“. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ Новыхъ Изобрѣтений, Большая Морская, д. 33. Каталогъ за 14 коп.

Машина высылается немедленно по полученіи 3-хъ руб. задатка.

УДОЧКИ

и всѣ вообще принадлежности для рыбной ловли получены изъ Англіи въ большомъ выборѣ

ВЪ МАГАЗИНАХЪ

С. И. ДОЙНИКОВА,

СПБ. 1-й магазинъ Невскій пр., Малютинъ

рядъ д. Лесниковой, 27-18. 2-й магазинъ

Гостиный дв., противъ Пажескаго корпуса

№ 73. 3-й магазинъ Чернышев пер.

Банковская лин., № 15.

Иллюстриров. прейсъ-курантъ рыболов-

ныхъ принадлеж. высылаются иногород.

—2 безплатно. 2395.

ФОТОГР. АППАРАТЫ

К. И. ФРЕЛАНДЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ

НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.

№ 27-18 УЛИЦА УЛИЦА

№ 4711.

№ 4711.

Кто любить запахъ настоящей фіалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“ (Violette du Rhin.)

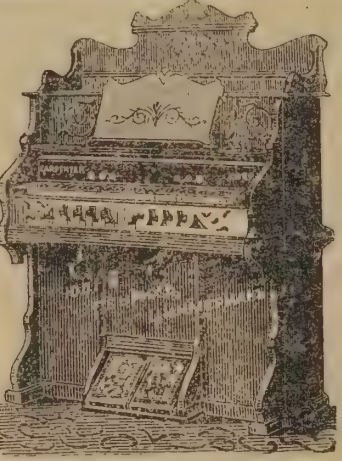
Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.

Всѣ одинаковаго качества.

Продается и парфюмер

во всѣхъ выхъ

аптекарскихъ магазинахъ.

ФИСТАРМОНІИ

извѣстѣйшихъ фабрикъ

ШИДМАЙЕРА,

КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ:

въ 85, 100, 110, 130, 135, 150,

160, 180, 190, 200, 225, 240,

250, 300, 325, 350, 400, 450,

500, 550, 750, 800 и 1,000 руб.

Школа-самоучитель—Паке 2 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ

БЕЗПЛАТНО. -17

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля

С.-Петербургъ, Б. Морская № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарина.

№ 19 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 3½ листовъ, съ 8-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) «Еженедѣльная хроника», № 19-й, III) «Новѣйшія Парижскія моды», за май, № 5-й, IV) Листъ выкроекъ и узоровъ и V) Раскрашенная картинка «Модные туалеты».

Кромѣ того, при этомъ номерѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылаются ежемѣсячное литературное приложение—пятая книга «Домашней Библиотеки» (за май 1896 г.).

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»: НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. Заграницу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновои бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

ВЪ ВИДУ наступающихъ высокаторжественныхъ событий—„Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ“, редакция журнала „Живописное Обозрѣніе“ рѣшила не ограничиваться выпускомъ одного номера, посвященнаго важнымъ событіямъ Священнаго Коронованія, а дать цѣлый рядъ, увеличенныхъ въ объемѣ номеровъ своего журнала, на страницахъ котораго будутъ напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ событія, какъ подробныя описанія, такъ и иллюстраціи къ нимъ.

Выпуская рядъ номеровъ журнала, посвященныхъ, исключительно великому историческому событію—Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, мы дадимъ отдѣльную изящную обертку и особый счетъ страницъ этимъ номерамъ съ тѣмъ, чтобы подписчики журнала, пожелавшіе вполнѣ воспользоваться этими номерами изъ годового комплекта, могли бы, безъ ущерба годовому изданію составить на память полный и совершенно самостоятельный

«КОРОНАЦІОННЫЙ АЛЬБОМЪ».

Въ первомъ выпускѣ „Коронаціоннаго альбома“ будутъ напечатаны подробныя историческія свѣдѣнія о вѣнчаніи на царство русскихъ Государей (начиная съ древнихъ временъ и кончая современными), принадлежащая перу извѣстнаго знатока русской исторіи—Н. Л. Ширяева. Затѣмъ, какъ дополненіе къ чисто историческому матеріалу, историко-беллетристическій очеркъ В. П. Лебедева—„Восшествіе на престолъ перваго царя изъ дома Романовыхъ“ и проч.

Высокій интересъ, который возбуждаютъ въ настоящее время историческія памятники Москвы и другихъ мѣстностей, какъ-то: дворцы, соборы, утварь и проч., имѣвшіе свое значеніе въ прошлой жизни русскихъ царей, а также участвовавшіе и въ современномъ историческомъ событіи—Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, будутъ даны какъ въ рисункахъ, такъ и въ подробномъ описаніи.

Описанія же современныхъ торжествъ, а также иллюстраціи къ нимъ, будутъ даны, по возможности подробно и въ хронологическомъ порядкѣ, нашими специальными корреспондентами, какъ журналистами, такъ художниками и фотографами, находящимися, въ настоящее время, въ Москвѣ.

Что касается художественнаго отдѣла, то редакция

используетъ всѣ свои силы и средства, чтобы дать своимъ читателямъ возможно полную и вѣрную дѣйствительности панораму всѣхъ выдающихся моментовъ и сценъ, имѣвшихъ мѣсто при торжествахъ и празднествахъ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Выполненіе рисунковъ для „Коронаціоннаго альбома“ поручено нами извѣстнымъ петербургскимъ художникамъ-иллюстраторамъ: Н. Н. Каразину, В. В. Полякову, В. А. Табурину, Дейнеко, П. Е. Никитину, Э. К. Соколовскому и друг. Рисунки будутъ воспроизведены посредствомъ фотографическихъ снимковъ, а затѣмъ обработаны художниками. Большая часть рисунковъ будетъ гравирована на деревѣ извѣстными нашими граверами В. Адомъ, Б. Пуцомъ, Соболевымъ, Ивановымъ и друг.

Кромѣ того „Коронаціонный альбомъ“ будетъ украшенъ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Императрицы Государыни Александры Феодоровны, изображенными въ полномъ царскомъ коронаціонномъ облаченіи—коронѣ и порфирахъ, отпечатанными въ нѣсколько тоновъ.

При этомъ заявляемъ, что мы, исполняя желаніе нашихъ многочисленныхъ подписчиковъ, впредь будемъ печатать номера нашего журнала на бѣлой веленовой бумагѣ.

Прибытіе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москву.

I.

6-го мая вся Москва, не смотря на дождь, высыпала на улицы и цѣлыми часами стояла, ожидая, чтобы дружнымъ восторженнымъ «ура» привѣтствовать возлюбленнаго Монарха. Весь путь отъ смоленскаго вокзала до Петровскаго парка былъ усеянъ народомъ, трибуны, деревья, словомъ, не было нигдѣ мѣста, даже крыши домовъ, и тѣ были полны народа. Дебаркадеръ вокзала, къ которому долженъ былъ придти Императорскій поѣздъ, построенъ заново въ русскомъ стилѣ, съ одной стороны закрытый стеклянной галлереєю, масса зелени, лавровыхъ деревьевъ, бархатные ковры, цвѣты, роскошная золоченая мебель стили Людовика XVI, украшали вокзалъ; для встрѣчи Ихъ Величествъ, въ лѣвой части дебаркадера выстроился почетный караулъ отъ лейбъ-эскадрона уланскаго Государыни Императрицы Александры Θεοδоровны полка со штандартомъ и хоромъ трубачей. На правомъ флангѣ караула находился Августѣйшій командиръ эскадрона, Великій Князь Георгій Михайловичъ. Среди прибывшихъ встрѣтить Царя и Царицу были всѣ высшіе чины не только Петербурга и Москвы, но всей Руси: министры, члены государственнаго совѣта, Государева свита, генералы, адмиралы и всѣ начальники отдѣльных частей, входящихъ въ коронаціонный отрядъ войскъ. Въ третьемъ часу стали съѣзжаться особы Императорской фамилии и иностранные принцы, уже находящіеся въ Москвѣ. Въ 5 ч. 27 минутъ дня усиливается «ура» возвѣстило приближеніе Императорскаго поѣзда; наступила торжественная тишина, музыка заиграла встрѣчу, лейбъ-уланы Государыни Александры Θεοδоровны взяли на караулъ. При выходѣ изъ салонъ-вагона Государя, штандартъ салютовалъ, плавно склоняясь. Монархъ былъ въ формѣ лейбъ-гренадерскаго екатеринославскаго Александра III полка. Ихъ Величества были встрѣчены особами Императорской фамилии, всѣми прибывшими въ Москву иностранными принцами. Супруга пред-

сѣдателя желѣзной дороги, Шилова, поднесла Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Θεοδоровнѣ роскошный букетъ цвѣтовъ. Послѣ родственной встрѣчи, Государь принялъ отъ Великаго Князя Владиміра Александровича, начальника надъ всѣми находящимися въ Москвѣ войсками, рапортъ, обходилъ фронтъ караула и здоровался съ нимъ; при этомъ Государыня Александра Θεοδоровна, какъ шефъ полка, выслушала рапортъ отъ командировъ полка и эскадрона и вахмистровъ. Выѣстъ съ Ихъ Величествами прибыли: Августѣйшій московскій Генераль-Губернаторъ, встрѣчавшій Ихъ Величества на станціи Клинь, Великая Княжна Ольга Николаевна и Великій Князь Александръ Михайловичъ съ супругою Великою Княгинею Ксенією Александровною. Государь обошелъ всѣхъ начальниковъ частей, а затѣмъ Ихъ Величества въ закрытой каретѣ отбыли, привосторженныхъ кликахъ народа въ Петровский дворецъ. Впереди экипажа Ихъ Величествъ ѣхали верхомъ офицеры собственнаго конвоя въ красныхъ черкесахъ при богатомъ, отдѣланномъ серебромъ съ чернью, холодномъ оружій. Экипажъ также сопровождали офицеры лейбъ-гвардіи коннаго кирасирскаго, уланскаго и гусарскаго Его Величества полковъ, уланскаго Государыни Александры Θεοδоровны полка и гвардейской конной артиллеріи. Въ слѣдующихъ экипажахъ поѣхали Великіе Князья Сергій Александровичъ, Александръ Михайловичъ и Великая Княгиня Ксенія Александровна. Затѣмъ Великая Княжна Ольга Николаевна въ сопровожденіи воспитательницы и мамки. Восторженные клики «ура» гудѣли до тѣхъ поръ, пока Ихъ Величества не вошли въ Петровский дворецъ, гдѣ на флагштокѣ взвился Императорскій штандартъ; внутренній почетный караулъ во дворцѣ былъ выставленъ отъ 44 драгунскаго нижегородскаго Его Величества полка. Во дворцѣ собрались для встрѣчи Ихъ Величествъ королева эллиновъ, наслѣдная принцесса румынская, Великія Княгини Марія Павлов-

на, Елисавета Θεοδоровна, Елисавета Маврикіевна, Вѣра Константиновна, герцогиня виртембергская съ дочерьми, принцесса Евгения Ольденбургская, министръ двора съ придворными чинами, ген.-адъют. Костанда съ начальниками отдѣльных частей московскаго военнаго округа. Принявъ рапортъ, Государь обходилъ почетный караулъ здороваясь съ нимъ. Послѣ этого принялъ хлѣбъ-соль отъ московскаго земства. Земскую депутацію составляли: уѣздный предводитель дворянства князь Голицынъ, председатель земской управы Рихтеръ, членъ управы Киргофъ, волостной старшина Фрыгинъ. Обойдя начальниковъ отдѣльных частей, Ихъ Величества поднялись во второй этажъ въ Круглый бѣлый залъ, гдѣ находились протопресвитеръ Янышевъ, благоушеское и верхоушеское духовенства и придворные пѣвчіе. По прибытіи Ихъ Величествъ было совершено краткое молебствіе съ многолѣтнемъ Ихъ Величествамъ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому. Послѣ молебствія Ихъ Величества прошли во внутренніе покои, расположенные по правую сторону отъ Круглаго зала во второмъ этажѣ дворца. Во время слѣдованія Ихъ Величествъ въ Москву на станціяхъ Тверь и Клинь сословные представители эти городовъ поднесли Ихъ Величествамъ хлѣбъ-соль.

II

8-го мая въ 4½ часа дня прибыла изъ заграницы Государыня Императрица Марія Θεοδоровна съ великимъ княземъ Михайломъ Александровичемъ и великою княжною Ольгою Александровною. Ея Величество была встрѣчена Государемъ Императоромъ, Государынею Императрицею Александрою Θεοδоровною, датскимъ наслѣдникомъ, великою княгинею Ксенією Александровною и великими князьями. Когда показался экипажъ съ Ихъ Величествами, народъ восторженно привѣтствовалъ Монарха и Государыню Императрицу.

Торжественный въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Кремлевскій дворецъ.

Москва, 9 мая. Торжественный въѣздъ Ихъ Величествъ въ Кремлевскій дворецъ состоялся среди несмѣтной толпы народа и въ солнечный день. Царскій путь роскошно декорированный представлялъ восхитительную картину. Дома скрывались за флагами, за зеленью, за щитами съ инициалами Ихъ Величествъ и другими украшеніями. Построенныя на пути трибуны были полны нарядной публики. Въ 10-мъ часу утра, на улицахъ не было уже свободнаго прохода. По всѣмъ направленіямъ стекался народъ встрѣчать Царскій кортежъ. Шествіе тронулось ровно въ 2½ часа. При въѣздѣ въ столицу Государь былъ встрѣченъ Августѣйшимъ генераль-губернаторомъ присоединившимся къ шествію со своими ординарцами и адъютантами. У старыхъ триумфальныхъ воротъ, при въѣздѣ въ Земляной городъ, Императора встрѣтили городской голова съ членами городского управленія. Привступленіи въ Бѣлый городъ, встрѣча была отъ московскаго земства. На Тверской площади встрѣчало московское дворянство со своими пред-

ставителями. У Воскресенскихъ воротъ встрѣченные московскимъ губернаторомъ, административными и судебными учрежденіями, Ихъ Величества изволили остановиться у входа въ Иверскую часовню. Государь сошелъ съ коня, а обѣ Государыни вышли изъ каретъ и поклонились иконѣ Иверской Божіей Матери. На Красной площади, около новыхъ рядовъ выстроены эстрады для публики украшенныя флагами. Вдоль всей эстрады выставлены были около Историческаго музея депутаціи инородцевъ въ пестрыхъ костюмахъ, возлѣ которыхъ стояли до памятника Минина и Пожарскаго всѣ волостные старшины, а далѣе юнкерскія училища. На противоположной сторонѣ также были эстрады для публики вдоль которыхъ выстроился Преображенскій полкъ. Прибывъ въ Кремль, Ихъ Величества на паперти Успенскаго собора встрѣтили высшее духовенство съ крестомъ и святой водой при пѣвціи тропаря изъ канона недѣли Ваіи. Государь съ Государынями вступили въ Успенскій соборъ, гдѣ приложились къ мощамъ и иконамъ. Послѣ того, предшествуе-

мые придворными чинами Ихъ Величества войдя на Красное Крыльцо поклонились всѣмъ собравшимся на соборной площадкѣ и вошли въ Кремлевскій дворецъ. Въ отвѣтъ на поклонъ Ихъ Величествъ раздалось восторженное «ура». На трибунахъ у колокольни Ивана Великаго сидѣли бухарскій Эмиръ, хивинскій Ханъ съ ихъ наслѣдниками, а также представители инновѣрческихъ вѣроисповѣданій. Остальныя трибуны были заняты воспитанниками и монахинями. Государь былъ въ мундирѣ л.-гв. Семеновскаго полка и Андреевской лентѣ, и ѣхалъ на бѣломъ конѣ. Свита была громадная и блестящая. Его Величество окружали прибывшіе иностранные принцы. Обѣ Государыни и всѣ великія княгини были въ бѣлыхъ русскихъ платьяхъ и въ кокошникахъ. На всемъ пути громкое «ура» радостнаго народа сливалось съ пушечной пальбой и краснымъ звономъ колоколовъ.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ.

13 тиражъ 5% съ выигрышами займа Госуд. Двор. Земел. Банка 1889 г., произведенный 1-го мая 1896 г.

Номера серій.	Номера листоѡ.	Сумма выигрыша.	Номера серій.	Номера листоѡ.	Сумма выигрыша.	Номера серій.	Номера листоѡ.	Сумма выигрыша.	Номера серій.	Номера листоѡ.	Сумма выигрыша.	Номера серій.	Номера листоѡ.	Сумма выигрыша.	Номера серій.	Номера листоѡ.	Сумма выигрыша.	Номера серій.	Номера листоѡ.	Сумма выигрыша.	Номера серій.	Номера листоѡ.	Сумма выигрыша.	Номера серій.	Номера листоѡ.	Сумма выигрыша.	Номера серій.	Номера листоѡ.	Сумма выигрыша.
00018	50	500	01512	10	500	02788	17	500	03889	21	500	05267	35	500	07020	19	500	09218	10	500	11051	6	1000	12927	48	500	14537	30	500
00109	47	500	01513	34	500	02789	22	1000	04058	11	500	05272	11	500	07162	21	500	09258	44	500	11067	21	500	12936	3	500	14538	34	500
00213	50	500	01554	8	500	02795	25	500	04117	25	500	05275	42	500	07310	44	500	09513	38	500	11075	14	1000	12984	40	500	14562	42	500
00252	26	500	01585	6	500	02811	33	500	04162	37	500	05292	9	500	07393	7	1000	09531	37	500	11247	48	500	13107	49	500	14570	11	500
00293	22	500	01632	12	1000	02868	5	500	04267	32	500	05299	48	500	07525	8	500	09539	32	500	11282	19	500	13158	6	500	14578	37	500
00344	23	500	01686	26	500	02897	17	1000	04331	14	500	05318	18	500	07528	44	1000	09566	4	500	11459	1	500	13191	45	1000	14613	30	500
00383	26	500	01701	30	500	02922	10	500	04348	26	500	05325	39	5000	07542	40	500	09814	12	5000	11501	28	500	13227	20	500	14626	6	8000
00465	11	1000	01728	2	500	02967	44	500	04371	43	500	05377	25	500	07559	43	1000	09852	46	500	11542	14	8000	13235	24	500	14637	36	500
00520	42	500	01761	43	500	02986	27	500	04392	44	500	05410	41	500	07575	37	500	09777	17	8000	11554	45	500	13255	27	500	14699	27	500
00570	18	500	01772	2	500	03122	34	500	04418	22	500	05583	34	500	07737	44	500	09815	14	500	11571	24	500	13277	44	500	14706	44	500
00612	43	500	01793	17	500	03154	7	500	04431	12	500	05592	16	500	07739	48	500	09936	29	500	11617	25	5000	13858	19	500	14801	22	5000
00679	29	8000	01822	45	500	03157	45	500	04477	43	500	05628	22	500	07740	7	500	09954	12	500	11758	19	5000	13479	20	500	14867	49	75000
00700	28	500	01873	43	500	03174	15	500	04497	4	1000	05700	23	500	07788	7	500	09982	4	500	11837	17	500	13503	46	500	14874	40	500
00765	22	500	01909	18	500	03346	17	500	04682	8	1000	05827	45	10000	07812	44	1000	10049	8	1000	11840	41	500	13579	40	500	14900	37	500
00782	27	25000	01983	39	500	03347	23	500	04696	1	500	06007	7	500	07953	7	500	10083	13	500	11888	43	500	13581	36	1000	14911	27	500
00803	46	500	02014	18	500	03362	27	500	04697	1	500	06150	7	500	08077	19	500	10104	12	5000	12066	31	5000	13641	34	500	15006	32	500
00848	31	10000	02039	25	500	03407	12	500	04713	3	500	06227	42	500	08090	27	500	10118	39	500	12163	7	500	13743	24	500	15042	26	500
00877	11	500	02053	15	500	03408	21	500	04744	38	500	06238	29	500	08202	19	500	10271	16	500	12196	32	500	13900	24	500	15143	48	500
00903	46	500	02149	12	40000	03447	43	500	04769	50	1000	06282	15	500	08285	47	500	10431	15	500	12385	9	1000	13945	22	500	15227	36	500
00948	31	10000	02159	16	500	03452	25	500	04789	23	500	06303	9	500	08317	28	500	10476	40	500	12403	36	500	13979	3	500	15259	9	500
01005	12	500	02175	20	500	03534	34	500	04791	23	500	06331	10	1000	08383	42	8000	10637	35	500	12420	7	500	14061	38	500	15370	24	500
01069	40	500	02181	17	500	03601	33	500	04820	9	500	06425	26	500	08398	20	500	10641	19	500	12433	34	500	14202	45	500	15391	29	500
01139	38	500	02233	18	500	03658	48	500	04835	49	500	06498	26	500	08672	9	500	10683	24	500	12594	28	500	14209	38	500	15445	43	500
01197	38	500	02257	10	500	03698	39	500	04937	28	500	06515	33	500	08711	33	500	10707	27	500	12597	36	500	14237	25	500	15668	50	5000
01313	8	500	02388	22	500	03749	33	500	05045	22	500	06545	23	500	08795	42	500	10773	20	500	12685	46	500	14308	43	500	15732	9	500
01349	3	500	02389	43	500	03810	9	500	05178	25	500	06558	17	500	08844	35	500	10802	23	500	12716	32	500	14353	24	500	15819	7	200000
01373	18	500	02498	16	500	03810	9	500	05190	15	500	06941	15	500	08906	46	500	10887	19	500	12773	17	500	14366	25	500	15863	3	500
01392	20	500	02500	10	500	03868	4	500	05200	41	500	06947	3	1000	08953	18	500	10920	48	500	12801	46	500	14407	16	500	15864	39	500
01431	1	500	02711	15	500	03887	17	500	05211	37	500	06993	19	500	09160	24	1000	10942	21	500	12860	38	500	14477	36	10000	15885	7	500
01509	48	500	02712	33	500	03975	6	5000	05245	47	500	07008	36	500	09199	39	500	10962	8	500	12912	28	500	14486	24	500	15913	25	500

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ конторѣ Государственнаго Банка, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го августа 1896 г.

ТАБЛИЦА

серій закладныхъ съ выигрышами листоѡ Государственнаго дворянскаго земельного банка 1889 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Совѣтѣ Государственнаго Банка 1 мая 1896 г.

НУМЕРА СЕРІЙ: каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 листоѡ, съ № 1 по 50-й включительно.

00029	00742	01037	01892	03116	03439	03683	04323	04822	05382	05601	06504	07071	07562	09023	09228	09693	10300	11153	13163	14675	15191	15803
00147	00761	01229	02253	03147	03479	03687	04417	04857	05386	05742	06523	07080	07708	09083	09330	09774	10316	12073	14448	14834	15255	15997
00234	01805	01419	02754	03241	03591	03720	04530	05141	05397	05780	06539	07081	08302	09117	09338	10	67	10755	12097	14512	15039	15527
00318	00848	01891	02842	03333	03655	04231	04731	05342	05524	06311	06796	07299	08541	09187	09655	10110	11122	12959	14570	15153	15597	

Всего 90 серій, составляющія 4,500 листоѡ, на сумму 585,000 рублей.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ листоѡ по 130 руб. за листоѡ, будетъ производиться съ 1 августа 1896 г. въ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.

Примѣчаніе: по ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному положенію о 5% закладныхъ съ выигрышами листоѡ Государственнаго дворянскаго земельного банка, выигрыши, павшіе на листоѡ, выдаются владѣльцамъ листоѡ черезъ три мѣсяца отъ дня тиража. Для полученія выигрышей въ установленные сроки, владѣльцы листоѡ, на которые пали выигрыши, приглашаются предъявлять въ С.-Петербургскую Контору Государственнаго Банка листоѡ, по крайней мѣрѣ, за двѣ недѣли до наступленія установленныхъ трехмѣсячныхъ сроковъ, чтобы дать время исполнить необходимыя формальности, обуславливающія выдачу выигрышей.

Совѣтъ Государственнаго Банка.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обзоръ» (Спб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб.

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга
КОНСУЭЛО.
(Consuelo).
Романъ Жоржъ-Зандъ, перев.
Лѣтнева, 460 стр.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

ПРАКТИЧНЫЯ НОВОСТИ.
Штопальный аппаратъ, чинить чулки, матеріи, полотно и проч., какъ тканю. 2 р. Аппаратъ для прорѣзанія, выдѣлки и обметыванія петель. 2 р. Къ каждому аппарату прилагаются наставленія и чистая работа. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ Новыхъ Изобрѣтеній, Большая Морская, д. № 33. Новый каталогъ за 14 коп. марку. Высылаются немедленно, можно и налож. платежомъ.

БЕЗПЛАТНО
ВЫСЛАЕТЪ
Иллюстрированный Прейсъ-Курантъ
Спеціальный магазинъ
бѣлья
Ю. ГОТЛИБЪ.

Владимірская, д. 2, уг. Невск.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
№ 2216—49

Велосипеды

Велосипеды

съ новѣйшими усовершенствованіями 1896 г. Предлагаетъ въ громадномъ выборѣ представитель фирмъ:
ГУМБЕРЪ и К^о, ЛИМИТЕДЪ «ВАНТОНЪ» и К^о, ИАДАНЪ АПЕЛЬ и другія первоклассныя фабрики. Всевозможныя велосипедныя принадлежности. **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ.**
РОБЕРТЪ ГЕТЦЪ
д. ВОДЕНИКОВА 2305—5
Уголь Садовой и Гороховой, С.-Петербургъ. Прейсъ-курантъ высылаются бесплатно.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ
МЫЛО
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требуется подписи А. Энглундъ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. № 2045

Интересная новость
ПАНТОГРАФЪ.
При посредствѣ этого новѣйшаго и простаго аппарата всякій, даже неумѣющій рисовать, можетъ увеличивать или уменьшать въ любомъ размѣрѣ всякіе рисунки, чертежи, планы, картины и проч. Къ каждому аппарату прилагается подробное руководство. Цѣна 2 руб. 3 руб. 4 руб. до 10 руб. смотря по увеличенію отъ 5 разъ и далѣе. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ Новыхъ Изобрѣтеній, Большая Морская 33. Заказы исполняются немедленно, можно и наложнымъ. Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 4 коп. марку.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
ГОЛЛЕНДЕРА,
цѣлѣбная: черная, каштановая и темнорусая. Легкій способъ и прочностъ окраски. Цѣна коробки 1 руб. 50 коп. съ пересылкою 2 руб. 25 коп. -1
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
СПБ., Демидовъ переулокъ, дома № 1
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Каждая хозяйка, хоть разъ испробовавшая
„Какао Бенсдорпъ“
убѣдится на опытъ въ его хорошихъ качествахъ. -4
Какао Бенсдорпъ
здоровый, питательный, дешевый и экономическій напитокъ для дѣтей, кормилицъ, слабыхъ, больныхъ и выздоравливающихъ и здоровыхъ.

Е. А. ПИКЕРСТИЛЬ.
Москва, Петровскія линіи, магазинъ № 5.
ВЕЛОСИПЕДЫ «ПЕЖО», «НАУМАНЪ» и др.
Каталоги 1896 г. ВЕЗПЛАТНО.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МИРА».

Романъ изъ жизни червонныхъ вальсовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

всякаго рода и лучшаго качества рекоменда. въ громаднѣйшій выборъ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

МОСКВА, Петровка, домъ Волкова. НИЖНЕГ. ЯРМ. Главн. домъ № 6. ТРЕБУЮТЪ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ

№ 2305-6

ВЫИГРЫШ

нѣм. 1, 2 и 3 займы продаетъ

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, невскій, спб.

ФРУКТОВЫЕ И ЯГОДНЫЕ ВОДЫ

Торговцы благодарятъ за посылку. Въ рознич. продаж. можно получить бездѣль.

Н. П. ЛАНИНА
Москва, Москвитинскій мостъ, соб. домъ

Главное депо часовъ

Эд. Вурхардъ.

Спб., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

2) по Невскому пр., № 6, прот. М. Морской.

Большой выборъ всевозможныхъ часовъ, лучше, фабричныя по самымъ умѣр. цѣнамъ

Никелевые... отъ 6 р. 5) к. до 13 р.
Серебряные (черные)... 10 р. — 20
Серебряные мужские и дамскіе... 12 — 75
Золотые мужскіе... 50 — 500
Золотые дамскіе... 25 — 100
Регуляторы 2-хъ недѣльных... 7 — 65
Будильники... 4 р. 50 к. — 25
Гг. Изящно и красиво выложены платками. Прейс-курanty высылаются бесплатно. Карманные часы на суммусыше 10 р. высылаются почтой на счетъ моего магазина. № 1229-10

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣлательныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскаго д. м. Генрихъ Блокъ. — 4 Спб., Невскій, 59. № 2261.

УДОЧКИ

и все вообще принадлежностей для рыбной ловли получены изъ Англіи въ большомъ выборѣ

ВЪ МАГАЗИНАХЪ

С. И. ДОЙНИКОВА,

Спб. 1-й магазинъ Невскій пр., Милютинъ рядъ д. Лесниковой, 27—18. 2-й магазинъ Гостиный дв., противъ Школьнаго корпуса № 73. 3-й магазинъ Чернышев пер. Банковскій лан., № 15.

Иллюстриров. прейс-курanty рыболовныхъ принадлежностей высылаются индигорди. — 2 бесплатно. 2395.

ТОЛЬКО

что вновь получены велосипеды

„АДЛЕРЪ“

изящные, прочные и легкіе 150 р. — к.

Велосипедные фонари

„Германія“ и „Блицъ“

никогда не тухнущіе, отъ 4. —

Моментально снимающіе

Щиты отъ грязи

изъ клеенки и алюминія 2. 25

Свистки „ТОРПЕДО“

необходимые для Командировъ при обществ. поѣздкахъ — 50

Американскіе ключи

для всехъ размѣровъ — 50

Покрывшки для ездѣй

кожовыя и войлочныя 1. 20

Велосипедные звонки

лучшихъ системъ — 60

Жел. скл. подставки

необходимыя при чисткѣ и смазкѣ велосипедовъ 1. 25

Плащи отъ дождя

внѣшнотельные и шелковые 2. 30

а также по дешев. цѣнамъ: насосы, сиды, базажники, сумки, часо-и фонаредержатели, масло для фонаря и смазки, шарикі, шпиль, шпиль, шпиль и пр. и пр.

З. КИНКМАНЪ и К^о

С.-Петербургъ, Гороховая, 4.

Индигорди. наложен. платежемъ.

Каталоги бесплатно.

ЧАЙ СЪ ОСТРОВА ЦЕЙЛОНА!!!

чистый и экономическій наилучшій чай въ мірѣ. — ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛОНЪ!

М. РОЖИВЮ

Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ. Главн. складъ: МОСКВА, Маросейка, домъ Лебедевой. Депо въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: у М. Шабли, Вознесенскій просп., уголъ больш. Садовой, № 48—59.

СИМФОНІОНЫ

Музыкальныя пикатушки съ пріятнѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ возможность играть по произволу пьесы, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручкой безъ нотъ.	5 —
Ноты по	— 25
Заводной безъ нотъ.	10 —
Ноты по	— 25
Заводной 64-тонный безъ нотъ	28 —
Ноты по	— 50
Заводной 84-тонный безъ нотъ	40 —
Ноты по	— 60
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	70 —
Ноты по	— 80
Заводной 104-тонный Sublime Harmonie	101 —
Ноты по	1 —

НОВОСТЬ: Часы съ музыкой. Солидные часы, развѣ въ день заведенные, играютъ сами черезъ каждый часъ выбранныя по произволу пьесы. Въ случаѣ желанія — играютъ, когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.

Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.

Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейс-курanty всѣхъ инструментовъ бесплатно. № 805-18

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

№ 4711.

№ 4711.

Кто любитъ запахъ настоящей фіалки, тотъ пусть требуетъ

ЭССЕНЦИИ

„РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“

(Violette du Rhin.)

Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выдыхающійся.

No. 4711 du Rhin, du Rhin.

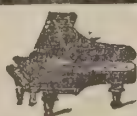
Всѣ одинаковаго качества.

Продается и парфюмер

во всѣхъ ныхъ

аптекарскихъ магазинахъ.

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ

рояли и пианино америк. констр. со всѣми новѣйш. усоверш., перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ, двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч. двойн. репетицією, пріятн. и сильн. тона. Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и др. Пианино „ „ „ 375, 425, 460, 500, 550, 600 и др. Армоніопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія на нѣсколько лѣтъ № 2324—

ФОТОГР. АППАРАТЫ К. И. ФРЕЛАНДТЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК. № 27-18 УЛИЦА УЛИЦА

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

А. Е. КУЛАКОВЪ.

САДОВАЯ УЛИЦА 33.

ФАБРИКА Садовая ул. 47

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

предлагаетъ всевозможные музыкал. инструменты лучшаго качества по фабричнымъ цѣнамъ.

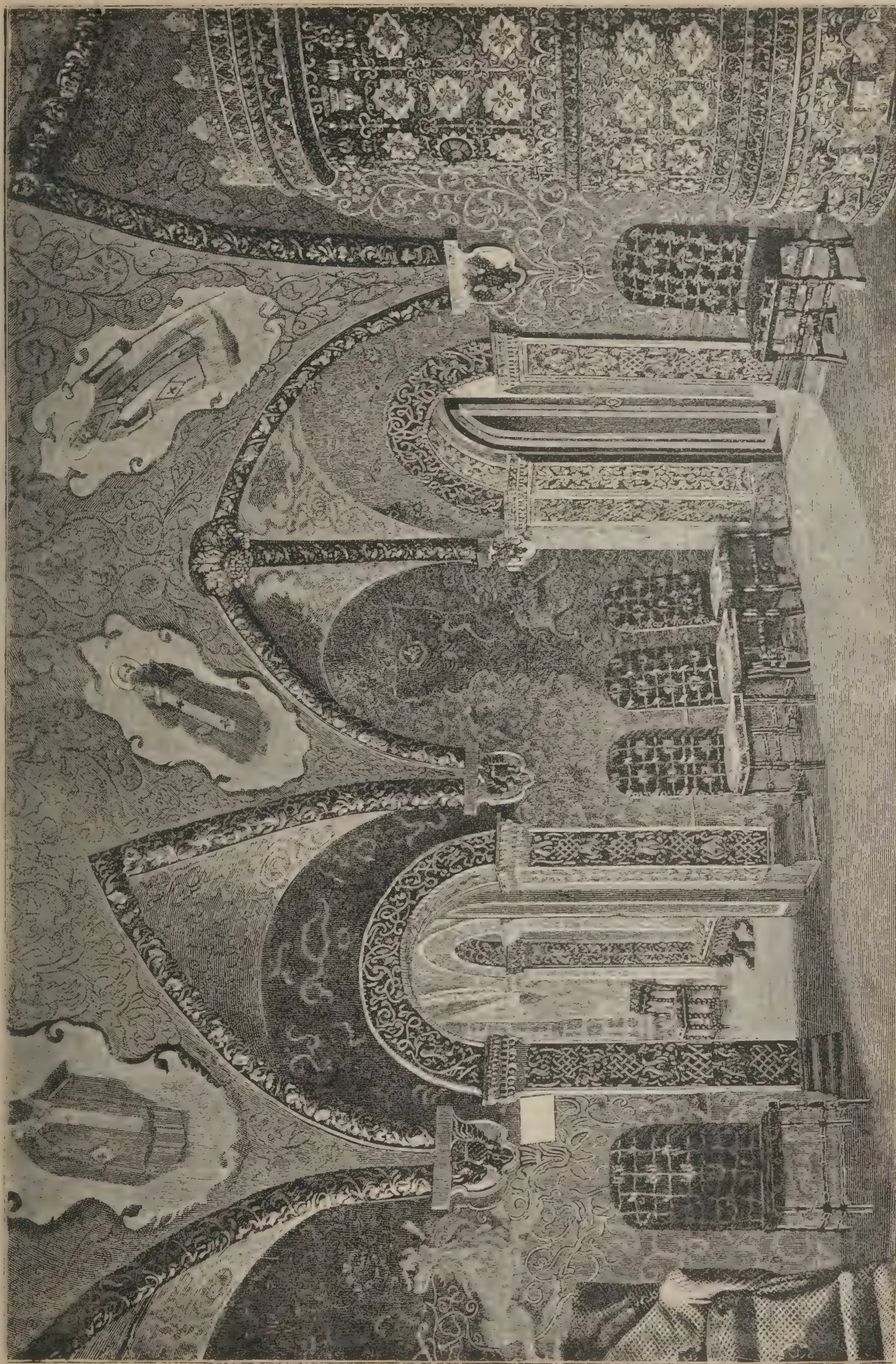
ЮБИЛЕЙНЫЙ

роскошно иллюстрированный прейс-курanty всѣхъ инструм. высылаются БЕЗПЛАТНО.

№ 20 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 3¹/₂ листовъ, съ 20-ю рисунками. Кромѣ того прилагается картина «Торжественный въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москву».

Дозволено цензурою. Спб., 11 мая 1896 г.

Типографія С. До. родѣва, Ковенскій пер., д. № 14.

ГРАНОВИТА ПАЛАТА (во дворце Романовыхъ).

словится царскому вѣщанию благословеніемъ Царя царствующихъ и Господа господствующихъ»; «О еже укрѣпленію быти скипетру его десницею Вышняго»; «О еже помазаніемъ мѣра пріяти ему съ небесе къ правленію и правосудію силу и премудрость»; «О еже получить ему благопопѣишное во всемъ и долговременное царствованіе». «Яко да услышитъ его Господь въ день печали и защититъ его имя Бога Іаковля»; «Яко да пошлетъ ему помощь отъ Святого и отъ Сіона заступитъ его»; «Яко да подастъ ему Господь по сердцу его и весь совѣтъ его исполнитъ»; «Яко да подчиненные суды его не мздоимны и не лицепріятны сохранитъ»; «Яко да Господь силъ всегда укрѣпляетъ оружіе его» и др.—Затѣмъ читается пророчество Ісаи, гдѣ небо и земля, горы и холмы призываются къ веселію, «Яко помиловалъ и утѣшилъ Господь людей Своихъ» (Ісаи, XLIX, 13—19), посланіе апостола Павла о преобладающей власти (Рим., XIII, 1—7) и евангеліе отъ Матвея, гдѣ приведенъ слова Іисуса Христа о воздаяніи «кеесарева Кесарю, а Божія Богу».

По прочтеніи евангелія начинается самое коронованіе. Митрополиты выходятъ на амвонъ, гдѣ помѣщаются императорскіе троны; государь снимаетъ съ себя обыкновенную цѣпь ордена св. Андрея и повелѣваетъ возложить на себя порфиру съ принадлежащею къ ней брилліантовою цѣпью этого ордена. Митрополиты подаютъ порфиру и служатъ при надѣваніи ея; старшій же архипастырь произноситъ: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь!» Затѣмъ государь преклоняетъ главу и старшій архипастырь по книгѣ произноситъ двѣ молитвы: въ одной онъ молить Бога, избравшаго нѣкогда черезъ пророка Самуила раба своего Давида въ цари надъ людьми своими въ Израилѣ, призрѣть отъ святаго своего жилища и предстоящаго раба своего, котораго благоволилъ поставить надъ народомъ, искупленнымъ честною кровію Единороднаго Сына Божія: молить удостоить его помазанія «елеемъ радости», одѣть его «силою свыше» и т. д.; въ другой молитвѣ говорится: «Тебѣ Единому Царю челоуѣковъ тотъ, кому вѣрено подъ Тобою земное царство, преклонилъ выю свою... Сохрани его подъ кровомъ своимъ, укрѣпи его царство, сподоби творить всегда благоутробное Тебѣ, да возсіяетъ въ днѣхъ его правда и множество мира, да въ тишости его мирное и безмолвное житіе проживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ.» Во время послѣдней молитвы всѣ стоятъ съ преклоненными главами. По прочтеніи этихъ молитвъ государь повелѣваетъ подать себѣ корону, которую принимаетъ отъ митрополита и самъ возлагаетъ на свою главу: митрополитъ въ это время читаетъ: «Видимое сіе и вѣщественное главы твоея украшеніе, явный образъ есть, яко тебѣ, главу всероссійскаго народа, вѣнчаетъ невидимо Царь Славы Христосъ, благословеніемъ своимъ утверждая тебѣ владычественную и верховную власть надъ людьми своими».

При коронаціи Екатерины I корону на императрицу возлагалъ самъ Петръ, имѣя въ рукахъ скипетръ. Императрица при этомъ стала на колѣна; колѣнопреклоненно слушала она и молитвы, слѣдующія за возложеніемъ порфиры. Впервые возложеніе короны на свою главу самими русскими государями началось съ коронаціи Елисаветы Петровны (въ 1742 г.). При врученіи то удержу санинтра и державы митрополитъ

говорить: «Прими скипетръ и державу, вѣдущій образъ даннаго тебѣ отъ Вышняго надъ людьми самодержавія, къ управленію ихъ и къ устроенію всякаго желаннаго имъ благополучія». При коронаціи Екатерины I ей вручена была только держава.—По облаченіи во всѣ знаки императорскаго достоинства, государь возсѣдаетъ на тронѣ и затѣмъ, положивъ скипетръ и державу на подушки, поданныя несшими ихъ въ церемоніи лицами, коронуетъ супругу свою, которая при этомъ преклоняетъ колѣна. Впервые такая императорская коронація была въ 1797 г. при совмѣстномъ коронованіи императора Павла I и супруги его Маріи Феодоровны. Императоръ снимаетъ съ себя корону, касается ею чела своей супруги и возлагаетъ на нее порфиру, малую корону и цѣпь ордена св. Андрея. Государыня возвращается къ своему трону, а государь снова беретъ скипетръ и державу протодіакона и провозглашаетъ полный императорскій титулъ; пѣвчіе поютъ многолѣтіе; одновременно начинается колокольный звонъ и пальба изъ орудій. Въ это время духовенство и всѣ присутствующіе, не оставляя мѣстъ своихъ, приносятъ ихъ величества поздравленіе троекратнымъ поклономъ; особы императорской фамиліи входятъ на возвышеніе трона. По окончаніи поздравленія со времени коронаціи императрицы Анны Іоанновны въ чинъ императорскаго коронованія введены двѣ молитвы, изъ которыхъ нынѣ одну читаетъ императоръ колѣнопреклоненно, а другую старшій архипастырь также колѣнопреклоненно; при этомъ опускаются на колѣна всѣ присутствующіе кромѣ коронуемаго государя.—Молитва читаемая государемъ слѣдующаго содержания: «Господи Боже отецъ, и Царю царствующихъ, сотворивъй вся словомъ твоимъ, и премудростію твоею устроивъй челоуѣка, да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ Ты избралъ мя еси царя и судію преславному Всероссійскому царству. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о мнѣ смотрѣніе, и, благодаря, Величеству твоему поклоняюсь. Ты же, Владыко и Господи мой, настави мя въ дѣлѣ, на неже послалъ мя еси, вразуми и управи мя въ великомъ служеніи семъ. Да будетъ со мною предѣлящая престолу Твоему премудрость. Посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очима Твоими и что есть право въ заповѣдяхъ Твоихъ. Буди сердце мое въ руку Твою, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего воздамъ Тебѣ слава и величіе и щедротами единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси, съ пресвятымъ, и Благимъ, и животворящимъ Твоимъ Духомъ, во вѣки, аминь».

Изъ церемоніаловъ коронацій русскихъ императрицъ XVIII столѣтія (Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны и Екатерины II) не видно, чтобы онѣ читали молитву колѣнопреклоненно. Кстати будетъ упомянуть, что молитва эта всегда читается государями «по книгѣ». Государь въ это время имѣетъ на главѣ корону, но слагаетъ скипетръ и державу

Молитва, которую читаетъ первенствующій при коронаціи митрополитъ, слѣдующаго содержания: «Боже великій и дивный, неисповѣдимою благостію и богатымъ промысломъ управляяй вселенская, Его же премудрыми, но неспытанными судьбами разнообразными предѣлы жизни и сожителство челоуѣческое пріемлетъ! Благодаримъ исповѣ-

вѣдуемъ, яко по беззаконіямъ нашимъ Теси сотворилъ намъ, ниже по грѣхамъ нашимъ воздалъ еси намъ! Согрешихомъ, Господи, и беззаконновахомъ и крайняго Твоего отвращенія достойно сотворихомся. Ты же, о неимечетная благостыня, милостивый и долготерпѣливый, и кайся о злобахъ челоуѣческихъ, Владыко! наказавъ насъ краткимъ бывшія печали посѣщеніемъ, се изобильно исполняеши веселія и радости сердца наша, оправдая надъ нами црствовати возлюбленнаго раба Твоего, Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Нашего Императора (имя рекъ) всея Россіи; умудри убо и настави его не попользовенно проходить вѣликое сіе къ Тебѣ служеніе; даруй ему разумѣти премудрость, во еже судите людямъ Твоимъ въ правду, и Твое сіе достояніе въ тишинѣ и безъ печали сохранити; покажи его врагамъ побѣдительно, злодѣемъ страшна, добрымъ милостива и благонадежна; согрѣй сердце его къ призрѣнію нищимъ, къ пріятію страннымъ, къ заступленію напастуемымъ. Подчиненныя же ему правительства, управляя на путь истины и правды, и отъ лицепріятія мздоимства отражая, и вся отъ Тебѣ державѣ его врученныя люди въ нелицемѣрной содержа вѣрности, сотвори его отца о чадѣхъ веселящагося, и да удивитъ милости Твоя на насъ. Умножи дни живота его въ нерушимомъ здравіи и непремѣняемомъ благополучіи; даруй же во дни его и всѣмъ намъ миръ, безмолвіе и благопопѣишество, благораствореніе воздуха, земли плодородіе, и вся къ временной и вѣчной жизни погребная. О, Премилосердый Господи нашъ, Боже щедротъ и Отче всякія утѣхи! Не отврати лица Твоего отъ насъ и не посрами насъ отъ чаянія нашего; уповающе на Тя, молимся Тебѣ, и, молящеся, на щедроты Твоя уповаемъ: Ты бо единъ всѣхъ, еже требуемъ, и прежде прошенія подаеши, и дарованія утверждаеши и всякое даваніе благо, и всякъ даръ совершенъ свыше сходяй отъ Тебѣ—Отца свѣтовъ. Тебѣ слава и держава со единороднымъ Твоимъ Сыномъ, и Всесвятымъ и благимъ, и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

По окончаніи этой молитвы митрополитъ говоритъ императору привѣтственную рѣчь, за которою слѣдуетъ пѣніе торжественнаго гимна «Тебѣ Бога хвалимъ» и колокольный трезвонъ.

Во время божественной литургіи, которая совершается по обыкновенному порядку, государь Императоръ снимаетъ корону и слагаетъ скипетръ и державу, сохраняя только порфиру. По прочтеніи Св. Евангелія оно подносится. Ихъ Величествамъ для цѣлованія. При началѣ пѣнія каноника отъ императорскаго трона до алтаря разстилается малиновый бархатъ, а поверхъ его золотая парча. По причащеніи духовенства и открытіи царскихъ вратъ, два архіерея съ протодіаконами возвѣщаютъ Государю о наступленіи времени муропомазанія. Государь, отдавъ свою шпагу лицу для сего назначенному, идетъ въ порфирѣ къ алтарю; за нимъ слѣдуетъ его супруга. Государю предшествуютъ сановники, несущіе корону, скипетръ и державу. У царскихъ вратъ митрополитъ помазываетъ Государя изъ вышеупомянутаго древняго сосуда драгоцѣннымъ же сущимъ на челѣ, на очахъ, на ноздряхъ, на устахъ, на персяхъ, на ушахъ и на рукахъ, произнося слова «печать дара Духа Святаго», а второй по митрополитѣ архіерей отираетъ

мѣста помазанія хлопчатой бумагою, которая затѣмъ сжигается въ алтарѣ. Затѣмъ совершается муропомазаніе Государыни Императрицы, но только на челѣ и съ тѣми же обрядами; Государь стоитъ въ это время на правой сторонѣ царскихъ вратъ.

Муропомазаніе императрицы Екатерины I совершено было на челѣ, на персяхъ и на рукахъ; въ это время императрица стояла на коѣняхъ. Императрицы Анна Иоанновна, Елисавета Петровна и Екатерина II были муропомазаны, какъ нынѣ муропомазываются императоры.

По совершеніи муропомазанія первенствующій при коронаціи архіерей вводитъ государя черезъ царскія врата въ алтарь, гдѣ государь причащается «по чину царскому», причемъ одинъ изъ архіереевъ служитъ для поднесенія антидора и теплоты, а другой для омовенія устъ и рукъ. Государыня императрица причащается по обыкновенному порядку. Такъ причащались и Екатерина I, но императрицы Анна Иоанновна, Елисавета Петровна и Екатерина II причащались въ алтарѣ «по чину царскому». Послѣ причащенія Государь Императоръ и Государыня Императрица воссѣдаютъ на троны; литургія заканчивается «многочтѣемъ» и поднесеніемъ Ихъ Величествъ креста для цѣлованія. Затѣмъ, Государь Императоръ возлагаетъ снова на себя корону и беретъ скипетръ и державу и, принявъ поздравленіе отъ присутствующихъ (троекратный поклонъ), выходитъ въ соборъ Архангельскій и Благовѣщенскій, по старинному царскому обычаю; въ это время производится колокольный звонъ и пушечная пальба. Изъ Благовѣщенскаго собора Государь Императоръ и Государыня Императрица идутъ на Красное крыльцо (главный входъ въ московскій Кремлевскій дворецъ), гдѣ являются народу во всемъ царскомъ одѣяніи; послѣ слѣдуютъ въ Грановитую палату къ обѣденному столу, при началѣ котораго слагаютъ свои регалии, но обѣдаютъ на особо приготовленныхъ тронахъ.

Императорскія коронаціи въ Россіи совершаются согласно чину, окончательно установленному Св. Синодомъ въ 1841 году. По закону, объявленному 12-го февраля 1832 года съ обрядомъ коронованія императоровъ всероссийскихъ соединено и коронованіе ихъ, какъ царей польскихъ, вслѣдствіе чего призываются въ Москву депутаты отъ Царства Польскаго для присутствованія на торжествѣ. Императоръ Николай I былъ единственный русскій государь, короновавшійся отдѣльно на Царство Польское 12-го мая 1829 года; императоръ короновался въ Варшавѣ въ залѣ Польскаго Сената «императорскою короною»; духовенство было католическое; обряды сходны были съ обрядами императорскаго коронованія. Супруга императора Николая I, императрица Александра Ѳеодоровна при этомъ коронованіи не была коронована; на нее была только возложена цѣпь ордена Вѣлаго Орла. Въ 1798 году императоръ Павелъ I принялъ званіе великаго магистра державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго (Мальтійскаго); 29-го ноября того же года въ Петербургѣ депутація съ казакероу ордена поднесла императору корону великаго магистра и другіе знаки его достоинства; но императоръ, принявъ корону, на себя ее не возлагалъ. Нынѣ мальтійская корона хранится въ московской Оружейной палатѣ.

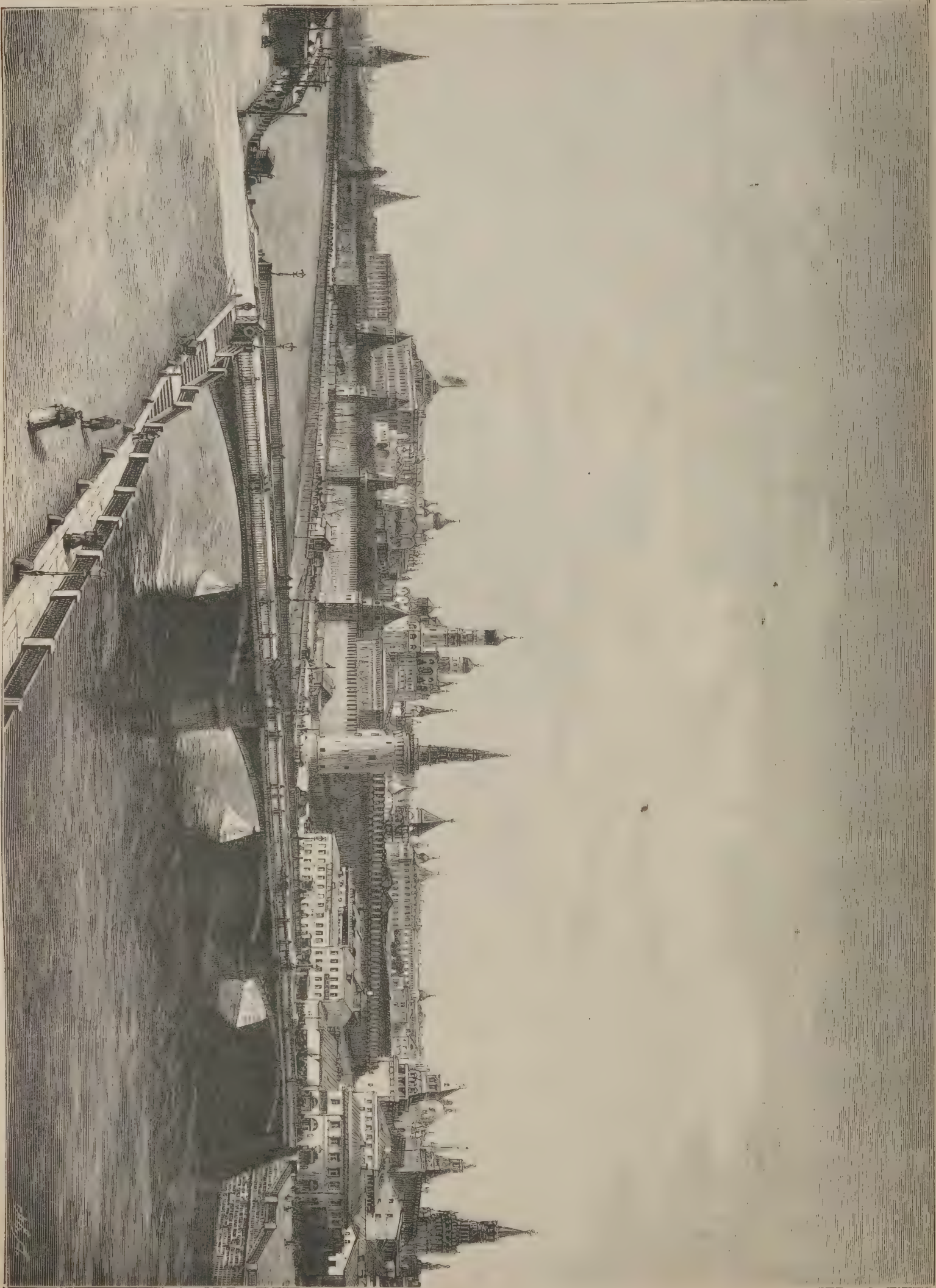
Въ 1801 году 15-го сентября происходило ко-

ронованіе императора Александра I. Оно было повтореніемъ вѣнчанія на царство императора Павла I, за исключеніемъ падѣванія подъ порфиру далматика. Императоръ Николай I вступилъ на престолъ 12-го декабря 1825 года, коронованіе же было назначено на іюль 1826 года. Однако, только что въ іюль 24-го числа состоялся торжественный въѣздъ государя въ Москву. Торжество вѣнчанія на царство все откладывалось и состоялось только 22 августа, черезъ восемь дней послѣ прибытія въ Москву цесаревича Константина Павловича, который еще 4-го января 1822 года, какъ извѣстно, отказался отъ престола. И въ этомъ коронованіи не было никакихъ отличій отъ коронованія предшествовавшаго государя. Три года спустя, какъ мы уже упомянули, императоръ Николай I первый и послѣдній изъ русскихъ государей короновался вторично королемъ Царства Польскаго, присоединеннаго къ Россіи въ 1815 г.

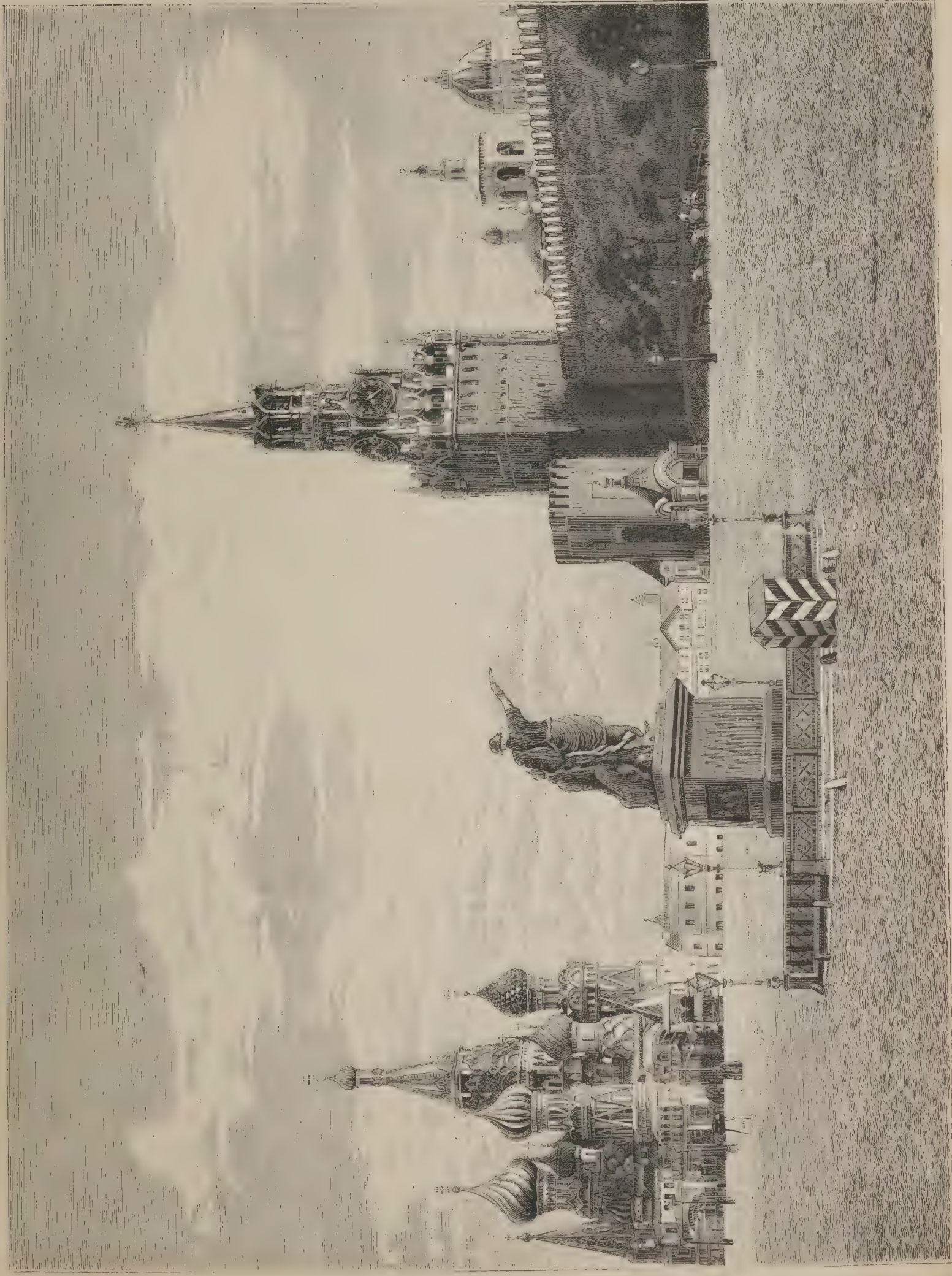
Въѣздъ государя императора Александра II въ Москву состоялся 17-го августа 1856 года. За нѣсколько дней до коронаціи государя Александръ II и государыня Марія Александровна перѣехали въ Останкино, чтобы постомъ и молитвою приготовиться къ таинству причащенія и муропомазанія. Коронація происходила 26-го августа обычнымъ порядкомъ. Императоръ воссѣдалъ на тронѣ царя Іоанна III, императрица на тронѣ царицы Михаила Ѳеодоровича, а вдовствующая императрица Александра Ѳеодоровна — на тронѣ царицы Алексѣи Михайловны. Затѣмъ потянулись безконечныя блистательныя празднества, угощеніе народа... Эта коронація ознаменовалась милостивымъ манифестомъ 26-го августа 1856 г., который принесъ много радости всей обширной странѣ.

Александръ III замедлил свою коронацію съ 1881 года до 1883 года; она отличалась особою пышностью и блистательныя празднества ей мало уступали блеску теперешней коронаціи Императора Николая II. 10-го мая состоялся торжественный въѣздъ въ Москву. На торжество коронаціи, происходившее 15-го мая, прибыли кромѣ находящихся на русской службѣ принцевъ крови, еще 21 принцъ крови, и 150 чел. дипломатическаго корпуса. 11-го мая происходило торжественное освѣщеніе новаго государственнаго знамени, «сооруженнаго» въ Петербургѣ. Утромъ 15-го мая зазвонилъ колоколъ Івана Великаго, съ Тайницкой башни раздалась пушечная выстрѣлы. При звукахъ гимна и крикахъ «ура!» Ихъ Величества Государь Александръ Александровичъ и Государыня Марія Ѳеодоровна спустились съ Краснаго крыльца для шествія въ Успенскій соборъ. Государь и Государыня вступили подъ балдахинъ и, шествуя при возрастающихъ привѣтственныхъ крикахъ толпы и звонѣ церковныхъ колоколовъ, поднялись на паперть Успенскаго собора, гдѣ были встрѣчены духовенствомъ съ крестомъ и святою водою, и вступили въ храмъ. Государь, войдя на верхнюю площадку тронаго мѣста, изволилъ воссѣсть на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, а Государыня на престолъ царицы Алексѣи Михайловны. Затѣмъ, началось торжественное коронованіе по чину, издавна установленному, который становился все болѣе и болѣе сложнымъ съ каждымъ царствованіемъ, и только съ коронаціи императора Павла I остался безъ измѣненій. По окончаніи церемоніи и принятія поздравленій, Ихъ Величества вышли въ сѣверныя

двери храма и, вступивъ на помостъ, крытый алымъ сукномъ, шествовали въ коронѣхъ и порфирѣ, а Государь со скипетромъ и державой въ рукѣ, въ Архангельскій соборъ, гдѣ приложились къ св. иконамъ и мощамъ, отсюда въ Благовѣщенскій соборъ и тѣмъ-же порядкомъ — къ Красному крыльцу. Поднявшись на верхнюю площадку, Ихъ Величества троекратно, по древнему обычаю, поклонились народу, который откликнулся имъ восторженными криками, послѣ чего Императоръ и Императрица удалились во внутренніе покои дворца для отдыха. Въ три часа 10 минутъ Ихъ Величества, въ полномъ царскомъ облаченіи, прибыли къ обѣденному столу въ Грановитую палату, гдѣ уже собрались члены синода, высшія духовныя лица какъ православнаго, такъ и другихъ исповѣданій и особы первыхъ двухъ классовъ. Во время стола игралъ оркестръ и пѣлъ хоръ Императорскихъ театровъ и при участіи г-жи Лавровской и г. Мельникова исполнена была кантата А. Н. Майкова, аранжированная П. И. Чайковскимъ. 19-го мая происходило торжественное перенесеніе императорскихъ регалий и государственнаго знамени изъ кремлевской Андреевской залы, но не въ Грановитую, а прямо въ Оружейную палату. За этимъ слѣдовалъ обѣденный столъ у Ихъ Величествъ, къ которому приглашены были высшее духовенство, особы обою пола первыхъ двухъ классовъ, знатныя лица изъ свиты иностранныхъ принцевъ — всего 275 человекъ. Великимъ князьямъ, княгинямъ, принцамъ и принцессамъ прислуживали пажы; за Ихъ Величествами стояли араны и скороходы. Вечеромъ Государь и Государыня присутствовали на балѣ, который былъ устроенъ дворянствомъ въ залахъ московскаго благороднаго собранія и особенно замѣчательнъ тѣмъ, что обширныя залы превращены были въ цѣлыя рощи лавровыхъ деревьевъ, пальмъ, тропическихъ растений и всевозможныхъ цвѣтовъ. 20-го мая Ихъ Величества и члены Императорской фамилии слушали литургію въ храмѣ Чудова монастыря, затѣмъ слѣдовалъ обѣдъ въ Александровской залѣ Кремлевскаго дворца для губернскихъ предводителей дворянства, депутатовъ казачьихъ войскъ и азиатскихъ народовъ, городскихъ головъ. 21-го мая Государь и Государыня посѣтили народное гуляніе на Ходынскомъ полѣ, послѣ чего отправились въ Петровскій дворецъ, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ для волостныхъ старшинъ, собранныхъ со всей Россіи. Для нихъ, на дворѣ Петровскаго дворца приготовлены были три громадныя палатки, въ которыхъ поставлены шесть длинныхъ столовъ съ приборами на 630 человекъ. Государь удостоилъ старшинъ милостивою рѣчью, и въ каждой палаткѣ пилъ ихъ здоровье. 22-го мая Ихъ Величества посѣтили Троицкую лавру, а 23 числа Ихъ Величества и царская фамилия присутствовали на утреннемъ молебствіи въ Преображенской слободѣ (бывшемъ селѣ Преображенскомъ), гдѣ праздновался двухъ-сотъ-лѣтній юбилей нашихъ первыхъ регулярныхъ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго. Въ третьемъ часу того же дня царская фамилия посѣтила праздникъ въ Сокольникахъ, устроенный для войска городомъ Москвой. Государь, въ сопровожденіи высочайшихъ особъ, при громкихъ крикахъ «ура!» и музыкѣ военнаго оркестра изъ 574 человекъ, игравшаго національный гимнъ, обошелъ столы, которыхъ было около 250; за ними сидѣло 12 тысячъ

Общий вид Кремля (съ восточной стороны).
(Гравировать на дереве В. Ахт съ фотографии кн. К. Юлиана).

Красная площадь: Соборъ Василя Блаженнаго, памятникъ Минину и Пожарскому, Спасскія ворота (въ Кремль).
(Гравировалъ на деревѣ съ фотографіи гн. К. Рудницка Е. Львовъ).

солдаты въ разныхъ формахъ и 3 тысячи преображенцевъ и семеновцевъ. Вечеромъ въ Александровской залѣ Кремлевскаго дворца, былъ балъ, къ которому было приглашено до 2500 лицъ обоего пола; во время ужина играло нѣсколько оркестровъ. Государь не садился за столъ, а обходилъ гостей.

Коронаціонныя торжества завершились 28-го мая Высочайшимъ смотромъ всѣхъ войскъ, находившихся въ Москвѣ и въ окрестностяхъ. Въ тотъ же день Ихъ Величества и вся царская фамилія выѣхали изъ Москвы; московскій генералъ-губернаторъ провожалъ ихъ до Клина. Передъ Петербургомъ, на

станціи Колпино, поѣздъ былъ встрѣченъ петербургскимъ губернаторомъ Лутковскимъ и депутатами о 19-ти сельскихъ обществъ и селенія Сестрорѣцка, которыя поднесли Ихъ Величествамъ хлѣбъ и соль и живыхъ стерлядей. Царскій поѣздъ прибылъ въ Петербургъ 29-го мая, въ 12 часовъ дня, къ Николаевскому вокзалу, гдѣ заранее собрались представители петербургскаго дворянства, городского и другихъ обществъ и ожидалъ почетный караулъ, со знаменами и музыкой. Отсюда Ихъ Величества въ открытой коляскѣ въ сопровожденіи царской фамиліи свиты, при громкихъ крикахъ «ура!» огромной народной

толпы, собравшейся на всемъ пути, отправились въ Казанскій соборъ, гдѣ митрополитъ Исидоръ встрѣтилъ ихъ краткой привѣтственной рѣчью. Послѣ молебствія и прикладыванія къ иконамъ, Государь и Государыня «послѣдовали» въ Петропавловскій соборъ черезъ Троицкій мостъ и обратно на Англійскую набережную, къ императорской парходной пристани. Здѣсь приготовлена была яхта «Александрия», которая и доставила Ихъ Величества въ Петергофъ. Настоящая коронація по своему блеску и богатству еще превосходитъ предшествующую.

И. Ширяевъ.

Родъ Романовыхъ. Мѣстопробываніе Михаила Ѳеодоровича Романова въ Костромѣ.

Родъ Романовыхъ.

Славный и древній родъ Романовыхъ всегда былъ любимъ народомъ и всегда стоялъ близко къ царскому престолу. Вспомнимъ царицу Анастасію, любимую супругу грознаго царя Іоанна IV, память о которой этотъ суровый властелинъ сохранялъ во всю свою жизнь... Въ царствованіе Бориса Годунова, который по своему рожденію имѣлъ мало правъ на престолъ русскій, бояре Романовы-Юрьевы претерпѣли не мало гоненій. Сыновья любимого народомъ боярина Никиты Романовича Ѳеодоръ, Александръ, Михаилъ, Иванъ и Василій показались Годунову, сейчасъ-же по его водъ ренію, очень опасными. Онъ наружно ласкалъ ихъ, далъ боярство Ѳеодору и Александру, Михаилу далъ санъ о. ольпичаго и даже женилъ своего ближняго Ивана Ивановича Годунова на ихъ сестрѣ Иринѣ. Но ходили слухи, безпокоившіе подозрительнаго царя Бориса—будто Ѳеодоръ Іоанновичъ, умирая, хотѣлъ объявить Ѳеодора Никитича своимъ наслѣдникомъ. Желая угодить царю, Семень Годуновъ, подложивъ въ кладовую Александра Никитича, черезъ клевету своего, подозрительные корни, обвинилъ Романовыхъ въ намереніи отравить Бориса. Затѣялось цѣлое дѣло. Мучили и пытали слугъ. Въ 1601 году, по приговору послѣдней Борису боярской думы, Ѳеодора Никитича постригли подъ именемъ Филарета и сослали въ Сіискую Антоніеву обитель. Его супругу Ксенію Ивановну тоже постригли и сослали въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ, подъ именемъ инокини Марѳы. Это была мать юнаго Михаила Ѳеодоровича, тогда еще младенца, будущаго царя русскаго. Александра Никитича сослали къ Бѣлому морю. Михаила Никитича сослали въ Пермь; Ивана Никитича въ Целымъ, Василія Никитича въ Ярепекъ. Съ родственнымъ Романовыхъ, княземъ Черкасскимъ, былъ сосланъ на Бѣлоозеро и шестилѣтній Михаилъ, будущій царь. Приставамъ, слѣдившимъ за ссыльными, было велѣно доносить о ихъ рѣчахъ. Трогательно прочесть даже въ старомъ московскомъ изложеніи низкопоклоннаго, подострастно доносящаго Борису пристава Воейкова, стерегшаго старца Филарета,—жалобы этого послѣдняго. «Иди же, вспомянеть и дѣти—пишетъ Воейковъ—и онъ говоритъ—«Милыя мои дѣтки маленькія, бѣдныя, остались; кому ихъ кормить и поить?

А жена моя бѣдная на удачу уже жива-ли? Чаю, она гдѣ близко таково-жъ замечена гдѣ и слухъ не зайдетъ? Мнѣ уже что надобно? Лихо на меня жена да дѣти: какъ ихъ помянешь, ино что рогатиной въ сердце толкнешь. Много они мнѣ мѣшаютъ (огорчаютъ); дай Господи то слышать, чтобы ихъ ранѣе Богъ прибралъ, и азъ бы тому обрадовался». Эти горькія слова заключеннаго, ко благу земли русской, не были услышаны небесами. Богъ взыскалъ сына томимагося инока великою милостью, далъ ему державу русскію. Тотъ, кто росъ и крѣпъ въ семьѣ князя Черкасскаго на Бѣлоозерѣ, предназначенъ былъ Провидѣніемъ дать миръ и покой нашей страдавшей родинѣ. «Богъ не услышалъ сей молитвы ко счастью Россіи!»—говоритъ и Карамзинъ про исторически-вѣрныя отчаянныя рѣчи Филарета.

Мало по малу Борисъ устыдился своей несправедливости. Онъ позволилъ недужному Василію Никитичу переѣхать къ лишенному движенія руки и ноги Ивану Никитичу въ Целымъ. Здѣсь скоро, 15 февраля 1602 г., Василій Никитичъ скончался. Александръ и Михаилъ Никитичи тоже скоро умерли, отъ горя и тягости заключенія. Предъіе говоритъ, какъ тяжело были оковы Михаила Никитича, плечныя—39 фунтовъ, ручныя—12 ф., кандалы—19 ф., замокъ—10 ф. Въ Ныробѣ, пермск. губ., и похороненъ страдалецъ. Въ 1602 г. Борисъ позволилъ Ивану Никитичу ѣхать въ Уфу, въ Нижній, а затѣмъ и въ Москву. Народъ, конечно, глубоко сочувствовалъ невзгодамъ любимого, знаменитаго рода боярскаго, и пророчливый историкъ, вѣроятно, могъ-бы предсказать въ то время избраніе юнаго Михаила Романова на царство. Но до этого еще были узурпаторскій набѣгъ самозванца и не удачное властвованіе Шуйскаго.

Овдовѣвшей княгинѣ Черкасской съ дѣтьми Филарета Никитича Борисъ позволилъ, наконецъ, уѣхать изъ Бѣлоозера въ отчину Романовыхъ юрьевскаго уѣзда, въ село Клины, гдѣ Михаилъ и дежилъ до гибели Бориса. Однако, все еще страшась Филарета, Борисъ велѣлъ въ 1605 году посвятить его въ іеромонахи и архимандриты, дабы еще болѣе удалить отъ міра.

Но никакія усилія человека не могутъ предотвратить воли Божіей. Этотъ самый бѣдный, тоскующій инокъ сдѣлался впоследствии патріархомъ церкви руссійской, хотя ему еще суждено было перенести тяжкую не-

волю польскую. Молодой Михаилъ свидѣлся и соединился послѣ смерти Бориса съ матерью, и вѣрныя стѣны, тихій и крѣпкій кровъ костромскаго Ипатьевскаго монастыря сохранили для Россіи въ его лицѣ надежду и спасеніе.

Дворецъ царя Михаила Ѳеодоровича въ Костромѣ.

Этотъ цѣнный памятникъ старины составляетъ самую выдающуюся достопримѣчательность Костромы. Какъ и костромской дворецъ Михаила Ѳеодоровича, такъ и палаты бояръ Романовыхъ въ Москвѣ—все это дорого тѣмъ, что вѣчно гласитъ о прошломъ славнаго царственнаго рода, подъ всемогущей державой котораго процвѣтаетъ наша родина.

Ипатьевскій монастырь въ Костромѣ.

Многія дорогія историческія воспоминанія пробуждаетъ видъ этого стариннаго монастыря, гдѣ въ 1613 году послы великаго собора всей русской земли нашли молодого боярина Михаила Ѳеодоровича Романова. Будущій царь русскій скрился здѣсь отъ разбойничьихъ шаекъ, со своею родительницей инокиней Марѳой. Здѣсь нашли послы юнаго боярина 13 марта 1613 года, сюда 14 марта, поднявши иконы, съ костромскимъ воеводой и горожанами, пошли они просить его принять царство. Здѣсь юный Михаилъ «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ» отказывался отъ царства, зная шаткость царскаго престола въ то смутное время. Съ третьяго часа дня до девятаго молили послы боярина и его мать, и когда, наконецъ, произнесли, что Богъ взыщетъ на немъ разоренье земли русской—тогда инокиня Марѳа благословила сына—и Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ посохъ отъ архіепископа и допустилъ всѣхъ къ рукамъ. Изъ этого монастыря 19-го марта выѣхалъ въ Москву на царство надежда земли русской—молодой царь. Какъ не вспомнить при взглядѣ на Ипатьевскій монастырь крестьянина близъ лежащаго села Домнина Ивана Сусаннина! Святія и дорогія воспоминанія. Живымъ воспоминаніемъ призванія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова и спасенія его Сусаннинымъ явятся на Священномъ Коронованіи Государя Императора представители отъ свободныхъ хлѣбопашцевъ села Домнина, вызванные на предстоящее торжество въ Москву.

ВЪНЧАНІЕ НА ЦАРСТВО ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА.

(ИСТОРИКО-БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

I.

— Вивать королевичъ Владиславъ!—воскликнула буйная польская челядь въ станѣ страшнаго наѣзника Лисовскаго, грозы русскихъ деревень и селъ. Общему крику вторилъ звонъ ковшей и чашъ, наполненныхъ польскимъ медомъ и просто русскимъ зеленымъ виномъ.

Трехтысячный отрядъ пана Лисовскаго состоялъ изъ отборныхъ жолнеровъ; сытые кони ржали у коновязей. Самъ начальникъ, панъ Лисовскій, пировалъ въ богатомъ шатрѣ со своими помощниками. Тутъ были: съдоусый рубака панъ Зеленскій, молодой красавецъ панъ Опалинскій и много еще кроваваго польскихъ витязей. Самъ хозяинъ былъ нѣсколько мраченъ. Его морщинистое лицо, съ бѣловатыми шрамами отъ пуль и мечей хмурилось.

— Клянусь рогами Вельзевула!—воскликнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу, наскоро сколоченному изъ досокъ,—за голову князя Пожарскаго и этого проклятаго Минина, я-бы сейчасъ далъ двадцать тысячъ золотыхъ!

— Чего вы тревожитесь, панъ доводца!—сказалъ беззаботно Опалинскій,—этимъ мы скалямы пришелъ конецъ. Села ихъ сожжены и разграблены, ратныхъ людей мало, только несчастные бродяги—нижегородцы идутъ на насъ со своимъ Мининымъ.

Проницательные глаза польскаго предводителя насмѣшливо и злобно сверкнули.

— Панъ еще молодъ,—наставительно произнесъ онъ,—а я блюсу обѣ закладъ, что черезъ годъ въ русской землѣ не останется ни одного поляка.

Въ отвѣтъ на эти слова послышался общій ропотъ пирующихъ; офицеры грозно крутили усы и хватились за кривыя польскія сабли. Желѣзная дисциплина Лисовскаго, пожалуй, не сдержала-бы готовящуюся вспышку, если-бы у входа въ шатеръ не послышались звуки бубна, веселый женскій хохотъ и взвизгиванія. Толпа подгулявшихъ пановъ весело загалдѣла:

— А, панны, коханки! Сюда, сюда! Да вздравствуетъ любовь и женщины!

Въ шатеръ ворвалась цѣлая гурьба, пестрящихся яркими кунтушами, польскихъ очаровательницъ. Начался бѣшено-веселый краковикъ, загремѣли шпоры наѣзниковъ въ лихой мазуркѣ, зашелкали шальные выстрѣлы изъ пистолетовъ. Словомъ, разразилась неудержимая увлекательная польская вакханалія, какъ будто волшебствомъ перенесенная въ тишину задумчиваго подмосковнаго лѣса. Никогда еще летучій отрядъ Лисовскаго не заходилъ такъ далеко въ разоренную русскую землю. Молодой юркій пахолокъ пробрался сквозь эту суету къ начальнику и шепнулъ ему что-то. Однимъ властнымъ знакомъ Лисовскій прекратилъ шумное веселье.

— Паны-братья!—въ нашъ лагерь пришла казацкая ватага. И привезла она такіа дивныя вѣсти, что я попрошу всѣхъ за мной!

Разгоряченная виномъ и танцами толпа высыпала изъ шатра въ середину наскоро разбитаго лагеря. Тамъ, окруженные толпой

польскихъ воиновъ, стояли человѣкъ пятнадцать смуглыхъ запорожцевъ. Во главѣ ихъ, утонувъ въ неизмѣримыхъ шароварахъ, красовался краснолицый, уже съдоусый удалецъ атаманъ Остапъ Бондарчукъ.

— Ге, ге—воскликнулъ Лисовскій—старый знакомый! Съ какими вѣстями пришелъ? Или просто захотѣлъ польскаго меду выпить? Старый запорожецъ лукаво усмѣхнулся. По знаку Лисовскаго ему поднесли огромную чашу стараго польскаго меду. Удалясь, крикнувъ, атаманъ осушилъ эту чашу, что называется единымъ духомъ, и затѣмъ заговорилъ пьянымъ насмѣшливымъ голосомъ:

— Вотъ что, ласковый панъ: время тебѣ съ твоими поляками убираться во свояси. Али не знаешь, что на Руси воцарился новый царь? На дворѣ то теперь лѣто красное а землѣ русской праздникъ великій. Согласился царь Михаилъ Ѳеодоровичъ русскую державу принять. Позавчера отъ Троицы изъ села Братовщины въ Москву выѣхалъ. А ѣдутъ съ нимъ—Краснымъ солнышкомъ—выборные земли русской: бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Воротынский, да бояринъ Василій Петроичъ Морозовъ, да окольничій князь Мезецкій, да дьякъ Ивановъ, да всѣхъ чиновъ православные христіане. А изъ Москвы уже про твою голову, панъ Лисовскій, посылки готовятъ. Цѣлая рать, пушечная и конная снаряжена. Берегись, не всѣ еще дерева въ землѣ московской польскій огонь выжегъ.

Во внезапномъ бѣшенствѣ панъ Лисовскій, выхвативъ саблю, кинулся на стараго казака.

Краска гнѣва до того залила полнокровное лицо начальника, что оно сдѣлалось одного цвѣта съ его пунцовымъ кунтушемъ.

Запорожецъ встрѣтилъ вражью саблю тоже обнаженнымъ оружіемъ. Въ эту минуту молнія пищальнаго выстрѣла прорѣзала майскій полусумракъ теплаго вечера. Сломив голову, въ лагерь вбѣжали сторожевые поляки, крича благимъ матомъ: «москали идутъ! москали идутъ!» Поднялась такая сутолока и суматоха, такой крикъ и шумъ, что старый Бондарчукъ успѣлъ улизнуть въ близкую чашу. Громомъ гремѣлъ зычный голосъ Лисовскаго. Онъ—уже верхомъ на своемъ ворономъ аргамакѣ—скакалъ по своему лагерю,—билъ саблею своихъ солдатъ, и черезъ короткое время достигъ того, что хорошо обученный отрядъ былъ уже выстроенъ въ боевой порядокъ. Хорошо, что польскіе часовые рано замѣтили московскую рать. Завязалась правильная битва, но поляки были въ меньшемъ числѣ, чѣмъ противники, и вскорѣ по командѣ Лисовскаго польскіе наѣзники умчались на своихъ быстрыхъ коняхъ.

Русскіе гнались за ними, а старый пьяница Остапъ Бондарчукъ уже хозяйничалъ въ польскихъ патрахъ, приговаривая:

— Добрый медъ, добрая горилка!

II.

Легкій дымъ курился кое гдѣ надъ развалинами. Почти вся Москва представляла изъ себя обугленные стѣны и изрытые пушеч-

ными выстрѣлами ямы. Было раннее утро воскреснаго дня втораго мая 1612 года. Несмотря на то, что еще занималась заря, всѣхъ чиновъ люди отъ мала до велика валили пестю толпой за городъ къ дорогѣ отъ Троицкаго монастыря къ Москвѣ. Уже кое гдѣ раздавалась веселая пѣсня, изрѣдка разухабистый русскій молодецъ отпускалъ вольную шуточку, отъ которой взвизгивали и бросались въ сторону красныя дѣвицы. Но въ общемъ все громадное сборище народа вело себя довольно чинно.

За угломъ одной изъ закопѣлыхъ отъ выстрѣловъ стѣнъ Кремля ютилось небольшое строеніе, наскоро сколоченное изъ сборнаго лѣса. Въ небольшой горницѣ этого жилища лежалъ на тесовой лавкѣ среди нихъ широкоплечій крѣпкій человѣкъ. Морщины на его высокомъ челѣ и грустный взглядъ нѣсколько усталыхъ глазъ показывали, что не легко далась ему жизнь. Дѣйствительно, это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, но могучихъ душою людей, которые всѣмъ сердцемъ скорѣли въ черные дни русской земли о своей истекающей кровью родинѣ. Этотъ человѣкъ былъ славный нижегородецъ Кузьма Мининъ. Еще не вполне оправившійся отъ ранъ, полученныхъ имъ въ битвѣ съ казаками Заруцкаго, онъ въ это достопамятное утро не могъ присоединиться къ москвичамъ, встрѣчающимъ зорьку земли русской, новоизбраннаго царя молодого Михаила Ѳеодоровича Романова; но душою онъ былъ съ ними.

Рядомъ съ немощнымъ богатыремъ нижегородской земли сидѣлъ его вѣрный холопъ, его старый пѣстунъ, который ходилъ еще за нимъ за отрочкомъ.

Кузьма Мининъ внимательно слушалъ медленную тягучую рѣчь старика.

— И вотъ, батюшка ты мой пришли эти самые нечестивые сарматы къ тому мужичку православному Сусанину, въ село Домнино. Грозятъ ему оружіемъ, пистолы заріажаютъ и кричатъ: «Веди насъ въ Ипатьевскій монастырь! Веди туда, гдѣ живетъ бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ съ матерью своей, инокиней Мареею!» Что было дѣлать Сусанину? Одѣлъ это онъ полунубокъ, взялъ посошекъ и пошелъ со вражью ватагой черезъ лѣсъ, а допрежъ того тайкомъ послалъ сына своего въ монастырь предупредить всѣхъ о вражьемъ нашествіи. Самъ же—яко мученикъ христіилюбивый—рѣшилъ животъ свой за молодого царя положить. Сказываютъ, что завелъ онъ поляковъ въ чашу непроходимую. Нашли потомъ все ихъ вражье скопище въ оврагѣ лѣсномъ мертвыми; замерзли вѣстимо, ужель ненарокомъ Сусанинъ туда забрелъ; зналъ вѣдь онъ всѣ лѣсные пути, да выходы лучше любого въ селѣ. Седьмой десятокъ старикъ доживалъ!

Старикъ замолчалъ и грустно понурился. Но въ Кузьму Минина этотъ разсказъ словно новымъ силой вдохнулъ. Сверкнули его очни орлиныя, затрепетала грудь богатырская и благоговѣнно оскнилъ онъ себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ. Онъ воскликнулъ:

— Да благословенъ будь Богъ земли русской! Крѣпка еще вѣра православная, крѣпка еще любовь къ родинѣ! Дивны дѣла Твоя,

Господи: въ комъ проявляешь Ты силу доблестнаго витязя! Въ простомъ пахарѣ, въ смердѣ! Чай многіе князья да бояре наши пожелали бы такую славную кончину принять!

Въ эту минуту низкая дверь горницы распахнулась, и быстрыми шагами вошелъ въ

Князь Пожарскій—это былъ опъ, воевода за нашу родину! Больно крѣпко обложили ее враги лютые. Съ запада Лисовскій грозитъ, да Жигмонъ съ королевичемъ Владислагомъ бурей падаютъ. Съ востока Заруцкій валитъ. Богоотступница Марина съ сыномъ своимъ воровскихъ людей подза-

— Съ Божьей помощью скоро этихъ осъ злокозненныхъ и совѣтъ на Руси не будетъ. Выводили мы ихъ и выведемъ еще ды-

за нашу родину! Больно крѣпко обложили ее враги лютые. Съ запада Лисовскій грозитъ, да Жигмонъ съ королевичемъ Владислагомъ бурей падаютъ. Съ востока Заруцкій валитъ. Богоотступница Марина съ сыномъ своимъ воровскихъ людей подза-

Часовня Иверской Божіей Матери.

сокій чернобородый воинъ въ боевой кольчугѣ, препоясанный мечемъ. Увидѣвъ гостя, Мишинъ хотѣлъ привѣтствовать со скамьи, но тотъ остановилъ его движеніемъ руки.

— Здравствуй, княже. Чай тоже навстрѣчу молодого владыки собрался?

— Вѣстимо. А все же тебя проводить зашелъ: не полегчало ли?

— Куда, князь Дмитрій Михайлыч! Остры польскія сабли и больно кусаются, словно осы ядовитыя.

момъ ищальнымъ и нуш чинимъ, да еще мечами расклещемъ. Слыхалъ, какъ я наемни Лисовскаго пугнулъ? А все запорожцы меня навели; такой народъ продажный, посули только съ десятокъ червонцевъ.

— Исполать тебѣ, князь Дмитрій Михайлыч! Ни на день одинъ не полагаешь ты своего меча приваго. Бѣгутъ отъ тебя супостаты, аки дымъ отъ вѣтра! А все же скажу тебѣ по душѣ, княже. болѣе я души

дориваетъ: татаръ и черемиса въ Гоминскихъ городахъ зашевелились...

Наступило недолгое молчаніе; видимо смѣлый витязь князь Пожарскій приунылъ немного. Но затѣмъ мужественное лицо его вспыхнуло румянцемъ, выпрямился онъ во весь высокій ростъ и тѣмъ громовымъ голосомъ которымъ скликалъ полки свои на бой противъ казачковъ и ляховъ, крикнулъ:

— Грѣхъ тебѣ, братъ мой крестовый по оружию! Грѣхъ тебѣ, товарищъ мой, кровью

Благовѣщенскій соборъ и Красное крыльцо (въ Кремлѣ).

Успенскій соборъ (съ восточной стороны),

за землю русскую пожертвовавший! Сильна наша матушка-родина и свѣтло ея грядущее... Вижу я владыкъ сильныхъ и добрыхъ, вижу тронъ царства російскаго незыблемый, Знаю то, что оцѣнять потомки труды наши, что не умрутъ имена наши въ памяти ихъ.

— Дай Богъ!—шепталъ Кузьма Мининъ.

III.

Ясно выиграло на небесахъ красное солнышко надъ Москвой оживленной и радостной. Громадная толпа народа поминутно, какъ живыя, шумящія рѣки, вливались изъ за заставъ московскихъ въ бушующее восторженно море обывателей столицы. Былъ

порванную кольчугу, но не имѣющій на себѣ никакого оружія.

— Да, вѣстимо, съ Нижняго, съ Волги-матушки... А у васъ-то на Москвѣ неужь не знаютъ Минича-то?

Парень снялъ шапку и перекрестился исто-во на горящій въ голубомъ небѣ крестъ Успенскаго собора.

— Его-то не знать? Что ты, дѣдушка! Хошь я самъ-то и московскій, а пришло съ нимъ вмѣстѣ за родину постоять!.. Помнишь, чай, наши битвы лютыя, гдѣ ручьемъ лилась кровь православная, да и бусурманской крови попила земля черная...

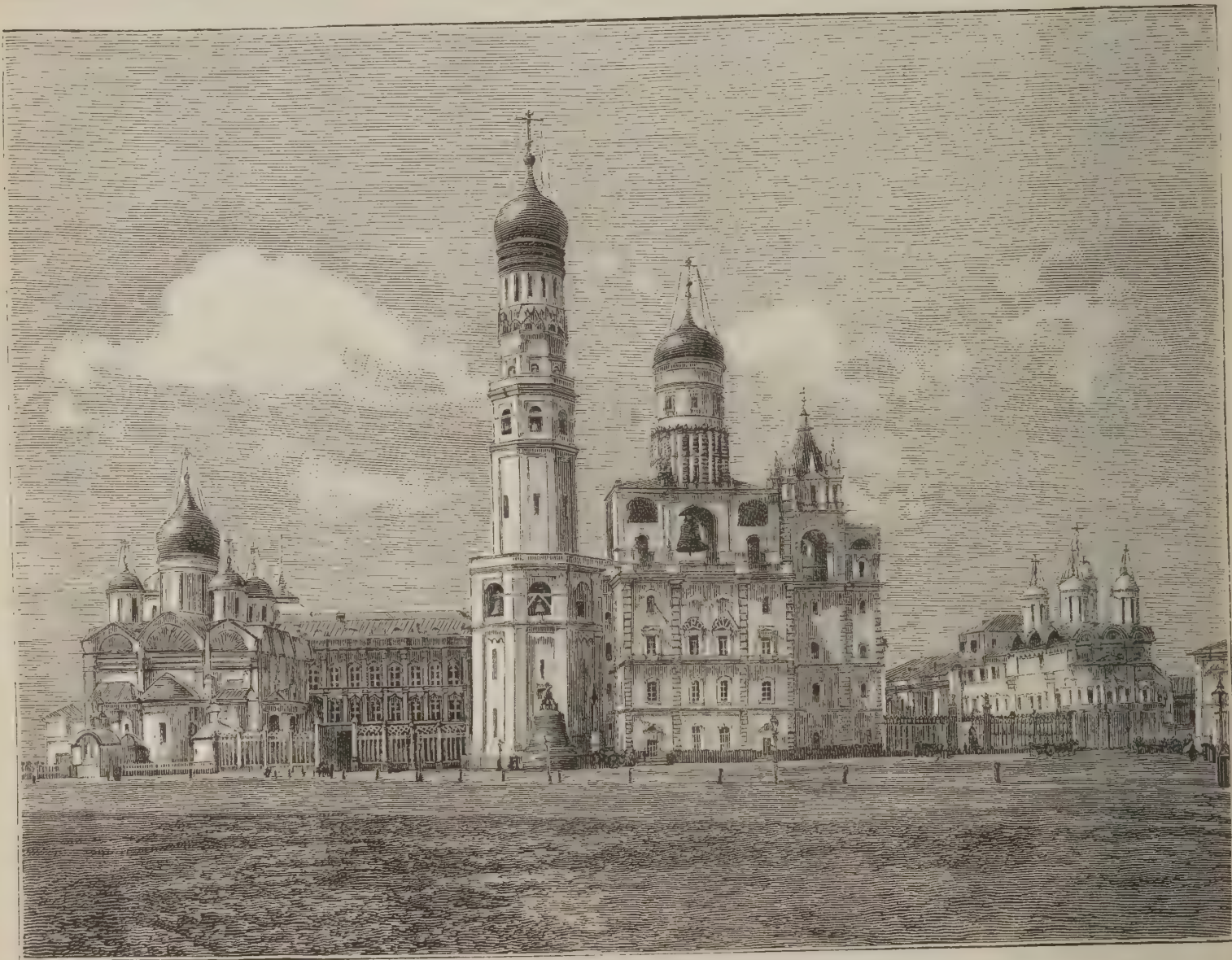
Кузьмы на спасеніе земли нашей выросла... Нѣтъ, что казна! Съ жены ожерелья да подниси жемчужныя сняты! Куда ей, старухѣ?.. Мало того—самъ о-бокъ съ Кузьмой на рать пошелъ да еще внучка взялъ. Свою плоть-кровь для родины не пожалѣлъ... Милостивъ Господь: оба цѣлы...

Внезапно молодецъ въ кольчугѣ грузно упалъ въ ноги старика. Окружающіе поня-тились...

— Прости, дѣдушка! Больше ты, чѣмъ я, передъ родиной заслужилъ!

Началось царское шествіе...

Блеснуло солнце красное! Нововѣнчанный

Колокольня Ивана Великаго (въ Кремлѣ).

ясный іюльскій денекъ, имѣвшій важное значеніе на судьбы земли русской...

Въ огромной и пестрой толпѣ народа, встрѣчавшей нововѣнчанаго царя Михаила Ѳеодоровича, цѣлой головой превышая стражу, которая охраняла торжественное шествіе, особенно выдѣлялся осанистый и сѣдобородый купецъ. Его широкая грудь дрожала отъ сдерживаемыхъ рыданій, а рука безпрестанно творила крестное знаменіе. Онъ то и дѣло подталкивалъ локтемъ стоявшаго около него подростка и указывалъ на проходящихъ по параднымъ подмосткамъ бояръ.

— Вонъ, смотри, князь Черкасскій! Его, бають, царь-батюшка пожаловалъ въ окопнчье. А Кузьма-то Миничъ, бѣдняга, до сей поры ранами мучится!

— Съ Нижняго, что-ли, будешь?—спросилъ старика сосѣдъ его, плечистый молодецъ, дѣтъ тридцати, одѣтый въ потемнѣвшую и

— Мнѣ-ли не знать да не помнить!..

Старикъ немного осерчалъ и сдвинулъ густыя брови, но потомъ стихъ и, уже степенно и поучительно, продолжалъ свою рѣчь:—

— Я, сынокъ, съ Кузьмой-то сосѣдъ, въ Нижнемъ, по домамъ. Не разъ мы вмѣстѣ съ нимъ о нашей землѣ Русской плакались. Не разъ душой раскидывали, чѣмъ помочь ей! И порѣшили кличь кликнуть!.. Думаемъ, не въ конецъ-же засохло и истлѣло сердце русское... Чего грѣха таить, любилъ и я нажить лишнюю гривну. Вѣстимо, дѣло торговое: не обманешь — не продашь. А тутъ, какъ подумалъ, что Русь, Русь великая гибнетъ—и куда только корысть дѣлась!..

Сосѣди купца обернулись въ его сторону. Молодецъ въ кольчугѣ съ загорѣвшимися глазами слушалъ его.

— Вѣришь-ли, не то что всю казну свою въ ту кучу золотую ссыпалъ, что по слову

царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, во всѣхъ знакахъ царскаго сана, явился не-исчислимымъ толпамъ и рода своего, выйдя изъ Успенскаго собора. Сіяя, какъ зорька молодая, прошелъ царь молодой со свитою своею въ Архангельскій соборъ по рундуку. При выходѣ, князь Мстиславскій трижды осыпалъ царя золотыми и серебряными деньгами изъ мисы.

Слезы, чистыя, благодатныя слезы струились изъ очей мужей и юношей, старцевъ и женъ при видѣ молодого царя.

— Глянь-ко, глянь, что бояръ-то! Что воиновъ!..

— Есть теперь кому родину оборонить, слышался отвѣтъ—и широкая русская грудь облегченно вздыхала.

И въ воздухѣ звучала молитва...

В. Лебедевъ.

ДРЕВНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЯ РЕГАЛІИ.

Древняя золотая держава.

Помимо других священных реликвий въ Оружейной палатѣ хранится съ давняго неопредѣленнаго времени, «держава російскаго царствія», зовомая по древнему «яблокомъ владычествующаго», «царскимъ златымъ державнымъ яблокомъ», «яблокомъ великодержавнымъ». Эта золотая чеканная держава имѣетъ въ окружности шара 13 вершковъ и высоты съ крестомъ 9½ вершковъ. Она украшена финифтью, алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и жемчужинами, въ золотыхъ финифтяныхъ гнѣздахъ. Въ четырехъ треугольных поляхъ яблока, финифтяныя изображенія: помазаніе Давида на царство, побѣда надъ Голиафомъ, гоненіе отъ царя Саула. Около бляхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ символическія изображенія: орла, льва, грифа и единорога; въ описи сказано, что она «фряжскаго дѣла».

Шапка Мономаха.

«Шапка Мономаха» по наиболѣе распространенному мнѣнію—корона великаго князя Владиміра Равноапостольнаго—прислана послѣднему въ подарокъ императорами византійскими Василиемъ II и Константиномъ XI. Вотъ старое описаніе короны, вполне соответствующее современному ея состоянію: «шапка царская золотосканная Мономахова, на ней крестъ золотъ гладкій, на немъ по концамъ и въ исподи четыре зерна гурмицкихъ, да въ пей камень въ золотыхъ гнѣздахъ, надъ яблокомъ яхонтъ желтъ, яхонтъ ласоревъ, лалъ, промежъ ними три зерна гурмицкихъ, да на ней четыре изумруда, два лаала, двѣ коры яхонтовы въ золотыхъ гнѣздахъ, двадцать пять зеренъ гурмицкихъ на золотыхъ сѣняхъ, околъ соболій, подложена атласомъ червчатымъ, влагалище деревянное оклеено бархателю травчатую, закладки и крючки серебряны». Въ старину только эта одна шапка была съ крестомъ. Сохраняется она посейчасъ въ «Оружейной палатѣ». При коронаціи императоровъ она не употребляется, но прежде выносилась въ соборъ съ другими императорскими регалиями. «Шапка Мономаха» состоитъ изъ восьми тонкихъ золотыхъ пластинокъ съ канительными

украшеніями. «Яблоко», т. е. вершина, отдѣлано яхонтами, рубинами и жемчугомъ. Нижний ободокъ «Шапки Мономаха» теперь отдѣланъ соболемъ, а прежде жемчужными подвѣсками. Это самая легкая корона, вѣситъ всего 2 ф. 20 з.

Шапка царя Михаила Ѳеодоровича.

Шапка или корона царя Михаила Ѳеодоровича Романова изготовлена нѣмецкими мастерами по заказу думнаго дьяка Ефима Телепева. Съ 1776 года эта корона носитъ названіе «Астраханской».

Бармы.

Про бармы, т. е. наплечники, въ присылкѣ царскаго чина греческимъ императоромъ Константиномъ сказано: «ожерелье, сирѣчь святыя бармы, яже на плещу свою возлагаше». Св. бармы или, какъ ихъ называли «діадима» состоятъ изъ семи золотыхъ художественной работы стараго византійскаго стиля запонокъ, изукрашенныхъ финифтью и драгоценными каменьями, нашитыхъ на глаза. Помимо украшеній, на «діадимѣ» изображены лики св. угодниковъ, Пресвятой Богородицы и другихъ изображеній, взятыхъ изъ Ветхаго и Новаго Заветъа. Бармы, храняныя въ Оружейной палатѣ, какъ значится въ спискѣ 1665 года, дѣланы, «противъ образа діадимы благочестиваго греческаго царя Константина; заплачено за нихъ 18,325 рублей гречанину цареградцу Ивану Юрьеву». На нашемъ рисункѣ бармы помѣщены слѣва. Въ тѣсномъ смыслѣ слова бармами называли св. иконы.

Сосудъ св. муропомазанія.

При священномъ коронованіи русскихъ монарховъ «важнѣйшимъ тайнодѣйствіемъ» считается помазаніе «святымъ и великимъ муромъ», говоритъ одинъ изъ нашихъ изслѣдователей старины. Совершивъ таинство, первосвятитель погружалъ въ сосудъ (крабійцу) драгоценный сучецъ (прутикъ) и помазывалъ въиносца на челѣ, на ушахъ, на поздрахъ, на устахъ, на персяхъ, на рукахъ, по обѣ стороны, съ произношеніемъ словъ: «печать дара Духа Святаго» и всякій разъ отиралъ по-

мазанныя мѣста «вамбакомъ» или губкою, «да не како что отъ сего на землю падеть». Губка эта тотчасъ послѣ того была сожигаема самимъ митрополитомъ или патриархомъ въ алтарѣ—въ сокровенномъ мѣстѣ. Первымъ изъ русскихъ царей былъ помазанъ Іоаннъ Грозный. Святое и великое муро состоитъ изъ дорогихъ благовонныхъ маселъ, травъ, смоль и кореній, которыя варятся на оливковомъ маслѣ съ примѣсью душистыхъ водъ; муро освѣщается въ великій четвертокъ на литургіи, варится оно двадцать четыре часа; во время варки происходитъ священная служба; размѣшиваютъ жидкость серебряными веслами дьяконы въ стихаряхъ. Вареніе совершается въ три года разъ въ особой хранилѣ, при патриаршемъ домѣ въ Москвѣ. Варится муро на большой плитѣ въ двухъ серебряныхъ большихъ котлахъ, каждый вѣсомъ болѣе пяти пудовъ. Одна большая серебряная кадъ, въ которую сливается нѣсколько пудовъ мюра, имѣетъ крышку вѣсомъ около трехъ пудовъ; на ней изображенъ «Самуилъ, помазующій Саула на царство». На каждомъ изъ этихъ колоссальныхъ серебряныхъ сосудовъ слѣдующая надпись: «По высочайшему и боголюбивому повелѣнію благочестивѣйшихъ государыни великія Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссійскія, сдѣланъ сей сосудъ ко употребленію священнаго муроваренія въ шестое лѣто благополучнаго ея царствованія, а отъ Рождества Христа Спасителя 1767 года». На помѣщаемой нами виньеткѣ «крабійца» помѣщена съ лѣвой стороны, за «шапкой Мономаха».

Тронъ царя Михаила Ѳеодоровича.

Изъ царскихъ престоловъ или троновъ наиболѣе интересенъ, служившій еще при вѣнчаніи на царство царя Михаила Ѳеодоровича. Украшенъ этотъ тронъ тремя тысячами драгоценныхъ каменьева. На спинкѣ красуется золоченый серебряный орелъ. Подушка трона обновлена въ 1856 году во время коронаціи императора Александра Николаевича, для императрицы Маріи Александровны.

НОВѢЙШІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЯ РЕГАЛІИ.

ПЕРВАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ КОРОНА.

Первая императорская корона сдѣлана была для коронаціи Екатерины I; въ настоящее время она хранится въ московской Оружейной палатѣ безъ драгоценныхъ украшеній; этою же короною короновался императоръ Петръ II (въ 1728 г.). Для императрицы Анны Иоанновны была сдѣлана новая корона, нынѣ хранящаяся въ Оружейной палатѣ и выносимая въ торжественныхъ случаяхъ подъ названіемъ «польской короны»; въ этой коронѣ находится одинъ алмазъ болѣе 2500; огромный лалъ, находящійся подъ крестомъ, купленъ въ 1676 году по указу царя Алексѣя Михайловича въ Китаѣ. При Екатеринѣ II сдѣлана была новая императорская корона. Для устройства ея отданы были всѣ бриллиантовые вещи императрицы, вышедшія изъ моды; корона была сдѣлана въ два мѣсяца и вѣсила около 5 фунтовъ; въ ней находились: 58 большихъ и 4878 малыхъ бриллиантовъ, большой рубинъ и 75 жемчуговъ. Императоръ Павелъ I повелѣлъ передѣлать эту корону, украсивъ ее новыми драгоценностями. Нынѣ существующая императорская корона представляетъ верхъ совершенства по необычайному количеству драгоценностей и ихъ художественному сочетанію. Кромѣ большого рубина на дугѣ короны, она украшена всѣми бриллиантами и жемчугомъ; на рубинѣ прикрѣпленъ крестъ изъ пяти великолѣпныхъ бриллиантовъ. Спереди и сзади короны сдѣланы двѣ лавровыя вѣтви, соединенныя внизу лентою; внутреннія стороны половинокъ усыпаются маленькими жемчужинами большой величины; дуга, раздѣляющая половины короны, представляетъ дубовыя листья съ желудями; надъ дугою находится большой восьмиугольный бриллиантъ и три бриллианта въ формѣ миндалинъ; нижняя часть украшена 27 большими бриллиантами и множествомъ малыхъ; высота короны 26 1/2 мм., діаметръ—отъ 19,4 до 21,1 мм.; корона подбита пурпуровою бархатною шапочкой. Въ 1865 году произведена была точная оцѣнка стоимости императорской короны, причемъ каждый камень былъ взвѣшенъ отдѣльно; эта оцѣнка привела къ заключенію, что вся корона по золотому курсу стоитъ отъ 800 до 900 тысячъ руб. лей.

МАЛАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ КОРОНА.

Малая императорская корона (государыни императрицы) устроена по образцу большой императорской короны; на дугѣ въ серединѣ короны находится бриллиантовый крестъ; нижняя часть осыпана отборными бриллиантами. — Отмѣтимъ кстати, что однимъ изъ лучшихъ нашихъ ювелировъ изготовлена корона, предназначенная для предстоящаго Священнаго Коронованія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Корона эта изготовлена по образцу короны вдовствующей Императрицы Маріи Феодоровны. Надъ ней работали два ювелира въ теченіе 9 мѣсяцевъ. Корона Государыни Императрицы Александры Феодоровны поражаетъ изяществомъ и красотою отдѣлки. Бѣлаго цвѣта, отдѣланная въ серебро, она вся унизана множествомъ бриллиантовъ чистѣйшей воды. Впечатленіе получается такое, что корона состоитъ изъ однихъ только бриллиантовъ. Число всѣхъ бриллиантовъ достигаетъ 2,000; вѣсятъ они около 600 каратовъ. Бриллианты разсыпаны по всей поверхности коро-

ны въ отдѣльныхъ клѣткахъ, составленныхъ изъ бриллиантовыхъ розъ. Число такихъ розъ въ коронѣ простирается также до 2,000. Въ каждой клѣткѣ помѣщено по 4 мелкихъ бриллианта. Вся корона кажется какъ-бы унизанной бриллиантовою паутиною, такъ какъ серебра совсѣмъ не видно. Наиболѣе крупные бриллианты расположены вдоль ободка короны, затѣмъ одинъ крупный бриллиантъ помѣщенъ надъ крестомъ короны, и нѣсколько ниже еще три крупныхъ бриллианта. Корона поражаетъ своею легкостью; она вѣситъ меньше фунта (всего 84 золотника).

ИМПЕРАТОРСКАЯ ДЕРЖАВА.

Императорская держава сдѣлана также при Императорѣ Павлѣ I; она вся изъ золота; обручи состоятъ изъ бриллиантовыхъ листьевъ; посрединѣ находится большой миндалевидный бриллиантъ; на верху большой овальный сафиръ, окруженный бриллиантами; держава увѣнчана бриллиантовымъ крестомъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗНАМЯ.

Государственное знамя сопровождало въ старину государя на войну, гдѣ служило знаменіемъ верховной власти, теперь его выносятъ во время коронаціи одинъ изъ первыхъ военныхъ сановниковъ. Государственное знамя въ древности употреблялось только во время походовъ царскихъ, подъ названіемъ «хоругви». Оно вѣшалось оружейнику или двумъ надежнѣйшимъ воеводамъ. Знамя было сдѣлано изъ желтаго атласа, обложено кругомъ золотымъ позументомъ съ бахрамою. Посрединѣ его вышитъ русскій гербъ, а по сторонамъ гербы всѣхъ русскихъ областей. Длина знамени 2 1/2 аршина, а ширина—2, древко съ копьемъ—4 аршина. Государственное знамя дѣлается для каждой коронаціи новое; знамя напоминаетъ старинное общее для всего войска «царское знамя».

КОРОНАЦІОННЫЯ ЗНАКИ ОРДЕНА СВ. АНДРЕЯ.

Коронаціонные знаки ордена св. Андрея составлены изъ большихъ и малыхъ бриллиантовъ; орденъ, возлагаемый на государыню императрицу, нѣсколько меньше; большая цѣпь ордена цѣнится почти въ 80 тысячъ рублей, а знакъ ордена около 19 тыс. руб.

По Высочайше утвержденному установленію о русскіихъ Императорскихъ орденахъ, изданному императоромъ Павломъ I въ 1797 году, 5-го апрѣля, достоинство верховнаго начальника, или гротмейстера ордена св. Андрея Первозваннаго сдѣлалось нераздѣльнымъ съ самомъ Императорскимъ. Учрежденъ этотъ орденъ Петромъ Великимъ въ 1699 году въ особый знакъ отличія для вознагражденія лицъ, оказавшихъ важныя заслуги отечеству. Первымъ кавалеромъ этого ордена былъ великій адмиралъ-канцлеръ графъ Головинъ, который въ 1703 году возложилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго на самого императора за взятіе имъ двухъ непріятельскихъ кораблей. Орденъ св. Андрея Первозваннаго присвоенъ и всѣмъ великимъ князьямъ Россійской имперіи, получающимъ его при крещеніи.

БОЛЬШОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ.

Россійскій гербъ—черный двуглавый орелъ на золотомъ щитѣ, коронованный двумя императорскими коронами, надъ которыми—третья корона съ Андреевскими лентами. Орелъ держитъ золотые державу и скипетръ.

На груди орла «Московскій» гербъ: св. Побѣдоносецъ Георгій. Вокругъ главнаго щита Андреевская цѣпь; по сторонамъ изображенія архистратига Михаила и архангела Гавріила. Сѣнь—золотая, съ императорской короной, въ орлахъ, съ надписью—«Съ нами Богъ!» Вокругъ главнаго щита—меньшіе щиты, съ гербами всѣхъ царствъ и княжествъ, входящихъ въ русскую державу.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ.

Государственная печать въ старину была меньше нынѣшнихъ, серебряная, вокругъ герба вырѣзывался титулъ государевъ; печати вѣрялись для храненія особымъ чиновникамъ, которые сперва назывались «печатниками», а потомъ «царственные большіе печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателями», т. е. канцлерами.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕЧЪ.

Государственный мечъ древняго происхожденія; онъ сопровождалъ обыкновенно царей при ихъ военныхъ походахъ. Мечъ представляетъ стальную полосу въ 1 аршинъ и 6 вершковъ; на клинкѣ около эфеса вычеканенъ золотомъ двуглавый орелъ, держащій въ когтяхъ дракона, и грифъ съ обнаженнымъ мечомъ; рукоятъ въ 8 1/2 вершковъ длины; на верху орлиныя головы подъ короною; крыжъ съ орлиными головами; ножны обиты золотымъ глазомъ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ СКИПЕТРЪ.

Императорскій скипетръ сдѣланъ также при Павлѣ I; скипетръ золотой; внизу бриллиантовые обручи; но главное его украшеніе—знаменитый «орловскій бриллиантъ», надъ которымъ возвышается черный эмалированный двуглавый орелъ; высота скипетра 13 1/2 вершковъ. О бриллиантѣ, украшающемъ скипетръ, извѣстно слѣдующее: утверждаютъ, что бриллиантъ этотъ замѣнялъ глазъ у золотого льва на тронѣ великаго могола въ Индіи и что другой глазъ этого льва былъ знаменитый бриллиантъ Koh-i-nur, составляющій украшеніе англійской короны. Но сохранилось и другое преданіе, будто-бы русскій бриллиантъ былъ глазомъ индѣйскаго идола; бриллиантъ укралъ французскій солдатъ и продалъ за 2000 гиней еврей, у котораго бриллиантъ купилъ армянскій купецъ Лазаревъ. Персидскій шахъ, узнавъ о покупкѣ Лазарева, хотѣлъ отнять у него драгоценный камень, но Лазаревъ сдѣлалъ разрѣзъ въ лѣвѣйшій ногъ, спряталъ камень и, зажививъ рану, обманулъ шаха. Явившись въ Петербургъ, Лазаревъ предложилъ купить свое сокровище императрицѣ Екатеринѣ II, но запросилъ такую цѣну, что государыня не согласилась; тогда Лазаревъ отправился въ Амстердамъ, гдѣ бриллиантъ былъ оцѣненъ и проданъ графу Алексею Григорьевичу Орлову-Чесменскому за 450,000 руб.; при этомъ Лазареву исходатайствовано было дворянское достоинство и 2,000 руб. пенсіи въ годъ. Графъ Орловъ поднесъ императрицѣ этотъ бриллиантъ, который вѣситъ 194 3/4 карата, т. е. на 8 1/2 каратъ болѣе Koh-i-nur'a. Въ 1865 году императорскій скипетръ оцѣненъ былъ почти въ 2.400,000 руб.

ПОРФИРА ГОСУДАРЯ.

Императоръ Александръ I короновался въ мундирѣ Преображенскаго полка съ золотымъ

аксельбантомъ, шляпа съ большимъ плюмажемъ и чернымъ страусовымъ перомъ и ботфорты; порфира изъ золотого глазета съ двуглавыми орлами, на нихъ нашиты Андреевскія звѣзды. Императоръ Николай Павловичъ—мундиръ съ краснымъ воротникомъ и обшлагами, шитымъ золотомъ по воротнику, обшлагамъ и клапанамъ; на немъ нашиты орденскія звѣзды, мантия государя императора золотая, съ нашитыми трехцвѣтными орлами, подложенная желтой шелковой тканью, обшита кругомъ горностаемъ; застежка съ двумя большими гранеными изумрудами высокой цѣны. На императорѣ Александрѣ III былъ общегенеральскій мундиръ, во время коронаціи 15 мая 1883 года. Для коронаціи Импе-

ратора Николая II сооружена новая великолѣпная порфира изъ золотого глазета, съ большимъ гербомъ на спинѣ и съ разбросанными по всей порфирѣ орлами.

Разныя короны.

На помѣщаемой нами виньеткѣ, среди другихъ предметовъ, находятся:—первая и вторая справа короны, принадлежать царямъ—Юанну и Петру Алексѣевичамъ. Затѣмъ спереди—корона царя Михаила Ѳеодоровича. По лѣвую руку отъ державы—корона царства Казанскаго. Объ остальныхъ регаліяхъ мы говоримъ въ своемъ мѣстѣ.

МОСКОВСКІЯ СВЯТЫНИ И ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ.

Часовня Иверской Божіей Матери.

Воскресенскія, иначе Иверскія, ворота находятся въ сѣверной стѣнѣ, окружающей Китай-городъ. Будучи устроены въ виду Воскресенскаго монастыря, что нынѣ Саввинское подворье, ворота и получили наименованіе Воскресенскихъ. Иверскими онѣ именуются отъ чудотворной иконы Божіей Матери, находящейся въ часовнѣ при воротахъ. Иверская икона Божіей Матери есть точная копія съ чудотворной иконы, находящейся въ Иверскомъ монастырѣ на Аѳонѣ. Въ 1647 году былъ въ Москвѣ для сбора пожертвованій архимандритъ Иверскаго монастыря Пахомій. Архимандритъ Новоспасскаго монастыря Николь, въслѣдствіи патріарха, съ дозволенія царскаго, просилъ Пахомія снятъ и прислать въ Москву самый вѣрный списокъ съ чудотворной Иверской иконы, именуемой Вратарницею. Возвратясь на Аѳонъ, Пахомій посѣдѣшилъ исполнить просьбу. Въ слѣдующемъ 1648 году повонаписанная икона была уже привезена въ Москву и 13-го октября торжественно встрѣчена у Воскресенскихъ воротъ. На первое время св. икону поставили въ монастырѣ, тогда извѣстномъ подъ именемъ «Николы Большая Глава». Затѣмъ икона была перенесена въ Успенскій соборъ, а послѣ того водружена въ часовнѣ, первоначально устроенной при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Отъ времени часовня пришла въ ветхость. Въ 1881 году по Высочайшему повелѣнію заново отдѣлана и освящена 13-го сентября. Здѣсь духовенство встрѣчаетъ Государя при Его вѣздѣ въ Москву для коронаванія.

Успенскій соборъ.

Древній Успенскій соборъ, основанный Иоанномъ Калитой, перестроенный Иоанномъ III, потерявшій много отъ нашествія поляковъ, потомъ французовъ—былъ послѣдній разъ повеленъ въ 1882 г. Это священное мѣсто коронаванія русскихъ государей. Наружный видъ собора поражаетъ всякаго и своею массивностію и изящною простотою. Верхъ его украшается 5 вызолоченными главами; стѣны его гладкія. Алтарь выдается нѣтъю полукружіями, между конми вставлены полуколонны. Надъ алтаремъ сдѣланы дуги, подъ конми на простѣнкахъ изображены иконы; въ срединѣ: Сынъ Божій, сидящій во славу Отчей, по сторонамъ: Софія—премудрость Божія и Печерская Богоматерь. Эти иконы изображаютъ: Москву и присоединеніе къ ней Новгорода и Кіева. Вокругъ входныхъ дверей, трехъ, написаны угодники Божіи: надъ сѣвернымъ входомъ—ростовскіе, надъ южнымъ—московскіе, около западныхъ дверей—

кіевскіе. Внутренность собора представляетъ величественный видъ. Вышина собора внутри отъ пола до купола большой главы 18 саж. и 1 арш., длина отъ горняго мѣста до западныхъ дверей 11 саж. и 2 арш.; посреди храма четыре каменныхъ круглыхъ столба, на которые опираются своды. Для свѣта сдѣлано 8 оконъ въ главахъ и 17 въ два свѣта по стѣнамъ. Въ Успенскомъ соборѣ три придѣла: 1) Св. апп. Петра и Павла, 2) Похвалы Богородицы и 3) Св. вм. Димитрія Муроточиваго.

Архангельскій соборъ.

Соборъ Архангельскій, гдѣ хранятся усыпальницы многихъ владыкъ русскихъ, основанъ еще въ 1333 г. Иоанномъ Калитой, а выстроенъ вновь изъ камня Иоанномъ III. Здѣсь находится дорогія русскому сердцу гробницы:—Подлѣ перваго праваго столба почиваютъ подъ спудомъ мощи св. благовѣрнаго князя Михаила и боярина его Ѳеодора. Святой благовѣрный князь Михаилъ кievскій и черниговскій жилъ въ XIII столѣтіи. Мученически скончался о Господѣ въ ордѣ; по повелѣнію Батюга ему отсѣкли голову. У южныхъ дверей на западной сторонѣ гробница Иоанна Даниловича Калиты. Близъ него—гробница сына его Симеона Гордаго. Этотъ государь первый возымѣлъ мысль объ единодержавіи и уничтоженіи удѣловъ. За твердую волю онъ прозванъ Гордымъ. Тутъ-же недалеко почиваетъ Димитрій Иоанновичъ Донской, побѣдитель татаръ на Куликовомъ полѣ. Возлѣ иконостаса гробница Иоанна III-го, свергнушаго иго татарское. Это—первый князь, возвеличившій наше отечество. У западныхъ дверей гробница несчастнаго царя Василія Шуйскаго. Позади праваго перваго столба—гробницы Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. Позади лѣваго столба гробницы Иоанна Алексѣевича и императора Петра II. Въ южномъ придѣлѣ гробницы: Иоанна IV и дѣтей его Иоанна и Ѳеодора. Послѣ торжественнаго коронаванія русскіе Государя приходятъ въ Архангельскій соборъ для поклоненія своимъ предкамъ, собирателямъ земли Русской.

Колокольня Ивана Великаго.

Названіе свое эта колокольня получила отъ находящейся подъ нею церкви Иоанна Лѣстовичника. Построена она при царѣ Борисѣ Годуновѣ въ 1600 г., когда въ Москвѣ свирѣпствовалъ ужасный голодъ. Затѣмъ большія постройки въ Кремлѣ, Годуновъ имѣлъ въ виду дать народу средства къ существованію. Высота столба колокольни, кромѣ главы и креста, 30 сажень. Фундаментъ ко-

локольни заложенъ настолько глубоко, что начало его соотвѣтствуетъ дну Москвы рѣки. Матеріалъ, употребленный на постройку ея, отличается замѣчательною крѣпостію. Вся она состоитъ изъ 5-ти ярусовъ и въ общемъ имѣетъ чрезвычайно красивый видъ. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ придѣлано особое зданіе съ лѣвой стороны колокольни, въ которомъ размѣщены большіе колокола. Всѣхъ колоколовъ на колокольнѣ Ивана Великаго—34. Общій вѣсъ ихъ 16 тысячъ пудовъ. Одни изъ нихъ замѣчательны по древности, другіе красотою формы и отдѣлки, звукомъ и прозваніемъ какъ-то: Реутъ, Лебедь, Медвѣдь, Варанъ, поліелейный или Голодарь, воскресный, будничный и т. д. Нѣкоторые колокола имѣютъ названія: Корсунскій, Новгородскій, Ростовскій, Слободской, потому что привезены въ Москву изъ Корсуни, Новгорода и т. д. Самый большой колоколъ вѣситъ 4 тыс. пудовъ.

Благовѣщенскій соборъ.

Кремлевскій соборъ Благовѣщенія, находящійся между Большимъ кремлевскимъ дворцомъ и Архангельскимъ соборомъ, основанъ въ 1397 году при великомъ князѣ Василіи Димитріевичѣ. Въслѣдствіи къ Благовѣщенской церкви пристроена паперть, въ которой, по преданію, слушалъ литургію, какъ оглашенный, Иоаннъ Васильевичъ Грозный, когда вступилъ въ четвертый бракъ. Ограбленный поляками и обезображенный ими, соборъ возобновленъ и вновь украшенъ былъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Въ 1812 году, во время нашествія непріятеля, этотъ соборъ потерпѣлъ одинаковую участь съ другими соборами Кремля, но въ слѣдующемъ же 1813 году былъ возобновленъ. Благовѣщенскій соборъ построенъ по образцу аѳонскихъ церквей. Онъ состоитъ изъ правильнаго квадрата съ выдающимися на востокъ полукружіями. Съ южной, западной и сѣверной стороны собора идутъ крытыя паперти съ двумя входами. Кровля собора изъ позолоченой мѣди. Главъ на соборѣ 9. На средней водруженъ четверокопечный крестъ.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ:

Церковь Василія Блаженнаго. Памятникъ Минину и Пожарскому. Спасскія ворота.

Кремль обнесенъ стѣною. Въ стѣнахъ Кремля устроены 5 воротъ: на восточной сторонѣ Спасскія и Никольскія, на западной—Троицкія и Боровицкія, на южной—Тайницкія. Главнѣйшими и замѣчательнѣйшими считаются Спасскія и Никольскія ворота. И тѣ, и другія ведутъ въ Китай-городъ, обнесенный также стѣнами.

Спасскія ворота которыя всѣ, по обычаю утвержденному въ послѣдствіи указомъ царя Алексѣя Михайловича, проходятъ съ непокрытою головою—были свидѣтелями многихъ чудесъ. Здѣсь, по преданію, являлись многіе Святители. Спасскія ворота, сооружены въ 1492 году при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III, итальянскимъ зодчимъ Петромъ Соларіемъ, о чемъ на Спасской башнѣ есть надпись. При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1626 году, зодчій англичанинъ Христофоръ Головей соорудилъ надъ Спасскими воротами пирамидальную готическую башню, въ которой устроены были часы. Въ 1737 году, во время Троицкаго въ Москвѣ пожара, Спасская башня сильно потерпѣла отъ огня; возобновлена она при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Близъ Кремля, подлѣ Спасской башни, находится церковь Василія Блаженнаго, собственно—Покровскій соборъ, основанный Іоанномъ Грознымъ въ 1554 году. На мѣстѣ, гдѣ основанъ Покровскій соборъ, первоначально было кладбище съ церковію во имя Св. Живоначальныя Троицы, въ которой похороненъ св. Василій Блаженный.

Памятникъ Кузьмѣ Минину-Сухоруку и князю Пожарскому—великимъ спасителямъ земли Русской хорошо знакомъ и по виду и по значенію всѣмъ, любящимъ славное прошлое нашей родины.

Красное крыльцо.

Во всѣхъ важныхъ случаяхъ русскаго царскаго быта издавна играло большую роль Красное крыльцо. Оно было, собственно, главнымъ параднымъ входомъ въ Кремлевскій дворецъ. На него вели три лѣстницы: благовѣщенская, средняя, золотая (красная). Здѣсь происходили парадныя «встрѣчи» пословъ и почетныхъ гостей. Послы христіанскихъ земель входили благовѣщенскою лѣстницей, послы же нехристіанскихъ странт—среднею. Красное крыльцо всегда упоминается при

описаніи вѣнчанія царей на царство, царскихъ бракосочетаній, причемъ красная лѣстница, всегда запертая, торжественно открывалась. Черезъ Красное крыльцо по благовѣщенской лѣстницѣ выносили тѣла усопшихъ царей русскихъ въ ихъ усыпальницу—Архангельскій соборъ. На ночь всѣ лѣстницы Краснаго крыльца запирались рѣшетками и около всегда ставился стрѣлцкій нарядъ. У этого же знаменитаго Краснаго крыльца думные дьяки принимали отъ народа челобитныя и тутъ-же иногда сказывали тяжущимся рѣшенія. Если посольство было неважное, то иногда и самъ царь выходилъ на пріемъ на Красное крыльцо, вѣроятно, не считая посланцевъ достойными войти подъ царскій кровъ. Такъ, въ 1657 году царь Алексѣй Михайловичъ принималъ на Красномъ крыльцѣ мало-россійскаго посла отъ Богдана Хмѣльницкаго Павла Тетерю. На обязанности стрѣлцкаго караула Краснаго крыльца было—вести особыя записки о состояніи погоды и дворцовомъ караулѣ. Эти «дневальныя» записки отмѣчали тоже всѣ царскіе важныя и неважныя выходы, такъ что онѣ составляли собою въ лѣтописи родъ маленькія лѣтописи. Красное крыльцо вело на Постельное крыльцо, которое было уже у самаго царева жилого покоя. Зналъ и любилъ московскій народъ это красивое крыльцо. Радостно всегда сіяла Москва, когда на дорогѣ и родномъ Красномъ крыльцѣ, среди сіяющихъ топориковъ-рындъ, среди глатныхъ шапокъ и яркихъ кафтановъ бояръ показывалась фигура Надѣжи-государя въ блестящемъ царскомъ облаченіи съ милостивою и свѣтлою, какъ солнце, улыбкою на лицѣ...

Грановитая палата.

Грановитая палата—это старинное парадное помѣщеніе русскихъ владыкъ, которое и въ теперешнемъ св. коронованіи имѣетъ важное значеніе, какъ и въ прошлыя царство-

ванія Дома Романовыхъ. При Іоаннѣ III начинають появляться въ Кремлѣ каменные государевы палаты, построенныя вызванными изъ-за границы зодчими, — а въ 1491 году тотъ-же Марко Фрязинъ и Петръ Антоній окончили въ Кремлѣ, на площади у соборовъ, большую палату, названную «Грановитою». Съ теченіемъ времени изъ древнихъ дворцовъ устояли только въ Кремлѣ Грановитая палата и Теремный дворецъ, который по повелѣнію императора Николая I возобновленъ въ 1837 году, во вкусъ времени царя Михаила Ѳеодоровича; внутренняя отдѣлка палаты и дворца, впрочемъ, сдѣлана безъ строгой отчетливости противъ уцѣлѣвшихъ древнихъ памятниковъ. Такъ, стѣны Грановитой палаты уже безъ живописи, а обтянуты малиновымъ бархатомъ съ золотыми орлами. Грановитая палата, сооруженная, какъ извѣстно, была первоначально покрыта живописью, которая совершенно изветшала и замѣнена была штукатуркой.

Общій видъ Кремля.

Кремль, на который въ настоящее время устремлены взоры и помыслы всей Россіи,—центръ и святилище, сердце и сокровище Бѣлокаменной. Онъ обнесенъ каменными стѣнами. Стѣны имѣютъ въ длину 2 версты и 40 сажень и отъ 3 до 6 аршинъ въ ширину. Поверхность стѣнъ выложена плитами. Въ кремлевскихъ стѣнахъ 18 башенъ. На Тайницкой башнѣ помѣщаются орудія, изъ которыхъ производится пальба въ высокоторжественные дни. Тайницкою названа она потому, что въ ней прежде тайно, въ случаѣ нападенія непріятелей, можно было голучать воду изъ рѣки Москвы чрезъ выкопанный колодезь. Мѣстоположеніе Кремля очень возвышенно (18 сажень надъ уровнемъ рѣки). На 15 верстъ въ окружностіи отъ пункта выше его. Изъ Кремля можно снѣтъ глазомъ всю Москву, хотя она занимаетъ пространство въ 63 кв. версты.

Торжественное перевезеніе Императорскихъ регалій изъ Зимняго дворца въ Москву.

Торжественное перевезеніе Императорскихъ регалій въ Москву.

Закончивъ описаніе всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ историческихъ памятниковъ, соборовъ, церквей, мѣстностей, участвующихъ въ Священномъ коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, мы переходимъ къ описаніямъ современныхъ событій, а потому ради хронологическаго порядка начнемъ съ торжественнаго перевезенія Императорскихъ регалій въ Москву, состоявшаго 3-го апрѣля текущаго года по Высочайшему утвержденному церемоніалу.

Въ 3-мъ часу дня въ Зимнемъ дворцѣ собрались министръ Императорскаго двора графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, его помощникъ генералъ-адъютантъ баронъ В. Б. Фредериксъ, верховный оберъ-церемоніймейстеръ князь А. С. Долгорукій, оберъ-гофмаршалъ князь С. Н. Трубецкой, церемоніймейстеры: князь Ю. А. Урусовъ 1, графъ П. С. Киселевъ и князь А. Д. Урусовъ 2, камергеры: П. А. Ушаковъ, В. А. Грейгъ, П. П. Глуховской и П. К. Зейфертъ и камеръ-юнкеры. Въ это-же время во дворецъ прибыли сановники, назначенные для пріятія и перевезенія Императорскихъ регалій. Послѣ выдачи сановникамъ Императорскихъ регалій послѣдовалъ изъ Бриллиантовой комнаты, черезъ

дворцовыя зала на посольскій подъездъ, блестящій кортежъ. Впереди шли два скорохода, за ними два гофъ-фурьера и камеръ-фурьеры въ парадныхъ красныхъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ мундирахъ. Далѣе шли камеръ-юнкеры І. А. Гурко, Д. Д. Набоковъ, графъ М. Э. Прозоровъ и А. Ф. Треповъ, камергеры: П. А. Ушаковъ, В. А. Грейгъ, П. П. Глуховской и Н. Н. Зейфартъ, два церемоніймейстера съ высокими золотыми жезлами князь Урусовъ и графъ П. С. Киселевъ и верховный церемоніймейстеръ князь А. С. Долгорукій. Въ предшествіи этихъ придворныхъ чиновъ, въ полной парадной формѣ—залитыхъ золотомъ мундирахъ, сановники втораго класса несли Императорскія регаліи: статсъ-секретарь Э. В. Фришъ—на золотой подушкѣ малую цѣль ордена св. Андрея Первозваннаго, имѣя ассистентами гофмейстера графа В. Н. Ламздорфа и сенатора Э. Я. Фукса; членъ военнаго совѣта генералъ отъ инфантеріи Н. Н. Кармалинъ—на золотой подушкѣ большую цѣль ордена св. Андрея Первозваннаго, имѣя ассистентами гофмейстера П. А. Васильчикова и почетнаго опекуна М. Н. Капустина; статсъ-секретарь Е. А. Перетцъ—на золотой подушкѣ державу, при ассистентахъ гофмейстерѣ Г. П. Алексѣевѣ и сенаторѣ Н. П. Смирновѣ; статсъ-секретарь Д. Н. Набоковъ—на золотой по-

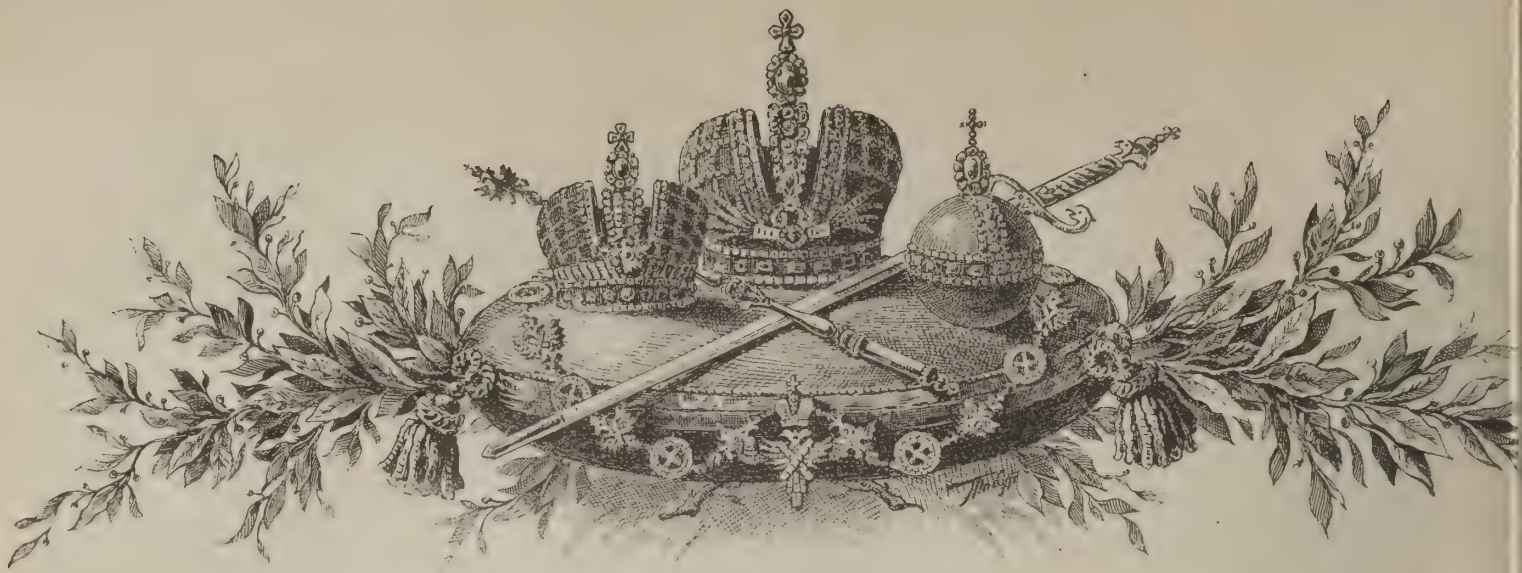
душкѣ скипетръ, имѣя ассистентами гофмейстера С. С. Гончарова и сенатора барона М. Н. Медемъ; статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ—на золотой подушкѣ малую корону, при ассистентахъ егермейстерѣ Г. А. Чертковѣ и сенаторѣ Н. П. Семеновѣ и генералъ-адъютантъ адмиралъ графъ Л. Л. Гейдель-1-й—на золотой подушкѣ большую корону, имѣя ассистентами гофмейстера А. Н. Мицкевича и сенатора П. И. Шамшина. Въ 3 ч. дня парадный кортежъ вступилъ въ ворота вокзала. Караулы взяли ружья на караулъ. Императорскія регаліи въ предшествіи камеръ-фурьера, двухъ гофъ-фурьеровъ, камеръ-юнкеровъ, камергеровъ, двухъ церемоніймейстеровъ и верховнаго церемоніймейстера, были внесены въ Императорскія комнаты, встрѣчены и возложены на столъ назначеннымъ для отвоза ихъ въ Москву генералъ-адъютантомъ К. И. Гершельмапомъ. Въ присутствіи его, Императорскія регаліи были уложены въ особые ящики командированными отъ кабинета Его Императорскаго Величества чинами. Въ 7 час. 30 м. вечера, регаліи были отправлены въ Москву.

Помѣщаемый нами рисунокъ художника В. Табурица изображаетъ часть этого торжественнаго кортежа, находящагося на площади Зимняго дворца.

ВЪ ПАМЯТЬ СВЯЩЕННАГО КРОНОВАНІЯ
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ
Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны
14-го мая 1896 года.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
Государыня Императрица Марія Феодоровна.

14-го мая 1896 года.

I.

Надъ Русью опять пролетаетъ весна
И въ небѣ рокошетъ громами,
И будить природу отъ зимняго сна,
И сыпетъ на землю цвѣтами,

* * *

Все дальше и дальше на сѣверъ летитъ
Съ роскошнаго теплаго юга
Туда, гдѣ такъ люто морозъ леденитъ,
Гдѣ стонетъ печальнѣе вьюга.

* * *

Но вотъ подъ горячею лаской весны
Все ожило, все пробудилось,
Привѣтливо плескъ раздается волны,
Листва молодая пробилась,

* * *

И пухомъ зеленымъ трепещутъ лѣса,
И зори все краше и ярче,
И въ полдень свѣтлѣе горятъ небеса,
И ночи короткія жарче.

* * *

Пастушья труба огласила давно
И лугъ, и рѣчные обрывы,
И пахарь съ молитвой бросаетъ зерно
На лоно распаханное нивы.

* * *

Природа веселья и пѣсенъ полна,
Въ нарядѣ пышноцвѣтнѣмъ одѣта.
Все къ жизни могучей созвала весна—
И близко ужъ знойное лѣто.

II.

А въ сердцѣ Россіи, въ престольной Москвѣ,
Кипитъ ликование повсюду
И любо прислушаться къ громкой молвѣ,
Къ веселому шумному люду

* * *

Раскинулись арки, въ цвѣтахъ и вѣнкахъ,
Красивою тканью покрыты;
Блестятъ вензеля на огромныхъ щитахъ,
Гирляндами мачты обвиты.

* * *

И флаги на мачтахъ трепещутъ, а къ нимъ
Другіе простерлись и вьются;
А дальше, взлѣяни, къ небесамъ голубымъ
Колонны высокія рвутся

* * *

Ни стѣнъ не узнать, ни домовъ, ни оградъ,
Что высятся, ярко пестрѣя;
И мнится—создать ихъ роскошный нарядъ
Могла лишь волшебница-фея.

* * *

И волны народа повсюду тектъ,
Что-бъ въ море могучее слиться,
И знаетъ ужъ сердце: великое тутъ
Должно торжество совершиться!

* * *

Не даромъ и клики, и плескъ, и молва,
Громъ пушекъ, и звонъ надъ столицей—
Сегодня встрѣчаетъ, ликуя, Москва
Царя съ молодою Царицей!

III.

Тебѣ, нашъ Державный,
Великій нашъ Царь,
Тебѣ, православный
Отецъ-Государь,—

* * *

Могучій, безбрежный
Народный привѣтъ
На много счастливыхъ
И радостныхъ лѣтъ!

Да правишь Ты нами,
Какъ предки Твои,
По Божьему слову,
Во имя любви.

* * *

Россія могуча,
Славна и сильна,
Но будетъ ей новая
Слава дана.

И къ ней Ты свой вѣрный
Народъ поведешь,
И съ нею въ далекихъ
Вѣкахъ проживешь.

* * *

Тебѣ, Царь Державный,
На множество лѣтъ,
Народъ православный
Шлетъ мощный привѣтъ!

IV.

На царство вѣнчается Царь молодой,
Въ восторгѣ ликуетъ Россія
И вѣрою каждый исполненъ святой
Въ устои ея вѣковые.

На славу и счастье народа—они
Все крѣпче, все тверже съ вѣками
И съ ними на долго спокойные дни
Зажглись величаво надъ нами!..

Н. Медвѣдскій

СОВЕРШИЛОСЬ великое событіе. Въ первопрестольной Москвѣ, подъ сѣнью дома Пресвятой Богородицы, Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай II возложилъ на себя вѣнецъ предковъ и воспріялъ священное муропомазаніе.

Событіе не только великое, но благодатное и священное. Имъ запечатлѣлся неразрывный союзъ русскаго Самодержца съ православною церковью. Въ лицѣ вѣнчаннаго Государя стомилліонный народъ какъ-бы приобщился къ благодати, ибо русскій народъ и его царь—нераздѣльны! Онъ, народъ, вѣритъ, что царское вѣнчаніе не есть только торжественное объявленіе о вступленіи законнаго Монарха на престолъ предковъ, но что оно—истинное таинство благодати, приеваемой свыше, черезъ помазаніе; онъ вѣритъ, что вѣнчаніе есть минута духовнаго совершенствованія, паптіемъ высшей благодати укрѣпляющая на трудный подвигъ царскаго служенія.

Вотъ почему вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, откликнулась на великое торжество, готовилась къ нему, и ликовала... Изъ конца въ конецъ нашего обширнаго отечества, отъ столицъ до глухихъ уголковъ провинцій служились молебствія о ниспосланіи благодати на главу вѣнчаннаго царя, всюду слышался немолчный торжественный благовѣстъ колоколовъ, устраивались народные гулянья и проч. Земства, города, волости, частныя и казенныя учрежденія, сословія, землевладѣльцы и землепашцы свѣшили внести свою лепту въ ознаменованіе торжества священнаго коронованія какимъ-либо дѣломъ благоутворенія или просвѣщенія. Тамъ учреждались мужскія и женскія гимназіи, ремесленныя училища, сельскія и церковно-приходскія школы. Тутъ устраивались больницы, богадѣльни, обезпечивались стипендіи, сооружались храмы, иконостасы, иконы, хоругви, лились колокола. Одиѣхъ недоимокъ сложились милліоны. Милліоны же ассигновались на праздники и увеселенія. Подвести итогъ всѣмъ дарамъ и жертвамъ такъ же трудно, какъ сосчитать песокъ морской. Вѣдь это свой праздникъ, родной и близкій.

Да! Русскій царь и русскій народъ—неразрывно связаны между собою, и въ этомъ—могущество Россіи. Въ Москвѣ, на удивленіе и поученіе всему міру, въ лицѣ его коронованныхъ и избранныхъ представителей, Россія всела въ своемъ истинномъ и своеобразномъ видѣ, съ безпрѣдѣльными любовью и преданностью народа самодержавному повелителю. И это не пройдетъ безслѣдно, а разнесется всюду, и еще болѣе укрѣпится наше международное положеніе.

Всѣ эти дни къ Москвѣ, къ сердцу Россіи, прикованы были взоры не только Россіи, но и взоры всей Европы, взоры всего міра. Тамъ, въ центрѣ возникновенія небольшого московскаго царства, гдѣ заложены были первыя сѣмена русской мощи, вѣнчался на царство Тотъ, отъ мановенія руки Котораго зависитъ счастье милліоновъ, миръ народовъ и торжество права. Москва,

видѣвшая первыхъ русскихъ царей—собирателей земли, видѣла 14 мая своего Избранника, повелителя величайшей Имперіи, вершителя судебъ народовъ, восходящаго на тронъ предковъ, и при колокольномъ звонѣ и ликованіяхъ привѣтствовала въ своемъ Молодомъ Государѣ олицетвореніе своей политической силы и зрѣлости.

Событіе, свидѣтелями котораго былъ не только русскій народъ, но и всѣ народы въ лицѣ коронованныхъ и некоронованныхъ своихъ представителей,—единственное въ своемъ родѣ. Русскій Царь предсталъ не только передъ Своимъ народомъ, но и передъ всѣми племенами и языками, отъ уточенныхъ и культурныхъ до полудикихъ и варварскихъ, во всемъ блескѣ величія и необъятнаго могущества. Здѣсь, у подножія трона, гдѣ слилось столько надеждъ, столько упованій и вѣры, гдѣ хранится свѣтъ народной преданности, собрался старый и новый міръ, Европа и Азія, Америка, Африка и Австралія—въ лицѣ своихъ представителей; христіане, магометане и язычники—всѣ они воочію видѣли политическую мощь восточно-европейской державы.

Сколько племенъ, вѣрѣ и нарѣчій собралось подъ скипетромъ русской династіи! Въ ея безграничномъ просторѣ, какъ въ безпрѣдѣльномъ морѣ, слились рѣки народовъ; тутъ и славянинъ, и татаринъ, и еврей, и финнъ, прибалтійскій рыцарь и полудикій тунгузъ, кавказскій горецъ и бурятскій лама, загорѣлый подпалыщимъ солнцемъ хивинскій пришлецъ и житель дикаго сѣвера, гдѣ никогда не показывается солнце,—всѣ сошлись въ стѣнахъ древняго Кремля, какъ дѣти одной семьи; всѣ, какъ одинъ человѣкъ, пережили моментъ величайшаго духовнаго подъема и сознанія, что ихъ родина—первая держава міра, что Россія рѣшаетъ судьбы исторіи, что день ея торжества, вѣнчанія ея Царя—день торжества всего свѣта.

Ни для кого изъ нихъ не будетъ тайной, что центръ міровой политики, гдѣ вершаются судьбы народовъ, гдѣ произносится приговоръ, обнажить-ли мечъ, или оставлять его въ ножнахъ,—здѣсь, на нашей родинѣ. Не даромъ же одинъ изъ вліятельнѣйшихъ органовъ нѣмецкой печати, давая отчетъ о Священномъ Вѣнчаніи, замѣчаетъ:

„Не только высшіе сановники Россійской имперіи и представители всѣхъ царствующихъ домовъ и государствъ Европы, но также правители и посольства многочисленныхъ азіатскихъ народовъ явились въ Москву для чествованія державы, которая, опираясь на свои богатые европейскія владѣнія, простираетъ свою власть на необъятныя земли Азіи вплоть до береговъ Тихаго океана. Болѣе чѣмъ когда-либо Россія заслуживаетъ названія міровой державы, но именно это обстоятельство и обезпечиваетъ московскимъ торжествамъ симпатичное участіе народовъ всего материка. Въ то время, какъ другія государства вынуждены испытывать свои культурныя силы въ далекихъ краяхъ, отдѣленныхъ отъ нихъ широкими морскими пространствами, Россія въ этомъ

РИСОВАЛЪ ХУДОЖНИКЪ

(Право на воспроизведение составляет исключительное)

Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ

Н. Н. КАРАЗИНЪ.

СОБСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“).

Большомъ Успенскомъ соборѣ (14-го мая 1896 г.).

отношеніи находится въ весьма благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ обладаетъ обширными и способными къ культурѣ землями, представляющими обильное поле для великихъ экономическихъ и цивилизаторскихъ задачъ. Въ мирныхъ задачахъ русской политики въ Европѣ и Азіи охотно зрятъ залогъ всесвѣтнаго мира. Такое довѣріе къ Россіи еще усиливается при мысли, что Императоръ Николай II обладаетъ обширными познаніями о нуждахъ земель и народовъ необъятной Своей имперіи и за время Своего царствованія уже явилъ Себя искреннимъ Государемъ мира. Да будетъ дано Ему оберегать Свою имперію отъ воинскихъ осложненій, все болѣе и болѣе развивать внутреннія ея силы и царствовать всегда надъ довольною Россіей“.

Не менѣе интересенъ отзывъ другой очень распространенной иностранной газеты, одной изъ большихъ европейскихъ, которая говоритъ:

„Что если къ торжеству вѣнчанія на царство Императора Николая II Европа относится такъ, какъ будто всѣ и каждый къ нему причастны и въ немъ заинтересованы, то объясненія этого факта слѣдуетъ искать какъ въ глубокой симпатіи, которою пользуется во всемъ мірѣ молодая Императорская Чета, такъ и въ сознаніи, что никогда еще Россія не была такъ могущественна, какъ въ настоящую минуту. Надъ Россіей и надъ остальнымъ міромъ не висятъ никакія грозовыя тучи, ничто не предвѣщаетъ бури, по такъ какъ повсюду господствуетъ убѣжденіе, что Царю стоитъ только насунуть брови, чтобы вызвать ее, а между тѣмъ, Императоръ Николай за всѣ девятнадцать мѣсяцевъ Своего царствованія ни въ чемъ не проявлялъ опаснаго честолюбія дать почувствовать міру грозную силу, которою онъ располагаетъ, то никакая зловѣщая задняя мысль не нарушаетъ сердечнаго участія, возбуждаемаго на всемъ земномъ шарѣ нынѣшними коронаціонными торжествами. Когда сыны всѣхъ европейскихъ царствующихъ домовъ посылаются въ Москву для того, чтобы участвовать въ коронаціонномъ шествіи, когда рядомъ съ папскимъ нунціемъ выступаетъ посолъ богдыхана, когда къ посланнымъ французской и великой заатлантической республикѣ присоединяется представитель микадо, когда на пестромъ фонѣ азіатскихъ народовъ выдѣляются главы подвассальныхъ ханатовъ по ту сторону Урала—сочетаніе всего этого образуетъ такую ослѣпительную картину мировой власти, сосредоточенной въ рукахъ Царя, что передъ нею блѣднѣетъ даже фактъ, что Россія занимаетъ одну седьмую часть всего земного шара. Далѣе газета говоритъ, что ни одинъ царь не вступалъ на престолъ, окруженный такимъ блескомъ, ни за однимъ изъ Его предшественниковъ міръ съ такою готовностью не признавалъ Его величія. „Историческое значеніе коронованія Императора Николая,—заключается именно въ признаніи ступени, которую заняла Россія въ сонмѣ державъ. На такой ступени мудрость, чувство мѣры и самообладаніе составляютъ настоящее величіе, миролюбіе и уваженіе къ чужимъ правамъ—настоящую силу“.

Убѣдившись въ величій и непобѣдимости Россіи, люди вернутся съ кремлевскихъ торжествъ съ легкимъ сердцемъ, такъ какъ Россія предстанетъ передъ ними не

только въ вѣнцѣ непобѣдимой славы, но и въ ореолѣ носительницы мира, и въ славѣ хранительницы международнаго спокойствія. Вотъ почему дни великихъ торжествъ Русскаго Царскаго Дома являются днями величайшаго торжества не только для Россіи, привѣтствующей своего Молодого Царя съ вѣнчаніемъ Его на прародительскій престолъ, но и для всего свѣта, чествующаго въ Немъ Державнаго Вершителя мира на благо народовъ, на ихъ счастье и славу!

Политическое значеніе совершающагося въ Москвѣ событія выступаетъ передъ нами во всемъ своемъ блескѣ. Россія не только производитъ смотръ своимъ силамъ, прошлому и своей славѣ,—она пригласила державы Стараго и Новаго міра быть свидѣтелями ея радости и торжества, и шумный потокъ народовъ пришелъ къ подножію русскаго престола и, вернувшись на родину, расскажетъ о сказочной мощи и богатствѣ восточной имперіи, сильной не только стальной щетиною штыковъ и брашными подвигами, но и мирными завоеваніями культуры. Въ свою очередь, безчисленныя народности, вѣрованія и нарѣчія укрѣпятся еще болѣе въ сознаніи непобѣдимаго величія русскаго царства при видѣ, какимъ обаяніемъ окружено имя Россіи, какимъ притягательнымъ центромъ служить она, какимъ вѣнкомъ славы сіяетъ корона Русскаго Царя. Такіе моменты духовнаго просвѣтленія сѣютъ доброе сѣмя патриотизма и гордаго самосознанія; въ подобные моменты скрѣпляются невидимыя узы между трономъ и народами, между отдѣльными частями, сливающимися въ одно цѣлое въ часъ радости и часъ испытанія народностей. Объединеніе въ радости создаетъ почву для единенія въ бѣдѣ. Вотъ въ чемъ политическое значеніе переживаемого нами момента.

Россія, крѣпкая и пезыблемая, стоитъ лицомъ къ лицу съ цѣлымъ міромъ, въ свѣтлѣ единенія съ трономъ; въ такомъ воплощеніи ея политическая мощь, и на зрѣлище ея она призвала представителей Стараго и Новаго свѣта.

Всѣ, „имѣющіе глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать“, убѣдятся лишній разъ, что въ лицѣ русскаго народа они видятъ первый народъ міра, и все то, что говорилось въ рѣчахъ ихъ политиковъ и выводахъ ихъ историковъ, блѣднѣетъ и меркнетъ при встрѣчѣ съ дѣйствительностью, какъ „блѣднѣетъ и меркнетъ“ лампада передъ безсмертнымъ солнцемъ.

Сіяніе нашихъ побѣдъ на полѣ брани и еще болѣе чистое сіяніе мирныхъ завоеваній цивилизаціи горитъ надъ Русскою землею непобѣдимымъ ореоломъ. И никогда не зайдетъ надъ нашей землею свѣтъ ея славы и величія, какъ не заходитъ солнце въ безпредѣльной ея территоріи. Со всѣхъ концовъ міра летѣли въ Москву привѣтствія въ свѣтлый день 14-го мая.

Горячо и отъ чистаго сердца привѣтствуемъ и мы съ милліонами другихъ вѣрнопопданыхъ нашего Молодого Государя, вступающаго на прародительскій престолъ съ великими завѣтами правды, любви и добра; привѣтствуемъ мы и нашу Молодую Государыню, Спутницу Его подвиговъ и трудовъ на благо родины. Да пошлетъ Господь Имъ силы на Ихъ святой трудъ на многія лѣта!

Торжественный въездъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Кремлевскій дворецъ. (9-го мая 1896 года).

ВЪ ПЕРВОМЪ выпускѣ «Коронаціоннаго нумера» мы помѣстили краткое описаніе прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ 6-го мая въ Петровскій дворецъ, а затѣмъ и торжественнаго въѣзда въ Кремлевскій дворецъ 9-го мая.

Въ настоящее время даемъ подробное описаніе со словъ нашего корреспондента, въ томъ видѣ, какъ оно совершилось:

Царскій путь отъ Петровскаго дворца вплоть до самаго Кремля представлялъ рѣдкую картину. Убранство улицъ было далеко не однообразное. Во всей декорации домовъ видна была опытная рука не только декораторовъ-обойщиковъ, но, главнымъ образомъ, художниковъ, обладающихъ замѣчательнымъ вкусомъ и прекрасно умѣющихъ сочетать цвѣта и весь заурядный матеріалъ въ видѣ флаговъ, транспарантовъ и прочихъ декоративныхъ принадлежностей. Замѣтимъ только, что по всему пути черезъ улицу перекинуты канаты, сплошь покрытые разноцвѣтными флагами. Такимъ образомъ всѣ улицы покрыты бесчетнымъ множествомъ флаговъ. Общій видъ улицъ невиданно красивый. Даже московскіе старожилы не запомнятъ подобнаго убранства города. Неровности мостовой были тщательно закрыты толстымъ слоемъ мелкаго песку.

Въ десятомъ часу утра по всѣмъ направленіямъ къ Царскому пути съ музыкою потянулись войска и стали строиться на обозначенные желонерами мѣста.

Противъ Петровскаго дворца выстроились 1-я и 2-я конныя батареи, л.-гв. 6-я донская Его Величества батарея и 1-я Его Величества батарея гвардейской конно-артиллерійской бригады. Батареи эти предназначались для дачи сигнала о въѣздѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Петровскаго дворца. Кавалерійскіе эскадроны, назначенные въ торжественный кортежъ, выстроились на петербургскомъ шоссе: Собственный Его Величества конвой въ полномъ составѣ и сотня л.-гв. казачьяго Его Величества полка у дороги на ипподромъ общества рысистыхъ бѣговъ; эскадроны кавалергардскаго Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и л.-гв. коннаго полковъ, — при въѣздѣ въ Петровскій дворецъ; эскадроны л.-гв. кирасирскаго Его Величества, уланскаго Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, гусарскаго Его Величества и уланскаго Его Величества полковъ, — на петербургскомъ шоссе за Петровскимъ дворцомъ. По обѣ стороны петербургскаго пути до заставы были выстроены, по правую сторону: 1, 2 и 3 гренадерскія артиллерійскія бригады, пять батарей гвардейской пѣшей артиллеріи, два эскадрона 1 драгунскаго московскаго Императора Александра III полка и тверское юнкерское кавалерійское училище. По лѣвую сторону 3 драгунскій сумскій, 2 драгунскій петербургскій, 4 эскадрона 1 драгунскаго московскаго Императора Александра III полки; сотня л.-гв. уральскаго казачьяго полка и эскадроны л.-гв. атаманскаго Наслѣдника Цесаревича, гусарскаго Его Величества, уланскаго Его Величества, гродненскаго гусарскаго и уланскаго Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полковъ. Далѣе встали по правую сторону батальоны отъ гренадерскаго сапернаго, 13 и 17 сапер-

ныхъ, 1 и 2 резервныхъ саперныхъ батальоновъ, 12 гренадерскій астраханскій и 10 гренадерскій малороссійскій полки, а по лѣвую: эскадроны отъ л.-гв. драгунскаго, конногренадерскаго, коннаго кирасирскаго Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, кавалергардскаго Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, троичесергіевскій резервный батальонъ, 11 гренадерскій фанагорійскій полки. Отъ Тверской заставы вплоть до Кремля, по правой сторонѣ, встали: 9 гренадерскій сибирскій, 7 гренадерскій самогитскій, 5 гренадерскій кievскій, 3 гренадерскій перновскій, 1 гренадерскій екатеринославскій сводные полки, состоящіе изъ представителей отъ гвардейскаго экипажа, л.-гв. 3 стрѣлковаго финскаго и 4 стрѣлковаго Императорской фамилии батальоновъ, л.-гв. с.-петербургскаго, л.-гв. литовскаго, финляндскаго и московскаго полковъ. По лѣвую же сторону: 8-й гренадерскій московскій, 6-й гренадерскій тавричскій, 4-й гренадерскій несвижскій, 2-й гренадерскій ростовскій полки, московское юнкерское и Павловское юнкерское училища, гвардейскій полевой жандармскій эскадронъ, л.-гв. саперный кадровый батальонъ и батальонъ л.-гв. резервнаго пѣхотнаго полка, л.-гв. 1-й и 2-й стрѣлковый батальоны, л.-гв. волинскій полкъ, л.-гв. кексгольмскій, павловскій, гренадерскій, егерскій и измайловскій полки. Въ самомъ Кремлѣ, по правую сторону отъ Спасскихъ воротъ, встали: батальоны л.-гв. семеновскаго и преображенскаго полковъ, а по лѣвую Александровскаго и Павловскаго военныхъ училищъ и московскаго кадетскаго корпуса. Вскорѣ къ войскамъ стали прибывать штабы, которые за часъ до въѣзда уже встали на свои мѣста.

Всѣми войсками командовалъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владимиръ Александровичъ — главный начальникъ надъ всѣми въ Москвѣ находящимися войсками. Всѣ расположенныя на Царскомъ пути войска были раздѣлены на два отдѣла. Первымъ отдѣломъ командовалъ командующій московскимъ военнымъ округомъ генералъ-адъютантъ Костанда и генераль-отъ-инфантеріи Малаховъ, а вторымъ генералъ-адъютантъ Манзей.

Въ двѣнадцатомъ часу утра прогремѣли изъ орудій Тайницкой башни девять выстрѣловъ и начался благойестъ стѣ Большого Успенскаго собора. Неспавшая всю ночь Москва, забывъ утомленіе, потянула густыми толпами къ Царскому пути. Вскорѣ ходить становилось почти невозможно и толпа подобно волнѣ въ озерѣ, не имѣя возможности и мѣста расширяться, начала подниматься постепею до карниза домовъ. Крыши покрылись народомъ. Въ первомъ часу была такая давка, что положительно трудно было дышать на улицахъ. Во второмъ часу открылся блестящій кортежъ слѣдовавшихъ въ полномъ парадѣ и рѣдкой торжественности иностранныхъ пословъ и посланниковъ. Всѣ они ѣхали въ своихъ великолѣпныхъ экипажахъ съ лошадьми, запряженными цугомъ. Одна карета соперничала съ другой своею элегантною, красотой и, если хотите, даже роскошью отдѣлки. Всѣ эти экипажи были заказаны специально для торжества священнаго коро-

нованія за границую и стоили баснословныхъ денегъ. Всѣ эти иностранные послы и посланники пріѣзжали во дворецъ Великаго Князя Сергія Александровича, гдѣ ихъ торжественно встрѣтали чины экспедиціи церемоніальныхъ дѣлъ. Изъ дворца съ балкона иностранный дипломатическій корпусъ смотрѣлъ всю процессію торжественнаго въѣзда.

Въ ожиданіи Императорскаго кортежа время шло быстро. Одно впечатлѣніе смѣнялось другимъ, и надо было крайне воспримчивымъ, чтобы запомнить все. Незамѣтно минуло уже два часа. Порою ложная тревога, барабанный бой, движеніе солдатъ заставляли всѣхъ подбѣгать къ окнамъ, а сидящихъ на трибунахъ оборачивать головы и бросать взоръ по направленію къ Триумфальнымъ воротамъ.

Наконецъ грянулъ пушечный выстрѣлъ изъ Кремля, возвѣстившій, что Государь Императоръ отбылъ изъ Петровскаго дворца. Надо было видѣть, что произошло въ это время. Всѣ, какъ одинъ человекъ, обнажили головы и набожно перекрестились. У многихъ на глазахъ заблестѣли слезы радости и умиленія. И едва раздался первый выстрѣлъ, ударили разомъ колокола всѣхъ московскихъ церквей. Сколько красоты и гармоніи было въ этомъ «красномъ» звонѣ!

Когда время стало приближаться къ появленію кортежа у Триумфальныхъ воротъ, духовенство, облачившись въ свѣтлыя ризы, съ крестами, иконами и хоругвями вышло изъ всѣхъ церквей, лежащихъ на пути Царя, чтобы при проѣздѣ освѣтить Его св. крестомъ и благословить на доброе, полное справедливости и милосердія, царствованіе, на славу и величіе нашей родины и страхъ врагамъ внѣшнимъ и внутреннимъ.

Черезъ четверть часа въ концѣ Тверской улицы отъ Триумфальныхъ воротъ показался полиціймейстеръ баронъ Будбергъ съ 12 жандармами, какъ предвѣстникъ Императорскаго кортежа, несслыханное великолѣпіе котораго стало скоро развиваться постепею. Вслѣдъ за жандармами ѣхали четыре сотни Собственного Его Величества конвой въ своихъ парадныхъ красныхъ, обшитыхъ серебряными съ чернью галунами, черкескахъ. Конвой ѣхалъ ружья на перевѣсъ, что придавало этой отборной дружинѣ Русскаго Царя воинственный видъ. За конвоемъ шли лейбъ-казаки Его Величества, открывавшіе шествіе. Вотъ показалась нестройною толпою группа азіатскихъ депутатовъ подвластныхъ Россіи народовъ. Смотри на нихъ, можно было угадать, что они были подавлены всѣмъ тѣмъ, что имъ удалось сегодня увидѣть. Смотри на всю эту грандіозную картину, эти полудикіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и храбрые, какъ львы, представители Средней Азіи и Кавказа, уѣзжая на родину, расскажутъ своимъ родичамъ о могуществѣ и силѣ русскаго Бѣлаго Царя, ихъ покровителя и защитника. Роскошные, шитые золотомъ и серебромъ, халаты, шитые шелками чепраки вполне гармонировали съ чудесными степными и горными конями, на которыхъ ѣхали лихіе наѣзники. По истинѣ единственное зрѣлище представляли всѣ эти горделивые воины, вольные, смѣлые въ своихъ движеніяхъ, въ блестящемъ восточномъ одѣяніи, и ихъ полукрошечные кони

съ дымящимися воздрями, съ пѣною урта.— За представителями Азіи ѣхали верхами представители казачьихъ войскъ. Между ними были убѣленные сѣдинами казаки, приведшіе съ собою внуковъ посмотрѣть на величіе русскаго Батюшки-Царя и великое торжество Руси. Далѣе шла придворная прислуга въ обшитыхъ золотыми галунами ливреяхъ, красныхъ плюшевыхъ панталонахъ, бѣлыхъ чулкахъ и черныхъ лакированныхъ туфляхъ. Среди нихъ выдѣлялись своими головными уборами скороходы, въ небольшихъ шапочкахъ, украшенныхъ спереди рельефными золотыми орлами и сбоку сул-

вика XV, украшенные со свойственнымъ этому роду изящнымъ богатствомъ. На филенкахъ каретъ прелестная живопись знаменитыхъ художниковъ: Бушэ, Ватто и Гравелло; другія кареты, во вкусѣ XVII вѣка, строже, массивнѣе, но еще роскошнѣе. Лошади, красивыя на подборъ, тоже покрыты золотомъ; конюшенный служитель, въ парадной формѣ, велъ каждую лошадь подъ уздцы. Между всѣми этими экипажами ѣхали верхами камеръ-юнкеры, камергеры, церемоніймейстеры, со знаками своей должности; мундиры ихъ, въ буквальномъ смыслѣ, залиты золотомъ. Длинная вереница ка-

ла Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, а въ слѣдующей золотой каретѣ, украшенной живописью извѣстныхъ мастеровъ,— Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна. По сторонамъ первой кареты ѣхали верхомъ оберъ-штальмейстеръ графъ А. В. Орловъ-Давыдовъ и штальмейстеръ гр. А. А. Стенбокъ-Ферморъ, а у второй штальмейстеръ г.-ад. баронъ В. Б. Фредериксъ и штальмейстеръ маркизъ Вѣлепольскій. Въ слѣдующихъ золотыхъ каретахъ ѣхали королева Эллиновъ, великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, Великія Княгини и придворныя дамы. Всѣхъ каретъ въ кортежѣ участвовало 14. Ше-

ИМПЕРАТОРСКІЯ РЕГАЛІИ ВЪ ТРОННОМЪ ЗАЛѢ.

танами изъ широкихъ страусовыхъ перьевъ и придворные арабы въ своемъ восточномъ одѣяніи, напоминающемъ сказки «Тысячи и одной ночи». Не менѣе красивую группу составляли придворные музыканты и охотники Императорской охоты, частью въ красныхъ, частью темнозеленыхъ, обшитыхъ галунами и золотыми шнурами, кафтанахъ. Впереди ихъ ѣхали начальникъ Императорской охоты князь Голицынъ и ловчій Его Величества г. Дицъ, въ полной парадной формѣ. То, что было дальше, превосходить всякое воображеніе: цѣлый рядъ парадныхъ золотыхъ каретъ и фазоновъ, неоцѣненные образцовыя произведенія, покрытыя золотомъ и бархатомъ, всѣ запряжены цугомъ въ шесть лошадей, (за исключеніемъ кареты Государыни Императрицы) и заняты придворными чинами и членами государственнаго совѣта. Многія кареты восходятъ до царствованій императрицы Екатерины II и императора Павла I, при коронованіи которыхъ онѣ также красовались. Эти кареты, большею частью, въ прекрасномъ стилѣ Людо-

ветъ, лошадей и конюшенныхъ служителей, залитая яркимъ солнцемъ, когда на нее смотрѣли сверху и нѣсколько поодаль въ перспективѣ Тверской улицы, придавала ей видъ золотой рѣки.

Въ первомъ фазонѣ ѣхали коронаціонные оберъ-церемоніе-мѣстеръ кн. Ю. Д. Урусовъ I и графъ П. С. Киселевъ, во второмъ— верховный церемоніе-мѣстеръ князь А. С. Долгорукій; за фазономъ верховнаго церемоніе-мѣстера ѣхали помощники А. Б. Нейдгардъ и графъ В. С. Гендриковъ. Передъ камеръ-юнкерами—церемоніе-мѣстеръ В. А. Драмусовъ, а передъ камергерами церемоніе-мѣстеръ князь Б. А. Васильчиковъ. Среди членовъ государственнаго совѣта въ золотыхъ каретахъ ѣхали П. И. Саламонъ, Б. П. Мансуровъ, Е. А. Перетцъ, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Д. Н. Набоковъ, Д. М. Сольскій и графъ И. Д. Деляновъ. Въ четвертомъ открытомъ фазонѣ ѣхалъ оберъ-гофмаршалъ князь С. Н. Трубецкой.

Въ золотой каретѣ, увѣчанной Императорскою короною изъ драгоцѣнныхъ камней, ѣха-

стvie замыкали л.-гв. гусарскій и уланскій Его Величества полки.

Во время шествія былъ произведенъ салютъ въ 71 выстрѣлъ. По пути слѣдованія Государя Императора встрѣчали московскій Генералъ-Губернаторъ Великій Князь Сергій Александровичъ и другія указанныя въ опубликованномъ церемоніалѣ лица и чины.

Шествіе направилось къ Воскресенскимъ воротамъ. У этихъ воротъ, какъ извѣстно, находится часовня Иверской Божіей Матери; она не велика, покрыта снаружи на куполѣ золотыми звѣздами и самыя двери ея высеребрены богато; внутри тоже позолота и голубая краска, полъ устланъ коврами. Кареты Императрицы въѣхали въ открытое пространство предъ часовнею, и Императоръ, сойдя съ коня, помогъ сначала выйти изъ кареты Своей Августѣйшей Родительницѣ и затѣмъ сопровождалъ Ея Величество въ часовню, куда также прошла и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна по особу устроенному и покрытому краснымъ сукномъ помосту. Ихъ Величества были

СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНИЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

(Право на воспроизведеііе составляетъ исключительную собственность журнала „Живописное Обозрѣніе“).

Св. миропомазание Ихъ Императорскихъ Величествъ.

(Рисоваль художникъ А. К. Дейнеко).

встрѣчены у входа въ часовню епископомъ съ крестомъ, а также архимандритами и прочимъ духовенствомъ. Войдя въ часовню, Ихъ Величества молились и прикладывались къ святой иконѣ.

Послѣ этого шествіе двинулось прежнимъ порядкомъ въ Кремль къ Успенскому собору. Рядъ трибуны на дворцовой площадкѣ были заняты институтками и монахинями, а первая трибуна у колокольнаго звона Ивана Великаго была занята бухарскимъ эмиромъ, хивинскимъ ханомъ съ ихъ наслѣдниками и свитою и нехристианскимъ духовенствомъ, пригласившимъ на торжество Св. Коронаванія.

Послѣ Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, Ихъ Императорскія Величества чрезъ Красное крыльцо прошли въ Кремлевскій дворецъ.

Взойдя на крыльцо, Ихъ Императорскія Величества поклонились своимъ вѣроподаннымъ и вступили затѣмъ въ наслѣдственные чертоги праотцевъ.

Передать впечатлѣніе этой торжественной минуты невозможно и лишь только можно сказать, что у всѣхъ бывшихъ въ этотъ моментъ передъ Краснымъ крыльцомъ на глазахъ засіяли слезы умиленія и, подобно раскатамъ грома, раздалось восторженное «ура».

Вечеромъ городъ былъ роскошно иллюминированъ.

Не безъ интереса сообщить, что чудный конь Государя Императора, возбуждавшій всеобщій восторгъ въ день торжественнаго въѣзда въ Москву Ихъ Величества—выходная изъ Ганновера, голубокровная англійская кобы-

ла, 13 лѣтъ «Норма». Мать «Нормы», свѣтло-сѣрая съ едва замѣтными на крупѣ остатками пятны, именуемыхъ въ обществѣ «яблоками»... Это не пятна, а остатки пятны потому, что ранѣе «Норма» была покрыта яблоками, которыя, съ теченіемъ времени, почти исчезли.

«Норма»—любимая лошадь Государя Императора, ходившая подъ Его Величествомъ еще въ бытность Его Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ рядахъ л.-гв. гусарскаго полка. Выѣзжена эта лошадь удивительно, а по красотѣ статей можетъ считаться идеальнымъ животнымъ.

Въ день торжественнаго въѣзда Ихъ Величества въ Москву, «Норма» была одѣлана семеновскимъ вальтрапомъ—чернымъ, барашковымъ, безъ всякихъ бензелевыхъ или иныхъ изображеній, съ однимъ синимъ капотомъ—и подкована серебряными подковами. Каждая подкова, вѣсомъ 1 $\frac{1}{4}$ фунта, держалась на копытѣ особыми, мягкими гвоздями, специально приспособленными для подковыванія серебряными подковами. Подковы тоже были сдѣланы по тщательной, заранѣе снятой съ копыта «Нормы» мѣркѣ.

При всѣхъ предыдущихъ въѣздахъ въ Москву Государей Императоровъ, въ дни Священныхъ Коронаваній, конь, на которомъ ѣхалъ Государь, также всегда подковывался серебряными подковами.

«Норма» на парады болѣе ходить не будетъ. Она останется стоять въ Высочайшихъ конюшняхъ, если можно такъ выразиться—«на пенсіи».

Пріѣздъ въ Москву Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Наканунѣ въѣзда Ихъ Императорскихъ Величества въ Кремлевскій дворецъ изволила прибыть изъ-за границы Августѣйшая Годительница Монарха Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Къ часу пріѣзда Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Смоленскому вокзалу нельзя было ни пройти, ни проѣхать. Въ 4 ч. 30 м. на соединительной вѣтви Николаевской желѣзной дороги показался Императорскій поѣздъ, встрѣченный громовыми раскатами радостнаго «ура»! Вскорѣ поѣздъ остановился у нарядно убраннаго флагами, экзотической зеленью и цвѣтами дебаркадера. Выходящую изъ вагона Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну встрѣтили Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, датскій наслѣдный принцъ, Великая Княгиня Ксенія Александровна и Великіе Князья. Подали открытый экипажъ, въ который сѣли Государыни Императрицы Марія Ѳеодоровна и Александра Ѳеодоровна, имѣя напротивъ Государя Императора и датскаго наслѣдника. Вскорѣ Ихъ Величества отбыли съ вокзала, сопровождаемые до Петровскаго дворца громкими, радостными и долго несмолкавшими кликами «ура»!

Вмѣстѣ съ Государынею Императрицею Маріею Ѳеодоровною прибыли Великій Князь Михаилъ Александровичъ и Великая Княжна Ольга Александровна.

СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Съ наступленіемъ 14-го мая, трудно было бы опредѣлить тотъ часъ, когда въ Москвѣ началось утро. Уже ночью замѣтно было во всемъ городѣ необычайное движеніе: съ зарей оно усилилось и къ 6 час. массы народа потянулись по всѣмъ улицамъ, направляясь къ различнымъ воротамъ Кремля. По набережной Москвы-рѣки, на Знаменкѣ, Воздвиженкѣ показались экипажи, направляемые пѣшей и конной стражей. Одновременно съ этимъ, площадь между кремлевскими соборами начала оживляться. Преображенцы вступали въ караулъ на главной гауптвахтѣ. Другія части войскъ размѣщались по опредѣленнымъ имъ мѣстамъ. Въ дворцѣ, по обѣ стороны устроенныхъ для Высочайшаго шествія ходовъ, стали нижніе чины отъ шефскихъ частей гвардейской кавалеріи и конной артиллеріи и 44-го драгунскаго нижегородскаго Его Величества полка. По ступенямъ Краснаго крыльца и вплоть до Успенскаго собора расположились шпалерами нижніе чины лейбъ-гвардіи коннаго полка. Съ другой стороны Краснаго крыльца до Архангельскаго собора выстроились чины Собственнаго Его Величества конвоя. Отъ сѣвернаго выхода изъ Успенскаго собора по обѣ стороны помоста, идущаго мимо колокольнаго звона Ивана Великаго къ Архангельскому и Благовѣщенскому соборамъ, размѣстились нижніе чины шефскихъ частей въ слѣдующей послѣдовательности: кирасиры Его Величества, кирасиры Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, казаки Его Величества, уланы Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, гусары Его Величества, уланы Его Величества, артиллеристы 1-й Его Величества и 6-й лейбъ-гвардіи донской Его Величества батарей гвардейской конно-артиллерійской бригады и, наконецъ, драгуны 44-го драгунскаго нижегородскаго Его Величества полка. У дверей всѣхъ соборовъ стояли на часахъ дворцовые гренатеры. За шпа-

лерами вдоль наружныхъ ходовъ построились по лѣвую сторону шествія Государя Императора полуроты первыхъ ротъ пѣхотныхъ полковъ и отдѣльных батальоновъ гвардіи, гвардейскаго экипажа, московскаго юнкерскаго училища и гренадерскихъ дивизій, въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная отъ Синодальной палаты: хоръ музыки 12-го гренадерскаго астраханскаго Императора Александра III полка; полуроты: московскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища и гренадерскихъ полковъ: 11-го фанаторійскаго, 12-го астраханскаго Императора Александра III, 8-го московскаго, 7-го самогитскаго, 6-го таврическаго, 5-го киевскаго, 4-го несвижскаго, 3-го перновскаго, 2-го ростовскаго и 1-го лейбъ-гренадерскаго екатеринославскаго Императора Александра III, съ хоромъ музыки; полуроты: кадраваго батальона лейбъ-гвардіи резервнаго пѣхотнаго полка, гвардейскаго экипажа, лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, гвардейскихъ стрѣлковъ батальоновъ: 4-го Императорской Фамиліи, 3-го финскаго, 2-го и 1-го Его Величества и, наконецъ, полуроты полковъ лейбъ-гвардіи: волынскаго, с.-петербургскаго короля прусскаго, кексгольмскаго императора австрійскаго, литовскаго, финляндскаго и павловскаго, съ хоромъ музыки. Напротивъ названныхъ частей по другую сторону помоста стали: взводы 65-го пѣхотнаго московскаго Его Величества полка и тверскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища, полуроты гренадерскихъ полковъ: 10-го малороссійскаго и 9-го сибирскаго, сводный взводъ отъ 1-й и 2-й конно-артиллерійскихъ батарей, взводы кавалерійскихъ полковъ: донскаго казачьяго № 1-й, 3-го драгунскаго сулскаго, 2-го драгунскаго с.-петербургскаго и 1-го лейбъ-драгунскаго московскаго Императора Александра III съ хоромъ трубачей, сводный взводъ отъ 1-й Его Величества и 6-й лейбъ-гвардіи донской Его Величества батарей гвардейской конно-артиллерійской бригады, взводъ

лейбъ-гвардіи уланской казачьей сотни и, наконецъ, взводы полковъ лейбъ-гвардіи: атаманскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, казачьяго Его Величества (съ хоромъ трубачей), гродненскаго гусарскаго, уланскаго Его Величества, гусарскаго Его Величества, драгунскаго, уланскаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и конно-гренадерскаго, правѣе котораго около самой рѣшетки сталъ хоръ трубачей лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка. Около сѣверныхъ дверей Архангельскаго собора, также позади шпалеръ, стали: съ одной стороны—полурота лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка съ хоромъ музыки, а съ другой—полурота лейбъ-гвардіи московскаго полка и сводные взводы отъ батарей лейбъ-гвардіи 1, 2 и 3-й артиллерійскихъ бригадъ. Начиная отъ заднихъ дверей Архангельскаго собора и вплоть до Краснаго крыльца, позади шпалеръ, расположились полуроты полковъ лейбъ-гвардіи: егерскаго (съ хоромъ музыки), измайловскаго, семеновскаго и преображенскаго (съ хоромъ музыки), имѣя на своемъ лѣвомъ флангѣ взводъ гвардейскаго жандармскаго эскадрона.

Передъ полуротами и взводами стояли знамена и штандарты, каждый при двухъ ассистентахъ—оберъ-офицерахъ. За полуротами, стоявшими на наружномъ ходѣ, т.-е. на такъ называемой разводной площадкѣ, расположились взводы представителей отъ всѣхъ частей коронаціоннаго отряда.

Для салютационной пальбы было назначено по двѣ батареи отъ каждой изъ трехъ гренадерскихъ артиллерійскихъ бригадъ. Батареи эти стали на Софійской набережной фронтомъ къ Москвѣ рѣкѣ.

Всѣми войсками, бывшими въ строю, командовалъ командующій войсками московскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ Костандъ; войсками, расположенными по наружную сторону Дворцовой рѣ-

шетки, командовалъ командиръ грендерскаго корпуса генералъ-отъ-инфантеріи Малаховъ, а войсками, стоявшими на Соборной площади, между Краснымъ крыльцомъ и колокольнею Ивана Великаго, — начальникъ артиллеріи гвардейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Канищевъ. Ко всему этому надо добавить, что около 250 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и врачей отъ войскъ коронаціоннаго отряда занимали мѣста на площадкѣ главной гауптвахты по обѣ стороны караула и на одной изъ площадокъ между помостами.

Къ 7 часамъ утра войска въ парадной формѣ заняли свои мѣста. Къ этому времени площадь представляла по истинѣ великолѣпное зрѣлище. По разнымъ направлениямъ тянулся помостъ, обитый краснымъ сукномъ и какъ бы окаймленный линіею солдатъ въ блестящемъ обмундированіи гвардейской кавалеріи. На одной изъ площадокъ, между помостомъ, на особой трибунѣ былъ расположенъ придворный музыкантскій хоръ въ парадныхъ красныхъ мундирахъ съ своеобразными музыкальными инструментами, ярко блестящими на солнцѣ. Трибуны, начиная отъ Благовѣщенскаго собора и кончая церковью Двѣнадцати Апостоловъ, пестрѣли самыми разнообразными туалетами и мундирами. Особеннымъ блескомъ отличалась средняя трибуна, занятая представителями восточныхъ народовъ въ ихъ своеобразныхъ цвѣтныхъ одеждахъ, равно какъ и различными иностранцами въ парадныхъ расшитыхъ мундирахъ. Фономъ картины служили великолѣпные древніе соборы съ ихъ колокольнями, покрытыми народомъ. Сплошная масса народа покрывала также всѣ промежутки площади, оставшіеся свободными отъ помоста и не занятые войсками. Въ Кремлѣ, на площадяхъ и улицахъ, его окружающихъ, по набережной рѣки Москвы, въ Замоскворѣчьи и всюду, гдѣ только могъ помѣститься человѣкъ, стояла сплошная массаю народъ съ обнаженными головами. Безоблачное небо, ярко сиявшее солнце дополняли прелесть картины; но что особенно возвышало ея величіе — это тишина, господствовавшая не только на площади, между соборами, но и охватившая далеко за ея предѣлами все несметное собраніе зрителей, всецѣло проникнутыхъ важностью предстоявшаго церковнаго торжества.

Для участія въ Высочайшемъ шествіи, были назначены церемоніаломъ волостные старшины всѣхъ губерній Россійской Имперіи; но, по сравнительно небольшому протяженію пути шествія, войти въ него могли только 11 старшинъ. Всѣ остальные, въ числѣ около 800 человекъ, преслѣдовали черезъ залы: Тронный, Александровскій, Георгіевскій и Владимірскій на Красное крыльцо, спустились на соборную площадь и стали вдоль помостовъ между Успенскимъ и Архангельскимъ соборами. Около Успенскаго собора стали волостные старшины московской губерніи, рядомъ съ ними петербургской губерніи, и т. д., причемъ на лѣвомъ флангѣ расположились представители казачьего населенія и инородцы въ ихъ своеобразныхъ одеждахъ.

Когда войска заняли свои мѣста, ихъ обошелъ Его Императорское Высочество Главный Начальникъ Великій Князь, выйдя въ сопровожденіи начальника Своего штаба и начальствующихъ лицъ, преслѣдовалъ вдоль всего пути, по которому должна была слѣдовать процессія Высочайшаго шествія.

Между тѣмъ, въ Кремлевскіе соборы съѣзжалось духовенство, и вскорѣ прибыли митрополиты: с.-петербургскій, московскій и кievскій.

Въ 7 часовъ утра съ Тайницкой башни произведенъ 21 пушечный выстрѣлъ, и въ то же время отъ Успенскаго собора начался благовѣстъ въ большой колоколъ, потомъ въ другіе — переборомъ, какъ обыкновенно бываеъ передъ крестнымъ ходомъ. По этому перезвону Москва узнала, что въ Успенскомъ соборѣ началось молебствіе о здравіи и долгоденствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Въ соборъ начали собираться лица, назначенныя въ разныя должности при совершеніи торжественнаго обряда Коронаванія, особы верныхъ двухъ классовъ, не назначенныя къ

участию въ коронаціонномъ шествіи, чины дипломатическаго корпуса съ ихъ суиругами, духовныя особы иностранныхъ исповѣданій, лица свиты иностранныхъ принцевъ и другія лица, допущенныя въ Успенскій соборъ по особымъ билетамъ. Для всѣхъ, имѣющихъ право входа въ соборъ, былъ установленъ особый знакъ: золотая корона на бантѣ изъ Андреевской ленты.

По окончаніи молебствія, началось чтеніе часовъ, которое окончилось въ 9 часовъ. Тогда духовенство въ богатомъ облаченіи изъ золотой парчи, украшенной серебранными матовыми орлами, имѣя оплечья и омофоры изъ золотого глазета съ изображеніемъ древне-греческихъ коронъ въ сѣяніи, вышло изъ собора черезъ южныя двери и остановилось на паперти въ ожиданіи пришествія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Во главѣ духовенства стоялъ высокопресвященный Сергій, митрополитъ московскій, съ крестомъ и св. водою.

При видѣ выступившаго изъ собора духовенства, весь народъ набожно перекрестился. Воцарилось глубокое молчаніе. Вскорѣ послышались отдаленные звуки музыки и клики «ура», показавшіе, что шествіе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны началось. Во главѣ шли: церемоніймейстеры съ жезлами, далѣе камеръ-юнкеры, камергеры и высшіе чины Двора. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволила шествовать въ коронѣ и порфирѣ, вмѣя по сторонамъ въ качествѣ ассистентовъ Великаго Князя Алексѣя Александровича и Наслѣднаго Принца Датскаго. За Ея Величествомъ слѣдовали Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья и Великія Княгини и всѣ иностранныя Августѣйшія Особы. Дамы были въ роскошныхъ платьяхъ съ длинными шлейфами, которые несли камеръ-пажи. Шествіе замыкали: гофмейстерины, статскія дамы, камеръ-фрейлины, иностранныя дамы и военныя свиты Великихъ Князей и иностранныхъ принцевъ. Когда эта блестящая процессія, сверкая шитыми мундирами, сошла съ Краснаго крыльца, войска взяли «на-караулъ» и грянули «ура», слившееся съ восторженными кликами народа и звуками народнаго гимна. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна вступила подъ балдахинъ, который понесли 16 особъ 3-го класса, имѣя во главѣ начальника штаба коронаціоннаго отряда, генералъ-лейтенанта Бобрікова, и члена адмиралтействъ-совѣта вице-адмирала Пилкина. При восторженныхъ привѣтствіяхъ войскъ и народа шествіе направилось въ Успенскій соборъ.

Большой Успенскій соборъ, только что обновленный снаружи и заново отдѣланный внутри, принялъ къ дню Священнаго Коронаванія совершенно своеобразный, торжественный видъ. Весь полъ былъ покрытъ краснымъ сукномъ. По самой серединѣ храма, между четырьмя поддерживающими его столпами, было устроено тронное мѣсто, представлявшее широкую возвышенную, обтянутую малиновымъ плюшемъ съ золотымъ позументомъ площадку; къ которой вели отъ амвона двѣнадцать ступеней, также обитыхъ плюшемъ. Между двумя задними столпами возвышалась новая площадка, на которой помѣстились рядомъ два престола для Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Оба эти престола находились подъ сѣнью великолѣпнаго балдахина изъ малиноваго бархата съ золотомъ бахрамою и шитыми золотомъ орлами и буквою «Н». На четырехъ углахъ балдахина были укрѣплены серебряныя Императорскія короны, а между ними букеты страусовыхъ перьевъ національныхъ цвѣтовъ. Впереди юго-западнаго столпа, непосредственно къ нему примыкая, былъ утверждёнъ второй такой же балдахинъ съ буквою «М», осѣнявшій престолъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Этотъ престолъ извѣстенъ подъ названіемъ «Алмазнаго трона Царя Алексѣя Михайловича». Въ немъ 876 алмазовъ разной величины, 1.223 яхонта, бирюзовыя каймы и три нитки жемчуга по бархату окружаютъ слѣдующую надпись на спинкѣ:

«Могущественному и непобѣдимому Московіи Императору Алексію, на землѣ благополучно царствующему, сей тронъ великимъ искусствомъ содѣланный, да будетъ предзнаменованіемъ грядущаго въ небесахъ вѣчнаго блаженства. Лѣто Христово 1659». На вершинѣ спинки придѣланы въслѣдствіи литые изъ золота: по срединѣ — двуглавый орелъ, на столбикахъ — лики апостола Петра и чудотворца Николая. Тронъ дѣланъ въ Испани придворными мастерами шаха и поднесенъ Царю Алексію Михайловичу въ числѣ другихъ подарковъ торговою компаніею Арменіи. Престолъ, назначенный для Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, извѣстный подъ названіемъ престола Царя Михаила Ѳеодоровича; присланъ былъ въ даръ персидскимъ шахомъ Царю Іоанну Васильевичу VI. Онъ заключаетъ до 2,000 замѣчательной величины яхонтовъ, сафировъ, бирюзы, глацинтовъ, аметистовъ, жемчужинъ и алмазовъ. На вершинѣ спинки — большой двуглавый орелъ. На сидѣніи и на спинкѣ — вновь содѣланныя малиновыя бархатныя подушки. На верхней подушкѣ соответствующія буквы («М» и «А»), вышитыя золотомъ. На площадкѣ троннаго мѣста, налѣво отъ престоловъ, находился столъ, покрытый дорогою парчею и предназначенный для Императорскихъ регалій. Все тронное мѣсто было ограждено изящною золотомъ рѣшеткою, а задніе столпы на вышину балдахиновъ задрапированы малиновымъ бархатомъ съ золотомъ бахрамою. Съ лѣвой стороны къ тронному мѣсту примыкала боковая площадка, тоже огражденная золотомъ рѣшеткою. Съ правой стороны такая же площадка была устроена между троннымъ мѣстомъ и юго-восточнымъ столпомъ храма. Обѣ площадки предназначались для Великихъ Князей, Великихъ Княгинь, иностранныхъ принцевъ и принцессъ. Вдоль южной, западной и сѣверной стѣнъ собора были устроены возвышенія, обтянутыя краснымъ сукномъ. На этихъ возвышеніяхъ были предоставлены мѣста: съ правой стороны — статскія дамы, гофмейстеринамъ, фрейлинамъ, иностраннымъ придворнымъ дамамъ и дамамъ 2-го класса. На этомъ же возвышеніи, ближе къ алтарю, — для духовныхъ особъ иностранныхъ исповѣданій, а съ лѣвой — для членовъ дипломатическаго корпуса и лицъ свиты иностранныхъ принцевъ, членовъ государственнаго совѣта, министровъ и главноуправляющихъ, наконецъ, сзади троннаго мѣста — для сенаторовъ, почетныхъ опекуновъ, товарищей министровъ, сословныхъ представителей и другихъ почетныхъ лицъ.

Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, встрѣченная на паперти духовенствомъ, вступила въ соборъ, величественно поднялась на ступени трона и изволила сѣсть на Свое мѣсто подъ сѣнью балдахина. Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья, Великія Княгини и иностранныя Августѣйшія Особы, пройдя по боковымъ входамъ, стали на свои мѣста. Ассистенты Ея Величества расположились по сторонамъ престола, а особы, поддерживавшія и несшія шлейфы порфиры Ея Величества, стали на площадкѣ у правыхъ боковыхъ перилъ.

Между тѣмъ, на Дворицкой площади дѣлались приготовления ко второму торжественному шествію. Изъ Грановитой палаты 32 штабъ-офицера перенесли къ нижнимъ ступенямъ Краснаго крыльца великолѣпный балдахинъ. Балдахинъ этотъ поддерживался 16-ю штангами и 16-ю шнурями. По золоченому его карнизу помѣщены четыре Императорскія короны, столько же государственныхъ гербовъ и 16 букетовъ изъ страусовыхъ перьевъ, имѣющихъ въ сочетаніи государственныя цвѣта — черный, желтый и бѣлый. Короны и орлы — золоченые; букеты, прикрѣпленные къ маленькимъ коронамъ, перевязаны лентами, тоже государственныхъ цвѣтовъ. Изъ-подъ карниза спускается фестонами золотая грань, украшенная государственными гербами. Внутренній плафонъ украшенъ изображеніемъ государственнаго герба, надъ которымъ помѣщенъ Императорскій штандартъ и малый гербъ; кругомъ размѣщены гербы царствъ и княжествъ, вхо-

СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНИЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

(Право на воспроизведение составляет исключительную собственность журнала „Живое Слово“).

Коронация Его Императорскаго Величества Государя Императора

НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

(Рисованъ съ эскиза художника П. Никитина).

СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНИЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.
(Право на воспроизведение составляет исключительную собственность журнала „Живописное Обозрѣніе“).

Коронаваніе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы
АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ
(Рисоваль съ эскиза художникъ П. Никитинъ).

дищихъ въ составъ Россійскаго Государства. Между гербами съ четырехъ сторонъ — пензеля Ихъ Императорскихъ Величествъ въ цѣпяхъ ордена Андрея Первозваннаго. Штанги подъ балдахинами — золоченые съ серебряными шарами, украшенными эмалью, прованскими изображениями государственныхъ гербовъ.

Вслѣдъ затѣмъ, какъ штабъ-офицеры принесли балдахинъ, вышли на Красное крыльцо 32 генералъ-адъютанта, назначенные для несенія балдахина, и приняли его отъ штабъ-офицеровъ. Съ паперти Успенскаго собора сошелъ духовникъ Ихъ Величествъ протопресвитеръ Янышевъ съ крестомъ, имѣя при себѣ двухъ диаконовъ, несшихъ: одинъ — въ золотой чашѣ св. воду, другой — золотое блюдо для кропила. Протопресвитеръ окропилъ св. водою путь слѣдованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Лица, назначенныя участвовать въ Высочайшемъ шествіи, заняли свои мѣста. Въ это время верховный маршалъ, графъ Паленъ, доложилъ Государю Императору, что къ шествію все готово. Тогда Ихъ Императорскія Величества, выйдя изъ внутреннихъ покоевъ въ Тронный залъ, изволили возсѣсть тамъ на престолы подлѣ великолѣпнаго балдахина въ видѣ огромнаго шатра, захватывающаго концами своими драпировки все пространство между двумя средними колоннами Троннаго зала. Шатеръ сдѣланъ изъ золотой парчи, усыпанной государственными гербами на подбоѣ изъ горюсталя. Верхняя сѣнь — золоченая, чудной рѣзной работы.

Государь Императоръ былъ въ формѣ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, въ Александровской лентѣ черезъ плечо, съ цѣпью ордена св. Андрея Первозваннаго. Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна была въ платьѣ изъ серебряной парчи, вышитой серебряными же цвѣтами. На головѣ — простая прическа безъ всякихъ украшеній. Здѣсь Ихъ Императорскія Величества ожидали собравшіеся съ 8-ми часовъ утра генералъ-адъютанты, высшіе сановники, а также представители родовитаго русскаго дворянства. Отъ трона до дверей Александровскаго зала стояли шпалерами дворцовые гренадеры. Тутъ же находились: караулъ отъ лейбъ-гвардіи уланскаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полка и два взвода кавалергардовъ, назначенныхъ участвовать въ Высочайшемъ шествіи. Въ Александровскомъ залѣ находились: сенаторы, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, главноуправляющіе и министры, члены государственнаго совѣта, участвовавшіе въ шествіи. Шпалерами въ этомъ залѣ, а также во всѣхъ послѣдующихъ залахъ, вплоть до выхода изъ Святыхъ сѣней на Красное крыльцо, стояли по обѣ стороны пути Высочайшаго шествія офицеры и нижніе чины кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка; кромѣ того, въ Александровскомъ залѣ стоялъ взводъ того же полка со штандартомъ. Всѣ кавалергарды были въ супервестахъ, досинамъ и ботфортахъ, въ каскахъ, съ вынутыми палашами. Георгіевскій залъ былъ главнымъ образомъ наполненъ не участвовавшими въ парадѣ генералами, штабъ-и оберъ-офицерами гвардіи, арміи и флота. Здѣсь же стояли: взводъ со штандартомъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, караулъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Ея Величества полка и взводъ со штандартомъ Собственнаго Ея Величества конвоя. Изъ числа участвовавшихъ въ шествіи въ Георгіевскомъ залѣ находились депутаты казачьихъ войскъ и областей, ассистенты при губернскихъ предводителяхъ дворянства, губернскіе предводители дворянства, товарищи оберъ-прокурора 1-го департамента сената, товарищи главноуправляющихъ и министровъ, генералъ-губернаторы, почетные опекуны и статсъ-секретари.

Во Владимірскомъ залѣ построились полуроты со знаменемъ Павловскаго и Александровскаго военныхъ училищъ и взводы московскихъ кадетскихъ корпусовъ. Тутъ же находились назначенные участвовать въ процессіи чины управленія почтово-телеграфнаго округа, округа путей сообщенія, московскій губернаторъ и

чины губернскаго правленія, канцелярія и управленія московскаго Генералъ-Губернатора, московскій комендантъ и штабъ московскаго военнаго округа и окружные отдѣлы, чины межевой канцеляріи, архива, судебная палата съ прокурорскимъ надзоромъ, совѣтъ университета и учебный округъ и, наконецъ, чины министерства двора и удѣловъ. Въ Святыхъ сѣняхъ стали чины московскихъ губернскихъ учреждений, дворянской опеки и члены депутатскаго собранія. Изъ войскъ здѣсь стояли взводы полковъ лейбъ-гвардіи: кирасирскаго Ея Величества и кирасирскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, оба со штандартами, въ парадной формѣ, въ кирасахъ.

По данному Ею Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ знаку, зазвучали трубы и литавры съ наружной террасы дворца: противъ Троннаго зала, гдѣ стоялъ хоръ трубачей кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка, и близъ Краснаго крыльца, гдѣ стоялъ хоръ трубачей лейбъ-гвардіи коннаго полка.

По этому сигналу началось шествіе, которое открывалъ взводъ кавалергардовъ; за ними шли 24 пажа и столько же камеръ-пажей въ своихъ парадныхъ золотыхъ мундирахъ и въ каскахъ съ бѣлыми султанами. Два церемоніймейстера съ жезлами открывали нескончаемую процессію представителей волостей, городовъ и земствъ Россійской Имперіи, представителей различныхъ учреждений первопрестольной столицы и высшихъ государственныхъ учреждений.

Среди всей блестящей обстановки особенно выделялись своими простыми нарядами, назначенные участвовать въ шествіи, волостные старшины руссскихъ губерній, гминные воиты Царства Польскаго и староста коробовскихъ бѣлопашцевъ — потомковъ Ивана Сусанина.

Съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ бывшіе на Кремлевской площади слѣдили за этой длинной разнообразной вереницей, спускавшейся съ Краснаго крыльца и медленно двигавшейся къ Успенскому собору, въ которомъ оставались только начальники учреждений и нѣкоторые другія лица, а большинство проходило соборъ насквозь и собиралось въ ожиданіи обратнаго шествія въ Синодальную палату.

Но вотъ появились два коронаціонные церемоніймейстера и верховный церемоніймейстеръ съ жезломъ. Войска взяли на караулъ. Приближались Императорскія регалии. Передъ ними шли два герольда въ своихъ нарядныхъ средневѣковыхъ уборахъ и несли знамя роты дворцовыхъ гренадеръ. Впереди регалий была несомъ цѣпь ордена св. апостола Андрея Первозваннаго Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны статсъ-секретаремъ Островскимъ съ ассистентами: сенаторами Ивановымъ и Карнищевымъ. Государственный мечъ несъ генералъ-отъ-инфантеріи Ганецкій; ассистентами были генералъ-лейтенанты: Бунаковъ и Мартыновъ. Государственное знамя — генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, имѣя ассистентовъ: генералъ-лейтенантовъ Кобелева и Тевяшова; Государственную печать — статсъ-секретарь князь Лобановъ-Ростовскій съ ассистентами: тайнымъ совѣтникомъ Ермоловымъ и генералъ-лейтенантомъ Петровымъ. Порфиру Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны несъ статсъ-секретарь Стояновскій, имѣя ассистентовъ: сенатора Завадскаго и тайнаго совѣтника Хрущева; порфиру Государя Императора съ большой цѣпью ордена св. апостола Андрея Первозваннаго — статсъ-секретарь Набоковъ съ ассистентами: статсъ-секретаремъ Мансуровымъ и сенаторами Таганцевымъ и графомъ Каннистомъ. Державу — статсъ-секретарь Перетцъ, а ассистентами при немъ были: тайный совѣтникъ Мосоловъ и сенаторъ Евреинъ; скипетръ — статсъ-секретарь графъ Деляновъ съ ассистентами: тайнымъ совѣтникомъ Гельке и сенаторомъ Шевичемъ; корону Императорскую малую — генералъ-адъютантъ графъ Гейденъ, имѣя въ качествѣ ассистентовъ сенаторовъ: Сабурова и Дембовецкаго; наконецъ, корону Императорскую большую несъ генералъ-адъютантъ графъ Милютинъ съ ассистентами: статсъ-секретаремъ Селифонтовымъ и генераломъ-отъ-инфантеріи Дурново.

По сторонамъ регалий шли флигель-адъютанты, свиты Ея Величества, генералъ-маіоры и генералъ-адъютанты. Когда Императорскія регалии приблизились къ церковнымъ дверямъ, все духовенство вышло на паперть, и высокопреосвященный митрополитъ кievскій почтилъ ихъ кажденіемъ еиміама, а высокопреосвященный митрополитъ московскій — кропленіемъ святою водою.

Вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ достигло, между тѣмъ, наивысшаго напряженія. Всѣ взоры были прикованы къ Красному крыльцу, въ ожиданіи появленія Императорской Четы. Вдругъ грянуло стотысячное громовое «ура», подхваченное необозримыми толпами народа, наполнявшего всю Кремлевскую площадь и прилегающія къ Кремлю площади и улицы. Всѣ находившіеся на площади оркестры музыки заиграли «Боже, Царя, храни», и при звукахъ гимна, при восторженныхъ кликахъ, сливавшихся съ радостнымъ звономъ колоколовъ, Ихъ Императорскія Величества спустились по ступенямъ Краснаго крыльца, въ предшествованіи верховнаго маршала съ жезломъ и въ сопровожденіи министра Императорскаго двора генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, военнаго министра генералъ-адъютанта Ванновскаго, командующаго Императорскою главною кавалеріею генералъ-адъютанта Рихтера и дежурныхъ: генералъ-адъютанта Драгомирова, свиты Ея Величества генералъ-маіора графа Голенищева-Кутузова и флигель-адъютанта барона Мейендорфа. Сзади шелъ командиръ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка генералъ-маіоръ Грюнвальдъ съ обнаженнымъ палашомъ и каскою на головѣ. Сойдя съ Краснаго крыльца, Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна изволили вступить подлѣ балдахина, который понесли надъ Ихъ Величествами 32 генерала, въ томъ числѣ генералъ-адъютанты и лица, ихъ замѣнявшіе. По сторонамъ Ея Величества, въ качествѣ ассистентовъ, слѣдовали: Великій Князь Михаилъ Александровичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна имѣла при своей особѣ ассистентами Великаго Князя Сергія Александровича и Великаго Князя Павла Александровича. Позади Ея Величества шли четыре статсъ-дамы и свитныя фрейлины, а за ними генералъ-адъютанты полнаго генеральскаго чина и взводъ кавалергардовъ. Торжественное шествіе замыкали представители русскаго дворянства, именитое московское купечество и представители промышленности и снова взводъ кавалергардовъ. Шествіе направилось къ Успенскому собору. Раскаты «ура» не смолкали ни на мгновеніе и слились въ общій радостный кликъ. На трибунахъ всѣ стояли съ обнаженными головами. Государь, милостиво и приветливо раскланивавшійся во всѣ стороны, былъ видимо тронутъ до глубины души.

Наконецъ, Ихъ Величества подошли къ паперти Успенскаго собора. Генералъ-адъютанты, несшіе балдахинъ, остановились, и Ихъ Императорскія Величества по ступенямъ паперти поднялись къ южнымъ дверямъ собора. Клички, музыка и колокола смолкли. Повсюду воцарилась благоговѣйная тишина. Встрѣтившій Ихъ Величества у дверей собора высокопреосвященный Сергіи, митрополитъ московскій, обратился къ Ихъ Императорскимъ Величествамъ съ приветственнымъ словомъ.

Митрополитъ с.-петербургскій Палладій поднесъ Ихъ Величествамъ благословящій крестъ къ цѣлованію, а митрополитъ кievскій Іоанникій окропилъ Ихъ Величества святою водою. Послѣ этого Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, въ предшествованіи духовенства и при пѣніи псалма «Милость и судъ воспои Тебѣ, Господи», направляясь въ соборъ. Вступивъ туда, Ихъ Величества со Своими ассистентами приблизились къ

Царскимъ вратамъ и совершили тоекратно Господеви поклоненіе, а затѣмъ, приложившись къ мѣстнымъ у Царскихъ вратъ иконамъ Владимірской Божіей Матери и греческой—Спасителя во Славѣ, взошли на тронное мѣсто и возсѣли на своихъ престолахъ: Государь Императоръ—на изыщно изваянный изъ слоновой кости, византійскій престолъ Іоанна III, который принесла Ему въ наслѣдіе, вмѣстѣ съ орломъ Имперіи, послѣдняя отрасль Палеологовъ—Царевна Софія; Государыня Императрица, какъ сказано раньше,—на одномъ изъ восточныхъ престоловъ, которые по временамъ присылали въ даръ Царямъ нашимъ могущественные обладатели Востока, какъ бы предчувствуя будущую дальнюю грань расширяющейся къ нимъ Россіи. У подножія, лѣвѣе первая изъ этихъ престоловъ, стали ассистенты Государя Императора. Съ другой стороны у подножія престола Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны помѣстились такимъ же образомъ ассистенты Ея Величества. Въ то же время архіереи, архимандриты и прочее духовенство, участвовавшее въ служеніи, стало по обѣ стороны отъ ступеней троннаго мѣста до Царскихъ вратъ, а особы, несшія Императорскія регалии, возложили ихъ на приготовленный столъ.

Между престоломъ Его Величества и столомъ для регалии, лѣвѣе ассистентовъ, помѣстились: министр Императорскаго двора, военный министр, командующій Императорскою главною квартирою и дежурный генералъ-адъютантъ.

Въ 10 часовъ утра начался торжественный обрядъ Священнаго Коронванія. По ступенямъ, ведущимъ къ трону, поднялся медленными шагами митрополитъ с.-петербургскій Палладій. Войдя на верхнюю площадку, высокопреосвященный сталъ передъ Государемъ Императоромъ и обратился къ Его Величеству со слѣдующею по уставу рѣчью:

«Благочестивѣйшій Великій Государь нашъ Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій! Попеже благоволеніемъ Божіимъ и дѣйствіемъ Святаго и Всесошщающаго Духа и Вашимъ изволеніемъ имѣетъ нынѣ въ семъ первопрестольномъ храмѣ совершиться Императорскаго Вашего Величества коронованіе и отъ святаго муръ помазаніе; того ради, по обычаю древнихъ христіанскихъ монарховъ и Боговѣщанныхъ Вашихъ предковъ, да со-благоволитъ Величество Ваше вслухъ вѣрныхъ подданныхъ Вашихъ исповѣдать православную каволическую вѣру, како вѣршеши?»

Съ этими словами митрополитъ поднесъ Его Величеству разогнутую книгу, по которой Государь Императоръ громко и отчетливо прочиталъ Символъ православной вѣры, освѣтивъ себя крестнымъ знаменіемъ тоекратно при произнесеніи Святыхъ Именъ Бога Отца, Бога Сына и Святаго Духа.

По прочтеніи Государемъ Императоромъ Символа вѣры, митрополитъ возгласилъ: «Благодать Святаго Духа да будетъ съ Тобою. Аминь!» и сошелъ съ троннаго мѣста, а діаконъ, послѣ обычнаго начала, возгласилъ великую ектенію.

По прочтеніи тропари: «Спаси Господи, люди Твоя», было читано пророчество Ісаи. Затѣмъ, по прокименъ: «Господи, силою Твоею возсеселится Царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зело», началось чтеніе изъ пославія апостола Павла къ римлянамъ и чтеніе св. евангелія.

По окончаніи чтенія евангелія водворилась въ церкви совершенная тишина. Митрополиты с.-петербургскій и кievскій взошли на тронное мѣсто для послуженія Государю Императору во время царственнаго Его облаченія. Его Императорское Величество, снявъ съ Себя обыкновенную цѣпь ордена св. апостола Андрея Первозваннаго и отдавъ ее Великому Князю Владиміру Александровичу, повелѣлъ возложить на Себя Императорскую порфиру съ принадлежащею къ ней бриллантовой цѣпью этого ордена. Высокопреосвященные митрополиты поднесли порфиру Его Величеству на двухъ подушкахъ и послужили, при содѣйствіи ассистентовъ Его Величества Великихъ Князей Михаила Алексан-

дровича и Владиміра Александровича, къ возложенію ея, причемъ митрополитъ с.-петербургскій возгласилъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

По возложеніи порфиры, къ Государю Императору подошелъ митрополитъ Палладій. Мститель іерархъ, трижды благословилъ главу Государя и, возложивъ на нее, наклоненную, руки свои крестообразно, прочелъ во всеуслышаніе молитву.

По окончаніи молитвъ, наступила одна изъ торжественныхъ минутъ. Государь Императоръ повелѣлъ подать Себѣ корону. На малиновой бархатной подушкѣ генералъ-адъютантъ графъ Милютинъ поднесъ большую Императорскую корону, усыпанную драгоценными алмазами, яркисиявшими подъ лучами солнца, проникавшими въ окна храма. Митрополитъ Палладій принялъ корону и представилъ ее Его Величеству. Государь Императоръ, стоя въ порфирѣ передъ своимъ престоломъ, твердыми руками взялъ корону и неторопливымъ, спокойнымъ и плавнымъ движеніемъ одѣлъ ее на голову.

Послѣ этого Его Величество повелѣлъ подать скипетръ и державу. Митрополитъ Палладій поднесъ эти регалии Государю Императору.

Одѣтый въ порфиру и корону, со скипетромъ въ правой рукѣ и державою въ лѣвой, Государь Императоръ снова возсѣлъ на престолъ. Вслѣдъ затѣмъ, Его Величество, положивъ обѣ регалии на подушки, изволилъ призвать къ Себѣ Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну. Ея Величество сошла съ своего мѣста и стала передъ Августѣйшимъ Своимъ Супругомъ на колѣни на малиновую бархатную подушку, окаймленную золотою тесьмою; Монархъ снялъ съ Себя корону, прикоснулся ею въ главѣ Императрицы и снова возложилъ корону на Себя. Въ то время митрополитъ поднесъ Государю малую корону, и Овъ возложилъ ее на Свою Августѣйшую Супругу. Послѣ этого Его Величество была поднесена порфира и алмазная цѣпь ордена св. апостола Андрея Первозваннаго. Государь Императоръ, принявъ эти регалии, возложилъ ихъ на Ея величество при содѣйствіи ассистентовъ Государыни Императрицы Великихъ Князей Сергія и Павла Александровичей, а также приолизившейся съ этой цѣпью къ Его Величеству статсъ-дамы графини Строгоновой Государыня Императрица, облаченная, стала на Свое мѣсто. Государь Императоръ поцѣловалъ Государыню.

Общее настроеніе въ храмѣ, передъ алтаремъ Превѣчнаго, передъ невидимымъ Его присутствіемъ, было такъ высоко, что сами собою лились слезы умиленія, восторга, благодарности.

Государь и Государыня сѣли на престолы. Протодіаконъ возгласилъ многолѣтне Государю Императору, именуя Его Императорское Величество полнымъ титуломъ. Громкое «много лѣта» трижды раздалось въ храмѣ. Многолѣтне было возгласено также Государынѣ Императрицѣ. На Москвѣ-рѣкѣ загремя вистрѣлы, въ числѣ 101. Гулъ орудій и колокольный звонъ далеко разнесли вѣсть, что Священное Коронваніе совершилось. Въ это время духовенство и свитскія особы, не оставивъ своихъ мѣстъ, принесли поздравленіе Его Императорскому Величеству тоекратнымъ поклономъ. Государыня Императрица и всѣ Августѣйшія Особы приветствовали Государя Императора. Ихъ Высочества Княгини и иностранныя Августѣйшія Особы входили для этого на площадку троннаго мѣста.

Когда умолкли пушечная пальба и колокольный звонъ, всѣ заняли свои прежнія мѣста. Боговѣщанный Государь, возставъ съ престола и отдавъ скипетръ и державу, сталъ на колѣни и по книгѣ, поданной Его Величеству митрополитомъ Палладіемъ, произнесъ слѣдующую молитву:

«Господи Боже отецъ и Царю Царствующимъ, сотворивъ вся словомъ Твоимъ и премудростію Твоею устроивъ человека, да утѣшаетъ миръ въ преподобіи и правдѣ. Ты избралъ Мя еси Царя и Судію людямъ Твоимъ. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о Миѣ смотрѣніе и, благодаря, Величеству

Твоему поклоняюсь. Ты же, Владыко и Господи Мой, настави Мя въ дѣлѣ, на неже послалъ Мя еси, вразуми и управи Мя въ великомъ служеніи семъ. Да будетъ со мною присѣдающая престолу Твоему премудрость. Посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ да разумѣю, что есть угодно передъ очима Твоима и что есть право въ заповѣдяхъ Твоихъ. Буди сердце Мое въ руку Твою, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ Миѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего не постыдно воздамъ Тебѣ слово милостию и щедротами едиnorodнаго Сына Твоего, съ нимъ же благословенъ еси со пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь».

Когда Государь всталъ, наступила торжественная минута Священнаго Коронванія — «молитва за Царя». Всѣ присутствовавшие стали на колѣни; одинъ Государь стоялъ, въ коронѣ и порфирѣ, у престола. Митрополитъ Палладій, стоя на колѣняхъ, прочелъ отъ лица всего народа особую, читаемую только въ этомъ случаѣ молитву.

Послѣ этой молитвы митрополитъ с.-петербургскій обратился къ Его Величеству съ приветственной рѣчью.

Пѣвче пропѣли: «Тебе Бога хвалимъ» при красномъ звонѣ съ колокольной Ивана Великаго. Этимъ закончился чинъ Священнаго Коронванія. Государыня Императрица и всѣ Августѣйшія Особы приветствовали Государя Императора, входя по ступенямъ трона на тронное мѣсто. Императрица-Мать обняла Своего Царственнаго Сына и облобызала Его, а затѣмъ обняла и поцѣловала Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну. Государь облобызался со всѣми поздравлявшими Его Августѣйшими Особами.

Затѣмъ началась Божественная литургія, которую совершали митрополиты: с.-петербургскій, кievскій и московскій въ сослуженіи протопресвитеровъ: придворнаго духовенства—Янышева, военнаго и морскаго духовенства—Желобовскаго и Успенскаго собора—Свѣтовидова и Платонова, протоіерея Іоанна Сергіева (кронштадтскаго) и двухъ сакелларіевъ Успенскаго собора. Его Величество изволилъ снять корону и отдать ее, для положенія на столъ, назначенный для регалии. Обѣдня шла обыкновеннымъ порядкомъ. Только по прочтеніи св. Евангелія два архіерея, высокопреосвященный Тихонъ, архіепископъ иркутскій, и высокопреосвященный Антоній, архіепископъ финляндскій, поднесли его къ цѣлованію Ихъ Величествъ. Наконецъ, началось таинство Евхаристіи. При началѣ пѣнія киноника, московскій губернаторъ съ двумя ассистентами послалъ отъ нижней ступени Императорскаго троннаго мѣста до Царскихъ вратъ малиновый бархатъ, окаймленный золотою тесьмою, а сверхъ него, передъ Царскими вратами,—драгоценную парчу. По прочтеніи киноника, въ алтарь приобщились священнослужители. Тогда отворились Царскія двери, и изъ нихъ вышли по направлению къ трону два архіерея, сопровождаемые протодіаконами. Одинъ изъ архіереевъ — высокопреосвященный Владиміръ, экзархъ Грузіи, обратился къ Государю со слѣдующими словами:

«Благочестивѣйшій Великій Государь нашъ Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій! Вашего Императорскаго Величества муропомазанія и Святыхъ Божественныхъ Таинъ приобщенія приближися время; того ради, благоволитъ Ваше Императорское Величество шествовать съ великія соборныя церкви къ Царскимъ вратамъ».

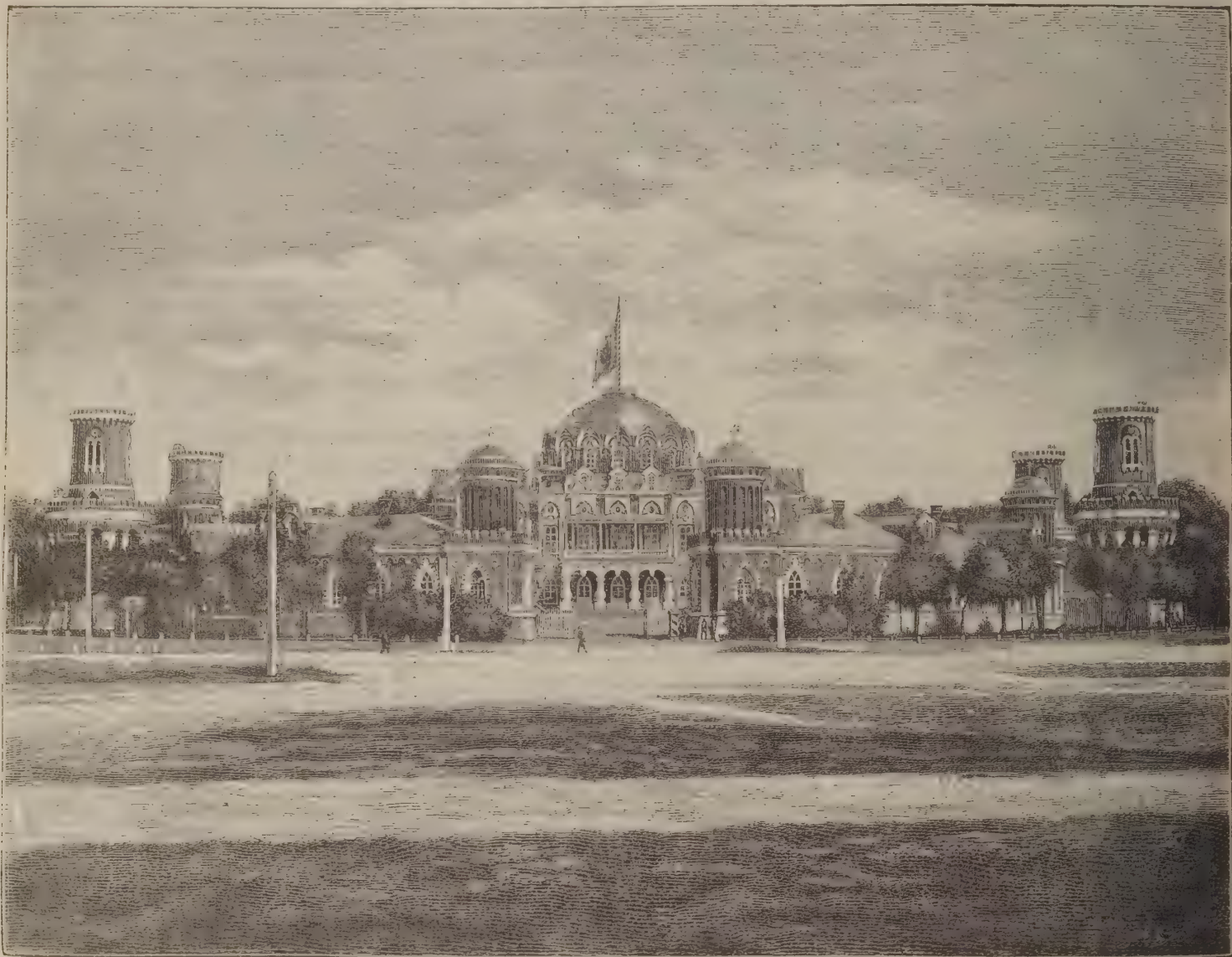
Государь Императоръ снялъ съ себя шапку и, въ предшествованіи высшихъ чиновъ двора, сановниковъ съ регалиями, изія по сторонамъ своихъ ассистентовъ и двухъ офицеровъ кавалергардскаго полка, направился къ Царскимъ вратамъ. За Его Величествомъ слѣдовала Государыня Императрица. По приближеніи къ Царскимъ вратамъ, Государь Императоръ сталъ на подставной золотой парчѣ, а Государыня Императрица остановилась между трномъ и ступенями передъ алтаремъ. Ассистенты Его Величества отошли вправо къ мѣстной иконѣ Спасителя. Всѣ же прочія

особы, сошедшія съ троннаго мѣста вмѣстѣ съ Ихъ Величествами, стали на опредѣленныхъ мѣстахъ, полукружіемъ отъ обоихъ клиросовъ до мѣста, гдѣ остановился Государь Императоръ. Митрополитъ Палладій, взявъ драгоценный сосудъ со свѣтымъ мѣромъ, приступилъ къ Его Императорскому Величеству и, омочивъ приготовленный для этого драгоценный суецъ, совершилъ св. миропомазаніе на чело Его Величества, охажъ, ноздрихъ, устахъ, ушахъ, персяхъ и на рукахъ, говоря: «Печать дара Духа Святаго». Митрополитъ кievскій отеръ мѣсто помазанія чистою хлопчатую бумагою. Объ этомъ торжествѣ московскій народъ былъ извѣ-

Когда Государь Императоръ вошелъ въ алтарь для святаго причащенія, то Царскія врата закрылись за Его Величествомъ. Порфиру Государыни Императрицы несли статсъ-секретари Стояновскій и Саломонъ съ ассистентами: сенаторомъ Завадскимъ и тайнымъ совѣтникомъ Хрущовымъ. Порфиру Государя Императора—статсъ-секретари Мансуровъ и Черетцъ, ассистентами—сенаторы: Таганцевъ и графъ Каннистъ. По причащеніи св. Тайнъ, высокопреосвященный Владимиръ, архіепископъ казанскій, поднесъ Государю Императору антидоръ и теплоту, а высокопреосвященный Флавіанъ, архіепископъ холмско-варшавскій, послужилъ къ умовенію устъ и рукъ.

Императору и Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; лѣвѣе прошли трижды: «Многая лѣта».

Государь Императоръ приложился къ кресту, возложилъ на Себя корону, взялъ въ руки скипетръ и державу и принялъ поздравленія съ благополучнымъ совершеніемъ Коронованія и со св. миропомазаніемъ отъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, приносившихъ это поздравленіе троекратнымъ поклономъ, не сходя съ мѣста. По принесеніи Ихъ Императорскимъ Величествамъ поздравленій, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, въ сопровожденіи Августѣйшихъ Особъ Императорской Фамиліи и иностранныхъ принцевъ

Петровский дворецъ (подъ Москвою).

пень колокольнымъ звономъ и 101 выстрѣломъ и отъѣхалъ громовымъ «ура». Принявъ св. миропомазаніе, Государь Императоръ изволилъ стать по правую сторону противъ мѣстной иконы Спасителя. Тогда приступила къ Царскимъ вратамъ Государыня Императрица, ставъ на ту же золотую парчу. Митрополитъ с.-петербургскій помазалъ св. мѣромъ только на чело Ея Величества, произнеся также: «Печать дара Духа Святаго». Митрополитъ московскій отеръ мѣсто помазанія. Послѣ св. миропомазанія Ея Величество изволила стать по лѣвую сторону противъ иконы Владимирской Божіей Матери, имѣя при Себѣ Своихъ ассистентовъ. Въ это время митрополитъ с.-петербургскій приблизился къ Государю Императору и ввелъ Его Величество черезъ Царскія двери во внутрь алтаря. Прочіе сослужившіе святители поддерживали Царскую порфиру. Его Величество, ставъ передъ Святою Трапезою, причастился св. Христовыхъ Тайнъ по чину Царскому, какъ пріобщаются священнослужители, т. е. особо Тѣла и Крови Христовой.

Выйдя изъ алтаря, Его Величество изволилъ снова отойти къ иконѣ Спасителя. Послѣ этого митрополитъ Палладій причастилъ Государыню Императрицу въ обыкновенномъ порядкѣ, а высокопреосвященный Тихонъ, архіепископъ прѣлутскій, и Іеронимъ, архіепископъ литовскій, послужили Ея Величеству въ поднесеніи антидора и теплоты и къ умовенію устъ и рукъ.

Послѣ святаго причащенія, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна подошла къ престолу Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и облобызалась съ Ея Величествомъ.

Послѣ св. миропомазанія и причащенія св. Христовыхъ Тайнъ, Ихъ Величества направились къ тронному мѣсту. Когда Ихъ Величества возвратились къ Своимъ престоламъ, а прочія лица заняли свои мѣста, духовникъ Ихъ Величествъ прочелъ передъ Ихъ Императорскими Величествами благодарственный по святому причащеніи молитвы. При отпустѣ литургіи протодаконъ возгласилъ многолѣтіе Боговѣчаннымъ, превознесеннымъ и св. мѣромъ помазаннымъ Благочестивѣйшему Государю

и принцессѣ, изволила выйти изъ собора южными дверями и возвратиться въ Кремлевскій дворецъ прежнимъ порядкомъ при неумолкаемомъ «ура» и звукахъ гимна. Вслѣдъ затѣмъ, Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, сойдя съ троннаго мѣста, изволили выйти въ сѣверныя двери, имѣя по сторонамъ Своихъ ассистентовъ, а позади министра Императорскаго двора, военнаго министра, командующаго Императорскою главною квартирою, дежурство и командира кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка.

Здѣсь у сѣверныхъ дверей стояли заранее вышедшіе изъ собора генералъ-адъютанты съ балдахиномъ. Государь Императоръ, въ порфирѣ, коронѣ, со скипетромъ и державою, сталъ подъ балдахинъ. Позади Его Величества стала Государыня Императрица также въ порфирѣ и въ коронѣ. Едва Государь Императоръ вышелъ изъ сѣверныхъ дверей, какъ раздалось могучее восторженное «ура» народа, увидавшаго своего обожаемаго Монарха—Боговѣчаннаго Государя.

СЕРЕНАДА у ПЕТРОВСКОГО ДВОРЦА.

I.

То не молнія за тучами
Зародилась и зажглась,
Брызнув стрѣлками летучими
И ручьями раздробясь;
* * *

То не зорька—въ яркомъ полѣмъ—
Надъ потемками почей,
Надъ туманами тяжелыми
Засветилась горячій;
* * *

То не жаворонокъ нивомъ
По раздолью осреветъ
Славитъ пѣсней неслышномъ
Нарождающійся день...
* * *

То давно-давно заранѣе
Служа по роднѣи пошелъ:
Встѣ про царское Вышаніе
На родителескій престолъ!
* * *

Отъ сырого края финскаго,
Бѣломорскихъ береговъ—
До простора исполненнаго
Тундры сибирскихъ и степей;
* * *

Отъ Поволжья многоводнаго
До литовскихъ, хмурыхъ нуръ—
Ликованія народнаго
Гуль широкъ и всемогущъ...
* * *

Ой, степь, степь кремлевская,
Зажиги и оживишь,—
Православная, московская,
Народителеская высь!..
* * *

Юный Царь съ своей Царицею—
Нашей роднѣи отомъ—
Бѣлокаменной столицю
На Вышаніе грядетъ.
* * *

Такъ греми-жъ нурями долинами,
Зародясь со всѣхъ сторонъ,
Разомъ—всѣми колокольнями—
Православный «красный звонъ»!..

II.

Въ яркомъ свѣтѣ дил румяною
На родителескій престолъ
Изъ нѣзды, нѣзды Романова
Молодой летитъ орелъ.
* * *

И глядитъ съ улыбкой доброю
Красно-солнышко съ высотъ
На дружину-ратъ хоробрую,
На бояръ да воеводъ...
* * *

На парчу, парчу блестящую
Облаченъ дорожитъ,
На хоругви, свѣтлой чашею
Осмыслил ихъ.
* * *

А кругомъ—живой тагдынею,
Въ умилѣніи, безъ словъ,
Передъ русскою святынею—
Море черное полсея.
* * *

И предъ радостно-трепетущею,
Преклоненною Москвою—
Вышелъ Царь въ порфирѣ блещущей
И въ коронѣ золотой!..

III.

Слава, слава—новѣ-вѣчному,
Возвѣстившему зарю,
Благодающе осѣняющему
Православному Царю!

Слава—роднѣи ликующей
И князю въ торжествѣ,
И восторженно-бушующей
Бѣлокаменной Москвѣ!..
* * *

Слава—силѣ, молодечеству
Нашей рати боевой;
И дворянству и купечеству,
Мелкой сошкѣ рядовой!..
* * *

Слава, слава—прихожанину
На деревнѣ, на селѣ;
Слава—нигарю-крестьянину
И кормильцу-землѣ!..
* * *

В. Петровичъ.

Герольды въ Москвѣ.

Въ теченіе трехъ послѣднихъ дней, предъ совершеніемъ обряда Священнаго Коронаванія, на главныхъ площадяхъ города Москвы учинено было всенародное торжественное о томъ объявленіе. Для сего назначенъ былъ подъ команду одного генераль-адъютанта, въ чинѣ полнаго генерала, особый отрядъ, въ составѣ: двухъ генераль-адъютантовъ, генераль-лейтенантскаго чина, двухъ коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ, двухъ герольдовъ, четырехъ церемоніймейстеровъ, двухъ сенатскихъ секретарей, всѣ верхомъ, и двухъ въ конномъ строю дивизионовъ—одного отъ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка, а другого отъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, съ литавщиками и полными хорами трубачей; изъ сихъ послѣднихъ—при каждомъ дивизионѣ по два трубача (отдѣльно отъ хоровъ), съ трубами, украшенными золотою парчею, съ изображеніемъ государственнаго герба. Всѣ означенныя лица, за исключеніемъ герольдовъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ дивизионовъ, имѣли по мундиру, чрезъ правое плечо, шелковые шарфы трехъ цвѣтовъ Имперіи, обшитые по концамъ золотою бахромою. Герольды, коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры и церемоніймейстеры, съ жезлами. Герольды въ особой званію сему для торжествъ присвоенной одеждѣ. При нихъ 12 заводныхъ верховыхъ лошадей, въ богатыхъ пополахъ.

11 мая, въ 9 часовъ утра, герольды начали торжественное объявленіе о днѣ Священнаго Коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Блестящій кортежъ, рыцарскіе доспѣхи кавалергардовъ, заводныя лошади, покрытыя шитыми тяжеловѣсными золотыми пополами... Онъ остановился посреди площади. Справа отъ него, нѣсколько отступя назадъ, стоялъ эскадронъ кавалергардовъ, слѣва—эскадронъ конной гвардіи. Трубачи и литавщики каждаго эскадрона помѣстились на флангахъ. На одной линіи съ трубачами встали заводныя лошади, въ роскошныхъ пополахъ. На площади противъ Сената, согласно обнародованному церемоніалу, собралась процессія. Начальствующимъ надъ отрядомъ, въ первый день объявленія, былъ назначенъ генераль-адъютантъ Столыпинъ. Каждую лошадь держалъ подъ-уздцы нарядно одѣтый придворный конюхъ, ливрея котораго была почти сплошь зашита золотыми галунами съ черными двуглавыми орлами. Передъ командующимъ отрядомъ стояли сенатскіе секретари гг. Поггенполь и Ходобай, по сторонамъ генераль-адъютанта Столыпина—генераль-адъютантъ князь Оболенскій и генераль-лейтенантъ Лобко; коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры князь Урусовъ и г. Вонлярярскій съ золотыми вы-

сокими жезлами, увѣнчанными на вершинѣ двуглавыми орлами, герольды гг. Прибыльскій и Фроловъ въ ихъ средневѣковой одеждѣ съ жезлами въ рукахъ; церемоніймейстеры князя Васильчиковъ, Мещерскій, графъ Толстой и Драшусовъ въ полной парадной формѣ—залитыхъ золотымъ шитьемъ мундирахъ. Позади начальствующаго отряда—четыре трубача съ серебряными трубами, великолѣпно украшенными золотою парчею и вышитымъ гербомъ Россійской Имперіи. Церемоніймейстеры имѣли черезъ плечо трехцвѣтные шарфы имперскихъ цвѣтовъ. Одежда герольдовъ была великолѣпна. На золотомъ долматикѣ были вышиты на груди и спинѣ гербы Имперіи—двуглавыя орлы. На головахъ—широкополныя шляпы, обшитыя золотымъ галуномъ и украшенныя громадными страусовыми перьями. Когда процессія выстроилась и всѣ заняли свои мѣста, командующій отрядомъ скомандовалъ сборъ. Затрубили трубачи. Герольды подняли жезлы. Всѣ присутствующіе обнажили головы, а секретарь Ходобай прочелъ слѣдующее объявленіе:

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ Николай Александровичъ, восшедъ на Прародителескій Наслѣдственный Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, по образу благочестивыхъ Государей Предковъ Своихъ, указать соизволилъ: Священнѣйшему Коронаванію Его Императорскаго Величества и отъ Святаго мѣста помазанію быти, при помощи Всевышняго, сего мая въ 14-й день. Къ священному сему дѣйствію Его Императорское Величество указалъ приобщить и Супругу Свою Великую Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну. Осемь торжествъ всѣмъ вѣроподаннымъ чрезъ сіе возвѣщается, дабы въ вожделѣнный онъ день усугубили молюбы свои къ Царю Царствующихъ, да всемогущею Своею благодатію приобщить Царство Его Величества и да утвердитъ въ немъ миръ и тишину, во славу Свою святую и къ непоколебимому благоденствію государства».

При чтеніи объявленія народъ слушалъ его съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и набожно крестился. По прочтеніи трубачи исполнили гимнъ «Боже, Царя храни» при неумолкаемыхъ восторженныхъ кликахъ «ура!». На площади объявленіе было вновь обнародовано тѣмъ же порядкомъ, а затѣмъ процессія раздѣлилась на два отряда и разошлась на двѣ разныя стороны. Начальникомъ перваго отряда былъ генераль-адъютантъ князь Оболенскій, а втораго—генераль-лейтенантъ Лобко. Первымъ отрядомъ было прочтено торжественное объявленіе у воротъ: Варварскихъ, Ильинскихъ, Владимірскихъ, на площади Большаго театра и у воротъ Воскресенскихъ, Троицкихъ и Боровицкихъ. Второй отрядъ объявлялъ у Рыбнаго рынка, на Болотной площади, у Калужскихъ и Серпуховскихъ воротъ и у Краснохолмскаго моста.

Императорскія регалии въ Тронномъ залѣ.

Привезенныя изъ С.-Петербурга Императорскія регалии 13-го мая были торжественно перенесены изъ Оружейной палаты въ Тронный залъ Большаго кремлевскаго дворца. Къ 2 ч. 30 м. дня въ Оружейной палатѣ собрались: верховный маршалъ графъ Паленъ, верховный церемоніймейстеръ князь Долгорукій, два герольда Прибыльскій и Фроловъ, два коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстера: графъ Киселевъ и баронъ Корфъ; два церемоніймейстера и другія особы. Въ 3 часа дня верховный маршалъ передалъ Императорскія регалии тѣмъ санов-

никамъ, которые въ день св. коронаванія при шествіи Ихъ Императорскихъ Величествъ должны нести ихъ въ Успенскій соборъ. Вскорѣ послѣ выдачи регалій блестящій кортежъ направился въ Тронный залъ Большого кремлевскаго дворца, черезъ крыльцо, ведущее на Боярскую площадку.

Шествіе открывалъ взводъ дворцовыхъ гренадеръ въ ихъ парадныхъ обшитыхъ золотыми галунами мундирахъ и высокихъ медвѣжьего мѣха шапкахъ. За ними шли въ залитыхъ золотомъ мундирахъ церемоніймейстеры. Регаліи несли на подушкахъ изъ золотой парчи. Впереди статсъ-секретарь М. Н. Островскій при ассистентахъ, сенаторахъ О. О. Ивановѣ и Г. И. Карницкомъ, неся малую цѣпь ордена св. апостола Андрея Первозваннаго, генераль-адъютантъ графъ П. А. Шуваловъ при ассистентахъ, генераль-лейтенантахъ А. П. Кобелевѣ и Н. Н. Тевяшевѣ, неся государственное знамя; статсъ-секретарь князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій при ассистентахъ т. сов. А. С. Ермоловѣ и генераль-лейтенантѣ Н. И. Петровѣ—государственную печать; генераль-отъинфантеріи Н. С. Ганецкій при ассистентахъ генераль-лейтенантахъ В. А. Бунаковѣ и А. Д. Мартыновѣ—государственный мечъ; статсъ-секретарь Н. И. Стояновскій и П. И. Саломонъ, при ассистентахъ сенаторѣ В. Р. Завадскомъ и т. с. И. П. Хрущовѣ—порфиру Государыни Императрицы; статсъ-секретари Б. П. Мансуровъ и Е. А. Перетцъ при ассистентахъ сенаторахъ Н. С. Таганцевѣ и графѣ П. А. Капнистѣ—порфиру Государя Императора съ большою цѣпью ордена св. Андрея; статсъ-секретарь Д. Н. Набоковъ при ассистентахъ т. с. А. Н. Мосоловѣ и сенаторѣ Г. А. Евреиновѣ—державу; статсъ-секретарь графъ И. Д. Деляновъ при ассистентахъ тайномъ совѣтникѣ К. А. Гельцке и сенаторѣ И. Е. Шевичѣ—скипетръ; генераль-адъютантъ графъ О. Л. Гейденъ 2-й при ассистентахъ сенаторахъ А. А. Сабуровѣ и А. С. Дембовецкомъ—корону Государыни Императрицы и генераль-адъютантъ графъ А. Д. Милютинъ при ассистентахъ статсъ-секретарѣ Н. Н. Селифонтовѣ и генераль-отъинфантеріи П. П. Дурново—корону Государя Императора.

Въ Тронномъ (Андреевскомъ) залѣ верховный маршалъ графъ Паленъ принялъ регаліи отъ несшихъ ихъ сановниковъ и возложилъ ихъ на приготовленный и покрытый золотомъ парчею столъ, по правую сторону отъ трона. Послѣ этого встали на дежурство встрѣтившіе ихъ камергеръ баронъ фонъ-деръ-Паленъ и камеръ-юнкеръ баронъ А. В. Тизенгаузенъ и караулъ отъ роты дворцовыхъ гренадеръ, какъ это и изображено на помѣщенномъ нами рисункѣ на 32-ой страницѣ.

Петровский дворецъ.

Выше мы сообщили уже о прибытіи, 6-го мая, Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Петровский дворецъ, а теперь познакомимъ нашихъ читателей съ историческимъ прошлымъ Петровскаго дворца, который служилъ мѣстопребываніемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ до 9 го мая.

Петровский дворецъ окруженъ паркомъ, который, 270 лѣтъ тому назадъ, былъ въ связи съ Ходыньскимъ полемъ. Въ бѣдственную годину самозванцевъ на этомъ полѣ стояли защитники отечества противъ втораго самозван-

ца, «Тюшинскаго вора», который укрѣпился тогда близъ деревни Тюшиной. Тутъ были лагери: Скопина Шуйскаго, Голицына, Романова, Куракина и др. знаменитыхъ защитниковъ Россіи и Москвы. Петровский дворецъ былъ заложенъ въ 1776 г. Въ первоначальномъ своемъ видѣ дворецъ пробылъ до 1812 года. Когда Москва была занята войсками Наполеона, пламя пожара охватило столицу. Попытки наполеоновой гвардіи тушить пожаръ оказались безсильными, и императоръ увидѣлъ себя въ опасности. Пламя охватывало со всѣхъ сторонъ. Завоеватель не хотѣлъ оставлять Кремля, но горящія головни стали уже падать на крышу дворца и артиллерійскій обозъ, расположенный въ Кремлѣ; окна во дворѣ начинали накаливаться; тогда Наполеонъ отдалъ приказъ найти путь, какъ безопасно выѣхать въ Петровскій дворецъ. Но уже не могли нигдѣ найти выхода изъ моря огня, въ который превратилась столица. Тогда, въ сопровожденіи своего штаба, Наполеонъ цѣлыхъ полдня, въ карьеръ, дѣлалъ объѣзды, сворачивая въ стороны, чтобы не быть погребеннымъ подъ горящими домами, завалившими улицы. Приѣхавъ въ Петровский дворецъ, Наполеонъ прожилъ здѣсь до прекращенія московскаго пожара.

Вслѣдъ за выѣздомъ Наполеона, Петровский дворецъ былъ опустошенъ пожаромъ. Причина его неизвѣстна: или отъ небрежности, или отъ буйства французовъ. Много лѣтъ дворецъ оставался въ развалинахъ. Въ послѣдніе годы царствованія императора Николая онъ возстановленъ совершенно и теперь достоинъ назначенія загороднаго жилища царей. Наружный видъ его, какъ видно изъ помѣщеннаго нами на 40-ой страницѣ рисунка, имѣетъ готическій стиль съ башнями и напоминаетъ внѣшностью рыцарскіе замки среднихъ вѣковъ.

Парадные комнаты состоятъ изъ большого зала въ два свѣта, съ мягкими стульями и мраморными столами, съ видомъ на Ходынское поле. За этимъ заломъ слѣдуетъ другой обширный круглый залъ, освѣщенный сверху. Плафонъ его разрисованъ съ замѣчательнымъ искусствомъ художникомъ Артаіемъ Коломбо. Украшенія и орлы временъ Николая I-го кажутся выѣвленными изъ гипса. Вокругъ стѣнъ бѣлые стулья съ малиновыми подушками, большія бѣлыя канделябры. Общая гостиная въ два свѣта, съ мебелью, обитой трипомъ, съ прекрасными старинными часами и роялемъ. Отсюда выходъ на балконъ и видомъ на садъ. Далѣе идетъ другая гостиная, съ золотомъ малиновою мебелью и бѣлыми мраморными столами. Оттуда дверь ведетъ въ кабинетъ Государыни, убранный чрезвычайно просто.

Но верхъ простоты—опочивальня Государыни: мебель обита голубымъ съ бѣлымъ тикомъ, трюмо, столъ помладурѣ съ небольшимъ зеркаломъ въ орѣховой рамѣ, каминные старинные часы, бархатный коверъ — и только. Та же простота въ кабинетѣ Государя: сафьянная мебель, орѣховый столъ и два письменные стола. Единственнымъ украшеніемъ кабинета служатъ: прекрасный гобеленъ почти во всю стѣну, изображающій посвященіе на царство Михаила Ѳеодоровича, и картины, изображающія различные моменты при коронаваніи Александра Второго. Уборная Государыни поражаетъ простотой убранства и миниатюрными размѣрами: небольшое трюмо, столъ, нѣсколько шагреновыхъ креселъ, перегородка изъ краснаго дерева, за которою съ трудомъ, рядомъ съ ванной, помѣ-

щается умывальный столикъ и большой сафьянный диванъ, передъ которымъ постланъ узенькій коврикъ. За общей гостиной слѣдуетъ камердинерская, спальня, кабинетъ, гостиная съ прекрасною старинною мебелью «stile Empire», люстра того же стиля и скульптурное украшеніе на стѣнахъ.

По обѣимъ сторонамъ дворца, въ каменныхъ, украшенныхъ башнями флигеляхъ, помѣщаются службы и, кромѣ того, въ настоящее время, приспособлены и отдѣланы помѣщенія для лицъ двора, свиты и караула.

Этотъ дворецъ носилъ прежде названіе подъѣздного. Названъ же онъ Петровскимъ потому, что построенъ на пустомъ мѣстѣ, принадлежавшемъ московскому Высоко-Петровскому монастырю.

Серенада у Петровскаго Дворца.

8-го мая, въ 10 часовъ вечера, внутри широкаго двора Петровскаго дворца, состоялась торжественная серенада.

Серенада состояла изъ слѣдующихъ пьесъ: 1) «Заздравный хоръ», изъ оперы «Русалка». 2) «Ночь», Гуно. 3) «Возлѣ рѣчки», Лядова, 4) музыка панорамы изъ балета «Спящая Красавица», Чайковскаго. 5) «Кто тебя, тѣнистый лѣсъ», Мендельсона. 6) «Славься», изъ оперы «Жизнь за Царя», Глинки.

До приѣзда Высочайшихъ гостей и великихъ князей и княгинь, хоровыя общества и оркестры находились возлѣ дворца, у военнаго моста. Когда всѣ гости съѣхались, то всѣ участвующіе въ серенадѣ хоры вошли во дворъ дворца, при чемъ всѣ пѣвцы имѣли въ рукахъ на длинной палкѣ зажженные разноцвѣтные фонари.

Когда Государь и Императрица съ Высочайшими особами вышли изъ внутреннихъ покоевъ на балконъ, началась серенада. Въ этой серенадѣ участвовали хоры русскаго хорового общества, московской консерваторіи, Императорскаго московскаго театра, Liedertafel, Maennergesangverein, филармоническаго и московскаго фармацевтическаго обществъ. Всѣхъ участвующихъ было до 2,000 человекъ, изъ коихъ 190 музыкантовъ. Управляли хорами и оркестромъ капельмейстеры: Альтани Императорской оперы, Овражекъ и Бееръ.

Послѣ каждаго исполненнаго нумера Государь аплодировалъ, въ отвѣтъ на что было громогласное «ура» исполнителей и народа, стоявшаго около дворца. Народный гимнъ «Боже, Царя храни», исполнили передъ «Славься».

Послѣ окончанія серенады, Государыня кланялась исполнителямъ, которые въ отвѣтъ опять провозгласили громогласное «ура».

Дирижеры хоровъ были приглашены во дворецъ, гдѣ Ихъ Величества изволили ихъ благодарить, а затѣмъ имъ были выданы изящныя коронаціонныя жетоны.

Серенада удалась и произвела прекрасное впечатлѣніе. Былъ чудный майскій вечеръ, на небѣ красовалась луна и придавала картинѣ волшебный видъ. Легкій вѣтерокъ разносилъ пѣніе отъ дворца по всему Петровскому парку, гдѣ стеченіе народа было громадное, публика стала расходиться только тогда, когда вновь въ паркѣ наступила полнѣйшая тишина.

Помѣщаемый нами въ этомъ номерѣ на 41-ой страницѣ рисунокъ воспроизведенъ съ эскиза, зарисованнаго на мѣстѣ С. Е. Добродѣевымъ.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

НОВОСТЫ! ПИЩУЩАЯ МАШИНА

Только 8 руб.

Не игрушка. Самая простая изъ всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ. Писать можетъ даже ребенокъ. Не смѣшивать съ машинкою „Малютка“. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ Новыхъ Изобрѣтений, Большая Морская, д. 33. Каталогъ за 14 коп. Машина высылается немедленно по получении 3-хъ руб. задатка.

ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ АППАРАТЪ! ТОЛЬКО 5 Р.

Съ треножникомъ, не игрушка. Концы каждый, даже ребенокъ, можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч., съ подробными снимками и руководствомъ. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтений, Большая Морская 33. Заказы высыл. немедл. Можно и платож. платенемъ. Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтений и подарковъ за 14 коп. марку. 4946—2

ПЕРВАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

для каждого—БЫЛЬЕ. Прочное и элегантное покроя: для Гг. офицеровъ особ. новаго покроя, предлагается специальн. магазинъ БЫЛЬЕ, Ю. ГОТЛИБЪ

По Владимирской д. 2, уг. Невск. пр. № 2316—49

ВЕЛОСИПЕДЫ

съ новѣйшими усовершенствованіями 1896 г. Предлагаются въ громадн. выборѣ представители фирмъ: ГУМБЕРЪ и КО, ЛИМИТЕДЪ КВАНТОНЪ и КО, И АДАМЪ АПЕЛЬ и другихъ первоклассныхъ фабрикъ. Всевозможныя велосипедныя принадлежности. ТОРГОВЫЙ ДОМЪ.

РОБЕРТЪ ГЕТЦЪ

д. ВОДЕНИКОВА 2305—6

Уголь Садовой и Гороховой. С.-Петербургъ. Прейсъ-курanty высылаются бесплатно.

!!! Важно для дамъ !!!

Зачное обученіе питью и крою посредствомъ лекцій-корреспонденцій по новейшему, легчайшему и полнѣйшему для каждаго методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются бесплатно. Плата удерживаема.

Преподавательница Е. Д. Ашмарина Киевъ, Житомирская, № 4. № 2359—8

ШАМПАНСКІЯ ВІНА

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
П. П. ЛАНИНА
Москва, Москворѣцкій мостъ, соб. домъ.

Остерегаться поддѣлокъ! ДѢТСКОЕ РОМАШКОВОЕ МЫЛО Лабораторіи А. Энглундъ.

Нейтральное мыло, не содержащее въ себѣ эфирныхъ маселъ. — Рекомендуются какъ туалетн. мыло для ежедневнаго употребленія.

Цѣна 30 к.

за кусокъ, съ пересылкою 4 куска 1 руб. 50 коп.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., д. ЖЕРБИНА, № 2. № 246—4

Поступили въ продажу только что изданныя Ф. НАВЛЕНКОВЫМЪ:
СКАЗКИ КАРМЕНЬ-СИЛЬВЫ съ 34 рисунками. Три книжки (№№ 71, 72 и 73 „Иллюстриров. Сказоч. библиотекѣ“).
Цѣна каждой по 15 коп.
СКАЗКИ ЛАБУЛЕ съ 92 рисунками. Пять книжекъ (№№ 74, 75, 76, 77 и 78 „Иллюстриров. Сказоч. библиотекѣ“).
Цѣна каждой по 15 коп. (№ 76 стоитъ 18 коп.).

Е. А. ПИКЕРСТИЛЬ.

Москва, Петровскія линіи, магазинъ № 5.
ВЕЛОСИПЕДЫ «ПЕЖО», «НАУМАНЪ» и др.
КАТАЛОГИ 1896 г. БЕЗПЛАТНО.

„ГУНИАДИ ЯНОСЪ“

представляетъ собою продуктъ природы, слабительное дѣйствіе котораго извѣстно. Для нормальн. приёма достаточно 1/2 обмыл. стакана.

Просимъ обратить вниманіе на предохранительную марку «портрета», которая неизменно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей воды.

ВЛАДЕЛЕЦЪ АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ БУДАПЕШТѢ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

№ 4711.

БТО ЛЮБИТЬ ЗАПАХЪ
НАСТОЯЩЕЙ ФІАЛКИ,
ТОГДА ПУСТЬ ТРЕБУЕТЪ
ЭССЕНЦИИ
„РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“
(Violette du Rhin.)

Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій,
даже въ теченіи нѣсколькихъ
недѣль не выдыхающійся.

No. 4711 du Rhin,
No. 4711 Sachets violette
du rhin.

№ 4711.

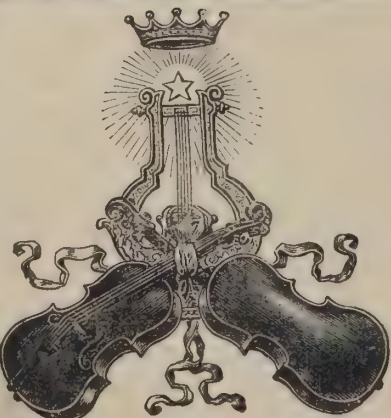
Всѣ одинаковаго
превосходнаго
качества.

Продается и парфюмеръ во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ.

ФОТОГР. АППАРАТЫ К. И. ФРЕЛАНДЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№ 27—18 УЛИЦА УЛИЦА

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

А. Е. КУЛАКОВЪ.

САДОВАЯ УЛИЦА 33.
ФАБРИКА Садовая ул. 47
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

предлагаетъ всевозможные музыкал. инструменты лучшаго качества по фабричнымъ цѣнамъ.

ЮБИЛЕЙНЫЙ

роскошно иллюстрированный
прейсъ-курантъ всѣхъ инструм.
высылается БЕЗПЛАТНО.

ФИСТАРМОНІИ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ

ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ:

въ 85, 100, 110, 130, 135, 150,
160, 180, 190, 200, 225, 240,
250, 300, 325, 350, 400, 450,
500, 550, 750, 800 и 1,000 руб.

Школа-самоучитель—Паке 2 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ
БЕЗПЛАТНО. — 21

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

№ 21 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 3 листовъ, съ 11-ю рисунками и оберткою съ нотами: «Коронаціонный маршъ», соч. Н. Артемьева.

Кромѣ того всѣмъ подписчикамъ разсылается экстренное приложеніе—«Герольды на Красной площади».

Дозволено цензурою. Спб., 18 мая 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

ВЪ ПАМЯТЬ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ

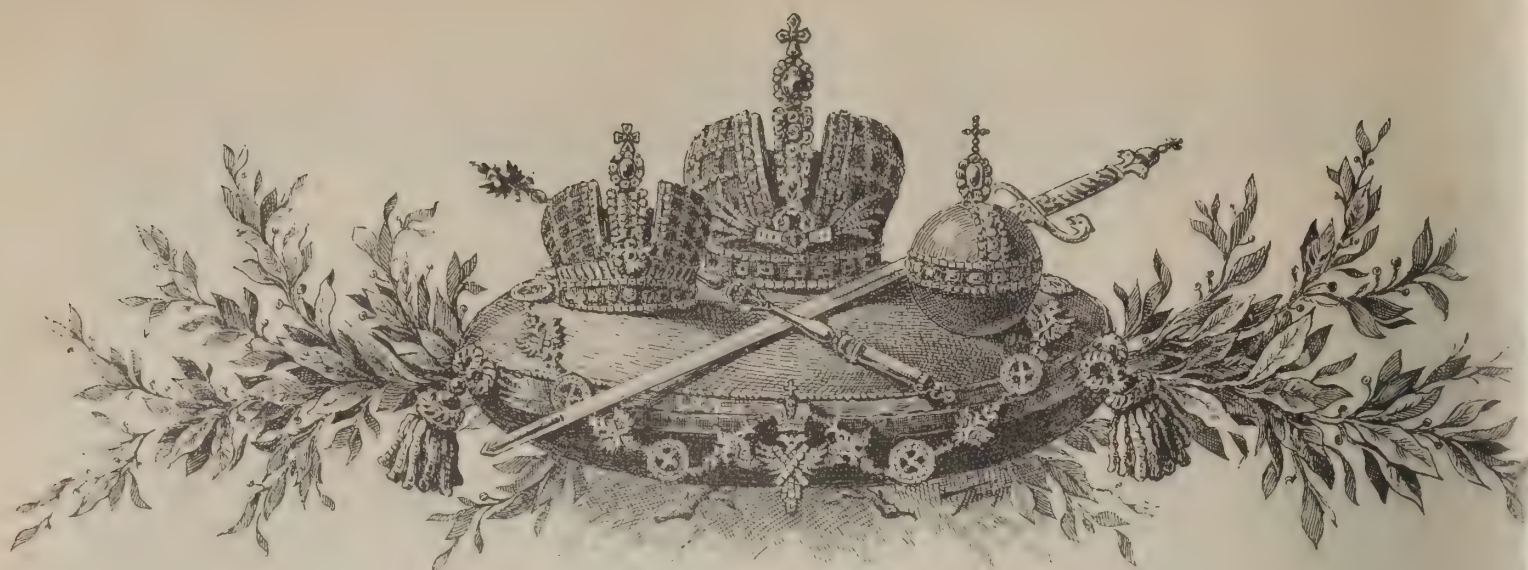
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны

14-го мая 1896 года

Внутренний видъ Большого Московскаго Успенскаго собора.

МОСКОВСКИЙ УСПЕНСКИЙ СОБОРЪ.

(Къ рисунку на 45-й страницѣ).

Святой соборъ святаго града,
Скрижалъ минувшихъ славныхъ лѣтъ,
Для сердца русскаго и взгляда
Прекраснѣй зданья въ мірѣ нѣтъ!

* * *

Все диво людямъ предстоящимъ
Подъ сѣнью храмины святой:
Здѣсь смѣсь суроваго съ блестящимъ
Чаруетъ дивной красотой.

* * *

Искусство съ роскошью вступило
Въ святой союзъ и нѣжитъ глазъ;
Какъ исполинское свѣтило,
Горитъ златой иконостасъ.

* * *

Какъ много мира и прохлады
Средь расписныхъ его колоннъ,
И льютъ сіяніе лампы
На лики строгіе иконъ...

* * *

Для сердца русскаго и взгляда
Дороже зданья въ мірѣ нѣтъ—
Душой здѣсь властвуетъ отрада
И умиленьемъ духъ согрѣтъ!

Н. Никифоровъ.

Весь храмъ—сокровищница нынѣ
Великой русской старины;
Удѣльныхъ княжествъ здѣсь святыни
Издревле соединены.

* * *

Здѣсь есть хитона часть Христова,
Горятъ алмазы, жемчуга
На образахъ Смоленска, Пскова,
Владимира и Устюга.

* * *

Здѣсь мощи славныхъ патріарховъ
Почіють въ мірѣ много лѣтъ,
Россійскихъ праотецъ Монарховъ
Здѣсь почиваетъ Филаретъ.

* * *

Цари Россіи здѣсь смиренно
Пріемлютъ муро и вѣнецъ,
И ихъ незримо, сокровенно
Благословляетъ Самъ Творецъ!

Торжественное шествіе Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Успенскаго собора въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы.

(Къ рисунку на 48-й и 49-й страницѣхъ).

ХО ОТБЫТИИ изъ Успенскаго собора Императрицы Маріи Ѳеодоровны Ихъ Императорскія Величества вышли изъ собора, гдѣ ихъ ждалъ роскошный балдахинъ. Царское шествіе тронулось. Загудѣли колокола, грянули пушки, раздались чудные звуки народнаго гимна. При видѣ Государя въ Императорской порфирѣ и коронѣ, ярко блиставшей разноцвѣтными огнями брилліантовъ, восторгъ народа дошелъ до высшихъ предѣловъ. Мѣрно и спокойно шествовалъ подъ золотымъ балдахиномъ Государь Императоръ; Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна въ порфирѣ и съ небольшою короною на головѣ изволила идти позади Государя. Передъ самымъ балдахиномъ шелъ митрополитъ Палладій съ высокоподнятымъ крестомъ. Впереди же

шли лица, участвовавшія въ процессіи изъ Кремлевскаго дворца въ Успенскій соборъ. Высочайшее шествіе направилось по помосту за Дворцовую рѣшетку, мимо Чудова монастыря, колокольни Ивана Великаго и Царь-колокола, и снова вступило на дворцовую площадку къ паперти сѣверныхъ дверей Архангельскаго собора. Ихъ Императорскимъ Величествамъ предшествовали въ томъ же порядкѣ особы и лица, участвовавшія въ шествіи изъ Кремлевскаго дворца въ Успенскій соборъ, и высокопреосвященный Палладій. Стоявшіе на ступеняхъ трона 4 офицера кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка шли: два младшіе—предъ передними штангами балдахина, а два старшіе—за задними штангами.

Шествіе сопровождалось колокольнымъ звономъ и 101 пушечнымъ выстрѣломъ; войска стоявшія въ строю отдавали установленную честь. Народъ восторженно привѣтствовалъ Ихъ Величества; единодушное, несмолкаемое ура несло съ Царской площади. Ихъ Величества милостиво отвѣчали на привѣстія.

Когда Ихъ Величества оставили Успенскій соборъ, чины дипломатическаго корпуса вышли въ южныя двери собора и перешли по Красному крыльцу въ Золотую палату.

Изъ числа особъ, предшествовавшихъ Ихъ Величествамъ, въ Архангельскій соборъ вошли: церемоніймейстеры, коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры, верховный церемоніймейстеръ, герольды, саповники, несшіе

Императорскую корону, скипетръ и державу и верховный маршал; всѣ же прочія особы, предшествовавшія Ихъ Величествамъ, прошли мимо Архангельскаго собора по помосту; изъ нихъ сановники, несшіе Императорскую печать, остановились между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами въ ожиданіи выхода Ихъ Величествъ. Генераль-адъютанты и генералы, несшіе балдахинъ до сѣверныхъ дверей собора, перешли съ нимъ къ западнымъ дверямъ собора, остальные же лица прошли мимо собора и посѣдовали по Красному крыльцу въ Кремлевскій дворецъ. Герольды, войдя въ Архангельскій соборъ, перешли къ западнымъ дверямъ, у которыхъ остановились для предшества Императорскимъ регалиямъ во время слѣдованія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Благовѣщенскій соборъ. Въ Архангельскій соборъ вошли также ассистенты Ихъ Величествъ, министръ Императорскаго двора, военный министръ командующій Императорскою главною квартирою, дежурные: генераль-адъютантъ, свѣты Его Величества генераль-майоръ и флигель-адъютантъ, командиръ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка и особы, поддерживающія шлейфы порфиръ.

При входѣ въ соборъ, Ихъ Императорскія Величества были встрѣчены епископомъ костромскимъ Виссаріономъ и духовенствомъ со крестомъ и св. водой. На паперти собора преосвященный епископъ поднесъ крестъ къ чтлогуанію Ихъ Величествъ и по окропленіи св. водою предшествовалъ вступленію Ихъ Императорскихъ Величествъ въ соборъ.

Его Величество, вошедши въ соборъ, изволилъ снять съ главы Своей Императорскую корону и отдать оную, а равно и скипетръ и державу, сановникамъ, несшимъ эти регалии. Затѣмъ Ихъ Величества прикладывались къ св. иконамъ и мощамъ и поклонились гробницамъ предковъ. Протодіакономъ была провозглашена эктенья, а затѣмъ слѣдовало многолѣтіе. Потѣмъ Его Величество возложилъ на Главу Свою корону, припалъ въ руки скипетръ и державу и шествовалъ съ Государыней Императрицей подъ балдахиномъ въ Благовѣщенскій соборъ въ предшествіи входившихъ въ Архангельскій соборъ — двухъ церемоніймейстеровъ, двухъ коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ, верховнаго церемоніймейстера, двухъ герольдовъ, сановниковъ, несшихъ Императорскія регалии, верховнаго маршала и высокопреосвященнаго Паладія, митрополита петербургскаго.

При входѣ въ Благовѣщенскій соборъ Ихъ Величества были встрѣчены архіепископомъ херсонскимъ Густинномъ и соборнымъ духовенствомъ, со крестомъ и св. водой.

Всѣ особы, входившія въ Архангельскій соборъ, вошли и въ Благовѣщенскій, въ которомъ Государь Императоръ, также изволилъ снять корону и отдать ее, а равно и скипетръ и державу сановникамъ. Затѣмъ Ихъ Величества изволили прикладываться къ св. иконамъ. Послѣ краткаго многолѣтія, Государь Императоръ изволилъ вновь возло-

жить на Себя корону и принять скипетръ и державу.

Изъ Благовѣщенскаго собора Ихъ Величества шествовали подъ балдахиномъ къ Красному крыльцу, дойдя до котораго, митрополитъ Паладій осѣнилъ Ихъ Величества св. крестомъ и отбылъ въ Успенскій соборъ.

На Нижней площадкѣ Краснаго крыльца Ихъ Величества вышли изъ подъ балдахина и стали подниматься по ступенямъ крыльца въ Кремлевскій дворецъ, въ предшествіи: двухъ церемоніймейстеровъ, коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ, верховнаго церемоніймейстера, герольдовъ, сановниковъ, несшихъ Императорскія регалии и верховнаго маршала, въ сопровожденіи ассистентовъ и особъ слѣдовавшихъ за Ихъ Величествами, а также чиновъ Высочайшаго двора и придворныхъ кавалеровъ, поддерживавшихъ шлейфы порфиръ.

Взойдя на Красное крыльцо, Ихъ Величества, по древнему обычаю, троекратно поклонились народу, который горячо и восторженно привѣтствовалъ Самодержавнаго Царя и Царицу. Ихъ Величества вошли затѣмъ во дворецъ, а народное ликованіе продолжалось.

По вступленіи въ Тронный залъ Его Величество изволилъ отдать скипетръ и державу сановникамъ. Затѣмъ Ихъ Величества въ коронахъ и порфирахъ просѣдовали во внутренніе покои для отдохновенія. Верховный маршалъ принялъ отъ сановниковъ Императорскія регалии и возложилъ ихъ на столъ, приуготовленный по правую сторону трона.

Торжественная трапеза Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Грановитой палатѣ.

ОТЪ часу до трехъ часовъ дня, т. е. отъ окончанія Коронаванія до выхода Государя Императора къ столу въ Грановитой палатѣ, всѣ чины и лица, участвовавшіе въ выходѣ передъ шествіемъ въ Успенскій соборъ и бывшіе въ Успенскомъ соборѣ, оставались въ залахъ Кремлевскаго Дворца. Иностранцы послы и всѣ чины, состоящіе при иностранныхъ посольствахъ, были приглашены къ обѣденному столу въ Золотой палатѣ. По старинному русскому обычаю, иностранцы не могутъ присутствовать въ этотъ день за столомъ Ихъ Величествъ въ Грановитой палатѣ; но, по старому же русскому обычаю, нельзя отлучить никого изъ дому безъ хлѣба соли.

Въ 3 часа дня Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ полномъ Царскомъ облаченіи, въ предшествованіи верховнаго маршала и другихъ высшихъ придворныхъ чиновъ, вступили въ Грановитую палату. Ихъ Величества сопровождали ассистенты, бывшіе при Коронаваніи, а также министръ Императорскаго двора, военный министръ, командующій Императорскою главною квартирою, дежурство и командиръ кавалергардскаго Ея Величества, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка. Особы Императорской Фамиліи и иностранцы. Принцы, проводивъ Ихъ Величества до Владимірскаго зала, вошли по лѣстницѣ въ Тайникъ. Ко времени прихода Ихъ Величествъ въ Грановитой палатѣ уже находились: высшее духовенство, особы обоюдо пола 1-го и 2-го класса и другіе сановники

около своихъ мѣстъ за обѣденными столами и особы дипломатическаго корпуса въ свободной отъ столовъ части Грановитой палаты, вправо отъ входныхъ дверей. Въ Грановитой палатѣ Ихъ Императорскія Величества изволили возсѣсть на престолъ подъ сѣнью троннаго мѣста.

Тронное мѣсто, къ которому вели три ступени, устроено въ юго-восточномъ углу Грановитой палаты; оно обито блестящимъ малиновымъ плюшемъ; надъ нимъ простирается обширная сѣнь изъ чернаго дуба, своимъ цвѣтомъ и отчасти видомъ напоминающая тронъ Мономаха. Сочетаніе золотой драпировки съ горюстаемъ и задняя стѣна, на которой по бѣлому полю вышитъ государственный гербъ новаго уклада, придаютъ величественный видъ всему тронному мѣсту, а задернутыя малиновыя занавѣски ближнихъ оконъ — необыкновенно мягкій пріятный тонъ падающему на этотъ Царскій чертогъ свѣту. Стѣнныя палаты съ картинами изъ священной исторіи, съ богато и прихотливо вышитымъ ковромъ, составляла гармонизировавшую Царскимъ порфирамъ обстановку. Влѣво отъ входа въ Грановитую палату изъ Святыхъ сѣней, былъ расположенъ рядъ обѣденныхъ для высшаго духовенства и сановниковъ столовъ, богато убранныхъ старинною золотою и серебряною посудой въ видѣ исполнскихъ стопъ, ендовъ, вазъ и кубковъ, орловъ, верблюдовъ, глобусовъ и кораблей. Такіе же старинные кубки и вазы украшали средний столъ Грановитой палаты, покрытый бархатомъ, богато расшитымъ золотомъ и се-

ребромъ. Въ сѣверо-западномъ углу Грановитой палаты была устроена эстрада, на которой размѣстился оркестръ музыки и хоръ Императорскихъ театровъ. Хоръ трубачей кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка съ литаврами сталъ въ Святыхъ сѣняхъ тыломъ къ Красному крыльцу.

Ихъ Величества возсѣли на тѣ самые престолы, которые угрозъ находились въ Успенскомъ соборѣ: Его Величество — по срединѣ; Ея Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна — съ правой стороны, а Ея Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна — съ лѣвой стороны.

За престолами стали: ассистенты Ихъ Величествъ, особо назначенные первые чины Высочайшаго Двора и особы, несшія и поддерживавшія шлейфы порфиръ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Командиръ кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка, съ обнаженнымъ палашикомъ и каскою на головѣ, сталъ позади престола Его Императорскаго Величества. У нижней ступени троннаго мѣста стали: съ правой стороны — дежурный генераль-адъютантъ и Свиты Его Величества генераль-майоръ, а съ лѣвой — дежурный флигель-адъютантъ; по сторонамъ троннаго мѣста — четыре кавалергардскихъ офицера, въ каскахъ съ обнаженными палашиками; у обонхъ переднихъ угловъ — два герольда.

Послѣ этого шесть особо назначенныхъ камергеровъ принесли и поставили на трон-

РИСОВАЛЪ СЪ НАТУРЫ ХУ.
(Право на воспроизведение составляет исключительн

Ихъ Императорскія Величества у часовни Иверон

ЖНИКЪ В. В. ПОЛЯКОВЪ.

СОБСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“).

ЖИЕЙ МАТЕРИ ПРИЛАДЫВАЮТСЯ КО Св. КРЕСТУ.

ное мѣсто приготовленный для трапезы Ихъ Величествъ столъ, а затѣмъ, взявъ со стоящаго на лѣвой сторонѣ троннаго мѣста три драгоценныя солонки, осторожно поставили ихъ передъ Ихъ Величествами, а затѣмъ поставили и приборы для Ихъ Величествъ. Противъ середины поставленнаго стола занялъ мѣсто оберъ-форшнейдеръ графъ Гендриковъ, а по правую сторону стола—оберъ-шенкъ графъ Строгановъ. Противъ трона стали: верховный маршалъ графъ Паленъ, оберъ-гофмаршалъ князь Трубецкой, верховный церемоніймейстеръ князь Долгорукий и гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ, а за ними коронаціонные церемоніймейстеры и церемоніймейстеры съ жезлами. Когда всѣ заняли мѣста, Министръ Финансовъ, по данному Его Императорскимъ Величествомъ повелѣнію, поднесъ Государынямъ Императрицамъ заготовленные по случаю Высочайшаго Коронаціи медали. Одновременно эти медали были розданы находившимся въ Грановитой палатѣ придворнымъ чинамъ и прочимъ особамъ.

Послѣ этого, по знаку Его Императорскаго Величества, верховный маршалъ, оберъ-гофмаршалъ, верховный церемоніймейстеръ, гофмаршалы и церемоніймейстеры, отдавъ Государю Императору поклонъ, вышли въ Святія сѣни за первымъ блюдомъ, которое было вслѣдъ затѣмъ внесено, въ предшествованіи названныхъ придворныхъ особъ, отставными штабъ-офицерами изъ дворянъ московской губерніи, въ военной формѣ. Постороннимъ штабъ-офицерамъ шли по два кавалергардскихъ офицера, съ обнаженными палаши и касками на головѣ. Также вносились и слѣдующія блюда. Принесли кушанья, штабъ-офицеръ передавалъ оберъ-гофмаршалу и гофмаршалу, а эти послѣдніе ставили блюдо на столъ около средняго столба Грановитой палаты. Отсюда уже бралъ и на Высочайшій столъ ставилъ кушанья оберъ-форшнейдеръ.

Царскій столъ въ Грановитой палатѣ состоялъ изъ слѣдующихъ блюдъ:

Супъ	Стерилиз. паровыя.	Жаркое:
Разсолонникъ.	Барашекъ.	Капшны.
Воршокъ.	Заправное изъ фазановъ.	Салатъ.
Пирожки.	новъ.	Спаржъ.
« Сладкое: Фрукты въ винѣ. Мороженое.		

Меню трапезы было исполнено по рисунку профессора Васнецова.

Меню представляетъ пергаментный свитокъ около $\frac{1}{2}$ аршина шириною и въ $1\frac{1}{4}$ аршина длиною. Въ титулѣ славянскою вязью вершковаго размѣра изображена надпись: «Священное Коронаваніе на Царство Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны»; подъ этой надписью—огромные вензеля Ихъ Императорскихъ Величествъ, увѣнчанные Императорскими коронами. Вензеля упираются въ бордюръ древне-русскаго узора, въ который включена художественно-написанная сцена: «Вѣнчаніе Михаила Ѳеодоровича на царство». Картина написана по оригиналу, хранящемуся въ Оружейной палатѣ; на заднемъ планѣ картины высѣты главы Успенскаго собора. Подъ этой картиной, въ орнаментахъ,—три двуглавыя орла различныхъ эпохъ прежняго времени, отпечатанные разными красками на разныхъ фонахъ. Въ треугольникѣ, который образуютъ этими орлами и украшающими ихъ заставками, напечатано древне-русскимъ

рукописнымъ шрифтомъ вышеупомянутый текстъ меню.

Подъ текстомъ меню—древне-русскія заставки и, между прочимъ,—фигура гусяра, и въ этихъ заставкахъ помѣщенъ славянскою вязью (заглавныя буквы отпечатаны кинварью) слѣдующій текстъ:

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ
Слава!
Всему народу русскому
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ
Слава!
Именитымъ гостямъ Его
Слава!
Чтобы правда была
На Руси краше солнца свѣта
Слава!

Текстъ славы покоится на художественно исполненной картинѣ, представляющей древне-русскій обрядъ поднесенія хлѣбасоли боярами и народомъ царю. Хлѣбсоль—на блюдѣ, покрытомъ полотенцемъ, съ изображеніемъ государственнаго герба.

Подъ рисункомъ напечатано подражаніе «Славы» въ такомъ изложеніи:

А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь
Воздаемъ! Слава! Старымъ людямъ
На утѣшеніе, добрымъ людямъ
На услышаніе. Слава!
Слава во вѣки
Вѣковъ
Слава!

Текстъ этотъ включенъ въ виньетку, на которой изображены двѣ «жарь-птицы» изъ древне-русскихъ заставокъ. Въ концѣ меню древне-русскою рукописью изображено: 1896 года мѣсяца 14-го мая.

Въ эту минуту, по установленному обычаю, духовенство и свѣтскія первыя двухъ классовъ особы, отдавъ ихъ Величествамъ поклонъ, сѣли на свои мѣста и приступили къ обѣду, а лица дипломатическаго корпуса и всѣ особы, вошедшія въ Грановитую палату, но не остающіяся въ ней во время трапезы, также отдавши поклонъ, вышли изъ палаты, не обращаясь лицомъ къ двери. Послѣ этого трапеза Ихъ Императорскихъ Величествъ продолжалась своимъ порядкомъ: у Высочайшаго стола служили камергеры и камеръ-пажи, а кубки подавалъ оберъ-шенкъ, который также провозглашалъ задравные тосты, сопровождавшіеся пушечной пальбою и звуками трубъ и литавръ хора трубачей кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка.

Тосты были провозглашены: за здравіе Государя Императора при 61 выстрѣлѣ, за здравіе Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны при 51 выстрѣлѣ, за здравіе Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при 51 выстрѣлѣ, за здравіе всего Императорскаго Дома при 31 выстрѣлѣ, за здравіе духовныхъ особъ и всѣхъ вѣрно-подданныхъ при 21 выстрѣлѣ. Во время Высочайшаго обѣда играли вокальная и инструментальная музыки, которыми были исполнены народный гимнъ при возглашеніи тоста за здравіе Государя Императора. Гимнъ этотъ былъ прослушанъ всѣми присутствовавшими и стоя. Государь Императоръ

также изволилъ при этомъ встать съ Престола. Восторженное «ура» сопровождало какъ этотъ тостъ, такъ и всѣ тосты за здравіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Во время обѣда была исполнена кантата, музыка—Глазунова, слова—В. А. Крылова. Приводимъ послѣднія:

1.

Хоръ.

День лучезарный, торжественный, радостный часъ!
Чувствомъ единымъ Россія повсюду объята:
Съ знойнаго полдня, съ полночи, съ восхода,
съ заката,
Къ Богу молитвы народной возносится гласъ,—
Да укрѣпитъ Оля Царя молодого державу,
Да ниспослетъ царскимъ подвигамъ сплу и славу.

2.

Югъ.

(Арія: меццо-сопрано).

Теплый югъ,—долины Крыма,
Горы чудныя Кавказа—
Кликомъ радости полны!
Въ берегахъ бунуетъ море,
Словно проситъ дальше, дальше
Передать привѣтъ волнамъ..
И летитъ привѣтъ могучій
Отъ страны, гдѣ рдѣетъ сочный
Плодовитый виноградъ,
Гдѣ чернѣютъ кипарисы,
Гдѣ желтѣетъ кукуруза,
Гдѣ раскинутъ дивный садъ—
Онъ летитъ, привѣтъ могучій,
Отъ Урала и отъ Волги,
Отъ Волыни и отъ Дона,
По степямъ родной Украйны,
По равнинамъ золотой,—
По полямъ великой Руси,
Гдѣ главы свои сложили
Наши предки, изгоняя
Зло татарскаго разгрома
Изъ отчизны дорогой.

3.

Сѣверъ.

(Арія: басъ).

Сіянемъ сѣвернымъ зардѣлся
Необозримый небосклонъ,
На морѣ глыбы ледяныя,
Приподнялись со всѣхъ сторонъ,—
И, какъ громадные алмазы,
Какъ дань холодной красотѣ,
Цвѣтами радуги блистаютъ,
Въ своей прозрачной наготѣ,
Горностаевой порфирой
Покровъ раскинутъ снѣговой,—
И дикій звѣрь воспринялъ чутко
Въ глуши скалистой и лѣсной.
Все замолкаетъ, замираетъ
Въ благоговѣніи немомъ
Предъ величавымъ торжествомъ.

4.

Востокъ и Западъ.

(Дуетъ: сопрано и меццо-сопрано съ хоромъ.)

И на сонномъ Востокѣ,
Гдѣ Русь пробуждаетъ народы,
И на Западѣ свѣтломъ,
Откуда къ намъ шло просвѣщеніе,
Царить ликование повсюду.
Камчадалъ, и калмыкъ, и сармать
Покидаютъ жилища убогія—
И навстрѣчу смягчающимъ нравамъ.
Къ милосердію, къ добрымъ порывамъ,
Простираютъ объятъ сыновія...

И Россія, въ сознаніи силы,
Обращается къ западнымъ братьямъ:
«Вы дѣлились наукою съ нами
И за это спасибо вамъ, братья!
Такъ протянемъ другъ другу мы руки,
Во взаимной любви и согласьи».

Радостно, радостно,
И тамъ, гдѣ восходитъ
Русское солнышко,
И тамъ, гдѣ садится оно,
Съ юга и съ сѣвера
Съ востока и запада,
Тянутся, словно лучи,
Взоры, надежды и радости,
Взоры сыновъ россійянъ,
Къ сердцу отечества,
Къ древней столицѣ,
Гдѣ совершается Царское
Коронаваніе.

5.

Молитва.

(Арія: теноръ).

Владыка міра! Боже правый!
Ты наши вѣдаешь труды!
Ты покровитель угнетенныхъ,
Каратель злобы и вражды!
Пошли Отцу отчизны нашей
Въ стремленіи праведномъ успѣхъ,
Пошли помощниковъ надежныхъ
И царство мирное для всѣхъ...
И Вы, Державныхъ предковъ тѣни,
Отъ горныхъ странъ внимите намъ!
Да снизойдетъ благословеніе,
Изъ поколѣнья въ поколѣнье,
Царю и Царственнымъ дѣламъ.

6.

Небо и земля.

(Квартетъ: сопрано, меццо-сопрано, теноръ и басъ).

Звѣдочки небесныя
Искрятся, играютъ,
Русская земля
Грудью богатырскою
Широко вздохнула.
Горы, нивы, пажити
Убрались, украсились,
Чтобы честно праздновать
Праздникъ всей Россіи.
Тучки ходятъ, мечутся,—
Любо имъ, какъ зоренька
Яркой багрянцею
Одѣваетъ ихъ.
То-ли разбѣгаются,
То-ли вдругъ сливаются,—
И слезами радости,
Благодатнымъ дождичкомъ,
Орошаютъ нивы
И земляца-матушка
Жаждетъ этихъ слезъ,—
И земляца-матушка
Ждетъ ихъ поцѣлуй.
Такъ соединяются,
Въ дружескомъ лобзаніи,
Къ счастью человечества
Небо и земля.
Будьте же на праздникъ
Вы гостями нашими,
Добрыя стихіи,
Чтобы вся природа
Въ чудномъ единеніи
Ласково сіяла.

7.

Финаль.

(Общій хоръ).

Здравствуй, въ радости, Москва,
Златоглавая.
Здравствуй, сердце русской жизни!
Исполать тебѣ,
Величавая!
Здравствуй и ликуй,
Первопрестольная столица!
Отрадный свѣтъ на весь родимый край
Блеститъ съ высотъ твоихъ церквей,
Святою благодатью озаряя.
Здравствуй, въ радости, Москва,
Златоглавая!
Издвеле много ты страдала,
Но съ давнихъ поръ судьбѣ твоей
Наградой лучшею бывало
Вѣнчаньемъ чествовать Царя,
Въ твоихъ стѣнахъ почиетъ родится
Всѣхъ Государевыхъ трудовъ—
И этимъ можешь ты гордиться
Предъ сонмомъ русскихъ городовъ.
Слава тебѣ
Москва златоглавая!
Слава всей Русской землѣ!
Слава Царю православному!
Послѣ обѣденнаго стола, окончившагося въ 4 ч. дня, Государь Императоръ вновь возложилъ на Себя корону и, взявъ скипетръ и державу, направился въ сопровожденіи Государыни Императрицы въ Тронный залъ и, оставивъ свои регалии, удалился во внутренне покои вмѣстѣ съ Ихъ Величествами.
Пообычаю, соблюдавшемуся постоянно при Коронаваніи Русскихъ Императоровъ, день Священнаго Коронаванія завершился блестящею иллюминаціею Кремля и всей Москвы.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

15-го мая, въ 11 час. 30 мин. утра, въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ Александровскомъ тронномъ залѣ, Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили принимать поздравленія отъ членовъ свѣтѣйшаго синода и высшаго духовенства, духовныхъ особъ иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, членовъ государственнаго совѣта, министровъ, главноуправляющихъ, правительствующаго сената, статсъ-секретарей, почетныхъ опекуновъ, губернскихъ предводителей дворянства, представителей дворянъ губерній, гдѣ не имѣются предводители дворянства, уѣздныхъ предводителей дворянства московской губерніи, предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ московской губерніи, городскихъ головъ и равнозначущихъ имъ лицъ отъ губернскихъ городовъ, градоначальствъ и главныхъ городовъ, военныхъ губернаторствъ и областей, городскихъ головъ и городскихъ старостъ уѣздныхъ городовъ московской губерніи. Всѣхъ съ ихъ ассистентами; представителей дворцовыхъ городовъ, депутатовъ великаго княжества Финляндскаго, представителей биржевыхъ комитетовъ и представителей комитетовъ торговли и мануфактуръ. Государь Императоръ въ мундирѣ егерскаго полка, имѣя по лѣвую сторону отъ себя Государыню Императрицу, одѣтую въ великолѣпное бѣлое платье, съ короною на головѣ и съ Андреевской лентой черезъ плечо, изволилъ стоять близъ трона и принимать поздравленія лицъ и депутацій, послѣдовательно подходившихъ съ поздравленіями. При приѣмѣ присутствовали Великіе Князья и Великія Княгини и Княжны, находящіеся въ Москвѣ; Великіе Князья, а также министръ двора и гофмаршалъ съ жезломъ въ рукахъ находились вправо отъ Государя; Великія Княгини, сопровождаемыя статсъ-дамами и фрейлинами,—по лѣвую. Представленіе отличалось торжественностью. Государь Императоръ благосклонно изволилъ благодарить представителей, Государыня Императрица они цѣловали руку. Всѣ депутаціи отъ дворянства, земства и городовъ имѣли хлѣбъ-соль на великолѣпныхъ блюдахъ, большею частью роскошной работы. Нѣкоторыя имѣли складни и образа. Складень отъ Петербурга въ византійскомъ стилѣ съ изображеніемъ святыхъ угодниковъ, тезоименитыхъ Государю, Государынѣ и Великой Княжнѣ Ольгѣ, поднесенный городскимъ головою Ратьковымъ-Рождновымъ, отличался изяществомъ и красотою. Государь Императоръ, принимая этотъ складень, изволилъ перекреститься и приложиться къ изображеніямъ святыхъ. Блюдо отъ Москвы по рисунку Васнецова также отличалось художественностью исполненія. Цѣлый рядъ великолѣпныхъ блюдъ принадлежитъ дворянству, земству и городамъ. Послѣдовательно прошли одна за другою депутаціи передъ Государемъ въ числѣ болѣе 1,200 человекъ.

При приѣмѣ депутаціи московскаго дворянства Государь Императоръ на принесенное губернскимъ предводителемъ княземъ Трубецкимъ привѣтствіе изволилъ сказать:
«Мнѣ особенно пріятно принять хлѣбъ-соль московскаго дворянства, благодарю васъ».

При поднесеніи Государю Императору хлѣба-соли отъ Москвы московскій городской голова сказалъ:

«Великій Государь, Великая Царица, примите самое искреннее поздравленіе Москвы Вашей, Москва сердечно любитъ Васъ и искренно молить Бога о Васъ».

Государь Императоръ милостиво сказалъ: «благодарю васъ».

Митрополитъ кіевскій, во время принесенія поздравленій Ихъ Величествамъ 15-го мая въ Тронномъ залѣ, сказалъ:

«Благочестивѣйшій, Богомъ вѣнчанный Великій Государь Императоръ! Вчера мы возносили горячія молитвы къ престолу Царя царствующихъ, да дастъ Тебѣ благоденственное и долгоденственное царствованіе, да даруетъ Тебѣ духа премудрости и разума, духа совѣта и вѣрности къ прохожденію великаго Твоего къ Нему служенію. Нынѣ, вознеся благодарственные молитвы ко Всевышнему за благополучно совершившееся Священное Коронаваніе и Святое Митропомазаніе Тебя, приносимъ Тебѣ, какъ помазаннику Божію, сердечно радостное привѣтствіе съ высокославленіемъ событіемъ въ Твоей жизни. Много царей царствуютъ, говорилъ Господь, владѣть Вышній царствомъ человѣческимъ и ему же восхощетъ дать, и въ руки Господни концы земли и благопотребнаго воздвигнетъ на ней во время свое, учить слово Божіе. Такъ вѣровали наши предки отъ лѣтъ святаго равноапостольнаго великаго князя Владимира. Ту же вѣру передали они и намъ, какъ

вѣрнѣйшій оплотъ мира, тишины и безмятежія государства, какъ надежнѣйшій залогъ счастья и благоденствія его внутренней славы и величія его вѣшняго. Воспитанные въ сей вѣрѣ съ юныхъ лѣтъ, мы ту же вѣру передаемъ и ввѣрляемъ намъ паствамъ, уча повиноваться преобладающей власти не только изъ боязни ответственности за неповиновеніе, но и за содѣлать по убѣжденію, что таковъ законъ, поставленный Богомъ въ основу земного благоденствія человѣчества. Молитесь за Царя какъ помазанника Господня, сіе бо добро, и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, чтить Царя и воздавать кесарево кесареву, потому что такова воля Божія, съ исполненіемъ которой неразрывно связано, какъ благосостояніе цѣлаго государства, такъ и благополучіе каждаго члена государства. И благодареніе Господу, овцы слушаютъ гласа своихъ пастырей и хранятъ сію святую вѣру, постигая если не всегда умомъ, то своимъ живымъ чувствомъ и сердцемъ, что въ этой вѣрѣ корень и оплотъ благоденствія и величія Святой Руси. Мечты и замыслы горсти несчастныхъ, утратившихъ сію св. вѣру, основать благо и счастье народа на иныхъ самовзмысленныхъ началахъ,

не встрѣчаютъ сочувствія себѣ, несмотря ни на какія ихъ ухищренія. Православный рус-

скій народъ смотритъ на нихъ, какъ на измѣнниковъ своему отечеству. Благоденствіишій Государь! миліоны Твоихъ вѣроподданныхъ, смято храня заплѣтъ своихъ предковъ, возносятъ и не престанутъ возносить къ престолу Царя царствующихъ горячія молитвы, да сохранить Тебя на всѣхъ путяхъ жизни Твоей, да увѣчаетъ вожделѣннымъ успѣхомъ всѣ благія желанія сердца Твоего ко благу и счастью народа Твоего. Знаемъ, что Ты воспитанъ въ правилахъ блаженныхъ пѣвчо достойныхъ родителей Твоего, въ недолгое время царствованія Своего вознесшаго Россию на такую высоту, до которой она не достигала прежде, и дерзаемъ уповать, что Всевышній продлитъ милость Свою къ намъ и подѣ Твоею державною волею, и сотворитъ Тебя отцемъ народа Твоего, о чадѣхъ Своихъ веселящемся».

15-го же мая представлялся Ихъ Величеству папскій нунцій Алиарди со свитой, состоящей изъ прелата Дженаро Гранити, камерьеровъ Фердинанда де-Круа, Франческо Таркасса, графа Марино, Болиццо герцога Гориглиано и представителя дворянской гвардіи папы, графа Маріо де-Карпенча; Монсиньоръ Алиарди привѣтствовалъ Ихъ Величества. 16-го мая Ихъ Величе-

ства не принимали бухарскаго эмира и хивинскаго хана, прибывшихъ благодарить Государя Императора за оказанныя имъ милости по-

Высокопреосвященный Палладій,
Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладонскій.

Протопресвитеръ Іоаннъ Янышевъ.

Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій)

1) Высокопреосвященный Иоанникий, митрополитъ кіевскій и галицкій; 2) Преосвященный Владимиръ, экзархъ Грузіи, епископъ карталинскій и кахетинскій; 3) Преосвященный Антоній, архіепископъ финляндскій и Выборгскій; 4) Преосвященный Флавіанъ, епископъ холмскій и варшавскій и 5) Преосвященный Іустинъ, архіепископъ одесскій и херсонскій.

жалованіемъ эмиру титула е-о высочества и брилліантоваго пифра имени Его Величества, а хивинскому хану—титула свѣтлости и чина генералъ-лейтенанта Оренбургскаго казачьяго войска. Эмиръ и ханъ говорили черезъ переводчиковъ, состоящихъ при канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ Филиппова и Султана Асфендіарова.

— С.-петербургскій городской голова В. А. Ратьковъ-Рожковъ послалъ слѣдующую телеграмму на имя товарища головы Лонгинова: «Въ среду, 15-го мая, имѣлъ счастье вмѣстѣ съ ассистентами М. П. Боткинымъ и В. В. Комаровымъ приѣхать отъ имени петербургскаго городского управления и населенія столицы всепреданнѣйшія поздравленія Ихъ Величествамъ по случаю коронаванія и поднести складень съ изображеніемъ покровительницы Петербурга, иконы Казанской Божіей Матери и тезоименитыхъ Августѣйшему дому святыхъ Николая Чудотворца, царицы Александры и святой княгини Ольги. Представляя складень Ихъ Величествамъ, я имѣлъ счастье сказать: «имѣю счастье принести Вашимъ Императорскимъ Величествамъ всепреданнѣйшія и сердечныя поздравленія отъ городского общественнаго управленія горячо любящей Васъ и безконечно преданной Вамъ столицы; прошу Ваши Величества осчастливить столицу Вашу и принять складень съ иконами Казанской Божіей Матери, святителя Николая Чудотворца, царицы Александры и святой княгини Ольги». Государь Императоръ изволилъ принять складень, перекрестился и приложился къ изображенію святыхъ. Затѣмъ Его Императорское Величество милостиво изволилъ сказать: «Благодарю васъ и населеніе столицы. Я съ особеннымъ удовольствіемъ принимаю складень». Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна изволила милостиво допустить насъ къ цѣлованію Ея руки. Объ этой Высочайшей милости къ столицѣ нашей доведите до свѣдѣнія думы, собравъ ее въ установленномъ порядкѣ въ экстренномъ засѣданіи.

17-го мая состоялся приемъ иностранныхъ представителей. Въ одиннадцатомъ часу начался съездъ. Вскорѣ послѣ этого около приемной парадной лѣстницы собрались особы иностраннаго дипломатическаго корпуса. Среди нихъ были послы турецкій, французскій, австро-венгерскій, германскій, итальянскій, Великобританскій, испанскій, посланники баварскій, нидерландскій, японскій, бельгійскій, шведско-норвежскій, китайскій, датскій, португальскій, сербскій, персидскій и румынскій и позвѣренные въ дѣлахъ посольствъ греческаго и мексиканскаго. Здѣсь находились и всѣ члены посольствъ и миссій. Красивую картину представлялъ этотъ залъ. Всевозможные шитые мундиры, различныхъ цвѣтовъ и покрою, сливались съ залитыми золотомъ мундирами придворныхъ и церемоніймейстеровъ Высочайшаго двора. Въ громадномъ Гербовомъ залѣ съ бѣлыми колоннами и стѣнами, украшенными мраморными досками, описывающими боевую славу Россіи, а также знаки ордена, собрались представители Россійской арміи: генералы, штабъ и оберъ-офицеры, иностранныя военныя депутаціи отъ австрійскихъ пѣхотнаго Императора Александра I (второго венгерскаго) и уланскаго Императора Николая II (двѣхъ венгерско-кroat-

скаго) полковъ; Великобританскаго драгунскаго «Royal Scots Greys» полка; прусскихъ: гвардейскаго гренадерскаго Императора Александра, гусарскаго Императора Николая II и драгунскаго Императрицы Александры Ѳеодоровны полковъ и баварскаго легко-коннаго № 1 полка. Ихъ красивые мундиры производили эффектъ. Ближе къ окнамъ встали придворные чины и кавалеры въ своихъ залитыхъ золотомъ мундирахъ, свита иностранныхъ принцевъ въ эффектной формѣ, гражданскіе чины первыхъ пяти классовъ въ мундирахъ различныхъ вѣдомствъ. Представители духовенства не-христіанскихъ исповѣданій встали по правую сторону отъ входа въ Георгіевскій залъ. Между ними были: муфтіи: оренбургскій, тавричскій, закавказскій шейхъ уль-исламъ. Это были представители мусульманскаго духовенства. Всѣ они были въ бѣлыхъ халатахъ и бѣлыхъ чалмахъ, украшенные русскими и восточными орденами. Рядомъ съ ними находились представители караимскаго вѣроисповѣданія евпаторскій гахамъ съ двумя ассистентами въ бѣлыхъ таларахъ. Немного далѣе — бандидо-хамба ламайскаго духовенства въ Восточной Сибири и лама калмыцкаго народа. Они были въ шитыхъ золотомъ и шелками китайскаго шелка костюмахъ и оригинальнѣйшихъ головныхъ уборахъ. Здѣсь же, близъ входа во Владимірскій залъ, представители азіатскихъ народовъ въ шитыхъ золотомъ шелковыхъ халатахъ и цвѣтныхъ чалмахъ. Правѣе отъ мусульманскаго духовенства выстроились красивой линіею представители кавказскихъ народовъ въ ихъ живописной одеждѣ. Напротивъ ихъ — представители казаковъ, въ мундирахъ съ булавами въ рукахъ. Позади ихъ на цѣломъ рядѣ столовъ были положены роскошнѣйшія блюда и другія подношенія Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Здѣсь выдѣлялись блюда отъ казаковъ, отличающіяся оригинальностью рисунка и изяществомъ исполненія. Не только инициалы Ихъ Величествъ были ихъ украшеніемъ, но и гравированные рисунки: виды станицъ, сцены изъ казачьей жизни, памятникъ Государю Императору мѣста. Среди этихъ блюдъ красовался громадный малиноваго бархата ларецъ съ шитой надписью «Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ отъ вѣроподданныхъ уральскихъ казачекъ». Въ этомъ ларцѣ лежалъ роскошный костюмъ уральской казачки изъ розоваго шелка, шитый золотомъ. Головной уборъ съ бѣлой фатою, сплошь покрытый мелкимъ золотымъ шитьемъ. Среди подношеній отъ инородцевъ выдѣлялось блюдо отъ калмыковъ, исполненное по рисунку архитектора Карягина; на блюдѣ изображена кочевка калмыковъ, хуруль и нѣкоторые другіе виды и сцены изъ быта калмыковъ; отъ кумыкскаго народа большое блюдо, почти сплошь покрытое разноцвѣтною эмалью съ четырьмя медальонами, на которыхъ изображены сцены изъ туземнаго свадебнаго обряда; на немъ два кувшина и чашки для кумыса. Недурны также блюда отъ кавказцевъ; здѣсь встрѣчаются блюда изъ слоновой кости съ золотой инкрустаціею, замѣчательно тонкой работы; блюдо отъ киргизъ изображаетъ громадную юрту. Мусульманское духовенство поднесло написанныя на пергаментѣ молитвы и цѣны мѣха, караи-

мы роскошное, серебряное оксидированное блюдо въ стилѣ Рококо. Бандидо-хамба ламайскаго духовенства поднеслъ два эмблематическихъ изображенія: верховной власти и древо изобилія, сдѣланные изъ массивнаго чеканнаго серебра. Много было и другихъ отличающихся художественнымъ исполненіемъ блюдъ, но описать ихъ положительно нѣтъ возможности при такомъ ихъ обиліи. Во Владимірскомъ кругломъ залѣ, на Боярской площадкѣ, находились волостныя старшины. Въ этой массѣ выдѣлялись костюмы инородцевъ, а также гминныхъ войсковъ юго-западныхъ губерній.

Вскорѣ послѣдовалъ выходъ Ихъ Величествъ въ Тронный залъ. Имъ предшествовали придворные чины, коронаціонные оберъ-церемоніймейстеры, герольды, верховный церемоніймейстеръ и верховный маршалъ. Послѣ приѣма въ отдѣльной аудіенціи бухарскаго эмира и хивинскаго хана съ ихъ слѣдниками и свитою начался приемъ. Церемоніймейстеры вводили въ Тронный залъ сначала особы иностраннаго дипломатическаго корпуса. При приемѣ ихъ находился министр иностранныхъ дѣлъ князь Лобановъ-Ростовскій. Во время приѣма гражданскихъ чиновъ первыхъ пяти классовъ, у трона находились министры всѣхъ вѣдомствъ, представлявшіе подчиненныхъ имъ чиновъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Вслѣдъ за ними приносили поздравленія оренбургскій и тавричскій муфтіи, закавказскій шейхъ уль-исламъ, евпаторійскій гахамъ караимскаго духовенства, бандидо-хамба ламайскаго духовенства въ Восточной Сибири и лама калмыцкаго народа. Послѣ нихъ военное начальство представляло депутатовъ азіатскихъ народовъ и депутатовъ мѣстностей, находящихся въ управленіи военнаго вѣдомства. При представленіи ихъ присутствовалъ военный министръ г.-ад. П. С. Ванновскій и начальникъ азіатской части главнаго штаба ген. Проценко. Спустя немного времени, начался приемъ волостныхъ старшинъ, которые вводились въ Тронный залъ, — сначала инородцы, а затѣмъ уже волостныя старшины. Инородцы входили въ залъ во главѣ съ завѣдующимъ ими султаномъ Гази-Вали ханомъ. Среди нихъ были инородцы иркутскаго, приамурскаго и степного генералъ-губернаторствъ. Волостныхъ старшинъ представляли губернскіе предводители дворянства, при этомъ присутствовалъ министр внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ. Въ числѣ волостныхъ старшинъ отъ с.-петербургской губ. были: с.-петербургскаго уѣзда Александровской волости Всеволодъ Артемовъ, царскосельскаго уѣзда пулковской волости Петръ Дюковскій, петергофскаго уѣзда гостилицкой волости Василій Безпаловъ, шлиссельбургскаго уѣзда порѣчской волости Иванъ Гавриловъ, новолодовскаго уѣзда даможировской волости Петръ Устиновъ, ямбургскаго уѣзда врудской волости Ефимъ Кондратьевъ, лужскаго уѣзда городельской волости Дмитрій Галѣвъ и гдовскаго уѣзда шуницкой волости Ефимъ Ивановъ. Каждая крестьянская депутація имѣла счастье поднести одни хлѣбъ-соль, другіе — иконы. Всѣхъ волостныхъ старшинъ было 650 человекъ. Въ третьемъ часу окончился приемъ, и Ихъ Императорскія Величества отбыли во внутренніе покои дворца.

Иллюминація Москвы.

НАДЪ всю Москву возвышается кремлевская колокольня Ивана Великаго. Эта колокольня вся отъ верха до низа горитъ электрическими огнями. Затѣмъ всѣ стѣны кремлевскія съ массою башенъ унизаны огнями, какъ электрическими, такъ и другими (шкаликами со свѣчами). Зубцы кремлевскихъ стѣнъ унизаны шкаликами, а башни почти всѣ освѣщаются электричествомъ. Внутри Кремля электричествомъ освѣщена Оружейная палата, которая по стѣнамъ украшена щитами и безконечною массою флаговъ. Въ Кремлѣ утверждены на кронштейнахъ электрическіе фонари для общаго освѣщенія Кремля. Идущіе отъ дворца травяные откосы внизъ къ кремлевскимъ садамъ всѣ иллюминированы. Въ травѣ положены гигантскія гирлянды и инициалы Ихъ Величествъ. Все это иллюминировано и огоньки въ травѣ имѣютъ величественный видъ, особенно если принять во вниманіе высоту самыхъ откосовъ. Гвоздь кремлевской иллюминаціи каскадь. Съ высоты Тайницкой башни пущена вода по семи уступамъ, покрытымъ росписаннымъ полотномъ, изображающимъ низверженіе воды по камнямъ. Все это освѣщается электричествомъ и являетъ собою величественное зрѣлище. Электричество введено въ Большой кремлевскій, Николаевскій и Потѣшный дворцы, во всѣ дворцовые корпуса и службы. Во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ поставлено болѣе 15 тысячъ электрическихъ лампочекъ, въ 4 свѣчи каждая, въ видѣ свѣчей, вставленныхъ въ роскошныя бра, люстры, бронзовые канделябры и проч. Три тысячи лампочекъ въ большихъ помѣщеніяхъ въ люстрахъ, въ 16 свѣчей каждая. Кромѣ того вокругъ дворцовъ поставлено на столбахъ 20 электрическихъ фонарей съ вольтовыми дугами. Электрическая энергія для всей этой массы огня дается со станціи, устроенной въ первомъ Александровскомъ саду возлѣ Троицкихъ воротъ, четырьмя машинами, располагающими 1,000 лошадиныхъ силъ. Станція эта снаружи замаскирована стѣной. Получились блестящіе результаты, и освѣщеніе всѣхъ апартаментовъ замѣчательно эффектно. 14-го мая, лишь только стало смеркаться, на обращенный къ Москвѣ рѣкѣ балконъ Кремлевскаго дворца изволили выйти Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Осодоровна, Государыня Императрица Марія Осодоровна и находящіеся въ Москвѣ Высочайшія Особы. Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Осодоровнѣ былъ поднесенъ букетъ изъ электрическихъ лампочекъ, соединенный съ электрическими проводами дворца. Какъ только Ея Величество изволила принять букетъ, онъ загорѣлся электрическимъ свѣтомъ и въ тотъ же моментъ засвѣтился весь Кремль электрическими огнями всевозможныхъ цвѣтовъ. Ихъ Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица и другія Высочайшія Особы оставались на балконѣ и любовались чуднымъ зрѣлищемъ, открывавшимся отсюда на свѣтившуюся безчисленнымъ множествомъ огней Москву.

Небосклонъ озарился багровымъ заревомъ на огромное пространство и взору зрителя городъ представлялся какимъ-то волшебнымъ царствомъ. Самую эффектную картину представлялъ Кремль съ его видимымъ за нѣсколько верстъ Иваномъ Великимъ, ярко

освѣщеннымъ по всѣмъ архитектурнымъ линиямъ 6-ю тысячами электрическихъ лампочекъ и увѣчанныхъ блестящимъ крестомъ, рельефно выдѣляющимся въ высотѣ. Кремлевскія башни, освѣщенные разноцвѣтными электрическими лампочками, представляли чрезвычайно красивую, фантастическую цѣль. Со стороны Красной площади особенно эффектный видъ имѣла Спасская башня, коническая крыша которой вся была залита зеленымъ свѣтомъ, а нижнія архитектурныя линіи усыяны бѣлыми и красными огнями. Рельефно вырисовавшійся на верху башни орелъ сверкалъ какъ-бы брилліантами. Особый эффектъ иллюминаціи получался благодаря тому, что каждая изъ расположенныхъ по линіи стѣны башенъ, имѣла свой особый цвѣтъ. У слѣдующей за Спасской внизъ къ Москвѣ рѣкѣ Царской башней—верхъ былъ иллюминированъ золотистыми огнями.

За нею 4-я безымянная башня освѣщена была краснымъ цвѣтомъ, а слѣдующая—Константиновская—синимъ. Угловая къ Москворѣцкому мосту—зелеными и бѣлыми огнями. Сенатская башня, расположенная вправо отъ Спасской, освѣщалась попеременно зеленымъ, бѣлымъ и краснымъ цвѣтами. Слѣдующая за нею Никольская была иллюминирована—корпусъ красными и бѣлыми огнями, шпиль весь унизанъ лампочками краснаго цвѣта, орелъ на вершинѣ башни—золотистыми лампочками. Арсенальная, находящаяся на углу противъ Историческаго музея, была иллюминирована золотистыми лампочками съ ярко выдѣлявшимся среднимъ ярусомъ, освѣщеннымъ краснымъ цвѣтомъ. Зубцы и всѣ архитектурныя линіи кремлевской стѣны по Красной площади были освѣщены массою газовыхъ рожковъ. Очень эффектно была линія башенъ кремлевской стѣны, выходящей на набережную Москвы-рѣки, иллюминированныхъ разноцвѣтными электрическими лампочками. Самыя вершины башенъ были покрыты бѣлыми огнями, а верхніе ярусы разноцвѣтными. У угловой башни, выходящей къ Каменному мосту, ближайшій къ крышѣ ярусъ освѣщенъ былъ синимъ цвѣтомъ; крыша слѣдующей четырехгранной башни усыяна розовыми лампочками, а крестъ надъ ней бѣлыми; на соседней съ Тайницкою башнѣ крыша была украшена синими и розовыми огнями, а вершина бѣлыми, у слѣдующей башни по крышѣ разсыяны зеленыя лампочки. Башни Боровицкихъ и Троицкихъ воротъ также были залиты цвѣтными огнями. Очень красивы были порота передъ этими башнями, залитыя бѣлыми огнями. Красный бенгальскій огонь, горѣвшій въ среднемъ ярусѣ башенъ, придавалъ фантастическую окраску прилегающимъ къ башнямъ частямъ Кремля. Электрическія солнца, направляемыя со всѣхъ башенъ попеременно въ разныя стороны, бросали цѣлыя снопы свѣта на огромныя разстоянія. При направленіи лучей солнца въ Александровскій садъ, превосходно иллюминированный тысячами всевозможныхъ фонариковъ и шаровъ и переполненный народомъ, послѣдній получалъ необыкновенно красивую окраску. Эффектно также отражались лучи солнца въ куполѣ храма Спасителя. Башня, находящаяся противъ Никитской улицы, передъ зданіемъ арсенала, освѣщалась красиво расположенными на ней электрическими лампочками зеленаго цвѣта, а шпиль темно-краснаго. Красота кремлевской иллюминаціи со

стороны Красной площади дополнялась иллюминаціей зданій Историческаго музея, верхнихъ и среднихъ торговыхъ рядовъ. Фасадъ Историческаго музея былъ убранъ красиво освѣщенными фольговыми звѣздами и бѣлыми кубастиками, которые красиво расположены по архитектурнымъ линіямъ. Посрединѣ фасада помѣщенъ роскошный щитъ съ инициалами на горностаевомъ фонѣ М. Н. А., увѣчанный большою золотою короной и освѣщенный электрическими лампочками. Фасадъ верхнихъ торговыхъ рядовъ по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ, карнизамъ и наличникамъ оконъ увѣчанъ разноцвѣтными фонариками. Надъ зданіемъ рядовъ посрединѣ фасада устроенъ въ формѣ шатра съ шапкою Мономаха наверху, освѣщенный съ боковъ электрическими солнцами транспарантъ съ изображеніемъ вензелей Ихъ Императорскихъ Величествъ, а по бокамъ транспаранта—большіе щиты въ видѣ сіянія, иллюминированные массою фольговыхъ звѣздочекъ. Всѣ простѣйки украшены различными гербами и убраны флагами, на крышѣ дымящіяся жертвенники. Надъ воротами среднихъ рядовъ горѣлъ большой газовый транспарантъ съ инициалами Ихъ Императорскихъ Величествъ и Императорскою короною наверху. Возвышающаяся надъ зданіемъ губернскаго правленія башня была иллюминирована разноцвѣтными электрическими лампочками.

Очень красиво были иллюминированы зданія Императорскихъ театровъ. Особенно эффектный видъ имѣлъ Большой театръ. Весь фасадъ его по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ буквально былъ усыпанъ бѣлыми кубастиками; наверху за фигурой Аполлона ярко горѣло освѣщаемое электричествомъ большое металлическое сіяніе. Разставленные на крышѣ по угламъ зданія жертвенники, поддерживаемые грифонами, и помѣщенная по срединѣ фасада на театрѣ лира красиво были освѣщены электрическими лампочками. По сторонамъ колонъ—гербы и инициалы Ихъ Императорскихъ Величествъ. Все зданіе Мадаго театра по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ также было залито бѣлыми огнями.

На бульварахъ украшенія сдѣланы со стороны внутреннихъ проѣздовъ. Лучше другихъ убраны бульвары Тверской, Никитскій и Пречистенскій. Въ началѣ и концѣ каждаго изъ нихъ высіяются красныя мачты съ украшенными рѣзными украшениями постаментами, свѣтившимися красноварасположенными цвѣтными кубастиками. Устроенныя на каждомъ бульварѣ по 3 небольшія арки и изящныя рѣзные колонны съ гербами и коронами, расположенныя вдоль бульварной рѣшетки, блестятъ разными огнями, причемъ общая окраска освѣщенія была бѣлая. Всѣ колонки соединены гирляндами шаровъ, представлявшихъ красивый бѣлый бордюръ во всю длину бульвара. На Тверскомъ бульварѣ рѣзныя арки увѣчаны государственными гербомъ, подъ которыми на фронтопѣ арки расположены щиты; углы ея украшены коронами, а подъ ними находятся вензеля Ихъ Императорскихъ Величествъ—все это блестяще освѣщено. Всѣ декоративныя Никитскаго и Пречистенскаго бульваровъ также эффектно иллюминированы. Далѣе, въ скверѣ храма Христа Спасителя противъ Пречистенскаго бульвара горитъ цвѣтными огнями красивая арка—верхъ ея увѣчанъ короной съ орломъ, распростертымъ надъ нею свои крылья. Такая же арка украшающ

РИСОВАЛЪ СЪ НАТУРЫ Х
(Право на воспроизведение составляет исключительное)

Торжественное шествіе Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Бол

ОЖНИКЪ В. В. ПОЛЯКОВЪ.

по собственности журнала „Живописное Обозрѣніе“).

Успенскаго собора въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы.

другой уголъ сквера противъ дома князя Голицына; между обѣими арками идетъ рядъ красивыхъ колоннъ и высокихъ мачтъ съ гербами и орнаментами въ древне-русскомъ стилѣ. Съ площади храма Спасителя взоры публики невольно обращаются на освѣщеніе Каменнаго моста, по обѣимъ сторонамъ котораго, въ выступахъ надъ средними двумя устоями, висятъ рѣзныя четырехгранныя башни съ пирамидальными крышами по угламъ. Башни украшены двуглавыми орлами и множествомъ флаговъ. Высокіе шпицы, поднимающіеся съ вершинъ башенъ, поддерживаютъ иллюминаціонныя шары; изъ фонарей, скрытыхъ внутри башенъ, сквозь рѣзбу льются во всѣ стороны струи электрическаго свѣта. Софійская набережная также блещетъ убранствомъ. Наверху масса мачтъ съ флагами, а ниже рѣшетки по гранитной стѣнѣ спускаются пирамидальныя украшенія изъ цвѣтныхъ фонариковъ, которые красиво отражаются въ водѣ. Москворѣцкій мостъ украшенъ транспарантами, мачтами и колоннами съ гербами. Всѣ дома по линіи бульваровъ и на улицахъ, гдѣ происходило катаніе, были также очень эффектно иллюминированы, поражающая роскошью освѣщенія, то богатствомъ и нерѣдко оригинальностью убранства. Красиво были декорированы дома, занимаемые посольствами съ развѣвающимися на шпицахъ большими флагами странъ, представителями которыхъ они явились на московскія торжества. Хорошо также иллюминированы были Тверская улица, Лубянская площадь, Мясницкая улица, Каланчевская площадь.

Роскошно были иллюминированы зданія на Тверской площади; особенно эффектно былъ убранъ домъ Августѣйшаго московскаго генералъ-губернатора: по краю крыши плетъ линія зеленыхъ кубастиковъ, подъ ней рядъ отдѣльных шаровъ разныхъ цвѣтовъ: въ трехъугольникѣ подъ крышей сдѣланъ орелъ изъ бѣлыхъ матовыхъ фонариковъ; верхній карнизъ дома унизанъ бѣлыми, красными и зелеными шарами; по наличникамъ оконъ къ верхнему этажѣ блестятъ бѣлые, а въ бельэтажѣ и нижнемъ этажѣ бѣлые съ зелеными огоньки, подоконники оконъ соединены гирляндами изъ зеленыхъ огней. Колонны около балкона сдѣланы изъ бѣлыхъ огней и обвиты, какъ лентой, кубастиками зеленого цвѣта. Надъ вершиной крыши яркоблестятъ розовымъ и синимъ электрическимъ цвѣтомъ инициалы Ихъ Величествъ съ такою-же короной; все это заключено въ вѣнокъ изъ бѣлыхъ и золотистыхъ лампочекъ; балконъ и простѣнки оконъ, выходящихъ на него, а также подъѣздъ, задрапированы малиновымъ бархатомъ; перила балкона и наличники оконъ окаймлены разноцвѣтными электрическими лампочками.

Надъ балкономъ установленъ щитъ изъ горючая съ крупными инициалами Ихъ Величествъ; вензель Государя—розовый, Государыни—голубой, а корса надъ ними золотистаго цвѣта; надъ подъездомъ большая корона изъ лампочекъ разныхъ цвѣтовъ. Красиво свѣтилось тысячами кубастиковъ разныхъ цвѣтовъ зданіе Тверской части, превращенной въ древній русскій теремъ; цвѣта подобраны такимъ образомъ, что колонны, окна, крыши башенокъ терема очень рельефно выделяются изъ бѣлыхъ огней, которые даютъ главную окраску терему; вершины башенокъ съ зелеными крышами увѣнчаны золотистыми орлами; въ верхнемъ этажѣ терема горятъ бѣлые инициалы Ихъ Величествъ съ такою-же короною на красивомъ фонѣ. Ниже по

Тверской отъ площади по линіи уличныхъ фонарей мелькаетъ масса цвѣтныхъ граневыхъ фонариковъ, развѣшанныхъ гирляндами между фонарными столбами; вниманіе публики останавливается затѣмъ на убранствѣ дома близъ Газетнаго переулка, по лѣвой сторонѣ Тверской; всѣ украшенія газовыя; надъ входомъ инициалы Ихъ Величествъ съ короной, двери и окна окаймлены тысячами розовыхъ, по бокамъ орлы и звѣзды; домъ, лежащій противъ описаннаго, красиво освѣщенъ электрическими лампочками, изъ которыхъ сдѣланы вензеля Государя и Государыни, на второмъ и третьемъ этажахъ ряды звѣздъ, а подъ окнами гирлянда зелени; ниже еще нѣсколько домовъ съ газовыми украшениями; красиво декорировано электричествомъ зданіе, гдѣ помѣщается магазинъ Мандль; надъ входомъ горитъ орелъ въ вѣнкѣ изъ разныхъ цвѣтовъ съ зеленою; подъ нимъ помѣщенъ портретъ Его Величества, задрапированный сверху горючаемъ съ золотой каймой; въ окнахъ магазина съ лѣвой стороны выставлены бюсты Государя подъ массивною короною съ электрическими камнями и большая корона; въ окнахъ съ правой стороны бюсты Ея Величества подъ бѣлою короной съ такими же камнями и большая золотая шапка Мономаха съ цвѣтными камнями и бѣлымъ крестомъ. Очень эффектно колонна на Охотворядской площади, убранная по архитектурнымъ линіямъ, выступамъ и корнизамъ массой матовыхъ стаканчиковъ; на углу Охотнаго ряда, на установленномъ передъ тротуаромъ щитѣ, горятъ электрическимъ свѣтомъ инициалы Ихъ Величествъ подъ короною; красиво декорирована газомъ «Лоскутная гостиница»; перила балкона залиты газомъ; на рѣшеткѣ балконовъ укрѣпленъ рядъ звѣздъ; по среднѣ и въ вѣнкѣ—крупные инициалы Ихъ Величествъ, съ большими звѣздами по бокамъ. Все зданіе ея, какъ кружевами, унизано бѣлыми матовыми кубастиками, свѣтящимися по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ, карнизамъ, а также по фигурнымъ выступамъ и конькамъ крышъ; чрезвычайно красиво была декорация, выстроенная лѣвѣ думы, состоящая изъ трехъ соединенныхъ арокъ съ шатромъ надъ средней аркой; особенно красива большая матовая корона, которую увѣнчана вершина шатра; изъ нея идутъ во всѣ стороны яркіе лучи электрическаго свѣта, освѣщающіе изнутри и самую корону; на колоннахъ выделяются красные гербы; верхъ арокъ блестятъ смѣшаннымъ бѣлымъ и зеленымъ цвѣтами.

Очень красиво убранство зданія Благороднаго собранія, усаженнаго массою бѣлыхъ матовыхъ кубастиковъ и шаровъ, а главный подъѣздъ декорированъ электричествомъ. По пути отъ центра города къ Мясницкой, особенно вниманіе публики привлекла вчера иллюминація дома, находящагося на углу Китайскаго проезда и Рождественки; весь фасадъ этого громаднаго дома освѣщенъ электрическими лампочками, которыми сплошь унизаны карнизы и колонны; на крышѣ разставлены вазы съ дымящимися красивыми бенгальскими огнями; на самомъ углу дома, гдѣ крыша сдѣлана въ видѣ купола, устроена изъ электрическихъ лампочекъ какъ-бы 4-хъ сторонняя рѣшетка, на всѣхъ сторонахъ которой красными лампочками изображены инициалы Ихъ Императорскихъ Величествъ. Хороша иллюминація, устроенная на Китайской стѣнѣ, противъ Рождественки, башня, вся залитая бѣлыми огнями; вся Китайская стѣна по проезду къ Лубянской площади убрана

щитами, освѣщенными стаканчиками. На Лубянской площади вниманіе зрителя останавливается грандіозное сооруженіе, представляющее собою шапку Мономаха, освѣщенную массою кубастиковъ и шаровъ, даѣе за фонтаномъ идутъ красивые щиты, иллюминированные бѣлыми шарами. На домѣ, расположенномъ на углу улицъ Большой Лубянки и Софійки, устроенъ большой газовый щитъ съ инициалами Ихъ Императорскихъ Величествъ и короною наверху; на Мясницкой по эффектно-сти иллюминаціи первое бросается въ глаза видная изъ далека большая колонна, воздвигнутая на площадѣ у Мясницкихъ воротъ; всѣ 4 стороны колонны красиво убраны бѣлыми кубастиками, посреди которыхъ голубыми огнями изображены инициалы Государя Императора и Государыни Императрицы; увѣнчивающая колонну Императорская корона иллюминирована золотистыми и красными огнями. Далѣе, по направленію къ Краснымъ воротамъ, при вѣздѣ на Мясницкую улицу отъ бульваровъ, устроена большая арка, иллюминированная стаканчиками. Красиво иллюминировано зданіе Мясницкой больницы, фасады которой сплошь залиты огнями. Также красиво иллюминированъ домъ, находящійся рядомъ съ больницей; фасадъ его по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ освѣщенъ газомъ. На площади противъ Козловскаго переулка опять встрѣчается красиво иллюминированная разными огнями большая колонна, а за нею весьма красивую картину представляютъ Красныя ворота, залитыя по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ массою огней; помѣщенные надъ воротами съ обѣихъ сторонъ большіе государственные гербы освѣщены золотистыми стаканчиками; подъ гербами идутъ гирлянды изъ зеленыхъ огней; карнизъ воротъ красиво освѣщенъ красными огнями, а самый корпусъ воротъ со всѣхъ сторонъ иллюминированъ массою бѣлыхъ стаканчиковъ; за Красными воротами, вначалѣ сквера воздвигнутъ грандіозный щитъ, устроенный въ формѣ звѣзды, внутри которой на пьедесталахъ помѣщены бюсты Ихъ Императорскихъ Величествъ, рельефно выделяющіеся на фонѣ лавровыхъ деревьевъ, помѣщенныхъ сзади; вокругъ бюстовъ идетъ масса флаговъ, расположенныхъ въ формѣ вѣера, а сверху спускается украшенный золотыми кистями стягъ, на которомъ изображенъ государственный гербъ.

Чудную и величественную, никогда небывавшую картину представлялъ своею иллюминаціей Александровскій садъ, расположенный вдоль Кремлевской стѣны отъ Воскресенской площади до набережной рѣки Москвы. Чугунная, массивная, сквозная ограда, при входѣ въ первое отдѣленіе его, украшена была молочными стаканчиками, сплошь блестящими огнями. Прямо передъ вами, на средней аллеѣ, составляла прелестную перспективу, возвышались одна за другой четыре огромныя арки, увѣнчанныя государственными гербами, украшенныя національными флагами и унизанныя безчисленнымъ множествомъ горящихъ разноцвѣтныхъ стаканчиковъ. Получается въ высшей степени эффектное зрѣлище. Какъ въ среднихъ аллеяхъ, такъ и на боковыхъ дорожкахъ всѣхъ трехъ садовъ—блестятъ огнями разныхъ цвѣтовъ звѣзды, прикрѣпленные къ высокимъ столбамъ съ промежутками въ 3 сажени. Между столбами во всю длину аллей и боковыхъ дорожекъ на протянутыхъ проволокахъ горятъ десятки тысячъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ шаровъ, какъ-бы висящихъ въ воздухѣ.

Въ первомъ и третьемъ отдѣленіяхъ сада, на зеленыхъ полянахъ, воздвигнуты громадныя столбы, увѣнчанные государственными гербами, обращенными на три стороны и украшенные флагами. Подъ гербами устроены небольшія круглыя площадки, отъ которыхъ, расходясь множествомъ радіусовъ, идутъ проволоки, прикрѣпленныя къ невысокимъ столбикамъ, соединеннымъ между собою тоже проволокою, образуящую большой правильный кругъ, діаметромъ въ нѣсколько саженей. Эти громадныя прозрачныя проволочныя конусы съ вершинъ и до основаній всѣ унизаны разноцвѣтными шарами, которые во время иллюминаціи представляли волшебную картину. Особенно были красивы нѣсколько громаднхъ деревьевъ на полянахъ двухъ первыхъ садовъ: густыя вѣтви этихъ деревьевъ сплошь унизаны разноцвѣтными огненными шарами, словно огненными яблоками. Весь гротъ и эстрады для музыкантовъ, устланные молочными стаканчиками, горѣли сплошными линіями огней. Надъ воротами и къ манежу блестящіе щиты въ видѣ полукруглаго сіянія.

Весьма оригинально и причудливо былъ украшенъ вокзалъ московско-ярославской желѣзной дороги: по верхней части фасада освѣщенъ электричествомъ, а по нижней были зажжены кубастики. Предъ вокзаломъ воздвигнуты двѣ красныя башни, на верху которыхъ устроены урны, изъ которыхъ били два разноцвѣтныхъ фонтана изъ пара, подавляемаго особымъ паровозомъ.

Вокзалы Николаевской желѣзной дороги, курской и нижегородской, а также московско-брестской были роскошно декорированы

и иллюминированы. По фасаду зданій помѣщаются большія вензелевыя изображенія Ихъ Императорскихъ Величествъ, увѣнчанныя короной.

Вокзалъ московско-казанской желѣзной дороги, имѣвшій роскошное убранство, былъ блестяще иллюминированъ. Весь лицевой фасадъ вокзала красиво задекорированъ матеріей національныхъ цвѣтовъ и флагами; кромѣ того, въ простѣнкахъ между окнами размѣщена масса различныхъ фигуръ въ видѣ гербовъ, коронъ, звѣздъ, треугольниковъ и т. п., а также желѣзно-дорожныя эмблематическія фигуры въ видѣ щитовъ съ перекрещивающимися на нихъ топорами и якорями. Центромъ украшенія является щитъ съ вензелемъ Ихъ Величествъ, устроенный надъ вестибюлемъ и увѣнчанный короной: онъ былъ иллюминированъ разноцвѣтными электрическими лампочками въ большомъ количествѣ. Въ общемъ весь фасадъ освѣщенъ 10,000 огнями. Однимъ словомъ, вокзалъ буквально былъ залитъ свѣтомъ отъ разноцвѣтныхъ электрическихъ лампочекъ. Передъ входомъ въ вокзалъ устроены мачты, задранированные парчей и матеріями съ вышитыми инициалами Ихъ Императорскихъ Величествъ. На площади предъ вокзаломъ устроены двѣ громадныя колонны, которыя обтянуты матеріями, на верху ихъ подъ капителью размѣщены на каждой изъ колоннъ по четыре золоченыхъ герба, вверху коронъ поставлены курящіеся жертвенники. Послѣдніе представляютъ эффектное зрѣлище.

На Тверскомъ бульварѣ прекрасно былъ иллюминированъ домъ оберъ-полцеймейстера, а

на Никитскомъ—домъ Государственнаго банка. Пречистенскій бульваръ отличился иллюминаціей зданія Удѣльнаго вѣдомства. Всѣ три бульвара, съ вѣшной стороны ихъ были освѣщены сплошными гирляндами матовыхъ фонарей.

Зданія Императорскихъ театровъ были роскошно иллюминированы, въ особенности, замѣчательно была освѣщена лицевая сторона Большого театра. Зданіе городской думы было залито огнями; превосходно было иллюминировано зданіе верхнихъ торговыхъ рядовъ и представляло собою прекрасный видъ. По Волховкѣ особымъ изяществомъ убранства отличается домъ князя С. М. Голицына. Со стороны сквера фасады флигелей и рѣшетка буквально залиты разноцвѣтными огнями, а красиво расположенные щиты, гербы и прочія убранства довершаютъ собою общій эффектъ иллюминаціи.

На Знаменкѣ роскошно горѣло огнями зданіе Александровскаго военнаго училища, домъ Бутурлина, сплошь унизанный стаканчиками и фонарями, дома Шевелкина и Лепешкиной. Красотой иллюминаціи особенно отличался Румянцевскій музей, представлявшій восхитительное зрѣлище.

На Воздвиженкѣ, домъ графа С. Д. Шереметева былъ буквально залитъ, какъ снѣгъ, бѣлыми огнями; прекрасно было иллюминировано зданіе Казенной палаты, рѣшетка палисадника дома Базилевскаго была освѣщена недурно, эффектно горѣли вышки строящагося причудливаго дома В. А. Морозовой. Зато домъ капиталиста А. И. Корзикина утопалъ въ темнотѣ.

Балъ у Августѣйшаго Генераль-Губернатора Москвы.

В А.ТЪ у Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича состоялся въ понедѣльникъ, 20-го мая. Убранство комнатъ генераль-губернаторскаго дома отличалось изящною простотою. Матовое освѣщеніе бросало спокойный, ровный свѣтъ на всѣ предметы; оркестръ помѣщался на хорахъ. Нарочно для бала была пристроена элегантно обтянутая матеріей обширная столовая, гдѣ помѣщался открытый обильный буфетъ. Свѣздъ приглашенныхъ начался въ 9 ч. 30 м. вечера. Тогда-же вачали пріѣзжать члены Императорскаго дома и иностраннѣе принцы, въ числѣ которыхъ находились князь черногорскій Николай съ сыновьями и дочерью княжною Еленсю, князь болгарскій Фердинандъ и иностранныя послы. На балѣ находились оба французскіе посла, экстраординарный—генераль Буадефрѣ и графъ Монтебелло. Великій Князь Сергія Александровичъ и Великая Княгиня Елисавета Оеодоровна изволили при-

нимать гостей у входа въ залъ и очаровали всѣхъ своею милостивою любезностью и вниманіемъ. Въ 10 ч. 30 м. балъ освѣтили своимъ прибытіемъ Государь Императоръ и Государыня Императрица. Громовое «ура», раздавшееся на площади и подхваченное всѣмъ народомъ, обозначало моментъ Ихъ пріѣзда. Съ прибытіемъ Ихъ Величествъ начались танцы и продолжались до часу. Особенность этого бала та, что все время народъ стоялъ густою массою на площади передъ домомъ Августѣйшаго генераль-губернатора. Въ толпѣ образовалось нѣсколько народныхъ хоровъ, пѣвшихъ народныя гимны и «Спаси Господи люди твоя». Могучее, прямо идущее изъ сердца русскаго человѣка «ура» не прекращалось. Роскошный ужинъ былъ накрытъ во вновь пристроенномъ павильонѣ и во всѣхъ залахъ, кромѣ бальнаго зала. Царскій столъ былъ въ большой оранжевой гостиной. Какъ все на этомъ балѣ, отличалось гению, сдѣланное по р сунку худож-

ника Васнецова. Среди орнаментовъ русскаго стиля помѣщено вензелевое изображеніе Ихъ Величествъ; надъ вензелемъ государственный гербъ и атрибуты власти и величія; ниже представлена трапеза въ царскомъ теремѣ въ одѣянніи временъ Алексѣя Михайловича. Пируютъ молодые благодѣтели и красивыя царь и царица, сидящіе на тронѣ и окруженные знатными боярами и боярынями съ выраженіемъ любви, заботливости и почитанія. Подъ картиной надпись: «А и было широкое—почетный пиръ, а и было столованіе—почетный столъ». Еще ниже слѣдуетъ перечень блюдъ ужина. Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили уѣхать, сопровождаемые громкими «ура» съ любовью ожидавшаго ихъ народа. Вслѣдъ за ихъ отъѣздомъ на площади снова послышалось пѣніе «Боже, Царя храни». Балъ у Августѣйшаго генераль-губернатора Москвы оставилъ во всѣхъ глубокое и вѣдрадное впечатлѣніе.

Высшее духовенство, сослужившее при Священномъ Коронваніи.

Высокопреосвященный Палладій.

Высокопреосвященный Палладій, митрополитъ с. пегербургскій и ладожскій, кончилъ курсъ въ казанской духовной академіи въ 1852 году и рукоположенъ въ священники въ 1856 году, постриженъ въ монашество въ 1861 году и возведенъ въ санъ архимандрита въ 1862 году. Съ 1864 до 1866 г. преосв.

Палладій былъ ректоромъ с.-петербургской духовной семинаріи. Послѣдовательно достопочтимый архипастырь занималъ высокіе священныя посты: епископа—ладожскаго, вологодскаго, тамбовскаго, рязанскаго; архіепископа казанскаго, каргалинскаго и кахетинскаго и экзарха Грузіи. Въ 1892 г. 18 окт. преосв. Палладій былъ назначенъ митрополитомъ с.-петербургскимъ и ладожскимъ, священпо-

архимандритомъ Свято-Троицкія Александроневскія Лавры и первенствующимъ членомъ Святѣйшаго Синода.

Высокопреосвященный Іоанникій.

Высокопреосвященный Іоанникій, митрополитъ кievскій и галицкій, окончилъ курсъ въ кievской духовной академіи въ 1849 году и воз-

веденъ въ санъ архимандрита въ 1854 году. Пр. Іоанникій дважды былъ ректоромъ: кievской духовной семинаріи и кievской ис.-петербургской духовныхъ академій. Былъ епископомъ—выборгскимъ, саратовскимъ, нижегородскимъ; затѣмъ—архіепископомъ картолинскимъ, кахетинскимъ и экзархомъ Грузіи. Въ 1882 г. высокопреосвященный Іоанникій былъ назначенъ митрополитомъ московскимъ.

Преосвященный Владиміръ.

Преосвященный Владиміръ, экзархъ Грузіи, епископъ карталинскій и кахетинскій, окончилъ курсъ въ кievской духовной академіи и въ 1882 г. былъ рукоположенъ во священника. Въ 1885 г. преосв. Владиміръ былъ постриженъ въ монашество, возведенъ въ санъ архимандрита; затѣмъ былъ назначенъ настоя-

въ московскомъ университетѣ, опредѣлился послушникомъ въ монастырь и былъ постриженъ въ монашество въ 1866 г. Въ 1879 г. преосвящ. Флавіанъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ начальникомъ пекинской духовной миссіи; былъ епископомъ аксайскимъ и люблинскимъ, а въ 1891 году назначенъ архіепископомъ холмско-варшавскимъ.

Протопресвитеръ І. Л. Янышевъ.

Протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, завѣдующій придворнымъ духовенствомъ, въ 1849 г. окончилъ курсъ въ с.-петербургской духовной академіи, въ 1851 г. рукоположенъ во священника въ церковь русской миссіи во Франкфуртѣ на Майнѣ. Въ 1856 г. онъ былъ ординарнымъ профессоромъ въ с.-петербургскомъ университетѣ. Настоящее важное назначеніе духовникомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ о. І. Л. Янышевъ получилъ въ 1883 г. Въ 1895 г. о. Янышевъ ѣздилъ въ Дармштадтъ для наставленія въ православіе Высоконареченной Невѣсты Государя Императора Николая II, нынѣ благополучно царствующей Императрицы Александры Озодоровны.

Отецъ Іоаннъ Сергіевъ.

Отецъ Іоаннъ Сергіевъ кронштадт-

Государственный гербъ.

Преосвященный Антоній.

Преосвященный Антоній, архіепископъ финляндскій и выборгскій, окончилъ курсъ казанской духовной академіи въ 1870 г. и возведенъ въ санъ архимандрита въ 1883 г. Преосвященный Антоній былъ инспекторомъ казанской духовной академіи и инспекторомъ и ректоромъ с.-петербургской духовной академіи. Въ 1887 году преосвященный Антоній назначенъ епископомъ выборгскимъ, а въ 1892—архіепископомъ финляндскимъ и выборгскимъ.

Преосвященный Флавіанъ.

Преосвященный Флавіанъ, епископъ холмскій и варшавскій, окончилъ курсъ въ 1863 г.

Преосвященный Іустинъ.

Преосвященный Іустинъ, архіепископъ одесскій и херсонскій, въ 1852 г., въ продолженіе академическаго курса постриженъ въ монашество, и въ 1857 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Преосвященный Іустинъ занималъ постъ ректора ярославской духовной семинаріи въ 1858—1871 году; затѣмъ былъ епископомъ острожскимъ, харьковскимъ, подольскимъ, курскимъ и бѣлоградскимъ.

скій тоже присутствовалъ и участвовалъ въ числѣ духовенства, сослуживаго при Священномъ Коронованіи. Любимый всей Россіей за свою благотворительность, полный христіанской любви къ ближнимъ, почтенный пастырь давно уже трудится на поприщѣ христіанскаго милосердія. О. Іоаннъ сынъ бѣднаго причетника архангельской губерніи. Цѣною многихъ трудовъ и лишеній достигъ онъ того, что могъ въ 1855 г. окончить курсъ с.-петербургской духовной академіи съ званіемъ кандидата богословія. Въ томъ-же году о. Іоаннъ Сергіевъ поступилъ священникомъ въ кронштадтскій Андреевскій соборъ, гдѣ служить и до сихъ поръ, неустанно облегчая участь бѣдныхъ и несчастныхъ истинно христіанской благотворительностью.

Въ статьѣ этого номера «Священное Коронованіе» подробно описано, кто и что совершали въ этой торжественной службѣ изъ упомянутыхъ нами здѣсь духовныхъ особъ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

о дарованныхъ въ день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ милостяхъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Изволеніемъ и милостію Господа Вседержителя, совершивъ въ сей торжественный день обрядъ Священнаго Коронованія и воспріявъ Святое Миропомазаніе, повергаемъ къ Престолу Царя Царствующихъ съ усерднымъ моленіемъ, да благословитъ Онъ Царствование Наше на благо возлюбленнаго Отечества и да утвердитъ Насъ въ исполненіи священнаго обѣта Нашего—вѣрно и неуклонно продолжать унаслѣдованное отъ Вѣнценосныхъ Предковъ дѣло строенія Земли Русской и укрѣпленія въ ней вѣры, добрыхъ нравовъ и истиннаго просвѣщенія.

Вникая въ нужды всѣхъ нашихъ вѣроподданныхъ и обращая взоры Наши въ особенности на страждущихъ и обремененныхъ, хотя-бы и по собственной винѣ или нерадѣлю, слѣдуемъ влеченію сердца даровать и имъ возможныя облегченія, дабы, въ сей достопамятный день Священнаго Вѣнчанія Нашего на Царство, они, вступивъ на стезю обновленной жизни, могли радостно участвовать во всенародномъ ликованіи.

Въ сихъ видахъ Всемиловитѣйше Повѣствуемъ:

1. Даровать нижеслѣдующія облегченія по разнаго рода сборамъ:

1. Сложить со счетовъ всѣ числящіяся къ 1 января 1896 г. недоимки:

а) въ губерніяхъ Европейской Россіи — государственнаго поземельнаго налога, и

б) въ губерніяхъ Царства Польскаго — поземельнаго налога, поземельнаго на содержаніе гминныхъ судовъ сбора и подымной подати крестьянской, посадской и дворской.

2. Въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1896 г., взимать исчисленный со всѣхъ сословій государственный поземельный налогъ въ Европейской Россіи въ размѣрѣ половины нынѣ установленныхъ среднихъ по губерніямъ окладовъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ средний подесятинный окладъ превышаетъ десять копѣекъ на десятину, — пять копѣекъ съ десятины.

3. Въ теченіе указаннаго въ предыдущемъ п. 2 срока взимать въ половинномъ размѣрѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго — крестьянскій, посадскій и дворскій добавочный поземельный налогъ и поземельный на содержаніе гминныхъ судовъ сборъ.

4. Если въ теченіе указаннаго въ пп. 2 и 3 десятилѣтняго срока послѣдуетъ уменьшеніе поименованныхъ въ сихъ пунктахъ сборовъ — взимать до истеченія означеннаго срока половину вновь установленнаго уменьшеннаго оклада.

5. Сложить со счетовъ всѣ числящіяся ко дню коронованія Нашего недоимки по отмѣненнымъ въ Европейской Россіи подушной и оброчной податямъ и лѣсному налогу.

6. Сложить со счетовъ по подушной и оброчной податямъ въ Сибири ту часть недоимокъ, которая къ 1 января 1896 г. числится на личной отвѣтственности плательщиковъ; остальную недоимку, числящуюся къ тому же сроку, по симъ податямъ, а равно по поземельному налогу въ Туркестанскомъ краѣ, по подымной подати съ сельскаго населенія Кавказа и по подати кибиточной — разсрочить, съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ уплату на каждый годъ причиталось не болѣе одной десятой части годового оклада.

7. Сложить съ евреевъ-земледѣльцевъ екатеринославской губерніи недоимку оброчной подати, образовавшуюся до 1 января 1887 года.

8. Сложить со счетовъ числящіяся къ 1 января 1896 г. недоимки по прямымъ податямъ и окладнымъ сборамъ, взимаемымъ въ воссоединенной съ Россіею, по берлинскому трактату 1878 года, части Бессарабіи (свод. зак., т. V, уст. о прям. налог., изд. 1893 года, ст. 3).

9. Сложить со счетовъ числящіяся къ 1 января 1896 г. недоимки:

а) по взимаемому съ туземнаго населенія Кавказа налогу, взимаемому исполненія воинской повинности натурой, и

б) по подымной подати съ городского населенія Кавказа.

10. Сложить и исключить изъ счетовъ ту часть накопившихся къ 1 января 1886 г. недоимокъ по лѣсному налогу, платимому крестьянами въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не выданы владѣнные записи, и населеніемъ горнозаводскихъ округовъ, которая превышаетъ годовой окладъ этого налога, исчисленный въ размѣрѣ оклада 1895 года, съ тѣмъ: а) чтобы неподлежащая сложению часть означенныхъ недоимокъ взыскивалась затѣмъ ежегодно въ размѣрѣ не менѣе одной пятой части годового оклада и б) чтобы лица, коимъ предоставлена была уже разсрочка недоимки на срокъ свыше пяти лѣтъ, пользовались этою льготою и впредь за уменьшеніемъ общей суммы недоимки въ указанномъ выше размѣрѣ.

11. Сложить всю числящуюся по 1 января 1896 г. на калмыкахъ, кочующихъ въ астраханской губерніи, а также на калмыкахъ Большедербетовскаго улуса ставропольской губерніи недоимку кибиточнаго бора, взимаемаго на основаніи Высочайше утвержденного 16 марта 1892 г. мѣстнаго государственнаго совета.

12. Простить всѣ причитающіяся по 1 января 1896 года недоимки по ясачному сбору и оброчной подати, платимымъ кочевыми, бродячими и осѣлыми инородцами Кабинету Нашему.

13. Изъ недоимокъ по полупроцентному сбору, взимаемому на содержаніе с.-петербургской пригородной по-

лицы, простить съ каждаго плательщика по триста рублей.

14. Оставить безъ взысканія тѣ недоимки по окладнымъ сборамъ, поименованнымъ въ предшествующихъ пп. 1—13 настоящей статьи I, которыя слѣдовали къ поступленію за время по 1 января 1896 г., но по какимъ-либо причинамъ не зачислены по день Коронованія Нашего по счетамъ казначействъ.

15. Оставить безъ взысканія и сложить со счетовъ всѣ безъ исключенія недоимки, накопившіяся по 1 января 1895 г. и почему бы то ни было невзысканныя по день Коронованія Нашего, въ платежахъ за земельныя угодья, предоставленныя въ пользованіе по уставнымъ грамотамъ населенію казенныхъ горныхъ заводовъ, хотя бы угодья эти и не были еще окончательно отведены въ надѣлъ тому населенію.

16. Сложить недоимки по поземельному оброку, образовавшіяся по день коронованія Нашего за крестьянами изъ бывшихъ горнозаводскихъ людей и ихъ семействъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего по уставнымъ грамотамъ и за пользованіе землями вообще сверхъ уставныхъ грамотъ.

17. Сложить въ полной суммѣ недоимки съ леною, числящіяся по день коронованія Нашего за переселенцами, водворенными на казенныхъ земляхъ на основаніи Высочайше утвержденныхъ 10 іюля 1881 г. и 17 февраля 1884 г. положеній комитетаминистровъ, по арендной платѣ за эти земли за времяпользованія таковыми, до уменьшенія, на основаніи Высочайше утвержденного 28 ноября 1894 г. мѣстнаго государственнаго совета, первоначально назначенныхъ за нихъ платежей.

18. Сложить съ переселенцевъ, на которыхъ распространяется дѣйствіе статей 19—24 прилож. къ ст. 33 (прим. 2) общ. пол. о крест. (свод. зак., т. IX, особ. прил. I, по прод. 1891 г.), всѣ по день коронованія Нашего недоимки въ казенныхъ сборахъ, числившіяся по прежнимъ обществамъ и переведенныя по мѣсту новой приписки недоимщиковъ.

19. Сложить изъ причитающихся къ поступленію въ казну за время до 1 января 1896 г. сборовъ съ торговли и промышленности (свод. зак., т. V, уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. ст. 213—454), за исключеніемъ лишь дополнительнаго процентнаго сбора, — тѣ, которые не превышаютъ пятидесяти рублей; суммы же сборовъ, превышающія означенный размѣръ, уменьшить на пятьдесятъ рублей каждую.

20. Сложить всѣ образовавшіяся къ 1 января 1896 года недоимки въ орныхъ податяхъ, въ отдѣльности не превышающія пятидесяти рублей, по

недоимкамъ же въ сѣхъ податяхъ на большую сумму исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

21. Простить не взысканныя по день коронаванія Нашего суммы, судоходнаго и поессейнаго казенныхъ сборовъ не свыше трехсотъ рублей на каждое отдѣльное лицо.

22. Оставить безъ взысканія недоимки въ пошлинахъ съ межевыхъ плановъ и книгъ, опредѣленныхъ ко взысканію за пять и болѣе лѣтъ до дня коронаванія Нашего.

23. Сложить числящіяся по день коронаванія Нашего на служащихъ въ алтайскомъ и нерчинскомъ округахъ вѣдомства Кабинета Нашего недоимки по случаю увеличенія окладовъ содержанія и пенсій изъ заводскихъ суммъ; не численныя же по сей день недоимки въ сѣхъ сборахъ не начислять.

24. Простить всѣ недоимки съ начетами и пенями, опредѣленныя ко взысканію въ пользу казны, на основаніи дѣйствовавшихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, до введенія въ оныхъ устава о питейномъ сборѣ, законоположеній по питейной части.

II. Простить причитающіяся, но еще не взысканныя по день коронаванія Нашего:

1. Всякаго рода штрафы и пени по взимаемымъ въ казну прямымъ налогамъ (свод. зак., т. V, уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. 1), кромѣ упомянутыхъ въ п. 2 сей статьи II, а также по пошлинамъ крѣпостнымъ и съ безмезднаго перехода имущества.

2. Штрафы, не превышающіе трехсотъ рублей, за совершенныя по день коронаванія Нашего нарушенія правилъ о налогахъ съ торговли и промышленности (свод. зак., т. V, уст. о прям. налог., изд. 1893 г., ст. ст. 213—454), правилъ о сборѣ съ паровыхъ котловъ (Высочайше утвержденное 14-го марта 1894 г. мнѣніе государственнаго совѣта, отд. VII, ст. 5) и статей 153—155 устава о промышленности (свод. зак., т. XI, ч. 2, изд. 1893 г.); штрафы же, превышающіе означенную сумму, уменьшить на триста рублей каждый.

3. Взысканія за совершенныя по день коронаванія Нашего нарушенія устава о гербовомъ сборѣ — въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей по каждому нарушенію; по взысканіямъ, превышающимъ означенную сумму, сложить триста рублей по каждому нарушенію; взысканія же по таковымъ нарушеніямъ, совершеннымъ за пять и болѣе лѣтъ до дня коронаванія Нашего и обнаруженнымъ до сего дня, простить на всякую сумму.

4. Пени, начисленныя за несвоевременный взносъ пособій государственному казначейству.

5. Начтенныя на частныхъ горнопромышленниковъ: а) пени за несвоевременный взносъ подесятиной платы за площади, отведенныя подъ разработку ископаемыхъ, и за несвоевременный взносъ подати за добытую руду, и б) штрафы за нарушеніе горнаго устава.

6. Пени за несвоевременный взносъ подесятиной платы съ расположенныхъ на казенныхъ земляхъ присковъ.

7. Тѣ части взысканій, не свыше трехсотъ рублей съ каждого лица, наложенныхъ, но еще не взысканныхъ по 1896 г., съ нарушителей уставовъ о рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ въ водахъ Каспійскаго моря и восточной части Закавказскаго края, кои, на основаніи примѣч. 2 къ ст. 646 и ст. 769 уст. сел. хоз. (свод. зак., т. XII, ч. 2, изд. 1893 г.) слѣдуютъ къ поступленію въ доходъ казны.

8. Штрафы за неправильное вчинаніе тяжбъ и исковъ и слѣдующую въ пользу казны половину штрафовъ за неправую апелляцію, которые наложены до дня коронаванія Нашего.

9. Наложеныя въ порядкѣ административномъ взысканія за самовольныя отлучки за границу, за исключе-

ніемъ части сѣхъ взысканій, подлежащей обращенію въ доходъ городовъ и въ инвалидный капиталъ.

III. Сложить изъ недоимокъ по неокладнымъ сборамъ, пошлинамъ и взысканіямъ, не подходящимъ подъ дѣйствіе предыдущихъ статей I и II, а также по издержкамъ на содержаніе и пересылку арестантовъ и выдачамъ изъ казны, на счетъ виновныхъ, кормовыхъ и суточныхъ денегъ и прогоновъ, образовавшихся по день коронаванія Нашего, какъ числящихся по счетамъ, такъ и не численныя или разсроченныя, — тѣ, которыя въ отдѣльности не превышаютъ пятидесяти рублей; по недоимкамъ же на большую сумму исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

IV. Дѣйствіе предыдущихъ статей I, II и III не распространяется:

а) на суммы, казни не принадлежащія и хотя находящіяся въ распоряженіи правительства, но имѣющія спеціальное назначеніе;

б) на взысканія по казеннымъ под-
рядкамъ и поставкамъ;

в) на недоимки по патентнымъ и акцизнымъ сборамъ и таможеннымъ пошлинамъ;

г) на капиталныя суммы пособій государственному казначейству, — и

д) на недоимки третняго жалованья состоящихъ на службѣ лицъ, получающихъ оное.

V. Сложить образовавшіяся за десять и болѣе лѣтъ до дня коронаванія Нашего недоимки по арендѣ отъ казны дохода отъ пропашки на крестьянскихъ земляхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго; изъ недоимокъ же этого рода, образовавшихся за время отъ пяти до десяти лѣтъ до сего дня, исключить по триста рублей по каждой статьѣ: штрафы, пени и проценты за несвоевременный взносъ платежей по арендѣ означеннаго дохода, причитающіяся, но еще не взысканныя по день коронаванія Нашего, простить сполна.

VI. Простить всѣ образовавшіяся по 1-е января 1896 года недоимки на лицахъ, перебравшихъ пенсіи изъ казны, а равно содержаніе и пенсіи изъ заводскихъ суммъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, и на лицахъ, виновныхъ въ неправильной выдачѣ таковыхъ пенсій и содержанія, если противъ означенныхъ лицъ не возбуждено обвиненія въ причиненіи ими ущерба завѣдомо съ корыстной или иною противозаконною цѣлью.

VII. Сложить со счетовъ убытки, причиненные казнѣ по день коронаванія Нашего неправильными назначеніями и выдачами отставнымъ нижнимъ чинамъ, ихъ женамъ и вдовамъ установленныя единовременныя и пожизненныя пособія.

VIII. Сложить образовавшіяся на разныхъ лицахъ, обществахъ и учрежденіяхъ и невзысканныя по день коронаванія Нашего недоимки за леченіе, призрѣніе и содержаніе больныхъ во всѣхъ госпиталяхъ, лазаретахъ, лечебницахъ и приемныхъ покояхъ казенныхъ, дворцоваго вѣдомства и алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, а равно въ учрежденіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, представляющихъ на разсмотрѣніе опекунскаго совѣта свои смѣтныя росписанія.

IX. Оставить безъ взысканія и сложить со счетовъ:

1) числящіяся къ 1-му января 1896 года въ недоимкѣ за дворянствомъ разныхъ губерній суммы, слѣдующія за содержаніе пансіонеровъ дворянства въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія;

2) причитающіяся за вторую половину учебнаго 1895—1896 года къ поступленію въ казну или въ спеціальныя средства казенныхъ учебныхъ заведеній деньги за ученіе, за слушаніе лекцій и за содержаніе въ пансіо-

нахъ какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не внесенныя въ назначенный правилами сѣхъ заведеній срокъ и до дня коронаванія Нашего не пополненныя; въ тѣхъ же случаяхъ, когда до сего дня послѣдовала уже уплата просроченнаго взноса, предоставить началству учебнаго заведенія уплату сѣхъ засчитывать въ слѣдующій срочный платежъ, если имъ признано будетъ, что воспитанникъ, по недостаточности у него имущественныхъ средствъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ, достоинъ этой льготы;

3) накопившіяся за время до 1-го января 1896 г. и не взысканныя по день коронаванія Нашего недоимки въ платѣ за обученіе и воспитаніе въ учрежденіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, представляющихъ на разсмотрѣніе опекунскаго совѣта свои смѣтныя росписанія, и

4) недоимки, образовавшіяся по день коронаванія Нашего на служащихъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ, по взносу платы за ученіе и содержаніе дѣтей ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи Кабинета Нашего.

Сверхъ сего, лицъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ и подвергающихся экзаменамъ въ испытательныхъ комиссияхъ въ теченіе 1896—1897 учебнаго года, отъ взноса платы (двадцати рублей) за испытаніе, въ случаѣ представленія ими отъ подлежащаго университета удостовѣренія о бѣдности, — освободить.

X. Освободить содержателей казенныхъ удѣльныхъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и принадлежащихъ Кабинету Нашему имѣній всѣхъ наименованій и оброчныхъ статей отъ разнаго рода взысканій въ нижеслѣдующихъ размѣрахъ:

1. Сложить въ полной суммѣ съ арендаторовъ имѣній и земельныхъ оброчныхъ статей недоимки арендныхъ платежей, числившіяся къ 1-му января 1893 г. и не взысканныя по день коронаванія Нашего; а изъ образовавшихся послѣ указаннаго срока и не взысканныхъ по 1-е января 1896 г., какъ съ этихъ лицъ, такъ и съ арендаторовъ казенныхъ рыбныхъ промысловъ, а въ прибрежной полосѣ Каспійскаго моря съ арендаторовъ земельныхъ участковъ для устройства на оныхъ промысловыхъ заведеніяхъ — недоимки арендныхъ платежей, въ размѣрѣ не свыше шестисотъ рублей на каждое лицо; если же означенныя имѣнія, оброчныя статьи, промыслы или участки находятся въ содержаніи крестьянскаго или мѣщанскаго общества, а также товариществъ въ составѣ не менѣе трехъ лицъ, то по двѣсти рублей съ каждого домохозяина или члена товарищества; съ товариществъ же изъ двухъ лицъ — по триста рублей съ каждого лица.

2. Простить не взысканныя по день коронаванія Нашего убытки, начеты и штрафы за неисполненіе или нарушеніе контрактныхъ условий пользованія имѣніями и оброчными статьями, а именно: за неправильную или излишнюю распашку земли, за посѣвъ неподлежащихъ хлѣбовъ и растеній, неудобреніе земли, непосадку деревьевъ, порубку произрастающихъ на земляхъ дѣсныхъ насажденій, за разстройство строеній и всякаго рода сооружений, за неправильное веденіе хозяйственныхъ счетовъ, несправку принадлежащаго къ имѣніямъ и оброчнымъ статьямъ движимаго имущества и т. п., — въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей на каждое лицо; если же имѣнія или статьи находились въ содержаніи крестьянскаго или мѣщанскаго общества, а также товариществъ, въ составѣ не менѣе шести лицъ, — то по пятидесяти рублей съ каждого домохозяина или члена товарищества; при составѣ же товарищества изъ пяти или менѣе лицъ — триста рублей

со всего товарищества. Равнымъ образомъ не налагать взысканій по перечисленнымъ въ настоящемъ пунктѣ нарушениямъ, произведеннымъ до дня коронованія Нашего.

3. Не взыскивать убытковъ, происшедшихъ по день коронованія Нашего отъ недодержанія имѣній и оброчныхъ статей до окончанія контрактныхъ сроковъ и послѣдовавшаго затѣмъ уменьшенія арендной платы за эти имѣнія и статьи при новой ихъ переоброцкѣ, а равно не взыскивать убытковъ, повнесенныхъ по таковымъ же имѣніямъ или оброчнымъ статьямъ, по причинѣ отказа съемщиковъ отъ заключенія контрактовъ, за исключеніемъ той части убытковъ, которую возможно покрыть удержаніемъ залоговъ содержателей.

4. Сложить съ бывшихъ и настоящихъ арендаторовъ имѣній и оброчныхъ статей не взысканныхъ съ нихъ по день коронованія Нашего пени за несвоевременный взносъ какъ арендныхъ платежей, такъ и платы по содержанию соляныхъ источниковъ, смолокурныхъ и дегтярныхъ заведеній.

XI. Предоставить по возврату ссудъ, произведенныхъ въ разное время лицамъ, обществамъ и сословіямъ, нижеслѣдующія облегченія:

1. Сложить съ заемщиковъ бывшего закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія, получившихъ ссуды подъ залогъ какъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, такъ и сельскихъ земельныхъ имѣній, одну пятую часть общей совокупности числящихся за каждымъ изъ нихъ на 1-е января 1896 г. капитальнаго долга, процентовъ и другихъ недоимокъ по ссудамъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) слагаются сперва недоимки, а затѣмъ уже капитальный долгъ;

б) остающаяся затѣмъ сумма капитальнаго долга погашается въ прежній срокъ, по банковымъ правиламъ, по расчету изъ пяти процентовъ годовыхъ, могущіе же остаться на счету проценты и недоимки взыскиваются на существующемъ основаніи;

в) для тѣхъ изъ заемщиковъ, коимъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 20-го февраля 1888 г., часть долга отсрочена на пятнадцать лѣтъ, уменьшеніе капитальнаго долга относится на сумму, погашаемую въ первое пятнадцатилѣтіе; планъ же погашенія на второе пятнадцатилѣтіе остается безъ измѣненія, — и

г) исчисленные на сихъ основаніяхъ суммы остающагося за каждымъ заемщикомъ долга на 1-е января 1896 г. и размѣръ годового платежа утверждаются министромъ финансовъ.

2. Простить и со счетовъ сложить числящиеся по день коронованія Нашего долги по ссудамъ, выданнымъ изъ государственнаго казначейства, бывшаго заемнаго банка и капиталовъ разныхъ министерствъ: на постройку церквей, на возобновленіе зданій, разрушенныхъ землетрясеніями; помѣщикамъ моголевской губерніи, по займу 1847 г., — на покупку хлѣба вслѣдствіе неурожая; павловскимъ, нижегородской губерніи, горбатовскаго уѣзда, ссудо-сберегательнымъ товариществамъ и складочной артели, по Высочайшимъ повелѣніямъ 23-го іюля и 29 декабря 1872 г. и 30-го ноября 1873 г. на поддержаніе ихъ; тунгусамъ и якутамъ, якутской области, по Высочайшимъ повелѣніямъ 8-го сентября 1887 г. и 20-го декабря 1889 г., — на покупку скота и рыболовныхъ снастей; жителямъ Закавказскаго края изъ Высочайше разрѣшеннаго 4-го марта и 24-го іюня 1880 г., въ распоряженіе бывшаго наместника кавказскаго, кредита въ 1.500,000 руб., — на продовольствіе; лицамъ, служившимъ на упраздненныхъ нынѣ казенныхъ фабрикахъ, — на разные предметы.

3. Сложить сполна долги по ссудамъ, выданнымъ изъ казны лицамъ и обществамъ по случаю пожаровъ до 1890 г.

4. По ссудамъ, выданнымъ изъ казны по день коронованія Нашего:

а) лицамъ и обществамъ, по случаю пожаровъ, наводненій и другихъ несчастныхъ случаевъ, кромѣ поименованныхъ въ п. 3 сей статьи XI;

б) жителямъ Мочидловской низменности, варшавской губерніи, коимъ была выдана ссуда на устройство дамбы, разрушенной разливомъ рѣки Вислы, и

в) лицамъ, служащимъ въ туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ, на постройку домовъ —

сложить со счетовъ и простить всѣ недоимки и проценты за просрочку, числящіеся на такихъ заемщикахъ, съ которыхъ поступившіе по день коронованія Нашего платежи, вмѣстѣ съ процентами и пенею, покрываютъ первоначальный капитальный долгъ, а съ прочихъ заемщиковъ сложить по таковымъ ссудамъ проценты за просрочку платежей, равно числящіеся по день коронованія Нашего недоимки, не превышающія по каждой отдѣльной ссудѣ трехсотъ рублей; съ тѣхъ-же заемщиковъ, на коихъ недоимки по сказаннымъ ссудамъ превышаютъ этотъ размѣръ, исключить изъ недоимки триста рублей съ каждого заемщика. По ссудамъ, вполнѣ пересроченнымъ, сложеннымъ подлежатъ только недоимки новыхъ срочныхъ платежей, хотя бы въ разсроченномъ вновь капиталѣ и заключались причисленные къ оному при такой пересрочкѣ недоимки срочныхъ платежей по первоначальной разсрочкѣ.

5. По ссудамъ, выданнымъ изъ казны переселенцамъ разныхъ наименованій на домообзаведеніе, сложить со счетовъ числящіеся по день коронованія Нашего проценты за просрочку, равно и недоимки, не превышающія по каждой отдѣльной ссудѣ пятидесяти рублей; съ заемщиковъ-же, недоимки коихъ превышаютъ указанный размѣръ, исключить изъ недоимки по пятидесяти рублей съ каждого заемщика.

6. Переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи, поселеннымъ до дня коронованія Нашего въ алтайскомъ и нерчинскихъ округахъ на земляхъ кабинета Нашего и получившимъ на обзаведеніе изъ суммъ округовъ ссуды деньгами, а также хлѣбомъ и другими припасами и матеріалами, уплату отсрочить на два года со дня выдачи ссуды, съ тѣмъ, чтобы выданная имъ ссуда была погашена въ послѣдующія шесть лѣтъ по равной части въ каждый годъ.

7. Сложить окончательно со счетовъ недоимки, образовавшіяся по день коронованія Нашего по ссудамъ, изъ казны выданнымъ, мурманскимъ переселенцамъ и поморамъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 22 ноября 1868 г. и 14 мая 1876 г. положеній комитета министровъ и Высочайше утвержденнаго 18 марта 1886 г. мѣнія государственнаго совѣта.

8. Не подвергать взысканію не отработанные и не возвращенные ко дню коронованія Нашего задатки и припасы натурой, выданные вперед рабочимъ и мастеровымъ казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ, равно рабочимъ и мастеровымъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства кабинета Нашего по разнымъ случаямъ и въ счетъ заработка, а также сложить образовавшіяся по день коронованія Нашего на мастеровыхъ и рабочихъ разныхъ сословій и нижнихъ служителей казенныхъ горныхъ заводовъ, казенныхъ заводовъ и техническихъ заведеній военнаго вѣдомства и заводовъ, рудниковъ, присковъ и учреждений алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства кабинета Нашего долги какъ по личному найму, такъ и по поставкамъ и перевозкамъ разнаго рода матеріаловъ и припасовъ, — на сумму не свыше ста пятидесяти рублей съ каждого въ отдѣльности или съ каждой артели; по недоимкамъ-же въ сихъ

долгахъ на большую сумму исключить по сто пятидесяти рублей по каждой статьѣ.

9. Сложить по алтайскому и нерчинскому округамъ вѣдомства кабинета Нашего долги съ подрядчиковъ, образовавшіяся по день коронованія Нашего при неисполненіи ими: подрядовъ поставки матеріаловъ и припасовъ, земляныхъ работъ, перевозки руды, угля и проч., на сумму не свыше пятидесяти рублей съ каждого въ отдѣльности.

10. Сложить числящіеся по день коронованія Нашего на умершихъ членахъ ликвидировавшихся горнозаводскихъ товариществъ бывшаго казеннаго богословскаго округа долги, подлежащіе взысканію въ возмѣщеніе сдѣланныхъ казною въ вспомогательныя кассы упомянутыхъ товариществъ взносовъ, согласно ст. 67 положенія, Высочайше утвержденаго 8 марта 1861 г., о горнозаводскомъ населеніи, а равно подлежащіе взысканію въ пользу казны же начеты и взысканія съ должностныхъ, по кассамъ товариществъ, лицъ за упушенія по должностямъ.

11. Простить и съ счетовъ сложить числящіеся по день коронованія Нашего долги государственному казначейству за населеніемъ состоящихъ въ залогъ казны частныхъ горныхъ заводовъ, образовавшіеся вслѣдствіе перевода на это населеніе части долга владѣльцевъ заводовъ, взаменъ сдѣлавшихъ въ пользу сихъ владѣльцевъ оброчныхъ платежей.

12. Проценты, накопившіеся по день коронованія Нашего на стоимость выданнаго въ долгъ лѣса по княжеству ливическому и алтайскому и нерчинскому округамъ вѣдомства кабинета Нашего, простить и исключить изъ счетовъ.

13. Сложить со счетовъ суммы, израсходованныя консулами за границею на содержаніе, леченіе и возвращеніе въ Россію русскихъ мореходцевъ, числящіеся по день коронованія Нашего въ недоимку какъ за сими мореходцами, такъ и за судохозяевами.

14. По ссудамъ, выданнымъ изъ государственнаго казначейства въ разное время, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, земствамъ и городамъ на выполненіе смѣтныхъ расходовъ, на борьбу съ эпидеміями, эпизоотіями и вредными насѣкомыми, на устройство и улучшеніе путей сообщенія, на оросительныя работы, на укрѣпленіе береговъ рѣкъ и устройство дамбъ, а равно на подкрѣпленіе страховыхъ средствъ, — простить и со счетовъ сложить числящіеся по день коронованія Нашего проценты за просрочку срочныхъ взносовъ по симъ ссудамъ.

15. Изъ числа остающихся невзысканными по день коронованія Нашего проценты за просрочку платежей по ссудамъ, выданнымъ изъ государственнаго казначейства и изъ фундушеваго капитала частнымъ лицамъ и обществамъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ и на основаніи закона о ссудахъ изъ фундушеваго капитала, — простить и изъ счетовъ исключить сумму таковыхъ процентовъ, накопившуюся за время не далѣе десяти лѣтъ, а съ тѣхъ заемщиковъ, на которыхъ упомянутые проценты числятся за большее время, сложить эти проценты лишь за десять лѣтъ.

16. Простить пеню, причитающуюся, но еще не взысканную по день коронованія Нашего, по долгамъ помѣщиковъ по выкупной операціи.

17. Простить и изъ счетовъ исключить сумму пеней, накопившуюся до дня коронованія Нашего на владѣльцахъ подуховныхъ имѣній въ губерніяхъ Царства Польскаго за несвоевременный взносъ срочныхъ платежей по купче-продажнымъ долгамъ за означенныя имѣнія.

18. Силу предыдущихъ п.п. 2—5, 11 и 14 и 15, настоящей статьи XI распространить лишь на непосредственныхъ заемщиковъ и ихъ наследниковъ.

ХІІ. Простить и сложить на нижеслѣдующихъ основаніяхъ не взысканные еще по службѣ какъ казенные, такъ и вѣдомства учреждений Императрицы Маріи начеты (зачисленные въ недоимку и не зачисленные), ущербы и утраты, а равно переборы, образовавшіеся отъ неправильной выдачи служащимъ въ государственныхъ учрежденіяхъ лицамъ разныхъ видовъ личнаго денежнаго довольствія (жалованья, столовыхъ, квартирныхъ, суточныхъ, порціонныхъ, прогоновъ и т. п.), когда сіи начеты, ущербы, утраты и переборы причинены такими дѣйствіями или упущеніями, которыя послѣдовали до дня коронованія Нашего:

1. Тѣ начеты, ущербы, утраты и переборы, по которымъ дѣла ко дню коронованія Нашего еще окончательно не рассмотрѣны или не начаты, оставить безъ преслѣдованія, когда сумма оныхъ составляетъ не болѣе трехсотъ рублей на каждое подлежащее отвѣтственности лицо по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени.

2. Изъ начетовъ, ущербовъ, утратъ и переборовъ, кои ранѣе дня коронованія Нашего уже предписаны ко взысканію или дѣла по коимъ окончательно рассмотрѣны, сложить тѣ, которые въ первоначальномъ составѣ или въ остаткахъ за произведеннымъ пополненіемъ, обращеніемъ взысканныхъ суммъ въ доходъ казны или сложеніемъ не превышаютъ какъ общую сумму, такъ и по раскладкѣ ихъ на отвѣтственныхъ лицъ трехсотъ рублей съ каждого лица.

3. Изъ начетовъ, ущербовъ, утратъ и переборовъ, превышающихъ означенную въ предыдущихъ п.п. 1 и 2 настоящей ст. ХІІ сумму, сложить съ каждого лица, взысканію подлежащаго, триста рублей.

4. Начеты за выдачи безъ разрѣшенія надлежащаго начальства и внѣ установленнаго порядка наградъ и пособій всякаго рода какъ изъ остатковъ отъ канцелярскихъ и штатныхъ суммъ, такъ и изъ другихъ источниковъ, назначенныхъ на этотъ предметъ, произведенные до дня коронованія Нашего, оставить безъ преслѣдованія на всякую сумму. Дѣйствіе сего п. 4 распространяется также и на случаи выдачи наградъ и пособій изъ суммъ, и не назначенныхъ на этотъ предметъ или имѣвшихъ иное специальное назначеніе, съ тѣмъ, чтобы сумма слагаемаго взысканія ограничивалась тремястами рублями по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени.

5. По ущербамъ и утратамъ, причиненнымъ по день коронованія Нашего упущеніями по службѣ, равно по перетребованію по сей день денегъ или иного имущества, когда признанный недостатокъ подлежитъ взысканію въ пользу казны или вѣдомства учреждения Императрицы Маріи съ виновныхъ, или съ поручителей ихъ, или же съ другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ вдвое, взыскать только одну капитальную сумму.

6. Процентовъ, гдѣ таковыя за нарушение интересовъ казны или вѣдомства учреждений Императрицы Маріи полагаются и кои еще не поступили куда слѣдовало, не взыскивать за время до дня коронованія Нашего, независимо отъ суммы ихъ, и ограничить взысканіе въ сихъ случаяхъ одною лишь капитальною суммою причиненнаго казнѣ или вѣдомству учреждений Императрицы Маріи ущерба.

7. Всѣ денежные начеты по службѣ, падающіе на наслѣдниковъ лицъ, подлежащихъ взысканію и умершихъ прежде настоящаго дня, а равно и на пенсіи вдовъ и сиротъ ихъ, простить, не подвергая взысканіямъ и тѣхъ лицъ, которыя, въ случаѣ недостатка имѣнія означенныхъ наслѣдниковъ, должны были за нихъ отвѣтствовать.

8. Всѣ начеты, подлежащіе пополненію съ лицъ, привлекаемыхъ къ денежной отвѣтственности, вслѣдствіе нестойтельности или неразисканія прямыхъ отвѣтственныхъ лицъ, а также и наслѣдниковъ ихъ, по ущербамъ, убыткамъ, утратамъ и переборамъ, причиненнымъ до дня коронованія Нашего, сложить безъ ограниченія суммы.

9. Всѣ по службѣ начеты, убытки, ущербы и переборы, причиненные дѣйствіями или упущеніями, со времени которыхъ до дня коронованія Нашего протекаетъ не менѣе десяти лѣтъ, оставить безъ преслѣдованія.

10. Простить и не взыскивать начтенные на должностныхъ лицъ или съ нихъ причитающіеся, но еще не поступившіе до дня коронованія Нашего, штрафы, независимо отъ суммы ихъ, за нарушеніе правилъ устава о гербовомъ сборѣ, взыскавъ въ сихъ случаяхъ лишь ординарную сумму гербоваго сбора въ той части ея, которая не подходитъ подъ дѣйствіе п.п. 1—3 настоящей статьи ХІІ.

11. Сложить со счетовъ всѣ числящіяся по день коронованія Нашего за служащими на желѣзныхъ дорогахъ, безъ ограниченія размѣра, начеты по контрольнымъ выправкамъ, возникшимъ изъ дѣлъ по недоборамъ и вообще вслѣдствіе неправильнаго примѣненія тарифа и правилъ перевозки.

12. Всякіе штрафы и пени по дѣламъ, не связаннымъ съ ущербомъ казны или вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, наложенные, но еще до дня коронованія Нашего не взысканные, а равно и тѣ, кои будутъ слѣдовать ко взысканію за неисправности и упущенія по службѣ, совершенныя до дня коронованія Нашего, въ томъ числѣ штрафы и пени за недоставленіе въ установленный срокъ отчетности, документовъ и проч., а равно слѣдующіе на основаніи ст. 30 положенія о контролѣ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи—простить и не взыскивать.

13. Силу предыдущихъ пунктовъ настоящей статьи ХІІ не распространять: а) на суммы, казнѣ не принадлежащія и хотя находящіяся въ распоряженіи правительства, но имѣющія специальное назначеніе, за исключеніемъ, однако, суммъ поступающихъ въ спеціальныя средства министерства внутреннихъ дѣлъ процентнаго сбора съ гуртовъ рогагого скота и сбора со скотозавладѣльцевъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, а равно и составляющихъ спеціальныя средства министерства финансовъ суммъ квартирнаго сбора въ тѣхъ же губерніяхъ; по сборамъ этимъ оставить безъ преслѣдованія и взысканія начеты, ущербы и утраты, которые въ первоначальномъ ихъ составѣ или въ остаткахъ за произведеннымъ уже взысканіемъ или по раскладкѣ ихъ на разныхъ лицахъ превышаютъ съ каждого трехсотъ рублей и возникли подѣламъ, начавшимся до дня коронованія Нашего; б) на благотворительныя и спеціальныя капиталы, на суммы, находящіяся въ распоряженіи вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, но ему не принадлежащія, составляющія частную собственность (залогъ и пенсіи воспитываемыхъ, залогъ подрядчиковъ и проч.); в) на похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ правительства установленіямъ какого-либо рода собственность, когда храненіе оной было имъ ввѣрено постоянно или временно; г) на причинившихъ ущербъ казнѣ или учрежденнымъ отъ правительства установленіямъ съ завѣдомо корыстною или иномъ противозаконною цѣлю, и д) на дѣйствія, по которымъ отчеты еще не представлены ко дню коронованія Нашего.

14. Прекратить всѣ возбужденныя государственнымъ контролемъ дѣла объ убыткахъ казны, происшедшихъ вслѣдствіе отнесенія по существу пра-

вильныхъ расходовъ на неподлежащія смѣтнымъ подраздѣленія государственной росписи, если по симъ дѣламъ не возникаетъ обвиненій въ растратахъ или злоумышленіи съ причиненіемъ ущерба казнѣ съ завѣдомо корыстною или иномъ противозаконною цѣлю, и оставить означенные убытки безъ преслѣдованія.

15. Дарованныя п.п. 7 и 8 настоящей статьи ХІІ милости распространяются на поименованныхъ въ оныхъ лицъ, хотя бы и привлекаемыхъ къ отвѣтственности за похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ правительства установленіямъ какого-либо рода собственность или причинившихъ казнѣ или симъ установленіямъ ущербъ съ завѣдомо корыстною или преступною цѣлю, но относительно наслѣдниковъ прямыхъ отвѣтственныхъ лицъ прощаются тѣ лишь начеты, которые, за неимѣніемъ у нихъ иного имущества, падаютъ на пенсіи вдовъ и сиротъ ихъ; въ остальномъ такіе наслѣдники пользуются льготой, опредѣляемою ст. XV сего манифеста.

16. Дѣйствіе предыдущихъ пунктовъ настоящей ст. ХІІ распространить на лицъ, состоящихъ на службѣ въ государственныхъ учрежденіяхъ по вольному найму, а также на частныхъ врачей, ветеринаровъ и студентовъ, командированныхъ временно для прекращенія эпидемій и эпизоотій и по другимъ случаямъ.

ХІІІ. Лицамъ, учинившимъ по день коронованія Нашего, преступленія и проступки, даровать милости и льготы на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1. Всѣхъ, совершившихъ преступныя дѣянія, за которыя опредѣлены въ законѣ, какъ высшее наказаніе: вѣнчаніе, замѣчаніе, выговоръ, денежное взысканіе не свыше трехсотъ рублей, арестъ, заключеніе въ тюрьмѣ или крѣпости, не соединенное съ лишеніемъ некоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или служебныя взысканія въ пп. 2—9 ст. 65 улож. о наказ. численныя, всѣхъ виновныхъ въ учиненіи лѣсоистребленій и другихъ нарушеній правилъ о лѣсахъ государственныхъ, лѣсного и горнаго вѣдомствъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, постановленій о лѣсахъ княжества Ловичскаго и алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего и правилъ о сбереженіи лѣсовъ (свод. зак., т. XV, уст. о наказ., ст. 57², 57³, 57⁴, 57⁵, 57⁶, по прод. 1895 года), хотя бы таковыя лица подлежали за сіи дѣянія денежнымъ взысканіямъ свыше трехсотъ рублей, — противу коихъ по день коронованія Нашего не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія, или не послѣдовало судебнаго приговора, или постановленій о коихъ обвинительный приговоръ не приведенъ въ исполненіе, или кои еще отбываютъ опредѣленные за сіи дѣянія судомъ взысканія, — отъ суда и наказанія, равно и отъ предусмотрѣннаго статьею 158¹ уст. о наказ. (по прод. 1895 г.) взысканія двойной стоимости похищеннаго, самовольно срубленнаго или поврежденнаго лѣса или противозаконно заготовленныхъ лѣсныхъ издѣлій, освободить.

2. Простить всѣхъ, совершившихъ присвоеніе и растрату ввѣреннаго по службѣ имущества на сумму не свыше тысячи рублей, осужденныхъ за сіе преступленіе или отбывающихъ за оное наказаніе, если присвоенное и растратенное полностью возвращено ими до дня коронованія Нашего.

3. Освободить отъ суда и наказанія лицъ, виновныхъ въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ ст. ст. 193, 191, 194¹ и 1,575 ул. наказ. (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г. и по прод. 1895 г.).

4. Всѣмъ, совершившимъ по день коронованія Нашего болѣе тяжкія, чѣмъ указанныя въ п. 1 сей статьи ХІІІ,

преступныя дѣянія, за которыя они будутъ приговорены судомъ къ аресту, заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости, безъ лишенія нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а равно всѣмъ, присужденнымъ къ симъ наказаніямъ и отбывающимъ оныя, уменьшить назначенные судомъ сроки заключенія на двѣ трети.

5. Лицамъ должностнымъ, подвергнутымъ по день коронованія Нашего на основаніи судебного приговора или по распоряженіямъ ихъ начальствъ изысканіямъ, въ п.п. 2—9 ст. 65 улож. наказ. численнымъ, не считать таковыя изысканія препятствіемъ къ дальнѣйшему прохожденію службы и къ полученію пенсій и наградъ, за исключеніемъ знаковъ отличія безпорочной службы и ордена св. Владимира за выслугу лѣтъ.

6. Всѣхъ, кои до изданія закона 12 Іюня 1886 г. были оставлены по суду въ подозрѣніи, равно и въ сильномъ подозрѣніи, освободить отъ послѣдствій сей судимости.

7. Освободить отъ суда и наказанія всѣхъ совершившихъ преступленіе или проступокъ, подсудные волостному суду, противъ коихъ по день коронованія Нашего не было возбуждено преслѣдованія или не послѣдовало рѣшенія суда, или рѣшеніе не приведено въ исполненіе, или кои нынѣ отбываютъ наложенное волостнымъ судомъ взысканіе.

8. Со всѣхъ, приговоренныхъ по день коронованія Нашего къ денежному изысканію, не превышающему трехсотъ рублей и поступающему въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего, или въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемый на основаніи ст. 736 уст. горн. (свод. зак., т. VII, по прод. 1895 г.), о коихъ приговоръ вошелъ въ законную силу, но не приведенъ въ исполненіе, сіе взысканіе сложить. Всѣмъ-же совершившимъ по сей день дѣянія, за которыя определено, какъ наказаніе, денежное взысканіе свыше трехсотъ рублей, подлежащее обращенію въ тѣ-же источники, назначать оное съ уменьшеніемъ на триста рублей.

9. За совершонныя по день коронованія Нашего дѣянія, подлежащая такимъ денежнымъ взысканіямъ, кои поступаютъ въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего, а равно въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемые на основаніи ст. 736 уст. горн. (свод. зак., т. VII, по прод. 1895 г.) и ст. 861 уст. лѣсн. (свод. зак., т. VIII, ч. 1, изд. 1803 г.), въ случаѣ несостоятельности виновныхъ къ уплатѣ оныхъ, личному задержанію и отдачѣ въ общественныя работы или заработки не подвергать; тѣхъ-же, къ коимъ нынѣ примѣняются сіи мѣры взаимѣ означенныхъ выше денежных взысканій, отъ личнаго задержанія и работъ освободить.

10. Милости, даруемыя п.п. 1, 4, 5, 7, 8 и 9 настоящей статьи XIII, не распространяются на лицъ, совершившихъ кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату ввѣреннаго имущества, ростовщичество, мздоимство и лихоимство; на впавшихъ по неосторожности въ торговую несостоятельность; на учинившихъ преступленія противъ чести и преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія посягательства на тѣлесную неприкосновенность и здравіе, на подлежащихъ тюремному заключенію взаимѣ исключенія изъ службы или наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ состоянія, а равно на совершившихъ дѣянія (кромя нарушенія правилъ о береженіи лѣсовъ), по коимъ денежныя взысканія поступаютъ не въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего и не въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемый на основаніи

статьи 736 уст. горн. (свод. зак., т. VII, по продолж. 1895 г.). Совершившимъ же по день коронованія Нашего упомянутыя въ семъ п. 10 дѣянія, а равно осужденнымъ и отбывающимъ наказанія за таковыя—уменьшить назначаемые или опредѣленные судомъ размѣры наказанія на одну треть.

11. Учинившимъ преступныя дѣянія, за кои они по приговору суда будутъ подлежать заключенію въ арестантскомъ отдѣленіи, крѣпости или тюрьмѣ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а равно всѣмъ, приговореннымъ по день коронованія Нашего къ таковымъ наказаніямъ, или уже отбывающимъ оныя, уменьшить размѣръ наказанія на одну треть.

12. Лицъ должностныхъ, исключенныхъ по день коронованія Нашего изъ службы (ст. 65, п. 1, улож. наказ.) за преступленія, не изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ содѣянныхъ, считать отрѣшенными отъ должности, а подлежащихъ исключенію изъ службы за такія же преступленія, совершонныя по сей день, отрѣшить отъ должности. Милость сія распространяется и на лицъ должностныхъ, осужденныхъ по сей день на временное заключеніе въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (ст. 50 улож. о наказ.), независимо отъ сокращенія на одну треть срока заключенія, согласно п. 2 настоящей статьи XIII.

13. Освобожденіе за силою сего манифеста отъ наказанія не извѣляетъ виновнаго отъ обязанности вознагражденія за вредъ и убытки, отъ уплаты стоимости патента, торговаго или промысловаго свидѣтельства, причитающагося акциза или иного сбора, отъ уплаты присужденныхъ въ возмѣщеніе расходовъ казны судебныхъ издержекъ, если таковыя не подлежатъ сложенію вполнѣ или частью по предыдущимъ статьямъ сего манифеста и не освобождаютъ отъ отобранія въ установленныхъ закономъ случаяхъ вещей и предметовъ или взысканія ихъ стоимости, отъ обязанности сломки и исправленія неправильно построеннаго и отъ исполненія упущеннаго. Дѣла о нарушеніи лѣсного устава въ общихъ казенныхъ и частныхъ владѣльцевъ дачахъ, а равно спорныхъ между казною и частными лицами и въѣзжихъ, должны быть приводимы къ окончанію по установленнымъ для того правиламъ, для опредѣленія мѣры вознагражденія, которое можетъ при томъ слѣдовать частнымъ лицамъ или сословіямъ.

14. Освобожденнымъ по день коронованія Нашего отъ заключенія, съ отдачею подъ особый надзоръ мѣстной полиціи или ихъ обществъ, сократить опредѣленный ст. ст. 48 и 49 улож. о наказ. срокъ такового надзора на одну треть.

15. Всѣмъ совершившимъ по день коронованія Нашего преступныя дѣянія, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на житіе въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, а равно осужденнымъ или отбывающимъ нынѣ сіи наказанія, даровать, для сосланныхъ въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, по истеченіи десяти лѣтъ, а для сосланныхъ на житіе въ Сибирь—по истеченіи двѣнадцати лѣтъ со времени прибытія ихъ въ мѣсто ссылки, право свободнаго избранія мѣста жительства въ предѣлахъ европейской и азиатской Россіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, и безъ возстановленія въ правахъ. Сосланнымъ же на житіе въ Сибирь или отдаленныя, кромѣ сибирскихъ, губерніи съ заключеніемъ или, вмѣсто онаго, съ назначеніемъ безотлучнаго пребыванія въ опредѣленномъ для жительства мѣстѣ, сверхъ того, сократить время заключенія или безотлучнаго пребыванія на одну треть.

16. Лицамъ, учинившимъ по день коронованія Нашего преступленія, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на поселеніе, а равно приговореннымъ къ сему наказанію или отбывающимъ оное; лицамъ, перешедшимъ по нынѣ изъ каторжныхъ работъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, а равно имѣющимъ быть переведенными изъ каторги въ названный разрядъ, если они совершили преступленіе до дня коронованія Нашего, сокращать до четырехъ лѣтъ назначенный закономъ для перечисленія ссыльно-поселенцевъ въ крестьяне десятилѣтній срокъ; а ссыльно-поселенцамъ, пробывшимъ въ ссылкѣ не менѣе четырнадцати лѣтъ, разрѣшать избраніе мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, съ отдачею ихъ на пять лѣтъ подъ надзоръ мѣстной полиціи и съ признаніемъ ихъ, взаимѣ лишенія всѣхъ правъ состоянія, лишенными по ст. 43 улож. наказ. всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, однако, безъ возстановленія правъ по имуществу.

17. Осужденнымъ къ каторжнымъ работамъ уменьшать назначенные судомъ сроки каторги на одну треть, безсрочную-же каторгу замѣнить срочною на двадцать лѣтъ. Милость эта распространяется также на лицъ, которыя будутъ приговорены къ ссылкѣ въ каторгу за преступленія, учиненныя до дня коронованія Нашего.

18. Милости, дарованныя п. п. 15 и 16 настоящей статьи XIII, распространить и на лицъ, понесшихъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, до дня коронованія Нашего послѣдовавшимъ, исчисленнымъ въ сихъ статьяхъ наказанія взаимѣ опредѣленныхъ имъ по суду болѣе строгихъ взысканій.

19. Лицамъ, коимъ дарованы уже предшествовавшими Всемилоостивѣйшими манифестами облегченія участіи, основанныя на п. п. 10, 11, 15, 16 и 17 настоящей статьи XIII, предоставить слѣдующія льготы:

а) присуждаемымъ къ временному заключенію или безотлучному пребыванію въ назначенномъ мѣстѣ жительства, а также приговореннымъ къ симъ наказаніямъ и отбывающимъ оныя, сокращать на третью часть заключенія и безотлучнаго пребыванія изъ той части наказанія, которая слѣдуетъ виновному по примѣненіи къ нему соотвѣствующихъ льготъ Всемилоостивѣйшаго манифеста 14 ноября 1894 г.;

б) сосланнымъ на житіе въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, по освобожденіи ихъ изъ ссылки въ силу Всемилоостивѣйшаго манифеста 14 ноября 1894 г., разрѣшать выдачу паспортовъ безъ наименованія «изъ ссыльныхъ»; лицамъ, приобрѣвшимъ уже право на льготы, исчисленные въ п. 13 в ст. IV Всемилоостивѣйшаго манифеста 14 ноября 1894 года, сокращать срокъ обязательнаго пребыванія въ ссылкѣ на одинъ годъ;

в) поселенцамъ, приобрѣвшимъ право на перечисленіе въ крестьяне, дозволить приписываться къ городскимъ мѣщанскимъ обществамъ Сибири, въ случаѣ согласія сихъ послѣднихъ, безъ права, однако, въѣзда въ предѣлы Европейской Россіи до разрѣшенія имъ сего въ порядкѣ, опредѣленномъ Всемилоостивѣйшимъ манифестомъ 14 ноября 1894 г., а приобрѣвшимъ уже право на льготы, исчисленные въ п. 13 б ст. IV Всемилоостивѣйшаго манифеста 14 ноября 1894 г., сокращать срокъ обязательнаго пребыванія въ Сибири на одинъ годъ, и

г) каторжнымъ сократить срокъ работъ на одинъ годъ.

20. Льготы, даруемыя настоящимъ манифестомъ каторжнымъ, арестантамъ разряда исправительныхъ отдѣленій, ссыльно-поселенцамъ, сослан-

нымъ на житіе и отбывающимъ тюремное заключеніе, не ограничиваютъ правъ названныхъ лицъ на сокращеніе сроковъ и на преимущества, предоставленныя имъ Высочайше утвержденными, въ 7-й день мая 1.94 г. и 9-й день мая 1895 г., правилами о привлеченіи арестантовъ и ссыльныхъ на работы по постройкѣ сибирской желѣзной дороги.

21. Осужденныхъ или подлежащихъ осужденію за преступленія, содѣянные по день коронованія Нашего въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ, въ каторгу на срокъ менѣе четырехъ лѣтъ, — отъ каторжныхъ работъ освободить, съ перечисленіемъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ.

22. По всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, по которымъ уголовное преслѣдованіе на основаніи сего манифеста не подлежитъ прекращенію и кои учинены до дня коронованія Нашего, уменьшить сроки давности, законами уголовными установленные, на одну треть.

23. Примѣненіе льготъ, изъясненныхъ выше въ п.п. 16, 17, 18 и 19 (лит. б, в, и г) настоящей статьи XIII, предоставлять по принадлежности министру юстиціи (по главному тюремному управленію) и генераль-губернаторамъ Иркутскому и Приамурскому, по удостовѣренію въ добромъ поведеніи осужденныхъ.

XIV. Лицъ, учинившихъ такія противозаконныя дѣянія или такія нарушенія установленныхъ правилъ, за которыя они подлежатъ или подвергнуты денежному взысканію, налагаемому въ порядкѣ административномъ, — освободить отъ такового взысканія въ тѣхъ же размѣрахъ и съ тѣми изъятіями, которые опредѣлены въ п.п. 1 и 8 предыдущей статьи XIII сего манифеста, если только взысканія эти не подлежатъ сложенію въ большемъ размѣрѣ по другимъ статьямъ сего манифеста.

XV. Наслѣдниковъ виновныхъ лицъ, а также подлежащихъ отвѣтственности вслѣдствіе несостоятельности самихъ виновныхъ отъ денежной передъ казною отвѣтственности освободить, если со времени преступнаго дѣянія до дня коронованія Нашего истекло десять лѣтъ.

XVI. Лѣсныхъ чиновъ и стражей лѣсовъ государственныхъ, лѣсного и горнаго вѣдомствъ, Государевыхъ, дворовыхъ и удѣльныхъ, а равно лѣсовъ княжества лавичскаго и алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства кабинета Нашего, или, при несостоятельности сихъ чиновъ и стражей, — крестьянъ всѣхъ наименованій, подвергнутыхъ или подлежащихъ денежнымъ взысканіямъ за недосмотръ неизвѣстно кѣмъ совершенныхъ до дня коронованія Нашего лѣсоистребленій или другихъ нарушеній дѣйствующихъ по отношенію къ тѣмъ лѣсамъ законоположеній и правилъ, — отъ означенныхъ взысканій освободить. Сія милость не распространяется на лѣсныхъ чиновъ и стражей, за вѣдомо дозволившихъ кому либо нарушить существующія по лѣсной части постановленія.

XVII. Освободить отъ суда и наказанія учинившихъ до дня коронованія Нашего самовольную добычу на земляхъ алтайскаго и нерчинскаго округовъ вѣдомства кабинета Нашего каменнаго угля, камней, песку, глины и проч.

XVIII. Освободить какъ отъ взысканій, такъ и отъ слѣдствія и суда лицъ, укловившихся отъ отбыванія воинской повинности, если они явились до дня коронованія Нашего или явятся не позднѣе, какъ въ теченіе одного года отъ сего дня.

XIX. Осужденнымъ по день коронованія Нашего за бродяжество, въ случаѣ обнаруженія ими званія своего и состоянія, по удостовѣренію таковыхъ судомъ, въ округѣ коего лица эти

имѣютъ пребываніе, — дозволить возвратиться въ ихъ общества или дозволить приписываться къ другимъ обществамъ, буде тѣ или другія общества изъявятъ на то согласіе; лицамъ же, не обязаннымъ приписаться къ обществамъ, дозволить возвратиться въ предѣлы Европейской Россіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній.

XX. Возстановить право на полученіе легитимационныхъ билетовъ лицамъ, лишеннымъ сего права, на основаніи п. 2 ст. 1510 уст. там. (свод. зак., т. VI, изд. 1892 г.), буде они въ теченіе десяти лѣтъ до дня коронованія Нашего не подверглись никакимъ взысканіямъ за нарушеніе постановленій устава таможеннаго.

XXI. Лицамъ, сосланнымъ или подлежащимъ ссылкѣ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ по приговорамъ обществъ, состоявшимся до дня коронованія Нашего, а равно не принятымъ въ общество послѣ отбытія наказанія за преступленія, совершенныя до сего дня, если они одобряются въ поведеніи, разрѣшить, по истеченіи трехъ лѣтъ со времени ихъ водворенія въ мѣстахъ поселенія, дозволенный имъ закономъ (свод. зак. т. XIV, уст. ссыльн., изд. 1890 г., ст. 520), переходъ въ другія губерніи и общества, за исключеніемъ только тѣхъ, изъ которыхъ они удалены.

XXII. Туземцамъ Кавказа, Туркестана, Степного края и Закаспійской области, высланнымъ по день коронованія Нашего по распоряженію начальства за совершеніе общеуголовныхъ преступленій и порочное поведеніе и водвореннымъ въ губерніяхъ европейской и азіатской Россіи, при одобрительномъ поведеніи въ ссылкѣ, даровать: для высланныхъ безсрочно — по истеченіи двѣнадцати лѣтъ, для высланныхъ на срокъ, превышающій пять лѣтъ, — по истеченіи пяти, а для высланныхъ на пять и менѣе лѣтъ, — по истеченіи половины опредѣленнаго срока ссылки, — освобожденіе отъ надзора полиціи и право избранія мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ, столичныхъ губерній, кавказскаго, туркестанскаго и степного края и закаспійской области, для разрѣшенія жительства въ которыхъ должно быть получено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предварительное согласіе высшаго подлежащей мѣстности начальства.

XXIII. Не изымая и государственныхъ преступниковъ отъ облегченій, даруемыхъ п.п. 1, 4, 6, 11, 15, 16, 17, 18, 19 и 21 ст. XIII лицамъ, учинившимъ общеуголовные преступленія и проступки:

1. Разрѣшаемъ министру внутреннихъ дѣлъ, по согласенію съ министромъ юстиціи, о тѣхъ, учинившихъ по день коронованія Нашего преступленія государственныхъ, кои, по свойству ихъ вины или раскаяніемъ въ совершенныхъ ими преступленіяхъ и добрымъ поведеніемъ, заслуживали бы сматыванія, превышающаго размѣры, въ вышеприведенныхъ п.п. 1, 4, 6, 11, 15—19 и 21 ст. XIII указанные, входить съ особыми всеподданнѣйшими докладами, а равно представлять на благовозвращеніе Наше ходатайства о возстановленіи въ прежнихъ правахъ происхожденія тѣхъ бывшихъ ссыльныхъ, кои, по окончаніи срока обязательнаго пребыванія въ Сибири, отличались безупречнымъ поведеніемъ и трудолюбивымъ образомъ жизни.

2. Предоставляемъ министру внутреннихъ дѣлъ повергать на усмотрѣніе Наше участъ лицъ, кои за преступленія государственныхъ отбываютъ наказанія, нынѣ наложенныя на нихъ въ административномъ порядкѣ, и кои по одобрительному поведенію и свойству ихъ вины или по проявленному ими раскаянію, заслуживаютъ снисхожденія, а равно освободятъ отъ воспрещенія жительства въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ тѣхъ изъ поверг-

шихся сему ограниченію, возвращеніе коихъ въ эти мѣстности совмѣстимо съ требованіями общественнаго порядка и спокойствія.

3. Тѣ дѣла о преступленіяхъ государственныхъ, по закону давности не подлежащія (ст. 161 улож. о наказ.), кои по день коронованія Нашего въ теченіе пятнадцати лѣтъ оставались безгласными, Повелѣваемъ предать забвенію и противъ виновныхъ въ сихъ преступленіяхъ уголовного преслѣдованія не возбуждать.

4. Повелѣваемъ также предать забвенію дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст.ст. 246—248 улож. о наказ., кои по день коронованія Нашего оставались безгласными. Лицъ, обвиняемыхъ въ сихъ преступленіяхъ или отбывающихъ за вину свою наказанія, отъ отвѣтственности и наказанія со всѣми онаго послѣдствіями освободить, даровавъ осужденнымъ къ лишенію правъ состоянія, вмѣстѣ съ законными дѣтьми, рожденными послѣ произнесенія надъ родителями ихъ приговоровъ, всѣ права, имъ лично и по состоянію до осужденія принадлежавшія, токмо безъ права на имущество.

5. Разрѣшаемъ министру внутреннихъ дѣлъ представлять на благовозвращеніе Наше ходатайства тѣхъ, самовольно по день коронованія Нашего оставившихъ Отечество, кои, удалившись за предѣлы государства вслѣдствіе совершенныхъ ими государственныхъ преступленій, не изобличаются въ злодѣяніяхъ, наказуемыхъ по ст. 241 улож. наказ., а между тѣмъ пожелаютъ возвратиться на родину и вѣрностью Престолу и Отечеству искупить свою прежнюю вину.

6. Примѣненіе милостей, указанныхъ въ п.п. 16, 17, 18 и 19 (лит. б, в, и г) ст. XIII, къ лицамъ, отбывающимъ наказанія за государственный преступленія, предоставляемъ министру внутреннихъ дѣлъ (по департаменту полиціи), по удостовѣренію въ добромъ поведеніи осужденныхъ. При примѣненіи п. 16 ст. XIII къ ссыльно-поселенцамъ этой категоріи, которые, по неодобрительному поведенію въ ссылкѣ или по другимъ причинамъ изъяты были отъ дѣйствія милостей, установленныхъ предшествующими манифестами для сего разряда ссыльныхъ, срокъ обязательнаго для нихъ пребыванія въ Сибири Повелѣваемъ исчислять не со дня прибытія въ ссылку, а опредѣлять таковой, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по согласенію министра внутреннихъ дѣлъ съ министромъ юстиціи.

7. Выходцевъ изъ губерній Царства Польскаго и Западнаго края, не совершившихъ дѣлъ содѣйствія польскому мятежу убійствъ, пестязаній, грабежей и поджоговъ, Повелѣваемъ по возвращеніи въ Отечество и принятіи вѣрноподданнической присяги, надзору полиціи, установленному п. 11 ст. XIV манифеста 15 мая 1883 г. не подвергать, съ разрѣшеніемъ имъ свободнаго избранія мѣста жительства; тѣхъ же изъ нихъ, кои, для содѣйствія мятежу, совершили одно изъ вышеуказанныхъ уголовныхъ преступленій, — по возвращеніи въ Отечество и принятіи вѣрноподданнической присяги, преслѣдованію за участіе въ мятежѣ не подвергать, водворивъ лишь подъ надзоръ полиціи на три года въ мѣстности, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ.

XXIV. Состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ, которые, за силою сего манифеста, подлежатъ освобожденію отъ суда и наказанія, но по убѣжденію въ своей невинности пожелаютъ оправдаться передъ судомъ, могутъ, въ теченіе одного мѣсяца со дня объявленія въ установленномъ порядкѣ опредѣленія судебного мѣста о прекращеніи производства о нихъ, просить о возобновленіи надъ ними слѣдствія и суда. Равнымъ образомъ, кто за дѣянія со-

вершонныя до дня коронованія Нашего, впоследствии будетъ подлежать, по силѣ сего манифеста, освобожденію отъ слѣдствія и суда и не пожелаетъ тѣмъ воспользоваться, можетъ въ тотъ же срокъ просить объ окончаніи дѣла его въ установленномъ закономъ порядкѣ. Тѣ и другія лица, въ случаѣ обвиненія ихъ, уже не могутъ подлежать прощенію по силѣ сего манифеста.

XXV. Платежи, уже поступившіе ко дню коронованія Нашего на пополненіе упомянутыхъ въ настоящемъ манифестѣ денежныхъ взысканій и недоимокъ по всемъ сборамъ и платежамъ, за исключеніемъ упомянутыхъ въ пп. 1—13 ст. I сего манифеста, а равно суммы въ наличныхъ деньгахъ

или процентныхъ бумагахъ, имѣющіяся на пополненіе оныхъ въ распоряженіи разныхъ правительственныхъ учрежденій, возврату или зачету за другіе платежи не подлежатъ; но арестованіе денежныхъ суммъ въ обезпеченіе начетовъ, упадающихъ на должностныхъ лицъ, не считается препятствіемъ къ возвращенію этихъ суммъ по принадлежности, въ случаѣ сложенія самаго начета, въ силу сего манифеста.

XXVI. О могущихъ возникнуть, относительно примѣненія правилъ сего манифеста, сомнѣніяхъ всѣ правительственныя мѣста обязаны входить съ представленіями въ I-й департаментъ правительствующаго сената, а по начетамъ и взысканіямъ суммъ,

слѣдовавшихъ къ поступленію въ пользу вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи,—черезъ главноуправляющаго Союственною Нашею канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи—въ опекунскій совѣтъ. Правительствующій сенатъ и опекунскій совѣтъ, въ случаяхъ, превышающихъ ихъ власть, испрашиваютъ Наше разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ.

XXVII. О льготахъ и другихъ облегченіяхъ для подданныхъ Нашихъ великаго княжества Финляндскаго издается особое постановленіе.

Данъ въ Первопрестольномъ градѣ Москвѣ, въ 14-й день мая, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто шестое, Царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКИЙ ПР. № 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейс-Кур. Высыл. Безпл.

УДОЧКИ
и всѣ вообще принадлежности для рыбной ловли получены изъ Англіи въ большомъ выборѣ
ВЪ МАГАЗИНАХЪ
С. И. ДОЙНИКОВА,
СПБ. 1-й магазинъ Невскій пр., Милитинъ рядъ д. Лосниковой, 27—19. 2-й магазинъ Гостиный дв., противъ Пажескаго корпуса № 73. 3-й магазинъ Чернышев пер. Банковская лин., № 15.
Иллюстриров. преис-курanty рыболовныхъ принадлеж. высылаются погородн. безплатно. 2395.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
ВСЯКАГО РОДА И ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА РЕКОМЕНД. ВЪ ГРОМКОМЪ ВЫБОРѢ
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петровка, домъ Волкова.
НИЖЕГ. ЯРМ Главн. домъ № 6.
ТРЕБУЕТЪ ИЛЛЮСТ. КАТАЛОГЪ.

Каждый хозяинъ, хотъ развѣ испробовавши
„Какао Бенсдорпъ“
убѣдится на опытѣ въ его хорошихъ качествахъ. —6
Какао Бенсдорпъ
здоровый, питательный, дешевый и экономическій напитокъ для дѣтей, кормилицъ, слабыхъ, больныхъ и выздоравливающихъ и здоровыхъ.

ТРЕБУЕТЪ
МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАСЕЛИН. КУС. 30к
ПУДРУ ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАСЕЛИН. КОР. 60к
Гл. Складъ
С. ПЕТЕРБУРГЪ ДЕМІДОВЪ ПЕР.
ПАРФЮМЕРН. ЛАБОРАТ. ГОЛЛЕНДЕРЪ
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

ПРАКТИЧНЫЯ НОВОСТИ.
Штопальный аппаратъ, чинить чулки, матеріи, полотно и проч., какъ тканю, ц. 2 р. Аппаратъ для прорѣзанія, выдѣлки и обметыванія петель, ц. 2 р. Къ каждому аппарату прилагаются наставленія и начатая работа. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ Новыхъ Изобрѣтеній. Большая Морская, д. № 33. Новый ватогоръ за 14 коп. марку. Высылаются немедленно, можно и налож. платежемъ.

Для гг. велосипедистовъ
фуржки „Луфъ“ вновь получены въ громаднѣмъ выборѣ.
Главныя достоинства ихъ: вентиляция испареній головы и належащій вѣсъ ц. 2 р.
Э. КИНКМАНЪ и К^о.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ 4.
Иногороднымъ наложен. платежемъ.

Главное депо часовъ
Эд. Вурхардъ.
Спб., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
2) по Невскому пр. № 6, прот. М. Морской.
Большой выборъ всевозможныхъ часовъ: лучшихъ фабрикъ по самымъ умѣр. цѣнамъ
Никелевые... отъ 6 р. 50 к. до 15 р.
Стальные (черные)... 10 р. — 20 р.
Серебряные мужскіе и дамскіе... 12 — 75
Золотые мужскіе... 50 — 500
Золотые дамскіе... 25 — 100
Регуляторы 2-хъ вѣдѣльных... 7 — 65
Будильники... 4 р. 50 к. — 25
Гг. Иногороднымъ высылаю наложеннымъ платежемъ. Прейс-курanty высылаю безплатно. Карманные часына суммусвыше 10 р. высылаются почтой на счетъ моего магазина. № 1229-12

№ 2305—1
ВЫИГРЫШ
ныя 1, 2 и 3 займы продаются
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ.
59, НЕВСКИЙ, СПБ.

НОВѢЙШІЯ
принадлежности для всякаго рода спорта, какъ-то: костюмы, фуфайки, рубашки, брюки, пояса, чулки, подтяжки, подвазки, тамаши и перчатки.
въ магаз. **Ю. Тютлибъ**
СПБургъ. Владимирская д. 2—49 угл. Невскаго пр.
Иллюст. преис-курanty высылаются БЕЗПЛАТНО.

Въ конторѣ журнала „Живоп. Обзоръ“ (Спб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб.

СИМФОНИОНЫ
Музыкальныя шкатулки съ пріятнѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ возможность мѣнять по произволу пьесы, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручкой безъ нотъ... 5 —
Ноты по... 25 —
Заводной безъ нотъ... 10 —
Ноты по... 25 —
Заводной 60-тонный безъ нотъ... 28 —
Ноты по... 50 —
Заводной 84-тонный безъ нотъ... 40 —
Ноты по... 60 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie ноты по... 70 —
Ноты по... 80 —
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie piccolo ноты по... 100 —
Ноты по... 1 —
НОВОСТЬ: Часы съ музыкой. Соляные часы, развѣ въ день заведенные, играютъ сами черезъ каждый часъ выбранныя по произволу пьесы. Въ случаѣ желанія—играютъ, когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.
Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.
Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный преис-курanty всѣхъ инструментовъ безплатно. № 805-22

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фіалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦІИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“** (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.
№ 4711. Искъ одинаковаго качества.
№ 4711 du Rhin. Искъ одинаковаго качества.
№ 4711 Sachets violette du Rhin. Искъ одинаковаго качества.
Продается въ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ Спб. и Москвы поступили въ продажу новыя книги:
„НАДЪ ПРОПАСТЬЮ“. Повѣсть К. В. Назарьевой. 162 стр. Цѣна 75 к.
„БРАКЪ КАКИХЪ МАЛО“. Романъ К. Назарьевой. Цѣна 75 к.
„РЫЦАРЬ ТѢМЫ“. Романъ К. Назарьевой. 278 стр. Цѣна 75 к.
„СТРАШНАЯ МЕСТЬ“. Романъ, соч. А. Елизарова. Цѣна 75 к.
Складъ изданій: Спб., Невскій пр., у Анничкина моста, д. 68—40.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербургъ и Москвы, поступила въ продажу новая книга

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».

Романъ изъ жизни чернышскихъ вазетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

ЗАЯВЛЕНІЕ

выдѣляется основательно въ спеціальномъ заведеніи Карла Эрнста. Принимаются приходящіе ПАНСИОНЕРЫ. СПб., Невскій пр., 100, кв. 7. Руководство къ самообученію 3 руб.

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№ 27-18 УЛИЦА УЛИЦА

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ

рояли и пианино америк. констр. со всеми новѣйш. усоверш., перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ, двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч. двойн. репетицією, прѣятн. и сильн. тона. Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и др. Пианино „ „ „ 350 375, 425, 460, 500, 550, 600 и др. Армоніопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія на нѣсколько лѣтъ

Е. А. ПИКЕРСГИЛЬ.
Москва, Петровскія линіи, магазинъ № 5.
ВЕЛОСИПЕДЫ «Пежо», «Науманъ» и др.
Каталоги 1896 г. БЕСПЛАТНО.

ВНИМАНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, въ настоящее время, мы приступили къ выпуску цѣлаго ряда художественныхъ изданій, которыя, по своему содержанію и художественному выполненію, всегда могутъ служить украшеніемъ помѣщеній каждой христіанской интеллигентной семьи, тѣмъ болѣе, что небывалая дешевая цѣна, назначенная нами за такія большія художественныя изданія, даетъ полную возможность пріобрѣтать ихъ каждому.

Въ числѣ новыхъ изданій мы предлагаемъ гг. под-

писчикамъ на выборъ двѣ большія гравюры, отпечатанныя третьимъ изданіемъ, которыя изображаютъ великіе моменты изъ послѣднихъ дней земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.

Глубокое знаніе эпохи и психологическая правда, трогательная простота и величіе, съ которыми передано извѣстными художниками потрясающее міровое событіе, — придаютъ этимъ картинамъ неоспоримое значеніе образцовыхъ произведеній въ класѣ знаменитыхъ шедевровъ христіанскаго творчества.

I. „ШЕСТВІЕ ІИСУСА ХРИСТА НА ГОЛГОВУ.“

Съ картины художн. Г. ДОРЭ (Размѣръ картины: длина 18 в., шир. 12½ в. Картина отпечатана на пергаментной бумагѣ).

Великій драматическій моментъ, въ который изображенъ художникомъ Божественный Страдалецъ, совершающій Свой Крестный путь, въ сопровожденіи архіереевъ, судей, военачальниковъ, исполнителей приговора и массы народа, невольно сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе зрителя.

II. „ІИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА КРЕСТѢ“

Съ картины проф. М. МУНКАЧЧИ (Размѣръ картины: длина 18 в., шир. 12½ в.). Картина отпечатана на слоновой бумагѣ.

Эта картина изображаетъ тотъ моментъ, когда несправедливый человѣческій судъ приведенъ уже въ исполненіе и на крестѣ распростеръ свои руки Божественный Страдалецъ, распятый среди двухъ разбойниковъ. Жестокая казнь только что совершилась, и жадная до зрѣлищъ толпа народа съ ужасомъ удаляется съ мѣста казни вмѣстѣ съ судьями, военачальниками и исполнителями приговора. На Голгоѣ, у подножія креста, находятся:

плачущая Пречистая Матерь Его, ученикъ Іоаннъ, благочестивыя жены и стерегущіе воины. Возмущенная злодѣяніемъ челоуѣчества природа покрыла весь горизонтъ неба темными тучами, и вдали видѣются уже признаки сильной грозы, но Ликъ Божественнаго Страдальца остается по прежнему, спокойнымъ и обращеннымъ къ небу съ молитвою за враговъ своихъ.

Гг. подписчики журнала „Живописное Обозрѣніе“ могутъ получить на выборъ одинъ экземпляръ изъ двухъ предлагаемыхъ картинъ, съ доставкой и пересылкою по Россіи (на скалкѣ).

ЗА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ, А ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ОБЪ ГРАВЮРЫ ОДНОВРЕМЕННО ЗА 1 р. 50 к.

для неподписчиковъ цѣна 2 рубля за каждый экземпляръ, а за двѣ гравюры 3 руб. съ (пересылкою на скалкѣ).

До сихъ поръ эти картины, гравированныя на мѣди, въ этомъ-же размѣрѣ, продавались въ эстампныхъ столичныхъ магазинахъ по 50—60 руб. за экземпляръ.

НОВЫЯ ГРАВЮРЫ, ОТПЕЧАТАННЫЯ ВЪ ТРИ ТОНА:

- 1) «ИРОДИАДА СЪ ГОЛОВОЮ ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ». Съ оригинала П. Рубенса. Цѣна 50 коп. (съ пересылкою).
- 2) «ІИСУСЪ ХРИСТОСЪ И ГРѢШНИЦА». Съ карт. Отто Вольфа. Цѣна. 50 к. (съ пересылкою).

- 3) «ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ». Съ карт. проф. Иванова Цѣна 50 к. (съ пересылкою).
- 4) «НЕСЕНІЕ КРЕСТА». Съ карт. Рафаэля. Ц. 50 к. (съ перес.).
- 5) «ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ». Съ картины Леонардо де Винчи Цѣна 50 к. (съ пересылкою).

Требованія исполняются съ первой почтой, но только при полученіи денегъ сполна при заказѣ. Желающіе могутъ высылать слѣдующія за картины деньги почтовыми марками.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ: Спб., Невскій проспектъ, у Аничкина моста, № 68—40.

№ 22 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 15-ю рисунками. При этомъ номерѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» прилагаются всѣмъ подписчикамъ портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ въ коронаціонномъ облаченіи, отпечатанные въ нѣсколько красокъ.

ВЪ ПАМЯТЬ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ

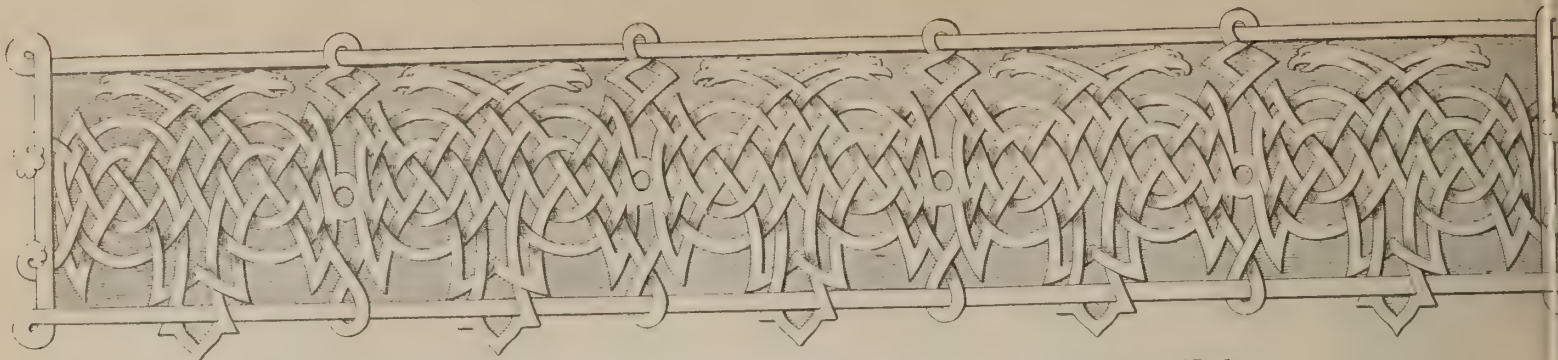
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА И ГОСУДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ

14-го мая 1896 года.

Въездъ Е. И. В. Государя Императора въ Кремль чрезъ Спасскія ворота.

БАЛЫ и ПРАЗДНЕСТВА ВЪ МОСКВѢ.

Балъ во французскомъ посольствѣ.

Вечеромъ, 19-го мая, во французскомъ посольствѣ состоялся блестящій балъ, небывалый по своей красотѣ, роскоши и оживленію. На этотъ балъ собралось все, что есть высшего и выдающагося въ Москвѣ. Въ роскошныхъ апартаментахъ посольства (въ домѣ графа Шереметева на Воздвиженкѣ); стѣны которыхъ были покрыты рѣдкостными гобеленами, гуляли нарядно одѣтыя дамы, генералитетъ, военные и придворные чины. Вскорѣ въ посольство стали прибывать Особы Императорской фамилии, иностранные принцы и принцессы, а также представители иностраннаго дипломатическаго корпуса. Въ 10 ч. 30 м. прибыли Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна. Ихъ Величества при входѣ были встрѣчены французскимъ посломъ графомъ Монтебелло съ супругою, чрезвычайнымъ посломъ генераломъ Буадефомъ и членами посольства. Послѣ привѣтствія Ихъ Величества прошли въ роскошную гостиную, превращенную въ зимній садъ, гдѣ билъ фонтанъ, освѣщаемый разноцвѣтнымъ электрическимъ свѣтомъ. По пріѣздѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ начался балъ подъ струнный оркестръ, скрытый на вѣтрахъ за массою экзотической зелени и цвѣтовъ. Въ антрактахъ между танцами иль хоръ русскихъ пѣвицъ въ роскошныхъ боярскихъ костюмахъ. На этотъ балъ были приглашены всѣ представители французской печати и нѣкоторые изъ русской и иностранной печати. Въ общемъ балъ удался вполне и закончился тончайшимъ ужинкомъ, сервированнымъ въ цѣломъ рядѣ комнатъ. Мнѣ не приходило быть на подобномъ балѣ, хотя я на своемъ вѣку видѣлъ не мало блестящихъ баловъ, въ иностранномъ дипломатическомъ корпусѣ и у представителей высшего петербургскаго общества. Во второмъ часу Ихъ Императорскія Величества отбыли изъ посольства. Разъѣздъ приглашенныхъ начался лишь на разсвѣтѣ. Балъ этотъ произвелъ на всѣхъ неизгладимое впечатлѣніе. Радостіе и гостепріимство хозяевъ не знало границъ. На память объ этомъ балѣ всѣмъ дамамъ были розданы букеты цвѣтовъ, привезенные изъ Франціи, и чудесные вѣера, которые были перевязаны лентами національныхъ цвѣтовъ.

Балъ московскаго дворянства.

21-го мая московское дворянство давало блестящій балъ въ честь Ихъ Императорскихъ Величествъ. Балъ отличался замѣчательнымъ оживленіемъ и блескомъ, а также художественнымъ убранствомъ залъ.

Весь фасадъ зданія былъ роскошно декорированъ и вечеромъ иллюминированъ всевозможными щитами, транспарантами и инициалами Ихъ Величествъ. Предъ центральнымъ входомъ была устроена полу-кругомъ небольшая колоннада, подобранная подъ стиль дома благороднаго собранія, построеннаго въ древне-греческомъ стилѣ съ коринтскими колоннами. Въ ея центрѣ, какъ-бы скрывая входъ, висѣлъ громадный малиноваго бархата шатеръ, перехваченный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ золотыми шнурами. По краю матеріи ниспадала золотая бахрома и массивныя золотыя кисти. Надъ шатромъ громадная ажурная Императорская корона изъ массы электрическихъ разноцвѣтныхъ лампъ. За короною на фронтонѣ фасада золотое сіяніе съ инициалами Ихъ Величествъ въ его центрѣ. Всюду видны тропическія растенія и цвѣты, завершающіе роскошную декорацию параднаго входа. Съ правой стороны отъ входа—хоръ музыки драгунскаго полка. Предъ подъездомъ стоитъ толпа народа, ожидающая Высочайшаго пріѣзда. Парадное антре съ бѣлыми мраморными перилами и лѣстницей не менѣе эффектно. Экзотическая зелень, розы и лиліи, ярко-красныя ливреи стоящей на маршахъ лѣстницы прислуги, почетный караулъ отъ л.-гв. казачьяго Его Величества полка рѣзко выступаютъ на бѣломъ блестящемъ фонѣ стѣнъ и даютъ красивую картину. Всѣ залы московскаго благороднаго собранія представляли необыкновенно изящный видъ. Не поражая золотомъ и не сверкая камнями самоцвѣтными, убранство залъ преимущественно сосредоточено на красивомъ сочетаніи экзотической зелени, цвѣтовъ и бѣлоснѣжныхъ стѣнъ. Нѣкоторые залы положительно превращены въ сады изъ лавровыхъ деревъ, пальмъ и душистыхъ цвѣтовъ. Въ залахъ устроены цѣлый рядъ роскошно сервированныхъ буфетовъ. Все это взятое вмѣстѣ залито сотнями тысячъ электрическихъ лампъ.

Въ первомъ залѣ отъ параднаго антре собрались для встрѣчи Ихъ Величествъ жены предводителей дворянства, во главѣ съ княгинею Трубецкой. Изъ этого зала шелъ небольшой проходъ, декорированный растеніями, въ Екатерининскій залъ, нынѣ превращенный въ гостиную для Ихъ Величествъ и русскихъ и иностранныхъ высочайшихъ особъ. Мягкая мебель, портьеры, занавѣсы, словомъ все было полно изящества, вкуса и красоты. Посреди задней стѣны висѣла бронзовая статуя Императрицы Екатерины II. Здѣсь, недалеко отъ нея, былъ сервированъ открытый буфетъ для Высочайшихъ Гостей. При выходѣ изъ этой гостиной открывается входъ въ большой бальный залъ противъ Императорской ложи, подъ бархатною стѣною видѣнъ бьющій среди цвѣтовъ и

бѣлыхъ колоннъ зала фонтанъ, который освѣщается цвѣтнымъ электричествомъ.

По лѣвой сторонѣ въ центрѣ зала громадный портретъ Государя Императора, эффектно задрапированный цвѣтною матеріею и флагами. Повсюду видны роскошныя громадныя пальмы. Съ верхняго лѣснаго карниза и съ карниза отъ хоръ ниспадаютъ вьющіеся растенія. По сторонамъ шатра надъ Императорской ложей драпированы двѣ ближайшія колонны, которыя, въ свою очередь, соединены малиновой бархатной драпировкою, образуя шатры. На вершинѣ шатра наклонно помѣщены два государственныхъ флага, а посреди ихъ громадный двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями. По сторонамъ ложи—гербы Дома Романовыхъ. 48 люстръ и два громадныхъ канделябра съ крохотными электрическими лампочками освѣщаютъ залъ положительнымъ свѣтомъ. Вокругъ большого зала тянется рядъ залъ, одинъ другого красивѣе. Всюду зелень и цвѣты, всюду масса вкуса и изящества. Въ девятомъ часу начался съѣздъ приглашенныхъ, общее число которыхъ подходило къ цифрѣ шестидесяти тысячъ человѣкъ. Экипажъ за экипажемъ длиною вереницею тянулся къ подъѣзду благороднаго собранія и это длилось вплоть до пріѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ. Въ 10 ч. 50 м. вечера долетѣвшіе чрезъ открытыя окна въ залъ восторженные клики «ура» возвѣстили всѣмъ, что Ихъ Императорскія Величества ѣдутъ. Прошло еще мгновение. Музыка заиграла гимнъ Ихъ Императорскія Величества вошли въ благородное собраніе. При входѣ Государь Императоръ съ Государынею Императрицею были встрѣчены московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства княземъ Трубецкимъ со всѣми уѣздными предводителями дворянства. На верхней площадкѣ Ихъ Величества были встрѣчены хозяйки бала, княгинями Трубецкой и Голицыной, и г-жею Кристи. Послѣ привѣтствія Державная Чета прошла въ Екатерининскій залъ, гдѣ къ этому времени собрались уже всѣ русскія и иностранныя Высочайшія Особы. Вскорѣ послѣ этого бальный оркестръ заигралъ польскій изъ оперы «Жизнь за Царя». Начался полонезъ. Впереди шла Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ княземъ Трубецкимъ, московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; за ними слѣдовали Государь Императоръ съ княгиней Трубецкой и Великія Княгини и иностранныя принцессы съ иностранными принцами и Великими Князьями. Второй туръ Государыня Императрица проходила съ бывшимъ губернскимъ предводителемъ дворянства княземъ Шереметевымъ, а Государь Императоръ съ княгиней Голицыной, и третій туръ—Государыня Императрица съ бывшимъ предводителемъ дворянства генераломъ

ломъ Ершовымъ, а Государь Императоръ съ М. Н. Кристи. По окончаніи шествія, Ихъ Величества съ прочими Высочайшими Особами прошли въ Императорскую ложу. Начались весьма оживленные танцы. Одинъ танецъ смѣнялся другимъ и такъ длилось до отъѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ. Въ залахъ было необыкновенное оживленіе. Около часа Ихъ Императорскія Величества, простившись общимъ поклономъ изъ ложи, отбыли при восторженныхъ кликахъ «ура!» При выходѣ изъ подъѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ, народъ подхватилъ это «ура!» и проводилъ имъ Царя и Царицу до Кремля. Весь путь, по которому слѣдовали Ихъ Величества, былъ красиво иллюминированъ.

Обѣдъ въ австрійскомъ посольствѣ.

22-го мая въ австрійскомъ посольствѣ состоялся торжественный обѣдъ въ честь Ихъ Императорскихъ Величествъ. Государь Императоръ былъ въ мундирѣ австрійскаго уланскаго Его имени полка, имѣя черезъ плечо ленту ордена св. Стефана. Государыня Императрица была въ роскошномъ туалетѣ пѣжно-лиловаго цвѣта, имѣя на шеѣ красивое кольцо изъ крупныхъ брилліантовъ. При входѣ Ихъ Императорскія Величества были встрѣчены австро-венгерскимъ посломъ свѣтлѣйшимъ княземъ Лихтенштейномъ со всѣми членами посольства. Посольство было въ шитомъ золотомъ мундирѣ, имѣя черезъ плечо только что пожалованную ленту ордена св. Александра Невскаго. Ихъ Величества прошли въ гостиную. Спустя немного времени, состоялся обѣдъ, сервированный на 84 куверта. Въ центрѣ стола заняла мѣсто Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, имѣя напротивъ Государя Императора. Съ правой стороны отъ Ея Величества заняли мѣста неаполитанскій принцъ Викторъ-Эммануилъ, великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская Анастасія Михайловна, великій герцогъ Гессенскій, Великая Княгиня Елисавета Мавриковна, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, княгиня Бяратинская, Великій Князь Александръ Михайловичъ, графиня Воронцова-Дашкова, верховный маршалъ графъ Паленъ и др. лица. По лѣвую сторону отъ Государыни Императрицы сѣли: посольство свѣтлѣйшій князь Лихтенштейнъ, герцогиня Коннаутская, принцъ Генрихъ прусскій, Великая Княгиня Ксенія Александровна, Великій Князь Сергій Александровичъ, м-лле Ермолова, принцъ Максимиліанъ баденскій, княгиня Долгорукая, министр иностранныхъ дѣлъ князь Лобановъ-Ростовскій, статсъ-дама великой герцогини Гессенской баронесса фонъ-Сенаркленсъ-Гранси, верховный церемоніймейстеръ князь Долгорукій и др. лица.

По правую сторону отъ Государя Императора помѣстились за столами принцесса Румынская, герцогъ Коннаутскій, Великая Княгиня Марія Павловна, Великій Князь Алексѣй Александровичъ, герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская Марія Александровна, Великій Князь Константинъ Константиновичъ, г-жа Нарышкинъ, Великій Князь Николай Николаевичъ, графиня Паленъ, министр Императорскаго двора графъ Воронцовъ-Дашковъ и др.; по лѣвую сторону: великая герцогиня Гессенская, наслѣдный принцъ Румынскій, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, принцесса Елена Герцогиня саксенъ-альтенбургская, Великій

Князь Павелъ Александровичъ, г-жа фонъ-Рихтеръ, принцъ Альбертъ саксенъ-альтенбургскій, статсъ-дама румынской наслѣдной принцессы Гресіано, командующій Императорскою главнѣю квартирою генералъ-адъютантъ Рихтеръ и др. Обѣдъ прошелъ весьма оживленно и окончился въ 9 часовъ вечера. Четверть часа спустя Ихъ Императорскія Величества отбыли изъ посольства въ Большой кремлевскій дворецъ.

Ихъ Величества въ московской думѣ.

Въ четвергъ, 23 го мая, Ихъ Величества съ иностранными высочайшими особами, членами Императорской фамиліи и высшими сановниками посѣтили думу. Передъ думой выстроились съ бѣлыми знаменами четырнадцать тысячъ празднично одѣтыхъ дѣтей московскихъ городскихъ школъ. Всѣ окна, тротуары были полны народомъ. Парадное антре убрано зеленью и цвѣтами. Внизу стоялъ оркестръ рукавишниковскаго приюта. По лѣстницѣ стояли маленькія дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ съ корзинами цвѣтовъ. Въ два часа раздалось «ура». Это дѣти привѣтствовали Царя и Царицу. Подъ звуки преображенскаго марша Ихъ Величества вступили въ думу. Государь былъ въ преображенскомъ мундирѣ. Городской голова съ членами управы встрѣтили Ихъ Императорскія Величества. Дѣти усыпали путь цвѣтами. Залъ засѣданій былъ роскошно убранъ зеленью, флагами и щитами. Портретъ Государя задрапированъ малиновымъ бархатомъ въ видѣ шатра, надъ которымъ помѣстились на подушкѣ Императорскія регалии. На эстрадѣ установлены два кресла рѣзного дуба, обитыя рѣдкой парчой. Отъ этихъ креселъ, предназначенныхъ для Ихъ Величествъ, шелъ рядъ креселъ, обитыхъ краснымъ бархатомъ. Справа зала стали Великіе Князья, принцы, придворныя дамы, сановники, свита; слѣва встали гласныя думы съ семействами. Противъ Царскаго мѣста, подъ управленіемъ директора консерваторіи Сафонова, помѣстился оркестръ консерваторіи и 277 дѣвочекъ изъ городскихъ школъ, на хорахъ—230 мальчиковъ; всѣ находящіеся въ Москвѣ городскіе головы съ ихъ ассистентами помѣстились при входѣ въ залъ. Когда Ихъ Величества заняли мѣста, городской голова Рукавишниковъ прочиталъ постановленіе думы, учреждающей, въ память коронаванія, убожище на 200 человекъ и подаль Государю копію съ постановленія въ эмальированномъ бюварѣ, на верхней доскѣ котораго помѣщенъ золотой двуглавый орелъ, надъ орломъ брилліантовая корона, на груди орла инициалы Ихъ Величествъ изъ рубиновъ и сафировъ, подъ орломъ рельефная надпись: «Великому Государю Императору Николаю Александровичу и Великой Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ отъ древней Ихъ столицы Москвы». Послѣ того дѣти пропѣли торжественную кантату со словами Буслаева, музыка Ипполитова-Иванова. Слова кантаты слѣдующія:

*Привѣтъ тебѣ, Отецъ Державный!
Прими привѣтъ Руси святой!
Хранимъ будь Богомъ путь Твой славный
Для счастья всей земли родной...*

*Привѣтъ Тебѣ, Руси Царица!
Прими дѣтей Твоихъ привѣтъ!
Да осыплетъ Творца десница
Тебя на счастье многихъ лѣтъ...*

*Молитвы всѣхъ къ престолу Бога
За весь Вашъ Царскій родъ летятъ,
Сердца полны, полны восторга
И къ Вамъ любовью горятъ.*

* * *

*Царственный путь
Будетъ радостенъ вѣкъ,
Царствуйте славно
На много, много лѣтъ!..*

* * *

*Привѣтъ Тебѣ, Отецъ Державный!
Прими привѣтъ Руси святой!
Хранимъ будь Богомъ путь Твой славный
Для счастья всей земли родной...*

* * *

*Царственный путь
Будетъ радостенъ вѣкъ,
Царствуйте славно
На много, много лѣтъ.*

* * *

*Слава Царю!
Слава Царицѣ:
Слава на много лѣтъ!
Слава! Слава!*

* * *

*Слава Царю!
Царицѣ слава во вѣкъ!
Слава на многие годы!
Слава! Слава!*

Пѣніе пятисотъ дѣтей было такъ стройно, что Государь пожелалъ прослушать кантату еще разъ. По окончаніи пѣнія, голова Рукавишниковъ сказалъ Государю: «Великій Государь, свѣтлою чертою будетъ отмѣченъ сегодняшній день въ исторіи Москвы Твоей. Вся Москва радуется, вся Москва очастливлена высокою честью, которую Ты явилъ ей, Государь, сегодня посѣщеніемъ думы и принятіемъ привѣтствія дѣтей жителей Москвы. Московская городская дума безконечно счастлива впервые у себя принять Монарха своего, видѣть въ стѣнахъ своихъ Тебя. Великій Государь, Великую Царицу и Царскую семью Твою. Самою искреннею сердечною признательностью низко до земли челомъ Тебѣ бьемъ, и не изгладится сей день во вѣки изъ благодарной памяти московской городской думы. Да здравствуетъ Великій Государь, да здравствуетъ Великая Царица и вся Царская семья, да охраняетъ Ихъ Господь своею благодатью на многіе годы на радость искони преданной, безпредѣльно любящей Царя и семью Цареву Москвы Ихъ. Ура!» Загремѣло ура и звуки народнаго гимна. Когда все смолкло, Государь сказалъ:

«Императрица и Я благодаримъ московскую думу за теплую встрѣчу и сегодняшній праздникъ. Изъ нашихъ сердецъ никогда не изгладится этотъ радушный пріемъ. Сердечно за все благодаримъ и желаемъ полного преуспѣянія дорогой Нашей Москвѣ».

Въ отвѣтъ на милостивыя слова Монарха вновь загремѣло «ура». Среди криковъ слышались дѣтскіе голоса. Въ 2 съ половиною часа Ихъ Величества, при звукахъ гимна и крикахъ «ура», отбыли изъ думы.

При выходѣ Ихъ Величествъ изъ думы, дѣвочки серпуховскаго училища второго участка поднесли Государынѣ Императрицѣ вышитое ими полотенце, а мальчикъ Николаевскаго училища поднесъ Государю просфору и сказалъ: «Великій Государь, мы молились сегодня Богу и вынули за Твое здоровье, Государь, просфору, которую и пресимъ принять».

РИСОВАЛЪ СЪ НАТУРЫ ХУДО

(Право на воспроизведение составляет исключительны

Иллюминація Кремля въ дни Священнаго Нора

КНИКЪ Н. Н. КАРАЗИНЪ.

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“).

НІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Балъ въ Кремлевскомъ дворцѣ.

23-го мая состоялся въ Кремлевскомъ дворцѣ большой балъ. Къ 9 часамъ вечера собрались въ залахъ дворца приглашенные лица: высшіе государственные и придворные чины, члены дипломатическаго корпуса, придворныя и городскія дамы, лица свиты Его Величества и иностранныхъ принцевъ и придворные кавалеры—въ Андреевскомъ залѣ, всѣ же прочіе генералы, штабъ и оберъ-офицеры и гражданскіе чины, а также предводители дворянства и другіе представители губерній и городов,—въ Александровскомъ залѣ; въ томъ-же залѣ, на особой эстрадѣ, украшенной живыми растеніями, размѣстился придворный музыкантскій хоръ. Хоръ музыки лейбъ-гвардіи преображенскаго полка находился въ Андреевскомъ залѣ. Внутренніе караулы были выставлены въ Андреевскомъ залѣ—отъ роты дворцовыхъ гренадеръ, въ Кавалергардскомъ—отъ л.-гв. коннаго полка и въ Пикетной комнатѣ—отъ л.-гв. уральской казачьей естни. Въ 10 час. 15 мин. последовалъ выходъ Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ внутреннихъ покоевъ въ Андреевскій залъ. Государь Императоръ былъ въ формѣ л.-гв. гусарскаго Имени Своего полка и въ Андреевской лентѣ. На Государыню Императрицу Александрѣ Феодоровнѣ было шелковое платье золотистаго цвѣта, покрытое длинными блестящими золотыми нитями; на головѣ Ея Величество имѣла брилліантовую діадему. Балъ начался польскимъ. За Ихъ Величествами слѣдовали попарно: Великіе Князья, Великія Княгини и иностранныя августѣйшія особы. Въ первомъ турѣ впереди слѣдовала Государыня Императрица съ принцемъ Неаполитанскимъ, а Государь Императоръ шелъ съ румынскою принцессою Марією. Во второмъ—Государыня Императрица шла съ наслѣднимъ принцемъ Датскимъ, Государь Императоръ—съ великою герцогинею Гессенскою; въ третьемъ турѣ Государыня Императрица—съ кровъ-принцемъ Шведскимъ, Государь Императоръ—съ Великою Княгинею Анастасією Михайловною великою герцогинею Мекленбургъ-Шверинскою; въ четвертомъ турѣ Государыня Императрица шла съ наслѣднимъ принцемъ Румынскимъ, Государь Императоръ—съ принцессою Коннаутскою. Послѣ четвертаго тура польскаго начались танцы, въ которыхъ приняли участіе Ихъ Императорскія Величества. Въ Андреевскомъ залѣ и въ галереѣ Александровскаго зала были устроены открытые буфеты, украшенные цвѣтами и серебромъ. Всѣ стѣны галереи были украшены блюдами и солонками, поднесенными Ихъ Императорскимъ Величествами въ предшествующіе дни. Въ первомъ часу ночи началась мазурка, послѣ которой состоялась ужина для дипломатическаго корпуса, высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, придворныхъ дамъ, лицъ свиты Его Величества и иностранныхъ принцевъ—въ Георгіевскомъ залѣ, въ которомъ находился и Высочайшій столъ. Прочія приглашенные на балъ лица ужинали на Боярской площадкѣ и въ шатрахъ у Спаса на бору. Кромѣ того, для оберъ-офицеровъ столы были приготовлены въ тайникахъ. Въ началѣ второго часа Ихъ Императорскія Величества оставили залы и удалились во внутренніе покои.

Вечеръ въ германскомъ посольствѣ.

Въ пятницу, 24-го мая, состоялся музыкально-драматическій вечеръ въ герман-

скомъ посольствѣ, который имѣлъ блестящій успѣхъ. Помѣщеніе посольства ограничило число приглашеній до пятидесяти. Въ зрительномъ залѣ находились только Императорская чета, Великіе Князья и Великія Княгини, иностранные принцы и принцессы, члены дипломатическаго корпуса, министры и высшіе сановники съ супругами; остальные приглашенные находились въ прилегающихъ помѣщеніяхъ. При прибытіи, Ихъ Величества встрѣчены были гимномъ, исполненнымъ оркестромъ филармонической берлинской капеллы. Императрица вошла съ принцемъ Генрихомъ; Государь, въ мундирѣ своего вестфальскаго гусарскаго полка, въ лентѣ Чернаго Орла, шелъ съ хозяйкою княгиней Радолицъ. Музыкальная программа состояла изъ произведеній: Моцарта, Бетховена, Мендельсона, Вебера и Вагнера, а также «Соловья» Алябьева. Исполнено все это было превосходно, лучшими музыкальными силами Германіи. Также были исполнены сцены изъ «Валленштейна» лучшими артистами съ Барнаемъ во главѣ. Особенно прошли эффектно увертюра «Евріанта» Вебера, квинтетъ изъ «Мейстерзингеровъ» и «Скачка Валькирій», Вагнера. Къ ужину шли: Императрица съ принцемъ Генрихомъ, Государь съ княгиней Радолицъ. Въ половинѣ второго Ихъ Величества отбыли.

Обѣдъ для пословъ и посланниковъ.

Въ субботу, 25-го мая, въ Георгіевскомъ залѣ Кремлевскаго дворца былъ обѣдъ для пословъ и посланниковъ съ супругами, членовъ государственнаго совѣта, сенаторовъ, для первыхъ и вторыхъ чиновъ двора, генералъ-адъютантовъ, статсъ-секретарей, генералъ-майоровъ свиты Его Величества, флигель-адъютантовъ, адъютантовъ Ихъ Величествъ, для статсъ-дамъ, камеръ-фрейлинь, гофмейстеринъ, фрейлинь Ея Величества и Ихъ Высочествъ, также и для иностранныхъ придворныхъ дамъ. Императорскій столъ накрытъ былъ на 96 кувертовъ. Съ Государемъ сидѣла принцесса Гессенская и Румынская. Съ Императрицею Александрою Феодоровною сидѣли наслѣдныя принцесса Датскія и принцесса Неаполитанскія. Обѣдающихъ было семьсотъ особъ. На хорахъ пѣла Императорская опера. Меню обѣда изображало парадный въѣздъ посла и вдали Спасскую башню.

Окончаніе коронаціонныхъ празднествъ.

26-го мая, въ 7 часовъ, въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца состоялся въ Высочайшемъ присутствіи обѣдъ, къ которому были приглашены члены Императорскаго дома, иностранныя августѣйшія особы, лица Государевой свиты, высшіе придворные чины, лица, принимавшія участіе въ коронаціонныхъ работахъ и представители московскихъ правительственныхъ и сословныхъ учреждений. Всѣхъ приглашенныхъ было 300 человекъ. За Высочайшимъ столомъ, рядомъ съ Государемъ занимала мѣсто принцесса Румынская, а рядомъ съ Государыней принцъ Румынскій. Противъ Ихъ Величествъ сидѣлъ министръ двора, справа министръ внутреннихъ дѣлъ, а слѣва московскій губернскій предводитель. Меню обѣда было украшено видами Кіева, Москвы и Нижняго-Новгорода. Въ рисунокѣ помѣщены вензеля Ихъ Величествъ

и гербъ Романовыхъ. Во время обѣда игралъ придворный музыкантскій хоръ. Послѣ обѣда въ Александровскомъ залѣ, Ихъ Величества представлялись лицамъ, принимавшимъ участіе въ коронаціонныхъ работахъ. Отъѣздъ Государя и Государыни Александры Феодоровны и Маріи Феодоровны состоялся 26-го мая съ брестскаго вокзала. Проводить Ихъ Величества съѣхались Великіе Князья, Великія Княгини, министры, придворныя и высшія должностныя лица Москвы. Въ исходѣ десятаго часа вечера Ихъ Величества изволили прибыть въ павильонъ. По Тверской народъ стоялъ шпалерами и единодушно приветствовалъ Высочайшихъ Особъ. Тверская улица и брестскій вокзалъ были иллюминированы. Представители города размѣстились по лѣстницѣ павильона. Супруга городскаго головы Рукавишниковъ имѣла счастье поднести обѣимъ Государынямъ роскошные букеты изъ живыхъ цвѣтовъ. По вступленіи Ихъ Величествъ въ павильонъ, супруга губернскаго предводителя дворянства, княгиня Трубецкая, также удостоилась поднести букеты. Супруга начальника московско-брестской дороги Шиловскаго имѣла счастье поднести букетъ Государынямъ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, Государю и Государыни милостиво бесѣдовали съ собравшимися лицами. Затѣмъ Императрица Марія Феодоровна, простившись съ Государемъ и Государыней, Великими Княгинями и Великими Князьями, а также со всѣми провожавшими лицами, вошла въ вагонъ, и Императорскій поѣздъ отошелъ по соединительной вѣтви на Николаевскій вокзалъ. Вмѣстѣ съ Ея Величествомъ отбыли Великій Князь Михаилъ Александровичъ, Великая Княжна Ольга Александровна, Великій Князь Алексѣй Александровичъ и Великій Князь Александръ Михайловичъ съ Великой Княгиней Ксеньей Александровной. Черезъ пять минутъ былъ поданъ второй Императорскій поѣздъ съ которымъ изволили отбыть до станціи Одинцово Государь и Императрица Александра Феодоровна: Ихъ Величества при отходѣ поѣзда стояли у окна вагона и милостиво откланивались провожавшимъ. Съ этимъ же поѣздомъ отбыли Великій Князь Сергій Александровичъ съ Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной. Со станціи Одинцово Ихъ Величества вмѣстѣ съ Ихъ Высочествами прослѣдовали въ село Ильинское, гдѣ проведутъ нѣсколько дней.

Прощальная аудіенція и Высочайшій обѣдъ.

Въ воскресенье, 26-го мая, въ 3 ч. 30 м. дня, Ихъ Императорскія Величества отбыли изъ Петровскаго въ Кремлевскій дворецъ. По всему пути слѣдованія народъ восторженно приветствовалъ Царя и Царицу. Въ нѣятомъ часу Ихъ Императорскія Величества принимали въ прощальной аудіенціи всѣхъ чрезвычайныхъ пословъ и посланниковъ съ ихъ свитами. Въ 6 часовъ вечера Ихъ Императорскимъ Величествами были представлены всѣ участники въ коронаціонныхъ работахъ. Въ 7 часовъ вечера въ Александровскомъ залѣ состоялся Высочайшій обѣдъ для лицъ московской администраціи и участниковъ въ коронаціонныхъ работахъ.

Въ 10 ч. 10 м. вечера Ихъ Императорскія Величества отбыли изъ Москвы.

ВЪ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ.

Къ рисунку на 81-й страницѣ.

Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами Троице-Сергіевой лавры.

22-го мая ликующая Москва проводила своихъ Высочайшихъ Гостей на богомолье. Государь Императоръ и Государыня Императрица уѣхали изъ Москвы въ Троице-Сергіеву лавру, соединяющую въ себѣ и высокочтимыя русскимъ народомъ святыни, и историческія воспоминанія, свидѣтельствующія о преданности народа Престолу. Нынѣ мирныя, стѣны и башни лавры во время оно гремѣли пушечными выстрѣлами, отстаивая независимость родины отъ вторженія врага—поляковъ. Позднѣе, въ Отечественную войну 1812 года, во время нашего двадцати лѣтъ, сокроушницы и казюхранилища лавры были открыты для нуждъ государства. Въ голодные годы лавра открывала свои житницы. Каждый уголокъ этого монастыря имѣетъ историческое значеніе и запечатлѣнъ святынею. Круглый годъ сюда стекаются со всѣхъ концовъ Россіи богомольцы и паломники. Такими-же богомольцами отправились въ лавру Государь и Государыня. Въ Царственномъ смиреніи великій русскій Монархъ молился Царю Царей и съ нимъ вмѣстѣ молился и весь народъ. Государь также молился и объ упокоеніи души Своей Царственной Бабки, въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи Александровны.

Троице-Сергіева обитель стала называться лавроу въ 1744 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны. Обитель находится въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, по ярославской дорогѣ.

Троице-Сергіева лавра основана преподобнымъ Сергіемъ Радонезскимъ. Она расположена въ посадѣ, имѣющемъ около 30 т. жителей. Какъ и всѣ древніе монастыри, лавра окружена толстыми крѣпостными стѣнами съ 9 башнями, выдержавшими осаду поляковъ 1608 г., и 4 воротами. Стѣна имѣетъ въ окружности болѣе версты, шириною въ 3 сажени и вся покрыта желѣзомъ. Въ празднества совершаются крестные ходы по стѣнѣ. Въ обители преподобнаго Сергія находится 12 церквей. Мы опишемъ древнѣйшія.—Главный храмъ—въ честь Живоначальной Троицы. Онъ устроенъ въ XV вѣкѣ изъ благаго камня преп. Никономъ. Верхъ собора вызолоченъ. Стѣны храма внутри росписаны были знаменитыми иконописцами Андреемъ Рублевымъ и Данииломъ Чернымъ. Иконостасъ его, обложенный серебромъ, состоитъ изъ 5-ти ярусовъ и представляетъ собою торжествующую церковь. Замѣчательнѣйшими иконами Свято-Троицкаго собора почитаются: двѣ иконы Святыя Живоначальной Троицы: одна по правую сторону царскихъ воротъ, а другая по лѣвую. Эти иконы украшены золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями—одна царемъ Борисомъ Годуновымъ, а другая—царемъ Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Въ ряду мѣстныхъ иконъ замѣчательны два образа Всемиловитаго Спаса. Надъ южной дверью алтара,—икона Сергіева видѣнія, писанная на гробовой доскѣ его. Эту икону бралъ съ собою въ польскій походъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1654 году и повелѣлъ написать на семь образѣ, что по молитвамъ Пресвятыя Богородицы и заступленіемъ преподобныхъ Сергія и Никона, Богъ даровалъ

ему побѣду надъ польскимъ королемъ. Тотъ-же образъ, въ послѣдствіи времени, брали и въ другіе военные походы.

Соборъ Успенія Божіей Матери, сходенъ, по устройству своему, съ московскимъ Успенскимъ соборомъ. Онъ сооруженъ при царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ и освященъ въ 1585 году. При этомъ соборѣ три придѣла: св. великомученика Θεодора Стратилата; великомученицы Ирины и святителя Николая Чудотворца. Въ Успенскомъ соборѣ погребены: Августинъ, архіеп. московскій, Моисей, архіеп. рязанскій, королева Марфа Владиміровна, дочь Владиміра Андреевича Старицкаго, бывшая въ супружествѣ за датскимъ принцемъ Магнусомъ, королемъ Лифляндскимъ и дочь ея королева Евдокія. Въ паперти собора положены были перенесенныя въ 1606 году изъ московскаго Варсонофьева монастыря тѣла: царя Бориса Годунова, супруги его Маріи и сына ихъ царя Θεодора Борисовича и дочери ихъ Ксеніи. По уничтоженіи паперти, гробницы ихъ остались внѣ собора противъ сѣверо-западнаго угла. Надъ гробницами сдѣлана паплатка.

Церковь Сошествія Св. Духа сооружена царемъ Иоанномъ Васильевичемъ въ память взятія Казани. Иконостасъ въ этой церкви изъ розоваго дерева въ три яруса. Подлѣ этой церкви, съ сѣверной стороны, часовня, въ которой помѣщается гробница знаменитаго ученаго XVI столѣтія, Максима Грека, скопчавшагося въ 1556 году, на 76 году жизни. Съ южной стороны церкви Сошествія Св. Духа въ 1867 году устроенъ придѣлъ во имя праведнаго Филарета Милостиваго. Въ семь храмѣ погребены тѣла московскихъ митрополитовъ: Филарета († 1867 года) и Иннокентія († 1879 года).

Церковь во имя Явленія Богородицы св. Сергію, построена въ 1734 году, по повелѣнію императрицы Анны Иоанновны. Въ библиотекѣ обители заключается болѣе 800 рукописей и до 6000 печатныхъ книгъ. Древнѣйшія изъ рукописей относятся къ XII—XIV вв.; таковы: Пятюнникъ Моисеевъ, Паремейникъ, слова Григорія Богослова съ толкованіемъ Никиты, епископа Иракліискаго, Цѣль золотая, Стихирарь, Кондакаръ на крюковыхъ нотахъ, Прологъ, Октоихъ, житіе св. Нифонта, слова постническія Исаака Сирина и другія. Историческое значеніе Лавры начинается съ самаго основанія ея, съ 1333 года. Въ 1380 году татары вторглись въ предѣлы нашего отечества съ огнемъ и мечемъ. Преподобный Сергій благословилъ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго на борьбу съ врагами, и татары потерпѣли полное пораженіе. Царь Иоаннъ Васильевичъ Грозный тоже приходилъ въ обитель и предъ походомъ на Казань, и по взятіи этого города. Поляки заняли Москву и подступили къ Троицкой Лаврѣ, чтобы расхитить ея сокровища, но, послѣ сильной и продолжительной осады, должны были отступить. Подвиги Троицкаго архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына, подкрѣпленные молитвами преп. Сергія, спасли не только Троицкую Лавру, но и всю Россію. Въ 1771 году, когда распространилась въ Москвѣ чума, тысячами жители оной стекались въ обитель преп. Сергія и многіе недужные получали исцѣленіе. Французы, въ 1812 году, занявъ Москву, двинулись къ Лаврѣ съ намѣреніемъ расхитить ея богат-

ства, но, какъ гозорять, мракъ затмилъ имъ дорогу, и они принуждены были возвратиться въ Москву. Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ принадлежит находящееся въ Москвѣ Троицкое подворье, съ домовою церковью во имя преп. Сергія и съ придѣломъ Иверскія иконы Божіей Матери. Здѣсь имѣютъ мѣстопробываніе московскіе митрополиты.

Въ 3-хъ верстахъ отъ Троице-Сергіевой Лавры находится Спасо-Виноанскій монастырь, который основанъ въ 1783 году московскимъ митрополитомъ Платономъ. До 1797 года этотъ монастырь былъ пустынею. Императоръ Павелъ I, посѣтивъ эту обитель, возвелъ ее на степень второкласснаго монастыря. Главный храмъ Виноанскаго монастыря двухъ-этажный. Въ немъ устроена искусственная гора, изображающая гору Ѳаворскую, на вершинѣ которой находится престолъ во имя Преображенія Господня. Подъ горою—пещера, въ глубинѣ которой устроенъ престолъ въ честь Лазарева Воскрешенія. Въ основаніи горы, въ особомъ притворѣ, хранится деревянный гробъ, въ которомъ погребено было святое тѣло пр. Сергія; здѣсь же и могила основателя обители, митрополита Платона.

22-го мая, какъ мы уже сказали выше, въ 9 часовъ утра, Ихъ Величества отбыли по ярославской желѣзной дорогѣ въ Сергіеву Троицкую лавру въ сопровожденіи свиты, генераль-адъютанта Рихтера, министра Императорскаго двора Воронцова-Дашкова, генерала Гессе, князя Барятинскаго и министра путей сообщенія князя Хилкова. Съ Ихъ Величествами были: Императрица Марія Θεодоровна, генераль-губернаторъ Сергѣй Александровичъ съ Елисаветой Θεодоровной, Александръ Михайловичъ съ Августѣйшею Супругою, Владиміръ Александровичъ съ Августѣйшею Супругою и тремя сыновьями, Алексѣй Александровичъ, Павелъ Александровичъ, греческая королева съ дѣтьми и Константинъ Константиновичъ. По прибытіи въ лавру, Ихъ Величества были встрѣчены митрополитомъ московскимъ Сергіемъ, высшимъ духовенствомъ и крестнымъ ходомъ. Послѣ службы въ лаврѣ всѣ прибывшіе приглашены были митрополитомъ къ трапезѣ. Ихъ Величества сидѣли съ Высочайшими Особами за отдѣльнымъ столомъ. За другими столами сидѣли свита и духовенство. Послѣ завтрака Государь съ Государыней и Высочайшими Особами осматривали ризницу. Въ 2 часа 10 мин. Государь посѣтилъ Виноанскій скитъ и отбылъ со всѣми сопровождающими въ 4 часа обратно въ Москву, куда прибылъ въ 6 часовъ. При отбытіи изъ Москвы Ихъ Величества были встрѣчены на ярославскомъ вокзалѣ предсѣдателемъ дороги Мамонтовымъ, который поднесъ Ихъ Величества на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль, и художниками бр. Васнецовыми, Полѣновымъ и Коровинымъ, которые поднесли альбомъ съ художественно исполненными акварелями видовъ лавры. Ихъ Величества и всѣмъ присутствующимъ были розданы въ лаврѣ просфоры и серебряные образки.

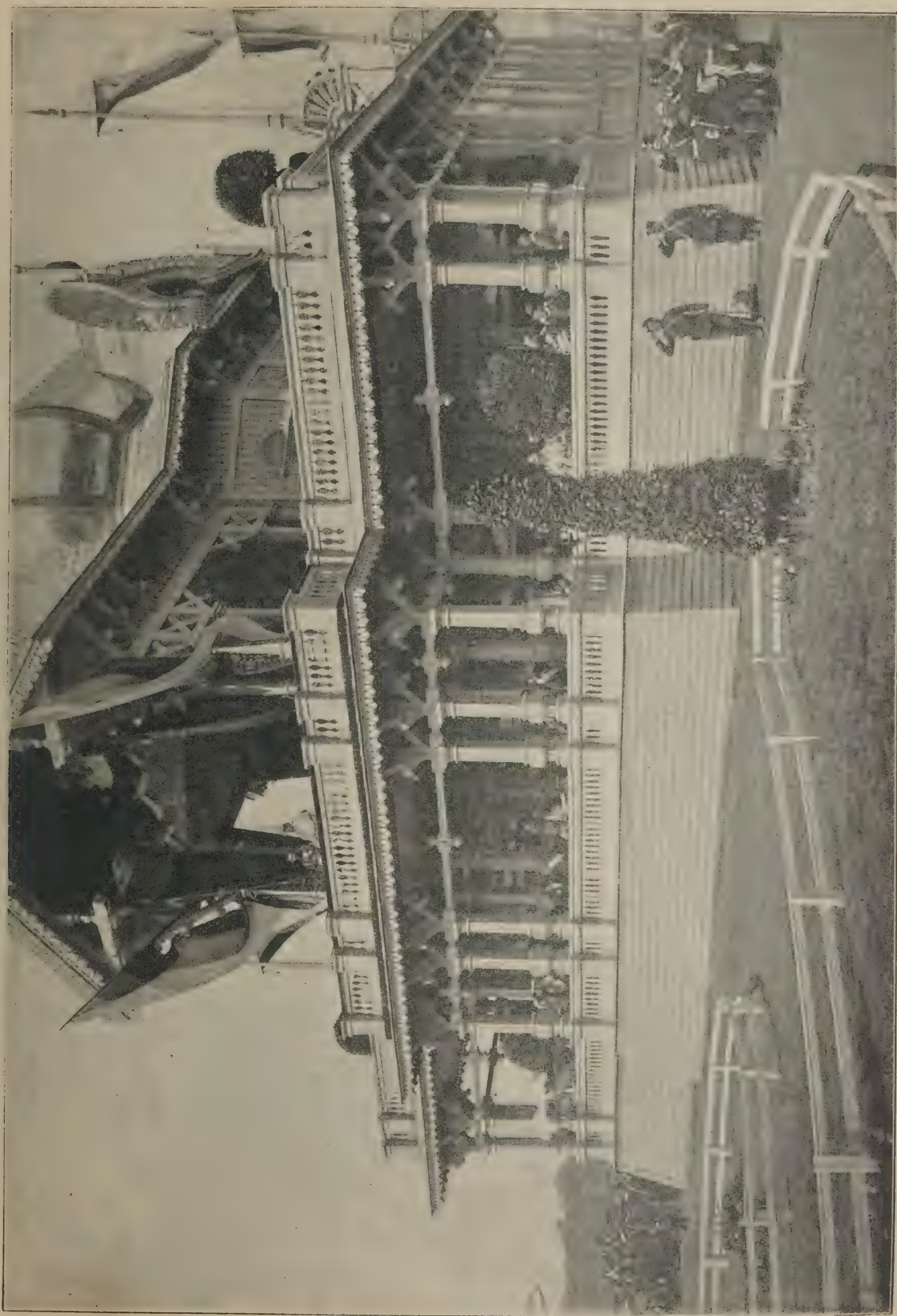
Рана съ мощами преподобнаго Сергія.

Въ Троицкой церкви, отъ которой получила названіе и вся лавра, находится и вѣ-

РИСОВАЛЪ СЪ НАТУРЫ ХУДОЖНИКЪ ФР. ДЕ-ГААНЕНЪ.

Устройство элентрической иллюминации на Кремлевской башнѣ.

Ихъ Императорскія Величества на Ходынскомъ полѣ (Царскій павильонъ).

личайшая святыня лавры—рака изъ чистаго серебра съ мощами преподобнаго Сергія Радонежскаго. Надъ изготовленіемъ ея трудился болѣе 25 лѣтъ. Драгоцѣнная рака эта устроена царемъ Іоанномъ Грознымъ, который высоко чтить память преподобнаго и пожелалъ серебряной ракой замѣнить деревянный гробъ, бывший ранѣе. Прошло время. Благочестивое вниманіе царствующихъ особъ не ослаблялось. И вотъ въ прошломъ столѣтіи императрица Анна Іоанновна устраиваетъ надъ этой ракой величественную серебряную сѣнь, для которой было употреблено около 25 пудовъ чистаго серебра. Эта сѣнь надъ ракой придаетъ чудный видъ святыни. Роскошь отдѣлки и цѣнность матеріаловъ, какъ нельзя болѣе, соответствуютъ важности предмета поклоненія. Благочестивое настроеніе молящагося увеличивается при видѣ такой обстановки и при мысли объ усердіи царей и царицъ русскихъ. У раки преподобнаго Сергія находятся иконы, бывшія въ его келліи: Богородицы Одигитрии и Святителя Николая Чудотворца, а также—священническія облаченія преподобнаго, посохъ, ножикъ и ложка. Каждый предметъ, принадлежавшій святителю, сдѣлался дорогимъ о немъ напоминаніемъ. Надъ южными дверями въ алтарь стоитъ небольшой складной образъ видѣнія Божіей Матери преподобнымъ Сергіемъ. Образъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ, какъ мы уже говорили, что сопровождалъ нашихъ царей въ походахъ на непріятеля: его брали съ собой цари Алексѣй Михайловичъ, Петръ Великій, а въ послѣднюю войну съ турками въ 1877 году образъ былъ посылаемъ и въ Бозѣ почившему Государю Александру II на поле брани.

Замѣчательно святое преданіе, соединенное съ другою лаврской церковью—«Михеевскою». Маленькая церковь Михеевская построена надъ гробомъ преподобнаго Михея. Это былъ ученикъ и келейникъ преподобнаго Сергія. Въ житіи этого святителя находимъ мы слѣдующій рассказъ. Однажды преподобный молился предъ образомъ Божіей Матери. Въ келліи его былъ и Михей. Сотворивъ молитву, преподобный сѣлъ отдохнуть и вдругъ сказалъ Михею: «Чадо! Трезвись и бодрствуй, потому что сейчасъ намъ имѣеть быть чудное и ужасное посѣщеніе». Въ это же время послышался голосъ: «Пречистая грядетъ». Святый, услышавъ это, вышелъ въ сѣни и увидѣлъ свѣтъ, въ которомъ предстала предъ нимъ Пречистая съ апостолами: Петромъ и Іоанномъ. Преподобный палъ ницъ, а Пречистая ксннула его руками и сказала: «не ужасайся, избранникъ мой! Я пришла посѣтить тебя и сказать, что молитва твоя объ ученикахъ и обители услышана; не скорби, ибо отнынѣ она всемъ будетъ изобиловать...» Богородица стала невидима, а святой стоялъ въ страхѣ. Ученика своего Михея нашелъ онъ лежащимъ, какъ мертвого: ужасъ охватилъ Михея, но радостью засіяло лицо преподобнаго. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ Исаака и Симона, рассказать имъ все, что случилось, и всю ночь они молились. Въ честь этого дивнаго явленія Богоматери преподобному Сергію въ присутствіи Михея и построена церковь, съ Высочайшаго соизволенія, въ началѣ прошлаго столѣтія.

Изъ жизни преподобнаго Сергія.

При посѣщеніи лавры, невольно вспоминаешь удивительную подвижническую жизнь

преподобнаго Сергія и все тѣ случаи, когда надъ святымъ явно бодрствовало Всевидящее Око Господне. Во время своего пустынножительства св. Сергій замѣтилъ однажды, что бродящій у его келліи медвѣдь голоденъ; Сергій оставилъ ему у келліи кусокъ хлѣба. «Блаженъ, иже и скоты милуетъ». Звѣрь, тоже видя незлобное настроеніе отшельника, сталъ ежедневно приходить и получать свою долю, пока сдѣлался, наконецъ, почти ручнымъ.

Въ другой разъ, когда уже около преподобнаго собралось много монашествующей братіи, не было воды, и жажда томила всѣхъ. Слышался ропотъ. Преподобный утѣшалъ, говоря, что онъ одинъ хотѣлъ пребывать въ этой пустыни, и воды ему было достаточно, но если Богу угодно было устроить обитель, то и чадо ея не оставитъ онъ. Затѣмъ отправился онъ въ лѣсъ съ однимъ сподвижникомъ. Найдя немного дождевой воды, преподобный Сергій преклонилъ колѣни и горячо молился Богу. Вдругъ изъ-подъ земли потекла ключевая вода въ обилии... Удивленные иноки хотѣли было назвать ручей «рѣкой Сергія», но преподобный отклонилъ это, говоря: «не я далъ воду, а Богъ, зачѣмъ же вы зовете ее моимъ именемъ?»

Были преподобному Сергію и чудесныя видѣнія. Молится преподобный въ своей келліи, молится за братію, за обитель. Слышитъ онъ голосъ: «Сергіи!» Открывается онъ окно келліи. На небесахъ сіяетъ чудный свѣтъ и разгоняетъ тьму. Слышится невѣдомый голосъ: «Сергіи! ты молишься о дѣтяхъ твоихъ духовныхъ, Господь принялъ твою молитву. Посмотри кругомъ, какое множество иноковъ собрано тобою подъ твою рукуводство во имя Живоначальныя Троицы!» Видитъ Сергіи: летаетъ множество прекрасныхъ птицъ; онѣ поютъ дивно сладостно; а невѣдомый голосъ продолжалъ: «... такъ умножится стадо учениковъ твоихъ, и послѣ тебя не оскудѣютъ они!» Радости преподобнаго не было предѣла. Онъ годѣлился ею съ архимандритомъ смоленскимъ Симономъ, который тоже удостоился видѣть часть небеснаго свѣта. Прошло 500 лѣтъ. Пророческое видѣніе исполнилось во всей силѣ.

Перенесемся теперь мыслью въ то давнее тяжелое время, когда Россія была подъ игомъ татаръ. Великій князь Димитрій Донской приготовился вступить въ бой съ несмѣтными полчищами татаръ. Прежде, однако, великій князь съ другими князьями и боярами пожелалъ помолиться въ Троице-Сергіевской обители. Прибыли все въ монастырь. Видя сокрушеніе князя, преподобный Сергіи успокоилъ его, предложилъ вкусить хлѣба-соли, потомъ сказалъ въ пророческомъ предвидѣніи: «Господь Богъ тебѣ помощникъ. Не приспѣло еще время тебѣ самому носить вѣнецъ этой побѣды съ вѣчнымъ сномъ; но многимъ, безъ числа многимъ сотрудникамъ твоимъ плетутся вѣнды мученическіе съ вѣчной памятью». Потомъ послѣ молитвы и наставленій, благословилъ онъ всѣхъ, а князю сказалъ тихо: «побѣдиши враги твои...» Были въ это время въ монастырѣ два инока, прежде бояре: *Пересвѣтъ* и *Ослябя*. Оба они до поступленія въ монастырь славились храбростью и мужествомъ. Великій князь просилъ дать ему этихъ иноковъ въ залогъ успѣха. Преподобный Сергіи не задумался исполнить желаніе князя и повелѣлъ инокамъ Пересвѣту и Ослябю готовиться: «приспѣло время вашей

купли!» сказалъ онъ имъ. Оба инока были рады исполнить волю святителя и собрались въ путь. Преподобный Сергіи еще разъ благословилъ и предсказать побѣду. Съ бодрымъ духомъ и полной вѣрой оставилъ великій князь обитель Сергіеву, и побѣдилъ Мамай.

Преподобный Сергіи преставился 25 сентября 1391 года. И послѣ его смерти чудеса не прекратились. Тѣло праведника покоилось въ землѣ 30 уже лѣтъ. Недалеко отъ монастыря жилъ одинъ благочестивый чело-вѣкъ, который часто приходилъ и молился у гроба Сергія. Однажды, явился ему этотъ преподобный во снѣ и сказалъ: «Возвѣсти игумену монастыря моего, что напрасно столько времени оставляетъ онъ меня открытымъ землей, въ которой вода подступаетъ къ моему тѣлу». Полный страха, чело-вѣкъ этотъ посѣщалъ къ игумену. Произошло совѣщаніе иноковъ и рѣшили открыть гробъ преподобнаго Сергія и изнести тѣло. 5 іюля 1422 года, при громадномъ стеченіи народа, произошло открытіе мощей. Когда открыли гробъ, то все были поражены тѣмъ, что не только тѣло, но даже одежда преподобнаго не истлѣла въ землѣ; вода стояла съ обѣихъ сторонъ, но не касалась ни тѣла, ни одежды. Все поклонились новооткрытымъ мощамъ великаго праведника и воздали хвалу Всевышнему, сподобившему ихъ видѣть святое тѣло угодника.

Ризница Троице-Сергіевой лавры.

Ихъ Императорскія Величества, посѣтившія 22-го мая богатую ризницу Троице-Сергіевой Лавры, подробно осматривали тамъ все достопримѣчательности. Здѣсь хранятся: деревянные богослужебные сосуды, которые употребляли св. Сергіи и Никонъ; богослужебныя ризы тѣхъ-же преподобныхъ; обложенный золотомъ и украшенный драгоцѣнными камнями крестъ присланный преподобному Сергію отъ патриарха Цареградскаго Филофея; служебникъ преподобнаго Сергія, св. Евангеліе преподобнаго Никона, писанное на пергаментѣ и обложенное серебромъ; кадило преподобнаго Никона; кожаные сандалии (башмаки) преподобнаго Сергія, въ коихъ онъ былъ погребенъ и кои остались невредимы, пролежавъ въ землѣ 30 лѣтъ. Все это памятники, предъ которыми ничто золото и драгоцѣнные камни. Далѣе, въ ризницѣ многого множество другихъ священныхъ предметовъ: кресты напрестольные, изъ коихъ одинъ съ частицами мощей, евангелія писанныя и печатныя, богослужебные сосуды, воздухи и покровы, одежды напрестольныя, иконы, паннагии, митры и прочая и прочая. Блескъ, роскошь, богатство поразительны; но сколько и между этими предметами есть такихъ, которые еще дороже потому, что составляютъ дары царей, царицъ, митрополитовъ и людей именитыхъ. Вотъ воздухи и покровы на сосуды: это вкладъ царя Михаила Феодоровича; вотъ покровъ съ изображеніемъ преподобнаго Сергія: это—даръ царя Алексѣя Михайловича; вотъ митра, одинъ великолѣпный рубинъ которой стоитъ до 30 тысячъ рублей; даръ царицы Анны Іоанновны; вотъ портреты Государей Александра I Николая I и Александра II, осыпанные бриллиантами: это Высочайшій даръ митрополиту Филарету... Не перечислить всего, что хранится въ богатѣйшей ризницѣ.

НА ХОДЫНСКОМЪ ПОЛѢ.

Народное гулянье на Ходынскомъ полѣ.

18-го мая состоялось гулянье на Ходынскомъ полѣ. Гулянье занимаетъ площадь въ квадратную версту. Почти прямо противъ Петровскаго дворца, саженьхъ въ 50 отъ шоссе, красиво возвышается Императорскій павильонъ, сооруженный по проекту В. В. Никола въ древне-русскомъ стилѣ. Онъ напоминаетъ собой архитектуру Коломенскаго дворца. Павильонъ двухъ-этажный и увѣчанъ куполомъ. Покрышка павильона сдѣлана изъ бѣлаго желѣза въ перемежку съ деревянною раскрашеною настилкой. Въ нижнемъ этажѣ центръ зданія занимаетъ обширная приемная, по бокамъ которой двѣ гостиныхъ. Въ приемную входъ изъ сѣней, къ которымъ примыкаютъ еще двѣ комнаты. Изъ приемной выходъ прямо на простую террасу. Съ этой террасы часть приглашенныхъ смотрѣла на гулянье. Во второмъ этажѣ одна круглая гостиная съ выходомъ на большую террасу, что идетъ кругомъ верхней части павильона. Противъ выхода изъ гостиной терраса выдается впередъ, причемъ надъ выступомъ сооружена сѣнь. Эта часть террасы предназначена для Ихъ Величествъ и Августѣйшихъ Особъ. Отсюда открывается чудный видъ на всю громадную площадь гулянья. Кругомъ Императорскаго павильона разбиты садики съ цвѣтущими растеніями и лавровыми деревьями. По обѣимъ сторонамъ Императорскаго павильона двѣ трибуны, каждая на 400 человѣкъ приглашенныхъ лицъ изъ высшей администраціи. По этой же линіи вдоль Петровскаго шоссе, по обѣ стороны построены платныя мѣста для публики, на каждой сторонѣ по 4,300 мѣстъ. Все мѣсто гулянья окружено заборомъ. Для народа доступъ открытъ съ двухъ сторонъ—со стороны города для жителей Москвы, и со стороны Александровскаго уѣздища—для увѣчныхъ воиновъ, для жителей ближайшихъ селеній. Съ первой стороны—со стороны города устроено 100 буфетовъ-павильоновъ для городскихъ жителей. Пять буфетовъ со стороны села Всѣхсвятскаго для лицъ, пришедшихъ изъ окрестныхъ деревень. Двадцать три сарая съ пивомъ и медомъ, выстроены возлѣ лагерей. Кромѣ этихъ главныхъ зданій, по всей площади устроено очень много эстрадъ для военныхъ оркестровъ, для пѣсенниковъ, рассказчиковъ и проч., а также сооружены карусели, высокія качели. Средину поля занимаетъ громадный ипподромъ для конскихъ ристалищъ съ двумя цирковыми аренами и высокой мачтой для акробатовъ. По сторонамъ ипподрома расположены театры, 2 большихъ и 2 малыхъ, для представлений сказочныхъ пьесъ и другихъ увеселеній. На всемъ пространствѣ гулянья выстроены эстрады для хоровъ музыки, пѣсенниковъ и акробатовъ, устроены мачты и кругъ для состязаній на призы, а также разсыпаны хороводы, балабачники, гармонисты, фокусники, раешники.

Угощеніе состояло изъ: 1) фунтовой сайки; 2) полуфунтовой колбасы; 3) мѣшка сластей и орѣховъ вѣсомъ $\frac{3}{4}$ фунта; 4) вяземскаго пряника и 5) эмальированной кружки съ вензелями Ихъ Императорскихъ Величествъ. Всѣ эти предметы завязаны въ цвѣтной платокъ, съ изображеніемъ Кремля и Государственныхъ гербовъ. 18 мая на Ходынкѣ были исполнены интересныя слѣдующіе нумера: хождение по канату Федора Молодцова, пред-

ставленія дресировщика договъ и клоуна Ренара, хоръ Скалкина въ богатыхъ боярскихъ костюмахъ и разнообразныя состязанія на призы, какъ-то: влѣзаніе на мачты, бѣга, хожденіе по бревну и метаніе въ цѣль. Призовъ для состязаній было роздано 200: 50 глухихъ серебряныхъ часовъ съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ, къ нимъ цѣпочки бѣлаго металла и жетоны съ вензелями Ихъ Величествъ и надписью «въ память коронаціоннаго гулянья»; 50 большихъ гармонокъ; 50 малыхъ гармонокъ; 50 костюмовъ, состоящихъ изъ кумачевой рубахи, плісовыхъ шароваръ, опояски и русской шапки съ павлиньими перьями.

Народный праздникъ устроенъ особымъ установленіемъ по устройству коронаціонныхъ народныхъ зрѣлищъ и празднествъ, подъ предѣлительствомъ Н. Н. Бэра. Анрепренеръ по увеселительной части В. Л. Форкати; постройки возведены гг. Кудрявцевымъ, Коновымъ и Силуановымъ подъ руководствомъ архитектора В. В. Никола. Декораціи театровъ писаны художникомъ-декораторомъ Г. Б. Каменскимъ для «Руслана и Людмилы» и художникомъ-декораторомъ императорскихъ театровъ К. О. Вальцемъ для остальныхъ народныхъ театровъ. Его-же и машины. Сайки поставлены гг. Филипповымъ и Савостьяновымъ, колбаса—г. Григорьевымъ, сласти и пряники—г. Дингомъ, платки—Даниловской мануфактурой, кружки—г. Клячкомъ.

Въ театрахъ было исполнено: въ Большомъ № 1-й—«Русланъ и Людмила», волшебная сказка въ 5 картинахъ, съ участіемъ провинціальныхъ артистовъ: Дѣброва, Головинскаго, Кольцова, Брянскаго, г-жи Маринной и др. Въ Большомъ театрѣ № 2-й—волшебная сказка въ 7 карт. «Конекъ Горбунѣкъ». Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, на востокѣ, на небѣ у солнца и луны, во льдахъ и на днѣ морскомъ. Въ Маломъ театрѣ № 3-й—драматическое представленіе въ 5 карт. «Ермакъ Тимофеевичъ или покореніе Сибири». Участвуютъ гг. Никольскій (Ермакъ), Левинскій (Кольцо), Вильде, Волянский, Потемкинъ, Григорьевъ, г-жи Вольская и др. Декораціи, работы К. Ф. Вальца, положительно великолѣпны. Въ «Конекъ Горбунѣкъ» на занавѣсѣ изображенъ Иванушка-Дурачекъ, несущійся верхомъ надъ морями и долами. Занавѣсъ украшенъ орнаментомъ изъ сказочныхъ морскихъ чудовищъ. Эффектна декорація царства льдовъ, чистой перемѣной переходящая въ подводное царство. Между фантастическими подводными растеніями плаваютъ обитатели моря, вдали китъ, изъ пасти котораго выплываетъ корабль. Слѣдующая декорація—хоромы солнца и луны. Здѣсь—радуга, облака, звѣзды и вдали восходящее солнце, золотящее розовыми лучами картину. Въ этой картинѣ балетъ жителей луны и балъ при участіи всѣхъ планетъ. Декорація «Ермака»—русскаго характера. На занавѣсѣ, въ пестрой рамѣ древне-русскаго стили, видъ Сибири. Вдали видна тайга, а на первомъ планѣ, на скалѣ величавая фигура Ермака, скопированная со статуи Антокольскаго. Въ «Ермакѣ» еще двѣ интересныя декораціи: великолѣпный видъ Волги и сонъ Ермака, которому въ грезахъ представляется будущая Сибирь: городъ, пароходы, поѣздъ желѣзной дороги и пр. Изъ декорацій петербургскаго декоратора Г. П. Каменскаго обращаетъ на себя особенное вниманіе замокъ Черномора въ

«Русланѣ и Людмилѣ». Въ ней стоаршинная панорама, изображающая путешествіе Руслана въ замокъ Черномора, заканчивающаяся видомъ замка съ фонтанами, водопадами и горными свѣтлыми вершинами. Хороша пещера Финна съ появленіемъ «Змѣя Горыныча», голова и видѣнія Людмилы.

Народъ на гулянье собрался еще за день и наканунѣ съ вечера. На Ходынское поле потянулись вереницы изъ подмосковныхъ селъ и деревень и кучками, бивуакомъ располагались на громадномъ полѣ. Жители дальнихъ окраинъ и фабрикъ, изъ Преображенскаго, Рогожской, Таганки, съ рынковъ Калужскаго, Серпуховскаго шли на гулянье часомъ въ 5 утра, а за ихъ вереницами, попозднѣе, потянулись вереницы срединныхъ обитателей Москвы. Въ исходѣ второго часа Царская Семья, иностранные принцы, дипломатическій корпусъ, придворныя и высшія государственныя лица наполнили Царскій павильонъ, гдѣ въ особыхъ буфетахъ предлагались чай, кофе, десертъ и фрукты. Въ 2 часа открылись театры и циркъ.

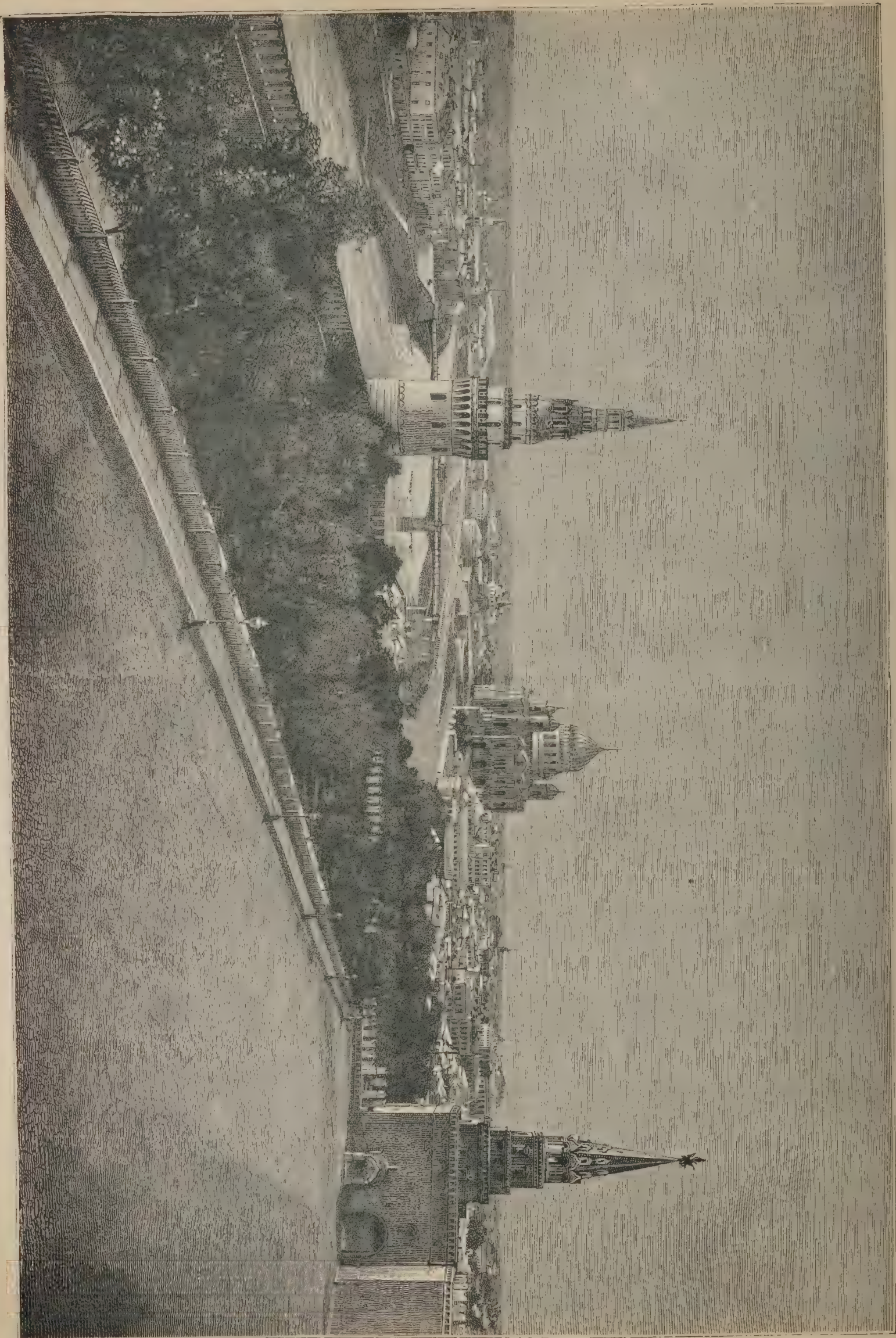
Когда прибыли, Ихъ Величества Государь и Государыня вошли на верхъ Царскаго павильона. Какъ только Ихъ Величества вступили на крыльцо Царскаго павильона, на крышѣ его взвился Императорскій штандартъ и грянулъ выстрѣлъ салюта. Тутъ въ мигъ вся помилліонная масса народа обложила головы и громовое «ура» вылетѣло изъ этихъ сотенъ тысячъ устъ. Земля дрогнула отъ этого ура и шапки полетѣли вверхъ.

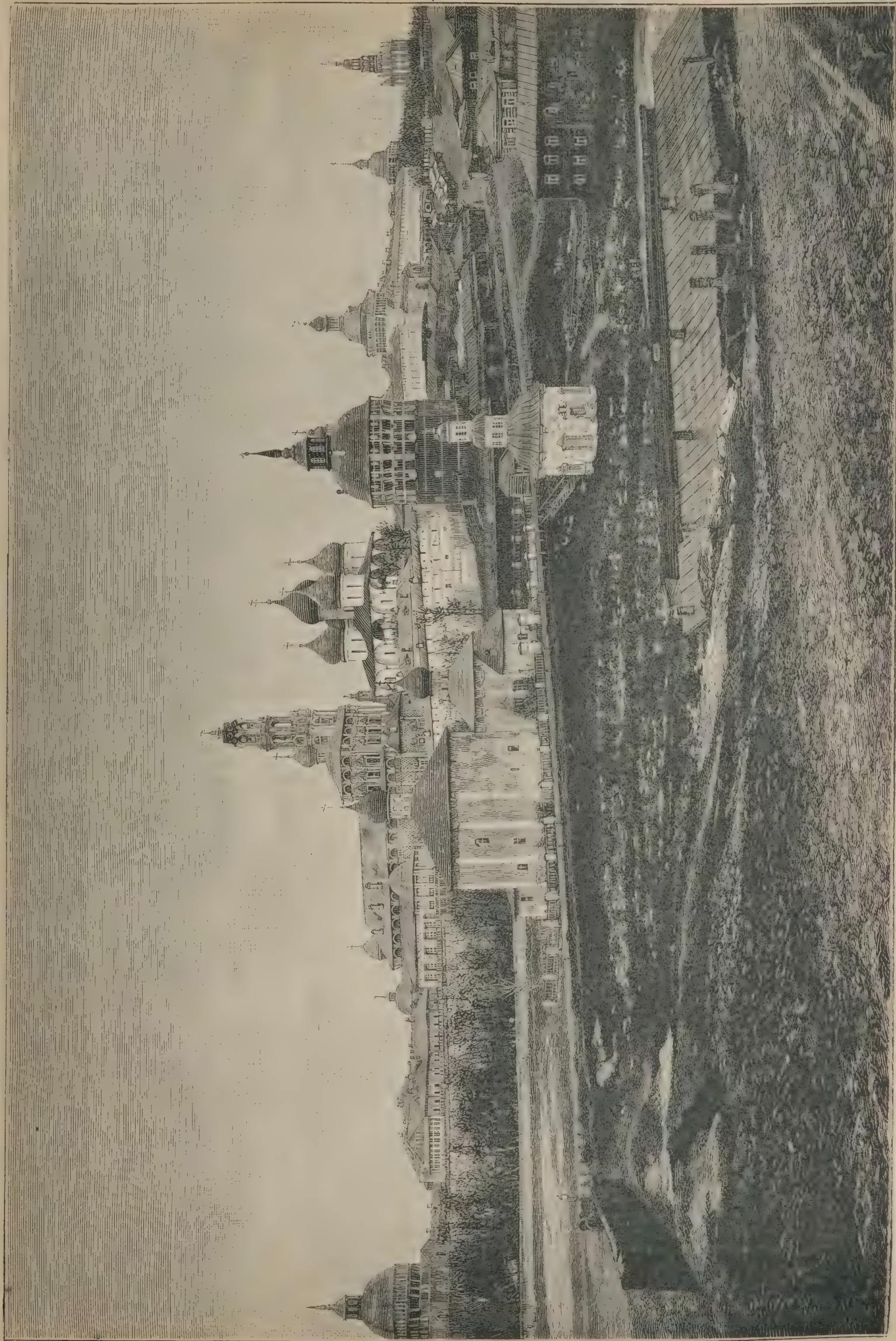
Все время, пока Государь съ Государыней были въ павильонѣ, гимнъ «Боже Царя храни», «Славься» и «ура» не прекращались.

Несчастье на Ходынскомъ полѣ.

Блестящее теченіе коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ было омрачено несчастьемъ на народномъ гуляніи на Ходынскомъ полѣ. Сотни тысячъ народа, еще до разсвѣта собравшагося, чтобы понасть первыми на гулянье, съ проблескомъ дня ринулись къ мѣсту, гдѣ были расположены буфеты съ угощеніемъ и подарками. Стихійной силой толпы многихъ раздавило и задушило. Московскія газеты даютъ подробности этого неожиданнаго прискорбнаго случая. По словамъ очевидца, шагахъ въ ста отъ шоссе, по направленію къ Ваганьковскому кладбищу, тянется цѣль буфетовъ, устроенныхъ для раздачи кружекъ и угощеній, по временамъ разрываясь болѣе или менѣе длинными интервалами. Десятки буфетовъ соединены одной крышей, имѣя между собой полуторааршинный суживающійся въ срединѣ проходъ, такъ какъ предполагалось пропускать народъ на гулянье со стороны Москвы, именно черезъ эти проходы, вручивъ каждому изъ гуляющихъ узелокъ съ угощеніемъ. Параллельно буфетамъ, со стороны Москвы, т. е. откуда ожидался народъ, тянется сначала отъ шоссе глубокая, съ обрывистыми краями и аршиннымъ валомъ, капава, переходящая противъ первыхъ буфетовъ въ широкій, сажень до 3-ти ровъ,—бывшій барьеръ, гдѣ брали песокъ и глину. Ровъ, глубиною мѣстами около двухъ сажень, имѣетъ крутые, обрывистые берега и изрытъ массой иногда очень глубокихъ ямъ. Онъ тянется на протяженіи болѣе полуверсты, какъ разъ вдоль буфетовъ, и передъ буфетами имѣетъ во все свое протяженіе площадку,

Общій видъ съ Кремля на Москву. Гравировать на деревѣ М. Нинаовъ.

Троице-Сергіева лавра (подъ Москвой). Гравироваль на деревъ Н. Зигель.

шириною отъ 20 до 30 шаговъ. На ней-то и предполагалось, повидимому, установить народъ для врученія ему узелковъ и для пропуска во внутрь поля. Однако, вышло не такъ: народу набралась масса, и тысячная доля его не помѣстилась на площадкѣ. Раздачу предполагали производить съ 10 часовъ утра 18-го мая, а народъ началъ собираться еще наканунѣ, 17-го мая, чуть не съ полудня, ночью же потянулъ отовсюду, изъ Москвы, съ фабрикъ и изъ деревень, положительно загроуживая улицы, прилегающія къ заставамъ Тверской, Прѣсенской и Бутырской. Къ полуночи громадная площадь, во многихъ мѣстахъ изрытая ямами, начиная отъ буфетовъ, на всемъ ихъ протяженіи, до зданія водокачки и уцѣлѣвшаго выставочнаго павильона, представляла изъ себя не то бивуакъ, не то ярмарку. На болѣе гладкихъ мѣстахъ подалеже отъ гулянья стояли тѣлѣги прѣхавшихъ изъ деревень и тѣлѣги торговцевъ съ закусками и квасомъ. Кое гдѣ были разложены костры. Съ разсвѣтомъ бивуакъ началъ оживать, двигаться. Народныя толпы все прибывали массами. Всѣ старались занять мѣста поближе къ буфетамъ, немногіе успѣли занять узкую гладкую полосу около буфетныхъ палатокъ, а остальные переполнили громадный 30-ти саженный ровъ, представлявшійся живымъ колыхающимся моремъ, а также ближайшій къ Москвѣ берегъ рва и высокій валъ. Къ тремъ часамъ всѣ стояли на занятыхъ ими мѣстахъ, все болѣе и болѣе стѣсняемые наплывавшими народными массами. Къ пяти часамъ сборище народа достигло крайней степени, — вѣроятно, не менѣе нѣсколькихъ сотенъ тысячъ людей. Тѣснота увеличилась. Нельзя было пошевелить рукой, нельзя было двинуться. Прижатые во рвѣ къ обоимъ высокимъ берегамъ не имѣли возможности пошевелиться. Ровъ былъ набитъ биткомъ, и головы народа, слившіяся въ сплошную массу, не представляли ровной поверхности, а углублялись или возвышались, сообразно дну рва, усяннаго ямами. Давка была страшная. Со многими дѣлалось дурно, нѣкоторые теряли сознание, не имѣя возможности выбраться или даже упасть: лишние чувства, съ закрытыми глазами, сжатые какъ въ тискахъ, они колыхались вмѣстѣ съ массой. Такъ продолжалось около часа. Слышались крики о помощи, стоны сдавленныхъ. Дѣтей подростковъ толпа кое-какъ высаживала кверху и по головамъ позволяла имъ ползти въ ту или другую сторону, и нѣкоторымъ удавалось выбраться на просторъ, хотя не всегда невредимо. Двоихъ такихъ подростковъ караульные солдаты пронесли въ Большой № 1-й театръ, гдѣ находился г. Форкати и доктора Авриковъ и Раммъ. Такъ, въ 12 часовъ ночи принесли въ безчувственномъ состояніи дѣвушку лѣтъ 16, а около трехъ часовъ доставили мальчика, который, благодаря попеченіямъ докторовъ, только къ полудню второго дня пришелъ въ себя и разсказалъ, что его сдавили въ толпѣ и потомъ выбросили наружу. Далѣе онъ не помнилъ ничего. Рѣдкимъ удавалось вырваться изъ толпы на поле. Послѣ пяти часовъ уже очень многіе въ толпѣ лишились чувствъ, сдавленные со всѣхъ сторонъ. А надъ миллионной толпой началъ подниматься паръ, похожій на болотный туманъ. Это шло испареніе отъ этой массы, и скоро бѣлой дымкой окутало толпу, особенно внизу, во рву, настолько сильно, что сверху, съ вала, мѣстами была видна только эта дымка, скрывавшая людей. Около 6 часовъ въ толпѣ чаще и чаще стали раз-

даваться стоны и крики о спасеніи. Наконецъ около нѣсколькихъ среднихъ палатокъ стало замѣтно волненіе. Это толпа требовала у заведывавшихъ буфетами артельщиковъ выдачи угощеній. Въ двухъ-трехъ среднихъ балаганахъ артельщики дѣйствительно стали раздавать узлы, между тѣмъ какъ въ остальныхъ раздача не производилась. У первыхъ палатокъ крикнули «раздаютъ», и огромная толпа хлынула влѣво, къ тѣмъ буфетамъ, гдѣ раздавали. Страшные, душу раздирающіе стоны и вопли огласили воздухъ... Напершая сзади толпа обрушила тысячи людей въ ровъ, стоявшіе въ ямахъ были затоптаны... Нѣсколько десятковъ казаковъ и часовые, охранявшіе буфеты, были смяты и оттиснуты въ поле, а пробравшіеся ранѣе въ поле съ противоположной стороны лѣзли за узлами, не пропуская входящихъ снаружи, и напиравшая толпа прижимала людей къ буфетамъ и давила. Это продолжалось не болѣе десяти мучительнѣйшихъ минутъ... Стоны были слышны и возбуждали ужасъ даже на скаковомъ кругу, гдѣ въ это время происходили еще работы. Толпа быстро отхлынула назадъ, а съ шести часовъ большинство уже шло къ домамъ, и отъ Ходынского поля, загроуживая улицы Москвы, цѣлый день двигался народъ. На самомъ гуляньѣ не осталось и одной пятой доли того, что было утромъ. Многіе, впрочемъ, возвращались, чтобы розыскать погибшихъ родныхъ. Явились власти. Груды тѣлъ начали разбирать, отдѣлая мертвыхъ отъ живыхъ...

Отъ московскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ, съ Высочайшаго соизволенія, объявлено во всеобщее свѣдѣніе, что мнѣніемъ постоянной комиссіи, утвержденнымъ предсѣдательницею совѣта, постановлено: безотлагательно принять въ московскіе дѣтскіе пріюты, на бесплатное содержаніе, до 100 человекъ дѣтей, отъ 1-го до 12 лѣтъ, всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, оставшихся сиротами и потерявшихъ родителей или родственниковъ, замѣнявшихъ имъ родителей, 18-го мая, во время катастрофы на Ходынскомъ полѣ.

Иностранные послы, по порученію своихъ правительствъ, выразили министру иностранныхъ дѣлъ соболѣзнованіе ихъ правительствъ по случаю несчастнаго случая на Ходынскомъ полѣ.

Джигитовна на Ходынскомъ полѣ.

23-го мая на Ходынскомъ полѣ состоялась джигитовка казаковъ собственнаго Его Величества конвоя. Посторонней публики на этомъ рѣдкомъ зрѣлищѣ почти не было, такъ какъ джигитовка устраивалась съ соизволенія Государя Императора, исключительно для иностранныхъ Высочайшихъ гостей. Въ 11 часовъ утра на Ходынскомъ полѣ двѣ свободныя отъ служебнаго наряда сотни, кубанская и терская, выстроились между трибунами и Всѣхъ-святской рощей, причемъ мѣсто джигитовки было ограждено двумя линиями пѣшихъ казаковъ. Съ очевиднымъ нетерпѣніемъ ожидали иностранцы этого невиданнаго зрѣлища, полнаго лихости и отваги. Два полковника французской службы подошли къ спѣшнымъ еще сотнямъ, прося показать имъ казачью лошадь съ ея снаряженіемъ. Тутъ-же съѣвъ на лошадей, французскіе драгуны выразили свое удивленіе, что простое казачье сѣдло могло представить столько удобствъ для кавалериста. Вскорѣ раздалась команда: «Садись» и вмгъ лихіе конвойцы были уже на своихъ быстрыхъ, но малорослыхъ коняхъ. Прошелъ

еще мигъ, и они понеслись, джигитую. Они продѣлывали положительно невѣроятныя вещи, вихремъ несясь на своихъ рѣзвыхъ коняхъ. Взоръ не успѣвалъ слѣдить за тѣми перемѣнами, которыя происходили въ этой лихой скачкѣ. Тамъ, лихо несясь и нагнувшись черезъ сѣдло, казакъ доставалъ съ земли шапки; въ другомъ мѣстѣ несясь, стоя въ сѣдлѣ и въ то же время мѣтко стрѣляя въ цѣль; далѣе казакъ попеременно соскакивалъ съ лошади и, подобно каучуковому мячу, мелькалъ подъ лошадь. Вотъ понеслись цѣлыя группы казаковъ, изображавшія бытовые картинки изъ кавказской жизни: увозъ плѣнныхъ, похищеніе раненыхъ и отчаянную борьбу трехъ и болѣе всадниковъ на двухъ рядомъ мчавшихся коняхъ и проч. Спусти немного времени, промчались мнимо раненые, отчаянно болтавшіеся въ сѣдлахъ, а вотъ вылетѣвшіе всадники кладутъ своихъ лошадей и изъ-за нихъ, какъ изъ-за бруствера, открываютъ ружейную пальбу по показавшемуся неприятели. Лошади, потерявшія въ бою всадниковъ, вскакиваютъ и летятъ безъ нихъ уже къ стоявшимъ вдали своимъ роднымъ сотнямъ, а «побѣдители» взваливаютъ на крупы своихъ коней «побѣжденныхъ» и несутся по тому же направленію. А вотъ упалъ казакъ, упалъ и даже, перевернувшись нѣсколько разъ черезъ голову, застылъ неподвижно на землѣ. На лицахъ зрителей показавшійся испугъ смѣняется веселымъ смѣхомъ, когда мнимо-убитый джигитъ, пропустивъ мимо себя несущагося врага, хитро подползаетъ къ подскокивающему «приятелю», вмѣстѣ съ которымъ черезъ мгновеніе мчится на одной лошади. Были въ этой группѣ и всадники, стоявшіе головою въ сѣдлѣ и, не теряя положенія, неслись полнымъ карьеромъ. Въ заключеніе пронеслась большая группа, изображавшая увозъ горской невѣсты и погоню за ней. Здѣсь особенно широко развернулась безшабашная лихость и безумная отвага кавказскаго джигита. Все это мелькало передъ глазами съ головокружительной быстротою и сопровождалось веселою трескотнею ружей и револьверовъ. По окончаніи джигитовки, вызваны были пѣсенники, исполнившіе нѣсколько національныхъ кавказскихъ пѣсень. Вскорѣ послѣ этого начались танцы. Казаки-танцоры блеснули граціозными и трудными кавказскими танцами на носкахъ и съ отточенными кинжалами. Въ то же время всѣ иностранные гости окружили спѣшныя казачьи сотни, подробно разсматривая лихихъ конвойцевъ, ихъ лошадей, не знающихъ утомленія и всѣ подробности вооруженія и снаряженія.

Высочайшій парадъ войскамъ.

Послѣдній день коронаціонныхъ торжествъ 26-го мая начался блестящимъ парадомъ на Ходынскомъ полѣ. Монархъ смотрѣлъ войска коронаціоннаго отряда. Съ ранняго утра несмѣтныя толпы народа потянулись на Ходынское поле. Тверская улица была усянана полною вереницею слѣдовавшихъ одинъ за другимъ экипажей. Къ 8 часамъ утра собрались на полѣ къ Императорскому шатру жалонеры отъ частей войскъ. Въ десять часовъ прибывшія по разнымъ направленіямъ войска построились на Ходынскомъ полѣ, въ двухъ стахъ шагахъ отъ Царскаго павильона. Въ десятомъ часу въ Императорскій павильонъ стали съѣзжаться послы, посланники, иностранный дипломатическій корпусъ и высшіе

сановники. Вскорѣ туда же стали прибывать иностранныя принцессы и придворныя дамы. Смотра на собранное войско, можно смѣло сказать, что москвичи давно не видали подъ стѣнами Бѣлокаменной такого громаднаго числа войска. Эта масса войскъ представляла собою такую прекрасную и эффектную картину, которая, по производимому ею впечатлѣнію, надолго останется въ памяти у каждаго изъ присутствовавшихъ на парадѣ. Въ парадѣ присутствовали всѣ части войскъ коронаціоннаго отряда. Въ 11 часовъ утра Ихъ Императорскія Величества вышли на парадное крыльцо. Государь Императоръ былъ въ мундирѣ лейбъ-гренадерскаго екатеринославскаго полка. Его Величество сѣлъ на коня. Государыня Императрица съ принцессою румынскою и великою герцогинею Гессенской заняли мѣста въ экипажѣ съ закладкою «Домонъ» съ жокеями. Вскорѣ, окруженный блестящей свитою, Ихъ Величества выѣхали изъ дворца. Могучее «ура» народа, привѣтствовавшего Царя и Царицу, огласило воздухъ и загудѣло надолго. Государь, мпювавъ Царскій павильонъ, проѣхалъ прямо къ фронту. Музыка заиграла встрѣчу. Принявъ отъ командующаго всѣмъ парадомъ Великаго Князя Владимѣра Александровича рапортъ, Государь Императоръ началъ объѣздъ фронта. Картина была полная величія и красокъ. Поле съ выстроенными линіями пѣхоты, съ ея стальною щетиною штыковъ, съ блестящею золотою лентою въ расписной бригады, слившейся въ одно цѣлое съ цвѣтными мундирами нашихъ блестящихъ кавалеристовъ! залитое солнцемъ, въ высшей степени эффектно. Звуки музыки, клики войска, отвѣчающаго на Царское привѣтствіе, еще болѣе оживляли картину. Толпы народа стояли по шоссе и въ промежуткахъ между эстрадами для публики и представителей печати. Отсюда несло ура! гдѣ бы только ни показался Государь. Послѣ объѣзда войскъ Ихъ Величества пріѣхали къ Царскому павильону. Войска начали строиться къ церемониальному маршу. Вскорѣ начался маршъ. Войска проходили стройными рядами и удостоивались благодарности своего возлюбленнаго Монарха. По окончаніи парада, Государь Императоръ благодарилъ всѣхъ начальниковъ, отдѣльных частей и старшихъ надъ ними начальниковъ, собравшихся около Императорскаго павильона. Послѣ этого къ Государю Императору явились адъютанты, фельдфебели и вахмистры тѣхъ частей, въ которыхъ Его Величество изволилъ состоять шефомъ. При этомъ полковые адъютанты имѣли честь подать Государю Императору строевыя записки. По окончаніи парада, Ихъ Императорскія Величества проѣхали въ Петрозскій дворецъ, гдѣ вскорѣ состоялся Высочайшій завтракъ, къ которому, кромѣ начальствующихъ лицъ, были приглашены полковые и батальонные командиры.

Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами раненыхъ на Ходынскомъ полѣ.

На дняхъ Ихъ Величества, въ сопровожденіи генераль-губернатора съ супругою, посѣтили старую Екатерининскую больницу, гдѣ помѣщены раненые въ числѣ сто сорокъ одного. Государь и Императрица обходили всѣ палаты и бараки, гдѣ помѣщены раненые, и со многими изъ нихъ милостиво бесѣдовали, разспрашивая внимательно, какъ они были ушиблены. Государыня съ особеннымъ уча-

стіемъ обращалась къ больнымъ. При появленіи Государя больные крестились. Государыня была сильно растрогана. Государя сопровождалъ главный докторъ, инспекторъ всѣхъ московскихъ больницъ Розановъ, и дежурные доктора Богдановъ и Гетье. Государыня Императрица Марія Оеодоровна послала въ больницу, гдѣ находятся раненые, на каждаго по бутылкѣ мадеры. Въ Марининской больницѣ раненыхъ шестьдесятъ пять, въ клинкахъ тридцать пять. Тѣла умершихъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ въ числѣ тысяча двухсотъ восьмидесяти двухъ, перевезены на Ваганьковское кладбище.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Оеодоровна посѣтила также Марининскую больницу. При входѣ Ея Величество была встрѣчена врачевнымъ и административнымъ персоналомъ больницы и прошла въ палаты, гдѣ лежали раненые. Государыня Императрица не оставила Своимъ вниманіемъ ни одного больного. Подойдя къ кровати, Она, какъ истинная мать, съ сердечностью и ласкою разспрашивала больныхъ и съ имъ высокимъ вниманіемъ облегчала ихъ мученія. Обойдя палаты Государыня Императрица осмотрѣла всѣ помѣщенія и затѣмъ отбыла изъ нея. По желанію Государя Императора въ новой церкви Кремлевскаго дворца была совершена панихида по погибшимъ на Ходынскомъ полѣ. Присутствовали Ихъ Величества и особы Императорской фамилии.

Вечеромъ въ день катастрофы на Ходынскомъ полѣ было поручено извѣстіе о послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи выдать по тысячѣ рублей семьямъ пострадавшихъ. 20-го мая по многимъ московскимъ церквамъ были совершены послѣ заупокойныхъ литургій отпѣванія лицъ, задавленныхъ на Ходынскомъ полѣ 18-го мая. Такъ, отпѣвали тапкихъ покойниковъ въ храмахъ: Воскресенія Христова, въ Барашахъ, св. Троицы, что въ Троицкой, Успенія Богоматери, что на Могильцахъ, св. Петра и Павла, на Якиманкѣ, Богоявленія Господня, въ Дорогомиловѣ, св. Пимена, что въ Сущевѣ, Богоявленія, что въ Елоховѣ, двухъ въ Марининской больницѣ, двухъ въ Императорской Ново-Екатерининской больницѣ и въ другихъ храмахъ. Въ часовнѣ Рогожскаго кладбища отпѣвали около десяти чело-вѣкъ. На московскихъ кладбищахъ, за исключеніемъ Ваганьковскаго, погребено жертвъ ходынской катастрофы болѣе шестидесяти чело-вѣкъ.

Заупокойная литургія на Ходынскомъ полѣ.

26-го мая исполнилось девять дней со времени катастрофы во время народнаго гулянья на Ходынскомъ полѣ. Въ церкви Ваганьковскаго кладбища, какъ сообщаютъ московскія газеты, настоятелемъ о. Петромъ Покровскимъ была совершена заупокойная литургія и послѣ нея панихида по задавленнымъ на Ходынскомъ полѣ. Масса родныхъ и знакомыхъ усопшихъ присутствовала на заупокойномъ богослуженіи, а потомъ всѣ отправились на «братскую» могилу, гдѣ была отслужена панихида. Много панихидъ было отслужено и на другихъ могилахъ несчастныхъ жертвъ ходынской катастрофы, расположенныхъ по всему кладбищу. На поставленные на нихъ надгробные кресты были возложены вѣнки изъ зелени и цвѣтовъ. Въ четвертомъ часу дня на братскихъ могилахъ была совершена торжественная панихида священниками Ваганьковскаго кладбища: о Покровскомъ, о. Быстрицкимъ и о. Гавцевъ мѣ, въ

присутствіи товарища г. оберъ-прокурора святѣйшаго синатора В. К. Саблера, управляющаго синодальною типографіей С. Д. Войта и другихъ лицъ. По окончаніи панихиды была провозглашена «вѣчная память» убиеннымъ на Ходынскомъ полѣ.

На-дняхъ Ваганьковское кладбище посѣтилъ г. военный министръ генераль-адъютантъ П. С. Ванновскій съ членомъ государственнаго совѣта генераль-отъ-инфантеріи Х. Х. Роопомъ. Его высокопревосходительство, осмотрѣвъ кладбище, направился къ братскимъ могиламъ задавленныхъ при ходынской катастрофѣ и, по его желанію, настоятелемъ кладбищенской церкви о. Покровскимъ была совершена по убиеннымъ панихида. Посѣщая кладбище и служилъ панихиду на могилахъ жертвъ ходынской катастрофы и государственный контролеръ Т. И. Филипповъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ. БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,
Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Во дни торжественнаго вѣнчанія Нашего на Царство нассленіе Первопрестольной столицы, слившись воедино съ представителями всей земли Русской, явило отрадныя сердцу Нашему свидѣтельства одушевленной любви и беззаветной преданности народа своему Государю. Эти народныя чувства, издревле укрѣплявшія духъ Державныхъ предковъ нашихъ и въ годину печали, съ особенною силой выразились въ день народнаго праздника, послужили Намъ трогательнымъ утѣшеніемъ въ опечалившемъ насъ посреди свѣтлыхъ дней, несчастіи, постигшемъ многихъ изъ участниковъ праздника, а передъ лицомъ всей Россіи засвидѣтельствовали несокрушимость узъ, связующихъ насъ съ любезнымъ и вѣрнымъ народомъ нашимъ.

Всевышняя благодать, святымъ помазаніемъ запечатлѣвшая великое призваніе наше, да подастъ намъ, молитвами всѣхъ вѣрныхъ и благочестивыхъ сыновъ Россіи, силу и мудрость къ совершенію служенія нашего благу возлюбленнаго Отечества.

Данъ въ Первопрестольномъ градѣ Москвѣ, въ 26-й день Мая, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто шестое, Царствования же нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

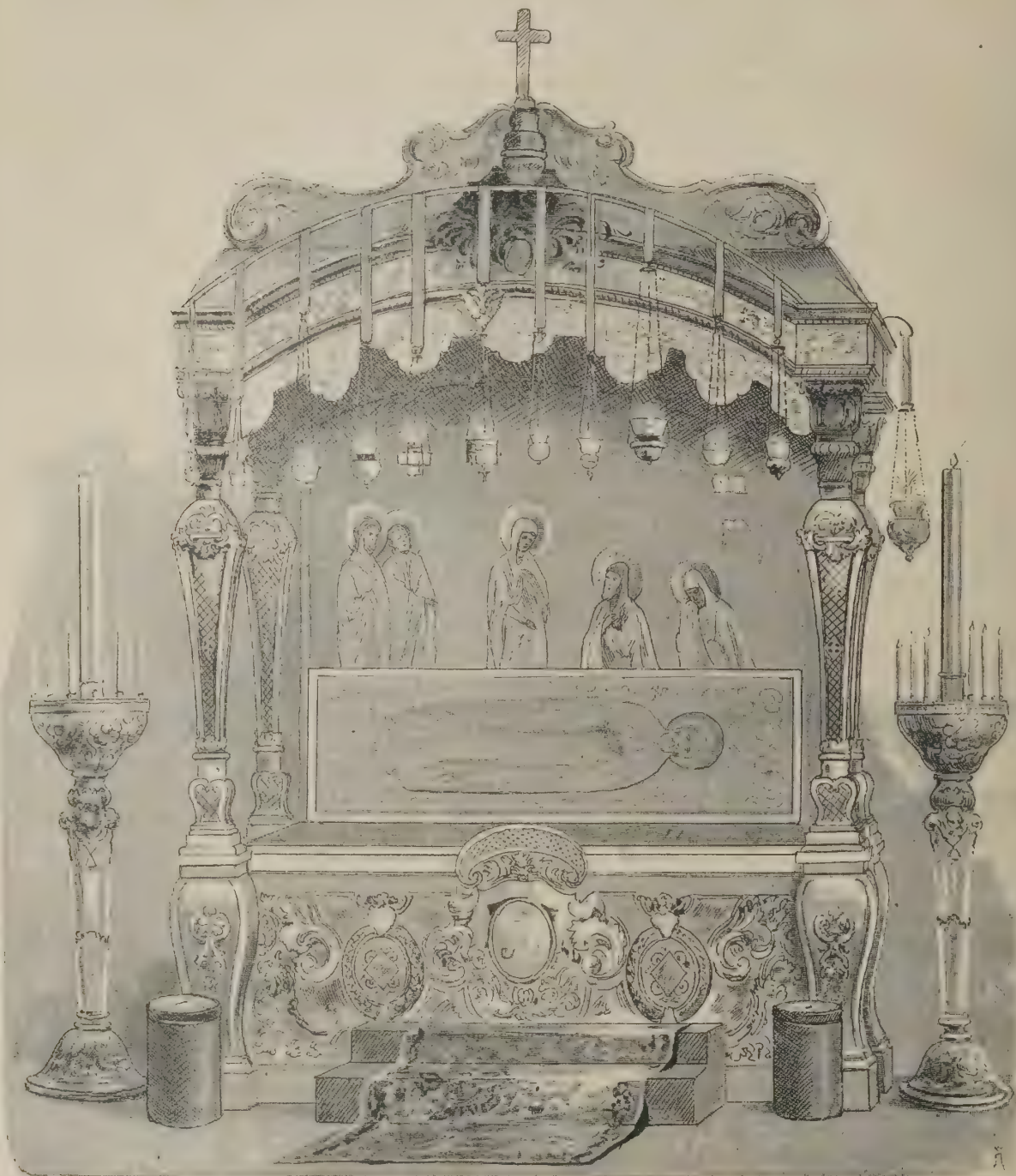
Царская милость.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу главноуправляющаго канцеляріею Его Императорскаго Величества по примятію прошеній, на Высочайшее

Имя приносимыхъ, поступившихъ по случаю священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ всеподданнѣйшихъ прошеній объ оказаніи пособій отъ Монаршихъ щедротъ, 23-го сего мая, Высочайше повелѣть соизволилъ: отпустить изъ Собственныхъ Его Императорскаго Вели-

жащихъ генераль-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ, для распредѣленія между тѣми изъ бѣднѣйшихъ жителей Имперіи, кои, по ихъ нравственнымъ качествамъ, будутъ признаны заслуживающими Монаршей милости.

и убрать ихъ лампочками представляло много трудностей, тѣмъ болѣе, что не легко найти людей, которые рискнуть подняться на такую высоту. Къ счастью, наши матросики смѣло взяли на себя эту работу. Помѣщаемый нами рисунокъ даетъ понятіе именно о томъ моментѣ, когда, взобравшись на орла Спасскаго

РАКА СВ. ПРЕПОДОВНАГО СЕРГІЯ.

чества суммъ на предметъ выдачи единовременныхъ пособій по случаю священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, двѣсти пятьдесятъ тысячъ р., съ тѣмъ, чтобы изъ означенной суммы 100,000 рублей были распределены, по непосредственнымъ указаніямъ Государя Императора, главноуправляющимъ канцеляріею Его Величества по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, а 150,000 руб. были переданы Его Императорскому Высочеству московскому Генераль-Губернатору, главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ и подле-

На Спасскихъ воротахъ.

Помѣщеніе электрическихъ лампочекъ на крылья двуглаваго орла на шпиль Спасской башни падъ Спасскими воротами въ Москвѣ было сопряжено съ большими трудностями.

Въ дни коронованія иллюминація въ Москвѣ была чрезвычайно роскошна,—электрическихъ лампочками и фонариками покрыты были не только дома, балконы, крыши, но также куполы церквей и кремлевскихъ башенъ, которыя, кромѣ того, поднимаются къ небу довольно высокими шпильками,—украшенными еще двуглавыми орлами. Взобраться на эти шпиль-

шпица, матросы прикрѣпляютъ электрическія лампочки во всѣхъ неровностяхъ крыльевъ и туловища громаднаго орла.

Если смотрѣть снизу, величина орла не бросается въ глаза, и только по сравненію можно было замѣтить громадныя размѣры птицы, когда матросы добрались до самого верха и стали укрѣплять лампочки на перьяхъ ея распростертыхъ крыльевъ. Въ бинокль уцѣпившіеся за разные выступы люди казались какими-то маленькими звѣрьками, двигавшимися по крыльямъ и туловищу орла. Труды матросовъ, къ счастью, увѣнчались успѣхомъ. (Стр. 76).

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

СРОКЪ ВТОРОГО И ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА.

Главная контора журнала „Живописное Обозрѣніе“ доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ РАЗСРОЧКОЮ, что **СРОКЪ ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА ДЛЯ ТРЕТНИХЪ И ВТОРОГО ВЗНОСА ДЛЯ ПОЛУГODOVЫХЪ ИСТЕКАЕТЪ ВЪ ІЮНѢ МѢСЯЦѢ**, а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покъ рѣйше просить посѣлшить высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своевременно слѣдующаго взноса, дальнѣйшая высылка журнала **СЪ ПЕРВАГО ІЮЛЯ БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.**

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРѢ ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» ВСѢМЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ РАЗСЫЛАЕТСЯ:
Шестая книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній — «Домашняя Библіотека», № 6-й (за іюнь 1896 г.).

Всѣ номера журнала сдаются на почту строго провѣреннымъ и въ полномъ количествѣ всѣхъ тѣхъ приложеній, о которыхъ заявляется въ номерѣ. Не получившіе при номерѣ какого либо приложенія, благоволятъ заявить объ этомъ немедленно доставившему номеръ журнала почтовому

служителю, а затѣмъ сообщить въ Главную Контору не позднѣ полученія слѣдующаго номера журнала, такъ какъ позднѣйшія претензіи почтамтъ не принимаются къ разслѣдованію, а высылка второй экземпляръ не всегда представляется возможнымъ для редакціи.

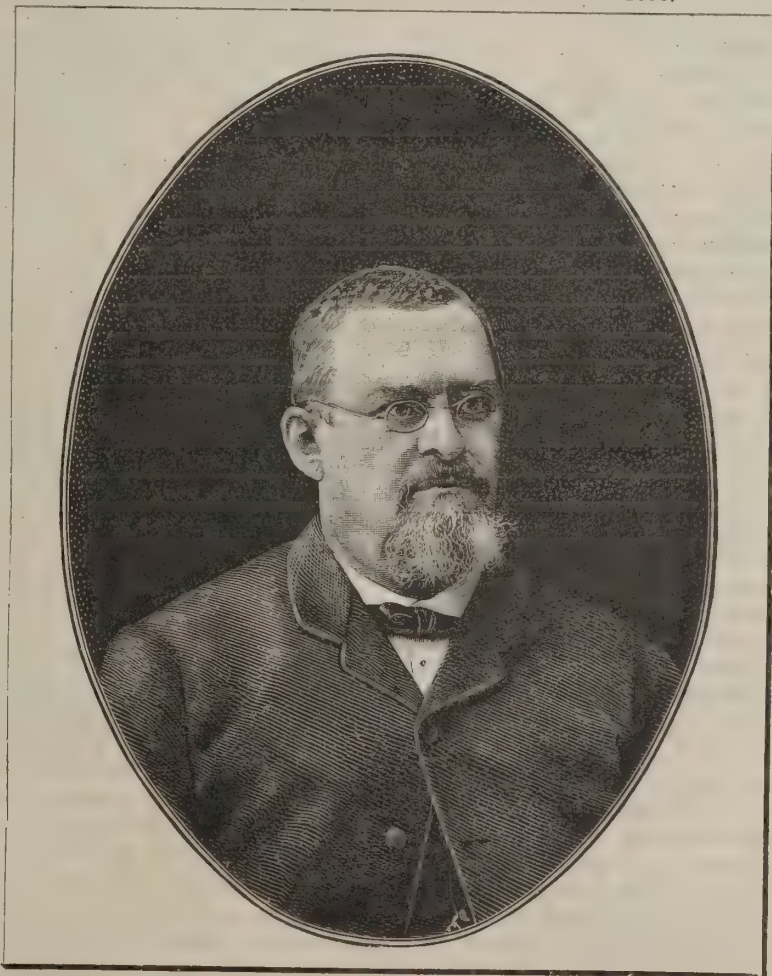
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Въ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ объявляется: «Военный министръ 16-го мая, довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія ходатайство военно-учебныхъ заведеній повернуть къ стопамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ выраженіе вѣрноподданныхъ чувствъ и благоговѣнное поздравленіе съ совершившимся священнымъ коронованіемъ. Государь Императоръ на всенародномъ докладѣ о ходатайствѣ военно-учебныхъ заведеній Всемилостивѣйше изволилъ начертать: «Просимъ передать всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ Нашу сердечную благодарность».

— Въ приказѣ по войскамъ финляндскаго военного округа была объявлена слѣдующая телеграмма, присланная изъ Москвы финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками округа генералъ-адъютантомъ графомъ Гейденомъ:

«Я имѣлъ счастье повернуть къ стопамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ всеподданнѣйшія поздравленія по случаю священнаго ихъ коронованія отъ Императорскаго финскаго сената, Александровскаго университета, отъ войскъ, отъ служащихъ чиновъ и отъ жителей Финляндіи и получилъ повелѣніе благодарить всѣхъ за выраженные чувства и благопожеланія».

1866 — ТРИДЦАТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ — 1896.

В. Д. Спасовичъ.

горячо пожелаетъ русскому Императору благополучнаго царствованія, а дружественной націи славы и величія. На броненосцѣ «Носче», 13-го мая 1896 г. Вице-адмиралъ Regnault de Prémesnil».

Германія. — Въ Берлинѣ прибыла депутація отъ русскаго гвардейскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка, состоящая изъ генерала Фулона, капитана Петрова и фельдфебеля. На войсковомъ смотрѣ близъ Потсдама, депутація принесла императору поздравленія полка по случаю двадцати-пяти лѣтней годовщины зачисленія его величества въ списки полка. Императоръ выслушалъ поздравленія и пригласилъ офицеровъ въ вечернему столу въ Новомъ дворѣ. На обѣдѣ императоръ Вильгельмъ въ честь Русскаго Императора произнесъ прекрасный тостъ.

Голландія. — Изъ Голландіи сообщаютъ, что въ Саардамѣ воспользовались торжествомъ священнаго коронованія для освященія новаго зданія, или скорѣе для освященія возобновленнаго зданія на мѣстѣ историческаго саардамскаго домика Петра Великаго. Церемонія проходила въ присутствіи русскаго генеральнаго консула и вице-консула, испанскаго генеральнаго консула, городского саардамскаго управленія и высшихъ

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Франція. — Въ «Moniteur de la Flotte» напечатанъ слѣдующій приказъ, отданный по эскадрѣ вице-адмираломъ Реньо де-Премениль:

таетъ себя счастливымъ, что можетъ напомнить своей эскадрѣ о чувствахъ дружбы, связующихъ Францію и Россію, и увѣренъ, что служащіе на эскадрѣ присоединятся всѣмъ сердцемъ къ тѣмъ чувствамъ, которыми про-

мѣстныхъ властей. На домикѣ была прибитая доска, съ надписью на русскомъ и голландскомъ языкахъ: «Въ 1697 году Царь Петръ Великій жилъ здѣсь съ 18-го по 25-е августа. Въ маѣ 1698 года онъ посѣтилъ его передъ отъ-

ѣздомъ въ Россію. Въ 1717 году Царь Петръ Великій былъ здѣсь вторично съ Императрицей Екатериной и своею свитою. Въ 1818 году, король Вильгельмъ I подарилъ домикъ Петра Великаго Императору Александру I. По случаю торжества произнесены были рѣчи бургомистромъ и русскимъ генеральнымъ консуломъ. За роскошнымъ завтракомъ были провозглашены теплые тосты за Россію и Голландію.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

28-го мая состоялось открытіе Нижегородской всероссійской выставки. Торжественному открытію всероссійской выставки предшествовалъ крестный ходъ со чтимой иконой Владимирской Божіей Матери изъ каедральнаго собора на выставку. Въ крестномъ ходу несли 50 хоругвей, участвовало 30 священниковъ, 3 архимандрита во главѣ съ преосвященными Владимиромъ, Алексѣемъ; на выставкѣ для молебствія устроены были въ центрѣ внутренняго сада главнаго зданія красивый шатеръ. Къ началу молебствія собрались министры финансовъ, земледѣлія, морской и путей сообщенія, англійскій посолъ съ персоналомъ, генералъ-губернаторы примурскій и Иркутскій, начальникъ Закаспійской области, степной генералъ-губернаторъ В. К. Саблеръ, сынъ Ли-Хунъ-Чжана, директоръ департамента торговли Ковалевскій, управляющій дѣлами комитета министровъ Куломзинъ, бывшій французскій министръ торговли Жюль Рошъ, всѣ завѣдующіе отдѣлами, губернаторъ Барановъ, мѣстныя власти, представители, заграничные и русскіе корреспонденты. Чудная погода благоприятствовала великолѣпнѣйшему торжеству. Послѣ молебствія, совершеннаго соборомъ, преосвященный Владимиръ сказалъ прекрасное слово. За многолѣтнемъ Царствующему Дому провозглашена вѣчная память Императору Александру Третьему. Царскій павильонъ окропленъ архіереемъ, остальные зданія—священниками по отдѣламъ. Послѣ окропленія всѣ вернулись въ шатеръ, министръ финансовъ вззошелъ на кафедру и произнесъ прекрасную рѣчь. Впечатлѣніе отъ рѣчи г. министра было огромное, минута торжественная; грянуло ура, смѣшавшееся съ звуками гимна, на всѣхъ зданіяхъ поднялись флаги; въ часъ дня въ концертномъ залѣ состоялся завтракъ на 400 персонъ. Министръ финансовъ сидѣлъ между ген.-ад. Чихачевымъ и архіереемъ; рядомъ съ Чихачевымъ—Иркутскій ген.-губерн. Горемыкинъ, сенаторъ Семеновъ; рядомъ съ архіереемъ—министръ земледѣлія, англійскій посолъ О'Конноръ, Жюль Рошъ и сынъ Ли-Хунъ-Чжана; противъ министра финансовъ князь Хилковъ. Первый тостъ за драгоцѣнное здравіе Государи Императора и Государыни Императрицы провозгласилъ С. Ю. Витте. Восторженное троекратное «ура», гимнъ. Морской министръ подыалъ бокалъ за С. Ю. Витте, который отвѣчалъ тостомъ за благоденствіе русскаго славнаго и мудраго народа, принятымъ съ огромнымъ энтузіазмомъ. Въ три часа выставка открыта для публики. На выставку на-дняхъ прибылъ министръ внутреннихъ дѣлъ и былъ встрѣченъ на станціи губернаторомъ, городскимъ головой, председателемъ ярмарочнаго биржевого комитета. Ли-Хунъ-Чжану поднесенъ отъ города городскимъ головою барономъ Дельвигомъ роскошный альбомъ видовъ города. Ли-Хунъ-Чжанъ

въ сопровожденіи В. И. Тимирязева, подробно осматривалъ выставку.

БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Ф. Фарраръ. «Женщины у домашнего очага», пер. М. Ловцовой. Спб. 1896 г. Цѣна 25 коп.

«Живописное Обозрѣніе» еще въ прошломъ году обратило вниманіе на эту брошюру извѣстнаго англійскаго ученаго Фаррара, автора «Жизни Іисуса» и «Жизни ап. Павла». Мы приведемъ главныя мѣста изъ этого труда Фаррара и потому наши постоянные читатели знаютъ характеръ этой книги, доказывающей, что женщины у домашнего очага нисколько не мѣшаютъ ни истинное образование, ни истинная ученость.

Драгоценные камни. М. И. Пыляева. Изд. 3-е, А. С. Суворина. Ц. 2 р 50 к.

Извѣстный знатокъ петербургской и московской старины М. И. Пыляевъ даетъ въ этой интересной книгѣ, кромѣ свѣдѣній о свойствахъ, мѣстонахожденіи и употребленіи драгоцѣнныхъ камней, еще очеркъ развитія роскоши и у насъ, и въ другихъ странахъ. Великолѣпное знаменитое «князя Тавриды», Орлова, Зубова, которые всѣ были страстными любителями драгоцѣнностей, описано ярко и живо. Книга снабжена многими рисунками и чертежами. Вѣроятно, это прекрасное изданіе ожидаетъ такой-же успѣхъ, какъ и предыдущія.

Жуковский, какъ переводчикъ Шиллера. Критическій этюдъ. В. Чешинина.

Эта небольшая книжечка, въ которой авторъ выказываетъ большое пониманіе Шиллера и его русскаго переводчика, удостоена Императорской академіей наукъ преміи за сочиненіе о В. А. Жуковскомъ. Событіемъ гонимъ, давно извѣстно, что Жуковский величайшій изъ русскихъ поэтовъ-переводчиковъ, но въ наше забывчивое время полезно повторять и старыя истины.

Цвѣты и Старый напоть. Разказы кн. М. В. Волконской. Изд. М. М. Ледерле и К^о.

Иллюстрированные нѣсколькими хорошевыми рисунками и вышивками, два разказа княгини Волконской являются хорошимъ чтеніемъ для дѣтей. Въ нихъ есть и умѣренный фантастическій элементъ, и трогательныя странички, а главное—они не страдаютъ слащавою поддѣлкою подъ дѣтское пониманіе.

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ.

В. О. Голицынъ.—20-го мая исполнилось 50-ти лѣтіе государственной дѣятельности оберъ-егермейстера Высочайшаго двора князя Бориса Θεодоровича Голицына.

В. Д. Спасовичъ.—31-го мая исполнился тридцатилѣтній юбилей адвокатской дѣятельности В. Д. Спасовича. Не только петербургскіе адвокаты, но и провинціальныя торжественно отпраздновали этотъ день. Такъ, присяжные повѣренные округа тифлисской судебной палаты постановили: 1) повѣсить портретъ В. Д. Спасовича въ комнатѣ присяжныхъ повѣренныхъ, 2) въ день юбилея послать поздравительную телеграмму юбиляру и 3) устроить товарищескій обѣдъ. В. Д. Спасовичъ, какъ сообщаютъ газеты, передъ днемъ юбилея уѣхалъ за границу. О заслугахъ почтеннаго юбиляра не только на адвокатскомъ поприщѣ, но и въ качествѣ профессора уголовного права, и въ качествѣ литератора-критика нечего и думать говорить въ коротенькой замѣткѣ. Здѣсь можно только пожелать ему силъ для дальнѣйшей дѣятельности.

НЕКРОЛОГИ.

Эрнесто Росси.—Одинъ изъ величайшихъ трагиковъ Италіи, Росси скончался 23 мая (4 іюня) въ Пескарѣ отъ послѣдствій апоплексическаго удара, полученнаго имъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ во время одной поѣздки по желѣзной дорогѣ. Росси родился въ 1829 г. въ Ливорно и долженъ былъ изучать юридическія науки въ Пизѣ, но вмѣсто того, побуждаемый страстью къ театру, вступилъ въ драматическую труппу и уже въ 1846 году игралъ въ Генуѣ роли первыхъ любовниковъ. Затѣмъ изучалъ драматическое искусство у знаменитаго актера Модены и игралъ въ 1847 году въ Миланѣ, въ 1852—въ Туринѣ, а въ 1855—въ Парижѣ во время всемірной выставки вмѣстѣ съ Ристори. Послѣ того онъ побывалъ въ всѣхъ замѣчательныхъ городахъ Европы, играя преимущественно репертуаръ Гольдони, а затѣмъ Корнели. Въ 1869 году въ Лиссабонѣ онъ первый разъ выступилъ въ роляхъ шекспировскаго репертуара. Въ 1874 году у него была уже своя труппа,—и передача имъ Гамлета, Отелло, короля Лира, Ромео останется навсегда памятна тѣмъ, кто его разъ видѣлъ. Кромѣ того онъ былъ замѣчательнѣе въ роляхъ Нерона, въ трагедіи того-же имени Пьетро Косса и Кина въ драмѣ «Кинъ» Александра Дюма-отца. Росси пріѣзжалъ къ намъ въ Россію нѣсколько разъ, и всегда его встрѣчали съ распростертыми объятіями. Театръ всегда бывалъ полонъ, и иногда трудно было рѣшить, въ какой роли онъ лучше, такъ хорошо передавалъ онъ ихъ всѣ, вполне олицетворяя передъ нами задуманное авторомъ лицо. Въ послѣдній разъ пріѣзжалъ онъ къ намъ въ прошломъ году, «простились передъ смертью», какъ онъ говорилъ,—желая играть на послѣдокъ тамъ, гдѣ его съ такой дружбой, лаской и внимательностью принимали, а тогда же выступилъ въ русской драматической роли—Юанна Грознаго въ трагедіи Алексѣя Толстого «Юаннъ Грозный». Роль эту онъ провелъ великолѣпно, вполне понявъ всѣ оттѣнки сложной натуры Грознаго; въ игрѣ его никакъ нельзя было заподозрить иностранца.

Росси кромѣ того пробовалъ себя и на писательскомъ драматическомъ поприщѣ. Онъ написалъ для Ристори драму «Адель» и двѣ комедіи «Les hyènes» и «La prière d'un soldat». Затѣмъ писалъ еще «Драматическіе этюды» и оставилъ весьма занимательную автобіографію.

Жюль Симонъ.—Извѣстный писатель, публицистъ, поборникъ свободы Жюль Симонъ, прозванный Жюль Симонъ, скончался на 82 году своей жизни—28 мая (8 іюня). Онъ родился въ 1814 году въ Лоріанѣ. Еще весьма молодымъ человекомъ онъ замѣнялъ Виктора Кузена на его кафедрѣ философіи въ Сорбоннѣ. На одной изъ своихъ лекцій онъ протестовалъ противъ наполеоновскаго coup d'état 2 декабря, за что былъ смѣщенъ. Отказавшись присягать, онъ былъ исключенъ изъ числа профессоровъ Нормальной Школы. Онъ занялся тогда литературными работами, читалъ публичныя лекціи. Его выбрали черезъ нѣсколько лѣтъ депутатомъ. Какъ депутатъ онъ вотируетъ противъ войны съ Пруссіей и впоследствии въ 1870 году былъ избранъ въ члены правительства національной обороны и послѣ того почти постоянно принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ управленія страной. Онъ оставилъ очень много публицистическихъ и научныхъ сочиненій.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ОТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Продолженіе добровольнаго обмѣна на государственную 4% ренту облигацій 4% внутреннихъ займовъ 1-го (1887 г.), 2-го, 3-го и 4-го (1891 г.), а равно добровольный обмѣнъ на ту же ренту выпущенныхъ въ кредитной валютѣ 4% облигацій казенныхъ желѣзныхъ дорогъ:

а) подлежащихъ 5% налогу:

Главнаго Общества Россійскихъ жел. дор.
(Николаевской 1893 г.).

Либаво-Роменской,
Оренбургской,
Рязко-Моршанской,
Тамбово-Козловской,
Юго-Западныхъ,

б) не подлежащихъ 5% налогу:

Курско-Харьково-Азовской серія В
и Орловско-Грязской серія В.

На основаніи распоряженія Г. Министра финансовъ, послѣдовавшаго во исполненіе Именныхъ ВЫСОЧАЙШИХЪ указовъ 24 марта 1895 г. и 3 мая с. г., Государственный Банкъ доводитъ до общаго свѣдѣнія, что вышеозначенный добровольный обмѣнъ будетъ производиться на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1. Заявленія принимаются съ 1 іюня по 1 сентября с. г. во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, а равно въ сберегательныхъ кассахъ при казначействахъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ учреждений Государственнаго Банка.

2. Предѣльной суммы для сего обмѣна не назначается, и всѣ заявленія объ обмѣнѣ, сдѣланныя въ теченіе указаннаго выше трехмѣсячнаго срока, будутъ удовлетворены сполна.

3. Къ обмѣну принимаются только 4% облигаціи, не вышедшія до 1 іюня с. г. въ тиражъ погашенія.

4. Рента выдается рубль за рубль нарицательнаго капитала обмѣниваемыхъ облигацій съ расчетомъ процентовъ по купонамъ отъ сихъ облигацій; причемъ съ владѣльцевъ облигацій желѣзныхъ дорогъ: Николаевской, Либаво-Роменской, Оренбургской, Рязко-Моршанской, Тамбово-Козловской и Юго-Западныхъ будетъ удерживаемо при обмѣнѣ по 50 коп. за каждые 100 руб. нарицательнаго капитала обмѣниваемыхъ бумагъ, владѣльцамъ же облигацій желѣзныхъ дорогъ: Курско-Харьково-Азовской и Орловско-Грязской будетъ доплачиваемо по 3 р. 20 к. за каждые 100 руб. нарицательнаго капитала сихъ бумагъ.

5. Теченіе дохода по предназначенной для выдачи по обмѣну государственной 4% рентѣ начинается съ 1 іюня сего 1896 г., такъ что первый купонъ при сей рентѣ будетъ на срокъ 1 сентября 1896 г.

6. Заявляемая къ обмѣну на 4% ренту указанная выше 4% облигація должны имѣть всѣ купоны, срокъ коимъ наступаетъ послѣ 1 іюня 1896 г. Проценты, выросшіе по симъ купонамъ до 1 іюня 1896 года, уплачиваются при обмѣнѣ. Стоимость недостающихъ купоновъ при обмѣниваемыхъ 4% облигаціяхъ должна быть вносима владѣльцами облигацій наличными деньгами за вычетомъ 5% налога по тѣмъ облигаціямъ, кои подлежатъ сему налогу.

7. Заявленія объ обмѣнѣ должны быть подаваемы на бланкахъ, установленной формы, которые можно получать безвозмездно въ кассахъ обмѣна.

8. Заявленія объ обмѣнѣ могутъ быть подаваемы какъ съ представленіемъ предназначенныхъ къ обмѣну облигацій, такъ равно и безъ представленія таковыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ долженъ быть представленъ залогъ въ размѣрѣ 2 рублей на каждые 100 рублей нарицательнаго капитала, съ обязательствомъ представить облигаціи не позже 16 сентября 1896 г., подъ опасеніемъ утраты золота.

9. Заявленія объ обмѣнѣ указанныхъ выше 4% облигацій, находящихся во вкладахъ на храненіе въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, могутъ быть сопровождаемы вкладными росписками сихъ учреждений, и во всякомъ случаѣ должны заключать точное указаніе номеровъ таковыхъ росписокъ. Замѣна сихъ росписокъ новыми на выдаваемую 4% ренту производится безплатно распоряженіемъ Банка, причемъ нѣсколько росписокъ могутъ быть соединены въ одну общую.

10. Заявленія объ обмѣнѣ именныхъ облигацій 4% внутреннихъ займовъ, а равно облигацій, заключающихся въ выданныхъ государственною комиссіею погашенія долговъ удостовереніяхъ именной записи, должны быть подаваемы отдѣльно отъ заявленій объ обмѣнѣ предъявительскихъ облигацій. Въ заявленіяхъ сихъ должно быть указываемо, на чье имя обмѣниваемы облигаціи и записи выданы, а равно какія 4% ренты требуются по обмѣну: предъявительскія или именныя, и въ семъ случаѣ—на чье имя ренты должны быть написаны.

11. Обмѣнъ облигацій 4% займовъ производится непосредственно на подлинную ренту, безъ выдачи временныхъ свидѣтельствъ. Расчетъ по заявленіямъ, поданнымъ съ представленіемъ облигацій, выданныхъ на предъявителя, для обмѣна на предъявительскія же ренты, производится въ с.-петербургской конторѣ банка, по возможности, въ тотъ же день, въ порядкѣ поступленія сихъ заявленій. При невозможности же произвести выдачу ренты и доплаты въ тотъ же день, вслѣдствіе значительности представленной при одномъ заявленіи партіи или немнѣнія свидѣтельствъ ренты требуемыхъ достоинствъ, будутъ выдаваемы въ кассѣ обмѣна особыя именныя квитанціи, безъ права передачи, съ означеніемъ въ оныхъ принятыхъ облигацій, росписокъ или залога, а также причитающихся къ выдачѣ 4% рентъ, по достоинствамъ, и времени, когда таковыя ренты могутъ быть выданы. Такія же квитанціи будутъ выдаваемы по заявленіямъ: а) объ обмѣнѣ облигацій именныхъ, или при требованіи по обмѣну выдачи именныхъ 4% рентъ, б) объ обмѣнѣ облигацій, находящихся во вкладахъ на храненіе, и в) по заявленіямъ съ представленіемъ залога.

Въ прочихъ конторахъ и отдѣленіяхъ и сберегательныхъ кассахъ выдача ренты будетъ производиться съ соображеніемъ съ имѣющимся запасомъ ея въ данномъ учрежденіи; причемъ при приемѣ заявленій объ обмѣнѣ владѣльцамъ обмѣниваемыхъ облигацій будутъ выдаваемы именныя квитанціи, на вышеуказанныхъ для с.-петербургской конторы основаніяхъ.

Подробности расчета по обмѣну 100 руб. нарицательнаго капитала каждаго рода 4% облигацій помѣщены въ приведенной ниже сего таблицѣ.

Названіе займовъ.	Срокъ купоновъ, кои должны быть при облигаціяхъ.	Время, за которое выплачиваются проценты.	Сумма выплачиваемыхъ %-въ.		Доплата по условіямъ обмѣна.		Удержано по услов. обмѣна.	Подлежитъ выдачѣ.	
			Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.		Рубли.	Коп.
а) подлежащихъ 5% налогу:									
4% вн. з. 1 в. 1887 г.	1 Октября 93 г.	Съ 1 апрѣля по 1 іюня 96 г.	—	63 ¹ / ₃	—	—	—	—	63 ¹ / ₃
" " " 2 " 1891 "	1 Декабря "	Съ 1 апрѣля по 1 іюня 96 г.	—	—	—	—	—	—	—
" " " 3 " " "	15 Іюня "	Съ 15 дек. 95 г. по 1 іюня 96 г.	1	74 ¹ / ₆	—	—	—	1	74 ¹ / ₆
" " " 4 " " "	15 Іюля "	Съ 15 января " " "	1	42 ¹ / ₂	—	—	—	1	42 ¹ / ₂
4% (бл. Николаев. ж. д.	1 Іюля "	Съ 1 января " " "	1	58 ¹ / ₃	—	—	50	1	08 ¹ / ₃
" " Либ.-Ром. "	1 Іюля "	Съ 1 января " " "	1	58 ¹ / ₃	—	—	50	1	08 ¹ / ₃
" " Оренбург. "	15 сентября "	Съ 15 марта " " "	—	79 ¹ / ₆	—	—	50	—	29 ¹ / ₆
" " Ряз.-Морш. "	1 Октября "	Съ 5 апрѣля " " "	—	58 ¹ / ₂₀	—	—	50	—	8 ¹ / ₂₀
" " Там.-Козл. "	1 Іюля "	Съ 1 января " " "	1	58 ¹ / ₃	—	—	50	1	08 ¹ / ₃
" " Юго-Запад. "	1 Октября "	Съ 1 апрѣля " " "	—	63 ¹ / ₃	—	—	50	—	13 ¹ / ₃
б) не подлежащихъ 5% налогу:									
" " К.-Х.-Азов. "	1 октября "	Съ 1 апрѣля " " "	—	66 ² / ₃	3	20	—	3	86 ² / ₃
" " Орл.-Гряз. "	1 октября "	Съ 1 апрѣля " " "	—	66 ² / ₃	3	20	—	3	86 ² / ₃

Управляющій Государственнымъ Банкомъ Э. Плессне.

№ 23 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2½ листовъ, съ 10-ю рисунками: а именно: I) два листа текста и II) «Еженедѣльная хроника» № 23.

Кромѣ того, при этомъ номерѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылается еженѣднечное литературное приложеніе—шестая книга «Домашней Библіотеки» (за іюнь 1896 г.).

Дозволено цензурою. Спб., 7 іюня 1896 г.

Типографія С. Добродѣва, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

со всеми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»: НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. Заграницу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургѣ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

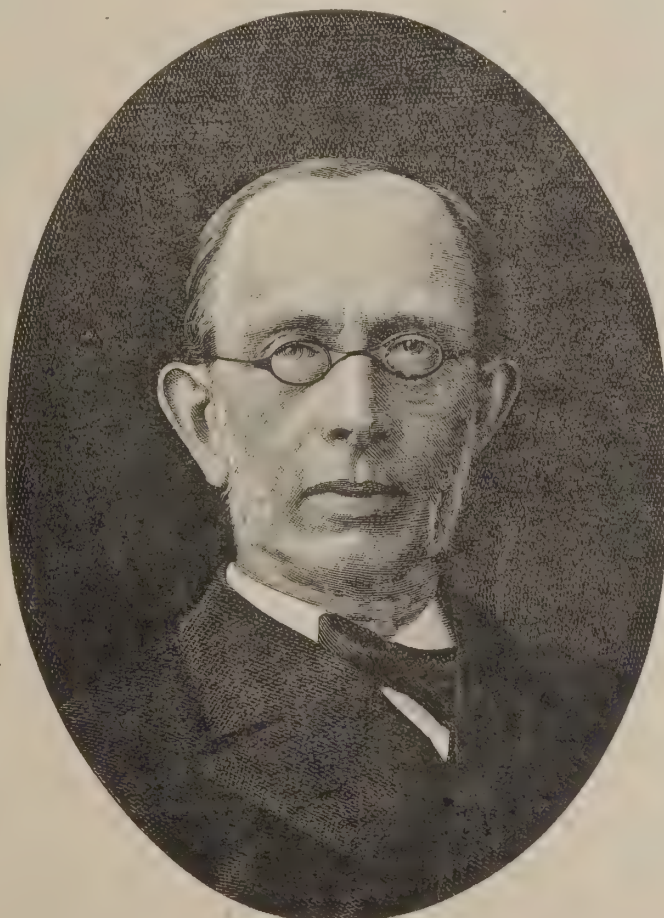
Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

ПЯТЬДЕСЯТЬ лѣтъ тому назадъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, нынѣ занимающій отвѣтственный и высокій постъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода—началъ свою плодотворную и высокопочтенную дѣятельность. Это было 12-го іюня 1846 года, когда К. П., кончивъ Императорское училище правовѣдѣнія, поступилъ на государственную службу. Послѣдовательно К. П. занималъ цѣлый рядъ должностей въ московскомъ департаментѣ правительствующаго сената. Кромѣ того, молодой ученый занималъ въ московскомъ университетѣ профессорскую кафедру гражданскаго права. Выдающіяся познанія К. П. Побѣдоносцева по части законовѣдѣнія доставили ему высокопочетное назначеніе—быть преподавателемъ по этому предмету при въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III, бывшемъ въ то время еще Цесаревичемъ. Этотъ-же важный предметъ читалъ въ послѣдствіи К. П. и нынѣ царствующему Государю Императору Николаю Александровичу. Выдающіяся способности и замѣчательное трудолюбіе К. П. Побѣдоносцева, а также глубокое и всестороннее знакомство съ русской жизнью вызвали его къ дѣятельному участию въ разрѣшеніи очень многихъ важныхъ законодательныхъ вопросовъ.

Это было уже послѣ 1872 года, когда за свое полезное служеніе интересамъ государства К. П. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Настоящій высокій постъ оберъ-

прокурора Святѣйшаго Синода Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ получилъ

1846 — ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ — 1896.

К. П. Побѣдоносцевъ.

въ 1880 году и здѣсь вполне выказались блестящія дарованія высокопочтеннаго магистрата государственнаго дѣятеля и его неутомимая энергія. Непосредственно, съ

глубокимъ знаніемъ дѣла, входилъ онъ во всѣ нужды и интересы ввѣренной ему обширной области народнаго образованія. Такъ, подъ его наблюденіемъ былъ составленъ новый уставъ духовныхъ академій; заботами-же К. П. достигнуто значительное увеличеніе церковно-приходскихъ школъ. Вообще, всѣ мѣры, касающіяся духовнаго просвѣщенія народа, встрѣчаютъ въ К. П. своего горячаго сторонника и защитника. Высокоцѣнный дѣятель не мало тоже потрудился и на поприщѣ литературы, гдѣ его обширныя познанія выразились въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Перу К. П. принадлежатъ: «Курсъ гражданскаго права», «Письма о путешествіи Наслѣдника изъ Петербурга въ Крымъ». Книга Ооми Кемпійскаго «О подражаніи Христу» переведена К. П. Побѣдоносцевымъ на русскій языкъ. Еще недавно, встрѣчая въ Москвѣ прибывшее на Священное Коронованіе, въ качествѣ депутаціи отъ восточныхъ патріарховъ, греческое духовенство, К. П. велъ свободно бесѣду на греческомъ языкѣ, выказывая обширную эрудицію и въ этомъ случаѣ. Какъ человѣкъ, К. П. отличается крайней доступностью и отзывчивостью по отношенію ко всѣмъ обращающимся къ нему и непоколебимой твердостью во взглядахъ. Присоединяясь къ многочисленнымъ

привѣтствіямъ по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея неутомимой дѣятельности К. П. Побѣдоносцева, помѣщаемъ въ этомъ же номерѣ его портретъ и краткій очеркъ.

Въ твоёмъ саду цвѣла сирень
Пышнѣй, душистѣе и ярче;
Въ твоёмъ саду веселый день,
Казалось, былъ свѣтлѣй и жарче;

Ручья прозрачнаго струи
Въ немъ веселѣе рокотали
И въ часъ полночный соловьи
Его такъ звонко оглашали.

И все, что видѣлъ я кругомъ,
На что ты взоромъ обращалась,—
Какимъ-то чуднымъ волшебствомъ
Передо мной преображалось!

И снова я въ твоёмъ саду,
Въ аллеяхъ, блескомъ дня залитыхъ,
Весь—ожиданіе; иду
Искать чудесъ непозабывшихъ...

Но какъ обычно все кругомъ,
Какъ взору тѣсно и уныло!
И кажется блестящимъ сномъ,
Что на яву когда-то было.

Не сонъ—что нѣтъ тебя со мной,
Не сонъ—души моей страданье,
И это мертвое молчанье,
И этотъ тягостный покой!...

К. Медвѣдскій.

НЕ ОТЪ МІРА...

Романъ И. И. Забрѣннева (продолженіе).

— Бѣдныя дѣти! За что они страдают!— тихо сказала Елена и погладила по головѣ Костю.

— Они страдают за родительскіе пороки. Они расплачиваются за своего отца!— грустно и какъ-то торжественно отвѣтила Евгенія Павловна.— Да, что съ ними будетъ, когда меня не станетъ... Куда пойдутъ они! И тяжело вздохнула:

— Кромѣ меня, у нихъ никого нѣтъ въ цѣломъ мірѣ!

Она перемѣнила разговоръ.

— Ну, а вы съ какими вѣстями отъ своихъ, что тамъ?

Елена нервно повела плечами.

Она предчувствовала, что ей не простятъ самовольнаго «бѣгства» изъ комнаты, нанятой для нея отцомъ. Хозяйка этой комнаты, когда-то служила у Зубовыхъ и они, помѣщая Елену у нея, очевидно имѣли въ виду негласный надзоръ за ея образомъ жизни.

Она едва прожила тамъ двѣ недѣли. Она знала, что «они» не простятъ ея переездъ на одну квартиру съ Алексѣемъ...

— Что же они сдѣлали, Елена Григорьевна?

Что они сдѣлали? Пригласивъ ее сегодня къ себѣ, отецъ съ официальнымъ видомъ заявилъ, что онъ понесъ большіе убытки отъ неудавшейся биржевой сдѣлки и что часть этихъ убытковъ падаетъ на ея капиталъ. Теперь, она не можетъ рассчитывать получать ежемѣсячно прежнія деньги, придется ограничиться меньшимъ...

— Но вы не думаете, что все это сказано парочно, съ цѣлью заставить васъ снова поселиться дома?

— Не знаю. Но если и такъ—они ошибутся. Они для меня—чужіе, и я не вернусь никогда!

Конечно, Елена не могла знать, какія именно мѣры были предложены для ея укрощенія, на семейномъ Зубовскомъ совѣтѣ, когда стало извѣстно, что она уѣхала изъ прежней комнаты. Одно она знала хорошо—въ Зубовскомъ домостроѣ для достиженія цѣли всѣ средства считаются дозволенными, и потому такъ сурово отозвалась о родныхъ.

Наступали сумерки. Становилось темно въ убогой комнатѣ, гдѣ сидѣли обѣ женщины съ мальчикомъ, дремавшимъ на колѣняхъ матери. Они сидѣли молча.

Въ сосѣдней комнатѣ играли два другихъ

сына Евгеніи Павловны—оттуда слышались странные звуки... Гы-гы... ма-ма... хикъ-хикъ... звуки нѣсколько похожіе на тѣ, которыми выражаютъ свои ощущенія и желанія дѣти, не умѣющія еще говорить.

Елена жила уже второй мѣсяцъ въ этомъ флигелькѣ, стоявшемъ во дворѣ такого же крошечнаго деревяннаго дома, выходившаго въ глухой переулочекъ Выборгской стороны. Въ двухъ комнатахъ нижняго этажа помѣщались Елена, Алексѣй и Евгенія Павловна съ дѣтьми. Верхъ занималъ—домовладѣлецъ, старикъ-слесарь.

Евгенія Павловна Раткевичъ—вдова поручика. Ей нѣтъ тридцати двухъ, но цѣлая прядка сѣдыхъ волосъ засеребрила ея голову. Изящная, почти изысканная черта лица. Черные глаза смотрятъ устало и печально...

Ея три сына: Петя—тринадцати, Коля—одиннадцати и Костя—деяти лѣтъ—неизлечимые больные: идиоты. Восемь лѣтъ какъ умеръ ихъ отецъ въ бѣлой горячкѣ, отъ безпробуднаго пьянства, а его дѣти живы и долго еще будутъ жить. Дѣти алкоголиковъ—идиоты, таковъ неумолимый законъ возмездія.

Еленѣ было жутко первое время жить вмѣстѣ съ этими бѣдными дѣтьми. Ихъ вѣчно-приниженный и убитый видъ; глаза съ тупымъ блескомъ и безмысленные; ухватки, напоминающія животныхъ—все это заставляло ее испытывать чувство, близкое къ ужасу. Но она скоро сдружилась съ Евгеніей Павловной и съумѣла приласкать ея несчастныхъ мальчиковъ. Тѣ тоже по своему выказывали ей свое расположеніе.

Вотъ письмо Елены въ корпусъ, къ Володѣ. Почти совсѣмъ лишенная возможности видѣться съ нимъ, она не могла удержаться, чтобы не подѣлиться съ «старымъ другомъ» первыми впечатлѣніями своей новой жизни.

«Милый Володенька!

«Теперь ужъ я не живу больше въ той комнатѣ, которую мнѣ нанялъ дѣдушка. Я переехала на одну квартиру съ Алексѣемъ. Я поняла, что если онъ будетъ жить отдѣльно, онъ совсѣмъ погибнетъ. Но ты не осуждай его! Ты знаешь, какъ ему тяжело было; сколько онъ изъ-за меня вынесъ, бѣдный! Но, слава Богу, это прошло все и я теперь съ нимъ навсегда. Вѣдь кромѣ меня некому его пожалѣть; некому его прила-

скалъ; не съ кѣмъ слово сказать по душѣ... Оттого онъ и дошелъ до такой дурной жизни, что былъ всегда одинъ.

«Квартирка у насъ небольшая—двѣ комнаты. Мы не одни, съ нами одна дама Евгенія Павловна. Пожалѣй ее, Володенька! Она очень несчастна. Мужъ ея былъ нехорошій человекъ и ея дѣти совсѣмъ больныя. Они тоже съ нами. Это три мальчика, уже большіе, но они до сихъ поръ ничего не говорятъ. Младшій Костя, правда, знаетъ нѣсколько словъ, но все путаетъ ихъ... Иногда, это такъ смѣшно выходитъ. И жалко, а нельзя не улыбнуться. Спросишь: что, Костя, несешь? (а у него въ рукахъ сапоги). А онъ: говядина!

«Ахъ, Володенька, такъ жалко ихъ и Евгенію Павловну... Такъ жалко, я тебѣ просто и сказать не могу!

«Евгенія Павловна изъ хорошаго семейства и очень образованная дама. Она живетъ на маленькую пенсію отъ мужа и даетъ уроки музыки. Она рано утромъ уходитъ и возвращается только къ пяти часамъ.

«Мальчики уже знаютъ, когда она должна придти и ждутъ ее. Сидятъ всѣ на скамейкѣ у воротъ. Завидятъ издали, сейчасъ бѣгутъ къ ней, прыгаютъ, въ ладоши хлопаютъ. Сказать ничего не могутъ, но все-таки у нихъ выходитъ: ма... ма..., трусятъ около нея, гладятъ ея руками по лицу, по платью...

«Если-бы ты только видѣла, какая это трогательная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужасная сцена! Потому они всѣ садятся скорѣе за столъ и кричатъ: аб! аб! Они знаютъ, что теперь будетъ обѣдъ.

«А вечеромъ, когда стемнѣетъ, кто нибудь изъ нихъ принесетъ цитру. Евгенія Павловна и на цитрѣ умѣетъ. И вотъ она играетъ, а они садутъ всѣ вокругъ, поставятъ локти на столъ и слушаютъ. И въ это время они о чемъ-то думаютъ. Лица у нихъ такія озабоченныя, серьезныя; глаза только остаются, по прежнему, тусклыми. И такъ странно на нихъ глядѣть... Что они думаютъ въ это время!

«Потомъ скажетъ который нибудь изъ нихъ: гу! гу! (довольно) и сейчасъ всѣ вскакиваютъ, берутъ цитру и прячутъ, и никогда никому не даютъ, кромѣ Евгеніи Павловны. Теперь я совсѣмъ свылалась съ ними. Они тихіе, смиренныя, цѣлый день играютъ между собой.

«Устроились мы такъ: Евгения Павловна, я и Костя—въ одной комнатѣ, а Алексѣй, съ Петей и Колей—въ другой. Евгения Павловна сама раньше занимала обѣ комнаты, а теперь одну намъ уступила; скучно ей одной стало жить.

«Алена теперь аккуратно посѣщаетъ службу и поздно возвращается. Боюсь я немного за его здоровье, онъ еще годъ тому назадъ сильно простудился въ Нижнемъ на своей пристани и съ тѣхъ поръ все прихварываетъ грудью. Кашляетъ сильно. Онъ тебѣ кланяется.

«Утомила я тебя такимъ длиннымъ письмомъ. Будетъ на этотъ разъ. Не забывай-же свою тетю, милый мой мальчикъ, пиши ей скорѣй.

«Крѣпко обнимаю тебя и цѣлую. Да хранить тебя Богъ!»

При первой-же ежемѣсячной выдачѣ «по новому», Елена увидѣла, что денегъ ей врядъ-ли будетъ хватать. Алексѣй, недавно еще поступившій на мѣсто, служилъ пока безъ жалованья.

Ее выручила Евгения Павловна,—она достала ей уроки французскаго и нѣмецкаго языковъ въ одномъ изъ домовъ, гдѣ сама учила музыкѣ.

Алексѣя удручала матеріальная зависимость отъ Елены и той стоило большихъ усилий заставить его выйти изъ сумрачнаго состоянія духа. Евгения Павловна помогала ей въ этомъ, во время придуманной шутки, какимъ-нибудь разсказомъ «изъ семейной жизни», какъ она выражалась.

Елена съ каждымъ днемъ все больше привыкала къ ней.

— Что это за женщина!—говорила она иногда Алексѣю.—Какъ неудачно сложилась ея жизнь, чего она ни перенесла на своемъ вѣку... Другая-бы на ея мѣстѣ давно опустила руки, а въ ней столько еще жизненной энергіи и такая всегда ровная, добрая. И утѣшить каждаго, а если нужно, такъ и послѣднее отдать. И подумаешь, жизнь такъ жестока къ ней!

Каждую недѣлю, два раза, Елена обѣдала у ея. Ей вносили, что въ извѣстные дни она должна бывать у родителей. иначе знакомые по своему объясняютъ причину ея отъѣзда.

— Мы живемъ въ обществѣ и намъ не безразлично, что думаетъ это общество о нашихъ семейныхъ дѣлахъ.

— Вы совершенно правы, мама, — согласилась Елена и спросила, въ какіе именно дни ей слѣдуетъ приходить.

Почти всегда за обѣдомъ случались постороннія и Елена была этому рада—обычный инсказательный разговоръ о ней не подымался и она возвращалась домой, ничѣмъ не разстроенная.

Но иногда «спасительныхъ» гостей не было. Въ эти дни за столомъ толковалось о безразсудствѣ взрослыхъ дѣтей, ставящихъ ни во что родительскія указанія и совѣты, приводились примѣры ужасной раслаты судьбы съ такими нарушителями семейнаго авторитета.

Особенно усердствовали сестра съ мужемъ. Еленѣ приходилось перекидываться съ ними довольно рѣзкими словами.

Однажды зять слишкомъ замѣтно уклонился подать ей руку. Елена вспылила. На этотъ разъ мама, считая отчасти и себя оскорбленной, взяла сторону дочери и оставленный безъ поддержки господинъ капитанъ Григорія Павловича.

извинился. «Онъ готовъ признать, что по разсѣянности онъ не замѣтилъ протянутой руки глубокоуважаемой Елены Григорьевны».

Елена, возмущенная выходкой зятя, уѣхала домой. Дорогой она удивлялась, какъ самый фактъ оскорбленія, вначалѣ поразившій ее, главнымъ образомъ, своею неожиданностью, вызывалъ въ ней теперь все большее и большее негодованіе.

— Нервы у меня слишкомъ разстроены,—подумала она.

И сейчасъ-же громко сказала: — Нѣтъ! вовсе не то... Самый поступокъ его низокъ и старатигеленъ!

Входная дверь была не заперта и Елена безъ шума вошла въ свою комнату. Что она увидѣла!

На столѣ откупоренная бутылка водки и какая-то закуска. Евгения Павловна, стоя, пьетъ изъ чашки.

Елена тихо подошла.

— Что вы дѣлаете?

Евгения Павловна смутилась, но тотчасъ-же оправилась.

— Ахъ, это вы, голубка! Вы думаете, въ первый разъ я? О, нѣтъ! Я скрывала отъ васъ, а теперь... все равно!

— Но вы губите себя!

— Гублю, но не этимъ, а гублю себя тѣмъ, что живу!

— У васъ горе какое-то! Съ вами случилось что-то!—воскликнула Елена, хватая ее за руку.

— Случилось. Я разскажу вамъ, потому что я люблю васъ, но дайте мнѣ выпить еще глотокъ...

— Бѣга ради, не пейте!

Елена отставила чашку и бутылку.

— Дайте!—настояла Евгения Павловна и, наливъ полчашки, отпила два глотка.

Потомъ закрыла глаза и, приложивъ руку къ груди, сказала:

— Такъ тяжело, тяжело бываетъ и точно поетъ... вотъ здѣсь... А хлебнешь, и въ груди полегчаетъ и мысли затуманятся. Тогда еще можно жить.

Она помолчала.

— Вы знаете Гордѣвыхъ? Мой самый доходный урокъ. Сегодня м-ме Гордѣва сказала мнѣ, въ присутствіи своей тетки, что я, кажется, больше занимаюсь разговорами съ ея мужемъ, чѣмъ музыкой съ ея дѣтьми. «Я попрошу васъ заниматься только музыкой съ дѣтьми!» Она такъ пояснила свои подозрѣнія, что мнѣ оставалось одно: бросить все и уйти. Но я вспомнила ихъ... (Евгения Павловна указала на спящихъ Петю и Колю)... И сдержалась!

— Меня оскорбили сегодня...—произнесла Елена такимъ тономъ, какъ будто продолжала начатую рѣчь.

И разсказала, что было съ нею сегодня.

— Попробуйте...—Евгения Павловна налила полчашки.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Попробуйте... Все, все пейте!...

— Противно... жжется!...

— Возьмите кусочекъ сахара... вотъ такъ...

Елена широко раскрыла глаза и, какъ-бы изумляясь чему-то, медленно проговорила:

— ...Да... мнѣ легче... точно все упиываетъ куда-то... все... О, какъ хорошо это!

— Кажется, господинъ Хоромскій больше не служитъ въ киево-харьковскомъ банкѣ?—ироническая улыбка показалась на губахъ Григорія Павловича.

Это было въ отцовскомъ кабинетѣ.

Елена только что получила проценты съ своего капитала и собиралась уходить. Она настолько не ожидала подобнаго вопроса, что едва удержалась отъ восклицанія. Какъ, уже извѣстно! Откуда онъ могъ узнать?... Ахъ, вѣдь бываетъ-же онъ въ банкахъ, что ему стоило спросить...

И кое-какъ справившись съ охватившимъ ее волненіемъ, молодая женщина сбивчиво объяснила. Правда, Алексѣй уволенъ изъ банка, но онъ не виноватъ... Ихъ уволили десять человѣкъ, будто-бы за неимѣніемъ свободныхъ вакансій.. А, между тѣмъ, люди работали шесть мѣсяцевъ безъ жалованья! Это въ высшей степени недобросовѣстно со стороны такого богатаго банка!

— Неужели сорокъ рублей, брошенные въ видѣ подачки, вознаграждать этихъ бѣдняковъ за потерянное время... Цѣлыхъ полгода!

Нервы Елены были совсѣмъ разбиты. Спокойно она не могла ни о чемъ говорить. А малѣйшее напоминаніе о ея личныхъ дѣлахъ или дѣлахъ Алексѣя—приводило ее въ дрожь. Вотъ и теперь она точнѣе выкрикнула эту фразу:

— Цѣлыхъ полгода!

— Елена,—подала голосъ м-ме Зубова изъ своего кресла, почти придвинутого къ камину.—Елена, я говорю тебѣ въ послѣдній разъ: брось этого проходимца, который живетъ на твой счетъ и, вѣроятно, въ душѣ подсмѣивается надъ твоей простотой. Брось и снова переѣзжай къ намъ, или ты погибнешь въ этомъ омутѣ, куда онъ тебя затаскилъ...

Минута молчанія, тягостная для всѣхъ троихъ. Часы прозвонили на каминѣ половину восьмого.

Вдругъ Елена порывисто обернулась къ отцу.

— А вы... вы что скажете?

— Я скажу, что этотъ господинъ—негодяй. Человѣкъ, котораго давно слѣдовало выслать изъ столицы. А если ты вернешься домой,—я приму на свой счетъ твои убытки отъ октябрьской сдѣлки.

Елена быстро, не прощаясь, подошла къ дверямъ.

— Что съ тобой? Куда?—крикнула Марья Александровна.

Елена открыла дверь и остановилась на порогѣ.

— Я ухожу навсегда. Мнѣ нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ несправедливы и жестоки къ дорогому для меня человѣку. Прощайте. Такъ будетъ лучше для всѣхъ насъ.

И тихо вышла.

XIII.

— Дамы палѣво, кавалеры направо! Шенъ шинуазъ!

— Мѣста не хватитъ...

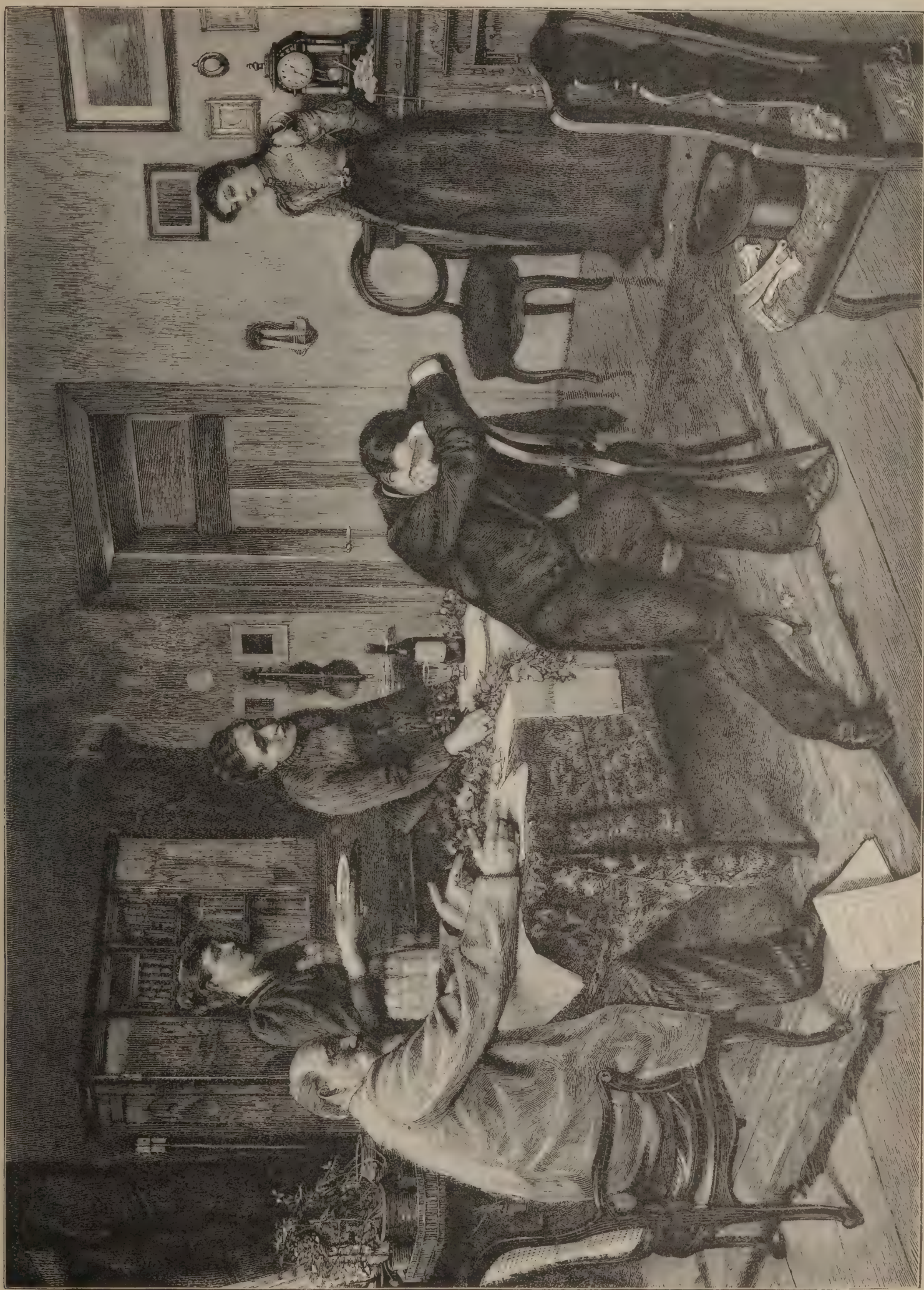
— Хватитъ! Plus vite, plus vite... Петя, верти скорѣй!

Петя налегаетъ на ручку аристовна. Хриплые звуки финальнаго галопа смѣшиваются съ топаньемъ и возгласами танцующихъ и металлическимъ визгомъ трубы, въ которую дуетъ, желая испробовать свою новую игрушку—Костя.

Это Евгения Павловна пришла мысль устроить для дѣтей елку. «Да и мы, неудачники, развлечемся, право,—не мѣшаетъ!» И развлеклись... Еще недавно зажгли елку, кромѣ своихъ только два товарища Алексѣя съ женами—а ужъ половины четвертной не хватаетъ. Къ счастью, принасна еще дру-

«Заключенный дуэтъ». Съ картины профессора А. Д. Нившенко.

«Неудавшийся экзаменъ». Съ картины художника Г. Штрое.

гая. «Но за то какъ весело! Ахъ, какъ весело!» Всѣ нарядены. Евгенія Павловна—арлекиномъ, Елена въ сюртукѣ и мягкой шляпѣ Алексѣя, съ подведенными углемъ усами.

Смѣхъ, шутливыя восклицанія...

Но почему-же, въ веселую шутку этихъ людей прокрадывается тѣнь и почему ихъ смѣхъ звучитъ такъ печально и неуверенно?

— Вечеринка умирающихъ! — сказала какъ-то Евгенія Павловна, вспоминая эту «елку».

Три мѣсяца, какъ до Елены не доходило никакихъ свѣдѣній изъ дому. Ей не присылаютъ ей собственныхъ денегъ. А она... она больше никогда не пойдетъ къ «роднымъ» и никогда больше не напомнитъ о себѣ...

Наступило тяжелое время: каждая копейка на счету. Ея уроки вознаграждались недостаточнымъ хорошо и неаккуратно. Здоровье было въ корень подорвано...

И скрыть-ли это?.. Елена теперь часто вспоминала тотъ вечеръ, когда она въ первый разъ, по совѣту Евгеніи Павловны, въ порывѣ невыразимой тоски, нагло оскорбленная—попробовала одурманить себя. Возможность забыться на нѣсколько часовъ, не помнить ужасающаго лицемѣрія и неправды жизни, не помнить и не видѣть всей глубины своего несчастья—эта возможность забвения слишкомъ завлекательна!

Трудно остановиться на скользкомъ пути. То что дозволяется себѣ лишь изрѣдка, мало по малу становится необходимой потребностью.

Въ будущемъ—ни одной свѣтлой точки. Настоящее...

И все чаще и чаще деньги, вырученные отъ заклада какойнибудь кофты, давались Костѣ съ хорошо знакомой ему просьбой.

— Кабакъ?—спрашивалъ мальчикъ.

«Винный погребъ»—онъ, конечно, не могъ выговорить, но значенія слова «кабакъ», которому ради смѣха научилъ его дворникъ, онъ отлично зналъ.

И заливалось безысходное горе и утихала тоска гнетущая.

Алексѣй, не смотря на всѣ старанія, все еще не могъ отыскать нозаго мѣста. Бывали случайные заработки, но чего-нибудь «постояннаго» и не предвидѣлось. Подъ малѣйшими предлогами онъ уходилъ теперь изъ дому на цѣлые дни. Ему было больно видѣть Елену лишній разъ. Онъ говорилъ себѣ:

— Пусть-бы я одинъ мучился... И жить-то не долго осталось,—вонъ ужъ и кровью началъ кашлять,—а она къ чему терпитъ такіе мученія? Загубилъ я себя—туда и дорога!—а ее, мою кроткую, мою тихую, къ чему стану губить?

Разъ, вечеромъ, онъ узналъ, что Елена заложила свою меховую шубку, чтобы кое-какъ перебиться до получки денегъ за урокъ. Алексѣй, едва сдерживая слезы, упалъ передъ ней на колѣни и, цѣлуя безсчетно ея руки, сталъ умолять:

— Лена... мое солнышко... Моя безцѣнная Лена! Заклинаю тебя—брось, брось меня! Я всему горю твоему начало. Не задавайся моя жизнь, и Богъ съ нею... И загаснетъ она скоро... Но не въ силахъ я больше губить твою... Ты еще молода—твое все еще впереди. Оставь меня, уходи къ своимъ—тамъ ты будешь въ теплѣ, тамъ тебѣ не придется голодать... Ты найдешь человека себѣ по сердцу, онъ полюбитъ тебя... Тебя, моя дорогая, нельзя не полюбить!—Онъ тебѣ все отдастъ, чтобы только ты была счастлива! Ахъ, уйди! Оставь меня одного—силъ моихъ

нѣтъ больше—не могу больше видѣть, какъ ты мучишься!..

Елена нагнулась, чуть-чуть приподняла голову Алексѣя и долгимъ поцѣлуемъ поцѣловала его въ лобъ. Потомъ, глядя ему прямо въ глаза, тихо сказала своимъ спокойнымъ голосомъ, немного дрогнувшимъ вначалѣ:

— Милый мой Алеша!.. Безразсудный ты человекъ... (она нѣжно улыбнулась)... незнаглядный, желанный мой! Какъ-же ты хочешь, чтобы я ушла отъ тебя? Развѣ ужъ ты соскучился со мною!

И, вдругъ, охвативъ его шею руками, быстро зашептала:

— Да неужели я брошу тебя когда-нибудь? И какъ тебѣ мысль такая могла придти въ голову? Ты неудачникъ!.. Ты совсѣмъ боленъ... (я сама видѣла кровь на твоёмъ платкѣ; зачѣмъ ты скрываешь это отъ меня?). А я кину тебя! Я пойду къ людямъ довольнымъ и счастливымъ по своему? Алеша, какъ ты рѣшился высказать это! Только въ тѣ минуты, когда я узнала тебя, думала о тебѣ, только въ тѣ короткія минуты вѣдь я и была счастлива. Только вѣдь и есть у меня свѣтлаго въ жизни, что ты да моя любовь къ тебѣ... Ахъ, жестокой, жестокой!..

Вошла Евгенія Павловна (она отдыхала рядомъ, въ другой комнатѣ). Было холодно и она куталась въ черный вязанный платокъ. Она слышала слова Елены и не могла удержаться отъ восклицанія:

— Дорогіе мои! Какъ вы несчастны... Ахъ, дорогіе мои...

(Окончаніе слѣдуетъ).

БРАКЪ ИЗЪ МСТИ.

Очеркъ Отто фонъ-Фольдерндорфа.

ЕВАДЬБУ отпраздновали роскошно. Вдовствующая баронесса фонъ-Мейленгофъ могла только радоваться великолѣпной партіи, которую дѣлала ея единственная дочка-красавица, къ несчастью, почти безприданница, Эдина. Графъ Рихардъ Гейдингсбургъ-цу-Гейдингсбургъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ въ окрестности, былъ молодой, изящный, красивый господинъ, и избалованной дѣвушкѣ лучшей партіи не пайти. Все случилось совершенно неожиданно; свѣтъ былъ пораженъ, потому что до сихъ поръ графъ Рихардъ не только не ухаживалъ и не обращалъ вниманія на баронессу Эдину, но прямо-таки выказывалъ ей антипатію. Но все измѣнилось со дня смерти его друга дѣтства Артура фонъ-Мельфельда, который былъ объявленнымъ женихомъ Эдины. Графъ вдругъ сталъ сильно ухаживать за осиротѣвшей невѣстой, которая нѣсколько притворно горевала о скоростижно умершемъ. Ухаживаніе графа стали объяснять романически,—кто первый это придумалъ, неизвѣстно,—но говорили, что умирающій на смертномъ одрѣ взялъ съ своего друга обѣщаніе, сдѣлать счастливою дѣвушку, которую онъ такъ любилъ. Достаточно сказать, что черезъ мѣсяцъ ухаживанія послѣдовало обрученіе, а еще черезъ мѣсяцъ и свадьба.

Молодые скоро послѣ вѣнца удалились, переодѣлись и поѣхали на желѣзную дорогу,—графъ хотѣлъ провести медовый мѣсяцъ въ своемъ роскошномъ, лежащемъ среди горъ, фамильномъ замкѣ Гейдингсбургѣ, чтобы затѣмъ, согласно желанію невѣсты, совершить

путешествіе въ Парижъ и провести зиму въ Ниццѣ.

Послѣдняя желѣзнодорожная станція Дюрренфельдъ находится въ суткахъ пути отъ резиденціи, и отъ этой станціи нужно было еще четыре часа ѣхать на лошадахъ. Было уже совсѣмъ темно, когда молодые прибыли на станцію, гдѣ ихъ ждала коляска, запряженная четверней. Они пробѣжали сквозь триумфальную арку, которой за темнотою нельзя было рассмотреть. Кое-гдѣ попадавшіеся поселенцы кричали ура. Служащіе въ замкѣ и прислуга, почтительно кланяясь, встрѣтили молодыхъ у ярко освѣщеннаго подъезда. Графъ подъ руку провелъ свою молодую супругу вверхъ по лѣстницѣ въ ея комнаты и затѣмъ холодно поклонился ей и не поцѣловалъ руки,—чѣмъ она была особенно удивлена,—это случилось первый разъ со дня ихъ обрученія.

— Что тебѣ нужно?—спросила Эдина особу большого роста и ширококостную, которая стояла въ дверяхъ будуара и вознамѣрилась помочь ей снять пальто.

— Меня зовутъ Дора,—отвѣчала та, неуклюже кланяясь,—я горничная вашего графскаго сіятельства.

— Это еще что такое?—сердито вскричала графиня,—сейчасъ же убирайся отсюда и пошли ко мнѣ мою горничную Марію, которая пріѣхала съ нами изъ города и, вѣроятно, ждетъ уже моего зова.

— Извините, ваше сіятельство,—послѣдовалъ отвѣтъ,—изъ города никого не пріѣхало кромѣ господина графа и госпожи графини.

Эдина подбѣжала къ шнурку колокольчика и дернула нѣсколько разъ, но на звонокъ никто не явился, и Дора сухо замѣтила:

— Угодно вашему сіятельству, чтобы я кого-нибудь позвала? Колокольчикъ не будетъ звонить, какъ бы сильно ваше сіятельство ни дергали его.

— Сію же минуту позовите ко мнѣ графскаго камердинера,—вскричала Эдина, дрожа отъ бѣшенства.

Нѣсколько минутъ спустя передъ графиней появился солидный, не молодой уже человекъ, безукоризненно одѣтый въ черное, и низко поклонившись, молча остановился, ожидая приказаній.

— Передайте графу, что я желаю знать, куда дѣвалась моя горничная Марія?—сказала графиня.

— Господинъ графъ ожидалъ этого вопроса,—отвѣчалъ степенный лакей, снова кланяясь,—и приказалъ мнѣ передать вашему сіятельству, что въ Гейдингсбургѣ существуетъ обычай брать въ услуженіе только мѣстныхъ жителей. Господинъ графъ еще въ городѣ отказалъ отъ мѣста вашей горничной Маріи, давъ ей достаточное вознагражденіе, и она, точно также какъ и нанятая баронессой кухарка и другая горничная, остались въ городѣ. Если я могу позволить себѣ сказать слово, я замѣчу, что Дора очень хорошая и ловкая горничная.

— Никогда не позволю ходить за мной этой отвратительной, грубой особѣ,—сердито вскричала графиня.

Лакей почтительно поклонился.

— Какъ вашему сіятельству будетъ угодно, я ей сейчасъ же прикажу, чтобы она не входила въ комнаты госпожи графини. Но ваше сіятельство позволитъ мнѣ замѣтить, что въ настоящее время въ замкѣ нѣтъ другой горничной. Кромѣ того, господинъ графъ проситъ ваше сіятельство сойти къ ужину, который готовъ уже.

— Неужели графъ воображаетъ, что при такихъ обстоятельствахъ я могу что нибудь сказать? Передайте ему, что я не имѣю никакого намѣренія ужинать съ нимъ. Но я жду, чтобы онъ пришелъ сюда и объяснилъ свои неслыханные поступки.

— Его сіятельство рассчитывало на такой отвѣтъ со стороны госпожи графини,—сказалъ лакей, еще разъ кланяясь,—и поручилъ мнѣ передать госпожѣ графинѣ, что послѣ ужина онъ придетъ въ спальню вашего сіятельства.

— Скажите графу,—вскричала Эдина, задыхаясь отъ злости,—что моя спальня всю ночь будетъ заперта.

— Какъ угодно вашему сіятельству,—сказалъ лакей,—я передамъ господину графу,—и, низко, низко поклонившись, камердинеръ удалился.

Эдина сорвала съ головы шляпку, бросила ее на полъ и, сбросивъ плащъ, быстро ходила по комнатѣ. Въ головѣ у нея стучало, она потерялась отъ гнѣва, неожиданности, а отчасти и ужаса. Къ этому прибавились сильная жажда и слабость вслѣдствіе голода и дорожной усталости. Она хотѣла позвонить, но это бесполезно! Быстро рѣшившись, она отворила дверь. Дора сидѣла въ передней и при появленіи графини, немедленно встала и молча поклонилась.

— Ступай впередъ и покажи мнѣ дорогу въ столовую,—приказала графиня.

Дора безпрекословно повиновалась. Въ концѣ длиннаго корридора она отворила передъ графиней обѣ половинки дверей. Графъ немедленно всталъ изъ-за стола, за которымъ сидѣлъ, подошелъ къ своей супругѣ и сказалъ:

— Я полагаю, что вы не ужинать со мной пришли, а желаете объясненій. Для этого намъ лучше пройти въ сосѣднюю комнату, тамъ намъ никто не помѣшаетъ.

Онъ отворилъ дверь, и когда они оба вошли, снова заперъ ее, затѣмъ провелъ Эдину черезъ комнату, которая была только передней, въ кабинетъ, гдѣ пригласилъ ее сѣсть, указавъ ей на кресло. Эдина не сѣла, но подойдя близко къ графу, вскричала, дрожа отъ гнѣва:

— Что это значитъ, господинъ графъ? Развѣ порядочный человѣкъ такъ съ своей женой обращается?

— Что это значитъ, графиня, я сейчасъ вамъ скажу и съ этой цѣлью расскажу цѣлую исторію. Но, пожалуйста,—предупреждаю, что исторія будетъ длинная,—если вамъ не угодно садиться, то—позвольте мнѣ сѣсть.—Онъ усѣлся на диванъ, надъ которымъ висѣла занавѣшенная картина и началъ:

— Когда-то въ этомъ замкѣ росли вмѣстѣ два мальчика, которые съ того дня, когда дядя Рихарда поселилъ трехлѣтняго осиротѣвшаго Артура съ своимъ племянникомъ, также сиротой, полюбили другъ друга и считали себя братьями. Эта привязанность росла съ дѣтми и ни разу, даже минутная ссора не нарушала ее. Напротивъ того отношенія ихъ съ лѣтами дѣлались глубже, серьезнѣе и не опасались никакихъ испытаній. Каждый думалъ только о томъ, какъ-бы сдѣлать пріятное другому и желалъ счастья въ жизни не себѣ, а своему названному брату. Въ это время Артуръ познакомился съ дѣвушкой, красота которой воспламенила его сердце. Рихардъ, болѣе холодный наблюдатель, открылъ скоро, что подъ этой красотой скрывается скверная душа, и что то, что кажется золотомъ—въ сущности поддѣль-

ный брилліантъ. Въ первый разъ предупреждающій голосъ друга не подѣйствовалъ на Артура; онъ посватался за это созданіе, которое казалось ему такъ привлекательно, и безъ сомнѣнія, немедленно получилъ согласіе,—онъ былъ богатъ, она бѣдна и избалована. И вотъ для несчастнаго наступило тяжелое, горестное время. Очень скоро спала завѣса съ нравственнаго уродства невѣсты. Мало того, что она его мучила безчисленными капризами, что на всѣ его старанія сдѣлать ей пріятное, исполнить ея, часто безумныя, желанія, она отвѣчала презрительной насмѣшкой, она еще съ утонченной злобой унижала и оскорбляла человѣка, такъ глубоко ее любившаго, безстыдно кокетничая съ другими мужчинами и поддразнивая его ревностью. Если онъ дѣлалъ ей по этому поводу какія-нибудь замѣчанія и просилъ ее не мучить его такъ жестоко,—увѣренная въ своей правотѣ, она насмѣшливо говорила: «Если ты недоволенъ мною, ты свободенъ. Откажись отъ меня, я найду другого». Такъ тянулись цѣлыя мѣсяцы; къ несчастью, Рихардъ отбывалъ въ это время воинскую повинность и находился въ отсутствіи. Тутъ, въ этомъ далекомъ городкѣ, гдѣ стоялъ его полкъ, онъ получилъ телеграмму отъ стараго управляющаго замкомъ, который вызывалъ его въ Гейдингсбургъ. Когда Рихардъ поздно вечеромъ прибылъ въ замокъ, его встрѣтило ужасное извѣстіе, Артуръ лишилъ себя жизни. Я бросился на лѣстницу,—продолжалъ графъ хриплымъ голосомъ, вставая,—вбѣжалъ въ эту комнату и на этомъ самомъ креслѣ, на которомъ вы сидите графиня...

Эдина во время разсказа безсильно опустилась въ кресло, которое ей графъ предложилъ вначалѣ; при этихъ словахъ она вскопчила, какъ ужаленная.

— Да, на этомъ самомъ креслѣ,—продолжалъ графъ,—лежалъ мой бѣдный Артуръ, держа еще въ похолодѣвшей рукѣ револьверъ, изъ котораго онъ пустилъ себѣ пулю въ сердце. На столѣ находилось письмо,—графъ досталъ изъ ящика письменнаго стола листокъ бумаги,—вотъ что въ немъ написано, слышите, графиня? «Дорогой, единственный другъ, прости мнѣ причиненное тебѣ горе, я ухожу отъ тебя. Но я долженъ, долженъ разстаться съ тобой. Безъ нея я жить не могу, и съ нею тоже жить не могу. Я предвижу, она затопчетъ въ грязь мою честь и у меня не хватитъ силъ наказать ее. Потому лучше всего разстаться съ жизнью. Еще одна просьба, прости ей». Но я ей не простилъ,—вскричалъ графъ, отдергивая занавѣску, закрывавшую портретъ,—передъ этимъ портретомъ я поклялся отмстить ей за смерть моего друга. Не бойтесь никакого насилія,—прибавилъ онъ, видя, что графиня задрожала при этихъ словахъ,—о нѣтъ, мнѣ мало такой мести,—одна минута страданій!.. Нѣтъ, вы будете медленно и постепенно гибнуть, какъ погибалъ мой несчастный Артуръ и для того, чтобы безъ всякой помѣхи привести эту месть въ исполненіе, только для того, я женился на васъ. Вы не выйдете изъ этого замка. Какъ долго будетъ продолжаться ваше пребываніе здѣсь, я не знаю,—будь это нѣсколько десятковъ лѣтъ, моя месть не утомится. Чѣмъ дольше вы будете страдать, тѣмъ больше будетъ отомщенъ мой другъ».

Эдина, безъ сознанія, въ глубокомъ обморокѣ упала въ кресло...

Пять лѣтъ прошло со дня свадьбы. По аллеямъ парка медленно двигалась женщина въ черномъ, тяжело опираясь на руку Доры, ко-

торая шла подлѣ нея съ тѣмъ же неизмѣнно равнодушнымъ лицомъ. Кто бы въ этой измозженной, согбенной фигурѣ, узналъ красивую, гордую, блестящую Эдину? Всѣ эти годы жила она день за днемъ, теряя силы и мужество, въ тупомъ равнодушіи, полупомѣшанная, истощенная физически. Первое время, конечно, она пробовала возмущаться; она дѣлала все возможное, писала письма, разсылала телеграммы, добиваясь свободы. Но всѣ ея попытки разбивались о бдительность графа и неподкупность его людей. Такъ какъ съ самаго начала не было поѣздокъ по сосѣдямъ, то не могло быть и отвѣтныхъ посѣщеній. Одинокимъ, пріѣзжавшимъ первыми, заявляли, что графиня нездорова, не принимаетъ. Баронесса-мать на свое первое письмо получила отъ графа очень сердечный отвѣтъ, въ которомъ онъ писалъ, что Эдина извиняется, что не пишетъ сама, что она вполнѣ счастлива, но что у нея столько дѣла, какъ хозяйки дома, положительно нѣтъ времени на переписку. Но когда съ теченіемъ времени баронесса стала нѣсколько удивляться безконечному молчанію Эдины и выразила желаніе пріѣхать въ замокъ, графъ предоставилъ ей на выборъ или отложить поѣздку, или отказаться отъ получаемой ею значительной пенсіи, которую онъ ей выдавалъ и которая давала ей возможность поддерживать роскошный образъ жизни въ столицѣ. Несомнѣнно что она предпочла сохранить пенсію.

Для жизнерадостной и привыкшей къ удовольствіямъ Эдины, такое существованіе было мучительно. Дни проходили въ невозможномъ однообразіи. Она не видѣла ничего кромѣ своихъ комнатъ и сада, обведеннаго высокими каменными заборомъ. Камердинеръ графа и Дора были всегда безукоризненно вѣжливы. Они встрѣчали графиню низкими поклонами и на все отвѣчали неизмѣнное: «Приказанія госпожи графини будутъ исполнены!» Но приказанія не исполнялись. Графа, послѣ того разговора, она больше не видала. Она просила книгъ, ей давались серьезныя религіозныя сочиненія а привычнаго, легкаго матеріала для чтенія, она, не смотря ни на какія требованія, не получала, кромѣ того у нея отняли все, что необходимо для письма. Музыки она не любила и въ припадкѣ гнѣвнаго бѣшенства сломала дорогой рояль, который графъ велѣлъ къ ней поставить,—и чья не починяли.

Сначала она надѣялась что графъ утомится или смягчится и пожалѣетъ ее. Но когда мало-по-малу эта надежда стала исчезать, припадки бѣшенства начали смѣняться припадками буйнаго отчаянія; наконецъ, наступило состояніе глубокой подавленности и тупой задумчивости, и наконецъ послѣ мучительныхъ страданій, потухла все слабѣе и слабѣе мерцавшая искра жизни.

Въ одно сырое, осеннее утро графъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, когда камердинеръ доложилъ ему:

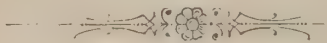
— Госпожа графиня изволила сегодня въ четыре часа утра скончаться.

Графъ Рихардъ всталъ, подошелъ къ портрету и отдернувъ занавѣску; мрачно сказалъ:

— Ты отомщенъ, Артуръ.—И затѣмъ обратившись къ старому лакею, прибавилъ:—распорядись, чтобы похороны были какъ можно роскошнѣе и великолѣпнѣе, и уложи мои вещи, я поѣду путешествовать.

Въ столицѣ, въ обществѣ долго говорили о примѣрной и глубокой любви, выказанной графомъ Рихардомъ фонъ и цу Гейдингсбургъ.

Нѣсколько лѣтъ сряду онъ провелъ въ полномъ одиночествѣ, ухаживая за больной и нѣсколько помѣшавшейся супругой. Потеря ея отрезилась на немъ такъ тяжело, что послѣ ея смерти онъ принялъ участіе въ далекой африканской экспедиціи, во время которой скоро умеръ отъ болотной лихорадки. Его владѣнія перешли въ боковую линію.

мому себѣ, съ трудомъ вѣрившій злу и легко восхищавшійся красотой и добротой. Въ Квебекѣ, гдѣ онъ провелъ два года, онъ оставилъ только друзей, и только законное и легко понятное честолюбіе заставило его принять постъ консула въ Чикаго, гдѣ онъ вовсе не надѣялся найти пріятное общество и друзей. Понятна его радость, когда въ домѣ Гаррисовъ онъ нашелъ уголокъ Франціи, гдѣ могъ говорить на родномъ языкѣ съ такой достойной и превосходной женщиной, какъ госпожа Гаррисъ, и съ такой прелестной дѣвушкой,

ими натурами существовала какая-то таинственная связь, благодаря которой, при первомъ свиданіи, при первомъ пожатіи рукъ, встрѣчѣ взглядовъ, ихъ невольно потянуло другъ къ другу, прежде чѣмъ они могли дать себѣ отчетъ въ зарождавшемся чувствѣ. Когда черезъ два дня, согласно уговору, онъ явился къ Гаррисамъ, чтобы принять участіе въ предполагаемой прогулкѣ, миссъ Джэзъ вышла къ нему на встрѣчу и, лаская его лошадь, спокойно, какъ давнишнему другу, протянула ему руку. Но въ этомъ

Святое мѣсто. Съ картины художника Н. Оболенскаго.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

VII. Марсель и Джэзъ.

ХОТЯ Марсель Рено происходилъ изъ старинной судейской семьи, но отецъ направилъ его по дипломатической дорогѣ. Получивъ послѣ смерти отца порядочное состояніе и пезантинское имя, Марсель поступилъ въ консульство, хотя это званіе заставляло его жить въ разлукѣ съ нѣжно любимой матерью. Ему было меньше тридцати лѣтъ, когда его назначили консуломъ въ Чикаго. Молодой человѣкъ не былъ ни мизантропомъ, ни пуританиномъ, ни мудрецомъ. Мать дала ему полную свободу и Марсель пользовался удовольствіями Парижа и Лондона, не повредивъ ни своей репутаціи, ни своему кошельку, ни своему здоровью. Это былъ порядочный человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова, — открытый, честный, мужественный, снисходительный къ другимъ, строгій къ са-

какъ ея дочь, къ которой его неотразимо тянуло, не только потому, что она была очень хороша, но еще потому, что она напоминала ему далекую родину.

Прелестная, скромная, развитая, умная и образованная дѣвушка сознавала, что она хороша собою, и что многіе изъ ея поклонниковъ имѣли въ виду ее лично, а не ея миліоны. Но ей еще никто не нравился, ко всѣмъ этимъ молодымъ людямъ она относилась настолько равнодушно, что даже не могла бы сказать, какой цвѣтъ волосъ у того или другого, хороши ли глаза у третьяго, а тѣмъ болѣе назвать кого нибудь изъ нихъ по имени, а не по фамиліи только. Между тѣмъ, ей оказалось достаточно провести полчаса въ обществѣ Рено, чтобы замѣтить, на сколько онъ отличается отъ остальныхъ молодыхъ людей и запомнить его собственное имя — Марсель. Вспоминимъ, что такое же впечатлѣніе молодая дѣвушка произвела на Рено и что онъ тоже быстро запомнилъ ея имя — Джэзъ. Между этими двумя прямыми, глубоко чест-

взаимномъ пожатіи было что-то такое, что заставило молодую американку, не отнимая руки, опустить глаза подъ жгучими взорами Марселя. Однимъ этимъ пожатіемъ они сказали другъ-другу больше, чѣмъ осмѣлились бы сказать словами. Затѣмъ Марсель раскланялся съ миссъ Гаррисъ, которая смотрѣла въ окно, поздоровался съ Мари-Бренъ, уже сидѣвшей на лошади, и Торлеромъ, удостоившимъ довольно ласково отвѣтить на привѣтствіе. Онъ, должно быть, успѣлъ за двѣ ночи забыть свои ревнивые опасенія. Нѣсколько минутъ спустя небольшая кавалькада ѣхала шагомъ по авеню Мичиганъ, пока не достигла вашингтонскаго парка, гдѣ миссъ Джэзъ пустила свою лошадь въ галопъ, ея спутники послѣдовали ея примѣру. Проѣхавъ паркъ Джэксона, они повернули въ аллею, которая вела къ рѣкѣ. Почти на деревьяхъ на столько уже распустились, что листья ярко зеленѣли, небо было чисто, и не смотря на свѣжесть воздуха чувствовалась весна. Земля покрылась травой, въ которой свер-

кали фіалки и примулы, птицы распѣвали во все горло, привѣтствуя гуляющихъ, которыхъ было очень много, и пѣшкомъ, и верхомъ, и въ экипажахъ. Марсель ѣхалъ по правую сторону Джэнь; съ лѣвой стороны ея держались дѣвица Бренъ и Самъ, который, какъ знатокъ, не могъ не любоваться прелестною лошадию консула и его искусствомъ ѣздока.

Рено, въ свою очередь, открывалъ въ миссъ Гаррисъ все новыя качества, новыя прелести. Ея сѣрая амазонка красиво обрисовывала ея бюстъ и формы и выказывала ея изящество; мужская шляпа придавала ея лицу пикантное выраженіе, дѣлавшее ее еще красивѣе. Замѣтно было, что кузень Самъ сдѣлалъ изъ нея первоклассную наѣздницу, такъ ловко управляла она своею горячею лошадию, не переставая разговаривать съ своими друзьями. Они обѣхали такимъ образомъ весь Джэксонъ-паркъ, всѣ четверо рядомъ, но, возвратившись въ вашингтонскій паркъ, миссъ Гаррисъ и Марсель, не говоря ни слова, не переглянувшись даже, но поинстинктивной общности желаній, пустили своихъ лошадей въ галопъ и далеко опередили остальныхъ. М-лле Бренъ, можетъ быть, намѣренно не послѣдовала за ними, а Самъ не могъ оставить ее одну, такъ что молодые люди очень скоро очутились наединѣ. Инстинктивно они сдержали лошадей, и Рено поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы взволнованнымъ голосомъ сказать молодой дѣвушкѣ, какъ онъ счастливъ, что она позволила ему сопровождать себя и спросить ее, повторяются ли эти прогулки ежедневно и можетъ ли онъ въ нихъ участвовать.

— Если погода хорошая, мы катаемся верхомъ почти каждый день въ девять часовъ, кромѣ воскресеній,—спокойно отвѣчала молодая дѣвушка, будто ожидавшая этого вопроса.—

Присылайте утромъ узнать и если мы катаемся, вы всегда найдете насъ въ Мичигэнъ-авеню или въ паркѣ.

— О, благодарю васъ, благодарю!

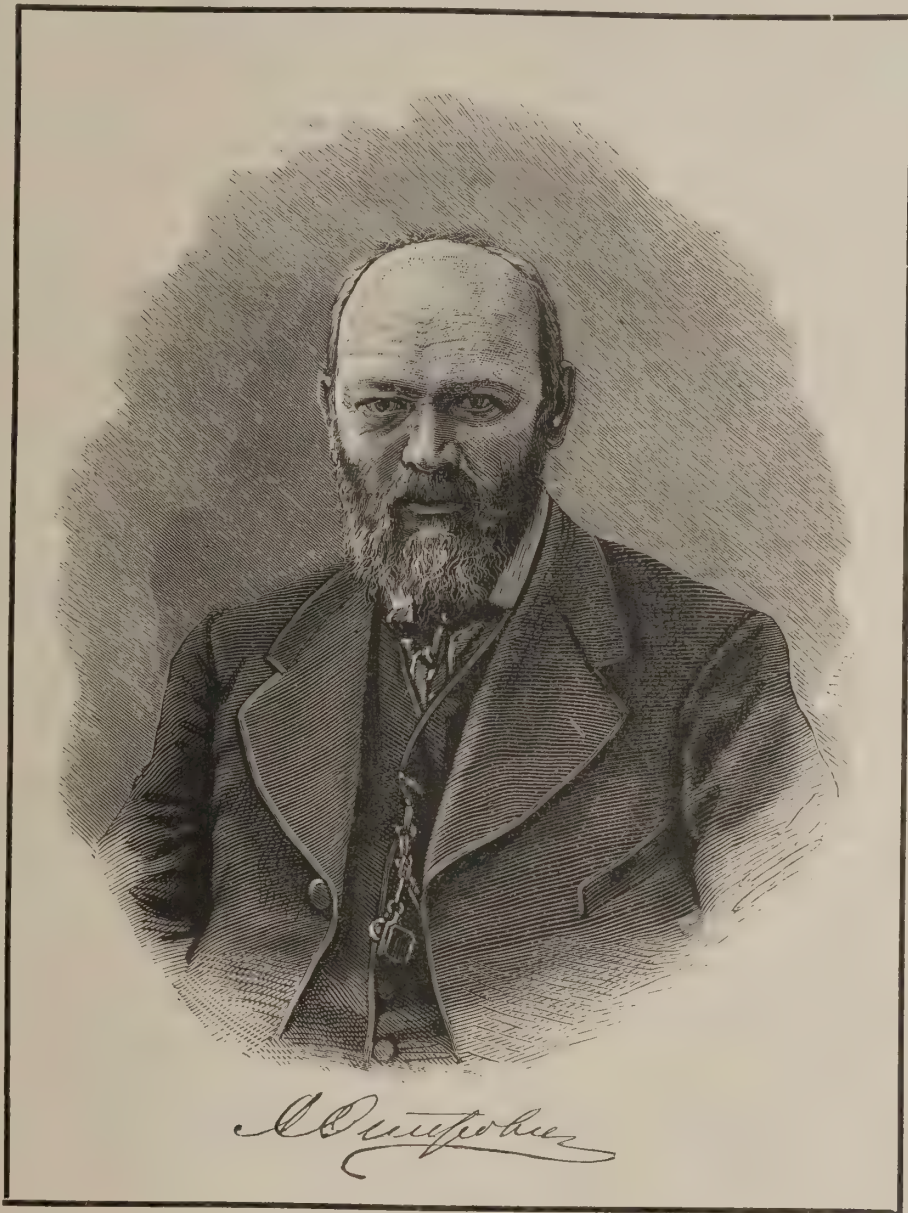
— За что вы благодарите, вы намъ дѣлаете одолженіе и доставляете удовольствіе.

И ловко повернувъ лошадь, молодая дѣвушка поскакала на встрѣчу своей воспитательницѣ и Самми, которые ѣхали мелкою рысью. Полчаса спустя Марсель раскланялся съ своими спутниками у воротъ ихъ дома и задумчиво направился въ свое консульство, гдѣ онъ съ трудомъ могъ заставить себя работать, такъ полны были его умъ и сердце образомъ дочери Джо Гарриса. Не думая о томъ, что если онъ будетъ ее видѣть часто, онъ ее полюбитъ; не думая, куда и къ чему приведетъ его эта любовь, онъ просто подчинялся

вліянію той симпатіи, которая съ перваго же дня образовалась между ними. Съ этого дня Марсель и Джэнь встрѣчались почти каждый день, на гуляньяхъ, въ музеяхъ, въ театрахъ.

Кромѣ того, консулъ рѣдкую недѣлю не обѣдалъ у Гаррисовъ, куда онъ никогда не являлся съ пустыми руками. То это были какія нибудь особенно рѣдкія растенія, то новыя книги, модные журналы, ноты, которыя онъ выписывалъ изъ Парижа, иногда для самого Гарриса и Торнера чудесныя сигары, которыя присылалъ ему пріятель изъ Гаванны

ДЕСЯТИЛѢТІЕ СО ДНЯ КОНЧИНЫ.

и которыхъ богатый промышленникъ не могъ бы добыть ни за какую цѣну.

Въ воскресенье Марсель видалъ молодую дѣвушку въ церкви, гдѣ онъ всегда помѣщался такъ, чтобы не терять ее изъ виду. При выходѣ изъ церкви, она протягивала ему руку, и это пожатіе имѣло въ себѣ что-то болѣе серьезное, чѣмъ ихъ обыкновенное пожатіе рукъ при встрѣчахъ. Кромѣ того, Рено сдѣлался посредникомъ и представителемъ миссъ Гаррисъ въ посѣщеніяхъ бѣдныхъ, которая кромѣ того основала школу для бѣдныхъ дѣтей обоего пола. Рено находилъ бѣдныхъ, помогалъ имъ самъ и затѣмъ приводилъ къ нимъ миссисъ Гаррисъ. Джэнь почти всегда сопровождала свою мать. Такимъ образомъ Марсель скоро приобрѣлъ всеобщую любовь въ домѣ Гарриса, не исключая и Торнера, которой съ увѣренностью заявлялъ громко, что красавецъ - французъ

былъ самый порядочный человѣкъ, какимъ онъ когда-либо знавалъ. Заявленіе довольно комичное въ устахъ добряка Торнера, въ виду того общества, въ которомъ онъ вертѣлся въ старое время,—въ сущности, онъ не умѣлъ бы указать разницы между порядочнымъ и непорядочнымъ человѣкомъ.

Одно только безпокоило иногда длиннаго Сама. Несомнѣнно, что Джэнь очень нравилась этому чужестранцу, да Самъ бы и не простилъ ему, если-бы дѣло стояло иначе. И онъ, вѣроятно, уже сказалъ или скажетъ скоро, что любить ее, а такое признаніе между двумя существами, красивыми, молодыми, такъ подходящими другъ къ другу, должно неминуемо вести къ свадьбѣ. А замужество Джэнь разлучитъ ее съ Самомъ, мужъ ея можетъ получить другое назначеніе, гдѣ нибудь въ Европѣ, или даже въ Китаѣ или Японіи и увезетъ ее съ собою и онъ не увидитъ ее больше. Эта мысль больше всего озабочивала Сама, но размышляя онъ вскричалъ про себя: «Нѣтъ никакого основанія мнѣ въ такомъ случаѣ не видать ея больше! Дороги существуютъ для всѣхъ. Я на столько богатъ, что смѣло могу ничего не дѣлать. Если Джэнь уѣдетъ, я поѣду за ней, они не выгоняютъ меня. Пусть Джо ищетъ другого директора для своихъ фабрикъ. Я буду учить дѣтей Джэнь плавать, ѣздить верхомъ, кататься на конькахъ, какъ училъ этому Джэнь, потому что этотъ лѣнивый толстякъ Джо не сумѣлъ дать ей, по крайней мѣрѣ, дюжину братьевъ и сестеръ». Послѣ такихъ разсужденій про себя Самъ успокоивался, кричалъ громогласное ура и продѣлывалъ нѣсколько самыхъ мудреныхъ па джига.

Самъ оказался пророкомъ, потому что очень скоро, въ одинъ прекрасный день, когда дѣвицы Бренъ и Гаррисъ и г. Рено отправились въ паркъ передъ обѣдомъ, воспитательница усѣлась въ сторонѣ съ книгой, а Марсель и Джэнь гуляли одни. Марсель, вооружившись мужествомъ, сказалъ молодой дѣвушкѣ:

— Два мѣсяца уже я ищу случая высказать вамъ всю мою привязанность.

— И вы нашли его?—спросила Джэнь, поднимая свои ясные, невинные глаза на своего сильно взволнованнаго собесѣдника. Ея сердце сильно колотилось въ груди.

— Боязнъ сдѣлать вамъ непріятное и не сумѣлъ передать моей мысли всегда меня останавливала, я и теперь снова убѣждаюсь, что я никогда не осмѣлюсь... И потому я рѣшилъ обратиться къ достойному васъ посреднику.

— Посреднику?

— Да, прочтите пожалуйста.

И онъ подаль ей распечатанное письмо.

— Письмо? Вы мнѣ пишете?..

Она не рѣшалась взять его.

— О, нѣтъ, не я! Это пишетъ человѣкъ гораздо лучше меня!

Заинтересованная, она прочла адресъ на конвертѣ: «Господину Марселю Рено, французскому консулу въ Чикаго».

— Это письмо адресовано вамъ?

— Да, мнѣ.

— И я должна прочесть его?

— Я умоляю васъ объ этомъ.

— Хорошо! Я прочту его.

Джэнь вынула письмо и стала его читать. При первыхъ строкахъ, написанныхъ чрезвычайно изящнымъ почеркомъ, Джэнь вздрогнула и поблѣднѣла, но дочитала письмо до конца, между тѣмъ какъ Марсель не спускалъ съ нея глазъ. Когда она кончила, на глазахъ ея выступили слезы, но губы улыбались.

— Вы превосходный сынъ и самый деликатный изъ людей. Эти строки очень краснорѣчивы. Я прочла то, что можетъ быть отказалась бы выслушать. Благодарю васъ! Да, вы нашли посредника достойнаго насъ обоимъ. Чѣмъ это кончится—я не знаю, я завишу отъ отца и матери, которые одни могутъ располагать моею судьбой; но оба они уважаютъ васъ и любятъ! Что до меня...

— Да, вы, миссъ Джэнь, вы?..

— Отвѣчайте святой женщинѣ, написавшей вамъ это письмо, которое я сохранила какъ драгоценность, что прочитавъ его, я положила свои обѣ руки въ вашу, моля Бога чтобы ничто насъ не раздѣлило, и что я протянула вамъ любовь... для ея поцѣлуя!

— Миссъ Джэнь! Джэнь!

Захвативъ обѣ руки дѣвушки, Марсель, вѣя себя отъ радости, поцѣловалъ любовь, который ему протягивали. Поцѣлуй, можетъ быть, былъ нѣсколько длиненъ, но вѣдь онъ цѣловалъ за двоихъ. Въ эту самую минуту послышался колоколь, призывавшій къ обѣду, и вывелъ молодыхъ людей изъ нѣсколько стѣсненнаго положенія, въ которомъ они находились.

Миссъ Гаррисъ тихонько высвободила свои руки и убѣжала. Встрѣтивъ госпожу Бренъ, которая при звукѣ колокола сложила свою книгу, Джэнь бросилась ей на шею и сказала:

— Если бы вы знали, Мари!..

— Знаю или, лучше сказать, угадываю, — отвѣчала молодая женщина, ласково улыбаясь и крѣпко обнимая свою воспитанницу... — Онъ говорилъ?..

— Нѣтъ, — отвѣчала Джэнь, краснѣя, — онъ дѣлалъ мнѣ письмо прочесть.

— Какъ! Онъ до такой степени застѣнчивъ, что не смѣетъ говорить?

— Письмо не отъ него! Вотъ прочтите.

И вынувъ спрятанное ею за корсажъ письмо, она подала его Мари, которая прочла его громко, пока онѣ шли къ дому:

«Дорогой сынъ мой.

«Ты пишешь, что въ Чикаго, въ весьма почтенной семьѣ, гдѣ ты дружески принятъ, ты встрѣтилъ молодую дѣвушку, французженку по предкамъ ея матери, родившейся въ Канадѣ, и дочери этого превосходнаго человѣка Жака Бессона изъ Квебека, который можетъ быть, приходится намъ какимъ нибудь родственникомъ. Ты прибавляешь, что госпожа Гаррисъ отличается добротой и изяществомъ, — что она на меня похожа, — льстецъ! — и что ея дочь, миссъ Джэнь, не только воспитательно хороша, но превосходно воспитана, образована, католичка, прелестна, однимъ словомъ одарена всѣми физическими совершенствами и всѣми нравственными качествами и что ты ее любишь. Но что до сихъ поръ не осмѣлился ей въ этомъ признаться, потому что уваженіе останавливаетъ слова на твоихъ губахъ и еще потому, что прежде чѣмъ идти дальше, ты желалъ бы заручиться моимъ согласіемъ на случай, если твое предложеніе будетъ принято миссъ Гаррисъ и ея родителями.

«На все это, мой любимый Марсель, я могу отвѣчать только одно: — я слѣпо вѣрю въ твою разсудительность. Если ты любишь эту прелестную американку, значить она заслуживаетъ твою любовь; я молю у Бога только твоего счастья и потому никогда не подумаю противиться твоимъ желаніемъ, не оправдывая выбора, въ которомъ участвуетъ твое сердце. Почему ты не прислалъ мнѣ портрета этой восхитительной миссъ Джэнь, похищающей тебя у твоей старой матери, которую ты все же будешь нѣсколько любить, не правда ли? Не забудь выслать его при слѣдующемъ письмѣ. Когда ты поцѣлуешь первый разъ свою невесту, пусть и моя доля будетъ въ этотъ поцѣлуй, я буду всегда любить и благословлять ту, которая дастъ тебѣ счастье.

«Твоя вѣжно любящая тебя мать цѣлуетъ тебя».

«Луиза Рено».

— О, какая чудная женщина и какой хорошей человѣкъ ея сынъ! — вскричала глобоко взволнованная миссъ Бренъ, прочитавъ письмо. — Ну?

Она ласково и съ любовью смотрѣла на свою воспитанницу.

— Я опустила свои руки въ его и протянула ему любовь для поцѣлуя, — спокойно отвѣтила Джэнь.

— Милочка, какъ ты хорошо сдѣлала!

Она въ свою очередь вѣжно ее поцѣловала и обѣ онѣ подъ руку отправились въ столовую, гдѣ Гаррисъ, его жена и Торнеръ сидѣли уже за столомъ.

— Вы что-же это такъ опоздали? А гдѣ нашъ дорогой консулъ? Онъ развѣ не съ вами? Что это? Ужъ не поссорились ли вы? Смотрите, я этого не позволю. Онъ очень милъ, этотъ французъ, и мы его очень любимъ, не такъ-ли, Фанни? Самъ?

Джэнь и Мари чуть не вскричали:

— А мы обѣ?

Въ эту минуту вошелъ Рено, пожалъ руку хозяину дома и Торнеру и, поцѣловавъ руку госпожѣ Гаррисъ, сѣлъ на свое обычное мѣсто, по ея правую сторону.

За обѣдомъ, однако, только одинъ Джо былъ веселъ. Дѣвица Бренъ и ея воспитанница разговаривали въ полголоса: консулъ былъ задумчивъ. Гаррисъ потерялъ, наконецъ терпѣніе, — онъ очень любуясь веселую болтовню за обѣдомъ — и, обведя глазами присутствующихъ, замѣтилъ:

— Что случилось съ вами? Вы молчите? Сіу что-ли грозятъ намъ? Если Самъ молчитъ, это неудивительно, но что съ тобой, дѣвочка? Съ вами, мадемуазель Мари? Съ вами, мой молодой другъ?

Добродушный фабрикантъ консервовъ не догадывался, что молчаливость его собесѣдниковъ происходила отъ того, что сердца ихъ были переполнены, но за то миссъ Гаррисъ догадывалась и попеременно взглядывала то на Джэнь, то на Марселя, которые краснѣли, то на дѣвицу Бренъ, которая успокоительно улыбалась.

— Они, должно быть, такъ много говорили въ паркѣ, что у нихъ ничего не осталось раз-

сказать намъ, — весело сказала миссъ Гаррисъ.

— О, мамочка! — вскричала Джэнь.

— О, миссъ Гаррисъ, — протестовала Рено.

Онъ чувствовалъ снисходительность этой превосходной женщины, которая, несомнѣнно, давно уже все предвидѣла, и упрекалъ себя, что не ей довѣрился. Какъ госпожа Гаррисъ, такъ и Самъ давно все видѣли и съ перваго дня замѣтили зародившееся расположеніе молодыхъ людей. Госпожа Гаррисъ предоставила все своему теченію, вполне довѣряя дѣвицѣ Бренъ. Притомъ она знала, что Рено былъ хорошей человѣкъ, который не воспользуется во зло оказаннымъ ему гостепріимствомъ. За него говорило еще его происхожденіе, и если Джэнь выйдетъ за него замужъ, она будетъ принадлежать своему первобытному отечеству. Теперь она догадалась, что Марсель и ея дочь, должно быть, сознались другъ-другу въ своей любви. Ей, впрочемъ, не пришлось спрашивать, потому что, едва послѣ обѣда мужчины ушли курить, Джэнь и Мари прошли съ госпожею Гаррисъ въ гостиную, гдѣ Джэнь усѣлась на подушку у ея ногъ и сказала таинственно:

— Мамочка, я хочу сказать тебѣ большой секретъ.

— Я на половину уже знаю твой великій секретъ, — отвѣчала госпожа Гаррисъ, лаская свою дочку.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Ты очень нравишься господину Рено.

— О! очень! — скромно протестовала Джэнь, — немножко...

— Да, очень, и онъ признался тебѣ въ своихъ чувствахъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ.

— Какъ же ты узнала? Значить онъ написалъ тебѣ?

— И этого нѣтъ! Онъ просилъ написать мнѣ.

— Просилъ написать? Поручилъ секретарю консульства, дипломатическимъ способомъ?

— Злая, смѣется надо мной! Своей матери!

— Своей матери? Я ничего не понимаю.

— Прочти, и она подала госпожѣ Гаррисъ распечатанное письмо.

Прочитавъ, та отдала его своей дочери и, крѣпко поцѣловавъ ее, сказала:

— Господинъ Рено одновременно дипломатъ и трусъ! Онъ боялся тебя и обратился къ посреднику или, лучше сказать, весьма краснорѣчивой посредницѣ.

— Такъ какъ-же, мамочка?

— Развѣ я могу иначе думать, чѣмъ госпожа Рено? Если, по словамъ ея сына, я на нее похожа, наши желанія тоже должны быть сходны! Завтра, а можетъ быть, еще сегодня вечеромъ я поговорю съ твоимъ отцомъ. Онъ будетъ пораженъ, онъ ничего не подозреваетъ.

— Онъ такъ занятъ! Ты прочтешь ему письмо?

— Зачѣмъ? Мнѣ не нужно посредниковъ.

— А кузену Саму?

— Еще менѣе.

— Мнѣ кажется, что онъ что-то подозреваетъ.

— Значить, вы плохо скрывались! Мнѣ онъ ничего не говорилъ. И вы тоже, дорогая Мари! Я вижу, это былъ цѣлый заговоръ.

— Къ стыду моей догадливости сознаюсь, что не подозрѣвала, чтобы вещи зашли такъ далеко.

— Правда, когда я изъ этого письма узнала, что господинъ Рено меня... меня...

— Любить? Говори-же! — вскричала госпожа Гаррисъ, смѣясь.

— Да... что господинъ Рено меня... Я была очень удивлена.

— Удивлена? Ты преувеличиваешь. Но ты не была недовольна?

— Сознаться.

— Тсс! Они идутъ,—сказала Мари.

Джонъ вскочила,—подбѣжала къ ролю и такъ бойко заиграла галопъ изъ «Орфея въ аду», что Самъ подхватилъ Мари Бренъ и завертѣлся съ нею по комнатѣ. Вечеръ прошелъ очень оживленно и въ одиннадцать часовъ Рено распрощался съ хозяевами. Миссъ Джонъ съ своею воспитательницей ушла тоже. Когда Гаррисъ собрался уходить къ себѣ, жена удержала его и усадила подлѣ себя на диванѣ.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобой,—сказала она.

— Къ твоимъ услугамъ, дорогая моя,—отвѣчалъ Гаррисъ, садясь, между тѣмъ, какъ Торперъ ушелъ,—въ чемъ дѣло?

— Въ твоей дочери.

— Надѣюсь, ничего худого?

— Напротивъ.

— Тѣмъ лучше! А то ты испугала меня.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

А. Н. Островскій.

Знаменитый нашъ драматургъ Александръ Николаевичъ Островскій умеръ 10 лѣтъ тому назадъ, 3-го іюня 1886 года къ величайшему горю русской сцены, потерявшей въ авторѣ «Грозы» величайшаго изобразителя темной среды русскаго общества. А. Н. Островскій родился въ Москвѣ 31 марта 1823 года. Бѣдная дворянская семья не могла даже старшему сыну Александру Николаевичу дать сначала иного воспитанія, чѣмъ домашнее. Но потомъ А. Н. удалось поступить въ московскую гимназію; хотя по оканчаніи

ей онъ и поступилъ въ университетъ, но не кончилъ его по случаю столкновенья съ однимъ профессоромъ. Поступивъ въ московскій коммерческій судъ, А. Н. по-прежнему началъ изучать темную и оригинальную среду Замоскворѣчья. Вскорѣ голосъ могучаго таланта заговорилъ въ А. Н.: въ журналахъ появились сперва безлестригическіе очерки, а затѣмъ появилась въ «Москвитинѣ» его комедія «Свои люди—сочтемся». Сразу эта первая вещь доставила молодому автору извѣстность. Послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ комедій, рисующихъ бытъ купечества и мѣщанства. Упомянемъ комедію «Доходное мѣсто», «Тяжелые дни»... Затѣмъ А. Н. принялся за историческія хроники, написанныя имъ прекраснымъ стихомъ; кто не знаетъ чудную, не сходящую со сцены пьесу—«Василиса Мелентьева»... Изъ послѣднихъ комедій упомянемъ «Безприданницу», «Сердце не камень». Сколько знаменатостей прославились въ «Грозы», въ «Лѣсъ»—это знаетъ вся Россія... А. Н. близъ въ послѣднее время началъ писать репертуаровъ Императорскихъ московскихъ театровъ. Ясный взглядъ Островскаго на искусство доставилъ ему любовь и уваженіе всѣхъ близкихъ къ театру лицъ. Почтимо-же достойно воспоминаніе высокоталантливаго драматурга!..

Неудавшійся экзаменъ. Съ картины художника Г. Штрозе.

Семейная драма, разыгрывающаяся въ небольшой комнатѣ небогатаго семейства, благодаря таланту извѣстнаго художника Маргиты, вполне ясна зрителю. Этотъ молодой человекъ, видимо, любимецъ домашнихъ, только что вернулся съ какого-нибудь важнаго экзамена или конкурса, гдѣ набѣлся навѣрняка одержать побѣду. Но увы!—ему не повезло и все кончилось полнѣйшей неудачей. А дома-то ему уже приготовили поздравленія, цвѣты... Тяжелое разочарованіе видно на лицахъ всѣхъ и слова утѣшенія звучатъ несмѣло и глупо. Праздникъ не удался!

Законченный дуэтъ. Съ картины профессора А. Д. Кившенко.

Музыка романса незамѣтно перешла для этой молодой парочки въ музыку любви. Недолго ждали: скоро жаркій поцѣлуй прозвучитъ въ ароматномъ воздухѣ красиво убранной гостиной. Замошчала пѣвучая скрипка, затѣло мелодичное пѣніе; теперь говорятъ взгляды юныхъ очей. Блгованная собачка, согнанная съ ковра передвинутымъ табуретомъ, недо-вольно глядитъ на любезничающую парочку. Строгая

надзирательница, заслышавъ, что дуэтъ кончился, сѣсть, по своей старушечьей подозрительности, изъ сосѣдней комнаты. Бѣда, если она застанетъ влюбленныхъ въ пылу нѣжнаго объясненія!..

Святое мѣсто. Съ картины художника Н. Оболенскаго.

Въ глубинѣ Россіи, на тихихъ озерахъ и рѣчкахъ, сплошь да рядомъ нпадаютъ такіа поэтическія, милыя мѣстечки, осященные благочестивымъ преданіемъ или дорогой памятью. Старый монастырь, столѣтняя церковь—все это придаетъ еще болѣе прелести такимъ укромнымъ уголкамъ, какой представленъ живо и правдиво на рисункѣ Оболенскаго.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

НОВОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА

Выдастъ въ годъ 12 большихъ книгъ въ форматъ и объемъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Въ составъ книгъ «Домашней Библиотеки» входятъ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И СТИХОТВОРЕНІЯ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Книги выходятъ ежемѣсячно между 1—10 числами. Каждая книга состоитъ отъ 20—30 лист., что дастъ въ годъ до 5,000 страницъ интереснаго чтенія.

Во теченіе 1886 года будутъ напечатаны новыя литературныя произведенія слѣдующихъ лицъ:

МИХАЙЛОВА, А. (А. Шеллера). ЯСИНСКАГО, І. І. (Максима Бѣлинскаго). — ПОЛЕВОГО, П. — МОРДОВЦЕВА, Д. Л. — ТИХОНОВА, В. — БАЖИНА, Н. Ф. — КАРАЗИНА, Н. Н. — ЧЕХОВА, Ал. П. — РЫШКОВА, В. А. — СТАНИЦКАГО, — САФОНОВА, С. А. — МЕРЕЖКОВСКАГО, Д. С. — АЛЕКСАНДРОВА, А. А. — ЯКОВЛЕВА, З. Ю. — БУДИЩЕВА, ЛЕМАНА, А. И. — МАКСИМОВА, А. и др.

Первая и вторая книги за 1886 годъ печатаются **ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

(съ доставкой):
4 р. НА ГОДЪ (за 12 книгъ) 4 р.
4 р. НА ПОЛГОДА (за 6 книгъ) 2 р. 50 к.

Контора: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40 (гдѣ «Живописное Обозрѣніе»)

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскаго дѣла Генрихъ Блокъ.
—1. Спб., Невскій, 59. № 2261.

Гдѣ колторъ журнала «Живоп. Обозр.» (Спб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ ГОЛЛЕНДЦА,
цвѣтовъ: чернаго, каштановаго и темнорусскаго. Легкій способъ и прочности окраски. Цѣна коробокъ 1 руб. 50 коп. съ пересылкою 2 руб. 25 коп. —1
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
Спб., Демидовъ переулокъ, дома № 1
І. ГОЛЛЕНДЦЪ.

Большое депо часовъ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
Невскій пр. № 42.
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейс-Кур. Высыл. безпл.

Для гг. велосипедистовъ фуражки „Луфа“ вновь получены въ громадномъ выборѣ. Главныя достоинства ихъ: вентиляція испареній головы и надежнѣйшій вѣсъ и. 2 р.
Э. КИНКМАНЪ и К^о.
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ 4
Иногороднымъ наложен. платежемъ.

№ 2305—1
ВЫИГРЫШ
ныне 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, НЕВСКІЙ, СПБ.

ОБШИРНѢЙШІЙ ВЪ РОССИИ
СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
— ДО 1000 ШТ. ВЪ НАЛИЧНОСТИ —
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
М. Блокъ
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ и др.
Каталоги безплатно.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
ВСЯКАГО РОДА И ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА РЕКОМЕНД. ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петровка, домъ Волнова.
НИЖЕГ. ЯРМ Главн. домъ № 6.
ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ.

4711

Лучшій цвѣточный О-де-колонъ. № 4711

„РЕЙНСКІЕ“ „БУКЕТЫ“

ПРЕВОСХ. ИДЕШЕВ.ДУХИ

ПРОДОЛЖИТЬ ДЛЯ ПЛАТКОВЪ

Всѣхъ цвѣточныхъ и модныхъ запаховъ

ПРОДАЮТ. ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ И ПАРФЮМЕР. МАГАЗИНАХЪ.

4711

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№ 27—18 УЛИЦА УЛИЦА

СРОКЪ ВТОРОГО и ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА.

Главная контора журнала „Живописное Обозрѣніе“ доводитъ до свѣдѣнія Гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ РАЗСРОЧКОЮ, что СРОКЪ ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА для ТРЕТНИХЪ и ВТОРОГО ВЗНОСА для ПОЛУГОДОВЫХЪ ИСТЕКАЕТЪ ВЪ ІЮНѢ МѢСЯЦѢ, а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорѣйше проситъ поспѣшить высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своевременно слѣдующаго взноса, дальнѣйшая высылка журнала СЪ ПЕРВАГО ІЮЛЯ БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.

Н О С И Т Е

КАКЪ ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ДЛЯ
ПРЕДОХРАНЕНІЯ ОТЪ ПРОСТУДЫ ВЪ ЛѢТНЕЕ ВРЕМЯ
СѢТЧАТЫЯ ФУФАЙКИ.

	САМ. МАЛ.	МАЛЫЕ	СРЕДН.	БОЛЬШ.	САМ. БОЛЬШ.
Бумажныя:	— р. 85 к.	1 р. — к.	1 р. 10 к.	1 р. 25 к.	1 р. 35 к.
Фульденосовыя:	1 „ 85 „	1 „ 50 „	1 „ 65 „	1 „ 75 „	2 „ — „
Шерстяныя:	1 „ 75 „	2 „ — „	2 „ 25 „	2 „ 50 „	2 „ 75 „
Шелковыя:	3 „ — „	3 „ 50 „	4 „ — „	4 „ 50 „	5 „ — „

Системы Метцъ всѣхъ величинъ бумажныя 2 руб. и 2 руб. 25 коп.
„ „ „ „ шелковыя 3 р. 50 к. 5 р. и 5 р. 50 к.

За исключеніемъ шелковыхъ менте 3-хъ не высылается

МАГАЗИНЪ Ю. ГОТЛИБЪ.

СПБургъ Владимірская, д. 2—49, уголъ Невского проспекта.

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ

рояли и пѣнино америк. констр. со всѣми новѣйш. усоверш.,
перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ,
двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самое луч.
двойн. репетицію, пріятн. и сильн. тона.
Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и др.
Піанино „ „ „ 350 375, 425, 450, 500, 550, 600 и др.
Армоніопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія
на нѣсколько лѣтъ № 242

ФИСТАРМОНІИ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ

**ШИДМАЙЕРА,
КАРПЕНТЕРА**

и другихъ лучшихъ фабрикъ:
въ 85, 100, 110, 130, 135, 150,
160, 180, 197, 200, 225, 240,
250, 300, 325, 350, 400, 450,
500, 550, 750, 800 и 1,000 руб.

Школа-самоучитель—Нахъ 2 р.
Иллюстрированный прейсъ-куррантъ
БЕЗПЛАТНО. -24

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40. — Москва. Кузнецкій м., д. Захарьина.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга
«ГЕРОИ ТЕМНАГО МІРА».
Романъ изъ жизни черноморскихъ вояцъ
Владимірова. Цена 1 рубль.

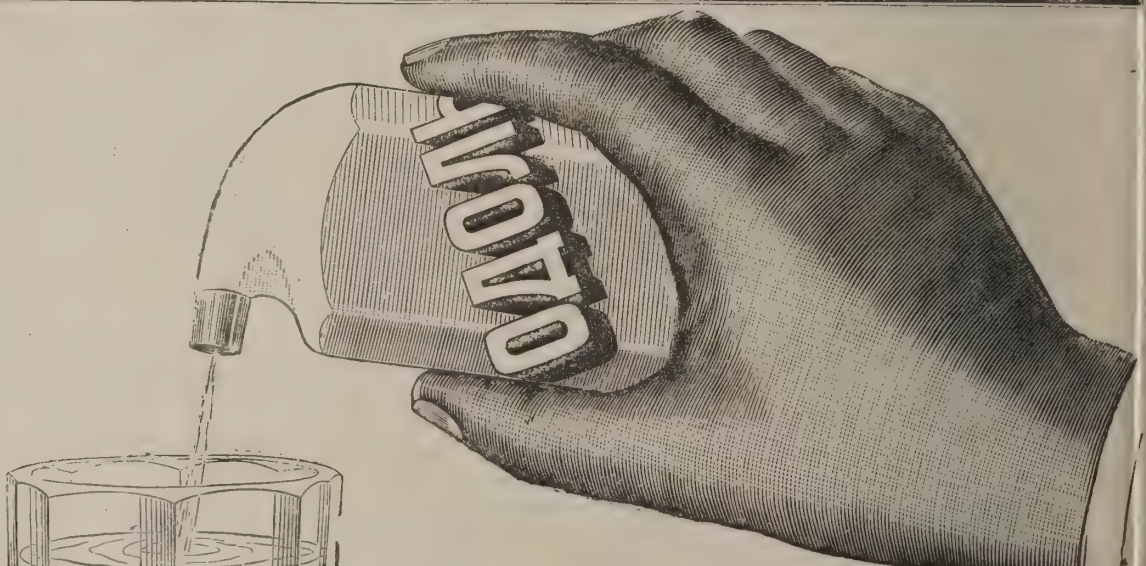
Каждая хозяйка, хоть разъ испробовавшая
„Какао Бенсдорпъ“
убѣдится на опытѣ въ его хорошихъ
качествахъ. — 6

Какао Бенсдорпъ
здоровый, питательный, дешевый и
экономическій напитокъ для дѣтей,
кормилицъ, слабыхъ, больныхъ и
выздоравливающихъ и здоровыхъ.

Главное депо часовъ
Эд. Вурхардъ.
Спб., Гороховая ул., у
Краснаго моста, № 17.
2) по Невскому пр.,
№ 6, прот. М. Морской.
Большой выборъ все-
возможныхъ часовъ
лучш. фактуръ по са-
мымъ умѣр. цѣнамъ

Никелевыя...	отъ 6 р.	50 к.	до 15 р.
Стальные (черные)...	10 р.	—	20 „
Серебряныя мужскіе и			
дамскіе	12 „	—	75 „
Золотыя мужскіе	50 „	—	500 „
Золотыя дамскіе	25 „	—	100 „
Регуляторы 2-хъ не-			
дѣльных	7 „	—	65 „
Будильники	4 р.	50 к.	25 „

Гг. Иногороднимъ высылаю наложеннымъ
платежемъ. Прейсъ-куррантъ высылаю
бесплатно. Карманные часы на сумку усы-
ше 10 р. высылаются почтой на счетъ
моего магазина. № 1229-12

лучшее для зубовъ.

Одоль сохраняетъ зубы.
Одоль уничтожаетъ дурной запахъ изо рта.
Одоль предохраняетъ зубы отъ порчи.
Одоль уничтожаетъ дурной вкусъ во рту.
Одоль очищаетъ полости рта отъ слизи.

**ОДОЛЬ ЗАГРАНИЦЕЮ РАСПРОСТРАНЕНЪ ВЪ
МИЛЛІОНАХЪ ФЛАКОНОВЪ.**

Цѣна $\frac{1}{1}$ флакона (оригинальный флаконъ-капельница),
хватящего при нормальномъ употребленіи на нѣсколько
мѣсяцевъ, 1 Р. 50 К. Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ
и парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ.

№ 24 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 9-ю рисунками, а именно: I) два листа текста
II) Обложка за іюнь съ нотами: «Лѣтній сонъ», соч. Г. Нимана, III) «Новѣйшія Парижскія моды», за іюнь, № 6
IV) Листъ выкроекъ и выпиловокъ и V) Раскрашенная картинка «Модные туалеты».

Дозволено цензурою. Спб., 10 іюня 1896 г.

Типографія С. Довродѣва, Ковенскій пер., д. № 14.

СВЯШЕННОЕ КОРОНОВАНИЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Поздравленіе Ихъ Императорскихъ Величествъ Государынею Императрицею Маріею Феодоровною

РИСОВАЛЪ СЪ НАТУРЫ Х
(Право на воспроизведеніе составляетъ исключительное)

Торжественная трапеза Ихъ Императорскихъ

ЖНИКЪ В. В. ПОЛЯКОВЪ.

СОБСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“).

ТВЪ ВЪ ГРАНОВИТОЙ ПАЛАТѢ (14 мая 1896 г.).

Всепресвятейший Христовъишій Великий Государь
ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

Возшесть на Прародительскій Наслѣдственнѣй Престолъ Россійской
ИМПЕРІИ и Нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и
Белыкаго Княжества Финляндскаго, по образъ Благочестивыхъ
Государей Предковъ СВОИХЪ, указать соизволилъ: Священнѣйшему
Коронованію ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и отъ Святаго
Мира помазанію, при помощи Божіешиаго, бытъ сего Маѣ въ 14 день
къ Священному, сему дѣйствию ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
указало приобщить и супругу СВОЮ, Великую Государыню ИМПЕРАТРИЦУ

АЛЕКСАНДРУ ФЕОДОРОВНУ.

О семъ торжествѣ всѣмъ вѣрно подданнымъ чрезъ сіе
возвѣщается, дабы въ вождельный онъ день усугубили
молбы свои къ Царю Царствующихъ, да Всемощною Своею
благодатию приобщатъ Царство ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и да
утвердятъ въ немъ миръ и тишину во славу Свою Божію
и къ непоколебимому благоденствію Государства.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»:
НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. Заграницу на годъ 16 р.
Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургѣ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

«Выгонъ въ поле». Съ картины художника К. Штейфеля.

* *

Кто напоилъ такимъ благоуханьемъ
И окропилъ росою садъ?
И мракъ аллеи озолотилъ сіяньемъ,
Какъ пышно рдѣющій закатъ?

* *

Кто здѣсь разлилъ чарующую прелесть
И надышалъ такимъ тепломъ?
И разбудилъ въ вершинахъ зыбкій шелестъ,
Какъ потревоженнымъ крыломъ?

* *

Кто здѣсь бродилъ подъ мягкой сѣнью кленовъ
И темнолиственныхъ дубовъ,
Не смявъ травы и влажныхъ травъ не тронувъ
Движеньемъ трепетныхъ шаговъ?

Кто въ тишинѣ, какъ призракъ, безтѣлесенъ,
Скользилъ подъ сводами вѣтвей,
Завороживъ безъ ласки и безъ пѣсенъ,
Молчанье дремлющихъ аллей?

* *

И кто, бродя въ прозрачномъ полумракѣ,
Какъ свѣтлодымчатый опалъ,
Ткалъ нѣги сны, и сладостные маки
Въ безмолвьи ночи разсыпалъ?

* *

Кто, какъ не духъ, незримый и чудесный,
Забывшій рая алтари,
Здѣсь надышалъ весною поднебесной,
Гостя до утренней зари?

Леонидъ Афanasьевъ.

НЕ ОТЪ МІРА...

Романъ И. И. Забрѣннева (окончаніе).

—♦—

— Лена... злая! Какъ тебѣ не стыдно подразнивать? Я кашляю... и она тоже!

Алексѣй хочетъ черезъ силу улыбнуться, но улыбка не выходитъ; онъ холодѣетъ отъ ужаса, вслушиваясь, какъ Елена отвѣчаетъ ему съ дивана, прерывая кашлемъ каждое слово:

— Это... пустяки! Легкая простуда! Уже.. проходить. Ты опять... забылъ свой шарфъ... на столѣ? Возьми-же... Сегодня... морозы!

Алексѣй вернулся.

— Леночка, ради Бога, не ходи сегодня на урокъ. Послушайся меня... Шестнадцать градусовъ!..

Елена придерживая грудь рукой, помолчала. Ей было тяжело говорить. Но все-таки выговорила:

— Нельзя, дорогой! Я уже... два раза пропустила.

— Напиши записку. Я снесу. Напиши, что ты совсѣмъ не можешь, что ты больна...

— Нельзя, дорогой! Я взяла денегъ впрокъ!

Алексѣй порывисто схватилъ шарфъ со стола и вышелъ. Елена не видѣла, какая судорога отчаянія искажала его лицо.

Черезъ день она совсѣмъ слегла.

Гдѣ тутъ поправится въ холодной, сырой комнатѣ, безъ должнаго ухода! Нужно спокойствіе, а развѣ можно внушить Петѣ, Колю и Костѣ, что тети «бо-бо», что слѣдуетъ удерживаться отъ излишняго крика, не бороться у самой ея кровати, не стучать другъ передъ другомъ каблучками въ нетерпѣливомъ ожиданіи обѣда... Съ этими взрослыми несчастными мальчиками, ничего не говорящими и почти ничего не понимающими—бессильны и ласки, и угрозы.

Елену упрашивали и Алексѣй, и Евгенія Павловна—позволить увѣдомить стариковъ Zubovыхъ объ ея болѣзни.

— Леночка!—говорилъ Алексѣй, цѣлуя ея руки.—Леночка! дай я схожу къ твоимъ... Невозможно тебѣ здѣсь оставаться!

— Нѣтъ.

— Леночка! Ты поправишься дома, отдохнешь... И мы опять будемъ вмѣстѣ. Клянусь

тебѣ! Да развѣ самъ-то я могу съ тобой долго разстаться?

— Не говори больше объ этомъ! Не смѣй гогорить... Будь ты около меня—и я поправляюсь. Ты увидишь, какъ я быстро поправляюсь. Мнѣ уже лучше. Неужели не замѣчаешь, что я дышу гораздо свободнѣе?

— Голубушка, Елена Григорьевна,—говорила Евгенія Павловна,—это грѣхъ! Вы медленно убиваете себя, оставаясь здѣсь. Хорошо, вы не хотите идти къ своимъ—это дѣло вашей совѣсти, Богъ вамъ судья! Но вѣдь можно достать денегъ отъ нихъ, чтобы хоть здѣсь-то устроить васъ лучше, или въ больницу, что-ли... И не ихъ денегъ, а вашихъ собственныхъ, которыхъ они сколько времени не присылаютъ вамъ. Какъ хотите, я пойду! Вѣдь не камни они, въ самомъ дѣлѣ, а люди! Да, наконецъ, не могутъ они удерживать чужія деньги! Не смѣютъ... Никакого права нѣтъ!..

Елена крѣпко сжала руку Евгеніи Павловны.

— Никогда... Никогда не говорите со мной объ этомъ! Слышите, въ послѣдній разъ!

Елена приподнялась на локтѣ и еще крѣпче сжала руку Евгеніи Павловны. Глаза ея гнѣвно выпухли и погасли. И уже своимъ обыкновеннымъ, мягкимъ и ласковымъ тономъ она продолжала:

— И еще прошу васъ Евгенія Павловна... и тебя, Алеша,—если я даже умирать буду... не зовите *мать*! Заклинаю васъ! Да? Обѣщаете мнѣ? Да?

И вдругъ улыбнулась своей прежней улыбкой—доброй и нѣжной, «улыбкой Лены», какъ опредѣлили когда-то Алексѣй.

— Это я говорю къ тому, что придется мнѣ умирать, рано или поздно... О, не теперь! Теперь я не умру... Ни за что! Я чувствую, какъ мнѣ становится легче! Вы не замѣчаете, но мнѣ несравненно легче... О, я поправляюсь... Нагнитесь пониже, я хочу поцѣловать васъ обоихъ! Вотъ такъ...

И она, дѣйствительно, поправилась.

Но чего стоили—докторъ, лекарства и потерянное время!

Никогда еще такъ круто не приходилось

Алексѣю съ Еленой, какъ сразу по ея выздоровленію. Кажется, ужъ и закладывать было нечего. Мучительное ожиданіе близкаго дня, когда послѣдняя копейка уйдетъ на покупку хлѣба... А дальше что? А вдругъ подвернется такой случай—и выручить? Да, случай можетъ выручить.

Увы, даже молитва не приносила Еленѣ желаемого облегченія. Она разучилась молиться!

— Завтра, завтра это будетъ.

И это «завтра» наступило. Нѣтъ, нѣтъ, можно отсрочить... на одинъ день!

— Евгенія Павловна! Я прошу, въ послѣдній разъ, пятнадцать копѣекъ. Боже-мой, сколько мы должны вамъ! Но это въ послѣдній разъ. На этихъ дняхъ я отдамъ... достану и отдамъ.

И до чего дошло!

Крѣпчаетъ морозъ. Дуетъ порывами вѣтеръ—налетитъ на какую-нибудь крышу, смахнетъ съ нея цѣлую тучу снѣга и разомъ броситъ въ прохожаго. Обледѣнныя снѣгъ рѣжетъ лицо, забирается за воротъ, попадаетъ въ рукава и холодитъ разгоряченное спѣшной ходьбой тѣло. — «А, проклятый!»

Тускло горятъ керосиновые фонари на Пескахъ. Середина улицъ совсѣмъ темная. На тротуарахъ трудно различить лица, если только не падаетъ боковой свѣтъ изъ магазиновъ.

Суббота. Всенощная кончилась. У паперти одной изъ песковскихъ церквей, стоитъ, повидимому, молодая еще женщина. Она въ коротенькой драповой жакеткѣ. Голова заверчена чернымъ вязаннымъ платкомъ. Если встрѣтится кто изъ знакомыхъ—врядъ-ли признаетъ: темно, и даже на глаза падаетъ тѣнь.

Это женщина—Елена. Дочь и вдова миллионеровъ, наконецъ, лично имѣющая двадцать тысячъ—она проситъ милостыню у приходской церкви.

Это она говоритъ проходящей купчихѣ:

— Подайте, ради Христа, ваше боголюбіе!

Купчиха даетъ тридцать копѣекъ.

Тридцать копѣекъ! Раньше набрано сорокъ— стало быть на сегодня довольно.

И у Елены выливаются слова импровизованной благодарности.

— Да писношлетъ вамъ Господь Богъ всякаго счастья и благополучія, и на землѣ и на небѣ... Да потекутъ дни ваши въ тишинѣ, радости и спокойствіи... Да утѣшитесь вы въ вашихъ чадахъ, внукахъ и правнукахъ... Да размножится потомство ваше, какъ песокъ земной и какъ звѣзды на небѣ...

Она вдругъ спохватилась... Что я говорю?

И откуда это у нея взялось? Можетъ быть, воспоминаніе читаннаго напечатало ея попутившемуся сознанию эти слова? Можетъ быть, она уже поддавалась психическому вліянію жалобныхъ причитаній нищенокъ, толкущихся около нея?

Купчихѣ никогда еще не приходилось слышать такой благодарности. Она растрогана и вынимаетъ еще тридцать копѣекъ. Инстинктивно чувствуя, что передъ нею не простая, заурядная нищая, она спрашиваетъ:

— Ты, грамотная, небось? Приютская, милушка?

— Приютская...—Елену чуть слышно.

— Больно складно говоришь, милушка. Приходи-ко съ мной. Мы съ тобой побесѣдуемъ, кофею напьемся. У меня ты никогда безъ рублишка не уйдешь. Я люблю такихъ какъ ты—ласковыхъ. Я тебѣ адресъ дамъ.

Купчиха сказала адресъ и еще разъ переспросила:

— Такъ по рукамъ, придеши? Я во вторникъ, вечеромъ, поджидать буду. Ну-съ, добро оставаться...—попрощалась она, отойдя шаговъ пять.

— Приду, приду!—крикнула Елена.

«Куда ты уходишь, Лена? Ты такъ встревожена, дрожишь?»—вспомнился ей сегодняшний вопросъ Алексѣя.

Да, куда она уходила?

Она крѣпко сжала руку, въ которой были деньги и сквозь шерстяную перчатку почувствовала боль... Стыдъ! Позоръ! Какъ она рѣшилась? И все, что вихремъ кружило ее сегодня—и самая мысль, внезапно явившаяся, и уходъ изъ дому на другой край города, и прошеніе милостыни, и странныя слова, которыми она благодарила купчиху—все это представилось Еленѣ какимъ-то громаднымъ недоразумѣніемъ, пугающимъ ее своею неразрѣшимостью и болѣзненнымъ впечатлѣніемъ. Точно во снѣ...

— Я больна,—громко высказалась Елена, и въ ту-же минуту почувствовала себя больной.

Головная боль, безпокоившая ее цѣлый день, сразу усилилась до нестерпимой остроты.

Было мгновеніе—ей показалось, что она умираетъ...

Она прислонилась къ какому-то подъѣзду, и тутъ только замѣтила, какъ далеко отошла отъ церкви.

— Скорѣе, скорѣе... домой!

Большая пустынная площадь...

— Какъ-же я очутилась здѣсь?.. Ахъ, да! теперь нужно перейти навскось и взять на-лѣво,—быстро сообразила Елена.

Холодный вѣтеръ освѣжилъ пылающее лицо и головная боль утихла, но чувствовался лихорадочный ознобъ и тупая ноющая боль во всемъ тѣлѣ.

— Старая исторія! Опять простудилась!

На площади—адъ. Закрутила мятель. Метели, кажется, нипочемъ сорвать человѣка съ земли и взметнуть его вверхъ, какъ она

взметнула цѣлыя горы снѣгу... Трудно идти впередъ. Ноги давно ужъ промочены. Снѣгъ забился подъ головной платокъ и ледянымъ слоемъ лежитъ на волосахъ.

Слава Богу, вотъ и улица!

— Какъ приду, сейчасъ же раздѣнусь и попрошу Евгенію Павловну вытереть меня всю теплой водкой!

Елена вспомнила, что дома не было водки. Зашла и купила.

Алексѣй и Евгенія Павловна отъ души смѣялись рассказамъ Елены объ ея путешествіи. Только о томъ, какъ она просила милостыню—они никогда не узнали. (Она сказала имъ, что отыскивала на Пескахъ знакомую). Водку незамѣтно выпили...

— Ничего. Я думаю, завтра все пройдетъ и безъ вытираній!

Лихорадки уже не было. Теперь наступила вялость, расслабляющее утомленіе. Уснути—и забыть о сегодняшнемъ днѣ, обо всемъ забыты!

Но сна не было. Были минуты забытья и потомъ—долгіе часы неспящей, отчаянной борьбы ослабѣвающаго организма съ приступами грозной болѣзни.

Дикія, безсмысленныя видѣнія... Отрывки дѣйствительности, искаженной бредомъ... Внезапный крикъ физической боли... И забывшая мечта, высказанная вслухъ...

Алексѣй ушелъ рано утромъ, противъ обыкновенія не поздоровавшись съ Еленой. Было тихо въ ея комнатѣ и онъ подумалъ, что она только что уснула, послѣ безсонной ночи.

Евгенія Павловна, собравшись на урокъ, уже одѣтая подошла къ постели Елены.

— Очень вамъ нездоровится, голубушка?

— Нѣтъ! Ничего... Обыкновенная простуда...

— Если вамъ тяжело, я останусь. Свободно могу сегодня не идти.

— Къ чему? Ступайте, ступайте... Я сейчасъ стану одѣваться.

Дверь за Евгеніей Павловной стукнула. Елена сдѣлала движеніе поднятія, но опять свалилась на подушки и потеряла сознание. Черезъ часъ или два—она очнулась.

Сверкнула удивительно-яркая и четкая мысль:

— Кончено... На этотъ разъ—все кончено!

Но только это одно и сообразила Елена. Память ослабѣла и непобѣдимая вялость смѣнила возбужденіе ночи. Елена уже не могла ни думать, ни говорить. Ее томила сильная жажда, во рту совсѣмъ запеклось...

За стѣной возились мальчишки. Молодая женщина съ трудомъ приподняла руку и стукнула въ стѣну.

Вбѣжали, громко хохоча, Петя и Коля. За ними шелъ Костя, придерживая на головѣ старую шляпу Евгеніи Павловны.

Елена попросила:

— Костя... Принеси стаканъ воды...

— Гы-гы-гы-гы!—закричали Коля и Петя и захлопали въ ладоши. Бѣднымъ идиотамъ почему-то сегодня все казалось смѣшнымъ.

— Тѣ-тѣ!—толкнулъ больную Костя.

Еленѣ тяжело было повернуть голову, и думая, что Костя принесъ воду, она не глядя протянула руку взять стаканъ.

Идиоты вдругъ загоготали и затопали: вмѣсто воды Костя подаль цитру. Онъ понималъ, что у него просили, но онъ желалъ пошутить, такъ-же, какъ онъ пошутить, надѣвъ шляпу Евгеніи Павловны.

Этого мало.

Костя усѣлся на столъ и принялся «играть» на цитрѣ, а его братья, взявшись за

руки, прыгали, выкрикивая что-то непонятное, около кровати Елены.

Но та не слышала и не видѣла ихъ.

Она была теперь въ тифозномъ бреду. Ей чудилось, что къ ней наклонилась Ефросинья Яковлевна, но вдвое больше ростомъ и помолодѣвшая. Въ рукахъ она держала черный лоскутъ, съ вышитымъ серебряными блестками словомъ: «телеграмма». Г-бы Ефросинья Яковлевна были сжаты, но Елена слышала, какъ она скоро, скоро повторяла:

— Вотъ вода, вотъ вода, вотъ вода...

XIV.

— Доложите-же Григорію Павловичу, что я его жду...

— Я не знаю-съ: примутъ-ли... они уѣзжаютъ сейчасъ.

— Идите скорѣй! Или я войду безъ доклада. Скорѣй!

Евгенія Павловна сѣла, съ нетерпѣніемъ поглядывая на «Марію Магдалину» оригиналь Карла Дольчи, висѣвшую въ голубой Zubовской гостинѣ. Но въ сущности она совсѣмъ не замѣтила «Магдалину».

Ея мысли были не здѣсь. Полчаса тому назадъ, вернувшись съ урока, она застала дома ужасное зрѣлище... Елена мечется въ бреду, выкрикивая безсвязныя слова и отбиваясь руками отъ пугающихъ ее видѣній, а Петя, Коля и Костя хохочутъ и прыгаютъ у ея постели—несчастныя дѣти думали, что Елена шутитъ съ ними! Евгенія Павловна бросилась наверхъ, къ женѣ домохозяина, умолила ее посидѣть у больной «минутъ сорокъ», а сама, врядъ-ли сознавая ясно, что дѣлаетъ, тотчасъ-же поѣхала на Васильевскій, къ Zubовымъ.

Какъ она торопилась! И какъ она негодуетъ, что ее заставляютъ дожидаться!...

— Если онъ не выйдетъ сейчасъ—я пойду къ нему!

А Zubовъ удивляется въ кабинетѣ.

— Кто-бы это могъ быть? Фамилія?

— Не сказали-съ. Я имъ говорилъ, что вы уѣзжаете...

— И дѣйствительно, нестати...

«Не Елена-ли?—мелькаетъ у Григорія Павловича,—этотъ лакей новый, не знаетъ ея... да нѣтъ, не можетъ быть!»

— Бѣдно одѣта?

— Да, я докладывалъ вамъ: не важно-съ. Но очень настойчивы.

— Иди. Я выйду.

Портьера шевельнулась.

— «Да, совершенно незнакома!»

Евгенія Павловна порывисто подымается со стула.

По англійски холодный, высокій старикъ, затянутый въ изящный сюртукъ,—на лѣвой рукѣ, въ которой онъ держитъ цилиндръ, перчатка. Съ вѣжливымъ, но сдержаннымъ поклономъ онъ обращается къ Евгеніи Павловнѣ:

— Чѣмъ могу служить вамъ?

— Мнѣ—ничѣмъ! Но ваша дочь, Елена Григорьевна, умираетъ. Если вы хотите заставить ее въ живыхъ, сію-же минуту ѣдьте къ ней!

Зубова пошатнуло.

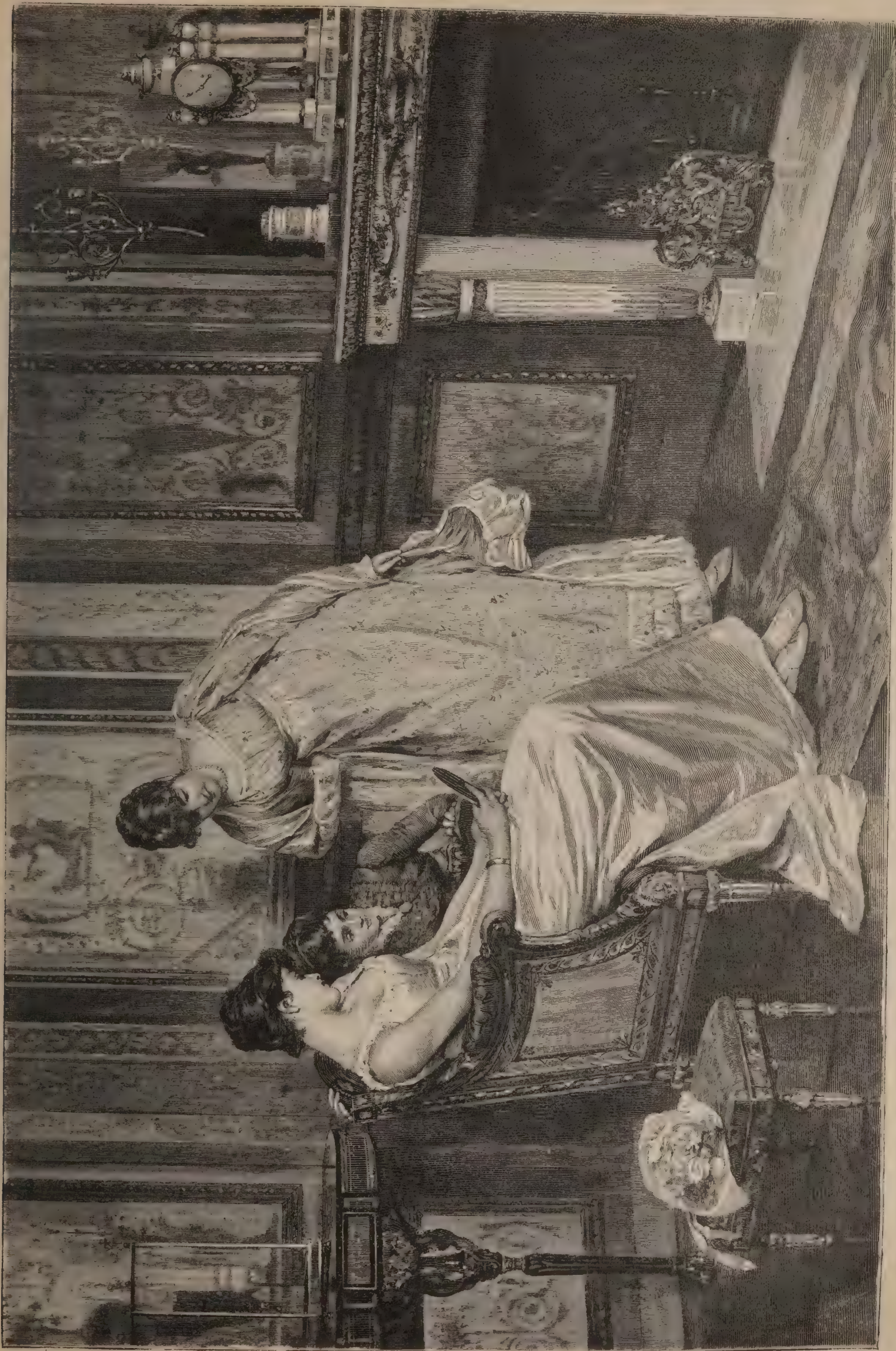
— Не можетъ быть!—выкрикнулъ онъ, поднося руку къ галстуку.

— Нѣтъ, это правда! Она уже въ агоніи. Въ бреду! Скорѣй!...

Григорій Павловичъ поставилъ на стулъ цилиндръ, сорвалъ съ руки перчатку и вѣ себя, сдѣлавъ Евгеніи Павловнѣ знакъ подождать его, быстро направился въ буду-

«За ягодами». Сь картины художника Ю. Аама.

«ПОРТРЕТЪ ЖЕНИХА». СЪ НАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Г. ВІЛЬЯМСА.

арь жены. Но въ слѣдующей комнатѣ онъ столкнулся съ Марьей Александровной. Она узнала, что неизвѣстная бѣдно-одѣтая дама настойчиво выражаетъ желаніе увидѣться съ ея мужемъ. Въ груди что-то стѣснилось и она не могла удержаться... она должна знать, зачѣмъ являлась эта незнакомка.

Зубовъ обнялъ жену.

— Марья Александровна... Лена умираетъ! Лена умираетъ!

Все было ясно теперь для Марьи Александровны.

— Гдѣ же *эта*?—она спрашивала о той «бѣдно-одѣтой дамѣ», которая принесла печальную вѣсть.

Зубовъ ничего не отвѣтилъ и они оба прошли въ гостиную, гдѣ ходила взадъ и впередъ Евгения Павловна.

Та крикнула, не сдерживая своего негодованія.

— Такъ что-же, вы ѣдите?

— Я ѣду съ вами. Лошадь у подъѣзда,—сказалъ Зубовъ, и взялъ цилиндръ.

— Поѣзжай скорѣй... Григорій Павловичъ...—медленно и точно гдѣмываясь во что-то, проговорила Марья Александровна и когда мужъ выходилъ изъ гостиной, она шепча (можетъ быть—молитву) перекрестила его вслѣдъ.

Во всю дорогу Евгения Павловна съ Зубовымъ не обмѣнялись ни однимъ словомъ.

— Стой, у этого деревяннаго дома!

Зубовъ первый сошелъ и подаль своей дамѣ руку.

Тихій, осторожный звонокъ...

Дверь открываетъ пожилая женщина и говоритъ вполголоса:

— Спокойнѣе... Успокоилась... А дѣточки гаши въ другой комнатѣ сидятъ, притихли... поняли, видно, убогенькія...

Зубовъ на ципочкахъ подошелъ къ кровати. Елена лежитъ блѣдная, истомленная. Ея взглядъ туманенъ и загадоченъ. Рука закинута за голову. Волосы разсыпались по подушкѣ.

— Лена... это я, твой отецъ.

Молодая женщина съ легкимъ стономъ повернула голову, долго и пристально взглядывалась, потомъ безстрастнымъ голосомъ произнесла:

— Не знаю,—и отвернулась къ стѣнѣ.

— Господи! Что-же дѣлать?!

Въ тревожномъ вопросѣ Григорія Павловича слышится отчаяніе человѣка, вдругъ натолкнувшагося на непреодолимую преграду.

Евгения Павловна сказала громкимъ шопотомъ:

— Ее нужно отправить въ больницу

Зубовъ нервно отстегивалъ и застегивалъ пуговицы сюртука.

— Что вы говорите! Въ больницу...

Евгения Павловна настойчиво повторила:

— Въ больницу! Елена Григорьевна давно взяла съ меня слово, что если она заболѣетъ, я не допущу помѣстить ее у родныхъ... Она не проститъ, если я не сдержу этого слова... Да развѣ и уходи хуже въ больницу, чѣмъ у васъ?

— Въ больницу...—Елена открыла глаза.

— Вы слышите?—Евгения Павловна, тихо коснувшись руки Зубова,—вы слышите? Неужели ея воля, даже *теперь*, ничто для васъ?

— Пусть! Я согласенъ на все. Только ради Бога скорѣй... Я не могу выносить ея взгляда!

Григорій Павловичъ тяжело дышалъ и лицо его искажилось неподдѣльнымъ страданіемъ.

Въ больничной палатѣ, гдѣ лежала Елена стояло десять кроватей, изъ нихъ три были незаняты. Обычная обстановка: крашенныя стѣны, сѣроватыя съ голубымъ; воздухъ пропитанный гарбошкой и лекарствами; сѣрыя байковыя одѣялы; дощечки у изголовья кроватей—съ обозначеніемъ времени поступленія, рода болѣзни, имени и фамиліи, и размѣра пайка; на кроватныхъ столикахъ—оловянныя кружки съ питьемъ... Сестры съ официально-озабоченными лицами, сидѣлки съ кофейнымъ запахомъ и чрезмѣрнымъ пристрастіемъ къ медицинскимъ терминамъ.

На другой день, пріѣхали навѣстить Елену—мама и старшая сестра.

На нихъ удручающе подѣйствовали длинныя коридоры, освѣщенные сверху страннымъ, больничнымъ свѣтомъ и видъ умирающей старухи въ сосѣдней палатѣ, куда онѣ попали по ошибкѣ.

И они подошли къ кровати Елены, можетъ быть, болѣе растроганными, чѣмъ сами хотѣли то показать.

Марья Александровна наклонилась.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь?

— Ничего,—руки Елены лежали недвижно вдоль одѣяла и она продолжала смотрѣть на полоску облачнаго неба, сѣрбующаго въ верхней части окна.

— Тебѣ, можетъ быть, нужно что-нибудь, Леночка?

— Нѣтъ.

И больше ни слова.

Подожла сестра и шепнула Марьѣ Александровнѣ:

— Больная раздражается. Ей нуженъ покой.

— Прощай, Леночка!

— Прощай, Леночка!

Мать и дочь удалились, смущенныя пытливымъ взглядомъ сестры, знающей, что онѣ близкія родственницы больной.

На Елену чаще и чаще находили періоды полнаго забытья, но въ промежутки выдавались моменты удивительно-яснаго сознанія неизбежности близкой развязки. Въ эти моменты просвѣтленія, одно за другимъ проходили передъ ней событія ея жизни и точно отрѣшившись отъ личнаго взгляда она безстрастно слѣдила, какъ они мало-по-малу заволакивались туманомъ... Только двѣ идеи сверкали яркія, неотразимыя—съ каждымъ мгновеніемъ приближается смерть, но раньше придетъ Алеша, она горячо простится съ нимъ и скажетъ: «до свиданія, дорогой мой! На землѣ намъ не было съ тобой счастья... до свиданія, я буду ждать тебя!» Ей казалось, что она уже видитъ, какъ онъ выходитъ изъ дому... Вотъ онъ приближается къ больницѣ... онъ близко, совсѣмъ близко... она слышитъ его шаги...

Елена открываетъ глаза:

— Что-же онъ не идетъ сюда? Гдѣ же онъ?

Сестра взяла ее за пульсъ и спросила, желая опредѣлить степень сознанія:

— Вы кого-то ждете?

— Онъ долженъ придти... Алеша... вотъ его шаги...

Сестра успокоила:

— Да, да, я тоже слышу шаги. Онъ сейчасъ придетъ, но раньше примите вотъ это!—она протянула Еленѣ ложку съ лекарствомъ.

Та выпила, не протестуя.

— Я васъ познакомлю съ нимъ... Что это за человѣкъ!..

И забылась. На этотъ разъ это былъ глу-

бокій сонъ, вызванный пріемомъ наркотика.

...Она въ саду. Станный садъ! Кругомъ такъ много деревьевъ и цвѣтовъ. И тѣ и другіе такихъ необычайныхъ формъ и такихъ яркихъ окрасокъ. Елена становится жутко среди этихъ чудовищныхъ растений. Ей начинаетъ казаться, что они непрерывно увеличиваются въ своихъ размѣрахъ... Солнце стоитъ высоко.

Огромное—оно не грѣетъ и глазамъ не больно смотрѣть на его ярко золотой дискъ. Ни одной птицы не слышно, но въ неподвижномъ воздухѣ стоитъ какой-то непонятный медлительный звукъ. Точно дрожитъ туго натянутая металлическая струна. Слабый въ началѣ, этотъ звенящій звукъ мало по малу крѣпнѣетъ... Звенитъ все сильнѣе и сильнѣе... Это уже не одна струна, это тысяча звенящихъ струнъ... Звукъ вырастаетъ, расширяется... Огромная масса металла звучитъ...

И вдругъ Елена видитъ, что эти гигантскія пальмы, колоссальныя папоротники, лианы, орхидеи—обступили ее уже вплотную! Они растутъ... растутъ съ убійственной быстротой! И этотъ страшный звонъ, казалось наполнившій собою весь міръ, исходитъ отъ *нихъ*, это *они* растутъ! *Они* надвигаются... уже охватываютъ ее своими холодными, какъ змѣи, вѣтвями...

И Елена проснулась, съ крикомъ колотясь всѣмъ тѣломъ.

— Слышите? Слышите, какъ звенитъ? Какой ужасный звонъ! И они растутъ... растутъ... Они близко! Они душатъ меня! А-а-а-а!

Сестра удержала Елену за руки на постели и послала сидѣлку за докторомъ.

Началась агонія... Елена умирала среди чужихъ для нея людей, одинокая, какъ прожила и всю свою недолгую жизнь.

За нѣсколько минутъ до смерти, она припла въ себя. Открыла съ трудомъ отяжелѣвшія вѣки. Пламя сознательной мысли въ послѣдній разъ вспыхнуло въ ея глазахъ и, какъ человѣкъ, который боится опоздать, она тревожно спросила:

— Который часъ?

Докторъ сказалъ:

— Три четверти шестого.

— ...Шестого,—протяжно повторила Елена.

Потомъ, ей вдругъ показалось, что она падаетъ. Она схватилась руками за край одѣяла. Потухающей искоркой пронеслось полусъзнаваемое воспоминаніе о чемъ-то радостномъ, безконечно-миломъ, но не было уже отчетливости мысли,—Елена хотѣла сказать «Алеша» и сказала:

— Робертъ!

Легкій, едва замѣтный вздохъ вылетѣлъ изъ ея полураскрытыхъ губъ. И голова тихо склонилась на лѣвое плечо...

Зубовы не объявляли въ газетахъ о смерти дочери. По выраженію зятя-капитана, они хотѣли «скрыть свое горе въ нѣдрахъ семьи». Но каково было ихъ удивленіе, когда на первую-же панихиду стали съѣзжаться представители биржевой аристократіи.

У воротъ больницы, съ трудомъ соблюдая очередь, останавливались блестящіе экипажи. Пріѣзжали семействами.

Молодые дѣвушки, очаровательныя въ свѣжихъ траурныхъ платьяхъ, съ длинными креповыми вуалями, осторожно выходили изъ экипажей, съ немного недоумѣвающимъ выраженіемъ ясныхъ голубыхъ или черныхъ

БОЖІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Не длиненъ и не новъ рассказъ.
Некрасовъ.

глазъ. Разбѣженные убаюкивающимъ покачиваніемъ резиновыхъ шинъ, еще не страшившія съ себя обаянія мимолетной грезы, посѣтившей ихъ дорогой—они походили на птичекъ, неохотно оставляющихъ свое теплое гнѣздышко. Всѣ онѣ слышали урывками о романической исторіи Нелене... Ея конецъ очень поучителенъ! Вовсекомъ случаѣ, довольно интересно взглянуть на нее въ гробу. Когда-то, всѣ встрѣчались съ нею въ обществѣ.

Родители руководились болѣе глубокими соображеніями. Нужно устроить широкую сочувственную манифестацію высокоуважаемому Григорію Павловичу. Его горе—двойное: кромѣ самаго факта утраты, его достоинству, какъ отца, былъ давно уже нанесенъ тяжелый ударъ этой некрасивой исторіей похищеній дочери... Подробностей никто не зналъ, но въ общихъ чертахъ—овдовѣвшая дочь, слабохарактерная, поддающаяся подвѣянному студента, не то конторщика), уходивъ изъ дому, онъ обираетъ ее, инстинктивно, эксплуатируетъ родителей и... конецъ извѣстный. Горе Зубова, въ сущности, общее родительское горе. Ни одно изъ самыхъ почтенныхъ семействъ не можетъ быть увѣрено, что изъ среды его не выйдетъ нравственнаго уroda. И хорошо, если дочери увидятъ весь ужасъ подобныхъ поступковъ!

Потрясенные грандіозностью выраженнаго имъ сочувствія, Григорій Павловичъ и Марья Александровна почти не могли говорить отъ волненія и только жестами выражали свою безконечную признательность дорогимъ Адольфу Христіановичу... Петру Васильичу... Соломону Исааковичу... ихъ достойнымъ супругамъ, ихъ милымъ семействамъ.

Началась панихида. Посреди церкви, противъ алтаря, кромѣ Елены, стоявшей въ богатомъ глазетовомъ гробу, съ кованымъ серебрянымъ покровомъ, стояли еще два покойника въ желтыхъ больничныхъ гробахъ. Священникъ, высокій сѣдой старикъ, съ суровой сосредоточенностью совершая обрядъ, повидимому мало обращалъ вниманія на не обычное блестящее сборище.

Въ низенькой церкви было жарко, кромѣ того, въ ней такъ пахло покойниками... Это послѣднее обстоятельство какъ-бы оправдывало очень многихъ дамъ и мужчинъ, вышедшихъ изъ церкви на широкую площадку лѣстницы.

М-г Саранскому и m-elle Хеймбергъ, помолвленнымъ на прошлой недѣлѣ, пришла счастливая мысль прогуляться по всѣмъ этажамъ и заглянуть въ какой-то пустой корридоръ, сбоку отъ церкви. Прогулка оказалась очень удачной. И вотъ, вся лѣстница заполнилась прогуливающимися дамами и молодыми людьми. Тонкое благоуханіе ихъ духовъ хотя нѣсколько заглушало скверный больничный запахъ, а довольно оживленный французскій и англійскій говоръ значительно смягчалъ гнусливостъ о. діакона и нѣкоторые недочеты плохого пѣнія.

Послѣ панихиды, всѣ подходили «протѣться».

Не было спокойствія на мертвомъ лицѣ Елены. Оставляя міръ, она не примирилась съ жизнью. И глубокая черта межъ бровей, впадины щеки, рѣзкая складка у губъ—придавали выраженіе трагической скорби ея прозрачному лицу, точно изваянному изъ флорентійскаго мрамора.

И. П. Забрежневъ.

КОНЕЦЪ.

ЖИВО помню, какую бурю вызвала въ нашей семьѣ женитьба дяди Васи. Ему было двадцать три года; онъ не имѣлъ никакого состоянія; нигдѣ не кончилъ курса и не занималъ никакого мѣста.

Мнѣ было тогда восемь лѣтъ, но я первый узналъ о томъ, что дядя мой обручился. Вечеромъ, когда я игралъ въ присутствіи двухъ гувернантокъ, онѣ поспѣшно отворили дверь въ дѣтскую и, вызвавъ меня въ корридоръ, показали какое-то тоненькое золотое съ бирюзой колечко, которое онъ съ трудомъ могъ сдѣлать съ своего мизинца. Я съ удивленіемъ молча разсматривалъ это самое простое колечко, думая, зачѣмъ это онъ съ такой радостью мнѣ его показываетъ.

— Я женюсь, Коленка, это колечко мое обручальное, понимаешь, какая радость,—весело сказалъ мнѣ дядя Вася.

А, не спуская глазъ съ колечка, замѣтилъ ему:

— У папаша съ мамашей обручальныя кольца-то гладкія, золотыя.

— Это все пустяки,—какъ-то торжественно строго произнесъ дядя Вася,—главное дѣло, надо любить другъ друга.

И онъ отпустилъ меня къ моимъ игрушкамъ. Гувернантки набросились на меня съ вопросами, когда я вернулся въ дѣтскую, по я смолчалъ, зная, что онѣ расскажутъ всѣмъ и дядѣ Васѣ достанется за эту женитьбу. Дядя Вася не сказалъ мнѣ, на комъ женится, но я смутно чувствовалъ, что не вѣста не изъ богатыхъ и вообще къ нашей семьѣ неподходящая. Вскорѣ дядя Вася совсѣмъ исчезъ изъ нашего дома и всѣ узнали, что онъ женился на красивой дочери бѣднаго оружейника-пьяницы, у которой онъ покупалъ себѣ голубей. Тульскіе оружейники, обитатели грязнаго предмѣстья Чулково, обыкновенно разводять чижей и голубей. Когда я узналъ, что дядя Вася съ женой живутъ въ Чулковѣ, въ полуразвалившемся домикѣ въ два окна, я горько заплакалъ. Родные всѣ разсердились на дядю Васю и не приняли его съ женой, но каждый ему что-нибудь отъ себя послалъ. Свадьба и рожденіе человѣка на свѣтъ Божій всегда вызываютъ въ людяхъ какую-то живую, инстинктивную радость, но разсудокъ часто, подвѣяннъ разными житейскими соображеніями, заглушаетъ ее и не даетъ выражать. Дядя Вася сердцемъ чувствовалъ, что родные раздѣляютъ его радость и не сердился на нихъ, возвращаясь съ женой пѣшкомъ въ Чулково. Онъ только былъ до крайности огорченъ, что даже любимая его сестрица Дашенька, моя мать, не захотѣла взглянуть на его Катюшу.

Присланные родными подарки доставили большую радость молодымъ, и они написали роднымъ безграмотныя, но чувствительныя письма. Катюша, къ счастью дяди Васи, была не только красива, но и очень умна и практична; она поняла, что дорогіе подарки слѣдуетъ обратить въ деньги. Ей хотѣлось переѣхать отъ своихъ и какъ-нибудь устроиться поуютнѣе, почище и поспокойнѣе. Она родилась въ грязи и въ грязи выросла, но привыкнуть къ ней не могла; у нея было природное влеченіе къ чистотѣ; она съ десяти лѣтъ себѣ шила и на себя мыла и никто никогда не видалъ ее грязною.

Дядя Вася былъ бѣдный сынъ богатыхъ ро-

дителей, онъ былъ не практиченъ и не могъ переносить, какъ его Катюша, которую всѣ величали красавицей, разсматривая подарки, скромно говорила, что все это не про нея писано и ей ничего такого никогда не носить!

Дядя Вася остался пяти лѣтъ сиротою, опекунъ промоталъ его состояніе и даже порядочнаго образованія ему не далъ. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что дядя Вася никакимъ педагогическимъ приемамъ не поддавался. Онъ обладалъ слабою памятью и по своему собственному признанію былъ «ужасно разбѣявъ». Это, впрочемъ, можно было легко замѣтить по его большимъ чернымъ глазамъ, которые не только смотрѣли мечтательно и разбѣянно, но какъ-то блуждали. Онъ былъ высокъ, но всегда горбился, держалъ голову набокъ и говорилъ нараспѣвъ. Уши у него торчали, лобъ былъ великъ, но такой, что напоминалъ поговорку: «хотѣй поросать бить». До женитьбы у него было двѣ страсти: къ папирсочкѣ и къ стихамъ. Онъ училъ стихи наизусть, переписывалъ ихъ, сочинялъ самъ, перекладывалъ на музыку и безпрестанно декламировалъ. Катюшу свою онъ донималъ стихами Некрасова:

Пройдетъ—словно солнце освѣтитъ,
Посмотритъ—рублемъ подаритъ.

.....
И грязь обстановки убогой
Къ ней словно не липнетъ; цвѣтетъ
Красавица міру на диво;
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одеждѣ красива,
Ко всякой работѣ ловка.

Она дѣйствительно и напоминала «типъ величавой славянки», но при томъ отличалась мягкостью и привѣтливостью. Когда мужъ говорилъ ей стихи, она мало вникала въ смыслъ рѣчей ей чуждыхъ и непонятныхъ, а только слушала съ удовольствіемъ его тихій, пѣвучій голосъ и съ восторгомъ думала, что ея Вася «въ ротъ хмѣльного не беретъ» и совсѣмъ крпчать не умѣетъ; никогда не будетъ у нихъ ссоръ и драки, какъ у папеньки съ маменькой. Съ продажей свадебныхъ подарковъ Катюшѣ было не мало хлопотъ. Люди въѣдъ, обыкновенно, дарятъ, что имъ надѣло или ненужно, а если покупаютъ, то, большею частью, что въ данную минуту имъ нравится. Вкусы и нужды тѣхъ, кому предназначаются подарки, всего менѣе принимаются въ расчетъ. Катюша не знала и цѣны вещамъ, потому боялась ихъ продешевить. Мужъ не могъ ей помочь; онъ всегда въ денежныхъ дѣлахъ ничего не смыслилъ, а теперь блаженствовалъ и находился на седьмомъ небѣ. Послѣ долгихъ стараній и безконечныхъ разговоровъ съ торговками, Катюша, наконецъ, выручила за всѣ подарки сто рублей. Въ первый разъ въ жизни она увидѣла сторублевую бумажку; въ дѣтствѣ она получила о ста рубляхъ только понятіе, что на нихъ все можно сдѣлать. Дядя Вася угваривалъ жену израсходовать эти деньги себѣ на туалетъ, увѣряя, что родные скалятся надъ ними и просятъ еще денегъ, но она согласилась изъ нихъ купить себѣ только два ситцевыхъ платья, голубое и розовое. Мужъ съ грустью смотрѣлъ, какъ его прелестная Катюша съ восторгомъ кроила и шила себѣ эти платья, которыхъ-бы не стала носить самая послѣдняя горничная въ домѣ сестрицы Дашеньки.

Не смотря на экономію и домовитость Катюши, небольшая сумма, вырученная отъ про-

даки подарковъ, скоро истощилась; надо было завести кое-чѣмъ, кое-какъ одѣться! Черезъ четыре мѣсяца послѣ свадьбы, молодымъ пришлось сидѣть на черномъ хлѣбѣ. Молодой писалъ къ роднымъ самыя отчаянныя письма и всѣ они оканчивались словами: «Ѣдь съ Катюшею черный хлѣбъ!» Написавъ такое письмо, Василій Александровичъ Пастуховъ читалъ его своей подругѣ и спрашивалъ ее: — Какъ думаешь, Катюша, вѣдь сжалятся?

Катюша со слезами на глазахъ успокоивала мужа.

— Конечно, сжалятся!

А сама искала себѣ работу. Письма мужа она не отсылала роднымъ, а прятала въ шкатулку, думая: «зачѣмъ беспокоить родныхъ; онъ и такъ сдѣлалъ имъ горе, что женился на мнѣ; сами мы виноваты; сами и терпѣть должны! Вотъ найду работу, тогда признаюсь во всемъ Васюшѣ». Вскорѣ же она принялась за шитье; Василій Александровичъ сначала и слышать не хотѣлъ, чтобы она колола свои пальчики, потомъ, потерявъ надежду, что родные сжалятся, согласился и началъ ей помогать; самъ ставилъ самоваръ, ходилъ за провизіей, прибиралъ комнату. Онъ каждый день весело бѣгалъ по городу, отыскивая что-нибудь подешевле, повкуснѣе и совершенно охладѣлъ къ своему бывшему другу — къ папирскѣ. Теперь онъ мечталъ получить какое-нибудь мѣсто, чего прежде боялся, какъ каторги. Но мѣста пока не находилось. Катюша созналась, что прятала письма, и Василій сказалъ:

— Я самъ радъ, что не пришлось беспокоить родныхъ, но вотъ теперь надо просить мѣста и слушать всякаго рода наставленія, а пока хорошо-бы чѣмъ-нибудь зарабатывать деньги!

И заработокъ нашелся.

Весною и лѣтомъ молодые позволяли себѣ одно удовольствіе—ходили гулять за городъ, ловили бабочекъ, рвали цвѣты, собирали камешки, букашекъ, мохъ; сначала просто безъ всякой цѣли, потому только, что все это имъ очень нравилось, потомъ они надумали дѣлать изъ этого матеріала картины, чтобы отблагодарить ими родныхъ за подарки.

Какой-то богатый купецъ увидалъ картину,

она показалась ему занятой; онъ заказалъ себѣ и далъ пять рублей; съ его легкой руки и пошли заказы. Мужъ и жена усердно, съ увлеченіемъ работали и стали жить по своему безбѣдно, т. е. просто перестали голодать. До родныхъ начали доходить слухи, что Василій зарабатываетъ деньги; они удивлялись и говорили:

— Женился—перемѣнился!

Глаза кормилицы свѣтились тихою радостью, когда она, ворча, собиралась въ Тулу къ молодымъ и нагружала телегу всякими деревенскими гостинцами.

Молодые оба сидѣли у окна въ то время, какъ къ ихъ домику подѣхала новая, крѣпкая телега старой мамки. Молодой выбѣжалъ на крыльцо, разцѣловался съ нянею и началъ было помогать работнику выгружать телегу.

— Оставь, Василій Александровичъ, не твое это дѣло, у меня съ собой для того работникъ взятъ,—стро-го замѣтила няня.

Катюша-же такъ испугалась, смутилась, что забилась въ кухню; мужъ вытащилъ ее оттуда вскораскрасившуюся и подвелъ къ кормилицѣ, которая собиралась взглянуть на нее очень строго, но никакъ не могла; очень ей понравилась молодая, красивая, статная, румяная, съ добрыми большими сѣрыми глазами; она поцѣловала ее три раза и подала ей штуку холста; потомъ сказала:

— И всего я вамъ привезла, и меду, и пироговъ, стели скатерть на столъ, песи самоварчикъ; а смерть хочу чаю.

Но увы! Въ хозяйствѣ Василя и Катюши именно скатертей-то и не было.

— Самоваръ-то готовъ,—сказалъ Василій и остановился, а Катюша застыдилась и ушла въ кухню.

— Кормилица,—съ упрекомъ началъ Василій,—зачѣмъ ты сконфузила мою бѣдную Катюшу,

вѣдь ты знаешь, что мы живемъ кой-какъ и родившагося вислоухаго Василя; однако, у насъ у обоихъ рѣшительно ничего нѣтъ, а вѣдь ты съ собой двѣ скатерти привезла, ну, и постлала-бы свою.

Кормилица нахмурилась и отвѣчала сквозь зубы:

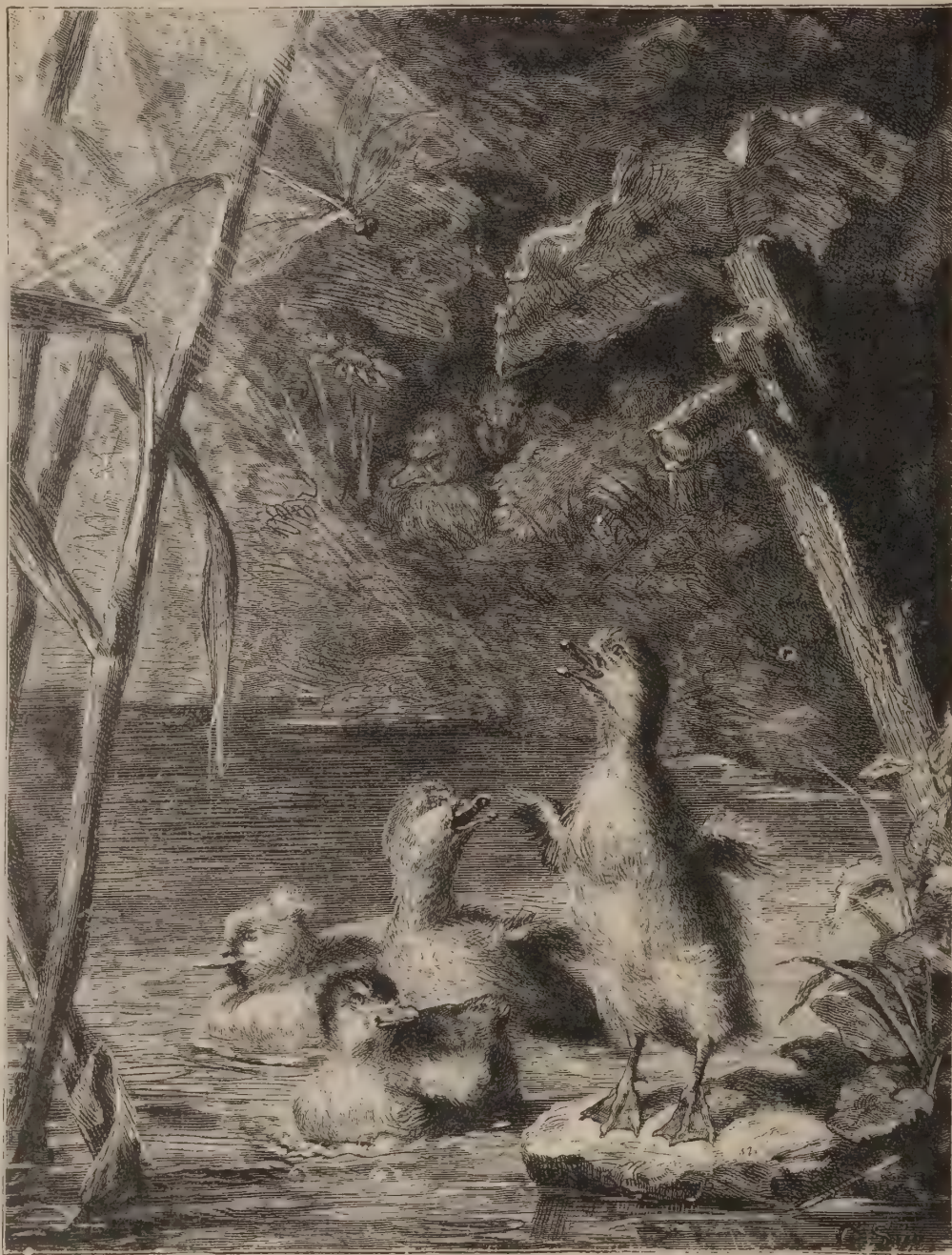
— И постелю; я свое дѣло сдѣлаю, а она то вотъ свое не сдѣлала; ничего тебѣ не принесла, голая замужъ выскочила.

— Ничего не принесла,—съ удивленіемъ воскликнулъ Василій,—ахъ, кормилица!

— Ну, такъ что-жь она тебѣ принесла?

— Рѣшительно все; человѣкомъ сдѣлала!

— Хорошо человѣкъ; слышала я отъ людей, какъ ты съ своею краденою-то подъ ручку ходишь, да бабочекъ ловишь. Вѣдь тебѣ, Василій Александровичъ, не семь годковъ пошелъ...

«Первое плаваніе». Съ картины художника К. Зюса.

Имъ любопытно было взглянуть на переродившагося вислоухаго Василя; однако, никто изъ нихъ не заглядывалъ къ молодымъ. Первая взмывалась кормилица Василя Александровича. Она была замужемъ за богатымъ однодворцемъ; жила вполне счастливо; дѣти и внучата доставляли ей радости, сокращали же ее только выкормокъ; прежде онъ не хотѣлъ или не могъ учиться—не вышелъ въ люди, а теперь вотъ женился... Эта женитьба вызвала въ ней самыя разнородныя чувства; ее разбирала злость, что ея неудачникъ лишилъ себя послѣдней возможности устроиться по людски; она ненавидѣла эту дѣвчонку, которая его окрутила. Въ то же время ей хотѣлось взглянуть на ту, которая, можетъ быть, дѣйствительно полюбила ея бѣднаго, безпріютнаго Васю. Добре каріе

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА К. ГОФФА.

ЦВѢТЫ И ЛЮБОВЬ. Москва

— Погоди, кормилица, бабочекъ-то я правду ловлю, только я изъ этого пользу извлекаю...

Кормилица окончательно разсердилась и рѣшительно сказала:

— Ну, ужъ я бабочекъ-то на своемъ вѣку больше твоего видѣла, а пользы отъ нихъ никакой!

Василій съ трудомъ могъ втолковать кормилицѣ, что бабочками зарабатываетъ деньги; она все перебивала его—не хотѣла слушать, наконецъ, взяла въ толкъ и усмѣхнулась:

— Ну, слава Богу, что нашелъ дураковъ, которые за пустяки деньги даютъ, а все-же пустяки надо бросить и пора на службу.

Василій успокоилъ кормилицу, что ему обѣщали мѣсто надсмотрщика на заводѣ, и побѣждалъ въ кухню. Самоваръ кипѣлъ весьма исправно, а Катюша стояла надъ нимъ, блѣдная, растерянная. Василій схватилъ самоваръ и потащилъ Катюшу; когда они вошли въ комнату, на столѣ лежала тонкая скатерть.

— Это твоя скатерть, Василій Александровичъ,—сказала кормилица,—ее мнѣ твоя покойная матушка къ свадьбѣ пожаловала, кушай себѣ на ней на здоровье.

— Ахъ, кормилица, добрая ты душа,—сказалъ растроганный Василій и про себя замѣтилъ:—а мою Катюшу все-же обидѣла.

Кормилица-же, какъ ни въ чемъ не бывало, наливала чай на блюдце, усердно дула и, не спуская глазъ съ молодой, думала: «хороша-то она хороша и на мужа такъ уважительно смотритъ».

Вскорѣ послѣ визита кормилицы Василій Александровичъ дѣйствительно получилъ мѣсто надсмотрщика на заводѣ съ жалованьемъ въ 30 рублей въ мѣсяцъ. Молодые считали себя вполне счастливыми и молили Бога за здоровье заводскаго доктора, который выхлопоталъ Василию мѣсто. Василій, какъ-то простудившись, лечился у него, потомъ привѣлъ къ нему лечиться и жену. Безграничная любовь молодыхъ тронула стараго доктора; молодые люди страдали отъ холода и сырости и такъ немногочисленнаго не хватало имъ до полнаго счастья! Настоящая любовь вѣдь на всѣхъ производитъ чарующее впечатлѣніе.

Когда кормилица узнала, что ея неудачникъ получаетъ жалованье и жена хорошо хозяйничаетъ, она опять собралась къ нимъ—посмотрѣть и порадоваться. Василию она не застала дома; онъ былъ на службѣ. Катерина Васильевна ожидала припрощенія семейства, но работала по прежнему; прислуги у нихъ не было; но все было прибрано уютно, чисто. Она сказала, что картинъ они теперь не продаютъ, а клеятъ по праздникамъ для тѣхъ, кого отблагодарить хочется; доктору картину подарили; вмѣстѣ работали; акушеркѣ, которая не только совѣты даетъ даромъ, но еще всякихъ дѣтскихъ вещей насовала. Для маленькаго у нихъ рѣшительно все готово и все некупленное, и ванночка, и кроватка, и бѣлье.

Она отворила комодъ—показала кормилицѣ; все старое, полинявшее, но бережно и тщательно сложено и уложено и смотреть новымъ, красиво даже. Кормилица совсѣмъ примирилась съ нею. Катерина Васильевна, повидимому, не замѣчала, что сама въ десять разъ умнѣе своего мужа. Пришелъ Василій со службы и кормилица его не узнала; онъ возмужалъ, приосанился, точно выросъ. Онъ чувствовалъ себя главою своей семьи; его ждали, объ немъ заботились, его уважали. Дома онъ расправлялъ свои крылья!

Когда пошли дѣти, Катюша похудѣла, заботы прибавилось, доходы не увеличивались, а расходы росли; часто не спала она ночей, придумывая, какъ бы перебиться и извернуться. Трудъ и порядокъ были единственнымъ ихъ спасеньемъ; къ нимъ она приучала дѣтей. Она благодарила Бога, что съ ея Василіемъ можно было завести въ домъ порядокъ, а матери это не удалось, хотя она тоже всю жизнь о порядкѣ мечтала.

Родные давно перестали на нихъ сердиться и начали помогать—давали кое что, старье, ненужныя вещи, у нихъ образовался складъ стараго скарба. По воскресеньямъ они съ мужемъ занимались починкой и чисткой этого скарба и платьевъ; она мыла, штопала, гладила; онъ чистилъ, полировалъ, оклеивалъ. Что было не нужно самимъ, они продавали. Жили съ трудомъ, но несчастными чувствовали себя только, когда дѣти болѣли! Василій Александровичъ страшно боялся лишиться жены и дѣтей; изъ страха онъ сдѣлался богомольцемъ и, такъ сказать, все усовершенствовалъ въ своей природной честности. Честность его останавливала не разъ вниманіе начальства и въ концѣ-концовъ послужила ему на пользу. У одного изъ его начальниковъ было большое имѣніе, не приносящее никакого дохода вслѣдствіе злоупотребленій со стороны управляющихъ. Ему пришла въ голову мысль сдѣлать честнѣйшаго Василия Александровича управляющимъ большого имѣнія. Узнавъ объ этомъ, Василій Александровичъ растерялся и откровенно сознался начальнику, что онъ въ своей молодости гостилъ въ деревнѣ у сестрицы Дашеньки, ѣлъ малину съ густыми сливками, валялся на снѣгъ, но къ хозяйству совсѣмъ не присматривался, а жена его дальше Щегловой роши, что подъ самую Тулой, нигдѣ не бывала. Такое признаніе не смутило начальника; его мать до тонкости знала сельское хозяйство; она поселилась въ деревнѣ, будетъ приказывать, учить, а они исполнять будутъ.

Переселеніе изъ города въ деревню и мѣсто управляющаго долго казалось чуднымъ сномъ Василию Александровичу и онъ все боялся проснуться. Въ деревнѣ они зажили на славу; въ большомъ домѣ дѣти поправились и стали веселѣе, всего у нихъ было вдоволь. Аккуратность и практичность Катерины Васильевны сдѣлали изъ нея образцовую молочную хозяйку. Василій Александровичъ слушался своей госпожи и все шло, какъ по маслу. Онъ откровенно сознался, что не могъ бы только обижать мужиковъ, но въ этомъ не представлялось и надобности. Старая помѣщица привязалась къ семьѣ управляющаго и сама учила его дѣвочекъ музыкѣ и по французски. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, дѣти Василия Александровича выросли, кое-чему выучились и усердно помогали отцу и матери; сынъ кончилъ прогимназію въ ближайшемъ городѣ и уѣхалъ на службу въ Москву. Дѣвочки были просты и ласковы; всѣ ихъ любили. Василій Александровичъ купилъ нѣсколько десятинъ земли, выстроилъ домикъ, развелъ садъ, огородъ; скотина и птица у него были тоже свои. Онъ съ каждымъ днемъ становился все богомольнѣе; онъ считалъ все чудомъ и то, что выросли дѣти; гдѣ ему одному, безъ Божьей помощи, совершить было такое трудное дѣло! Жена раздѣляла его мысли, она по прежнему не замѣчала своихъ преимуществъ передъ мужемъ; она утверждала, что не вмѣшивается въ полевое хозяйство, хотя помѣщица часто говорила ей:

— Растолкуйте, пожалуйста, своему мужу, напомните ему; у него совсѣмъ нѣтъ памяти; безъ васъ онъ совсѣмъ бы пропалъ.

Смерть помѣщицы была первымъ серьезнымъ горемъ Василия Александровича и Катерины Васильевны, но они напрасно думали, что безъ нея совершенно пропадутъ: разъ заведенное хозяйство шло хорошо. И сынъ помѣщицы благоволилъ къ нимъ по прежнему, но скорѣй умеръ и онъ, тогда имѣніе перешло въ руки его дальняго родственника—петербургскаго чиновника. Новому наслѣднику не понравился наивный, нерасторопный Василій Александровичъ; особенно не понравилось его откровенное заявленіе, что онъ во всемъ слушаться готовъ, но мужиковъ обижать не будетъ. Новый помѣщикъ сказалъ напрямикъ, что намѣренъ къ веснѣ прислать новаго ученаго управляющаго и предоставилъ Василию Александровичу искать себѣ мѣсто. Приуныли мужъ и жена, присмирѣли и дѣти. Сосѣди всѣ ихъ любили и обѣщали прискаты «новое» мѣсто, но самое слово «новое» мѣсто приводило въ ужасъ все семейство управляющаго, потому что пришлось бы проститься съ своимъ домомъ и съ садомъ, въ которомъ каждый кустикъ былъ связанъ съ столькими воспоминаніями, поэтому всѣ непріятные разговоры о новомъ мѣстѣ Василій Александровичъ прерывалъ восклицаніемъ:

— На все воля Божья, на все воля Божья!

Онъ продолжалъ работать съ прежнимъ усердіемъ, жена дѣлала свое дѣло, дочери ей помогали; все обстояло благополучно. Обидно было только думать, что хотѣть ни за что, ни про что смѣнить! Доносились слухи, что новый баринъ послалъ уже своего ученаго управителя въ одно изъ своихъ имѣній и тотъ въ какихъ-нибудь два мѣсяца успѣлъ вооружить противъ себя всѣхъ крестьянъ. На Рождество узнали, что въ томъ же имѣніи крестьяне изъ мести подожгли ригу; сгорѣлъ хлѣбъ, молотилка, и помѣщикъ самъ явился туда изъ Петербурга. Въ ожиданіи его пріѣзда въ Кривыя Луки, Василій Александровичъ отслужилъ три молебна, поднималъ икону Казанской Божіей Матери. Помѣщикъ пріѣхалъ; увидалъ, что все въ порядкѣ, все тихо и хорошо и раздумалъ брать ученаго управляющаго. Когда онъ сказалъ Василию Александровичу:

— Оставайтесь и ведите все по старому,—тотъ, по обыкновенію, совершенно растерялся—не зналъ какъ благодарить и все бормоталъ: «Господь сотворилъ свое чудо».

Помѣщикъ не могъ понять, въ чемъ и какое тутъ чудо, онъ засмѣялся и назвался къ нимъ обѣдать; очень много слышалъ онъ любопытнаго о своемъ управляющемъ отъ одного изъ своихъ сосѣдей. Прежній помѣщикъ часто обѣдалъ у Василия Александровича, когда ненадолго пріѣзжалъ въ деревню, но онъ былъ кумъ и вообще свой человѣкъ, его нечего было стѣснять, а новый баринъ былъ совсѣмъ чужой петербургскій и, вѣроятно, насмѣшникъ. Такого гостя трудно было принять какъ слѣдуетъ, поэтому Василій Александровичъ въ день обѣда былъ опять самъ не свой. Катерина Васильевна отнеслась къ ожидаемому визиту хозяина нѣсколько спокойнѣе, но все же и ей было не мало хлопотъ. Все вниманіе хозяевъ было устремлено на обѣдъ; между тѣмъ, обѣдъ для петербургскаго гостя былъ послѣднимъ дѣломъ; его начинала интересоваться самая личность управляющаго и его жены. Онъ только что прочиталъ Толстого «Чѣмъ люди живы» и въ немъ зашевелились вопросы о жизни и

правственности. Онъ вспомнилъ тогда своего управляющаго, утверждавшаго, что съ мужиками лучше всего дѣйствовать кротостью и милосердіемъ. Это его прежде посмѣшило и язсердило, а теперь послѣ того, что онъ видѣлъ въ другомъ имѣніи послѣ поджога, заставило призадуматься. За обѣдомъ баринъ за рюмкой вина старался вывѣдать у своего управляющаго его философію, но Василій Александровичъ былъ плохой теоретикъ, а говорить могъ только, когда что-нибудь трогало его за сердце; онъ отвѣчалъ помѣщику односложно:

— Не знаю, право, какъ для другихъ, а я одною честностью, можно сказать, вълюдившись и дѣтей на ноги съ Божьею помощію поднималъ. О женѣ онъ говорилъ:

— Катюша меня осчастливила, безъ нея я бы пропалъ.

Помѣщикъ видимо наслаждался семейнымъ этимъ раемъ и невольно противопоставлялъ ему свою петербургскую семейную обстановку—вспоминалъ свою скучающую жену, натянута державшихся дочерей, жаждущихъ только нарядовъ и удовольствій, и не могъ оторвать глазъ отъ дочерей своего управляющаго, здоровыхъ, живыхъ, счастливыхъ присамою незатѣйливой обстановкѣ.

Василій Александровичъ удивлялся перемѣнѣ, совершившейся въ петербургскомъ баринѣ; ледяная кора, которою тотъ былъ окованъ, казалось совсѣмъ растаяла; его металлическій рѣзкій голосъ сдѣлался мягче. Семейство управляющаго благословляло судьбу, чувствуя, что жизнь ихъ пойдетъ по прежнему и что имъ не придется разставаться съ родными мѣстами. Петербургскій баринъ,

умалившись картинѣ счастья и любви, забывъ думать объ ученomъ управителѣ, все же удивлялся, что простой, недалекий Василій Александровичъ такъ прекрасно-практично управлялъ имѣніемъ; онъ слишкомъ мало зналъ Катерину Васильевну и не могъ себѣ представить, что все велось ею. Онъ былъ радъ, что можно было, безъ ущерба карману, не разстраивать счастья этихъ простыхъ, добродушныхъ людей, которыхъ ему было бы жалъ выгнать, какъ жалъ скосить полевые цвѣты. Уѣзжая изъ Кривыхъ Лукъ и подѣзжая къ сырому туманному Петербургу, онъ не могъ отрѣшиться отъ рокового вопроса: «зачѣмъ занимать три должности и, выбиваясь изъ силъ, зарабатывать двѣнадцать тысячъ, чтобы воспитать двухъ дочерей, когда его управляющій на свои мѣдные гроши выростилъ шесть человѣкъ дѣтей здоровыхъ и счастливыхъ?»

Управляющій же послѣ пріѣзда барина тоже въ нѣкоторомъ отношеніи измѣнился. Когда баринъ старался выпѣлать отъ него его философію, онъ очень жалѣлъ, что неразвязный языкъ помѣшалъ ему высказать взгляды на жизнь, которые, можетъ быть, могли бы барину принести пользу. И Василію Александровичу захотѣлось проповѣдовать и учить другихъ жить по Божьему. Онъ вызвалъ изъ Москвы сына и сдѣлалъ его своимъ первымъ помощникомъ; сынъ уродился въ отца, былъ неспособенъ учиться, но все же онъ былъ нѣсколько образованнѣе отца и больше привыкъ къ труду съ дѣтства; онъ по немногу замѣнялъ отца, вилъ себѣ гнѣздо и присматривалъ невѣсту, которая бы чѣмъ-нибудь была похожа на его милую мамочку; за сестеръ сватались

женехи. Катерина Васильевна думала и забивалась объ устройствѣ судьбы своихъ дѣтей, пеклась о житейскомъ, а Василій Александровичъ могъ теперь съ спокойною совѣстью читать духовныя книги и вырабатывать изъ себя духовнаго оратора; мужики стали уже звать его «Божіимъ человѣкомъ» и приходили къ нему съ просьбами помолиться за нихъ и разсудить ихъ въ трудныхъ случаяхъ. Мелкіе помѣщичьи и помѣщички собирались у него иногда по вечерамъ потолковать о духовномъ, сначала онъ говорилъ одинъ, другіе слушали, потомъ мало-по-малу начали говорить и другіе.

Сокрушался Василій Александровичъ объ одномъ, что удалился отъ своихъ родныхъ, рѣдко получалъ о нихъ извѣстія и не могъ имъ и ихъ дѣтямъ внушать своихъ взглядовъ на жизнь; пробовалъ онъ писать; выходило какъ-то нескладно. Узнавъ, что его племянница выходитъ замужъ, онъ послалъ ей духовную книгу, советуя читать всякій день по нѣсколькимъ страницамъ. Онъ былъ увѣренъ, что если будетъ читать, то будетъ и счастлива, но читать то станетъ ли? Своей любимой сестрицѣ Дашенькѣ онъ писалъ: «У меня дѣти всѣ взрослые; я теперь какъ какой-нибудь библейскій патриархъ; борода у меня большая и вся бѣлая. И все мнѣ не вѣрится, что это я ихъ выкормилъ, воспиталъ, вѣдь ты меня помнишь, какимъ я былъ въ молодости; ну, слава Богу сынъ много дѣлалъ для меня вышеле. Теперь одного желаю, чтобы всѣ люди были честны, любили бы другъ друга, стараюсь имъ внушить—и въ нашемъ захолустьѣ слышу не послѣднимъ ораторомъ.»

Н. Ивашищевъ.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

— Какъ тебѣ нравится господинъ Рено?
— Къ чему этотъ вопросъ? Я нахожу, что Рено прекрасный человѣкъ, порядочный, приличный, веселый собесѣдникъ, ему открыта будущность.

— Джэнъ думаетъ о немъ такъ же хорошо, какъ и ты; а онъ еще больше и лучше думаетъ о Джэнъ.

— Аи! Понимаю! Какъ я былъ глупъ!—Онъ вскопчилъ въ волненіи и задергалъ свою рыжую бородку.

— Однимъ словомъ, Марсель...

— А! Ты называешь его просто по имени! Значитъ, мы пустили волка въ овчарню. Но какъ ты узнала все это?

— Очень просто! Сегодня передъ обѣдомъ въ саду онъ и Джэнъ, не говоря ни слова, поцѣловали другъ-друга.

— И послѣдствія этого флирта?

— Тѣ, что господинъ Рено не замедлитъ просить у насъ руки нашей дочери.

— Женишься на Джэннетъ, господинъ французскій консулъ? Онъ не промахъ. Хорошенькая дѣвушка и великолѣпное приданое.

— Не говори о деньгахъ, а то господинъ Рено сбѣжитъ отъ насъ. Онъ достаточно богатъ и единственный сынъ! У него тысячь сорокъ годового дохода, писалъ мой отецъ.

— Это ты называешь богатствомъ? Только не умереть съ голоду.

— Да, тамъ, гдѣ хлѣбъ продается на вѣсъ золота! Джо!

— Дѣвочка еще слишкомъ молода, ей нѣтъ еще восемнадцати лѣтъ! Впрочемъ, Фанни,

ты права. Мы воспитываемъ дочерей для себя только до извѣстнаго возраста. А затѣмъ, онѣ отъ насъ уходятъ. Чтобы чортъ побралъ этого господина консула!

Гаррисъ заходилъ большими шагами по комнатѣ, сжимая кулаки и разбрасывая ногами мебель. Это было первое истинное горе, испытываемое имъ за послѣднія двадцать лѣтъ. Теперь Торнеръ узналъ бы въ немъ своего калифорнійскаго товарища, а баронъ Марга своего убійцу въ Эльдorado. Но ему сдѣлалось стыдно просить жены и онъ успокоился.

— Прости меня, но мысль отдать нашу единственную дочь совсѣмъ меня перевернула. Дѣти для родителей всегда остаются маленькими дѣтьми. Мы замѣчаемъ, что мы старѣемъ, но не замѣчаемъ, что они дѣлаются взрослыми. Что-же дѣлать, таковъ законъ!

— Ихъ нужно любить для нихъ, а не для насъ.

— Это такъ, дорогая моя! Значитъ, этотъ... этотъ... однимъ словомъ, Марсель любить Джэнъ и Джэнъ любить его? Во всякомъ случаѣ, пусть лучше онъ, чѣмъ другой.

— Сознайся, они созданы другъ для друга.

— Ну, Джэннетъ лучше его.

— Въ этомъ я не стану тебѣ противорѣчить.

— Но наконецъ, я даже не знаю, кто онъ, этотъ чудесный французскій консулъ.

— Ты забылъ; что его рекомендовалъ мой отецъ, который въ своемъ письмѣ упоминаетъ, къ какой хорошей семьѣ принадлежитъ Рено.

— Ну, папа Бессонъ могъ бы выдать одну изъ своихъ дочерей!

— Ты знаешь, что изъ моихъ трехъ сестеръ, двѣ давно замужемъ, а третья, старшая, не вышла замужъ изъ любви къ отцу, чтобы замѣнить мать въ домѣ.

— Ну, значить, она еще есть! Ахъ! я говорю глупости. Мысль о замужествѣ Джэнъ! Во первыхъ, чтобы объ этомъ не было рѣчи, пока ей не исполнится девятнадцати лѣтъ. Французъ такъ вѣтренъ. У насъ будетъ время узнать его, господина Рено... нашего Марселя!

— Ты еще не отказался отъ мысли провести лѣто въ Ньюпортѣ?

— Съ тобой и Джэнъ, нисколько! Джэнъ познакомится тамъ съ дочерьми лучшихъ семей Нью-Йорка и Бостона. Я уже занялъ виллу.

— Что-же мнѣ отвѣчать Джэнъ и господину Рено, которые оба знаютъ, что я должна говорить съ тобой?

— Дѣвчкѣ скажи все, что тебѣ угодно, я хочу только ея счастья, но что въ одну минуту я не могу рѣшить такой важной вещи. Что-же касается до господина французскаго консула, чертъ его побери!—скажи ему, что я посмотрю, что я не отказываю, но и не даю ему своего согласія! Однимъ словомъ, пусть пмѣетъ терпѣніе!

— А если, узнавъ о нашей поѣздкѣ въ Ньюпортъ, онъ попроситъ позволенія посѣтить насъ тамъ?

— О, дороги существуютъ для всѣхъ! Я

СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА И. ПИШКИНА.

Сосновый лѣсъ.

Джигитовна казаковъ.

приму его не хуже, чѣмъ здѣсь. Но я не желаю ничего слышать до нашего возвращенія въ Чикаго и пусть господинъ Рено дастъ Джэнь достигнуть своихъ девятнадцати лѣтъ. За это время и онъ, и она могутъ измѣниться.

— Не думаю!

— Поживемъ—увидимъ! Я очень взволнована и не хочу еще ложиться. Пойду въ клубъ, тамъ, можетъ быть, удастся съ кѣмъ нибудь поспорить. Хотя бы даже съ этимъ дуракомъ Самми, который цѣлые дни проводитъ съ Джэнь и Марселемъ и ничего не замѣтилъ. Правда, что мы оба съ тобой такъ-же глупы, мы тоже ничего не видали.

Сердечно пожавъ руку жены, Джо ушелъ. Миссисъ Гаррисъ подумала, что полной побѣды она не одержала, хотя и могла сообщить не совсѣмъ дурныя новости Джэнь, и потому предпочла отложить свой разговоръ съ ней до завтра.

VIII. Денежные аристократы.

Гаррисъ давно уже задумалъ провести часть лѣта въ Ньюпортѣ, гдѣ многіе изъ его собратій по милліонамъ имѣли роскошныя виллы, въ которыхъ они проводили июль и августъ. До сихъ поръ онъ имѣлъ съ этими господами только дѣловыя сношенія, теперь же рѣшилъ, что обязанъ ввести свою дочь въ общество, въ которомъ можетъ найти ей мужа достойнаго и ея, и своихъ милліоновъ. Онъ съ гордостью сознавалъ, что миссисъ Гаррисъ и Джэнь по уму, красотѣ и образованію могутъ всегда занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ самомъ избранномъ обществѣ. Извѣстіе о любовномъ романѣ между его дочерью и консуломъ еще болѣе укрѣпило его намѣреніе. Его жена имѣла на него сильное вліяніе и онъ чувствовалъ, что не въ состояніи будетъ противиться желаніямъ ея и Джэнь. Значить требовалось выиграть время. Кто знаетъ, легко можетъ случиться, что среди Ньюпортскихъ удовольствій Джэнь забудетъ своего воздыхателя француза! Тогда онъ будетъ имѣть возможность избрать зятя, который не увезетъ его дочь къ антиподамъ.

Онъ понималъ что миссисъ Гаррисъ чувствуетъ родственное расположеніе къ французамъ, самъ же онъ предпочелъ бы американца, если-бы только тотъ понравился его дочери. Онъ полагалъ, что двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на берегу моря, будетъ достаточно для проведенія въ исполненіе этихъ намѣреній.

За завтракомъ онъ сказалъ женѣ и дочери, чтобы онѣ укладывались, что отъѣздъ назначенъ на послѣ-завтра. Они пробудутъ нѣсколько дней въ Нью-Йоркѣ, чтобы опустошить тамошнія магазины,—Гаррисъ хотѣлъ, чтобы его жена и дочь своими туалетами смѣло могли соперничать съ свѣтскими милліонерами Ньюпорта. Джэнь была поражена этимъ быстрымъ отъѣздомъ. Мать рассказала ей свой разговоръ съ отцомъ, и Джэнь ждала Рено, который долженъ былъ придти въ половинѣ дня, чтобы сообщить ему, а тутъ приходилось объявлять еще такую неприємную вещь, какъ отъѣздъ и разлука на цѣлыхъ два мѣсяца.

Гаррисъ замѣтилъ печаль своей дочери и сказалъ ей:

— Самъ остается здѣсь, нужно присмотреть за фабриками, но госпожа Бренъ, разумѣется, ѣдетъ съ нами, и тѣ изъ нашихъ друзей, которые захотятъ навѣстить насъ въ Ньюпортѣ, доставятъ намъ большое удовольствіе.

Джэнь поняла, что это относилось исключительно къ ней, и покраснѣла отъ удоволь-

ствія. Когда Марсель пришелъ, по приему миссисъ Гаррисъ и взгляду, брошенному на него Дженъ, онъ понялъ, что дѣла шли для него не слишкомъ дурно. Онъ еще больше убѣдился въ этомъ, когда черезъ нѣсколько минутъ въ паркѣ, на его нѣмой вопросъ, Джэнь отвѣтила въ присутствіи дѣвицы Бренъ.

— Мы ѣдемъ въ Ньюпортъ, гдѣ проведемъ нѣсколько недѣль; вы навѣстите насъ, если это доставитъ вамъ удовольствіе. Мои отецъ и мать рассчитываютъ на васъ.

— А вы?—застѣнчиво спросилъ влюбленный.

— О! Я буду счастлива!—отвѣчала она, протягивая свою ручку Марселю, который поцѣловалъ ее.—Притомъ, вы намъ будете очень нужны,—прибавила она,—кузенъ Самми остается здѣсь, а вы знаете, что у моего отца никогда нѣтъ свободнаго дня насъ времени. Дѣла, всегда только дѣла.

— Они успѣваютъ у него!

— Говорятъ! Милліоны все, милліоны. Слишкомъ много милліоновъ! Видите-ли, господинъ Мар... господинъ Рено!

— Зачѣмъ вы поправляетесь?

— Да, слишкомъ много милліоновъ, господинъ Марсель; имъ завидуютъ. Когда я подумаю объ этомъ громадномъ богатствѣ, мнѣ дѣлается страшно...

— Ты съ ума сходишь, дорогая моя,—замѣтила дѣвица Бренъ,—твой отецъ и твоя мать дѣлаютъ столько добра, они такъ великодушны...

— Да, это правда, богатство не повліяло на моего отца. Онъ всегда простъ, веселъ, щедръ! Не то, что господинъ Картеръ, отецъ Элленъ; честолюбивые замыслы не мѣшаютъ спать папѣ!

— Господинъ Гаррисъ лучший изъ людей,—сказалъ Марсель,—что-же касается вашей матери... Она—ангелъ!

— Да, кстати, мнѣ сейчасъ подали письмо Элленъ. Я успѣла прочесть только адресъ и разсмотрѣть штемпель,—Флоренція... Мы прочтемъ письмо вмѣстѣ, оно должно быть интересно,—моя подруга далеко не глупа. Тщеславна немного...—Джэнь вынула письмо, продуманное какими-то сильными и рѣзкими духами и съ комическою важностью принялась читать его вслухъ.

«Моя хорошенькая Джэночка»...

— По настоящему прилагательное слѣдовало опустить!—проговорила она конфузливо и поспѣшно продолжала дальше:

«Прости, что такъ долго тебѣ не писала, наши экскурсіи занимаютъ такъ много времени, что ничѣмъ другимъ заняться нельзя. Неаполь, Римъ, Венеція, Пиза—мы вездѣ побывали. Папа не пожертвовалъ мнѣ ни одной церковью, ни однимъ музеемъ, ни однимъ дворцомъ, ни одной пещерой, ни однимъ вулканомъ. Мы лазили на Везувій и спускались въ гроттъ Сивиллы. Я мерзла на Аппенинахъ и жарилась въ Сольфатарѣ. И вездѣ, на каждомъ шагу англичане и англичане,—я не сумѣю описать ихъ тебѣ,—они занимаютъ лучшія мѣста, забираютъ лучшія кушанья, говорятъ громко, рѣзко, особенно женщины,—и удивляются, если ихъ не понимаютъ.

«Неправда, этого не можетъ быть, мы не прощаемся отъ этихъ людей! У нихъ женъ, дочерей такія большія, плоскія ноги и длинныя плоскія зубы. У насъ, у американокъ, маленькія зубы и маленькія ноги! Хотя взгляни сама на себя.

«А картины! Если-бы ты видала папа передъ старыми картинами, некрасивыми, черными, которыми онъ по довѣрію любитъ, вѣдь онъ ничего въ нихъ не понимаетъ. Боже

ты мой, сколько Тиціановъ, Полевъ Веронезе, Рафаэлей! Какъ могли они такъ много рисовать, особенно Рафаэль, который умеръ такимъ молодымъ, отъ переутомленія работой, говоритъ моя воспитательница; отъ разстройства желудка, утверждаетъ кузенъ Карль,—будто онъ объѣлся маленькихъ, горячихъ булочекъ, которыя пекла Форнарина».

При этомъ, вполнѣ новымъ объясненіемъ преждевременной смерти Рафаэля, Рено чуть не расхохотался громко, но, къ счастью, удержался и миссъ Джэнь продолжала свое чтеніе.

«Во всякомъ случаѣ, не смотря на свои отвратительныя гостиницы, ужасныя экипажи, пыльные дороги, грязныхъ дѣтей и множество нищихъ,—Италія прелестная страна. Папа отъ нея въ восхищеніи, на каждомъ шагу ему говорятъ эччеленца—ваше сіятельство,—а мнѣ контессина. Это очень приятно! Вчера мы осматривали галереи П.лти. При нашемъ входѣ насъ встрѣтили низкимъ поклономъ, называя папу эччеленца,—а папа сейчасъ же далъ имъ два доллара, одинъ за себя, другой за меня. При переходѣ изъ первой залы во вторую, нашъ проводникъ, низко кланяясь и пропуская насъ, сказалъ: «синьоръ графъ, синьора графиня». Папа тутъ-же далъ ему гинейю. Черезъ полчаса мистеръ Картеръ былъ названъ маркизомъ и это ему обошлось два наполеона. Когда мы уходили, насъ провожали до кареты, титулы «маркизъ», «маркиза», «монсиньоръ», мой отецъ еще раскошелся. Я желала бы знать, какъ бы насъ стали титуловать, если бы мы еще часъ здѣсь пробыли. Если бы ты видѣла важный видъ папы, когда мы сѣли въ ландо, онъ одинъ занялъ сѣденье въ глубинѣ и всю дорогу раскланивался съ людьми, которыхъ зналъ не больше, чѣмъ они его. Вернувшись въ гостиницу, онъ написалъ длинное письмо, котораго мнѣ не прочиталъ, а гордо показалъ только адресъ: «Его сіятельству князю Мазерилло, палаццо Мазерилло, Римъ».

«Мы познакомились съ этимъ знатнымъ господиномъ и его сыномъ въ Римѣ у нашего посланника. Князь нѣсколько разбитъ, подкрашенъ, ему навѣрное лѣтъ семьдесятъ, сынъ его, герцогъ Сабріа, молодъ и хорошъ собою. Князь приглашалъ насъ къ себѣ и мы у него были. Онъ живетъ въ огромномъ дворцѣ, печальномъ, холодномъ, пустомъ, съ длиннѣйшей анфиладой полумелірованныхъ залъ, безъ ковровъ, безъ обоевъ. Но чего тамъ въ избыткѣ, такъ это картинъ! Тѣ же Тиціаны, Веронезе, Рафаэли,—на громадныхъ суммахъ. Къ сожалѣнію, владѣльцы этихъ богатствъ не могутъ ихъ продать, они только имѣютъ право любоваться ими при жизни. Такъ что князя Мазерилло и герцога Сабріа, которые далеко не богаты, могутъ умереть съ голоду передъ картиной «Бракъ въ Канѣ Галилейской», гдѣ на столахъ разставлены такія вкусныя и изысканныя блюда».

«Мой отецъ ни съ кѣмъ не бывалъ такъ любезенъ, какъ съ этими обездѣженными аристократами. Я слѣдовала его примѣру и когда герцогъ Сабріа принялся говорить мнѣ любезности, я благосклонно ихъ слушала. Затѣмъ вдругъ, не знаю почему, мы уѣхали изъ Рима, какъ разъ въ то время, какъ я начинала надѣяться, что герцогъ станетъ серьезно за мной ухаживать. Я ничего не спросила у папы, ты знаешь его, онъ все равно ничего бы мнѣ не отвѣтилъ и я начинала забывать своего поклонника,—когда мистеру Картеру вздумалось писать князю. Тутъ что-нибудь да есть. Я непремѣнно узнаю и напишу тебѣ.

«Что-же ты, моя мплотка...»

— Ну, этого я читать не стану,—вскричала Джэнь, вспыхнувъ.

— Что такое?—спросила Мари и, взявъ письмо изъ ея рукъ, продолжала чтеніе:

«...Развѣ у тебя нѣтъ десяти, двадцати обожателей? Ты такъ хороша! Но при этомъ ты такъ разсудительна и серьезна, что ты должна пугать ихъ вѣхъ. Но кончишь же ты тѣмъ, что выберешь кого-нибудь. О, тотъ, кого ты выберешь, долженъ гордиться, ты привяжешься только къ истиннымъ достоинствамъ,—что же касается меня, лишь бы только не возвращаться въ Чикаго, гдѣ кромѣ желѣзнодорожныхъ конокъ, пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, а въ качествѣobeliskовъ и Трояновыхъ колоннъ, фабричныхъ трубъ, ничего нельзя пайти,—я охотно выйду замужъ въ Европѣ, хотя бы для того, чтобы сдѣлаться графиней или княгиней. Не считай меня сумасшедшей».

«Мое глубочайшее почтеніе мистеру и миссисъ Гаррисъ; сердечный привѣтъ m-ле Бренъ дружеское пожатіе руки твоему длинному кузену, а тебѣ—звучный поцѣлуй».

Элленъ Картеръ».

— Ахъ! здѣсь есть еще постъ-скриптумъ,—вскричала Мари, онъ мнѣ кажется вѣщью всего.

«Р. С.—Графиней! Фи! поднимай выше,—я буду герцогиней Сабріа, голубка! Его сіятельство князь Мазерилло прибылъ сегодня во Флоренцію и самолично принесъ отвѣтъ на письмо моего отца и десять минутъ тому назадъ, въ присутствіи своего сына и моего, онъ сказалъ по французски, съ самымъ ужаснѣйшимъ удареніемъ:

«Ваше сіятельство, честь имѣю просить руки вашей дочери для моего сына, герцога Сабріа, который по моей смерти сдѣлается княземъ Мазерилло. Онъ единственный наследникъ нашего имени и богатства и глава нашего дома, происхожденіе котораго восходитъ до начала Италіи, и который въ своихъ рядахъ насчитываетъ двухъ папъ и одного святого». «При словѣ «ваше сіятельство» я оглянулась, отыскивая, къ кому оно могло бы относиться, но окончаніе фразы меня убѣдило, что оно относится исключительно къ моему отцу. Папа выпрямился и съ достоинствомъ,—увѣряю тебя,—отвѣчалъ:

«Монсieur, вы оказываете мнѣ большую честь вашимъ предложеніемъ, и отдаете полную справедливость красотѣ и добродѣтели моей дочери Элленъ, единственной наследницѣ моихъ богатствъ и которой я даю десять милліоновъ въ приданое».

«У каждого своя гордость! Но цифра—десять милліоновъ—не произвела такого впечатлѣнія на князя и его сына, какое произвело на насъ сообщеніе о двухъ папахъ и святомъ въ числѣ предковъ. Последнее даже въ Италіи встрѣчается рѣже, чѣмъ милліоны у насъ въ Америкѣ».

«Послѣ словъ паны герцога Сабріа подошелъ ко мнѣ и съ меньшимъ акцентомъ, чѣмъ его отецъ, сказалъ по французски: «Сударыня! я посвящу свою жизнь, чтобы сдѣлать васъ счастливой».

«Не правда-ли, это было очень мило? Я сейчасъ-же опустила свою руку въ его; затѣмъ князь раскрылъ свои объятія, я въ нихъ бросилась,—онъ поцѣловалъ меня въ обѣ щеки, называя своей милой, дорогой дочкой. Сегодня вечеромъ мы обѣдаемъ вмѣстѣ, а свадьба назначена въ будущемъ мѣсяцѣ. Папа называетъ меня «своей герцогиней», а я ему серьезно говорю «ваше сіятельство». Еще разъ цѣлую!»

— Все!—сказала Мари Бренъ, возвращая Джэнь письмо.

— Думаю, и того довольно,—замѣтила та со смѣхомъ.—Мнѣ кажется, что и отецъ и дочка не совѣмъ въ своемъ умѣ.

— А васъ не соблазнить ни титулъ, ни знатное имя?—спросилъ Рено.

— Вы заслуживаете утвердительнаго отвѣта,—да, соблазнить!

— Простите.

Дѣвицъ отозвали домой, чтобы онѣ распорядились укладкой вещей. Марсель попросилъ позволенія у Джэнь навѣстить ихъ передъ отъѣздомъ и провожать на поѣздъ.

— И я могу навѣстить васъ въ Ньюпортѣ?

— Какъ можно скорѣе.

Черезъ два дня консулъ и Торнеръ провожали своихъ отъѣзжающихъ друзей. Торнеръ былъ очень огорченъ разлукой съ своей кузинкой, ему приходилось первый разъ разставаться съ нею такъ на долго.

Пожатія рукъ, восклицанія, добрыя пожеланія, продолжительный прощальный взглядъ между Марселемъ и Джэнь и поѣздъ тронулся и быстро исчезъ изъ виду. Марсель стоялъ неподвижно, не спуская глазъ съ того мѣста, гдѣ разсѣялся послѣдній дымокъ. Вдругъ кто-то тронулъ его за руку и сказалъ:

— Сколько бы мы ни смотрѣли, мы не заставимъ поѣздъ вернуться. Идемте.—И добродушный Самъ увелъ его.

Онъ не скрывалъ своей досады и огорченія, и Марсель спросилъ его:

— Вы недовольны этимъ путешествіемъ? Оно огорчаетъ васъ?

— А васъ?—возразилъ Торнеръ.—Будто это не видно. Не считайте меня ужъ такимъ дуракомъ.

— Я вовсе не имѣю о васъ такого дурнаго мнѣнія. Напротивъ! Значитъ, вы знаете?

— Я знаю все, что касается моей маленькой Жаннеточки и вотъ почему я полюбилъ васъ. Выходитъ ей замужъ придется. Пусть ужъ лучше въ такомъ случаѣ она выйдетъ за васъ, чѣмъ за кого-нибудь другого.

Гаррисы пріѣхали въ Нью-Йоркъ на другой день вечеромъ, и въ теченіе двухъ дней Джо тщетно пытался навѣстить на свою жену и дочь самыя роскошныя и бросающіяся въ глаза драгоцѣнности. Онѣ купили только необходимое и изыщное и черезъ нѣсколько дней вся семья поселилась въ Ньюпортѣ, въ роскошной виллѣ.

Мистеру Гарризу не разъ говорили, въ особенности Джэнь Картеръ, о гордой замкнутости ихъ богачей-соотечественниковъ,—которые, вида, какъ быстро создаются нины богатства, рѣшили держаться въ сторонѣ отъ этихъ выскочекъ и составили такимъ образомъ настоящую денежную аристократію. Но Гаррисъ полагалъ, что Картеру не удалось перешагнуть порога этихъ господъ потому, что онъ былъ слишкомъ грубъ и нестесанъ, настоящій свинной король. Гаррисъ не находилъ въ этомъ отношеніи, забывая свое прошлое, никакого сходства между собою и Картеромъ и полагалъ, что ему стоить только появиться, чтобы быть вездѣ принятымъ, но онъ жестоко ошибся. Нѣкоторые отвѣтили на его визитъ присылкой карточки, а другіе и того не сдѣлали. При встрѣчахъ, гдѣ бы это ни было, съ нимъ только раскланивались. Встрѣчая Джо безъ его жены и дочери, порядочности и красотъ которыхъ всѣ отдавали должную справедливость, съ нимъ перекидывались двумя, тремя словами, но двери всѣхъ этихъ виллъ-дворцовъ оставались закрытыми для семьи Гаррисъ, которые принимали у себя

дѣйствительно весьма порядочное общество, но никого изъ членовъ этой высшей аристократіи. Джо считалъ себя униженнымъ, по его семья не обращала вниманія на этотъ остракизмъ, находя полное вознагражденіе въ окружающемъ ихъ пріятномъ обществѣ, къ которому скоро присоединился и господинъ Рено.

Его пріѣзду обрадовался даже самъ Гаррисъ,—онъ не преминулъ напечатать въ газетахъ, что господинъ Марсель Рено, французскій консулъ въ Чикаго и дипломатъ съ блестящею будущностью, гоститъ у Максима Гарриса, извѣстнаго негодянта-промышленника изъ Чикаго, и начиналъ уже забывать свои неудавшіяся попытки завести знакомства, какъ вдругъ получилъ слѣдующее письмо отъ Джона Картера изъ Рима:

«Дорогой Гаррисъ, спѣшу сообщить вамъ великую новость, которую одновременно съ этимъ письмомъ я посылаю во всѣ большія газеты Штатовъ. Моя дочь Элленъ сдѣлалась, съ сегодняшняго утра, герцогиней Сабріа, то есть невѣсткой знатнаго князя Мазерилло, отца ея мужа. Это одна изъ самыхъ древнихъ, самыхъ знатныхъ фамилій Италіи. Я далъ своей дочери десять милліоновъ приданого и принимаю на себя всѣ расходы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, которые молодая семья будетъ проводить каждый годъ у меня въ Чикаго и въ Ньюпортѣ, гдѣ наши гордые соотечественники, не желавшіе принимать мистера Картера и его дочь, будутъ счастливы бывать у герцога и герцогини де-Сабріа.

«Элленъ пишетъ вашей дочери, что и она можетъ сдѣлаться знатной дамой, передъ которой всѣ будутъ склоняться.

«Мой поклонъ миссисъ Гаррисъ и Джэнь и дружескій привѣтъ вамъ.

Джонъ Картеръ».

— Не глупое дѣло бракъ его дочери, и это обошлось ему только десять милліоновъ, замѣчательно дешево. Что-же, и я могу бы купить такого герцога, если бы онъ оказался подъ рукой. И затѣмъ господинъ Рено даже не графъ,—онъ сейчасъ получилъ-бы мое согласіе. Я не знаю ни одного герцога, да и притомъ весь домъ на меня возстанетъ: Джэнь будетъ очень огорчена, моя жена тоже, и m-ле Бренъ! А Самми, демократъ Самми, который съ той поры, когда я ранилъ этого барона Марго, Марга, чортъ его знаетъ,—поклонялся въ вѣчной ненависти всему дворянству. Рено счастливъ, что онъ даже не баронъ, Самми съ перваго же дня поссорился бы съ нимъ! Ну, будетъ думать объ этомъ, а то я сдѣлаюсь такъ-же смѣшонъ, какъ Джонъ Картеръ. А сказали ли онъ князю Мазерилло, сколько свиней онъ ежегодно закалывалъ?

Проговоривъ эту фразу, Гаррисъ принялся за остальные письма.

За завтракомъ, за которымъ присутствовалъ и Марсель, Джэнь сказала отцу, что получила письмо отъ Элленъ съ сообщеніемъ ея бракосочетанія съ герцогомъ Сабріа, и прочла громко послѣднія строчки письма.

«Мы ѣдемъ въ Парижъ; затѣмъ покатаемся по морю, а въ будущій сезонъ пріѣдемъ въ Ньюпортъ, гдѣ мнѣ будетъ очень пріятно слышать, какъ тѣ-же люди, которые презрительно произносили: «бѣдняжка Элленъ Картеръ», теперь будутъ почтительно говорить «герцогиня». Но для твоихъ и въ особенности для тебя, моя Джэночка, я останусь всегда любящей и отъ всего сердца цѣлующей тебя Герцогиней Элленъ».

— Очень мило!—со смѣхомъ замѣтила миссисъ Гаррисъ.—Госпожа герцогиня Сабріа

снисходительно продолжает любить тебя и, может быть, сдѣлаетъ намъ честь, представить своего знатнаго супруга. Бѣдняжка, какъ быстро титулъ свернулъ ей голову.

Слыша насмѣшки жены, Джо не рискнулъ показывать письма Картера. А на другой день весь этотъ эпизодъ былъ забытъ за болѣзнию миссисъ Гаррисъ.

IX. Неизбѣжное.

Наканунѣ, миссисъ Гаррисъ довольно поздно гуляла по берегу моря, сильно прозябла и, не смотря на припавшій немедленно мѣры, провела скверную ночь. Докторъ опасался воспаления легкихъ. Не трудно себѣ представить, какъ была перепугана вся семья. Хотя миссисъ Гаррисъ и была еще молода, но здоровье ея всегда было довольно слабо и кромѣ того она страдала порокомъ сердца. Докторъ принялъ всѣ мѣры, чтобы не дать болѣзни развиться и первую недѣлю все шло хорошо, но затѣмъ у больной появилось хрипѣніе въ груди, которое встревожило доктора и онъ попросилъ созвать консультацию.

— Развѣ моей женѣ такъ плохо?—спросилъ Джо, задыхаясь.

— Нѣтъ, положеніе ея еще не такъ опасно, но я желалъ бы переговорить со свѣтлыми науки.

— Телеграфируйте доктору Моррису,—сказалъ Марсель Гаррису.

— Вы правы!

Моррисъ былъ ихъ постояннымъ домашнимъ врачомъ, и Гаррисъ тутъ-же написалъ ему телеграмму и отправилъ ее. Черезъ нѣсколько минутъ въ рабочій кабинетъ отца, гдѣ находился еще докторъ Рено, вбѣжала разстроенная Джэнь и вскричала:

— Я прочла твою телеграмму доктору Моррису. Развѣ мамочка такъ больна? — И она разрыдалась.

Джо бросился къ ней и, нѣжно лаская, сказалъ:

— Ничего нѣтъ опаснаго, дитя мое. Если я прошу нашего друга Морриса пріѣхать, то только потому, что онъ давно и хорошо знаетъ натуру твоей матери. Онъ поможетъ своему коллегѣ, вотъ и все. Не такъ-ли, докторъ?

— Совершенно вѣрно, — подтвердилъ докторъ Брандонъ.

Джэнь взглянула на Рено, какъ-бы прося его подтвердить всѣ эти слова.

— На столько вѣрно, — отвѣчалъ консулъ, — что это я далъ совѣтъ вашему отцу телеграфировать доктору Моррису.

— Правда?

— Клянусь вамъ.

— Благодарю, благодарю, — и она протянула ему свою маленькую ручку. Только, — прибавила она, подумавъ минутку, — не испугаетъ-ли маму пріѣздъ доктора Морриса? Не предупредить-ли ее?

— Вы правы, — замѣтилъ врачъ, — сдѣлайте это.

— Сейчасъ, а вы придете вечеромъ?

— Непремѣнно.

Джэнь убѣждала, по, подобдя къ двери комнаты матери, она тихонько отворила ее и рассказала матери, что произошло. Госпожа Гаррисъ вдрогнула и задумалась. Затѣмъ, поцѣловавъ свою дочь, она сказала:

— Твой отецъ хорошо сдѣлалъ. Поблагодари его отъ меня и позови ко мнѣ м-ле Бренъ. Мнѣ нужно сдѣлать кое-какія распоряженія по дому.

Джэнь быстро исполнила порученіе и когда дѣвица Бренъ вошла, госпожа Гаррисъ попросила ее запереть всѣ двери и сказала:

— Мой мужъ телеграфировалъ доктору Моррису, чтобы тотъ пріѣхалъ. Объясненія Джэнь меня не могли обмануть, — я знаю, что если докторъ Брандонъ желаетъ присутствія своего коллеги, значитъ онъ находитъ, что моя болѣзнь опасна. Впрочемъ, я сама чувствую, что не встану. Не прерывайте меня, — продолжала миссисъ Гаррисъ. — Мистеръ Моррисъ пріѣдетъ, — превосходно, но вѣдь это только врачъ тѣла. Присутствіе другого врача, душевнаго, будетъ мнѣ цѣннѣе, вы понимаете, присутствіе нашего святаго аббата Фокстона. Телеграфируйте ему, что я желаю его видѣть. Скажите ему, что его утѣшенія придадутъ мнѣ мужества. И никому не говорите объ этомъ.

— Но навѣрное, я убѣждена, что вы преувеличиваете. Ваше положеніе не такъ опасно.

— Все равно, исполните мою просьбу. Аббатъ Фокстонъ не усилитъ моей болѣзни... А я увѣрена, что онъ укрѣпитъ мою душу.

— Я сейчасъ ему телеграфирую.

— Да, да! И никому ни слова. Подѣлуйте меня.

Когда дѣвица Бренъ наклонилась къ ней, она прошептала ей на ухо:

— Когда меня не будетъ, не покидайте Джэнь.

— О, дорогая миссисъ Гаррисъ, къ чему такіе мысли!

— Обѣщаете мнѣ?

— Клянусь; мнѣ тѣмъ легче будетъ исполнить мою клятву, что я надѣюсь многіе годы еще прожить между вами и ею!

Больная взглянула на распятіе слоновой кости, висѣвшее надъ ея кроватью и, печально улыбувшись, закрыла глаза.

Черезъ десять минутъ была отправлена телеграмма почтенному аббату Фокстону. Дѣвица Бренъ прибавила въ ней, что доктора Морриса вызвали тоже и что аббатъ можетъ, если это ему удобно, предложить врачу ѣхать вмѣстѣ.

Почему миссисъ Гаррисъ взяла съ дѣвицы Бренъ обѣщаніе никогда не оставлять Джэнь и почему она такъ наставляла на пріѣздъ аббата? Она вполне довѣряла своему мужу и знала, что онъ очень любитъ свою дочь, но вѣчно занятой, погруженный въ свои спекуляціи, онъ многого могъ не замѣтить, а по своей религіи и чисто французскому воспитанію, Джэнь была одинока въ семьѣ Гаррисъ и ея будущность весьма тревожила ея мать. Мысль выдать свою дочь за Рено, француза-католика, очень ей улыбалась.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Выгонъ въ поле. Съ картины художника *К. Штейфеля*.

Молодыхъ лошадей, наскучавшихъ за зиму въ душной конюшнѣ, выпустили на свѣжій воздухъ. Пришло время выгнать ихъ въ поле цѣлымъ табуномъ. Молодая лошадка, вырвавшись на волю, шалитъ, прыгаетъ, капризно грызетъ загородку. Кобылка осторожно выходитъ изъ двери конюшни, слѣдя за своимъ сосункомъ-жеребеночкомъ. А онъ—потѣшный, еще неуклюжий и неловкій—комично машетъ крошечнымъ хвостикомъ и насторожилъ уши. Ему въ первый разъ приходится видѣть солнце, зелень, поле. Весело тоится онъ на мѣстѣ и предвкушаетъ удовольствіе приобщеннаго житья со сверстниками въ табунѣ.

За ягодами. Съ картины художника *Ю. Адама*.

Подъ горячими лучами солнца пышно распустились и расцвѣли, потонувъ въ заросли, налились и созрѣли разными ягодами. Привольно въ лѣсу въ эту пору пахнетъ земляникой, брусникой, черемухой, дикой малиной и смородиной. Вотъ цѣлая кампанія дѣтей за-

тѣяла экскурсію въ лѣсъ за ягодами. Какъ щебечутъ птички, разсѣялись по кустамъ и по полянкамъ, звонко болтающія дѣти. Кто собираетъ сочные ягоды въ корзиночки, кто въ кувшинчики, но болѣе всего, конечно, въ свой собственный ротъ. Самые маленькіе, подъ надзоромъ нянекъ, расположились на опушкѣ въ тѣни. Веселое дѣло—собирать ягоды въ лѣсу!

Портретъ жениха. Съ картины художника *Г. Вильямса*.

Съ далекой чужбины прислалъ этой печальной красавицѣ любимый женихъ свой портретъ. Жадно всматривается она, исстрадавшая тоской разлуки—въ любимыя черты, ищетъ въ нихъ перемены... «Не похудѣлъ-ли онъ? Ужъ не болѣнъ-ли?» Ея подруги съ любопытствомъ заглядываютъ въ карточку и по своему сочувствуютъ печальной невѣстѣ. У каждой тоже есть завѣтный портретъ если не въ ящикѣ туалета, то уже навѣрное въ глубинѣ сердечка!..

Первое плаваніе. Съ картины художника *К. Зюса*.

Для этихъ чистыхъ, смѣшныхъ крошекъ-утятъ ихъ лужица, поросшая травой, цѣлый міръ! Они то и дѣло открываютъ въ ней разные чудные уголки, новыя развлеченія и удовольствія. Вотъ самый изобрѣтательный изъ нихъ придумалъ новую игру. Отважно вскочивъ на камень, онъ хлопаетъ крошечными крылышками и что-то громко пищитъ. Остальные члены веселой компаніи съ интересомъ смотрятъ на смѣлачка, барахтающаго въ водѣ. Каждому хочется вскочить на камень и похлопать крылышками: это такъ интересно!..

Цвѣты и любовь. Съ картины художника *К. Гоффа*.

«Цвѣты и любовь! Глубоко
Хрустальное небо надъ нами;—
Лучами его золотыми
Дышать и свѣжо, и легко!..»

Какъ рыцарь прекрасенъ и молодъ!
Какъ чудно-прекрасна—она!
Небѣдомъ имъ жизненный холодъ,
И даль ихъ блаженства ясна!

О, пусть ихъ минуютъ невзгоды
О, пусть—какъ сегодня—они
Проводятъ счастливые дни
Счастливой любви и свободы!..»

Сосновый лѣсъ. Съ картины профессора *И. Шишкина*.

Маститый художникъ, профессоръ И. Шишкинъ давно уже стяжалъ себѣ славу перваго мастера по части лѣсного пейзажа. Гуща сосноваго лѣса, съ его колоннадой стройныхъ стволовъ, съ ясными бликами пробивающагося солнца—вотъ любимый сюжетъ почтеннаго художника, всегда и вездѣ ему удающійся.

Джигитовка казаконъ.

Недавно въ одномъ изъ предѣдущихъ номеровъ нашего журнала, мы уже дали подробное описаніе удивительной джигитовки на Ходынскомъ полѣ, бывшей 26-го мая, восхитившей и поразившей иностранныхъ гостей, и здѣсь намъ нечего прибавлять къ этому описанію.

Жюль-Симонъ (сконч. 27-го мая).

Въ № 24 «Жив. Обзоръ», въ «Хроникѣ» мы говорили уже о смерти извѣстнаго французскаго ученаго Жюль-Симона и дали его биграфію. Здѣсь прибавимъ еще, что Вильгельмъ II прислалъ во Францію по поводу этой смерти сочувственную телеграмму. Кромѣ того, графъ Мюнстеръ обратился къ вдовѣ Жюль-Симона съ письмомъ, въ которомъ сообщилъ ей, что императоръ Вильгельмъ, получивъ извѣстіе о понесенной ею жестокой утратѣ, поручилъ ему, въ знакъ глубокой симпатіи, возложить вѣнокъ на гробъ великаго француза, какимъ былъ Жюль Симонъ. Въ отвѣтъ на телеграмму германскаго императора по случаю кончины Жюль-Симона президентъ Форъ послалъ слѣдующую телеграмму: «Франція будетъ тронута чувствами, которыя ваше величество изволили выразить по случаю кончины одного изъ знаменитѣйшихъ сыновъ ея. Прошу ваше величество соизволить принять выраженія моей полной признательности. Феликсъ Форъ». Во французскомъ сенатѣ президентъ произнесъ рѣчь, посвященную памяти и заслугамъ Жюль-Симона, послѣ чего сенатъ вотировалъ кредитъ на національныя похороны усопшему и постановилъ въ знакъ траура закрыть засѣданіе.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату.

За окончаніемъ, съ Божіею помощію, торжествъ Священнаго Коронованія Нашего, признали Мы за благо установить въ память сего событія серебряную медаль на Андреевской лентѣ для ношенія въ петлицѣ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ—портрета Нашего, а на другой сторонѣ—надписи: «Коронованъ въ Москвѣ, 14-го мая 1896 г.», и ношеніе таковыхъ медалей предоставлять:

1) всѣмъ состоящимъ на дѣйствительной службѣ класснымъ и некласснымъ, а также нижнимъ чинамъ, находившимся въ Москвѣ во время торжествъ Священнаго Коронованія;

2) всѣмъ сословнымъ и другимъ представителямъ, бывшимъ въ Москвѣ на торжествахъ Короваціи,—и

3) всѣмъ безъ исключенія лицамъ, принимавшимъ участіе въ работахъ по приготовленію и по устройству торжествъ Священнаго Коронованія.

Выдачу установленныхъ медалей и свидѣтельствъ на оныя возложили Мы на Капитулъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ.

Правительствующій Сенатъ не оставить сдѣлать по настоящему предмету надлежащее исполненіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Франція. — Парижская палата депутатовъ въ одинъ день покончила съ мадагаскарскимъ вопросомъ. Участъ Мадагаскара рѣшена теперь окончательно. Островъ становится французскою колоніею и открытымъ рынкомъ для французской торговли и промышленности, тогда какъ остальнымъ европейскимъ державамъ, не исключая Англіи, а также и Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, придется подчиниться введенію на Мадагаскарѣ французскаго таможеннаго режима.

— Кабинетъ Мелина-Гапото, твердо стоящій у власти, выдержалъ на-дняхъ довольно побѣдоносно запросъ палаты о клерикальных беспорядкахъ въ Пуатье и другихъ мѣстахъ. Мэръ Пуатье отказалъ процессіи проходить по улицамъ. Тогда католики устроили демонстрацію. 3-го іюня, по выходѣ изъ собора, они двинулись по улицамъ со знаменами; натолкнувшись на цѣль полицейскихъ, они опро-

кинули ихъ и разсѣялись по городу съ криками: «Отставка! Отставка! Да здравствуетъ свобода совѣсти!» Возбужденное населеніе отвѣчало въ свою очередь: «Да здравствуетъ республика!» Въ заключеніе произошла свалка. Кто-то хотѣлъ вырвать у манифестантовъ трехцвѣтное знамя съ изображеніемъ Христа, но былъ смятъ разъяренной толпой. Если-бы не вмѣшательство полиціи, онъ былъ-бы, навѣрное, убитъ. Тѣмъ временемъ манифестация

Чангъ сдѣлалъ много заказовъ германскимъ заводамъ. Въ Новомъ дворцѣ состоялся въ честь Ли-Хунъ-Чанга завтракъ, на которомъ присутствовали императорская чета, принцъ Фридрихъ-Леопольдъ съ супругою, принцъ Альбертъ бельгійскій, другіе августѣйшія особы, имперскій канцлеръ и члены китайской миссіи. Вице-король сидѣлъ напротивъ императора. Послѣ завтрака императоръ и вице-король присутствовали на боевомъ ученіи учебнаго пѣхотнаго баталіона. Германскія газеты разсчитываютъ на многія уступки и льготы со стороны Китая за оказанныя ему услуги.

— 6-го іюня, въ четвергъ, на Кифгейзерской горѣ, прославленной легендою о Барбароссѣ, состоялось при великолѣпной погодѣ открытіе памятника императору Вильгельму I, сооруженнаго на средства военныхъ фереиновъ, которые съ этою цѣлью собрали по подпискѣ свыше милліона марокъ. На церемоніи присутствовали: императоръ, августѣйшіе представители всѣхъ германскихъ государствъ, въ томъ числѣ король Виртембергскій и великіе герцоги Веймарскій и Баденскій и депутаты отъ 16,000 военныхъ фереиновъ. Ровно въ полдень императоръ прибылъ къ мѣсту, гдѣ возвышается памятникъ, и былъ восторженно привѣтствованъ народными массами и выстроенными шпалерами военными фереинами.

Италія. — Послѣ пораженія при Адуа генераль Баратьери былъ отданъ подъ судъ. Боевые генералы—судьи оправдали, однако, итальянскаго полководца. Въ оправдательномъ приговорѣ говорится, что мотивы, побудившіе генерала дать сраженіе, ни на чемъ не основаны;

что въ бою, генераль не сумѣлъ направлять ходъ сраженія, чтобы дать ему не такой роковой исходъ; что онъ не оказался на высотѣ положенія, не смотря на героизмъ, состоявшихъ подъ его командой, войскъ; что онъ не сумѣлъ даже оступитъ въ порядкѣ. Но тотъ-же приговоръ считаетъ недоказаннымъ обвиненіе, будто Баратьери, нападая, повиновался стороннимъ вѣяніямъ. Онъ оставался все время подъ пулями потступилъ послѣднимъ. «Вотъ почему, говорится въ заключеніе, судъ не считаетъ возможнымъ произнести обвинительный приговоръ, но онъ не можетъ не скорбѣть, что знамя Италіи въ часъ испытанія ввѣрено было въ слабыя и некомпетентныя руки».

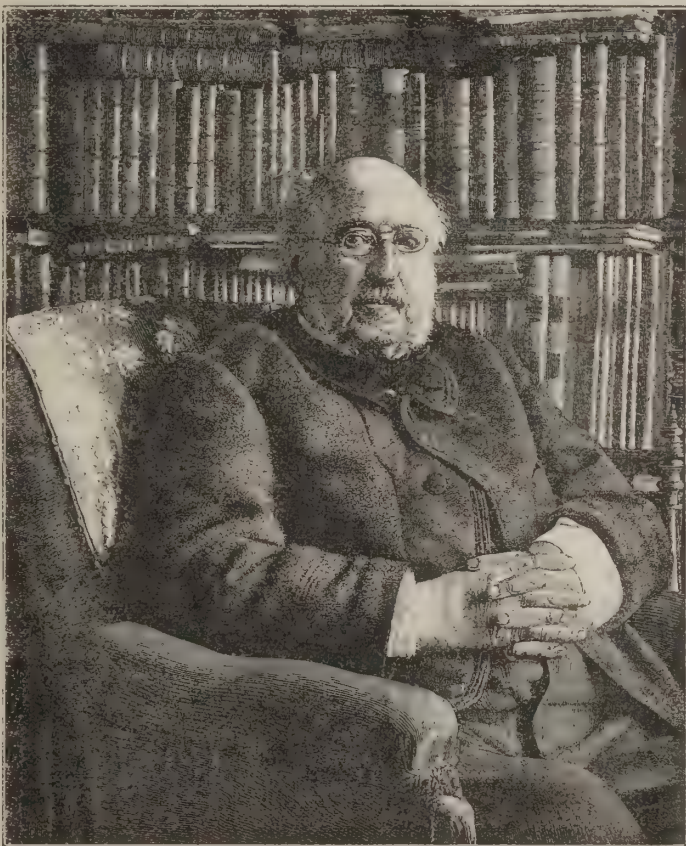
Жюль Симонъ.

(Французскій ученый, скончался 27-го мая 1896 г.).

принимала все большіе размѣры. На главной площади были разбиты и разграблены лавки. Такія-же демонстраціи, съ убитыми и ранеными, произошли и въ Теркоанѣ и во многихъ другихъ пунктахъ. Порядокъ былъ восстановленъ только съ большимъ трудомъ. Состоявшійся въ Елисейскомъ дворцѣ совѣтъ министровъ рѣшилъ на основаніи дознанія, произведеннаго по дѣлу о процессіяхъ по случаю праздника Тѣла Господня, неминуемо привлечь архіепископа камбрэскаго къ ответственности передъ государственнымъ совѣтомъ и приостановитъ выдачу содержанія тѣмъ священникамъ, которые приняли участіе въ процессіяхъ вопреки запрещеніямъ мэровъ.

Германія. — Китайскій канцлеръ гоститъ въ Берлинѣ. Пріемъ его роскошенъ. Ли-Хунъ-

Абиссинія. — Извѣстный путешественникъ Н. Леонтьевъ сообщилъ 5-го (17-го) іюня по

кабелю слѣдующее извѣстіе:—«Желая принять участіе въ празднествахъ по случаю Священнаго Коронованія Императора Николая II дѣломъ милосердія, негусъ Абисиніи возвратилъ свободу 50 итальянцамъ, взятымъ въ плѣнъ его войсками и заключеннымъ въ Эн-тото. Мнѣ поручено доставить въ столицу отрядъ «Краснаго Креста», находящагося еще въ Харарѣ. Н. Леонтьевъ».

Персія.—Новый шахъ Музафферъ-Эддинъ, вступая на престолъ, официально объявилъ, что отнынѣ должностнымъ лицамъ будутъ жалованы военные титулы и ордена лишь въ видѣ наградъ за заслуги, но отнынѣ не какъ прежде: на основаніи денежныхъ соображеній.

Турція.—Возмущеніе на Критѣ все еще вполне не успокоивается. По прибытіи изъ Александретты еще двухъ баталіоновъ, численность турецкихъ войскъ на островѣ Критѣ доведена до 20,000 человекъ. Не смотря на это, военные дѣйствія фактически приостановлены. Инсургенты удалились въ горы, турецкія войска очистили города и Абдуллахъ-паша, повидимому, исполненъ лучшихъ намереній охранять прибрежное населеніе отъ дальнѣйшихъ страданій.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

По почину соединеннаго русскаго пожарнаго общества, состоящаго подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича, 25-го іюня въ Нижнемъ Новгородѣ открывается съѣздъ пожарныхъ дѣятелей. Это второй съѣздъ въ Россіи, по составленной программѣ докладовъ представляющей не малый интересъ.

— Нѣсколько любителей древней письменности организуютъ кружокъ, ставящій своей задачей охранять отъ истребленія документы, заключающіеся въ старыхъ дѣлахъ, назначаемыхъ за давностью къ уничтоженію. Въ своемъ уставѣ, къ составленію котораго уже приступлено; кружокъ выговариваетъ себѣ право дѣйствовать по всей Имперіи и посылать своихъ членовъ во всѣ архивы, въ которыхъ назначаются къ уничтоженію старыя дѣла.

— На устройство убѣжища для призрѣнія и воспитанія дѣтей лицъ, пострадавшихъ на народномъ праздникѣ 18-го мая, поступило съ 28-го мая въ московскую думу 4,622 руб.; на устройство часовни на мѣстѣ братской могилы погибшихъ—500 р.; въ распоряженіе городского головы въ пользу лицъ, пострадавшихъ на Ходынскомъ полѣ—646 р.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

7-го іюня въ Петербургѣ состоялась торжественная церемонія перевезенія Императорскихъ регалій съ Николаевского вокзала въ Зимній дворецъ. Ровно въ 4 часа подошелъ поѣздъ съ Императорскими регаліями. Сопровождалъ генераль-адъютантъ Костанда. Императорскія регаліи были вручены назначеннымъ для того высокопоставленнымъ лицамъ, которые относили ихъ въ Императорскія комнаты, и затѣмъ начался церемоніаль торжественнаго перевезенія ихъ въ Зимній дворецъ. Императорскія регаліи съ сановниками, ихъ несущими, прибыли черезъ главные ворота Зимняго дворца къ посольскому подъ-

ѣзду. Здѣсь сановники при ассистентахъ вышли изъ каретъ и прослѣдовали во внутреннія комнаты Зимняго дворца. Впереди ихъ два скорохода, два гофъ-фурьера, камеръ-фурьеръ, четыре камеръ-юнкера, четыре камергера, два церемоніймейстера и оберъ-церемоніймейстеръ. Затѣмъ въ прежнемъ порядкѣ были несены Императорскія регаліи. Шествіе слѣдовало въ Бриллиантовую комнату, гдѣ находился управляющій министерствомъ Императорскаго двора генераль-адъютантъ баронъ Фредериксъ, который принималъ изъ рукъ сановниковъ Императорскія регаліи и помещалъ ихъ въ предназначенное для нихъ мѣсто.

XVI ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

— Въ художественномъ отдѣлѣ по всему зданію разставлены въ нѣсколько рядовъ плоды современнаго творчества. Г. Ребертъ на богатомъ полотнѣ изобразилъ Илью Муромца и Нахвальщика т. е. собственно Илью, ожидающаго Нахвальщика. Г. Беркось положилъ на полотно груду разноцвѣтныхъ камней. Г. Сергѣевъ выставилъ «Первый снѣгъ» и «Яблоня въ цвѣтѣ»; повидимому, на картинахъ его изображается Украина; имъ же выставлены «Грибы» разныхъ видовъ и очень яркой окраски. Краски большинства картинъ ослѣпительно ярки, идеи—темны.

Въ художественномъ отдѣлѣ есть картины Айвазовскаго, Маковского, «Свадьба въ тюрьмѣ» Матѣева, картины Киселева изъ античной жизни, «Шахтеры» Касаткина, картина Боткина, «Схватка» Мазуровскаго, Новоскольцева «Опричники», «Подѣланный обрядъ» Маковского. Въ отдѣлѣ акварелистовъ интересны акварели Вилліе, дающаго рядъ мотивовъ древнерусскаго орнамента, виды старыхъ русскихъ церквей въ Угличѣ, Романо-Борисоглебскѣ, Ростовѣ и ихъ художественныхъ рѣдкостей; Е. Бэмъ, знающая дѣтскую жизнь и душу, выставила «Питеръ женится—Москва замужъ идетъ» и еще другую картинку изъ дѣтской жизни. Живо написаны «Шіоны» Шрейбера, «На покое» Морозова, акварели Н. Н. Каразина и проч.

Военный и морской отдѣлы на выставкѣ обращенъ своимъ фасадомъ на цвѣтники и сады, окружающіе Царскій павильонъ, и составляетъ вѣсть съ ними наиболѣе красивую группу на выставкѣ, на которую открывается красивый видъ съ балконовъ Царскаго павильона. Военный отдѣлъ занимаетъ большую часть этого зданія.

Палатки, рядомъ съ главнымъ входомъ, помѣщаются: полевое орудіе, интендантскія фуры и палатки; вдоль бокового и задняго фасада расположены санитарные вагоны разныхъ системъ. Экспонаты отдѣла даютъ весьма наглядное представленіе о современном состояніи военнаго дѣла въ Россіи.

Главное артиллерійское управленіе представило всѣ новѣйшія усовершенствованія въ области боевого вооруженія войскъ. У самаго входа въ военный отдѣлъ обращаетъ на себя вниманіе девяти-дюймовая крѣпостная мортира; здѣсь же находится восьми-дюймовая осадная мортира на лафетѣ. Заслуживаютъ вниманія: огромное колесо, служащее для перемѣщенія крѣпостныхъ орудій, и горная пушка 2½ д. калибра, отличающаяся отъ обыкновенныхъ пушекъ своею легкостью и приспособленіями для перевозки на вьюкахъ. Въ той же комнатѣ стоятъ пять чучелъ лоша-

дей съ навьюченными на нихъ артиллерійскимъ грузомъ—пушками, лафетами и прочими принадлежностями. Въ центральной башнѣ зданія отдѣла устроена военно-почтовая голубиная станція съ полнымъ образцовымъ инвентаремъ. На выставкѣ имѣется 240 голубей, которые дрессируются по направленію къ Москвѣ.

— *Морской отдѣлъ* помѣщается въ одномъ зданіи съ военнымъ. Въ этомъ отдѣлѣ собраны произведенія заводовъ, мастерскихъ и различныхъ учрежденій, принадлежащихъ только морскому вѣдомству. Изъ числа отдѣльных учреждений морского министерства, принимающихъ участіе въ выставкѣ слѣдующія: главное гидрографическое управленіе, крошадтскій и с.-петербургскій порты съ находящимися въ ихъ вѣдѣніи заводами и мастерскими, обуховскій заводъ, ижорскій заводъ и морской музей. Направо отъ входа въ морской отдѣлъ выставлена миноноска въ полномъ вооруженіи. Миноноска хотя и не поражаетъ своими размѣрами, но все же вѣситъ 1,700 пудовъ. Въ первой комнатѣ обращаютъ на себя вниманіе паровыи и гребныя шлюпки, построенныя въ мастерскихъ крошадтскаго порта; въ этой же комнатѣ разбрана парусинная шлюпка и модели многихъ военныхъ судовъ; одна изъ самыхъ большихъ и лучшихъ моделей—модель крейсера 1 ранга «Память Азова».

Нельзя не отмѣтить щедрости и любезнаго вниманія его высочества эмира бухарскаго къ нѣкоторымъ экспонентамъ «Всероссійской нижегородской выставки».

Въ воскресенье, 2-го іюня, его высочество эмиръ бухарскій съ своимъ сыномъ, обозрѣвалъ «Всероссійскую нижегородскую выставку» въ сопровожденіи инициатора выставки, министра финансовъ С. Ю. Витте, В. И. Ковалевскаго, главнаго комиссара В. И. Тимирязева, А. В. Доброноскаго и другихъ членовъ администраціи выставки, а также блестящей своей свиты.

Во время осмотра его высочествомъ эмиромъ бухарскимъ витринъ, нѣкоторые экспоненты поднесли его высочеству издѣлія своего производства, въ числѣ коихъ представитель художественныхъ мастерскихъ С. Е. Добродѣева, экспонирующіхъ на выставкѣ свои издѣлія изъ металла, живописи на стеклѣ и другія печатныя произведенія—Я. И. Баскинъ поднесъ его высочеству металлическій бюстъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра III (въ Бозѣ почившаго 20-го октября 1894 года).

Его высочество эмиръ бухарскій соизволилъ принять металлическій бюстъ Императора, долго и внимательно его разсматривалъ, а затѣмъ выразилъ одобреніе за замѣчательное сходство и художественное выполненіе.

«Его высочество эмиръ бухарскій, оставая Нижній-Новгородъ, сдѣлалъ рядъ наградъ экспонентамъ, сдѣлавшимъ его высочеству подношенія.

Награждены звѣздой 3-й степени слѣдующіе экспоненты: С. Е. Добродѣевъ (издатель журнала «Живописное Обозрѣніе»), Бородинъ, Коблуковъ, Гурьевъ, баронъ Краускопфъ, Иванчикъ, Кузнецовъ и Франко.

Акчурина, Рыдинъ, Котляровъ, Огарковъ — медалями.

Коммиссары выставки Кляре, Кюне и помощникъ завѣдующаго средне-азиатскимъ отдѣломъ Эрнотъ получили также по звѣздѣ 3-й степени.

Кромѣ того по халату и деньгами получи-

ли нѣкоторые экспонирующіе въ средне-азиатскомъ отдѣлѣ азіатцы:

Холіазаровъ, Ибрагимъ Джановъ, Инагимъ Джанъ, Ніазовъ, Тоджа Иса Мухаметовъ, Кевьяръ и Абдуль Юносовъ.

Бухарскіе чиновники, находящіеся въ отдѣлѣ, произведены въ чины: одинъ во второй чинъ, другой безъ чина—въ первый.»

БИБЛИОГРАФІЯ.

Александръ III въ русской литературѣ.
Сост. А. А. Шевельовъ.

Названная книжка представляет собою указатель отдѣльных издѣній—книгъ, брошюръ, открытокъ—относящихся къ событіямъ жизни и царствованія Государя Императора Александра Александровича. Сборникъ этотъ чрезвычайно точенъ и полезенъ.

Органотерапія. Д-ръ мед. Д. М. Успенскій. Спб. Ц. 3 руб.

Извѣстный специалистъ и сторонникъ новаго способа леченія болѣзней по методу Броунъ-Секара—докторъ Успенскій говоритъ, что настоящая книга есть значительно расширенное и дополненное второе изданіе прежняго сочиненія автора по той-же области медицины. Многія части этого изслѣдованія написаны совершенно вновь. Важность трактуемаго предмета и обширное знакомство съ нимъ автора дѣлаютъ книгу высоко интересной.

НЕКРОЛОГИ.

В. П. Лангъ. 8-го іюня, на 55 г. жизни скончался контръ-адмиралъ Владиміръ Ивановичъ Лангъ. Покойный В. И. почти 35 лѣтъ находился на дѣйствительной службѣ во флотѣ; въ теченіе этого времени онъ перебивалъ командиромъ слѣдующихъ боевыхъ судовъ: корвета «Буря», монитора «Единорогъ», клипера «Вѣстникъ», парохода-фрегата «Олафъ», фрегата «Дмитрій Донской» и броненосца «Наваринъ».

— **Н. Л. Корфъ.** 31-го мая, въ преклонномъ возрастѣ скончался владѣлецъ приновской желѣзной дороги, дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Николай Леопольдовичъ Корфъ. Покойный служилъ въ министерствѣ юстиціи въ качествѣ члена совѣта при министрѣ.

— **Н. И. Суворовъ.** Въ Вологдѣ скончался на-дняхъ изслѣдователь мѣстныхъ древностей Николай Ивановичъ Суворовъ. Покойный родился въ 1816 году, образованіе получилъ въ московской духовной академіи, по окончаніи курса въ которой болѣе 40 лѣтъ былъ преподавателемъ въ вологодской духовной семинаріи.

— **А. В. Косичъ.** 22-го мая скончалась въ Царевкѣ, кіевской губ., Александра Владиміровна Косичъ, извѣстная своєю общественною дѣятельностью. Эта дѣятельность началась въ 1876 г. въ Кишиневѣ, когда она приняла участіе въ организованной С. А. Драгуміровой помощи «Краснаго Креста», во время войны 1877—78 гг.

СПОРТЪ.

Въ воскресенье, 9-го іюля, на скачкахъ въ Царскомъ Селѣ разыгрался почетный призъ сезона: призъ Государыни Императрицы Александры Оеодоровны, доходившій съ подлинными деньгами до 5,400 руб. Оспаривало призъ семь лошадей; изъ нихъ побѣдителемъ оказался «Тукай», В. Н. Ростовцева, ѣздокъ-владѣлецъ, окончившій три версты въ 4 м. 8 сек. Вторымъ на полкорпуса пришелъ «Веракъ», барона В. Н. Ренне, и въ томъ же порядкѣ отъ него была «Гарда» С. Л. Носовича. На препятствіяхъ ѣздки прошли благополучно. Публики на ипподромѣ собралось очень много.

— Состоялась интересная велосипедная гонка Москва—Петербургъ. Записались на гонку многіе изъ извѣстныхъ международныхъ гонщиковъ. Въ ихъ числѣ были гг. Шлафъ изъ Кельна, Уренъ изъ Германіи, Грегерь изъ Австріи, Тэ и Коррь изъ Франціи. Большинство ихъ просило перенести день состязанія на 15-е іюня, но такъ какъ общество сдѣлать это не могло въ виду интересовъ остальныхъ записавшихся на гонку, то въ состязаніи Москва—Петербургъ принялъ участіе изъ западно-европейскихъ гонщиковъ только одинъ г. Коррь. Въ субботу, 1-го іюня, ровно въ 9 ч. утра (по петербургскому времени), отъ старта у Тверской заставы въ Москвѣ были пущены одновременно 14 ѣздоковъ: Бабкинъ, Билибинъ, Дзевочко, Коррь, Николаевъ, М. Осиповъ, Осиповъ, Ожогинъ, Петерсъ, Рудаковъ, Секешинскій, Чудовъ, Шведовъ и Шидловскій. 2-го іюня въ Петербургѣ, у Средней Рогатки за Московской заставой—мѣста финиша—собралось, около 7 часовъ вечера, нѣсколько сотъ велосипедистовъ. Перваго гонщика ожидали къ 9 часамъ. Однако, онъ поздалъ. Первымъ былъ, какъ и въ прошломъ году, г. Дзевочко, пришедшій къ старту въ 11 час. 12 мин. вечера. Отъ Москвы до Петербурга (662 версты) онъ ѣхалъ 38 час. 12 мин. Большую часть пути служилъ ему лидерами московскіе гонщики. Вторымъ былъ г. Чудовъ. Въ засѣданіи комитета общества велосипедной ѣзды присуждены: первый призъ—золотой жетонъ имени Е. И. В. Великаго Князя Сергія Михайловича и 1,000 руб.—г. Дзевочкѣ, второй призъ—500 руб.—г. Чудову. Гг. Бабкину и Рудакову рѣшено выдать 3 и 4-й призы по 250 руб. каждому; г-ну Шведову—100 руб.; гг. Николаеву и Осипову—жетоны.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Облачный годъ. Текущій годъ играетъ особенную роль въ метеорологіи, потому что въ этомъ году устроены въ различныхъ мѣстахъ станціи для наблюденія облаковъ. Международный комитетъ, засѣдавшій въ 1894 году въ Упсалѣ, выработалъ планъ одновременнаго наблюденія облаковъ въ теченіе цѣлаго года и опубликовалъ ко всѣмъ куль-

турнымъ народамъ приглашеніе содѣйствовать этимъ наблюденіямъ. Занятія начались 1-го мая и ведутся систематическія наблюденія надъ формой, направленіемъ, высотой и быстротой движенія облаковъ; кромѣ того составлено однообразное опредѣленіе раздѣленія и различія формъ облаковъ. Важную роль играютъ при этомъ перистыя облака, движеніе которыхъ даетъ намъ возможность опредѣлять теченія воздуха въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Для наблюденій устроены станціи въ Германіи, Франціи, Норвегіи, Швеціи, Португаліи, Румыніи и Нидерландской Индіи по одной, въ Россіи три и Соединенныхъ Штатахъ семь.

Рукопись Евангелія. Въ Цезарѣ недавно найдены рукописные листы Евангелія. Ихъ сравнили съ листами, находящимися на Патмосѣ и принадлежащими къ тому-же роскошному собранію Евангелія, листы котораго находятся въ бібліотекахъ Вѣны, Ватикана и въ Британскомъ музеѣ. Это собраніе называется собраніемъ N и, повидимому, въ Цезарѣ неожиданно найдены остатки его. Всѣ разбросанные по свѣту листы имѣютъ тотъ темно-красный цвѣтъ, буквы на немъ выступаютъ серебряныя и только священныя имена сдѣланы золотомъ; относятся они къ одному періоду 550—600 г. по Р. Х., имѣютъ одинаковую величину строкъ и страницъ. Въ найденной рукописи не достаетъ именно разсѣянныхъ листовъ,—первая страница изъ находящихся на Патмосѣ начинается второй половиной слова, началомъ котораго кончается одна изъ найденныхъ страницъ. Если прослѣдить всѣ существующія страницы, можетъ быть, составитъ полный и самый рѣдкій экземпляръ Евангелія.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Не будутъ напечатаны:

«Лугинъ», разсказъ Н. В.; «Подъ столомъ», разсказъ Н. К. П—ко; «Разсказъ дѣдушки Митрича», М. Н—ва.

Стихотворенія:—Изъ альбома, В. Т. Зац—наго; «Пролетѣла, промчалась...», Н. Г—лова; «Нравственная философія въ стихахъ», Л. П. К—кина; «Осна» и др. ст., С. Дер—нова; «Диссонансъ», В. Н. Л—ко; «Жизнь, дождусь-ли...», П. М. Тер—ва; «Мечтала-ль ты...», А. Р—нова; «Осенъ» и др., Кук—рова; «Преступникъ», поэма З. В. Дер—нева; «Журавль» и др., В. Щек—на; «О, сердце...», Д. А. Ч—кова.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

Всѣ присылаемыя рукописи и рисунки должны быть съ полнымъ адресомъ, фамиліей автора и съ обозначеніемъ желаемого гонорара. Безъ указаній послѣднихъ свѣдѣній, рукописи и рисунки считаются безплатными. Рукописи менѣе печатнаго листа и рисунки, непризнанные годными къ печатанію, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ уничтожаются безъ объясненія причинъ. Редакція не принимаетъ на себя обязательствъ возвращать рукописи и рисунки почтой, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ. Для полученія отвѣта необходимо прилагать къ рукописямъ конверты со своимъ адресомъ и маркою. Относительно стихотвореній редакція не входитъ ни въ какіе письменные переговоры и предупреждаетъ гг. авторовъ, что этотъ матеріалъ присылается въ слѣшкомъ большомъ количествѣ и рѣдко годнымъ для печати, а потому всѣ стихотворенія, признанные неудобными къ печати, послѣ отвѣта на нихъ въ почтовомъ ящикѣ, уничтожаются. Письма не вполнѣ оплаченныя гербовымъ сборомъ съ почты редакціею не принимаются. Анонимныя письма не читаются.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Для гг. велосипедистовъ!

Фуражки «Луфа» съ вентиляціею, замѣчательно легкія, по 2 р. и 2 р. 25 к.

З. КИЖИМАНЪ и К°.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ 4.

Иногороднымъ наложен. платежъ.

!!! Важно для дамъ !!!

Заочное обученіе шитью и крою посредствомъ лекцій-корреспонденцій по новейшему, легчайшему и понятному для каждаго методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются бесплатно. Плата умеренная.

Преподавательница Е. Д. Ашмарина.

Кіевъ, Житомирская, № 4. № 2359—10.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЫ

ТОЛЬКО 5 Р.

Съ треножникомъ, не игрушка, коимъ каждый, даже ребенокъ, можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч., съ подробными снимками и руководствомъ.

Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, Большая Морская 33. Заказы высыл. немедл. Можно и налож. платежъ.

Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 14 коп. марку. 4946—1

ТРЕБУЕТСЯ

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАСЕЛИН. КУС. 30к.

ПУДРУ ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАСЕЛИН. КОР. 60к.

Гл. Складъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ ДЕМІДОВЪ ПЕР.

ПАРФЮМЕРН. ЛАБОРАТ. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

СРОКЪ ВТОРОГО и ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА.

Главная контора журнала „Живописное Обозрѣніе“ доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ РАЗСРОЧКОЮ, что СРОКЪ ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА для ТРЕТНИХЪ и ВТОРОГО ВЗНОСА для ПОЛУГОДОВЫХЪ ИСТЕКАЕТЪ въ ЮНѢ мѣсяцѣ, а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своевременно слѣдующаго взноса, дальнѣйшая высылка журнала СЪ ПЕРВАГО ПОЛІА БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.

НОВѢЙШІЯ

принадлежности для всѣхъ рода (портъ, какъ-то: костюмы, фуфайки, рубашки, брюки, пояса, чулки, подтяжки, подвязки, гамашы и перчатки.

въ магаз. **Ю. Лотлибъ**
СПбурѣ. Владимірская д. 2-49 уга.
Невскаго пр.
Иллюст. преисъ-курантъ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

ОБШИРНѢЙШІЙ въ Россіи
СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
до 1000 шт. въ НАЛИЧНОСТИ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

М. Блокъ

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н/д.
Каталоги бесплатно.

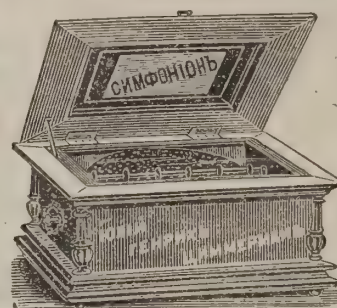

ФОТОГР. АППАРАТЫ К. И. ФРЕЛАНДТЪ

СПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№ 27-18 УЛИЦА УЛИЦА

СИМФОНІОНЫ

Музыкальныя шкатулки съ пріятнѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ возможность мѣнять по произволу пьесы, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручной безъ нотъ	5 —
Ноты по	25 —
Заводной безъ нотъ	10 —
Ноты по	25 —
Заводной 60-тонный безъ нотъ	28 —
Ноты по	50 —
Заводной 84-тонный безъ нотъ	40 —
Ноты по	80 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	70 —
Ноты по	80 —
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie Piesolo	100 —
Ноты по	1 —

когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый резервуаръ.

Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.

Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный преисъ-курантъ всѣхъ инструментовъ бесплатно. № 805-25

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

Фирма премірована на европейскіхъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

ДЛЯ ВОЛОСЪ.

БАЛЬЗАМЪ ЗЙКАЛИПТИ

Косметика А. Энглундъ.

средство для волосъ, осѣв-
жасть голов-
ную кожу.
Цѣна флак.
1 р. 50 к.,
съ перес. 2 р.
2 флакона съ
перес. 3 р.
50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ
прошу обратить вниманіе на подписи:
«А. Энглундъ» красными чернилами
и маркою С.-Петербургской Косме-
тической Лабораторіи. Получать
можно вездѣ. — Главный складъ для
всей Россіи **А. Энглундъ**
С.-Петербургъ, Михайловская площ.,
д. ЖЕРБИНА, № 3.

Изящный медальонъ календарь русскій

для ношенія на
цепочкѣ къ часамъ,
числа и мѣсяцы
переставляются бо-
ковыми винтиками.
Внутри медальона
помѣщается штеп-
пель, содержащій
имя, отч., фамилію,
мѣст. или корону.
Цѣна только 1 р.
70 к., двѣ штуки
3 р. 20 к., три
штуки 4 р. 50 к.
Упаковка и пере-
сылка вромѣ Азіат.
Россіи, на счетъ
фабрики.

Высылаю немедленно по полученіи
стоимости. Медкія деньги до 1 р. можно
прилагать почт. марк. Требованія прошу
адресовать **І. Д. Левинсону** въ гор.
Вязостокъ, фабрика штемпелей и печатей.
При заказѣ слѣдуетъ ясно обозна-
чить текстъ штемпеля и адресъ высылки.

4711

Лучшій цвѣточный О-де-колонъ.
№ 4711

РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

ПРЕВОСХ. ПРОДОЛЖИТЪ
ИДЕШЕВ.ДУХИ ДЛЯ ПЛАТКОВЪ

Всѣхъ цвѣточныхъ и модныхъ запаховъ

ПРОДАЮТ. ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХ. И ПАРФЮМЕР. МАГАЗИНАХЪ.

4711

ЛУЧШЕЕ ДЛЯ ЗУБОВЪ.

Одолъ сохраняетъ зубы.
Одолъ уничтожаетъ дурной запахъ изо рта.
Одолъ предохраняетъ зубы отъ порчи.
Одолъ уничтожаетъ дурной вкусъ во рту.
Одолъ очищаетъ полости рта отъ слизи.

Одолъ за границею распространенъ въ

МИЛЛІОНАХЪ ФЛАКОНОВЪ.

Цѣна 1/2 флакона (оригинальный флаконъ-капельница),
хватяющаго при нормальномъ употребленіи на нѣсколько
мѣсяцевъ, 1 р. 50 к. Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ
и парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ.

№ 25 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ двухъ съ половиною листовъ, съ 8-ю рисунками, а именно:
I) два листа текста и II) Еженедѣльная хроника, № 25-й

Дозволено цензурою. Спб., 10 июня 1896 г.

Типографія С. Доздольева, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

со всіми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»:
НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. Заграницу на годъ 16 р.
Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

«Посланецъ любви». Съ картины художницы Д. Комансъ.

ИВАНОВА НОЧЬ.

Волшебный день, завѣтный праздникъ;
Въ лѣсу, блестя, какъ уголекъ,
По кочкамъ прыгаетъ проказникъ—
Болотный синій огонекъ;

Таясь въ березовомъ лѣсочкѣ
И прорѣзая синій мракъ,
Блеститъ во мху на мягкой кочкѣ
Своимъ фонарикомъ свѣтлякъ;

И даже папоротникъ скромный,
Людей плѣняя волшебствомъ,
Горитъ и рдѣетъ въ рошѣ темной
Непотухающимъ цвѣткомъ...

Но если вдругъ, стремясь за кладомъ,
Корысти жаждущій смѣльчакъ
Его уловить быстрымъ взглядомъ
Сквозь надвигающійся мракъ;

Но если вдругъ цвѣтокъ блестящій—
Охваченъ страхомъ и тоской—
Сорветъ онъ блѣдной и дрожащей
И обезсиленной рукой,—

Какіе призраки и страхи
И рои видѣній и чудесъ
Ворвутся въ бѣшеномъ размахѣ,
Кружась и рѣя, въ тихій лѣсъ!..

И лѣсовикъ, грозоячами,
И съ нимъ упырь и водяной
Съ безсвязно-дикими рѣчами
Переполюняютъ мракъ лѣсной.

Пни оживаютъ, шепчутъ вѣтки,
И кто-то смотритъ изъ дупла;
Какъ будто звѣрь въ желѣзной клѣткѣ,
Рычитъ и воетъ ночи мгла..

Бѣги, смѣльчакъ, сквозь этотъ грохотъ—
И будетъ твой завѣтный кладъ;
Но второпяхъ на шумъ и хохотъ
Не обернись—смотри—назадъ!..

Тогда пропасть ты! Нечистъ злая—
Какъ волки—бросится впередъ
И, воя бѣшено и лая,
Тебя до смерти загрызетъ!..

В. Петровичъ.

СЕСТРЫ.

РАЗСКАЗЪ.

СОФЬЯ Яковлевна Ковалева ждала къ себѣ сестру и очень волновалась. Она ее совсѣмъ не знала. Ей было пятнадцать лѣтъ, когда сестра бѣжала изъ дому и о ней перестали говорить. Старуха няня потихонько шепнула тогда что Наталья Яковлевна ушла «въ актерки». Софья Яковлевна была на пять лѣтъ моложе сестры. На серьезную, спокойную дѣвочку, какой была Софья Яковлевна, всегда непріятно дѣйствовалъ взбалмошный, своенравный характеръ сестры. Прошло двѣнадцать лѣтъ, и вотъ она получила первое извѣстіе о сестрѣ. Она писала ей и просила взять ее къ себѣ. Въ первую минуту Софья Яковлевна растерялась, а потомъ рѣшила, что отказать нельзя.

Надо было переговорить съ мужемъ, это тяжелѣе всего. Она никогда не говорила съ нимъ о сестрѣ.

— Такъ и у васъ въ роду были пятнышки!.. съ легкой ироніей сказалъ онъ. Онъ сказалъ не зло, будто даже съ радостью.

Софья Яковлевна вспыхнула и молчала.

— Ты не сердись, Соня!.. Я просто такъ... пошутилъ!.. Какая ты гордая!.. и онъ взялъ ее руку и хотѣлъ приласкать ее.

Она осторожно высвободила свою руку.

Онъ нервно тряхнулъ головой.

— Ну, что-жъ! Отлично. Пусть пріѣзжаетъ. Егоровна стара, свой человекъ въ хозяйствѣ никогда не мѣшаетъ!.. Пошли ей денегъ на дорогу,—сказалъ онъ.

Деньги посланы, и Софья Яковлевна ждала сестру.

Какая-то она? Не измѣнится ли жизнь? Лишній, чужой человекъ войдетъ въ ихъ семью, какъ членъ... Софья Яковлевна ходила по своему уютному, комфортному деревенскому дому и ей страшно было за каждый уголокъ. Она, наконецъ, такъ хорошо,

тихо устроилась съ своей семьей—дѣтьми. Она боялась малѣйшаго нарушенія дорого давшагося мира и спокойствія!

Софья Яковлевна восемь лѣтъ замужемъ. Ея мужъ былъ богатъ помѣщикомъ, гвардеецъ въ отставку. Ему было за тридцать. «Пожилъ» говорили, взглянувъ на потускнѣвшій взглядъ его красивыхъ черныхъ глазъ и проглядывающую обрюзглость. «А видный мужчина, порода видна!..» добавляли другіе. Его любили, хвалили, барышни о немъ мечтали, маленьки прочили за него дочекъ. Софья Яковлевна за него вышла. Онъ увлекся ею въ періодъ отвораченія къ оргіямъ, попойкамъ, кутежамъ, когда хотѣлось чего нибудь другого, чистаго, возвышеннаго. Нуженъ былъ своего рода наркозъ истрепаннымъ нервамъ. Но въ немъ еще не совсѣмъ заглохла искра Божія, а Софья Яковлевна была дѣйствительно чиста и хороша, и онъ полюбилъ ее искренно. Любовь эта не дала ему ни наслажденія, ни удовлетворенія. Онъ боялся, что она оттолкнетъ его, когда узнаетъ, что онъ можетъ дать ей взамѣнъ ея чистой, нетронутой жизни. И онъ дрожалъ, прятался и озирался. А она скоро поняла его,—мучилась, томилась, переболѣла и успокоилась. У нихъ было трое дѣтей.

Она отдалась дѣтямъ и жила ихъ жизнью, вычеркнувъ свою личную.

А онъ затосковалъ. Онъ не сумѣлъ поднаться до жены, сохранить ея любовь, не сумѣлъ справиться и съ ея холодностью. Слабая, неглубокая натура требовала постоянно подбодриванія. Кругомъ ничего, въ себѣ ничего. Онъ опять вернулся къ прошлой забубенной, лихой жизни. О немъ опять заговорили.

— Слыхали, Ковалевъ-то! Цѣлую недѣлю въ лѣсу прожилъ,—охотился!.. И что тамъ

было! Три деревни собрали!.. Пѣсни, хоро- воды!.. Шампанскимъ всѣхъ собакъ перепоили!..

— А Ковалевъ-то, слышали? Господи, точно крѣпостная порча!.. Въ лѣсу свадьбу устроилъ съ подставнымъ попомъ!.. Знаете дурачка Игнашку? Ну, вотъ его съ Феклушей глухонѣмой обвѣнчали!.. Всѣхъ перепоили,—бочку вина выпили!..

Разказы въ такомъ родѣ переходили изъ устъ въ уста, доходили и до Софіи Яковлевны. Она молчала и только пристально глядѣла на него. Повидимому, эти молчаливые укоры сильно кололи его, онъ хмурился и сердито отворачивался.

— Что ты смотришь? Почему молчишь? Вѣдь только изъ гордости!.. Знаю опять сплетни!.. не выдерживалъ онъ иногда.

Софья Яковлевна спѣшила замять объясненіе. Ей было неловко. Онъ видимо не подозрѣвалъ причины ея горделиваго спокойствія: она не любила его.

Такъ прошло восемь лѣтъ.

Наталья Яковлевна не заставила себя долго ждать. Скоро она пріѣхала. Она вошла въ домъ сестры совершенно свободно, по домашнему.

— А я мало надѣялась, что ты возьмешь меня къ себѣ. Мы вѣдь никогда не были нѣжными сестрицами! Да думаю, попытка—не пытка!.. смѣясь, говорила Наталья Яковлевна сестрѣ въ первый день пріѣзда за завтракомъ.

Софья Яковлевна никакъ не могла попасть въ тонъ и смущенно краснѣла.

— Ну, а дѣло мнѣ нашли?—продолжала Наталья Яковлевна.

— Найдешь... ты сначала отдохни.

— Вотъ вздоръ! Я серьезно не хочу бить баклуши!..

— Займешься хозяйством...

— И прекраснѣ! Кстати, какія я печенья знаю!.. Это мнѣ К. были. Антрепренеръ нашъ прогорѣлъ, и мы остались, что называется, при печальномъ интересѣ.. Тутъ одинъ маменькинъ сыночекъ.. Всѣ талантомъ моимъ восхищался и на луну смотрѣлъ... Наговорилъ этотъ юноша своей маменькѣ про благородство моего происхожденія, талантъ, критическія обстоятельства... Ну-съ, старушка сейчасъ звать меня къ себѣ въ имѣніе. И юноша отправился на лоно природы... Три мѣсяца я жила у нихъ. Вотъ тогда и научилась кулинарному искусству. Пампушечки, ватрушечки, блины, блинцы, блинчики!..

Неужели это сестра Ната? думала Софья Яковлевна, оставшіеся одна. Ея сестра? Въмѣстѣ росли... Одинаково соготовили ихъ отецъ и мать. Одинаково принадлежать имъ воспоминанія дѣтства... Даже лицо точно совсѣмъ другое. Ея свѣженькое личико съ вздернутымъ носикомъ находили игривымъ, умнымъ. Теперь эта игривость перешла во что-то другое, отчего стыдно... Глаза... Отецъ бывало восторгался смѣлымъ взглядомъ Натки... А теперь? Софья Яковлевна не можетъ глядѣть ей въ глаза... Да, опять-таки стыдно. Особенно, когда она глядитъ на Петра Ивановича... какъ то прищурясь, и протянуть такъ «beau frèrè»!

— Я тебѣ не помѣшала?—въ тотъ-же день, входя въ будуаръ, спросила Наталья Яковлевна.

— Нѣтъ, пожалуйста... Я думала, ты отдыхаешь... Устраиваешься...—смутясь, затормозила Софья Яковлевна.

— Это не долго! Почти все мое имущество на мнѣ!..—захохотавъ, отвѣтила она, разваливаясь на кушеткѣ.

— Ну, а курить въ твоёмъ будуарѣ можно?—и, доставъ изъ кармана истасканный, кожаный портсигаръ, она закурила папиросу. Тѣкій удушливый дымъ дешеваго табаку быстро наполнилъ комнату.

— Ты счастливица, Соня! У васъ вездѣ такая роскошь.. Мужъ въ тебя влюбленъ, какъ коты.. Премиленькіе поросятки бѣгаютъ около... А ты все такой-же мраморный божокъ?.. Помнишь, я тебя такъ звала?

Софья Яковлевна принужденно улыбнулась.

— Слушай, Соня, ты какъ будто чѣмъ-то недовольна? Ты не ожидала меня встрѣтить такою? Ты можешь быть ожидала исповѣди, раскаянія? Желаетъ, я буду исповѣдываться?

— Что ты, Ната! Я ничего не хочу!—торопливо проговорила Софья Яковлевна.

— Испачкаться бонтесть?—ехидно засмѣялась Наталья Яковлевна.

— Совсѣмъ нѣтъ... Вѣдь мы съ тобой никогда не были откровенны!..

Опасенія Софьи Яковлевны были напрасны. Порядокъ жизни ничуть не измѣнился. Наталья Яковлевна ни во что не входила. Она почти по цѣлымъ днямъ лежала на кушеткѣ въ своей комнатѣ съ папирсой въ зубахъ, напѣвая игривые мотивы. Пройдетъ по комнатамъ, подойдетъ къ роялю, возьметъ два, три аккорда, потомъ зайдетъ въ библіотеку, откроетъ книгу, другую и опять въ свою комнату и опять на кушетку. Съ Петромъ Ивановичемъ у нихъ сразу установились странныя отношенія. При другихъ онъ избѣгалъ глядѣть на свояченицу; не обращала на него вниманія и она. Но когда они

оставались вдвоемъ, а это было почти каждый день послѣ обѣда, тутъ было совсѣмъ иначе. Сальности, двусмысленности лились потокомъ, они понижали другъ друга и были довольны одинъ другимъ.

— Эхъ, годковъ бы на десять намъ съ вами пораньше встрѣтиться! Тото-бы раздѣлали!—воскликнулъ однажды Петръ Ивановичъ, разгоряченный какимъ-то пикантнымъ рассказомъ свояченицы.

— Это когда васъ еще мраморный божокъ не покорилъ? вызывающе спросила она, прищурясь.

Петръ Ивановичъ вдругъ сталъ серьезенъ.

— Да... Соня... На нее молиться надо. Она такая чистая!—въ раздумьи проговорилъ онъ.

— Всѣ онѣ чистыя—эти мокрыя курицы!—брезгливо отвѣтила она. Она что-то опять стала рассказывать, хохотала. Но Петръ Ивановичъ въ этотъ день ужъ не вторилъ ей, онъ такъ и остался серьезенъ. На другой день впечатлѣніе прошло и опять пошло по старому.

— Знаете, у меня гитара есть, такъ и лежить въ чемоданѣ. Боюсь, сестрица съума сойдетъ, если я заиграю!—сказала она какъ то разъ. — Хотите, вечеромъ послѣ ужина устроимъ маленькое *soirée* во флигелѣ? Петръ Ивановичъ пришелъ въ восторгъ.

— Эхъ, зналъ я одну арфянку! Всѣ офицеры, бывало, какъ опалѣлые ходятъ! Какъ это она мизинчикъ подниметъ бывало... Чортъ, а не женщина!..

Наталья Яковлевна полуснисходительно, полупрезрительно улыбалась.

Послѣ перваго *soirée* Петръ Ивановичъ былъ какъ въ чаду. Попойки, оргіи, кафешантаны,—все стало какъ живое. Точно плѣтина прорвалась. На другой день за обѣдомъ онъ пилъ безъ счета и заливался многозначительнымъ хохотомъ, поглядывая на свояченицу. Онъ не замѣчалъ изумленныхъ взглядовъ жены. Наталья Яковлевна была сдержанна.

Вечеромъ было второе *soirée*.

— Вотъ что, если вы будете дурака вальтъ, то къ чорту все! Я вовсе не желаю, чтобы она узнала!—заявила Наталья Николаевна Петру Ивановичу, едва они сошлись во флигелѣ.

— Не буду, не буду! Я очумѣлъ совсѣмъ! Правда, свинство!.. Ну, спойте, знаете это... послѣднее!..

— Безподобно!.. Божественно!.. Да вѣдь этимъ можно схимника разжечь!—захлебывался восторгомъ Петръ Ивановичъ.

— Ваша арфянка лучше пѣла?—съ вызывающимъ хохотомъ спрашивала Наталья Яковлевна.

— Къ чорту арфянку!..

— А знаете, чего не хватаетъ на нашихъ *soirées*?—загадочно спросила она.

Петръ Ивановичъ вопросительно глядѣлъ на нее.

— Питія и явствы!..

— Идея!.. Завтра-же устрою!..

Soirées продолжались, но приняли нѣсколько иной характеръ...

Обыкновенно флигелъ служилъ для гостей, но гости бывали рѣдко и онъ по полугоду не отпирался. Онъ былъ въ концѣ большого сада. Ставни закрыты, двери заперты,—кому могло придти въ голову о *soirées*. Далеко за полночь расходились они. Часто шаги ихъ были невѣрны и они сбивались съ пути. Но поддержать другъ друга они не могли, такъ какъ выходили не вмѣстѣ.

Только ночной сторожъ Никита замѣтилъ что-то диковенное. «Какъ ночь — баринъ и барышня во флигелѣ». Подойдетъ, послушаетъ... «Шѣни, слышно, играютъ, на музыкѣ брячатъ!.. Не хорошо чтой-то!.. Чтобы имъ въ дому-то забавляться!»

Долго онъ молчалъ, наконецъ не выдержалъ и открылся ключницѣ Егоровнѣ.

Старуха всплеснула руками.

— Безстыдница! Это за добро-то, за ласку сестриную!..

Никита остоленѣлъ. Теперь и онъ сразу появлялся. А раньше, одинъ, никакъ въ толкѣ не могъ взять.

— И ты, старый дуракъ, эстолько молчалъ!.. Ахъ, безбожники!—продолжала Егоровна.—То-то, думаю, что это съ нимъ случилось: все дома и все спитъ! День-деньской спитъ!.. Опухъ, словно стеклянный налился!

Вѣрная Егоровна въ первую же ночь провѣрила сообщенія Никиты и, не задумываясь, сообщила барынѣ...

Прошла недѣля. Петръ Ивановичъ безвыходно сидѣлъ въ кабинетѣ. Онъ сильно измѣнился. Полныя, опухшія щеки обвисли, подъ глазами появились синеватые мѣшки, углы рта опустились, руки дрожали. Глаза смотрѣли съ какимъ-то тупымъ испугомъ. Онъ вздрагивалъ отъ каждаго шороха и прислушивался. Какъ всѣ слабыя, безхарактерныя натуры, Петръ Ивановичъ былъ смѣлъ и дерзокъ, пока блудливость его не была накрыта.

«И хоть-бы сказала что... Посмотрѣла и ушла!»—временами шепталъ онъ съ мучительной тоской.

Посмотрѣла и ушла. Та... другая... Ему противно назвать ее, что-то стала говорить. Онъ оттолкнулъ ее.

Въ домѣ тишина, точно все вымерло. А онъ все прислушивался и ждалъ. Около него только лакей. Приберетъ, подастъ, уберетъ. ...Посмотрѣла и ушла!.. Соня... Жена... Чистая, святая... Вѣдь люблю ее, только ее! Такъ прошла недѣля.

— Барыня приказали васъ объ обѣдѣ спрашивать... доложилъ лакей.

— Меня? Какъ? Зачѣмъ?—тревожно перебилъ Петръ Ивановичъ.

— Приказывали. Какъ уѣду, спрашивайте барина, что пожелаютъ кушать...

— Уѣду? Куда? Когда?—еще больше затревожился онъ.

Лакей оторопѣлъ. Неужто баринъ не знаетъ, что барыня уѣхала.

— Барыня въ Москву уѣхали... къ старому барину... Папашѣ ихнему... Можетъ, и зиму прогостятъ!..—сталъ сообщать онъ.

— Да, да!.. Въ Москву къ папашѣ!.. почти шепотомъ повторялъ Петръ Ивановичъ.

Лакей постоялъ... Видно, баринъ забылъ о немъ. Онъ кашлянулъ—не помогло. Онъ потихоньку вышелъ.

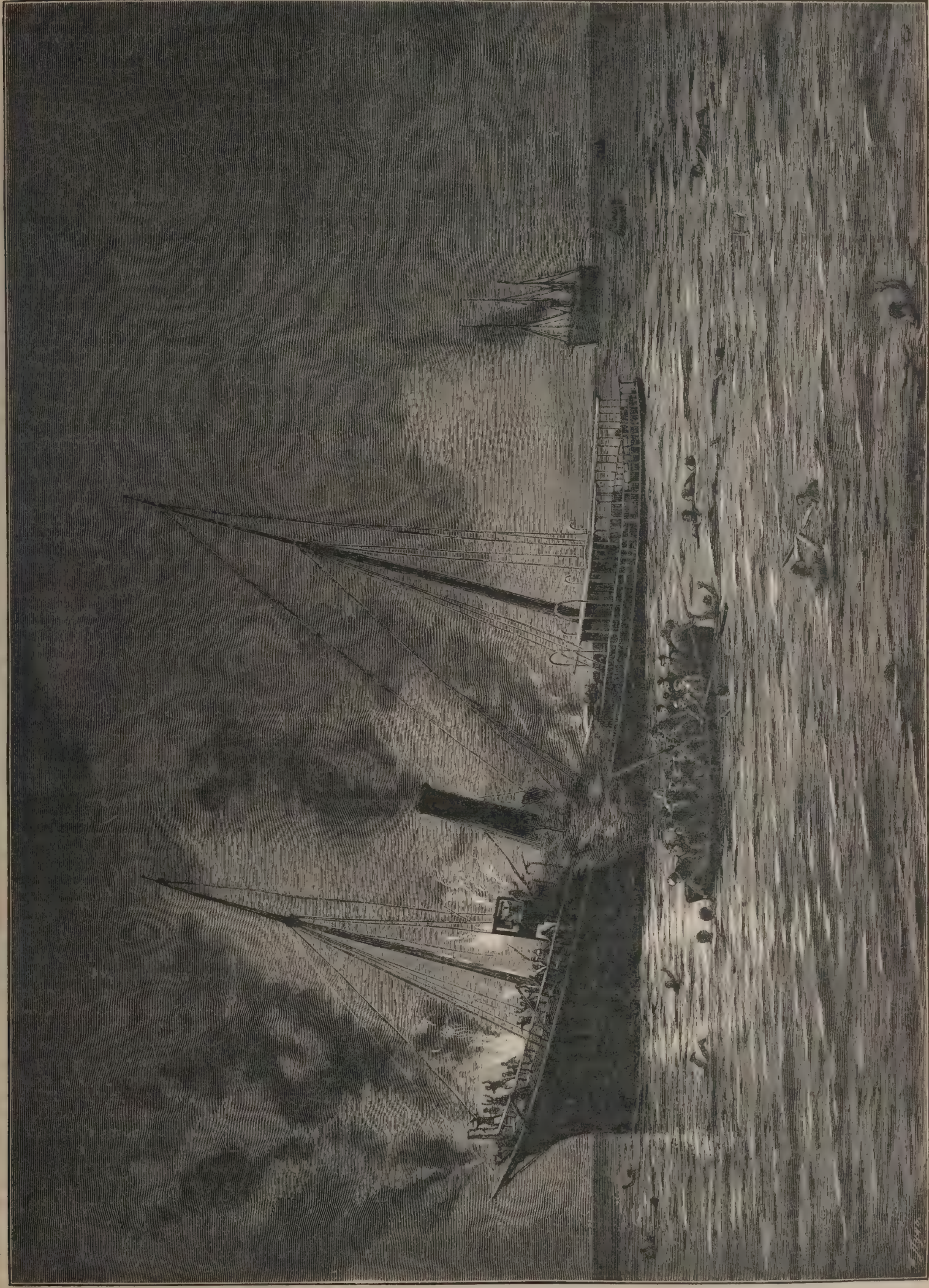
— Готовъ, что твоя душа хочеть!.. Ему никакъ крышка—сообщилъ онъ повару.

...Уѣхала... скандалъ... Узнаютъ всѣ — грязно, гадко!.. Сестра... хоть бы не сестра!.. шепталъ Петръ Ивановичъ. Онъ метался, какъ въ горячкѣ!.. Плакалъ, плакалъ, какъ маленький, всхлипывая и не утирая льющихся слезъ. Ему страшно было, что онъ одинъ, а показаться никому онъ не смѣлъ. Хотѣ бы кто нибудь, лишь бы живая душа. Но прислуга боялась и не любила его, слишкомъ свысока относился онъ къ ней.

— Я, Андрей, что то... Голова болитъ... заговорилъ онъ съ лакеемъ, робко поглядыва-

«Жмурки». Съ картины художника В. Шюца.

Гибель парохода «Владимиръ» въ Черномъ морѣ въ 1894 г. Съ картины профессора Ф. Лагоріо.

вая на него. Тотъ вытянулся въ струнку и молчалъ.

— Боюсь... Что то нехорошо...

— Не могу знати!—отчетливо отвѣтилъ Андрей.

— Полечиться бы...

— Какъ прикажете!—по прежнему безстрастно отвѣчалъ Андрей...

И Петръ Ивановичъ тоскливо поникъ головой.

А нервная система разрушалась все быстрее и быстрее. Организмъ давно былъ расшатанъ оргіями и кутежами...

Черезъ мѣсяцъ онъ сошелъ съ ума...

Софья Яковлевна, до своего отъѣзда въ Москву, послала черезъ Егоровну Наталью Яковлевну двѣсти рублей, прося ее уѣхать. Наталья Яковлевна попросила еще шубу и, получивъ ее, довольная и счастливая уѣхала...

Е. Рязанцевъ.

НЮНЬКА.

Рассказъ.

У САМАГО лѣса, за озеромъ, на разстояніи восьми верстъ отъ губернскаго города, ютится крошечная деревушка Зарѣчье. Рѣчка Гнилушка, протекавшая въ полуверстѣ отъ Зарѣчья, служила зарѣчцамъ скуднымъ источникомъ рыбнаго промысла. Хлѣбопашество у зарѣчцевъ велось туго и урожаи хлѣбовъ—ржи да ячменя—были весьма незначительны.

Въ концѣ лѣта одна изъ самыхъ бѣдныхъ обитательницъ этой деревушки—Авдотья Никулина—привезла въ городъ десятилѣтнюю дочь свою Нюньку, отдать ее, по своей горькой бѣдности, въ люди.

Остановившись на постояломъ, Авдотья поспѣшила съ Нюнькой весь городъ—нидо съ ногъ сбилась—но толку не добила: куда ни придетъ, всюду отказъ. А дѣло идетъ къ вечеру, до деревни раньше ночи не доберешься, какъ ни какъ, а придется започевать.

— Родненькіе,—обратилась она, на биржі, къ извозчикамъ, не слышали ли гдѣ мѣстичка какова?

Извозчики загладѣли.

— Мѣста, молъ, родненькія, нѣтъ ли, не слышали ли гдѣ? повторила Авдотья.

— Было мѣсто, тетка, да сплыло.

— А вы дѣломъ говорите, соколинки, что такъ то,—убѣждала Авдотья.—Вотъ въ дѣвочки бы къ кому...

— Да кого—мальчика, что ли?

— Нѣтъ... Дѣвчоночку, вотъ, хочу въ люди отдать... къ дѣвочки бы...

— А ты ее, тетка, отдай лучше въ мальчики,—балагурили надъ Авдотьей извозчики,—потому мальчишкамъ не впримѣръ вольготнѣй живется; отдавай ее въ мальчики, да и все тутъ, чего ротъ то разинула?

— Не добьешься знати отъ васъ толку то,—сокрушительно вздохнула Авдотья и въ отчаяніи махнула рукой.—Ну, что дѣлать, Нюша, пойдемъ ужъ, коли такъ, ко двору.

— Эй, тетка, послушай! Вернись!

Авдотья приостановилась.

— А-а... о-о... гу-у... завопили извозчики на разные голоса.—Держи ее, дерр-жи-и-и!..

— Эко бѣсово племя,—отмахнулась Авдотья и, скрѣпя сердце, побрела на постоялый дворъ почевать.

Пришли на постоялый. Авдотья зашла подъ

навѣсъ, заглянула на Пѣгашку, подбросила ей сѣнца и прошла въ избу.

— Ну, Нюша, давай раздѣвайся, да ложись: утра вечера мудренѣе.

— Мнѣ бы, маминька, хоша бы сухариковъ нашихъ поглотать,—промолвила Нюнька, забираясь съ ногами на лавку.

— Ну, погодь, доченька, я схожу поспрошаю, щесть нѣтъ ли горяченькихъ,—отвѣтила мать, пробираясь къ хозяйкѣ въ клѣтушку.

— Откелева вы? Чьи такія?—разспрашивала Авдотья хозяйка.

— Зарѣченски, милая... Привезла было вотъ дѣвчоночку въ люди отдать, да дѣло то мое темное—толку то, знати, никакъ не добьюсь.

— Ты что жъ это, въ питомки, что ли, ее, на воеси?

— Куды, голубынька, нѣтъ! На воеси то бы мнѣ не хотѣлось, а такъ бы вотъ, поколъ въ годы то не взойдетъ, мѣстичко бы какое ни на есть приискать... Къ шитву бы мнѣ ее приспособить хотѣлось.

— Стало, хочешь рукоеслу обучить?

Авдотья молчала, уставивъ на бабу глаза.

— Въ портники, говорю, что ли, хочешь?

— Въ портники, родненькая, на что бы лучше, въ портники... Вотъ у насъ и по деревнѣ то старики сказываютъ...

— А то вотъ тоже есть рукоеслу бѣлошейное—перебила хозяйка,—но въ портники, на мой гадъ, не впримѣръ лучше,—перво дѣло въ люди она у тебя какъ разъ выйдетъ, а второ—деньгу сколотить. У насъ въ городѣ, находишь этихъ портниковъ еще съ столько—все работѣ перевода не будетъ потому франтихъ ужаси сколько.

— Сдѣлай такую Божеску милость, родная,—поклопнулась Авдотья,—кормиться почитай нечѣмъ... Безъ нея на рукахъ трое... Ужъ я съ хозяйномъ то не мало меркала... Научи...

— Да ужъ что! Я эти виды то видывал...—продолжала хозяйка,—съ молодю то вѣдь всего испытаешь...

— Ну, такъ-такъ, голубынька, ужъ будь мать родная.

— А вы ложитесь-ка, съ Богомъ. Я вотъ завтра управлюсь, да и сведу васъ: есть у меня тутъ одна—Надеждой Семеновой прозывается; замужь мы дочку свою отдавали, такъ у ней платье заказывали. Горяча она малость, ну, да ужъ безъ этого то и не сойдется, пожалуй.

— Знамо дѣло, безъ эфтого какже.

— Вотъ къ Купріяннихъ, къ той не совѣтую, потому слышно дерется она, да и старшенькія надъ маховыми больно мудруютъ. Ну, прощайте пока... Спите!

Хозяйка собрала со стола и ушла въ клѣтушку. Наступила томительная однообразная тишина, прерываемая храпомъ быстро заснувшей Нюньки, да тяжелыми вздохами Авдотьи, прикурнувшей у изголовья дочери.

Цѣлдневное шатанье по городу утомило десятилѣтнюю Нюньку: похлебавъ щей, она свернулась на лавкѣ калачикомъ и быстро заснула. О предстоящей перемѣнѣ своего положенія Нюнька думала мало. Сказали ей, что нужно идти въ городъ учиться, она и пошла. Ей какъ то и въ голову не приходило, что въ сурьезъ хотятъ оторвать ее отъ деревни, отъ родимой семьи, отъ всего того, съ чѣмъ Нюнька сердцемъ сдружилась. Такъ это только, попытка одна,—попытка, которая тѣмъ и кончится, что вернется она—по добру, по здорову—домой, будетъ по прежнему жить—поживать, отъ маминьки родной уму-разуму учиться.

Крѣпко спала Нюнька и не видала и не

слышала она своей маминьки, всю ночь просидѣвшей у ея изголовья, въ томительной позѣ печали и горя.

На утро Авдотья съ Нюнькой, въ сопровожденіи хозяйки, отправились въ мастерскую Надежды Семеновны.

Хозяйка повела ихъ первымъ долгомъ къ кухаркѣ Абрамовнѣ, съ которой имѣла знакомство, и черезъ нее уже добрались до Надежды Семеновны.

Переговоры велись въ мастерской.

Некрасивая простоволосая женщина, съ маленькими табачнаго цвѣта глазами, судя по выраженію очень не добрыми, съ крючковатымъ носомъ и сильно выдающимся впередъ подбородкомъ, съ жесткими прядями неопредѣленнаго цвѣта волосъ,—это и была Надежда Семеновна.

— Дѣвочку привезли? Хорошо—хорошо, поглядѣть... Здравствуй, матушка, здравствуй,—не выпуская изъ уголка рта папирсы, привѣтствовала Авдотью хозяйка. Голосъ—грубоватый, сильно надтреснутый, съ преобладающимъ элементомъ—охрипшими нотками—также не обѣщала добраго.

— Какъ тебя звать? Нюшей? Анисей? Хорошо, хорошо, такъ и знати будемъ,—сильно жестикулируя, продолжала Надежда Семеновна.

— Ну, а теперь поговоримъ объ условіяхъ. Ты, матушка, надо полагать, будешь не здѣшная?—обратилась хозяйка къ Авдотѣ.

— Такъ, такъ... это хорошо... У меня всѣ такъ и подобраны: а то, знаешь, пойдутъ ходить... къ мамушкамъ, да къ бабушкамъ... Я этого не люблю.

Авдотья стояла и кланялась.

— Вѣстимо, родная... Ужъ въ этомъ-то и не сумѣвайся... Рази вотъ къ празднику, Богъ волилъ... Сама знашь, наше дѣло какое...

— Ну, да-да-да! Какъ будто немного маловата дѣвушка-то... Ну, даннечего, обойдется.

— Какъ не обойтись—обойдется! Она подико, у меня, знашь, какая: намедни рубаху себѣ скропотала... всѣмъ надиво... Заставь вѣчно Бога молить!

Нюнька, стоявшая въ перѣшительной позѣ у двери, съ большимъ интересомъ приглядывалась къ своимъ будущимъ товаркамъ.

Маленькихъ въ мастерской было четверо; за большимъ круглымъ столомъ среди компаніи сидѣли три дѣвушки взрослыхъ, а въ углу, за отдѣльнымъ столикомъ, снимала выкройку главная закройщица—Степа, дѣвушка лѣтъ за двадцать, съ симпатичнымъ, но какимъ-то безжизненнымъ, такимъ-же, какъ и у остальныхъ дѣвушекъ—блѣднымъ лицомъ. Когда переговоры окончились, Авдотья вышла съ Нюнькой въ кухню, поплакала надъ ней и, поручивъ ее покровительству старой Абрамовны, уныло побрела на постоялый—сбѣгаться въ дорогу.

Къ вечеру надъ Нюнькой совершена была процедура: остригли ее подъ гребенку, замяли сарафанишко платьишкомъ и посадили, наряду съ прочими, за рабочій столъ. Но Нюнька такъ была мала ростомъ, что голова ея приходилась почти въ уровень со столомъ,—обстоятельство, на первыхъ порахъ поставившее хозяйку втупикъ.

— Что я буду дѣлать съ такимъ недородишемъ?—недоумывала хозяйка;—посадить развѣ на полъ?

— Чтожъ, Надежда Семеновна, мжно и на полъ; пушай ее на полу посидитъ,—возразила закройщица Степа.

И Нюнька устлала на полъ, подъ столъ,—

смѣшная, точно маленькій котенокъ Дали

ей, на первых порахъ, шить карманъ—быстро замелькала игла въ проворныхъ крошечныхъ ручкахъ—и карманъ былъ готовъ. Перерывъ въ работѣ былъ самый короткий: въ семь часовъ утра пили чай, въ три—обѣдали, въ восемь вечера былъ второй чай и подобіе легкаго ужина, послѣ котораго работа продолжалась далеко за полночь.

Нюнька, весь день, сердно работавшая, къ вечеру задремала.

— Что это съ ней, дѣвушка, такое?—изумлялись ей сотоварки:—восьмой часъ, а она уже дремлетъ.

— Надо полагать съ непривычки,—замѣтила одна изъ дѣвушекъ, Матреша.

— Ты, Нюнька, дома-то въ которомъ часу привыкла ложиться?

— Въ осьмомъ...

— Ишь ты, нѣженка какая: въ осьмомъ! У насъ, братъ, въ осьмомъ-то никто не ложится, пѣтухи—и тѣ позже ложатся.

Часовъ въ двѣнадцать Надежда Семеновна вошла въ мастерскую и, замѣтивъ дремавшую Нюньку, для острастки, взяла ее за ухо:

— Ты что это барыней-то разѣслась—шей!

— Мнѣ, тетенька, больно спать хочется, спать-то, знаешь, я больно люта,—начала было Нюнька.

Надежда Семеновна фыркнула.

— А каши березовой хочешь?! Что я тебѣ за тетенька?.. Никогда не смѣй такъ называть меня, слышишь?

— Слышу,—отвѣтила Нюнька, мигая слезавшимися глазами.

— Завтра твое дежурство,—продолжала хозяйка,—ты понимаешь?

— Понимаю.

— Говорилъ ей кто-нибудь про дежурство?—возвысила голосъ Надежда Семеновна, обращаясь къ Стешѣ.

— Кажется, не говорили, а впрочемъ, не знаю,—отвѣтила дѣвушка, нерѣшительно оглядѣвъ сотоварокъ,—да нѣтъ-нѣтъ, не говорили.

— Завтра ты должна встать всѣхъ раньше,—начала Стеша объяснять Нюнькѣ,—разбудить кухарку, натаскать ей дровъ въ печку и, пока мы спимъ, убрать въ комнатахъ, а потомъ ты будешь прислуживать Надеждѣ Семеновнѣ. Слышишь?

— Слышу,—отвѣтила Нюнька.

— Ну, а теперь ступай—спи, у насъ дежурныя завсегда раньше ложатся.

Нюнька проворно сложила работу, добралась до своего сундука и заснула, какъ мертвая.

Проснулась Нюнька, по деревенской привычкѣ, тогда, когда условный часъ дежурства не наступилъ еще, быстро одѣлась, слетала къ колодцу умыться и, въ два толчка, разбудила Абрамовну, за что получила отъ нея «пострѣленка».

— Чего тебѣ не спится-то, съ кой поры? Куды ползла еще?

— А за дровами...

— А ну тебя, сиди ужь! Эдакаго, прости Господи, малыша, да вздумали еще заставлять дрова таскать. Ступай въ горницы! Безъ тебя уберусь.

— Я, баушка, чать на дежурствѣ,—нерѣшительно замѣтила Нюнька.

— Ступай, говорятъ!—разсердилась старуха.—На дежурствѣ! Драть бы васъ всѣхъ и съ хозяйкой-то.

Убравъ въ комнатахъ, Нюнька перебудила ученицъ и полетѣла въ кухню, за самоваромъ. Но самоваръ оказался далеко не по силамъ Нюньки.

— Да ты никакъ обалдѣла совсѣмъ!—прикрикнула старуха на Нюньку:—куды тебѣ

эдакую махину тащить?! Чего вертишься-то, какъ бѣсъ... Ступай ужь лучше—стой на своемъ солдатскомъ постое!..

Нюнька ушла въ комнату и стала ожидать пробужденія Надежды Семеновны. Черезъ полчаса изъ хозяйской спальни послышался крикъ.

— Началось!—пронически кивнула головой Стеша, допивая послѣднюю чашку.

Ученицы молча переглянулись.

— Нюнька, ступай къ ней, чего ротъ-то разинула?!—прикрикнула на дѣвушку Матреша.

Нюнька ушла.

— Вотъ когда, дѣвушка, я бываю дежурная—шенила слѣдующая изъ ученицъ, Поля,—мнѣ такъ и хочется съѣздить ее по ѣдалову-то! Оретъ—кричитъ, просто силъ нѣтъ!

— Что-жъ не съѣдешь? Взяла, да и съѣздила-бы, коли больно бойка,—замѣтила Стеша.

— Что кричитъ-то она,—такъ это еще туды-сюды, терпѣть можно, а вотъ ужь когда рука-мъ-то волю начнешь давать, ну, ужь тогда—можно сказать—дѣло швахъ!

— Эй ты, деревенщина!—кричала хозяйка на Нюньку,—подавай башмаки.

Нюнька, стоявшая передъ ней въ нерѣшительной позѣ, опрометью бросилась подъ кровать и, съ перепугу, вытащила первую, попавшуюся подъ руки, обувь.

— Башмаки, я сказала, а не туфли,—ворчала хозяйка на Нюньку.—Ахъ, ты, дрянъ полосатая, оглохла ты, что-ли?

— Ступай, притвори дверь: только и знай—сквозняки дѣлають!—маршировала Надежда Семеновна, волоча за собой затасканный подолъ юбки.

— Да я, тетенька, чать, притворяю, да она опять...

— Молчать! Еще разсуждастъ туда-же?! И опять тетенькой звать? Я вотъ тебѣ надеру вихры-то, такъ ты у меня и будешь знать, какъ меня звать! Налей воды въ рукомойникъ!

Нюнька, какъ оглашенная, бросилась къ рукомойнику и налила изъ ведра воды. Надежда Семеновна подошла, попробовала рукой воду и разразилась неистовымъ крикомъ:—Что-жъ, я кипяткомъ, по твоему, должна умываться? Сейчасъ, чтобъ вода была со льдомъ!

Нюнька, захвативъ ведро, понеслась, точно гонимая злой силой, къ колодцу.

Совершивъ туалетъ и напившись чаю, Надежда Семеновна ушла въ кухню, распекать и придирается къ Абрамовнѣ.

Послѣ обѣда Надежда Семеновна послала Нюньку въ лавку, за нитками.

— Да я не знаю, гдѣ лавка-то,—заикнулась Нюнька.

Надежда Семеновна разсердилась.

— Спроси, такъ укажутъ! Вотъ еще дрянъ навязалась—послать куда нельзя. Маршъ! Да у меня живо, смотри: чтобъ одна пога здѣсь, друга тамъ!

Нюнька проворно одѣлась и шмыгнула въ кухню къ Абрамовнѣ.

— Баушка, не знаешь-ли, гдѣ лавка-то? Абрамовна объяснила.

— Баушка, дай, ради-Христа, хлѣбца ку-сочекъ?—несмѣло обратилась къ ней Нюнька.

— Возьми—ѣшь!—разсердилась старуха,—уже и хлѣба-то вамъ, чертямъ, не дають, какъ слѣдуетъ. На работѣ морять, а ведутъ впроголодь, это тоже ужь не резонъ.

Захвативъ объемистый кусокъ хлѣба, Нюнька понеслась въ лавку.

Пробѣжать улицу и повернуть въ переулочъ,

гдѣ находилась лавка Степанова, для Нюньки было дѣломъ минуты; возвращаясь тѣмъ-же аллюромъ назадъ, Нюнька принуждена была забѣжать въ кухню, передохнуть.

— Ты ужь слетала?—угрюмо замѣтила ей Абрамовна, перемывая посуду.—Скоро, дѣвка, скоро... Ну, да это на первыхъ-то порахъ только, а тамъ и пройдетъ съ тобой.

Нюнька съ оживленнымъ лицомъ вошла въ мастерскую, въ надеждѣ получить такое-же одобреніе отъ хозяйки, но Надежда Семеновна, собиравшаяся куда-то идти, не обратила на быстрое возвращеніе Нюньки никакого вниманія и дала ей еще порученіе,—спести въ домъ одной изъ заказчицъ картонку. Оттуда Нюнька вернулась не скоро и не съ такимъ уже оживленіемъ. Въ мастерской допивали чай; Надежда Семеновна еще не возвращалась.

— Садись, пей!—пригласила Нюньку Стеша, давая ей мѣсто на лавкѣ. Нюнька присѣла и принялась съ жадностью глотать совсѣмъ уже остывшій чай.

Сосѣдка Нюньки—черноглазая Катя, взглянула на нее и фыркнула.

— Ты чего?—изумилась Стеша.

— Да такъ,—усмѣхнулась Катя,—что-то нашей дежурной-то сегодня ничего еще не попало.

— Счастливъ ее Богъ—какъ есть ничего!—подхватила Матреша.

— Вотъ тебѣ, Катя, такъ здорово вчера влетѣло!—усмѣхнулась въ свою очередь Стеша.—Это, должно быть, не у французенки въ магазинѣ жить?

— Да ужь, можно чести приписать,—русскій хрещеный народъ прозывается!

— А рази, дѣвоньки, здѣсь бьются?—несмѣло вступилась Нюнька.

— А ты думала—здѣсь дураки?—усмѣхнулась Матреша:—еще какъ учать то вашу сестру—только держись! Вотъ поживешь—увидишь.

— А я убѣгу,—пояснила Нюнька.

— Куда ты убѣжишь-то?

— Я къ мамынкѣ убѣгу.

— Бѣги... Ты думаешь, мамынка-то тебя за это по головкѣ погладитъ?

— А ну васъ, дѣвченки!—отмахнулась Катя.—Давайте о чемъ-нибудь о другомъ говорить. Меня вотъ сегодня «дѣдушка» ночью душилъ...

— Н-ну?!—неподдѣльно ужаснулась Нюнька.

— Вѣрте Богу—не вру! Лежала я, дѣвушка, вверхъ грудью, хотѣла приподняться, и, вдругъ, эта самая сила, взяла да меня и свалила!.. Такъ вотъ, до чего я напугалась, что прямо въ комнату къ Надеждѣ Семеновнѣ бросилась! Хорошо еще, что Надежда-то Семеновна спала крѣпко, а то было-бы мнѣ!.. Вотъ онъ какой, дѣдушка-то.

— Говорять, что дѣдушки-то и нѣтъ совсѣмъ,—возразила Стеша.

— А кто-же могъ меня задавить, окромя дѣдушки?—удивилась Катя.

— Спала ты, вотъ тебѣ во снѣ и приснилось.

— Я спать-то спала, а все-же видала...

— Чего ты видала-то? Это кровь, дурень! Никакого дѣдушки нѣтъ. Кровь на тебя навалилась... мечтанье одно.

— Ну, вы, дѣвушки, какъ хотите, а я въ это вѣрю!—вступилась Матреша,—потому, въ лѣтешней зимѣ со мной тоже самое было...

— Дураки-то вѣрятъ!—презрительно фыркнула Стеша.

— Сама-то больно умна!—огрызнулась Матреша.—Ну, вы, пострѣлята! Чего ры разинули?—накинулась она на маленькихъ.

— Маршъ за работу! Не любю, такъ не слу-

шай, — бросила она въ видѣ наставленія, Сешѣ. — Ступай къ своему учителю-то, давно не бывала!.. Ты думаешь, я не знаю, кто тебя учить серьезничать-то?

— Дура, — обидѣлась Сеша. — Ты меня учи-

спины... только и радости! Праздники-то все позабыли, въ храмъ Божій по полугодію не соберешься...

— Эхъ, заворота ужъ, что-ли, сходить, пока зѣлье-то наше не воротилось!

— Съ килиграмой! — крикнула изъ сѣней Абрамовна.

— Кому телеграмма-то?

— Госпожѣ Ноготковой, — отвѣтилъ посыльный, подавая Сешѣ телеграмму. — Ихъ дома

«РАЗЫГРАЛИСЬ»: СЪ КАРТИНЫ Г. РОННЕРЪ.

телемъ-то не попрекай... За собой-то побольше смотри!

— Чего мнѣ смотрѣть-то?! — вызывающе возразила Матреша.

— Полно вамъ, дѣвчонки, зубы точить! — помирля ихъ Катя. — Ну, съ чего вы сѣпнулись-то? Эка невидаль... Да отъ эдакой-то каторжной жизни не то что къ учителю, а и не знай куда убѣжишь! Если терпѣнья-то нѣтъ — убѣжишь... Мы развѣ люди? Съ утра до утра за работой, шей-да шей, не разгибая

— Вотъ, у моей мамы, весь родъ «паларичный», — продолжала Матреша, провожая глазами уходившую Катю, — я такъ думаю, что если разъ эта сила на меня навалилась, такъ и я могу отъ «паларича» умереть...

— Ахъ, да умирай! отвязись только, — перебила Сеша. — Вонъ, никакъ кто-то въ сѣни вошелъ?..

— Да это знать Катюшка съ Абрамов-

Голосъ-то какъ будто чужой...

нѣтъ, такъ извольте хоть вы расписаться... Да на часъ бы получить слѣдовало.

— Съ васъ бы слѣдовало! — возразила Матреша.

— А за что-же съ меня то, позвольте узнать?

— По ночамъ не пугайте, — вотъ за что!

— Что теперь еще за «ночь», барышни, — самая, что ни на есть, прекрасная для гулянья пора теперь. Вы посмотрите-ка, сколько публики на улицѣ шляется...

— А ты, батюшка, взялъ росписку, такъ

«Лѣто».— Пано художника Ф. ПРАДЧЛА.

и иди себѣ, по добру по здорову, домой!—вступилась Абрамовна.—Нечего ласы точить: у тебя свое дѣло—у ихъ свое.

— Ты, бабушка, знать сердита?—ухмылялся посыльный, провожаемый старухой Абрамовной.

— Сердита... Иди съ Богомъ... Нечего бобы-то разводить!

— А надо-бы, дѣвчечки, посмотрѣть, что за телеграмма?—поинтересовалась Матреша.

— Зачѣмъ дѣло стало: дай-ка мнѣ сюда... Я жипой рукой...—крикнула Поля.—Нюнька, ступай принеси гумипрабикъ!

— Чего?

— Ну! Тегера! Клей съ окошка подай.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТОЛѢТІЕ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Двадцать пятого іюня 1796 года въ Царскомъ Селѣ, въ 3^{1/4} ч. утра, родился великій князь Николай Павловичъ, сынъ цесаревича Павла Петровича, третій внукъ Екатерины Великой. Императрица Екатерина II, по интереснымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ извѣстнымъ историкомъ г. Шилдеромъ, трудомъ котораго мы и пользуемся, главнымъ образомъ, въ этой статьѣ,—узнавъ о его рожденіи, прибыла въ покои великойкнягини и, взявъ въ руки здороваго и крѣпкого младенца, долго любовалась имъ. Въ тотъ же вечеръ она писала одному изъ приближенныхъ: «Я стала бабушкой третьяго внука, который по необыкновенной силѣ своей, предпаченъ, кажется мнѣ, также царствовать, хотя у него и есть два старшихъ брата». Крещеніе новорожденнаго совершилось 6 го іюля, въ воскресенье, причемъ восприемниками были: девятинадцати-лѣтній великій князь Александръ Павловичъ и двѣнадцати-лѣтняя великая княжна Александра Павловна. По обычаю, новорожденному тотчасъ-же составили особый штатъ, во главѣ котораго состояла воспитательница великаго князя статсъ-дама Шарлота Карловна Ливень (впослѣдствіи княгиня), прѣстѣнные качества которой, по выраженію императрицы Екатерины II, были «моремъ кротости и благодушія». Губернантами: были Юлія Оеодоровна Адлербергъ, подполковница Екатерина Спницына и павдворная совѣтница Екатерина Панаева. Кормилицею великаго князя была красносельская крестьянка Евфросинья Ершова, а нянкою шотландка Евгенія Васильевна Лайонъ. Послѣдняя заслужила особую любовь великаго князя Николая. Систематическіе уроки, сначала русскаго языка, начались въ 1802 году съ дежурнымъ кавалеромъ Ушаковымъ, и затѣмъ всякій день давалъ уроки тотъ кавалеръ, чья была очередь дежурить при великомъ князѣ. Численичанію, всеобщей исторіи и географіи училъ французъ Дю-Пюже, нѣмецкому языку—Аделунгъ, русскои исторіи и географіи—Ахвердовъ, математикѣ, физикѣ и инженерному искусству—Крафтъ, политической экономіи—Шторхъ, естественному праву—Кукольникъ, исторіи права—Балутыинскій. Обязанности представительства начались для великаго князя Николая Павловича очень рано. Императоръ Павелъ Петровичъ въ день своего воцаренія (7-го ноября 1796 г.) назначилъ сына шефомъ л.-гв. Коннаго полка, первому баталіону котораго и присвоено было его имя. Въ числѣ полковника этого полка великій князь Николай Павловичъ получалъ за сентябрьскую треть 1786 г.

первое свое жалованье 1,105 рублей. Будучи одного года и четырехъ мѣсяцевъ, великій князь танцевалъ на придворномъ балѣ въ Гатчинѣ, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ присутствовалъ (2-го февраля 1798 г.) на парадномъ выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, по случаю принесенія поздравленія императору съ рожденіемъ младшаго его сына Михаила Павловича. Будучи еще десяти-лѣтнимъ ребенкомъ онъ не только зналъ многія событія изъ русскои военной исторіи, но умѣлъ объяснить ихъ значеніе. Военные рассказы всегда производили на него глубокое впечатлѣніе; съ большимъ увлеченіемъ онъ читалъ жизнеописанія великихъ полководцевъ и, позднѣе, нѣсколько мѣсяцевъ просидѣлъ надъ изученіемъ «Комментаріевъ Юлія Цезаря».

На престолъ вззошелъ, вслѣдъ за Павломъ I, императоръ Александръ Павловичъ, который очень любилъ своего брата, великаго князя Николая Павловича и старательно заботился о его образованіи и воспитаніи. Питая безпредѣльную любовь, чувствуя благоговѣніе ко всему, что исходило отъ императора Александра I, великій князь Николай безусловно слѣдовалъ его совѣтамъ и очень грустилъ, что не могъ принять фактическаго участія въ «Отечественной войнѣ». 1-го іюля 1817 г. послѣдовало бракосочетаніе Николая Павловича съ великою княгиней Александрой Оеодоровною. Въ тотъ же день, во время бала, государь, подойдя къ брату, объявилъ, что назначилъ его генералъ-инспекторомъ по инженерной части. Это назначеніе призывало великаго князя къ фактической дѣятельности и къ службѣ государству. Необыкновенная энергія, сила воли и строгое исполненіе долга были причиною того, что въ короткое время инженерное вѣдомство доведено было до возможнаго совершенства.

По смерти императора Александра Павловича и по отреченіи великаго князя Константина Павловича отъ престола, Николай I принималъ державу русскаго царства и сразу выказалъ во время затруднительныхъ обстоятельствъ своего воцаренія, желѣзную энергію, силу воли и мужество. Но вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай I выказалъ и свое великодушіе къ виновнымъ, стараясь облегчить ихъ участь и дать имъ возможность и надежду на прощеніе.

Народъ быстро полюбилъ новаго государя, обѣщавшаго въ первомъ-же своемъ манифестѣ «жить единственно для любезнаго отечества». Онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Современники единогласно утверждаютъ, что, съ первой минуты принятія верховной власти, императоръ Николай I приступилъ къ занятіямъ государственными дѣлами съ величайшею энергіею, терпѣніемъ и точностію. Извѣстно, что въ теченіе всего тридцатилѣтняго царствованія, онъ, въ буквальномъ смыслѣ, обрѣкалъ себя на строгое и добросовѣстное исполненіе своихъ царственныхъ обязанностей. Самымъ горячимъ его желаніемъ было—отдать себѣ отчетъ въ дѣйствительномъ положеніи Россіи, узнать недостатки правительственной системы и привести ее въ болѣе совершенный видъ. Трудно перечислить всѣ тѣ реформы, которыя были произведены въ продолжительное царствованіе императора Николая I. Можно указать только, что онъ входилъ въ самыя мельчайшія подробности дѣла и, какъ лучший сынъ отечества, трудился безъ устали на пользу Россіи. Онъ часто говорилъ окружающимъ, что долгъ воспрещаетъ ему относиться слегка даже къ маловажному вопросу; что, возлагая на себя корону, онъ

далъ обѣтъ посвятить всѣ минуты своей жизни пользѣ государства и благу подданныхъ. До вступленія на престолъ императоръ Николай I не былъ членомъ ни государственнаго совѣта и ни одного изъ высшихъ установленій имперіи. Онъ командовалъ только гвардейскою дивизіею и, какъ мы сказали, былъ главнымъ начальникомъ по инженерной части. Тѣмъ замѣчательнѣе вся послѣдующая дѣятельность монарха, самостоятельно стоявшаго во главѣ управленія имперіи. Во все свое царствованіе онъ присутствовалъ въ государственномъ совѣтѣ только четыре раза, но за то весьма часто созывалъ негласные комитеты, собиравшіеся въ личномъ его присутствіи, для обсужденія одного какого-либо предмета, или для разсмотрѣнія извѣстнаго разряда дѣлъ. Обладая, по словамъ графа М. А. Корфа, увлекательнымъ даромъ слова, государь всегда самъ руководилъ преніями.

Въ царствованіе императора Николая I Россія принуждена была отражать многихъ и сильныхъ враговъ и въ концѣ-концовъ вынести памятную всѣмъ тяжелую Севастопольскую кампанію. Въ апрѣлѣ 1828 г. вслѣдствіе политическихъ недоразумѣній, началась война съ Турціей, и самъ императоръ Николай I отправился въ дѣйствующую армію. Воодушевленные присутствіемъ Верховнаго Вождя, русскія войска побѣдоносно поражали непріятели. Древняя крѣпость Мачинъ, сооруженная еще римлянами, сдалась полковнику Роговскому; Гирсово открыло свои ворота генералу князю Мадатолу; крѣпость Кистенджи, на крутомъ берегу Чернаго моря, съ 3-хъ тысячнымъ гарнизономъ, сдалась генералу Ридигеру, но лишь послѣ двухъ-суточного бомбардированія, и мы приобрѣли въ ней важный укрѣпленный пунктъ для морского сообщенія съ Одессою. Наканецъ, Тульчею овладѣлъ генералъ Ушаковъ, и такимъ образомъ мы заняли все пространство между Рассаевою и Чернымъ моремъ. Послѣ храброй переправы черезъ Дунай была взята русскими и сильная крѣпость Варна. Къ октябрю, когда кампанія пріостановилась, результатъ этой кампаніи былъ слѣдующій. Въ наши руки достались—въ Европейской Турціи: Молдавія, Большая и Малая Валахія, значительная часть Болгаріи, 8 крѣпостей, 957 пушекъ, 180 знаменъ, 9 пашей и слишкомъ 22.000 военнопленныхъ. Въ Азіатской Турціи: 6 крѣпостей, 3 укрѣпленія, 313 пушекъ, 195 знаменъ, 8 пашей и свыше 8.000 пленныхъ. Графъ Паскевичъ покрылъ себя неуязвимыми лаврами, и войска наши поддерживали издревле заслуженную ими боевую славу.

Русское оружіе въ царствованіе императора Николая I помогло австрійцамъ подавить венгерское возстаніе, и коварная Австрія, по обыкновенію, заплатила намъ черною неблагодарностію въ севастопольскую кампанію.

Въ долгихъ войнахъ съ Турціей прославились графъ Паскевичъ-Эриванскій и Дибичъ-Забалканскій. Эти-же два полководца усмирили возстаніе въ Польшѣ, которому помогали западныя державы. Варшава была взята.

Несмотря на долгое кровопролитіе, вражда между Россіей и Турціей все болѣе и болѣе разгоралась. Войска наши заняли Молдавію и Валахію, а потомъ Н. химовъ вступилъ турецкій флотъ при Синопѣ. Англо-французскій флотъ, до того стоявшій въ Дарданеллахъ въ наблюдательномъ положеніи, принялъ послѣднее событіе за оскорбленіе себѣ и вступилъ въ Черное море. Франція и Англія готовились объявить войну Россіи. И въ это время Наполеонъ III, по какому-то странно-

мувлеченію къ Россіи, непремѣнно хотѣлъ сблизиться съ императоромъ Николаемъ. Онъ написалъ къ нему письмо, отъ 17-го (29-го) января 1854 года, въ которомъ хотя оправдывалъ дѣйствія французовъ и англичанъ, но выразилъ полное уваженіе къ нашему императору, изъявляя желаніе предупредить дѣйствительный разгаръ войны, предлагая, для достиженія мира, вывести воюющія силы изъ всѣхъ мѣстъ, куда онѣ призваны, и окончить споръ съ Турціей дипломатическимъ путемъ. Императоръ Николай, въ письмѣ отъ 9-го февраля, выставя во всемъ виноватыми морскія державы и принявъ напомниманіе о трехъ тысячахъ пушекъ въ Босфорѣ за угрозу, заключилъ письмо свое такимъ образомъ: «На что бы ваше величество ни рѣшились, я не отступлю ни передъ какою угрозою. Довѣряю Богу и моему праву, и Россія, ручаясь въ томъ, явится въ 1854 году такою же, какъ была въ 1812-мъ. Если при всемъ томъ ваше величество, съ меньшимъ равнодушіемъ къ моей чести, возвратитесь чистосердечно къ нашей программѣ, если вы подадите мнѣ отъ сердца вашу руку, какъ я вамъ предлагаю свою въ эти послѣднія минуты, я охотно забуду все, что въ прошедшемъ могло бы быть для меня оскорбительнымъ. Тогда, государь, но только тогда, намъ можно будетъ вступить въ сужденія и, быть можетъ, согласиться».

Въ январѣ 1854 г. графъ Орловъ посланъ былъ въ Вѣну для переговоровъ о томъ, въ какомъ положеніи будутъ оставаться нѣмцы, когда начнутся военныя дѣйствія англичанъ и французовъ противъ Россіи. Императоръ австрійскій, его министры и генералы увѣрили графа Орлова въ преданности ихъ къ нашему государю, въ чувствахъ искреннѣйшей благодарности своей за содѣйствіе подавленію мятежа венгерскаго и насаждали много другихъ лѣстивыхъ словъ. Но все кончилось прибавленіемъ, что правительство Франціи извѣстило ихъ, что если они станутъ на сторону Россіи, то французскія войска тотчасъ займутъ австрійскія провинціи въ сѣверной Италіи. Такимъ образомъ посольство графа Орлова кончилось ничѣмъ.

Севастопольская кампанія была испытаніемъ для всей Россіи. Во внутреннихъ губерніяхъ всѣ одушевлены были пламеннымъ чувствомъ любви къ отечеству; повсюду возгорѣлась искренняя преданность къ русскому православному царю, закинула русская отвага, и общее одушевленіе объяло всѣ сословія. Оно обнаруживалось въ благочестивомъ усердіи народа при церковныхъ молебствіяхъ о ниспосланіи успѣховъ нашему оружію, — въ живомъ сочувствіи къ извѣстіямъ о побѣдахъ нашихъ; — въ разсказахъ объ этихъ побѣдахъ и во всѣхъ разсужденіяхъ о настоящихъ событіяхъ, въ стихотвореніяхъ, въ которыхъ ненависть къ врагамъ доходила даже до неумѣренности; — въ театрахъ, гдѣ каждая рѣчь о славныхъ подвигахъ войскъ нашихъ приводила зрителей въ восторженное состояніе. Чувства преданности и усердія въ русскихъ такъ были велики, что не только не было никакой надобности возбуждать или поддерживать, но иногда должно было умѣрять ихъ, чтобы они не выходили изъ границъ приличія.

Въ то же время со всѣхъ сторонъ посылались жертвы на алтарь отечества и въ помощь раненымъ воинамъ, сражающимся за общее дѣло. Кромѣ важныхъ приношеній Яковлева, графа Шереметева, князя Юсупова, барона Штиглица и другихъ, кромѣ пожер-

тованій, сдѣланныхъ дворянствами цѣлыхъ губерній и обывателями городовъ, люди всѣхъ сословій — духовные, служащіе и отставные, купцы и крестьяне, даже нижніе воинскіе чины и женщины — всѣ жертвовали, чѣмъ могли; иной приносилъ послѣднее, скопленное многолѣтнее бережливостію.

Но неудачи кампаніи тяжело вліяли на страстную и горячую натуру императора Николая I. Труды тридцатилѣтняго царствованія подточили его крѣпкое здоровье, къ тому же прибавилась еще простуда, на которую государь не обратилъ должнаго вниманія.

Въ почѣ съ четверга на пятницу на второй недѣлѣ поста, съ 17-го на 18-е февраля, 1855 г. болѣзнь дошла до той степени, что лейбъ-медики Мандтъ и Енохинъ и докторъ Карелль, пользовавшіе государя, потеряли всякую надежду. У него перестала отдѣляться мокрота, которая душила его, и отъ этого въ легкихъ уже должно было начаться сильнѣйшее воспаленіе. Въ 4 часа утра, 18-го февраля, Карелль рѣшился осторожнымъ образомъ напомнить государю объ исполненіи послѣднихъ христіанскихъ обязанностей. Онъ согласился. Призвали оберъ-священника Бажанова. Государь былъ въ полной памяти и имѣлъ еще столько силъ, что самъ сползъ съ кровати и упалъ на колѣна. Въ этомъ положеніи, съ величайшимъ благоговѣніемъ и съ полною покорностію воли Провидѣнія, онъ исповѣдался и причастился св. Тайнъ. Послѣ того онъ оставался, часа два, наединѣ съ наслѣдникомъ. Въ первомъ часу пополудни того же 18-го февраля императоръ Николай I началъ кончаться. Его окружало полное семейство, въ томъ числѣ и всѣ его внучата. Изъ постороннихъ находился тутъ только гр. Орловъ и с.-петербургскій комендантъ. Больной уже слабо говорилъ, но все еще нѣжно обращался къ императрицѣ, дѣтямъ и внукамъ. Въ 12 часовъ 20 мин. пополудни государя не стало. Похороненъ государь Николай I былъ 5-го марта въ субботу, на четвертой недѣлѣ великаго поста. Весь народъ рыдалъ вмѣстѣ съ осиротѣвшимъ семействомъ любимого владыки.

Мужественная и рыцарски-прямая личность императора Николая I не требуетъ особыхъ поясненій и добавленій: она стоитъ на виду, ясно и ярко въ ряду другихъ порфириносныхъ властителей Россіи. Отметимъ только глубокую религіозность Николая I, его истинно христіанскій духъ и великодушіе. Въ 1853 году, въ исходѣ іюля мѣсяца, императоръ Николай Павловичъ, проѣзжая по Англійской набережной, близъ Николаевского моста, встрѣтилъ траурныя дроги, на коихъ везли гробъ. Провожатыхъ за этимъ гробомъ не было, кромѣ шедшаго съ боку большаго служителя съ книжкой. Государь императоръ, остановившись вблизи моста, подождалъ шедшаго при гробѣ служителя и спросилъ его, кого хоронятъ; служитель отвѣчалъ: «чиновника изъ больницы». Тогда государь вышелъ изъ экипажа, снялъ каску, перекрестился и пошелъ за гробомъ. За государемъ собралась толпа народа и слѣдовала за нимъ. Императоръ, проходя похороны чрезъ Николаевскій мостъ, перекрестился, надѣлъ каску и, обратясь къ шедшему за нимъ народу, сказалъ: «Ну, теперь прошу васъ, господа, сдѣлать долгъ христіанскій и проводить покойнаго».

Твердость и мужество императора Николая

рисуетъ и слѣдующій фактъ. Когда лечившій государя докторъ Мандтъ намекнулъ ему, что пора приступить къ принятію св. Тайнъ, государь спросилъ его, поправъ все:

— Скажите же мнѣ, развѣя долженъ умереть? Нѣсколько секундъ докторъ колебался произнести роковое слово; глаза императора призывали его...

— Да, ваше величество! — сдѣлавъ послѣднее усиліе, отвѣтилъ Мандтъ.

— Что нашли вы съ вашимъ инструментомъ? — спросилъ императоръ вслѣдъ за этимъ. Каверны?

— Нѣтъ! Начало паралича.

Въ лицѣ умирающаго не дрогнулъ ни одинъ мускулъ... Сила волѣ, несмотря на страшную внутреннюю борьбу, давала выраженію больного столько спокойствія, что нельзя было себѣ представить, какъ можетъ человекъ, за нѣсколько часовъ до смерти, такъ прямо смотрѣть ей въ лицо. Устремивъ глаза въ потолокъ, императоръ словно мѣривъ своимъ взглядомъ путь, который предстоитъ перейти душѣ его въ вѣчность; рука его была въ рукѣ Мандта, который выслушивалъ пульсъ, продолжавшій биться по-прежнему. — Взглянувъ на доктора, государь произнесъ:

— Какъ достало у васъ духу высказать мнѣ это такъ рѣшительно?

— Меня побудили къ этому, ваше величество, слѣдующія причины. Прежде всего и главнымъ образомъ я исполняю данное мною обѣщаніе... Года полтора тому назадъ вы мнѣ однажды сказали: «Я требую, чтобы вы мнѣ сказали правду, если бы настала минута опасности». Къ сожалѣнію, ваше величество, такая минута настала. Вотъ почему, я исполняю горестный долгъ по отношенію къ монарху. Вы еще можете располагать нѣсколькими часами жизни, вы находитесь въ полномъ сознаніи и знаете, что нѣтъ никакой надежды. Эти часы, ваше величество, конечно, употребите иначе, чѣмъ какъ употребили бы ихъ, если бы не знали положительно, что васъ ожидаетъ; по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется. Наконецъ, я высказалъ вашему величеству правду, потому что люблю васъ и знаю, что вы въ состояніи выслушать ее.

Эти слова, произнесенныя докторомъ почти безъ перерыва, государь выслушалъ до конца совершенно спокойно; протянувъ затѣмъ ему правую руку, онъ произнесъ съ нѣкоторымъ удареніемъ:

— Благодарю васъ!

Какъ характерны тоже слова посмертнаго завѣщанія императора Николая I, обращенныя къ цесаревичу Александру Николаевичу: — «Я увѣренъ, что сынъ мой, императоръ Александръ Николаевичъ, будетъ всегда почти-тельнымъ, нѣжнымъ сыномъ, какимъ всегда умѣлъ быть съ нами; долгъ этотъ еще священнѣе съ тѣхъ поръ, когда мать его одна. Въ его любви и нѣжной привязанности, также и всѣхъ дѣтей и внучатъ, она должна обрѣсти утѣшеніе въ своемъ одиночествѣ. Въ обхожденіи съ братьями своими, сынъ мой долженъ умѣть соединять снисходительность къ ихъ молодости съ необходимою твердостью, какъ отецъ семейства, и никогда не терять ни семейныхъ ссоръ, ни чего-либо могущаго быть вреднымъ пользѣ службы, тѣмъ паче государства; а въ подобныхъ случаяхъ, отъ чего Боже насъ сохрани, помнить наизусть, что онъ — государь, а прочіе члены семейства — подданные».

1.

2.

6.

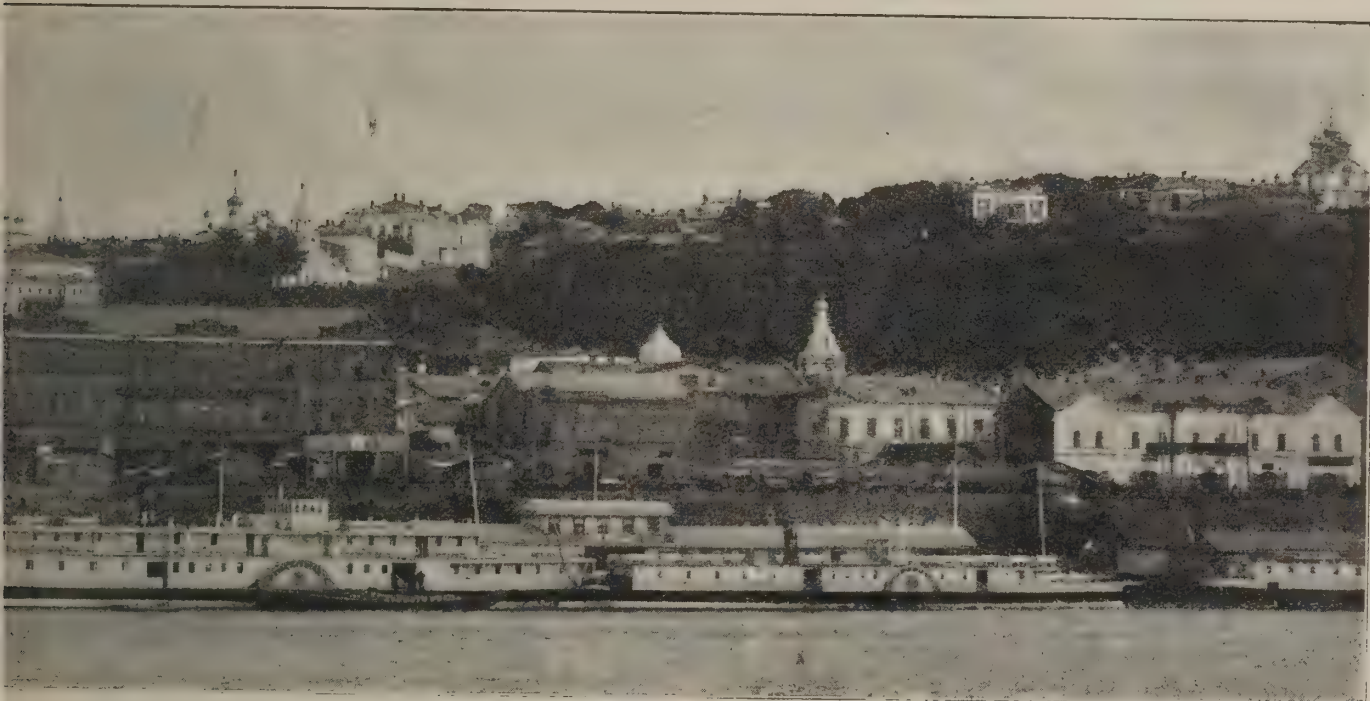

8.

НОВГОРОДА (СЪ ВОЛГИ).

3. 4. 5.

7.

9.

- 1) ГУБЕРНАТОРСКИЙ ДОМЪ.
- 2) СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОРЪ.
- 3) МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКИЙ СОБОРЪ.
- 4) ИВАНОВСКИЙ СЪВЪЗДЪ.
- 5) НИЖЕГОРОДСКИЙ КРЕМЛЬ.
- 6) НИЖНЕ-ВОЛЖСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ.
- 7) ПЕЧЕРСКО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.
- 8) БЛАГОВЫЩЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.
- 9) НАБЕРЕЖНАЯ.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

ВЪ ЭТОТЪ день положеніе больной не ухудшилось, но на другой день у нея сдѣлался сильнѣйшій припадокъ лихорадки съ бредомъ и только начиналъ проходить, когда къ подъѣзду подъѣхалъ докторъ Моррисъ. Джо выбѣжалъ къ нему на встрѣчу и былъ пораженъ, увидавъ съ нимъ аббата Фокстона.

— Вы, господинъ аббатъ?—вскричалъ съ горестно удивленнымъ.

— Я!—отвѣчалъ аббатъ,—я встрѣтилъ вчера нашего знаменитаго доктора, который сказалъ мнѣ, что ваша милая жена очень больна и что его вызываютъ къ ней. Я захотѣлъ лично увѣриться, что опасности нѣтъ. Вы не сердитесь на меня за это?

Достойный аббатъ прикрасилъ истину, но ради христіанскаго милосердія—и не считалъ этого великимъ грѣхомъ. Богатый промышленникъ искренно поблагодарилъ его и немедленно повелъ ихъ къ миссисъ Гаррисъ.

— Оба вмѣстѣ,—сказала она улыбаясь, слава тебѣ Господи! Я уже чувствую себя легче.

Джэнь, при видѣ аббата, поблѣднѣла и, отвѣдая дѣвицу Бренъ въ уголь, спросила ее:

— Какими судьбами аббатъ очутился здѣсь? Зачѣмъ? Я боюсь!

— Успокойся, дорогая моя, твоя мать сама просила телеграфировать аббату, чтобы онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ докторомъ Моррисомъ.

Это объясненіе нѣсколько успокоило молодую дѣвушку и въ эту минуту вошелъ докторъ Брэндонъ, котораго увѣдомили о пріѣздѣ доктора Морриса. Доктора остались у больной, остальные вышли. Увидавъ въ другой комнатѣ господина Рено, Джэнь позвала его.

— Нужно ждать,—простонала она,—доктора тамъ, и заперли двери... Бѣдная мамочка!

— Будемъ надѣяться на милость Божію!—проговорилъ аббатъ,—я увѣренъ, что эти господа сообщатъ намъ хорошія вѣсти.

Наконецъ, минутъ черезъ двадцать, которые показались вѣкомъ вѣчности, доктора вышли изъ комнаты больной. Джэнь бросилась къ нимъ на встрѣчу, не ожидая вопроса, докторъ Моррисъ сказалъ ей:

— Ничего серьезнаго, дитя мое, вашей матери нуженъ полный покой, она не должна утомляться, говорить много и должна аккуратно исполнять наши предписанія.

Доктора заперлись въ кабинетъ Джо, а Джэнь прошла къ своей матери, которую нашла замѣтно утомленной, она едва имѣла силы улыбнуться своей дочкѣ.

Доктора единогласно рѣшили, что положеніе больной весьма опасно, и согласились о способѣ и средствахъ леченія. Когда они вышли къ Гаррису, который вмѣстѣ съ Марселемъ и аббатомъ ждалъ ихъ, онъ сказалъ:

— Не скрывайте отъ меня ничего, умоляю васъ.

— Ваша жена серьезно больна, хотя неминуемой опасности еще нѣтъ,—отвѣчалъ профессоръ Моррисъ.—Она молода и можно смѣло надѣяться, что леченіе облегчитъ ея болѣзнь. Если въ теченіе четырехъ, пяти дней мы добьемся нѣкотораго улучшенія, можно будетъ ждать полнаго успѣха. Мужайтесь другъ мой, мужайтесь.

— Да, дорогой господинъ Гаррисъ, мужайтесь!—повторилъ аббатъ.—Вамъ нужно мужество ради всѣхъ вашихъ.

— Прошу васъ, употребите всѣ средства. Милѣйшій Моррисъ, ваша комната готова; вы придете вечеромъ, господинъ Брэндонъ?

— Непремѣнно,—отвѣчалъ ньюпортскій врачъ,—до вечера!—и онъ вышелъ въ сопровожденіи хозяйки дома.

Нѣсколько минутъ спустя, Гаррисъ поднимался по лѣстницѣ, какъ до его ушей долетѣли раздражающіе душу крики; онъ быстро, какъ двадцатилѣтній юноша, выбѣжалъ на верхъ и бросился въ комнату жены. Докторъ Моррисъ давалъ больной нюхать спиртъ. Съ ней сдѣлался сильный пароксизмъ кашля, послѣ котораго она потеряла сознание. Госпожа Гаррисъ скоро очнулась, но съ нею сдѣлался сильный нервный припадокъ. Глаза были широко раскрыты, мутны, безъ выраженія, конечности похолодѣли, въ лицѣ ни кровинки, въ груди хрипѣло и свистѣло.

— Это ничего,—замѣтилъ докторъ,—она сейчасъ успокоится.

Дѣйствительно, черезъ минуту щеки больной окрасились, дыханіе сдѣлалось легче, она чувствовала только сильную боль въ лѣвомъ плечѣ, такъ что не могла даже шевелить рукой. Взглянувъ на Джэнь, она знакомъ подождала ее къ себѣ и обѣ разрыдалась.

— Дайте мнѣ поплакать,—замѣтилъ докторъ на испуганный взглядъ Гарриса,—слезы ихъ успокоятъ.

Почувствовавъ себя легче, госпожа Гаррисъ попросила чтобы ее оставили одну съ мужемъ и аббатомъ. Ея желаніе было исполнено, только докторъ просилъ ее не утомляться и какъ можно гнѣе говорить. Когда всѣ вышли больная сказала Гаррису:

— Я не знаю, мой другъ, но, можетъ быть, я осуждена скоро васъ покинуть, на все воля Божія, только я буду гораздо спокойнѣе, а если мнѣ суждено выздоровѣть, это поможетъ мнѣ, обѣщай мнѣ исполнить то, что я попрошу у тебя, какъ еще одно доказательство твоей любви ко мнѣ.

— Ты знаешь, Фанни,—нѣжно сказалъ Гаррисъ,—я ни въ чемъ не могу тебѣ отказать. Но къ чему такія печальныя мысли? Доктора ругаются за тебя. Я не могу допустить возможности потерять тебя.

— Благодарю! Но во всякомъ случаѣ, обѣщай...

— Все, что ты потребуешь! Ты самая превосходная жена и мать..

— Клянись... нѣтъ, обѣщай только, — ты честнѣйшій изъ людей,—вотъ о чемъ я прошу: если я оставлю нашу дорогую Джэнь одну съ тобой, обѣщай, что ты никому не позволишь сдѣлать и самъ не сдѣлаешь ей ни малѣйшаго замѣчанія относительно ея религіозныхъ вѣрованій, что она всегда сохранитъ свободу совѣсти.

— О, въ этомъ клянусь тебѣ! Ты думаешь о Пальмирѣ, дорогая Фанни, но моя сестра теперь не осмѣлится вмѣшиваться въ дѣла, которыя до нея не касаются.

— Я хотѣла бы также, чтобы Джэнь никогда не разставалась съ m-ле Бренъ. Она замѣняетъ ей сестру, подругу, и особа вполнѣ заслуживающая довѣрія, ты это сама знаешь.

— Да, m-ле Бренъ останется подлѣ нашей дѣвочки столько сколько сама захочетъ.

— Еще одно, послѣднее. Ты знаешь, что между Джэнь и господиномъ Рено существуетъ привязанность. Я весьма уважаю это-

го молодого человека, и тебѣ извѣстна моя мечта, въ которой я прошу прощенія у тебя, американца,—чтобы Джэнь вышла замужъ за француза. Если господинъ Рено попроситъ у тебя руки Джэнь, что весьма вѣроятно, и она будетъ согласна, не отказывай ему.

— Я уже раньше сказалъ тебѣ, что хочу только, чтобы Джэнь достигла девятнадцати лѣтъ. Ты проживешь еще достаточно дорогая моя, и сама направишь это дѣло по своему желанію.

— О! Благодарю, благодарю!

Она протянула ему руку, онъ нѣжно пожалъ ее и, указывая глазами на аббата, спросилъ:

— И для того, чтобы просить у меня объ этомъ, въ согласіи на что ты могла быть заранѣе увѣрена, ты пожелала присутствія аббата?

Больная покраснѣла и отвѣтила:

— Несовѣмъ, дорогой Джо,—девятнадцать счастливыхъ лѣтъ, проведенныхъ съ тобой, даютъ мнѣ полное право не сомнѣваться въ тебѣ. Но мнѣ казалось, что, въ его присутствіи, моя просьба будетъ убѣдительнѣе... Мы вѣримъ и молимся одному Богу, да благословитъ Онъ тебя. Теперь оставь меня одну съ аббатомъ, у меня и къ нему есть просьба.

Гаррисъ поцѣловалъ свою жену и сильно взволнованный удалился. Минутъ черезъ двадцать аббатъ вышелъ изъ комнаты больной и Джэнь успѣшила занять свое мѣсто у постели матери. Мистеръ Брэндонъ пришелъ вечеромъ, и докторъ Моррисъ сказалъ ему:

— Больной хуже, къ воспаленію присоединилась ангина. А послѣ обѣда появились сильныя боли въ лѣвой рукѣ; если боли повторятся, придется дѣлать впрыскиванія морфіемъ, но это не остановитъ хода болѣзни. Я сильно беспокоюсь.

Докторъ Моррисъ произнесъ эти слова, подходя къ спальнѣ больной; больная была довольно спокойна, только на щекахъ появились красныя пятна, и цвѣтъ лица сдѣлался желтоватымъ. Сдѣлавъ разныя распоряженія, между прочимъ, чтобы больная ни на минуту не оставалась одна, доктора ушли.

Оставшись одна съ Джэнь, миссисъ Гаррисъ поспѣшно спросила ее:

— Гдѣ господинъ Рено? Мнѣ хотѣлось бы его видѣть.

— Онъ будетъ очень счастливъ; но, мамочка, не забывай, что докторъ Моррисъ не позволяетъ тебѣ много говорить. Тебѣ вредна всякая усталость, всякое волненіе.

— Нѣсколько минутъ только, прошу тебя.

— Я пойду за нимъ.

Джэнь вышла потихоньку и почти немедленно вернулась вмѣстѣ съ молодымъ коусуломъ.

— Мнѣ хотѣлось видѣть васъ,—сказала больная,—и поблагодарить за участіе, которое вы принимаете въ моей болѣзни и беспокойствѣ моихъ близкихъ и попросить васъ объ одной услугѣ.

— Просить меня объ услугѣ? Вѣдь я предаю вамъ, какъ только можетъ быть преданъ родной сынъ.

— Сынъ! Хорошо, я буду съ вами говорить, какъ мать. Я не знаю, исполнить ли не-бо вашу мечту о будущемъ, вашу и Джэнь; но прошу васъ, обѣщайте мнѣ, если даже васъ не соединятъ болѣе священные узы, быть всегда покровителемъ для моей дочери,

быть ей братомъ, если вамъ не удастся быть ей мужемъ.

— Общаю.

Онъ произнесъ это слово твердымъ голосомъ и подблывая руку миссисъ Гаррисъ.

— Теперь я спокойна; Богъ можетъ призвать меня къ себѣ.

— Мамочка, перестань, — сказала плачущая Джэнь. — Уходите, господинъ Марселя.

Джэнь взяла Марселя за руку и увела его въ другую комнату и, вернувшись, сѣла у постели матери, которая закрыла глаза, будто желая уснуть. Немного погодя, Джо и докторъ Моррисъ пришли навѣстить больную; не видя никакой перемѣны, они удалились. Такъ прошло часа два, миссъ Джэнь задремала въ креслѣ, какъ ее вдругъ разбудилъ крикъ матери, задыхавшейся отъ кашля и жаловавшейся на боль въ сердцѣ и лѣвомъ плечѣ. Испуганная Джэнь послала сейчасъ за докторомъ, который немедленно пришелъ и сдѣлалъ впрыскиваніе морфіемъ. Больной сдѣлалось легче, она стала дремать, но вдругъ приподнялась съ широко раскрытыми глазами, тяжело дыша. Джэнь обняла ее и хотѣла положить ее голову на подушки. Пристально поглядѣвъ на дѣвчушку, больная произнесла:

— Дочь моя... Джэнь... Джо... Помните... Моя...

И упала навзничь. Миссъ Гаррисъ громко вскрикнула и упала на колѣни у постели своей матери, склонившись надъ ея рукой. Доктора Морриса не удивила такая внезапная смерть, онъ ждалъ ее. Въ комнатѣ покойницы собрались всѣ домашніе. Джо, пораженный горемъ, упалъ на колѣни рядомъ съ дочерью. Аббатъ сталъ читать молитвы объ усопшихъ. Джо не въ состояніи былъ держаться на ногахъ. Онъ понималъ, что потеря его громадна; — мало чувствительный по природѣ, онъ оплакивалъ скорѣе компаньона, товарища, чѣмъ жену, безсознательно сожалея незамѣнимую и изысканную хозяйку дома. На другой день, при помощи Рено, все было устроено для возвращенія семьи въ Чикаго и перенесенія туда тѣла покойницы.

Гаррисъ не только горевалъ, но еще сердился на себя и въ особенности на тѣхъ гордыхъ и высокомерныхъ миллионеровъ изъ за неудачнаго знакомства съ которыми онъ пріѣхалъ въ Ньюпортъ, гдѣ своей цѣли не добился, но похоронилъ жену. Онъ проклиналъ этихъ гордецовъ, державшихся въ сторонѣ, будто они принадлежали къ другому племени, были другой крови, чѣмъ ихъ соотечественники американцы. Какъ онъ жаждалъ отмстить имъ!

Черезъ два дня по возвращеніи изъ Нью-порта миссисъ Гаррисъ была похоронена съ особою пышностью, въ присутствіи многочисленной толпы. По окончаніи печальной церемоніи, такъ недавно еще веселый отель въ Мичиганъ-авеню погрузился въ печаль и трауръ. Въ числѣ немногихъ посѣтителей его были Рено, аббатъ Фокстонъ, докторъ Моррисъ и еще нѣсколько человѣкъ близкихъ друзей. Гаррисъ съ новымъ рвеніемъ занялся дѣлами, что помогало ему забывать горе. Миссъ Джэнь была неутѣшна, не смотря на окружавшую ее привязанность Самми, дѣвочки Бренъ и Марселя, который постоянно повторялъ ей данное ея матери обѣщаніе беречь ее, а взгляды его прибавляли: «и любить». Джэнь благодарила пожатіемъ руки и грустной улыбкой и нигде не хотѣла выѣзжать, не смотря на всѣ уговоры отца. Она занята была только своимъ горемъ и не хотѣла, чтобы ее отъ него отвлекали, выходила

изъ дому только въ церковь или на кладбище, куда приносила цвѣты на могилу матери. Въ эти дни, она постоянно встрѣчала Марселя. Первое время онъ ограничивался только поклономъ, но скоро она позволила ему подойти, и здоровалась и разговаривала съ нимъ.

Ея воспитательница, сдѣлавшаяся ея другомъ, не видѣла ничего здѣсь дурного. Онѣ вмѣстѣ отправлялись на могилу и, говоря о покойницѣ, все сильнѣе и сильнѣе привязывались другъ къ другу. Такъ прошла зима и въ такомъ положеніи находились дѣла, когда къ нимъ, покинувъ своего достойнаго супруга квакера Ионаана, какъ свѣтъ на голову явилась Пальмира съ цѣлью поселиться у брата и навела ужасъ на свою хорошенькую племянницу.

Х. Планъ тетки Пальмиры.

Первыя недѣли своего насильственнаго вторженія въ домъ на Мичиганъ-авеню, миссисъ Дерсонъ старалась расположить въ свою пользу всѣхъ обитателей, начиная съ господъ и кончая слугами. Съ братомъ и его дочерью она была предупредительна и ласкова. Только и слышно было: мой дорогой Джо, моя прелестная Джэньочка! Съ дѣвочкой Бренъ и Торнеромъ она была политично любезна, — она знала, что они ее не долюбивали, и отплачивала имъ тѣмъ-же. Со слугами она не была требовательна, обращалась вѣжливо. Немногихъ друзей, приходившихъ къ Гаррисамъ, не смотря на трауръ, она принимала очень любезно. Отношенія Марселя и Джэнь были ею скоро угаданы, хотя молодые люди держались при ней весьма осторожно, но Пальмира Дерсонъ сумѣла очень ловко выпытать у слугъ, что дружескія отношенія консула съ семьей Гарриса существовали больше года, что онъ былъ у нихъ въ Ньюпортѣ, и ни минуты больше не сомнѣвалась въ романѣ молодыхъ людей. Но все же продолжала держать себя такъ, будто ничего не знала и избѣгала мѣшать молодымъ людямъ въ ихъ одиночныхъ прогулкахъ. При встрѣчахъ съ аббатомъ она держалась тоже очень осторожно и никогда не возбуждала съ нимъ религіозныхъ споровъ. Только изрѣдка, съ видомъ лицемѣрнаго сожалѣнія, сопровождая иногда свою племянницу на кладбище, она говорила:

— Мое бѣдное, дорогое дитя, твой отецъ не ляжетъ рядомъ съ той, которая дѣлила съ нимъ жизнь; когда онъ умретъ, тебѣ придется переходить съ одного мѣста упокоенія къ другому, чтобы молиться за дорогихъ покойниковъ; а когда тебя Господь призоветъ къ себѣ, ты будешь разлучена съ однимъ изъ лицъ, давшихъ тебѣ жизнь. Одна семья должна слѣдовать однимъ вѣрованіямъ.

Чаще всего миссъ Гаррисъ ничего не отвѣчала своей теткѣ, но легко понять, насколько эти слова ее огорчали и растревали ея горе. Сестра Джо нашла еще способъ протестовать противъ религіи, въ которой была воспитана ея племянница. При всѣхъ большихъ торжественныхъ праздничныхъ службахъ она иронически говорила о роскоши, о выставкѣ на показъ католическихъ церемоній. Она утверждала что это остатки язычества и противоставляла имъ простоту квакеровъ, которые собирались вмѣстѣ, ожидая божественнаго внушенія. Она даже старалась выставлять свою набожность, каждый день ходила въ молельню, доводя до крайности ученіе своей секты. Все это она продѣлывала спокойно, не торопясь, не волнуясь, безъ гнѣва. Ея кажущееся равнодушіе вызывало насмѣш-

ки ея брата, но она на нихъ не сердилась. Въ сущности же миссъ Дерсонъ была очень полезна своему брату. Послѣ смерти миссисъ Гаррисъ въ домѣ былъ дѣйствительно порядочный безпорядокъ. Самъ еще нѣсколько присматривалъ за конюшнями и экипажами, но фабрики и мастерскія отнимали у него много времени, и притомъ, зная, что Джо не думаетъ объ экономіи, онъ смотрѣлъ на лишнія траты нѣсколько сквозь пальцы. Кучера, конюха, поставщики смѣялись надъ нимъ. Въ домѣ прислуга не слушалась ни дѣвочки Бренъ, ни Клариссы, бывшей горничной госпожи Гаррисъ, произведенной экономкой.

Пальмира привела все въ порядокъ и такъ ловко повела дѣла, что ея братъ сталъ во всемъ на нее полагаться. Не привыкшій заниматься мелочами хозяйства, онъ былъ радъ, что въ лицѣ сестры нашелъ преданную хозяйку. Такимъ образомъ ловкая квакерша достигла своей цѣли, — понемногу сдѣлалась необходимой и пріобрѣла надъ окружающими ее нѣкоторымъ образомъ неограниченную власть. Гаррисъ былъ весьма благодаренъ своей сестрѣ, что она не разводилась съ своимъ четвертымъ мужемъ. Мысль о разводѣ конечно не затрогивала его нравственныхъ убѣжденій, онъ относился къ нему вполне равнодушно, но супругъ его сестры былъ весьма уважаемый промышленникъ въ Филадельфіи и кромѣ того, Джо былъ убѣжденъ, что она разведется только для того, чтобы пятый разъ выйти замужъ и опасался, что сдѣлаетъ при этомъ какой нибудь скверный выборъ и, вмѣстѣ съ именемъ мужа мѣняя свои религіозныя вѣрованія, вступитъ въ какую нибудь изъ тѣхъ невѣроятныхъ сектъ, которыхъ, благодаря различнымъ спекуляторамъ, такъ много въ Америкѣ расплодилось.

Миссисъ Дерсонъ мало говорила о своемъ настоящемъ супругѣ, добромъ Ионаанѣ; должно полагать, что она простила ему ссору, возникшую между ними по поводу различнаго толкованія нѣкоторыхъ стиховъ посланія апостола Павла къ Ефессеямъ, стиховъ, въ которыхъ говорится о страдательномъ подчиненіи жены мужу. Она правильно и дружески любовно переписывалась съ нимъ. Въ дѣйствительности же умъ тетки Пальмиры былъ занятъ другимъ. Ее поглотила мысль, которой не нужды были Джэнь и Рено, — послѣднее время она много ими занималась и слѣдила за ними. Если бы въ эти минуты наблюдать ея лицо, можно было бы замѣтить злобное, безпокойное, жестокое выраженіе въ глазахъ.

Миссисъ Дерсонъ постаралась узнать малѣйшія подробности путешествія въ Ньюпортъ и тогда Джо выражалъ свое негодованіе противъ гордыхъ богачей, отнесшихся къ нему такъ высокомерно, потому что его богатство пріобрѣтено имъ лично, а не наслѣдственное и заключается только въ ста миллионѣхъ, — «въ чемъ они сильно ошибаются, — прибавлялъ онъ, — оно значительно больше».

Такъ прошли зима и весна; и наступили чудные лѣтніе дни, какъ въ одинъ прекрасный день Джэнь получила письмо отъ герцогини Сабріа.

«Еще недѣлька — и я могу обнять тебя, выразить тебѣ на словахъ то участіе, которое и принимала въ твоемъ горѣ и представить тебѣ герцога, моего мужа. Ты видишь, я пишу тебѣ изъ Ньюпорта. Какъ было условлено между моимъ отцомъ и княземъ Мозерильо, мы переплыли океанъ, чтобы провести здѣсь часть лѣта. Уже двѣ недѣли какъ мы пріѣхали и всѣ эти богачи банкиры, которые въ прошломъ году съ такимъ

презрѣніемъ относились къ Джону Картеру и его дочери, теперь разыскиваются передъ нами въ любезностяхъ. Тонко и слышно: «герцогъ, прелестная герцогиня, милѣйшій господинъ Картеръ!» Какъ жаль, что мы не могли уговорить моего свекра ѣхать съ нами. Князь, настоящій, младѣтельный, между предками котораго насчитывается двое папъ и одинъ святой!—можно только себѣ представить, какъ бы здѣсь стали за нимъ ухаживать! Ну, на будущій годъ мы его непременно привеземъ. Покаместъ, я только герцогиня; когда же очередь за тобой; тебѣ вѣдь стоитъ только захотѣть?

«До свиданія, до скорого, крѣпко тебя цѣлуетъ твоя герцогиня Эленъ».

Джонъ далъ прочесть это письмо отцу, который сообщил его содержаніе теткѣ Пальмирѣ. На что та немедленно отвѣтила:

— Вотъ твоя месь и готова, у тебя въ рукахъ....

— Какимъ образомъ?—спросилъ Гарриетъ.

— Безъ сомнѣнія! Сдѣлай изъ твоей дочери знатную, титулованную даму и ты видишь изъ письма дочери Картера, тебѣ станутъ вездѣ принимать и даже навѣрное радушіе, чѣмъ принимаютъ простого торговца свиньями.

Богатый промышленникъ засмѣялся.

— Можетъ быть, ты права,—сказалъ онъ.— Но это невозможно по двумъ причинамъ. Во первыхъ, я не знаю ни одного, даже самого пустого герцога, нхъ въ Чикаго не бываетъ; а во вторыхъ, существуетъ нѣкій французскій, консулъ, который, едва Джонъ исполнитъ девятнадцать лѣтъ, придетъ просить ея руки.

— Ты ее обѣщала ему?

— Нѣтъ, не совсѣмъ; но я позволилъ ему сдѣлаться своимъ въ семьѣ. Вѣдь нужно считать меня ослѣплымъ, чтобы предположить, что я ничего не знаю и не вижу. Кромѣ того, я далъ слово умирающей Фанни, выдать Джонъ только за француза.

— Странное обѣщаніе! Но вѣдь есть и другіе французы, кромѣ господина Рено?

— Несомнѣнно.

— Теперь, разъ мы объ этомъ заговорили, позволь тебѣ замѣтить, что частыя посѣщенія молодого человѣка когда другихъ посѣщеній не принимаютъ, могутъ такъ скомпрометтировать твою дочь, что тебѣ волею-неволею придется ее выдать за него замужъ, отваливъ при этомъ десятки милліоновъ,—и тогда прощай надежда мести. Странно, Джонъ католичка и вѣрующая, мать ея была французенка, католичка, воспитательница тоже французенка-католичка, а не думаютъ о томъ, что флиртъ, на который у насъ смотрятъ сквозь пальцы, во Франціи совсѣмъ не допускается.

— О, какъ ты вдругъ сдѣлалась строга, Пальмира! Правда, квакерша!

— Здѣсь дѣло не въ сектахъ или вѣрованіяхъ, а въ будущности моей племянницы и моемъ спокойствіи.

— Но вѣдь я не могу запереть дверей господину Рено!

— Нѣтъ, но вѣдь ты давно желаешь поблизиться въ Европѣ?

— Чтобы отыскать титулованнаго зятя?

— О, искать его не будетъ никакой необходимости, онъ самъ явится. Джонъ хороша, умна, образована, изящна. Ну и приданое.

— Да, не меньше, чѣмъ Картеръ далъ своей дочери. Но я не хочу ни званнаго испанца, ни итальянца. Я связанъ обѣщаніемъ, даннымъ моею дорогой покойницѣ, мнѣ нуженъ герцогъ или князь-французъ.

— Во Франціи найдутся, да и не одинъ, готовые дать своимъ прелестной дѣвушкѣ, держащей въ рукѣ чекъ на десятокъ милліоновъ.

— Ты думаешь?

— Я увѣрена! Хочешь, я займусь этимъ дѣломъ?

— Нѣтъ! нѣтъ! Мы глупимъ оба. Надо мной будутъ смѣяться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Посланецъ любви. Съ картины художника Д. Комансъ.

Немного фантастическая картинка французскаго художника исполнена тонкой граціей и красотой. Эти молодыя дѣвушки, конечно, влюблены, чтобы завязать постоянныя сношенія со своими вздыхателями, приучили голубей служить между ними почтальонами. Цѣлое почтовое отдѣленіе изъ пернатыхъ посланцевъ образовалось у молодыхъ красавицъ. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ онѣ вѣсточекъ отъ юношей—и вотъ летитъ-летитъ бѣлокрылый посланецъ, несъ дорогое писемцо. Съ какой жгучей радостью встрѣчаютъ его молодыя дѣвушки. Что-то имъ пишутъ?..

Жмурки. Съ картины художника В. Шютца.

Что за веселая игра эти жмурки! Безпрерывный хохотъ оглашаетъ террасу, гдѣ рѣзвятся толпа оживленныхъ дѣтей. Ловить, съ завязанными глазами, молодую дѣвочку и, видимо, очень довольна своею ролью. Нестрою гурьбою, бѣгая на цыпочкахъ, окружаютъ ее дѣти, щекочутъ ее вѣточками, трогаютъ за повязку и окликаютъ оттуда и отсюда. Когда-же она приблизится, всѣ быстро разбѣгаются. Долго еще придется шустрой дѣвочкѣ ловить товарокъ и товарищей. Взрослые окружаютъ дѣтскую группу и съ любовью наблюдать за ихъ граціозными, рѣзвыми движеніями. Вдалекѣ на балконѣ весело бесѣдуетъ оживленное общество.

Гибель парохода «Владиміръ» въ Черномъ морѣ 1894 года. Съ картины профессора Ф. Лагорио. (Выставка картинъ русскихъ художниковъ 1896 г.).

Ужасная катастрофа — гибель парохода русскаго общества пароходства «Владиміръ», случившаяся въ ночь на 27-е іюня 1894 года, произвела страшное впечатлѣніе на всю Россію. «Владиміръ» шелъ крымско-кавказскимъ рейсомъ въ Одессу и въ часъ ночи, пройдя Тарханкутъ, увидѣлъ бѣлый огонь вѣтрѣнаго судна. Послѣдовало смятеніе, и наконецъ какой-то иностранный большой пароходъ врезался въ бортъ «Владиміра» противъ машиннаго отдѣленія, и послѣдній быстро началъ наполняться водою. Итальянскій пароходъ «Колумбъ», нанесши ударъ, отошелъ назадъ. На просьбу о помощи съ «Владиміра», капитанъ «Колумби» отказалъ въ содѣйствіи, отговариваясь тѣмъ, что его пароходъ тоже поврежденъ. Пассажиры тонувшаго «Владиміра» бросались въ воду, гнали въ водоворотъ и погибли масса народа. Недостаточныя средства спасенія давали мало помощи. Наконецъ, подошелъ пароходъ русскаго общества «Синесъ» и помогъ спастись остальнымъ. Оба капитана — и Кріунъ — «Владиміра», и капитанъ «Колумбъ» были переданы суду, возникло много гражданскихъ дѣлъ къ русскому обществу. Вообще, эта катастрофа надолго останется въ памяти у всѣхъ.

Лѣто. Пано художника Прадила.

«Жаръ томитъ—и геніи дѣла—
Въ яркомъ трепетѣ лучей—
Весь изъ воздуха и свѣта,
Рысть въ неслетѣ мѣтвей.

Синьба дне, ного неба;
Треви птицъ и шумъ ручья;
Пилы зрѣющаго хлѣба,
Рокотанье солопы...»

Общій видъ Нижняго-Новгорода (съ Волги).

Имѣя въ виду дать нашимъ читателямъ рядъ рисунковъ, относящихся къ важному событію въ жизни русскаго общества—XVII Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ,—мы сначала помѣщаемъ въ

этомъ номерѣ общій видъ красиваго приволжскаго города. Мы отбѣгли на рисунокъ важнѣйшіе соборы, монастыри и вообще зданія города. Начнемъ съ Благовѣщенскаго монастыря. Монастырь этотъ принадлежить къ числу древнѣйшихъ на нижегородской землѣ; полагаютъ, что первоначальное строеніе его современно основанію Нижняго. Страдалъ, какъ и все въ стар. Русь, отъ пожаровъ, монастырь не сохранилъ въ стѣнахъ своихъ особенно древнихъ построекъ. Самая старинная изъ пяти монастырскихъ церквей—соборная, благовѣщенская, построенная въ 1647 году. Замѣчательнѣйшая древность монастыря—икона Богоматери, писанная, какъ это видно изъ греческой надписи на ней, въ Греціи, въ 6501 (993) году, т. е. почти вслѣдъ за принятіемъ Русью христіанства (988).

Печерскій монастырь, о построеніи котораго еще мечталъ Юрій Всеволодовичъ, основанный Діонисіемъ между 1328 и 1330 годами, разрушенный оползнемъ горы 18 іюня 1597 года, находился нѣсколько ниже теперешняго своего мѣстоположенія (еще видны въ густарникѣ остатки древнихъ стѣнъ его). Въ настоящемъ своемъ видѣ построенъ, на 7 холмахъ, какъ сказано въ историческомъ очеркѣ, въ первой половинѣ XVII столѣтія. Въ немъ замѣчательны: икона печерской Богоматери, писанная которой относится къ XIV столѣтію; два «Евангелія» 1605 года; въ монастырской библіотекѣ сохранилось также 7 писанныхъ «Синодиковъ», изъ которыхъ древнѣйшій относится къ 1552 году; «Синодикъ» 1595 года перечисляетъ опальныхъ людей Грознаго и выражается слѣдующимъ образомъ: «Отдѣлано 369 человекъ, да у 12 по рукѣ отдѣлано»; нѣкоторые изъ «отдѣланныхъ» поименованы. Тамъ-же хранятся: картина, изображающая печерскій монастырь до его разрушенія, древнія вериги и оружіе—бердыши, копыя. Нижегородскій кремль богатъ памятниками старины. Изъ кремлевскихъ построекъ слѣдуетъ указать на губернаторскій домъ, выстроенный въ 1841 году, на духовскую часовню (въ губернаторскомъ саду), построенную вмѣсто бывшаго здѣсь монастыря, основаннаго въ 1574 году опальнымъ повгородцемъ Порфиріемъ, на единовѣрческую церковь Симеона Столпника (также бывшій монастырь). Рядомъ съ губернаторскимъ домомъ стоятъ таутивахта, на мѣстѣ существовавшего здѣсь архіерейскаго дома, построеннаго въ началѣ XVIII столѣтія и разобраннаго въ сороковыхъ годахъ текущаго. Кромѣ того, въ кремлѣ находятся: зданіе присутственныхъ мѣстъ, казармы, арсеналъ и военная графа Аранчьева гимназія, переведенная сюда изъ Новгорода въ 1866 году.

Въ развѣленномъ въ 1871 году скверѣ, на берегу горы, стоитъ памятникъ Минину и Пожарскому, въ формѣ остроугольнаго обелиска, поставленный въ 1826 году; обелискъ и пьедесталъ его гранитные. Известно, что московскій памятникъ Минину и Пожарскому предназначался сначала для Нижняго.

Въ кремлѣ въ старину было много частныхъ построекъ—«для осаднаго времени», на случай опустошенія непріятелемъ посадовъ. Здѣсь-же былъ пожалованный Минину государевъ, т. е. казенный домъ. До того времени у Минина былъ домъ на Почайнѣ, что видно изъ записи одной купчей крѣпости 1605 года. Въ настоящее время въ кремлѣ частныхъ построекъ вовсе нѣтъ.

Остальные соборы, церкви и монастыри обладаютъ тоже весьма многими достопримѣчательностями.

Памятникъ императору Николаю I въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ, на площади между Исаакиевскимъ соборомъ и зданіемъ Государственнаго Совѣта, возвышается огромный монументъ, изображающій мощнаго, величаваго всадника—императора Николая I-го въ конногвардейскомъ одѣянн. Это—памятникъ Николаю I, воздвигнутый, въ 1859 году, его сыномъ и преемникомъ, императоромъ Александромъ Николаевичемъ. Всадникъ и конь, отлитые изъ бронзы, помѣщены на высокомъ пьедесталѣ, сдѣланномъ изъ мрамора и гранита и украшенномъ бронзовыми выпуклыми изображеніями самыхъ достопамятныхъ минутъ изъ жизни императора: 14-го декабря 1825 года въ Петербургѣ; холерный бунтъ въ Петербургѣ (императоръ держитъ рѣчь къ народу); императоръ награждаетъ графа Сперанскаго за окончаніе Свода Законовъ; осмотръ императоромъ Берейскаго моста при открытіи движенія по Николаевской желѣзной дорогѣ, въ 1851 году. На четырехъ углахъ пьедестала помѣщены изваянія Правосудія, Силы, Вѣры и Мудрости. Этотъ монументъ—одинъ изъ лучшихъ въ Петербургѣ и вполнѣ достойнъ того Государя, котораго въѣздною Сынъ и вся Россія почтлнъ называли «Незабвеннаго». Воспоминанія объ императорѣ Николай живы до нашихъ дней.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СТОЛѢТІЕ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ.

Памятникъ Императору Николаю I въ С.-Петербургѣ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Государственный Совѣтъ, въ соединенных департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра путей сообщенія, объ учрежденіи инженернаго училища вѣдомства путей сообщенія, мнѣніемъ положили:

I. Проекты: положенія о московскомъ инженерномъ училищѣ и штата сего учебнаго заведенія поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію, и, по во послѣдованіи онаго, привести въ дѣйствіе въ теченіе 1896 года, въ срокъ по усмотрѣнію министра путей сообщенія. II. Исчисленный по штату инженернаго училища (отд. I) ежегодный расходъ въ размѣрѣ 75,850 р., снести на средства Государственного Казначейства и вносить, начиная съ 1-го января 1896 г., въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства путей сообщенія. III. На содержаніе названнаго училища (отд. I) въ 1897 г. ассигновать изъ средствъ Государственного Казначейства 53,234 р. IV. Расходы на постройку зданій училища и общежитія при немъ и на обзаведеніе оныхъ, а также издержки, въ размѣрѣ 45,000 руб., на наемъ временнаго помѣщенія для училища и на обзаведеніе и содержаніе училища въ текущемъ 1896 г. отнести на запасный капиталъ училищнаго желѣзнодорожнаго фонда. V. Впредь до разрѣшенія общаго вопроса о служебныхъ правахъ, приобретаемыхъ окончаніемъ курса въ учебныхъ заведеніяхъ, предоставить лицамъ, получившимъ отъ московскаго инженернаго училища дипломъ на званіе инженера-строителя, при вступленіи на государственную службу на техническія должности, право на производство въ чинъ губернскаго секретаря.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственного Совѣта, 23-го мая 1896 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сербія.—14 (26) іюня утромъ прибылъ сюда князь Черногорскій и былъ встрѣченъ королемъ и министрами. На дебаркадерѣ выстроены были почетный караулъ, а на всемъ пути слѣдованія обоимъ государямъ отъ вокзала до дворца стояли шпалерами войска. Народъ привѣтствовалъ короля и князя восторженно. Городъ роскошно убранъ флагами. Въ Старомъ дворцѣ князя сердечно привѣтствовала королева Наталія, послѣ чего князь, въ сопровожденіи короля, послѣдовалъ въ Новый дворецъ, а оттуда въ кафедральный соборъ, гдѣ, какъ ежегодно 15 іюня, шла панихида по павшимъ въ бою за отечество воинамъ. Состоялось торжественное засѣданіе академіи наукъ, на которомъ, присутствовали король, князь черногорскій, министры и много выдающихся лицъ. Президентъ академіи обратился къ королю и князю съ восторженною рѣчью. Затѣмъ состоялось принятіе новаго академика Іовановича. Изъ академіи король и князь отправились въ институтъ св. Саввы. Вечеромъ былъ данъ парадный спектакль, къ которому былъ приглашенъ дипломатическій корпусъ.

Франція.—Въ Нанси, при громадномъ стеченіи народа, состоялось открытіе памятни-

ка Карно. На церемоніи присутствовали министры Барту и Бушэ. Въ рѣчи посвященной жизни и дѣятельности Карно, Барту сказалъ, что покойный президентъ много содѣйствовалъ дѣлу сближенія Франціи съ Россіей, направленному къ сохраненію всеобщаго мира.

Германія.—Ли-Хунъ-Чангъ посѣтилъ Бисмарка. Печилійскій вице-король, который очень гордится названіемъ «Китайскаго Бисмарка», былъ въ восторгѣ отъ приѣма, оказаннаго ему въ Фридрихсруэ. Старый канцлеръ, чтобы сдѣлать честь гостю; одѣлся въ полную парадную форму своего кирасирскаго полка, послѣ обычныхъ привѣтствій, сказалъ Ли-Хунъ-Чангу: «Вы и я долго помогали своимъ государямъ управлять обширными странами». Вице-король отвѣтилъ тонкимъ комплиментомъ: «Я могъ сдѣлать кое-что лишь для Китая, тогда какъ ваша свѣтлость многое сдѣлала для всего міра». Продолжая бесѣдовать съ Ли-Хунъ-Чангомъ, князь Бисмаркъ сказалъ: «Во время моего пребыванія на службѣ, я всегда стремился къ сближенію съ Китаемъ, но независѣвшій отъ меня препятствія были такъ велики, что я ихъ никакъ не могъ преодолѣть».

Австро-Венгрія.—Наслѣдникомъ престола, вмѣсто больного Франца-Фердинанда, будетъ объявленъ второй сынъ покойнаго эрцгерцога Карла-Людвига, эрцгерцогъ Отто. По увѣренію «Frankfurter Zeitung», мадьяры готовы признать чешское государственное право, если чехи подадутъ голосъ за мадьярскій проектъ въ дѣлѣ австро-венгерскаго соглашения. Русскіе журналисты на выставкѣ въ Буда-Пештѣ приняты очень дружелюбно.

Турція.—За послѣдніе дни на островѣ Критѣ произошли многочисленныя и упорныя стычки. Дѣло замиренія острова путемъ наступательныхъ дѣйствій со стороны турецкихъ войскъ даетъ лишь ничтожные результаты. Георгій Беровичъ князь Самоса назначенъ генералъ-губернаторомъ Крита, Стефанаки Музурусъ-бей—княземъ Самоса, бывшій посолъ въ Тегеранѣ Шемсединъ-бей—ванскимъ вали, губернаторъ Кандіи, генералъ Хассанъ-паша—совѣтникомъ при критскомъ генералъ-губернаторѣ, Сулейманъ Азовъ паша—губернаторомъ Кандіи. Бывшій генералъ-губернаторъ Крита Абдуллахъ-паша остается командующимъ войсками на Критѣ съ производствомъ въ маршалы.

Персія.—Новый шахъ пожаловалъ русскому повѣренному тѣ дѣлахъ въ Тегеранѣ Шеглову брилліантовые знаки ордена Льва и Солнца въ благодарность за содѣйствіе, оказанное персидскому правительству въ тяжелые дни послѣ смерти Насръ-Эддина.

Китай.—Въ различныхъ областяхъ Китая продолжаются неурядицы. Мусульманское возстаніе въ провинціи Кансу принимаетъ угрожающее положеніе. Въ южныхъ провинціяхъ—чума и голодъ. Тайныя общества вновь волнуютъ народъ, готовятъ серьезные беспорядки и агитируютъ противъ европейцевъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Августѣйшій главнокомандующій Великій Князь Владиміръ Александровичъ отбылъ изъ Петербурга по пути на Рыбинскъ, Черепов-

ецъ, Бѣлозерскъ, Вытегру, Лодейное Поле и Валаамъ. Во исполненіе Высочайшаго Государя Императора повелѣнія, великій князь отправится на Маринскую спелему, какъ для осмотра гидротехническихъ работъ по ея коренному перестройству, такъ и для присутствованія при торжествѣ ихъ завершенія съ открытіемъ по обновленной системѣ судоходства. Его Высочество пожелалъ также присутствовать при освѣщеніи на Валаамѣ соборнаго храма; торжество это совершится въ присутствіи Великой Княгини Маріи Павловны, ея августѣйшей семьи, а также герцогини Кобургской Великой Княгини Маріи Александровны, которая съ этою цѣлью прибудетъ изъ Петербурга на Валаамъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

25-го іюня, по случаю истеченія столѣтія со дня рожденія въ Бозѣ почивающаго Императора Николая I, Его Императорское Высочество Главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, приказалъ: 1) отслужить во всѣхъ частяхъ войскъ округа и въ военныхъ церквяхъ, заложенныхъ или освященныхъ въ царствованіе Императора Николая I, торжественныя богослуженія 2) ознакомить нижнихъ чинныхъ, гдѣ это будетъ признано возможнымъ, въ особомъ солдатскихъ чтеніяхъ, съ болѣе выдающимися событіями славнаго царствованія въ Бозѣ почивающаго Императора, обративъ особое вниманіе на высокомилоостивое царственное отношеніе Государя къ войскамъ, запечатлѣнное многоразличнымъ проявленіемъ, на благо и счастье арміи, отеческой любви и неунывающей заботливости, и 3) назначить въ С.-Петербургѣ, при памятникѣ въ Бозѣ почивающаго Императора, общій парадъ войскъ.

— При обществѣ для пособія нуждающимся студентамъ Императорской военно-медицинской академіи положено начало капиталамъ имени пяти погибшихъ въ борьбѣ съ эпидеміями студентовъ: И. А. Карповича, В. П. Потапова, К. И. Тарасова, Г. И. Куклина и А. И. Шебека.

XVI ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

Въ находящемся на выставкѣ павильонѣ Сибири прежде всего обращаютъ на себя вниманіе два стола, на которыхъ вытѣплены рельефныя карты Нерчинскаго и Алтайскаго горныхъ округовъ. Карты сдѣланы хорошо, мѣсторожденія и разработки рудъ показаны на нихъ шариками золота, серебра, угля и пестрыми, изъ которыхъ послѣдніе указываютъ розсыпи самоцвѣтныхъ камней. По обѣимъ сторонамъ этихъ картъ два громадныхъ шара показываютъ количество добытаго металла. Въ Нерчинскомъ округѣ добыто золота съ 1835 г. 9.580 пуд. на 191.200.000 р.; въ Алтайскомъ съ 1831 г. взято 3.687 пудовъ на 73.440.000. Количество добытаго серебра, мѣди, свинца, угля, самоцвѣтовъ непоказано. Здѣсь же выставлена неуклюжая машина. Какъ оказывается, въ Сибири въ 1763 году былъ пѣкій Иванъ Ивановичъ Ползуновъ, изобрѣвшій паровую машину, которая, въ модели, и представлена и которая дѣйствовала въ одномъ изъ казенныхъ рудниковъ Алтая въ 1764 году. Разнообразіе минеральныхъ породъ Сибири представлено въ видѣ

грота, украшеннаго надъ входомъ въ него медальономъ Императора Александра III изъ рѣдкой яшмы, медальонъ держитъ въ лапахъ орелъ изъ какого-то тоже рѣдкаго камня. Орелъ, въ свою очередь, прикрѣпленъ къ овалу изъ розоваго орлеца. Работы Императорской гранильной мастерской въ Екатеринбургѣ, сосредоточенныя здѣсь, поразительно хороши: вазы изъ яшмы, порфиръ, орлецы, рѣдкіе виды кварца—все это вырѣзано въ разнообразныя кубки, вазочки, и все это изумляетъ своей художественностью. Особенно хороши три «панно»—цвѣты и узоры, вырѣзанные изъ орлеца и предназначенныя въ храмъ Воскресенія въ Петербургѣ, на мѣстѣ событія перваго марта.

Въ мануфактурномъ отдѣлѣ всероссійской выставки мануфактуристы старались, по возможности, перещеголять другъ друга вышностью витринъ. Группа шелковыхъ фабрикантовъ соорудила общую витрину, представляющую цѣлымъ павильономъ съ нѣсколькими комнатами. Витрина эта, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ, производитъ весьма пріятное впечатлѣніе своею скромностью и строгостью стили: тутъ показывается товаръ, а не витрина. Фабриканты шелковыхъ издѣлій задались мыслью наглядно показать достигнутый въ этомъ производствѣ успѣхъ. Маленькія витрины 23 экспонентовъ, изготовляющихъ ручнымъ способомъ шелковыя и бархатныя матеріи, показываютъ, что по качеству экспозитовъ производители занимаютъ равное мѣсто съ лѣнскими издѣльями и такой успѣхъ обуславливается кустарнымъ характеромъ производства, стоящимъ значительно дешевле. Фирма г. Алексѣева выставила свое банителное производство въ особой красивой витринѣ, въ восточномъ вкусѣ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Водоросли. Новый сборникъ стихотвореній А. Д. Львовой. Изд. М. М. Ледерле. Ц. 1 р. 75 к.

Немного странно названіе этого стихотворнаго сборника. Про водоросли ничего не говорятъ читателю ни «Марина Миншекъ» ни «Волшебникъ Мерлинъ»; да въ самыя большія поэмы книги. Впрочемъ, вычурность заглавій теперь у насъ въ модѣ. Г-жа Львова обладаетъ бойкимъ, хотя блѣдноватымъ стихомъ. Ей удаются недурно только чисто-эпическія вещи да еще, пожалуй, сказочно-фантастическія. Недочеты-же рѣзны, неправильныя сокращенія—это постоянныя спутники женскаго поэтическаго творчества. Съ вѣншей стороны «Водоросли» могутъ служить примѣромъ, какъ издавать стихи.

Нашему юношеству. Разказы о хорошихъ людяхъ. Янъ-Амосъ Коменскій. П. Г. Мижусевъ. Изд. М. М. Ледерле. Ц. 10 к.

Полезная мысль издать серію такихъ интересныхъ жизнеописаній для юношества вполне заслуживаетъ похвалы. Коменскій ясно рисуетъ въ простомъ и тѣмъ разсказъ г. Мижусева и этотъ энергичный характеръ навѣрное произведетъ впечатлѣніе на юный умъ.

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ.

К. П. Побѣдоносцевъ. 15-го іюня, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія государственной дѣятельности оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева, въ церкви Св. Синода были отслужены литургія и благодарственное молебствіе. Служилъ молебствіе предсѣдатель училищнаго совѣта при Св. Сп-

одѣ, преосвященный Гурій, соборне съ многочисленнымъ духовенствомъ. Затѣмъ въ хозяйственномъ управленіи собрались служащіе въ центральномъ управленіи Св. Синода. Товарищъ оберъ-прокурора В. К. Саблеръ въ небольшой задушевной рѣчи обрисовалъ юбиляра и какъ человѣка, и какъ государственнаго дѣятеля. Депутація отъ училищнаго совѣта поднесла В. К. Саблеру для передачи К. П. Побѣдоносцеву адресъ и роскошный экземпляръ Библіи; служащіе въ центральномъ управленіи передали икону Покрова Пресвятыя Богородицы. Юбиляръ уклонился отъ чествованія и наканунѣ юбилея, вечеромъ, уѣхалъ изъ Петербурга. Въ день юбилея съ утра на квартиру К. П. явились многія лица и депутаціи отъ различныхъ учрежденій съ поздравленіями. Въ числѣ посѣтившихъ юбиляра были: ген.-ад. О. К. Кремеръ, преосвященный Назарій, епископъ гдовскій, с.-петербургскій губернаторъ графъ С. А. Толь. Привѣтственныхъ телеграммъ получено множество.

Ф. Ф. Штапельбергъ. 15-го іюня, исполнилось 50-лѣтіе государственной службы первоприсутствующаго въ соединенномъ присутствіи перваго и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената д. т. с. барона Ф. Ф. Штапельберга.

НЕКРОЛОГИ.

Г. П. Небольсинъ.—16 іюня скончался членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Григорій Павловичъ Небольсинъ. Покойный былъ почетнымъ членомъ совѣта торговли и мануфактуръ, предсѣдателемъ комиссіи по техническому образованію.

—**Л. І. Грассъ.** 11-го іюня въ Казани скоропостижно скончался предсѣдатель департамента казанской судебной палаты Людвигъ Геронимовичъ Грассъ. Л. І. родился въ 1841 году. По окончаніи курса на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета, онъ началъ службу въ министерствѣ юстиціи. Перу его принадлежатъ много цѣнныхъ работъ по юридическимъ и экономическимъ вопросамъ.

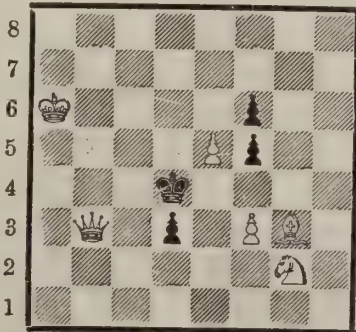
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 16.

В. Вильямса (въ Англии).

Первый призъ на конкурсѣ „North London Guardian“.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Годовой турниръ—гандикапъ С.-Петербургскаго Шахматнаго Общества, о которомъ мы сообщали въ № 8 „Живоп. Обозр.“, окончился. Призы получили: 1-й—М. И. Чигоринъ, 2-й—г. Велиховъ, 3-й—г. Зыбинъ, 4-й—г. Захарьинъ, 5-й—г. Омелянскій, 6-й—г. Поршневу, 7-й и 8-й призы раздѣлили между собой гг. Зигфридъ и Шабскій.

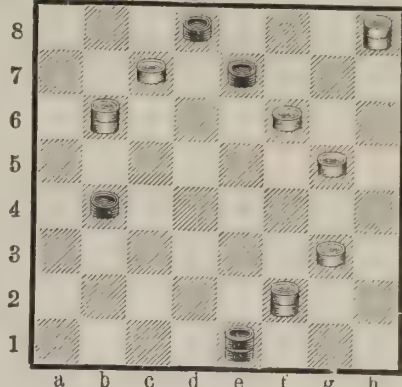
ШАШКИ.

Подъ редакціею В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 16.

А. Г. Савельева (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть простую.

Рѣшенія шашечныхъ этюдовъ.

№ 1. Чирева. 1. с5—d6; 2. h6—g7, f6—a1; 3. a7—b8; 4. b8—h8, d8—e7 и 5. h4—g5. 2... f8—e7; 3. a7—b8 и 4. b8—f8.

№ 2. Саргина. 1. f4—g5; 2. b4—a5, h4—e7; 3. d6—f8, d8—f6; 4. f8—e7 и 5. e1—h4. 2... d8—f6; 3. d6—g3 и 4. e1—d8. 2... h4—f6; 3. d6—e7 и 4. a5—h4.

№ 3. Ево-же. 1. f4—c1, g3—f2; 2. c1—a3, f2—e1; 3. c5—f2, e1—h4; 4. a3—e7; 5. h2—c7 и 3. a7—h8. Варианты понятны.

№ 4. Пократова. 1. g1—f2, b2—g7; 2. f8—d6, g7—a1; 3. h6—g7; 4. d6—e5 и 5. b8—a7. 2... h2—g1; 3. h6—f8 и 4. f8—a3. 1... h2—g1; 2. b8—d6 и 3. f8—c1.

№ 5. Саргина. 1. e5—f6, d8—g5; 2. g7—h6, b8—f4; 3. h2—e5 и 4. e5—f6 или f4. 1... b8—e5; 2. f6—d4 и т. д.

Рѣшили: К. Подольскій (Спб.)—въсѣ; П. И. Холодовъ (Курскъ)—№№ 1, 2, 4 и 5; А. А. Савельевъ (Спб.)—№№ 1, 2 и 4; В. Г. Филипповъ (Спб.)—№№ 2 и 4; И. В. Петровъ (Кострома)—№№ 1 и 2.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПЕРВАЯ ВЪ РОССІИ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФАБРИКА
ЦВѢТНЫХЪ ПРОЗРАЧНЫХЪ КАРТИНЪ И ОРНАМЕНТОВЪ
ЗАМѢНЯЮЩИХЪ
ДОРОГУЮ ЖИВОПИСЬ НА СТЕКЛѢ
С. ДОБРОДѢЕВА.

ПРОЧНОЕ И ИЗЯЩНОЕ УКРАШЕНІЕ ДВЕРЕЙ И ОКОНЪ
ЦЕРКВЕЙ, ЧАСОВЕНЪ, ДАЧЪ, БЕСѢДОКЪ, БУДУА-
РОВЪ, СТОЛОВЫХЪ, ГОСТИНЫХЪ, КАБИНЕТОВЪ,
БИБЛИОТЕКЪ, КЛАССНЫХЪ КОМНАТЪ, МАГАЗИНОВЪ,
РЕСТОРАНОВЪ и пр.

Въ числѣ разныхъ готовыхъ прозрачныхъ (на стеклѣ и въ листовѣ) художественно выполненныхъ изображеній, воспроизведенныхъ цѣпными красками, имѣются и религіознаго содержанія:

„МИРЪ ВАМЪ!“ Исусъ Христосъ по воскресеніи (размѣръ: 25×16 д.). Цѣна на стеклѣ 10 руб. Безъ стекла 5 руб.

„МОЛЕНІЕ О ЧАШѢ“ Проф. В. Бруни (въ двухъ форматахъ: первый разм. 25×15½ д.). Цѣна на стеклѣ 5 р. съ орнаментомъ, замѣняющимъ раму—7 р. Безъ стекла 3 р. (безъ перес.). Второй размѣръ 11×5 д. Цѣна на стеклѣ 2 руб. Безъ стекла 1 руб.

„ПРЕОБРАЖЕНІЕ ГОСПОДА ИСУСА ХРИСТА“ (размѣръ 12×16 д.). Цѣна на стеклѣ 8 р. Безъ стекла 6 р. (безъ пересылки).

„СВ. ЧЕЛОВѢКЪ!“ („ЕССЕ НОМО!“) на стеклѣ въ 18 красокъ (размѣръ 11×13). Цѣна на стеклѣ 2 р. Безъ стекла 1 руб.

„БОГОМАТЕРЬ У КРЕСТА“ (разм. 12×11 д.). Цѣна на стеклѣ 2 р. Безъ стекла 1 р. (безъ пересылки).

„РОЖДЕСТВО ИСУСА ХРИСТА“ (размѣръ 19×13 д.). Цѣна на стеклѣ 3 руб. Безъ стекла 2 руб.

„СПАСЪ НЕРУКОТВОРЕННЫЙ“. Копія съ чудотворной иконы, находящейся въ С.-Петербургѣ, въ домикѣ Петра Великаго (разм. 12×10 дюйм.). Цѣна на стеклѣ 2 руб. Безъ стекла (въ листовѣ) 50 коп., за экземпляръ.

„МАТЕРЬ БОЖІЯ СЪ МЛАДЕНЦЕМЪ“. Съ картины Рафаэля. (Разм. 16×16 д.). Цѣна на стеклѣ 8 руб. Безъ стекла 6 руб. (безъ пересылки).

„БОГОМАТЕРЬ“ возносящаяся на небо, среди ангеловъ. Съ карт. Мурильо (Immaculata). Цѣна на стеклѣ 8 р. Безъ стекла 6 р. (безъ пересылки).

„СПАСИТЕЛЬ“ благословляющій и „БОГОМАТЕРЬ СЪ МЛАДЕНЦЕМЪ“ (яконостасныя). (Разм. 17×9 д.). Цѣна на стеклѣ 3 р. Безъ стекла 2 р. за каждый экзмп. (безъ пересылки).

„СВ. НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ“ и „СВ. БЛАГОВѢРНЫЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ“ (разм. 17×9 д.). Цѣна на стеклѣ 3 руб. Безъ стекла 2 руб. за каждый экзмп. (безъ пересылки).

„ПО НЕБУ ПОЛУНОЧИ АНГЕЛЪ ЛЕТЕЛЪ“ (разм. 19×13 дюйм.). Цѣна на стеклѣ 3 руб. Безъ стекла 2 руб.

Въ особенности эффектны эти прозрачныя изображенія, будучи поставлены на свѣтъ или предъ зажженною лампадою, и вполне замѣняютъ собою дорогую живопись на стеклѣ.

Заказы выполняются только при полученіи денежнаго аванса. За пересылку уплачивается наложеннымъ платежомъ на листѣ приложенія.

Контора: Спб. Невскій пр., у Аничкина м., д. № 68-40.

СРОКЪ ВТОРОГО и ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА.

Главная контора журнала „Живописное Обозрѣніе“ доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ РАЗСРОЧКОЮ, что СРОКЪ ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА для ТРЕТНИХЪ и ВТОРОГО ВЗНОСА для ПОЛУГОДОВЫХЪ ИСТЕКАЕТЪ въ ЮНЬ мѣсяцѣ, а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своевременно слѣдующаго взноса, дальнѣйшая высылка журнала СЪ ПЕРВАГО ЮЛЯ БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

КОНСУЭЛО.

(Consuelo).

Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣгьева, 460 стр.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Главное депо часовъ

Эд. Вурхардъ.

Спб. Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

2) по Невскому пр., № 6, прот. М. Морской. Большой выборъ всевозможныхъ часовъ: лунны, фабричныя по самымъ умѣр. цѣнамъ.

Никелевые	отъ 6 р. 50 к. до 15 р.
Стальные (черные)	10 р. — „ 20 „
Серебряные мужские и дамскіе	12 „ — „ 75 „
Золотые мужскіе	50 „ — „ 500 „
Золотые дамскіе	25 „ — „ 100 „
Регуляторы 2-хъ нѣдѣльных	7 „ — „ 65 „
Будильники	4 р. 50 к. — 25 „

Гг. Инороднымъ высылка наложеннымъ платежѣмъ. Прейс-курantomъ высылка бесплатно. Карманные часы сумасшедшо 10 р. высылаются почтой на счетъ моего магазина. № 1229-1

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

„ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА“.

Романъ изъ жизни черноморскихъ воятъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

ЗАЯВЛЕНІЕ

выдѣляется основательно въ спеціальномъ заведеніи Карла Эрнста. Принимаются приходящіе и ПАНСИОНЕРЫ. Спб., Невскій пр., 100, кв. 7. лѣтомъ: Шувалово Финл. ж. д. Михайловская ул. № 3. Руководство къ самообученію 3 руб.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ — 3 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Для гг. велосипедистовъ

Фуражки „Луфа“ съ вентиляціею, замѣчательно легкія, по 2 р. и 2 р. 25 к.

З. КИСКМАНЪ и К°.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ 4.

Инороднымъ наложен. платежѣмъ.

ЭЛЕОПАТЪ
Пр. КИНУ-НЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинуненъ находится въ продажѣ во всѣхъ больш. аптекахъ. Цѣна фла. содера. 20 граммовъ, 1р. 50 к. безъ перес. Просить обращаться наклеивъ въ самомъ стеклѣ каждого флакона Провизоръ Кинуненъ. № 2275—3 Главн. складъ, Спб., Демидовъ пер., № 1.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
всякаго рода и лучшаго качества РЕКОМЕНД. въ громадномъ выборѣ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

МОСКВА, Петровка, домъ Волнова. НИЖЕГ. ЯРМ. Главн. домъ № 6. ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ.

№ 2305—3

ВЫИГРЫШ

ны 1, 2 и 3 займы продаются

БАНКІРСКИЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, НЕВСКИЙ, СПБ.

ОБШИРНИЙШІЙ въ РОССИИ
СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
до 1000 шт. въ наличности
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

М. БЛОКЪ

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ и др.

Каталоги бесплатно.

Дешевый и полезный предметъ для всякаго.

Карманный письменный приборъ прелестный, заключающій въ себѣ штемпель для краски, имя, отч. и фамилію, печать для скрутки, перо и карандашъ. Цѣна только 1 руб., 2 штуки 1 р. 80 к., 3 шт. 2 р. 50 к. Высылаю немедленно по полученіи стоимости. Мелкія деньги до 1 р. можно прислать почт. марками. Упаковка и почтов. расх. крош. Азіат. Россіи на счетъ фабрики. Заказы и подроб. адресъ высылки слѣдуетъ ясно обозначить.

Требованія и деньги проху адресовать І. Д. Левинсону, г. Бѣлостокъ, фабрика шт. и печатей.

Каждая хозяйка, хоть разъ испробовавшая

„Какао Бенсдорпъ“

убѣдится на опытѣ въ его хорошихъ качествахъ. — 8

Какао Бенсдорпъ

здоровый, питательный, дешевый и экономическій напитокъ для дѣтей, кормилицъ, слабыхъ, больныхъ и выздоравливающихъ и здоровыхъ.

НОВ. ПРЕЙС-КУРАНГЪ
СЪ ПЕРЕС. 20 К.

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКИЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№ 27-18 УЛИЦА УЛИЦА

ГИТАРЫ

въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и др. (отъ 7 р. съ механизмомъ для струнъ).

Школа по 1 р., 1 1/2 р. и 3 руб.

ЦИТРЫ въ 8, 12, 20, 30, 40, 60, 80, 100, и 125 р. Школа самоучитель 2 р. и 3 руб.

МАНДОЛИНЫ въ 8, 15, 22, 30, 50, 75, 100 и 125 р. Школа самоучитель 2 р.

Иллюстрированный прейс-куронтъ бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО и ФАБРИКА

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

С.-Петербургъ, В. Морская, д. 84. Москва, Кузнечій м.

д. Захарьина. Нижегородск. ярмарка, Главн. домъ № 59—60.

№ 26 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 9-ю рисунками, а именно: I) два листа текста II) Ежедневная хроника, № 26-й и III) Оглавленіе къ первому тому журнала «Живоп. Обозр.» за 1896 г.

Дозволено цензурою. Спб., 21 іюня 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій дер., д. № 11.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

со всіми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»:
НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р.
Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургѣ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновои бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 16 р.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

«За грибами». Съ акварели художника А. Бэма.

БУРЯ.

Прочь отъ меня, о, мятежныя мысли,
Прочь отъ меня, злая дѣти сомнѣнья!..
Темныя тучи подъ небомъ повисли,
Темныя тучи полны озлобленья!..

* * *

Яркозловѣщія молніи блещутъ,
Блещутъ, и гибель и ужасъ пророчатъ,
Волны свирѣпыя яростно плещутъ,
Духи позора и мрака хохочатъ!

Прочь уходите, я васъ проклиная,
Вы мнѣ сродни, о, мятежныя страсти,
Я съ колыбели васъ, бѣшеныхъ, знаю!
Съ дѣтства я вижу раскрытыя пасти.

* * *

Прочь уходите, мятежныя мысли,
Прочь отъ меня, злая дѣти сомнѣнья!..
Темныя тучи подъ небомъ нависли,
Темныя тучи полны озлобленья!

Н. Лсонтъезъ.

СТРАШНЫЙ ЗАМОКЪ.

(Повѣсть изъ эпохи Меровинговъ).

1. Хлодеринъ.

КОРОЛЕВСТВО рипуарскихъ франковъ простиралось черезъ Веттеръ, Фульду и Салу на востокъ до Майна. Въ началѣ VI вѣка по Р. Х. кровожадный король Хлодвигъ, царившій въ своей возлюбленной Лютеціи, давно завистливо поглядывалъ на единственного непобѣжденного изъ сосѣдей—рипуарскаго короля Сигеберта. Но старика любилъ его народъ за кротость, безкорыстіе и многія такіе-же незнакомыя Хлодвигу достоинства. Началь тогда властитель Лютеціи, какъ паукъ, хитрыми сѣтями оплеталъ рипуарское королевство. Сложны и пространны были планы Хлодвига, такъ сложны, что тайный посланецъ его графъ Гернотъ, пробираясь въ одно прекрасное лѣтнее утро по Бухонскому лѣсу близъ Фульды, все время твердилъ про себя наказы и наставленія повелителя.

Графъ Гернотъ былъ переодѣтъ зажиточнымъ гражданиномъ; его сопровождало только трое слугъ, и тѣ не имѣли никакого оружія кромѣ привычнаго въ то время для всякаго короткаго франкскаго меча. Крѣпкіе и сытые кони небольшой кавалькады, тяжело навьюченные, съ трудомъ пробирались сквозь чащу дремучаго лѣса.

— Генцо!—крикнулъ графъ старшему изъ своихъ спутниковъ,—скоро-ли этотъ проклятый замокъ? Я голоденъ, какъ послѣдній аллеманскій нищій.

Морщинистое лицо стараго Генцо выразило испугъ: онъ зналъ, что графъ не любитъ шутить. Быстро погнавъ коня впередъ, онъ осмотрѣлъ зарубки на деревьяхъ, которыми была обозначена едва замѣтная тропинка, и быстро возвращаясь, радостно крикнулъ:

— Господинъ, близко! Слышишь, уже шумитъ Фульда.

Дѣйствительно, сквозь окружающую листву доносился шумъ и плескъ рѣки, видимо свергавшейся съ какого нибудь порога. Еще одно маленькое усиліе коней, хрустнули послѣднія вѣтки кустарника—и глазамъ путниковъ представилась мрачная, но красивая картина...

Темныя волны бурной рѣки пѣнились и бились на каменной преградѣ, которая частью уже была разрушена. Правильно отесанные, колоссальныя глыбы, видѣвшіяся изъ воды, показывали, что когда-то рѣка эта покорялась и сдерживалась предъ волей и

силой человѣка. Это были остатки одного изъ знаменитыхъ римскихъ мостовъ—въ то же время крѣпостей—которыми желѣзные завоеватели сковывали и придавливали подвластные имъ области. На томъ берегу, гдѣ были всадники, возвышалось мостовое укрѣпленіе въ видѣ почти еще сохранившейся римской башни съ арками и зубцами. Теперь въ это свѣтлое утро мрачная постройка мрачныхъ временъ казалась даже привлекательной. Зеленый бархатъ мха красиво отбѣивалъ темное отверстіе бойницъ. Кой-гдѣ на сѣрыхъ зубцахъ трепетало листвою молоденькое деревцо; узкія ворота почти заросли сочною травой.

Графъ Гернотъ, однако, и не подумалъ полюбоваться видомъ. Онъ быстро погналъ спотыкающагося на камни коня къ башенному входу. Его вѣрный Генцо, слѣдуя за господиномъ, громко трубилъ въ кривой рогъ. Въ отвѣтъ на это у входа въ башню сверкнулъ шлемъ; появился широкоплечій рипуарскій воинъ съ длинными опущенными книзу усами.

— Что вы хотите, чужеземцы?—спросилъ онъ всадниковъ.

Вмѣсто отвѣта, графъ Гернотъ показалъ ему большую серебряную монету съ вычеканеннымъ изображеніемъ его короля. Воинъ неловко, но почтительно поклонился и знакомъ пригласилъ гостей войти въ башню, за нимъ слѣдовалъ только одинъ графъ, оставивъ слугъ и лошадей у входа.

Съ трудомъ поднимаясь по скользкимъ и обломаннымъ ступенямъ лѣстницы, гость своимъ чуткимъ слухомъ уловилъ несшіеся сверху звуки смѣха, пѣнія и звонъ кубковъ. Дѣйствительно, когда онъ вступалъ, въ среднемъ этажѣ башни, въ мрачный полутемный римскій залъ, то увидѣлъ себя среди веселаго пира. Съ полдюжины молодыхъ знатныхъ рипуарцевъ, одѣтыхъ въ шелковыя и вышитыя одежды, полулежали на медвѣжьихъ и волчьихъ шкурахъ, раскинутыхъ на каменномъ полу. Огромные хрустальные чаши и стаканы, чудной греческой работы, переходили изъ рукъ въ руки. Тутъ-же лежала гряда жареной дичины и видѣлись утонченныя римскія лакомства, уже проникшія въ скромную франкскую кухню. Пахло вареной на виноградномъ сокѣ горчицей, соевымъ рыбнымъ соусомъ, корицей и перцемъ...

Новый гость долго не былъ-бы замѣченъ пьющими, если бы не сопровождавшій его

воинъ, который шепнулъ что-то самому юному и самому шумному изъ гулякъ. Богаче всѣхъ одѣтый, съ красивымъ и надменнымъ лицомъ, этотъ юноша, пошатываясь, поднялся на встрѣчу графу.

— Привѣтъ отъ могущественнаго короля южныхъ франковъ, великаго Хлодвига—тебѣ, храбрый и прекрасный Хлодерикъ, сынъ короля Сигеберта, надежда всѣхъ рипуарцевъ!

Такъ привѣтствовалъ, ласково улыбаясь и кланяясь, хитрый посолъ покраснѣшаго отъ удовольствія юношу. И смѣхъ, и пѣсни, звучащія въ залѣ, стихли; веселые гости почтительно встали и отошли отъ разговаривающихъ. Графъ Гернотъ продолжалъ:

— Но что это значитъ? Гдѣ я нахожу королевскаго сына! Я ожидалъ найти его въ шумномъ Кельнѣ, въ самой пышной залѣ отцовскаго дворца, среди пышной свиты, въ кругу прекрасныхъ германокъ и смуглыхъ дочерей Рима! Я ожидалъ найти его сидящимъ по правую руку короля-отца, сверкающимъ золотомъ и другими драгоценностями... И гдѣ-же я его вижу? Въ этой сырой и темной залѣ, гдѣ мѣсто только летучимъ мышамъ, съ малымъ числомъ друзей, на грубыхъ шкурахъ дикихъ животныхъ! О, да, я не ошибаюсь, я вижу облако печали въ этихъ юныхъ очахъ гдѣ прежде сверкала только молнія радости. Одна зима только прошла съ тѣхъ поръ, какъ подъ сводами кельнскаго дворца я видѣлъ веселаго юношу Хлодерика. Теперь я его не вижу болѣе!

Съ каждымъ хитрымъ словомъ Гернота юныя черты королевскаго сына содрогались отъ гнѣва. Наконецъ, онъ не выдержалъ, бѣшено, съ трескомъ разбилъ о каменную плиту опорожненный хрустальный кубокъ, съ силой сжалъ кулаки и крикнулъ:

— Проклятіе! Проклятіе, не смотря на всѣ угрозы черныхъ монаховъ! Ты, графъ Гернотъ, умнѣвшій изъ всѣхъ слугъ Хлодвига, ты, знающій подозрительность и капризы отца моего—ты спрашиваешь объ этомъ! Развѣ не пришла еще чрезъ границы франковъ черная вѣсть о томъ, что злой король Сигебертъ за ничтожнѣйшій проступокъ, за похищеніе какой-то дочери презрѣннаго злѣдѣльца—удалилъ меня, своего наследника, отъ двора! Ни мои просьбы, ни мои угрозы не дѣйствовали. Для просьбы—я слишкомъ гордъ, для угрозы—я слишкомъ слабъ. Вѣчное скорбленіе, вечный надзоръ!

Вѣришь-ли, графъ Гернотъ, я иногда трепещу за... свою жизнь!

Лицо посла казалось искренно опечаленнымъ: слуги Хлодвигъ прошли хорошую школу притворства.

— Слушай, Хлодерику, — сказалъ онъ ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ, — король Хлодвигъ добръ, онъ любитъ смѣлыхъ юношей. Знаешь, что оставилъ я у входа въ эту башню? Тамъ стоитъ крѣпкій конь, нагруженный двумя тяжелыми мѣшками съ золотыми солидами. Мой король знаетъ, какъ горячо кипитъ юная кровь, какъ дорого стоятъ красавицы и крѣпкія греческія вина.

Хлодерику радостно сверкнули глазами, посолъ же, наклонившись, шепнулъ ему на ухо:

— Отошли твоихъ приближенныхъ, я скажу тебѣ подлинныя слова моего короля. Лишь наединѣ велѣлъ онъ мнѣ передать ихъ тебѣ.

Молодой королевичъ повелительнымъ знакомъ приказалъ выйти всѣмъ изъ залы.

— Вотъ что говоритъ король франковъ Хлодвигъ кному другу своему, Хлодерику, сыну Сигеберта: — «Твой отецъ старъ и хромъ. Если онъ умретъ, ты получишь его царство и нашу дружбу».

Хлодерику въ ужасѣ откинулся спеша назадъ, его румяное лицо поблѣднѣло. Холоднымъ, насмѣшливымъ взоромъ посолъ влился въ горячіе глаза юноши и рѣзкимъ укоризненнымъ жестомъ руки указалъ на мрачныя стѣны зала, на плѣсень и мохъ.

Хлодерику внезапно словно постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ. Рѣшительное и мрачное лицо его вспыхнуло гнѣвомъ и онъ быстро спросилъ:

— Какъ я сдѣлаю это?

И вотъ въ сыромъ полусумракѣ мрачной башни, точно змѣиное шипѣніе, зазвучали отрывочныя и хриплыя фразы графа Гернота.

— Ты выйдешь со мной завтра въ ночь... Ты переодѣнешься, какъ я... Король Хлодвигъ недалеко; онъ ждетъ тебя, онъ велѣлъ тебя привезти къ нему. Твой сердитый отецъ, король Сигебертъ, скоро выйдеть на охоту въ этотъ самый лѣсъ... Ты знаешь мѣстности... Нѣсколько франкскихъ воиновъ помогутъ тебѣ... Одинъ безтрепетный ударъ — и великое собраніе рипуарскихъ воиновъ выберетъ себѣ новаго короля. Этимъ королемъ будетъ великій Хлодерику, другъ великаго Хлодвига!

II. Голосъ любви.

Дней черезъ пять послѣ сцены въ римской башнѣ, графъ Гернотъ подѣзжалъ, на этотъ разъ съ четырьмя спутниками, къ ближайшей границѣ рипуарской земли. День уже клонился къ вечеру; изъ глубины чащи иногда раздавались визгливый лай лисицы, вой голоднаго волка и пронзительный крикъ филина. Слуги начали тревожно оглядываться и перешептываться между собой. Старый Гевцо уже вопросительно поглядывалъ на графа, но тотъ все торопилъ своего уставшаго коня и ободрялъ шутками и обѣщаніями ѣхавшаго рядомъ съ нимъ Хлодерику. Юноша бѣглецъ, переодѣтый въ грубую одежду крестьянина, былъ сильно утомленъ и смотрѣлъ хмуро и сердито. Пошелъ дождь; сквозь грубый шерстяной плащъ пробивались холодныя капли.

— Я не могу больше ѣхать! — воскликнулъ капризнымъ, недовольнымъ голосомъ Хлодерику. — Я умираю отъ голода, я продрюгъ до костей! Скоро-ли ночлеги?

Графъ Гернотъ холодно и сурово отвѣтилъ юношѣ:

— Я не знаю этой мѣстности!

Хлодерику хотѣлъ что-то быстро возразить ему, но боязливо удержался. Опять копыта коней шлепали по грязи, опять съ неба капали крупныя капли дождя, опять слышались крикъ филина и вой волковъ... Капризный и пылкій юноша не выдержалъ.

— Если ты не знаешь, гдѣ найти ночлеги, то я тебѣ укажу его! Вонъ тамъ, за этимъ толстымъ дубомъ, свѣжая просьба ведетъ къ жилищу знакомаго мнѣ богатаго земледѣльца. Онъ не откажетъ въ пріютѣ запоздавшимъ путникамъ; ѣдемъ туда!

Графъ Гернотъ подумалъ немного и затѣмъ изъяснилъ свое согласіе молчаливымъ кивкомъ головы. Господа и обрадованные слуги быстро поѣхали по новой дорогѣ. Между деревьями блеснули огни факеловъ, слышались людскіе голоса и собачій лай.

Внезапно громкій голосъ окликнулъ приближающихся. Голосъ спрашивалъ, кто они, откуда и зачѣмъ? Когда-же графъ Гернотъ громко объявилъ, что они нуждаются только въ пріютѣ на ночь — ворота высокой деревянной ограды, чернѣвшей въ сумеркахъ, отворились, на порогѣ показался высокій чернородый старикъ въ одеждѣ зажиточнаго земледѣльца. Онъ знакомъ пригласилъ всадниковъ въѣзжать въ ограду. Если бы было немного свѣтлѣе, то всадники могли бы разглядѣть, что высокій деревянный домъ, составлявшій центръ усадьбы, былъ окруженъ рядами амбаровъ, конюшенъ и крытыхъ сараевъ. Здѣсь-же помѣщались жилища домашнихъ ткачей и шерстобитовъ. Кроме того въ отдаленныхъ изгородяхъ виднѣлись посѣвы пшеницы, льна, рѣпы, бобовъ и чечевицы. Темными массами тянулись широкіе свиные хлѣвы. Всадники не скоро приблизились къ большой парадной лѣстницѣ дома сквозь всѣ эти постройки...

Во время пути Хлодерику близко подѣхалъ къ графу Герноту и, порывисто сжавъ его руку, быстро прошепталъ ему:

— Скажи, что я одинъ изъ твоихъ слугъ, что у меня лицо обезображено раной и поэтому я закрываю его плащомъ: Вообще ни за что на свѣтѣ не произноси моего имени!

Когда гости подѣхали къ лѣстницѣ, имъ навстрѣчу уже вышелъ самъ хозяинъ. Скромная коричневая одежда безо всякихъ украшеній нисколько не умаляла гордаго и свободнаго выраженія его лица. Начинающіе уже сѣдѣть, его густые волосы падали ему на плечи. Онъ звучнымъ голосомъ привѣтствовалъ пришельцевъ:

— Добро пожаловать, запоздалые путники! Старый Арнодъ радъ оказать вамъ гостепріимство подъ своей скромной кровлей. Кто бы вы ни были, домъ вольнаго франккаго земледѣльца открытъ для васъ. — И онъ самъ повелъ гостей во внутренность жилища.

Длинная продолговатая зала, по которой свободно разгуливалъ дымъ ярко пылавшаго очага, была вся покрыта коптою. Стропила, потолокъ, боковыя деревянныя колонны, занавѣси изъ шерстяной матеріи, скрывавшія боковыя входы — все это было однообразнаго темнаго цвѣта. По срединѣ тянулся широкій деревянный столъ, по бокамъ котораго стояли скамьи; только съ одной стороны красовалось тяжелое рѣзное кресло — мѣсто хозяина дома. Около стола суетились толпы слугъ, принося кушанья, напитки и сосуды.

Хозяинъ пригласилъ гостей погнѣться у

огня, причемъ не дѣлалъ никакого различія между господами и слугами.

Графъ Гернотъ назвалъ себя купцомъ изъ города Реймса, причемъ прибавилъ, что ѣздилъ закупать товары въ Кельнъ.

Завязалась довольно оживленная бесѣда, въ которой не принималъ участія только юноша Хлодерику, державшійся все время поодаль и старательно закрывавшій лицо плащомъ. Наконецъ, видя, что столъ для ужина готовъ, Арнодъ громко воскликнулъ:

— Дорогие гости, утолите вашъ голодъ и жажду. За моимъ столомъ всѣмъ хватитъ мѣста. Но отчего прячется и сторонится этотъ юноша? Будь онъ самый послѣдній изъ слугъ, все-же ему готова и ѣда, и питье подъ моимъ кровомъ. Нуждающіеся путники всегда найдутъ у меня привѣтъ и ласку.

— Не безпокойтесь объ этомъ юношѣ, дорогой хозяинъ, сказалъ Гернотъ, — его страшно обезобразила полученная недавно рана, поэтому онъ и закрываетъ свое лицо.

Вѣрный законамъ гостепріимства, добродушный Арнодъ болѣе не настаивалъ. Скоро всѣ заняли мѣста за столомъ, старшіе — ближе къ хозяину, младшіе — на нижнемъ концѣ стола. Хлодерику очутился совсѣмъ въ тѣни и едва прикасался къ блюдамъ и чашамъ во все время ужина.

— Такъ ты изъ Реймса, изъ стараго, славнаго Реймса? — спрашивалъ хозяинъ Гернота. — Скажи, почему вашъ король покинулъ этотъ древній городъ? Зачѣмъ поселился онъ въ Лютецію? Кажется, затѣмъ вашего короля нѣтъ конца. Что, не замышляетъ-ли онъ еще новой войны? Да зпрочемъ, кого ему еще побѣждать! Аллеманы, бургунды, вестготы, всѣ покорились ему.

— Нашъ «христіаннѣйшій король», какъ его называлъ самъ императоръ Анастасій, не любитъ отдыха и покоя, — прервалъ Гернотъ. — Если не мечемъ, то, хитростью, если не силой, то ловкостью, а ужъ онъ добьется своего. Недавно въ Реймсѣ рассказывали мнѣ, какъ онъ побѣдилъ князей Рагнара и Харариха. Онъ предложилъ имъ переговоры въ пустынной мѣстности, а самъ напалъ на простодушныхъ бургундовъ предательски — и теперь давно уже волки гложутъ ихъ кости. Правда, Хлодвигъ устроилъ все это такъ хитро, что любой греческій монахъ уступилъ бы ему, но все-таки, я думаю, прежніе Меровинги не такъ-бы раздѣлялись съ врагами.

— Однако, обитатели Реймса не очень любятъ своего короля, насмѣшливо замѣтилъ Арнодъ. — И они вполне правы. Пускай онъ строитъ церкви и часовни, пускай онъ приноситъ богатые дары Турской базиликѣ св. Мартина, пускай римскій папа отпускаетъ ему грѣхи — голосъ народа все-же скажетъ: «нѣтъ, нѣтъ! Это король-предатель, король-измѣнникъ, король-убійца!» Отъ береговъ Рейна до береговъ Роны много проклятій летятъ къ нему... Но довольно, дорогой гость, бесѣдовать о такихъ невеселыхъ вещахъ! Налей и еще налей твой порожній кубокъ. Я вымѣнялъ это вино въ Кельнѣ на самыя лучшія льняныя ткани моихъ ткачей.

Гернотъ и другіе гости послѣдовали желанію хозяина и вскорѣ закопѣлый заль огласился шутками и смѣхомъ.

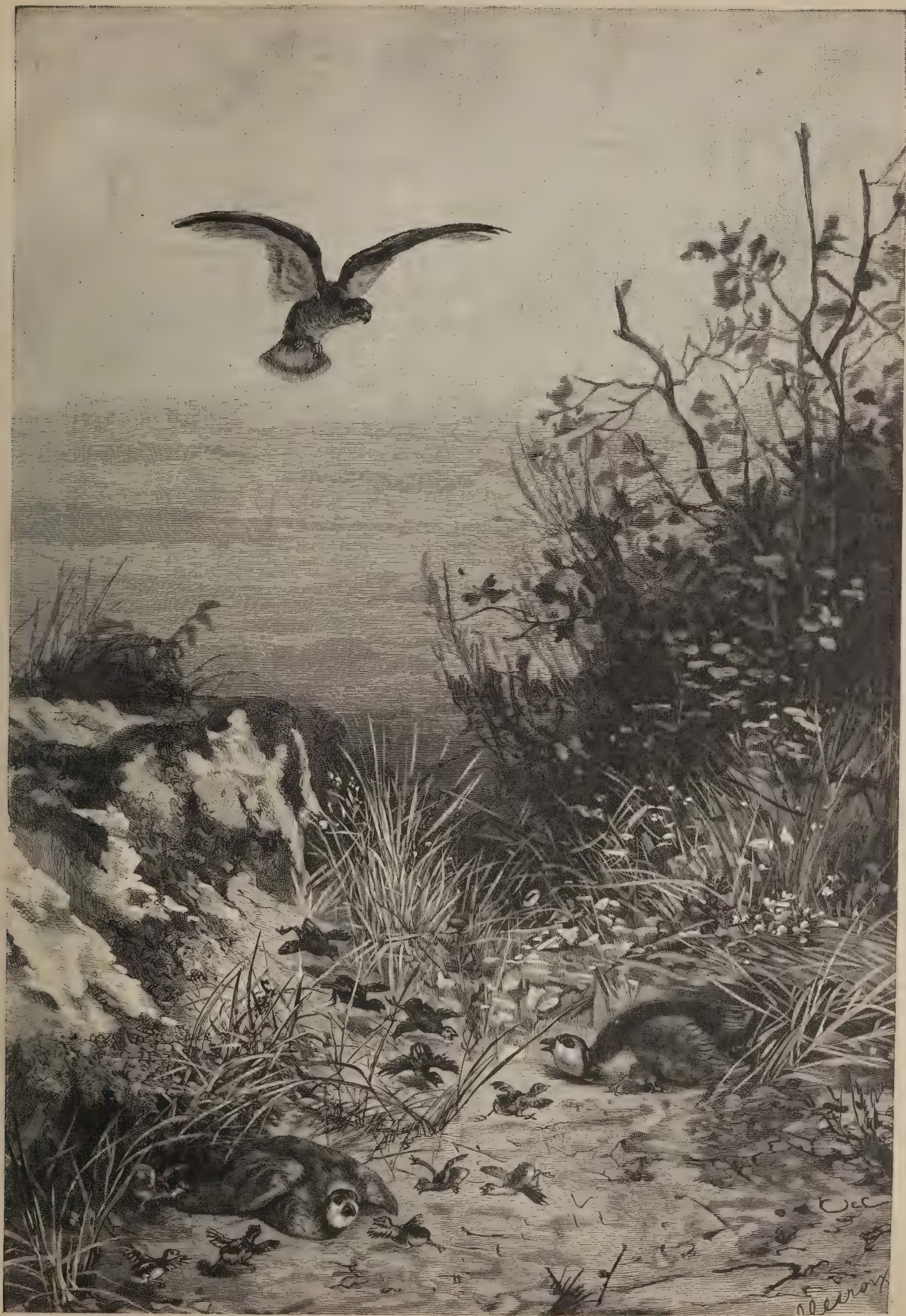
Хозяинъ подозвалъ къ себѣ домоправителя и громко, во всеуслышаніе приказалъ ему:

— Поди и скажи дочери моей, чтобы она пришла привѣтствовать гостей въ сопровожденіи прислужницъ. — И обращаясь къ Герноту, онъ прибавилъ: — Какъ истыи

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА К. ЗЕВІ.

«Сплетницы».

«Въ опасности.» Съ картины художника К. Белькруа.

франкъ, я чту тѣхъ, которые ищутъ приста въ моемъ домѣ!..

Сидѣвшій въ отдаленіи Хлодерикъ при этихъ словахъ вздрогнулъ и плотнѣе закрылъ лицо плащомъ.

Черезъ нѣсколько мгновений откинулась боковая занавѣска и вышла въ сопровожденіи двухъ прислужницъ высокая молодая дѣвушка. Свѣтлорусые волосы молодой ри-пуарки были просто заплетены въ двѣ длинныя косы. Длинное платье изъ голубой льняной матеріи было перехвачено широкимъ кожанымъ поясомъ, на которомъ висѣла сумка. Красивыя бѣлыя руки были на половину видны изъ широкихъ рукавовъ; свѣжія губы, гордые свѣтлые голубые глаза и высокій лобъ—все показывало въ ней дочь сильной германской расы. Она привѣтствовала гостей легкимъ поклономъ и жестомъ бѣлой руки. Затѣмъ сѣвъ рядомъ съ отцомъ, она внимательно вслушивалась въ бесѣду, которая, впрочемъ, длилась не долго.

Утомленные гости собрались на отдыхъ. Когда съ шумомъ и говоромъ толпа слугъ размѣстала гостей на постели, Хлодерикъ незамѣтно пробрался къ дочери Арнода и, дотронувшись до ея руки, заставилъ ее обернуться. Онъ показалъ недоумѣвающей дѣвушкѣ золотое кольцо, и та едва удержалась отъ крика, но потомъ приложила палецъ къ губамъ и быстрымъ знакомъ указала юношѣ на дальній темный уголъ. Незамѣтно и быстро Хлодерикъ скользнулъ туда и притаился за деревянной колонной.

Ушли гости, потухли почти всѣ факелы; нѣсколько времени зала была тиха и пуста. Но вотъ опять распахнулась боковая занавѣска и быстрыми легкими шагами высокая женская фигура приблизилась къ вышедшему изъ засады Хлодерикъ. Посыпались оживленные, отрывочныя слова.

— Ты здѣсь? Переодѣтый?

— Да, это я, милая Берта. Злая судьба преслѣдуетъ меня, я долженъ бѣжать, бѣжать изъ моего отечества. На моей родинѣ мнѣ нѣтъ мѣста!..

— Малодушный, куда и зачѣмъ ты бѣжишь, на что и на кого ты надѣешься?

— Я бѣгу къ королю Хлодвигу. Онъ дастъ мнѣ приютъ, онъ защититъ меня, при его дворѣ я найду почести и богатства и, можетъ быть, мѣсто!—злбно шепнулъ Хлодерикъ.

— Мѣсто?—и Берта отшатнулась отъ юноши. Потомъ она схватила его за обѣ руки и, стараясь разглядѣть въ полутемнотѣ искаженное гнѣвомъ лицо, она заговорила ласково, но твердо:—Кому ты хочешь метить? Я угадала, ты направляешь мечъ на грудь твоего отца! Ты переходишь на сторону его враговъ, ты хочешь нарушить всѣ земныя и небесныя законы! Опомнись, Хлодерикъ! Заклинаю тебя нашимъ дѣтствомъ, нашей первой любовью, тѣмъ часомъ когда ты называлъ меня своей невѣстой на берегу шумящей Фульды! Твой отецъ строгъ, но онъ проститъ тебя; ты заслужишь его милость какимъ нибудь подвигомъ! Опомнись, Хлодерикъ, не бросай родной земли, не бросай меня!..

Юноша, видимо растроганный, закрылъ лицо руками, прислонился къ деревянной колоннѣ. Глубины сердца проникать ему этотъ голосъ, голосъ робкаго любимого существа, которое не оттолкнуло его въ дни изгнанія и несчастія, которое и теперь старалось спасти его, его—уже измѣнника! Слезы обожгли его глаза, и онъ со стономъ упалъ на колѣни передъ этой сильной сердцемъ дѣвушкой.

— О, да, спаси, спаси меня, Берта! Я самъ потерялъ и волю, и бодрость.

Берта сняла съ груди большой серебряный крестъ и протянула его къ плачущему со словами:—Клянись мнѣ, мой братъ, мой возлюбленный, что ты изгонишь черныя мысли изъ своего сердца, клянись, что ты будешь терпѣть и ждать, что ты возвратишься опять въ свое заключеніе.

Юноша, рыдая, цѣловалъ крестъ и руки дѣвушки. Берта продолжала твердымъ и властнымъ голосомъ:

— А сама я клянусь тебѣ на этомъ-же крестѣ, что если ты рѣшишься на малѣйшую измѣну, то я оттолкну тебя на вѣкъ. Теперь ступай: отдохни и успокойся, завтра рано утромъ мы увидимся!..

Она скрылась въ свою комнату. Хлодерикъ невѣрными шагами въ волненіи поспѣшилъ къ другой двери, куда увели его спутниковъ. Едва онъ отдернулъ занавѣску, какъ натолкнулся на графа Гернота. Послѣдній былъ блѣденъ и бросился къ юношѣ стремительнымъ движеніемъ.

— Гдѣ ты былъ, Хлодерикъ? Я, какъ вѣрный другъ и товарищъ, давно ищу тебя. Надъ твоей головой виситъ мечъ, страшная смерть и муки грозятъ тебѣ. Но ты не знаешь, что случилось! Мой старый и вѣрный Генцо остороженъ и чутокъ, какъ вѣрный песъ. Онъ замѣтилъ, какъ за столомъ поспрашивали на тебя нѣкоторые слуги, какъ шептались о тебѣ. Спасайся, Хлодерикъ; старому Арноду открыли тебя, и онъ, какъ вѣрный слуга короля Сигеберта, уже не велѣлъ завтра отпускать тебя отсюда. Генцо говоритъ, что сейчасъ подѣхали къ воротамъ всадники: это погоня за тобой!.. Слѣдуй скорѣй за мной!.. Я подкупилъ одного слугу—негодяй взялъ сто золотыхъ солидовъ!—и онъ выпуститъ насъ въ боковую калитку. Наши лошади уже на свободѣ, идемъ скорѣй!

Дрожащему юношѣ сразу представилось грозное разгнѣванное лицо отца, тюрьма, палачи, пытки!..

Забывъ клятву, забывъ любовь, Хлодерикъ бросился за графомъ.

«Вотъ глупецъ!—думалъ графъ Гернотъ, скача черезъ нѣсколько мгновений рядомъ съ Хлодерикомъ по лѣсной тропинкѣ,—и не сообразилъ онъ, что тонкій слухъ могъ уловить сквозь занавѣску всю его плаксивую бесѣду съ молодой дочкой Арнода. Ну, ужъ теперь я доведу эту дорогую птичку цѣлой къ моему королю».

Уже свѣтало; мокрая вѣтка деревьева хмуро о чемъ-то шепталось между собой—можетъ быть, о томъ, что ѣдетъ кнѣзь сынъ готовить гибель своему отцу, что погибнетъ старый король Сигебертъ, что погибнетъ молодой Хлодерикъ-измѣнникъ!..

В. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* *

Давно разстались мы, но какъ-то невзначай при мнѣ вазъ называли и грезъ забытыхъ рай вновь овладѣлъ остывшей душой. Я вспомнилъ, какъ мы шли вечернею порою Дорогой вдоль полей и говорили вы О славѣ, о любви которой нѣтъ предѣла. А ночь на насъ привѣтливо глядѣла И несся ароматъ отъ скошенной травы.

Я вспомнилъ все—я не забылъ ни слова! Какъ жизнь разѣяла спокойно и сурово Прекрасныя, высокія мечты! Я не краснѣлъ за гордые обѣты, Мнѣ было жалъ ихъ смѣлой красоты, Я юность звалъ, авалъ силу: «гдѣ ты, гдѣ ты?»...

* *

Смѣняя насъ на жизненномъ пути, Теперь идетъ другое поколѣнье, Но слышитъ гасъ все то же откровенье И тѣмъ же все мечтамъ твердитъ: «прости»... Вотъ ска-ка дивная, которой нѣтъ начала И нѣтъ конца. Какъ мнѣ она звучала, Такъ будетъ внуку, правнучку звучать, И онъ повѣритъ ей и станетъ повторять Нѣмымъ лугамъ, и лѣсу, и дубравѣ Слова знакомыя о счастѣи и о славѣ, Ихъ ночь подслушаетъ и вѣтеръ понесетъ, И звѣзды различатъ блестящій ихъ полетъ, И, внемля имъ, съ насмѣшкой и тоскою, Деревья старыя, шумя, кивнутъ главою!..

К. Медвѣдскій.

НЮНЬКА.

Рассказъ (окончаніе).

ХЛОДЕРЖАВЪ телеграмму надъ лампой Поля осторожно сняла съ нея бланкъ, развернула и, взглянувъ, издала губами неопредѣленный звукъ.

— Что? Что? Покази-ка?—раздались нетерпѣливые голоса.

— Да нечего и казать-то!—отвѣтила Поля, быстро свертывая телеграмму и наклеивая на старое мѣсто бланкъ;—а молитесь Богу, да и умирайте!

— Что такое?? Что?

— Сестра къ намъ хозяйкина ѣдетъ, воть что!

— Н-ну?! Зѣлье-то наше?! Да ты ужъ не врежь-ли?..

— Что ей, лѣшему, въ Москвѣ-то не жилось?—насупила Катя,—собаки, что-ли, ѣдетъ сюда гонять!

— Да ужъ именно!—подхватила Матреша.—Ну, Нюнька, держись теперь!

— А что?!—испугалась та.

— Выдеретъ сна тебя на первыхъ порахъ!..

— А тамъ, что Богъ изъ душу положитъ,—усмѣхнулась Катя, настроеніе которой мѣнялось замѣчательно быстро.—Уши тебѣ оторветъ, да на ротъ заплатку положить,—вишь онъ у тебя полный все.

— Якъ мамынькѣ тубѣгу!—повторила Нюнька.

— Къ мамынькѣ-то ты не убѣжишь,—серьезно замѣтила Стеша, мигая близорукими глазами.—Мамынькѣ-то твоей, по понѣшнимъ временамъ, самой, поди, ѣсть нечего; а воть, что отдають-то васъ, эдакихъ малышей, первой встрѣчной,—объ этомъ стоитъ подумать.

— Давайте, дѣвушки, погадаемъ, какъ бы намъ отъ нашего зелья избавиться?—вставила слово Матреша.

— Ты скажи своему «дѣдушкѣ» то, чтобъ онъ ее задавилъ.—улыбнулась Стеша.

— Сказала тоже!—отшутлилась Матреша,—она и дѣдушку-то сгрязитъ.

— Вотъ будетъ содому! Недолго-же она въ Москвѣ-то пожила.

— Ну, да что толковать, зима не лѣто—сойдетъ не это!

На нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе.

— А чай скоро наша-то вернется?—замѣтила Матреша, взглянувъ на часы:—первый часъ!.. Тишина-то, тишина какая... Господи, чтобы завсегда такъ!

— Я ужъ и то разъ пять вспомнула,—улыбнулась Катя:—чего-то, какъ будто и странно, что никто не шумитъ...

— И не говори, дѣвонька! Любота!.. Чисто поле!—восторженно отозвалась Матреша.—А то вѣдь совѣтъ Сибирь... Настоящій, то есть, она у насъ кварталный какой-то и кричитъ, и зѣваетъ... Давеча вбѣжала, какъ обалдѣлая:—я рукавъ пелѣрно вметала,—и встанетъ, и сядетъ: «молчать! не разсуждать!» ногой топнула... Отшибешь молъ пятку-то, ха-ха-ха...

— А вѣдь я вамъ, дѣвченокъ, наврала!—объявила вдругъ съ торжествующимъ видомъ Поля,—на счетъ телеграммы-то!—пояснила она.—Александра-то Семеновна и не думаетъ сюда собираться.

— Чего-же ты, дура эдакая, врешь-то?!—побросились на нее товарки.—У-у, чучело дурацкое, напугала только!

— Да я, дѣвушки, хорошенько-то и не разобрала,—оправдывалась Поля,—спервоначалу-то мнѣ показалось—точно-бы ѣдетъ, а на самъ-дѣлѣ-то другое выходитъ.

— Соври еще! Ты ужъ больно гратъ-то горазда,—сердилась Катя.—Шутъ тебя знаетъ... Намедни чего-чего на себя не нагородила, что ужъ и замужъ-то она идетъ, и домъ-то ей покупаютъ... Плетуха какая-то. Диви бы для пользы врала, а то такъ—брешетъ, точно собака.

— У нея мозги-то не работаютъ, вотъ она и плететъ,—вступилась Стеша:—совреть и сама не пойметъ съ чего... Вотъ, что значить, винты-то развинтили.

— Ну, ладно ужъ, развинтились,—глуловато усмѣхалась Поля.—Вы бы еще радостаться должны, что бѣда-то отъ васъ отошла... могла-бы вѣдь и на самъ-дѣлѣ пріѣхать,—не пришита она къ Москвѣ-то.

— Не пришита... Дура! Чего тебѣ врать-то охота?! Никто тебя не ткнулъ за языки-то.

Мирное настроеніе такимъ образомъ было нарушено.

Часу во второмъ, Нюнька отправилась спать въ кухню. Абрамовна лежала на полатахъ и не спала.

— Подѣлай сюда, здѣсь теплѣе!—григласила Нюньку старуха.

— Ничаво,—задумчиво отвѣтила Нюнька, болтая на лавкѣ босыми ногами:—мнѣ и здѣсь повадно. Я вотъ крохотку посижу... Что-то сонъ отъ меня, баушка, отошелъ...

— Ну, еще чего!.. Дуришь ты, я погляжу, за работой такъ дремлетъ, а придетъ пора спать—сонъ отъ нея отошелъ. Охъ, еще и глупа-же ты, дѣвка!

Нюнька замолчала. Прошло минутъ десять.

— Я вѣдь, баушка, у-у-умная,—начала вдругъ Нюнька, пристально глядясь въ еле горѣвшій ночникъ и по-прежнему болтая ногами.—Меня и тятка, и мамка, и по деревнѣ-то всѣ умницей звали!

— Чѣмъ-же это ты, умница дорогая, больно умна-то?

— А всѣмъ... Я вѣдь хи-и-трая,—продолжала Нюнька.—Я все сижу, да примѣчаю... Я все молчу, а я вѣдь хитру-у-щай!

— Оно и видно, что молчишь все,—усмѣхнулась Абрамовна.

— Мнѣ и бабушка Маланья: ты, говоритъ, Нюнька—хитру-у-щай!

— Родная тебѣ бабка-то?—поинтересовалась Абрамовна.

— Нѣтъ... Солдатка она... Ста-а-рая, да не го-о-жая... Вотъ на тебя малость похожа! — Ничто!—усмѣхнулась старуха.

— Эта Маланья-то какую разъ со мной шутку сыгнала,—снова начала Нюнька.—Пошли мы, знаешь, въ лѣсъ, за грибами—за рыжиками... А я такое мѣстечко знаю, гдѣ эти рыжички-то растутъ,—а дѣвчонкамъ молчу... Онѣ ходятъ-ходятъ—хоть-бы ты што! А я какъ зальюсь бѣжать: хватъ одинъ, хватъ другой... Дѣвченокъ дивуются: гдѣ наша? укажи! А я вотъ, молъ, тутъ, да друго мѣсто и укажу. Ну, потъ... набрала рыжичковъ, да къ Маланьѣ: глянь-ко, молъ, баушка, сколько я рыжичковъ набрала! А она:—ну-ко покажи, покажи... Да это, говоритъ, все поганки,—дай-ко, говоритъ, я ихъ въ ведро побросаю. Взяла, да за печку и спрятала... А я примѣчаю... Пошла: глянула за печку-то, а онѣ рядышкомъ такъ и лежатъ, эти рыжички-то, боровички-то!.. Надулась я, запыхѣла: больно ужъ мнѣ горестно стало... такъ и ушла. Вотъ, я какая—хитру-у-щай.

— А ну тебя—спи! Хитрующая тоже... Завтра будешь опять носомъ клевать.

Нюнька послушалась и легла.

— Меня завтра, баушка, заставятъ мѣха ветошить,—начала было Нюнька, но старуха притворилась заснувшей, и Нюнька, волея-волей, припуждена была замолчать.

Утромъ, чуть только Абрамовна открыла глаза, Нюнька опять приступила къ ней съ разговорами.

— Я вотъ сегодня ночью лежу, баушка, а надо мной, вдругъ, такъ: жжжи-и-и... такъ холодомъ-то и опахну-у-ло... Испужалась я... Стра-а-асты!..

— Это, дѣвка, знать смерть надъ тобой пролетѣла,—возразила Абрамовна, зѣвая и крестя ротъ.

— Смерть?!—вскрикнула Нюнька.

— Да... У меня вотъ покойникъ-старикъ жаловался: лежу, говоритъ, а вдругъ такъ съ головы и охватитъ, ажно волосы встанутъ.

— Да-а... бѣда-а... Страшно, баушка, такъ-то... Такъ смерть, говоришь, пролетѣла?

— Не иначе, что смерть.

Полночь... Нюнька, примостившись у печки, ветошить мѣхъ.

«Будь головешкой поклонлива,
Будь сердечушкомъ покорлива».

Тихонько мурлычетъ она, нетерпѣливо поглядывая на стѣнные часы.

«Носи платице—не снашивай,
Терпи горюшко—не сказывай»...

— Ты чего это тамъ глумишь?—окликнула Нюньку Матреша.—Услышитъ хозяйка—такъ дастъ тебѣ звону! Шла-бы лучше...

— А я, тетенька, шью,—смирненно отвѣтила Нюнька.

— Ну, и шей, а орать-то, все-таки, не ори!

— Да ты чего на нее напустилась-то?—замѣтила Стеша. Тебѣ-то что за дѣло такое?

— А такое дѣло, что тебя не спросилась!

— То-то, вотъ, оно и есть!—усмѣхнулась Стеша.—Много насъ тутъ хозяйекъ-то наберется,—до Москвы не перевѣшаешь.

— А мнѣ что—тыфу!—разсердилась Матреша.—Хоть въ сорокъ три горла орите!

— И заоремъ, коли надобность будетъ.

Пой, Нюнька, слышишь?

— Слышу,—покорно отвѣчаетъ Нюнька, и грустная мордочка ея снова устремляется на окно.

«Носи платице—не снашивай,
Терпи горюшко—не сказывай»...

Тихонько мурлычетъ Нюнька, судорожно зѣвая и вздрагивая всѣмъ туловищемъ, желая, во что бы то ни стало, прогнать одолевавшую ея дремоту.

«О-о, Господи: какъ спать-то охота!—думаетъ Нюнька.—Чего бы мнѣ такого сотворить надъ собой, чтобы сонъ-отъ бѣжалъ отъ меня? Водички рази испить?..»

Нюнька вскочила, слетала въ кухню, черпнула сырой холодной водички и, сдѣлавъ два-три глотка, положила ковшъ на воду. Ковшикъ юркнулъ на дно и произвелъ шумъ. Нюнька вздрогнула:—а вдругъ баушка проснется, да и она еще ругаться почнетъ?.. Бѣ-ѣ-да-а!..

Сырая вода на нѣсколько секундъ какъ будто оскѣжила Нюньку, но затѣмъ сонъ снова вступилъ въ борьбу съ ней.

— Господи, чтобы хоть одинъ разочекъ какъ слѣдуетъ выснаться,—шепчетъ Нюнька, возвращаясь къ работѣ.—Завалиться, да такъ бы до бѣл-дня и проспаться... Вотъ бы по-вадно-то было!..

«Но-си платице—не сна-ши-вай...
Терпи... го-рю-шко... не... ска-зы-вай...»

Нюнька,—позвала ее Стеша.—Да она никакъ спитъ, дѣвушки?

— Пусть ее спитъ,—отозвалась Катя,—сразу-то вѣдь трудно привыкнутьъ.

— Вотъ, все говорятъ, дѣвушки, что кофеи больно сонъ отънимаетъ,—замѣтила Поля,—чтобы намъ сложиться когда, да кофейку-то купить?..

— Съ тобой сложишься, такъ ты все сама и сомнешь, рази капельку какую оставишь,—усмѣхнулась Матреша.

— А варить-то гдѣ будешь? Здѣсь и кофейника-то за тыщу не сыщешь...

— Вотъ у моей мамы этихъ кофейниковъ дѣлая пара была.

— Да ужъ твоя мама что-о!

— Знамо дѣло,—обидѣлась Поля.—Моя-то мама два каменныхъ дома имѣла...

— А ну тебя—отвяжись!—перебила Стеша,—пошла опять огородъ городить.

А Нюнька, этимъ временемъ, такъ и заснула,—ставивъ всю работу свою: и ветошь, и мѣхъ, къ себѣ на колѣни и уткнувъ туда же свою блѣдную мордочку. Чудится ей—пригрѣтой теплымъ мѣхомъ богатой заказчицы—яркій солнечный день въ родимомъ лѣсу... Пламя лампы—памозолившее ей глаза ослѣпительнымъ свѣтомъ—расуетъ ей мѣдно-красный шаръ родимаго солнца... Вольготно дышется ей въ эти тихіе лѣтніе дни... легко и отрадно... Рѣчка Гнилущка манитъ ее своимъ широкимъ раздольемъ, вода точно румянцемъ подернулася. По камушкамъ, по песочку, бѣжитъ она съ крутого обрыва и прямо въ рѣку...

— Нюнь-ка-а-а...—доносится издали.

Мамка, знать, кличетъ.

— Иди до-о-мо-о-о-ой!..

— И-ду-у-у!..

— Ахъ, пегодайка! Ахъ, подлая! И когда ты, скверная, перестанешь лѣниться?!—раздается вдругъ надъ Нюнькой безпощадная ругавъ обозлившейся Надежды Семеновны.

— Извольте-ка радоваться: всѣ шьютъ, всѣ работаютъ, а она дрыхнуть изволить!

По заспавшемуся личику Нюньки полились горькія слезы боли и разочарованія.

— Чать, тетенька, больно!.. Прости Христа-ради... Никогда больше не буду!..—причитаетъ она, награждаемая пощечинами Надежды Семеновны.

— Шей!!

И сидитъ опять Нюнька, — мѣхъ ветонитъ по чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе утом-
и замираетъ въ груди ея заунывная пѣсня...

«Носи платице — не снѣживай,
Терпи горюшко — не сказывай».

— За што тебя вчера драли-то? — обрати-

лась къ ней по-
утру Абрамов-
на. — Аль чего
напрокудила?

— За што...

А заснула...

— Ироды!!

— Мнѣ, ба-
ушка, какъ ни
какъ, а приви-
кать надо, — дѣ-
ловымъ тономъ
перебила Нюнь-
ка, — потому я
спать-то больно
люта. А ты, ба-
ушка, умѣшь-
ли «образъ кро-
тости» пѣть?

— Съ чего это
тебѣ взбрело-то?
— удивилась ста-
руха.

— А у насъ
тятъба-то вѣдь
сми-и-рный та-
кой, — затарато-
рила Нюнька. —
Даже когда пья-
ный напьется и
тогда такой сми-
и-рный... Толь-
ко разъ одинъ и
было съ нимъ
помраченье-то...

— Какое-же
помраченье?

— А такъ...

Свадьба была...

Онъ на свадьбѣ-

то и натыпался,

такъ натыпался

винища-то этого

— стра-а-сть!..

Мужикъ въ пол-

на изба набра-

лась... Онъ и да-

вай: всѣхъ-то,

говорить, я васъ

укокошу... Я со

страху на пола-

ти забила: Гос-

поди-батюшка,

укроти ихъ... А

бабка-Маланья

сидитъ: всю-у-у-

то на себѣ ру-

баху изодрала,

— тѣло, молю, мое

хотѣло худо, да

бѣло! И-и-и знай себя по плечамъ хлещеть...

А я вдругъ и захо-
ло: «правило вѣры, молю,
образъ кро-о-тости»... Ну, и унялись, а то бѣ-
ды-что у нихъ было!

— Дѣ-ѣ-ла! — задумчиво вздохнула старуха.

— А я, баушка, чать привыкну?.. — снова

начала Нюнька.

— Къ чему ты привыкнешь-то?

— А не спать-то?..

— Замомо, привыкнешь, сперво-началу-то

трудно, а тамъ и привыкнешь.

Нюнька такъ и думала, что привыкнетъ,
но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе утом-

лялось ея слабое, еще не окрѣвшее тѣло.
Передъ праздниками, когда въ мастерской
наступила «спѣшка» и когда приходилось
сидѣть часовъ до трехъ, иногда и позже,
Нюнька совсѣмъ извелась.

Лыхъ; взрослые — особенно же Матреша, — вы-
мещали свои обиды на маленькихъ. Катѣ,
благодаря ея худенькой, стройной фигурѣ,
изо дня въ день приходилось играть роль
манекена — для гримѣрки: стоять часа по два,
подъ рядъ, въ туго стянутомъ корсетѣ и смо-
трѣть, какъ надѣвались на нее, какъ на жал-

кую вѣшалку,
различныя тряп-
ки — было мучи-
тельно.

— Мнѣ дур-
но, Надежда Се-
меновна, чест-
ное слово — я
сейчасъ упаду!
— увѣряла иног-
да, близкая къ
обмороку, Катя.

— Ну, дайге
ей чего-нибудь,
что-ли! — серди-
лась Надежда
Семеновна: — ста-
кавъ холодной
воды... Потрите
спиртомъ виски.
Ужъ не сахар-
ная, не разва-
лишься! Чего ужъ
за нѣжності,
Господи, поми-
луй!

— Да вѣдь
ежели-бы я была
привычна къ
корсету — то, —
робко возража-
ла Катя, — а то —
самъ знаеги — у
меня его нѣтъ за-
всѣ-то вѣтъ.

— Не разсу-
ждать у меня!..
Мнѣ не разор-
ваться же съ на-
ми. Хотите дѣх-
нуть, такъ сту-
пайте въ боль-
ницу, а здѣсь не
богадѣльня для
васъ!

Послѣдніе дни
передъ праздни-
ками, когда ра-
боты въ мастер-
ской накопились
по горло, Нюнь-
ка ложилась на-
равнѣ съ прочи-
ми, въ четыре
часа. Три часа
сна, при сравни-
тельно скудномъ
содержаніи, при
побѣгушкахъ въ
сильные холода,

дѣйствовали на нее одуряюще. День Нюнька
двигалась, какъ автоматъ, а ночью, сидя за
работой, по выраженію сотоварокъ, удила
носомъ рыбу. За такое отношеніе къ дѣлу
Нюньку и били, и колотили, но никакъ не мо-
гли выколотить изъ ея неокрѣпшаго организма
естественной потребности отдыха.

Сидитъ Нюнька и шьетъ... Поставили пе-
редъ ней деревянную кукулу и заставили на-
метывать на юбкѣ оборку. Нюнька сидитъ,
дремлетъ... такъ и т. ч. ется лбомъ о вышукло-

Любовь.

Эти длинные безкопечные вечера сливались
тогда съ суетливыми безтолковыми днями; эти
дни, въ которые приходилось бѣгать, по мо-
розу, изъ лавки въ лавку, отъ одной заказ-
чицы до другой, съ массой порученій и по-
лучать одну только брань, да щелчки — каза-
лись Нюнькѣ ужаснымъ кашмаромъ. Полу-
чалось, что-то нестройное, дикое, какое-то
томящее блужданіе грѣшной души по мытар-
ствамъ. Отъ хозяйки — щелчки и пощечины
доставались всѣмъ, не исключая и взрос-

люди, а тамъ и привыкнешь.

РИСОВАЛЪ ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ ПРОФЕССОРА В. ВІЛЛЕВАЛЬДЕ ХУДОЖНИКЪ В. ПОЛЯКОВЪ.
(Право на воспроизведеніе составляетъ исключительную собственность журнала „Живописное Обозрѣніе“).

Его Императорское Величество Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

изображеніе деревяшки, стукнется—немного опомнится, обведетъ присутствующихъ мутнымъ взглядомъ и опять—стежокъ за стежкомъ, вкривъ и вкось и Богъ знаетъ какъ,—что шьетъ и сама ужъ не помнитъ. Слышитъ Нюнька жужжанье какое то, да равномерно тупые удары, послѣ которыхъ жужжанье возобновляется и боль въ головѣ все усиливается. Спитъ она, совсѣмъ спитъ... Ахъ, вѣтъ, вѣтъ—не спитъ! Вотъ онъ—этотъ не дѣтски страдающій взглядъ, отуманенный, точно дымкой подернутый... Что въ немъ?—Спа-а-ть хочется!

Видитъ Нюнька, прямо на нее устремленные, чьи-то смѣющиеся рты и глаза,—это ея сотоварки, привычныя... Онѣ рады подобному зрѣлищу... Вѣдь имъ, бѣднымъ, подобное зрѣлище сократитъ лишній часъ ненавистнаго бѣднія. Машинально дѣлаетъ Нюнька стежокъ за стежкомъ: разъ—два—три—четыре—пять, и снова все точно въ туманѣ, снова эти тупые удары, и боль головы, и жужжанье по кругу... Да что же это такое?! А глаза и рты опять устремлены на нее, пеналистые, смѣющиеся рты и глаза. Стежокъ за стежкомъ: разъ—два—три—четыре и... только и... все...

Нюнька очнулась отъ острого ощущенія боли и вскрикнула: прямо передъ ней стояла Надежда Семеновна, съ обложившимся, еще болѣе некрасивымъ лицомъ, учащая удары.—Кар-рра-уль! — взвизгнула Нюнька съ проносомъ.—Розогъ!.. Ложись!..—раздается какъ по командѣ.

Нюнька увидѣла розги, повела обезумѣвшимъ взглядомъ вокругъ и вдругъ вся какъ-то нервически вздрогнула, подняла вверхъ ручки и моментально прижала ихъ къ головѣ: — Вонъ «оно», баушка.. вонъ «оно» сейчасъ пролетѣло... Холодомъ опануло, вонъ «оно»!! — взвизгнула Нюнька, холодѣя отъ ужаса смерти. Надежду Семеновну передернуло:—А-а... Комедіантка проклятая! Ты думаешь этимъ отдѣлаться?!—зашипѣла она.—Такъ вотъ же тебѣ, вотъ! вотъ!

Нюнька, обаятая ужасомъ и защищаясь отъ сыплющихся на нее ударовъ, все пятилась къ двери и, когда эта дверь подалась, немного опомнилась, сбѣжала быстрый поворотъ и исчезла за дверью.

— А я вѣдь, баушка, пожалуй, помру,—говорила на другой день Нюнька Абрамовнѣ.

— Съ чего ты это померешь-то? — хладнокрово возразила Абрамовна.

— А смерть-то надо мной все летаетъ? Два раза ужъ пролетѣла.

— Н-ну... стало быть, Христовой невѣстѣю будешь...

— А вѣдь не хочется, баушка, помрять-то, тебѣ и то, чать, не хочется... Ты старая, тебѣ поди ужъ много годовъ-то?..

— Да, ужъ, дѣвка, не мало,—усмѣхнулась Абрамовна.

— Миѣ что... Я бы, пожалуй, и померла,—продолжала Нюнька,—только вотъ миѣ домой то ужъ больно охота... Та-а-ахъ, ужъ это, баушка, миѣ домой хочется, стра-а-астъ! Насъ вѣдь, у мамки-то, что грибовъ народилось...

— Соскучилась ужъ по домѣ-то?

— Стра-а-астъ!.. Хотѣ-бы мамка-то со мной псевдаться пришла,—грустно заговорила Нюнька, подперевъ кулачками свою блѣдную мордочку, облокотившись на столъ.—Я бы хоть отдохнула, на нее гляючи... Я вѣдь, баушка, вотъ те крестъ, точно не своя стала. Слышки нѣтъ...

— Можетъ статься, пріѣдетъ, коли общалась, такъ ужъ пріѣдетъ.

Какъ разъ для черезъ два послѣ этого, Авдотья, въ сопровожденіи своего восьмилѣтняго сына Никашки, заявила въ Ноготковскую кухню, внося за собой цѣлое облако пара.

Нюнька, заслышавъ изъ мастерской голоса желанныхъ гостей, взвизгнула и опрометью бросилась въ кухню.

— Никашка-то, Никашка-то;—улыбалась Нюнька сквозь слезы,—у-у-у, блажной, точно медвѣдиче накутался!

— Накутался!—солидно отвѣчалъ Никашка, съ любовью поглядывая на сестру и сниская съ себя безчисленные одѣянія, въ формѣ тряпокъ.—Седни, знашь-ли, морозъ-отъ какой: двадцать пять градусовъ, сказываютъ... Низашто-бы не похалъ...

— Соску-у-шнися!—докончила Авдотья фразу Никашки:—безперечъ поминалъ, что у насъ Нюнька-то тамъ, какъ, да што только и рѣчей, что объ Нюнькѣ.

— Ладно-ли тебѣ здѣсь жить-то, ясынька ты моя?—обратилась къ Нюнькѣ, послѣ первыхъ привѣтствій, Авдотья.

Нюнька, въ сознаніи радостей настоящаго, забыла, казалось, всѣ свои горести.—Ничаво,—задумчиво улыбнулась она,—какъ, мамка, случится.

— Да ужъ это вѣрно, мила мся, какъ случится!—вступилась молчаливая до тѣхъ поръ Абрамовна.—На-правду сказать: заморили работой, а ужъ учать-то—отдай все да и мало—мое почтенье—какъ учать!—Авдотья вздохнула.

— А ужъ отколышматютъ-то порой такъ, что, пожалуй, и у большого бока заболитъ... — Н-ну?!

— Право слово—не вру! Да миѣ что... Разъ ужъ только одна неволя заставитъ!

Печальнымъ, вдумчивымъ взглядомъ, Авдотья скользнула по блѣдному личику Нюньки и грустно задумалась.

— Ахъ, ты, Господи!—вырвалось у нея.—А вотъ вѣдь—завидуешь: веселая съ виду-то—въ теплѣ, не на холодѣ... Обуты, одѣты... Чего-бы еще!..

— Такъ-то вотъ оно завсегда и выходитъ,—повернулась Абрамовна.—Не даромъ сказано: не завидуй! Ты позавидуешь—анъ, глядишь, дѣло-то хуже твоего обстоитъ. Я вотъ, съ молоду-то, ужъ больно глупа была—всему-то завидывала, на все-то, бывало, меня зависть беретъ, а стала въ разумъ входить—ну, и поняла, что каждому то есть животу свой крестъ предназначенъ.

— Такъ, матынька, такъ: у каждого свой предѣлъ.

— То есть такъ это, я скажу тебѣ, глупо, что люди завидуютъ—и толковать нечего!..

— Миѣ-бы, думаю, хоша-бы годочекъ-то ее попридержать здѣсь,—несмѣло перебила Авдотья, все-бы, глядишь, наострилась.

Абрамовна не отвѣтила.

— Ужъ ты будь мать родная,—начала вдругъ Авдотья, вставая съ лавки и кланяясь,—заставь вѣчно Бога молить, дѣтище-то мое не обидь... ради Христа...

— Ну, что ты это?!—взумилась Абрамовна.—Разъ я стуканъ, что-ли, какой... За что миѣ обижать-то ее?..

— Гдѣ кусочекъ какой, гдѣ што... Малы да глупы... продолжала Авдотья. Не обидь, Христа ради...

— Ну, давай, звѣздочка, попросаеся,—обратилась она къ Нюнькѣ.—Живи... баушка добрая, не обидитъ. Слушайся ее, не перечь.

Нюнька, со вниманіемъ слушая мать, при послѣднихъ словахъ ея вдругъ заревѣла:—Ма мышка!! возьми ты меня съ со-о-бой!.. Бога ради возьми... Больно здѣсь колотятся, больно бьются... Чѣмъ ни попада—тѣмъ и пуцають...

— А ты полно, голубынька, полно: уймись, сокрушительно замѣтила мать,—побьютъ и помилуютъ. Терпѣть надо, ясынька, претерпи. Претерпишь—въ люди, звѣздочка, выйдешь... Уймись, мой глазокъ! Я вотъ удосужусь, такъ ввечеру забѣгу... На—вотъ лепешечку: славна-така... Ну, Христосъ съ тобой!.. Сохрани тебя Мать Пресвятая Владычица...

— Мамынька, а то бы взяла! Роденькая, скушно миѣ больно: все-то чужіе, все-то не ласковые.

— Охъ, грѣхи наши тяжкіе... Что миѣ дѣлать-то съ тобой—горемычная ты моя! Хоша бы годочекъ-то выжила... Ну, не плачь, попросаеся. А «Образъ-то кротости» помнишь?

— Полню,—сквозь слезы отвѣтила Нюнька.

— Ну, то-то... Молись ему, святому угоднику. Онъ, батюшка, милостивъ. Можетъ, и попривыкнешь, прощай.

Авдотья съ Никашкой ушли.

Разказы Абрамовны и видъ похудѣвшей плачущей Нюньки совсѣмъ разстроили Авдотью.

— О-о, Господи, индо всю головушку разломлю,—причитала она.—А ты иди, сынокъ, поспѣшай,—на базарь-отъ намъ какъ бы поспѣть.

Управившись съ дѣлами, часу въ восьмомъ вечера, Авдотья, по дорогѣ домой, остановила Цѣвашку, не доѣзжая Ноготковскихъ воротъ и, передавъ возжи сыну, побрела во дворъ дома. Подойдя къ крыльцу, Авдотья припала къ нему земнымъ долгимъ поклономъ и всхлинула: — Охъ, нуждунка ты моя горемычная!—вырвалось у нея.—Доченька ты моя, и попросаеся то съ тобой опаска беретъ: сердца своего опасася — возьму опять на укоры да попреки.

Авдотья вздохнула, поднялась съ земли и побрела къ лошади, остановясь въ недоумѣніи предъ саями, въ которыхъ сидѣлъ, укутанный въ отцовскій полушубокъ, Никашка.

— Мамка, что то я больно иззябъ,—ежился онъ.—Садись, что ли, скорѣе.

Авдотья устремила на него тоскующій взглядъ, переступала съ ноги на ногу и оглянулась назадъ: — А ты погодь ужъ, сынокъ, погодь, роденькій!—безпокойно зашептала Авдотья.—Я мигомъ вернусь, погодь.

— Ну, ладно... Да ты поскорѣе, я вѣдь иззябъ!

Авдотья вернулась къ окну и, прислонивъ къ нему вспотѣвшій отъ волненія лобъ, заглянула въ оттаявшій кусочекъ стекла. Въ комнатѣ, за большимъ круглымъ столомъ, освѣщенной лампой съ матовымъ колпакомъ, сидѣли, склонивъ головы надъ шитьемъ, ученицы и, среди ихъ, какъ разъ, напротивъ окна, торчала блѣдненькая мордочка Нюньки. Глаза дѣвочки, устало, тревожно перебѣгавшіе съ предмета на предметъ, перенеслись на замороженное стекло и вдругъ остановились. Что то, какъ будто, показалося Авдотѣ, пробѣжало въ это мгновеніе въ глазахъ дѣвочки, «точно будто искорка промелькнула».

Авдотья въ испугѣ отскочила отъ окна и, не помня себя, бросилась къ лошади.

— Почуялъ знать, голубъ мой бѣлый, почувялъ!..—шептала Авдотья.—Погоняй скорѣй, сынокъ, погоняй!

Такъ и не посмѣла Авдотья проститься со своей безталанною доченькой.

Черезъ четверть часа, Пѣгашка тихой рысцой трусилась по дорогѣ въ Зарѣчье.

Авдотья лежала въ пошевняхъ ничкомъ и вздыхала, а на козлахъ сидѣлъ Никашка и уныло, жалобно, подъ музыку вѣтра, выводилъ любимую Нюнькину пѣсню:

«Носи платье—не спавивай,
Терпи горюшко—не сказывай».

Цѣлый вечеръ, далеко за полночь, ждала Нюнька Авдотью, и на другой день все ждала: получила за свою разсѣянность не мало толчковъ отъ Матрешы, получила ударъ въ голову отъ разукрашенной кольцами, тяжелой руки Надежды Семеновны, а такъ и не дождалась.

Прошло двѣ недѣли. Морозы крѣпчали; зима отстаивала свои ледяныя права. Въ мастерской все еще было работы по горло, все еще продолжалась, проклятая измученными ученицами, сѣшка.

— Силушки нѣтъ, моченки нѣтъ,—жаловалась Нюнька Абрамовнѣ.—Какъ тяжело-то мнѣ, баушка, страсть! Все вотъ сижу, сама съ собой, да и думаю: не совладаю я—убѣгу.

— Да куда ты, Господь съ тобой, убѣгешь-то?!—изумилась старуха.

— А къ мамылькѣ убѣгу, вотъ куды... Поэтому моченки нѣтъ.

— Въ эдакій-то морозъ, въ эдаку-то лютую стужу?!—всплеснула руками Абрамовна. Да ты никакъ обадѣла совѣмъ? Опомнись!

— Чего тутъ: опомнись, — говорю тебѣ—силушки нѣтъ.

— Да по эдакой-то стужѣ тебѣ и двухъ верстъ не уйти... Чего выдумала! Что ты, съ ума, что-ли, сошла?! Лучше и изъ головы ты эти глупости выкинь, замерзнешь!

— А шуба-то моя: во—кака теплая, небось не замерзну... Погляди, коль не вѣришь!

— Да ты и замерзнуть не успѣшь, глупая: перехватитъ тебѣ духъ-то, вотъ и шабашъ, дорогой-то и померешь.

— А ангелы-то мои?!—вспыхнула мордочка Нюньки.—Я вѣдь ихъ во снѣ все, баушка, вижу... А ономьясь я картинку такую у Надежды Семеновны видѣла—таково-то хорошо, таково-то прекрасно написано—ужаснѣ! Знаешь, баушка: эдакій кро-о-хотный парнишечка тамъ написанъ, а стоитъ возлѣ самой рѣчки... А сзади это—ангелъ Господень, съ бѣлыми крыльями, баушка, и не даетъ опъ, парнишечкѣ, въ рѣку-то попасть.

— Ты мнѣ лучше и не толкуй,—перебила Абрамовна:—будешь зря болтать, такъ я, вотъ те крестъ, Надеждѣ Семеновнѣ расскажу. Взбрѣдетъ вѣдь, подумаешь, дурь въ голову!

— А мнѣ что,—заикнулась было Нюнька, го старуха снова перебила ее:

— Съ тобой, съ упрямкой, я вижу, нечего и слова-то даромъ терять, а вотъ поди, да сейчасъ и сказать... Шелопутная!.. Мало-гази вашу сестру бьютъ, да колотятъ, такъ всѣмъ такъ и разбѣгись въ разныя стороны? Ты-бы вотъ посмотрѣла: сестринишка здѣсь хозяйки жила—ну, тогда ужъ, можно сказать, были дѣла подѣ Полтавой... А это что еще за дѣла. Она, бывало, не тѣмъ будь помянуто, коли проснется лѣвой ногой, ну—такъ и пиши родителямъ квити. Такъ мудровала, такъ мудровала—просто, бывало, все сердечушко выболить. Схватить палку, да все-то по головѣ, все-то по головѣ—просто бѣда! Ты-бы, дѣвка, лучше Богу молилась, да о матери думала,—вздыхнула Абрамовна.—Тоже, вѣдь, и онъ, поди, праники-то не писаны фетъ—горе мычетъ. Э-эхъ, Господи! Нѣту дѣтушекъ—дѣту забѣтушекъ... Правда

говорится: малы дѣтки—спать не даютъ, большаи выростутъ—сама не заснешь...

— Я, баушка, пожалуй, раздумаю,—возразила Нюнька,—только ужъ ты, ради Христа, не сказывай никому, что бѣжать-то хочу... Никому то-псъ ни словечушка! Заставь Бога молить...

— Знаю не скажу... Мнѣ что зря-то болтать,—согласилась Абрамовна.—Я вѣдь, дура ты эдакая, жалѣючи васъ говорю.

Въ одинъ изъ такихъ морозныхъ вечеровъ, съ Нюнькой случилось несчастье: шила она рукавъ отъ заказаннаго къ балу бѣлаго платья и уколола палецъ иглой, уколъ сдѣланъ былъ глубоко, такъ что на рукавѣ моментально обозначились три—четыре капельки алой Нюнькиной крови, рукавъ былъ испорченъ. Нюнька въ ужасѣ отнѣмла. Сотоварка ея—двѣнадцатилѣтняя Соня—передавала ей въ это время о томъ, какъ глубоко разочаровалась она, поступивъ въ мастерскую.

— Вѣдь онъ мнѣ, дѣдушка-то, чего наставлялъ: тебѣ, говоритъ, сѣмянъ будешь давать, да пирогами кормить... Иди, говоритъ, Сонюха,—хорошо тебѣ будетъ: тамъ, говоритъ, праниками, да сластями дарятъ. Вотъ онъ, старый враль, чего наставлялъ, чтобы ему пусто! Завезъ, да и пропалъ, точно въ воду канулъ...

— Господи! Что я надѣлала... что я надѣлала!—взвизгнула Нюнька, ропя работу.

Надежда Семеновна какъ разъ въ это время вышла изъ спальни, увидала въ чемъ дѣло, схватила Нюньку за шиворотъ и въ два толчка вышвырнула ее прямо во дворъ. Нюнька такъ и полетѣла въ сугробъ—ни жива, ни мертва.

Прошло минутъ десять—пятнадцать. Въ мастерской, съ напряженнымъ вниманіемъ, ожидали, чѣмъ кончится подобная сцена.

— Ужъ не впустили-ли ее, Надежда Семеновна?—обратилась, наконецъ, Стеша къ хозяйкѣ,—болжно морозно сегодня.

— Ничего, не замерзнетъ.

— Двадцать градусовъ, Надежда Семеновна,—осмѣлилась возразить мастерица

— Ну, чортъ съ ней—впускайте!

Дверь отворили. Нюнька въ два прыжка очутилась среди комнаты, топоча отъ невыносимой боли ногами.

Посинѣлая, страшная, глаза точно остановились—стеклянные...

Замерзавшее дыханіе флокотало, флокотало въ ней, да вдругъ какъ прорвется:—У-у-ухъ!

Мастерская всполошилась.—Батюшки умираютъ!.. батюшки, замерзла совѣмъ... Царица небесная! Давайте спирту скорѣй...

Нюнька, съ страшно посинѣвшимъ лицомъ, скорчившись всѣмъ туловищемъ, бросалась на всѣхъ, какъ одичалая. Среди шума и гама испуганныхъ мастерицъ и дѣвчонокъ, слышалось это ужасное: у-у-ухъ, у-у-ухъ, точно предсмертное дыханіе обезумѣвшей отъ холода Нюньки.

Ночью Стеша раза три нарочно заходила въ кухню, взглянуть на заснувшую Нюньку. Сумрачное лицо дѣвушки, ея крѣпко сжатые губы и сдвинутыя брови—выражали проблескъ страданія, каждый разъ, когда она склонялась къ изголовью ребенка. Разъ она даже не выдержала и прикоснулась холодными губами къ пылающему личику Нюньки:—Несчастная... бѣдная!! вырвалось у нея.

Утромъ Нюнька вошла въ мастерскую и присѣла къ столу. Взглядъ ея былъ отуманенъ, личико нервно подергивалось. Нюнька расхарывалась, по этому въ мастерской не

замѣтили, какъ не замѣчали ни кашля, ни грѣпа, ни дырявыхъ башмаковъ, ни голодныхъ желудковъ.

Цѣлый день Нюнька была сама не своя—цѣлый день волновалась, точно что-то мѣшало ей оставаться спокойной.

Къ вечеру Надежда Семеновна послала ее въ лавку, за хлѣбомъ; Нюнька, по обыкновенію, послушно одѣлась и вышла...

Въ мастерской пили чай. Надежда Семеновна ушла въ свою комнату отдохнуть.

— Не видали мы, дѣвушки, какъ и праздники-то прошли!—вздыхнула Матреша, перебирая посуду.—Такъ-то вотъ и жизнь-то вся наша пройдетъ... О—о, Господи! Хотѣ-бы замужъ кто взялъ!..

— Вотъ у насъ Стеша счастливица, снова начала Матреша, замѣтивъ, что рѣчь о сукѣ какъ-то не вяжется.

— Чѣмъ-же это счастливица-то?—сумрачно откликнулась та.

— Да мало-ли чѣмъ,—ты вотъ на святкахъ то въ театрѣ была, на вечеру танцевала... Небось, не расскажешь, чего тамъ представляють-то.

— Нечего рассказывать-то,—угрюмо отвѣтила Стеша,—была, такъ была—мое счастье.

— Ну—вотъ! А про что-же я говорю-то?! Вотъ меня, эдаку картину, небось не повѣдутъ на кіатры смотрѣть... А тебѣ-что! Съ эдакимъ-то рыломъ-сполгоря жить...

— Нѣтъ, вѣдь ты рѣшительно—дура, Матрешка! горячо перебила вдругъ Стеша, оставивъ на собесѣдницѣ сверкающій взоръ:—ты думаешь, это тоже легко? Ты думаешь, это все такъ, зря достается?... Э, да что толковать! Молчи, Христа—ради, безъ тебя тошно.

— Да чего тошно-то,—разгорячилась Матреша.—Чего тошно-то, ты мнѣ скажи?! —Точно, вотъ, въ опоркахъ ходить, чѣлка порядочнаго не имѣть, съ холоду да съ голодудохнуть,—это вотъ тошно, а то... Привередничаешь ты—вотъ что!

— Обнаковенье такое, чего-же ужъ тутъ!—фырнула Поля.—Вѣдь начъ, въ самомъ дѣлѣ, не самимъ-же деньги-то дѣлать! Небось на два-то съ полтиной не болжно разгуляешься. Стеша бросила работу и ушла за дверь.

— Н-ну! Разсердилась царевна! Не по праву пришлось! Правда-то, видно, глаза колетъ...

— Отстань ты, со своей правдой-то!—накинулась на нее Катя.—Что ты удивить, что-ли, кого хочешь своей привдой-то?—Сама-бы, небось, по той-же дорогѣ пошла, ежели-бы рыло-то поприглядѣе было... Нечего другимъ глаза-то колоть.

Матреша открыла было для возраженія ротъ, но въ мастерскую, въ это время, вошли двѣ заказчицы, и споръ прекратился.

По свѣжной равнинѣ, освѣщенной мѣсяцемъ, въ это-же самое время, на помня себя отъ быстрого бѣга, несется Нюнька...

Вѣтеръ мчитъ за ней, по латамъ, шумитъ и гудетъ и поетъ ей свою однообразную пѣсню:—Шей-шей-шей...

Но Нюнька не слышитъ этой проклятой мелодіи; не страшень ей двадцати-градусный январскій морозъ; не чувствуютъ усталости маленькія быстрыя ножки...

Два ангела, мнитъ ей, летятъ по бокамъ, бережно поддерживая несчастнаго поруганнаго ребенка—два ангела «съ бѣлыми крыльями»...

И бѣжитъ несчастная Нюнька, бѣжитъ по свѣжной равнинѣ, освѣщенной луннымъ сіяніемъ, бѣжитъ и шепчетъ: «ангелы... ангелы!»

Ураство Гостиннаго двора въ день въѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ въ С.-Петербургъ (22 юня 1896 г.).

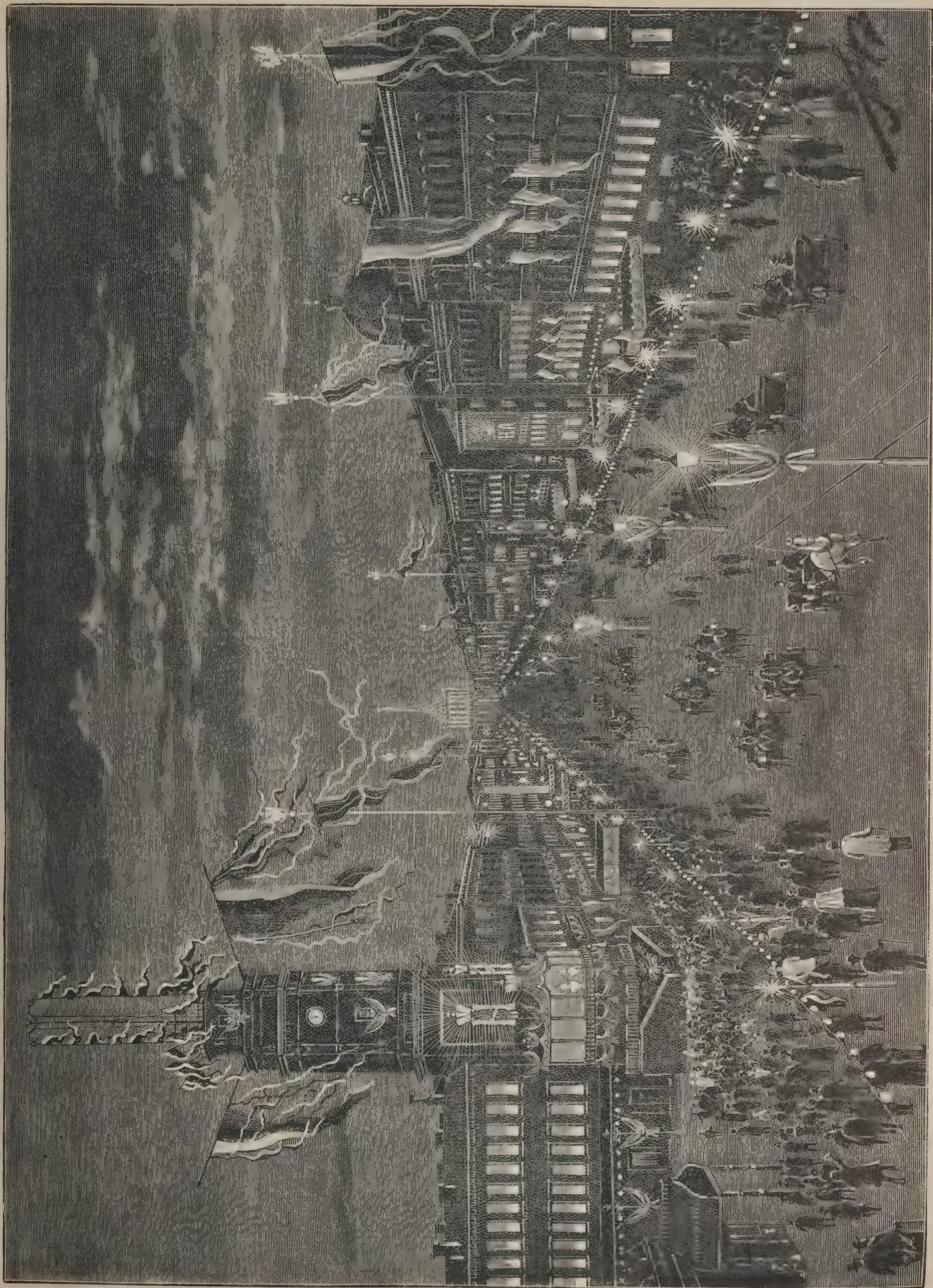

Иллюстрация Невского проспекта (виль на Адмиралтейство).

— А вѣдь Нюнька то у насъ, пожалуй, помретъ, Федорычъ!—говорила надругой день мужу Авдотья,—такъ-то разгасило, бѣдняженку, страсть!..

— Ну, чтожь,—сумрачно отвѣчалъ Федорычъ,—царство небесно... Самимъ глотать нечего...

— Такъ-то оно такъ, а все-же жаль, Федорычъ: свое дѣтище—не чужое...

— Знамо дѣло свое...

— Могла бы, чать, подрости, въ люднвыдти, глядишь-бы—и намъ-то отъ нея помога была...

— Это что говорить, разумѣется, такъ, вздохнулъ Федорычъ,—а только вѣдь и то сказать: выше Бога не будешь!

Мать замолчала, задумалась. Ея бѣдное материнское сердце не мирилось съ логикой мужа.

— Не убѣги она, сердешенькая, въ такой лютой морозъ отъ портнихи—глядишь-бы, ничего съ ней и не было... Больно ужъ она, знать, застудила себя: прибѣгла, что твоя ледяшка, я такъ и ахнула.—Нюнька, молю, доченька? Съ чего молю это тебѣ, голубь

бѣлый, эдака мысль на-сердце пала... А она, голубынька, какъ бросится, да какъ крикнетъ:—Ма-мынька!! Да такъ у меня изъ рукъ-то и покатилась...

Нюнька лежала на лавкѣ, въ углу, прикрытая полубкомъ, то и дѣло разбрасывалась, стараясь поднять вверхъ ручки, и, задыхаясь отъ палящаго жара, шептала: «ангелы... ангелы...»

Въ эту ночь ангелы взяли ее къ себѣ...

А. Иноземцева.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

— Развѣ смѣются надъ Джономъ Картеромъ?

— Но какъ освободиться отъ господина Рено?

— Ты вѣдь только что сказалъ, что ничего ему не общалъ.

— Конечно, я не сказалъ ему: «Я даю вамъ согласіе на бракъ моей дочери съ вами», потому что онъ еще не просилъ моего согласія. Но вѣдь онъ не замедлитъ.

— Тѣмъ скорѣе пужно вамъ собраться въ Европу, а въ ожиданіи отъѣзда сократить по-прежнему посѣщенія господина Рено, подѣлать весьма разумнымъ предлогомъ, что тебѣ замѣтили, что его посѣщенія, когда другихъ молодыхъ людей не принимаютъ, нѣсколько странны. Онъ знаетъ, что раньше девятнадцати лѣтъ ты не выдашь Джэнь замужъ, онъ и не станетъ просить ея руки.

— Пожалуй! А мои мастерскія? Мои фабрики? Мои дѣла?

— Ты сотни разъ говорилъ, что фабрики и мастерскія у тебя такъ хорошо устроены, что даже Торперъ можетъ спокойно уѣхать. При томъ Парижъ вѣдь не на концѣ свѣта; туда только восемь дней ѣзды и, благодаря телеграфу, ты можешь постоянно сообщаться съ Самомъ и твоими банкирами.

— Парижъ! Да, мнѣ очень хочется побывать въ немъ!

— Ты имѣешь полное право на нѣсколько мѣсяцевъ развлечения и отдыха послѣ двадцати пяти лѣтъ трудовой жизни.

— Да, двадцать пять лѣтъ и даже больше. Помнишь, Пальмира, какъ длинный Самъ и я, мы появились въ дверяхъ бібліотеки тетеньки Борнеттъ? Мы уѣхали съ нѣсколькими долларами въ карманѣ, а вернулись, у меня у одного было больше полумилліона.

— Заработавшаго тяжелымъ трудомъ, съ опасностью жизни. Я помню твои рассказы.

Гаррисъ нѣсколько покраснѣлъ, онъ вспомнилъ, какъ онъ вралъ въ своихъ рассказахъ.

— Да, — со смѣхомъ продолжалъ онъ. — Сколько переменъ съ того времени! Могъ-ли я думать, давая тебѣ вечеромъ нѣсколько монетъ на твои тряпки, что придетъ время, когда ты будешь совѣтовать мнѣ купить маркиза или герцога въ зятя?

— И что ты будешь на столько богатъ, чтобы купить ихъ десятокъ, а не то что одного.

— Ыдемъ во Францію! Предупреди половчье Джэнь и госпожу Бренъ.

— Сдѣлаю! А французскій консулъ?

— Созвонюсь, что не знаю, какъ приняться за дѣло.

— Тогда не мѣшай мнѣ.

— Ты не вздумай только отказать ему отъ дому.

— Нѣтъ! Но дверь будетъ ему только на половину открыта. Устрой все такъ, чтобы меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, мы уѣхали.

— Мы? Да, ты тоже вѣдь ѣдешь!

— Конечно! Кто-же найдетъ вамъ зятя во Франціи?

— Я и не думалъ больше объ этомъ! Но, мнѣ помнится, что, когда ты была миссисъ Скоттъ и англичанка, ты выказывала глубокую ненависть ко всѣмъ знатымъ, и мнѣ кажется, что это была ода изъ причинъ твоего второго развода.

— Возможно. Но теперь я измѣнила свое мнѣніе.

— Перемѣнивъ религію?

— Думая, что я должна любить только то, что можетъ быть полезно моему драгоценному брату и его дочери.

— У тебя на все есть отвѣтъ! Позаботься!

— Да, да!

Добившись своего, Пальмира ушла къ себѣ и раздумывала планъ компаніи. Она рѣшила, что хотя Джэнь и оттолкнула ее, но она все не желаетъ ей мстить, рассоривъ ее съ женихомъ,—о нѣтъ, напротивъ, она постарается поставить ее выше, дать ей болѣе знатное положеніе, чѣмъ то, которое заняла пріятельница Джэнь,—Элленъ. Ее тоже возмущали эти милліонеры, которые теперь такъ ухаживали за герцогиней Сабріа. О, какъ они станутъ преклоняться передъ Джэнь, когда она станетъ знатной французенкой. Кромѣ того, они съ распростертыми объятіями станутъ принимать Джо и Пальмиру. Джэнь скоро забудетъ своего господина Рено, тотъ тоже въ свою очередь утѣшится. Такимъ образомъ Пальмира составитъ счастье всей семьи брата, къ чему она должна стремиться, такъ какъ ея четыре супружества не дали ей своихъ дѣтей.

Миссисъ Дерсонъ легко убѣдила себя, что она поступаетъ, какъ истинная христіанка, преданная родственница и честная женщина, и что она получила внушеніе свыше поступать такъ. Джо, наоборотъ, былъ весьма смущенъ. Рѣшительный и находчивый въ денежныхъ дѣлахъ, онъ до такой степени привыкъ дома полагаться на мнѣніе своей жены, что положительно не умѣлъ придти ни къ чему рѣшительному относительно будущности своей дочери. Онъ любилъ ее искренно и нѣжно и ни за что не согласился бы причинить ей горе, но миссисъ Дерсонъ сумѣла взять его со стороны самолюбія, тщеславія, чувства обиды и поэтому онъ боялся объясненій съ Джэнь и Рено. Одно только нѣсколько успокоивало его,—онъ вѣдь раньше рѣшительно заявилъ, что не желаетъ ничего слышать о замужествѣ Джэнь, прежде чѣмъ она достигнетъ девятнадцати лѣтъ. Рено не смѣетъ за-

говорить раньше, и потому лучше въ то время не быть въ Чикаго.

Миссисъ Дерсонъ была женщина ловкая и не теряла времени. Черезъ часъ послѣ разговора съ братомъ она отыскала адресъ въ давно существовавшемъ у нея адресъ-календарѣ, и лично опустила письмо на имя: «Господь Д. С. Паррей и К°, брачное бюро, 270, Бродуэй, Нью-Йоркъ». Вернувшись домой, она отыскала дѣвицу Бренъ и, оставшись съ ней вдвоемъ, дружески сказала:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, по секрету, о нашей дорогой Джэнь.

— Что такое?—спросила Мари безпокойно, сердце ея сжалось.

— О, ничего особеннаго! Скажите мнѣ пожалуйста, неужели вы, такая серьезная, такъ превосходно воспитанная особа, неужели вы одобряете частныя посѣщенія господина Рено въ этотъ домъ, который закрытъ даже для самыхъ близкихъ друзей моего брата?

— Я васъ не понимаю, миссисъ Дерсонъ. Покойная госпожа Гаррисъ любила господина Рено, какъ сына; онъ былъ съ вами, когда она умерла; онъ продолжаетъ посѣщать насъ въ дни горя, какъ посѣщалъ въ счастливые дни—можетъ быть, нѣсколько чаще, но господинъ Гаррисъ ничего противъ этого не возражалъ.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія! Господинъ французскій консулъ прекрасный и честный человѣкъ; но онъ молодъ, хорошъ собою, и, должно полагать, имѣетъ много завистниковъ, потому что его ухаживанія за Джэнь обратили на себя вниманіе, и толкуются такъ, что могутъ повредить репутаціи дѣвушки.

— Это невозможно!

— Но, однако, это такъ! Господину Гаррису уже дѣлали по этому поводу замѣчанія.

— И онъ безпокоится? Но онъ знаетъ, что между Джэнь и господиномъ Рено существуетъ привязанность, которую госпожа Гаррисъ не останавливала, а напротивъ одобряла. Будь она жива, Джэнь была бы теперь, если не женой, то по крайней мѣрѣ, невѣстой господина Рено.

— Развѣ дѣло зашло такъ далеко?

— Это тайна не моя и я ничего не могу больше сказать вамъ, но прибавлю одно, если господинъ Рено не будетъ здѣсь бывать по прежнему, ваша племянница будетъ глубоко несчастна.

— О, я никогда не посоветую моему брату отказать ему отъ дома; по лучше, если онъ самъ, ради сохраненія добраго имени той, которую онъ долженъ столько-же уважать, сколько любить, сдѣлаетъ свои визиты нѣсколько рѣже. Господину Гаррису передала также, что Джэнь встрѣчается съ этимъ мо-

людямъ человѣкомъ и въ церкви и на кладбищѣ.

— Иногда,—совершенно вѣрно, но я всегда съ ними. И развѣ вы не знаете, какой это ангелъ чистоты и невинности?

— Не думайте, чтобы я въ ней сомнѣвалась! Но нужно остерегаться злыхъ языковъ.

— Кто посмѣетъ?

— Тутъ личностей не бываетъ, а кончается всѣми. Впрочемъ, эту осторожность не долго придется соблюдать, мой братъ рѣшилъ, по примѣру Джона Картера, проѣхать по Европѣ съ Джэнь и вами.

— Мы уѣдемъ изъ Чикаго?

— Да, на нѣсколько мѣсяцевъ. Вамъ будетъ приятно повидать Францію, Парижъ, вашу семью, вашихъ друзей.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія, но я боюсь, что это путешествіе очень огорчитъ Джэнь.

— Почему? Ради господина Рено? Она его найдетъ по возвращеніи. Вамъ вѣдь извѣстно, что ея отецъ ничего не хочетъ слышать о ея замужествѣ ранѣе достиженія ею девятнадцати лѣтъ. Уговорите ее быть благоразумной. И дайте также понять господину Рено, чтобы онъ не приходилъ такъ часто.

— Это господинъ Гаррисъ поручилъ вамъ сообщить мнѣ все это?

— Овъ.

— Такъ я переламъ Джэнь и господину Рено ваши слова. Джэнь спроситъ объясненія у своего отца, и господинъ Рено, вѣроятно, тоже захочетъ говорить съ нимъ. Я вижу Джэнь въ саду и передамъ ей ваши замѣчанія. Вы позволяете?

— Прошу васъ. Но не преувеличивайте ничего, не дайте ей предположить, что ея отецъ не хочетъ больше принимать господина Рено, или что онъ осуждаетъ ея привязанность. Мнѣ было бы тяжело огорчить ее.

— О, я очень хорошо поняла, превосходно поняла.—И вѣжливо поклонившись, дѣвица Бренъ вышла.

Подойдя къ Джэнь, она провела ее въ глубь сада и сказала:

— Дорогая моя, соберись съ мужествомъ. Тетка Пальмира что-то противъ тебя замышляетъ. Нужно разстроить ея замыслы.

— Вы меня пугаете. Въ чемъ дѣло?—спросила молодая дѣвушка.

Дѣвица Бренъ передала ей свой разговоръ съ миссисъ Дерсонъ, и Джэнь, покраснѣвъ отъ негодованія, вскричала:

— Это все она сама выдумала; никогда ничего подобнаго не могло прийти моему отцу въ голову. Я спрошу его сегодня вечеромъ, дѣйствительно-ли онъ не хочетъ, чтобы господинъ Рено бывалъ здѣсь и не позволяетъ мнѣ говорить съ нимъ. Она хочетъ разлучить меня съ Марселемъ, потому что я католичка!

— Нѣтъ, не думаю. Это было-бы ужасно! Господинъ Гаррисъ самъ не позволитъ этого. Бѣдная дѣвочка плакала, повторяя сквозь слезы:

— Милая, дорогая мамочка, почему тебя нѣтъ здѣсь подлѣ меня, чтобы защитить меня!

Когда Джэнь нѣсколько успокоилась, Мари сказала ей, что прежде всего необходимо предупредить Рено, что она пойдетъ сейчасъ въ консульство, расскажетъ ему все и они вдвоемъ обсудятъ, что дѣлать.

— Да, да, побѣждайте, Мари. Скажите ему, что я не хочу, чтобы насъ разлучали, чтобы онъ поговорилъ съ моимъ отцомъ: и что я буду такъ его просить, что онъ прикажетъ моей теткѣ оставить насъ въ покоѣ. Развѣ я когда-нибудь интересовалась всѣми ея мужьями!

Она тропила Мари одѣваться, усадила ее въ экипажъ и отправила поскорѣе, опасаясь, что будутъ отданы приказанія не принимать Рено. Не желая встрѣчаться съ теткой, она заперлась у себя.

Появленіе дѣвицы Бренъ сильно обезпокоило Рено.

— Что случилось?—спросилъ онъ.

— Съ миссисъ Гаррисъ ничего не случилось; всѣ у насъ здоровы, даже миссисъ Дерсонъ. Я пріѣхала говорить объ ней.

— Объ миссисъ Дерсонъ?

— Вы знаете, что она никогда не могла простить своему брату позволенія воспитать Джэнь въ католической религіи. Она ненавидитъ Джэнь еще и за то, что ей не удалось ея попытки обращенія, и должно полагать, на этомъ основаніи затѣяла повредить вамъ у господина Гарриса и разстроить ваше намѣреніе жениться на Джэнь.

— Дура! Ахъ! Извините!

— Не извиняйтесь, мое мнѣніе объ этой злой квакершѣ еще хуже. Самымъ медоточивымъ голосомъ, призывая имя Господа, она заявила мнѣ, что ваши посѣщенія слишкомъ часты, что ваши частыя встрѣчи съ Джэнь могутъ компрометировать ее, а такъ-какъ отцу ся будто-бы были сдѣланы по этому поводу намеки, вы должны бывать рѣже и не искать случаевъ встрѣчаться съ Джэнь ни въ церкви, ни на кладбищѣ, единственныхъ мѣстахъ ея сущности, гдѣ она бываетъ. Несомнѣнно, что я сейчасъ-же сообщила миссисъ Гаррисъ, что говорить ея тетка. Бѣдная дѣвочка очень огорчена и просила меня сѣздить къ вамъ и рассказать все. Нужно, чтобы вы завтра побывали у господина Гарриса, въ его конторѣ. Тамъ миссисъ Дерсонъ не можетъ помѣшать вамъ, и вамъ не трудно будетъ съ нимъ объясниться.

Марсель былъ пораженъ: онъ видѣлъ, какъ готово разрушиться зданіе, которое онъ съ такою радостью воздвигалъ.

— Да, завтра утромъ я непременно пойду къ господину Гаррису,—отвѣчалъ онъ,—онъ не захочетъ запереть мнѣ дверь, которую съ такою любовью открыла мнѣ его жена, смотрѣвшая на меня, какъ на сына.

— И вы мнѣ напишете, что скажетъ вамъ господинъ Гаррисъ. Джэнь станетъ говорить съ своимъ отцомъ, только узнавъ его отвѣтъ вамъ.

— Я сейчасъ же послѣ моего визита въ контору напишу вамъ. Спасибо вамъ за участіе, которое вы въ насъ принимаете.

— Я думаю только о счастіи дорогой дѣвочки.

Марсель съ признательностью пожалъ руки молодой женщины.

Дѣвица Бренъ поѣхала домой, но дорогой перемѣнила намѣреніе и дала адресъ аббата Фокстона. Почтенный священникъ былъ не менѣе Марселя пораженъ внезапнымъ поворотомъ Джо, и былъ имъ сильно возмущенъ. Онъ помнилъ, какъ наканунѣ смерти господа Гаррисъ получила отъ своего мужа обѣщаніе не беспокоить Джэнь по поводу ея религіи и не сопротивляться ея замужеству съ господиномъ Рено. На предполагаемое путешествіе, однако, онъ взглянулъ иначе,—онъ понималъ его, зная, что большая часть этихъ разбогатѣвшихъ коммерсантовъ стремится въ Европу, съ цѣлью насладиться тѣмъ своими капиталами. Мари вернулась домой нѣсколько успокоенная, рассказала Джэнь свои оба пощенія и утѣшила ее. Онѣ рѣшили молчать до разговора Рено съ Гаррисомъ.

Когда на другое утро Рено явился въ кон-

тору, Гаррисъ былъ пораженъ,—его замѣшательство было очень велико, когда тотъ разсказалъ ему требованія Пальмиры и попросилъ объясненія ихъ.

— Моя сестра съ ума сошла,—вскричала Джо, покраснѣвъ,—я никогда ничего подобнаго не говорилъ ей. Она стала рассказывать мнѣ тысячу глупостей, которыя будто-бы говорятъ по поводу вашихъ частыхъ посѣщеній. Что это можетъ компрометировать Джэнь... не знаю, какіе-то еще вздоры!.. Я отвѣчалъ ей:—Это касается m-ле Бренъ, которая не способна допустить что-нибудь неприличное.

— Благодарю васъ! Я боялся, что лишился вашего уваженія и довѣрія. Вамъ извѣстно, съ какимъ благоговѣніемъ, уваженіемъ, любовью я отношусь къ вашей дочери. Если я не говорилъ о своихъ намѣреніяхъ, то потому, что не хотѣлъ оскорблять вашъ трауръ мечтами о личномъ счастіи, и еще потому, что ваша незабвенная супруга за нѣсколько дней до смерти сказала мнѣ, что вы не хотите выдавать миссъ Джэнь замужъ раньше достиженія ею девятнадцати лѣтъ...

— Мы поговоримъ объ этомъ по возвращеніи моемъ изъ Европы,—прервалъ Гаррисъ.

— Вашего возвращенія изъ Европы! Вы собираетесь уѣзжать?

— Джэнь нуждается въ перемѣнѣ воздуха, нѣкоторомъ развлеченіи. Докторъ Моррисъ хочетъ, чтобы она нѣсколько путешествовала, уѣхала на время изъ дому... Второго пребыванія въ Ньюпортѣ я не желаю. Друзья, знающіе Францію, говорятъ, что тамъ есть чудесныя мѣста, гдѣ купаются. Мы отправимся туда. Я хочу и съ вами посоветоваться... Я имѣю тоже нѣкоторое право на отдыхъ,—двадцать пять лѣтъ я безъ усталости работалъ. Здѣсь останется Торнеръ. Когда мы вернемся, двери нашего дома снова широко раскрываются...

— И вы позволите мнѣ тогда?..

— Мы начнемъ жизнь съ той минуты, на которой она остановилась послѣдствіе смерти моей дорогой Фанни. Моя дочь будетъ свободна выбрать будущаго супруга. И такъ какъ я вполне ей довѣряю, я не сомнѣваюсь, что дамъ удовлетворительный отвѣтъ.

— Я буду ждать!

— Ждите!

— Но вѣдь я могу по прежнему посѣщать миссъ Джэнь?

— Обязательно! Почему нѣтъ? А, миссисъ Дерсонъ! Я поговорю съ ней сегодня вечеромъ.

Рено казалось, что Гаррисъ не совсѣмъ искрененъ, но настаивать было нельзя, и онъ ушелъ на половину удовлетворенный. Онъ пересталъ бы сомнѣваться, если бы услышалъ, какъ Джо ворчалъ про себя:

— Чортъ бы побралъ эту Пальмиру! Своєю поспѣшностью она надѣлаетъ мнѣ только неприятностей! О, если бы этотъ красивый консулъ былъ хотя бы только барономъ! Нѣтъ, баронъ—этого мало! Графъ, да, не меньше,—я сейчасъ бы выдалъ Джэнь за него.

И Джо принялся за работу, но письма не шли на умъ. Опасаясь разговора съ дочерью, онъ послалъ домой телеграмму, чтобы его не ждали къ завтраку. Рено тѣмъ временемъ отправилъ господа Бренъ письмо, въ которомъ разсказалъ свое посѣщеніе Гарриса. Письмо было сообщено Джэнь; Рено между прочимъ писалъ, что не предполагаетъ у Гарриса дурныхъ намѣреній, которыя приписываетъ ему его сестра, и потому совѣтуетъ не отчаиваться, а терпѣливо ждать; и при-

бавляя, что ничто не разлучитъ его съ Джэнь, что онъ сумѣетъ преодолѣть всѣ преграды и сдержать клятву, данную ей матери, и посвятить ей свою жизнь. Джэнь нѣсколько утѣшилась. Гаррисъ, возвратившись вечеромъ домой, ожидалъ встрѣтить расплаканныя лица, но къ своему удивленію увидалъ, что Джэнь встрѣтила его довольно весело, — онъ подумалъ, что дѣло обойдется легче, и съ удовольствіемъ припаялся обѣдать. Обѣдъ прошелъ даже оживленнѣе обыкновеннаго; къ концу обѣда доложили объ аббатѣ Фокстонѣ.

— Присить, присить, — закричалъ Гаррисъ, котораго, не сматривая на позднее время, не удивилъ этотъ визитъ, потому что аббатъ принадлежалъ къ числу близкихъ лицъ, продолжавшихъ, не смотря на трауръ, посѣщать домъ.

Джэнь и Мари переглянулись, почтенный священникъ явился имъ на помощь скорѣе, чѣмъ онѣ ждали. Миссисъ Дерсонъ, напротивъ, сжала губы и нахмурилась. Она сумѣла выпытать у кучера, что дѣвица Бренъ ѣздила въ консульство и къ аббату, и не сомнѣвалась, что аббатъ явился хлопотать за своихъ духовныхъ дѣтей — Джэнь и Марселя. Раздраженіе ея противъ племянницы усилилось. Войдя, уважаемый посѣтитель дружески со всѣми поздоровался, сѣлъ подлѣ хозяина дома и шепнулъ ему:

— Добрѣйшій господинъ Гаррисъ, мнѣ нужно поговорить съ вами по секрету.

— Вы хотите исповѣдовать меня? — вскричалъ Джо съ выраженіемъ комическаго ужаса.

— Можетъ быть, но я увѣренъ, что дамъ вамъ немедленное отпущеніе.

— Такъ пройдемте въ курильную.

Гаррисъ приказалъ подать въ курильную пина и прошелъ туда съ аббатомъ. Джэнь встала тоже и, подойдя къ Саму, сказала, обнимая его:

— Я тоже хочу кого-нибудь исповѣдовать. Пойдемъ въ садъ, Самми.

Самъ посѣбно всталъ, взявъ ее подъ руку и увелъ.

— Что за секреты, дорогая дѣвочка? — спросилъ онъ.

— Ты меня по прежнему любишь?

— Люблю ли я тебя? Ты увела меня только затѣмъ, чтобы говорить глупости?

— О нѣтъ! Но у меня большое горе.

— Большое горе? Въ чемъ дѣло?

— Ты знаешь, какъ покойная мамочка любила господина Рено?

— И ты также!

— Да, и я также! Мы могли считать себя полюбленными. Если бы мама была жива, очень можетъ быть, что онъ былъ бы уже моимъ мужемъ.

— Знаю! Въ день вашего отъѣзда въ этотъ проклятый Ньюпортъ я говорилъ объ этомъ съ господиномъ Рено.

— Я не знала! Что-же ты сказалъ ему?

— Признавая, что когда нибудь ты должна выйти замужъ; такъ уже лучше за него, чѣмъ за кого нибудь другого.

— Дорогой Самъ! Но знаешь ли, что это супружество весьма не нравится теткѣ Пальмирѣ.

— Развѣ это до нея касается, до этой старой дуры!

— Она узнала, что отецъ не хочетъ выдавать меня замужъ раньше девятнадцати лѣтъ и внушила ему, я увѣрена, что это она, мысль сдѣлать путешествіе въ Европу. Такимъ образомъ, мы съ Марселемъ будемъ разлучены на долгіе мѣсяцы, и она, должно быть, расчитываетъ тѣмъ временемъ найти мнѣ другого мужа.

— Что ты говоришь? Зачѣмъ ей мѣшаться, ей, живѣ четырехъ мужей?

— Она не можетъ простить мнѣ, что я католичка.

— Да чѣмъ твоя религія помѣшала этой квакершѣ? Вѣруй, во что хочешь, я не стану вѣдь любить тебя меньше! И Джо слушаетъ свою избалованную сестру! И хочетъ увезти тебя въ Европу? Надѣюсь, что онъ увезетъ и ее, прекрасную Пальмиру, иначе, я не останусь въ домѣ. Я не желаю быть ея пятымъ мужемъ. Она въ состояніи подать жалобу суду, что я...

— Самми! Самми!

— Прости! Ты хочешь выйти замужъ за господина Рено и не ѣздить въ Европу, развѣ съ нимъ?

— Да!

— Хорошо, какъ только аббатъ уйдетъ, Джо будетъ имѣть дѣло съ Самомъ. Сумасшествіе должно быть заразительно! Миссисъ Дерсонъ нужно запереть въ сумасшедшій домъ или по меньшей мѣрѣ отправить ее къ ея драгоцѣнному Іонаану. Ступай къ м-ле Бренъ. Я буду караулить твоего отца.

Они вернулись домой, Джэнь прошла къ себѣ, а Самъ ушелъ на кушетку подлѣ курильной съ трубкой въ зубахъ. Ему не долго пришлось ждать. Минутъ черезъ пять аббатъ и Джо вышли. Джо былъ красенъ и сердитъ.

— О! О! — подумалъ Самъ. — Священникъ уже отчиталъ его. Онъ сердитъ! Но дѣло идетъ о Джэнетъ и онъ долженъ меня выслушать.

Проведя своего посѣтителя до крыльца, Джо вернулся въ залу и сухо спросилъ Сама:

— Ты что здѣсь дѣлаешь?

— Мнѣ нужно говорить съ тобой, — спокойно отвѣтилъ Самъ.

— О чемъ?

— О твоей дочери и ея горѣ.

— А, и ты тоже! Будетъ съ меня людей, которые мѣшаются не въ свое дѣло! Это цѣлый заговоръ! Послѣ аббата, ты! Это слышнѣе! Скажу, что я дурной отецъ, потому что не хочу выдавать Джэнь замужъ раньше ея девятнадцати лѣтъ, и что мнѣ хочется провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Европѣ. Я не хозяинъ больше у себя въ домѣ, что-ли?

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

За грибами. Съ акварели художника А. Бэма.

Нѣсколько дней лилъ хорошіе «грибные» дожди, какъ будто вызывая изъ мшистаго лона красныя, бѣлыя и черныя шапочки разныхъ породъ. И когда затѣмъ появилось ласковое, согрѣвающее солнышко, лѣсъ наполнился цѣлымъ навьюмъ населеніемъ. Подъ прозрачнымъ мохомъ заправили крѣпкія красныя голыши подосиновиковъ, частой семеней раскинулись подъ сухими лѣстками блѣдно-желтые грузди. А дальше-то! Масленки, подберезовики, волнушки, сыроежки — не перечтешь. Много набрала грибовъ эта юная компания на каргинѣ художника А. Бэма, съ утра пять паръ босыхъ ножекъ бѣгали по полянкамъ да кочкамъ... Настало время отдохнуть. Всѣ разбираютъ и сортируютъ добычу. Самая маленькая собрательница грибовъ, однако, ошлошалась: она набрала пестрыхъ мухоморовъ и другихъ негодныхъ грибовъ — и теперь всѣ ея товарищи насмѣшливо подшучиваютъ надъ ней.

Въ опасности. Съ картины художника К. Белликура.

Хищный, голодный ястребъ долго парилъ въ глубинѣ небесъ, ища подходящей добычи. Наконецъ, его зоркіе глаза замѣтили тетеревиный выводокъ, съ испугомъ хоронящийся въ высокой зеленой травѣ. Мѣрно кружась, приближается хищникъ къ добычѣ, и вдругъ, какъ стрѣла, бросается на нее. Самка въ отчаяніи, юные итенцы съ пронзительнымъ пискомъ разсыплются по травѣ, ища спасенія. Но быстрые крылья ястреба, острые его когти и когти. Навѣрное одинъ изъ итенцовъ попадетъ на обѣдъ разбойнику.

И долго будетъ мать, жалобно крича, искать пропавшаго, и испуганно будить суетиться его братья. Да, и въ травѣ простого мирнаго луга бываютъ кровавыя драмы!..

Сплетницы. Съ картины художника К. Зевы.

Къ молодой сосѣдкѣ, которая за работой поджидаетъ съ занятій мужа, зашла болтливая пожилая кумушка. Цѣлой рѣкой съ ея быстрого языка потекли сплетни, слухи, новости... Въ увлеченіи болтунья забыла, что ей давно пора на рынокъ, что дома, вѣроятно, передрались и переплакались дѣти. Она посвящаетъ молодую собесѣдницу въ тайны всѣхъ сосѣдскихъ домовъ. Сосѣдка на права — страшный буянъ, онъ чуть-ли не бьетъ жену. Сосѣдка слѣва — кокетка и щеголиха, такъ что мужъ выбивается изъ силъ на работѣ. Бузочникъ постоянно дерется съ женой изъ-за ревности къ молодому пекарю. Зеленщикъ — ужасный скряга... Молодая хозяйка слушаетъ гостюню, и не подозреваетъ, что та только-что въ духъ и прахъ разбранила и ее у того-же самаго бузочника.

Любовь. Рисунокъ художника Ресслера.

«Любовь и лѣто — сестры!
Вѣдь лѣтомъ ясны дни,
Цвѣты лужаекъ пестры,
И хорошо въ тѣни!..»

Живѣе чувство лѣтомъ,
Смѣлѣе — красота;
Горятъ любви привѣтомъ
Раскрытыя уста.

Хлѣба на нивахъ сѣлы,
Прозраченъ небосклонъ;
И мечетъ всюду стрѣлы
Малютка-купинонь...»

Убранство Гостиного двора въ день въѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ, 22-го июня 1896 года. Оригинальный рисунокъ художника В. Табурина.

Принесенная столица радостно расцвѣтилась флагами и другими украшеніями въ радостный день въѣзда Государя. Вышли очень удачными всѣ приготовленія къ встрѣчѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Изъ всѣхъ общественныхъ зданій выделялся Гостинный дворъ. Наши коммерсанты не захотѣли ударить въ грязь лицомъ и сродствъ не пожалѣли. Главныя ворота были накрыты сборками на подобіе императорской порфиры, на которой были украшены пятнадцать областныхъ гербовъ, въ серединѣ помѣщалась императорская печать, изображенная въ объемѣ 49 кв. д. с. ж. Гербы всѣ были соединены золочеными лавровыми и дубовыми листьями. Поверхъ купола возвышалась серебряная императорская корона въ 3 1/2 кв. арш., а надъ ней развѣвающийся на 7 арш. императорскій штандартъ. Далѣе на воротахъ красовались двѣ Андреевскія звѣзды, размѣромъ въ 3 1/2 арш., и два городскихъ герба. Внизу ворота были убраны зеленою. Улыбы были украшены штандартами золотомъ галзетовою порфирой, императорскими коронами, вензелями: «И. и А.» и Андреевскими лентами. Колонны драпировались красной матеріей съ золотой каймой и императорскими гербами. Верхняя часть колоннъ вѣнчалась областными гербами, коронами и шапками Мономаха. Четыре флага, свисаясь сверху, имѣли видъ портьеръ. Въ пролетахъ межъ колоннами на красной съ золотой бахромою матеріи въ кругахъ въ декоративной Андреевской лентѣ красовались инициалы Ихъ Величествъ подъ вечемъ и держатой. Затѣмъ все вѣнчалось императорской короной. На Андреевской лентѣ была надпись: «14 мая 1896 года». Вверху надъ пролетами сіяли золоченные орлы надъ позолотой красной драпировки. На крышѣ матерія была собрана красивыми буффами, и черезъ колонну на крышѣ свѣтились ричскіе треножники, огонь которыхъ еще придавалъ блеску орламъ. Масса флаговъ и жгучей зелени дополняла убранство. Всѣ планъ этихъ изысканныхъ украшеній былъ выполненъ по рисунку члена с.-петербургскаго общества художниковъ, художника В. П. Шренбергера.

Иллюминація Петербурга. Рисунокъ В. Табурина.

Въ послѣдніе торжественные дни паша столица часто сіяла роскошной иллюминаціей. Особенно выделялся Невскій проспектъ, рисунокъ котораго мы и помѣщаемъ въ этомъ №.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сербія. Чествованія князя черногорскаго въ Софіи продолжались такъ-же блестяще, какъ и начались. Въ крѣпости состоялось торжественное провозглашеніе князя Черногорскаго шефомъ 9-го пѣхотнаго полка. Генераль Кока Милановичъ прочелъ передъ фронтомъ королевскій указъ о назначеніи князя, послѣ чего король обратился съ рѣчью къ князю и къ войскамъ. Въ заключеніе князь провелъ свой полкъ перемѣнѣннымъ маршемъ передъ королемъ. На народномъ праздникѣ въ Топчидерѣ участвовало 50,000 чел. всѣхъ классовъ населенія по пробыла селяки въ національных костюмахъ. Король, князь, королева Наталія и дипломатическій корпусъ присутствовали на праздникѣ въ трибунѣ.

— Князь Николай Черногорскій, назначенный шефомъ 9-го пѣхотнаго полка, 18-го (30) іюня торжественно, въ присутствіи короля, принималъ полкъ на крѣпостномъ плацъ-парадѣ. Затѣмъ король, королева и князь Черногорскій присутствовали на народномъ гуляньи въ Топчидере, прекрасно удавшемся, благодаря разгулявшейся погодѣ. Собралось до 20,000 народа въ живописныхъ окрестностяхъ; плясали коло и картина была очень красивая. Вечеромъ, общество торговой омадины давало балъ, на которомъ присутствовали король, королева, князь Черногорскій. Собралось большое блестящее общество. Князь долго бесѣдовалъ съ торговцами. Сегодня утромъ былъ парадъ, на которомъ король прошелъ предъ княземъ во главѣ своего 7-го полка, а князь предъ королемъ во главѣ 9-го полка. Князь Черногорскій оставилъ Сербію глубоко тронутый пріемомъ.

Италія. — Маркизъ ди-Рудини, обсуждая недавно въ палатѣ депутатовъ предложенныя формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, сказалъ: «Оккупация Кассалы продолжится

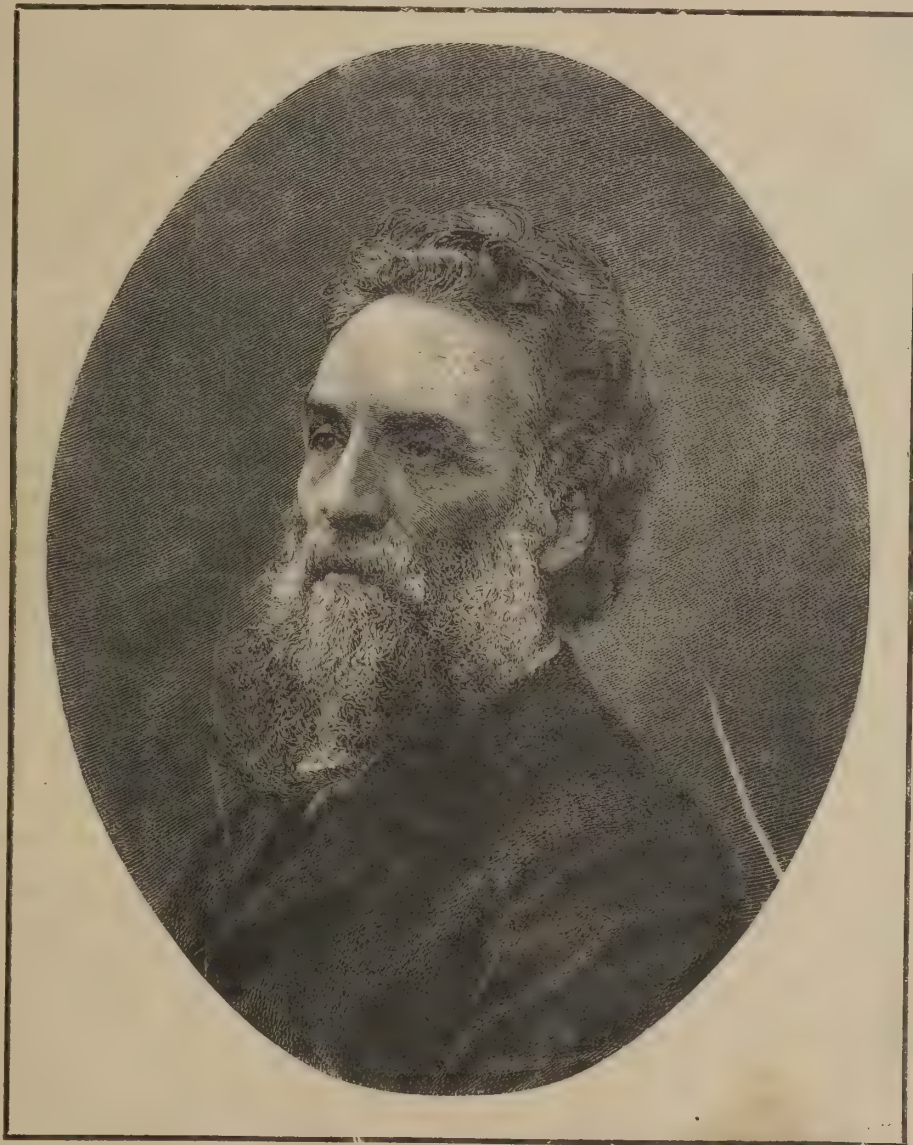
до тѣхъ поръ, пока этого будутъ требовать дружба съ Англіей нужной для Италіи и соображенія, касающіяся Египта и въ особенности вопроса о Средиземномъ морѣ. Съ крайней лѣвой палаты правительство расходится во мнѣніяхъ относительно иностранной политики. Италія будетъ всегда остере-

Франція.—Въ палатѣ депутатовъ длится теперь обсужденіе реформы прямыхъ налоговъ. Докладчикъ Гранцъ горячо защищаетъ проектъ. Докладчику возражаетъ болѣе всѣхъ Рузье. По его мнѣнію, измѣнять существующую систему налоговъ, достоинства которой сказывались въ теченіе цѣлаго столѣтія, есть дѣло рискованное. Единственнымъ положительнымъ улучшеніемъ было бы сокращеніе расходовъ одновременно со сбереженіями. Налогъ на ренту является мѣрою противозаконною и опасною; было бы гораздо лучше прибѣгнуть къ конверсіи ренты въ трехъ-процентную, что до октября 1895 года оказывается возможнымъ. Къ тому же крупные капиталисты сумѣютъ уклониться отъ налога на ренту. Кабинетъ ошибается, полагая, что онъ обезоружитъ социалистовъ, воспріявъ частныя программы.

Германія. — Въ Вильгельмстафѣ въ присутствіи императорской четы состоялся снискъ бронепоиса «Kaiser Friedrich III». Императоръ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, что судно названо именемъ того императора, которому было дано по главѣ соединенныхъ германскихъ войскъ доставить отечеству единство и закрѣпить на вѣки за Гогенцоллернами императорскую корону.

Турція.—Министръ иностранныхъ дѣлъ Тевфикъ-паша сообщилъ старѣйшимъ дипломатическаго корпуса, что согласно выраженному послами желанію, непріязненные дѣйствія противъ критскихъ писургентовъ приостановлены, за исключеніемъ случаевъ, когда писургенты являются нападающею стороною. Послы по общему рѣшенію предписали консульскому корпусу въ Канѣ побудить эмитропію принять уступки Порты.

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

М. Н. КАЗИ.
(Скончался 24-го іюня 1896 года).

гаться всего того, что могло бы вызвать въ дружественныхъ или союзныхъ государствахъ подозрѣнія въ томъ, что международные договоры соблюдаются ею вѣрно или недобросовѣстно. Я рѣшительно заявляю, что дѣятельность правительства постоянно направлена къ сохраненію равновѣсія на Средиземномъ морѣ. Для Италіи безусловно необходимо не выходить изъ состава тройственнаго союза, такъ какъ союзъ этотъ обезпечиваетъ ея крупнѣйшіе интересы. Даже по заключеніи союзныхъ договоровъ я всегда признавалъ

— Отряды повстанцев на островъ Критѣ сражаются не подъ знаменемъ Греціи, а помѣстили въ свое знамя—какъ передаютъ англійскія газеты—орла византійской имперіи; кандидаты желаютъ самымъ нагляднымъ образомъ засвидѣтельствовать, что они вовсе не сочувствуютъ присоединенію къ Греціи; они хотятъ добиться автономіи для своего острова. Дипломаты считаютъ такую постановку критскаго вопроса весьма благоприятной, обещающей скорое возстановленіе мира на Востокѣ, такъ какъ Порты ни за что не согласится на присоединеніе Крита къ Греціи, но можетъ допустить устройство автономнаго управленія на Критѣ, по примѣру острова Самоса. Проживающіе въ Лондонѣ греки увѣряютъ, что кандидаты не отказываются окончательно отъ союза и слиянія съ Греціей, но считаютъ это теперь нежелательнымъ вслѣдствіе разстройства греческихъ финансовъ и внутреннихъ партійныхъ раздоровъ въ Греціи.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

25-го іюня исполнилось сто лѣтъ отъ рожденія Императора Николая I. Въ настоящее время изъ лицъ, назначенныхъ въ свиту Его Величества Императоромъ Николаемъ I, остались въ живыхъ: назначенный генералъ-адъютантомъ: 1) въ 1849 г. апрѣля 3-го — графъ Лог. Лог. Гейденъ и 2) въ генералъ-майоры свиты 1849 г. августа 7-го кн. Алекс. Фед. Голицынъ и 1852 г. ноября 26-го — Прозоровскій; 3) Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ; 4) кн. Паскевичъ—декабря 6-го 1854 г. Флигель-адъютантъ: 5) Волковъ, Петръ Никол. и 6) Стюрлеръ, Алекс. Ник.—1847 г. іюня 18-го; 7) графъ Фед. Логин. Гейденъ—апрѣля 3-го 1849 г.; 8) Веймарнъ, Алекс. Петр. (Барклай де-Толли, В.)—сентября 19-го 1849 г.; 9) Лобановъ-Ростовскій, кн. Дм. Ад.—декабря 6-го 1851 г.; 10) кн. Крпоткинъ, А. Ив.—мая 1-го 1853 г.; 11) кн. Шаховской, А. И.—ноября 18-го 1854 г.

— 25-го іюня, въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ состоялось освященіе бюста основателя института Императора Николая I. Бюстъ изваянъ изъ каррарскаго мрамора, по современной модели художника Зальмана, въ мастерской скульптора И. М. Захаржевскаго. На постаментѣ высѣчена слѣдующая надпись.

«25-го іюня 1896 г., Императору Николаю I. своему основателю и незабвенному покровителю, институтъ гражданскихъ инженеровъ». Бюстъ сооруженъ по товарищеской подпискѣ.

— Въ настоящемъ году предполагается отправить въ заграничное плаваніе въ Средиземное море отрядъ слѣдующихъ судовъ: эскадренные броненосцы: «Императоръ Александръ II» и «Наваринъ», минный крейсеръ «Посадникъ» и 2 миноносца; со строевыми квартирмейстерами—крейсеръ 1 р. «Генералъ-Адмиралъ».

— Въ теченіе истекшаго года на обѣдненіе полей и продовольствіе населенія нѣкоторыхъ мѣстностей, потерѣвшихъ недородъ хлѣбовъ, было отпущено въ ссуду изъ общегосударственнаго продовольственнаго капитала 1.788.000 руб., изъ которыхъ для одной только Псковской губерніи потребовалось 1.670.000 рублей.

— Въ музей Императорской академіи наукъ поступили привезенныя В. В. Линдстремомъ изъ Японіи: 1) коллекція весьма отчетливо исполненныхъ моделей японскихъ землѣдѣльческихъ орудій и снарядовъ; 2) модель япон-

ской кумирни съ всеми принадлежностями; 3) модель одежды простонародныхъ японскихъ рыбаковъ; 4) деревянный японскій идолъ въ лакированномъ съ бронзовою оправой футлярѣ; 5) коллекція книжекъ или тетрадей и, наконецъ, 6) 12 отдѣльныхъ листовъ японскихъ печатныхъ картинъ.

ВЪѢЗДЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

22-го іюня Ихъ Императорскія Величества торжественно въѣхали въ невскую столицу послѣ торжествъ священнаго коронованія. На Николаевскомъ вокзалѣ къ 11 часамъ утра съ правой стороны входа въ царскія комнаты былъ поставленъ почетный караулъ отъ 145 пѣхотнаго новочеркаскаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки. Начали прибывать Августѣйшія особы: Главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья: Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Михаилъ Николаевичъ, Алексѣй Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Дмитрій Константиновичъ, Александръ Михайловичъ, Ихъ Высочества принцы Ольденбургскіе Александръ Петровичъ, Константинъ Петровичъ и Петръ Александровичъ, Ихъ Высочества герцоги Мекленбургъ-Стрелицкіе Георгій Георгіевичъ и Михаилъ Георгіевичъ. Августѣйшія особы помѣстились на правомъ флангѣ почетнаго караула, на лѣвомъ же—вышніе военные и морскіе чины, депутаціи отъ дворянства, земства, города и Охты.

Въ 11 часовъ Императорскій поѣздъ тихо подошелъ къ дебаркадеру. Какъ только Ихъ Императорскія Величества вышли изъ вагона, раздалась команда: «смирно, на плечо, слушай, на краулъ». Вмѣстѣ съ послѣднимъ ружейнымъ приѣмомъ раздался звукъ встрѣчнаго марша. Его Императорское Величество изволилъ быть въ парадной формѣ лейбъ-гв. преображенскаго полка. Государь поздоровался съ почетнымъ карауломъ и, пройдя съ Государынею Императрицею по фронту, направился къ депутаціямъ. Раздался звукъ народнаго гимна, оглушительное ура грянуло, огласило своды дебаркадера и было подхвачено на площади. С.-Петербургскій предводитель дворянства графъ А. А. Бобринскій, поднося Ихъ Императорскимъ Величествамъ хлѣбъ-соль, привѣтствовалъ ихъ рѣчью.

Государь Императоръ, принимая хлѣбъ-соль, благодарилъ петербургское дворянство за выраженныя вѣрноподданнческія чувства. М. П. Корфъ поднесъ Ея Императорскому Величеству букетъ живыхъ цвѣтовъ. Хлѣбъ и соль отъ петербургскаго дворянства были поднесены на замѣчательно красивомъ, художественномъ древнемъ блюдѣ изъ горнаго хрусталя, оправленномъ въ золото и усыпанномъ драгоценными камнями. Блюдо это представляетъ собою археологическую находку и по своему происхожденію принадлежитъ XVII вѣку. Эту рѣдкую вещь дворянство приобрѣло отъ Фаберже. Точно такая же горнаго хрусталя и солонка. Послѣ привѣтствія Ихъ Величествъ графомъ Бобринскимъ, г. Марковъ поднесъ отъ губернскаго петербургскаго земства хлѣбъ-соль, а г. Гирсъ—букетъ живыхъ цвѣтовъ.

Блюдо петербургскаго земства серебряное, оксидированное. Посрединѣ эмальевые инициалы Ихъ Величествъ подъ золотою коро-

ною, вокругъ надписи: «въ память священнаго коронованія»; весь борть блюда покрытъ гербами уѣздовъ. Государь Императоръ и Государыня Императрица милостиво благодарили гг. Маркова и Гирса.

Когда Ихъ Величества приблизились къ городской депутаціи, голова В. А. Ратьковъ-Рожновъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

«Сегодня столица преисполнена великою радостью, встрѣчей, послѣ священнаго коронованія, Васъ, Августѣйшій Монархъ, и Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня. Осчастливьте принять хлѣбъ-соль отъ искони преданной и горячо любящей Васъ столицы. С.-Петербургская городская дума, воодушевленная чувствами вѣрноподданнической непоколебимой преданности и безпредѣльной любви, желая ознаменовать великое событіе священнаго коронованія Вашихъ Императорскихъ Величествъ добрымъ и полезнымъ дѣломъ, постановила: учредить городскую дѣтскую больницу на 400 кроватей; сложить недоимки по городскимъ сборамъ съ 14,130 недостаточныхъ обывателей, на сумму 83,846 руб., и принять участіе въ постройкѣ храма Воскресенія Христова, сооружаемаго на Обводномъ каналѣ, близъ вокзала варшавской желѣзной дороги».

Это постановленіе думы, вложенное въ роскошный, бѣлой кожи, оправленный въ серебро, бюваръ, городской голова поднесъ Государю Императору, и вмѣстѣ съ тѣмъ хлѣбъ-соль на массивномъ серебряномъ блюдѣ, посреди котораго рельефомъ изображены Исаакіевскій соборъ и нѣкоторые другіе виды Петербурга, а Ея Императорскому Величеству букетъ живыхъ розъ. На одной изъ лентъ букета вышиты серебромъ и шелками инициалы Государыни Императрицы, а на другой—гербъ гор. Петербурга.

Государь Императоръ, принявъ хлѣбъ-соль и художественный бюваръ, въ высокомиловидныхъ выраженіяхъ благодарилъ думу, высказавъ, что Онъ съ удовольствіемъ принимаетъ хлѣбъ-соль отъ столицы и радъ, что городъ ознаменовалъ этотъ день добрымъ дѣломъ: учрежденіемъ дѣтской больницы. Послѣдними привѣтствовали Ихъ Императорскихъ Величествъ депутаты охтенской управы адресомъ. Вмѣстѣ съ адресомъ, вложеннымъ въ плюшевую папку, была поднесена и хлѣбъ-соль. Ихъ Императорскія Величества милостиво благодарили охтянъ и отбыли, въ сопровожденіи Великихъ Князей и свиты, въ Казанскій соборъ.

Едва коляска Ихъ Величествъ показалась на Знаменской площади, какъ головы многотысячной толпы обнажились, и могучее, несмолкаемое ура огласило воздухъ. Радостные клики народа покрывали собою величественные звуки гимна, который раздавался по всему пути слѣдованія Августѣйшей Четы; военные оркестры, разставленные на правыхъ флангахъ своихъ частей, начинали играть далеко до приближенія Царской коляски и кончали тогда, когда звуки гимна неслись уже со стороны другихъ оркестровъ.

Въ Казанскомъ соборѣ, между тѣмъ, собрались всѣ высшіе гражданскіе чины. Здѣсь были министры: финансовъ статсъ-секретарь С. Ю. Витте, землѣдѣля А. С. Ермоловъ, члены государственнаго совѣта, сенаторы, начальники главныхъ управленій, товарищи министровъ и др. Митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій высокопреосвященный Палладій ожидалъ, въ полномъ облаченіи, съ св. крестомъ.

Какъ только Царская коляска начала подѣзжать къ паперти, высокопреосвященный Палладій съ крестнымъ ходомъ, хоругвями и

образами вышел на паперть и встрѣтил Ихъ Величества на ступеняхъ храма. Когда же Ихъ Императорскія Величества вошли въ соборъ, владыка привѣтствовалъ ихъ трогательной рѣчью. Ихъ Величества, приложившись ко святому кресту, послѣ краткаго молебствія поклонились чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери и отбыли въ Петропавловскую крѣпость. При выходѣ Августѣйшей Четы изъ храма, воспитанницы городскихъ школъ и приютовъ усыпали путь Ихъ Величествъ живыми цвѣтами; одинъ мальчикъ и дѣвочка, прирѣзаемые въ городскомъ сиротскомъ домѣ, поднесли Ихъ Величествамъ по букету живыхъ цвѣтовъ. Ихъ Императорскія Величества, милостиво обласкавъ дѣтей, изволили приказать положить поднесенные цвѣты въ экипажъ. Въ Петропавловской крѣпости Ихъ Величества, встрѣченные комендантомъ генераломъ Элисомъ и генераломъ Сабанѣевымъ, вошли въ соборъ и поклонились праху Царя Миротворца и Императора Александра II. Затѣмъ Ихъ Величества отбыли въ Царское село.

БИБЛИОГРАФІЯ.

1. Фонъ-Кирхманъ. Философія въ общедоступномъ изложеніи, пер. Л. Е. Оболенскій. С.-Петербургъ, 1896 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Кто хочетъ познакомиться въ популярномъ изложеніи съ такими вопросами, какъ вопросы: что такое философія? Какая отъ нея польза? Какія существуютъ системы философіи? и т. д., тому сдѣло можно рекомендовать «кратчайшую» философію, какъ назвала свою книгу ея авторъ. Переводъ сдѣланъ прекрасно, изданіе красиво и цѣна книги общедоступна.

Дачный мужъ. Иванъ Щегловъ. 2-е изд. М. М. Ледерле. Ц. 1 руб.

Г. Щегловъ принадлежитъ къ тѣмъ весьма немногимъ современнымъ беллетристамъ, которые обладаютъ недюжиннымъ юморомъ. Веселыя картинны, комически изображающія страданія придурковатаго «дачного мужа», невольно вызываютъ улыбку у читателя. Мастерски изображены авторомъ и типы женъ-повелительницъ, женъ-кокетокъ, женъ-изыбницъ. Тайное засѣданіе угнетенныхъ мужей написано чрезвычайно живо и увлекательно. Первое изданіе книги имѣло успѣхъ, таковой-же, конечно, будетъ имѣть и второе.

Бездомная. Романъ. А. Д. Мясоедовъ. Изд. М. М. Ледерле. Ц. 2 руб.

Книжный магазинъ Ледерле, отличающійся обыкновенно тщательнымъ выборомъ изданій, за эту книгу

не заслуживаетъ похвалы. «Бездомная» г. Мясоедова напоминаетъ шаблонный бульварный романъ. Героиня, страдающая, угнетенная судьбой и лядымъ дѣвучка, очерчена совершенно блѣдно и безжизненно. Прочія лица романа похожи на манекены въ окнахъ магазина готового платья. Сверхъ того, фабула изобилуетъ невѣроятностями, миллионными насѣдствами и т. п. дешевой декорацией. Можетъ быть, авторъ просто небрежно отнесся къ этому роману, можетъ, онъ напишетъ другую вещь лучше... но какое-же дѣло до этого читающей публикѣ?..

М. И. КАЗИ. (Некрологъ).

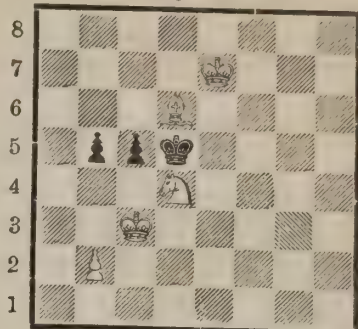
Русское техническое дѣло потеряло 24-го июня одного изъ выдающихся своихъ представителей—предсѣдателя русскаго технического общества Михаила Ильича Кази. Специально-техническое морское образованіе, полученное М. И., влекло его въ эту область. Ему принадлежитъ честь расширенія и развитія Балтійскаго судостроительнаго завода. Въ 1888 году М. И., обратившій на себя вниманіе правительства своими обширными знаніями по техническо-морскому дѣлу, былъ приглашенъ совѣщательнымъ членомъ морского министерства по постройкѣ и содержанію портовъ. Желѣзнодорожныя техническія школы тоже много обязаны своимъ развитіемъ покойному дѣятелю. М. И. много заботился объ основаніи архангельско-мурманскаго пароходства, такъ широко развившагося теперь. М. И. участвовалъ въ русско-германскомъ торговомъ соглашеніи 1894 года, засѣдалъ въ думѣ, былъ почетнымъ членомъ совѣта торговли и мануфактуръ — словомъ, вся жизнь его представляла кипучую, энергическую дѣятельность. М. И. умеръ 61 года; онъ родился въ одной дворянской семьѣ на югѣ. Сначала онъ служилъ въ черноморскомъ флотѣ, а затѣмъ поступилъ на службу въ «Русское общество пароходства и торговли». Быстро подвигаясь впередъ, М. И. въ 1867 году былъ сдѣланъ управляющимъ адмиралтействомъ общества въ Севастополѣ, въ 1870 году помощникомъ директора. Одно время М. И. былъ севастопольскимъ городскимъ головой. Въ 1876 году М. И. былъ назначенъ управляющимъ Балтійскаго завода. Много потрудился въ своей жизни почтенный дѣтель и имя его всегда будетъ связано съ исторіей технического дѣла въ Россіи.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 17.

О. Немо (въ Вѣнѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

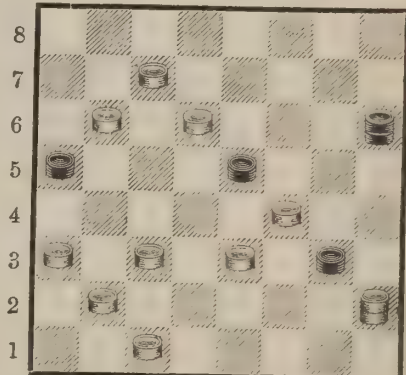
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 17.

И. Шевалдышева (въ Рыбинскѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку.

ЭТЮДЫ И ОКОНЧАНІЯ ПАРТІЙ.

№ 7. А. И. Шошина (въ Спб.).

Изъ «Шахм. журн.»

— а5; — а3, f2.

— а7, h2.

Бѣлыя выигрываютъ.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга
«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».
Романъ изъ жизни червоныхъ вилетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

Для гг. велосипедистовъ!
Фуражки «Луфа» съ вентиляціею, замѣчательно легкія, по 2 р. и 2 р. 25 к.
З. КИНКМАНЪ И К^о.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ 4.
Изготовленныя вложки, платежныя.

БЕЗПЛАТНО
высылаю иллюстрированные образцы штемпелей и печатей
Фабрика І. Д. Левисона въ Бѣлостокѣ.
Агенты приглашаются повсемѣстно на весьма выгодныхъ условіяхъ.

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы новое изданіе романа

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

„ПОГРОМЪ“

Переводъ П. А. Нанчина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп. Въ книгѣ 586 страницъ.

Предлагаемый романъ извѣстнаго талантливаго французскаго писателя полонъ самобытнаго интереса, гдѣ, между прочимъ, авторъ художественно знакомитъ читателя съ причинами и со всѣми ужасами военныхъ дѣйствій, принесшихъ опустошительнымъ ураганомъ по Франціи въ 1870—1871 годахъ.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Требованія исполняются съ первой почтой, но только при полученіи денегъ. Для удобства покупателей стоимость книгъ можетъ быть послана почтовыми марками.

Складъ изданій при конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе»
Невскій пр. у Анничкина моста, д. 68—40.

Фирма премирована на европейскіхъ выставкахъ десятью золот. медалями и высшими знаками.

Косметическіе СПЕРМАЦЕТОВЫЕ, ЛИЧНЫЕ
УТИРАЛЬНИКИ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 к., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 р. 4 пачки съ пер. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ Косметической Лабораторіи. Получать можно повсюду. Главный складъ для всей РОССІИ А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., д. ЖЕРБИНА, № 2. № 2044—5

Желающимъ имѣть

карманный штемпель

который можно было бы носить при себѣ, не занимая отдѣльнаго мѣста въ карманѣ, рекомендуемую изъ хорошей черной оловянной заградной выдѣлки портмоне съ пятью отдѣлами (Однимъ внутр. для звонкой мон.) съ механ. замкомъ, содержащ. штемп.

пачк., отч., фамил., по желанію корону или званіе. Прилагается 1 флаконъ краски съ подушкой. Цѣна только 1 р. 85 к. Упакровка и пересылка по почте. Адресъ: Россіи на счетъ фабрики. Высылаю немедленно по полученіи задатка или стоимости съ налож. платеж. на 10 коп. дорожн. Заказы прошу адресовать:

І. Д. Левисону
г. Бѣлостокъ, Гродн. г. фабрика штемпелей и печатей.

Имѣются тоже дамскіе прекрасной отдѣлки по той-же цѣнѣ. Штемпеля можно печатать бланки, конверты, календ., карточки и проч.

СРОКЪ ВТОРОГО И ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА.

Главная контора журнала „Живописное Обозрѣніе“ доводитъ до свѣдѣнія Гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ РАЗСРОЧКОЮ, что СРОКЪ ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА ДЛЯ ТРЕТНИХЪ И ВТОРОГО ВЗНОСА ДЛЯ ПОЛУГОДОВЫХЪ ИСТЕКАЕТЪ ВЪ ІЮНѢ МѢСЯЦѢ, а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своевременно слѣдующаго взноса, дальнѣйшая высылка журнала СЪ ПЕРВАГО ІЮЛЯ БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б.АЛЬТШВАГЕРЪ
НЕВСКІЙ ПР.
№ 42.
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейс-Кур. высыл. безпл.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскаго дома Генрихъ Блокъ.
— 4 Спб., Невскій, 59. № 2261.

ОБШИРНИЙШІЙ ВЪ РОССІИ
СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
ДО 1000 ШТ. ВЪ НАЛИЧНОСТИ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

М. Блокъ

МОСКВА. С.-Петербургъ. Одесса. Варшава.
Екатеринбургъ. Копенг. Ростовъ н/Д.

Каталоги бесплатно.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

ГОЛЛЕНДЕРЪ,

цѣловъ: чернаго, каштановаго и темнорусаго. Легкій способъ и прочность окраски. Цѣна коробки 1 руб. 50 коп. съ пересылкою 2 руб. 25 коп. — 1
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
СПБ., Демидова переулокъ, дома № 1
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Н О С И Т Е

КАКЪ ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ДЛЯ
ПРЕДОХРАНЕНІЯ ОТЪ ПРОСТУДЫ ВЪ ЛѢТНЕЕ ВРЕМЯ

СЪТЧАТЫЯ ФУФАЙКИ.

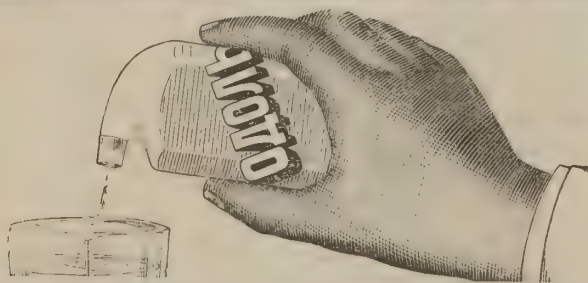
	САМ. МАЛ.	МАЛЫЕ	СРЕДН.	БОЛЬШ.	САМ. БОЛЬШ.
Бумажныя:	— р 85 к.	1 р. — к.	1 р. 10 к.	1 р. 25 к.	1 р. 35 к.
Филъдековскія:	1 „ 85 „	1 „ 50 „	1 „ 65 „	1 „ 75 „	2 „ — „
Шерстяныя:	1 „ 75 „	2 „ — „	2 „ 25 „	2 „ 50 „	2 „ 75 „
Шелковыя:	3 „ — „	8 „ 50 „	4 „ — „	4 „ 50 „	5 „ — „

Системы Метцъ въсѣхъ величинъ бумажныя 2 руб. и 2 руб. 25 коп. шелковыя 3 р. 50 к. 5 р. и 5 р. 50 к.

За исключеніемъ шелковыхъ менте 3-хъ не высылается

МАГАЗИНЪ Ю. ГОТЛИБЪ.

СПБургъ Владимірская, д. 2-49, уголъ Невскаго проспекта.

лучшее для зубовъ

Одолъ сохраняетъ зубы.
Одолъ уничтожаетъ дурной запахъ изо рта.
Одолъ предохраняетъ зубы отъ порчи.
Одолъ уничтожаетъ дурной вкусъ во рту.
Одолъ очищаетъ полости рта отъ слизи.
Одолъ заграницею распространяетъ въ

Милліонахъ флаконовъ.

Цѣна 1/2 флакона (оригинальный флаконъ-капельница), хватающаго при нормальномъ употребленіи на нѣсколько мѣсяцевъ, 1 Р. 50 К. Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ.

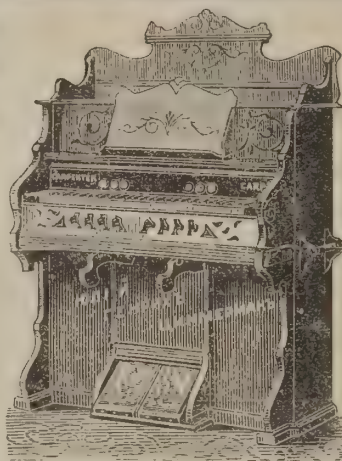
№ 27 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2 1/2 листовъ, съ 8-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) Ежегоднѣйшая хроника, № 27-й.

Кромѣ того всѣмъ годовымъ подписчикамъ при этомъ номерѣ разсылается экстренное художественное приложеніе «Въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Петербургъ».

При этомъ номерѣ прилагается всѣмъ подписчикамъ (кромѣ Москвы) объявленіе книжнаго магазина Г. Бриллиантова въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. Спб., 28 июня 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

ФИСТАРМОНІИ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ

ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА

И ДРУГИХЪ ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ:
ВЪ 85, 100, 110, 130, 135, 150,
160, 180, 190, 200, 225, 240,
250, 300, 325, 350, 400, 450,
500, 550, 750, 800 и 1,000 руб

Школа-самоучитель — Нахъ 2 р.
Пластирированный преис-курантъ
БЕЗПЛАТНО.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

4711

ЛУЧШІЙ ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ.
№ 4711

„РЕЙНСКІЕ“ „БУКЕТЫ“

ПРЕВОСХ. ПРОДОЛЖИТЪ
ИДЕШЕВ.ДУХИ ДЛЯ ПЛАТКОВЪ

Всѣхъ ЦВѢТОЧНЫХЪ И МОДНЫХЪ ЗАПАХОВЪ

ПРОДАЮТ. ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ И ПАРФЮМЕР. МАГАЗИНАХЪ

4711

НОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
СЪ ПЕРЕС. 20 К.

ФОТОГР. АППАРАТЫ

К.И.ФРЕЛАНДТЪ

С.ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№ 27-18 УЛИЦА УЛИЦА

РИСОВАЛЪ СЪ НАТУРЫ Х

ПРИБЫТІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

ДОЖНИКЪ В. ТАБУРИНЪ.

Казанскому собору (22 іюня 1896 г.).

Handwritten text, possibly a signature or title, located at the bottom of the page.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВСѢМЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ РАЗСЫЛАЕТСЯ:
Седьмая книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений— «Домашняя Библіотека», № 7-й (за іюль 1896 г.).

Всѣ номера журнала сдаются на почту строго проверенными и въ полномъ количествѣ всѣхъ тѣхъ приложений, о которыхъ заявляется въ номерѣ. Не получившіе при номерѣ какого либо приложения, благоволятъ заявить объ этомъ немедленно доставившему номеръ журнала почтовому

служителю, а затѣмъ сообщить въ Главную Контору не позднѣе получения слѣдующаго номера журнала, такъ какъ позднѣйшія претензіи почта не принимаетъ къ разслѣдованію, а высылать второй экземпляръ не всегда представляется возможнымъ для редакціи.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ МОСКВѢ 1896 ГОДА.

«Старый любезникъ». Съ картины художника М. Молова.

ПРОХОДЯЩІЙ.

Сумракъ полночи и чутокъ и строгъ.
Я по пустынной дорогѣ бреду.
Гдѣ-то вдали задрожалъ огонекъ,—
Вѣрно въ крестьянскомъ саду.

* * *

Близко деревня. Заманчивъ ночлегъ.
Близки забытыя лица людей..
Грустно мнѣ! „Жалкій, смѣшной человѣкъ!“
Съ странной печалью своей!“

* * *

Шепчутъ мнѣ звѣзды золотые лучи,
Кротко свѣтъ съ отдаленныхъ небесъ,
Шепчутъ, въ округѣ играя, ключи,
Шепчетъ привѣтливый лѣсъ:

„Что ты тоскуешь? Куда ты бредешь?
Скоро увидишь ты лица людей—
Можетъ быть, брата любовно прижмешь
Съ ласкою къ груди своей!“

* * *

Нѣтъ мнѣ здѣсь братьевъ! Всегда одинокъ,
Мимо людей и теперь я пройду.
Не для меня задрожалъ огонекъ
Ночью въ далекомъ саду..

* * *

Братъ мнѣ: въ небѣ полночномъ звѣзда,
Лѣсъ и журчанье прозрачныхъ ключей,
Только и имъ не понять никогда
Вѣчной печали моей!

* * *

Нѣтъ у нихъ сердца! И въ мірѣ людскомъ
Много людей, и такъ мало сердецъ!
Сердце искать я усталъ наконецъ,—
Умеръ я въ сердцѣ моемъ.

Б. Бергъ.

СТРАШНЫЙ ЗАМОКЪ.

(Продолженіе).

III. Хлодвигъ.

ВЪ ЖАРКІЙ, ясный полдень путники приближались къ лагерю короля Хлодвигъ. Еще издали они слышали шумъ колесъ, ржаніе лошадей, повѣяло дымомъ полу-потушенныхъ костровъ. Первымъ лицомъ встрѣтившимся имъ, былъ какой-то важный епископъ. Онъ ѣхалъ на великолѣпномъ конѣ въ роскошной бѣлой одеждѣ съ пурпурными полосами, съ золотымъ крестомъ на груди. За епископомъ тѣснилась довольно большая свита, состоявшая изъ діаконовъ, пѣвчихъ и церковныхъ привратниковъ; послѣдніе, вооруженные алебардами, составляли стражу епископа. Въ этой шумной толпѣ такъ же часто раздавался смѣхъ, какъ и молитва, такъ же часто сверкало оружіе, какъ и кресты.

— Это Гизельфъ, епископъ Турскій,—сказалъ графъ Гернотъ Хлодерику и, подѣхавъ къ блестящей кавалькадѣ, обмѣнялся привѣтствіями съ Гизельфомъ. Тотчасъ между ними завязался оживленный разговоръ.

— Кого это ты везешь съ собой, графъ Гернотъ? Навѣрное это новая птичка, попавшаяся въ сѣти для нашего короля-ловца?.. Я лечу теперь въ Туръ, приготовить самое торжественное богослуженіе. Благочестивая королева Клотильда намѣревается на-дняхъ посѣтить нашу базилику. А вѣдь ты знаешь, графъ Гернотъ, что необходимость нашей королевѣ всегда приноситъ солидную сумму монетъ для моей епархіи.

— Да, да я знаю, епископъ, что въ казнѣ твоего монастыря есть много серебряныхъ и золотыхъ слитковъ и много боченковъ съ чеканной монетой...

Въ эту минуту Хлодерику подѣхалъ къ разговаривающимъ.

— Вотъ, досточтимый епископъ Гизельфъ, юный сынъ суроваго короля Сигеберта. Онъ ищетъ высокаго покровительства, защиты и пріюта у нашего добраго короля.

Юноша почтительно поцѣловалъ руку епископа, лицо котораго мгновенно приняло важно-благочестивое выраженіе; онъ произнесъ наставительнымъ тономъ, набожно поднимая глаза къ небу:

— Сынъ мой, ты избралъ лучшей путь. Король Хлодвигъ силенъ и могущественъ, король Хлодвигъ любимѣйшій сынъ церкви. Прибѣгни къ нему съ покорной мольбой и онъ поможетъ тебѣ... Ну, друзья мои, мнѣ пора спѣшить къ своему монастырю, а вамъ, если вы не хотите опоздать, въ предмѣстье города къ королю.

Перекрестивъ графа и сына короля въ знакъ прощанія, епископъ быстро уѣхалъ со своей свитой. Но оказалось все же, что путники немного запоздали: улицы предмѣстья опустѣли; все устремилось въ городъ, куда въѣзжалъ король Хлодвигъ. Они поспешили дальше.

Городъ Орлеанъ встрѣчалъ своего суроваго короля съ большой пышностью. Черезъ галъ, окружавшій городъ, переходили цѣлыя толпы народа въ праздничныхъ одеждахъ; въ окнахъ домовъ висѣли пестрые ковры и гирлянды. Вообще городъ представлялъ очень пеструю и смѣшанную картину. Христіанскія церкви, передѣланныя изъ древне-римскихъ храмовъ, выдавались своей причудливой архитектурой: между греческихъ храмовыхъ колоннъ виднѣлись своды римской арки, кой гдѣ проглядывали наскоро закрашенные изображенія языческихъ боговъ. По сторонамъ улицъ кое-какъ лѣпились бѣдныя постройки, слѣпленные изъ кирпича и обломковъ камня. По угламъ улицъ то и дѣло встрѣчались маленькія часовни, гдѣ чернѣли рясы монаховъ и горѣли краснымъ пламенемъ свѣчи. Народная толпа, стремившаяся къ возвышенію, гдѣ красовался королевскій дворецъ, тоже пестрѣла яркой смѣсью одеждъ и національностей. Тутъ были и блѣлый германецъ, въ про-

стомъ коричневомъ камзолѣ, его высокая жена въ бѣлой рубашкѣ и безрукавкѣ; тутъ были и мрачные саксонскіе монахи, въ бѣлыхъ рясахъ, подпоясанные грубой веревкой; тутъ были и смуглый сиріецъ-купецъ, въ пестромъ тюбанѣ; тутъ были и еврей, ростовщикъ и банкиръ, въ своемъ длинномъ темномъ платьѣ; тутъ былъ и франкъ въ гладкой кольчугѣ съ бритой головой.

Наши путники, съ трудомъ пробираясь въ густой толпѣ, слышали издали громкіе звуки торжественной пѣсни, которою встрѣчали по тогдашнему обычаю короля всѣ національности города.

Наконецъ король въѣхалъ въ ограду изъ деревянныхъ столбовъ, окружавшую его дворецъ. За пышной свитой Хлодвигъ, состоявшей изъ майордома, канцлера, камергера, пфалцграфовъ, центграфовъ, епископовъ и діаконовъ—могли пробраться въ ворота дворца и пріѣзжіе. Тотчасъ же графъ Гернотъ былъ окруженъ знакомыми и сотоварищами, которые разспрашивали его, привѣтствовали и любопытно оглядывали незнакомаго имъ Хлодерику. Графъ Гернотъ съ ловкостью привычнаго придворнаго быстро отдѣлался отъ вопросовъ и увлекъ за собою привезеннаго юношу въ большой дворцовый залъ.

Король Хлодвигъ уже сидѣлъ на своемъ королевскомъ мѣстѣ, къ которому вели ступени съ перилами. Важнѣйшіе придворные занимали тоже почетныя мѣста. Трепеща отъ страха и ожиданія, приблизился Хлодерику къ королевскому мѣсту.

Королю Хлодвигу было въ это время около сорока лѣтъ; онъ былъ не высокъ, но строенъ и крѣпокъ. Длинные волосы, признакъ королевскаго рода, падали на богато-вышитую мантию. Быстрые черные глаза то смотрѣли притворно-ласковымъ взглядомъ, то мгновенно зажигались хищнымъ, коварнымъ огонькомъ. Тонкія губы были крѣпко сжаты

какъ бы опасаясь выдать неосторожнымъ словомъ какую нибудь затаенную мысль. Крючковатый носъ съ подергивающимися ноздрями придавалъ всему лицу характеръ ястребиной головы.

Когда Хлодерику взглянулъ на это мрачное лицо и встрѣтилъ хищный взглядъ короля, передъ нимъ почему то мгновенно явилось блѣдное лицо Берты и словно опять слухъ его уловилъ нѣжныя слова ея мольбы. Ему показалось сразу, что онъ стоитъ на краю пропасти..

Но уже было поздно. Ласковый и медленный голосъ короля Хлодвигъ заглушилъ мелодичныя слова промелькнувшаго свѣтлаго призрака.

— Не дрожи передо мной, юный Хлодерику. Король франковъ милостивъ къ своимъ друзьямъ, ты найдешь у меня и пріютъ, и защиту. Графъ Гернотъ, удались въ наши внутренніе покои со своимъ спутникомъ. Я долженъ разобрать еще нѣсколько дѣлъ, а во время трапезы мы лучше обсудимъ просьбу нашего юнаго друга.

Графъ Гернотъ и Хлодерику отправились ждать короля въ тотъ покой, гдѣ Хлодвигъ имѣлъ привычку тайно совѣщаться съ приближенными лицами, замысливъ какое нибудь важное нападеніе или какую нибудь измѣну. Убранство этой комнаты было довольно просто, деревянныя стѣны покрывали черныя ковры; видѣлось нѣсколько рѣзныхъ табуретовъ и скамеекъ, обитыхъ кожей. На простомъ деревянномъ столѣ стояло нѣсколько блюдовъ съ кушаньями и нѣсколько сосудовъ съ виномъ. Сопровождавшій пріѣзжихъ слуга сказалъ имъ, что бы они, по желанію короля, подкрѣпили свои силы. Тѣ повиновались; но уже въ срединѣ ихъ обѣда вошелъ король Хлодвигъ. На этотъ разъ онъ былъ одѣтъ по домашнему, безъ мантии, въ простомъ короткомъ камзолѣ и украшенныхъ жемчугомъ кожаныхъ башмакахъ; на лицѣ его была самая добродушная улыбка, — словомъ, это былъ радушный хозяинъ, вышедшій къ дорогимъ гостямъ.

Онъ ласково освѣдомился, довольны ли пріѣзжіе пріемомъ, и весело разговаривая, сѣлъ вмѣстѣ съ ними за столъ.

Только когда ужъ былъ конченъ обѣдъ и удалились слуги, король серьезно, но благосклонно положилъ руку на плечо юноши и отеческимъ тономъ сказалъ ему:

— Теперь расскажи мнѣ, въ чемъ твоя распря съ отцомъ твоимъ? Хотя король Сигебертъ суровъ и немилостивъ, но, можетъ, ты по легкомыслію юности оскорбилъ его? Прежде чѣмъ вступиться за тебя, я долженъ узнать все.

Истомленный тяжелымъ путемъ, опасеніями, отуманенный притворной ласковостью Меровинга, Хлодерику, въ отрывистыхъ жалобныхъ словахъ, сталъ изливать свое юношеское, почти мальчишеское горе передъ Хлодвигомъ. Всѣ мелкія оскорбленія, нанесенныя отцомъ, вспомнились ему съ особой ясностью. Онъ чуть не рыдалъ отъ волненія. Слушая его жалобы, графъ и король нѣсколько разъ обмѣнивались многозначительными знаками и взглядами. Наконецъ, король Хлодвигъ, какъ будто сильно расстроенный и взволнованный, протянулъ обѣ руки юношѣ и воскликнулъ:

— Мой сынъ, ты несчастенъ; я буду твоей защитой, твоимъ отцомъ. Клянусь въ этомъ, своимъ обширнымъ государствомъ, клянусь своими предками — Меровингами! — и онъ

привлекъ къ себѣ на грудь рыдавшаго юношу. — Выслушай меня, продолжалъ онъ. — Твой народъ страдаетъ подъ жестокой рукой короля Сигеберта. По всей быстроводной Фульдѣ раздаются стоны угнетенныхъ. Твой отецъ мраченъ нравомъ; его дворъ похожъ больше на монастырь, его скупость не знаетъ границъ, онъ ѣстъ пищу простого крестьянина. Имъ равно не довольно и войско, и приближенные. Словно въ грубой Саксоніи, у васъ благоденствуютъ лишь земледѣльцы да рабочіе. Юный Хлодерику, ты долженъ отважно вступить за свой народъ. Развѣ не заликуетъ вся земля рипуарцевъ, увидя власть въ рукахъ юнаго, веселаго и щедрого короля? О, не блѣднѣй, не заключаи изъ моихъ словъ, что король Сигебертъ долженъ умереть, довольно и того, если ты съ помощью одного могущественнаго друга побѣдишь и заключишь короля Сигеберта въ какой нибудь замокъ. Это будетъ не сурово это будетъ даже милостиво со стороны оскорбленнаго и изнанаго сына. Что ты отвѣтишь на это, Хлодерику?

Юноша уже давно жадно ловилъ каждое слово короля, причемъ глаза его блестя радостью, лицо горѣло яркимъ румянцемъ. Вмѣсто отвѣта, онъ упалъ на колѣни передъ Хлодвигомъ.

— О, какого вѣрнаго союзника, какого вѣрнаго друга и слугу будешь ты имѣть тогда во мнѣ, король Хлодвигъ! — вырвалось у него торжествующимъ возгласомъ.

IV. Бухонскій лѣсъ.

Опять звонко стучать по камнямъ узкихъ тропинокъ Бухонскаго лѣса копыта коней. Сквозь густыя вѣтви поминутно prorываются розовыя стрѣлы утренней зари, вызывая радостный, оглушительный птичій щебетъ. Легкій вѣтеръ точно кропить лѣсной мохъ каплями утренней росы, падающей со свѣжихъ листьевъ; раздается слитный лай охотничьихъ псовъ, громкіе клики охотниковъ и протяжное завываніе рожковъ. Но не блещетъ яркими нарядами толпа всадниковъ, не слышно легкомысленныхъ шутокъ — видно, что всѣ собрались для серьезной охоты, а не для легкой потѣхи. И не мудрено: это старый король Сигебертъ со своими приближенными, въ числѣ которыхъ многіе старше его. Подъ простыми охотничьими шлемами видны суровыя, морщинистыя лица, длинныя, бѣлыя, почтенныя бороды. Вѣрные слуги гезутъ за королемъ и придворными тяжелыя длинныя рогатины: стало быть, охота будетъ нелегкая, схватится должно быть старый и крѣпкій, какъ дубъ, король съ сердитымъ матерымъ медвѣдемъ... Отвагой и почти еще молодымъ огнемъ вспыхнуть подъ бѣлыми рѣсницами старыя очи короля. Но что-то уныль и грустенъ ѣдетъ король Сигебертъ. Видно, вспомнилъ своего непокорнаго обжавшаго сына, надежду, которая такъ горько обманула его. Невнимательно держитъ онъ поводъ удечки, не чувствуетъ, что вѣтки хлещутъ его по лицу, что спотыкается о корни его добрый бѣлый конь.

Но вотъ къ королю подсказалъ ловчій; охотники остановились. Ловчій спросилъ, пора-ли гнать медвѣдя. Старый Сигебертъ слѣзъ съ лошади и взялъ тяжелую рогатину; лѣвой рукой онъ попробовалъ, здѣсь-ли его охотничій кинжалъ и затѣмъ видя, что и свита его размѣстилась для встрѣчи звѣря, онъ громкимъ мощнымъ голосомъ крикнулъ:

— Спускайте собакъ!

Дремучій лѣсъ огласился звонкимъ лаемъ, мимо охотниковъ стали пробѣгать разные обитатели лѣсныхъ трущобъ: юркіе зайцы, быстрыя и увертливыя лисы, красивыя лани. Но ни старый король Сигебертъ, ни его свита не обращали вниманія на эту мелкую дичь; они ждали достойнаго противника — медвѣдя. Наконецъ, громадный звѣрь показался, съ трескомъ ломая сухіе сучья и хрипло рыча; огромная пасть съ острыми бѣлыми клыками грозила смертью. Медвѣдь, вставъ на заднія лапы и яростно махая передними, шелъ прямо на стараго короля. Какъ опытный охотникъ, съдой король Сигебертъ внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями свирѣпаго звѣря. Еще мгновѣніе — и грозная лапа медвѣдя взвилась надъ бѣлой головой старика; но въ это-же время въ мохнатую грудь вонзилось остріе рогатины. Темная кровь, дымясь, потекла по густой шерсти медвѣдя. Смертельно раненый звѣрь тяжело рухнулъ на траву. Старый король, съ окровавленнымъ оружіемъ въ мощной рукѣ, любовался послѣдними судорогами издыхающаго чудовища.

Нѣсколько сильныхъ воиновъ съ трудомъ подняли на копыта добычу и понесли за королемъ на небольшую лѣсную полянку, гдѣ назначенъ былъ привалъ.

Задымились костры, развязали походные мѣшки съ провизіей, и старый король и его слуги дружно начали утѣлять голодъ, возбужденный ранней прогулкой и охотой. Старый тѣлохранитель короля Арнульфъ налилъ своему господину деревянный кубокъ вина изъ походнаго мѣха. Вдругъ свистнула въ воздухѣ стрѣла и вонзилась въ руку стараго Арнульфа, такъ что чаша и мѣхъ упали на землю. Король быстро вскопчилъ..

Стоянка короля Сигеберта оказалась оцѣпенною отрядомъ франкскихъ воиновъ, которыми предводительствовали графъ Гернотъ и Хлодерику. Застигнутые врасплохъ рипуарцы были быстро перебиты или перевязаны. Оба предводителя нападающихъ, какъ будто сговорившись, бросились на стараго короля, который, узнавъ сына, съ презрительной улыбкой отбросилъ свой мечъ. Онъ не произнесъ ни одного слова въ то время, пока графъ Гернотъ и другіе воины вязали его.

Счастливые побѣдители, посадивъ связаннаго старика на лошадь, подъ присмотромъ двухъ рослыхъ воиновъ съ обнаженными мечами, повезли его по лѣсной тропинкѣ. Графъ Гернотъ и Хлодерику ѣхали сзади, весело разговаривая...

— И такъ, самое главное дѣло кончено, остается теперь только рѣшить, куда спрятать этого упрямаго старика, — сказалъ графъ Гернотъ.

— Я уже объ этомъ думалъ, — отвѣчалъ мрачно Хлодерику. — Пускай онъ посидитъ въ той-же башнѣ, въ которой держалъ меня подѣ стражей. Я самъ буду его тюремщикомъ. Оставь мнѣ половину твоихъ воиновъ, а самъ сѣвши извѣстить о нашемъ нападеніи короля Хлодвигъ. Скажи ему, что старый Сигебертъ и теперь запертъ далеко, и что, можетъ быть, я запрячу его еще дальше!..

При этихъ словахъ жестокая усмѣшка скользнула по устами юноши и грозно нахмурились густыя его брови.

В. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА .Б ПЛОКГОРСТА.

Иисусъ Христосъ и апостолъ Петръ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА К. КАПРИОЛЛИ.

Изъ помпейской жизни.

ТАНЯ-ВОРОВКА.

Изъ недавняго прошлаго.

I.

Въ помѣщикьемъ домѣ богатаго барина Сергѣя Михайлыча Неуклюдова, весною 1860 года, шли большія хлопоты и сборы; господа, цѣлой семьей — съ дѣтьми, гувернантками и няньками — уѣзжали на свадьбу къ своимъ родственникамъ, версты за десять отъ имѣнія: родная племянница барина — дочь его старшаго брата — сегодня выходила замужъ, и гости должны были проѣхать прямо въ сельскую церковь, а оттуда — на домъ.

Въ уборной барыни Марьи Васильевны, находящейся рядомъ съ ея спальней, хлопоты эти уже закапчивались: барыня была совѣтъмъ одѣта; оставалось лишь выбрать парюръ — серьги, брошь, браслеты и ожерелье... Все это было разложено на столикѣ, въблизи громаднаго трюмо, и Марья Васильевна, открывъ футляры, была въ нерѣшимости, что именно выбрать; то-есть, колебалась и не знала, что будетъ лучше подходить къ ея сегодняшнему туалету: жемчужное-ли ожерелье съ таковыми-же добавленіями къ нему, брилліантовый-ли парюръ, или, наконецъ, рубиновый?.. Марья Васильевна надѣвала украшенія, смотрѣлась въ зеркало и, потомъ, мѣняла вещи на другія — и опять смотрѣлась... Она, видимо, колебалась и не знала окончательно — на чемъ остановиться: все было хорошо и блестяще, все было, въ свое время, дорого заплачено и все, какъ ей казалось, шло къ ней...

Марья Васильевна была, какъ говорится, не первой молодости: годы ея подходили уже къ роковой цифрѣ 40, — хотя на видъ она была много моложе своихъ лѣтъ; можетъ быть, именно поэтому, она такъ и заботилась еще о своей вѣншности... Нѣсколько разъ она, какъ-то нерѣшительно, взглядывала на свою любимую горничную Таню, присутствовавшую при ея туалетѣ, какъ-бы собираясь съ нею посоветоваться, но не рѣшилась на эту фамиллярность; къ тому-же, она не надѣялась и на вкусъ Тани, и ея пониманіе по этой части... Наконецъ, Марья Васильевна взяла нѣсколько футляровъ и подошла къ отворенному въ садъ окну (дѣло было въ началѣ мая), чтобы полюбоваться на игру камней и сдѣлать окончательный выборъ, — но въ это самое время въ сосѣднюю съ уборной комнату, въ спальню, вошла экономка и доложила Марьѣ Васильевнѣ, что баринъ зѣчьмъ-то просить ее пожаловать къ себѣ въ кабинетъ, на нѣсколько минутъ. Сдѣлавъ недовольную гримасу, Марья Васильевна поставила открытые футляры на окно и вышла изъ уборной въ спальню... Уходя, она приказала Танѣ никуда не отлучаться.

— Да еще, не вздумай, пожалуйста, примѣрять мои серьги и броши! Слышишь? — добавила Марья Васильевна.

— Будьте покойны, барыня, этого больше не будетъ, — отвѣчала Таня, краснѣя и опуская глаза...

А покраснѣла она оттого, что разъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, барыня точно также разложила свои вещи и на минуту отлучилась въ дѣтскую; а Таня не воздержалась отъ соблазна: взяла одну брошь, заколола ею воротъ своего простенькаго, сарпниковаго платья и подошла къ зеркалу, полюбоваться на себя... Въ это самое время, какъ на грѣхъ, барыня отворила дверь и

увидѣла ее... Сильно тогда прогнѣвалась Марья Васильевна на Таню и пригрозила даже пожаловаться барину и наказать ее... но потомъ смягчилась — и не сказала.

Когда барыня ушла, Таня не пожелала даже и взглянуть на непринадлежащія ей драгоценности: она перешла изъ уборной въ спальню и стала приводить ее въ порядокъ — собирать разбросанныя по стульямъ снятыя платья, вытирать пыль и проч.

Минутой черезъ пятнадцать, Марья Васильевна вернулась въ уборную, взяла жемчужное ожерелье и надѣла его; потомъ надѣла жемчужныя-жесеръги, браслеты и брошь. Когда все это было заколото и прилажено, она стала собирать ненадѣтыя вещи, чтобы убрать ихъ въ шкатулку; подойдя къ окну и взглянувъ на оставленные брилліанты и рубины, Марья Васильевна, вдругъ, къ изумленію своему, замѣтила, что недостаетъ самой дорогой брилліантовой броши... серьги и браслеты тутъ, а броши нѣтъ; футляръ, какъ былъ открытъ, такъ и стоитъ, а внутри его ничего нѣтъ... Она сердито позвала горничную.

— Кто былъ здѣсь безъ меня? — спросила Марья Васильевна.

— Никого не было-съ, — отвѣчала Таня.

— А ты ходила куда-нибудь?

— Я ни на шагъ не отлучалась отсюда, — проговорила Таня.

— Значитъ, это ты украла мою брилліантовую брошь? — грозно крикнула барыня, — говори!

— Помилуйте-съ, барыня... я ничего не знаю; я никогда ничего не крада, — заговорила, со слезами на глазахъ, испуганная Таня...

Барыня подошла къ ней вплотъ и стала пристально смотрѣть ей въ глаза:

— Отчего же ты дрожишь? Зачѣмъ ты не смотришь мнѣ прямо въ глаза? а?.. Ты, вѣрно, для шутки, чтобы напугать меня?.. Говори-же!

— Воля ваша-съ... я не брала...

Въ комнатѣ раздалась звонкая лощечница...

— Ты хочешь, чтобы я позвала людей и приказала-бы отвести тебя на конюшню и высѣчь... Ты не думай, что я поцеремонюсь съ тобой, — потому, что ты моя лучшая горничная!.. Сознайся лучше теперь: я никому не скажу...

Таня упала на колѣни и зарыдала.

— Дѣлайте со мною что угодно, барыня... ваша господская воля... я не брала.

Марья Васильевна топнула нѣсколько разъ ногой:

— Встань, воровка! не смѣй мнѣ лгать въ глаза!.. Вѣдь здѣсь одна ты оставалась... изъ сада, тоже никто не могъ взять — здѣсь второй этажъ... Ясно, что это твоихъ рукъ дѣло!.. Поди и позови мнѣ Пелагею Петровну!

Таня встала съ колѣнъ, вытерла рукавомъ слезы и вышла изъ спальни; черезъ минуту она вернулась въ сопровожденіи Пелагеи Петровны — экономки, бывшей когда-то любимой горничной еще у матери Марьи Васильевны.

— Вотъ, Петровна, — быстро обратилась къ ней барыня: — сію минуту эта дрянъ — и она указала на Таню — украла у меня брилліантовую брошь... Я не хочу теперь тревожить барина и говорить ему... въ такой день разстраивать его... да и некогда. Поди позови мнѣ ея отца, Степана.

Пелагея Петровна всплеснула руками, качала головой и стала ахать и охать...

— Ахъ ты, дрянная! ахъ ты, мерзкая! — накинулась она на Таню...

— Лошади еще не поданы? — спросила Марья Васильевна.

— Сейчасъ подадутъ-съ.

— Такъ поди, пожалуйста, поскорѣе, Петровна, за Степаномъ!

— Сейчасъ, матушка, барыня, сейчасъ; сію минуточку пошлю за нимъ казачка Ваську. — И Пелагея Петровна вышла изъ спальни.

Барыня въ сильномъ волненіи ходила взадъ и впередъ по комнатамъ; Таня, вся заплаканная, опустивъ голову, стояла въ дверяхъ.

— Такая мерзость! такая наглость! — разговаривала барыня какъ-бы сама съ собою. — Я не могу оставить отпертой шкатулки, не могу оставить на столѣ вещей!.. Не даромъ ты, мерзкая воровка, однажды, примѣрила уже мою брошь!.. Вотъ, постой, подъ розгами заговоришь, скажешь, куда успѣла ее спрятать... И столько лѣтъ служила честно... а тутъ, вдругъ... И какъ тебѣ не жалъ твоего старика-отца — срамить его сѣдую голову!.. старика, который всю свою жизнь служилъ намъ такъ хорошо!..

Марья Васильевна, видимо, надѣялась еще подѣйствовать на Таню словами, усвоить ей... Ей было и жалъ броши, и жалъ Таню — то-есть, жалъ было потерять самую лучшую горничную, которая одна умѣла такъ угодить ей; знала ея характеръ и всѣ тайны ея туалета, изучила всѣ ея привычки и капризы, была, кромѣ того, прекрасной чтицей и, главное, дѣвужкой самой безукоризненной нравственности.

Вошелъ Степанъ. Барыня такъ и набросилась на него...

— Вотъ, возьми свою дочь, порадуйся на нее!.. За воровство принялась!.. — И пошла, и пошла...

Степанъ почтительно стоялъ въ дверяхъ, блѣдный, какъ смерть, и не говорилъ ни слова. Наконецъ, Марья Васильевна сказала:

— Слушай, Степанъ! мы сейчасъ ѣдемъ... вернемся, вѣроятно, сегодня-же... Я ничего пока не скажу барину, но только завтра утромъ брошь чтобы была найдена!.. Какъ знаешь, такъ и поступай съ своей дочерью; это не мое дѣло... Пристрелю ее хорошенько, — и она, конечно, скажетъ тебѣ, куда спрятала вещь?.. Я, впрочемъ, увѣрена, что она сдѣлала это по глупости, по молодости... Какъ-то не очень давно, я разъ застала уже ее съ моею брошью: она приколотла ее къ своему платью и вертѣлась передъ трюмо... Если вещь отыщется, то я твою дочь наказывать не буду; даже, можетъ быть, прощу... Теперь можешь идти; мы торопимся... Возьми съ собою и дочь: я ее не могу видѣть...

Марья Васильевна кивнула головой — и Степанъ, и Таня вышли. Пелагея Петровна помогла барынѣ надѣть мантилью, шляпку, подала ей зонтикъ, перчатки, и пр. Уходя, Марья Васильевна распорядилась, чтобы на мѣсто Тани была назначена ея помощница, подгорничная Стеша, а чтобы Таню «не впускать болѣе въ домъ, чтобы и духу ея здѣсь не было...»

II.

Отецъ Тани, Степанъ — или, какъ его называли въ дворѣ, Степанъ Герасимычъ — былъ первой скрипкой въ домашнемъ оркестрѣ помѣщика Неуклюдова; это былъ честный, почтенный и сѣдй уже слуга, отданный еще маленькимъ мальчикомъ въ Москву, на выучку, въ блестящій оркестръ бывшаго тогда генераль-губернатора, князя Голицына. Послѣ «выучки», баринъ, отецъ Сергѣя Михайлыча, отпустилъ Степана на оброкъ, — и онъ

лѣтъ десять постраниствовалъ по Россіи, по разнымъ городамъ—служилъ въ театральныхъ оркестрахъ, получалъ хорошее жалованье, акуратно высылалъ господамъ оброкъ и получалъ, ежегодно, новый паспортъ; онъ прожилъ бы, можетъ быть, такъ до старости, если бы не умеръ старый баринъ, а молодой—Сергѣй Михайлычъ—не вздумалъ жениться... И вотъ, контора послала Степану приказъ: вернуться, ко дню свадьбы барина, въ вотчину. Пришлось, по неволѣ, бросить хорошее и веселое житье и ѣхать въ деревню... Здѣсь господа, прежде всего, женили Степана—и самымъ оригинальнымъ образомъ, какимъ иногда, ради скуки и забавы, любили баловаться помѣщики: въ первое же время послѣ свадьбы молодого барина, въ одинъ изъ праздниковъ, лѣтомъ, на барскій дворъ собрали холостыхъ парней—въ томъ числѣ и Степана—и дѣвушекъ, дворовыхъ и крестьянскихъ; затѣмъ написали имена всѣхъ дѣвушекъ на отдѣльные билетки, положили ихъ въ чью-то мужичью шляпу—и стали подзывать къ ней, по очереди, парней, приказывая имъ «тянуть жребій»... Парень бралъ, дрожащими руками, билетикъ, раздѣлывалъ его... приказчикъ, стоящій рядомъ, прочитывалъ написанное въ билетикѣ имя дѣвушки, ее вызывали и становили рядомъ съ парнемъ, ровно для игры въ горѣлки... Далѣе, также составлялась вторая пара, третья, четвертая, пятая... Въ тотъ день было, такимъ образомъ, составлено десять паръ, которыя и были отправлены прямо въ церковь, подъ вѣнецъ... Сколько было удовольствія для господъ и ихъ гостей, сидѣвшихъ на балконѣ и смотрѣвшихъ на это оригинальное «спариванье!»... Сколько было потѣхи для развращенной и осатанѣлой дворовой челяди! Сколько было пролито слезъ главными дѣйствующими лицами этой горькой драмы—парнями и дѣвушками!..

Степану досталась простая, работающая крестьянская дѣвушка Даша, единственная дочь въ бѣдной крестьянской семьѣ; Степанъ увидѣлъ ее во время этой лоттерей едва ли не въ первый разъ въ своей жизни...

Послѣ свадьбы, его *приняли въ домъ*—такъ какъ у родителей Дашин не было другихъ дѣтей. Когда Степанъ, спустя нѣсколько дней, взялся было за скрипку и, желая выплакать свое горе, заигралъ «Лучинушку», молодая жена его не вынесла этой музыки: она стала слезно просить его перестать:

— Не скрипи ты, ради Христа, Степанъ Герасимычъ! Все нутро мнѣ воротитъ отъ этого твоего скрипу...

И Степанъ тотчасъ же пересталъ играть; онъ бережно уложилъ въ чехолъ свое сокровище—и съ тѣхъ поръ никогда болѣе не игралъ въ присутствіи жены.

Черезъ два года, Дарья умерла, оставивъ послѣ себя дочь Таню. Дѣвочку воспитывалъ, какъ могъ, самъ отецъ; онъ научилъ ее читать, писать, молитвамъ и первымъ правиламъ арифметики—словомъ, всему тому, что зналъ самъ,—исключая искусства играть на скрипкѣ. Когда Танѣ было уже лѣтъ десять, она подружилась съ двумя дѣвочками-сверстницами, дочерьми дьякона ихъ села—и до 16-ти лѣтъ училась съ ними вмѣстѣ разнымъ наукамъ: Закону Божію—у ихъ отца; у матушки-дьяконицы она научилась шить, вязать, плести кружева, вышивать, и прочимъ женскимъ рукодѣльямъ; арифметикѣ же, исторіи и географіи дѣвочекъ обучалъ, во время зимнихъ и лѣтнихъ каникулъ, семинаристъ Миша, старшій сынъ отца-дьякона, пріѣзжавшій на вѣзкахъ изъ губернскаго города; онъ былъ

на два года старше Тани и между ними существовала самая добрая, дѣтская дружба. Вскорѣ дочь Степана потребовали въ контору, записали и «взяли въ хоромы»—то есть, въ господскій домъ, въ услуженіе. Прошло еще два года—и Таня была отличена самою барынею и стала ея *первою* и самою любимою горничною.

И вдругъ...

III.

Когда Степанъ Герасимычъ и его дочь вышли изъ господскаго дома, прошли, молча, по улицѣ села и добрались, наконецъ до своей невзрачной избы, доставшейся имъ послѣ смерти родителей Дарьи,—старикъ заговорилъ первый:

— Лучше быты, Таня, пожомъ меня зарѣзала! —сказалъ Степанъ Герасимычъ, тяжело вздохнувъ и опустивъ на грудь свою сѣдую голову.

— Какъ, тятенька!! И ты повѣрилъ?! — вскрикнула Таня и зарыдала горькими, неутишимыми слезами.—Грѣхъ тебѣ, тятенька, грѣхъ! Ну, пушай ужъ—барыня... а то, вдругъ, и ты—и ты повѣрилъ!!!!

— Да какъ же это такъ! Да что же это?! — проговорилъ старикъ, сильно сконфуженный и удивленный.

— Не знаю я—охъ, ничего не знаю! Кто взялъ и зачѣмъ,—отвѣчала Таня сквозь слезы и рыданья:—но я—вижу Господь Богъ!—не брала брошки и ничего не знаю... И на что мнѣ она?!

Степанъ Герасимычъ крѣпко обнялъ дочь и заплакалъ съ нею вмѣстѣ; онъ убѣдился, что она была невиновата.

Весь этотъ день старый музыкантъ и его дочь просидѣли въ избѣ, горюя и плача: имъ казалось, что все село знаетъ уже о пропажѣ—и что всѣ считаютъ ихъ ворами... Когда наступилъ вечеръ, Таня, накинувъ платокъ, побѣжала въ домъ дьякона, къ своимъ подругамъ—подѣлиться съ ними горемъ... Тамъ, оказалось, хорошо знали уже о случившейся пропажѣ и—Таня была встрѣчена очень непривѣтливо:

— Дочерей моихъ нѣту дома,—сухо отвѣтила сама дьяконица.

— А куда онѣ пошли?—спросила Таня.

— Это совсѣмъ до тебя не касается, голубушка,—еще суше и строже проговорила хозяйка.

Таня заплакала...

— Видно, и вы считаете меня воровкой, матушка!.. Грѣхъ вамъ!—едва могла, сквозь слезы, выговорить дѣвушка и пошла домой.

На половинѣ дороги ее нагналъ семинаристъ Миша. Онъ остановилъ ее, дружески поздоровался и сталъ утѣшать:

— Не плачь, Таня! Я увѣренъ, что ты невиновата... Вещь, навѣрное, найдется...

— Спасибо вамъ, Миша! Вы такой добрый...—поблагодарила своего бывшаго учителя несчастная Таня. Отъ этого неожиданнаго сочувствія ей стало много легче,—и въ ея юной душѣ шевельнулось, въ первый разъ, какое-то новое и совсѣмъ незнакомо ей чувство, совершенно различное отъ той дѣтской дружбы и пріязни, какую она имѣла, до того, къ своему учителю и другу дѣтства...

IV.

На другой день, Марья Васильевна, утомленная бывшею пакануѣ свадьбой, проснулась поздно. Часовъ въ одиннадцать казачекъ Вася пріѣзжалъ въ избу Степана Герасимыча и позвалъ его къ барышѣ.

— Принеси мою брошь?—былъ первый вопросъ Марьи Васильевны.

— Нѣтъ-съ, не принесъ,—вздыхнувъ и смиренно опустивъ голову, проговорилъ старикъ. Барыня вспыхнула:—Какъ, не принесъ?!.. Значить, воровка и тебѣ не созналась?.. Или, можетъ быть, вы вмѣстѣ...

Степанъ Герасимычъ смѣло поднялъ голову и выпрямился во весь ростъ.

— Дочь моя не брала вашей брошки, барыня, и она не воровка!.. Воля ваша... Таня—честная дѣвушка. И вы напрасно... грѣхъ вамъ будетъ отъ Бога!..

Но тутъ съ барыней случился истерическій припадокъ: она громко разрыдалась и упала на кушетку... Присутствовавшая при этой сценѣ Пелагея Петровна побѣжала за барининомъ, а новая горничная быстро стала разстегивать Марью Васильевну и растирать ей виски одеколономъ... Степана Герасимыча, конечно, тотчасъ же выпроводили вонъ изъ барыниной комнаты,—и онъ, какъ приговоренный къ смерти, стоялъ въ коридорѣ, возбуждая въ столпившейся дворнѣ и любопытство, и сожалѣніе...

Сергѣй Михайлычъ живо прошелъ въ уборную своей жены; пробылъ тамъ нѣсколько минутъ и, выйдя потомъ въ коридоръ, прямо подошелъ къ старику и сурово проговорилъ:

— Ты выростишь дочь-воровку и самъ, на старости лѣтъ, сталъ потакать воровству...

— Никакъ нѣтъ-съ... —заговорилъ-было Степанъ Герасимычъ; но баринъ строго прикрикнулъ на него:

— Молчи!.. —Затѣмъ, болѣе спокойнымъ голосомъ прибавилъ: —Барыня, по добротѣ своей, просила меня не наказывать твою дочь, какъ бы слѣдовало... Но она не хочетъ видѣть ее больше. Отправляйтесь сегодня же въ дальнюю деревню: она—въ скотницы, а ты—на пастухомъ... Чтобы къ вечеру же духу вашего не было на селѣ! Иначе, не взыщи...

И баринъ круто повернулся и ушелъ во внутренніе покои; а бѣдный Степанъ Герасимычъ, не помня себя отъ стыда и ни на кого не глядя, вышелъ изъ хоромъ и тихо побрелъ на село, въ свою бѣдную избушку, гдѣ, дожидаясь его, сидѣла, ни жива, ни мертва, Таня.

— Собирайся, дочка, сегодня же въ дорогу!—проговорилъ ей отецъ убитымъ голосомъ, и крупныя слезы горя и отчаянія закапали изъ его старческихъ глазъ...

Черезъ часъ, къ нимъ пришелъ съ господскаго двора цырюльникъ—и, по приказу господъ, остригъ Танѣ ея длинную, русую косу; а передъ вечеромъ, къ ихъ избѣ подѣхала запряженная въ одну лошадь телѣга, съ подводами изъ ихъ же села, назначеннымъ по наряду, отъ конторы; въ то-же время вошелъ въ ихъ избу и самъ бурмистръ:

— Ну что, готовъ ли ты, Степанъ Герасимычъ?—спросилъ онъ.

— Готовъ... —едва слышно проговорилъ старикъ.

— Ну, готовъ, такъ и ладно! Собирайтесь, выписите на телѣгу что нужно—и съ Богомъ садитесь! Мнѣ приказано, *при себѣ*, отправить васъ, а избу—заколотить...

Черезъ какіе нибудь полчаса, изъ села выѣзжала, наложенная разнымъ скарбомъ, крестьянская телѣга, съ обутымъ въ лапти возницей, помѣщавшимся на передкѣ; а сзади его сидѣли Степанъ Герасимычъ и Таня... Старикъ придерживался одною рукою за край тряской телѣги, а въ другой—бережно держалъ футляръ единственнаго дѣннаго и дорогаго для него имущества—своей скрипки.

подаренной ему когда-то, въ лучшее время его жизни, капельмейстеромъ харьковскаго театральнаго оркестра, въ которомъ Степанъ Герасимычъ служилъ первою скрипкой... Рядомъ съ отцомъ, на какомъ-то узлѣ съ вещами, сидѣла Таня, тщательно закутанная, не смотря на май мѣсяцъ, въ большой платокъ, который она, то-и-дѣло, одергивала себѣ на лобъ и на глаза, стараясь закрыть лицо отъ множества безсердечныхъ и, любовныхъ зѣвакъ, собравшихся на улицѣ по пути слѣдованія ихъ телѣги.

— Таня-воровка! Таня-воровка!! — кричали мальчишки, указывая пальцами на ѣдущую по улицѣ телѣгу...

Ив. Якунинъ.

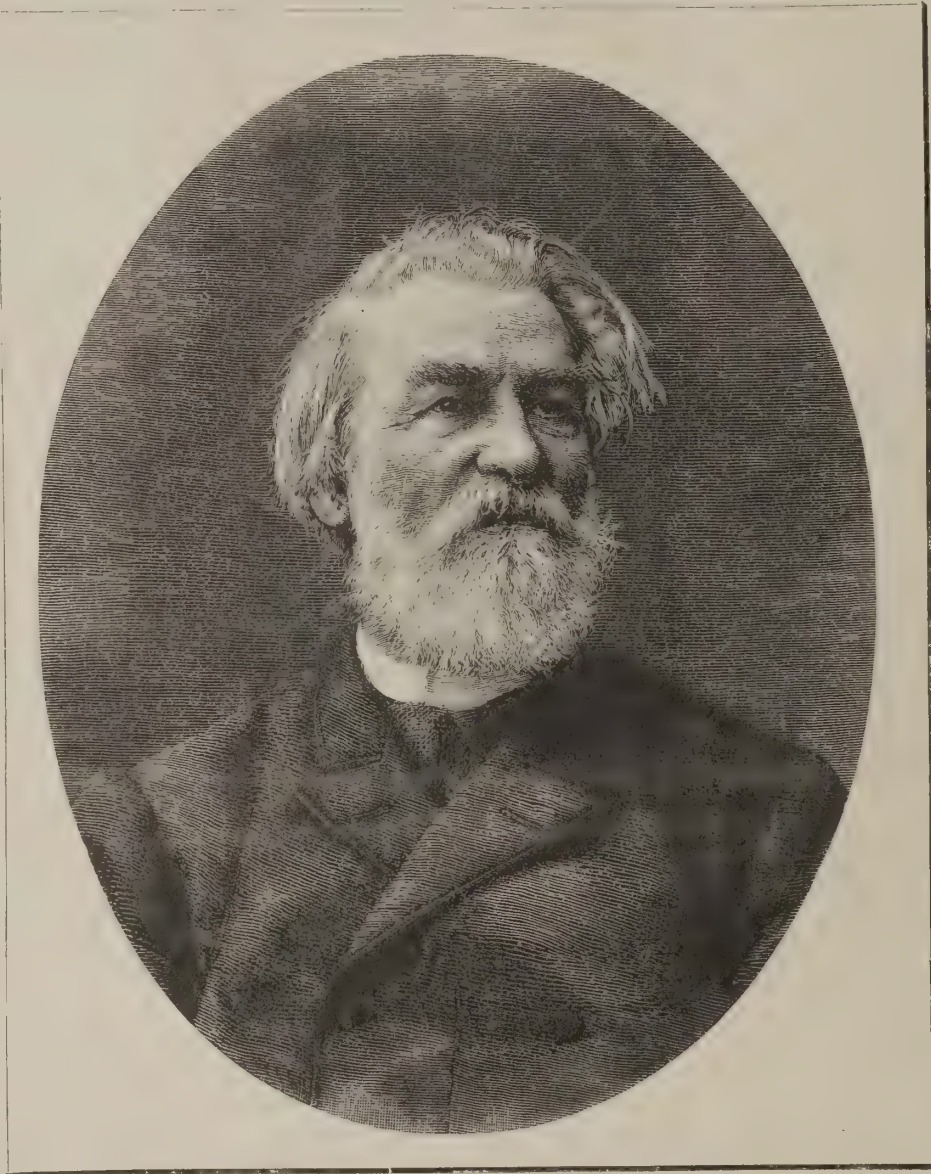
(Окончаніе слѣдуетъ).

XVI-я ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Давая очеркъ этой высокоинтересной выставки, привлекающей прусскихъ, и иностранныхъ посѣтителей, мы скажемъ сперва нѣсколько словъ объ историческомъ прошломъ Нижнего. Въ 1212 году великій князь Юрій Всеволодовичъ основалъ городъ на устьѣ рѣки Оки, которымъ владела тогда мордва, и назвалъ его «Новый городъ Нижний» и построилъ въ немъ деревянную есборную церковь во имя Архангела Михаила. По преданію, великій князь Суздальскій былъ очарованъ красотой Дятловыхъ горъ, на которыхъ расположенъ теперь Нижний; онъ напомнилъ ему очертанія Кіевскихъ высотъ. Укрѣпленіе этого мѣста являлось и политически необходимымъ, такъ какъ здѣсь, при впаденіи Оки въ Волгу, привыкли русскія князья сосредоточивать воинскія силы для битвы сперва съ мордвою, потомъ съ другими дикими племенами. Быстро развившись, Нижний при нашествіи татаръ былъ дважды разграбленъ, но потомъ возродился. При Іоаннѣ Грозномъ тутъ былъ оплотъ русской силы противъ могучей Казани. Войско Ивана Васильевича часто собиралось въ Нижнемъ при движеніи своемъ на Казань; но въ послѣдній рѣшительный походъ на Казань Іоаннъ IV миновалъ Нижний, отпавившись сухимъ путемъ на Муромъ. Объ этомъ походѣ сохранилось въ Поволжѣ много преданій; до сихъ поръ всякій курганъ, старинный валъ, крѣпостца приурочиваются къ походу Грознаго; много названій селеній и мѣстностей объясняются легендарными разсказами про царя и его великій ратный подвигъ. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ преданій является разсказъ, объясняющій происхождение выс

шагося на лѣвой сторонѣ Волги, ниже Ставрополя, красиваго холма, называемаго Царевъ-Курганъ. Въ народныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ поется, что Грозный царь Иванъ Васильевичъ имѣлъ столько войска, идя противъ Казани, что, когда каждый воинъ высыпалъ по шапкѣ земли, то выросъ цѣлый курганъ. Сказаніе это ярко иллюстрируетъ взглядъ современниковъ на силу Казани и на величіе подвига молодого царя. Казань пала 2-го октября 1552 года и съ нею было завоевано татарское царство. Покоривъ Казань,

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Д. В. Григоровичъ.

Завѣдующій и организаторъ художественно-промышленнаго отдѣла «Всероссійской Нижегородской выставки».

Іоаннъ уже черезъ Нижний, возвращаясь въ Москву. Торжественна была встрѣча, какъ великъ подвигъ, какъ велико значеніе этого событія. Было то-же, что въ Москвѣ, въ Нижнемъ народъ, духовенство, бояре, какъ одинъ человекъ, земнымъ поклономъ при торжественномъ звонѣ колоколовъ благодарили царя и воинство.

Съ покореніемъ Казани Нижний сходитъ совершенно со сцены политической жизни, но не надолго. Въ началѣ XVII вѣка, когда наступило на Русь смутное время, Нижнему суждено было играть опять большую роль. Съ вѣцареніемъ Шуйскаго, въ нижегородскихъ гредѣлахъ начали появляться шайки проверженцевъ второго Лжедмитрія, вмѣстѣ съ тѣмъ стали подыматься мордва, черемисы, татары. Многія изъ ближайшихъ къ Нижнему городовъ переходить на сторону Самозванца, Нижний остается вѣрнымъ царю; подъ стѣнами его

появляются мятежники и войска поляковъ, но нижегородцы ихъ разбиваютъ. Со смертью Шуйскаго, «шатаніе земли русской» усиливается; въ самой Москвѣ между ея защитниками возникаютъ раздоры; хотѣть звать на престолъ королевича Владислава; поляки уже заняли Москву. Тогда на сцену выступаетъ Нижний. Внимая грамотамъ патриарха и архимандрита Троицко-Сергіевской лавры, осажденной въ то время поляками, нижегородцы рѣшили принять участіе въ дѣлахъ государства. Здѣсь довольно назвать имена Мишина и князя Пожарскаго.

Въ послѣдующее время Нижний приобрѣтаетъ важное значеніе своей стремной торговлей, ярмаркой и наконецъ, въ наши дни, развитіемъ пароходства.

Въ настоящее время въ Нижнемъ ярмарка—подобной которой нѣтъ въ мірѣ — и рѣчной флотъ—громадный и по числу и по размѣрамъ судовъ—обуславливаютъ и жизнь и силу Нижнего. Они вѣкъ дѣлаютъ его пунктомъ государственной важности, и въ нашъ вѣкъ развитія экономической жизни придаютъ ему международное значеніе, заставляя ежегодно, въ августѣ, приковывать къ нему вниманіе всего дѣлового міра. Въ Нижнемъ-Новгородѣ числится 70.000 жителей; онъ является однимъ изъ наиболѣе бойкихъ торговыхъ городовъ Поволжья. Главное дѣло въ Нижнемъ—пароходство; на его биржѣ зафрахтовывается большая часть судовъ для доставки грузовъ съ Волги, Камы, Вятки, Уфы. Нижний—крупный мукомольный центръ; нижегородская мука славится своимъ хорошимъ качествомъ. Значительные обороты дѣлаетъ Нижний съ зерномъ, съ солью

и съ желѣзомъ, являясь для уральскаго желѣза важѣйшимъ рынкомъ. За послѣдніе годы все усиливается обороты съ нефтью.

Мы уже говорили объ открытіи Нижегородской выставки 28 мая. Торжественному открытію всероссійской выставки предшествовалъ крестный ходъ со чтимой иконой Владимірской Божіей Матери изъ кафедральнаго собора на выставку. Въ крестномъ ходѣ несли 50 хоругвей, участвовало 30 священниковъ, 3 архимандрита во главѣ съ иеросвященными Владиміромъ, Алексѣемъ; на выставкѣ для молебствія устроено было въ центрѣ внутренняго сада главнаго зданія красивый шатеръ. Къ началу молебствія собрались министры финансовъ, земледѣлія, морской и путей сообщенія, англійскій посолъ съ персоналомъ, генералъ-губернаторы приамурскій и иркутскій, начальникъ Закаспійской области, степной генералъ-губернаторъ

Б. И. Тимирязевъ (Генеральный комиссаръ).

С. Ю. Витте (Министръ финансовъ).
Н. Ш. Барановъ (Нижегородскій губернаторъ)

■ В. Добронравскій (Помощникъ генеральнаго комиссара)

В. К. Саблеръ, сынъ Ли-Хунъ-Чанга, директоръ департамента торговли Ковалевскій управляющій дѣлами комитета министровъ Куломзинъ, бывшій французскій министръ торговли Жюль Ротъ, всѣ завѣдующіе отдѣлами, губернаторъ Барановъ, мѣстныя власти, представители, заграничныя и русскіе корреспонденты. Чудная погода благоприятствовала великолѣбно торжества. Послѣ молебствія, совершеннаго соборне, преосвященный Владиміръ сказалъ прекрасное слово. За многолѣтнемъ Царствующему дому провозглашена вѣчная память Императору Александру Третьему. Царскій павильонъ окропленъ архіереємъ, остальные зданія—священниками по отдѣламъ. Послѣ окропленія всѣ вернулись въ шатеръ, министръ финансовъ взошелъ на кафедру и произнесъ прекрасную рѣчь.

Послѣдняя XV Всероссийская выставка была открыта въ 1882 г. въ Москвѣ. Съ тѣхъ поръ Россія неоднократно принимала участіе въ международных выставкахъ, много специальныхъ выставокъ было открываемо и въ Имперіи. Крупные успѣхи русскаго творчества и труда, сдѣланные въ періодъ мирнаго царствованія Императора Александра III, указывали на своевременность снова оглянуться на пройденный въ теченіе болѣе чѣмъ десятилѣтій путь. Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ С. Ю. Витте объ устройствѣ XVI Всероссийской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ удостоился Высочайшаго одобренія 23 Іюня 1893 г. Въ октябрѣ 1893 г. было Высочайше утверждено Положеніе о выставкѣ и учреждена для завѣдыванія ея устройствомъ особая коммиссія, подъ предѣлительствомъ министра финансовъ, изъ членовъ отъ министерствъ и главныхъ управленій. Вице-предѣлелемъ коммиссіи стоитъ директоръ департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскій. Въ маѣ 1895 г., съ Высочайшаго соизволенія Генеральнымъ Комиссаромъ выставки назначенъ членъ совѣта министра финансовъ и агентъ министерства финансовъ въ Берлинѣ В. И. Тимирязевъ.

Выставка имѣетъ совершенно національный характеръ—выставленные предметы изготовлены въ Россіи; исключеніе допущено только для художественныхъ произведеній, которыя могутъ быть исполнены за границей, но русскими художниками. Въ основу классификаціи положена программа московской выставки 1882 г., по ея пришлось значительно дополнить. Введены новые отдѣлы: коннозаводства; охотничьихъ, рыбныхъ и пушныхъ промысловъ, лѣсного хозяйства; художественно-промышленный; строительный, инженерный и судоходства. Кромѣ того экспонаты Сибири, Средней Азіи и Крайняго Сѣвера выдѣлены въ самостоятельные отдѣлы, въ виду особаго интереса, который представляютъ въ настоящее время эти области. Всѣхъ отдѣловъ 20, а именно: I. Сельское хозяйство. II. Коннозаводство и коневодство. III. Домашнія животныя. IV. Садоводство, плодоводство и огородничество. V. Охотничья, пушныя и рыбныя промыслы. VI. Лѣсное хозяйство. VII. Горное дѣло и металлургія VIII. Издѣлія изъ волокнистыхъ веществъ. IX. Заводскія, фабричныя и ремесленныя издѣлія. X. Художественно-промышленный. XI. Кустарные промыслы. XII. Машины, аппараты, машиностроеніе и электротехника. XIII. Сибирь и торговля Россіи съ Китаемъ и Японіей. XIV. Средняя Азія и торговля Россіи съ Персіей. XV. Военный. XVI. Военно-Морской. XVII. Строительное инженерное дѣло, рѣчное и морское торго-

вое судоходство. XVIII. Художественный. XIX. Народное образованіе, охраненіе народнаго здравія, благотворительность, подача помощи страждущимъ и спасеніе на водахъ. XX. Крайняго Сѣвера.

Красивъ и грандіозенъ самый входъ на выставку черезъ богатые желѣзные ворота, по бокамъ которыхъ поставлены классическіе портики съ современными турникетами. Реличественъ обелискъ, окруженный венеціанскими колоннами полукружіемъ, въ память Императора Александра III. Затѣмъ великолѣпный мавританскій павильонъ средне-азиатской выставки, о величинѣ и красотѣ котораго мало даютъ понятія одноцвѣтные полтипажи и даже фотографіи. Дивный павильонъ этотъ проектированъ профессоромъ Померанцевымъ, такъ же, какъ имъ же проектированъ и другой павильонъ, именно—художественный, и третій—машинный. Строгий и богатый стиль Возрожденія выдержанъ въ громадномъ зданіи для помѣщенія художественныхъ экспонатовъ, мавританская композиція для павильона средней Азіи, богато раскрашена, съ граціознѣйшимъ куполомъ. Стиль современной желѣзно-стеклянной архитектуры, коегдѣ подкрашенный входами въ стиль рококо, каждый въ своемъ родѣ безукоризненъ и привлекаетъ общее вниманіе и восторженное изумленіе посѣтителей. Хороши, хотя и не столь грандіозны, работы академиковъ Роппета и Л. Бенуа, талантамъ которыхъ принадлежатъ прекрасныя помѣщенія для Сибирскаго отдѣла (Л. Н. Бенуа), берестяной павильонъ для охотничьихъ, пушныхъ и рыбныхъ промысловъ, того же художника зданіе для садоводства и огородничества (Роппета) павильонъ сельскаго хозяйства также Роппета. Академикъ архитектуры Сусловъ, которому принадлежитъ проектъ кустарнаго отдѣла, академикъ Котовъ, проектировавшій павильонъ военно-морского отдѣла, съ дрсвинными башнями по угламъ, наконецъ, академикъ Вѣкинскій, построившій павильонъ для научно-учебнаго отдѣла, такъ же оказались вполне на высотѣ своей задачи и со славою поддержали выдающійся успѣхъ нашего зодчества.

По фасаду художественнаго отдѣла зданіе украшено скульптурными группами работы художниковъ В. М. Пашенко (музыка и танцы; Живопись, Скульптура и Архитектура; Ненависть; Поэтъ и Муза; Наука; Любовь), Р. Р. Баха (Красота; Сила) и А. И. Адамсона (Торжество; Освобожденный гений). Художественный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ произведенія главнымъ образомъ послѣднихъ лѣтъ. Въ немъ принимаютъ участіе три общества: с.-петербургскихъ художниковъ, передвижныхъ выставокъ и акварелистовъ; художники, не принадлежащіе къ этимъ обществамъ, экспонируютъ черезъ Императорскую академию художествъ. Прямо отъ входа громадная круглая зала, увѣчанная стекляннымъ куполомъ; въ ней выставлена скульптура. Направо отъ входа въ большой залѣ расположены по правой стѣнѣ архитектура, по лѣвой—общество русскихъ акварелистовъ, а посрединѣ залы—общество с.-петербургскихъ художниковъ. Конецъ залы занятъ картинами русскихъ художниковъ, выставленныхъ черезъ академию художествъ. Въ соответствующей залѣ налѣво отъ круглой залы выставлены: направо по стѣнѣ медальное искусство, налѣво—гравюры, посрединѣ—произведенія товарищества передвижныхъ выставокъ, а въ концѣ—картины художниковъ, не принадлежащихъ къ этимъ тремъ обществамъ.

Прямо отъ главнаго входа въ средне-азиатскій павильонъ, находится большая витрина товарищества для торговли и промышленно-сти въ Персіи и Средней Азіи. Въ ней размѣщены коллекціи продуктовъ Персіи и Средней Азіи, поступающихъ на рынки Россіи, а также образцы русскихъ и иностранныхъ издѣлій, обращающихся въ Персіи. Далѣе въ большой залѣ, посрединѣ, витрина Ферганской области, а по бокамъ по двѣ витрины Бухары и Персіи. Тутъ же русскіе фабриканты фарфора, фаянса и стекла выставляютъ коллекціи своихъ товаровъ, идущихъ въ Персію, а другіе экспоненты—преимущественно сарты—ковры, шелковыя матеріи, древности, бронзу, вино, хлопокъ, рисъ, сѣмена, фрукты и пр. произведенія края. Эти экспонаты помѣщаются и въ залѣ направо отъ входной, большая часть которой занята экспонатами Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Въ соответствующей залѣ налѣво находится выставка Закаспійской области, а за нею степного генералъ-губернаторства.

Въ этомъ номерѣ мы даемъ снимки съ интереснѣйшихъ павильоновъ, которые описали.

ПЕТРОВЪ ДЕНЬ ВЪ РИМѢ.

ЖЕЛИ-БЫ римскіе папы ограничивались желаніемъ являть въ своемъ лицѣ преемниковъ св. Апостола Петра, то за много вѣковъ до появленія на берегахъ Невы великаго преобразователя Россіи, существовалъ-бы Петроградъ на берегахъ Тибра. Нѣкоторые католическіе писатели Римъ такъ и зовутъ. Официально-же папы не переименовали его по соображеніямъ политическимъ. Они стремились быть земными владыками, какъ-бы преемниками Цезарей, повѣлывавшихъ изъ Рима міромъ, и сохранили за городомъ его внушительное языческое имя.

За то папы сдѣлали все возможное, чтобы увѣковѣчить въ этомъ городѣ память св. Апостола, хранителя ключей царства небеснаго. Они старались христіанскими монументами, воздвигнутыми въ честь св. Петра и Павла, затмить монументальные остатки цезарской столицы. Соборъ св. Петра, колоссальнѣйшій изъ всѣхъ, когда-либо и гдѣ-либо воздвигнутыхъ христіанскихъ храмовъ (ученные говорятъ—и не однихъ христіанскихъ) господствуетъ своимъ гигантски-величавымъ куполомъ надъ всѣмъ Римомъ, императорскимъ, папскимъ и савойскимъ. Въ Римѣ можно прожить десятки лѣтъ и, вопреки пословицъ, не увидать папы, но невозможно, не только жить въ Римѣ, а даже приближаться, съ которой-бы-то ни было стороны къ нему, безъ того, чтобы васъ не встрѣчало гениальное сооруженіе Микель Анжело—Il cipolone di San Pietro.

Воспоминанія о пребываніи въ Вѣчномъ городѣ святыхъ Апостоловъ (много вещественныхъ и исторически-достоверныхъ) разсѣяны по всему Риму и увѣковѣчены капитальными художественными памятниками религіознаго характера. Въ сооруженія и украшенія этихъ памятниковъ принимали участіе не одни римскіе католики. Напримѣръ, великолѣпный престолъ алтаря въ соборѣ св. Павла, надъ могилой Апостола, выложенъ русскимъ малахитомъ, пожертвованнымъ въ Божѣ почитающимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Понятно, что 29-го іюня—день великаго папачества въ Римѣ.

Въ полутропическомъ саду, раскинутомъ на

вершинѣ холма Пинчіо, по сосѣдству съ бывшими садами Мессалины (нынче сады французской художественной академіи) съ утра рѣзвятся дѣти и прогуливаются иностранцы; передъ закатомъ солнца играетъ музыка, и, какъ у насъ на «Pointe» лѣтомъ, а здѣсь зимой, скопляется пѣшкомъ, верхомъ и въ каретахъ «весь городъ». Видъ на Римъ истинно римскій,—простите за плеонизмъ, онъ намъ кажется умѣстнымъ. Видъ величавый и трогательный душу, своимъ изяществомъ пробуждающий въ умѣ много думъ, захватывающихъ и поучительную историческую даль и общественныя заботы современной жизни.

Отъ Пинчіо до собора св. Іоанна въ Латеранѣ, гдѣ покоятся главы св. Апостоловъ Петра и Павла, идетъ, какъ струнка, прямая, опрятная улица. Въ началѣ ея, къ слову сказать, есть много мастерскихъ приѣзжихъ художниковъ въ томъ числѣ и русскихъ. Приблизительно на трети своей длины улица прерывается обширной площадью, занимающей вершину Эсквилинскаго холма. Въ августѣ 352 г. по Р. Х. на эту вершину неожиданно выпалъ густой снѣгъ; явленіе, могущее поразить воображеніе не только римлянъ, по годамъ не видавшихъ снѣга изъиной, но даже воображеніе москвичей. Петербуржцы, конечно, не изумились, если-бы и въ самый Петровъ день имъ пришлось ѣздить на саняхъ. Одинъ изъ патрициевъ предположилъ, что это чудо Пречистой Дѣвы;—снѣгъ явился какъ-бы эмблемой непорочности, и съ благословенія папы (тогда только римскаго патриарха) воздвигнулъ церковь на томъ мѣстѣ, которое было покрыто снѣгомъ. Сначала церковь и называлась «Santa Maria delle Neve» (Neve знач. снѣгъ), въ позднѣйшія же времена, расширенная, обогащенная, украшенная, она обратилась въ самый большой въ Римѣ храмъ въ честь Богоматери, получила права базилики и нынѣ называется «Santa Maria Maggiore». Ежегодно въ августѣ празднуется память чуда, совершившагося болѣе 1,500 лѣтъ назадъ, бываетъ крестный ходъ, кардинальское богослуженіе, причемъ съ куполовъ и колоколни на площадь идетъ густой снѣгъ, изображаемый ворохами бѣлыхъ клочковъ бумаги.

Мы остановились передъ соборомъ потому, что онъ воздвигнутъ не только въ память свѣтаго чуда, но и въ ознаменованіе того, что на склонахъ холма Эсквилинскаго въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ его красивой площадью находились дома первыхъ римскихъ патрициевъ, принявшихъ христіанство непосредственно изъ рукъ Апостоловъ, дома, въ которыхъ жилъ, проповѣдывалъ и крестилъ водою и духомъ св. Петръ. Остатки этихъ зданій пережили 2,000 лѣтъ, пережили императоровъ, средніе вѣка и едва ли не пережили папъ. Часть остатковъ вошли въ составъ, воздвигнутыхъ надъ ними церквей; каждая изъ послѣднихъ и по размѣрамъ и по художественнымъ достоинствамъ (не говоря уже о святыхъ) могла бы служить украшеніемъ любого христіанскаго народа.

Съ палерты S. Maria Maggiore вы увидите возвышающуюся надъ домами, которые покрываютъ склонъ холма Эсквилинскаго, небольшую, но изящнѣйшую, рѣдкой архитектурной красоты колокольню; подойдя къ этой колокольнѣ въ улицѣ Урбана, вы залюбуетесь и ею и колопадой, соединяющей ее съ церковью св. Пуденціана. Въ настоящемъ, возобновленномъ видѣ, церковь существуетъ съ 1130-го года, но нѣкоторыя ея части существовали въ первые годы христіанской эры. Она считается

самымъ древнимъ христіанскимъ сооруженіемъ въ Римѣ. По нѣкоторымъ историческимъ документамъ можно заключить, что при возникновеніи христіанства она служила соборомъ. Стоитъ она на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ во время Августа стоялъ домъ сенатора Пуденціана, нижняя часть котораго такъ же, какъ и многіяхъ современныхъ этому дому окрестныхъ зданій, и доселѣ явственно сохранилась. Въ этомъ домѣ св. Петръ жилъ въ 40-хъ годахъ, и потомъ въ 62 по Р. Х. Сенаторъ Пуденціанъ былъ первымъ римскимъ патрициемъ, принявшимъ христіанство (вмѣстѣ со своими дочерьми Пракседой и Пуденціей) непосредственно изъ рукъ св. Апостола. Въ подземномъ придѣлѣ сохранилась большая мраморная ванна, которая, по правдоподобнымъ предположеніямъ историковъ церкви, могла служить купелью и не одному только семейству Пуденціана, ибо въ его домѣ были тайно окрещены, какъ утверждаютъ нѣкоторые, нѣсколько тысячъ римлянъ. Между прочими святынями этой церкви указываютъ на верхнюю часть стола, на которомъ, по преданію, св. Апостолъ Петръ вкушалъ пищу, когда гостилъ у знаменитаго патриція. Въ настоящее время этотъ столъ вдѣланъ въ алтарь, сооруженный англійскимъ кардиналомъ Wiseman'омъ, бывшимъ почетнымъ настоятелемъ церкви.

Недалеко отъ этой церкви, въ улицѣ Мартинно, нельзя не обратить вниманія на красивый, очень древній портникъ, поддерживаемый двумя іоническими колоннами изъ гранита и увѣнчанный крестомъ. Это главный входъ въ церковь св. Пракседы, дочери сенатора Пуденціана. Въ началѣ II-го вѣка, во время гоненія на христіанъ, тутъ была тайная молельня. Доселѣ сохранилось обширное углубленіе въ родѣ колодца, куда благочестивыя дочери Пуденціана погребали останки первыхъ мучениковъ и сливали ихъ кровь. Въ подбалтарномъ придѣлѣ есть нѣсколько древнихъ саркофаговъ, въ которыхъ покоятся тѣла первыхъ христіанъ, и между прочимъ тѣла Пракседы и Пуденціи. Тутъ же хранится икона, совершенно впрочемъ утратившая краски, подаренная, какъ говоритъ преданіе, св. Петромъ сенатору Пуденціану; на ней былъ изображенъ ликъ Спасителя.

На склонахъ того-же Эсквилинскаго холма есть другая весьма древняя церковь «S. Pietro in Vincoli» (Св. Петръ въ оковахъ), въ улицѣ того же имени. Ее посѣщаютъ всѣ путешественники, чтобы любоваться картиной Доминикино «Освобожденіе св. Петра изъ тюрьмы Ателамъ» и видѣть величайшее скульптурное произведеніе Микель Анджело, его Моисея. Въ ученыхъ и церковныхъ сочиненіяхъ храмъ этотъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Basilica Eudoxiana, ибо онъ былъ воздвигнутъ (442 г.) Евдокіей, супругой императора Валентіана III, для храненія цѣпей, въ которыя былъ закованъ св. Петръ, и части креста, на которомъ онъ былъ распятъ. Обѣ эти святыни (цѣпи въ золоченомъ ковчегѣ работы Полаполо) доступны богомольцамъ только въ Петровъ день, 29 іюня.

Нѣсколько далѣе отъ Maria Maggiore, уже на Авентинскомъ холмѣ, есть очень древняя (построена въ 280 году) церковь св. Приска, римскаго патриція, крещеннаго самимъ Апостоломъ Петромъ, память котораго празднуется греко-россійскою церковью 1-го іюня. Этотъ христіанскій храмъ воздвигнутъ на мѣстѣ древнѣйшаго изъ языческихъ, храма Діаны, временъ Сервія Туллія. Здѣсь между прочимъ хранится очень своеобразная купель. Огромная капитель какой-то древней колонны;

съ 1-мъ большимъ въ центрѣ и 4-мя меньшими по угламъ углубленіями на верхней ея поверхности. Говорятъ, что въ этихъ углубленіяхъ крестились новообращенные.

Въ Римѣ сохранилась и *темница, въ которую былъ свергнутъ св. Петръ*. Входитъ въ нее на склонѣ Капитолійскаго холма, около триумфальной арки Септемія Севера, вблизи Фोरума: Эта тюрьма одинъ изъ пемногихъ (и крупнѣйшій, архитектурный) памятниковъ періода царей (временъ Анка-Марція и Сервія Туллія), этрусской, почти циклопской постройки. Это тѣ страшныя Мамертинскія тюрьмы, въ которыхъ былъ умерщвленъ Югурта, въ которой погбли сообщники Каталина, и томились тысячи христіанъ-мучениковъ. Кто читалъ *Les Martyrs* Шатобріана, тотъ имѣетъ объ этихъ тюрьмахъ нѣкоторое понятіе. Это цѣлый лабиринтъ подземныхъ келій, корридоровъ и залъ. «Когда вы спуститесь туда, читаетъ мы у Салюстія, вы очутитесь въ помѣщеніи футовъ въ 10 вышиной, со всѣхъ сторонъ окруженномъ каменными стѣнами и каменнымъ сводомъ. Грязь, мракъ и запахъ—приводятъ въ ужасъ». На Капитолійскомъ холмѣ, со стороны противоположной современному входу въ тюрьму,—знаменитая Тарпейская скала. Вершина же холма, подъ которой томились узники, была увѣнчана зданіями сената и храмомъ Юпитера Капитолійскаго. Новѣйшіе ученые долго сомнѣвались, чтобы это были дѣйствительно Мамертинскія тюрьмы, ибо часть ихъ, оставшаяся открытой, состояла всего изъ 3-хъ помѣщеній, тогда какъ тюрьмы римскихъ царей были громадны. Однако, раскопки послѣднихъ лѣтъ уничтожили всякое сомнѣніе. Уже къ началу 80-хъ годовъ, когда мы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ археологовъ, имѣли случай посѣтить эти подземелья, открыто было много обширныхъ вмѣстительныхъ, по ужаснымъ по своему мраку и отсутствію воздуха помѣщеній, о существованіи которыхъ не подозрѣвали даже ученые первой половины нынѣшняго вѣка.

У одного изъ входовъ въ подземелье, приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ, на устранинѣ гражданъ, выставлялись искалѣченные тѣла умерщвленныхъ узниковъ, воздвигнута небольшая церковь во имя св. Іосифа, покровителя плотниковъ (S. Giuseppe dei Falegnami), за нею, уже ниже поверхности улицы, въ стѣнахъ древней темницы устроена часовня св. Петра, а подъ этой часовней находится тюрьма, въ которую, по преданію, былъ свергнутъ Апостолъ. Самое выраженіе «свергнуть въ тюрьму», сохранившееся во всѣхъ европейскихъ языкахъ, едва ли не происходитъ отъ системы Мамертинскихъ тюремъ, въ которыя узниковъ не вводили, а бросали. Описываемое нами помѣщеніе—низкій, темный, хотя и довольно просторный подвалъ, высѣченный въ скалѣ. Съ верхнимъ этажемъ онъ сообщается круглымъ отверстіемъ, въ которое можно просунуть человѣка. Теперь мытуда спускаемся по лѣстницѣ, но узниковъ бросали сквозь эту дыру, не заботясь о томъ, что они могутъ переломать себѣ кости. Нечистоты отсюда не извлекали и пищу тоже передавали черезъ отверстіе. Впрочемъ, въ «темницѣ св. Петра» изъ разщелины стѣны бьетъ ключъ свѣжей воды.

— Ключъ этотъ пробился чудодѣйственно, объясняли намъ патеръ-чичероне,—онъ пробился, когда сюда ввергли св. Петра; дабы апостолъ могъ крестить водой обращенныхъ.

— А вотъ это, указавъ намъ тотъ же патеръ, на полусферическое углубленіе въ каменной стѣнѣ,—это углубленіе образовалось

ОТКРЫТИЕ ВЫСТАВКИ.

Главный вход на выставку (центральное здание).

ЫСТАВКА (ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ) 1896 ГОДА.

Художественный отдѣлъ.

Азиатскій отдѣлъ.

отъ удара головы Апостола, когда стражи его толкнули...

— О происхожденіи углубленія не смѣю ничего сказать, возразилъ одинъ изъ сопровождавшихъ насъ археологовъ, но объ источникѣ воды въ этой тюрьмѣ упоминаетъ еще Югурта.

Мѣсто смертной казни св. Петра находится въ другомъ концѣ города, вѣрнѣе, за городомъ, на горѣ Montorio—Золотая гора; церковь, заложена св. Константиномъ, и потомъ перестроена Фердинандомъ и Изабеллой испанскими, называется S. Pietro in Montorio. Видъ отсюда на Римъ еще роскошнѣе, чѣмъ съ Пинчіо. Всякому, кто посѣтитъ Римъ, непременно слѣдуетъ съ Монторіо полюбоваться вѣчнымъ городомъ. Въ самой церкви много художественныхъ сокровищъ, работъ Микель Анджело и его учениковъ, исполненныхъ ревнивымъ гениемъ Буонаротти съ спеціальною цѣлью затмить юнаго соперника, Рафаэля. Знаменитое Преображеніе послѣдняго было тоже написано для этой церкви и украшало ее до вторженія французовъ при Наполеонѣ I, который увезъ въ Парижъ великое созданіе Урбіно. Нынче оно вновь водворено въ Римъ въ Ватиканѣ, который ежегодно платитъ церкви за это лишеніе извѣстную сумму. Въ 1849 году французы опять напомнили себѣ «св. Петру на Золотой горѣ». Къ счастью, осколки одной изъ бомбъ, упавшей въ нѣсколькихъ футахъ отъ знаменитой часовни, только оцарапали эту лучшее архитектурное, почти ювелирное по тонкости рисунка, сооруженіе Браманте.

Послѣ крестной смерти тѣло св. Петра было погребено въ катакомбахъ, нынѣ извѣстныхъ подъ именемъ катакомбъ св. Севастіана, ибо подъ главнымъ входомъ въ эту обширную подземную усыпальницу первыхъ христіанъ воздвигнутъ храмъ во имя св. мученика Севастіана. Храмъ былъ заложенъ св. Константиномъ императоромъ, но вновь перестроенъ и расширенъ въ 1611 году. Въ одномъ изъ придѣловъ этой церкви есть дверь, ведущая въ подземелья, въ знаменитыя catacombae ad catacombas, гдѣ у бывшаго мѣста упокоенія Апостола устроены богатый алтарь. Тутъ же было первоначально погребено и тѣло св. Апостола Павла. Въ 70 хъ годахъ нашей эры нѣсколько грековъ христіанъ пытались тайно похитить тѣла Апостоловъ, дабы увезти ихъ къ себѣ на родину, но римскіе христіане этого не допустили и перенесли святыню въ часовню, существовавшую тогда при христіанскихъ кладбищахъ.

Въ соборѣ св. Севастіана католическіе монахи показываютъ между прочимъ камень, носящій грубый отпечатокъ человѣческой ступни: они утверждаютъ, что на этомъ самомъ камнѣ св. Петру въ Римѣ явился Господь, и на вопросъ Апостола: «Domine quo vadis?» отвѣтствовалъ: Veniam Romam iterum crucifici». Археологи доказываютъ однако, что слѣды ступни искусственно изсѣченъ въ камнѣ, и усматриваютъ явственные царапины рѣзца.

Мощи святыхъ Апостоловъ, собственно ихъ обезглавленные тѣла, покоятся—св. Петра въ соборѣ его имени въ Ватиканѣ; св. Павла въ соборѣ S. Paolo fuori mura. Главы же ихъ въ соборѣ св. Іоанна въ Латерано. Мы вернемся къ этимъ замѣчательнымъ храмамъ въ концѣ нашего очерка. Прежде посѣтимъ мѣста, освященные воспоминаніями о св. Павлѣ.

Недалеко отъ Корсо, главной улицы Рима, въ переулкѣ Zatta есть красивая церковь S. Maria in Via datta. Это зданіе относительно новое. Оно построено въ VIII в. и возобновлено въ улучшенномъ видѣ около конца

XVII в. 29-го Іюня въ этой церкви бываетъ великое торжество и огромное стеченіе богомольцевъ. Нижняя часть ея несомнѣнно принадлежала какому либо римскому зданію временъ императоровъ. Преданіе гласитъ, что въ этихъ древнихъ стѣнахъ жилъ св. Апостолъ Павелъ съ сотникомъ, о которомъ упоминается въ дѣяніяхъ Апостольскихъ.

Мѣсто обезглавленія св. Павла находится далеко за городомъ, среди римской Кампаньи, зеленой, извѣтшей, но плоской и болотистой, порождающей ту ужасную лихорадку, которая зовется маляріей и которая весьма родств. пна нашей болотной лихорадкѣ. На этомъ мѣстѣ давно существуетъ монастырь трапистовъ, обратившійся, послѣ освобожденія Италіи, въ земледѣльческую колонію. Это практически-учебное заведеніе пользуется большимъ уваженіемъ и въ клерикальныхъ сферахъ оно приноситъ не малую пользу. Молодые люди недостаточныхъ классовъ учатся въ немъ агрономіи спеціально въ примѣненіи къ болотистымъ мѣстностямъ. Одна изъ главныхъ заслугъ агрономовъ-трапистовъ заключается въ ознакомленіи Италіи и Европы съ насильственнымъ растеніемъ эвкалиптуса. Это дерево, вывезенное изъ Австраліи, не только исклѣяетъ (настой) болотныя лихорадки, но и предупреждаетъ ихъ. Въ низменныхъ мѣстностяхъ, засаживаемыхъ эвкалиптусами, болотныя мѣзмы перестаютъ поражать человѣка. Огромныя пространства римской Кампаньи оздоровлены трапистами при помощи этого не хитраго средства, распространившагося теперь въ Италіи повсюду. Главная церковь монастыря трапистовъ называется «San Paolo alle tre Fontane» св. Павелъ на трехъ ключахъ, и, какъ полагаютъ, построена на самомъ мѣстѣ казни Апостола. Низкая, массивная мраморная тумба, служившая плахой, хранится въ ризницѣ; три ключа свѣжей воды бьютъ внутри церкви около алтаря. По преданію, они пробились изъ земли въ тѣхъ пунктахъ, которыхъ, упавъ изъ подъ топора палача, коснулася троекратна голова св. Павла. Другая церковь трапистовъ Santa Maria Scala loeli стоитъ на мѣстѣ часовни древняго христіанскаго кладбища св. Зинона (русская церковь празднуетъ его память 30-го января), на которомъ погребено до 12,000 христіанъ, строившихъ знаменитыя, частью доселѣ сохранившіяся, термы Діоклетіана. При этой церкви есть придѣлъ, устроенный въ стѣнахъ очень древняго здавія, полагаютъ, остатка въ кельи, въ которую былъ заключенъ Апостолъ передъ своей мученической кончиной.

Соборъ св. Павла (San Paolo Fuori mura) тоже въ Кампаньи, приблизительно въ двухъ верстахъ отъ Рима, на Остіейской дорогѣ, въ древности назывался Basilica Ostiensis. Эта базилика была первоначально, въ очень скромномъ видѣ, воздвигнута императоромъ Константиномъ Святымъ надъ мѣстомъ, куда было перенесено изъ катакомбъ св. Севастіана тѣло св. Павла. Въ 388 году по Р. Х. императоры Валентіанъ II и Θεодосій замѣнили маленькую церковь роскошнымъ соборомъ, который до 1823 года существовалъ во всей своей неприкосновенности и представлялъ драгоценный, прекрасно сохранившійся образецъ самаго древняго церковнаго зодчества. Это былъ христіанскій храмъ, въ которомъ почти 1,500 лѣтъ ежедневно и непрерывно совершалось богослуженіе. Художественныя сокровища и святыни, собранныя въ немъ за этотъ долгій періодъ, были неисчислимы. Къ величайшему сожалѣнію, 16-го іюля 1823 года, 70 лѣтъ тому назадъ, вспыхнулъ пожаръ и

единственный въ мірѣ храмъ обратился въ груды развалинъ. Тогчасъ-же было приступлено къ сооруженію новаго собора, несравненно болѣе роскошнаго и обширнаго, чѣмъ погибшій; пожертвованія стекались со всего свѣта, не только отъ католиковъ и сыновъ православной греко-русской церкви, но даже отъ протестантовъ, даже отъ мусульманъ. Мехметъ-Али, египетскій хедивъ, пожертвовалъ левантійскій мраморъ. Въ пятидесятихъ годахъ храмъ былъ готовъ вчернѣ (длина 60, ширина 50 саж.); въ концѣ 70-хъ онъ уже былъ освященъ и отдѣланъ внутри съ небывалой роскошью, мозаиками, золотомъ, драгоценными камнями. Роскошный престолъ главнаго алтаря, воздвигнутаго по срединѣ церкви надъ ракою св. Апостола, обдѣланъ малахитомъ, присланнымъ императоромъ Николаемъ I изъ Россіи. Въ концѣ 80-хъ годовъ закончена вѣшняя отдѣлка собора; сплошная тонкая мозаиковая работа лучшихъ современныхъ художниковъ. Если сторѣвшій соборъ не имѣлъ себѣ подобнаго по древности, то новый не имѣетъ соперниковъ по быстротѣ сооруженія, особенно, если принять во вниманіе его размѣры, колоссальную цѣнность и художественную законченность.

Тѣло св. Петра, какъ упомянуто выше, изъ катакомбъ св. Севастіана было въ концѣ I-го вѣка перенесено на христіанское кладбище ватиканскаго холма. Тогда-же первый римскій епископъ Анаклетъ (римская церковь считаетъ его первымъ папой, непосредственнымъ преемникомъ св. Петра) воздвигъ часовню надъ могилой Апостола, а при ней и свое скромное жилище, въ которомъ христіанамъ нерѣдко приходилось скрываться отъ жестокихъ гоненій. Изъ этого жилища выросъ современный дворецъ Ватикана, имѣющій по размѣрамъ только одного соперника—Зимній дворецъ въ Петербургѣ. Изъ малелькой-же часовни выросъ—колоссальный соборъ. Въ 30-е годы на мѣстѣ часовни императоръ Константинъ заложилъ соборъ, который и простоялъ до 1450 года, когда за крайней ветхостію его пришлось разобрать, и на его мѣстѣ воздвигнутъ новый обширнѣйшій. Объ этомъ знаменитомъ соборѣ св. Петра столько было писано и говорено, что мы, опасаясь наскучить читателю, ограничимся только немногими отыѣтками. Заложенный въ 1450 году, онъ былъ оконченъ и освященъ въ 1626 году. Всѣ художественныя знаменитости того времени, и Браманте и Рафаэль, приложили рукъ къ его созиданію. Но болѣе всего работалъ Микель Анджело не только какъ скульпторъ и архитекторъ, но и какъ гениальный инженеръ. Размѣры собора гигантскіе; одинъ вѣшній фасадъ паперти (една половина ширины всего зданія)—около 55 сажень; диаметръ колоннъ паперти 1 $\frac{1}{2}$ сажени, ихъ высота 13 сажень. Колоннады (подобныя колоннадамъ Казапскаго собора въ Петербургѣ)—имѣютъ 284 колонны семисаженной вышины. Однако, пропорціональность всѣхъ частей такъ безупречна, что, если бы не сравненіе съ размѣрами живыхъ человѣческихъ фигуръ, о величинѣ храма трудно было бы судить съ перваго взгляда. Въ примѣненіи къ человѣку, подымающемуся по ступенямъ паперти, только относительно этой послѣдней поговорка: «какъ муха въ молокѣ» была бы выраженіемъ слишкомъ слабымъ.

Во внутренности храма могли-бы свободно, какъ въ футлярѣ, помѣститься любой изъ большихъ соборовъ Европы, Миланскій, нашъ Исаакіевскій, или—гордость Лондона—соборъ

св. Павла. Парижская Notre Dame даже могла бы помѣститься вмѣстѣ съ константинопольской св. Софіей. Длина средней основной его части безъ малаго 100 саж., высота внутренняя отъ полу до купола 65 саж., діаметръ купола 28 саж. и т. д. Между тѣмъ вась эти размѣры не подавляютъ, можетъ быть отчасти потому, что статуи и изображенія чело-вѣческихъ фигуръ, которыми чувства привыкли съ перваго взгляда оцѣнивать размѣры окружающихъ предметовъ, имѣютъ тоже колоссальныя размѣры. Напримѣръ, перо св. Евангелиста Луки саженой длины, но при первомъ впечатлѣніи оно кажется обыкновенной величины. Кромѣ огромнаго пространства, занимающаго середину церкви, есть множество боковыхъ придѣловъ (основаніе храма—крестъ); каждый изъ нихъ цѣлая большая церковь. Словомъ, постройки собора покрываютъ болѣе 2-хъ десятины. На ремонтъ его (кромѣ художественныхъ произведеній) ежегодно тратится до 70,000 руб.

Въ самой срединѣ собора, какъ разъ подъ куполомъ, возвышается богатый массивный алтарь, называемый Baldachino, сооруженный въ 1633 году по рисунку Перинни. Переднюю часть его основанія гирляндой окружаетъ рядъ неугасимыхъ лампадъ, счетомъ 97, надъ мраморною рѣшеткой. За рѣшеткой входъ въ нижнюю церковь къ мощамъ св. Апостола Петра. Надъ этимъ основаніемъ алтаря высится балдахинъ (вышиною съ крестомъ 96 футъ): четыре массивныя витыя бронзовыя колонны, поддерживающія навѣсъ изящной художественной работы. Одной сронзы на балдахинъ употреблено около 210 пудовъ; позолота стоила 220,000 руб. Въ этомъ алтарѣ папы совершали (до своего, такъ называемаго, плѣненія, т. е. до 1870 года) литургію въ Петровъ день надъ гробомъ св. Апостола; и никто кромѣ самого римскаго первосвященника не имѣетъ права служить въ этомъ придѣлѣ. Подземная церковь для публики доступна только по особому разрѣшенію; женщины не допускаются. Эта церковь и роскошна и велика. Мощи св. Апостола покоятся въ Ракѣ; но онѣ обезглавлены.

Главы же обоихъ Апостоловъ, какъ мы сказали, хранятся въ соборѣ св. Іоанна въ Латерано. Этотъ обширный и богатый храмъ, хотя и уступаетъ размѣрами собору св. Петра, въ историческомъ отношеніи гораздо его замѣчательнѣе. Католики зовутъ его проматерью церквей христіанскихъ. Дѣйствительно это старѣйшій, изъ сохранившихся въ Римѣ, большихъ базиликъ и, до освященія новаго собора Петра съ 1626 г., считался въ церковной іерархіи главенствующимъ. Его почетнымъ настоятелемъ числится патриархъ константинопольскій. Въ немъ собиравались соборы. Въ немъ разыгралась часть трагедіи политическаго мистика Ріензи. Въ немъ короновались папы и императоры. Самое основаніе его (на томъ мѣстѣ, гдѣ, судя по историческимъ даннымъ, стоялъ домъ, въ которомъ родился Маркъ Аврелій) было заложено руками императора Константина. Въ принадлежащей Латеранскому собору и находящейся рядомъ съ нимъ церкви Batisteria хранится ванна зеленаго базальта, въ которой, полагаютъ, императоръ принялъ св. крещеніе. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ коснуться многихъ достопримѣчательностей этого храма. Замѣтимъ только, что 1) въ немъ есть икона Мадонны, собственноручная копія съ картины Рафаэля, находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ Петербурга; 2) что въ

одномъ изъ его алтарей, своды котораго под-держиваются 4 бронзовыми колоннами, взятыми изъ древняго храма Юпитера Капитолійскаго (онѣ были вылиты по повелѣнію императора Августа изъ металла отбитаго отъ неприятелискихъ кораблей, захваченныхъ при Акціумѣ) хранится очень старый столъ кедроваго дерева; если вѣрить сказанію, священный столъ тайной вечери, привезенный изъ Іерусалима. О богатствѣ храма можно судить потому, наприм., что одинъ мавзолей семейства Тарлонія оцѣнивается въ миллионъ рублей.

Подъ готическими сводами главнаго алтаря, воздвигнутаго въ XIV вѣкѣ и живденіемъ папы Урбана и французскаго короля Карла, покоятся въ золотомъ ковчегѣ главы св. Апостоловъ Петра и Павла. Поэтому 29 го іюня стеченіе народа въ Латеранскій соборъ огромное. Впрочемъ, въ этотъ день—коренной римскій, какъ петербургскій праздникъ, въ встрѣтѣ множество паломниковъ и туземныхъ и пріѣзжихъ, во всѣхъ мѣстностяхъ и храмахъ, отмѣченныхъ нами въ этомъ очеркѣ.

Л. Рускинъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Возрастъ папъ. Папа Левъ XIII праздновалъ въ этомъ году 86 лѣтнюю годовщину своего рожденія и 18-ю годовщину своего царствованія. Когда онъ вступилъ на папскій престолъ, ему было 63 лѣтъ и онъ казался такъ старъ и слабъ, что можно было ожидать скората выбора новаго папы. Но не смотря на это, Левъ XIII здравствуетъ до сихъ поръ. Пій IX умеръ 86 лѣтъ, процарствовалъ 32 года. Это было самое долгое царствованіе папы. Немногіе пережили возрастъ 86 лѣтъ, долѣе всѣхъ жилъ папа Григорій IX, умершій въ 1241 г., на сотомъ году отъ роду.

Высота птичьяго полета. Недавно Робертъ Вестъ дѣлалъ въ Бейрутѣ астрономическія наблюденія. Онъ хотѣлъ прослѣдить въ телескопъ прохожденіе луны черезъ плеяды, когда замѣтилъ на лунѣ отраженіе стаи перелетныхъ птицъ. Судя по ихъ величинѣ и отдаленію прошло отъ 4 до 8 секундъ, прежде чѣмъ онѣ пролетѣли черезъ середину круга луны, на основаніи чего Вестъ предполагаетъ высоту ихъ полета въ 8,000—15,000 метровъ (4,000—7,500 сажень).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Старый любезникъ. Съ картины художника М. Молова (Московская выставка картинъ 1896 г.).

Пожилый дачникъ, балагуръ и любитель женскаго пола, сидитъ лѣтнимъ вечеромъ на скамеечкѣ у палисадника. Обдуваетъ прохладой, пахнетъ цвѣтами, гдѣ-то щекаетъ соловей—и старый экипурецъ блаженствуетъ. Къ довершенію его блаженства, къ дачѣ приближаются двѣ смазливыя деревенскія дѣвушки, неся что-то въ лукошкахъ на продажу. Старый любезникъ сейчасъ-же завязалъ съ «дочерьми природы» свѣхотворную бесѣду, отпускаетъ шуточки и прибаутки. Тѣ закрываютъ рукавомъ, хихикаютъ и очень довольны. А старичекъ уже ищетъ въ кошелькѣ себѣраной манеты, чтобы подарить румяныхъ смуглыхъ собесѣдницъ.

Изъ помпейской жизни. Съ картины художника К. Капріолли.

Художникъ напоминаетъ намъ своей искусной кистью граціозную сценку изъ древне-римской жизни въ Помпѣяхъ, остатки которой покоятся подъ лавой Везувія. Юная римлянка въ своемъ японисномъ пеналумѣ, падающемъ красивыми складками, играетъ съ дѣтми. На длинной ниткѣ нацѣпила она сочную кисть винограда и дразнить ея двухъ пухлыхъ мальчугановъ, не успѣвающихъ поймать приманку. Ребятишки очень увлечены веселой игрой.

Исусъ Христосъ и апостолъ Петръ. Съ картины художника Б. Плогорста.

Чудный моментъ, взятый художникомъ для картины, переданъ въ евангельскомъ разсказѣ величественнымъ, полнымъ глубокаго значенія образомъ. Когда Христосъ, идя по водѣ, какъ по сушѣ, приближался къ тонувшимъ на лодкѣ ученикамъ, апостолъ Петръ пошелъ на встрѣчу къ Учителю по волнамъ. И сила вѣры его была такъ велика, что вода держала его. Но чуть апостолъ испугался, чуть усомнился—сейчасъ-же глубь разступилась, и онъ началъ тонуть. Христосъ, упрекнувъ апостола, зачѣмъ онъ, маловѣрный, усомнился, подаль ему руку... Глубокъ смыслъ, трогательна великая простота этого евангельскаго повѣствованія.

КЪ ПОРТРЕТАМЪ.

С. Ю. Витте.

Помѣщая въ этомъ номерѣ нѣсколько портретовъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ устройствѣ «Всероссійской художественно-промышленной выставки» въ Нижнемъ-Новгородѣ, мы первое мѣсто посвящаемъ министру финансовъ Сергѣю Юльевичу Витте, какъ инициатору этого блестящаго и грандіознаго предпріятія, а кетати с общимъ и краткія біографическія о немъ свѣдѣнія.

С. Ю. Витте началъ свою карьеру дѣятельной службы по желѣзнодорожной части. Въ 1879 г. С. Ю. перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ получилъ постъ начальника юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1888 году С. Ю. былъ назначенъ директоромъ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ. Въ 1892 году С. Ю. былъ призванъ сначала къ управленію министерствомъ путей сообщенія, а затѣмъ финансовъ.

1-го іюля исполнилось двадцатипятилѣтіе плодотворной службы Сергѣя Юльевича, связавшаго свое имя съ блестящей страницей въ исторіи русскихъ финансовъ. Вступивъ на трудный постъ руководителя русскихъ финансовъ послѣ тяжелаго кризиса, потрясшаго Россію въ видѣ неурожая, С. Ю. Витте быстро возстановилъ наше начавшее было колебаться бюджетное равновѣсіе, и, въ короткое время, успѣлъ поставить наше государственныя кредиты на недостижимую высоту. Для русскихъ росписей исчезло предостереженіе о дефицитахъ, истощающихъ силы самыхъ богатыхъ государствъ запада; запасы золота увеличивались, и вмѣстѣ съ тѣмъ росла производительная сила страны, а внутреннему производству данъ былъ сильный толчекъ впередъ. Открывшаяся на-дняхъ нижегородская выставка доказала, что въ дѣлѣ техники и промышленныя успѣховъ Россія очень многимъ обязана политикѣ государственнаго дѣятеля, направляющаго ея финансы за послѣдніе четыре года. Въ широкой программѣ С. Ю. Витте насъ поражаютъ двѣ характерныя черты: смѣлость въ проведеніи практическихъ реформъ, и его вѣра въ силу и мощь русскаго гения. С. Ю. Витте не рассчитываетъ при этомъ на чисто временныя успѣхы, а желаетъ связать свое имя съ экономическимъ обновленіемъ и возрожденіемъ Россіи. Съ этою цѣлью онъ задумалъ грандіозную денежную реформу, безспорно самую великую изъ экономическихъ реформъ столѣтія. Реформа уже поставлена на вѣрный путь, и не много времени пройдетъ, какъ она станетъ свершившимся фактомъ.

Д. В. Григоровичъ.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, нашъ маститый беллетристъ, принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ художественнаго отдѣла выставки. Несмотря на преклонный возрастъ, почтенный дѣятель несетъ и, въ настоящее время, бодро и умѣло многочисленные заботы по организаціи и устройству своего отдѣла. Имя Дмитрія Васильевича Григоровича, давно уже высокопопулярно, какъ неутомимаго труженика въ художественномъ мірѣ. Въ Петербургѣ, въ прекрасномъ зданіи, помѣщается важное, по своимъ задачамъ, учрежденіе—училище Императорскаго общества поощренія художествъ. Это учрежденіе—всѣмъ созданіе Дмитрія Васильевича, положившаго на него массу труда и энергіи. Всегда вѣрный себѣ, Д. В. и на выставкѣ принялся за вѣренныи ему отдѣлъ все съ тѣмъ-же неуслыннымъ рвеніемъ. Д. В. Григоровичъ состоитъ начальникомъ X отдѣла выставки, наменованаго «отдѣломъ художественно-промышленнымъ», о которомъ мы даемъ краткія свѣдѣнія въ этомъ-же номерѣ. Величественная фигура нашего маститаго Дмитрія Васильевича, видна почти всегда въ помѣщеніи отдѣла. Быстрый взглядъ Д. В. за всѣмъ слѣдитъ и все примѣчаетъ; мѣткая образная рѣчь его поясняетъ въ ентѣ есное и важное. Никто изъ экспонентовъ его отдѣла не поспѣетъ на его невниманіе или бездѣйствіе, какъ это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, за то и старанія его увѣнчались успѣхомъ, ибо отдѣлъ его привлекаетъ массу публики. Русское общество, издавна любящее и чтущее въ немъ одну изъ своихъ лучшихъ

передовыхъ силъ, еще разъ должно сказать ему искреннее, теплое «спасибо!»

Н. М. Барановъ.

Извѣстный вообще своей энергической дѣятельностью генералъ-лейтенантъ Николай Михайловичъ Барановъ, начальникъ Нижегородской губерніи, тоже много содѣйствовалъ благоустройству выставки. Герой русско-турецкой войны, Н. М., до турецкой кампаніи устраивалъ морскіе отѣлы на многихъ выставкахъ: въ 1866 году на парижской всемірной, на всероссійской мануфактурной, въ 1870 году, на вѣнской всемірной, въ 1873 году. Всѣмъ памятенъ геройскій подвигъ Н. М. на пароходѣ «Веста». Нижній-Новгородъ обожаетъ своего начальника, и народная признательность вполне оправдывается неунынными заботами его о вѣренной ему губерніи.

В. И. Тимирязевъ.

Генеральный комиссаръ всероссійской Нижегородской выставки Василій Ивановичъ Тимирязевъ пользуется большимъ авторитетомъ по части устройства выставокъ. Еще въ 1878 году В. И. отличился замѣчательнымъ устройствомъ русскаго отѣла на парижской выставкѣ. Въ 1882 году В. И. былъ секретаремъ комиссіи по устройству промышленно-художественной выставки въ Москвѣ. Выѣсть съ этими трудами В. И. проявилъ энергическую дѣятельность въ области финансовыхъ вопросовъ, особенно въ должности вице-директора департамента торговли и мануфактуръ. Онъ много трудился по организаціи таможенныхъ тарифовъ. Въ 1891 году В. И. руководилъ подготовительными работами для пересмотра дѣйствующихъ торговыхъ трактатовъ Россіи съ заграницей. До настоящаго назначенія В. И. состоялъ коммерческимъ агентомъ министерства финансовъ въ

Берлинѣ, находясь въ составѣ мѣстнаго дипломатическаго корпуса.

А. В. Добронизскій.

Помощникомъ В. И. по управленію выставкой состоитъ Александръ Валентиновичъ Добронизскій—тоже опытный дѣлатель въ этой области. По образованію—горный инженеръ, А. В. въ 1882 году на московской выставкѣ организовалъ горный отѣлъ. Въ 1885 и 1893 годахъ А. В. дѣлательно трудился по русскимъ отѣламъ на выставкахъ въ Антверпенѣ и въ Чикаго. Въ 1894 году А. В. занималъ важный постъ генеральнаго комиссара русскаго отѣла на всемірной выставкѣ въ Антверпенѣ. Богатая свѣдѣнія А. В. и многолѣтняя опытность дѣлають его лучшимъ помощникомъ В. И. Тимирязева.

За РЕДАКТОРА—ИЗДАТЕЛЬ С. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

КОНСУЭЛО.

(Consuelo).

Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣтнева, 460 стр.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Каждый хозяинъ, хоть разъ не пробовавшая „Какао Бенедорпъ“ убѣдится на опытѣ въ его хорошихъ качествахъ. —8

Какао Бенедорпъ

здоровый, питательный, дешевый и экономическій напитокъ для дѣтей, кормилицъ, слабыхъ, больныхъ и выздоравливающихъ и здоровыхъ.

НОВѢЙШІЕ

принадлежности для всякаго рода (портъ, какъ-то: костюмы, фуфайки, рубанки, брюки, пояса, чулки, подтяжки, подвязки, тапки и перчатки

Ю. ГОТЛИБЪ

С.-Петербургъ, Владимирская д. 2—49 уголъ Невскаго пр.

Иллюстр. прейсъ-курантъ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

ОБШИРНИШІЙ ВЪ РОССІИ
СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
ДО 1000 ШТ. ВЪ НАЛИЧНОСТИ
торговый домъ

М. БЛОКЪ

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н/Д.

Каталогъ безплатно.

П. ОВОСЫ!

ПИЩУЩАЯ МАШИНА

Только 8 руб.

Не игрушка. Самая простая изъ вещей до сихъ поръ бывшихъ. Пишетъ можетъ даже ребенка. Не смѣшивать съ машиною „Малютка“. Адресъ: С.-Петербургъ. Съездъ Новыхъ Изобрѣтеній, Большая Морская, д. 33. Каталогъ за 14 коп. Машина высылается немедленно по получении 3-хъ руб. задатка.

№ 2305—3

ВЫИГРЫШ

иже 1, 2 и 3 займы продаетъ

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, НЕВСКІЙ, СПБ.

Вновь получены велосипеды

„АДЛЕРЪ“ и „МОНОПОЛЬ“ съ необычайно легкимъ ходомъ, въ 27, 28, и 37 ф. выдержива. Изготовленъ до 7-ми пудовъ.

За прочность полная гарантія.

Э. КИНКМАНЪ и Ко.

СПБ. Гороховая 4.

Иногородн. налож. плат.—Каталогъ безпл.

ТОЛЬКО 2 р. 50 к.

Полезно для всѣхъ

Наиболѣе практичнымъ и полезнымъ изъ вещей, рекламируемыхъ между штемпель-календарей, пригодный для бланковъ, писемъ, конвертовъ, счетовъ и друг. надобностей. На штемпель помѣщается гдѣ, отъ, фамилія, м. стоитъ, и званіе или родъ торговли. Календарь, служащій на нѣсколько лѣтъ, печатаетъ числа, мѣсяцы и годы.

Высылаю немедленно по полученіи стоимости (мелкія деньги до 1 р. прилагать почт. мар.). За пересылку уплачиваются при полученіи на почтѣ. Требуемія прошу адресовать на фабрику каучуковъ, штемп. И. Д. Левисона въ Вилостокъ.

ТРЕБУЙТЕ
МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАСЕЛИНЪ. КУС. 30к.
ПУДРУ ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАСЕЛИНЪ. КОР. 60к.
С. ПЕТЕРБУРГЪ ДЕНИСОВЪ ПЕРІ
ПАРФЮМЕРН. ЛАБОРАТ. І. ГОЛЛЕНДЕРЪ
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

ЗНАМЕНИТОЕ БѢЛЫЕ

Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворныя Поставщики

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ

изысканно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штука-только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой неурядицъ. После употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усиленномъ помятій. Необходимо для военныхъ, путешественниковъ и холостяковъ. Нижне-оменованіе представители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.

Танфани и Штейдль, Москва. Карлъ Шиммель, Садовая 18, С.-Петербургъ. Максъ Тишбейнъ, Рига. Фабіанъ Клингсландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

ФОТОГР. АППАРАТЫ

К. И. ФРЕЛАНДЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ

НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.

№ 27—18 УЛИЦА УЛИЦА

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ

рояли и пианино америк. констр. со всѣми новѣйш. усоверш., перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ, двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самымъ луч. двойн. репетиціею, пріятн. и сильн. тономъ.
Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и др.
Пианино „ „ „ 350 375, 425, 460, 500, 550, 600 и др.
Армонипиано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія на нѣсколько лѣтъ № 232

СИМФОНІОНЫ

Музыкальныя шкатулки съ пріятнѣйшимъ тономъ: въ родѣ швейцарскихъ, даютъ возможность мѣнять по произволу пѣсни, имѣющія въ большомъ выборѣ.

Съ ручкой безъ нотъ	5 —
Ноты по	23 —
Заводной безъ нотъ	10 —
Ноты по	25 —
Заводной 60-тонный безъ нотъ	28 —
Ноты по	50 —
Заводной 84-тонный безъ нотъ	40 —
Ноты по	60 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	70 —
Ноты по	80 —
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie Piccolo	100 —
Ноты по	1 —

НОВЫЕ: Часы съ музыкой. Солидные часы, разъ въ день замѣненные, играютъ сами черезъ каждый часъ выбранную по произволу пѣсню. Въ случаѣ желанія — играютъ, когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.

Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.

Списки пѣсней для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. № 805-25

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м. д. Захарьина.

№ 28 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2 листовъ, съ 12-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) Обложка съ нотами: «Романсъ». Слова Анисимова-Александрова. Музыка Я. Ф. Пригожаго. Кромѣ того, при этомъ номерѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылаются ежемѣсячное литературное приложеніе—седьмая книга «Домашней Библіотеки» (за іюль 1896 г.).

При этомъ номерѣ прилагаются объявленія: 1-е всѣмъ подписчикамъ отъ склада Кузьмичевой травы С. З. Орлова въ Бузулукѣ и 2-е Иногороднымъ подписчикамъ о новой книгѣ „Рулетка въ Монако“.

ДОВОЛЬНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 5 ІЮЛЯ 1896 Г.

Типография С. Добродѣева, ПОВЕНСКИ ПЕР., Д. № 17

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. А. ОБРАДОВИЧЪ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

со всеми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала „Домашняя Библіотека“:
НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. НА ТРИ мѣсяца 2 руб. Заграницу на годъ 16 р.
Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургѣ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновои бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

Въ № 27 нашего журнала мы помѣстили пять портретовъ главныхъ организаторовъ «Всероссійской художественно-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ» и, къ сожалѣнію, не могли одновременно помѣстить портрета одного изъ выдающихся дѣятелей по устройству этой выставки,—это Владимира Ивановича Ковалевскаго.

В. И. Ковалевскій глубокій знатокъ русской промышленности и энергичный, давнишній дѣятель въ этой области. Какъ директоръ департамента торговли и мануфактуръ, В. И. своими обширными свѣдѣніями и своею многолѣтнею опытностью принесъ немало пользы дорогому нашему отечеству. Много труда и заботъ вложено В. И. въ дѣло нижегородской выставки, какъ по занятіямъ въ комиссіи по ея устройству, такъ и въ настоящее время, уже по открытіи. Но это трудное и ответственное дѣло, весь этотъ кропотливый и нерѣдко неблагодарный трудъ должны теперь радовать В. И. Ковалевскаго, ибо труды эти принесли блестящіе плоды! Ему близка промышленная и торговая Россія, и выставка, долженствующая служить яркимъ доказательствомъ современнаго положенія русской промышленности и торговли, наглядно показала успѣхи производствъ за послѣдніе пятнадцать лѣтъ.

Если къ этому еще мы прибавимъ, что устройство XVI «Всероссійской выставки» началось еще въ 1893 г., то понятно, сколько заботъ выпало на долю В. И. Ковалевскаго.

Въ то же время В. И. руководилъ, въ качествѣ главного редактора, всеми изданіями по выставкѣ, кромѣ каталоговъ, чѣмъ конечно

и объясняется достоинство первыхъ. Заслуги В. И. Ковалевскаго въ области его постоян-

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

В. И. КОВАЛЕВСКІЙ.

(Вице-предсѣдатель Высочайше утвержденной Комиссіи по устройству XVI-й Всероссійской выставки).

ной дѣятельности хорошо извѣстны всѣмъ и перечислять ихъ здѣсь мы не будемъ. На свой видный постъ В. И. Ковалевскій вступилъ

именно въ то время, когда наше общество и правительство обратили свое особенное внима-

ніе на нашу отечественную промышленность и когда она, пользуясь особымъ покровительствомъ, во многихъ отрасляхъ стала конкурировать съ иностранною промышленною дѣятельностью. Нечего и говорить, что въ такое время въ этой области работа сдѣлалась труднѣе и сложнѣе, чѣмъ было прежде, во время промышленнаго застоя, и отъ директора департамента торговли и промышленности требовалось много энергіи и такта.

За короткое еще, сравнительно, свое управленіе департаментомъ торговли и промышленности, В. И. Ковалевскій успѣлъ поднять и разработать массу насущнѣйшихъ вопросовъ въ нашей торговой и промышленной области. Его энергія, усидчивость и быстрота работы вошли, можно сказать, въ пословицу. Достаточно сказать, что безъ его непосредственнаго и руководствующаго участія не прошло ни одно изъ засѣданій многочисленныхъ комиссій, работавшихъ надъ новымъ положеніемъ объ обложеніи торговли и промысловъ, надъ реорганизацией фабричной инспекціи и многихъ другихъ. Всѣ послѣдніе наши торговые договоры заключены также при участіи В. И.

Въ заключеніе нашего краткаго очерка о дѣятельности такого замѣчательнаго труженика, всегда отзывчиваго на каждое доброе дѣло, какъ В. И. Ковалевскій, мы не можемъ не пожелать ему искренно добраго здоровья и да про-

длится его плодотворная дѣятельность на пользу русской промышленности и славу Россіи на многіе годы!

ЦАРЕВЪ КУРГАНЪ.

(Изъ сказаній о камскихъ болгарахъ).

По нраву пришлось это мѣсто царю,—
 А шелъ онъ съ низовъ изъ походу:
 Отсюда, изъ стана, онъ видѣлъ зарю,
 Съ горы нисходящую въ воду.
 Отсюда—съ приволья поемныхъ луговъ—
 На синюю матушку-Волгу
 Съ зеленою цѣпью лѣсистыхъ бугровъ
 Онъ могъ любоваться подолгу.
 Не могъ наглядѣться и до сыта онъ
 На крѣпъ Жегулей вѣковую,
 На волжскаго плеса широкій затонъ,
 На завѣсъ небесъ голубую.
 Готовъ-бы сидѣть онъ съ утра до утра,
 На мигъ не смыкаячи взоровъ,
 Сидѣть—любоваться изъ двери шатра
 Красою лѣсныхъ косогоровъ.
 „О, что здѣсь за дали! О, что за мѣста!
 Подобна великому чуду
 Разлитая волей небесъ красота
 Во всемъ здѣсь—кругомъ и повсюду!..
 О, еслибъ мой царскій престолъ не стоялъ
 На Камѣ, въ Великихъ Булгарахъ,—
 Сюда-бы вельможъ и купцовъ я созвалъ,
 Народъ весь—отъ малыхъ до старыхъ!
 Построилъ-бы здѣсь стольный городъ себѣ
 Вознесъ-бы надъ Волгой палаты
 И царствовалъ въ нихъ-бы на диво судьбъ—
 Величіемъ правды богатый!
 Отсюда смирялъ-бы я злобу хозаръ,
 Законы давалъ-бы касогамъ,
 И—громомъ гремѣло-бы имя болгаръ
 По волжскимъ нагорнымъ отрогамъ!

Но время-ль раздумью?! Ужъ ропщутъ войска,
 Тоскуя надъ Волгой по Камѣ...
 Пора и въ дорогу! Лихая тоска
 Не кинетъ-жъ слѣдомъ за нами!..
 Простите, привольныя дали луговъ;
 Прощайте, зеленныя горы!..
 И—царь былъ печали предаться готовъ;
 Но вдругъ—оживились взоры
 Сверкнулъ онъ очами, взявъ турій свой рогъ,
 Кличъ кликнулъ несмѣтнымъ дружинамъ
 И всталъ передъ ними—привѣтливъ и строгъ,
 Окинувъ всѣхъ взглядомъ орлинымъ:—
 „Съ зарею—сѣдлатъ звонконогихъ коней,—
 Шатрами сниматся пора намъ!
 Но пусть знаютъ всѣ, что владыка царей
 Стоялъ здѣсь съ дружиною станомъ!
 Дружинники-друзи, по горсти одной,—
 Дружинники-друзи, внимайте,—
 По горсти земли надъ могучей рѣкой,
 Гдѣ былъ мой шатеръ, положите!..
 Весь берегъ покрытъ былъ шатрами окрестъ.
 И вотъ—на призывъ властелина,
 Во славу красы покидаемыхъ мѣстъ—
 Взятась за работу дружина.
 Съ зарею—высокій бугоръ земляной
 Горою вздымался предъ станомъ..
 Вѣка пролетѣли надъ Волгой родной,
 Но онъ—не исчезъ: онъ стоитъ надъ рѣкой,
 Слыветъ онъ Царевымъ Курганомъ!..
 Аполлонъ Норинскій.

СТРАШНЫЙ ЗАМОКЪ.

(Продолженіе).

V. Вѣрное сердце.

В ЕЛИКО было отчаяніе дочери стараго Арнода, когда она узнала о ночномъ бѣгствѣ Хлодерика изъ усадьбы. Она давно любила этого необузданнаго юношу, любила не зато, что онъ могъ сдѣлать ее королевой, не за богатство и знатность. Ея вѣрное сердце предчувствовало, что дикій нравъ Хлодерика погубитъ его. Она хотѣла спасти его отъ преступленій, отъ измѣны, но злой рокъ тяготѣлъ надъ нимъ. Мучилось и болѣло любвеобильное сердце дѣвушки; цѣлыя ночи она проставала на колѣняхъ передъ своимъ золотымъ крестомъ, въ горячей молитвѣ; и вотъ ей въ голову пришла смѣлая мысль. «Я найду его,—думала она,—сердце укажетъ мнѣ дорогу... Если онъ на пути къ преступленію, я остановлю его, если онъ въ несчастіи или заточеніи, я утѣшу его. Я покажу ему этотъ крестъ, который онъ цѣловалъ, я напомишу ему клятву, которую онъ мнѣ давалъ, я заставлю его опомниться; съ Божіею помощію я вырву его хоть изъ самаго ада!»

При этой мысли пламя отваги горѣло въ глазахъ мужественной дѣвушки.

Однажды утромъ старикъ Арнодъ былъ разбуженъ плачемъ и крикомъ слуганокъ своей дочери. Онъ, увѣряя въ своей невинности, рассказывали, что Берта исчезла куда-то во время ночи, онъ говорили, что молодая хозяйка не взяла съ собой ничего, кромѣ своего креста.

Въ эту минуту Берта уже была далеко. Теперь ее не узналъ бы и самъ старикъ-отецъ; она была переодѣта въ мужское платье, къ поясу ея былъ привѣшенъ небольшой ножъ, чудные густые волосы ея были коротко обрѣзаны. Она захватила съ собой только нѣсколько серебряныхъ монетъ, чтобы изрѣдка покупать себѣ во встрѣчныхъ селеніяхъ кусокъ хлѣба. Вездѣ, гдѣ можно, она разспрашивала о молодомъ сынѣ короля; каждый разъ лицо ее омрачалось тяжелой думой. Всѣ порицали Хлодерика за его строптивость и дикость, передавали, что онъ замысливаетъ чуть-ли не на жизнь своего отца, что онъ хочетъ предать родину во власть короля Хлодвигъ. Рассказывали о его тайномъ бѣгствѣ изъ стараго замка на Фульдѣ вмѣстѣ съ графомъ Гернотомъ, даже описывали ласковый пріемъ, сдѣланный ему въ Орлеанѣ.

Какая-то тайная сила влекла Берту къ старому замку, къ башнѣ, гдѣ былъ прежде заключенъ Хлодерикъ; она думала найти тамъ кого-нибудь изъ его приближенныхъ и добыть болѣе вѣрныя вѣсти о немъ. Въ дождливый, пасмурный вечеръ добралась она до замка. Башня по прежнему мрачно и нелюдно возвышалась надъ шумящей рѣкой, входъ былъ заваленъ срубленными деревьями. Грубый голосъ повелительно окликнулъ дѣвушку, спрашивая, кто идетъ и чего надо.

— Я—бѣдный работникъ; иду въ Кельнъ, меня застѣла на дорогѣ ночь. Кто-бы вы ни были, воины, вы не откажете въ пріютѣ запоздалому путнику.

Въ это время изъ бойницы башни выглянуло блѣдное молодое лицо въ блестящемъ шлемѣ. Зоркіе глаза Берты сразу узнали Хлодерика, сердце сильно застучало у нея въ груди. Юноша велѣлъ впустить просящаго ночлега путника, и Берта, прикрывая лицо плащомъ, поднялась въ средній залъ башни, гдѣ мрачный и вооруженный, какъ на битву, Хлодерикъ быстро ходилъ по каменнымъ плитамъ. Какимъ страшнымъ испугомъ исказилось его лицо, какъ онъ поня-

тился и отшатнулся, точно от привидѣнія, когда внезапно раздался мелодичный голосъ Берты:

— Я пришла спасти тебя, Хлодерику! Я пришла напомнить тебѣ твою клятву.

Юноша съ изумленіемъ смотрѣлъ на странный нарядъ Берты, на ея усталое и блѣдное лицо. Онъ не зналъ, радоваться ему или сердиться. Лисбимая женщина явилась предъ нимъ, какъ живой укоръ совѣсти, какъ грозный судія.

— Неразумный, что ты дѣлаешь здѣсь?—дрожащимъ голосомъ продолжала Берта.—Кого ты ожидаешь здѣсь, въ этомъ мрачномъ замкѣ, съ чужеземными воинами, противъ кого опоясалъ ты свой мечъ? Какъ дико блестятъ твои глаза! Ты замыслилъ суровую мѣсть...

Смущеніе Хлодерика мало-по-малу прошло, имъ овладѣло опять бѣшенство, онъ съ силой ударилъ по своему зазвенѣвшему въ ножнахъ мечу.

— Да! — воскликнулъ онъ съ сердитымъ смѣхомъ, — я замыслилъ мѣсть и я уже исполнилъ ее! Ты пришла, чтобы разжалобить меня своимъ плачемъ и просьбами, но тебѣ этого не удастся сдѣлать; мое сердце теперь безчувственно, какъ камень, оно закалено ненавистью. Пойдемъ за мной, я покажу тебѣ, какъ тяжка моя мѣсть.

Дрожа и блѣднѣя, слѣдовала Берта за разгнѣваннымъ Хлодерикомъ. Они спустились по сырой лѣстницѣ въ мрачный подвалъ, служившій прежде тюрьмой для рабовъ. И теперь тамъ тоже былъ плѣнникъ. Красное пламя коптящаго факела слегка освѣщало скованное цѣпями тѣло старика. Длинные, бѣлые волосы падали ему на лицо; онъ, казалось, дремалъ или былъ безъ чувствъ. Берта не сразу узнала въ этой скованной фигурѣ бодрого короля Сигеберта, но когда онъ со слабымъ стономъ поднялъ голову, она рванулась къ нему, бросилась на сырой полъ и съ горькими рыданіями начала цѣловать его оковы. Трогательное зрѣлище представляла эта группа: этотъ скованный старецъ, на лицѣ котораго уже лежала печать смерти и эта молодая рыдающая дѣвушка. Но ничто не могло смягчить холодную душу злобно глядѣвшаго на нихъ Хлодерика, онъ стоялъ, скрестивъ руки; злобная усмѣшка пробѣгала по его тонкимъ губамъ.

Въ это мгновеніе раздался тяжелый шагъ вооруженнаго воина, и въ дверяхъ, ведущихъ въ темницу, показался одинъ изъ стражей, охранявшихъ башню.

— Человѣкъ двадцать всадниковъ приближаются по берегу къ намъ; мы ихъ окликали, что имъ нужно, — но не получили отвѣта...

Хлодерику велѣлъ воину остаться сторожить входъ въ темницу, а самъ бросился поспѣшно наверхъ. Въ отверстіе башни онъ дѣйствительно, увидѣлъ толпу всадниковъ съ пылающими факелами, но ихъ было гораздо больше, чѣмъ ему доложили: по крайней мѣрѣ сотня хорошо вооруженныхъ человѣкъ. Хлодерику вздрогнулъ—при трепетномъ красномъ свѣтѣ онъ узналъ эти суровыя морщинистыя лица. Это были остатки вѣрныхъ саратниковъ и тѣлохранителей стараго короля Сигеберта; во главѣ ихъ находился старый Арнульфъ, который, видимо, совсѣмъ оправился отъ предательскаго нападенія въ дѣсу. Ближе и ближе подвигались страшные мстители, грозно сверкали въ могучихъ рукахъ копья и мечи.

Старикъ Арнульфъ подкакалъ къ самой стѣнѣ и, увидя заваленный проходъ и стражу башни, громко вскрикнулъ:

— А, разбойники, они здѣсь заключили и шего короля! Смѣлѣй на приступъ, товарищи!

Въ отвѣтъ ему, изъ башни, раздался громкій, дрожащій отъ гнѣва голосъ Хлодерика.

— Прочь отъ этихъ стѣнъ, воины! Или вы не узнаете меня! — И онъ, грозя мечемъ, высунулся изъ бойницы свое блѣдное лицо въ блестящемъ шлемѣ. Гнѣвный ропотъ и взрывъ негодованія послѣдовали со стороны прибывшихъ. Они разомъ кинулись ко входу въ башню. Во всѣ отверстія полетѣли копья и стрѣлы. Началась бѣшеная схватка. У Хлодерика было не болѣе четырехъ десятковъ воиновъ, но они занимали выгодное положеніе, могли бросать сверху камни и бревна и лучше и вѣрнѣе цѣлиться изъ луковъ. Сверхъ того молодой ихъ предводитель ободрялъ ихъ всѣхъ своимъ примѣромъ. Въ юношѣ проснулся воинъ, достойный его происхожденія, онъ слѣдилъ за всѣмъ, распоряжался всѣмъ, онъ бился наравнѣ со всѣми.

Бѣшенные крики оглашали воды темной рѣки, поминутно раздавались вопли раненыхъ, рѣзкіе и звонкіе удары каменныхъ обломковъ о металлическіе шлемы и щиты. Старикъ Арнульфъ рвался впередъ, какъ разозленный медвѣдь; онъ не зналъ, живъ ли его король, все равно—онъ хотѣлъ спасти его тѣло и отомстить за его смерть... Но видя, какъ часто падаютъ его воины, какъ быстро таетъ его отрядъ, онъ призадумался. Собравъ всю свою военную опытность, весь свой боевой навыкъ, онъ пристально оглядѣлъ стѣны замка—и радостно улыбнулся. Онъ увидѣлъ, что груда стволовъ, заслонявшихъ входъ, состояла изъ легкихъ высохшихъ деревьевъ. Онъ метнулъ въ эту груду свой пылающій факель, а вслѣдъ за нимъ то-же сдѣлали и другіе его воины. Мигомъ вспыхнуло легкое укрѣпленіе; пламя, гонимое вѣтромъ, ворвалось въ глубь башни и удушливый дымъ охватилъ осажденныхъ. Они задыхались, слѣпили, пламя опаляло имъ лица... А снизу враги все подбрасывали сухихъ смолистыхъ вѣтокъ и посылали тучи стрѣлъ.

Хлодерику понялъ, что его дѣло проиграно; немногіе оставшіеся еще у него воины готовы были бросать оружіе и броситься отъ огня и отъ враговъ въ волны рѣки. Онъ дико вскрикнулъ и, сверкая воснасленными глазами, бросился внизъ по лѣстницѣ въ темницу. Сторожевой воинъ валялся у входа, полузадохнувшись отъ дыма. Хлодерику вбѣжалъ въ подземелье. Шумъ битвы и бѣдная гарь пожара заставили очнуться старика; король Сигебертъ съ громкими стопами ползъ къ выходу, звеня оковами. Дикій юноша кинулся къ нему, и обнаженное лезвіе ножа краснымъ отблескомъ пробивающагося пламени сверкнуло надъ бѣлоснѣжной сѣдой головой... Но кто-то съ силой остановилъ руку убійцы. Это была блѣдная, какъ привидѣніе, Берта. Одежда ея была разорвана, по щекамъ, вѣроятно задѣтой случайной стрѣлой, струилась кровь. Страстная мольба и страхъ дѣлали безумнымъ взглядъ ея широко-раскрытыхъ глазъ. Одной рукой она удерживала ножъ юноши, другой показывала ему свой золотой крестъ.

— Вспомни! — прошептала она.

Но, какъ бѣшеный звѣрь, который не щадитъ ничего, что попадется ему на пути,

который и глухъ, и слѣпъ отъ жажды крови—убійца остановился лишь на мгновеніе.

Опять ярко блеснулъ ножъ, и молодая дѣвушка, схватившись за пронзенную грудь, со слабымъ крикомъ упала на каменный полъ.

Затѣмъ Хлодерику бросился на старика.

VI. Западнѣя.

Въ жаркій день ранней осени многочисленная, блестящая свита короля Хлодвигъ расположилась на опушкѣ большого лѣса, примыкавшаго къ ринуарской границѣ. Конечно, если-бы не воля самовластнаго короля, то всѣ эти знатные центграфы, степенные медлительные епископы, сѣдобородые вельможи и юныя щеголеватые пажы не согласились бы, терпѣливо стоя на одномъ мѣстѣ, пересидеть палящій зной. Да и тутъ они замѣтно роптали, едва удерживая бѣснующихся отъ жары коней. Король Хлодвигъ сидѣлъ въ лѣсу подъ столѣтнимъ дубомъ на разостланномъ плащѣ и велъ долгую и важную бесѣду съ почтительно стоявшимъ передъ нимъ графомъ Гернотомъ.

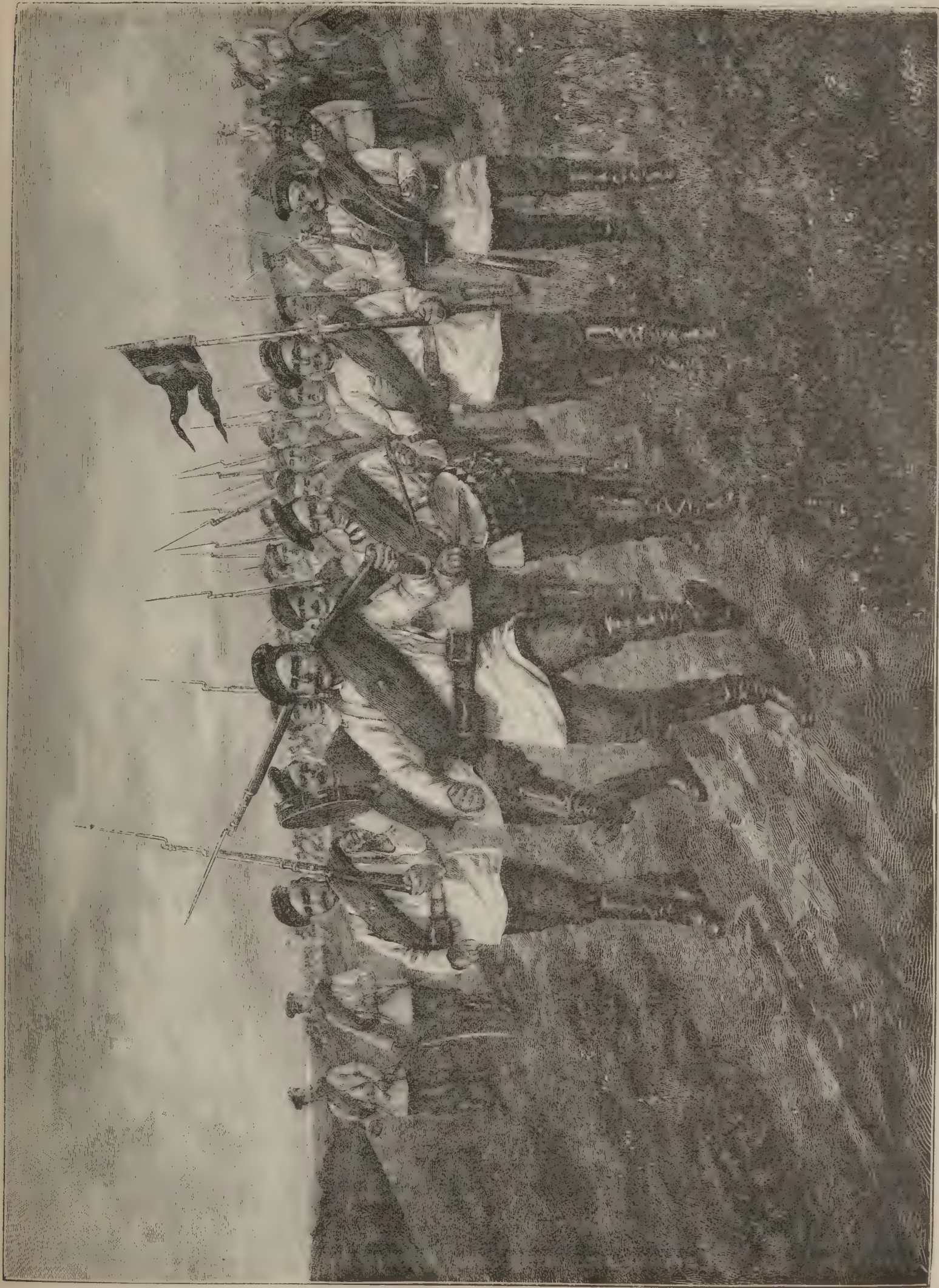
— И такъ, ты все-таки спасъ этого бѣшеннаго юношу отъ гибели?—спросилъ король.

— Да, мой повелитель, я подоспѣлъ какъ разъ во время. Онъ былъ уже взятъ въ плѣтъ, связанъ, и суровый старый оруженосецъ короля Сигеберта грозилъ бросить его живымъ въ огонь, если онъ не скажетъ, гдѣ старый король. А такъ-какъ въ это время душа короля Сигеберта уже давно вылетѣла изъ его стараго тѣла, то, понятно, юношѣ было трудно отвѣтить. Мы накрыли старыхъ тѣлохранителей внезапно, хотя все-таки пришлось съ ними порядкомъ повозиться. Послѣ того, какъ они отправились всѣ за своимъ королемъ, мы съ Хлодерикомъ начали дѣйствовать весьма быстро и весьма успѣшно. Многіе въ странѣ не долюбивали строгаго стараго короля, и когда распространился слухъ о его смерти, въ старый замокъ начали являться приверженцы его сына. Я, конечно, какъ ты приказалъ мнѣ, король, увѣрялъ всѣхъ въ твоей милости къ юношѣ. Мы задавали веселые шутки, дарили пріятными разныя подарки. Вообще, вся страна готова признать власть Хлодерика; къ тому еще мы ловко распустили слухъ, что старый король просто задохся отъ дыма, такъ какъ въ пылу боя о немъ никто не позаботился... Я сильно удивился, найдя въ подземельѣ, рядомъ съ мертвымъ королемъ, трупъ прекрасной молодой дѣвушки. Но нашъ суровый юноша упорно молчитъ объ этомъ. Съ каждымъ днемъ меня все болѣе поражала молчаливость и свирѣпость его. Къ тому-же я прошелъ слишкомъ хорошую школу ловкости, находясь на службѣ моего могучаго короля, чтобы не замѣтить, какъ лукавитъ этотъ юноша! Онъ уже набралъ себѣ большій отрядъ стражи и такъ хорошо укрѣпилъ старый замокъ, что я даже удивился... И такъ, теперь ему остается только дожидаться весенняго собранія народа и его навѣрное выберуть и открыто утвердить королемъ.

— Если только мы это допустимъ съ тобой, мой добрый графъ, — насмѣшливо улыбался, тихо сказалъ король. — Я не долго видѣлъ этого юношу, но хорошо понялъ его: онъ властолюбивъ, мстителенъ и свирѣпъ, но еще болѣе онъ жаденъ къ деньгамъ. Только эта страсть и можетъ предать его въ наши руки. Ты знаешь, графъ Гернотъ, что иногда смѣлый натискъ, хороший и вѣрный ударъ

«Сѣнокосъ». Изъ стихотворенію В. Петровича. Рисоваль художникъ Н. Сивцевскій.

«Возвращение съ ученья—пѣсенники впередъ!» Съ анварели художника П. Д. Шипова.

бываютъ удачею, чѣмъ лукавство. Слушай мой вѣрный слуга!—пониживъ голосъ, всталъ и положивъ руку на плечо графу, продолжалъ Хлодвигъ. — Этотъ юноша долженъ умереть! Онъ погибнетъ потому, что мѣшаетъ мнѣ, моимъ замысламъ. Давно, давно это было, когда еще мои владѣнія составляли жалкій клочекъ земли, я далъ себѣ клятву, что буду царить надъ всѣми соседними странами. О, сколько лѣтъ неуспѣшнаго труда, сколько опасныхъ кровавыхъ битвъ, сколько хитрости, сколько человеческой крови! Но какъ за то велика моя страна теперь, какъ далеко гремитъ мое имя! Я мѣрилъ мечомъ на полѣ брани съ самимъ Теодорихомъ Великимъ, я въ дружбѣ съ греческимъ императоромъ, Юстиніаномъ, Римъ далъ мнѣ санъ римскаго патриція... Теперь мнѣ остается только покорить еще землю короля Сигеберта, и я ее покорию! Вѣрный мой сподвижникъ и слуга, ты долженъ убить Хлодвигу! Убей, погуби его какъ хочешь,—хитростью, силой,—только чтобы онъ не мѣшалъ мнѣ... Я самъ буду королемъ рипуарцевъ.

Хитрый и лукавый графъ Гернотъ, слушая пылкую рѣчь короля, какъ будто совершенно преобразился. Обыкновенно загадочное и суровое лицо его дышало теперь любовью и преданностью. Онъ преклонилъ колѣни предъ королемъ.

— Я исполнию твое приказаніе, мой повелитель, хотя-бы это мнѣ стоило жизни!

Милостиво разговаривая съ графомъ, Хлодвигъ вышелъ изъ лѣсу къ ожидавшей его свитѣ. Застоявшіяся лошади съ веселымъ ржаніемъ мчались по зеленому полю. Весело болтали молоденькіе пажы, молодые придворные скакали на перегонки, даже суровыя лица слугъ проявились при мысли о скоромъ обѣдѣ. Только лицо графа Гернота было сильно озабочено; порученіе, данное королемъ, было опасно и трудно. Графъ молчаливо ѣхалъ въ сторонѣ со своимъ вѣрнымъ слугою Генцо и лукавый умъ его дѣлательно работалъ.

— Слушай, обратился онъ къ старику, — ты вѣдь долго жилъ около Фульды. Не помнишь-ли ты какихъ разсказовъ о древнемъ сокровищѣ, о талисманѣ, хранящемся въ королевскомъ дворцѣ въ Кельнѣ?

— Да, господинъ, я слышалъ объ этомъ сокровищѣ не мало диковинокъ. Разсказывали, что одинъ рипуарскій король спалъ у подножія высокой скалы, утомленный охотой. Ему приснилось, что онъ обратился въ мышъ и юркнулъ въ маленькую трещину, чернѣвшую въ близости, въ этой самой скалѣ. Мышь очутилась въ огромной каменной пещерѣ, которая вся ярко сіяла, хотя въ ней не было оконъ. Сіяли лежащія на полу груды драгоценностей. По срединѣ возвышалась на грудѣ дорогихъ камней рѣзная золотая корона, отъ нея исходили ослѣпительные радужные лучи. Мышка старательно обѣгала всю пещеру, осмотрѣла всѣ сокровища и выбѣжала на волю. Тутъ король проснулся: онъ созвалъ всѣхъ своихъ приближенныхъ и они начали разбивать трещину въ скалѣ, чтобы сдѣлать проходъ. Черезъ два дня дорылись до огромной пещеры, гдѣ оказались точь-въ-точь всѣ драгоценности, видѣнные королемъ во снѣ. Много вѣковъ съ тѣхъ поръ королевскій родъ чтитъ найденную корону, какъ чудесный талисманъ. Говорятъ, король Сигебертъ, разгнѣвавшись на своего непокорнаго сына, заперъ эту драгоценную корону въ желѣзный ящикъ и велѣлъ зарыть

ее въ глубокомъ подвалѣ своего дворца. Не отъ этого-ли поразило его такое несчастіе! — съевѣрно добавилъ старикъ.

Мысли графа Гернота заработали еще дѣлательнѣе: онъ, кажется, сталъ составлять мало-по-малу хитрый планъ.

VII. У колдуньи.

Прошло нѣсколько однообразныхъ недѣль. Земля рипуарскихъ франковъ глухо волновалась; все доходило разные слухи о молодомъ королевскомъ сынѣ Хлодерику... Одни осуждали его, другіе видѣли въ немъ надежду погибающаго королевства; вообще, надъ есей рипуарской землей какъ будто висѣло мрачное облако неизвѣстности и отчаянія.

Скалистая кручь, которая, по преданіямъ, была еще во времена древняго римскаго владычества убѣжищемъ свободолюбивыхъ германскихъ племенъ — эта кручь, носившая прозвище «Чернаго лѣса» была, какъ и въ старину, мрачна и сурова. Дикій вой прогромаваго свирѣлаго медвѣдя, изрѣдка трусливое рычаніе сѣраго волка — одни только нарушали мрачную тишину заповѣдной чащи.

Непастный день, близившій къ концу, слабо озарялъ грубыя стѣны неуклюже сколоченной постройки.

Изъ подъ деревянной крыши вырывались черными струйками пряди удушливаго дыма. Это было жилище старой колдуньи и волшебницы Эльфриды, слава которой разносилась съевѣрнымъ людомъ далеко за предѣлы страны. Въ этотъ ненастный вечеръ старая Эльфрида была, видимо, занята приготовленіемъ какого нибудь чуждаго зелья. Огромныя дубовыя полнья пылали въ ея дымномъ каменномъ очагѣ. На желѣзномъ треножникѣ кипѣлъ большой котелъ, наполненный какими-то пахучими травами! Сама колдунья — огромнаго роста безобразная старуха — бормоча древнія заклинанія жрецовъ кельтовъ, слѣдила за работою огня.

Сильный ударъ въ деревянную дверь заставилъ старую Эльфриду встать.

— Кто ты, чужестранецъ? — спросила колдунья, видя смѣло входящаго воина въ богатомъ вооруженіи.

— Я тотъ, почтенная Эльфрида, который дастъ тебѣ много золота! — раздался звучный голосъ графа Гернота. Это былъ все онъ, славный сподвижникъ короля Хлодвигу. Долгий и трудный путь сдѣлалъ онъ со своимъ старымъ слугою... Онъ настолько былъ утомленъ, что поспѣшилъ скорѣе сѣсть на одинъ изъ сухихъ череповъ буйвола, которые замѣняли въ хижинѣ старухи стулья.

— Твоя опытность, мудрая Эльфрида, — сказала графъ, — твоя слава вѣщей волшебницы дошла черезъ много земель и до моего повелителя короля Хлодвигу. И онъ — этотъ могучій властелинъ, прислалъ меня къ тебѣ! Ты должна открыть мнѣ, гдѣ скрыта древняя драгоценная корона рипуарскихъ королей... Неумолимый рокъ сулитъ гибель вашему несчастному королевству. Всѣ земли франковъ, должны объединиться подъ властью Хлодвигу. Вотъ посмотри, какой тяжелый мѣшокъ золотыхъ монетъ... Самой полноувѣнной чеканки! Вонъ, какъ звенитъ...

Въ полутемной хижинѣ раздался мелодичный, замалчивавшій звонъ золота. Но жадная колдунья противъ обыкновенія не бросила даже взгляда на тяжелый кожаный мѣшокъ въ рукахъ графа. Она оцѣтилась въ нерѣшительности и задумчивости на полъ

у очага и, подперевъ сѣдую голову костлявыми руками, глядѣла на пылающій костеръ. Сквозь косматые пряди еще густыхъ волосъ, навалившихся на ея лицо, горѣли вналье, блуждающіе, какъ болотные огни, глаза старухи.

— Да, не обманули меня вѣщія руны, не обманули меня сѣдой воронъ, прокаркавшій мнѣ вчера въ полночь съ правой стороны — «мщеніе! мщеніе!» — заговорила Эльфрида глухимъ голосомъ. — И ты не обманулся, зловѣщій посланецъ жестокаго короля. Только вѣщая Эльфрида изъ «Чернаго лѣса» можетъ предать въ его руки послѣдняго потомка обреченнаго на гибель рода. Давно, о — какъ давно это было... Еще мои кудри вилась и золотились, еще звонокъ былъ мой смѣхъ и — алѣе лѣсной земляники — губы мои манили поцѣлюю. Дѣдъ юнаго Хлодерику проѣзжалъ съ нажемъ по Вухонскому лѣсу и увидалъ меня... Сколькими слезами заплакала я потомъ за эту встрѣчу! Съ горя по мнѣ, со стыда за меня умерла въ нищетѣ моя мать — голубоокая Мерофледа, какъ звали ее въ нашемъ селеніи. Монахи, съ ихъ блѣдными лицами, съ ихъ длинными молитвами, не дали мнѣ покоя и забвенія. Местъ сожгла и истерзала мнѣ сердце! Тогда-то духъ мой сталъ искать приближнца въ нашихъ древнихъ богахъ, и вѣщая Арегонда открыла мнѣ волшебныя тайны чаръ, гаданья, волшебства. Не разъ видѣла я, въ клубахъ жертвеннаго дыма, страшные лики подземныхъ демоновъ; я читала волшебныя руны, высѣченныя на древнихъ каменныхъ плитахъ — и взоръ мой прозрѣвалъ грядущее. Я предвидѣла, какъ отъ руки усійцы погибнетъ дѣдъ Хлодерику, какъ родная рука прольетъ кровь его отца... Все это свершилось! Два раза каркала по человѣчьей моей сѣдой коронѣ, два раза съ шипѣньемъ и трескомъ потухалъ мой вѣчно пылающій очагъ... О, это были двѣ чудныя, сладкія ночи мщенія для меня!.. Но не вполне еще ясна для меня участь Хлодерику. Знакъ насильственной смерти много разъ падалъ въ гаданьяхъ на его имя, но я не знаю еще роковаго для него дня, не знаю его убійцы. Крѣпко-ли твое сердце, незнакомецъ? Я вижу много, много крови на твоихъ рукахъ: столько-же смертей на душѣ твоей, какъ и у твоего хищнаго повелителя... И все-же ты задрожалъ сейчас! Насталъ часъ гаданья кипятъ мои волшебныя травы, собранныя въ полнолуніе и политыя кровью черной лани...

Эльфрида подбросила хворосту въ пламя, и красные языки зализали котелъ. Удушливый, странный аромат наполнилъ хижину. Хриплымъ голосомъ старуха напѣвала древнія заклинанія демоновъ и ржавымъ длиннымъ мечемъ мѣшала кипящую жидкость. Графъ Гернотъ, поблѣднѣвъ, отошелъ къ двери, но любопытство заставило его остаться.

Старая Эльфрида бросила въ котелъ осколокъ камня, плеснула воды и всыпала горсть земли, бормоча:

— И горный духъ, и водяной духъ, и лѣсной духъ — всѣ покорны чуднымъ, таинственнымъ рунамъ. Насталъ часъ возмездія или нѣтъ?.. Откройте мнѣ страшную, темную завѣсу грядущаго! Откройте! откройте! откройте! Гдѣ ты, мой вѣщій воронъ? Лейся, вода! Гасни, огонь...

Съ оглушительнымъ трескомъ и шипѣньемъ началъ леркнуть и меркнуть пылающій очагъ; все гуще повалили бѣлые клубы пара изъ котла — и вдругъ откуда-то съ потолка огромный старый, сѣдой воронъ, хлопая

крыльми, тяжело слетѣлъ на руку старухи. Хрипло и злобще раздалось его медленное карканье въ темнѣющей хижинѣ. Эльфрида, освѣщенная кровавымъ пламенемъ, сверкая глазами, наклонила голову къ каркающей птицѣ и слушала эти невнятные, нестройные звуки словно человѣческую рѣчь.

Графъ Гернотъ, задыхаясь, толкнулъ дверь, но торжествующій вопль колдуньи заставилъ его остановиться.

— Онъ погибнетъ! Не пройдетъ еще слѣдующее новолуніе, какъ горячая, преступная кровь отцеубійцы Хлодерика обогрѣтъ угрюмыя стѣны того-же стараго замка, гдѣ струилась недавно хладѣющая кровь старика Сигеберта!.. Стой, чужеземецъ, собери все свое мужество, и не бѣги! Значишь, въ чью руку вложу демоны сѣкиру убійцы? Это ты, черный воинъ, ты, ложный другъ, убьешь молодого короля и отмстишь за старую Эльфриду!.. Я сама направлю тебя, я сама вложу въ твою десницу смертоносную сталь!..

Съ громкимъ дребезжащимъ звономъ упалъ изъ рукъ старухи на камень тяжелый мечъ. Мгновенно потухъ очагъ, и наступившая неожиданная тишина и темнота была такъ необычайно страшна, что графъ не выдержалъ. Охваченный ужасомъ, онъ распахнулъ дверь и, выбѣжавъ, тяжело дыша, упалъ на руки стараго слуги.

Была уже темная, ненастная ночь. Вдали прорѣзывались бѣлыя молніи и тысячею голосовъ разговаривалъ съ грозой вѣковой лѣсъ. Съ горнаго склона доносилась многоголосая, но грозная пѣсня рокочущаго потока. Вѣтеръ и дождь сѣкли лицо.

Подъ защитою густого навѣса переплетшихся вѣтвей старый Генцо ухитрился развести небольшой дымный костеръ, около котораго фыркали стреноженные лошади. Завернувшись въ толстые шерстяные плащи, господинъ и слуга расположились на ночлегъ. Ни тотъ, ни другой не согласились бы провести эту ночь въ хижинѣ страшной колдуньи, гдѣ опять уже изрѣдка каркалъ воронъ.

Сладкій утренній сонъ еще нѣжилъ утомленнаго посланца короля франковъ, когда сильный ударъ по плечу заставилъ его очнуться. Графъ открылъ глаза и сильно вздрогнулъ... Передъ нимъ стояла старая колдунья Эльфрида, которая въ блѣдномъ свѣтѣ ранней зари казалась во сто разъ ужаснѣе и уродливѣе, чѣмъ вчера въ полуосвѣщенной хижинѣ. Грязные, грубые лохмотья едва прикрывали ея костлявое большое тѣло, а красные, воспаленные глаза свѣтились загадочнымъ унылымъ огонькомъ. Въ рукѣ старуха держала длинный посохъ, а за плечами у нея висѣлъ туго набитый мѣшокъ.

— Вставай, чужеземецъ!—нетерпѣливо говорила она.—Кто меньше спитъ, больше дѣлаетъ. Въ путь!

Графъ Гернотъ поспѣшно повиновался. Онъ—смѣлый воинъ, хитрый, знатный придворный, — испытывалъ какой-то суевѣрный трепетъ передъ этой странной, одѣтой нищенски старухой.

Быстро снарядилъ старикъ Генцо отдохнувшихъ коней и, наскоро подкрѣпивъ силы неприхотливыми дорожными запасами, путники двинулись въ дорогу. Старуха, борючая что-то хриплымъ шепотомъ, быстро пошла впередъ, ловко пробираясь сквозь густую поросль лѣсного кустарника. Тотчасъ-же за ней, съ недовольнымъ карканьемъ, полетѣлъ вѣрный воронъ, изрѣдка са-

даясь на деревья. При видѣ такого страннаго спутника старый Генцо, тайкомъ отъ старухи, перекрестился...

— Скажи, вѣщая Эльфрида, далекій-ли путь предстоитъ намъ и не встрѣтятся-ли какой-нибудь опасности? — освѣдомлялся осторожный графъ Гернотъ.—Если нужно, то мы можемъ переодѣться... Куда ты ведешь насъ?

Не убавляя шагу, старуха Эльфрида обернулась къ воину, окинула его свѣтящимся взоромъ и загадочно проговорила:

— Наточи свою сѣкиру, графъ Гернотъ! Наточи свою сѣкиру!

Пораженный удивленіемъ, что колдунья знаетъ его имя, графъ замолчалъ и послушно последовалъ за чудной путеводительницей.

Пѣли утреннія птицы. Капли вчерашняго дождя отражали голубое небо, солнце и зелень...

В. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СѢНОКОСЪ.

Куда ни глянь—вездѣ рубахи
Неутомимыхъ косарей,
И косы въ блестящемъ размахѣ
Горятъ все чаще и быстрѣй...

* * *

Трава густая, по колѣно!..
Луга—въ росѣ, какъ въ серебрѣ..
И свѣже-скошенное сѣно
Благоухаетъ на зарѣ.

* * *

Зато деревни въ дни пощоа
Какъ-будто вымрутъ: все молчатъ,—
Не скрипнуть тяжкія колеса
И не раздастся крикъ рѣбятъ...

* * *

Вся жизнь—въ лугахъ: живою ратью
Кипятъ поемные луга
И солнце жаркой благодатью
Жжетъ побѣжденнаго врага!..

* * *

Настанетъ ночь—и тутъ-же въ полѣ
Косарь приляжетъ отдохнуть..
Какъ отъ усталости и боли
Разбиты плечи, ноетъ грудь!..

* * *

Народъ привычный! Что за горе!..
Дымится въ полѣ огонекъ..
«Зато накошено-то—съ морей..
«Хорошій выдался денежъ»...

В. Петровичъ.

ТАНЯ-ВОРОВКА.

Изъ вѣдавняго прошлаго.

(Окончаніе).

—♦—

V.

ВЪ СТЕПНОЙ, дальней деревнѣ господъ Неуклюдовыхъ мужики были также на барщинѣ: ими распоряжался бывший лакей Сергѣя Михайлыча—Никифоръ ставшій теперь приказчикомъ, Никифоромъ Ивановичемъ... Онъ былъ женатъ, имѣлъ дѣтей и свои деньги ж-

ли; человѣкъ онъ былъ не злой, но во хмѣлю былъ и правый и безпокойный: любилъ тогда покуражиться надъ мужиками и поломаться—показывать свою власть и силу.

Вблизи деревни стоялъ господскій хуторъ; тамъ было нѣсколько необходимыхъ построекъ: флигель для приказчика, большая каменная изба для работниковъ и такая же для кормленія, зимою, телятъ и овецъ; затѣмъ, были сарай, амбаръ, гумно, скотный дворъ, овинъ и колодезь; все это было обсажено ракетами и вербой, а кругомъ хутора, на далекое пространство, раскинуты были безкопечныя поля... Мѣсто было вообще глухое, невеселое...

Вотъ, въ этотъ-то хуторъ, черезъ два дня ѣзды, и попали на житье Степанъ Герасимычъ и Тана. Привезшіи ихъ подводчикъ подалъ приказчику письменный приказъ изъ конторы, сдалъ ему опальныхъ людей и попросилъ «росписку», что доставилъ-де ихъ благополучно...

Приказчикъ встрѣтилъ ссыльныхъ дворовыхъ не очень-то ласково: онъ зналъ, что Степанъ Герасимычъ былъ первою скрипкой въ господскомъ оркестрѣ, а его дочь—любимою горничною барыни;—не нынче-завтра ихъ могутъ простить—и тогда они вернутся въ свои си-и, пожалуй, станутъ вѣрить ему—вынесутъ соръ изъ избы: расскажутъ господамъ о его «слабости»--то-есть, о томъ, что приказчикъ рѣдкій праздникъ не напивался пьянъ... Однако, Никифоръ постарался; какъ умѣлъ, затанцъ эти свои опасенія: указавъ ссыльнымъ уголь въ общей рабочей избѣ и назначивъ, согласно приказу изъ конторы, ихъ обязанности: ему—пасти овецъ, ей—быть скотницей...

Началась новая жизнь для несчастнаго Степана Герасимыча и Тани... Единственнымъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ для нихъ обоихъ была, теперь, скрипка: старикъ игралъ на ней безъ нотъ, на память, давно и хорошо знакомыя ему вещи; въ концѣ, его игра оканчивалась, почти всегда, слезами: руки его, бывало, начнутъ трястись, а слезы каплютъ на скрипку... Тогда онъ опускалъ ее и переставалъ играть. Глядя на него и слушающая его игру, плакала и Тана.

Такъ прошло лѣто—и настала хмурая осень; а за нею и суровая зима... Тутъ, несчастнымъ ссыльнымъ подошло совѣтъ плохо: занимаемый ими уголь общей людской избы былъ сырой, полъ—земляной, холодный; воздухъ, особенно по ночамъ, былъ тяжелый и душный. На бѣду еще, жена Никифора вздумала, ни съ того ни съ сего, ревновать мужа къ Танѣ. Это увеличивало горечь ихъ положенія: они стали испытывать отъ глухой женщины тысячи мелкихъ несприятностей и придирокъ. Да и самъ Никифоръ, видя, что прощенье ссыльнымъ не приходится отъ господъ и что они, значить, не опасны, сталъ уже обращаться съ ними дерзко и сурово: «Иногда, напившись пьянъ, отъ требовалъ къ себѣ во флигель Степана Герасимыча съ его скрипкой и приказывалъ ему играть для себя... Первое время, старикъ не отказывался; но разъ, будучи не совѣтъ здоровымъ, не пожелалъ пойти на зовъ; тогда пьяный Никифоръ пришелъ самъ и затѣялъ ссору:

— Какъ ты смѣлъ не пойти, когда я тебѣ приказываю?—кричалъ, виѣ себя, приказчикъ.

— Кажись, я свое дѣло, которое мнѣ назначено господами, исполняю, — кротко отвѣчалъ Степанъ Герасимычъ.

— Нѣтъ, не исполняешь!—закричалъ Никифоръ:—теперь я твой господинъ! А я приказалъ тебѣ придти ко мнѣ со скрипкой и

играть, а ты не пошелъ; значить, ты—ослушникъ и бунтовщикъ.

— Мнѣ не было такого приказа отъ моихъ господъ, чтобы играть для тебя, Никифоръ Ивановичъ, на скрипкѣ... Мнѣ велѣно пастухомъ быть, и я исполняю приказаніе—служу въ пастухахъ, не лѣнюсь и не отпѣкиваюсь.

— А я, вотъ, приказываю тебѣ взять скрипку и идти ко мнѣ играть! И ты долженъ...

— Не могу; не взыщи, Никифоръ Ивановичъ! Раньше ходилъ, а нынче не могу; нездоровится мнѣ...

Тутъ вмѣшалась въ разговоръ Таня:

— Какъ вамъ не грѣхъ, Никифоръ Ивановичъ, такъ мучить тяненьку! Вы видите, онъ нездоровъ.

Это вмѣшательство окончательно взбѣсило приказчика:

— Ты чего вмѣшалась? — огрызнулся онъ: — не твое это дѣло!... Твое дѣло—бриллиантовые брошки убирать...

Таня горько заплакала.

— Не смѣй обижать мою дочь!—вступился Степанъ Герасимычъ. — Грѣхъ тебѣ и стыдно!.. Ступай отсюда прочь!..

Приказчикъ захохоталъ.

— Ишь ты, какая недотрога-царевна!... Знаешь мы!.. Говори, музыкантъ, толкомъ: идешь или нѣтъ играть?

— Сказано тебѣ: не пойду,—и кончено! Чего пристаешь!..

— А, когда такъ, такъ вотъ же тебѣ!—И Никифоръ ударилъ, со всего размаха, кулакомъ въ дно висѣвшей на стѣнѣ скрипки... Послышался трескъ сухого дерева—и вѣсколко осколковъ упало на полъ...

Степанъ Герасимычъ бросился къ своему сокровищу, поклонился надъ разбитою скрипкой—и зарыдалъ, какъ малый ребенокъ...

Когда пьяный Никифоръ, наконецъ, ушелъ, старый музыкантъ, не переставая плакать, крѣпко обнялъ дочь и проговорилъ:

— Было у меня, всего-то, два сокровища: ты да эта скрипка!.. Теперь осталось одно. Ну, не плачь, доченька, не плачь, родная!—Не обидѣлъ-бы насъ Господь Богъ, а люди не могутъ обидѣть!..

И старикъ всячески старался утѣшить плачущую Таню, — хотя самъ, повидимому, не менѣе ея нуждался въ этомъ утѣшеніи...

Съ тѣхъ поръ, Степанъ Герасимычъ заболѣлъ уже серьезно и сталъ замѣтно таять съ каждымъ днемъ...

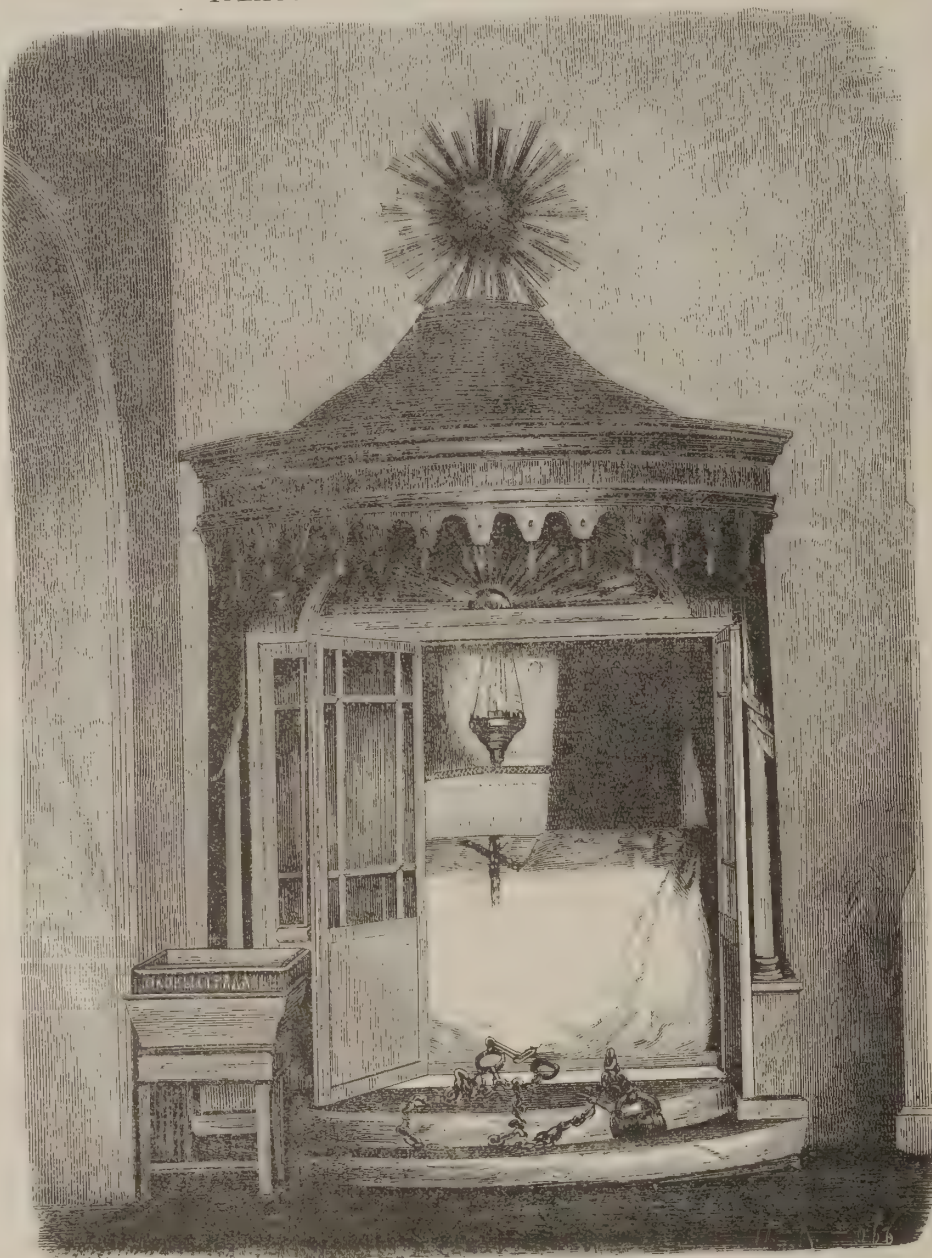
VI.

Этою-же зимою, Степанъ Герасимычъ и померъ. Не задолго до смерти, ему довелось исповѣдаться и причаститься: какъ разъ на Крещение, на ихъ хуторъ пріѣхалъ съ святою водой батюшка изъ ближняго села и Таня

позвала его къ отцу... Послѣ причастія, больному стало замѣтно легче и онъ повеселѣлъ даже; до этого, онъ все мучился мыслию, что умереть безъ покаянія, такъ какъ село, гдѣ жилъ священникъ, отстояло отъ хутора въ 20-ти слишкомъ верстахъ, и духовенство посѣщало этотъ глухой и дальній хуторъ всего лишь два раза въ году — на Крещение и на Пасху.

Когда приблизился смертный часъ Степана

ГРОБНИЦА ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

Гробница Михаила Никитича Романова

(Въ церкви св. Николая Чудотворца, Вятская губернія село Ныробъ).

Герасимыча, онъ былъ въ полной памяти: благословилъ, дрожащею рукою Таню и поцѣловалъ ее. Послѣднія слова его, обращенныя къ дочерп, были: «Живи, дочка, честно, и Господь тебя не оставитъ»...

Таня горько оплакала своего добраго отца. Затѣмъ, поклонилась Никифору, выпросила у него подводу съ работникомъ, отвезла покойника въ село и поставила въ церковь. На другой день, Степана Герасимовича похоронили честию и какъ быть должно: Таня, на послѣднія свои деньги, заказала заупокойную обѣдню и упросила батюшку проводить покойника до могилы, а вечеромъ, при себѣ, поставила на могилѣ отца сосновый крестъ.

VII.

Стала проходить суровая зима и наступилъ великій постъ. Слухи о «волѣ» вновь загудѣ-

ли по деревнямъ и селамъ и достигли до хутора. Таня жадно прислушивалась къ разговорамъ на эту тему, происходившимъ въ людской избѣ, больше шепотомъ, изъ опасенія быть услышаннымъ приказчикомъ Никифоромъ, который не долѣблывалъ этихъ «пустыхъ рѣчей», какъ онъ называлъ всѣ толки о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ. Но вотъ, однажды, пріѣхали изъ села, отъ обѣдни, работники и громко уже, безъ оглядки и

опаски, ничего и никого не боясь, рассказали, что «воля» была читана самимъ батюшкой, въ церкви, что царскіе манифесты, вишь, вездѣ уже разосланы для объявки — господамъ и крестьянамъ. А спустя нѣкоторое время, завернувшись, проѣздомъ, на ихъ хуторъ мѣстный мировой посредникъ, съ большою золотою цѣпью на шеѣ, и объявилъ, еще разъ, эту самую волю. Распространявъ и узнавъ, что на хуторѣ, кромѣ крестьянъ, есть и дворовые люди—Никифоръ съ семьей и Таня, онъ объяснилъ имъ, что служба ихъ на хуторѣ болѣе не обязательна и они могутъ, если пожелаютъ, отправляться куда угодно. Узнавъ, что Таня круглая сирота, посредникъ спросилъ ее, какъ она сюда попала?.. Таня рассказала ему въ короткихъ словахъ свою исторію, сильно при этомъ конфузясь и краснѣя...

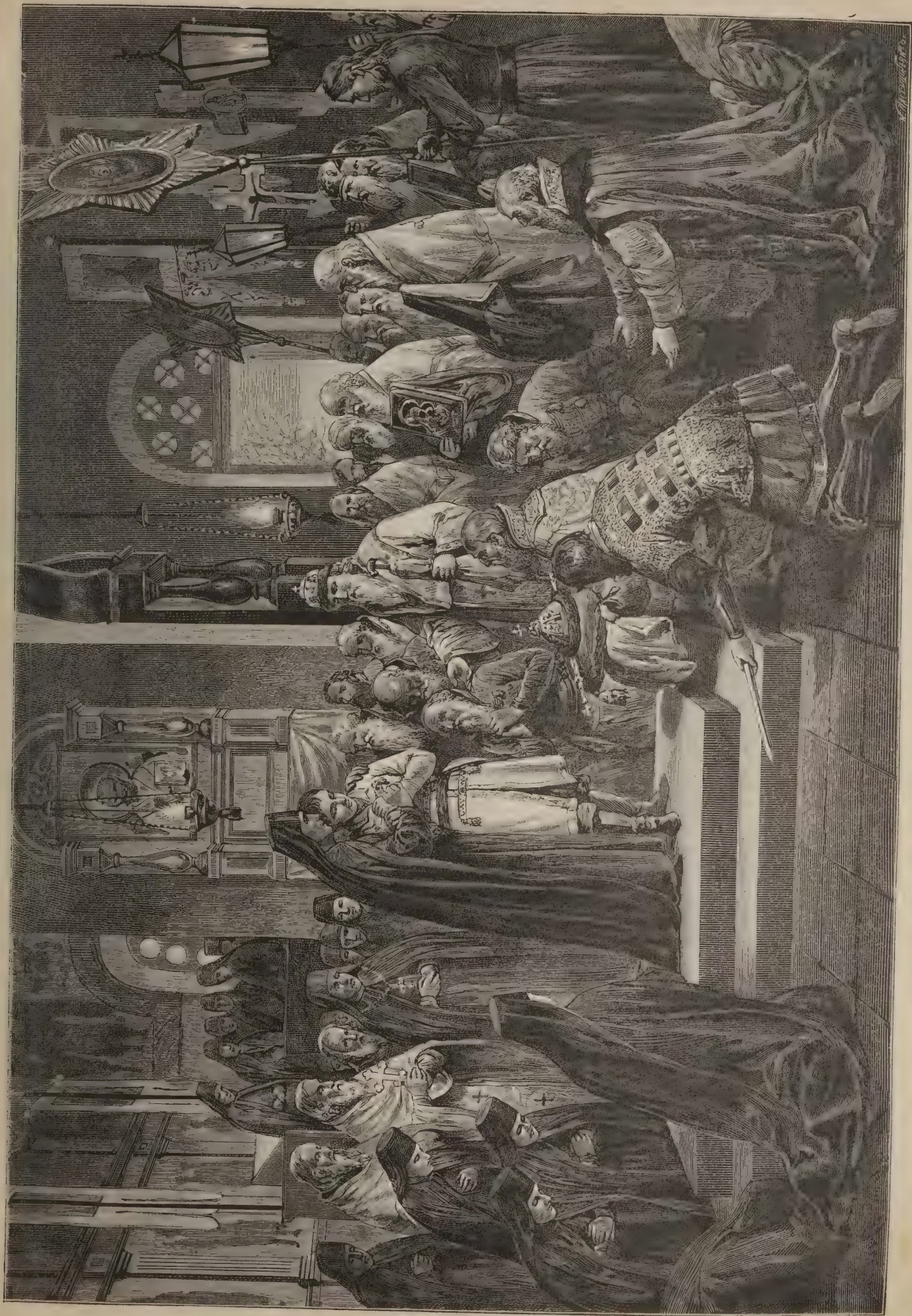
— Я слышала объ этомъ дѣлѣ,—вспомнилъ посредникъ:—вскорѣ послѣ пропажи, я былъ въ домѣ твоихъ господъ... Удивительное это дѣло, если ты, дѣйствительно, не виновата!..

По отѣздѣ мирового посредника, Таня, на другой же день, распродала весь свой лишній скарбъ и платье покойнаго отца, собрала въ небольшой мѣшокъ самое необходимое и отправилась пѣшкомъ въ свое село. Когда она,

на пятый день ходьбы, вошла въ село, она его не узнала.

Было воскресенье, стоялъ теплый и солнечный весенній день; народъ ходилъ по селу толпами; всѣ—даже старики и старухи были одѣты въ лучшія свои одежды, словно на Пасху... Это—всѣ радовались объявленію воли... Только цѣсень не пѣли, потому что былъ великій постъ. И радовались, тогда, не въ одномъ этомъ селѣ: шло великое ликование по всей русской землѣ — отъ края до края...

Когда Таня вошла въ первый разъ въ свою родительскую избу, она горько всплакнула все-таки—словно она вошла въ пустой гробъ: ее поразили эти забитыя ставни и заколоченныя двери, повсюду сырость, холодъ, плѣсень, пыль и паутина... Она не въ силахъ была остаться въ своей избѣ: рядомъ жилъ ея

ТРЕХСОТЛѢТІЕ ДОМА РОМАНОВЫХЪ. ПРИЗВАНІЕ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА БЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА. РИС. ХУД. В. ДУМИТРАШКО.

двоюродный дядя, мужикъ Демьянъ, и она поселилась пока у него.

Вскорѣ же Таня принялась и за работу: ей стали давать разное шитье, заказывали вязанье, и пр., такъ что зарабатываемыхъ ею денегъ хватало на ея скромную жизнь.

Но вотъ, сошелъ послѣдній снѣгъ съ полей, повѣяло наступающей весной, прилетѣли грачи, скворцы, жаворонки... Отъ господъ ходилъ по дворамъ староста—звалъ, *кто пожелаетъ*, идти на работу, на барскій дворъ, въ садъ—дорожки чистить...

Когда стали чистить садъ, барыня позвала приказчика и велѣла ему очистить, кстати, и ближайшія къ дому старыя липы и березы отъ вороньихъ гнѣздъ:

— Мнѣ и въ прошломъ году не было покоя отъ крика этихъ ворованыхъ птицъ,—сказала она, а теперь слетѣлось ихъ еще больше. Непремѣнно разори всѣ ихъ гнѣзда! Заставь сдѣлать это при себѣ.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ пръказчикъ и, выйдя въ садъ, вызвалъ охотниковъ изъ числа мальчиковъ-подростковъ, чистившихъ дорожки и аллеи, и послалъ ихъ на деревья; мальчуганы живо взобрались до самыхъ почти вершинъ и стали кидать оттуда на землю прутья, тряпки и прочій мусоръ, натасканный воронами въ свои гнѣзда. Масса этихъ птицъ собралась и кружилась надъ деревьями, оглашая воздухъ своимъ рѣзкимъ и неприятнымъ крикомъ; приказчикъ стоялъ на дорожкѣ и, согласно приказанію барыни, наблюдалъ за разореніемъ гнѣздъ, остерегая, по временамъ, ребятъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ, грѣшнымъ дѣломъ, не сорвался внизъ... Вдругъ, одинъ мальчикъ, разоряя гнѣздо на самой ближней къ дому березѣ, громко вскрикнулъ... Приказчикъ обернулся въ его сторону и увидѣлъ, что мальчикъ бросилъ внизъ что-то свѣтлое и очень блестящее...

— Ловите!—крикнулъ мальчикъ сверху:—какая-то стеклянная пуговица...

Приказчикъ подошелъ къ брошенной на землю вещи, поднялъ ее и, къ крайнему изумленію, увидѣлъ, что это была—золотая брошь съ крупнымъ брилліантомъ... Онъ тотчасъ же догадался, что это была та самая вещь, которая, почти годъ назадъ, пропала у барыни, позвалъ мальчика, велѣлъ ему слѣзть съ дерева, и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ господскій домъ.

Барыня была очень обрадована находкой и, въ то же время, поражена... Въ переднюю, гдѣ стоялъ приказчикъ съ мальчуганомъ, высыпало все населеніе барскаго дома, съ самимъ бариномъ и барынею во главѣ; всѣ, не исключая барскихъ дѣтей и прислуги, брали въ руки находку, оглядывали ее со всѣхъ сторонъ—и передавали сосѣду...

И вдругъ, въ этой толпѣ послышался чей-то тихій голосъ:—Значить, Таня-то была не виновата...

Взоры всѣхъ невольно обратились на барыню... Марья Васильевна стояла среди комнаты растерянная и сильно сконфуженная: она вертѣла въ рукахъ найденную брошь и глядѣла на всѣхъ недоумѣвающимъ и безпомощнымъ взглядомъ...

Сергѣй Михайлычъ обратился къ женѣ: — Мы исправимъ, мой другъ, эту ошибку... Позови сейчасъ же Таню къ намъ,—приказалъ онъ приказчику:—скажи, что барыня желаетъ ее видѣть...

VIII.

Въ-скорости, Таня стояла въ передней господскаго дома—подъ любопытными взглядами многочисленной прислуги, находившейся тутъ

же и собравшейся въ корридорѣ. За годъ времени, дѣвушка, бывшая прежде очень красивою и миловидною, сильно исхудала и поблѣднѣла, глаза ея были окружены болѣзненной синевою, русые волосы, еще не успѣвшіе стрости, какъ слѣдуетъ, были въ безпорядкѣ разбросаны по плечамъ—и Таня прикрывала ихъ платочкомъ, повязаннымъ на голову... Но одѣта она была, по прежнему, чисто и аккуратно—въ дешевенькое ситцевое платье и такую же кофточку, сшитыя ея руками, и въ шелковой косыночкѣ, повязанной на шею.

Вотъ, наконецъ, вышла къ Танѣ и Марья Васильевна въ сопровожденіи мужа.

— Здравствуй, Таня!—ласково поздоровалась барыня.

Таня низко поклонилась ей.

— Извини, Таня,—вновь заговорила барыня:—мы, тогда, обидѣли тебя напрасно: наша пропажа нашлась—въ вороньемъ гнѣздѣ...

— Богъ вамъ судья, барыня!.. — тяжело вздохнувъ, сказала Таня.

— Ты обижена не будешь, — проговорилъ баринъ:—мы тебя наградимъ.

— Да, вотъ, возьми себѣ, пока,—сказала Марья Васильевна и протянула Танѣ нѣсколько ассигнацій, которыя она, заранѣе, имѣла въ рукѣ.

— Богъ съ вами и съ вашими деньгами, барыня! Не нужно мнѣ ихъ!—тихо отвѣтила Таня:—они уже не воротятъ мнѣ покойнаго тятеньку... вѣдь онъ съ этого и померъ!.. — и слезы навернулись на ея глазахъ...

Марья Васильевна сильно растерялась... она замѣтила, что Пелагея Петровна, стоявшая къ ней ближе всѣхъ, громко вздохнула—и прослезилась...

— Можетъ быть, ты хочешь опять поступить ко мнѣ?—обратилась она къ Танѣ:—я буду очень рада.

— Благодарю васъ, барыня; я не могу поступить къ вамъ...

— Отчего? Вѣдь ты одна...

— Я живу у дяди, и у меня теперь такъ много шитья и вязанья, что я едва успѣваю исполнять всѣ эти работы. Съ меня хватаетъ, слава Богу!..

Марья Васильевна переглянулась съ мужемъ и сухо сказала:

— Какъ знаешь, милая... Очень жаль, что ты отъ всего отказываешься.

И она кивнула Танѣ головой—и ушла.

IX.

Между тѣмъ, вѣсть о находкѣ быстро распространилась изъ господскаго дома и успѣла уже облетѣть все село; а когда узнали, что Таня отказалась отъ денегъ и отъ предложеннаго ей барынею мѣста, то удивленію и деревенскимъ пересудамъ не было конца... Нѣкоторые осуждали ее—собственно за то, что она не взяла денегъ:

— Вотъ, ужъ глупа дѣвка была!—говорили о ней:—отъ своего счастья отказалась!.. Некому, видно, было надоумить-то ее...

Болѣе всѣхъ, почему-то, волновалось семейство дьякона, куда Таню пригласили теперь бывать по-прежнему: младшая дочь дьякона, Катя, прибѣжала, въ тотъ-же день, къ своей бывшей подругѣ, бросилась ей на шею—и увела къ себѣ... Дьяконица тоже встрѣтила гостью привѣтливо, оставила у себя чай пить и тутъ-же завела рѣчь о деньгахъ:

— То-то молода ты—и глупо поступила, Таня, отказавшись отъ денегъ: вѣдь, можетъ быть, тамъ много ихъ было!.. Жди, теперь—скоро-ли заработаешь столько-то!..

— Проживу я, матушка, и такъ; Богъ съ нами, съ ихними деньгами!..

— Все-таки, Танюша, не слѣдовало такъ огорчать барыню! Вѣдь ими, господами-то, мы живемъ...

Таня ничего на это не отвѣтила. Общее же сочувствіе было, конечно, на ея сторонѣ,—и съ того времени, она стала пользоваться отъ всѣхъ на селѣ большимъ уваженіемъ, работы у нея прибавилось вдвое, и она не въ силахъ уже была справляться одна; матушка-дьяконица, узнавъ объ этомъ, попросила взять ея Катю въ помощницы,—и Таня съ удовольствіемъ согласилась.

А черезъ двѣ недѣли, пріѣхалъ изъ губернскаго города Миша. Онъ окончилъ полный курсъ семинаріи и получилъ, пока, мѣсто учителя въ школѣ сосѣдняго села; а такъ какъ занятія крестьянскихъ мальчиковъ начинались, обыкновенно, не ранѣе сентября, то онъ и рѣшилъ провести все лѣто въ родительскомъ домѣ, помогая отцу по хозяйству.

Но на свое мѣсто, въ школу, новый учитель уѣхалъ уже не одинъ: ему сопутствовала молодая и красивая жена—Татьяна Степановна... Свадьба ихъ была очень скромная; но за то въ церковь—взглянуть на невѣсту—собралось почти все село. Бракъ этотъ огорчилъ—да и то не надолго—одну лишь матушку-дьяконицу, давно мечтавшую женить своего дорогого Мишу на богатой невѣстѣ и уже намѣтившую такую въ семьѣ отца-благочиннаго...

Впрочемъ, еще до отбѣзда своего изъ дома отца-дьякона, молодая сноха такъ стумѣла угодить и понравиться свекрови, что та скоро примирилась съ выборомъ своего сына—и отъ всего сердца полюбила умную, добрую и трудолюбивую Таню.

Ив. Якуиничъ (Захарыничъ).

ТРЕХСОТЛѢТІЕ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

Двѣнадцатаго іюля 1596 года въ любимой русскимъ народомъ семьѣ бояръ Романовыхъ происходившихъ, какъ извѣстно отъ прямыхъ потомковъ Рюрика, родился младенецъ, нареченный Михайломъ, который черезъ шестнадцать лѣтъ долженъ былъ надѣть на свою юную главу «шапку Мономаха». У отца и матери Михаила Ѳеодоровича—Ѳеодора Никитича Романова и Ксеніи Ивановны, урожденной Шестовой, было пятеро дѣтей—4 сына и одна дочь, но всѣ, кромѣ будущаго владыки земли русской, умерли въ раннемъ возрастѣ. Семья Романовыхъ, — «Романовы — отечества надежда» — были всегда близки къ трону, въ свойствѣ съ царями, дѣлали много добра народу, служили родиной и въ совѣтѣ боярскомъ, и въ полѣ ратномъ. Немудрено, что Борисъ Годуновъ, занявшій престолъ, благодаря своимъ проискамъ, опасался въ Романовыхъ соперниковъ въ любви народа. Какъ и могъ поступить въ такомъ случаѣ хитрый Борисъ Годуновъ, онъ ложно обвинилъ Романовыхъ въ чародѣйствѣ—и грозная опала обрушилась на благородный боярский домъ. Въ заточеніи и постриженіи томилась пятеро братьевъ Романовыхъ — Ѳеодоръ, Александръ, Михайлъ, Иванъ и Василій Никитичи. Мать Михаила Ѳеодоровича была пострижена въ инокиню Марѳу. Михайлъ Никитичъ, сосланный въ Пермскій край, въ Ныробскую волость, болѣе всѣхъ братьевъ терпѣлъ отъ жестокости сторожей. Преданіе говоритъ, какъ тяжелы были оковы его: плечныя—39 ф., ручныя—12 ф.; канда-

лы—19 ф.; замокъ—10 ф. Мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ изображеніе гробницы страдальца Михаила Никитича и его оковъ, находящихся въ селѣ Ныробѣ вятской губерніи, чердынскаго уѣзда—въ церкви св. Николая Чудотворца. До конца жизни Годунова уцѣлѣвшіе въ живыхъ Филаретъ и Иванъ Никитичъ Романовы находились въ ссылкѣ или опалѣ. Михаилъ Феодоровичъ—еще дитя—жилъ въ отчинѣ Романовыхъ близъ Юрѣва-Польскаго, а потомъ—юношей—въ костромскихъ Шестовскихъ отчинахъ съ матерью. Въ это время Филаретъ Никитичъ уже принималъ дѣятельное участіе въ страданіяхъ родины. Послѣ освобожденія Филарета изъ тушинскаго плѣна, его сынъ Михаилъ и братъ Иванъ пріѣхали было въ Москву. Но тутъ, захваченные кремлевскимъ польскимъ гарнизономъ, они должны были вытерпѣть долгую осаду Кремля русскимъ ополченіемъ. Въмѣстѣ съ Воротыцкими и Мстиславскими юный Михаилъ Романовъ переносилъ тягостный плѣнъ. Только въ половинѣ ноября 1612 г. поляки сдались и выпустили плѣнныхъ. Тогда Михаилъ Феодоровичъ удалился къ матери въ костромскія вотчины, а затѣмъ и въ костромской Ипатьевскій монастырь. Февраля 21-го въ 1613 году лучшіе люди тогдашней Россіи, выборные, бояре, духовенство прибыли въ этотъ далекий тихій монастырь, гдѣ находился молодой Михаилъ, надежда изнемогающей Россіи, не обманувшій ея ожиданій. Съ воцареніемъ этого Богомъ избраннаго рода вольнѣ вздохнула наша родина, бодрѣ встрѣтила и побѣдила невзгоду.

Отмѣтивъ трехсотлѣтіе со дня рожденія царя Михаила Феодоровича, мы считаемъ интереснымъ сообщить о происхожденіи рода Романовыхъ и о новыхъ изслѣдованіяхъ по этому поводу. Родъ бояръ Романовыхъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ древнихъ и знатныхъ русскихъ боярскихъ родовъ, которые, въ теченіе многихъ столѣтій, оставаясь приближенными къ престолу великихъ князей и царей московскихъ, все же не были затерты наплывомъ другихъ боярскихъ родовъ и удержали за собою свое видное, выдающееся по значенію мѣсто при московскомъ дворѣ. Родъ бояръ Романовыхъ ведетъ отъ Андрея Кобылы (сына Гланды Камбилы), извѣстнаго московскаго боярина временъ Симеона Гордаго (1340—1353 гг.). Съ теченіемъ времени этотъ родъ такъ размножился и пустилъ такъ много стороннихъ развѣтвленій отъ главнаго коѣна, что въ родословныхъ насчитываютъ болѣе 20 различныхъ родовъ боярскихъ и дворянскихъ, происшедшихъ отъ рода Андрея Кобылы.

Изъ ближайшихъ потомковъ Андрея Кобылы особенно возвысился его внукъ, Иванъ Феодоровичъ Кошкинъ, который былъ любимцемъ великаго князя московскаго Василия I. Семья у него была обширная, но болѣе другихъ былъ замѣчательнъ сынъ Захарія, который придалъ свое прозвище цѣлому ряду потомковъ; сынъ этого Захарія Кошкина Юрій былъ бояриномъ при Иванѣ III и дѣти Юрія уже назывались Захарьины-Юрьевы. У этого Юрія было двое сыновей: Романъ и Михаилъ. Михаилъ былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ бояръ Василия III; Романъ былъ при дворѣ Василия III окольничимъ. На дочери Романа Юрьевича, Анастасіи Романовнѣ, женился царь Иванъ IV Васильевичъ. На этотъ выборъ юнаго царя въ значительной степени вліяло и то значеніе, которымъ при дворѣ царя Василия III пользовался дядя царской невѣсты, бояринъ Михаилъ Юрьевичъ. Эта свадьба приблизила

къ двору и остальныхъ дѣтей Романа—родныхъ братьевъ царя, изъ которыхъ одинъ, Никита, былъ впоследствии бояриномъ и пользовался уваженіемъ грознаго царя. Весь родъ Романа Юрьевича сталъ уже называться не иначе, какъ Романовы-Захарьины-Юрьевы или, просто Романовыми. Ногія изслѣдованія относительно Феодора Никитича Романова говорятъ слѣдующее... Опала постигла домъ Романовыхъ въ 1601 году. Извѣстно, что всѣ братья Романовы были тогда въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. По удостовѣренію современниковъ, старшій изъ нихъ, Феодоръ Никитичъ, не только отличался умомъ, дарованіями и привѣтливостью, но обладалъ также замѣчательною ловкостью и красотою. Ссылка, постриженіе и заточеніе въ теченіе пяти лѣтъ, въ время опалы; разлука съ женою и малолѣтними дѣтьми, что сокрушало его страшнымъ горемъ, и потомъ продолжительное, съ 1610—1619 годъ, пребываніе въ плѣну въ Польшѣ, при всякихъ лишеніяхъ и оскорбленіяхъ,—всѣ эти обстоятельства не могли содѣйствовать сохраненію глубокой старости, какъ-бы онъ ни былъ крѣпко сложенъ. Вышеизложенныя данныя приводятъ къ убѣжденію, что Феодоръ Никитичъ родился позже 1550 года и былъ не отъ перваго, но отъ втораго брака его отца съ княгиней Евдокіею Александровною Горбатою-Шуйскою, а потому въ благополучно царствующемъ нынѣ домѣ течетъ несомнѣнно Рюриковская кровь, и царь Михаилъ Феодоровичъ возсѣлъ на престолъ не по одному только избранію народному, но и по законному природному праву.

Въ этомъ номерѣ мы помѣщаемъ копію съ картины художника В. И. Думитрашко, изображающую моментъ, когда прибывшее въ монастырь посольство упрашиваетъ Михаила Феодоровича Романова принять Царство Россійское.

XVI-я ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ.

Сегодняшнее наше обозрѣніе Нижегородской выставки начнемъ съ Царскаго павильона.

Зданіе Царскаго павильона деревянное, въ русскомъ стилѣ, теплое, съ печами. Зданіе увѣнчано двумя башенками, изъ которыхъ главная башня имѣетъ внутри лѣстницу, ведущую на вышку,—это открытый балконъ, съ котораго представляется прекрасный видъ на выставку. Вышота этого балкона отъ земли около 12 сажень. Зданіе Царскаго павильона двухъ-этажное. Отъ входа начинаются большія сѣни и вестибюль; изъ сѣней ведетъ лѣстница во второй этажъ, въ которомъ находятся запасныя комнаты. Изъ вестибюля входъ въ пріемный залъ, отсюда въ столовую и кабинетъ Его Величества. Пріемный залъ и столовая отдѣляются въ русскомъ стилѣ, кабинетъ Его Величества въ мавританскомъ стилѣ, кабинетъ Ея Величества въ стилѣ Людовика XV. Залъ и столовая очень большихъ размѣровъ, въ два свѣта. Прочія комнаты отдѣланы въ русскомъ стилѣ, такъ же какъ и запасныя комнаты во второмъ этажѣ. Впередѣ Царской столовой помѣщается открытая круглая терраса большихъ размѣровъ, обращенная внутрь выставки. Передній фасадъ передъ этой террасой занятъ красиво расположенными цвѣточными клумбами, группами растений; вблизи устраивается фонтанъ. Со стороны кабинета Ея

Величества помѣщается открытая веранда, декорированная вьющимися растеніями.

Въ № 27 мы упоминали уже о великолѣпномъ обелискѣ, окруженномъ венеціанскими колоннами. Онъ построенъ въ память Александра III. Памятникъ этотъ представляетъ собою высокую колонну, увѣнчанную двухглавымъ орломъ. На нижней части обелиска, съ четырехъ его сторонъ помѣщены барельефы и надписи; въ сторону входа на выставку крупными рельефными буквами слѣлана слѣдующая надпись: «Всероссійская промышленно-художественная выставка Высочайше разрѣшена 13-го августа 1893 года». Съ противоположной стороны обелиска, обращенной къ центральному выставочному зданію, надпись: «Выставка открыта 28 мая 1896 года въ благополучное царствованіе Императора Николая II-го». На боковыхъ сторонахъ—вензелевыя изображенія Императоровъ Александра III и Николая II, увѣнчанныя короною.

Машинный отдѣлъ построенъ по проекту проф. А. Померанцева, изъ желѣза С.-Петербургскимъ металлическимъ заводомъ. Съ крыши его открывается величественный видъ на все выставочное поле. Въ этомъ зданіи собраны преимущественно тѣ машины, которыя приводятся во время выставки въ движеніе. Сюда относятся: машины паровыя, газовыя, керосиновыя и пр., двигатели, насосы, машины—орудія, машины для обработки волокнистыхъ веществъ, машины химической технологіи и всѣ экспонаты электротехники. Прочія группы отдѣла помѣщены въ дополнительномъ зданіи. Всѣ экспонаты машиннаго отдѣла приводятся въ движеніе тремя паровыми машинами: шестисотсильная машина Бр. Бромлей снабжаетъ силою южную половину машиннаго зданія; шестисотсильная машина бр. Гопперъ снабжаетъ силою сѣверную половину зданія, кромѣ, впрочемъ, той части ея, въ которой размѣщены экспонаты электротехники, которыми доставляетъ силу двухсотсильная машина Ф. Вигандта. Всѣ три машины принадлежатъ къ тому классу паровыхъ машинъ, которому въ технику присвоено названіе «точныхъ». Въ нихъ прежніе золотники замѣнены клапанами и кранами почти мгновенно открывающими и закрывающими доступъ пара, точно повинувшись малѣйшимъ движеніямъ чуткаго регулятора. Этими тремя паровыми машинами приводятся во вращеніе два длинныхъ ряда передаточныхъ валовъ, идущихъ вдоль всего зданія. Эти валы, вмѣстѣ съ подшипниками, на которыхъ они лежатъ, представляютъ всѣми своими деталями одинъ изъ интереснѣйшихъ экспонатовъ. Передаточные валы поддерживаются 40 высокими клепанными колоннами. Входъ въ главное зданіе машиннаго отдѣла со стороны среднеазиатскаго отдѣла. Посѣтителю представляются сначала машины и аппараты химической технологіи—винокуреннаго, пивовареннаго, свеклосахарнаго и пр. производствъ. Аппаратамъ винокурения принадлежатъ второе по числу экспонатовъ мѣсто, что въ значительной мѣрѣ объясняется усиленіемъ дѣятельности этой области машиностроенія съ введеніемъ винной монополіи. Экспонаты аппаратовъ пивоваренія впервые появляются на русскихъ выставкахъ. Далѣе слѣдуютъ станки для обработки металловъ и дерева, среди которыхъ особенно выдѣляются лѣсопильные, какъ по общему своему, такъ и по разнообразію конструкціи. Въ этой группѣ укажемъ на фрезерныя станки, которыхъ въ 1882 г. еще не было. Рядомъ съ машинами и

ИМПЕРАТОРСКІЙ ПАВИЛЬОНЪ.

ОБЕЛИСКЪ ПРИ ГЛАВНОМЪ ВХОДѢ.

СТАВКА (ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ) 1896 ГОДА.

Военно-морской отдѣлъ.

Павильонъ Управленія удѣловъ.

орудіями по другую сторону прохода размѣщены ткацкіе и прядильные станки, ихъ довольно много, особенно первыхъ, доставленныхъ въ большомъ числѣ изъ Лодзи. Это производство у насъ сравнительно ново и имѣетъ громадную будущность. Слѣдующій большой кварталъ занятъ паровыми машинами. Отмѣтимъ прежде всего ихъ обиліе, необыкновенное для русскихъ выставокъ. На Выставкѣ 1882 года ихъ было 3, теперь — 25.

Экспонаты департамента удѣловъ сосредоточены въ особомъ, очень красивомъ павильо-

нѣ, проектированномъ проф. Шретеромъ. Павильонъ украшенъ художественно исполненными скульптурными изображеніями зубровъ нашей Бѣловѣжской пуши. Прямо отъ входной залы, красиво украшенной чучелами пушныхъ звѣрей—зубрь, благородный олень и пр., находится прекрасная выставка Императорской петергофской гранильной фабрики: вазы и разныя издѣлія изъ сибирскихъ камней, мозаика, папо и пр. Вся правая половина павильона занята лѣснымъ отдѣломъ, здѣсь выставлены образцы лѣса разныхъ породъ, гербаріи, арбораріи, модели

и фотографіи заводовъ, смолокурель, плотовъ и пр. Въ соответствующей залѣ налѣво размѣщены экспонаты по сахару, винодѣлію (вина, модели погребовъ и складовъ, инструменты, карты, фотографіи), плодоводству и орошенію. Большой интересъ представляютъ планы и модели оросительныхъ работъ Мургабскаго Государева имѣнія и другихъ удѣльныхъ имѣній. Около павильона разбитъ паркъ и находятся фруктовыя питолики, виноградныя лозы и образцы чайныхъ плантацій, разводимыхъ удѣльнымъ вѣдомствомъ на Кавказѣ.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

— Конечно, вѣтъ; ты уже шесть мѣсяцевъ какъ не хозяйни въ домѣ.

— Съ пріѣзда Пальмвры?

— Разумѣется.

— Я знаю, что ты ее не долюбиваешь.

— Ты хотѣлъ женить меня на ней. Этого достаточно, чтобы я ее возненавидѣлъ.

— Ты глупъ!

— И кромѣ того, она позволяетъ себѣ чезурчъ много мѣшаться къ дѣла Джэнь.

— Джэнь ея племянница, она имѣетъ право...

— Племянница католичка, что бѣситъ твою квакершу. Я спрашиваю, развѣ она не могла оставаться въ Филадельфіи и заботиться о счастьи своего Ионаана? По какой причинѣ она бросила его?

Этотъ вопросъ напомнилъ Гаррису объясненіе, данное ему Пальмврой о причинѣ ссоры съ четвертымъ мужемъ,—различное пониманіе одного стиха въ посланіи апостола Павла, и онъ не могъ не расхохотаться, на что Самъ сказалъ:

— Ты видишь, что она сумасшедшая! Господина Рено и Джэнь больше года любятъ другъ друга, твоя жена благословила ихъ, а ты обѣщаль...

— Я ничего ей не обѣщаль, чтобы тамъ ни говорилъ аббатъ. Я не говорю, что я не соглашусь на бракъ моей дочери съ господиномъ Рено, я не закрываю передъ нимъ дверей дома, какъ онъ это напрасно думаетъ; но я выдамъ Джэнь замужъ, когда мнѣ вздумается! А тѣмъ временемъ мы проведемъ лѣто во Франціи. Никто не заставитъ меня перемѣнить намѣреніе.

— А твои дѣла въ твоѣ отсутствіе?

— А ты-то что? Ты можешь присмотрѣть за всѣмъ и за домомъ.

— А госпожа квакерша?

— Она поѣдетъ съ нами.

— Для меня пріятное извѣстіе; но Джэнь ему не обрадуется! И такъ, ты не хочешь выдавать твою дочь замужъ до твоего отъѣзда?

— Итъ, итъ, сто разъ итъ!

— Но могу я сказать ей, что она остается невѣстой господина Рено, и по возвращеніи въ Чикаго...

— Я ничего не обѣщаю, скажи ей, что хочешь. Развѣ можно знать, что можетъ случиться черезъ три, четыре мѣсяца?

— Джо, ты что-то отъ меня скрываешь?

— Я не скрываю отъ тебя, что ты мнѣ надоѣлъ, какъ и другіе; и если такъ будетъ продолжаться, я вась всѣхъ отправлю къ черту! Спокойной ночи!

Не ожидая отвѣта, Джо прошелъ къ себѣ и хлопнулъ дверью.

— О! — проговорилъ Самъ, оставшись одинъ.—Дѣло дрянъ для нашихъ влюбленныхъ! Проклятая тетка!

Въ эту минуту Торнеръ услышалъ, что Джэнь зоветъ его потихоньку,—ей хотѣлось скорѣе узнать результатъ его разговора съ ея отцомъ. Самъ вбѣжалъ по лѣстницѣ и въ одну секунду очутился въ ея хорошенькой комнаткѣ, гдѣ тоже находилась и Мари Бренъ.

— Ну что, Самъ?—спросила Джэнь.

— Не много хорошаго! Твой отецъ не хочетъ даже и разговаривать. Онъ только сказалъ: «Я не говорю, что я не выдамъ свою дочь за господина Рено, я не затворю передъ нимъ дверей дома, но я выдамъ Джэнь замужъ тогда, когда мнѣ захочется, а прежде прокатимся въ Европу». Затѣмъ онъ прогналъ меня и, взбѣшенный, ушелъ къ себѣ.

— Такъ ты думаешь?

— Что его нужно оставить въ покоѣ и слѣдить за квакершей. Она что-то замышляеть! Ложись и спи спокойно! Я думаю,—это только скоропроходящая буря, я надѣюсь, что мы справимся съ твоимъ отцомъ.

Онъ нѣжно поцѣловалъ плачущую Джэнь, пожалъ руку воспитательницы и ушелъ, ворча про себя:

— Проклятая квакерша; чего ее принесло изъ Филадельфіи! И чему Джо такъ расхохотался, когда я спросилъ его о причинѣ?

А Джо Гаррисъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ и непозволительно ругался, весьма недовольный бурей, подъявшейся въ его до сихъ поръ такомъ спокойномъ домѣ. Когда онъ, наконецъ, легъ спать, онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что станетъ дѣлать на другой день.

Совершенно случайно на другой день Самъ узналъ затѣи миссисъ Дерсонъ. Утромъ онъ по обыкновенію отправился осматрѣть конюшни и сарай и встрѣтилъ во дворѣ почталіона. Взявъ у него письма, онъ сталъ разбирать ихъ, выдѣляя дѣловыя, но вдругъ одно письмо обратило на себя его особенное вниманіе. Письмо было адресовано миссисъ Дерсонъ и на конвертѣ стоялъ адресъ отправителя: «Гг. Д. С. Паррей и К^о, брачное бюро, Нью-Йоркъ, Бродуэй, 270». Самъ съ удивленіемъ подумалъ:

— Какъ, тетка Пальмвры въ перепискѣ съ брачнымъ бюро! Собирается пятый разъ замужъ, даже не разведясь съ четвертымъ мужемъ! Тѣмъ лучше для насъ.

И онъ положилъ это письмо къ остальнымъ, но, подумавъ, взявъ его, говоря:

— Не для себя хлопотеть эта злая ква-

керша! Въ письмѣ должно быть что нибудь интересное!

Онъ быстро пробѣжалъ къ себѣ и приказалъ принести очень горячаго чая; спустя четверть часа онъ держалъ конвертъ надъ паромъ и когда конвертъ раскрылся, вынулъ письмо и съ ужасомъ прочелъ:

«Милостивая Государыня.

«Вы не ошиблись, предполагая, что мы имѣемъ связи со всѣми брачными бюро Европы, и съ удовольствіемъ укажемъ вамъ куда обратиться. Для такой молодой дѣвушки, какъ вы ее описываете, не трудно будетъ найти титулованнаго мужа. Мы съ удовольствіемъ сами взяли бы за это дѣло, но тамъ какъ вы съ ней уѣзжаете въ Парижъ, то туда вамъ будетъ удобнѣе всего обратиться.

«Потрудитесь выслать намъ сумму въ пятьсотъ долларовъ, и обязательство уплатить еще тысячу долларовъ, если дѣло устроится черезъ посредство того агентства, которое мы вамъ отрекомендуемъ. Получивъ деньги и обязательство, мы немедленно вышлемъ вамъ рекомендательное письмо, которое дастъ вамъ возможность выполнить великую и благородную миссію, взятую вами на себя».

«Съ почтеніемъ

«Д. С. Паррей и К^о».

— Старая вѣдьма!—бранился Торнеръ. — Великая и благородная миссія! Она ищетъ мужа для Джэнь? Вотъ въ чемъ заключается секретъ всѣхъ выдумокъ Джо! Онъ хочетъ сдѣлать изъ Джэнь титулованную даму, потому что дочь торговца свиньями вышла замужъ за герцога! Посмотримъ! А вы, госпожа квакерша, вы этого письма не увидите!

И онъ хотѣлъ разорвать письмо, но вспомнивъ, что квакерша, не получая долго отвѣта, напишетъ вторично, а отвѣтъ весьма легко можетъ не попасть ему въ руки, и потому, заклеивъ конвертъ, положилъ его на столъ къ другимъ письмамъ.

XI. Разлука.

Джо Максимъ Гаррисъ провелъ скверную ночь; утромъ всталъ сердитый, ничего толкомъ не рѣшивъ и посылая всѣхъ къ черту. Больше всего онъ опасался объясненій и потому, напившись чаю, засунувъ письмо въ карманъ, онъ потихоньку вышелъ изъ дому, сѣлъ въ первый попавшійся кабъ и поѣхалъ въ свою контору. На цѣлый день онъ спокоенъ, можетъ все обдумать и принять окончательное рѣшеніе. Понемногу онъ успокоился и дѣлательно принялся за дѣла, подумывая въ свободныя минуты о брачѣ Джэнь и приходя мало по-малу къ рѣшенію сдѣлать ее счастливой,

выдать за господина Рено, и вполне отказаться отъ всякихъ идей о мести богачамъ Ньюпорта. Въ это время ему доложили о приходѣ лица, появленіе котораго имѣло роковое вліяніе на будущность Джэнь.—Это былъ Джонъ Картеръ.

Тщеславный торговецъ свинными тушами бѣгалъ по знакомымъ и собиралъ поздравленія. Войдя къ Гаррису, онъ протянулъ ему обѣ руки, не просто дружески, а съ нѣкоторой торжественностью, важно усѣлся въ кресло и смотрѣлъ съ такимъ видомъ, что Джо, вѣчный юмористъ, чуть не вскричалъ: «Онъ думаетъ, что онъ свекоръ своей дочери!»

— Да, это я,—проговорилъ наконецъ Картеръ.—Я не могъ не повидать Чикаго, но мы, зять мой герцогъ Сабріа, моя дочь—герцогиня и я, мы останемся здѣсь не больше недѣли. Мы вернемся въ Ньюпортъ. Мы обѣщали Рамзерамъ, Марбильтамъ вернуться. Они всѣ такъ милы, такъ любезны съ герцогомъ, его женой и со мной! Не то, что прежде, когда они не хотѣли даже кланяться. Я пріѣхалъ сюда, чтобы задать большой балъ, надѣюсь вы всѣ будете?

— Мы еще въ траурѣ,—отвѣчалъ Гаррисъ, въ которомъ снова пробудились всѣ честолюбивыя мечты и даже рѣзатель свиней не казался уже такъ смѣшонъ.

— Да, эта бѣдная миссисъ Гаррисъ! Какъ ваша милая дѣвочка должна по ней тосковать.

— Потеря Фанни насъ страшно огорчила.

— Понимаю, но скоро уже исполнится годъ послѣ ея смерти и такой долгій трауръ...

— Я думаю, Джонъ будетъ его носить цѣлыхъ два года и, конечно, я не стану нигдѣ бывать, пока она будетъ держаться въ сторонѣ.

— Дорогая дѣвочка! Думаете вы выдавать ее замужъ?

— Нѣтъ еще, тѣмъ болѣе, что мы хотимъ проѣхать въ Европу; проведемъ мѣсяца четыре въ Парижѣ, или гдѣ вибуди на купаніяхъ.

— О, тогда вокругъ миссисъ Гаррисъ скоро соберутся поклонники и изъ лучшихъ фамилій. Она такая-же хорошенькая, какъ Эленъ. Выдайте ее также за герцога! Знатное имя много значитъ, особенно съ деньгами. Я далъ десять милліоновъ. Эленъ герцогиня, принцесса при дворѣ; герцогъ мужъ ея очень милъ, и я очень жалѣю, что у меня нѣтъ подложныя дочерей. Такъ было-бы пріятно быть окруженнымъ графинями, маркизами, княгинями и быть дѣдомъ множества маленькихъ дворничковъ. Но я болтаю, а герцогъ и герцогиня ждуть меня у садовника, которому поручено убрать нашъ домъ. До свиданія: на этихъ дняхъ! А, Торнеръ? Милѣйшія! Здравствуйте, здравствуйте.

И онъ протянулъ два пальца вшедшему Самми, который не замѣтилъ этого и крѣпко сжалъ ему руку, какъ онъ это дѣлалъ, когда свинной торговецъ былъ только милліонеромъ, а не отцомъ герцогини. Картеръ скоро ушелъ и, оставшись одинъ съ Джо, Самъ спросилъ его:

— Тебѣ извѣстно, что еще выдумала твоя сестра?

— Пальмира? Нѣтъ! Снова разводится и хочетъ пятый разъ замужъ выйти?

— Не такъ смѣшно! Она хочетъ выдать Джэнь замужъ, но, конечно, не за господина Рено.

— Что ты тамъ еще выдумалъ? Моя дочь ни за кого не выходитъ замужъ въ эту минуту.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ миссисъ Дерсонъ ищетъ ей супруга черезъ брачное бюро?

— Не понимаю, что ты хочешь сказать! Какъ ты узналъ это?

— Это ужъ мое дѣло! Но я вѣрно знаю. Джо, неужели ты не можешь быть со мной

откровененъ. Сознайся, что примѣръ этого тщеславнаго Джона Картера соблазняетъ тебя.

— Весьма возможно. Въ прошломъ году ни Рамзеры, ни Марбильты, ни Милльсонеры не принимали ни его, ни его дочери, а теперь, въ Ньюпортѣ, они ухаживаютъ за герцогиней Сабріа и ея отцомъ. Я поѣхалъ въ Ньюпортъ въ полной увѣренности, что мнѣ не нанесутъ подобнаго оскорбленія, но случилось еще хуже, потому что это путешествіе стоило мнѣ жизни моей дорогой Фанни!

— Значитъ ты хочешь взять свѣе?

— Можеть-быть! Я еще ничего кромѣ путешествія во Францію не рѣшилъ. И послѣшу съ отъѣздомъ, чтобы отвязаться отъ васъ,—отъ перваго тебя.

— А если Джэнь любитъ господина Рено?

— Пусть любитъ... Дорогой разсѣется и забудетъ...

— И ты ее выдашь за какого-нибудь герцога Сабріа? Чтобы чортъ побралъ этого итальянца, съ Картеромъ и квакершей вмѣстѣ...

— И тебя въ то же время, ты надоелъ мнѣ,—вы всѣ мнѣ надоели! Вы съ аббатомъ Фокстономъ сдѣлаете то, что я откажу господину Рено отъ дому.

— Ты готовъ и меня выгнать!

— Дуракъ!

— Лучше быть дуракомъ, чѣмъ злымъ. У тебя одна только дочь и ту ты дѣлаешь несчастной. Если-бы я былъ на мѣстѣ Джэнь!!

— Что бы ты сдѣлалъ?

— Ужъ я знаю! Прощай!

И Торнеръ гнѣвно выбѣжалъ изъ кабинета, ругаясь, стуча ногами, а Гаррисъ потиралъ руки довольный, что избавился отъ него.

— Они всѣ кончатъ тѣмъ, что оставятъ меня въ покоѣ. Пальмира уже въ поискахъ за титулованнымъ племянникомъ! Не теряетъ времени! И чего это животное Самъ мѣшается не въ свое дѣло? Надѣюсь, что сегодняшняго урока ему будетъ достаточно!

Но Максимъ Гаррисъ ошибался,—не прошло четверти часа послѣ разговора съ Гаррисомъ, Самъ былъ уже въ консульствѣ.

— Какими судьбами, добрейшій господинъ Торнеръ?—спросилъ консулъ.

Но Самъ сразу не нашелся что говорить,—онъ умѣлъ разговаривать только съ Джо и Джэнь. Приведя нѣсколько своихъ мысли въ порядокъ, онъ сказалъ:

— Помните, что я сказалъ вамъ, когда мы въ прошломъ году провожали Гаррисовъ въ Ньюпортъ?

— Признаюсь, нѣтъ.

— О, я хорошо помню. Я сказалъ вамъ, что знаю все, что касается моей маленькой Джэнь... И что по этой причинѣ я привязался къ вамъ.

— О, это я хорошо помню.

— Не все еще. Я прибавилъ: «что разъ замужъ выходить ей нужно, пусть лучше выходитъ за васъ, чѣмъ за кого-нибудь другого».

— И это помню. Но вы мнѣнія не измѣнили?

— Я не флюгеръ подобно моему кузену Гаррису и пришелъ сообщить вамъ, что онъ съ своей сестрой затѣялъ разлучить васъ съ Джэнь и сдѣлать изъ нея принцессу, княгиню, герцогиню, маркизу, что-то въ этомъ родѣ.

— Что вы говорите?

— Истину.

— Еще вчера господинъ Гаррисъ позволялъ мнѣ падяться, что по возвращенію изъ Евро-

пы, — его дочери исполнится тогда девятнадцать лѣтъ,—онъ не будетъ препятствовать моимъ желаніямъ, которымъ сочувствовала его покойная жена.

— Примѣръ этого рѣзателя свиней, Джона Картера, заразилъ его. Колѣнопреклоненія ньюпортскихъ милліонеровъ передъ герцогиней Сабріа не дадутъ Джо спать, и онъ задумалъ поэтому сдѣлать изъ Джэнь важную даму съ титуломъ, чтобы передъ ней, а слѣдовательно и передъ нимъ такъ же преклонялись.

Рено былъ пораженъ. Онъ не считалъ Гарриса способнымъ на подобную комбинацію. Самъ объяснилъ, что всему причиной тетка, у которой главную роль играло не честолюбіе, а ненависть къ племянницѣ, которую ей не удалось обратить въ протестантизмъ, и прибавилъ:

— Надѣюсь, что вы и Джэнь не уступите имъ, что вы всѣми силами станете сопротивляться, и употребите всѣ средства, даже... самыя... крайнія... чтобы васъ не разлучили. Любите вы другъ друга или нѣтъ?

— Мы люб... по крайней-мѣрѣ, я обожаю Джэнь и готовъ за нее жизнь отдать.

— Я увѣренъ что и Джэнь любитъ васъ не меньше! Слѣдовательно...

— Слѣдовательно? Я не понимаю.

— Какъ? Вы, французъ, любящій и любимый дѣвушкой, которую дуракъ-отецъ не отдаетъ за васъ, вы не понимаете? Въ такомъ случаѣ наша репутація оболѣтителей не заслужена. Въ Америкѣ не станутъ долго задумываться. Да что говорить. Посмотрите наши законы!

— Теперь понимаю, но миссъ Джэнь не пойдетъ за мной, не обвиненная, а я должностное лицо, представитель Франціи въ этомъ городѣ, я не могу похитить дѣвушку, даже съ ея согласія.

— Зачѣмъ похищать? Ничего подобнаго. Гораздо прѣе,—въ одно прекрасное утро миссъ Джэнь Гаррисъ проѣдетъ въ сосѣдній штатъ, будто за какими-нибудь покупками, вѣдь въ Чикаго не все имѣется. Нѣсколько часовъ ѣзды взадъ и впередъ. Случится, что и вамъ въ то-же время и въ томъ-же городѣ окажется необходимымъ побывать по дѣламъ вашего правительства. Вы встрѣчаетесь, и, пользуясь случаемъ, входите въ первую попавшуюся католическую церковь и выходите отсюда обвиненные, обойдѣсь безъ всякихъ уведомленій, объявленій, согласій. Если вамъ не понадеется церкви, вы останавливаете первое попавшееся должностное лицо, будь то полицманъ, заявляете ему свое желаніе пожениться и онъ двумя словами соединяетъ васъ и выдаетъ вамъ въ томъ свидѣтельство. Это то, что у насъ называютъ бракъ по взаимному соглашенію. Госпожа Марсель Рено затѣмъ спокойно возвращается домой и когда мой драгоцѣннѣйшій кузенъ явится домой къ обѣду, мечтая о герцогахъ, маркизахъ и тому подобное, дочь его объявитъ ему: «Я сегодня утромъ съѣздила въ такой-то городъ и вернулась оттуда обвиненной женой Марселя Рено, а завтра, по его возвращенію домой, переѣду къ нему».

Никогда добряку Торнеру не приходилось говорить такъ много, предлагаемое имъ ему казалось такъ просто и естественно,—понятія его о нравственности и приличіяхъ были весьма сбивчивы. Рено слушалъ его съ удивленіемъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Если бы дѣло не шло о немъ и Джэнь, онъ громко бы расхохотался, но теперь онъ не зналъ, что отвѣчать.

— Что вы скажете на мою комбинацію,—

спросилъ Торнеръ, не получивъ отвѣта, — Гаррисъ, конечно, взбѣсится... А квакерша!! У Гарриса одна только дочь, онъ успокоится... Рѣшайтесь.

— Я никогда не осмѣлюсь предложить миссъ Гаррисъ что нибудь подобное...

— Значитъ, вы предпочитаете лишиться Джэнь! Да, кстати, богаты вы?

— Заѣмъ этотъ вопросъ?

— Увидите. Богаты вы?

— Не на столько, какъ это здѣсь поминается. Въѣстѣ съ жалованіемъ я имѣю около сорока тысячъ франковъ въ годъ.

— Маловато! Джэнь привыкла къ роскоши. Къ счастью, если Джо разсердится и не дастъ ей приданого...

— Ради Бога, ни слова объ этомъ.

— Оставьте меня въ покоѣ. Къ счастью, повторю я, Самми существуетъ.

— Что вы хотите сказать?

— Позвольте, — сказала Самми, садясь къ письменному столу консула. Крупнымъ, неровнымъ почеркомъ и съ большими ошибками она написала нѣсколько строкъ и, улыбаясь, подала ихъ консулу.

— Вотъ что я хочу сказать!

Марсель сразу прочелъ написанное и не могъ удержаться своего удивленія и восторга. На запискѣ стояло: «Я даю три милліона въ приданое моей кузинѣ Джэнь Гаррисъ въ тотъ день, когда она выйдетъ замужъ за господина Марселя Рено, французскаго консула въ Чикаго и, кромѣ того, дѣлаю ее моей единственной наслѣдницей. Самъ Торнеръ».

Рено въ порывѣ благодарности протянулъ ему руку и Самъ, думая, что дѣло рѣшено, прибавилъ:

— Оказывается, что я владѣлецъ пяти, шести милліоновъ, изъ которыхъ несомнѣнно ничего лучшего не могу сдѣлать, какъ употребить ихъ для того, чтобы доставить счастье моей Джэньчкѣ, дать урокъ этому тщеславному Джо и въ то же время поднять на смѣхъ тетку Пальмиру.

И Торнеръ, забывшись, засвисталъ и продолжалъ па джига. Рено возвратилъ ему его росписку и сказалъ:

— Вы превосходный человѣкъ, но я предпочитаю отказаться отъ Джэнь, чѣмъ овладѣть ею безъ согласія ея отца.

— Чортъ возьми! Проклятіе!

Торнеръ упалъ въ кресло, ероша свою густую гриву.

— Но, тѣмъ не менѣе, я вамъ очень признателенъ за вашу доброту и дружбу, — продолжалъ Марсель, — и попрошу васъ объ одной услугѣ.

— Только-то.

— Передайте миссъ Джэнь записку.

— Только-то? Еще-бы.

Консулъ написалъ нѣсколько словъ и передалъ записку Торнеру.

— Не запечатана! Будьте добры запечатайте ее сергучемъ!

Добрякъ вспомнилъ, какъ онъ утромъ прочелъ письмо, адресованное квакершѣ, и опасался вторично власть въ искушеніе. Рено повиновался и, запечатавъ письмо, вручилъ его Саму, который спросилъ:

— Могу я разсказать ей о своемъ посѣщеніи къ вамъ?

— Скажите ей также, что я ее люблю и страш-

но тоскую. А васъ, господинъ Торнеръ, прошу вѣрить въ мою признательность и дружбу.

— Лучше было-бы, если бы вы сдѣлались моимъ родственникомъ. Я считалъ васъ энергичнѣе! Надѣюсь, что Джэнь не дастъ выдать себя замужъ насильно. Черезъ часъ ваше письмо будетъ въ ея рукахъ. И такъ, рѣшено, вы не хотите совершить путешествіе въ сосѣдній штатъ?

— Я никогда не стану предлагать миссъ Гаррисъ ничего подобнаго.

— Въ такомъ случаѣ ждите, а въ ожиданіи рассчитывайте на Самми. Пусть это остается у васъ, вы можете раздумать, а я не хочу, чтобы дорогая дѣвочка выходила замужъ безъ приданого.

НАШИ ХУДОЖНИКИ.

Художникъ П. Д. Шиповъ.

(Авторъ картины «Возвращеніе съ ученія».)

И положивъ на столъ свою росписку, Самъ пожалъ консулу руку и ушелъ. Черезъ полчаса онъ уже былъ на Мичиганъ-авеню и, отыскавъ Джэнь въ саду, передалъ ей письмо Рено. Бѣдная дѣвочка взяла письмо, прочла и двѣ крупныя слезы скатились по ея щекамъ. Она передала письмо Мари, которая прочла слѣдующее:

«Дорогая миссъ Джэнь, вашъ кузенъ Торнеръ передалъ мнѣ, какой заговоръ затѣяла миссисъ Дерсонъ противъ нашего счастья, вполне завладевъ вашимъ отцомъ. Черезъ нѣсколько дней вы уѣдете въ Европу, мы будемъ разлучены на долгіе мѣсяцы, если не навсегда, и то счастливое будущее, о которомъ мечтала для насъ ваша покойная мать, можетъ никогда не наступить, если вы не будете тверды и вѣрны вашимъ обѣщаніямъ, какъ я буду твердъ и вѣренъ моимъ».

«Неужели я васъ передъ отъѣздомъ не увижу? Скажите г. Торнеру, когда я могу придти и въ послѣднемъ пожатіи нашихъ рукъ мы почерпнемъ нужное намъ обоимъ мужество. Марсель».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

КЪ РИСУНКУ.

Возвращеніе съ ученія — Пѣсенники впередъ! Съ акварели художн. П. Д. Шипова.

Послѣ труднаго лагернаго ученія въ жаркій день полкъ возвращается на ночлегъ во-своихъ. Люди истомились, принахмурились — и вотъ офицеры командуютъ: «Пѣсенники впередъ!» Тотчасъ-же выскакиваетъ передъ лихой заплата солдатскаго хора, на сцену являются бубень, барабанъ, и песеляя захватская пѣсня оглашаетъ тихій вечеръ, побуждая бодрость и ускоряя шагъ уставшихъ усадей. Сильные звонкіе голоса перебиваются, подхватываютъ одинъ другой; незамѣтно сокращается утомительная, пыльная дорога. У гр. Л. Н. Толстого есть чудное описаніе того, какъ увлекательно и дружно маршируетъ усталый полкъ подъ звуки такой удалой пѣсни. Съ пѣсней солдаты наши и дѣлаютъ свои суровые переходы.

КЪ ПОРТРЕТАМЪ.

П. Д. Шиповъ. Авторъ помѣщенной нами въ этомъ номерѣ картины «Возвращеніе съ ученія» — Павелъ Дмитриевичъ Шиповъ получилъ образованіе въ пажескомъ Е. И. Величества корпусѣ. Былъ камеръ-пажемъ Ея И. В. Великой Княгини Александры Іосифовны, П. Д. произведенъ въ 1883 году въ прапорщики Преображенскаго полка, въ которомъ служилъ и донынѣ, уже штабсъ-капитаномъ. Въ 1890 году П. Д. былъ командированъ въ русскому посольству въ Парижъ, гдѣ пробылъ три года. Начавъ заниматься батальной живописью у проф. Виллевалле, П. Д. продолжалъ работать въ Парижѣ подъ руководствомъ художника Е. Люмье, а по батальной живописи пользовался указаніями Э. Детайля. Тамъ имъ написана большая интересная картина:

— «Переправа впады Уральскаго Казачьяго полка черезъ р. Уралъ» (познудамъ, сдѣланной въ Уральской области въ 1889 году). Эта картина была на выставкахъ: въ Парижѣ, Ниццѣ, Стокгольмѣ и Петербургѣ. Помѣщенная въ этомъ номерѣ картина представляетъ сцену изъ лагерной жизни въ 1887 году: 1-й батальонъ Преображенскаго полка возвращается съ ученія. Вдали — Августѣйшій командиръ полка, Великій Князь Сергій Александровичъ пропускаетъ мимо Себя батальонъ; возлѣ батальонный командиръ, полковникъ Огаревъ. На первомъ планѣ — пѣсенники 2-й роты (въ которой авторъ картины составилъ большую часть своей службы) и впереди ихъ ефрейторъ 2-й роты Спиридонъ Семибратченко, извѣстный тогда въ полку плясунъ и заплата. Какъ эта, такъ и всѣ остальные фигуры — точные портреты.

Земцовъ, А. Е. художникъ (некрологъ).

3-го июля, въ Лѣсномъ, скончался одинъ изъ русскихъ талантливыхъ художниковъ — иллюстраторовъ Александръ Ефимовичъ Земцовъ. Покойный съ малыхъ лѣтъ сталъ проявлять особую любовь къ рисованію и, не смотря на сопротивленіе его домашнихъ, не жалея силъ, чтобы онъ посвящалъ себя этому дѣлу, а также на отсутствіе денежныхъ средствъ и вообще поддержки со стороны родныхъ, Ал. Еф. исключительно усидчивымъ своимъ трудомъ пробилъ себѣ дорогу до Императорской академіи художествъ, въ которой въ 1883 году и кончилъ полный курсъ со званіемъ класснаго художника 2-й степени. Работы А. Е. Земцова всегда отличались хорошею композиціею и прекраснымъ подборомъ тоновъ красокъ. Работая преимущественно въ иллюстрированныхъ изданіяхъ и болѣею частью въ нашемъ журналѣ, А. Е. всегда отличался талантливымъ воспроизведе ніемъ картинъ историческаго жанра. Изъ большихъ произведеній слѣдуетъ указать на картину «Смерть Ивана Сусаннина». Оригиналь этой картины былъ приобретенъ редакціей журнала «Живописное Обозрѣніе» и копія съ нея распространялась по Россіи въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, а затѣмъ оригиналъ былъ поднесенъ издателемъ журнала на «Первой печатной выставкѣ» въ 1895 году Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю II, а нынѣ картина эта находится въ кабинетѣ Его Величества.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именной Высочайшій указъ Министру финансовъ.

Признавъ полезнымъ, по представленію вашему, въ особомъ комитетѣ разсмотрѣнному, приступить къ дальнѣйшему погашенію безпроцентнаго по выпуску государственныхъ кредитныхъ билетовъ долга государственнаго казначейства, повелѣваемъ вамъ:

1. Выпустить 3 проц. золотой заемъ на нарицательный капиталъ сто милліоновъ (100,000,000) рублей золотомъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Заемъ сей вносится въ государственную долговую книгу подъ наименованіемъ «Россійскій 3 проц. золотой заемъ 1896 года».

2) Облигаціи сего займа выпускаются именныя и на предъявителя, достоинствомъ въ 125 р. зол. и 3,125 р. зол., считая каждыя 125 р. золотомъ = 500 франковъ = 104 имперскимъ германскимъ маркамъ = 19 фунтамъ стерлинговъ, 15 шиллингамъ, 6 пенсамъ = 239 голландскимъ гульденамъ = 360 датскимъ кронамъ = 96,25 долларамъ золотомъ.

3) Правила относительно именныхъ облигацій, ихъ перехода отъ одного лица къ другому, ихъ обмѣна на предъявительскія и обратно имѣютъ быть утверждены вами.

4) Размѣръ ежегоднаго по облигаціямъ дохода назначается въ три (3) процента годовыхъ, уплачиваемыхъ по четвертямъ года; теченіе процентовъ по облигаціямъ начинается съ 2) іюля (2 августа) 1896 г.

5) До 19 декабря 1910 г. (1 января 1911 г.) не будетъ приступлено ни къ выкупу, ни къ погашенію настоящаго займа. Только начиная съ этого срока выпущенныя облигаціи могутъ быть погашаемы полностью или частями путемъ выкупа или тиража по нарицательной цѣнѣ съ тѣмъ, чтобы тиражи были производимы не позднѣе какъ за 3 мѣсяца до срока, назначаемаго для уплаты капитала.

6) Купоны облигацій сего займа сохраняютъ платежную силу въ теченіе 10 лѣтъ съ наступленія сроковъ ихъ оплатъ, а облигаціи — въ теченіе 30 лѣтъ со сроковъ, назначенныхъ для выплаты по нимъ капитала.

7) Уплата процентовъ и капитала по облигаціямъ, назначеннымъ къ погашенію, производится въ С.-Петербургѣ рублями золотомъ или кредитными билетами по курсу — въ государственномъ банкѣ, въ Парижѣ — франками, въ Берлинѣ — имперскими германскими марками, въ Лондонѣ — фунтами стерлинговъ, въ Амстердамѣ — голландскими гульденами, въ Коненгагенѣ — датскими

ми кронами и въ Нью-Йоркѣ — долларамъ золотомъ, въ мѣстахъ, вами для сего назначенныхъ.

8) Облигаціи сего займа освобождаются навсегда отъ всякихъ русскихъ налоговъ.

9) Облигаціи сего займа помѣщаются черезъ посредство избранныхъ вами для сего кредитныхъ учреждений и банкирскихъ домовъ; и

10) Права и преимущества, принадлежащія выпускаемому нынѣ Россійскому 3 проц. золотому займу 1896 года относительно пріема въ казенные залоги и для обезпеченія

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

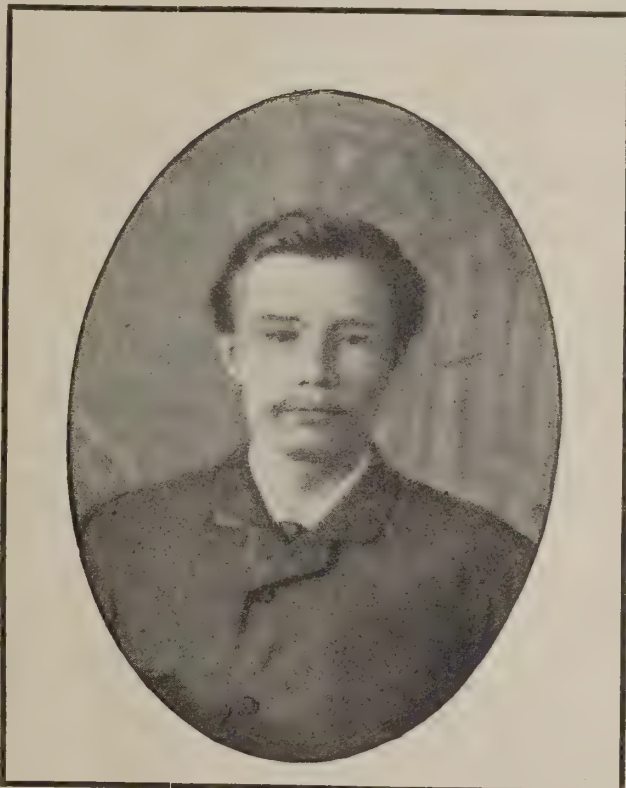
Франція. — Въ Парижѣ 2-го (14) іюля сдѣлано было, по счастью, неудачное, покушеніе на жизнь Феликса Форъ. Отправившись на парадъ, Феликсъ Форъ былъ почти у самаго Лоншанскаго поля; съ высоты горы Валеріана уже раздались громы пушекъ, и генералы Соссе и Бильо были готовы выѣхать на встрѣчу Феликсу Фору, какъ вдругъ неожиданно раздались два выстрѣла въ лѣво президента.

Густая толпа, стоявшая шпалерами по дорогѣ, заволновалась, но экипажъ, окруженный цѣлью кирасиръ, продолжалъ свой путь и подѣлалъ къ самымъ трибунамъ. Стотысячная публика устроила президенту величественныя оваціи и крики: «Да здравствуетъ Форъ! Да здравствуетъ республика!» не смолкали. Президентъ, лицо котораго не выражало ни малѣйшаго волненія, нѣсколько разъ раскланивался и оваціи все не прекращались. Преступникъ былъ немедленно же допрошенъ префектомъ полиціи Лепиномъ. Его зовутъ Евгеній-Марія-Франсуа; родился онъ 29 ноября 1861 года. Официально удостовѣрено, что онъ служилъ надсмотрщикомъ за работами по городскому управленію Парижа, и былъ уволенъ мѣсяцъ тому назадъ. Онъ говорилъ, что стрѣлялъ холостыми зарядами.

— 3-го іюля (15) вечеромъ состоялось въ Реймсѣ открытіе памятника Жаннѣ д'Аркъ при громадномъ стеченіи народа. Военный министръ генералъ Бильо произнесъ рѣчь, въ которой онъ напомнилъ, что Жанна д'Аркъ, возбудившая народное чувство въ XV столѣтіи, нынѣ представляетъ прообразъ отечества. Затѣмъ президентъ республики, г. Форъ, вручилъ строителю памятника скульптору Полю Дюбуа большой крестъ ордена Почетнаго Легіона.

На банкетѣ, устроенномъ городскимъ управленіемъ въ честь президента республики, г. Форъ говорилъ рѣчь, въ которой сказалъ, что передъ обликомъ освободительницы Франціи всѣ французы соединены горячею любовью къ отечеству. Великодушной странѣ подобало поднять дочь народа на высоту народной славы. Память 15-го іюля 1429 г. вызываетъ духъ согласія и готовности къ жертвамъ, который одинъ способенъ обезпечить за Франціею мѣсто, которое она должна занимать.

— Ли-Хунгъ-Чжанъ, гостящій въ Парижѣ, присутствовалъ на смотрѣ. Видъ войскъ на парадномъ смотрѣ былъ замѣчательный: особенно блестяще представлялась артиллерія, которая прошла рысью, по-батареино, на тѣсныхъ интервалахъ, и кавалерія, которая проскакала по-эскадронно галопомъ. Присутствовавшій на смотрѣ Ли-Хунгъ-Чжанъ

Художникъ А. Е. Земцовъ.

(Скончался 3-го іюля 1896 года).

акционныхъ платежей, опредѣляются вами при самомъ выпускѣ сего займа.

II. Обративъ по заключеніи счетовъ по упомянутому въ статьѣ 1 займу, на погашеніе части безпроцентнаго по выпуску государственныхъ кредитныхъ билетовъ долга государственнаго казначейства сто милліоновъ рублей золотомъ изъ выручки сего займа и изъ золотой наличности государственнаго казначейства съ тѣмъ, чтобы впродъ до уплаты сей суммы государственному банку она показывалась по отчетности подъ наименованіемъ «сумма, предназначенныхъ на уплату части безпроцентнаго по выпуску государственныхъ кредитныхъ билетовъ долга государственнаго казначейства».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «НИКОЛАЙ».

Въ Петербургѣ.
8-го іюля 1896 года.

неоднократно выражалъ президенту республики свое восхищеніе.

Италія.—Въ Италіи произошелъ временный кризисъ министерства. Генералъ Риккоти военный министр, намѣревался ограничить военный бюджетъ, но по случаю разногласія съ коллегами, подалъ въ отставку. Ди-Рудини и весь кабинетъ сдѣлали тоже. Король поручилъ составить кабинетъ опять Ди-Рудини. Составъ министровъ мало измѣнился:—ди-Рудини—министръ-президентъ и временно управляющій министерствами внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, Брипи—морской министр, Пеллу—военный, Коста—министръ юстиціи, Бранка—финансовъ, Лудцатти—казначейства, Принетти—общественныхъ работъ, Джіантурко—народнаго просвѣщенія, Гвичіардини—земледѣлія, Синео—почтъ и телеграфовъ и Кондрончи—гражданскій комиссаръ для Сициліи и министръ безъ портфеля. Генералъ Пеллу ярый сторонникъ сильнаго вооруженія страны. Въ министры иностранныхъ дѣлъ ди-Рудини прочитъ Висконти-Веноста, гордаго защитника тройственнаго союза. Ди-Рудини совѣщался съ Висконти-Веноста. Рѣшеніе Висконти-Веноста относительно принятія имъ портфеля министерства иностранныхъ дѣлъ отложено до возвращенія короля изъ Монцы въ Римъ.

Китай.—Серьезное антимиссіонерское движеніе вспыхнуло въ провинціяхъ Кіангсу и Сучуень. Германскіе миссіонеры и многіе мѣстные хрістіане убиты. Съ Формозы сообщаютъ о безпорядкахъ, возникшихъ въ разныхъ частяхъ острова. Туземцы волнуются и готовятся къ новой борьбѣ съ японцами. Образовалось нѣсколько партизанскихъ отрядовъ. Одинъ отрядъ, численностью до пяти тысячъ человекъ, неожиданно атаковалъ и вытѣснилъ японскій гарнизонъ изъ гор. Унриши, куда послано подкрѣпленіе отъ другихъ ближайшихъ гарнизоновъ.

Румынія.—Въ официальной газетѣ опубликованъ королевскій указъ, которымъ румынскому посланнику въ Брюсселѣ Бенгеску поручается посланническій постъ въ Аѳинахъ, чѣмъ возобновлены прекратившіяся съ 1892 г. дипломатическія сношенія между Граціею и Румыніею.

Турція.—Старшія иностранныхъ консуловъ склонили хрістіанскихъ депутатовъ критскаго народнаго собранія къ участію въ совѣщаніяхъ, чтобы не погрѣдить сдѣланнымъ Турціею уступкамъ и содѣйствовать достиженію соглашенія, увѣличили успѣхомъ: хрістіанскіе депутаты заявили, что, хотя число ихъ не соответствуетъ признанному вновь халепскому договору, а вторичные выборы при настоящемъ положеніи дѣлъ представляются невозможными, они, согласно желанію великихъ державъ, готовы явиться въ собраніе.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІА.

Нижегородское ярмарочное купечество готовится къ встрѣчѣ Ихъ Величествъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Мѣстность ярмарки будетъ роскошно украшена. Въ главномъ домѣ, въ Гербовомъ залѣ, готовится роскошный раутъ, на посѣщеніе котораго Ихъ Величествами послѣдовало высокопочтительное Высочайшее соизволеніе Монарха. Въ этомъ

раутѣ будутъ участвовать также именитые граждане города.

— Директоромъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ на мѣсто умершаго барона О. А. Бюлера, назначенъ состоявшій въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ должности гофмейстера, князь Павелъ Алексѣевичъ Голицынъ, который 3-го іюня и вступилъ въ должность. Князь П. А. Голицынъ родился 15 мая 1833 года и 11 апрѣля 1850 г. вступилъ на государственную службу.

— Во время коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ собравшимся туда предсѣдателями земскихъ губернскихъ управъ приволжскихъ губерній, принято рѣшеніе съѣхаться одновременно въ Нижнемъ-Новгородѣ во время выставки. Съѣздъ этотъ назначенъ въ первыхъ числахъ августа.

— Директоръ царскосельской классической гимназіи Левъ Александровичъ Георгіевскій назначается директоромъ московскаго Александревскаго, катковскаго, лица, а на мѣсто его переводится директоръ восьмой спб. классической гимназіи статскій совѣтникъ Иннокентій Оеодоровичъ Аннелскій, мѣсто котораго займетъ директоръ шестой спб. гимназіи д. с. с. Моръ, бывшій до 1892 г. директоромъ восьмой же гимназіи.

— Художественный отдѣлъ выставки въ Нижнемъ обогатился 25-ю новыми полотнами Рѣпина, Киселева, Васнецова, Полѣнова, Шанкина, Семирадскаго и другихъ. По предварительному подсчету экспертизы, потребуется значительно больше наградъ, чѣмъ назначено.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Въ день 25-лѣтія Императорскаго Россійскаго общества спасенія на водахъ, 3-го іюля, въ зданіи главнаго правленія общества совершено, въ 11 часовъ утра, благодарственное молебствіе съ возгласеніемъ многолѣтія Царствующему Дому. Затѣмъ предсѣдатель общества передалъ присутствовавшимъ словесное поздравленіе Августѣйшей Покровительницы общества, Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Оеодоровны, съ исполнившимся 25-лѣтіемъ общества. Слова предсѣдателя общества были покрыты восторженнымъ «ура!» Съ наименьшимъ восторгомъ былъ выслушанъ прочитанный генералъ-адъютантомъ Посѣетомъ Высочайшій рескриптъ, данный на его имя Государынею Императрицею Маріею Оеодоровною.

— Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Оеодоровна, принимая 28-го іюля въ Петергофѣ представителей англо-русскаго литературнаго общества гг. Бирбека и Клемо, позволили принять поднесенный ими по случаю священнаго коронованія иллюстрированный адресъ. Гг. Бирбекъ и Клемо удостоились Высочайшей Ихъ Императорскихъ Величествъ благодарности.

— Въ субботу, 6 іюля, исполнилось двадцать пять лѣтъ ученой дѣятельности профессора по каздрѣ гистологии въ военно-медицинской академіи Михаила Доримедонтовича Лавдовскаго. Онъ окончилъ курсъ наукъ 12 декабря 1870 года въ бывшей Императорской медико-хирургической академіи, а въ іюлѣ 1871 г. опредѣлился на службу.

— 1-го іюля исполнилось семидесятипятилѣтіе службы числящагося по морскому министерству старѣйшаго адмирала Василія

Степановича Завойки. В. С. родился въ 1809 году, поступилъ на службу 1-го іюля 1821 г. Въ 1826 г. онъ былъ произведенъ въ мичманы. Въ 1830 г. онъ участвовалъ въ турецкой кампаніи и участвовалъ въ Наваринскомъ сраженіи.

БИБЛЮГРАФІА.

Всероссійская выставка въ Нижнемъ Новгородѣ 1896 года. Путеводитель. Городъ—Ярмарка—Выставка.

Рѣдко встрѣчается такой тщательно, даже художественно изданный путеводитель, какъ вышеуказанный. И не одною вишностью отличается это изданіе Высочайше утвержденной комиссіи по устройству выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Масса чудныхъ иллюстрацій Самокиша, Кравченко, Соколовскаго сопровождаются обильнымъ интереснымъ текстомъ. Въ настоящемъ номерѣ въ статьѣ о Нижегородской выставкѣ мы пользуемся богатымъ матеріаломъ изъ этого высокополезнаго изданія.

Артуръ Шопенгауэръ. Лучи свѣта его философіи. Переводъ Н. Н. Маракуева. Второе изданіе. С.-Петербургъ, 1896 года. Цѣна 1 руб.

Имя Шопенгауэра достаточно извѣстно русской публикѣ, чтобы его рекомендовать, но нельзя не рекомендовать ей почтѣе и повнимательнѣе читать этого серьезнаго и часто суроваго философа-пессимиста. Въ нравственно-распущенный вѣкъ такое чтеніе крайне благотворно. Рекомендуемая нами книга издана хорошо и дешево.

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Грезы и пѣсни. Изд. 4-е. С.-Петербургъ 1896 года. Цѣна 50 коп.

Имя И. Н. Захарьина (Якунина), какъ поэта и какъ разсказчика, давно знакомо русской публикѣ и уже одно то, что его книжечка «Грезы и пѣсни» появляется въ четвертомъ изданіи (первое изданіе было въ 1883 году), говоритъ о симпатіи къ нему общества. Его поэзія—поэзія интимная, поэзія чувствъ, доступныхъ и понятныхъ всѣмъ, но не яркихъ, поражающихъ блескомъ образовъ. Изъ новыхъ вставленныхъ въ это изданіе стихотвореній «Пѣсь о погибшемъ сынѣ», во всей своей безыскусственности и простотѣ, производятъ страшно тяжелое впечатлѣніе...

НЕКРОЛОГИ.

М. А. Хитрово.—30-го іюня, въ 8 ч. вечера, скончался находившійся въ отпуску въ Петербургѣ чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при его величествѣ императорѣ Японіи гофмейстеръ Высочайшаго Двора Михаилъ Александровичъ Хитрово. Покойный родился въ 1837 г. и получилъ образованіе въ школахъ гвардейскихъ подпоручиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ.

— Архимандритъ Василій. 27-го іюня, вечеромъ, на 42-мъ году жизни, скончался старшій членъ с.-петербургскаго духовно-цензурнаго комитета архимандритъ Василій. Покойный, въ мірѣ Иванъ Антоновичъ Грековъ, сынъ псаломщика села Вурнакъ, борисоглебскаго уѣзда, тамбовской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ 1-мъ тамбовскомъ духовномъ училищѣ и тамбовской духовной семинаріи.

— Эдмонъ Ганкуръ. Въ Парижѣ скончался старшій изъ двоихъ братьевъ Ганкуровъ, написавшихъ вмѣстѣ 44 тома соевѣстныхъ работъ. Въ томъ числѣ есть романы, драматическія произведенія, историческія изслѣдованія по исторіи французской революціи и французскаго искусства XVIII вѣка. Отдѣльно Эдмону принадлежатъ романы «La Fille Elisa», «Chérie», «Les Frères Zengino», драма «Germinie Lacerteux».

— Н. А. Потѣхинъ. 7-го июля скончался въ своемъ имѣніи на 63 г. жизни драматургъ и беллетристъ Николай Антиповичъ Потѣхинъ. Н. А. происходилъ изъ дворянской семьи. Въ 1857 году онъ окончилъ московскій университетъ, а въ 1858 г. началъ свою литературную дѣятельность въ журналѣ «Вѣстникъ Промышленности», гдѣ имъ была помѣщена замѣтка «О шелководствѣ въ закавказскомъ краѣ». Разказы, очерки и сценки Н. А. печатались въ «Искрѣ», «Русскомъ Словѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ»; всѣ они отличаются большою жизненностью и юморомъ. Какъ драматическій писатель, Н. А. издѣлалъ съ семидесятихъ годовъ. Его нѣкоторые произведенія, какъ напр. «Нипціе духомъ», «Мертвая петля», «Злоба дня», «Быль молодцу не укоръ» весьма сценичны и досихъ поръ не сходятъ съ репертуара. Въ послѣднюю турецкую кампанію Н. А. состоялъ корреспондентомъ военныхъ дѣйствій и провелъ кампанію въ Закавказьѣ. Его произведенія собраны въ нѣсколько сборниковъ, изъ которыхъ наиболѣе популярны сборники «Наша безобразники».

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Гарриетъ Бичеръ-Стоу. 19 іюня (8 іюля) въ Тартфордѣ въ Коннектикутѣ на 85 году отъ рожденія скончалась писательница Гарриетъ Бичеръ-Стоу, написавшая всѣмъ извѣстный романъ «Хижина дяди Тома». Романъ былъ переведенъ на всѣ языки и выдержалъ множество изданій. Гарриетъ Бичеръ была дочь мастера и родилась 14 іюня въ 1812 г. въ Личфилдѣ въ Коннектикутѣ. Съ дѣтства она готовилась быть учительницей; 13 лѣтъ поступила въ учительскую семинарію, которая находилась подъ управленіемъ ея сестры Катерины, а черезъ два года сама давала уже тамъ уроки. Въ 1836 году Гарриетъ вышла замужъ за пастора Кальвина Стоу. Первое собраніе ея мелкихъ разказовъ и повѣстей вышло въ 1849 году, подъ названіемъ «Майскій цвѣтокъ» (The May Flower). Въ сѣверо американскихъ штатахъ началось сильное броженіе за и противъ освобожденія негровъ. Въ 1851 году въ Вашингтонѣ въ газетѣ «Национальная эра» началъ появляться отдѣльными статьями романъ «Хижина дяди Тома» а въ 1852 году онъ вышелъ отдѣльной книгой. Успѣхъ его былъ замѣчательный. Романъ написанъ весьма тепло и очень серьезно трактуетъ о свободѣ рабовъ. Несомнѣнно, нашлись люди, указывавшіе на преувеличеніе и недостатки дѣйствій. Тогда Гарриетъ Бичеръ-Стоу напечатала документы, на основаніи которыхъ она написала свой романъ. Изъ болѣе или менѣе официальныхъ документовъ становилось очевидно, какъ безправны были несчастные негры и какъ ужасно обращеніе съ ними. Романъ поднялъ страшную бурю негодованія противъ рабовладѣльцевъ, стали говорить о необходимости освободить рабовъ.—по общепринятому уничтоженію рабства въ сѣвероамериканскихъ штатахъ послѣдовало только въ 1865 году, послѣ четырехлѣтней кровопролитной борьбы. Дальнѣйшія произведенія Гарриетъ Бичеръ-Стоу не заслуживаютъ такого вниманія, хотя во многихъ она не разъ поднимала рабовладѣльческой вопросъ. Въ 1869 году она написала очеркъ, въ которомъ говорила объ отношеніяхъ Байрона къ его женѣ. Она вполнѣ обвиняла перваго и записала послѣднюю. Этотъ очеркъ вызвалъ бурю негодованія, тѣмъ болѣе что и доказательства были неубѣдительны и натянуты. Скончалась она отъ воспаления мозга. Глубоко и единогласно сожалѣютъ о ней ея соотечественники.

Первый чекъ Эдисона. «Когда я пріѣхалъ въ Нью-Йоркъ съ цѣлью продать мое первое изобрѣтеніе, разсказываетъ Эдисонъ, я сомнѣвался въ его цѣнности. Я зналъ, что это весьма полезная идея, но все-же съ большою неуверенностью отправился къ фабриканту, съ которымъ мнѣ предстояло вести дѣло. Еще

ребенкомъ мечталъ я о пріобрѣтеніи 5.000 долларовъ, но тутъ-же мысленно прибавлялъ, что удовольствуюсь и 2.000. Когда фабрикантъ спросилъ меня, во что я цѣню свое изобрѣтеніе, я, заикаясь, скромно спросилъ, какаго его цѣна? «Зайдите завтра», отвѣчалъ онъ;—я отправился домой и видѣлъ во снѣ 5.000 долларовъ, которые, можетъ быть, получу. Когда я на другое утро пришелъ къ фабриканту, онъ весьма рѣшительно заявилъ мнѣ: «Мы дадимъ вамъ 40.000 долларовъ и ни монетки больше». Я чуть не упалъ въ обморокъ; не прошло пяти минутъ, какъ я подписалъ контрактъ и очутился на улицѣ съ чекомъ на 40.000 долларовъ (приблизительно 80.000 руб.) въ рукахъ. Все плесало у меня въ глазахъ. Я подумалъ: «Тамъ тебя обманули, чекъ не стоитъ гроша». Я нисколько не удивился, что въ банкѣ кассиръ осматрѣлъ чекъ весьма внимательно, покачалъ головой и возвратилъ мнѣ его, прибавивъ что-то, чего я въ волненіи не разобралъ. Понятно, что изъ этого я вывелъ одно,—чекъ фальшивый. Спрятавъ чекъ, я пошелъ къ одному пріятелю и разсказалъ ему свое приключеніе. «Покажи твой чекъ!»—сказалъ онъ. «Чекъ въ порядкѣ, а тебѣ слѣдуетъ засвидѣтельствовать твою личность! Пойдемъ». Кассиръ зналъ моего пріятеля и выдалъ мнѣ деньги безпрекословно. Но я все еще не былъ увѣренъ, не во снѣ ли я все это вижу. Полученную кипу банковыхъ билетовъ я разложилъ по всѣмъ карманамъ, такъ что, куда бы ни сунулъ руку, вездѣ шестили бумажки. Спать я легъ не раздѣваясь, опасаясь на другое утро найти, что мое богатство было только сномъ».

Тиражъ 1-го внутренняго съ выигр. займа 1864 г., произведенный 1 іюля 1896 г.

На основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 13 Ноября 1864 г. Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ 1864 г. и согласно утвержденнымъ Г. Министромъ финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го Іюля 1896 г. Совѣтомъ Банка, въ присутствіи депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской Городской Думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской Биржи, произведенъ публичный тиражъ погашенія билетовъ означеннаго займа.

НУМЕРА СЕРІЙ:

каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключается въ себѣ 50 билетовъ, съ № 1 по № 50-й включительно

00011	02449	05267	08544	11278	14680	17775
00146	02453	05528	08556	11309	14686	17959
00234	02546	05576	08302	11835	14779	18124
00249	02723	05633	09366	11907	14935	18274
00261	02745	05715	09680	12017	14938	18293
00322	02895	05792	09149	12050	14990	18343
00558	03235	05832	09190	12241	15090	18371
00575	03332	05849	09348	12648	15277	18403
00627	03336	05874	09562	12787	15592	18463
00853	03344	05988	09407	12851	15649	18481
00869	03494	06583	08417	13029	15718	18482
00890	03507	06649	08426	13031	15763	18611
00967	03701	06721	08518	13080	15912	18612
01012	03824	06871	08618	13174	15964	18765
01078	03838	07108	08774	13184	16054	18998
01095	03844	07201	08934	13187	16180	19013
01143	03879	07225	09050	13306	16539	19133
01263	03916	07291	09037	13410	16550	19142
01495	04047	07437	09322	13805	16721	19243
01718	04089	07486	09477	13808	16831	19305
01722	04096	07655	09598	14018	16743	19355
01756	04120	07815	09611	14034	16752	19356
01879	04359	07993	09614	14052	16906	19555
01914	04460	08037	09707	14072	16910	19730
01983	04550	08081	09726	14116	16959	19952
02038	04963	08118	09726	14116	17154	19954
02050	05035	08131	09867	14317	17279	
02082	05067	08270	09923	14381	17508	
02302	05209	08436	10928	14389	17600	
02344	05230	08520	11005	14424	17679	
02405	05259	08522	11258	14448	17713	

Всего 212 серій, составляющія 10.600 билетовъ, на сумму 1.378.000 руб.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 130 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го Октября 1896 года въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.

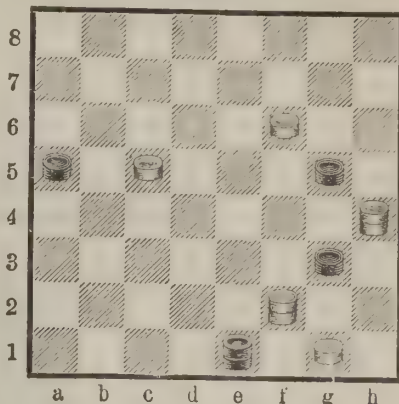
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. П. Шошина.

ЗАДАЧА № 18.

А. Иванова (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть простую.

Рѣшенія шашечныхъ задачъ.

№ 10. Шошина. 1. f8-d6, g3-f2; 2. d6-g3; 3. b4-a5, 4. g1-e3; 5. c1-d2; 6. a5-b4 и 7. f8-b2. 1.... g3-h2; 2. b6-e5; 3. e5-c3; 4. f6-h4; 5. b4-a5; 6. c3-b4; 7. b4-c3; 8. g1-f2; 9. a5-b4; 10. c3-d4; 11. h4-f2 и 12. c1-e3.

№ 11. Иванова. 1. c7-b8; 2. e5-g7, h8-h4; 3. h2-g3; 4. b8-d2 и 5. g1-f2. 2.... c7-e5; 3. b8-e1; 4. g1-f2; 5. e1-g3 и 6. c8-e1.

№ 12. Баскакова. 1. d2-e3; 2. h6-g5; 3. a3-c1; 4. c1-e3; 5. b4-c5; 6. h2-c3 и 7. g5-c1.

№ 13. Егорова. 1. h4-g5; 2. e7-d6; 3. d2-c3; 4. c8-b4; 5. b4-c5; 6. a3-d6; 7. h8-a7; 8. a7-d4; 9. c1-b2 и 10. e1-c3.

№ 14. Андреева. 1. d6-e7; 2. c5-d6; 3. b6-c7; 4. a7-c1; 5. b8-g3; 6. c1-d2 и 7. h2-g1 или d2-e1.

Рѣшили: К. Подольскій (Спб.), Е. Ф. Андреевъ (Кіевъ), М. И. Тумановъ (Сызрань), Н. А. Кукуевъ (Москва) и И. В. Петровъ (Кострома)—аст.; П. Н. Холодовъ (Курскъ) и П. М. Нѣмцовъ (Москва)—№№ 10, 11, 12 и 14; А. С. Егоровъ (Спб.)—№№ 11, 12 и 14; В. И. Баскаковъ (Москва)—№ 10; И. И. Мосоловъ (Спб.) и И. А. Карачистовъ (Москва)—№ 14.

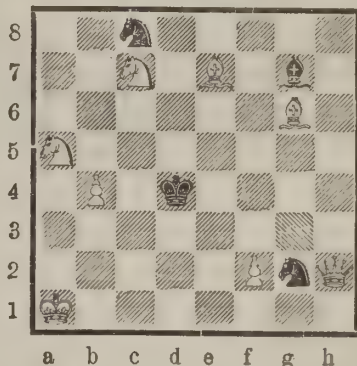
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 18.

Г. Гюнсона (въ Швеціи).

Первый призъ на конкурсѣ газетъ „Sporten“.

Черныя.

Бѣлыя.

Мать въ 2 хода.

Опечатка. Въ задачѣ № 17. О. Немо, помѣщенной въ № 27 „Живоп. Обзоръ“, на с 3 вѣсто бѣлаго короля долженъ быть бѣлый ферзь.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ.

№ 11. Готшалла. 1. Л g1-g8, d6-e5; 2. С e3-g5, ∞; 3. Л или Кх, 1.... f6-e5; 2. К e4-d6+ и 3. С e3-g5х, 1.... d6-d5; 2. К e4-d6, Кр f5-e5; 3. d8-d4+.

№ 12. Галицкаго. 1. К d5 f8, ∞; 2. Ф, К или Пх.

№ 13. Шинкмана. 1. Кр h4-g5, Кр e4 e5 (С f1-d3); 2. Ф h5-e8+, Кр e5-d5; 3. К e2 e3х, 1.... Кр e4-d5; 2. Ф h5-f7+, ∞; 3. Ф или Кх, 1.... Кр e4-d3; 2. Ф h5-d1+, Кр d3-c4; 3. К e2 a3х, 1.... К b4-c2; 2. Ф h5-f7+, Кр e4-e5; 3. Ф f3-f5х, 1.... С f1-e2 (g2); 2. Ф h5-e2+, Кр e4-d5; 3. К e2-b4х. Въ другихъ случаяхъ—2. Ф h5-f3+ и 3. Фх.

№ 14 *Хотелуша*. 1. К д7-b6, ∞; 2. Ф или КХ.
Рѣшили: К. Подольскій (Спб.) и Е. Ф. Андреевъ (Кіевъ)—
вст.; И. П. Петровъ (Кострома) и П. Н. Поповъ (Сааратовъ)—
№№ 11, 12 и 14; Н. А. Вологинъ (Симбирскъ) № 8, 9,
10 и 11; Н. Соколовъ (Тамбовъ) №№ 11 и 12; М. Т. Лев-
ской и Н. В. Бѣлавина (Новгородъ) №№ 12 и 14; Л. Е.
Богдановъ (Спб.) № 14.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

Не будутъ напечатаны:

Проза:—«Идеальная жизнь и чистая любовь»,
рассказъ М. С. Цар-на; «Минутное увлеченіе»,
Е. Вор-вой; «Люди темные», рассказъ Вел-ко;
«Нужда засталяетъ», рассказъ А. Вор-на.
Стихи:—«Молитва», Д. Шы-ра; «Небосклонъ

уже темнѣть...», М. А-ра; «Пусть сердце боль-
ное...» и др. ст., Ю К-ской; «На дорогѣ старин-
ной», Ф. Чин-кова; «Деревенская буря» и др.,
Ф. Р. О.; «Родимый край» и др., Н. Н. Т-нова;
«Стихотвореніе. А. Р-нова; «Лѣтнія пѣсни», Н.
Н. Мед-кова; «Ночь», и др. ст. И. М. Юр-ва;
«Вечеръ» и др. ст. Ф. Шк-ва; «Романсъ» и др.,
В. Деврева; «Осень» и др., А. С. Рас-ва; «Стихи».
Л. Кал-скаго.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

Всѣ присылаемые въ редакцію рукописи и рисунки
должны быть съ полнымъ адресомъ, фамиліей автора и
съ обозначеніемъ желаемого гонорара. Безъ указаній по-
сѣднихъ свѣдѣній, рукописи и рисунки считаются без-
платными. Рукописи не печатнаго листа и рисунки,

непринятые годными къ печатанію, по прошествіи
двухъ мѣсяцевъ уничтожаются безъ объясненія причинъ.
Редакція не принимаетъ на себя обязательствъ возвра-
щать рукописи и рисунки почтою, за исключеніемъ нѣко-
рыхъ случаевъ. Для полученія отвѣта необходимо прила-
гать къ рукописямъ конверты со своимъ адресомъ и мар-
кою. Относительно стихотвореній редакція не ходитъ ни
въ какіе письменные переговоры и предупреждаетъ гг.
авторовъ, что этотъ матеріалъ присылается въ саиш-
комъ большомъ количествѣ и рѣдко годномъ для пе-
чати, а потому всѣ стихотворенія, признанныя неудоб-
ными къ печати, послѣ отвѣта на нихъ въ почтовомъ
ящикѣ, уничтожаются. Писма не вполнѣ опла-
ченныя почтовымъ сборомъ, съ почты редакціею не
принимаются. Анонимныя писма не читаются.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для чистоты лица. Цена 50 коп. Осте-
регаться поддѣлокъ. Требуется под-
пись А. Энглундъ красными чернилами.
Получать можно во всѣхъ известныхъ
аптекарскихъ и парфюмерныхъ торго-
выхъ лавкахъ Россійской Имперіи. № 2045

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ВСЯКАГО РОДА И ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА

РЕКОМЕНД. въ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ

МОСКВА, Петровка, домъ Волкова.

НИЖЕГ. ЯРМ. Главный домъ № 6.

ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ

Вновь получены велосипеды

„АДЛЕРЪ“ и „МОНОПОЛЬ“

съ необычайно легкимъ ходомъ, въ 27,

28, и 37 ф. выдержив. задковъ до 7-ми

пудовъ.

За прочность полная гарантія.

Э. КИНКМАНЪ и К^о.

СПБ. Гороховая 4.

Иногородн. налож. плат.—Каталоги безпл.

Большое депо часовъ

НЕВСКІЙ ПР. № 42.

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Прейс-Кур. высыл. безпл.

Изящный медальонъ на пендари

русскій

для ношенія на

цепочкѣ къ часамъ.

числа и мѣсяцы

переставляются бо-

ковыми винтиками.

Внутри медальона

помѣщается штемп-

пель, содержащій

имя, отч., фамилія,

и т. д. или корону.

Цена только 1 р.

70 к., двѣ штуки

3 р. 20 к., три

штуки 4 р. 50 к.

Упаковка и пере-

сылка крош. Азіат.

Россіи. на счетъ

фабрики.

Высылаю немедленно по полученіи

стоимости. Мелкія деньги до 1 р. можно

прилагать почт. марк. Требованія прошу

адресовать И. Д. Левинсону въ гор.

Благовѣстск. фабрика штемпелей и печатей.

При заказахъ слѣдуетъ ясно обозна-

чать текстъ штемеля и адресъ высылки.

ЭЛЕОПАТЪ

Пр. КИНУ-
ПЕНЬ
для волосъ.
Элеопатъ Ки-
нуненъ нахо-
дится въ про-
дажѣ во всѣхъ
больш. аптеч-
кахъ, аптеч-
ныхъ магаз., Цѣна
фл. 20 граммъ. 1р.
50 к. безъ пе-
рес. Прочитъ
обращеніи
маніена илей-
мо въ самомъ стеклѣ каждого флакона
Провизоръ Кинуненъ. № 2275—6
Главный складъ. Спб., Демидовъ пер., № 1.

ОБШИРНИШІЙ ВЪ РОССІИ
СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
ДО 1000 ШТ. ВЪ НАЛИЧНОСТИ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

М. БЛОК

МОСКВА. С.-Петербургъ. Одесса. Варшава.
Екатеринбургъ. Кокандъ. Ростовъ н.д.
Каталоги безплатно.

Ахроматическ. универсалн. бинокли

„АРГУСЪ“

Карманнаго формата въ замшеломъ ко-
шелькѣ 8 руб., перес. за 3 ф. Военнаго
формат. въ нагрудномъ футлярѣ съ рем-
немъ 9 руб., перес. за 4 ф.
„Аргусъ“ имѣетъ превосходныя оптиче-
скія качества, одинаково пригоденъ для
военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра,
а потому вполне заслуживаетъ названіе
„Универсалн. бинокля“.

Предостереженіе. Въслѣдствіе уси. спроса
на наши универ. бинокли „АРГУСЪ“ и
„ЛИЛИУТЪ“, возникли дешев., но край-
не плохія поддѣлки; поэтому считаемъ
долгомъ предупредить гг. покупателей,
что настояш. бинокли нашей фабр. про-
даются въ Россіи исключ. только въ на-
ше указанномъ складѣ

Е. КРАУСЪ и К^о
Спеціальная фабрика оптическихъ инстру-
ментовъ въ Парижѣ.
Единственный складъ для Россіи
С.-Петербургъ,
Мойка, № 42 (у Полицейскаго моста).
Иллюстр. прейс-курانتъ высылается за
семи коп. марку. 2409 1

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣ-
ніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петер-
бурга и Москвы, поступила въ продажу
новая книга

„ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА“.

Романъ изъ жизни чернышнихъ владетель-
Владимірова. Цѣна 1 рубль.

ГИТАРЫ

въ 3, 5, 7, 10, 5, 20, 25, 30, 40, 50 р. и др.
(отъ 7 р. съ механизмомъ для струнъ).
Школа по 1 р., 1 1/2 р. и 3 руб.
ЦИТРЫ въ 8, 12, 27, 30, 40, 60, 80, 100, и
125 р. Школа самоучитель 2 р. и 3 руб.
МАНДОЛИНЫ въ 8, 15, 22, 30, 50, 75, 100 и
125 р. Школа самоучитель 2 р.
Иллюстрированный прейс-курантъ безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО и ФАБРИКА
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 34. Москва, Кузнецкій м..
д. Захарьина. Нижегородская ярмарка, Главная домъ
№ 59—60.

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 27—18
НОВ. ПРЕЙСЪ—КУРАНТЪ
СЪ ПЕРЕС. 20 К.

ИЗВѢСТНОЕ БѢЛЪЕ
Королевско-Саксонск. и Королевско-Гуминск. Придворныя
Поставщицы

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ

извѣстно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ
лучшаго японскаго бѣлья. Шуга-только нѣсколько копѣекъ.
При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой непріятностей. Послѣ
употребленія его бросается. Постоянно новое, безукоризненно-си-
дѣющее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усиленномъ по-
тѣніи. Необходимо для военныхъ, путешественныхъ и холостяковъ.
Ниже коименованные представители сообщать, по желанію, гдѣ
онъ продается.

Танфани и Штедль, Москва. Карлъ Шиммель, Садовая 18, С.-Петербургъ. Максъ
Тиббейнъ, Рига. Фабіанъ Клингсландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

„ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

представляетъ
собой продуктъ
природы, слаби-
тельное дѣйствіе
котораго извѣ-
стно. Для нор-
мальныхъ приема
достаточно 1/2
обычн. стакана

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Просимъ обра-
тить вниманіе на
предохранитель-
ную марку
„портретъ“, ко-
торалъ неизмѣнно
находится на
этикетѣ каждой
бутылки настоя-
щей воды

ВЛАДѢЛЕЦЪ АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ РЪ БУДАНЕШТЪ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

№ 29 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 3 1/2 листовъ, съ 11-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) «Еженедѣльная хроника» № 29-й, III) «Новѣйшія парижскія моды», за іюль, № 7-й, IV) Листъ выкроекъ и узоровъ и V) Раскрашенная картинка «Модные туалеты».

ДОВОЛЬНО ДЕШЕВО. Спб., 12 июля 1896 г.

Типография С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 11

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. А. ОБРОБЪЕВА

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

со всеми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала „Домашняя Библіотека“:
НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. НА ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р.
Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновои бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

1) Желающіе получить самостоятельно книги журнала „ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА“ (безъ журнала „Живописное Обозрѣніе“), уплачиваютъ за годъ (съ доставкою)—4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ „Живописное Обозрѣніе“ безъ книгъ „Домашней Библіотеки“—НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка: зисовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Получающіе журналъ съ разсрочкою взносовъ добавляють къ объявленной подписной годовой цѣнѣ 50 коп. за напечатаніе адресовъ и другіе расходы.

Желающіе получить художественныя изданія, какъ новыя портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, такъ и другія картины, уплачиваютъ за каждый экземпляръ портрета или картины (съ доставкою на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ С.-Петербургъ—75 коп.

ЗА ПЕРЕМѢНУ адреса петербургскаго на иногородный, иногороднаго на петербургскій, уплачивается рубль, иногороднаго на иногородный—28 коп. почтов. марками. На отвѣты и справки необходимо прилагать двѣ 7 коп. почтовые марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 10 до 12 час. пополудни.

С.-Петербургъ. Ковенскій переулокъ, собств. домъ, № 14.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

Чужія дѣти. Съ картины художника Вастага.

МІРЪ БОЖІЙ.

Брожу-ли я въ ночи гранитною плитою,
Когда умолкнетъ шумъ и рокотъ городской,
И храмы высятся, окутанные мглою,
И сфинксы тихо спятъ надъ невскою волной;

* * *

Сижу-ли вечеромъ въ тѣнистомъ, старомъ паркѣ,
Любуясь блестками бѣгущаго ручья,
Гдѣ, свѣсясь, шепчутъ мнѣ про что-то сосенъ арки
И слышатся вдали раскаты соловья;

* * *

Иду-ли въ ясный день цвѣтущими лугами,
Гдѣ сотни нѣжныхъ глазъ на пришлога глядятъ,
Гдѣ жаворонокъ въ высь трепещется крылами,
Гдѣ наполняетъ грудь мнѣ теплый ароматъ;

* * *

Какъ-бы возставъ отъ сна, вновь духомъ свѣжъ и молодъ,
Охваченъ трепетомъ, въ смущеніи я молчу,
И чувствую—огнемъ смѣнился въ сердцѣ холодъ,
И чувствую—я жить, для міра жить хочу!

Н. Позняковъ.

СТРАШНЫЙ ЗАМОКЪ.

(Окончаніе).

VIII. Сокровище.

ВЪ СУТКАХЪ пути отъ города Кельна, въ уютной долигѣ, осыняемой зелеными развѣсистыми каштанами и кленами, стояла небольшая постройка, похожая на келью отшельника. На толстой двери былъ вырѣзанъ большой крестъ. Неподалеку, изъ подъ ивоваго куста журчалъ холодный кристалльный ключъ, образуя въ небольшомъ вырытомъ углубленіи маленькое озеро.

Наступала уже ночь. Обитатели кельи—высокій сѣдой старикъ и блѣлый, румяный юноша съ живыми глазами,—только что сѣли у низкаго окна за грубый деревянный столъ, на которомъ дымила похлебка изъ овощей. Старикъ, одѣтый въ простую шерстяную темную рясу, прочелъ молитву.

— Отецъ Рикюльфъ,—сказалъ юноша, когда ужинъ уже приближался къ концу,—ты помнишь, что обѣщаль мнѣ сегодня разсказать про то, какъ ты проповѣдывалъ слово Божіе у англоу и саксовъ? Я сегодня прочелъ цѣлыхъ четыре страницы вонъ той старой рукописи и заслуживаю награды.

Низкая комната вся была завалена свитками, пергаментами; мѣдныя заставки и потемнѣвшіе кресты на переплетахъ показывали, что это были житія святыхъ, служебники и богословскія сочиненія. Деревянные скамьи кельи держали на себѣ столько книгъ, сколько въ то время имѣлъ, пожалуй, и не всякій монастырь.

— Потерпи,—сказалъ юношѣ старикъ, ласково улыбаясь.—Еще мой бѣдный король Сигебертъ всегда говорилъ: «кончи сперва одно, начинай тогда другое». Да, хорошая душа была у старика; даже мнѣ, его капеллану и духовнику, рѣдко приходилось упрекать его въ чемъ-нибудь. Бѣдный король! Сколько уже времени живемъ мы съ тобой здѣсь, юный мой Гарибертъ, убѣжавъ изъ

Кельна, убѣжавъ отъ ищеекъ Хлодерика,—и все еще сердце мое обливается кровью при мысли объ ужасной смерти короля...

— Полно, полно, отецъ Рикюльфъ! Ты самъ говорилъ, что праведнику лучше на небѣ... Скоро я выучу всѣ эти свитки; и мы пойдемъ, во славу Божію, дать свѣтъ истинной вѣры дикимъ саксамъ, англамъ, а можетъ быть проберемся и въ другія земли—къ мусульманамъ, въ Аравію...

Голосъ Гариберта восторженно зазвенѣлъ... Монахъ залюбовался юношей и съ порывомъ поднялъ глаза къ небу.

— Я не ошибся въ тебѣ, юноша, когда захотѣлъ сдѣлать изъ тебя слугителя Бога. Ты будешь продолжать мое дѣло, и я вижу, что ты не утратишь ни костровъ, ни копій язычниковъ. Многія муки и испытанія помню, какъ на берегу Африки я попалъ въ землю мусульманъ... Что за богатая гавани, постройки, что за жестокой кровавый народъ! Я видѣлъ цѣлый рынокъ невольниковъ... О, что тамъ было! Плѣнные контабріицы и баски, окровавленные отъ бичей, валялись въ пыли подъ зноемъ солнца... Межъ ними была молодая астурийка, красавица собою, съ годовалымъ ребенкомъ на рукахъ. Бѣдная, она даже не обращала вниманія на свои язвы и раны, а ея дикогорящіе глаза только слѣдили за младенцемъ... Малютка умираетъ отъ жажды... И въ то время, когда мать ловила послѣдній вздохъ его, подошелъ къ ней богатый мусульманинъ, покупатель. Однимъ ударомъ ноги продавецъ отбросилъ ребенка и за волосы поднялъ несчастную... О, ея отчаянный вопль, я его никогда не забуду! Я бросился къ жестокому, умолялъ ихъ, хотя съ трудомъ говорилъ по арабски... Но продавецъ съ проклятіемъ ударилъ и меня... «Зачѣмъ пускаютъ въ нашу гавань этихъ христіанскихъ собакъ?»—крикнулъ онъ.—Берегись, ты

самъ еще годенъ къ работѣ и стоишь двухъ-трехъ монетъ!» Обезумѣвшую женщину увезли въ гаремъ богача... Но, увы, милый Гарибертъ, не одни мусульмане жестоки! Я видѣлъ у саксовъ, какъ приносили въ жертву подъ священнымъ дубомъ стройнаго, красиваго юношу. Каменный топоръ раздробилъ его кудрявую голову, кровь брызнула на меня... Я не могъ его спасти!

— О, какъ еще много зла на землѣ!—воскликнулъ Гарибертъ.

Внезапный шумъ прервалъ бесѣду. Выглянувъ въ окно, обитатели кельи увидѣли двухъ вооруженныхъ воиновъ и высокую костлявую старуху, осторожно подкрававшихся къ постройкѣ.

— Гей, старикъ!—крикнулъ графъ Гернотъ, замахиваясь копьемъ съ угрожающимъ видомъ,—сейчасъ-же выброси въ окно все оружіе, какое у васъ есть и выходи самъ!

— Въ жилищѣ слугителя Бога нѣтъ оружія,—спокойно возразилъ монахъ.—Я не боюсь твоего копья, но выйду къ тебѣ охотно.

И старикъ, въ сопровожденіи блѣднаго Гариберта, смѣло вышелъ изъ кельи. Какъ хищная птица, колдунья Эльфрида бросилась съ воплемъ къ монаху и вцѣпилась ногтями въ его рясу.

— Вотъ онъ! Вотъ онъ, черный монахъ!—кричала она.—Этотъ онъ проклиналъ меня на улицахъ Кельна и изгонялъ изъ города... Это онъ, другъ и слуга стараго Сигеберта... Держите его, воины, бейте, мучьте его! Пытайте его старое тѣло огнемъ и желѣзомъ, пока онъ не скажетъ, гдѣ королевская корона!

При послѣднихъ словахъ Рикюльфъ поблѣднѣлъ и понялъ, что сейчасъ же замѣтитъ зоркій взоръ графа Гернота.

— Да, старикъ,—сказалъ онъ насмѣшливо, кладя тяжелую руку на его плечо,—мы открыли твою нору и не уйдемъ, прежде чѣмъ не получимъ отъ тебя сокровища. Не

стирайся, оно у тебя! Все знают, кому отдалъ король Сигебертъ родовую корону. Живѣе, старикъ, говори, гдѣ она?..

И графъ полуобнажилъ мечъ. Въ это время Генцо связалъ молодого Гариберта, обезумѣвшаго отъ страха, и бросилъ его на траву.

— Я не знаю, кто ты, воинъ!—твердо произнесъ монахъ. — Правда, я когда-то видѣлъ при дворѣ моего короля похожаго на тебя вельможу—графа Гернота. Но это былъ посланникъ великаго Хлодвигъ, не разбойникъ, не грабитель...

— Старикъ, не теряй времени! Разбойникъ я, или нѣтъ — это дѣло того, кто послалъ меня. Говори, гдѣ корона!..

Рикульфъ обнажилъ и подставилъ грудь подъ коньѣ графа, качая отрицательно головой и не обращая вниманія на проклятія и брань безсильно бѣсившейся Эльфриды.

— Убивать тебя?!—Графъ злобно засмѣялся. — Къ чему? Повѣрь, мы и такъ найдемъ въ твоей хижинѣ сокровище. Генцо, привяжи и старика, и молодого къ деревьямъ. А ты, старуха, помоги мнѣ!

Вскорѣ двѣ боевыя сѣкиры застучали по стѣнамъ и скамьямъ кельи. Старый капелланъ со стономъ закрылъ глаза, чтобы не видѣть, какъ изорванные и растоптанные свитки и пергаменты летѣли изъ окна и двери. Колдунья съ бѣшенствомъ рвала желтые исписанные листы. Генцо зажегъ факель, озарившій печальную картину разрушенія...

— Смотри, отецъ Рикульфъ! — жалобно простоналъ блѣдный Гарибертъ, привязанный около монаха, — они, кажется, добрались до ящика!..

— Молчи! Молчи! — прошепталъ старикъ. Но уже чуткое ухо старой колдуньи уловило слова юноши и она закричала воинамъ:

— Тутъ, тутъ! Рубите эту стѣну!

Дѣйствительно, часть боковой стѣны, разрушенная сѣкирами, рухнула и подъ ней, изъ рыхлой насыпи свѣжей земли, показалось что-то блестящее. Черезъ нѣсколько мгновений войны съ трудомъ высвободили изъ подъ дерна большой четырехугольный ящикъ, окованный по угламъ желѣзомъ. Рикульфъ съ отчаяньемъ взглянулъ на небо...

— Боже, ты видишь, что я невиновенъ въ предательствѣ! Я честно сдержалъ слово... Не сердись на меня, мой король!..

Графъ Гернотъ со слугой сильно иззубрили свои сѣкиры о желѣзо и крѣпкія дубовыя доски, прежде чѣмъ имъ удалось отбить крѣпко заколоченную крышку. Наконецъ, посланный королѣмъ Хлодвигъ вынулъ что-то завернутое въ толстую дорожную ткань. Руки графа дрожали, и онъ громко вскрикнулъ отъ восхищенія, когда, горя какъ жаръ, при свѣтѣ факела блеснуло древнее сокровище. Толстый золотой обручъ короны былъ весь усаженъ крупными изумрудами и рубинами. Тонкія золотыя пластинки, изгибомъ поднимаясь къ верху отъ обруча, соединялись въ серединѣ, охватывая и держа огромный ярко-желтый янтарь. Корона вся словно вспыхивала огоньками.

— Вотъ она!—торжествуя и дико хохоча, въ неистовомъ восторгѣ кричала старая колдунья. — Тѣнь Сигеберта, приди, полюбуйся на свое сокровище: оно въ рукахъ твоихъ враговъ! О, я скоро вполне отомщу за себя!.. Слуга Хлодвигъ, я сдержала обѣщаніе: гдѣ твое золото?..

Графъ Гернотъ хотѣлъ было прикрикнуть на старуху, но остановился. «Не надо оскорб-

лять такого полезнаго помощника,—думалъ осторожный придворный.—Вѣдь еще мнѣ предстоитъ немало повозиться съ Хлодери-комъ... Колдунья поможетъ мнѣ заманить его»... И онъ, ласково улыбаясь, отвѣтилъ Эльфридѣ:

— Вотъ, возьми этотъ кошелекъ. Въ немъ довольно золота, чтобы уладить всю твою жизнь...

Тяжелый мѣшокъ съ монетами грузно упалъ на траву, откуда старуха съ жадностью его схватила. Графъ Гернотъ бережно завернулъ сокровище королей въ свой толстый плащъ и прикрѣпилъ его къ сѣдлу сзади себя. Затѣмъ, оглядѣвъ коней, онъ обратился къ спутникамъ:

— Пора ѣхать... Мы еще можемъ добратъся до какого-нибудь селенія. Почтенная Эльфрида, полно тебѣ считать монеты; король Хлодвигъ дастъ тебѣ еще столько-же, если ты кончишь начатое. Генцо, въ путь!.. Но нѣтъ, прежде надо наказать упрямаго монаха. Брось-ка въ его хижину факель да хворосту; пускай ищетъ себѣ другого жилища...

Двѣ охапки сухихъ вѣтокъ быстро вспыхнули въ полуразрушенномъ жилищѣ, и пламя занимающагося пожара озарило уѣзжающихъ всадниковъ и злобно озирающуюся старуху.

— Святой Мартинъ, спаси насъ!—въ ужасѣ стоналъ связанный Гарибертъ, видя, какъ огненные языки лижутъ съ трескомъ знакомыя и дорогія ему стѣны кельи.

— Молись, молись, сынъ мой!—торжественнымъ голосомъ говорилъ ему монахъ.—Смерть не страшна. Если насъ не задушитъ дымомъ, то все равно спасенія нѣтъ. Отвязать насъ некому. Одинъ Богъ можетъ помочь намъ!..

Въ эту минуту порывъ вѣтра нанесъ на нихъ тучу дыма, горящихъ углей и искръ.

— Я горю! Платѣ мое тлѣетъ... Я задыхаюсь!—кричалъ, сѣлаясь разорвать веревки, Гарибертъ. Рикульфъ, тяжело дыша, чувствовалъ, что волосы его тлѣютъ... Вотъ уже юноша потерялъ сознание... Монахъ шепталъ послѣднія молитвы... Келья представляла собою огромный факель. Отъ столба пламени начали загораться сосѣднія деревья. Рикульфъ, полумертвый, сдѣлалъ еще одно отчаянное движеніе, и—о, чудо!—вдругъ почувствовалъ свои руки свободными. Тонкая веревка, связывавшая ихъ, перегорѣла отъ искръ, густо налѣвшихъ на нее. Освободить ноги было для старика дѣломъ одного мгновенія. Съ обожженнымъ лицомъ, съ израненными руками, полуслѣпый, бросился онъ къ юношѣ. Тоже перетлѣвшія веревки легко спали съ тѣла Гариберта, и монахъ съ отчаянной силой взвалилъ своего умирающаго питомца къ себѣ на плечи и унесъ далеко отъ пожара...

— Дорогой Гарибертъ, сынъ мой, милый ученикъ мой, очнись! Мы спасены милостью Бога!—радостно говорилъ старикъ, освѣжая лицо и тѣло юноши холодной водою ключа. Наконецъ, тотъ со стономъ открылъ глаза, но отъ боли ожоговъ громко вскрикнулъ.

Свѣдущій, какъ и всѣ монахи той эпохи, въ леченіи болѣзней и ранъ, Рикульфъ, съ трудомъ волоча ноющее тѣло, навралъ у ключа цѣлебныхъ травъ. Изъ густой травы и листьевъ были сдѣланы перевязки, и вскорѣ и старикъ и юноша почувствовали облегченіе, лежа на мягкой полянѣ. Келья уже догорала. Огромной грудой рубиновъ казались рдѣющіе уголья, лежавшіе на томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно стояло мирное жилище.

— Все погибло! — грустно сказалъ юный Гарибертъ.—Все сгорѣло: рукописи, переплеты, свитки... Мнѣ не удастся болѣе переводить и учить наизусть тѣ чудныя страницы, гдѣ говорилось о святыхъ подвигахъ, о храмахъ...

Рикульфъ бережно положилъ израненную молодую голову къ себѣ на колѣни.

— Успокойся, сынъ мой! Я пойду съ тобою въ далекій, далекій монастырь, гдѣ насъ не достигнутъ слуги Хлодвигъ, гдѣ еще болѣе рукописей и пергаментовъ. Одного только не веротить уже!—со вздохомъ добавилъ старикъ.—Навѣки потеряна корона, святыни королей рицарскихъ!.. Злополучный Хлодерики! Не мнѣ осуждать его, но лучше-бы онъ не родился...

Начало уже свѣтать, когда—съ именемъ Божиимъ на устахъ—забылись сномъ и старикъ и юноша.

IX. Молодой орелъ.

Раннее утро заливало блескомъ солнца Булонскій мрачный лѣсъ, его опушку и старую башню среди пѣнящихся волнъ неугомонно шумящей Фульды. Въ сорокъ-тридцать дней и башня, и ея окрестности измѣнились до неузнаваемости. Большое пространство на берегу было вырублено и очищено отъ хвороста, изъ сваленныхъ стволовъ сколочены были крѣпкіе палисады, высокіе и толстые, въ которыхъ были прорублены узкія ворота, окованныя желѣзомъ. Цѣлый военный лагерь находился на этой очищенной полянѣ. Низкіе шатры стояли правильными рядами; коновязи пестрѣли разнообразными, добрыми, сытыми конями; цѣлыя копны дровишекъ и копій горѣли на солнцѣ отточенными наковечниками. Весь лагерь былъ переполненъ хорошо вооруженными рослыми воинами. Они не толкались и не суетились; каждый зналъ свое мѣсто и своего начальника. Въ это утро, когда осенняя свѣжесть давала уже себя знать и налетъ сырого тумана двигался отъ рѣки, въ станѣ воиновъ молодого Хлодерика горѣли чистые ряды костровъ, на которыхъ жарилась, треща и дымя на вертѣлахъ, жирная дичина.

Новопостроенный лагерь защищенъ былъ ровомъ и валомъ, кромѣ чего еще на палисадахъ стояла многочисленная стража. Старая башня тоже измѣнилась, выпавшія плиты, сломанные зубцы стѣнъ были надежно исправлены, изъ узкихъ оконъ вывѣшивались разноцвѣтные ковры. У дверей виднѣлась сильная стража.

Все это было дѣломъ Хлодерика. Ловкій, хитрый и красивый юноша набралъ себѣ уже сильный отрядъ приверженцевъ и, конечно, успѣшилъ получше укрѣпить свое убѣжище. Скупой—онъ не жалѣлъ золота и драгоценностей. Обѣщаніями онъ сыпалъ еще щедрѣе.

Въ это чудное утро молодой Хлодерики совѣщался въ большомъ покоѣ башни съ главнѣйшими своими приверженцами. Тутъ были графы Гардрадъ и Аровисъ, которые по зову Хлодерика привели ему съ побережій глубокаго Веттера двѣ огромныя толпы румяныхъ, рыжеволосыхъ и бѣлокурыхъ стрѣлковъ, чьи мѣткіе луки постигали бѣгущаго и останавливали наступающаго врага тучей стрѣлъ. Мероветъ—бѣлый, какъ снѣгъ, съ морщинистымъ, но еще живымъ и смѣлымъ лицомъ—старикъ-графъ далекіхъ и богатыхъ низменностей по широкой рѣкѣ Салѣ, соединился съ молодымъ королемъ изъ

«Страда». Съ картины художника Н. К. Лимошенко.

Самсонъ и Далила. Съ картины художника Эжена.

честолюбія. Уже давно просилъ онъ Сигеберта отдать ему золотой жезлъ королевскаго канцлера—но не имѣлъ удачи. Теперь онъ прѣхалъ защищать Хлодерика съ тысячею хорошо снаряженныхъ воиновъ на быстрыхъ коняхъ. Далѣе сидѣли не такіе знатные приверженцы сына Сигеберта; но и они не менѣе надѣялись на выгоду и награду. Всѣ уже называли молодого Хлодерика королемъ, хотя три четверти королевства не дали еще на это своего согласія.

— Я не совѣтую тебѣ, король, посылать пословъ къ Хлодвигу,—говорилъ, глядя бѣлую бороду, графъ Мероветъ.—О, вѣрь мнѣ, отъ этой лисы надо держаться подалѣе. Въ его словахъ—все ложь; его взглядъ—предательство...

Хлодерикъ, съ почтеніемъ слушавшій старика, вопросительно оглядѣлъ лица другихъ собесѣдниковъ.

— Я желалъ-бы только затравить эту лису своимъ добрымъ мечемъ!—громовымъ басомъ крикнулъ Аровисъ, ударяя по гигантскимъ ножнамъ.

— А я—испробовать на ней свой лукъ!—подхватилъ, громко смѣясь, графъ Гардрадъ.

— Вы—мои друзья, я это знаю,—сказалъ Хлодерикъ.—Но не лучше-ли заключить съ нимъ союзъ? Такой врагъ не манитъ меня на бой. Къ тому-же, у насъ такъ немного войска, а этотъ старый замокъ...

— Этотъ замокъ,—прервалъ Мероветъ,—укрѣпленъ чудесно! Подумай, кромѣ того, что скоро наступятъ дожди, а потомъ стужа и морозы... Нѣтъ, осторожный Хлодвигъ не рѣшится вести войну въ такое время. А потомъ, ранней весною, когда потеплѣетъ солнце и зашумятъ ручьи, всенародное собраніе ринуарцевъ выберетъ въ священнѣйшей Кельпской рошѣ своимъ королемъ сына Сигеберта. Тогда весь край встанетъ за тебя, найдутся друзья и въ другихъ земляхъ. Мы всѣ сложимъ наши головы за тебя.

Ободренный и повеселѣвшій Хлодерикъ съ благодарностью взглянулъ на старика. Въ это время слуги внесли большіе сосуды съ кушаньями и виномъ.

— Вотъ лучшее средство противъ унынія!—закричалъ Аровисъ.—Молодой нашъ повелитель, забудь на нѣсколько мгновений свои заботы. Клянусь всѣмъ моимъ графствомъ, я вижу, какъ улыбается мнѣ эта полная чаша!

— О, вы съ ней—старые знакомые!—добродушно пошутилъ Гардрадъ, и при общемъ смѣхѣ и веселомъ разговорѣ начался веселый пиръ, на который доносился шумъ лагеря. Пригольно развалился на звѣриныхъ шкурахъ, эти рослые воины, изъ которыхъ половина были еще язычниками, сынали шутками, клялись разными богами, хвастались добытымъ въ бояхъ золотомъ...

Среди шума и оживленія никто не замѣтилъ, что въ покой вошелъ высокій рыцарь въ длинномъ темномъ плащѣ и, осторожно пробираясь между лежащими, достигъ мѣста, гдѣ сидѣлъ Хлодерикъ.

— Привѣтъ тебѣ, молодой повелитель ринуарцевъ! Привѣтъ отъ короля Хлодвиги...

Бѣшено и быстро вскочилъ на ноги Хлодерикъ и гнѣвно устремилъ взоръ на блѣдное, хорошо знакомое лицо графа Гернота. Другіе пирующие тоже сдвинулись тѣснѣе, увидѣвъ и узнавъ, кто былъ неожиданный гость. Разгоряченные виномъ лица и взоры воиновъ грозно обратились на спокойно стоявшаго чужеземнаго графа. Онъ-же, какъ-бы удивленный, продолжалъ:

— Я вижу, что гнѣвъ молодого короля готовъ поразить меня... Я вижу и слышу угрозы другихъ... Что это значитъ?

— Предатель и лукавецъ!—въ бѣшенствѣ закричалъ Хлодерикъ.—Ты хочешь погубить меня! Твой король алчетъ отнять у меня и землю, и жизнь...

Графъ Гернотъ гордо выпрямился и, взглянувъ въ пылающіе глаза Хлодерика смѣло и прямо, заговорилъ:

— Такъ вотъ какова благодарность ринуарцевъ! Ты грозилъ мнѣ, юный Хлодерикъ; ты, по навѣтамъ завистниковъ, оскорбляешь твоего лучшаго друга... Я вижу здѣсь храбрыхъ и сильныхъ вельможъ... Привѣтъ вамъ, графъ Мероветъ, графъ Аровисъ, графъ Гардрадъ!.. Отчего, о молодой король, никто изъ этихъ воиновъ не освободилъ тебя изъ этой мрачной тюрьмы? Отчего никто изъ нихъ не спасъ тебя отъ копыта стараго Арнульфа? Въ это сдѣлалъ я—посолъ короля Хлодвиги!.. Ты клянешь моего повелителя, ты клеветашь, что онъ хочетъ отнять у тебя власть? А вспомни, кто тебѣ далъ ее!?

Смѣлая рѣчь графа Гернота вызвала на щеки Хлодерика краску смущенія. Къ тому-же онъ уже опомнился отъ своего неосторожнаго порыва. Поэтому, несмотря на то, что его сторонники громко горчали на дерзость чужеземца, онъ сказалъ графу Герноту гораздо мягче и ласковѣе:

— Ты правъ, упрекая меня въ излишней горячности. Но я помню твои услуги... Ты виновенъ самъ: ты вселилъ въ меня недовѣріе, когда скрылся отсюда быстро и незамѣтно со своимъ отрядомъ... Я былъ оскорбленъ этимъ...

Графъ Гернотъ посмотрѣлъ на юношу съ загадочной и насмѣшливой улыбкой.

— О, да, я скрылся со своими воинами внезапно, но это было уже тогда, когда много друзей стеклось къ тебѣ сюда. Ты былъ въ безопасности... Я-же, слѣдуя приказаніямъ моего повелителя, отправился въ трудное и опасное предпріятіе. Оно удалось мнѣ, и плоды его пожнешь ты, о неблагодарный король!..

— Я?—недовѣрчиво спросилъ юноша, въ то время, какъ окружающіе удивленно переглядывались.—Продолжай!..

— Вели, король, отойти къ дверямъ всѣмъ, приравненнымъ съ тобою: Только одинъ ты долженъ знать эту тайну, такъ какъ только одного тебя вознесетъ она высоко, высоко!..

Горя любопытствомъ, Хлодерикъ, несмотря на знаки и шопотъ стараго графа Мероветъ, заставилъ всѣхъ отойти.

— Знай, король, что отнынѣ я твой первый слуга!—тихо, но торжественно заговорилъ графъ Гернотъ.—Я пробился сквозь враговъ, отгонялъ демоновъ, переходилъ кручи и пропасти... Я заставилъ самую страшную колдунью Чернаго лѣса—вѣщую Эльфриду служить тебѣ... Ты блѣднѣешь, ты осбѣняешь себя крестнымъ знаменіемъ? Да, ты правъ, король ринуарцевъ, это была жуткая, черная, грозная ночь, когда я и старая колдунья въ глубокой заколдованной пещерѣ открывали заступами изъ каменистой почвы драгоцѣнный ящикъ. Выли волки, кричали совы, но дѣло было сдѣлано. Древнее сокровище ринуарскихъ королей—золотая корона—найдена, и я привезъ ее тебѣ...

Хлодерикъ затрепеталъ отъ радости. Его суетливый умъ видѣлъ въ этой неожиданной находкѣ волю судьбы.

— Гдѣ-же? Гдѣ эта корона? Гдѣ сокровище моихъ отцовъ, дѣдовъ и прадедовъ?—

задыхаясь крикнулъ онъ. Но графъ Гернотъ, наблюдая за нимъ, оставался неподвижнымъ.

— Ты знаешь, король,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ,—что я христіанинъ. Я крещенъ въ Турской базиликѣ св. Мартина... Но есть на свѣтѣ странныя, неразгаданныя, страшныя тайны!.. Еще сильна мрачная власть древнихъ боговъ, еще сивиллы и колдуньи хранятъ много чудесъ, много могучихъ заклинаній въ своемъ вѣщемъ сердцѣ... О, какая непонятная власть у этой колдуньи, старой Эльфриды!.. Я самъ видѣлъ, какъ подъ ея заступомъ разсыпались твердые камни мелкой пылью, какъ по ея знаку послушно летѣли птицы, разсѣивался туманъ!.. И она здѣсь, въ лѣсу, эта вѣщая старуха! Она хочетъ видѣть тебя, юный король, вручить тебѣ самому добытое ею сокровище... Если-бы ты согласился похвать сегодня ночью со мною въ лѣсъ?.. За кошелекъ золота колдунья откроетъ тебѣ будущее.

— Я не желаю знать его!—нетерпѣливо закричалъ Хлодерикъ.—Я хочу скорѣе чудесную корону, мою корону!.. Если эта безумная старуха... Если ты не можешь справиться съ нею, то я пошлю своихъ воиновъ... Гдѣ она?..

Приближенные, видя гнѣвъ Хлодерика, начали къ нему придвигаться. Но графъ Гернотъ былъ невозмутимъ.

— Я не хочу ссориться съ вѣщей Эльфридой!—парочно громко произнесъ онъ.—Я не хочу, чтобы по ея чарамъ у меня сломался въ битвѣ мечъ, или лучшій конь мой утонулъ-бы со мною, переплывая рѣку.

Услышавъ эти слова, суетливые графы и воины остановились въ ужасѣ. Самъ Хлодерикъ не настанвалъ болѣе; въ испугѣ видѣлъ онъ, что никто изъ друзей не пойдетъ противъ знаменитой, ужасной колдуньи. Онъ задумался...

— Графъ Гернотъ!—сказалъ онъ, наконецъ,—было-бы слишкомъ рискованно мнѣ удалиться въ лѣсъ... Пойди къ вѣщей Эльфридѣ... Вотъ тебѣ половина моей золотой цѣпи... Скажи колдуньѣ, что другую половину она получитъ здѣсь, въ этой самой залѣ, если придетъ сюда сегодня ночью. Скажи, что только я и ты будемъ съ ней говорить... Ты краснорѣчивъ и уменъ, мой храбрый графъ. Окажи мнѣ услугу...

— Я попытаюсь!—сказалъ тотъ, видя, что надо повиноваться. Онъ почтительно поклонился молодому королю и графамъ и быстро вышелъ, но остановился снаружи у входа, завѣшаннаго толстой шерстяной матеріей. До его чуткаго слуха долетѣли слова Хлодерика, произнесенныя торопливо:

— Сегодня ночью, когда этотъ проклятый графъ выйдетъ отъ меня, встрѣтьте его на лѣстницѣ хорошимъ ударомъ меча...

«Эге!—думалъ графъ Гернотъ, поспѣшно уходя,—орленокъ начинаетъ показывать когти. Мой король правъ»...

И все время, пока слуга Хлодвиги пробирался по лѣсу къ своему маленькому становищу, злая улыбка играла на его тонкихъ губахъ, а жилистая рука сжимала рукоятку любимой сѣкиры.

Генцо и старая Эльфрида ждали его съ нетерпѣніемъ. Колдунья бросилась жадно разспрашивать его и до поздняго вечера вели они отрывочную, мрачную бесѣду...

Х. Ударъ сѣкиры.

Глухая ночь тяжело легла на рокошущій Буховскій лѣсъ. Въ черномъ отъ тучъ небѣ

изрѣдка лишь прорѣзывался безпокойный красный лучъ прячущейся луны. Казалось, окровавленное лезвіе меча или кинжала сверкало на темномъ цвѣтѣ облаковъ. Было сыро; сѣтка дождя падала на густую листву деревьевъ, на катящуюся съ шумомъ Фульду, на мрачныя стѣны древняго замка. Лагерь у башни совсѣмъ заснулъ, погасли отъ сырости сторожевыя костры; только монотонно и печально раздавались однообразныя оклики часовыхъ. Вотъ у главныхъ воротъ налесада, треща, зажегся смоляной факель; пламя его замерцало и заметалось, какъ будто въ таинственномъ ужасѣ...

Двѣ высокія закутанныя фигуры, постучавъ въ ворота, были впущены въ лагерь и—сопровождаемая десяткомъ воиновъ—пробирались по узкимъ проходкамъ около палатокъ. Поминутно графъ Гернотъ и старая Эльфрида спотыкались объ оружіе, о спящихъ воиновъ или скользили по лужамъ. Старуха угрюмо ворчала что-то про себя, а графъ щедро разсыпалъ проклятія. Наконецъ они достигли башни и—окликнутые стражею—вошли.

Поломанная и расколота лѣстница была совершенно пуста; два прикрѣпленные у стѣны факела освѣщали ее очень тускло. Графъ Гернотъ быстрымъ волчьимъ взглядомъ изслѣдовалъ всѣ темныя углы, но подозрительнаго ничего не было.

«Нѣтъ!—подумалъ онъ,—на обратномъ пути будутъ ждать меня здѣсь эти глупцы. Но уже тогда дѣло будетъ кончено... Спасусь ли я?»

Но тотчасъ-же онъ отогналъ отъ себя смущавшія его мысли и быстрѣе пошелъ по ступенямъ. Блѣдное лицо, черная борода, сверкающіе какъ угли глаза—вся его фигура при блѣдномъ освѣщеніи факеловъ была похожа не на человѣка, а на какое-то привидѣніе. Не менѣе страшной показалась встрѣтившему ихъ Хлодерикъ и старая колдунья Эльфрида. Черныя борозды морщинъ, ввалившіяся впадины гдазъ и оскаленныя челюсти придавали ей видъ мертвеца. Хлодерикъ—сгоравшій вѣтрпѣніемъ увидѣть обиданное сокровище—сдержалъ свое слово: въ огромной, каменной залѣ не было никого кромѣ него. Молодой король былъ одѣтъ въ великолѣпный бѣлый камзолъ изъ шелковой матеріи и въ длинную вышитую красную мантию. Золотыя цѣпи съ камнями украшали его шею и грудь и сверкали при блескѣ двухъ большихъ глиняныхъ свѣтильниковъ, гдѣ горѣло пахучее масло.

Красота юноши выигрывала отъ великолѣпнаго наряда и весь онъ—гордый, смѣлый и оживленный—напоминалъ сильную хищную птицу, которая замерла, наготовѣ броситься за добычей.

— Добро пожаловать!—раздался его звонкій юношескій голосъ, которому темный сводъ отвѣтилъ глухимъ эхомъ.—Я уже давно жду тебя и твою спутницу, графъ Гернотъ... Войди, почтенная предвѣщательница грядущаго. Последній потомокъ рипуарскихъ королей ждетъ, чтобы ты открыла ему густой мракъ неизвѣстности...

Эльфрида молча и сурово подошла къ нему и впиалась въ его черты жаднымъ взоромъ. Скоро, однако, она опустила глаза, пробормотавъ едва слышно: «Внукъ похожъ на дѣда... Наконецъ я буду отомщена, наконецъ!»

Графъ Гернотъ, чтобы отвлечь Хлодерика отъ старухи и ея загадочныхъ словъ, поспѣшно преклонилъ передъ нимъ колѣна и

подалъ ему большой свертокъ. Порывисто схватилъ юноша древнюю драгоценность, и скоро золото и камни короны засіяли своимъ переливнымъ немеркнущимъ свѣтомъ. Цѣлая радуга трепещущихъ, испуганно мѣшających лучей брызнула полукругомъ отъ сокровища. И не менѣе ярко свѣтились большіе глаза молодого Хлодерика. Онъ забылъ о присутствующихъ, онъ разсматривалъ каждый золотой ободъ, каждый камень, держа драгоценность дрожащими руками. Графъ Гернотъ зорко слѣдилъ за юношей... Эльфрида продолжала бормотать, но постепенно голосъ ея дѣлался все громче, ея глаза раскрывались шире... Страшная старуха глядѣла на каменный полъ и дрожала.

Невольно Хлодерикъ и графъ Гернотъ услышали ея слова:

— Кровь, кровь! О, какая горячая, молодая кровь, невинная и чистая... А съ ней сливается темнымъ густымъ потокомъ другая кровь, старая, тяжелая... Королевская кровь! Она проходитъ ядовитымъ паромъ сквозь эти каменные плиты... Я вижу, я слышу ее!

— Ты бредишь, старуха!—закричалъ, трепеща и блѣднѣя, Хлодерикъ, забывая на мигъ свою корону. Но голосъ Эльфриды звучалъ все громче, все ужаснѣе... Оба слушателя отбѣгали отъ ужаса. Старуха говорила:

— А, я вижу еще... Вотъ что-то бѣлѣетъ—это сѣдые волосы, длинные, кудрявые... Но зачѣмъ темнѣетъ на ихъ серебрѣ широкая кровавая полоса? Чьи кровавыя пальцы оставили отпечатокъ на волосахъ старца?.. Горе! горе! Я вижу еще тѣнь! Молодая, прекрасная дѣвушка: синіе, глубокіе глаза, золотые волосы. Но что это у нея на груди? Чей-то кинжалъ пронзилъ это любящее сердце, и опять бьетъ кипучей струей алая горячая кровь... Убийца!

И—страшная, какъ злой духъ—Эльфрида указала на Хлодерика костлявымъ пальцемъ... Юноша пошатнулся и упалъ на колѣни передъ колдуньей... Но тутъ вмѣшался графъ Гернотъ: онъ уже опомнился и теперь боялся, что Хлодерикъ позоветъ на помощь, а можетъ-быть и крикъ самой Эльфриды разбудитъ и привлечетъ кого-нибудь.

— Встань, король рипуарцевъ!—твердо сказалъ онъ, поддерживая его.—Не бойся Эльфриды. Мертвыхъ уже не воротить къ жизни... Кровь-же невинныхъ смываютъ молитвой и покаяніемъ... Надѣнь корону своихъ предковъ, король, а старая сивилла расскажетъ тебѣ, какое чудное преданіе связано съ этимъ сокровищемъ...

Графъ сдѣлалъ знакъ колдуньѣ, и она опустила грозно поднятую руку. Хлодерикъ снова обратился къ сокровищу и—весь восхищеніе—любовался имъ. Затѣмъ, краснѣя отъ удовольствія, онъ примѣрилъ ее на свои кудри. Золотые лучи заиграли надъ его головой...

Между тѣмъ, Эльфрида опустила на камень пола и, поддерживая коеглагой, блѣдной рукой полузакрытое сѣдыми космами лицо, начала хриплымъ, отрывистымъ голосомъ свой рассказъ:

— Давно-давно, когда мѣдные ряды римскихъ легионовъ не разграбили не покорили еще счастливую страну между Фульдой и Салой, здѣсь жило мирное пастушье племя подвѣдѣстью стараго короля. Не знали еще въ ту пору жители, что такое роскошь, что такое пороки: ложь, ксвѣство, убійство, обманъ... Жили въ земляныхъ хижинахъ, питались

молокомъ и никогда ни съ кѣмъ не вели войны. Безоблачныя небеса видѣлись надъ зелеными пастбищами. Счастливыя семьи жили въ мирѣ. У сѣдого, мудраго короля было семь красивыхъ рослыхъ сыновей, но не всѣ они правомъ были одинаковы. Младшій неимѣлъ, какъ братья, цѣлаго потока золотыхъ докрановъ, глаза его не блестѣли, какъ у нихъ—лазурью неба. Черныя, жесткіе волосы покрывали его черепъ и темныя глаза глядѣли порой сурово и дико. Онъ былъ ловокъ и силенъ. Ему хотѣлось битвъ и бурь, а кругомъ царили миръ и любовь. И ушелъ суровый юноша въ одну темную ночь далеко-далеко. Не скоро вернулся онъ, но принесъ съ собою чудное сокровище, въ которомъ сіяли, какъ звѣзды, семь бѣлыхъ камней. Но вмѣстѣ съ драгоценностью принесъ неразумный—и корысть, и жажду крови, и скупость. Онъ дрожалъ надъ своимъ сокровищемъ и боялся, что всѣ хотятъ отнять его... Сперва онъ опасался старшаго брата, и вотъ произошло неслыханное въ странѣ злодѣяніе: онъ убилъ брата. Съ ужасомъ бѣжали всѣ отъ убійцы, родные увѣщевали его, но демонъ дѣлалъ свое дѣло. Одинъ за другимъ погибли отъ руки безумнаго скупца всѣ его братья. И ушелъ тогда мудрый старецъ-король отъ безумца за много, много рѣкъ со своимъ народомъ. И забился, трепеща за свое сокровище, седьмой сынъ въ темную пещеру и умеръ тамъ отъ голода. Много вѣковъ спустя, досталась эта корона рипуарскимъ королямъ. Гляди, послѣдній король рипуарскій, камни, сіявшіе бѣлизною, стали теперь всѣ красными, кровавыми рубинами! Это—шесть разъ пролитая кровь братьевъ, а этотъ, седьмой, рубинъ... онъ покраснѣлъ только недавно. Хлодерикъ, это кровь твоего отца Сигеберта!..

Въ ужасѣ Хлодерикъ отбросилъ сокровище и упалъ ничкомъ на полъ. Это была его послѣдняя минута. Графъ Гернотъ, давно уже осторожно подошедшій къ юношѣ сзади, высоко взмахнулъ сѣкирой. Вѣрна и сильна была рука стараго сподвижника Хлодвигъ. Отсеубійца-юноша, король рипуарцевъ, мертвый лежалъ на холодномъ каменномъ полу.

Бросивъ быстрый, какъ молнія, взглядъ вокругъ себя, графъ Гернотъ мигомъ составилъ планъ дѣйствій. Онъ быстро погасилъ свѣтильники и бросился къ выходу, крича:

— Короля убиваютъ! Помогите!

Поднялся страшный шумъ; воины, давя другъ друга, врвались въ темную залу. Раздавались вопли, испуганные крики. Графъ Гернотъ, расчищая путь сѣкирой, бросился внизъ по лѣстницѣ, скатился по ней, давя, какъ лавина, всѣхъ встрѣчныхъ, и подбѣжалъ къ нижней бойницѣ, которая выходила на рѣку. Виднѣлись довольно далеко внизу волны рѣки, освѣщенныя краснымъ свѣтомъ наконецъ показавшейся луны. Графъ Гернотъ смѣло бросился въ рѣку.

Десятки пылающихъ факеловъ озарили въ верхней залѣ потрясающую картину. Окровавленный и блѣдный, лежалъ мертвый Хлодерикъ, а надъ нимъ, впиалась стеклянными, безумными глазами въ безжизненныя черты, сидѣла колдунья Эльфрида. Она смѣялась хрипло и невнятно и шептала по временамъ:

— Я отомстила! Я отомстила!

Съ ужасомъ отступили отъ колдуньи приверженцы погибшаго юноши. Ни смѣлый Аровисъ, ни могучій Гардрадъ не осмѣлились поднять на нее мечъ.

На утро замокъ и лагерь опустѣли.

Неизвѣстно, кто и гдѣ похоронилъ Хлоде-рика, неизвѣстно, куда скрылась Эльфрида. Но надолго мрачная, безлюдная башня на опушкѣ Бухонскаго лѣса, омываемая Фульдю, сохранила названіе «Страшный Замокъ»...

На слѣдующую весну въ прекрасный теплый день король Хлодвигъ съ большою свитой скакалъ по дорогѣ къ Кельну.

— Неопоздаемъ ли мы на собраніе? — спросилъ король графа Гернота, ѣхавшаго съ веселымъ лицомъ слѣва повелителя.

— Король, собраніе рингуарцевъ ждетъ лишь тебя! — отвѣчалъ съ увѣренностью графъ Гернотъ.

Онъ былъ правъ: черезъ день весеннее собраніе рингуарскихъ франковъ выбрало королемъ — Хлодвига...

В. П. Лебедевъ.

КОНЕЦЪ.

ЗАДАВЛЕННЫЙ МАТРОСЪ.

Рассказъ.

МИТРИЙ сидѣлъ на заваленкѣ и чинилъ сапоги.

— Экъ его чортъ угораздилъ лоцнуть! ворчалъ онъ. Лицо его было сурово. Вдругъ по деревнѣ пробѣжала господская горничная Матрешка.

— Батюшки! — кричала она подѣзжавшему кучеру. — Матросъ — то задавленъ.

— Кого угораздило? — встрепенулся кучеръ Михай.

— Да нешто я знаю! — прокричала дѣвушка, убѣгая за уголъ дома.

Кучеръ слѣзъ съ козелъ, открылъ ворота и скрылся отъ глазъ Митрія въ глубинѣ двора.

Митрій сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ.

— Узнали! — шепталъ онъ побѣлѣвшими губами. Надо уйти, пусть ищутъ. Кстати баринъ за двадцать верстъ звалъ къ себѣ на работу. А сапоги! — вдругъ вспомнилъ онъ. — Ну, да чортъ съ ними!.. И босикомъ дойду, лишь-бы уйти.

Узнали, узнали! Теперь въ Сибирь! — Онъ блѣдный, какъ полотно, быстро собрался и, сказавъ старухѣ-матери, что идетъ на работу далеко и надолго, ушелъ, оставивъ старуху съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія.

Митрій шелъ по дорогѣ, и одна мысль страшнѣе другой смѣнялась у него въ головѣ. — Въ Сибирь, въ Сибирь! Что скажетъ Груня! А мать? Опозорилъ ихъ, опозорилъ! Узнали, узнали! И онъ въ изнеможеніи садился на траву. Ему вспомнилось совершенное имъ страшное дѣло. Былъ въ ночи въ-

Богу, взялъ котомку и вышелъ изъ избы. Митрій, крадучись, пошелъ за нимъ, захвативъ съ собой пестикъ и веревку. Старикъ вошелъ въ лѣсъ. Митрій шелъ сзади, сжимая въ рукахъ пестикъ. Луна глядѣла сквозь верхушки елей и масса звѣздъ мигала и вздрагивала. Въ самой глуши Митрій подбѣжалъ

къ старику и хватилъ его по темени бывшимъ въ рукахъ пестикомъ. Тотъ вскрикнулъ и упалъ, глядя на Митрія взглядомъ, полнымъ ужаса. Митрій сталъ его колотить, но старикъ вскопчилъ и побѣжалъ. Митрій за нимъ и на бѣгу сдѣлалъ изъ веревки петлю и набросилъ сзади на старика. Матросъ захрипѣлъ, а Митрій затягивалъ петлю все больше и больше. Наконецъ, старикъ совершенно изнемогъ, лежалъ смирно и только по временамъ судорога сводила все его тѣло. Митрій обыскалъ его, вынулъ всѣ деньги и, пристукнувъ окончательно, поволокъ на веревкѣ къ рѣкѣ. Онъ сбросилъ матроса съ высокаго берега въ воду и волны унесли послѣдствіе дѣла Митрія.

И вдругъ теперь узнали, узнали!.. Но какъ? — спрашивалъ себя Митрій.

«Въ Сибирь, въ Сибирь!» — говорилъ ему какой-то голосъ...

Уже темнѣло Митрій шелъ тихо. Подъ однимъ изъ деревьевъ онъ увидѣлъ глаза. О! онъ узналъ ихъ! Это глаза матроса. Какъ они страшно смотрятъ! Митрій побѣжалъ, но вездѣ видѣлъ эти глаза, полные ужаса, они отовсюду смотрѣли,

Среди природы. Съ картины художника В. Якиша.

теперь, дождь, и къ нему постучался старикъ, прося почета. Онъ пустилъ. За ужиномъ они разговорились. Старикъ рассказалъ, что онъ бывший матросъ, и теперь шелъ на богомолье. Онъ долго рассказывалъ про свое житіе Митрію и, подвыпивши, похвастался, что у него съ собой много денегъ. Точно чортъ тогда попуталъ Митрія, и пришла ему въ голову страшная мысль; онъ не успѣлъ ни на минуту. А старикъ всталъ среди ночи и тихонько началъ собираться. Митрій ждалъ. Въ это время дождь пересталъ и луна ярко освѣщала окрестность. Старикъ помолился

на него, а со всѣхъ сторонъ раздавались голоса: въ Сибирь, въ Сибирь! Митрій метался по лѣсу. Умереть! — рѣшилъ онъ. Взявъ веревку, которой были обвязаны его вещи, онъ сдѣлалъ на ней петлю и, крѣпко привязавъ ее къ дереву, продѣлъ въ нее голову, съ злорадствомъ подумавъ: «вотъ, ищите! Какже, найдете теперь!»

— Ну, кто задавилъ матроса? — спрашивалъ кучеръ вернувшуюся горничную.

— Да слушай! Приходимъ это мы въ садъ, — говорила Матрешка, разводя руками, — а ма-

«Любимъ—нѣтъ»... Съ картины художника М. Нанненбуха.

трось-то висить на деревѣ на веревкѣ и только лапками дрыгаетъ. Барышня-то какъ взглянула — и ну ревѣть: вѣдь котъ-то ея былъ. А повѣсилъ кто, такъ и не узнали.

— Ишь ты! — глубокомысленно замѣтилъ Михай.

Е. Введенская.

* * *

Сегодня въ ночь тяжелая засуха
Развѣялась роскошною грозой,—
И первый громъ стуженъ былъ для слуха.
Такъ первый крикъ дитяти у больной
Роженины подѣмлетъ силы духа.
Все ожило въ природѣ, проросли,
Казалось, въ ней новые побѣги,
Звучнѣй ручьи гремѣли, отъ земли
Поднялся паръ душистый, полный нѣги;
Омытые цвѣты свѣжѣй цвѣли
И гдѣ-то тамъ, во глубинѣ сердечной,
Рождался вновь восторгъ живой и вѣчный.

К. Фофановъ.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ.

Считаемъ пужнымъ дополнить сказанное нами въ прошлыхъ номерахъ о славномъ городѣ Нижнемъ—еще рисунками его достопримѣчательностей и описаніемъ ихъ. Этотъ красивый городъ, какъ извѣстно, стоитъ при соединеніи двухъ могучихъ судоходныхъ артерій Приволжскаго края—Оки и Волги. Колоссальное водное пространство, тысячи расшивъ и паромовъ, оживленныя набережныя и сбѣгающія къ водѣ живописныя улицы—все это представляетъ чрезвычайно красивый интересный видъ, о которомъ читатели могутъ судить отчасти по нашему снимку. Кромѣ того, чудной картиной развѣрывается съ другой стороны, въ лѣтнее время, знаменитая Нижегородская ярмарка, перенесенная сюда изъ Макарьева. Песчаная отмель р. Оки около ярмарки занята желѣзомъ и рыбою. Мысь, образуемый слияніемъ Волги и Оки, и берегъ вверхъ по Волгѣ уставлены складами и конторами паромныхъ обществъ,—это Сибирская пристань; выше по Окѣ расположилась С.-Петербургская пристань; за Сибирскою пристанью по Волгѣ идутъ лѣсная пристань, склады сырья, а ближе къ ярмаркѣ чайные склады, невдалекѣ отъ которыхъ находятся простонародные увеселительные балаганы. Мочала и издѣлія изъ нихъ помѣстились на песчаномъ островѣ по Волгѣ, ниже Нижняго,

напротивъ села Борь. По вѣншему виду ярмарка,—европейскій городъ съ широкими улицами, электрическимъ освѣщеніемъ, порядкомъ и чистотою. Колоссальные обороты ярмарки и ея огромное значеніе для русской торговли извѣстны всѣмъ.

Отъ самаго Нижняго вѣтъ славнымъ историческимъ прошлымъ, которое въ наше забывчивое время не худо вспомнить. Пройдемъ по древнимъ святынямъ города. Вотъ Спасо-Преображенскій кафедральный соборъ. Основаніе Преображенскаго собора положилъ въ 1225 г. строитель Нижняго князь Георгій Всеволодовичъ. Первый великій князь Нижегородскій Константинъ Васильевичъ воздвигаетъ въ 1350 г. по образцу Владимірскаго Успенскаго собора новое болѣе величественное зданіе, богато украшенное внутри. Этотъ соборъ неоднократно подвергался разграбленію татаръ. Черезъ триста лѣтъ соборъ значительно обветшалъ. Новымъ строителемъ собора является самъ царь Михаилъ Феодоровичъ и родитель его патриархъ Филаретъ, въ знакъ благодарности ихъ за подвигъ нижегородцевъ во главѣ съ княземъ Пожарскимъ и Мининымъ. Этотъ третій соборъ былъ построенъ по образцу московскаго Успенскаго собора. Настоящее зданіе, въ византийскомъ стилѣ, построено по повелѣнію Императора Николая I, много содѣйствовавшаго украшенію Нижняго. У сѣверной стѣны собора находится памятникъ-гробница Минину, сооруженный по проекту архитектора Даля. Памятникъ очень красивъ. Островерхій восьмигранный куполъ строго русскаго стиля XVII вѣка, расписанный въ пестроту вкуса красокъ и узоровъ Василия Блажнаго, осыпаетъ окруженный рѣшеткою прорѣзъ въ нижній склепъ, куда ведутъ двѣ узенькія лѣстницы. У памятника теплится неугасимая лампада; въ глубинѣ повѣшена копія съ боевого стяга князя Пожарскаго, по обѣимъ сторонамъ висятъ хоругви, которыя по преданію были вынесены на площадь, когда Мининъ говорилъ свою историческую рѣчь. По сторонамъ памятника въ видѣ щита расположены по стѣнѣ ополченскія знамена нижегородскихъ дружинъ 1812 и 1854 гг. Памятникъ Минину сооруженъ въ 1878 г. по мысли Императора Александра III, который, въ бытность свою въ 1869 г. въ Нижнемъ, поклонившись, по обычаю своихъ предковъ, праху Минина, изволилъ выразить свое сожалѣніе, что спасителю Россіи нѣтъ еще памятника. Самая гробница Минина находится подъ храмомъ въ усыпальницѣ. Гробница высѣчена изъ цѣлаго куска сѣраго мрамора; на ней надпись: «лѣта 7124 преставился рабъ Божій думный дворянинъ Косма Мининъ Сухорукъ». Надъ гробницей образъ Космы и Даміана; на самой же гробницѣ постав-

лена дощечка со стихами: «Избавитель Москвы, отечества любитель и издыхающей Россіи оживитель; отчизны красота, поляковъ страхъ и мечь, Россіи похвала и вѣчна слава, честь: се Миновичъ Козма здѣсь тѣломъ почиваетъ, всякъ истинный кто Россѣ — да прахъ его лобзаетъ».

Не однимъ этимъ почтили нижегородцы своего героя. Напротивъ Кремлевской площади разбитъ по гребню горы Мининскій садъ, въ которомъ находится памятникъ князю Пожарскому и Минину. Памятникъ очень скромный. Небольшой гранитный обелискъ съ бронзовыми барельефными изображеніями бюстовъ кн. Пожарскаго и Минина; на сторонѣ, обращенной къ Волгѣ, надпись: «Князю Пожарскому благодарное потомство 1826 г.», на противоположной: «Гражданину Минину благодарное потомство 1826 г.».

Въ настоящемъ номерѣ мы даемъ еще видъ Архангельскаго собора, старѣйшаго въ Нижегородскомъ кремлѣ, построеннаго при основаніи Нижняго княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ Архангельскій соборъ построенъ въ 1732 году, стараніями нижегородскаго вице-губернатора Волынскаго. Въ этомъ соборѣ замѣчательны нѣкоторыя древнія соборныя вещи, которыя, какъ полагаютъ, находились и въ первоначальной, горѣвшей до 1732 года нѣсколько разъ церкви, какъ напримѣръ: мѣдный колокольчикъ съ примѣсомъ серебра, вѣсомъ до 5 фунтовъ, довольно хорошо отлитый, и священническое облаченіе, называемое *княжескимъ*, сшитое, какъ говоритъ преданіе, изъ одежды великихъ князей нижегородскихъ. Въ соборѣ погребены: Василій Юрьевичъ, послѣдній великій князь нижегородскій; сынъ его Иванъ, Василій Семеновичъ Кирдяна; внукъ Дмитрія Константиновича — Иванъ Васильевичъ, князь Петръ, Зиновій, Зосима и Иона и княгиня Ирина. На паперти Архангельскаго собора сдѣлана въ 1816 году надпись, излагающая вкратцѣ исторію основанія Нижняго-Новгорода и исторію самаго собора, и начинающаяся такъ: «Древле Низовскою Землею владѣли идолопоклонники Мордва. Благочестивый великій князь нынѣ духомъ въ Бозѣ, а нетлѣннымъ тѣломъ своимъ въ градѣ Владиміръ почивающій Георгій Всеволодовичъ... Между колокольной и шатромъ церкви устроена четырехъ-угольная башня, входъ въ которую сдѣланъ въ стѣнахъ самой церкви; съ этой башни въ старину, во время неприятельскихъ набѣговъ, дѣлались наблюденія надъ окрестностями города. Вѣковыя Нижегородскія святыни много говорятъ истинно-русскому сердцу и взору о славныхъ дняхъ побѣдоносной борьбы со врагомъ, о чистой вѣрѣ и о мужествѣ горожанъ славнаго города».

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

—♦—♦—

— Опъ правъ,—сказала Мари,—вы должны повѣдаться; не правда-ли, господинъ Торперъ? Господинъ Рено хочетъ передъ отъѣздомъ повѣдать Джэпъ одну, я нахожу это вполне естественнымъ.

— Конечно! Пусть придетъ сюда; я не думаю, чтобы Пальмира осмѣлилась запретить ему двери. Да вотъ что! Завтра воскресенье, квакерша непременно отправится въ свою моленную; служба у нихъ тянется долго, вну-

шенія вѣдь не скоро приходятъ... Я приведу господина Рено, мы пройдемъ съ нимъ въ садъ, гдѣ вы обѣ уже будете. Мнѣ, между прочимъ, нужно рассказать m-lle Мари про пасть вещей, отъ которыхъ вамъ обоимъ нѣтъ дѣла и вы отправитесь въ одну сторону, а мы въ другую.

— Дорогой Самми! А мой отецъ?..

— Твой отецъ! Во-первыхъ, если господинъ Рено обратится къ нему прямо съ просьбою

попрощаться съ тобой, опъ не откажетъ въ разрѣшеніи. Развѣ только не дастъ вамъ наединѣ долго разговаривать. И такъ до завтра. А сегодня за обѣдомъ ни слова.

Опъ обнялъ ее и поцѣловалъ, затѣмъ взялъ кобъ и снова поѣхалъ въ консульство.

За обѣдомъ Джэпъ казалась спокойной, хотя глаза у нея были красны; Джо увѣрилъ себя, что она покоряется разлукѣ, потому что считаетъ ее недолговременной, и заговорилъ

о путешествіи, во время котораго собирался жить знатнымъ бариномъ и ничего не жалѣть, чтобы доставить себѣ и своей дочери всевозможныя развлеченія. Онъ предложилъ даже Джэнь поддержать съ ней пари, что она будетъ просить его подольше остаться въ Парижѣ. — Ты сомнѣваешься, — продолжалъ онъ, видя печальную улыбку дочери. — Это мы скоро увидимъ. Мы ѣдемъ въ среду, чтобы попасть въ субботу на французскій корабль «Лабрадоръ», гдѣ я уже занялъ помѣщеніе.

Миссъ Гаррисъ вздрогнула, но Джо этого не замѣтилъ и весело продолжалъ:

— Не набирайте только тряпокъ съ собой. Въ Парижѣ все найдется и, конечно, самое модное. Я писалъ уже въ бристольскій отель, чтобы за нами оставили помѣщеніе. Картеръ говорилъ, что тамъ останавливаются всѣ знатные иностранцы, въ томъ числѣ и принцъ Уэльскій. Вы знаете этотъ отель, m-lle Бренъ?

— По наслышкѣ. Онъ находится на Вандомской площади.

— Не далеко отъ Оперы?

— Совсѣмъ близко.

— Мы будемъ бывать въ театрѣ; не пропустимъ ни одной модной пьесы.

— Ты забываешь, отецъ, что мы въ траурѣ, — замѣтила Джэнь, въ ея голосѣ слышались рыданія.

— Мы въ полу-траурѣ, который допускаетъ выѣзды. Я дорожу памятью твоей матери и никогда не забуду ее. Но я хочу оторвать тебя отъ печальныхъ воспоминаній, и потому задумалъ это путешествіе. Въ твои лѣта нельзя предаваться такому продолжительному гореванію. Правду я говорю, Пальмира?

— Не подниматься величіемъ Господа значитъ не слѣдовать его закону, — лицемѣрно отвѣчала Пальмира, — я не думала быть еще разъ въ Европѣ, но мой братъ рѣшилъ это путешествіе и я буду сопровождать его, какъ то повелѣваетъ мнѣ долгъ.

Это было слишкомъ для миссъ Гаррисъ, она встала изъ за стола и, пожелавъ спокойной ночи отцу и его сестрѣ, ушла вмѣстѣ съ Мари.

— Она не понимаетъ, что мы хотимъ только ея счастья, — сказала Пальмира.

— Все равно, — сказалъ Джо, — она очень огорчена и это меня беспокоитъ. Знай я, что она не утѣшится...

— Въ ея годы всегда утѣшаются. Развѣ я не утѣшилась отъ горя, нанесеннаго мнѣ моимъ первымъ мужемъ, этимъ негодиемъ Сприномъ?

— А также отъ продолжительнаго пребыванія въ Китаѣ твоего второго супруга, святого пастора Феликса Скотта.

— Ты ставишь мнѣ въ упрекъ, что я не послѣдовала за нимъ?

— О, нисколько, какъ и того, что ты покинула моего краснорѣчиваго адвоката и друга Уильяма Брайта, твоего супруга нумеръ третій, — кстати, ты мнѣ никогда не говорила причины вашей ссоры. Съ четвертымъ ты не сошлась въ пониманіи какого то стиха въ какомъ то пророчествѣ, не помню уже. Помню только, что тамъ говорится о повиновеніи жены мужу, но это-то, должно быть, и не нравилось тебѣ.

Джо произносилъ слова насмѣшливымъ тономъ, пуская облака дыма, довольный, что могъ на комъ нибудь выместить горе, которое онъ невольно причинилъ своей дочери. Но миссъ Дерсонъ такими пустяками не обижалась, — она достигла своей цѣли, а это главное. Кромѣ того, настоящая квакерша

никогда не должна ни сердиться, ни оскорбляться Гаррисъ продолжалъ:

— И такъ рѣшено. Мы ѣдемъ въ среду. Постарайся, чтобы все было готово къ отъѣзду. Кларисса останется смотрѣть за домомъ. Съ собою мы возьмемъ только Уилли, моего камердвѣра и Кэтъ, горничную Джэнь. Въ Парижѣ можно будетъ нанять необходимую прислугу.

— Разсчитывай на меня, Джо. Спокойной ночи.

Джо не давалъ себѣ отчета въ жестокости своего поведенія относительно дочери и не хотѣлъ даже мысленно сознаться, что, желая имѣть титулованнаго зятя, рѣшилъ выдать ее замужъ за другого, а не за французскаго консула. Признаться въ этомъ значило сознаться въ томъ самомъ грѣхѣ, въ какой впалъ Джонъ Картеръ, надъ которымъ онъ самъ первый смѣялся. Онъ не признавалъ, что неудовлетворенная любовь можетъ сдѣлать несчастнымъ, и еще менѣе предполагалъ, чтобы Джэнь, такъ хорошо воспитанная, такая набожная, такая серьезная, могла быть настолько сильно влюблена въ Рено, что разлука съ нимъ сдѣлаетъ ее несчастной. Рено былъ первый красивый французъ, котораго она встрѣтила, потому только онъ и понравился ей. Въ Парижѣ она увидитъ другихъ, болѣе привлекательныхъ, и, какъ всѣ молодыя дѣвушки, забудетъ свою мечту.

А Джэнь между тѣмъ сильно горевала. Воспитанной въ глубокомъ уваженіи къ родительской власти, ей въ голову не приходило возмутиться, хотя она хорошо понимала, что отецъ дѣйствуетъ подъ роковымъ вліяніемъ своей сестры, лицемѣріе которой внушало ей глубокое отвращеніе. На другое утро она сошла въ садъ блѣдная, измученная безсонной ночью и съ нетерпѣніемъ ждала Рено. Наконецъ, онъ пришелъ въ сопровожденіи Сама.

— Марсель! Слава Тебѣ, Господи!

И не обращая вниманія на Мари и Сама, она бросилась Марселю на шею. Обнявъ молодую дѣвушку, Рено провелъ ее въ глубь сада, а Мари и Самъ, какъ бы карауля, сѣли не вдалекѣ на скамейку.

— Что съ нами будетъ? Я черезъ три дня уѣзжаю и одинъ Богъ знаетъ, когда мы свидимся.

— Если бы вы захотѣли, Джэнь, если бы вы меня столько-же любили, сколько я васъ люблю, мы не разстались бы! — Рено говорилъ торопливо и задыхаясь.

— Я не понимаю васъ.

— Простите мнѣ, что я вамъ скажу, но наше счастье вполнѣ зависитъ отъ васъ.

— О говорите, говорите, что нужно дѣлать?

— Навѣрное вы нѣсколько знакомы съ законами вашего отечества? Существуетъ законъ, который даетъ намъ право разорвать связавшія насъ цѣли.

— Законъ, какой?

— Дающій право всякой молодой дѣвушкѣ, достигшей пятнадцати лѣтъ, выйти замужъ по своему усмотрѣнію, не спрашивая согласія родителей.

Миссъ Гаррисъ вздрогнула. Сѣвъ на скамейку она серьезно сказала:

— Этотъ законъ я знаю, но вѣдь дѣвушекъ, воспользовавшихся имъ, всегда осуждаютъ. Я люблю васъ, Марсель, и мнѣ все равно, что про меня станутъ говорить. Я подвернусь даже и гнѣву моего отца, но я католичка, — и покойная мама не благословитъ насъ! Дочь Максима Гарриса можетъ послѣдовать

вашему совѣту, но не дочь Фанни Бессонъ. Она можетъ только противиться всякимъ искушеніямъ и сберечь себя для васъ. Кто знаетъ, можетъ быть мой отецъ уступитъ моимъ просьбамъ, и откажется отъ зятѣи имѣть, подобно Джонъ Картеру, титулованнаго зятя. Общаю вамъ, во время нашей разлуки жить только вами, думать только о васъ, падѣяться на васъ, и смотрѣть на себя, какъ связанную съ вами неразрывными узами, которыя могутъ быть расторгнуты только вами.

— Благодарю, Джэнь, благодарю.

Онъ обнялъ ее и крѣпко прижалъ къ сердцу, губы ихъ встрѣтились и долгій поцѣлуй запечатлѣлъ ихъ общанія. Джэнь, блѣдная какъ смерть, вырвалась изъ его объятій и медленно, молча, пошла домой.

— Такъ скоро? — сказала Самъ, увидавъ ихъ. Но замѣтивъ ихъ разстроенныя лица, онъ остановился, понимая, что передъ нимъ безконечное горе, которое нельзя утѣшить. Черезъ нѣсколько минутъ Рено ушелъ вмѣстѣ съ Самомъ и дорогой разсказалъ ему свой разговоръ съ Джэнь.

Придя домой, Джо узналъ съ своей сестры о посѣщеніи Рено и его прогулкѣ съ Джэнь по саду; у миссъ Дерсонъ были шпионы между слугами. Но ни Джо, ни Пальмира не рискнули сдѣлать какой-нибудь намекъ Джэнь или замѣчаніе дѣвицѣ Бренъ. Только когда, накануне ихъ отъѣзда, консулъ явился съ прощальнымъ визитомъ, квакерша постаралась ни на минуту не оставлять ихъ однихъ.

На другое утро, въ среду, Гаррисъ и его семья сѣли на поѣздъ, идущій въ Нью-Йоркъ. Марсель и Самъ пришли ихъ провожать. Джо весело прощался, выражая свое удовольствіе, что исполнилъ задуманное предпріятіе. Квакерша была спокойна, холодна, натянута — какъ всегда. Марсель церемонно ей поклонился, Самми повернулся къ ней спиной. Когда поѣздъ тронулся, Джэнь, блѣдная, упала на подушки вагона, едва удерживая слезы. Вернувшись домой, Марсель нашелъ небольшую записку Джэнь, которую она написала еще накануне вечеромъ.

«Еще разъ не прости, но до свиданія, женихъ мой! Я буду сообщать вамъ все, что съ вами случится, а изъ Парижа пришлю вамъ адресъ одной родственницы Мари, на имя которой вы можете писать. Я люблю васъ, Марсель, и горжусь вами. Любите меня, это мое счастье. Протягиваю вамъ лобъ и обѣ руки. Джэнь».

Черезъ три дня Гаррисы заняли роскошныя каюты на «Лабрадорѣ», и миссъ Дерсонъ поторопилась спрятать, вмѣстѣ съ самыми драгоценными бумагами, рекомендательное письмо «Д. С. Парей и К^о» къ Артуру Демарэй, имѣющему брачное бюро въ Парижѣ. Тетка Пальмира забыла только одно, предупредить своего четвертаго супруга о своемъ отъѣздѣ въ Европу. А Джэнь забилась въ свою каюту и горько плакала.

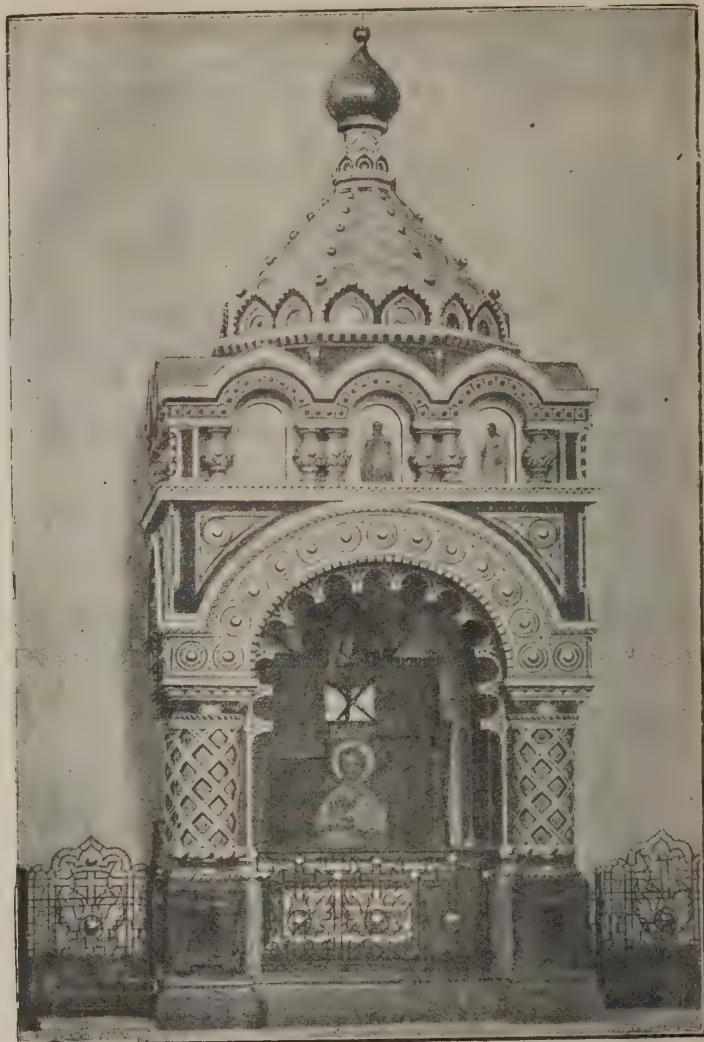
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Принцъ ювъ.

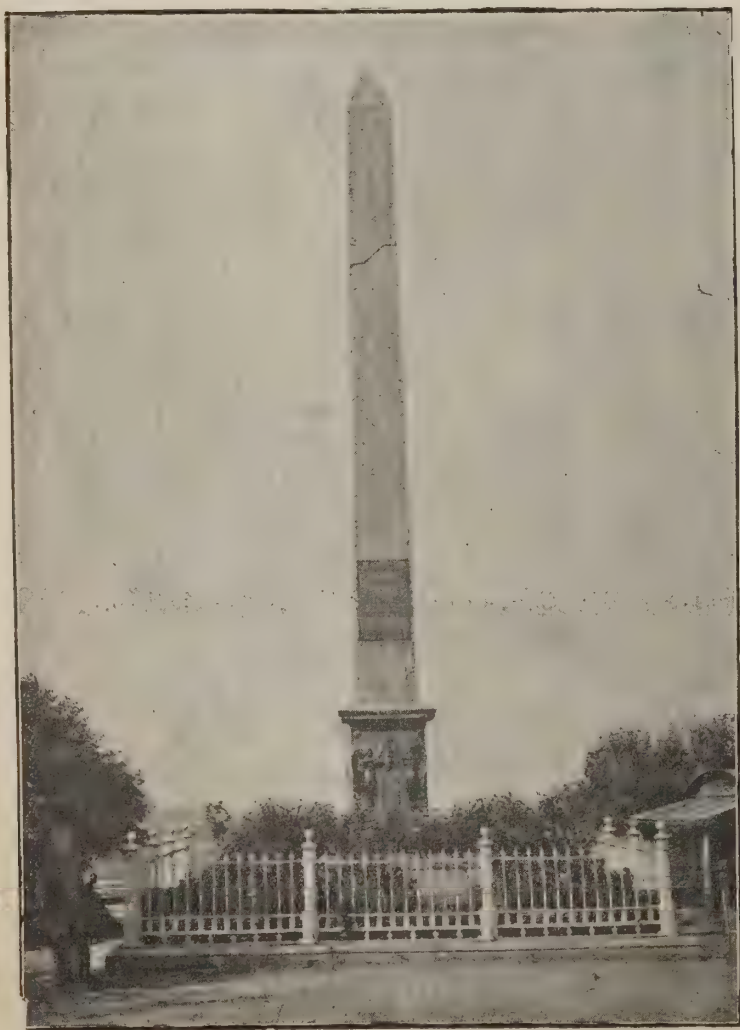
Дворецъ Салернъ - Менсерратъ представлялъ громадное зданіе временъ Людовика XIII и былъ расположенъ между большимъ чистымъ дворомъ и садомъ, въ которомъ росли вѣковыя деревья и изъ котораго былъ выходъ въ переулокъ. Къ сожалѣнію, этотъ дворецъ только по наружности заставлялъ предполагать жилище роскоши и наслажденій, — когда переступали его порогъ, впечатлѣніе получалось совсѣмъ другого рода. Тѣмъ болѣе, что на-

АРХАНГЕЛЬСКИЙ СОВОРЪ.

Памятникъ-гробница Минину въ кафедральномъ соборѣ.

МОНУМЕНТЪ МИНИНУ И ПОЖАРСКОМУ.

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОВОРЪ.

СТИ НИЖНЯГО НОВГОРОДА.

Благовъщенскій монастырь.

Видъ на ярмарку изъ города.

радные двери уже съ полсотни лѣтъ не створялись, а всѣ входили въ маленькую боковую дверь, когда-то предназначавшуюся для прислуги и посѣтителей низшаго разряда. Можно было даже предположить, что дворецъ необитаемъ,—всѣ комнаты нижняго этажа были заперты, а окна на глухо закрыты ставнями. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ этихъ залахъ лавались блестящіе балы, на которыхъ бывало все высшее общество и дворъ, но во времена второй имперіи погасъ послѣдній блескъ нѣкогда знаменитаго дома Саллерн-Монсерратъ, въ гербѣ котораго находились золотыя лиліи, а предки участвовали въ крестовыхъ походахъ. Теперь въ этомъ дворцѣ обиталъ послѣдній представитель знаменитыхъ предковъ юный принцъ Робертъ Саллерн-Монсерратъ, герцогъ Блэзъ, графъ Ранвезъ,—одинъ изъ самыхъ ненужныхъ — ни себѣ, ни людямъ—господъ въ мірѣ вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, которыхъ, впрочемъ, нельзя ставить ему въ вину.

Его отецъ, у котораго женщины и карты съѣли состояніе и изсушили сердце, умеръ рано, а матери онъ совсѣмъ не помнилъ. Послѣ смерти отца Роберту едва осталось двѣнадцать тысячъ франковъ ежегоднаго дохода и полуразрушенный дворецъ, который отецъ, умирая, взялъ съ него клятву никогда не продавать, хотя одно мѣсто могло принести около полумилліона.

Робертъ остался не совершеннолѣтнимъ, когда умеръ его отецъ, и немедленно образовался семейный совѣтъ, въ составъ котораго вошелъ дядя со стороны матери,—герцогъ де-Можоль, весьма остроумный, образованный, честный, прямодушный; затѣмъ одинъ дальній родственникъ, баронъ Пьеръ де-Марга, прожитатель жизни съ весьма бурною молодостью; еще другой родственникъ, графъ де-Пенгре,—котораго жена его Генриетта водила его за носъ и обманывала съ его друзьями со дня супружества, чего онъ даже не подозрѣвалъ, и наконецъ Поль Мансионъ, честный и богатый нотаріусъ, многіе годы уже завѣдывавшій дѣлами семьи Саллерновъ. Этотъ совѣтъ рѣшилъ, что Робертъ будетъ дома продолжать свое ученіе и затѣмъ поступитъ въ какую нибудь школу,—сень-сирскую или политехническую, а чтобы молодой принцъ не скучалъ одинъ со своимъ воспитателемъ, рѣшили помѣстить съ нимъ сына барона де-Марга, Армана. Хуже ничего нельзя было придумать, молодые люди имѣли полную возможность ничего не дѣлать. Присутствіе молодого Марга увеличивало даже доходъ родственника, отецъ вносилъ за него ежемѣсячно двѣсти пятьдесятъ франковъ.

Прислугу дворца составляли старый лакей, привязанный къ семьѣ, не менѣе старая и на рѣдкость честная кухарка и дворникъ Жеромъ, бывшій солдатъ. Во всемъ громадномъ дворцѣ молодые люди занимали только нѣсколько комнатъ, остальные всѣ были закрыты.

Такимъ образомъ прожилъ Робертъ до окончания своего ученія, и кое какъ со своимъ кузеномъ сдалъ, наконецъ, экзаменъ. Затѣмъ молодые люди отбыли воинскую повинность, но ни одинъ изъ нихъ не пристрастился къ военной службѣ, хотя годъ службы прошелъ для нихъ весьма легко, они больше пребывали въ Парижѣ, чѣмъ въ казармахъ.

Вернувшись, по окончании срока службы, домой, Робертъ долженъ былъ жить въ своемъ дворцѣ одинъ со своимъ воспитателемъ, потому что кузень его, Арманъ, вернулся домой. Понятно, что Робертъ скучалъ невыносимо и не могъ получить здравый взглядъ на жизнь.

Принцу Роберту Саллернскому исполнился двадцать одинъ годъ. Это былъ красивый молодой человекъ, темноволосый, стройный, съ тонкими чертами лица, съ изящными манерами; но общій видъ его не внушалъ симпатій. Голову онъ держалъ высоко; на губахъ, отбѣненныхъ нарождающимися усами, играла презрительная усмѣшка. Голосъ былъ сухой, повелительный; красивые глаза смотрѣли не искренно. Весьма мало образованный, но превосходный наѣздникъ, онъ кромѣ того хорошо дрался на шпагахъ и пистолетахъ и правильно говорилъ по англійски.

Семейный совѣтъ собрался съ цѣлью рѣшить, какую карьеру избрать для юности. Онъ не хотѣлъ поступать въ Сень-Сирскую школу, и по его общественному положенію ему оставалась одна дорога—дипломатія. Робертъ охотно согласился, имѣя въ перспективѣ надежду сдѣлаться когда-нибудь посланникомъ. Особенно когда дядя его, герцогъ де-Можоль, замѣтилъ, что въ качествѣ какого-нибудь секретаря при посольствѣ, ему не трудно будетъ найти богатую партію. Но и тутъ нужно было учиться,—дѣлать нечего, принцъ покорился и принялся посѣщать лекціи политическихъ и юридическихъ наукъ, даже будто заинтересовался ими, и посвящалъ имъ большую часть дня. Утромъ онъ дѣлалъ прогулку верхомъ, а вечеромъ отправлялся куда-нибудь въ свѣтъ въ сопровожденіи своего кузена Армана де-Марга,—отецъ прочилъ его по банковской части. Если друзья не проводили вечера у графа де-Пенгре, жена котораго, казалось, взяла на себя трудъ закончить ихъ образованіе, познакомили ихъ со всѣми обычаями аристократическихъ домовъ,—они шли въ театръ, въ оперу или комедію, гдѣ десятки ложъ были имъ открыты.

Когда принцъ достигъ совершеннолѣтія, нотаріусъ его, въ присутствіи всѣхъ родственниковъ, отдалъ ему отчетъ въ его дѣлахъ, и у принца оказалось около двѣнадцати тысячъ франковъ годового дохода, въ прочныхъ бумагахъ. На другое утро принцъ отправился завтракать въ своему дядѣ, герцогу де-Можолю. Герцогъ жилъ холостякомъ и занималъ небольшую квартиру въ первомъ этажѣ, съ небольшимъ садикомъ. Послѣ завтрака герцогъ закурилъ сигару и, предложивъ сигаретку своему племяннику, заговорилъ нѣсколько иронически:

— Дорогой мой, не думай, что тебя ждетъ длинная рѣчь, хотя я считаю своею обязанностью предупредить тебя противъ нѣкоторыхъ подводныхъ камней, ожидающихъ тебя на житейскомъ морѣ Парижа. Конечно, я не придаю особаго значенія моимъ совѣтамъ, обыкновенно они доставляютъ удовольствіе только дающимъ ихъ, но я не хочу, чтобы ты могъ въ послѣдствіи сказать,—почему вы не предупредили меня.

— Я съ удовольствіемъ выслушаю васъ,—отвѣчалъ молодой человекъ, нѣсколько волнуясь.

— Итакъ, вотъ что я порекомендую тебѣ. Прежде всего работай, сдѣлайся кѣмъ-нибудь, принеси пользу. Я понимаю, что ты не хотѣлъ быть солдатомъ, это очень скучное занятіе въ мирное время, но никогда не забывай, что ты служишь не формѣ правленія или партіи, но государству. Теперь о твоёмъ бюджетѣ. Ты не богатъ, но съ твоими двѣнадцатью тысячами франковъ, не имѣя надобности платить за квартиру, можно прожить. Если ты хочешь всегда сводить концы съ концами, я тебѣ совѣтую проживать только одиннадцать тысячъ изъ двѣнадцати. Я не

богаче тебя,—ты когда-нибудь узнаешь это, потому что ты мой наслѣдникъ,—но меня никто не считаетъ бѣднякомъ. Главное, не дѣлай долговъ. Что покупается въ долгъ, стоитъ всегда вдвое. Въ твоихъ отношеніяхъ къ людямъ будь благоразуменъ, вѣжливъ, избѣгай высокомерія. Не воображай, что ты иначе созданъ только потому, что твои предки участвовали въ крестовыхъ походахъ. Будь остороженъ въ выборѣ друзей, не дружись съ первымъ попавшимся,—подружиться легко, раздружиться трудно. Бывай въ свѣтѣ, особенно въ домахъ, гдѣ можно встрѣтить пожилыхъ женщинъ, отъ нихъ многому можно научиться. Я не о нашей кузинѣ, графинѣ де-Пенгре, говорю,—это сумасшедшая, которая мѣшается во все, что до нея не касается, стремится женить всѣхъ холостяковъ, а мужъ ея по просту дуракъ.. Не играй ни на биржѣ, ни на бѣгахъ или скачкахъ. Не бери картъ въ руки. Одинъ извѣстный мошенникъ, съумѣвшій отложить около милліона, пренебрежно увѣрялъ, что въ карты выигрываютъ только кокетки, дураки и воры. Игра отнимаетъ всякое нравственное чувство у играющаго. Въ игрѣ весьма часто честь отъ безчестія раздѣляется только толщиною одной карты.

— Дядя, какъ вы хорошо знаете свѣтъ,—замѣтилъ Робертъ, который со вниманіемъ слушалъ.

— Я радъ этому, потому что могу указать тебѣ опасныя мѣста. Теперь поговоримъ о женщинахъ! Весьма деликатный вопросъ; большинство судить ихъ съ личной точки зрѣнія, смотря потому, сдѣлали-ли онѣ васъ счастливыми или несчастными. Будто онѣ всѣ одинаковы! Вотъ почему никогда нельзя сойтись въ мнѣніяхъ о женщинахъ. Одно истинно, что къ женщинамъ легко можно примѣнить слова Эзопа объ языкахъ: «Лучшая или худшая изъ вещей». Старайся, чтобы тѣ, съ которыми ты будешь встрѣчаться, принадлежали къ первой, а не послѣдней категоріи. Не увлекайся женскими знаменитостями. Не воображай, что если та или другая женщина окружена поклонниками, богата, въ модѣ, она, слѣдовательно, одарена всѣми качествами и больше другихъ заслуживаетъ любви. Успѣхи женщинъ рѣдко вызываются ихъ достоинствами, красотой, умомъ, а часто зависаютъ отъ богатыхъ дураковъ, встрѣчающихся на ихъ пути. Въ любви, какъ и въ игрѣ, нужна удача. Только съ женщинами рискуютъ не одними деньгами, но часто на ставку идетъ покой, честь, жизнь. Счастливы, кто выигрываетъ.

Старикъ-дядя произнесъ послѣднія слова съ убѣжденіемъ и улыбкой,—которая была будто отголоскомъ воспоминаній.

— Проигравшій терпитъ адъ?—иронически спросилъ юный принцъ.

— Хуже! Адъ представляетъ только одну трудную минуту. Но разъ жарятся, не думаю, что страданія увеличиваются отъ продолжительности факта. Между тѣмъ какъ свыкнуться съ дурной женщиной невозможно. Я тебѣ дамъ только два совѣта относительно женщинъ, я говорю о любовницахъ: люби... и плати! Люби потому, что любовь единственная изъ страстей человѣческихъ, дающая полное счастье; плати, потому что въ противномъ случаѣ оно тебѣ слишкомъ дорого обойдется. Теперь, мой мальчикъ, дѣлай глупости, но не забывай того, что я сказалъ тебѣ. Если ты сдѣлаешь ужъ слишкомъ чудовищную глупость, приходи ко мнѣ и мы вмѣстѣ ее обсудимъ. Великое несчастье для

человѣка не сознаваться въ своихъ ошибкахъ и не имѣть достаточно энергіи стать лицомъ къ лицу съ созданнымъ имъ самымъ положеніемъ. Теперь я кончилъ, поговоримъ о другомъ.

И онъ заговорилъ о театрѣ, скачкахъ, охотѣ, о домахъ, въ которыхъ онъ чаще другихъ бывалъ... Дядя и племянникъ общались другъ другу часто видаться, но когда Робертъ ушелъ, дядя его подумалъ:

— Кажется, я напрасно потратилъ время, и принцъ Саллернъ-Монсерратъ, герцогъ Блэзъ, графъ Раввезъ и др. будутъ всегда дѣйствовать какъ ему вздумается, — онъ весь въ отца и, подобно ему, ничего не прибавитъ къ блеску своего имени...

Не такимъ хотѣлъ герцогъ де-Можоль видѣть своего племянника. Онъ требовалъ отъ молодежи искренней молодости, и съ глубокимъ огорченіемъ замѣчалъ недостатокъ увлеченія и истинной веселости въ этомъ юномъ двадцати одного годѣ. Оживленіе, подвижность, честолюбіе, романтичность, — вотъ чего онъ хотѣлъ, и за что легко простилъ-бы ему всѣ недостатки, свойственные молодости, но въ дѣйствительности Робертъ не обладалъ первыми и былъ чистъ отъ послѣднихъ. Онъ былъ холоденъ, остороженъ, экономенъ, всегда на показъ, даже дома, — для своей прислуги. Въ немъ чувствовалась только безкопечная гордость и протестъ противъ судьбы, не давшей ему состоянія, подходящаго къ его имени и положенію. Эти чувства руководили имъ и привели его къ мысли сдѣлаться дипломатомъ, жить за границей, — гдѣ онъ можетъ выгодно жениться, какъ говорить его дядя и ежеминутно твердить его кузина, графиня де-Пенгре, которая, всякій разъ при встрѣчѣ, повторяетъ ему:

— Дорогой Робертъ, ты съ каждымъ днемъ хорошеешь. Какъ только ты вступишь въ министерство иностранныхъ дѣлъ, я тебя найду прелестною принцессу, съ большимъ приданымъ.

Нашъ юный герой принялся серьезно изучать право, какъ ему ни тяжело было сидѣть на одной скамьѣ съ простымъ буржуа, которые или относились къ нему насмѣшливо, величая его «принцъ» или называли его просто господиномъ Саллернъ. Не смотря на это, онъ выдержалъ три года, сдалъ экзаменъ и былъ принятъ на службу.

Первый шагъ былъ сдѣланъ, и дядя имѣлъ полное право надѣяться на быстрое движеніе племянника впередъ. Къ несчастью, на первое же вакантное мѣсто при министрѣ у де-Саллерна явился соперникъ, который побѣдилъ его. Будь это герцогъ, маркизъ или что-нибудь подобное, Робертъ легче примирился бы съ своимъ пораженіемъ, но это былъ простой смертный, котораго звали Марсель Рено. Правда, что отецъ его занималъ важное мѣсто въ магистратурѣ и былъ весьма уважаемый человѣкъ, а самъ онъ былъ человѣкъ умный и знающій. Робертъ ничего не хотѣлъ признавать, онъ рѣшилъ, что при настоящемъ правительствѣ разночинцы всегда будутъ идти впередъ звать и подалъ въ отставку, возненавидѣвъ Рено, и давъ себѣ слово никогда не служить республикѣ. Съ тѣхъ поръ Робертъ сдѣлался праздншатающимся. Ни чтеніе, ни ученіе, ни искусство, — ничто его не занимало. Въ оперѣ онъ бывалъ очень рѣдко, хотя это могло ему ничего не стоить. Онъ любилъ только наѣздничество, бой на шпагахъ, стрѣльбу, бѣга, охоту, вообще всякіе спорты. Каждое утро онъ отправлялся гулять верхомъ вѣстѣ съ Арманомъ Марга.

Иногда повторялъ свою прогулку и днемъ, а вечеромъ шелъ въ Жокей-клубъ, гдѣ слѣдилъ за играющими въ вистъ или безикъ. Какъ ни дѣлалось ему завидно при видѣ счастливаго игрока, забираващаго горстями золото, но самъ онъ не рисковалъ франкомъ, — Саллернъ-Монсерратъ можетъ рисковать только большими суммами. Любовница Саллернъ-Монсеррата должна жить въ роскоши; Саллернъ-Монсерратъ можетъ дѣлать только княжескіе пріемы, — и потому Робертъ не заводилъ любовныхъ связей и принималъ весьма немисогихъ друзей, которые подшучивали надъ его чрезмѣрнымъ благоразуміемъ, не подозревая, на сколько онъ страдалъ отъ этого благоразумія. Онъ даже избѣгалъ бывать во время охоты въ замкахъ разныхъ лицъ своего круга, хотя его очень дружески приглашали, — потому что самъ не могъ отплатить имъ тѣмъ-же. Все, что онъ себѣ позволялъ, это нѣсколько дней на берегу моря, — въ Діеннѣ или Трувиллѣ, а когда общество оттуда разѣжалось куда-нибудь подальше, онъ, съ тоскою въ сердцѣ, возвращался въ Парижъ. Больше всего его привлекалъ Монте-Карло, тамъ можно было-бы выиграть несмѣтныя суммы, но!.. Какъ онъ казался себѣ одинокъ въ такія минуты въ своемъ громадномъ, на половину закрытомъ дворцѣ.

Случалось, что Арманъ де-Марга, кутила, ни во что не вѣрующій, съ весьма воздушной нравственностью, игравшій на биржѣ, не одинъ разъ хотѣлъ вырвать своего кузена изъ окружавшей его обстановки и всякій разъ безуспѣшно, — это его бѣсило. Онъ находилъ глупымъ, что молодой, красивый человѣкъ, носящій одно изъ самыхъ знатныхъ именъ Франціи и которому стоило только захотѣть, чтобы быть счастливымъ, запирался въ четырехъ стѣнахъ, вмѣсто того, чтобы жить весело и дѣлать долги, — приданое жены ихъ уплатить. Однажды Арманъ завтракалъ у Роберта и тотъ жаловался ему, въ какомъ низменномъ кругу онъ долженъ искать любовницъ.

— Самъ виноваты! — вскричалъ баронъ. — Продай свой дворецъ, — у тебя полъ-милліона въ карманѣ; а ты еще отказываешься отъ всѣхъ богатыхъ партій, которыя тебѣ предлагаетъ наша кузина графиня де-Пенгре.

— Во-первыхъ, ты забылъ, что я обѣщалъ своему отцу не продавать нашего фамильнаго дворца и не жениться безъ разбору.

— Въ такомъ случаѣ отдай твой дворецъ въ наймы, получишь тысячу двадцать франковъ; возьми небольшую квартиру въ четыре, пять тысячъ франковъ, у тебя останется достаточно, чтобы жить хорошо и взять въ любовницы даже прелестную Лену.

— Я нисколько не влюбленъ въ госпожу Реджи! — Робертъ сильно покраснѣлъ при этихъ словахъ.

— А я увѣренъ, что благодаря ея красотѣ, тебѣ не нравится ни одна дѣвушка изъ предлагаемыхъ графиней.

— Ошибаешься. Я отказываюсь отъ партій предлагаемыхъ мнѣ графиней потому, что выбирать не изъ чего. Напримѣръ, одна изъ этихъ дѣвицъ — очень хорошенькая, хромаетъ.

— Ну, это ничего, Лавальеръ хромота!

— Не въ моемъ вкусѣ. Отъ другой, англичанки, я бы не отказался, но она протестантка и не желаетъ мѣнять религію, а я не намѣренъ жениться на протестанткѣ.

— Генрихъ IV сказалъ, что французскій престолъ стоитъ обѣди!.. Я готовъ на все, ради богатой невѣсты. А еще?

— Еще? Одна кривая, другая еврейка, — дѣвица Олимпія Груперъ, отецъ которой наворовалъ милліоны, торгуетъ хлѣбомъ, и дастъ шесть милліоновъ за своей дочерью.

— Эти милліоны принесли-бы тебѣ двѣсти тысячъ годового дохода и на нихъ ты можешь закупить всѣхъ кордебалетныхъ Ленъ въ мірѣ.

— Дѣлать изъ еврейки принцессу де-Саллернъ-Монсерратъ! Ни за что на свѣтѣ! Слышать, какъ въ одинъ прекрасный день мой тестъ будетъ призывать Іегову передъ портретомъ моего предка, папы Иннокентія V.

— Глупости ты говоришь. Въ нашемъ новѣйшемъ обществѣ нѣтъ ни евреевъ, ни католиковъ, ни мусульманъ, ни протестантовъ, ни буддистовъ, есть только умные и глупые, честные и безчестные. Увѣрю тебя, если мнѣ предложить индуску съ мѣшками рунъ, или японку, китайку съ большимъ приданымъ, я немедленно женюсь; мнѣ все равно, будетъ-ли баронесса де-Марга поклоняться Вишну, Буддѣ или Конфуцію... Во всякомъ случаѣ это твое дѣло, но я глубоко убѣжденъ, что прекрасные глаза, стройная талія, прелестныя ножки и выточенный бюстъ Лены Реджи играютъ въ твоихъ отказахъ большую роль. Серьезно, въ какихъ ты съ нею отношеніяхъ?

— Ты очень хорошо знаешь, что ни въ какихъ, — отвѣчалъ принцъ, видимо сконфуженный. — Я не знаю, — продолжалъ онъ, съ волненіемъ ходя изъ угла въ уголъ, — съ чего ты это взялъ? Я изрѣдка встрѣчаю Лену въ лѣсу, перекидываюсь съ нею двумя, тремя словами; у нея я былъ не больше четырехъ, пяти разъ.

— Значитъ ты не захотѣлъ... Я навѣрное знаю, что ты ей очень нравишься; она очень честолюбива и была бы въ восторгѣ сдѣлаться возлюбленной принца де-Саллернъ.

— Возможно! Но какъ ты думаешь, такой человѣкъ, какъ я, можетъ быть чѣмъ нибудь возлюбленнымъ по сердцу? — Онъ остановился противъ своего кузена, скрестивъ руки.

— Конечно нѣтъ!

— Допустить банкира Юліуса Моріеса?.. Въ противномъ случаѣ чѣмъ же она станетъ жить? Не на жалованіе танцовщицы, полагаю? И такъ какъ я не хочу быть ея другомъ сердца, а держать себя съ нею, какъ подобаетъ человѣку съ моимъ именемъ, не могу, то я предпочитаю оставаться въ сторонѣ.

— И допустишь нашу кордебалетную звѣзду умереть отъ любви? Онѣ всѣ одинаковы, эти женщины. Достаточно не обращать на нихъ вниманія, чтобы онѣ стали за вами ухаживать. Глупый! Если она тебѣ такъ нравится, какъ я думаю, ну, займи сто, двѣсти тысячъ и поживи мѣсяца два съ Леной въ свое удовольствіе. Содержи ее такъ, будто у тебя ежегодно милліонъ въ карманѣ. Послѣ того вы можете разойтись, оставаясь наилучшими друзьями въ мірѣ.

— У какого чорта я займу эти двѣсти тысячъ?

— Въ кредитномъ обществѣ.

— А когда занятыя деньги будутъ прожиты, и останутся только обязательные проценты, которыхъ платить нечѣмъ, что дѣлать тогда?

— Слишкомъ много спрашиваешь! Я знаю одно: ты поживешь пріятно, явятся новыя увлеченія, ты сбросишь свою апатію. Однако, я заложился какъ сорока, а у меня на биржѣ назначено свиданіе. До свиданія сегодня вечеромъ въ театрѣ. — Арманъ вскочилъ съ кресла и, протягивая обѣ руки принцу, прибавилъ: — Ты считаешь меня сумасшед-

шимъ, напрасно! Меня бѣситъ, что ты идешь по такой скверной дорогѣ.

Баронъ выбѣжалъ изъ комнаты, но черезъ минуту вернулся и сказалъ:

— Если ты не хочешь брать въ займы денегъ, женись на какой нибудь Грумеръ, съ полудюжиной миллионъ приданаго, — деньги готовы и Лена твоя надолго. Кузина Генриетта найдетъ тебѣ кого нибудь. До свиданія.

Баронъ де-Марга на этотъ разъ дѣйствительно ушелъ, а Робертъ бросился въ кресло и съ бѣшенствомъ и выраженіемъ глубокой страсти вскричалъ:

— Еслибы онъ зналъ, какъ я ее люблю! Онъ не сталъ бы шутить. Но жениться на еврейкѣ или взять кого нибудь въ этомъ родѣ! Мнѣ, принцу Саллернъ-Монсератъ! Невозможно!

Но соблазнительный образъ Лены преслѣдовалъ его, потому что, склонивъ голову, онъ прошепталъ:

— Почему нѣтъ?

II. Наконецъ!

Достаточно умный, съ извѣстной опытностью, благодаря жизни, которую онъ велъ съ тѣхъ поръ, какъ отецъ вручилъ ему состояніе матери, Арманъ де-Марга хорошо понималъ Роберта; онъ видѣлъ проявленіе его неудовлетворенныхъ аппетитовъ и не преувеличивалъ ни любви Роберта къ танцовщицѣ, ни ея готовности уступить, тѣмъ болѣе, что перфидность принца она приписывала его застѣнчивости. Если бы ей рассказали, что онъ отказывается отъ нея, потому что бѣденъ, она расхохоталась бы и весьма возможно, что смѣхъ унесъ бы ея любовь; но могло случиться и наоборотъ, благородство Саллерна такъ бы на нее подѣйствовало, что она, какъ сумасшедшая, влюбилась бы въ него.

Лена Реджи была довольно страстное созданіе. Замѣчательно красивая брюнетка, съ матовымъ цвѣтомъ лица, роскошными волсами, большими черными глазами, чувственными губами, маленькими бѣлыми зубами, роскошнымъ бюстомъ, тонкою таліею, гибкая, — она обладала къ тому замѣчательнымъ талантомъ хореографистки. Занимая небольшой хорошо устроенный особнякъ, на содержаніе котораго, конечно, не хватило бы ея жалованія танцовщицы, она жила довольно скромно, то есть, не будучи весталкой, избѣгала шумныхъ приключеній. Говорили, что за все платитъ банкиръ Юліусъ Моріесъ, но оба они отрицали это; Лена говорила, что богатый еврей только другъ ея, старый другъ семьи, который знаетъ ее ребенкомъ и выгодно помѣщалъ ея небольшія экономіи. Если такъ, должно быть, онъ нашелъ ей какое-то уже чересчуръ выгодное помѣщеніе, потому что Лена тратила не менѣе ста тысячъ въ годъ, — втрое больше того, что получала за свои пируеты. Одно вѣрно, Моріесъ не игралъ никакой внѣшней компрометирующей роли въ жизни Лены, тѣмъ болѣе, что часто уѣзжалъ изъ Парижа въ Вѣну по дѣламъ. Бывавъ у г-жи Реджи, онъ держалъ себя, какъ и всѣ остальные гости, нисколько не имѣя вида хозяина дома. Во время обѣдовъ за столомъ онъ занималъ мѣсто, какъ ему подобало

по дѣламъ и положенію въ свѣтѣ, вечеромъ уходилъ даже раньше другихъ. Очень возможно, что онъ находилъ время возвращаться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Чужія дѣти. Съ картины худ. Вастага.

Весною, какъ извѣстно, пернатые заняты семейными заботами. Высиживавшая утятъ насѣдка-утка сошла съ гнѣзда, но хитрая лиса, не смотря на отчаянные крики, все-таки успѣла похитить злополучную утку-насѣдку. Пришлось посадить въ осиротѣвшее утиное гнѣздо —

сонъ, разрывающій своими могучими руками с пать лѣву, безсиленъ передъ хитрой филистимлянкой. Иностранный художникъ выбралъ тотъ моментъ, когда герой племени израильскаго открываетъ Далилу свою тайну: что сила его кроется въ его длинныхъ волосахъ, такъ-какъ онъ принадлежитъ къ избранному роду людей, посвятившихъ себя Богу и давшихъ обѣтъ не стричь волосъ. Злое лукавство свѣтится въ глазахъ Далилы... Какая разница между ея коварнымъ лицомъ и могучими простодушно-открытыми чертами силача Самсона. Уже въ умѣ ея зрѣетъ предательской планъ. Скоро-скоро падутъ съ головы Самсона длинные волосы, и обезсиленный герой, въ оковахъ, поидетъ плѣнникомъ въ городъ филистимлянъ. Красота и хитрость побѣдятъ силу.

Среди природы. Съ картины художника В. Янина.

Іюльскій день полонъ аромата, тепла и покоя. Не шелуха тѣ листь дерева, не дунуть вѣтерокъ. Все цвѣтеть, все живетъ въ сладкой нѣгѣ. Парочка влюбленныхъ удалась подальше отъ людей въ укромное, мечтательно-таинственное мѣстечко. Подъ тѣнью широкаго густаго куста расположились влюбленные. Мягкій зеленый коверъ травы пестритъ разными цвѣтами. Не влечется бесѣда влюбленныхъ въ этотъ чудный лѣтній день. Чувство любви, близость и обаяніе природы — всего этого нельзя выразить прозаическими рѣчами. И въ сладкомъ забвеніи, мѣняясь долгими взглядами, блаженствуетъ среди природы эта молодая парочка. Они счастливы, они далеко отъ людей.

«Любить — нѣтъ»... Съ картины художника М. Нонненбруха.

«Отвѣчай, нѣмой цвѣтокъ,
На вопросъ души влюбленной!»
Дышетъ грезой затаенной
Каждый бѣлый лепестокъ...

По одинъ изъ нихъ — послѣдній
Скажетъ: «любить или нѣтъ»;
Вспыхнетъ взоръ тогда побѣдный,
Иль кругомъ померкнетъ свѣтъ...

«Да, или нѣтъ?» твердитъ вздыхая,
Въ вѣтерѣннѣ она,
Лепестки цвѣтка срывая,
Словно статуя, блѣдна...

КЪ ПОРТРЕТУ.

Н. К. Пимоненко. Художникъ-жанристъ Николай Коринаевичъ Пимоненко родился въ Кіевѣ. Еще въ дѣтствѣ онъ обнаружилъ большую любовь къ рисованію. Съ юныхъ лѣтъ ему приходилось часто лѣ-

томъ бывать внѣшъ съ родными въ деревнѣ, преимущественно въ Мадороссіи, гдѣ онъ и могъ наблюдать деревенскую жизнь и природу.

Отецъ будущаго художника мечталъ сдѣлать изъ него ученаго, но природныя дарованія и страсть къ искусству взяли свое. Въ 1882 году Н. К. поѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Академію Художествъ въ гипсовый головной классъ. Успѣшно работая, Н. К. 29 октября 1883 года получилъ двѣ серебряныя медали; одну за рисунокъ, другую за этюдъ съ натуры. Въ февралѣ же 1884 года онъ получилъ большую серебряную медаль.

Вскорѣ Н. К. возвратился въ Кіевъ на родину, гдѣ и сталъ самостоятельно заниматься живописью. Первая картина Пимоненко появилась на академической выставкѣ въ 1886 году — «Засватанная»; въ 1887 году — «Чистый четвергъ», «Въ разлукѣ», «На канікулахъ» и «Художникъ»; послѣдняя была приобретена Академіей Художествъ. Въ 1888 году «Святочное гаданіе» приобретено Академіей Художествъ. Въ 1889 году — «Аванасій Ивановичъ и Хавронья Никофоровна», «Жинца». Въ 1890 году — «Атакванъ» и «У дороги». Въ 1891 году — «Свадьба» и «Заутреня подъ Свѣтлымъ Праздникъ». Въ 1892 году «Сваты» — собственность Академіи Художествъ. Въ 1893 году, уже на выставкѣ товарищества передвижныхъ выставокъ, появился его — «Гаданіе». Въ 1894 году — «Паробки». Въ 1895 году — «Деревенская свадьба въ Мадороссіи». Въ нынѣшнемъ же 1896 году — «Страда», приобретенная Ея Императорскимъ Величествомъ Государыней Императрицею и копію съ которой мы помѣстили въ этомъ номерѣ.

НАШИ ХУДОЖНИКИ.

Художникъ Н. К. Пимоненко.

Авторъ картины «Страда».

курочку-насѣдку, которая и высидѣла осиротѣвшихъ утятъ. Не смотря на странную фигуру и непонятный ей крикъ своихъ дѣтенышей, насѣдка все-таки заботливо охраняетъ ихъ и дѣлится съ выведенными ею утятами каждымъ пойманнымъ насѣдкомъ или найденнымъ зерномъ.

Страда. Съ картины художника Н. К. Пимоненко. (Выставка картинъ русскихъ художниковъ 1896 г.).

Талантливый художникъ-жанристъ беретъ чаще всего сюжеты для своихъ картинъ изъ крестьянской жизни. Такъ и на помѣщенной нами гравюрѣ, — передъ нами поле созрѣващаго хлѣба, въ волнистыхъ полосахъ котораго тамъ и здѣсь мелькаютъ фигуры трудящихся жницъ. Такъ и кажется, что слышишь шуршаніе серпа въ высокихъ крѣпкихъ колосьяхъ. На первомъ планѣ молодая крестьянка прилежно работаетъ. Она такъ занята дѣломъ, что ей некогда выпрямить уставшую спину, некогда взглянуть на плачущаго ребенка. Молодая жница пришла на работу съ дѣтми. Вотъ младенецъ ея качается въ деревянной выбѣлкѣ, подвѣшанной на трехъ кольяхъ и закрытой отъ солнца кускомъ холстины. Онъ видимо задремалъ въ этотъ жаркій полдень. Но за то буянитъ другой ребенокъ на рукахъ у подростка-дѣвочки; онъ рвется къ матери. Но той некогда и плачъ оглашаетъ поле.

Самсонъ и Далила. Съ картины художника Эшена.

Сила и красота олицетворяются этими чудными, полными яркости библейскими образами. Гигантъ Сам-

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ:

Указъ Правительствующему Сенату.

Глубоко скорбюа тяж-
комъ несчастіи, проис-
шедшемъ 18-го мая се-
го года въ Москвѣ, на
Ходынскомъ полѣ, и о
гибели многихъ близ-
кихъ сердцу Нашему
подданныхъ, Мы при-
знали необходимымъ
обеспечить, по возмож-
ности, участь остав-
шихся вдовъ и сиротъ,
что и сдѣлано по На-
шему указанію. Горячо
принимая къ сердцу
все, что касается этого
горестнаго событія, Мы,
въ постоянной заботѣ о
правдѣ, признали необ-
ходимымъ Лично раз-
смотрѣть произведен-
ное по этому дѣлу пред-
варительное слѣдствіе,
и нынѣ, тщательно со-
образивъ обстоятель-
ства, выясненныя этимъ
слѣдствіемъ, Мы при-
знали за благо, не обра-
щая дѣло къ судебному
порядку, разрѣшить
его Нашею непосред-
ственною властью. Убѣ-
дившись затѣмъ, что
причину несчастія слѣ-
дуетъ искать въ томъ,
что московскія власти,
обязанныя охранять по-
рядокъ и безопасность
столицы, не приняли
своевременныхъ долж-
ныхъ мѣръ для направле-
нія массы народа, стремив-
шагося на Ходынское
поле, и уволивъ въ ви-
ду сего вовсе отъ служ-
бы, безъ прошенія, не-
правляющаго долж-
ность оберъ-полицей-
мейстера, — повелѣва-
емъ: Министрамъ Импе-
раторскаго Двора и вну-
треннихъ дѣлъ, по принадлежности, принять
относительно другихъ должностныхъ лицъ,
виновныхъ въ неисполненіи своего долга, иныя,
указанныя Нами, мѣры взысканія, соотвѣт-
ствующія обнаруженнымъ упущеніямъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго
Велѣчества рукою подписано:

Въ Петергофѣ,

15-го іюля 1896 года.

Указъ Правительствующему Сенату.

Разсмотрѣвъ Лично предварительное слѣд-
ствіе, произведенное по несчастному собы-
тію, происшедшему 18-го мая нынѣшняго

ПО ПОВОДУ ДНЯ ТЕЗОИМЕНИТСТВА 22 ІЮЛЯ.

Е. И. В. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна.

года на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ, Мы,
къ крайнему Нашему прискорбію, не могли
не усмотрѣть, что желаніе второстепенныхъ
исполнителей присвоить себѣ несоотвѣтству-
ющее значеніе вызвало между ними сопер-
ничество, послѣдствіемъ чего было отсутствіе
взаимнаго содѣйствія. Желая положить пре-
дѣлъ подобнымъ явленіямъ, могущимъ имѣть
самыя вредныя послѣдствія по всей Россіи,

Мы повелѣваемъ: всѣмъ министрамъ, всѣмъ
главноуправляющимъ отдѣльными частями,
всѣмъ генералъ-губернаторамъ, всѣмъ губер-
наторамъ и всѣмъ начальствующимъ ли-
цамъ всѣхъ вѣдомствъ
направлять свои дѣй-
ствія и распоряженія
къ единству и имѣть
неослабное наблюде-
ніе, дабы подчиненныя
имъ учрежденія и ли-
ца, не допуская между
собою соперничества
неуклонно оказывали
другъ другу содѣйствіе
для пользы службы.

На подлинномъ Собствен-
ною Его Императорскаго Ве-
лѣчества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Петергофѣ,

15-го іюля 1896 года.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія. — Состоялось
(10-го іюля) бракосоче-
таніе принца Карла дат-
скаго — сына датскаго
кронпринца — съ прин-
цессой Модъ. Свадебный
кортежъ принца датска-
го оставилъ Марлборос-
скій дворецъ въ 11^{1/2}
часовъ утра и былъ вос-
торженно привѣтство-
ванъ публикою. Въ кор-
тежѣ участвовали
принцъ и принцесса
Уэльскіе съ принцессою
Викторією, принцы Хри-
стіанъ и Гаральдъ дат-
скіе, наслѣдный принцъ
греческій съ супругою
и принцъ Николай гре-
ческій. Королева Вик-
торія отдѣльно отправи-
лась въ церковь Букин-
гемскаго дворца, гдѣ ар-
хіепископъ кэнтерберій-
скій совершилъ брако-
сочетаніе; присутство-
вали также маркизъ Са-

либюри, Гладстонъ и Чемберленъ съ су-
пругами, а также Гошенъ, лорды Розбер-
ри и Уэльслей, графъ Гацфельдъ и дат-
скій посланникъ. Королева Викторія еще за-
ранѣе прѣбыла изъ Виндзора, чтобы при-
сутствовать на свадьбѣ. Прежде чѣмъ отпра-
виться въ Букингемскій дворецъ, королева
заѣхала въ Марлборосскій дворецъ, гдѣ была
привѣтствована принцемъ и принцессою Уэль-

скими и собравшимися на свадьбу высокими гостями; здѣсь ея величество осматривала свадебные подарки. Королева пожаловала на слѣдному принцу датскому орденъ подвязки, а принцу Карлу датскому—орденъ Бани. Въ Марлборосскомъ дворцѣ принцъ Уэльскій вчера вечеромъ далъ парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали датскіе принцы, члены англійскаго королевскаго дома и иностранныя высочайшія особы.

Франція. — Лубэ, Мелниъ, Ганото, Рамбо и Билло присутствовали на-дняхъ въ Сень-Дье, на открытіи памятника Жюлю Ферри. Лубэ, Мелниъ и Рамбо произнесли рѣчи, въ которыхъ они говорили о внутренней политикѣ Ферри и о его качествахъ, какъ твердаго, смѣлаго и умнаго государственнаго дѣятеля. Ганото, говоря о колоніальной политикѣ, указавъ, что Франція теперь собираетъ плоды мудрой политики: державы стали вновь къ ней обращаться, вождь одной великой имперіи далъ ей явные доказательства уваженія и довѣрія. Европа знаетъ, что Франція замѣнила политику приключеній—политикою, основанною на законности. Приглашая народы къ участию въ выставкѣ, Франція на многіе годы посвящаетъ себя миру. Затѣмъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ прибавилъ: «Теперь, когда мы достигли цѣли, весь міръ сознаетъ, что мѣсто, занятое нами, дѣйствительно то, которое намъ принадлежитъ; что бы ни говорили о нѣкоторыхъ подробностяхъ, совершившіеся факты на лицо и Франція можетъ гордиться своимъ дѣломъ».

Италія. — Висконти-Веноста вступилъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Маркизъ ди-Рудини прочиталъ декларцію; напомнивъ о причинахъ выхода въ отставку кабинета, онъ откровенно объяснилъ причину послѣдняго кризиса. По этому маркизъ указываетъ на единственный пунктъ, по которому теперь измѣняется программа правительства. Правительство предоставляет—если то потребуется—при возобновленіи парламентскихъ занятій предложить мѣропріятія для достиженія равновѣсія бюджета. Кабинетъ приглашаетъ палату продолжать работы, возобновивъ обсужденіе сицилійскихъ законопроектовъ, которые не могутъ оставаться неразрѣшенными безъ ущерба для общественнаго блага.

Болгарія. — Министръ торговли въ министерствѣ Стоилова Начевичъ заявилъ категорически, что онъ не останется на своемъ посту ни въ какомъ случаѣ. Какъ говорятъ, военный министръ Петровъ послѣдуетъ его примѣру. Послѣднее обстоятельство обозначаетъ, что вопросъ о возвращеніи болгарскихъ офицеровъ-эмигрантовъ будетъ разрѣшенъ въ самомъ непродлительномъ времени, и притомъ въ духѣ благопріятномъ Россіи. Многіе указываютъ, однако, что вліяніе руссофоба Радославова во дворцѣ сильно возросло. Нѣкоторые думаютъ, что отставка всего кабинета Стоилова представляется неизбежной.

Китай. — Въ Пекинѣ подписанъ заключенный между Китаемъ и Японіею торговый договоръ. Договоръ этотъ заключаетъ въ себѣ 29 статей и основывается на симпосекскомъ трактатѣ. Китай предоставляет Японіи права наиболѣе благопріятствующей державы; Японія не предоставляет Китаю никакихъ льготъ. Японія разрѣшено устраивать въ

Китаѣ факторіи, произведенія которыхъ, однако, подвергаются оплатѣ сборами; относительно правъ самихъ факторій не договорено ничего опредѣленнаго.

Японія. — Японскій императоръ чрезвычайно недоволенъ выѣздомъ изъ Токио въ Сеулъ корейскаго принца Гива, состоявшимся вслѣдствіе настойчиваго требованія корейскаго короля. Японцы считаютъ принца безспорнымъ наслѣдникомъ корейскаго престола, на него имѣлись въ дворцовыхъ сферахъ особыя виды, желали женить его на императорской принцессѣ, съ опредѣленными расчетами на будущее его положеніе въ Корей. Дѣла на островѣ Формозѣ значительно ухудшились, партизанская война разгорается и ставитъ японскія войска въ большое затрудненіе, требующее присылки подкрѣпленій изъ Японіи.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

16-го іюля, въ 11 часовъ вечера, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна отбыли изъ Петергофа въ Нижній-Новгородъ. Съ Ихъ Величествами въ Императорскомъ поѣздѣ отбылъ Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Сопровождаютъ въ путешествіи Ихъ Величества: гофмейстерина Государыни Императрицы княгиня Голицына, фрейлины княжна Оболенская и Васильчикова, министръ Императорскаго Двора, военный министръ, помощникъ министра Императорскаго Двора, генералъ-адъютанты: Рихтеръ, графъ Голенищевъ-Кутузовъ и Гессе, свиты Его Величества контръ-адмиралъ Ломентъ, гофмаршалъ флигель-адъютантъ графъ Шереметевъ, гофмейстеръ графъ Гендриковъ и лейбъ-хирургъ Гиршъ.

— Пожертвованій на устройство въ Москвѣ памятника въ Бозѣ почивающему Императору Александру III поступило въ Высочайше учрежденный комитетъ съ 1 іюня по 1 іюля 1896 года 28,278 руб. 32 коп. Къ 1 іюля 1896 года касса комитета состояла изъ 1,552,266 руб. 57 коп., заключающихся въ процентныхъ бумагахъ и наличныхъ деньгахъ.

— Убранство нижегородской ярмарки къ предстоящему пріѣзду Ихъ Величествъ великолѣпно. На пути слѣдованія выстроены триумфальныя арки въ видѣ крѣпостныхъ воротъ съ бойницами и башнями въ русскомъ стилѣ. На плашкоутномъ мосту сооружена арка въ видѣ оснащенного корабля, унизаннаго по всемъ архитектурнымъ линіямъ лампочками. На Сибирской пристани для пріема Ихъ Величествъ сооруженъ древній великокняжескій шатеръ изъ малиноваго бархата.

— 19-го сего іюля исполняется двухсотлѣтній юбилей взятія Азова у турокъ. По распоряженію войскаго наказнаго атамана войска донскаго назначаются депутаты отъ ближайшихъ къ Азову станицъ Гвиловской и Елисаветинской.

— На нефтяные промыслы Кавказскаго края, для изслѣдованія ихъ въ санитарно-врачебномъ отношеніи, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ командировало нынѣшнимъ лѣтомъ члена горнаго ученаго комитета Л. Б. Бертепсона.

— Комитетомъ общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи подано въ министерство народнаго просвѣщенія ходатайство объ учрежденіи еврейскаго богословскаго института.

— На-дняхъ министерствомъ финансовъ разрѣшено открытіе въ Миргородѣ—роднѣ Гоголя—художественно-промышленнаго училища имени Гоголя, учрежденнаго на средства полтавскаго губернскаго земства.

— Московское собраніе хлѣбнаго биржевого общества опредѣлило входную плату на биржу съ постоянныхъ мѣстныхъ хлѣботорговцевъ—20 рублей; съ непостоянныхъ, по абонементнымъ билетамъ, 6 рублей въ годъ; разовое посѣщеніе 20 к.; штрафъ за несвоевременное посѣщеніе 1 рубль.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

14 іюля состоялся Высочайшій обѣздъ Красносельскаго лагеря и зоря съ церемоніей. Государь и Государыня прибыли въ Красное село въ шестомъ часу, сопровождаемые генералъ-фельдмаршаломъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Въ главномъ лагерѣ къ этому времени все уже готово было къ Царской встрѣчѣ; у Царской ставки собралась масса публики; мундиры всѣхъ родовъ оружія чередовались съ фраками статскихъ. Здѣсь же, на четырехугольной площадкѣ противъ Царской ставки, расположился сводный оркестръ гвардейскихъ хоровъ (свыше 2000 чел.). Едва Императорскій кортежъ показался на флангѣ лагеря, какъ громкое ура войскъ понеслось на встрѣчу и сопровождало Ихъ Величествъ во все время слѣдованія. При приближеніи Государя Императора, Государыни Императрицы, Великихъ Князей и Княгинь къ Царской ставкѣ раздались звуки гимна, и головы тысячной толпы обнажились. Въ ставкѣ Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ былъ сервированъ чай, во время котораго оркестръ исполнилъ *Polo-naise—Гедике*, нѣсколько пьесъ изъ «Жизни за царя». Безъ четверти восьми часовъ раздалась барабанная дробь—послѣтки къ зорѣ. Въ 8 ч. взвилась ракета, за ней другая и третья. Дрогнула земля, и залпъ орудій огласилъ окрестность. Рожки заиграли зорю, заигралъ и оркестръ. Церемонія была великолѣпна.

— 11-го іюля, въ день тезоименитствъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Ольги Николаевны, Ольги Александровны и ея величества королевы эллиновъ Ольги Константиновны, совершенно въ 12½ дня духовникомъ Ихъ Величествъ протопресвитеромъ Янышевымъ съ придворнымъ духовенствомъ благодарственное молебствіе въ дворцовой церкви въ Александріи въ присутствіи Высочайшихъ Особъ.

— 15-го іюля начнутся работы по устройству проѣзда между садомъ на Разводной площадкѣ, противъ Зимняго дворца, и зданіемъ Главнаго Адмиралтейства. На работы ассигновано 190,000 р. изъ суммъ дворцоваго вѣдомства.

— 12-го іюля исполнилось двадцатипятилѣтіе службы почетнаго лейбъ-хирурга Николая Александровича Круглевскаго. Н. А. Круглевскій занимаетъ въ военно-медицинской академіи кафедру оперативной хирургіи съ топографическою анатоміею.

— Докторъ медицины Бернскаго университета г-жа Боголюбовская, выдержавшая минувшей осенью экзаменъ на врача въ испытательной комиссіи казанскаго университета, нынѣ назначена на государственную службу окружнымъ надзирателемъ с.-петербургскаго воспитательнаго дома.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Анакреонты. Новое полное собраніе его сочиненій въ переводахъ русскихъ писателей. Изданіе книжнаго магазина М. М. Ледерле. Ц. 60 коп.

А. П. Тамбовскій, взявшійся за вышеозначенный трудъ, грѣшитъ, какъ намъ кажется, излишнимъ самолюбіемъ критика. Это выражается всего болѣе въ его презрительномъ отзывѣ о Державинѣ... Къ чему тревожить память «пѣвца Фелицы»?.. Затѣмъ, переводы самого г. Тамбовскаго изъ Анакреона (почему-то называемаго имъ Анакреонтомъ) не представляютъ ничего особеннаго. Но за обстоятельное, живое жизнеописаніе Анакреона составитель заслуживаетъ большой благодарности.

Данте Алигери. Божественная комедія, три части съ 68 рисунками. Переводъ В. В. Чуйко. С.-Петербургъ 1896 года. Цѣна 4 руб.

Этотъ полный переводъ всей Божественной комедіи сдѣланъ В. В. Чуйко прозою, «что дало возможность переводчику близко держаться подлинника». Переводъ сопровождается массою примѣчаній. Сочиненіе Данте, какъ извѣстно, помимо своихъ классическихъ литературныхъ достоинствъ, принадлежитъ къ числу излюбленныхъ книгъ большой публики, любящей почитать о томъ, что ждетъ насъ тамъ, откуда никто не возвращается...

Втроемъ по Темзѣ. Джерома-К.-Джерама. Изданіе книжнаго магазина М. М. Ледерле. Ц. 1 руб.

Два юмориста въ иностранной литературѣ наиболѣе привлекаютъ вниманіе публики. Это—Твенъ и Джеромъ-К.-Джеромъ. Очерки «Втроемъ по Темзѣ» представляютъ отъ души смѣяться приключеніямъ горожанъ, путешествующихъ въ лодкѣ по Темзѣ. Масса комическихъ положеній, полученныхъ отъ умѣнія находить смѣшное въ самыхъ обыденныхъ жизненныхъ условіяхъ, разсыпано щедрымъ перомъ юмориста въ этой книгѣ. Въ наше невеселое, унылое время, право, иногда не мѣшаетъ похихотать отъ души.

К. Бальмонтъ. Въ безбрежности. Москва, 2-е изд. 1896 года. Цѣна 1 руб.

Стихъ К. Бальмонта очень часто является блестящимъ, образнымъ—архивомъ. Это настоящий поэтъ. Но среди такихъ прекрасныхъ вещей, какъ, напримѣръ, его сонетъ «Подводныя растенія», къ сожалѣнію, появляется часто вещь вычурная и вымученная, не столько вдохновенная, сколько выдуманная. Это стремленіе къ оригинальничеству истиннымъ поэтамъ, къ которымъ мы причисляемъ г. К. Бальмонта, вовсе не нужно: можно оригинальничать сколько угодно и все-же не быть оригинальнымъ. Пусть ужъ гонятся за этимъ тѣ, у кого кромѣ этого и нѣтъ ничего.

Н. И. Позняковъ. Въ лучшіе годы. Собраніе стихотвореній. С.-Петербургъ, 1896 г. Складъ изданія у Ледерле. Цѣна 1 р. 75 к.

Одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ дѣтскихъ писателей Н. И. Позняковъ собралъ въ книжку свои стихотворенія, предназначенныя не для дѣтей и появившіяся въ теченіе многихъ лѣтъ въ разныхъ журналахъ. Отъ его оригинальныхъ стиховъ вѣетъ теплымъ, гуманнымъ чувствомъ и подкупающей искренностью. Кромѣ оригинальныхъ произведеній въ книгѣ помѣщены переводы изъ Ф. Копизъ, Гете, Гюго, А. Мюссе, Л. Акверманъ, А. Казалиса, А. Асныка и др.

НЕКРОЛОГИ.

А. Я. Фриде. — 9-го іюля въ Ярославлѣ скончался ярославскій губернаторъ, числившійся по семипрѣченскому казачьему войску и состоявшій по генеральному штабу генералъ-лейтенантъ Алексѣй Яковлевичъ Фриде.

— **Е. Я. Офросимовъ.** 7-го іюля скончался бывшій начальникъ 25-й пѣхотной дивизіи,

состоявшій по армейской пѣхотѣ, генералъ-отъ-инфантеріи Евфимій Яковлевичъ Офросимовъ. Покойный родился въ 1826 году.

— **Н. И. Бѣляевъ.** 9-го іюля на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ Москвѣ опустили въ могилу скончавшагося отъ чахотки адвоката и поэта-дилетанта Николая Ивановича Бѣляева. Дѣятельность покойнаго, какъ опытнаго юриста, началась еще при старомъ судопроизводствѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Робертъ Бернсъ. 10-го (21-го) іюля текущаго года исполнилось столѣтіе со дня смерти извѣстнаго шотландскаго поэта Роберта Бернса, имя котораго несомнѣнно извѣстно всякому образованному человѣку. Бернсъ родился въ бурную январскую ночь въ 1759 году, въ небольшой глинобитной хижинѣ, построенной руками его отца въ полу милѣ отъ мѣстечка Эйра въ Шотландіи. «Не удивительно, — не разъ говорилъ поэтъ впоследствии, — если родившійся въ такую непогоду дѣлается жертвой бурныхъ страстей». Однимъ онъ могъ всегда гордиться, судьба наградила его чудесными родителями. Мать поэта, на которую онъ очень походилъ, была мужественная, умная, любящая женщина; отецъ—серьезный и работящій человѣкъ, который особенно заботился о благѣ и будущемъ своихъ дѣтей; позднѣе, арендуя ферму въ Лохли, онъ, въ складчину съ нѣсколькими сосѣдями, нанялъ для дѣтей частнаго учителя, отъ котораго поэтъ пріобрѣлъ даже начатки латинскаго и французскаго языковъ. Хотя, конечно, умственное образованіе не составляло главной цѣли въ жизни, потому что только неустаннымъ и непрерывнымъ трудомъ отецъ Роберта достигалъ возможности содержать свою семью. Робертъ и его младшій братъ Джильбертъ съ ранняго дѣтства занимались полевыми работами; умственная дѣятельность оставалась на праздники и служила отдыхомъ, — несомнѣнно, что при такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть и рѣчи о серьезномъ образованіи.

Можно только удивляться, какъ при такой рабочей жизни Берну удалось развить въ себѣ поэтический талантъ. Еще въ дѣтствѣ онъ очень любилъ поэзію и не разставался съ поэтическою антологіей. Первое стихотвореніе написано имъ, когда ему было только пятнадцать лѣтъ. Онъ рассказываетъ, что послѣдствіе существующаго обычая во время жатвы присоединять къ работающему мужчине трудницу, ему случилось на пятнадцатомъ году работать съ прелестной дѣвушкой, въ которую онъ тутъ же влюбился, и на мелодію напѣваемаго ею танца написалъ первое стихотвореніе, нужно сознаться довольно плохое. Но уже года черезъ два написанныя имъ стихотворенія отличаются поэтичностью и глубиной мысли. Особенно замѣчательна въ его стихотвореніяхъ искренность и сердечность, съ которыми онъ описываетъ самыя незначительныя явленія жизни.

Его матеріальное положеніе сдѣлалось невыносимымъ и онъ отираивался искать счастья въ Единбургѣ, но изъ гордости не явился ни къ кому изъ сильныхъ міра, хотя имя его было уже извѣстно. Когда наконецъ его присутствіе въ Единбургѣ стало извѣстнымъ, на него посыпались приглашенія, его окружили почетомъ и похвалами, отъ которыхъ однако онъ не оцѣнилъ, и не потерялъ головы. Скромно, но съ энергичною увѣренностью высказывая свое мнѣніе въ знакомой ему области, онъ молчалъ въ обществѣ ученыхъ людей, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Онъ былъ молодъ, пылокъ, красивой наружности и пользовался вниманіемъ женщинъ. Однако, мысль навсегда осталась въ Единбургѣ, никогда ему не приходила; его тянуло въ долину ему горы, онъ мечталъ о хорошей доходной фермѣ.

Двадцати трехъ лѣтъ Бернсъ полюбилъ дочь сосѣдняго фермера, которой онъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній. Но она отказалась выйти за него. Эта несчастная любовь выбросила его изъ колеи и сдѣлала изъ почитателя женщинъ легкаго и поверхностнаго ухаживателя за ними. 1784 годъ принадлежитъ къ чис-

лу особенно несчастныхъ въ его жизни. Не смотря на упорный трудъ отца и сыновей ферма приносила мало; отецъ умеръ и семья разорилась. Старшіе сыновья взяли другую ферму, мать и сестры перѣехали къ нимъ, но и здѣсь дѣла были очень плохи. Незаконная связь Бернса принесла ему также много огорченій въ этомъ году. Онъ понялъ, взявъ на себя заботу о воспитаніи ребенка и всю нравственную отвѣтственность. Но пресвитерианской церкви этого было мало, Бернсъ долженъ былъ публично принести покаяніе и выслушать выговоръ. Онъ подчинился этому грубому обычаю, должно полагать подъ вліяніемъ родныхъ, хотя не принадлежалъ къ крайнему ученію кальвинистовъ, а слѣдовалъ ученію болѣе просвѣщенной секты «Новый свѣтъ». Несправедливость наказанія, отъ котораго были изобавлены богатые грѣшники, возмущала его, и онъ принялъ серьезное участіе въ борьбѣ двухъ сектъ. Его эпиграммы и болѣе длинныя стихотворенія въ этой области распространили его имя далеко.

Большая часть стихотвореній Бернса переведена на русскій языкъ М. Михайловымъ, Плещеевымъ и Вейнбергомъ.

Женщина — капитанъ корабля. Между англійскими дамами въ послѣднее время стало сильно развиваться стремленіе къ общественной дѣятельности. Какъ-то начальники лондонскихъ больницъ были завалены дамскими письмами съ предложеніемъ услугъ въ ухаживаніи за больными. Какъ ни похвально такое стремленіе, но безъ специальной подготовки новыя сестры милосердія могли принести скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, и докторамъ большого труда стоило освобождаться отъ непрошенныхъ услугъ, да и, вѣроятно, не всегда удачно. Болѣе оригинальную и по всей видности болѣе удачную идею возмѣтила года три тому назадъ лэди Клиффордъ Чодлей, — она задумала сдѣлаться капитаномъ корабля и получить дипломъ. Сдавъ экзаменъ, для чего ей пришлось достаточно потрудиться, лэди Клиффордъ командуетъ теперь кораблемъ, и имѣетъ право плавать не только въ Ламаншскомъ каналѣ, но и въ Атлантическомъ океанѣ. Успѣхъ перваго капитана корабля—женщины затронулъ самолюбіе другихъ дамъ, и онѣ основали свой яхтъ-клубъ, доступъ въ члены въ который мужчинамъ воспрещенъ.

Женщины-врачи въ древности. Женщины-врачи встрѣчаются еще въ древней Греціи, гдѣ онѣ пользовались большимъ уваженіемъ. Въ заросшихъ лѣсомъ развалинахъ древне-дкійскаго города Тлоса, въ юго-западной части Малой Азіи найденъ недавно свидѣтельствующій объ этомъ пѣдесталь статуи съ слѣдующею надписью: «Антиохисъ, дочь Діодота, изъ Тлоса, медицинскія познанія которой удостоены были совѣтомъ и обитателями города Тлоса, воздвигла себѣ эту статую на свой счетъ». Этотъ памятникъ принадлежитъ ко второму вѣку нашей эры и прямо указываетъ на существованіе женщинъ-врачей. Хотя по преданію ихъ занятія были болѣе спеціальнаго свойства. Но, между тѣмъ, Галенъ въ своей врачебной наукѣ приводить рецептъ одной Антиохисъ, — размягчающаго пластыря противъ страданій селезенки, водяной, подагры и Ischias. Сопоставленіе времени позволяетъ думать, что рѣчь идетъ объ одной и той-же Антиохисъ.

Предки профессора Рентгена. Происхожденіе знаменитаго профессора Рентгена не могло остаться безъ вниманія; оказывается, что прадѣдъ его былъ весьма искуснымъ стolarъ художникъ, пользовавшійся европейскою извѣстностью. Въ доказательство приводятся между прочимъ слѣдующія слова Гете въ его сказкѣ «Новая Мелузина», написанной имъ еще въ 1770 году, — въ бытность студентомъ, — гдѣ онъ такъ описываетъ миниатюрный дворецъ дочери царя карликовъ: «Кто когда нибудь видѣлъ художественно исполненный письменный столъ Рентгена, въ которомъ вдругъ начинаютъ дѣйствовать тысячи пружинокъ, появляются сразу или одинъ за другимъ: пишущій приборъ, ящики для писемъ и денегъ, тотъ можетъ получить представленіе, какъ образовался этотъ дворецъ, въ который ввела меня моя спутница».

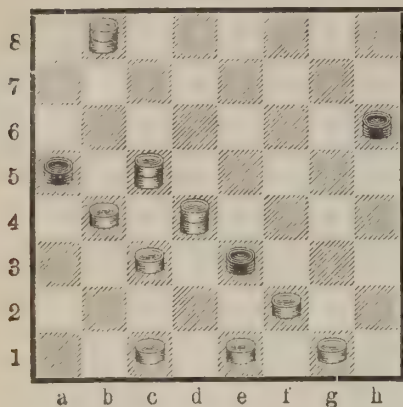
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 19.

А. И. Шошина (въ С.-Петербургѣ).
посвящается Д. И. САРГИНУ.

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Въ шашечномъ турнирѣ по перепискѣ, организованномъ П. Н. Бодякинскимъ, уже окончено нѣсколько партій. Въ 1-й группѣ А. Зинченко выигралъ одну партію у А. Кокушкина, сдѣлавъ ничьи по одной партіи съ С. Аксененковымъ и А. Чайковскимъ и проигралъ по одной партіи С. Аксененкову, А. Кокушкину, В. Лаптеву и А. Абазѣ. Во 2-й группѣ А. Савельевъ выигралъ одну партію у В. Филиппова; П. Бодякинскій выигралъ обѣ партіи у Е. Андреева; В. Шошинъ выигралъ по двѣ партіи у А. Савельева, Д. Николаева-Бородину и И. Мосолова и одну партію у В. Филиппова. Въ 3-й группѣ А. Рыбинъ выигралъ по двѣ партіи у К. Климова и В. Локотьянова и по одной партіи у Н. Скосырева и П. Иванова; К. Климовъ выигралъ обѣ партіи у П. Иванова.

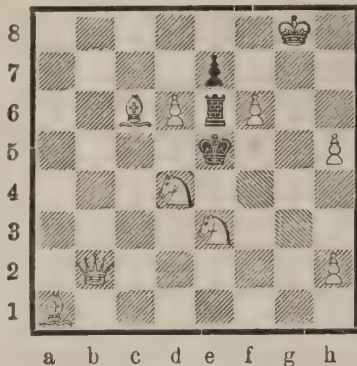
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 19.

А. Феллоу (въ Англіи).

Первый призъ на конкурсѣ „Birmingham Weeekly Mercury“.

Черныя.

Бѣлыя.

Мать въ 2 хода.

Въ настоящее время въ Нюрнбергѣ происходитъ большой международный шахматный турниръ. Участвуютъ 19 игроковъ: изъ Америки — Пильсбери, Стейнницъ, Шовальтеръ; изъ Англіи — Блэкбернъ, Ласкеръ, Тейхманъ; изъ Франціи — Яновскій; изъ Германіи — Вальбротъ, Таррашъ, Харусекъ, Шаппъ; изъ Австріи — Альбинъ, Марко, Марочи, Лоргесъ, Шлегель; изъ Россіи — Винаверъ, Чигоринъ, Шифферсъ. Призы турнира: 1-3,000 марокъ и великолѣпный цѣнный бокалъ съ тарелкой, 2-й—2,000, 3-й—1,500, 4-й—1,000, 5-й—600, 6-й—300, и 7-й—200 марокъ. Специальные призы — за наилучшій результатъ игры съ получившими призы и за самую блестящую партію — въ 300 и 100 марокъ. Турниръ начался 8-го (20-го) іюля и окончится, вѣроятно, 30-го іюля (11-го августа).

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ПЕРВАЯ ВЪ РОССІИ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФАБРИКА
ЦВѢТНЫХЪ ПРОЗРАЧНЫХЪ КАРТИНЪ И ОРНАМЕНТОВЪ
ЗАМѢНЯЮЩИХЪДОРОГУЮ ЖИВОПИСЬ НА СТЕКЛѢ
С. ДОБРОДѢЕВА.ПРОЧНОЕ И ИЗЯЩНОЕ УКРАШЕНІЕ ДВЕРЕЙ И ОКОНЪ
ЦЕРКВЕЙ, ЧАСОВЕНЪ, ДАЧЪ, БЕСѢДОКЪ, БУДУА-
РОВЪ, СТОЛОВЫХЪ, ГОСТИНЫХЪ, КАБИНЕТОВЪ,
БИБЛИОТЕКЪ, КЛАССНЫХЪ КОМНАТЪ, МАГАЗИНОВЪ,
РЕСТОРАНОВЪ и пр.

Всѣ готовыя прозрачныя картины имѣются только въ указанную величину, но съ добавкою около картинны орнаментовъ и фоновъ легко увеличить форматъ до желаемого размѣра. Прозрачныя изображенія могутъ быть, по заказу, высланы въ листахъ и на стеклахъ, вставленныхъ въ рамки. Всѣ украшенія изъ прозрачныхъ картинъ и орнаментовъ весьма просто прикрѣпляются къ дверямъ и окнамъ, а также просто снимаются при желаніи перемѣнить ихъ, или при переездѣ съ квартиры.

ИЗЯЩНО, ПРОЧНО И ДЕШЕВО

Кромѣ того въ складѣ имѣются готовыя, воспроизведенныя цѣтными красками, прозрачныя картины, копии съ художественныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ на самыя разнообразныя сюжеты и разныхъ форматомъ (но не менѣе 12x12 дюйм.), въ двухъ видахъ:

- 1) НАКЛЕЕННЫЯ НА СТЕКЛА И
- 2) ВЪ ЛИСТАХЪ БЕЗЪ СТЕКОЛЪ:

Пейзажи, морскія виды, бытовыя и историческія жанры, цвѣты, птицы, китайскія, японскія фігуры, аллегорическія, геральдическія изображенія, рисунки и т. п.

Спеціально для мужскихъ кабинетовъ имѣются большія интересныя и эффектныя картины:

- 1) „ФРИНА ПЕРЕДЪ КУПАНЬЕМЪ“, съ картинъ профес. Г. Семирадскаго и 2) „ПЕРВОЕ УКРАШЕНІЕ“, съ картинъ Бугеро (разм. 17x11 д.л.) 3) „ПЬЕСА ЛЮБВИ“ и 4) „РѢШИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ“.

Цѣна въ листахъ 2 руб. На стеклѣ 4 руб. за экземп.

Заказы выполняются только при полученіи денегъ сполна при заказѣ. За пересылку уплачивается надлежащій платежъ на почтѣмъ посылки.

Контора: Спб. Невскій пр., у Анчикина м., д. № 68-40.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Бункирскій домъ Генрихъ Блокъ, —4 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

КОНСУЭЛО.

(Consuelo).

Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣтнева, 460 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Дешевый и полезный предметъ для всякаго.

Карманный письменный приборъ перекланиваемый, заключающій въ себѣ штемпель для краски, имя, отч. и фамилію, печать для сургуча, черо и карандашъ. Цѣна только 1 руб., 2 штуки 1 р. 80 к. 3 шт. 2 р. 50 к. Высылаю немедленно по полученіи стоимости. Мелкія деньги до 1 р. можно прислать почт. марками. Упаковка и почтов. расх. кромѣ Азіат. Россіи на счетъ фабрики. Заказы и подроб. адресъ высылаю съдѣдуетъ ясно обозначить.

Требованія и деньги прошу адресовать Г. Д. Левинсону, г. Бѣлостокъ, фабрика шт. и печатей.

Каждая хозяйка, хотѣ развѣ испробовавшая „Какао Бенсдорпъ“

убѣдится на опытѣ въ его хорошихъ качествахъ. —8

Какао Бенсдорпъ

здоровый, питательный, дешевый и экономическій напитокъ для дѣтей, кормилицъ, слабыхъ, больныхъ и выздоравливающихъ и здоровыхъ.

Въ конторѣ журнала „Живоп. Обозр.“ (Спб., Невскій, д. 68-40) продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ А. Михайлова. Цѣна 1 руб.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

„ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА“.

Романъ изъ жизни червонныхъ вылетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

ГОТОВАЛНИ наивысшаго достоинства завода Fochon & Lepade a Paris отъ 1 р. 50 к. до 50 р. и другіе чертежные инструменты предлагаются по фабричнымъ цѣнамъ

Складъ: А. ПОЛЬКО. Спб. Гороховая, № 31. Иллюстрирован. каталогъ при высылкѣ 7 к. марками на пересылку высылаются бесплатно.

ОБШИРНИЙШІЙ ВЪ РОССІИ СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ ДО 1000 ШТ. ВЪ НАЛИЧНОСТИ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

М. БЛОКЪ

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ и др.

Каталогъ бесплатно.

ФОТОГР. АППАРАТЫ

К. И. ФРЕЛАНДТЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ

НЕВСКІЙ ПР. № 27-18 МЯСНИЦКАЯ УЛИЦА МОСКОВСК. УЛИЦА

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО

Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ

рояли и пианино америк. констр. со всѣми новѣйш. усоверш., перекрестными струнами, модераторомъ, туше-регуляторомъ, двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч. двойн. репетицією, пріятн. и сильн. тона. Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и др. Пианино „...“ 350 375, 425, 460, 500, 550, 600 и др. Армоніопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія на нѣсколько лѣтъ № 2324

ФИСТАРМОНІИ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ

ШИДМАЙЕРА,

КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ:

въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 180, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 750, 800 и 1,000 руб

Школа-самоучитель—Паке 2 р.

Иллюстрированный прейс-курантъ

БЕЗПЛАТНО. —30

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

№ 30 „Живописнаго Обозрѣнія“ состоитъ изъ 2½ листовъ, съ 13-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) „Еженедѣльная хроника“ № 30-й.

ДОВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. Спб., 23 іюля 1890 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»:
НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р.
Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

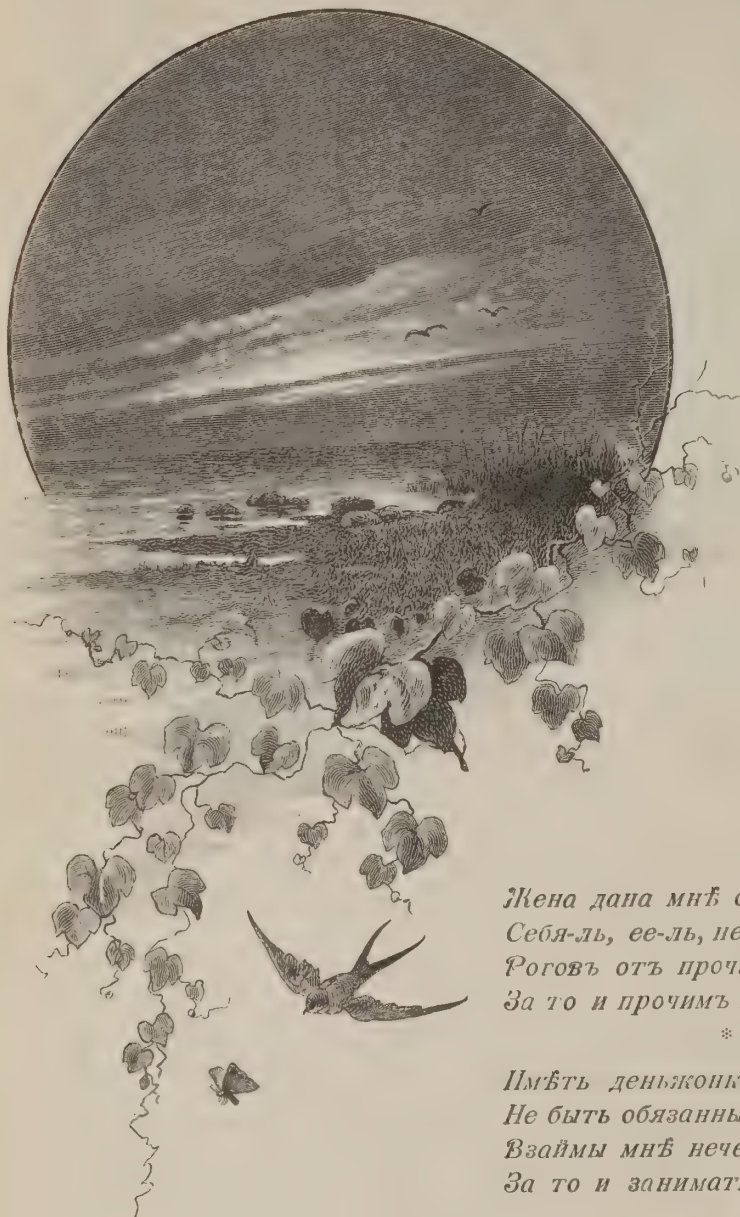
ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ 1896 ГОДА.

Лодманскій домикъ въ шхерахъ. Съ картины профессора Л. Лагорю.

ИЗЪ Р. БÖРНСА.

(По поводу столѣтія со дня кончины).

I.

„Нѣтъ Нанни со мной!“

Одѣлась природа въ зеленый покровъ.
Ей любо, Ягнята блеять средь холмовъ,
Чирикаютъ птицы въ прохладѣ лѣсной,
Но все мнѣ не мило: нѣтъ Нанни со мной!

* * *

Подсѣжники въ полной блистаютъ красѣ,
Фіалки купаются утромъ въ росѣ,
Но больно мнѣ видѣть разцвѣтъ ихъ весной:
Въ нихъ память о Нанни:—нѣтъ Нанни со мной!

* * *

О, жавронокъ! Къ небу летишь ты съ луговъ
О ранней зарѣ извѣстить пастуховъ.
О, дрозды! Ты привѣтствуешь сумракъ ночной.
Умолкните! Сжальтесь! Нѣтъ Нанни со мной!

* * *

Сѣдая и хмурая осень, скорѣй
Природу губя, ты покой мнѣ навѣй...
Зима и ненастье и холодъ стальной
Одни мнѣ отрадны:—нѣтъ Нанни со мной!

II.

„Жена дана мнѣ одному“.

Жена дана мнѣ одному.
Себя-ль, ее-ль, не обезславлю!
Роговъ отъ прочихъ не возьму
За то и прочимъ не наставлю.

* * *

Имѣть деньжонки—благодать!
Не быть обязаннымъ—отрада!
Взаимы мнѣ нечего давать;
За то и занимать не надо!

Рабовъ я, правда, не держу;
Но и рабомъ не буду, вѣрьте!
Своею честью дорожу,
Мой мечъ защита ей до смерти.

* * *

Свободенъ, веселъ я, друзья!
Печальтесь вы, коль есть охота.
Вѣдь никому не нуженъ я,
Кому-жъ нужна моя забота?!

А. Федоровъ.

СОСѢДЪ.

Повѣсть Княгини М. Оболенской.

◆◆◆

I.

ВЪ ВОСЬМИ верстахъ отъ села Шереметевки высится странной формы гора. Она одиноко стоитъ среди ровныхъ, плоскихъ полей, поросшая кругомъ густымъ кустарникомъ, съ голой макушкой. Съ сѣвера она отвѣсно скашивается, обнажая свою бурю-красную поверхность. Съ ея лысой вершины видѣются многочисленные селенья, церкви, усадьбы, и глазъ покоится на сѣрыхъ картинахъ сельской жизни. Смутно доносится на верхъ ея будничное эхо. Тамъ, на верху, не такъ рѣзко колетъ глазъ нужда, не такъ нестерпимо сжимается сердце отъ несправедливости судьбы къ темной массѣ; вонъ она копошится среди зеленыхъ полей, орошаемыхъ ея слезой; тупо день за день проводитъ она свою жизнь у этихъ прозрачныхъ озеръ, надрыается на рыхлой нашинъ ради дневнаго пропитанія, не сознавая ни себя, ни окружающаго. Но трогательнымъ кажется сверху ея трудъ, такими выхолощенными глядятъ пушистыя нивы, поднятыя ея сильной рукой...

Ближайшей усадьбой отъ этой горы было родовое помѣстье старинной фамилии Ахметевыхъ. Вся усадьба утопала въ зелени. Самъ домъ едва бѣлѣлъ сквозь переплетавшуюся на немъ цѣпкую ползучую растительность. Въ расщелинахъ его стѣнъ росъ мохъ; отъ времени онъ покрылся тѣмъ нѣжнымъ отгѣнкомъ, который съ трудомъ схватывается тонкой кистью живописца. Въ былое время шумное веселье оживляло эту уединенную усадьбу: хоры, оркестры гремѣли на всю губернію. Теперь же въ ней живетъ слабый старикъ Ахметевъ со своимъ сыномъ Александромъ Владимировичемъ. Онъ представляетъ трогательную картину угасающаго старца, со славой и честью прожившаго свой вѣкъ. Физически онъ дряхлѣетъ и отъ его могучей фигуры остался жалкій остоветъ, да живые умные глаза.

Занимая прежде видную должность, онъ достигъ высшихъ чиновъ и придворныхъ званій, всегда отличался честностью и правдивостью, а уваженіе къ личному достоинству человѣка соединилось въ немъ съ той

особенной мягкою гуманностью, свойственной цивилизованному русскому боярину.

При крѣпостномъ правѣ онъ уже строилъ школы для крестьянъ; посылалъ способныхъ юношей учиться въ столицы и особенно покровительствовалъ музыкальнымъ способностямъ. Онъ самъ артистически игралъ на скрипкѣ и считался въ музыкальномъ кругу очень талантливымъ композиторомъ. И теперь еще онъ часто подходитъ къ фортепіано и своими почти сквозными пальцами перебираетъ клавиши, вспоминая давно забытую мелодію. Еще не охладѣвшій порывъ его высокой души несетъ на встрѣчу бѣдняку, и порой его дрожащая отъ слабости рука протягивается къ хилому ребенку съ крупинками гомеопатіи...

Быль часъ пополудни. Жгучіе лучи солнца едва проникали на террасу, окруженную высокими, пышными олеандрами, аромъ и разными тропическими растеніями. Дверь изъ нея вела въ прохладную, полутемную комнату съ бильярдомъ по срединѣ и съ боковымъ выходомъ въ зимній садъ. На террасѣ

въ старинномъ креслѣ съ прямой спинкой сидѣлъ старикъ Ахметевъ и нетерпѣливо поглядывалъ то на часы, то на дверь.

— Уже полдень,—недовольнымъ тономъ пробормоталъ онъ, повидимому ожидая кого-то. Онъ разсѣянно въ сотый разъ окидывалъ взоромъ тщательно выхолощенный нарядный цвѣтникъ, окаймленный вдали вѣковыми дубами и кленами. Жаръ палилъ, и листья деревьевъ, словно удрученные горемъ, жалобно повисли.

Вдругъ скрипнула дверь. Старикъ быстро повернулся, и въ его угасающемъ взорѣ блеснула радость. Но это было напрасно, и ожиданье продолжало волновать старика. Развѣ вся его жизнь не ограничивалась дорогимъ, единственнымъ для него существомъ, его сыномъ.

Онъ былъ его идоломъ, взлелѣаннымъ, выхолоненнымъ со всей заботой его любящаго сердца. Старикъ гордился его изяществомъ, красотою и той дѣтскою искренностью, которая составляла отличительную черту его характера. Одно смущало старика—отца: года два тому назадъ Александръ Владиміровичъ привязался къ молодой, красивой дѣвушкѣ, хоришкѣ одного петербургскаго театра. Это сначала мимолетное чувство развилось, выросло и приняло на глазахъ отца чудовищную форму: сынъ никогда не разставался съ ней, переѣзжалъ изъ Петербурга на лѣто съ ней въ Ахметевку, и въ сосѣдствѣ, что весьма сердило отца, уже носилась легенда о пылкой страсти молодого Ахметева къ актеркѣ.

Не смотря на всѣ увѣщанія отца покончить съ этой, по его словамъ, возмутительной связью, страсть не охлаждалась, даже успѣла превратиться въ мучительную привязанность со всѣми ея бурными отбѣнками.

Дверь снова скрипнула, и на этотъ разъ въ ней дѣйствительно показалась стройная, высокая фигура молодого человѣка. Александръ Ахметевъ былъ происхожденія монголо-славянскаго; въ жилахъ его отца текла кровь желтаго племени, мать была родомъ изъ древней русской фамилии. Смѣсь этихъ двухъ элементовъ выразилась въ его характерѣ полнымъ противорѣчіемъ. Онъ всецѣло отдавался буйному пылу молодости и жадно упивался игривымъ виномъ жизни. Иногда въ немъ пробуждалось стремленіе къ чему то высшему, недостижимому. Въ результатѣ получалось горькое недовольство собою и окружающей средой. То появлялся онъ въ общество съ яснымъ челою и вѣрою во все хорошее, тогда его черты носили отпечатокъ духовной красоты, и все его существо какъ будто прояснялось и одухотворялось. Бывали зато дни, когда утомленный, со страдальческимъ лицомъ онъ походилъ на пигмея послѣ борьбы съ чудовищами. Въ эти минуты отчаяніе искажало его фizioномію; добродушное выраженіе смѣнялось желчнымъ; глаза свѣтились недобрымъ пламенемъ, а уста открывались, чтобы обдавать ядомъ злобы все окружающее. Пылъ житейской горячки не сожигалъ его; онъ небрежно, съ холоднымъ равнодушіемъ глядѣлъ на пеструю толпу, жадно скрывающую ослѣпительные цвѣты почестей и богатствъ даже цѣною правственнаго униженія: не отуманивалъ его тяжелый ароматъ ихъ; не плѣнялось его воображеніе ихъ причудливыми формами. Когда попадалъ онъ въ волны этой бурной людской стихіи, онъ, словно орелъ, парилъ надъ ея мутной поверхностью.

Гибкій, очень высокій станъ напоминалъ

образъ атлета древней Греціи, тѣ безсмертныя формы, которыя не перестанутъ плѣнять истинный вкусъ, какъ красивый звукъ, какъ жемчужное облако въ синевѣ небесъ. Его лицо дышало свѣжестью и силой, а стальные глаза искрились необузданной энергіей, какъ будто въ нихъ жилъ мятежный духъ выходцевъ сухихъ степей Манджуріи или Тибета съ ихъ неудержимымъ стремленіемъ къ господству надъ міромъ.

II.

Ночь черная окутала всю деревню. Густая тьма поглотила лѣса, поля, воды и своевольно царилъ непроницаемая тайною надъ роскошною землею, ея послѣдней улыбкой, ея утихающей злобой, ея тревожной дремотой...

Въ Ахметевкѣ, на террасѣ, у отцвѣтающихъ олеандровъ при слабомъ мерцаніи голубого фонаря, сидѣлъ Александръ Владиміровичъ съ Марьей Андреевной Лосевой. На ней былъ бѣлый пеньюаръ изъ индіискаго кашемира, вышитый разноцвѣтными шелками. Широкіе рукава, подбитые розовымъ атласомъ, ниспадали живописными складками. Къ ея шеѣ прилегалъ воздушный креплъ, словно оторвавшійся клочекъ тонкаго, прозрачнаго облака. Легкія кольца свѣтлыхъ волосъ обрамляли ея свѣжее, розовое лицо; большіе черные глаза глядѣли беззаботно, безстрастно. Широко открывъ ихъ, она слушала пылкую, безсвязную рѣчь молодого человѣка.

— Ты говоришь, что несчастна здѣсь, въ этомъ уединеніи, гдѣ я всецѣло принадлежу тебѣ. Вижу, что всѣ страстныя клятвы твоей любви—вѣроломная ложь!

Она медленно, нехотя повела глазами въ его сторону; встрѣтивъ его сверкающій отъ негодованія взоръ, она не подчинилась ему, но холодно выдержала и отвѣчала спокойно:

— Я не лгала; но здѣсь я, какъ узница въ заключеніи, одна и одна! Эти горы, эти долины, дорогія тебѣ во воспоминаніяхъ дѣтства, давать мнѣ грудь; я задыхаюсь въ нихъ; эта жизнь загубить меня; я создана для шумнаго веселья, пиршествъ, безумнаго забвенія жизни.

Глаза ея заблестѣли дикимъ огнемъ.

— Да, тебѣ нуженъ хоръ и постыдное забвеніе!.. А какъ я вѣрилъ въ тебя. Все это было обманъ моею фантазіи! О, какъ я чувствую безконечность страданій, приготовленныхъ твоей жестокой рукой! Это не упрекъ, но...

Онъ замолкъ и въ изнеможеніи откинулъ свою темную голову, по которой скользнула голубая тѣнь фонаря, на прямую спинку стариннаго кресла. Вдохъ, словно сдержанное рыданье, вырвался изъ его подавленной груди. Она подошла къ нему и нагнулась надъ его лицомъ, искривленнымъ мучительною судорогой, и, смущенная, прошептала:

— Я уѣду въ Петербургъ на нѣсколько недѣль; я получила извѣстіе, что мать моя больна.

— Твоя мать больна!—повторилъ онъ, недоувѣрчиво, пылливо взглянувъ ей прямо въ глаза.

Мгновенно передъ ней мелькнуло ея прошлое: жизнь въ бѣдности; еле воспитанная на гроши, сбереженные матерью, лавочницею, торговавшей мелочнымъ товаромъ и сколотившей себѣ копѣйку, продажей всякаго брака, и на это посылавшей дочь въ какой-то убогій пансіонъ въ столичномъ закоулкѣ. Выйдя изъ пансіона, она попала въ хоръ

одного петербургскаго театра за весьма скромное вознагражденіе; тамъ ей было очень весело, она не роптала тогда на свою судьбу. Однажды, выходя изъ театра, она встрѣтилась съ молодымъ Ахметевымъ. Плѣненный ея красотою, онъ ей признался въ своемъ чувствѣ, что весьма смутило ее.

Но его упорство взяло свое, и черезъ нѣсколько дней она ему покорилась. Теперь, видя его скромную обстановку, злобно отношеніе отца, она задумала разстаться съ Ахметевымъ. Она уже нѣсколько разъ на это ему намекала, но, видя его страданія, рѣшилась прибѣгнуть къ вымышленному предлогу, чтобы покинуть ненавистную ей Ахметевку.

Какъ медленно тянулись для нея эти два года, проведенные съ нимъ. Его нѣжная заботливость, его горе при ея легкомысленныхъ выходкахъ, его дикая ревность только стѣсняли ее, она любила веселое, разнообразное общество молодыхъ людей, увлекалась ихъ остротами; звонко лился имъ въ отвѣтъ ея юный, задорный смѣхъ, онъ же только всѣмъ этимъ раздражался. Теперь она будетъ свободна! Какъ привольно потечетъ ея жизнь! Въ зимніе вечера, когда голубоватый снѣгъ искрится волшебнымъ свѣтомъ, щеки горятъ отъ мороза и волненія, снѣжная равнина тянется широко, до самой точки, гдѣ звѣздное небо сливается съ волнистой землей, и вотъ она мчитъ на борзыхъ коняхъ, оставляя за собою серебряную пыль да искры, сама же глядитъ въ смутно бѣгущую даль да въ блестящія очи...

Александра Владиміровна она находила скучнымъ: то заведетъ онъ рѣчь о буддизмѣ, то о какомъ-то неизвѣстномъ для нея Фулѣ, то онъ интересуется социальнымъ философскимъ вопросомъ. Его пессимизмъ былъ ей невыносимъ, его теоріи сердили ее; она иронически розвала его «Ахметевскимъ философамъ».

Разъ она чистосердечно призналась ему, что его не любитъ; понятно, почему она называла Ахметевку «пустыней». Если бы она его любила, то ей казалось-бы дивной эта ночь, трепетавшая отъ избытка жизни и таинственной силы.

— Твоя мать больна?—снова спросилъ онъ, видя, что, погруженная въ свои думы, она словно забылась. Придвинувъ ближе къ ней свое кресло, надрывающимся отъ отчаянія голосомъ онъ продолжалъ:—Я вижу, ты рѣшилась со мною разстаться!—Медленно произнесъ вслухъ эти слова, онъ, казалось, еще глубже созналъ ихъ потрясающую свою неизбѣжностью роковую дѣйствительность: онъ ее навсегда терялъ, она погибала для него.

Эта восхитительная, шелковистая головка, которую онъ такъ часто покрывалъ безумно-страстными поцѣлуями, эти розовыя уста, что такъ беззаботно отдавались его жгучимъ лобзаньямъ съ трепетнымъ шепотомъ чудныхъ словъ любви! Какъ часто счастливый, отрешившись отъ общества, своей семьи, отъ всего міра, упивался онъ блаженствомъ этой привязанности.

— Все это была ложь!—простоналъ онъ съ яростью раненаго животнаго, жгучая боль прожигала его насквозь. Онъ теперь желалъ бы ее возненавидѣть, но слишкомъ долго и сильно вѣрилъ онъ ей, невозможно было ему вдругъ отрезвиться. Онъ чувствовалъ свое безсиліе, всю безпомощность своего положенія. Эта страсть проникла въ безконечную глубину его сознательныхъ и бессозна-

СЪ АКВАРЕЛИ ХУДОЖНИКА Э. БИССОНА.
Гравировалъ на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. А. Дтѣ.

Шалости амура.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА Н. Н. КАРАЗИНА.
(Право на воспроизведеііе составляетъ исключительную собственность журнала „Живописное Обозрѣніе“).

Колодезь въ пустынь.

тельныхъ ощущеній. Холодная, разумная мысль не приходила ему на помощь, и вся энергія его сильной натуры сосредоточилась въ страданіи. Нервы его не выдержали: смертельная блѣдность покрыла его лицо, холодныя капли выступили на лбу, и весь помертвѣлый, словно изваянный изъ мрамора, онъ повалился къ ея ногамъ.

Перепуганная, бросилась она къ нему, и жалость проснулась на мгновеніе въ ней, и она шептала снова слова любви, которыми такъ часто и долго ублаживала его; теперь ихъ фальшивая нота не въ силахъ была его разбудить. Онъ безжизненный лежалъ, она напрасно металась подлѣ него. Подбѣжавъ къ звонку, она сильно позвонила. Сбѣжалъ отецъ, люди.

— Погибшая, несчастная! — злобно прокричалъ отецъ вслѣдъ удалявшейся Марьѣ Андреевнѣ.

Рано утромъ, лишь только свѣтло-розовая заря подернула небеса, она покинула Ахметевку.

III.

Всю ночь просидѣлъ отецъ у изголовья сына, держа дрожащей рукою горячую руку Александра. Молодой человѣкъ то находился въ забытіи, то метался и бредилъ, какъ въ горячкѣ. Черезъ мѣсяцъ ему стало легче, онъ всталъ съ постели; слабый, едва волоча ноги, онъ медленно спустился съ лѣстницы къ отцу. Не видя во время болѣзни около себя Марьи Андреевны, онъ догадался, что она исполнила свой замыселъ и уѣхала изъ Ахметевки. Съ первымъ же словомъ онъ рѣшительно спросилъ отца:

— Когда уѣхала Марья Андреевна?

Онъ произнесъ эти слова, какъ бы спрашивая, когда вынесли изъ дома дорогого покойника. Но въ его голосѣ звучала не одна горькая, покорная печаль, къ ней примѣшивалась что-то раздражительное, вызывающее на борьбу. Въ первые дни послѣ болѣзни Александръ Владиміровичъ какъ-то смутно сознавалъ все происшедшее, ему хотѣлось подальше уйти отъ себя въ неопредѣлимую, безконечную даль, минутами казалось ему въ эти дни, что онъ вдругъ становится чуждымъ себѣ самому, такъ какъ все, чѣмъ онъ жилъ, было утрачено. Но эти минуты тупого онѣмѣнія, это болѣзненное безсильіе впечатлѣній было мимолетно, и ихъ смѣнила теперь дѣйствительная лихорадка отчаянія: все окружающее, неразрывно связанное съ его прошлымъ — этотъ нѣмой свидѣтель его счастья, — соединялось теперь для него съ цѣлымъ роємъ неотвязчивыхъ воспоминаній, и они бичевали его съ новой силой. Эти представленія, сами собой возникавшія въ его разгоряченной головѣ, были даже сильнѣе самихъ впечатлѣній, такъ какъ они облакались въ фантастическіе, соблазнительные образы невооруженно погибающаго. Особенная тоска давила его грудь въ чудные вечера, лунные, душистые, когда въ серебристомъ нѣжномъ свѣтѣ все принимало неопредѣленные очертанія, сливаясь, путаясь, убѣгая куда-то въ пространство. Эта ночная тишина доводила его до безумія; онъ чувствовалъ такъ сильно свое одиночество, что дикія мысли о самоубійствѣ приходили ему въ голову. Онъ съ тоскою прислушивался къ тревожному биенію своего сердца и стукъ въ вискахъ, наконецъ, въ отчаяніи покидалъ свою комнату, гдѣ ему становилось душно и тѣсно, бѣжалъ въ садъ, но и тамъ съ ночнымъ полусвѣтомъ ея образъ преслѣдовалъ его съ мучительнымъ постоянствомъ.

Деревенское уединеніе, самое однообразіе ощущеній усиливало до чудовищныхъ размѣровъ его сосредоточеніе на себѣ самомъ. Сознаніе наше имѣетъ два полюса: одинъ объективный, другой субъективный; чѣмъ болѣе элементовъ первый притягиваетъ въ своемъ направленіи, тѣмъ болѣе второй тѣрится, дѣлается слабѣе. Для Александра Владиміровича въ эту минуту міръ не существовалъ, онъ исключительно былъ занятъ самимъ собою, своимъ горемъ.

Отецъ часто замѣчалъ ему, что, не занимаясь управленіемъ Ахметевки, отданной въ аренду, онъ долженъ былъ бы поступить на какую нибудь службу, хотя-бы только для развлеченія. На это ему сынъ отвѣчалъ, что ему одинаково противны душныя канцелярія съ запахомъ чернилъ и бумагъ и военная карьера съ ея грубой дисциплиной, что ему дорога свобода и независимость. Старикъ выговаривалъ ему за упущенія въ Ахметевкѣ, за его небрежность къ отцовскому помѣстью, которое ему теперь вполне принадлежало.

— Все приходитъ въ ветхость, — повторялъ ему онъ не разъ, — стѣны въ домѣ перекошались, осыпались; балконы искривились, вся Ахметевка приняла видъ запустѣнія и разрушенія.

Но напрасно старикъ сѣтовалъ, онъ не могъ призвать къ дѣятельности нравственно пораженного сына своего. Хотя въ Ахметевкѣ многое дѣйствительно требовало обновленія, такъ какъ штукатурка кое-гдѣ обвалилась, верхній балконъ покосился, но въ самомъ разрушеніи было много поэзіи: въ трещинахъ, по стѣнамъ расплзался зеленоватосѣрый, курчавый мохъ, принимая причудливыя очертанія; камни хранили слѣды осеннихъ дождей и зимнихъ вьюгъ.

Восхитительна была лѣтнимъ вечеромъ эта Ахметевка, раскинувшаяся на горѣ съ ея бѣлыми строеніями, съ ея высокой церковью, оградой и темнымъ паркомъ, чернѣвшимъ позади! Она выдѣлялась бѣлымъ пятномъ среди пестрыхъ полей; нѣтъ отъ усадьбы тянулась, краснѣя своимъ рыжеватымъ отбѣскомъ, песчаная полоса, а вдали лысая гора терялась въ пурпуровомъ заревѣ заходящаго солнца. Около самаго дома узкой лентой вилась дорога, по которой въ прохладныя сумерки катился шаръ банъ за поздалаго сѣзда, или клубился столбъ пыли, поднятый лошадыю отважной наѣздницы ближайшаго села. Все затѣмъ стихало. Порою доносился туда смутный деревенскій говоръ, какъ волна отдаленнаго моря, оживляя ночную тишину пахучихъ степей.

А межъ тѣмъ тоскливые дни шли за днями, недѣли за недѣлями...

Разъ Александръ Владиміровичъ сидѣлъ на верхнемъ балконѣ, который примыкалъ къ его комнатѣ, и словно оцѣнѣвъ, глядѣлъ въ пространство. Вдругъ онъ услышалъ ускоренные шаги отца и его сухой кашель. Увидѣвъ его, сынъ нѣжно спросилъ:

— Что это ты вздумалъ взобраться ко мнѣ на вышку? Вѣдь совѣтъ не по твоимъ ногамъ крутая лѣстница!

— Я сію минуту узналъ, что въ Шереметевку пріѣхала Ольга Николаевна Гронская. Ты знаешь, я очень друженъ былъ съ ея матерью; мнѣ бы хотѣлось самому представиться ей, но я что-то слабъ эти дни. Тебѣ слѣдуетъ завтра-же непременно отправиться къ ней. — Сынъ съ мольбой взглянулъ на отца, но старикъ былъ неумолимъ. Рѣшено было, что завтра Александръ Владиміровичъ отправился въ Шереметевку.

IV.

Александръ Владиміровичъ ѣхалъ по цвѣтущимъ полямъ, и торжественное безмолвіе пріветствовало его на пути. Равнины, безконечныя въ объятіяхъ голубого неба, какъ въ трепетномъ лобзаніи, были полны нѣги, и свободно и душисто вѣяло ихъ чистое дыханіе. Вдали темнѣлъ поясъ лѣсовъ, нѣкогда населенный горностаями и бобрами, въ которыхъ теперь лишь изрѣдка мелькаетъ одинокая лисица или бѣзразлично пробирается голодный волкъ, наступая на лиловый водоборъ или нѣжную генціану. Внизу лѣса извивалась широкія рѣка съ холмистыми берегами, походившими на вздымающіяся волны. Палицій жаръ жегъ лицо Александра Владиміровича. Онъ приближался къ селу Шереметевкѣ. Проѣхавъ по пыльной улицѣ между группами рѣзвившихся мальчугановъ и бѣлокурыхъ розовыхъ дѣвочекъ, онъ очутился въ оградѣ громаднаго промышленнаго заведенія, словно въ исполненномъ копошившемся муравейникѣ: лязгъ желѣза, свистъ паровиковъ, крики рабочихъ неслись отовсюду, тачки, тележки съ углемъ, хворостомъ, рожью сталкивались, цѣплялись, раздвигались. Возницы оглушали пронзительнымъ крикомъ. Надъ всѣмъ стоялъ одуряющій гамъ, задорное чиканье, сливались рѣзкими звуками человѣческіе стоны съ жалобнымъ мычаньемъ подлѣ тяжести работы и жаркихъ лучей. Лошади ежились, фыркали, волновались; черезъ нѣсколько минутъ покрылись пѣной. Возгласы становились все громче, стукъ передвигаемыхъ тяжестей все нестерпимѣе. Когда молодой человѣкъ обогнулъ бурные склады топлива и торчавшія невысоко надъ землею крыши разнообразныхъ магазиновъ, то вздохнулъ полной грудью и снова пахнуло на него ароматной волной шабера.

Когда онъ поднялся на высокую гору, передъ его глазами неожиданно открылась усадьба, прятанная въ котловинѣ, точно на днѣ гигантской воронки, окруженная хмѣлевыми плантаціями, садами, цвѣтниками.

Когда онъ спустился съ горы на зеленый лугъ клевера, влажная струя испареній низменности, пропитанная запахомъ конопли, освѣжила его. Проѣхавъ по правильнымъ, тѣнистымъ галлереямъ хмѣля, мимо цвѣтниковъ, Александръ Владиміровичъ остановился, наконецъ, передъ обширной террасой изъ рѣзнаго дерева большого двухъ-этажнаго дома.

— Можно видѣть Ольгу Николаевну Гронскую? — спросилъ онъ у встрѣтившаго его лакея.

Послѣ минутнаго ожиданія къ нему вышелъ слуга съ утвердительнымъ отвѣтомъ.

Александръ Владиміровичъ вышелъ въ переднюю и тотчасъ замѣтилъ, что домъ, какъ говорится, съ иголки: вездѣ блескъ лака; вновь выкрашенная лѣстница, только что отполированная дверь. Не успѣлъ онъ войти въ уютную комнату и оглядѣться, какъ изъ противоположной двери вышла Ольга Николаевна Гронская, владѣтельница большого села Шереметевки, при которомъ числилось шестнадцать тысячъ десятинъ. Это была средняго роста брюнетка, очень блѣдная, съ серьезными, смѣлыми глазами, съ иронической улыбкой на добродушномъ лицѣ.

— Позвольте представиться: вашъ ближайшій сѣздъ, въ восьми верстахъ отъ Шереметевки.

Онъ назвалъ себя. Эта фраза была произ-

несена съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ на чисто французскомъ языкѣ съ парижскимъ акцентомъ. Утолченныя манеры, застѣнчивость, что-то чистосердечное и гордое проглядывало въ немъ и располагало въ его пользу.

— Я сюда прѣхалъ на цѣлое лѣто изъ Петербурга и считаю пріятнымъ долгомъ познакомиться съ вами; мой отецъ тоже немедленно прѣдѣтъ въ Шереметевку. — Всѣ эти общепринятые фразы продолжалъ онъ на французскомъ изящномъ діалектѣ. Ольга Николаевна замѣтила, что онъ лучше владѣетъ иностраннымъ языкомъ, чѣмъ роднымъ, и капризно сводила его рѣчь на русскую.

— Я очъ рада имѣть такого близкаго сосѣда въ этой степной глуши, въ которую даже перестали набѣгать дикія орды кочевниковъ. Здѣсь нѣтъ, однако, такого однообразія въ пейзажѣ, какое встрѣчается въ другихъ русскихъ деревняхъ. Я стараюсь насадить здѣсь флору четырехъ поясовъ: сѣвера, юга, востока и запада.

— Вообще здѣсь хорошо; мнѣ удивительно, однако, что вы, женщина, взяли инициативу труда: у васъ процвѣтають заводы, воздвигаются колоссальныя мельницы.

— Не забудьте, — прибавила она съ гордостью, — что на заводѣ лучшія, новѣйшія машины, а на мельницѣ вальцовая система. Но это я не приписываю себѣ, это мой мужъ...

Эти послѣднія слова произнесла она такъ же равнодушно, какъ будто рѣчь шла о шелковыхъ ситахъ и вальцахъ на мельницѣ.

— Я слышала, — началъ неособенно увѣренно Александръ Владиміровичъ, — что вашего мужа здѣсь нѣтъ.

— Да, онъ лечится за границей. Россія для него вредна.

Это тоже было произнесено холодно, сухо, точно говорилъ дѣлецъ, а не женщина, что смутило въ конецъ молодого Ахметева, и онъ невольно подумалъ, что его ближайшая сосѣдка не особенно вѣжнаго темперамента.

Взглянувъ внимательнѣе на него и замѣтивъ его блѣдное, усталое лицо, Ольга Николаевна прибавила съ участіемъ:

— Васъ прислали докторъ въ нашу губернію, чтобы пить кумысъ и грѣться нашимъ солнцемъ? Вы были больны?

Александръ Владиміровичъ, покраснѣвъ, порывисто сказалъ:

— Отъ нанесенныхъ мнѣ ранъ едва-ли излечить кумысъ или палашій лучъ нашего солнца.

У него вырвалось неожиданно, помимо его воли, это неумѣстное признаніе, и онъ замолкъ, почувствовавъ сдѣланную имъ неловкость. Ольгѣ Николаевнѣ стало ясно, что ее ближайшій сосѣдъ несчастливъ, и эта дрожавшая, выдававшая его нотка, болѣзненно отозвалась въ ея сердцѣ. Она сказала мягко, почти нѣжно:

— Мы несчастливы сегодня, чтобы завтра позабыть наше горе.

Онъ недовѣрчиво покачалъ головой, и саркастическая улыбка скользнула по его губамъ. Голосъ, полный участія, этой незнакомки производилъ на него успокаивающее дѣйствіе, какъ, доселѣ чуждый ему, голосъ друга.

Онъ замолкъ.

Въ эту минуту сбѣжалъ изъ сосѣдней комнаты мальчикъ лѣтъ десяти, съ чудными, черными глазами, съ густой шапкой блондурныхъ кудрей. Это былъ сынъ Ольги Николаевны. За нимъ появилась длинная, сухая англичанка съ выдающейся передней челюстью, словно изъ породы грызуновъ;

черная кружевная косынка ниспадала легкими складками на ея лобъ, а широкіе, прозрачные концы покрывали ея красную, морщинистую шею. Она церемонно поклонилась и повела безконечную рѣчь, не перемѣняя интонаціи, какъ заведенный автоматъ. Обращившись къ сидѣвшему гостю, англичанка старательно начала его посвящать въ таинства педагогики. Раскраснѣвшись отъ разговора и волненія, она окончила свою рѣчь, полными для нея значенія, словами:

— Представьте себѣ, какой шалунъ мой ученикъ: онъ написалъ глаголь «die» большой буквой и на мое замѣчаніе отвѣтилъ: «надо относиться съ уваженіемъ къ тому, что случается одинъ разъ въ жизни».

Прощивъ это скучнымъ тономъ, она торжественно встала и, медленно раскланявшись, удалилась. Отъ всей ея фигуры вѣяло благоразуміемъ, сухостью; этотъ олицетворенный разсудокъ точно накрывалъ на васъ веревку, давилъ васъ, вамъ становилось жутко.

Вслѣдствіе ли непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на Александра Владиміровича смутнымъ образомъ затянутой петли, или сообразилъ онъ продолжительность перваго посѣщенія, но онъ всталъ и, попросивъ позволенія посѣщать Шереметевку, простился.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КО СНУ.

(Изъ посмертныхъ стихотвореній).

Не повторять, о сонъ лукавый,
Того, что помню не во снѣ!
И безъ того когда-то здравый,
Прямой, неумолимо-правый,
Разсудокъ измѣняетъ мнѣ.

* * *

Зачѣмъ безсовѣстно фальшиво
Святую правду искажать?
Вѣдь на яву все было ложиво,
Я помню живо, живо живо...
Мнѣ не дано позабывать.

* * *

Всю жизнь неправильнымъ итогомъ,
Всю жизнь вложилъ ты въ ночь одну.
Я оправдаться-бъ могъ во многомъ,
Но оправдаюсь ужъ предъ Богомъ:
Вѣдь мнѣ давно пора ко сну!

Ефимъ Заринъ.

КОНТРАБАНДИСТЫ.

Рассказъ.

НА Балтійскомъ морѣ, въ четырнадцати—пятнадцати часахъ вѣды отъ Ревеля лежитъ небольшой островъ Моонъ. Это довольно широкая, девятнадцативерстная въ длину, земля состоитъ вся почти изъ полей и луговъ, устланныхъ гранитными камнями и верескомъ, съ рѣдкими кое-гдѣ сосновыми лѣсочками и кое какою растительностью. Мѣстность суровая, бѣдная и печальная по своей скудости. Море окружаетъ Моонъ плотнымъ кольцомъ, а небольшой проливъ отдѣляетъ его отъ острова Эзеля съ его Аренбургскими морскими купаньями. Въ на-

стоящее время, впрочемъ, строится дамба, соединяющая два острова, и недалеко время, когда уединеніе моонцевъ будетъ нарушено. Но пока они составляютъ совѣтъ отдѣльный и довольно любопытный народъ.

Андрусъ можетъ считаться типичнымъ представителемъ его. Онъ довольно высокъ ростомъ, съ густою короткою бородою и ясными голубыми глазами. Какъ и всѣ моонцы, онъ одѣтъ въ шерстяную, вязаную, домашней работы, куртку и прочныя кожаные башмаки. Узкій толстый ремень перетягиваетъ его стройный станъ и шапка чуть-чуть прикрываетъ широкій умный лобъ. Андрусъ любитъ море. И когда оно шумитъ и ласково плещется, вынося на своей поверхности бѣлыхъ «зайчиковъ», онъ садится на его берегу и любитъ подолгу смотрѣть на его пѣнистую игру и слушать давно знакомый ропотъ.

I.

Андрусъ задумалъ смѣлое дѣло... Онъ зорко осмотрѣлъ теперь совершенно спокойное тихое море, поглядѣлъ, прикрывъ глаза рукой, на небо и, повидимому, остался доволенъ результатомъ своихъ наблюденій.

Затѣмъ онъ пошелъ въ маленькую бухточку, гдѣ стояла его рыбацья лодка. Онъ вытащилъ ее на берегъ и перевернулъ вверхъ килемъ. Кормовая часть требовала починки. Кое-гдѣ на бортахъ также нужно было наложить пластырь. Андрусъ сходилъ домой и съ помощью своей жены, красивой стройной женщины, по обычаю всѣхъ островитянокъ Моона, носившей волосы подстриженными въ кружокъ, такъ что они при ходбѣ развѣвались вѣтромъ, а маленькая бѣлая шапочка, съ шитымъ цвѣтнымъ околышемъ, едва прикрывала макушку, — пригласилъ все необхо имое.

— Куда ты задумалъ плыть, Андрусъ? — спросила его жена.

— Молчи, баба, — отвѣтилъ Андрусъ; — ты знаешь, у насъ вышелъ весь спиртъ и желѣзо. Надо и для тебя кое-что... Я поѣду съ Алиасомъ и двумя другими сосѣдами въ Германію за вольнымъ товаромъ.

— Андрусъ, таможенныя не дремлютъ.

Андрусъ презрительно, усмѣхнулся.

— Что мнѣ твои таможенныя? Они земляныя крысы. Когда зашумитъ наше море и разыграются сѣрыя волны, а вѣтеръ засвиститъ въ камышахъ, они попрчутся во своихъ норахъ. Моонцы проводятъ и нѣмецкихъ пограничниковъ, а русскихъ... И Андрусъ торжественно засвисталъ.

Тогда жена не могла ничего отвѣчать, и принялась усердно помогать мужу. Къ ночи лодка была готова.

Она была довольно помѣстительна. Посреди висѣла мачта, вокругъ которой спускался собранный парусъ изъ суроваго крѣпкаго полотна, а шесть добрыхъ веселъ могли быстро гнать ее, когда стихалъ вѣтеръ. Кормовая часть была занята крошечной каютой-ящикомъ, гдѣ можно было уложить боченокъ съ водой и немного припасовъ. Контрабандный товаръ укладывался обыкновенно въ самую нижнюю часть этого миниатюрнаго суденышка. Оснастка была готова. Не заставили себя ждать и отважные пловцы.

II.

Спутники Андруса были крѣпкіе надежные люди. Дядя Алиасъ, отставной гвардеецъ, былъ высокаго роста и мужественнаго вида чело-вѣкъ. Онъ сдѣлалъ походъ за Балканы, видѣлъ и Плевну, и Софію, и Константинополь. Правда, онъ продѣлалъ все это въ качествѣ

генеральскаго деньщика, а въ послѣдствіи эконома офицерскаго собранія, но несомнѣнно онъ обладалъ двумя превосходными качествами: былъ опытенъ въ военныхъ хитростяхъ и умѣлъ говорить по русски. Двое другихъ отважныхъ моонцовъ отличались лишь крѣпостью мышцъ и были отличными рыбаками. Женщинъ не присутствовало при отправленіи. И дѣло того требовало, и на Моонѣ на ихъ рукахъ лежить не только домашнее, но и полевое хозяйство,—такъ что у нихъ нѣтъ времени вмѣшиваться въ мужскія дѣла.

Стояла теплая лѣтняя ночь. Надъ безбрежнымъ, тихо плескавшимся моремъ заглянулъ въ безбрежномъ голубомъ небѣ рѣдкія звѣздочки. Здѣсь ихъ немного и блескъ ихъ не отличается тою силою и красотой, какъ въ южныхъ моряхъ. Зато въ этомъ блескѣ есть что-то успокоительно-мягкое.

Пловцы медленно и осторожно, словно чуя опасность, усаживались въ лодку. Дулъ слабый, едва замѣтный норд-вестъ и потому поставили паруса. Они черезъ нѣсколько минутъ надулись и лодку быстро и ровно понесло по заливу въ открытое море.

Андрусъ сидѣлъ на рулѣ. Онъ зналъ фарватеръ, какъ свои пять пальцевъ.

Кромѣ того ему знакомы были прибрежныя камыши и заводи, гдѣ можно было бы, въ случаѣ надобности, укрыться. Никто не разговаривалъ. Всѣ думали одну думу: какъ-то удасться въ нынѣшній разъ далекое путешествіе и придется ли вернуться къ родному Моону. Вонъ ужъ его берегъ начинаетъ скрываться изъ глазъ. Виднѣется только еще хорошо высокая кирка да православная бѣлая церковь, въ которой Андрусъ состоитъ прихожаниномъ. Онъ мысленно даетъ теперь обѣтъ въ случаѣ благополучной поѣздки, принести лепту на украшеніе храма.

Скоро отъ острова осталась на горизонтѣ одна только синеватая полоса, да чуть мелькалъ вдали слабый огонь маяка. Лодка вышла въ открытое море. Моонцы теперь заговорили вслухъ.

— Ну, дядя Аліасъ,—сказалъ рыжій Іоганнъ, разскажи-ка что нибудь намъ про старое моонское житіе...

Но дядя Аліасъ молчалъ и даже, очевидно, не былъ расположенъ къ розсказнямъ. Вмѣсто этого онъ сурово замѣтилъ:

— Посмотри-ка, Мадисъ, не подмокло ли взятое нами въ обмѣнъ на товары зерно?

Мадисъ, коренастый моонецъ, глядѣвшій исподлобья, нехотя пошелъ въ заднюю часть лодки, гдѣ были сложены запасы воды и съ-

стнаго, опустился на колѣни и протянулъ свою могучую жилистую руку съ глубину трюма.

— Все въ порядкѣ,—мрачно сказалъ онъ и снова усялся на носу во лѣ маленькаго плохого компаса и почти игрушечной мѣдной пушечки, долженствующей служить защитой при погонѣ.

Всѣ немного помолчали.

Андрусъ первый началъ:

— Знаете что, братцы... Старики мнѣ говорили какъ у нихъ велѣлъ дѣла съ этимъ...

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА М. МИХАЭЛЯ.

Съ завтракомъ въ поле.

— Когда они отправлялись въ Кенигсбергъ или Мемель, а то и въ дальнюю сторону, они дѣлали межъ собою уговоръ... Вести свои дѣла съ чужими людьми по чести. Иначе море не понесетъ на себѣ нечестивцевъ и плутовъ.

— Да, это такъ!—важно подтвердилъ старый Аліасъ.

— Я знаю это отъ своего дѣда Яни,—прибавилъ рыжій Іоганнъ.

Мрачный Мадисъ ничего не сказалъ и лишь плюнулъ на море. Всѣ посмотрѣли на него недружелюбно.

— Братцы!—сказалъ опять Андрусъ послѣ сосредоточеннаго надъ чѣмъ то размышленія—давайте положимъ такъ, что если кто украдетъ или обманетъ купца, съ которымъ будетъ вести торговое дѣло,—того за борть!..

Моонцы пошурили. Грѣхъ можетъ слу-

читься со всякимъ, а наказаніе сурово. Андрей понялъ это и поспѣшно прибавилъ:

— Не пропадать же въ морѣ всѣмъ изъ за одного...

— Вѣрно!—крикнули дядя Аліасъ и рыжій Іоганнъ. А Мадису зачѣмъ-то понадобилось въ это время пойти на корму.

III.

Послѣ принятаго такимъ образомъ рѣшенія обезопасить себя отъ мнѣнія морской стихіи, всѣ какъ-то просвѣтлѣли и стали глядѣть веселѣе.

А ночь стояла тихая и величественная. На горизонтѣ изъ моря показалось зарево восходящей луны и кроваво-красный кругъ ея сталъ медленно выполнять изъ-за небольшихъ тучекъ, разбрасывая во кругъ себя бѣлесоватый матовый свѣтъ. Казалось, и звѣзды заблестѣли ярче, и вѣтерокъ сталъ теплѣе. Сторожившій на рулѣ Андрусъ своимъ зоркимъ глазомъ вдругъ замѣтилъ парусъ и дымъ парохода. Онъ подождалъ стараго Аліаса и молча указалъ ему на едва приметныя точки.

— Ничего. Они идутъ отъ насъ... Смотри, какъ вѣетъ пароходный дымъ,—успокоилъ Аліасъ. И опять скользнулъ утлая старая лодченка по тихому, точно замерзшему, блестящему морю и опять слышится только плескъ воды, разрываемой лодкой, да поскрипываніе старой, ветхой мачты съ новымъ крѣпкимъ парусомъ. И острова, и даже огней маяка уже давно не было видно.

Вѣтерокъ, вначалѣ слабый, усилился. Суденышко бѣжалобьстро.

— Если такъ будетъ дуть,—сказалъ Андрусъ,—то мы скоро попадемъ на берегъ...

Мадисъ и Іоганнъ посмотрѣли на небо.

Старый Аліасъ задумчиво кивнулъ головой. Въ это время надъ головой раздался жалобный крикъ чайки. Она покружилась надъ мачтой, позвенѣла своими бѣлыми крыльями и полетѣла далеко въ сторону. Всѣ подняли вверхъ голову и долго слѣдили за полетомъ птицы.

— Къ намъ на Моонъ полетѣла,—сказалъ Іоганнъ и невольно при этомъ вздохнулъ. Онъ впервые отпраивался за контрабандой въ дальнее морское путешествіе, оставивъ дома молодую жену. Ночь близилась къ концу. Съ востока уже тянуло свѣжестью и, чуя разсвѣтъ, гасли кое-какія звѣзды. Контрабандисты стали укладываться спать. Дядя Аліасъ растянулся на днѣ лодки, Іоганнъ возлѣ него, а мрачный Мадисъ не оставлялъ своего мѣста въ носу.

Андрусъ остался у руля и правилъ лодкой.

«Грибники на привале». Съ картины художника В. Гольцоваго.

Уже много дней плывет лодка моонцевъ. Уже запасы воды, картофеля, хлѣба и салаки — обычная пища ихъ, — стали настолько малы, что дядя Алиасъ распорядился выдавать половинныя и даже четвертныя порціи, а желаннаго берега все не видать. На пятый день плаванія имъ пришлось выдержать маленькій штормъ. Погода съ утра уже не предвѣщала ничего хорошаго, и Андрусъ, тревожно поглядывая на небо, то и дѣло поворачивалъ руль, стараясь направлять свое судно въ разрѣзъ волнъ. Послѣ полудня, когда солнце за тучами замѣтно стало дѣлать поворотъ къ западу, пошелъ мелкій дождь. Вѣтеръ окончательно стихъ, такъ что пришлось убрать паруса и сѣсть на весла. Дождь и тишина продолжались, однако, не долго. Небо вдругъ потемнѣло, заволокло еще тучами, и мелкій дождь перешелъ въ крупный ливень. Съ далекаго горизонта набѣжали сѣдые, клочущіе валы, подхватили и высоко взбросили лодку, такъ что повалился рыжій высокій Іоганнъ, стоявшій посреди, и суденышко моонцевъ стало перебрасывать съ одной волны на другую. Андрусъ крѣпко держался за руль, остальные сидѣли на веслахъ. Но взмахи ихъ происходили попусту, и мутная пѣнистая вода ускользала изъ подъ ударовъ. Лодку несло теченіемъ и скорѣе кружило на мѣстѣ, чѣмъ двигало впередъ. Дядя Алиасъ напрянулъ свою могучую длинную спину и старался весломъ зацѣпить море. Рыжій Іоганнъ струсилъ и безпомощно махалъ своимъ весломъ. Только мрачный Мадисъ повеселѣлъ, и, казалось, борьба со стихіей доставляла ему удовольствіе. Положеніе всѣмъ казалось серьезнымъ. Вѣтеръ яростно и бурно вылъ въ снастяхъ и рвалъ свернутые паруса. Это продолжалось полчаса. Но вотъ вдругъ пересталъ лить дождь, изъ-за лохматыхъ тучъ вырвался солнечный лучъ, и внезапно налетѣвшій шквалъ остановился, но уже не такъ внезапно, какъ и начался. Всѣ вздохнули свободно. Но разыгравшееся море долго еще не могло успокоиться. Волны съ бѣлыми гребнями все еще ходили по его поверхности.

IV.

Въ концѣ второй педѣли моонцы замѣтили на далекомъ горизонтѣ спящую полосу. Іоганнъ первый увидѣлъ ее и полагалъ, что это облачко. Но Андрусъ тотчасъ-же крикнулъ:

— Земля!

И это дѣйствительно была земля. Но не та, къ которой они плыли. Во время перенесеннаго шторма ихъ отнесло далеко въ сторону отъ первоначальнаго пути и тутъ только они замѣтили это. Тѣмъ не менѣе рѣшено было пока пристать и сюда. Андрусъ направилъ лодку къ видѣвшейся сушѣ, и, подхваченная легкимъ попутнымъ вѣтеркомъ, она быстро понеслась, словно обрадовавшись пристани.

— Смотри, Андрусъ, — сказалъ дядя Алиасъ — какъ-бы намъ не наскочить на стражниковъ.

— Я смотрю, — сказалъ серьезно Андрусъ, какъ будто это смотрѣніе могло предупредить бѣду. Мрачный Мадисъ предпочелъ болѣе энергичную мѣру предосторожности. Онъ возился около маленькой, жалкой пушечки, стараясь зарядить ее самодѣльнымъ порошкомъ, который на Моонѣ выдѣлываютъ сами хозяева для взрыванія громадныхъ великановъ-камней, обильно заполняющихъ почву острова и мѣшающихъ производить работы. Въмѣсто картечи или ядра онъ положилъ куски рубленаго свинца и желѣза. Окончивъ зарядженіе, онъ отступилъ немного назадъ, по-

любовался своей работой и, улыбаясь своимъ мрачнымъ лицомъ, пробормоталъ:

— Готово!..

Но дядя Алиасъ, совершившій воинскіе походы, былъ тѣмъ не менѣе человѣкомъ мирнаго характера и не любилъ всякихъ военныхъ приготовленій. Поэтому онъ сказалъ:

— Пушку ты пока оставь, Мадисъ. Къ этому мы еще успѣемъ вернуться...

Между тѣмъ земля становилась все ближе. Она оказалась небольшимъ островкомъ, пустыннымъ и покрытымъ тѣми же камнями и низкорослыми кустарникомъ.

— Похоже на Моонъ! — радостно закричалъ рыжій Іоганнъ. Всѣ жадно глядявались въ приближающуюся землю. Когда берегъ сталъ хорошо видѣнъ, на немъ увидѣли хижину.

Лодка скользила вдоль крутого скалистого берега, ища удобной остановки. Андрусъ замѣтилъ, наконецъ, песчаный откосъ, гдѣ оканчивалась скала. Рѣшено было тутъ остановиться и бросить якорь. Осторожно крадучись, словно у нихъ уже былъ запрещенный товаръ, выползли контрабандисты на незнакомый берегъ. Кругомъ было молчаливо и пустынно. Только одинокая хижина нѣсколько оживляла мѣстность. Моонцы направились къ ней. Ихъ уже замѣтили оттуда. Навстрѣчу имъ шелъ человѣкъ низкаго роста, съ необыкновенно хитрымъ лисимъ выраженіемъ лица, зорко вглядываясь въ пришельцевъ. Партіи встрѣтились.

— Терз! — закричали въ одинъ голосъ путники, стаскивая свои шапки. И къ ихъ величайшей радости въ отвѣтъ имъ послышалось на чистомъ ревельскомъ *) эстонскомъ нарѣчій тоже:

— Терз-терз!...

Предъ ними былъ землякъ. Заговорили всѣ почти разомъ на родномъ языкѣ, но такъ какъ береговой не могъ отвѣчать всѣмъ сразу, то оказалось нужнымъ уполномочить для переговоровъ одного кого-нибудь. Выборъ палъ на Андруса. Онъ торжественно выступилъ впередъ и повелъ дѣло по порядку. Скоро выяснилось, что береговой житель — выходецъ изъ Прибалтійскаго края, откуда бѣжалъ отъ солдатчины нѣсколько лѣтъ тому назадъ и поселился здѣсь съ женой и двумя ребятишками. Оказалось также, что моонцы находятся на шведской территоріи и что отсюда въ разстояніи пятнадцати-двадцати трубокъ пути **) находится шведскій городокъ Висби, гдѣ путники могутъ найти довольно спирту, рому, табаку и пряжи, чтобы все это вымѣнять на зерно и ленъ, если она есть у нихъ съ собою. Моонцы посѣтили хижину земляка, закусили и выпили по приглашенію гостеприимнаго хозяина и, отдохнувъ и выслушавъ совѣтъ, какъ ловчѣе проскользнуть въ Висби, распрощались съ островомъ и подпали паруса.

V.

...И опять плывутъ моонцы. Но уже теперь лодка ихъ скользитъ вдоль берега и лишь изрѣдка выходитъ въ открытое море, когда того требуетъ осторожность или слишкомъ мелкій фарватеръ.

Андрусъ совѣщается съ дядею Алиасомъ:

— Ну, какъ приставать, ночью или днемъ?

Дядя Алиасъ долго думаетъ, третъ себѣ носъ и, наконецъ, говоритъ:

— Оно, конечно, мы вѣдь пока ничего дур-

*) Есть еще юрьевское и др. восточныя нарѣчія.

**) На нѣкоторыхъ островахъ Балтійскаго моря путь измѣняется количествомъ выкуренныхъ трубокъ.

ного не сдѣлали и можемъ пристать по христіански днемъ... Ну, а съ другой стороны не худо бы выйти на чужую землю и ночью...

Этого же мнѣнія держится и угрюмый Мадисъ. Рыжему Іоганну все равно. Онъ скалитъ свои великолѣпные бѣлые зубы и согласенъ пристать и ночью, и днемъ, лишь бы только пристать скорѣе къ берегу. Ему такъ надоѣло торчать въ этой дурацкой лодкѣ.

Андрусъ рѣшаетъ причалить глубокимъ вечеромъ. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, примиряются крайности. Городокъ Висби уже совсѣмъ виднѣется. Къ счастью, сумерки на-двигаются быстро. Моонцы убираютъ паруса и готовятся къ торжественному, хотя и не совсѣмъ явному вступленію въ гавань. Вотъ въ маленькомъ скученномъ форштадтѣ зажигаются безчисленные огоньки. Слышится ревъ и пискъ фабричныхъ гудковъ, а стоящіе на рейдѣ суда приготовляются, очевидно, къ по-чечкѣ. Андрусъ, ловко лавируя между многочисленными лодками и шхунами, пробивается почти наугадъ по незнакомому рейду. Старый Алиасъ усиливается припомнить, не встрѣчалъ-ли онъ такъ го города во время своихъ воинскихъ походовъ, а суровый Мадисъ не отходить отъ своей пушки, словно готовясь къ защитѣ. Болѣе всѣхъ радъ землѣ рыжій Іоганнъ. Онъ распахнулъ свою красную вязаную куртку, такъ что изъ подъ нея видна его фланелевая цвѣтная рубаша и съ каждымъ взмахомъ весла тарачитъ все болѣе свои покраснѣвшіе отъ вѣтра глаза.

Подъ покровомъ наступившей глубокой темной ночи лодка моонцевъ осторожно причаливаетъ наконецъ къ гранитному берегу пристани. Мадисъ остается караулить ее, а остальные карабаются и выходятъ на площадь пристани. Словно по какому-то инстинкту мужики направляются въ сторону пивной и скоро находят это пріятное пристанище, гдѣ и бросаютъ на нѣкоторое время якорь.

На свой «корабль» моонцы возвращались уже за полночь, сильно навеселѣ и неся Мадису его законную долю угощенія.

— А хорошее у нихъ пиво! — говорилъ Андрусъ, пошатываясь немного, но все же стараясь сохранить достоинство командира судна.

— Да, — протяжно вторилъ ему дядя Алиасъ, — а ромъ ихъ куда лучше нашего, расейскаго!..

— Нѣтъ, Андрусъ, какая проворная дѣвка подавала намъ все это!.. — горячился молодой Іоганнъ.

Такъ мирно, хотя нельзя сказать, чтобы тихо, бесѣдуя, моонскіе пловцы шли по улицамъ спящаго маленькаго городка. Ночные сторожа сурово и подозрительно оглядывали ихъ, постукивая своими алебардами и ворча себѣ подъ носъ, что эти иностранцы вѣчно производятъ безпорядокъ.

Мадисъ уже спалъ, когда вернулись товарищи. Онъ хмуро выслушалъ восклицанія Іоганна, взялъ отъ Андруса свою долю береговаго угощенія и молча ушелъ къ кормѣ истреблять ему принесенное.

Дядя Алиасъ размышлялъ о завтрашнемъ днѣ.

— Андрусъ, — спросилъ онъ, — ты найдешь завтра того купца, о которомъ говорилъ на островѣ нашъ землякъ?

Андрусъ найдетъ. Онъ помнитъ, что купецъ торгуетъ на большомъ рынкѣ и его зовутъ Гарди.

— Завтра, курать вѣтку, я иду на берегъ, а Іоганнъ остается сторожить! — заявилъ неожиданно съ кормы Мадисъ. Онъ допилъ все свое пиво и сѣлъ принесенное съ берегу мясо. Всѣ согласились, что завтра ему слѣдуетъ

идти въ городъ, а Іоганну оставаться. Но Мадисъ этимъ не удовольствовался и сталъ пространно разсуждать о своихъ правахъ на прогулку въ городъ. Къ тому-же и у него гдѣ есть дѣла. Не даромъ же онъ поѣхалъ

въ море. Чортъ возьми, развѣ онъ желалъ быть лишь караульщикомъ? Дядя Алиасъ сталъ степенно ему доказывать, что для общаго дѣла полезно иногда и потерпѣть, а Андрусъ прибавилъ, что кто этого не признаетъ, тотъ

хорошо бы сдѣлалъ, еслибы остался дома на Моонѣ. Тогда Мадисъ угрюмо смолкъ и растянулся на снѣгъ спать. Скоро его примѣру посѣдовали и другіе.

М. Лисицынъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

ВЪ ЛЕНОЙ принца познакомили герцога де-Можоль; оба произвели другъ на друга хорошее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что принцъ давно уже обратилъ на нее вниманіе. Какъ ловкая женщина, она постаралась собрать всѣ свѣдѣнія, и съ удовольствіемъ узнала, что онъ не женатъ, живетъ одиноко и не имѣетъ никакихъ любовныхъ связей. Когда ей иронически сказали, «къ несчастью это принцъ Іовъ», она пожала плечами и скорчила гримасу, которая ясно говорила: «Мнѣ это все равно».

Увидавъ на другой день Роберта въ лѣсу, она улыбнулась ему и первая поклонилась. Затѣмъ Робертъ побывалъ у нея въ оперѣ, въ ея уборной, гдѣ она встрѣтила его, протянувъ ему обѣ руки. Онъ сказалъ ей, какъ давно восхищается ею, какъ ему хотѣлось познакомиться и получить ласковый выговоръ, что такъ долго откладывалъ. Вернувшись домой, Робертъ сознался себѣ, что полюбилъ, и полюбилъ серьезно въ первый разъ въ жизни. Онъ не спрашивалъ себя, куда приведетъ его эта страсть, онъ только былъ счастливъ. Когда на другое утро баронъ зашелъ за нимъ для обычной прогулки, у Роберта было особенно радостное лицо, и Арманъ невольно спросилъ, что съ нимъ случилось?

— Ничего. Весна дѣйствуетъ!

Минутъ черезъ десять они были въ лѣсу—и Арманъ былъ достаточно опытенъ, чтобы не нуждаться въ объясненіяхъ. Они встрѣтили Лену, которая однимъ взглядомъ такъ пригласила Роберта ѣхать рядомъ съ нею, что Арманъ понялъ все, и на половинѣ дороги, подъ предлогомъ какого-то дѣла, уѣхалъ обратно въ Парижъ. Молодые люди ѣхали шагомъ, перебрасывались пустыми фразами, между тѣмъ сердца ихъ были переполнены. Разставаясь, госпожа Реджи сказала де-Саллерну:

— Я каждый день дома между пятью и семью часами, но буду очень рада, если вы придете пѣсколько раньше.

— Сегодня можно? — быстро отвѣтилъ принцъ.

И за полчаса до назначеннаго времени принцъ сидѣлъ подлѣ Лены въ хорошенькомъ японскомъ будуарѣ, въ которомъ она обыкновенно почти никого не принимала. Онъ долженъ былъ разсказать ей свое одинокое и печальное дѣтство, свою жизнь юноши подъ надзоромъ священника въ громадномъ господскомъ замкѣ, имѣя одного только товарища игръ и ученія; какъ все это сдѣлало его почти нелюдимымъ, заставило избѣгать дружбы. Она ласково, какъ сестра, пожалѣла его, оставивъ свои руки въ его рукахъ. Робертъ едва удержался, чтобы не обнять ее. Конечно, Лена не оттолкнула бы его, — замѣтивъ, какъ онъ вдругъ отодвинулся отъ нея, она вспыхнула и пристально посмотрѣла на него, взяла его голову обѣими руками и вѣжно поцѣловала его въ лобъ, когда же онъ хотѣлъ обнять ее, она убѣжала со словами:

— Завтра я танцую и никого не принимаю, но вечеромъ въ театрѣ, не правда ли?

Съ этого дня Робертъ часто встрѣчалъ Лену, но увѣрившись въ ея расположеніи къ нему, бывалъ у нея съ другими гостями, а никогда не искалъ встрѣтить ее одну. Обдумавъ все, онъ рѣшилъ, развѣ не можетъ играть первую роль у Реджи, потому что бѣденъ, будетъ недостойно его имени и его любви играть вторую. И несмотря на то, что онъ встрѣчалъ ее почти каждый день, несмотря на то, что охватывающая страсть охватывала его при всякомъ прикосновеніи ея руки, онъ старался пѣтѣмъ не выказывать своей любви. Но эта сдержанность не обманывала Лену, она была увѣрена въ любви де-Саллерна, и несмотря на все нетерпѣніе пасть въ борьбѣ, — въ которой паденіе всегда равняется побѣдѣ, она ждала, гордая любовью этого двадцати-семилѣтняго красавца, носящаго одно изъ самыхъ знатныхъ именъ Франціи. Повторя иногда про себя это имя: «принцъ де-Саллернъ-Монсерратъ», она вспоминала нѣкоторыхъ подругъ по искусству, — танцовщицъ, какъ и она, кончившихъ знатными супружествами, — вышедшихъ замужъ за принцевъ, герцоговъ и даже лицъ королевской крови, — а известная Элиза Генцлеръ была даже супругой Фердинанда, короля Португальскаго. И она шептала:

— Кто знаетъ! Кто знаетъ!

Въ такомъ положеніи находились дѣла до послѣдняго разговора Роберта съ Арманомъ де-Марга. Давъ своему родственнику совѣтъ жениться на милліонѣхъ, онъ не зналъ одного обстоятельства, благодаря которому этотъ совѣтъ нашелъ откликъ въ сердцѣ принца; — въ это самое утро принцъ получилъ отъ Лены слѣдующую записку:

«Дорогой принцъ, неужели я должна сказать прости нашимъ милымъ бесѣдамъ съ вами? Не хотите ли продолжать нашъ разговоръ съ той самой фразы, на которой онъ прервался мѣсяцъ тому назадъ? Сегодня у меня должны были обѣдать нѣсколько человѣкъ, но я слишкомъ много думала о васъ и послала сказать моимъ приглашеннымъ, что у меня болитъ голова. Но одной обѣдать мнѣ скучно... Будьте спокойны, слуги всѣ будутъ дома и мы будемъ обѣдать въ столовой. Лена».

Вотъ почему Робертъ по ухотѣ Марга воскликнулъ:

— Еслибы онъ зналъ, какъ я ее люблю!

Онъ взялъ записку Реджи, перечелъ ее чуть не въ десятый разъ и, сѣвъ къ роскошному, старинному письменному столу, написалъ:

«Ваше божественное письмо свело меня съ ума отъ радости! Нѣтъ, вы не будете обѣдать въ одиночествѣ! До свиданія! Робертъ».

И позвавъ лакея, онъ приказалъ ему отнести письмо по адресу. Затѣмъ, одѣвшись, онъ весело отправился пѣшкомъ съ нѣсколькими визитами. Прежде всего онъ зашелъ къ своему дядѣ, герцогу де-Можолю, который къ счастью не заговорилъ о театрѣ, Робертъ

былъ такъ еще неопытенъ, что не сумѣлъ бы скрыть своихъ чувствъ. Послѣдній визитъ его былъ графинѣ де-Пенгре, которую онъ засталъ одну съ отцомъ Армана.

Графинѣ было лѣтъ сорокъ пять; хороша она никогда не была, но всегда была очень соблазнительна. Ея любовныя похождения нельзя было даже счесть. Кокетка, она страшно наряжалась и тратила много, и такъ какъ ея мужъ, много проигрывавшій, часто отказывалъ ей въ деньгахъ, она спекулировала, сватала за деньги. Все это она продѣлывала весело и съ большимъ остроуміемъ, такъ что на нее нельзя было сердиться.

Когда принцъ вошелъ, собесѣдники говорили объ энтузізмѣ, съ которымъ парижане принимаютъ иностранцевъ; баронъ де-Марга находилъ это предосудительнымъ, но графиня Генриетта была въ восторгѣ отъ иностранцевъ.

— Къ жные американцы невозможны, это настоящіе разбойники, — говорилъ баронъ, — но и сѣверные не лучше. Они знаютъ одно только качество, «сколько вы стоите?» Нравственность ихъ лицемеріе. Свобода? — рабство для черныхъ и бѣдныхъ. Янки дасть милліонъ на постройку музея, больницы или чего-нибудь подобнаго, потому что объ этомъ будутъ говорить въ газетахъ, но откажутъ въ десяти долларахъ отцу семейства, умирающему съ голоду.

— Конечно, есть люди, жертвующіе деньгами изъ тщеславія, но есть и добрыя души, помогающія втихомолку.

— И вы вѣрите?

— Я не вѣрю, я знаю.

Но баронъ Марга оставался при своемъ мнѣніи.

— Не вѣрь этимъ людямъ, Робертъ, — сказалъ онъ, — вся ихъ мораль заключается въ трехъ словахъ: «Дѣло есть дѣло».

— Очень хорошо, — замѣтилъ принцъ.

— Я три года прожилъ въ Санъ-Франциско съ этими проклятыми янки. Всякая перемена погоды всегда мнѣ ихъ напоминаетъ, благодаря пулѣ, которую одинъ изъ нихъ всадилъ мнѣ въ грудь.

— Да, Рауль поразсказалъ мнѣ о вашихъ походахъ тамъ. Но согласитесь, что искатели счастья въ Калифорніи ни въ какомъ случаѣ не могли принадлежать къ сливкамъ общества. А молодые люди, подобно вамъ и Раулю, отправлялись туда, чтобы получить отца, мать.

— Пожалуй, что такъ.

— Слѣдовательно, вы не имѣете понятія о настоящихъ американцахъ. Въ американской колоніи, въ Парижѣ, вы найдете людей серьезно образованныхъ, ученыхъ, прекрасно воспитанныхъ; найдете прелестныхъ молодыхъ дѣвушекъ; да, между прочимъ, я любовалась тамъ такой воспитанной герцогиней, какой бы я желала видѣть принцессу де-Саллернъ. Это герцогиня де-Сабріа. Мужъ ея итальянецъ, принадлежитъ къ знатной фамилии князей Мазерильо, а она американка.

У РУЧЬЯ. СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА О. ГРУШИГЪ.

Доморощенные виртуозы. Съ картины художника Циеланда.

— Должно быть ее отецъ далъ за ней огромное приданое!

— Очень возможно, я не знаю. А ты что же, Робертъ, имѣешь намѣреніе оставаться вѣчнымъ холостякомъ? Арманъ увѣрялъ меня на дняхъ, что ты далъ обѣщаніе никогда не жениться.

— Арманъ говоритъ вздоръ. Конечно, я не тороплюсь.

Принцъ де-Саллернъ произнесъ эти слова такимъ страннымъ тономъ, что графиня де-Пенгре взглянула на него съ удивленіемъ, а баронъ весело спросилъ:

— Ты нашелъ занятіе поинтереснѣе? Что она, хорошенькая?

— Вы не скромны,—замѣтила графиня,—вы сконфузили Роберта.

Робертъ дѣйствительно сильно покраснѣлъ, но все же съ нѣкоторою увѣренностью сказалъ:

— Я нисколько не сконфузился. Но меня дѣйствительно трудно женить; я не хочу жениться на первой попавшейся особѣ, на нерви.

— Что ты называешь жениться на первомъ? Жениться на дѣвушкѣ не дворянкѣ?

— Именно!

— Но это глупо!

— Вы тоже говорите, что и вашъ сынъ.

— Я очень радъ; я не думалъ, что онъ такъ уменъ.

— Еще сегодня онъ бранилъ меня, что я не хочу жениться на дѣвицѣ Олимпіи Грумеръ, еврейкѣ, даже не смотря на то, что у нея шесть милліоновъ приданого. Онъ прибавилъ, что готовъ жениться на мусульманкѣ, будисткѣ, лишь бы у нея были деньги.

— Арманъ практичный мальчикъ. Ты гдѣ вечеромъ? Увидишь его?

— Нѣтъ. Сегодня вечеромъ мы отправляемся въ разные стороны.

— А, у него пиковая дама, а у тебя дама сердца! Въ самомъ дѣлѣ, она хорошенькая?—спрашивалъ баронъ, удерживая де-Саллерна, который прощался.

Молодой человекъ высвободилъ руку.

— Ты напрасно такъ скрытничаешь, если она хорошенькая, ее скоро узнаютъ. Хорошенькую любовницу всегда показываютъ.

Графиня де-Пенгре проводила Роберта до дверей и шепнула ему:

— А еслибы дѣвица Грумеръ не была еврейка?

— Тогда не знаю,—сказалъ принцъ, смѣясь.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою. До какого часа я могу застать тебя завтра?

— Я вернусь домой послѣ утренней прогулки и не уйду раньше трехъ.

— Въ два часа я буду у тебя.

Саллернъ поцѣловалъ руку графини и, поклонившись еще издали барону, вышелъ. Баронъ былъ заинтригованъ ихъ таинственнымъ разговоромъ и прощесски спросилъ:

— Что, вы еще не отказываетесь отъ намѣренія его женить?

— Неизмѣнно. У меня въ виду прелестная и чрезвычайно богатая американка.

— Откуда вы ее выкопали?

— Пока не скажу.

— Какъ это Рауль позволяетъ вамъ заниматься сватовствомъ?

— А ему что до этого? Онъ такъ несчастливъ въ игрѣ и такъ много проигрываетъ, что мы давно были бы разорены.

— Проигрываетъ! Даже не смотря...?

— Господинъ баронъ де-Марга, вы дерзки!

— Но всегда твой старый другъ... И много приносить тебѣ твое сватаніе?

— Довольно!

— Ну, тогда ты права. Поѣду въ клубъ, къ Раулю.

— Который вѣчно проигрываетъ, какъ вы выигрываете; какъ вы это дѣлаете?

— Я пересталъ быть счастливымъ въ любви!

— Какая у васъ сегодня память, Пьеръ!

— Ты недовольна?—И баронъ нѣжно сжалъ руки графини.

— Бѣдный Рауль!—вскричали оба въ одинъ голосъ.

Графиня осталась одна, нѣжно,—хотя это были только воспоминанія,—простившись съ барономъ. Ее въ данную минуту занималъ только де-Саллернъ.

— Отъ этой онъ навѣрное не откажется,—подумала она.

Тѣмъ временемъ принцъ медленно, планируя, подходилъ къ дому въ улицѣ Габріель. Быстро взбѣжавъ по второй этажъ, онъ въ перѣшнелости остановился передъ дверями.

Роскошь лѣстницы, покрывавшая ее ковра, изящныхъ перилъ, нѣсколько обезпокоили его. «Это глупо»,—проговорилъ онъ про себя и поспѣшно позвонилъ. Дверь немедленно отворилась, и солидный метръ-д'отель, не спрашивая, молча, проводилъ его въ гостиную, гдѣ на порогѣ другой двери показалась Лена, въ капотѣ изъ бѣлаго сюра съ кружевами. Роскошные волосы были свернуты на затылкѣ жгутомъ. Онъ бросился къ ней, взявъ обѣ ея руки и, глядя ей въ глаза, сказалъ:

— Какъ вы хороши и какъ я васъ люблю!

— Наконецъ!—вскричала она, обнимая его.

Онъ поднялъ ее за талию и почти унесъ въ японскій будуаръ, въ которомъ, мѣсяцъ тому назадъ, у него еще было достаточно энергіи сопротивляться соблазну. Будто опьянѣвшая, она только повторяла: «Наконецъ!»

Въ этотъ день де-Саллернъ поздно вернулся въ свой дворецъ, который уже не казался ему такимъ пустымъ,—мысль о Ленѣ наполнила его. На минуту онъ заѣзжалъ въ клубъ, гдѣ написалъ Арману слѣдующую записку:

«Ты говоришь, что очень легко взять взаимъ двѣсти тысячъ. Найди ихъ мнѣ, дорогой кузенъ; приходи ко мнѣ завтракать, сообщивъ результатъ поисковъ.»

Преданный тебѣ Робертъ.

Въ это-же самое время Лена, опираясь на кружевные подушки, побѣдоносно улыбалась, говоря про себя:

— Бѣдный Моріесъ! Что съ нимъ дѣлать?

Робертъ долженъ быть ревнивъ! Ну, этотъ добрякъ Юліусъ еще разъ уступить!

И нѣжась на тонкомъ бѣлѣ, она скоро заснула.

На другое утро Робертъ проснулся около десяти часовъ утра, поспѣшно всталъ, веселый, довольный, счастливый и отправился въ цвѣточный магазинъ, откуда отправилъ Ленѣ роскошный букетъ розъ и бѣлой сирени съ своей карточкой, на которой приписалъ къ своему имени «обожаящій тебя». Вернувшись домой, онъ приказалъ посыпать пескомъ дворъ и убрать растеніями и цвѣтами громадную сѣни дворца, чтобы придать ему праздничный видъ. Вѣдь Лена, хотя и отсутствующая, обитала въ немъ.

Когда, на основаніи полученнаго приглашенія, Арманъ явился къ завтраку, онъ не узналъ своего кузена, такой у него былъ радостный видъ, и догадался, что должно быть тотъ послѣдовалъ одному изъ его совѣтовъ, на что, впрочемъ, ясно указывало желаніе имѣть большую сумму въ своемъ распоряженіи.

— Захотѣлось, наконецъ, пожить?—спросилъ онъ его со смѣхомъ, — черезъ два дня ты получишь желаемую сумму,—6% и небольшая ипотека на благородный дворецъ Саллернъ-Монсерратовъ.

— Благодарю, — отвѣчалъ Робертъ, нѣсколько краснѣя при мысли, что старинное фамиліное жилище будетъ принадлежать ему только на половину.

— Давай завтракать, я изголодалъ множество лѣстницъ, усталъ и голоденъ.

Принцъ позвонилъ и приказалъ подавать завтракъ. Принимаясь за закуску, баронъ спросилъ, подобно своему отцу наканунѣ:

— Хорошенькая? Брюнетка или блондинка? Свѣтская дама или дама полусвѣта? Впрочемъ, это нескромно, не отвѣчай на мои вопросы. Я и такъ все узнаю сегодня вечеромъ, въ клубѣ или оперѣ, если только ты не полюбилъ какую-нибудь гризетку, по въ такомъ случаѣ, не было-бы надобности въ двухъ стахъ тысячахъ.

— Съ твоей стороны нѣтъ никакой нескромности,—сказалъ Робертъ, глазами указывая на стараго лакея,—я тебѣ сейчасъ все разскажу.

Все время завтрака молодые люди говорили о различныхъ малоинтересныхъ пустякахъ, но въ курительной, куда Баптистенъ подалъ имъ кофе, Арманъ ушелся покойно въ большомъ креслѣ, закурилъ сигару и насмѣшливо-вопросительно взглянулъ на Роберта.

— Другъ мой,—откровенно отвѣчалъ тотъ,—мнѣ нужно двѣсти тысячъ франковъ потому, что я вчера обѣдалъ у Лены, и пришелъ къ ней въ шесть часовъ вечера, а ушелъ въ два часа утра. Понимаешь...

— Нѣтъ надобности въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ. Поздравляю, отъ души поздравляю! Ты въ самомъ дѣлѣ былъ жестокъ съ этой прелестной балериной!

— Я попрошу тебя еще объ одной услугѣ.

— Какой? Убить Моріеса? Бѣдный Моріесъ!

— Ты съума сойтишь! Убить его я и самъ сумѣю, едва онъ будетъ мнѣ мѣшать.

— Ты этой глупости не сдѣлаешь! Такъ въ чемъ-же услуга?

— Позволь одинъ вопросъ? Правда, что ты счастливъ въ игрѣ?

— Да, чаще выигрываю, чѣмъ проигрываю. Я не скрываю этого. И мнѣ это нужно, чѣмъ тебѣ,—я вѣдь много бѣдѣю тебя, а мой драгоценный родитель не станетъ разоряться, чтобы сдѣлать меня богаче. Отдашь мнѣ наслѣдство послѣ моей матери, онъ мнѣ прямо сказалъ, чтобы я на него не рассчитывалъ.

— Что-же ты дѣлаешь, чтобы выигрывать?

— Тебя что-же это такъ интересуетъ, ты вѣдь не играешь?

— Хочу начать.

— Въ такомъ случаѣ,—играй спокойно, безъ увлеченія, отложи въ сторону всякій порывъ тщеславія, всякое великодушное чувство, изучи партію, прежде чѣмъ примешь въ ней участіе, не торопись. Кто приходитъ въ клубъ и даетъ себѣ десять минутъ времени, чтобы выиграть сто лундировъ, тотъ навѣрное проигрываетъ. Нужно выждать, чтобы противникъ взволновался, потерялъ голову, умѣть перестать играть, если силы равны. Никогда не играть съ безденежнымъ противникомъ. Я играю, когда въ моемъ распоряженіи много времени, и кромѣ того, больше извѣстной суммы не проигрываю, но за то выигрываю сколько придется. Самое лучшее время для игры ночь, когда останется нѣсколько заравнившихся игроковъ, усталыхъ, измученныхъ,

не сознающихъ цѣны денегъ,—тутъ можно много выиграть, но зачѣмъ тебѣ все это?

— Я хочу, чтобы ты меня записалъ членомъ въ твой клубъ.

— Хорошо, мы съ графомъ Пенгре запишемъ тебя. Но... Къ тебѣ гости?

У парадной двери раздался звонокъ.

— Графиня де-Пенгре, — отвѣчалъ Робертъ, — я совсѣмъ забылъ объ ней.

— Какъ забылъ?—спросилъ баронъ.

— Да, она сказала мнѣ вчера, что хочетъ сообщить мнѣ очень интересную вещь и придетъ сегодня въ два часа.

— Онъ хочетъ предложить тебѣ какую-нибудь новую Олимпию Грумеръ.

— Не во-время!

— Напротивъ, только съ дѣвцами Грумеръ можно...

— Ты циникъ. Молчи, она!

Баптистенъ отворилъ дверь и, пропуская графиню, доложилъ:

— Госпожа графиня де-Пенгре.

Принцъ поцѣловалъ у нея руку; увидавъ Армана, она вскричала:

— Какъ, и ты здѣсь, шалунъ?

— Вы мнѣ льстите, кузина, — возразилъ де-Марга, подвигая ей кресло. — Позвольте предложить вамъ сигаретку... чашечку кофе?

— Ни того, ни другого; мнѣ нужно переговорить съ Робертомъ объ очень серьезныхъ вещахъ.

— Въ такомъ случаѣ, я лишній?

— Можетъ быть! Впрочемъ, нѣтъ. Ты можешь дать хорошій совѣтъ моему упрямцу кузену.

— Я къ вашимъ услугамъ, кузина, — сказалъ заинтересованный Саллернъ.

— Милѣйшій Робертъ, у меня есть для тебя великолѣпнѣйшая партія.

— Я не имѣю ни малѣйшаго расположенія жениться.

— Дорогой мой, женятся не потому, что расположены жениться! Женятся по любви, по разуму или изъ честолюбія. Будь настолько благоразуменъ, послушай меня. Я предлагаю тебѣ невѣсту, которой восемнадцать лѣтъ отъ роду, она красавица, превосходно воспитана, очень образована, католичка. По отцу американка, по матери французка изъ Канады. Зовутъ ее Джэнь и у нея двѣнадцать милліоновъ приданого. Отецъ ея, — она единственная дочь, — одинъ изъ богатѣйшихъ промышленниковъ Чикаго. У него около ста двадцати милліоновъ. Онъ владѣетъ фабриками, заводами, желѣзными дорогами, банками, пароходами, газетами и т. д. Что ты на это скажешь, дорогой принцъ?

— Черезчуръ хорошо! — сказалъ де-Саллернъ, потерявшій нѣсколько свое хладнокровіе при перечисленіи богатствъ американки; — я думаю, ни эта дѣвица, ни ея отецъ не захотятъ взять меня.

— Отецъ, господинъ Максимъ Гаррисъ, прекрасный человекъ, проникнутъ одной только идеей: сдѣлать изъ своей дочери знатную особу и непременно французенку. Кажется, покойная мать дѣвцы Гаррисъ мечтала выдать свою дочь непременно за француза.

— Превосходная женщина! — замѣтилъ Арманъ. — Робертъ, желаніе покойницы священо...

— Замолчи; конечно, ты бы ни на минуту не задумался жениться на миссъ Джэнь.

— Полагаю! Но мнѣ въ нѣкогда ничего подобнаго не предложите! Двѣнадцать милліоновъ!!

— Ты видишь только красоту денегъ! Но, Робертъ, взгляни на красоту дѣвушки.

Графиня достала изъ-за корсажа фотографію и показала ее де-Саллерну; онъ былъ пораженъ, узнавъ въ ней молодую амазонку, которую нѣсколько разъ встрѣчалъ въ лѣсу и восхищался ея красотой, несмотря на всю свою страстную любовь къ Ленѣ Реджи. Арманъ посмотрѣлъ на фотографію изъ-за плеча кузена и вскричалъ:

— Восторгъ! Головка мадонны! Какое нѣжное выраженіе! И двѣнадцать милліоновъ! Что, отецъ ея не удовольствуется барономъ?

— Ему нуженъ принцъ, мой бѣдный другъ! Что скажешь, Робертъ?

Де-Саллернъ машинально передалъ фотографію Арману и задумался. Опомнившись, онъ сказалъ:

— Эта молодая дѣвушка очень хороша и достойна занять мѣсто въ нашемъ обществѣ, но я не могу ничего сказать, не подумавъ. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія жениться.

— Двѣнадцать милліоновъ приданого! — въ восторгѣ прервалъ его Арманъ, не спускавшій глазъ съ фотографіи и глазами и губами посылавшій ей поцѣлуи. — Я не понимаю тебя, Робертъ.

— Какъ, послѣ того, что ты знаешь? — нетерпѣливо спросилъ принцъ.

— Именно потому я тебя не понимаю!

— Ты съума сошелъ! Притомъ, дорогая графиня, вы располагаете дѣвицей?.. Дѣвицей?

— Джэнь Гаррисъ, — вскричалъ баронъ, — у меня память лучше!

— Вы располагаете дѣвицей Гаррисъ чересчуръ легкомысленно. Я допускаю, что ей хочется быть принцессой, но она можетъ не захотѣть такого принца, какъ я.

— Она ничего не знаетъ. Она выйдетъ замужъ за того, за кого ее выдастъ отецъ. Это весьма почтительная и покорная дочь!

— Дайте мнѣ подумать, графиня. Еще одно: этотъ милліонеръ-отецъ захочетъ богача-зятя?

— Господинъ Гаррисъ знаетъ, что принцъ, о которомъ ему говорили, не богатъ. Если будущій зять ему понравится, онъ даже дастъ ему еще милліонъ на обзаведеніе и подарки.

— Да это ангелъ, этотъ янки! ура! — закричалъ баронъ, — а мой отецъ такъ бранитъ американцевъ!

— Онъ, такъ же, какъ и мой мужъ, знавалъ ихъ только въ Калифорніи, ну, а тамъ, конечно, Максимы Гаррисы не встрѣчались. Какъ она ошибалась!

— Подумай, Робертъ, — прибавила она, вставая, — и поторопись. Ты знаешь, у меня не мало наберется принцевъ, герцоговъ или маркизовъ, которые не откажутся отъ миссъ Джэнь.

— И ея двѣнадцать милліоновъ, — прибавилъ Арманъ, — двѣнадцать милліоновъ плюсъ одинъ! Этотъ милліонъ-плюсъ очень милъ.

— Напиши или приходи самъ, — говорила между тѣмъ де-Саллерну графиня, поправляя шляпу. — Поторопись только.

И, пожавъ ему руку, она сказала Марга:

— До свиданія, достойный сынъ своего отца!

Съ этими словами она, какъ молоденькая дѣвушка, выпорхнула изъ курительной.

— Какъ она кстати явилась, — замѣтилъ баронъ по ея уходѣ.

— Ты находишь? Не согласенъ.

— Какія глупости! Ты можешь жениться на прелестной дѣвушкѣ, имѣть полъ-милліона годового дохода, не считая случайностей: различныхъ праздниковъ, годовщинъ.

— Ты забываешь...

— Что?

— Ты забываешь Лену!

— Нисколько! По прослѣди мою мысль, я говорю очень серьезно. Ты обожаешь Лену и ты правъ, она прелестна. Но можешь ли ты сказать, какъ долго продолжится твоя страсть? Ты увлекся ею по многимъ причинамъ, — ты слишкомъ долго держался въ сторонѣ отъ всякихъ подобныхъ увлеченій; но кто можетъ ручаться, что ты не разочаруешься очень скоро въ Реджи?

— Я люблю Лену больше, чѣмъ ты думаешь, и чувствую, что моя любовь можетъ только усилиться.

— Я и съ этимъ согласенъ! Но что ты станешь дѣлать, истративъ занятія тобою деньги?

— Возьму въ займы еще столько-же.

— Превосходно! Ты скушаешь твой дворецъ и твой капиталъ, а тогда что? Вѣдь этого всего не надолго хватитъ. Будешь ли ты тогда любить Лену или нѣтъ, это безразлично, но что ты тогда станешь дѣлать?

— Ты правъ!

И принцъ въ отчаяніи бросился въ кресло. Арманъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— На твоёмъ мѣстѣ, я сейчасъ бы написалъ Генриеттѣ и попросилъ бы ее заняться сватовствомъ. А пока я бы обожалъ прелестную жонку, я щедро разстался бы съ своей возлюбленной, или не бросилъ бы ее, смотря по обстоятельствамъ, но во всякомъ случаѣ такъ устроилъ, чтобы принцесса де-Саллернъ-Монсерратъ считала себя счастливѣйшей женщиной.

— А если Лена разсердится, узнавъ, что я женюсь?

— Ты скажешь ей, что у твоей будущей жены двѣнадцать милліоновъ приданого, плюсъ тринадцатый, которымъ ты можешь располагать по усмотрѣнію...

— Ты самъ діаволъ! Пусть будетъ по твоему! Зайди къ графинѣ и скажи ей все, что тебѣ будетъ угодно.

— Завтра ты получишь твои двѣсти тысячъ, меньше чѣмъ половину того, что ты будешь имѣть черезъ нѣсколько недѣль; — я знаю графиню, она поведетъ дѣло быстро.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Ксилолитъ, его составъ и примѣненіе.

Стремленіе сдѣлать насколько возможно наши жилища безопасными въ пожарномъ отношеніи, заставляетъ приискивать различные способы къ полному удаленію обыкновеннаго строительнаго матеріала — дерева, или обращенію его въ безопасный, негорюемый. На это особенно слѣдуетъ обратить вниманіе въ Россіи, гдѣ такъ часто выгораютъ не только цѣлыя села, но и города; а всевозможныя изобрѣтенія негорюемыхъ составовъ, негорюемыхъ крышъ бывають мало удачны. Изобрѣтеніе какого-нибудь матеріала, который бы вполнѣ замѣнилъ наши строительные матеріалы, можетъ принести громадную пользу. Съ деревомъ приходилось до сихъ поръ мириться потому, что нашъ климатъ требуетъ болѣе теплыхъ половъ, а при другомъ матеріалѣ этого достичь нельзя, и въ дѣйствительности замѣнить его было нечѣмъ. Но лѣтъ десять тому назадъ найденъ продуктъ, прекрасно замѣняющій дерево и болѣе сохраняющій тепло, — это ксилолитъ (древово-камень). Ксилолитъ есть соединеніе древесныхъ опилокъ съ минералами и обладаетъ всѣми качествами дерева и крѣпкаго камня, не имѣя ихъ недостатковъ. Конечно, въ яв-

стоящее время приготовленіе его обходится еще чрезвычайно дорого, но при большемъ требованіи на матеріалъ, несомнѣнно должно удешевиться и самое его производство.

Составъ и способъ соединенія ксилолита открыты еще въ 1883 году, но производство его ограничивалось небольшими количествами, потому что сопровождалось значительными трудностями и требовало большихъ затратъ для устройства фабрикъ. Наконецъ многочисленные опыты привели къ значительному улучшенію и удешевленію производства и въ 1887 году, въ Дрезденѣ въ Потшпелѣ, была открыта первая фабрика ксилолита. Произведенный на ней ксилолитъ въ 1888 году былъ подвергнутъ изслѣдованіямъ, давшимъ блестящіе результаты. Ксилолитъ выдерживаетъ силу давленія, равную 854 килограммамъ (52 пуда) на одинъ квадратный сантиметръ ($\frac{1}{4}$ вершка); слѣдовательно, въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на одной ступени съ лучшими сортами-гранита. Крѣпость его выше крѣпости всякаго камня. При изслѣдованіи прочности оказалась потеря въ 7,7 кубическихъ сантиметровъ, между тѣмъ, какъ при изслѣдованіи прочности различныхъ сортовъ гранита, въ среднемъ потери равнялась 8,3 кубическимъ сантиметрамъ. Опыты, произведенные надъ степенію стойкости ксилолита относительно различной погоды и огня, дали самое благоприятные результаты, — при чемъ оказалось, что погода не имѣетъ на него никакого вліянія, и что онъ не загорается отъ дѣйствія самаго сильнаго огня. Различныя крыши покрывались ксилолитомъ и зажигались, и не было случая, чтобы ксилолитъ горѣлъ отъ дѣйствія слишкомъ сильнаго огня, онъ только слегка обугливался; но едва огонь тушили, онъ не тлѣлъ. Несомнѣнно, что ксилолитъ весьма пригодный матеріалъ для покрышки крышъ, для устройства лѣстницъ, брандмауэровъ, вообще для всякихъ такихъ построекъ, гдѣ требуется особая безопасность отъ пожара. Употребленный для настлѣки пола, ксилолитъ не пропускаетъ сырости, не трескается и, вообще, чрезвычайно проченъ.

Кромѣ древесныхъ опилокъ въ составъ его входитъ, главнымъ образомъ, магній, получаемый изъ магнезита, который добывается на островѣ Елбеѣ. Магнезитъ (углекислый магній) доставляется большими массами, которые дробятся на фабрикахъ на мелкіе куски, не больше орѣха. Послѣ чего магнезитъ раскаляется въ ретортныхъ печахъ жаромъ въ 1800° Ц. (1440° Р.), отъ чего углекислота улетучивается до минимума. По охлажденіи магнезитъ посредствомъ дробильной машины обращается въ порошокъ, который просѣивается сквозь цилиндрическое сито. Приготовленный такимъ образомъ магній въ мѣшалкѣ плотно соединяется съ хлористымъ магнезіемъ и одновременно получаетъ окраску. Эта смѣсь прибавляется къ особо приготовленному въ комбинированной толчеѣ и мѣшалкѣ древеснымъ опилкамъ, которые ее въ такой степени поглощаютъ, что масса, готовая для формовки, кажется совершенно сухой. Формы, назначенныя для формовки, дѣлаются изъ чугуна и такъ устроены, что въ каждой можетъ быть приготовлено отъ 20—50 пластинъ, смотря по ихъ толщинѣ. Пластины въ такомъ случаѣ перекладываются стальными досками. Послѣ предварительнаго прессованія наполненныя формы идутъ подъ гидравлическій прессъ громадной тяжести. Здѣсь масса сжимается подъ давленіемъ 400 атмосферъ и остается подъ этимъ давлѣ-

ніемъ отъ 24—30 часовъ до полной связки. Связующій процессъ происходитъ при развитіи такого сильнаго жара, что даже формы накаляются. Вынутыя изъ формъ по охлажденіи, пластины еще не вполне готовы для употребленія, ихъ слѣдуетъ на машинахъ обрѣзать правильными углами и по извѣстной мѣркѣ. Прессуются только два большихъ формата, но для примѣненія ихъ въ дѣло требуется нѣсколько форматовъ различныхъ величинъ, для этого пластины распиливаются отчасти круглыми пилами, отчасти особыми, приспособленными для этой цѣли машинами. Это самая дорогостоящая часть работы, потому что самые прочные ножи и пилы изъ литой стали не выдерживаютъ и быстро тупятся, такъ что для распиливанія болѣе толстыхъ пластинъ приходится употреблять алмазные пилы.

Цѣли примѣненія ксилолита весьма обширны, но распространеніе всего его примѣненіе въ постройкахъ, здѣсь онъ занимаетъ первое мѣсто, какъ матеріалъ для устройства половъ, особенно въ такихъ зданіяхъ, гдѣ необходимо существованіе очень теплыхъ и прочныхъ настилокъ. Далѣе ксилолитъ даетъ превосходный матеріалъ для настлѣки огнестойкихъ лѣстницъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и желѣзныхъ. Для возведенія цѣлыхъ строеній по особой системѣ ксилолитъ долженъ быть вполне пригоденъ, особенно для возведенія строеній, могущихъ выдерживать землетрясеніе. По этой системѣ какъ возведеніе, такъ и случайная разборка зданія производится быстро и безъ малѣйшей потери матеріала. Постройки изъ ксилолита производятся вполне сухимъ способомъ и могутъ быть немедленно заняты жильцами безъ малѣйшаго вреда для здоровья, тѣмъ болѣе, что ксилолитъ весьма плохой проводникъ тепла и потому можетъ сопротивляться жару и холоду не хуже всякой толстоствѣнной массивной постройки.

Въ Германіи ксилолитъ нашелъ себѣ примѣненіе даже въ военномъ флотѣ. Война японцевъ и китайцевъ указала на легкую воспламеняемость деревянныхъ частей въ броненосныхъ судахъ отъ взрыва гранатъ, кромѣ еще опасности для людей отъ разлетающихся во все стороны щепъ съ палубы и другихъ деревянныхъ частей. Первый опытъ производится надъ броненоснымъ кораблемъ «Одинъ» и именно на желѣзныхъ палубахъ будетъ положена обшивка изъ ксилолита.

Ксилолитъ можетъ еще играть большую роль въ примѣненіи къ техническимъ или хозяйственнымъ цѣлямъ, на примѣръ въ видѣ досокъ для электрическихъ приводовъ, столовъ въ лабораторіяхъ (ксилолитъ не портится отъ вліянія кислотъ и щелочей), вставокъ въ желѣзные шкафы и шкатулки; ксилолитъ легче предупредить сгораніе бумагъ въ нихъ, чѣмъ всякіе изолирующія средства. Всѣхъ способовъ примѣненія ксилолита въ технической области не перечислить, онъ пригоденъ и на желѣзныхъ дорогахъ и въ военныхъ полевыхъ работахъ, школахъ, больницахъ. Въ больницахъ онъ еще тѣмъ пригоднѣе, что на немъ бактеріи гибнутъ, а не развиваются. Однимъ словомъ, этотъ продуктъ найдетъ себѣ мѣсто вездѣ, гдѣ требуется прочность, безопасность, чистота, — къ сожалѣнію, еще нельзя сказать, чтобы производство его отличалось въ настоящее время особой дешевизной, хотя къ этому нужно стремиться.

В. Маревъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Лоцманскій домикъ въ шхерахъ. Съ картины профессора Л. Ф. Лагоріо (выставка картинъ въ Императорской академіи наукъ 1896 года).

Шхеры Финскаго залива изобилуютъ многими мелкими и вообще фарватеръ въ нихъ всегда прихотливъ и опасенъ. Поэтому, каждое судно неминуемо должно обращаться къ лоцманской помощи. На новой картинѣ профессора Лагоріо изображенъ скромный домикъ лоцмана на каменистомъ островкѣ. Вдали виднѣтся осторожно подходящій къ берегу корабль. Опытная кисть маститаго художника вадна въ каждомъ штрихѣ картины.

Шалости амура. Съ картины художника Э. Биссона.

Аллегорическая картина французскаго художника скопирована весьма интересно. Мы видимъ молодую красавицу, рвущуюся съ граціознымъ малюткой-амуромъ. Сердце веселой красавицы видимо еще не тронуту стрѣлою любви, иначе она не смѣлась-бы такъ безвѣчно. Но пусть она берется маленькаго проказника. Малютка-амуръ приноситъ чаще людямъ слезы, чѣмъ веселье!..

Колодецъ въ пустынѣ. Оригинальный рисунокъ художника Н. Н. Каразина.

Знакомъ средне-азиатской жизни Н. П. Каразинъ изображаетъ намъ ее въ массѣ иллюстрацій и въ цѣломъ рядѣ повѣстей. На этотъ разъ мы видимъ богато убраннаго верблюда съ тяжелымъ грузомъ. На «кораблѣ пустыни» сидитъ азиатская красавица. Проводникъ и потонщикъ верблюда, отставъ отъ каравана, отыскавъ знакомый колодецъ и спустился туда кожанное ведро на веревкѣ. Скоро холодная влага осыжитъ и людей, и измученное путемъ животное.

Съ завтракомъ въ полѣ. Съ картины художника М. Михая.

Мила и красива эта умненькая малютка, несущая подлинныя свои роднымъ, работающимъ въ полѣ. Быстро пробегаетъ она по межѣ среди спящаго хлѣба. Босые ножки торопливо бѣгутъ. Чай, работающіе очень устали и проголодались и съ нетерпѣніемъ ждутъ завтрака.. Въдѣ уже за полдень!.. И все быстрѣе спѣшитъ дѣвочка со своею корзинкой.

Грибники на привалѣ. Съ картины художника В. Голынского.

Въ праздничекъ, въ свободный денекъ цѣлкомъ вся крестьянская семья собралась въ лѣсъ за грибами, поутру пораньше. И дѣло пошло успѣшно. Полнымъ полнехоньки глубокіе кузовы. Грибовъ въ прохладномъ лѣсочкѣ видимо-невидимо. Около полдня «грибники» присѣли отдохнуть на лѣсной полянкѣ. Начался разборъ добычи и разговоры о ней. Жаркій день помучилъ-таки всѣхъ порядкомъ. Но зато хвалить связки грибовъ и на похлебку, и въ пироги, да еще для сушки останется.

У ручья. Съ картины художника О. Грушина.

«Рано! рано! Полянка въ туманѣ...
И къ рѣкѣ, потаенной тропой,
Дѣтъ пугливый, стройный лани
Въ это утро пришли къ водопю.

* *

Тянется влагой и сыростью свѣжей,
Небо ярко блеститъ синевой;
Хорошо здѣсь, у мшистыхъ прибрежій
Съ ихъ высокой, душистой травой!..»

Доморощенные виртуозы. Съ картины художника Цибланда.

Старая дудка и дребезжащая гитара составляютъ пѣсь оркестръ маленькой деревенской компаніи, изображенной нѣмецкимъ художникомъ. Но и эти нехитрые инструменты хорошо передаютъ простоту, знакомыя мелодіи. Весело летитъ старый плясовой мотивъ, знакомый еще съ юныхъ лѣтъ. Словомъ, въ скромномъ деревенскомъ домикѣ царитъ самое непринужденное веселье. Послѣднее еще помогаетъ, конечно, стаканчикъ другой мѣстнаго вина. Простыя пѣсни — веселыя пѣсни!..

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату.

Въ заботахъ объ облегченіи земледѣльческаго промысла и преуспѣяніи торговли и судоходства Нашего Отечества, въ память пребыванія Нашего на всероссійской художественно-промышленной выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, на главномъ сосредоточіи рѣчныхъ сообщеній имперіи, признали Мы, по представленію Нашего министра финансовъ, за благо отмѣнить съ 22-го сего іюля четверть-процентный судоходный сборъ съ цѣнности грузовъ и товаровъ, отправляемыхъ по воднымъ путямъ имперіи, поменованнымъ въ п. 3 ст. 87 уст. пут. сообщ., св. зак. т. XII ч. 1 и примѣчаніи 7-мъ къ сей статьѣ. Правительствующій Сенатъ не оставить сдѣлать къ исполненію сего надлежащія распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «НИКОЛАЙ».

Въ Нижнемъ-Новгородѣ,
17-го іюля 1896 года.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія.—Процессъ Джемсона кончился. Джемсонъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму — безъ обязательства работать — на 15 мѣсяцевъ; къ тюремному-же заключенію приговорены: майоръ Уиллогби на 10, майоръ Уайтъ — на 7 мѣсяцевъ и Ковентри, Грей и полковникъ Уайтъ — каждый на 5 мѣсяцевъ. Предсѣдатель суда выставилъ на видъ несомнѣнно военный характеръ экспедиціи Джемсона. На заявленіе защиты, будто экспедиція не имѣла цѣлью ниспровергнуть правительство Трансвааля, лордъ Руссель возразилъ, что вторженіемъ въ Трансвааль Джемсонъ имѣлъ въ виду насильственный переворотъ въ этой странѣ въ интересахъ другихъ лицъ и что, такимъ образомъ, экспедиція была направлена противъ дружественнаго съ Англіей государства.

— Лондонская «Pall-Mall Gazette» печатаетъ слѣдующее извѣщеніе: «Мы уполномочены заявить, что королева Викторія по личнымъ причинамъ очень огорчена пребываніемъ германскаго императора въ нынѣшнемъ году далеко отъ Коуса. Ежегодное присутствіе императора со времени его перваго официального посѣщенія считалось событіемъ

исключительно семейнаго характера и для королевы не имѣло никакого другого значенія. Очень возможно, что императоръ позже, но еще въ этомъ году, будетъ имѣть возможность встрѣтиться съ королевой, которая весьма высоко цѣнитъ такого рода періодическаго, что и достигнуто сегодня, въ 2 часа

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Контръ-адмиралъ Ф. К. Авеланъ.
Исправляющій должность начальника главнаго морскаго штаба.

ческіе и постоянно возобновляющіеся визиты членовъ ея семьи».

Швейцарія.—Въ субботу 13-го (25-го) іюля ночью, въ предмѣстьѣ «Aussersihl», одинъ городской житель былъ убитъ двумя итальянцами. Вслѣдствіе этого и по случаю другихъ выходокъ итальянцевъ, въ Цюрихѣ образовалось нѣчто въ родѣ добровольной охраны, которая вечеромъ-же, численностью въ нѣсколько сотъ человѣкъ, произвела погромъ итальянскихъ ресторановъ, при чемъ полиція не была въ состояніи приостановить ихъ. Въ воскресенье утромъ, двое итальянцевъ, заподозрѣнныхъ въ убійствѣ городского жителя, были сильно избиты собравшеюся большою толпою. Послѣ полудня около 300 буяновъ отправились ко многимъ итальянскимъ ресторанамъ, гдѣ они выбили двери и окна. Вслѣдствіе совершон-

наго итальянцами убійства, въ слѣдующіе дни вновь происходили серьезные безпорядки. По просьбѣ цюрихскихъ властей, военнымъ департаментомъ высланы войска, снабженные боевыми патронами, для возстановленія порядка, что и достигнуто сегодня, въ 2 часа ночи, безъ употребленія въ дѣло оружія. Арестовано 70 человѣкъ. 16-го (28-го) 1,500 итальянскихъ рабочихъ провели ночь за городомъ, близъ рощи, разведя костры и выставивъ караульных; итальянцы толпами уѣзжаютъ въ отдаленные города Швейцаріи или въ Италію. Въ городъ Цюрихъ вступили два батальона пѣхоты и отрядъ изъ 80 кавалеристовъ; войска заняли разныя пункты города. Правительство подъ угрозой наказанія, пригласило жителей не препятствовать дѣйствію полиціи. На улицахъ предмѣстья «Aussersihl» собралось много народа, но спокойствіе не было нарушено. Послѣ полудня 16-го (28-го) толпа погналась за двумя итальянцами; послѣдніе отстрѣливались револьверами и забѣжали по пути въ домъ, гдѣ были осаждены толпою, пока полиція не явилась къ нимъ на выручку.

Германія.—Въ «Имперскомъ Указателѣ» опубликована телеграмма императора Вильгельма па имя командующаго германскимъ флотомъ слѣдующаго содержания: «Преисполненный глубокою скорбью, прочелъ я извѣстіе о гибели канонерской лодки «Itis», потерпѣвшей при исполненіи служебныхъ обязанностей крушеніе у береговъ Ки-

тая со всѣми офицерами и болѣею частью экипажа. Потерялъ я много храбрыхъ людей, во главѣ которыхъ находился командиромъ офицеръ съ столь выдающимися способностями. Отечество будетъ скорбѣть вмѣстѣ со мною; флотъ будетъ хранить память о тѣхъ, для которыхъ до послѣдней минуты высшій долгъ состоялъ въ исполненіи своихъ обязанностей».

Абиссинія.—17-го (29-го) іюля. Совершивъ 45-ти-дневный путь, Леонтьевъ прибылъ въ Джипути съ 50 плѣнными итальянцами, отпущенными негусомъ Менеликомъ въ день Священнаго Коронованія. Городъ украсили флагами: состоялся торжественный банкетъ, на которомъ былъ провозглашенъ тостъ за Русскаго Царя. Остальные плѣнные итальянцы будутъ отпущены на свободу только послѣ подписанія мирнаго договора. Леонтьеву всѣмъ офицерами и болѣею частью экипажа. Потерялъ я много храбрыхъ людей, во главѣ которыхъ находился командиромъ офицеръ съ столь выдающимися способностями. Отечество будетъ скорбѣть вмѣстѣ со мною; флотъ будетъ хранить память о тѣхъ, для которыхъ до послѣдней минуты высшій долгъ состоялъ въ исполненіи своихъ обязанностей».

гусъ пожаловалъ титулъ графа. Плынные сданы на бортъ итальянскаго парохода майору Нераццини.

Сѣверо - Американскіе Соединенные Штаты.—Президентомъ Кливлендомъ издана прокламація, въ которой граждане Соединенныхъ Штатовъ призываются сохранять нейтралитетъ въ отношеніи къ происшествіямъ на островѣ Кубѣ, предупреждая, что виновные въ нарушеніи нейтралитета будутъ подвергнуты строгому наказанію.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Нижнемъ Новгородѣ.—17-го іюля, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Оеодоровна и Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ прибыли въ Нижний-Новгородъ. Въ 10 час. утра Императорскій поѣздъ прибылъ въ Нижний-Новгородъ. Музыка заиграла встрѣчу. Раздалась команда на караулъ. При выходѣ Государя Императора изъ салонъ-вагона знамя плавно склонилось. Выйдя изъ вагона, Государь Императоръ былъ встрѣченъ начальникомъ губерніи генералъ-лейтенантомъ П. М. Барановымъ, министрами и всеми собравшимися высокопоставленными лицами.

Съ вокзала Ихъ Императорскія Величества проѣхали въ Кремль, гдѣ въ Спасо-Преображенскомъ кафедральномъ соборѣ собралось духовенство, во главѣ съ преосвященнымъ Владиміромъ, епископомъ нижегородскимъ и архамасскимъ, и Алексѣемъ, епископомъ балахнинскимъ. При входѣ въ соборъ Ихъ Величества были встрѣчены епископами и духовенствомъ съ крестомъ и святою водою; при этомъ епископъ Владиміръ сказалъ торжественную рѣчь. Приложившись ко кресту, Ихъ Императорскія Величества вошли въ соборъ, гдѣ было совершено краткое благодарственное молебствіе, по окончаніи котораго епископъ Владиміръ благословилъ Государя Императора иконою Спасителя, а Государыню Императрицу иконою Владимірской Божіей Матери.

Въ два часа дня, послѣ завтрака, въ залѣ дворца собрались депутаціи отъ думы, отъ биржевого комитета, отъ ярмарочнаго общества, отъ нижегородскаго и балахнинскаго уѣздныхъ земствъ и отъ губернскаго нижегородскаго земства. Вскорѣ послѣ этого всѣ депутаціи имѣли счастье представиться Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Въ 3 ч. 45 мин. дня Ихъ Императорскія Величества прибыли на выставку и вслѣдствіе дождя проѣхали въ экипажѣ прямо къ центральному зданію. Собравшаяся публика встрѣтила Царя и Царицу восторженными кликами «ура!» Оркестръ л.-гв. преображенскаго полка, расположенный близъ центральнаго зданія, игралъ по приѣздѣ Ихъ Величествъ гимнъ. При входѣ въ мануфактурный отдѣлъ Ихъ Величества были встрѣчены министрами, администраціею и экспонентами выставки. Министръ финансовъ С. Ю. Витте поднесъ Государыню Императрицу роскошный букетъ цвѣтовъ. Обойдя мануфактурный отдѣлъ Ихъ Императорскія Величества посетили отдѣлы художественно-промышленный, фабрично-ремесленный и горный.

Слѣдующій день пребывания Ихъ Величествъ въ Нижнемъ начался Высочайшимъ смотромъ войскъ. Затѣмъ, въ 2 часа 50 мин. дня Ихъ Императорскія Величества Государь Импе-

раторъ и Государыня Императрица Александра Оеодоровна посетили нижегородское собраніе. Въ роскошно убранныхъ зеленю и цвѣтами залахъ собранія собрались дворяне съ ихъ семействами. Въ вестибюлѣ параднаго антре, тоже красиво убраннаго зеленю и цвѣтами, ожидали прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ губернской и уѣздныя предводители дворянства. По прибытіи въ собраніе, Ихъ Императорскія Величества были встрѣчены предводителями дворянства. Губернскій предводитель дворянства Приклонскій привѣтствовалъ Ихъ Императорскія Величества слѣдующими словами: «На нашу долю выпало неизгладимое счастье видѣть Ваше Величество въ стѣнахъ нашего дома; позвольте поднести хлѣбъ-соль отъ Вашего вѣроподданническаго дворянства».

Въ 3 часа 20 минутъ дня Ихъ Императорскія Величества прибыли на выставку. При входѣ въ средне-азиатскій отдѣлъ помѣстился струнный оркестръ казачьяго полка, а по сторонамъ пути встали дѣти именитаго купечества въ костюмѣ рынды, а также бухарцы, хивинцы, текинцы и сарты въ своихъ пестрыхъ халатахъ и бѣлыхъ чалмахъ. Ихъ Императорскія Величества были встрѣчены министрами, администраціею выставки и экспонентами. Осмотрѣвъ подробно среднеазиатскій отдѣлъ, Ихъ Императорскія Величества посетили сначала азиатскій базаръ, а затѣмъ уже прошли въ машинный отдѣлъ, гдѣ всѣ машины находились въ движеніи. Изъ машиннаго отдѣла Ихъ Императорскія Величества осмотрѣли станцію техническихъ испытаній, а затѣмъ уже коллекціи сибирскаго отдѣла. Послѣ этого Высочайшими Посѣтителями были осмотрѣны экспонаты въ павильонахъ сибирской (железной дороги, стропильнаго и инженернаго дѣла, морского и рѣчнаго торговаго судоходства, а также общества спасанія на водахъ и комиссіи по устройству коммерческихъ портовъ. Затѣмъ въ художественномъ отдѣлѣ, подробно осмотрѣвъ картины, акварели и скульптуру, Ихъ Императорскія Величества посетили павильонъ, гдѣ выставлена новая картина извѣстнаго художника К. Маковского «Мининъ», а также отдѣлъ «Крайній Сѣверъ» и панораму проф. Рубо «Взятіе Ахульго».

По осмотрѣ выставки, во дворцѣ, въ 7 час. вечера состоялся парадный обѣдъ, а затѣмъ Ихъ Величества посетили городской театр. Въ первыхъ рядахъ креселъ сѣли министры и другіе высшіе чины. Въ бельэтажѣ—дамы и высшее нижегородское общество. При входѣ Ихъ Величествъ въ ложу всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. Оркестръ, хоръ и солисты исполнили гимнъ, который былъ, по требованію собравшихся, повторенъ. Послѣ этого начался спектакль. Давали «Акростихъ» и по акту оперъ «Снѣгурочка» и «Риголетто» и актъ изъ драмы «Лѣсъ».

19-го іюля, въ 10 ч. вечера, Ихъ Величества изволили прибыть въ Главный домъ на раутъ всероссійскаго купечества. Приближеніе Царской коляски было возвѣщено криками «ура» стоявшей передъ Главнымъ домомъ многочисленной массы народа. Встрѣтить Ихъ Величествъ на подъѣздѣ Главнаго дома вышелъ предсѣдатель ярмарочнаго комитета Морозовъ и въ полномъ составѣ члены комитета. На первой площадкѣ лѣстницы, ведущей въ гербовый залъ Главнаго дома, встрѣтила Ихъ Величествъ супруга предсѣдателя комитета г-жа Морозова, поднесшая Ея Величеству букетъ изъ бѣлыхъ розъ и орхидей.

Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Его Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ вошли въ гербовый залъ при звукахъ народнаго гимна, исполненнаго оркестромъ Главнаго дома. Въ гербовомъ залѣ Главнаго дома ожидало Ихъ Величествъ всероссійское купечество, представители дворянства, города и городскихъ сословій, а также военное сословіе и генералитетъ. Тутъ же находились прибывшіе передъ тѣмъ министры и многія высокопоставленные лица. Ея Величеству представлены были дамы, принадлежащія къ родовитому всероссійскому купечеству. Императрица милостиво принимала дамъ и бесѣдовала съ ними. Въ то же время Государю Императору представлено было нѣсколько лицъ русскаго купечества: фабриканты, заводчики, представители крупныхъ торговыхъ фирмъ, а также члены комиссіи по приготовленію нижегородской ярмарки къ встрѣчѣ Ихъ Величествъ. Ихъ Величества, обойдя пассажъ, гдѣ вдоль слѣдованія Государя стояли по обѣимъ сторонамъ представители купечества, военные и начальствующія лица, земскіе дѣятели и другія сословія, прослѣдовали по лѣстницѣ въ гербовый залъ, а оттуда въ покои, приготовленные для Ихъ Величествъ. По обѣимъ сторонамъ парадной лѣстницы стояли въ богатыхъ костюмахъ, съ древнимъ оружіемъ, сыновья купеческіе, одѣтые въ форму рынды XVII столѣтія. Среди этой молодежи были представители родовитыхъ фамилій московскаго и нижегородскаго купечества. Въ 11-мъ часу Ихъ Величества отбыли во дворецъ.

— 20-го іюля, Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Оеодоровна и Великій Князь Алексѣй Александровичъ, въ часъ пополудни, отбыли изъ Нижняго-Новгорода.

Иллюминація Нижняго-Новгорода. Въ дни пребыванія Ихъ Величествъ, Нижний-Новгородъ весь сіялъ по вечерамъ разноцвѣтными огнями. Всѣ главныя зданія были особенно роскошно иллюминированы. Особенно эффектно была иллюминація на Окѣ и Волгѣ. Празднество на рѣкѣ Волгѣ въ луговой ея сторонѣ противъ губернаторскаго сада удалось самымъ блестящимъ образомъ; оно состояло изъ штурма корабля и фейерверка. На особой баржѣ, длиною около 40 сажень, на заднемъ борту ея были поставлены въ разрѣзъ морской корабль съ мачтами, реями и морской оснасткой, освѣщенный болѣе 1,000 разноцвѣтныхъ огней; на носу же и на кормѣ баржи были сооружены крѣпости. Передъ бомбардированіемъ корабля былъ сожженъ на кормовой части баржи фейерверкъ; всего было выпущено болѣе двухсотъ ракетъ; затѣмъ начался штурмъ корабля. Канонада по кораблю была открыта вначалѣ съ двухъ крѣпостей, на выстрѣлы которыхъ раздавались отвѣтныя отъ корабля; около 9 час. 30 м. вечера снизу изъ за баржей вышелъ баркасъ рѣчной полиціи «Мининъ», сплошь залитый разноцвѣтными сгѣями; баркасъ этотъ изображалъ изъ себя судно, шедшее на помощь въ бомбардированіи непріятельскаго корабля, по которому съ новой силой загремѣла канонада изъ трехъ пунктовъ; отъ дѣйствія канонады послѣдній рухнулъ въ воду.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Въ субботу, 20-го іюля, военный воздухоплавательный паркъ на Волковомъ полѣ празд-

новаль свою годовщину и освященіе новаго здания казармъ для помѣщенія нижнихъ чиновъ. Здѣсь въ обширномъ залѣ было отслужено молебствіе передъ сооруженною въ 1893 году иконою св. пророка Іліи—покровителя воздухоплаванія. На мѣлебѣ присутствовали: ген. Кобелевъ, ген. Случевскій, ген. Воронцовъ-Вельяминовъ и весь валичный составъ команды съ г. Семковскимъ во главѣ. По окончаніи молебна и окропленія новой постройки святой водою, начальствующія лица поздравили команду съ праздникомъ, и затѣмъ она была отведена въ столовую, гдѣ ей былъ предложенъ праздничный обѣдъ.

— 20-го іюля, на Большой Охтѣ, въ селеніи Писавка, происходило освященіе часовни, сооруженной въ память событія 17-го октября 1888 г. Часовня—деревянная, очень изящной постройки, въ древне-византійскомъ стилѣ, имѣетъ въ вышину 5 сажень, при окружности въ 3 сажени. Надъ входомъ въ часовню золотыми буквами написано: «Въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 года».

КЪ ПОРТРЕТУ.

Контръ-адмиралъ Ф. К. Авеланъ.

По вѣдомству морского министерства произошли важныя перемѣны, причемъ контръ-адмиралъ Ф. К. Авеланъ получивъ важное назначеніе на постъ исправляющаго должность начальника главнаго морского штаба. Новый начальникъ главнаго морского штаба контръ-адмиралъ Ф. К. Авеланъ родился 31-го августа 1839 г.; служебная его дѣятельность началась съ 1855 г. Въ контръ-адмирала произведенъ въ 1891 г. Ф. К. Авеланъ въ 1893 и 1894 гг. былъ командиромъ эскадры въ Средиземномъ морѣ; подъ его начальствомъ эскадра посѣтила Тулонъ, и высокой тактъ и умѣлая дипломатія Ф. К. наиболѣе всего содѣйствовали блестящему теченію памятныхъ тулонскихъ празднествъ. 1-го января 1895 г. Ф. К. получилъ назначеніе на должность помощника главнаго морского штаба. Ф. К. имѣетъ всѣ русскіе ордена до св. Анны 1 ст. включительно.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Путешествіе Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича въ бытность Его Величества Наслѣдникомъ Престола. По официальнымъ источникамъ составилъ В. М. Краузе. Изданіе книжнаго магазина М. М. Ледерле. Ц. 30 к.

Послѣ чуднаго, роскошнаго изданія князя Э. Э. Ухтомскаго, описывающаго путешествіе Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, настоящая книжка является лишь конспективнымъ, справочнымъ изданіемъ. Въ ней упомянуто о Греціи, Египтѣ, Индіи, Китаѣ, Японіи и Сибири; вкратцѣ описано пребываніе Высочайшаго Гостя въ этихъ мѣстахъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англичане и буры. На-дняхъ судъ присяжныхъ осудилъ на временное тюремное заключеніе доктора Джемсона и трехъ его сподвижниковъ за ихъ разбойничій набѣгъ на сосѣдную Трансваальскую республику съ цѣлью ея завоеванія. Набѣгъ, къ счастью для буровъ (трансваальцевъ), оказался неудачнымъ,—буры умѣли отстоять свою независи-

мость и не позволили англичанамъ завладѣть залежами золота и алмазовъ, недавно у нихъ открытыми. Часть предводителей разбойничьей войска попала въ плѣнъ бурамъ, и президентъ Трансваальской республики, послѣ суда, на которомъ выяснились всѣ ихъ преступныя затѣи и который присудилъ ихъ къ смертной казни, помиловалъ ихъ, а остальныхъ, какъ мы видимъ, судили въ Лондонѣ,—относительно отдѣлались они легко.

Буры (boers), обитатели Трансваальской республики, расположенной на югѣ Африки, нѣсколько сѣвернѣе Капленда. Это племя голландскаго происхожденія, и первые буры переселились въ южную Африку съ острова Явы въ 1652 году, а тридцать лѣтъ спустя къ нимъ присоединились гугеноты, бѣжавшіе изъ Франціи послѣ уничтоженія Нантскаго эдикта. Отъ такихъ предковъ произошелъ тотъ мужественный, высокорослый и красиво сложенный народъ, который, уходя отъ англичанъ, завоевавшихъ Капскую землю и тѣснившихъ буровъ, подвигался отъ нихъ сѣвернѣе, положивъ основаніе Оранжевой, а затѣмъ и Трансваальской республикѣ. Буры сами по себѣ мало воинственны, смиренны и безобидны, но разъ отстоявъ въ 1880 году свою независимость, они не хотѣли поступиться ею. Несмотря на недавно открытыя громады залежи золота и алмазовъ, которыя такъ возбудили желаніе англичанъ завладѣть ихъ страной, буры живутъ скромно, занимаются преимущественно фермерствомъ и владѣютъ большими стадами. Фермы ихъ представляютъ глинобитныя постройки, имѣютъ пять, шесть комнатъ, кухня служитъ одновременно столовой. Противъ дома устраиваются сараи и навѣсы для разнаго домашняго инвентаря. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома находится крааль, т. е. огороженное толстой каменной стѣной пространство, куда на ночь загоняется скотъ. Сюда же, въ случаѣ войны, скрываются, какъ въ неприступную крѣпость, домочадцы.

День начинается у буровъ слѣдующимъ образомъ: на разсвѣтѣ всѣ члены семьи собираются въ кухню или столовую и глава семьи прочитываетъ одну или двѣ главы изъ Библии. Затѣмъ приносится таза съ водою и полотенце, — если въ домѣ есть гость, ему первому предлагаютъ вымыть лицо и руки. Затѣмъ умывается глава семьи и члены ея по старшинству. Затѣмъ садятся за столъ, и глава семьи прочитываетъ молитву. Мужчины и женщины ѣдятъ отдѣльно. Ранній завтракъ состоитъ изъ чернаго кофе и хлѣба съ масломъ. Одежда мужчинъ состоитъ изъ просторной куртки и брюкъ и сапоговъ изъ грубой кожи безъ каблучковъ. Платья женщинъ очень просты, безъ всякихъ украшеній. Главное занятіе буровъ — охота; стрѣляютъ они, какъ мужчины, такъ и женщины, превосходно.

Весьма оригинально происходитъ у нихъ сватовство. Получивъ согласіе своего отца, молодой человѣкъ покупаетъ богато украшенный чепракъ и отправляется въ домъ понравившейся ему дѣвушки. Приѣхавъ туда, будущій женихъ направляется къ отцу невесты и излагаетъ ему свою просьбу. Немедленнаго согласія, однако, онъ не получаетъ и идетъ знакомиться съ остальными членами семьи. Вечеромъ, если предложеніе принято, въ отдѣльную комнату приходитъ невеста съ предполагаемымъ женихомъ и своею матерью, которая приноситъ длинную свѣчу и зажигаетъ ее. Молодые люди могутъ бесѣдовать, пока не догоритъ свѣча. Вѣнчальное платье невесты бываетъ очень роскошно и берется обыкновенно на прокатъ въ спеціальному магазинѣ. Женихъ является въ совершенно новомъ національномъ костюмѣ: черномъ бархатномъ доломанѣ, кожаныхъ панталонахъ, желтыхъ кожаныхъ сапогахъ и широкополой сѣрой войлочной шляпѣ съ большимъ страусовымъ перомъ.

Буры принадлежатъ къ самымъ гостепріимнымъ народамъ, можно пропутешествовать нѣсколько мѣсяцевъ въ ихъ странѣ, не истративъ ни гроша. Путника вездѣ встрѣчаютъ съ большимъ радушіемъ. Нѣсколько холоднѣе и въ дѣйствительности съ презрѣніемъ они относятся къ пѣшеходамъ. Рабство у нихъ не существуетъ. Работающіе у нихъ негры, принадлежащіе къ племени зулусовъ или кафровъ, вполнѣ свободны.

Господствующая религія у нихъ реформатская, и они причитаются во всѣ большіе

праздники — Рождество, Пасху, Троицу и кромѣ того въ октябрѣ мѣсяцѣ. Въ такіе торжественные дни все населеніе собирается въ церкви. Въ другое-же время, буры, фермы которыхъ лежатъ далеко, ограничиваются чтеніемъ Священнаго Писанія дома.

Теперь стали обращать болѣе вниманіе на образованіе молодого поколѣнія, которое еще недавно заключалось только въ чтеніи Библии. Только женщины получали въ прежнее время кое-какія познанія.

Англичане сами по себѣ владѣютъ богатыми алмазными копями близъ Кимберлея въ Капской колоніи. Это копи де-Беера. Онѣ вулканическаго происхожденія и занимаютъ не особенно большую площадь земли. Въ такъ называемой «Голубой землѣ» продѣланы теперь ходы для добыванія драгоцѣнныхъ камней. Нѣкоторыя шахты достигаютъ 1,000 футовъ глубины. «Голубая почва» тверда какъ скала, но приди въ соприкосновеніе съ воздухомъ, дробится въ порошокъ. Тогда ее промываютъ, и блестящіе камни остаются въ ситахъ. Затѣмъ ихъ разбираютъ, свѣшиваютъ, складываютъ въ кожаные мѣшечки и отправляютъ въ Англію. Въ шахтахъ устроено электрическое освѣщеніе и въ нихъ ежедневно работаютъ 800 бѣлыхъ, около 2,000 туземцевъ и 700 каторжниковъ, послѣдніе сравнительно плохо оплачиваются. Контрактъ заключается на три мѣсяца, до истеченія которыхъ законтрактованные рабочіе не могутъ уйти. Желаніе получить другое, а можетъ еще болѣе богатое золото, и побудило Джемсона и Родса, директора торговой компаніи, стремиться завладѣть страной буровъ.

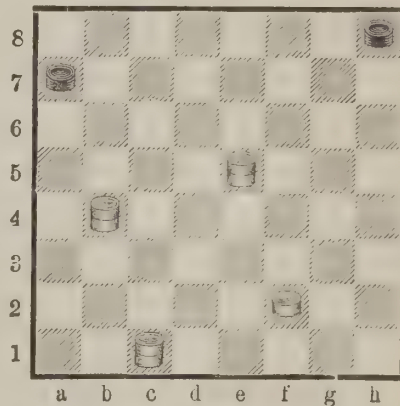
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. П. Шошина.

ЗАДАЧА № 20.

П. М. Нямцова (въ Москвѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть простую.

Поправка. Въ задачѣ № 19, А. И. Шошина, помѣщенной въ № 30 «Живоп. Обзоръ», во изъясненіе 2-го рѣшенія бѣлую дамку b8 слѣдуетъ переставить на h4.

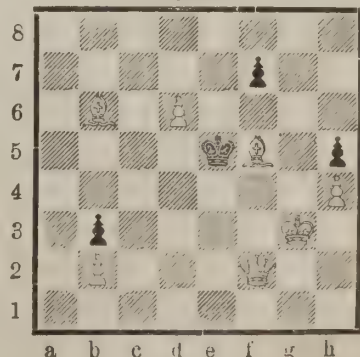
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 20.

І. Роса (въ Швеціи).

Второй призъ на конкурсѣ газеты «Sporten».

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 2 хода.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обзор.» (Спб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
 Историческій романъ А. Михайлова.
 Цѣна 1 руб.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскаго дома Генрихъ Блокъ.
 — Спб., Невскій, 59. № 2261.

ЗАЯВЛЕНІЕ
 выдвигается основательно въ спеціальн. заведеніи Карла Эрнста. Принимаются приходящіе и пансіонеры.
 Спб., Невскій проспектъ, 100. кв. 7.
 Руководство въ само обученію 3 руб.

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга
КОНСУЭЛО.
 (Consuelo).
 Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣтнева, 460 стр.
 Цѣна 1 руб. 50 коп.

№ 2305—1
ВЫИГРЫШ
 ные 1, 2 и 3 займы продаетъ
 БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
 59, невскій, спб.

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы новое изданіе романа
ЭМИЛЯ ЗОЛЯ
„ПОГРОМЪ“
 Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп. Въ книгѣ 566 страницъ.
 Предлагаемый романъ извѣстнаго талантливаго французскаго писателя полонъ сценокъ и интереса, гдѣ, между прочимъ, авторъ художественно знакомитъ читателей съ причинами и со всѣми ужасами воинскихъ дѣйствій, происшедшихъ опустошительнымъ ураганомъ во Франціи въ 1870—1871 годахъ.
 Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Требования исполняются съ первой почтой, но только при полученіи денегъ. Для удобства покупателей спомощью книги можетъ быть послана почтовыми марками.
 Складъ изданія при конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе»
 Невскій пр. у Анничкина моста, д. 68—40.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
 всякаго рода и лучшаго качества РЕКОМЕНД. въ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
 МОСКВА, Петровка, домъ Волнова.
 НИЖЕГ. ЯРМ Главн. домъ № 6.
 ТРЕБУЕТЪ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ

ОБШИРНѢЙШІЙ ВЪ РОССИИ
СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
 ДО 1000 ШТ. ВЪ НАЛИЧНОСТИ
 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Ж. БЛОКЪ
 МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н/д.
 Каталогъ безплатно.

Ахроматическ. универсал. БИНОКЛЫ
„АРГУСЪ“
 Карманнаго Формата въ замшевомъ кошелькѣ 8 руб., перес. за 3 ф. Большаго Формата въ шагреновомъ футлярѣ съ ремнемъ 9 руб., перес. за 4 ф.
 «Аргусъ» имѣетъ превосходныя оптическія качества, одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра, а потому вполне заслуживаетъ названіе «Универсальнаго бинокля».
 Предостереженіе. Вслѣдствіе усп. спроса на наши универс. бинокли «АРГУСЪ» и «ЛИЛИПУТЪ», возникли дешев., но крайне плохія поддѣлки; поэтому считаемъ долгомъ предупредить гг. покупателей, что настоящ. бинокль нашей фабр. продаются въ Россіи исключ. только въ ниже указанномъ складѣ
Е. КРАУСЪ и К^о
 Специальная фабрика оптическихъ инструментовъ въ Парижѣ.
 Единственный складъ для Россіи С.-Петербургъ, Мойка, № 42 (у Полицейскаго моста).
 Иллюстр. прейсъ-курантъ высылается за сем. коп. марку. 2409-2

Остерегаться поддѣлокъ!
ДѢТСКОЕ РОМАШКОВОЕ МЫЛО
 Лабораторіи А. Энглундъ.
 Нейтральное мыло, не содержащее въ себѣ вредныхъ маселъ. — Рекомендуются какъ туалетн. мыло для ежедневнаго употребленія.
 Цѣна 30 к. за кусокъ, съ пересылкою 4 куса 1 руб. 50 коп.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. — Главн. складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., д. ЖЕРБИНА. № 2.

Главное депо часовъ
Эд. Бурхардъ.
 Спб., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
 2) по Невскому пр. № 6, прот. М. Морской.
 Большой выборъ всевозможныхъ часовъ: дамскіхъ, фабричныхъ по самымъ умѣр. цѣнамъ.
 Никелевые... отъ 6 р. 50 к. до 15 р.
 Стальные (черные)... 10 р. — 20 р.
 Серебряные мужские и дамские... 12 — 75
 Золотые мужские... 50 — 500
 Золотые дамские... 25 — 100
 Регуляторы 2-хъ и 3-хъ иголокъ... 7 — 65
 Будильники... 4 р. 50 к. — 25 р.
 Гг. иногороднимъ высылаю наложеннымъ платежомъ. Прейсъ-курантъ высылаю безплатно. Карманные часы на сумку шью 10 р. высылаются почтой на счетъ моего магазина. № 1229-15

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга
«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».
 Романъ изъ жизни червонныхъ вѣлотовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

ГОТОВАЛЬНИ наивысшаго достоинства завода Pochon & Lepage а Paris отъ 1 р. 50 к. до 50 р. и другіе чертёжные инструменты предлагаются по фабричнымъ цѣнамъ
 Складъ: А. ПОЛЬНО.
 Спб. Фонтанка, д. № 99. Иллюстрирован. каталогъ при высылѣ 7 к. марками на пересылку высылается безплатно.

ИЗВѢСТНОЕ БѢЛѢ
 Кирпичско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Приборныхъ Поставщиковъ
МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ
 извѣстно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штукъ только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой несприятностей. Послѣ употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-бѣлое. Превосходно сохраняется даже при усиленномъ помятѣ. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ и холостяковъ. Ниже поименованные представители сообщатъ, по желанію, гдѣ онъ продается.
 Танфани и Шейдель, Москва. Карлъ Шиммель, Садовая 18, С.-Петербургъ. Максъ Тишбейнъ, Рига. Фабіанъ Клингсландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ РАПГОФЪ Основанные въ 1882 г.
 Утвержденные Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.
 — Спбурзь, МАЛАЯ МОРСКАЯ № 7. —
 Подробныя программы высылаются и выдаются безплатно. Приемъ съ 20-го августа. Начало занятій 2-го сентября. Писем. заявл. о поступл. прос. адрес. на имя Директора Курсовъ
 Евг. Павл. Рапгофъ.

ФОТОГР. АППАРАТЫ К.И.ФРЕЛАНДЪ
 С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
 НЕВСКІЙ ПР. № 27—18 МЯСНИЦКАЯ УЛИЦА МОСКОВСК. УЛИЦА
 НОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ СЪ ПЕРЕС. 20 К.

СИМФОНИОНЫ
 Музыкальныя шкатулки съ пріятнѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ возможность имѣть по произволу пѣсни, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.
 Съ ручкой безъ нотъ... 5 —
 Ноты по... 25 —
 Заводной безъ нотъ... 10 —
 Ноты по... 25 —
 Заводной 60-тонный безъ нотъ... 28 —
 Ноты по... 50 —
 Загодной 84-тонный безъ нотъ... 40 —
 Ноты по... 60 —
 Заводной 84-тонный Sublime Harmonie... 70 —
 Ноты по... 80 —
 Заводной 104-тонный Sublime Harmonie... 10 —
 Ноты по... 1 —
 НОВОСТЬ: Часы съ музыкой. Солидные часы, развѣ въ день заведенные, играютъ сами черезъ каждыя часъ выбранныя по произволу пѣсни. Въ случаѣ желанія — играютъ, когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый резервуаръ.
 Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.
 Списки пѣснь для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. № 803-31

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
 Главн. депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

№ 31 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2 1/2 листовъ, съ 9-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) «Еженедѣльная хроника» № 31-й.

Дозволено цензурою. Спб., 26 июля 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Козьмискій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРѢ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВСѢМЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ РАЗСЫЛАЕТСЯ:

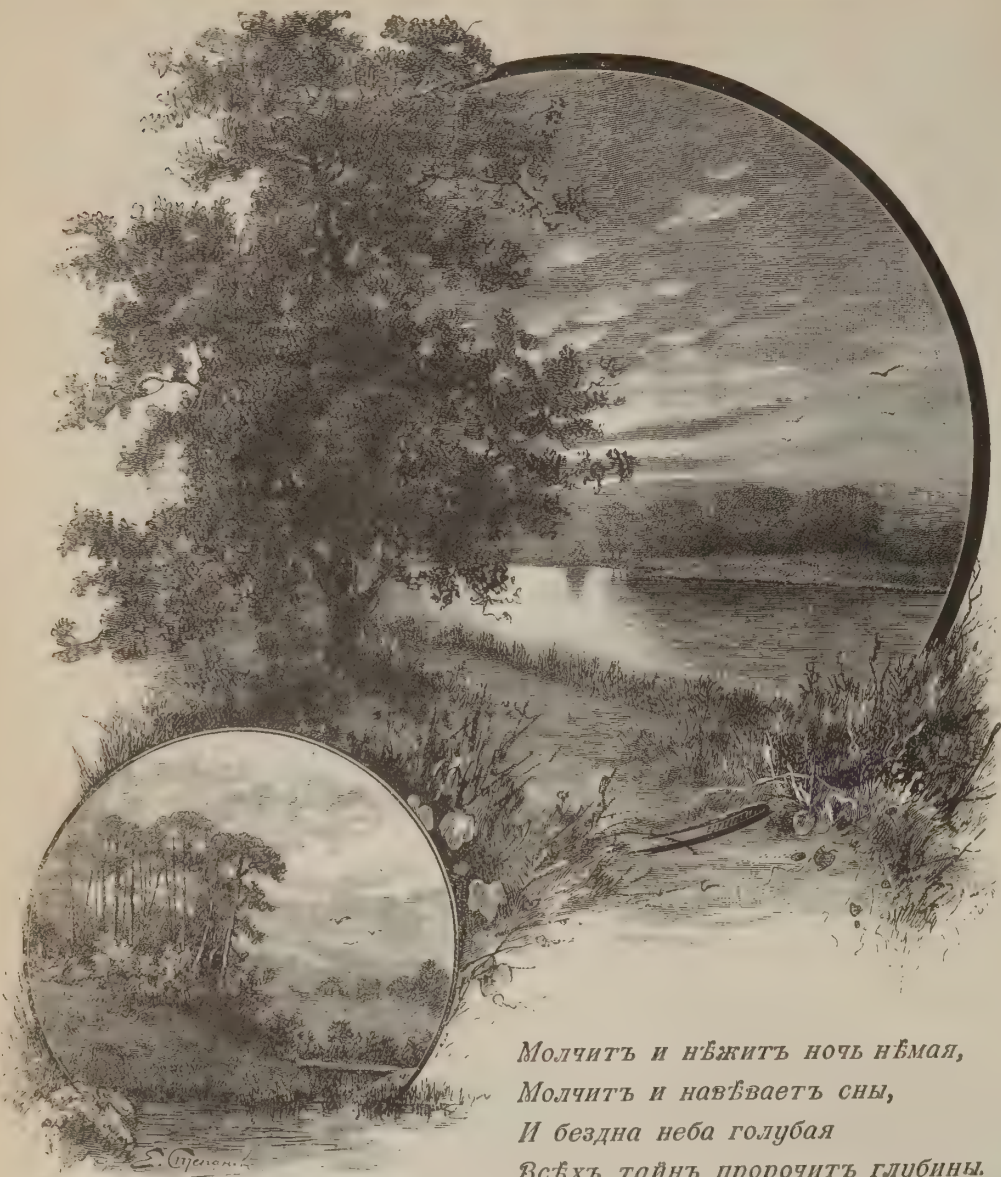
Восьмая книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній — «Домашняя Библіотека», № 8-й (за августъ 1896 года).

Всѣ нумера журнала слѣдуютъ на почту строго провѣренными и въ полномъ количествѣ | почтовому служителю, а затѣмъ сообщить въ Главную Контору на познѣ полученія слѣ-
дующаго нумера журнала. такъ какъ познѣ притензіи почтамтъ не принимаютъ къ разсѣ-
данію, авысылать второй экземпляръ не всегда представляется возможнымъ для редакціи.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ МОСКВѢ 1896 ГОДА.

«ИНТЕРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ». Съ картины художника Н. РЫБАКОВА.

Мощь безграничнаго простора
Свободно постигаетъ духъ.
Нѣтъ недоступнаго для взора,
Все, изощрясь, внимаетъ слухъ.

* * *

Еще порывъ, еще движенье
И предъ разгаданной красой
Паду въ священномъ умиленьи,
Гордыни полонъ неземной.

* * *

Но мигъ—и гаснетъ тайна ночи.
Какъ дрожь, мгновенно пролетитъ
Предвѣстникъ утра; неба очи
Чуть видной дымкой осѣнитъ;

* * *

Дневное позоветъ движенье,
Листву деревьевъ всколыхнетъ—
И дивной ночи откровенье
На полусловѣ перерветъ.

* * *

Храни отъ смертныхъ, день прекрасный,
Чего хранить не въ силахъ ночь!
Не дай имъ мощью духа страстной
Запретъ великій превозмочь.

* * *

Молчитъ и нѣжитъ ночь нѣмая,
Молчитъ и навѣваетъ сны,
И бездна неба голубая
Всѣхъ тайнъ пророчить глубины.

И, ослѣпленные тобою,
Тобой живя, твое любя—
Пусть ищутъ съ вѣрой и тоскою
Отвѣта только у тебя!..

Н. Медвѣдскій.

СОСѢДЪ.

Повѣсть Княгини М. Оболенской (продолженіе).

V.

ЕЩЕ ИЛЛЬНО раздавался звонъ съ колокольни Ахметевской церкви, но давно уже замеръ онъ; уже успѣлъ народъ разойтись по домамъ отъ воскресной обѣдни, уже загнали пастухи утомленный стада съ ближайшихъ луговъ въ тѣнистыя простѣки лѣса. Полуденное солнце жгло своими прямыми лучами накатанную до блеска дорогу, а Александръ Владиміровичъ еще не вставалъ. Его камердинеръ, сѣдой вѣмецъ, Эдуардъ Ивановичъ, нѣсколько разъ подходилъ къ двери спальни и, притаивъ дыханье, напрасно прислушивался къ обычному звонку. Уже нонѣ, потерявъ терпѣнье, вынулъ изъ кармана измятое письмо своей жены и, спустя очки на носъ, сталъ чуть ли не въ десятый разъ перечитывать домашнія новости: старикъ задумался, мысленно перепеся онъ къ себѣ въ даль; ему уже стали представляться дорогіе образы, близкіе сердцу; но лишь только онъ углубился въ свѣтлыя видѣнья, какъ вдругъ оглушительный непрерывный звонокъ разбудилъ его. Онъ стремглавъ бросился въ комнату Александра Владиміровича.

— Что вы дѣлаете, Эдуардъ Ивановичъ? Вы услышали звонокъ только на сотый разъ.

Или здѣсь въ глуши стали глуше? Ивану приказано находится у дверей, вѣрно, ушелъ опять на село?

Неторопливо всталъ съ постели молодой человекъ, подошелъ къ открытому окну, выходящему въ садъ; на него пахнуло душистой струей, несшейся изъ роскошныхъ цвѣтниковъ.

— Эдуардъ Ивановичъ, подите скажите садовнику, чтобы онъ велѣлъ распахать и уничтожить всѣ цвѣтники; я дамъ вновь другой планъ.

— Не знаю, будетъ ли въ оранжереѣ достаточно цвѣтовъ для пополненія новыхъ клумбъ, — нерѣшительно сказалъ кроткій Эдуардъ Ивановичъ, привыкшій къ страннымъ выходкамъ своего повелителя, вѣчно трепетавшій передъ нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любившій его; онъ находился при немъ съ малолѣтства.

— Это не ваше дѣло, — рѣзко замѣтилъ Ахметевъ. — Надо взять рабочихъ человекъ сто и чтобы черезъ нѣсколько дней все имѣло другой видъ.

Вѣмецъ молча удалился.

Александръ Владиміровичъ принялся одѣваться. Всѣ принадлежности его туалета были до высшей степени изящны въ мѣткій

стихъ подробностяхъ. Онъ очень долго оставался у стола, установленнаго разными серебряными бездѣлушками, безчисленнымъ множествомъ флаконовъ съ духами, тутъ было и скошенное сѣно и жасминъ, апопонаксъ Любена рядомъ съ бріоніей Аткинсона; баночки съ помадой и душистыми маслами; щеточки мягкія, жидкія, частыя, рѣдкія, гребешки черепаховые разной величины. Пробравъ прямой рядъ съ послѣднимъ взмахомъ гребня по чернымъ глянцевинымъ волосамъ, онъ капризно отбросилъ его въ сторону на стоявшую подлѣ тумбу и внимательно взглянулъ на себя въ зеркало. Ему показалось, что за послѣднее время онъ ужасно похудѣлъ и пожелтѣлъ; онъ подмѣтилъ даже нѣсколько морщинъ на бѣломъ красивомъ лбу. Недовольный этимъ открытіемъ, Александръ Владиміровичъ быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ; стоявшее въ углу большое зеркало отразило его высокую, стройную фигуру. Самодовольная улыбка скользнула по его выразительнымъ губамъ. Онъ надѣлъ темный съ серебристыми искрами пиджакъ, небрежно охватившій его талію; въ немъ онъ казался еще выше, еще стройнѣе. Вынувъ изъ вышитаго ящика тонкій платокъ съ мѣткой

артистической работы, онъ было надушилъ его, но затѣмъ отбросилъ въ сторону и взялъ другой и покропилъ духами уже изъ другого флакона. Проходя мимо камина, Александръ Владиміровичъ замѣтилъ большую севрскую вазу; мгновенно его кольнуло тяжелое воспоминаніе, мрачная тѣнь пробѣжала по его капризному лицу, онъ схватилъ изящное произведеніе искусства и съ бѣшенствомъ бросилъ его на полъ; осколки покатились во все стороны; злобнымъ движеніемъ отбросивъ ихъ съ дороги, онъ пошелъ своей красивой, мѣрной походкой въ кабинетъ, гдѣ его ожидалъ кофе на большомъ серебряномъ подносѣ, съ сливками, сочными кусками ветчины и жирными перепелами съ его полей. Онъ быстро выпилъ двѣ чашки очень крѣпкого, горячаго кофе, съѣлъ тонкій, почти прозрачный ломоть ветчины, до остального не дотронулся. Съ вѣтерпѣньемъ позвонилъ и затѣмъ вышелъ на балконъ.

Голубое небо было такъ чисто, такъ ясно въ это утро. Вдали смутно высились окрестныя горы, виднѣлись поля, рѣчки. Свѣжія, лѣтнія краски ласкали глаза и освѣжали душу. Въ первый разъ Александръ Владиміровичъ почувствовалъ какое то благоговѣніе передъ природой, въ ней было такъ много истиннаго величія. Онъ невольно замечтался, желаніе забыть прошлое запало впервые въ его душу. Онъ снова вошелъ въ кабинетъ и сѣлъ передъ письменнымъ столомъ. На стѣнѣ передъ нимъ висѣлъ портретъ его отца съ лицомъ скорѣе вдохновеннаго артиста, чѣмъ чиновнаго сановника, о чемъ свидѣтельствовала грудь его, вся покрытая орденами и лентами. Живые глаза, прямой, тонкій носъ; у сына глаза были скорѣе задумчивые. У обоихъ лицо одинаково пошло высокомерное, бѣсовски гордое выраженіе и дышало капризнымъ самовольствомъ и впечатлительностью. Какъ у отца, такъ и у сына особенно выдавалась породистая красивая рука съ длинными пальцами...

Напротивоположной стѣнѣ—коллекція чучель разныхъ птицъ; этими трофеями очень гордился Александръ Владиміровичъ, какъ страстный охотникъ. Онъ съ любовью убиралъ ими свой кабинетъ. Вдоль двухъ другихъ стѣнъ стояли шкапы, наполненные книгами. Александръ Владиміровичъ взялъ съ ближайшей полки первую попавшуюся книгу: Это было сочиненіе Ройе-Колларъ, философа XIX-го вѣка.

«Этотъ философъ мнѣ противенъ, несмотря на прелесть своего металлическаго слога которымъ восторгалась вся западная Европа. Пассивное подчиненіе законамъ безъ смѣлыхъ порывовъ къ отысканію истины.—Это именно полицейская лапа въ философѣ, какъ остроумно и совершенно вѣрно выразился о немъ Тэнъ».

Снова Александръ Владиміровичъ потянулся къ полкѣ, на этотъ разъ онъ попалъ на Мэнъ-де-Бирана.

— Мэнъ-де-Бирани! — саркастически воскликнулъ онъ. — Васъ давно пора смечь, поклонникъ всемогущей воли! Вы изволили перемѣнить ея резиденцію, вывели изъ головы и водворили въ мускулы. Непростительная ошибка! Въ вашей темной преисподней многіе ломали шею и, чтобы постигнуть тайну вашихъ изреченій, жертвовали цѣлой жизнью. Я, безумецъ, тоже былъ жертвою обмана. Что дали вы поколѣнію, которое ввѣрялось вамъ? Путаницу живыхъ теорій!

Съ этими словами онъ сложилъ въ ка- минѣ сочиненія Ройе-Коллара и злополуч-

наго Мэнъ-де-Бирана и, несмотря на сорокаградусную жару въ тѣни, зажегъ книги въ каминѣ. Яркое пламя скоро запылало и на мѣ- стѣ ихъ осталась легкая кучка темнаго пепла.

— Какая польза въ вашей изящной диалектикѣ? Что въ красивыхъ изгибахъ сож- женнаго листа бумаги.

— А вотъ твореніе одного русскаго уче- наго! Мнѣ нравится его образъ мысленія, какъ талантливаго человѣка, но у него нѣтъ ни капли чувства нравственности и соб- ственнаго достоинства. Я помню въ Москвѣ, какъ онъ на публичной своей лекціи раз- вивалъ теорію о локализации сенсацій, о спо- собности одновременно чувствовать и думать, о возможности впечатлѣнія двухъ цвѣтовъ разомъ, кончилъ же онъ свою психо-физи- ческую тему еиміамомъ одному высокопо- ставленному лицу, которое очень удивилось, узнавъ, что цѣль науки—заслужить одоб- реніе высшаго начальства. Великое съ пош- лымъ не должно браться! Гадливое чув- ствовалось тогда мнѣ въ душу. Къ счастью, есть и свѣтлыя личности на Руси.

Съ этими словами его глаза остановились на книгахъ въ прекрасномъ переплетѣ, на которыхъ красовалось золотыми буквами имя русскаго ученаго Менделѣева. Передъ нимъ смирился строптивый духъ критика Ахме- тевскаго помѣстья; передъ нимъ смолкъ ядъ его рѣчей.

— Имъ должна гордиться Русь,—съ убѣ- жденіемъ прибавилъ онъ.

— Всю жизнь,—снова началъ молодой че- ловѣкъ,—меня ломали: то въ живописномъ костюмѣ конногвардейца долженъ былъ я скользить по блестящимъ паркетамъ балъ- ныхъ залъ, одуряясь пустословіемъ; то ма- нила меня женская красота, какъ всякаго молодого звѣренка; но, увы! послѣ первыхъ минутъ восторга холодомъ обдавало мнѣ ду- шу. Одна, лишь одна животная красота! Чего жаждали розовыя уста въ упоеніи пер- ваго поцѣлуя? Удовлетворенія тщеславія или животныхъ инстинктовъ. Ни мысли, ни чувства не находилъ я. Что шепталъ мнѣ чудный голосъ въ тиши ночной? То было звѣриное рычанье, а не блескъ искры Бо- жіей. Вездѣ ложь, пустота!.. Счастливымъ отецъ! — сказалъ молодой Ахметевъ, услы- шавъ звуки музыки;—онъ забывается въ ис- кусствѣ. Его уже поняли и оцѣнили въ Рос- сіи; его чудныя мелодіи нашли страстныхъ поклонниковъ. Я люблю поэзію, и въ досу- жія минуты капризная риема слушается иногда меня.—Онъ взялъ перо и сѣлъ пи- сать. Риема быстро, какъ послушная раба, шла на его зовъ. Негодованіе оскорбленной души вырвалось наружу, словно бурный потокъ, долго сдерживаемый, все увлекаю- щій въ порывистомъ теченіи своемъ.

Пощады не было никому. Онъ бичевалъ звучнымъ сатирическимъ стихомъ и со сѣда помѣщика-дѣльца, пользующагося наивно- стью другого сѣда помѣщика-богача и обдѣлывающаго свои дѣла подозрительными сдѣлками. Громовыя стрѣлы долетѣли и до предводителя, въ виду неблаговидности его по- ступковъ имѣвшаго привычку терять докумен- ты нѣкоторыхъ опасныхъ для него дворянъ, чтобы не допускать ихъ на выборы. Досталось и придирчивой, назойливой акцизной крысѣ съ запачканнымъ рыльцемъ у заторнаго чана, со злорадствомъ дѣлившей штрафы, сдираемые съ заводчиковъ; не пощажень былъ и скупой, одичалый хохоль Макарен- ко, ѣвший хлѣбъ, помакивая его въ барду, которой онъ кормилъ свой ротатый скотъ.

— Какъ это все отвратительно! — съ отчая- ніемъ почти вскрикнулъ Александръ Вла- диміровичъ.

Очередь дошла до Ольги Николаевны.

— Что это за женщина? — вопросительно вымолвилъ онъ.—Что-то очень таинственное. Мужа ея нѣтъ съ ней, гдѣ онъ находится? Неизвѣстно. Лечится, по ея словамъ; но это весьма странно, очень даже странно. Ея сынъ и эта англичанка — автоматъ, все это весьма странно! Однако, голосъ моей сосѣд- ки довольно пріятный, до сихъ поръ зву- чить у меня въ ушахъ. Въ ней есть нѣко- торая самонадѣянность; она вѣритъ въ свое превосходство. Мнѣ даже кажется, что она хочетъ прослыть за идеалистку, натуру выс- шаго порядка. Не вѣрю я въ этихъ героинь. Она, какъ слышно, признаетъ идею брат- ства, а вмѣстѣ съ тѣмъ окружена изящнымъ обществомъ, любитъ наряды, цвѣты, атласъ и бархатъ. Все это весьма подозрительно. Что съ ея мужемъ? Носится темный слухъ...

Онъ подошелъ снова къ окну, облитому ослѣпительными лучами. Въ эту самую ми- нуту мимо окна катилъ изящный шарабанъ, запряженный двумя восхитительными воро- ными жеребцами, шерсть ихъ блестѣла, какъ атласъ; крутыя шеи изгибались красивой дугой. Экипажъ, обитый малиновымъ бар- хатомъ, несся быстро. Въ немъ сидѣла Оль- га Николаевна Гронская. Искусной рукой она правила лошадьми; рысаки шли могу- чей рысью, стукъ копытъ дѣлался все сла- бѣе и слабѣе, наконецъ замолкъ въ зеленой дали. Ахметевъ все стоялъ и смѣрѣлъ.

— Каковы лошади! А какъ искусно пра- вить! Лицо покойное, довольное. Мнѣ инте- ресно было-бы видѣть ее несчастной; но я увѣренъ, она неспособна быть несчастной.

Онъ взялъ перо и сталъ писать:

«Сквозь сонъ мечты жизнь созерцала...»

— Нѣтъ, сегодня не пишутся стихи,—про- бормоталъ онъ, отбрасывая перо. — Лучше поѣду къ ней, въ Шереметевку.

VI.

Александръ Владиміровичъ сообщилъ от- цу во время обѣда, что хочетъ ѣхать къ Ольгѣ Николаевнѣ.

Старикъ весьма обрадовался, видя, что сынъ становится покойнѣе, веселѣе. Была надежда, что онъ скоро приметъ участіе въ празднествѣ жизни. Для старика Ахмете- ва жизнь протекла шумнымъ празднествомъ; витая въ музыкальных звукахъ, всегда занятый ихъ новыми комбинаціями, онъ оставлялъ только свои излюбленные занятія для веселыхъ сборищъ и пиршествъ. Замк- нутый кружокъ друзей, въ который дош- кались только талантливейшіе артисты, былъ однимъ изъ самыхъ веселыхъ и шум- ныхъ сборищъ Петербурга. Здѣсь остроум- ная рѣчь лилась вмѣстѣ съ шипучей струей заздравнаго кубка; вечера оживлялись му- зыкой: Шубертъ чередовался съ Шуманомъ, Бетховенъ съ Листомъ, и самъ радушный хозяинъ зачастую очаровывалъ слушате- лей своею музыкою.

И такъ, въ шесть часовъ вечера Але- ксандръ Владиміровичъ сѣлъ въ коляску и по- ѣхалъ межъ роскошныхъ нивъ. Природа оболь- стительна въ своемъ разнообразіи, и даже такого меланхолика, какъ Александръ Вла- диміровичъ, она поразила въ этотъ вечеръ переливами цвѣтовъ, и онъ, какъ вновь про- бужденный къ жизни, жадно смотрѣлъ на свѣжія поля и сплошные цвѣтники лужаекъ, на синеву водъ и небесъ.

Праздникъ Спаса. Рисоваль художникъ К. Свищёвскій.

И долго переливъ двухъ голосовъ, то съ отгѣнкомъ грусти, то съ скромнымъ смѣхомъ раздавался въ ночной тиши, и долго мягкія струи блѣднаго свѣта лились богатымъ потокомъ на нихъ—и безмолвныя поля и таинственный лѣсъ внимали ихъ задушевной бесѣдѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРАЗДНИКЪ СПАСА.

(Къ рисунку художника К. Свищевскаго).

Корзины яблоковъ румяныхъ
У храма вытянулись въ рядъ.
О, сколько вѣры въ прихожанахъ
О, умильный обрядъ!..

* *

На праздникъ Спаса не впервые—
Давно знакомой чередой—
Плоды садовъ, плоды земные
Окроплены святой водой...

* *

Да, велика Господня милость!
Завѣтныхъ яблокъ пышенъ рядъ...
Ни злобный червь, ни зной, ни хилость
Родной земли ихъ не страшатъ.

* *

Цвѣтутъ, краснѣютъ въ жаркомъ свѣтѣ,
Смѣясь, маня въ полдневный часъ...
Скорѣе въ садъ—и рвите, дѣти!
Пришелъ на землю праздникъ-Спасъ!..

В. Петровичъ.

КОНТРАБАНДИСТЫ.

Разсказъ.

(Окончаніе).

УТРОМЪ моонцы, за исключеніемъ Иоганна, пошли на торгъ. Кое-какъ, не безъ труда, отыскали они знакомаго имъ бѣглецу-земляку купца и съ помощью выразительныхъ жестовъ и болѣе или менѣе удачной мимики имъ удалось отрекомендоваться и объяснить, за чѣмъ они пришли. Впрочемъ, въ городѣ привыкли уже къ посѣщеніямъ контрабандистовъ и знали, что имъ требуется. На этотъ случай выработаны были даже особыя правила и обычаи. Такъ, купецъ, у котораго они покупали товаръ, обязанъ былъ и давать имъ содержаніе во все время пребыванія въ городѣ; зная честность контрабандистовъ, ихъ свободно пускали въ купеческія кладовыя и амбары выбирать себѣ товары и т. п. Наши моонцы были пріятно удивлены, когда купецъ, угостивъ ихъ славнымъ обѣдомъ съ виномъ, повелъ по своимъ складамъ и, показавъ, гдѣ находится его контора, отправился туда самъ, предоставивъ имъ выборъ товаровъ. Моонцы, въ сопровожденіи приказчика, ходили по обширнымъ кладовымъ и, нагрузивъ себя боченками съ спиртомъ, табакомъ, анкерами рома и связками матерій и пряжи, относили это и складывали каждый въ отдѣльную кучу. Потомъ, когда выборъ былъ оконченъ, начался торгъ.

Клади отдѣльно каждую штуку товара, и купецъ писалъ на черной доскѣ большими цифрами ея цѣну. Моонцы писали свою. Купецъ вновь писалъ съ уступкой противъ прежняго. И опять моонцы писали на доскѣ что, по ихъ мнѣнію, стоилъ товаръ. Это продол-

жалось до тѣхъ поръ, пока обѣ стороны не приходили къ соглашенію. Тогда все стиралось съ доски, купецъ и покупатель дружески ударили по рукамъ, вещь откладывалась въ сторону съ запиской, сколько она стоитъ, и торговля продолжалась далѣе. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ способѣ веденія дѣлъ моонцы могли отдѣлаться не скоро. Впрочемъ, они и не торопились. Дядя Алиасъ особенно пользовался вниманіемъ купца. Его усердіе всего угощали виномъ. И вотъ, когда въ послѣдній день пребыванія въ Висби онъ особенно угостился въ лавкѣ гостепріимнаго купца, ему пришлось нести на свою лодку довольно большую полосу купленнаго хорошаго желѣза. Но тутъ случилось грѣхъ. Дядя Алиасъ бодро взвалилъ себѣ на плечи тяжелое желѣзо и понесъ по тѣсной извилистой улицѣ въ гавань. Дойдя до конца улицы, онъ вдругъ почувствовалъ, какъ будто земля подъ его ногами движется. Онъ бережно опустил на землю желѣзо и затѣмъ опустился невдалекѣ отъ него самъ. Такъ онъ сидѣлъ, усиленно раздумывая, чтобы это значило.

Какъ вдругъ изъ-за угла выступилъ какой-то молодецъ, спокойно взвалилъ себѣ на плечи желѣзо и пошелъ впередъ. Какъ ни кружилось предъ глазами у дяди Алиаса, однако, его хозяйское око не могло вынести равнодушія такого зрѣлища. Онъ собралъ всѣ свои слабыя теперь силы и пошелъ за своимъ желѣзомъ, ворча:

— Э, курраты!.. Не дамъ своего добра!

Малый, между тѣмъ, дошелъ до пристани, отыскалъ лодку моонцевъ и бросилъ въ нее желѣзо. Дядя Алиасъ былъ этимъ несказанно удивленъ. Но взглянувъ пристальнѣе въ великодушнаго молодца, онъ узналъ въ немъ того самаго приказчика, который водилъ ихъ по товарнымъ амбарамъ. Догадливый и гостепріимный хозяинъ его, угадавъ состояніе дяди Алиаса, послалъ его послѣдить за покупателемъ и въ случаѣ нужды помочь ему.

Скоро всѣ дѣла были окончены, и лодка контрабандистовъ наполнена разными товарами. Моонцы разсчитались съ купцомъ привезеннымъ зерномъ и другими сельскими продуктами, поблагодарили и попрощались съ гостепріимными хозяевами и, выбравъ почку потемнѣй, вышли въ открытое море.

VI.

Погода благоприятствовала моонцамъ. Все время дулъ легкій попутный вѣтерокъ, солнце свѣтило ярко, и путники чувствовали себя превосходно. Укладываясь на третью ночь спать и глядя на почти безоблачное небо, Андрусъ и его товарищи уже мечтали вслухъ о благополучномъ возвращеніи на родной Моонъ. Только старый Алиасъ, оставшіяся на ночную вахту, молчалъ и неодобрительно кряхтѣлъ, поглядывая куда-то вдаль.

— Что, старый, скоро и ты увидишь свою Ингелъ?—спросилъ Иоганнъ.

Алиасъ посмотрѣлъ на него сумрачно и сказалъ:

— Ты глупъ, Иоганнъ!

Но парень весело засмѣялся въ отвѣтъ и прыгнулъ въ общую постель на дно лодки, между боченками и другими товарами.

Скоро дружный храпъ возвѣстилъ, что все на лодкѣ уснуло.

Алиасъ поправилъ парусъ, глянулъ на компасъ и сѣлъ на заднюю лавку, поближе къ рулю. Онъ глядѣлъ на небо и звѣзды. Странныя эти звѣзды: какъ будто тѣ, которыя были на небѣ, когда моонцы плыли сюда, а какъ

будто и не тѣ. Алиасъ, однако, перенесъ свое вниманіе съ звѣздъ на замѣченную имъ еще съ вечера тучку на горизонтѣ. Она съ того времени значительно увеличилась и какъ будто приближалась на встрѣчу лодкѣ. Вѣтерокъ, легко надувавшій парусъ, также какъ будто покрѣпчалъ. Алиасъ тревожно оглядѣлся кругомъ. По голубому звѣздному небу уже со всѣхъ сторонъ плыли легкія сѣрыя облака. Вѣтеръ вдругъ какъ-то сразу стихъ и большой парусъ повисъ безжизненно. Тихая безмолвная ночь глядѣла въ совѣтъ присмирѣвшее, гладкое, какъ стекло, безбрежное и бездонное море. Алиасу сдѣлалось жутко. Маленькая знакомая тучка успѣла уже разростись въ цѣлую грозную и черную тучу. Стоявшая тишина какъ будто еще увеличилась. Плывшія со всѣхъ сторонъ сѣрыя тучки стремились слиться съ надвигающейся большой. Черную пелену ея вдругъ красиво и мгновенно прорѣзала бѣлая зигзагообразная молнія, а вслѣдъ за нею разразился такой страшный ударъ грома, что, несмотря на крѣпкій сонъ послѣ дневнаго труда, спавшіе моонцы повскакали. Въ это-же время хлынулъ какъ изъ ведра дождь, а налетѣвшій ураганъ вѣтра подхватилъ и высоко подбросилъ лодку, такъ что Иоганнъ и Мадисъ опять упали.

Андрусъ бросился къ рулю. Но за него крѣпко и твердо держался Алиасъ.

— Садъсь на весла!—закричалъ Андрусъ и, занявъ мѣсто старика, сталъ самъ управлять движеніями своего утлаго судна. Вѣтеръ рвалъ паруса и ихъ поспѣшили убрать.

Несчастную старую лодченку, много выдававшую на своемъ вѣку, бросало и швыряло, какъ щепку, изъ стороны въ сторону. Порою ее такъ сильно наклоняло, что мачта едва не касалась воды, а боченки съ контрабанднымъ ступомъ глухо стучались межъ собою, перекачиваясь на другой бокъ. Андрусъ едва успѣвалъ направлять лодку поперекъ волны. Весла безсильно разсѣкали волны. Хлесталъ ручьями дождь, ревѣлъ и бѣшено рвалъ жалкія снасти вѣтеръ, а расходившіяся зеленныя и черныя морскія пучины казались вотъ-вотъ поглотить и навѣки схоронить въ своихъ бездонныхъ пропастяхъ дерзкую лодченку и дерзкихъ людей, безумно отважившихся пуститься на ней по этому бурному морю. Ужасъ положенія увеличивался еще темнотою. Хотя утро было уже близко, а можетъ быть, уже и наступило, но мракъ отъ волнъ расходившагося моря и цѣлыхъ потоковъ дождя такъ сгустился, что кое-что разглядѣть можно было лишь при блескѣ молніи. Моонцы замерли на своихъ мѣстахъ. Самый молодой изъ нихъ, Иоганнъ, просто обезумѣлъ отъ ужаса и ежеминутно ждалъ смерти, а самый старый Алиасъ мысленно каялся во грѣхахъ. Вдругъ Андрусъ почувствовалъ, что ногамъ его мокро.

— Вода въ лодкѣ!—закричалъ онъ во все горло.

— Хватай помпы!

Двѣ ручныя, самодѣльныя помпы были пущены въ ходъ. Но онѣ плохо помогали.

А волны, громоздясь одна на другую, все налегали и налегали на злополучную лодку. Нѣкоторые изъ нихъ уже захлестывали ее. Всѣ почувствовали, что гибели не миновать. Когда послѣ сильнѣйшаго порыва вѣтра настала промежутокъ, Андрусъ вдругъ закричалъ:

— Братцы, море не спроста разыгралось... Кто нибудь...—Новый порывъ вѣтра и дождя заглушилъ и унесъ вмѣстѣ съ сномъ брызги его слова, не давъ ихъ закончить. Однако,

всѣ, поняли, о чемъ говорилъ Андрусъ. И каждый подумалъ о сосѣдѣ. А море все бушевало. Вода уже кипѣла бѣлою пѣною вокругъ и лодка, казалось, кружится на мѣстѣ.

— Пусть кто нарушилъ нашъ договоръ и обманулъ купцовъ въ Висби, скажетъ намъ это!—вновь жалобно закричалъ—Андрусъ.

— Пусть говорятъ!..—послышались голоса Алиаса и Юганна. Вслѣдъ за этимъ съ носовой части, гдѣ стояла пушка и сидѣлъ Мадисъ, послышался трескъ и огонь. Угрюмый Мадисъ, блѣдный и взволнованный, вскочилъ съ своего мѣста, поспѣшно вытащилъ что-то изъ за пазухи и закричалъ не своимъ голосомъ:

— Это я... я укралъ!.. Своей жепѣ!... Прощайте, братцы!

долженъ былъ пройти 24 версты по берегу, осмотрѣть море и берегъ и возвратиться въсплать. Но, конечно, это только стояло въ инструкціи. На самомъ же дѣлѣ, стражникъ, выбившись изъ силъ, забивался гдѣ нибудь подъ кустъ и пережидалъ непогоду. Контрабандисты знаютъ, что сонъ-искуситель подкрадывается къ кордоннымъ послѣ полуночи, и въ это время и стараются причаливать къ берегу.

Въ эту ночь одна изъ такихъ лодокъ скользила осторожно и быстро по камышевымъ зарослямъ, густо устѣваннымъ берегъ. Въ ней сидѣли знакомые намъ Андрусъ и двое оставшихся въ живыхъ его товарищей. Быстро, словно чайка, подлетѣла лодка къ родному моонскому берегу, скользнула въ камыши и, немного погодя, стояла опять въ уютной ма-

скрессеній окачивалъ въ своей маленькой тѣсной церкви обѣдню, которую весьма набожно и чинно слушали православные прихожане о. Александра. На Моонѣ только шестая часть лютеранъ, остальные все православные. Не смотря на то, что полевые работы еще не закончились, въ церкви было многолюдно. Моонцы стояли направо, а моонки въ своихъ живописныхъ костюмахъ—ярко-красной шерстяной юбкѣ, вязаной цвѣтной кофтѣ или курткѣ и въ особенныхъ, дѣлаемыхъ только здѣсь на островѣ, башмакахъ, на высокихъ каблукахъ—на лѣво. Среди некрасивыхъ, чисто монгольскаго типа, женскихъ лицъ, выдѣлялось довольно милое, грустное лицо вдовы Мадиса, а въ толпѣ мужчинъ видѣлись серьезные корса-

Замаялась. Съ акварели художника А. Делобъ.

Какой-то свертокъ полетѣлъ къ ногамъ Андруса и, когда онъ упалъ на дно лодки, Мадиса уже не было въ ней. Мадиса подхватило море и унесло въ свое безбрежное, бездонное царство. А моонцы сняли свои шапки и съ исковерканными отъ ужаса, суровыми лицами молились и крестились дрожащими руками. Суевѣрный ужасъ ихъ и вѣра въ старые заветы еще болѣе увеличились, когда послѣ гибели Мадиса мало-помалу море стало стихать, и, наконецъ, буря смѣнилась волненіемъ, съ которымъ уже легко было справиться и лодкѣ. Моонцы шептали молитвы, какія знали съ дѣтства, по погибшемъ сосѣдѣ.

VII.

Стояла темная, почти осенняя ночь. Прибрежные камыши на Моонѣ лукаво шумѣли и пасмѣшивно покачивали своими верхушками, глядя, какъ солдаты-стражники съ кордона, проклиная свою участь, подъ мелкимъ дождемъ и холоднымъ вѣтромъ обходили береговую линію. Каждый такой дежурившій солдатикъ

ленькой бухточкѣ. Степенно вышли моонцы на берегъ, потомъ обернулись и посмотрѣли на море, которое проглотило одного изъ нихъ изъ за украденнаго, по ихъ мнѣнію, краснаго шелковаго платка, который оказался въ сверткѣ, брошенномъ предъ смертью Мадисомъ,—укоризненно покачали на море головами, вздохнули и привычными ловкими руками стали выгружать изъ лодки и прятать въ знакомыхъ камышахъ привезенные контрабандно товары. Забравъ кое-что съ собою, они молча и нерѣшительно направились къ видѣвшейся на берегу дорогой деревнѣ. Дойдя до перекрестка, Андрусъ сказалъ:

— Мадисъ мало везъ съ собою «оттуда» добра. Я его вдовѣ дамъ десятку, какъ все продамъ...

— И мы тоже!—сказали Алиасъ и какъ-бы постарѣвшій теперь Юганнъ. Затѣмъ сосѣди дружелюбно пожали другъ другу руки и разошлись по разнымъ концамъ деревни.

VIII.

Отецъ Александръ Б—кій, православный священникъ острова Моона, въ одно изъ во-

стия фигуры Андруса и Алиаса. Хоръ любителей съ участіемъ какой-то моонки, съ ребенкомъ на рукахъ, очень педурно пѣлъ церковныя пѣснопѣнія.

Отецъ Александръ, съ умнымъ, серьезнымъ и въ то же время открытымъ русскимъ, веселымъ и добродушнымъ лицомъ, окинулъ привычнымъ взглядомъ толпу своихъ прихожанъ и остановилъ свои сѣрые, живые глаза на выраженіи лица Андруса.

— Что-нибудь надѣлалъ Андрусъ,—подумалъ батюшка, хорошо знавшій своего прихожанина. Андрусъ тоже въ это время поднималъ глаза на священника и въ промежуткахъ между молитвеннымъ настроеніемъ и обдумываніемъ своихъ житейскихъ дѣлъ, размышлялъ:

— Вишь, батюшка-то нашъ... Смотрить на меня. Должно, чувствуетъ съ чѣмъ я пришелъ!..

— А хорошій человѣкъ, нашъ батюшка, ей Богу. Все-то онъ разсудитъ, разскажетъ тебѣ... И пошутитъ, а когда слѣдуетъ и поругаетъ.

И Андрусъ началъ усердно кланяться въ

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Н. САМОКИШЪ.

Въ горахъ.

землю, точно благодаря Бога за дарованіе ему и сосѣдямъ такого хорошаго батюшки.

Обѣдня окончилась и островитяне медленно стали выходить изъ церкви за ограду. Пятиглавая маленькая церковь, съ ярко зеленою крышею и куполами, стояла вся окруженная молодою изумрудною листвою березъ и кленовъ, у подножія которыхъ разстилался широкій, густой травяной коверъ.

Андрусъ, выйдя изъ церкви, направился къ каменной оградѣ, какими раздѣленъ весь Моовъ, изобилующій камнями, и прислонившись спиною къ этому естественному укрѣпленію, сталъ лѣниво наблюдать своихъ расходящихся островитянъ. Сзади всѣхъ бабъ шла жена Мадиса. На ея плечахъ былъ надѣтъ большой ярко-красный шелковый платокъ, а на правой и лѣвой сторонѣ груди блестѣли ярковычищенные старинныя серебряныя бляхи, въ видѣ щитовъ, передаваемые здѣсь по наслѣдству отъ матери къ дочери, съ древнѣйшихъ временъ. Андрусъ посмотрѣлъ въ лицо вдовы, глянулъ на красный платокъ и потупилъ голову. Ему стало вдругъ очень неловко. Онъ вспомнилъ о смерти Мадиса, о томъ, какъ онъ предложилъ кидать за бортъ всякаго гора, и на сердцѣ у него защемило.

— Курратъ,—сказалъ онъ себѣ, развѣ я виноватъ?—Но что-то все-таки было неладно на душѣ, и онъ поспѣшилъ вонъ изъ ограды къ церковному дому.

Отецъ Александръ въ это время уже перелѣзъ и сидѣлъ въ своемъ маленькомъ, уютномъ кабинетикѣ, дыма своею громадною, длинною трубкою въ видѣ калины, прихлебывая съ наслажденіемъ чай изъ стакана и въ то-же время заботливо просматривая приготовленные къ отсылкѣ въ епархію вѣдомости о присоединенныхъ къ православію и по другимъ церковнымъ дѣламъ. Дверь пріотворилась, и чей-то голосъ по-эстонски спросилъ: можетъ-ли войти къ батюшкѣ по одному дѣлу Андрусъ.

Отецъ Александръ отложилъ трубку въ сторону, поднялъ голову и разрѣшилъ войти.

Осторожно ступая огромными сапогами, Андрусъ вошелъ въ комнату и остановился у дверей.

— Что тебѣ, Андрусъ?—сказалъ по-эстонски отецъ Александръ.

Андрусъ началъ издаലെка. Онъ сначала пригласилъ свою непоколебимую вѣрность православною церкви и о томъ, что онъ всегда помнитъ о ней, а затѣмъ политично перешелъ къ необходимости поправить въ церкви икону и купить для нея еще масла и свѣчъ. Затѣмъ онъ смолкъ.

Духовный отецъ Андруса ничего изъ этого не понималъ, но какъ хорошо знакомый съ приемами мѣстнаго краснорѣчія и нравами своихъ прихожанъ, выжидалъ, что будетъ далѣе. Андрусъ немного помолчалъ, вздохнулъ и затѣмъ, къ удивленію отца Александра, полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда истрепанный кошелекъ, откуда извлекъ торжественно пятирублевку и съ достоинствомъ положилъ ее на столъ передъ священникомъ.

— Жертвую, батюшка, на нашу церковь!—сказалъ онъ еще болѣе торжественно:—Богъ помогъ мнѣ благополучно съѣздить за море и привезти оттуда всякаго товара довольно... Такъ вотъ...

И Андрусъ, улыбаясь отъ удовольствія, скромно отступилъ отъ стола.

Отецъ Александръ всталъ.

— Возьми, Андрусъ,—сказалъ онъ, подавая ему пятирублевку,—свои деньги. Такія жертвы ни Богу, ни его церкви не нужны...

И въ длинной, горячей рѣчи ревностный пастирь старался вразумить свою заблудшую овцу, наставляя ее на путь истинный.

Но кажется слова его падали на каменистую почву. Андрусъ съ оскорбленнымъ видомъ спрятавъ обратно свою ленту, политично дослушалъ вразумленіе своего батюшки и, поклонившись, направился домой. Раздумывая затѣмъ всю дорогу о случившемся, Андрусъ пришелъ къ заключенію, что лента его не принята была по своей малости...

М. Лисицынъ.

К О Н Е Ц Ъ .

Я Б Л О Ч К О .

Р а з с к а з ъ .

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь высился огромный каменный домъ, прежде стоялъ крохотный деревянный домикъ. Передъ нимъ, обнесенный покосившейся рѣшеткой, лежалъ узенькій палисадникъ, а сзади него тѣснился густой фруктовый садъ, полный ябловъ, вишневыхъ и грушевыхъ деревьевъ. Но новый владѣлецъ сорвалъ деревянный домикъ и выстроилъ себѣ роскошный дворецъ. Садъ срубили и оставили только одинъ небольшой уголокъ его передъ самымъ домомъ, гдѣ развели затѣйливый цвѣтникъ; остальные обрастили въ большой мощный дворъ и застроили сараями, конюшней и кухней.

За кухней, вдоль сосѣдняго забора, шелъ узкій проходъ, по которому, впрочемъ, никто никогда не ходилъ. Въ этомъ узкомъ забытомъ проходѣ осталась расти одна яблонька.

Яблонѣ было тѣсно и темно въ глухомъ углу двора. Съ одной стороны ей мѣшала заборъ, съ другой—стѣна кухни. Ее тянуло къ свѣту, къ простору. И понатужилась яблонька, и вытянулась она высоко, такъ что верхнія ея вѣтви переросли уже крышу кухни.

Весной яблонь зацвѣла. Нежные розоватые цвѣты обильно ея кудрявую верхушку словно бѣлыя свѣтлыя пушинки. Но некому было любоваться ея красотой. Одна только людская кухарка Анисья оторвется бывало на минуту отъ горячей печи, выставитъ въ окошечко свое раскраснѣвшееся лицо, обдеретъ о подоконникъ своими загорбѣлыми руками и скажетъ: «Вишь, красота-то какая». Но Анисья недосугъ застывать у окна. Поправитъ она платокъ на головѣ, вздохнетъ и спѣшитъ опять къ своимъ горшкамъ.

Мало-по-малу бѣлыя цвѣточки опали одинъ за другимъ. Листья развились, потемнѣли и прикрыли собой молоденькіе, еле замѣтные еще плоды.

На самой верхней вѣтви яблонь, на той, которая вытянулась къ свѣту Божьему изъ за крыши кухни, выросло яблочко. Сначала это былъ маленький зеленый шарикъ, вокругъ котораго еще лѣпились завядшіе и свернувшиеся лепесточки. Но вѣтеръ слегка подулъ, и лепестки опали; а зелененькій шарикъ остался крѣпко сидѣть на вѣточкѣ и съ каждымъ днемъ дѣлался все больше и больше. Скоро онъ сталъ уже величиной съ крупный грецкій орѣхъ.

Яблочко чувствовало, что оно растетъ и крѣпнеть,—и радовалось. Теперь оно смѣло выглядывало на міръ Божій изъ подъ прикрывавшихъ его листьевъ. Оно подставляло свой зарумянившійся бочекъ теплему солнышку и, тихо покачиваясь на высокой вѣткѣ, улыбалось голубому ясному небу и вливающимся высоко ласочкамъ.

Яблочко знало, что рано или поздно придетъ день, когда его кто-нибудь возьметъ и съѣстъ. Но оно этимъ не огорчалось. «Что-же, думало оно,—всѣмъ въ жизни полжепо быть полезнымъ. Стыдно быть ни на что непригоднымъ. Одно только у меня желаніе: я хотѣло-бы вырасти большимъ-большимъ; я хотѣло-бы быть очень сладкимъ и вкуснымъ, чтобы доставить какъ можно больше удовольствія тому, кто меня съѣстъ».

И яблочко все думало да гадало, кому-то оно достанется.

Поверхъ крыши кухни яблочко часто смотрѣло кругомъ; но домъ, дворъ и цвѣтникъ на томъ краю двора были пусты: владѣлецъ дома съ семьей жилъ еще на дачѣ. Смотрѣло яблочко и за чужой заборъ. Но тамъ, по угламъ грязнаго, неметеннаго двора ютились бѣдные дома съ дешевыми квартирами, и яблочку все тамъ казалось такимъ невзрачнымъ, что оно скорѣе отворачивалось.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день на дворѣ и въ кухнѣ поднялась возня, господа вернулись съ дачи. И вотъ разъ яблочко увидало въ цвѣтникѣ двухъ маленькихъ дѣвочекъ—одну побольше, другую поменьше. Обѣ были въ одинаковыхъ розовыхъ платьицахъ и бѣлыхъ фартучкахъ; у обѣихъ густые бѣлыя кудры волосы, распущенные по плечамъ, а на теменіи связаны большимъ розовымъ бантомъ.

— Ахъ, какія милыя, нарядныя дѣтки,—думало, любясь ими, яблочко.—Вотъ кому я желало бы достаться. Я увѣрена, что имъ доставитъ большое удовольствіе скушать меня.

Дѣвочки стали приходить въ цвѣтникъ каждый день въ опредѣленный часъ. Онѣ всегда были одѣты одинаково; онѣ играли такъ мило въ куклы, мячикъ или въ веревочку и никогда не ссорились. Съ ними всегда была французская гувернантка.

— Ахъ, если бы нарядныя дѣтки видѣли меня; если бы онѣ пришли хоть разокъ взглянуть и полюбоваться мною,—думало яблочко, слѣдя за ихъ играми.—Имъ-бы навѣрное захотѣлось меня съѣсть.

И нарядныя дѣтки разъ пришли. Яблочко, однажды, увидало, какъ онѣ выпорхали одѣ, безъ французженки, въ цвѣтникъ, какъ, оглядѣвшись кругомъ, взяли за руки и стрѣлой перебѣжали дворъ. Вдругъ онѣ показались около кухни, въ тѣсномъ проходѣ.

— Вотъ она,—сказала старшая,—Даша правду говорила.

— И сколько яблочковъ на ней, смотри, смотри!—воскликнула младшая, и обѣ въ восхищеніи уставились на яблоню. Но въ эту минуту въ окнѣ кухни показалась голова Анисьи.

— Что это вы тутъ, барышни? Печа сказать, вздумали гулять гдѣ—на грязномъ дворѣ. Дѣвочки струсилы и крѣпче сжали другъ-другу руки.

— Мы такъ; мы только яблоньку посмотрѣть,—сказала старшая.

— Вотъ мамзель ваша увидитъ—заругаетъ васъ. Не велѣло барскимъ дѣтямъ возлѣ прислуги быть. Ай ай-ай, барышни, какъ стыдно.

Нарядныя дѣтки не понимали, что-же тутъ стыднаго, но про запрещеніе знали.

Старшая сказала: «Анисья, милая, а ты не говори никому»—и взглянула на старуху-кухарку ласковымъ просиющимъ взглядомъ.

— Ишь, шустрая какія,—отозвалась Анисья—на этотъ разъ мягкимъ голосомъ.

— Mademoiselle больна, насъ отпустили сдѣлать въ садъ, мы и приближили. Это Даша намъ сказала, что тутъ есть яблоня,—затараторила, ободрившись, младшая.

Но онѣ все-таки боялись, что ихъ хватятся, и скоро убѣжали.

Гувернантка навѣрное серьезно расхворалась, потому что дѣвочки долгое время ходили однѣ въ двѣтнички. Онѣ часто прибѣгали смотрѣть на яблоню. Анисья привыкла къ ихъ приходу и не ворчала. Напротивъ, она высовывалась въ окно и вступала съ ними въ бесѣду.

— Анисья, скоро-ли поспѣютъ яблочки? — спрашивали дѣвочки.

— А вотъ недѣльки черезъ двѣ и ѣсть уже можно будетъ.

— Недѣли черезъ двѣ, — тянула недовольнымъ тономъ младшая.

— А вамъ не терпится. А вотъ станете каждый день кушать — и притѣсья успѣте.

— Да, да, каждый день буду ѣсть, — говорила дѣвочка. — Каждый день по яблочку — вѣтъ, по два. Это надолго хватитъ?

Въ другой разъ разговоръ шелъ иной. Анисья разсказывала, какія пирожины можно приготовить изъ яблоковъ.

— Что-жъ, мало-ли что поваръ можетъ вамъ сдѣлать: воздушный пирогъ, али мусъ...

— Еще пончики, Анисья, знаешь, такіе — цѣлое яблочко еще тамъ лежитъ.

— А то еще испечь можно — и съ сахаромъ...

— А ужъ если хотите, барышни, я вамъ пирогъ испеку — такой, что ну, вотъ какой будетъ — куда поварской!

— Ахъ, да, пирогъ, много-много яблоковъ и сверху переплетъ изъ тѣста.

Дѣвочки и не гodoзрѣвали, что тамъ, наверху, слушаетъ ихъ яблочко. А яблочко, между тѣмъ, думало себѣ:

— Конечно, все это хорошо: быть испеченнымъ, и попасть въ сладкій пирогъ или пончики. Все это вещи вкусныя, но мнѣ хотѣлось-бы другого. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы нарядныя дѣтки сѣли меня просто, чтобы увидали, какое я само по себѣ красивое и какое я вкусное и сладкое. Ахъ, если бы онѣ сѣли меня и похвалили. — Да неужели же онѣ не увидятъ меня, не замѣтятъ!

Въ одинъ прекрасный день нарядныя дѣтки увидали его. «Видишь, — сказала одна другой, и тамъ, на самомъ верху, есть яблочко». Но особеннаго вниманія онѣ на него не обратили — вѣдь яблоковъ было такъ много на деревѣ.

— Что-же это такое? — мучилось яблочко. Развѣ онѣ не видятъ, что я болѣе спѣлое, чѣмъ другія. Я поспѣю первымъ — а вѣдь это что-нибудь да значить.

Дѣйствительно яблочко уже созрѣло почти совсѣмъ. Снаружи оно стало румянымъ, а внутри бѣловато-желтымъ; между твердыми перепонками сердцевины лежали потемнѣвшія уже сѣмячки.

Между тѣмъ наступили дождливыя осеннія дни. Съ утра на ясное небо набѣгали большія облака, волокнистыя, бѣлыя; только въ серединѣ или на нижнихъ краяхъ они были свѣтло-сѣрыя; потомъ они сливались мало-по-малу въ одну большую тучу. Солнышко пряталось, а большая сѣрая туча заволакивала все небо. Мѣстами она точно вздувалась, и на землю падалъ дождь. А то просто прибѣжить откуда то тучка и выльется частымъ крупнымъ дождемъ. Кругомъ ясное небо, свѣтитъ солнышко — и блестя въ его лучахъ дождевыя капли, точно граненый хрусталь. Скоро стало совсѣмъ хмуро и пасмурно. Поднялся вѣтеръ, суровый, холодный. Колеблетъ онъ вѣтки яблони, трясетъ ихъ, а больше всего достается верхней вѣткѣ — и качается наше яблочко изъ стороны въ сторону.

— Неужели, думало яблочко, — вѣтеръ соро-

ситъ меня съ моей вѣточки. А мнѣ всего нѣсколько дней остаться бы на мѣстѣ — а бы тогда совершенно поспѣло.

— Хоть бы нѣсколько дней всего, — тосклико мечтало яблочко; можетъ быть тѣмъ временемъ пришли бы дѣтки. Вотъ было бы хорошо! Онѣ стояли бы тутъ, а я бы упало — онѣ увидали-бы меня, подбѣжали, подняли бы. И лучшей участи я не желаю.

Но нарядныхъ дѣтокъ не выпускали въ такую погоду; онѣ сидѣли въ комнатахъ и забавлялись игрушками. Оѣ яблонѣ они забыли, потому-что у нихъ было много другихъ развлеченій: и книжекъ съ картинками, и куклы, и театръ. Да и яблоки, груши и сливы имъ приносили каждый день изъ магазина.

И вотъ однажды вѣтеръ бушевалъ еще сильнѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе дни. Казалось, онъ перегонялся съ кѣмъ нибудь вдоль угловъ дома, кухни и сараевъ. Онъ свистѣлъ, ревѣлъ и леденилъ все своимъ дыханіемъ. Цвѣты въ саду съжались, только выносливыя георгины качали безсмысленно своими глупыми круглыми головами, да астры смотрѣли прямо и смѣло въ самое небо, потому что холодъ и вѣтеръ имъ были ни по-чѣмъ.

Вдругъ вѣтеръ набросился на яблоню и съ яростью началъ трясти ее. Она, бѣдная, даже закричала. Верхняя вѣточка безпомощно замоталась изъ стороны въ сторону — и вдргъ...

Яблочко не успѣло вымолвить: ахъ! — какъ оно уже оторвалось отъ вѣточки. Вѣтеръ подхватилъ его и далеко отшвырнулъ. Яблочко перелетѣло черезъ заборъ и упало на сосѣдній дворъ — на тотъ самый, который всегда казался ему такимъ грязнымъ и некрасивымъ, что не стоило и глядѣть въ его сторону.

На этомъ некрасивомъ дворѣ играли двое дѣтей: сынъ сапожника Степка и Дуня, прачкина дочь. Дуня было три года, а Степкѣ шесть.

— Ты смотри, Дунька, ты будешь мамкой, а я нашей Цыганкой. Ты будешь варить щи, а я на тебя лаю; ты гнать меня будешь.

Дуня становится за дрова, около забора, и начинаетъ возиться возлѣ одного полѣна: кладетъ на него щепочки и мѣшаетъ ихъ кусочкомъ бересты — это она щи варить. Изъ за дровъ на четверенкахъ выползаетъ Степка: «амъ, амъ». «Ну ты!» — говоритъ Дуня и замахивается на Цыганку. А Цыганка все лѣзетъ: «амъ, амъ». «Пошелъ, пошелъ», — кричитъ Дуня. Но на Цыганку ничего не дѣйствуетъ; она бросается на щепки и дѣлаетъ видъ, что ѣстъ. Дуня поднимаетъ плачь отъ неожиданнаго конца игры.

— Дунька, да чего ты? Цыганка щип твои сѣбля, — поясняетъ мальчикъ и р дуется своей выдумкѣ.

Но это то и обидно Дунькѣ; она не перестаетъ плакать.

Какъ разъ въ это время яблочко и упало на чужой дворъ.

— Дунька, глядь, что тамъ лежитъ. Дунька! — говоритъ Степка, не зная, чѣмъ унять дѣвочку, и онѣ бѣжитъ за яблочкомъ.

Мальчикъ поднялъ яблочко и суетъ его въ руку Дунькѣ. Дунька поглядѣла, поглядѣла и откусила. Слезы остановились на глазахъ, высохли на щекахъ. Она откусила еще, а потомъ серьезно протянула яблоко Степкѣ. Откусила и онѣ, а потомъ опять она.

За дровами почти совсѣмъ тихо, вѣтеръ бушуетъ гдѣ-то тамъ надъ ихъ головами. Яблочко такое вкусное, сладкое — и большое, большое...

Исполнилась заветная мечта яблочка!..

XVI-я ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ.

Въ этомъ номерѣ мы помѣщаемъ еще четыре рисунка изъ серіи зданій Нижегородской выставки. Прежде всего видѣтся величественная постройка главнаго входа въ центральное зданіе. Гигантскимъ кругомъ раскидываются направо и налѣво богатые павильоны-отдѣлы. Сперва мы вступаемъ въ царство желѣза, серебра, золота, олова, цинка, свинца, никеля... Далѣе идутъ издѣлія изъ дерева, мануфактурныя вещи, музыкальный, типографскій отдѣлы. Затѣмъ выдвигаются шерсть, хлопокъ, ленъ, пенька, парча, глазеть. Въ серединѣ колоссальнаго центрального зданія находится музыкальный павильонъ, гдѣ даются концерты. Всѣ вышеупомянутые интересные отдѣлы центрального зданія раздѣляются, такимъ образомъ, на четыре главныя части — горное дѣло, фабрично-ремесленное дѣло, художественно-промышленныя экспонаты и издѣлія изъ волокнистыхъ веществъ. На нашемъ рисункѣ, налѣво отъ главнаго входа въ центральное зданіе, видѣтъ въ отдаленіи царскій павильонъ, о которомъ мы уже упоминали. Еще лѣвѣе видѣтся павильонъ кяхтинскихъ чаоторговцевъ, въ чисто китайскомъ вкусѣ. Задачею устроителей павильона было представить состояніе торговли Россіи съ Китаемъ и Японіей и указать: что можно и что нужно сдѣлать для упроченія нашего торговаго вліянія и для борьбы съ иностранной конкуренціей на дальнемъ Востокѣ. Здѣсь выставлены образцы всѣхъ товаровъ, которые составляютъ предметъ привозной и отпускнуя торговли Китая и Японіи. Всѣ коллекціи объяснены: даны названія товара на разныхъ языкахъ, цѣны, указано, гдѣ товаръ изготовленъ, куда идетъ, оборотъ съ этимъ товаромъ. Для того, чтобы наши фабриканты и торговцы могли ближе ознакомиться со страной и тѣмъ выяснять себѣ значеніе ввоза тѣхъ или иныхъ товаровъ и намѣтить такіе товары, которые хотя нынѣ и не ввозятся, но могутъ найти сбытъ, на выставкѣ возможно полно представлена бытовая обстановка Китая, преимущественно смежной съ нами сѣверной Монголіи. Конечно, подробно представлено и чайное дѣло — искони русское; здѣсь исторіи чайнаго дѣла, образцы почвъ, чая, иллюстрація производства, модели машинъ, употребляемыхъ для обработки чайнаго листа, и статистическія таблицы...

Переходимъ къ интересному изыщному главному павильону рѣчного торговаго судоходства. Экспонаты рѣчного и морского торговаго судоходства выставлены въ четырехъ зданіяхъ, общео площадью въ 280 кв. саж. Главный павильонъ проектированъ академикомъ Л. Я. Урлаубъ и красиво декорированъ; впереди его высится стройная мачта. Въ этомъ павильонѣ выставлены: экспонаты морского судоходства за исключеніемъ Каспійскаго и Бѣлаго морей. Наиболѣе обширное мѣсто въ этомъ павильонѣ занято планами и чертежами русскихъ морскихъ портовъ, экспонируемыми временной комиссіей по устройству коммерческихъ портовъ и экспонатами нашихъ главнѣйшихъ мореходныхъ предприятий, а именно комитета добровольнаго флота и русскаго общества пароходства и торговли. Экспонаты, касающіеся Бѣлаго моря, выставлены въ боковомъ павильонѣ. Другая половина его, второй павильонъ и часть зданія инженернаго отдѣла заняты экс-

Главный входъ въ центральное здание.

Павильонъ рѣчного и морского торговаго судоходства.

СТАВКА ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ 1896 ГОДА.

Павильонъ Волжско-каспійскаго судоходства.

Павильоны цементныхъ заводовъ (См. описание).

понатами по группѣ рѣчного торгового судоходства и судостроенія.

Не ограничиваясь главными отдѣлами и большими павильонами, мы помѣщаемъ и снимки съ болѣе маленькихъ зданій выставки, выдающихся по своему устройству и интересу. Такъ, напримѣръ, экспонаты, относящіеся къ бассейна р. Волги и Каспійскаго моря, сосредоточены въ особомъ прекрасномъ павильонѣ. Здѣсь можно детально ознакомиться со всей Волгою, съ обстановкою судоходства, съ грузовымъ движеніемъ, видами мѣстностей и городовъ, гидротехническими сооружениями и работами. Посрединѣ павильона помѣщены почетные представители русскаго рѣчного флота: «Верейка» и «Плезиръ»—яхты, построенныя Петромъ I, на первой изъ нихъ рѣзба сдѣлана самимъ Великимъ Пресобрателемъ. Тутъ же находится модель кате-

ра, на которомъ совершала путешествіе по Волгѣ Императрица Екатерина II. Большой интересъ представляютъ модели судовъ Волги, начиная отъ старинныхъ до современныхъ, а также коллекція судовыхъ украшеній, столь красивыхъ и разнообразныхъ на Волгѣ. По стѣнамъ павильона, на окнахъ и на щитахъ развѣшана масса рисунковъ, картинъ и фотографій видовъ рѣкъ волжскаго бассейна.

Затѣмъ мы даемъ снимокъ павильона, трехъ цементныхъ заводовъ: Товарищества Рижскаго цементнаго завода Шмидта, общества для производства бетонныхъ и строительныхъ работъ и московскаго общества для производства цементныхъ и другихъ строительныхъ матеріаловъ. Легкая красивая постройка, изящно сконпанованная изъ одного цемента, привлекаетъ массу любующейся публики.

Въ заключеніе добавимъ нѣсколько словъ о военно-морскомъ отдѣлѣ, снимокъ съ павильона котораго былъ уже помѣщенъ у насъ. Въ числѣ моделей судовъ русскаго военнаго флота, которыя размѣщены по всему отдѣлу, интересна модель крейсера 1-го ранга «Память Азова», на которомъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ совершилъ въ 1890 г. плаваніе изъ Средиземнаго моря черезъ Суецкій каналъ во Владивостокъ, и модель ботика «Дѣдушка русскаго флота», принадлежащаго Императору Петру I и тщательно хранимаго въ С.-Петербургѣ. Всѣ модели судовъ исполнены въ модельной мастерской при морскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ. Живая исторія нашего военно-морскаго дѣла ясно и наглядно является передъ глазами посѣтителя.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

III. Первая стычка.

ЖЕДЪЛИ три до разговора графини съ де-Саллерномъ, въ парижскихъ газетахъ было напечатано:

«Въ Парижъ пріѣхалъ одинъ изъ богатѣйшихъ промышленниковъ въ Чикаго, господинъ Максимъ Гаррисъ. Его состояніе, говорятъ, превосходитъ полтора миллиона. Его сопровождаетъ дочь, прелестная молодая дѣвушка съ своей воспитательницей, нашей соотечественницей, и его сестра, миссъ Дерсонъ, замѣчательная и достойная женщина. Онъ занялъ въ отелѣ «Бристоль» то самое помѣщеніе, которое обыкновенно занимаетъ принцъ Уэльскій».

Что тетка Пальмира приложила свою руку къ этимъ строкамъ, было несомнѣнно изъ словъ, упоминавшихъ объ ней. Миссъ Джэнь нѣсколько успокоилась во время дороги и стала надѣяться на лучшее будущее, такъ что когда они пріѣхали въ Парижъ, куда они направились прямо, она была довольно спокойна.

Когда Гаррисъ на другое утро по пріѣздѣ проснулся и взглянулъ въ окно, онъ пришелъ въ восторгъ отъ открывшейся передъ нимъ перспективы, хотя рѣшилъ было ничѣмъ не восхищаться, — видъ Америки ничего не можетъ быть хорошаго. Одѣвшись, онъ потребовалъ управляющаго отелемъ и сдѣлалъ распоряженія относительно различныхъ экипажей и затѣмъ отправился къ своей дочери, чтобы условиться съ ней и миссъ Дерсонъ относительно поѣздокъ, прогулокъ и т. д. Онъ хотѣлъ все видѣть, и Булонскій лѣсъ, который не могъ быть такъ хорошъ, какъ Джексонъ-Паркъ, и театры, и кафе-шантанъ, и Версаль, и памятники, — только музеи не интересовали его. Затѣмъ онъ приказалъ Джэнь узнать адреса лучшихъ ювелировъ, портныхъ, швей, а когда послѣ завтрака она ушла съ Мари одѣваться, онъ сказалъ своей сестрѣ, чтобы она не забыла главной цѣли пріѣзда.

— Дорогой Джо, — сказала она, — не пройдетъ мѣсяца, какъ я представлю тебѣ зятя, полужигерцога де-Сабріа. Положись на меня.

И дѣйствительно не прошло часу, какъ она, въ роскошномъ, но строгомъ туалетѣ, звонила у господина Артура Дэмарея, къ кото-

рому у нея было рекомендательное письмо изъ Нью-Йорка. Ее ввели въ богато и изящно убранную гостиную, и черезъ минуту попросили въ кабинетъ, гдѣ ее встрѣтилъ господинъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, почтительно поклонившись, подвинулъ ей кресло. Только когда она сѣла, онъ самъ сѣлъ къ своему письменному столу. Это былъ самъ Артуръ Дэмарей, изящный господинъ пятидесяти лѣтъ, съ умнымъ лицомъ, насмѣшливымъ взглядомъ, скрывавшимся подъ золотыми очками, улыбающійся, говорящій догматически. Бывшій помощникъ нотариуса, онъ прекрасно изучилъ законы, относящіеся къ бракамъ, и лѣтъ пятнадцать тому назадъ основалъ свое агентство, которое пользовалось большою славой, благодаря его ловкости, умѣнію беречь тайны и относительной честности. Онъ зналъ наперечетъ всѣхъ жениховъ и невѣстъ и имѣлъ сношенія со всѣми брачными бюро въ Европѣ и Америкѣ. Прежде чѣмъ Пальмира успѣла произнести слово, онъ заговорилъ:

— Милостивая государыня, меня увѣдомили изъ Нью-Йорка о вашемъ посѣщеніи.

И онъ граціозно взялъ письмо, которое подала ему миссъ Дерсонъ. Прочитавъ его, онъ сказалъ:

— Мнѣ остается только выслушать васъ и исполнить ваше желаніе. Въ чемъ дѣло?

Тетка Пальмира объяснила ему, зачѣмъ она съ братомъ и племянницей пріѣхала въ Парижъ, объяснила ихъ семейныя и денежныя обстоятельства, описала Джэнь, ея красоту, образование.

— Намъ непременно нуженъ принцъ, герцогъ, маркизъ или графъ старой знати, — прибавила она. — Онъ долженъ быть молодымъ и красивымъ, чтобы понравился миссъ Джэнь Гаррисъ, не смотря на все желаніе сдѣлать изъ нея знатную даму, насильно мы ее не выдадимъ.

Сестра Максима видимо не хотѣла, чтобы агентъ зналъ о ея полномъ несогласіи съ племянницей. Она скрывала свой заговоръ. Она не знала, что такое любовь, не вѣрила въ ея силу и не ждала особеннаго сопотвѣщенія со стороны миссъ Джэнь, считая ея отношенія къ Марселю Рено за флиртъ. Но все же вѣдь она могла не захотѣть стараго и некрасиваго мужа...

— Будете покойны, сударыня, — отвѣчалъ

Дэмарей, — мы найдемъ вашей племянницѣ мужа вполне ея достойнаго. Я попрошу васъ только прислать мнѣ портретъ миссъ Джэнь Гаррисъ.

— Я предвидѣла вашу просьбу, вотъ ея карточка, она свята годъ тому назадъ. Послѣ смерти матери дорогая дѣвочка не хотѣла сниматься.

Брачный агентъ взялъ карточку.

— Прелестна, въ самомъ дѣлѣ прелестна. Ваша племянница можетъ обойтись и безъ приданаго. Я попрошу вашъ адресъ.

— Мы остановились въ гостиницѣ «Бристоль», но мой братъ хочетъ взять квартиру. Въ гостиницѣ не чувствуешь себя дома. Если я не получу отъ васъ увѣдомленія до нашего пріѣзда, я пришлю вамъ нашъ новый адресъ.

— Превосходно.

— Я попрошу васъ, чтобы ваше письмо не выдавало своего происхожденія. Г-да Паррей въ Нью-Йоркѣ пользуются конвертами, на которыхъ крупно отпечатанъ адресъ и занятія. Это не деликатно. — Госпожа Дерсонъ думала обо всемъ.

— Вы вполне правы. Я вообще не слѣдую ихъ примѣру.

— До свиданія.

— До свиданія, до скорого, я вполне увѣренъ.

И почтенный Артуръ Дэмарей церемонно проводилъ свою посѣтельную до дверей. Вернувшись въ кабинетъ, онъ досталъ огромный фоліантъ, въ который у него были внесены имена всѣхъ жаждущихъ вступить въ бракъ, и мужчинъ и женщинъ. Противъ cadaго имени стояли самыя точныя свѣдѣнія о возрастѣ, характерѣ, достоинствахъ и недостаткахъ, средствахъ и происхожденіи. Кроме того у господина брачнаго агента были связи во всѣхъ слояхъ общества, знакомства въ родѣ графини де Пенгре, при помощи которой онъ уже не одну парочку обвѣнчалъ. Проектъ женить Саллерна на Оливіи Грумеръ былъ затѣянъ имъ сообща и долженъ былъ принести имъ двѣсти тысячъ франковъ. Дэмарею снѣшлось поправить эту чуждачу, и госпожа Дерсонъ явилась очень кстати.

Тѣмъ временемъ Максимъ Гаррисъ и его дочь, каждый по своему, воспользовались своей свободой. Джэнь отправилась, съ разрѣшенія отца, съ Мари Бренъ къ ея роднымъ.

Онѣ поѣхали къ двоюродной сестрѣ Мари, госпожѣ Моренъ, женѣ флотскаго офицера, который въ это время былъ въ Сенегалѣ. Мари постоянно съ ней переписывалась. Госпожа Моренъ была очень рада своимъ гостямъ и съ удовольствіемъ согласилась позволить чикагскимъ друзьямъ Мари писать на ея адресъ; Мари не могла дать имъ точнаго адреса, потому что господинъ Гаррисъ не рѣшилъ, куда они поѣдутъ. Послѣ довольно долгой, сердечной бесѣды, кузины согласились часто видѣться, пока Мари будетъ въ Парижѣ. Потомъ Джэнь и Мари поѣхали на телеграфную станцію, и Мари послала слѣдующую телеграмму: «Рено, французскому консулу, Чикаго. Благополучно пріѣхали. Жители гостиницы Бристоля. Писать двойнымъ конвертомъ госпожа Моренъ, 72, улица Аскасъ».

— Все?—спросила Мари Бренъ у Джэнь, которая слѣдила за перомъ.

— Да, почти.

— Какъ, почти? Ахъ, да, забыла!

И она приписала: «О васъ думаютъ много».

Джэнь подѣловала свою пріятельницу, которая сказала со смѣхомъ:

— Ну, этого я не могу послать ему по телеграфу.

Черезъ минуту молодая женщина сѣла въ экипажъ и вернулась домой. Максимъ Гаррисъ со своей стороны не терялъ времени. Прежде всего онъ заявился у своего посланника и узналъ, по какимъ днямъ тотъ принимаетъ. Затѣмъ онъ отправился къ секретарю посольства, распросилъ его объ американской колоніи; отсюда онъ поѣхалъ въ агентство братьевъ Петерсъ, которыхъ ему рекомендовалъ Джонъ Картеръ. Эти братья Петерсъ, англичане, пользовались большою извѣстностью у туристовъ, боявшихся, что ихъ станутъ эксплуатировать. Они доставляли свѣдѣнія о различныхъ поставщикахъ, поставляли желающимъ вполне меблированные квартиры, виллы въ купальныхъ городахъ, прислугу, лошадей, вина и всякіе продукты. При ихъ агентствѣ существовало прекрасно устроенная читальня. Имя банки они принимали деньги на храненіе и давали въ займы. Несомнѣнно, что Гаррисъ былъ встрѣченъ низкими поклонами. Узнавъ, что Гаррисъ желаетъ провести мѣсяца три-четыре въ Парижѣ, младшему Петерсу не стоило большого труда уговорить его оставить гостиницу и перѣхать въ квартиру, гдѣ ему будетъ гораздо удобнѣе. Тѣмъ болѣе что у нихъ подъ руками хорошее помѣщеніе, — владѣлецъ его, богатый бразиліанецъ, уѣхалъ на цѣлый годъ въ Рио-де-Жанейро. Домъ расположенъ среди американской колоніи, вполне удобно для Гарриса. Отъ можетъ занять его основательно устроенный, черезъ три дня. Что касается мѣста для купанія, Петерсъ младшій предпочиталъ Діеппъ, тамъ, по его мнѣнію встрѣчается лучшее общество и тамъ у нихъ есть свободная вила. Максимъ Гаррисъ во всемъ съ нимъ согласился, далъ ему разрѣшеніе дѣйствовать по своему усмотрѣнію и вернувшись домой, гдѣ засталъ всѣхъ довольными проведеннымъ днемъ. Обѣдъ прошелъ весело. Черезъ три дня Гаррисы перѣехали въ роскошное помѣщеніе по близости Елисейскихъ полей. Помѣщеніе было устроено очень удобно, хотя можетъ быть убранство комнатъ нѣсколько бросалось въ глаза. Комнаты Джэнь и дѣвнцы Бренъ лежали въ сторонѣ, что давало имъ возможность уединяться отъ миссисъ Дерсонъ. Прекрасныя лошади стояли на конюшнѣ. Поваръ, метръ-д'отель,

два лакея и кучеръ дополняли служебный персоналъ. Уилли и Кэтъ быстро сошлись съ своими парижскими коллегами, и Джо. былъ очень радъ привычному комфорту. Миссъ Джэнь со страхомъ смотрѣла на это устройство, предвѣщавшее продолжительное пребываніе въ Парижѣ; Мари старалась ее успокоить, хотя нисколько не сомнѣвалась, что ни Гаррисъ, ни тетка Пальмира не откажутся отъ своего намѣренія. Джэнь съ тоской размышляла, хватить ли у нея силъ сопротивляться отцу, если тому вздумается выдать ее за другого, а не за Рено. Сердце ея сжималось, и она иногда даже сожалѣла, что не послушалась совѣтовъ Самми.

Максимъ Гаррисъ быстро завязалъ знакомства въ американской колоніи и въ парижскомъ обществѣ. Миссисъ Дерсонъ и миссъ Джэнь принимали отъ пяти до семи часовъ, каждый день много выѣзжали, посѣщали бѣга. Каждое утро Джэнь и Мари ѣздили верхомъ въ сопровожденіи самого Гарриса, или за ними слѣдовалъ Уилли. Прелестныя amazonки обратили на себя всеобщее вниманіе. Появленіе миссъ Джэнь въ Оперѣ возбуждало восторгъ и любопытство. Она дѣйствительно была очень хороша въ своемъ полутраурномъ нарядѣ. Не прошло двадцати четырехъ часовъ, какъ ея имя, происхожденіе, богатство стали всѣмъ извѣстны.

Марсель поторопился отвѣтить на телеграмму, и первыя строки его письма привели Джэнь въ восторгъ, но конецъ письма очень огорчилъ. Марсель благодарилъ за память, писалъ, какъ былъ счастливъ, получивъ отъ нея извѣстіе, напоминалъ ихъ разговоры, ея обѣщанія, просилъ не забыть данныхъ ею клятвъ. Хотя очень сомнѣвался, хватить ли у нея мужества противиться отцу. «Васъ могутъ изъ за меня огорчать, мучить. Не поставите ли вы мнѣ тогда въ упрекъ данныя вами обѣщанія. Нѣтъ, Джэнь, пожертвуйте мной и думайте, что я люблю васъ для васъ самихъ, а не для себя», — писалъ онъ.

«Какъ», — подумала бѣдная дѣвушка, — онъ полагаетъ, что я могу забыть его и зарпѣе возвращаю мнѣ свободу», — и она горько заплакала.

Мари съ трудомъ удалось успокоить ее, доказывая ей, что красавецъ-консулъ вовсе не такъ легко расположенъ отказаться отъ негъ, и что онъ больше разсчитываетъ на ея мужество, чѣмъ выражаетъ это въ письмѣ, и посоветовала отвѣчать ему скорѣе. Мари Бренъ не находила ничего предосудительнаго, поощряя переписку молодыхъ людей, любовь которыхъ благословила покойная миссисъ Гаррисъ. Джэнь заперлась у себя въ комнатѣ и написала Марселю длиннѣйшее письмо, прося его не сомнѣваться въ ней. «Перечтите строки, которыя я вамъ написала передъ отъѣздомъ. Я не измѣнилась, и издали протягиваю вамъ лобъ и обѣ руки. Ваша Джэнь».

Вложивъ письмо въ конвертъ, она отнесла его Мари.

— Прочтите, что я пишу ему, — сказала она.

— Если бы твоя мать была здѣсь съ нами, могла ли бы она прочесть его? — спросила Мари.

— Конечно! Отъ строки до строки.

— И послѣднюю строчку?

Джэнь покраснѣла, но отвѣчала утвердительно.

— Пойдемъ, отдадимъ его на почту.

И нѣсколько минутъ спустя, молодая женщина подъ руку весело отправилась въ почтовое отдѣленіе. Вечеромъ Максимъ Гаррисъ и миссисъ Дерсонъ не узнавали Джэнь, такъ

она была весела; нѣсколько слѣдующихъ дней веселость ея не проходила, отецъ и тетка видѣли здѣсь вліяніе Парижа и торжествовали. Но въ одинъ вечеръ въ Оперѣ Джэнь не могла скрыть своего удивленія и неудовольствія. Въ антрактѣ дверь ложи отворилась, и вошелъ нѣкто Уильямъ Гордонъ, американецъ, великій спортсменъ и кутила, съ которымъ Гаррисъ уже раньше познакомился; онъ вошелъ въ сопровожденіи изящнаго и красиваго молодого человѣка, который, поклонившись Гаррису и миссисъ Дерсонъ, почтительнѣйше передъ нею склонился. Гордонъ сказалъ:

— Позвольте мнѣ, дорогіе соотечественники, представить вамъ принца Роберта де-Саллернъ-Монсерратъ, другомъ котораго я имѣю честь быть и который очень желаетъ съ вами познакомиться.

Миссъ Джэнь слегка наклонила голову и нахмурила брови. Она узнала въ Саллернѣ господина, котораго каждое утро встрѣчала въ лѣсу и продѣлки котораго поразили ее и Мари. Онъ то пропускалъ ихъ впередъ, то обгонялъ, повторяя этотъ маневръ по нѣскольку разъ. Миссъ Гаррисъ и Мари были очень удивлены, что изъ многихъ другихъ замѣченныхъ ими мужчинъ, именно этого познакомили съ ними. Кромѣ того, громкое имя было произнесено Гордономъ съ особеннымъ удареніемъ, и ни отецъ ея, ни миссисъ Дерсонъ не выразили никакого удивленія, точно это посѣщеніе не было для нихъ неожиданностью, они видимо были очень довольны оказанной имъ честью.

Оправившись нѣсколько миссъ Джэнь была достаточно любезна съ де-Саллерномъ, и на его восторженные похвалы ея верховой ѣзды, отвѣчала просто и скромно; а когда минутъ десять спустя, принцъ, уходя, попросилъ позволенія сдѣлать имъ визитъ, она выразила согласіе наклоненіемъ головы, между тѣмъ какъ отецъ ея шумно выражалъ согласіе, а миссисъ Дерсонъ прибавила, что она и племянница принимаютъ каждый день отъ пяти до семи часовъ. Принцъ де-Саллернъ поблагодарилъ, почтительно раскланялся и ушелъ. Въ слѣдующемъ антрактѣ Максимъ заговорилъ, обращаясь къ сестрѣ:

— Какой замѣчательный человѣкъ этотъ принцъ де-Саллернъ! Красавецъ! Какъ ты находишь?—спросилъ онъ у Джэнь.

— У меня не можетъ быть никакого мнѣнія, отецъ! Я такъ мало видала, и не знаю лучше-ли принцъ де... принцъ де...

— Саллернъ-Монсерратъ, — быстро докопчила тетка Пальмира.

— Какъ вы скоро заучили его имя! Я не знаю, лучше-ли принцъ де-Саллернъ-Монсерратъ знатныхъ господъ другихъ странъ... Они такъ рѣдко заглядываютъ въ Чикаго.

— Ты будешь съ нимъ встрѣчаться, и онъ тебѣ понравится.

— Если вы этого такъ желаете, онъ мнѣ и теперь нравится.

Миссъ Гаррисъ съ трудомъ произнесла эти слова. Сердце ея болѣло, она чувствовала, что это пробное ядро, и минута борьбы приближалась.

Арманъ встрѣтилъ своего пріятеля въ партерѣ.

— Ну, что?—спросилъ онъ.

— Отецъ и тетка были очень любезны, но миссъ Гаррисъ приняла меня очень холодно.

— Не могла же она броситься тебѣ на шею.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Интересное чтение. Съ картины художника И. Рыбакова.

Въ воскресный день, вечеркомъ, когда деревенскій людъ, проспавъ все утро, успѣлъ уже очухаться отъ недѣльной усталости, накопленной въ страдную пору—у крылечка сельской школы собралось нѣсколько мужиковъ. Учитель вышелъ на вечерній холодокъ, съѣлъ на крыльцо и читаетъ понятную, интересную книгу. Это уже не въ первый разъ собираются къ нему его постоянные слушатели... Вообще, въ деревнѣ нѣмного охотниковъ до чтенія, особенно въ рабочую пору, но тѣ, которые придутъ, слушаютъ ужъ за то, не пророня ни слова. Вотъ, напримеръ, этотъ старикъ, съ длинной бородой, онъ прилежно выискиваетъ въ каждой новой для него мысли, видимо, чтеніе для него не просто развлеченіе, а серьезное дѣло. Около взрослыхъ слушателей ютится бѣлобровый мальчуганъ. Онъ еще не все понимаетъ, но интересуется не менѣе другихъ.

Нападеніе тигра. Съ рисунка Б. Бэна. Индійскіе «джунгли»—заросли тростниковъ—изобилуютъ хищными звѣрами, изъ которыхъ самый злобный, сильный и лукавый—полосатый разбойникъ тигръ. Нередко въ тростникахъ разыгрываются ужасныя сцены, подобныя той, которая изображена на нашемъ рисункѣ. Быстро летѣтъ на борзыхъ конѣхъ этотъ темнокожій всадникъ и не подозреваетъ, что на дорогѣ ждетъ его страшная засада. Вдругъ раздалось ужасное рычаніе, взвился на дыбы хранившій скакунъ, и на грудь всаднику бросилось кровожадное чудовище. Не надо предсказывать конца неравной борьбы... Уже стальные когти хищника разрываютъ тѣло человека. Не поможетъ и острый широкій ножъ. Всадникъ, навѣрное, погибъ!...

Замаялась. Съ акварели худ. А. Делоба. Жаркій полдень утомилъ эту молодую крестьянскую дѣвушку. И потъ она прилегла въ тѣни высокой ржи, и сладкая мечтательная нѣга охватила ее. Рожь шумитъ надъ ней, ходя подъ вѣтромъ золотистыми, сплывшими волнами. И слышитъ дѣвушка въ этомъ шумѣ колосовъ отвѣтъ своимъ собственнымъ мечтамъ. Уже ей юное сердечко хранить чей-то дорогой образъ, при

вспоминаніи о которомъ вспыхиваютъ румянцемъ щеки... Чего-чего ни передумаетъ молодая головка въ знойный тихій полдень подъ шумъ дозрѣвающихъ колосовъ. Какъ сладко здѣсь отдохнуть и помечтать!..

Въ горахъ. Съ картины художника Н. Самокиша.

Дикіе арнауты и баши-бузуки—жители суровыхъ, пустынныхъ горъ—ведутъ всегда воинственную, полую приключеній жизнь. Н. Самокишъ изображалъ двоихъ такихъ хищниковъ на узкой горной тропинкѣ. По суровому выраженію разбойничьихъ лицъ, по масѣ оружія и сгоровкой позѣ—можно угадать, что это горные орлы выжили на грабежѣ. Она притаилась на узкой горной тропинкѣ, и горе одинокому слабому путнику, если онъ попадетъ въ ихъ руки! Мѣсто она выбрали отличное; ихъ самихъ скрываетъ скала, а внизъ видны все склоны и извилины тропинки. На хищныхъ лстребовъ, недвижно застывъ въ воздухѣ надъ замѣченной добычей—вотъ на кого похожи эти два разбойника. Скоро, скоро горное ущелье огласится грозными кликами, выстрѣлами и жалобными воплями жертвы...

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

КОРОНАЦИОННЫЙ АЛЬБОМЪ

ВЪ ПАМЯТЬ
СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Предлагаемый «Коронаціонный альбомъ» отпечатанъ въ большомъ форматѣ на роскошной бумагѣ, съ массою рисунковъ и вышито въ текстѣ и содержитъ въ себѣ историческія очерки Св. Коронаванія Русскихъ царей, начиная съ древнихъ временъ и кончая подорожніемъ описаніемъ описаніемъ всѣхъ торжествъ и празднествъ только что состоявшагося Св. Коронаванія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ. Кроме того въ альбомѣ входятъ Высочайшія акты, грамоты, слова и рѣчи, а также описанія историческихъ и современныхъ царскихъ регалій, дворцовъ, храмовъ, памятниковъ мѣстностей, имѣвшихъ свое значеніе при Св. Коронаваніи.

Въ «Коронаціонномъ альбомѣ» читатели встрѣтятъ цѣлый рядъ большихъ (регинальных) и върныхъ дѣйствительности художественно-выполненныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, изображающихъ всѣ выдающіеся моменты изъ торжествъ и процессій Священнаго Коронаванія, а также виды дворцовъ, соборовъ, монументовъ, памятниковъ, мѣстностей и портреты какъ историческихъ, такъ и современныхъ дѣятелей (духовныхъ и свѣтскихъ), принимавшихъ участіе въ церемоніи Св. Коронаванія ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, причемъ многие рисунки отпечатаны цвѣтными красками.

ПРИ КОРОНАЦИОННОМЪ АЛЬБОМѢ БЕСПЛАТНО ПРИЛАГАЮТСЯ:

1). Портреты ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ—Государя Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Федоровны въ коронаціонномъ облаченіи—коронахъ и порфирѣ, отпечатанные цвѣтными красками. 2). «Коронаціонный маршъ» (для фортепiano, сочиненный Н. Артемьевымъ).

Цѣна альбома—ДВА РУБЛЯ.
Въ издѣльной папкѣ—ТРИ РУБЛЯ.
Въ переплетѣ англійскаго шагреноваго маленькоразъ и въ золотомъ тисненіи цѣна 3 р. 50 к. (съ пересылкою).

Съ требованіями просьба обращаться исключительно въ контору журнала «Живописное Обозрѣніе».

СПБ., Невскій пр., у Анчикина м., д. 68-40.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Викирейдъ и Гейрихъ Блокъ, —2 СПБ., Невскій, 59. № 2261.

ВЕЛОСИПЕДНЫЕ

фонари для свѣта, масла и электричества въ больш. выборѣ по дешевымъ цѣнамъ.

Э. КИНКМАНЪ и К^о.
СПБ., ГОРОХОВАЯ, 4.

Иногороднымъ наложеннымъ платежемъ.

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» (СПб., Невскій, д. 68-40) продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб.

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

КОНСУЭЛО.
(Consuelo).

Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣгнера, 460 стр.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

по фабрич. цѣнамъ
Только 3 р. 80 к.
Англійскіе, никелъ, вѣрный ходъ, заводъ безъ ключа и указатель секундъ.
3 шт.—10 р. 80 к. 5 шт.—17 р.

Часы высылаются немедленно, можно и наложен. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ Новыхъ Изобрѣтеній, Большая Морская 33.

№ 2305-2

ВЫИГРЫШ

ныя 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, нескій, спб.

Большое депо часовъ

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
Невскій пр. № 42.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Прейсъ-Куръ высыл. безпл.

УСТРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛОЖЬ!

ПРОВИЗОРЪ
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ

БОРНО-ТИМОВОЕ МЫЛО

ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕГО ПОТЛИВОСТИ И
ДЕЗОРИРУЮЩЕГО

БЛАГОВОННОГО ТУАЛЕТНОГО МЫЛА
ВЫСШЕГО ДОСТОИНСТВА

ПРОДАЕТСЯ ВЪСѢДЪ
У К^о 50 1/2 к. 30

Главный складъ для всей Россіи у Г. Ф. Юргенсъ въ Москвѣ.

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 27-18 МЯСНИЦКАЯ УЛИЦА МОСКОВСК. УЛИЦА

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ
РОЯЛИ И ПИАНИНО АМЕРИКА. ПОСТР. СО ВСѢМИ ПОДЪЛЪ. УСОВЕРШ., ПЕРЕКРЕСТНЫМИ СТРУНАМИ, МОДЕРАТОРОМЪ, ТУШЕР-РЕГУЛЯТОРОМЪ, ДВОЙН. РЕЗОНАНСОМЪ (НОВЫЕ) И МЕХАНИКОЮ СЪ САМОЮ ЛУЧ. ДВОЙН. РЕПЕТИЦИОЮ, ПРІАТН. И СИЛН. ТОНА.
РОЯЛИ ОТЪ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 И ДОР.
ПИАНИНО „...“ 350 375, 425, 450, 500, 550, 600 И ДОР.
АРМОНИАНО СИСТ. В. И. ГЛАВАЧА ПО ОСОБОМУ ЗАКАЗУ. ГАРАНТІЯ № 2321

ЖИРНАЯ ПУДРА. 4711
Эссенція Рейн-ская Фіалка. 4711
Душная пудра для туалетной ладан. 4711
Чистый запахъ Фіалки, даже въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. 4711
Чистый запахъ Фіалки, даже въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. 4711
ПРОДАЮТСЯ ВЪСѢДЪ.
Рейн-Букетъ. 4711
Душная пудра для туалетной ладан. 4711
Хрустальное Розовое Мыло. 4711
Душная пудра для туалетной ладан. 4711

ГИТАРЫ
въ 3, 5, 7, 10, 12, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. (отъ 7 р. съ механизмомъ для струнъ).
Школа по 1 р., 1 1/2 р. и 3 руб.
ЦИТРЫ въ 8, 12, 20, 30, 40, 60, 80, 100, 125 р. Школа самоучитель 2 р. и 3 руб.
МАНДОЛИНЫ въ 8, 15, 22, 30, 50, 75, 100 и 125 р. Школа-самоучитель 2 р.
Налюстрованный преис-курсивъ бесплатно
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 34. Москва, Кузнецкій м. д. Захарыина. Нижегородская Армарка, Главный домъ № 59-60.

№ 32 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2 листовъ, съ 9-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) Обложка съ нотами «Стрекоза и Муравей». Польша-мазурка, соч. А. Алборнъ. Кроме того, при этомъ номерѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылается ежемѣсячное литературное приложение—восьмая книга «Домашней Библіотеки» за августъ 1896 г.)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»: НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1896 ГОДА.

(Право на воспроизведеніе составляетъ собственность журнала «Живописное Обозрѣніе».)

«Эстонское побережье». Съ картины художника К. Винклера.

ПОДЪ СѢНЬЮ СОСЕНЪ.

Въ безмолвіи сосенъ,
Въ молчаньи торжественномъ.
Мнѣ чужды думы
О чемъ-то Божественномъ.

* * *

Все—сосны; повсюду
Стоять исполинами,
Въ холодное небо
Вонзаясь вершинами.

* * *

А ночь надо мною,
Мечтой окрыленная,
Плыветъ въ полумракѣ,
Какъ вѣчность—бездонная.

* * *

Ночь съветъ незримо
Мечты невозвратныя—
Далекія небу,
Землѣ непонятныя.

* * *

И внемлю я, внемлю,
Какъ зову далекому,
Безмолвію сосенъ,
Молчанью глубокому...

Аполлонъ Коринфскій.

СОСѢДЪ.

Повѣсть Княгини М. Оболенской (окончаніе).

VII.

СИЛЬНЫЙ вѣтеръ бушевалъ на Дворцовой набережной, вдоль Невы, испещренной по срединѣ причудливыми узорами растрескавшегося льда и окаймленной уже прибрежной голубой полосой воды, на которую жадно устремлялись глаза щеголей и щеголихъ, гуляющихъ здѣсь ежедневно. Шаловливый вѣтеръ немилосердно трепалъ ихъ воздушные головные уборы и дерзко окрашивалъ въ багровый цвѣтъ ихъ нѣжныя лица. Легко и быстро катились изящные экипажи. Игриво и задорно мчались рысакъ. Весело и шумно здѣсь, когда весенній лучъ озаряетъ всю эту живописную, пеструю картину своимъ согревающимъ свѣтомъ. А тамъ, по ту сторону Невы, въ прозрачномъ, колеблющемся туманѣ Петропавловскій шпиль высоко и грозно царитъ надъ всею громадою зданій разнообразной архитектуры.

По тротуару гулко раздавались шаги молодого человѣка, очень изящно одѣтаго,

стройнаго и красивой наружности; онъ поспѣшно подходилъ къ двери одного изъ большихъ домовъ на набережной; быстро вошелъ въ нее, скинулъ свое пальто и черезъ нѣсколько секундъ входилъ въ маленькій будуаръ Ольги Николаевны Гронской. Кolorитъ Востока обдалъ своей яркой волною Александра Владиміровича Ахметева: китайскія ткани облекали всю комнату своими мягкими фантастическими складками. Въ углахъ ея возвышались сфероидальныя японскія вазы, обвитыя драконами, головами слоновъ съ изгибающимся хоботомъ, кистями цвѣтовъ, виноградными лозами, съ сверкающими бабочками, японскимъ символомъ любви.

Кривыя, выющіяся, нѣжныя линіи скульптуры изъ невѣдомой смѣси металловъ изображали пилигрима на ослѣ, священную черепаху; повсюду были разбросанныя изящныя бездѣлушки въ видѣ улитокъ, перепелокъ, кошекъ, изъ которыхъ подымалось легкое синеватое, душистое облако благовоннаго Востока.

У дверей, съ правой стороны, стояли шелковыя ширмы, — подражаніе древнимъ рисункамъ древней аристократической школы Токи: священныя церемоніи, характеристическія танцы, придворныя процессіи сановниковъ съ важными лицами на золотомъ фонѣ; съ лѣвой стороны, на какемоно въ отсутствіи игры тѣней натуралистъ Кано въ своей необузданной фантазіи сочеталъ чудовищныя формы костеобразнаго морского ежа съ обезьяной, краба съ крыломъ птицы, звѣздчатый кораллъ съ орхидеями.

Ксилографическія альбомы были разбросаны по столамъ.

— Какъ вы узнали, что я въ Петербургѣ? — удивленно спросила Ольга Николаевна, съ добродушной улыбкой на строгомъ лицѣ, съ особеннымъ вниманіемъ осматривая появившагося Александра Владиміровича Ахметева.

— Лучше объясните причины вашего пріѣзда сюда, — съ пріятливой улыбкой спрашивалъ новопришедшій.

— Я пріѣхала, чтобы отдать сына въ Па-

жескій корпусъ; теперь занята его экзаменами: безпрестанно вижу передъ глазами то учителей, то учительницъ. Вы встрѣтили сію минуту выходящаго индивидуума?—отличный писатель; появилась на-дняхъ очень благосклонная критика его произведений, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ весьма плохой учитель, и мой сынъ не сдѣлалъ съ нимъ никакихъ успѣховъ.

Она продолжала съ увлеченіемъ разбирать качества и недостатки цѣлой коллекціи педагоговъ и забыла, повидимому, присутствіе Александра Владиміровича. Онъ внимательно слушалъ ее, повидимому, вопросъ о воспитаніи юношества не особенно занималъ этого изящнаго, избалованнаго мечтателя, задумчиво перебираващаго ксилографическій альбомъ своими тонкими, длинными пальцами, онъ съ интересомъ слѣдилъ за тономъ ея рѣчи, за легкими жестами руки, за игрой ея подвижнаго лица. Когда она остановилась и взглянула на него, то замѣтила въ его глазахъ недоумѣвающее выраженіе.

— Какъ вы счастливы,—началъ онъ,—что материнскія заботы коротаютъ долгія минуты жизни; вы не знаете снѣдающаго червя скуки. Мнѣ же нечѣмъ наполнить дни: клубы, товарищескія пиршества, театры, балы мнѣ страшно надоели. Я несчастливъ, я ненавижу человѣчество: оно тщеславно, равнодушно, сегодня кланется въ дружбѣ, чтобы завтра измѣнить.

И онъ почти съ завистью посмотрѣлъ на равнодушное, веселое лицо Ольги Николаевны, ему казалось, что ей невѣдомы тѣ страданія, которыя по временамъ душили его, подступая къ горлу, какъ спазма рыданья.

— Вы идеалистъ, поэтъ, экзотическое растение, которое безжалостно должно гибнуть подъ грубымъ ледянымъ дыханіемъ нашего вѣка. Любите людей такими, какими ихъ изваялъ нашъ промышленный вѣкъ. Знайте, что теперь страсть пріобрѣтеній, вкусъ къ матеріальнымъ удобствамъ превышаетъ всякое стремленіе къ нравственному совершенству. Будьте великодушны и терпѣливы: надо надѣяться, что въ свѣтломъ будущемъ идеалы возвысятся, и эта эпидемическая болѣзнь исчезнетъ.

Она взглянула въ окно. Шелъ мелкій дождь, свинцовое небо сумрачно темнѣло. Посмотрѣвъ вдаль, Ольга Николаевна, улыбаясь, сказала:

— Сознаніе человѣческое окружено атмосферой несознаваемыхъ чувствованій нашихъ органовъ, и всѣ предметы, приходящіе извнѣ, проникаютъ въ насъ, преломляясь въ этой средѣ. Перемѣна въ ней производить метаморфозу и въ нашемъ сознаніи. Непонятный источникъ вашего пессимизма кроется, быть можетъ, въ неприятии для васъ впечатлѣній угрюмаго дня, тоскливаго стона вѣтра.

— Вы легко относитесь къ ранамъ чело-вѣчества, да, вообще, вы непонятная для меня женщина.

— Если эти раны неизбежно существуютъ, вашъ ропотъ—это плачъ неразумнаго ребенка.

— Но слезы вашего сына, конечно, производятъ тревогу въ вашемъ сердцѣ?

— Я совершенно равнодушна къ безумнымъ слезамъ.

Ольга Николаевна рѣдко скучала. Ея сангвиническій темпераментъ поддавался вѣчно новымъ впечатлѣніямъ, и, какъ-бы

всегда обновляемая и освѣжаемая, она находила интересъ во всемъ окружающемъ. Заботы объ единственномъ сынѣ поглощали ее всецѣло, и вся страсть ея женской души сосредоточивалась на немъ. Не видя цѣлые мѣсяцы своего мужа, она относилась къ этому обстоятельству совершенно равнодушно. Хотя по временамъ странная тѣнь мимолетно набѣгала на ея мраморный лобъ, но она ее отгоняла въ непроницаемую глубину своей души.

Ахметевъ продолжалъ сидѣть, сознавая, что пора-бы и удалиться, но въ эти минуты онъ не скучалъ, его оживленное лицо не могло обманывать проницательную Ольгу Николаевну. Его глаза остановились на ней и задавали столько разнообразныхъ вопросовъ, которыхъ онъ не рѣшался даже выговорить. Она, въ свою очередь, изумлялась, что существо, поставленное въ такія выгодныя условія, лишено мужества бороться и завоевать себѣ счастье.

— Вы болѣзненно впечатлительны. Ваши нервы вѣчно возбужденно вибрируютъ,—докторально холоднымъ тономъ и какъ-то отрывисто замѣтила она.—Васъ, вѣроятно, раздражаетъ шумная жизнь.

Ея тонъ непріятно подѣйствовалъ на Александра Владиміровича, и мимолетная мысль о безчувственности женщины, какъ и всего чело-вѣчества, скользнула у него въ головѣ.

Онъ всталъ, вѣжливо раскланялся и удалился.

VIII.

Въ одномъ изъ особняковъ на Сергіевской, въ большой комнатѣ обтянутой чернымъ сукномъ, въ пахучемъ туманѣ ладона, смѣшанномъ съ благоуханіемъ цвѣтовъ, мерцали восковые свѣчи у гроба почившаго дня два тому назадъ отца Александра Владиміровича.

Онъ лежалъ, и на его бѣломъ мертвомъ лицѣ блуждала загадочная улыбка торжества смерти надъ жизнью, спокойствія надъ страданіемъ.

У его гроба молилась толпа конногвардейцевъ, пришедшихъ отдать послѣдній долгъ старому своему командиру.

Былъ между ними и дряхлый его сотоварищъ, мрачный съ осунувшимся лицомъ, онъ набожно крестился, шевеля беззубымъ ртомъ: самъ также у порога превращенія, готовый пріобщиться къ таинству смерти. У изголовья покойника стоялъ его сынъ: горе измяло его молодое лицо, и въ этихъ искаженныхъ чертахъ было что-то безконечно трогательное, безпомощное. Его стальные глаза глядѣли неопредѣленно, въ нихъ отражались и слѣды бессонныхъ ночей, и покорность, и мольба, и упрекъ.

Въ его рукѣ съ черной повязкой крепа дрожала восковая свѣча. Въ дальнемъ углу всхлипывала старушка, взволнованная, вся красная отъ слезъ, шепча:

— Батюшка, благодѣтель ты мой, что становится теперь съ моими сиротами!

Толпа лакеевъ съ наглымъ любопытствомъ обозрѣвала вновь пріѣзжающихъ. Молодой камердинеръ усопшаго съ холоднымъ достоинствомъ безцеремонно вертѣлъ тяжелую цѣпочку часовъ, стараясь своимъ важнымъ видомъ обратить вниманіе молодыхъ горничныхъ, явившихся неизвѣстно откуда поглядѣть и поразсказать потомъ, какъ хоронятъ столь сановитую придворную особу.

Ольга Николаевна пріѣхала къ началу панихиды. Съ трудомъ пробралась она вперѣдъ. Глазамъ ея предстала яркая картина

блеска звѣздъ, эполетъ, цвѣтныхъ лентъ, вся возмутительная мишура жизни, а тамъ, по срединѣ комнаты, возвышался мрачный образъ смерти, вѣчный, ненарушимый, насмѣшливо глядѣвшій на мимолетную мечту жизни. И въ этой потрясающей, скорбной обстановкѣ у гроба отца стоялъ онъ, подавленный горемъ.

Заунывные звуки пѣнія мрачно лились съ ихъ таинственнымъ значеніемъ; сильный запахъ ладона распространялся въ комнатѣ, смѣшиваясь съ ароматомъ лилій и розъ. Плачъ, прерываемый вздохами, выдѣлялся рѣзкой нотой. Священнослужители въ черныхъ ризахъ, которыя то вздымались, то опускались съ каждымъ ихъ движеніемъ, словно крылья ангела смерти, обдавали пахучей волной изъ искрившихся кадилъ.

Ольга Николаевна, повинувшись странному желанію, искала глазами взгляда несчастнаго сына, и ея глаза пересѣклись съ мягкимъ свѣтомъ двухъ грустныхъ стальныхъ глазъ: ихъ тоска сообщилась ея душѣ. Ей стало невыносимо жаль его. Настроенныя подъ одинъ тонъ сердца ихъ были одинаково подавлены чудовищнымъ, безсмысленнымъ закономъ необходимости, и въ этотъ ужасный мигъ передъ алтаремъ непонятнаго не смирились они, но горькая, злобная судорога искривила ихъ уста...

Пріѣхавъ домой, Ольга Николаевна была всецѣло поглощена мыслью о смерти Владиміра Ивановича Ахметева. Хотя смерть эту со дня на день ожидали, восьмидесятилѣтній старикъ былъ долго и тяжело боленъ; онъ давно потерялъ сознаніе, страдалъ невыносимо, и всѣ близкіе желали его конца. Тѣмъ не менѣе на Ольгу Николаевну это печальное событіе произвело тягостное впечатлѣніе; она искренно сожалѣла своего добраго сосѣда и съ трудомъ подчинялась бездушному закону разрушенія и смерти.

Послѣ похоронъ Ахметева долго сжималось ея сердце, когда она проѣзжала по широкой большой Конюшенной, окаймленной пестрыми, красивыми зданіями: здѣсь въ придворной церкви его отпѣвали, и ея пораженное воображеніе возстановляло каждый разъ съ неотвязчивой ясностью картину того сумрачнаго утра, когда печальная колесница торжественно двигалась по этой улицѣ; жутко раздавался гулъ ея колесъ по мерзлой мостовой и такъ странно пусто становилось на душѣ, точно смерть и морозъ покрыли все живое мертвою пеленою; и этотъ глазетовый, бѣлый гробъ съ массою вѣнковъ, сокрывшій его восковое лицо, и это стройное, раздирающее душу пѣнье соединенныхъ хоровъ капеллы.

Черезъ три дня послѣ кончины отца Александръ Владиміровичъ уѣхалъ въ Ахметевку, такъ какъ усопшій желалъ быть похороненъ въ семейномъ склепѣ Ахметевской церкви.

IX.

На станціи Аткарскъ дроги ожидали прібытія тѣла, толпа крестьянъ деревни Ахметевки собралась у вокзала, сосредоточенная, озабоченная, безъ шапокъ; она единодушно изъявила желаніе нести на рукахъ своего барина до самой деревни, отстоящей отъ города въ двадцати верстахъ. Нѣкоторые изъ нихъ сожалѣли старика-барина.

— Ужъ очень простую душу имѣлъ, жалостивъ къ сиротамъ былъ,—громко говорили они.

И пошла толпа вдоль неказистаго города, полного дремы и беззаботной лѣни, вдоль

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА К. ГЕЙДЕНА.
Гравированъ на деревѣ для журнала «Живописное Обозрѣше» К. Гаринъ.

«Любимцы».

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Т. КЕММЕРЕРА.

(Право на воспроизведение составляет исключительную собственность журнала „Живописное Обозрение“).

«И ночь, и любовь, и луна!..»

досчатыхъ заборовъ, окрашенныхъ въ яркую лазурь, или же алѣвѣвшихъ, словно отъ стыда свое безобразіе. Ноги вязли въ су-робахъ снѣга, и щеки багровѣли отъ мороза и усиленной ходьбы.

На широкой площади, противъ собора, красовался штейпный домъ съ горбатою крышею и воротами съ синимъ кантомъ; на его вывѣскѣ съ оранжевымъ пѣтухомъ и пестрой собакой выступало крупными словами изречение: «Пѣсь и дружба—улада души». Эта манящая вывѣска, эти чарующія слова произвели мгновенно волненіе въ сосредоточенной толпѣ, проходившей мимо нея; умиленные взгляды устремились на раскрашенную доску; кучка однопольцевъ-друзей переминулась, толкнула другъ-друга, засуетилась. Старикъ съ окладистой бородой безглаголиво проорозжалъ: «безстыжіе, страха Божья не знаете!» Друзья спомнили и бодро пошли по прежнему; однако, коварныя, полныя соблазна слова носились передъ ними, тянули къ себѣ, въ вертепъ забвенія и веселія: товарищи не на шутку заволновались и, сдѣлавъ другъ другу знакъ, круто повернулись и, отдѣлившись отъ шествія, стремглавъ бросились къ оранжевому пѣтуху и пестрой собацѣ.

Между тѣмъ, смѣняющіяся пары безъ устали влекли гробъ по длиннымъ вѣтхимъ мостамъ, перекинутымъ чрезъ обрывы и рукава Медвѣдицы, капризно разбросавшейся кривыми лентами по широкой пригородной долинь. Онѣ бодро взбирались по скользкимъ горамъ, спускались въ сѣбѣжные, глубокіе овраги, и темные силуэты пѣшеходовъ съ ужасной пошею выдѣлялись на блѣмомъ сверкающемъ фонѣ безмолвной равнины.

Миновавъ нѣсколько селеній, они добрались до Ахметеской церкви. Здѣсь сырой, мрачный склеп торжественно принялъ останки давно ожидаемаго гостя.

Мятель со своенравной яростью кружилась надъ одинокою церковью, а вѣтеръ заунывно баюкалъ погребальной своей пѣсней новопочившаго.

X.

Вечеромъ въ обширномъ домѣ князя Р. собралось большое общество, которое привлекала сюда любезность радушной хозяйки. Въ гостиной, пропитанной запахомъ жонглий и глацинтовъ, у причудливыхъ мозаичныхъ столовъ, пріютился цѣлый рой юныхъ дѣвушекъ, молодыхъ женщинъ съ японскими и китайскими вѣерами. По случаю придворнаго траура всѣ были въ черныхъ платьяхъ, лучше обрисовывавшихъ ихъ гибкія таліи и выдѣлявшихъ ярче свѣжесть лицъ. Въ углу журчали, словно тихій ручей, милыя старушки, покорно вздыхая о прошедшей молодости.

Очаровательная графиня Кр. съ быстро смѣняющимся лицомъ, на которомъ можно было прочесть цѣлую поэму фантазій и капризовъ, внимательно прислушивалась къ живой рѣчи молодого сенатора Г., сидѣвшаго подлѣ нея, и всматривалась въ его красивое, тонкое лицо; задумчивые глаза сенатора, то ласкающіе, то лукавые, какъ-бы старались проникнуть въ тайники ея души. Краснорѣчивый Г.—въ, изъ устъ котораго, подобно Улису, текъ медъ, слѣдилъ съ высокомеріемъ за ея несвязной женской рѣчью и въ отвѣтъ ей отчеканивалъ блестящія фразы, полныя юмора.

Маркиза В. съ грустными голубыми глазами съ безпокойствомъ слѣдила за своимъ

итальянцемъ маркизомъ, не особенно пора-ощеннымъ прелестями своей жены, гораздо его старшей. Темные его глаза, отражающіе лучи жгучаго солнца юга, блуждали по сторонамъ и съ особеннымъ любопытствомъ останавливались на локонахъ, заодно рассыпавшихся по красивому лбу его юной соседки. Маркизь усердно предлагалъ практику итальянскаго языка оригинальной брнеткѣ, пѣвниной мелодіями чужестраннаго нарѣчія.

Около часу пришелъ весьма тучный поэтъ К., онъ запыхался и съ трудомъ переводилъ духъ. Рассказываютъ, что одинъ ребенокъ, встрѣтивъ его на улицѣ, спросилъ свою няню: «Что это человѣкъ или нарочно?»

Одна восхитительная ундина, въ распущенныхъ волосахъ которой переплетались водоросли, бросивъ на него взглядъ, сказала старпку съ зеленоватою бородою:

— Гдѣ, однако, поэтъ нашла себѣ пріютъ!

— Развѣ вы находите, что ей не довольно мѣста?—отвѣтилъ добродушнымъ тономъ сѣдобородый старикъ въ генеральскомъ мундирѣ.

Ундина мило разсмѣялась, показавъ красивые зубы и ямочки на розовыхъ щекахъ.

— Кто это, точно католическій аббатъ? «Et son menton à triple étages», начала декламировать стихи Буало графиня С., любительница поэзіи и литературы, недавно прѣхавшая изъ Москвы и никогда не встрѣчавшая извѣстнаго въ Петербургѣ поэта К.

— Какой католическій аббатъ,—замѣтила ея соседка, удивительнаго роста, по ошибкѣ захватившая сюда съ острова, или материка Броддингвель, знакомая со всѣми выдающимися писателями, поэтами и художниками,—развѣ вы не знаете? Это авторъ извѣстныхъ излюбленныхъ стихотвореній.

И она закидала удивленную графиню цѣлою серіею заглавій, точно Мнемонина.

— О, я знаю, конечно знаю,—подобострастнымъ голосомъ, ложируя поэта, заленетала, какъ-бы обидясь, графиня.—Une célébrité se présente à nos yeux!—продолжала на французскомъ діалектѣ графиня С., не умѣвшая выражаться по-русски.—Знаете-ли,—обратилась она къ соседкѣ-великаншѣ,—я поклонница Золя; онъ дѣйствительно художникъ, я отбрасываю нѣкоторые грязныя сцены. Для меня литература должна имѣть, какъ живопись, яркость красокъ. Изъ художниковъ я поклонница Маковского. Сегодня на выставкѣ академіи художествъ, среди бездарныхъ пачкуновъ, я не могла оторваться отъ выставленныхъ его картинъ, занимающихъ особенный отдѣлъ. Сколько красоты! Его «Король Лиръ» достоинъ Шекспировскаго старца!

— А вы, графиня, не видѣли прелестныхъ акварелей Бенуа?

— Нѣтъ.

— До сихъ поръ вы не видѣли его «Средиземнаго Моря» близъ Лффы? Азіатскаго берега? Золотого Рога?—съ паосомъ продолжала, нечаянно захватившая сюда великанша, посвященная во всѣ тайны эстетическихъ наслажденій.—Мы здѣсь копошимся въ туманѣ; мы задыхаемся въ непроглядныхъ сумеркахъ, и вотъ вы, смотрите на картину, вдругъ чувствуете нѣжное дуновение кайрскаго дыханья, золотистый, солнечный лучъ, живительный, лучезарный токъ..

— О,—въ ужасѣ завопила графиня С.,—молчите, я сейчасъ способна полетѣть туда; но, увы, ночь! Который часъ?—съ живостью спросила она подхлывшаго медорѣчиваго

сенатора, направившаго свои удивительные глаза въ сторону безпокойной графини.

— Только три часа.

Наэлектризованная графиня перестала созавать время.

— Прощу въ залъ!—пригласила любезная хозяйка, продолжая:—Князь Г., этотъ любезнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, прочтетъ намъ драму Додэ: «Une lutte pour la vie». Всѣ знали талантливаго, восхитительнаго князя Г., и съ восторгомъ двинулась оживленная толпа за милой хозяйкой.

Князь Г. былъ высокаго роста, съ чертами лица, способными выражать страсть; цвѣтъ лица его, слегка румяный, измѣнялся при чтеніи драматическаго произведенія; когда Павелъ Астье, этотъ достойный сынъ девятнадцатаго вѣка, подливаетъ ядъ въ стаканъ и готовъ поднести смертоносный напитокъ Антоніи, глаза князя Г., краснорѣчиво выразительные, подъ тѣнью густыхъ бровей, скрываютъ преступный огонь, а жесты и мимика, напоминая Протея съ его чарующимъ голосомъ, электризуютъ толпу, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, кровь стынетъ въ жилахъ.

Среди этой нарядной, опьяненной чтеніемъ и говоромъ толпы, стоялъ у окна Александръ Владиміровичъ Ахметевъ; онъ нервно шевелилъ губами; его глаза горѣли ревнивымъ огнемъ: онъ слѣдилъ съ возбужденнымъ вниманіемъ за Ольгой Николаевной Гронской, оживленно говорившей съ человѣкомъ лѣтъ сорока пяти. Ему бросился въ глаза его выпуклый лобъ, сѣрые, живые глаза, прямой носъ и рыжая клинообразная «шкеснировская» борода. До Александра Владиміровича долетѣли слова, произнесенныя выразительно и въ которыхъ слышался глубокий таинственный смыслъ:

— Цѣлый годъ я васъ не видѣлъ. Какая роковая случайность свела насъ? Эта встрѣча должна снова сгубить меня! Борьба, стоившая столько страданій, столькокихъ усилий! Все напрасно!

Онъ мрачно опустил голову.

— Я не вѣрю этимъ страданіямъ,—тихо промолвила она.

Эта фраза, сказанная надорваннымъ голосомъ, это мгновенно опечаленное лицо, ея страдальческая улыбка не ускользнули отъ внимательнаго взора Александра Владиміровича.

Вѣшеная ревность сдавила ему горло. Онъ выбѣжалъ изъ блестящей залы, гдѣ душила его тяжелая атмосфера свѣта и духовъ.

XI.

Ольга Николаевна сидѣла одна въ полумракѣ октябрьскаго утра. Раздался звонокъ. Спусти минуту Александръ Владиміровичъ входилъ въ ея будуаръ.

— Какъ вы были взволнованы вчера вечеромъ. Мнѣ сдается, простите за откровенность, что вашъ таинственный собесѣдникъ пользовался вашимъ расположеніемъ.

Затѣмъ саркастически онъ прибавилъ:

— Кто-же онъ, этотъ таинственный незнакомецъ?

— Сынъ тульского помѣщика. Недавно избранъ въ члены академіи наукъ. Какъ видите, «ученый».

Александръ Владиміровичъ продекламировалъ на своемъ изящномъ французскомъ діалектѣ:

— «Pas d'échevin flamand, pas d'ours et pas de chien,

«Plus laid, plus chevelu, plus repoussant de forme

«Plus saparagonné d'absurdités énormes,
«Plus hérissé, plus sale et plus gonflé de vent,
«Que cet âne bête qu'on appelle un savant».

— Замолчите, я нахожу, что злая сатира Виктора Гюго неумѣстна въ данномъ случаѣ и даже оскорбительна. Я удивляюсь, что дружба выпускаетъ столь ядовитыя стрѣлы, дышетъ такимъ подозрѣніемъ. Мы, вѣдь, друзья, не правда-ли?

И она глянула прямо ему въ лицо со свѣтлымъ выраженіемъ, въ которомъ не было и тѣни безпокойства.

— Я замѣтилъ, — продолжалъ серьезно Александръ Владиміровичъ, симптомы угасающей страсти. Знаете, какъ Ларошфуко опредѣлилъ умирающую любовь?

— Нѣтъ.

— «Это злобное, почти свирѣпое отношеніе двухъ существъ, когда то любившихъ другъ друга; ожесточенные враги въ своей злобѣ менѣе коварны, менѣе мстительны, чѣмъ несчастные любовники при послѣдней агоніи любви...» Дружба, да развѣ она даетъ счастье?—тихо, какъ-бы про себя, грустно продолжалъ онъ.

— Какъ? — удивленно спросила Ольга. — Вы не вѣрите въ святое чувство дружбы? Этотъ пріютъ, этотъ оазисъ, успокоивающій страждущаго путника, освѣжающій пораненное сердце?

— Я поклонникъ другого, болѣе серьезнаго чувства.

— Вы поклонникъ плѣнительной паутины, сотканной изъ тончайшихъ золотистыхъ нитокъ, нѣжныхъ, разрывающихся при малѣйшемъ прикосновеніи, вы восхищаетесь блестящими прядями любви, которыя путаются, исчезаютъ при грубомъ дуповеніи холоднаго вѣтра. Это мечта.

— Я не починаю жизни безъ любви!—съ оживленіемъ воодушевленно противѣтилъ ей Ахметевъ. —Что это? Растеніе безъ хлорофилла; солнце безъ блеску; лучъ безъ живительнаго тепла. Безъ любви—кругомъ тьма, пустота; холодъ, отъ котораго цѣпнѣютъ лучшія побужденія. Когда этотъ внутренній огонекъ угаснетъ, тогда смерть, какъ татъ, проберется и, какъ змѣя, обовьется вокругъ меня и зальетъ своимъ ядомъ.

— Любите человѣчество, искусства, науку. Любите все, но не боготворите отдѣльное существо. Страсть—несчастье!

— Жизнь?—сказалъ онъ.

— Иллюзія!

— Съ восторгами дѣйствительности.

— Пыль, остающаяся отъ крыльевъ бабочки.

— Чувство, ради котораго жертвуютъ жизнью, славой, богатствомъ, такъ какъ все ничтожно предъ упоеніемъ любить и быть любимымъ. Это свѣтъ для слѣпца, свобода для узника, вѣчность, могущество для смертнаго.

Онъ умолялъ и не спускалъ глазъ съ Ольги.

— Я васъ люблю безумно, — вдругъ вырвались у него ужасныя слова подъ напоромъ обуявшей страсти.

Глаза искрились дикимъ огнемъ; голосъ, надорванный мукой страданія и мольбы, шепталъ безсвязныя клятвы. Онъ опустилсѣ передъ ней на колѣни и, какъ преступникъ, склонивъ свою гордую голову, молилъ о пощадѣ.

Она глядѣла на него съ изумленіемъ: его лицо, просвѣтленное страстью, манило, притягивало ее, какъ роковая загадка жизни; чѣмъ-то чуднымъ, жгучимъ, какъ жаркій полуденный лучъ, вѣяло отъ него.

Блѣдный, съ полуоткрытымъ ртомъ и восторженными глазами онъ былъ страшенъ могучей красотой любви.

— Встаньте, — сказала она ему холодно. — Я васъ не люблю.

Когда скрипнула дверь за удалявшимся Александромъ Владиміровичемъ, передъ Ольгой Николаевной возсталъ выразительный образъ вчерашняго ея собесѣдника. Горькая дума затемнила мраморный лобъ ея, и прозрачная слеза, дрожа, скатилась изъ-подъ густыхъ, темныхъ рѣсницъ и застыла на ея блѣдномъ лицѣ. Мысль о несбывшейся мечтѣ, разбитой объ узкія рамки дѣйствительности, наполнила ея душу тоской.

Конецъ.

МОТЫЛЬКИ.

Ночь плыветъ надъ міромъ спящимъ..

Мы съ тобою у окна—

Свѣчи пламенемъ дрожащимъ

Сада глубь озарена.

* * *

И на свѣтъ, зажатый нами,

Мотыльки, изъ тьмы летя,

Съ опаленными крылами

Гибнуть въ пламени, дитя!

* * *

Такъ и ты!—всѣмъ сердцемъ жаркимъ

Всею юною душой

Рвешься въ даль къ тѣмъ звѣздамъ яркимъ

Что сіяютъ предъ тобою..

* * *

Я въ тоскѣ, въ слезахъ безсилія—

И молюся въ тишинѣ:—

Сохрани ей, Боже, крылья

Не сожженными въ огнѣ!.

М. Майковъ

ГИЛЬДА.

Повѣсть Годара де-Венси.

—

I.

ЗАМОКЪ Шарлоттенбургъ весьма живописно расположенъ на возвышенности между двумя озерами Веттернъ и Борень, которыя соединяются небольшою протекающей внизу рѣчкой Моталой. Мѣстность кругомъ принадлежитъ къ самымъ красивымъ въ Швеціи. Прозрачная и чистая вода рѣчки манитъ усталого путника, внушая ему чувство покоя и увѣренности въ безопасность. Но, къ сожалѣнію, эта безопасность только кажущаяся, — только вполнѣ знакомый съ теченіемъ этой рѣчки можетъ рискнуть кататься по ней въ лодкѣ. Съ берега трудно себѣ представить быстроту теченія этихъ прозрачныхъ водъ, любимаго мѣстопробыванія лосося.

У самаго истока изъ озера Веттерна рѣчка запружена мельницей и порогами, которые дѣлаютъ плаваніе по ней въ этомъ мѣстѣ невозможнымъ, она становится судоходной ниже пороговъ и до самаго своего впаденія въ озеро Борень. Наибольшая ширина рѣчки у замка Шарлоттенбурга, и это мѣсто ея имѣло свою легенду. Дѣло въ томъ, что въ самомъ

центрѣ теченія находился совершенно круглый рифъ, къ которому весьма трудно было, почти невозможно, приблизиться. Тамъ были водовороты, благодаря которымъ вода постоянно находилась въ кипѣніи. Но странно, — съ горы это легко можно было разсмотрѣть, въ самой серединѣ этого кипѣнія находилось небольшое пространство, около сажени величиной, совершенно тихой воды, которое имѣло видъ зеркала, вставленнаго въ громадный кипящій котелъ. Это мѣсто такъ и называлось «Котелъ», и легенда гласила, что еще въ тѣ времена, когда существовали феи, Мотала тоже обладала своею феей, замѣчательно красивой, но капризной и вѣроломной, какъ и рѣчка, которой она покровительствовала, и въ этомъ мѣстѣ фея устроила свою уборную. Фея исчезла, изгнанная, должно полагать, шумомъ и свистомъ машинъ и заводовъ, но уборная ея осталась.

Старики еще рассказывали о прелестномъ видѣніи, сидѣвшемъ въ сумеркахъ чудныхъ лѣтнихъ вечеровъ на одной изъ скалъ «Котла», — оно расчесывало длинные волосы и смотрѣлось въ зеркало воды. Они увѣрили, что образъ феи отпечатался въ этомъ зеркалѣ и что его еще и теперь можно видѣть, хотя весьма трудно добраться до внутренности рифа. Было, правда, одно такое мѣстечко, куда могла проникнуть маленькая лодочка съ однимъ человѣкомъ, а разъ проникнувъ, ничего не стоило подойти къ «Табурету феи», у подножія котораго лежало зеркало. Но эта попытка могла сдѣлаться роковою даже для самаго опытнаго лодочника, малѣйшая неуверенность влекла за собой гибель. Небольшое суденышко легко могло попасть въ водоворотъ, который немедленно обращалъ его въ щепы и поглощалъ. И только черезъ нѣсколько дней можно было найти въ озерѣ останки безразсуднаго искателя приключеній.

Въ то время, къ которому относится мой рассказъ, замокъ Шарлоттенбургъ и помѣстье принадлежали барону Гаммаргелюму, который жилъ въ немъ вмѣстѣ съ своею дочерью. Онъ уже нѣсколько лѣтъ вдовѣлъ и велъ чрезвычайно уединенную жизнь. Говорили о немъ вообще весьма неохотно, но общій голосъ былъ, что это человѣкъ жестокой и бѣснаго характера.

Я давно уже слышалъ объ этихъ мѣстахъ, какъ замѣчательно живописныхъ и красивыхъ, и рѣшилъ провести здѣсь лѣто и основательно изучить ихъ. Въ началѣ іюня, запасшись холстомъ и красками, я вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Раулемъ, пріѣхавшимъ изъ Дюссельдорфа, гдѣ онъ изучалъ рисованіе, высадился въ небольшомъ городкѣ Мотала, лежащемъ при истокѣ рѣчки того-же имени.

Я очень рано женился, увлеченный красотой жепщины, съ которой имѣлъ весьма мало общаго, и не замедлилъ раскаяться въ своемъ выборѣ. Но, не прошло году, рожденіе сына унесло жизнь матери и возвратило мнѣ свободу. Мнѣ было только двадцать три года, но я былъ такъ несчастенъ въ своей семейной жизни, что рѣшилъ больше не жениться и остался вѣренъ своему рѣшенію. Всѣ мои привязанности обратились на моего ребенка. Такъ что въ эпоху, о которой я рассказываю, я былъ еще молодъ, — Раулю было двадцать одинъ годъ, онъ былъ очень развитъ физически, и насъ всѣ принимали за братьевъ.

Пріѣхавъ въ эту мѣстность, мы съ Раулемъ рѣшили посвятить дня два ея осмотру и обойти ее пѣшкомъ. Наша первая прогулка была осмотрѣть «Котелъ», какъ самую важную достопримѣчательность. Красота мѣста и

странность феномена насъ поразили. У нашихъ ногъ поверхность прозрачной воды, сверкавшей на солнцѣ серебромъ, и по срединѣ ея громадный котелъ съ отбитыми краями, съ вѣчнымъ кипѣніемъ. На противоположномъ берегу гордо возвышался замокъ

лѣніе, когда, выйдя изъ подъ группы деревьевъ, мы очутились подлѣ небольшой красивой лодочки, въ которой сидѣла молодая особа. Она не особенно была поражена нашимъ появленіемъ, нашъ смѣхъ и разговоръ должно быть предупредили ее. Какъ видно было, она лица удалилась, невольно повернувшись къ намъ лицомъ и сильно напирая на весла. Она замѣчательно красиво и легко гребла. Правильные взмахи веселъ выказывали гибкость ея фигуры и изящную красоту ея сложения. Застѣнчивость, лихорадочная торпли-

Къ повѣсти «Гильда» (стр. 119). Рисунокъ художника МАРКЕТТИ.

Шарлоттенборга, башенки котораго выдѣлились бѣлымъ на мрачной зелени окружающаго лѣса.

Рауль былъ въ восторгѣ и только обдумывалъ, какъ бы лучше передать на полотнѣ эту чудную картину.

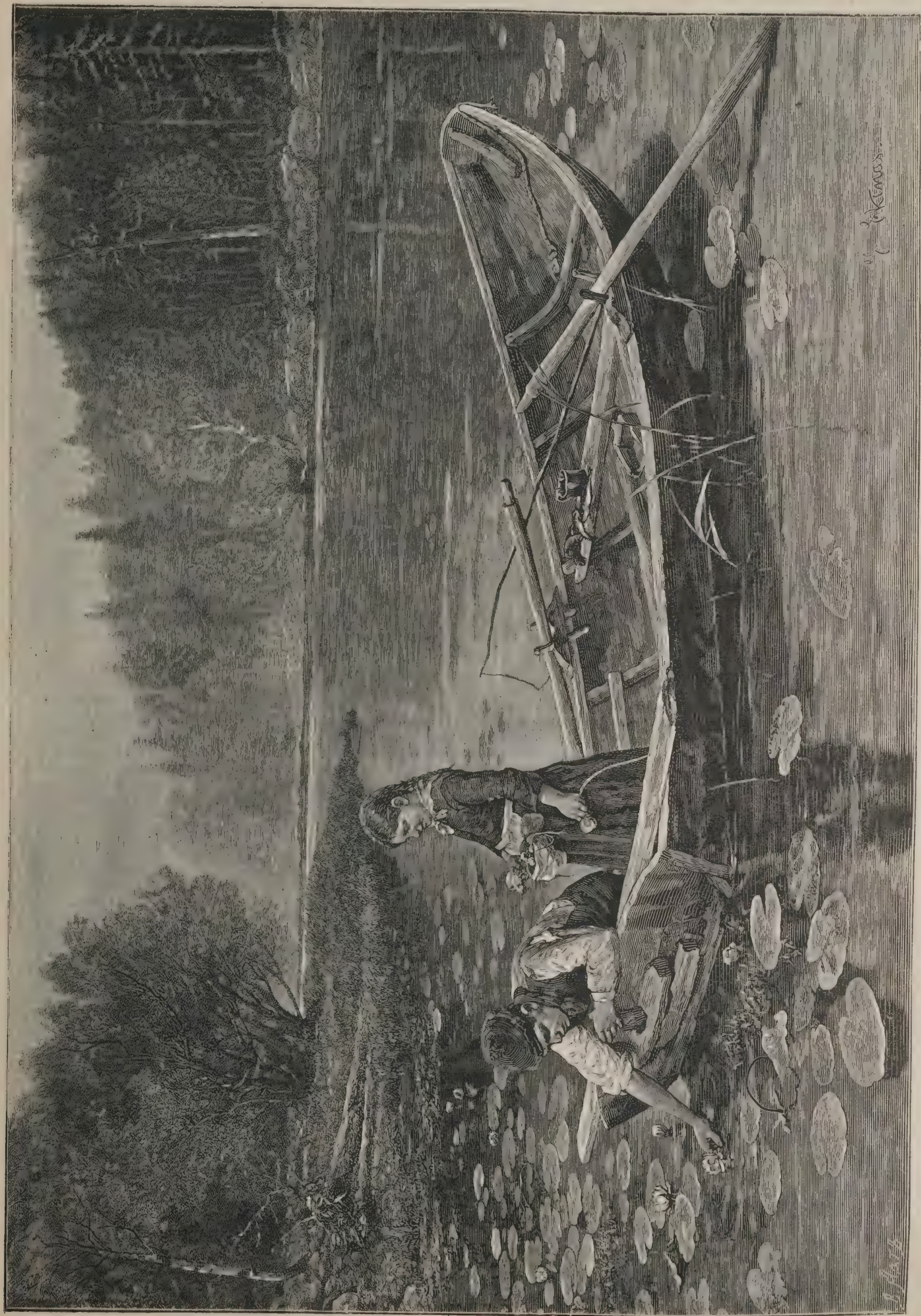
Мы спустились съ горы, чтобы ближе осмотрѣть этотъ феноменъ. Растительность кругомъ была роскошная, какой мы никакъ не ожидали найти въ такой сѣверной странѣ. Весело разговаривая и смѣясь, мы подошли къ самому берегу. Каково-же было наше удив-

рисувала съ натуры и укладывала въ лодочку мольбертъ и другія принадлежности рисованія. Мы поклонились, пробормотавъ нѣсколько извинительныхъ фразъ, не глядя на насъ, она слегка наклонила голову, не торопясь схватилась за весла и повелительнымъ взглядомъ указала намъ на цѣпь, которая придерживала лодочку къ дереву.

Повинуясь этому нѣмому приказанію, я поторопился отстегнуть цѣпь и оттолкнуть лодочку отъ берега. Едва замѣтная улыбка была вознагражденіемъ, и прелестная лодоч-

вость вполне отсутствовалъ въ ея движеніяхъ, она смотрѣла на насъ нѣсколько вопросительно, съ видомъ вполне свѣтской женщины, которая слегка потѣшается надъ сконфуженнымъ видомъ своихъ собесѣдниковъ.

Несомнѣнно, что эта рѣчонка была ей вполне знакома, потому что она направила яликъ прямо къ «Котлу», не оглядываясь и не давая теченію снести его въ сторону. Обогнувъ порогъ, она быстро поплыла къ противоположному берегу, причалила къ небольшой пристани и исчезла между деревьями. Нѣсколько минутъ мы мог-

«Кувшинчики». Съ картины художника И. Зенаса.

ли прослѣдить, какъ мелькало ея бѣлое платье. Только когда оно вполне исчезло, мы заговорили.

— Прелестное видѣніе!—замѣтилъ я весело.—Должно полагать, одна изъ обитательницъ замка, но я гораздо охотѣе сдѣлалъ бы изъ нея новѣйшую фею этой рѣчки; — я почти ждалъ, что она причалитъ къ «Котлу». Замѣтилъ ты ея глаза, Рауль? Какой странный цвѣтъ,—зеленоватый оттѣнокъ этой въромломной воды. И какое странное выраженіе!

Весь остатокъ дня Рауль былъ задумчивъ и мраченъ. Мы осматрѣли берега рѣчки до озера Борена и поздно вечеромъ вернулись домой, усталые, но въ восторгѣ отъ предстоящихъ намъ этюдовъ пейзажей, которые мы хотѣли приготовить для будущей зимы. Мы рѣшили начать наши работы на другой день и начать ихъ этюдомъ «Котла», взятымъ съ возвышенности. Туда мы и перенесли всѣ наши инструменты. Послѣ минутной работы, Рауль озабоченно замѣтилъ:

— Намъ не мѣшало бы сдѣлать визитъ въ замокъ, хотя бы для того, чтобы извиниться передъ молодой ссобою, которую мы вчера обезпокоили. Мы вѣдь вторглись въ ея владѣнія.

Это было начало, котораго я опасался. Я зналъ впечатлительную и страстную натуру Рауля. У него въ природѣ было поклоненіе красотѣ и расположеніе ко всему романическому. Я предчувствовалъ, если онъ еще разъ увидитъ эту женщину, онъ страстно въ нее влюбится. Я прочелъ это въ его взглядѣ и зналъ, что эта любовь не только разстроитъ его лѣтнія занятія, но и сдѣлаетъ его несчастнымъ.

— Рауль,—отвѣчалъ я,—вчера вечеромъ, когда ты ушелъ спать, хозяйинъ гостиницы пригласилъ меня покурить на террасу. Я охотно согласился. Мы говорили о томъ и другомъ; мало-по-малу я рассказалъ ему, какъ мы провели день, и мнѣ вдругъ пришла мысль получить отъ него свѣдѣнія о баронѣ Гаммаргильмѣ и его семьѣ. Онъ минуту замаялся, но затѣмъ рассказалъ мнѣ слѣдующее:

— Я долженъ вамъ сказать, что покойная жена барона, которая умерла лѣтъ двадцать тому назадъ, была на двадцать пять лѣтъ моложе его. Она была замѣчательной красоты, гордая и высокомерная, какъ оно, впрочемъ, и подобаетъ владѣльницѣ замка. Она великодушно ѣздила верхомъ, страстно любила природу и всѣ физическія упражненія на свѣжемъ воздухѣ. Баронъ женился на ней заграницей и скоро послѣ свадьбы они поселились въ Шарлоттенбургѣ. Первые два года ихъ супружества прошли мирно, и баронесса, должно быть была относительно счастлива. Знала ли она прошлое своего мужа, когда выходила за него замужъ? Сомнительно. Онъ, вѣроятно, скрылъ отъ нея, что былъ вдовъ, а гдѣ ей было узнать,—что его первая жена исчезла страннымъ и таинственнымъ образомъ. Я очень хорошо помню эту несчастную молодую женщину, первую жену барона, я жилъ тогда въ замкѣ и въ дни пріемовъ исполнялъ обязанности метръ-д'отеля; она была лунатикъ и многіе видѣли ее, когда она въ лѣтнія ночи прогуливалась по берегамъ рѣчки. Въ одинъ прекрасный день оказалось, что она ушла изъ своей комнаты и не вернулась. Ее искали вездѣ, въ лѣсу, въ водѣ, когда замѣтили, что маленькій яликъ, въ которомъ она любила кататься, исчезъ также. Тогда поиски продолжались въ озерѣ Боренѣ, гдѣ въ камышахъ нашли обломки ялика. Не оста-

валось сомнѣнія о судьбѣ молодой женщины: въ припадкѣ лунатизма она, должно быть, сѣла въ яликъ, слишкомъ близко подошла къ «Котлу», гдѣ и погибла. Горе барона было шумно, но никто не считалъ его искреннимъ. Всѣ знали, что онъ періодически подвергался припадкамъ наследственнаго сумасшествія, тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ умѣлъ скрывать ихъ съ дѣвольской хитростью. Никто никогда не видалъ и не слыхалъ, чтобы онъ дурно обращался съ женою, или грубо говорилъ съ нею, но всѣ знали, что жизнь ея была самая несчастная, благодаря его грубости и жестокости. Рѣка никогда не возвратила трупъ. Что же касается обломковъ лодки, я ихъ видѣлъ, потому что былъ въ числѣ нашедшихъ ихъ,—они не имѣли вида обломковъ, прошедшихъ черезъ таинственныя глубины рифа. Кромѣ того извѣстно, что «Котель» отдаетъ предметы, попавшіе въ него, только на четвертый день, а эти были найдены въ утро, слѣдовавшее за катастрофой. Баронъ велѣлъ ихъ немедленно сжечь, подъ предлогомъ, что ему больно ихъ видѣть. Еще нужно замѣтить, что тѣла погибшихъ, рано или поздно, отыскивались въ рѣкѣ или озерѣ. Тѣло баронессы не было найдено, и этотъ фактъ представляется единичнымъ въ исторіи нашего феномена. Въ тѣ времена рассказывали, что островокъ, образующій «Котель», соединяется съ замкомъ подземнымъ ходомъ, который проведенъ подъ русломъ рѣки, и входъ въ который находился гдѣ то во рву замка, скрытый кустами. Этотъ подземный ходъ кончался въ пещерѣ, лежащей подъ «Котломъ». Осуществованіи подземелья было сообщено слѣдователю и должны были быть произведены розыски въ окрестностяхъ замка, но въ ночь, наканунѣ назначеннаго для нихъ дня, провалилась часть русла рѣки между «Котломъ» и берегомъ замка. По близости жилъ только одинъ старшій крестьянинъ, Свенссонъ, который показалъ, что ночью его разбудилъ какой то гулъ въ родѣ взрыва. Поиски все-таки привели къ открытію входа въ подземелье, по которому можно было даже пройти до засыпаннаго свѣжей землей мѣста. Слѣдствіе было прекращено, и смерть баронессы приписали случаю. Баронъ уѣхалъ за границу и вернулся только черезъ десятокъ лѣтъ съ новой женой. Очень скоро послѣ своего пріѣзда въ Шарлоттенбургъ, молодая баронесса сильно заинтересовалась чудеснымъ феноменомъ. Она разспрашивала и собирала всѣ легенды и дѣйствительные случаи, относящіеся до него; узнавала имена смѣльчаковъ, рисковавшихъ проникнуть въ «Котель» и вернувшихся оттуда или не вернувшихся вовсе. Изучила точное положеніе скалъ и путь, какимъ туда можно проникнуть, и въ одинъ прекрасный день, въ отсутствіи своего мужа, она отправилась туда въ своемъ яликѣ. Проникнувъ туда, она причалила къ «Табуретуфею», укрѣпила яликъ и наклонилась надъ зеркаломъ. Только старый Свенссонъ видѣлъ ея безумно отважный поступокъ и былъ такъ имъ пораженъ, что остоленѣлъ отъ страха и не могъ выговорить ни слова, чтобы позвать свою жену, занятую въ избѣ. «Вдругъ я увидалъ,—рассказывалъ онъ впоследствии,—какъ баронесса въ ужасѣ откинулась назадъ, а потомъ снова стала смотрѣть въ зеркало, наклоняясь ближе, какъ-бы желая проникнуть тайну». Черезъ нѣсколько минутъ она сѣла въ лодку, благополучно выбралась изъ рифа, вернулась домой и заперлась у себя въ комнатѣ.

Прислуга въ замкѣ, мимо которой она, какъ сумасшедшая, проѣхала, говорила, что

лицо ея выражало испугъ и ужасъ. Никто не знаетъ, что произошло между ними, когда баронъ вернулся, по взгляду его сдѣлался мраченъ и суровъ. Одно достоверно, что между супругами произошла бурная сцена, что баронесса была шесть недѣль больна и что жизнь ея послѣ этого обратилась въ настоящій адъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своей прогулки къ «Котлу» она родила дочь, Гильду. Но рожденіе ребенка не улучшило отношеній между супругами. Эта несчастная жизнь тянулась нѣкоторое время, но въ одинъ лѣтній вечеръ баронесса приняла вторую поѣздку къ «Котлу», которая оказалась для нея роковой. Черезъ недѣлю ея тѣло и обломки ялика были найдены въ озерѣ. Была-ли это случайность или самоубійство? Можно было только дѣлать предположенія. Послѣ ея смерти глаза барона потеряли мрачное выраженіе, онъ только сдѣлался молчаливѣе и еще болѣе уединился. Теперь онъ ни съ кѣмъ не видится. Гильдѣ было около двухъ лѣтъ, когда ея мать погибла, и ее воспитала гувернантка англичанка, умершая нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Отецъ души въ ней не чаеъ, и малѣйшее ея желаніе для него законъ. Она очень развита, образована и очень ловка въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Что касается ея характера, говорятъ, что въ этомъ отношеніи она похожа на своего отца, наследовавъ отъ него гордость и высокомеріе, которое смягчается увлекательною любезностью обращенія, которою отличалась ея мать. Послѣдніе годы я ее видѣлъ всего два раза и отдаю полную справедливость ея гордой и аристократической красотѣ, но ея взглядъ слишкомъ мнѣ напоминаетъ ея отца, чтобы она могла мнѣ понравиться.

II.

Рауль выслушалъ мой рассказъ со вниманіемъ, всталъ, будто желая лучше рассмотреть свой рисунокъ, и сказалъ:

— Все это очень интересно, но я не вижу въ этомъ причины не исполнить долга вѣжливости относительно дѣвицы Гаммаргильмъ.

— Дорогой мой, дѣлай, какъ хочешь. Я передалъ тебѣ рассказъ нашего хозяина, чтобы предупредить тебя противъ опасностей, ожидающихъ тебя, если ты будешь настаивать на желаніи познакомиться съ особой, семья которой подвержена припадкамъ наследственнаго сумасшествія или мономаніи. Я знаю, что ты мнѣ отвѣтишь: «что ты не такъ легко влюбляешься». Очень хорошо. Весьма возможно, что я преувеличиваю силу привлекательности этой молодой дѣвушки. Я только напомню тебѣ, что мы пріѣхали сюда работать и учиться. Рауль, у тебя сердце нѣжное и увлекающееся, ты вполне артистъ. Не довѣрай своимъ чувствамъ. Ты слышалъ, что наследственное сумасшествіе царствуетъ въ этой семьѣ, а ея прошлое не внушаетъ мнѣ никакого желанія знакомиться. Если ты будешь настаивать на своемъ желаніи, ранѣе заявляю тебѣ, что ты отправишься одинъ.

Я еще говорилъ много и долго, но видѣлъ, что не въ силахъ разубѣдить его. И послѣ обѣда онъ переодѣлся и отправился въ замокъ, а я уѣхалъ на берегъ и рисовалъ кое-какіе наброски. Я былъ уже дома, когда онъ вернулся.

— Ахъ, дорогой отецъ,—заговорилъ онъ сейчасъ,—что за прелестная особа! Она артистка душой и сердцемъ, какъ мы съ тобой; у нея дѣйствительный талантъ художника. Она провела меня въ свою мастерскую, от-

дѣланную во вкусѣ Макарта, показала мнѣ множество этюдовъ, набросковъ и картинъ, дѣйствительно замѣчательныхъ для такой еще молодой особы, работающей какъ любительница. Разговоръ ея очень интересенъ, она много путешествовала, очень образована и знакома со всеми мастерскими великихъ художниковъ.

— Она тебя хорошо приняла?

— Чрезвычайно любезно и мило. Она мнѣ прямо сказала, со смѣхомъ, что послѣ нашего вчерашняго вторженія въ ея святилище она рассчитывала на нашъ визитъ и спросила, почему ты не пришелъ. Нѣтъ, въ ея чудныхъ глазахъ нѣтъ и тѣни сумасшествія, они сияютъ и сверкаютъ умомъ, развитіемъ и жизнью, разговоръ ея такъ изященъ и интересенъ, мысли такъ оригинальны...

Я улыбнулся его энтузіазму.

— И что вы дѣлали все послѣ-обѣда? Видѣлъ ты барона?

— Нѣтъ. Баронесса Гильда сразу сказала мнѣ, что здоровье и преклѣсный возрастъ ея отца вынуждаютъ его сидѣть все время у себя въ комнатѣ. Мы провели два часа въ ея мастерской, два часа, которые показались мнѣ минутами; затѣмъ она предложила пройти въ парк. Потомъ мы вышли на берегъ рѣки и, гуляя, подошли къ пристани. Она пригласила меня покататься въ яликѣ и когда я взялся за весла, она сказала:

— Если бы вы знали, насколько эта красивая рѣка опасна, во-первыхъ, вы не согласились бы такъ легко на мое предложеніе, а тѣмъ болѣе не предложили бы ваши услуги управлять яликомъ. Если бы я ихъ приняла, девять шансовъ изъ десяти, что черезъ пять минутъ мы оба были бы на днѣ.

— Превосходно,—прервалъ я Рауля, желая охладить его энтузіазмъ, который начиналъ пугать меня. — Эта особа вздумала играть роль феи, а ты допустилъ, чтобы молодая дѣвушка работала въ то время, какъ ты, сидя на кормѣ, рвалъ неюфары или декламировалъ ей стихи.

— Не смѣйся, отецъ,—сказалъ онъ сконфуженно.—Что же мнѣ оставалось дѣлать? Отказаться послѣ ея словъ, значило выказывать страхъ. Мы переплыли рѣку и пристали къ тому мѣсту, гдѣ ты хотѣлъ рисовать, но ты уже ушелъ. Я проводилъ ее обратно въ замокъ, распрощался съ ней и вернулся большою дорогою.

На другое утро мы продолжали наши этюды «Котла», и я былъ совсѣмъ погруженъ въ работу, какъ Рауль вдругъ вскопчилъ, слышался легкій шелестъ и... Гильда Гаммаргильмъ стояла передъ нами. Я уже раньше говорилъ, какъ мнѣ жестоко пришлось раскаяваться, что я позволилъ себѣ увлечься чисто физической красотой женщины, и этотъ опытъ сдѣлалъ меня чрезвычайно недоверчивымъ. Я боялся за своего сына, зная, къ чему ведутъ увлеченія подобнаго рода. Избѣгалъ ихъ самъ, потому что чувствовалъ себя слишкомъ еще молодымъ, чтобы быть внѣ сферы ихъ вліянія и потому что моя глубокая привязанность къ Раулю внушила мнѣ непоколебимое рѣшеніе никогда имъ не поддаваться. Вслѣдствіе этого въ сношеніяхъ съ женщинами, и особенно красивыми, я былъ вѣжливымъ, слегка насмѣшливымъ скептикомъ. Такимъ образомъ, я окружилъ себя непроницаемой броней и полученное теперь впечатлѣніе было впечатлѣніемъ художника, любующагося совершенствомъ красоты. Я приподнялся, Рауль представилъ меня, Гильда протянула мнѣ руку, заткнутую въ свѣтлую перчатку.

— Вашъ сынъ, господинъ де-Ланьеръ, вѣроятно говорилъ вамъ,—сказала она,—что я нѣсколько занимаюсь живописью и, слѣдовательно, могу вполне оправдать мой интересъ къ искусству. Несомнѣнно, что пріѣздъ въ нашу мѣстность извѣстнаго художника, произведеніями котораго я такъ любовалась въ Штокгольмѣ и другихъ городахъ, долженъ былъ возбудить во мнѣ желаніе познакомиться съ нимъ.

— Я никакъ не ожидалъ, баронесса,—отвѣчалъ я кланаясь, и кислосладкимъ тономъ, потому что заранѣе былъ сердитъ на нее за ожидаемую помѣху нашимъ занятіямъ,—что на цвѣтущихъ берегахъ этой рѣчки меня будутъ интервьюировать; я былъ твердо увѣренъ, что мы съ сыномъ уединимся въ тиши полей и сдѣлаемъ громадный запасъ этюдовъ и набросковъ.

— Вы ошиблись,—отвѣчала она весело.— На меня здѣсь смотрятъ нѣсколько, какъ на фею этой рѣчки, а такъ какъ вы вторглись въ мои владѣнія, то я рассчитываю воспользоваться этимъ и нѣсколько сократить вашу независимость. Но, шутки въ сторону, я горю желаніемъ узнать мнѣніе мастера о моихъ слабыхъ работахъ, и надѣюсь, что вы безъ всякаго отговорокъ признаете, что вы въ долгу передъ владѣтельницей мѣстъ, которая вы собираетесь увѣковѣчить, и обязаны посѣтить ее.

Мы разсмѣялись еще нѣсколькими фразами, она посмотрѣла наши рисунки и, сказавъ, что не желаетъ намъ мѣшать, исчезла.

— Весьма милая особа,—сухо сказалъ я Раулю,—которая не страдаетъ избыткомъ застѣнчивости. Я не удивляюсь, что день, проведенный съ ней, такъ тебѣ понравился. Я предпочелъ бы, чтобы эта рѣчная фея или камышовая богиня, какъ угодно, обладала достоинствомъ своихъ подругъ, которыя, говорить, вовсе не общительны. Приглашеніе ея нѣсколько похоже на приказаніе.

— Отецъ, ты неблагодаренъ,—мрачно отвѣчалъ онъ,—баронесса Гаммаргильмъ была съ тобой особенно любезна. Другіе были бы счастливы вниманіемъ такой прелестной особы. Ты даже не замѣтилъ, что она такъ была къ тебѣ внимательна, что едва на меня взглянула.

Бѣдный мальчикъ ревновалъ. Это открытіе огорчило меня, потому что подтверждало мои опасенія.

— Она просто хочетъ воспользоваться моимъ пребываніемъ, чтобы поучиться рисовать; но если она воображаетъ, что я стану тратить время на уроки ей, она жестоко ошибается,—прибавилъ я сердито.—Она съ ножемъ къ горлу вынуждаетъ меня сдѣлать ей визитъ, но затѣмъ она меня не часто увидитъ...

На другой день мы отправились къ ней. Я былъ удивленъ, когда Гильда Гаммаргильмъ показала мнѣ свои картины, у нея былъ дѣйствительный талантъ, хотя она обязательно грѣшила всеми недостатками, свойственными любителямъ,—незаконченностью и неопредѣленностью рисунка. Затѣмъ, мы сошли на берегъ рѣки,—мнѣ очень хотѣлось увидать «Котель» съ этой стороны. Онъ лежалъ ближе къ этому берегу и прекрасно выдѣлялся на ясномъ горизонтѣ, казался грандіознѣе и характернѣе... Я рѣшилъ дѣлать съ этой стороны всѣ этюды, необходимые для задуманной мною большой картины. «Табуретъ феи» былъ видѣнъ цѣликомъ, и если бы туда можно было посадить модель или даже куклу, легенда была бы воспроизведена на полотнѣ цѣликомъ, снятая съ натуры.

Баронесса стояла подлѣ меня и, казалось, угадала мою мысль.

— Вамъ нужна фея на своемъ табуретѣ, не правда-ли?

— Да, это бы многое облегчило,—отвѣчалъ я,—но это не составляетъ такой уже необходимости; я могу прибавить фею потомъ. Главное, точно воспроизвести эту картину природы. Не позволите-ли вы намъ приходить сюда рисовать наши этюды? Больше часу мы не останемся, потому что, какъ вамъ извѣстно, освѣщеніе быстро мѣняется.

— Конечно, приходите такъ часто и оставайтесь такъ долго, сколько хотите. Я буду въ восторгѣ, если могу видѣть, какъ вы работаете, и надѣюсь, что вы позволите мнѣ смотрѣть, какъ вы дѣствуете кистью и мѣшаете ваши краски. Господинъ Рауль будетъ также приходить? Или онъ предпочтетъ работать на томъ берегу?

— Если позволите, я буду приходить съ моимъ отцомъ,—сказалъ Рауль, вспыхнувъ.

— Какъ это случилось, баронесса,—спросилъ я, желая побольше узнать объ этомъ «Котлѣ»,—что такое опасное мѣсто, благодаря которому произошло столько несчастій, существуетъ, когда его такъ легко уничтожить нѣсколькими динамитными патронами. Я не могу себѣ представить, чтобы власти сохраняли его изъ любви къ живописному и уваженія къ романтической легендѣ.

— Позвольте вамъ замѣтить, что властямъ нѣтъ никакого дѣла до этого «Котла». Онъ находится въ имѣніи моего отца и никто не можетъ его уничтожить, такъ какъ онъ не лежитъ на дорогѣ и не мѣшаетъ общественнымъ сношеніямъ.

Признаюсь однако, что я вполне съ вами согласна, потому что мало знать опасность, на нее можно нечаянно наткнуться, а сколько здѣсь бываетъ иностранцевъ, совсѣмъ не знающихъ этихъ подробностей. «Котель» долженъ былъ бы исчезнуть. Но когда я заговорила объ этомъ съ моимъ отцомъ, онъ положительно воспротивился. Онъ чувствуетъ какую-то особую привязанность къ этому феномену природы; понятно, въ его годы бояться переменъ и испытываютъ глубокое уваженіе къ преданіямъ. Мои слова такъ его взволновали, что я могла успокоить его только обѣщаніемъ не поднимать этого вопроса.

Она говорила такъ спокойно, что я подумала:—она не знаетъ какія подозрѣнія лежатъ на отцѣ.

— Вы вѣрно слышали,—продолжала она,—что моя мать погибла въ этомъ водоворотѣ,—голосъ ея сдѣлался глубже, а лицо приняло болѣе серьезное выраженіе,—мнѣ было только два года, когда это несчастіе случилось, вслѣдствіе чего «Котель» не возбуждаетъ во мнѣ никакихъ печальныхъ воспоминаній. Я скорѣе смотрю на него, какъ на надгробный памятникъ, воздвигнутый памяти моей матери.

— А послѣ смерти баронессы никто не пытался туда проникнуть?—спросилъ я.

Она слегка улыбнулась.

— Какъ было бы интересно основательно познакомиться съ исторіей этого рифа,—продолжала она, будто не слыша моего вопроса,—она навѣрно имѣетъ связь съ исторіей замка. Сколько ужасныхъ драмъ могло здѣсь произойти! Вы знаете, что прежде подземный ходъ соединялъ этотъ водоворотъ съ подземельями замка. Вообразите какого нибудь мрачнаго «Синюю бороду», уничтожавшаго своихъ женъ одну за другою! Я люблю средневѣковую эпоху и хотѣла бы жить въ тѣ времена!

— Благодарите Бога, что вы родились не въ такой романтической вѣкъ,—прервалъ я,

Отдѣлъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.

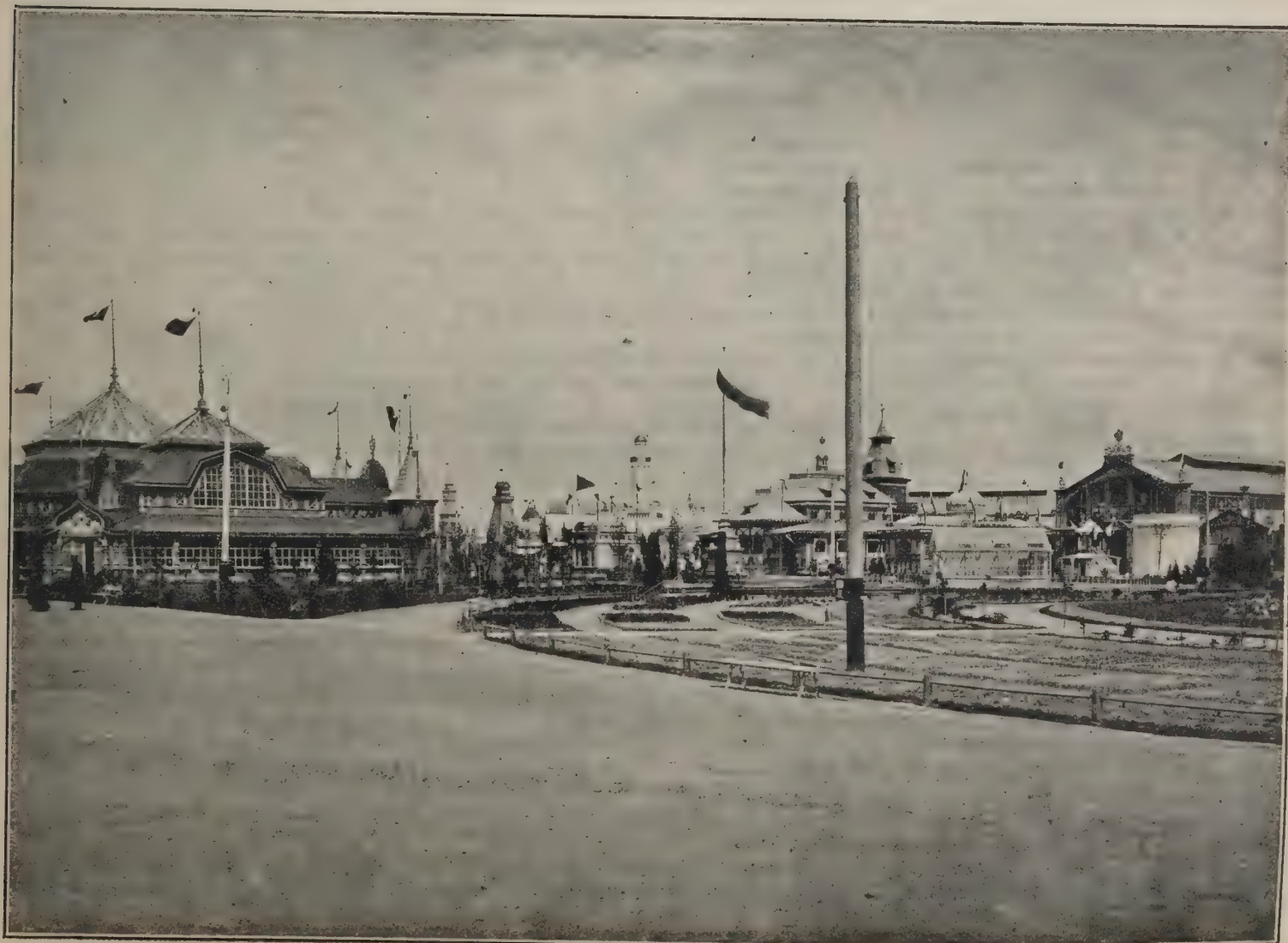

Павильоны колокольныхъ заводовъ.

ЫСТАВКА ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ 1896 ГОДА.

Павильонъ товарищества бр. Нобель.

Боковая аллея выставки. Общій видъ.

чтобы прекратить эти сантиментальныя выходки и сожалѣнія, которыя я ненавижу. — Я не сомнѣваюсь, что вы дюжинами заставляли бы трубадуровъ, сидя на «Табуретѣ фзи»,

пѣть вамъ серенады, и затѣмъ отправляли пѣвцовъ въ озеро Борець.

— Вы медвѣдь и скептикъ, — вскричала она, смѣясь отъ всего сердца, — но это прости-

тельно только такимъ художникамъ, какъ вы произведенія котораго показываютъ, насколько вы идеалистъ и энтузіастъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

— Она мнѣ даже не протянула руки по-американски.

— Значить потребуется осада. Навѣрное, полученныхъ отъ меня 200,000 франковъ уже не существуетъ.

— Почти; если они есть, то потому только, что счастливый выигрышъ помогъ заплатить пятьдесятъ тысячъ за ожерелье и серьги Лены.

— Ты широко началъ! Но теперь меня больше интересуетъ твоя американка! Такъ-ли она хороша вблизи?

— Лучше! Это прелестная, воздушная розовая блондинка съ голубыми глазами! Но я не люблю такой красоты!

— А отецъ? Лучше-ли онъ во фракѣ, чѣмъ въ жакетѣ наѣздника?

— Еще хуже! Толстякъ съ широкой рыжей бородой, но не глупъ. Онъ мнѣ сразу протянулъ свои огромныя лапы. Настоящій янки!

— А остальные дамы?

— Старуха, тетка, вполне достойная особа; а другая, французенка лѣтъ тридцати, бывшая воспитательница миссъ Гаррисъ, съ которой она неразлучна. Я представляю тебя, поухаживай за ней. Нужно, чтобы она тоже была за меня.

— Да, вѣдь, у нея нѣтъ двѣнадцати милліоновъ, зачѣмъ-же мнѣ ухаживать за ней?

— Я не говорю тебѣ жениться! Идемъ къ Ленѣ!

— Знаешь она о твоёмъ намѣреніи?

— Нѣтъ еще! Я не знаю, какъ сказать ей.

— Ты по-прежнему влюбленъ?

— Еще больше, чѣмъ прежде!

— Не хорошо! Влюбленный всегда будетъ пеловокъ! Хочешь, я скажу ей?

— Идеи! Мы объ этомъ завтра поговоримъ.

Молодые люди отправились въ уборную Лены. Балерина не была еще одѣта, и въ ожиданіи парикмахера сидѣла съ распушенными волосами, которые роскошно волною падали на полъ. На лицѣ ея выражалась нѣкоторая тревога, но ни принцъ, ни Арманъ не замѣтили этого. Робертъ поцѣловалъ ее за ушкомъ.

— Я уже видѣла васъ сегодня, — сказала Лена принцу.

— Какимъ образомъ? — спросилъ тотъ удивленный.

— Минутъ десять тому назадъ въ антрактѣ, я была на сценѣ и, наирасно поискавъ васъ въ партерѣ, увидѣла въ ложѣ, въ бельэтажѣ. Кому принадлежить теперь эта ложа?

— Ее на сезонъ взяли иностранцы, — сказали баронъ, — принцъ такъ растерялся, что ничего не нашелся отвѣтить.

— Какіе иностранцы, Робертъ? Вы знакомы съ ними?

— Это соотечественники Уильяма Гордона, онъ меня имъ сегодня представилъ.

— Этотъ пьяница Гордонъ? Американцы? Я не могла вспомнить, гдѣ я видала обѣихъ молодыхъ женщинъ. Въ лѣсу! Но я уже не дѣли двѣ не ѣздила верхомъ и забыла ихъ. Красный, толстый господинъ съ ними. Это

тотъ янки, у котораго сто или больше милліоновъ? Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Выдавать дочь замужъ? Да что съ вами? Вы оба какіе то странные! Вѣдь я васъ превосходно вижу, хотя и сижу къ вамъ спиною!

Молодые люди дѣлали другъ другу знаки глазами, Робертъ въ волненіи кусалъ свои усы. Лена въ зеркало наблюдала за ними.

— Ничего, дорогая моя, — сказала, напоказъ, принцъ, — но какъ видно, вы лучше меня знаете Гаррисовъ!

— Гаррисовъ? — спросила Реджи, повертываясь къ нему и безпокойно смотря на него. — Вы знаете, какъ ихъ зовутъ?

— Несомнѣнно, если меня представили имъ. Точно также они знаютъ, какъ меня зовутъ.

— Правда! Я глупа! Все очень просто. Но все равно, мы поговоримъ еще объ этомъ. Въ эту минуту въ дверь уборной постучали.

— Уходите, — сказала Лена своимъ посѣтителямъ. — У меня едва осталось время одѣться. Робертъ, зайдите за мной послѣ балета.

Вернувшись на свое мѣсто въ партерѣ, принцъ задумчиво спросилъ своего кузена:

— Что ты на это скажешь?

— Что это очень хорошо. Лена сама идетъ на встрѣчу объясненію, а въ такихъ дѣлахъ трудите всего начало.

— По твоemu мнѣнію слѣдуетъ предупредить ее?

— Непремѣнно!

— А если она разсердится?

— Перестанетъ сердиться... узнавъ, что заморская птичка имѣетъ двѣнадцать милліоновъ приданого.

— Ты не знаешь ее! А если она погрозитъ бросить меня?

— Подожди, пока она приведетъ свою угрозу въ исполненіе.

— Ты забываешь, что я люблю ее, какъ стѣмасшедшій.

— Ну, стѣмасшедшій — слишкомъ!

— И что она меня такъ любитъ, что я опасаясь ужасной сцены.

— Если она тебя дѣйствительно любитъ, она избавитъ тебя отъ горя, а если она любить тебя меньше, чѣмъ ты думаешь, то легко съ ней справишься...

— У тебя странныя понятія о женщинахъ. — Я говорю аксіому.

— А если она вздумаетъ написать Гаррису?

— Американскіе милліонеры, пріѣзжающіе во Францію выдавать дочерей замужъ, выше такихъ мелочей. Ты вѣдь, по прежнему, останешься принцемъ де-Саллернъ-Монсерратъ, герцогомъ де-Блезъ и пр. и пр.

— А миссъ Гаррисъ? Какъ она взглянетъ на мою связь?

— Если бы Лена была какая-нибудь простая кокетка, миссъ Гаррисъ отнеслась-бы къ тебѣ съ презрѣніемъ. Но Лена — знаменитость!

— Лена не согласится на раздѣлъ.

— Ошибаешься, лишь-бы она получила львиную долю!

— Хорошо, сегодня-же я скажу Ленѣ все...

— Слава Богу!

Марга ушелъ въ клубъ, а Саллернъ остался ждать конца балета. Когда Реджи появилась на сценѣ, онъ забылъ все и упивался ея красотой. Когда балетъ кончился, ее вызывали, онъ остался на своемъ мѣстѣ, чтобы Лена видѣла, какъ онъ ей хлопалъ, затѣмъ бѣгомъ бросился къ выходу и явился по время, чтобы раскланяться съ Гаррисами. Черезъ пять минутъ онъ съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ уже входилъ въ уборную Лены.

— Какъ ты сегодня была хороша! — сказалъ онъ. — Съ какимъ ты увлеченіемъ играла!

— Да, публика возбудила меня. Сначала я совсѣмъ не была расположена! Я сейчасъ одѣнусь.

Черезъ полчаса экипажъ подвезъ ихъ къ ея дому. Влюбленные всю дорогу молчали. Саллернъ такъ углубился въ свои мысли, что даже не замѣчалъ прощесныхъ взглядовъ своей подруги. Пріѣхавъ домой, она быстро переодѣлась и протягивая ему свои губки, сказала:

— Прости меня, я сейчасъ подразнила тебя! Конечно, я люблю тебя всѣмъ сердцемъ, но не думай, чтобы я была такъ ревнива.

— Тѣмъ лучше, — вскричалъ де-Саллернъ, хватаясь за протягиваемую ему тростинку. — Ты знаешь, что у насъ есть обязательство передъ обществомъ. Лишь-бы я не переставалъ обожать тебя, а остальное все пустяки.

— Что ты называешь остальнымъ?

— Я говорю о томъ ухаживаніи за женщинами, къ которому иногда насъ вынуждаетъ дипломатія или вѣжливость.

— Ты какъ будто готовишь извиненія.

— Глупости! Обманывать тебя я не въ силахъ. Но предположимъ... что въ одинъ прекрасный день я буду вынужденъ жениться!

— Какъ вынужденъ?

— Я послѣдній въ родѣ, на моей обязанности лежитъ продолженіе рода, и притомъ, я не богатъ.

— Мнѣ говорили... И потому я позволила себѣ сдѣлать первые шаги. Но потомъ твои подарки, — жемчужное ожерелье, брилліанты, заставили меня сомнѣваться, я думала, что меня обманывали, чтобы помѣшать мнѣ сойтись съ тобой. Такъ ты на самомъ дѣлѣ не богатъ?

— Очень не богатъ!

— Но какъ-же?.. Эти брилліанты?..

— Я заложилъ свой дворецъ. И если я хочу жить въ роскоши и имѣть возможность предупреждать твои желанія, я долженъ жениться... или разстаться съ тобой!

— Правда! Наше счастье еще такое недавнее, что я не думала ни о чемъ. Да, принцъ де-Саллернъ-Монсерратъ не можетъ быть бѣденъ! Какъ послѣдній въ родѣ, онъ долженъ жениться. А что-же я?

— Ты моя ненаглядная! Ничто въ мірѣ насъ не разлучитъ!

Онъ обнялъ ее и покрывалъ поцѣлуями ея лицо, глаза, губы, повторяя:

— Разстаться съ тобою! Не видать тебя каждый день, да я съ ума сойду!

Страсть до такой степени охватила де-Саллерна, что онъ готовъ былъ на всякіе компромиссы, не замѣчая ихъ подлости, лишь бы не разставаться съ Леной, которая слушала его съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ восторгомъ и ужасомъ. Это не былъ тотъ высокомерный господинъ, гордостью котораго она любовалась, носить имя котораго она одну минуту мечтала,—это былъ безконечно страстный любовникъ, надъ которымъ ея власть была безгранична. Она гордилась мыслью, что онъ женится на другой изъ любви къ ней, своей любовницѣ, и не сознавала всей низости того, что, слѣдовательно, она станетъ жить на деньги законной жены. Она молча отвѣчала на его ласки, а онъ, принимая ея молчаніе за согласіе, былъ счастливъ, что обошелся безъ слезъ и бурныхъ сценъ. Но вдругъ Лена вырвалась изъ его объятій.

— Ты отъ меня скрываешь! Твоя женитьба уже рѣшена! Не черезъ годъ или два, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ждать меня это несчастье, можетъ быть даже черезъ нѣсколько недѣль? Умоляю тебя, не скрывай отъ меня ничего, скажи мнѣ правду...

— Клянусь тебѣ!..

— Не клянись! Готова пари держать, что ты собираешься жениться на одной изъ дочерей этого миллионера американца. Я чувствую это. Отвѣчай мнѣ, если ты меня любишь, Робертъ, умоляю тебя!

— Да,—сказалъ, наконецъ, принцъ, собравшись съ мужествомъ,—мнѣ предлагаютъ жениться на дочери этого американца.

— На которой, блондинкѣ или брюнеткѣ?

— У него одна дочь, блондинка,—другая ея подруга.

— Значитъ я не ошиблась!

Опустившись въ кресло, она заплакала. Принцъ сталъ подлѣ нея на колѣни и, нѣжно захвативъ ея руки, сказалъ:

— Если это необходимо?

— Значитъ скоро?—спросила Лена, обнимая его.

— Меня сегодня только представили имъ. Она даже очень холодно приняла меня.

— Тѣмъ лучше! Хороша она?

— Не умѣю тебѣ сказать. Блондинка съ непремѣнными голубыми глазами.

— Какъ ее зовутъ?

— Кажется, Джэни!

— И большое приданое?

— Говорятъ, не менѣ десяти миллионѣвъ.

— Не менѣ десяти миллионѣвъ! Но вѣдь съ этимъ приданымъ и состояніемъ отца, которое ей-же достанется, она найдетъ десятки принцевъ. Пусть она оставитъ мнѣ моего.

— Да, но я не встрѣчу второго подобнаго случая.

— Правда! Я глупа!.. Ты ее полюбишь?

— Если бы я могъ это предположить, я бы никогда на ней не женился.

— О, мой Робертъ!

И ихъ уста слились въ горячемъ поцѣлуѣ.

Въ это же самое время Максимъ Гаррисъ благодарилъ сестру, что она такъ скоро нашла такое совершенство, какъ принцъ де-Саллернъ. Молодой, изящный, въ родствѣ съ лучшими домами Франціи и Піемонта, — о такомъ зятѣ онъ мечталъ; онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что его дочь безпрекословно согласится отдать свою руку этому знатному красавцу, о которомъ миссъ Джэни нисколько не думала и хотя пришла къ себѣ нѣсколько безпокойная, Мари поспѣшила дать другое

направленіе ея мыслямъ, и она уснула съ улыбкой на губахъ.

IV. Выборъ зятя.

Первое время Артуръ Демарей ни съ кѣмъ не желалъ дѣлиться 300,000 франковъ, назначенныхъ за комиссію, и, выбравъ изъ своего реестра нѣсколько знатныхъ именъ, по большей части разорившихся иностранцевъ, желавшихъ женитьбой поправить дѣла, онъ написалъ миссисъ Дерсонъ, которая явилась съ готскимъ Альманахомъ къ рукамъ. На вопросъ Демарея, что это за книга, она сказала, что они съ братомъ ставятъ первымъ условіемъ, чтобы имя жениха находилось въ Альманахѣ. Но, къ сожалѣнію, всѣ предложенные имъ женихи были иностранцы, и отъ нихъ отказались.

— Мужъ моей племянницы долженъ быть непременно французъ.

Подумавъ нѣсколько минутъ, Демарей взялъ готскій Альманахъ и, перелиставъ его, должно быть нашелъ, что было нужно, потому что сказалъ:

— Я нашелъ, кого намъ нужно! И какъ это я позабылъ одного молодого, красиваго принца, который, я знаю, хочетъ жениться на богатой. Завтра я напишу вамъ.

Миссисъ Дерсонъ уѣхала, а Демарей немедленно телеграфировалъ графинѣ де-Пенгре. Онъ вспомнилъ о принцѣ де-Саллернѣ, который отъказался отъ дѣвицы Олимпіи Груммеръ, — но у той было только шесть миллионѣвъ, и она была еврейка, а у миссъ Гаррисъ двѣнадцать миллионѣвъ и она католичка. Графиня немедленно явилась къ агенту и сейчасъ-же принялась хлопотать. Уильямъ Гордонъ, членъ того же клуба, въ которомъ были членами де-Саллернъ и де-Марга, познакомился съ Гаррисомъ въ Сѣверо-Американскомъ посольствѣ и охотно согласился представить ему де-Саллерна. По сдѣланному у графини де-Пенгре справкамъ, которая была у госпожи Дерсонъ съ визитомъ, чикагскій архимиллионеръ не могъ желать лучшаго зятя. Осталось только получить согласіе миссъ Джэни. Гаррисъ былъ увѣренъ, что дочь его такъ-же мало думала о Рено, какъ онъ самъ, и что мысль сдѣлаться принцессой ей была очень дестна, но миссисъ Дерсонъ, хотя и не знала что такое любовь, но была увѣрена въ сопротивленіи Джэни, сердце которой было переполнено мыслью о Марселѣ, и придумывала хитрость, чтобы побѣдить это предвидимое сопротивленіе. Дѣло усложнялось присутствіемъ дѣвицы Бренъ, присутствіе которой напоминало Гаррису обѣщанія, данныя имъ умирающей женѣ, и тетка Пальмира была увѣрена, что черезъ нее Джэни получала извѣстія о Рено. Но на имя Мари Бренъ изъ Америки не приходило писемъ, слѣдовательно она ихъ получала или по адресу до востребованія или на имя кого-нибудь изъ знакомыхъ. Всѣ письма, получавшіяся въ домъ, проходили черезъ руки ужасной тетки. Правда миссъ Джэни раздѣла писала Саму, который въ своихъ отвѣтахъ только и толковалъ о прекрасномъ консулѣ и своихъ разговорахъ съ нимъ; Гаррисъ написалъ ему, чтобы въ такомъ духѣ онъ не смѣлъ писать его дочери, потому что онъ, Гаррисъ, безповоротно рѣшилъ выдать ее дѣйствительно за французку, но совсѣмъ при другихъ условіяхъ. Не трудно понять какое дѣйствіе произвело это извѣстіе на Рено, которому Торнеръ поспѣшилъ сообщить его. Марсель написалъ Джэни отчаянное письмо и приложилъ къ нему письмо Гарриса къ его кузене.

Джэни пришла въ отчаяніе, подъ предлогомъ мигрени не вышла къ завтраку, а когда отецъ пришелъ справиться о ея здоровьи, она едва отвѣчала ему и вечеромъ, въ часы приѣма визитовъ, не вышла. Гаррисъ былъ очень раздосадованъ ея отсутствіемъ и не зналъ какъ извиниться передъ принцемъ, который, предупрежденный о тиселавин миллионера, сумѣлъ польстить ему, говоря съ восхищеніемъ объ успѣхахъ сѣверо-американской промышленности вообще, приурочивая ихъ къ Гаррису и его занятіямъ. — Это, именно, былъ зять, какого ему нужно, и его дочь будетъ принцесса, а дочь Картера только герцогиня...

Онъ находился еще подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ посѣщенія де-Саллерна, когда Джэни вышла къ обѣду. Гаррисъ спросилъ себя, дѣйствительно-ли она была больна или это начало сопротивленія, а тетка Пальмира совсѣмъ не вѣрила въ существованіе мигрени, особенно когда замѣтила, что Джэни плакала. Въ тотъ-же день было получено письмо отъ Самми, который на чемъ свѣтъ стоитъ, ругалъ своего кузена: «Ты сдѣлаешь двухъ несчастныхъ,—писалъ онъ. — Это твоя дурная сестра вложила тебѣ въ голову мысль сдѣлать изъ твоей дочери знатную даму, въ подражаніе Картеру, надъ которымъ всѣ смѣются. Если бы я могъ предвидѣть что случится, я бы лучше женился на твоей квакершѣ послѣ ея третьяго развода и увезъ-бы ее далеко, ко всѣмъ чертямъ, чтобы только она оставила мою маленькую Джэночку въ покоѣ».

Бранныя слова по ея адресу возмутили тетку Пальмиру, она рѣшила поспѣшить со свадьбой и когда Джэни сейчасъ послѣ обѣда ушла къ себѣ, Пальмира сказала своему брату:

— Джо, если ты не будешь дѣйствовать рѣшительно, мы ничего не добьемся. Принцъ де-Саллернъ гордъ и если онъ узнаетъ, что между тобою и твоей дочерью нѣтъ полного согласія, онъ отступится и ты потеряешь случай сдѣлать изъ Джэни одну изъ самыхъ знатныхъ дамъ Франціи.

— Ничего подобнаго не должно случиться! — вскричалъ Джо,—я прикажу Джэни...

— Вѣроятно придется этимъ кончить,—сказала примиряющимъ голосомъ миссисъ Дерсонъ, съ трудомъ скрывая свое удовольствіе. — Только я хочу прежде удостовѣриться, переписывается-ли Джэни съ Рено и какъ она получаетъ его письма.

— Ты думаешь, что господинъ Рено осмѣлится...

— Я убѣждена, m-lle Бренъ помогаетъ имъ.

— Я прогону m-lle Бренъ.

— Ты хорошо знаешь, что не можешь этого сдѣлать; ты далъ обѣщаніе твоей незабвенной покойной женѣ, никогда не разлучать Джэни съ дѣвицей Бренъ.

— Правда! Но...

— Предоставь мнѣ! Можешь ты довѣриться мистеру Спрену?

— Редактору моихъ газетъ? Вполнѣ...

— Завтра я объясню тебѣ мой планъ. Ты что дѣлаешь вечеромъ?

— Поѣду въ клубъ, тамъ я встрѣчу Гордона, а можетъ быть и де-Саллерна.

— Могу я взять карету? Я хочу съѣздить къ графинѣ де-Пенгре.

— Конечно! Я пойду пѣшкомъ.

Въ клубъ Максимъ Гаррисъ встрѣтилъ Армана де-Марга вмѣстѣ съ Гордономъ. Это имя, правда довольно скверно произнесенное Гордономъ при представленіи, не возбудило въ Гаррисѣ никакихъ отдаленныхъ вос-

поминаній. Онъ поспѣшилъ протянуть руку молодому человѣку, не подозрѣвая въ немъ сына того французскаго дворянина, которому онъ когда-то всадилъ пулю въ грудь. Арманъ былъ очень радъ познакомиться съ этимъ архимилліонеромъ, на дочери котораго долженъ былъ жениться де Саллернъ. Гаррисъ велѣлъ подать шампанскаго, онъ чувствовалъ, что молодѣетъ въ обществѣ этихъ двухъ веселыхъ молодыхъ людей. Попивая шампанское и развалившись въ креслѣ, онъ насвистывалъ слегка мелодію джиги, къ великому удивленію, — не Гордона, не видѣшаго въ этомъ ничего необыкновеннаго, но барона, который едва удерживался, чтобы не расхохотаться.

Пока ея братъ кутилъ, миссисъ Дерсонъ села весьма интересный разговоръ съ графиней де-Пенгре, которую она застала въ нарядномъ туалетѣ въ ожиданіи барона де-Марга, — они собирались ѣхать вмѣстѣ на какой-то вечеръ.

Ужасная тетка Пальмира рѣшила прибѣгнуть ко всякимъ средствамъ, чтобы только разлучить Джэя съ Марселемъ. Въ главныхъ чертахъ она уже составила свой планъ, но не знала, какъ привести его въ исполненіе. Для той части плана, которой слѣдовало разыграться въ Парижѣ, ей нуженъ былъ совѣтъ, нуженъ былъ помощникъ. Первую минуту она подумала объ Артурѣ Демарей, но затѣмъ рѣшила, что нѣсколько опасно посвящать его въ нѣкоторыя тайны. Однако практическая женщина скоро открыла, что графиня де-Пенгре должна желать брака де-Саллерна съ миссисъ Гаррисъ, и потому охотно поможетъ ей и сдѣлаетъ промолчать. Послѣ первыхъ же фразъ вѣжливости она сказала графинѣ:

— Мой братъ въ восторгѣ отъ принца и будетъ очень счастливъ, когда наступитъ день, что принцъ сдѣлается его зятемъ; но къ сожалѣнію существуетъ маленькое препятствіе...

— Возможно-ли? — спросила графиня, которая уже видѣла, какъ ея коммиссіонныя уѣздили. — Развѣ красавецъ Робертъ не нравится миссисъ Джэю?

(Продолженіе слѣдуетъ).

XVI-я ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ.

Начнемъ сегодняшній обзоръ Нижегородской выставки съ павильона вѣдомства учреждений Императрицы Маріи. Высокополезная дѣятельность названнаго вѣдомства вызвала уже миллионы благодарностей и молитвъ со стороны сиротствующаго и страждущаго люда. Центр павильона, вообще отведеннаго дѣлу благотворительности, призрѣнія больныхъ и страждущихъ, принадлежит по полному праву, вѣдомству Императрицы Маріи — старѣйшему и обширнѣйшему въ Имперіи вѣдомству, имѣющему дѣлю благотвореніе ближнему. Здѣсь модели и фотографіи воспитательныхъ домовъ, картограммы ихъ дѣятельности, образецъ помѣщенія, съ полною обстановкою, во Вдовьемъ домѣ, работы воспитанниковъ коммерческихъ училищъ и сиротскихъ институтовъ. Особый интерес возбуждаютъ работы воспитанниковъ училищъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, а также тѣ способы и приборы, при помощи которыхъ производится ихъ обученіе. Далѣе слѣдуютъ экспонаты женскихъ институтъ въ и женскихъ гим-

назій, выставленныхъ, кромѣ данныхъ по учебно-воспитательной части, много образцовъ рукодѣлій и изящныхъ работъ воспитанницъ. Дѣтскіе пріюты (всего 45) и женскія патріотическія школы, призрѣвающіе преимущественно дѣтей низшаго сословія, представляютъ работы по мастерствамъ: мебели, столярному, бѣлошвейному и пр. Тутъ же экспонаты больницъ вѣдомства Императрицы Маріи. Въ лѣвой сторонѣ павильона расположены экспонаты Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Здѣсь попечительство для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство (500 дѣтей содержится главнѣйше на пожертвованія пенужныхъ въ домашнемъ хозяйствѣ предметовъ), институты слѣпыхъ, глазная лечебница, школы и пр. Правая сторона павильона предоставлена экспонатамъ губернскихъ и уѣздныхъ благотворительныхъ учреждений разныхъ вѣдомствъ. Здѣсь тоже главнѣйше образцы работъ призрѣваемыхъ, фотографіи, картограммы и діаграммы, представляющія устройство и направленіе благотворительнаго дѣла. Особый интерес представляютъ экспонаты домовъ трудолюбія и сельскихъ пріютовъ самопомощи.

Затѣмъ перейдемъ къ помѣщеніямъ у насъ павильонамъ колокольныхъ заводовъ. Всѣмъ понятно, какое значеніе имѣютъ въ нашей матушкѣ православной Руси всѣ способы изготовленія «красныхъ», звонкихъ колоколовъ. Чья рука, истинно патріотичнаго, истинно православнаго человѣка не перекрестится подъ истовый, «обѣденный» или «вечерній» звонъ красныхъ русскихъ колоколовъ?! Въ отдѣлѣ фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ издѣлій расположены издѣлія изъ мѣди, цинка, олова, свинца, никеля и другихъ металловъ и ихъ сплавовъ: посуда, самовары, люстры, лампы, фонари, ванны, кубы, кровати, винты, дѣтскія игрушки, проволока, кастрюли, колокола, церковная утварь... Мѣдно-бронзовое дѣло значительно развилось у насъ за послѣднее время. Расширились уже существовавшія отрасли; возникло и много новыхъ. Хорошо представлено колокольное дѣло, изъ стари извѣстное на Руси. Кромѣ экспонатовъ въ центральномъ зданіи много отдѣльныхъ павильоновъ въ саду. Изъ другихъ металловъ наибольшее развитіе производства послѣдовало для цинка, который нашелъ примѣненіе въ приготовленіи отливкою разныхъ мелкихъ предметовъ домашней обстановки и украшеній; усилилось употребленіе и листового цинка въ разнообразныхъ подѣлкахъ.

Изъ болѣе извѣстныхъ фирмъ, занимающихся изготовленіемъ колоколовъ, мы упомянемъ слѣдующія: — г-жи Куршаковой (колокольный заводъ), бр. Приваловыхъ (колокольный заводъ), В. М. Кеменева (колокольный заводъ), Т-во Гатчинскаго колоко. зав. А. С. Лаврова, А. Д. Самгина (колокольно-лит. зав.), П. И. Финляндскаго (колокольный зав.) (см. нашъ рисунокъ), П. И. Оловянишникова с-вей (колокольно-лит. зав.) (см. нашъ рисунокъ), С. Е. Василенкова (колокольный зав.); г-жи Чарышниковой (колокольный зав.). Затѣмъ, переходя къ нефтяному дѣлу, мы упомянемъ слѣдующія важныя фирмы, дѣятельностью которыхъ держится эта важная отрасль русскаго экспорта: — товарищества Амурской золотопромышленности, Каспійско-Черномор. нефтепром. общества. Далѣе: — г. Бенкендорфа (нефтепром.), И. Н. Теръ-Акопова (нефтепромышл.). Рисунокъ же нашъ изображаетъ павильонъ товарищества нефтепромышленниковъ братьевъ Побель. Глава этой фирмы Р. Нобель, дав-

шій инициативу всему нефтепромышленному дѣлу въ Россіи, открывшій въ Баку огромныя бассейны нефти и составившій на ней огромное состояніе, недавно скончался. Нефтепромышленное дѣло общаетъ громадную выгудную будущность Россіи.

Затѣмъ въ сегодняшнемъ номерѣ «Живописнаго Обозрѣнія» мы даемъ снимокъ съ боковой аллеи выставки, открывающей чудный интересный видъ на многіе живописные изящные павильоны.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Эстонское побережье. Съ картины художника К. А. Винклера (выставка картинъ Императорской академіи художествъ 1896 года).

Каменистые, покрытые хвоей и мохомъ берега Эстляндіи изобилуютъ живописными и красивыми мѣстечками и уголками. Деревянная стрѣснаца рыбаковъ, ихъ зауженныя въ борьбѣ съ волнами рыбацкія лодки, развѣшанныя для просушки и починки сѣти — все это оживляетъ суровую и холодную окружающую природу. Въ прошлыхъ двухъ номерахъ «Живописнаго Обозрѣнія» былъ помѣщенъ очеркъ М. Лисицына изъ быта простодушныхъ, смѣлыхъ и въ то же время суровыхъ обитателей этого суроваго края. Въ такой-то обстановкѣ и происходили незатѣйливыя, но драматическія приключенія рыбаковъ-контрабандистовъ — героевъ разсказа.

Любимцы. Съ картины художника К. Г. Гайдена.

Молодая поселенка только-что нарѣзала острымъ серпомъ сочной высокой травы въ огородѣ и съ трудомъ тащитъ большую вязанку. Это великолѣпное угощеніе предназначается для всеобщихъ любимцевъ — для овецъ и барашковъ и агнатовъ, которые сною должны прибѣгать къ полямъ. И дѣйствительно, едва молодая хозяйка вынесла траву на дворъ, какъ цѣлая гурьба животныхъ бросилась стремительно къ ней. Маленькая дочурка хозяйки, которая тоже очень любитъ овецъ, испугалась, однако, за свою маму. Она изо всей силы толкаетъ въ пушистый бокъ ближайшую овцу, но, конечно, та и не думаетъ обращать вниманія на такую незначительную помѣху. Двѣчурка и сердается, и смѣется вмѣстѣ... Граціозная сцена очень мила.

«И ночь, и любовь, и луна!..» Съ картины художника Т. Кеммерера.

Художникъ Кеммереръ всегда рисуетъ граціозныя сценки, дѣйствующія лица которыхъ всегда одѣты въ изящные костюмы греческаго Директоріи. На тентерешней картинѣ представлено свиданіе молодой парочки въ теплую лѣтнюю ночь. Изъ-за вѣтвей глядитъ полная луна, ночь благоухаетъ и мѣжитъ, и любовь грѣетъ молодые сердца. «И ночь, и любовь, и луна!» — какъ поется въ романсѣ. Завтра и онъ, и она бросятся опять въ шумную свѣтскую жизнь, но эта тихая ночь съ ея полной луной, эти жаркія рѣчи останутся для нихъ навсегда сладкимъ воспоминаніемъ.

Кувшинчики. Съ рисунка художника Т. Экенаса.

Двое дѣтей затѣли сегодня важную и многополезную экспедицію. Старая лодка была хорошо вычищена, снабжена рыболовными принадлежностями — въ видѣ коротенькой удочки съ шнѣмъ и булавкой. Деревянный ковшъ, жестянка съ червями и пара сгарыхъ веселъ дополнили комплектъ необходимыхъ для экспедиціи орудій. Дѣло пошло очень хорошо: на нехитрую удочку прекрасно клеваала мелкая рыбешка, а юные рыбаки предвкушали уже торжество возвращенія домой съ обильной добычей. Но тутъ явился въ качествѣ соблазна и помѣхи, красивые водяные цвѣты-кувшинчики. Цвѣты такъ красиво возвышались на широкіхъ листьяхъ въ тихой, рѣчной бухточкѣ, что рѣшительно невозможно было прѣлечь мимо. И вотъ наши рыбаки дѣлательно занялись сборомъ ихъ. Брошена удочка, забыта рыба — одинъ за другимъ вылавливаются красивые кувшинчики на длинныхъ эластичныхъ стебляхъ. Эта ловля чуть-ли не интереснѣе для дѣтей, чѣмъ рыбалка...

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшій указъ господину военному министру.

Въ ознаменованіе особой признательности къ доблестнымъ подвигамъ войскъ Нашихъ, которыя участвовали въ походахъ и экспедиціяхъ въ Средней Азій съ 1853 года по 1895 годъ, выказавъ въ полномъ блескѣ стойкость, храбрость и непоколебимое мужество въ перенесеніи трудовъ и лишеній среди нестерпимыхъ пустынь и горныхъ высей, признали Мы за благо установить медаль съ надписью: «За походы въ среднюю Азію 1853—1895 гг.» для ношенія на груди на лентѣ, составленной изъ георгиевской и владимірской. Медаль эту: серебряную — жаловать всѣмъ чинамъ, участвовавшимъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ во время походовъ и экспедицій въ Средней Азій съ 1853 по 1895 гг., и свѣтлобронзовую — всѣмъ прочимъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ этихъ походахъ и экспедиціяхъ.

Утвердивъ нынѣ правила, на основаніи которыхъ медаль эта должна подлежать выдачѣ, Мы поручаемъ вамъ объявленіе означенныхъ правилъ и доставленіе медалей, по изготовленіи ихъ, въ распоряженіе начальства участниковъ этихъ походовъ.

На подлинномъ Собственною Ею Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Петергофѣ,
14-го іюля 1896 года.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Путешествіе Е. И. В. Вдовствующей Императрицы. — 28-го іюля (9-го августа), вечеромъ король Христианъ, съ насѣднимъ принцемъ ирицами Вальдемаромъ, Христианомъ и Гансомъ, на яхтѣ «Danebrog» отправились къ югу отъ Драгера, гдѣ яхта на ночь бросила якорь. 26 іюля, въ 8 ч. 30 м. утра, «Danebrog» продолжала путь, направляясь на встрѣчу яхтѣ «Полярная Звѣзда», съ которою яхта «Danebrog» встрѣтилась близъ датскаго берега въ 9 ч. 30 м. утра. Король и сопровождавшія его высочайшія особы перешли на «Полярную Звѣзду», откуда его величество и ихъ высочества вмѣстѣ съ Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею Маріею Феодоровною и Ихъ Императорскими Высочествами Великимъ Княземъ Михаиломъ

Александровичемъ и Великою Княжною Ольгою Александровною, въ 10 ч. 15 мин., вернулись на яхту «Danebrog», которая затѣмъ направилась къ замку «Bellevue», куда и прибыла въ 12 час. 15 м. пополудни. Здѣсь высочіе гости были встрѣчены королевою Луизою, наследною принцессою и принцессами Ингеборгъ и Тирою; при встрѣчѣ присут-

то побѣдою подъ Феркехомъ. Въ рѣчи далѣе говорится о смутахъ въ Турціи, особенно на островѣ Критѣ, гдѣ королева соблюдаетъ нейтралитетъ какъ по отношенію къ турецкому правительству, такъ и къ возставшимъ, но ея величество вмѣстѣ съ другими державами озабочена о томъ, чтобы добиться примиренія путемъ предложенія правитель-

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Вице-адмиралъ П. П. ТЫРТОВЪ.

Вновь назначенный управляющимъ морскимъ министерствомъ.

ствовали министръ-президентъ баронъ Рэдци-Тоттъ, всѣ министры и придворные чины. Высочайшія Особы въ экипажахъ отправились въ замокъ Бернсторфъ, куда прибыли въ 12 ч. 30 м.

Англія. — Парламентъ закрылся тронною рѣчью, въ которой заявлено, что отношенія Англіи къ другимъ державамъ дружественны. Въ тронной рѣчи указано на необходимость приостановить движеніе дerviшей внизъ по теченію Нила и противъ итальянцевъ. По совѣту королевы и съ одобренія ея величества предпринята экспедиція, чтобы вернуть хедиву потерянную 10 лѣтъ тому назадъ область вплоть до Донголы, что частью уже достигну-

ственной организаціи, одинаково выгодной какъ для христіанъ, такъ и для магометанъ. Въ тронной рѣчи выражается сожалѣніе по поводу происходившихъ въ земляхъ Матабеле и Машона звѣрствъ и указывается на успѣхи колонистовъ и генерала Карригтона. Упоминается также объ установленіи сѣверозападной границы Индіи, о соглашеніяхъ съ шахомъ персидскимъ и эмиромъ афганскимъ и о добрыхъ отношеніяхъ къ чиральскимъ племенамъ.

Турція. — Министръ иностранныхъ дѣлъ посѣтилъ сегодня всѣхъ пословъ и сообщилъ имъ о цѣляхъ миссіи Зигни-пашы Исидеса-эффендина на островѣ Критѣ. Названнымъ сановникамъ поручено совместно съ генералъ-губернаторомъ возстановить довѣріе населенія къ властямъ, вести переговоры съ критскими депутатами о приводимыхъ въ духъ халепскаго договора реформахъ и водворить на островѣ спокойствіе и порядокъ. Миссія предписано снести съ иностранными консулами на Критѣ.

Италія. — Римскимъ правительствомъ опубликована нота слѣдующаго содержанія: «Нѣкоторыя изъ газетъ, распространяясь о приготовительныхъ мѣраxъ, будто-бы принимаемыхъ правительствомъ въ виду возоб-

новленія военныхъ дѣйствій въ Африкѣ, пользуются этъ м случаемъ, чтобы сообщать совершенно ложныя свѣдѣнія. Мы уполномочены заявить, что правительство сдѣлаетъ, конечно, все, что оно обязано сдѣлать для обезпеченія себя отъ всякихъ неожиданностей, но тѣмъ не менѣе, по настоящее время, оно не предприняло ничего такого, что могло бы оправдать предположеніе о новыхъ военныхъ дѣйствіяхъ въ близкомъ будущемъ. Не принято никакихъ мѣръ, не произведено никакого экстраординарнаго призыва людей; не произведено также закупки вьючнаго скота, такъ какъ таковой имѣется въ количествѣ, превышающемъ обыкновенныя потребности».

Германия. — «Reichs-Anzeiger» объявляетъ объ увольненіи генералъ-отъ-инфантеріи Бронзартъ-фонъ-Шеллендорфа, по прошенію, отъ должности военнаго министра и о назначеніи на этотъ постъ начальника 25-й (гессенской) дивизіи генералъ-лейтенанта фонъ-Гослера. Въ виду того, что князь Гогенлое шель рука объ руку съ генераломъ фонъ-Шеллендорфомъ, отставивъ его проектъ, положеніе перваго считается скомпрометированнымъ. Въ заключительномъ засѣданіи весенней сессіи рейхстага онъ взялъ на себя формальное обязательство передъ парламентомъ, что реформа военнаго судопроизводства, сторонникъ которой бывший военный министръ—будетъ проведена имъ въ наступившую осеннюю сессію. Разъ проектъ снятъ съ очереди, данное имъ слово влечетъ за собою, вѣроятно, его отставку.

Болгарія. — Военный министръ Петровъ вышелъ въ отставку. Это было сигналомъ къ общему министерскому кризису. Послѣ принятія княземъ отставки Петрова, Стоиловъ подалъ князю коллективную просьбу объ отставкѣ всего кабинета. Князь отложилъ свое рѣшеніе и просилъ министровъ Стоилова, Гешова, Маджирова, Величкова и Тодорова временно остаться на мѣстахъ. Разрѣшеніе кризиса ожидается по возвращеніи князя изъ Рыльского монастыря. Говорятъ, что Тодоровъ будетъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ, вѣроятно, въ Петербургъ; замѣститель его еще не извѣстенъ.

Персія. — На дняхъ въ Тегеранѣ, при громадномъ стеченіи народа, казненъ черезъ повѣшеніе убійца шаха Насръ Эддина, принадлежавшій къ извѣстной фашистической сектѣ бабистовъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Объявлены по морскому вѣдомству правила о порядкѣ назначенія пенсій нижнимъ чинамъ, безпорочно служившимъ при императорѣ Николаѣ I и уволеннымъ въ отставку до 1858 года. Размѣръ этой пенсіи, выдаваемой изъ средствъ государственнаго казначейства, — 5 рублей въ мѣсяцъ каждому.

— Въ ознаменованіе двухсотлѣтія со дня взятія Азова, мѣстная дума постановила: ежегодно 19-го іюля совершать панихиду по всѣмъ завоевателямъ Азова и соорудить памятникъ императору Петру Великому въ 30,000 руб., на что въ теченіе 10 лѣтъ отчислять по 1,000 руб., а остальную сумму пополнить путемъ частной подписки.

— 4-го августа, при многочисленномъ собраніи членовъ въ Нижнемъ открытъ торгово-промышленный съѣздъ. Послѣ молебствія председатель съѣзда тайный совѣтникъ Д. О. Кобеко произнесъ рѣчь, въ которой очертилъ предстоящія задачи съѣзда и приглашалъ членовъ къ дружной работѣ.

— 30-го іюня на всероссийской художественной и промышленной выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ состоялось собраніе экспонентовъ X отдѣла и ихъ представителей для обсужденія вопроса о чести вапін Д. В. Григоровича. Большинствомъ голосовъ собраніе постановило: собрать между экспонентами X отдѣла капиталъ для внесенія въ литературный фондъ или другое благотворительное учрежденіе, по указанію Д. В. Григоровича, и собранной суммѣ присвоить наименованіе: «капиталъ имени Д. В. Григоровича».

— Недавно заложены двѣ школы амерп-

канскихъ лозъ, по распоряженію кавказскаго филоксерваго комитета на пескахъ близъ ставки Ачикулакъ, въ ставропольской губ., и на черноземномъ супескѣ въ поселкѣ Вановскомъ, кубанской области. Въ Ачикулакѣ высажено на пространствѣ въ 1¼ дес. 30,000 черенковъ, въ 36 видахъ, а въ пос. Вановскомъ—2,000 черенковъ въ 13 видахъ.

— Донская миссіонерская школа открывается съ 1-го октября текущаго года въ гор. Новочеркасскѣ. Это одноклассное, съ трехгодовичнымъ курсомъ, учебное заведеніе предназначается для подготовки лицъ къ веденію миссіонерскаго дѣла противъ старообрядческаго раскола и ересей въ предѣлахъ донской епархіи, а также для другихъ ревнителей православія, которые пожелаютъ получить познанія къ изобличенію несостоятельности раскола.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Въ Красномъ Селѣ произведены были 2-го августа въ Высочайшемъ присутствіи ученія военнымъ училищамъ: Павловскому (1 батал.), с.-петербургскому пѣхотному юнкерскому (1 рота), Михайловскому и Константиновскому артиллерійскимъ (сводный дивизионъ изъ трехъ батарей) и Николаевскому кавалерійскому (эскадронъ и сотня). На эти ученія прибыли Ихъ Императорскія Высочества Августѣйшій Главнокомандующій Великій Князь Владиміръ Александровичъ, Великій Князь Андрей Владиміровичъ, Великій Князь генералъ-фельдцейхмейстеръ Михаилъ Николаевичъ, Князь Евгений Максимиліановичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Въ строю юнкеровъ Николаевского кавалерійскаго училища находился Великій Князь Борисъ Владиміровичъ.

— 3-го августа въ Красномъ Селѣ экспромтомъ состоялся кавалерійскій праздникъ. Августѣйшій Главнокомандующій Великій Князь Владиміръ Александровичъ, съ цѣлью поощренія кавалерійской ѣзды офицеровъ, пожаловалъ въ призъ драгоцѣнный серебряный кубокъ, который выдается не лично лучшему ѣздоку, а той частн, въ которой онъ служитъ, т. е. призъ этотъ будутъ оспаривать другъ у друга кавалерійскіе полки, а офицеръ, взявшій призъ, получаетъ золотой жетонъ въ свою уже собственность, а имя его вырѣзывается на взятомъ имъ кубкѣ. 3-го августа происходилъ первый розыгрышъ этого приза, и розыгрышъ этотъ офицеры по своему почину обставили особою торжественностью. Праздникъ былъ очень красивъ и блестящъ.

— Въ Петербургъ прибыла съ Нижегородской выставки группа представителей галицко-русскаго народа (изъ Австріи). Приѣхало всѣхъ ихъ 18 человекъ, между ними 3 дамы. На всказѣ гостей встрѣтила многочисленная толпа русскихъ, между которыми были и другіе славяне: болгары, сербы, черногорцы, галичане. Много было членовъ славянскаго общества. Гости провели въ Сѣверную гостиницу, гдѣ имъ отведено помѣщеніе. При входѣ въ гостиницу ихъ встрѣтили члены-распорядители отъ Славянскаго общества. Было много теплыхъ рѣчей, совместныхъ экскурсій и засѣданій.

— Вице-адмиралъ Авеланъ получилъ изъ Франціи нѣсколько поздравительныхъ писемъ и телеграммъ по случаю посѣдовавшаго на дняхъ назначенія его на постъ начальника

морского штаба. Особенно интересенъ посланный изъ Парижа адресъ въ роскошномъ сафьянномъ переплетѣ.

— Д. П. Арцыбашевъ отправилъ въ музей Императорской академіи наукъ серію собственноручныхъ писемъ извѣстнаго боевого генерала, кавказскаго героя Ермолова. Писма эти добыты г. Арцыбашевымъ у одного изъ гиръ-юртскихъ обывателей, къ которому перешли отъ отца, офицера, принимавшаго участіе въ покореніи Кавказа.

БИБЛОГРАФІЯ.

Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Составилъ Н. А. Рубакинъ. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 18 к.

Популярная, интересная книжка Н. А. Рубакина выходитъ уже третьимъ изданіемъ, что показываетъ, что она пригодилась для обширнаго круга читателей. Толково и интересно авторъ описываетъ грозныя явленія природы: смерчи, землетрясенія, дожди изъ саранчи, мѣражи моря и пустыни и излагаетъ причины и обстоятельства возникновенія ихъ. Масса рисунковъ иллюстрируетъ эти страницы, что еще болѣе дѣлаетъ интереснымъ эту дешевую по цѣнѣ и обильную по содержанию книжку.

Изданія «Родительскаго Кружка» при Педагогическомъ музеѣ военноучебныхъ заведеній въ СПб. — «О первоначальномъ преподаваніи игры на фортепіано въ семьѣ». Профессора В. В. Демьянскаго. Ц. 20 к. «Что читать дѣтямъ до-школьнаго возраста». Ц. 30 к.

Серія изданій «Родительскаго Кружка» обогатилась полезнымъ руководствомъ профессора с.-петербургской консерваторіи, въ которомъ указано, какъ регулировать и систематизировать преподаваніе игры на фортепіано маленькимъ дѣтямъ. Къ нему приложенъ списокъ легкихъ пьесъ для начинающихъ. Второе руководство тоже очень полезно. Всѣ родители знаютъ, какъ труденъ выборъ чтенія для дѣтей до-школьнаго возраста. Хорошо составленная руководящая статья дополнена каталогомъ книгъ и даже перечислено содержаніе посѣднихъ.

Домашній уходъ за учащимся ребенкомъ. П. А. Литвинскаго. Ц. 50 к.

Авторъ раздѣляетъ свой полезный трудъ на нѣсколько рубрикъ, изъ которыхъ наиболѣе занимателенъ проектъ: «Музей домашняго ученія и воспитанія». Возникла эта мысль по почину покойнаго директора Педагогическаго музея В. П. Коховскаго. Проектъ этотъ еще не выполненъ. Въ 1880 г. удалось только устроить «Первую Всероссийскую выставку дѣтскихъ игрушекъ», что, конечно, было только началомъ задуманнаго.

Эльза. Повѣсть Гертруды Кадельбургъ. Переводъ А. Погодина. Изд. книжнаго магазина М. М. Ледерле. Ц. 80 коп.

Повѣсть «Эльза», несмотря на умышленно протканную черезъ всю фабулу правдоподобную идею, написана интересно и увлекательно. Нѣкоторая сантиментальность, вообще присущая этому роду беллетристики, не портитъ ея.

На ранней зорькѣ. Аполлонъ Коринфскій. (Сборникъ стихотвореній для дѣтей). Изд. М. В. Клюкина. Ц. 50 к.

Имя молодого поэта А. А. Коринфскаго стало довольно извѣстнымъ послѣ двухъ сборниковъ стиховъ: «Пѣсни сердца» и недавно вышедшаго — «Черныя розы». Многіе сочувственные отзывы и симпатіи читающей публики—были наградой молодому поэту за его трудолюбивое и теплое отношеніе въ особеннѣе къ былинной поэзіи, къ поэзіи въ русскомъ стилѣ. Читатели «Живописнаго Обозрѣнія» знаютъ хорошо цвѣтистую и блестящую музу молодого поэта. Послѣдній сборникъ стиховъ для дѣтей, снабженный милыми картинками, безыскусственъ и простъ и навѣрное найдетъ дорогу—какъ и хотѣлъ самъ авторъ, «къ сердцу маленькихъ людей»... Какъ на лучшее, мы укажемъ на земную

фантазію «Ниръ», гдѣ фантастическаго ровно столько, сколько надо для возбужденія интереса. Вообще, описанія природы у Коринфскаго выходятъ прекрасно.

КЪ ПОРТРЕТУ.

Вице-адмиралъ Павелъ Петровичъ Тыртовъ назначенъ на мѣсто адмирала Чихачева управляющимъ морскимъ министерствомъ. До сихъ поръ этотъ опытный и выдающийся дѣятель по морскому вѣдомству занималъ важный постъ председателя морского технического комитета и комитета Добровольнаго флота. П. П. Тыртовъ родился 3-го іюля 1836 года въ родовомъ имѣніи отца своего, въ тверской губерніи. Въ 1854 году онъ окончилъ морской кадетскій корпусъ мичманомъ и былъ выпущенъ въ офицеры въ составъ корабля «Вилагошъ». Это было во время крымской кампаніи, и названный корабль находился въ составѣ эскадры, защищавшей кронштадтскій рейдъ. Послѣ окончанія кампаніи П. П. поступилъ въ морскую академію и кончилъ ее въ 1857 году, получивъ сейчасъ-же чинъ лейтенанта. Съ этого времени П. П. Тыртовъ началъ энергичную и полезную дѣятельность на славу нашего могучаго флота. Въ 1858 году онъ былъ назначенъ командиромъ винтовой лодки «Стерлядь», а уже въ слѣдующемъ году командовалъ лодкою «Чайкой». Все подвигаясь впередъ и обращая на себя вниманіе исполнителностью и знаніемъ дѣла, П. П. Тыртовъ въ 1869 году былъ уже командиромъ клипера «Алмазъ». До 1872 года онъ состоялъ командиромъ двухъ-башенной лодки «Смерть». Въ 1874 году, произведенный въ капитаны второго ранга, П. П. Тыртовъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе на корветѣ «Аскольдъ». Въ 1879 году онъ былъ произведенъ въ капитаны первого ранга и награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени съ короной и св. Анны 2-й степени. Съ 1879 по 1880 годъ П. П. Тыртовъ командовалъ батареями «Не тронь меня», а съ 1880 года по 1881 годъ броненоснымъ фрегатомъ «Князь Пожарскій». Въ слѣдующіе три года подъ его начальствомъ находился большой фрегатъ «Владимиръ Мономахъ». Въ 1886 году, 13-го апрѣля, П. П. Тыртовъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы. Съ 1886 года по 1891 г. контръ-адмиралъ П. П. Тыртовъ занималъ важный постъ помощника начальника главнаго штаба, исполняя въ то-же самое время трудную и ответственную обязанность командира шхернымъ отрядомъ практической эскадры. П. П. былъ младшимъ флагманомъ названной эскадры въ 1889 году. Въ 1891 году П. П. Тыртовъ былъ старшимъ флагманомъ русской тихо-океанской эскадры и въ то-же время ея начальникомъ. Въ 1893 году контръ-адмиралъ П. П. Тыртовъ былъ назначенъ завѣдующимъ главнымъ управленіемъ кораблестроенія и снабженій. Въ 1898 году, 30-го августа, П. П. былъ произведенъ въ вице-адмиралы. Послѣдующая многоплодная дѣятельность П. П. Тыртова всѣмъ известна. П. П. находился во главѣ управленія комитета Добровольнаго флота, а въ качествѣ председателя морского технического комитета оказалъ важныя услуги русскому морскому дѣлу.

Фамилія Тыртовыхъ всегда играла важную роль въ исторіи нашего доблестнаго флота. Въ лѣтописи многочисленныхъ битвъ и побѣдъ, одержанныхъ нашимъ флотомъ, мы можемъ еще въ 1702 году отмѣтить имя пол-

ковника Тыртова, одержавшаго 27-го августа означеннаго года блестящую побѣду надъ шведскимъ вице-адмираломъ Нумерсомъ. Потерявъ 5 судовъ и 300 людей команды, шведскій командиръ принужденъ былъ очистить Ладожское озеро, гдѣ происходила эта памятная битва, и послѣднее навсегда осталось въ рукахъ русскихъ. Личныя блестящія качества П. П. Тыртова, его двадцатипятилѣтняя служба на морской палубѣ, его энергія и опытность—все это служить ручательствомъ въ томъ, что управленіе нашимъ морскимъ министерствомъ будетъ продолжать преуспѣвать на развитіе, на славу нашего могучаго славнаго флота. Новый начальникъ морского министерства—морякъ старой, дѣятельной доблестной школы, замѣчательный знатокъ свсего дѣла; человекъ самъ по себѣ простой, добрый, отзывчивый и доступный. Нельзя не порадоваться этому назначенію и не возложить на него большихъ надеждъ. П. П. Тыртовъ окажетъ—мы увѣрены—неоцѣненные услуги нашему морскому дѣлу.

НЕКРОЛОГИ.

Архимандритъ Григорій. — Въ Москвѣ скончался 1-го августа архимандритъ Григорій, настоятель Спасо-Андроніева монастыря. Покойный, въ мѣрѣ Николай Ивановичъ Вонновъ, родился въ 1834 г. и вскорѣ по окончаніи курса въ московской духовной академіи принялъ монашество.

Генераль-отъ-инфантеріи А. В. Фрейгантъ. — 28-го іюля скончался въ Ригѣ членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, генераль-отъ-инфантеріи Александръ Васильевичъ Фрейгантъ. А. В. Фрейгантъ родился 21-го февраля 1821 г. и получилъ образованіе сначала въ пажескомъ корпусѣ, а затѣмъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба.

П. А. Трифоновъ. — Въ Царскомъ Селѣ скончался Порфирій Алексѣевичъ Трифоновъ. Покойный былъ знаткомъ исторіи музыки и много писалъ о ней, преимущественно въ «Вѣстникѣ Европы». Имъ были написаны біографіи Вагнера, Листа, Берліоза, Шумана, Шопена и русскихъ: Глинки, Даргомыжскаго, Мусоргскаго, Бородина, Римскаго-Корсакова.

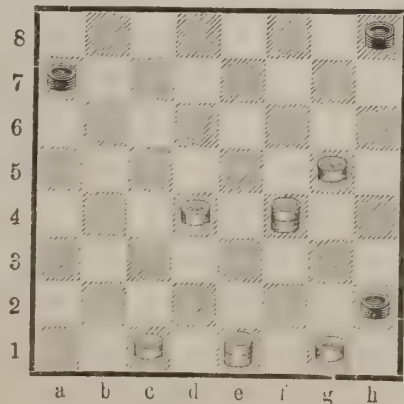
ШАШКИ.

Подъ редакціею В. И. Шомина.

ЗАДАЧА № 21.

А. Иванова (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Защереть двѣ простыя.

ЭТЮДЫ И ОКОНЧАНІЯ ПАРТІЙ.

№ 8. Д. И. Саргина (въ Москвѣ).

— e3, f8, h2, h6.

— a3, g7; — h4.

Бѣлыя вытѣрываютъ.

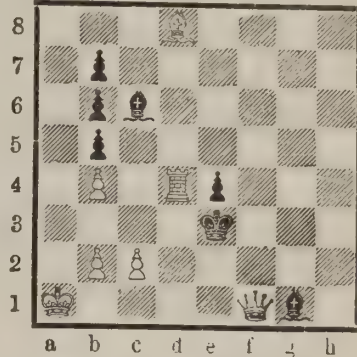
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 21.

К. Эрлина (въ Вѣнѣ).

Первый призъ на конкурсѣ „Brunner Beobachten“.

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 3 хода.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ Нью-Йорка въ Гавръ въ лодкѣ. На дняхъ прибылъ въ Гавръ ботъ съ двумя пассажирами норвежцами; ботъ имѣетъ около девяти аршинъ длины и совершилъ путешествіе изъ Нью-Йорка въ Европу. На разспросы гаврскихъ жителей норвежцы рассказали, что для своего путешествія они между прочимъ запаслись семью парами веселъ и гребли, мѣняясь каждые три часа. Они выѣхали 6 іюня изъ Нью-Йорка и вся ихъ поѣздка по океану продолжалась семьдесятъ два дня. 7, 8, и 9 іюля имъ пришлось вынести очень скверную погоду, а 10 сильнымъ порывомъ вѣтра чуть-чуть не опрокинуло ихъ лодку, съ большимъ трудомъ имъ удалось возвратитъ ей равновѣсіе. Лодка эта называется «Фоксъ». Черезъ нѣсколько дней послѣ того у нихъ истощились всѣ жизненные припасы, но на ихъ счастье, имъ встрѣтился одинъ норвежскій корабль, который снабдилъ ихъ водою и припасами. Такъ какъ они безъ всякихъ средствъ, то собираются показываться съ своимъ «Фоксомъ» сначала въ Гавръ, а затѣмъ въ Руанъ и Парижъ, и такимъ образомъ собрать сумму, достаточную для возвращенія въ Нью-Йоркъ.

Ломброзо и Руанскій судъ. Извѣстный итальянскій писатель криминалистъ Ломброзо, авторъ многихъ, красиво написанныхъ, съ научной подкладкой, но сильно бьющихъ на эффектъ сочиненій;—послѣднее его сочиненіе «О женской лжи», сильно взбудоражило многихъ и женщинъ, и мужчинъ,—самъ оказался не совсѣмъ свободнымъ отъ послѣдняго качества. На дняхъ Руанскій аппеляціонный судъ присудилъ за плагиатъ Ломброзо къ штрафу въ 500 франковъ. Въ 1893 г. въ Миланѣ вышла книга Ломброзо «Графологія» (grafologia), которая, конечно, разошлась въ довольно большомъ количествѣ экземпляровъ, какъ и всѣ эффектныя сочиненія Ломброзо. Г. Крепиень—Жамень (Crepien—Jamin) нашелъ что въ «Графологіи» дѣльными страницами помѣщены выписки изъ его книги «Почеркъ и характеръ» (l'Ecriture et la Caractère). Не смотря на всѣ доказательства Ломброзо, усталъ его адвоката что выписки изъ книги Крепиень-Жамена сдѣланы съ цѣлью ихъ научнаго распространенія, Руанскій судъ призналъ безспорную контрафакцію и осудилъ Ломброзо.

Возвращеніе Нансена. Полярный путешественникъ Фритіофъ Нансенъ вернулся, не открывъ, однако, сѣвернаго полюса. Фритіофъ Нансенъ сообщаетъ о своемъ путешествіи слѣдующія подробности: 4-го августа 1893 года по нов. ст. Нансенъ проѣхалъ черезъ Югорскій проливъ; онъ открылъ какъ въ Кар-

скомъ морѣ, такъ и близъ материка до Челюскина мыса много новыхъ острововъ. Температура воздуха доходила до 62° С.; состояніе здоровья путешественниковъ было удовлетворительно. Южнѣ 79 градуса глубина моря доходила до 90 сажень, далѣе лотъ показывалъ 1,600 и 1,900 сажень. Подъ льдомъ вода была теплѣе и съ большимъ содержаніемъ соли—благодаря Гольштрему. Лѣтомъ термометръ показывалъ +31 до 33° С. Въ Рождество Христово 1894 года Нансеномъ былъ достигнутъ 83,24 градусъ. «Fram» продолжительное время несло на сѣверо-западъ, почему Нансенъ и Йогансенъ покинули 14-го марта нов. ст., находясь подъ 83,59 град. сѣв. широты и 102,21 градусомъ долготы, чтобы изслѣдовать море въ сѣверномъ направленіи. Нансенъ взялъ съ собою 28 собакъ, 3 саней и 2 каюка. Проходъ по льдинамъ былъ очень трудный; ихъ понесло на югъ, почему Нансенъ и Йогансенъ 7-го апрѣля нов. ст., достигнувъ 86,14 градуса, повернули назадъ. На землѣ Франца-

Иосифа былъ снѣгъ и трещины; ощущался недостатокъ въ провіантѣ. 6-го августа путешественники достигли ледяныхъ острововъ, а 20-го августа нов. ст., подъ 81,13 градусомъ, удобнаго мѣста для зимовки. 19-го апрѣля 1896 года путешественники продолжали путь на югъ, слѣдуя частью льдомъ, частью переправляясь на лодкахъ, и 7-го августа они покинули на «Windward» землѣ Франца-Иосифа».

Успѣхъ въ писче-бумажномъ производствѣ. Весною 1896 г. на писчебумажной фабрикѣ Эльзенталь близъ Графенау сдѣланъ былъ опытъ производства бумаги въ возможно скоромъ времени изъ дерева, еще недавно стоявшаго на корнѣ, и немедленного отпечатаніи на ней газеты годной для отправки на почту. Производство было засвидѣтельствовано нотаріальнымъ порядкомъ. Комиссія рано утромъ отправилась въ лѣсъ, гдѣ въ 7 часовъ 35 минутъ были срублены три дерева

и тотчасъ отправлены на фабрику. Здѣсь деревья были распилены круглою пилою на куски въ $\frac{3}{4}$ аршина длины, на лущильной машинѣ снята съ нихъ кора, а на щепальной они были расщеплены; полученные такимъ образомъ щепы переданы на точильную машину, откуда древесная масса перешла на голлендеръ, въ которомъ она уже окончательно съ прибавкой различнаго другаго матеріала была приготовлена для производства бумаги. Полученная въ голлендерѣ жидкая масса была спущена въ желѣзный чанъ, и началась работа на бумажныхъ машинахъ. Въ 9 часовъ 34 минуты утра былъ уже готовъ листъ бумаги; такъ что весь процессъ продолжался 1 часъ 59 минутъ. Затѣмъ приготовленная бумага была передана въ типографію, гдѣ газета была набрана и въ 10 часовъ получился ея оттискъ. На все понадобилось только 2 $\frac{1}{2}$ часа времени.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

— ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ —

КОРОНАЦИОННЫЙ АЛЬБОМЪ

ВЪ ПАМЯТЬ
СВЯЩЕННОГО КОРОНОВАНІЯ

Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Предлагаемый „Коронаціонный альбомъ“ отпечатанъ въ большомъ форматѣ на роскошной бумагѣ, съ массою рисунковъ и вышестоящихъ въ текстѣ и содержитъ въ себѣ историческіе очерки Св. Коронаванія Русскихъ царей, начиная съ древнихъ временъ и кончая подробнымъ описаніемъ очевидцевъ всѣхъ торжествъ и празднествъ только что состоявшаго Св. Коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Кроме того въ альбомѣ входятъ Высочайшіе акты, грамоты, слова и рѣчи, а также описанія историческихъ и современныхъ царскихъ регалій, дворцовъ, храмовъ, памятниковъ мѣстностей, имѣвшихъ свое значеніе при Св. Коронаваніи.

Въ „Коронаціонномъ альбомѣ“ читатели встрѣтятъ цѣлый рядъ большихъ оригинальныхъ и въ высшей степени художественно-выполненныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, изображающихъ всѣ выдающіеся моменты изъ торжествъ и процессій Священнаго Коронаванія, а также виды дворцовъ, соборовъ, монастырей, памятниковъ, мѣстностей и портреты какъ историческихъ, такъ и современныхъ дѣятелей (духовныхъ и свѣтскихъ), принимавшихъ участіе въ церемоніи Св. Коронаванія Ихъ Величествъ, причемъ многие рисунки отпечатаны цѣлыми красками.

ПРИ „КОРОНАЦИОННОМЪ АЛЬБОМѢ“
БЕЗПЛАТНО ПРИЛАГАЮТСЯ:

1) Портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Федоровны въ коронаціонномъ облаченіи — коронахъ и порфирѣ, отпечатанные цѣлыми красками. 2) „Коронаціонный маршъ“ (для фортепiano), сочиненный Н. Артемьевымъ.

Цѣна альбома—ДВА РУБЛЯ.

Въ изящной папкѣ—ТРИ РУБЛЯ.

Въ переплетѣ англійскаго шагрѣя алго наленкора и съ золотымъ тисненіемъ цѣна 3 р. 50 к. (съ пересылкою).

Съ требованіями просьба обращаться исключительно въ контору журнала „Живописное Обозрѣніе“.

Спб., Невскій пр., у Аничкина м., д. 68-40.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ, — 3 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

„ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА“.

Романъ изъ жизни червонныхъ вѣтовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ВСЯКАГО РОДА И ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА
РЕКОМЕНД. ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петровка, домъ Волкова.
НИЖЕГ. ЯРМ. Главн. домъ № 8.
ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ.

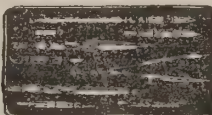
ДЛЯ КУРЯЩИХЪ НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ

ТОЛЬКО 9 руб.

Машинка для набивки папиросъ

Дѣлаетъ въ 1 часъ 600 шт. Чрезвычайно прочна, издана и годна для крученыхъ папиросъ всѣхъ номеровъ. Высылается немедленно по полученіи 9-хъ р. задатка. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ Новыхъ Изобрѣтеній, Большая Морская 33.

ГОТОВАЛЪНИ наивысшаго
достоинства завода Fochon & Lepade a
Paris отъ 1 р. 50 к. до 50 р. и другіе чер-
тежные инструменты предлагаются по фабри-
чнымъ цѣнамъ

Складъ: А. ПОЛЬКО.

Спб. Фонтанки, д. № 99. Иллюстрирован. каталогъ при высылкѣ 7 к. марками на пересылку высылается бесплатно.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золот. медалями и высшими знаками.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для бѣлжости и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія подбѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главн. складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., д. Жеребина, № 2.

ИЗВѢСТНОЕ БѢЛЪЕ

Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворныя
Поставщиковъ

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ

извѣстно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штукъ только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со старкой несприятностей. После употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усиленномъ поношеніи. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ и холостяковъ. Ниже поименованные представители сообщатъ, по желанію, гдѣ оно продается.

Тифлисъ и Штейнфельдъ, Москва. Карлъ Шimmelъ. Садовая 18, С.-Петербургъ. Магсъ Тишбинъ, Рига. Фабианъ Клингсландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ

Утвержденные
Министерствомъ
Внутреннихъ Дѣлъ.

КУРСЫ РАПГОФЪ

Основанные
въ 1882 г.

— Спбурзь, МАЛАЯ МОСКВАЯ № 7. —

Подробныя программы высылаются и выдаются бесплатно. Приемъ съ 20-го августа. Начало занятій 2-го сентября. Писемъ, заявл. о поступл. прос. адрес. на имя Директора Курсовъ

Евг. Павл. Рапгофъ.

нов. прейсъ-куррантъ
съ перес. 20 к.

ФОТОГР. АППАРАТЫ

К.И.ФРЕЛАНДЪ

С.ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ

НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№27-18 УЛИЦА УЛИЦА

ФИСТАРМОНІИ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ

ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ:

въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 180, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 750, 800 и 1,000 руб.

Школа-самоучитель—Паке 2 р.

Иллюстрированный прейсъ-куррантъ

БЕЗПЛАТНО. —33

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ, Б. Морская № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

№ 33 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2 $\frac{1}{2}$ листовъ съ 11-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) «Еженедѣльная хроника» № 33-й, III) «Новѣйшія Парижскія Моды», № 3-й, IV) Раскрашенная картинка «Модные туалеты для прогулокъ» и V) Листъ выкроекъ и узоровъ.

Дозволено цензурою. Спб., 9 августа 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Козенскій пер., д. № 11.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала „Домашняя Библіотека“: НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. За границу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновои бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

1) Желающіе получать самостоятельно книги журнала „ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА“ (безъ журнала „Живописное Обозрѣніе“), уплачиваютъ за годъ (съ доставкой—4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ „Живописное Обозрѣніе“ безъ книгъ „Домашней Библиотекы“—НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Получающіе журналъ съ разсрочкою взносовъ, добавляютъ къ объявленной подписной годовой цѣнѣ 50 коп. за напечатаніе адресовъ и другіе расходы.

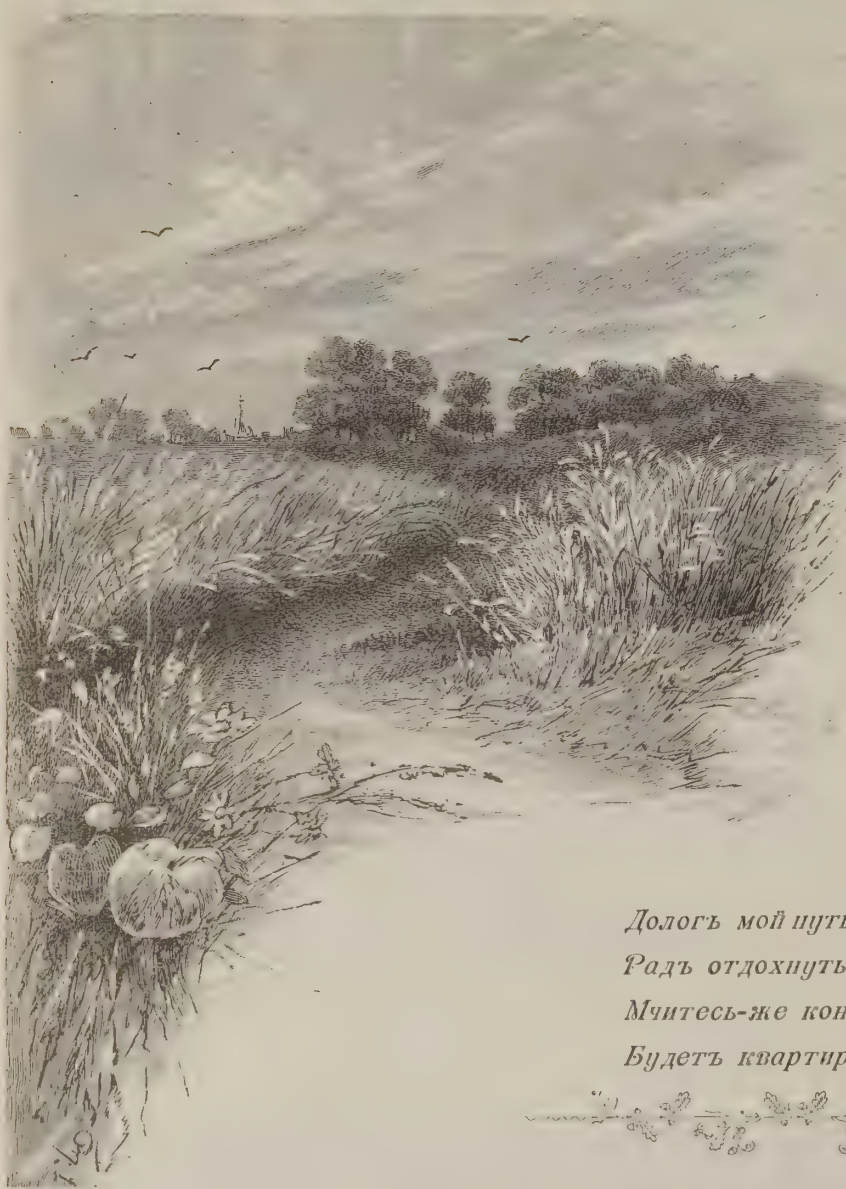
Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА Ю. Ю. КЛЕВЕРА.

(Право на воспроизведеніе составляетъ исключительную собственность журнала „Живописное Обозрѣніе“).

По дорогѣ въ Царское Село.

ДОРОГА ЖИЗНИ.

(Изъ посмертныхъ стихотвореній).

Любо мнѣ ѣхать дорогой большою
Въ этой ночи и при этой лунѣ;
Будто съ природой слился я душою,
Будто весь міръ отразился во мнѣ—

* * *

Все, что ни есть за душой не убогой—
Звѣзды высокія, силы души,
Небо пустынное, мѣсяць двурогій,
Мчатся со мною въ тиши.

* * *

Бду я долго и бду давно я;
Коней проворныхъ и рьяныхъ мнѣ жалъ;
Нѣтъ ни ночлега мнѣ, нѣтъ ни покоя;
Всюду туманъ да безбрежная даль.

* * *

Дологъ мой путь—этотъ путь невозвратный.
Радъ отдохнуть хоть единый-бы часъ...
Мчитесь-же кони, пусть міръ необъятный
Будетъ квартирой просторной для насъ.

Е. Ф. Заринъ.

НА РАЗНЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

РАЗСКАЗЪ.

— И такъ, господа, нашъ вечеръ рѣшенъ и программа составлена, право, хоть куда!

— Барынь-то побольше надо; непременно-бы изъ запасъ пригласить еще двухъ, трехъ, а то посмотрите, что предъ самымъ вечеромъ какой-абы нибудь да закапризничаетъ.

— За Ратмірову я ручаюсь, она не откажется.

— Ну, еще-бы: ей самой прямой расчетъ пѣть у насъ! Кто, какъ не нашъ братъ, и овалки и вызовы устраниваетъ въ театрѣ.

— Доложимъ, ее-то публика вообще принимаетъ отлично, ей заискивать нечего.

— Ну, уже ты ей поклонникъ извѣстный... Господа, пожалуйста, командуйте за Ратміровой Сергѣенку, онъ вѣдь влюбленъ въ нее; доставьте ему удовольствіе сопровождать нашу диву.

— Ого, Сергѣенко, развѣ это правда? Э-э-э, покраснѣлъ, какъ макъ цвѣтъ, значитъ правда.

— Только тутъ, братъ, ничего не выйдетъ говорить, у нея въ Петербургѣ тагой тузъ есть, что и-и-и!

— Глушости, господа, говорите; во-первыхъ, я не влюбленъ вовсе, а во-вторыхъ и краснѣть не думалъ, мы вѣдь здѣсь отъ жары уподобились макамъ и пионамъ.

Въ комнатѣ, гдѣ собралась молодежь, дѣйствительно было нестерпимо душно и накурено. За то вечеръ съ благотворительной

цѣлью былъ почти устроенъ и всѣ были въ геселомъ настроеніи. Участвовали большіе любители и сама молодежь. Къ лѣту актеры всѣ поразѣхались изъ губернскаго города К. и только одна опереточная примадона, захватившая сильную простуду, осталась дольше всѣхъ, рассчитывая кетати получить ангажементъ въ лѣтній загородный театр.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, Сергѣенко, вы съ нею знакомы и самъ всего удобнѣе ѣхать за нею,—замѣтилъ одинъ изъ распорядителей, обращаясь къ миловидному блондину, вспыхнувшему еще разъ.—Солищеви Буиницъ будутъ хлопотать на счетъ каретъ и букетовъ, а мы съ Медвѣдскимъ ѣдемъ завтра съ билетами ко всѣмъ именитымъ гражданамъ. Теперь же, кажется, пора и по домамъ второй часъ.

Ночь была чудная, и переходъ на свѣжій бодрящій воздухъ былъ особенно приятенъ, послѣ душной табачной атмосферы. Компания постепенно рѣдѣла, громко прощаясь и перекликаясь на углахъ и перекресткахъ, шаги уходившихъ гулко раздавались въ пустынныхъ заснувшихъ улицахъ. Однимъ изъ первыхъ отсталъ Сергѣенко, свернувшій съ большой улицы въ узкій переулокъ. Онъ шелъ съ удовольствіемъ втягивая воздухъ полной грудью, любясь звѣзднымъ небомъ и даже чему-то слегка улыбаясь.

Товарищи не ошиблись: порученіе ѣхать

за Ратміровой было ему приятно, чѣмъ они думали. Онъ былъ серьезно увлеченъ пѣвицей; онъ не пропускалъ ни одного спектакля, когда она пѣла, бывалъ вездѣ, гдѣ надѣялся встрѣтить ее, и видимо успѣлъ добиться и ея симпатіи, такъ какъ Ратмірова охотно и подолгу бесѣдовала съ нимъ, хотя почему-то не приглашала къ себѣ. Въ ней все ему нравилось: каждое движеніе, улыбка, голосъ, а главное, простота и скромность. Отъ нея онъ узналъ, что она поетъ въ опереткѣ только потому, что голосъ слабъ для оперы, что въ сущности это не ея жанръ и что она раньше занимала амплуа драматическихъ ижеице, но оперетка лучше оплачивается. Иногда въ ея разказахъ слышалась грусть, особенно когда она рассказывала о трудности театральной карьеры, о закулисныхъ дразгахъ и несправедливостяхъ. Молодой человекъ былъ увѣренъ, что Лариса Игнатьевна, такъ звали актрису, съ удовольствіемъ бросила-бы сцену, если бы ей представилась какая-либо другая дорога.

Въ глубинѣ души, почти даже не смѣя сознаться самому себѣ, Сергѣенко мечталъ о возможности назвать Ларису своей женой. Ее даже грѣшно оставлять въ этой фальшивой обстановкѣ, грѣшно не протянуть руки и не позвать съ собой вмѣстѣ на честный и здоровый трудъ, идти работать рука объ руку съ нимъ. А что говорить тамъ про нее

разный вздор... Не стоит обращать вниманія. Про кого не говорят, во-первыхъ, а глѣзть болѣе про хорошенькую дѣвушку, къ кому-же еще опереточную актрису! Сергѣенко въ этотъ вечеръ легъ спать въ радостномъ настроеніи и всю ночь ему снились радужные сны.

Залъ «Общественнаго Собранія» сиялъ огнями. Вечеръ удался, какъ нельзя лучше. Билеты были не только всѣ распроданы, но пришлось еще ставить массу приставныхъ стульевъ. Чтецы и декламаторы чередовались съ пѣвцами и пѣвцами, скрипачами и виолончелистами, дамы уходили съ эстрады и гражденные букетами, га-вызовы и аплодисменты благодарная молодежь не скупилась, какъ и всегда. Ратмірова цѣла въ послѣднемъ отдѣленіи, и ея появленіе вызвало цѣлую бурю аплодисментовъ. Улыбаясь и привѣтливо раскланиваясь, вышла она на эстраду подъ руку съ сияющимъ Сергѣенко. Вся въ блондъ, безъ малѣйшихъ украшеній, блондура и стройная, она казалась Фау-стовской Маргаритой. Ей пришлось выходить, кланяться, улыбаться и повторять новые романсы безконечное число разъ и чуть-ли не послѣ десятого «bis» молодежь сжалась надъ нею и утихла.

Сергѣенко, возбужденный ея успѣхомъ, влюбленный болѣе чѣмъ когда-либо, торопиво укутывалъ молодую дѣвушку въ *sortie de bal*, ревниво отстраняя услуги другихъ. Онъ даже слегка торопился се, сердясь, что къ ней поминутно подходили, высказывая любезности, комплименты, благодарности.

Скорѣе-бы остаться съ нею вдвоемъ и сказать ей все... Зачѣмъ откладывать объясненіе и мучиться неизвѣстностью...

Къ сожалѣнію, Ратмірова жила недалеко отъ Собранія и нечего было и думать начинать разговоръ въ каретѣ. Сергѣенко желалъ всѣми силами души, чтобы Лариса Игнатьевна пригласила его зайти. Она точно подделывала его мысли.

— Вы, вѣроятно, торопитесь воротиться, вѣдь теперь начнутся танцы?

— Нѣтъ, не тороплюсь, я почти никогда не танцую.

— Смотрите, если это только любезная фраза, то вы заплатите за нее: я собираюсь утѣшить васъ къ себѣ пить чай, мнѣ скучно одной. Что вы на это скажете?

— Съ восторгомъ принимаю ваше приглашеніе, я не желалъ ничего лучшаго.

— Ого, это что-же такое—лесть? Вы знаете, я не люблю ее. Мнѣ просто хочется поболтать съ вами по товарищески.

— Лариса Игнатьевна, да Господь съ нами, развѣ я пошлякъ какой-нибудь... Я искренно говорю, что предпочитаю ваше общество нашему вечеру и самъ тоже хочу говорить съ вами.

— Ну, вотъ и хорошо. Я очень рада. Вы знаете, я просто умираю отъ скуки все это время, дѣлать нечего...

Карета подъѣхала къ небольшому сѣрому дому, окна котораго были слабо освѣщены.

— Сейчасъ велимъ зажечь всѣ лампы, подать чай и будетъ совсѣмъ уютно,—говорила хозяйка, раздѣваясь въ маленькой прихожей,—вы идите въ гостиную, а я сейчасъ переодѣнусь и выйду къ вамъ. Да скажите, какъ васъ зовутъ, а то я васъ все зову—вы, вы... или по фамиліи...

— Аркадій Петровичъ.

— Славное имя, красивое... Буду помнить. Молодой человѣкъ прошелъ въ гостиную,

гдѣ проворная горничная зажгла уже большую лампу подъ розовымъ абажуромъ, и первпо принялся ходить по комнатѣ. Сказать нужно много, но какъ... съ чего начать...

— О чемъ вы задумались?—окликнула его хозяйка, веселыно появляясь на порогѣ. Она уже успѣла замѣнить свой бѣлый туалетъ не менѣе изящнымъ голубымъ плюшевымъ канотомъ.

Сергѣенко слегка вздрогнулъ отъ ея оклика.

— Вамъ нравится моя гостиная? Не правда-ли, мило... Всѣ эти мелочи и украшенія я возю за собой, не могу, когда мнѣ не уютно у себя... Смотрите, вотъ этотъ вѣнокъ серебряный мнѣ поднесли въ Харьковѣ, я гостролировала тамъ; и этотъ альбомъ тамъ же... А вотъ здѣсь въ шкафу болѣе цѣнный подношеніе... Неправда-ли, какая чудная бирюза, вы знаете ль ней толкъ? Эту парюру мнѣ поднесли въ Тифлисѣ, и вотъ это серебро!

— У васъ масса подношеній,—замѣтилъ гость, оглядывая развѣшанные по стѣнамъ лавровые вѣнки, адреса и засохшіе букеты на столикахъ и тумбочкахъ.

— Ну, что это, пустяки... Ротъ у моей подруги Жени Завадской посмотрѣли-бы вы. И всего тремя годами раньше меня поступила... Мнѣ даже всегда грустно сдѣлается, когда я побываю у нея. Однако, сядемте, я такъ устала... вонъ на тотъ диванчикъ... Сюда, Даша, ставъ на этотъ столикъ,—шебетала хозяйка, усаживаясь на низенькомъ диванчикѣ и указывая горничной мѣсто для огромнаго подноса со всевозможными принадлежностями для чаю.

— Вотъ видите, какъ здѣсь уютно, садитесь ближе сюда... Да что это вы какой бука сегодня: я расположена болтать и смѣяться, а вы все задумываетесь. Какая васъ муха укусила, а?

— Нѣтъ, я ничего... Я очень радъ, что вамъ весело. Хотя предпочелъ бы болѣе серьезное настроеніе.

— Это почему?

— Я хотѣлъ, Лариса Игнатьевна, говорить съ вами очень серьезно. Не знаю, пожелаете ли вы выслушать меня, но я бы просилъ...

— Пожалуйста... развѣ ужъ это такъ серьезно... Я васъ слушаю...

— Лариса Игнатьевна, вы смотрите на меня, какъ на юншу, какъ на увлекающагося мальчика, вы не развѣ говорили мнѣ это... Но самомъ же дѣлѣ я далеко не таковъ и говорю всегда только то, надѣ чѣмъ серьезно и много думаю. Помните нашъ разговоръ два мѣсяца тому назадъ, вы говорили, что съ удовольствіемъ-бы бросили сцену, что она вамъ дастъ только одни огорченія... помните?

— Ну, да, кажется говорила что-то въ этомъ родѣ...

— Я тоже хочу сказать: бросить сцену!

— Бросить сцену? А что же я буду дѣлать?

— Развѣ мало другихъ занятій, если вы уже непременно хотите трудиться, много другихъ дорогъ... Но для васъ я и этого-бы не хотѣлъ... Лариса Игнатьевна, помните, вы говорили, что желали бы полюбить честно, искренно, серьезно, сдѣлаться подругой трудящагося человѣка, помогать ему въ его занятіяхъ, раздѣлять ихъ... Будьте откровенны со мной. Скажите, могли бы вы полюбить меня, сдѣлаться моей женой, другомъ, помощницей? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я буду имѣть мѣсто земскаго врача, мы могли бы поселиться въ нашемъ имѣніи, у моего отца. Дѣла будутъ, сколько угодно, школа, больни-

ца... Я былъ бы такъ счастливъ работать съ вами вмѣстѣ... Я не тороплю отвѣтомъ, подумайте, я буду терпѣливо ждать.

Сергѣенко осмѣлился поднять глаза на молодую дѣвушку, но она слушала его, опустивъ голову на руку, такъ что лица не было видно.

— Я знаю, мое предложеніе неожиданно для васъ, вы не думали обо мнѣ, но я сумѣю завоевать вашу любовь и если только сердце ваше не запыто, то я посвящу вамъ всю жизнь... и мое горячее чувство найдетъ непременно откликъ въ вашемъ сердцѣ. Почему же вы молчите, скажите мнѣ хоть слово...

Плечи молодой дѣвушки какъ-то странно вздрагивали, и молодой человѣкъ съ изумленіемъ и нѣкоторымъ безпокойствомъ смотрѣлъ на нее.

— Постойте, голубчикъ погодите, я... нѣтъ, я не могу, я... ха, ха, ха... ради Бога, не сердитесь, но это такъ смѣшно... ха, ха, ха...

Лариса Игнатьевна, вся красная отъ сдерживаемаго смѣха, хохотала теперь неудержимо, хохотала отъ всего сердца, такъ что вздрагивали всѣ кружева и банты на груди ея капота, а Сергѣенко, совсѣмъ уничтоженный и потерянный, смотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, ради Бога простите, но вы поймете потомъ, потомъ вамъ самому будетъ смѣшно... Мнѣ выйти за васъ замужъ и жить въ деревнѣ, заниматься съ грязными ребятишками или лечить ихъ... Голубчикъ, ну, зачѣмъ вы берете это въ серьезъ... Давайте смѣяться вмѣстѣ... Ну, развѣ я могу... и какъ вы повѣрили мнѣ, что я хочу бросить сцену! Ну да, я говорила, но почему?—потому что я, какъ сейчасъ помню, злилась на то, что роль Бэттины хотѣли отдать Лямпой... Это всегда такъ: когда я хандрю или злюсь, мнѣ начинаютъ казаться разныя несообразныя вещи въ родѣ того, что я могу бросить сцену и сдѣлаться добродѣтельной хозяйкой, женой чиновника, шить ему носки... Но мнѣ, право, никогда никто не вѣрилъ, всѣ понимали, что это такъ... вы первый повѣрили, ну, чѣмъ же я виновата. Да не дѣлайте же такого печальнаго лица, полно... Я теперь не смѣюсь. Ну, какая я вамъ жена, милый мой! Развѣ вы мнѣ дадите всю эту роскошь, наряды, брилліанты? А театръ, аплодисменты, вызовы, поклонники, букеты, всю эту толпу, съ которой я свыкла, безъ которой я не могу жить! Мнѣ васъ жалъ, очень жалъ, если я вамъ причинила огорченіе, но, голубчикъ, зачѣмъ, зачѣмъ вы такъ наивны! Я въ мѣсяць трачу то, что вы получите въ годъ; развѣ я въ Петербургѣ живу такъ, какъ здѣсь! Меня посадить въ деревню... да я тамъ съ ума сойду, умру съ тоски... Мнѣ даже жутко дѣлается отъ одного воображенія. Ну, забудьте, бросьте... Хотите, я сиграю что нибудь веселое... Да ну же...

Ратмірова вскочила и, шуточно подпавъ обѣими руками голову молодого человѣка, поцѣловала его въ лобъ, зачѣмъ, быстро открывъ крышку пѣякино, она заиграла что-то бравурное...

— «О мой Ципо, все та же я, но не прощала-ль любовь твою...» Помните, это изъ «Маскотты»... А то хотите письмо Периколы: «О, другъ мой, тебя до мори-и-лы я буду любить всей душой!» Не хотите слушать, ну, какъ знаете. Вы уже уходите... Только не смѣйте дуться на меня, слышите... Кто тамъ, право, велѣлъ вѣрить моимъ словамъ, вѣдь всѣмъ извѣстно, что я шалай: сейчасъ говорю одно, а завтра забуду... А меня простите, но, пра-

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА П. СТАХЕВИЧА.

«ЗА РАБОТОЮ».

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ 1896 ГОДА.

(Право на воспроизведеііе составляетъ исключительную собственность журнала „Живописное Обозрѣніе“).

«Алхимикъ». Съ картины художника О. Фрейвиртъ-Лютцовъ.

во, это вышло такъ неожиданно, смѣшно и... и...

— Глупо... Я самъ теперь понялъ. Разумѣется, вы ничуть не виноваты... Прощайте, Лариса Игнатьевна.

— У—у... злой и руку на прощанье поцѣловать не хочетъ.

Сергѣенко, молча поклонившись, вышелъ изъ комнаты, самъ снявъ свои пальто съ вѣшалки и вышелъ на лѣстницу. А въ догонку

ему ужъ несея бравурный маршъ изъ «Фатиницы»: «Впередъ, впередъ, смѣлѣ въ бой нашъ девизъ—любовь»...

Сергѣенко почти бѣгомъ кинулся вдоль улицы. О. Демертъ.

* * *

Сказали мнѣ звѣзды починя,
Что ты погибашь въ борьбѣ,
И снились мнѣ сны роковые,
И снились сны о тебѣ!

Сквозь дальнія бури и грозы
Манили къ тебѣ голоса,
Катились горькія слезы,
Катились онѣ, какъ роса.

* * *

И снова такъ страстно, такъ полно
Въ мечтательномъ сердцѣ моемъ,
Что зрѣло дотолѣ безмолвно—
Горѣло, кипѣло огнемъ... Н. Фофановъ.

ГИЛЬДА.

Повѣсть Годара де-Венси (окончаніе).

III.

НА ДРУГОЕ утро мы опять были въ замкѣ; затѣмъ встрѣтились съ баронессой послѣ полудня и наконецъ вечеромъ, когда ловили съ ней раковъ, и такъ каждый день, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Иногда отыскивалъ какой нибудь глухой уголокъ и уходилъ туда, предоставляя Раулю идти одному въ замокъ, но не проходило часа, какъ оба они появлялись въ моемъ убѣжищѣ. Я видѣлъ, что мой бѣдный Рауль серьезно влюбился и готовъ былъ увезти его, чтобы спасти отъ послѣдствій этой привязанности, которая, кромѣ горя, ничего принести ему не могла. Но молодая дѣвушка успѣла заслужить мое уваженіе, она была такъ скромна, держала себя такъ просто, искренно, казалась такой доброй, что нельзя было не полюбить ее. Я рѣшилъ не мѣшаться и предоставить вещи ихъ естественному теченію, втайнѣ падѣясь, что Гильда полюбитъ Рауля, которымъ я очень гордился. Къ несчастію, чаще всего случается, что одинъ любить, а другой позволяетъ себя любить. На этотъ разъ Рауль сироталъ глаголъ въ дѣйствительномъ залогѣ, а Гильда въ страдательномъ. Одно меня сильно интриговало,—она дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его любви. Посоветовать Раулю высказаться я не рѣшался. Въ прекрасныхъ глазахъ Гильды было что-то, что меня пугало и чего я не понималъ. Однако надежды я не терялъ,—Рауль былъ очень красивъ, молодъ, съ нѣсколькими податливыми и добрымъ характеромъ. Кромѣ того въ виду не было соперниковъ. «Если эта дѣвушка не тронется наконецъ такою любовью, значитъ у нея очень черствое сердце»,—говорилъ я себѣ.

Мы стали почти цѣлый день работать вмѣстѣ. Вечеромъ назначалось мѣсто свиданія на другое утро и видѣ, съ котораго мы хотѣли писать этюды. Гильда подѣ моимъ руководствомъ дѣлала большіе успѣхи, она была прилежная, понятливая и талантливая ученица.

Я нѣсколько уже разъ принимался за этюдъ «Котла», но мои занятія здѣсь были не совсѣмъ послѣдовательны, и между прочимъ, я писалъ этюды въ другихъ мѣстахъ. Условившись, наконецъ, въ какой день заняться этимъ

этюдомъ, чтобы кончить его, мы съ Раулемъ явились на выбранное мѣсто и устанавливали свои мольберты, когда пришла Гильда, но съ пустыми руками. Она объяснила, что не расположена рисовать, а предпочитаетъ смотрѣть, какъ мы работаемъ. Усѣвшись на траву сзади меня, она сняла шляпу и, казалось, внимательно слѣдила за моей работой. Вдругъ указывая зонтикомъ на «Табуретъ феи», которому я давалъ нѣсколько окончательныхъ интриговъ, она сказала:

— Не могу ли я служить моделью феи, которую вы посадите на эту скалу?

— Превосходная мысль,—отвѣчалъ я;—изъ васъ выйдетъ прелестная фея, можетъ быть, мало классическая, но тѣмъ болѣе интересная, что она составитъ контрастъ съ суровымъ и исковерканнымъ пейзажемъ вокругъ. Но хватитъ ли у васъ терпѣнія позировать? Понимаетъ какую нибудь скалу или камень, похожіи на «Табуретъ феи» и вы на него сядете. Поза, впрочемъ, не трудная, нужно только сидѣть просто и свободно. Чувствуете ли вы въ себѣ достаточно силы, чтобы сдерживать вашу природную живость?

— Разумѣется, если вы этого хотите,—отвѣчала она.

Черезъ минуту она встала, оставила шляпу и зонтикъ подлѣ меня и пошла къ своему ялику. Отчаливъ, она гребла какъ-то безпечно и перфшигательно. Она такъ часто переплывала рѣку, и вдоль и поперекъ, и обѣзжая рифъ, что ни Рауль, ни я, мы не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что творилось въ этой хорошенькой головкѣ. Вдругъ мой сынъ, который слѣдилъ за нею глазами, вскочилъ и съ ужасомъ захвативъ лицо руками, вскричалъ:

— Отецъ, она причаливаетъ къ рифу!

Я однимъ скачкомъ поднялся на ноги.

Вмѣсто того, чтобы обѣзжать рифъ, какъ она это обыкновенно дѣлала, она повернула носъ ялика противъ первой линіи прибоя. Двумя-тремя ударами веселъ она прогнала свой яликъ въ самую середину прибоя, потомъ обѣими руками захватила одно весло и уперла его въ скалу, которая находилась сзади лод-

ки. Яликъ приподнялъ носъ и вмѣстѣ съ молодой дѣвушкой скрылся за скалой. Черезъ минуту она сидѣла на «Табуретѣ феи» и махала намъ платкомъ. Разговаривать не было возможности, шумъ отъ прибоя былъ слишкомъ силенъ. Такъ немного времени прошло послѣ того, какъ она сидѣла подлѣ меня и разговаривала со мной, что мнѣ казалось я вижу все это во снѣ. Я похолодѣлъ отъ ужаса. Если бы только она была въ опасности, но ей предстояло еще возвращеніе, не менѣе опасное. Мы ничего не могли сдѣлать, чтобы подать ей помощь. Въ нашемъ распоряженіи не было лодки, да если бы она и была... Рауль страшно поблѣднѣлъ и какъ сумасшедшій метался по берегу.

Между тѣмъ молодая дѣвушка спокойно и непринужденно сѣла на «Табуретъ феи»: я понималъ, что она совершила этотъ подвигъ съ цѣлью послужить мнѣ моделью, и слѣдовательно не уйдетъ съ этого проклятаго мѣста, пока я не сдѣлаю ей знака, что кончилъ. Я схватился за кисти и палитру, но сердце мое сжималось отъ боли при мысли, что, можетъ быть, я послѣдній разъ вижу ее въ живыхъ, и представляя себѣ отчаяніе Рауля, если «Котелъ» поглотитъ свою жертву. Я лихорадочно работалъ и черезъ полчаса, не смотря на волненіе, мнѣ удалось сдѣлать довольно схожій этюдъ. Я кончилъ, но опасаясь сдѣлать знакъ, думая, что онъ можетъ быть причиною смерти молодой дѣвушки,—сердце мое сжалось и слезы выступили на глазахъ. Я былъ пораженъ, открывъ какое мѣсто она занимала въ моемъ сердцѣ и какую пустоту оставила бы тамъ ея смерть. Не знаю, угадала ли она, что во мнѣ происходило, но она вдругъ встала и исчезла за «Табуретомъ», должно быть отвязала лодку. Мое сердце замерло. Какъ стрѣла, проскользнула она въ проходъ и мимо скалы...

Носъ ялика опустился низко, корма поднялась... И Гильда очутилась въ опасности. Черезъ минуту она приставала къ берегу, нѣсколько блѣдная, но съ торжествующею улыбкою, хотя лицо ея выражало страхъ ребека, ожидающаго выговора.

Рауль бросился къ ней и помогъ ей выйти изъ лодки.

— Ахъ, баронесса, какъ могли вы такъ рисковать?—сказалъ онъ, сжимая ея руки и глядя на нее глазами полными слезъ и страсти.

— Успокойтесь, господинъ Рауль,—сказала она, какъ мнѣ показалось, нѣсколько сухо.— Эта рѣка современемъ будетъ принадлежать мнѣ, и я хочу заранѣе покорить ее.

Пока Рауль привязывалъ лодку, она подбѣжала ко мнѣ и, какъ-то странно смотря на меня, склонилась надъ моимъ полотномъ.

— Понимаете вы теперь? — прошептала она.

Я успѣлъ успокоиться и вытеръ выступившія у меня на глазахъ слезы. Испугъ на минуту уступилъ мѣсто радости видѣть ее въ опасности. Но за этимъ послѣдовалъ взрывъ гнѣва.

— Милостивая государыня,—сказалъ я какъ можно строже,—если бы я имѣлъ честь знать вашего отца, я сейчасъ прошелъ бы къ нему и сказалъ, что его дочь не можетъ еще обходиться безъ строгой выпивки, которая съумѣла бы держать въ рукахъ непослушнаго и капризнаго ребенка.

— Или безъ строгаго мужа, который былъ бы въ состояніи выполнить тѣ-же условія,—прибавила она, смѣясь, вызываясь смотря мнѣ въ глаза, хотя нѣсколько при этомъ краснѣя.

Отвѣтъ поразили меня; я подумалъ: «вотъ это удобный случай сказать нѣсколько словъ въ пользу Рауля». Но что и какъ? Къ сожалѣнію время прошло, и Рауль подошелъ къ намъ. Мнѣ пришлось отложить мои матримоніальныя затѣи до другого раза.

— Вы въ первый разъ продѣлываете этотъ подвигъ?—спросили мы.

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—въ третій. Конечно, безъ вѣдома отца, онъ не проститъ мнѣ моего безразсудства, если узнаетъ его. Впрочемъ, трудности проникнуть въ «Котель» слишкомъ преувеличены,—достаточно во время подняться и продвинуть лодку впередъ, такъ какъ проходъ очень узокъ и дѣйствовать веслами нельзя. Знаніе удобной минуты передается по преданію, какъ секретъ. Кроме того, нужно еще не забывать, что на скалѣ есть только одна точка, въ которую можно упереть весло и оно не соскользнетъ.

— Я не замѣтила, чтобы вы смотрѣли въ зеркало бассейна,—сказалъ я,—преданіе говоритъ, что въ немъ можно видѣть отраженіе феи. Вамъ вѣдь нечего бояться сравненія, если ваше лицо отразится рядомъ съ лицомъ феи.

— Вашъ комплиментъ мнѣ тѣмъ пріятнѣе, что я не привыкла слышать ихъ отъ васъ, господинъ менторъ,—отвѣчала она, смѣясь.— Впрочемъ, вы должны же чѣмъ нибудь исправить вашу недавнюю невѣжливость!

— Но вы не отвѣтили на мой вопросъ, почему вы не посмотрѣли въ бассейнъ феи.

— Потому что я хорошо знаю, что тамъ видно,—отвѣчала она сухо и, какъ мнѣ показалось, съ нѣкоторою дрожью,—и не хочу видѣть другой разъ. Къ счастью,—прибавила она, обращаясь къ моему мольберту,—ваше волненіе не помѣшало вамъ написать чудесную фею; я горжусь, что послужила ей моделью. Мнѣ кажется, что это почти портретъ и очень схожій.

IV.

На другой день я сказалъ Раулю, что не пойду въ замокъ, и что онъ можетъ идти одинъ, чему онъ, повидимому, былъ очень

рады. Мнѣ хотѣлось побыть одному, привести въ порядокъ свои мысли, анализировать чувства, которыя, казалось, были послѣдствіемъ вынесеннаго мною нравственнаго потрясенія. Втайнѣ я былъ недоволенъ собою, а еще больше этой молодой дѣвушкой, характеръ которой былъ мнѣ все менѣе и менѣе понятенъ.

— Эта молодая дѣвушка,—думалъ я,—одна въ мірѣ, безъ друзей, безъ родныхъ, безъ совѣтниковъ, прекрасно сознаетъ, что внушаетъ мнѣ расположеніе. Она какъ будто цѣнитъ мои совѣты, признательна за желаніе содѣйствовать ея счастью. Она несомнѣнно должна чувствовать, что ей нуженъ кто нибудь, кто-бы ее любилъ и направлялъ. Благодаря своему одиночеству и молодости, она должна стремиться къ любви. Она знаетъ, что ничто не доставитъ мнѣ такого удовольствія, какъ видѣть, что она раздѣляетъ чувство Рауля, она знаетъ, что, отвергнувъ ихъ, она одѣлаетъ его несчастнымъ. И вмѣсто того, чтобы идти по этому пути, на которомъ она найдетъ счастье, она со смѣхомъ противится въ ему, что можетъ ее на этотъ путь направить. Можно подумать, что охваченная внезапно желаніемъ правиться, желаніемъ, свойственнымъ нѣмъ женщинамъ, эта дѣвушка, чей прямой, гордый и искренній характеръ я такъ высоко цѣнилъ, стремится испытать силу своихъ чаръ падо мной и прибѣгаетъ къ преступной и скверной тактикѣ убѣдить меня въ своей любви, съ цѣлью измѣнить мое чисто отеческое чувство на другое. Но теперь она меня слишкомъ хорошо знаетъ, чтобы не увидѣть, что всѣ ея старанія напрасны, особенно при моей любви къ Раулю.

Такъ говорилъ голосъ отеческой любви, который я называлъ голосомъ разума и который одинъ только хотѣлъ слушать. Но рядомъ съ нимъ слышался другой, не такой отчетливый, но который возбуждалъ во мнѣ пріятное опьяняющее чувство.

Была первая половина іюля и дѣло въ полномъ разгарѣ, все кругомъ цвѣло, сверкало самыми яркими красками и выдыхало самый тончайшій ароматъ; наѣкомыя жужжали и птицы распѣвали въ густой зелени, будто взануски. Точно они хотѣли показать, что знаютъ, какъ коротко скандинавское лѣто и стремятся вполнѣ имъ воспользоваться. Все что меня окружало, растенія, наѣкомыя, птицы, все казалось мнѣ въ праздничной одеждѣ и отовсюду, съ полей, покрытыхъ желтѣющею жатвой, изъ густой травы, изъ таинственной глубины лѣса мнѣ слышались радостныя гимны любви.

«А если въ самомъ дѣлѣ она любитъ тебя?—говорилъ мнѣ вѣроломный голосъ.— Неужели ты станешь противиться счастью, идущему тебѣ на встрѣчу? Если она любитъ тебя, значитъ она не любитъ его. Зачѣмъ-же ты толкаешь ее въ его объятія, когда она находитъ, что счастье въ твоихъ». «Она слишкомъ для тебя молода,—говорилъ другой голосъ,—она скоро тебя разлюбитъ, если ты уступишь этому капризу. Она балованный ребенокъ и тянется къ плоду, котораго не можетъ достать, и который ей скоро надоѣстъ, разъ она его получитъ. Не уступай, не дѣлайся смѣливымъ. Вспомни свой первый бракъ, уѣзжай отсюда, оставь Рауля одного съ ней».

Разсуждая такимъ образомъ, я безсознательно шелъ впередъ. Я вышелъ погулять и, не имѣя желанія работать, взялъ только палку. Совершенно безсознательно я свернулъ съ дороги и пошелъ по довольно боло-

тистому лугу, покрытому кое-гдѣ деревьями и кустами и лежащему на противоположномъ отъ Шарлоттенборга берегу, и паткнулся на небольшой домикъ, скрывшійся между деревьями. Въ этомъ домикѣ когда-то жилъ старый Свенссонъ, давно уже умершій, а теперь въ немъ поселился арендаторъ ловли лососей въ части рѣки, принадлежавшей барону Гаммаргистелму. Мнѣ вздумалось зайти къ этому рыбаку. Я засталъ его за дѣломъ, онъ приводилъ свои сѣти въ порядокъ и принималъ меня съ вѣжливостью и гостепріимствомъ, присущими шведамъ всѣхъ классовъ общества. Ему было лѣтъ около сорока, на лицѣ было особенно ласковое и серьезное выраженіе. Онъ сказалъ, что давно знаетъ въ лицо меня и Рауля, часто видѣлъ насъ или за работой, или вмѣстѣ съ владѣльцемъ замка. Мы заговорили о рыбной ловлѣ и лососяхъ и весьма естественно разговоръ перешелъ на «Котель».

— Пробовали-ли вы пройти туда?—спросилъ я.

— Одинъ разъ,—отвѣчалъ онъ.—Я тогда работалъ у старика Свенссона и хотя былъ еще очень молодъ, но уже хорошо былъ знакомъ со всѣми трудностями плаванія по этой рѣчкѣ и сгоралъ желаніемъ увидать, что тамъ такого интереснаго въ этомъ знаменитомъ бассейнѣ феи. Старикъ Свенссонъ любилъ поболтать, особенно когда выпьетъ, и одинъ разъ такъ подробно описалъ мнѣ маневръ, къ которому нужно прибѣгнуть, чтобы попасть туда, что я на другой-же день рѣшилъ отправиться. Поѣздка удалась мнѣ вполнѣ, но послѣ того я не повторилъ ея и ничто не заставитъ меня вернуться туда во второй разъ.

— Что вы тамъ увидели?

— То, что я тамъ увидалъ,—сказалъ нѣсколько перфшительно рыбаку, послѣ минутнаго молчанія,—было такъ ужасно, что я едва не потерялъ нужнаго присутствія духа, чтобы выбраться изъ «Котла». Я думаю, вамъ извѣстно все, что рассказываютъ о прошломъ барона?

Нѣсколькими словами я передалъ, что зналъ.

— Мое любопытство было очень велико,—продолжалъ онъ,—а разъ проникнувъ въ «Котель», я успѣшилъ привязать свою лодку и взобрался на «Табуретъ феи» и наклонился надъ бассейномъ, который носитъ названіе зеркала, ожидая увидать въ немъ какое-нибудь странное отраженіе или игру природы, наводящую на мысль о женскомъ лицѣ... Въ ужасѣ я отшатнулся! Я разсмотрѣлъ въ этомъ бассейнѣ трупъ женщины или, лучше сказать верхнюю часть его; длинные волосы въ беспорядкѣ плавали на поверхности воды, ноги исчезали въ глубинѣ бассейна. Лицо, то есть то, что осталось отъ лица, было повернуто къ небу. Кожа, побѣлѣвшая отъ времени и обезцвѣченная водой, еще покрывала голову; глазныя орбиты представляли два черныя отверстія, а зубы дѣлали ужасную гримасу, которой я всю жизнь не забуду.

— Это должно быть трупъ несчастной жертвы барона,—сказалъ я,—но чѣмъ объяснить, что онъ остался въ этомъ «Котлѣ»?

— Очень просто. Вы слышали вѣроятно, что баронъ, узнавъ, что дѣлаются розыски подземнаго хода, хотѣлъ, должно быть, скрыть мѣсто, гдѣ онъ спряталъ свою жертву и ночью взорвалъ часть подземелья. Взрывъ не только уничтожилъ часть подземнаго хода подъ рѣкой, но должно быть произвелъ какое нибудь измѣненіе въ расположеніи скалъ, составляющихъ основаніе «Котла». До того происше-

ствія никогда не было прѣчи о нахожденіи трупа въ бассейнѣ феи, который, кромѣ того, по рассказамъ издавшихъ его, былъ такъ глубокъ, что не было видно дна. А когда я видѣлъ трупъ, ноги его были захвачены каменьями. Все заставляетъ предполагать, что зеркало феи представляло естественный колодезь, имѣвшій сообщеніе съ гротомъ, къ которому велъ подземный ходъ. Взрывъ должно быть выкинулъ въ этотъ колодезь все, что находилось въ гротѣ, и вмѣстѣ съ мусоромъ и каменьями и трупъ былъ выброшенъ наверхъ. Что онъ такъ долго сохранился, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнить известковый составъ скаль.

Я поблагодарилъ рыбака за его рассказы, распростившись съ нимъ, продолжалъ свою прогулку, которая довела меня до впаденія Моталы въ озеро Борень. Я не могъ вѣрить, чтобы Гильда ничего не знала объ ужасномъ эпизодѣ въ жизни ея отца. Она несомѣнно видѣла трупъ и не ужасалась. Что это, сухость сердца или сила характера?

И вернулся домой послѣ полудня и засталъ Рауля уже дома. Бѣдный мальчикъ сильно измѣнился за послѣднее время, страсть снѣдала его, — онъ похудѣлъ, потерялъ всякое желаніе работать, его веселость, живость, которые дѣлали изъ него такого пріятнаго собесѣдника, исчезли. Мое сердце сжалось, когда я увидѣлъ его блѣднѣлаго, печальнаго; уверевъ подбородокъ въ ладонь руки, онъ уныло сидѣлъ въ креслѣ, взглядъ его лихорадочно блуждалъ въ пространствѣ.

— Рауль, мое дорогое дитя, — сказалъ я, взявъ его за руку, — намъ пора уѣзжать. Мы сдѣлали достаточно набросковъ и этюдовъ и можемъ продолжать работать въ мастерской. Здѣсь оставаться не за чѣмъ. Я вижу, что Гильда не оставила тебѣ ни малѣйшей возможности надѣяться. Слѣдовательно, напрасно будемъ мы еще жить здѣсь, и ничего кромѣ вреда изъ этого не выйдетъ.

— Какъ хочешь, отецъ, — отвѣчалъ онъ, — дай мнѣ только еще три дня. Какъ ты самъ замѣтилъ, отецъ, съ каждымъ днемъ становится все яснѣе, что Гильда только дружески расположена ко мнѣ... но мнѣ иногда кажется, что, если бы она знала, какъ я люблю ее...

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА К. ТРОСТА.

НЕПРІЯТНОЕ СОСѢДСТВО.

можетъ быть, это повліяло бы на нее и произвело переворотъ въ ея чувствахъ... Я не хочу уѣзжать... не поговоривъ еще съ нею. Я хочу заставить ее выйти изъ этой высокомерной и холодной любезности, всегда одинаковой, которой она держится въ отношеніи ко мнѣ. Я хочу убѣдиться, дѣйствительно ли она не подозреваетъ моей любви или только притворяется.

V.

Мнѣ пужень былъ еще сеансъ, чтобы закончить этюдъ «Котла» и мы рѣшили съ Рау-

лемъ заняться этимъ въ слѣдующій день. На другое утро, въ обычный часъ, мы были уже на мѣстѣ и Гильда не замедлила явиться. Все въ этой дѣвушкѣ говорило, что и она, подобно Раулю, пришла къ какому-то рѣшенію и намѣревалась привести какой-то проэктъ въ исполненіе, угадать который, однако, было очень трудно. Она, противъ обыкновенія, была очень взволнована и нервна; взглядъ ея былъ глубже и серьезнѣе и даже милая улыбка не въ силахъ была скрыть его вполнѣ. Впрочемъ, сна была весела и относилась ласковѣе и добрѣе къ Раулю. Когда я сказалъ ей, что мы подумываемъ объ отъѣздѣ, она попросила меня, какъ милости, сдѣлать сѣрыми тѣнями этюдъ, портника замка съ сѣверной стороны, то есть съ противоположной той, съ которой мы работаемъ.

— Это будетъ память объ васъ; глядя на этюдъ, я буду вспоминать вмѣстѣ проведенные пріятные часы работы, — сказала она.

Орнаментъ и архитектурныя рисунки были предметы, которые Рауль спеціально изучалъ зимой, почему я указалъ на него, какъ болѣе способнаго къ этому роду работъ; обратясь къ нему, молодая дѣвушка спросила, хочетъ ли онъ нарисовать эту картину?

— Съ большимъ удовольствіемъ, — въ посторонѣ отвѣчалъ юноша.

Онъ собралъ всѣ свои инструменты, и они отправились къ тому мѣсту, откуда Гильда хотѣла, чтобы былъ сдѣ-

ланъ этюдъ. Черезъ очень короткій промежутокъ времени, однако, она вернулась и села подлѣ меня.

— А Рауль, — спросилъ я, — началъ онъ свой эскизъ?

— Онъ такъ погрузился въ работу, какъ я никогда еще его не видала, — отвѣчала она.

— Это потому, что онъ очень счастливъ заказомъ.

— Скажите, пожалуйста, господинъ де-Ланьеръ, овдовѣвъ въ двадцать три года, вы не женились изъ привязанности къ вашему си-

«Грудный вопросъ». Съ картины художника Е. Дейля.

пу?—вдруг спросила она, — неужели родительская любовь способна на подобныя жертвы?

— Я не понимаю, что въ этой жертвѣ такого удивительнаго, — сказалъ я, нѣсколько оскорбленный тономъ, какимъ она говорила. — Вы совсѣмъ не стали-бы удивляться, если бы знали, какое это преданное, любящее сердце, какое...

— Я не сомнѣваюсь, что онъ одаренъ всевозможными качествами, — сухо прервала она меня. — Я очень хорошо знаю, что это весьма милый молодой человѣкъ; у меня было достаточно времени убѣдиться въ этомъ. Увѣряю васъ, я не хуже васъ знаю вашего сына.

— Въ такомъ случаѣ вы должны знать, какъ сильно онъ васъ любитъ, — сказалъ я, рѣшившись воспользоваться случаемъ.

— Я знаю, что онъ меня любитъ, — отвѣтила она просто, — но если онъ имѣетъ намѣреніе просить моей руки, отговорите его. Я не люблю его и мнѣ кажется, что за послѣдніе дни, я достаточно показала ему, что ему нечего надѣяться, — прибавила она жесткимъ тономъ.

Мрачное отчаяніе и физическая перемена, которую я вчера замѣтилъ въ Раулѣ, такъ сильно меня поразили наканунѣ, что ея жесткія слова глубоко огорчили меня. Не смотря ни на что, онъ видимо надѣялся. Слова Гильды похоронили всѣ наши надежды.

— Но, дорогое дитя мое, почему-бы вамъ не полюбить его? — спросилъ я, нѣсколько несбдуманно, но подъ вліяніемъ чувства, которое, не смотря ни на что, заставляетъ всѣми силами удержать потерянное нами. — Вамъ такой именно мужъ нуженъ, онъ обладаетъ всѣми качествами, чтобы поправиться вамъ.

— Господинъ де-Ланьеръ, — вскричала она смѣясь, — роль свахи не идетъ вамъ. — Если закрыть глаза, можно подумать, что старая тетка стремится выставить съ хорошей стороны своего племянника. Чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ, я скажу вамъ, что я очень расположена къ господину Раулю, очень уважаю его, но это не любовь. Если бы вы не были-бы такъ ослѣплены вашею родительскою привязанностью, вы-бы давно это замѣтили, — въ голосѣ ея слышалось раздраженіе, — а замѣтивъ, вы никогда не вообразили-бы, что Гильда Гаммаргильмъ можетъ быть женою вѣснаго сына. А теперь, — продолжала она, — позвольте мнѣ напомнить вамъ, что мой вопросъ остался безъ отвѣта. Я повторю его; какъ это случилось, что вы не женились? Неужели ни одна женщина, кромѣ той, которую вы потеряли, не заставила биться ваше сердце? Неужели ни одна не можетъ внушить вамъ любви? Или можетъ быть, вы чувствуете себя на столько выше человѣческихъ слабостей, что заключили союзъ съ музою искусства и поклонились никогда, ни для какой земной любви не измѣнять ей? Вы какъ-то говорили мнѣ, что ваша родительская любовь служила вамъ предохранительнымъ средствомъ противъ другой. Развѣ мы не видимъ, очень часто, что обѣ эти привязанности живутъ очень дружно?

Если бы я не была такъ поглощена мыслію о горѣ, которое ожидало моего сына, меня поразили-бы горечь и раздраженіе, съ какими она произнесла эти прощесскія слова. Но какъ-бы-то ни было, насмѣшки Гильды заставили меня опомниться. Я чувствовалъ, что дѣлалось смѣшонъ, нѣсколько не подвигая дѣла Рауля.

— Вы правы, сударыня, — сказалъ я. — Я имѣлъ время узнать васъ настолько доста-

точно, чтобы не сомнѣваться, что вы, фея этой вѣроломной рѣки и этой безчувственной и жестокой скалы, должны обладать въ значительномъ количествѣ элементами, входящими въ составъ этихъ предметовъ. Стрѣмиться возбудить въ васъ чувства, которыхъ вы не въ состояніи испытать, равносильно желанію заставить эту рѣку прекратить свое теченіе, или эту скалу проливать слезы надъ ея жертвами! Съ вашего позволенія и чтобы не терять напрасно времени, я вернусь къ работѣ, не отвѣчая на ваши вопросы, на которые я буду смотрѣть, какъ на заслуженныя мною насмѣшки.

— Прекрасно, господинъ де-Ланьеръ, — сказала она, смѣясь, — вы стали самымъ собою. Я предпочитаю ваши рѣзкіе отвѣты сантиментальнымъ сладостямъ модныхъ молодыхъ людей. Позвольте разсказать вамъ, что видѣла сегодня ночью во снѣ фея этой рѣки, какъ вы меня называете! Мнѣ приснилось, — продолжала она, — что я полюбила медвѣдя, большого добряка медвѣдя, который ни за что не хотѣлъ понять, что я люблю его, и на всѣ мои ухаживанія отвѣчалъ ударами лапъ и ворчаніемъ. Мой медвѣдь былъ очень разсѣянъ, но я чувствовала, если мнѣ удастся разлучить его съ предметомъ его разсѣянности, онъ не будетъ больше ко мнѣ равнодушенъ, и я тогда могу съ нимъ дѣлать все, что захочу. Я рѣшилась заставить его вынести мучительную операцію, и въ одинъ прекрасный день увела его на скалу, на которой я, какъ фея, получаю чрезвычайную физическую силу. Я бросилась съ нимъ, побила его и продѣла ему въ носъ кольцо. Онъ выражалъ свою боль страшными криками, но рана скоро зажила, и онъ не страдалъ больше. Тогда я продѣла въ кольцо розовую ленточку, и мой медвѣдь вполнѣ принадеждалъ мнѣ, сдѣлался нѣженъ, любящъ и былъ самымъ счастливымъ изъ медвѣдей.

Меня поразила искренній тонъ этихъ словъ, которыя произвели на меня, не могу сказать почему, весьма неприятное впечатлѣніе. Я невольно повернулся къ Гильдѣ и наши взгляды встрѣтились. Обыкновенный цѣпкій ея взглядъ обратился въ аквамаринный, и они сверкали какимъ-то страннымъ огнемъ, не то страсти, не то сумасшествія. Впрочемъ это странное выраженіе продолжалось только секунду и глаза Гильды приняли обычное выраженіе.

— Что вы думаете о моемъ снѣ? — спросила она.

У меня было смутное чувство, что все это попытка кокетства съ ея стороны, тѣмъ болѣе отвратительная, что онъ сдѣлалъ не медленю за категорическимъ отказомъ, разрушившимъ мои надежды и Рауля.

— Я никогда не придавалъ никакого значенія снѣмъ, — сказалъ я, принимаясь убирать свои краски и кисти, я былъ слишкомъ изволнованъ и не въ состояніи рисовать.

— Господинъ де-Ланьеръ, — черезъ минуту спросила молодая дѣвушка, — вамъ никогда не приходило въ голову, что вы и вашъ сынъ можете полюбить одну и ту же женщину?

— Я никогда не думалъ объ этомъ, — сухо отвѣчалъ я.

— Но если бы это случилось, — настаивала она, — чтобы вы стали дѣлать?

Она склонила голову и внимательно собирала листочки травы, которую нервно обрывала кругомъ. На безымянномъ пальцѣ, на который я такъ надѣялся надѣть обручальное кольцо Рауля, сверкалъ брилліантъ, будто искорки выходили изъ травы.

— Если бы это случилось, никто бы ничего не узналъ, — сказалъ я. — Я никогда не сталъ бы на дорогѣ счастья моего сына.

— Но если бы предметъ любви васъ обоимъ любилъ отца, а не сына? — спросила она, поднимая голову.

Во мнѣ снова заговорилъ тотъ голосъ, который умолчалъ вчера при видѣ отчаянія Рауля. Я вспыхнулъ и взглянулъ на Гильду. Она поблѣднѣла и порывисто дышала. Какъ она была хороша въ эту минуту! Ея щеки горѣли, глаза сверкали и расширились, какъ бы свидѣтельствуя, что гордой и высокомерной Гильдѣ Гаммаргильмъ не легко было унизиться и предлагать свою любовь человѣку, который не искалъ ея. Она опиралась на одну руку, ея черныя косы свисали на плечи и грудь. Она повернула лицо къ верху и не спускала съ меня глазъ. На ней было бѣлое платье, открытыя шея и руки сильно покраснѣли, будто протестуя противъ смѣлости ея словъ. Я видѣлъ, какъ она дрожала отъ сдержаннаго волненія. Еще минута нерѣшимости и я былъ бы поблѣденъ! Говоря: «Гильда, я люблю васъ, будьте моей!...» Я дѣлалъ се счастливой... А самъ я? О, я чувствовалъ, что могу еще любить и еще минута, любовь охватила бы меня всего!

Но въ эту торжественную минуту образъ моего сына не покинулъ меня. Полюбить эту женщину, къ отчаянію Рауля, я прибавлялъ чувства ревности и злобы. Рауль могъ меня возненавидѣть! Эта мысль охладила меня. Кровь прилила къ моему лицу. Я отвернулся и сказалъ спокойно и рѣшительно:

— Я не отвѣчалъ бы на такую любовь!

Послѣдовала минута молчанія, въ которую я не смѣлъ взглянуть на Гильду. Я страдалъ за нее, я сознавалъ, что она должна испытывать то же, хотя можетъ быть въ меньшей степени, что придется испытывать Раулю. Впрочемъ, ея страданія усиливались униженіемъ, нанесеннымъ ея гордости и оскорбленіемъ самолюбіемъ. Но она слишкомъ владела собою и была слишкомъ свѣтская женщина, чтобы поддаться чувству неловкости. Тяжелое молчаніе, послѣдовавшее за моими словами, продолжалось только минуту, дѣвную ей время оправиться, и весело, съ улыбкой на губахъ, она сказала прощесски:

— Вы въ самомъ дѣлѣ велики, господинъ де-Ланьеръ!

— Вы даже можете сказать, что я переступилъ тотъ шагъ, который отдѣляетъ великое отъ смѣшного, — подумалъ я, не смотря ни на что, я чувствовалъ боль, какую производитъ всякая жертва и за которую слѣдуютъ сожалѣнія.

Затѣмъ я протянулъ ей руку, какъ это дѣлалъ ежедневно, хотя мое намѣреніе было съ ней больше не видаться. Я рѣшился увезти Рауля на другое же утро. Его здѣсь ждали только новыя страданія, а меня — опасности.

Прощаясь, какъ я ни старался придать своему лицу обычное выраженіе, я чувствовалъ, что на глаза выступаетъ предательская слеза, и я замѣтилъ такую же слезу въ ея глазахъ. Она, должно быть, угадала мое намѣреніе, потому что сказала:

— Прощайте, господинъ де-Ланьеръ, или лучше сказать — до свиданія, вы ко мнѣ вернетесь.

VI.

Я пришелъ домой и съ нетерпѣніемъ ждалъ Рауля. Я предчувствовалъ, что онъ въ это же утро будетъ говорить съ Гильдой и думать, что такъ лучше, если она сама скажетъ ему свой отказъ. Въ ожиданіи его, я сталъ под-

много укладываться. Рауль вернулся домой послѣ полудня и поспѣшно вошелъ въ комнату. Онъ былъ очень удивленъ, заставъ меня дома. Въ этотъ часъ мы обыкновенно работали гдѣ нибудь на воздухѣ, или порознь.

— Ты дома, отецъ?—сказалъ онъ нѣсколько сконфуженно.—Я полагалъ, что ты на озерѣ, кончаешь свой этюдъ тростниковъ.

Я внимательно посмотрѣлъ на него. Онъ не имѣлъ вида человѣка, получившаго отказъ отъ любимой женщины. Напротивъ, онъ скорѣе казался доволенъ, только его озабоченность и лихорадочное волненіе указывали на то, что между нами было объясненіе. Какъ я уже говорилъ выше, съ тѣхъ поръ какъ Рауль сдѣлался взрослымъ человѣкомъ, наши отношенія были отношеніями двухъ искреннихъ, преданныхъ друзей. Между нами не было ничего скрытого: онъ зналъ всѣ его мысли. Всякая радость, всякое горе, испытанное однимъ, сейчасъ же сообщалось другому и дѣлилось вмѣстѣ.

— И такъ, Рауль?—спросилъ я сразу,—ты говорилъ съ Гильдой?

— Говорилъ,—отвѣчалъ онъ,—и она мнѣ не только не отказала, какъ мы ожидали, а попросила дать ей нѣсколько дней подумать.

Это было такъ не похоже на то, чего я ждалъ, что я онѣмѣлъ отъ удивленія. Но взглянувъ на него внимательно, я замѣтилъ, что онъ что-то отъ меня скрываетъ. Не имѣя ни малѣйшаго сомнѣнія въ чувствахъ Гильды къ нему, я заподозрѣлъ какую нибудь хитрость въ надеждѣ, данной ему молодой дѣвушкой, и мнѣ казалось, что ея отвѣтъ имѣлъ отношеніе къ нашему съ нею разговору.

Я взялъ Рауля за руку и, усадивъ его подлѣ себя, передалъ ему все, что она мнѣ говорила... Я только не сказалъ ему, что она любила другого и что этотъ другой былъ его родной отецъ. Я опасался возбудить ревность и потерять привязанность моего единственнаго сына, для котораго я жилъ, для котораго я отказался отъ всѣхъ радостей любви.

Увы! Какъ впоследствии я раскаивался въ этихъ опасеніяхъ! Если бы я ему рассказалъ онъ, можетъ быть, сталъ бы любить меня меньше, но убѣдился бы «что эта лукавая женщина, условно-общая ему свою любовь» хочетъ только его гибели. Онъ понялъ-бы, что она видитъ въ немъ помѣху, которую нужно уничтожить, если не орудіе мести.

На мои слова онъ отвѣчалъ, что послѣ разговора со мной она вѣроятно раздумала и что онъ еще не хочетъ терять надежды. Онъ почти не сомнѣвается, говорилъ онъ, что она его не любитъ. Это видно изъ моихъ словъ и изъ того, что она сказала ему самому. Но онъ такъ увѣренъ въ возможность временемъ заставить себя полюбить, что согласенъ на всѣ условія, чтобы только добиться ея руки.

Онъ не привыкъ скрывать отъ меня что нибудь попомню, я добился отъ него правды. Онъ заставилъ меня пообѣщать, что я не стану противиться его намѣренію исполнить условіе, предложенное ему молодой дѣвушкой. И такъ мало былъ подготовленъ къ тому, что онъ мнѣ рассказалъ, что далъ требуемое обѣщаніе, подъ тѣмъ, однако, условіемъ если не увижу возможности получить для него руку Гильды другимъ способомъ, и если въ его предпріятіи ничто не грозитъ его жизни. Бѣдный мальчикъ отвѣчалъ, что онъ такъ сильно любитъ Гильду, что опасность отказаться отъ нея для него хуже потери жизни. И дѣйствительно его видъ былъ такой измученный, что въ истинѣ его словъ нельзя было сомнѣваться.

Вотъ что попомню я узналъ отъ него. Когда я ушелъ, Гильда пришла къ Раулю, была съ нимъ такъ ласкова и мила, что онъ рѣшился высказать ей свою любовь и просить ея руки. Она отвѣтила ему то-же, что говорила и мнѣ, что она очень къ нему расположена и уважаетъ его, но не любитъ. Но такъ какъ изъ отсутствія этого чувства она не дѣлала непреодолимой преграды, онъ продолжалъ говорить все краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе, а она сдѣлала видъ, будто склоняется на его просьбы, и заговорила о своей матери, рассказавъ что намъ уже было извѣстно: что баронесса должно быть добровольно лишила себя жизни сдѣлавшейся ей невыносимой. И накопецъ, съ трогательнымъ довѣріемъ, Гильдасообщила ему, что гувернантка-англичанка, умирая, призналась, что горничная баронессы видѣла ее на скалѣ за нѣсколько минутъ до гибели ея въ водоворотъ и видѣла, какъ она бросила что-то въ бассейнъ, называемый «Зеркало феи». По словамъ гувернантки, это должна быть бутылка или небольшая запечатанная шкатулочка съ спрятанной въ ней бумагой, на которой ея написаны послѣдніе совѣты дочери и признанія, касающіяся ея мужа, по которымъ въ послѣднюю минуту она не рискнула распрощаться во всеобщее свѣдѣніе и потому вѣроятно бросила этотъ документъ въ бассейнъ, откуда его очень трудно достать.

— Для того, чтобы найти и достать эту шкатулочку,—сказала Гильда, кончая свой рассказъ,—я два раза проникала въ «Котель» но напрасно. Шкатулка ясно видна на днѣ, но чтобы достать ее, нужно дотронуться до такого ужаса, что я не рѣшилась окунуть руку въ воду. Вы знаете мой романтическій характеръ, Рауль,—прибавила она смѣясь,—и не удивитесь, если я скажу, что тотъ, кто принесетъ мнѣ эту шкатулочку, пріобрѣтетъ много шансовъ на возможность получить мою руку.

Бѣдный мальчикъ немедленно заявилъ свою готовность попытаться и молодая дѣвушка объяснила ему подробно маневръ, къ которому нужно прибѣгнуть, чтобы безопасно проникнуть въ «Котель» и выйти оттуда.

Трудно описать какое дѣйствіе произвело на меня это сообщеніе. Проектъ злой женщины представился мнѣ во всемъ его ужасѣ и отчетливо вспомнился рассказанный ею сонъ. Это была пророческая аллегорія и угроза, которую эта странная женщина приводила въ исполненіе съ чисто дѣвольской ловкостью. Нечего и говорить, что я хотѣлъ даже силою не допустить Рауля до его безумной попытки.

До другого утра не было поѣзда въ столицу, и я рѣшился уѣхать съ первымъ поѣздомъ и увезти Рауля и далъ себѣ слово эту ночь не упускать его изъ виду. Мы провели вечеръ разговаривая и обсуждая этотъ предметъ. Какъ только можно спокойнѣе я представилъ Раулю, какъ у него мало надежды на успѣхъ, потому что онъ весьма мало знакомъ съ рѣкой. Я доказывалъ ему, что женщина, которая въ состояніи потребовать подобныхъ доказательствъ любви, рискуя жизнью любящаго ее человѣка, есть женщина безъ сердца, незаслуживающая, чтобы ее любили; и что даже, если онъ и доставитъ ей эту шкатулку, ничто не дастъ права надѣяться, что она выйдетъ за него замужъ. Затѣмъ я заговорилъ о своей привязанности къ нему, напомнилъ, что онъ единственное для меня существо въ мірѣ, что въ немъ моя семья и мое счастье на землѣ. Неужели у него хватитъ мужества рисковать жизнью и отравить мнѣ конецъ

моей жизни? Я говорилъ много и долго, мое воодушевленіе наконецъ тронуло его. Я горько упрекалъ себя, что допустилъ венцы зайти такъ далеко. Предчувствіе несчастія охватило меня, и я говорилъ съ жаромъ и убѣдительно. Онъ расплакался, бросился мнѣ на шею и сказалъ, что изъ любви ко мнѣ отказывается отъ своего безумнаго намѣренія.

Было уже за полночь, я уговорилъ его лечь, говоря, что сейчасъ послѣдую его примѣру. Нѣсколько времени я занимался укладываніемъ нашихъ вещей, пока ровное дыханіе Рауля не дало мнѣ знать, что онъ заснулъ. Я очень усталъ и одѣтый бросился на постель, давая себѣ слово не засыпать до разсвѣта и караулить моего бѣднаго мальчика, околдованнаго злой волшебницей. Мнѣ казалось, что онъ снова сдѣлался маленькимъ ребенкомъ. Мнѣ не хотѣлось спать, такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ. Я былъ сильно возбужденъ и не считалъ возможнымъ заснуть. Однако, я заснулъ крѣпко и видѣлъ ужасный сонъ. Я видѣлъ, что сижу на скалѣ феи, Гильда подлѣ меня и обвиняетъ мою шею руками. Вокругъ всего рифа кольцомъ кишѣли страшные трупы, не подпускавшіе къ нему. Вдругъ я увидалъ Рауля въ голубомъ яликѣ, подвѣшавшаго къ этому кольцу. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы переплыть черезъ кругъ и добраться до меня. Я хотѣлъ протянуть ему руки и ободрить его, но въ эту минуту моя подруга обняла меня еще крѣпче и я не могъ пошевеливаться. Я видѣлъ, какъ водоворотъ поглотилъ Рауля и его лодочку, а жестокая фея шептала мнѣ на ухо: «Операция произведена, твое сердце не станетъ отвлекаться, и ты на вѣки принадлежишь мнѣ».

Я внезапно проснулся. Было около четырехъ часовъ утра, восходящее солнце освѣщало нашу комнату косыми лучами; проводя рукой по моему горячему лбу, я приподнялся и взглянулъ на постель моего сына. Она была пуста!

Кровь бросилась мнѣ въ голову и въ глазахъ потемнѣло, невыразимая боль сжала мое сердце. Я выбѣжалъ изъ дому безъ шляпы и бросился искать несчастнаго. Я не сомнѣвался, онъ отправился къ «Котлу». Онъ будетъ пытаться проникнуть туда, чтобы сдѣлать удовольствіе этой женщины-демону, которая обманываетъ его. О! какъ я проклиналъ ее, эту вѣроломную сирену, такъ заколдовавшую его своими чарами, что онъ забылъ, что, рискуя своею жизнью, онъ рискуетъ жизнью своего отца, которая сдѣлала изъ моего добраго, преданнаго, любящаго Рауля—отчаяннаго эгоиста, фанатика любви.

На улицахъ маленькаго городка никого не было, только нѣсколько окрестныхъ поселенъ медленно и лѣниво ѣхали и съ удивленіемъ смотрѣли на меня, бѣжавшаго съ растерянными видомъ и съ открытой головой. Въ нѣсколько минутъ, задыхаясь и дрожа отъ волненія, я достигъ того мѣста, откуда мы съ Раулемъ первый разъ наблюдали «Котель». Рауль былъ у скалы; какимъ-то чудомъ онъ въ цѣлости добрался туда и прежде чѣмъ взойти на «Табуретъ феи», привязывая маленькій голубой яликъ Гильды. Черезъ нѣсколько секундъ я видѣлъ его уже на скалѣ и видѣлъ, что онъ склонился надъ бассейномъ и внимательно туда смотрѣлъ. Я видѣлъ, какъ онъ вдругъ въ ужасѣ отшатнулся и прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ онъ настолько оправился, чтобы собраться съ мужествомъ и еще разъ посмотреть туда. Но должно быть онъ вдругъ вспомнилъ, за-

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА К. ДЕФРЕГЕРА

Первые яблоки.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИЦЫ ДІАНЫ КОМАНСЪ.

ПРАЗДНИКЪ ЦВѢТОВЪ ВЪ ПОМПЕИ.

чѣмъ пріѣхалъ, потому что снялъ сюртукъ, засучилъ рукава и сталъ искать руками на днѣ; онъ вѣроятно трогалъ и шевелилъ лежавшій тамъ трупъ, волосы котораго должны были касаться его лица, такъ какъ для того, чтобы достичь дна руками, онъ долженъ былъ очень низко наклоняться. Наконецъ, онъ поднялся застывшій, измокшій, огорченный, потому что ничего не нашелъ,—можетъ быть въ эту минуту онъ понялъ, что эта женщина солгала ему. Онъ пріѣхалъ на минуту. Я смотрѣлъ съ берега, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, полускрытый деревьями, опасаясь крикнуть или сдѣлать какой-нибудь жестъ, чтобы онъ не потерялъ нужнаго для возвращенія хладнокровія.

Когда, отказываясь, повидимому отъ без-
полезныхъ поисковъ, онъ рѣшился, наконецъ, сѣсть въ лодку, я упалъ на колѣни и горячо молился, чтобы мой сынъ вернулся цѣлъ и невредимъ. Я говорилъ въ молитвѣ, что думаю, что былъ хорошимъ отцомъ для этого юноши, что всѣмъ пожертвовалъ, чтобы дать ему счастье, что сдѣлалъ изъ него честнаго человѣка. Я обвинялъ себя, что мало заботился о его религіозныхъ вѣрованіяхъ, но что постараюсь пополнить этотъ пробѣлъ, если только онъ останется живъ. Я молился, какъ человѣкъ, который видитъ смерть передъ глазами и мысленно переживаетъ всю свою жизнь, сравнивая, что онъ могъ и что онъ долженъ былъ сдѣлать. Вѣдь дѣло шло о моемъ сынѣ, части меня самого. Но молитва моя не была услышана. Я ви-

дѣлъ, какъ яликъ перевернулся, видѣлъ, какъ Рауль приподнялся, протягивая руки къ берегу, и затѣмъ все исчезло. Я упалъ.

Я очнулся въ хижинѣ рыбака. Онъ видѣлъ, какъ мой сынъ садился въ яликъ Гильды, и сначала не обратилъ на это вниманія, хотя былъ нѣсколько удивленъ ранней прогулкой, но онъ очень часто видѣлъ ихъ обоихъ вмѣстѣ или порознь на рѣкѣ, и только тогда испугался, когда увидалъ, что Рауль проникъ въ «Котель». Но уже было поздно, чтобы помѣшать. Когда я упалъ, онъ подаль мнѣ первую помощь и затѣмъ перевезъ въ свою хижину. У меня сдѣлалось воспаление мозга и я чуть не умеръ.

«Котель» отдалъ останки моего сына черезъ нѣсколько дней. Мои друзья, которыми телеграфировали, что случилось, похоронили его. Я узналъ эти подробности много позднѣе.

Съ тѣхъ поръ прошло двадцать пять лѣтъ, я уже старикъ и быстрыми шагами приближаюсь къ концу моей жизни. Мое самолюбіе жалуется къ концу моей жизни. Мое самолюбіе нѣсколько не пострадаетъ, если я сознаюсь, что первые пять лѣтъ послѣ гибели моего сына я провелъ въ домѣ сумасшедшихъ. Когда я поправился и принялся за рисунокъ, я долженъ былъ убѣдиться, что изъ моей блестящей карьеры художника у меня осталось только воспоминаніе и немного прежней славы. Я сталъ рисовать только посредственности. Чувство прекраснаго меня покинуло, идеализмъ мнѣ былъ смѣшонъ, и я съ жаромъ обратился къ реалистической школѣ,

которая начинала процвѣтать. Нѣсколько лѣтъ сряду я рисовалъ только трупы и искалъ своихъ моделей по клиникамъ и въ моргахъ. Но и этотъ жанръ надоѣлъ мнѣ, и я принялся за пейзажъ. Тогда у меня явилось сильное желаніе еще разъ посѣтить долину Моталы и написать этотъ разсказъ.

Я думалъ, что мое горе, если не утихло совсѣмъ, то достаточно притупилось временемъ и моею долгою психическою болѣзью, но при видѣ этой долины оно проснулось еще острѣе, еще больнѣе.

Все на мѣстѣ, и красивая долина, и вѣроломная рѣка, и замокъ Шарлоттенбургъ,—на существуетъ только «Котель». Послѣ роковой гибели моего сына, власти приказали утихомирить бѣшеную собаку, какъ Гильда называла «Котель». Подъ русло рѣки прорыли мину, и нѣсколько патроновъ динамита безслѣдно истребили «Котель» и «Бассейнъ феи».

А Гильда? А старый баронъ? И они исчезли.

Сосѣди разсказываютъ, что на другой день послѣ взрыва мины, со двора замка вышла на глухо закрытая, со снушенными шторами, старая дорожная карета барона съ запаконными чемоданами.

Черезъ нѣсколько времени слуги получили увѣдомленіе, что замокъ проданъ. Старый управляющій со всѣми разсчитался, но не могъ дать никакихъ объясненій, самъ онъ получилъ это извѣстіе отъ банкира Гаммартельмовъ, изъ Парижа.

К о н е ц ъ.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

— О нѣтъ, я почти увѣрена въ противномъ, но моя дорогая племянница нѣсколько мечтательна. Года полтора тому назадъ, въ Чикаго, ея святая мать была еще жива, у Джэна завязался небольшой романъ сердца съ однимъ изъ вашихъ соотечественниковъ, которому мой братъ очень широко раскрылъ двери своего дома. Результатомъ всего этого было, что когда ея мать умерла, Джэнь вообразила себя невѣстой этого молодого человѣка, хотя мой братъ никогда не давалъ имъ своего согласія. Такъ что теперь она протестуетъ, хотя и слабо противъ выбора другого мужа.

— Между вашими соотечественниками рѣдко найдутся дѣвушки, у которыхъ не было бы раньше какого-нибудь флирта, это не имѣетъ никакого значенія. Но какъ побѣдить ея сопротивленіе?

— Я придумала! Тѣмъ болѣе, что хотя мой братъ и не согласится на бракъ, о которомъ мечтаетъ его дочь, скорѣе изъ вѣрности данному слову, чѣмъ изъ любви... но въ то-же время, онъ ее насильно не выдастъ замужъ.

— Что-же вы придумали?

— Употребить хитрость, чтобы миссъ Гаррисъ убѣдилась, что ея предполагаемый женихъ не вѣренъ ей, а его увѣрить, что Джэнь забыла его въ чадѣ удовольствій. Затѣмъ прекратить, или перехватить ихъ переписку.

— А! Они переписываются?

— Я опасуюсь и хотѣла-бы убѣдиться въ этомъ. Тутъ собственно мнѣ нужна ваша помощь.

— Моя помощь? Какимъ образомъ?

— У моей племянницы есть компаньонка, ея бывшая учительница, еще довольно молодая особа и которая ей очень предана. Она не станетъ давать ей дурныхъ совѣтовъ, но весьма возможно, что моя племянница получитъ письма на ея имя. Въ домъ однако на имя госпожи Мари Бренъ не приходитъ писемъ изъ Америки, и потому я полагаю, что они получаютъ или до востребованія, или на имя ея родственницы, госпожи Моренъ, и что Джэнь такимъ образомъ имѣетъ извѣстія отъ господина Марселя Рено.

— А! его зовутъ Марсель Рено?

— Ахъ, я проговорила, но не жалѣю, я вамъ вполне доверяю.

— Вы правы, у насъ одна цѣль.

Миссисъ Дерсонъ на этотъ разъ дѣйствительно проговорила и слова графини успокоили ее.

— Я не могу слѣдить за m-ле Бренъ и моей племянницей, не могу поручить этого кому-нибудь изъ нашей прислуги, онъ легко могутъ узнать. Мнѣ нуженъ для этого ловкій, привычный человѣкъ. У васъ въ Парижѣ вѣроятно существуютъ подходящіе агенты, какъ у насъ въ Америкѣ.

— Конечно. Мнѣ помнится даже, что мой мужъ какъ-то говорилъ о подобномъ агентствѣ... Сегодня вечеромъ или завтра утромъ я разузнаю все.

— Значитъ одно дѣло кончено. Другое нѣсколько сложнѣе.

— Что такое?

— Мнѣ-бы хотѣлось, то есть намъ-бы хотѣлось напечатать во французскихъ газетахъ объявленіе.. новость...

— Очень просто! Идите въ редакцію, отдайте ваше объявленіе и его напечатаютъ по определенной цѣнѣ.

— Да, но только пужо, чтобы эта новость появилась исключительно въ газетахъ, которыя получаютъ въ Чикаго, но не въ Европѣ.

— Это мнѣ кажется довольно трудно. Прежде всего нужно знать, какіе французскіе журналы получаютъ въ Чикаго.

— Я узнаю это. Черезъ сутки мы получимъ отвѣтъ.

Въ эту минуту лакей доложилъ о приходѣ барона Пьерра де-Марга.

— Какъ кстати! Онъ сообщитъ намъ нужныя свѣдѣнія, — сказала графиня. — Миссисъ Дерсонъ, сестра милліонера господина Гарриса, на дочери котораго я хочу женить вашего родственника де-Саллерна. Миссисъ Дерсонъ пужна въкоторыя свѣдѣнія, которыя я полагаю, вы можете сообщить ей.

Отецъ Армана вѣжливо поклонился и сказалъ, что онъ къ ихъ услугамъ.

— Госпожа Дерсонъ хотѣла-бы прослѣдить за одной особой, узнать, куда она ходитъ,—продолжала графиня, — вы, кажется, знаете людей, которые занимаются этимъ?

— Конечно. Шарль Романъ, нашъ сотоварищъ, тамъ... Онъ очень ловкій малый, первоклассный сыщикъ.

— Гдѣ его контора?—спросила тетка Пальмира.

— Банковская улица, 14; по лучше если онъ къ вамъ самъ придетъ. Если хотите, я вамъ его припущу.

— Я вамъ буду очень благодарна. Пусть

онъ придетъ завтра утромъ, около десяти часовъ. Я живу въ квартирѣ моего брата, мистера Гарриса, авеню Елисейскихъ полей, 158.

Баронъ Пьерръ вынулъ записную книжку и, записывая адресъ, переспросилъ:

— Мистеръ?..

— Мистеръ Джо Максимъ Гаррисъ,—медленно продиктовала квекерша.

Баронъ де-Марга вздрогнулъ и задумался. Полагая, что ея собесѣдникъ плохо ее раз- слышалъ, американка съ любезною улыбкою отчетливо повторила:

— Джо Максимъ Гаррисъ, изъ Чикаго.

— Превосходно!

И совершенно оправившись, баронъ записалъ адресъ и спряталъ записную книжку въ карманъ.

— Но это еще не все,—сказала графиня,— есть у васъ связи въ журналахъ?

— Мало. Я не занимаюсь политикой, я предоставилъ ее Арману.

— Къ сожалѣнію, онъ не серьезенъ.

— Не серьезенъ? Если вы этимъ хотите сказать, что онъ не благоразуменъ, то вы ошибаетесь,—онъ превосходно проведетъ какое вамъ угодно дѣло.

— Если такъ, скажите ему, чтобы онъ зашелъ ко мнѣ завтра, въ одиннадцать часовъ. Госпожа Дерсонъ желаетъ узнать нѣкоторыя вещи. Она будетъ здѣсь къ этому часу. Удобно вамъ?

— Совершенно, я не знаю какъ благодарить васъ,—сказала сестра Гарриса, прощаясь.

— И намъ пора,—сказалъ Марга графиня, — а то мы опоздаемъ.

— Что васъ такъ поразило въ адресъ, который вамъ диктовала госпожа Дерсонъ? Вы почти не хотѣли его записывать?

— Меня поразило не адресъ, а имя ея брата.

— Что-же тутъ страннаго?

— Можетъ быть ничего. Странная только встрѣча.

— Я не понимаю.

— Хозяйина игорнаго дома въ Сентъ-Франциско, который меня ранилъ, звали Джо Максимъ Гаррисъ.

— И вы думаете, что это одно и то-же лицо?

— Я ничего не думаю. Вѣдь тридцать лѣтъ прошло.

— А если это онъ? Все возможно.

— Тогда я сдержу данную мною тогда клятву и отомщу.

— Какія глупости! Я хочу женить Роберта на его дочери. Вы, вѣдь, не хотите лишиться вашего родственника этихъ милліоновъ.

— А васъ... удовольствія по добротѣ душевной сдѣлать счастье другого. Сколько принесетъ тебѣ это дѣло, милѣйшая Генриетта?

— Не ваше дѣло!

— Если вашъ Гаррисъ и мой—два разныхъ лица, я буду очень радъ, если де-Саллернъ сдѣлается его зятемъ и позолотитъ такимъ образомъ свой гербъ; если же мой Гаррисъ и вашъ составляютъ одно и то же лицо, я еще болѣе буду радъ, когда Робертъ женится на его дочери. Я вполнѣ увѣренъ, что въ рукахъ нашего юнаго принца депешки Гарриса попляшутъ. А разъ Робертъ мой родственникъ, онъ такимъ образомъ косвенно отомститъ за меня.

— Прекрасно! Не помѣшайте только этому браку.

— Ни въ какомъ случаѣ. А въ настоящую минуту я къ вашимъ услугамъ, графиня.

Слѣдующій день миссъ Дерсонъ могла назвать вполнѣ удачнымъ днемъ. Прежде всего она отправила въ Чикаго телеграмму съ вопросомъ, какіе французскіе журналы и газеты тамъ получаются. Затѣмъ занялась небольшою литературной работой, и еще не кончила, когда ей доложили, что какой-то господинъ Ромэнъ желаетъ ее видѣть.

— Просите,—приказала она.

Черезъ нѣсколько минутъ квекерша любезно указывала на кресло одному изъ вашихъ старыхъ знакомцевъ изъ Эльдорадо. Ромэнъ вернулся по Францію съ порядочнымъ капиталомъ и отыскалъ графа и барона, сохранившихъ о немъ самыя лучшія воспоминанія, особенно баронъ, за которымъ онъ съ преданностью ухаживалъ во время болѣзни. А когда Шарль Ромэнъ, слѣдуя своимъ вкусамъ вѣстаго сыщика, сдѣлался собственникомъ подходящаго агентства, они сказывали другъ другу взаимныя услуги,—оба дворянина спасали Ромэна отъ любопытныхъ глазъ префектуры, а онъ доставлялъ имъ различныя свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ лицахъ. Миссъ Дерсонъ коротко и ясно объяснила ему, что ей было нужно,—она не любила затягивать дѣло, — что ей нужно прослѣдить за одной молодой женщиной, гдѣ она получаетъ свои письма. Если же она не находитъ ни въ какомъ почтовомъ отдѣленіи, то узнать, не приходило-ли въ послѣднее время писемъ изъ Америки на имя госпожи Морэнъ и добиться отъ швейцара, конечно за плату, чтобы онъ сохранилъ письма и передалъ ихъ не раньше, какъ мѣсяца черезъ два.

— Все это сущіе пустяки, — сказалъ Ромэнъ,—черезъ недѣлю вы получите всѣ требуемыя свѣдѣнія. Но я не знаю этой дамы въ лицо.

— Фотографіи вамъ достаточно?

— Вполнѣ.

— Кстати, на фотографіи, которую я вамъ покажу, изображена и другая дѣвушка, часто вмѣстѣ съ нею гуляющая.—И тетка Пальмира подала агенту портретъ Мари и Джэпъ, снятыхъ вмѣстѣ подъ руку. Вы должны слѣдить за той, которая постарше, другая моя племянница.

— Очень хорошо,—сказалъ агентъ, внимательно вглядываясь въ фотографію. Другихъ порученій не будетъ?—спросилъ онъ, вставая.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Почеркъ и характеръ.

Графологія, какъ и физиономія, представляетъ собою нѣчто среднее между наукой и такъ называемымъ искусствомъ. Этимъ вопросомъ, какъ мы уже упоминали, въ прошломъ номерѣ нашего журнала, занялся недавно знаменитый Ламбозо. Въ графологіи такъ же, какъ и въ физиономикѣ, есть своя доля шарлатанства. Иной солидный человѣкъ, по всей вѣроятности, улыбнется при одномъ этомъ словѣ: «графологія». Несмотря на то, если отнестись къ дѣлу безъ предубѣжденія, легко усмотрѣть, что и графологія заключаетъ въ себѣ запасъ цѣнныхъ наблюденій, относящихся къ проявленію человѣческаго характера въ письмѣ, и такихъ, которыми можетъ прекрасно воспользоваться наука. Нельзя не признать того факта, что существуетъ множество индивидуальныхъ оттѣнковъ почерка у людей, учившихся писать по однимъ и тѣмъ же прописямъ. Почеркъ измѣняется съ годами и зависитъ отъ настроенія духа и состоянія здоровья. Почеркъ имѣетъ свою

физиономію и производитъ на насъ впечатлѣніе независимо отъ требованій каллиграфіи. Онъ намъ нравится или не нравится, и мы никогда не можемъ отнестись къ нему совершенно безразлично. Механизмъ письма есть продуктъ нервнаго возбужденія, выражающагося въ сокращеніи мускуловъ. Всѣмъ извѣстно, что радость и горе почти всегда проявляются какими нибудь движеніями. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тѣ же чувства выражаются въ движеніяхъ пера, которое передаетъ такимъ образомъ настроеніе человѣка. Наблюденія, какъ нельзя болѣе, подтверждаютъ эту мысль, и въ этомъ отношеніи графологія можетъ оказать болѣе услуги физиологической психологіи.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что почеркъ человѣка можетъ быть болѣе вѣрнымъ отраженіемъ состоянія его души, чѣмъ всѣ другія вѣншія проявленія. Когда человѣкъ говоритъ, онъ, болѣею частью, позируетъ и не можетъ отвѣчаться отъ намѣреннаго желанія произвести извѣстное впечатлѣніе. Когда человѣкъ пишетъ, то онъ издаетъ съ собою; въ движеніяхъ, которыми онъ производитъ перомъ по бумагѣ, могутъ, слѣдовательно, проявиться со всѣми оттѣнками особенностей его мышленія, чувства, воли и характера. Эти движенія такъ же характеристичны, какъ слова и жесты, постоянно наблюдаемые у отдѣльных личностей. Эта аналогія между движеніями пера и жестами приводитъ насъ къ нѣкоторой классификаціи и тѣхъ, и другихъ.

Изъ числа движеній, относящихся къ мимикѣ, можно выбрать нѣкоторыя, такъ сказать, основныя, входящія въ составъ всѣхъ другихъ; различныя сочетанія этихъ основныхъ движеній имѣютъ свою особенность; ихъ легко отличить одно отъ другого и раздѣлить на группы. Въ отношеніи энергіи слѣдуетъ различать движенія нерѣшительныя и рѣшительныя; по отношенію скорости медленныя, живыя, порывистыя, ускоренныя, замедленныя, по направленію—восходящія, центробѣжныя, нисходящія, центробѣжныя; по формѣ—округленныя, граціозныя, угловатыя, грубыя; по частотѣ—многочисленныя, частыя, рѣдкія; по занимаемому пространству—распространенныя, короткія; по отношенію непрерывности—связныя и раздѣльныя.

Сочетаніе и безконечное разнообразіе всѣхъ этихъ свойствъ со всѣми ихъ оттѣнками сознательно или безсознательно проявляются во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка. Всѣ индивидуальныя особенности въ сложности сводятся къ различнымъ видамъ или выраженіямъ воли, мышленія, чувства и темперамента, разумѣя подъ именемъ послѣдняго все, что нельзя строго отнести къ дѣятельности ума, чувства и воли и то, что, можетъ быть, болѣе всего опредѣляетъ и характеризуетъ личность. Мы перечислимъ главныя особенности, присущія темпераменту;—альтруизмъ или эгоизмъ, великодушіе или скупость, откровенность или скрытность, экспансивность или сосредоточенность, избытокъ воображенія или его отсутствіе, веселость или скупость, мягкость или жесткость, грація или вульгарность, эстетическое чувство или его отсутствіе, простота или надменность.

Принявъ такую классификацію свойствъ, Герикуръ, одинъ изъ главныхъ изслѣдователей по графологіи, утверждаетъ, что эгоисту во всемъ и вездѣ свойственны движенія центробѣжныя, что человѣкъ веселый пишетъ размашисто, что мягкій человѣкъ пишетъ кругло и т. д. Вообще признаютъ, что энергіей движенія обуславливаются штрихи отчетливые, рѣзкіе, тогда какъ всякая нерѣшительность выражается неопредѣленными линіями. Замѣчено также, что люди здоровые, для которыхъ трудъ служитъ только возбужденіемъ жизненной дѣятельности, пишутъ всѣ такъ, что строчки у нихъ идутъ къверху, у слабыхъ, наоборотъ, къ низу. У нѣкоторыхъ строчки поднимаются и опускаются. Эгоистъ, движенія котораго вообще отличаются центробѣжностью, обыкновенно заканчиваетъ слова крючками. Герикуръ вообще утверждаетъ, что въ окончаніяхъ замѣчаются черты, характеризующія упорность, упорство и тому подобныя свойства темперамента. Люди, отличающіеся отъ природы чувствомъ изящнаго, инстинктивно избѣ-

гаютъ въ письмѣ рѣзкихъ и угловатыхъ штриховъ. Артисты пишутъ, болѣею частью, красиво; въ почеркѣ ихъ замѣчается искусное сочетаніе прямыхъ и правильныхъ кривыхъ линий. Люди, склонные къ правильному логическому мышленію, почти всегда связываютъ обыкновенно одно движеніе съ другимъ и въ ихъ почеркѣ предыдущая буква всегда соединяется съ послѣдующей болѣе или менѣе длинной чертой. Случается также, что они связываютъ между собою даже отдѣльные слова. Такова манера писать у всѣхъ математиковъ и философовъ. Поэты же и изобрѣтатели, напротивъ, у которыхъ мысль возникаетъ вдругъ, непосредственно, обыкновенно не связываютъ буквъ между собою. Автографы великихъ поэтовъ Мюссе, Виктора Гюго вполне подтверждаютъ это общее замѣчаніе. Автографъ Тьера представляетъ собою нечто среднее между почеркомъ математика и поэта. Наблюденія такого рода приводятъ Герикюра къ заключенію, что поэты и изобрѣтатели доходятъ до своихъ идей не обыкновеннымъ путемъ логическимъ, но озаряются ими внезапно. Замѣчено также, что человѣкъ мыслящій пишетъ отчетливо, не дѣлая никакихъ лишнихъ штриховъ, его почеркъ напоминаетъ собою простую, искреннюю рѣчь правдиваго человѣка. Можно сказать, честный человѣкъ пишетъ ровно; шарлатанъ же, напротивъ, выдаетъ себя вычурнымъ почеркомъ.

Мы приводимъ эти результаты наблюденій, потому что читателю самому нерѣдко представляется возможность проверить ихъ на практикѣ. Графологія, конечно, не можетъ намъ доставить полное знаніе характера и, конечно, паивно было бы думать, что можно узнать характеръ человѣка во всѣхъ его подробностяхъ изъ одного почерка; въ этомъ наивномъ ожиданіи и заключается отнѣнокъ шарлатанства. При всемъ томъ несомнѣнно, что графологія можетъ принести большую пользу изученію характера человѣка; въ почеркѣ именно проявляется то безсознательное, которому современная философія приписываетъ такое большое значеніе. Изслѣдуя различныя сочетанія чертъ, служащихъ выраженіемъ элементарныхъ свойствъ характера, можно разяснить себѣ происхожденіе многого непонятнаго въ человѣческомъ характерѣ. Напримѣръ, опытные графологи утверждаютъ, что такъ называемая щекотливость характера есть результатъ сочетанія гордости съ большою чувствительностью, что чванство происходитъ отъ соединенія гордости съ вульгарностью, что жестокость обуславливается сочетаніемъ чувствительности и проявленіемъ энергической воли, что вспыльчивость вполне совмѣстима съ мягкостью, когда она соединена съ сильной волей и съ живымъ воображеніемъ, что стремленіе къ воровству есть плодъ эгоизма и лицемерія и т. д. и т. д. Въ послѣднее время графологіей стали часто пользоваться при діагностикѣ различныхъ болѣзней. Наблюденія показали, что при болѣзняхъ центральной нервной системы, когда все дѣло ограничивается поврежденіемъ органовъ передачи раздраженія или движенія, почеркъ измѣняется только въ томъ отношеніи, что лишается своей отчетливости, вамъ кажется, что человѣкъ пишетъ дрожащей нервной рукой и въ письмѣ является много лишнихъ штриховъ, сдѣланныхъ невольно. Но когда поражены психомоторные центры, когда существуетъ болѣзнь самаго мозга, то вмѣстѣ съ безпорядкомъ мыслей является безобразный уродливый почеркъ, который имѣетъ отношеніе къ формѣ болѣзни; такимъ образомъ, при общемъ параличѣ, который въ первоначальномъ періодѣ отличается сильнымъ развитіемъ самолюбія и самомнѣнія, больной, еще сохраняя разсудокъ, начинаетъ употреблять неумѣстно заглавные буквы и его рукопись получаетъ какой-то странный видъ. Многіе убійцы, почеркъ которыхъ отличался этою особенностью, были признаны сумасшедшими. Эти послѣднія наблюденія ясно показываютъ, что графологія имѣетъ свою будущность. Поэтому наблюденія въ этой области, даже тѣ, которыя доступны всѣмъ и каждому, могутъ принести пользу человечеству.

Мы познакомили читателя съ теоретической графологіей въ томъ видѣ, въ которомъ она является въ новѣйшихъ работахъ, главнымъ образомъ, у Герикюра, теперь мы скажемъ

пару словъ о сочиненіи судившагося недавно съ Ламброзо Крепье-Жамэна, относящемся къ области практической графологіи. Авторъ этого сочиненія ученикъ извѣстнаго графолога аббата Мишона; въ своемъ трудѣ онъ собралъ все, что сдѣлано по этой части у нѣмцевъ, у которыхъ графологія сдѣлалась предметомъ серьезнаго изученія, въ то время какъ во Франціи ею занимались только для препровожденія времени. Шинландъ изъ Вѣны и ученикъ его Лангенбрухъ дали графологіи новое научное направленіе. Происхожденіемъ же своимъ она обязана французамъ. Лафатеръ первый подаль мысли о возможности изученія характера по почерку. Крепье-Жамэнъ сожалеетъ, что во Франціи въ настоящее время такъ мало охотниковъ заниматься графологіей. Въ сочиненіи этого автора нѣтъ ни тѣни шарлатанства и нѣтъ также ничего таинственнаго. Въ этомъ сочиненіи собрано много цѣнныхъ наблюденій, но объясненія отличаются иногда большою наивно-стью. Большой интересъ представляютъ его классификаціи почерковъ, которую ему удалось проверить на опытѣ. Онъ различаетъ почеркъ гармоническій, и негармоническій, восходящій и нисходящій, прямолінейный и извилистый, крупный и мелкій, вертикальный и наклонный, круглый и угловатый, отчетливый и неотчетливый, размашистый и сжатый, простой и вычурный и т. д. Далѣе онъ говоритъ о сочетаніяхъ этихъ элементарныхъ свойствъ почерка и значеніи ихъ для эмпирической науки объ изученіи характера.

Вообще можно сказать, что графологія въ рукахъ Крепье-Жамэна совершенно перестаетъ быть своего рода колдовствомъ, но является искусствомъ, какимъ была фizioномика до Граціоля и Дарвина, превратившихъ искусство въ науку.

О. Лоринъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

По дорогѣ въ Царское Село. Съ картины профессора Ю. Клевера.

Великолѣпное живописное положеніе Царскаго Села, съ его чудной растительностью, само напрашивается на картину. Вѣковыя липовыя аллеи, веселыя березовыя рощицы, гладкія зеркала небольшихъ прудовъ, разросшихся здѣсь и тамъ—все это придаетъ окрестности Царскаго Села поэтическую, тихую красоту. Нѣжная и мягкая кисть нашего извѣстнаго пейзажиста профессора Ю. Ю. Клевера воспроизвела на настоящей картинѣ всѣ тонкіе оттѣнки, всю мечтательную прелесть нашей сѣверной природы. Бодрой свѣжестью, затаенной крѣпкой силой и могучимъ невыразимымъ покоемъ вѣетъ отъ этого русскаго красиваго, яснаго пейзажа.

За работой. Съ картины художника Г. Стахевича.

Въ жаркій лѣтній день молодая прачка развѣшиваетъ только что выстиранное бѣлье для просушки. Ея маленький сынчикъ сидитъ на сонышкѣ, на самомъ припекѣ воздѣ и весело играетъ какими-то Мальчугану привольно и весело на свѣжей травѣ и его ничуть не смущаетъ его невнятная нагота, пока сохнетъ на солнышкѣ вымытая матерья его рубашенка... «Ишь, ты сидитъ, словно ангельчикъ!»—думаетъ, усмѣхалась, молодая мать и оглядывается на своего любимца. А онъ невозмутимо продолжаетъ забавляться своими нехитрыми игрушками.

Алхимикъ. Съ картины художника О. Фрейхирта Лютцова (Выставка картинъ русскихъ художниковъ въ Императорской Академіи наукъ 1896 года).

Эта интересная, тщательно отдѣланная и выписанная картина молодого и талантливаго художника, сразу переноситъ насъ въ средневѣковую эпоху, когда пылкая мысль человѣка сидѣла въ прощелку въ тайны природы. Алхиміей занимались и знатные люди, и духовенство, даже герцоги и короли пытались найти средства, какъ дѣлать золото. Иные ученые хотѣли получить жизненный эликсиръ, другіе думали только объ одномъ золотѣ, но и тѣ, и другіе не достигли успѣха. На нашей картинѣ—алхимикъ, въ длинномъ одѣяніи средневѣковаго ученаго, сидитъ за козлами и другими приборами, гдѣ кипятъ, растворяются и возникаютъ разныя эссенціи и смѣси. Огромные фляжки, раскрытыя на извѣстномъ мѣстѣ, не умѣстились на столѣ и положены на полъ.

По стѣнамъ чучела звѣрей, птицъ и рыбъ. Рядомъ съ книгами видны глобусъ. Алхимикъ слѣдитъ съ горячимъ вниманіемъ за процессомъ соединенія различныхъ таинственныхъ жидкостей. «Можетъ, сегодня!—думаетъ безумецъ, увлеченный мечтами.—Можетъ, сегодня я получу изъ этого сплава золото!»

Непріятное сосѣдство. Съ картины художника К. Троста.

Что за комическая и въѣдъ съ тѣмъ жуткая сценка разыгрывается въ этой западнѣ для волка, вырытой предумышленнымъ охотникомъ. «Сѣрый» то попалъ въ западню, но случайно еще свалился туда другая добыча, которую охотникъ навѣрное и не ожидалъ. Деревенская женщина, набравъ грибовъ, шла себѣ безпечно по лѣсу. Вдругъ—бухъ!—она полетѣла въ волчью яму. Только-что успѣла несчастная осмотрѣться, да оправиться, глядь—около, словно двѣ свѣчки, горятъ волчьи глаза, да слышатся рычаніе. Близко сѣрый разбойникъ и чуетъ смѣхъ человѣка, и броситься не смѣетъ: больно ужъ самъ оробѣлъ. А женщина вся такъ и застыла отъ ужаса, уставясь на непріятнаго сосѣда. Въ эту минуту подошелъ и охотникъ, и заглядываетъ въ западню, и дивится. «Вотъ такъ добыча! Ждалъ одного волка, а тутъ еще и женщина сидитъ. Какъ это тебя угораздило, голубушка!..»

Трудный вопросъ. Съ картины художника Е. Дейля.

«Лѣтній полдень полнонь гревъ;
Ароматъ плыветъ въ аллею...
Трудный слышится вопросъ:—
—Будешь-ли мнѣю?..»

«Любишь? Любишь, или нѣтъ?
Вздохи, вздохи и молчанье—
И потомъ, ему въ отвѣтъ—
Тихое признанье»...

Первые яблоки. Съ картины художника Ф. Дефрегера.

Не обмань, но свѣжъ и вкусенъ завтракъ этой молодой компании на картинѣ Дефрегера. Сочная груша сама просится въ ротъ, особенно въ жаркій полдень, когда пересохло все горло. Дѣти слѣдятъ жадными глазами за старшей сестрой, которая чиститъ для нихъ плоды. Младшій уже получалъ въ свое владѣніе очищенную вкусную грушу и собирается приступить къ завтраку. Теперь очередь другого мальчугана. Старшій братъ настолько уже опытенъ и ловокъ, что чиститъ себѣ грушу самъ. Такая, милая сценка эта прекрасно передана талантливымъ иностранцемъ жанристомъ, произведенія котораго не разъ появлялись на страницахъ «Живописнаго Обозрѣнія».

Праздникъ цвѣтовъ въ Помпѣ. Съ картины художницы Діаны Команесъ.

Мы—въ древнемъ мірѣ... Богатая шумная Помпея справляетъ ежегодный праздникъ цвѣтовъ—«флоралию», въ честь богини цвѣтовъ Флоры. Всюду—зелень, цвѣты, куренья, статуи богини... Двѣ помпеянки глядятъ съ балкона своего богатаго дома на шумную толпу и бросаютъ цвѣты изобраннымъ своего сердца. Чудную картину представляютъ улицы... Увеличательныя заведенія закрываются за отсутствіемъ посѣтителей; опустѣли и дворцы богатѣй, и жилищны бѣдняковъ. Шумными толпами стекаются и знатные и простолюдины къ мѣсту гоговащагося сегодня зрѣлища. Въ честь Флоры всѣ здавія украсились гирляндами, цвѣтами и другими атрибутами богини. Въ храмѣ изображенія боговъ выставлены въ пронаѣ (наружная часть храма) подъ охраной многочисленныхъ жрецовъ и жрицъ. Женщины и дѣвушки съ розами въ черныхъ косахъ, мужчины въ своихъ праздничныхъ нарядахъ со свѣжими вѣнками на головахъ, густой толпой остановились на площади въ ожиданіи процессіи, которая чрезъ украшенный по случаю праздника форумъ и валабрумъ направится къ цирку. На углахъ и перекресткахъ улицъ устроены возвышенія, откуда желающіе за небольшую плату могутъ любоваться процессіей. Окона, стѣны и крыши домовъ усыпаны любопытными, большинство-же толпится въ безпорядкѣ по улицамъ. Въ толпѣ немало учащейся молодежи. Учащіеся распушены на всѣ праздники. Многіе школьники забрались на деревья, колонны, капитали и карнизы зданій, а нѣкоторые даже усѣлись верхомъ на паши статуи, стоящихъ вдоль форума. Жадно смотрятъ молодые дѣлушки на эту оживленную картину.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Съ Высочайшаго разрѣшенія, лицамъ, принимавшимъ ближайшее участіе въ работахъ по приготовленію и по устройству торжества Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, были выданы особые коронаціонные знаки, на бантъ изъ ленты государственныхъ цвѣтовъ, для ношенія на лѣвой сторонѣ груди въ теченіе всего періода коронаціонныхъ торжествъ.

Принимая во вниманіе, что подобныя же знаки, выданные въ 1883 году чинамъ коронаціонной коммисіи, съ Высочайшаго разрѣшенія были сохранены, но безъ ленты, на послѣдующее послѣ коронаціи время, министр Императорскаго Двора всеподданнѣе испрашивалъ Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на предоставленіе и нынѣ всѣмъ, поименованнымъ въ представляемомъ спискѣ чинамъ, удостоившимся получить коронаціонные знаки, права ношенія таковыхъ по окончаніи торжества Священнаго Коронованія, безъ банта, на груди съ лѣвой стороны, какъ драгоцѣннѣйшее воспоминаніе о тѣхъ высокихъ обязанностяхъ, которыя они имѣли счастье выполнить при настоящемъ событіи.

Государь Императоръ, 26-го мая 1896 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Австро-Венгрія.—Государь Императоръ соизволилъ подарить буда-пештскому національному музею саблю Георгія Ракоци, которая была привезена на время на пештскую выставку изъ с.-петербургскаго Эрмитажа. Эта сабля досталась русскимъ войскамъ во время венгерской кампаніи 1848 года. Венгерскія дамы поднесли историческое оружіе въ подарокъ генералу Бему, и когда послѣдній со своимъ отрядомъ былъ взятъ русской арміей въ плѣнъ, то и драгоцѣнная сабля попала въ руки побѣдителямъ. Какъ военный трофей, саблю отправили въ придворный арсеналъ. Секретарь буда-пештской выставки, докторъ Шендрей, помѣстилъ ее въ списокъ предметовъ, достойныхъ украшать выставку. Венгерскій министръ торговли обратился къ посредничеству графа Голуховскаго, дабы послѣдній уговорилъ русское правительство уступить саблю на время празднованія тыся-

челѣтія Венгріи. Просьба была уважена, и драгоцѣнное оружіе изъ Петербурга отослали въ Буда-Пештъ съ условіемъ возврата къ 1-му августа. Въ упомянутый срокъ уже были сдѣланы всѣ распоряженія для отправки сабли къ мѣсту назначенія, какъ получилось радостное извѣстіе о Высочайшей милости Государя Императора.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ СО ДНЯ КОНЧИНЫ.

Адмиралъ И. О. Крузенштернъ.

(Скончался 12 августа 1846 г.).

— Царскій подарокъ вызвалъ въ австрійской печати радостное чувство. Газеты встрѣчаютъ этотъ актъ великодушія Государя Императора сочувственными заявленіями, указывая также на его политическое значеніе. «Pester Lloyd» пишетъ: «Пренеполненный глубокаго уваженія къ громаднмъ успѣхамъ Россіи и вполне признавая мирный характеръ тѣхъ изъ ея вышнихъ стремленій, которыя особенно въ последнее время по дѣламъ Востока гармонически согласуются съ консервативнымъ существомъ политики Австро-Венгріи—венгерскій народъ питаетъ сердечныя чувства къ рыцарской особѣ молодого Царя, который уже далъ такъ много доказательствъ своего великодушія и миролюбія. Какъ залогъ нашихъ дружественныхъ отношеній къ Царю и русскому народу, подарокъ этотъ у насъ

будетъ оцѣненъ съ тѣмъ большею благодарностью, что въ немъ выражается высокое мнѣніе объ историческомъ развитіи Венгріи и ея положеніи въ монархіи и въ европейской народной жизни.

Черногорія.—Объявлено о помолвкѣ итальянскаго наслѣднаго принца съ черногорской княжной Еленой. Въ соборѣ въ Цетиньѣ былъ отслуженъ молебенъ. Высоконареченные были предметомъ восторженныхъ овацій, городъ былъ украшенъ итальянскими и черногорскими флагами, а вечеромъ иллюминированъ. Принцъ Неаполитанскій получилъ большой крестъ ордена Даніила и фамильный орденъ династіи Петровича.

Италія.—Король обратился къ министру-президенту маркизу ди-Рудини съ порученіемъ извѣстить совѣтъ министровъ объ объявленной въ Цетиньѣ помолвкѣ принца Неаполитанскаго съ принцессою Еленою Черногорскою. Ди-Рудини, сообщивъ префектамъ провинцій объ этомъ счастливомъ событіи, которое послужитъ обильнымъ источникомъ благосостоянія для королевской фамиліи и Италіи, передалъ имъ желаніе короля, чтобы городскія управленія воздержались отъ празднествъ, могущихъ обременить общественныя кассы. Время бракосочетанія высокихъ помолвленныхъ будетъ назначено впоследствии; на свадьбѣ будутъ присутствовать только члены обонхъ семействъ.

— Итальянское правительство уполномочило генерала Валлеса вести переговоры съ негусомъ Менеликомъ какъ о выдачѣ военнопленныхъ, такъ и о заключеніи мира на условіяхъ одинаково благопріятныхъ для обонхъ договаривающихся сторонъ. Сообщающая это важное извѣстіе, телеграмма римскаго «Агентства Стефани» прибавляетъ, что полномочія генералу Валлесу были даны еще въ прошломъ мартѣ по предложенію генерала Балдиссера, но это вовсе не измѣняетъ того факта, что генералъ Валлесъ былъ утвержденъ правительствомъ въ званіи чрезвычайнаго посла, отправленнаго къ негусу, только послѣ прибытія въ Римъ изъ Абиссиніи нашего соотечественника г. Леонтьева и почти тотчасъ влѣдъ за свиданіемъ послѣдняго съ маркизомъ ди-Рудини. Остается по прежнему болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что именно появленіе въ Римѣ русскаго путешественника вы-

звало рѣшимость итальянскаго правительства къ означеннымъ мѣрамъ.

Болгарія. — На дняхъ въ годовщину послѣдняго шипкинскаго боя общество бывшихъ ополченцевъ праздновало свой годовой праздникъ. Въ соборѣ, въ Софіи, отслужены заупокойная литургія и панихида по Царѣ-Освободителѣ и павшимъ воинамъ. Служилъ епископъ Θεодосій соборне. Присутствовали: единственный наличный представитель кабинета министръ Маджаровъ, ополченцы въ ополченскихъ мундирахъ со знаменемъ и множество народа. Затѣмъ ополченцы съ военной музыкой церемониальнымъ маршемъ прошли по улицамъ и отправились справлять свой ежегодный банкетъ.

Китай. — Россія и Германія получили разрѣшеніе открыть банки въ Пекинѣ для сдѣлокъ китайскаго правительства. Одновременно проектируется императорскій китайскій банкъ подъ американскимъ управленіемъ. Высшее государственное учрежденіе Китая — Тзунгъ-ли-Ямень (министерство иностранныхъ дѣлъ) постановило измѣнить теперешній порядокъ богдыханскихъ аудіенцій. Согласно совѣтамъ Великобританіи, Россіи, Германіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ устраиваются послѣднія мелочи богдыханскаго чрезвычайнаго величія, несовѣстимыя съ достоинствомъ европейскихъ державъ.

Японія. — Последнее возстаніе на о. Формозѣ вызвано, какъ официально выяснено, наспліями, хищничествомъ и взяточничествомъ мелкаго японскаго чиновничества, поставленнаго въ соприкосновеніе съ туземцами. Правительство рѣшило подвергнуть виновныхъ безпощадному судебному преслѣдованію. На Формозѣ учрежденъ особый судъ разбора дѣлъ, соприкасающихся съ возстаніемъ. Японія создаетъ на Пескадорскихъ островахъ сильную морскую станцію, предназначенную для защиты береговъ Формозы, которые соединяются подводнымъ кабелемъ съ Японіей.

Трансваальская республика. — Президентъ Трансваальской республики объявилъ корреспонденту «Агентства Рейтера», что всѣ тревожные слухи о какихъ-то враждебныхъ Англіи намѣреніяхъ Трансвааля — чистѣйшій вымыселъ. Г. Крюгеръ полагаетъ, что слухи эти распространены людьми, которымъ невыгодно, что Англія и Трансвааль не вступятъ въ войну. Войны между этими двумя государствами — заявилъ Крюгеръ — никогда не будетъ. Слѣдуетъ секретарь Лейдсъ тоже заявилъ, что вышеупомянутые слухи лишены всякаго основанія, прибавивъ, что правительство Трансвааля старается дѣйствовать въ согласіи со всеми партіями.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ 200 верстахъ отъ Читы, въ ачинской степи впервые производится въ настоящее время подвижной сборъ забайкальскихъ войскъ. Читинскій отрядъ, состоящій изъ гарнизонныхъ троичко-савскаго, верхнеудинскаго и читинскаго маневрируетъ противъ гарнизоновъ нерчинскаго, сѣвѣнскаго, шелоупинскаго и нерчинско-заводскаго. Общее столкновеніе отрядовъ было на рѣкѣ Ононъ близъ Цугальскаго дацана. Буряты съ радушіемъ и вниманіемъ къ войскамъ всюду стараются выказать преданность и любовь къ Бѣлому Царю.

— На дняхъ отправился въ большое путешествіе г. министръ путей сообщенія князь М. П. Хилковъ. Министръ проѣдетъ черезъ всю Сибирь до Владивостока, осматривая по пути сооруженія великой сибирской желѣзной дороги. Во Владивостокѣ князь Хилковъ пересядетъ на русское военное судно, на которомъ отправится въ Токагаму въ Японію. Если же во Владивостокѣ окажется русское военное судно, отправляющееся прямо въ Саль-Франциско въ Америкѣ, то министръ предпочтетъ его, и тогда уже не заѣдетъ въ Японію.

— Финляндскій генералъ-губернаторъ графъ Гейденъ сдѣлалъ общее распоряженіе, чтобы всѣ мѣстныя правительственныя и общественыя учрежденія, при сношеніяхъ съ русскими властями, снабжали свои бумаги на шведскомъ языкѣ точнымъ переводомъ ихъ на русскій.

— Русское астрономическое общество рѣшило напечатать всѣ отчеты по наблюденію послѣдняго солнечнаго затмѣнія отдѣльною книгою, для чего совѣтъ общества вошелъ въ соглашеніе съ пулковскою обсерваторіей по вопросу о томъ, не признасть ли обсерваторія полезнымъ для дѣла общественное изданіе всего полученнаго матеріала.

— Кирилло-мелодіевское братство признало необходимымъ открыть вновь 120 церковно-приходскихъ школъ, на содержаніе которыхъ потребуется 50,000 рублей, а на开办 17,500 рублей. Кроме того, предложено открыть 13 двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ для подготовленія учителей въ школы грамоты.

— Харьковское городское дума ходатайствовала передъ академіею художествъ объ учрежденіи въ Харьковѣ школы изящныхъ искусствъ, при чемъ представила на усмотрѣніе академіи проектъ устава школы и смѣту расходовъ на ея содержаніе въ 40,600 руб. въ годъ.

— На археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ 10-го августа, при громадномъ стеченіи публики Вирховъ прочиталъ докладъ о древнѣйшемъ населеніи Лифляндіи, каковымъ ученый считаетъ финновъ. Профессоръ Будиловичъ закончилъ свой интересный докладъ о положеніи славянской археологіи въ Венгріи предложеніемъ снаряжать туда археологическія экспедиціи.

— Генералъ-лейтенантъ князь Дмитрій Алексѣевичъ Лобановъ-Ростовскій передалъ въ Александровское убѣжище увѣчныхъ вояновъ 2,500 рублей, для учрежденія на эту сумму стипендіи имени покойнаго отца его, генералъ-адъютанта князя Алексѣя Яковлевича Лобанова-Ростовскаго, служившаго и сподвижникомъ въ царствованіе Императора Николая I.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

11-го августа въ красносельской церкви совершена торжественная литургія протопресвитеромъ военнаго и морского духовенства Желобовскимъ съ мѣстнымъ духовенствомъ. Пѣлъ соединенный хоръ юнкеровъ военныхъ училищъ. Въ церкви молились Ихъ Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Феодоровна, Ихъ Императорскія Высочества Великій князь Владиміръ Александровичъ, Великая Княгиня Марія Павловна и другія Высочія особы.

— 11 августа Ихъ Величества посѣтили красносельскій военный госпиталь. Ихъ Ве-

личества встрѣтили окружной военно-медицинскій инспекторъ т. с. Энгофъ, помощникъ его т. с. Шевкъ, корпусный врачъ т. с. Фовелль, главный врачъ госпиталя Николаевскій, старшій ординаторъ и весь врачебный персоналъ. Передъ Ихъ Величествами прибыли въ госпиталь Великій Князь Главнокомандующій съ Августѣйшею супругою, военный министръ ген.-адъют. Вавновскій, начальникъ штаба войскъ гвардіи и округа ген.-лейт. Бобриковъ и красносельскій комендантъ ген. баронъ Врангель. Ихъ Величества посѣтили больныхъ офицерскаго отдѣленія трудными болѣзнями, въ I и II корпускахъ, а также тифозныхъ и хирургическихъ больныхъ.

— Ежегодный преображенскій праздникъ былъ особенно блестящъ и оживленъ въ этомъ году. Ихъ Величества прибыли на торжество въ 12 часовъ. Государь былъ въ преображенскомъ мундирѣ и Андреевской лентѣ. Принявъ рапортъ отъ командующаго парадомъ, Его Величество въ сопровожденіи Великихъ Князей и свиты пошелъ по фронту войскъ и здоровался. Музыка играла походъ, знамена салютовали и затѣмъ вслѣдъ за отвѣтнымъ кликомъ войскъ, по всей линіи раздались звуки «Боже, Царя храни». По обходѣ войскъ Государемъ, знамена отнесены къ алаямъ и началось молебствіе, въ концѣ котораго протоіакопъ возгласилъ многолѣтіе, затѣмъ вѣчную память императорамъ шефамъ полка Петру I, Петру II, Петру III, Павлу I, Александру I, Николаю I, Александру II, Александру III, императрицамъ Екатерины I, Анны Іоанновны, Елисаветѣ Петровнѣ, Екатеринѣ II и воинамъ, живымъ своимъ на брани положившимъ, и многолѣтіе русскому христіанскому побѣдоносному воинству.

— Командиръ 15-го стрѣлковаго его высочества князя Черногогорскаго Николая I полка получилъ слѣдующую телеграмму отъ своего шефа: «Извѣщаю васъ о помолвкѣ моей дочери княжны Елены съ наследнымъ принцемъ итальянскимъ. Увѣренъ, что вы и мой доблестный полкъ примете участіе въ моей радости. Николай». Полкомъ отправлена его высочеству слѣдующая отвѣтная телеграмма: «15-й стрѣлковый полкъ имени вашего высочества счастливъ разделить радость своего августѣйшаго шефа по случаю помолвки ея высочества княжны Елены съ наследнымъ принцемъ итальянскимъ. Почтительнѣйше повергаю вашему высочеству и августѣйшей невѣстѣ всепреданныя поздравленія и самыя горячія пожеланія. Командиръ полка полковникъ Холшевниковъ».

— Ея Императорское Высочество принцесса Евгения Максимиліановна Ольденбургская и Ея Высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій изволили принять званіе почетныхъ членовъ с.-петербургскаго комитета общества Краснаго Креста оказанія помощи увѣчнымъ воинамъ и ихъ семействамъ.

— 8-го авг. въ засѣданіи петербургской больничной коммисіи возникъ вопросъ о выборѣ мѣста для постройки дѣтской больницы въ память Священнаго Царствованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Послѣ долгихъ преній, выборъ мѣста порученъ совѣту старшихъ врачей городскихъ больницъ. Дума ассигновала на постройку этой больницы 200,000 руб.

— Въ вѣдѣніе постоянной коммисіи по техническому образованію переходить съ предстоящаго года двѣ новыя школы приходскаго попечительства при фарфоровской

Преображенской церкви: вечерніе воскресные классы—мужскіе и женскіе, для взрослых рабочих и дѣтей.

КЪ ПОРТРЕТУ.

И. О. Крузенштернъ.

(Пятидесятилѣтіе со дня смерти 1846 г.—12-го авг.—1896 г.).

12-го августа исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти извѣстнаго русскаго путешественника и дѣятеля по развитію русской морской торговли Ивана Федоровича Крузенштерна. И. О. Крузенштернъ родомъ изъ Эстляндіи—сначала вовсе и не думалъ о дѣятельности моряка, но потомъ попалъ въ морскую корпусъ, временно находившійся тогда въ Кронштадтѣ. Службу свою И. О. началъ на фрегатѣ «Мстиславъ», гдѣ хорошо узналъ и горячо полюбилъ морскую службу. Въ 1790 году Крузенштернъ былъ произведенъ въ лейтенанты за то, что участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и въ блокадѣ шведскаго флота подъ Выборгомъ. Молодой морякъ много мечталъ о путешествіяхъ, объ открытіи новыхъ морскихъ путей, и мечты его сбылись:—онъ былъ командированъ за границу для образовательной службы въ англійскомъ флотѣ. Зѣвъ совершилъ путешествія въ Сѣверной Америкѣ, былъ на Барбадосѣ, въ Суринамѣ, на Бермудскихъ островахъ. Въ это время онъ и составилъ планъ развитія русской морской заграничной торговли—задумалъ открыть путь нашимъ кораблямъ въ Остъ-Индію и Китай. Развивая свою мысль, онъ посѣтилъ мысъ Доброй Надежды, Мадрасъ, Калькутту, Кантонъ... Въ 1799 году, вернувшись въ Россію, онъ представилъ свой планъ морскому министерству, гдѣ, однако, ему не скоро дали ходъ. Только въ 1802 г. два корабля: «Надежда» и «Нева» отправились, согласно плану И. О., въ кругосвѣтное путешествіе. Путешествіе окончилось въ 1806 году и выяснило всю выгоду торговаго морского пути вокругъ мыса Горна и мыса Доброй Надежды. Въ то время на дальнемъ Востока и по берегамъ сѣверо-западной Америки русско-американская компанія промышленниковъ вела обширную торговлю пушнымъ товаромъ. Везти товары вокругъ мыса Горна или доставлять ихъ изъ сборнаго пункта—Охотска въ Кантонъ моремъ, а оттуда моремъ-же, вокругъ мыса Доброй Надежды, въ Европу—это излѣбленіе пути представляло огромную важность. Крузенштернъ описалъ свое путешествіе въ особомъ ученомъ трудѣ, прославившемъ его имя во всей Европѣ. Въ 1811 г. И. О. былъ назначенъ инспекторомъ морского кадетскаго корпуса. Неустанно трудясь надъ разъясненіемъ и обработкой своего плана И. О., во время полученнаго отпуска, составилъ свой знаменитый атласъ Южнаго моря съ обширными гидрографическими замѣтками. Затѣмъ, съ 1827 до 1842 года И. О. Крузенштернъ занималъ постъ директора морского кадетскаго корпуса. Въ 1873 году благодарное отечество открыло знаменитому мореплавателю памятникъ на деньги, собранныя по подпискѣ. Памятникъ находится на берегу Невы на Васильевскомъ островѣ противъ кадетскаго морского корпуса.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Сочиненіе Н. А. Добролюбова. Т. IV. Изд. 5. О. Н. Поповъ. Ц. за 4 тома—7 руб.

Этотъ послѣдній томъ сочиненій нашего знаменитаго критика вышелъ въ изданіи О. Н. Поповой. очень интереснымъ. Въ немъ помѣщены пьесы извѣстнаго, такъ популярнаго въ свое время «Синетика», Псевдо-дана Н. А. Добролюбова «Конрадъ Лилиенштернъ» извѣстнаго, пожалуй, не менѣе другаго псевдонима трехъ поэтовъ «Кузьма Прутковъ». Пародія и посланія, заключающіяся въ этомъ отдѣлѣ, интересны и до сихъ поръ. Далѣе помѣщены лирическія стихотворенія Добролюбова, выказавшія въ немъ большой поэтический талантъ. Между прочимъ, выдается извѣстное: «Пускай умру—печаль мила». Кончается этотъ томъ двумя разсказами «Доносъ» и «Дѣвцы». Затѣмъ идутъ

прибавленія:—Библиографическій указатель книгъ и статей о Добролюбовѣ; псевдонимы Н. А. Добролюбова; шутовское письмо и посланіе Добролюбова къ С. П. Галахову. Изъ серьезныхъ лирическихъ стихотвореній многія вошедшія въ этотъ томъ не были напечатаны въ «Современникѣ».

Новый способъ нахожденія общаго наибольшаго дѣлителя. Сост. А. А. Р. Ц. 40 к.

Въ этой брошюркѣ составитель даетъ намъ только первую часть своего труда—«Числа». Новый способъ нахожденія общаго наибольшаго дѣлителя даетъ признаки дѣлимости на любые числа и функции.

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ.

И. В. Гурко.—12 августа исполнилось пятидесятилѣтіе служенія въ офицерскихъ чинахъ члена государственнаго совѣта, генералъ-адъютанта, ген.-фельдмаршала Іосифа Владиміровича Гурко.

— М. С. Лалаевъ. 12-го августа закончилось полустолѣтіе служебной дѣятельности состоящаго при главномъ управленіи военно-учебными заведеніями генерала отъ артиллеріи М. С. Лалаева, извѣстнаго педагога и военнаго писателя-историка.

— А. В. Эллисъ. 12 августа, исполнилось пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности въ офицерскихъ чинахъ коменданта с.-петербургской Петропавловской крѣпости генерала-отъ-инфантеріи А. В. Эллиса.

— А. А. Савурскій. 12-го августа исполнилось пятидесятилѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ члена конференціи Николаевской инженерной академіи, редактора «Инженернаго Журнала», генералъ-лейтенанта Александра Александровича Савурскаго.

— Г. В. Мещериновъ. 10-го августа, исполнилось 50 лѣтъ служенія въ офицерскихъ чинахъ командующаго войсками казанскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта, генералъ-отъ-инфантеріи Григорія Васильевича Мещеринова.

— С. И. Львовскій.—9-го августа исполнилось пятьдесятъ лѣтъ служенія начальника с.-петербургскаго таможеннаго округа С. И. Львовскаго.

— К. К. Сентъ-Илеръ. 1-го сентября исполнится сорокъ лѣтъ педагогической дѣятельности директора с.-петербургскаго учительскаго института К. К. Сентъ-Илера.

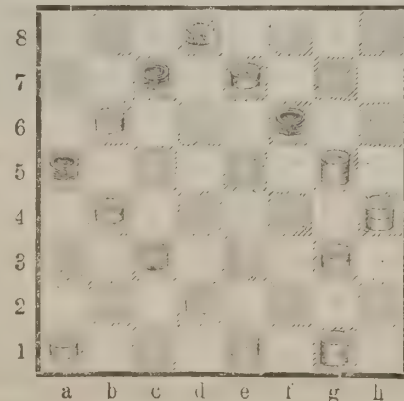
ШАШКИ.

Подъ редакціею В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 22.

А. С. Егорова (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку.

РѢШЕНІЯ ШАШЕЧНЫХЪ ЗАДАЧЪ.

№ 15. Шошина. 1. e3—g5, e5—f4; 2. g5:e3, f4—g5; 3. b2:f6; 3. e3:h6, h8:g1 (h8:a1; 4. c1—b2; 5. e1—d2; 6. d2—e3; 7. h6—e3 и 8. a5—e1); 4. e1—f2; 5. c1—d2; 6. d2—e3; 7. a5—e3 8. h6—c1. 1... e5—d4; 2. g5:e7; 3. b2:f6; 4. c1—d2; 5. e1—d2; 6. a5—c3 и 7. c3—e1.

№ 16. Савельева. 1. f2—d4; 2. d4—c3; 3. b6—a5; 4. f6:d8; 5. d8:c1; 6. a5—b4 и 7. h8—b2.

№ 17. Шевальева. 1. c7—d8, a5:c7; 2. d8:b6; 3. h2—g1; 4. a3—b4; 5. c3:e1; 6. g1—d4; 7. c1—b2 и 8. e1:c3. 1... e5:c7; 2. h2—g1; 3. a3—b4; 4. c3:e1; 5. d8—c7; 6. g1—d4 и т. д.

№ 18. Навола. 1. c5—b6, a5:c7; 2. g1—h2; 3. h4:a5 и 4. a5:e1. 1... g5:e7; 2. h4:d8; 3. d8:a5; 4. f2—h4 и 5. h4:e1 или a5:e1.

Рѣшили: К. Подольскій, Е. Ф. Андреевъ (Спб.), А. А. Савельевъ (ст. Сѣвская, Архан. губ.), П. И. Холодовъ (Курскъ) и П. М. Нѣмовъ (Москва)—все; И. В. Петровъ (Вострома)—№№ 16, 17 и 18; И. И. Мосоловъ (Спб.)—№№ 16 и 18; А. Г. Савельевъ (Спб.)—№ 18.

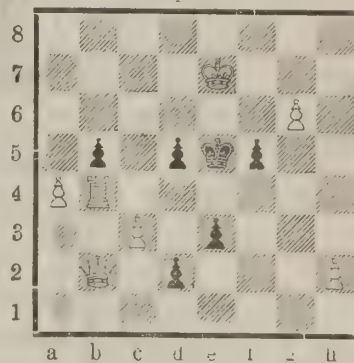
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 22.

А. Корриаса (въ Италіи).

Первый призъ на конкурсѣ „Piccolo Scacchista“.

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 3 хода.

На международномъ шахматномъ турнирѣ въ Нюрнбергѣ призы получили: 1-й Ласкеръ, 2-й Марочъ, 3-й и 4-й—раздѣлили Пильсбери и Таррашъ, 5-й—Яновскій, 6-й—Стейницъ, 7-й—раздѣлили Вальбротъ и Шлегель. Специальный призъ за лучшую игру съ призеромъ получилъ Блэкбернъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О солнечномъ затменіи. Возможность наблюдать солнце во время затменія представляетъ особую важность для астрономовъ, могущихъ тогда видѣть окружающее его кольцо, которое при полномъ солнечномъ блескѣ совершенно скрыто отъ нашихъ взоровъ. Священная оболочка, какъ будто содержащая вѣчный огонь, предназначенный освѣщать и согрѣвать нашу землю, составляетъ только часть раскаленной массы, представляющей какъ бы слой раскаленныхъ облаковъ, витающихъ въ атмосферѣ паровъ. Вокругъ этого свѣтящагося пространства находится слой горящаго газа—преимущественно водорода и гелія,—это море огня выбрасываетъ вверхъ свѣтовые снопы на сотню тысячъ миль высоты и со скоростью сотни миль въ секунду. Вокругъ всего этого находится солнечная корона (вѣнецъ), легкій и неуправляемый кругъ свѣта, ясный, сіяющій—вблизи солнечнаго диска. Но, къ несчастію, при солнечномъ свѣтѣ нельзя разсмотрѣть ни вѣнца, ни свѣтовыхъ сноповъ, ни яркаго слоя, изъ котораго они исходятъ. Обитатели луны, не окруженной воздушной атмосферой, могли бы видѣть сіяющее кольцо солнца, съ его высоко блестящими фонтанами блестящаго, сверкающаго различными красками газа. Кажущаяся завѣса облаковъ и воздуха скрываетъ это зрѣлище отъ насъ и при этихъ обстоятельствахъ, кольцо, окружающее солнце, можетъ быть наблюдаемо только во время затменія.

Въ годъ можетъ произойти отъ двухъ до пяти затменій, казалось бы, что существуетъ полная возможность наблюдать солнце сколько угодно. Но къ сожалѣнію, продолжительность полного затменія рѣдко превосходитъ четыре минуты, а въ этотъ короткий промежутокъ не очень много можно сдѣлать. Вычитано, что если бы какой нибудь астрономъ

могъ наблюдать всѣ затмѣнія въ теченіе тридцати лѣтъ, онъ употребилъ бы на это нѣсколько мѣсяцевъ времени. Но даже не существуетъ возможности наблюдать всѣ затмѣнія. Диаметръ лунной тѣни имѣетъ всего около сотни миль. Иногда она проходитъ надъ океаномъ, когда никакія наблюденія не могутъ быть произведены, никакіе фотографическіе снимки сдѣланы. Облачное, покрытое тучами небо также не позволяетъ дѣлать наблюденій.

Затмѣніе 28 іюля (9 августа) обѣщало быть благоприятнымъ для наблюденій. Оно должно было пройти по сѣвернымъ мѣстностямъ нашего полушарія и быть видимо въ Вадсо въ Норвегіи, въ Торнео, близъ Мальмбергста и Сескари на крайнемъ сѣверѣ Швеціи, на Новой землѣ, въ Орловскомъ (Приморской области въ Сибири) и наконецъ въ Японіи, на островѣ Іеддо. Въ Петербургѣ можно было видѣть только частное затмѣніе, да и того не пришлось наблюдать за пасмурной и

дождливой погодой. Астрономы различныхъ странъ отправились во всѣ названныя мѣстности, запасшись множествомъ всякихъ инструментовъ для производства наблюдений. Но многіе потерпѣли неудачу. По полученнымъ свѣдѣніямъ изъ Вадсо и Іеддо, тамъ никакихъ наблюденій, ни снимковъ нѣльзя было дѣлать вследствие совершенно пасмурной погоды. Можетъ быть досада на постигшую неудачу, громадная потеря времени, трудовъ, напрасная трата денегъ наведетъ астрономовъ на изобрѣтеніе способа наблюдать солнце, не ожидая его затмѣнія. Экспедиція, отправившаяся въ другія мѣстности, были счастливы. Въ Торнео находились наши астрономы Вучиковскій, Каульбарсъ, Ридзевскій и Сикора, они производили наблюденія и дѣлали фотографическіе снимки при вполне ясномъ небѣ. Также на Новой землѣ, куда отправилась экспедиція отъ казанскаго университета—астрономы Дубяго, Гольдгаммеръ, Красновъ и другая экспедиція изъ англійскихъ

астрономовъ, къ которымъ присоединился нашъ астрономъ Баклундъ, наблюденія были удачны. Въ Орловское была отправлена экспедиція отъ Пулковской обсерваторіи. Наблюденія, не смотря на нѣсколько облачное небо, были вполне удачны; сдѣлано много фотографическихъ снимковъ съ солнечной короны, сняты рисунки и наблюдались моменты виденныхъ прикосновеній краевъ луны и солнца. Благодаря облакамъ, солнце наблюдалось въ прогалинѣ между ними и простымъ глазомъ и въ трубу. Явленіе короны было отчетливо. Звѣзды первой величины свѣтили ярко.

Начальникъ экспедиціи: отправленной на островъ Сахалинъ для наблюденій за солнечнымъ затмѣніемъ, баронъ Майдель сообщаетъ что небо было облачно, но экспедиція все-же удалось сдѣлать два фотографическіе снимка короны и опредѣлить отклоненія магнитной стрѣлки.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

КОРОНАЦІОННЫЙ АЛЬБОМЪ

ВЪ ПАМЯТЬ
СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ
Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Предлагаемый „Коронаціонный альбомъ“ отпечатанъ въ большомъ форматѣ на роскошной бумагѣ, съ массою рисунковъ и вѣнзелей въ текстѣ и содержитъ въ себѣ историческіе очерки Св. Коронаванія Русскихъ царей, начиная съ древнихъ временъ и кончая подробнымъ описаніемъ очевидцевъ всѣхъ торжествъ и празднествъ только что состоявшаго Св. Коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Кроме того въ альбомѣ входятъ Высочайшіе акты, грамоты, слова и рѣчи, а также описанія историческихъ и современныхъ царскихъ регалій, дворцовъ, храмовъ, памятниковъ, мѣстностей, имѣвшихъ свое значеніе при Св. Коронаваніи.

Въ „Коронаціонномъ альбомѣ“ читатель встрѣтитъ цѣлый рядъ большихъ оригинальных и вѣрныхъ дѣйствительности художественно-выполненныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, изображающихъ всѣ выдающіеся моменты изъ торжествъ и процессій Священнаго Коронаванія, а также виды дворцовъ, соборовъ, монастырей, памятниковъ, мѣстностей и прѣреты къ историческимъ, такъ и современнымъ дѣятелямъ (духовнымъ и свѣтскимъ), принимавшимъ участіе въ церемоніи Св. Коронаванія Ихъ Величествъ, причемъ многіе рисунки отпечатаны цвѣтными красками.

ПРИ „КОРОНАЦІОННОМЪ АЛЬБОМѢ“
БЕЗПЛАТНО ПРИЛАГАЮТСЯ:

1) Портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ—Государя Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Федоровны въ коронаціонномъ облаченіи—коронахъ и порфирѣ, отпечатанные цвѣтными красками. 2) „Коронаціонный маршъ“ (для фортепiano), сочиненный П. Артемьевымъ.

Цѣна альбома—ДВА РУБЛЯ.

Въ изящной папкѣ—2 р. 50 к.
Въ переплетѣ англійскаго шагрена: изго. казенно-ра и съ золотымъ тисненіемъ цѣна 3 руб.
(съ пересылкою).

Съ требованіями просить обращаться исключительно въ контору журнала „Живописное Обозрѣніе“.

Спб., Невскій пр., у Анчикина м., д. 68-40.

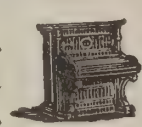
Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

КОНСУЭЛО.
(Consuelo).

Романъ Жоржъ-Зандъ, перев.

Лѣгнера, 460 стр.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Борманъ

Вознесенскій пр. 38.
ДЕПО РОЯЛЕЙ и
ПИАНО ЛУЧШ. ЗВѢЩ.
и загранич. фирмъ.
Продажа и прокатъ на
самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

„ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА“.

Романъ изъ жизни червонныхъ вылетовъ
Владимірова. Цѣна 1 рубль.

№ 2305—3

ВЫИГРЫШ

име 1, 2 и 3 займы продать

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, невискій, спб.

ГОТОВАЛНИ наивысшаго
достоинства завода Fochon & Lepade а
Paris отъ 1 р. 50 к. до 50 р. и другіе чер-
тежные инструменты предлагаются по фабри-
чнымъ цѣнамъ

Складъ: А. ПОЛЬНО.

Спб. Фонтанка, д. № 99. Иллюстрирован. каталогъ при высылкѣ 7 к. марками въ пересылку высылаются бесплатно.

Главное депо часовъ

Эд. Вурхардъ.

Спб., Гороховый ул., у
Краснаго моста, № 17.

2) по Невскому пр.

№ 6, прот. М. Морской.

Большой выборъ все-
возможныхъ часовъ
лучш. фабрикъ по си-
мѣ убр. дѣламъ

Никелевые... отъ 6 р. 50 к. до 15 р.
Серебряные (черные)... 10 р. — 20
Серебряные мужские и
дамскіе... 12 — 75
Золотые мужскіе... 50 — 500
Золотые дамскіе... 25 — 100
Регуляторы 2-хъ не-
дѣльных... 7 — 65
Будильники... 4 р. 50 к. — 25

Г. Иногороднимъ высылка наложеннымъ
платежемъ. Пр. и кур. — бесплатно
бесплатно. Карманные часы по суммѣ
до 10 р. высылаются почтой на счетъ
моего магазинъ. № 1229-16

Жирная пудра. 4711
Эссенція Рейн-свая фіалка. 4711
Эссенція Рейн-ская фіалка. 4711
Рейн-Букетъ. 4711
Хрустальное Розовое Мыло. 4711
Рейн-Букетъ. 4711

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ НОВ. АМЕРИК. КОНСТ. ИЗМ. П. ЗВОТН. № 10 СЛЕ

рояли и пиано америк. констр. со всѣми новѣйш. усоверш.,
перекрестными струнами, модераторомъ, туше-регуляторомъ,
двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч.
двойн. репетицією, пріятн. и сильн. тона.
Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и др.
Пиано „...“ 350 375, 425, 460, 500, 550, 600 и др.
Армоніано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантия
на нѣсколько лѣтъ № 2424

СИМФОНІОНЫ

Музыкальныя шкатулки съ пріятнѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ
возможность мѣнять по произволу пѣсни, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручной безъ нотъ... 5 —
Ноты по... 25 —
Заводной безъ нотъ... 10 —
Ноты по... 25 —
Заводной 60-тонный безъ нотъ... 28 —
Ноты по... 50 —
Заводной 84-тонный безъ нотъ... 40 —
Ноты по... 60 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie 70 —
Ноты по... 80 —
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie Piccolo 100 —
Ноты по... 1 —
НОВОСТЬ: Часы съ музыкой. Солидные часы,
разъ въ день заведенные, играютъ сами
черезъ каждый часъ выбранныя по про-
изволу пѣсни. Въ случаѣ желанія—играютъ,
когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Вогатый репертуаръ.
Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.
Списки пѣснь для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣхъ
инструментамъ бесплатно. № 805-34

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

№ 34 „Живописнаго Обозрѣнія“ состоитъ изъ 2 1/2 листовъ съ 9-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) „Еженедѣльная хроника“ № 34-й.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала „Домашняя Библіотека“:
НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. НА ТРИ мѣсяца 2 руб. Заграницу на годъ 16 р.
Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

ПРОДОЛЖАЯ помѣщать серію портретовъ и копій съ новыхъ картинъ молодыхъ русскихъ художниковъ, мы въ этомъ номерѣ „Живописнаго Обозрѣнія“ помѣщаемъ копію съ картины Николая Александровича Сергѣева — «Свѣтъ», находившейся на выставкѣ въ Императорской академіи наукъ нынѣшнюю весною, вызвавшей лестные отзывы печати, а также и портретъ самого художника, съ краткою его біографіею. Въ числѣ молодыхъ и талантливыхъ художниковъ-пейзажистовъ, обратившихъ на себя вниманіе публики, давно уже числятся Н. А. Сергѣевъ, родившійся въ Харьковѣ въ 1855 году. Образование получилъ онъ въ харьковской гимназіи. Въ Петербургъ Н. А. пріѣхалъ въ 1876 году и поступилъ ученикомъ въ мастерскую знаменитаго профессора Л. Ф. Лагоріо, подъ руководствомъ котораго и получилъ художественное образование. Въ первый разъ съ своими картинами выступилъ Н. А. Сергѣевъ на академической выставкѣ въ 1879 г., а затѣмъ и на слѣдующихъ выставкахъ съ большимъ успѣхомъ. Въ 1891 году Н. А. состоялъ въ числѣ учредителей «С.-Петербургскаго Общества русскихъ художниковъ». На выставкахъ этого общества молодой художникъ продолжаетъ выставлять и въ настоящее время свои произведенія, пользующіяся всегда заслуженнымъ успѣхомъ.

Н. А. СЕРГѢЕВЪ.

Н. А. Сергѣевъ — почетный вольный обществу академіи художествъ съ 1887 года. Еще въ 1886 году онъ получилъ большую поощрительную серебряную медаль за картины, выставкѣ которыхъ онъ участвовалъ въ 1889 году. Н. А. Сергѣеву былъ пожалованъ орденъ св. Станислава 3-й степени въ поощреніе полезной его дѣятельности на художественномъ поприщѣ. Въ 1879 г. обратили на себя вниманіе слѣдующія его произведенія: малороссійскій этюдъ «Водяная мельница», который былъ пріобрѣтенъ въ собственность Е. И. В. Великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ. Далѣе слѣдуютъ въ томъ же году: «Татарскій аулъ» и «Покинутая хата въ Малороссіи». Въ 1884 году появилась картина — «Заглохшая рѣчка». Въ 1885 году Н. А. закончилъ слѣдующія картины: «Пасѣка», «Веселый шумъ съ колесъ умокъ»... Сюжетъ для послѣдней картины взятъ изъ «Русалки», Пушкина. Съ 1886 по 1888 годъ Н. А. Сергѣевымъ были написаны выдающіяся картины: «Казачья слободка», «Напроселѣ», «У заливного луга», «Хутора», «Іюнь», «Іюль», «Августъ», «Сентябрь», «Въ концѣ сада», «Ночь наступила», «Элегія» (собственность Государыни Императрицы), «Тучка набѣжала» (собственность графа А. Д. Шереметева). Въ 1889 году появляются шесть новыхъ картинъ: «Изъ Мошногогорскаго парка», «Крыньетъ вѣтеръ», «Подъ горой», «Стень», «Звѣзды догораютъ», «Заливъ Днѣпра». За послѣдніе годы дѣятельность Н. А. Сергѣева значительно увеличилась. Въ особенности это замѣтно на выставкахъ, которыя устраивались въ разныхъ городахъ Россіи.

ВАСИЛЕКЪ.

Скромный, сплывъ василекъ! —
Онъ пугливо скрылся въ полосу,
Онъ прижалъ свой стебелекъ
Къ золотящемуся колосу...

* * *

Онъ снесетъ и вихрь, и дождь,
И краса его не сбѣяна —
Лишь съ рѣки да ближнихъ роцъ
Влажной сыростью обвѣяна.

* * *

Изъ колосевъ золотыхъ
Ленестки синѣютъ милые,
И летятъ-летятъ на нихъ
Мотыльки цвѣтисто-крылые.

Съ нивой синѣлоу — серпа
Ждетъ въ осеннее онъ времячко,
Но изъ тѣснаго снопа
Онъ уронитъ въ землю сбѣлячко;

* * *

Пролежитъ въ землѣ сырой,
Притаясь пугливымъ птенчикомъ,
И опять въ хлѣбахъ весной
Занестрѣтъ синимъ вѣнчикомъ!..

* * *

Не роскошенъ мой цвѣтокъ;
Вкругъ — не чищено, не полого...
Но зато мой василекъ
Потопуль въ живое золото'..

В. Лебедевъ.

ДИКІЙ ПАНЬ.

РАЗСКАЗЪ.

ГОДА ДВА тому назадъ удалось мнѣ
посѣтить товарища, жившаго въ имѣ-
ніи, въ стахъ въ двадцати отъ Днѣ-
провскихъ пороговъ.

Было лѣто, дни стояли чудные.

Приѣхалъ я къ нему ради охоты. Страст-
ный охотникъ, онъ давно уже соблазнялъ
меня ею, общая въ письмахъ нѣчто не-
обыкновенное. Дѣйствительно — охота оказа-
лась чудесной. Цѣлые дни проводили мы съ
нимъ въ степи то съ лягушками, то съ бор-
зыми. Время летѣло быстро; истекалъ съ
нимъ и срокъ моего отпуска. Последние дни
я посвятилъ осмотру окрестностей; было на
что посмотреть и чѣмъ полюбоваться! Что
можетъ быть лучше безконечной степи съ
ея ковылемъ и травами, съ мірадами птицъ
и звѣрей, глубокими балками и курганами,
съ синимъ небомъ, раскинувшимся надъ
нею! Сколько раздолья, жизни и впечатлѣ-
ній! Но лучшее — поѣздку къ Днѣпру и ни-
когда не виданнымъ еще порогамъ — я оста-
вилъ къ концу.

Товарищъ хотѣлъ ѣхать со мною, но какъ
разъ въ ночь на назначенный день у него
разболѣлись зубы, сбѣлалась мигрень, и онъ
остался дома. Я долженъ былъ ѣхать одинъ.

— Тамъ, у пороговъ, на правой сторонѣ,
есть интересныя развалины замка Потоц-
кихъ, — едва цѣдилъ сквозь зубы товарищъ,
выйдя на террасу проводить меня и дер-
жаась рукой за щеку. — Осмотри ихъ; при
нихъ есть нѣчто вродѣ сторожа, интел-
лигентный, расскажетъ... интересно. Толь-
ко не почуй — сумасшедшій. Днемъ онъ
ничего, а ночью находить, говорить, на
него... Перепугаетъ еще. Охъ, чортъ, эти
зубы!..

Я сбѣжалъ вернуться къ вечеру, простился

съ пріятелемъ, сѣлъ на лошадь и поскакалъ
по извѣстному мнѣ направленію.

Черезъ два часа я уже стоялъ на берего-
выхъ скалахъ и восхищался грандіозной
картиной. Громадная, синяя масса Днѣпра
беззвучно неслась на безчисленные, въ без-
порядкѣ торчавшія изъ воды скалы и съ
грохотомъ разбивалась о нихъ, скидывая
къ небу столбы сверкающихъ брызгъ и пы-
ли. Необозримое пространство воды пред-
ставляло изъ себя клокочущій адъ бѣлыхъ
буруновъ и пѣны. Гулъ и ревъ стояли не-
вообразимые. Сотни паровыхъ машинъ, по-
ставленныхъ вмѣстѣ, не въ силахъ воспроиз-
вести этого грохота. Вверхъ по синѣвшей лентѣ
Днѣпра тянулись лѣса, на югъ отходили
степи. Лѣвѣе меня, на небольшомъ холмѣ
возвышались величавыя развалины замка.

Постоявъ на берегу, я направился къ нимъ,
чтобы съ замковаго холма полюбоваться еще
разъ порогами. Въ одичавшемъ паркѣ я
разсѣлалъ лошадь, спуталъ ей ноги и пу-
стилъ на траву, а самъ поднялся на холмъ
и сталъ осматривать замокъ.

Одна изъ стѣнъ его лежала въ развали-
нахъ. Часть холма, съ ея стороны, была по-
крыта горами кирпича и мусора. Вмѣсто
дверей и оконъ зіяли мрачныя вырѣзы. Рядъ
комнатъ и залъ былъ обнаженъ упавшей
стѣною. Я вошелъ черезъ входъ въ боко-
вую, очевидно главную, залу. Потолка не
было. Кругомъ высились темныя отъ време-
ни стѣны; надъ ними и изъ вырѣзовъ верх-
нихъ оконъ сіяло яркое, голубое небо. Полъ
былъ устланъ обломками камней. Все дере-
вянное сгнило и исчезло; только камень ос-
тавило время.

Я пошелъ дальше, осторожно ступая меж-
ду камнями.

Ни звука, ни шороха.

Комната шла за комнатой. Въ нишахъ
одной сохранились на стѣнѣ силуэты порт-
ретовъ. Еще можно было различить цвѣта
красокъ и самыя изображенія дамъ и рыца-
рей. Долго стоялъ я передъ ними, сѣлаясь
угадать и воспроизвести черты лицъ ихъ.
Много думъ прошло въ головѣ въ тѣ мину-
ты! Здѣсь, въ этихъ залахъ, ходили эти дамы
и рыцари. Гремѣлъ полонезъ, двигались на-
рядныя пары, шумѣли пиры, лились вина,
объяснялись въ любви, страдали и волнова-
лись. И гдѣ это все, гдѣ эти люди? Старая
развалина всегда вызываетъ такіе думы.
Именно въ нихъ сознаешь особенно ярко,
что жизнь сонъ и мгновеніе, чувствуешь
вполнѣ свое безсиліе и ничтожество. Камни
и тѣ переживаютъ вѣка! Грустные мысли!..

Мѣстами, гдѣ были своды, потолки со-
хранились. Въ одномъ изъ угловъ подыма-
лась во второй этажъ желѣзная, винтовая
лѣстница. Я подошелъ къ ней, заглянулъ
вверхъ и вздрогнулъ отъ неожиданности.
Изъ полумрака отверстія на меня напря-
женно глядѣло чье-то бритое лицо съ горя-
щими, кошачьими глазами. Встрѣтъ я дикую
кошку или рысь, впечатлѣніе получилось бы
не болѣе.

Глаза нѣсколько секундъ смотрѣли на ме-
ня неподвижно. Наконецъ, лицо улыбнулось.
— Это вы, сударь! — проговорилъ старче-
скій голосъ и по лѣстницѣ спустился ко мнѣ
невыразный, худой старичекъ со впалой
грудью и страннымъ, лихорадочнымъ взгля-
домъ изжелто сѣрыхъ глазъ.

— А я слышу — кто это ходитъ! Позвольте
представиться: Петръ Петровичъ Онучинъ,
смотритель и управляющій замкомъ!

Я назвалъ себя.

«Какой управляющий?—подумать я въ то же время:—чѣмъ здѣсь управлять, когда все въ развалинахъ?»

Тутъ только я вспомнилъ слова друга, сказанныя мнѣ при прощаньи. Неприятное, стачасти опасливое чувство шевельнулось во мнѣ. Я вообще боюсь сумасшедшихъ.

— Очень пріятно-съ!—говорилъ помѣшанный.—Замокъ осмотрѣть пріѣхали? Дивное мѣсто-съ, многіе сюда ѣздятъ!.. Табакъ нюхаете?

И онъ открылъ бывшую въ его рукѣ табакерку и протянулъ мнѣ ее.

Я отказался.

— Просвѣжаетъ мозги-съ... Очень даже пріятно!

Старикъ забралъ щепотъ табаку и долго, съ наслажденіемъ нюхалъ ее.

— Это имѣніе графовъ Потопкиныхъ!—продолжалъ онъ, спрятавъ въ карманъ табакерку. Оно ужъ больше трехсотъ лѣтъ въ ихнемъ роду. Славный былъ замокъ когда-то; много повидалъ-съ! Пожалуйте за мной—покажу всѣ подробности.

Мы пошли по замку.

Старикъ не пропускалъ ни малѣйшаго закоулка; онъ зналъ все—кто и когда жилъ въ какой комнатѣ, гдѣ умеръ или родился тотъ или другой изъ владѣльцевъ.

Меня удивило, что онъ называлъ все имена графовъ, жившихъ отъ Владислава IV и до временъ Собѣскаго включительно.

Я спросилъ его о причинѣ этого.

— А не жили здѣсь послѣ владѣльцы!—отвѣтилъ старикъ.—Варшава соблазнила ихъ очень. Сюда наѣзжали только да и то рѣдко!

Въ одной изъ полуобрушенныхъ комнатъ нижняго этажа, во внутренней стѣнѣ, чернѣло отверстіе. Я подошелъ и заглянулъ въ него. Каменные ступени уходили внизъ. Пахнуло холодомъ и сыростью. Предо мной былъ ходъ въ подземелье.

— А туда можно?—спросилъ я своего спутника.—Не обрушились еще своды?

Старикъ какъ то странно взглянулъ на меня.

— Не ходите-съ,—сказалъ онъ.—Не ходите... не хорошо тамъ...

— Въ какомъ смыслѣ нехорошо?—спросилъ я.

— Такъ... Заблудиться можно... Лабиринтъ цѣлый съ. И костей много, упокойниковъ. Встарину всякое происходило!—по молчавши добавилъ онъ.

Странно и гулко звучали голоса наши въ безмолвномъ жилищѣ мертвыхъ.

— Что-же именно?—любопытствовалъ я.

— Тюрьмы тамъ были...—неохотно отвѣтилъ старикъ.—Пытали, голодомъ морили... Все было-съ! Иные скелеты и теперь на цѣпяхъ сидятъ.

Слова его раззадорили меня. Мнѣ страстно хотѣлось повидать подземелье.

— Нужны факелы, такъ нельзя-съ!—угрюмо отвѣтилъ старикъ на мою просьбу.—Осмотримъ сперва паркъ, потомъ ужъ туда пойдемъ!

Мы вышли на сохранившуюся террасу.

Чудный видъ, на Днѣпръ опять развернулся предо мною. Я долго не могъ оторвать глазъ отъ kloчущихся, бѣлыхъ пороговъ, ленты Днѣпра и необъятной степи, сливавшейся въ голубой дали съ небомъ. Старичекъ стоялъ возлѣ меня, прислонившись спиною къ одной изъ массивныхъ колоннъ террасы.

— А съ лунную ночь какъ здѣсь хорошо—

и передать нельзя!—проговорилъ онъ чуть слышно.

Съ выстланной плитамъ террасы мы спустились по разсѣвшимся ступенямъ широкой, каменной лѣстницы въ паркъ.

Видны были мѣста аллей, съ фонтанами по концамъ ихъ; кое гдѣ высились груды поросшихъ травой камней—когда-то прохладные гроты. Заросли кустовъ окружали ихъ. Сколько перевидѣли эти аллеи и гроты! Какія лица, костюмы! Сколько тайнъ знаютъ они!

Болѣе часу пробродилъ я, задумавшись, по многолѣтнему парку, забывъ совсѣмъ про своего спутника. Старичекъ молча и безпрекословно ходилъ за мной всюду. Къ плю дождя упавшая, мнѣ на лицо, возвратила меня къ дѣйствительности.

— Эге-съ! сказалъ старикъ, глядя наверхъ.

Огромная изсиня-черная грозовая туча закрывала полъ неба и быстро ползла впередъ, разростаясь все больше и больше.

Отыскавъ лошадь мы чуть не бѣгомъ бросились по одной изъ аллей и скоро очутились около замка. Едва мы успѣли войти въ него, какъ полилъ дождь.

Я взглянулъ на часы. Было два часа дня. О возвращеніи въ этотъ день домой нечего было и думать, такъ какъ дождь обещалъ превратиться въ ливень и бурю. По грудамъ камней, ведя за собой лошадь, добрались мы, наконецъ, до зала съ удѣлѣнными сводами и привязали тамъ моего гнѣдка.

— Придется заночевать здѣсь!—сказалъ я, глядя въ окно на дождь, барабанившій по вѣковымъ деревьямъ.

Старичекъ потеръ руки.

— Очень радъ-съ... Найдѣмъ мѣсто! Милости просимъ ко мнѣ!.. И онъ указалъ рукой на винтовую лѣстницу.

Я поднялся первый и очутился въ средне-вѣковой, бѣдно, но необыкновенно чисто убранной комнатѣ. Кругомъ были высокія темныя ниши, на колонны которыхъ опирались громадные своды потолка. Въ углу чернѣлъ огромный каминъ. Въ глубинѣ одной изъ нишъ стояла кровать; у окна былъ столъ, старый диванъ и нѣсколько тяжелыхъ стульевъ.

— Садитесь, пожалуйста! заговорилъ старичекъ, придвигая мнѣ стулъ.—Сейчасъ самоварчикъ-съ поставлю, закусимъ!

Голодь напомнилъ мнѣ, что въ торбѣ за сѣдомъ у меня была всякая сѣдобная всячина. Минутъ черезъ десять мы уже сидѣли за кипѣвшимъ самоваромъ и съ аппетитомъ закусывали.

— Вы что же—одинъ здѣсь живете?—спросилъ я старичка;—прислуги у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ-съ! Была да ушла! отвѣтилъ старикъ.—Не живутъ здѣсь, скучно-съ! Что дѣлать.

— Дѣйствительно, здѣсь, должно быть, скучно, замѣтилъ я.

— Лѣтомъ еще туда сюда, а зимой... Да, зимой... Зимой-съ плохо. Жутко!—добавилъ онъ, поежившись.

— Признаться, я не понимаю, зачѣмъ вы здѣсь живете? Присматривать за замкомъ можно было бы и переселившись хоть въ ближайшую деревеньку!

— Нельзя-съ! отвѣтилъ старикъ:—хотѣлось бы; да нельзя!

Онъ вздохнулъ.

— Такъ ужъ опредѣлено-ст!—онъ вздохнулъ опять и сталъ смотрѣть въ окно.

Несмотря на день, на дворѣ было темно, ливень хлесталъ въ стекла.

— Разведете огонекъ-съ?—сказалъ, наконецъ, старикъ.—Холодно что то!

И онъ всталъ и пошелъ къ камину. Скоро затрещалъ огонь и освѣтилъ мрачную комнату. Мы пересѣли поближе къ камину.

— Мнѣ говорили, что съ этимъ замкомъ связана какая то легенда,—прервалъ я молчаніе.—Не будете ли вы добры разсказать мнѣ ее?

Старичекъ вздрогнулъ и долго, пристально глядѣлъ на меня засвѣтившимися глазами.

— Легенда-съ...—повторилъ онъ измѣнившимся голосомъ.—Что въ ней хорошаго? Пустяки все!

— А все таки?

Старикъ вдругъ соскочилъ со своего мѣста и подбѣжалъ къ лѣстницѣ. Напряженно прислушавшись съ минуту къ чему то, онъ вернулся и опять сѣлъ около каминъ.

— Нѣтъ-съ никого!.. А я было думалъ...

Старикъ судорожно потеръ руки; судорога прошла и по лицу его.

— Такъ легенду вамъ разсказать?

— Если не затруднитъ васъ!

— Нѣтъ-съ, чѣмъ же, если хотите... Это

было давно, очень давно-съ, ровно сто семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Владѣльцемъ замка былъ тогда графъ Александръ. Замка этого онъ не любилъ. Жилъ всегда подъ Варшавой... Помните-съ, я вамъ показывалъ внизу комнатку... Еще колонны такія стоятъ въ пей?—Ну, такъ вѣтъ въ ней былъ зарѣзанъ отецъ его. Кѣмъ—такъ и не узнали тогда. Боялся графъ Александръ этого замка. Здѣсь жилъ управляющій его, панъ Владиславъ, такъ звали его по крещенію.

Хлопы звали его «дикій панъ»-съ. Ни семьи, никого у него не было. Къ сосѣдямъ не ѣздилъ, жизнь велъ замкнутую. Свирѣпый былъ человекъ. Сидитъ, бывало, пьяный—опъ съ утра ужъ бывалъ пьянъ—на террасѣ, смотритъ на Днѣпръ, а около него хлопцы порютъ-съ. Чуть не по немъ что—сейчасъ дратъ. Жестоко драли: ныне и не вѣдали потомъ. Что только не выдумывалъ онъ съ пьяныхъ глазъ—и сказать страшно: кошками провинившихся обдирали, головы обжигали, травили собаками... И все не насытенъ былъ-съ: крови мало было ему. И вотъ разъ, глядя на Днѣпръ, выдумалъ онъ потѣху себѣ: пришли хлопцы просить отворить имъ для Свѣтлаго праздника церковь, запечатанную жидами за педомки-съ. Велѣлъ онъ привести лодки, перевязали хлопцы и посадили ихъ въ эти лодки. Посадили, отвели на середину Днѣпра и пустили-съ. Конечно, люди и лодки побились о скалы и потонули. Такъ побились, что мозги разлетались на бурунахъ какъ брызги. А панъ Владиславъ пилъ вино и смѣялся-съ. Была Страстная суббота. Вечеромъ вышелъ онъ, какъ всегда, на террасу. Тамъ уже стояло вино ему. Но сколько не пилъ, все не клѣло ко сну. И вдругъ пѣніе. У него въ паркѣ пѣніе! Понимаете вы? Пѣли «Христосъ Воскресе!» Палочки!—закричалъ панъ Владиславъ:—негодяи... И замеръ-съ. Паркъ точно осіяло. И среди сіянія шли окровавленные и изуродованные люди... Тѣ самые, что утопили онѣ! Шли прямо къ нему. Панъ Владиславъ крикнулъ, опрокинулъ столъ и бросился въ залъ, затѣмъ въ подземелье. А мертвецовъ видѣли потомъ въ церкви. Кто освѣщалъ и распечатывалъ ее—неизвѣстно. Люди въ замкѣ не спали всю ночь: слышали визгъ, крики, хохотъ. Мертвецы искали пана Владислава. Что съ нимъ случилось—не знаемъ.

никто. Только панъ Владиславъ не выходилъ ужъ больше изъ подземелья. — Старикъ замолчалъ. Онъ былъ очень взволнованъ.

— Ну и чтожь дальше? — Дальше-съ? А то, что панъ Владиславъ и донинѣ ходитъ по замку. Какъ ночь, онъ выходитъ изъ подземелій, бродитъ по заламъ, видятъ его и на террасѣ.

Старикъ замолчалъ и опять прислушался. Вдругъ онъ вздрогнулъ и съежился: Нижняя челюсть его затряслась.

— Будетъ буря ночью! — сказалъ онъ не своимъ голосомъ. — Ею будутъ пскать, — шепотомъ добавилъ онъ, глядя въ окно помутившимися глазами: — всегда въ такія ночи приходятъ!

Я сталъ доказывать ему, что мертвцы не встаютъ изъ могилъ, но все было напрасно. Старикъ сосредоточенно смотрѣлъ передъ собою, закусивъ губу, и только отрицательно началъ головою на всѣ мои доводы. Я замолчалъ.

— А вы видали дикаго пана? — спросилъ я его, немного спустя.

Старикъ долго и подозрительно глядѣлъ на меня своими вперяющимися глазами и ничего не отвѣтилъ. Дождь не переставалъ; начинало смеркаться. Долго просидѣли мы молча, прислушиваясь къ шуму дождя и порывамъ усиливавшагося вѣтра. Зажгли свѣчу, стало еще тоскливѣе. Я заговорилъ о снѣ. Старикъ взялъ свѣчу и повелъ меня въ одну изъ нишъ. Въ углу ея былъ ходъ въ сосѣднюю комнату. Она была почти такая же какъ и та, въ которой мы были. У одной изъ стѣнъ стоялъ кожаный диванъ и два стула. Старикъ принесъ мнѣ простыню и подушку. Руки его дрожали. Онъ то и дѣло прислушивался къ доносившимся отзвукамъ бури. Мнѣ стало жутко. Старикъ почти беззвучно пожелалъ мнѣ спокойной ночи и вышелъ. Я хотѣлъ запереть за нимъ дверь, но таковой не было. Съ непріятнымъ чувствомъ ожиданія чего то, улегся я на диванъ свой. И долго не могъ заснуть, все безпокойно прислушиваясь къ гою вѣтра и каждому шороху. Но было тихо; старикъ ни шелухнулъ ничѣмъ въ своей комнатѣ. Незамѣтно для себя я заснулъ.

Кто то сильно сжалъ мою руку. Я проснулся. Надо мной стоялъ старикъ съ зажженной свѣчей; свободная рука его стискивала мою. Блѣдное лицо его было перекошено, глаза блуждали. Я вскочилъ перепуганный.

— Что такое?

— Слышишь? — сдавленнымъ шопотомъ говорилъ старикъ. Лицо его выразило страшное напряженіе. Жилы на лбу вздулись и посинѣли.

— Слышишь?

Замокъ гудѣлъ и стоналъ. Буря разыгралась во всю свою силу. Отчаянные порывы вѣтра потрясали, казалось, самыя стѣны. И вдругъ что-то грохнуло и заухало по замку. Мы вздрогнули, какъ одинъ человѣкъ.

— Камень сорвался! — сказалъ я.

— Они... — прохрипѣлъ старикъ, съ ужасомъ глядя на тонкую, передававшую намъ звуки, стѣну. — Идутъ.

И онъ со стономъ рванулъ себя за волосы и заметался по комнатѣ. Боясь за него, я схватилъ его за плечи. Онъ со страшною силой рвался изъ моихъ рукъ, силясь освободиться. Свѣча упала и погасла. Старикъ пересталъ рваться.

— За мной! — хрипло проговорилъ онъ.

Я послѣдовалъ за нимъ. Въ его комнатѣ мы остановились. Молнія за молніей рѣзала черное небо и въ промежуткахъ между ними мракъ за окномъ казался еще чернѣй, еще глубже.

Буря гудѣла, не умолкая. Дѣйствительно, голоса доносились снизу. Точно тысячи осирѣвшихъ людей, нища кого-то, съ дикимъ гоемъ носились по замку. Синій свѣтъ ослѣпилъ насъ; грянулъ страшный ударъ грома. Въ отвѣтъ ему снова рухнуло что-то вблизи насъ. На секунду все смолкло, и вдругъ словно весь адъ съ визгомъ и воплемъ обрушился на защищавшую насъ стѣну. Громовые удары не смолкали.

— На помощи! — неистово закричалъ старикъ, метнувшись къ стѣнѣ.

Я бросился за нимъ. Онъ схватилъ тяжелый диванъ и, какъ перо, метнулъ его къ двери у винтовой лѣстницы. Велѣдъ за нимъ полетѣли столъ и стулья. Старикъ дѣйствовалъ молніей.

— Защищайтесь! Сейчасъ ворвутся!

Онъ стоялъ уже у баррикады съ дубовымъ стуломъ въ рукѣ. Молнии освѣщали его: онъ былъ страшенъ — всклокоченный, блѣдный, въ растерзанномъ платьѣ.

Но буря уже утихала. То былъ послѣдній натискъ ея. Небо стало быстро бѣлѣть и проясняться. Вѣтеръ упалъ окончательно.

Старикъ опустилъ стулъ и, весь трясясь, отошелъ отъ баррикады.

— Не давай! — задыхаясь, проговорилъ онъ. — Спасся!.. А знаешь-ли ты, кто я? — шопотомъ спросилъ онъ, подойдя ко мнѣ.

Воспаленные глаза его горѣли. Блѣдное, измученное, морщинистое лицо было мокро отъ пота.

— Знаешь-ли, кто я?.. Я панъ Владиславъ, управляющій!

С. Р. Мицковъ.

ВОПРОСЪ

(изъ Ленау).

Еще молчала ты, гадумчивость хрѣя,
Увидѣлъ я сперва прелестныя черты,
И красоты потокъ, могучей красоты,
Ворвался въ грудь мою и покорилъ меня.

* * *

До глубины души, до сердца онъ достигъ,
И все заветное, что съ дѣтства я хранилъ.
Онъ силой властною навѣки поглотилъ,—
То былъ небесный судъ, любви побѣдный мигъ!

* * *

О, если-бы тогда мой взглядъ, мои мечты
Рѣчами нѣжными привѣтствовала ты!
Но сердце пробудивъ,—куда, въ какую даль
Уносишь душу ты, нахлынувшій потокъ,
Подъ сѣнь-ли райскую въ счастливый уголокъ,
Въ пустыню-ль мрачную, гдѣ ждетъ меня печаль?

А. Лукьяновъ.

ПОДДѢЛЬНЫЙ ВЕКСЕЛЬ.

(Къ рисунку на 156 и 157-й страницѣ).

I.

ЭТО случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ большихъ городовъ Прибалтійскаго края...

Первое дѣйствіе какой-то оперетты кончилось въ мѣстномъ театрѣ; примадонна трупы,

красавица Яснопольская, актриса еще молодая, но прославившаяся уже въ провинціи, вышла нѣсколько разъ на единодушные вызовы публики...

Мало того, что она была хороша, какъ богиня, мало того, что она исполняла съ чисто-французскимъ шикомъ игривыя роли опереточнаго репертуара и обладала голосомъ, годнымъ, пожалуй, даже для оперной сцены, мало и того, что вся она, казалось, была соткана изъ кокетства и страсти,—она славилась, какъ очаровательная, неотразимая женщина, но и какъ безжалостная куртизанка, шутя и со смѣхомъ доводившая мужчинъ до позора, до разоренія, до разрыва съ семьями и до самоубійства...

Говорили, что ея первый и счастливый обладатель коварно и жестоко обманулъ ее, когда впервые, невинной и чистой дѣвушкой, почти ребенкомъ, она полюбила сама, что это первое и горькое разочарованіе въ любимомъ человѣкѣ ожесточило ее на всю жизнь и теперь, несмотря на свою ангельскую вѣщность, она едѣлась кровожадна и безжалостна, какъ тигрица. И каждому, погубленному ею мужчине, она говорила на прощанье прямо въ глаза:

— Я мщу вамъ всемъ засебя и за тысячи поруганныхъ сестеръ...

Когда вызовы смолкли, Яснопольская ушла въ свою уборную... А въ то-же время, туда-же, направился изъ перваго ряда партера изящный и красивый молодой человѣкъ, выше средняго роста, брюнетъ съ холеными усиками и небольшими бачками. То былъ баронъ Альфредъ фонъ Редештольдъ,—новая жертва Яснопольской, такъ сказать, жертва ея послѣдняго сезона.

Уборная была уже заперта изнутри, и баронъ долженъ былъ постучаться.

— Это вы, баронъ? — послышался голосъ компаньонки Яснопольской, Кошкиной, женщины неопредѣленнаго возраста.

— Я...

Щеколда шелкнула, и дверь подалась. Баронъ вошелъ въ первую комнату уборной, гдѣ находилась одна госпожа Кошкина.

— Можно? — спросилъ баронъ, указывая глазами на прикрытую дверь изъ первой комнаты во вторую. Онъ былъ чуть-чуть смущенъ потому что чувствовалъ себя немного виноватымъ передъ красавицей-актрисой... Къ тому-же и Кошкина имѣла непривѣтливый, дѣланно-кислый и надутый видъ.—Можно? — повторилъ онъ, въ виду того, что ему даже не отвѣтили сразу.

— Ни въ какомъ случаѣ! — заявила Кошкина.—И она велѣла вамъ передать, что если и завтра вы не явитесь къ началу спектакля, съ тѣмъ... впрочемъ, вы знаете съ чѣмъ... то послѣ завтра это будетъ доставлено Булатовымъ, а вы никогда уже не войдете ни въ эту дверь, ни въ ту... знаете—изъ ея гостиной въ будуаръ... Кажется, это коротко, но и ясно?—добавила Кошкина съ такой отвратительной усмѣшкой, за которую ее слѣдовало бы удушить...

На мгновеніе лицо барона изобразило страданіе страстнаго спортсмена, сраженнаго неудачей у самой цѣли и послѣ цѣлаго ряда взятыхъ препятствій...

— Мой другъ, словами увѣряютъ дѣвушекъ, живущихъ въ сельскихъ хижинахъ! А женщины сцены и кулисы требуютъ иныхъ доказательствъ любви... Поймите это, наконецъ!..

Страданіе исчезло съ лица барона и замѣнилась рѣшимостью и новой энергіей...

— Слушайте,—сказалъ онъ:—подите, ска-

жите ей и мой короткій, но ясный отвѣтъ... Даю честное слово, что завтра, къ спектаклю, просимое будетъ. Но я умоляю, чтобы она показала мнѣ сейчасъ... Сію минуту, — хотя бы на мигъ. — Онъ пожалъ руку Кошкиной и при этомъ, скрывая это развѣ отъ стѣнъ, потому что они были въ комнатѣ вдвоемъ, тайно оставилъ въ ея рукѣ какую-то бумажку изъ тѣхъ, что раздѣиваются на золото...

Кошкина проскользнула во вторую дверь... Двѣ-три минуты промелькнуло въ полной тишинѣ... Наконецъ, дверь чуть-чуть пріотворилась, и на обнаженныхъ плечахъ «бѣлой алебаstra» и на чудной лебединой шейкѣ показалось ангело-подобное свѣжее, розовое личико, обрамленное природою завитыми кудрями пепельнаго цвѣта, съ нѣжнымъ, будто точенымъ, тонкимъ профилемъ и большими темными глазами, полными огня и страсти.

— На мигъ! — шепнули лукаво розовыя губки и чудная головка протянула для поцѣлуя свою, какъ персикъ, пушистую щечку...

Отуманенный, восхищенный баронъ жадно прильнулъ губами къ этой щекѣ...

— И—до завтра! — нѣжно дополнили губки,

— Одно слово! — взмолился баронъ.

— Ни звука! — отвѣтила она...

И дверь захлопнулась, и чудное видѣніе исчезло...

II.

Рано утромъ на слѣдующій день баронъ Альфредъ фонъ Редештольцъ позвонилъ у маленькаго подъѣздика, въ одномъ изъ захлавленныхъ переулковъ города.

— Дома г. Крумъ? — спросилъ онъ прислугу.

— Да, г. Крумъ дома...

— Доложите.

Онъ вошелъ въ переднюю, а оттуда въ маленькую гостиную, обставленную разнокалиберною мебелью, будто по предметамъ собранною изъ разныхъ обстановокъ. За двухмѣсячное знакомство съ Яснопольской, баронъ побывалъ уже въ этой квартирѣ ростовщика, г. Крума, разъ пять, оставилъ уже тутъ тысячъ на десять векселей и унесъ отсюда денегъ тысячъ шесть-семь... Вчера тоже онъ приходилъ сюда просить денегъ, и, несмотря на то, что г. Крумъ рѣшительно объявилъ ему, что не дастъ ему больше ни гроша, до уплаты по первымъ тремъ обязательствамъ, онъ явился опять и теперь, и сегодня просить и умолять о томъ-же. Три тысячи рублей надо было достать во что-бы то ни стало — хотя-бы подъ тройной вексель и подъ небывалые проценты... Онъ рассчитывалъ убѣдить г. Крума, а затѣмъ — онъ рѣшилъ уже это — сознаться во всемъ отцу, назначить ему общую сумму долга и умолять отца заплатить этотъ долгъ... Баронъ-отецъ богатъ, а онъ, Альфредъ, его единственный сынъ... Отецъ исполнитъ его просьбу, уплатитъ долгъ и проститъ его легкомысліе, потому что это случилось съ нимъ впервые... Въдъ онъ молодой, Альфредъ, а молодости свойственно увлеченіе... Все устроится, Альфредъ былъ въ этомъ увѣренъ, но сейчасъ, сію минуту необходимо имѣть эти три тысячи, чтъ бы пріѣхать сегодня вечеромъ, до спектакля, въ театръ, пройти въ уборную, прямо въ ту, во вторую комнату, и преподнести ей этотъ бархатный футляръ открытымъ, такъ, какъ онъ выставленъ для соблазна въ окнѣ магазина Гизо, на главной улицѣ города. «На билетъ значится 2,800 рублей», — вспомнилъ баронъ. — «Да, стало быть, надо просить три тысячи. Онъ поднесетъ до спектакля, счастливая и довольная, она прощоголяетъ въ этихъ сергахъ цѣлый вечеръ, а послѣ спек-

такля... Наконецъ-то, наконецъ распахнется и дверь изъ гостиной въ ея будуаръ».

Черезъ двѣ-три минуты г. Крумъ отворилъ дверь и пригласилъ барона въ свой кабинетъ. Это была комната, раздѣленная легкой деревянной перегородкой на двѣ половины.

— Баронъ привезъ мнѣ немного денегъ? — спросилъ по-нѣмецки, но съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ, г. Крумъ, любезно улыбаясь и, по привычкѣ, поглаживая свою сѣдешку бородку.

— Напротивъ, г. Крумъ, онъ опять пріѣхалъ просить денегъ у васъ, и — не немного, а порядочно, — отвѣтилъ баронъ, стараясь шутить. Г. Крумъ сдѣлалъ какъ-бы обиженное лицо и отвернулся.

— Опять то-же? — спросилъ онъ. — Я полагаю, баронъ, что по этому поводу мы достаточно сговорились вчера...

Альфредъ помолчалъ съ минуту и затѣмъ рѣшительно обратился къ ростовщику.

— Господинъ Крумъ, позвольте мнѣ объяснить съ вами откровенно.

— О, откровенность это лучший спутникъ дѣловыхъ объясненій, — отвѣтилъ, будто сдаваясь, ростовщикъ.

— Я открою передъ вами карты...

— Чудесно. Я послѣдую вашему примѣру, и мы будемъ играть въ открытую.

— Я запутался въ долгахъ...

— Это не радуетъ меня, и особенно, какъ вашего кредитора...

— Да, но это-же обстоятельство вызвало рѣшимость сознаться во всемъ отцу, объявить ему и всю сумму моего долга вамъ и просить объ уплатѣ. Онъ, конечно, уплатитъ. Вы знаете — онъ богатъ и гордъ... Но раньше вы дадите мнѣ 3,000 рублей, потому, что эти деньги мнѣ необходимы сейчасъ и такъ необходимы, какъ никогда еще не были нужны.

— Последняя необходимость въ деньгахъ кажется намъ всегда паисильтѣйшею, это въ порядкѣ вещей! — замѣтилъ г. Крумъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не знаете всѣхъ обстоятельствъ!.. И вотъ, я прошу васъ: возьмите какіе хотите проценты, напишемте вексель въ 6 тысячъ, но дайте мнѣ ихъ сегодня. То есть — сейчасъ... А затѣмъ, завтра, послѣ-завтра, словомъ, на-дняхъ — я даю вамъ честное слово — я откроюсь отцу и уплачу вамъ все до копѣйки... Помогите-же мнѣ, господинъ Крумъ!

Г. Крумъ посидѣлъ, размышляя и поглаживая свою бородку.

— Пусть будетъ по вашему... Будемте играть въ открытую, — замѣтилъ онъ, ударяя на послѣднюю фразу. — Я дамъ вамъ требуемую сумму на предложенныхъ вами условіяхъ, но съ тѣмъ, чтобы вы привели мнѣ вексель, подписанный вашимъ родителемъ...

— Господинъ Крумъ! Но вѣдь это равносильно отказу!.. Вѣдь вы прекрасно знаете, что отецъ его не подпишетъ!

— Баронъ, я высказалъ свое непреклонное условіе... Согласитесь, я долженъ себя обезпечить на всякій случай... Повторяю — мнѣ нуженъ вексель, подписанный именемъ барона Роберта фонъ-Редештольцъ... И лишь только таковой будетъ на этомъ столѣ — вы получите 3,000 рублей... Иначе — ни въ какомъ случаѣ!..

— Если я не ошибаюсь, — забормоталъ смущенный баронъ: — если я не ошибаюсь, вы предлагаете мнѣ...

— Баронъ, я предлагаю вамъ привезти вексель за подписью вашего батюшки. Это все, что я предлагаю, — перебилъ спокойно ростовщикъ.

— Я понялъ! — сказалъ баронъ Альфредъ. Теперь онъ задумался на нѣсколько мгновений и спросилъ, уже не глядя въ глаза г. Круму: — но это вамъ необходимо только для того, чтобы обезпечить себя на случай неуплаты? Да?

— Несомнѣнно, баронъ! Только на этотъ случай...

— И до уплаты я могу вполне рассчитывать на вашу скромность?

— Развѣ дѣловыя отношенія со мною дали вамъ поводъ сомнѣваться въ моей честности, или скромности?

— Нѣтъ... Хорошо... Я привезу вамъ вексель черезъ часъ...

— Вексель съ бланкомъ барона Роберта фонъ-Редештольцъ? — переспрашивая, повторилъ ростовщикъ.

— Да...

— Деньги будутъ приготовлены, и я предлагаю вамъ двухнедѣльный срокъ для уплаты... Этого будетъ достаточно?..

— Да... До свиданія.

— Желаю вамъ всякаго благополучія...

Баронъ вышелъ. Крумъ проводилъ его и вернулся въ кабинетъ.

— Закъ! Шмерцъ! — крикнулъ онъ.

Изъ за перегородки выходили уже два чело-вѣка. Шмерцъ — сильный брюнетъ и, по типу лица, несомнѣнно, еврей — былъ одѣтъ прилично, въ черную пару, и имѣлъ видъ чело-вѣка, профессію котораго никакъ нельзя опредѣлить сразу, и, быть можетъ, именно потому, что и вообще она не опредѣлена по своему разнообразію... Закъ — плотный малый, въ курткѣ изъ простого сукна и въ высокихъ сапогахъ, и по лицу тоже, пожалуй, еврей — походилъ по вѣщности не то на швейцара, не то на коммисіонера, получающаго лишь незначительныя и несложныя порученія...

— Вы слышали? — спросилъ ихъ г. Крумъ.

— Да...

— И поняли?

— Я думаю... Но лучше объясните, — отвѣтилъ Шмерцъ. — Вы надѣетесь, что все уда-стся, именно, какъ вы предполагали?

— Несомнѣнно, — отвѣтилъ Крумъ. — Ему нѣтъ иного выхода, онъ сознается отцу, и старый баронъ, конечно, заплатитъ его долги... Но, вѣрно и то, что это будетъ уже и послѣдняя пожизна съ него: — онъ изъ тѣхъ людей, что вторично долговъ не дѣлаютъ... Потому — надо нажать побольше теперь.

Итакъ, онъ сознается, конечно, лишь въ сдѣланныхъ долгахъ, но, несомнѣнно, скроетъ сегодняшний поступокъ, предполагая, что, расплатившись со мною, получить обратно вексель съ фальшивою подписью отца... Я назначилъ ему срокъ въ двѣ недѣли и глубо-ко увѣренъ, что раньше этого срока, судя по его характеру, онъ отцу не сознается... Онъ будетъ откладывать и тянуть до послѣдней минуты... А я, не дожидаясь срока, этакъ черезъ недѣлку, явлюсь въ вашемъ обществѣ къ старому барону Роберту, съ заявленіемъ сомнѣнія насчетъ подлинности его подписи... И, какъ думаете вы, сколько заплатитъ мнѣ старый и гордый баронъ за выкупъ этого векселя, по которому я выдамъ черезъ часъ всего лишь три тысячи? А? Я думаю, онъ заплатитъ даже и не шесть тысячъ, а больше, гораздо больше!..

Г. Крумъ улыбнулся и погладилъ свою бородку...

Часъ не прошелъ еще, а баронъ Альфредъ принесъ уже вексель. Глядя не на г. Крума, а въ сторону и внизъ, на свой цилиндръ, онъ передалъ вексель ростовщику и взялъ со стола приготовленную пачку денегъ.

— Итакъ, баронъ, отъ этого числа—черезъ двѣ недѣли?

— Да, не раньше...

— Но и не позже, баронъ? Не заставляй-те меня трелетать за мое благосостояніе!..

дпо, и тѣни сгустились въ огромномъ старинномъ паркѣ, среди котораго ютились и главный домъ, въ которомъ жилъ со своею семьей старый баронъ Робертъ фонъ-Редештольцъ, и всѣ многочисленныя служебныя

— Что случилось, мой другъ? Я тороплюсь въ театръ.

— Тамъ кто-то пріѣхалъ... Какіе-то господа...

— Гости?.. Но это ужасно! Мнѣ надо

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

«Свѣжѣть». Съ картины художника Н. А. СЕРГѢЕВА.

— Ровно черезъ двѣ недѣли... Я думаю теперь вамъ нечего въ этомъ сомнѣваться... До свиданья...

— Желаю вамъ всякаго благополучія...

Баронъ Альфредъ поѣхалъ отъ ростовщика прямо къ ювелиру Гизо...

III.

Съ того дня прошла именно недѣля...

День склонялся къ вечеру... Солнце захо-

постройки, и небольшой флигелекъ въ три уютныя комнаты, которыя занималъ молодой баронъ Альфредъ...

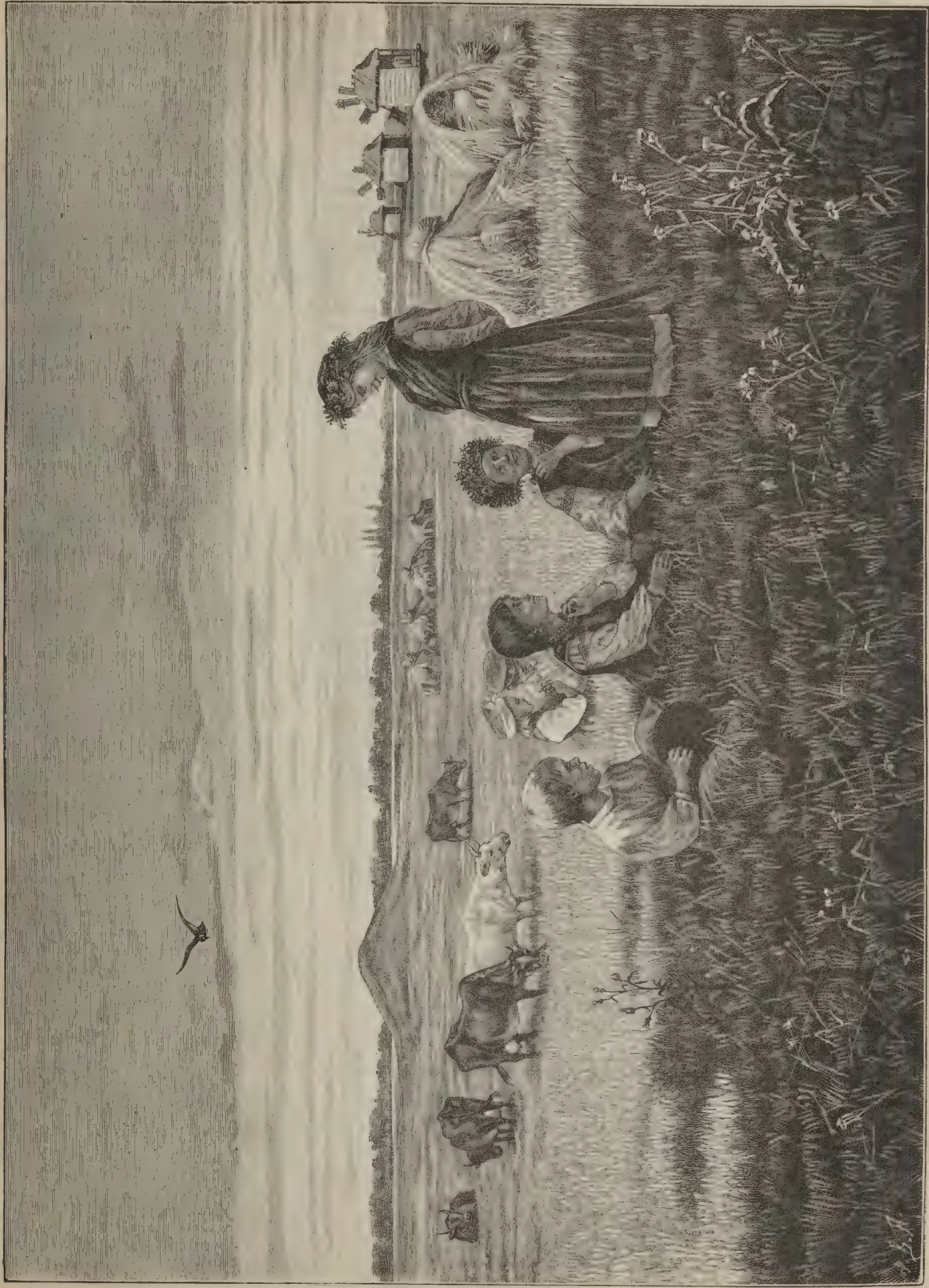
Было уже около восьми часовъ вечера, и Альфредъ собирался переодѣваться, чтобы ѣхать, по обыкновенію, въ театръ, когда въ его кабинетъ вошелъ старый камердинеръ его отца, Максъ.

— Сударь, баронъ васъ проситъ,—доложилъ онъ.

быть въ театрѣ непременно!.. Кто же именно?

— Это не гости, сударь... Скорѣе, это какіе-то люди по дѣлу... Три господина.. Я вижу ихъ впервые... Они прошли къ садовой террасѣ, гдѣ баронъ и баронессы кушали кофе, и господинъ баронъ ждетъ туда же и васъ...

Кровь бросилась Альфреду въ голову, и онъ покраснѣлъ. «Неужели?.. Нѣтъ, этого не мо-

“Въ полѣ”, Оригинальный рисунокъ художника Дейнеки.

летъ бытъ! Это было бы дико, жестоко, нѣпо, безжалостно!.. Нѣтъ, это... это не такъ, это, что называется, у страха глаза велики... Я живу подъ этимъ гнетомъ, и потому—боюсь...»

— Какіе-же это люди, Максъ?.. И по какому дѣлу?.. И вы говорите, батюшка требуетъ меня туда?.. Не понимаю!..—бормоталъ онъ смущенно...

— Да, баронъ просилъ васъ поторопиться.

— Я иду, мой другъ; скажите, что я иду... Максъ ушелъ.

«И если даже это такъ... если, дѣйствительно, не страхъ, а предчувствіе подсказываетъ мнѣ эту догадку—все-таки, я долженъ идти и... и отвѣтить... Но, нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, не можетъ быть, чтобы это случилось!..»

Волнуясь, онъ сдѣлалъ уже нѣсколько поворотовъ по дорожкамъ парка, направляясь къ главному дому; еще издали онъ увидѣлъ на той площадкѣ, около дома, гдѣ семья сидѣла обыкновенно въ это время дня, знакомыя фигуры отца, матери и сестры, любимой сестры Эммы; дамы сидѣли у стола, и ему показалось, сидѣли, будто пораженные какимъ-то извѣстіемъ, а отецъ ходилъ по площадкѣ взадъ и впередъ быстрыми шагами и поминутно взглядывалъ въ ту сторону, откуда онъ, Альфредъ, долженъ былъ появиться... А въ нѣкоторомъ отдаленіи, на стульяхъ, тоже будто чего-то выжидая, сидѣло три какихъ-то человѣка... Альфредъ напрягъ зрѣніе до послѣдней степени, желая убѣдиться немедленно—есть-ли между этими людьми Крумъ... И, подойдя еще ближе, онъ увидѣлъ и лысю голову этого ростовщика, и его золотыя очки... Кто были прочіе люди—это было теперь безразлично! Крумъ былъ тамъ, и было, стало быть, ясно—по какому дѣлу пріѣхали эти люди, какъ несомнѣнно было теперь для молодого барона и то, что нынче случится нѣчто ужасное, быть можетъ, даже трагическое.

«Да, мудреного нѣтъ, что я вижу заходъ солнца въ послѣдній разъ!»—мелькнула мысль въ головѣ Альфреда. Но вслѣдъ за нею, мелькнула и другая:—вернуть круто назадъ, выйти черезъ свой домикъ на улицу, а тамъ бѣжать далеко, далеко... въ Америку, въ Африку, бѣжать на край свѣта и навсегда, чтобы никогда уже не встрѣтиться взглядомъ ни съ отцомъ—съ этимъ честнымъ человѣкомъ, имя котораго не запятано ни пылинкой, ни пятнышкомъ, ни съ матерью, которая говоритъ, что честь мужа и дѣтей ея гордость и слава, ни съ Эммой, которая, тоже съ гордостью и такъ часто, называла брата «рыцаремъ»... Бѣжать на край свѣта отъ страшнаго упрека любимыхъ людей—казалось ему теперь единственнымъ исходомъ въ его положеніи, и онъ сдѣлалъ уже движеніе, чтобы повернуться, когда услышалъ грозный и не-

терпѣливый возгласъ отца:—«Поторопитесь, Альфредъ!»

Онъ понялъ, что еслибы онъ повернулся и бѣжалъ теперь, онъ имѣлъ бы видъ воринки, мелкаго мошенника, и твердымъ шагомъ пошелъ, напротивъ, впередъ... И онъ видѣлъ, что отецъ подошелъ къ столу, а въ то-же время и эти три человѣка поднялись со своихъ стульевъ и приблизились къ тому-же столу...

Онъ подходилъ съ замирающимъ сердцемъ; онъ ничего не чувствовалъ, кромѣ невыразимаго позора; обыкновенно блѣдное, матово-блѣдное лицо его было покрыто красными пятнами и даже уши его горѣли. Далеко не дойдя еще до этого лобнаго мѣста, гдѣ ждала его страшная расплата—правдивое бичеванье, онъ опустилъ уже глаза и только искаса поглядывалъ порою на движенія ожидающихъ его... Рядомъ съ отцомъ стоялъ Крумъ; онъ положилъ уже на столъ неоспоримое доказательство преступленія, вексель; не смотря на свидѣтелей, этотъ мошенникъ придерживалъ бумагу рукой, боясь, очевидно, что кто нибудь вырветъ изъ рукъ его этотъ дорогой документъ, и его вѣрные плавы наживы разлетятся, какъ дымъ... Старая баронесса встала въ сильномъ волненіи со стула, сдѣлала около него два-три шага и остановилась тутъ-же, съ убитымъ горемъ лицомъ, глядя на эту отвратительную бумажку, которая сгубила на вѣки честное имя ея обожаемаго сына... Эмма не могла видѣть приближающагося брата, но, казалось, чувствовала и его приближеніе и то, что должно сейчасъ произойти; она какъ бы застыла въ ожиданіи этого ужаса и, впервые свои ясные, голубые глаза въ ту-же ненавистную бумажку, забыла даже о томъ, что давно уже держитъ въ рукахъ чашку недопитаго, остывшаго кофе...

Альфредъ подошелъ, наконецъ, и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола, подавленный стыдомъ, съ поникшей головой и опущенными глазами.

— Что ты сдѣлалъ, баронъ?—услыхалъ онъ суровый голосъ отца.

Альфредъ промолчалъ...

Старый баронъ наклонился надъ столомъ и, указавъ энергично на подпись, на вексель, спросилъ, въ упоръ глядя на сына грозными и въ эту минуту будто огненными, орлиными глазами:

— Чья это подпись?..

Альфредъ молчалъ...

— Тутъ подписано мое имя,—продолжалъ, отчеканивая каждое слово, старикъ:—но я утверждаю, что подписано оно немцемъ!.. И я требую, чтобы при этихъ господахъ, при мнѣ, примате, ри и при сестрѣ, ты—молодой баронъ фонъ-Редештольцъ—сознался въ томъ, что сдѣлалъ подлогъ!.. Въ этомъ будетъ казнь за твое преступленіе. Да, только тогда я заплачу

этимъ господамъ и твой долгъ, заплачу сверхъ того, за то, что не сумѣлъ научить сына быть честнымъ, заплачу имъ и за молчаніе, умоляя ихъ пощадить мой сѣдины!.. Иначе, если ты не подчинишься моему рѣшенію, пусть эти господа посадятъ тебя, барона фонъ-Редештольца, на скамью подсудимыхъ за подлогъ!..

«О, во всякомъ случаѣ я вижу заходъ солнца въ послѣдній разъ!.. И ни съ кѣмъ изъ васъ никогда я не встрѣчусь больше взглядомъ!»—рѣшилъ свою участь Альфредъ.—«Но я-же воспользуюсь этимъ и я не скажу, нѣтъ, ни за что не скажу я, что совершилъ подлогъ! Нѣтъ, вы, мои родные, не услышите отъ меня этихъ словъ, а эти предатели казни моей не увидятъ!..

— Ты слышалъ мое требованіе?—повторилъ старый баронъ.

— Я подлога не дѣлалъ,—произнесъ твердо Альфредъ, но глазъ не поднялъ отъ земли...

Всѣ вспрыгнули и переглянулись. Отвѣтъ былъ совершенно неожиданный:—всѣ ждали признанія...

— Ты лжешь!—воскликнулъ отецъ.—И я, и твоя мать, и сестра, всѣ мы знаемъ твой почеркъ и не сомнѣваемся, что это подписано тобою. Я спрашиваю тебя въ послѣдній разъ:—это твоя подпись?

Солнце будто провалилось въ эту минуту за крайнія, высокія деревья парка...

«Зашло!»—думалъ Альфредъ.—«Только-бы найти предлогъ и уйти отъ нихъ на мгновенье»...

И мысль ослѣпила его...

— Нѣтъ, эта подпись не моя... И сейчасъ я принесу доказательства!—отвѣтилъ онъ и, съ этими словами, такъ и не взглянувъ на родныхъ, повернулся и пошелъ быстрыми шагами къ своему домику.

Удивленное общество осталось на террасѣ. Какъ это часто бываетъ, страшная досадка не пришла никому въ голову. Отецъ, мать и сестра немного успокоились даже, надѣясь, что, дѣйствительно, Альфредъ принесетъ какое-то доказательство своей невинности, а обитый съ толку ростовщикъ ничего не сообразилъ еще и перешептывался со свидѣтелями.

Вдругъ, на террасу донесся отъ флигеля короткій трескъ раздававшегося выстрѣла...

Эмма вскочила, будто этимъ выстрѣломъ ранили ее, и, какъ испуганная серна, понеслась впереди всѣхъ по дорожкамъ парка ко флигелю. За нею бѣжала, гнѣмогая, мать; за матерью спѣшили, задыхаясь, старый баронъ... А за родными торопились къ финальной картинѣ этой трагедіи и ея участники: Крумъ, Закъ и Шмерцъ...

Съ воплемъ и ужасомъ родные остановились въ дверяхъ кабинета:—Альфредъ лежалъ на полу съ прострѣленнымъ сердцемъ...

Л. Звонаревъ.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

— Пока нѣтъ. Что же касается расходовъ и гонорара...

— О, пожалуйста!

— Я говорю о швейцарѣ, которому, вѣроятно, придется дорого заплатить.

— Я ничего не буду дѣлать, не посоветовавшись съ вами.

— Хорошо. До свиданія!

— Очень скорого, я увѣренъ.

Шарль Романъ почтительно раскланялся, а миссъ Дерсонъ отправилась къ графинѣ де Пенгре. Она явилась нѣсколько позднѣе Армана.

— Дорогой мой,—сказала графиня Арману, когда тотъ пришелъ,—прежде всего позволю предложить тебѣ одинъ вопросъ: искренно-ли ты любишь Роберта?

— Нечего спрашивать, мы почти выросли вмѣстѣ, онъ мнѣ все равно, что братъ.

— Значитъ ты не захочешь, чтобы его бракъ разстроился?

— Съ миссъ Гаррисъ? Двѣнадцать милліоновъ приданаго и тринадцатый въ придачу? Саприссти! Точно яблоки!

— Будь серьезенъ! Если мы не примемъ

мѣръ, красивая американка уйдетъ отъ насъ.

— Какъ такъ?

— У нея есть женихъ въ Чикаго, и она не считаетъ возможнымъ отказать ему.

— Американскій флиртъ? Ну, это не важно.

— Однако, миссъ Гаррисъ относится весьма холодно къ нашему принцу.

— Онъ говорилъ мнѣ! Но что я могу?...

— Не знаю. Сейчасъ пріѣдетъ миссисъ Дерсонъ и объяснитъ тебѣ. Есть у тебя знакомые между журналистами?

— Я хорошо знакомъ съ двумя, тремя членами редакціи «Фигаро».

— Да это превосходно! Вотъ и миссисъ Дерсонъ.

Графиня представила ей молодого де-Марга и прибавила:

— Господинъ де-Марга, сынъ моего старшего друга, которого вы вчера у меня встрѣтили, и предоставляетъ себя въ ваше распоряженіе.

— Вполнѣ,—подтвердилъ Арманъ.—Въ чемъ дѣло?

Дружескія отношенія графини къ молодому человѣку и искренность, слышавшаяся въ его голосѣ, усилили довѣріе американки къ графинѣ де-Пенгре, и она спокойно изложила ему свой прозѣтъ.

— Во-первыхъ, я хотѣла-бы знать имена всѣхъ подписчиковъ «Фигаро» въ Чикаго, и какимъ путемъ они получаютъ журналъ; во-вторыхъ, есть ли возможность помѣстить въ одномъ изъ номеровъ «Фигаро», направленномъ въ Чикаго, извѣстіе, которое не появится въ номерахъ газеты, отправляемыхъ въ другія мѣста.

— Я понимаю васъ, но мнѣ кажется, это довольно трудно устроить; впрочемъ, я не имѣю понятія, какъ печатается газета. Адреса подписчиковъ узнать не трудно. Но такъ какъ я ничего не признаю вполнѣ невозможнымъ...

— Особенно если за это хорошо заплатить.

— Это неоспоримое доказательство.

— Но почему просто не попросить редактора газеты напечатать это извѣстіе?—сказала графиня.

— Какъ я ни малоопытенъ въ изданіи газеты,—замѣтилъ Арманъ,—но ваше предложеніе мнѣ кажется весьма непрактичнымъ. Тѣмъ болѣе что редакторъ можетъ пожелать знать, для чего госпожѣ Дерсонъ понадобилось, чтобы подписчики въ Чикаго читали извѣстіе, которое не будетъ сообщено подписчикамъ во Франціи и въ другихъ странахъ. Если вы ему скажете для чего, онъ откажетъ вамъ въ своемъ содѣйствіи. Исполнить ваше желаніе возможно, но нужно придумать способъ.

— Не придумаете ли вы что нибудь?—спросила американка.

— Постараюсь! Признаюсь, не говоря уже о моемъ расположеніи къ принцу де-Саллерну, меня соблазняетъ разрѣшить заданную вамъ задачу.

— Вы знаете, что нельзя терять времени.

— Я не стану терять его! Я надѣюсь, что черезъ два дня сообщу вамъ всѣ свѣдѣнія, какія вы желаете получить. Узнавъ что-нибудь, я предупрежу графиню и она сообщитъ вамъ. Мы снова встрѣтимся здѣсь. Явиться прямо къ вамъ не будетъ благоразумно. Миссъ Гаррисъ и ея пріятельница, которыя знаютъ меня въ лицо, могутъ удивиться, что я дѣлаю визитъ вамъ лично.

— Совершенно вѣрно, — сказала сестра

Джо,—я очень, очень благодарна вамъ обоимъ, прибавила она, дружески пожимая руки обоимъ.

— Значитъ предполагаемый бракъ встрѣчаетъ препятствія?—спросилъ Арманъ, когда она уѣхала.

— Со стороны отца нѣтъ препятствій, онъ только и мечтаетъ о зятѣ—принцѣ и вмѣстѣ съ сестрой въ восторгѣ отъ Роберта. Но молодая дѣвушка завязала въ Чикаго романъ съ нашимъ консуломъ, господиномъ Марселемъ Рено.

— Марсель Рено? Это нѣя мнѣ знакомо!

— И чтобы заставить ее не думать о немъ, тетка придумала послать черезъ газеты какое то извѣстіе въ Чикаго, и такимъ образомъ поссорить влюбленныхъ.

— Теперь я понимаю, зачѣмъ ей понадобился «Фигаро». Сегодня-же найду къ одному изъ пріятелей и, не рассказывая ему много, можетъ быть, добьюсь желаемого. А до тѣхъ поръ пойду къ Роберту завтракать.

— Ты знаешь, успѣхъ необходимъ. Мнѣ кажется, что Гаррисы не скупятся на деньги. Я увѣренъ, что послѣ свадьбы миссисъ Дерсонъ предложитъ тебѣ ящикъ хорошо завернутыхъ сигаръ.

— Вы очень дурного мнѣнія обо мнѣ, графиня.

— Напротивъ! За послѣднюю четверть часа ты на сто процентовъ поднялся въ моемъ мнѣніи. Скоро полдень, уходи и кланяйся принцу.

Де-Марга какъ разъ во время явился къ де-Саллерну. Баптистенъ подалъ второй приборъ. Арманъ двумя словами сказалъ, что ему нужно поговорить о серьезномъ. Они послѣдно позавтракали и ушли въ курительную, куда лакей подалъ имъ кофе. Оставшись вдвоемъ, Арманъ спросилъ, какъ идутъ дѣла съ Гаррисами?

— Отецъ и тетка относятся ко мнѣ превосходно, только миссъ Джэнь по прежнему вѣжлива, но церемонна и холодна! Можно подумать, что она не подозреваетъ причины моихъ ухаживаній. Хотя миссисъ Дерсонъ и предупреждала ее, что она мнѣ очень нравится, и что я только жду нѣкотораго одобренія съ ея стороны, чтобы явиться претендентомъ на ея руку.

— Я былъ сейчасъ у графини, гдѣ встрѣтилъ миссисъ Дерсонъ, и знаю, почему миссъ Джэнь относится къ тебѣ такъ холодно. Но тетка готова на все, съ цѣлью убѣдить свою племянницу, что ей не остается лучшаго выбора, какъ сдѣлаться принцессой де-Саллернъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Больше ничего, какъ у тебя есть соперникъ. Не въ Парижѣ, а тамъ въ Чикаго. Передъ тѣмъ, какъ отецъ увезъ ее въ Европу, миссъ Джэнь уже нѣсколько мѣсяцевъ флиртовала. Покойная миссисъ Гаррисъ покровительствовала этому флирту, но послѣ ея смерти, овдовѣвшій миллионеръ не захотѣлъ и слышать о бракѣ миссъ Джэнь съ господиномъ Марселемъ Рено.

— Марсель Рено?

— Да, нашъ представитель въ Чикаго. Ты знаешь его? Мнѣ это имя какъ будто знакомо.

— Знаю-ли я господина Рено? Онъ перебилъ у меня дорогу и попалъ къ министру, а я вышла въ отставку и отказался отъ дипломатическаго поприща. Онъ давно уже консулъ перваго класса и снова становится на моей дорогѣ.

— Дѣйствительно, это странно! Только,

на этотъ разъ ему не удастся, благодаря мистеру Гаррису, его сестрѣ и мнѣ.

— Что ты сдѣлаешь?

— Помогу миссисъ Дерсонъ вытѣснить Рено изъ сердца ея племянницы. Я полагаю, ты согласишься, что для этой цѣли всякія средства хороши?

— Конечно!

— Въ точности я еще не знаю, что придумала миссисъ Дерсонъ, ей нужны различныя свѣдѣнія. Одно достоверно, что Гаррисъ желаетъ заполучить титулованнаго зятя и не упуститъ ничего, чтобы достичь своей цѣли. Миссъ Джэнь дѣвушка скромная, добрая, благочестивая, любитъ своего отца, съ ней не трудно будетъ справиться; ея романъ кончится на предисловіи и тебѣ не придется ревновать къ ея прошедшему. Продолжай ухаживать, а я стану для тебя работать.

— Я даже не могу отказать отъ этого брака, о немъ уже такъ много говорятъ, да и кромѣ того, я нѣкоторымъ образомъ учелъ его. Друзья опять, пожалуй, скажутъ: «Древнее имя, красавецъ, но, къ несчастью, принцъ Іовъ».

— Я обещаю тебѣ успѣхъ. До свиданія. Я буду все тебѣ сообщать.

Въ этотъ же день вечеромъ, мистеръ Гаррисъ получилъ изъ Чикаго телеграмму слѣдующаго содержанія: «Figaro, Indépendance belge, Illustration, Journal officiel, консулу Рено, другіхъ французскихъ газетъ пикдѣ не получается». Онъ передалъ эту телеграмму сестрѣ, которая около этого же времени получила записку отъ графини.

«Милостивая государыня. Все, что вы желаете, возможно. Потрудитесь пріѣхать ко мнѣ завтра въ одиннадцать часовъ утра, нашъ молодой другъ лично объяснитъ вамъ».

Тетка Пальмира немедленно отвѣчала, что будетъ аккуратна, и къ своей запискѣ приложила копію телеграммы изъ Чикаго, прося сообщить ее господину де-Марга.

Этотъ день былъ весьма удаченъ для миссисъ Дерсонъ, но роковой для счастья Джэнь.

Въ чистотѣ душевной бѣдная дѣвушка не могла и вообразить, чтобы близкіе ей люди подкапывались подъ ея счастье. Но она предчувствовала опасность. Она видѣла, что приближается минута, когда отецъ ея заговоритъ о намѣреніяхъ принца де-Саллернъ, и потеряла мужество, несмотря на получаемыя ею аккуратно письма Марселя и поддержку Мари Брель. Но ей иногда казалось, что и онъ теряетъ надежду. Ей приходило въ голову, что онъ устанетъ ее ждать, если ея отсутствіе продолжится долго, а, между тѣмъ, отецъ ея постоянно говорилъ о продолженіи своего пребыванія въ Европѣ, онъ желалъ провести зиму въ Италіи, подобно своему другу, который нашелъ тамъ мужа—герцога для своей дочери. Все это было очень ясно, и она инстинктивно опасалась несчастья. Тогда въ экзальтаціи, подобно древнимъ христіанскимъ мученицамъ, она склоняла голову и готовилась пожертвовать своимъ счастьемъ. Миссисъ Дерсонъ нѣсколько подозревала это состояніе духа своей племянницы и торопилась положить ему конецъ, не изъ сожалѣнія къ ней, для этого она была слишкомъ безсердечна, а потому что затяжка представляла нѣкоторыя опасности.

Когда она на другой день явилась къ графинѣ де-Пенгре, Арманъ уже ждалъ ее.

— У насъ превосходная для васъ новость,—сказалъ баронъ, пожимая протянутую ему руку.—Я никакъ не рассчитывалъ на такой быстрый успѣхъ. Ваше объявленіе, наше

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Р. ЭХШЕДТА.
Гравировалъ на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. АДЪ.

Съ яблоками.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА А. ШИЛЬДЕРА.

(Право на воспроизведение составляет исключительную собственность журнала „Животное Обозрѣніе“).

«Мороситъ».

сообщение, я не знаю еще толкомъ, что вы хотите печатать, появится только въ томъ номерѣ «Фигаро», который получается въ Чикаго. Вотъ какъ мы сдѣлаемъ. Около двухъ часовъ утра, одинъ изъ печатниковъ дастъ только что отпечатанный экземпляръ извѣстному лицу, которое отнесетъ его въ другую типографію, гдѣ этотъ номеръ наберутъ снова, вставивъ въ него вашу статейку. Этотъ номеръ будетъ отпечатанъ въ такомъ количествѣ экземпляровъ, сколько подписчиковъ въ Чикаго. Фальцовщица, наклеивающая бандероли и адреса, передастъ намъ бандероли съ газетами, идущими по назначенію въ Чикаго. Намъ останется только перемѣнить газету и подъ тою же бандеролью опустить ее въ почтовый ящикъ.

— Великолѣпно,—одновременно вскричали американка и графиня, придя въ восторгъ отъ ловкости ихъ юнаго помощника.

— Одно только,—продолжалъ Арманъ,—мы должны продѣлать нашу операцію въ ночь на вторникъ или четвергъ, чтобы нашъ номеръ поспѣлъ къ отходу трансатлантическаго парохода изъ Гавра и пришелъ одновременно съ другими газетами.

— Вы обо всемъ подумали,—сказала восхищенная квакерша.

— Это для «Фигаро»; что касается до «Indépendance belge», исполненіе вашего желанія не представляетъ никакихъ затрудненій, у нихъ нѣсколько изданій ежедневныхъ и одно еженедѣльное для заморскихъ странъ. Тамъ достаточно дать требуемое сообщеніе и заявить желаніе, чтобы оно не появилось во Франціи. Я это сдѣлаю. Въ «Illustration» не помѣщается никакихъ частныхъ извѣщеній, а въ «Journal officiel» нечего и говорить не идетъ рѣчь ни о чемъ свѣтскомъ. Вотъ, кажется все, что вы хотѣли знать, теперь я къ вашимъ услугамъ для приведенія вашего проекта въ исполненіе.

— Вы очень любезны и я не знаю, какъ благодарить васъ,—говорила миссисъ Дерсонъ очень довольная.

— Не благодарите, я очень радъ, что могу услужить вамъ и способствовать счастью принца Роберта, моего родственника. Теперь я жду дальнѣйшихъ приказаній.

— Я вамъ вполне довѣряю,—сказала миссисъ Дерсонъ,—что вы сдѣлаете будетъ, превосходно. Я принесла написанное мною сообщеніе, которое мы съ братомъ хотѣли бы помѣстить въ «Фигаро» и въ томъ изданіи «Indépendance», которое не выходитъ во Франціи. Будьте добры взять на себя этотъ трудъ.

— Очень охотно, сударыня.

— Это, конечно, будетъ стоить денегъ, не жалѣйте ихъ. Какъ велики расходы? Нѣсколько сотъ франковъ.

— Я справлялся, за все придется около тысячи франковъ.

— А служащій, который передастъ вамъ экземпляръ, фальцовщица, молчаніе, за которое нужно заплатить, вы это не забыли?

— Служащему и фальцовщицѣ достаточно дать по сту франковъ каждому. Платить за молчаніе нельзя, потому что это значитъ указать путь для нескромностей и разговоровъ. Ничто такъ не болтливо, какъ купленное молчаніе. Лучше всего не придавать этому никакого значенія. Никто не будетъ знать, ни что мы хотимъ съ этими нумерами дѣлать, ни кому мы ихъ отправимъ, потому что я лично вложу ихъ въ бандероли и опущу въ ящикъ. У нашихъ сообщниковъ не останется ни одного нумера, ихъ отпеча-

тается только нужное число экземпляровъ, наборъ будетъ разобранъ и въ Парижѣ не останется и слѣда нашей маленькой операціи.

— Вы вполне правы. Вотъ сообщеніе, которое нужно туда послать, и вотъ деньги. Прошу васъ не экономничайте, вы менѣе очень огорчите.

— Вы можете быть увѣрены, что я сдѣлаю все вамъ пріятное,—сказалъ Арманъ, взявъ конвертъ.

— Очень, очень вамъ благодарна, до свиданія.

Графиня проводила посетительницу и вернулась къ Арману, который распечаталъ конвертъ и пересчитывалъ деньги.

— Что это?

— Десять тысячъ франковъ, изъ которыхъ миссисъ Дерсонъ не желаетъ, чтобы я экономничалъ. А это замѣчательное сообщеніе.

— Покажи,—сказала графиня.

Они принялись читать сочиненіе тетки Пальмиры, и оба были поражены. Положивъ все снова въ конвертъ и спрятавъ въ карманъ, Арманъ вскричалъ:

— Она ловка, эта явни! У Роберта будетъ замѣчательная тетка. Но платить она хорошо и въ дѣлахъ требуется честность. До свиданія, дорогая графиня.

Черезъ четыре дня послѣ разсказаннаго, трансатлантическій пароходъ «Жиронда» уносилъ «Фигаро», напечатанное подъ редакціей Гарриса, Дерсонъ, Марга и К^о; на этомъ пароходѣ также уѣхалъ Уилли, камердинеръ Гарриса,—его мать будто бы опасно заболѣла.

Миссисъ Джэнъ въ душѣ нѣсколько позавидовала ему, что онъ возвращается въ Чикаго и выразила ему свое сочувствіе. Въ глубинѣ портфеля Уилли увезъ нѣкоторое таинственное порученіе мистеру Эдгару Спенсу, редактору журналовъ, издаваемыхъ Гаррисомъ.

V. Милліоны, на которыхъ не меняются.

Между тѣмъ, какъ миссисъ Дерсонъ такъ удачно дѣйствовала относительно Чикаго, ея помощникъ Шарль Ромэнъ не менѣе удачно работалъ въ указанномъ ему направленіи и много раньше назначеннаго времени явился сообщить о достигнутомъ имъ успѣхѣ. Онъ узналъ, что госпожа Бренъ дѣйствительно, въ дни прибытія почты изъ Америки, приходила къ своей родственницѣ, въ эти дни онъ встрѣчалъ ее два раза, разъ одну, а другой разъ въ сопровожденіи Джэнъ. Убѣдившись въ этомъ, онъ вошелъ въ домъ, гдѣ жила госпожа Моренъ, подъ предлогомъ осмотрѣть квартиру, которая въ этомъ домѣ отдавалась въ наймы. Старый пьяница-консержъ, весьма болтливый, повелъ его. Ромэнъ началъ съ того, что сунулъ ему въ руку монету въ пять франковъ за безполезный, можетъ быть, трудъ; такъ что, осматривая помѣщеніе Ромэнъ разговорился и безъ труда узналъ все, что ему было нужно. Онъ узналъ, что госпожа Моренъ, которую старый консержъ не долюбивалъ,—гордая, недавно стала довольно часто получать письма изъ Америки, и что ея мужъ въ Сень-Луи, въ Сенегалѣ, очень боленъ и госпожа Моренъ собирается къ нему ѣхать. Осмотрѣвъ квартиру, Ромэнъ сказалъ:

— Помѣщеніе мнѣ нравится, оно очень для меня удобно, но я долженъ посоветоваться съ женой, а она недѣли на двѣ уѣхала къ роднымъ. Если къ вамъ придутъ панимать квартиру, не кончайте, не предупредивъ меня. Я живу по близости и каждый день, гуляя, хожу мимо васъ. Я зайду справиться. Вотъ вамъ еще,—и онъ, въ видѣ задатка, далъ ему

монету въ двадцать франковъ, на которую старикъ посмотрѣлъ весьма умильно, прежде чѣмъ опустить въ карманъ.

Послѣ того Ромэнъ заходилъ поболтать съ своимъ будущимъ консержемъ, угощалъ его сигарами, дарилъ ему табакъ и мелкія монеты. Въ послѣднее утро Ромэнъ пришелъ довольно рано, и старикъ со слезами объявилъ, что ему отказали, находятъ, что онъ очень старъ, и что отказомъ онъ обязанъ госпожѣ Моренъ. Ромэнъ съ досадой подумалъ, что всѣ его труды и хлопоты въ теченіе цѣлой недѣли оказались напрасны. Но не выходя изъ своей роли, онъ сталъ утѣлать старика, общалъ поговорить съ хозяйномъ. Пока они разговаривали, вошелъ почтальонъ и бросилъ на столъ письмо, на которое старикъ взглянулъ съ ненавистью, говоря:

— Ну, это послѣднее, что она получаетъ отсюда, она сегодня уѣзжаетъ, но она не получитъ и этого.

И прежде чѣмъ Ромэнъ сообразилъ, что тотъ хочетъ дѣлать, мстительный старикъ сунулъ письмо въ щель дверцы небольшой печки, на которой варился его супъ. Письмо было изъ Америки и адресовано госпожѣ Моренъ, которая, одѣтая по дорожному, черезъ минуту вошла въ комнату консержа и спросила, нѣтъ-ли для нея писемъ?

— Ничего нѣтъ, сударыня,—отвѣчалъ консержъ, краснѣя.

— Странно,—замѣтила госпожа Моренъ,—сегодня среда.

— Вы видите, что ничего нѣту,—сказалъ старикъ, указывая на столъ, на которомъ дѣйствительно ничего не лежало.

— Вотъ что,—продолжала госпожа Моренъ,—будьте добры письма, которые будутъ приходить изъ Америки на мое имя, передавать моей родственницѣ, госпожѣ Бренъ. Она будетъ приходить за ними. Вы ее вѣроятно, замѣтили, она часто у меня бываетъ, иногда одна, иногда вмѣстѣ съ очень хорошенькой дѣвушкой.—Консержъ утвердительно кивнулъ головой, а жена капитана сказала: — Значитъ вы будете передавать ей эти письма. Впрочемъ, я ей телеграфирую. Если меня будутъ спрашивать, вы скажете, что я уѣхала въ Сенегалъ и вернусь мѣсяца черезъ два. Поняли?

— Понялъ, сударыня, но вѣдь я хожу, мнѣ отъ мѣста отказано.

Госпожа Моренъ подумала минуту и сказала:

— Такъ передайте мою просьбу тому, кто поступитъ на ваше мѣсто, вотъ и все.

Въ это время подѣхалъ экипажъ, вещи были вынесены, госпожа Моренъ сѣла и уѣхала. Когда Шарль Ромэнъ разсказалъ все теткѣ Пальмирѣ, она проговорила:

— Очень хорошо, вы замѣчательно искусны. Но если этотъ консержъ исполнитъ приказаніе своей жилицы, m-me Бренъ будетъ по прежнему получать письма изъ Америки.

— Этого не случится. Я возбуждѣлъ сомнѣніе въ нашемъ старикѣ. Когда госпожа Моренъ уѣхала, онъ сказалъ: — Вотъ оно что? Такъ эти письма не для нея, а для той молодой барышни! Это смѣшно! Должно быть, любовныя письма... Это мнѣ не особенно нравится! А какъ вы?—Мнѣ тоже это кажется страннымъ,—отвѣчалъ я,—честному человѣку, какъ вы, напримѣръ, такихъ порученій не даютъ. Она, должно, быть обманываетъ родителей, а то и мужа, пожалуй, кто знаетъ, дѣвица-ли эта госпожа Бренъ или замужняя дама.—Я не хочу быть ихъ сообщникомъ,—сердито вскричалъ добродѣтельный старикъ.—

Она не получитъ своихъ писемъ, по крайней мѣрѣ, отъ меня, они отправятся туда-же, куда отправилось это!—Не дѣлайте этого—сказала я,—это преступленіе, и вы можете попасть подъ судъ; лучше сохраните всѣ письма и передайте ихъ госпожѣ Моренъ, когда она возвратится, а дѣвицѣ Бренъ говорите всегда, что писемъ изъ Америки нѣтъ. Такимъ образомъ вы поступите по совѣсти и вамъ не въ чемъ будетъ упрекнуть себя.—Онъ вполнѣ со мной согласился и даже поблагодарилъ за со- вѣтъ.

— Но вѣдь ему отказали отъ мѣста?

— Надѣюсь, онъ останется, по крайней мѣрѣ на это время. Домъ принадлежитъ графу д'Аримонъ. Графъ де Пеннре или баронъ де-Марга навѣрное знакомы съ нимъ или съ кѣмъ нибудь изъ его знакомыхъ и попросятъ за нашего старика.

Тетка Пальмира пришла въ восторгъ. Но вдругъ вспомнила:

— Но вѣдь -миле Бренъ получить телеграмму отъ своей кузины; основываясь на этой телеграммѣ, она станетъ требовать писемъ, пожалуй, будетъ жаловаться.

— Кому? По какому праву? Нужно будетъ давать объясненія, она не посмѣетъ.

— Правда! Впрочемъ, есть еще одно, очень простое средство!

Тетка Пальмира хотѣла позвонить, но Ромѣнъ ее остановилъ:

— Что вы хотите дѣлать?

— Я прикажу приносить ко мнѣ всѣ телеграммы и уничтожу телеграмму госпожи Моренъ.

— Позвольте посоветовать вамъ не дѣлать этого, пусть телеграмма придетъ по назначенію. Госпожа Моренъ, вѣроятно, сообщитъ своей кузинѣ свои распоряженія и то, что сегодня писемъ не было. Такъ что госпожа Бренъ не пойдетъ въ улицу Асса; а въ слѣдующую субботу, когда она пойдетъ за письмомъ, она получитъ отвѣтъ, что дѣйствительно такое распоряженіе было сдѣлано, но что писемъ нѣтъ. Она уйдетъ раздосадованная, но ничего дурного не будетъ подозрѣвать. Не получивъ же телеграммы, она подумаетъ, что ея родственница торопится уѣхать, что не успѣла распорядиться и пошлетъ въ Америку другой адресъ, и если это будетъ до востребованія, тогда мы ничего не можемъ сдѣлать.

— Вы обо всемъ подумали, ничего не забыли! Мнѣ остается покамѣстъ поблагодарить васъ и достойно оцѣнить ваши услуги! Достаточно ли этого? Прибавлю, что это дѣло глубоко нравственное. Я всегда руководюсь путями Господа.

Тетка Пальмира могла бы и не произносить своей лицемѣрной тирады. Шарлю Ромѣну не было никакого дѣла до нравственныхъ побужденій американки. Онъ взялъ конвертъ, поблагодарилъ и удалился. Выходя, онъ заглянулъ въ конвертъ, нашелъ тамъ двѣ тысячи франковъ и остался доволенъ.

Въ тотъ же день Мари получила телеграмму отъ своей кузины и прочла ее Джэнь, которая грустно замѣтила:

— Сегодня нѣтъ писемъ! А у меня такъ тяжело на сердцѣ!

— Почему?

— Его послѣднее письмо было такое грустное. И потому мнѣ кажется, что мой отецъ съ каждымъ днемъ меня любитъ все меньше и меньше. Онъ не можетъ мнѣ простить, что я очень холодно принимаю ухаживанія принца де-Саллерна; отецъ за это сердится, тѣмъ болѣе, что ему хочется сдѣлать изъ меня

знатную даму, и онъ, вѣроятно, не скрываетъ отъ своихъ друзей своихъ честолюбивыхъ надеждъ. Если Марсель не поддержитъ меня, я не знаю что дѣлать, какъ поступить, какъ сопротивляться. Если бы онъ былъ въ Парижѣ! Если бы смѣла, я призвала бы его на помощь!

— Дорогое мое дитя! Бѣдная дѣвочка!

— А сегодня отъ него нѣтъ писемъ!

— Въ субботу будетъ. Моя родственница распорядилась, чтобы письма передавались намъ. Будь терпѣлива, весьма возможно, что твой отецъ, видя твою горе, уступить, не смотря на миссисъ Дерсонъ.

Мари жестоко ошибалась. Узнавъ отъ своей сестры все, что сдѣлано относительно получения писемъ и спокойный съ этой стороны, Гаррисъ послѣ завтрака остался одинъ съ своею дочерью и сказалъ ей ласково, по съ рѣшительностью, напугавшею бѣдную дѣвушку:

— Дорогая Джэнь, намъ пора искренно и прямо объясниться.

— Я слушаю тебя, отецъ,—печально отвѣчала Джэнь.

— Я пріѣхалъ изъ Чикаго не только развлекаться, на что я имѣлъ полное право послѣ моихъ трудовъ и при моемъ богатствѣ, но еще потому, что хотѣлъ увести тебя отъ дурныхъ вліяній и разомъ покончить съ твоимъ воображеніемъ. Когда твоя мать умерла, я пообѣщалъ ей три вещи: не разлучать тебя съ дѣвицей Бренъ; не беспокоить тебя относительно твоей религіи и выдать тебя замужъ за француза. Я сдержалъ два первыхъ обѣщанія...

— Да, но третье?..

Глаза Джэнь были полны слезъ, но отецъ ея сдѣлалъ видъ, будто не видитъ ихъ и продолжалъ:

— Этимъ обѣщаніемъ я вовсе не имѣлъ въ виду господина Рено. Это порядочный человекъ, хотя онъ злоупотребилъ моимъ гостепріимствомъ и слабостью твоей матери къ французамъ и сталъ держать себя женихомъ. Онъ хорошей семьи и у него прекрасная будущность, но такъ какъ онъ мнѣ не особенно нравился, я собралъ о немъ свѣдѣнія и узналъ, что онъ далеко не такой порядочный человекъ, какимъ мы его считали.

— Отецъ! Что ты хочешь сказать?

— О, онъ честный человекъ, но любить пожить, покутить! Мать его была рада удалить его изъ среды, въ которой онъ вращался. Конечно, это не отнимаетъ его хорошихъ качествъ, но я имѣлъ право заключить, что онъ играетъ комедію, чтобы заполучить богатую невѣсту,—а ты самая красивая, самая богатая изъ всѣхъ дѣвушекъ въ Чикаго. Ты помнишь, я хотѣлъ прекратить съ нимъ знакомство въ Чикаго, но у меня не хватило мужества запереть ему двери, и я поторопился отъѣздомъ.

— Этотъ отъѣздъ затѣяла миссисъ Дерсонъ! Она мнѣ не прощаетъ, что я отвергла ея попытки обращенія.

— Ты напрасно такъ отзываешься о своей теткѣ. Послѣ смерти твоей матери, она не касалась твоей религіи.

— Правда, но она на меня сердится, что я осталась католичкой и она навела тебя на мысль этого путешествія, чтобы разлучить меня съ господиномъ Рено, который тоже католикъ, она также внушила тебѣ идею сдѣлать то-же, что Картеръ.

— Нѣтъ, я объ этомъ сталъ думать послѣ нашего пребыванія въ Ньюпортѣ.

— Гдѣ умерла моя бѣдная мать!

— Да, и гдѣ всѣ эти богачи заперли пе-

редъ нами двери своихъ домовъ, какъ они ихъ раньше заперли передъ Картеромъ и его дочерью. Когда Элленъ сдѣлалась герцогиней Сабріа, самые гордые изъ этихъ богачей стали за ней ухаживать. Тогда я рѣшилъ, что и ты будешь титулованной дамой, а такъ какъ твоей матери я обѣщалъ выдать тебя за француза, я привезъ тебя въ Парижъ и представилъ тебѣ принца де-Саллерна, который, когда ты захочешь, будетъ твоимъ мужемъ.

— Я не люблю его!

— А любишь другого, недостойнаго тебя!

— Пока у меня не будетъ доказательствъ, я буду ему вѣрна и не выйду ни за кого замужъ.

— Ты такъ исполняешь одно изъ послѣднихъ желаній твоей матери! Не будемъ спорить. Можешь быть увѣрена, что насильно я тебя замужъ не выдамъ ни за кого, но ни въ какомъ случаѣ не хочу имѣть зятемъ господина Рено, и поэтому лѣто мы проведемъ гдѣ нибудь на берегу моря, а зиму въ Италіи.

— Ты разлюбилъ меня, отецъ.

— Ты съума сошла! Я тебя люблю по-прежнему, но я не люблю господина Рено, вотъ и все.

Джэнь закрыла лицо руками и горько плакала, Джо чувствовалъ, что не устоитъ, поспѣшно поцѣловалъ ее и трусливо удался.

Джэнь прошла къ себѣ и, рыдая, упала въ объятія Мари, которую сильно безпокоилъ секретный разговоръ отца съ дочерью. Однако, черезъ нѣсколько часовъ Джэнь мужественно сошла въ гостиную и вмѣстѣ съ теткой принимала гостей. Особенно она была любезна съ принцемъ де-Саллернъ,—она тоже составила свой планъ и въ душевной наивности задумала просить де-Саллерна добровольно отказаться отъ намѣренія просить ея руки. Долго она размышляла, какъ это сдѣлать,—не желая посоветоваться съ Мари Бренъ, потому что боялась возраженій и наконецъ, рѣшила написать де-Саллерну, только не сейчасъ, а хорошенько обдумавъ, и руководимая бессознательнымъ женскимъ лукавствомъ, была съ нимъ любезна, не воображая, что эта любезность усилитъ и укрѣпитъ его надежды. Максимъ Гаррисъ тоже замѣтилъ перемѣну въ ея обращеніи съ предполагаемымъ женихомъ и приписалъ вліянію своего краснорѣчія, тѣмъ болѣе, что сестра хвалила его твердость. Принцъ увѣрился, что его красота, его физическія и умственные качества, его настойчивость произвели, наконецъ, впечатлѣніе на молодую дѣвушку. Часъ спустя, онъ поспѣшилъ къ де-Марга и рассказалъ ему, что дѣла принимаютъ, наконецъ, удачный оборотъ.

— Такъ должно было кончиться,—сказалъ Арманъ,—теперь очередь за герцогомъ де-Можолемъ. Пора предупредить его о твоихъ намѣреніяхъ. О твоёмъ ухаживаніи за миссъ Гаррисъ начинаютъ сильно поговаривать; всѣ понимаютъ, что тутъ миллионы на сценѣ и бѣдной Реджи приходится выслушивать сочувственные сожалѣнія, которыхъ она, впрочемъ, принимаетъ съ достоинствомъ. Если герцогъ узнаетъ о твоёмъ сватовствѣ отъ постороннихъ лицъ, онъ обидится и дастъ это тебѣ почувствовать, когда нужно будетъ просить для тебя руки миссъ Гаррисъ.

— Я завтра-же отправлюсь къ герцогу.

И Робертъ написалъ герцогу де-Можолу, что на другой день въ два часа онъ придетъ къ нему по очень важному дѣлу. А затѣмъ вмѣстѣ съ Леной отправился обѣдать въ глухомъ ресторанѣ, тайно скрываясь.

На другое утро Робертъ, веселый и довольный собою, отправился къ герцогу де-Можю, который ждалъ его въ томъ же самомъ кабинетѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ напутствовалъ Роберта при вступленіи въ жизнь. Старикъ герцогъ зналъ о связи своего племянника съ Леной, — не прошло сутокъ послѣ того продолжительнаго обѣда, какъ слухъ о немъ проникъ въ клубы и за кулисы Оперы, и всѣ жалѣли этого бѣдняка Юліуса Маріеса, котораго дѣла такъ кетати потребовали въ Вѣну. Герцогъ де-Можоль былъ убѣжденъ, что страсть Роберта, человека съ такимъ холоднымъ сердцемъ, не продлится долго, а только пострадаетъ его маленькое состояніе... Онъ очень ласково встрѣтилъ Роберта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАУЧНЫЯ ПОВОСТІИ

Катающийся на колесахъ пароходъ «Эрнестъ Базень».

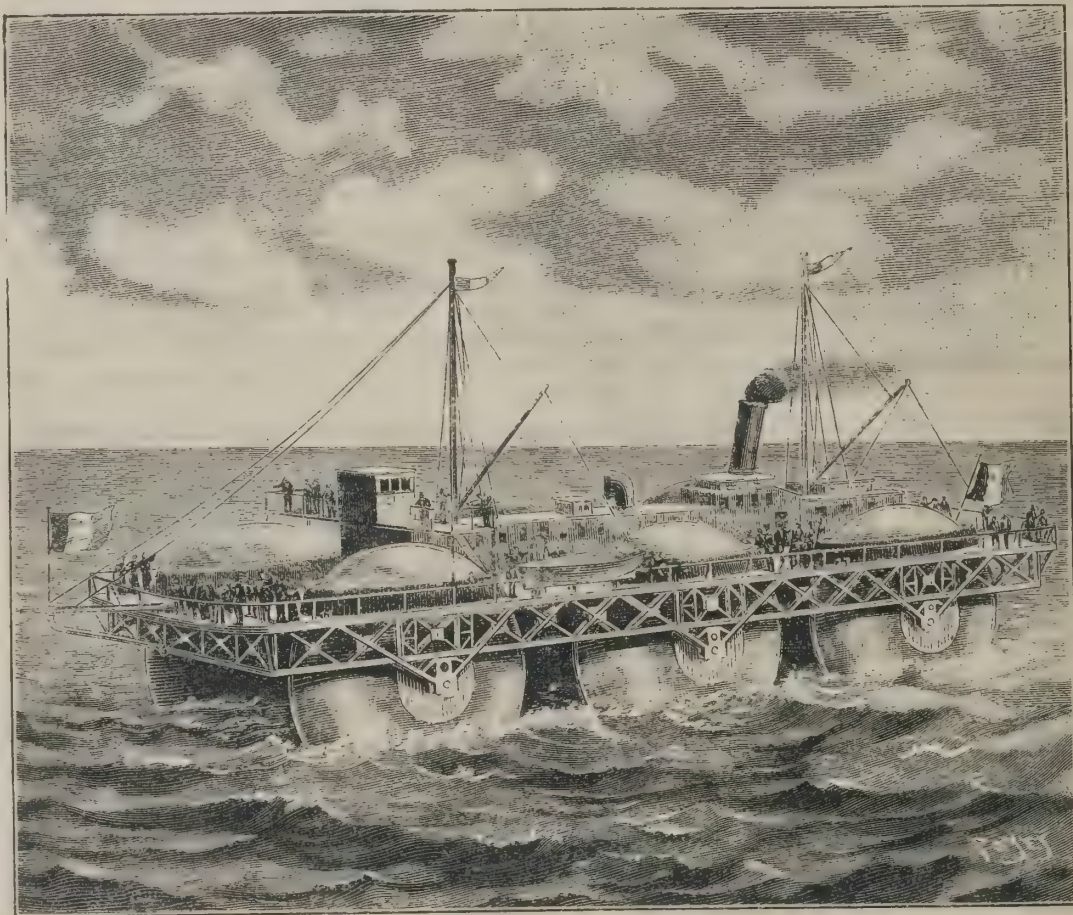
19-го (7-го) августа 1896 г. въ Сень-Денина Сень состоялся спускъ чрезвычайно оригинальнаго парохода, ничѣмъ не напоминающаго обыкновенныхъ паровыхъ судовъ, это пароходъ на колесахъ, рисунокъ котораго мы помѣщаемъ. Пароходъ названъ по имени своего изобрѣтателя инженера Э. Базенъ. Лица, самыя компетентныя въ дѣлѣ мореплаванія, надѣются достигнуть, при такой постройкѣ судовъ, наибольшей скорости движенія и наименьшихъ расходовъ топлива. Устройство «Эрнестъ Базенъ» весьма просто и въ то же время остроумно. Пароходъ движется по водѣ посредствомъ трехъ паръ колесъ, соединенныхъ осями, на которыхъ лежитъ корпусъ судна. Такимъ образомъ пароходъ ровно катится по водѣ, какъ вагонъ по рельсамъ. Громадины и внутри полныя колеса съ гладкимъ кругомъ держатъ судно на водѣ, въ которую дно парохода опускается весьма не глубоко. Колеса, приведенныя въ движеніе, катятся по поверхности воды, какъ колеса сухопутнаго экипажа, а пароходный винтъ, погруженный въ воду, служитъ двигателемъ судна. Колеса и винтъ, дѣйствуя совместно, даютъ пароходу возможность чрезвычайно быстро двигаться, такъ что скорость движенія можетъ достигнуть до 40 узловъ въ часъ. Инженеръ Базень около двадцати лѣтъ работалъ надъ своимъ изобрѣтеніемъ, но, не имѣя средствъ, не могъ построить большого судна, пока наконецъ, группа американскихъ миллионеровъ-изобрѣтателей не дала ему миліона, на который онъ и построилъ свой пароходъ. «Эрнестъ Базень» имѣетъ вмѣстимость въ 280 тоннъ и состоитъ изъ четырехъ угольной платформы въ 57½ аршинъ длины и 18¼ арш. ширины, вѣситъ 160 тысячъ килограммовъ (около 1000 пуд.) и имѣетъ видъ громадной повозки. Его должна приводить въ движеніе машина въ 550 лошадиныхъ силъ, и, кромѣ того, каждая пара колесъ приводится въ ротаціонное движеніе 50 силами, итого 150 силъ. Спущенный на воду корпусъ «Эрнеста Базенъ» отвезутъ въ Руанъ для постановки на немъ котловъ и верхней палубы, а оттуда въ Діепъ и Гавръ, откуда онъ отправится въ Лондонъ. По расчетамъ Базенъ, такой пароходъ можетъ пройти путь изъ Гавра въ Нью-Йоркъ, употребивъ только 100 часовъ.

Въ полѣ. Съ картины художника Дейнеке.

Ската рожь. Много измучилось жницъ надъ густыми золотыми нивами, и много тяжелыхъ сноповъ нависали трудолюбивыя руки деревенскихъ работницъ. И вотъ нивы густыхъ волнъ спѣлаго хлѣба, по всему полю разстилается щетинисто желто-зеленое жинво, низко срыпанное острыми серпами. По межамъ зеленеетъ густая спѣлая трава. И вотъ на это жинво выпустили деревенское стадо. Прѣжній выгонъ уже выщипленъ и обѣденъ скотиною до самыхъ корней... Поэтому скотъ чувствуетъ себя очень пріятно на новомъ пастбищѣ, гдѣ много еще травы. Выхвѣтъ со стадомъ на жинво приѣхали и ребятишки съ дѣвчонками изъ деревни. Они рвутъ оставшіеся васьляки, ваяются по колючему жинву и заводятъ веселыя прыжки. Вдалекѣ видѣются вѣтренныя мельницы; около навалены такъ называемыя «бабки» ржи, т. е. снопы, особо сложенные въ видѣ маленькихъ конусовъ неправильной формы. Эта деревенская картинка производитъ мирное отрадное впечатлѣніе, чему, конечно, способствуетъ талантъ художника.

Съ яблоками. Съ картины художника Р. Эшштедта.

Нынная красавица, съ ея густыми волнами роскошныхъ черныхъ кудрей, съ ея пылыми губами и яркими блестящими глазами и-м-же въ полномъ служить олицетвореніемъ роскошной плодородной осени. Иностранный художникъ, вѣрно, это и имѣлъ въ виду, такъ-какъ изобразилъ красавицу съ корзиною спѣлыхъ плодовъ въ рукахъ. Весело улыбаясь, предлагаетъ красавица кушать яблоковъ и сама она также

Катающийся на колесахъ пароходъ «Эрнестъ Базень».

правится въ Лондонъ. По расчетамъ Базенъ, такой пароходъ можетъ пройти путь изъ Гавра въ Нью-Йоркъ, употребивъ только 100 часовъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Свѣжѣть. Съ картины художника Н. А. Сертева (выставка картинъ въ Императорской академіи наукъ 1896 года).

Съ утра уже подулъ свѣжій вѣтерокъ и зарылъ гладкую, какъ стекло, до того поверхность моря. Вотъ уже на горизонтѣ показались облачка и тучки, и вѣтеръ окрѣлъ. Маленькая бухточка, песчаное мѣстечко берега, служившее обыкновенно пристанью для рыбачьихъ лодокъ, опустѣло. Опытный глазъ береговыхъ жителей сразу угадалъ приближеніе бури. Вотъ и рыбачьи лодки вытасканы подалѣ на берегъ, чтобы ихъ не слесало волнами и не разбило о ближайшіе камни. А море все закипаетъ, все хмурится. Свѣжѣть вѣтеръ, уже заходилъ, звонко разсыпаясь, бѣлые гребешки, окаймляя черно-зеленыя бѣгущіе въ безпорядкѣ валы. А вдали видна тонкая струйка пароходнаго дыма. Видно, что и большой сильный пароходъ спѣшитъ уйти поскорѣе отъ наступающей непогоды. Скоро, скоро хватить по всему заливу суровый шквалъ и зареветъ, какъ дикій вѣтеръ, разгнѣванное море.

Моросить. Оригинальный рисунокъ художника А. Шильдера.

Много разъ наши подчитчики встрѣчали на страницахъ «Живописнаго Обозрѣнія» снимки съ рисунковъ перомъ талантливаго художника А. Шильдера. Художникъ выбираетъ для сюжета картины уютный мечтательный лѣсной уголокъ, или заутытый садъ, укромную полянку. На этотъ разъ А. Шильдеръ нарисовалъ пустынную прогалину въ хвойномъ лѣсу. Срубленные кѣмъ-то и брошенные на произволъ судьбы стволы сосенъ и елокъ заросли мхомъ и сорняками. Песчано-глинистая почва изрыта не большими оврагами и трещинами. И надо всѣмъ этимъ унылымъ видомъ развѣривается, печально и сумрачно, пологъ дождливаго осенняго неба. Дождикъ не летитъ, а что называется «мороситъ», т. е. сыплется надолгой мелкой пронизывающею пылью. Это самый докучный, самый долгій дождикъ. Мокнуть стволы поваленныхъ деревьевъ, мокнуть мохъ и отсырѣли до самыхъ корней приунывшія сосны да елки. Съ пронзительнымъ крикомъ летятъ двѣ изможденныя птицы, лица убѣжища отъ сырой погоды. А дождикъ все мороситъ и мороситъ «медленно и ровно». Скученъ такой дождливый день и въ городѣ, а еще скучнѣе въ пустынномъ лѣсу.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Путешествіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Отѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Тринадцатаго авг. въ 10 час. 30 мин. пополудни, послѣдовала отѣздъ Ихъ Величествъ Государи Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны за границу—въ Вѣну. Проводить Ихъ Величества собрались на вокзалъ министръ внутреннихъ дѣлъ сенаторъ Горемыкинъ, временно управляющій министерствомъ путей сообщенія ген.-лейт. Петровъ, помощникъ министра Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ баронъ Фредериксъ, генералъ-адъютанты и лица Государевой свиты изъ живущихъ въ Петергофѣ. Сопровождали Ихъ Величествъ въ Вѣну: министръ Императорскаго Двора ген.-адъют. графъ Воронцовъ-Дашковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ статсъ-секретарь князь Лобановъ-Ростовскій, командующій Императорскою главною квартирою ген.-адъют. Рихтеръ, дворцовый комендантъ ген.-адъют. Гессе, въ должности гофмаршала фл.-адъют. графъ Бенкендорфъ, флигель-адъютанты князь Оболенскій и князь Долгорукій, лейбъ-хирургъ Гиршъ; при Ея Величествъ статсъ-дама свѣтлѣйшая княгиня Голицына, гофмейстерина и фрейлина Е. П. Васильчикова, состоящій при Ея Величествъ гофмейстеръ графъ Гендриковъ—инспекторъ Императорскихъ поѣздовъ инженеръ д.с.с. камергеръ Копыткинъ, камеръ-юнкеры Мамонтовъ и Дюбрейль-Эшанпаръ, секретарь министра Императорскаго Двора.

Прибытіе въ Вѣну.—16-го августа Вѣна встрѣчала Высокихъ Гостей. Не взирая на ранній часъ и проливной дождь, тысячи народа направлялись на Пратеръ и Рингъ-Штрассе. Къ семи часамъ утра дождь пересталъ лить, но погода была пасмурная. Къ восьми часамъ выстроились войска на указанныхъ мѣстахъ, образовавъ на пространствѣ трехъ километровъ отъ вокзала Сѣверной желѣзной дороги до вѣзда въ Гофбургъ трехшереножныя шпалеры по обѣимъ сторонамъ пути. За рядами солдатъ стояла густая, безчисленная толпа, ожидающая прибытія Ихъ Величествъ. Съ восьми часовъ утра ули-

цы отъ дворца до вокзала были заняты шпалерами войскъ, за которыми стояли массы народа. Къ 9½ часамъ на вокзалѣ собрались эрцгерцогини, эрцгерцоги, генералитетъ, придворныя дамы, кавалеры и русское посольство. На дебаркадерѣ построился почетный караулъ отъ пѣхотнаго полка имени императора Александра I, шефомъ котораго со-

Daumont; въ первомъ оба императора, во второмъ обѣ императрицы. Громкое восторженное ура войскъ и народа раздавалось на всемъ пути отъ вокзала до дворца. По всему пути отъ вокзала до дворца дома украшены флагами, построены арки въ русскомъ стилѣ и стояли войска шпалерами; музыка играла русскій гимнъ. Во дворцѣ представились Го-

сударю министры и высшіе придворные чины, послѣ чего Ихъ Величества завтракали со свитою у російскаго посла, а затѣмъ дѣлали визиты эрцгерцогамъ и эрцгерцогинямъ.

СОВРЕМЕННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

МИНИСТРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ
Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій.

(Скончался въ ночь на 19-е августа 1896 г.).

стоитъ Государь, со знаменемъ и музыкой. Въ десять часовъ прибыли австрійскіе императоръ и императрица, кронпринцесса Стефанія. Императоръ былъ въ русской генеральской формѣ съ андреевскою лентой. Въ такой же формѣ былъ эрцгерцогъ Лудвигъ-Викторъ; Францъ Фердинандъ—въ русскомъ драгунскомъ мундирѣ. Въ 10½ часовъ подошелъ императорскій поѣздъ. Музыка заиграла русскій гимнъ. Первою вышла изъ салонъ-вагона Государыня, потомъ Государь въ австрійскомъ мундирѣ своего полка. Послѣ взаимнаго привѣтствія монарховъ и обхода почетнаго караула послѣдовало представленіе свиты. Съ вокзала ѣхали въ экипажахъ а ла

второмъ мнѣ пріятно видѣть новый залогъ связующей насъ дружбы, я пью за здоровье Ихъ Величествъ Императора и Императрицы Всероссийскихъ. Государь Императоръ Николай Александровичъ отвѣтилъ: «Принося вашему величеству благодарность за любезную встрѣчу, которую вы Намъ устроили, я пью за здоровье ихъ величествъ императора австрійскаго, короля венгерскаго и императрицы королевны».

Спектакль въ оперѣ.—Торжества въ первый день пребыванія здѣсь Государи Императора и Государыни Императрицы оканчивались великолѣпнымъ спектаклемъ въ оперѣ.

Многочисленная публика ожидала прибытія Ихъ Величествъ въ примыкающихъ къ театру улицахъ. Въ Императорскую ложу Государыня Императрица вошла подъ руку съ Императоромъ Францемъ-Иосифомъ. Государь Императоръ велъ эрцгерцогиню Марію-Иозефу замѣшавшую австрійскую императрицу. Эрцгерцогиня Марія-Иозефа заняла мѣсто по лѣвую руку Государыни Императрицы; Государь Императоръ сидѣлъ рядомъ съ эрцгерцогиней Маріей-Иозефой, имѣя по лѣвую сторону отъ себя эрцгерцогиню Изабеллу. По правую руку Государыни Императрицы находился императоръ Францъ-Иосифъ, далѣе эрцгерцогъ Оттонъ-Фридрихъ. Во второмъ ряду сидѣлъ эрцгерцогъ Евгений. При появленіи Ихъ Величествъ публика поднялась со своихъ мѣстъ. Ихъ Величества внимательно прослушали оперу Массенэ «Manon», за которой слѣдовалъ балетъ «Wiener Walzer». Во время пребыванія Ихъ Величествъ въ Вѣнѣ Государю Императору были откомандированы: фельдцейхмейстеръ принцъ Рудольфъ Лобковицъ; полковникъ фонъ-Пфлюгъ, комендантъ пѣхотнаго полка Александра I Императора Всероссійскаго № 2, полковникъ фонъ-Кивешъ, комендантъ уланскаго полка Николая II Императора Всероссійскаго № 5 и флигель-адъютантъ майоръ кн. Дитрихштейнъ. Къ Государыне Императрицѣ откомандированы: кн. Николай Пальффи и гр. Карлъ Траутмэнсдорфъ.

Обѣдъ въ Линцскомъ замкѣ.—Утромъ, 16-го августа, Государыня Императрица посѣтила музей въ Гофбургѣ, затѣмъ принимала эрцгерцогиню Марію-Иозефу и въ 3 ч. пополудни съ вдовствующей кронпринцессой Стефаніей, въ открытомъ экипажѣ, отбыла въ Линцскій замокъ. По всему пути дома были празднично убраны. Публика, собравшаяся въ громадномъ числѣ, восторженно привѣтствовала Ея Величество кликами, на которые Государыня отвѣчала поклонами. Въ Линцскомъ дворцѣ собрались: Государь Императоръ, прибывшій съ охоты, австрійскій императоръ и остальные приглашенные къ обѣду особы. По случаю прибытія русской Императорской Четы замокъ роскошно украсили. Мраморный залъ и терраса были обращены въ цвѣточный лугъ. Обѣдъ состоялся въ 4 ч. пополудни въ тѣснѣйшемъ семейномъ кругу. Участвовали: Русская Императорская Чета, австрійская императорская чета, эрцгерцогини Стефанія, Марія Иозефа и Изабелла, эрцгерцоги Францъ-Фердинандъ, Оттонъ, Людвигъ-Викторъ, Иосифъ-Фердинандъ, Фридрихъ, Евгений и Иосифъ-Августъ. Во время обѣда хоръ егерей исполнилъ нѣсколько музыкальных пьесъ.

Концертъ въ Гофбургѣ.—Шестнадцатого же состоялся концертъ въ роскошно убранной редутой залѣ Гофбурга, на которомъ присутствовали Государь Императоръ, Государыня Императрица, императоръ Францъ-Иосифъ, эрцгерцоги, эрцгерцогини, придворные и государственные сановники, министры, всѣ дипломаты и высшая аристократія. Августѣйшія особы прибыли въ залъ въ половинѣ девятаго часа. Императоръ Францъ-Иосифъ велъ Государыню Императрицу, Государь Императоръ — эрцгерцогиню Марію-Иозефу. Государыня заняла мѣсто между Государемъ и императоромъ Францемъ-Иосифомъ. Послѣ перваго отдѣленія концерта эрцгерцогиня Марія-Иозефа представила Ея Величеству нѣкоторыхъ дамъ изъ аристократіи, въ то время, какъ графъ Голуховскій

представлялъ Государю Императору дипломатовъ, при чемъ Его Величество отличилъ бесѣдой французскаго посла Лозе. Концертъ начался съ увертюры къ оперѣ «Оберонъ» подлѣ управленіемъ придворнаго капельмейстера Рихтера. Пьеса была исполнена блистательно. Въ программу концерта вошли между прочимъ «Камаринская» Глинки и «Патетическая Симфонія» Чайковскаго. Августѣйшія особы внимательно слушали мастерское исполненіе. Государь Императоръ выразилъ полнѣйшее одобреніе за игру на виолончели придворному оперному капельмейстеру Гельмесбергеру. Въ концертѣ участвовали пѣвцы придворной оперы г-жи Маркъ, Форстеръ и Валькеръ и пѣвцы придворной оперы гг. Шредтеръ и Рейхманъ. Исполнены были аріи изъ оперъ «Heimchen am Herd», «Evangelmann», «Walküre», «Freischütz» и пѣсни Шуберта.

Парадъ войскъ въ Шмельцѣ.—17-го августа, въ 9 часовъ утра, въ Шмельцѣ начался парадъ войскамъ. Въ парадѣ участвовало 42 батальона пѣхоты, 38 эскадроновъ, отрядъ новобранцевъ, обозный полкъ и 76 орудій. Войска расположились четырьмя колоннами. Дипломатія и аристократія, для которыхъ оставлено было отгороженное мѣсто, явились на парадъ въ большомъ числѣ. Всѣми войсками командовалъ австрійскій императоръ, прибывшій изъ Бурга въ Шмельцъ, куда четверть часа спустя прибылъ Государь Императоръ, затѣмъ Государыня Императрица, эрцгерцогини Марія-Иозефа, Изабелла и Августа. Эрцгерцоги Оттонъ и Евгений находились при своихъ частяхъ. Австрійскій императоръ въ маршальскомъ мундирѣ при орденѣ св. Андрея Первозваннаго верхомъ прибылъ къ мѣсту парада въ 7 час. 45 мин. и былъ встрѣченъ эрцгерцогами Иосифомъ-Фердинандомъ, Фридрихомъ, Иосифомъ-Августомъ, неучаствующими въ парадѣ генералами и офицерами и иностранными военными агентами. Собравшаяся въ громадномъ числѣ публика встрѣтила императора восторженно бурнымъ «hoch». Въ 8¼ ч. громовое hoch возвѣстило о приближеніи Русской Императорской Четы. Государыня Императрица прибыла вмѣстѣ съ эрцгерцогиней Маріей-Иозефой въ коляскѣ à la Daumont при почетномъ эскортѣ. Обѣздъ фронта продолжался ¾ часа, послѣ чего австрійскій императоръ провелъ 11 драгунскій полкъ предъ Государемъ Императоромъ. Затѣмъ дефилировали остальные войска. Когда приблизился полкъ имени Императора Александра II, шефомъ котораго состоитъ Государь Императоръ, Его Величество сталъ во главѣ полка и провелъ его предъ австрійскимъ императоромъ. Прохожденіе войскъ прошло превосходно, вызвавъ общее восхищеніе.

Отѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Вѣны.—Въ субботу, 17 августа, Высokie Гости отбыли изъ Вѣны. До прибытія на Сѣверный вокзалъ Ихъ Величествъ, эрцгерцоговъ и эрцгерцогинь тамъ собралась вся свита. Австрійская императрица прибыла за ¾ ч. до отѣзда Русской Императорской Четы и прослѣдовала въ императорскіе покои, куда позже прибыли кронпринцесса Стефанія и кавалеры, назначенные состоять при Государѣ Императорѣ и Государыне Императрицѣ. Члены русскаго посольства съ дамами ожидали прибытія Ихъ Величествъ на дебаркадерѣ. Въ исходѣ 11-го часа прибыли Государыня Императрица, эрцгерцогини и эрцгерцоги, а въ 11 ч. оба Императора, встрѣ-

ченные кликами «hoch». Сердечно распростились съ эрцгерцогами въ Императорскихъ покояхъ, Ихъ Величества вышли на дебаркадеръ, гдѣ Императоры дважды облобызались. Австрійскій императоръ сопровождалъ Государыню Императрицу до вагона. Государь Императоръ слѣдовалъ за ними. Императоръ Францъ-Иосифъ остался у вагона, и когда поѣздъ тронулся, Ихъ Величества вторично обмѣнялись поклонами. Назначенные состоять при Ихъ Величествахъ кавалеры сѣли въ поѣздъ, изъ котораго вышли въ Бизенцъ. Русскій военный агентъ Воронинъ сопровождалъ поѣздъ до границы.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Прибытіе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Кіевъ.

Девятнадцатаго августа Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна въ 10 час. утра прибыли въ Кіевъ и были торжественно встрѣчены при ликоваціи всего населенія. Городской голова Сольскій привѣтствовалъ Ихъ Величества слѣдующими словами: «Кіевляне рады и счастливы привѣтствовать Ваши Императорскія Величества хлѣбомъ-солью при вѣздѣ въ этотъ городъ, который былъ первой колыбелью самобытной жизни русскаго народа».

— Двдцатаго августа состоялось освященіе новаго собора св. Владиміра въ Кіевѣ. Торжество началось всенощнымъ бдѣніемъ, совершеннымъ митрополитомъ на канунѣ, въ присутствіи оберъ-прокурора св. сѣнода. При колокольномъ звонѣ Ихъ Величества вошли въ соборъ, причемъ на панерти были встрѣчены митрополитомъ съ крестомъ и святой водой. Приложившись къ кресту, Ихъ Величества вошли въ центральный алтарь и стали по правую сторону. Митрополитъ, намѣстникъ лавры Выдубицкій, архимандритъ, ректоръ семинаріи и кафедральный протоіерей съ прочимъ духовенствомъ начали освященіе престола, въ углубленіе котораго затѣмъ вложены частицы св. мощей. Затѣмъ, изъ собора тронулся крестный ходъ; впереди шли пѣвчіе, за ними псаломщикъ съ фонаремъ, діаконы съ древнимъ запрестольнымъ крестомъ изъ Кіево-Печерской лавры, далѣе шли 18 священниковъ со св. иконами, семь архіереевъ и восемь архимандритовъ съ возжженными свѣчами. Митрополитъ несъ на главѣ св. мощи. За духовенствомъ шли Ихъ Величества и Ихъ Высочества со свитой, держа въ рукахъ зажженные свѣчи. Предъ митрополитомъ иподіаконы несли знаки митрополитскаго сана. Какъ только показался крестный ходъ изъ собора, грянулъ салютъ изъ пушекъ, и музыка заиграла «Коль славець». Крестный ходъ обошелъ вокругъ собора, послѣ чего все духовенство сгруппировалось противъ главнаго входа, имѣя впереди архіереевъ. Ихъ Величества вошли въ соборъ и встали по лѣвую сторону противъ алтаря. Вокругъ Ихъ Величествъ сгруппировались всѣ министры и свита. Началась торжественная литургія съ возгласеніемъ многолѣтія Ихъ Величествамъ, Наслѣднику и всему Царствующему дому. Во время пѣнія многолѣтія произведенъ былъ вторично салютъ изъ пушекъ. Затѣмъ была пропѣта «Вѣчная память» Императорамъ Николаю I, Александру II и Александру III. При пѣніи «Вѣчная память» всѣ опустились на колѣна.

— Соборъ Владиміра, на торжество освященія котораго прибыли Ихъ Императорскія

Величества, окончень, мелочи оканчиваются подъ руководствомъ Прахова и Васнецова. Соборъ является памятникомъ четырехъ царствованій—онъ былъ задуманъ при Николаѣ I, заложенъ при Александрѣ II, оконченъ черезъ 34 года. При закладкѣ митрополитъ Арсепій сказалъ: «Возстань, древледержавный Кіевъ, изъ праха твоего многовѣковаго забвенія въ ряду столицъ міра знаменитыхъ и, облекшись въ ризы свѣтлыя, попрежнему послѣши навстрѣчу твоему князю любимому Владимиру, Солнцу Красному». Соборъ заложенъ по плану академика Беретти, достроенъ Бернгардомъ и Николаевымъ, внутренними работами руководилъ профессоръ Праховъ, живопись въ соборѣ Васнецова, Свѣдомскаго, Нестерова, Пимоненко и Мамонова, бронза — товарищества Постникова. Храмъ построенъ въ стилѣ византийскомъ. Соборъ расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ въ лучшей и очень живописной части великаго Кіева. Напоминаая своимъ видомъ византийскую базилику, соборъ этотъ имѣетъ форму креста и состоитъ изъ трехъ наосовъ (кораблей), изъ которыхъ средний почти вдвое болѣе боковыхъ. Снаружи соборъ окрашенъ въ два цвѣта: общая, главная поверхность стѣнъ свѣтло-желтаго цвѣта, а лѣбныя украшенія, орнаменты, колонки и барельефы — темно-кофейнаго. Семь куполовъ собора ярко вызолочены. Главныя западныя врата храма — массивныя, изъ позолоченной бронзы, поражаютъ изяществомъ и строгой выдержанностью стили въ ихъ рисунокѣ. Въ центральной части вратъ сіяетъ лучезарный крестъ, по обѣимъ сторонамъ котораго видны фигуры святыхъ Владимира и Ольги. Въ среднемъ наосѣ находится главный алтарь, противъ котораго главный входъ въ соборъ.

браженіемъ помѣщено изображение «Преддверіе рая»: среди сонма ангеловъ стоятъ архангелы Михаилъ, Гавріилъ и Рафаилъ, охраняющіе двери рая, въ который стремятся толпы праведниковъ, и среди нихъ рѣзко выдѣляется Марія Магдалина, великомученицы Варвара, Екатерина и др. Въ углахъ, образуемыхъ арками главного купола помѣщены изображенія евангелистовъ Матвея, Марки, Луки и Іоанна. На столбахъ главного наоса расположенъ цѣлый рядъ нашихъ святыхъ князей: Михаилъ Тверской, Михаилъ Черниговскій, Александръ Невскій, Борисъ и Глѣбъ, а среди нихъ рѣзко выдѣляется фигура перваго русскаго лѣтописца Нестора. На высокихъ сводахъ главного наоса тоже помѣщены изображенія, изъ которыхъ наиболѣе неотразимое впечатлѣніе производитъ Богъ Отецъ, окруженный всѣми своими ангелами, и простирающій, какъ-бы для благословенія, руки свои на міръ; на этомъ изображеніи сдѣлана надпись: «тако возлюбилъ Богъ міръ, яко Сына Своего Единороднаго далъ есть намъ». Кисти Свѣдомскаго принадлежатъ картины изображающія разные моменты послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа, какъ-то: «Воскресеніе Лазаря», «Входъ Господень въ Іерусалимъ», «Тайная вечеря», «Моленіе о чашѣ», «Христосъ передъ Пилатомъ» и «Крестная смерть Христа»; всѣ онѣ помѣщены надъ придѣлами и надъ входными свѣрными и южными дверями.

Кисти того-же художника принадлежитъ также прекрасно исполненное изображение «Вознесеніе Господне», помѣщенное на хорахъ. Художникъ Котарбинскій потрудился надъ украшеніемъ потолка боковыхъ наосовъ и представилъ рядъ изображеній въ послѣдовательномъ порядкѣ сотворенія міра. Стѣны алтарей верхнихъ наосовъ расписаны художникомъ Нестеровымъ; изъ изображеній, принадлежащихъ его кисти, считается наиболѣе лучшимъ большое изображение Рождества Христова.

КЪ ПОРТРЕТУ.

А. Б. Лобановъ-Ростовскій.

(Некрологъ).

Въ ночь на девятнадцатое августа, по дорогѣ изъ Вѣны, скончался нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій, который, вступивъ на свой важный постъ 27-го февраля 1895 года, т. е. всего полтора года тому назадъ—сумѣлъ вселить довѣріе къ иностранной политикѣ Россіи и сохранить дружественныя отношенія со всѣми державами, держа въ то же время твердой и энергической рукою бразды международныхъ отношеній. Князь Лобановъ-Ростовскій достигъ 72-лѣтняго возраста; онъ отличался кипучею дѣятельностью, особымъ дипломатическимъ искусствомъ и обширнымъ образованіемъ. Въ 1859 году князь Лобановъ-Ростовскій былъ посланникомъ въ Константинополь, и этотъ ответственный постъ онъ занималъ до 1863 года. Съ 1868 года до 1870 года—уже въ званіи посла—князь опять былъ представителемъ Россіи при Портѣ. Мирный договоръ 8-го февраля 1879 года между Турціей и Россіей состоялся тоже при дѣятельномъ участіи князя Лобанова-Ростовскаго. Затѣмъ, въ ноябрѣ 1879 года князь Лобановъ-Ростовскій замѣнилъ нашего посла при лондонскомъ дворѣ П. А. Шувалова и оставался тамъ до 1882 года. Послѣ Лондона князь Лобановъ-Ростовскій былъ посломъ въ Вѣнѣ, а затѣмъ получилъ было назначеніе въ Берлинъ, но не вручалъ даже своихъ грамотъ. По востшествіи на престолъ императора Николая Александровича князь былъ командированъ въ Римъ для объявленія папѣ Льву XIII объ этомъ важномъ событіи. Долгая дѣятельность на дипломатическомъ поприщѣ выказала въ яркомъ свѣтѣ всѣ способности, всю опытность и умѣніе этого государственнаго дѣятеля, потеря котораго оставляетъ значительный пробѣлъ въ рядахъ нашихъ дипломатовъ. Твердая и искусная политика князя Лобанова-Ростовскаго, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, привела къ еще болѣшему укрѣпленію

франко-русской дружбы, къ сближенію съ Германіей и Австріей. Въ настоящую поѣздку Ихъ Величествъ въ Вѣну князь сопровождалъ Высокихъ Гостей и велѣ дѣятельныя сношенія съ представителями иностранныхъ державъ. Смерть захватила даровитаго дипломата на посту, среди кипучей дѣятельности на пользу родной земли. И родина и весь дипломатическій міръ много потеряли со смертью князя Лобанова-Ростовскаго.

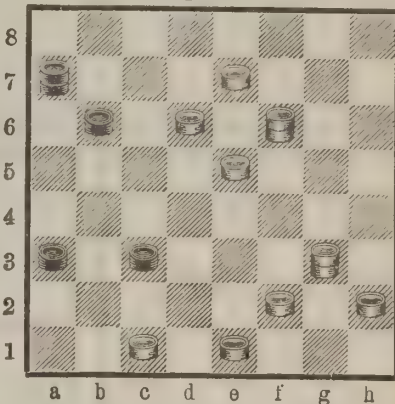
ШАШКИ.

Подъ редакціею В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 23.

Е. Ф. Андреевна (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и двѣ простыя.

ЭТЮДЫ И ОКОНЧАНІЯ ПАРТІЙ.

№ 9. Н. Панкратова.

Изъ «Шахматнаго Обзорія» 1892 г.

— b6, b8, d2.

— b2;

— g7.

Выигрываетъ.

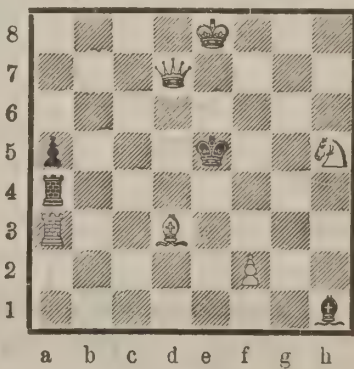
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 23.

Ж. Хиткота (въ Англіи).

Первый призъ на конкурсѣ «English Mechanic».

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЯ ШАХМАТНЫХЪ ЗАДАЧЪ.

- № 15. Кайданскаго. 1. Ф d8—f8, ∞; 2. Ф, Л или КХ.
 № 16. Вильямса. 1. К g2—f4, ∞; 2. Ф, С или КХ.
 № 17. Немо. Ф c8—d8, c5: d4; 2. Ф d8—f8+ и 3. ПХ 1... c5—c4; 2. Ф d8—f5+ и 3. СХ. 1... b5—b4; 2. b2—b3, ∞; 3. Ф или ПХ.
 № 18. Йонсона. 1. Ф h2—h6, ∞; 2. Ф, С или КХ.
 Рѣшители: К. Подольскій, Е. Ф. Андреевъ (Спб.), И. В. Петровъ (Кострома), Н. А. Вологинъ (Симбирскъ) и П. Н. Поповъ (Саратовъ)—всѣ; М. Т. Левской (Новгородъ)—№ 15 и 18; Н. Ф. Бѣлавинъ (Новгородъ)—№ 16; А. И. Знаменскій (Тверь)—№ 18; А. А. Семеновъ (Спб.)—№ 17.

За редактора—издатель С. Добролюбевъ.

Живопись Собора св. Владимира въ Кіевѣ.—Лучшимъ украшеніемъ великолѣпнаго кіевскаго собора является его живопись, исполненная такими художниками, какъ Васнецовъ, Свѣдомскій, Котарбинскій, Нестеровъ. Главный алтарь храма расписанъ художникомъ В. М. Васнецовымъ. Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ кисти В. М. Васнецова считается колоссальный образъ, изображающій Богоматерь съ Іисусомъ Младенцемъ на рукахъ, витающую въ облакахъ среди сонма ангеловъ и херувимовъ. Величина этого образа громадная: изображеніе Богоматери равняется 12 аршинамъ, а вся площадь ея занимаетъ пространство въ нѣсколько десятковъ аршинъ.

По обѣ стороны этой иконы расположены ветхозавѣтные святые и пророки, пророчествующіе о пришествіи въ міръ Христа и объ исполненіи Имъ грѣховнаго человѣческаго рода. Въ нижней части алтаря находятся двѣ группы святыхъ новозавѣтныхъ, отцовъ русско-й и вселенской церкви, по шести изображеній въ каждой: слѣва—Василій Великій, Афанасій Александрійскій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, папа Климентъ и Николай Марліи́йскій, а справа — Антоній Печерскій, Сергій Радонежскій, Феодосій Печерскій, митрополитъ Алексій, Стефанъ Пермскій и митрополитъ Петръ. Подъ изображеніемъ Богоматери на заперстойной стѣнѣ въ полукругѣ помѣщено символическое изображеніе таинства евхаристіи. На этой стѣнѣ изображенъ Іисусъ Христосъ, держащій въ рукахъ хлѣбъ и чашу, и приобщающій апостоловъ, подходящихъ къ Нему съ благоговѣніемъ. Всѣ стѣны, своды и куполъ покрыты сплошь произведеніями кисти Васнецова: куполъ представляетъ небесный сводъ съ устоянными на немъ золотыми звѣздами, и на этомъ фонѣ рѣзко выдѣляется изображеніе Іисуса Христа, Который правою рукою благословляетъ міръ, а въ лѣвой держитъ закрытое евангеліе, на которомъ видно слѣдующее евангельское изрѣченіе: «Азъ есмь свѣтъ міру, ходяй по Мнѣ не имать ходити во тмѣ, но имать свѣтъ животный». Подъ этимъ изо-

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ ИНТЕРЕСНЫЙ РОМАНЪ

М. ТИХАНОВА (псевдонимъ).

«Романъ-быль «РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ» обнимаетъ почти полувѣковую жизнь одного извѣстнаго барскаго рода, въ семьѣ котораго происходила потрясающая жизненная драма. Характеры графа и графини Багрянскихъ, ихъ взаимныя отношенія, остальные дѣйствующія лица, трогательная судьба непризнаннаго сына, дѣлающагося впоследствии обладателемъ громкаго титула и миллионнаго состоянія,—все это заимствовано изъ дѣйствительнаго случая и семейныхъ документовъ, а также устныхъ разсказовъ участниковъ и личныхъ воспоминаній автора».

Романъ этотъ принадлежитъ перу одного изъ извѣстныхъ русскихъ писателей, пожелавшаго подписаться псевдонимомъ (384 страницы, отпечатанныхъ въ форматѣ „ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ“ и изящной оберткѣ).

Для подписчиковъ журнала «Живописное Обозрѣніе» цѣна—**ОДИНЪ РУБЛЬ**. Неподписчиковъ **1 р. 50 к.**

Выписывающіе изъ Главной конторы за пересылку не платятъ. Книги высылаются съ первото почтою по полученіи денегъ.

Требованія просятъ адресовать въ Главную контору журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ».

СПБ., НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТЪ, ДОМЪ № 68—40.

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы новое изданіе романа

ЭМИЛИЯ ЗОЛЫ „ПОГРОМЪ“

Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп. Въ книгѣ 568 страницъ.

Предлагаемый романъ извѣстнаго талантливаго французскаго писателя полонъ самымъ живымъ интересомъ, гдѣ, между прочимъ, авторъ художественно знакомитъ читателя съ причинами и со всеми ужасами военныхъ дѣйствій, происшедшихъ опустошительнымъ ураганомъ по Франціи въ 1870—1871 годахъ.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Требованія исполняются съ первой почтой, но только при полученіи денегъ. Для удобства покупателей стоимость книгъ можетъ быть выслана почтовыми марками.

Складъ изданія при конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“

Невскій пр. у Аничкина моста, д. 68—40.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

„ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА“.

Романъ изъ жизни червонныхъ вѣзетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Всякаго рода и лучшаго качества рекоманд. въ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петрова, домъ Волкова.
НИЖЕГ. ЯРМ Главн. домъ № 6.
ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ.

Фирма премірована на европейскіхъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

ДЛЯ ВОЛОСЪ. БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ

Косметика А. Энглундъ.

средство для волосъ, освежаетъ голову, ную кожу. Цѣна флак. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. 2 флакона съ перес. 3 р. 50 к.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подписи: «А. Энглундъ» красными чернилами и маркою С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ.—Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ** С.-Петербургъ, Михайловская пл., д. ЖЕРБИНА, № 3.

ОСТЕРЕГАТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться писемно: Банкирскій д. мѣ Генрихъ Блюмъ. —4 СПБ., Невскій, 59. № 2261.

ЗАИКАНИЕ

Выдѣляется основательно въ спеціальн. заведеніи Карла Эрнста. Принимаются приходящіе и пансіонеры. СПБ., Невскій проспектъ, 100, кв. 7. Руководство въ самообученію 3 руб.

П. Борманъ

Вознесенскій пр. 38, ДЕПО РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО лучш. вѣдѣн. и загранич. фирмъ. Продажа и прокатъ на самомъ обширномъ основаніи.

ИЗВѢСТНОЕ БѢЛЫЕ

Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Привооруженъ Поставщикомъ

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвигтъ

извѣстно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штукъ только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой несприятностей. После употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохранилось даже при удлинномъ поношеніи. Необходимо для военныхъ, путешественниковъ и холостяковъ. Ниже поименованные представители сообщатъ, по желанію, гдѣ оно продается.

Санктъ-Петербургъ. Карлъ Шиммель. Садовая 18. С.-Петербургъ. Максъ Тишбейнъ. Рига. Фабіанъ Клингсландъ. Варшава. Оттонъ Вундербъ. Харьковъ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

„КОРОНАЦІОННЫЙ АЛЬБОМЪ“

ВЪ ПАМЯТЬ

Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Предлагаемый „Коронаціонный альбомъ“ отпечатанъ въ большомъ форматѣ на роскошной бумагѣ, съ массою рисунковъ и виньетокъ въ текстѣ и содержитъ въ себѣ историческіе очерки Св. Коронованія Русскихъ царей, начиная съ древнихъ временъ и кончая подробнымъ описаніемъ очевидцевъ всѣхъ торжествъ и празднествъ только что состоявшагося Св. Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Кромѣ того въ альбомѣ входятъ Высочайшіе акты, грамоты, слова и рѣчи, а также описанія историческихъ и современныхъ парскихъ регалій, дворцовъ, храмовъ, памятниковъ и мѣстностей, имѣвшихъ свое значеніе при Св. Коронованіи.

Въ „Коронаціонномъ альбомѣ“ читатель встрѣтитъ цѣлый рядъ большихъ оригинальныхъ и вѣрныхъ дѣйствительности художественно-выполненныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, изображающихъ всѣ выдающіеся моменты изъ торжествъ и процессій Священнаго Коронованія, а также виды дворцовъ, соборовъ, монастырей, памятниковъ, мѣстностей и портреты какъ историческихъ, такъ и современныхъ дѣятелей (духовныхъ и свѣтскихъ), принимавшихъ участіе въ церемоніи Св. Коронованія Ихъ Величествъ, причемъ многіе рисунки отпечатаны цвѣтными красками.

ПРИ „КОРОНАЦІОННОМЪ АЛЬБОМѢ“ БЕЗПЛАТНО ПРИЛАГАЮТСЯ:

1) ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ—ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА И ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ БЕОДОРОВНЫ въ коронаціонномъ облаченіи—коронахъ и порфирѣ, отпечатанные цвѣтными красками. 2) „КОРОНАЦІОННЫЙ МАРШЪ“ (для фортепiano), сочиненный Н. Артемьевымъ.

Цѣна альбома—**ДВА РУБЛЯ**. Въ изящной папкѣ—**2 р. 50 к.** Въ переплетѣ англійскаго шагреневаго каленкора и съ золотымъ тисненіемъ цѣна **ТРИ РУБЛЯ** (съ пересылкою).

Съ требованіями просятъ обращаться исключительно въ контору журнала „Живописное Обозрѣніе“.

СПБ. НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТЪ, у АНИЧКИНА МОСТА, д. № 68—40.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

КОНСУЭЛО.

(Consuelo).

Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣгнѣва. 460 стр.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЫ

ТОЛЬКО 5 Р.

Съ трепетнымъ, не игрушечнымъ, конемъ каждый, даже ребенокъ, можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч. съ подробными снимками и руководствомъ.

Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, Большая Морская 33. Заказы высыл. немедл. Можно и налож. платежомъ.

Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 14 коп. марку. 4946—4

ГИТАРЫ

въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. (отъ 7 р. съ механизмомъ для струнъ). Школа по 1 р., 1 1/2 р. и 3 руб.

ЦИТРЫ въ 8, 12, 20, 30, 40, 60, 80, 100, и 125 р. Школа самоучитель 2 р. и 3 руб.

МАНДОЛИНЫ въ 8, 15, 22, 30, 50, 75, 1-0 и 125 р. Школа-самоучитель 2 р.

Иллюстрированный прейс-курантъ безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО и ФАБРИКА

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 34. Москва, Кузнецкій м. д. Захарьина. Нижегородск. ярмарка, Главн. домъ № 59—60.

№ 35 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2 1/2 листовъ съ 10-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) «Еженедѣльная хроника» № 35-й.

Дозволено цензурою. СПБ., 23 АВГУСТА 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

со всеми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала „Домашняя Библіотека“:
НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. Заграницу на годъ 16 р.
Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургѣ — 7 р. 50 к. Въ Москвѣ — 7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

1) Желающіе получать самостоятельно книги журнала „ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА“ (безъ журнала „Живописное Обозрѣніе“), уплачиваютъ за годъ (съ доставкою) — 4 рубля.
За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ „Живописное Обозрѣніе“ безъ книгъ „Домашней Библіотеки“ — НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Получающіе журналъ съ разсрочкою взносовъ, добавляютъ къ объявленной подписной годовой цѣнѣ 50 коп. за напечатаніе адресовъ и другіе расходы.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

ПО ПОВОДУ ТОРЖЕСТВЪ ВЪ КІЕВѢ.

КІЕВЪ: СОВОРЪ СВ. СОФІИ.

КІЕВЪ.

Мать російскихъ городовъ—
Кіевъ древній, Кіевъ стольный
Загремѣлъ со всѣхъ концовъ
Мѣдной силой колокольный..

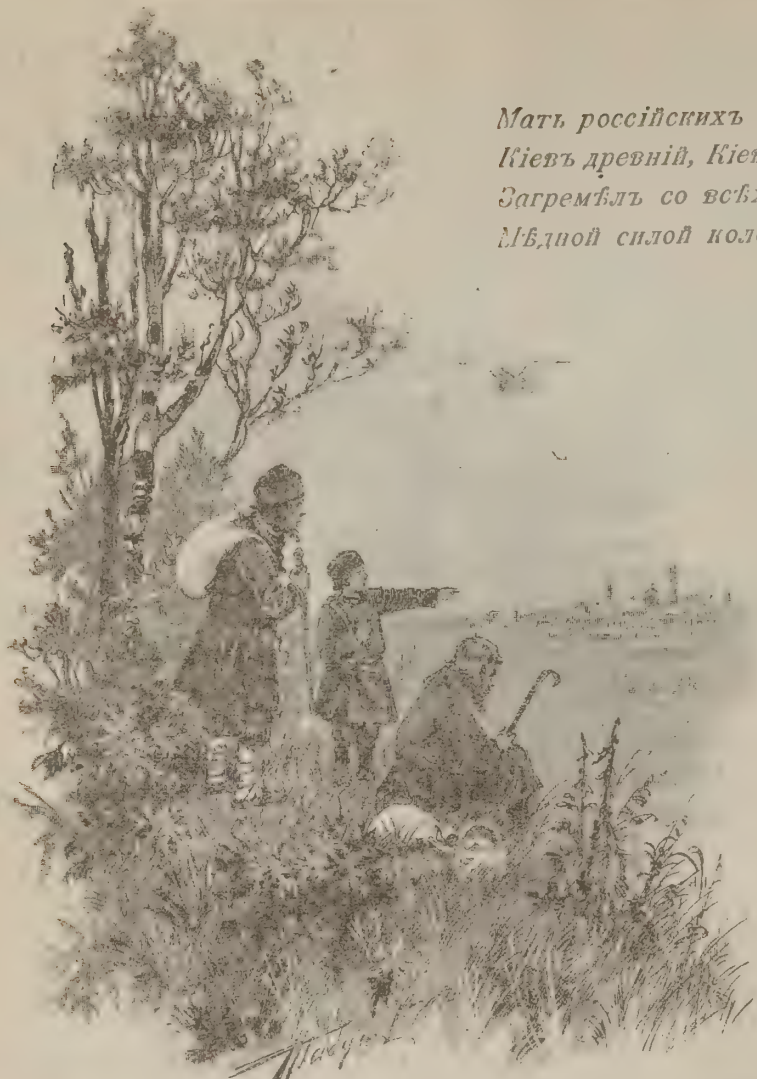
Освященъ богатый храмъ
Въ честь Владиміра Святого,
И горятъ по куполамъ
Стрѣлы солнца золотого.

Волны синяго Днѣпра,
Гдѣ неслись ладьи Олега,
Съ грузомъ всякаго добра
Изъ разгульнаго набѣга;

Горъ высокіе холмы,
Лавры тихія пещеры,
Гдѣ горитъ изъ давней тьмы
Ясный пламень чистой вѣры;—

Все ликуетъ, все поетъ;
Дышутъ ладаномъ святини
Вѣетъ ясный небосводъ
Духомъ Божьей благостини.

И народъ, огнемъ горя
Крестъ святой творя десницей,
Славить юнаго Царя
Съ молодой Его Царицей!.. В. Петровичъ.

ИТОГИ ЛѢТА.

Р а з с к а з ъ .

I.

— О, что за дѣнь! Mein Gott, was für ein gutes Wetter!— Оттонъ Оттоновичъ Бирке вздохнулъ, вынулъ изъ кармана пестрый носовой платокъ съ изображеніемъ желѣзныхъ дорогъ Россійской имперіи и, помѣстивъ свой красный и толстый носъ между Тулой и Рязанью, громогласно высморкался. Онъ стоялъ на крыльцѣ занимаемаго имъ въ усадьбѣ Запастьева флигеля и съ благодушнымъ взоромъ пятидесяти-лѣтняго толстяка похлопывалъ себя по круглому животу. Онъ только что позавтракалъ.

— Frühling, richtiger Frühling!— снова повторилъ онъ и даже опанулъ платкомъ свое коричневое отъ загара лицо, жирное, четвероугольное и въ высшей степени добродушное.

День былъ дѣйствительно великолѣпный, и, если-бы не начинающій сильно желтѣть листь на деревьяхъ, трудно было-бы повѣрить, что на дворѣ вторая половина сентября. Теплый воздухъ, весь пронизанный солнечнымъ сіяніемъ, былъ до того мягокъ, нѣженъ и ласковъ, до того полонъ животворныхъ силъ, что въ саду на сирени надувались вторыя почки. Этотъ воздухъ, казалось, имѣлъ свой запахъ и вкусъ и, касаясь человѣческой кожи, вызывалъ ощущение, похожее на то, которое происходитъ отъ прикосновенія шелковой ткани. Въ небѣ чистомъ и безоблачномъ цѣлыми станицами

летали, распластавъ крылья, грачи, и надъ дворомъ то и дѣло проносились ихъ гортанные крики, чередуясь порою съ мелодичными пошелкиваньями галокъ. А на дворѣ со-всѣмъ по вѣстному горланили пригрѣтые солнцемъ пѣтухи.

— Карошій дѣнь, — повторялъ Бирке и увидѣвъ шедшаго по двору своего помощника Кенсорина Кенсоринича Духовидцева.

— Керосинъ Керосиничъ!—крикнулъ онъ. Духовидцевъ, рыжий и веснушчатый молодой человѣкъ, не останавливаясь, шелъ по двору. Онъ очень сердился на то, что Оттонъ Оттоновичъ вѣчно коверкаетъ его имя.

— Керосинъ Керосиничъ, будьте-же наконецъ любезны, — настойчиво повторилъ Бирке.

Духовидцевъ остановился и, повернувшись въ поворотѣ къ Бирке, сердито отвѣчалъ:

— Я не Керосинъ, а Кенсоринъ! Кенсоринъ! Когда-же вы, наконецъ, перестанете коверкать мое имя? Каждый день одно и тоже, право же, это можетъ, наконецъ, надоесть!

Бирке всплеснулъ руками.

— Ахъ, скажите, пожалуйста, фи еще будете сердитыми! Но я не финофать, что фашъ маменька таль вамъ такой наименованій. Это наименованій не на мой языкъ! Не на мой, не на мой, — Бирке горячился и разводилъ руками.

— Однако, что же вамъ угодно? — спросилъ, сердясь и хмурясь, Духовидцевъ.

— Мнѣ угодно, — отвѣчалъ нѣсколько успокоенный Бирке, — мнѣ угодно, чтобъ фи приказалъ одному кучеръ приготовить два линейка! Дѣлайте же любезность, Керосинъ Керосиничъ!

— Кенсоринъ, — крикнулъ Духовидцевъ, блѣднѣя до того, что веснушки на время исчезли съ его лица. Онъ сердито передернулъ плечами и пошелъ деоромъ.

— А вы вѣчно ссоритесь съ своимъ помощникомъ, милѣйшій Оттонъ Оттоновичъ! — слышался веселый голосъ.

Бирке оглянулся и увидѣвъ Бутырцева. Тотъ вѣзжалъ верхомъ въ ворота Запастьевской усадьбы и, глядя на Бирке, весь улыбался.

— Я ни за что не ссоритесь, — отвѣчалъ Бирке, — но я не могу помнитъ русскій наименованій. Вотъ я уже и забылъ, какъ его зовутъ!

Бутырцевъ, сирогнувъ съ лошади, пожмалъ руку Бирке и весело улыбался. Его гнѣдой конекъ нетерпѣливо пожевывалъ удила.

— Вотъ я уже и забылъ его наименованій, повторялъ Бирке, — пожимая широкими плечами, — Керосинъ, Керосинъ..

— Кенсоринъ, — поправилъ его Бутырцевъ и, улыбаясь, добавилъ:

— Но вы не смущайтесь слишкомъ, мно-

гоуважаемый Оттонъ Оттонычъ, русскіе точно также коверкаютъ нѣмецкія прозвища. Моего сосѣда Гильдебрандта крестьяне зовутъ просто Филькинъ братъ!

Бирке расхохотался.

— Гильдебрандтъ—Philipp's Bruder! Скажите, пожалуйста, какой нафешествы!

И онъ добродушно смѣялся, трогая локти Бутырцева. Онъ его любилъ за то, что тотъ хорошо говорилъ по-нѣмецки и зналъ наизусть много стихотвореній Шиллера.

— А гдѣ Маргарита Оттоновна?—спросилъ Бутырцевъ, передавая подбѣжавшему копыуху свою лошадь.

— Ушѣлъ въ задъ,—отвѣчалъ Бирке и добавилъ понижа голосъ:

— Онъ очень много скучалъ, когда фи не ѣхалъ!

Онъ задумчиво покрутилъ головой.

— А теперь онъ ходитъ задомъ, смотритъ на небо и слышаетъ птички.

— Такъ Маргарита Оттоновна въ саду,—раздумчиво произнесъ Бутырцевъ, поправляя русые усы,—нужно будетъ пройти къ ней туда!

Онъ говорилъ какъ-то особенно мягко, лѣниво растягивая слова. Въ уѣздѣ его считали за весьма способнаго, но лѣниваго малаго. Дмитрій Сергѣевичъ Бутырцевъ одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей Льва Михайловича Запастьева, у котораго Бирке состоитъ управляющимъ вотъ уже 25 лѣтъ.

Онъ перекинулся еще нѣсколькими фразами съ Оттономъ Оттонычемъ и затѣмъ отправился въ садъ.

II.

Бутырцевъ вошелъ въ садъ и тотчасъ же подумалъ: «Зачѣмъ это я пошелъ отыскивать Маргариту Оттоновну? Ну, что я буду говорить ей? Мнѣ тяжело видѣть ее одну съ глазу на глазъ. Вѣдь я же не люблю ее больше. Не люблю — это ясно, какъ день! Это подло, но что-же дѣлать? Развѣ чело-вѣкъ воленъ въ своихъ чувствахъ?»

Онъ шелъ аллеей, ярко освѣщенной солнцемъ, тихой и благоухающей тѣми осенними благоуханіями, тонкими и нѣжными, которыя испускаетъ увядающая земля. Онъ вздохнулъ. «Ахъ, какъ все скверно устроено въ этомъ мірѣ! Ну, что я буду говорить ей? Вѣдь я же люблю Ирину Львовну, и Маргарита видитъ это! Зачѣмъ же яиду къ ней?»

Дмитрій Сергѣичъ остановился въ нерѣшительности. Его худощавое лицо приняло выраженіе тоски и скуки. Онъ уже хотѣлъ было уйти вонъ изъ сада, но въ эту минуту онъ увидѣлъ въ боковой аллѣй Маргариту Оттоновну. Та съ улыбкой шла къ нему на встрѣчу. Все ея хорошенькое личико и розовыя губки, и синіе глаза, и ямочки на щекахъ, казалось, свѣтились счастьемъ встрѣчи съ любимымъ чело-вѣкомъ.

— Это вы, Дмитрій Сергѣичъ,—говорила она, улыбаясь на ходу,—а я ждала васъ сегодня цѣлое утро, даже ждала устала!

Она подошла къ Бутырцеву, еще изда-лека протягивая ему свою пухленькую ручку. Ея движенія были мягки и красивы. Бутырцевъ улыбнулся, пряча отъ дѣвушки свои глаза.

— Я рвался къ вамъ цѣлое утро,—сказалъ онъ и подумалъ:

«Зачѣмъ я лгу? Не къ ней я рвался, совсѣмъ не къ ней!»

— Я рвался къ вамъ цѣлое утро,—повторилъ онъ,—да все некогда было, у меня домочайчики ро-жъ.

— Хотите гулять со мной по саду?—ска-

зала Маргарита и опять вся просвѣтлѣла отъ счастливой улыбки.

— Съ восторгомъ,—отвѣчалъ Бутырцевъ.

«И вовсе не съ восторгомъ,—тутъ же подумалъ онъ...—Мнѣ неловко съ нею, мнѣ стыдно ея, стыдно, стыдно!»

— Вы знаете,—добавилъ онъ,—я всегда любилъ гулять съ вами.

— Любили? А теперь?—спросила дѣвушка, вскидывая на него глазами.

— А теперь люблю еще больше,—отвѣчалъ Бутырцевъ.

Они дѣлились аллеей среди солнечнаго свѣта и желтыхъ листьевъ, среди тонкихъ и нѣжныхъ благоуханій осени. Венеціанскія окна обширнаго Запастьевскаго дома блестя сквозъ желтое кружево листьевъ. Молодой чело-вѣкъ и дѣвушка шли молча. Черноголовые синички, перепархивая и позванивая, какъ весной, поклевывали пурпуровыя кисти рябины, еще не побитыя морозомъ.

— Дмитрій Сергѣичъ,—заговорила, внезапно краснѣя, Маргарита Оттоновна.—Это было нынѣшнимъ лѣтомъ. Мы гуляли съ вами у ручья, помните, гдѣ стоитъ часовенка съ старымъ-престарымъ образомъ. И, помните, вы хотѣли написать стихотвореніе въ память этой прогулки? И до сихъ поръ вы его еще не написали!

Дѣвушка съ боку смотрѣла на Бутырцева.

— Нѣтъ, я его написалъ,—отвѣчалъ тотъ,—и, если желаете, прочту вамъ на память.

Бутырцевъ былъ поэтъ, его стихотворные переводы печатались въ журналахъ и считались не плохими.

Маргарита Оттоновна въ знакъ согласія кивнула головкой. Бутырцевъ поправилъ усы и, лѣниво скандируя стихъ, прочиталъ:

— Ты помнишь горячее лѣто,
Въ долинахъ удушливый зной?
Спасая отъ блеска и свѣта,
Я зонть раскрывалъ надъ тобой.
Ты помнишь лѣниво журчавшій
Источникъ у ската горы,
Въ часовенькѣ образъ сліявшій
И ковшъ изъ древесной коры?
Какъ весело небо сіяло,
Какъ жадно ты воду пила!
И какъ ты глядѣла устало,
И какъ ты прекрасна была!

Бутырцевъ замолчалъ.

— Это очень хорошо, очень,—прошептала дѣвушка.

«Зачѣмъ я лгу ей? Зачѣмъ?» — подумалъ Бутырцевъ.

— Дмитрій Сергѣичъ,—прошептала дѣвушка, почему вы стали избѣгать меня послѣднее время? Она еще ниже склонила свою подвитую надъ лбомъ головку. — Чѣмъ я провинилась передъ вами? Или вы боитесь воскресить прошлое? Я вижу все, Дмитрій Сергѣичъ, все вижу, все!..

Она не договорила. Изъ ея глазъ внезапно скатились сверкнувшія на солнцѣ слезы. Она хотѣла отвернуться, чтобы скрыть ихъ, и не успѣла. Бутырцевъ увидѣлъ ихъ. Онъ поймалъ руки дѣвушки и съ испуганнымъ лицомъ тискалъ ихъ въ своихъ рукахъ. Онъ не выносилъ женскихъ слезъ: онѣ причиняли ему положительно физическое страданіе.

— Ненаглядная, о чемъ вы?—шептала онъ, растерявшись,—голубушка, какъ вамъ не стыдно? Успокойтесь, несравненная!

— Я вижу, вижу,—шептала, встряхивая плечами, дѣвушка,—ужъ я вижу!

— Ну, чѣго вы видите, голубушка, ну, скажите, ну-же?—тормошила ея ручки Бутырцевъ.

— Что вы не любите больше меня,—проговорила дѣвушка.

— Я не люблю васъ? Родная, что съ вами? Голубушка, съ какой-же это стати я не буду любить васъ? Успокойтесь, несравненная!

«И зачѣмъ я лгу ей? — подумалъ Бутырцевъ,—былъ удобный моментъ объясниться, а я... Ахъ, я фефела, фефела!»

— Какая вы странная,—проговорилъ онъ, все еще не выпуская рукъ дѣвушки.

— Ну, я не стану, не стану,—прошептала та, осторожно освобождая свои руки. И все ея личико снова просвѣтлѣло, между тѣмъ, какъ въ ея глазахъ еще сверкали слезы. Это походило на дождикъ сквозъ солнце. Дѣвушка еще что-то хотѣла сказать, но въ эту минуту съ балкона послышался сильный женскій голосъ:

— Маргарита, гдѣ же ты? Маргарита, ау!

— Ирина Львовна,—проговорилъ Бутырцевъ, сразу узнавъ этотъ голосъ.

— Идемте къ ней,—пригласила его Маргарита Оттоновна.

— Ни за что,—отвѣчалъ Бутырцевъ.

Дѣвушка улыбнулась.

— То-есть, какъ же это ни за что? Вы, вѣроятно, забыли, какой сегодня день. Сегодня восемнадцатое сентября, и Ирина Львовна празднуетъ свои именины.

— Вотъ тебѣ разъ,—вскрикнулъ Бутырцевъ,—а у меня изъ головы вонъ.

— Какъ же я явлюсь къ ней въ пиджакѣ и въ высокихъ сапогахъ?—добавилъ онъ съ такимъ ужасомъ, что дѣвушка звонко расхохоталась.

— Ничего, въ деревнѣ не взыщутъ.

— Дѣлать нечего, приходится идти такимъ,—согласился и Бутырцевъ.

Они уже подходили къ балкону. Тамъ, облокотившись на перила, стояла тоненькая, средняго роста, брюнетка въ модномъ платьѣ цвѣта сирени. Ея сѣрые глаза глядѣли оживленно и радостно. На видъ ей можно было дать лѣтъ двадцать, хотя ей было уже двадцать пять. Это-то и была дочь Льва Михайловича Запастьева, два года тому назадъ овдовѣвшая Ирина Львовна Югорская—сегодняшняя именинница.

— Здравствуйте, Ирина Львовна, честь имѣю поздравить съ днемъ ангела,—говорилъ ей, поднимаясь на балконъ Бутырцевъ.

— Съ днемъ ангела,—отвѣчала Ирина Львовна,—о которомъ вы позабыли. Я слышала конецъ вашего разговора.

Она поздоровалась съ Бутырцевымъ и обратилась къ Маргаритѣ Оттоновнѣ.

— Ради Бога, Маргарита, поторопись обѣдомъ. Отецъ безпокоится, а мнѣ некогда.

— Что за прелесть эта дѣвушка,—добавила она, когда Маргарита Оттоновна ушла съ балкона.—И какая великолѣпная выйдетъ изъ нея жена. Я люблю смотрѣть, когда она хозяйничаетъ. Право, у нея все выходитъ такъ мило; она въ каждую мелочь влага-етъ свою душу.

— Не завидую ея будущему мужу,—буркнулъ Бутырцевъ.

— Это почему?

— А потому, что ея душа при этой ея способности разбредется вся по мелочамъ, а мужу рѣшительно ничего не останется.

Югорская сдѣлала нѣдовольное лицо.

— Вы шутите, у васъ злой языкъ. Я такихъ не люблю.

— Ирина Львовна,—внезапно сказалъ Бутырцевъ измѣнившимся голосомъ,—помните-ли вы нашу прогулку близъ часовни у ручья?

Кіевъ: соборъ св. апостола Андрея Первозванлаго и Десятинная церковь.

Кіевъ: Владимірская гора, на которой воздвигнутъ памятникъ св. князю Владиміру.

СЪ КАРТОНА ХУДОЖНИКА В. М. ВАСНЕЦОВА.

Кіевъ: Богоматерь въ соборъ Св. Владиміра.

Л написал въ память этой прогулки стихотвореніе, но...

— Но я не хочу объ этомъ слушать,—перевела его Югорская.

И она быстро пошла прочь съ балкона.

— Что-же вы не идете за мною?—позвала она Бутырцева.

Тотъ вздохнулъ и неторопливо послѣдовалъ за нею.

— Люди хотятъ имѣть души и что-же?

— Души ихъ волнѣ холоднѣй,—лѣниво продекламировалъ онъ

— Это у кого-же холодная душа? У васъ или у меня?—спросила его Югорская, переступая порогъ въ залъ.

— Конечно, у васъ,—отвѣчалъ Бутырцевъ.

— Это называется съ больной головы да на здоровую!—Ирина Львовна весело расхохоталась и вошла въ гостиную.

III.

Въ просторной и уютной гостиной на мягкомъ диванчикѣ сидѣли хозяйнѣ усадьбы Левъ Михайловичъ Запѣсьевъ и сосѣдъ помѣщикъ Евтихій Васильичъ Кукуевъ. Бутырцевъ поздоровался съ обоими и затѣмъ принялся съ Ириной Львовной играть въ биксъ. Запѣсьевъ и Кукуевъ продолжали свой разговоръ. Левъ Михайловичъ, высокій и худощавый старикъ съ бритымъ, какъ у актера, лицомъ и тонкими чертами говорилъ медленно, красиво и образно, какъ-бы прислушиваясь къ звуку своего голоса и любуясь имъ. Въ уѣздѣ онъ слылъ за прекраснаго декламатора и до старости подвизался на любительскихъ спектакляхъ, великолѣпно исполняя нѣкоторыя роли. Говорятъ, когда-то онъ задумалъ было поступить на сцену и гдѣ-то очень удачно дебютировалъ, но его покойная жена воспротивилась этому, и онъ засѣлъ въ деревнѣ, великолѣпно читая со сѣдѣмъ стихи и участвуя на любительскихъ спектакляхъ въ уѣздномъ городишкѣ. Кукуевъ, наоборотъ, говорилъ очень плохо, слова комкалъ, неподвертывавшееся на языкъ сравненіе замѣнялъ какимъ-то бурчаньемъ или обыкновеннымъ «того-съ какъ его-съ». Это былъ пятидесятилѣтній холостякъ съ выбритыми усами. На щекахъ, впрочемъ, онъ носилъ маленькіе и прилизанные баки. Одѣвался онъ съ иголочки, но слылъ за кулака. Онъ говорилъ съ Запѣсьевымъ и все косился на дверь. Бутырцевъ за биксомъ замѣтилъ это и шепнулъ на ушко Ирину Львовну: — А вѣдь Кукуевъ Серафиму Веняминовичу ждетъ. Вотъ она, любовь-то!

Югорская весело разсмѣялась, а Бутырцевъ, посылая шаръ по наклонной плоскости бикса, внезапно загадалъ: «Если я выбью сто, Ирина Львовна любитъ меня». Онъ выбилъ сто.

И въ эту минуту въ гостиную впрхнула совсѣмъ не молоденькая дама, сопровождаемая очень молодымъ человѣкомъ. Дамѣ было лѣтъ сорокъ, сорокъ два или даже побольше. Не высокаго роста и худощавая блондинка, она была очень подвижна; она даже не шла по полу, а какъ-то плавно припрыгивала, точно вальсировала. На плечахъ, надъ колѣнами и на самой талии ея сѣро-стальнаго платья сидѣли лиловые бантики, которые трепетали, какъ мотыльки, при малѣйшемъ движеніи подвижной дамы. Дама эта была Серафима Веняминовна Курбетова, вдова-помѣщица съ недурными средствами. При ея появленіи всѣ за исключеніемъ Кукуева переглянулись съ едва замѣтной улыбкой. Дама начала трещать съ самаго порога

гостиной. За нею, почтительно шмыгая ногами, слѣдовалъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи въ щегольской визиткѣ и въ галстухѣ съ малиновыми крапинками,—ея управляющій и личный секретарь Пигасъ Пигасычъ Аленькій. Серафима Веняминовна здоровалась со всѣми и тутъ-же сообщала, что сегодня великолѣпный день, что Ирина Львовна выглядываетъ настоящимъ ангеломъ, что третьяго дня ее чуть-чуть не разбили лошади, и что галстухъ съ малиновыми крапинами купленъ для Пигаса Пигасыча ею вчера у заѣзжавшаго къ ней венгерца за два рубля двадцать пять копѣекъ, и что, не правда ли, это очень хорошій галстухъ? Аленькій, съ сладкой улыбкой здороваясь вслѣдъ за нею, сообщалъ каждому, что онъ написалъ новый музыкальный вальсъ, посвященный Серафимѣ Веняминовнѣ, и что вальсъ этотъ называется «Серафимы». Курбетова перебивала его на этомъ и сообщала, что въ этомъ вальсѣ все порхаетъ, каждая нотка порхаетъ, порхаетъ и порхаетъ.

— C'est très joli все порхаетъ!—воскликнула она. И тутъ-же, размахивая ручками, начинала напѣвать мотивъ.

Аленькій подскакивалъ къ ней и замѣчалъ:

— Серафима Веняминовна, у меня эта нота tremblent, а у васъ она мелодична.

Серафима Веняминовна не соглашалась, волновалась и начинала напѣвать снова, помахивая ручками и двигая въ тактъ колѣнами. Наконецъ, ее кое-какъ успокоили и усадили въ кресло. Пигасъ Пигасычъ тѣмъ временемъ сбѣгалъ въ прихожую и возвратился оттуда съ букетомъ комнатныхъ цвѣтовъ, перевязанныхъ голубою лентою. Этотъ букетъ онъ поднесъ Ирину Львовну.

— Это отъ насъ обоимъ нашему ангелу,—проговорила Серафима Веняминовна и обернувшись къ Бутырцеву, погрозила унизаннымъ кольцами пальчикомъ.

— А вы уже здѣсь, плутишка. Смотрите, я наябедничаю на васъ Гремихину.

Въ гостиную вошелъ, отирая со лба потъ, Оттонъ Оттонычъ. Ирина Львовна позаботилась устроить карточную игру. За столъ сѣли постоянные партнеры: Бирке, Серафима Веняминовна, Аленькій и Кукуевъ. Намѣревались играть въ преферансъ.

— Сегодня,—тараторила Курбетова, присаживаясь за столъ,—сегодня мы будемъ играть по десятой.

И она лукаво подмигивала присутствующимъ глазами.

— По одной зотой,—невозмутимо отвѣчалъ Бирке. Онъ тяжело опустился на свой стулъ.

— По десятой, по десятой,—хохотала Серафима Веняминовна.

— По одной зотой,—повторилъ Бирке и, взявъ мѣлокъ, написалъ по среди стола: 1/100.

Кукуевъ распечаталъ колоду и сталъ тасовать карты своими широкими и бѣлыми руками. Игра началась. Ирина Львовна взяла было кій, чтобы продолжать игру въ биксъ, но въ эту минуту въ гостиную быстро вошелъ Гремихинъ. О его приближеніи услышали, впрочемъ, раньше его появленія въ гостиную. Въ прихожей онъ громко говорилъ кому-то, вѣроятно, лакею Запѣсьеву, скороговоркой и картавя. Букву р онъ произносилъ какъ г.

— Голубчикъ, я на бѣговыхъ дрожкахъ. Скакалъ всю дорогу, какъ полоумный. Вели проводить лошадь. А сколько тебѣ лѣтъ, старина?

Въ гостиную онъ вкатился, какъ черный шаръ.

Роста онъ былъ средняго, но очень широкъ въ плечахъ. Черные курчавые волосы и такая-же курчавая бородка дѣлали его голову мохнатой и похожей на шаръ. Одѣтъ онъ былъ въ длиннополую черную поддевку, красную шелковую рубашу и широчайшіе шаровары, низко опущенные надъ лакированными голенищами сапогъ. Этотъ костюмъ болѣе дѣлалъ его похожимъ на шаръ.

— Голубчикъ, Кукушечка,—говорилъ онъ Кукуеву, быстро оббѣгая карточный столъ,—дай мнѣ взаймы двѣ тысячи рублей. Нужны до зарѣзу!

— Поздравляю,—коротко сказалъ онъ Ирину Львовну и покосился на Бутырцева.

— А я чуть-чуть не погубилъ по дорогѣ вашихъ гусей. Скакалъ, слома голову.

Онъ катался между присутствующими, какъ черный шаръ, весело сверкая глазами; безъ умолку болталъ и пожимая всѣмъ руки.

— Кукушечка, послѣ преферанса давай загнемъ банчишку,—говорилъ онъ, здороваясь съ Кукуевымъ—было объ закладъ, что сегодня мнѣ будетъ везти.

Серафима Веняминовна сдѣлала ему глазки.

— Развѣ вамъ не везетъ въ любви?

— Семь червей,—добавила она.

— И опять поставите одна курочка, пробурчалъ Бирке.

— Такъ везетъ, что въ пору вѣнчаться,—съ хохотомъ отвѣчалъ Гремихинъ.

— Этотъ Гремихинъ одна прелесть,—замѣтила Серафима Веняминовна Кукуеву.

— И опять поставите одна курочка, невозмутимо повторилъ Оттонъ Оттонычъ.

— Кушать подано,—доложилъ, появляясь въ гостиной, лакей.

Всѣ присутствующіе, застучавъ стульями, отправились по приглашенію хозяйки въ столовую.

А. Будищевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МЕЖДУ НЕБОМЪ И ЗЕМЛЕЙ.

Повѣсть.

Моя мать была прачка, отецъ—солдатъ. Я и сестра моя родились двойниками. Восприемниками нашими были: генералъ Осташевъ и его единственная дочь Анна Александровна, нынѣ жена профессора, госпожа Бѣгоева... До замужества моя мать жила горничной въ домѣ генерала Осташева. Выйдя замужъ, она стала заниматься стиркой у себя на квартирѣ, но къ генералу Осташеву и по-прежнему ходила стирать. По смерти нашихъ родителей генералъ взял насъ обѣихъ къ себѣ. Когда это случилось, намъ было уже по шести лѣтъ. Пока Анна Александровна была въ дѣвухахъ и жила съ отцомъ, она учила насъ разнымъ наукамъ и даже пѣть и играть на роялѣ. У сестры оказались очень большія способности къ этимъ двумъ послѣднимъ премудростямъ; у меня же, какъ всѣ говорили тогда, ни къ чему и никакихъ. Не смотря на то, что мы родились вмѣстѣ въ одинъ часъ, мы были совершенно различнаго типа и темперамента. Сестра была слабаго здоровья, имѣла русые волосы, высокий ростъ, темный цвѣтъ кожи, лицо въ песнужкахъ, узкіе темные глаза и сплюснутый широкій носъ. Я же, въ противоположность ей, была очень маленькаго роста, имѣла рыжіе волосы, сѣрые глаза, розовый цвѣтъ кожи и длинный прямой носъ. Я отличалась удивительно хорошимъ здоровьемъ. Дуна,

такъ звали мою сестру, была ровнаго, спокойнаго характера и за всякой работой могла просиживать долгіе часы. Я же не могла сидѣть ни одного часа спокойно на одномъ мѣстѣ. Мнѣ все казалось, что куда-то надо идти и что-то другое надо дѣлать. И гораздо позже, когда я уже была на возрастѣ, я точно также металась съ мѣста на мѣсто, хватаясь то за одно, то за другое дѣло; бросаясь отъ занятій къ занятіямъ, отъ книги къ книгѣ, я ничего не окончивала. Мнѣ хотѣлось все знать, но чтобы узнать это сразу безъ преодоленія препятствій. Нашъ крестный и пріемный отецъ былъ всегда добръ къ намъ и никогда ни за какія проказы не наказывалъ насъ. Но несмотря на это, отношеніе его къ намъ было чрезвычайно странное и, пожалуй, унизительное для насъ. Дуня спокойно мирилась съ такимъ отношеніемъ и даже считала его, якобы, обязательнымъ; мнѣ же оно было всегда непріятно и казалось, что генералъ видитъ въ насъ не будущихъ людей, а какихъ-то безмысленныхъ и безсловесныхъ животныхъ. Онъ никогда не стѣснялся при насъ никакими разговорами, хотя бы предметомъ разсужденій его были мы и смыслъ разговора могъ бы быть оскорбительнымъ для насъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ подобныхъ его разговоровъ съ дочерью:

— Я, Нюточка, сдѣлаю изъ нихъ настоящихъ барышень, а потомъ выдамъ ихъ за хорошихъ людей замужъ, пусть будутъ барынями, но это надо сдѣлать такъ, чтобы онѣ никогда не забывали своего происхожденія и всегда бы помнили, что обязаны всѣмъ этимъ мнѣ. Онѣ, Нюточка, должны благодарить Бога и молиться Ему за меня за то, что я вывелъ ихъ изъ грязной черноты въ люди.

Намъ было по пятнадцати лѣтъ, когда Анна Александровна вышла замужъ.

Оставшись безъ крестной, мы получили полную свободу, и образованіе наше совершенно окончилось. Сестрѣ, какъ болѣе солидной и разсудительной, поручили веденіе всего хозяйства, а на меня возложили обязанность чтенія. Каждый день по три часа читала я генералу. Мы читали все, что касалось политики по русскимъ и нѣкоторымъ иностраннымъ газетамъ. Беллетристика нами прочитывалась только въ толстыхъ журналахъ и то только вещи извѣстныхъ писателей. Занятіе такое мнѣ было совершенно не по характеру и потому, все свободное время, я, ничего не дѣлая, носилась по всему дому, часто заглядывая въ людскую и на кухню. Тутъ я узнала многое, о чемъ не имѣла прежде ни малѣйшаго понятія и отъ чего такъ старательно оберегала насъ крестная. Черезъ два года послѣ свадьбы дочери, нашъ благодѣтель скончался. Вѣрная желанію своего родителя, Анна Александровна не пустила насъ по чужимъ людямъ или по какой либо ремесленной дорогѣ. Сестру, по слабости здоровья, она отправила съ одной дальней своей родственницей въ имѣніе покойнаго отца, перешедшее, по наследству, въ ея собственность, а меня взяла къ себѣ. Живя у крестной, я помогала ей по хозяйству и была, какъ называла она меня, ея правой рукой. Вскорѣ, я почувствовала ошибку, сдѣланную моимъ благодѣтелемъ, поставивъ меня на линію барышни и не давъ при этомъ надлежащаго образованія. Мужъ моей крестной матери былъ человѣкъ очень серьезный и велъ знакомство только съ подобными себѣ людьми. У насъ были назначены дни, въ которые собирались по вечерамъ знакомые. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда я, по обыкновенію, разливала чай, какая-то

дама, которую я видѣла у крестной въ первый разъ, сидѣвшая рядомъ съ ней за столомъ, наклонилась къ ея уху, и я слышала, какъ она спросила, указывая на меня глазами: «Что это у васъ за дѣвица такая?» На что Анна Александровна отвѣтила ей только однимъ словомъ: «послѣ», этотъ лаконическій отвѣтъ болѣзненно отозвался въ моемъ сердцѣ; я догадалась, что крестная намѣрена разсказать этой дамѣ всю мою родословную. Мнѣ въ первый разъ стало стыдно моего происхожденія. Я покраснѣла, вспомнивъ, что моя мать была прачка, а отецъ солдатъ. Живя въ домѣ генерала, я думала объ этомъ фактѣ слегка и относилась къ нему, какъ совѣмъ не касающемуся меня. Отца своего я смутно помнила, но мать умерла поздно, и въ моемъ воображеніи ея фигура съ подторкнутымъ платьемъ и засученными рукавами вставала, какъ живая. Я хорошо также помнила нашъ подвалъ, вѣчно наполненный паромъ отъ кипятившагося бульона; но все это нѣсколько прежде не беспокоило меня и, проходя въ моей головѣ, не отзывалось на сердцѣ. Слово же «послѣ» заставило меня поглубже заглянуть въ мое прошлое и съ ужасомъ понять, что я здѣсь, въ этомъ обществѣ, совѣмъ чужая, никому не нужная и даже не имѣющая права на положеніе, которое даютъ мнѣ изъ милости. Я тогда страшно покраснѣла, глаза мои наполнились слезами, и я бы навѣрное разрыдалась даже, если бы ко мнѣ не обратился одинъ почтенный старецъ съ просьбою налить ему еще стаканчикъ чаю. Наливая чай, я успѣла нѣсколько оправиться и удержаться отъ слезъ. Другой разъ, одинъ изъ гостей, еще не старый человѣкъ, весь вечеръ почти проговорилъ со мной. Когда я отошла къ столу, чтобы налить кому-то чай, къ моему собесѣднику обратился другой гость, все время до того слушавшій нашъ разговоръ: «Какая симпатичная дѣвушка и прелестьная!» — сказалъ онъ. — «Да, — отвѣтилъ первый гость, — только жаль, что почти не образована». Я отлично слышала ихъ короткій разговоръ и моему самолюбію было нанесено новое оскорбленіе. До сихъ поръ я считала себя вполне достаточно образованной. Я брела на рояль, прекрасно разбирала ноты, могла перекидываться французскими и нѣмецкими фразами; въ русскомъ правописаніи, не задумываясь, ставила по своимъ мѣстамъ ѣ, о, е, и прочее, грамматику Антонова хорошо помнила, весь ветхій и новый Заветъ и Законъ Божій знала наизусть, исторію Иловайскаго хотя сейчасъ могла повторить отъ первой до послѣдней страницы; географію Бѣлоха отлично знала и прекрасно показывала по картѣ. Чего же еще надо было, какого образованія? Изумлялась я словамъ солиднаго, но страннаго для меня гостя. Не бывъ въ состояніи понять такое, очевидно, несправедливое заключеніе насчетъ моего образованія, я обратилась на другой день за разъясненіемъ къ крестной.

— Анна Александровна, что должна знать дѣвушка, чтобы можно было назвать ее образованной? — спросила я.

— О, очень много, Катюша, очень много! — отвѣчала она.

— То-есть, какъ это очень много, ну, столько, какъ вы знаете?

— Нѣтъ, душа моя, я только кое-что знаю, а чтобы быть, дѣйствительно, образованной, нужно гораздо, гораздо больше учиться!

— Но, Анна Александровна, вѣдь вы же больше меня учились и знаете? — возразила я, не довольствуясь ея отвѣтомъ.

— Конечно, моя милая, вѣдь ты же совѣмъ ничего не знаешь!

— Какъ такъ? Я отлично помню все, чему вы меня учили!

— Это все равно, Катя, но этого всего слишкомъ недостаточно, для тебя, конечно, довольно того, что ты знаешь, но чтобы назваться образованной, нужно очень много и многому учиться, какъ я уже тебѣ это и сказала!

— Чему же, напримѣръ? — продолжала я приставать къ крестной.

— Да какъ я объясню тебѣ, вѣдь ты, все равно, ничего не поймешь. Есть, видишь-ли, такія науки, о которыхъ ты не слыхала даже никогда!

Я отошла отъ крестной и задумалась. Какъ странно она объяснила мнѣ это: «для тебя, говорить, довольно», какъ же это понимать надо: для нея мало, для другихъ мало, а для меня довольно? Значить, я не то, что она, и не то, что другія: она, дочь генерала, а я, дочь солдата и прачки, вѣроятно, такъ должна я объяснить себѣ ея слова! Опять новое оскорбленіе! Что же дѣлать мнѣ, чѣмъ виновата я, что они же поставили меня въ такое ложное положеніе, — думала я, и чѣмъ больше я думала, тѣмъ больше путалась въ своихъ мысляхъ. Послѣ разговора съ крестной я пробовала сойтись съ простыми дѣвушками моего происхожденія. Но разговаривая съ ними, я чувствовала полную рознь во взглядахъ, мы не понимали другъ друга и говорили точно на разныхъ языкахъ. Такъ, напримѣръ, я разъ обратилась къ горничной Анны Александровны, бывшей крѣпостной генерала:

— Если-бы ты только знала, Маша, какъ мнѣ тяжело здѣсь, — сказала я ей.

— Еще-бы, Екатерина Матвѣевна, вы молодая, а все со старыми должны проводить время, это хоть до кого приведись, такъ заскучаетъ! — отвѣчала она мнѣ.

— Да пѣтъ, Маша, ты совѣмъ не понимаешь меня, не въ томъ дѣло, я чувствую себя не на своемъ мѣстѣ, точно болтаюсь въ пустомъ пространствѣ! — попробовала я выяснитъ ей свое положеніе.

— Напрасно ужъ вы такъ думаете, Екатерина Матвѣевна, что если мы народъ съ-рѣдъ да неученый, такъ ужъ и не понимаемъ ничего. Извѣстно, что у генерала вы были сизмалѣтства, привыкли, значить, а послѣ замужества барыни такъ и сами хозяйками стали, а здѣсь все изъ рукъ должны смотрѣть!

«Господи, Господи, Боже ты мой, ничего-то она не понимаетъ!» — подумала я съ тоской и рѣшила больше не обращаться къ Машѣ со своими жалобами. Итакъ, я чувствовала себя какъ-бы на перекресткѣ, при этомъ еще не имѣя возможности идти въ ту или другую сторону. Я утратила свою живость, сдѣлалась раздражительной, задумчивой и сердитой. Каждую свободную минуту я уходила въ свою комнату, чтобы тамъ на просторѣ предаваться размышленіямъ о своемъ безвыходномъ положеніи и разбираться въ своихъ сомнѣніяхъ.

Ту гостью, которая спросила про меня у крестной, и того почтеннаго господина, пожелавшаго меня за несобразованность, я ненавидѣла, какъ виновниковъ моихъ страданій. Теперь я остерегалась говорить при постороннихъ; я боялась, чтобы неосторожнымъ словомъ не выдать своей необразованности. При появленіи каждаго новаго гостя, я вся всхлипывала и прислушивалась, не поднимая глазъ и ожидая, что онъ непремѣнно спроситъ у крестной или у ея мужа: «Кто это

такая у васъ?». Мнѣ было страшно снова оскорбленной ими. Нечаянно сказанное кѣмъ-нибудь слово мѣшанка, мужичка и тому подобное заставляло меня краснѣть до слезъ. Когда меня представляли кому-нибудь, мнѣ казалось, что это дѣлають нарочно. Часто вспоминая, за послѣднее время, сествѣ. Крестная сама отвезла меня на

РУССКІЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ.

Кіевъ: вновь сооруженный памятникъ Императору Николаю I.

но, чтобы обратить вниманіе гостя на облагодѣтельствованную ими черноту. Мнѣ хотѣлось дружить съ кѣмъ-нибудь, кому-нибудь излить свои мученія, но около меня никого не было; дружить-же съ барышнями изъ знакомыхъ съ крестной семьей я избѣгала, помня свое происхожденіе и боясь быть

стру, съ которой мы были довольно дружны, мнѣ пришло въ голову проситься у Анны Александровны къ Дуни въ деревню. Крестная долго отговаривала меня, но я упорно и со слезами на глазахъ просила ее сдѣлать для меня эту милость, отпустить къ сестрѣ. Послѣ долгихъ разговоровъ и разныхъ пре-

вокзалъ желѣзной дороги, сама взяла мнѣ билетъ и усадила въ вагонъ. Въ деревню я пріѣхала къ обѣденному часу; сестра была дома одна. Старушка, родственница крестной, гостила въ сосѣднемъ имѣніи. Дуня очень обрадовалась моему пріѣзду и, накормивъ меня обѣдомъ, сейчасъ-

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Н. АСКНАЗІЯ.

Рабъ съ головой Св. Іоанна Крестителя.

же повела въ свою комнату на верхъ. Усадивъ тамъ въ большое кресло, она стала разспрашивать о петербургской жизни у крестной. Я немедленно довольно подробно передала ей, почему уѣхала изъ Петербурга. По окончаніи разсказа я смотрѣла на нее впросительнo, ожидая, что она скажетъ. Я думала, что она будетъ возмущаться и боялась только одного, чтобы она не расплакалась; мнѣ непріятно-бы было видѣть слезы сестры, вызванныя мною, да еще въ первый день моего пріѣзда. Пока я говорила, Дуня прилежно работала за пальцами, потомъ, черезъ нѣкоторое время молчанія, не отрывая глазъ отъ узора, который вышивала, спросила меня совершенно спокойно:

— Ну, а дальше что?

— Ничего!—отвѣчала я, нѣсколько озадаченная ея вопросомъ.

— Такъ гдѣ-же то горе и тѣ бѣды, о которыхъ ты столько говорила?—спросила она, какъ-бы изумляясь.

— Какъ гдѣ, развѣ этого мало!?—воскликнула я. Сестра подняла голову отъ работы, и довольно долго смотрѣла на меня. Я ничего не отвѣчала ей, и она опять опустила голову и снова принялась за свое занятіе; нѣкоторое время прошло въ молчаніи.

— Что-же ты молчишь, Дуня?—спросила я, теряя, наконецъ, терпѣніе.

— Ты хорошо сдѣлала, что пріѣхала сюда, здѣсь ты будешь чувствовать себя гораздо лучше!—сказала она, продолжая вышивать. Я обрадовалась, думая, что сестра поняла меня, и ждала, что она еще скажетъ.

— У меня послѣднее время, послѣ смерти крестнаго,—продолжала сестра,—тоже были очень разстроены нервы, даже здѣсь въ деревнѣ я долго не могла успокоиться, во снѣ видѣла все какихъ-то страшныхъ чудовищъ и кричала по ночамъ. Здѣшній докторъ сказалъ мнѣ, что лечиться ничѣмъ не надо, что это такое нервное состояніе, оно и такъ пройдетъ, отъ одного деревенскаго воздуха.

— Что ты говоришь, при чемъ-же тутъ нервы и докторъ; я увѣрена, что и тебѣ было-бы непріятно, если-бы крестная при тебѣ сказала кому-нибудь на вопросъ о тебѣ: «послѣ»; при ней, дескать молъ, я не могу разсказывать, что она дочь солдата и прачки и что мы облагодѣтельствовали ее, а «послѣ!»—говорила я, все болѣе и болѣе горячась.

— Полно, Катя, успокойся, вѣдь крестная такая воспитанная и образованная дама, она никогда не позволитъ себѣ разсказывать это при насъ, потому-то она и сказала послѣ.

— Ну, а безъ насъ разсказывать про насъ хорошо это, а?—горячилась я.

— То есть, что-же тутъ дурного, Катя, вѣдь это-же правда?—отвѣчала мнѣ, недоумѣвая, сестра.

— Ну, а говорить, что ей и другимъ мало образованія, а намъ довольно, это какъ понимать надо?

— Да, именно, такъ, какъ ты понимаешь, Катя, она—дочь генерала, если-бы ее выучили только тому, чему насъ съ тобой учили, она не могла-бы выйти замужъ за профессора, а на насъ съ тобой если профессоръ и женится, то многого не спросить. Что-же, это такъ все понятно и все правда, Катя, я, право, не понимаю, изъ-за чего ты волнуешься?

— И что, ты, Дуня, заладила, правда, да правда, а представь себѣ, если я также стану разсказывать всѣмъ: что у тебя носъ картошкой и лицо въ веснушкахъ, вѣдь это тоже правда и ты сама и всѣ другіе это от-

лично видятъ и знаютъ безъ меня, а между прочимъ, я увѣрена, что тебѣ это будетъ не пріятно!—сказавъ это, я замолчала и сердито обкусывала ногти. Сестра покраснѣла и, низко наклонившись надъ пальцами, внимательно разсматривала свою работу.

— Обратись къ Ивану Ивановичу, можетъ быть, онъ что-нибудь посоветуетъ тебѣ и кромѣ воздуха?—сказала Дуня черезъ нѣкоторое время.

— Къ какому Ивану Ивановичу?—спросила я, не понимая сестру.

— Къ здѣшнему доктору!—отвѣчала она, вставая и завертывая свою работу въ простыню.

Замѣтивъ, что сестра собирается куда-то идти, я спросила ее:

— Ты, Дуня, куда-же?

— Я скоро приду, надо на завтра провизію выдать!—отвѣчала она и ушла изъ комнаты.

Я осталась одна. Теперь для меня было ясно, что и съ ней мы разговариваемъ на разныхъ языкахъ и что тутъ я тоже чужая. Мною овладѣло страшное отчаяніе. Мнѣ хотѣлось плакать, но слезъ не было; я чувствовала только тяжесть во всѣхъ членахъ; давленіе въ вискахъ и въ груди. Я встала, прошла нѣсколько разъ по комнатѣ и, остановившись у окна, прислонилась къ нему лбомъ. Тамъ, за этимъ холоднымъ стекломъ, было такъ же печально, какъ у меня на душѣ.

Окно выходило во дворъ, покрытый огромными сугробами снѣга; крыши строеній были тоже занесены снѣгомъ и изъ за нихъ виднѣлись верхушки деревьевъ, такіе же бѣлые, какъ и все кругомъ. Никакого признака жизни не проявлялось на дворѣ, точно природа тутъ застыла и умерла; было такъ тихо, что мнѣ даже казалось, что я слышу, какъ трещитъ морозъ. Холодъ, который я видѣла за окномъ, сообщился и мнѣ; я тоже, какъ-будто, оледенѣла на это время. Всѣ мысли, такъ волновавшія меня, точно исчезли, и я только машинально повторяла въ головѣ видимые мною предметы. Долго-ли я простояла у окна—не знаю, но когда я оглянулась на звавшую меня сестру, въ комнатѣ было уже совсѣмъ темно.

— Скучно у насъ, правда, не такъ, какъ въ Петербургѣ?—спросила Дуня, подходя ко мнѣ и ласково обнимая меня за талію.

— Не знаю, для меня все равно!—отвѣчала я вяло.

— Пойдемъ ужинать и пить чай. Дарья Михайловна уже пріѣхала и спрашиваетъ о тебѣ; хочешь поскорѣ видѣть тебя!

Дуня повела меня въ нижній этажъ, гдѣ были всѣ остальные комнаты и гдѣ жила старушка Дарья Михайловна, родственница крестной. За глаза мы никогда не звали ее по имени, а по примѣру Анны Александровны называли бабушкой.

— Что-же ты это, петербургская птичка, вздумала прилетѣть къ намъ въ деревню, видно, по сестрицѣ соскучилась?—говорила старуха, вставая съ кресла отъ чайнаго стола и идя ко мнѣ на встрѣчу, какъ только я показалась въ дверяхъ столовой.

Мы обнялись и нѣсколько разъ поцѣловались.

Потомъ бабушка возвратилась на прежнее свое мѣсто и стала разспрашивать меня о петербургской жизни у крестной.

Е. Введенская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СУЗГУНЪ И ИСКЕРЪ.

(Изъ сибирскихъ очерковъ).

На всѣхъ пріѣзжающихъ въ наши далекія страны, Тобольскъ производитъ на первый взглядъ довольно хорошее впечатлѣніе. За 35 верстъ его уже видно. На высокой горѣ виднѣются прекрасныя зданія присутственныхъ мѣстъ, соборъ¹⁾, нѣсколько церквей, архіерейскій домъ; все окружено довольно высокою бѣлою каменною оградой²⁾. У самого города широкая, красивая рѣка; картина прекрасная. Вы любуетесь городомъ издали и спѣшите его увидать въблизи. По деревянной, плохой, мѣстамъ сломанной мостовой, вы въѣзжаете въ городъ. По обѣимъ сторонамъ улицъ тянутся деревянные дома; изрѣдко попадаются каменные, почта, губернаторскій домъ и нѣсколько купеческихъ. Вы спрашиваете съ удивленіемъ: гдѣ-же городъ? Это, вѣроятно, одно предмѣстье, а городъ на горѣ. Нѣтъ, на горѣ только присутственныя мѣста, тюремный замокъ, музей, больница, и нѣсколько немощенныхъ улицъ съ маленькими полуразвалившимися домами.

Вы испытываете нѣкоторое разочарованіе. Вы ожидали большаго отъ бывшей столицы Сибири. Еще нѣсколько дней, и вы приходите въ ужасъ отъ грязи и печальнаго состоянія города. Невольно соглашаешься съ мнѣніемъ многихъ посѣтившихъ Тобольскъ, что это городъ Богомъ и людьми забытый. И вѣдимо ему суждено глхнуть все больше и больше. Отъ уральской желѣзной дороги онъ находится въ 250-и верстахъ, а новая сибирская дорога прошла еще дальше, въ 500 верстахъ отъ Тобольска.

Народонаселеніе города не велико; по послѣдней однодневной переписи въ 1882-мъ году оказалось жителей 23,508; изъ нихъ ссыльных съ ихъ семействами 2,990 человекъ. Климатъ крайне нездоровый. Вся нижняя часть города построена на бывшемъ руслѣ Иртыша, на совершенно болотистой почвѣ. Недавно, при постройкѣ одного казеннаго зданія, для укрѣпленія фундамента, было вбито безконечное множество свай, но до грунта дойти не могли.

Только небольшая часть улицъ мощенная, т. е. выложены плитами на лежняхъ. Подъ ними набирается сырость, плѣсень, стекается всякая нечистота. Все это заражаетъ воздухъ, и даже въ самые жаркіе дни, во время лѣта, ощущается сырость.

Въ одномъ изъ засѣданій Высочайше утвержденнаго, 17-го марта 1891-го года, комитета сибирской желѣзной дороги³⁾ было рѣшено снарядить гидрографическую экспедицію для изслѣдованія сѣвернаго морского пути.

Подобный путь имѣлъ бы огромное значеніе для подвоза матеріала при постройкѣ сибирской желѣзной дороги и также, колечло, въ торговомъ отношеніи. 30-го сентября 1895-го года прибылъ въ Тобольскъ пароходъ «Лейтенантъ Овцынъ» и шкуна «Лейтенантъ Скуратовъ». Экспедиціей командуетъ полковникъ А. И. Вилькицкій.

Оба судна остались зимовать въ Тобольскѣ, а весною они опять начали свои гидрографическія работы въ Обской губѣ.

Тобольскіи съ восторгомъ привѣтствовали

¹⁾ Первый каменный соборъ былъ построенъ царемъ Феодоромъ Алексѣевичемъ, послѣ того какъ деревянный сгорѣлъ.

²⁾ Она была построена плѣнными шведами, присланными въ Тобольскъ изъ слѣдъ Полтавы при первомъ сибирскомъ губернаторѣ, князѣ М. П. Гагаринѣ.

³⁾ Тобольскія губерскія ведомости.

моряковъ. Они уже мечтаютъ, что ихъ городъ, въ скоромъ времени, обратится въ гавань для морскихъ судовъ. Отъ души желаемъ, чтобы мечта ихъ сбылась. Но омерзительнѣе рѣкъ, прогрессирующее съ каждымъ годомъ, заставляетъ невольно сомнѣваться въ сбыточности ихъ мечтаний, и врядъ-ли большимъ кораблямъ возможно будетъ доплывать до Тобольска. Самое первое судно, которое пришло въ Тобольскъ изъ Европы черезъ Ледовитое море, былъ пароходъ Трапезникова «Луиза» въ 1877-мъ году ¹⁾.

Окрестности Тобольска несомнѣнно заслуживаютъ болѣе вниманія, чѣмъ самъ городъ. Повидаясь дома, гдѣ жилинѣкогда декабристы, дсмъ Фонъ-Визина, Анненкова и Муравьева, памятникъ Ермака, который, вѣроятно, скоро рухнетъ, такъ-какъ его совершенно не поддерживаютъ,—пушки, присланныя, какъ гласитъ преданіе, императоромъ Павломъ для завѣщанія Индѣи,—вамъ уже ничего не остается осматривать. Многие годы одна изъ достопримѣчательностей Тобольска былъ ссыльный умилчскій колоколь, но угличане его купили себѣ обратно, заплативъ за него здѣшнему музею 500 рублей...

Къ сѣверу, въ семи верстахъ отъ Тобольска, у подошвы высокаго берега Иртыша, отступающаго въ этомъ мѣстѣ отъ рѣки, лежитъ татарская деревня Сузгунъ, получившая свое названіе отъ имени Сузгѣ, одной изъ жень Кучума, той Сузгѣ, которую воспѣлъ извѣстный сибирскій поэтъ П. П. Ершовъ, авторъ «Конька Горбунка» въ своей оригинальной и поэтической поэмѣ «Сузгѣ».

Эта поэма, къ сожалѣнію, мало извѣстна, такъ-какъ была напечатана, если не ошибаюсь, только въ приложеніи къ «Восточному обозрѣнію», сибирскій сборникъ за 1886-й годъ, т. е. въ изданіи мало извѣстномъ не сибирякамъ, и потому, мнѣ кажется, читатель не посѣтуетъ, если я его познакомлю съ ней, хоть вкратцѣ.

«Силень и богатъ сибирскій царь Кучумъ. Все у него есть для счастливаго житія, и золото и серебро и черные соболя—

«Дѣвъ подруги молодая,
Дѣвъ пригожія царица,
Полногруды, бѣлолицы.
У одной глаза, какъ небо,
У другой—глаза, какъ ночь».

Разъ о полдень, черноглазая Сузгѣ обращается къ своему супругу съ слѣдующей просьбою построить ей теремъ:

«Тамъ есть холмъ одинъ высокій,
Съ двухъ сторонъ стѣною горы,
Съ двухъ сторонъ ковромъ равнина,
У холма—же, словно лѣта,
Ручей бѣжитъ въ равнину,
А вдали шумитъ Иртышъ».

Потомъ проситъ срубить судно—

«Чтобъ вечернею порою
Мнѣ гулять по Иртышу».

И наконецъ проситъ его:

«Пріѣзжай два разъ въ недѣлю
Навѣстить твою рабыню,
Слово ласковое молвить.
Ложь ночью раздѣлитъ».

«Будетъ!—молвилъ царь Сибири.—
Въ три недѣли приготовить
На холму веселый теремъ,
На рѣкѣ—съ приборомъ судно,
И два разъ въ недѣлю буду
Я въ твой теремъ пріѣзжать».

«За весной проходить лѣто
Убираетъ всю природу
Въ разноцвѣтную одежду:
Тамъ и липу рядить въ зелень,
Кусть шиповника румянить,
Разноцвѣтными коврами,
Вязать по полю цвѣты».

Вся земля пируетъ лѣто;
Но на всей землѣ Сибирской
Нѣтъ прекраснѣе Сузгуна,
Гдѣ живетъ луна-царица,
Черноглазая Сузгѣ».

«Зной полудня утихаетъ»
и шесть рабынь ведутъ Сузгѣ—
«Въ сокровенную купальню
Тихоструйнаго ручья».

Послѣ купанья она бѣжитъ—
«Легкой серною на холмъ
И подъ пихтою душистой
Опустилася, слабѣя,
На узорчатая тнани».

Рабыни убираютъ свою прелестную госпожу:

«На коврахъ лежатъ узорныхъ,
Приклонивъ къ рукѣ головку,
Въ упоительномъ раскидѣ
То—ли розою востока,
То—ли гуріей пророча
Тутъ казалася Сузгѣ».

Уснула она, а рабыни тихо ведутъ разговоры про разные странныя явленія, предвѣщающія мало хорошаго.

«Что-то будетъ съ ханскимъ царствомъ?
А не даромъ же татары
Собираются къ мечетямъ:
Сердце ч. етъ про невзгоду,
Тишина—предвѣстникъ буря:
Гдѣ-жъ зачнется та гроза?»

И вотъ однажды утромъ пріѣзжаетъ къ царю гонецъ отъ Кучума, съдой старшина съ извѣстіемъ, что—

«Къ намъ отъ западной границы
Отъ крутыхъ верховъ Урала,
Безъ призыва, безъ прошенія
Вдругъ пожаловали гости,
И пируютъ нашей кровью
По сибирской всей землѣ».

Онъ привезъ та же отъ Кучума приказъ собрать старыхъ и молодыхъ, и укрѣплять селенье. Не растерялась отъ этого извѣстія Сузгѣ. Она разумно отъ аетъ приказанія, и закипѣла работа. Черезъ двѣ недѣли—

«Сузгѣ веселый теремъ
Смотритъ грозною твердиной».

Дальше:

«И гонецъ два раза въ сутки
Скачетъ шибко за вѣстями
Отъ Сузгуна до Искера,
Но, къ несчастію, съ каждымъ разомъ
Все нерадостнѣе вѣсти
Онъ привозитъ отъ царя».

Наконецъ братъ Сузгѣ, Махметъ-Куль, привозитъ ей самъ страшную вѣсть, что —

«Пришлецъ теперь пируетъ
Въ нашемъ городѣ Искерѣ;
Наше войско—нуча труповъ;
Самъ Кучумъ бѣжалъ поспѣшно,
Бросивъ все свои богатства...
Гибель царства рѣшена!..»
Долго длилось молчанье
Между братомъ и сестрой.
Вдругъ изъ ясныхъ глазъ царицы
Слезы градомъ покатились:
«Мой супругъ!.. мой повелитель!»
Громко вскрикнула она».

Сузгѣ предлагаетъ защищаться въ крѣпости, распространивъ слухъ, что братъ здѣсь. Пока русскіе будутъ брать крѣпость, онъ успеетъ собрать новое войско для защиты родного края.

«Царь бѣжалъ—буль ты царь нынче
Ворота свое владѣнье,
Завоюй себѣ Сибирь!»

«На лицѣ Мегметъ-Кула
Лучъ блеснулъ отрадной мысли,
Нѣжно обнявъ онъ царицу.
«Да исполнится»,—сказалъ онъ,
И поспѣшно вышелъ вонъ».

«Царь Кучумъ въ степяхъ горюетъ
По своему богатому царствѣ;
А въ большихъ его палатахъ
Казакъ сидятъ за чарой,
Поминаютъ Русь святую
И московскаго царя».

Впередѣ сидитъ Ермакъ Тимофеевичъ,

«Первый въ бояхъ и совѣтахъ».

Справа—грозный воевода,
Атаманъ, Кольцо, отважный».

Слѣва:

«Атаманъ-Гроза сидитъ».

Ермакъ, выпивъ чарку единымъ духомъ,—

Быстро всталъ изъ-за стола.
«Нѣтъ, товарищи!—сказалъ онъ,—
Рано намъ еще на отдыхъ,
Наше дѣло начатое
Довершить сперва надлежитъ:
Мы Искеръ одинъ лишь взяли,
Остается взять Сибирь».

И посылаетъ онъ Грозу взять Сузгунъ, чтобы захватить Махметъ-Кула, Кольцо оставляетъ въ Искерѣ, а самъ онъ пойдетъ на царя Сейдяка.

На другой день, послѣ молебна и рѣчи Ермака, выступаетъ въ походъ отрядъ казаковъ. Подходить Гроза съ отрядомъ подъ укрѣпленія Сузгуна.

«Не въ полудни, не въ полночи
Крикъ орла раздался съ выси.
А вечернею порою
Крикнулъ воинъ на бойницѣ,
Той бойницы—ли сузгунской
Гдѣ имѣется Иртышъ.
То не пчелы вылетаютъ
Изъ улья съ своей царицей,
То татары выбѣгаютъ
Съ старшиной своимъ отважнымъ,
На высокія на стѣны
Грозной крѣпости Сузгѣ.
Говорить имъ воевода:
«Коль живыми быть хотите
Сдайте намъ свою ограду;
Коль погибнуть вы хотите,
Не славьте намъ ея!»

И отвѣчаетъ ему старшина:

«Прежде солнце почернѣетъ,
Прежде нашъ Иртышъ великій
Потечетъ назадъ къ истоку
Чѣмъ славимъ мы вамъ ограду».

Семь дней длилась безуспѣшная осада. Всѣ приступы казаковъ отражались храброю дружиною Сузгѣ. Гроза проситъ помощи у Ермака. Въ крѣпость приходитъ извѣстіе, что Мегметъ-Кула разбитъ Ермакомъ и взятъ въ плѣнъ. Погибли послѣднія надежды Сузгѣ; полно отчаянія ея отважное сердце. Зачѣмъ долѣе защищаться? Царство не спасешь, а только погубишь славныхъ защитниковъ Сузгуна. Пришло и къ Грозѣ письмо отъ Ермака съ извѣстіемъ о новой побѣдѣ и о плѣненіи Мехмета-Кула, который считался паходящимся въ Сузгунѣ. Велитъ Ермакъ Тимофеевичъ Грозѣ собираться въ Искеръ, а въ Сузгунѣ—

«Пусть царица править,
Мы съ ней брани не ведемъ...»

Не знала того Сузгѣ. Она думала, что казаки не уйдутъ, не взявши Сузгуна, и она рѣшается сдать крѣпость съ условіемъ выпустить изъ нея всѣхъ безпрепятственно. Шлетъ она къ Грозѣ старшину. Обрадовался Гроза, возьметъ же онъ крѣпость, не будетъ ему стыдно передъ товарищами. Не скрываетъ онъ своей радости отъ гонца, но соглашается только съ условіемъ, что Сузгѣ отдастъ себя въ полонъ. Съ негодованіемъ отвергаетъ старшина это условіе, но Гроза стоитъ на своемъ. Передалъ старшина условіе Сузгѣ. Великодушная царица рѣшается жертвовать собою и сзываетъ всѣхъ своихъ рабынь.

«Вы, прислужницы—дѣвицы,
Отпирайте кладовыя,
Выносите всѣ наряды,
Всѣ каменья дорогие,
И царицу наряжайте:
Завтра праздникъ у меня».

Всѣхъ надѣляетъ она подарками, а сама раздается—

«Всю казну свою большую».

Тяжела была послѣдняя ночь для несчастной одинокой Сузгѣ,

¹⁾ «Морской путь въ Сибирь», Шамальскаго.

Не горят небеса
Золотистымъ закатомъ,
Завьлѣла роса
По пригоркамъ и скатамъ...

Задремала листва,
И съ вечерней прохладой
Слышны чьи-то слова,
Чей-то смѣхъ за оградой!..

Л.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА Н. МАХОВА.

Чистка грибовъ.

„О Сузгѣ, моя царица,
Тяжела тебѣ та ночь!
Ты сидишь на мягкомъ ложѣ,
Опустивъ на грудь головку
И сложивъ печально руки
На трепещущей груди.
Ты одѣта, какъ невѣста,
Въ драгоценныя одежды,
Но глаза твои не блещутъ
Предразсвѣтною звѣздой,
Но уста твои не радуютъ
Цвѣтомъ розы и любви.
Дума черная, какъ полночь,
Обвила твой умъ, царица
И тоска, какъ червь могильный
Тошитъ сердце молодое.
Велика твоя невзгода!
Тяжела твоя судьба!“

Ночь проходить, а на утро подступаютъ къ стѣнамъ казаки. Отворяются ворота, и обезоруженные татары выходятъ изъ крѣпости, идутъ вмѣстѣ со старшиной. Не забываетъ онъ Сузгѣ, и проситъ Грозу не обидѣть ее. Просто и величавъ отвѣтъ Грозы:

„Наша Русь славна издревле
Къ роду царскому любовью,
И въ другихъ его почитать“.

Взошли татары на суда, поклонились Сузгуну—

„И исчезли въ далекѣ“.

А Сузгѣ, смотрѣвшая съ высокой бойницы—

„Путь счастливый вамъ, сказала
Грустно бѣдная царица.
Обвела кругомъ глазами
И, вздохнувши тяжело, тяжело,
Съ неприступной той бойницы
Тихо внизъ она сошла“.

Входить весело казаки
Въ крѣпость грозного Сузгуна;
Впереди ихъ воевода

Атаманъ Гроза,

Онъ прилежно озираетъ
Покорившійся Сузгунъ.
Вотъ идетъ онъ въ теремъ царскій,
Словомъ ласковымъ пріѣхитъ
Несчастливую царицу.
Но въ палатахъ царскихъ пусто.
Онъ обходитъ все строенье,
Но царицы нѣтъ нигдѣ.
„Гдѣ-жъ она?“—Гроза подумалъ.
И большое подозрѣнье
Въ грудь казачую запало.
Злой укоръ въ устахъ тѣснится...
Вдругъ увидѣлъ онъ царицу
И укоръ свой удержалъ.
Подъ навѣсомъ пихтъ душистыхъ,
Прислонясь головою
Къ корню дерева, сидѣла
Одинокая царица.
Вьется вѣтромъ покрывало,
Руки сложены на грудь.
Атаманъ къ Сузгѣ подходитъ,
Шапку ей свою снимаетъ,
Низко кланяясь, молвитъ:
„Будь спокойна ты, царица!
Мы казаки, а не звѣри,
Мы уважимъ царскій санъ.
Богъ намъ далъ теперь побѣду,
Такъ грѣшно бы намъ и стыдно,
Благость Бога презирая
Обижать тебя, царица.
Ты о плѣнѣ позабудешь,
Словно честное даю“.
Но напрасно воевода
Ждетъ отвѣта отъ царицы.
Измученъ ея молчаньемъ,
Подожметъ онъ тихо къ ней.
Тихо поднималъ покрывало
И поспѣшно опустилъ
Матеръ Божію! не сонъ-ли
Видитъ онъ? Въ лицѣ нѣтъ жизни,
Щеки блѣдностью покрыты,
Льется кровь изъ подъ одежды,

И въ глазахъ полусткрытыхъ
Померкаетъ Божій свѣтъ.
— „Что ты сдѣлала, царица?“—
Вскрикнулъ громко воевода,
Кровь рукою зажимая.
Вдругъ царица задрожала,
На Грозу она взглянула...
Это не былъ взоръ отмщенія,
Это былъ послѣдній взоръ!—

Подъ наклономъ пихтъ душистыхъ
Собралися всѣ казаки.
И стоятъ они безъ шапокъ;
Два урядника отряда
Насыпаютъ холмъ могильный
Тишина лежитъ кругомъ.
Вотъ обрядъ печальный конченъ.
Поклонясь сырой могилѣ,
Говоритъ Гроза казанамъ:
— „Гой, товарищи-казаніи!
Здѣсь ужъ нѣтъ намъ больше дѣла,
Снаряжайтесь на Искеръ!“

Ночь спустилася на землю,
Вѣтеръ воетъ по дубравѣ,
Гонитъ тучи дождевыя,
И Иргышъ о кругъ утеса
Плещетъ звонкою волной.
Распустивъ своя вѣтрила,
Блудятъ добрые казаки,
Льется пѣсня ихъ живая—
Что про матушку про Волгу,
Что про Донъ, ихъ Донъ родимый,
Что про славу казака!
А вдали, крутятся волнами,
Блещетъ пламя надъ Сузгуномъ.
На стѣнахъ его высокихъ
На круглыхъ его бойницахъ,
Рдѣетъ небо полуночи,
Блещутъ волны Иргыша.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Нѣста (продолженіе).

— Я получилъ твою записку! Чѣмъ могу служить?

— Дорогой дядя, я пришелъ сообщить вамъ важную новость, спросить ваше мнѣніе и попросить объ одной дружеской услугѣ.

— Въ чемъ дѣло?

— Я женюсь.

— Женишься? На госпожѣ Реджи?

— О, нѣтъ, герцога, не на ней.

— Слава Богу! Говорятъ, что ты ее обожаешь!

— Преувеличиваютъ!

— Предположимъ, что ты ее только любишь! Ваша связь продолжается не болѣе мѣсяца и ты собираешься жениться? Женишься, какъ разъ въ то время, когда у тебя прелестная любовница? Что случилось?—И герцогъ насмѣшливо смотрѣлъ на своего племянника.

— Что жетуть удивительнаго?—спросилъ Робертъ,

— Весьма удивительнаго! Если ты разрываешь недавнюю связь, которая была такъ тебѣ по душѣ, чтобы вступить въ такой бракъ, на какой ты имѣешь право разсчитывать, значить ты гораздо разсудительнѣе, чѣмъ я предполагалъ, и я отъ души поздравляю тебя. Вотъ мое мнѣніе. А въ чемъ состоитъ услуга?

— Попросить для меня руки одной молодой дѣвушки.

— Ты сынъ моей сестры и только даешь мнѣ возможность выполнить весьма пріятный семейный долгъ. На комъ ты женишься? Почему ты до сихъ поръ не говорилъ мнѣ ни слова о своемъ намѣреніи.

— Я долго не рѣшался. Мои средства такъ незначительны.

— Напрасно! Мало того, что ты молодъ и красивъ, твое имя составляетъ приданое. У насъ много найдется молодыхъ и богатыхъ дѣвушекъ, которыхъ родители охотно выдаютъ за принца Монсеррата.

— Особа, на которой я хочу жениться, не принадлежитъ къ нашему обществу.

— А къ какому?—съ безпокойствомъ спросилъ герцогъ де Можолъ.

Принцъ понялъ и не совсѣмъ твердо отвѣчалъ:

— Она американка.

— Тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Въ Америкѣ поселилось много старинныхъ дворянскихъ англійскихъ фамилій. Я самъ чуть не женился на дѣвушкѣ по прямой линіи происходящей отъ Стюартовъ. Вообще, я не жалую этихъ заморскихъ браковъ. У нихъ тамъ не существуетъ никакихъ гражданскихъ документовъ, такъ что иногда не знаешь съ кѣмъ имѣешь дѣло. Но въ чемъ дѣло? Гдѣ и какъ ты познакомился съ этой молодой дѣвушкой?

— Ей еще нѣтъ девятнадцати лѣтъ, она очень хороша и превосходно воспитана, зовутъ ее Джэнь Гаррисъ. Мать ея, умершая въ прошломъ году, была уроженка Канады, по происхожденію французка и католичка.

— Очень хорошо! Она дочь?

— Одного изъ значительныхъ промышленниковъ Чикаго.

— Новый городъ, гдѣ основались громадныя состоянія преимущественно отъ торговли свиными тушами, что заслужило этому городу

весьма невзвучное прозваніе «Свиного города»! Кажется, одна изъ дѣвушекъ этого-же самаго города вышла въ прошломъ году за герцога Сабріа?

— Кажется, да. Но господинъ Максимъ Гаррисъ составилъ свое состояніе на желѣзныхъ дорогахъ.

— Что онъ даетъ за дочерью?

— Двѣнадцать милліоновъ

— Двѣнадцать милліоновъ? Слишкомъ много! Берегись, Робертъ! Должно полагать, что эту невѣсту открыла тебѣ графиня де-Пенгре!

— Я не скрываю. И чего мнѣ беречься?

— Какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ родятся милліоны, на которыхъ не женятся, особенно когда носятъ одно изъ самыхъ знатныхъ именъ Френція и латинской расы. Я не знаю, принадлежатъ ли милліоны господина Гарриса изъ Чикаго къ такимъ! Не мѣшало бы, прежде чѣмъ свататься, осведомиться; ты вѣдь пришелъ не спрашивать моего совѣта, а сообщить мнѣ почти совершившійся фактъ.

— Да, мы съ господиномъ Гаррисомъ обмѣнялись словомъ.

— Двѣнадцать милліоновъ этой молодой дѣвушки тебя больше соблазнили, чѣмъ шесть дѣвицы Грумеръ.

— Та была еврейка.

— Существуетъ много еврейскихъ фамилій, достойныхъ всякаго уваженія.

— Въ такомъ случаѣ, что ты называешь милліонами, на которыхъ не женятся?

Герцогъ на минуту задумался прежде чѣмъ отвѣтить,—въ голосѣ его послышалось презрѣніе:

— Милліоны, нажитые на покупкѣ хлѣба,

въ ущербъ голодающему населенію, на всъзвышеніи и паденіи биржевого курса; на поставкахъ для войскъ, истощающихъ казну, отравляющихъ солдатъ и снабжающихъ ихъ картонною обувью, однимъ словомъ на дѣйствіяхъ различныхъ хищныхъ птицъ, — христіанъ, мусульманъ, евреевъ, — безразлично, — важающихся милліоны на несчастіи близкаго. Сюда я причисляю лицъ съ запятаннымъ прошлымъ. Вотъ, мой дорогой племянникъ, милліоны, которыхъ не облагораживаютъ, которыхъ не даютъ возможности пройти подъ флагомъ честнаго человѣка и знатнаго имени. Обладавъ порожденіемъ запятаннымъ именемъ, его не продаютъ за деньги, не грязнятъ прикосновеніемъ къ неправильно нажитому золоту. Наши имена принадлежатъ не намъ, а націи, странѣ; мы, временные владѣльцы, обязанные передать его нашимъ потомкамъ въ безупречной чистотѣ. Я понимаю, что дворянинъ можетъ жениться на бѣдной дѣвчкѣ незнатнаго происхожденія, если онъ ее любитъ, но не понимаю брака на милліонершѣ съ милліонами подозрительнаго происхожденія. Лучше быть герцогомъ Говомъ, ни откуда не ожидающимъ наслѣдства, гордымъ своею нищетою, чѣмъ жить на доходы съ капитала, полученнаго отъ спекуляціи людскими жадностью, тщеславіемъ и глупостью!

— Я убѣжденъ, что это не можетъ относиться къ господину Гаррису.

— Я только тогда извиню дворянина, когда онъ женится ниже себя, — на дѣвчкѣ изъ честной семьи конечно, — когда у него въ виду какая нибудь великая цѣль, когда онъ продаетъ свое имя для чего-нибудь серьезнаго, для пользы отечества, для помощи страждущимъ и несчастнымъ! Но если, женись на деньгахъ, онъ думаетъ только объ удовлетвореніи своихъ аппетитовъ, онъ безчеститъ себя! И ты, Робертъ, если ты женишься на двѣнадцати милліонахъ, ты долженъ отказаться отъ твоей праздности, заняться какимъ-нибудь честнымъ полезнымъ дѣломъ, поступить снова на службу въ иностранное министерство и въ качествѣ представителя Франціи при какомъ нибудь дворѣ принести пользу отечеству. Каковъ на видъ отецъ твоей миссъ Джэнь?

— Конечно, онъ не особенно изященъ, но онъ хорошій человѣкъ, не глупъ и пользуется уваженіемъ.

— У себя въ Америкѣ! Ну, тамъ не спрашиваютъ достоинствъ человѣка, а спрашиваютъ, что онъ стоитъ! Если онъ даетъ двѣнадцать милліоновъ за дочерью, нужно предположить, что онъ имѣетъ въ пять или шесть разъ столько... Съ такимъ капиталомъ, не только въ Америкѣ, но и воздѣ можно пользоваться уваженіемъ.

Принцъ де-Саллернъ не сказалъ герцогу, что у его будущаго тестя вдвое больше денегъ, чѣмъ тотъ предполагалъ, а только далъ ему адресъ Гарриса.

— И такъ рѣшено, — сказалъ герцогъ, — и поѣду къ этому чикагскому богачу-промышленнику просить для тебя руки его дочери. Поговори съ нимъ, назначьте день и часъ и тогда увѣдъ мѣ меня.

— Благодарю васъ, дорогой дядя, — сказалъ Робертъ со вздохомъ облегченія. Направленіе, принятое разговоромъ, нѣсколько безпокоило его.

— Тебя, кажется, не особенно волнуетъ вопросъ, какъ взглянуть на твой бракъ престарелая Лена, — вдругъ спросилъ герцогъ. — Ахъ, какъ я глупъ, вѣдь твоя будущая жена принесетъ тебѣ двѣнадцать милліоновъ!

Печего и говорить, что не прошло пяти

минуть, какъ племянникъ позабылъ всю тираду дяди и не сталъ ломать головы надъ происхожденіемъ милліоновъ своего будущаго тестя. Заручившись обѣщаніемъ герцога, Робертъ продолжалъ ухаживать за миссъ Джэнь, которая отказалась отъ намѣренія писать ему. Она разсудила, что если даже де-Саллернъ и отступитъ, то отецъ ея отыщетъ другого жениха или, недовольны отказомъ, увезетъ ее куда нибудь подальше. Она не знала, что дѣлать, ждала отъ неба какой нибудь неожиданной помощи. Цисемъ изъ Америки уже двѣ недѣли не получалось, какъ въ одно прекрасное утро, отецъ вошелъ въ комнату Джэнь и, подавая ей американскія газеты, сказалъ съ нѣсколько торжествующимъ и будто огорченнымъ видомъ: — Бѣдная моя Джэночка, прочти это, ты увидишь, что я былъ правъ.

Молодая дѣвушка поблѣднѣла, въ газетахъ стояло:

«Къ нашему великому сожалѣнію, молодой французскій консулъ, господинъ Марсель Рено, заслужившій всеобщія симпатіи, не остается у насъ. Онъ уже уѣхалъ изъ Чикаго. Отъѣздъ его случился совершенно не ожиданно. Извѣстно, что онъ отправился по дорогѣ въ Ванкуверъ, гдѣ сядетъ на корабль идущій въ Японію. Господинъ Рено уѣхалъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ и богатымъ инженеромъ Томасомъ Сартономъ, который возвращается въ Іеддо въ сопровожденіи своей дочери, престарелой миссъ Ады. Предполагаютъ, что на этотъ внезапный отъѣздъ не безъ вліянія остались красивые глаза американки. Говорятъ о предстоящемъ бракѣ».

То же было напечатано еще въ нѣсколькихъ газетахъ. Миссъ Джэнь съ отчаяніемъ взглянула на отца и упала въ полуобморочъ. Слезы текли по ея щекамъ.

— Дѣвочка моя, успокойся, умоляю тебя. Ты видишь, я былъ правъ! О, эти французы! Если бы не желаніе твоей матери, ты бы ни за одного изъ нихъ не вышла замужъ.

Въ эту минуту вышла Мари и сильно испугалась, видя свою бывшую воспитанницу въ такомъ положеніи; она взглянула на Гарриса вопросительно.

— Посмотрите, что въ газетахъ напечатано о господинѣ Рено, — сказалъ онъ, съ сожалѣніемъ смотря на свою дочь, — вы обѣ такъ имъ восхищаетесь. Утѣшите ее. Мнѣ на нее больно смотрѣть! Дорогая моя, не отчаивайся такъ. Я сдѣлаю все, что ты захочешь.

Онъ гладилъ ея руки, ласкалъ ее и употреблялъ все средства, чтобы ее успокоить и заглушить угрызения своей совѣсти. Въ сущности онъ былъ не злой человѣкъ, но честолюбіе обурло его. Притомъ онъ зашелъ слишкомъ далеко, чтобы уступить. Не зная наконецъ, что еще сказать, онъ поспѣшилъ уйти.

— Читайте, Мари, читайте, — сказала тогда Джэнь, показывая на газеты. — Такъ обманывать меня, когда я здѣсь столько боролась! Госпожа Бренъ была поражена.

— Я ничего не понимаю! Вотъ почему отсюда нѣтъ писемъ послѣднія двѣ недѣли! Господинъ Гаррисъ, должно быть, написалъ ему, оскорбилъ его, обвинилъ, что онъ ищетъ твоихъ денегъ.

— Это невозможно!

— Только этимъ можно объяснить это внезапное рѣшеніе. Гордость заставила его отказаться отъ тебя, и онъ ушелъ далеко.

— Да, да... Но онъ съ другой уѣхалъ, онъ ее любитъ, женится на ней.

Джэнь вскрикнула и въ отчаяніи упала, заливаясь слезами. Нѣсколько часовъ она провела въ такомъ экзальтированномъ, состояніи, то вспоминая прошлое, то упрекая

себя, что не слушалась отца. Къ завтраку она не вышла, но когда Гаррисъ пришелъ павѣстить ее, первая протянула ему руку. Съ миссъ Дерсонъ, когда та къ ней пришла, она тоже была очень внимательна. Конечно, ей не могло придти въ голову, что она была жертвой отвратительнаго заговора. Она никого не обвиняла, во всемъ виновата ея несчастная судьба.

— Нужно покориться волѣ Господа, милая племянница, — лицемѣрно говорила тетка. — Мы во всемъ должны обращаться къ Нему, какъ въ горѣ, такъ и въ радости. Обратись къ Господу, Онъ утѣшитъ тебя, и счастье, котораго ты заслуживаешь, вернется къ тебѣ. Квакерша поцѣловала ее въ лобъ и удалилась.

— Я хотѣла бы убѣдиться, что Рено дѣйствительно уѣхалъ изъ Чикаго, — сказала Джэнь. — Какъ это сдѣлать?

— Это не трудно!

— Когда я буду знать навѣрное, я могу рѣшить, что мнѣ дѣлать.

— Можно телеграфировать господину Торнеру и просить отвѣта до востребованія.

— Да, можно.

— Впрочемъ, дѣло гораздо проще. Въ министерствѣ должны знать, гдѣ они находятся. Я сейчасъ туда отправлюсь и узнаю. Успокойся, голубка, кто знаетъ!

Черезъ часъ молодая женщина показала Джэнь записку, которую ей безъ труда и очень любезно выдали въ министерствѣ.

«Съ разрѣшенія правительства, господинъ Марсель Рено на прошлой недѣлѣ выѣхалъ изъ Чикаго въ Японію».

— И такъ, все кончено, — проговорила бѣдная Джэнь. — Нѣтъ больше сомнѣній, все правда!..

Вечеромъ, миссъ Джэнь, скрывая свое горе, вмѣстѣ съ теткой принимала гостей, была любезна съ принцемъ де-Саллернъ, улыбалась всѣмъ, а черезъ три дня пришла къ отцу и сказала:

— Простите, что я противилась вашимъ желаніямъ. Теперь — я готова повиноваться.

Взволнованный Максимъ Гаррисъ прижалъ свою дочь къ сердцу, а тетка Пальмира, присутствовавшая при этомъ, съ трудомъ заглушила крикъ торжества и набожно проговорила, поднимая глаза къ небу:

— Повиновеніе родителямъ есть божеская заповѣдь; на послушныхъ дѣтей съ неба сыпятся всякія блага!

Получивъ отъ Джэнь согласіе, Гаррисъ и его сестра торопились на свободу.

Нетеряя ни минуты, госпожа Дерсонъ сообщила графинѣ счастливую вѣсть, для передачи принцу де-Саллернъ. Графиня увѣдомила принца.

Арманъ завтракалъ у принца, когда принесли записку графини.

— Слава Богу, — сказалъ Робертъ, — я боялся неудачи. Нужно къ Гаррису: узнать, когда онъ можетъ принять герцога.

— Прекрасно! У тебя будетъ замѣчательный тесть! Съ нимъ все можно сдѣлать, если похотѣть его тщеславію. А Лена?

— Она смотритъ на вещи, какъ любящая женщина. Я полюбилъ ее еще больше! Если я не женюсь, мнѣ только останется пустить цулю въ лобъ.

— Чтобы доказать твою любовь къ Ленѣ?

— Поѣдешь со мной къ Гаррисамъ?

— Конечно! Я поучусь, какъ просить руки хорошенькой милліонерши! Ихъ, должно быть, кишимъ — кишить въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ!

Лавей доложилъ, что карета подана.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КІЕВСКІЕ ПАМЯТНИКИ И СВАТЫНИ.

Посвящая часть нашего этого номера снимкамъ кіевскихъ памятниковъ и сватынь, мы намѣремы воскресить въ памяти читателей свѣдѣнія о матери городовъ русскихъ. Кіево-Печерская лавра, соборы: св. Софій и Андрея Первозваннаго, Десятинная церковь — это все дорогіе русскому сердцу имена. Храмъ св. Софій построенъ Ярославомъ I въ благодарность Богу за побѣду надъ печенѣгами. Этотъ храмъ копія съ собора св. Софій въ Константинополѣ. Эта древняя сватыня была свидѣтелемъ всѣхъ невзгодъ и бурь, пронесшихся надъ многотерпѣливой нашей родиной. Еще сохранилась въ этомъ драгоценномъ храмѣ мѣстами древняя византійская живопись, между прочимъ замѣчательна древняя сватыня-икона Богоматери. Престолъ Софійскаго собора изъ кипариса, обложенный золотомъ. Прахъ Ярослава I покоится въ одномъ изъ придѣловъ храма. Соборъ св. Софій возвышается въ такъ называемомъ «Старомъ Кіевѣ» на трехъ-холмной горѣ. Недалеко отъ этой древности находится другая сватыня—храмъ св. Андрея Первозваннаго. Это великолѣпное зданіе, первый камень котораго положила еще императрица Елизавета I въ 1744 году, было окончено въ 1764 г. Знаменитость тогдашняго времени, архитекторъ графъ Растрелли выказалъ при постройкѣ этого храма весь свой замѣчательный талантъ. Двадцатисемисаженьная вышина храма еще выигрываетъ отъ возвышенности, гдѣ послѣдній построенъ. Храмъ окружаютъ снаружи гладкія коринтскія колонны съ чутунными капителями; колонны, теперь вѣсколько истершіяся, сіяли прежде червоннымъ золотомъ. Внутренность храма еще великолѣпнѣе внѣшней стороны. Неподдалеку находится самая древняя сватыня Кіева—Десятинная церковь, построенная еще самимъ крестителемъ Руси Владиміромъ Святѣмъ. Въ 989 г. св. Владиміръ, заботясь о насажденіи христіанской вѣры, основалъ храмъ во имя Успенія Богородицы, на содержаніе котораго должна была идти десятая часть княжескихъ доходовъ. Отъ этого произошло и названіе церкви. Десятинная церковь была разрушена Батыемъ при взятіи Кіева и хотя, черезъ много лѣтъ, извѣстный ревнитель православія митрополитъ кіевскій Петръ Могила приступилъ къ возобновленію дорогой русскимъ сердцамъ сватыни—пожъковцу семнадцатаго столѣтія храмъ опять пришелъ въ упадокъ. Теперь, рядомъ съ древними развалинами выстроена совершенно новая Десятинная церковь, въ которой, однако, очень мало остатковъ древности. Одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ Кіева составляетъ «Владимірская гора» или «Михайловская гора», съ которой чудный видъ на окрестности. На этой-же горѣ, почти у края ея, возвышается величественный памятникъ, исполненный бар. Клодтомъ и поставленный здѣсь въ 1853 году. Статуя самого Владиміра вылита изъ бронзы; она изображаетъ его въ ту минуту, когда онъ, увидѣвши, что таинство крещенія совершено, произнесъ слова молитвы, переданныя намъ лѣтописцемъ: «Боже, сотворившій небо и землю! призри на новыя люди сія, и даждь имъ, Господи, увидѣти истиннаго Бога, яко-же увидѣше страны христіанскія; утверди и вѣру въ нихъ праву и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да побѣду возни его!» Въ правой рукѣ великаго князя крестъ большихъ размѣровъ, а въ лѣвой—великокняжеская шапка; на плечинахъ широкая мантия, изъ

подъ которой виднѣется полукафтанъ. Высота всего памятника равняется 9-ти саж. На барельефѣ, прикрѣпленномъ съ восточной стороны къ пьедесталу, изображено крещеніе русскаго народа; на правой сторонѣ представлена группа женщинъ съ улыбающимся младенцемъ; другая группа изображаетъ старика, котораго привели для крещенія его собственные сынъ и внукъ; наверху этихъ двухъ группъ изображенъ священникъ, дающій новоокрещеннымъ цѣловать крестъ и совершающій миропомазаніе; выше всѣхъ изображенъ епископъ въ полномъ облаченіи со стоящими по обѣ стороны его двумя діаконами; надъ барельефомъ изображенъ гербъ Кіева, подъ которымъ находится владимірская звѣзда съ владимірскими по бокамъ крестами. На противоположной барельефу сторонѣ красуется бронзовыми буквами надпись: «Сооруженъ въ 1853 году». Въ крестѣ, который держитъ Владиміръ въ правой рукѣ, проведено со всѣхъ его сторонъ газъ, зажигающійся въ торжественные дни. Таковы главнѣйшія сватыни матери городовъ русскихъ, гдѣ въ настоящее время происходятъ торжества освященія собора св. Владиміра и освященія памятника Николаю I. Въ эти дни вся Россія устремляла взоры на стольный Кіевъ, гдѣ гостилъ Царь съ Царицей, принимая живое участіе въ этихъ высокаторжественныхъ народныхъ празднествахъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Богоматерь съ Иисусомъ Младенцемъ. Живопись художника В. М. Васнецова.

Мы упоминали уже въ прошлой хроникѣ о живописи новоосвященнаго Владимірскаго собора и о лучшей и величайшей работѣ Васнецова «Богоматерь». Въ, входящія въ храмъ, поражаются этимъ изображеніемъ и благоговѣнно останавливаются передъ нимъ. Присядемъ два отзыва двухъ извѣстныхъ русскихъ беллетристовъ объ этомъ дивномъ произведеніи. I. И. Яценскій пишетъ: «Образъ Богоматери написанъ на запрестольной стѣнѣ собора, и когда въ первый разъ мнѣ пришлось войти въ соборъ и увидѣть Богоматерь во всей красотѣ ея величавыхъ размѣровъ, какой-то холодокъ экстаза пробѣжалъ у меня по спинѣ. Трудно разсказать, что это за впечатлѣніе, но знаю только, что это счастье: не плачешь, не слезы вотъ-вотъ прольются». Не менѣе восторженно отзывается о «Богоматери» Васнецова и В. Л. Дѣдовъ. Вотъ что онъ говоритъ еще о первомъ эскизѣ этого произведенія, который онъ видѣлъ еще въ мастерской художника: «На стѣнѣ подъ потолкомъ висѣлъ небольшой картонъ, на который мнѣ указали. Это была ставшая теперь знаменитою васнецовская «Богоматерь». Глядя на нее, я видѣлъ, что Васнецовъ въ прежнихъ работахъ только расправляетъ крылья. Когда я вхожу во Владимірскій соборъ и съ улицы, изъ будничной обстановки, прямо попадаю въ міръ созданий Васнецова, прежде всего поражаетъ контрастъ этихъ двухъ жизней. Тамъ шумъ, здѣсь торжественная тишина. Тамъ пестрое, мелкое, переходящее настоящее; тутъ прошлое въ величественныхъ законченныхъ формахъ. Тамъ пыль, и потъ, и гамъ тѣсной жизни; тутъ царство духовнаго творчества. Когда я смотрю на картины Васнецова, я вижу въ нихъ не только художественную, но и національную побѣду. Я знаю, какое великое культурное сокровище и какую могучую культурную силу представляютъ собою памятники искусства въ Европѣ. Теперь, со времени Владимірскаго собора, я мы начинаемъ проявлять эту силу и становиться въ ряды культурныхъ борцовъ; и у насъ зажигаются свѣточи, въ которыхъ давно нуждается нашъ народъ. Васнецовъ осѣщаетъ именно русскую жизнь, русскія вѣрованія, русскіе идеалы, русскіе формы. Васнецовъ націоналенъ».

В. М. Васнецовъ—сынъ священника вятской губерніи. Терпя лишения и нищету, В. М. учился въ вятской семинаріи, но живопись влекла его, и въ 1863 г. В. М. ѣдетъ въ Петербургъ и поступаетъ въ академію художествъ. Недостатокъ средствъ, работа для куса хлѣба—все это не помѣшало В. М. могуче развить свой талантъ. Но долго еще В. М. искалъ настоящей дороги своему творчеству. Сначала снѣ

взаясь за жанръ, затѣмъ пошелъ «сказочными» картинами. Лучшія изъ послѣднихъ:

«Поле битвы» и «Сѣрый волкъ» (Третьяковская галлерея), «Коверъ-самолетъ», «Витязь на распутьѣ» и «Битва скифовъ» (С. Мамоновъ, въ Москвѣ), «Аленушка» (А. Мамоновъ, тамъ-же), «Три царевны подземнаго царства» (И. Терещенко, въ Кіевѣ), «Сиринь-Птица» (у Вол. Князя Сергія Александровича). Затѣмъ слѣдуютъ заказныя московскимъ историческимъ музеемъ картины «Каменный Вѣкъ».

«Каменный Вѣкъ» состоитъ изъ четырехъ картинъ. Двѣ изображаютъ ремесла той эпохи, третья—охоту на мамонта, послѣдняя—пиръ, пожирание этого мамонта. Затѣмъ В. М. перешелъ къ духовной живописи, гдѣ и сумѣлъ соединить идеальную чистоту византійскаго искусства съ мощью и свѣжестью своего громаднаго таланта.

Освященіе памятника Императору Николаю I.

Вѣстѣ съ освященіемъ собора св. Владиміра, Кіевъ праздновалъ, 21-го августа, другое торжественное событіе въ Высочайшемъ присутствіи—это открытіе памятника Императору Николаю I. Памятникъ воздвигнутъ на суммы, пожертвованныя разными лицами въ память милостей, оказанныхъ городу Кіеву Императоромъ Николаемъ I. Памятникъ представляетъ бронзовую фигуру Императора, съ открытой головой, въ генеральскомъ сюртукѣ съ эпохею; правая рука согнута и держитъ большіе пальцемъ борть сюртука, а лѣвая управляетъ въ планъ города Кіева, впервые утвержденный Николаемъ I. Высота фигуры 7½ ар. Гранитный пьедесталъ, высотой 12 аршинъ отъ земли до фигуры, имѣетъ 27 аршинъ ширины и 1 аршинъ высоты. Съ лѣвой стороны на гранитѣ помѣщены изъ бронзы вензель Императора, окруженный венкомъ; государственный орелъ и подъ нимъ надпись золотыми буквами: «Императору Николаю I благодарный Кіевъ». Въ средней части пьедестала со всѣхъ четырехъ сторонъ помѣщены барельефы, изображающіе зданія, построенныя въ Кіевѣ по повелѣнію Императора Николая I, а именно: университетъ св. Владиміра, 1-я гимназія, кадетскій корпусъ и цѣнный Николаевскій мостъ. На задней сторонѣ пьедестала—гербъ города Кіева и надпись о времени сооруженія. 27-го мая 1892 года состоялась торжественная закладка памятника, причемъ на предложеніе председателя многія лица сдѣлали пожертвованія; наибольшія суммы поступили отъ графовъ Бобринскихъ, Лопухина, Демидова... Н. А. Терещенко пожертвовалъ на четыре канделабра, установленныя на особыхъ гранитныхъ тумбахъ. Для производства каменотесныхъ работъ выписаны были рабочіе изъ тверской губерніи—спеціальные гранальщики, а для позировки—изъ смоленской губерніи. Отливка изъ бронзы фигуры, барельефовъ, орла, а также канделабровъ была поручена петербургскому фабриканту Гаврилову, отливавшему фигуру Муравьева-Амурскаго и профессора Каравева. Работы тянулись слишкомъ три года и закончились только въ май нынѣшняго года.

Рабъ съ головой Іоанна Крестителя. Съ картины художника Н. Асканіа.

29-го августа наша православная церковь чествуетъ достойную кончину Св. Іоанна Крестителя, какъ извѣстно обезглавленнаго по приказанію Ирода, царя Іудейскаго. Талантливый художникъ изобразилъ въ своей картинѣ одинъ изъ моментовъ этой страшной драмы. Этотъ рабъ Ирода, царя іудейскаго, жестокой безтрепетной исповѣдью безумнаго приказанія даннаго отуманеннымъ весельемъ повелѣтелемъ... Красива, ослѣпительна и соблазнительна была несущаяся въ страстномъ восточномъ танцѣ молодая Иродіада. Именномъ сверкала она воскащеннаго царя, и онъ обѣщалъ пѣвнѣльной танцовщицѣ исполнить какую угодно просьбу. Нечестивыя уста красавицы потребовали голову предтечи Христовой, обличителя грѣха, Іоанна Крестителя. И вотъ, оставивъ въ смрадной темницѣ обезглавленное тѣло, убійца-рабъ несетъ отрубленную голову святаго мученика. Молчать вѣщавшія истину уста праведника, закрыты свѣтлыми очн и тѣнь отъ руки угрюмаго убійцы падаетъ на высокое мертвое чело...

Чистка грибовъ. Оригинальный рисунокъ художника Н. Махова.

Осень—пора грибовъ. Трудолюбивыя, искусныя хозяйки выдумываютъ всяческія вкусныя блюда изъ этого дешеваго продукта лѣсныхъ полянъ. На рисункѣ Н. Махова подростокъ-дѣвочка взялась, видно, помочь мамашѣ по хозяйству. Она прилежно чиститъ большіе крѣпкіе грибы, присѣвъ въ тѣни на дачное крылечко. Серьезно и сосредоточенно лицо молодой хозяйки; недаромъ она занята важнымъ дѣломъ. Острый ножъ быстро срѣзаетъ съ грибовъ все лишнее, и корешки, и шапочки грудкой ложатся на бѣлое блюдо.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Путешествіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Прибытіе въ Бреславль.—24-го августа Ихъ Императорскія Величества прибыли въ Бреславль. Императорскій поѣздъ подошелъ къ вокзалу около 9 часовъ утра. Почетный караулъ 11-го полка отдалъ честь. Музыка исполнила встрѣчу. На вокзалѣ находились: германская императорская чета, принцы Генрихъ, Фридрихъ-Леопольдъ, Альбрехтъ, остальные принцы и принцессы, наследная принцесса Мейнингенская, вся свита, генералитетъ, высшія военныя и гражданскія власти, имперскій канцлеръ, статсъ-секретарь Маршалъ... Императоръ Вильгельмъ и вышесказанные три принца были въ русскихъ мундирахъ, Государь Императоръ въ мундирѣ прусскаго имени Императора Александра полка, Государыня Императрица—въ бѣломъ платьѣ, императрица германская—въ шелковомъ платьѣ цвѣта «saumon». Ихъ Величества сердечно поздоровались. При обходѣ фронта почетнаго караула, при чемъ императоръ Вильгельмъ велъ Государыню Императрицу, Государь Императоръ—германскую императрицу, музыка исполнила русскій народный гимнъ. Августѣйшія особы прослѣдовали затѣмъ въ королевскія компаты, послѣ чего почетный караулъ прошелъ церемониальнымъ маршемъ предъ обоими Императорами. Затѣмъ небольшой промежутокъ времени былъ употребленъ на взаимное представленіе сановниковъ, и Государь Императоръ съ Государыней Императрицей отбыли въ областной домъ, назначенный для пребыванія Ихъ Величествъ. Впереди шель эскадронъ 8-го гусарскаго имени Императора Николая II полка, затѣмъ слѣдовалъ запряженный четверкой придворный экипажъ съ двумя Императорами, причемъ императоръ Вильгельмъ сидѣлъ по лѣвую руку Государя Императора; въ такомъ же экипажѣ ѣхали далѣе обѣ Императрицы. Процессію замыкалъ эскадронъ 2-го гвардейскаго драгунскаго имени Императрицы Александры Феодоровны полка. Съ вокзала до областного дома шпалерами стоялъ полкъ имени Императора Александра. Отъ этъго же полка у областного дома выставленъ былъ почетный караулъ. Здѣсь Ихъ Величества обошли фронтъ караула, который затѣмъ прошелъ

предъ Императорами. Музыка исполнила при этомъ русскій гимнъ. Германская императорская чета проводила Ихъ Величества въ областной домъ, обращенный во дворецъ. Публика повсюду привѣтствовала Высокихъ Гостей. Городъ весь великолѣпно былъ украшенъ флагами и транспарантами.

четы. Ихъ Величества были восторженно привѣтствуемы публикой. Такъ-же горячо публика привѣтствовала обѣ Императорскія четы. Государь Императоръ былъ въ мундирѣ полка имени Императора Александра. При Государѣ Императорѣ состоятъ: генерал-лейтенантъ фонъ-Лигницъ (бывшій въ восьмидесятихъ годахъ военнымъ аташе при германскомъ посольствѣ въ Петербургѣ), генерал-лейтенантъ Вильомъ (бывшій военный агентъ въ Петербургѣ), флигель-адъютантъ полковникъ фонъ-Мольке, подполковникъ фонъ-Цетрицъ и капитанъ Лауэнштейнъ (гусарскаго имени Императора Николая II полка); при Ея Императорскомъ Величествѣ—фрейлина фонъ-Келлеръ, оберъ-егермейстеръ фонъ-Гейнце и полковникъ принцъ Генрихъ XIX Рейсъ, командиръ 2-го гвардейскаго драгунскаго полка имени Императрицы Александры Феодоровны.

Парадъ войскамъ. Къ двѣнадцати часу обѣ Императорскія четы отправились на парадъ, который состоялся въ ближайшихъ окрестностяхъ Бреславля, на Гайдаускомъ полѣ. Въ торжественномъ парадѣ участвовало 34 батальона, 10 эскадроновъ и 48 орудій. Парадъ прошелъ блестяще. Публика наводила все поле, собралось нѣсколько сотъ тысячъ человекъ; кромѣ населенія Бреславля и ближайшихъ мѣстечекъ, съѣхалась публика со всей Силезіи, даже со всѣхъ концовъ Пруссіи. При проѣздѣ Ихъ Величествъ мимо трибунъ, раздалось восторженное «ура». Войска германскія отличались прекрасной выправкой и молодцоватымъ видомъ. Оба Императора обѣхали фронтъ верхомъ. Обѣ Императрицы—въ экипажѣ. Блестящая свита сопровождала объѣздъ,

Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій.
Митрополитъ Кіевскій.

Визитъ германской императорской четы.—Около половины 11-го часа Государь Императоръ и Государыня Императрица были съ визитомъ у германской императорской четы, которая передъ тѣмъ завтракала у Ихъ Императорскихъ Величествъ въ областномъ домѣ. Послѣ краткаго визита обѣ Императорскія четы отбыли на парадъ въ двухъ экипажахъ à la Daumont, оба Императора вмѣстѣ, такъ же, какъ и обѣ Императрицы. Императоръ Вильгельмъ былъ въ полномъ генеральскомъ мундирѣ и сидѣлъ по лѣвую руку Государя Императора. Сопровождалъ оба экипажа такой же эскортъ, какъ и по пріѣздѣ русской императорской

во время котораго музыка исполнила русскій гимнъ. Объѣздъ состоялся дважды. Затѣмъ, конница пронеслась галономъ. Государь Императоръ находился по лѣвую руку императора Вильгельма. Императоръ провелъ предъ Государемъ 2-й Гренадерскій полкъ. Государь Императоръ лично провелъ передъ императоромъ Вильгельмомъ гвардейскій гренадерскій имени Императора Александра полкъ. Съ парада Государь Императоръ, по Собственному желанію, прослѣдовалъ вмѣстѣ съ императоромъ Вильгельмомъ во главѣ знаменныхъ ротъ и штандартныхъ эскадроновъ вплоть до замка, а оттуда во главѣ знаменъ Александровскаго полка до областного дома, куда были вне-

сены знамена. Императоръ Вильгельмъ извѣстилъ по телеграфу статсъ-секретаря имперскаго морского вѣдомства о зачисленіи Государя Императора въ списки германскаго флота, при чемъ предписалъ сообщить объ этомъ сигналами флоту и встрѣтить сообщеніе самою въ 21 выстрѣлъ и поднятіемъ русскаго флага.

Парадный обѣдъ.—Въ 7 часовъ вечера состоялся въ замкѣ парадный обѣдъ. За обѣдомъ императрица Викторія-Августа сидѣла по лѣвую руку Государыни Императрицы, слѣва отъ императрицы Викторія-Августы Государь Императоръ, а справа отъ Государыни Императрицы императоръ Вильгельмъ. Напротивъ Государыни Императрицы и императора Вильгельма заняли мѣсто имперскій канцлеръ, напротивъ императрицы германской и Государя Императора — наслѣдныи принцъ Мейнингенскій. Обѣдъ былъ сервированъ на 325 кувертовъ. Во время обѣда игралъ хоръ музыки 10-го гренадерскаго полка. Императоръ Вильгельмъ обратился къ Русской Императорской Четѣ съ слѣдующею заздравною рѣчью: «Прошу дозволенія Вашихъ Величествъ повернуть къ стопамъ Вашихъ Величествъ чувства моей сердечнѣйшей и искреннѣйшей благодарности за милостивый визитъ, сдѣланный Вами намъ сегодня, и за честь, которая выпала на долю 6-му армейскому корпусу, дефилировавшему передъ Вами. Любопытнѣе, которыми встрѣчены были въ Бреславлѣ Ваши Величества, служатъ выраженіемъ чувствъ не только этого города, не только Силезской провинціи, но всего моего народа. Въ Особѣ Вашего Величества народъ мой привѣтствуетъ носителя старой традиціи и оплотъ мира. При томъ онъ Васъ привѣтствуетъ на той землѣ, на которой, однажды увѣнчанный славою предковъ Вашего Величества встрѣтился съ моимъ праѣдомъ. Чувства, которыя я и весь народъ нашъ питаемъ къ Вашему Величеству, я могу выразить въ возгласѣ: «Да благословитъ, хранить и оберегаетъ Господь Богъ Ваше Величество ко благу Европы, Вашимъ Величествамъ, Императору и Императрицѣ «ура!» «ура!» «ура!». Государь Императоръ отвѣтилъ на французскомъ языкѣ: «Благодарю Ваше Величество за только что сказанныя Вами слова, равно какъ за пріемъ, оказанный мнѣ въ Бреславлѣ. Могу Васъ увѣрить, Государь, что Я воодушевленъ тѣми-же традиционными чувствами, какъ и Ваше Величество. Пью здоровье Вашего Величества и Ея Величества Императрицы. Ура!»

Заря съ церемоніей.—Въ 9 час. 30 мин. вечера передъ королевскимъ замкомъ состоялась, подъ управленіемъ Росберга, заря съ церемоніей. Блистательно иллюминированныя улицы наполнены массами публики. Всѣ музыканты полковъ въ сопровожденіи 200 солдатъ съ факелами магнія направились къ замку при звукахъ войскового марша. Концертъ начался русскимъ народнымъ гимномъ, послѣ чего были исполнены разные войсковые марши, презентиръ-маршъ и народныя пѣсни. Высочайшія Особы вышли на террасу замка и милостиво отвѣчали во всѣ стороны поклонами на привѣтственные возгласы публики. Исполненная затѣмъ заря завершилась молитвою и долгою барабанныю дробью. Присутствіе русской и германской Императорской Четы, замѣчательно красивая иллюминація и благоговѣйное поведеніе народныхъ массъ оставили во всѣхъ отрадное впечатлѣніе.

Мѣстопребываніе Ихъ Величествъ въ Бреславлѣ.—Помѣщеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ великолѣпномъ зданіи силезскаго сейма—называемомъ областнымъ домомъ—убрано со сказочною роскошью. Половина Ея Величества Государя Императора начинается передней, гдѣ на лѣвой стѣнѣ прибитъ чудесный портретъ королевы Луизы, прогуливающейся въ паркѣ вмѣстѣ съ кронпринцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и принцемъ Вильгельмомъ. На противоположной стѣнѣ находятся портреты Императора Николая I, Императора Александра II и его Августѣйшей матери, урожденной прусской принцессы. За передней слѣдуетъ приемная. На плафонѣ ея красуется символическій рисунокъ: русскій двуглавый орелъ и св. Георгій, побивающій дракона. Чудесныя вазы стоятъ вездѣ на высокихъ подставкахъ, въ нишахъ, а при входѣ висится удачно сдѣланный бюстъ Императора Николая I. Рядомъ съ приемной помѣщается рабочій кабинетъ Ея Величества. Русскіе gobelены покрываютъ стѣны; дорогая мебель и рѣдкія картины дополняютъ его убранство.

Парадный спектакль.—25-го августа былъ данъ въ честь Высочайшихъ Гостей театральныи спектакль, прошедшій съ блистательнымъ успѣхомъ. Первый ярусъ ложъ былъ весь занятъ дамами, принадлежащими къ высшей аристократіи, прочіе ярусы были наполнены отборною публикою, а въ партерѣ сидѣли офицеры, высшіе гражданскіе чиновники, дворяне и т. д. Дамы были въ блестящихъ туалетахъ, сіявшихъ брилліантами. Ихъ Величества, вошедшія въ королевскую ложу ровно въ 8 час. 30 мин., были привѣтствованы троекратнымъ тухемъ, послѣ чего былъ исполненъ русскій народный гимнъ. Весь театральныи залъ былъ богатъ убраннымъ гирляндами изъ дубовыхъ листьевъ, перевитыми астрами. Спектакль начался вторымъ дѣйствіемъ оперы Вагнера «Морякъ-скиталецъ», по окончаніи котораго Ихъ Величества изволили кушать чай въ фойе. За Ихъ Величествами сидѣли въ королевской ложѣ принцы, принцессы и другія августѣйшія особы. Затѣмъ была исполнена одоактная пѣска «Militätfrucht». Оба двора оставались въ театрѣ до окончанія представленія. Когда Ихъ Величества поднялись съ мѣстъ, публика огласила воздухъ троекратнымъ восторженнымъ «ура». Ихъ Величества отвѣчали милостивыми поклонами. Въ театрѣ господствовало праздничное, жизнерадостное настроеніе.

Отъѣздъ изъ Бреславля.—Въ 7 ч. 30 м. утра, 26-го августа, германская императорская чета заѣхала за Ихъ Императорскими Величествами въ областной домъ. Передъ Императорскимъ экипажемъ скакалъ эскадронъ гусарскаго полка, шефомъ котораго состоялъ Государь Императоръ, въ замкѣ слѣдовалъ эскадронъ 2-го гвардейскаго Императрицы всероссійской Александры полка. Стоявшая на пути слѣдованія густыми массами публика привѣтствовала Ихъ Величества восторженными «ура». Въ 7 ч. 55 м. Ихъ Величества прибыли въ вокзалъ, гдѣ были встрѣчены обѣими свитами, полицейскимъ президентомъ и комендантомъ города. Наслѣдныи принцъ Мейнингенскій сопровождалъ Ихъ Величества. Почетный караулъ былъ отъ Александровскаго полка. Ровно въ 8 час., при звукахъ русскаго народнаго гимна, придворныи поѣздъ отошелъ.

Награды.—Во время пребыванія въ Бреславлѣ Государь Императоръ пожаловалъ германскому канцлеру князю Гогенлоу орденъ св. Андрея Первозваннаго, статсъ-секретарю фонъ-Маршалу—орденъ св. Александра-Невскаго съ брилліантовыми знаками, германскому послу князю Радолицъ—орденъ св. Александра-Невскаго, помощнику статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ барону Ротенау и посланнику графу Пурталесу—орденъ св. Анны первой степени. Статсъ-секретарю Шинкуну пожалованъ императоромъ Вильгельмомъ орденъ Краснаго Орла первой степени съ брилліантами, а русскому послу въ Берлинѣ графу Остенъ-Сакену—большой крестъ ордена Краснаго Орла.

Совмѣстная поѣздка русской и германской Императорской четы въ Герлицъ.—26-го августа обѣ Императорскія четы прибыли въ Герлицъ и были встрѣчены оберъ-президентомъ, регирунгъ-президентомъ, ландратомъ и городскими властями. Государь Императоръ былъ въ мундирѣ Своего гусарскаго полка, а императоръ Вильгельмъ—въ лейбъ-кирасирскомъ мундирѣ. На дебаркадерѣ оберъ-бургомистръ привѣтствовалъ Ихъ Величества краткою рѣчью, закончивъ ее словами: «Добро пожаловать, добро пожаловать отъ всей души!» Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ, что ему очень пріятно посѣтить вновь прекрасный городъ Герлицъ. Затѣмъ Ихъ Величества усѣлись въ экипажъ и отправились на парадъ пятого армейскаго корпуса. Императоръ Вильгельмъ провелъ дважды предъ Государемъ Императоромъ королевскихъ гренадеръ и лейбъ-кирасиръ, а Ея Величество провелъ предъ германскимъ императоромъ полкъ Александровскихъ уланъ. Затѣмъ состоялся торжественныи обѣдъ въ сословномъ домѣ а въ шесть часовъ Ихъ Величества отбыли изъ Герлица.

Бреславль.—Городъ, гдѣ имѣло мѣсто свиданіе русской Императорской четы съ германской, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ и интереснѣйшихъ городовъ германской имперіи. Во время семилѣтней войны Бреславль нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ австрійцевъ въ руки пруссаковъ, и только въ 1742 году, по бреславльскому миру, заключенному прусскимъ королемъ Фридрихомъ II съ Австріею, Силезія, вмѣстѣ съ ея главнымъ городомъ Бреславлемъ, перешла окончательно къ Пруссіи. Славянское названіе города—«Вратиславъ», и послѣ Берлина онъ считается однимъ изъ населеннѣйшихъ прусскихъ городовъ. Число жителей простирается въ настоящее время до 300,000, болѣе трети которыхъ—протестанты. Бреславль находится на плодородной, прекрасно обработанной равнинѣ, при впаденіи рѣки Оле въ рѣку Одеръ, и отличается обиліемъ мостовъ, соединяющихъ черезъ обѣ рѣки различныя части города. Любимымъ мѣстомъ прогулокъ служитъ прекрасная дубовая роща—Силезія вообще славится своими дубами. Затѣмъ еще ближе къ городу «Городской Паркъ» и, наконецъ, дѣйствительно великолѣпная «Promenade», тянущіеся на протяженіи нѣсколькихъ часовъ пути. Въ Бреславлѣ много достопримѣчательныхъ и историческихъ зданій, отличающихся въ архитектурномъ отношеніи. Къ числу старинныхъ сооружений принадлежатъ: королевскій замокъ, церковь св. Елисаветы, построенная въ 1257 году, соборъ св. Іоанна Крестителя, постройка котораго продолжалась съ половины XII по XIV столѣтіе, церковь св. Маріи, воздвигнутая въ 1328 году, и зданіе бреславльскаго университета, принадлежавшее некогда іезуитской коллегіи и построенное въ 1736 году, при австрійскомъ императорѣ Карлѣ VI. Старинная, но отлично сохранившаяся ратуша—одно изъ сокровищъ средневѣковаго строительнаго искусства. Она богата историческими воспоминаніями. Здѣсь

въ 1771 г., послѣ завоеванія Силезіи, присягали на вѣрность Фридриху Великому, силезійскіе чины. Особенно красива въ городѣ квадратная площадь, носящая названіе Ринга, по срединѣ которой возвышается великолѣпное новое зданіе городского управленія, а по сторонамъ—ковныя статуи Фридриха Великаго и Фридриха-Вильгельма III; затѣмъ слѣдуетъ отмѣнить площади: Центральной вокзала, Рыцарскую, Королевскую, Блюхеровскую со статуею фельдмаршала Блюхера (работы Рауха), воздвигнутою ему въ 1827 году Силезскою провинціею; площадь Императрицы Августы съ памятникомъ въ честь павшихъ прусскихъ воиновъ, площадь Берлинскую съ большимъ фонтаномъ и военный плацъ передъ королевскимъ замкомъ и великолѣпнымъ зданіемъ областного сейма (Landeshaus), только что отстроеннымъ. Это послѣднее зданіе, гдѣ, какъ извѣстно, изволили остановиться Ихъ Императорскія Величества, имѣетъ по-истинѣ величественный характеръ. Прежде дворецъ этотъ принадлежалъ извѣстному графскому роду Генкельфонъ-Доннерсмаркъ. Онъ очень красиво расположенъ и выходитъ на «Promenade», какъ разъ напротивъ «Либиховскаго холмика». Издавна пользуется извѣстностью ежегодная шерстяная ярмарка въ Бреславль, а за послѣдніе годы большое значеніе получила машинная. Столица прусской Силезіи соединяется рельсовыми путями съ Берлиномъ, Дрезденомъ, Прагою, Вѣною, Краковомъ, Варшавою, Познанью, Данцигомъ, Штеттиномъ и другими городами и ведетъ преимущественно отпускную торговлю.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Кіевѣ.

Освященіе памятника Императору Николаю I. (Рисунокъ памятника помѣщенъ на 180 страницѣ этого нумера).—21-го августа состоялось торжественное освященіе памятника въ присутствіи Государя, Государыни, Великихъ Князей Владиміра Александровича и Михаила Николаевича, Великой Княгини Маріи Павловны, министровъ: военнаго, внутреннихъ дѣлъ, помощника министра Двора, свиты, начальника края, командующаго войсками. У памятника выставлены были парные часовые юнкера, за памятникомъ знаменщики съ знаменами и штандартами, справа кадеты и юнкера. Предъ памятникомъ находились двѣ оркестры, полныя нарядно одѣтыхъ дамъ, ниже ихъ, по правую сторону Императорскаго шатра дворяне, а по лѣвую, многочисленныя депутаціи съ вѣнками, далѣе институтки и гимназистки. Въ Императорскомъ шатрѣ передъ св. иконами находилось духовенство съ кіевскимъ митрополитомъ во главѣ. Тыломъ къ университету противъ парка стали взводы войскъ кіевского военнаго округа. Ровно въ три часа прибыли Ихъ Величества, встрѣченные митрополитомъ, и прошли въ шатеръ, гдѣ было совершенно молебствіе съ возглаголеніемъ многолѣтія Ихъ Величествамъ, Наслѣднику Цесаревичу, всему Царствующему Дому и вѣчной памяти Императору Николаю I. Всѣ опустились на колѣна, раздался салютъ расположенной въ паркѣ батареи. Послѣ молебствія Ихъ Величества и Высочества со свитою и высокопоставленными лицами, въ предшествіи митрополита, обошли вокругъ памятника. Митрополитъ окропилъ сначала памятникъ, а затѣмъ знамена святой водой. Ихъ Величества возвратились въ шатеръ, гдѣ принимали депутаціи отъ дворянства, города, института благородныхъ дѣвицъ, кіевскаго кадетскаго корпуса, университета святаго Владиміра, первой классической гимназіи, биржеваго комитета и кіевскаго купе-

ческаго общества. Послѣ освященія памятника Ихъ Величествамъ имѣли счастье представляться члены строительной коммиссіи памятника во главѣ съ академикомъ Чижевымъ, авторомъ памятника. Государь осмотрѣлъ стоящую въ шатрѣ модель памятника и разспрашивалъ академика Чижева о подробностяхъ постройки памятника. Затѣмъ войска проходили мимо Государя и памятника церемониальнымъ маршемъ, удостоиваясь во время прохожденія Царскаго спасибо.

Послѣдній день пребыванія Ихъ Величествъ въ Кіевѣ.—22-го августа въ десять часовъ утра, на эспланадѣ цитадели состоялся высочайшій смотръ кіевскаго военнаго округа. Сперва прибыли командующій войсками генералъ-адъютантъ Драгоміровъ, а затѣмъ военный министръ генералъ-адъютантъ Вановскій. Вскорѣ прибыли Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Великая Княгиня Марія Павловна и Великіе Князья Владиміръ Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ. Здѣсь уже находилась вся свита Государя и Государыни Императрицы. Послѣ Высочайшаго объѣзда войскъ раздалась команда къ церемониальному маршу. Войска красными рядами проходили мимо Государя Императора. На флангѣ первой части войскъ проходилъ командующій округомъ и другія начальствующие лица. Во время прохожденія войска удостоились Царскаго спасибо.

Въ началѣ четвертаго часа Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ съ Государынею Императрицею, Великою Княгинею Маріею Павловною, Великими Князьями Владиміромъ Александровичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ и лицами ближайшей свиты посѣтили соборъ св. равноапостольнаго Владиміра. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Кіева Ихъ Императорскія Величества и Высочества посѣтили знаменитые храмы этого древняго города. Первымъ было осмотрѣно Михайловскій монастырь. Затѣмъ Ихъ Величества посѣтили Андреевскій соборъ. Далѣе, пройдя изъ Андреевскаго собора мимо Десятинной церкви и Софійскаго собора, Ихъ Величества прибыли въ Кіево-Печерскую лавру. При входѣ въ соборъ Успенія Пресвятой Богородицы Ихъ Величества были встрѣчены кіевскимъ митрополитомъ съ старѣйшими изъ братьевъ. Приложившись къ чудотворной иконѣ Успенія Божьей Матери, Ихъ Величества въ сопровожденіи митрополита подробно осматривали монастырскую ризницу, обращая особое вниманіе на историческіе предметы. Въ 7 часовъ вечера 22-го августа Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица отбыли изъ Кіева за границу. Проводить Ихъ Величества собрались министры, кіевскія власти, дворянство и другія высокопоставленныя лица. Улицы были переполнены. Всѣ кіевляне вышли проводить своего Монарха и Государыню Императрицу.

КЪ ПОРТРЕТУ.

Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій.

Во время кіевскихъ торжествъ освѣщенія собора св. Владиміра и памятника Николаю I, маститый митрополитъ кіевскій и галицкій, высокопреосвященнѣйшій Іоанникій былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ. По этому поводу мы помѣщаемъ въ настоящемъ нуме-

рѣ «Живописнаго Обозрѣнія» портретъ достопочтеннаго іерарха и біографическія свѣдѣнія. Въ 1849 г., окончивъ курсъ кіевской духовной академіи, преосвященнѣйшій Іоанникій былъ возведенъ въ санъ архимандрита въ 1854 году. Почтенный пастырь былъ ректоромъ въ кіевской духовной семинаріи, въ кіевской духовной академіи и въ петербургской духовной академіи. Затѣмъ преосвященнѣйшій Іоанникій занималъ важныя посты епископа выборгскаго, саратовскаго и нижегородскаго. Послѣ того преосвященнѣйшій Іоанникій былъ облеченъ высокимъ саномъ архіепископа карталинскаго, кахетинскаго и экзарха Грузіи. Въ 1882 г. высокопреосвященнѣйшій Іоанникій былъ назначенъ митрополитомъ московскимъ. Дарованія почтеннаго Іерарха и его рѣдкія душевныя качества снижали ему общую горячую любовь и глубокое уваженіе.

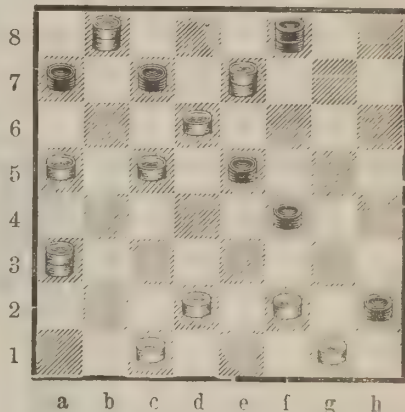
ШАШКИ.

Подъ редакціею В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 24.

Н. Позднева (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

ЭТЮДЫ И ОКОНЧАНІЯ ПАРТІЙ

№ 10. Д. И. Саргва (въ Москвѣ).

— c5, g1, h6.

— f6, — d8, h4.

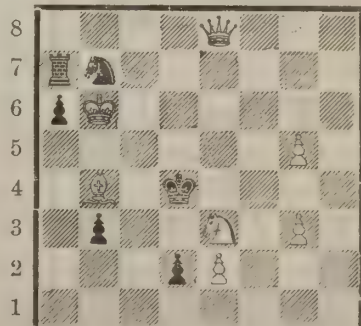
Выигрышъ.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 24.

І. Котца и К. Кокелькорна.

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 2 хода.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться писемно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ. — 5 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обзор.» (Спб., Невскій, д. 68—40) продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ А. Михайлова. Цѣна 1 руб.

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

КОНСУЭЛО.

(Consuelo).

Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣгьева. 460 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Всякаго рода и лучшаго качества РЕКОМЕНД. въ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ
И. Ф. МОЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петровка, домъ Волкова.
НИЖЕГ. ЯРМ Главн. домъ № 6.
ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТ. КАТАЛОГЪ.

БЕЗПЛАТНО ВЫСЫЛАЕТЪ

Иллюстрированный Прейсъ-Курантъ

Спеціальный магазинъ ОБЪЕМЪ

Ю. ГОТЛИБЪ.

Владимірская, д. 2, уг. Невск.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

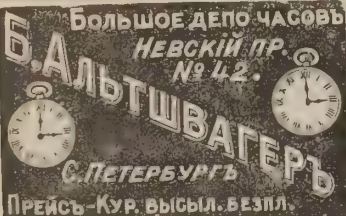
№ 2216—49

П. Борманъ

Вознесенскій пр. 38.
ДЕПО РОЯЛЕЙ и
ПИАНИНО лучш. зап. и
и загранич. фирмъ.

Продажа и прокатъ на
самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

№ 2305—4

ВЫИГРЫШ

ныя 1, 2 и 3 займы продаетъ

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, невскій, спб.

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МИРА».

Романъ изъ жизни червонныхъ вѣтовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы новое изданіе романа

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

„ПОГРОМЪ“

Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп. Въ книгѣ 566 страницъ.

Предлагаемый романъ извѣстнаго талантливаго французскаго писателя полонъ самаго живого интереса, гдѣ, между прочимъ, авторъ художественно знакомитъ читателя съ причинами и содѣянными ужасами военныхъ дѣйствій, происшедшихъ опустошительнымъ ураганомъ во Франціи въ 1870—1871 годахъ.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Требования исполняются съ первой почтой, но только при получении денегъ. Для удобства покупателей стоимость книги можетъ быть выслана почтовыми марками.

Складъ изданія при конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе»

Невскій пр. у Аничкина моста, д. 68—40.

ПОПРОБУЙТЕ МЫТЬСЯ

МЫЛОМЪ

ПАРФЮМЕРА ПЬЕРЪ и въ другіе мыломъ мыться не будете. Цѣна 20 к. за кусокъ.

Получать можно во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Складъ въ Харьковѣ. Пассаажъ, у П. УШАНОВА.

НОВОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ПЕЧЕНІЕ

С. СІУИКЪ
PETIT BEURRE
МОСКВА

С. СІУИКЪ

ПАМЯТЬ

„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“.

(Что такое мнемоника?)

Книга (платное изданіе)

профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА и печатныя условія заочнаго (письменнаго) курса изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.) высылаются за шесть 7 коп. мар.; на вѣковой бумагѣ вытѣтъ съ условіями—за восемь 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогики, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую, и лучшей—у обладающихъ хорошей.

Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, военные, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безъ книгъ высылаются за одну 7 коп. марку). Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Спб.-изд. № 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ) д. Бродяжскаго № 6 40, кв. 4-5-8, бель-этажъ. Профессоръ мнемоники членъ парижской академіи С. Файнштейнъ. № 2293—12.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

«КОРОНАЦІОННЫЙ АЛЬБОМЪ»

ВЪ ПАМЯТЬ

Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Предлагаемый «Коронаціонный альбомъ» отпечатанъ въ большомъ форматѣ на роскошной бумагѣ, съ массою рисунковъ и виньетокъ въ текстѣ и содержитъ въ себѣ историческіе очерки Св. Коронованія Русскихъ царей, начиная съ древнихъ временъ и кончая подробнымъ описаніемъ очевидцевъ всѣхъ торжествъ и празднествъ только что состоявшагося Св. Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Кроме того въ альбомѣ входятъ Высочайшіе акты, грамоты, слова и рѣчи, а также описанія историческихъ и современныхъ царскихъ регалий, дворцовъ, храмовъ, памятниковъ и мѣстностей, имѣвшихъ свое значеніе при Св. Коронованіи.

Въ «Коронаціонномъ альбомѣ» читатель встрѣтитъ цѣлый рядъ большихъ оригинальныхъ и вѣрныхъ дѣйствительности художественно-выполненныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, изображающихъ всѣ выдающіеся моменты изъ торжествъ и процессій Священнаго Коронованія, а также виды дворцовъ, соборовъ, монастырей, памятниковъ, мѣстностей и портреты какъ историческихъ, такъ и современныхъ дѣятелей (духовныхъ и свѣтскихъ), принимавшихъ участіе въ церемоніи Св. Коронованія Ихъ Величествъ, причемъ многіе рисунки отпечатаны цвѣтными красками.

При «Коронаціонномъ альбомѣ» БЕСПЛАТНО ПРИЛАГАЮТСЯ:

1) ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ—ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ БЕОДОРОВНЫ въ коронаціонномъ облаченіи—коронахъ и порфирѣ, отпечатанные цвѣтными красками. 2) «КОРОНАЦІОННЫЙ МАРШЪ» (для фортепіано), сочиненный Н. Артемьевымъ.

Цѣна альбома—ДВА РУБЛЯ. Въ издѣльной папкѣ—2 р. 50 к. Въ переплетѣ англійскаго шагреневаго каленкора и съ золотымъ тисненіемъ цѣна ТРИ РУБЛЯ (съ пересылкою).

Съ требованіями просимъ обращаться исключительно въ контору журнала «Живописное Обозрѣніе».

Спб. Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ

рояли и пианино америк. констр. со всѣми новѣйш. усоверш., перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ, двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч. двойн. репетицією, пріятн. и сильн. тона. Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и др. Пианино „ „ „ 350 375, 425, 450, 500, 550, 600 и др. Армоніопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантия на нѣсколько лѣтъ. № 2321

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖ. БЪХЪ МАГАЗИНАХЪ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА (А. МИХАЙЛОВА).

15 большихъ томовъ (по 512 стр. каждый).

Цѣна за всѣ тома—25 руб. За отдѣльный томъ цѣна—2 руб.

ФИСТАРМОНІИ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ

ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ.

въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 180, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 750, 800 и 1,000 руб

Школа-самоучитель—Паге 2 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ БЕСПЛАТНО. —36

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40. —Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

№ 36 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2 1/2 листовъ съ 10-ю рисунками, а именно: I) два листа текста II) «Еженедѣльная хроника» № 36-й. III) «Новѣйшія Парижскія Моды» № 9-й, IV) Раскрашенная картинка «Модные осенніе туалеты» и V) Листъ выкроекъ и выпиловокъ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
 Главная Контора журнала: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста. домъ № 68—40.

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРѢ ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» ВСѢМЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ РАЗСЫЛАЕТСЯ:
 Девятая книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній — «Домашняя Библіотека», № 9-й (за сентябрь 1896 г.).

Всѣ номера журнала сдаются на почту строго проверенными и въ полномъ количествѣ всѣхъ тѣхъ приложеній, о которыхъ заявляется въ номерѣ. Не получившіе при номерѣ какого либо приложенія, благоволятъ заявить объ этомъ немедленно доставившему номеръ журнала почтовому

служителю, а затѣмъ сообщить въ Главную Контору не позднѣе получения слѣдующаго номера журнала, такъ какъ позднѣйшія претензіи почтамтъ не принимаются къ разсѣдованію, а высылать второй экземпляръ не всегда представляется возможнымъ для редакціи.

КЪ ТОРЖЕСТВАМЪ ОТКРЫТІЯ МОЩЕЙ (СВ. ФЕОДОСІЯ ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.
 (9 го сентября 1896 года).

Котокольня собора.

Борисоглѣбскій соборъ,
 гдѣ почили до сихъ поръ мощи св. Феодосія.

Спасо-Преображенскій соборъ,
 куда перенесены мощи св. Феодосія.

Открытие св. мощей святителя Θεодосія Углицкаго.

ДРЕВНЕ-РУССКІЙ городъ Черниговъ въ настоящее время служить мѣстомъ важнаго религіознаго торжества,—открытія мощей преподобнаго Θεодосія Углицкаго. Святѣйшій Синодъ извѣщалъ объ этомъ церковномъ торжествѣ, имѣющемъ быть 9-го сентября с. г., въ слѣдующихъ словахъ:

«Память преосвященнаго Θεодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго, со дня его представленія, послѣдовавшаго 5 февраля 1696 г., благоговѣнно чтима была въ православномъ народѣ рускомъ, стѣгавшемся во множествѣ изъ разныхъ мѣстностей Россійской Имперіи въ Черниговскій Борисоглѣбскій соборъ къ могилѣ іерарха, для принесенія молитвъ о упокоеніи души его, съ упованіемъ на молитвенное ходатайство его предъ Богомъ. Рядъ чудесныхъ проявленій благодати Божіей отъ мощей святителя Θεодосія Углицкаго открылся исцѣленіемъ отъ тяжелой болѣзни преемника его по Черниговской кафедрѣ, архіепископа Іоанна Максимовича, вполнѣдствіи митрополита Тобольскаго. И Господь Богъ, дивный и славный во святыхъ Своихъ, неоскудѣваемо творилъ и нынѣ творить чудеса и являетъ Свои благодѣянія, предстательствомъ святителя Θεодосія, съ вѣрою притекающимъ къ его гробницѣ въ тяжкихъ и неизлечимыхъ болѣзняхъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, въ душевныхъ скорбяхъ и нуждахъ житейскихъ. Въ виду сего Святѣйшій Синодъ поручилъ преосвященному черниговскому соборъ и доставить Синоду свѣдѣнія о жизни и подвигахъ святителя Θεодосія Углицкаго. По полученіи отъ преосвященнаго означенныхъ свѣдѣній, Святѣйшій Синодъ, принявъ во вниманіе, что извѣстія о чудесахъ святителя Θεодосія остаются не вполнѣ дознанными, а между тѣмъ общая увѣренность въ святости сего святителя утверждается все болѣе, нашелъ благовременнымъ приступить къ необходимымъ распоряженіямъ для удостовѣренія о нетлѣннѣ тѣла святителя Θεодосія и о чудесныхъ дѣйствіяхъ, совершающихся при гробѣ его надъ вѣрующими. Ближайшее обследованіе сего дѣла Святѣйшій Синодъ возложилъ на преосвященнаго Іоанникія, митрополита кievскаго, и мѣстнаго епископа Антонія, которые, присоединивъ къ себѣ викарія черниговской епархіи, епископа Питирима, ректора черниговской семинаріи, члена кievской духовной консисторіи протоіерея Преображенскаго и двухъ протоіереевъ изъ мѣстнаго соборнаго причта, 5-го іюля 1895 г., прибыли въ пещеру при Борисоглѣбскомъ храмѣ черниговскаго кафедральнаго собора и, по совершеніи здѣсь панихиды по святителѣ Θεодосіи, произвели подробное освидѣтельствовапіе гроба, одежды и самаго тѣла святителя Θεодосія, при чемъ оказалось, что тѣло святителя Θεодосія благодатію Божіею сохранилось нетлѣннымъ, не смотря на пребываніе въ теченіе 200 лѣтъ въ пещерѣ Борисоглѣбскаго храма, не отличающейся при томъ сухостію. Независимо отъ сего, преосвященные Іоанникіи и Антоній, вмѣстѣ съ другими означенными духовными лицами, пригласивъ лицъ, испытавшихъ на себѣ или на своихъ сродникахъ чудесныя исцѣ-

ленія заступленіемъ святителя Θεодосія, по молитвенномъ призываніи благодатной его помощи, собрали отъ нихъ подъ присягою за рукоприкладствомъ показанія о дѣйствительности совершившихся надъ ними чудотвореній. Такихъ событій было обследовано ими 49, изъ числа коихъ двѣнадцать были въ свое время занесены въ книги кафедральнаго черниговскаго собора для записи сказаній о чудесахъ святителя.

Синодъ, рассмотрѣвъ во всей подробности и со всевозможнымъ тщаніемъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, пришелъ къ полному убѣжденію въ истинѣ нетлѣннѣ тѣла святителя Θεодосія и въ достовѣрности чудесъ, чрезъ него совершившихся, и, воздавъ хвалу дивному во святыхъ Своихъ Господу Богу, присно благодѣющему твердой въ праотеческомъ православіи Россійской державѣ, и нынѣ, въ дни благословеннаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Александровича, какъ древле, благоволившему явить прославленіемъ іерарха Церкви Россійской новое и великое знаменіе Своихъ къ ней благодѣяній, подносилъ Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ изъяснилъ слѣдующее мнѣніе: 1) во блаженной памяти почившаго Θεодосія, архіепископа Черниговскаго, причислить къ лику святыхъ, благодатію Божіею прославленныхъ, и нетлѣнное тѣло его признать святыми мощами; 2) службу святителю Θεодосію составить особую, а до времени составленія таковой отправлять ему службу общую святителямъ; память же святителя праздновать, какъ въ день преставленія его, 5-го февраля, такъ и въ день, который Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ назначить для открытія мощей святителя, и 3) объявить о семъ во всенародное извѣстіе указами Синода. При докладѣ семъ представлены были на Монаршее усмотрѣніе подлинный актъ освидѣтельствовапія мощей святителя Θεодосія, краткое описаніе случаевъ чудодѣйственной помощи прибѣгавшимъ въ болѣзняхъ и несчастіяхъ къ его заступленію и краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности святителя Θεодосія. На всеподданнѣйшей запискѣ Оберъ-Прокурора, при коей былъ повергнутъ на Высочайшее Государя Императора благовозрѣніе вышеупомянутый всеподданнѣйшій докладъ Синода, Государь Императоръ, въ 13 день апрѣля сего года, соизволилъ Собственноручно начертать: «Согласно. Прочелъ съ удивленіемъ». При этомъ г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ всеподданнѣйше было доложено, что торжество открытія мощей святителя Θεодосія было-бы, по мнѣнію Синода, благовременно совершить въ первой половинѣ сентября настоящаго года».

Во исполненіе изъясненной Высочайшей воли, Святѣйшій Синодъ, по опредѣленію 19—24 іюня 1896 года, постановилъ поручить преосвященному Іоанникію, митрополиту кievскому, совершить, совместно съ преосвященнымъ черниговскимъ Антоніемъ, торжественное открытіе мощей святителя Θεодосія Углицкаго, архіепископа черниговскаго, а для торжества сего назначить 9 день сентября текущаго года.

9-го сентября мощи св. Θεодосія Углицкаго, почивающія до сихъ поръ въ древнемъ Борисоглѣбскомъ соборѣ, будутъ перенесены въ черниговскій кафедральный Спасо-Преображенскій соборъ. Этотъ замѣчательный кафедральный соборъ почитается самою древнею изъ уцѣлѣвшихъ православныхъ церквей русскихъ. Основаніе его, по историческимъ изслѣдованіямъ, относится къ 1031 году; слѣдовательно, онъ на пять лѣтъ древнѣе кievской св. Софіи, основанной Ярославомъ въ память побѣды надъ печенѣгами въ 1036 г., и на 14 лѣтъ противъ новгородскаго Софійскаго собора, заложеннаго въ 1045 году. Основателемъ черниговскаго собора Спасителя былъ храбрый сынъ Владиміра святаго, Мстиславъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописца Нестора: «Положиша (Мстислава) въ церкви св. Спаса юже самъ заложилъ». Оконченъ былъ соборъ Святославомъ Ярославичемъ.

Жизнь пр. Θεодосія Углицкаго, какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ подвижниковъ православной церкви, высокопоучительна. Отецъ св. Θεодосія былъ священникомъ и съ самаго дѣтства въ душѣ ребенка уже зрѣло влеченіе къ духовнымъ подвигамъ и отчужденіе отъ всего мірскаго. Учился св. Θεодосій въ Кіево-Братской Богоявленской школѣ, гдѣ знаменитый архіепископъ Лазарь Барановичъ обратилъ вниманіе на способнаго и благочестиваго ученика. Ко времени окончанія курса Θεодосій вполнѣ, безповоротно рѣшилъ всего себя посвятить служенію церкви, принявъ монашество и былъ поставленъ митрополитомъ Діонисіемъ сперва архидіакономъ въ кievскомъ Софійскомъ соборѣ, а вполнѣдствіи сдѣлавъ настоятелемъ Корсунскаго монастыря. Въ 1664 году св. Θεодосій былъ уже игуменомъ кievскаго Выдубицкаго монастыря, который незадолго передъ тѣмъ освободился изъ-подъ власти уніатовъ и требовалъ энергическаго возстановленія въ немъ истиннаго духа православія. Св. Θεодосій своими трудами въ этомъ именно направленіи особенно ярко засвидѣтельствовалъ и о своей ревности къ вѣрѣ, и о своихъ недюжинныхъ административныхъ способностяхъ. Все это было оцѣнено по достоинству его высокимъ покровителемъ и почитателемъ преосвященнымъ Лазаремъ Барановичемъ, принявшимъ рѣшеніе сдѣлать Θεодосія своимъ преемникомъ по черниговской епархіальной кафедрѣ. Въ 1687 г. Θεодосій былъ переведенъ въ Черниговъ игуменомъ тамошняго Елецкаго монастыря. Преосвященный Лазарь пожелалъ еще при жизни своей поставить Θεодосія въ святительскій санъ и въ 1692 году, совместно съ малороссійскимъ гетманомъ, сдѣлавъ объ этомъ письменное представленіе въ Москву къ царю и патриарху. Ходатайство было уважено, и въ томъ же 1692 году состоялось рукоположеніе Θεодосія въ архіепископы. Черезъ четыре года послѣ того, 5 февраля 1696 года, св. Θεодосій преставился. Въ настоящемъ номерѣ нашего журнала мы помѣщаемъ, по поводу торжества открытія мощей св. Θεодосія—снимокъ съ изображенія святителя, снимокъ съ рукописи св. Θεодосія и рисунки двухъ знаменитѣйшихъ храмовъ города Чернигова.

ОСЕНЬ.

*Носить вѣтеръ по дорогѣ
Облетѣвшіе листы;
Вянуть,—холодомъ убиты,—
Въ полѣ травы и цвѣты.*

* * *

*Дымомъ стелются туманы,
Подымаясь изъ лощинъ;
Золотятся листья кленовъ
И трепещущихъ осинъ.*

*Холодище въ небѣ солнца
Лучезарная струя;
Съ грустнымъ шумомъ, въ даль несутся
Помутившіе ручьи;*

* * *

*Вытѣспяетъ грезы сердца
Набѣгающая грусть;
Память—дней забытыхъ повѣсть
Вспоминаетъ наизусть.*

* *

*Носить вѣтеръ по дорогѣ
Облетѣвшіе листы..
И на сердцѣ осыпаясь,
Вянуть позднія мечты!*

Леонидъ Афонасьевъ.

ИТОГИ ЛѢТА.

(Продолженіе).

IV.

ХОСЛѢ обѣда по инициативѣ Глѣба Николаевича Гремихина рѣшили ѣхать въ лѣсъ, въ его дачу, называемую Панкратова залежь, чтобы устроить тамъ проводы лѣта. Гремихинъ кромѣ того обѣщалъ всѣхъ угостить какимъ-то сюрпризомъ. Когда лошади были поданы, всѣ, за исключеніемъ Серафима Веняминовича и Аленькаго, размѣстились на длиннѣйшихъ дрогахъ и доброй рысью направились въ лѣсъ. Левъ Михайловичъ, конечно, остался дома, а Курбетова и Аленькій ѣхали въ отдѣльномъ экипажѣ. Дорогой Гремихинъ болталъ безъ умолку, говорилъ глупости, шутовалъ и дурачился, и Ирина Львовна съ неудовольствіемъ смотрѣла на него. Она вообще относилась къ нему какъ то враждебно. Маргарита Оттоновна сидѣла совсѣмъ грустная. За обѣдомъ она поймала взоръ Бутырцева, устремленный на Ирину Львовну, взоръ, какъ ей показалось, выражавшій любовь, и это глубоко печалило ее. Давно-ли Бутырцевъ замѣтно ухаживалъ за нею, поселялъ ей стихи, гулялъ и читалъ съ ней Шиллера? «Неужели на землѣ нѣтъ прочныхъ чувствъ и крѣпкихъ привязанностей?» думала она, и въ ея синихъ гла-

захъ загорались слезы. Она съ грустью оглядывала пустынные поля.

Въ то же время Серафима Веняминовича сопровождалъ ея Аленька, кому:

— Не правда ли, Гага (Пигаса Пигасыча одинъ-на-одинъ она называла Гагой), не правда-ли, Гага, какъ хорошъ этотъ Глѣбъ Гремихинъ? Право-же, онъ напоминаетъ испанскаго бандита. У него очень характерная голова; жаль, что онъ низокъ ростомъ!

Пигасъ Пигасычъ смотрѣлъ на быстро меркнувшую зарю и отвѣчалъ:

— Но онъ совсѣмъ не культуренъ, этотъ Гремихинъ. Такіе, какъ онъ, не нравятся женщинамъ.

— Ахъ, не говори такъ, Гага,—перебила его Курбетова,—одна моя подруга была влюблена въ итальянскаго нищаго, а онъ, вѣроятно, былъ еще менѣе культуренъ, чѣмъ Гремихинъ. Однако-же, находила удовольствіе?

И Серафима Веняминовича затараторила безъ конца. Она была въ драповомъ пальто, на карманахъ, плечахъ и талии котораго то-

же, какъ и на ея платьѣ, сидѣли банты, только не лиловые, а коричневые.

— Находила, его...—промычала Аленькій и подумалъ:

«Непремѣнно куплю себѣ такой-жегалстухъ, какъ у Бутырцева. Но, однако, изъ какой матеріи онъ сшитъ?»

Лошади въѣхали въ лѣсъ и остановились на намѣченной Гремихинымъ полянѣ. Между тѣмъ заря уже совсѣмъ догорала, и только узенькая налевая полоска свѣтилась на закатѣ и перечеркивала ровной линіей двѣ фиолетовыя тучки. На полянѣ разбили станъ. Прислуга разостлала широкій коверъ, уставивъ его закусками, винами и пирожными, и занялась раздуваніемъ двухъ объемистыхъ самоваровъ. Серафима Веняминовна то и дѣло вскрикивала:

— Ахъ, какъ это обворожительно! Глѣбъ Николаичъ всегда хорошо придумываетъ!

И она всплескивала ручками. Поляна, гдѣ стали бивуакомъ, была дѣйствительно великолѣпна. Почти правильнымъ кругомъ лежала она среди могучихъ дубовъ и липъ, открывая съ одной стороны видъ на глубокую долину, всю изрѣзанную свѣтлыми зиг-

загами рѣчки, веселую и жизнерадостную, такъ красиво отбѣнявшую угрюмую красоту лѣса. Становилось темнѣе и пришлось разложить два костра по обѣимъ сторонамъ разостланнаго по землѣ ковра. Ихъ пламя краснымъ свѣтомъ озарило веселыя лица присутствующихъ, и могучія колонны дубовъ и опаленную утренними холодками траву.

— Проводы лѣта какъ это хорошо сказано! — проговорила Маргарита Оттоновна и вздохнула.

На ея лицѣ играло пламя костра.

— Не проводы, а похороны лѣта, — сказала полудрежавшій наковрѣ Грехинъ, — посмотрите, какъ быстро стынеть земля. Точь въ точь, какъ тѣло умирающаго чело-вѣка.

— Ого, да вы поэтъ, воскликнула Ирина Львовна.

— Но въ такомъ случаѣ, — замѣтилъ Бутырцевъ, какіе же похороны лѣта, если умираетъ земля?

— Это одно и то же, — возразилъ Грехинъ, — лѣто и земля, какъ два пламенныхъ любовника, умираютъ вмѣстѣ!

— Какъ два пламенныхъ любовника, ахъ это хорошо! — захопала ручками Серафима Веняминовна.

Между тѣмъ Югорская разлила вѣтмъ чай. Вѣсь съ восторгомъ принялись за этотъ горячій и душистый напитокъ, тѣмъ болѣе что въ лѣсу становилось все прохладнѣе и прохладнѣй. Пришлось еще подбросить въ костры хворосту.

Во время продолжительнаго чаепитія внезапно изъ лѣсу вышло десять чело-вѣкъ крестьянъ; они были одѣты по праздничному въ новыхъ кафтаняхъ. Впереди шелъ молодой парень, остриженный въ скобку съ высоко подобраннымъ затылкомъ. Крестьяне приближались къ ко-ву; красное пламя костровъ трепетало на ихъ лицахъ. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до ковра, они остановились; нѣкоторые изъ нихъ стали откашливаться. Парень, остриженный въ скобку, махнулъ рукою, и притихшій лѣсъ и поляна внезапно огласились звуками хоровой пѣсни. Это-то и былъ сюпризъ Грехина.

Калина молодая

При жизни при царѣ,—

Пѣлъ хоръ,

Какъ звѣздочка ночная
Сіяла при дворѣ.

— И самъ король вздыхая,—

Подхватилъ остриженный въ скобку парень
высочайшимъ фальцетомъ,—

—Калина молодая,
Ты полюби меня,
Со сбруей золотою,
Дарю тебѣ коня!..

Хоръ, наконецъ, замолкъ; послѣдній звукъ протяжной пѣсни побѣжалъ съ поляны въ

глубь лѣса и, наконецъ, стихъ, какъ-бы запутавшись въ чащѣ. Красное пламя костровъ озарило простыя лица крестьянъ. Ихъ разстегнутые зинувы казались черными, а кумачевыя рубахи огниными. Всѣ молчали, любясь картиной. Только Серафима Веняминовна, всплеснувъ ручками, прокричала:

— Ахъ, comme c'est joli въ зелени!

Нопрежде чѣмъ она успѣла произнести последнее слово, остриженный въ скобку парень побѣжалъ къ самому ко-ву и залихватски выкрикнулъ:

— Сошьемъ, сошьемъ! Сошьемъ Дуни сарафанъ, сарафанъ!

— Китаечный голубой, голубой,— подхватилъ, улыбаясь, хоръ.

— А гарусъ-то дигилекъ, дигилекъ,
А пюточки ковылекъ, ковылекъ,
А пуговки репеекъ, репеекъ.
Носи, Дуня, наблюдай, наблюдай,
Но лавочкамъ не марай, не марай,
Въ коробочку заприрай, заприрай.

Парень еще ближе придвинулся къ ко-ву и комично разставилъ локти.

— Залѣзь въ коробъ таракантъ, таракантъ—съ ужимкой проговорилъ онъ,—сѣбѣ у Дуни сарафанъ, сарафанъ.

Хоръ на этотъ разъ не выдержалъ и разразился хохотомъ, но тотчасъ же стихъ. Въ рукахъ парня появилась гармоника. Онъ какъ-то бокомъ за-бѣ-

галъ вокругъ ковра, притоптывая ногами. Его гармоника выкрикивала отдѣльныя ноты, сильный, но нестройный. Парень закружился быстрѣе и сильнѣе затопалъ ногами; гармоника завизжала отчаяннѣй и, наконецъ, какъ-бы лишившись силъ, захрипѣла. Ирина Львовна сидѣла, какъ пьяная; ее точно что подмывало идти туда, въ тотъ кругъ, гдѣ изступленно носился парень; но ей было стыдно этого чувства, и она сдерживалась.

Но Грехинъ не выдержалъ. Бокомъ и притоптывая ногами, онъ побѣжалъ къ парню.

КЪ ТОРЖЕСТВАМЪ ОТКРЫТІЯ МОЩЕЙ СВ. ѲЕОДОСІЯ УГЛИЦКІИ. (9-го сѣнтября 1896 года).

Св. Ѳеодосій Углицкій.

(Воспроизведено со старинной рѣдной гравюры).

Ей говорилъ съ мольбой:

—«Калина молодая,
Палъился я тобой!»

Звукъ лился, печальный и тоскующій, въ тускломъ мракѣ осенняго вечера. Костры, вспыхивая, освѣщали мерцающимъ свѣтомъ темную стѣну погруженнаго въ молчаніе лѣса. Ночная птица полетала порой на свѣтъ костра, столбомъ поднималась вверхъ и, взмахнувъ нѣсколько разъ крыльями, снова тонула во мракѣ.

А пѣсня лилась:

— Настасью, Настасью!—кричалъ онъ. II, не дожидаясь гармоникн. запѣлъ:
— Ты Настася, ты Настася, отвори-ка лорота!

— Ахъ, посмотрите, посмотрите,—кричала Серафима Веняминовна,—посмотрите, сомне с'est jolі въ зелені!
И она, всплескивая руками, показывала

— Не люблю я этого Гремихина,—шептала Иринѣ Львовнѣ Бутырцевѣ.
— Это почему?—спрашивала та.
— Очень ужъ онъ грубъ. На той недѣлѣ

Кіевъ: Новый соборъ во имя Св. Владиміра.
Освященъ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ (20-го августа 1893 г.).

Онъ носился по кругу, притоптывая ногами. Широкія полы его поддевки раздувались, какъ паруса.

— Отвоги вогота!—вскрикивалъ онъ, картавя букву р и пускаясь въ присядку.

Парень съ гармоникой въ рукахъ задомъ пятился отъ него.

на лѣсъ, на горящіе костры, на Гремихина и на мужиковъ въ красныхъ рубахахъ.

— Развѣ jolі? — спрашивалъ Гремихинъ, подходя къ коври и тяжело отдуваясь, — нѣтъ, это не jolі, это великолѣбно!

онъ держалъ пари, что выпьетъ бутылку водки, закусивъ ее одной селедкой II представьте, выигралъ пари!

— Дмитрій Сергѣичъ,—подошелъ къ нему тяжелоотдувавшійся Гремихинъ,—какъ вамъ не стыдно подрывать мою репутацію передъ барынями? Я выпилъ на пари не одну бу-

тылку водки, а одну четверть, четверть,—повторялъ онъ, каравая.

Бутырцевъ покраснѣлъ надъ своимъ стаканомъ.

— Я сказалъ о вашемъ пари,—отвѣчалъ онъ,—такъ какъ не зналъ, что вы дѣлаете изъ него секретъ!

— Да я и не дѣлаю изъ этого секрета,—расхохотался Гремихинъ.

Крестьяне уходили въ лѣсъ, напѣвая: «Калина молодая».

«Гремихинъ дѣйствительно грубъ,—думала Ирина Львовна,—но, но...»—Она чуть было не подумала: «Но онъ мнѣ нравится» но тотчасъ же поправила себя: «Нѣтъ, онъ мнѣ не нравится. Меня гораздо больше занимаетъ Бутырцевъ. Только зачѣмъ онъ сказалъ о пари Гремихина?»

— Дмитрий Сергѣичъ!—позвала она.

Тотъ придвинулся къ ней.

— Что прикажете?

Ирина Львовна смѣшалась.

— Ничего, я хотѣла васъ спросить, но теперь раздумала.

— Напрасно,—вздыхнулъ Бутырцевъ, и его глаза, какъ показалось Ирине Львовнѣ, стали грустными.

— Напрасно?—повторилъ онъ,—право, я не понимаю, почему вы избѣгаете меня; мнѣ очень нужно поговорить съ вами съ глазу на глазъ. Мнѣ необходимо объясниться съ вами, иначе вы можете составить обо мнѣ ложное мнѣніе, а это было-бы очень для меня грустно.

— Говорите, я готова выслушать васъ,—проговорила Ирина Львовна, потупивъ глаза.

— Но здѣсь я не знаю какъ,—отвѣчалъ Бутырцевъ,—мнѣ не хотѣлось-бы, чтобы при моемъ объясненіи были свидѣтели.

— Тогда пойдемте къ опушкѣ.

Ирина Львовна встала и молча пошла полевой. Бутырцевъ последовалъ за нею. «Я люблю тебя, одну тебя»,—думалъ онъ,—«а это—увлеченіе Маргаритой, это была совсѣмъ не любовь, совсѣмъ не любовь!»

Но Бутырцеву не удалось объясниться съ Ириной Львовной, такъ какъ къ нимъ подошелъ Гремихинъ и завязалъ съ Югорской пезначительный разговоръ.

Бутырцеву показалось даже, что Гремихинъ сдѣлалъ это умышленно, такъ какъ онъ уже ни на шагъ не отходилъ болѣе отъ Ирины Львовны. Впрочемъ, Бутырцевъ все-же успѣлъ взять съ нея обѣщаніе выйти къ нему въ садъ послѣ ужина. Сдѣлать это было довольно удобно, такъ какъ всѣ сегодняшніе гости должны были заночевать въ усадьбѣ Запастьева. Вышло это по инициативѣ того-же Гремихина. Имъ было предложено праздновать Ирину день двое сутокъ, и на завтра предполагалось ѣхать всей компаніей въ лѣсъ, въ его дачу, куда по его приказанію, должны были выѣхать охотники съ гончими.

— Гонъ будетъ прекрасный,—говорилъ онъ Ирине Львовнѣ,—и бьюсь объ закладъ, что мы съ вами застрѣлимъ матерую лисицу.

Нечего и говорить, что предложеніе это было всѣми принято съ восторгомъ. Только Бутырцевъ какъ будто расхандрился. Онъ сердился на Гремихина за то, что всѣ планы увеселеній исходили отъ него.

Между тѣмъ Кукуевъ, улучивъ минуту, говорилъ Серафимѣ Веняминовнѣ:

— Да-съ, какъ посмотришь, какъ живетъ молодежь, такъ самому другой разъ захочется, знаете-ли, чего-нибудь такого эдака-

го; однимъ словомъ, одиночество дѣлается невыносимымъ.

Серафима Веняминовна вздыхала, закатывала глазки подъ лобъ и отвѣчала:

— Ахъ, одиночество это ужасная, ужасная вещь! Я вѣдь сама знаю это по опыту!

Кукуевъ смотрѣлъ на нее и думалъ:

«Ну, ужъ объ одиночествѣ тебѣ недурно было-бы и помолчать. Всѣ знаютъ, что ты своего Пигаса Пигасыча съ глазу на глазъ называешь Гагой!»—Онъ вздыхалъ и говорилъ:

— Да, и я одинокъ, какъ перстъ, и вы одиноки, какъ персты!

И, немного подумавъ, онъ добавилъ:

— А знаете-ли, если бы вы купили мой хуторишко, или если-бы я приобрѣлъ вашу деревеньку, однимъ словомъ, если-бы наши имѣнья соединить во-едино, то на границѣ ихъ возможно было-бы поставить весьма доходную водяную мельницу. И тогда доходность каждаго имѣнія увеличилась-бы вдвое.

— Да что вы!—воскликнула Серафима Веняминовна.

Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло. Костры тухли, и поляна погружалась во мракъ. На небѣ давно уже свѣтили звѣзды, но мѣсяцъ еще не вставалъ. Темныя тучки шли по небу одна за другою, клубясь, какъ дымъ громаднаго костра. Въ сторонѣ, неподалеку отъ стѣны лѣса, стояли Бутырцевъ и Маргарита Оттоновна и говорили въ пол-голоса.

— Ваши отношенія,—говорила съ дрожью въ голосѣ дѣвушка,—ваши отношенія ко мнѣ за послѣднее время рѣзко измѣнились. Конечно, я не вправѣ требовать отъ васъ объясненій, но я умоляю васъ сказать мнѣ всю правду. Вспомните, вы бывали у насъ ежедневно, вы говорили, что любите меня. Вспомните, вѣдь это было такъ недавно! А теперь? А теперь я вижу, я чувствую... да чувствую, а сердце рѣдко когда обманываетъ,—что я... что вы...

Голосъ дѣвушки задрожалъ, и она замолчала. Она стояла блѣдная и взволнованная въ сумракѣ осенней ночи. Бутырцевъ взялъ ее за руку.

— Полноте, голубушка, успокойтесь, ради Бога. Право-же, я всегда искренно любилъ и уважаю васъ. И теперь уважаю!

Дѣвушка освободила свою руку.

— Уважаєте, уважаєте,—проговорила она съ проницаніемъ.—Помните, Дмитрий Сергѣевичъ, раньше вы разговаривали со мною иначе. Уважаєте! Не перебивайте, не перебивайте меня, я и сама знаю, что не въ правѣ ничего отъ васъ требовать, я понимаю, что я унижаюсь, что веду себя непозволительно, но что дѣлать, если я не могу, если я не въ силахъ, не въ силахъ...

Голосъ дѣвушки снова пресѣкся, и она снова замолчала.

— Полноте, голубушка,—заговорилъ Бутырцевъ,—право-же, всѣ эти перемены во мнѣ вамъ только снятся!

И онъ подумалъ съ тоской: «Ахъ, она сейчасъ расплчется. Я лгу, но что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать, если я не могу выносить женскихъ слезъ?»

— Успокойтесь-же, родная,—проговорилъ онъ и, взявъ Маргариту Оттоновну подъ руку, подвелъ ее къ потухающимъ кострамъ, туда, гдѣ стояли Ирина Львовна и Гремихинъ. Оба они молчали и мечтательно глядѣли на угли. Рубиноваго цвѣта, тѣ кучею тлѣли на покрытой сѣрой золою землѣ. Порою они вспыхивали послѣднимъ огнемъ, трескались и разламывались, а на мѣстѣ

ихъ внезапнаго излома пробѣгали, какъ конвульсія, фіолетовые огоньки. Иногда-же, вспыхнувъ, они рассыпались сразу въ сѣрый порошокъ, какъ песчаный камень подъ ударомъ тяжелаго молота.

Вскорѣ вся компанія, притихшая и какъ-то особенно настороженная среди молчаливой ночи, выѣхала въ широкія ворота Запастьевской усадьбы.

— Въ кабинетѣ огонь; отецъ сидитъ у камина и читаетъ Фета,—задумчиво проговорила Ирина Львовна.

Она знала на обумъ каждый часъ отца, и это сознаніе внезапно наполнило тепломъ ея сердце.

V.

За ужиномъ всѣ разселились снова. Даже Левъ Михайловичъ разошелся и послѣ ужина, по просьбѣ присутствующихъ, прекрасно прочиталъ нѣсколько стихотвореній Фета. Одно изъ нихъ: «Ель рукавомъ мнѣ дорогу завѣсила»—вызвало положительный восторгъ, и слегка подкутившій Гремихинъ подбѣжалъ къ Запастьеву цѣловаться. А потомъ онъ подошелъ къ Пигасу Пигасычу и все спрашивалъ его, видѣлъ-ли онъ когда-нибудь птицу гагу? Пигасъ Пигасычъ краснѣлъ, а Серафима Веняминовна закатывала подъ лобъ глазки и хохотала. Оттоновъ выпилъ нѣсколько рюмокъ коньяку и преуморительно рассказывалъ по-русски нѣмецкіе анекдоты. Ирина Львовна тоже много смѣялась. Только Бутырцевъ сидѣлъ, насупясь, и кисло улыбаясь, да Маргарита Оттоновна, несмотря на всѣ свои старанія, никакъ не могла сдѣлать свои глаза веселыми.

Послѣ ужина, когда всѣ уже собирались расходиться по отведеннымъ имъ комнатамъ, Бутырцевъ успѣлъ шепнуть Ирине Львовнѣ:

— Ради Бога, выходите въ садъ. Мнѣ необходимо объясниться съ вами.

Ирина Львовна поглядѣла въ его глаза и отвѣчала:

— Хорошо.

И тутъ-же она прошла къ себѣ въ спальню. Тамъ она опустилась въ кресло у затянутого тяжелой гардиной окна и задумалась. «Что меня ждетъ впереди?»—думала она. Съ первымъ мужемъ она не была счастлива. Ей, правда, было очень покойно, но она его не любила. Онъ былъ на двадцать лѣтъ старше ея и гораздо болѣе правился ея отцу, чѣмъ ей. Съ нимъ было спокойно, и только. А теперь что ее ждетъ? Бутырцевъ замѣтно ухаживаетъ за нею, и онъ ей нравится, положительно нравится. Онъ хорошо воспитанъ, уменъ, порядочный хозяинъ, поэтъ и очень правится ея отцу.

— Но только онъ немножко размазня,—вслухъ проговорила Ирина Львовна.

«Что же, съ нимъ будетъ очень покойно. Что же это я все о покоѣ, да о покоѣ? Впрочемъ, любовь, что такое любовь? Вѣроятно всего вымыселъ поэтовъ». А Бутырцевъ ей нравится. Правда, въ началѣ лѣта онъ, кажется, ухаживалъ за Маргаритой, но есть ухаживанья, которыя ни къ чему не обязываютъ. Вѣроятно, и Бутырцевъ поступаетъ, какъ честный человѣкъ. Ирина Львовна улыбнулась и покраснѣла. Внезапно ей пришло въ голову: «а что, если бы моимъ мужемъ былъ Гремихинъ?» Она встала, подошла къ постели и, не раздѣваясь, легла на кровать. «Это ужъ глупо»,—подумала она,—«Гремихинъ, Гремихинъ, что еще я о немъ хотѣла подумать?» Внезапно ей представилось, какъ онъ плясалъ въ присяд-

ку и затѣмъ какъ онъ сказалъ: «Я выпилъ не бутылку, а четверть!»

— Четверть,—передразнила она его вслухъ и встала съ постели.

«Однако, не пора-ли идти на свиданье?»—подумала она и взглянула на маленькіе чайники, стоявшіе на ея письменномъ столѣ. Стрѣлка показывала половину перваго. Прина Львовна рѣшила, что пора, и, накинувъ на плечи темный пуховый платокъ, осторожно подошла къ двери.

«Я иду на свиданье въ первый разъ въ жизни,—подумала она,—а между тѣмъ мое сердце покойно до того, что мнѣ стыдно самое себя. Господи, хоть бы напугалъ меня кто-нибудь въ саду, что-ли, чтобы хоть немножко взволноватъ ся!»

Югорская пере тупила порогъ.

Между тѣмъ, въ боковой комнатѣ, отведенной Гремихину и Бутырцеву, происходила слѣдующая сцена. Бутырцевъ ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ; онъ зналъ, что ему пора идти въ садъ, а, между тѣмъ, Гремихинъ не ложился, сидѣлъ въ креслѣ у самой двери и не спускалъ съ Бутырцева глазъ.

«Чего онъ не ложится? Чего онъ не ложится?—съ ненавистью думалъ о немъ Бутырцевъ,—вѣтъ, это не человѣкъ, а дьяволъ, и ложителный дьяволъ, плутица и скандалистъ! И дерауль меня чортъ лечь съ нимъ въ одной комнатѣ!»

— Дмитрий Сергѣичъ, чего вы не ложитесь?—спросилъ его Гремихинъ.

— Не хочу,—пробурчалъ тотъ и подумалъ:

«Это дьяволъ, это положительно дьяволъ!»

— И мнѣ тоже не до сна,—равнодушно отвѣчалъ Гремихинъ.

Бутырцевъ внезапно остановился около двери.

— Знаете что? Мнѣ нужно повидать моего кучера! Вотъ совсѣмъ было позабылъ.

И онъ ударилъ себя ладонкой по колѣну.

Гремихинъ вскинулъ на него глаза.

— Кучера? Да вѣдь вы пріѣхали верхомъ!

— Ахъ, чортъ!—Бутырцевъ снова заходилъ изъ угла въ уголъ. И снова внезапно остановился передъ дверью.

— А вдругъ завтра будетъ дождь?—спросилъ онъ Гремихина.—Вы какъ думаете? Нужно посмотрѣть, заволочно-ли въ небѣ.

Гремихинъ приподнялся въ креслѣ.

— Идемте, посмотримъ.

— А ну ихъ къ чорту, дождь, такъ дождь!—крикнулъ Бутырцевъ изъ другого угла комнаты.

Онъ опять заходилъ изъ угла въ уголъ, но Гремихинъ и не думалъ ложиться. Однако, медлить долѣе было невозможно, и Бутырцевъ рѣшительными шагами подошелъ къ двери. Гремихинъ приподнялся и загородилъ ему дорогу, ставъ среди дверей.

— Вы куда-съ?—спросилъ онъ насмѣшливо.

— По дѣлу,—отвѣчалъ Бутырцевъ,—пропустите же, наконецъ, меня.

Гремихинъ стоялъ среди дверей.

— Я васъ не пушу,—сказалъ онъ рѣшительно.

Бутырцевъ тронулъ его за плечо. Онъ начиналъ бѣситься.

— Ваши шутки, Глѣбъ Николаевичъ, не умѣстны. Дайте же мнѣ дорогу.

— Я васъ не выпущу изъ этой комнаты,—посторилъ, заслоняя дверь, Гремихинъ.

Бутырцевъ всыхнулъ.

— Ну, это ужъ слишкомъ. Ваши шутки переходятъ всякія границы!

Гремихинъ смотрѣлъ въ глаза Бутырцева.

— Я не пушу васъ,—сказалъ онъ,—держите, если хотите, со мною. Я уступлю только силѣ!

— Это чортъ знаетъ, что такое!—Бутырцевъ повернулся на каблукахъ и опустился на диванчикъ.

— Это чортъ знаетъ что такое!—воскликнулъ онъ, ероша волосы.

— Вамъ не угодно столкнуть меня силой?—спросилъ его Гремихинъ.

Бутырцевъ повторялъ:

— Это чортъ знаетъ, что такое!

И тогда Гремихинъ прескочилъ въ дверь. Бутырцевъ услышалъ, какъ щелкнулъ алчотъ въ замочной скважинѣ ихъ двери. Онъ понялъ, что Гремихинъ заперъ его на ключъ.

Въ это время Гремихинъ соображалъ: «Бутырцеву, очевидно, назначено свиданье, но кѣмъ? Маргаритой Оттоновной или Приной Львовной? И гдѣ? Навѣрное въ саду въ хмѣлевой бѣдѣ. Это поэтично и въ духѣ Бутырцева».

Гремихинъ, осторожно ступая, двинулся темнымъ корридоромъ. «Только бы не Прина Львовна, только бы не Прина Львовна!»—думалъ онъ.

Онъ вошелъ въ садъ. Въ саду было тихо и темно. Темныя тучи стадами шли по небу, и ихъ тѣни ползли по влажному песку дорожекъ, какъ исполинскія черепахи. Слышно было, какъ, шурша и колеблясь въ воздухѣ, падалъ порою съ дерева высохшій листъ. Гремихинъ подумалъ: «А что, если я ошибся, и Бутырцевъ дѣйствительно шелъ не на свиданье? Ну, тогда извинюсь передъ нимъ, да и баста!»—мысленно махнулъ онъ рукой и вздрогнулъ. Въ одной изъ боковыхъ аллей онъ услышалъ шопотъ:

— Дмитрий Сергѣичъ, это вы? Дмитрий Сергѣичъ!

Гремихинъ остановился; онъ узналъ голосъ Прины Львовны.

«Она!»—подумалъ онъ, и у него захолонуло на сердцѣ.

Прина Львовна быстрыми шагами шла къ нему аллеей. Она точно плыла среди мглы осенней ночи.

«Счастливычикъ, счастливычикъ!»—думалъ Гремихинъ о Бутырцевѣ. Прина Львовна была отъ него въ двухъ шагахъ; Глѣбъ Николаичъ видѣлъ, какъ свѣтились ея глаза. Лицо ея казалось блѣднѣе, чѣмъ всегда. Она сбросила съ головы платокъ и чуть не вскрикнула, узнавъ Гремихина.

— Да это вы?—сказала она и внезапно расхохоталась—гдѣ же Дмитрий Сергѣичъ?

«Если она смѣется,—думалъ Гремихинъ,—стало бытъ она не любить его. Но тогда зачѣмъ она пришла сюда?»

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на ея лицо, чувствуя непонятную робость.

— Гдѣ же Дмитрий Сергѣичъ?—спрашивала Югорская, продолжая смѣяться.

Гремихинъ все еще робѣлъ.

— Онъ не придетъ, я заперъ его на ключъ,—отвѣчалъ онъ какъ нецъ и въ двухъ словахъ разсказалъ Принѣ Львовнѣ все, какъ было.

— Да какъ же онъ позволитъ вамъ запереть себя?—спрашивала Прина Львовна.

— Да онъ не позволялъ.

— А вы все-таки заперли?

— А я все-таки заперъ.

Прина Львовна сдѣлалось совсѣмъ весело.

— Стало бытъ, онъ плохо не позволялъ?

— Нѣтъ; онъ очень сердился и даже обругалъ меня чортомъ.

— Теперь извольте идти обратно,—сказала

Прина Львовна,—и извинитесь передъ Бутырцевымъ, а отъ меня передайте ему благодарность за то, что онъ не затѣялъ въ день моихъ именинъ ссоры съ вами.

— И только?—спросилъ Гремихинъ.

— И только,—отвѣчала Югорская и, повернувшись къ нему спиной, накиннула на голову платокъ.

— Слушаю-съ,—печально проговорилъ Глѣбъ Николаичъ.

Югорская повернулась къ нему лицомъ.

— Ай, да какой же вы послушный!

— До поры, до времени,—отвѣчалъ Гремихинъ.

— Ой-ли!—Прина Львовна тихо разсмѣялась и исчезла во мглѣ аллеи. Ей было безотчетно весело. Она такъ и уснула съ улыбкой.

А. Будищевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Прина Львовна,—и извинитесь передъ Бутырцевымъ, а отъ меня передайте ему благодарность за то, что онъ не затѣялъ въ день моихъ именинъ ссоры съ вами.

— И только?—спросилъ Гремихинъ.

— И только,—отвѣчала Югорская и, повернувшись къ нему спиной, накиннула на голову платокъ.

— Слушаю-съ,—печально проговорилъ Глѣбъ Николаичъ.

Югорская повернулась къ нему лицомъ.

— Ай, да какой же вы послушный!

— До поры, до времени,—отвѣчалъ Гремихинъ.

— Ой-ли!—Прина Львовна тихо разсмѣялась и исчезла во мглѣ аллеи. Ей было безотчетно весело. Она такъ и уснула съ улыбкой.

А. Будищевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МЕЖДУ НЕБОМЪ И ЗЕМЛЕЙ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

РАЗСКАЗЫВАЯ бабушкѣ всѣ подробности петербургской жизни, я, конечно, ничего не упомянула о моихъ мученіяхъ. Во время разговора, мы пили вечерній чай и закусывали вкусными прѣсными пирожками съ говядиной, отъ каши и щей я отказалась. Мы уже почти оканчивали ужинъ, когда въ комнату вошелъ небольшого роста человѣкъ, съ длинными сѣдыми усами и совсѣмъ плѣшистой головой.

На немъ былъ короткій пиджакъ на мѣху, сапоги съ длинными голенищами и сѣрые брюки, сложенные въ сапоги; въ дѣвой рукѣ онъ держалъ широкополую фетровую шляпу и пагайку. Несмотря на его сѣдну, движенія его были чрезвычайно живы; веселые, ласковые совсѣмъ сѣрые глаза казались молодыми.

Поздоровавшись съ бабушкой и сестрой, онъ подошелъ ко мнѣ и отрекомендовался.

— Сосѣдъ по деревнѣ, отставной старшій морякъ.

— Иванъ Александровичъ Смирновъ,—добавила за него сестра.

— Другая воспитанница покойнаго генерала.—Моя сестра,—проговорили почти въ одинъ голосъ бабушка и Дуня.

Сестра придвинула кресло къ столу для гостя и на моментъ наступила тишина.

— Иванъ Александровичъ нашъ руководитель и спаситель, если бы не онъ, мы бы пропали тутъ съ Дуней,—сказала старуха, обращаясь ко мнѣ.

— Полно вамъ, Дарья Михайловна, Бога то гнѣвить, Авдотья Матвѣевна сама отличная хозяйка, ученаго учить, только портить!—возразилъ Иванъ Александровичъ, ласково смотря на сестру.

— Теперь, конечно, меня учить нечему, когда вы уже научили, а вспомните-ка, какъ долго я не могла отличить ржи отъ овса?!—сказала, засмѣявшись, сестра.

— Ой, Боже ты мой! Какъ вы на себя клеветеете, никогда этого не было, чтобы вы овесъ съ рожью спутали; жито и ячмень вы, дѣйствительно, довольно долго не могли отличить отъ ржи!—проговорилъ съ улыбкой Смирновъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Это вы, Иванъ Александровичъ, по своей душевной добротѣ смягчаете мое невѣжество, не хотите, чтобы я передъ сестрой срамилась,—сказала Дуня.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА П. ТУМАНА.

Зацпилась — хорошій признакъ.

будущій человекъ служить ей игрушкой. Игравъ имъ, она думаетъ, что дѣлаетъ серьезное дѣло, и портить его на каждомъ шагѣ, какъ портили и ее когда-то!

— Вы забываете, Иванъ Александровичъ, что передъ вами не мужчины, а дѣвушки, — перебила его Дарья Михайловна.

— Мужчинамъ я-бы этого и говорить не стала, почтеннѣйшая Дарья Михайловна! — отвѣчалъ спокойно Смирновъ.

— И опять-таки вы говорите не вѣрно, Иванъ Александровичъ, это ужъ рѣдкость, если молодая мать сама будетъ нянчиться съ ребенкомъ, всегда сначала берутъ няньку, а потомъ гувернантку, — поправила его бабушка.

— Совершенно вѣрно, но только это будетъ, пожалуй, еще хуже. Въ первомъ случаѣ, портятъ ребенка въ томъ отношеніи, что, балуя и холя, дѣлаютъ изъ него существо слабое, немогущее бороться съ жизненными невзгодами, но въ то же время подъ влияніемъ ласки и пѣжной заботы изъ него можетъ выдти человекъ съ добрымъ сердцемъ, любящій и честный; во второмъ же случаѣ, гдѣ ребенокъ будетъ предоставленъ въ распоряженіе наемщицы, изъ него скорѣе всего получится человекъ съ плохимъ, испорченнымъ, злымъ сердцемъ и въ большинствѣ случаевъ съ хитрой лисей душой.

— Какъ же быть-то, и такъ худо, и такъ худо? — опять перебила его Дарья Михайловна.

— Да вотъ именно, и такъ худо, и такъ худо, а все это происходитъ отъ того, что люди берутся не за свое дѣло, — проговорилъ Смирновъ.

— Я не совсѣмъ понимаю, Иванъ Александровичъ, — сказала Дуня, — вы говорите, что если мать сама воспитываетъ, такъ она играетъ, какъ это такъ играетъ? И потомъ сами говорите, что она бѣдная и какъ-будто жалѣете ее и хорошо относитесь къ ней, а потомъ опять говорите, что ребенокъ при воспитаніи матери дѣлается негоднымъ къ жизни. Какъ же это такъ надо понимать, я, право, не знаю даже?

— Да, Иванъ Александровичъ, вы немножко противорѣчите себѣ, — замѣтила Дарья Михайловна.

Смирновъ обернулся ко мнѣ и серьезно смотря на меня, спросилъ:

— Ну, а вы, Екатерина Матвѣевна, ужъ, конечно, понимаете, что я сказалъ?

Я никакъ не ожидала, что Иванъ Александровичъ обратится ко мнѣ съ подобнымъ вопросомъ, и страшно сконфузилась, но въ то же время мнѣ было лестно и пріятно, что онъ относитъ меня къ болѣе понятливымъ. Хотя волненіе мое было, въ настоящую минуту, велико, но тѣмъ не менѣе, я старалась отвѣтить ему какъ можно спокойнѣе:

— Я не знаю, такъ ли я поняла ваши слова, но если не ошибаюсь, то вы говорите, что можетъ быть и добрый, и хорошій человекъ, но все-таки безъ всякой способности къ воспитанію, а дѣло это настолько серьезное и трудное, что за него долженъ браться только вполне способный и хорошо подготовленный человекъ, — сказала я, смотря на столъ и старательно отдирая отъ скатерти приставшую соринку.

— Вотъ вамъ, Авдотья Матвѣевна, простое, короткое и ясное толкованіе моихъ словъ! — воскликнулъ Смирновъ и, протянувъ мнѣ руку, прибавилъ:

— Это по вашимъ глазамъ было видно, что вы понимаете меня; я увѣренъ, что, покороче познакомившись, мы сдѣлаемся друзьями!

Послѣ этихъ словъ онъ самъ не возобнов-

лялъ прерваннаго разговора, а бабушка съ сестрой заговорили о хозяйствѣ, и Смирновъ сейчасъ же присоединился къ нимъ и принялъ въ ихъ разговорѣ живое участіе.

Когда, наконецъ, старшій морякъ уѣхалъ, бабушка махнула рукой и сказала:

— Что касается хозяйства, дѣльный человекъ, а ужъ въ разговорѣ о разныхъ другихъ житейскихъ дѣлахъ, пустой болтунъ и только!

Я не была согласна со старухой, но не посмѣла противорѣчить ей и, молча попрощавшись, ушла съ Дуней на верхъ.

Здѣсь полагалось ложиться въ десять часовъ, но мы съ сестрой проговорили до двѣнадцати. Она много рассказывала о ихъ деревенскихъ знакомыхъ, а также и о Смирновѣ. Я узнала, что въ молодости своей, когда онъ еще былъ офицеромъ и жилъ въ Петербургѣ, у него былъ романъ съ одной замужней женщиной. Особа эта не согласилась на его настоятельную просьбу развестись съ мужемъ, чтобы обвѣнчаться съ нимъ. Тогда онъ вышелъ въ отставку, купилъ здѣсь имѣніе, которое называлъ «Успокоеніемъ», и перѣхалъ сюда навсегда со своей слѣпой старухой матерью и дальней родственницей, ухаживающей за старухой. Въ Петербургѣ у него остались два брата: одинъ, средній братъ, поэтъ, а младшій — студентъ-медикъ. Оба они по большимъ праздникамъ пріѣзжаютъ сюда гости и лѣто проводятъ здѣсь же; на это Рождество они тоже сюда пріѣдутъ. Еще сестра говорила мнѣ, что всѣ помѣщичьи барышни въ восторгѣ отъ поэта. Посвятивъ меня во всѣ эти подробности, Дуня пожелала мнѣ спокойной ночи, повернулась къ стѣнѣ и, завернувшись съ головой въ одѣяло, быстро уснула. Но мнѣ не спалось; я все время думала о словахъ Смирнова и, главнымъ образомъ, о томъ, что люди не должны обращать вниманія на свое происхожденіе. Старшій морякъ явился для меня какимъ-то ангеломъ-спасителемъ; онъ открывалъ передо мною двери на новую дорогу; слова его: «мы непременно подружимся», глубоко запали въ мою душу. Я рѣшила рассказать ему при первой же возможности всѣ мои мучительныя и смутныя мысли. Представляя себѣ, какъ буду говорить съ нимъ и какими словами стану ему рассказывать, я проворочалась въ постели до разсвѣта. Поздно заснувъ, я и проснулась, на другой день, поздно; Дуни не было на кровати, и постель ея была въ полномъ порядкѣ. Когда я, одѣвшись и умывшись, сошла внизъ, въ столовую уже накрыли столъ къ обѣду. Бабушка, шутя, поборанила меня за позднее вставаніе.

Этотъ день не ознаменовался никакими особенными событіями, а такъ какъ это былъ канунъ Рождества, то всѣ мы провели его за работой. Дуня хлопотала по хозяйству, я помогала бабушкѣ чистить ризы съ образовъ. Въ первый день праздника, мы принимали крестьянъ съ поздравленіями и цѣлый день ѣли: то просто пробовали, вкусно-ли все изготовлено, то закусывали, то обѣдали и такъ далѣе. На второй день Рождества къ намъ пріѣхали съ поздравленіями холостые сосѣди по имѣнію. Раньше всѣхъ пріѣхалъ Иванъ Александровичъ съ братьями. Средній Смирновъ — поэтъ, превзошелъ всѣ мои ожиданія; природа, наградивъ его поэтической натурой, не отказала ему въ соотвѣтственной къ тому и наружности. Я чувствую, что не въ состояніи буду вѣрно описать его красоту и потому довольно будетъ сказать, что это было, какъ тогда казалось мнѣ, въ совершенствѣ красивое и изящное существо.

Младшаго брата-студента тоже нельзя было назвать некрасивымъ, но красота его была болѣе обыкновенная, и я замѣтила въ ней что-то хоть и сильное, но грубое. Онъ былъ настоящій бронецъ съ крупными чертами лица. Средняго брата звали Павломъ, а младшаго Андреемъ. Предметъ разговора былъ самый банальный и потому никого не характеризующій. Говорили о петербургской жизни, о деревенскихъ знакомыхъ, о предстоящихъ праздничныхъ удовольствіяхъ; больше всѣхъ говорилъ поэтъ. Слушая его и любуясь имъ, я позабыла все существующее кругомъ, гдѣ я и что со мною. Я не слышала даже ни одного слова и, вѣроятно, если бы въ это время кто-нибудь спросилъ, какъ меня зовутъ, я навѣрное не отвѣтила-бы. Чтобы точнѣе обрисовать состояніе, въ которомъ я находилась тогда, я думаю, достаточно будетъ сказать, что послѣ визита Смирновыхъ бабушка позвала меня къ себѣ въ комнату и сдѣлала мнѣ выговоръ, приблизительно, въ такихъ словахъ и выраженіяхъ:

— Что это, Катенька, ты совсѣмъ вести себя не умѣешь, матушка! Развѣ можно такъ пялить глаза на чужого человека, да онъ и не пара тебѣ совсѣмъ, надо, милая, помнить свое происхожденіе; если бы ты только видѣла, какъ на тебя все время смотрѣлъ младшій Смирновъ; онъ, навѣрное, былъ удивленъ твоимъ поведеніемъ!

Въ отвѣтъ старухѣ, я расплакалась и на весь день заперлась на верху въ комнатѣ сестры. Потомъ я узнала отъ Дуни, что Иванъ Александровичъ взялъ слово съ бабушки, чтобы на другой день она пріѣхала къ нимъ вмѣстѣ съ нами. Я было вздумала отказаться отъ поѣздки къ Смирновымъ, но бабушка строго заявила мнѣ, что у ней не въ Петербургѣ, вольничать нельзя, а надо дѣлать, что всѣ дѣлаютъ. Мнѣ хотъ и непріятно было выслушивать отъ бабушки, чтобы я помнила свое происхожденіе и чтобы не смѣла распорядиться своей особой, но тѣмъ не менѣе то и другое было сказано такъ прямо и просто, что не вызвало во мнѣ той болѣзненности, какъ при словѣ: «послѣ».

Смирновы насъ ждали и, встрѣтивъ, повели въ гостиную, гдѣ передъ топившимся каминномъ, въ большомъ старинномъ креслѣ, сидѣла слѣпая старуха — мать Смирновыхъ. Дуня и бабушка поздоровались съ ней, какъ уже съ давно знакомой; когда очередь дошла до меня, Иванъ Александровичъ подошелъ вмѣстѣ со мною къ матери и, положивъ мою руку въ ея, проговорилъ:

— Вотъ, матушка, познакомься, это сестра Авдотья Матвѣевна, Екатерина Матвѣевна!

— А... — протянула старуха, смотря мимо меня мутными безжизненными глазами. — Да, да, да, я слышала о васъ отъ сына, очень рада познакомиться, очень рада, — говоря это, она все держала мою руку, и, слегка пожимая, потрясала ее.

Я стояла сконфуженная и не знала, какъ вести себя; меня выручилъ Иванъ Александровичъ.

— Матушка, пойдемте обѣдать, — сказалъ онъ, снова подходя къ матери и беря ее подъ руку.

Старуха сейчасъ же оставила меня, встала, высоко подняла голову и, смотря впередъ потухшими глазами, побрела съ сыномъ въ столовую. Павелъ попросилъ къ столу бабушку, проводилъ ее въ двери и, вернувшись, предложилъ руку Дуни. Андрей подошелъ ко мнѣ и сдѣлалъ то же самое.

За столомъ хозяйничала дальняя родствен-

ница Смирновыхъ, старушка, Анна Петровна Купріянова. Слѣпой старухѣ прислуживала горничная; бабушка сидѣла около Ивана Александровича, Дуня рядомъ съ Павломъ, а—напротивъ ихъ съ Андреемъ. Теперь я боялась смотрѣть на поэта и пользовалась этимъ только тогда, когда онъ обращался ко мнѣ съ какими-нибудь словами. Андрей за обѣдомъ рассказывалъ мнѣ, что дѣлаютъ студенты въ академіи, какъ учатся и какъ они живутъ.

Онъ сказалъ, что скоро откроются женскіе врачебные курсы и совѣтывалъ мнѣ поступить туда, при этомъ онъ предлагалъ свою помощь въ малѣйшемъ затрудненіи. Послѣ обѣда понаѣхали гости, и домъ Смирновыхъ оживился. Въ одиннадцать часовъ ночи принесли двухъ пѣтуховъ, насыпали имъ на полъ по кучкѣ овса, въ которыя зарыли кольца пожелающихъ узнать судьбу свою. Сонные оракулы неохотно принимались за пищу и лѣниво разрывая овесъ, выбрасывали кольца. Поднялся шумъ, смѣхъ, хлопанье въ ладоши и радостныя восклицанія. Мое бирюзовое колечко и перстень поэта, положенные въ разныя кучки, были выброшены вмѣстѣ крылатыми оракулами.

Это пустое обстоятельство заставило меня усомниться въ истинѣ словъ Дарьи Михайловны и, запутавъ мою бѣдную голову, окончательно сгубило мое сердце. Домой мы поѣхали во второмъ часу ночи. Слѣдующій день мы провели у другихъ нашихъ сосѣдей, гдѣ были и братья Смирновы. На четвертый день всѣ сосѣди собрались у насъ. Послѣдніе же два дня въ недѣлѣ мы опять ѣздили по знакомымъ и, наконецъ, воскресеньемъ закончили на время праздники. Дарья Михайловна объявила категорически, что хоть два дня, да непремѣнно, мы должны отдохнуть, а потомъ, если хотимъ, можемъ безъ нея веселиться.

Оставшись первый день дома, я и Дуня чувствовали себя уставшими и почти все время до обѣда провалились въ постели. На слѣдующій день пріѣхалъ Андрей Смирновъ узнать, поѣдемъ-ли мы на елку къ Орыловымъ, самымъ дальнимъ сосѣдямъ по имѣнію. Бабушка, окончательно, отказалась, но мы рѣшили ѣхать. Имѣніе ихъ находилось въ пятнадцати верстахъ отъ нашего и въ тринадцати отъ «Успокоенія». Чтобы ѣхать къ нимъ, надо было проѣзжать мимо Смирновыхъ, и потому мы условились ѣхать вмѣстѣ. На другой день въ назначенный часъ мы заѣхали за Смирновыми и вмѣстѣ отправились къ Орыловымъ. Всѣ три брата сопровождали насъ верхами.

Я забыла надѣть теплыя галоши, и дорогой у меня такъ замерзли ноги, что я невольно высказала это вслухъ. Всѣ захохали, а Андрей сейчасъ-же предложилъ мнѣ свои услуги, сѣздить за галошами.

— Полно тебѣ,—сказалъ поэтъ,—ужь мы въ пяти верстахъ отъ дома Екатерины Матвѣевны, взадъ и впередъ будетъ десять, а намъ осталось проѣхать тоже еще десять верстъ, ты все равно не успѣешь!

Но Андрей молча повернулъ лошадь, настегаля ее и поскакалъ обратно.

— О молодость, о юность!—сказалъ поэтъ вслѣдъ брату.

Иванъ Александровичъ посмотрѣлъ на меня какимъ-то особеннымъ, внимательнымъ и долгимъ взглядомъ. Я не придавала значенія ни этому взгляду, ни любезности младшаго Смирнова. Мы были уже въ пяти верстахъ отъ дѣли нашей поѣздки, когда Андрей палъ

насъ съ галошами въ рукахъ. Лошадь его была вся взмылена и тяжело дышала; самъ онъ имѣлъ истомленный видъ и вытиралъ вспотѣвшее лицо.

— Эхъ, баринъ, хорошую лошадь испортили,—проговорилъ съ соболѣзнованіемъ нашъ кучеръ и покачалъ головой.

— Какую-же награду пожалуете вы за это Андрею?—сказалъ, обращаясь ко мнѣ, поэтъ.

— Если-бы я только могла отплатить чѣмъ-нибудь Андрею Александровичу, я съ удовольствіемъ-бы сдѣлала это,—отвѣчала я, надѣвая галоши.

— Значитъ, Андрей можетъ просить у васъ какого ему будетъ угодно вознагражденія?—сказалъ поэтъ.

— Съ удовольствіемъ выполню всякое требованіе Андрея Александровича!—отвѣчала я.

— Ну, Андрей, пользуйся, назначай самъ плату!—сказалъ, улыбаясь, Иванъ Александровичъ.

— Я теперь очень усталъ, голова отказывается служить, придумаю на мѣстѣ,—отвѣчала младшій Смирновъ.

— Ай, Катя, какъ ты попалась! Теперь Андрей Александровичъ непремѣнно придумаетъ какую-нибудь ужасную плату и вѣдь ты, обязательно, должна будешь ее выполнить,—сказала, засмѣявшись, сестра.

Я не могла себѣ представить ничего ужаснаго, что бы могъ придумать Андрей. Сама я только и думала, что о второмъ Смирновѣ, и была очень довольна, что съ нами нѣтъ Дарьи Михайловны, которая мѣшала бы мнѣ любоваться поэтомъ.

— Я увѣрена, что Андрей Александровичъ ничего не придумаетъ ужаснаго и потому, я общаю ему еще разъ выполнить всякое его требованіе,—сказала я, рассматривая профиль поэта.

— Не зѣвай, Андрей!—сказалъ поэтъ, слегка ударяя брата нагайкой по спинѣ.

Е. Введенская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СУЗГУНЪ И ИСКЕРЬ.

(Изъ сибирскихъ очерковъ).

(Окончаніе).

II.

ВЪ ПОЭМѢ о Сузгѣ упоминается нѣсколько разъ объ Искерѣ, древней столицѣ Кучумова царства¹⁾.

Искеръ лежитъ въ верхъ по Иртышу въ 22 верстахъ отъ Тобольска. Теперь никакихъ слѣдовъ не осталось отъ бывшихъ строеній, и трудно себѣ представить, что нѣкогда здѣсь былъ расположенъ городъ. Частые обвалы значительно уменьшили объемъ самой горы, на которой онъ находился.

Вотъ что говорить извѣстный здѣсь археологъ Знаменскій въ своемъ описаніи Искера:

«Я не буду описывать панорамы открывающейся передъ глазами посѣтителю этой мѣстности; тутъ нужны не слова, а краски, и кисть въ рукахъ искуснаго художника. Скользя по заросшему полынью и клубничникомъ склону, не безъ труда поднимались мы на городище, заросшее дико растущими травами. Ширь панорамы, разстилающейся подъ ногами, кружить голову и, съ

невольнымъ страхомъ, держишься подальше отъ края обрыва. Длина холма не болѣе 120 сажень, заканчивается острымъ мысомъ. Поддавшись царящей здѣсь тишинѣ, молча, какъ по кладбищу, прошли мы это мѣсто, путаясь въ травѣ и обходя жилище муравьевъ, единственныхъ обитателей бывшей столицы. Еще разъ полюбовавшись широкой картиной, мы спустились въ главный ровъ, и затѣмъ повернули направо и потонули въ цвѣтахъ и зелени,—тутъ были: голубые дельфины выше человѣческаго роста, золотая царскій скипетръ, скромно выглядывала изъ зелени *hilium martagm* или по сибирски сарана, ятрышникъ съ своимъ благоухающимъ запахомъ, роскошная листва папоротниковъ, мати-мачихи, лабазника, малинника, усыпаннаго ягодами; все это путалось, перемѣшивалось и представляло прекрасный, хоть нѣсколько затруднительный спускъ.

Вотъ и конецъ спуска. Передъ нами въ густыхъ заросляхъ осоки и массы, съ крупными, голубыми цвѣтами незабудокъ, журчитъ Сибирка, пробивая себѣ путь черезъ навалившіеся въ нее стволы старыхъ деревьевъ, направо колодезь, который нѣкоторые считаютъ подземнымъ ходомъ, и куда, говорить предаше, Кучумъ бросилъ часть своего богатства».

Приведемъ также описаніе дороги къ Искеру того-же Ершова, автора «Конька-горбунка».

Вотъ дорога столбовая
Въ перспективной красотѣ,
По холмамъ перебѣгая,
Исчезаетъ въ высотѣ.
Что за роскошь, что за нѣга,
Между поля и лѣсовъ,
Въ вихрь молній го бѣга
Мчатся прытью скакуновъ.
Прихотливо прахъ летучій
Темнымъ облакомъ свивать,
И громаду пыльной тучи
Свѣтлой искрой разсѣкать!
Съ русской мощною отвагой
Беззаботно съ вышины
Низвергаться въ глубь оврага
Всѣмъ наклонномъ крутизнамъ.
И опять грамя телѣгой,
По выбучему мосту
Всю силою разбѣга
Вылетать на высоту!..
Вотъ блеснули муравью
Шелковистые луга,
И бѣгутъ живой волною
Въ переливъ вѣтерка,
Здѣсь цвѣтчаной выюся нитью,
Тутъ чернѣютъ тѣныя ровы,
Тамъ серебряною битью
Осыпаютъ грань холмовъ...
Вотъ широкою стѣною
Поднялся вѣтвистый лѣсъ,
Обхватилъ поля собою
И въ сѣдой дали исчезъ.
Вотъ поскотина; за нею
Поле стелется; а тамъ,
Чуть сквозитъ тонкій паръ синія,
Домы мирныхъ поселенъ.
Ближе къ лѣсу—чистополье
Кормовыхъ луговъ и въ немъ,
Въ первыхъ группахъ на раздолѣ,
Дремлетъ стадо легкимъ сномъ.
Вотъ залѣсье: тутъ свѣтлѣетъ
Нива въ зелени луговъ,
Тутъ подъ жаркимъ небомъ зрѣетъ
Золотая зыбь хлѣбовъ...
А вдали, въ струяхъ играя
Переливомъ всѣхъ цвѣтовъ,
Блещетъ лента голубая
Черезъ просѣку лѣсовъ».

Въ лѣтописяхъ говорится:

«Ермакъ вступилъ въ Кучумову столицу во градъ Сибирь въ лѣто 7089 (1581 г.) октября, дня 26, на память святаго великомученика Дмитрія Солунскаго».

У Чувашскаго мыса, лежащаго на югъ отъ Тобольска, Ермакъ разбилъ войска Кучума

¹⁾ До перенесенія столицы въ Искеръ Тюмень была столицей сибирскаго царства, основанный въ XII вѣкѣ. Это былъ татарскій городъ и назывался Чинги-Туда.

Неба глубь ясна;	Рви его, дитя—
Зелень южный садъ;	Сладокъ спѣлый сокъ...
Сочный у окна	Въ листьяхъ шелестя,
Зрѣетъ виноградъ...	Вѣетъ вѣтерокъ...

Не пугаетъ зной,
Тишина—вокругъ;
Это—рай земной,
Благодатный югъ!.. Л.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА К. ВАГНЕРА.

СПАСЕНЫ!

посланный подъ предводительствомъ Махметъ-Кула для прегражденія дороги русскимъ къ Искеру. Отчаяніе и ужасъ овладѣли несчастнымъ Кучумомъ. Мирно и счастливо управлялъ онъ своимъ царствомъ. Двѣнадцать лѣтъ уже прошло, какъ пришелъ онъ изъ южныхъ степей и, побѣдивъ царя Этыгара, поселился въ его городѣ Сибири или Искерѣ¹⁾.

Побѣжденный, бросилъ онъ свою столицу и бѣжалъ.

Царь Кучумъ въ степяхъ горюетъ
По своему богатому царствѣ,
А въ большихъ его палатахъ
Казаки сидятъ за чарой
Поминать Русь святую
И Московскаго царя. (Ершовъ).

Поселился Ермакъ Тимофѣичъ со своими казаками въ Искерѣ. Тамъ онъ нашелъ много всякаго добра и богатства. Но не долго жилось имъ спокойно. Махметъ-Куль помнилъ Чувашскую битву и выжидалъ только удобное время, чтобы отомстить русскимъ. И вотъ однажды онъ подкараулилъ двадцать человекъ казаковъ, мирно занимавшихся рыбной ловлею и умертвилъ ихъ всѣхъ. Узнавъ объ этомъ, Ермакъ догналъ непріятеля у селенія Абалахъ²⁾ и отомстилъ непріятелю.

Многія племена, видя силу Ермака, покорились ему добровольно и клялись аккуратно платить ясакъ, т. е. дань. У Карамзина мы читаемъ: «дѣла внутренняго управленія, собраніе дани, звѣриная и рыбная ловля, нужная для продовольствія въ странѣ безхлѣбной, занимали Ермака до апрѣля мѣсяца, но однажды одинъ мурза извѣстилъ его, что дерзкій Махметъ-Куль снова приблизился къ Иртышу и кочуетъ на Вагаѣ съ малочисленною толпою. Требовалось скорости и тайны болѣе нежели силы, чтобы истребить сего врага неутомимаго. Атаманы выбрали всего шестьдесятъ удалцевъ, которые ночью подкрались къ Махметъ-Кулову стану, напали врасплохъ, умертвили многихъ сонныхъ татаръ, взяли самого царевича живого и привезли съ

торжествомъ въ Искерѣ, къ великой радости Ермака».

«Будь здоровъ нашъ : оевода
Милосердіемъ Господнимъ
И казачей нашей силой
Мы побили вновь невѣрныхъ.
На рѣкѣ на той Валаѣ,
Взяли мы Махметъ-Кула
И старшинъ его въ полонъ». (Ершовъ).

«Ермакъ же пріять его, повѣдаетъ же ему царское великое жалованье и ублажаетъ ласкосердыми словесы¹⁾». Оставивъ царевича въ Искерѣ, Ермакъ двинулся на сѣверъ. Не будемъ слѣдовать за нимъ. Мы хотимъ воскресить въ памяти читателя только историческія воспоминанія, тѣсно связанныя съ мѣстностью Искера.

Весь тотъ годъ, 1582, прошелъ въ новыхъ покореніяхъ на сѣверѣ. Въ Искерѣ между тѣмъ, оставшіеся тамъ казаки завязали сношенія съ бухарцами. Стали приходить караваны, началась торговля. Въ столицѣ жилось мирно и спокойно. Такъ прошло лѣто. Но съ осени начались страшныя бѣдствія. Снѣжные бураны, метели, вьюги, не запомнятъ такого множества снѣгу, какъ напало въ ту зиму. Морозы стояли ужасные. Лишенные возможности охотиться, казаки стали голодать. Къ тому же между ними распространилась страшная болѣзнь цынга. Масса людей умирало. Когда весною, немного оживши послѣ тяжелой зимы, Ермакъ отправилъ Махметъ-Кула съ конвоемъ въ Москву, да посчиталъ всѣхъ умершихъ зимою, у него осталось немного казаковъ.

Не могли не провѣдать объ этомъ враги. И подъ предводительствомъ Карача уже готовилось возстаніе. Обланомъ захватили враги лучшаго друга Ермака—Кольцо съ сорока самыми отважными казаками. Кругомъ Искера расположились непріятельскія дружины, не подходя близко, они хотѣли голодомъ заставить городъ сдаться.

Съ марта мѣсяца до самаго лѣта не сдавались казаки. Наконецъ, 12-го іюня, ночью

часть изъ нихъ вышла изъ крѣпости и бросилась на сонныхъ татаръ.

Эта отчаянная попытка удалась. Двое изъ сыновей Карача были убиты, и онъ самъ бѣжалъ за Ишимъ¹⁾ съ малой горстью людей. Русскіе его преслѣдовали. Возставшіе племена вновь покорились. Ермакъ же сталъ просить у московскаго царя подкрѣпленія.

Немного остается больше вспоминать объ Ермакѣ и Искерѣ. Еще разъ пришлось Ермаку Тимофѣевичу сразиться съ Кучумомъ. Ложнымъ доносомъ, будто онъ, Кучумъ, мѣшаетъ каравану идти къ Искеру, заставилъ онъ Ермака всего съ пятидесятью казаками пойти на встрѣчу каравану. Напрасно проискали они мнимый караванъ весь день, къ ночи расположились они отдохнуть. Но не спали татары, они напали на сонныхъ русскихъ и всѣхъ перерѣзали. Ермакъ, видя неминуемую гибель, бѣжалъ. Онъ бросился къ Иртышу, но не достигъ лодки и потонулъ.

Потрясающее впечатлѣніе произвела въ Искерѣ эта вѣсть и «Русскіе убоялись жить въ градѣ, къ Руси бѣжавши, градъ же Сибирь оставили пустъ²⁾».

Вы стоите на высокомъ, живописномъ холмѣ, и всѣ эти историческія воспоминанія проносятся въ вашей памяти. Вы смотрите кругомъ себя: кусты, деревья, незабудки, изумрудная зелень травы,

А вдали, въ струяхъ играя
Переливомъ всѣхъ цвѣтовъ,
Блещетъ лента голубая
Черезъ простѣку лѣсовъ.

Ни жилища, никакихъ признаковъ человеческой жизни. Все исчезло. И этотъ холмъ, на которомъ вы стоите, и отъ него скоро ничего не останется, и исчезнетъ самое мѣсто, гдѣ нѣкогда бились воины, защищая свою столицу, гдѣ жилъ Кучумъ, царевалъ Ермакъ. Все, все исчезнетъ безслѣдно. Невольный вздохъ сожалѣнія вырывается изъ вашей груди. Но противъ законовъ времени и природы люди безсильны. О. Всеволодская.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

VI. Нонецъ мечтѣ.

РОБЕРТЪ и Арманъ отправились вмѣстѣ. Подъѣхавъ къ дому, они увидѣли Гарриса, который курилъ сигару на балконѣ и рукой привѣтствовалъ ихъ. Молодые люди поклонились и вошли въ подъѣздъ, дверь передъ ними какъ бы сама собою отворилась. Американецъ встрѣтилъ ихъ въ передней по просту и провелъ въ курительную, гдѣ угостилъ чудесными сигарами и превосходной старой водкой.

— Какимъ образомъ я имѣю удовольствіе видѣть васъ у себя въ такой ранній часъ?—спросилъ онъ.

— Я только что получилъ извѣстіе, которое меня чрезвычайно обрадовало,—сказалъ принцъ,—и я ни на минуту не хотѣлъ откладывать возможности поблагодарить васъ. Графиня де-Пенгре увѣдомила меня, что вы мнѣ разрѣшаете просить руки вашей дочери, и я пріѣхалъ просить васъ назначить день и

¹⁾ М. С. Знаменскій.

²⁾ Селеніе Абалахъ расположено на самомъ берегу Иртыша 125 в. отъ Тобольска. Тамъ мужской монастырь и чудотворная икона Знаменія Пресвятой Богородицы. Круглый годъ туда стекается масса богомольцевъ.

часъ, когда мой дядя, герцогъ де-Можоль, дѣвушка и сказалъ ей взволнованнымъ голосомъ:

— Дѣйствительно, моя дочь, послѣ долгихъ колебаній, которыя извинительны въ такой скромной дѣвушкѣ, сказала вчера мнѣ и своей теткѣ, что цѣнить ваши достоинства и думать, что будетъ съ вами счастлива, что моя сестра и сообщила графинѣ для передачи вамъ. Что касается герцога де-Можоля, я буду ждать его завтра отъ двухъ до пяти часовъ.

— Благодарю васъ. Могу я засвидѣтельствовать свое почтеніе госпожѣ Дерсонъ и миссъ Гаррисъ?

— Я думаю,—сказалъ Гаррисъ и позвонилъ. Ушли явился и доложилъ, что миссъ Дерсонъ и миссъ Джэнъ въ гостиной.

— Милости просимъ, господа,—и Джо повелъ своихъ гостей въ комнату, гдѣ дѣйствительно находилась тетка Пальмира съ своей племянницей.

При входѣ ея отца въ сопровожденіи принца, Джэнъ поблѣднѣла, но быстро оправилась и ласково встрѣтила принца, который, раскланявшись съ теткой, обратился къ молодой

— Вашъ отецъ осчастливилъ меня, сообщивъ, что вы согласны сдѣлаться принцессой де-Саллернъ-Монсерратъ. Но прежде чѣмъ мой дядя, герцогъ де-Можоль, явится просить вашей руки отъ моего имени, я хотѣлъ услышать отъ васъ самихъ подтвержденіе вашего согласія.

— Я могу только повторить вамъ слова моего отца,—сказала Джэнъ довольно твердымъ голосомъ.—Замѣчу только, что я никогда не мечтала занимать такое высокое положеніе въ свѣтѣ. Мои вкусы очень просты, и я опасаюсь, что вы не найдете во мнѣ подругу, нужную человѣку съ вашимъ именемъ.

— Вы очень скромны. Трудно найти особу болѣе прелестную и болѣе достойную надѣть забытую корону Монсерратовъ. Я надѣюсь, что миссъ Джэнъ Гаррисъ будетъ не только блестящая, но и вполне счастливая принцесса.

Взявъ руку Джэнъ, онъ почтительно поцѣ-

¹⁾ Ишимъ—одинъ изъ окружающихъ городовъ Тобольской губерніи, лежитъ на югъ отъ Тобольска.

²⁾ У Знаменскаго.

¹⁾ Знаменскій.

ловалъ ее и сѣлъ на мѣсто, указанное ему подлѣ себя молодой дѣвушкой.

Джо Максимъ Гаррисъ отъ восторга не находилъ словъ и только обмѣнивался взглядами съ своей сестрой. Разговоръ сдѣлался общій, чему Джэнь была очень рада; принцъ велъ себя съ такимъ тактомъ, что на прощаніе она сама протянула ему руку и на поцѣлуй руки отвѣтила улыбкой. Джо не переставалъ пожимать руки своего будущаго зятя.

Когда молодые люди уѣхали, Джэнь прошла въ свою комнату, гдѣ ее ждала Мари.

— Конечно, — сказала она съ печальной улыбкой, но съ нѣкоторымъ мужествомъ.

И подойдя къ небольшой шкапулкѣ, она вынула письма Марселя, заглянула въ нихъ и, не перечитывая, сожгла по одному.

— Я не имѣю права хранить ихъ; моей мечтѣ конецъ!

Когда отъ воспоминаній прошлаго остался только пепелъ, она съ рыданіемъ упала въ объятія своей вѣрной подруги.

Де-Саллернъ отправился къ своему дядѣ.

— Уже? — вскричалъ тотъ, узнавъ причину посѣщенія, — ты не употребилъ и мѣсяца на твою осаду. Но я обѣщала; завтра въ два часа, вмѣстѣ поѣдемъ къ твоему американцу. Его дочь очень хороша, я ее видѣлъ въ театрѣ, а главное, она очень изящна и вполнѣ порядочна. Я понимаю, что ты торопишься, даже оставивъ въ сторонѣ двѣнадцать милліоновъ. А собралъ ты свѣдѣнія, какъ я тебѣ совѣтовалъ, о твоёмъ будущемъ тестѣ?

— Конечно, и вездѣ получилъ превосходные отзывы. Состояніе солидное, безупречный отецъ семейства.

— Превосходно! Итакъ, завтра въ два часа.

Отъ дяди принцъ проѣхалъ къ Ленѣ. Танцовщица покорилась обстоятельствамъ только подъ условіемъ знать все и слѣдить за ходомъ дѣла. Принцъ по прежнему посѣщалъ ее, они часто вмѣстѣ обѣдали, но не въ ресторанахъ. За то принцъ рѣдко появлялся въ ея уборной, въ Оперѣ. Они не пріѣзжали вмѣстѣ въ театръ, такъ что многіе полагали, что они разошлись, одинъ Арманъ зналъ истину. Но эта необходимость скрываться, избѣгать частыхъ встрѣчъ только усилила ихъ любовь, и когда Реджи узнала отъ самого принца, что де-Можоль на другой день поѣдетъ сватать миссъ Гаррисъ для племянника, она была сильно огорчена и въ отчаяніи хотѣла взять назадъ свои уступки, и нѣсколько успокоилась въ виду обѣщаній Роберта отказаться отъ брака и не видаться больше съ миссъ Джэнь. Она сдѣлалась такъ нѣжна, такъ увлекательна, что принцъ ушелъ отъ нея только на другой день, часа за два до назначеннаго свиданія съ дядей. Онъ едва успѣлъ переодѣться, позавтракать и отправился къ герцогу, который уже ждалъ его, а черезъ полчаса лакей докладывалъ Гаррису и теткѣ Пальмирѣ о прибывшихъ гостяхъ. Американецъ вышелъ имъ на встрѣчу, почтительно поклонился герцогу, протянувшему ему руку, и представилъ квакершу:

— Миссисъ Дерсонъ, моя сестра.

Герцогъ и принцъ отвѣсили низкій поклонъ и сѣли на указанныя имъ кресла. Герцогъ заговорилъ о предметѣ посѣщенія:

— Вы благосклонно отнеслись къ желанію моего племянника сдѣлаться вашимъ зятемъ, и онъ просилъ меня заступитъ мѣсто его родителей и просить за него руки миссъ Джэнь Гаррисъ. Я дѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что красота и изя-

щество вашей дочери поразили меня съ перваго раза, какъ я ее увидалъ въ Оперѣ.

— Вы дѣлаете мнѣ большую честь, герцогъ, — отвѣчалъ Гаррисъ спокойно, — и я охотно отдаю руку моей дочери Джэнь принцу де-Саллернъ-Монсеррату, качества котораго я успѣлъ оцѣнить.

— Тѣмъ болѣе, — прибавила квакерша, поднимая глаза къ небу, — что выходя за вашего племянника, герцога, Джэнь исполнитъ желаніе своей матери, французки по происхожденію, которая мечтала о томъ, чтобы ея дочь вышла замужъ за француза.

— Значитъ, все очень кстати, — сказалъ герцогъ, который, какъ честный человѣкъ, принялъ за чистую монету ломанія квакерши.

Робертъ поцѣловалъ руку теткѣ Пальмиры, обнялся съ своимъ будущимъ тестемъ и спросилъ:

— Не сдѣлаете-ли вы герцогу де-Можолю честь представить его миссъ Джэнь?

Миссисъ Дерсонъ встала и черезъ минуту вернулась подъ руку съ племянницей. Джэнь была нѣсколько блѣдна. Дядя и племянникъ встали ей на встрѣчу, а Джо сказалъ:

— Герцогъ де-Можоль проситъ твоей руки для своего племянника, принца де-Саллернъ-Монсеррата. Я далъ свое согласіе.

Миссъ Гаррисъ поклонилась и сѣла подлѣ теткѣ.

— Вашъ отецъ далъ свое согласіе, но я желалъ-бы слышать подтвержденіе его словъ отъ васъ самихъ, — сказалъ герцогъ.

— Мой отецъ распорядился моей судьбой по моему согласію, — отвѣчала Джэнь, — и я постараюсь сдѣлать все, чтобы отвѣтить вашимъ лестнымъ для меня надеждамъ.

— Благодарю васъ, мое дитя. Я могу въ мои годы такъ назвать васъ.

Герцогъ хотѣлъ поцѣловать ея руку, но она протянула ему лобъ.

Тронутый, онъ сѣлъ подлѣ нея и долго разговаривалъ. Сѣверо-Американскіе Штаты были ему хорошо знакомы, такъ какъ онъ долго былъ причисленъ къ французскому посольству въ Вашингтонѣ. При этихъ словахъ братья съ сестрой тревожно переглянулись, а Джэнь слегка поблѣднѣла, но быстро оправилась.

Желая избѣжать подобныхъ сближеній, Гаррисъ постарался переменить разговоръ и сказалъ:

— Контрактъ есть дѣло, касающееся вашего нотаріуса и моего адвоката, который получилъ уже отъ меня полную довѣренность. Но есть пунктъ, который мы должны разрѣшить сами, это назначить день свадьбы.

— Совершенно вѣрно, — сказали дядя и племянникъ вмѣстѣ.

— Я опасуюсь, что мнѣ придется въ половинѣ сентября вернуться въ Чикаго, и мы хотѣли провести августъ въ Діеппѣ, гдѣ вы можете ухаживать за вашей невѣстой, принцъ, какъ и въ Парижѣ.

— Непремѣнно, если миссъ Джэнь позволитъ, — поспѣшилъ отвѣтить де-Саллернъ, хотя предпочелъ бы не уѣзжать изъ Парижа.

— Слѣдовательно, у насъ остается очень мало времени, теперь конецъ іюля.

— Если мы назначимъ одно изъ первыхъ чиселъ сентября, — предложила миссисъ Дерсонъ.

— Я отъ души согласенъ, — сказалъ Робертъ.

— Я также, — прибавилъ герцогъ, — но мы не спрашиваемъ лица, которое этотъ вопросъ наиболѣе интересуетъ, миссъ Джэнь.

— Я съ дѣтства привыкла повиноваться.

— Значитъ въ первыхъ числахъ сентября, — рѣшилъ Гаррисъ.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, дядя и племянникъ распрощались и ушли.

— Она прелестна, твоя американка, если ты не будешь съ нею счастливъ, твоя будетъ вина. Лишь бы милліоны не принадлежали къ такимъ, на которыхъ честный человѣкъ не женится!.. Кузина Генриетта хоть одинъ разъ въ жизни оказалась на что-нибудь годна.

Миссисъ Дерсонъ думала то-же, хотя не въ томъ смыслѣ. По уходѣ гостей она сейчасъ къ ней отправилась. Графиня нѣсколько опасалась встрѣчи герцога съ Гаррисомъ и узнавъ, что дѣло кончилось благополучно, была въ восторгѣ.

— У меня къ вамъ еще много просьбъ, — сказала квакерша.

— Я въ вашемъ распоряженіи.

— Намъ нужно заняться приданнымъ будущей принцессы, которое должно быть вполнѣ княжеское... Церемоніей брака, выборомъ церкви и тому подобное. Не будете-ли вы такъ любезны взять на себя всѣ распоряженія? Вы принадлежите къ числу представительницъ парижскаго свѣта, и мы съ братомъ вполнѣ на васъ полагаемся. Нечего и говорить, что въ деньгахъ затрудненія не будетъ, тратьте сколько угодно, мы заранѣе съ вами согласны.

— Я очень рада, что могу быть вамъ полезной. Приданое будетъ великолѣпное, и въ остальномъ тоже не трудно будетъ исполнить ваше желаніе.

Нечего и говорить, что графиня была въ восторгѣ отъ порученія. Эта свадьба приносила ей много, — кромѣ условленныхъ денегъ отъ агента, она могла разсчитывать на остатки при закупкѣ приданого.

VII. Свадьба.

Черезъ недѣлю Гаррисы уѣхали въ Діеппъ, гдѣ ихъ ждала роскошная вилла, нанятая братьями Петерсъ. Было условлено, что Саллернъ послѣдуетъ за ними, сдѣлавъ нужныя распоряженія о приведеніи своего дворца въ порядокъ. Здѣсь было много дѣла, потому что онъ хотѣлъ не только отремонтировать зданіе и заново обмѣливать его, но еще устроить зимній садъ, который бы соединялъ его кабинетъ и будуаръ жены. Такимъ образомъ, супруги могли бы имѣть возможность совершенно свободно посѣщать другъ друга или проходить въ паркъ.

Всѣ эти работы требовали большихъ денегъ, но на другой день по назначеніи дня свадьбы, Гаррисъ передалъ нотаріусу обѣщанный милліонъ. Принцъ немедленно же взялъ изъ него сорокъ тысячъ и купилъ Ленѣ желаемую ею золотую бездѣлушку, получивъ которую, она вскричала, бросаясь ему на шею:

— Твой купецъ, въ самомъ дѣлѣ, милый человѣкъ, я готова обожать его, но ты не долженъ любить его дочь.

Черезъ недѣлю принцъ тоже отправился въ Діеппъ, Гаррисъ очень ему обрадовался, но Джэнь встрѣтила холодно. Видъ моря пробудилъ въ ней мысли, заглушенныя водоворотомъ парижской жизни. Она боялась спросить Мэри, нѣтъ-ли извѣстій, а надежды все еще не теряла. Ни празднества, ни концерты, ни развлечения не занимали ее. Уважая данное слово, она была ласково внимательна къ принцу, и только прогулки верхомъ нѣсколько развлекали ее. Такъ прошло нѣсколько недѣль, и въ концѣ августа Гаррисы вернулись въ Парижъ, а свадьба была назначена на пятое сентября. Уступая просьбамъ дочери, Джо отказался отъ бала въ день подписи контракта, который былъ подписанъ четвертаго сентября въ присутствіи только самыхъ близкихъ.

Сидя подлѣ своей невѣсты, Робертъ дѣлать видъ, что занятъ только ею и не слушаетъ того, что читаетъ нотаріусъ, — правда, онъ зналъ этотъ контрактъ отъ слова до слова. По желанію Гарриса, который не допускалъ мысли, что, отдавая свои милліоны, онъ теряетъ право распоряжаться ими, и французскому нотаріусу пришлось ему уступить, было произведено нѣкоторое раздѣленіе состояній. Миссъ Джэнь приписала двѣнадцать милліоновъ, которые были положены у Ротшильда, принцъ могъ распоряжаться только доходами, въ случаѣ смерти жены, онъ получалъ шесть милліоновъ, то же въ случаѣ развода. Если будутъ дѣти, они получаютъ послѣ смерти матери остальные шесть милліоновъ, въ противномъ случаѣ этотъ капиталъ возвращается въ семью.

Вѣнчаніе было назначено на другой день. Эти сутки, отдѣлявшіе ее отъ рокового шага, прошли для миссъ Гаррисъ, какъ сонъ. Она была точно въ бреду, — и принимая отъ своего будущаго супруга роскошную свадебную корзинку, она не дала даже себѣ отчета въ чудесахъ, заключавшихся въ ней. Ее не радовало и роскошное жемчужное ожерелье, стоявшее болѣе милліона, которое отецъ надѣлъ ей на шею.

Когда въ назначенный часъ она вышла въ залу, гдѣ собрались родственники и знакомые, которые должны были провожать ее въ мерію и въ церковь, въ залѣ пробѣжалъ шопотъ восторга. Джэнь дѣйствительно была прелестна въ своемъ подвѣчномъ платьѣ, представлявшемъ образецъ роскоши, простоты и вкуса. Принцъ де-Саллернъ былъ буквально ослѣпленъ и, подходя поцѣловать ея руку, подумалъ, что если бы Лена увидала теперь свою законную соперницу, она задохлась-бы отъ ревности. Десять минутъ спустя, женихъ и невѣста въ сопровожденіи своего кортежа вошли во дворъ меріи, убранный для этого случая растеніями. Мэръ задалъ обычные вопросы, получилъ утвердительные отвѣты, молодые супруги расписались, свидетели тоже, и всѣ отправились въ церковь Магдалины. Торжественные звуки органа, игравшаго свадебный маршъ изъ Лозенгрена, раздавшіеся для вѣтрѣчи невѣсты, такъ взволновали ее, что она пошатнулась, и отецъ долженъ былъ поддержать ее.

Внутренность церкви имѣла волшебный видъ, вездѣ растенія, цвѣты, канделябры, курильницы. Церковь была переполнена, хотя впускали въ нее только по именнымъ билетамъ. Можно было видѣть представителей всѣхъ знатныхъ французскихъ именъ... Къ счастью, Лена оказалась достаточно тактична, чтобы отказаться отъ мысли присутствовать на вѣнчаніи, можетъ быть разсчитавъ, что эта жертва будетъ для нея очень выгодна. Только въ тотъ день утромъ она отправила принцу письмо, въ которомъ говорила о своей безумной любви, и о томъ, что боится сойти съ ума; она подписала «твоя бѣдная Лена».

Церемонія кончилась, и всѣ вернулись въ домъ Гарриса, гдѣ былъ приготовленъ великолепный завтракъ; дорогой молодые обмѣнялись только нѣсколькими пустыми фразами. Пробѣжая мимо улицы Габріель, принцъ невольно посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ жила Лена, нѣтъ-ли ее на балконѣ. Когда они пріѣхали, молодую окружили подруги, откололи ей вуаль и по ея просьбѣ разобрали на памяти золотыя съ жемчугомъ шнурки, которыми этотъ вуаль былъ приколотъ. Мари прошла въ другую комнату, Джэнь слѣдила

за ней глазами и видѣла, какъ лакей подалъ ей конвертъ, распечатавъ который, она вскрикнула и поспѣшно спрятала письмо. Извинившись передъ окружающими ее, Джэнь пошла отыскивать свою воспитательницу и нашла ее у себя въ комнатѣ. Мари полулежала въ креслѣ и растерянно смотрѣла на письмо, руки ея дрожали. Джэнь бросилась къ ней, нѣжно обняла ее и спросила:

— Что случилось?

Но, взглянувъ на письмо, она узнала почеркъ Марселя и со страхомъ вопросительно смотрѣла на Мари.

— Да, это отъ него, — сказала та, — оно два мѣсяца тому назадъ писано изъ Чикаго и во время прибыло въ Парижъ, а вотъ почему мы его не получили, — и она протянула Джэнь записку госпожи Моренъ.

«Я только что вернулась, дорогая кузина, — писала она, — и къ великому удивленію нашла это письмо, которое должно было быть вамъ передано два мѣсяца тому назадъ, какъ я и распорядилась передъ своимъ отъѣздомъ, и о чемъ писала вамъ. Какъ это случилось? Приходили-ли вы за письмами или прежній консьержъ не исполнилъ моихъ приказаній. Новый передалъ мнѣ только это письмо вмѣстѣ съ другими моими письмами. Надѣюсь, что эта неаккуратность не имѣла для васъ дурныхъ послѣдствій».

Преданная вамъ Е. Моренъ.

Р. S. Прелестная миссъ Джэнь, вѣроятно, очень счастлива въ Парижѣ. Передайте ей мой поклонъ».

Послѣднія слова звучали какъ-бы насмѣшкою.

— Это письмо, — сказала принцесса, указывая на него, — написано раньше, чѣмъ я сдѣлалась невѣстой принца, что произошло почти одновременно съ ужаснымъ извѣстіемъ, напечатаннымъ въ американскихъ газетахъ. Я хочу знать, что въ немъ заключается, дайте его сюда.

Мари печально взглянула на нее.

— Понимаю, — съгоречью сказала Джэнь, — я жена другого и не имѣю права на это письмо. Но оставаться вѣчно въ неизвѣстности! Можетъ быть, онъ объясняетъ свое поведеніе. Умоляю васъ! Прежде чѣмъ изгнать на вѣки изъ сердца, я хочу знать, должна-ли я его жалѣть или винить!

— Да, ты имѣешь право получить ключъ къ этой загадкѣ, дорогое дитя, — сказала наконецъ м-ле Бренъ, — читай, прочтемъ вмѣстѣ!

Мари быстро распечатала конвертъ и развернула письмо, изъ котораго выпала вырѣзка изъ газеты. Задыхаясь отъ ужаса и негодованія, Джэнь прочла слѣдующее:

«Если бы у меня въ рукахъ не было доказательства моего несчастья, я отказался бы вѣрить ему. Какъ, едва прошло нѣсколько недѣль послѣ данныхъ вами мнѣ обѣщаній, и вы уже забыли ихъ. Я такъ сильно люблю васъ и на столько уважаю, что думаю, только нравственными пытками могли васъ заставить отказаться отъ меня. Какъ я былъ правъ, опасаясь вашей поѣздки во Францію и рокового вліянія миссисъ Дерсонъ на ея брата. Вы жена другого, вы посите не мое имя! Я слишкомъ бѣденъ и незнатенъ для вашей красоты, для состоянія вашего отца. А между тѣмъ, я сдѣлалъ бы васъ счастливой. Прочитавъ эту новость въ «Фигаро» отъ двадцати восьмого іюня, я думалъ, что я сойду съ ума. Вы читаете газеты, миссъ Джэнь, или правильнѣе, маркиза, неужели вамъ не пришло въ голову, что, прочитавъ это извѣстіе, я буду проливать кровавыя слезы. Я все еще сомнѣ-

вался и побѣждалъ узпуть, правда-ли это, къ добрейшему мистеру Торнеру, — онъ всегда опасался, что воспользуются вашею кротостью, любовью къ отцу и заставятъ васъ вступить въ супружество, болѣе ему угодное. Онъ не былъ удивленъ, всѣ иностранныя газеты говорили о нашемъ бракѣ. Будьте счастливы, я вамъ съ всей души желаю счастья... Я уѣзжаю изъ Чикаго. Остаться въ немъ я не въ силахъ, и когда вы вернетесь, не хочу видѣть васъ, подъ руку съ другимъ. Если я буду вамъ нуженъ, скажите моей матери, — вы знаете, гдѣ она живетъ, — что вы требуете моей помощи, и я явлюсь даже съ другого конца свѣта».

Марсель».

— Что это все значитъ? — спросила пораженная принцесса. — Во снѣ я? Или съ ума сошла? Ахъ, эта газета?

Это была вырѣзка изъ первой страницы «Фигаро», — тамъ было напечатано:

«Вчера, въ Сенъ Филиппъ де-Руль, было совершенно замѣчательное бракосочетаніе, — маркизъ Рауль де-Сенъ-Шаманъ, графъ де-Лартажъ женился на миссъ Джэнь Фанни Гаррисъ, дочери одного изъ самыхъ богатыхъ промышленниковъ Чикаго. Маркизу едва тридцать лѣтъ, онъ связанъ родственными связями съ самыми знатными домами Франціи. Милліоны молодой американки не имѣли особаго значенія въ этомъ бракѣ, — она дѣйствительно самая прелестная, самая красивая невѣста, пріѣхавшая къ намъ изъ за моря».

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Соборъ св. Владиміра въ Києвѣ.

Въ хроникѣ нумера 35 «Живописнаго Обозрѣнія» мы подробно говорили о новой святынь Києва, о соборѣ св. Владиміра. Теперь даемъ изображеніе этого величественнаго храма.

Зацѣпилась — хорошій признакъ. Съ картины художника П. Тумана.

На картинѣ талантливаго художника П. Тумана изображенъ пейзажъ благословеннаго юга, среди котораго проходятъ, между кустами розъ, молодые люди. Дѣвушка, увлеченная бесѣдой своего спутника, незаметно зацѣпила своимъ рукавомъ за колючую вѣтку розоваго куста и испугалась. Къ счастью, герой ея сердца явился на помощь, и дѣло кончилось веселымъ смѣхомъ. Сюжетъ простой, но картина очень мила по своей компановкѣ.

Спасены. Съ картины художника К. Виллера.

Передъ нами финалъ одной изъ тѣхъ тяжелыхъ, потрясающихъ драмъ, которыя такъ часто разыгрываются въ необозримомъ пространствѣ океана. Четверо матросовъ, карабкающихся на мачтѣ корабля, разсѣяны о морскомъ рифѣ, уцѣпились съ отчаяніемъ послѣдней надежды за обломокъ мачты. Каждую минуту дикіе валы пугали ихъ угрозой убиенія, и оно только какимъ-то чудомъ держалось на скользкихъ канатахъ. Продрогшіе до костей, избитые ударами вѣтровъ, голодные и обезсиленные, — они долго тщетно вскакивали на горизонтъ дыма парохода или бѣлой точки паруса. Все напрасно! Спасеніе не приходило. Только къ вечеру вдали показалося судно, и опять мучительное безпокойство овладѣло несчастными: а если корабль не замѣтитъ ихъ, пройдетъ мимо?.. Все было пущено въ ходъ: крики, маханіе клочкомъ паруса... И судьба сложила нѣдѣ постигающими — съ корабля ихъ замѣтили. Уже мчитъ къ нимъ спасательная шлюпка, слышатся ободрительные крики... Они спасены!..

ПУТЕШЕСТВІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Пребываніе въ Килѣ.—Государь Императоръ и Государыня Императрица прибыли въ Киль 27 авг., въ 10 часовъ утра. Въ вокзалѣ находились: принцъ Генрихъ и наследный принцъ—оба въ русскихъ мундирахъ, принцесса Ирена, принцъ Вальдемаръ, всѣ здѣшніе высшіе морскіе офицеры и командиры прибывшей сюда утромъ эскадры. Государь Императоръ съ принцемъ Генрихомъ и наследнымъ принцемъ обошелъ почетный караулъ, который затѣмъ продефилировалъ предъ Его Величествомъ. Съ вокзала отбыли: Государыня съ принцессой Иреной и принцемъ Вальдемаромъ въ первомъ экипажѣ, Государь съ принцемъ Генрихомъ—во второмъ. Экипажи прослѣдовали до Гензенскаго моста, откуда водою Ихъ Величества и высочества отбыли въ замокъ. Весь путь отъ вокзала до замка былъ чудесно украшенъ гирляндами цвѣтовъ и флагами русскихъ и германскихъ цвѣтовъ. Особенно выдѣлялась вокзальная площадь, гдѣ съ одной стороны самъ вокзалъ, съ другой—зданіе почты и телеграфа, а также гостиницы, представляли очаровательное зрѣлище. Залы вокзала были роскошно декорированы. Предъ вокзаломъ съ утра стояла густая толпа народа. Государь Императоръ и принцъ Генрихъ осматривали новую яхту принца Генриха «Esperanza» и въ 5¼ ч. возвратились въ замокъ. Вокругъ замка, на мосту Барбароссы, по всей набережной и вездѣ, гдѣ была возможность увидеть Государя и Государыню, народъ стоялъ сплошной массой. При проѣздѣ Ихъ Величествъ повсюду раздавались безконечныя «ура».

Вся маневрирующая флотилія съ «Kaiserin Augusta» прибыла въ Киль въ 8 ч. утра.

Осмотръ судовъ въ Килѣ.—Послѣ обѣда Государю и Государынѣ представлялись адмиралы и командиры. Ихъ Величества посетили адмирала Кнорра продолжительной бесѣдой. Позже Государыня Императрица съ принцессой Иреной и принцемъ Вальдемаромъ совершили прогулку въ Дюстерброкъ по каналу императора Вильгельма и осматривали мостъ Левензау. Государь Императоръ съ принцемъ Генрихомъ осматривали судно «Курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ» и крейсеръ «Kaiserin Augusta». Послѣ чего отправились на суда «Бранденбургъ» и «Вертъ», гдѣ были произведены упражненія въ стрѣльбѣ изъ орудій, къ которымъ Его Величество отнесся съ большимъ интересомъ. Наслѣдный принцъ послѣ встрѣчи Ихъ Величествъ возвратился въ Пленъ.

Отъѣздъ изъ Кили.—Принцъ Генрихъ съ супругою и принцъ Вальдемаръ простились въ 6¼ час. на яхтѣ «Полярная Звѣзда» съ Ихъ Императорскими Величествами и тот-

часъ отправились на «Hohenzollern», откуда слѣдили за отплытіемъ Императорской яхты. Въ моментъ ухода яхты германскими военными судами произведенъ былъ салютъ изъ орудій. На «Полярной Звѣздѣ» хоръ музыкантовъ игралъ въ это время прусскій народный гимнъ. Проходя мимо «Hohenzollern», Императорская яхта произвела салютъ. Со всѣхъ судовъ раздавались громовыя «ура» командъ. Въ 7 час. 5 мин. «Полярная Звѣзда» ушла въ море.

ТРИДЦАТИПЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ.

П. С. Ванновскій.

Военный министр, генералъ-адъютантъ генералъ-отъ-инфантерій.

Прибытіе въ Копенгагенъ.—28-го августа (9-го сентября), Ихъ Императорскія Величества прибыли въ Копенгагенъ на яхтѣ «Полярная Звѣзда», въ 11¼ часовъ. Въ 12¼ часовъ русскій катеръ съ Императорскою Четою причалилъ къ таможи. На лѣстницѣ, ведущей къ пристани, Государь Императоръ и Государыня Императрица были встрѣчены королемъ, королевою, наследнымъ принцемъ съ супругою, принцессою Уэльскою и другими находящимися здѣсь августѣйшими особами, за исключеніемъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Король былъ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, наследный принцъ въ мундирѣ Сумскаго драгунскаго полка. Почетный караулъ былъ отъ лейбъ-гвардейскаго полка. При звукахъ русскаго народнаго гимна Ихъ Величества и ихъ высочества прослѣдовали по главнымъ улицамъ въ замокъ Бернсторфъ. Въ первомъ экипажѣ, запряженномъ шестеркою лошадей, сидѣли Ихъ Императорскія и королевскія Величества. Улицы были прекрасно убраны и переполнены народомъ, пріемъ былъ востор-

женный. Въ 1 ч. 30 м. Императорскій кортежъ прибылъ въ замокъ, гдѣ Императорская Чета была встрѣчена Государынею Императрицею Марією Ѳеодоровною. Въ 2 ч. состоялся семейный обѣдъ, а въ 7 ч. былъ сервированъ завтракъ, къ которому приглашены наследный принцъ съ семействомъ и русскій посланникъ графъ Муравьевъ. Здѣшнее пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ будетъ имѣть совсѣмъ семейный характеръ; большихъ празднествъ не предполагается.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Италія.—По поводу положенія Италіи въ Эритреѣ подтверждается, что Бальдисера ствергаетъ мысль о наступательной войнѣ. Въ случаѣ оборонительной войны Бальдисера полагаетъ неизбѣжнымъ употребить въ дѣло два корпуса въ 70,000 человѣкъ. Но такъ какъ это нарушило-бы существующую систему мобилизаціи на случай европейскіхъ осложненій и связало бы Италію въ Эритреѣ до заключенія мира, то слѣдовало-бы заключить колонію въ болѣе скромныя границы, для устраненія всякаго повода къ столкновенію, а отсюда и къ дальнѣйшимъ расходамъ. Извѣстія о мирныхъ переговорахъ отрады и даютъ право надѣяться на то, что честь Италіи будетъ ограждена.

Германія.—Въ опроверженіе многократно появляющихся въ повременной печати слуховъ о проектахъ увеличенія флота, требующихъ громадныя издержки, «Имперскій Указатель» замѣчаетъ, что увѣреніямъ статсъ-секретаря въ бюджетной коммисіи рейхстага относительно того, что чрезмѣрныя требованія предъявлены не будутъ, германскій народъ и патріотическая печать должны бы придавать большую цѣну, нежели неосновательнымъ намекамъ на безбрежныя планы, о которыхъ руководящіе кружки ничего не знаютъ.

Турція.—Султанъ выразилъ согласіе на отпѣну постановленія, по которому Порту пользуется правомъ облагать иностранныхъ подданныхъ на одинаковыхъ съ оттоманами основаніяхъ. Франція заявила готовность подписать торговый договоръ съ Портою. Какъ только это состоится, будутъ послѣдовательно подписаны торговые договоры съ Италіей и Австро-Венгріей.

— Въ виду возможности распространенія безпорядковъ изъ столицы на вилайеты, въ совѣтѣ министровъ принято и султаномъ утверждено слѣдующее постановленіе: «Всѣмъ гражданскимъ и военнымъ властямъ строго предписывается въ зародышѣ подавлять всякія попытки къ безпорядкамъ. Никакія частныя лица не должны принимать участія въ оффиціальныхъ дѣйствіяхъ. Грабежи и убійства подлежатъ пресѣченію. Противящіеся распоряженіямъ властей магометане и христіане подлежатъ наказанію безъ различія сословій. Распоряженія эти должны быть

распубликованы въ деревнях на различныхъ мѣстныхъ языкахъ. Всѣ мѣры должны быть принимаемы немедленно».

Болгарія.—Въ Софіи пачинаютъ подводить итоги выборовъ. Выборы закончены теперь болѣе, нежели въ 4,000 сельскихъ общинахъ. Побѣда правительства превзошла всякія ожиданія. Оппозиція потеряла множество мѣстъ и новыхъ приобрѣла по отношенію къ общему результату незначительное число. Удостоверяютъ, что выборы никогда еще не проходили такъ правильно, съ такими незначительными нарушениями порядка.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

1-го сентября состоялось въ Казани торжественное открытіе памятника знаменитому нашему математику Н. И. Лобачевскому. Бюстъ и постаментъ памятника исполнены художницею М. Л. Диллонъ. Бюстъ изящно сдѣланъ изъ бронзы, размѣромъ въ 1½ арш. и поставленъ на колоннѣ изъ чернаго полированного гранита, высотой болѣе 2 арш., въ діаметрѣ ¾ аршина.

— По словамъ московскихъ газетъ, предложено открыть при московскомъ университетѣ рядъ новыхъ учреждений, а именно: фармацевтическій, ботаническій и зоологическій институты, а равно и институтъ сравнительной анатоміи. Сооружается также отдѣльное зданіе для музея изящныхъ искусствъ, на учрежденіе котораго собранъ значительный капиталъ.

— 28-го августа исполнилось ровно три мѣсяца со времени открытія въ Н.-Новгородѣ всероссійской выставки. Общее число посѣтителей, считая платныхъ и бесплатныхъ, за три мѣсяца было 759,920 человекъ; въ томъ числѣ было платныхъ посѣтителей по разнымъ билетамъ 406,879 и по абонементнымъ билетамъ 134,409, бесплатныхъ посѣтителей—рабочихъ и учащихся 218,632. Общая цифра 759,920 человекъ въ дѣйствительности должна нѣсколько увеличиться, такъ какъ въ нее не вошли лица, посѣщавшія выставку по постояннымъ служебнымъ и почетнымъ билетамъ. Такихъ билетовъ выдано: постоянныхъ для посѣтителей на все время выставки до 5,000, служебныхъ 1,300 и почетныхъ до тысячи билетовъ.

— Вятское губернское земство ходатайствовало передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи земству приобрѣтать для бесплатной раздачі взрослому населенію, изданія, допускаемыя вообще къ обращенію въ бесплатныхъ читальняхъ, а не только такія книги, которыя одобрены къ обращенію въ народныхъ школахъ, какъ это было разрѣшено вятскому земству въ 1893 году.

— По инициативѣ преосвященнаго Владимира, предполагается въ скоромъ времени съѣздъ осетинъ-интеллигентовъ, для выработки осетинскаго правописанія и исправленія всѣхъ до настоящаго времени изданныхъ книгъ изъ осетинскомъ языкѣ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

30-го августа, въ день тезоименитства въ Божѣ почивающаго Императора Александра III, происходило въ Петербургѣ освященіе и открытіе памятника—бюста Царя-Миротворца, сооруженнаго Александровскимъ комитетомъ о раненыхъ въ Александровской слободѣ, за Московской заставой.

— Извѣстный путешественникъ Н. С. Левтеевъ и секретарь негуса Ато-Иосифъ прибыли на-дняхъ изъ Кіева и остановились въ помѣщеніи, отведенномъ имъ отъ министерства Двора, въ гостиницѣ «Франція».

— 1-го сентября, въ 1 часть дня, происходила закладка зданія для новаго читальнаго зала Императорской публичной бібліотеки. Въ настоящее время выведенъ фундаментъ, примыкающій къ существующему зданію бібліотеки. Новое помѣщеніе будетъ трехъ-этажное, 19 сажень длиною и 8 сажень шириною.

— 1-го сентября, на Лохтѣ, при спасательной станціи Петровскаго отдѣла Россійскаго Общества спасанія на водахъ, состоялось освященіе часовни во имя Божіей Матери—Утѣшительницы всѣхъ страждущихъ и горемъ опечаленныхъ.

— Въ виду лучшей регистраціи заразныхъ болѣзней, городская санитарная коммиссія разослала всѣмъ вообще врачамъ въ Петербургѣ особыя карточки, на которыхъ должно подробно означать каждый случай эпидемическаго заболѣванія. Эти карточки будутъ бесплатно доставляться по почтѣ въ коммиссію.

— Постоянная коммиссія по техническому образованію разрабатываетъ въ настоящее время проектъ школы для подготовки учениковъ-наборщиковъ. Въ школу проектируется принимать дѣтей въ возрастѣ 12—14 лѣтъ, окончившихъ курсъ въ начальной школѣ. Постоянная коммиссія предполагаетъ открыть новую школу еще въ наступающемъ учебномъ году.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Фритюфъ Нансенъ. В. Г. Бренера и Н. Рольфсена. Перев. А. и П. Ганзенъ.

Вышла первая часть біографіи Нансена, подробнаго описанія его путешествій, даже его шалостей и забавъ. Г. Ганзенъ перевелъ для насъ этотъ новый трудъ сѣверныхъ писателей. Прежде всего мы наткнемся на очень странную вѣнкетку, несомнѣнно норвежскаго происхожденія—бѣлый медвѣдь лѣзетъ на льдину, а его удерживаютъ не то руки, не то ноги гигантскаго размѣра, неизвѣстно кому принадлежащія. Вдали—какія-то звѣзды, какой-то занавѣсъ, какой-то корабль—не «Фрамъ-ли»?—словомъ, всего понемногу! Широковѣщательныя, напыщенные строки Бьернстерна-Бьерсона, помѣщенные подъ медвѣдемъ, совѣтуютъ норвежцамъ «слѣзться въ побѣдный мечъ сердца»... Затѣмъ десятки портретовъ Нансена и довольно скудныхъ свѣдѣній о его подвигахъ... Но зато о его любви къ танцамъ, о катаніи на лыжахъ—довольно матеріалу. Два довольно тощія выпуска (по 160 стр.—если судить по первому выпуску) стоятъ 2 руб. 50 коп., что нельзя назвать дешевою цѣною.

Культурно-историческая бібліотека. I. Пуритане и Стюарты, С. Р. Гардинера, II. Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XV. В. Эйри. Перев. съ англійскаго А. Каменскаго. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 75 к.

Извѣстный англійскій историкъ Гардинеръ изложилъ въ своемъ популярномъ сочиненіи свои взгляды на жгучую и богатую событиями эпоху англійской исторіи—столкновеніе Стюартовъ съ пуританизмомъ. Кромвель, Букингамъ, Карлъ I встаютъ передъ читателями живыми въ краткихъ и сильныхъ характеристикахъ. Нуженъ богатый талантъ историка, чтобы разбраться такъ умѣло въ безчисленныхъ группахъ разнообразныхъ историческихъ фактовъ, какъ это сдѣлалъ Гардинеръ. Сочиненіе Эйри, занимающее вторую половину прекраснаго и полезнаго изданія О. Н. Поповой, параллельно описываетъ событія того же времени во Франціи. Историкъ доходитъ до самой блестящей поры власти «абсолютнаго» короля Людовика XIV. Переводъ и все изданіе заслуживаютъ большой похвалы.

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ.

П. С. Ванновскій.—30-го августа текущаго года исполнилось тридцатилѣтіе службы въ генеральскихъ чинахъ военнаго министра, предсѣдателя военнаго совѣта, генераль-адъютанта генераль-отъ-инфантеріи Петра Семёновича Ванновскаго. Родился П. С. въ 1822 г., по окончаніи корпуса онъ участвовалъ въ венгерской кампаніи и въ кампаніи 1853 г. Быстро достигнувъ генеральскихъ чиновъ, П. С. былъ одно время директоромъ Павловскаго военнаго училища. Въ 1868 г. П. С. получилъ чинъ генераль-лейтенанта, въ 1876 г. былъ назначенъ командиромъ 12-го армейскаго корпуса. Въ русско-турецкую кампанію П. С. былъ начальникомъ штаба Рущукскаго отряда. Послѣ войны П. С. былъ временно кievскимъ, волынскимъ и подольскимъ генераль-губернаторомъ. Въ маѣ 1881 г. П. С. Ванновскій вступилъ на важный постъ военнаго министра, который и занимаетъ до сихъ поръ, выдѣляясь богатой опытностью и высокополезною дѣятельностью.

А. А. Скальковскій.—26-го августа исполнилось шестидесятилѣтіе служебной дѣятельности одесскаго сторожика Аполлона Александровича Скальковскаго. Юбиларъ состоитъ членомъ-корреспондентомъ Императорской академіи наукъ. Въ литературѣ онъ извѣстенъ какъ авторъ книги «Исторія новой Сѣчи или Коша Запорожскаго».

К. К. Сентъ-Илеръ.—1-го сентября, въ с.-петербургскомъ учительскомъ институтѣ чествовался директоръ института К. К. Сентъ-Илеръ, полезной педагогической дѣятельности котораго исполнилось сорокъ лѣтъ. Юбиларъ—сынъ учителя французскаго языка—родился въ Петербургѣ въ 1834 году.

НЕКРОЛОГИ.

Н. А. Неклюдовъ.—Въ почѣ на 1-е сентября скончался скоропостижно товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Николай Адриановичъ Неклюдовъ. Покойный принадлежалъ къ числу выдающихся общественныхъ и государственныхъ дѣателей. Это былъ талантливый ученый, блестящій профессоръ, человекъ съ живымъ умомъ и обширной эрудиціей. Въ первый періодъ дѣятельности мировыхъ учреждений Н. А. занималъ должность столичнаго мирового судьи въ одномъ изъ бойкихъ участковъ Петербурга (на Сѣнной). Въ качествѣ мирового судьи онъ приобрѣлъ почетную и заслуженную извѣстность среди населенія. Не переставая заниматься уголовнымъ правомъ, Н. А. написалъ нѣсколько сочиненій по своей специальности, которыя обратили на него вниманіе.

И. И. Сафоновъ.—22-го августа въ Кисловодскѣ скончался генераль-лейтенантъ Илья Ивановичъ Сафоновъ. По происхожденію терскій казакъ, И. И. Сафоновъ родился 20-го іюля 1825 г. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ поступилъ на военную службу, гдѣ и достигъ высокихъ степеней.

К. Ф. Галиндо.—28-го августа скончался тайный совѣтникъ Карлъ Федоровичъ Галиндо. По окончаніи въ 1850 году курса въ Гатчинскомъ институтѣ, покойный поступилъ на службу. Въ 1885 г. К. Ф. былъ назначенъ вице-директоромъ департамента Государственнаго казначейства, а черезъ 2 года, съ вступленіемъ въ управленіе министерствомъ финансовъ И. А. Вышнеградскаго, директоромъ этого же департамента. Разстроенное здо-

ровые заставило, однако, покойного искать болѣе легкой службы, и въ началѣ 1895 года онъ былъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ. Это былъ человекъ рѣдкой честности, доброты и доступности.

Тиражъ 2-го внутренняго съ выигр. займа 1866 г., произведенный 2 сентября 1896 г.

На основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 14 Февраля 1866 г. Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ 1866 г. и согласно утвержденнымъ Г. Министромъ финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 2-го сентября 1896 г. Совѣтомъ Банка, въ присутствіи депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской Городской Думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской Биржи, произведенъ публичный тиражъ погашенія билетовъ означеннаго займа.

НУМЕРА СЕРІЙ:

каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, съ № 1 по № 50-й включительно.

00104	03467	06851	09091	12609	15463	17493
00280	09530	06858	09327	12689	15548	17625
00391	03559	06866	09343	12700	15613	17705
00444	03589	06878	09397	12794	15690	17740
00471	03605	06892	09889	12797	15702	17805
00609	03663	06986	09954	12822	15710	17827
00746	03671	07038	09959	12975	15882	17885
00874	03834	07394	01177	13101	16240	17883
00957	03887	07486	01247	13186	16298	17892
01026	03923	07518	01258	13206	16312	18038
01056	03962	07559	01509	13248	16304	18081
01076	04174	07788	01742	13395	16336	18537
01152	04186	07945	01747	13510	16446	18843
01176	04435	07972	01945	13674	16505	18956
01515	04526	07990	01968	13772	16519	19016
01651	04790	08048	01080	14043	16618	19058
01652	04932	08205	01105	14124	16690	19108
01684	05059	08345	01479	14170	16752	19116
01848	05312	08379	01855	14198	16848	19197
01918	05653	08471	01885	14384	16862	19211
02012	05683	08476	01903	14445	16914	19419
02074	05787	08580	01945	14554	17028	19542
02075	06027	08648	02039	14771	17044	19744
02133	06179	08666	02045	14919	17098	19829
02386	06229	08667	02397	14990	17237	19863
02630	06243	08854	02470	15089	17283	19936
02873	06335	08873	02552	15255	17320	
03020	06391	08949	02568	15280	17339	
03324	06428	08967	02565	15281	17373	
03498	06518	08979	02591	15285	17444	

Всего 206 серій, составляющія 10,300 билетовъ, на сумму 1.339,000 руб.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 130 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го Декабря 1896 года въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Жертва науки. Еще въ древности стремились найти возможность передвигаться по воздуху при помощи крыльевъ, подобно птицѣ или даже мухѣ. Имя Икара извѣстно всѣмъ. Однако, за послѣднее столѣтіе, воздухоплаватели, обезкураженные неудачами, но не отказавшіеся отъ своей идеи, ограничивались только обсужденіями и рисунками, когда двановыхъ открытія снова возбудили ихъ надежды. Почти одновременно аэронавтъ Ланглей, на выставочномъ конгрессѣ въ Чикаго, доказалъ, что вѣтеръ не естъ равномѣрное съ болѣею или менѣею силою передвиженіе массы воздуха въ одномъ направленіи, а напротивъ, кнѣпліе, если можно такъ выразиться, воздушныхъ волнъ, почти безостановочно двигающихся по различнымъ направленіямъ, и въ обсерваторіи парка Принцевъ, г. Марей сообщили, что птицы ни въ какомъ случаѣ не представляютъ многочисленныхъ двигателей, могущихъ дѣйствовать противъ воздушныхъ теченій, но подобно бумажнымъ змѣямъ имѣютъ точкой опоры самый вѣтеръ и только наклоняютъ плоскость крыльевъ, чтобы пользоваться извѣстными толчками. Благодаря этимъ открытіямъ стремленія проблемы воздухоплавателей измѣнились. Требовалось найти такой двигатель, который обладалъ бы чрезвычайною легкостью и чрезвычайною силою, и въ то-же время могъ пользоваться, легко измѣняя положеніе своей поверхности, всѣми силами атмосферы. Извѣстный нѣмецкій инженеръ Отто Лилиенталь съ 1893 года занялся разрѣшеніемъ этой проблемы. Аппаратъ, придуманный имъ со-

стоялъ въ слѣдующемъ: онъ укрѣплялъ на своемъ тѣлѣ не хлопающія выгнутыя крылья которыя не гнулись; ихъ назначеніе было принимать толчки вѣтра. Крыльце имѣлось четыре, два верхнихъ и два нижнихъ, какъ у бабочекъ и такой-же приблизительно формы, какъ у нихъ. Они приготовлялись изъ тростника, и обтягивались полотномъ. Верхнія должны были служить парашютомъ; нижнія имѣли поверхность въ двадцать одинъ квадратный аршинъ, поддерживались металлическими проволоками и заканчивались высоко поднятымъ рулемъ, назначеннымъ поддерживать равновѣсіе всего аппарата. Воздухоплаватель виситъ между двумя нижними крыльями. Движеніемъ рукъ и ногъ онъ можетъ по желанію переставить центр тяжести аппарата, чтобы пользоваться переѣмами воздушныхъ теченій или, просто для слѣдованія по желанному пути.

Первые опыты были произведены въ Штиглицѣ близъ Берлина съ высоты искусственнаго холма, насыпаннаго для этой цѣли. Позднѣе Лилиенталь производилъ опыты въ Ринновѣ; и тѣ, и другіе были удачны. Опыты производились слѣдующимъ образомъ... Съ высоты своего холма Лилиенталь бросался на воздухъ и пройдя подъ вліяніемъ силы перваго толчка нѣсколько сотъ аршинъ въ длину, онъ медленню опускался надъ поверхностью земли и, слѣдуя за ея наклономъ плавно летѣлъ, подъ угломъ около шести градусовъ надъ горизонтомъ. Когда вѣтеръ свѣжѣлъ, воздухоплаватель поднимался, что доказываютъ минутныя фотографіи несомнѣнно, и высота полета его была даже выше точки отправленія. Опусканіе производилось легко, если аппаратъ спускался на землю подъ слабымъ уклономъ. Во время пути воздухоплаватель можетъ подниматься выше, измѣнивъ положеніе крыльевъ. Подъемъ происходитъ на счетъ скорости движенія впередъ. Въ этомъ аппаратѣ былъ одинъ недостатокъ, доказавшій несовершенство устройства гнѣзды самого Лилиенталья. Центр тяжести всего аппарата лежитъ единственно на тяжести тѣла воздухоплавателя, и если внезапный порывъ вѣтра перевернетъ воздухоплавателя, сильно раскачавъ его, крылья опрокинутся и представлятъ для спуска вертикальную поверхность. Парашютъ въ такомъ случаѣ теряетъ свое значеніе, и воздухоплаватель тяжело падаетъ вращательнымъ движеніемъ на землю и разбивается, что и случилось съ Отто Лилиенталемъ, въ его послѣдній подъемъ въ Голленбергъ; — онъ палъ жертвою не совершенства своего изобрѣтенія, хотя самый принципъ его системы воздухоплаванія остался неуязвимъ.

Цѣлыя общества ученыхъ и техникувъ существуютъ во многихъ странахъ Европы и Америки, поставившихъ себѣ цѣлю изучить движеніе по воздуху и въ особенности лѣтаніе на крыльяхъ. Въ декабрѣ 1895 г. сенатъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ ради усовершенствованія и развитія воздухоплаванія, издалъ билль, которымъ назначилъ награду въ 100,000 долларовъ тому изобрѣтателю, — американцу или чужестранцу, — представившему до 1901 года аппаратъ, который, въ присутствіи трехъ экспертовъ, назначенныхъ военнымъ министерствомъ опытами, произведенными въ Вашингтонѣ, или окрестностяхъ его, докажетъ возможность вполне безопаснаго воздухоплаванія, при скорости—минимумъ тридцать миль въ часъ, поднимая вѣсъ не менѣе четырехста фунтовъ, подразумѣвая путешественника и багажъ.

Другая награда въ 25,000 долларовъ обѣщана изобрѣтателю, который до 1-го января 1900 г. на такихъ-же условіяхъ представитъ аппаратъ, могущій свободно летать ко всѣмъ точкамъ компаса на разстояніи не менѣе мили, слѣдуя по нисходящей линіи. Спускъ не долженъ быть ниже шестидесяти шести футовъ отъ точки отправленія. Для приведенія аппарата въ движеніе не допускается никакой посторонней матеріаліи.

Изобрѣтеніе Лилиенталья почти отвѣчало этимъ требованіямъ, къ сожалѣнію роковая смерть изобрѣтателя доказала его небезопасность.

Дневная продолжительность солнечнаго свѣта. Какъ извѣстно, долгота дня въ данной мѣстности зависитъ отъ ея географической широты и положенія солнца на небѣ, но между этой продолжительностью

дня и дѣйствительною продолжительностью солнечнаго свѣта большая разницца. Облака и туманы на многіе часы закрываютъ солнце, и небезызвѣстно, что существуютъ мѣстности, въ которыхъ рѣдко можно разсчитывать на солнечное сіяніе, между тѣмъ, какъ въ другихъ, особенно въ южной Европѣ, небо надолго остается ясно. Въ новѣйшее время удалось устроить инструменты, которые автоматически день за день показываютъ и отмѣчаютъ дѣйствительную продолжительность солнечнаго сіянія. Профессоръ Кремзеръ собралъ полученный матеріалъ и даетъ интересный обзоръ, относящійся впрочемъ, только, къ европейскимъ странамъ. Хуже всего положеніе солнечнаго свѣта въ сѣверныхъ странахъ Европы, хотя оно и тамъ находится надъ горизонтомъ въ годовомъ день 12 часовъ среднихъ, какъ и на югѣ. Въ горной Шотландіи, напримѣръ, дѣйствительная продолжительность солнечнаго свѣта въ году не достигаетъ въ среднемъ 2 часовъ, а въ береговой Шотландіи около 3 часовъ. Въ Англіи 4¹/₂, въ Германіи 5, въ Франціи и Швейцаріи 6, Австріи 7 и Испаніи 8. Особенно сильное вліяніе имѣетъ дымъ фабрикъ и заводовъ на продолжительность солнечнаго свѣта, значительно увеличивая возможность образованія тумановъ.

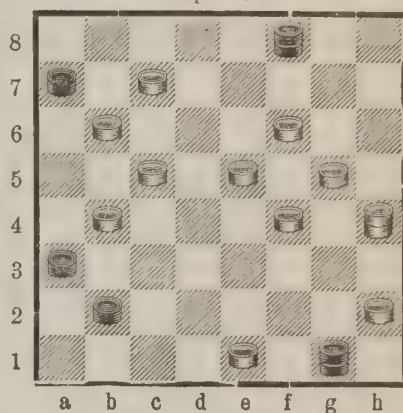
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 25.

Д. И. САРГИНА (въ Москвѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

ЗАПЕРЕТЬ ДАМКУ.

ЭТЮДЫ И ОКОНЧАНІЯ ПАРТІЙ

№ 11. Н. ПАНКРАТОВА.

Изъ „Шахматнаго Обозрѣнія“ 1892 г.

— d6, e1, h2.

— g7; — h6.

Выигрышъ.

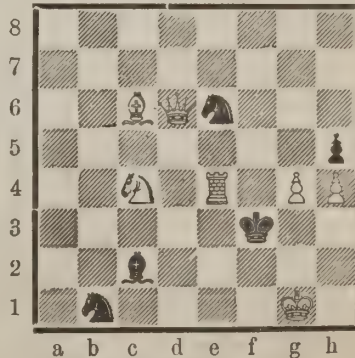
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 25.

А. В. ГАЛИЦКАГО (въ Спасскѣ).

Первый призъ на конкурсѣ „Шахматнаго Журнала“.

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 2 хода.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы новое изданіе романа

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

„ПОГРОМЪ“

Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп. Въ книгѣ 568 страницъ.

Предлагаемый романъ извѣстнаго талантливаго французскаго писателя полонъ самымъ живымъ интересомъ, гдѣ, между прочимъ, авторъ художественно знакомитъ читателя съ причинами и со всѣми ужасами вонныхъ дѣйствій, происшедшихъ опустошительнымъ ураганомъ по Франціи въ 1870—1871 годахъ.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Требованія исполняются съ первой почтой, но только при полученіи денегъ. Для удобства покупателей стоимость книги можетъ быть выслана почтовыми марками.

Складъ изданія при конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“
Невскій пр. у Аничкина моста, д. 68—40.

ПАМЯТЬ

„искусство укрѣпленія памяти“.

(Что такое мнемоника?)

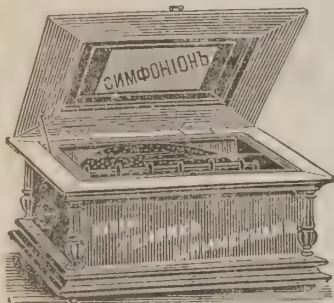
профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА и печатныя условія заочнаго (письменнаго) курса изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.) высылаются за шесть 7 коп. мар.: на веленовой бумагѣ вмѣстѣ съ условіями—за восемь 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогики, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую, и лучшей—у обладающихъ хорошей.

Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, военные, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безъ книгъ высылаются за одну 7 коп. марку). Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Сип-вица Ж. О. 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ) д. Бродскаго № 6 40, кв. 4-5-8, бель-этажъ. Профессоръ мнемоники членъ парижской академіи С. Файнштейнъ. № 2198—13

СИМФОНІОНЫ

Музыкальныя шкатулки съ пріятнѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ возможность играть по произволу пьесы, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручкой безъ нотъ	5 —
Ноты по	25 —
Заводной безъ нотъ	10 —
Ноты по	25 —
Заводной 60-тонный безъ нотъ	28 —
Ноты по	50 —
Заводной 84-тонный безъ нотъ	40 —
Ноты по	60 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	70 —
Ноты по	80 —
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie Piccolo	10 —
Ноты по	1 —

НОВЫЙ: Часы съ музыкой. Солидные часы, разъ въ день заведенные, играютъ сами черезъ каждый часъ выбраннаго по произволу пьесы. Въ случаѣ желанія—играть,

когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.

Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.

Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. № 805-37

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 84 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ:

Въ Главной Конторѣ журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ имѣются для продажи изящные переплеты для журнала за 1895 и 1896 годъ изъ англійскаго цвѣтнаго шагреневаго колѣнкора, тисненныя золотомъ.

Цѣна за годовой переплетъ—1 р. 25 коп.

За пересылку переплета цѣнной посылкою уплачивается на мѣстѣ полученія по наложенному платежу.

Требованія просимъ адресовать: въ главную контору журнала „Живописное Обозрѣніе“, С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 68—40.

Поступили въ продажу, въ небольшомъ количествѣ, полные годовые экземпляры журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, за прошлые года, а именно: за 1885, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 гг.

Цѣна за годовой экземпляръ—4 рубля.

Комплекты журнала за 1895 годъ—6 рублей.

За пересылку заказными бандеролями или посылкою (смотря по разстоянію), уплачивается на мѣстѣ полученія комплектовъ по наложенному платежу.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВСТЬ

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ

РУССКИХЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ И ПИСАТЕЛЕЙ.

Давно ощущается потребность среди интеллигентнаго класса, въ особенности проживающаго въ провинціи, имѣть бюсты государственныхъ дѣятелей, или нѣкоторыхъ любимыхъ русскихъ писателей въ художественномъ выполненіи. Между тѣмъ очень высокая цѣна за металлическіе бюсты (отъ 25 до 50 руб. за экземпляръ), находящіеся въ продажѣ въ столицахъ, большинству совершенно недоступна; рыночныя же издѣлія подобнаго рода отличаются небрежной работой и, кромѣ того, будучи сдѣланы изъ дешеваго алебаstra, крайне непрочны и хрупки.

Въ виду этого, желая дать возможность любителямъ изящества имѣть прочные металлическіе бюсты въ художественномъ выполненіи и притомъ за баснословно дешевую цѣну,—мы приступили къ изготовленію художественно выполненныхъ бюстовъ изъ легкаго металла одинаковой прочности и вида дорогой бронзы—воспроизведенными извѣстными скульпторами—художниками Императорской Академіи Художествъ Р. Бакъ и друг. Лестные отзывы періодической печати о художественномъ выполненіи бюстовъ—служатъ лучшей рекомендаціей.

Первая коллекція состоитъ изъ 10 бюстовъ, а именно:

- 1) Е. И. В. Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III (въ Бозѣ почившій).
- 2) Е. И. В. Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.
- 3) Е. И. В. Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II (въ Бозѣ почившій).

ПИСАТЕЛИ:

- 4) А. С. ПУШКИНЪ.—5) М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.—6) И. С. ТУРГЕНЕВЪ.—7) Н. В. ГОГОЛЬ.—8) Ф. ДОСТОЕВСКІЙ.—9) Графъ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

10) ПРОТОІЕРЕИ О. ІОАННЪ КРОНШТАДСКІЙ.

Цѣна за металлическій бюстъ большого формата, на выборъ, для годовыхъ подписчиковъ 4 р. Для неподписчиковъ ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

Въ виду большого спроса металлическихъ бюстовъ ПРОТОІЕРЕЯ ОТ. ІОАННА СЕРГІЕВА (КРОНШТАДСКАГО) изготовлены бюсты малаго формата.

Цѣна для подписчиковъ 2 р. 50 к. Для неподписчиковъ 3 рубля.

Цѣны за металлические бюсты показаны безъ пересылки.

Бюсты высылаются только по полученіи сполна денегъ при заказѣ. За доставку уплачивается на мѣстѣ полученія бюста.

Контора: Спб. Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться писемно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ, —5 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Въ конторѣ журнала „Живоп. Обозр.“ (Спб., Невскій, д. 68—40) продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ А. Михайлова.

Цѣна 1 руб.

ИЗВѢСТНОЕ БѢЛЬЕ

Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворныя Поставщиковы

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ

изящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штукъ только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой несприятностей. После употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усиленномъ потѣнн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ и холостяковъ. Ниже именованные представители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.

Танфани и Штейдль, Москва. Карлъ Шиммель, Садовая 18, С.-Петербургъ. Максъ Тишбейнъ, Рига. Фабіанъ Клингсландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

№ 37 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2½ листовъ съ 10-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) «Еженедѣльная хроника» № 37-й.

Кромѣ того, при этомъ номерѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылается еженѣднечное литературное приложеніе—девятая книга «Домашней Библіотеки» (за сентябрь 1896 г.).

Дозволено цензурою. Спб., 6 сентября 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

со всіми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»:
НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. Заграницу на годъ 13 р.
Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургѣ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

«Веселый мотивъ.» Съ акварели художника Л. Лангенмангеля.

Меня не тѣшитъ красота,
Я чаще гордо негодую,
И какъ цвѣтокъ къ лучу—уста
Ужъ не клоню я къ поцѣлю.

* * *

Я равнодушенъ; я ослѣпъ.
Добра отъ зла не различаю
И міръ передо мною—склепъ,
А не ступень отъ рая къ раю!

* * *

Игра страстей, борьба тревогъ,
Меня не радуетъ огнь и нѣ;
На небесахъ исчезъ мой богъ,
Проснулся демонъ мой—въ пучинѣ!

* * *

Отвыкнувъ медленно отъ слезъ,
Я хохотать не научился
И, разлюбивъ сіянье грезъ,—
Отъ мрака жизни отрѣшился!

Н. Фофановъ.

ИТОГИ ЛѢТА.

(Продолженіе).

VI.

ИРИНА Львовна проснулась поздно; было уже восемь часовъ утра, и ясное осеннее утро весело заглядывало въ ея комнату. «Опять проспала,—подумала она съ улыбкой,—обѣщала Гремихину встать въ семь часовъ и проспала!» Она быстро поднялась съ постели и поспѣшно стала умываться, нажимая сильно ножкой на мѣдную педаль мраморнаго умывальника. Вскорѣ она, одѣтая, умытая и веселая, легкой походкой направилась въ кабинетъ отца, чтобы поздороваться съ нимъ, какъ это она дѣлала каждое утро. Левъ Михайловичъ сидѣлъ въ креслѣ за маленькимъ столикомъ, читая газету и прихлебывая чай изъ большой фарфоровой кружки. Утренній чай онъ всегда пилъ въ кабинетѣ. Увидѣвъ дочь, онъ отвелъ на минуту глаза отъ газеты и подставилъ ей свою голову. Ирина Львовна поцѣловала его еще молодой лобъ. Старикъ снова углубился въ газету. Югорская постояла за его спиной, положивъ къ нему на плечи свои руки. Затѣмъ она подошла къ его письменному столу, гдѣ лежалъ раскрытый томикъ стихотвореній Фета. Внезапно она загадала: «Любитъ-ли меня Гремихинъ?» и однимъ движеніемъ пальца перевернуть нѣсколько листиковъ, она прочла первыя двѣ строки лѣвой страницы:

Жду я тревогой объять,
Жду я на самомъ пути...

«И вовсе не тревогой объять»,—сказала она самой себѣ.

— Ты хочешь что-нибудь сказать мнѣ?—спросилъ ее Запастьевъ.

— О, нѣтъ, папа,—отвѣчала Югорская, и внезапная краска залила все ея лицо.

И тою же легкой походкой она вышла изъ кабинета. Когда она вошла въ столовую, всѣ гости уже сидѣли за чайнымъ столомъ. Маргарита Оттоновна исполняла роль хозяйки. Черезъ полчаса вся компанія въ трехъ экипажахъ уже ѣхала на охоту въ дачу Гремихина. Когда экипажи среди ясной тишины осенняго утра подѣхали къ лѣсу, два охотника Гремихина уже стояли на опушкѣ у осѣдланыхъ лошадей съ восемью смычками гончихъ. Одинъ изъ псарей былъ тотъ самый плясунъ и запѣвало съ высоко подобраннымъ затылкомъ, который такъ мастерски отплясывалъ наканунѣ. Тутъ же

рядомъ съ псарями стояла телѣга, что-то въ родѣ нѣмецкаго фургона, запряженная парой въ дышло. Здѣсь были привезены ружья, патроны и провизія для завтрака. Гремихинъ занялся раздачею оружія. Гончія нетерпѣливо позѣвывали и потягивались, выгибая спины. Наконецъ, среди общаго хохота, оружіе было разобрано; даже Серафима Веняминовна взяла себѣ легонькій, какъ игрушечка, карабинъ Монтекрисето. Только Маргарита Оттоновна отказалась отъ оружія. И тогда Гремихинъ, отозвавъ ее въ сторону, просилъ дѣвушку взять на себя слѣдующую роль. Во все время охоты она должна находиться около Кукуева, и когда гонъ достаточно приблизится къ нему, она будетъ каждый разъ кричать: «Ау, Евтихій Васильевичъ!» отпугивая такимъ образомъ отъ него звѣя.

— Кукушечка жаденъ и любитъ застрѣлить много,—съ хохотомъ пояснялъ Гремихинъ,—такъ вотъ пусть не жадничаетъ!

Псаря исчезли вмѣстѣ съ собаками. Ирина Львовна двинулась впередъ, сопровождаемая Гремихинымъ. Она шла, оживленная и веселая, узкой простѣкой, обсаженной ровными, какъ одностѣлки, березками и наконецъ вышла на большую поляну, всю сіявшую подъ лучами солнца.

— Станемте здѣсь,—проговорилъ Гремихинъ, останавливаясь у одинокой березы.

Онъ говорилъ шопотомъ и при ходьбѣ какъ-то особенно осторожно ставилъ ноги. Острое и жуткое чувство настороженности, такъ хорошо знакомое охотникамъ, постепенно овладевало имъ и сообщалось даже Иринѣ Львовнѣ.

— Какъ нужно держать ружье?—шопотомъ-же спросила его Ирина Львовна, указывая на свою легонькую двухстволку, съ которой Гремихинъ охотился, когда ему было двѣнадцать лѣтъ. Гремихинъ осторожно приклонилъ свое ружье къ стволу березы и, взявъ изъ рукъ Югорской двухстволку, показалъ ей, какъ надо цѣлиться и спускать курокъ. Ирина Львовна смотрѣла, внимательная и возбужденная. Ясное осеннее утро обвѣвало ее всю съ головы до ногъ и сообщало ея членамъ гибкость и упругость.

Ей было весело и хорошо сознавать себя молодой и сильной среди этого молодого

лѣса, съ наслажденіемъ, какъ ей казалось, допивавшаго чашу лѣтнихъ благъ. Она стояла рядомъ съ Гремихинымъ, притихшая и полная яснымъ и молодымъ счастьемъ. Порою ей казалось, что чувство неизъяснимаго блаженства, переполняющее ее, сообщено и молодой березкѣ, и порхающей синицѣ, и небу, и землѣ, и всему до послѣдней былинки. Она чувствовала въ себѣ какъ-бы незримую связь со всемъ этимъ міромъ, и ей было весело и хорошо сознавать это.

«Это радость жизни,—думала она,—разлитая повсюду между небомъ и землей и доступная всемъ и каждому. Боже, какъ хороша жизнь!»

Гремихинъ стоялъ рядомъ съ ней, весь превратившись въ слухъ съ напряженнымъ лицомъ. Короткіе пальцы его руки крѣпко стискивали блестящіе стволы двухстволки.

— Глѣбъ Николаичъ,—прошептала Ирина Львовна, полная блаженства и будучи не въ силахъ не подѣлиться этимъ чувствомъ хоть съ кѣмъ-нибудь.

— Глѣбъ Николаичъ,—повторила она, сіяя влажными глазами.

Гремихинъ повернулъ къ ней настороженное и поблѣднѣвшее лицо и безшумнымъ жестомъ охотника поднесъ указательный палецъ къ губамъ.

— Тсс!

И Ирина Львовна въ ту же минуту услышала отрывистый и отдаленный лай.

— Это Громило по русаку,—прошептала Гремихинъ. Почему Громило по русаку, Ирина Львовна не знала, но все, что ни дѣлалось въ эту минуту, нравилось ей до головокруженія.

«Все это хорошо, все это очень хорошо», думала она. И въ тотъ-же моментъ по лѣсу громко щелкнулъ арапникъ псаря.

— А-та-та-та,—раскатилось его изступленное улюлюканье, и прежде чѣмъ Ирина Львовна успѣла сообразить, что все это значитъ, шестнадцать гончихъ потокомъ слились въ дикій хоръ.

— А-та-та-та,—ревѣлъ псарь.

Гончія заливались во всю силу своихъ легкихъ. Весь лѣсъ былъ полонъ этими дикими звуками. Лай Громилы, походившій на испуганное вскрикиванье, рѣзко выдѣлялся изъ стаи.

Одна очевидно молодая выжловка точно рыдала; порою ей захватывало судорогою горло, и она начинала хрипѣть. Рѣдкое, басистое и злобное тивканье Трубача замыкало хоръ. Онъ былъ старъ, шелъ въ хвостѣ стаи, и это злило его. Въ звукахъ его голоса ясно сказывался бывший вожакъ.

«Улю-лю! Трубачушка, улю-лю, улю-лю!» — мысленно кричалъ Гремихинъ. Онъ слышалъ по голосу, какъ три молодыхъ выжлеца, то заливаясь дискантами, то внезапно переходя на басъ, обогнали съ молодымъ рвеніемъ стаю и пошли въ головѣ. И Гремихинъ съ дрожью въ ногахъ думалъ: «Не спѣшите, голуби, сколитесь, ребятишки! Трубачушка, поддержи младенцевъ!»

— Евтихій Васильевичъ, а! развеселось по лѣсу. Это Маргарита Оттоновна отпугивала отъ Кукуева звѣря.

Гонъ былъ уже рядомъ; ревъ разгоряченной гонимъ стаи звенѣлъ въ вершинахъ деревьевъ и отдавался сбоку въ руслѣ невидимаго оврага.

— Берегите русака, — прошепталъ весь блѣдный Гремихинъ.

И прежде чѣмъ Ирина Львовна успѣла поднять ружье, она увидѣла русака. Весь собравшись въ комокъ и приложивъ къ выгнутой спинѣ длинные уши, онъ бѣжалъ прямо на нихъ, высоко вскидывая заднія ноги.

— Да стрѣляйте-же, наконецъ, — сердито крикнула Ирина Львовна Гремихину и съ трудомъ перевела дыханіе. Тотъ вскинулъ ружье; шелкнулъ ыстрѣлъ, и русакъ, кувыркаясь черезъ голову, подкатился чуть не къ самымъ ногамъ Гремихина.

Охота продолжалась снова, но ни Гремихинъ, ни Ирина Львовна не увлекались болѣе ею.

Глѣбъ Николаевичъ, разсѣянно придерживая ружье, все разглядывалъ свою сосѣдку. Она стояла, щедро освѣщенная солнцемъ, въ черной шевіотовой кофточкѣ съ большими перламутровыми пуговицами, вся тоненькая и изысканная. Маленькая черная же съ желтой отдѣлкой шляпка красиво сидѣла на ея хорошенкой головкѣ. И Гремихину все нравилось въ ней: и она сама, и ея кофточка и ея застегнутые съ боку ботинки, и ея немѣнные держать ружье. «Было время», думалъ, онъ, «когда я даже не считалъ ее хорошенкой и въ шутку называлъ японской императрицей!»

— Ирина Львовна! внезапно позвалъ онъ.

— Что вамъ? — Югорская обернулась къ нему и вдругъ по его поблѣднѣвшему лицу по особенному выраженію его глазъ, догадалась о томъ, что онъ хочетъ сказать ей. И вся испуганная и встревоженная, она быстро пошла прочь, точно боясь погони.

— Ирина Львовна, Ирина Львовна, — какъ потерянный, шепталъ Гремихинъ.

Въ этотъ моментъ охотничій рогъ Бутырцева позвалъ всѣхъ къ завтраку.

VII.

Кукуевъ и Серафима Веняминовна возвращались съ охоты въ одномъ экипажѣ. Пигасъ Пигасычъ ѣхалъ вмѣстѣ съ остальными и, пользуясь его отсутствіемъ, Кукуевъ заговорилъ на свою любимую тему о томъ какъ-бы было хорошо, если бы ихъ имѣнія соединить воедино.

— Это было-бы весьма выгодно, весьма-съ говорилъ онъ, — вѣдь вы теперь получаете отъ трехъ до трехъ съ половиной тысячъ?

Серафима Веняминовна утвердительно кивнула головой.

— А тогда, — продолжалъ Кукуевъ, вы получали-бы на тысячу рублей болѣе, и мои доходы возросли бы приблизительно на эту-же сумму. Да кромѣ того при мельницѣ можно было-бы устроить масленку. Льняными выжимками прекрасно откармливать свиней, а это-съ опять въ карманъ. Да-съ! — Кукуевъ вздохнулъ и погладилъ свои бакенбарды.

— А содержаніе одной усадьбы вмѣсто двухъ? На этомъ каждый изъ насъ опять-таки положить въ карманъ рублей пятьсотъ. Возьмите самый пустякъ. Я даю кучеру свѣчку въ фонарь, и вы даете кучеру свѣчку, итого двѣ свѣчки, а при совмѣстной жизни потребуется одна свѣча. Это, конечно, пустякъ, но опять-таки въ карманъ а не изъ кармана. Одинъ кучеръ, одна кухарка, одинъ дворникъ. Какъ ни вертите, обоюднo мы выиграемъ всѣмъ этимъ три тысячи въ годъ. Въ десять лѣтъ это ужъ составитъ тридцать тысячъ. Вѣдь это опять имѣнье-съ!

Кукуевъ опять помолчалъ и погладилъ бакенбарды.

— Я не молодъ, Серафима Веняминовна, мнѣ пятьдесятъ два года, но вѣдь и вы не дѣвочка. Я не красавецъ, но и не уродъ. Я не вѣтренникъ, не шалопай, не картежникъ. Наши имѣнья смежны, однимъ словомъ, мы люди подходящіе другъ къ другу, межа къ межѣ, то-есть, я хотѣлъ сказать, вполнѣ. Серафима Веняминовна, смѣю-ли предложить вамъ руку и сердце?

Курбетова молчала; ея коричневые бантики трепетали, какъ мотыльки, на плечахъ, карманахъ и талии.

— Подумайте хорошенько, — продолжалъ Евтихій Васильичъ, — вѣдь вы выиграете черезъ это ровно полторы тысячи въ годъ. Я не скрываюсь и не лицебрю, я не могу пылать вулканическими страстями, но я расцѣлываю, аккуратень и могу быть хорошимъ мужемъ. Смѣю-ли я рассчитывать на ваше согласіе?

Серафима Веняминовна молчала. Только экипажъ мягко постукивалъ рессорами. Кукуевъ покосился на нее.

— Можетъ быть, васъ смущаетъ, того этого-съ? Однимъ словомъ, можетъ быть, вы думаете, что я потребую удаленія Пигаса Пигасыча? Но, Серафима Веняминовна, ревность намъ съ вами не къ лицу. Онъ можетъ управлять вашимъ имѣньемъ и послѣ замужества вашего, но только на водяную мельницу, которую я намѣреваюсь построить, туда, атанде-съ, туда я его не пущу!

— А на мельницѣ, — продолжалъ, косясь на Серафиму Веняминовну Кукуевъ, — можно будетъ устроить водяную молотилку. Вы вѣдь теперь лошадыми молотите?

— Лошадьми, — отвѣчала Серафима Веняминовна, потупляя глаза.

— Ну, вотъ то-то и есть, что лошадыми, — продолжалъ Кукуевъ, — а что такое лошадь? Сегодня есть, а завтра сдохла. А вода-съ никогда не сдохнетъ! Такъ принимаете-ли вы мое предложеніе?

— Лошадьми, — машинально повторила Серафима Веняминовна и тотчасъ же добавила: — Я согласна.

Кукуевъ нагнулся и, почтительно приподнявъ шляпу, поцѣловалъ ея руку.

— Такъ я буду торговать для мельницы лѣсъ, — добавилъ онъ.

VIII.

Прошла цѣлая недѣля. Ирина Львовна ходила по саду съ закрытой книгой въ ру-

кахъ. Она скучала, а между тѣмъ читать ей не хотѣлось. И она безцѣльно бродила по садовымъ дорожкамъ, усыпаннымъ желтымъ листомъ. День былъ ясный и солнечный, но отъ земли уже вѣяло осенней сыростью, и въ воздухѣ пахло затхлымъ запахомъ гниющихъ листьевъ. На вѣткахъ безрезъ монотонно посвистывали синички. «Ну, чтобы не пріѣхать Бутырцеву», — думала Ирина Львовна, — «или... или хотя бы Гремихину!» Она раскрывала на минуту книгу, но снова закрывала ее. Чувство скуки все болѣе и болѣе овлаждало ею. Она хотѣла было идти къ Маргаритѣ Оттоновнѣ, но вспомнила, что дѣвушки нѣтъ дома. Она уѣхала погостить къ одному семейному нѣмцу, сосѣду-арендатору, у котораго была дочь въ ея лѣтахъ. Наконецъ, Ирина Львовна надумала прокатиться въ шарабанѣ. Но едва она отъѣхала отъ крыльца, какъ въ ворота усадьбы верхомъ вѣхалъ Бутырцевъ.

— Я въ лѣсъ на пчельникъ, а вы къ намъ? — спросила его Ирина Львовна, натягивая пунцовыя возжи и останавливая лошадь.

— Я къ вамъ, — говорилъ Бутырцевъ, хлопывая хлыстомъ по лакированнымъ голенищамъ сапогъ, вчера еще собирався, да дѣла задержали.

— Ёдемте вмѣстѣ. Садитесь въ мой шарабанъ, — приглашала его Ирина Львовна, — на пчельникъ дѣдушка Андрианъ накормитъ насъ великолѣпнымъ медомъ!

Бутырцевъ отдалъ свою лошадь конюху и пересѣлъ въ шарабанъ. Лошадь рванулась впередъ, натягивая возжи. Шарабанъ плавно покатился по мягкой полевой дорогѣ. Въ полѣ на межѣ Ирина Львовна и Бутырцевъ увидѣли верхового. Тотъ стоялъ точно на караулѣ и, увидѣвъ ихъ, круто повернулъ лошадь и, вытянувъ ее арапникомъ, во весь духъ понесся полемъ. Ирина Львовна какъ будто признала въ немъ того самаго Гремихинскаго псая, который такъ молодецки плясалъ на проводахъ лѣта. Но она не придала этому никакого значенія.

— Знаете новость, — говорилъ ей Бутырцевъ, — Кукуевъ женится на Серафимѣ Веняминовнѣ. Вчера пріѣзжалъ ко мнѣ покупать лѣсъ и разоткровенничался. Хочетъ строить мельницу, какъ разъ на межѣ съ имѣньемъ Курбетовой. Ужасно влюбленъ въ эту мельницу!

Югорская улыбнулась.

— Помните наши прогулки лѣтомъ подъ горою около часовенки? — спросилъ ее Бутырцевъ, когда они уже вѣхали въ лѣсъ, сильно ихъ опавшій запахомъ грибовъ и сырости.

— Помню, — отвѣчала Югорская.

И она подумала: «Нѣтъ, Бутырцевъ мнѣ нравится, положительно нравится. Онъ очень хорошій человекъ, и папа не даромъ всегда хвалитъ его. А главное, съ нимъ такъ покойно, такъ покойно!»

— Какъ же, помню, — повторила она.

— Я написалъ въ память этихъ прогулокъ стихотвореніе, — продолжалъ Бутырцевъ, — можетъ быть, вы прослушаете его?

— Прочтите! Югорская приготовилась слушать и, придерживая лошадь, пвстила ее шагомъ.

Бутырцевъ повернулся къ ней и прочиталъ:

— Ты помнишь горячее лѣто,
Въ долинахъ удушливый зной?
Спасая отъ блеска и свѣта,
Я зонтикъ раскрывалъ надъ тобой.

СЪ НОВОЙ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА Ю. Ю. КЛЕВЕРА.
(ПРАВДА НА ВОСПРОИЗВЕДЕНИИ СОСТАВЛЯЕТЪ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЮ СОВѢСТНОСТЬЪ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“).

ЛУННАЯ НОЧЬ.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 1896 ГОДА.

(Право на воспроизведеііе составляетъ исключительную собственность журнала „Живописное Обозрѣііе“).

«Что-то изъ него будетъ?» Съ картины художника М. Малышева.

Ты помнишь лѣниво журчавшій
Источникъ у ската горы,
Въ часовенькѣ образъ слинявшій
И ковль изъ древесной коры?
Какъ весело небо сіяло,
Какъ жадно ты воду пила!
И какъ ты глядѣла устало,
И какъ ты прекрасна была!

Онъ окончилъ стихотвореніе восторжен-
нымъ голосомъ и замолчалъ, какъ-бы отъ
волненія. Ирина Львовна сидѣла, слегка по-
тупившись. «Онъ очень милый человекъ,
этотъ Бутырцевъ»,—увѣряла она себя.

— Нравится-ли вамъ это стихотвореніе?
Что же вы ничего мнѣ не скажете?—спра-
шивала ее Бутырцевъ.

— Оно мнѣ очень и очень нравится,—
отвѣчала Югорская.

Она опять подумала и повторила:

— Да, оно мнѣ очень нравится!

Когда она задумывалась, ея тонкія брови при-
поднимались вверхъ, и она дѣлалась похожей
на отца. И это очень нравилось Бутырцеву.

— И какъ ты прекрасна была!— повто-
рилъ онъ.

Они были уже у пчельника. Бутырцевъ
соскочилъ съ шарабана и привязалъ лошадь
къ старой яблонѣ. Ирина Львовна медленно
слѣзала, опираясь на руку Бутырцева. Пчельникъ
стоялъ среди лѣса на небольшой
полянкѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ поко-
сившейся на бокъ пзбенки съ соломенной
крышей въ неглубокой выбоинѣ журчалъ
ручей. Онъ былъ изъ подъ обросшаго мо-
хомъ камня, змѣился по дну выбоины и, вы-
ливаясь на поляну, образовывалъ лужу, по-
крытую ржавыми пятнами. Ирина Львовна
увѣряла, что источникъ этотъ цѣлбный, и
что вода его содержитъ массу желѣза. Во-
кругъ источника стояло нѣсколько десятковъ
поздравательныхъ пеньковъ, крытыхъ шалашемъ,
точно маленькія хижины поселенія лили-
путовъ. Среди нихъ, какъ своеобразный па-
мятникъ, торчалъ высокій шестъ съ кон-
скимъ черепомъ на верхушкѣ.

— Дѣдушка Андрианъ, дѣдушка Анд-
рианъ,—кричала Ирина Львовна, постукивая
изъ крошечное оконце хаты.

Но отклика не было, и она, сопровождае-
мая Бутырцевымъ, вошла въ хату. Тамъ
было чисто и уютно. Пахло медомъ, ржа-
вымъ хлѣбомъ и мятой, засушенные и акку-
ратно связанные пучки которой висѣли тамъ
и сямъ по стѣнкамъ. Эту траву дѣдушка
Андрианъ кипятилъ въ чайникѣ и пилъ всю
зиму, называя заячьимъ чаемъ.

— Дѣдушки Андриана нѣтъ,—говорила
Ирина Львовна, присаживаясь подъ образана
лавку,—должно быть, онъ ушелъ на село къ
внуку.

Бутырцевъ стоялъ, оглядывая стѣны хаты,
и думалъ: — «Вотъ удобный моментъ объяс-
ниться. Это судьба!»—Но онъ почему-то мед-
лилъ. Наконецъ, онъ твердо рѣшился при-
ступить къ объясненію и подошелъ на лавку
къ Ирине Львовнѣ. «Я давно намѣревался
поговорить съ вами, обожаемая Ирина Льво-
вна»,—мысленно округлялъ онъ фразу, но въ
эту минуту подъ окнами хаты затараторилъ
веселый перезвонъ бубенчиковъ, и прежде
чѣмъ Ирина Львовна и Бутырцевъ успѣли
сообразить, что все это значитъ, въ лѣсную
хатку, какъ черный шаръ, вкатился Гремихинъ.
Онъ былъ блѣденъ и взволнованъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете,—крикнулъ онъ
Бутырцеву,—ваша усадьба горитъ!

Дмитрій Сергѣичъ вскочилъ съ лавки, весь
блѣдный и пораженный.

— Ваша усадьба горитъ,—говорилъ ему
Гремихинъ,—я скакалъ къ вамъ, сломя го-
лову. Мой охотникъ видѣлъ, что вы проѣхали
сюда съ Ириной Львовной. Садитесь на мою
тройку и скачите домой!

Бутырцевъ побѣжалъ мимо Гремихина.

— Когда загорѣлось?—спрашивалъ онъ.

— Скачите, скачите,—говорилъ вмѣсто
отвѣта Гремихинъ.

Ирина Львовна сидѣла на лавкѣ, поражен-
ная. «Какое несчастіе, какое несчастіе!»—
думала она.

— Когда загорѣлось?—какъ потерянный,
спрашивала Бутырцевъ кучера, усаживаясь
въ экипажъ Гремихина.

Тотъ, вмѣсто отвѣта, стегнулъ тройку.

— Карьеромъ,—крикнулъ ему Гремихинъ,
картая букву р.

И онъ вошелъ въ лѣсную хату. Ирина
Львовна сидѣла на лавкѣ, поблѣднѣвшая и
взволнованная. Увидѣвъ ее, Гремихинъ оста-
новился изъ дверей и поблѣднѣлъ.

— Ирина Львовна, я люблю васъ,—съ тру-
домъ выговорилъ онъ.

Югорская приподнялась и снова опусти-
лась на лавку. —Ирина Львовна, я люблю
васъ,—повторялъ Гремихинъ.

Его лицо выражало страданіе.

— Когда загорѣлась усадьба Бутырцева?—
прошептала Югорская и подумала: «Боже
мой, какъ страшно, какъ страшно!»

Гремихинъ досадливо махнулъ рукою.

— Ахъ, никогда она не загоралась, я на-
галь ему о пожарѣ, чтобы выслатъ его
стсюда.

Югорская глядѣла въ его глаза.

— Откуда-же вы узнали, что онъ со мною
на пчельникѣ?

Гремихинъ опять махнулъ рукою.

— Ахъ, все это пустяки. Мой псарь сто-
ялъ на караулѣ у вашей усадьбы. Онъ уви-
дѣлъ, какъ вы проѣхали, и сказалъ мнѣ.

Югорская вспомнила верхового на межѣ.

— И вамъ не стыдно лгать и развѣсывать
шпіоновъ?

Гремихинъ пожалъ плечами.

— Ирина Львовна, я люблю васъ.

Ирина Львовна приподнялась на лавкѣ.
Она блѣднѣла все больше и больше.

— Я уже слышала это,—проговорила она
и добавила:—Блѣдный Бутырцевъ, за что вы
его такъ напугали?

— Если бы я былъ съ вами,—сказалъ Гре-
михинъ,—а Бутырцевъ прибѣжалъ-бы сюда
и сказалъ, что горитъ моя усадьба, я бы не
ушелъ отъ васъ.

— Будто?—прошептала Югорская съ злой
усмѣшкой и стала бить себя по рукѣ желтой
перчаткой.—Будто? Будто?—повторяла она,
сердясь.

— Вы безъ сердца, безъ сердца,—прого-
ворилъ, картавя, Гремихинъ.

Югорская быстро прошла мимо него вонъ
изъ хаты. У самого шарабана Гремихинъ
поймалъ ее за руку.

— Я не выпущу васъ такъ,—крикнулъ
онъ,—Ирина Львовна, я люблю васъ.

Югорская видѣла, какъ дрожали его губы
подъ курчавыми усами. «Чего я злюсь? Чего
я злюсь?»—думала она, чувствуя желаніе
ударить его по лицу перчаткой. «Неужели
это любовь?»—Она поспѣшно прыгнула въ
шарабанъ и ударила лошадь пунцовою
возжею.

— Эхъ, участь наша каторжная,—прого-
ворилъ Гремихинъ и съ силой швырнулъ на
землю фуражку.

Югорская возвратилась къ себѣ, взволно-

ванная и потрясенная. «Зачѣмъ я была такъ
зла съ нимъ?»—думала она о Гремихинѣ. И
цѣлый день она бродила разсѣянная и за-
думчивая. За обѣдомъ она нѣсколько разъ
не разслышала вопросовъ отца и отвѣчала
совѣмъ не впопадъ.

«Да, она или нездорова, или влюблена»,—
думалъ о ней Левъ Михайловичъ.

За вечернимъ чаемъ онъ все время внима-
тельно слѣдилъ за нею и, встрѣчая его лю-
бящій взоръ, дочь конфузилась и потупляла
глаза.

На сонъ грядущій она поцѣловала его
особенно нѣжно и, простившись, еще долго
сидѣла въ его кабинетѣ. Въ концѣ концовъ
она даже развеселилась, шутила и все при-
ставала къ отцу:

— Палочка, расскажите, что вы чувство-
вали, когда влюбились въ мамочку?

Когда она раздѣвалась, чтобы ложиться
спать, въ ея ушахъ все время звучалъ го-
лосъ Гремихина: «Ирина Львовна, я люблю
васъ».

И она повторила, картавя такъ же, какъ
и онъ:

— Ирина Львовна, я люблю васъ.

Юркнувъ подъ одѣяло, она внезапно вздох-
нула, покачала головой и съ блестящими
глазами прошептала, какъ-бы обращаясь къ
кому-то:

— Прощай мой покой!

«Такъ вотъ за что я злилась на него»,—
думала она, засыпая, о Гремихинѣ. — «За
то, что онъ пришелъ и лишилъ меня покоя!»

IX.

Двадцатаго октября при градусѣ мороза
выпалъ обильный снѣгъ, и, хотя рѣки не
стали, установился санный путь. Ирина
Львовна очень обрадовалась снѣгу, такъ какъ
последнее время стояла такая непогода и
распутица, что изъ дому нельзя было пока-
зать носа. И Ирина Львовна не на шутку
было расхандрилась. Теперь-же кромѣ вы-
павшаго снѣгу ее радовало и то, что она
получила отъ Курбетовой приглашеніе по-
жаловать съ Маргаритой Оттоновной вече-
ромъ двадцать перваго на чашку чаю. А у
нея Ирина Львовна рассчитывала встрѣтить
Гремихина. Маргарита Оттоновна, которая
тоже последнее время сильно хандрила,
оживилась и раза три забѣгала къ Югор-
ской поговорить о предстоящемъ вечерѣ. Для
нихъ было ясно, что Курбетова устраиваетъ
негласный дѣвшинникъ, и онѣ обѣ много хо-
хотали, представляя себѣ Кукуева въ роли
влюбленного. Онѣ говорили, что такъ какъ
Курбетова вдова, то у нея долженъ быть не
дѣвшинникъ, а «вдовишникъ» и опять при-
нимались смѣяться.

Вечеромъ, Ирина Львовна опять заскучала,
стала разсѣянной и сидѣла въ кабинетѣ отца
въ креслѣ съ какимъ-то испуганнымъ выра-
женіемъ лица. Левъ Михайловичъ по своему
обыкновенію раскладывалъ пасьянсъ, тотъ
самый, который, какъ говорятъ, любилъ На-
полеонъ на островѣ Елены. Порою онъ за-
думывался за своимъ пасьянсомъ и приподни-
малъ брови то въ то, какъ это дѣлала
дочь. При этомъ, когда пасьянсъ удавался,
онъ, собирая карты, насвистывалъ «Въ бурю,
во-грозу», а при неудачѣ онъ печально вс-
свистывалъ «Бывало, бывало, какъ все утѣ-
шало», такъ что дочь, не поднимая глазъ,
знала, вышелъ или нѣтъ его пасьянсъ. Она
сидѣла неподалеку отъ отца и, жмуря глаза,
разсматривала портретъ матери, стоявшій на
его письменномъ столѣ. «Нижняя часть ли-

па»,—говорила она сама себѣ,—«у меня мамина, а носъ папинъ». Она увидѣла, что отецъ собираетъ карты, чтобы раскладывать второй пасьянсъ, и внезапно загадала: «Если пасьянсъ выйдетъ, то я люблю Гремихина».—Она задумалась и стала ждать конца пасьянса, удобнѣе устранившись въ креслѣ. «Ужъ если пасьянсъ выйдетъ, то ужъ это вѣрно»,—думала она,—«и нечего мнѣ думать и переживать!»—Она потянулась и зѣвнула. Внезапно ей стало тепло, хорошо и ловко. Она не то задремала, не то разлѣбилась. Ей казалось, что она лежитъ на травѣ, на солнцепекѣ, а прямо у ея ногъ стоитъ дерево высокое и тонкое съ листьями только на макушкѣ. И когда она поводила головой снизу вверхъ, стволъ дерева удлиннялся и вытягивался, а его листья становились все мельче и мельче. «Неужто оно можетъ вытянуться до облака?»—думала Ирина Львовна о деревѣ, запрокидывая голову. И въ эту минуту она услышала: «Бывало, бывало, какъ все утѣшало!» Она вскочила съ кресла.

— Ничего-то у тебя, папочка, нынче не выходитъ,—сказала она отцу, какъ будто разсердившись.

И, потягиваясь и позѣвывая, она вышла изъ кабинета. Обойдя всѣ комнаты, она зашла въ дѣвичью. Тамъ горничная Маша толстыми спицами вязала толстый чулокъ.

— Погадай мнѣ, Маша,—сказала она, заглядывая въ окошко на медленно падавшій снѣгъ. Маша бросила чулокъ и, улыбаясь, полѣзла за картами въ свой сундучекъ, внутренняя сторона крышки котораго была сплошь залѣплена картинками отъ конфетъ и даже этикетками отъ чая.

— На какого короля,—спросила она,—на трефоваго?

— Конечно, на трефоваго,—сказала Ирина Львовна и подумала:—«а почему она узнала, что на трефоваго? Неужто ужъ и она видѣть, что я въ Гремихина»...

Она поморщилась и мысленно-же добавила: «вторилась!»

Въ дѣвичью вбѣжала Маргарита Оттоновна, веселая и оживленная.

— Душечка, Ирина Львовна,—затараторила она,—представьте себѣ, какая новость! Сейчасъ отецъ дѣлалъ Духовицѣ вечернія распоряженія и три раза подрядъ называлъ его совершенно правильно: Кенсоринъ Кенсоринъ. Я общалась выйти ему за это туфли.

Она заглянула въ карты и со вздохомъ добавила, сбрасывая съ русой головки тяжелый платокъ:

— А вы на трефоваго? Господи, и мнѣ надо-бы на бубноваго!

На другой день въ шесть часовъ вечера Ирина Львовна и Маргарита Оттоновна тройкой въ глубокихъ саванъ, обѣ закутанныя и веселыя, отправились къ Курбетовой. Лошади бодро бѣжали по морозцу, поскрипывая полозьями, и меньше чѣмъ черезъ часъ Ирина Львовна и Маргарита Оттоновна были уже въ усадьбѣ Курбетовой. Онѣ вошли въ прихожую съ тѣмъ веселымъ оживленіемъ, которое сообщается быстрой ѣздой, легкимъ морозцемъ и молодостью.

У Серафимы Веняминовны уже сидѣли за чайнымъ столомъ гости: Кукуевъ въ бѣломъ жилетѣ, Бутырцевъ, и еще двое—молодой и пожилой—оба ближніе сосѣди Курбетовой. Молодого, бѣлокураго, полного и очень недалекаго, звали Аркашей; про него даже ходила пѣсенка, неизвѣстно кѣмъ сочиненная:

«Нѣтъ на свѣтѣ краше
Нашего Аркаши!

Ахъ, Аркаша, ахъ Аркаша, не своди меня съ ума!»

А пожилаго, усатаго и нелюдимаго, отставнаго пѣхотнаго офицера Колозова звали «съ незапамятныхъ временъ», такъ какъ онъ почти каждую свою фразу начиналъ этими словами. При входѣ женщины Бутырцевъ мѣшалъ ложечкой въ своемъ стаканѣ, а Аркаша грызъ обсыпанный миндалемъ сахарикъ. Стали здороваться. Серафима Веняминовна порхала по залѣ, потрясая, какъ эполетами, сидѣвшими на ея плечахъ желтыми бантами. Пигасъ Пигасичъ приподнялся изъ-за рояля, на которомъ онъ одною рукой небрежно наигрывалъ: «Съ восторгомъ жаждаю твоей встрѣчи». На немъ были галстухъ точь въ точь такой-же, какъ и на Бутырцевѣ. Къ удивленію своему Ирина Львовна замѣтила, что Гремихина между присутствующими не было. Бутырцевъ поздоровался съ нею очень сухо.

Послѣ чая стали танцовать въ три пары: Кукуевъ съ Серафимой Веняминовной, Бутырцевъ съ Маргаритой Оттоновной, а Аркаша съ Ириной Львовной. Игралъ Пигасъ Пигасичъ. Югорская, вертясь съ Аркашей въ вальсѣ,—думала: «отчего-же это нѣтъ Гремихина?»—И внезапно ей показалось, что она желаетъ всѣми силами своей души услышать отъ него ту фразу, которую онъ твердилъ на пчельникѣ: «Ирина Львовна, я люблю васъ!»

Аркаша, усаживая ее послѣ вальса на стулъ и помѣщаясь рядомъ, сказалъ:

— Сегодня очень хорошая погода. Нынѣшній годъ снѣгъ выпалъ двадцатаго октября.

Онъ помолчалъ и, напрягая мысль до того, что у него выступили на вискахъ капли пота, добавилъ:

— Одинъ мой знакомый майоръ говоритъ, что въ сорокъ седьмѣ году снѣгъ выпалъ только восемнадцатаго января.

Ирина Львовна разсмѣялась.

— Да что вы?

Послѣ танцевъ и рали въ рублѣ. Аркаша не отходилъ отъ Югорской; во время игры онъ сидѣлъ съ ней рядомъ и занималъ ее разговоромъ.

— Одинъ мой знакомый майоръ,—разсказывалъ онъ,—говорилъ мнѣ, что въ нѣмецкихъ земляхъ есть рѣка Рейнь, въ которой вмѣсто воды течетъ вино рейнь-вейнъ. Правда-ли это?

Югорская разсмѣялась.

— Если майоръ говорилъ, стало быть, правда.

И все еще смѣясь, она спросила:

— Да что это у васъ, всѣ знакомые майоры, что-ли?

Аркаша лѣниво засмѣялся.

— Нѣтъ, это все одинъ и тотъ-же майоръ-то. Онъ у меня по бѣдности живетъ. Онъ, извините за выраженіе, пьяница.

Ирина Львовна оглянулась. Въ комнату входилъ Гремихинъ. Онъ вбѣжалъ въ кругъ играющихъ, здороваясь со всѣми. Бутырцевъ, который не видѣлъ его со дня встрѣчи на пчельникѣ, косился то на него, то на Ирину Львовну и замѣтно блѣднѣлъ, но мѣрѣ того, какъ Гремихинъ, пожимая всѣмъ руки, приближался къ нему. Когда Гремихинъ подошелъ къ нему, протягивая руку, Бутырцевъ своей руки ему не подаль. Гремихинъ вспыхнулъ, передернулъ плечами и опустился на свободный стулъ. Но послѣ игры

онъ подошелъ къ Бутырцеву и отозвалъ его въ сторону, говоря, что онъ имѣетъ сообщить ему нѣчто важное. У Югорской упало сердце; она видѣла, какъ поблѣднѣлъ Гремихинъ, направляясь съ Бутырцевымъ въ сосѣднюю комнату. Оттуда до нея долетѣли слова Бутырцева: «издѣвались надо мною». И затѣмъ, картавый голосъ Гремихина проговорилъ: «Такъ завтра утромъ непременно!» Послѣ этого, они оба вошли въ залъ.

— Ну, должно быть, помирились,—сказала Серафима Веняминовна, обращаясь къ Югорской. И поймавъ Гремихина за руку его длиннополой поддевки, она проговорила:

— Вотъ такъ то лучше; а то эти ссоры ни къ чему хорошему не приведутъ.

И лукаво погрозивъ ему пальчикомъ, она добавила:

— У, плутишка!

— О, конечно, такъ лучше,—разсмѣялся Гремихинъ.

Пиасъ Пигасичъ заигралъ вальсъ. Гремихинъ пригласилъ Ирину Львовну. Бутырцевъ развалистой походкой, весь блѣдный, подошелъ къ Маргаритѣ Оттоновнѣ.

— Слыхали новость,—говорилъ Гремихинъ, кружась съ Югорской въ вальсѣ,—Кукуевъ женится на водяной мельницѣ. Ахъ, Кукушечка, Кукушечка, какъ онъ милъ въ бѣломъ жилетѣ!

Иринѣ Львовнѣ внезапно стало до головокруженія весело. До ея слуха долеталъ хрипловатый голосъ Колозова, рассказывавшаго Кукуеву:

— Съ незапамятныхъ временъ служилъ въ нашемъ полку Носорогъ, не животное Носорогъ, а офицеръ Носорогъ, фамилія у него такая была.

Послѣ ужина, который подали въ одиннадцать часовъ, Ирина Львовна и Маргарита Оттоновна собрались уже уѣзжать домой и стали откланиваться. При прощаніи, Аркаша сказалъ Югорской вмѣсто «до свиданья», «покорно васъ благодарю!» Ирина Львовна совсѣмъ одѣтая, въ шубкѣ и теплой шапочкѣ, стояла на занесенномъ снѣгомъ крыльцѣ, вся залитая с яніемъ мѣсяца. Снѣгъ казался синеватымъ. Пристѣжные нетерпѣливо пофыркивали, пожевывали удила и шевелили носеребренными гривами. Гремихинъ, выбѣжавъ вслѣдъ за Югорской, посадилъ ее въ сани и долго укутывалъ ея ножки. Его глаза радостно свѣтились. Маргарита Оттоновна еще не выходила, что-то замѣшкавшись въ передней.

— Увижу-ли я васъ когда-нибудь?—шептала Гремихинъ, сіяя глазами.

Онъ взялъ руки Ирины Львовны и, отвернувъ перчатки, сталъ цѣловать медленно и долго. Ирина Львовна смотрѣла вдаль широко раскрытыми глазами. Ей казалось, что ее наполняетъ что-то необъятное и величественное, какъ небо.

— Затѣмъ?—шептала она, скользя полицу Гремихина блуждающимъ взоромъ. И она видѣла его блѣдное лицо и блестящіе глаза.

— Ирина Львовна, я люблю васъ,—шептала онъ, снова припадая къ ея ручкамъ.

Отъ мордъ лошадей шель серебряный паръ; пристѣжные ежились и перебирали ногами.

Ирина Львовна, отдавая свои руки Гремихину, смотрѣла на одинокую звѣздочку, ярко сіявшую на юго-западѣ. «Эта звѣзда будетъ моею»,—думала она. Въ эту минуту крыльцо заскрипѣло; Гремихинъ забѣжалъ съ другой стороны саней и посадилъ сходившую Маргариту Оттоновну. Лошади рва-

нулись вперед и вынесли сани за околицу. Серебряныя тучи быстро неслись на встрѣчу мѣсяцу и, скользя по его блестящему диску, сразу замедляли полетъ. Серебряныя поля побѣжали на встрѣчу санямъ. Морозъ, какъ иголками, покалывалъ лицо Ирины Львовны. Она сидѣла рядомъ съ притихшей Маргаритой Оттоновной и думала: «Боже, какъ хорошо, какъ хорошо!» Необъятное и величественное наполнило и обволокло ее всю съ головы до ногъ. Она какъ будто переселилась въ какое-то волшебное царство, гдѣ нѣтъ ни звѣздъ, ни неба, ни снѣжной изрѣзанной полосьями дороги, а одни только ощущенія.

МЕЖДУ НЕБОМЪ И ЗЕМЛЕЙ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

УУТЛИВЫЙ разговоръ не прекращался во всю дорогу. Мы ѣхали совсѣмъ тихо, чтобы дать отдохнуть Андрею и его лошади. Елка была уже зажжена, когда мы пріѣхали въ имѣніе Орыловыхъ, и дѣти во главѣ съ гувернанткой плясали вокругъ украшеннаго и освѣщеннаго дерева.

Сестра, какъ давно уже знакомая, сейчасъ же ушла съ кѣмъ-то. Всѣ были заняты елкой

— Вотъ видите, Екатерина Матвѣевна, пока срокъ уплаты не приближался, вы готовы были заплатить мнѣ, смотря по моему требованію; когда-же часъ насталъ, вы уже колеблетесь,—сказалъ Андрей.

— Я не колеблюсь, Андрей Александровичъ, но я никакъ не могу сообразить, что-бы такое вы хотѣли узнать отъ меня?

— Но зачѣмъ-же быть такой любопытной, вѣдь узнаете, когда спрошу!

«Вѣроятно, какая-нибудь шутка», — подумала я и сказала:

— Хорошо, я отвѣчу вамъ на вашъ вопросъ, именно такъ, какъ вы желаете.

Смирновъ поблагодарилъ меня и отошелъ

Черезъ рѣку. Съ картины художника А. Лагши.

Уже усадьба отца глянула на нее съ высокаго холмика, а она все сидѣла, погруженная въ свое волшебное царство.

— Мы пріѣхали,—позвалъ ее голосъ Маргариты Оттоновны.

Бородатое лицо кучера, запущенное до самыхъ глазъ инеемъ, повернулось къ ней. Онъ отступилъ полостью. Ирина Львовна выскочила изъ саней и, простившись съ другой, отыскала глазами свою звѣздочку.

Отецъ встрѣтилъ ее въ прихожей; онъ дожидался ея пріѣзда и поэтому не ложился.

— Мало-ли что можетъ случиться,—оправдывался онъ передъ дочерью,—ну, вдругъ нападутъ волки!

«Какъ онъ меня любитъ!»—подумала она объ отцѣ, цѣлуясь съ нимъ и проходя въ свою комнату.

И раздѣваясь, она шептала съ горящими глазами:

— Здѣсь все хорошо, все, все!

А. Будищевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

и веселившимися дѣтьми; я, кромѣ хозяевъ, мало кого знала и потому, поздоровавшись съ ними, предпочла отойти къ сторонѣ и любоваться на все издали. Скоро ко мнѣ подошелъ Андрей Смирновъ.

— Екатерина Матвѣевна, за вами должокъ?—сказалъ онъ, улыбаясь.

— Я не забыла, Андрей Александровичъ, только посудите самъ, могу-ли уплатить, не узнавши, что онъ представляетъ изъ себя.

— Я попрошу у васъ очень немного, только искренно и совершенно просто отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ?

Я вспыхнула и потупила глаза; у меня промелькнула мысль, что онъ хочетъ спросить о моемъ происхожденіи. Я упорно молчала.

— Отвѣтите?—спрашивалъ Андрей.

— Можетъ, за меня вамъ могутъ отвѣтить это и другіе?—сказала я, подымая на него глаза и прикладывая руки къ пылающимъ щекамъ.

— Нѣтъ, никто кромѣ васъ не можетъ мнѣ этого отвѣтить!

«Боже мой! Онъ хочетъ спросить меня про мое чувство къ поэту», — подумала я, опять опуская глаза и теперь уже краснѣя до слезъ.

къ елкѣ. Я съ удивленіемъ посмотрѣла на него, очевидно, онъ замѣтилъ мой взглядъ, и потому что вернулся и сказалъ:

— Сейчасъ мнѣ не надо, потомъ когда-нибудь, только не забудьте, пожалуйста, своего общанія.

Проговоривъ это и еще больше озадачивъ меня, онъ снова отошелъ. Я опять осталась одна; черезъ нѣсколько времени ко мнѣ подошла Дуня и предложила идти въ компанію молодежи.

Мы прогостили здѣсь три дня и тѣмъ закончили наше праздничное веселье. Всю первую педѣлю я и Дуня чувствовали себя дома какъ-то особенно неловко и долго не могли приладиться къ обыденному порядку жизни. Когда-же, наконецъ, все пришло въ свой будничныи, нормальный видъ и Дуня принялась за хозяйство, а бабушка за вязанье чулокъ и носокъ, я тоже получила занятіе.

Старшій Смирновъ, послѣ отъѣзда братьевъ, пріѣхалъ просить меня помочь ему разобратъ въ книгахъ.

Онъ говорилъ, что вотъ уже десять лѣтъ ихъ бібліотека въ совершенномъ забросѣ.

Получивъ разрѣшеніе бабушки, я съ удовольствіемъ согласилась на его просьбу.

Верховая прогулка. Съ картины художника С. Аллемана.

Смирновъ каждый день къ двѣнадцати часамъ дня прѣзжалъ за мной и къ пяти часамъ вечера привозилъ меня обратно. За дѣломъ, я не замѣчала, какъ летѣли дни. За это время я ни разу не подумала, что меня никто не понимаетъ и что я напрасно прѣхала сюда. Возня съ книгами была очень большая, потому что ихъ приходилось отыскивать по всѣмъ чулапамъ и угламъ огромнаго дома Смирновыхъ.

Но, какъ я вспоминаю теперь, мы все-таки больше проводили время за разговорами, чѣмъ за работой, а книги, надо думать, были предложены покороче узнать меня. Иванъ Александровичъ разспрашивалъ меня, чему я училась и съ кѣмъ, что читала, кто изъ писателей мнѣ больше нравится.

Однажды, онъ спросилъ меня, какой цѣлью руководствовалась я, уѣхавъ изъ Петербурга? Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ нимъ объ этомъ, и я сейчасъ-же, откровенно, передала ему всѣ мои сомнѣнія и невзгоды. Онъ внимательно слушалъ, иногда только перебивая нѣкоторыми вопросами. Такъ, напримѣръ: онъ спросилъ, отчего я тогда-же не пересказала откровенно все это крестной, и почему сама не боролась съ этимъ состояніемъ, а отдалась ему совершенно; и можетъ-ли быть, чтобы Дуня не поняла меня, вѣроятно, она только хотѣла успокоить и потому прикинулась непонимающей.

— Я согласенъ съ вами, — сказалъ Смирновъ, по окончаніи моего разсказа, — что генералъ поступилъ дурно, не давъ вамъ полнаго образованія, но я не могу согласиться, что онъ сдѣлалъ нехорошо, поставивъ васъ на линію барышни; съ вашимъ природнымъ умомъ и вашей впечатлительностью вы гораздо больше у мѣста въ настоящемъ положеніи, чѣмъ въ роли только дочери солдата и прачки. Вы по натурѣ человѣкъ живой и мыслящій, а въ томъ низшемъ словѣ челоуѣчества нужны машины, тупо исполняющія свои обязанности по разнѣ начертанной рамкѣ.

Я не ожидала столько похвалъ себѣ, сконфузилась и растерялась. Съ этой минуты Смирновъ сдѣлался для меня самымъ близкимъ челоуѣкомъ. Къ Святой недѣлѣ, всѣ книги были разысканы, разобраны, записаны и разставлены въ полномъ порядкѣ по шкафамъ и полкамъ. Окончивъ работу, я водворилась у себя дома. Имѣя въ виду приближеніе каникулъ, изъ Петербурга никто не прѣхалъ на Святую, и мы скромно и довольно скучно провели праздничные дни.

Послѣ праздниковъ Иванъ Александровичъ предложилъ мнѣ быть чтицей у его слѣпой матери за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. При этомъ я, непременно, должна была жить у нихъ. Читать приходилось ежедневно по четыре часа, исключая праздничныхъ дней, на которые я уѣзжала домой.

Въ концѣ мая прѣхали младшіе Смирновы, и домъ оживился.

Цѣлые дни по комнатамъ нижняго этажа раздавалось пѣаніе, игра на гитарѣ, фортепiano и декламированіе стиховъ. Иногда, по порученіямъ старухи, мнѣ приходилось заходить въ комнату молодежи. Я съ отвращеніемъ отворачивалась отъ стола младшаго Смирнова, на которомъ всегда почти были какіе-нибудь анатомическіе препараты: то лежала распоротая лягушка, то кроликъ, а чаще попадались бѣлая крыса и летучія мыши. Самъ онъ сидѣлъ у своего стола, въ грязномъ засаленномъ, бѣломъ кителѣ съ вздернутыми къ локтю рукавами и съ фуражкой на затылкѣ. Поэтъ, обыкновенно, или лежалъ на

диванѣ съ книгой или газетой въ рукахъ, или же сидѣлъ у фортепiano передъ раскрытыми нотами и прилежно разучивалъ какой-нибудь новый романсъ. При появленіи моемъ въ дверяхъ ихъ комнаты, оба брата вскакивали со своихъ мѣстъ и, подходя ко мнѣ, вѣжливо полусути, спрашивали о дѣлѣ моего прихода. Если я приходила за какой-нибудь книгой, то они, непременно, оба бросались отыскивать ее и, подавая мнѣ, шутя отталкивали одиного другого. Если же мнѣ поручено было передать имъ какое-нибудь приказаніе, то они оба выслушивали меня съ наклонными головами и, затѣмъ, церемонно раскланиваясь, обѣщали въ точности выполнить сіе родительское желаніе. Исполнивъ возложенную на меня миссію, я, немедленно, удалялась, унося въ своемъ воображеніи улыбающіеся глаза поэта.

Иногда мы всѣ, то-есть я и три брата Смирновыхъ, устраивали длинныя прогулки цѣпкомъ или на лошадахъ.

Андрей выучилъ меня скакать верхомъ и выѣзжалъ для меня подъ сѣдломъ молодую, смирную лошадаку.

Когда, наконецъ, лѣто окончилось и насталъ день отъѣзда молодежи, я сейчасъ-же послѣ чтенія уѣзжала въ лѣсъ и проходила тамъ до самаго вечера.

Я боялась прощаться съ братьями, чтобы слезами не выдать своего чувства къ поэту.

Когда, по моему соображенію, они должны были уже уѣхать, я хотѣла было вернуться въ домъ, но дойдя до задворковъ, представила себѣ, какъ пусто тамъ теперь, заплакала и сѣла у стога сѣна. Черезъ нѣсколько времени я услышала около себя мужской кашель; отнявъ платокъ отъ глазъ, я увидѣла приближающагося ко мнѣ Ивана Александровича.

— Что съ вами, дитя мое, о чемъ вы плачете? — спросилъ онъ, опускаясь на траву около другого стога сѣна.

— Мнѣ очень скучно здѣсь, я хочу уѣхать въ Петербургъ. — солгала я.

— Вы не разсердитесь на меня и не оскорбитесь, если я скажу вамъ настоящую причину вашихъ слезъ? — сказалъ Смирновъ, серьезно и пристально смотря на меня.

Я испугалась, что онъ догадался, покраснѣла, потупилась и ждала, что онъ скажетъ.

— Вамъ жаль Павла, онъ не стоитъ вашей любви, вы натура любящая, а онъ челоуѣкъ сухой, у него всѣ чувства на бумагѣ. Отчего вы отворачиваетесь отъ Андрея, вотъ это съ душой челоуѣкъ? — проговорилъ Иванъ Александровичъ.

Я вспомнила, какъ Андрей рѣжетъ лягушекъ и кроликовъ, какъ безжалостно накалываетъ на булабочки бабочекъ, и громко сказала: — Хороша душа, когда такъ спокойно рѣжетъ животныхъ, онъ и челоуѣка зарѣжетъ, не поморщившись.

— Вотъ и напрасно, совѣтъ напрасно, Андрей букашки не обидитъ даромъ, а что онъ рѣжетъ лягушекъ да кроликовъ, такъ вѣдь надо-же на комъ нибудь учиться, чтобы потомъ съ людьми ошибокъ не дѣлать. Спокойствіе, съ которымъ онъ относится къ этимъ операціямъ, показываетъ только, что у него здоровые нервы, что онъ челоуѣкъ сильный, не то что Павелъ, кислякъ какой-то! — протестовала Смирновъ.

Мнѣ стало обидно за поэта, и я сейчасъ-же горячо возразила Смирнову:

— Павелъ Александровичъ челоуѣкъ незаурядный, онъ поэтъ, а это не то, чтобы какой-нибудь докторъ, которыхъ на каждомъ шагу

сколько угодно, и развѣ можетъ Павелъ Александровичъ быть бездушнымъ, разъ онъ такъ пишетъ; если-бы онъ не имѣлъ души, какъ вы говорите, какой-же бы онъ былъ тогда поэтъ, вѣдь вы-же сами хвалили его стихи и говорили, что они полны чувства, и всякій, кто только читалъ ихъ, говорилъ то же самое. Я не могу ссылаться на себя, я, можетъ, и мало понимаю, но вѣдь нельзя не плакать, когда онъ читаетъ свою «Блѣдную женщину», да и всѣ его стихи таковы, а «На могилѣ?»... Вѣдь видно-же, что челоуѣкъ всю душу свою, всѣ свои чувства, передалъ въ стихи!

— Такъ, такъ, такъ, — прервалъ меня Смирновъ, — довольно, Екатерина Матвѣевна, этими словами вы сами подписываете ему приговоръ, именно, то самое, что я только что сказалъ: онъ всю душу свою растрчиваетъ на бумагѣ, всѣ свои лучшія чувства отдастъ своимъ произведеніямъ, потому-то у него и не достаетъ ихъ для людей. Онъ добръ, хорошъ и нѣженъ въ стихахъ своихъ, то есть, въ воображеніи и на бумагѣ. Въ дѣйствительной-же жизни онъ — бездушный эгоистъ и челоуѣкъ съ разслабленными нервами. Такими людьми можно восхищаться на разстояніи, ихъ можно уважать за ихъ чудныя произведенія, за ихъ талантъ, даже, если хотите, можно молиться на нихъ, но только, отнюдь, не сближаться съ ними, не связывать своей жизни съ ихъ жизнью!

— Можетъ, вы и правы во всемъ, что вы говорите, но все-таки всякій отдастъ преимущество въ достоинствахъ Павлу Александровичу, передъ Андреемъ Александровичемъ, — сказала я.

— Да за что же, за что же, скажите вы мнѣ, пожалуйста? — вскричалъ Смирновъ.

— Какъ за что? Я уже сказала вамъ, что такихъ людей, какъ Андрей Александровичъ, на каждомъ шагу можно встрѣтить, а такихъ, какъ Павелъ Александровичъ, разъ, два и обчелся, — отвѣчала я.

— Да что въ нихъ толку-то, подумайте только! Ну, пишутъ они свои стихи, отчего-же не прочесть ихъ, пріятно прочесть, словъ нѣтъ, но толкъ-то какой отъ нихъ, польза-то какая; есть они, нѣтъ ихъ, не все-ли равно?

— Люди образовываются на стихахъ и романахъ, — отвѣчала я.

— Не буду спорить, пусть это вѣрно, но скажите вы мнѣ, кому отдадите вы преимущество изъ двухъ образованныхъ людей, если одинъ своимъ трудомъ добился образованія, а другого родители за уши вытянули; такъ, вотъ кто изъ нихъ достойнѣе?

— Конечно, тотъ, кто самъ добился образованія, послѣднему не трудно было, если онъ бралъ готовое, — отвѣчала я, не понимая, зачѣмъ задаетъ онъ такой вопросъ.

— Такъ; ну, хорошо, а возьмемъ теперь двухъ музыкантовъ. По силѣ и исполненію игры оба одинаковы, но одному талантъ дарованъ судьбою, а другой самъ своимъ трудомъ добился того-же, кому изъ нихъ вы отдадите, по справедливости, преимущество?

— Я не понимаю, какъ это такъ? Мнѣ кажется, что если у челоуѣка нѣтъ таланта, такъ ему никогда не добиться силы и выразительности игры талантливаго музыканта, — отвѣчала я.

— Мы совѣтъ не о томъ говоримъ, вы задѣваете не тотъ вопросъ; представьте себѣ, что можно добиться, ну, и кому-же тогда будетъ больше чести?

— Тогда, конечно, безталантливому, потому что онъ самъ своимъ усиліемъ и трудомъ добылъ то, что другой и такъ имѣетъ.

— Ну, то-то вотъ, давно-бы такъ! Теперь скажите вы мнѣ, откуда это у нашего Павлушки дарованіе стихи писать, самъ онъ добился этого, или ужъ такъ судьба къ нему благоволила, что наградила талантомъ поэта?

— Я не знаю; главнымъ образомъ, должно быть судьба, а частью, можетъ, и самъ добивался?

— Только судьба и образованіе, данное родителями, и больше ничего, труда въ стихахъ не вкладывается ни крошечки, вѣдь нельзя же отбѣлку стиха считать за трудъ, а то вѣдь этакъ, пожалуй, и нищу жевать и проглатывать тоже будетъ трудъ, потому что безъ извѣстнаго усилія вы не можете даже и этого пріятнаго акта совершить. А все, что дѣлаетъ Андрей, судьбою даровано, или это есть собственное стараніе и издѣліе рукъ его, ну-ка, скажите?

— Право, не знаю, но мнѣ кажется, что все, что дѣлаетъ человекъ, можно сдѣлать талантливо и безталанливо,—отвѣчала я.

— Да пусть такъ, но вы все-таки уклоняетесь отъ прямого отвѣта. Въ той отрасли дѣятельности, которой занимается Андрей, главнымъ образомъ, играетъ роль только наука и трудъ, какой тамъ талантъ особенный, учиться надо, вотъ и все,—говорилъ, вставая, Смирновъ.

— Но вѣдь говорятъ-же, что и стихи писать научиться надо?—возразила я, вспоминая слова Павла Александровича.

— Совершенно вѣрно, непремѣнно надо научиться, но только есть поэты изъ народа, которые понятія не имѣютъ о размѣрѣ стиха, а между прочимъ, пишутъ ихъ довольно складно. Такъ вотъ что значить талантъ въ поэтѣ, а легушку рѣзать, если вы не видѣли, какъ это дѣлается, то будь у васъ хоть расталантъ—не сѣмѣете, да и безъ труда тутъ ничего не подѣлаете, такъ-то вотъ.

Я хотѣла возразить ему, но онъ перебилъ меня.

— И что вы со мною спорите, Екатерина Матвѣевна, вѣдь я говорю о своихъ братьяхъ, а я ихъ обоихъ люблю одинаково и желаю имъ счастья; и если я нападаю на одного и защищаю другого, то только по справедливости. Ужъ, вы, пожалуйста, не сердитесь на меня, старика, за мои слова, а я вѣдь хорошо вижу, что Павлушка-то вамъ милъ, а вы милы Андрею. Повѣрьте, что я ни передъ кѣмъ не сталъ бы разбирать достоинства и недостатки моихъ братьевъ. Передъ вами же я обязанъ сткрыть то и другое, я долженъ позаботиться, чтобы вы не страдали напрасно изъ за одного и не заставляли бы также страдать другого.

— Напрасно вы выводите такое заключеніе, Иванъ Александровичъ, я только боготворю Павла Александровича за его талантъ,—начала было я, но Смирновъ замахалъ на меня руками, а когда я замолчала, сказалъ:

— Полно вамъ, ребенокъ вы этакій! Старого воробья на мякинѣ не проведете, коли боготворили бы только, такъ не стали бы прятаться и плакать, когда онъ уѣхалъ. Полно вамъ, Екатерина Матвѣевна, знаемъ мы эти сердечныя вспышки, но только, ради Бога, опять прошу, не сердитесь вы на меня, старика, я говорю это, любя васъ всѣхъ, ей-Богу же, любя и васъ и братьевъ.

Смирновъ сѣлъ около меня на траву, взявъ мои обѣ руки въ свои и поглаживалъ ихъ. Я сидѣла съ пылающимъ лицомъ и опущенными глазами.

— Бѣдная дѣвочка вы моя! Надо же было такой перекрестной плетухѣ случиться: Андрей въ васъ, вы въ Павла, а тотъ самъ въ себя; бросьте думать о Павлушкѣ, полюбите Андрея, онъ любитъ васъ отъ всего сердца. Скоро онъ окончитъ академію, сдѣлается докторомъ, вы обвѣнчаетесь, я приѣду къ вамъ и буду дѣтей у васъ нянчить; славно заживемъ, тихо, спокойно, радостно!

Я выдернула руки отъ Смирнова, повернулась къ нему спиной и, уткнувшись лицомъ въ сѣно, заплакала. Я плакала и потому, что мнѣ было стыдно, и потому, что идеалъ мой былъ разбитъ Иваномъ Александровичемъ въдребезги.

— Ну, вотъ!—сказалъ Смирновъ.

Е. Введенская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

— Но это невозможно!—вскричала Джэнъ, —мы читаемъ «Фигаро» каждый день со дня нашего пріѣзда сюда и ничего подобнаго не издали.

— Конечно, нѣтъ; да и другіе замѣтили-бы это извѣстіе и сказали намъ.

— Безъ сомнѣнія! Но къ чему эта ложь? Мой бѣдный Марсель! И онъ повѣрилъ! О, это ужасно! Поздно, поздно! Но эту загадку необходимо разъяснить и сегодня-же. О чемъ вы думаете?

— Я хочу понять и, кажется, нашла средство. Иди къ гостямъ, а то твоё отсутствіе будетъ замѣчено. Если твой отецъ или тетка спросятъ меня, скажи, что я получила дурныя извѣстія о здоровьи моей родственницы и поѣхала къ ней.

Мари поспѣшно одѣвалась.

— Куда вы хотите идти?

— Туда, гдѣ я правду узнаю. Черезъ часъ я вернусь. Успокойся, дитя мое, а то что нибудь замѣтятъ.

Она ласково взяла принцессу за руку и провела ее до гостиной, бѣдная женщина не переставала повторять: «поздно!» «поздно!»

Выйдя на улицу, Мари сѣла въ первый попавшійся фіакръ и приказала вести себя въ редакцію газеты «Фигаро».

Джэнъ, окруженная гостями, героически скрывала свои мученія. Отецъ, мужъ, тетка видѣли только оживленное, веселое лицо; свое исчезновеніе она объяснила причиной, под-сказанной ей дѣвицей Бренъ, что къ тому-же дало ей возможность, узнавъ о ея возвращеніи, сказать мужу:

— Мари вернулась, я пойду къ ней узнать, въ какомъ состояніи ея родственница.

— Сдѣлайте одолженіе, принцесса, — любезно сказалъ Робертъ, —и передайте ей мое искреннее сочувствіе.

Черезъ минуту Мари показала Джэнъ нумеръ «Фигаро» отъ двадцати восьмого іюня, въ немъ подобнаго извѣстія не было. Онѣ сравнили оба нумера, —они были совершенно одинаковы, за исключеніемъ сообщенія о бракѣ Джэнъ, которое было помѣщено на мѣстѣ другого, не имѣвшаго съ нимъ никакого сходства.

— Я справлялась, — «Фигаро» выходитъ однимъ изданіемъ, содержаніе одно и то же какъ въ нумерахъ получаемыхъ здѣсь, такъ и въ нумерахъ разсылаемыхъ за-границу. Неужели этотъ нумеръ «Фигаро» былъ напечатанъ нарочно для господина Рено? Кто могъ это сдѣлать? Конечно, не редація!

— Какое мнѣ дѣло до того, кто сдѣлалъ этотъ подлогъ съ цѣлью разлучить меня съ господиномъ Рено,—рѣзко вскричала Джэнъ.—Подлогъ сдѣланъ тѣми-же лицами, которыя давали мнѣ читать чикагскія газеты, въ которыхъ было напечатано, что Марсель уѣхалъ въ Японію за молодой дѣвушкой, своей невѣстой. Это извѣстіе такъ же ложно, какъ и то; я въ этомъ увѣрена, мое сердце говоритъ мнѣ это. Насъ обоихъ обманули!

Она въ отчаяніи упала въ кресло, глаза ея горѣли, слезы душили. Мари опустилась подлѣ нея на колѣни и шептала ей слова утѣшенія и ласки. Джэнъ не слушала, неотвѣчивая ужасная мысль поглотила ее.

— Кто придумалъ эту страшную западню, въ которую мы оба попались?—проговорила она вдругъ,—дочь не можетъ обвинять отца, но въ то же время трудно допустить, чтобы все это произошло безъ его вѣдома. Да, вѣдь обѣ эти газеты, въ которыхъ было напечатано объ отъѣздѣ Марсея въ Японію, принадлежатъ моему отцу; достаточно было сдѣлать распоряженіе. Я вспоминаю, Уилли около этого времени уѣзжалъ въ Чикаго! О, теперь

я все понимаю! Но если я не смѣю подозрѣвать моего отца, я спрошу миссисъ Дерсонъ, этого злого генія нашей семьи! Помните мои предчувствія, когда она поселилась у насъ послѣ смерти моей мамы? Чтобы замѣнить мнѣ мать!—говорила она.—Мама, мама, видишь-ли ты, что сдѣлали съ твоей дочкой?

Тутъ ей пришла въ голову мысль еще ужаснѣе.

— Боже мой! Это было бы чудовищно!—вскричала она, ломая себѣ руки.

— Что такое?—спросила Мари съ испугомъ.

— Если все это дѣлалось съ согласія моего мужа?

Трудно передать тонъ презрѣнія, съ которымъ она произнесла эти слова.

— Невозможно!—вскричала Мари.—Принцъ де-Саллернъ, французскій дворянинъ!

— Вы правы, это было бы слишкомъ гадко. Но повторите это еще разъ; — я боюсь, я сума сойду. Тетка должна сказать мнѣ правду!

Она позвонила.

— Скажите миссисъ Дерсонъ, что я прошу ее прійти сюда,—сказала Джэнъ вошедшей горничной.

Не смотря на всѣ старанія Джэнъ успокоиться, на лицѣ ея ясно отражалось мучительное волненіе, и квакерша сразу догадалась, что что-нибудь серьезное случилось. Тѣмъ не менѣе она спросила, ласково улыбаясь:

— Что тебѣ нужно, дорогая Джэнъ?

— Тетушка, — отвѣчала Джэнъ рѣзкимъ, отрывистымъ голосомъ,—я попросила васъ прійти сюда, гдѣ мы одиѣ, вдали отъ поздравляющихъ вашего брата съ знатнымъ бракомъ его дочери, потому что только вы можете рѣшить мою судьбу.

СЪ АКВАРЕЛИ ХУДОЖНИКА А. КОЗАКЕВИЧА.

Сельскій виртуозъ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА К. ВЮННЕНБЕРГА.

Съ виноградомъ.

— Я? Рѣшить судьбу?—будто удивленная, спросила тетка Пальмира.

— Да, вы, сестра моего отца, о котором я по долгу не имѣю права говорить.

— Я ничего не понимаю!

— Я объяснюсь яснѣе, горе въ нѣсколько часовъ сдѣлало изъ ребенка женщину. Вы помните тѣ американскія газеты, въ которыхъ было помѣщено сообщеніе объ отбѣздѣ господина Марсея Рено въ Японію?

— Да, и это сообщеніе нѣсколько не удивило твоего отца и меня. Мы знали, что господинъ Рено далеко не тотъ разсудительный и нравственный человѣкъ, какимъ онъ выставлялъ себя. Мы собирали о немъ свѣдѣнія, наша обязанность...

— На основаніи которой, желая разлучить меня съ нимъ, вы показали мнѣ это ложное извѣстіе, разбившее мое сердце...

— Ложное?.. Развѣ господинъ Рено не уѣхалъ въ Японію?

— Уѣхалъ, но позднѣе. Вы полагали, что

ваша обязанность была сообщить господину Рено, который меня любилъ и котораго я любила, моему жениху, съ которымъ я обручилась съ согласія матери, что я не вѣрна своимъ обѣщаніямъ,—вы послали ему нумеръ «Фигаро» отъ 28 іюня, въ которомъ рассказано, что я вышла замужъ за какого то маркиза. Вамъ прекрасно извѣстно, что эта новость помѣщена только въ томъ нумерѣ газеты, который получилъ господинъ Рено.

— Что ты выдумываешь, Джэнь? Въ чемъ ты меня обвиняешь?

— Всѣ эти слезы, погубившія мое счастье, дѣло вашихъ рукъ!

— Ты съ ума сошла!

— Въ такомъ случаѣ, поклянитесь на библии, что вы тутъ не при чемъ! Вы молчите? Не смѣете?

Миссисъ Дерсонъ дѣйствительно покраснѣла, но постаралась скорѣе оправиться и отвѣчала сухимъ догматическимъ тономъ:

— Ты забываешь, племянница, что квакеры не произносятъ клятвъ! Братъ и я, мы исполнили желаніе твоей матери,—прибавила она,—твой отецъ хотѣлъ, чтобы французъ, который сдѣлается твоимъ мужемъ, былъ тебя достоинъ. Вотъ почему тебя выдали за принца де-Саллернъ. Когда мы убѣдились, что господинъ Рено недостойнъ тебя, мы обратились къ Господу, Который повелѣлъ всѣми способами освободить тебя.

— Значитъ вы признаетесь, что это ваше дѣло?

— Я поступила по совѣсти и отдамъ отчетъ въ своихъ дѣлахъ только Богу!

— О! Не упоминайте имени Господа рядомъ съ этими гадостями.

— Когда ты успокоишься, ты меня лучше поймешь.

— Пусть Господь будетъ вамъ Судьею! Еще одно слово. Принцъ де-Саллернъ зналъ все это и одобрялъ?

— Все сдѣлалось помимо его.

— Слава тебѣ Господи!

— Я совѣтую тебѣ ничего ему не говорить. Подозрѣніе оскорбитъ его и оттолкнетъ отъ тебя. Прими, какъ христіанка, совершившійся фактъ; вернись къ гостямъ, чтобы они не могли сказать, что бывшая миссъ Джэнь Гаррисъ не знаетъ приличій.

Произнеся эти слова, квакерша удалилась.

— О! несчастное, злое существо! — вскричала Джэнь, протягивая руки Мари, молчаливой свидѣтельницѣ этой тяжелой сцены.—Всѣ ея слова одна ложь, я боюсь ей вѣрить, когда онъ отрицаетъ участіе принца. О, если

только онъ не поклянется мнѣ честью, что онъ ничего не знаетъ...

— Онъ поклянется! Успокойся, твое отсутствіе будетъ замѣчено...

— И скрывать мученія! Съ моимъ мужемъ я буду говорить въ его домѣ! Да, вы правы, я должна надѣть маску, казаться счастливой! Мари, дорогая Мари, напишите г-ну Рено все, что случилось, въ какую западную мы оба попали. Я не смѣю ему писать, я жена другого. Но я не хотѣла бы, чтобы онъ меня обвинялъ,—говоря это, она горько плакала.

— Я исполню твое желаніе; я адресую письмо на имя его матери, она перешлетъ ему.

— Да, да. Но я тоже хочу написать ему нѣсколько словъ на прощаніе.

Она взяла листокъ бумаги и написала:

«Я не имѣю права даже вспоминать о счастіи, мечтать о которомъ мнѣ позволила моя покойная мать, но я всегда могу молиться за друга, съ которымъ меня разлучила роковая судьба.

Джэнь Гаррисъ».

Передавъ Мари эти строки, принцесса встала, оправилась передъ зеркаломъ и пошла въ приемныя комнаты. Она выдерживала героическую борьбу, и на столько удачно, что когда черезъ нѣсколько минутъ встрѣтилась съ мужемъ, она казалась только блѣдна и взволнована, что легко объяснялось ея участіемъ къ горю дѣвицы Бренъ.

Черезъ полчаса гости разошлись,—къ обѣду были приглашены только близкіе, но и тѣ удалились, чтобы отдохнуть и переодѣться. Максимъ, предупрежденный сестрой, боялся встрѣчи съ своею дочерью и, желая скрыться отъ нея, предложилъ своему зятю и Арману де-Марга совершить небольшую прогулку до обѣда. Джэнь и Мари остались одни. Конечно, миссисъ Дерсонъ не рискнула мѣшать имъ, она чувствовала, что между нею и племянницей связь навсегда порвалась. Эти нѣсколько часовъ покоя дали принцессѣ возможность обсудить съ Мари свое положеніе; она видѣла, если принцъ ни въ чемъ не виноватъ, что ей ничего больше не остается, какъ покориться совершившемуся факту и искать въ супружествѣ если не счастья, то по крайней мѣрѣ покойной жизни, рядомъ съ мужемъ, котораго она будетъ уважать, а можетъ быть со временемъ и полюбить. Благодаря этому рѣшенію, Джэнь казалась совершенно спокойной, когда вышла къ обѣду. Даже миссисъ Дерсонъ была поражена и вообразила, что племянница сдѣлала ей сцену съ досады, что ее обманули, что она вовсе не въ отчаяніи отъ того, что ее сдѣлали принцессой. Джо опасался упрековъ со стороны дочери, но видя ее довольною, успокоился и при отбѣздѣ выказалъ бы себя непремѣнно со смѣшной стороны, если бы принцъ съ женой не исчезли незамѣтно. Мари Бренъ, для которой было приготовлено небольшое помѣщеніе во второмъ этажѣ дворца, уѣхала раньше. Дворецъ для встрѣчи молодыхъ былъ убранъ цвѣтами и освѣщенъ, но это убранство не бросалось въ глаза.

Молодые молча поднимались по лѣстницѣ, толстый коверъ заглушалъ ихъ шаги,—Джэнь сдѣлалась даже жутко отъ этой тишины, и молча вошли въ будуаръ, которымъ начинался рядъ комнатъ, составлявшихъ помѣщеніе принцессы. Робертъ заперъ дверь и подошелъ къ женѣ, которая остановилась, опираясь о консоль, и вдругъ замѣтилъ ея безпокойное и тревожное состояніе. Онъ любовно взялъ ея руку:

— Я васъ пугаю, дорогая Джэнь?

Она молчала, рука ея лежала холодная и неподвижная въ его рукѣ.

— Но что съ вами? Хотите, чтобы я ушелъ? Умоляю васъ, говорите.

Собравшись съ духомъ, Джэнь отвѣтила, наконецъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Да, вы правы, принцъ, я должна высказаться, потому что я честная женщина и стою, я убѣждена, передъ честнымъ человѣкомъ. Отъ нашего разговора зависить наше будущее счастье, наша совмѣстная жизнь.

Де-Саллернъ вздрогнулъ, онъ предчувствовалъ нѣкоторые неудобные вопросы, неудобныя признанія. Джэнь сѣла и указала ему на кресло.

— Я ничего не понимаю въ этихъ важныхъ приготовленияхъ, но слушаю васъ со вниманіемъ.

— Когда четыре мѣсяца тому назадъ мы пріѣхали въ Парижъ, у моего отца явилось желаніе, или лучше сказать, ему внушили это желаніе, имѣть титулованнаго зятя. Примѣръ его друга и соотечественника Джона Картера, дочь котораго вышла за герцога Сабріа, былъ заразителенъ. Когда я уѣзжала изъ Чикаго, съ согласія матери, я была уже невѣстой другого. Мой отецъ, конечно, зналъ это. Вамъ не говорилъ этого?

— Нѣтъ!

— Я никогда не лгала и лгать не желаю. Человѣкъ, котораго я любила, былъ вполне меня достоинъ и любилъ меня. Когда мой отецъ рѣшилъ это путешествіе, я даже не могла думать, что оно дѣлается съ цѣлью разлучить меня съ тѣмъ, на кого мнѣ было разрѣшено смотрѣть какъ на будущаго супруга. Я поняла все только тогда, когда вы сдѣлали мнѣ честь вашимъ ухаживаніемъ, и не смотря на то, сколько было для меня, дѣвушки незнатнаго происхожденія, лестнаго въ надеждѣ сдѣлаться принцессой, я хотѣла, всѣми силами противиться моему отцу. Но въ одинъ прекрасный день мнѣ дали прочесть письменныя доказательства измѣны моего жениха. Я долго не хотѣла вѣрить, но наконецъ, изъ гордости, не желая быть жертвой обмана, изъ привязанности къ отцу, я рѣшилась слушать васъ. Были ли вы искренны, когда увѣрили меня въ вашемъ расположеніи? Я въ васъ часто сомнѣвалась.

— Какъ тогда, такъ и теперь, я былъ искрененъ,—вскричалъ Робертъ.

Онъ подошелъ къ Джэнь и взялъ ея руку, которую она, однако, тихонько высвободила.

— Мнѣ остается сказать вамъ еще самое тяжелое,—печально продолжала она,—въ американскихъ газетахъ было напечатано извѣстіе объ отбѣздѣ моего жениха съ одной молодой дѣвушкой, на которой онъ, будто-бы, женится. Официальное сообщеніе подтвердило отбѣздъ, я повѣрила измѣнѣ, и понемногу стала привыкать къ мысли сдѣлаться вашей женой. Я не могла не замѣтить вашихъ достоинствъ...

— Дорогая принцесса!..

— Я не комплименты вамъ говорю, я называю факты. Въ одинъ прекрасный день я отдала вамъ мою руку. Сегодня утромъ мы были обвѣнчаны; двѣ церемоніи насъ связали, я начинала гордиться, что ношу ваше имя, какъ среди поздравленій я получила письмо, изъ котораго узнала, какъ меня жестоко обманули. Мой бывший женихъ дѣйствительно уѣхалъ, но уѣхалъ въ отчаяніи, прочитавъ въ «Фигаро», что я вышла за маркиза Сень-Шамана!

— Маркиза Сень-Шамана?

— Не ищите, это имя фальшивое, какъ и все, что мнѣ сообщали.

— Но какъ-же «Фигаро» помѣстило подобное извѣстіе? Какъ оно не опровергло его на другой день?

— Это извѣстіе было напечатано только въ нумерѣ, посланномъ въ Чикаго; я видѣла нумеръ «Фигаро» отъ того-же числа, взятый прямо въ редакціи, и въ немъ ничего похожаго нѣтъ. Кто придумалъ этотъ жестокий обманъ, которому мы оба повѣрили? Несомнѣнно, что главное участіе принимала въ этомъ миссисъ Дерсонъ, которая никогда не могла мнѣ простить, что я отвергла всѣ ея попытки обратить меня въ протестантство. Но, Богъ ей Судья, не это мучить меня теперь. — И она въ упоръ смотрѣла на своего мужа, протягивая къ нему умоляющія руки: — Покаянникъ, принцъ, что вы ничего не знали объ этомъ заговорѣ противъ моего счастья?

— Признаюсь, принцесса, — отвѣчалъ Робертъ, — я такъ пораженъ всѣмъ, что вы мнѣ рассказали, что ничего не могу сообразить. Не преувеличиваете-ли вы?

— Я ничего не преувеличиваю, дѣло было такъ, какъ я вамъ рассказала, и теперь я хочу услышать только вашу клятву.

— Увѣряю васъ, что я ничего не зналъ.

— Вы поклянетесь?

— Безъ сомнѣнія!

— Вашимъ именемъ и честью?

— Моимъ именемъ и честью!

Джэнъ въ эту минуту была замѣчательно хороша, и принцъ съ трудомъ могъ на столько оправиться, чтобы произнести свою ложную клятву, правда, — ложную относительно, потому что всего онъ не зналъ.

— Слава, тебѣ Господи! — вскричала Джэнъ, съ торжествующимъ видомъ, радостно протягивая ему руку.

— Миссъ Гаррисъ позволяетъ мнѣ надѣяться, — спросилъ онъ заискивающимъ тономъ, — что она не долго будетъ жалѣть, что сдѣлалась принцессой?

Эти слова произвели непріятное впечатлѣніе на Джэнъ, которая сказала:

— Я вѣрю вамъ и вашему слову, но дайте мнѣ нѣсколько дней покою, я столько сегодня вынесла...

— Но, Джэнъ!...

— Ни слова! Оставьте меня одну, умоляю васъ!...

— Ваши желанія равносильны приказанію, — сказалъ Робертъ, цѣлуя руку своей жены, и поклонившись, вышелъ.

— Слава Богу! — вскричала принцесса, подходя къ камину и нажимая пуговку электрическаго звонка.

Мари прибѣжала на звонокъ и сѣла подлѣ своей воспитанницы, которая рассказала ей свой разговоръ съ принцемъ.

— Вы видите, Мари, судьба еще милостива ко мнѣ.

Если бы обѣ молодыя женщины въ эту минуту взглянули въ окно будуара, онѣ видѣли бы тѣмъ, пробравшуюся между деревьями парка. Уйдя отъ жены, принцъ прошелъ къ себѣ, походилъ изъ угла въ уголъ, сильно волнуясь, тревога была написана на его лицѣ, онъ испытывалъ досаду, униженіе, а отчасти и стыдъ. Эта молодая дѣвушка, — его жена, — дала ему суровый урокъ. Онъ чувствовалъ, не желая въ этомъ сознаться, на сколько она выше его. Его самолюбіе, гордость, тщеславіе были унижены, а онъ такъ былъ увѣренъ, что легко справится съ этой дѣвочкой, и видѣлъ уже въ ней легкую побѣду. А вышло наоборотъ! Неужели онъ, Робертъ, у котораго самая красивая любовница въ Парижѣ, беззаконно допустилъ такое оскорбленіе въ

день своей свадьбы, — если это узнать, на него пальцами станутъ показывать! Ну, нѣтъ! И онъ поспѣшно переодѣлся, отворилъ изъ курительной дверь въ паркъ, и потихонечку вышелъ въ калитку на противоположной его сторонѣ, взявъ фіакръ и поѣхалъ къ Ленѣ. А если ее нѣтъ дома? Если она уѣхала къ кому-нибудь другому. Или она не одна? Нѣтъ, это невозможно! И Робертъ, отмахиваясь отъ ревнивыхъ мыслей, поспѣшно позвонилъ, а когда ему отворили, пробѣжалъ черезъ всѣ комнаты прямо въ египетскій будуаръ, гдѣ Ленна, полураздѣтая, лежала и мечтала. Увидавъ молодого человѣка, она бросилась къ нему.

— Робертъ, ты? Какими судьбами? — спрашивала она, покрывая его поцѣлуями.

— Я люблю тебя, одну тебя, я дня не могу безъ тебя прожить!

— А она? Она?

— Я знаю только тебя, — вскричалъ онъ, обнимая ее.

А въ это время Джэнъ мысленно съ молитвой обращалась къ своей матери, прося ее благословить ея бракъ и дать ей силы забыть того, кого она не имѣла права любить.

Въ клубахъ между тѣмъ говорили о прелестной американкѣ, подхватившей знатнаго мужа.

VIII. Затѣи принца.

Въ Парижѣ дней двѣнадцать только и говорили о бракѣ миссъ Джэнъ Гаррисъ съ принцемъ де-Саллернъ. Въ клубномъ, спортивномъ и галантномъ свѣтѣ къ этому браку относились легко, находя, что принцъ былъ въ правѣ позолотить свой гербъ; но не такъ смотрѣли на вещи въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи. Тамъ находили бракъ принца постыднымъ, говоря, что онъ цинично продалъ свое имя, когда всегда могъ найти невѣсту равную себѣ, хотя можетъ быть не настолько богатую, впрочемъ здѣсь отчасти говорила досада и зависть — у однихъ были взрослые дочери, потерявшія надежду прелестить принца, а у другихъ взрослые сыновья, которымъ было обидно, что такое счастье выпало не на ихъ долю. Недѣли черезъ двѣ, однако, объ этой свадьбѣ перестали говорить, а черезъ мѣсяцъ Максимъ Гаррисъ собрался въ Америку, — тяжело разставаться съ своими дѣтьми, но дѣла!.. Въ дѣйствительности же тщеславный американецъ спѣшилъ собрать поздравленія своихъ соотечественниковъ по поводу блестящаго замужества дочери.

Въ день отъѣзда тестя, зять сдѣлалъ прощальный обѣдъ, на который пригласилъ герцога де-Можоля, графа и графиню де-Пенгре и Армана Марга; баронъ Пьеръ Марга держался въ сторонѣ и избѣгалъ встрѣчи съ Гаррисомъ, хотя у него часто являлась фантазія вдругъ появиться передъ нимъ и посмотреть, какую мину сдѣлаетъ привидѣ его бывшій искатель золота и хозяинъ игорнаго дома. Конечно, могло случиться, что добродушный янки, привыкшій ничему не удивляться, протянетъ ему руку и въ восторгѣ засвиститъ американскій національный гимнъ. Но могло случиться и противное.

Обѣдъ былъ очень веселъ, тосты слѣдовали за тостами, и Гаррисъ, не смотря на крѣпкую голову, былъ нѣсколько пьянъ. Ему вдругъ захотѣлось прощаться съ предками принца и принцессы, — въ сопровожденіи всего общества онъ отправился въ портретную галерею и, останавливаясь передъ каждымъ портретомъ, кланялся ему, между тѣмъ какъ Арманъ рассказывалъ краткую біографію изображеннаго лица. Передъ портретами папы и кардиналовъ Максимъ набожно склонился. Принцъ

и Марга едва удерживались отъ смѣха. Герцогъ де-Можоль былъ видимо опечаленъ этой сценой, его серьезный видъ заставилъ Джэнъ внимательно оглядѣться. Она замѣтила, что надъ ея отцомъ смѣются, подошла къ нему, взяла его подъ руку и увела.

Когда она осталась одна, ей сердце больно сжалось. Какъ, ея мужъ, котораго она считала такимъ порядочнымъ, оказывался на столько неблагодарнымъ, что поднималъ на смѣхъ человѣка, обогатившаго его. Пожалуй, и ея такая-же участь ждетъ въ этомъ свѣтѣ, куда ее хитростью заставили вступить! Печальныя мысли не дали ей спать и послѣдствіемъ было охлажденіе отношеній къ мужу, принимавшихъ довѣрчивый характеръ. Она провожала съ мужемъ своего отца до Гавра, съ которымъ такъ нѣжно прощалась, что нѣсколько даже удивила его. Мари оставалась въ Парижѣ, Гаррисъ не забылъ ее и передъ отъѣздомъ назначилъ ей десять тысячъ франковъ пожизненнаго дохода. Принцъ все-же считалъ нужнымъ нѣсколько ухаживать за тестемъ и обѣщалъ привезти на будущій годъ свою жену въ Чикаго, чѣмъ привелъ того въ совершенный восторгъ.

Черезъ десять дней Гаррисы, братъ и сестра, были уже въ Чикаго. Торнеръ, предупрежденный телеграммой, встрѣтилъ ихъ на вокзалѣ, то-есть встрѣтилъ Джэ, которому сѣвши сдѣлать сцену; онъ ее готовилъ съ того дня, когда Джо написалъ ему, что не желаетъ выдавать дочь за Марселя Рено, а особенно послѣ того, какъ Рено показалъ ему извѣстіе въ «Фигаро», что Джэнъ вышла замужъ за маркиза, а въ чикагскихъ газетахъ было напечатано, что она выходитъ за принца. Разобраться въ этой путаницѣ онъ былъ не въ силахъ, но предчувствовалъ, что дѣло было не совсѣмъ чисто. И потому, едва они пріѣхали, Самъ потащилъ Джо въ курительную, заперъ дверь подъ носомъ у тетки Пальмиры и сказалъ ему:

— Я требую извѣстій о Джэнъ и хочу знать, когда и за кого она вышла замужъ? Два мѣсяца тому назадъ я за маркиза, или теперь недавно и за принца и почему ее не зовутъ просто госпожа Марсель Рено?

Гаррисъ готовился къ этимъ вопросамъ и спокойно отвѣчалъ:

— Я ничего не понимаю, что ты тамъ толкуешь съ твоей маркизой? Джэнъ, мѣсяцъ тому назадъ, вышла замужъ за принца де-Саллернъ-Монсерратъ, герцога де-Блэзъ, графа де-Ренвель и мн. др. Что касается до того, почему я не хотѣлъ имѣть зятемъ господина Рено, — это мое дѣло. Я исполнилъ волю Фанни, выдавъ дочь за француза, какъ я и обѣщалъ ей! Если я встрѣчу консула, я ему это напомнимъ.

— Если ты встрѣтишь господина Рено?

— Ну да! Это можетъ случиться каждую минуту.

— Развѣ ты не знаешь, что уже два мѣсяца, какъ онъ уѣхалъ?

— Уѣхалъ?

— Черезъ два или три дня послѣ того, какъ прочелъ въ «Фигаро», что Джэнъ вышла замужъ за маркиза де-Сенъ-Шамана! Ты развѣ не зналъ?

— Не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

Максимъ Гаррисъ дѣйствительно ничего не зналъ. Извѣстіе объ отъѣздѣ было имъ выдуманно и напечатано по его приказанію; случайное совпаденіе поразило его. Удивленіе его усилилось, когда Самъ прибавилъ:

— Бѣднякъ отправился въ Миннеаполисъ, чтобы черезъ Ванкуверъ проѣхать въ Китай или Япоцію, не знаю куда!

У Максима чесался языкъ спросить: не уѣхалъ-ли Рено въ обществѣ инженера Сартона и его дочери Ады, но онъ промолчалъ, радуясь только, что такъ удачно угадалъ и что избавился отъ непріятной встрѣчи съ Рено.

— Все равно! Джэнъ принцесса и на будущій годъ пріѣдетъ въ Ньюпортъ.

Развалившись въ своемъ курительномъ креслѣ, онъ засвисталъ мелодію джиги, взглядомъ приглашая Торнера принять участіе.

— Я составлю тебѣ партію, когда буду убѣжденъ, что Джэнъ счастлива!

Замужество Джэнъ составляло съ тѣхъ поръ предметъ многихъ ссоръ и споровъ между двумя кузенами.

Проводивъ отца, молодые супруги вернулись въ Парижъ въ весьма различномъ расположеніи духа. Джэнъ горевала и не могла забыть сцены въ портретной галлерей, а принцъ радовался, что избавился, наконецъ, отъ постоянныхъ «милѣйшій принцъ, мой зятекъ», и «ваша жена, принцесса, моя дочь» и слѣшилъ устроить себѣ скорѣе жизнь женатаго холостяка, о которой мечталъ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія освободиться изъ подъ вліянія Лены, говорившей, что даетъ ему свободу только пока тестъ не уѣхалъ изъ Парижа: «тебѣ нужно ухаживать за нимъ».

Задача принца де-Саллерна была оставаться вполне корректнымъ мужемъ,—онъ не хотѣлъ терять ни уваженія, ни довѣрія женщины, принесшей ему состояніе, — и въ то же время быть внимательнымъ и страстнымъ любовникомъ, который умѣетъ заслужить прощенье за законную невѣрность. Его тянула еще третья страсть—игра, къ которой онъ пристрастился. Чтобы справиться со всѣмъ этимъ и выйти сухимъ изъ воды, нужно было имѣть недюжинный умъ и обладать особенною способностью владѣть собою. Но Робертъ былъ только тщеславенъ и гордъ и не зналъ удержа своимъ стремленіямъ къ роскоши и удовольствіямъ. Если-бы онъ не встрѣтился съ Леной и женился-бы въ своемъ кругу на дѣвушкѣ съ хорошимъ, но обыкновеннымъ приданымъ, ничего выдающагося-бы онъ, правда, не сдѣлалъ, служить не сталъ-бы, а жилъ-бы, какъ одинъ изъ многихъ честныхъ, но вполне безполезныхъ членовъ французской аристократіи, ничего не дѣлающихъ изъ дурно понятой гордости.

Превращеніе принца шло довольно медленно,—онъ былъ на столько хорошо воспитанъ, что еще заботился объ общественномъ мнѣніи, и на столько обладалъ нравственнымъ чувствомъ, что заботился о соблюденіи приличій, особенно относительно принцессы. Изъ милліона, полученнаго передъ свадьбой, у него едва оставалось триста тысячъ, на остальные онъ выкупилъ свой дворецъ, отдѣлалъ его, поднесъ свадебную корзинку своей женѣ и купилъ въ улицѣ Спонтини прелестное гнѣздышко для Лены. Оставшіяся деньги онъ назначилъ для игры. Но кромѣ того у него было шестьсотъ тысячъ долларовъ ежегоднаго дохода, онъ зналъ, что Джэнъ не станетъ спрашивать въ нихъ отчета, особенно если онъ установитъ постоянный бюджетъ. Съ этой цѣлью онъ пришелъ къ Джэнъ, дня черезъ два послѣ возвращенія въ Парижъ.

— Теперь мы одни, дорогая принцесса,—сказалъ онъ,—какъ устроимъ мы нашу жизнь? Я хочу, чтобы вы были счастливы и довольны.

— Благодарю васъ, другъ мой,—отвѣчала молодая женщина,—я вполне на васъ полагаюсь, ваши парижскіе обычаи мнѣ совершенно чужды.

— Значитъ, сдѣлаемъ такъ. Прежде всего

вы должны назначить пріемный день, конечно, не одинъ изъ оперныхъ дней, потому что ложа, въ которой я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ въ первый разъ, принадлежитъ намъ. Затѣмъ каждое утро, въ хорошую погоду, мы будемъ кататься верхомъ. Намъ придется сдѣлать множество визитовъ, мы едва познакомимся съ четвертою частью родныхъ и знакомыхъ, съ которыми намъ нужно поддерживать сношенія. Впоследствии мы будемъ принимать, но это позднѣе. Мнѣ было бы очень пріятно, если бы вы взяли на себя хозяйство, но у насъ во Франціи въ нашемъ кругу это не водится, и потому я васъ избавлю отъ этихъ хлопотъ. Поговоримъ теперь о нашихъ финансахъ. У насъ болѣе полумилліона дохода, не считая моего личнаго небольшого состоянія, и вы мнѣ доставите большое удовольствіе, если будете законодательницей моды. Конечно, вамъ будетъ всегда открытъ кредитъ у вашихъ поставщиковъ. Но каждый мѣсяцъ, мое дорогое дитя, я вамъ буду давать сто фундировъ на булавки, хотя разумеется это не будетъ значить, что если вы попросите денегъ черезъ двѣ недѣли, вы получите отказъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Веселый мотивъ. Съ акварели художника Л. Лангеманеля.

Къ двумъ хорошенькимъ молодымъ дѣвушкамъ, занятымъ шитьемъ и вязаньемъ, присосѣдился веселый-знакомый и забавляетъ ихъ, играя на гитарѣ. Онъ собирался куда-то идти, даже взялъ съ собою узелокъ, но, зайдя къ веселымъ сосѣдкамъ, засидѣлся довольно долго. Подъ его привычными пальцами гитара поетъ увлекательно и живо мотивъ веселой, бойкой пѣсенки. Слушательницы тоже съ удовольствіемъ слѣдятъ за звонкими перебивками знакомой пѣсенки. Одна даже опустила на колѣни недовольный чулокъ. Кто-то, привлеченный также треньканьемъ гитары, улыбаясь, выглядываетъ изъ дверей и готовится присоединиться къ веселому обществу.

Лунная ночь. Съ новой картины профессора Ю. Ю. Клевера.

«Спать рѣчка и спать камыши;
Осенняя ночь такъ ясна;
Не видно кругомъ ни души,
Лишь птица ночная одна
Летаешь неслышно въ тиши.

Въ рыбачей избѣ—огонекъ
Мерцая, сіяетъ порой;
Надъ трубами вѣетъ дымокъ,
И спать, озаренный луной,
У берега старый челнокъ».

Что-то изъ него будетъ? Съ картины художника М. Малышева (выставка картинъ русскихъ художниковъ въ Спб. 1896 г.).

Уютный кабинетъ оглашается веселымъ смѣхомъ, звонкими криками и беззаботнымъ лепетомъ ребенка, играющаго на большомъ пушистомъ коврѣ. Большой бѣлый котъ служитъ товарищемъ въ играхъ хорошему мальчугану. Они вмѣстѣ забавляются воздушнымъ шаромъ. Кромѣ того, на коврѣ разбросано много игрушекъ, картинокъ, палочекъ. На играющаго ребенка, задумавшись, смотрятъ молодые отецъ и мать. Они любятъ своимъ первенцомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на сердце имъ невольно ложится тяжелая забота. Какъ беззаботно и счастливо это дитя теперь! Но кто знаетъ, что ждетъ его въ будущемъ... Можетъ-быть, его встрѣтитъ на жизненномъ пути неудача, можетъ-быть, нищета и боль?.. Кто разгадаетъ тайну загадочной судьбы, кто предскажетъ ее? И задумчиво глядятъ родители на веселое дитя, стараясь угадать, «что изъ него будетъ»... О, если бы родители могли по собственному желанію направлять жизненный путь своихъ дѣтей! О, если бы они могли предвидѣть всѣ случайности, всѣ пропасти и запад-

ни, подготавливаемая хитрою и лукавою насмѣшливою-жизнью. Каждый неосторожный поступокъ, излишнее благовѣіе, ребенокъ или излишняя строгость съ нимъ—могутъ развить изъ него еще несформировавшегося характера дурныя изклонности. Трудъ воспитателя—самый тяжелый и отвѣтственный въ мірѣ. И вотъ эти молодые родители, слѣдя за ребенкомъ, думаютъ: будъ-ли онъ любить память отца и матери, будъ-ли помнить ихъ заботы. Не обвинять-ли онъ, если-будетъ несчастенъ, ихъ въ этомъ? Тяжелые вопросы,—и ничѣмъ не отвѣтитъ на нихъ пока играющій ребенокъ. Картина эта на выставкѣ обращала вниманіе публики, какъ хорошимъ выполненіемъ, такъ и интереснымъ содержаніемъ.

Черезъ рѣку. Съ картины художника А. Ланши.

Грусть ясно написана на лицахъ этихъ двухъ женщинъ, которыхъ лодочникъ перевозитъ черезъ рѣку. Женщины одѣты въ костюмъ жителей бѣлгійскаго провинціального городка. Рядомъ въ лодкѣ лежатъ ихъ скудные пожитки. Одна женщина постарше, въ траурѣ. Вѣроятно, это вдова, недавно потерявшая мужа-кормильца. Ей съ дочерью приходится теперь искать заработка въ чужихъ мѣстахъ. Молодая дѣвушка очень печальна; тяжело разставаться съ родной страной, съ друзьями и знакомыми. Но старуха-мать одобряетъ ее, старается вдохнуть надежду въ душу дочери. Грустно и долго тянется медленный перѣздъ черезъ рѣку...

Верховая прогулка. Съ картины профессора С. Аллемана.

Небольшая, но красивая и блестящая кавалькада всадниковъ пробирается въ ясный день по лѣснымъ полянкамъ. Двѣ очаровательныя, граціозныя amazonки и ловкій кавалеръ на горячемъ конѣ, перегоняя другъ друга и ведя веселую бесѣду, наслаждаются прекрасной прогулкой. Красивая легкая левретка примкнула тоже къ этой кавалькадѣ, слѣдуя за лапкой за своей молодой хозяйкой. Но вотъ по дорогѣ встрѣтился неширокій, но быстрый ручей, черезъ который лхія кони, конечно, перенеслись въ одно мгновеніе. Но собачка, на своихъ ифжнхъ лапкахъ, боится вступить въ воду; она боится холода и шума ручья, она такъ изнѣжена и избалована, что малѣйшая непріятность страшитъ ее. Хозяйка собачки непременно хочетъ заставить свою любимицу перепрыгнуть черезъ ручеекъ, и ея компаньоны тоже, смѣясь, глядятъ на капризное животное. Веселая прогулка еще болѣе оживляется этимъ комическимъ эпизодомъ.

Сельскій виртуозъ. Съ картины художника А. Козакевича.

Стадо овецъ разсыпалось по пастбищу въ ясный, осенній денекъ и наслаждается, хотя уже пожелтѣвшей, но еще сочной и вкусной травой. Стая птицъ, готовая къ отлету въ дальній край, кружится въ свѣтломъ небѣ. Пастухъ этого блаженствующаго стада тоже развлекается по своему, занявъ музыкой. Нехитрый, самодѣльный инструментъ его—деревянная свирѣль—издаетъ простые мечтательные мелодичные звуки. И въ этой простой обстановкѣ пустынного, осенняго дня, незатѣливый наивный мотивъ пастушеской свирѣли какъ нельзя болѣе на мѣстѣ. Лицо молодого виртуоза, полускрытое полями широкой шляпы, грустно и мечтательно. Задумчиво глядя въ большіе глаза на бѣдный осенній пейзажъ, лова блѣдную красоту кончающейся осени.

Съ виноградомъ. Съ картины художника К. Вюнненберга.

Осень... Осень... Сочные гроздья спѣлаго винограда уже не скрываются за зелеными листьями. Бѣлыя стѣны террасы отбѣгаютъ красные цвѣты желтѣющей листвы. И вотъ среди блеска осенняго яркаго солнца фантазія художника рисуетъ намъ чудный полувоздушный образъ молодой дѣвушки. Это—сама фея осени, олицетвореніе нѣжныхъ оттѣнковъ природы, это—живая статуя! Медленно сходятъ она по широкимъ ступенямъ, граціозно держа на лебединой шеѣ прекрасную стройную голову съ глубокими глазами. Широкая складка свободной одежды облегаютъ ея стройное тѣло. Въ рукахъ она несетъ полную корзину спѣлаго винограда, и матовый темный цвѣтъ сочныхъ ягодъ отбѣгаетъ ея блѣднѣющія руки. Это не Церера—богиня осени; это юная Прозерпина—дочь ея, еще не похищенная Паутономъ, наслаждающаяся красотой природы. Видно, дѣло происходитъ на югъ; день жарокъ, осень мягка... Много поэзіи вложено художникомъ въ эту картину...

ПУТЕШЕСТВІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Отъѣздъ Ихъ Величествъ изъ Копенгагена.—8-го (20-го) сентября въ 10½ час. Ихъ Императорскія Величества въ сопровожденіи королевской фамилии изволили отбыть изъ замка Бернсторфъ въ Копенгагенъ. По прибытіи въ Копенгагенъ Ихъ Императорскія Величества въ сопровожденіи королевской фамилии отправились на Императорскую яхту «Штандартъ». Королевская фамилия оставила яхту въ 11¼ час. при салютѣ съ русскихъ судовъ. Въ 12¼ ч. яхта «Штандартъ» ушла въ море, но безъ салюта, такъ какъ на пей не былъ поднятъ Императорскій штандартъ. За рейдомъ ожидала «Штандартъ» яхта «Полярная Звѣзда», которая была назначена конвоировать «Штандартъ» до Лейса. Ихъ Величества, выѣхавъ изъ Копенгагена на яхтѣ «Полярная Звѣзда» и прибывъ въ Лейсъ, были встрѣчены ихъ королевскими высочествами, герцогомъ Коннаутскимъ и герцогомъ Йоркскимъ, которые привѣтствовали Ихъ Величества отъ имени королевы англійской. Маркизъ Салисбюри, въ качествѣ лорда-лейтенанта Мидлотіала, сопутствовалъ ихъ королевскимъ высочествамъ. Изъ Лейса Ихъ Величества отбыли съ экстреннымъ поѣздомъ въ Баллатеръ, гдѣ Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица были приняты принцемъ Уэльскимъ, окруженнымъ высшими придворными сановниками, послѣ чего кортежъ отбылъ въ замокъ королевы Викторіи, въ Бальморалъ.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ ПАРИЖА КЪ ВСТРѢЧѢ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Парижъ дѣятельно готовится къ встрѣчѣ Высочайшихъ Гостей, и вся Франція горитъ нетерпѣніемъ выразить Имъ свою любовь и радость. Ихъ Величества пробудутъ въ Парижѣ трое сутокъ. По прибытіи Государь Императоръ сдѣлаетъ президенту республики официальный визитъ, на который тотъ тотчасъ же отвѣтитъ. Вечеромъ состоится обѣдъ въ Елисейскомъ дворцѣ, послѣ обѣда парадный спектакль въ театрѣ «Оперы». Слѣдующій день посвящается осмотру достопримѣчательностей Парижа. Въ тотъ же день Ихъ Величества будутъ присутствовать на засѣданіи французской академіи и посѣтятъ парижскую ратушу, а вечеръ проведутъ въ «Comédie Française», гдѣ назначенъ spectacle de mi gala. Затѣмъ предполагается завтракъ въ Версали, за которымъ послѣдуетъ приемъ въ зеркальной залѣ. Всѣ фонтаны будутъ пущены. Послѣ осмотра Версальскаго дворца и Трианона, Ихъ Величества, въ 5 час. вечера, отбудутъ въ Парижъ и вечеромъ будутъ присутствовать на ночномъ праздникѣ на Сенѣ. Городъ будетъ иллюминированъ. Затѣмъ послѣдуетъ военный парадъ. Подтверждается, по видимому, что парадъ состоится не въ Парижѣ, а въ Шалонѣ-на-Марнѣ, и что тотчасъ послѣ парада Ихъ Императорскія Величества отправятся въ Дармштадтъ.

— Парижане уже приступили къ приготовленіямъ къ торжественной встрѣчѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Главный городской архитекторъ Буваръ заваленъ работою. Имъ и его помощниками уже составлено нѣсколько декоративныхъ проектов, которые

были подвергнуты на разсмотрѣніе русскаго посольства и имъ вполне одобрены. Фасадъ Тюльерійскаго сада, со стороны Площади Согласія, будетъ убранъ слѣдующимъ образомъ: передъ рѣшеткою сада—монументальная триумфальная арка; вдоль террасъ—декоративные мотивы изъ французскихъ и русскихъ флаговъ и орфламовъ; люстры и разноцвѣтные фонарики. Особенно блестящимъ убранствомъ будетъ, по видимому, отличаться Avenue Victoria, которая ведетъ къ городской ратушѣ. Надъ улицей, по всемъ ея протяженію, будетъ раскинутъ velum съ спускающимися внизъ баллонами. Фасадъ ратуши будетъ также роскошно убранъ, но такъ, чтобы не скрывать отъ взглядовъ его прекрасныхъ архитектурныхъ линий. Надъ среднимъ подъѣздомъ будетъ устроена обширная и изящная маркиза.

— Высочайшіе Гости будутъ присутствовать на блестящемъ парадѣ французскихъ войскъ. Относительно этого смотра въ Шалонѣ-на-Марнѣ сообщаютъ, что кромѣ войскъ 6-го армейскаго корпуса въ смотру будутъ участвовать слѣдующія части 7-го армейскаго корпуса: 60, 44, 21, 109, 35 и 42 линейные полки, 21 стрѣлковый батальонъ, 4 ѣздяція батареи 4-го артиллерійскаго полка и 1 рота 4-го сапернаго полка. Нѣкоторыя части будутъ сведены въ одну дивизію трехбригаднаго состава. Дивизіей будетъ командовать корпусный командиръ генералъ Піерровъ. Парижскія газеты высказываютъ мнѣніе, что Высочайшій смотръ въ Шалонѣ-на-Марнѣ особенно характеризуетъ сердечность франко-русскихъ отношеній и послужитъ для французской арміи великимъ отличіемъ. Войска 6-го армейскаго корпуса, которые будутъ преимущественно участвовать въ смотрѣ, состоятъ изъ самыхъ отборныхъ частей, такъ какъ корпусъ этотъ расположенъ на границѣ.

ЦЕРКОВНЫЯ ТОРЖЕСТВА ВЪ ЧЕРНИГОВѢ

Прибытіе хоругвеносцевъ.—6-го сентября въ исходѣ четвертаго часа духовенство Чернигова торжественно встрѣтило святыхъ хоругви, жертвуемая отъ общества московскихъ хоругвеносцевъ кремлевскихъ соборовъ и монастырей, казанскаго собора. На вокзалѣ хоругвеносцевъ встрѣтилъ кафедральный протоіерей съ диаконами и псаломщиками. Въ предшествіи кафедральнаго протоіерея, двѣ роскошныя золоченныя хоругви были перенесены 60 хоругвеносцами въ Черниговъ, гдѣ у Екатерининской церкви ихъ ожидало вышедшее имъ въ встрѣчу крестнымъ ходомъ все духовенство Чернигова. На пути отъ вокзала процессію хоругвеносцевъ встрѣтилъ начальникъ губерніи Андреевскій. По прибытіи хоругвеносцевъ къ Екатерининской церкви ключарь кафедральнаго собора благодарилъ ихъ за столь щедрое пожертвованіе. Благодарилъ ихъ и начальникъ губерніи. Послѣ встрѣчи при торжественномъ колокольномъ звонѣ и пѣніи «Спаси Господи» духовная процессія прошла въ Спасо-Преображенскій соборъ. Кромѣ этого, общество хоругвеносцевъ пожертвовало цѣнные сосуды, дискосъ, лажу, звѣздицу, два евангелія, двѣ лампы, крестъ масло, свѣчи и 135 руб. на масло къ неугасимой лампадѣ къ мощамъ святителя Θεодосія. Сегодня по правую сторону Спасо-Преображенскаго собора установлена роскошная серебряная рака для мощей Θεодосія, частью

вызолоченная, частью украшенная рельефными щитами и орнаментомъ въ византійскомъ стилѣ. Рака сооружена дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Артемьевичемъ Терещенко и его супругою. Внутри она дубовая, въ нее будутъ положены мощи въ новомъ кипарисномъ гробу, обитомъ снаружи и внутри золотой парчею. Въ шесть часовъ вечера, въ кафедральномъ соборѣ и всѣхъ церквахъ города было совершено заупокойное всенощное бдѣніе съ пространною панихидою, причемъ на заупокойныхъ ектеніяхъ поминается Θεодосій архіепископъ черниговскій.

Съѣздъ въ Черниговѣ.—7-го сентября, въ 9 ч. утра прибыли въ Черниговъ кievскій митрополитъ, архіепископы волынскій, одесскій, херсонскій, намѣстникъ Почаевской лавры, настоятельница петербургскаго Дѣвичьяго монастыря, товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода В. Саблеръ. На вокзалѣ они были встрѣчены епископомъ Антоніемъ черниговскимъ, начальникомъ губерніи, вице-губернаторомъ, предводителемъ дворянства и кафедральнымъ протоіереемъ. Съ вокзала митрополитъ проѣхалъ въ Спасо-Преображенскій соборъ, гдѣ передъ входомъ въ алтарь благословилъ народъ. Въ десятомъ часу, въ присутствіи начальника губерніи и другихъ властей Чернигова и прибывшаго на торжество духовенства, монашествующей братіи, хоругвеносцевъ и громаднаго стеченія богомольцевъ, въ соборѣ и во всѣхъ церквахъ города совершена послѣдняя заупокойная литургія по святителѣ Θεодосіи. Въ кафедральномъ соборѣ епископъ новгородсверскій Питиримъ произнесъ блестящее слово о значеніи торжества. По окончаніи заупокойныхъ литургій совершены панихиды съ поминовеніемъ имени св. Θεодосія, архіепископа черниговскаго. Хоругвеносцы храма Спасителя въ Москвѣ привезли жертвуемую ими къ мощамъ роскошную лампаду. Богомольцевъ ежедневно прибываетъ до четырехъ тысячъ. Городская управа желала обезпечить богомольцевъ отъ эксплоатации, перенесла свое квартирное справочное бюро на станцію желѣзной дороги, гдѣ богомольцамъ бесплатно указываются квартиры по дешевымъ цѣнамъ. Съѣхавшимся на торжество представителямъ столичной и провинціальной печати, начальникомъ губерніи выданы бѣлыя перевязи съ надписью: «корреспондентъ» на рукавѣ, служащія знакомъ для свободнаго пропуска всюду. Черниговскія дамы жертвуютъ къ мощамъ роскошно вышитыи ими коверъ.

Переоблаченіе мощей св. Θεодосія.—7-го сентября въ пещерѣ Борисоглѣбскаго собора, послѣ установленнаго молебствія, епископы черниговскій и пѣжинскій Питиримъ и новгородсверскій кафедральные протоіереи, ключарь и іеромонахъ Кіево-Печерской лавры Алексій, совершили переоблаченіе мощей святителя чудотворца Θεодосія Углицкаго, архіепископа черниговскаго. Когда съ мощей было снято облаченіе, въ которомъ они почили двѣсти лѣтъ, духовенство нашло на мощахъ святителя нетлѣнно сохранившіеся шейный крестъ на шнуркѣ и парамандъ съ отпечатанными на шелкѣ орудіями страданій Христа, который носятъ на спинѣ всѣ монашествующіе. Мощи святителя были облачены въ роскошное архіерейское облаченіе изъ бѣлой парчи съ вышитыми золотомъ цвѣтами. Панагія и митра были надѣты тѣ самыя, которыя были при погребеніи святителя въ 1696

году. По переоблаченіи, мощи возложены на обитую желтымъ шелкомъ съ цвѣтами доску. Для мощей приготовленъ новый кипарисный гробъ, обитый желтой шелковой матеріей. Въ тотъ же день изъ Москвы должна была быть доставлена серебряная рака въ 10 пудовъ. Въ двѣнадцать часовъ дня, благовѣсть въ кафедральномъ соборѣ и во всѣхъ церквахъ города созвала народъ въ храмы. Торжественную панихиду въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ служилъ епископъ Питиримъ съ духовенствомъ. Соборъ переполненъ; множество богомольцевъ стоятъ въ оградѣ храма. При поминаніи патріарха Адріана, совершавшаго хиротонію святителя Θεодосія во епископа, благочестивѣйшихъ гусударей и государынь отъ императора Петра Перваго до Александра Третьяго включительно, родителей святителя Θεодосія, іерея Никиты и Маріи, а также всѣхъ почившихъ архипастырей черниговскихъ, народъ всталъ на колѣни. Молебствіе производило на всѣхъ трогательное глубоко-религиозное впечатлѣніе.

Торжественное перенесеніе мощей св. Θεодосія.—8-го сентября, въ восьмомъ часу вечера, состоялось торжественное перенесеніе мощей святителя Θεодосія изъ пещеры Борисо-Глѣбскаго собора въ Преображенскій соборъ. Въ Преображенскомъ соборѣ собрались начальникъ губерніи во главѣ властей; среди высокопоставленныхъ пріѣзжихъ были статсъ-секретарь Дурново, т. с. Саблеръ, главный инспекторъ желѣзныхъ дорогъ Мясоѣдовъ-Ивановъ, генералъ-адъютантъ Драгомировъ, черниговскія дамы, настоятельницы женскихъ монастырей; въ алтарѣ—киевскій митрополитъ; архіепископы херсонскій и одесскій, волынскій и житомирскій; епископы самарскій, гдовскій, черниговскій, новгородсѣверскій; 9 архимандритовъ, 9 игуменовъ, всѣ настоятели черниговскихъ церквей и монастырей. Духовенство высшее было въ мантияхъ, протоіереи въ рясахъ съ епитрахилими, діаконы и псаломщики въ бѣлыхъ стихаряхъ. Послѣ совершения начала всенощнаго бдѣнія, изъ Спасо-Преображенскаго собора вышелъ крестный ходъ въ Борисо-Глѣбскій соборъ. Хоругви, кресты и фонари, украшенные цвѣтами, несли московскіе и троице-сѣргіевскіе хоругвеносцы. Впереди несли крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ—даръ къ гробу святителя отъ черниговскихъ дамъ. По прибытіи крестнаго хода къ Благовѣщенскому собору митрополитъ съ архіереями опустился въ пещеру, гдѣ окропилъ св. водою гробницу и покровы. Архіереи переложили мощи святителя въ новый кипарисный гробъ, обитый шелковой матеріей, украшенной золотымъ галуномъ; архимандриты Филаретъ изъ Почаевской лавры, Германъ изъ Новгородсѣверскаго монастыря и Евлогій изъ Выдубецкаго монастыря и старѣйшіе протоіереи, поднявъ гробъ, вынесли его изъ пещеры и храма. По установленіи на носилки, архимандриты, поднявъ гробъ съ мощами на плечи, при содѣйствіи нѣкоторыхъ богомольцевъ, понесли его вдоль монастырской ограды. Гробу предшествовалъ крестный ходъ. За гробомъ шли митрополитъ, архіепископы, епископы и съѣхавшіеся на торжество высокопоставленные лица. Во время обнесенія мощей кругомъ Преображенскаго собора процессія на каждой сторонѣ его останавливалась для произнесенія прошенія литійной эктеіи. По окончаніи прошеній, у западныхъ дверей собора была прочтена литіиная молитва «Владыко многомилостивъ», и затѣмъ гробъ былъ внесенъ въ соборъ и установленъ

посрединѣ его. Во время перенесенія мощей, всѣ стояли съ зажженными свѣчами. Вокругъ ограды и въ самой оградѣ стеченіе богомольцевъ было необычайное, было положительно некуда яблоку упасть. Говорятъ, что здѣсь собралось до 75 тысячъ человѣкъ. Когда показался гробъ изъ Борисо-Глѣбскаго собора, вся эта многочисленная толпа народа опустилась на колѣна и съ рыданіями стала возносить свои горячія молитвы Всевышнему. Большинство богомольцевъ было въ религиозномъ экстазѣ: истеричные крики и вопли раздавались всюду. Хотя духовная процессія, залитая луннымъ свѣтомъ, сильно дѣйствовала на религиозно-настроеннаго человѣка, прославляя величіе нашей православной церкви, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, масса больныхъ, калѣкъ и бѣсноватыхъ давала тяжелую картину. Послѣ благословенія хлѣбовъ, всенощное бдѣніе продолжалось въ соборѣ по уставу до полудня. Между кафизмами епископъ Антоній черниговскій сказалъ слово о значеніи сегодняшняго дня. Митрополитъ роздалъ духовенству, а архіерей народу, зажженные свѣчи, и подоидя къ гробу съ мощами, митрополитъ открылъ крышку гроба, и совершилось общее поклоненіе святителю Θεодосію. Послѣ этого пѣлись святителю величанія. По прочтеніи Евангелія, митрополитъ, архіереи, духовенство, а затѣмъ и народъ, прикладывались къ мощамъ. По окончаніи всенощной, храмъ былъ открытъ всю ночь, для поклоненія народа мощамъ святителя.

Торжественное открытіе мощей св. Θεодосія Углицкаго.—9-го сентября, въ день торжественнаго открытія мощей святителя Θεодосія Углицкаго, Черниговъ проснулся рано или, вѣрнѣе, совсѣмъ не спалъ. Всю ночь богомольцы одинъ за другимъ подходили къ гробу и прикладывались къ мощамъ. Многіе тутъ же получали исцѣленіе. Въ особенности рѣзко выдѣлилось новое чудесное исцѣленіе крестьянина орловской губерніи Діонисія Ивановича, 32 лѣтъ, который былъ разслабленнымъ послѣднія 15 лѣтъ. Принявъ вчера утромъ св. дары послѣ всенощной, онъ былъ внесенъ въ Спасо-Преображенскій соборъ къ мощамъ. Приложившись къ нимъ онъ, послѣ помазанія освященнымъ елеемъ, послѣ пятнадцатилѣтняго лежанія, всталъ съ своего ложа, чтобы воздать свою горячую молитву Творцу за чудесное исцѣленіе. Въ пещеру ввели крестьяне слѣпного мальчика лѣтъ шести, который ошупью взялъ восковую свѣчку, вставъ на колѣна передъ гробницею святителя. Дитя горячо молцлось и слезы капали изъ глазъ. Молитва безгрѣшнаго ребенка была услышана Богомъ,—онъ прозрѣлъ. Нельзя описать радость ребенка увидѣвшаго вновь свѣтъ Божій. Смотрѣть безъ слезъ умиленія на радость его и родителей не было возможности. Всѣ свидѣтели этого чуда плакали навзрыдь. Были и другія исцѣленія, но, къ сожалѣнію, ихъ не записали. Чуть показался свѣтъ, толпы богомольцевъ потянулись къ собору; часть ихъ пропикла за ограду и въ Спасо-Преображенскій соборъ, другая часть всей своей стотысячной массой встала вокругъ ограды собора сплошною стѣною. Не смотря на такое громадное стеченіе народа, порядокъ былъ всюду образцовый. Распоряжался лично начальникъ губерніи. Въ девятомъ часу утра къ собору прибыли войска: батальонъ острожскій и лудскій пѣхотный полкъ. Они выстроились въ двѣ линіи по сторонамъ воротъ, противъ входа въ Спасо-Преображенскій соборъ. Знамена

были внесены въ соборъ и поставлены у гроба святителя. Далѣе, тыломъ къ мужской гимназій, выстроились ратники ополченія призыва нынѣшняго года, собравшіеся на учебный сборъ, свободные отъ наряда. Въ парадъ войска были откомандированы на усиленіе полиціи, которой сильную поддержку оказывали конные уральскіе казаки и прибывшіе изъ Москвы жандармы. Въ 9 часовъ утра ударили въ колоколъ благовѣсть къ поздней литургии, которую совершалъ киевскій митрополитъ съ двумя архіепископами, четырьмя епископами, 9 архимандритами и массою духовенства. На маломъ входѣ съ евангеліемъ, при пѣніи «Прійдите поклонимся» священнослужители, преимущественно архимандриты, подняли кипарисный гробъ со святыми мощами и внесли его въ царскія двери въ алтарь и поставили предъ св. престоломъ такъ, чтобы лицо святителя было обращено къ престолу, какъ служащаго. За мощами въ алтарь вошли епископы, архіепископы и митрополитъ Іоанникій. Главу святителя возвысили въ гробѣ настолько, чтобы почивающій во гробѣ святитель былъ видѣнъ народу, стоящему въ храмѣ. Четыре иподіакона въ орарахъ въ продолженіе всей литургии держали надъ святителемъ съ обѣихъ сторонъ рипиды, дикірии и трикирии съ возжженными свѣчами по сторонамъ мощей святителя. Въ алтарѣ встали митрополитъ и архіереи. Въ это время въ Спасо-Преображенскій соборъ стали прибывать изъ всѣхъ черниговскихъ церквей крестные ходы съ мѣстными священниками. Въ соборъ вскорѣ были принесены чудотворныя иконы Елецкая и Троицкая. Крестные ходы медленно двигались по улицамъ Чернигова, при торжественномъ колокольномъ звонѣ. Войска отдавали честь святынямъ. Въ обычное время предъ окончаніемъ литургии, киевскій митрополитъ сказалъ высоко-знаменательное слово о нетлѣнн святыхъ мощей. По окончаніи литургии, мощи были вынесены изъ алтаря и установлены по срединѣ храма. Послѣ молебнаго пѣнія съ канономъ предъ св. мощами, тронулся изъ собора вокругъ его крестный ходъ, который какъ бы предшествовалъ св. мощамъ, которыя несли на плечахъ архимандриты въ открытомъ гробѣ. Впереди несли 46 хоругвей, много запрестольныхъ крестовъ, всѣ святыя иконы города. Въ крестномъ ходѣ, кромѣ митрополита, архіепископовъ и епископовъ, участвовало до ста священниковъ и іеромонаховъ. По пути слѣдованія крестнаго хода встали: семинарія, женское епархіальное училище, женская и мужская гимназіи, мужское духовное училище и церковно-приходскія школы города Чернигова. Позади высшаго духовенства шли статсъ-секретарь Дурново, Саблеръ, генералъ-адъютантъ Драгомировъ, начальникъ губерніи, предводитель дворянства графъ Милорадовичъ, ректоръ университета св. Владиміра, профессоръ кафедры первыхъ библей Синарскій, профессоръ Праховъ и много другихъ высокопоставленныхъ лицъ. По возвращеніи крестнаго хода въ соборъ, гробъ съ мощами святителя былъ вставленъ въ серебряную раку, между колоннами, по правую сторону собора. Митрополитъ и архіереи окружили раку, протодіаконъ возгласилъ: «паки и паки преклонимъ колѣна, святителю и чудотворцу Θεодосію помоллимся», всѣ опустились на колѣна, митрополитъ прочелъ предъ мощами молитву святителю; затѣмъ прикладывались ко св. мощамъ духовенство, власти и народъ. Колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ продолжался весь этотъ

день и слѣдующіе два дня. На торжество съѣхалось множество миссіонеровъ, которыхъ завтра принимаетъ т. с. Саблеръ. Не мало прибыло сюда раскольниковъ поморскаго и безпопоскаго толковъ изъ нижегородской и владимірской губерній; прибыли три главныхъ начетчика раскольниковъ, ихъ сопровождали миссіонеры, священники Смирновъ и Тарутинъ. Цѣль пріѣзда—убѣдиться въ пѣтлѣи мошей святителя Оеодосія. Когда они убѣдятся въ этомъ, то стоящіе за ними двѣ тысячи раскольниковъ примутъ православіе. Митрополитъ разрѣшилъ послѣ окончанія торжества открыть для нихъ ликъ святителя, дабы они увѣровали и стали-бы вѣрными сынами православной церкви.

Черниговскій кафедральный соборъ—Отнынѣ мощи святителя Оеодосія будутъ почитать со дня открытія въ кафедральномъ соборѣ Преображенія Господня. Этотъ черниговскій соборъ Спасителя есть самый древній изъ уцѣлѣвшихъ церквей русскихъ. По свидѣтельству Нестора лѣтописца, черниговскій соборъ заложенъ храбрымъ сыномъ равноапостольнаго Мстиславомъ, княземъ черниговскимъ, въ 1024 году (Кіевскій софійскій соборъ основанъ Ярославомъ, въ память побѣды 1036 г. надъ печенѣгами; новгородскій софійскій—начать въ 1045 г.). Черниговскій соборъ, несмотря на протекшіе многіе бурные вѣка, по сейчасъ сохраняетъ многое изъ сѣдой древности своей; стѣны храма толщины изумительной и изъ матеріала, по крѣпости не уступающаго желѣзу. Въ татарское нашествіе (1239) соборъ былъ опустошенъ пожа-

ромъ. Соборъ былъ много разъ возобновляемъ по возстановленіи въ Черниговѣ въ XVII вѣкѣ архіепископской кафедрѣ, хотя и поренесена она была архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ изъ Спасскаго собора въ Борисоглѣбскій монастырь; однако, церковь св. Спаса и тогда не переставала именоваться соборною. Соборъ былъ издравле усыпальницею князей черниговскихъ.

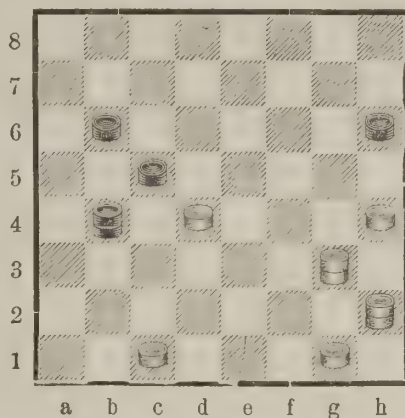
ШАШКИ.

Подъ редакціею В. П. Шошина.

ЗАДАЧА № 26.

Н. В. Петрова (въ Костромѣ).

Черныя.

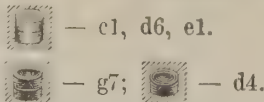
Бѣлыя.

Запереть простую.

ЭТЮДЫ И ОКОНЧАНІЯ ПАРТІЙ.

№ 12. Н. Панкратова.

Изъ „Шахматнаго Обозрѣнія“ 1892 г.

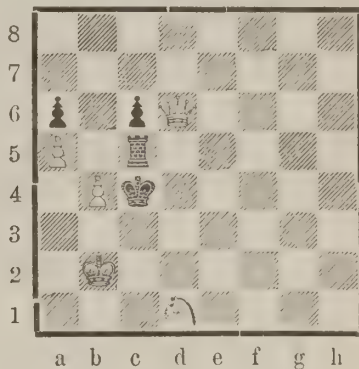
Выигривъ.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 26.

С. Лойда (въ Нью-Йоркѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Мать въ 3 хода.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

**НОВОЕ
ФРАНЦУЗСКОЕ
ПЕЧЕНІЕ**

С. С. У. К.
PETIT BEURRE
МОСКВА

С. С. У. К.

Въ конторѣ журнала „Живоп. Обозр.“ (Спб., Невскій, д. 68—40) продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ А. Михайлова.

Цена 1 руб.

№ 2305—4

ВЫИГРЫШ

и въ 1, 2 и 3 займы продаетъ

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ.

59, НЕВСКІЙ, СПБ.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

„ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА“.

Романъ изъ жизни червонныхъ вилетовъ Владимірова. Цена 1 рубль.

ФИСЪ-ГАРМОНИИ
(Harmonium)

рекомендуетъ фабрика музыкальных инструментовъ Д. А. Александрова. по самымъ дешевымъ цѣнамъ, а также и всѣ другіе музыкальные инструменты въ большомъ выборѣ лучшаго качества и цѣны дешевой.

продажа оптомъ и въ розницу.

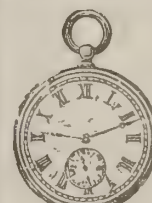
Прейсъ-курантъ высылается БЕЗПЛАТНО.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно.

ДЕПО НЕВСКІЙ пр., домъ № 57.
въ С.-Петербургѣ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскаго д. въ Генрихъ Блоккъ. — 5 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Главное депо часовъ
Эд. Вурхардъ.

Спб., Гороховая ул. у Краснаго моста, № 17.

2) по Невскому пр.

№ 6, прот. М. Морской.

Большой выборъ всевозможныхъ часовъ

лучш. фабрикъ по самымъ умѣр. цѣнамъ

Никелевые . . . съ 6 р. 50 к. до 15 р.

Серебряные (черные) . . . 10 р. — „ 20 „

Серебряные мужскіе и дамскіе . . . 12 „ — „ 75 „

Золотые мужскіе . . . 50 „ — „ 500 „

Золотые дамскіе . . . 25 „ — „ 100 „

Регуляторы 2-хъ и 3-хъ делъ . . . 7 „ — „ 65 „

Будильники . . . 4 р. 50 к. — „ 25 „

Г. Иногороднимъ высылаю наложеннымъ платежеч. Прейсъ-курантъ высылаю бесплатно. Барманные часы суммусъ-мо 10 р. высылаются почтой на счетъ моего магазина. № 1229-16

ПАМЯТЬ

„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“.

(Что такое мнемоника?) книга (плотное изданіе)

профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА

и печатными условіями за заочный (письменный) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.)

высылаются за шесть 7 коп. марк.: на веле-новой бумагѣ вытѣтъ съ условіями—за восемь 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогики. ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую, и лучшей—у обладающихъ хорошею.

Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, возницы, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безъ книгъ высылаются за одну 7 коп. марку).

Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Сип-визи Ж. О. 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ) д. Бродскаго № 6 40, кв. 4-5-8, белъ этажъ.

Профессоръ мнемоники членъ парижскаго академіи С. Файнштейнъ. № 2298-16

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золот. медалями и высшими знаками.

Косметическіе спермацетовыя, личныя

УТИРАЛЬНИКИ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліанію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 к., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 р., 4 пачки съ пер. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Главн. складъ для всей РОССІИ

А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., д. Жербина, № 2.

№ 2044—5

Около 1000 машинъ РЕМИНГТОНЪ въ употребленіи въ Министерствахъ въ одномъ Петербургѣ. ОБЩІЙ СВѢТЪ ОКОЛО 150,000.

Скрипки отъ 2 руб.

БАЛАЛАЙКИ

ХРОМАТИЧЕСКІЯ
съ 16 ЛАДАМИ отъ 1 руб. 50 коп.

Контрабасы, басы, альты, теноры, пиццолло и дисканты готовые и по заказу.

Спеціальныя СТРУНЫ для всѣхъ балалаекъ. Школы и ноты въ боль-шомъ выборѣ.

СПБ., НАВАВАННАЯ, 3—35.
Изобрѣтатель усовершенствован-ныхъ балалаекъ,
Ф. ПАСЕРБСКІЙ.

Мандолины отъ 8 руб.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ:

Въ Главной Конторѣ журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» имѣются для продажи изящные переплеты для журнала за 1895 и 1896 годъ изъ англійскаго цвѣтнаго шагреноваго колѣнкора, ти-сенные золотомъ.

Цѣна за годовой переплетъ—1 р. 25 коп.

За пересылку переплета цѣною посылкою упла-чивается на мѣстѣ полученія по наложенному пла-тежу.

Требованія просимъ адресовать: въ главную контору журнала „Живописное Обозрѣніе“, С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 68—40.

Поступили въ продажу, въ небольшомъ количе-ствѣ, полные годовые экземпляры журнала «ЖИВО-ПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», за прошлые года, а именно: за 1885, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 гг.

Цѣна за годовой экземпляръ—4 рубля.

Комплекты журнала за 1895 годъ—6 рублей.

За пересылку заказными бандеролями или посыл-кою (смотря по разстоянію), уплачивается на мѣстѣ полученія комплектовъ по наложенному платежу.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ ИНТЕРЕСНЫЙ РОМАНЪ

РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ

М. ТИХАНОВА (псевдонимъ).

«Романъ-быль «РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ» обнимаетъ почти полувѣковую жизнь одного извѣстнаго барскаго рода, въ семьѣ котораго происходила потрясающая жизненная драма. Характеры графа и графини Багрянскихъ, ихъ взаимныя отношенія, остальные дѣйствующія лица, трогательная судьба непризнаннаго сына, дѣлающагося впоследствии обладателемъ громкаго титула и миллионнаго состоянія,—все это заимствовано изъ дѣйствительнаго случая и семейныхъ документовъ, а также устныхъ разсказовъ участниковъ и личныхъ воспоминаній автора».

Романъ этотъ принадлежитъ перу одного изъ извѣстныхъ русскихъ писателей, пожелавшаго подписаться псевдо-нимомъ (384 страницы, отпечатанныхъ въ форматѣ „ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ“ и изящной оберткѣ).

Для подписчиковъ журнала «Живописное Обозрѣніе» цѣна—**ОДИНЪ РУБЛЬ**. Неподписчиковъ 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ Главной конторы за пересылку не платятъ. Книги высылаются съ первой почтой по полученіи денегъ.

Требованія просятъ адресовать въ Главную контору журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ».

СПБ., НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, ДОМЪ № 68—40.

ПОПРОБУЙТЕ МЫТЬСЯ
МЫЛОМЪ
ЮМЪ-ЮМЪ
ПАРФЮМЕРА ШЕРЪ и въ другихъ мыломъ
мыться не будете. Цѣна 20 к. за кусокъ.
Получать можно во всѣхъ аптекахъ,
аптекарихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.
Складъ въ Харьковѣ, Пассажъ,
у П. УШАНОВА.

ЗАЙКАНИЕ
Выдается основательно въ специаль-
ныя изданія Карла Эрнста. Принимаются
приходящіе и шнеллеры.
СПБ., Невскій проспектъ, 100. кв. 7.
Руководство къ самообученію 3 руб.

Новый иллюстр. описательный каталогъ
фруктовыхъ деревьевъ, исполненной земля-
ники, розамъ, многолѣтнимъ грунто-цвѣтамъ,
хвойнымъ и прочимъ растеніямъ, отпечатанъ
и высылаются по требованію бесплатно. Илю-
стрированный каталогъ Карла Геор-
гевича Меиера, Киевъ, Сырецъ, соб. домъ.

П. Борманъ

Вознесенскій пр. 38.

ДЕПО РОЯЛЕЙ и

ПИАНОНО лучш. здѣшн.

и заграничн. фирмъ.

Продажи и прокаты на

справку выдаютъ условія. №2413-4

„ГУНИАДИ
ЯНОСЪ“

представляетъ
собой продуктъ
природы, облада-
тельный дѣйстви-
тельнаго извѣст-
наго. Для нор-
мальныхъ пріема
достаточно 1/2
обычн. стакана

Просимъ обра-
тить вниманіе на
предохранитель-
ную марку
«портретъ», ко-
торая неизменно
находится на
этикетѣ каждой
бутылки настоя-
щей воды

ВЛАДЕЛЕЦЪ АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ ВЪ БУДАПЕШТѢ.
ПРОДАЕТСЯ У ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ И АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ № 2392-3

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ГИТАРЫ въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и др.
(отъ 7 р. съ механизмомъ для струнъ).
Школа по 1 р., 1 1/2 р. и 3 руб.

ЦИТРЫ въ 8, 12, 20, 30, 40, 60, 80, 100, и
125 р. Школа самоучитель 2 р. и 3 руб.

МАНДОЛИНЫ въ 8, 15, 22, 30, 50, 75, 100 и
125 р. Школа-самоучитель 2 р.

Иллюстрированный прейс-куррантъ бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО и ФАБРИКА
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 84. Москва, Кузнецкій м.,
д. Захарьина. Нижегородская ярмарка. Главный домъ
№ 59—60.

ФРИДРИХЪ ВИНТЕРЪ.

ФАБРИКА

и

ДЕПО

ЧАСОВЪ.

Невскій

проспектъ,

№ 78.

Въ

С.-Петербургѣ.

РЕКОМЕНДУЕТЪ ОГРОМНѢЙШІЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ.

Никелевые	отъ 6 р. до 20 р.	Регуляторы двухне-	отъ 15 р. до 100 р.
Стальные (перные)	8 „ 30 „	дѣльнаго завода	4 „ 275 „
Серебряные мужскіе	10 „ 100 „	Столовые часы	4 „ 100 „
„ дамскіе	10 „ 30 „	Будильники	4 „ 110 „
Золотые	25 „ 225 „	Симфоніонъ, (муз. INSTR.)	6 „ 125 „
„ мужскіе	40 „ 800 „	Полифоны	20 „ 4000 „
Стѣнные часы	2 „ 200 „	Вашенные часы	125 „ 4000 „

По желанію гг. покупателей часы высылаются съ наложеннымъ платежомъ. № 2381-1

Подробные прейс-курранты высылаются БЕЗПЛАТНО.

Поступило въ продажу во всѣхъ извѣстныхъ книж. и маг. магазинахъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА (А. МИХАЙЛОВА).

15 большихъ томовъ (по 512 стр. каждый).

Цѣна за всѣ тома—25 руб. За отдѣльный томъ цѣна—2 руб.

№ 38 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2 1/2 листовъ съ 7-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) «Еженедѣльная хроника» № 38-й и III) Обложка съ нотами «Осенніе мечты». Салонная пьеса, соч. Э. Ассева.

Дозволено цензурою. СПБ., 13 СЕНТЯБРЯ 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1896 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

— КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ: —

Въ Главной Конторѣ журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ имѣются для продажи изящные переплеты для журнала за 1895 и 1896 года изъ англійскаго цвѣтнаго шагреневаго коленкора, тисненныя золотомъ.

Цѣна за годовой переплетъ—1 руб. 25 коп.

За пересылку заказными бандеролями или посылкою (смотря по разстоянію), переплетовъ и годовыхъ комплектовъ журнала за прошлые года, уплачивается на мѣсть полученія посылокъ по наложенному платежу.

Поступили въ продажу, въ небольшомъ количествѣ, полные годовые экземпляры журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, за прошлые года, а именно: за 1885, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 гг.

Цѣна за годовой экземпляръ—4 рубля.

Комплекты журнала за 1895 годъ—6 руб.

Требованія просимъ адресовать: въ Главную контору журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“: Спб. Невскій, д. № 68—40.

Финскій заливъ. Съ акварели художника М. Бродскаго.

СЕРЕНАДА.

Дремлютъ горныя вершины
Въ этой сладостной ночи,
Дремлетъ воздухъ, спать долины,
Спать прозрачныя ключи.

* * *

Надъ лилеей бѣлоснѣжной
Блѣдный лотосъ грезитъ сны;
На груди у розы нѣжной
Спитъ зефиръ, дитя весны.

Мѣсяцъ смотритъ яснымъ взоромъ,—
Спитъ земля въ его лучахъ,
А надъ ней бредутъ дозоромъ
Тучки въ синихъ небесахъ.

* * *

Пусть-же къ нимъ на крыльяхъ ночи
Улетятъ твои мечты,
И, сомкнувши тихо очи,
Сладкимъ сномъ упейся ты.

Н. Полиловъ.

ИТОГИ ЛѢТА.

(Окончаніе).

X.

ВЪ СЕМЬ часовъ утра Гремихинъ въ сопровожденіи Колозова отправился въ лѣсъ на ту самую поляну, гдѣ на Прининъ день такъ весело праздновались проводы лѣта. Тамъ по уговору онъ долженъ былъ встрѣтить Бутырцева, и въ половинѣ восьмого между ними произойдетъ поединокъ. Гремихинъ вызвалъ Бутырцева вчера за то, что тотъ не подалъ ему руки, и получилъ согласіе. Секундантомъ Гремихина былъ Колозовъ, а Бутырцева тотъ самый отставной майоръ, который жилъ у Аркаши. Дратся рѣшено было на пистолетахъ. Колозовъ всю дорогу мрачно молчалъ и, держа на коленяхъ пистолетный ящикъ, только покашливалъ и покрывалъ. Впрочемъ, когда они уже подѣзжали къ лѣсу, онъ сказалъ:

— Съ незапамятныхъ временъ установился обычай, что стрѣляетъ первымъ тотъ, кто получилъ оскорбленіе. Зачѣмъ же вы предложили жребій?

Гремихинъ, молча, пожалъ плечами. Они уже вѣхали въ лѣсъ. День былъ пасмурный и туманный; стояла оттепель, съ деревьевъ капало, и слѣды лошадей протавлялись вплоть до земли. Гремихинъ оставилъ лошадей въ самой опушкѣ и, въ сопровожденіи Колозова, пѣшкомъ пошелъ на поляну, гдѣ должна была произойти встрѣча. Онъ былъ въ черной драповой поддевкѣ, и ему какъ будто было холодно; онъ то и дѣло пожималъ плечами, какъ бы ежась. «Неужто меня убьютъ,—думалъ онъ,—нѣтъ, этого быть не можетъ. Умирать сейчасъ было бы такъ глупо!»

И онъ, слегка поживаясь, шелъ своей торопливой и рѣшительной походкой. Съ деревьевъ монотонно падали капли. Ноздреватый съ синимъ отливомъ снѣгъ то и дѣло, хрустя, осѣдалъ по обѣимъ сторонамъ дороги.

— Главное будьте хладнокровны,—сказалъ Колозовъ,—съ незапамятныхъ временъ выигрываетъ тотъ, кто хладнокровнѣй. Здѣсь какъ въ карточной игрѣ.

«А все-таки глупо, что я предложилъ жребій,—подумалъ Гремихинъ,—очень было пужно великодушничать!»

Они уже поравнялись съ поляной; и въ эту минуту они увидѣли Бутырцева. Тотъ шелъ тоже пѣшкомъ въ сопровожденіи Аркашинаго майора на ту же поляну, приближаясь къ ней съ противоположной стороны. Лошадей своихъ онъ, очевидно, тоже оставилъ въ лѣсу. Они сошлись какъ разъ на срединѣ поляны. Бутырцевъ, нѣсколько блѣдный, молча, раскланялся съ Гремихинымъ и представилъ ему и Колозову Аркашинаго майора; при этомъ онъ такъ неразборчиво пробурчалъ его фамилію, что Гремихину показалось: «отставной майоръ Напивайтесь». Глѣбъ Николаичъ улыбнулся и подумалъ: «Да отъ него и безъ того пахнетъ водкой!»

— Скверно, что нѣтъ доктора,—сказалъ Колозовъ,—господинъ Матулайтисъ ѣздилъ за нимъ въ больницу, да не засталъ, тотъ въ отъѣздѣ.

«А, такъ его фамилія Матулайтисъ, а не Напивайтесь»,—подумалъ Гремихинъ, косясь на майора.

И онъ опять улыбнулся. «Чего онъ все улыбается,—съ раздраженіемъ подумалъ Бутырцевъ о Гремихинѣ,—кокетничаетъ своей храбростью, что-ли?» Онъ отошелъ въ сторону и, снявъ съ правой руки перчатку, сталъ обивать ею осыпавшійся на его пальто снѣгъ. Секунданты отмѣрили двадцать шаговъ, проводя по снѣгу двѣ черты поднятой вѣткой. Противники должны были стать каждый на пять шаговъ отъ черты. Метнули жребій; первому досталось стрѣлять Бутырцеву.

Колозовъ, забывая пулю, сказалъ:

— Эта дурочка всегда находитъ виноватаго!

Онъ подумалъ, пожевалъ кончики щетиныхъ усовъ и добавилъ:

— Съ незапамятныхъ временъ.

А майоръ «Напивайтесь» отвѣчалъ ему на это:

— У насъ въ полку солдатскую ружейную пулю звали Палашкой, а офицерскую пистолетную мамзель Егозель.

Бутырцевъ, поблѣднѣвъ, принялъ пистолетъ изъ рукъ майора. Тотъ сказалъ ему:

— Разстегните свое пальто, чтобы удобнѣе было цѣлить.

Дмитрій Сергѣичъ посмотрѣлъ въ его воспаленные отъ пьянства глаза и, не разстегивая пальто, сталъ разглядывать курокъ своего пистолета. Гремихинъ сдѣлалъ два шага и сталъ на намѣченное мѣсто. «Убьетъ онъ меня или только ранитъ?»—подумалъ онъ о Бутырцевѣ. И ему опять стало холодно.

Противники начали сходитьсь.

— Да разстегните же, наконецъ, свое пальто,—сердито крикнулъ майоръ Бутырцеву.

Тотъ не отвѣчалъ. Приподнявъ свой пистолетъ и щуря лѣвый глазъ, онъ осторожно ступалъ по снѣгу. Его лицо было блѣдно и сосредоточено. Колозовъ и майоръ стояли въ сторонѣ у ствола березы и переговаривались въ полъ-голоса.

— Если онъ меня не слушается, то я тутъ ни при чемъ,—говорилъ майоръ Колозову.

Надъ ихъ головами на вѣткѣ оголенной березы сидѣла сорока и, помахивая длиннымъ хвостомъ, громко тараторила о чемъ-то на своемъ непонятномъ языкѣ. Съ деревьевъ монотонно падали капли.

Бутырцевъ, щуря глазъ, осторожно ступалъ по снѣгу, оставляя за собой черные протавы до земли, слѣды. Онъ все выше и выше и выше приподнималъ свой пистолетъ, и лицо его становилось все сосредоточеннѣй. Гремихину*показалось, что на лбу и вискахъ Бутырцева крупными каплями выступилъ потъ. «Чего-же онъ не стрѣляетъ? Чего-же онъ не стрѣляетъ?»—съ тоскою думалъ Гремихинъ. И ему вспомнилось лицо Прини Львовны. «Я не хочу умирать, я не умру,—подумалъ онъ и, выставивъ впередъ свой локоть, защитилъ имъ грудь. Между тѣмъ Бутырцевъ, дойдя до намѣченной черты, слегка откинулся назадъ и выдвинулъ свой пистолетъ впередъ.

«Убьетъ или ранитъ?»—думалъ Гремихинъ, охваченный тоскою. Щелкнулъ выстрѣлъ; мимо уха Гремихина что-то неприятно свистнуло. Сорока съ крикомъ снялась съ вѣт-

ки березы и полетѣла къ лѣсу, помахивая длиннымъ хвостомъ.

— Прощай наша мамзель Егозель,—сказалъ майоръ хрипловатымъ голосомъ.

«Стало-быть, я живъ!»,—подумалъ Гремихинъ, «слава Богу!» Онъ быстро сдѣлалъ два шага впередъ, выдвинулъ пистолетъ и выстрѣлилъ. И въ ту же минуту, какъ онъ услышалъ свой выстрѣлъ, Бутырцевъ, выронивъ свой пистолетъ, пошелъ прямо на Гремихина, какъ-то смѣшно осѣдая на лѣвую ногу; на его лбу и вискахъ блестѣли капли пота, онъ какъ будто-бы улыбался. Потомъ онъ внезапно остановился и круто повернулъ вправо, но тутъ его лѣвая нога подвернулась и подсклала правую. Онъ ткнулся въ снѣгъ лицомъ.

Гремихинъ, ничего не понимая, весь блѣдный, стоялъ, опустивъ внизъ свой еще дымящийся пистолетъ.

Колозою и майоръ бѣгомъ бросились къ распростертому на снѣгу Бутырцеву.

— Неужели на смерть?—говорилъ майоръ, размахивая руками.

Гремихинъ все стоялъ, ничего не понимая.

XI.

Маргарита Оттоновна бродила по берегу рѣчки.

«Какое счастье, онъ опять любитъ меня», думала она о Бутырцевѣ. И она припоминала «вдовишникъ» Курбетовой. Въ этотъ вечеръ Бутырцевъ былъ такъ нѣженъ, такъ ласковъ, такъ внимателенъ къ ней, что ея незлобивое сердце простило ему все, растрогалось и размякло. Она готова была плакать отъ счастья.

— Вы должны простить мнѣ все,—говорилъ ей Бутырцевъ, ласково и нѣжно заглядывая въ ея глаза.—Вы должны простить меня, потому что я самъ глубоко несчастливъ. Право-же, я искренно страдаю. Я сознаюсь, что я поступалъ нечестно, но что дѣлать, я самъ ошибался въ своихъ чувствахъ. Мнѣ казалось, что я люблю Ирину Львовну. Но она насмѣялась надо мною. Въѣсть съ господиномъ Гремихинымъ они очень зло пошутили надо мною на пчельникѣ. Когда нибудь я расскажу вамъ объ этомъ! Сначала это взорвало меня. Я очень злился, но теперь я простилъ имъ; я даже благодаренъ имъ за то, что они открыли мнѣ глаза; и теперь я вижу, что люблю только васъ, моя несравненная!

Дѣвушка, припоминая все это,—задумчиво бродила по берегу рѣчки. Ея щеки разгорѣлись, и синіе глаза свѣтились счастьемъ. «Что ни дѣлается, все къ лучшему»,—думала она,—«теперь онъ мой, и я никому, никому не уступлю его! Онъ добрый, нѣжный и ласковый».

Дѣвушка остановилась, задумчиво оглядывая покрытую снѣгомъ окрестность. Кругомъ было тихо.

Мутная рѣка безшумно катилась между бѣлыхъ, покрытыхъ снѣгомъ береговъ, и ея воды казались совершенно черными. Незамерзшее озеро, лежавшее по ту сторону рѣки въ поймахъ, чернѣло за бурными кустами, какъ чернильная клякса. Маргарита Оттоновна задумчиво смотрѣла на темныя волны рѣки.

— Маргарита Оттоновна!—услышала она чей-то голосъ.

Она обернулась; на невысокомъ холмѣ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея на проѣзжей дорогѣ сидѣла въ санкахъ Серафима Веняминовна. Она дѣлала ей учкой и звала ее

по имени. Пигасъ Пигасычъ придерживалъ караковую лошаду. Маргарита Оттоновна подошла къ санкамъ.

— Слышали новость,—затараторила Серафима Веняминовна, повертываясь къ ней всѣмъ лицомъ,—слышали новость: сегодня утромъ Гремихинъ дрался на дуэли съ Бутырцевымъ и ранилъ его на смерть. Голубушка, да что это съ вами? Пигасъ Пигасычъ, придержите ее, ей кажется дурно. Голубушка, что это съ вами? Вы говорите, ничего? Ахъ, какая-же вы нервная! Такъ вотъ, Гремихинъ ранилъ Бутырцева на смерть. Бѣдный, онъ умираетъ одинъ въ своей усадьбѣ. Вѣдь у него никого нѣтъ, онъ круглый сироточка! C'est affreux! До свиданья, моя голубушка, мнѣ страшно некогда, я спѣшу къ Кукуеву.

Пигасъ Пигасычъ ударилъ возжею, и караковая лошаду рванулась впередъ. Маргарита Оттоновна стояла блѣдная и пораженная. Ея сердце мучительно замирало, горло точно перехватила судорга. «Онъ умираетъ, умираетъ!» кружилось въ ея головѣ, Серафима Веняминовна еще разъ повернулась къ ней и крикнула, махая ручкой:

— Онъ умираетъ! C'est affreux, моя милочка.

Легонькія санки исчезли подъ горою. Оттуда еще разъ долетѣлъ возгласъ уже невидимой Серафимы Веняминовны:

— C'est affreux, моя снѣгурочка!

Маргарита Оттоновна стояла блѣдная, какъ снѣгъ. «Дмитрій Сергѣичъ умираетъ»,—думала она,—и у него никого нѣтъ, онъ одинъ!» Ей опять перехватило горло; она едва не опустилась на снѣгъ. «Да что-жъ это я дѣлаю?—внезапно пришло ей въ голову,—нужно бѣжать къ нему, къ нему во что бы то ни стало. Такъ надо!» Дѣвушка, что-то шепча и вздыхая, свернула направо, завязла по колѣна въ занесенной снѣгомъ ямѣ, ткнулась руками въ снѣгъ, быстро оправилась и, выбравшись на дорогу, пустилась бѣгомъ къ усадьбѣ Бутырцева.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой,—шептала она, между тѣмъ какъ ея ноги подкашивались отъ ужаса и волненія.

До усадьбы Бутырцева было двѣ версты, и дѣвушка знала это, но теперь это разстояніе казалось ей непомѣрно длиннымъ.

— Только бы не опоздать! Боже мой, сдѣлай такъ, чтобы я не опоздала,—шептала она и бѣжала по изрѣзанной полозьями дорогѣ вся блѣдная, съ глазами полными слезъ. Порою она останавливалась и переводила дыханіе. Ей казалось, что она вотъ-вотъ задохнется. Внутри ея горла чѣмъ-то щипало, точно она наглоталась ѣдкаго дыма. Но мысль, что она не застанетъ Бутырцева въ живыхъ, гнала ее впередъ, и она снова бѣжала по дорогѣ, усталая и измученная, скользи, спотыкаясь и съ трудомъ переводя дыханіе. На самомъ крыльцѣ Бутырцеваго дома она едва не упала отъ усталости. У нея подкашивались ноги.

XII.

Уже вечерѣло, когда Ирина Львовна въ легкой драповой кофточкѣ вышла въ садъ; ей хотѣлось проститься съ садомъ, пока снѣгъ еще не глубоокъ. Она прошла липовой аллеей и сѣла на зеленую скамейку. Отсюда ей были видны вся западная часть сада, крыльцо занимаемаго Бирке флигеля и весь охваченный зарею закатъ. Стоявшія тамъ тучи малиновыя, золотистыя и фіолетовыя пылали въ огнѣ, и Ирина Львовна казалось, что это горятъ не облака, а ка-

кой-то фантастическій городъ съ золотыми обелисками и бирюзовыми дворцами. Кустъ подстриженной сирени, возвышавшейся среди куртины, весь обледенѣлый и пронизанный сіяньемъ зари, казался хрустальной люстрой, освѣщавшей садъ. Ирина Львовна смотрѣла на горѣвшія тучи и ждала Гремихина. Она была увѣрена, что онъ сегодня пріѣдетъ. «Непремѣнно пріѣдетъ»,—думала она. Она ничего не знала о его дуэли съ Бутырцевымъ, и ея глаза, продолговатые и красивые, свѣтились счастьемъ. «Какой онъ глупый»,—думала она,—«чего онъ такъ долго не ѣдетъ!» И она стала шептать слова, картавя, какъ онъ:

— Игина, негемѣнно.

Она улыбалась и смотрѣла на сиреневый кустъ, сверкавшій, какъ хрустальная люстра.

Между тѣмъ, пожаръ, охватившій западъ, постепенно гасъ; городъ догоралъ, и рубиновые угли, устилавшие его золотыя улицы, подергивались пепломъ. И въ эту минуту Югорская услышала перезвонъ бубенчиковъ; она приподнялась и увидѣла тройку гнѣдыхъ лошадей, остановившихся у подъѣзда. Гремихинъ уже увидѣлъ ее и шелъ къ ней черезъ садъ своей скорой и рѣшительной походкой. Онъ былъ въ черной драповой поддевкѣ и черной же фуражкѣ. Ирина Львовна поджидала его вся сіяющая и радостная. Приблизившись къ ней, онъ съ всѣмъ снялъ съ головы фуражку и склонилъ свою голову, какъ бы подставляя Югорской шею.

— Рубите мою голову,—сказалъ онъ,—сегодня утромъ я ранилъ на поединкѣ Бутырцева.

Ирина Львовна не понимала его. Гремихинъ повторилъ:

— Рубите же мою голову

И, не дождавшись отвѣта, онъ опустился рядомъ съ Ириной Львовной на скамью.

— Сегодня утромъ,—говорилъ онъ ей,—я стрѣлялся съ Бутырцевымъ и слегка оцарапалъ ему ногу. Бѣдняга, онъ очень нервный и отъ волненія упалъ въ обморокъ. Можете представить мое положеніе, когда онъ упалъ? Вѣдь я думалъ, что я убилъ его!

— Этого бы я вамъ никогда не простила,—сказала Ирина Львовна, серьезная и слегка поблѣднѣвшая.

— Да я никогда и не желалъ этого! Впрочемъ, дѣло обошлось, какъ нельзя лучше, я слегка оцарапалъ ему лѣвую ногу ниже колѣна. Пуля засѣла въ мякоти и уже извлечена докторомъ. Черезъ недѣлю онъ будетъ плясать мазурку. Сейчасъ я былъ у него; сидитъ въ креслѣ, блѣдный, въ бархатномъ пиджакѣ и красной шелковой рубашкѣ; ноги окутаны пледомъ, пишетъ стихотвореніе «Умирающій витязъ». Кажется, немножечко кокетничаетъ тѣмъ, что раненъ.

— Да!—ударилъ себя по колѣну Гремихинъ,—у него я засталъ Маргариту Оттоновну и, вообразите, онъ представилъ ее мнѣ, какъ свою невѣсту!

— Зачѣмъ вы были у него?—спросила Ирина Львовна и подумала: «Вотъ и Маргарита нашла свое счастье. Бутырцевъ милый и добрый, только немножко размазня».

— Зачѣмъ я былъ у Бутырцева?—переспросилъ Гремихинъ,—я заѣзжалъ къ нему просить у него прощенія. Онъ былъ очень милъ, и мы расцѣловались.

— Вы тоже милы,—сказала Ирина Львовна, просвѣтлѣвъ всѣмъ лицомъ и, какъ бы задумавшись, добавила:—Я всегда думала, что у васъ доброе и хорошее сердце.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА А. НАУМОВА.
(Право на воспроизведение въ Россіи принадлежитъ журналу „Живописное Обозрѣніе“).

На дорожку.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Л. ЗИКЪ.

(Право на воспроизведение въ Россіи принадлежитъ журналу „Живописное Обозрѣніе“).

Первобытные люди.

Гремихинъ взялъ ея руки и сталъ медленно цѣловать ихъ. Ему ударило въ голову; онъ потянулся къ молодой женщинѣ, желая привлечь ее къ себѣ. Но она отстранила его рукою и, вся серьезная, прошептала:

— Нѣтъ, это стыдно. Давайте лучше дожидаться моей звѣздочки, она сейчасъ засвѣтится вотъ здѣсь.

И она указала рукою на юго-западъ.

— Какая звѣздочка и почему она ваша?—допытывался счастливый Гремихинъ.

Ирина Львовна вздохнула.

— Этого я вамъ не скажу. Это тоже стыдно. Впрочемъ, скажу, но послѣ.

— Когда послѣ? Когда мы будемъ мужемъ и женою?—спросилъ Гремихинъ.

— А это развѣ когда-нибудь будетъ?

— Да, конечно же, будетъ!

— А кто вамъ сказалъ, что будетъ?

Гремихинъ разсмѣялся счастливымъ смѣхомъ.

— Ваши глаза.

Ирина Львовна вздохнула и прошептала:

— Ну, ужъ если глаза сказали, такъ ужъ значить это правда.

— А знаете что?—заговорилъ Гремихинъ съ улыбкой,—секундантомъ Бутырцева былъ отставной майоръ Опохмѣлитесь. Въ первый разъ отъ роду слышалъ такую фамилію!

И онъ, шутя, сталъ передавать всѣ подробности дуэли. Затѣмъ онъ забралъ ручки Ирины Львовны въ свои и снова припалъ къ нимъ. Они притихли, счастливые и радостные, среди тихаго и яснаго вечера.

Тучи совершенно гасли; фантастическій городъ догоралъ. Золотые обелиски и бирюзовые дворцы падали и превращались въ черныя и безформенныя кучи угольевъ; только кое-гдѣ огненными языками пробивалось угасающее пламя.

— Керосинъ Керосиничъ,—раздалось съ крыльца занимаемаго Бирке флигеля,—Керосинъ Керосиничъ, одолжайте мнѣ ваше ружье на одна минуточка. Керосинъ Керосиничъ, что же вы не разговариваете со мной! Керосинъ Керосиничъ!

Голосъ замолкъ. Ирина Львовна и Гремихинъ переглянулись веселые и радостные.

— Фуй, что за шельовѣкъ,—послышался тотъ же голосъ,—это все равно, какъ въ русскій пословица: «Лежить одинъ собака на сѣна, на флѣхъ ласть и фолковъ пугаетъ!»

Ал. Будищевъ.

МЕЖДУ НЕБОМЪ И ЗЕМЛЕЙ.

Повѣсть.

(Окончаніе).

НА нѣкоторое время наступила полная тишина. Я слышала только свое всхлипываніе. Прошло еще нѣсколько времени, и было тихо попрежнему. Я подумала, что Иванъ Александровичъ ушелъ, отерла слезы и осторожно повернула лицо въ ту сторону, гдѣ прежде былъ онъ. Смирновъ сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ, прислонившись спиной и затылкомъ къ стогу сѣна. Глаза его были закрыты, руки сложены на груди, ноги вытянуты по травѣ. Лицо было совершенно серьезно и какъ-то сосредоточено, какъ будто онъ думалъ о чемъ-то очень важномъ. Я первый разъ видѣла его съ закрытыми глазами и такъ онъ показался мнѣ непохожимъ на себя. Я стала искать въ немъ сходства съ поэтомъ и не нашла, онъ больше походилъ

на Андрея. То же коренастое сложеніе, тѣ же широкія плечи, высокая грудь, такая же черта между бровями, только у Андрея она едва намѣчена, а у него глубокая; такой же широкій носъ и толстыя губы. И чѣмъ больше я смотрѣла на Ивана Александровича, тѣмъ больше находила въ немъ сходства съ его младшимъ братомъ; только у того, конечно, нѣтъ морщинокъ на лицѣ, нѣтъ такихъ длинныхъ усовъ и нѣтъ сѣдины. Я поняла, почему раньше я не замѣчала въ немъ этого сходства, потому что видѣла ихъ всегда съ открытыми глазами. Глаза же у Ивана Александровича сѣрые, а у Андрея — черные, кромѣ того, у Ивана Александровича очень скверные зубы и скрываются подъ густыми усами, а у Андрея — бѣлые, здоровые, и когда онъ говоритъ, они всѣ видны.

Потомъ у этого только вѣнчикъ волосъ, а у Андрея они представляютъ густую шапку. Я только успѣла вывести это заключеніе, какъ Иванъ Александровичъ открылъ глаза и, повернувшись ко мнѣ всѣмъ корпусомъ, сказалъ, улыбаясь:

— Успокойсь, ну, и хорошо, давайте поговоримъ теперь, какъ болше, только съ условіемъ: обижаться и сердиться на меня не надо. Вы представьте себѣ, что я вашъ отецъ, и говорить будемъ такъ откровенно, какъ могъ бы только любящій отецъ съ дочерью. Хотите, можете такъ говорить со мною?!

— Хорошо, могу,—отвѣчала я.

— И на все, что бы я ни спросилъ, будете отвѣчать?

— Буду,—сказала я.

— Отвѣйте-же мнѣ, думали-ли вы, что можете выйти изъ вашей любви къ Павлу?

— Я уже сказала вамъ, Иванъ Александровичъ, что я его...

— Эхъ,—перебилъ онъ меня,—опять то же, что вы его боготворите... Ну, будьте же вполне откровенны со мною и съ самой собою. Я увѣренъ въ вашей честности, я знаю, что вы не лжете мнѣ, вы и себѣ называли это чувство—боготвореніемъ, но вы ошибаетесь, это самая настоящая любовь со всѣми ея проявленіями, какъ я успѣлъ подмѣтить. Послушайте меня, Екатерина Матвѣевна, скажите себѣ: «я не хочу его любить, онъ не стоитъ моей любви!» И полюбите Андрея.

— Еслито, что вы говорите, вѣрно, и я дѣйствительно люблю Павла Александровича, то посудите-же сами: могу-ли я приказать своему сердцу разлюбить одного и полюбить другого!—прогворила я совершенно книжно и важно.

— О, можете, сколько угодно можете, конечно, это не легко, въ особенности, если это злостное чувство успѣло овладѣть всѣмъ вашимъ существомъ, но я вижу, что вы еще не совсемъ подъ его влияніемъ. Вамъ просто хочется любить, и вы не знаете, на комъ остановить гнѣздившееся въ васъ и просившее наружу чувство. Вотъ встрѣчается, вамъ изящное и красивое существо, которое со всѣми одинаково любезно и ласково, потому что всѣмъ одинаково хочетъ нравиться, и вы на немъ сосредоточиваете вашу любовь. Вѣрите мнѣ, Екатерина Матвѣевна, любовь не есть что-нибудь особенное, которое можетъ зарождаться у однихъ и не быть у другихъ, что одинъ можетъ его вызвать, а другой не можетъ. Все это не такъ, это чувство, какъ и чувства: радость, злость, доброта и прочее, рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ и съ нимъ умираетъ. Въдѣлюбимъ жемъ мать, отца, братьевъ, сестеръ? Это то же чувство, только безъ при-

мѣси страсти, которая и играетъ самую главную роль при влюбленности. Оно также передается по наслѣдству, какъ и все остальное, и сила его проявленія зависитъ отъ субъекта, смотря какого онъ темперамента. Молодежь, обыкновенно, приписываетъ почему то только себѣ это чувство, она отрицаетъ возможность его проявленія у стариковъ, и конечно, напрасно, у людей старыхъ оно проявляется даже гораздо упорнѣе и сильнѣе. Стариковъ тутъ можно сравнить съ догорающей головней или огаркомъ, какъ тѣ вспыхиваютъ, дорогая, такъ и эти со своей любовью. И кромѣ того я еще хотѣла сказать вамъ, что можемъ-же мы справиться съ гнѣвомъ, вѣдь вы, конечно, знаете, что если-бы давать волю этому чувству, то пришлось бы кончать преступленіемъ. Не такъ-ли? А представьте себѣ, что съ гнѣвомъ намъ справляться труднѣе, потому что, болшею частью, гнѣвъ охватываетъ насъ неожиданно, а любовь никогда не проявляетъ себя вдругъ, она медленно и тихо завладѣваетъ вами; вы даже можете наблюдать ея теченіе въ себѣ, если, конечно, вы человѣкъ уже созрѣвшій и сознательный. Доказательствомъ того, что любовь не постоянна, что чувство это, оставляя одного, свободно переходитъ на другого,—могутъ служить несчастные браки. Сходятся двое истинно, повидимому, любящихъ существъ, вѣнчаются, живутъ нѣкоторое время вмѣстѣ, превываютъ другъ къ другу, вполне успокаиваются, и тогда это неясное чувство начинается снова просить удовлетворенія, и они измѣняютъ другъ другу. У живыхъ субъектовъ это алчное, прожорливое чувство постоянно требуетъ обновленія.

А эти глупые люди не понимаютъ, что съ ними происходитъ, воображаютъ, что они въ рукахъ какого-то непобѣдимаго чудовища, на котораго нѣтъ управы. Вздоръ все это, Екатерина Матвѣевна, вздоръ, голубушка, люди распускаются!!

Человѣкъ долженъ быть господиномъ своихъ чувствъ; не онъ имъ долженъ подчиняться, а они ему, такъ-то вотъ, а вы еще молодая дѣвушка и не лишенная силы воли, вы можете многое сдѣлать съ собою, если захотите, конечно. Топните хорошенько ногой и скажите: вредъ, не отдамся тебѣ на съѣденіе, пустое избалованное чувство! И вы увидите, какъ только вы скажете себѣ это, сейчасъ-же поймете, что все это было напускное и что вы уже свободны.

Я улыбнулась. Смирновъ замѣтилъ мою улыбку и сказалъ:

— Вы кажется, не вѣрите, смѣетесь, а, право, это такъ: какъ только вы увѣрите себѣ, что вы не любите его болше и перестанете думать о нашемъ позѣ, у васъ сейчасъ-же снова явится потребность любить, и тогда вы уже направьте ваше чувство на Андрея; право-же, онъ стоитъ того, а я буду у васъ всѣхъ дѣтей крестить.

Мнѣ показалось, что послѣднюю фразу Смирновъ произнесъ какъ-то особенно печально. Разговоръ нашъ былъ прерванъ, потому что насъ позвали ужинать.

Потомъ я много думала о словахъ Ивана Александровича и, конечно, ни до чего не додумалась. Время шло, Смирновъ не возобновлялъ прерваннаго разговора.

Я уже болше не мечтала о позѣ и не пылала къ нему прежней любовью, но, при воспоминаніи о немъ, у меня сжималось сердце и появлялось тоскливое чувство, какъ-будто я что-то потеряла, чего-то лишилась.

Прошло два мѣсяца. За это время я еще

короче сблизилась съ Иваномъ Александровичемъ, мы вмѣстѣ читали, много говорили и спорили о прочитанномъ. Какъ-то, въ концѣ октября мѣсяца, въ одну изъ субботъ за столомъ во время обѣда Ивана Александровичъ вдругъ обратился къ матеря:

— Маменька, я получилъ письмо отъ Андрея!

— Ну!—протянула старуха.

— Онъ боленъ и хочетъ подать рапортъ и пріѣхать сюда прожить здѣсь до января мѣсяца—отдохнуть.

— А какъ-же лекціи?

— Тутъ будетъ заниматься!

— А если не подготовится, одному безъ профессоровъ трудно заниматься? разсуждала старуха.

— Тогда останется на второй годъ,—отвѣчалъ Смирновъ.

— А можно-ли это, вѣдь онъ на послѣднемъ курсѣ?

— Устроится какъ-нибудь его дѣло.

— А чѣмъ онъ боленъ, не пишетъ?

— Сердцемъ, маменька, пишетъ, что сердцебіеніе замучило.

— Ну что-жь, пусть отдохнетъ, еще молодъ, уснѣетъ.

Разговоръ между матерью и сыномъ оборвался на этомъ, и всѣ продолжали обѣдать. Говоря съ матерью, Иванъ Александровичъ ни разу не взглянулъ въ мою сторону, но я только услышала, что Андрей пріѣдетъ, сама не знаю почему, покраснѣла и все остальное время обѣда боялась поднять глаза отъ тарелки.

Вставая изъ-за-стола, старуха обратилась къ сыну:

— А когда Андрей пріѣдетъ, не пишетъ?

— Пишетъ, матушка, но я позабылъ, потому загляну въ письмо, такъ скажу вамъ.

Вечеромъ, какъ всегда, Иванъ Александровичъ поѣхалъ провожать меня. Я сидѣла въ экипажѣ, какъ на иголкахъ, мнѣ все казалось, что Смирновъ заговоритъ со мной объ Андрѣ. Предчувствіе не обмануло меня. Когда мы пріѣхали, Иванъ Александровичъ отказался зайти къ намъ на этотъ разъ и, прощаясь, сказалъ:

— Помните, Екатерина Матвѣевна,—что я говорилъ вамъ объ Андрѣ? Подумайте хорошенько и не бѣгите его, онъ, право, хорошій малый.

Слова Смирнова такъ напугали меня, что я, какъ говорится, ходила дома сама не своя. Мнѣ очень хотѣлось посоветоваться съ кѣмъ-нибудь, но съ бабушкой я не смѣла, а съ Дуней, разъ обжегшись, другой—не рѣшалась.

Когда въ понедѣльникъ сказали, что Иванъ Александровичъ пріѣхалъ за мной, мнѣ хотѣлось сказатьсь больной и остаться дома; но когда онъ вошелъ къ намъ въ комнату, мнѣ ужасно захотѣлось спросить, пріѣхалъ-ли Андрей, и я, колеблясь, смотрѣла на него вопросительно; онъ точно догадался и отвѣчалъ на мои мысли.

— Ыдемте-же скорѣй, Екатерина Матвѣевна, маменька сегодня одна съ горничной. Анна Петровна уѣхала вчера къ Ивановымъ и не возвращалась еще.

Я быстро одѣлась и уже съ облегченнымъ сердцемъ сѣла въ экипажъ. Пріѣхавъ къ Смирновымъ, я все нашла по старому, только комната братьевъ, бывшая всегда раскрытой, теперь почему-то была заперта.

Къ обѣду Анна Петровна пріѣхала, и мы, какъ всегда, сѣли за столъ. Вдругъ старуха Смирнова поведла слѣплыми глазами—и сказала:

— Почему-же я не слышу голоса Андрея, развѣ онъ не пришелъ еще?

Я съ испугомъ взглянула на Ивана Александровича.

— Онъ сейчасъ придетъ, маменька,—отвѣчалъ сынъ и, обратившись къ Аннѣ Петровнѣ, спросилъ:

— Почему ему прибора нѣтъ?

Потомъ, обернувшись въ мою сторону, сказала, улыбаясь:

— Ахъ, я и забылъ вамъ сообщить, что вчера братья пріѣхали.

Черезъ минуту вошелъ Андрей.

Вѣжливо поздоровавшись со мной, онъ сѣлъ за столъ, и обѣдъ продолжался.

Всю эту недѣлю я боялась, что Андрей—заговоритъ со мною, и была настолько возбуждена, что старуха замѣчала мнѣ во время чтенія, что я невозможно читаю нынче: сбиваюсь и дѣлаю ошибки.

Но недѣля прошла, а мои ожиданія не оправдались. Андрей былъ вѣжливъ со мной и только. Въ субботу я, какъ всегда, поѣхала домой и, какъ всегда, меня провожалъ старшій Смирновъ.

Пріѣхавъ за мной въ понедѣльникъ, онъ сообщилъ мнѣ дорогой, что въ слѣдующую субботу не будетъ сопровождать меня, потому что уѣдетъ на мѣсяцъ въ Петербургъ, а его замѣнитъ Андрей.

Я испугалась и просила, чтобы меня лучше отпускали одну съ кучеромъ.

— Этого никакъ невозможно!—отвѣчалъ, засмѣявшись, Иванъ Александровичъ и больше ужъ во всю дорогу не возражалъ мнѣ ни на какія мои просьбы и соображенія.

Въ среду Иванъ Александровичъ уѣхалъ и я осталась одна съ Андреемъ. Мы страшно стѣснялись другъ друга. Въ субботу Андрей проводилъ меня домой, а въ понедѣльникъ пріѣхалъ за мной.

Слѣдующая недѣля прошла также обыкновенно, если не считать случая, когда Андрей пришелъ, во время моего чтенія, на верхъ къ матери и предложилъ мнѣ отдохнуть и почитать за меня. Я отказалась, онъ остался въ комнатѣ и все время слушалъ, какъ я читала. Эта недѣля окончилась поѣздкой съ Андреемъ домой.

Третья началась, какъ всегда, пріѣздомъ за мной Андрея. Во вторникъ онъ опять пришелъ на верхъ и предложилъ отдохнуть мнѣ, на этотъ разъ я приняла предложеніе и уже слушала, какъ онъ читалъ.

На другой день послѣ вечерняго чая Андрей предложилъ мнѣ вмѣстѣ прочесть очень интересный романъ, написанный однимъ его знакомымъ. Такъ какъ я давно уже стала догадываться, что Андрей вовсе не боленъ, а пріѣхалъ сюда для прирученія моей особы, я нашла нужнымъ согласиться, потому что рано или поздно намъ пришлось-бы остаться однимъ и объясненіе все равно должно-бы было состояться. Когда со стола было все убрано и прислуга разошлась по своимъ мѣстамъ, а мы остались одни въ столовой—Андрей разсказалъ мнѣ сначала, кто такой и что такое, этотъ знакомый его, и уже потомъ сталъ читать романъ. Я мало слушала, а больше разсматривала лицо Андрея. Такъ, мы читали еще два вечера, или, правильнѣе сказать, Андрей читалъ, а я разсматривала его. За это время я привыкла къ нему настолько, что когда разъ онъ не пришелъ на верхъ во время моего чтенія, то я весь день чувствовала себя очень неловко и боялась, не разсердился-ли онъ на меня за что-нибудь. Что онъ вовсе не грубъ, и что въ немъ много привлекатель-

наго, я рѣшила это давно. Въ послѣдній вечеръ во время чтенія я нашла, что лицо его такое же совершенно доброе, какъ у старшаго брата, а голосъ такой же мягкій и пѣвучій, какъ у средняго. Окончивъ чтеніе романа и не имѣя больше причины быть вмѣстѣ, мы на моментъ какъ-будто растерялись, но Андрей нашелся первый.

— Посмотрите, какая чудная ночь!—сказалъ онъ, подходя къ окну и раздвигая портьеру,—хотите, пройдемтесь немного по деревнѣ?

Ночь была дѣйствительно хороша: морозная, лунная. Я согласилась на основаніи все той же мысли, что должно же быть когда-нибудь объясненіе и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—съ плечъ долой.

Андрей приказалъ запретъ лошадей, и мы вышли на дворъ; онъ помогъ мнѣ сѣсть въ сани и, сѣвъ около меня, ловко подобралъ вожжи и погналъ коня.

Лошадь, почуввавъ управителя, сильно рванула съ мѣста, легко и быстро понесла насъ изъ воротъ по деревнѣ. Андрей ударилъ коня и направилъ его на большую дорогу черезъ поле къ лѣсу. Очутившись среди поля, я оглянулась назадъ. Дома нашего уже не было видно, а впереди и по сторонамъ чернѣла густой лѣсъ, фантастично освѣщаемый луной.

— Какъ страшно!—проговорила я невольно. Въ тотъ же моментъ Андрей бросилъ вожжи и насторожился, какъ будто ожидая, что скажу я еще.

Лошадь почувствовала, что ея не правятъ, и пошла легкой рысью.

— А съ Павломъ не было-бы страшно?—вдругъ спросилъ Андрей, совсѣмъ поворачиваясь ко мнѣ.

— Я не потому сказала, что съ вами страшно или съ кѣмъ-нибудь другимъ, а просто жутко какъ-то, когда все спитъ и мы одни среди поля, около лѣса!—отвѣчала я, сильно краснѣя.

— А сейчасъ мы будемъ среди самаго лѣса!—сказалъ Андрей и, снова подобравъ вожжи, ударилъ ими по лошади. Черезъ какія-нибудь пять минутъ мы ѣхали по дорогѣ среди высокаго и густого сосноваго лѣса.

— Но вѣдь здѣсь дѣйствительно страшно!—замѣтила я, невольно придвигаясь къ Андрею и поглядывая на высокія, темныя стѣны по обѣимъ сторонамъ.

— А чѣмъ же здѣсь такъ страшно?—спросилъ Андрей, опять ударяя по лошади.

— Да вѣдь здѣсь же волки могутъ быть?

— Ну, такъ что-жь?!—возразилъ Андрей.

— Какъ что-жь? Они могутъ напасть на насъ?

— Ну, такъ пусть насъ обоихъ ѣдятъ волки!—сказалъ онъ и бросилъ вожжи.

— Но, Андрей Александровичъ, не шутите такъ, я право боюсь начинать!

— Только еще начинаете, а съ Павломъ также боялись-бы!—спросилъ онъ снова, поворачиваясь ко мнѣ всѣмъ корпусомъ.

Я не узнавала серьезнаго и чиннаго Андрея. Это совсѣмъ какой-то другой человѣкъ сидѣлъ около меня, и голосъ не тотъ, и лицо какое-то, особенно оживленное.

— Такъ какъ же съ Павломъ такъ же боялись-бы?—повторилъ онъ вопросъ свой, не дождавшись отъ меня отвѣта.

Я нашла нужнымъ разсердиться.

— Конечно, точно также, я не понимаю почему вы тутъ приплаете Павла Александровича, и зачѣмъ вы такъ шутите со мною? Если-бы я знала, что вы пригласили меня для потѣхи, я лучше не поѣхала-бы съ вами. Я увѣрена, что ни Павелъ Александровичъ,

ни Иванъ Александровичъ не позволили-бы себѣ такъ шутить со мною!—сказала я, сердито отворачиваясь.

Андрей сразу весь измѣнился и проговорилъ нараспѣвъ, плаксивымъ голосомъ:

— Неужели вы разсердились? Миѣ хотѣлось только немножко подурачиться, повеселиться, и вы вдругъ такъ строго!

Миѣ стало смѣшно, и я пожалѣла, что погорячилась.

— Вы не дразните меня, Андрей Александровичъ, и не дѣлайте нарочно, тогда я и не буду строга!

— Долгъ платежемъ красенъ, Андрей Александровичъ!

— Ну положимъ, что такъ, но вѣдь я уже исправился и точно выполнилъ ваше желаніе, такъ вы и къ себѣ примѣните вашу посылку!

— Хорошо, извольте, вотъ видите, я никому никогда не отдаю предпочтенія, считаю это не деликатнымъ.

— Наружно да, я согласенъ, а сердечно?

— Это ужъ мое дѣло!—отвѣчала я, отвернувшись.

Андрей, серьезно, начиналъ мнѣ нравиться,

вошли въ домъ и, ограничившись однимъ рукопожатіемъ, попрощались и разошлись по своимъ комнатамъ. Войдя къ себѣ, я сѣла въ кресло и старалась припомнить и какъ можно яснѣе представить себѣ, все, что говорилось и дѣлалось во время катанья. Повторивъ всю прогулку въ своей головѣ, я не узнавала не только Андрея, но и себя. Я поняла также, что хоть говорилось и дѣлалось мало, но сказано было очень достаточно, еще даже не слишкомъ-ли много. Но я приди къ такому рода заключенію, я нисколько не жалѣла о произошедшемъ.

Передъ бурей. Съ картины художника А. Нордгрена.

— Но вѣдь вы же, правда, Павлу отдаете преимущество, развѣ я не вижу!—сказала я, опять тѣмъ-же плаксивымъ голосомъ.

— Отдавала, да!—отвѣчала я.

— А теперь, развѣ нѣтъ?—спросилъ онъ живо.

— Выѣзжайте изъ лѣсу, тогда скажу.

— Куда прикажете?

— Назадъ, на поляну!

— Скоро или тихо?

— По лѣсу скоро, а черезъ поле тихо.

Андрей ударилъ лошадь и погналъ ее, какъ то особенно пошевеливая вожжами. Мы быстро выѣхали на поле, и конь побѣжалъ легкой рысью.

— Ваше желаніе выполнено съ точностью, теперь сдержите вы свое.

— Извольте,—сказала я, съ удовольствіемъ.

— Въ настоящую минуту вы со мной одинъ, Павелъ Александровичъ далеко, такъ посудите же сами, могу ли я дѣлать сравненіе отдавать которому-нибудь изъ васъ предпочтеніе?

— А,—протянулъ Андрей,—теперь вы изволите шутить!

и эта игра доставляла мнѣ искреннее удовольствіе.

— Ну, а если я также сочту себя свободнымъ отъ даннаго слова и поѣду опять въ лѣсъ?—сказалъ Андрей и, быстро повернувъ лошадь, направилъ ее къ лѣсу.

— Тогда я скажу вамъ, что не люблю больше Павла!—сказала я, неожиданно вырывая у него вожжи, и, круто повернувъ лошадь, погнала ее обратно. Миѣ казалось, что лошадь идетъ тихо и я все время настигала ее вожжами.

— Теперь мнѣ начинаетъ дѣлаться страшно, мы такъ опрокинемся!—сказала Андрей.

— Такъ пусть же опрокинемся вмѣстѣ!—отвѣчала я и еще сильнѣе нахлестала лошадь, направляя ее на дорогу.

Мы быстро и лихо вкатили въ деревню, молча проѣхали ее и также молча въѣхали въ незакрытыя ворота нашего дома и, проѣхавъ весь дворъ, остановились у подъѣзда. Андрей первый выскочилъ изъ саней и, помогая мнѣ выйти, сильно сжалъ мои руки. Я, невольно, отвѣтила ему тѣмъ же. Мы, не разговаривая,

Еще незнакомое какое-то игривое возбужденное состояніе не покидало меня и въ настоящую минуту. Стѣны и потолокъ довольно большой и высокой комнаты тѣснили и давили меня. Я раздѣлась и легла въ постель, но спать не могла. Неужели, думала я, это любовь? Неужели Иванъ Александровичъ правъ, говоря, что направленіе чувства совершенно подчинено намъ? Я долго еще проворочалась въ постели, сравнивая свое расположеніе къ поэту съ чувствомъ къ Андрею. Я рѣшила, что тамъ было одно, а тутъ совершенно другое, и гдѣ именно любовь, я никакъ не могла разобраться! Тамъ было тихое, мучительно-пріятное состояніе и только одно желаніе близости и созерцанія любимаго предмета, теперь же было что-то жгучее, бурное, захватывающее все существо мое, что-то деспотично-демоническое и, однимъ словомъ, что-то ужасно страшное и совершенно не зависящее отъ меня. Если и то, и другое любовь, разсуждала я, тогда Иванъ Александровичъ не правъ, говоря, что характеръ чувства зависитъ отъ темперамента человѣка!

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Р. БЕЙШЛАГА.

Послѣдніе цвѣты.

вѣдь я все та-же, съ тѣмъ же темпераментомъ, а чувство къ разнымъ людямъ у меня разное.

Я уснула поздно, когда было совсѣмъ свѣтло. Утромъ за чаемъ я встрѣтила Андрея опять такимъ-же, какъ прежде, спокойнымъ и серьезнымъ. Онъ поздоровался со мною, какъ всегда, и, молча напившись чаю, ушелъ въ свою комнату. Во время моего чтенія старухѣ, Андрей опять приходилъ на верхъ и опять предлагалъ мнѣ отдохнуть и почитать за меня. Я отказалась отъ отдыха, чувствуя, что не въ состояніи буду при немъ выси-дѣть спокойно цѣлые два часа, и предпочла читать сама. Послѣ вечерняго чая Андрей подошелъ ко мнѣ и спросилъ, не хочу-ли я опять сегодня кататься.

— Сегодня нѣтъ луны!—отвѣчала я, не желая почему-то согласиться сразу.

— Но зато мы сегодня не поѣдемъ лѣсомъ, а будемъ кататься по деревнѣ,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

Я наклонила молча голову, и Андрей сей-часъ-же приказалъ заложить лошадь. Въ этотъ разъ мы выѣхали изъ воротъ тихо и легкой рысцой поѣхали по деревнѣ.

— Сегодня, Екатерина Матвѣевна, вы должны отвѣтить мнѣ на давно обѣщанный вопросъ,—сказалъ Андрей, какъ только за нами раздался тяжелый стукъ и скрипъ запирающихся воротъ. Я наклонила голову.

— Вы, конечно, знаете все, вѣдь вамъ говорилъ Ваня?—спросилъ Андрей.

Меня опять охватилъ вчерашній задоръ, и я пресерьезно—отвѣчала:

— Вѣроятно, знаю, мнѣ о многомъ гово-рилъ Иванъ Александровичъ.—

— Обо мнѣ, Екатерина Матвѣевна?

— Да, и о васъ онъ мнѣ очень много раз-сказывалъ!—отвѣчала я.

— Не шутите, Екатерина Матвѣевна, вѣдь вы обѣщали чистосердечно, отвѣтить мнѣ на мой вопросъ?—замѣтилъ Андрей, нахмури-брови.

Я ждала, что будетъ дальше, и спокойно смотрѣла въ даль.

— Вѣдь вы же знаете, что я только для васъ пріѣхалъ сюда, чтобы услышать отъ васъ да, или нѣтъ!

— Честное слово, я этого не знала. Иванъ Александровичъ говорилъ, что у васъ болѣзнь сердца и вы ѣдете сюда отдохнуть и по-лечиться!—отвѣчала я, какъ-будто ничего еще не понимая.

— Если бы я дѣйствительно была боленъ, то ужъ, конечно, не сюда поѣхалъ бы ле-читься. Вы все шутите! Бросьте этотъ тонъ и будемъ говорить серьезно! Если вы мнѣ сейчасъ скажете нѣтъ, я завтра же уѣду въ Питеръ, если да, то...—и онъ замолчалъ.

— А что будетъ, если я скажу да?

— Я не поѣду въ Питеръ и останусь еще на годъ въ академіи!

— Ну, вотъ видите, развѣ я врагъ вамъ, если я не желаю вамъ зла, а это дѣйстви-тельно такъ, то непременно должна отвѣ-тить: нѣтъ!

— Да полно же вамъ, Катя, мучить меня!—вскричалъ Андрей, повернувшись ко мнѣ и крѣпко до боли сжавъ мои обѣ руки.

— Да или нѣтъ?—спрашивалъ онъ, загля-вася въ меня глазами,—да или нѣтъ?

— Что—да или нѣтъ?

— Согласны вы быть моей женой или нѣтъ?

— Я васъ совсѣмъ не знаю, и вы меня совсѣмъ не знаете!—отвѣчала я уклончиво.

— Это все равно, васъ отлично знаетъ братъ Иванъ!

— Но я васъ не знаю! И мнѣ не братъ Иванъ дѣлаетъ предложеніе, а Андрей!—от-вѣтила я.

— Ну, скажите мнѣ: любите вы меня хоть скольконибудь, или ни чуточки?

— Кажется, чуточку!—проговорила я, на-рочно растягивая каждое слово.

— Мучительница моя!—вскричалъ Андрей, довольно грубо обнимая меня и осыпая по-цѣлуями.—Катя, милая, дорогая Катя!—шеп-талъ онъ,—мы будемъ вмѣстѣ учиться, бу-демъ работать, теперь открываются въ Пе-тербургѣ женскіе медицинскіе курсы, ты по-ступишь туда и тоже будешь докторомъ.

— А если вдругъ окажется, что я не люблю тебя?—спросила я Андрея.

— Вздоръ, кого же ты любишь тогда? Пав-лушку? Но онъ никогда никого не полюбитъ, онъ только себя любить.

— Я Павла не люблю!

— Такъ кого же ты любишь?

— А если никого?

— Не можетъ быть этого, вздоръ, меня любишь! Катя, милая, дорогая моя!—и онъ снова началъ ласкать меня.

Такъ мы ѣхали довольно долго, не обра-щая вниманія, куда и какъ идетъ лошадь. Вдругъ она остановилась, и мы опомнились. Андрей вышелъ изъ саней, чтобы лучше раз-смотрѣть мѣстность, оказалось, что лошадь остановилась передъ огромной канавой, ни вправо, ни влѣво не было проѣзжей дороги. Мѣсто было незнакомое, и мы поняли, что заблудились. Андрей повернулъ назадъ ло-шадь и сѣлъ въ сани.

— Она завезла насъ, пусть сама и выво-зитъ,—сказалъ Андрей, ударилъ ее кнутомъ и бросилъ возжи.

Обратной дорогой мы строили планы буду-щей жизни и разсуждали, какъ это все бу-детъ хорошо и отлично. Мы условились на-писать Ивану Александровичу объ оконча-тельномъ рѣшеніи нашей участи и звать его поскорѣ домой.

Матери сказать долженъ былъ по пріѣздѣ Иванъ Александровичъ, а мы пока никому ни тугу. Андрей взялъ съ меня слово гото-виться съ нимъ въ этомъ году къ вступи-тельному экзамену на медицинскіе курсы, а въ будущемъ году, уже обвѣщавшись, мы вмѣстѣ должны будемъ уѣхать въ Петербургъ. Андрей будетъ тамъ оканчивать академію, а я начинать въ ней.

На другой день все было совершенно такъ же, какъ и прежде. Встрѣтившись за чайнымъ столомъ, мы поздоровались такъ же вѣжливо, какъ всегда, только пожатіе рукъ нашихъ было крѣпче и продолжительнѣе; затѣмъ, напившись чаю, каждый отправился по сво-имъ обязанностямъ. Андрей, по обыкновенію, пришелъ на верхъ и предложилъ мнѣ почи-тать, но я отказалась. Старуха замѣтила мнѣ, что я опять что-то дурно читаю сегодня, и обратилась къ сыну.

— Это ты, вѣрно, Андрей мѣшаешь читать Катенькѣ, ты бы ушелъ лучше!

— Развѣ мое присутствіе сбиваетъ васъ?—спросилъ меня Андрей.

— Нѣтъ, нѣтъ, нисколько, я просто не-много устала!—поспѣшила я отвѣтить, не желая, чтобы онъ ушелъ.

— Ну, такъ не упрямитесь и дайте мнѣ почитать за васъ!—сказалъ онъ, подходя ко мнѣ, беря изъ моихъ рукъ книгу и указывая глазами на кресло подлѣ себя.

Я послушно опустила на указанное мѣ-сто. Андрей началъ громко читать и, не отрываясь отъ книги, отыскавъ лѣвой рукой

мою руку и все время держалъ ее въ своей. Во время перевертыванія листа онъ подно-силъ мою руку къ губамъ и цѣловалъ. Въ одномъ мѣстѣ старуха просила вернуться на-задъ на нѣсколько страницъ и перечестъ прочитанное. Перелистывая книгу, Андрей вдругъ неожиданно наклонился и совершенно беззвучно поцѣловалъ меня въ губы.

— Это ужъ слишкомъ!—проговорила я не-волью громко.

— Что такое «слишкомъ»?—переспросила старуха.

— Екатерина Матвѣевна претендуетъ, ма-менька, что я слишкомъ долго ищущу ту стра-ницу, она думаетъ, что она нашла бы ее скорѣе. Пожалуйста, Екатерина Матвѣевна, сдѣлайте одолженіе, можете отыскивать, вотъ вамъ и книга въ руки!—говорилъ Андрей и кладя ко мнѣ на колѣни книгу, поцѣловалъ меня еще разъ.

Такія шалости стали часто повторяться во время чтенія, но въ свободные часы отъ мо-ихъ обязанностей, когда старуха Смирнова заперлась у себя наверху, а мы остава-лись въ столовой одни, тогда мы серьезно занимались съ Андреемъ науками. Проэкза-меновавъ меня, онъ нашелъ, что подготовка мнѣ пужна самая незначительная. Съ каж-дымъ днемъ я привыкала къ Андрею все больше и больше, мнѣ страшно даже подум-ать стало, что онъ можетъ когда-нибудь разлюбить меня.

Скоро пріѣхалъ Иванъ Александровичъ и поздравилъ меня съ разрѣшеніемъ затрудни-тельного вопроса. Когда онъ объявилъ мате-ри, что мы женихъ и невѣста, она сказала:

— Что-жъ, Андрей не маленький, знаетъ, что дѣлаетъ, а Катенька, кажется, хорошая дѣвушка!

Затѣмъ я написала о своей помолвкѣ крест-ной, на что она отвѣтила мнѣ поздравитель-нымъ письмомъ. Въ первую субботу я раз-сказала все своимъ домашнимъ, они очень удивились и обрадовались. Не смотря на то, что я уже сдѣлалась формальной невѣстой Андрея, жизнь моя нисколько не измѣнилась. И я совершенно также проводила недѣлю у Смирновыхъ, а на воскресенье ѣздила домой. Въ будни я также читала каждый день слѣ-пой старухѣ, а Андрей смѣнялъ меня и всѣ-чески потихоньку школьничалъ и дурилъ вс время чтенія.

Наступило Рождество, пріѣхалъ Павелъ и былъ чрезвычайно удивленъ, что мы съ Ан-дреемъ женихъ и невѣста.

Когда ему сказали это, онъ сдѣлалъ удив-ленное лицо и, тихо и очень комично по-сматривая на всѣхъ, спросилъ:

— Когда же это случилось?

Всѣ слышавшіе его громко расхохотались, но Павла не смутилъ этотъ смѣхъ, онъ по-дошелъ ко мнѣ, поздравилъ меня и крѣпко пожимая мою руку, нѣжно поцѣловалъ ее.

На мои слова «благодарю васъ, Павелъ Александровичъ»—онъ замѣтилъ:

— Теперь я буду сердиться, если вы бу-дете звать меня такимъ длиннымъ именемъ—Павелъ Александровичъ, теперь я для васъ—Поль, а вы для меня—Катенька.

Въ этотъ разъ поэтъ не показался мнѣ такъ хорошъ, выраженіе грусти и задумчи-вости въ его лицѣ и глазахъ теперь смѣни-лось для меня выраженіемъ глупости. Коре-настая, здоровая и сильная фигура Андрея мнѣ казалась гораздо привлекательнѣе, чѣмъ жидкая и слая—Павла. Когда онъ, поздрав-ляя меня, нѣжно и крѣпко поцѣловалъ мою руку, а подумала: «Сотъ, если бы это случи-

лось равьше, какъ бы тогда я была счастлива!»

Праздники прошли весело и шумно. Андрей уговаривалъ меня все время вѣнчаться послѣ Рождества. По поводу вѣнчанія мы много спорили съ Андреемъ: мнѣ хотѣлось совершить этотъ обрядъ со всякими присутствующимъ ему церемоніями, Андрей же и слышать объ этомъ не хотѣлъ, онъ требовалъ, чтобы я вѣнчалась въ простомъ платьѣ, съ просто причесанной головой, безъ людей и безъ всякихъ надлежащихъ къ тому обычаевъ. Какъ-то разъ въ концѣ праздниковъ послѣ ужина и вечерняго чая, проводивъ старуху на верхъ, мы всѣ перешли въ гостиную, гдѣ ярко и весело топили каминъ.

Павелъ подѣлалъ къ фортепiano и тихо перебиралъ пальцами по клавишамъ. Онъ что-то подбиралъ и въ то же время мечтательно смѣтрѣлъ въ пространство. Иванъ Александровичъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ передъ каминомъ, а съ Андреемъ помѣстились въ отдаленномъ углу, на маленькомъ бархатномъ диванчикѣ. Андрей сидѣлъ, вытянувшись во весь ростъ, протянувъ ноги на скамейку; я примостилась около него на диванчикѣ, положивъ голову къ нему на плечо и подобравъ подъ себя ноги. Въ комнатѣ была полная тишина, только горѣвшія дрова въ каминѣ потрескивали.

— Такъ какъ же вы будете вѣнчаться, господа, со всѣми свадебными обрядами или безъ оныхъ?—раздался голосъ поэта.

— Конечно, безъ оныхъ!—сейчасъ же отвѣтилъ Андрей.

— Ну, пожалуйста, Андрей, все что угодно пусть будетъ по твоему и до вѣнчанія и послѣ вѣнчанія, только, ради Бога, согласись сдѣлать свадьбу со всѣми церемоніями!—просила я.

— Да зачѣмъ это, скажи пожалуйста? Раз-

вѣ тебѣ не все равно сдѣлаться моей женой съ церемоніями или безъ церемоній? Очень нужно разыгрывать дураковъ передъ любопытной толпой!

— Но, Андрей, вѣдь это единственная моя просьба! Я даю тебѣ слово, что ни о чемъ больше не буду просить, вѣдь это же такой торжественный день нашей жизни и вдругъ, этотъ единственный день пройдетъ незамѣченный, какъ всѣ остальные, и помянуть-то даже нечѣмъ его будетъ... Ну, пожалуйста, Андрей, согласись!—упрашивала я его.

— Большая нужда, чтобы на тебя нялилась тысяча пошлыхъ глазъ и пятьсотъ мръзкихъ языковъ пускали бы на твой счетъ грязные намеки и всякія ядовитости!

— А вы какъ бы, именно, хотѣли вѣнчаться, Катенька?—спросилъ меня поэтъ.

— Конечно, какъ всѣ вѣнчаются: въ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ, съ фатой и цвѣтами на головѣ, съ огромной толпой народа въ церкви и потомъ—на квартирѣ, съ поздравленіями шампанскимъ, съ музыкой и таццан!—объясняла я съ увлеченіемъ, горячо.

— Какой мѣщанскій вкусъ!—сказалъ громко Андрей, съ презрѣніемъ въ голосѣ.

Услышавъ это, я на моментъ совершенно растерялась. Слова: «мѣщанскій вкусъ» какъ-то сразу пришибли меня. Я вспомнила, что Андрей дворянинъ, помѣщикъ, а я дочь солдата и прачки. Мое сердце тоскливо сжалось, и вся кровь прилила къ головѣ, на глазахъ проступили слезы.

— Развѣ вы не знали, что берете въ жены дочь солдата и прачки?—проговорила я громко дрожащимъ голосомъ отъ волненія и, вставъ съ дивана, быстро вышла изъ гостиной.

— Катя, Катюшка! Я вовсе не хотѣлъ тебя обидѣть!—раздался голосъ Андрея, но

я уже была въ корридорѣ, услышавъ шаги за собой, пустилась бѣжать въ свою комнату. Вбѣжавъ туда, я бросилась на первый попавшійся стулъ и зарыдала.

Сейчасъ же вошелъ Андрей и, опустившись передо мной на колѣни, сталъ нѣжно ласкать меня и уговаривать.

Чѣмъ нѣжнѣе уговаривалъ онъ, тѣмъ громче я рыдала. Мнѣ казалось, что послѣ того, что произошло сейчасъ въ гостиной, уже не можетъ быть больше того, что было и что могло бы еще быть; и потому ласки его и нѣжное уговариванье дѣйствовали на меня такъ, какъ будто это было только напоминаніе прошлаго, которое я навсегда потеряла. Я рыдала все громче и громче.

Наконецъ, Андрею, должно быть, надоѣли мои слезы, онъ поднялся на ноги и, счищая руками съ колѣни пыль, сердито проговорила:

— Видно не очень любишь, коли такъ разнюхиваешься изъ-за пустой фразы!

Я ясно видѣла теперь, что Андрей совершенно не понимаетъ меня, но мнѣ все-таки стало его жалъ и я проговорила сквозь рыданія:

— Оставь меня... пожалуйста... на время... одну...

Онъ сейчасъ же повернулся и вышелъ, сердито хлопнувъ дверью.

Когда ушелъ Андрей, я скоро успокоилась и старалась серьезно обдумать все происшедшее. Я чувствовала, что оставить Андрея, уйти отъ него, потерять его, у меня нѣтъ силъ. Сдѣлаться же его женой я тоже не могу.

Андрей совсѣмъ не понимаетъ меня и кто знаетъ, если онъ пойметъ, то будетъ-ли любить еще! Можетъ когда-нибудь потомъ, понявъ другъ друга, мы и обвѣнчаемся.

Е. Введенская.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

— Пожалуйста, принцъ, — поспѣшно прервала его Джанъ, справедливо огорченная сухостью этой программы;—между нами не можетъ быть никакихъ денежныхъ счетовъ. Все, что вы сдѣлаете, будетъ прекрасно.

— Однако...

— Умоляю васъ...

— Пусть будетъ по вашему.

— Благодарю васъ! Позвольте мнѣ удалиться, мнѣ едва остается достаточно времени, чтобы переодѣться. Кажется, вы къ завтраку пригласили гостей?

— Только герцога де-Можоль, Пенгре и Марга.

— Я не хочу заставлять ихъ ждать.

Робертъ прошелъ на свою половину, Арманъ уже былъ тамъ.

— Милѣйшій другъ, я сейчасъ сдѣлалъ мастерской шагъ,—сказалъ Робертъ, торжествуя,—я распредѣлилъ нашу будущую жизнь съ принцессой, которая безпрекословно на все согласилась. Она очень кротка и безкорыстна,—мы будемъ вполнѣ счастливы.

— Въ особенности ты,—замѣтилъ баронъ.

— Но и она также, я постараюсь, чтобы это было такъ.

Принцъ былъ искрененъ, — онъ видѣлъ счастье для своей жены въ чести носить его имя, имѣть ложа, жить спокойно, рожать хорошихъ дѣтей, которыя

продолжать родъ Саллерновъ. Арманъ слушалъ его нѣсколько насмѣшливо.

— Принцесса пойметъ конечно, — прибавилъ Робертъ, — что въ нашемъ кругу мѣщанская любовь не допускается!

Въ эту минуту вошелъ герцогъ де-Можоль, а за нимъ и де-Пенгре, и молодые люди замолчали. Теоріи Роберта навѣрное встрѣтили бы горячаго противника въ герцогѣ. Черезъ нѣсколько минутъ пришла принцесса и подъ руку съ герцогомъ прошла въ столовую. Послѣ завтрака молодые люди углубились въ разговоръ о спортѣ, а герцогъ предложилъ Джанъ пройти въ садъ. Черезъ нѣсколько минутъ, въ тѣни вѣковыхъ каштановъ, онъ сказалъ ей:

— Дорогая племянница, я принялъ приглашеніе завтракать у васъ сегодня потому, что хотѣлъ поговорить съ вами наединѣ.

Въ голосѣ герцога звучала такая отеческая ласка, что принцесса остановилась, вопросительно глядя на него чудными глазами.

— Только нѣсколько словъ, — продолжалъ герцогъ:—когда, по просьбѣ племянника, я пріѣхалъ къ вамъ просить вашей руки для него, я дѣлалъ это не особенно охотно. Ваши двѣнадцать милліоновъ пугали меня. Но увидавъ васъ, я убѣдился, что вы заслуживаете симпатію и уваженіе, что вы вездѣ будете на своемъ мѣстѣ. Какъ бы ни было высоко по-

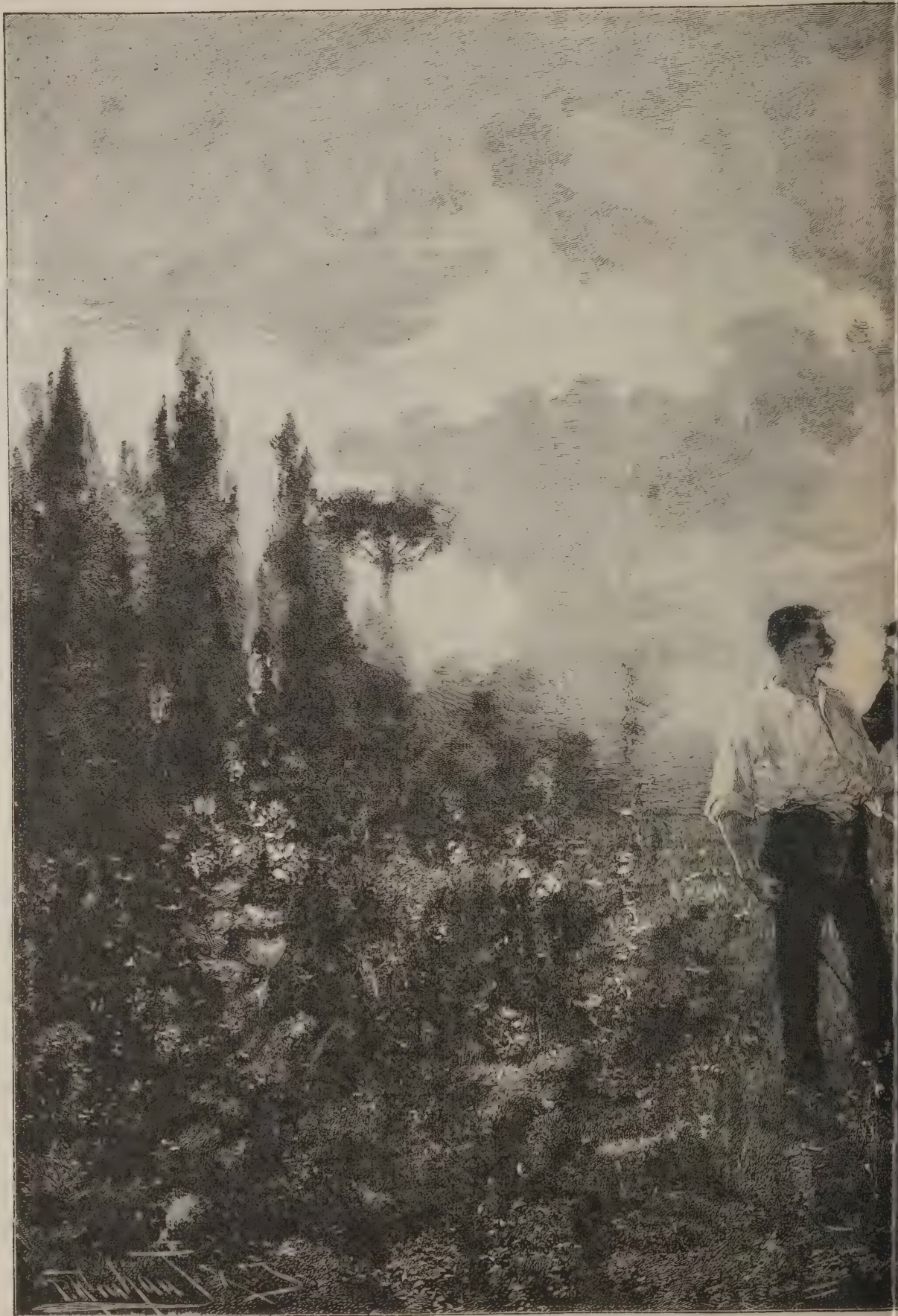
ложеніе. Ваша красота, ваши нравственные качества заставляли забывать ваше богатство. Я почувствовалъ къ вамъ особенную привязанность,—мнѣ представилось, что я ищу жену для моего племянника, а дочь для себя.

— Какъ вы добры, — сказала принцесса, ласково взявъ его подъ руку.

— А разъ вы моя дочь, я обязанъ заняться вашимъ воспитаніемъ парижанки, чтобы избавить васъ отъ ошибокъ и неудачъ. Обычай, предразсудки, преданія свѣта, въ которомъ вамъ придется жить, во многомъ отличаются отъ тѣхъ, въ которомъ вы привыкли. Вы богаты, хороши, и вамъ простятъ ваше богатство и красоту за вашъ умъ и доброту. Вашъ мужъ хорошій человѣкъ, не способный ни на что скверное, но щепетильный и гордый своимъ именемъ и титуломъ. Онъ захочетъ блестятъ, нужно ему помочь, возбудить въ немъ благородное честолюбіе. Предоставьте ему также нѣкоторую свободу, не всегда возмущайте его полусвѣтскими отношеніями, не слушайте сплетенъ, а главное не забывайте, что нѣкій старый герцогъ де-Можоль вамъ дядя, и что вы всегда найдете у него поддержку и совѣтъ, потому что онъ отъ всего сердца васъ любитъ.

— Благодарю васъ, герцогъ.

— Я предпочелъ бы менѣе церемонное обращеніе.

ОЖНИКА П. РОДА.

ЭЛЬ.

— Благодарю васъ, дорогой дядя!

Съ этого дня дочь Джо Гарриса не чувствовала себя такой одинокой въ этой совершенно новой для нея средѣ. Герцога между тѣмъ былъ не совсѣмъ доволенъ своимъ племянникомъ; онъ уѣзжалъ въ деревню послѣ его свадьбы и вернулся только наканунѣ отъѣзда Гарриса, такъ что все это время не имѣлъ никакихъ извѣстій о молодыхъ супругахъ. Въ Оперѣ онъ встрѣтилъ Пьерра де-Марга, который весело сказалъ ему:

— Нашъ племянничекъ и кузень развѣрнулся: онъ помѣстилъ красавицу Реджи въ прелестный дворецъ, что очень мило, а вчера въ клубѣ Ренода проигралъ сто тысячъ, что очень глупо.

Герцогъ былъ пораженъ и возмущенъ. Онъ не зналъ, конечно, всѣхъ гадостей, къ которымъ прибѣгали, чтобы сдѣлать принца обладателемъ милліоновъ, но для него было достаточно узнать, что его племянникъ, за котораго онъ отчасти ручался, прося для него руки Джэни, уже забываетъ свои обязанности, и онъ считалъ необходимымъ выступить защитникомъ молодой женщины. Его беспокоило не домъ купленный для Реджи—герцогъ полагалъ, что это прощальный подарокъ,—а проигранный сто тысячъ; въ страсти къ игрѣ, которую онъ чувствовалъ у принца, онъ видѣлъ угрозу для будущаго.

IX. Медовый мѣсяцъ.

Скоро, однако, герцогу пришлось убѣдиться, что сношенія принца съ Леной не прекращались, и что принцъ былъ усерднымъ посѣтителемъ клуба Ренодо, гдѣ проигрывались цѣлыя состоянія. Однако, Робертъ, посвящая значительную часть времени Ленѣ и ея опасной соперницѣ—игрѣ, твердо держался установленной имъ программы существованія. Каждое утро онъ ѣздилъ съ женою кататься, провожалъ ее въ театръ, всегда присутствовалъ, когда у нея собирались гости. Подносила ей цвѣты, доставляла новыя книги, хотя всегда случалось такъ, что одновременно отправлялись цвѣты и книги въ улицу Спонтини. Лица, не имѣвшія понятія о двойномъ существованіи принца, считали принца и принцессу счастливыми и примѣрными супругами. Тѣ-же, которыми были извѣстны его похождения, удивлялись его ловкости, нѣкоторые, даже разумѣясь до поры до времени, оправдывали его. Джэни была довольна своимъ мужемъ и считала своей обязанностью забыть прошлое. Между нею и Мари никогда не было и рѣчи о Рено.

Прочитавъ въ «Фигаро» извѣстіе о замужествѣ Джэни, Рено, въ отчаяніи, просилъ по телеграфу о переводѣ въ Китай. Въ Пекинѣ онъ получилъ письмо Мари, изъ котораго узналъ о двойной западнѣ, устроенной ему и Джэни. Пришлось покориться судьбѣ, тѣмъ болѣе что онъ не имѣлъ даже права уведомить Джэни о полученіи имъ ея нѣсколькихъ строкъ. Но не желая оставаться безъ извѣстій, онъ вступилъ въ переписку съ Торнеромъ, который почти каждую недѣлю получалъ письма отъ своей Джэночки.

Принцесса тѣмъ временемъ привыкала къ своей новой жизни; такъ прошло мѣсяца два, когда однажды, на извиненіе Роберта, что онъ не можетъ на другое утро ѣхать съ нею кататься верхомъ, Джэни, краснѣя, сказала:

— Я останусь дома; докторъ Руссо совѣтуетъ мнѣ прекратить прогулки верхомъ.

— Но ты здорова, надѣюсь? — поспѣшно спросилъ Робертъ.

— Совершенно здорова; я обязана быть осторожной.

Принцъ понялъ.

— Это извѣстіе меня очень радуетъ,—сказалъ онъ почти шепотомъ,—присоединяюсь къ доктору и также прошу тебя быть осторожной.

Въ этотъ вечеръ Робертъ не такъ торопился уйти изъ дому, онъ хотѣлъ удѣлать своей женѣ нѣсколько изъ тѣхъ долгихъ часовъ, которые онъ ежедневно проводилъ или у Реджи или въ какомъ-нибудь игорномъ клубѣ.

Къ концу зимы докторъ сказалъ Роберту, что онъ не особенно доволенъ состояніемъ здоровья его жены и совѣтуетъ ей остатокъ зимы провести гдѣ-нибудь на югѣ Франціи. Робертъ съ радостью ухватился за эту мысль, онъ могъ, наконецъ, привести въ исполненіе свою давнишнюю мечту.

— Мнѣ очень дорого здоровье принцессы,—отвѣчалъ онъ,—я немедленно приведу вашу совѣтъ въ исполненіе. Мы поѣдемъ въ Монте-Карло. Тамъ можно найти всевозможныя развлеченія.

— Поѣзжайте въ Монте-Карло,—это одно изъ самыхъ здоровыхъ мѣстъ этого района. Если вы найдете виллу по дорогѣ въ Ментонъ, это будетъ весьма удобно для принцессы, тѣмъ болѣе, что у меня тамъ есть товарищъ, докторъ Бренъи, которому вы смѣло можете довѣриться. Я ему напишу, а въ началѣ лѣта вы меня пригласите на крестины маленькаго принца.

Робертъ сейчасъ же прошелъ къ женѣ и въ пять минутъ все было рѣшено.

Выѣхать предполагалось черезъ три дня, Мари должна была тоже ѣхать съ ними, тѣмъ болѣе, что Роберту придется часто ѣздить въ Парижъ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Арманомъ устраивалъ бѣговую конюшню. Джэни была довольна. Она въ сущности не хворала, но была чрезвычайно нервна, и ей хотѣлось перемѣны. Это началось съ того дня, когда, сидя въ зимнемъ саду, она случайно услышала, какъ ея мужъ въ курительной сказалъ Арману: «Не забудь предупредить Лену, что я освобожусь поздно». Сначала она не придавала никакого значенія этимъ словамъ, но потомъ вспомнила, что такъ зовутъ балетную звѣзду, которую абоненты Оперы превозносятъ до небесъ, и удивилась, неужели Робертъ, женатый человекъ, посѣщаетъ такую особу. Она не ревновала, но думала, что домъ балерины не подходящее мѣсто для принца де-Саллернъ. Она ни слова не сказала Роберту, но оставшись какъ-то наединѣ съ герцогомъ де-Можолемъ, спросила его:

— Бываете вы у госпожи Реджи?

— Я? Цѣтъ! Но почему васъ это интересуетъ?—съ удивленіемъ сказалъ герцогъ.

— Потому, что принцъ бываетъ тамъ, это несомнѣнно, и я хотѣла знать, такой ли это домъ, гдѣ могутъ бывать женатые мужчины изъ высшаго круга.

Къ счастью, старый герцогъ не растерялся, онъ сумѣлъ объяснить Джэни, что самыя благоразумныя мужчины, вслѣдствіе своихъ клубныхъ и спортивныхъ связей, бываютъ вынуждены принимать нѣкоторыя приглашенія, и принцесса, съ презрительной гримаской, извинила своего мужа. Тѣмъ не менѣе, встрѣчая Реджи во время своихъ прогулокъ въ лѣсу, она испытывала непріятное чувство. Когда Джэни перестала ѣздить верхомъ, Реджи сначала не обратила на это вниманія, но съ теченіемъ времени догадалась и послѣ страстной ревнивой сцены, вскричала со слезами на глазахъ:

— И почему я не могла сдѣлать тебя ст-

цомъ, ты съ каждымъ днемъ сталъ-бы меня больше любить; а теперь ты только одну ее будешь любить.

Только при помощи самыхъ безумныхъ клятвъ принцу удалось ее успокоить. Когда она узнала о предполагавшемся путешествіи, она согласилась отпустить его подъ условіемъ, что онъ каждую двѣ недѣли будетъ пріѣзжать въ Парижъ, а карнавалъ она проведетъ въ Ниццѣ.

Принцесса съ удовольствіемъ согласилась уѣхать изъ Парижа и о немъ скоро собралась. Кромѣ Мари ее провожалъ цѣлый штатъ прислуги, лошади и экипажъ. По счастливому случаю принцу удалось заранѣе нанять одну изъ самыхъ красивыхъ виллъ, и Джэни пріѣхала прямо въ свой домъ. Хорошенькая вилла была окружена садомъ тропическихъ деревьевъ; видъ изъ нея былъ чудесный, за садами и домами вдали виднѣлось синее море. Чудесное мѣстоположеніе, воздухъ, весна оживили бѣдную дочь Максима Гарриса и изгнали одолевавшія ее тоскливыя мысли. Докторъ Бренъи поспѣшилъ навѣстить ее и предписалъ ей прогулки. Среди окружающей ее чудной природы, ей дышалось легче. Она была далеко отъ этого Парижа, гдѣ имя Лены такъ непріятно ее поразило. Она даже настолько успокоилась, что готова была полюбить своего мужа, будь онъ нѣсколько понаѣмѣе. Но онъ думалъ о другомъ. Первые три, четыре дня, онъ вездѣ очень внимательно провожалъ свою жену, но затѣмъ, подъ предлогомъ, что Мари Бренъи тутъ и что, слѣдовательно, Джэни не одна, онъ возвратилъ себѣ свою свободу, и скоро игра совершенно поглотила его; сначала онъ выигрывалъ, но увлекшись, проигралъ все и даже занялъ сто луидоровъ у барона Пьерра де-Марга, который неожиданно очутился подлѣ него. Баронъ Марга проводилъ зиму въ Ниццѣ и часто пріѣзжалъ въ Монте-Карло, не ради игры, а ради развлеченій, которыя тамъ можно было найти. Самъ онъ давно охладѣлъ къ игрѣ, но снисходительно относился къ своему кузену, считая его состояніе если не неустойчивымъ, то весьма легко пополнимымъ съ береговъ Мичигана. Онъ утѣшилъ его, предсказывая выиграть въ будущемъ, отдалъ ему всѣ имѣвшіяся съ нимъ деньги и предложилъ свою помощь въ отысканіи въ Ниццѣ нужныхъ субсидій. На другой день Робертъ безъ труда получилъ отъ кассира одного клуба деньги, давъ за пятьдесятъ пять тысячъ франковъ вексель на шестьдесятъ тысячъ съ уплатою въ мѣсячный срокъ, и обязательствомъ сдѣлаться членомъ этого клуба. Съ этого дня онъ дѣлилъ свое время между Монте-Карло и Ниццей, откуда ему пришлось вернуться разъ только на другой день, и принцесса узнала. Тутъ она вспомнила имя Лены и вообразила, что мужъ ея проводить все свое время у этой танцовщицы. Мари нѣсколько ее успокоила, показавъ въ газетахъ, что Реджи танцуетъ въ Парижѣ. Но тогда, гдѣ-же проводить принц свои вечера? Гдѣ онъ обѣдаетъ? Потому что обязательно одинъ день изъ двухъ онъ не обѣдалъ дома. Джэни не ревновала, но она такъ высоко ставила уваженіе къ взятымъ на себя обязанностямъ, что опасалась, что мужъ ея можетъ погрѣшить въ этомъ отношеніи. Узнавъ, наконецъ, что принцъ проводитъ цѣлыя ночи въ игорномъ залѣ, она вздохнула легче. И какъ-то за завтракомъ, за которымъ онъ вообще рѣдко присутствовалъ, Джэни спросила его:

— Неужели рулетка и тридцать-сорокъ такъ занимательны?

— Къ чему этотъ вопросъ?—переспросилъ принцъ, вздрогнувъ.

— Очень просто, потому, что ты посвящаешь мнѣ цѣлыя часы, какъ мнѣ говорили. Выигрываешь-ли ты по крайней мѣрѣ?

Робертъ успокоился,—онъ подумалъ одну минуту, что жена узнала о его проигрышѣ и займѣ.

— Сознаюсь, я много проигрываю,—отвѣчалъ онъ, пользуясь удачнымъ случаемъ,—особенно въ клубѣ, въ Ниццѣ, куда я имѣлъ неосторожность записаться. Мнѣ придется ѣхать въ Парижъ за запасомъ.

— Значитъ совсѣмъ разорился?—смѣясь, сказала молодая женщина.

— Да, почти что такъ.

— Мнѣ вѣжется, достаточно написать твоему нотаріусу или банкиру.

Бѣдной женщиной не могло придти въ голову, что не только всѣ деньги, лежавшія на текущемъ счету въ банкахъ, уже взяты, но даже встраченъ доходъ за второе полугодіе.

— Правда,—сказалъ принцъ,—но я хочу воспользоваться случаемъ и посмотреть, что дѣлается съ моей конюшней.

На другой день принцъ уѣхалъ. Джэнъ была совершенно спокойна. Не имѣя никогда никакого сношенія съ игроками, она не имѣла понятія обо всѣхъ ужасахъ этой страсти. Прошло около двѣхъ недѣль—Робертъ писалъ часто, но о своемъ пріѣздѣ ни слова, какъ въ одно утро Джэнъ прочла въ мѣстной газетѣ имена лицъ, пріѣхавшихъ на карпаваль въ Ниццу. Рѣчь шла объ одной очень веселой компаніи знатныхъ французовъ и были упомянуты принцъ де Саллернъ-Монсерратъ, баронъ Арманъ де Марга, Уильямъ Гордонъ и прелестная Лена Реджи.

— Есть ли возможность такъ унижать себя,—вскричала Джэнъ съ презрѣніемъ.—Вотъ, Мари, прочтите. Причина, по которой онъ не пишетъ ничего о своемъ пріѣздѣ!

— Не принимай это такъ къ сердцу,—сказала Мари, прочитавъ указанныя ей строки.—Конечно, принцъ лучше бы сдѣлалъ, если бы ѣхалъ одинъ, но мы не знаемъ, можетъ быть ему было неловко отказаться отъ общества Реджи.

— Вы не думаете, что Лена...?

— Какія глупости! Если бы это было такъ, ты давно бы уже все знала. Ничто такъ быстро не передается, какъ такія извѣстія. Я думаю, что принцъ любитъ тебя больше, чѣмъ выказываетъ.

— Любить? Чувствуетъ ко мнѣ дружбу, уваженіе! Но любовь!...

— Прошу тебя...

— Вы правы, Мари. Герцогъ де Можоль предупредалъ меня не вѣрить наружности, не обвинять поспѣшно, прощать! Зачѣмъ только?..

Молодая женщина вдругъ замолчала, она вспомнила, что скоро будетъ матерью, и что это чувство дастъ ей то счастье, къ которому она стремилась. Когда ея мужъ пріѣхалъ, она ничѣмъ не дала ему понять, что еще наканунѣ знала о его пріѣздѣ. Съ этого времени принцъ могъ уѣзжать, и пріѣзжать, когда ему было угодно, она не обращала на это вниманія, съ удовольствіемъ вернулась въ Парижъ, ей очень хотѣлось скорѣе повидать герцога де Можоль. Здоровье ея вполнѣ поправилось.

Узнавъ о возвращеніи племянницы, герцогъ поспѣшилъ къ ней и былъ доволенъ, найдя ее здоровою и спокойною. Онъ зналъ всѣ похождения своего племянника съ Леной и его громадныя проигрыши. Онъ подумалъ, что

принцъ былъ на столько деликатенъ, что умѣлъ все скрыть отъ жены, и былъ ему за это благодаренъ. Это давало возможность надѣяться, что онъ исправится, привыкнувъ къ мысли, что въ его распоряженіи громадное состояніе, быстрое пріобрѣтеніе котораго его опьяняло. Герцогъ не думалъ, что Джэнъ стала снисходительно смотрѣть на похождения своего мужа и не хотѣла объ нихъ говорить, что она ничего не писала своему отцу и весьма мало высказывала даже Самми, не желая тревожить чей-бы то ни было покой. Кромѣ того, сравнивая свою участь съ участью многихъ женщинъ своего круга, она видѣла, что относительно еще счастлива. Она была въ такомъ состояніи духа, когда у нея родилась дочь. Три лица, однако, остались недовольными рожденіемъ дѣвочки: самъ принцъ, Максимъ Гаррисъ и Лена Реджи.—Робертъ ждалъ сына и рожденіе дочери заставляло его опасаться, что у него, пожалуй, не будетъ мужскаго потомства, и онъ съ трудомъ скрывалъ свое неудовольствіе отъ молодой матери. Лена вообразила, что если у Роберта будетъ наследникъ, Робертъ броситъ жену и будетъ всецѣло ей принадлежать.

Что-же касается до Максима Гарриса, которому принцъ сдѣлалъ честь и по телеграфу далъ знать о рожденіи у него дочери Маргериты,—онъ слѣдующими словами выразилъ свое неудовольствіе, на что принцъ пожалъ плечами, а Арманъ расхохотался:

«Дорогой принцъ, мой зять.

«Я въ восторгѣ, узнавъ, что принцесса, моя милая дочь, дала вамъ хорошенькую дѣвочку и вполнѣ раздѣляю вашу досаду, что это не мальчикъ. Правда, сынъ успеетъ еще родиться. Но что меня еще сильнѣе огорчаетъ, это то, что вамъ нельзя будетъ въ этомъ году въ пріѣхалъ Ньюпортъ. А я такъ мечталъ о вашемъ посѣщеніи моего имѣнія Бель-Эрѣ, которое я называлъ по-французски въ честь вашу. Значитъ, оставимъ это до будущаго года.

«Цѣлую нашу дорогую принцессу и ея дорогую дочку Маргериту и прошу васъ передать принцессѣ прилагаемый конвертъ и вѣрите, дорогой принцъ, зятекъ мой, моей искренней привязанности.

Джо Максимъ Гаррисъ.

«Р. S. Еще одинъ вопросъ, пожалуйста. Если бы у Джэнъ родился сынъ, его звали бы герцога де Блазъ, говорить мой пріятель Джонъ Картеръ. А какъ же зовутъ нашу маленькую Маргериту? Де Саллернъ-Монсерратъ, де Блазъ или де Ревезъ? Кто у меня внучка: принцесса, герцогиня или графиня?»

— Дуракъ,—проговорилъ Робертъ.—Какое ему дѣло?

— Онъ, вѣроятно, мечтаетъ уже выдавать ее замужъ,—замѣтилъ Арманъ.—Что онъ пишетъ своей дочери?

— Какія-нибудь глупости въ такомъ же родѣ.

Онъ распечаталъ другой конвертъ, въ немъ находился чекъ на сто тысячъ франковъ и записка:

«Дорогая Джэнъ, поздравляю тебя, или лучше сказать на половину поздравляю,—я вполнѣ согласенъ съ принцемъ, моимъ зятемъ, ты должна была родить сына. Надѣюсь, что это только отложено, какъ и вашъ пріѣздъ сюда. Прилагаю чекъ на приданое ребенка. Когда ты родишь маленькаго герцога де-Блаза, сумма будетъ удвоена. Въ ожиданіи цѣлую за себя и за добряка Самми принцессу де-Саллернъ и дѣвцу Маргериту... не знаю какъ?.. Твой мужъ долженъ извѣстить меня».

— Ну, твой тестъ не такъ уже глупъ,—вскричалъ баронъ.—Этотъ чекъ очень кстати. Какъ разъ вдвое противъ того, что ты вчера проигралъ!

— Сумасшедшій... Я вѣдь долженъ отдать письмо и чекъ моей женѣ!

— Конечно, ты не можешь лишиться принцессу извѣстій отъ ея отца. Но чекъ, на что онъ ей? Она тебѣ отдастъ его размѣняя и... Ступай къ ней...

— Подожди меня.

Принцъ только минуту оставался у жены, которая, прочтя письмо, передала чекъ мужу, говоря:

— Возьми его, мой другъ,—что я съ нимъ стану дѣлать?

И Робертъ въ восторгѣ поспѣшилъ къ Арману.

Х. Принцесса и танцовщица.

Три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ не вѣста Марселя Рено сдѣлалась принцессой де-Саллернъ-Монсерратъ, за это время у нея родился еще ребенокъ, на этотъ разъ сынъ. Принцъ былъ весьма доволенъ, семейная гордость была удовлетворена. Джо Гаррисъ исполнилъ свое обѣщаніе и выслалъ двѣсти тысячъ франковъ. Но за то, съ этого времени, принцъ сталъ бывать дома еще рѣже и считалъ себя совершенно свободнымъ. Лена вполнѣ подчинила его своей власти. Если Джэнъ смотрѣла довольно спокойно на будущее, занимаясь только своими дѣтьми, то не такъ спокойно относилась къ похождениямъ Роберта герцога де-Можоль, который превосходно зналъ всѣ достоинства Джэнъ и видѣлъ всѣ пороки ея мужа. Герцогъ искренно полюбилъ принцессу и считалъ себя ответственнымъ за ея счастье, часто посѣщалъ ее, старался пріобрѣсти ея довѣріе, чтобы въ роковой день она не задумалась обратиться къ нему. Кромѣ того, онъ слѣдилъ за принцемъ, за его образомъ жизни, за знакомыми, которыхъ тотъ посѣщалъ. Такимъ образомъ онъ безъ труда узналъ, что отношенія его племянника и Реджи сдѣлались еще тѣснѣе, при томъ они почти не скрывались. Принцъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю обѣдалъ у Лены, по прежнему страстно влюбленной и совершенно пожертвовавшей принцу своимъ прежнимъ поклонникомъ, банкиромъ Маріесомъ. Принцъ содержалъ ее великолѣпно,—она стоила ему около двухсотъ пятидесяти тысячъ франковъ въ годъ. Герцогъ узналъ еще, что Робертъ играетъ не только въ клубахъ, но даже въ игорныхъ домахъ низшаго разбора и на биржѣ. Говорили, что принцъ потратилъ громадные деньги на свою конюшню, но лошади его еще не разу не участвовали въ бѣгахъ. Герцогъ съ ужасомъ спрашивалъ себя, гдѣ Робертъ беретъ то количество денегъ, которое проходитъ черезъ его руки. Правда, что онъ продолжалъ быть съ женой въ хорошихъ отношеніяхъ, сопровождалъ ее въ оперу, гдѣ она никогда не бывала, когда танцевала Реджи. Но Джэнъ не могла свободно распоряжаться своимъ состояніемъ, слѣдовательно не могла давать денегъ мужу. Можетъ быть, она обращалась къ отцу, который могъ выручать принца, хотя очень на него сердился за то, что тотъ не пріѣхалъ въ Ньюпортъ. Во всякомъ случаѣ герцогъ рѣшилъ разъяснить этотъ денежный вопросъ. По приблизительному расчету онъ могъ заключить, что въ три года принцъ проигралъ или растратилъ болѣе двухъ милліоновъ, не считая расходовъ по дому и милліона, подареннаго ему Гарри-

сомъ. Откуда онъ ихъ взялъ? Дворецъ былъ снова заложенъ, существовали различные векселя у ростовщиковъ и друзей, но все это не составляло даже милліона. Откуда получены остальные деньги? Лица, не вѣрившія въ великодушіе тестя, даже сто разъ милліонеры, рассказывали не особенно красивыя вещи. Ходилъ слухъ, что принцесса, страстно влюбленная въ своего мужа, отдала ему свое знаменитое жемчужное ожерелье, стоявшее милліонъ, и что Робертъ заложилъ его въ Лондонѣ за полмилліона, и такимъ образомъ избавился отъ стыда быть исключеннымъ на биржѣ. Еще рассказывали, что онъ занялъ большую сумму у Лены, что было еще стыднѣе для чести принца. Этотъ долгъ въ особенности беспокоилъ герцога де-Можоля, потому что, даже уплативъ его, принцъ, тѣмъ не менѣе, оставался должникомъ Лены. Но какъ узнать истину? Ни Робертъ, ни Лена, ни Арманъ ничего не скажутъ. Спросить принцессу! И съ этой цѣлью однажды вечеромъ герцогъ отправился къ ней.

Когда онъ пріѣхалъ, ему пришлось вѣсколько обождать, принцесса укладывала своихъ дѣтей спать. Сыну ея было около года, а дѣвочки шель уже третій годъ. Выйдя къ герцогу, она протянула ему обѣ руки...

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Голуби въ качествѣ посыльныхъ. Одинъ шотландскій врачъ, докторъ Гаррей имѣетъ весьма обширную практику и цѣлые дни проводитъ въ тележкѣ, переѣзжая иногда на довольно большія разстоянія, отъ одного больного къ другому. Отправляясь въ свои поѣздки, онъ имѣетъ обыкновеніе брать съ собою нѣсколько штукъ почтовыхъ голубей. Въ опасныхъ случаяхъ онъ отправляетъ голубя съ рецептомъ. Когда голубь возвращается домой, слуга доктора осматриваетъ его и, найдя рецептъ, отдаетъ въ аптеку, а потомъ относитъ лекарство больному. Иногда докторъ оставляетъ у опасно больныхъ одного, двухъ голубей. Въ случаѣ ухудшенія болѣзни, за нимъ отправляютъ голубя и онъ немедленно ѣдетъ къ больному. Многимъ земскимъ врачамъ не мѣшало бы обратить вниманіе на примѣръ доктора Гаррея. Да и вообще примѣненіе службы почтовыхъ голубей въ такомъ родѣ не можетъ не принести громадной пользы страждущему человечеству.

Искусственный шелкъ. Образованіе искусственнаго шелка принадлежитъ къ числу выдающихся изобрѣтеній въ области новѣйшей химіи. Уже сотни лѣтъ дѣлаются попытки удешевить одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ продуктовъ ткацкой промышленности—шелкъ, пока, наконецъ, химіи удалось открыть вещество, продукты котораго могутъ быть смѣло поставлены на ряду съ шелковыми. Больше чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ изъ Франціи распространилось извѣстіе объ открытіи искусственнаго шелка и полученіи изобрѣтателемъ его Гилеромъ де-Шардонне (Hilaire de Chardonnet) патента. Въ Безансонѣ составилось общество капиталистовъ для разработки этого изобрѣтенія. Для произведенія искусственнаго шелка хлопчатая бумага обрабатывается нитратомъ и сѣрной кислотой; полученная отсюда нитроцеллюлоза для уменьшенія взрывчатой способности растворяется въ смѣси эфиръ и алкоголя съ прибавленіемъ небольшого количества металлической соли. Полученная масса пропускается сквозь цѣлую систему волосныхъ трубочекъ, толщиной въ натуральную шелковинку, въ горячую воду, въ которой эфиръ и алкоголь испаряются и оставляютъ тонкую нить, годную для сученія пряжи. Въ недавнее время химикъ докторъ Ленеръ въ Аугсбургѣ усовершенствовалъ это изобрѣтеніе, его шелкъ превосходитъ блескомъ натуральный шелкъ,—и обдѣлчилъ

его фабричное производство. Близъ Цюриха начали строить большую фабрику, работы начались въ ней раньше окончательнаго возведенія зданія. Искусственный шелкъ уже занялъ мѣсто въ двухъ значительныхъ отрасляхъ промышленности.—въ производствѣ соломенныхъ шляпъ и дѣланіи аграманта. Изъ искусственнаго шелка ткется узенькая ленточка, которая покрывается нерастворимымъ желатиномъ, затѣмъ сплетается въ широкій галунъ и спивается въ шляпу, которая отличается особеннымъ блескомъ и легкостью. То же можно сказать относительно кистей, бахромъ, шнурковъ и тому подобнаго. И тутъ основаніе составляетъ взрывчатая нитроцеллюлоза, изъ которой нитратъ удаляется посредствомъ аммоніевыхъ соединений, и такимъ образомъ уничтожается взрывчатая способность. Искусственный шелкъ послѣ этого процесса владѣетъ небольшою способностью загорѣться, какъ и хлопчатая бумага. Искусственный шелкъ отъ натурального весьма легко отличить, основываясь на томъ, что первый есть продуктъ растительнаго царства, а второй животнаго. При сжиганіи первый даетъ запахъ сжигаемыхъ растительныхъ пней, второй пахнетъ горящимъ волосомъ, овечьей шерстью. По виду же искусственный шелкъ почти ничѣмъ не отличается отъ натурального,—блескъ и краски его замѣчательны.

Телеграфные столбы изъ бумаги принадлежатъ къ числу новѣйшихъ изобрѣтеній бумажной промышленности. Для приданія бумажной массѣ достаточной стойкости, въ нее прибавляютъ борнокислый натръ, поваренную соль и нѣкоторые другія вещества и посредствомъ гидравлическаго пресса придаютъ цилиндрическую форму. Такіе бумажные столбы имѣютъ то преимущество передъ деревянными, что они вовсе не такъ тяжеловѣсны и сильнѣе противостоятъ атмосферическимъ вліяніямъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Финскій заливъ. Съ акварели художника М. Бродскаго.

Не блещетъ особыми красотою, не пѣлется яркой игрою красокъ наша блѣдная финская природа. Это не роскошные тропическіе берега залива, не шумная и ужасная картина береговъ крайняго сѣвера. Но есть особая мечтательная, покрытая блѣдною дымкою, мягкая прелесть въ этихъ сѣроватыхъ медленныхъ валахъ, въ глыбахъ неподвижнаго сѣраго камня, орошеннаго зеленоватою соленой влагой. Рогатый, однообразный цвѣтъ холодныхъ сѣрыхъ негесей, изрѣдка набѣгающая тучка, морщущая зеркало воды мелкимъ дождемъ,—вотъ и все, что оживляетъ сѣверный финскій пейзажъ. Изрѣдка блѣловатый парусъ или дымокъ парохода пестрятъ давящій сѣрый фонъ. Художникъ Бродскій избралъ тихое время, мирный закатъ, но бывають въ этомъ блѣдномъ просторѣ и сильныя бури, когда встають черныя съ бѣлымъ валы, когда финскія барки бросаетъ волненіемъ туда и назадъ, когда сѣверный вѣтеръ разноситъ бѣшеный вой морской пучины и скрываются въ рѣзкихъ изгибахъ пуганная птицы. И этотъ мирный пейзажъ можетъ быть мрачнымъ и зловѣщимъ...

На дорожку. Съ картины художника А. Наумова.

Не такъ давно умершій художникъ А. Наумовъ удачно изобразилъ на своей картинѣ небольшую, довольно потѣшную семейную сценку. Пожалою, сѣдой уже чиновникъ собирается утромъ на службу. Вчера вечеромъ онъ загремелъ порядкомъ съ сослуживцами въ винтъ и послѣ за ужиномъ выпилъ двумя-тремя рюмками болѣе положеннаго. Оттого ему трудненько было вставать утромъ и немного шемилъ голова. Конечно, старый проказникъ подумалъ съ лукавой усмѣшкой: «Надо бы того... опохмѣлиться... Ну, какъ супружница-то замѣтитъ. Эхъ, ничего, авось!.. Надо незамѣтно пробраться къ шкапчику...» Старый хитрецъ ловкимъ маневромъ добрался до запертаго шкапчика съ графинчикомъ настойки. Скопѣе—чай на столѣ, фуражку—тоже, и за дѣло... Вотъ уже графинчикъ въ рукахъ старика, и настойка, булавая, льется съ пріятнымъ блескомъ

въ рюмку. Но въ это время старичка постигаетъ неудача—сердитая супруга настаиваетъ и ловитъ его на самомъ мѣстѣ преступленія. О, злосчастная судьба! Напрасно старичекъ будетъ стараться оправдаться, что это, дескать, только на дорожку, что голова трещитъ—ему все же не избѣгнуть хорошей головомойки отъ своей стаей, ворчливой подруги.

Первобытные люди. Съ картины художника Л. Зинк.

Счастливая пора, когда природа была матерью, а не мачихой человѣка, когда было проще все, и ненависть, и любовь,—эта блаженная пора первобытнаго состоянія человѣка послужила сюжетомъ художнику. Счастливая чета этихъ первобытныхъ людей! Ласкаетъ ее жгучіе лучи солнца, мягкій коверъ травы ласкаетъ усталое тѣло, и пріятливо журчитъ прозрачный свѣжій источникъ. У это о источника полу-дикая, закутанная въ звѣриную шкуру женщина ждала своего мужа. И вотъ стройный, смуглый мужественный юноша явился съ добычей, убитой мѣткой стрѣлой. Огромная птица и лукъ брошены на берегъ ручья, а счастливая чета ведетъ тихую бесѣду. Въ рукахъ у молодой женщины бѣется ея любимецъ молодой козленокъ, съ которымъ она любитъ играть и шалить. Вся эта первобытная идиллія озарена яркимъ полуднемъ, обрамлена картиною зеленыхъ горъ, яркими кущами цвѣтущихъ деревьевъ и долинами...

Передъ бурей. Съ картины художника А. Нордстрема.

«Кручи темны... Лѣсъ сосновый
Зашумѣлъ надъ водопадами;
Въ тучѣ темной и лилоюй
Буря съ молніей багровою
Угрожаетъ частымъ градомъ...»

Гнутся темныя вершины,
И бурный потокъ холодной;
И граниты-исподины
Смотрятъ въ шумныя стремнины
Предъ грозною непогодью...»

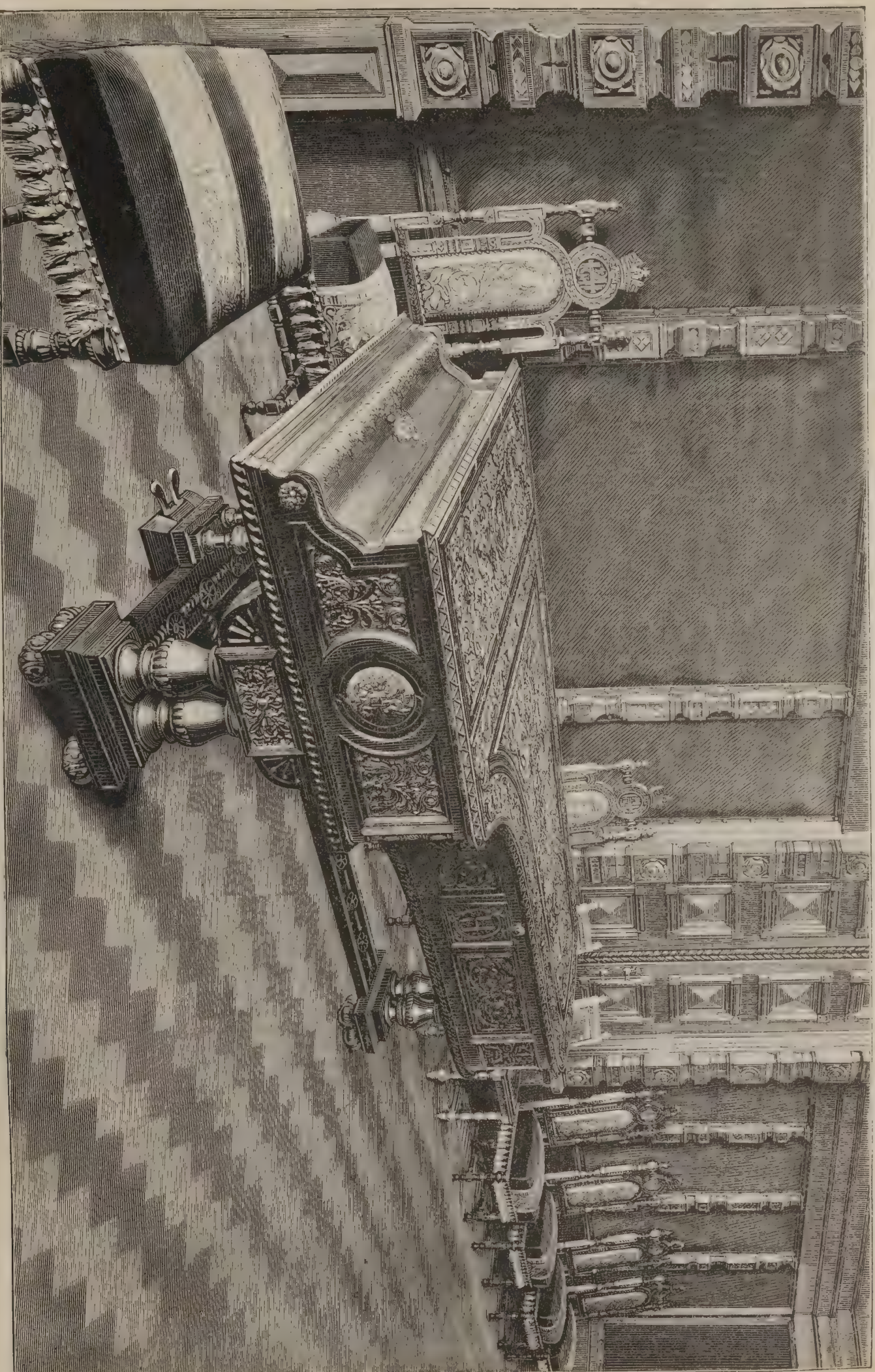
Послѣдніе цвѣты. Съ картины художника Р. Бейшлага.

Въ ясный сентябрьскій денекъ вышла молодая мать съ двумя дѣтками подышать свѣжимъ воздухомъ въ аллею облетѣвшаго уже сада. Надо пользоваться послѣдними мягкими днѣсьями осени, а то потомъ приползетъ холодная колдунья-зима, и уже не выпуститъ изъ тѣсныхъ душныхъ комнатъ. Въ осеннихъ теплыхъ днѣхъ есть особая прелесть, эта поздняя ласка похолодѣвшаго солнца грустно оградна, слабый шепчетъ послѣднихъ листьевъ напоминаетъ прощальный сердечный привѣтъ. Дѣти довольны тоже денькомъ. Вотъ старшая дѣвочка набрала букетикъ послѣднихъ осеннихъ цвѣтѣвъ и привнесла мамѣ и сестренкѣ. Блѣдныя астры, вялая ромашка издаютъ слабый запахъ. Странно видѣть въ рукахъ свѣжаго, румянаго ребенка послѣдніе, осенніе цвѣты. Они словно говорятъ, что и это милое дѣтя увянетъ когда-нибудь, какъ этотъ букетъ. Но дѣтя еще не знаютъ тоски, еще полны веселья и жизни, и беззаботно радуются цвѣтамъ.

Послѣ дуэли. Съ картины художника П. Рода.

Мастерская кисть художника Рода даетъ намъ мрачную картину окончанія дуэли. Одинъ изъ противниковъ, съ пронзенъ оа насквозь грудью, навзничъ опрокинутъ на траву и бѣсится на рукахъ секунданта; докторъ осматриваетъ рану. Побѣдитель, еще держа окровавленную шляпу въ рукѣ, съ жаромъ разсуждаетъ по поводу подробностей дуэли съ однимъ изъ свидѣтелей. Тяжелое чувство возбуждаетъ эта унылая сцена, особенно, если подумать, что человеческая кровь пролилась изъ-за какого-нибудь пустякаго оскорбленія, изъ-за не сновательной ревности, клеветы... Въ этомъ же номерѣ «Живописнаго Обозрѣнія» читатели прочтутъ мастерское описаніе дуэли въ разсказѣ А. Н. Будничева, причѣмъ тоже проливается кровь изъ-за ничтожной причины. И какъ часто кончаются эти дуэли трагически! Вспомнимъ Пушкина, Лермонтова—двѣ тяжелыя потери Россіи... Сколько жертвъ уносилъ этотъ жестокий обычай прежде... Много писали противъ дуэли, но она живуча, какъ и все, потворствующее дикимъ инстинктамъ человечества...

ВЕРХОСЦІСЬКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ПУШКИНѢ НОЯБРЯ 1896 ГОДА.

Родъ фарфора Я. Бенкера, находящійся въ Царскомъ Павильонѣ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Франція.—Въ парижскихъ газетахъ опубликована слѣдующая официальная программа пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ во Франціи: 1-й день. Императоръ и Императрица Всероссійскія прибудутъ въ Шербургъ въ полдень. Двумя часами раньше французская эскадра выйдетъ Имъ на встрѣчу до границы французскихъ водъ. Ихъ Величества будутъ встрѣчены президентомъ республики въ сопровожденіи президента совѣта министровъ, министра иностранныхъ дѣлъ и морского министра. Въ теченіе дня состоится смотръ эскадрѣ. Послѣ смотра, въ 6 часовъ вечера, въ шербургскомъ арсеналѣ президентъ республики дастъ обѣдъ въ честь Ихъ Величествъ. Въ 9 час. вечера Ихъ Величества отбудутъ въ Парижъ. 2-й день. Приѣздъ въ Парижъ состоится въ 10 час. утра, въ назначенномъ мѣстѣ и по указанному уже маршруту, а именно: выходъ изъ вагона на станціи Пасси, въѣздъ въ столицу черезъ La Muette, по Булонскому лѣсу и по Авеинъ Елисейскихъ полей. Послѣ завтрака въ посольствѣ Императоръ поѣдетъ въ русскую церковь. Въ теченіе дня визитъ и официальный приемъ въ Елисейскомъ дворцѣ. На этотъ обѣдъ двѣсти приглашеній будутъ разосланы президентомъ республики: президентамъ палатъ, членамъ дипломатическаго корпуса, министрамъ, командирамъ армейскихъ корпусовъ и предѣателямъ высшихъ государственныхъ учреждений. Послѣ обѣда состоится приемъ (réception fermée), къ которому будетъ приглашено лишь двѣсти лицъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ приглашенными къ обѣду, въ залахъ дворца соберется не свыше 400 лицъ. Въ 10 ч. вечера—парадный спектакль въ театрѣ «Оперы». До спектакля и въ теченіе всего вечера—большія празднества и иллюминація въ Парижѣ. Праздникъ на Сентъ. 3-й день. Осмотръ парижскихъ достопримѣчательностей. Въ 2½ ч. пополудни Императоръ торжественно положить первый камень большого моста, долженствующаго быть главнымъ сооруженіемъ выставки 1900 г. и который будетъ названъ мостомъ Императора Александра III. По этому случаю будетъ устроено большое празднество, на которомъ, кромѣ президента республики и представителей высшихъ государственныхъ учреждений, будутъ присутствовать делегаты всѣхъ существующихъ во Франціи торговыхъ палатъ и промышленныхъ и торговыхъ синдикатовъ. При этомъ хорами и оркестромъ будетъ исполнена кантата. По тому же случаю, черезъ Сену будетъ перекинута на мѣстѣ будущаго моста, долженствующаго соединить Елисейскія поля съ эспланадой Инвалидовъ, временный мостъ, представляющій копію съ проектируемаго каменнаго моста. По окончаніи этой церемоніи состоится посѣщеніе монетнаго двора, гдѣ будетъ выбита медаль въ память пребыванія Ихъ Величествъ во Франціи. Медаль эта тутъ-же будетъ поднесена Державнымъ гостямъ. Затѣмъ Ихъ Величества будутъ присутствовать на засѣданіи французской академіи, а въ 5½ час. посѣтятъ Hôtel de Ville. Въ тотъ-же вечеръ назначенъ въ Высочайшемъ присутствіи обѣдъ въ домѣ русскаго посольства. Въ 9½ час. вечера спектакль въ «Comédie Française». Вслѣдствіе того, что оба парадныхъ спектакля сохранены въ программѣ представляется возможность пригласить всѣхъ членовъ парламента однихъ въ «Оперу», другихъ въ «Comédie Française». 4-й день. Поутру посѣщеніе Лувра. Завтракъ

въ посольствѣ. Въ 1 ч. пополудни отѣздъ въ экипажахъ въ Версаль. Осмотръ севрскаго фарфороваго завода. Праздникъ въ садахъ, при чемъ всѣ фонтаны будутъ пущены. Обѣдъ въ версальскомъ дворцѣ. Ночного праздника въ Версали не будетъ, во избѣжаніе сильнаго скопленія публики. Въ 11 час. вечера Ихъ Величества съ Императорскимъ поѣздомъ отбудутъ изъ Версаля въ Шалонъ. 5-й день. Отъ 10 до 11 ч. утра смотръ войскамъ въ Шалонскомъ лагерѣ. Военный завтракъ и отѣздъ въ Дармштадтъ.

Англія.—Прибывъ въ Эдинбургъ, Государь Императоръ и Государыня Императрица перешли съ яхты «Штандартъ» на пароходъ «Tantallon Castle», который прошелъ съ Ихъ Величествами по линіямъ эскадры, съ судовъ коей раздавались салюты. Ихъ Величества сошли на берегъ въ 1 ч. 40 м. Войска отдали честь, музыка исполнила русскій гимнъ. Государь Императоръ и Государыня Императрица, встрѣченные съ большимъ энтузіазмомъ, вошли въ павильонъ на набережной, гдѣ находились члены городскихъ совѣтовъ Эдинбурга и Лейта и множество именитыхъ гражданъ обоихъ названныхъ городовъ и окрестностей. Государь Императоръ былъ въ полковничьемъ мундирѣ полка Scotts Greys, почетный караулъ отъ котораго находился въ павильонѣ. Государыня Императрица вызвала всеобщее восхищеніе. На эстрадѣ Ихъ Величества появились окруженные принцемъ Уэльскимъ, герцогомъ Коннаутскимъ и свитами. Эдинбургскій городской голова поднесъ букетъ Государынѣ Императрицѣ. Члены совѣта города Лейта и города Эдинбурга приветствовали Ихъ Величества отъ имени обоихъ городовъ.

— 10-го сентября, вечеромъ, Императорскій поѣздъ пришелъ въ Эбердинъ въ 5 часовъ 30 минутъ вечера. Погода была холодная и дождливая. Ихъ Величества были встрѣчены многочисленными властями и избранною публикою, въ числѣ которой было много дамъ. Вокзалъ былъ роскошно убранъ цвѣтами. Приходъ поѣзда былъ встрѣченъ громовымъ «ура». Государь Императоръ, отвѣчая на адресъ, поднесенный Его Величеству эбердинскимъ мэромъ, милостиво благодарилъ въ нѣсколькихъ словахъ, послѣ чего герцогъ Коннаутскій и лордъ Пембрукъ представили Ихъ Величествамъ нѣсколько лицъ. Въ 5 ч. 49 м. поѣздъ двинулся въ Баллотеръ,—станція, откуда ведетъ дорога въ Бальмораль.

— Въ 7 час. 5 мин. Императорскій поѣздъ пришелъ въ Баллотеръ, гдѣ Ихъ Величества были встрѣчены муниципальными властями. Когда Императорская Чета, принцъ Уэльскій и герцогъ Коннаутскій пересѣли въ экипажи для слѣдованія въ Бальмораль, на вершинахъ окрестныхъ горъ запылали въ знакъ радости костры. Картина была тѣмъ болѣе эффектная, что ночь была очень темная. Около 8 часовъ верховой привезъ въ замокъ извѣстіе о приближеніи Державныхъ Гостей. Въ недалекомъ разстояніи отъ замка Императорскій кортежъ былъ встрѣченъ мѣстными волонтерами, отрядомъ полка Scotts Greys и многочисленными горцами, державшими въ рукахъ зажженные факелы и игравшими на волынкахъ. Королева, выйдя на подъѣздъ, приветствовала Императорскую Четву. Встрѣча была сердечная. Въ ту же минуту горцы стали махать факелами. Погода разъяснилась только въ моментъ приѣзда Ихъ Величествъ въ Бальмораль, но на всемъ пути (десять миль) шелъ дождь. Несмотря на это,

Ихъ Величества ѣхали все время въ открытомъ экипажѣ.

— Послѣ долгихъ усилій и цѣлаго ряда до сихъ поръ неудавшихся попытокъ, лондонскіе армянофилы добились снова того, что Гладстонъ появился въ качествѣ оратора на одномъ изъ ихъ митинговъ. Гладстонъ выразилъ увѣренность, что министры приложатъ всѣ усилія къ тому, чтобы добиться безопасности турецкихъ христіанъ. Въ своей рѣчи Гладстонъ указалъ на необходимость устранить всякій партійный духъ изъ этого вопроса и, сдѣлавъ затѣмъ извѣстное уже заявленіе, добавилъ: «Если достигнуть предварительнаго согласія державъ окажется невозможнымъ, то Англія будетъ имѣть право пригрозить султану повидительными мѣрами. Это не значитъ, чтобы такая угроза непременно повела къ войнѣ. Я надѣюсь, что Англія не будетъ вынуждена дѣйствовать одиночно, но никогда не допущу мысли, чтобы Англія отреклась отъ своего права такъ поступить. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи должно быть отозваніе англійскаго посла изъ Константинополя и врученіе паспортовъ турецкому послу въ Лондонѣ. Разъ это будетъ сдѣлано — представится возможность свободно обсудить, какъ должно поступать дальше. Я думаю, что ни одно европейское государство не начнетъ войны для того, чтобы гарантировать продолженіе рѣзни».

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

По приказанію Е. И. В. Великаго Князя Генералъ-Адмирала, художникъ морского министерства профессоръ А. П. Боголюбовъ и ученики его гг. Гриценко и Ткаченко прикомандировываются къ штабу флагъ-капитана Его Императорскаго Величества контръ-адмирала Ломена, по прибытіи яхтъ въ городъ Шербургъ, куда поименованные художники уже отправились для подготовительныхъ работъ по написанію картины «Торжественная встрѣча Ихъ Величествъ въ водахъ Франціи».

— Правленіемъ университета св. Владимира возбуждено ходатайство предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи поставить въ торжественномъ залѣ университета мраморную доску съ надписью о посѣщеніи университета 21-го августа 1896 года Ихъ Императорскими Величествами Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ и Государынею Императрицею Александроею Феодоровною, въ сопровожденіи Ихъ И. В. Великихъ Князей Михаила Николаевича, Владимира Александровича и Великой Княгини Маріи Павловны.

— Празднованіе столѣтія города Новогрудковска, волынской губ., происходило 3-го текущаго сентября и началось служеніемъ божественной литургіи и молебствія въ мѣстномъ соборѣ. Городъ въ этотъ день былъ украшенъ флагами и принялъ праздничный видъ. Въ 1 часъ дня состоялся обѣдъ, на которомъ присутствовали голынский вице-губернаторъ, прибывшій специально для того, чтобы поздравить городскихъ представителей съ юбилеемъ.

— 12-го сентября въ Переяславлѣ освященъ храмъ въ память присоединенія Малороссіи къ Россіи—въ присутствіи помощника оберъ-прокурора Саблера, губернатора Бельгарда, представителей администраціи, съѣхавшихся дворянъ, волостныхъ старшинъ и судей. Преосвященный Иларіонъ произнесъ

слово. Дворянствомъ въ земскомъ домѣ устро-
ить обѣдъ, духовенствомъ — завтракъ.

— 15-го сентября въ Царицынѣ въ присут-
ствіи помечителя казанскаго учебнаго окр-
га, директоръ народныхъ училищъ, учебнаго
персонала мѣстныхъ гимназій, представите-
лей города и массы публики открыто первое
въ Россіи (изъ 12 предложенныхъ къ от-
крытію) ремесленное училище съ отдѣлені-
ями: слесарнымъ и токарнымъ. Принято 40
мальчиковъ. Собственное зданіе будетъ го-
тово въ будущемъ году.

ЮБИЛЕИ И ГОДОВЩИНЫ.

Н. Н. Обручевъ.—Въ среду, 11-го сентяб-
ря, исполнилось 40 лѣтъ со дня полученія на-
чальникомъ главнаго штаба и членомъ госу-
дарственнаго совѣта, генералъ-адъютантомъ
Н. Н. Обручевымъ, профессорскаго званія
въ Николаевской академіи генеральнаго шта-
ба; такой-же періодъ продолжается и его
учено-литературной дѣятельности, преимуще-
ственно въ области военно-статистики и
географіи. Пробывъ четверть вѣка профес-
соромъ въ родной ему академіи, Н. Н. съ
1881 г. занимаетъ высшій постъ начальника
главнаго штаба, нерѣдко, за отсутствіемъ
или по болѣзни военнаго министра, управляя
всѣмъ военнымъ ведомствомъ. Съ 15-го мая
с. г. Н. Н. состоитъ кавалеромъ Андреевскаго
ордена.

Н. Л. Бѣнуа.—24-го сентября исполняется
шестидесятилѣтіе служебно-общественной
дѣятельности причисленнаго къ министерству

государственныхъ имуществъ и архитектора
Высочайшаго Двора, академика Николая
Людоевичевича Бѣнуа.

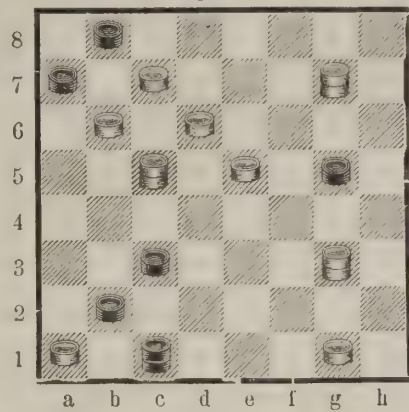
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. Н. Шошина.

ЗАДАЧА № 27.

Е. Ф. Андреевна (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и прогнать.

Въ шашечномъ турнирѣ по перепискѣ, кромѣ перечислен-
ныхъ въ № 30 „Живоп. Обзоръ“, окончено еще 58 партій.
Въ первой группѣ: Я. Юзлевъ выигралъ по одной партіи у
А. Абазы и А. Зинченко и проигралъ по одной А. Конушкину
и В. Лаптеву; В. Вармужъ выигралъ одну партію у С. Ста-
ростина; А. Чайковский выигралъ обѣ партіи у С. Аксенен-
кова и по одной у В. Лптева и А. Зинченко; В. Лаптевъ
выигралъ одну партію у Н. Зайцева; А. Зинченко выигралъ
одну партію у А. Абазы.

Во второй группѣ: В. Шошинъ выигралъ обѣ партіи у П.
Куликова и по одной у В. Русинова, Е. Андреевна, И. Мы-
чника и П. Холодова. окончилъ въ ничью по двѣ партіи съ

П. Боянскимъ и С. Индыхомъ и по одной съ Е. Андреевною
и П. Холодовымъ; П. Боянский выигралъ по одной партіи у
П. Куликова и П. Холодова и окончилъ въ ничью обѣ партіи
съ С. Индыхомъ; И. Мзоловъ выигралъ обѣ партіи у Д.
Николаева-Бородина; П. Холодо въ окончилъ въ ничью одну
партію съ И. Мычникомъ; П. Куликовъ выигралъ одну партію
у В. Русинова.

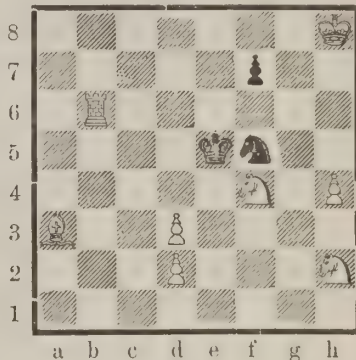
Въ третьей группѣ: А. Рыбинъ выигралъ по двѣ партіи
у К. Недригайлова и В. Приломова и по одной у П. Иванова
и Н. Скосырева. проигралъ по одной партіи М. Сессорову,
Н. Кукуеву и П. Плотичну; М. Сессоровъ выигралъ по двѣ
партіи у К. Недригайлова и К. Климова и по одной у В.
Сыробряжскаго, П. Плотична и В. Локотьнова, окончилъ
въ ничью одну партію съ Н. Скосыревымъ и проигралъ
одну партію П. Плотичну; Н. Кукуевъ выигралъ обѣ партіи
у К. Недригайлова и одну у Г. Харченко, проигралъ одну
партію К. Климову; Н. Скосыревъ выигралъ по одной партіи
у К. Недригайлова, В. Локотьнова и К. Климова; К. Климовъ
выигралъ одну партію у В. Приломова; П. Плотичнъ
выигралъ одну партію у К. Недригайлова.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 27.

Я. Бенеша (въ Прагѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

За редактора—издатель С. Добролюбевъ.

Рояль фабрики Я. Беккера, находящійся въ Царскомъ павильонѣ Нижегородской выставки.

Рѣдко приходилось видѣть такую роскошь,
какъ въ Царскомъ павильонѣ на Нижегород-
ской выставкѣ.

Помѣщаемый рисунокъ представляетъ приѣм-
ный залъ Царскаго павильона, въ которомъ на
первомъ планѣ видѣтся роскошный концерт-
ный рояль работы извѣстной фабрики Я. Бек-
керъ въ Петербургѣ. Художественная рѣз-
ба крышки, ножекъ, боковъ и даже педалъ,
чудная внутренняя отдѣлка, бархатный и вмѣ-
стѣ съ тѣмъ сильный звукъ этого рояля, обра-
тили вниманіе высокопоставленныхъ посѣти-
телей, почему онъ и удостоился быть подне-
сеннымъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ.

Фабрика Я. Беккеръ въ Петербургѣ едва-
ли не единственная въ мірѣ фортепіанная
фабрика, въ которой все необходимое для
роялей, отъ остова до послѣдняго винта, из-
готавливается въ собственныхъ мастерскихъ.

Михаилъ-Августовичъ Битенажъ—съ 1871
года владѣлецъ этой колоссальной фабрики,—
тонкимъ знаніемъ и энергіею довѣлъ это дѣ-
ло до недостижимой высоты, за что неод-
нократно удостоивался Высочайшихъ на-
градъ.

Рояли Я. Беккера завоевали себѣ симпатіи
лучшихъ пианистовъ своими несравненными
качествами, признанными выдающимися экс-
пертами цѣлаго ряда всемірныхъ выставокъ.

Такіе великіе пианисты, какъ покойный
Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ и Гансъ
фонъ-Бюловъ открыто признали рояли Я. Бек-
кера за лучшіе въ мірѣ, и никогда въ Россіи
Антонъ Григорьевичъ не игралъ публично на
рояляхъ другихъ фабрикъ.

Заграницей и то нерѣдко А. Г. возилъ съ
собою беккеровскій рояль, который ему, по

его словамъ, былъ «единственнымъ» другомъ,—
подлинное выраженіе А. Г.

Но въ чемъ заключаются хорошія ка-
чества роялей этой фабрики? Судя по ряду
протоколовъ выставочныхъ жюри, достоин-
ства роялей Беккера резюмировано въ слѣ-
дующемъ: въ замѣчательномъ благодѣствѣ,
красотѣ и въ силѣ звука, въ необыкновен-
ной ровности интонаціи и клавиатуры, а так-
же въ такой поразительной прочности, что
даже по истеченіи почти четверти вѣка, рояли
Я. Беккера способны сохранить свѣжесть,
полноту и чистоту звука.

Кромѣ А. Г. Рубинштейна и Ганса фонъ-
Бюлова, несравненные качества этихъ роя-
лей печатно засвидѣтельствовали такіе зна-
менитые пианисты, какъ Францъ Листъ, А. Ген-
зельтъ, Альфредъ Грюнфельдъ, Эмиль Зауэръ,
Ставенгагенъ, Рейзенауэръ, Д'Альберъ, Софія
Ментеръ, А. И. Есиповъ, Планте, К. Рей-
нике, Іоганъ Штраусъ, Чарльзъ Халле, Кар-
рено и другіе, письма которыхъ восхваляютъ
цѣлыя гимны роялямъ фабрики Я. Беккера.

Фабрика Я. Беккера, получившая въ раз-
ное время четыре орла, изъ коихъ послѣд-
ній за нижегородскую выставку сего года,
въ настоящее время выпускаетъ въ годъ до
тысячи роялей.

Огромное зданіе фабрики, построенное по
новѣйшей системѣ и снабженное лучшими
машинами, создано только изъ металла и кам-
ня. Въ огромныхъ свѣтлыхъ помѣщеніяхъ фаб-
рики Я. Беккера работаютъ болѣе трехъ сотъ
человѣкъ при самыхъ благоприятныхъ гигие-
ническихъ условіяхъ.

М. А. Битенажъ повидимому щедро воз-
награждаетъ своихъ рабочихъ, вслѣдствіе

чего, однажды попавшій въ число рабочихъ
на фабрику, старается удержаться тутъ, какъ
можно дольше, дорожа такимъ заработкомъ.
Достаточно сказать, что на фабрикѣ Я. Бек-
кера находятся рабочіе, служащіе здѣсь под-
рядъ болѣе сорока лѣтъ. Вообще служащихъ
болѣе пятнадцати и двадцати лѣтъ на фаб-
рикѣ до шестидесяти человѣкъ.

Благодаря прекрасно поставленному въ
техническомъ отношеніи дѣлу, рояли Я. Бек-
кера отличаются рѣдкою законченностью.

Ни одинъ рояль не выходитъ изъ фабрики,
пока его качества не будутъ проверены глав-
нымъ мастеромъ А. Фертигомъ, служащимъ
на фабрикѣ болѣе сорока лѣтъ.

А. Фертигъ началъ свою дѣятельность съ
простого сборщика роялей, и вотъ уже лѣтъ
двадцать, какъ служить почти правою рукою
М. А. Битенажа.

За свою многолѣтнюю дѣятельность А.
Фертигъ удостоивался неоднократно Высочай-
шихъ наградъ.

Примѣръ похвальной ревности А. Фертига,
вышедшаго изъ рабочихъ, несомнѣнно дѣй-
ствуетъ ободряющимъ образомъ на другихъ
рабочихъ, относящихся къ своему бывшему
товарищу съ глубокимъ уваженіемъ.

Въ настоящее время, въ виду большихъ за-
казовъ, фабрика Я. Беккера стала выпускать
ежедневно по четыре рояля разной величины.

Огромное и несравненное, въ смыслѣ каче-
ства, производство фабрики Я. Беккера от-
крыло русской фортепіанной промышленности
многіе иностранные рынки. Фабрика Я. Бек-
кера, въ настоящее время, вывозитъ за гра-
ницу болѣе сотни роялей въ годъ и преимуще-
ственно въ Англію. № 1263 (1—1).

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ.
— Спб., Невскій, 59. № 2261.

П. Борманъ

Вознесенскій пр. 38.
ДЕПО РОЯЛЕЙ и
ПИАНИНО лучш. здѣшн.
и заграничн. фирмъ.
Продажа и прокатъ на
самыхъ выгодныхъ условіяхъ. № 2418-6

ПАМЯТЬ

„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“.
(Что такое мнемоника?)
книга (пятое издание)

профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА
и печатныя условія заочнаго (письменнаго) курса изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.)
высылаются за шесть 7 коп. марк. на веле-
новой бумагѣ вмѣстѣ съ условіями — за
восемь 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго
на законахъ физиологій, психологій, логики
и педагогики, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ по-
терявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣ-
ющихъ плохую, и лучшей — у обладающ.
хорошей.

Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразно-
сти моего метода убѣдились гг. врачи, пе-
дагоги, военные, студенты и тысячи дру-
гихъ лицъ разныхъ профессій, званій и
возраста, окончившихъ у меня курсъ
укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня
благодарности. (Условія за курсъ безъ
книгъ высылаются за одну 7 коп. марку).
Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Сип. выжн.
Ж. О. 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ)
д. Бродскаго № 6 40, кв. 4-5-8, бель-этажъ.
Профессоръ мнемоники членъ парижской
академіи С. Файнштейнъ. № 2298-15.

Поступило въ продажу во всѣхъ книж-
ныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы
новое изданіе романа

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ**„ПОГРОМЪ“**

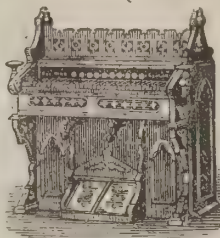
Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ
сокращеній). Цѣна 75 коп. Въ книгѣ 566
страницъ.

Предлагаемый романъ извѣстнаго талант-
ливаго французскаго писателя полонъ си-
магоживого интереса, гдѣ, между прочимъ,
авторъ художественно знакомитъ читателя
съ причинами и со всѣми ужасами воен-
ныхъ дѣйствій, происшедшихъ опустоши-
тельными ураганами по Франціи въ 1870—
1871 годахъ.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не
платятъ. Требуется только при получении де-
негъ. Для удобства покупателей стоимость
книгъ можетъ быть выслана почтовыми
марками.

Складъ изданій при конторѣ журнала
„Живописное Обозрѣніе“

Невскій пр. у Аничкина моста, д. 68—40.

ФИСЪ-ГАРМОНИИ
(Harmonium)

рекомендуетъ
фабрика музы-
кальныхъ инстру-
ментовъ Д. А.
Александрова по
самымъ деше-
вымъ цѣнамъ, а
также и всѣ
другіе музыкаль-
ные инструменты въ
большомъ выборѣ
лучшаго качества
и цѣны дешевой.

продажа оптомъ и въ розницу.

Прейсъ-курантъ высылается БЕЗПЛАТНО.
Заказы изъ провинціи исполняются
немедленно.

ДЕПО НЕВСКІЙ пр., домъ № 57.
въ С.-Петербургѣ.

ФРИДРИХЪ ВИНТЕРЪ.

ФАБРИКА

И

ДЕПО

ЧАСОВЪ.

Невскій

проспектъ,

№ 78.

Въ

С.-Петербургѣ.

РЕКОМЕНДУЕТЪ ОГРОМНѢЙШІЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ.

Никелевые отъ 6 р. до 20 р.
Стальные (черные) „ 8 „ „ 30 „
Серебряные мужскіе „ 10 „ „ 100 „
„ дамскіе „ 10 „ „ 30 „
Золотые „ 25 „ „ 225 „
„ мужскіе „ 40 „ „ 800 „
Стѣнные часы „ 2 „ „ 200 „

Регуляторы двухне-
дѣльнаго завода отъ 15 р. до 100 р.
Столовые часы „ 4 „ „ 275 „
Будильники „ 4 „ „ 100 „
Симфоніонъ (муз. инстр.) „ 6 „ „ 110 „
Полифоны „ 20 „ „ 125 „
Башенные часы „ 125 „ „ 4000 „

По желанію гг. покупателей часы высылаются съ наложеннымъ платежемъ. № 2381-2
Подробные прейсъ-куранты высылаются БЕЗПЛАТНО.

ИЗВѢСТНОЕ БѢЛЪЕ

Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворныя
Поставщицы

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ

извѣстно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ
лучшаго полотнянаго бѣлья. Штукъ только нѣсколько копѣекъ.
При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой непріятностей. После
употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безупречно-си-
дѣющее бѣлье. Прекрасно сохранилось даже при усиленномъ пе-
тѣнии. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ и холостяковъ.
Наши именитѣйшіе представители сообщаютъ, по желанію, гдѣ
оно продается.

Танфани и Штейдель, Москва. Карлъ Шиммель. Садовая 18, С.-Петербургъ. Максъ
Тишбейнъ, Рига. Фабіанъ Клингсландъ, Варшава. Оттонъ Вундербъ, Харьковъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ**МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ**

РУССКИХЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ и ПИСАТЕЛЕЙ.

Давно ощущается потребность среди интеллигентнаго класса, въ особенности
проживающаго въ провинціи, имѣть бисты государственныхъ дѣятелей. или
нѣкоторыхъ любимыхъ русскихъ писателей въ художественномъ выполненіи. Между
тѣмъ очень высокая цѣна за металлическіе бюсты (отъ 25 до 50 руб. за экземпляръ),
находящіеся въ продажѣ въ столицахъ, болѣе чѣмъ совершенно недоступна;
рыночныя же издѣлія подобнаго рода отличаются небрежной работой и, кромѣ того,
судучи сдѣланы изъ дешеваго алебаstra, крайне непрочны и хрупки.

Въ виду этого, желая дать возможность любителямъ извѣстныхъ имѣть прочные
металлическіе бюсты въ художественномъ выполненіи и притомъ за баснословно
дешевую цѣну, мы приступили къ изготовленію художественно выполненнхъ
бюстовъ изъ легкаго металла одинаковой прочности и вида дорогой бронзы — воспроиз-
веденными известными скульпторами — художниками Императорской Академіи
Художествъ Р. Базъ и друг. Лестные отзывы периодической печати о художествен-
номъ выполненіи бюстовъ служатъ лучшей рекомендаціей.

Первая коллекція состоитъ изъ 10 бюстовъ, а именно:

- 1) Е. И. В. Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III (въ Бозѣ почившій)
- 2) Е. И. В. Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.
- 3) Е. И. В. Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II (въ Бозѣ почившій).

ПИСАТЕЛИ:

- 4) А. С. ПУШКИНЪ. — 5) М. Ю. ЛЕРМОНОВЪ. — 6) И. С. ТУРГЕНЕВЪ. — 7) Н. В. ГОГОЛЬ. —
- 8) Ф. ДОСТОЕВСКІЙ. — 9) Графъ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

10) ПРОТОІЕРЕИ О. ІОАННЪ КРОНШТАДСКІЙ.

Цѣна за металлическій бюстъ большого формата, на выборъ, для годовыхъ под-
писчиковъ 4 р. Для неподписчиковъ ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

Въ виду большого спроса металлическихъ бюстовъ
ПРОТОІЕРЕЯ ОТ. ІОАННА СЕРГІЕВА (КРОНШТАДСКАГО)
изготовлены бюсты малаго формата.

Цѣна для подписчиковъ 2 р. 50 к. Для неподписчиковъ 3 рубля.

Цѣны за металлические бюсты показаны безъ пересылки.

Бюсты высылаются только по полученіи сполна денегъ при заказѣ. За доставку
уплачивается на мѣстѣ полученія бюста.

Контора: Спб. Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Около 1000 машинъ РЕМИНГТОНЪ въ употребленіи въ
Министерствахъ въ одномъ Петербургѣ.
Общій свѣтъ около 150,000.

ФИСТАРМОНИИ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ

**ШИДМАЙЕРА,
КАРПЕНТЕРА**

и другихъ лучшихъ фабрикъ.

въ 85, 100, 110, 130, 135, 150,
160, 180, 190, 200, 225, 240,
250, 300, 325, 350, 400, 450,
500, 550, 750, 800 и 1,000 руб

Школа-самоучитель — Пахъ 2 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ
БЕЗПЛАТНО. — 39

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Гласное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ, Б. Морская № 34 и 40. — Москва, Кузнечій м., д. Захарьина.

№ 39 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2 1/2 листовъ съ 8-ю рисунками, а именно: I) два листа текста
и II) «Еженедѣльная хроника» № 39-й.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»: НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. Заграницу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоеной бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

1) Желающіе получить самостоятельно книги журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» (безъ журнала «Живописное Обозрѣніе»), уплачиваютъ за годъ (съ доставкою)—4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ «Живописное Обозрѣніе» безъ книгъ «Домашней Библіотеки»—НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

3) Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Получающіе журналъ съ разсрочкою взносовъ добавляють къ объявленной подписной годовой цѣнѣ 50 коп. за напечатаніе адресовъ и другіе расходы.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

«Игроки». Рисоваль художникъ М. Вюншъ.

М Е Ч Т А.

Ищи вокругъ себя хотъ призракъ существа,
Въ которое бы могъ ты воплощать мечтанья,
Всѣ грезы свѣтлыя, всѣ чистыя желанья,—
Въ которомъ видѣлъ бы ты отблескъ Божества!..

Ищи вокругъ себя такую душу ты,
Которая—съ твоею сливалась бы, страдая,—
Въ которой бы могли цвѣсти, не увядая,—
Твоей живой любви весенніе цвѣты!..

Если нѣтъ никого, въ комъ бы могъ воплотить
Ты свои заповѣдныя мысли,
Если ложь и вражда черной тучей нависли
Надъ тобой, не давая ни думать, ни жить,—

Боготвори свою мечту,
Склоняй молитвенно предъ нею—
Какъ передъ святынею своею—
Всѣхъ чувствъ и мыслей красоту!

Тогда—изъ сумрака борьбы,
Изъ бездны мертвенной печали
Мечта взойдетъ въ разсвѣтной дали
Зарей надеждъ, звѣздой судьбы!..

Ищи вокругъ себя, среди чужихъ тебѣ,
То сердце близкое, желанное, родное,—
Которое тебѣ сіяло бы звѣздою
Во тѣмъ безвременья, угасшаго въ борьбѣ!..

Ищи вокругъ себя, ищи съ огнемъ любви!
И если ты найдешь, ты—близокъ къ совершенству...
О, если ты найдешь,—нашелъ ты путь къ блаженству!
Иди и созерцай! Блаженствуй и живи!..

Самъ создай ты себѣ идеаль вожделѣнный,
Самъ—творцомъ будь священной для сердца мечты!..
Пусть обманешь себя ты,—живые цвѣты
Все равно расцвѣтутъ изъ мечты вдохновенной!..

О, пусть ея краса и сила—
Одно созданье грезъ твоихъ...
Такъ проводи свой каждый мигъ,
Чтобъ передъ ней не стыдно было!..

Аполлонъ Коринфскій.

ПОДНЕВОЛЬНАЯ КЛЯТВА.

(Дѣйствительность).

I.

— Смотри, Логинъ Миколанчъ, по себѣ-
ли ты дерево рубишь?!

— Это уже, кумъ, мое дѣло, а не твое!

— Такъ-то оно такъ, да вѣдь я сказываю тебѣ по Божью... Самъ же вѣдь ты и заведъ рѣчи со мной объ эфтомъ дѣлѣ.

— Ну что-жь, что заведъ! Я не совѣта твоего прошу, а только говорю тебѣ: такъ-де и такъ хочу поступить—хочу жениться на Авдотѣ!..

— А я, вотъ, на эти рѣчи тебѣ и отвѣчаю: не по себѣ ты дерево рубишь!.. Ищи себѣ рѣвню. Ты пойми, кумъ, одно вотъ что: тебѣ, тепереча, пять десятковъ слишкомъ будетъ, а ей, Дунькѣ-то, семнадцать... И хоша ты крѣпокъ и здоровъ таперь, а вѣдь годовъ черезъ десятковъ—ежели Господь доведетъ прожить,—ей-то будетъ всего двадцать-семь, а тебѣ, пожалуй, и всѣ шестьдесятъ съ походомъ!.. Такъ-то-ся.

— Будетъ шестьдесятъ-два...

— То-то, вотъ, и есть. Это тебя врагъ наущаетъ, Логинъ Миколанчъ!.. А ты бы тово... Въ церковь сходишь... Да!..

— Ну, довольно, кумъ! Не радъ я, что и заговорилъ съ тобою... Никто меня не наущаетъ; а это дѣло задумано, значитъ, мною самимъ—и я его исполню. Вѣдь мнѣ, какъ помирать-то придется, глазъ некому будетъ закрывать—вѣдь я одинъ, какъ перстъ.

— Какъ знаешь, кумъ, какъ знаешь... И вправду—твое дѣло; я—сторона... Спросилъ ты мово совѣта—я тебѣ его и далъ; а за тѣмъ, какъ знаешь.

Разговоръ этотъ происходилъ въ слободѣ Кисловодской, осенью 1856 года, между двумя «жителями» слободы ¹⁾—довольно зажиточнымъ «старожиломъ» Антономъ Оглоблинымъ, старикомъ лѣтъ 60-ти сличкомъ, и отставнымъ ундеромъ, Логинномъ Николаевымъ, «новожиломъ».

Логинъ былъ заслуженный человекъ: кромѣ унтеръ-офицерства, онъ имѣлъ два георгиевскихъ креста и пять различныхъ медалей; весь лѣвый рукавъ его мундира былъ обшитъ шевронами, два раза онъ былъ раненъ въ стычкахъ съ горцами; но, тѣмъ не менѣе, это былъ еще бравый, рослый, сильный и здоровый человекъ. Всю свою 25-ти-лѣтнюю службу онъ провелъ на Кавказѣ, въ крѣпостной артиллеріи, хорошо выучился грамотѣ и скопилъ нѣсколько сотъ рублей деньжонокъ—отъ тѣхъ лѣтнихъ полевыхъ работъ, на которыя ихъ отпускало начальство. Последнія пять лѣтъ службы онъ провелъ въ Кисловодскѣ, въ мѣстномъ гарнизонѣ,—и когда ему вышла чистая отставка, онъ отправился-было на родину, въ пензенскую губернію, въ Городищенскій уѣздъ, но тамъ онъ не встрѣ-

тилъ ни одной родной души: родители его давно умерли, старшій братъ тоже; осталась въ живыхъ одна старуха-сестра, да и та едва его признала и отнеслась къ нему совсѣмъ какъ чужая; дѣти-же брата, жившіе въ его родительскомъ домѣ, совсѣмъ отказались его принять—изъ боязни, что онъ поселится у нихъ въ домѣ, да еще потребуетъ свою долю... Хотя и дѣлать-то было почти нечего—развѣ избу пришлось бы разрубить пополамъ... Мужики были господскіе (то есть, помѣщичьи, крѣпостные), жили въ курныхъ избахъ, хлѣбъ—изъ года въ годъ—ѣли съ мякиной, работали на барщинѣ вмѣсто положенныхъ трехъ дней, по четыре и по пяти. Сами господа жили тутъ-же, въ деревнѣ, вели хозяйство неумѣло и все у нихъ не удавалось и шло прахомъ. У нихъ была винокурня, и если, случалось, не хватало своей и купленной ржи на заводъ, а купить было не на что, то, безъ церемоніи, принимались тогда за крестьянскую рожь: прѣдуть, бывало, господскія подводы на мужичье гумно, разберутъ адонье, покладутъ его на воза и сvezутъ на барскій дворъ; а тамъ—обмолотятъ, и на заводъ; на спиртъ перегонятъ... Доходило до того, что мужики и бабы—и старый, и малый—ходили съ ложками на господскій дворъ, гдѣ имъ и варили какое-нибудь хлѣбово—изъ сѣрой капусты съ водою и солью, или изъ крошеной картошки съ мукой,—давали по куску хлѣба на каждого,—и тѣмъ избавляли отъ голодной смерти.

Вотъ, поглядѣвъ на это горькое житье-

¹⁾ Кисловодская слобода—или просто Кисловодскъ, какъ принято называть его—находится въ Терской области въ группѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ. Населенъ онъ, по преимуществу, отставными солдатами и тѣми давними переселенцами изъ внутреннихъ губерній Россіи, которые ушли сюда «отъ тѣсноты» малоземелья и отъ крѣпостнаго гнета. Почти всѣ они, съ теченіемъ времени, записались въ пятигорскіе мѣщане; но въ Кисловодскѣ они именуются «жителями» и дѣлятся, при этомъ на «старожиловъ» и «новожиловъ»; первые считаются, такъ-сказать хозяевами слободы и пользуются значительными земельными угодьями.

быть Логинъ, видѣть—дѣло плохо, земля у мужиковъ—да и у господъ, тоже—истощенная и вся выпаванная, родить годъ-отъ-году хуже, работникъ—ни почемъ, можно нанять въ лѣто за 15 рублей на серебро; порядки—жестокіе, господа—безжалостные да безтолковые, разоряютъ въ корень своихъ-же собственныхъ мужиковъ... Поглядѣлъ на все это Логинъ, да и задумалъ уйти назадъ, на Кавказъ, на вольный просторъ тамошнихъ степей, лѣсовъ и горъ, гдѣ и жизнь дешевле и привольнѣе, да и народъ побогаче и посмѣлѣе—не забитый, не задавленный. Въ одинъ изъ праздниковъ, пошелъ Логинъ въ церковь, помолился, попросилъ батюшку отслужить панихиду на могилѣ своихъ родителей; потомъ, отправился на свой стародавній родительскій огородъ и взялъ изъ подъ старой ракиты, гдѣ онъ игривалъ малымъ парнишкомъ, горсть родной земли, насыпалъ ее въ холщевой мѣшечекъ и повѣсилъ его себѣ на крестъ, вмѣсто ладонки... А вечеромъ того-же дня, Логинъ, одѣтый по дорожному, со старымъ ранцемъ за плечами и съ подогомъ¹⁾ въ рукахъ, шагнулъ уже по проселочной дорогѣ, на мордовское селеніе Селиксу, расположенное на большомъ сибирскомъ тракѣ, ведущемъ отъ Казани на Пензу, Чебоксары, Кирсановъ и такъ далѣе, вплоть до Ростова; откуда уже рукой подать и до Кавказа.

Шелъ Логинъ цѣлыхъ два мѣсяца и добрался, наконецъ, до Кисловодска, до всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ, которые обрадовались ему больше, чѣмъ родные, на его родинѣ. Купилъ онъ міру два ведра водки,—и отвели ему усадьбу, то-есть пустопорожнее мѣсто для постройки, на краю слободы. Развязалъ старый вонючій свой заветный чѣрезовъ²⁾—и раскошелился: досталъ оттуда нѣсколько штукъ аккуратно сложенныхъ новенькихъ ассигнацій, купилъ себѣ пару воловъ съ телѣгой,—и сталъ возить съ ближайшей горы камень на постройку; а потомъ, какъ и слѣдуетъ быть, навозилъ песку и глины, купилъ известня, кирпичу, дерева отъ татаръ, нанялъ каменщика и печника,—и чрезъ какіе-нибудь два-три мѣсяца у Логина былъ готовъ свѣтлый и чистенькій домикъ, крытый камышомъ и раздѣленный сѣнями на двѣ половины: на улицу выходила «чистая» половина, съ двумя горнищами и голландской печкой; а на дворъ—простая изба, съ большою русской печкой, съ лавками и полатами; а еще черезъ мѣсяцъ, на дворѣ былъ выстроенъ изъ самана³⁾ сарай и хлѣвъ, а за ними разбитъ былъ садикъ и поднята земля подъ огородъ,—и все это было аккуратно обнесено невысокою стѣною, сложенною изъ камня. Не прошло и году, какъ у Логина зеленѣли уже въ саду молодые деревья, пересаженные имъ, осенью, изъ лѣса, подъ ними стояли ульи и члѣвъ, а на дворѣ были лошади, корова и овцы и ходили подъ предводительствомъ важнаго, горластаго пѣтуха, куры... Словомъ, домъ былъ какъ есть вполне; недоставало только хозяйки.

«А отчего же бы мнѣ не завести въ дому и хозяйку?»—подумалъ Логинъ и сталъ искать ее.

Искать, впрочемъ, пришлось не долго. Въ слободѣ жилъ, въ развалюшей саманной хатѣ, нитогорскій мѣщанинъ Степанъ Комлевъ, вдовецъ, горькій пьяница и тунеядецъ. У него жила старуха сестра, Акулина, бездѣтная вдова, которая и присматривала за его неважнымъ хозяйствомъ и тремя дѣтьми, изъ которыхъ старшая была уже семнадцатилѣтней дѣвушкой; звали ее Авдотьею. Это была тихая, кроткая и забитая дѣвушка, съ очень мило-виднымъ лицомъ, но худенькая и не вполне еще сформировавшаяся. Она отличалась только большою русою косою, да замѣчательными глазами—темноглубокими съ поволокою. Гдѣ встрѣтилъ ее и почему замѣтилъ Логинъ—Богъ вѣсть; но только именно на ней остановился его выборъ.

II.

Въ первый же праздникъ, послѣ своего разговора съ кумомъ Антономъ, Логинъ разыскалъ въ кабацкѣ отца Авдотьи, подселъ къ нему, раговорился и принялся, какъ бы ради праздника, угощать: купилъ, сначала, косянку водки, а затѣмъ бутылку чихиря¹⁾ и пару пива; потомъ, издавѣка, окольными путями, навелъ разговоръ на его дочь:

— Чай, тяжело-де тебѣ, съ такой оравой дѣтей, жить?... И всѣхъ надо накормить... и обуть-одѣть... а подмоги нѣтъ ни откуда... да еще дочь, вотъ, придется тебѣ выдавать замужъ... да еще найдется-ли женихъ-то?..

— У меня дочь—невѣста первый сортъ!—хвастать охмѣлѣвшій Степанъ,—дѣвка на всѣ руки; одна бѣда—бѣдность насъ одолѣла... вотъ што... А кабы не это—ее бы у меня давно засватали. А теперь—бѣдота совсѣмъ замаяла: не на што даже платинка новаго ей купить, а не то што приданое какое снаряжать... А вѣдь женихъ-то нынче какіе!—давай безпримѣнно дѣвкѣ шубу, платье, постель, то-другое... Это—не то што у татаръ, вонъ: тамъ женихъ, самъ, калымъ²⁾ платитъ; а у насъ, ребята съ дѣвками наровятъ сорвать...

— Да неужто она не сможетъ сама на себя заработать—обуться-одѣться?—спросилъ Логинъ.

— Какъ не сможетъ,—сможетъ; да и зарабатываетъ, лѣтомъ, въ полѣ и на огородахъ, не мало!.. Да вѣдь все въ домѣ идетъ—на хлѣбъ и на харчъ... А я-то старъ—работать не смогу...

— Та-а-а-а-а,—недовѣрчиво проговорилъ Логинъ и велѣлъ подать еще пива.

Но Степанъ вралъ, что «все въ домѣ идетъ...» Дѣло въ томъ, что почти весь заработокъ своей дочери, да и свой—когда случалось ему достать что-нибудь отъ нѣтъ-куда на лечебный курсъ гостей—все это онъ несъ въ кабацкѣ и пропивалъ; семья же жила только тѣмъ, что давала имъ огородъ. И Логинъ, конечно, хорошо зналъ это, а только дѣлалъ видъ, что вѣритъ.

Когда пиво было выпито, собесѣдники вышли изъ кабака и отправились ко двору. Дорогою Логинъ заговорилъ прямо и безъ обиняковъ:

¹⁾ Чихирь—простое, дешовое виноградное вино, выдѣляемое на Сѣверномъ Кавказѣ.

²⁾ Калымъ—денежная (а иногда, лошадьми, баранами и проч.) плата за невесту, получаемая ея отцомъ отъ жениха.

— А не хочешь-ли ты, дядя Степанъ, я найду тебѣ такого жениха для Авдотьи, что ничего отъ тебя не спроситъ, а еще самъ тебѣ калымъ за нее дастъ?

— Ой-ли?... Ну, найди.

Логинъ назвалъ себя... Степанъ, хотя и былъ во хмѣлю, но все-таки изумился не мало...

— Какъ же это такъ, Логинъ Миколаичъ... Неужто ты самъ... жениться хочешь?..

— Извѣстно, самъ... А что? Ай не вѣришь?

— Нѣтъ, я ничего... Оно точно—отчего тебѣ не жениться... да только...

— Что-только?... Я человекъ крѣпкій, посиленѣе тебя буду, дядя Степанъ; да. А теперь я живу, какъ перстъ,—одинъ... ну, а домъ у меня—не въ похвалѣбу сказать, а въ добрый часъ молвить—полная чапал... все какъ есть—а безъ бабы... Вотъ, я и задумалъ жениться... А Авдотья твоя—я запримѣтилъ—дѣвка смиренная, работящая... выпдетъ за меня—не будетъ знать, по крайности, ни нужды, ни тяжелой работы: не справится по дому одна,—работницу наймемъ...

— Такъ-то оно такъ, да только оно таво... дѣло-то такое... надо подумать...—тихо говорилъ дядя Степанъ, съ котораго быстро сталъ соскакивать весь хмѣль...

— Чего тутъ думать... А впрочемъ, и то сказать—твой товаръ... подумай.

— Надо-надо подумать,—рѣшилъ Степанъ, вѣдь не корову со двора приходится отдавать, а дочь...

— Ну, ладно, подумай себѣ; да только не болтай никому, зря, объ этомъ дѣлѣ!

— Болтать—зачѣмъ... Болтать мы не будемъ; а только, подумать надо...

Долго Логинъ и Степанъ шли послѣ этого молча. Степанъ обдумывалъ это дѣло; зять былъ, словъ нѣтъ, выгодный; но съ другой стороны ему жалко было и дочери—выдавать ее за неровню... да и передъ добрыми людьми все-таки будетъ стыдно...

— Зайдемъ-ка, дядя Степанъ, вотъ въ этотъ трактирчикъ, хлопнемъ!—предложилъ, наконецъ, вновь, Логинъ.

— Нѣтъ, много довольны, Логинъ Миколаичъ! Больше не нужно; не хочется что-то,—отвѣчалъ Степанъ.

— И, полно! Зайдемъ!.. Еще по стаканчику красненькаго.

И они зашли...

III.

На другой день, Авдотья сидѣла на завалинкѣ своей хаты, съ заплаканными и красными глазами: отецъ, еще съ вечера, придя домой, объявилъ ей и сестрѣ своей Акулинѣ, что онъ «пропилъ дочь Логину Миколаичу, кавалеру первый сортъ»... Авдотья не повѣрила сначала, а потомъ, когда пьяный отецъ побожился ей, что онъ не шутитъ, она горько заплакала... и проплакала всю ночь; только подъ утро забылась немного, уснула. Когда она проснулась, отца уже не было въ хатѣ; но часа два спустя, онъ пришелъ, немного на-веселѣ, въ сопровожденіи ея нарѣченнаго жениха, Логина... Послалъ за ея крестной матерью, за братомъ Степана и стали «пропивать дѣвку»... Затѣмъ, Логинъ далъ сестрѣ Степана на-руки пятьдесятъ рублей и велѣлъ справиться для Авдотьи необходимую одежду и все что нужно.

Такимъ-то, вотъ, образомъ и началось сватовство Логина, о которомъ онъ самъ завелъ рѣчь, въ началѣ нашего разказа,

¹⁾ «Съ подогомъ», или «съ изюшкой»—т. е. съ палкой.

²⁾ Чѣрезовъ—маленькая кожаная сумка—попоясъ, которая надѣвается прямо на тѣло; иногда, чѣрезовъ бываетъ еще меньше и короче и надѣвается ниже колѣна, въ видѣ подвязки, на тѣло-же.

³⁾ Саманъ—это особаго рода кирпичъ, приготовляемый изъ смѣси земли, глины, рубленой соломы и навоза. Въ оренбургской губерніи переселенцы строятъ изъ такого самана кирпичи (таинное названіе самана) свои дома.

РИСОВАЛЪ ПЕРОМЪ ХУДОЖНИКЪ А. ШИЛЬДЕРЪ.

(Право на воспроизведение составляетъ исключительную собственность журнала „Живописное Обозрѣніе“).

НА БЕРЕГУ МОРЯ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Ф. ГАНШТЕНГЛЯ.
(Право на воспроизведеше въ Россіи принадлежитъ журналу „Живописное Обозрѣніе“).

ЧЕСТНОЕ СЛОВО?

съ своимъ старымъ другомъ и пріятелемъ, Автономъ Оглоблинымъ.

Авдотья только плакала, но волѣ отцовской не перечила. Глядя на ея слезы, взяло, однажды, раздумье и самого Логина, и онъ спросилъ ее:

— Можетъ быть, тебѣ, Дуня, кого-нибудь жаль! ¹⁾

Авдотья молчала.

— Отвѣчай же, не бойсь; я не скажу отцу, коли што.. я отступлюсь, коли ты съ кѣмъ...

— Мнѣ нечего бояться; мнѣ никого не жаль,—отвѣчала Авдотья,—а только... И слезы полились у нея въ три ручья...—А только, Логинъ Миколанчъ, напрасно ты чужой вѣкъ заѣдаешь: я тебѣ не ровня...

— Это ужъ мое дѣло знать, ровня ты мнѣ, ай не ровня,—сурово отвѣчалъ ей Логинъ.—И вѣка твоего я не заѣмъ, не бойсь!.. И не объ чемъ тебѣ плакать зря, ничего еще худого не видя... Посмотри-ка, какъ заживемъ съ тобой, Богъ дастъ!..

Послѣ этого разговора съ Авдотьей, сталъ Логинъ поторапливать свадьбой... Сыграли се, наконецъ, по добромъ: долго гуляли и пировали, ходили по слободѣ съ музыкой и пѣснями, угощая виномъ всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ... А тамъ, кончилось веселье и зажили молодые своимъ домомъ. Логинъ сдержалъ обѣщаніе—нанялъ въ домъ работницу, вдову, бабу лѣтъ сорока, опытную и дѣльную, которая и заправляла, первое время, всѣмъ домомъ. Авдотья тоже не сидѣла сложа руки и помогала работницѣ, присматриваясь ко всему,—и, такимъ образомъ, Логиново хозяйство скоро наладилось и все въ домѣ пошло, какъ по маслу...

IV.

Прошло слишкомъ два года.

Авдотья стала понемногу привыкать къ своему старому мужу; ее сокрушало и мучило лишь одно, что Богъ не далъ ей дѣтей... Она теперь была въ домѣ совѣтъ уже опытной и полною хозяйкой; работницу давно расчислили, а держали одного лишь парня лѣтъ шестнадцати, который приставленъ былъ, собственно, къ воламъ и къ лошади. Большихъ полевыхъ работъ у кисловодскихъ жителей и тогда, какъ и теперь, не было: сѣяли на огородахъ и въ подѣ почти одинъ картофель, отправлялись съ нимъ потомъ по сѣднимъ селамъ и вымѣнивали его на хлѣбъ, т. е. на пшеницу. Во время сѣнокоса Логинъ угощалъ «общество», и ему разрѣшали косить въ указавномъ мѣстѣ. Но не веселье было ихъ сѣнокосъ: у людей на десятинѣ пѣсни поютъ, хохочатъ, шутятъ, а у Логина—словно покойника обмываютъ. И хозяйка его стала, замѣтно для всѣхъ, съ лица спадать: пропала у нея бывшій румянецъ, глаза тускнѣть стали, щеки ввалились, пропалъ прежній смѣхъ веселый...

— Сохнетъ баба!—говорили о ней въ слободѣ,—загубили ея вѣкъ задаромъ!..

Въ концѣ второго года ихъ жизни, осенью, пришли въ Кисловодскъ на кантонирь-квартиры двѣ роты пѣхотнаго полка; часть ихъ помѣстили въ маленькой крѣпостцѣ, а часть разставили по хатамъ жителей, въ слободѣ. Къ Логину поставили ротнаго

писаря, красиваго молодца лѣтъ двадцати пяти, изъ калужскихъ мѣщанъ: Сильно ворчалъ Логинъ противу этого постою и ходилъ даже въ слободское правленіе жаловаться на десятичнаго, поставившаго къ нему, старому солдату и кавалеру, военный постою, да ничего нельзя было подѣлать: пришлось отбывать повинность наравнѣ съ другими жителями вплоть до весны, когда солдаты должны были уйти въ лагерный сборъ, подѣ Пятигорскомъ. Писарю отвели уголь въ задней избѣ, гдѣ онъ и размѣстился кое-какъ.

Логинъ не сталъ, ни съ того, ни съ сего, ревновать жену, онъ ей вѣрилъ и не хотѣлъ понапрасну обижать своими подозрѣніями; но все-таки, когда она ходила въ заднюю избу топить печь и стряпать, слегка присматривалъ за ней.

— Врагъ-де силенъ... долго-ли до грѣха!..

Но—не всегда можно было Логину присматривать за женою: то ему надо было отлучиться въ Георгіевскъ, верстъ за семьдесятъ, на базаръ, закупить кое-чего; то необходимо было съѣздить въ Пятигорскъ—продать медъ и картофель; то въ аулѣ, къ корочаевцамъ приходилось ѣхать—за дровами... И вотъ, стали сосѣди Логина поговаривать, что хозяйка его съ писаремъ слюбилась... Вѣдь у простыхъ людей всѣ тайны выходятъ наружу очень скоро... А пошли эти разговоры про Авдотью больше оттого, что она никакъ не умѣла притворяться;—вдругъ, вся переѣнилась, словно родилась заново: веселая стала такая, да хохотунья, пѣсни стала пѣть; а на свадьбѣ своей двоюродной сестры плясала больше часу, какъ сумасшедшая, всѣхъ замаяла своею пляской, всѣ плясуны и плясуньи попадали на лавку, а она все пляшетъ... Даже въ лицѣ измѣнилась Авдотья—стала полнѣе и румянецъ вновь появился у нея...

Вотъ, пошли о ней эти разговоры по слободѣ и дошли, наконецъ, и до ушей Логина... Сталъ онъ глядѣть за женой въ оба, пересталъ совѣтъ отлучаться изъ дому, началъ и на улицу похаживать за ней, если она, въ сумерки, подѣ какимъ нибудь предлогомъ уходила со двора... Доглядывалъ Логинъ, такимъ манеромъ, за своею женой цѣлый мѣсяцъ, изюдня-въ день—и ничего не запримѣтилъ.

«Одно бабѣ вранье!—подумалъ онъ:—сплетки сосѣдскія,—и больше ничего.»—И совершенно успокоился.

Однажды, въ сумерки, пошелъ Логинъ по дѣлу въ сосѣдную казачью станицу, версты за двѣ. Дома оставалась жена и наренъ работникъ; писаря не было дома,—такъ, по крайней мѣрѣ, сказала ему Авдотья, когда онъ, какъ бы вскользь,—спросилъ ее объ этомъ, уходя. Только что отошелъ Логинъ отъ дому шаговъ пятьсотъ какъ-вдругъ хватился—трубки нѣтъ, забылъ дома... Онъ воротился назалъ, прошелъ, не гремя, въ растворенную калитку на дворъ, поднялся на крыльцо и, не входя въ сѣни, позвалъ жену—хотѣлъ приказать ей, чтобы она вынесла ему на крыльцо кисеть и трубку. Отвѣта изъ горницы не было...

— Дуня!—еще громче крикнулъ онъ:—ай ты оглохла?..

Отвѣта не было.

Логинъ вошелъ въ сѣни и прошелъ въ горницу, тамъ никого не было... Но въ это самое время, ему показалось, что противоположная дверь изъ задней избы, гдѣ

жилъ писарь, какъ-бы отворилась—тихо посторожно... Логинъ быстро пошелъ обратно въ сѣни—и, на самомъ порогѣ, выходя изъ горницы, столкнулся съ женой; на ней, какъ говорится, лица не было: бѣлая, какъ мука, она, замѣтно, тряслась доже...

— Гдѣ это ты была?—спросилъ мужъ.

— Я... на дворѣ была...—Авдотья перевела духъ:—только-что отлучилась...

— А кто это сейчасъ отъ писаря вышелъ?.. Я слыхалъ, какъ отъ него дверь отворилась... Дома онъ?

— Сейчасъ пришелъ, кажись...—едва выговаривала слова Авдотья.

Логинъ взялъ жену за руку, подвелъ прямо къ окну и пристально посмотрѣлъ ей въ лицо...

— Ты врешь, баба! Ты меня обманываешь...

Авдотья затряслась вся, какъ подстрѣленная птица, всыхнула, какъ зарево,—и вдругъ опять поблѣдѣла... Молчать...

— Говори, у писаря была?—страшнымъ шепотомъ спросилъ у жены Логинъ.

— Нѣтъ,—едва могла прошептать Авдотья...

— Хорошо,—сказалъ Логинъ и выпустилъ руку жены.—Если ты говоришь правду, то завтра я заставлю тебя образъ снять и поклясться, что ты не виновата... Только тогда я тебѣ повѣрю. А теперь... лучше уйди отъ меня, отъ грѣха... а то... неровень часъ...

Онъ взялъ съ окна забытую имъ трубку и кисеть, положилъ ихъ въ карманъ, надѣлъ шапку и вышелъ. Проходя сѣнями, онъ невольно, искоса, взглянулъ въ полуотворенную еще дверь задней избы и ясно услышалъ тамъ шаги писаря; но Логинъ не вернулся: быстро вступилъ на крыльцо, также быстро прошелъ по двору и въ калитку, вышелъ на улицу и зашагалъ по шоссе, по направленію къ казачьей станицѣ...

Авдотья стояла среди горницы, какъ пораженная громомъ... «Узналъ!..» «самъ засталъ!..» «видѣлъ!..» пронеслось въ ея мысляхъ... «Убьетъ; охъ, убьетъ онъ меня теперь!»—мелькнуло у нея въ головѣ...

Она прошла по горницѣ, отворила дверь въ сѣни и стала на порогъ. Изъ противоположной двери тотчасъ-же вышелъ писарь.

— Ну, что?!—вполголоса спросилъ онъ.

— Охъ, бѣда! Все пропало!.. Догадался!..—тихо отвѣчала ему Авдотья.—Погубилъ ты меня!.. На грѣхъ, видно, я съ тобою встрѣлась...

Писарь стоялъ понуро, пристыженный и испуганный... Авдотья заговорила вновь:

— Онъ еще сумѣваетъ... Завтра заставитъ меня образъ снять—поклясться... что я не виновата передъ нимъ... А я... не стану... пушай убьетъ лучше...

— Что ты, что ты! Какъ это можно!.. Нѣтъ, ты побойсь ему лучше... ужъ одинъ грѣхъ взяла на душу,—возьми и другой... А этотъ грѣхъ—во спасенье...

— Какъ, во спасенье?!.. Грѣхъ-то?!

— Да; а то какъ-же не во спасенье: ты себя спасешь отъ смерти, да и меня, тоже, отъ бѣды съ нимъ... вѣдь онъ и меня не помилуетъ... я хощу не больно боюсь его, да вѣдь онъ на все пойдетъ: прямо положитъ ножомъ—и конецъ...

Авдотья задумалась.

— Такъ ты говоришь: «во спасенье?».. Грѣхъ—во спасенье!..—шептала она, глядя

¹⁾ Въмѣсто слова «любить», крестьяне часто говорятъ—*жалеть*: «Я его *жалю*»—значитъ, я его люблю.—Тебѣ не *жалъ-ли* кого?.. спрашиваетъ, иногда, парень у своей вѣсты...

на своего милого помутившимися отъ страха, но все еще любящими глазами...

Въ это время вошелъ со двора работникъ, и они разошлись.

А черезъ часъ вернулся домой Логинъ и, приказавъ женѣ лечь спать и не сказавъ съ ней болѣе ни одного слова, потушилъ свѣчу, постлалъ на полу, въ другой комнатѣ, свою старую солдатскую шинель и легъ...

V.

На утро, какъ только Авдотья, вставъ чуть свѣтъ, управилась съ кухней и со скотной, Логинъ позвалъ ее въ горницу, заперъ двери и зажегъ передъ образами свѣчи; затѣмъ заставилъ ее помолиться, снять образъ и произнести клятву въ ея невинности... Авдотья стояла все время, какъ приговоренная къ смерти, блѣдная, какъ полотно, и вся дрожащая... Она едва была въ силахъ повторять за мужемъ тѣ страшныя слова клятвеннаго заклинанія, которыя онъ громко и отчетливо произносилъ... Въ концѣ, подъ диктовку же мужа, она призывала на себя не только небесную, но и земную кару: «Чтобы мнѣ не дожить до свѣтлаго праздника Пасхи (дѣло было великимъ постомъ, на пятой недѣлѣ), если только я виновата!... Чтобы убилъ меня громъ небесный!... Чтобы покаралъ меня Господь Богъ и въ семь, и въ будущемъ мѣсяцѣ!» и прочее. А въ это самое время, когда она клялась, раздавались, какъ нарочно, на церковной колокольнѣ Кисловодска мѣрные и заунывные великопостные удары колокола, — что еще болѣе увеличивало торжественность и силу клятвы...

Когда окончился обрядъ и Авдотья хотѣла поставить на мѣсто снятый ею образъ, руки ея страшно затряслись, образъ выпалъ изъ нихъ и разбился, а сама она пошатнулась и быстро прислонилась къ стѣнѣ, чтобы только не упасть...

— Не мучь ты меня, Логинъ Николаичъ! Лучше убей, — едва прошептали ея помертвѣвшія уста...

— Но вѣдь ты же поклялась сейчасъ, что невиновата передо мною, — чего же ты, глупая, боишься?

— Такъ... страшно...

Логинъ поднялъ съ полу образъ, поставилъ его на мѣсто, подобралъ осколки разбитаго стекла и поцѣловалъ жену.

— Я тебѣ вѣрю, Дуня... Конечно, ты человекъ молодой, тебя легко смутить и обмануть... И я такъ думаю, что онъ, писарь этотъ, и смущалъ-таки тебя... оттого, ты такъ и испугалась вчера... и нынче, тоже... Ну, да этого больше не будетъ: завтра же пойду попрошу, чтобы свели его отъ меня на другую квартиру.

И дѣйствительно, на другой же день писарь забралъ всѣ свои невеликія пожитки и ушелъ изъ дома Логина на другую квартиру, онъ какъ оказалось, самъ, раньше еще своего хозяина, хлопоталъ объ этомъ.

Когда захопнула за писаремъ калитка, Логинъ вздохнулъ свободно — и сразу повеселѣлъ даже. Онъ взялъ топоръ, и болѣе часа рубилъ дрова, только щепки летѣли подъ его могучими, полновѣсными ударами... Потомъ взялъ заступъ, пошелъ на огородъ, вскопалъ и приготовилъ нѣсколько грядъ. Въ горницу онъ вернулся бодрѣе и веселѣе, словно помолодѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ, — и, садясь за обѣдъ и вытирая трудовой потъ съ лица, со смѣхомъ проговорилъ:

— Ну, жена, угощай мужа! Что ни есть въ печи, все на столъ мечи; у насъ нынче праздникъ!...

Но невесела была молодая жена Логина...

VI.

Съ Авдотьей, вскорѣ же, произошло что-то необыкновенное: она стала, какъ говорили о ней, *вся не своя*. Если ее спрашивали о чемъ, она отвѣчала совсѣмъ не то: когда шла за водою на рѣку, то дѣлала, часто, совсѣмъ ненужный обходъ прямой улицы, ведущей внизъ къ рѣкѣ... иногда, выходила на улицу совсѣмъ простоволосая, нечесаная и полурасдѣтая...

— Да она не въ своемъ умѣ! — шептали сосѣдки: — тутъ что нибудь да не ладно... Ишь, какъ она, сердешная, вся сохнуть стала!...

Авдотья, и вправду, не только «сохла», но, просто, таяла — не по днямъ, а по часамъ. Ее терзала неотвязная мысль, что она поклялась ложно, — и что ей, согласно клятвѣ, не придется уже дожить и до свѣтлаго праздника. Появившійся было румянецъ быстро сбѣжалъ съ ея щекъ, все лицо осунулось и стало желтѣть и худѣть, глаза потускнѣли... Случалось, что цѣлыя ночи — въ мартѣ мѣсяцѣ еще довольно длинныя — Авдотья ворочалась въ постели, не спала и все вздыхала о чемъ-то и крестилась; а если и забудется сномъ, то такъ болѣзненно начинаетъ стонать, что мужъ проснется, послушаетъ — и, изъ жалости, разбудитъ ее... Отъ пищи она совсѣмъ отбилась: развѣ только что выпьетъ чашку чая — и то съ трудомъ...

Принесла она свою клятву на пятой недѣлѣ, а въ концѣ шестой слегла уже въ постель... Сначала, лечили ее «бабушки»: давали ей пить какія-то травы, нашепывали на воду, выводили ее на улицу по зарямъ и «заговаривали» ее, но все это нисколько не помогло больной. Наконецъ, Логинъ рѣшилъ позвать военнаго доктора, проживавшаго въ Кисловодскѣ; тотъ долго спрашивалъ Авдотью, считалъ бѣніе пульса, выслушивалъ грудь и, наконецъ, спросилъ:

— Что у тебя болитъ, молодка?...

— Душа у меня болитъ, — отвѣтила несчастная...

Докторъ прописалъ ей какіе-то порошки и велѣлъ давать ихъ черезъ два часа, въ отварной водѣ...

На другой день, утромъ, больной стало еще хуже. Это было какъ разъ въ Вербное воскресенье. Когда стали звонить къ обѣднѣ, то съ Авдотьей сдѣлался припадокъ: всю ее корчило, и она, въ безпамятствѣ, стала метаться по кровати:

— Охъ, моченьки моей нѣтъ! Охъ, смерть моя приходитъ! Охъ, смерть моя! — стонала она.

У кровати сидѣла ея тетка, Акулина; догадавшись, что на больную дѣйствуетъ церковный звонъ, она положила голову Авдотьи въ подушку и прикрыла сверху большимъ платкомъ; больная тотчасъ же стала успокоиваться, а когда звонъ окончился, то и припадокъ совсѣмъ прошелъ.

Рѣшили, что на нее «напущено»: не даромъ-де она не переноситъ звону... Въ понедѣльникъ, на страстной недѣлѣ, позвали къ ней одну старую армянку, занимавшуюся ворожбой; та посмотрѣла на Авдотью — и покачала головой.

— Если бы пораньше позвали, я помогла

бы ей; а теперь — поздно... Но узнавъ, что больная не спитъ по ночамъ, дала все-таки какой-то корешокъ и велѣла класть его подъ подушку больной, на ночь. Средство это и вправду помогло: Авдотья хотя немного, но уснула.

Промаялась она, бѣдная, такъ-то еще три денька... Батюшка исповѣдалъ ее и причастилъ; она была въ это время въ полной памяти. Въ страстной четвергъ, когда читають двѣнадцать евангелій, Логинъ ушелъ было въ церковь; но какъ только начали звонить, Авдотья заметалась на кровати, а потомъ стала какъ бы совсѣмъ отходить... Побѣжали въ церковь, за Логиню:

— Твоя жена кончается; иди, прости съ ней, — сказали ему; — и онъ тотчасъ же прибѣжалъ, испуганный, растерянный, задыхаясь отъ быстрой ходьбы; до этого, ему все еще не вѣрилось, что жена его умереть можетъ, все думалъ, что поправится она, выздоровѣетъ...

У него въ горницѣ уже совершался въ это время торжественный и стародавній, исполненный глубокаго смысла и значенія, русскій обычай: всѣ родные и близкіе знакомые подходили, по очереди, къ умирающей, низко кланялись ей, — а кто ее обидѣлъ когда-либо, тотъ кланялся земнымъ поклономъ — и просили прощенія:

— Прости меня, родимая, Христа ради! — говорили ей; а она отвѣчала только своими кроткими, прекрасными глазами: — Прощаю-де васъ, добрые люди...

Подошелъ къ ней и отецъ и поклонился ей въ ноги:

— Прости ты меня, моя безотвѣтная доченька! — тихо, съ дрожью въ голосѣ, проговорилъ онъ.

— Богъ проститъ, тятя! — шепотомъ отвѣтила Авдотья.

Наконецъ, подошелъ къ ней испросить прощенія и мужъ ея, Логинъ...

— Прости и меня, моя болѣзная! — проговорилъ старикъ, — и дрогнуть его голосъ, и навернулись слезы на глазахъ его.

Авдотья взглянула на него, подняла руку и поманила его пальцемъ къ себѣ, поближе.

— Попроси всѣхъ уйти, — прошептала она. Всѣ вышли.

— Мнѣ тебя прощать не въ чемъ, Логинъ Николаичъ, — тихо заговорила умирающая: — я сама передъ тобой и передъ Богомъ виновата: клятву я, намеренясь, приняла ложно... Я, вчера, и батюшкѣ-попу такъ на духу сказала...

Болѣе она не могла говорить... Логинъ стоялъ ошеломленный, безъ движенія и словъ... Наконецъ, онъ опомнился и упалъ на полъ передъ кроватью, и поклонился своей несчастной страдальницѣ-женѣ долгимъ земнымъ поклономъ:

— Это я, я убилъ тебя, Дуня! Взялъ съ тебя *подневольную клятву*... Охъ, прости ты меня, прости меня, моя кроткая голубка! Прости меня, грѣшника! — И онъ, этотъ мощный, крѣпкій старикъ, захныкалъ, какъ малый ребенокъ, взявъ руку Авдотьи и поцѣловалъ ее...

— Богъ проститъ тебя, Логинъ Николаичъ!.. И ты меня прости, грѣшную, — прошептала умирающая...

Къ ночи она скончалась.

VII.

Логинъ похоронилъ жену съ честью и какъ, быть должно; справилъ даже похоро-

ОСЕНЬ.

Люблю я осень провожать,
Слѣдить за быстрымъ увяданьемъ,
И вмѣстѣ съ нею замирать
Послѣднимъ трепетъ бѣмъ мечтаньемъ.

Я въ паркѣ вхожу. Тамъ желтый листъ
Лѣжитъ еще не собранъ въ кучи.
А сводъ небесный—ярокъ, чистъ,
Нигдѣ ни облачка, ни тучи!

И словно общается онъ,
Что лѣто снова возвратится,
И жизни блескъ со всѣхъ сторонъ
Потокомъ яркимъ затруится.

И снова птицы будутъ пѣть,
И роши юною листвою
Отъ вѣтра теплаго шумѣть,
Сбѣжѣя съ каждою грозю.

Лишь въ сердцѣ прежней вѣры нѣтъ
И пышныхъ сновъ ему не снится,
И знаетъ—страсти юной бредъ
Къ нему съ весною не возвратится!

К. Медвѣдскій.

въ Кисловодскѣ стало извѣстно, что онъ продаетъ, на словъ и на сносъ, свой домъ и всѣ постройки, а также весь скотъ и всю движимость—и что самъ онъ уходитъ далеко куда-то... Такъ какъ онъ продавалъ все за полъ-цѣны, то купцы нашлись очень скоро—и раскупили скотину и пчелъ, разобрали домъ и постройки и свезли ихъ, а молодые деревья изъ сада выкопали, каменные стѣны тоже разобрали. Логинъ перешелъ на житье къ тестю.

роной обѣдѣ, на которомъ роль хозяйки исполняла тетка Акулина. На могилѣ Авдотьи Логинъ положилъ большую каменную плиту, на которой было высѣ-

чено имя покойницы, годъ ея рожденія и день смерти. Все это время, Логинъ былъ, видимо, убитъ горемъ: ходилъ молчаливый и угрюмый и неохотно даже отвѣчалъ на соблазнованія о немъ; за то онъ не пропустилъ ни одной церковной службы: обѣдня ли шла, вечерня ли, заутреня ли—Логинъ былъ непременно въ церкви, становился въ темномъ углу праваго придѣла, опускался на колѣни и усердно клалъ земные поклоны; выходя, Логинъ, каждый разъ, щедро одѣлывалъ нищихъ, прося ихъ молиться за упокой души его жены.

И вотъ, такимъ-то образомъ, минуло шесть недѣль послѣ смерти Авдотьи. Логинъ справилъ по ней и сорокаустъ: заказалъ заупокойную обѣдню и отслужилъ панихиду на могилѣ. А на другой день послѣ этого,

Когда, наконецъ, на мѣстѣ дома остался лишь пустырь и Логинъ покончилъ всѣ свои расчеты съ покупателями, то пошелъ въ слободское правленіе, поклонился старшинѣ и «обществу», сдѣлалъ какое-то пожертвованіе на какія-то общественныя нужды, угостилъ старичковъ водкой и попросилъ ихъ лишь объ одномъ: не отдавать никому его помѣстья ¹⁾, то-есть, тотъ клочекъ усадебной земли, на которой стоялъ его домъ.

— Я, можетъ, еще вернусь—и опять построюсь тамъ же,—говорилъ Логинъ.

— Намъ что-жь! Пускай стоитъ твое помѣстье,—отвѣтили ему: — пить-ѣсть оно не просить; оно же за самой слободой, почти въ полѣ... А ежели, черезъ десять лѣтъ, не пріѣдешь—не взыщи, отдадимъ кому-нибудь, если найдутся охотники.

Въ самый день этого разговора въ правленіи, Логинъ пошелъ къ старому и очень искусному каменотесу Уварову и заказалъ

¹⁾ «Помѣстье» называется въ Кисловодскѣ усадебный участокъ земли, не имѣющій на себѣ построекъ, т. е. пустопорожній,—хотя-бы даже на немъ находился фруктовый садъ.

ему высѣчь изъ цѣльнаго камня массивный, пудовъ въ пятьдесятъ, крестъ. Когда заказъ былъ готовъ, то Логинъ нанялъ крѣпкій возъ и пару воловъ, привезъ крестъ на старое свое пенеліще и, съ помощію приглашенныхъ рабочихъ, врылъ его въ землю, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ его бывший домъ...

На другой день, когда въ хатѣ Степана всѣ спали крѣпкимъ сномъ, и солнце было еще за «ступами скалъ», окружающими Кисловодскъ съ востока, Логинъ тихо поднялся, подвязалъ на плечи свой старый походный ранецъ, вышелъ на улицу, помолился на церковь и зашагалъ по шоссейной дорогѣ, идущей на Ессентуки.

Стоялъ конецъ мая, и былъ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ дней на сѣверномъ Кавказѣ, которые, по красотѣ, не имѣютъ себѣ равныхъ въ нашей непривѣтливой, холодной родинѣ: было темно-голубое, бирюзовое небо, тишина и здоровая свѣжесть горнаго воздуха, благоуханіе цвѣтущихъ деревьевъ и травъ и громкія трели тысячъ жаворонковъ, поющихъ въ высотѣ свои дивныя тѣсни тѣсней...

— Это они Бога хвалятъ!—подумалъ Логинъ,—и остановившись, долго глядѣлъ онъ въ высоту лазуреваго неба, какъ бы стараясь найти тамъ Того, безъ чьей воли и волосъ не падаетъ съ головы человѣка...

VIII.

Ежегодно, въ великомъ посту, приходили въ Кисловодскъ свѣдѣнія о Логинѣ, то-есть, не о немъ, собственно, а лишь о мѣстѣ нахожденія его: онъ присылалъ нѣсколько рублей на имя мѣстнаго священ-

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ 1896 г.
(Право на воспроизведение составляетъ исключительную собственность журнала «Живописное Обозрѣніе»).

«Въ погоню за зайцемъ». Съ картины художника О. Френца.

ника, прося его отдать половину присланных денегъ семьѣ своего бывшаго тестя Степана, а другую половину взять себѣ и отслужить панихиду по Авдотѣ, на ея могилѣ. И не случилось ни разу, чтобы деньги приходили два года подрядъ изъ одного и того же мѣста: на денежныхъ пакетахъ стояли все штемпеля разныхъ городовъ и мѣстъ обширнаго русскаго царства: первый разъ деньги пришли изъ Соловковъ, потомъ изъ Москвы, изъ Сарова, изъ Кіева; разъ пришли съ нерусскими уже клеймами и печатями—изъ Іерусалима, а другой разъ изъ стараго Аѳона...

И прошло такъ еще нѣсколько лѣтъ... Въ Кисловодскѣ успѣли уже смѣниться, за это время два новыхъ священника; Степанъ, отецъ Авдотьи, давно умеръ... И вотъ, однажды, въ великомъ же посту, къ дому священника въ Кисловодскѣ подъѣхала ямская телѣга и изъ нея вышелъ высокій и благообразный иннокъ, съ длинною сѣдою бороδοю и длинными же и бѣлыми, какъ свѣжій снѣгъ, волосами. Онъ скромно и тихо вошелъ въ домъ и, встрѣтивъ хозяйина, сказалъ ему, что онъ—смиранный иннокъ Леонтій, іеромонахъ саровскаго монастыря; что онъ желалъ бы самъ отслужить панихиду по одной покойницѣ, по орошенной на мѣстномъ кладбищѣ и что, ради этого, онъ и дозволилъ себѣ беспокоить батюшку: просить отпустить ему на одинъ часъ нужное облаченіе, а также попросить, если можно, для совмѣстнаго сослуженія отца-діакона и причетниковъ.

Священникъ принялъ гостя радушно и вѣжливо, тотчасъ же послалъ за діаконѣмъ и дьячками, отпустилъ церковное облаченіе и все необходимое—крестъ, кадило и прочее—и попросилъ отца-іеромонаха, послѣ панихиды, къ себѣ на трапезу.

Іеромонахъ Леонтій направился, съ причѣтомъ, прямо на могилу Авдотьи. Началась панихида... Но когда, въ концѣ ея, старецъ-иннокъ произносилъ слова: «... еже проститися ей всякому прегрѣшенію—вольному же и невольному»,—то голосъ его, сначала, сталъ глухимъ и невнятнымъ, а потомъ, вдругъ, оборвался и умолкъ... Взглянули діаконъ и дьячки на отца-іеромонаха и видятъ—дрожить зажженная свѣча въ его рукѣ, глаза опущены долу, а по лицу и сѣдой бородѣ струятся неуправляемыя, обильныя слезы...

И не въ силахъ былъ совладѣть съ собою старецъ: опустился на колѣни и припалъ устами своими къ холодному камню, положенному на могилѣ покойницы, «рабы Божіей Евдокии»...

И стоялъ въ немаломъ изумленіи причѣтъ, не вѣдавшій ни того, кто похороненъ былъ подъ этимъ простымъ, бѣднымъ камнемъ, ни того, кто теперь оросилъ поздними и горькими слезами эту неизвѣстную могилу...

По окончаніи панихиды, іеромонахъ Леонтій зашелъ къ священнику, поблагодарилъ за одолженіе и вручилъ ему небольшую сумму денегъ «на вѣчное поминованіе души рабы Божіей Евдокии». Во время обѣда священникъ спросилъ гостя—извѣстно-ли ему, что панихиды по той же самой покойницѣ заказываемы были, неоднократно, по почтѣ ея мужемъ, оставшимъ унтеръ-офицеромъ Логиномъ Николаевымъ?—Отецъ-іеромонахъ отвѣтилъ, что это ему извѣстно, и тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ, обративъ его на другой предметъ...

Вскорѣ, послѣ обѣда, гость приказалъ запретить нанятыхъ имъ лошадей и, простившись съ хозяевами, уѣхалъ. Когда онъ совсѣмъ уже выѣхалъ изъ слободы, то на второй верстѣ, поднявшись въ гору изъ котловины, въ которой расположенъ Кисловодскъ, приказалъ ямщику остановиться, слѣзъ съ телѣги, подошелъ къ большому каменному кресту, поставленному на томъ мѣстѣ, гдѣ была хата Логина, и положилъ тамъ три земныхъ поклона... Потомъ, поцѣловалъ самый крестъ и, оглянувшись еще разъ на находящійся внизу Кисловодскъ, слѣзъ не спѣша въ телѣгу и поѣхалъ далѣе...

Съ того времени ни о старикѣ Логиинѣ, ни объ іеромонахѣ Леонтѣи не было ничего слышно.

Едва-ли нужно прибавлять, что отецъ-іеромонахъ былъ никто иной, какъ бывшій въ мірѣ Логиинъ Николаевъ...

Понудительной случайности, то мѣсто, гдѣ стоитъ крестъ, не застроено и до сихъ поръ; къ нему лишь подходитъ довольно близко невысокая каменная стѣна, которою обнесенъ чей-то огорождъ, находящійся рядомъ и только отчасти захватывающій бывшую усадьбу Логина. По всей вѣроятности, съ проведеніемъ недавно открывшейся здѣсь желѣзной дороги, застроятъ и это мѣсто, и уберутъ куда-нибудь никому ненужный, громадный каменный крестъ—и «все прорастетъ травой забвенья...» Но пока цѣль еще этотъ крестъ и еще живы кое-кто изъ старожиловъ, которые помнятъ браваго ундера, теоріевскаго кавалера, Логина Николаича.

Ив. Якупинъ (Захарыинъ).

ОРДЕНЪ ЛЬВА И СОЛНЦА.

Рассказъ.

I.

— Такъ мы сегодня не простую кутью поглощаемъ, а еще и юбилей особаго рода справляемъ?—спѣсь, обратился къ хозяину дома одинъ изъ гостей, человѣкъ небольшого роста съ живописными, длинными «литературными» волосами.

— Да, да, — подхватилъ молодой поэтъ-символистъ, — такъ позвольте-же провозгласить тостъ по поводу десятилѣтней годовщины вашего освобожденія отъ служебнаго ярма! И вообще за свободу, господа!..

Всѣ стали чокаться и пить, а кое-кто даже цѣловаться съ хозяиномъ и подходить къ ручкѣ хозяйки, не особенно этого желавшей, но привѣтливо улыбавшейся.

Нѣкоторые гости продолжали затѣмъ ораторствовать на тему о безполезности, тяготѣ, чуть не безправственности государственной службы. Особенно рѣзко въ этомъ духѣ говорилъ одинъ пожилой полный господинъ съ багряной, чревоугодливой физиономіей плохого «батюшки», отрѣшеннаго отъ священнослуженія; онъ ненавидѣлъ службу съ тѣхъ поръ, какъ былъ за что-то уволенъ безъ прошенія. Кромѣ того, утвержденіемъ, что порядочный человѣкъ не можетъ служить въ наше время, толстый господинъ хотѣлъ или польстить хозяину, или просто щегольнуть своей «чистотой» передъ прочими гостями-литераторами. Только двое изъ нихъ были вмѣстѣ съ тѣмъ чиновниками, и притомъ неудовлетворенными, тяготящимися и ли-

тературѣ. Этимъ господамъ, все-таки, стало какъ-то неловко, точно они и впрямь провинились въ чемъ то, а хозяева насмѣшливо переглянулись другъ съ другомъ, видимо, очень недовольные безтактностью толстяка. Вторично переглянувшись съ женою, хозяинъ даже счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

— Очень вамъ благодаренъ, господа, за сочувствіе къ моей десятилѣтней свободѣ отъ официальныхъ занятій! Но вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу оговориться, потому что тутъ пахнетъ, какъ будто, недоразумѣніемъ. Я, какъ вы знаете, люблю заниматься литературой и благословляю возможность предаться ей всецѣло и вмѣстѣ не зависѣть отъ заработка. Мнѣ было тяжело служить, какъ тяжело было-бы портному шить сапоги, или хромому танцевать. Но я не позволю себѣ презрительно отнестись къ службѣ; въ Россіи это одно изъ обширѣйшихъ поприщъ, на которомъ не фразеръ и не фарисей, а человѣкъ, дѣйствительно стремящійся ко благу родины, можетъ всегда принести посильную реальную пользу, да и научиться многому. Точно также было-бы несправедливо и глупо осудить всѣхъ чиновниковъ только за то, что они чиновники, а не адвокаты, не писатели, или даже не «интервьюеры!» Я, конечно, горжусь тѣмъ, что принадлежу къ литературной средѣ, т. е., къ наиболѣе живой и чуткой части общества, — но придаю большаго значенія сущности дѣла, чѣмъ видимости. Не мѣсто человѣка красить, а человѣкъ мѣсто! Каждый изъ васъ знаетъ въ нашей средѣ подхалимовъ, людей продажныхъ, перелѣзчиковъ изъ лагеря въ лагерь, «друзей минутнаго, поклонниковъ успѣха», торгующихъ перомъ не только въ ущербъ красотѣ, но даже въ ущербъ правдѣ. Сегодня такой господинъ будетъ требовать возстановленія крѣпостнаго права, завтра—чуть не анархіи, послѣ завтра примакнется къ «новому» христіанству, чтобы «получить очищеніе»—и все будетъ фальшиво. Литературной семьѣ нужны и дороги люди *всякихъ* убѣжденій, лишь-бы они были искренни и не носили отпечатка насилия надъ человѣческимъ духомъ. Я изъ чиновниковъ больше знаю мелкихъ и среднихъ, и притомъ людей безъ особеннаго честолюбія и корысти, но прямо скажу, что считаю за честь знакомство со многими изъ нихъ. И тамъ есть характеры, есть люди, лѣтныя начальству гораздо менѣе, чѣмъ иной маститый сотрудникъ беззусому секретарю редактора; есть люди, не упускающіе случая сдѣлать добро для добра, а не ради какого-нибудь ордена или повышенія!.. Нѣтъ, господа, духъ вѣтъ, гдѣ хочетъ! Его нельзя ни изгнать безусловно, ни приобрести себѣ въ исключительную собственность!.. Огульныя же мнѣнія, внушенныя страстями или близорукостью, почти всегда несправедливы. Особенно неумѣстны они въ Россіи, странѣ безъ точно опредѣлившихся общественныхъ слоевъ, цвѣтовъ и граней, въ странѣ, богатой людьми, стоящими «не при своемъ дѣлѣ и не на своихъ мѣстахъ», какъ сказалъ одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ... Вспомнимъ-ка лучше стихъ поэта: «И человека, откуда-бъ онъ ни былъ,—люблю!»

И будемъ пить за такого рода чувства, тѣмъ болѣе, что сегодня, все таки, сочельникъ, канунъ христіанскаго праздника!

— Ого-го! Цѣлый спичъ! Bravo! — закричалъ длинноволосый беллетристъ.

— Свобода, чортъ возьми! А огульныя мнѣнія—буквоедство!

Всѣ захопавали въ ладоши; глаза чиновниковъ заблестѣли радостью.

— Компромиссъ! — ворчалъ толстякъ. — Сегодня компромиссъ, завтра компромиссъ...

— Не бойтесь, подлости не сдѣлаю! — спокойно прервалъ хозяинъ...

— Да я не про васъ говорю... Но, всѣ эти чины, ленточки, бирюльки...

— А кстати: у тебя нѣтъ орденовъ? — спросилъ хозяина одинъ изъ его застольныхъ сосѣдей...

— Нѣтъ, какъ-то избѣгъ; я не былъ охотникомъ до нихъ, считалъ это нелиберальнымъ! Ха-ха-ха!..

— Какъ?! А орденъ Льва и Солнца?

— У меня его нѣтъ, — отвѣчалъ хозяинъ... и смутился.

— Какъ?! Вѣдь ты долженъ былъ получить его!.. Это преинтересная исторія, господа!

— Да перестань, пожалуйста! Никакой исторіи.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы развѣ ничего не слышали о ней, господа?

— Н-нѣтъ! — отвѣчали прочіе гости, — рассказайте!..

Хозяинъ замалывалъ руками въ смущеніи...

— Пожалуйста, не надо! Вздоръ, случайность!..

— Да что же тутъ непріятнаго для тебя? — сказала хозяйка, любовно взглянувъ на мужа, — вѣдь это было давно!.. Ты исполнилъ свой долгъ — и больше ничего!..

— Молчи, Люба!..

— Ну, хозяйка пускай молчитъ, если боится своего тирана, а я расскажу вамъ, господа, какъ одинъ молодой человѣкъ совершилъ чиновничье чудо! Это нашего хозяина совсѣмъ не касается! Я сейчасъ прослаблю неизвѣстнаго молодого человѣка!..

И словоохотливый гость началъ рассказъ.

II.

Въ приемной одного сановника было довольно много публики, и притомъ самой разнообразной. Былъ тамъ тусклый, бритый господинъ въ вицъ-мундирѣ посторонняго вѣдомства, съ двумя звѣздами; тонкія губы его были, казалось, прямо приспособлены къ произнесенію словъ:

«Помилуйте, ваше превосходительство Вѣдь мы съ вами не можемъ не имѣть въ виду прецедентовъ!»

О сановникѣ, къ которому онъ пожаловалъ въ приемную, справился онъ въ тонѣ довольно фамильярномъ, назвавъ его прямо Егоромъ Васильевичемъ.

Въ углу сидѣли двое шершавыхъ, неуклюжихъ чиновниковъ съ конфузливими, «провинциальными» лицами, въ поношенныхъ мундирчикахъ. Они то перешептывались между собою, то со вздохомъ смолкали, позѣвывая и глядя искоса на «завѣтную» дверь въ кабинетъ, у которой стоялъ величавый курьеръ «особы». Человѣкъ съ густыми бакенбардами, проникнутый собственнымъ достоинствомъ и знающій, гдѣ раки зимуютъ.

Камердинеръ «особы», скендикъ въ сѣромъ «амикошонскомъ» пиджакѣ и бѣломъ галстухѣ, вошелъ въ кабинетъ безъ доклада, со стаканомъ чаю.

Проходя черезъ приемную, онъ бросилъ покровительственный взглядъ на молодого дежурнаго чиновника, сидѣвшаго въ чемъ то разувѣрить говорившую съ нимъ развязную франко-русскую даму; на провинціаловъ же камердинеръ взглянулъ съ особеннымъ выраженіемъ, словно хотѣлъ сказать: «А не

поохотиться-ли мнѣ на васъ, господа?» Выходя изъ кабинета, онъ щипнулъ свою модную бородку и взглянулъ еще болѣе вызывающе, а провинціалы стали о чемъ-то усиленно шептаться.

Какой-то фрачникъ, «беломъ» средних лѣтъ, съ лицомъ купца, побывавшаго въ Лондонѣ, или дворянина, любящаго промышленность, — потрясалъ докладной запиской и доказывалъ старушкѣ-графинѣ, славившейся своими рожденіями по министерствамъ, — что Россія, слава Богу, — не республика-съ! Въ случаѣ чего, можно-де и до хозяина дойти.

Горделивый молодой человѣкъ, получившій какое-то необычайное для своихъ лѣтъ пазначеніе, молча расхаживалъ по комнатѣ и поглядывалъ на кабинетную дверь, удивляясь тому, что его все еще не «просятъ»...

Былъ тамъ и неизбѣжный хмурый господинъ, пришедшій съ убѣжденіемъ въ безполезности своего ходатайства, и смоленскій мужикъ-лапотникъ, оказавшійся потомъ княземъ, и словоохотливый священникъ въ фиолетовой рясѣ, знавшій чуть не поголовно всѣхъ петербургскихъ сановниковъ и полусановниковъ... Нѣсколько дамъ въ траурѣ молча толпились въ ожиданіи своей очереди.

Дверь кабинета долго не открывалась: тамъ сидѣлъ какой-то земскій дѣятель, — а эти господа ужасно любятъ удрочать начальство длинными бесѣдами!..

— Машеньки! Правка! — закричалъ вдругъ ожесточенный, визгливый голосъ съ сильнымъ «восточнымъ» акцентомъ — и въ дверяхъ приемной показалась странная фигура черномазой азиатки. Показалась — и мгновенно опять скрылась, но, должно быть, противъ воли: по крайней мѣрѣ, за дверями голосъ ее еще визгливѣе, еще ожесточеннѣе повторялъ: «машеньки! правка!»

Толстый экзекуторъ, два служителя съ добродушными лицами и суровый швейцаръ пытались свести эту женщину съ лестницы. Она кричала, билась, чуть не дралась со своими гонителями и, наконецъ, вырвалась.

Влетѣвъ въ приемную, она схватила дежурнаго чиновника за плечи, буквально вцѣпилась въ него и повторяла своей крикъ. Это была женщина средняго роста, въ изорванной гестрой одеждѣ. Изъ подъ лохмотьевъ ея тюрбана безпорядочно выбивались кудры черныхъ волосъ съ сильной просѣдой, вились, какъ змѣи, обрамляя причудливыми узорами ея смуглое, почти коричневое лицо. Глаза ея были просто феноменальны по яркости: въ нихъ горѣлъ, если можно такъ выразиться, черный пламень. Рѣчь ея была гортанна, точно кто-нибудь душилъ ее за горло. Это была не рѣчь, а крикъ хищной птицы.

Перенолохъ произошелъ страшный. Все вниманіе посѣтителей сосредоточилось на этой странной женщинѣ. Дверь изъ кабинета пріотворилась и высунулось серьезное бритое лицо «особы». Высунулось, сдѣлало гримасу — и скрылось.

Дежурный чиновникъ въ первую минуту подумалъ, что пришелъ его конецъ: что загадочная «восточная» женщина его растерзаетъ. Но, вмѣсто того, она внезапно бросилась къ его ногамъ и начала истерически рыдать, причитая на своемъ дикомъ языкѣ.

Подошелъ экзекуторъ.

— Да она сумасшедшая, она третій мѣсяцъ шляется сюда и толку никакъ нельзя добиться.

— Ну, Богъ вѣсть! Незнаніе чужого языка нельзя всегда принимать за сумасшед-

ствіе. У нея должно быть ужасное горе, — отвѣчалъ молодой чиновникъ, котораго мы для удобства назовемъ хоть Владиміромъ Ивановичемъ.

— Какое тамъ горе-съ?! Позвольте, я ее велю убрать.

— Нѣтъ, извините; а если вы ужъ такъ заботитесь о порядкѣ, то прошу васъ заняться записываніемъ посѣтителей, а я постараюсь узнать, чего нужно этой женщинѣ. Ермиловъ! позови мнѣ швейцара! — Сторожъ побѣжалъ за швейцаромъ, а молодой человѣкъ усадилъ женщину на стулъ — и больше жестами, чѣмъ словами, убѣдилъ ее, хотъ на время, успокоиться.

Она закрыла лицо руками и застыла въ этой позѣ, только изрѣдка вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Вошелъ швейцаръ.

— Нѣтъ-ли у насъ какого-нибудь «восточнаго» человѣка среди господъ чиновниковъ? — спросилъ нашъ герой, все болѣе охватываемый участіемъ къ «скандалисткѣ».

— Есть, ваше благородіе, въ статистикѣ, господинъ Амбарцумовъ. Знаете, черный, съ большимъ носомъ-съ, и волосы еще на носу.

— Ахъ, помню. Ермиловъ, нельзя-ли попросить его сюда?

Черезъ минуту явился господинъ Амбарцумовъ, господинъ — съ лицомъ старой совы, сгорбленный и подозрительно оглядывавшій публику.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ подошелъ къ женщинѣ и попытался объяснитьсь съ нею. Попытка удалась какъ нельзя болѣе. Амбарцумовъ былъ ариванскимъ уроженцемъ, а шумная просительница — оказалась персійкой изъ сосѣдней провинціи, Узамин!

Сумасшедствіе прошло. Бѣдная женщина уже безъ дикихъ криковъ, хотя и съ увлеченіемъ, рассказала слѣдующую исторію, которую Амбарцумовъ, съ соблюденіемъ мѣстнаго колорита, почти дословно переводилъ на русскій языкъ.

— Знаменитый господинъ, визирь Падшаха русскаго! Сжался надо мною, бѣдной старухой! У міра одно только солнце, у меня былъ одинъ только сынъ; красивый, высокій, сильный, такой сильный, что пять человѣкъ удержать его не могли; и умный, умный. Добра хотѣлъ, хотѣлъ сдѣлаться знаменитымъ человѣкомъ, какъ ты!

— Да я вовсе не знаменитый, — возразилъ чиновникъ.

— Нѣтъ, какъ можно, какъ можно! Онъ тоже хотѣлъ блестящій мундиръ получить и пошелъ въ Россію воевать.

— Какъ воевать?

— Да, воевать; а его осудили, какъ разбойника.

— Позвольте, да развѣ была война съ Персіей въ послѣднее время?

— Нѣтъ, не война, а мой сынъ, Кизы-Оглы, былъ начальникомъ шайки удалцовъ. Они бѣдили по русской землѣ, брали, когда что имъ нужно, случалось убивать, конечно, но бѣднаго человѣка никогда не обижали, а всегда богатыхъ.

— Да, но, матушка, вѣдь это же дѣло нехорошее!

— Можетъ быть, и нехорошее, — но онъ хотѣлъ быть губернаторомъ! Всякій умный человѣкъ хотѣлъ быть губернаторомъ!..

Чиновникъ окончательно растерялся и посмотрѣлъ на Амбарцумова.

— Какъ это... губернаторомъ?

Амбарцумовъ улыбнулся:

РИСОВАЛЪ ХУДОЖНИКЪ К. ДОМБРОВСКІЙ.

Рысь, поймавшая зайца.

СЪ АКВАРЕЛИ ХУДОЖНИКА А. ГУЦЦАРДИ.

Любители музыки.

— Да это у нихъ принято! Ловкій удалецъ отправляется въ Россію, разбойничаетъ, обижаетъ армянскихъ купцовъ, дѣлается популярнымъ среди мусульманскаго населенія, а затѣмъ—шахъ-инъ-шахъ узнаетъ о его мужествѣ и административныхъ способностяхъ и дѣлаетъ его губернаторомъ какой нибудь персидскій провинція.

— Ахъ, чортъ возьми!—вырвалось у Владимира Ивановича:—вѣдь это не глупо!..

Нѣсколько негодующихъ взоровъ обратились на него.

Особенно скандализированъ былъ вышеописанный молодой сановникъ, кажется, попавшій въ губернаторы болѣе мирными путями.

Послѣ нѣкотораго обмѣна вопросовъ и отвѣтовъ выяснилось, что сынъ старухи, удалецъ Кизы-Оглы, попался въ разбой, былъ судимъ Эриванскимъ судомъ и приговоренъ къ каторгѣ. Какъ извѣстно, каторги у насъ на дѣлѣ почти нѣтъ, а есть центральныя тюрьмы, въ которыхъ и томятся такъ называемые каторжники. Кизы-Оглы и попалъ въ одну изъ такихъ тюремъ, потомъ его перевели по неизвѣстнымъ причинамъ во вторую, потомъ въ третью, гдѣ онъ и отбылъ срокъ наказанія.

Старуха — мать, узнавъ отъ бѣлаго разбойника о судьбѣ сына, долго не думала. Она взяла хлѣба на сутки и пошла въ чужую холодную страну, искать своего бѣднаго орденка и хлопотать о его освобожденіи. Люди, которымъ она говорила, что ея сынъ хотѣлъ быть губернаторомъ, — отвѣчали ей, что въ Россіи нельзя официально одобрять способовъ, къ которымъ онъ прибѣгъ для осуществленія такой возвышенной цѣли.

Не зная языка, питаясь подаеніемъ, вынося издѣвательства грубыхъ людей, старуха переходила за сыномъ изъ города въ городъ, надоѣдала всякому начальству, но не теряла надежды на успѣхъ своихъ стремленій.—«Аллахъ великъ, — говорила она, — великъ и милостивъ; онъ дѣлаетъ великими и милостивыми не только генераловъ, но и

самыхъ падишаховъ. Аллахъ не можетъ не слышать молитвы матери».

Послѣ каторги полагается ссылка на житіе или на поселеніе, а вмѣсто этого послѣдствія каторжные турки и персіяне имѣютъ право быть возвращенными на родину, съ тѣмъ, чтобы не совать потомъ носа въ Россію. Въ наиболѣе серьезныхъ случаяхъ нужно подавать прошеніе на Высочайшее имя.

Старуха нашла людей, которые подали это прошеніе. Персидскій посланникъ принять участіе въ ней и государь смилосердился надъ ея горемъ. Она идетъ пѣшкомъ въ Москву, чтобы освободить своего плѣннаго орденка. О, ужасъ!.. Ей говорятъ, что его тамъ нѣтъ.

— Гдѣ-жъ онъ?

— А Богъ его знаетъ!

— Какъ, мой сынъ! Отдайте мнѣ сына!

Тамъ съ ней не церемонились, вытолкнули на улицу—и все тутъ.

Она опять въ Петербургъ: ходила во все министерства, останавливала на улицѣ людей въ блестящихъ мундирахъ, пыталась броситься подъ царскую коляску, но была во время остановлена и посажена въ участокъ.

Въ министерство, гдѣ служилъ нашъ чиновникъ, она дѣйствительно ходила уже мѣсяца три—и все ее считали сумасшедшей: ну, возможно-ли, чтобы живой человѣкъ пропалъ, какъ иглока? Ясно, что она была не въ своемъ умѣ!

Докончивъ свой мартирологъ, старуха опять бросилась въ ноги чиновнику и прильнула къ нимъ.

Въ это время дверь кабинета отворилась и послышался начальственный голосъ:

— Владимиръ Ивановичъ, на минутку! —

Молодой чиновникъ рванулся на этотъ зовъ, но старуха не пускала. При помощи Амбарцумова, онъ объяснилъ кое-какъ, что идетъ къ высшему начальнику, и тогда только персіянка выпустила его: она встала лихорадочно взглянула на него, простерла руки съ благословеніемъ и легонько толкнула его въ кабинетъ.

Начальникъ былъ не въ духѣ.

— Что это вы, молодой другъ мой, все возитесь съ этой сумасшедшей? Если нельзя успокоить, велите ее вывести, она мѣшаетъ мнѣ говорить.

— Ваше превосходительство, она не сумасшедшая, у нея сынъ пропалъ.

— Какъ пропалъ?

— Да, былъ въ московской тюрьмѣ, а потомъ оказалось, что его тамъ нѣтъ.

— Ну, сбѣжалъ, что-ли?

— Едва-ли ваше превосходительство; вѣдь старуха-бы знала это.

— Такъ что-же мнѣ съ ней дѣлать, наконецъ! У меня другія дѣла.—сказалъ начальникъ, возвышая тонъ и дѣлая брезгливую гримасу.

— Если позволите,—отвѣчалъ Владимиръ Ивановичъ,—я займусь этимъ дѣломъ: я ей велю завтра прійти.

— Ну, какъ хотите. О, молодость, молодость! Все-то вы вѣрите! И нылу сколько! Попросите графиню Шнекельдорфъ!.. Постойте! Такъ вы серьезно займетесь этимъ дѣломъ? Отлично! Посмотримъ!

И, вдругъ крѣпко пожавъ руку Владимира Ивановича, начальникъ о чемъ-то задумался и сталъ расхаживать по кабинету.

Старуха ушла съ трудомъ. Для этого нужно было Владимиру Ивановичу положить ей руки на плечи, глядѣть ей прямо въ глаза и съ убѣжденіемъ говорить, — что сынъ ея непременно отыщется; а Амбарцумову пришлось переводить это столь-же горячо на персидскій языкъ.

Старуха сдѣлала жестъ, въ которомъ можно было прочесть не то угрозу, не то благословеніе, сверкнула своими дикими глазами и быстро ушла.

Курьеръ особъ, вдругъ ставшій фамиліарнымъ съ Владимиромъ Ивановичемъ, увидѣвъ его «простоту».—сказалъ ему пріятельскимъ тономъ:

— Конечно, ваше благородіе, какъ вы теперь въ молодыхъ лѣтахъ...

В. Величко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

— Какъ я рада видѣть васъ!—проговорила она.

— Я доволенъ, что вижу васъ довольной и веселой.

— Почему мнѣ не быть веселой? Мои дѣти тамъ оба, я ихъ сейчасъ укладывала спать,—сказала она, граціознымъ жестомъ указывая въ сторону ихъ комнаты.

Герцогъ былъ тронутъ и подумалъ, имѣетъ ли онъ право нарушить покой этой молодой женщины, для которой материнская любовь замѣняла все. Но когда Джэнь сѣла подлѣ него, ему пришлось объяснить свое посѣщеніе и, вооружась мужествомъ, онъ сказалъ:

— Дорогая племянница, мнѣ нужно поспѣвать къ вамъ нѣсколько.

— Чѣмъ я погрѣшила?

— Снисходительностью.

— Снисходительностью? Къ кому?

— Къ вашему мужу.

— Ничего не понимаю.

Но она хорошо понимала, потому что покраснѣла. Герцогъ продолжалъ отеческимъ тономъ:

— Робертъ тратитъ больше, чѣмъ получаетъ, и я думаю, что вы его сообщница, безсознательно, конечно, но добротѣ душевной. Скажите мнѣ откровенно, на какую сумму надавали вы подписей въ послѣдніе два года? Или, можетъ быть, вашъ отецъ?

— О, мой мужъ никогда ничего не просилъ у моего отца!

— Значитъ, вы...

— Можетъ быть, но я не умѣю назвать вамъ настоящую цифру. Раза два или три я подписывала векселя—отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ франковъ. Развѣ я не должна была этого дѣлать?

— Особенной бѣды нѣтъ, если вы на этомъ остановитесь. Если-бы Робертъ тратилъ все эти деньги на домъ, это было бы еще извинительно, но онъ бросаетъ ихъ на глупости: бѣговую конюшню, игру на биржѣ, карточную игру, не считая...

Герцогъ остановился и принцесса поспѣшно повторила:

— Не считая?..

Несомнѣнно, въ ея умѣ промелькнуло имя

женщины,—не зная и не спрашивая, она все же не была на столько наивна чтобы не подозревать.

— Не считая,—ловко вывернулся старый герцогъ,—того, что онъ бросаетъ въ окно. Вы слишкомъ быстро сдѣлали его миллионеромъ.

— Вы мнѣ не все говорите!

Джэнь взяла его руки и пристально на него смотрѣла.

— Все,—отвѣчалъ герцогъ.—Если мнѣ придется когда нибудь,—надѣюсь, такой день никогда не наступитъ,—сказать вамъ больше, я это сдѣлаю, не задумываясь. Теперь намъ нужно думать только о томъ, чтобы исправить настоящее. Общайте мнѣ никогда ничего не подписывать Роберту, не посовѣтовавшись съ господиномъ Мансіономъ.

— Общаю, но...

— Никакихъ но... Если вашъ мужъ будетъ у васъ просить денегъ на что-нибудь дѣйствительно полезное, вашъ нотаріусъ никогда не откажетъ въ своей помощи, но нѣтъ никакой надобности, чтобы ваше имя гуляло по разнымъ дѣльцамъ. Дѣло не въ деньгахъ, а въ

дурныхъ послѣдствіяхъ и горѣ, которое испытаетъ вашъ отецъ.

— Я исполню ваше желаніе!

— Слава Богу! У мистера Гарриса громадное состояніе, это правда, но въ Америкѣ разоряются такъ-же легко, какъ богатыютъ. Берегите ваши двѣнадцать милліоновъ для вашихъ дѣтей.

Герцогъ нашелъ аргументъ, который имѣлъ наибольшее вліяніе на Джэпъ.

— Рѣшено, клянусь вамъ; съ этого дня я ничего не сдѣлаю, не посоветовавшись съ вами или господиномъ Мансіономъ.

— Теперь я спокоенъ, съ одной стороны. Но это еще не все.

— Что-же еще?

— Все въ томъ-же родѣ. Всѣ удивляются откуда Робертъ досталъ шестьсотъ тысячъ франковъ, чтобы уплатить свой проигрышъ на биржѣ въ то время, какъ вы были въ Діеппѣ, и говорятъ, что вы дали ему продать или заложить ваше роскошное ожерелье.

— Думаютъ, что принцъ де-Саллернъ?.. Это неправда! Я сейчасъ докажу вамъ.

— Я вѣрю вамъ достаточно...

— Нужно, чтобы вы могли доказатьъ всю ложь этой клеветы.

Возмущенная Джэпъ подошла къ роскошному шкапчику, вынула большой ящикъ, обитый бѣлымъ бархатомъ, и раскрыла его. Въ немъ находилась роскошная драгоценность, которую она за все время своего замужества надѣвала раза четыре.

— Убѣждены вы?—спросила она,—это ожерелье не выходило изъ дому, развѣ только въ лондонскій кредитъ, въ нашъ сундукъ, на время нашего болѣе продолжительнаго отсутствія.

— Очевидно, люди распустили ложный слухъ. Но только не меня слѣдуетъ винить.

— Всѣхъ? Но я не могу же надѣть его на гулянье? Я вѣдь нигдѣ не бываю.

— На дняхъ вамъ представится самый удобный случай закрыть ротъ клеветникамъ. Черезъ недѣлю въ Оперѣ будетъ парадное представленіе, въ честь греческаго короля! Поѣзжайте въ Оперу.

— И надѣть это ожерелье? Да!

— Представленіе будетъ великолѣпное!

Принцесса задумалась.

— А что дадутъ?—спросила она.

— «Фаворитку» и «Ледду».

— Балетъ?

— Этотъ балетъ вы можете смотрѣть спокойно.

— А! Вы поняли?

— Бѣдное мое дитя, вы дѣлаете слишкомъ много чести этой особѣ... мнѣ кажется, вы преувеличиваете...

— Я ничего не преувеличиваю; я знаю все, что считаю своею обязанностью знать; но если мать не станетъ унижать своего достоинства въ борьбѣ съ женщиной, отвлекающей отца отъ дома, то принцесса де-Саллернъ имѣетъ полное право выражать свое презрѣніе этой самой женщинѣ, не бывая въ театрѣ во время ея появленія на сценѣ.

— Можетъ-быть, вы правы.

— Значитъ буднаэтомъ представленіи. Да, кстати и отецъ мой пріѣдетъ къ тому времени.

— Тѣмъ лучше. Я буду очень радъ возобновить знакомство съ мистеромъ Гаррисомъ.

— Я не могу того-же сказать о Робертѣ. Онъ, должно-быть, боится, что мой отецъ будетъ очень сердиться на то, что онъ не привезъ меня въ Нью-Йортъ. Что дѣлать, Робертъ не любитъ моря.

Джэпъ произнесла послѣднія слова, печально улыбаясь.

— Вы ангелъ доброты!—сказалъ герцогъ, цѣлуя ее.

Спустя нѣсколько дней, Гаррисъ пріѣхалъ въ Парижъ. Дочь проводила его въ гостиницу Континенталь, гдѣ ему было приготовлено роскошное помѣщеніе. Мари Бренъ съ дѣтми ждала ихъ тамъ. Великій промышленникъ потолстѣлъ и подагра давала себя знать, но онъ попрежнему былъ такой-же веселый, живой. Легко представить себѣ его радость при видѣ дѣтей. Онъ посадилъ ихъ къ себѣ на колѣни, цѣловалъ ихъ, любовался ими. Потомъ сказалъ маленькому Морису, который готовился заплакать, глядя большими удивленными глазами на это нѣсколько грубоватое лицо:

— Такъ это ты, герцогъ де-Блэзъ? Я твой дѣдушка Гаррисъ! Я не нравлюсь тебѣ? Ну, черезъ нѣсколько лѣтъ ты меня полюбишь, когда узнаешь, на что годится такой дѣдушка, какъ я! А вы, дѣвочки Маргерита де-Саллернъ, развѣ тоже меня боитесь? Нѣтъ? Такъ поцѣлуйте меня!

Дѣвочка ухватила его за бороду и, громко смѣясь, поцѣловала въ обѣ щеки. Добрякъ былъ въ восхищеніи, и Джэпъ радовалась счастью своего отца. Она забыла жестокость, съ какою онъ пожертвовалъ ею своему тщеславію. Принцъ скоро пріѣхалъ и Джо, пожмая его руки и показывая на дѣтей, — сказала:

— У васъ, зять мой, два такихъ краспорѣчивыхъ маленькихъ адвоката. И я не стану бранить васъ, что вы не пріѣхали ко мнѣ въ Америку, но рассчитываю видѣть васъ въ будущемъ году непременно.

— Можете быть увѣрены, дорогой господинъ Гаррисъ, — поспѣшно отвѣчалъ Робертъ. — Нужны были обстоятельства...

— Знаю, знаю! Не будемъ говорить объ этомъ! Къ сожалѣнію, я не могу оставаться здѣсь больше двухъ недѣль. Дѣла, все дѣла! Вѣдь нужно заработать много денегъ для герцога Мориса де-Блэза и принцессы Маргериты.

Гаррисъ не могъ не говорить о деньгахъ, но никакъ не воображалъ, что объявляя своему зятю, что болѣе двухъ недѣль остаться не можетъ, онъ очень того обидѣвалъ. Робертъ опасался, чтобы тестъ какъ-нибудь не провѣдалъ о его кутежахъ. Онъ поспѣшилъ выразить ему свое сожалѣніе и постарался удалить его отъ всѣхъ постороннихъ вліяній.

— Сегодня вы обѣдаете здѣсь съ Джэпъ и дѣтми, но съ завтрашняго дня вы мой гость, — сказалъ онъ.

Джэпъ была поражена такою любезностью своего мужа, за которую она была ему очень благодарна, тѣмъ болѣе, что настоящей причины не угадывала. На другой день Джо перебрался во дворецъ принца, гдѣ встрѣтилъ старыхъ знакомыхъ: герцога де-Можоль и Армана де-Марга. Герцогъ особымъ вниманіемъ хотѣлъ загладить свою вину, что безсознательно допустилъ обмануть этого человека. Арманъ былъ любезенъ, потому что тщеславный янки забавлялъ его. Время проходило для Гарриса очень быстро. Въ день параднаго представленія онъ не заставилъ себя ждать и подъ руку съ дочерью вошелъ въ ложу. Не смотря на то, что зала театра была полна и присутствовало много хорошихъ женщинъ, всѣ взоры обратились на принцессу, когда она вошла. Ея роскошные волосы придерживались бриллиантовыми гребнемъ, а на шеѣ было надѣто знаменитое жемчужное ожерелье, о которомъ говорили, что оно или продано или заложено ея мужемъ.

Распустившіе этотъ слухъ были сконфужены. Принцъ пріѣхалъ нѣсколько минутъ спустя послѣ своей жены и былъ тѣмъ то озабоченъ. Увидавъ афишку, онъ поспѣшилъ незамѣтно спрятать ее. Давали «Фаворитку», которую принцесса слышала нѣсколько разъ и потому не подумала заглянуть на афишу. Въ антрактѣ пришелъ герцогъ де-Можоль и сказалъ Роберту:

— Проведи же мистера Гарриса за кулисы, онъ никогда тамъ не былъ, а человѣку, незнакому съ ними, интересно побывать тамъ.

— Охотно, — отвѣчалъ принцъ.

И выѣстѣ съ Арманомъ онъ повелъ Гарриса. Едва за ними затворилась дверь, какъ герцогъ сказалъ:

— Дитя мое, вамъ предстоитъ испытаніе...

— Что такое? — спросила Джэпъ, вздрогнувъ.

— Въмѣсто «Ледды» дадутъ «Намуну».

— Понимаю! Понимаю!

Она поблѣднѣла.

— Что вы станете дѣлать?

— Я уѣду послѣ «Фаворитки».

— Робертъ будетъ оскорбленъ.

— Я не останусь! Я скажу, что нездоровъ, что не хочу такъ долго оставлять дѣтей на рукахъ прислуги. Вы все знаете, вы не можете осуждать меня.

— Нѣтъ! Совсѣмъ некстати посоветовалъ я вамъ пріѣхать на это представленіе!

— Вы не могли знать, но принцъ, онъ...

— Можетъ быть, и онъ не зналъ объ этой перемѣнѣ. Я узналъ объ ней только здѣсь въ театрѣ.

— О, онъ навѣрное былъ предупрежденъ.

— Вся зала будетъ говорить о нашемъ отъѣздѣ.

— Это значитъ, что вся зала знаетъ... Я уѣду сейчасъ, какъ кончится «Фаворитка». Вы придете проводить меня, а Робертъ останется съ моимъ отцомъ.

Нѣсколько минутъ спустя принцъ вернулся вмѣстѣ съ Джо, который былъ въ восторгѣ отъ своей прогулки. Когда «Фаворитка» кончилась, Джэпъ встала и сказала отцу:

— Я оставляю тебя съ моимъ мужемъ. Я устала и поѣду домой. Герцогъ проводитъ меня.

Герцогъ въ эту минуту входилъ въ ложу. Гаррисъ нашелъ отъѣздъ своей дочери естественнымъ, а Робертъ нахмурился, но не сказалъ ни слова. Когда Джэпъ уѣхала, къ оставшимся Гаррису и Роберту присоединился Арманъ. Робертъ былъ такъ встревоженъ, но Гаррисъ, къ счастью, не обращалъ на него вниманія. Въ послѣдній антрактъ принцъ заходилъ въ ложу къ Левѣ, она была въ восторгѣ, что принцесса въ театрѣ. Перестанутъ, наконецъ, говорить, что принцесса своимъ отсутствіемъ на ея представленіяхъ выражаетъ свое презрѣніе къ ней. Изъ за этого она не разъ ссорилась со своимъ возлюбленнымъ. Слѣдовательно, принцъ имѣлъ основаніе опасаться, какъ Лена приметъ внезапный отъѣздъ принцессы, тѣмъ болѣе, что многіе обратили на это вниманіе. Наконецъ, занавѣсъ поднялся, Лена выѣжала на сцену, прелестная въ костюмѣ греческой рабыни. Первый взглядъ ея упалъ на ложу де-Саллерновъ, не видя принцессы подлѣ ея отца, она на минуту пріостановилась, но быстро оправилась, только глаза ея метали молніи. Когда кончился первый актъ «Намуны», Робертъ не утерпѣлъ и, оставивъ Армана со своимъ тестемъ, отправился въ уборную къ Левѣ. Ему немедленно отворили, но не давъ ему произнести ни слова, Лена сказала:

— Пожалуйста, уходите! Я принадлежу теперь публикѣ, которая не обманывается и не оскорбляетъ меня. Зайдите за мной послѣ балета, мы объяснимся дома.

— Позволь, по крайней мѣрѣ...

— Ничего, ничего! Если вы не уйдете, я не выхожу на сцену.

Тонъ, которымъ молодая женщина произнесла эти слова, не позволялъ сомнѣваться, что она исполнить свою угрозу и не остановится передъ скандаломъ. Испугавшись, онъ отвѣтилъ:

— Повинуюсь! Но успокойся... Ты пожалѣешь...

— Сомнѣваюсь! До свиданія.

Можно понять, въ какомъ расположеніи духа Робертъ вернулся въ ложу, его отчаяніе усиливалось при видѣ аплодисментовъ, которыми ничего не подозревавшій Гарриетъ награждалъ соперницу своей дочери, аплодисментовъ, которые возбуждали улыбку многихъ зрителей и усиливали гнѣвъ Лены. Въ эту минуту онъ ненавидѣлъ свою жену.

Наконецъ, балетъ кончился среди настоящей оваціи, въ которой Гарриетъ принимала немалое участіе, а принцъ только думалъ, какъ бы незамѣтно уйти. Наконецъ, подъ предлогомъ, что у него есть дѣло въ клубѣ, онъ поручилъ Арману проводить Джо, а самъ отправился къ Левѣ въ уборную и поѣхалъ съ нею. Въ каретѣ танцовщица упорно молчала. Робертъ хотѣлъ взять ея руку, она ее вырвала. Наконецъ, они пріѣхали и вошли въ роскошную небольшую гостиную-будуаръ въ японскомъ вкусѣ, переполненную всевозможными роскошными бездѣлушками; рядомъ находилась большая спальня, отдѣланная во вкусѣ Людовика XV, и роскошная уборная, вся изъ блѣдно-зеленаго мрамора и серебра. Войдя въ будуаръ, Лена заперла двери, сбросила плащъ и шляпу и, сядя на диванъ, сказала:

— Теперь поговоримъ.

Робертъ хотѣлъ сѣсть подлѣ нея, она не позволила.

— Перестань, Лена! Я не могу за все отвѣчать! Хотя очень сожалѣю о происшедшемъ и прошу у тебя прощенія!

— Я прошу васъ выслушать меня!

— Опять «вы». Пусть такъ! Я слушаю.

— Четыре года тому назадъ, когда я сдѣлалась вашей любовницей, я знала, что вы не богаты, но я любила васъ и искала только вашей любви. Когда вы сказали мнѣ, что вы женитесь, я не разсердилась, не бросила васъ, какъ-бы слѣдовало, но покорилась необходимости, — вы должны были выйти изъ униженнаго положенія. Вы женились на дѣвушкѣ колоссально богатой и чрезвычайно красивой. Я испытала всѣ муки ревности. Я понимала, что вы женились не только богатства ради, но и для продолженія вашего имени; но вспомните, я рѣдко жаловалась, что вы не мнѣ одной принадлежите. Я жертвовала вамъ всѣмъ, и вмѣсто того, чтобы выйти замужъ...

— Выйти замужъ?.. Вы... ты, Лена?

— Я была бы уже три года баронессой, если бы я имѣла мужество разстаться съ вами. Я могла бы надѣяться, что вы не допустите оскорблять меня!

— Но никто...

— Когда ваша жена перестала бывать въ оперѣ въ дни моихъ представленій, я была оскорблена, всѣ знали, почему она не бываетъ, и смѣялись надо мной. Мнѣ это было очень больно. Я молчала, хотя чувствовала, что чаша съ каждымъ днемъ все больше и больше переполняется. Но сегодня!.. Госпо-

жа де-Саллернъ ушла изъ театра, какъ разъ въ то время, когда я должна была выступить на сцену. Она оскорбила мое достоинство артистки, сдѣлала меня смѣшной въ глазахъ всѣхъ. Этого я не прощу никогда ни принцу, ни принцессѣ де-Саллернъ.

Она произнесла послѣднія слова съ такимъ гнѣвомъ, что Робертъ испугался и на коленяхъ умолялъ ее о прощеніи.

— Умоляю тебя, успокойся. Я не зналъ перемѣны спектакля, а то... Все вышло неожиданно. Ты знаешь, что я обожаю тебя. Умоляю тебя! Что мнѣ дѣлать? Скажи, прикажи! Ты сведешь меня съ ума!

Онъ бросился къ ней, хотѣлъ обнять ее, но она ловко увернулась и, отбѣжавъ къ дверямъ спальни, крикнула:

— Въ тотъ день, когда принцесса де-Саллернъ поправитъ нанесенное мнѣ сегодня оскорбленіе и явится въ театръ, когда я тапую, въ тотъ день вы можете придти... и я буду любить тебя...

Прежде, чѣмъ Робертъ успѣлъ подойти къ ней, она исчезла въ сосѣдней комнатѣ и ключъ щелкнулъ въ замкѣ. Принцъ бросился къ двери, но напрасно онъ стучалъ, умолялъ, Лена не отвѣчала. Опасаясь подвергнуться насмѣшкамъ прислуги, принцъ ушелъ, надѣясь, что на другой день Лена перемѣнитъ гнѣвъ на милость. Выйдя на улицу, онъ почувствовалъ себя въ довольно смѣшномъ положеніи, и гнѣвъ его противъ жены снова въ немъ проснулся. Его раздраженіе было тѣмъ сильнѣе, что ему не было выхода. Объясненіе съ женой было невозможно, особенно теперь, когда присутствіе Гарриета въ Парижѣ заставляло его соблюдать нѣкоторую осторожность. Робертъ былъ убѣжденъ, что изъ гордости, — другихъ качествъ онъ не признавалъ за женой, — она не сказала ни слова, ни о заброшенности, въ которой находилась, ни о подписяхъ, которыя давала. Но если онъ что-нибудь скажетъ ей по поводу ея отъѣзда изъ оперы, она можетъ разсердиться и все, пожалуй, кончится плохо, тѣмъ болѣе, что дѣла его на биржѣ шли дурно, и только принцесса могла его выручить. Лучше всего было не обращать вниманія на ея демонстрацію и вѣрить, что она дѣйствительно устала. Ссора съ любовницей мучила его, онъ не могъ дожидаться слѣдующаго дня. Онъ вернулся, наконецъ, домой и легъ спать, приказавъ разбудить себя рано и приготовить верховую лошадь къ десяти часамъ утра.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Игроки. Съ картины художника М. Вюнша.

Старшіе куда-то ушли, и дѣтямъ предоставлена полная воля заниматься дома, какъ они хотятъ. Играли они и въ прятки, и въ лошадки, но все это такъ старо, такъ надоело! А, вотъ хорошая мысль! Дѣти увидѣли забытыя на столѣ карты, завладѣли ими — и затѣли картежную игру. Конечно, о правилахъ послѣдней юные игроки имѣютъ весьма смутное понятіе, но все же занялись ею очень горячо. Старшій мальчуганъ все-таки смыслилъ кое-что, а потому безпощадно плутуетъ и обыгрываетъ маленькихъ. Вотъ онъ важно пошелъ не по правиламъ козырной карты и лукаво глядитъ на растерявшихся партнеровъ. А у тѣхъ-то идетъ счетъ; всѣ трое совѣщаются, спорятъ, чѣмъ и какъ крыть, не лучше-ли принять... Сценка весьма мило и тепло скомпонована извѣстнымъ художникомъ Вюншемъ, который вообще великій мастеръ изображать граціозныя веселыя дѣтскія фигурки и вообще всѣ приключенія, комичныя и грустныя, легко переносимыя въ этомъ возрастѣ.

На берегу моря. Оригинальный рисунокъ перомъ художника А. Шильдера.

«Берегъ моря обрывистъ, высокъ;
Мохъ сухой велебѣтъ по соснамъ;
Легъ-разсыпался слоємъ наноснымъ
По утесамъ и склонамъ — песокъ...»

Съ этой кручи съ восторгомъ во взорѣ
Видишь даль, безпредѣльную даль...
Словно свѣтлая, чистая сталь
Засверкало-заискрилось море...

Звѣйкой тянется берегъ морской;
Доносится дыханіе влаги;
Спать безмолвные кручи, овраги;
Вѣетъ дикой и хмурой тоской...

Честное слово. Съ картины художника Ф. Ганштенмля.

Любовью и счастьемъ вѣетъ отъ этой молодой пары, уединившейся въ цвѣтущій, ароматный уголокъ сада. Тутъ были бы у мѣста слова нѣжнаго, поэтическаго романа: «Рука моя въ твоей рукѣ, и все здѣсь дышетъ лишь тобою въ моемъ укронномъ уголкѣ...» Молодымъ влюбленнымъ грозитъ, кажется, недолгая, но все же непріятная разлука, и это свиданіе является послѣднимъ передъ разлукой. Полу-свѣясь, полу-серьезно, кокетничая по привычкѣ, красавица говоритъ: «А я измѣню вамъ. Непремѣнно измѣню! Зачѣмъ уѣзжаете?..» Молодой человѣкъ, ревнивое сердце котораго даже отъ шутки дрогнуло, нѣжно беретъ ее за руку и шутливо требуетъ: «Дайте же мнѣ честное слово, что не забудете меня!.. А то я уйму, застрѣлюсь!.. Даете слово? Да?» Но красавица, кокетничая, упрямится и молчитъ... Надо же его, глупаго, помучить!...

Въ погоню за зайцемъ. Съ картины художника Н. Френца (Выставка картинъ русскихъ художниковъ въ Императорской академіи наукъ 1896 года).

Скоро-скоро совѣшь облетитъ лѣства съ хмураго, чернаго лѣса, скоро выпадетъ легкій налетъ снѣжка — и настанетъ любимая пора для любителей псовой охоты. Бѣда зайцамъ-русакамъ, лисицамъ и волкамъ! Еще А. С. Пушкинъ описалъ въ своемъ чудномъ «Графѣ Нулинь» всѣ своеобразныя красоты и удовольствія псовой охоты. Восторженно скачетъ охотникъ по полямъ, «не зная нѣтъ», мкнетъ и «шпретъ» опустошительный набѣгъ... Художникъ, картину котораго мы сегодня помѣщаемъ, даетъ намъ самый рѣшительный моментъ травли. Почти уже застигнутый собаками заяцъ сдѣлалъ хитрую увертку и бросился въ лѣсокъ. За нимъ маршъ-маршъ свора разгоряченныхъ собакъ, и бросился охотникъ. Нѣтъ преграды бѣшеной скачкѣ и бѣда русаку — быть ему приговореннымъ къ охотничьему сѣдлу за заднія лапы!..

Рысь, поймавшая зайца. Рисовалъ художникъ К. Домбровскийъ.

Дикая, хищная рысь додо бродила по лѣсу, ища какой-нибудь добычи и сверкая своими зеленоватыми кошачьими глазами... Но всѣ живыя попрыгали отъ холоднаго осенняго дня въ норки и лазейки, и голодный хищникъ все болѣе и болѣе ощущалъ потребность въ пищѣ. Наконецъ, его тонкій слухъ уловилъ какой-то шорохъ въ большихъ камняхъ у стараго дула. Мигомъ рысь сдѣлала ловкій прыжокъ, и уже вотъ въ когтяхъ ея бьется испуганное животное. Это глупый, большой заяцъ, вышедшій поспать кореньевъ и коры. Пришелъ конецъ сѣрому, онъ даже и не помышляетъ о бѣгствѣ — гдѣ ужъ тутъ!.. Развѣ отъ такого врага убѣжишь?

Любители музыки. Съ акварели художника А. Гуцгарди.

Старому скрипачу на интересной картинѣ Гуцгарди можно позавидовать... У него такая хорошенькая ученица, вмѣстѣ съ которой онъ намѣренъ разыграть какой-то дуэтъ. Но скрипка, конечно, тяжела и трудна для прекрасныхъ, женскихъ ручекъ, и поэтому ученица готовится заняться мандолиной. Старый любитель музыки, видимо, тоже большой любитель красоты, и поэтому въ настоящую минуту онъ вдвойнѣ счастливъ. Смычекъ его быстро и умѣло бѣгаетъ по струнамъ скрипки, морщинистое лицо складывается въ умиленную, сладкую улыбку, а маленькіе блестящіе отъ удовольствія глаза любуются хорошенькой ученицей. Послѣдняя тоже старательно саушаетъ игру стараго скрипача и старается запомнить и уловить трудный, замысловатый мотивъ, который такъ и летитъ изъ подъ смычка.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРЕЗИДЕНТЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ФЕЛИКСЪ ФОРЪ.

Въ то время, когда могущественная держава Сѣвера протягиваетъ въ лицѣ своего юнаго царственного Вождя руку дружбы богатымъ и дѣятельному краю Запада—когда громъ шербургскихъ встрѣчныхъ салютовъ разростается въ невзримое, восторженное ликование Парижа и за нимъ всей Франціи, отъ цвѣтущей Ниццы до суровой каменной почвы Бретани—въ эти свѣтлые, радостные дни взоры всѣхъ съ любовью обращены на юную русскую Императорскую Чету и на представителя Франціи, на главу французскаго народа, популярнаго президента Феликса Фора. Послѣ добровольной отставки президента Казимира Перье, Феликсъ Форъ получилъ на версальскомъ конгрессѣ большинство голосовъ и не отказался отъ почетнаго, но отвѣстнаго поста главы Франціи. Не смотря на попытки враговъ, которые хотѣли подорвать популярность новаго президента разными инсинуаціями, Феликсъ Форъ своимъ тактомъ, своею примирительною политикою, своею твердостью въ нужную минуту—снискалъ себѣ не только любовь, но что важнѣе—и полнѣйшее довѣріе страны, которая всегда такъ непостоянна въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Феликсъ Форъ—этотъ замѣчательный, опытный государственный дѣятель, вышедшій изъ среды простыхъ рабочихъ. Блестящая энергія, неутомимое трудолюбіе и разносторонній, живой и ясный умъ помогли ему достигъ вы-

сокаго матеріальнаго благосостоянія; онъ миллионеръ, владѣлецъ многихъ судовъ и имѣній. Но въ то-же время Феликсъ Форъ трудился и на поприщѣ политической дѣятельности, гдѣ принеся своей родинѣ много пользы. Феликсъ Форъ родился въ городѣ Гаврѣ—большомъ торговомъ центрѣ—въ 1841 году, слѣдовательно ему теперь не болѣе 55 лѣтъ. Краткій перечень его успѣховъ и трудовъ на поприщѣ политики даетъ намъ ясное понятіе о его разностороннихъ дарованіяхъ и о его кипучей неутомимой дѣятельности.

Феликсъ Форъ началъ службу еще въ своемъ родномъ городѣ Гаврѣ и скорѣе былъ выбранъ въ депутаты. Это случилось въ 1881 году, по время министерства Гамбетты, Феликсъ Форъ, уже выказавшій въ полномъ блескѣ свое административное дарованіе, былъ товарищемъ министра торговли и колоній. Въ

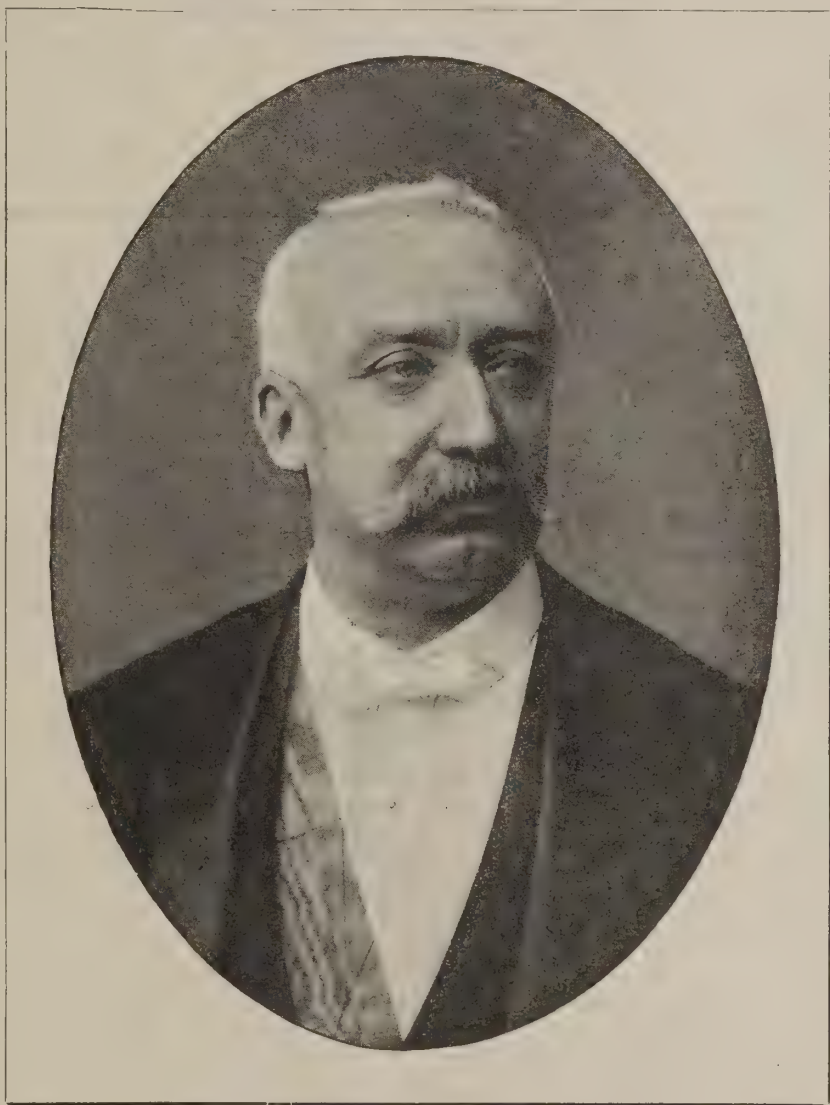
яются его дѣятельные и полезные труды по этому дѣлу, но уже въ концѣ восьмидесятихъ годовъ онъ опять уже беретъ на себя эту излюбленную имъ должность. Въ кабинетѣ Дюшана—въ послѣднемъ кабинетѣ президентства Казимира Перье, Феликсу Фору былъ предложенъ морской министерскій портфель.

Тогда уже вполне самостоятельная дѣятельность его привлекаетъ общее вниманіе и одобреніе своимъ отличительнымъ качествами: энергіей и твердостью. Въ 1895 году Феликсъ Форъ былъ выбранъ президентомъ республики. Что характеръ его политики согласуется съ требованіями времени и съ живѣйшими стремленіями всего французскаго народа—это блестяще доказывается теперешними торжествами во Франціи и той многознаменательной великой честью, которую дѣлаетъ этой странѣ Нашъ Императоръ, посѣщая ее.

П Р И Б Ы Т І Е ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ ВО ФРАНЦІЮ.

Выѣздъ въ Шербургъ для встрѣчи Гостей.—22-го сентября президентъ республики, въ сопровожденіи своего военнаго кабинета и лицъ, назначенныхъ состоять при особахъ Государя Императора и Государыни Императрицы, выѣхалъ, въ 10 ч. 30 м. утра, изъ Парижа въ Шербургъ для встрѣчи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Громадная толпа собралась у вокзала Сентъ-Лазарь и приветствовала Фору кликами, среди которыхъ часто раздавалось: «Vive la Russie!» Въ вокзалѣ президентъ былъ встрѣченъ президентомъ сената Лубе, президентомъ па-

латы Бриссономъ, первымъ министромъ Мелиномъ и всѣми остальными министрами, равно какъ барономъ Моренгеймомъ, г. Гирсомъ, г. Нарышкинымъ, кн. Трубецкимъ, ген. Фредериксомъ и всѣми членами русскаго посольства. Всѣ эти лица вошли въ президентскій поѣздъ. Лубе, Бриссонъ и Мелинъ помѣстились въ почетномъ салонѣ. По приглашенію Фора, туда вошли также баронъ Моренгеймъ, г. Гирсъ, г. Нарышкинъ, генералъ Фредериксъ, князь Трубецкой, генералъ Буадефферъ, адмиралъ Жерве и графъ Монтебелло. Въ полдень

Феликсъ Форъ
(Президентъ французской республики).

этой должности молодой депутатъ состоялъ всего годъ, до 1882 г., но уже настолько оказался полезнымъ и опытнымъ, что когда министерство Гамбетты сошло со сцены, въ новомъ кабинетѣ Феликсу Фору была предложена должность товарища морского министра по стѣбѣ колоній. Равно свѣдущій и опытный во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, Феликсъ Форъ, какъ мы видимъ, специализировался по части морского дѣла и колоній и здѣсь достигъ скорѣе большой компетентности. Съ 1885 года на время преры-

былъ сервированъ въ вагонъ-столовой президентскаго поѣзда завтракъ, къ которому президентъ пригласилъ Лубе, Бриссона, Меллина, Ганото, Моренгейма, Монтебелло, Турнье, Буадеффра и Жерве.

Ожиданіе Высокихъ Гостей въ Шербургѣ.—Къ прибытію Государя Императора и Государыни Императрицы Шербургъ роскошно разукрасился. Громадная толпа присоединилась къ мѣстному населенію, чтобы привѣтствовать Ихъ Величества. Всѣ улицы Шербурга своимъ великолѣпнымъ убранствомъ соперничали съ общественными зданіями. Повсюду развѣвались флаги и орфламы русскіе и французскіе. Коммерческій портъ представлялъ чудное зрѣлище со своими многочисленными судами, на которыхъ развѣвались флаги. На военномъ рейдѣ въ 7 ч. собралась эскадра, состоящая изъ броненосцевъ: «Noche», «Bouvines», «Trebouart», «Charles-Martel», «Jemmapes» и «Yalmu», крейсеровъ «Friand», «Bruix», «Jean Bart», «Dupuy-Delome», «Chasseloup-Laubat» и «Descartes», судовъ береговой обороны «Tonnant» и «Vengeur» и миноносцевъ «Ariel», «Tourbillon», «Turco» и «Grenadier». Вѣстовыя суда и миноносцы салютовали. «Epervier» вышелъ на встрѣчу Ихъ Величествъ. Суда расположились двумя колоннами одинаковой силы, во главѣ съ броненосцами «Noche» подъ начальствомъ адмирала Премениля и «Bouvines» подъ начальствомъ контръ-адмирала Куртиля. Съ утра толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ расположилась на Мильскомъ портѣ, чтобы видѣть приближеніе «Полярной Звѣзды». Въ арсеналѣ приготовления великолѣпно закончены. Декоративное искусство проявило чудеса. Дебаркадеромъ служило вѣстовое судно «Bison», на которомъ четырехэтажная лѣстница, даю возможность Ихъ Величествамъ прямо ступить на берегъ. По обѣ стороны возвышались двѣ мачты съ русскими и французскими флагами, окруженные торпедами Уайтгеда, пушками и ядрами. Проходы, декорированный флагами и морскими атрибутами, вѣлъ къ приѣмному салону, гдѣ на эстрадѣ помѣщены были три красныхъ кресла для Ихъ Величествъ и президента республики. Вокругъ салона расположены были солдаты, составленные изъ сабель, абордажныхъ топоровъ и штыковъ, служащихъ для поддержки 300 электрическихъ лампъ. Позади мѣсть для Ихъ Величествъ находился русскій крестъ св. Андрея Первозваннаго, составленный изъ патроновъ и ружейныхъ курковъ. По обѣ стороны желтое Императорское знамя и трехцвѣтное знамя съ инициалами Фора. Въ 12 ч. 30 м. семафоръ далъ знать, что Императорскія яхты, сопровождаемая эскадрою, находятся отъ рейда въ 15 миляхъ. Погода стояла очень бурная, при сѣверо-западномъ вѣтрѣ. Море бушевало. На семафорѣ былъ поднятъ сигналъ къ бурѣ. Несмотря на вихрь, многочисленная толпа собралась на набережной. Нѣсколько увеселительныхъ яхтъ, не взирая на бурную погоду, вышли въ открытое море, другія остались на рейдѣ. Эскадра дошла до середины Ламанша и выслала впередъ суда «Friand» и «Chasseloup Laubat».

Встрѣча Ихъ Императорскихъ Величествъ на морѣ.—Къ 12 ч. дня наплывъ публики сдѣлался громаднымъ. Толпа направлялась къ набережной и арсеналу, не взирая на ненастье. Два французскихъ крейсера, посланные на встрѣчу эскадрѣ, усмот-

рѣли русскія суда, подвигающіяся посреди англійской эскадры. Последняя поворотила обратно къ англійскому берегу, салютуя 21 выстрѣломъ Императорскимъ яхтамъ, которыя продолжали путь. Французская эскадра, узнавъ Императорскія яхты, сдѣлала поворотъ и эскортировала ихъ. Когда французская эскадра дошла до середины Ламанша и англійская эскадра двинулась обратно къ берегамъ Великобританіи, русскія яхты стали между французскими судами, экипажи которыхъ отдали предписанныя уставами по чести. Эскадрою произведенъ салютъ въ 101 выстрѣлъ. На каждомъ судѣ въ моментъ, когда проходила мимо его Императорская яхта, хоръ музыки исполнялъ русскій народный гимнъ и команды оглашали воздухъ восторженными «ура». Государь Императоръ, стоя на мостикѣ, отдалъ честь. Не смотря на волненіе, всѣ передвиженія совершались въ замѣчательномъ порядкѣ. Императорскія яхты пришли на рейдъ въ 1 ч. 45 м. и стали во главѣ всѣхъ судовъ. Изъ батарей раздались салюты изъ орудій, на которые отвѣчали съ судовъ. Президентъ Форъ ожидалъ высадки въ арсеналѣ, окруженный всѣми официальными лицами.

Русская Императорская Чета на французской землѣ.—23-го сентября, въ 3 часа пополудни, Государь Императоръ Николай Александровичъ и Государыня Императрица Александра Феодоровна впервые вступили на французскую землю. Этого момента вся Франція ждала въ послѣднее время съ нетерпѣніемъ. Государыня Императрица сошла съ «Полярной Звѣзды» первою; Государь Императоръ слѣдовалъ въ морской формѣ въ лентѣ Почетнаго Легіона. Президентъ Форъ съ обнаженной головою глубоко поклонился Ихъ Величеству и поцѣловалъ Ея руку. Государь отдалъ президенту честь, по военному, и пожалъ ему руку. На привѣтствіе Фора Его Величество отвѣтилъ въ нѣсколькихъ словахъ. Ея Величеству были поднесены три корзины цвѣтовъ. Энтузіазмъ громадный. У арсенала народъ стоялъ густыми толпами. Погода разгулялась. Солнце радостно и ярко засіяло.

Смотръ французскаго флота.—Вскорѣ по прибытіи Государь Императоръ и президентъ дѣлали смотръ французскому флоту. «Елап», на которомъ находились Государь Императоръ, Государыня Императрица и Форъ и на которомъ развѣвались штандарты Императорскій и президентскій, при салютѣ въ 21 выстрѣлъ прошелъ посреди судовъ эскадры, привѣтствуемый кликами экипажей. Каждое судно прошло затѣмъ предъ броненосцемъ «Noche», куда перешли Ихъ Величества и президентъ. Здѣсь произведенъ былъ смотръ экипажу. Суда продефилировали предъ «Noche», причемъ экипажи кричали «ура», а музыка исполняла русскій гимнъ. Ихъ Величества и президентъ затѣмъ снова перешли на «Елап» и были встрѣчены на берегу съ тѣми же почестями, какъ и при отбытіи.

Обѣдъ въ арсеналѣ.—Въ тотъ же день состоялся торжественный обѣдъ въ арсеналѣ Шербурга. Въ 6 ч. 30 минутъ начался обѣдъ, сервированный на 75 кувертовъ въ столовой, обтянутой зеленой шелковой матеріей, декорированной военными и морскими атрибутами и освѣщенной 600 электрическими лампами. Почетный столъ расположенъ былъ на эстрадѣ въ глубинѣ залы. За десертомъ пре-

зидентъ сказалъ: «Я счастливъ, что Вы избрали къ Франціи путь моремъ и нашъ великій военный портъ Шербургъ, какъ мѣсто высадки. Французскій флотъ, знавшій Вашего Августѣйшаго Родителя, гордится тѣмъ, что служилъ Вамъ эскортомъ, и будетъ Вамъ признателенъ за смотръ, который Вы сообразовали ему произвести. Завтра, въ Парижѣ Вы почувствуете бѣніе сердца Франціи. Я счастливъ, что могу Васъ привѣтствовать и провозглашаю тостъ за здравіе Его Величества Императора и Ея Величества Императрицы». Государь Императоръ тоже произнесъ слѣдующій тостъ: «Я тронутъ симпатичнымъ и сердечнымъ приѣмомъ, оказаннымъ Намъ въ Шербургѣ. Я много любилъ эскадрою, которая насъ конвоировала, равно какъ адмиральскимъ судномъ «Noche». При вступленіи во французскія владѣнія. Я раздѣляю чувства, которыя въ Мнѣ выразили, господинъ президентъ, и подымаю бокалъ въ честь французской націи, французскаго флота и его бравыхъ моряковъ. Благодарю президента республики за только что высказанныя Намъ привѣтствія». Затѣмъ Государь Императоръ чокнулся съ президентомъ Форомъ.

Прибытіе Ихъ Величествъ въ Парижъ.—На слѣдующій день Высокіе Гости отбыли на президентскомъ поѣздѣ въ Парижъ. Въ моментъ, когда президентскій поѣздъ вошелъ въ вокзалъ Ранла, трубачи заиграли, барабаны забили, войска отдали честь. Раздались клики: «Vive la République! Vive le Tzar!» Публика махала шляпами. Государь Императоръ отдавалъ честь, Государыня Императрица кланялась, Форъ снималъ шляпу. Государь Императоръ былъ въ полковничьемъ мундирѣ стрѣлковъ Императорской Фамиліи при лентѣ Почетнаго Легіона. Съ Монъ-Валеріенъ произведенъ былъ салютъ въ 101 выстрѣлъ. Члены русскаго посольства, министры, бюро обѣихъ палатъ, бюро городского совѣта, архіепископъ Парижскій, генералъ Даву и генералъ Соссе собрались на дебаркадеръ еще до прибытія поѣзда. Представленія состоялись въ роскошномъ салонѣ, построенномъ для этого случая. Затѣмъ Ихъ Величества отправились въ русское посольство. Кортѣжъ состоялъ изъ пятнадцати экипажей, эскортируемыхъ спанисами, африканскими егерями, кирасирами и республиканской гвардіей. Впереди ѣхали арабскіе шейхи. Государь Императоръ и Государыня Императрица занимали въ коляскѣ à la Daumont переднія мѣста; Форъ сидѣлъ напротивъ. Государыня была въ бѣломъ туалетѣ. Во второмъ экипажѣ находились президенты сената и палаты, а также генералы Турнье и Буадеффра. Потомъ ѣхали африканскіе егеря и алжирскіе кавды. Въ третьемъ экипажѣ помѣщались княгиня Голицына, г-жа Васильчикова и княжна Оболенская, а въ слѣдующихъ экипажахъ ѣхали гг. Мелинъ, Ганото, Шишкинъ, Барту, Кошерн, Тюррель, генералъ Рихтеръ, адмиралъ Бенаръ, Лебонъ и т. д. Въ замкѣ кортежа ѣхали драгуны. По прибытіи кортежа на площадь, многочисленная толпа махала шляпами и платками. На Елисейскихъ поляхъ всѣ окна и крыши были переполнены народомъ. Повсюду раздавались клики: «Да здравствуетъ Царь! да здравствуетъ Россія!»

Пребываніе въ Парижѣ.—Въ посольствѣ состоялся семейный завтракъ, который кончился въ часъ. Подчасъ спустя, прибыли въ

посольство безъ эскорта г-жа Форъ съ дочерью. Свиданіе ихъ съ Государемъ и Государыней длилось около 15 минутъ. Послѣ отъѣзда г-жъ Форъ, парадная коляска à la Daumont подѣлалась, чтобы отвезти Ихъ Величества въ русскую церковь. Ровно въ 2 часа Государь Императоръ и Государыня Императрица отбыли изъ посольства, эскортируемые эскадронномъ кирасирѣ. Противъ ихъ Величествъ въ коляскахъ, на роскошной скамеечкѣ, лежала корзина розъ. Клики привѣтствія гремѣли со всѣхъ сторонъ: «Vive la Russie! Vive l'Empereur! Vive l'Impératrice!». Государь отдавалъ честь, Государыня милостиво кланялась.

Закладка моста Александра III.—Одно изъ наиболѣе блестящихъ торжествъ въ Парижѣ—это закладка моста Александра III. На правомъ берегу Сены, въ томъ мѣстѣ Cours-la-Reine, гдѣ новое Avenue подойдетъ къ будущему мосту, воздвигнута обширная крытая трибуна на 3,000 мѣстъ. Въ центрѣ этой трибуны—мѣста Государя Императора и Государыни Императрицы, президента республики, президентовъ палатъ и министровъ. Справа и слѣва мѣста для другихъ разрядовъ приглашенныхъ, въ распоряженіе которыхъ также предоставлена обширная крытая трибуна на 3,000 мѣстъ, расположенная на противоположномъ берегу рѣки.

Первый камень положенъ Государемъ Императоромъ въ правомъ углу входа на мостъ, напротивъ отеля Инвалидовъ. Лопаточка и молотокъ для этой церемоніи заказаны ювелиру Фализе, съ предписаніемъ держаться античныхъ формъ, хранящихся въ парижскихъ музеяхъ, дабы эти инструменты дѣйствительно оказались художественными произведениями. Первый камень, въ 2 кубическихъ метра приблизительно, установленъ посредствомъ крана, управляемаго назначенными для этого инженерами. Въ камнѣ сдѣлано отверстіе для вложенія русскихъ и французскихъ монетъ 1896 года, а также копіи съ протокола церемоніи. Подлинный протоколъ скрѣпленъ подписями Государя Императора и президента республики и затѣмъ сданъ въ государственный архивъ. Камень изъ розоваго гранита съ орнаментами, молотокъ сдѣланъ изъ полированной стали съ золотыми украшениями и рукоятка изъ слоновой кости. На одной сторонѣ выгравирована надпись «Рак», на другой надпись «Rouge». Лопаточка, вся изъ золота, изображаетъ корабль города Парижа на Сенѣ, съ девизомъ «Fluctuat nec mergitur». Кромѣ лопаточки и молотка, министру торговли пришлось позаботиться о чернилницѣ и перѣ, которымъ Императоръ, Императрица и президентъ республики подписали пергаментъ въ память церемоніи. Въ Garde Meuble отыскали безъ труда чернилницу, имѣющую дѣйствительно характеръ и цѣнность произведенія искусства, но такъ какъ ни одно изъ хранящихся въ этомъ учрежденіи перьевъ не отличалось не только архаическимъ, но даже историческимъ характеромъ, то г. Анри Бушъ пришла счастливая мысль сочинить въ видѣ пера простой тростникъ Сены, который, вложенный въ футляръ, поднесенъ Державнымъ Гостямъ на память.

мирала Василия Степановича Завойко, одного изъ двухъ оставшихся въ живыхъ офицеровъ-участниковъ Наваринскаго сраженія, о которомъ именно теперь, въ дни французскихъ торжествъ, приходится такъ часто вспоминать, такъ какъ и теперь, спустя семьдесятъ лѣтъ, въ виду повторившихся смутъ на Востокѣ, Россія идетъ рука объ руку съ Франціей... Василий Степановичъ Завойко происходитъ изъ дворянъ полтавской губерніи и службу свою началъ въ черноморскомъ флотѣ гардемаринномъ въ 1821 году. Въ Наваринскомъ сраженіи онъ участвовалъ въ чинѣ мичмана, какъ и другой еще здравствующій понынѣ участникъ этого боя—графъ Гейденъ. Совершивъ нѣсколько кругосвѣтныхъ путешествій, Завойко потомъ служилъ на нашемъ дальнемъ Востокѣ, гдѣ дѣлалъ намъ еще первые шаги изслѣдованій и попытокъ оживить мало знакомыя мѣста. В. С. произвелъ изслѣдованіе аянской бухты, сдѣлавшейся въ послѣдствіи аяскимъ портомъ русско-американской компаніи. Здѣсь въ 1846 г. Завойко былъ сдѣланъ командиромъ порта и усиленно заботился объ искорененіи пьянства между инородцами путемъ уменьшенія ввоза спирта. Въ 1850 году онъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Камчатки и командиромъ Петропавловскаго порта. Для прибывшихъ съ нимъ командъ не было пріготовлено помѣщеній, но, благодаря находчивости В. С., на новыя зданія употреблены были, отысканные имъ въ лѣсахъ, строевыя деревья. Онъ же указалъ способы и средства къ вывозу и сплаву ихъ въ Петропавловскъ. Такимъ образомъ, безъ денежныхъ затратъ и собственными силами команды, выстроены были новыя зданія и прекращена развивавшаяся между нижними чинами цинготная болѣзнь. Въ «Морскомъ календарѣ» за 1876 годъ г. Ильяшевича, сказано, между прочимъ, что, стараясь развить въ Камчаткѣ торговлю, Василий Степановичъ разными мѣрами возбудилъ между торговцами соперничество. При существовавшей издавна въ Камчаткѣ мѣновой торговлѣ, камчадалы не знали настоящей цѣнности пушныхъ товаровъ и купцы, пользуясь этимъ, вымѣнивали у нихъ соболей на разные мелочные товары, оцѣнивая соболя отъ 3 до 4 рублей. Завойко учредилъ ярмарочную торговлю, подъ надзоромъ чиновника, обязаннаго объявлять камчадаламъ стоимость мѣховъ и цѣнность товаровъ въ Петропавловскѣ. Для улучшенія быта камчадаловъ, приняты были мѣры къ обученію ихъ купорному и горшечному мастерствамъ. Завойко также заботился объ урегулированіи соболонной промысла, запрещая убивать въ мартѣ матокъ соболей, а на транспортахъ изъ Аяна привезено было въ продолженіе двухъ лѣтъ 300 коровъ и разослано вдаль камчатскимъ жителямъ. Главнѣйшее продовольствіе края—рыбная рыба заготовлялась жителями въ то время весьма небрежно и, въ ненастную погоду, она гнила на вѣшалкахъ. Завойко ввелъ у камчадаловъ деревянныя копильни. Для прекращенія болѣзни среди туземнаго населенія, посылались въ округъ медики, устраивались временныя больницы; на паратунскихъ горячихъ ключахъ Завойко приказалъ выстроить особый домъ и карантинъ для разобщенія больныхъ проказой отъ здоровыхъ. Русскимъ пионерамъ того времени приходилось много и всесторонне работать: это были наши родные Робинзоны, расчлѣпавшіе путь для нашего времени, такъ сильно интересующаго насъ дальнимъ Востокомъ и только благодаря ихъ тяжкимъ трудамъ, мы можемъ теперь идти твердыми шагами въ этихъ далекихъ краяхъ. Во время севастопольской войны мирная жизнь была нарушена, и В. С. пришлось отражать нападеніе на портъ англо-французской эскадры и, подъ непріятельскими выстрѣлами, перевелъ портъ изъ Петропавловска въ устье р. Амура... Въ «Русскомъ Лѣтникѣ» за 1876 г. (№ 6) женою Завойки напечатаны «Записки», въ которыхъ изложено просто все, что пережили жители Петропавловска за это время; подробности выхода русскихъ судовъ во льду мимо сторожившаго ихъ непріятеля и другія подробности описаны однимъ изъ участниковъ петропавловскаго сраженія, г. Фесомъ въ «Морскомъ Сборникѣ» 1855 г. Вотъ что писалъ, между прочимъ, въ своемъ доносѣ на контръ-адмирала Завойко: «только при ревности подчиненныхъ моихъ возможно было

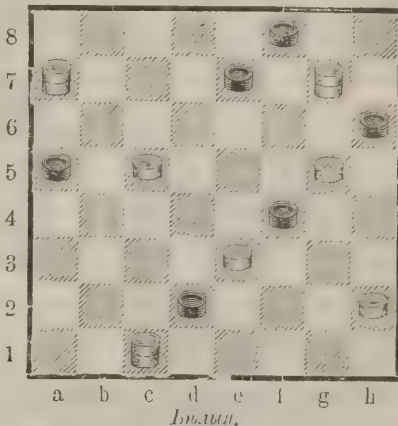
спастъ Петропавловскій портъ въ теченіе мѣсяца (3-го марта 1855 г.—3-го апрѣля), и это даетъ мнѣ поводъ надѣяться, что и въ предстоящемъ намъ плаваніи всѣ воодушевлены будутъ тѣмъ же усердіемъ, и суда во время достигнутаго своего назначенія. Если же мы встрѣтимъ въ морѣ сильнаго непріятеля, то или отразимъ его, или погубимъ, не отдавъ врагу славнаго русскаго флага». Поучительна для молодого поколѣнія жизнь всѣхъ подобныхъ дѣятелей,—поучительна и интересна, какъ не могутъ быть поучительны и интересны никакіе романы разныхъ Густавовъ Эмаровъ и Жюлей Верновъ, и приходится только жалѣть, что мы мало знакомы со всякими невымышленными, а настоящими пионерами земли русской. Вотъ благодарные типы для нашихъ беллетристовъ!..

Въ настоящее время В. С. Завойко живетъ у себя въ имѣніи, въ подольской губерніи, не переставая интересоваться сѣверной окраиной Россіи и въ частности заселеніемъ Амура.

ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шомина.
ЗАДАЧА № 28.

А. С. Егрова (въ С.-Петербургѣ).
Черныя.

Запереть простою.

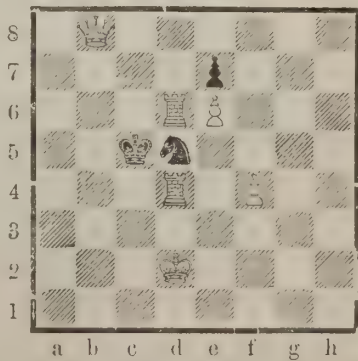
Рѣшенія шашечныхъ этюдовъ.

- № 6. Сорокина. 1. e1-h4, f8-d8; 2. b4-c5; 3. b8-e5 и т. д. 1... f6-h8; 2. h4-f6; 3. b8-f4 и 4. f4-d2.
№ 7. Шомина. 1. f2-g3; 2. a5-b4, f4-g3; 3. b4-c5, g3-h2; 4. a3-b4 и т. д. 2... a7-b6; 3. b4-e1, b6-c5 (f4-e3; 4. a3-b4) и 4. e1-f2. 2... f4-e3; 3. b4-e1 и 4. a3-b4. Интересный этюд.
№ 8. Сорокина. 1. e3-g1, g7-h8; 2. h6-e3, a3-c1 (a3-b2; 3. f8-g7 и 4. g1-a1); 3. f8-h6; 4. h6-e3, h8-a1; 5. e3-g5; 6. g1-d4 и 7. h2-b8. 2... h8-a1; 3. e3-g5; 4. g1-d4; 5. h2-d6 и т. д. 2... h8-f6; 3. h2-e5; 4. g1-c5; 5. f8-b4 и 6. b4-c5. 1... g7-a1; 2. h6-g5; 3. g1-d4 и т. д.
№ 9. Папратова. 1. b8-h2, b2-a1 (g7-h6; 2. d2-g5 и 3. h2-a1); 2. d2-f4, a1-f6; 3. b6-d8 и т. д. 1... b2-f6; 2. b6-d8 и т. д.
№ 10. Сорокина. 1. c5-e7; f8-h8; 2. g1-h2; 3. h6-g7, f8-g5; 4. g7-a1 и т. д. 1... f6-c8 или a1; 2. h6-f4; 3. f4-g3; 4. g1-a1 или h8.
Рѣшилъ: К. Подольскій, Е. Ф. Андреевъ, И. И. Мосоловъ (Спб.) и И. В. Петровъ (Кострома)—всѣ; П. Н. Поповъ (Саратов)—№№ 6, 7 и 9; Н. А. Кукучевъ и П. М. Нѣмцовъ (Москва)—№ 7; А. Гусевъ (Воронеж)—№ 10.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 28.

Л. К. Истомина (въ Харьковѣ).
Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 2 хода.

За редактора—издатель С. Добродѣевъ.

РѢДКІЙ ЮБИЛЕЙ

(Семидесятипятилѣтіе службы адмирала
В. С. Завойко).

Въ сентябрѣ, 25-го числа, какъ мы говорили, исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ службы ад-

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣлательныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Бюропретидъ мѣ Генрихъ Блокъ.
— 1 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обозр.» (Спб., Невскій, д. 68—40) продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“

Историческій романъ А. Михайлова.
Цена 1 руб.

Новый иллюстр. описательный каталогъ фруктовыхъ деревьевъ, испанской земляники, розамъ, многолѣтнимъ грунтовъ цвѣтамъ, хвойнымъ и прочимъ растениямъ, отпечатанъ и высылается по требованію бесплатно. Плодовый питомникъ и Садоводство Карла Георгиевича Мейера, Киевъ, Сырецъ, соб. домъ.

ПОПРОБУЙТЕ МЫТЬСЯ**МЫЛОМЪ****ЮМЪ-ЮМЪ**

ПАРФЮМЕРА ПЬЕРЪ и вы другимъ мыломъ мыться не будете. Цена 20 н. за кусокъ. Получать можно во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Складъ въ Харьковѣ. Пассаажъ, у П. УШАНОВА.

П. Борманъ

Вознесенскій пр. 38.
ДЕПО РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО лучш. здѣшн. и загранич. фирмъ.
Продажа и прокатъ на самыхъ выгодныхъ условияхъ. № 2413-6

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

НЕВСКІЙ ПР. № 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-Ку. высыл. безпл.

НОВОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ПЕЧЕНІЕ

С. СІУИК!
PETIT BEURRE
МОСКВА

С. СІУИК!

ПАМЯТЬ

лицъ всякаго возраста значно (путемъ перепиши) укрѣпить МНЕМОНИСТЪ

С. БЕРКОВИЧЪ**УСПѢХЪ ГАРАНТИРУЮ**

Условія (вполнѣ общедоступныя) за 7 коп. марку. Адресъ: Мнемонисту С. Берковичу, Почтовая ул. д. Неслера, кв. 6 въ ОДЕССѢ.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО**НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.**

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности лицъ. Цена 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требовать подписи А. Энглундъ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ—5 дѣлъ Россійской Имперіи. № 2045

№ 2305—4

ВЫИГРЫШ

вые 1, 2 и 3 займы продаетъ

БАНКІРСКІЙ ДОМЪ**ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.**

59, НЕВСКІЙ, СПБ.

ПАМЯТЬ

„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“
(Что такое мнемоника?)
книга (платье издание)

профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА и печатныя условія заочный (письменный) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.) высылается за шесть 7 коп. мар.: на вложенной бумагѣ вмѣстѣ съ условіями—за восемь 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогикъ, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую, и лучшей—у обладающихъ хорошей.

Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, воины, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, кончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безъ книгъ высылается за одну 7 коп. марку). Адресъ: Одесса, Гаванская ул. (Спб. вѣдомъ № 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ) д. Бродскаго № 6 40, кв. 4-5-8, бель-этажъ. Профессоръ мнемоники членъ парижскій академіи С. Файнштейнъ. № 2298—15.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступило въ продажу новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

СОЦІОЛОГІЯ Д-ра ШАРЛЯ ЛЕТУРНО.

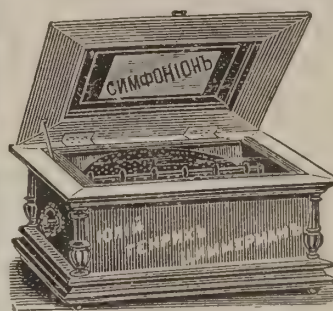
Переводъ съ послѣдняго Французскаго изданія подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора А. С. Травецкаго. 376 страницъ большаго формата. Цена 1 р. 50 коп.

Около 1000 машинъ РЕМИНГТОНЪ въ употребленіи въ Министерствѣхъ въ одномъ Петербургѣ.
ОБЩІЙ СБЫТЪ ОКОЛО 150,000.

СИМФОНІОНЫ

Музыкальныя шкатулки съ пріятнѣйшими тонами, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ возможность мѣнять по произволу пьесы, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручкой безъ нотъ	5 —
Ноты по	25 —
Заводной безъ нотъ	10 —
Ноты по	25 —
Заводной 60-тонный безъ нотъ	28 —
Ноты по	50 —
Заходной 84-тонный безъ нотъ	40 —
Ноты по	60 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	70 —
Ноты по	80 —
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie Piccolo	100 —
Ноты по	1 —

НОВЫЕ: часы съ музыкой. Солдаты часы, развѣ въ день заведенные, играютъ сами черезъ каждый часъ выбраннаго по произволу пьесы. Въ случаѣ желанія—играютъ, когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.

Цена 225 руб. Ноты по 1 руб.

Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-куррантъ всѣхъ инструментовъ бесплатно. № 805-37

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м. д. Захарьина.

Поступила въ продажу во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы новая кн. гл:

ЦЕЗАРЬ АНТОНОВИЧЪ КЮИ**НАНЪ РОМАНСИСТЪ.**

Музыкальный очеркъ, составилъ П. П. ВЕЙМАРНЪ.
Цена 30 коп.

Выписывающіе изъ склада: Контора журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (Спб. Невскій пр., д. № 68—40) за пересылку не платятъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ ИНТЕРЕСНЫЙ РОМАНЪ

РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ

— М. ТИХАНОВА (псевдонимъ).

«Романъ-быль «РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ» обнимаетъ почти полуцѣловую жизнь одного извѣстнаго барскаго рода, въ семьѣ котораго происходила потрясающая жизненная драма. Характеры графа и графини Багрянскихъ, ихъ взаимныя отношенія, остальные дѣйствующія лица, трогательная судьба непрізнаннаго сына, дѣлающагося впоследствии обладателемъ громкаго титула и миллионнаго состоянія,—все это заимствовано изъ дѣйствительнаго случая и семейныхъ документовъ, а также устныхъ разсказовъ участниковъ и личныхъ воспоминаній автора».

Романъ этотъ принадлежитъ перу одного изъ извѣстныхъ русскихъ писателей, пожелавшаго подписаться псевдонимомъ (384 страницы, отпечатанныхъ въ форматѣ „ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ“ и изящной оберткѣ).

Для подписчиковъ журнала «Живописное Обозрѣніе» цена—**ОДИНЪ РУБЛЬ**. Неподписчиковъ 1 р. 50 н.

Выписывающіе изъ Главной конторы за пересылку не платятъ. Книги высылаются съ первой почтой по полученіи денегъ.

Требованія просятъ адресовать въ Главную контору журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ».

Спб., Невскій проспектъ, домъ № 68—40.

№ 40 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2½ листовъ съ 8-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) «Еженедѣльная хроника» № 40-й.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. А. ОБРОБѢВА

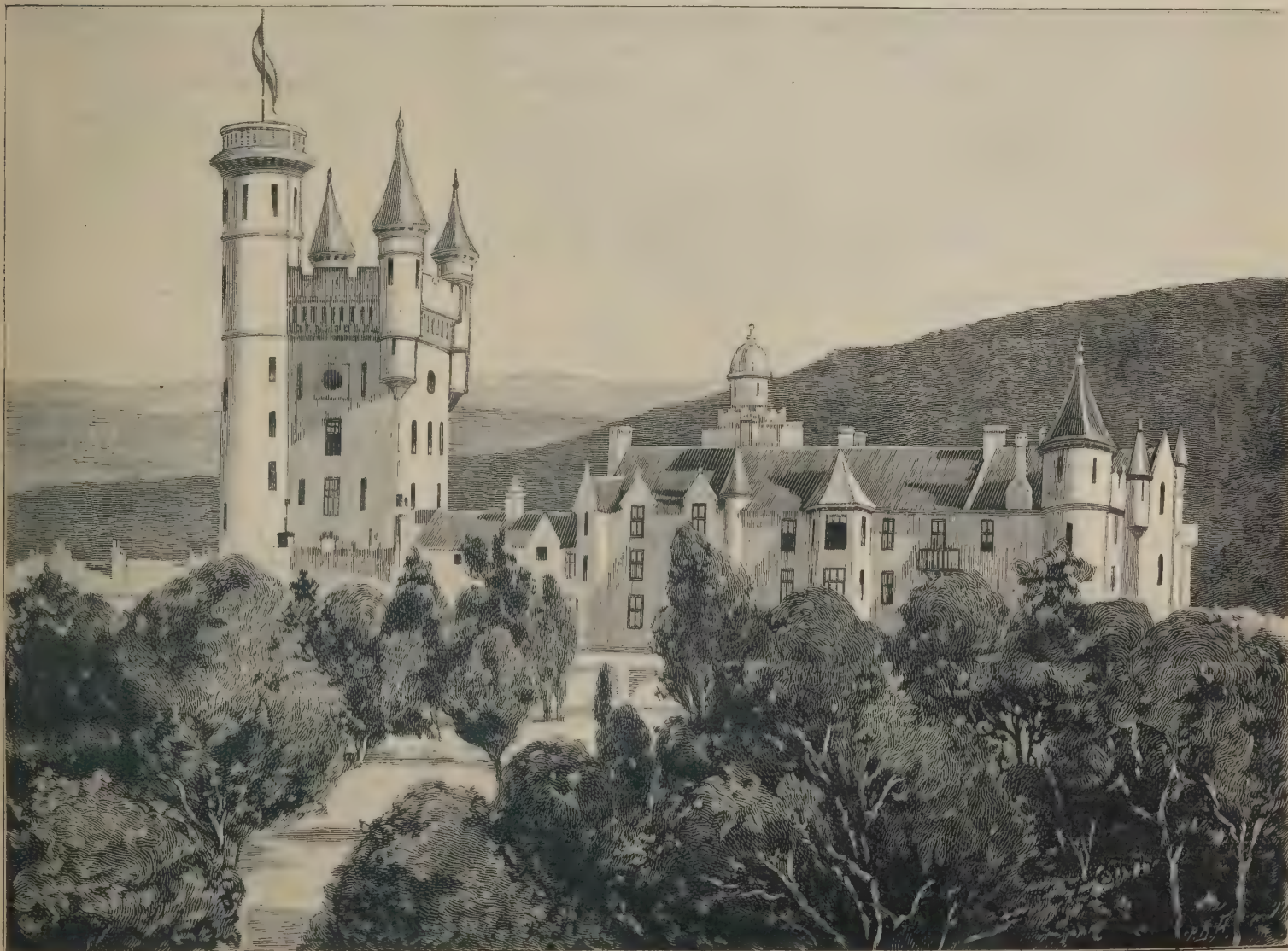
ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРѢ ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» ВСѢМЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ РАЗСЫЛАЕТСЯ:
Десятая книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений — «Домашняя Библіотека», № 10 (за октябрь 1896 г.).

Всѣ нумера журнала сдаются на почту строго проверенными и въ полномъ количествѣ всѣхъ тѣхъ приложений, о которыхъ заявляется въ нумерѣ. Не получившіе при нумерѣ какого либо приложения, благоволятъ заявить объ этомъ немедленно доставившему нумеръ журнала почтовому

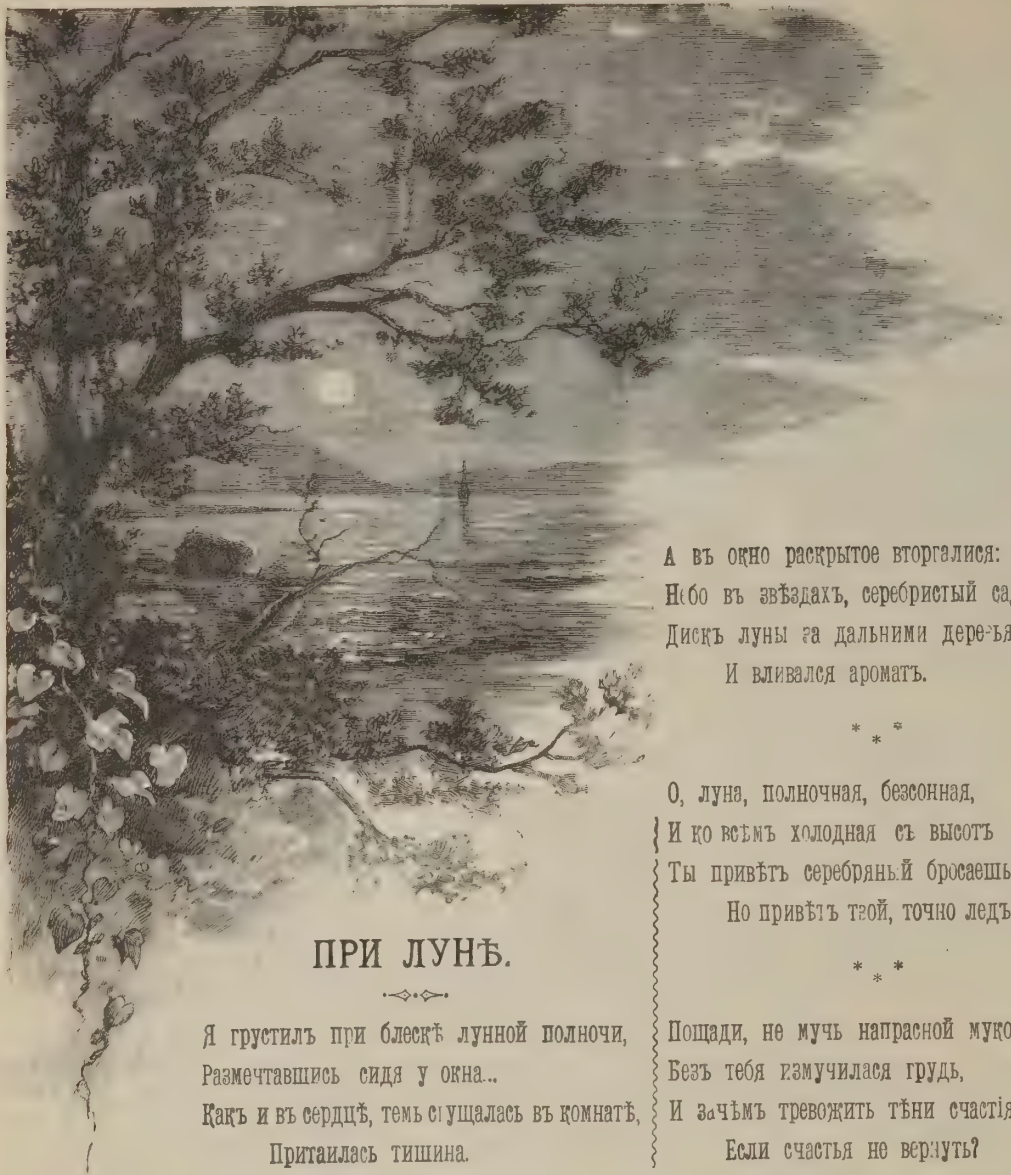
служителю, а затѣмъ сообщить въ Главную Контору не позднѣе полученія слѣдующаго нумера журнала, такъ какъ позднѣйшія претензіи почтамъ не принимаются къ разслѣдованію, а высылать второй экземпляръ не всегда представляется возможнымъ для рѣдкции.

Главная Контора журнала: С.-ПЕТЕРБУРГЪ. НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ. У АНИЧКИНА МОСТА. ДОМЪ № 68—40.

ЗАГРАНИЧНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Замокъ Бальмораль (въ Шотландіи), гдѣ пребывали Ихъ Величества.

ПРИ ЛУНѢ.

Я грустилъ при блескѣ лунной полночи,
Размечтавшись сидя у окна..
Какъ и въ сердцѣ, темъ сущалась въ комнатѣ,
Притаилась тишина.

А въ окно раскрытое вторгались:
Нбо въ звѣздахъ, серебристый садъ,
Дискъ луны за дальними деревьями,—
И вливался аромать.

О, луна, полночная, безсонная,
И ко всемъ холодная съ высотъ
Ты привѣтъ серебряный бросаешь мнѣ,
Но привѣтъ твой, точно ледъ...

Пощади, не мучь напрасной мукою,
Безъ тебя замучилась грудь,
И зачѣмъ тревожить тѣни счастья,
Если счастья не вернуть?

И межъ тѣмъ, какъ годъ за годомъ падаетъ,
Въ тѣмъ вѣковъ уходитъ тщетный день,
И за нимъ уходитъ вѣра въ лучшее,
Да и жить-то будто лѣнь,—

Ты, луна, безстрастная, холодная,
Словно юность въ саванѣ лучей,
Раскрываешь снова книгу (частиа
Бѣдной юности моей.

Раскрываешь.. смотришь... и—безъучная—
Огаряешь взоромъ вновь и вновь
Тѣ листы, гдѣ крѣтко начерталась
Нсабвенная любовь...

И заноситъ сердце, будто жесткою
Кто его рукой разбередилъ..
И рванусь я.. и летѣть захочется,
Да летѣть нельзя безъ крылы!

О, къ кому, къ кому въ слезахъ мнѣ кинуться,
Если жизнь такъ страшна и темна?
О, не мучь, довольно, безпощадная,
Полночная луна!

П. Порфирова.

ОРДЕНЪ ЛЬВА И СОЛНЦА.

(Окончаніе).

III.

ХРИДЯ домой, Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ себя не хорошо. Пережитыя впечатлѣнія подѣйствовали на него удручающимъ образомъ. Всеобщее сомнѣніе въ здоровомъ умѣ старухи и крайняя загадочность этой исторіи, какъ будто, лишній разъ напоминали молодому человѣку, что онъ не знаетъ жизни и дѣйствуетъ, какъ «романтикъ». Особенно дразнилъ его скептицизмъ курьера. Ему слышалось это благоразумное: «Конечно, ваше благородіе, какъ вы теперь въ молодыхъ лѣтахъ»...

— Сказать-ли женѣ или нѣтъ?

Вопросъ былъ неумѣстенъ, потому что Владиміръ Ивановичъ все говорилъ женѣ.

Жена, постоянно доказывавшая мужу, что онъ мечтатель, и являвшаяся, вообще, положительнымъ, практическимъ элементомъ семейства,—тутъ, противъ ожиданія, приняла сторону старухи.

— Я чувствую, что тебѣ удастся! Старайся и будь поэнергичнѣй. Материнское сердце никогда не обманываетъ,—и не можетъ быть, чтобы она понапрасну столько вынесла муки.

— Да-съ, господа, вотъ роль истинной жен-

щина: въ мелочахъ сдерживать, не давать транжирить денегъ, усмирять беспочвенный романтизмъ. Но въ серьезныхъ случаяхъ—воодушевлять, помогать человѣку быть человекомъ!

И рассказчикъ дружелюбно посмотрѣлъ на хозяйку дома, которая покраснѣла и опустила глаза.

Затѣмъ онъ продолжалъ

По приказанію сановника было послано въ Москву отношеніе за номеромъ 157,863...

— Позвольте, почему именно за этимъ номеромъ?

— Не хотите, такъ можно взять другой номеръ. Я взялъ просто большой номеръ! Не мѣшайте, пожалуйста! Послано было отношеніе, въ которомъ подробно все излагалось и, затѣмъ, спрашивалось, куда дѣвался Кизы-Оглы?

Съ мѣсяца отвѣта не было. Писали дважды объ «ускореніи»,—а старуха каждый день ходила въ министерство, не кричала уже «машеньки», правка», а грустно говорила:

— «Издрасты!»—Ей объяснили, что мошенникъ не есть синонимъ чиновника, а справку, Богъ дастъ, неведутъ и безъ ея крика.

Наконецъ, получился отвѣтъ: персіянина

Кизы-Оглы въ центральной тюрьмѣ не только нѣтъ, но и не было!.. И сановникъ, и Владиміръ Ивановичъ, и всѣ, сколько-нибудь сердечные товарищи его, стали итупикъ: неужели старуха не бредила?! Призванъ былъ на помощь Амбарцумовъ, который еще больше съежился, услышавъ эту вѣсть; но онъ не выразилъ убѣжденія въ томъ, что старуха непременно съума сошла. А жена разстроеннаго Владиміра Ивановича, опять противъ ожиданія, заявила, что эта бумага—очень цѣнная, доказывавшая правду старухи, а не ея сумасшествіе; только тутъ творится что-то недоброе: вѣрно, персіянина сослали уже на поселеніе, а какого-нибудь русскаго подданнаго, подъ видомъ Кизы-Оглы, отпустили на всѣ четыре стороны!.. Надо было придумать экстренный способъ узнанія истины!

Владиміръ Ивановичъ придумалъ.

На слѣдующее утро онъ вошелъ къ своему начальнику и попросилъ разрѣшенія не прекращать дѣла, а когда пришла старуха, онъ ей объяснилъ, что она должна представить доказательства своихъ бывшихъ свиданій съ сыномъ въ центральной тюрьмѣ.

Старуха окаменѣла отъ ужаса, но потомъ

вдругъ, сверкнувъ загадочно глазами, закричала: «Аллахъ! Аллахъ!» и сбѣжала съ лѣстницы.

Три мѣсяца ея не было видно. Владиміръ Ивановичъ ходилъ въ департаментъ, исподтишка занимался литературой, и, если вспоминалъ о бѣдной персіянкѣ, то съ грустнымъ недоумѣніемъ.

Однажды, когда онъ выходилъ изъ двери начальническаго кабинета, послышалось знакомое: «издрасты», произнесенное въ ликующемъ тонѣ. Старуха не могла продолжать своей рѣчи, а только потрясала какимъ-то лоскуткомъ бумаги. На этомъ лоскуткѣ еще виднѣлся полустертый штемпель товарища прокурора о дозволеніи персіянкѣ такой-то видаться такого-то числа съ ея сыномъ Кизы-Оглы въ тюрьмѣ. Какъ этотъ лоскутокъ бумаги оказался цѣль, — Аллахъ вѣдаетъ!.. Старуха за нимъ ходила въ Москву, гдѣ онъ оказался завернутымъ въ узелкѣ съ триньемъ, на квартирѣ какой-то старьевщицы-татарки, у которой многострадавшая мать во время оно пользовалась даровымъ приютомъ.

Мигомъ былъ позванъ Амбарцумовъ, который тоже пришелъ въ экстазъ, узнавъ, что концы въ воду не попали. А Владиміръ Ивановичъ безъ доклада шумно ринулся къ начальнику, испугалъ его и въ первую минуту даже не въ состояніи былъ доложить объ этомъ важномъ событіи.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, начальникъ поблаговѣлъ: подъ вицъ-мундиромъ забилося доброе человеческое сердце.

— Ахъ, мерзавцы! Телеграмму сейчасъ, двѣ телеграммы!.. И срочныя! И прокурорскому надзору, и въ тюрьму! Теперь не йдутъ! Да пишите поспроше, порѣзче; можете грозить, если угодно!.. Конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ...

Владиміръ Ивановичъ ужъ и написалъ тогда! Вы можете это себѣ представить. Въ тотъ-же вечеръ получился отвѣтъ, что Кизы-Оглы находится въ Красноярскѣ, куда простѣдовалъ съ этапной партіей. Опять телеграмма: вернуть немедленно!

Отвѣтъ: Возвращается!

Когда старуха услышала изъ устъ Амбарцумова слово: «въ возвращается», она, повидимому, дѣйствительно съума сошла: бросилась обнимать и Амбарцумова, и Владиміра Ивановича, и сторожей, которые фыркали и отплевывались: «Да ну тебя, проклятую!» И затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Владиміръ Ивановичъ былъ мученикомъ: старуха приходила почти каждый день, отрывала его отъ занятій и требовала, чтобы онъ сообщалъ ей вѣсти о томъ, гдѣ находится ея сынъ.

Владиміръ Ивановичъ даже нарочно карту Сибири и Европейской Россіи купилъ и, при помощи самоотверженнаго Амбарцумова, научилъ старуху понимать движеніе по картѣ.

Персіянка сдѣлалась предметомъ всеобщаго развлеченія для всѣхъ «причисленныхъ» и казнь египетской для дѣловитыхъ начальниковъ отдѣленій. Слышался голосъ: — «Гдѣ господинъ Сергѣевъ?»

— Ушли на татарку смотрѣть-съ — отвѣчалъ дежурный служитель.

— Позвольте! Это холера какая-то, эпидемія; писаря даже забѣгали!

Разговоры не умолкали. Телеграммы нѣсколько разъ посылались въ различные этапные пункты, уже на личный счетъ Владиміра Ивановича. Наконецъ, получилось извѣстіе, что Кизы-Оглы будетъ такого-то

числа въ Казани. Оставалось до этого числа около недѣли.

Узнавъ, что Казань находится на пути въ Персію, старуха змахала руками, словно это были не руки, а крылья. Ей захотѣлось броситься съ верхней площадки лѣстницы и полетѣть въ эту далекую Казань.

Владиміръ Ивановичъ уже подумывалъ о способѣ отправки старухи туда, какъ вдругъ къ нему подошелъ старый пьяница-писарь и молча, всхлипывая, сунулъ ему въ руку рублевую бумажку.

— Что такое? Чего вамъ нужно?

— Путевыя-съ, — отвѣчалъ писарь, улыбаясь сквозь слезы.

Писарь былъ бѣдный, бѣдный, какъ церковная мышь, и притомъ — мышь нетрезвая.

Владиміръ Ивановичъ бросился обнимать-ся съ нимъ. Этотъ эпизодъ произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Мигомъ было собрано больше сотни рублей.

Когда старуха уѣзжала въ Казань, ее нельзя было оторвать отъ ботинокъ Владиміра Ивановича, которыя онъ обливалъ горячими слезами. Потомъ, вдохновенно благословивъ столпившихся вокругъ него чиновниковъ, она закричала: «Аллахъ!» и скрылась. Больше ея не видали. Надо думать, что она теперь благоденствуетъ въ Персіи съ сыномъ и рассказываетъ сосѣдкамъ, сидя на плоской кровлѣ своего домика, что и въ холодной сѣверной странѣ, гдѣ живутъ невѣрные, и въ холодномъ сѣверномъ департаментѣ, гдѣ не всегда сердце властно, есть добрые люди.

IV.

Разсказчикъ замолкъ, и остальные гости молчали подъ впечатлѣніемъ этой простой трагедіи изъ материнской жизни.

Хозяева въ смущеніи опустили глаза. Наконецъ, кто-то сказалъ:

— О, да, Владиміръ Ивановичъ! Только я подозреваю, что это не Владиміръ Ивановичъ, а нашъ хозяинъ! Ну, а гдѣ же твой орденъ? Что же вы не разскажете, какъ нашъ герой орденъ получилъ?

— Ну, этого я не знаю, — отвѣчалъ разсказчикъ — Это ужъ пускай онъ самъ повѣдаетъ.

— Пожалуй, разскажу, — согласился хозяинъ. Тутъ трагедія нѣтъ. Впрочемъ, нѣтъ, и тутъ есть трагическій элементъ, но я-то ужъ не «героизую». Черезъ недѣлю послѣ отъѣзда старухи пришелъ я какъ то пораньше изъ департамента домой: оставилъ бумаги разложенными на столѣ и попросилъ товарищей сказать въ случаѣ зова начальства, что я вышелъ на минутку; а самъ я удралъ, какъ школьникъ. Я словно предчувствовалъ, что дома меня ждетъ что-то пріятное. И дѣйствительно, не успѣлъ я снять вицъ-мундира, какъ вдругъ входитъ ко мнѣ странный господинъ въ шляпѣ съ перьями, ливреѣ съ погонами и при охотничьемъ ножѣ на блестящей перевязи. Входитъ и спрашиваетъ на отличнѣйшемъ французскомъ языкѣ, можетъ-ли видѣть меня посланникъ его величества шаха-инъ шаха? Я отвѣчаю, что это, вѣрно, не ко мнѣ, — а тотъ говоритъ: — «Нѣтъ, именно къ вамъ!» — и называетъ мою фамилію.

— Я говорю: «проси», — а самъ кричу на жену, чтобы убрала пеленки нашего новорожденнаго: я противъ нихъ ничего не имѣю, но вхожу въ положеніе посторонняго лица и сознаю, что у пеленокъ всегда есть какой-то кислый запахъ.

Входитъ видный мужчина, въ высокой узенькой шапкѣ: посланникъ! А при немъ секретарь. Оба меня обнимаютъ и секретарь достаетъ телеграмму шаха персидскаго. Въ телеграммѣ говорится по французски: «Прошу поблагодарить сановника и особенно добродушнаго молодого человѣка, которому прошу передать мое монаршее уваженіе».

Выпили чаю; отъ вина хотѣли отказаться, но потомъ выпили изъ уваженія къ моему «добродушію», и ушли. А предъ уходомъ секретарь посольства попросилъ разрѣшенія бывать у меня запросто. Я, конечно, выразилъ ему полное свое удовольствіе по этому поводу, но потомъ все-таки недоумѣвалъ, какая ему до меня надобность? Мы жили бѣдно, въ пятомъ этажѣ и никакого удовольствія почтенному Мирзѣ-Ахмету доставить не могли.

Но у Мирзы былъ свой планъ, и онъ однажды открылся мнѣ.

— Видите-ли, — сказалъ онъ однажды, — мы вашему сановнику звѣзду поднесли, а потому вамъ неловко такую же звѣзду предлагать; младшія же степени ордена Льва и Солнца у васъ тутъ, я замѣтилъ, не очень популярны.

— Признаться, это такъ, потому что нашей полиціи ужъ очень щедро давался этотъ орденъ.

— Да, но что же дѣлать? Полиція оберегаетъ его величество шаха во время его пріѣздовъ, — такъ можно ли ей не дать орденовъ!

— Конечно-съ. Но вѣдь мнѣ-же и не нужно Я и такъ глубоко благодаренъ его величеству шаху, а главное я радъ тому, что мнѣ удалось помочь бѣдной женщинѣ.

Секретарь посмотрѣлъ на меня, какъ на страннаго человѣка.

— Чему вы удивляетесь? — спросилъ я.

— Я думалъ, что у васъ тутъ всѣ относятся къ людямъ, какъ персіяне; у насъ такими сантиментальностями не занимаются, а просто служатъ.

— То-есть, какъ?

— Такъ, думаютъ о себѣ.

— Неужели?

— Конечно, не всѣ; но кто феррашъ, — вездѣ феррашъ! Кто служить, тотъ думаетъ о себѣ! Очень, очень радъ съ вами познакомиться! А кстати! Вѣдь вы, кажется, знакомы съ графиней Z?

— Да, она сосѣдка по имѣнію съ моимъ отцомъ. Я завтра буду у нея на вечерѣ; и вы тоже?

— Да! Вотъ и отлично, можемъ повинтить! Я до страсти люблю винтъ.

— Ай-да персіянинъ!

— Какой я персіянинъ?!

Вечеромъ мы встрѣтились у графини, которая, зная страстишку Мирзы, поспѣшила устроить для насъ винтъ. Это удалось ей не сразу. Противъ ожиданія, было больше танцующихъ, нежели играющихъ въ карты. Мы, въ ожиданіи четвертаго партнера, болтали, какъ вдругъ вошла графиня и ввела молодого лейбъ-казацкаго офицера. Мой Мирза поблѣднѣлъ, какъ полотно. Я никакъ не могъ понять, въ чемъ дѣло. Офицеръ былъ пресимпатичный: съ южнымъ, красивымъ, матозымъ цвѣтомъ лица, черными-черными волосами и интереснѣйшими пламенными черными глазами, въ которыхъ была бездна мысли и страданія. Я невольно подумалъ: какой породистый человѣкъ! Что-то царственное въ немъ есть!..

Въездъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Бальмораль. (Шотландія) 10 сентября 1896 г.

ПРИБЫТІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЩЕСТВЪ ВЪ ШЕРБУРГЪ (23 СЕНТЯБРЯ 1896 Г.). СЪ РИСУНКА ХУДОЖНИКА Ф. ДОНСКОГО.
Английскій флотъ.

Французскій флотъ.

Графиня назвала его принцем Абдулла-Мирзой—и, усадив за столъ, ушла.

Секретарь тоже хотѣлъ уйти подъ предлогомъ нездоровья, но остальные партнеры его не пустили. Весь вечеръ онъ былъ неузнаваемъ: молчалъ, нервно вздрагивалъ и игралъ отвратительно. Одинъ изъ партнеровъ, оказавшійся докторомъ, пристально смотрѣлъ на него въ золотыя очки и нѣсколько разъ порывался схватить его за пульсъ.

Но первое разстройство моего пріятеля дошло до крайнихъ предѣловъ, когда вдругъ въ дверяхъ появился персидскій посланникъ, грозно оглядѣвъ присутствовавшихъ и рѣзко вызвалъ секретаря изъ комнаты.

Мой пріятель вышелъ и не возвращался. Мы его прождали съ полчаса, а потомъ пошли въ залу, гдѣ намъ сказали, что секретарь уѣхалъ. Посланникъ-же, не простившись съ хозяйкой, прошелъ мимо меня, бросилъ на меня недобрый взглядъ и исчезъ.

Графиня была смущена отъѣздомъ посланника до ужина, но во всей этой исторіи понимала не больше, чѣмъ я. На слѣдующее утро я получилъ, къ сугубому смущенію своему, коротенькую записку моего Мирзы: «Adieu, je suis perdu».

Чтобы это все значило? Я бросился на квартиру Мирзы. Мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ. Я къ посланнику, въ надеждѣ, что онъ вспомнитъ мою услугу. Посланникъ былъ дома; ему подали мою карточку,—и онъ отвѣчалъ, что его дома нѣтъ! Мирза провалился сквозь землю.

Въ сною, возвращаясь какъ-то изъ Лѣсного института, я зашелъ въ табачный магазинъ на Выборгской сторонѣ, и каково было мое изумленіе, когда я увидалъ драгоцѣннѣйшаго Мирзу, бывшаго секретаря персидскаго посольства,—въ роли приказчика табачнаго магазина. Онъ смутился безконечно,—но мои поцѣлуи успокоили его и развязали ему языкъ.

— Я думалъ, что всѣ здѣсь, какъ персіяне: кто служить, тотъ не уважаетъ попавшихъ въ бѣду! Пострадавшему человѣку надо прятаться!

— Да за что же васъ постигло такое несчастіе?

— За проклятый винтъ!

— Развѣ Магометъ запрещаетъ въ винтъ играть?

— Нѣтъ, при немъ винта не было! А вы знаете, съ кѣмъ мы тогда играли?

— Какой-то принцъ персидскій или турецкій?

— Еслибы-то турецкій! А то именно: персидскій! Въ томъ вся бѣда моя! Когда новый шахъ вступаетъ на престолъ, онъ всегда нѣсколькихъ принцевъ сажаетъ на колъ, чтобы государству меньше расходовъ было. Отецъ этого принца не захотѣлъ...

— Чего? Садиться на колъ? Я его понимаю! И что же?

— Извѣстно, что! Убѣжалъ въ Россію со всѣмъ семействомъ.

— Такъ при чемъ же вы?

— Какъ при чемъ? Вѣдь мы представители законнаго шаха! Мы не имѣемъ права дышать однимъ воздухомъ съ измѣнникомъ.

— Который не согласенъ садиться на колъ? Не дышите, потому что я тоже не согласен!

— Вы все шутите, — а вотъ мнѣ нельзя теперь въ Персію возвращаться! Еотъ я и мыкаю горе.

— Вѣдь вы же богатый человѣкъ?

— Былъ богатъ, а теперь все конфисковано.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный мой!

— За меня вы не печальтесь; я знаю языкъ! А мнѣ особенно горько, что уже бумага о вашемъ ордѣнѣ была мною заготовлена! Время прошло, можно было дать вамъ такую же звѣзду, какъ и вашему визирю! Онъ-бы теперь не обидѣлся.

— Да что вы все о звѣздѣ хлопочете? Тутъ у человѣка все отняли,—а онъ о чужой звѣздѣ думаетъ.

— Какъ можно, это очень важно!..

Когда я пріѣхалъ въ слѣдующій разъ, чтобы опять лично позвать милого Мирзу, который все не исполнялъ обещанія бывать у меня запросто,—его и слѣдъ простылъ! Онъ уѣхалъ, говорятъ, куда-то въ глубь Россіи, чтобы не видѣть знакомыхъ! «Пострадавшій долженъ прятаться», господа! Ну, а я, какъ видите, сижу безъ звѣзды Льва и Солнца!..

— Зачѣмъ тебѣ лѣвъ, ты самъ лѣвъ!—сказалъ одинъ изъ гостей, съ шутливымъ восточнымъ акцентомъ.

— А вотъ мое солнце,—отвѣчалъ хозяинъ, указывая на свою жену...

В. Величко.

ЯКОВЪ-КОРМИЛЕЦЪ.

ЖИЗНЬ у Долиныхъ было небольшое.

Купилъ его Петръ Николаевичъ лѣтъ пять назадъ. Надоѣли ежегодные перѣзды на дачу и съ дачи съ неизбежными поломками, да и самая дачная жизнь надоѣла. Жена Петра Николаевича, Варвара Сергѣевна, тоже не любила дачъ. Смолodu она жила въ деревнѣ и привязалась къ ней. Только съ замужества пришлось жить по дачамъ. Завѣтной мечтой ея была покупка своего маленькаго имѣнія, совсѣмъ крошечнаго. Да и кромѣ экономическихъ причинъ были другія. Маленькой шестилѣтней Лидочкѣ положительно вреденъ городъ и даже городскія дачи съ воздухомъ, наполненнымъ пылью. И старшая, Таля, такъ устаетъ и изпуруется за зиму въ институтѣ, что ей положительно необходимо лѣтомъ чистый деревенскій воздухъ и хорошее молоко, свое деревенское, ровно ничего не стоящее молоко.

Каждую весну Долины пріѣзжали въ деревню, но не особенно рано, обыкновенно въ концѣ мая. Зимой домъ весь оставался на рукахъ приказчика, Алексѣя Кошелева. Онъ былъ изъ мѣстныхъ же «хозяевъ» и на селѣ—село отъ усадьбы находилось въ такомъ разстояніи, о которомъ говорятъ «рукой подать»—у него имѣлась собственная изба съ расписными ставнями. Собственное свое хозяйство онъ передалъ женѣ, а самъ весь ушелъ въ приказничье дѣло. Приказчикъ изъ него вышелъ дѣльный и сообразительный и Петръ Николаевичъ былъ имъ доволенъ.

Сумерки стояли тихія, теплыя. Солнце зашло. Сирень наполнила ароматомъ воздухъ. На террасѣ только что кончали пить чай. Самоваръ еще не былъ убранъ и всѣ сидѣли за чайнымъ столомъ. Варвара Сергѣевна, въ легкомъ голубомъ капотѣ съ «греческими» разрывными рукавами, сидѣла за самоваромъ. Около нея, сбоку сидѣла Таля, недавно пріѣхавшая изъ института. Лидочка вертѣлась тутъ-же.

Петръ Николаевичъ сидѣлъ на другомъ

концѣ стола и пилъ чай съ блюдечка; онъ не любилъ горячаго чаю и всегда пилъ его съ блюдца. На немъ была надѣта лѣтняя блуза; поясъ былъ разстегнутъ и висѣлъ сзади на пуговицѣ. Въ деревнѣ Петръ Николаевичъ не признавалъ стѣсненій и никогда не носилъ крахмальныхъ сорочекъ.

Алексѣй Кошелевъ, въ красной рубашѣ и жилетѣ поверхъ ея, поднялся по лѣстницѣ изъ сада на террасу и подошелъ къ Петру Николаевичу.

— Что тебѣ, Алексѣй?—спросилъ его Петръ Николаевичъ.

Алексѣй степенно погладилъ свою бороду съ просѣдью.

— Да вотъ, Петръ Николаевичъ, я о чемъ хочу вамъ поговорить. Плотина-то у насъ теперь безпрѣмѣнно стать должна.

— Это почему?

— Яковъ захворалъ. Илья говорилъ:—не хорошо.

— Что-же съ нимъ?

— Кто его знаетъ. Я сейчасъ забѣгалъ къ нему—такъ пластомъ и лежить.

Плотину на прудѣ Петръ Николаевичъ затѣялъ повую. Ее подрядились всю ему устроить два товарища:—Яковъ Зудинъ и Илья Шабановъ.

Богъ знаетъ, что соединило этихъ двухъ, совершенно разнокалиберныхъ людей, что свело ихъ, но работали они вмѣстѣ всегда. Общаго въ нихъ было мало.

Яковъ Зудинъ былъ мужикъ здоровый и сильный, высокаго роста и грудь у него была богатырская. На селѣ онъ считался первымъ работникомъ и соперника ему по силѣ не было. Онъ въ день могъ сработать столько, сколько другой и въ недѣлю не подѣлаетъ. Честности онъ былъ безукоризненной. Изъ себя былъ видный и красивый. Липо у него, какъ у большинства сильныхъ людей, было доброе и хорошее. Голубые глаза смотрѣли ласково. Свѣтло-русая борода широкая и длинная. Говорилъ онъ всегда прямо и часто, наивно и нескладно. Илья Шабановъ, напротивъ, роста былъ маленькаго, силы не особенно большой. Маленькая бородка и волосы у него вились, глаза бѣгали по сторонамъ. Относительно честности были сомнѣнія. Говорилъ онъ обдуманно и всегда наровилъ говорить въ рѣму. Когда они работали, дѣло у нихъ шло ровно и хорошо и на первый взглядъ даже и разницы въ ихъ работѣ не замѣчалось. Но приглядѣвшись можно было замѣтить, что въ то время когда Илья свозилъ одну тачку земли, Яковъ свозилъ ихъ три, когда Илья вырывалъ канаву въ одинъ аршинъ, Яковъ успѣвалъ уже вырыть ее на три. Но и не эта одна только разница была въ ихъ работѣ. Яковъ всегда работалъ молча, сосредоточенно, изрѣдка только останавливаясь затануться цигаркой; Илья же, хотя и останавливался тоже рѣдко, но зато почти все время балагурилъ и посмѣивался.

Если бы они оба не были мужиками, а родились бы въ другомъ слоѣ общества, то изъ Якова навѣрно вышелъ бы не особенно далекий, но очень работающій труженикъ, все равно, какой специальности. Илья же обязательно былъ бы литераторомъ-поэтомъ и остроумнымъ человѣкомъ.

— Простудился, должно быть,—сдѣлалъ Петръ Николаевичъ предположеніе.

— Такъ надо полагать, не иначе,—согласился и Алексѣй.

— Гдѣ же это онъ могъ бы?

— И не знаю—ума не приложу... Мужикъ, кажись-бы, здоровый, прочный.

Тая, прислушивавшаяся къ разговору, встала:

— А помнишь, папа, когда мы только что прѣехали, онъ на плотинѣ работалъ, въ какой-то канавѣ, а самъ по поясъ въ водѣ стоялъ.

— Да, да. И тогда такъ холодно было и дожди шли, сырой былъ вечеръ,—сказала и Варвара Сергѣевна.

— Это онъ тогда каузь, кажется, выпивалъ?—спросилъ Алексѣя Петръ Николаевичъ.

— Такъ, такъ. Вѣрно, Петръ Николаевичъ, каузь... Только вѣдь онъ не эдакій-же мужикъ, чтобы отъ такого пустяка простудиться...

Къ лѣстницѣ подошелъ Ильа. Петръ Николаевичъ его увидѣлъ и всталъ.

— Здорово, Ильа.

— Здравствуйте, Петръ Николаевичъ.

Онъ снялъ фуражку.

— Что скажешь? Яковъ захворалъ?

— Захворалъ. Завтра хочу новаго товарища присогласить...

— А, можетъ, и Яковъ выйдетъ? Полегчаетъ если ему?

— Нѣтъ... Яковъ теперь не работникъ на долго. Я вотъ отъ него къ барынѣ. Просить, нѣтъ-ли лекарства.

Подошла къ лѣстницѣ и Варвара Сергѣевна и вмѣстѣ съ ней Лидочка. Тая остановилась у колодца. Ильа и имъ низко поклонился.

— Ты, Ильа, отъ него сейчасъ?—спросила Варвара Сергѣевна.

— Отъ него, лекарства больно просить. Сходи, говорить, къ барынѣ попроси, можетъ дать чего...

Варвара Сергѣевна въ деревнѣ всегда лечила; къ ней приходили и изъ окружающихъ деревень. На селѣ былъ фельдшеръ, но у него никогда не было лекарствъ; да ему и плохо вѣрили.

— Да что же у него, лихорадка?—спросила она опять Илью.

— Лежитъ. Вотъ ужъ второй день не встаетъ и горитъ весь. Нутро, говоритъ, горитъ.

— Что же, хины ему дать,—обратилась Варвара Сергѣевна къ Петру Николаевичу. Или нѣтъ, я лучше сама пройду къ нему. Ты, Ильа, погоди минутку, я съ тобой и пройду. И она ушла, переодеваться.

Когда она вышла опять на террасу въ черной юбкѣ и бѣлой подпоясанной ремнемъ кофточкѣ, съ кружевной косынкой на головѣ и кожанымъ саквояжемъ въ рукахъ, Петръ Николаевичъ улыбнулся и сказалъ:

— Совсѣмъ женщина-врачъ!..

Вмѣстѣ съ Ильей она вышла со двора.

— Гдѣ же это онъ простудился?—спрашивала Варвара Сергѣевна Илью.

— На работѣ, такъ надо полагать,—отвѣчалъ онъ...—Весна-то была холодная, сырая... А мы все по сырости работали-то... Вотъ и у меня нѣтъ-нѣтъ да по-немногу и заломитъ ногу (онъ съ господами рѣдко въ риему говорилъ и старался ея даже избѣгать),—тоже отъ сырости, должно быть...

Они помолчали.

— А то вотъ тоже осенью работали мы на мельницѣ. Шли домой, да рѣчку-то въ бродъ и вздумали переходить. Вода-то холодная, глыбо—мнѣ по поясъ было, ну и снѣгъ тоже шелъ.

— Ну?

— Ничего, перешли. Только вотъ послѣ того онъ всю зиму все забъ да забъ, и вино пилъ, согрѣться чтобы, да нѣтъ, все забъ.

— Ну, онъ, значить, тогда еще простудился...

— Да вѣдь онъ такъ-то здоровъ былъ...

До села дошли скоро. Пужно было пройти только крестьянскія гумна. Изба Якова была пятая съ начала порядка. Двумя подслѣповатыми окнами смотрѣла она на площадь. Напосокотъ, посреди площади было видно изъ окопъ церковь, прямо, на другой сторонѣ площади полусгнившій навѣсъ съ бочкой и пожарнымъ насосомъ.

Подошли къ избѣ. Пужно было проходить въ калитку въ плетѣ. Варвара Сергѣевна нагнулась и прошла. На нихъ было кинулась жестая и поджарая собака, но Ильа на нее замахнулся.

— Ну, дохлая! Лаешъ—господь не знаешь!

На лай собаки на крылечко съ покосившейся ступенькой вышла баба, босая, въ розовой юбкѣ и растворила дверь. Это была жена Якова, Акулина. Сзади нея, за юбку держался мальчишка лѣтъ шести, тоже босой, въ епией неподпоясанной рубашенкѣ. Онъ съ любопытствомъ выглядывалъ изъ-за матери на Варвару Сергѣевну.

— Здравствуй, Акулина, ну что твой Яковъ, гдѣ онъ у тебя?—спрашивала Варвара Сергѣевна, входя въ избу.

Въ избѣ было душно и темно; жестяная лампа съ половинкой стекла коптѣла, окошки были закрыты.

Изба крошечная. Налѣво, у печки лежалъ на скамьѣ Яковъ. Направо, въ углу, сидѣла и прjala старшая дочь его, лѣтъ четырнадцать на видъ дѣвочка. Она была такая же блондинка, какъ отецъ, и глаза у нея были тоже голубые. При входѣ Варвары Сергѣевны она встала и поклонилась.

Вмѣстѣ съ Акулиной Варвара Сергѣевна подошла къ Якову.

— Здравствуй, Яковъ!

Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, но при словахъ Варвары Сергѣевны открылъ ихъ.

— Здравствуйте, барыня... Спасибо, что пришли.

— Ну, что, какъ ты?

— Плохо, чего ужъ тамъ. Все нутро у меня горитъ, во рту жжетъ и грудь завалило, дышать не могу.

— Ну, это еще ничего. Простудился. Вотъ полежишь, отдохнешь, Богъ дастъ и поправишься.

— Надо бы поправиться. Но только никто какъ Богъ...

Варвара Сергѣевна взяла его руку, попробовала голову. Считать пульсъ она не умѣла, но все же ясно было, что онъ очень ускоренъ. Жаръ былъ сильный.

Она вынула изъ саквояжа термометръ.

— Это чего такое? удивился онъ.

Долго Варвара Сергѣевна уговаривала его положить термометръ подъ руку. Онъ все боялся его раздавить.

— Больно я дюжъ...

Варвара Сергѣевна сѣла около него. Окошки она велѣла отворить—вечеръ былъ тихій и теплый.

— Ужъ и не знаю, что теперь будетъ, заговорилъ Яковъ.—Дюже мнѣ тяжело. Плотина то не додѣлана. Вы ужъ у барина то попросите, може простить? Какъ встану, первымъ дѣломъ...

— Что ты, конечно, ничего. Плотина пождетъ.

— Я и то не хотѣлъ... Ильа говоритъ: ты бы молъ Яковъ пошелъ домой... А я не хочу. Ну одначе паутро и не могъ. Нѣтъ тебѣ силы да и шабашъ. Хочу встать, а не могу. Ну день пролежалъ, думалъ лучше будетъ, а въ еще того хуже.

— Ты не очень говори, тебѣ говорить вредно,—остановила его Варвара Сергѣевна.

Онъ послушно замолчалъ и сталъ смотрѣть на Мишку, все еще прятаннаго за юбку матери.

— Вотъ, коли помру, онъ работникъ матери будетъ... Только долго ждать то... Вотъ кабы онъ первый то былъ, замѣсто Арника, теперь ей шестнадцатый годъ пошелъ, а какой отъ нея толкъ, отъ дѣвки то?..

Варвара Сергѣевна опять велѣла ему замолчать. Онъ опять замолкъ.

Когда она вынула термометръ, ртуть показывала на немъ 40 съ десятиыми.

Хины она ему при такомъ жарѣ не дала. Сдѣлала только горчичники. И горчица и газетная бумага были у нея въ саквояжѣ.

Уже ночь наступила и луна поднялась высоко, когда Варвара Сергѣевна пошла домой. Ее провожала Акулина. Выходя со двора она заплакала и вытирая кончикомъ платка, которымъ повязалась, глаза, спросила:

— Что же, барыня,—помретъ онъ?

И не дожидаясь отвѣта сама добавила:

— Должно помретъ, никогда вѣдь онъ не хворалъ... На кого мы тогда останемся только...

— А ты не загадывай,—отвѣтила ей Варвара Сергѣевна.—Можетъ быть, и поправится еще. Ты вотъ смотри за нимъ только получше. Сейчасъ я тебѣ дамъ чаю, сахару; ты его горячимъ и напоишь.

Дома, еще не раздѣваясь, она сама дала ей и чаю, и сахару, и калача... Петръ Николаевичъ все-таки заставилъ ее переодеваться. Можетъ быть у Якова что нибудь и заразное.

— И вообще я тебя не понимаю,—сказала онъ, когда Варвара Сергѣевна опять уже въ давишемъ голубомъ капотѣ вышла на террасу,—идти самой къ больному, можетъ быть, тифомъ. Вѣдь ты такъ когда-нибудь и сама заразишься и дѣтей перезаразишь.

— Но у него еще, можетъ быть, и не тифъ, возразила Варвара Сергѣевна.

— Можетъ быть—это еще не достаточный аргументъ въ твою пользу. Можетъ быть и простая лихорадка, а можетъ быть и тифъ... И точно ты не могла послать къ нему предварительно фельдшера!..

— Представь себѣ, фельдшера нѣтъ и онъ вернется не раньше какъ черезъ два дня...

Петръ Николаевичъ промолчалъ и началъ ходить по террасѣ взадъ и впередъ.

— А вѣдь завтра, пожалуй, дождь будетъ, произнесъ онъ, остановившись и взглянувъ на небо, по которому черными пятнами неслись облака.

Но ни Варвара Сергѣевна, ни Тая — ни правахъ старшей еще не спавшая — ничего ему не отвѣтили.

Тая сидѣла и думала:

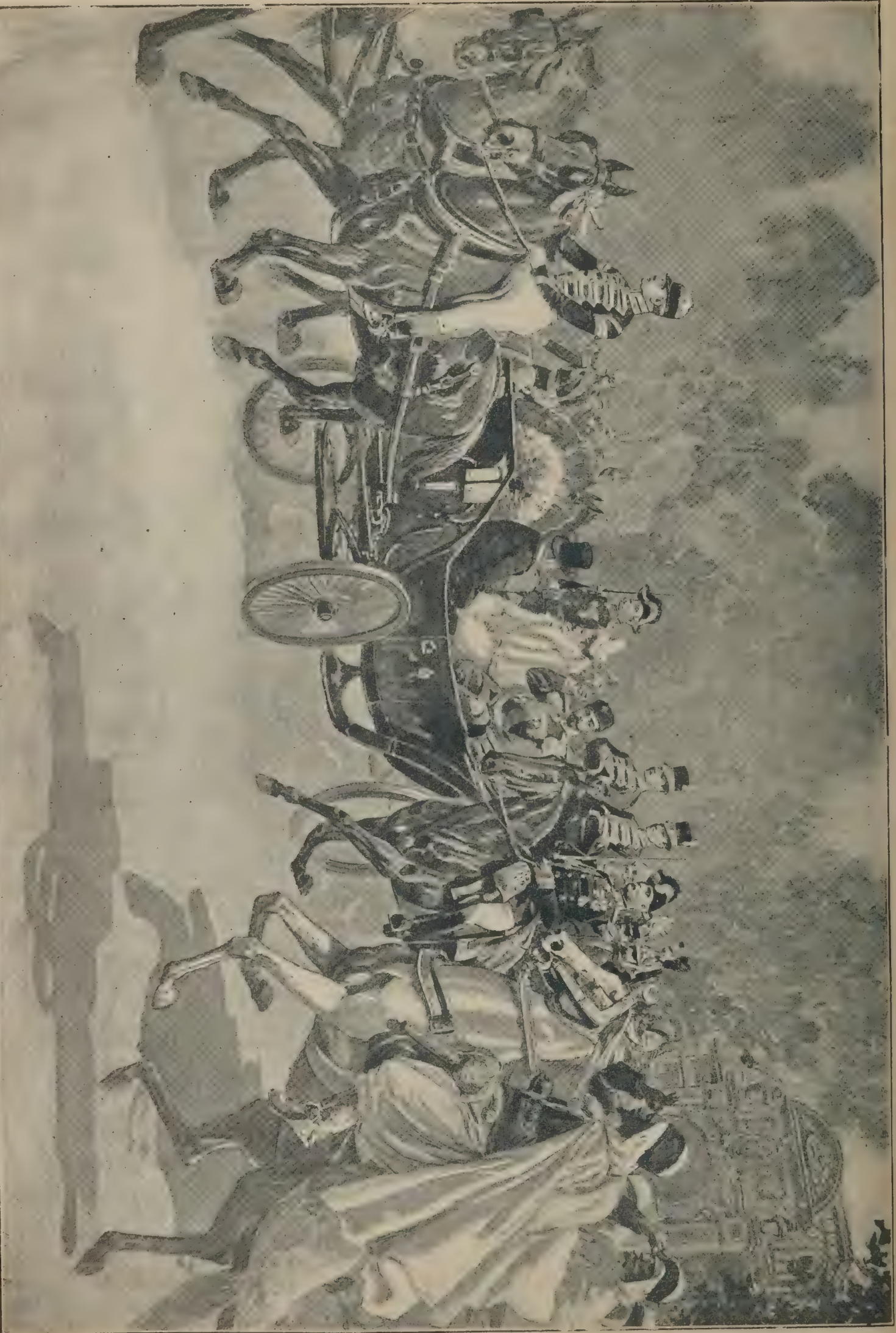
— Я бы тоже сдѣлала такъ, какъ мама...

Варвара Сергѣевна обыкновенно вставала поздно, часовъ въ десять—одиннадцать. Но на другой день она встала раньше. И сейчасъ же пошла на деревню. Сопровождала ее горничная Степа.

У воротъ имъ попался Мишка и, завидѣвъ барыню кинулся въ калитку. Варвара Сергѣевна принесла съ собой еще чаю и калача. И то, и другое она положила на столъ, въ углу.

У Якова была испарина. Вчерашніе горчичники и чай вызвали ее. Волосы у него на лбу слиплись.

— Ну что, легче тебѣ, Яковъ?—спросила Варвара Сергѣевна.

ПРИБЫТІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЪЗВЪЩЕНІЕ въ ПАРИЖЬ (24 СЕНТЯБРЯ 1896 Г.). СЪ РИСУНКА ХУДОЖНИКА М. БОМБЛА.

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ ПАРИЖѢ НА ЗАКЛАДНѢ МОСТА ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ІІІ.

— Малость полегче... Отъ груди какъ будто отвалило.

Жаръ дѣйствительно былъ легче. И термометръ сталъ ниже.

— Пилъ чай вчера? спросила Варвара Сергѣевна у Акулины.

— Выпилъ, три чашки выпилъ.

— За чай больно спасибо, барыня, вамъ,— сказалъ и Яковъ.—Мнѣ отъ него, пожалуй, и легче стало... Вѣдь почитай годъ я имъ не баловался...

— Чего ужъ тамъ чай,— вставила Акулина,— всю зиму окромя хлѣбушки сухого ничего не ѣли. Ни шей, ни каши... Лошадь была—сдохла, корова была—тоже сдохла... Молочка нѣтъ...

И она опять по вчерашнему начала тереть глаза платкомъ, но замѣтивъ, что Мишка потянулся къ столу за калачемъ, крикнула:

— Ахъ, ты, не знаешь, что ли, что для тятки припасли... Съѣшь и черный!

Мишка, недовольный, затеръ глаза обѣими руками.

— Я, мамка, ѣсть хочу...

Варвара Сергѣевна отломала и дала ему калача. Онъ сейчасъ же пересталъ тереть глаза и довольный усѣлся на лавку противъ печки и, болтая босыми ногами, принялся уплетать калачъ за обѣ щеки.

При себѣ Варвара Сергѣевна напоила Якова еще чаемъ. Онъ пилъ его съ жадностью совсѣмъ горячій.

— Да ты обожжешься,—говорила Варвара Сергѣевна.

— Не замай, ничего, горячѣе—лучше...

Послѣ чаю испарина еще усилилась. Крупными каплями выступила она на лбу.

Глаза у него какъ будто посвѣтлѣли. Привѣтливо глядѣли они на Мишку, все еще жевавшаго калачъ.

Всѣ молчали. Въ избѣ было тихо.

— Тятка!—вдругъ произнесъ Мишка съ философскимъ видомъ.

— Чего?

— А вѣдь я тебя зарюю...

Яковъ улыбнулся.

— Куда жъ это ты меня зароешь?

— Куда! Вѣстимо, въ яму зарюю...

— Ахъ ты, родимый, за что же это ты будешь меня зарывать то, ну подь ко мнѣ...

Мишка уже освоившійся съ барыней, подошелъ бокомъ къ скамейкѣ. Яковъ погладилъ его по бѣлымъ какъ ленъ волосамъ своей большой рукой и сказалъ Варварѣ Сергѣевнѣ:

— Вотъ онъ, барыня, работникъ то... Все понимаетъ... Эхъ, кабы онъ у меня большакомъ то былъ...

И онъ вздохнулъ тяжело, всей грудью.

Въ тотъ же день Петръ Николаевичъ долженъ былъ ѣхать въ городъ. На станціи онъ столкнулся съ фельдшеромъ, пріѣхавшимъ какъ разъ съ тѣмъ поѣздомъ, съ которымъ Петръ Николаевичъ долженъ былъ уѣхать.

Фельдшеръ былъ еще молодой человѣкъ, съ маленькой круглой бородкой, въ черной поддевкѣ и смазныхъ сапогахъ. Столкнувшись съ Петромъ Николаевичемъ, онъ снялъ фуражку.

— А, мое почтеніе, вотъ кстати,—отвѣтилъ ему Петръ Николаевичъ но руки ему, конечно, не подаль,—тамъ, у насъ больной есть, Зудинъ Яковъ, зайдите пожалуйста, посмотрите его и скажите тамъ Варварѣ Сергѣевнѣ, что съ нимъ; пожалуйста...

— Хорошо-съ—отвѣтилъ фельдшеръ,—сегодня же зайду, непременно...

— Пожалуйста?

Къ вечеру-же Варварѣ Сергѣевнѣ Стеша доложила, что пришелъ фельдшеръ. Она къ нему вышла въ переднюю. Онъ поклонился.

— Здравствуйте. Вы ужъ пріѣхали? А мнѣ говорили, что вы только завтра вернетесь.

— Пріѣхалъ-съ. Докторъ раньше отпустилъ. Да в никакъ невозможно. Больныхъ-съ много: цинга, тифы...

— Вотъ у насъ Яковъ заболѣлъ.

— Знаю-съ. Я Петра Николаевича на станціи видѣлъ, они мнѣ приказывали его осмотрѣть.

— Ну и что-же вы у него нашли? Я была у него уже два раза.

— Въ родѣ какъ на тифъ похоже.

— Неужели тифъ?

— Очень просто. Пища, сами знаете, какая у нихъ. Хлѣбъ да хлѣбъ... Долго ли до тифа.

— Что же вы ему думаете давать?

— Да окромя, значить, хорошаго питанія, ему ничего не требуется... Если тифъ...

— А, можетъ быть, еще и лихорадка?

— Да, въ сильной степени ежели, тутъ нужно хину давать...

— А это очень заразно, тифъ?

— Очень просто можно заразиться. Дезинфекцію вамъ нужно бы произвести, ну тогда ничего...

Петръ Николаевичъ пріѣхалъ черезъ два дня. Со станціи ему нужно было проѣзжать мимо избы Якова. Дорогой онъ спросилъ у кучера, ѣхавшаго съ нимъ:

— Что, не слышалъ, какъ Яковъ?

— Плохъ все, сказываютъ.

— Барыня у него не была больше?

— Никакъ нѣтъ, не былъ. Супу ему каждый день посылаютъ. А сами не были.

Около избы Якова Петръ Николаевичъ велѣлъ остановиться и вошелъ въ калитку.

Акулина, простоволосая и босая, его встрѣтила.

— Ну, что Яковъ?—спросилъ онъ.

— Плохъ, Петръ Николаевичъ, плохъ.

Отворивъ дверь, Петръ Николаевичъ просунулъ голову въ избу и окликнулъ Якова.

— Здравствуй, Яковъ! Ну, что, какъ ты? Легче?

Яковъ тихо отвѣтилъ, не поднимая головы и смотря на него однимъ глазомъ:

— Плохо, Петръ Николаевичъ... Тяжко... Въ избу тотъ все-таки не вошелъ.

— Я тебѣ сейчасъ еще лекарства пришлю, сказалъ онъ съ порога и опять обратился къ Акулинѣ:

— Вотъ докторъ велѣлъ ему молоко пить, съ коньякомъ, ты приходи, у насъ бери...

Дома Варварѣ Сергѣевнѣ встрѣтила его фразой:

— А у Якова вѣдь тифъ.

— Что ты? А я сейчасъ къ нему заходилъ.

И онъ немедленно же отправился переодѣваться. Переодѣваясь, онъ сообщилъ Варварѣ Сергѣевнѣ, что въ городъ онъ видѣлся съ докторомъ и онъ велѣлъ Якову давать коньякъ, молоко и кормить его лучше.

— Я все-таки думаю, что при его могучей натурѣ онъ выдержитъ...

Варвара Сергѣевна сейчасъ же отлила коньяку въ пузырекъ и отослала его со Стешей.

Петръ Николаевичъ ее напутствовалъ:

— Смотри, скажи ей, бабѣ, чтобы понемножку давала, не сразу... Да въ избу не входи...

— Она черезъ окошко передать,—сказала Варвара Сергѣевна.

Вмѣстѣ съ коньякомъ отослали и супу. Вернувшись Стеша сообщила, что супу Яковъ

не ѣлъ—аппетита совсѣмъ нѣтъ, а коньякъ выпилъ съ удовольствіемъ и благодарить.

— Вотъ это его лекарство,—замѣтилъ Петръ Николаевичъ,—настоящее...

Прошло еще два дня.

Варвара Сергѣевна не вытерпѣла и зашла къ Якову.

День былъ жаркій, солнечный.

Она остановилась къ дверяхъ. Въ избѣ никого не было. Яковъ одинъ лежалъ на своей скамѣ. Рука у него, мускулистая и сильная, упала со скамьи и касалась пола. Глаза были закрыты, губы ввалились.

Въ первую минуту Варварѣ Сергѣевнѣ показалось, что онъ умеръ. Но онъ почувствовалъ, что кто-то вошелъ, и, не открывая глазъ, произнесъ чуть слышно:

— Пить...

Она оглянулась вокругъ. Воды не было нигдѣ. Тогда она вышла и на улицѣ остановилась проходившаго мимо старика. Это былъ сосѣдъ Якова, Фроль Михѣичъ, маленькій мужиченко. Онъ снялъ шапку и подошелъ. Варвара Сергѣевна объяснила ему, въ чемъ дѣло. Онъ положилъ на землю кося и, взявъ съ подоконника чашку, зачерпнулъ воды въ бочкѣ у своего двора.

— Спасибо,—прошептала Яковъ уже совсѣмъ тихо.

— Эхъ, какъ мается, сердешный, хоть-бы померъ, что ли...—вздыхнулъ Фроль Михѣичъ, поднимая кося и взваливая ее на плечо.

— Да куда же онъ ушелъ обѣ—и Акулина, и дочь?—спросила его Варвара Сергѣевна.

— На работу—долгъ зарабатывать. Потребовали ихъ вечеръ—онѣ и пошли.

— Какъ же онѣ его-то одного оставили! Вѣдь такъ онъ и умереть можетъ...

— Вѣрно, умереть эдакъ,—согласился Фроль Михѣичъ и добавилъ:

— Ну, иначе, прощайте, барыня. Онъ надѣлъ шапку и пошелъ.

А Варвара Сергѣевна шла домой, злая и возмущенная. И когда Акулина пришла вечеромъ за молокомъ, она ее разбранила.

— Что же, барыня, мы люди подневольные, ослушаться намъ нельзя, долгъ отдать надо же,—оправдывалась Акулина и въ голосѣ ея слышались грустные нотки.

Варварѣ Сергѣевнѣ давно уже нужно было поѣхать въ городъ: провизія вся вышла, портиха писала, что новое платье давно уже къ примѣркѣ готово, и подходило рожденіе Лидочки—ей нужно было что-нибудь выбрать въ подарокъ.

На поворотѣ у гумень тройка, на которой ѣхала Варвара Сергѣевна на станцію, обогнала Акулину, несшую горшокъ съ супомъ. Петръ Николаевичъ, провожавшій Варвару Сергѣевну съ Талей и Лидочкой на станцію, остановилъ лошадей.

— Какъ теперь Яковъ?

Акулина подошла къ тарантасу.

— Плохо, все плохо. Молчитъ все, безъ памяти...

— Фельдшеръ былъ?

— Заходилъ два раза, да уѣхалъ теперь опять.

— Ты супъ несешь?

— Супъ.

— Аппетитъ у него есть? Ѣсть онъ?

— Нѣтъ, почитай, что и не ѣсть.

— Ты ему молока давай больше, слышишь?

— Слышу...

Петръ Николаевичъ вздохнулъ.

— Ну, пошелъ...

И когда кучеръ опять тронулъ лошадей, добавивъ:

— Теперь все отъ организма зависитъ. Хотя, съ другой стороны, сильныя натуры и не всегда борются съ тифомъ успѣшнѣе слабыхъ.

Тая же, въ первый разъ видѣвшая близко Акулину, думала:

— Какое у нея испуганное лицо. Точно она боится, что ее кто-нибудь ударить...

Утромъ приказчикъ Алексѣй сообщилъ Петру Николаевичу, что Якову малость полегчало.

— Самъ всталъ съ лавки и на полъ легъ...

— Ну, и слава Богу. Рано ему еще умирать,—отвѣтилъ Петръ Николаевичъ, искренно довольный.

Но около двѣнадцати часовъ, когда они—Петръ Николаевичъ и Алексѣй—мирно бесѣдовали подъ ветлами и соображали, сколько сажень желобовъ пойдетъ отъ пруда къ огороду, къ ветламъ приближала Тая.

— Папа, папа...—кричала она еще издали и въ голосъ ея дрожали слезы. — Яковъ умеръ!

— Что?—не слышалъ Петръ Николаевичъ.

— Яковъ умеръ! Акулина пришла...

— Неужели? Вотъ беда...

А Алексѣй развелъ руками и перекрестился.

— Господи помилуй! Яковъ померъ. Вотъ поди-жъ ты, какой мужикъ былъ, а тоже... умеръ! Ахъ, ты грѣхъ.

— Вотъ несчастье-то,—повторялъ въ полголоса Петръ Николаевичъ, быстро идя къ дому.

На дворѣ къ нему кинулась Акулина и, упавъ въ ноги, заголосила.

— Померъ онъ, Петръ Николаевичъ, померъ... Что мы теперь дѣлать станемъ... Какъ намъ безъ него жить-то!

И когда Петръ Николаевичъ приказалъ ей встать, все еще продолжала всхлипывать.

Алексѣй тронулъ ее за плечо.

— Постой-ка, Акулина, вотъ что...

Онъ вынулъ изъ кармана кошелекъ, досталъ изъ него рублевую бумажку и отдалъ ее Акулинѣ.

— На вотъ. Я ему долженъ былъ. Заработалъ онъ.

— Когда же онъ умеръ?—спросилъ Петръ Николаевичъ.

— Сейчасъ только, вотъ сейчасъ... Такъ и глазъ не открывалъ...

— Да вѣдь ему легче было утромъ?

— Нѣтъ, не было, все въ одномъ положеніи... Померъ!...

— И не говорилъ ничего?

— Хотъ бы слово сказала! Хотъ бы наказалъ, что намъ безъ него дѣлать! Ничего не сказала, ничему не научилъ!... Какъ мы теперь безъ него проживемъ... Головушка моя горькая!...

— Ты не плачь,—опять вставилъ Алексѣй.—Баринъ тебя не оставитъ. Проживешь, Богъ поможетъ. Мы не оставимъ.

— Не оставьте, Петръ Николаевичъ! Ничего у меня вѣдь нѣтъ, ничего не оставилъ онъ. Петръ Николаевичъ развелъ руками.

— Вотъ жалко-то мнѣ этого Якова! Ахъ, бѣдный!...

— Еще бы не жалко. Онъ ли ужъ не мужикъ былъ!—вздыхнулъ и Алексѣй.

— Сколько же тебѣ нужно теперь, на похороны?

Акулина молчала.

— Да рубли три вы ей дайте,—сказалъ Алексѣй.—Почу надо заплатить, тесу на гробъ купить, туда-сюда, на поминки. Три рубли дать надо. Почъ меньше двухъ хоронить не станеть.

— Неужели? Ну, а если у нея нѣтъ?

— Право слово. Карманы обшарить...

Къ вечеру Илья Шабановъ рылъ на кладбищѣ новую могилу. Рылъ онъ спѣшно и землю откидывалъ сильно.

— А вѣдь малость кривовато вышло, Илья,—замѣтилъ Фроль Михѣичъ, пришедшій тоже на кладбище, когда Илья кончилъ.

— Кривовато-то кривовато, да мы не виноваты: не споро да зато скоро,—отвѣтилъ Илья, тряхнувъ кудрями.

— Вѣстимо спѣшилъ,—согласился Фроль и оба они молча смотрѣли на яму, въ которую на завтра долженъ былъ лечь Яковъ. Потомъ Илья надѣлъ фуражку, закурилъ цыгарку и положилъ на плечо заступъ.

Когда они шли домой, на селѣ какой-то парнишка запрягалъ у своихъ воротъ лошадей въ бочку и не могъ справиться съ дугой. Илья ему помогъ, и когда онъ, устѣвшись верхомъ на лошади, тронулся, крикнулъ ему въ догонку:

— И не подумаетъ другой, что возился ты съ дугой! У меня и дочка запрягаетъ бочку... Фроль Михѣичъ покачалъ головой.

— И какъ это ты, Илья, складно говоришь! А Илья ему отвѣтилъ:

— Эхъ, дядя Фроль! Поневоля будешь говорить, коли нечего варить...

Они подходили уже къ избѣ Якова. У воротъ толпились бабы. Въ окна видѣлась могучая фигура Якова, положеннаго въ углу, на скамьѣ, подъ образами...

На другой день Якова похоронили.

Кладбище какъ разъ было противъ террасы,—на горѣ черезъ ложину,—и съ нея было видно, какъ пестрая толпа бабъ и мужиковъ провожала Якова до могилы.

Впереди шелъ священникъ. Онъ все-таки взялъ съ Акулины два рубля. Съ церковной колокольни мѣрно и грустно несли похоронный перезвонъ и далеко разносился надъ селомъ надъ усадьбой, надъ неоконченной плотинкой...

П. Слѣпцовъ

НАШИ СОВРЕМЕННИКИ.

(Очеркъ).

◆◆◆

I.

Биржевой дѣлецъ.

ЗНАЕТЕ, изъ кого скоро поголовно будутъ состоять Петербургъ?

Изъ биржевыхъ дѣльцовъ и спортсменовъ.

Тѣ и другіе принадлежатъ къ недавней, новѣйшей, такъ сказать, формации, но расплодился они и размножились съ быстротою растеній спорадическихъ.

Простите за вульгарность выраженія, но теперь куда имъ плюнь—непремѣнно попадешь или на биржевика, или на спортсмена. Герондизмъ, такъ сказать.

И, съ вашего позволенія, поговоримъ объ этихъ двухъ специальностяхъ,—самыхъ модныхъ и общераспространенныхъ среди специальностей fin de siècle'я.

Еще недавно мы биржевымъ народомъ отнюдь не были. Не было у насъ ни Биржевого моста, ни Биржевого сквера, ни биржевика. То-есть, онъ былъ, конечно, но въ количествѣ самомъ ограниченномъ и для невооруженнаго глаза незамѣтнымъ. Биржевикъ—это былъ синонимъ банкира, директора банка, чьего-нибудь въ этомъ родѣ. Вообще биржа

для публики была полнѣйшая terra incognita—что тамъ дѣлается, какъ—этого мы совершенно не знали, да и не интересовались особенно. Какое намъ дѣло?

Но вдругъ все это рѣзко и кореннымъ образомъ измѣнилось. Повторилось что-то вроде анекдота о Магометѣ и горѣ. Гора не шла къ Магомету,—Магометъ пошелъ къ горѣ.

Такъ и здѣсь. Публика не шла къ биржѣ, биржа пошла въ публику.

Такъ или иначе, но въ теченіе самаго короткаго времени мы изъ невѣнчившихъ младенцевъ, превратились въ отчаяннѣйшихъ игроковъ, заучили всяческіе термины, познакомились съ акціями, увидели биржескія, путиловскія, сормовскія, даже конно-желѣзныя.

Играли всѣ—старцы и юности, жены и дочери, вдовы и сироты, богатые и бѣдные, умные и глупые. Глупые даже въ особенностяхъ.

На улицѣ вдругъ появился «биржевикъ».

И, Боже мой, откуда онъ только не брался. Какъ въ Астрахани, полная смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній. Тутъ были и военные, и статскіе, и нѣмцы, доктора, трагики и комики, тенора и баритоны, поэты и журналисты. Даже дамы,—да простить имъ Богъ,—ухитрились иногда пріобрѣтать репутацию болѣе или менѣе ловкихъ биржевыхъ «faiseur'» овъ.

Биржа стала популярна какъ винтъ, а акція—она спилась даже младенцамъ.

На улицахъ, при встрѣчахъ со знакомыми, не спрашивали:

— Какъ ваше здоровье?

А прямо освѣдомлялись:

— Покупаете?

— Покупаю.

— Путиловскія?

— Путиловскія...

Выигрывали, проигрывали, въ концѣ концовъ возбудили даже правительственное вниманіе,—появились охлаждающіе циркуляры, которые равно никого не охладили.

Да и какъ охладить, если по городу, варьирывая на тысячу ладовъ, уже ходили легенды о вновь испеченныхъ миллионерахъ, о разныхъ Иванъ Ивановичахъ и Петръ Петровичахъ, которые еще вчера нуждались въ красненькой, а сегодня ѣздить завтракать къ Кюба и ѣздить не какъ-нибудь, а на собственныхъ «шорахъ».

Итальянскій теноръ, премьеръ михайловскихъ французовъ—отодвинулись на задній планъ. Ихъ смѣнилъ биржевикъ, «дѣлецъ».

И этотъ дѣлецъ—типъ прелюбопытный.

Строго говоря, это прямо перлъ созданія, произведеніе вполне художественное. Не путемъ практики, выучки и воспитанія онъ явился, а именно пріеущимъ всякой художественности процессомъ творенія, тѣмъ органическимъ процессомъ перехода изъ области возможнаго въ область бытія, о которомъ говорилъ Бѣлинскій. Какъ крикъ сельный, однимъ словомъ.

Онъ не философъ, не математикъ, не жрецъ свободныхъ профессій, онъ просто «дѣлецъ», и талантъ этотъ у него—прямо отъ Бога.

Вызванный къ жизни «акціонернымъ принципомъ», онъ сразу ныряетъ въ міръ акцій. Въ этой области онъ какъ рыба въ водѣ,—въ своей стихіи. Вся лѣтливостъ его ума, весь блескъ его таланта обращенъ къ этой акціи, и что онъ съ нею продѣлываетъ—о томъ всякое слово недостаточно краснорѣчиво.

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

ейснѣя поля. Съ рисунка художника Л. Тинэра.

Онъ играетъ съ ней, какъ японскій жонглеръ съ стекляннымъ шарикомъ,—вертитъ, подбрасываетъ, заставляетъ подыматься до потолка и опускаться къ полу, держаться на воздухѣ. Вся разница только въ томъ, что жонглеръ можетъ упражняться лишь съ ограниченнымъ числомъ шариковъ, а дѣлецъ—со сколь угодно неограниченнымъ числомъ акцій. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Любя всѣ акціи вообще, онъ, однако, всѣмъ прочимъ предпочитаетъ «свою» акцію, а потому онъ вѣчно занятъ мыслью объ устройствѣ «чего нибудь на акціяхъ».

И для него это вовсе не трудно.

Между обѣдомъ и ужиномъ, съ десятию рублями въ карманѣ, онъ не постѣсняется предпринять что-нибудь осушить или обводнить, срыть или постронть, импортировать или экспортировать, а не то такъ обосновать «неприкладное» акціонерное дѣло на страховомъ или кредитномъ фундаментѣ.

И вы думаете, что его смущаютъ десять цѣлковыхъ? Ничуть,—все дѣло въ идеѣ. Была бы идея, а дальше будутъ,—«капиталы», какъ говорится на дѣловомъ жаргонѣ.

И дѣйствительно,—капиталъ всегда находится, и дѣлецъ, окрыленный идеей, выплываетъ въ него сизымъ соколомъ, пускаетъ изъ него пухъ и перья, выбрасываетъ цѣлый фонтанъ акцій и....

И отрясаетъ прахъ отъ ногъ своихъ. Его манитъ уже слѣдующая идея...

По наружному виду эти дѣльцы—весьма симпатичный и внушительный народъ. Да имъ нельзя безъ внушительности,—въ ихъ профессіи внушительность это *conditio sine qua non*.

Костюмъ тоже безукоризненный,—не слишкомъ ужъ модный и непрестанно съ англійской складкой. Квартира въ центрахъ, помѣстительная и съ обстановкой, производящей впечатленіе. Имѣются экипажи,—непрестанно съ резиновыми шинами и замѣчательно благовоспитанными кучерами.

Въ смыслѣ нагрудныхъ и шейныхъ у дѣльцовъ въ большинствѣ случаевъ полная аналогія

съ газетными репортерами—масса знаковъ отличія и преимущественно иностранныхъ.

Кромѣ того всѣ дѣльцы вообще любятъ заниматься благотворительностью, состоятъ непрестанно, дѣйствительными и почетными членами сразу въ полудюжину обществъ, говорятъ рѣчи, жертвуютъ деньгами и «личнымъ трудомъ». Помимо душевной доброты,—какъ говорятъ злые языки,—здѣсь большую роль играетъ и соображеніе о «*position necessaire*».

И это очень похоже на правду. Труды и жертвы, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно очень щедро вознаграждаются, и почти каждый дѣлецъ состоитъ въ рангѣ «статскаго генерала».

Что касается обхожденія, то о немъ и говорить нечего. Всѣ дѣльцы удивительно ласковы, искательны и услужливы, хотя и не безъ сознанія собственнаго достоинства.

Это сознаніе помогаетъ ему быть «джентльменомъ». Онъ щедро, благороденъ по стилю и невозмутимъ. Единственное средство вывести его изъ себя—это заговорить съ нимъ о «мертвомъ капиталѣ».

«Мертваго капитала» онъ не выноситъ и хладнокровно о немъ слышать не можетъ. Владѣльца такого капитала онъ презираетъ, какъ «сабаку на снѣгѣ», которая и сама не ѣсть и другимъ не даетъ. При разговорѣ о мертвомъ капиталѣ, глаза у дѣльца мечутъ молніи, голосъ—громы, жесты порывисто угрожающіе.

Но во всемъ остальномъ онъ холоднѣе англичанина. Говоритъ баритономъ и фразы выпускаетъ какъ-то особенно мягко, вразумительно и вкусно; обѣды, завтраки, и ужины заказываетъ на память, игнорируя карту; вина пьетъ хорошія, въ должной температурѣ и притомъ—умѣренно.

Откровенно говоря, мы этихъ господъ не любимъ, дѣлаемъ видъ даже, что презираемъ, но въ сущности слегка имъ завидуемъ.

Называемъ ихъ гешефтмахерами, хищниками, биржевыми пиратами, но...

Но кто главный виновникъ ихъ существованія? Кто вызвалъ ихъ къ жизни, кто далъ имъ возможность и завтракать у Кюба, и въ шорахъ ѣздить, и въ высокой степени различать красоты мадеры и портвейна?

Мы-же сами. Вѣрнѣе, та часть изъ насъ, которая носитъ эффектное названіе «капиталистовъ».

Возьмите любой номеръ газеты и загляните на четвертую страницу, — предъ вашими глазами замелькаютъ десятки предложеній гг. капиталистовъ, желающихъ отдать ту или другую сумму «подъ умѣренные проценты».

А рядомъ спросъ: ищутся деньги «подъ вѣрное обезпеченіе» и «хорошіе проценты».

Чего, казалось-бы, лучше,—одни хотятъ дать деньги, другіе хотятъ ихъ взять. Но ужъ изъ того одного, что эти публикаціи стоятъ рядомъ и продолжаютъ появляться—видно, что спросъ и предложеніе въ данномъ случаѣ никакъ не могутъ столкнуться.

Капиталисты не даютъ денегъ.

Почему?

Потому, что «вѣрное обезпеченіе» не совсемъ вѣрно?

Вовсе нѣтъ. Единственно потому, что «хорошіе проценты» недостаточно хороши. Даютъ шесть, восемь, десять,—развѣ стоить изъ-за этого мараться?

Нашему капиталисту дай двадцать, тридцать—вотъ это онъ понимаетъ. И не думайте, что это какіе-нибудь вампиры или Шейлоки,—сохрани Богъ! Совсѣмъ даже напротивъ,—милѣйшіе и почтеннѣйшіе люди. Но у нихъ такая ужъ тенденція: ужъ если давать, такъ было-бы ради чего.

И вотъ вамъ разгадка народженія и процвѣтанія «дѣльцовъ».

Онъ, и только онъ одинъ, можетъ удовлетворить этой тенденціи и дать хоть рубль на рубль Правда, иногда онъ и безъ рубашки васъ оставитъ, но...

Но зачѣмъ-же отдавать рубашку?...

Д—вѣ.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

XI. Жемчужное ожерелье.

НА ДРУГОЕ утро принцъ верхомъ подъѣзжалъ къ Елисейскимъ Полямъ. Передъ выѣздомъ онъ написалъ письмо Ленѣ, которое сопровождавшій его лакей долженъ былъ завезти по дорогѣ. Освѣдомившись о здоровьи жены и дѣтей, онъ уѣхалъ. Подъѣзжая къ лѣсу, Робертъ сказалъ Джемсу, отдавая ему письмо:

— Отвезите это письмо госпожѣ Реджи, нуженъ отвѣтъ. Я буду ждать васъ въ «Мадригъ». Если госпожа Реджи захочетъ сама привезти отвѣтъ, вы проводите ее.—Въ лѣсу Робертъ встрѣтилъ Армана и проѣхался съ нимъ въ «Мадригъ», гдѣ, слѣшавшись, онъ рассказалъ ему сцену съ Леной и ея невозможное условіе.

— Я послалъ къ ней сейчасъ Джемса. Надеюсь, что она за ночь успокоилась и будетъ сегодня благоразумнѣе.

— Сомнѣваюсь, — сказалъ баронъ, качая головой.—Послѣднее время я часто находилъ твою возлюбленную нервною, раздраженною, безпокойною. Если я ничего не говорилъ тебѣ, то потому, что не хотѣлъ увеличивать твои денежные тревоги сердечными тревогами.

— Что ты хочешь сказать?

— Очень просто, Лена страшно ревнуетъ тебя къ твоей женѣ, которую она возненавидѣла, и ея глупая вчерашняя выходка насколько меня не удивляетъ. Я скорѣе буду удивленъ, когда она забудетъ. Признаюсь, я буду въ восторгѣ, если она станетъ настаивать на своихъ условіяхъ.

— Ты съ ума сошелъ, я обожаю Лену, и для нея я готовъ на всякую жертву.

— Вотъ почему я не первый разъ раскаиваюсь, что тогда досталъ тебѣ денегъ. Ты не сошелся бы съ Леной, а все равно женился бы на какомъ-нибудь американскомъ милліонѣ. Вся разница въ томъ, что у тебя теперь было бы ребенкомъ больше и не было бы влюбленной любовницы и милліона долговъ.

— Ты очень хорошо знаешь, что я женился на богатой только съ цѣлью не разлучаться съ Леной, и ничто не разлучитъ меня съ нею!

— Только она сама!.. Вотъ Джемсъ!

Джемсъ соскочилъ съ лошади и подалъ своему господину письмо, говоря:

— Госпожа Реджи въ восемь часовъ утра выѣхала изъ дому.

— Вы оставили мое письмо?

— Точно такъ, а швейцаръ передалъ мнѣ это, которое ему велѣно было отнести къ вамъ во дворецъ къ двѣнадцати часамъ.

— Хорошо. Поѣзжайте домой.

Принцъ тревожно распечаталъ письмо Лены и поблѣднѣлъ, читая его.

— Вотъ,—вскричалъ онъ, протягивая письмо Арману,—возьми, прочти. Она выдерживаетъ и все это дурно кончится.

Вотъ что писала Лена своему возлюбленному:

«Послѣ вчерашней сцены я не хочу скоро встрѣчаться съ вами; закрыть вамъ дверь у меня не хватитъ мужества и потому я дня два уѣзжаю. Эти дни я проведу въ деревнѣ, у одной пріятельницы и беру съ собою свою горничную. Я дамъ вамъ знать, когда вернусь. Прошу васъ, не спрашивайте мою прислугу. Впрочемъ, никто изъ нихъ не знаетъ, куда я уѣхала и вы только сдѣлайте насъ еще разъ смѣшными. Если бы я могла вернуться, мнѣ любя васъ!

Лена».

— На что ты жалуешься,—спросилъ баронъ, отдавая письмо принцу, который хмыстомъ сбивалъ вокругъ себя головки цвѣ-

тогъ.—Лена умѣе тебя. Черезъ два дня она вернется къ тебѣ еще болѣе влюбленной.

— Ты полагаешь, она не станетъ настаивать на своемъ условіи?..

— Не сошла же она съ ума! Притомъ, когда любовница намѣревается дѣйствительно бросить любовника, она не откладываетъ разрыва на двое сутокъ и не пишетъ писемъ. Уѣхавъ, Лена поступила весьма благо-разумно. Встрѣтившись сегодня утромъ, вы непременно побрались бы, и ты вымѣстилъ бы свой гнѣвъ на принцессѣ... Оставь цѣлты въ покоѣ и поѣдемъ домой.

Робертъ нѣсколько успокоился и за завтракомъ былъ даже любезенъ съ женой, которая, не желая завтракать съ глазу на глазъ съ нимъ, посадила за столъ Мари вмѣстѣ съ маленькой Маргаритой; былъ нѣженъ съ дочкой, которая крѣпко обняла его. Но когда Джэнъ съ Мари и дѣтми ушла въ садъ, онъ остался одинъ и раздумался о затрудненіяхъ всякаго рода, созданныхъ имъ себѣ въ послѣдніе четыре года, и разсердился не только на себя, но и на Джэнъ, онъ готовъ былъ ее упрекать, что она не сумѣла заставить полюбить себя, и на Армана, доставившаго ему средства сдѣлаться любовникомъ Лены, которая хочетъ его бросить, между тѣмъ, какъ онъ любитъ ее больше, чѣмъ въ первый день ихъ связи. Въ такомъ расположеніи духа принцъ провелъ цѣлый день.

Мистеру Гаррису пришлось уѣхать раньше, чѣмъ онъ предполагалъ. Робертъ, подъ предлогомъ важнаго собранія спортсменовъ, отказался проводить его до Гавра. Онъ былъ не въ силахъ уѣхать изъ Парижа въ тотъ день и часъ, когда Лена должна была вернуться.

— Жаль,—сказалъ Гаррисъ,—но вы позволите принцессѣ, моей дочери, сдѣлать это маленькое путешествіе?

— Конечно, разумѣется въ сопровожденіи м-ле Бренъ, чтобы не возвращаться одной.

— А вы, мой юный другъ, поѣдете съ нами?

— Если это вамъ угодно,—отвѣчалъ Арманъ.

— Мнѣ это будетъ очень пріятно! Въ ожиданіи вашего приѣзда въ Америку для выбора красивой и богатой баронессы. Наши прелестныя миссѣ дѣлаются предметомъ вывоза. Впрочемъ, такіе браки очень удачны!

И Джо, съ сіяющимъ лицомъ, показалъ Джэнъ, ея мужа и дѣтей. Всѣ промолчали и на другое утро, пожимая на вокзалѣ руки своему зятю, Джо болѣе, чѣмъ когда либо былъ убѣжденъ въ превосходствѣ своего зятя и счастья своей дочери. А Робертъ, проводивъ тестя, отправился къ Ленѣ; подѣхавъ къ дому, онъ съ какимъ-то страхомъ позвонилъ. Все кругомъ залерто, домъ такой молчаливый. Лакей отворившій дверь, подалъ ему письмо, говоря, что госпожа его еще не вернулась. Робертъ чувствовалъ, что ему угрожаетъ какое-то несчастье. Когда лакей ушелъ, онъ лихорадочно разорвалъ конвертъ и прочелъ слѣдующее:

«Робертъ мой, въ ту минуту, какъ ты будешь читать эти строки, насъ будетъ раздѣлять граница. Если бы я не уѣхала, моя любовь къ тебѣ такъ велика, что я бы снова подчинилась унижительному существованію, которое ты мнѣ сдѣлалъ, что довело бы насъ до какой нибудь ужасной сцены съ непремѣнной разлукой, а этого я не хочу.

«Раздѣлъ я не въ состояніи больше выносить, я слишкомъ страстно тебя люблю. Унизительный урокъ, полученный мною въ оперѣ, показалъ мнѣ, что я едва занимаю второе

мѣсто въ твоемъ сердцѣ, а я хочу въ немъ одна царствовать. Ты мнѣ не разъ говорилъ, что твои цѣли давятъ тебя и что ты хочешь разорвать ихъ. Когда онѣ будутъ разорваны, я вернусь къ тебѣ, по прежнему любящая. До тѣхъ поръ не виши меня. Когда напишешь мнѣ въ Вѣну, до востребованія, «я свободенъ», я сейчасъ вернусь. О, какъ я тебя буду любить. Твоя Лена»

Принцъ былъ ошеломленъ. Онъ два раза перечелъ эти строки, ничего не понимая, не вѣря своимъ глазамъ. Какъ? Она, для которой онъ сдѣлался богатымъ и продалъ себя,—она бросила его? Она оставила его одинъ на одинъ со стыдомъ, который такъ умѣла заглушать своими опьяняющими ласками. Онъ на все готовъ, лишь бы она вернулась,—онъ разведется съ женой! Да, онъ разведется, Лена этого требуетъ! Да и принцесса будетъ очень рада возвратить свою свободу!

Тѣмъ временемъ Гаррисъ и его спутники приѣхали въ Гавръ. Оставалось нѣсколько часовъ до отплытія парохода, и они рѣшили позавтракать въ городѣ. Джо былъ въ восторгѣ отъ этихъ двухъ недѣль, проведенныхъ имъ въ Парижѣ,—онъ видѣлъ своихъ внуковъ, юныхъ герцога и принцессу, какъ онъ ихъ всегда называлъ. И кромѣ того было рѣшено, что на будущій годъ принцъ привезетъ всю семью въ Америку. Но несмотря на веселость Джо и бойкія замѣчанія Армана, который ничѣмъ не огорчился и ничего не бралъ въ серьезъ, завтракъ прошелъ довольно скучно, тѣмъ болѣе что Джэнъ съ трудомъ скрывала антипатію, которую чувствовала къ пріятелю своего мужа. Завтракъ кончился и Джо отправился на пароходъ, гдѣ провожавшіе распрощались съ нимъ и уже соображаясь уходить, какъ Гаррису пришла фантазія еще разъ предложить Арману ѣхать съ нимъ.

— Такъ? Безъ вещей?

— Развѣ съ Максимомъ Гаррисомъ вы можете терпѣть въ чемъ нибудь недостатокъ? Или вы боитесь морской болѣзни?

— Конечно нѣтъ. И чтобы доказать вамъ это, я провожу васъ на рейдъ и вернусь съ лоцманомъ.

— Великолѣпно! Ты слышишь, Джэнъ, милѣйшій баронъ провожаетъ меня до открытаго моря.

Въ это время раздался звонокъ и вслѣдъ за нимъ свистокъ далъ знать, что пароходъ сейчасъ отчаливаетъ. Джо сердечно обнявъ дочь, пожалъ руки Мари и довелъ ихъ до мостика, соединявшаго корабль съ землей. Было рѣшено, что онѣ подождутъ возвращенія Марга и съ эспланады посмотрятъ на выходъ корабля въ открытое море. Онѣ слѣдили за нимъ, пока онъ не исчезъ изъ виду. Джэнъ тяжело вздохнула и, взявъ Мари подъ руку, повернулась, чтобы спуститься къ казино и вдругъ вскрикнула: передъ нею стоялъ Марсель Рено, онъ сильно поблѣднѣлъ и дрожалъ отъ волненія. Взглядъ, которымъ онъ обмѣнялся съ Джэнъ, выражалъ и страхъ, и радость. Можно было подумать, что они боятся узнать другъ друга, и что неожиданность парализовала ихъ обоихъ. Марсель, наконецъ, опомнился и поклонился, но вспомнивъ, что его бывшая невѣста, по ея же словамъ, болѣе для него не существуетъ, онъ хотѣлъ уйти, не сказавъ ни слова, но Джэнъ невольно безсознательно протянула руку, и двѣ слезы скатились изъ ея глазъ. Рено схватилъ ея руку и сказалъ «благодарю» съ такимъ выраженіемъ нѣжности и признательности, что дочь Джо Гарриса похолодѣла.

— Господи! Марсель, дорогая Джэнъ,—вскричала испуганная Мари,—успокойтесь, умоляю васъ, пойдите, будьте людьми, которымъ нечего скрывать.

— Правда!—тихо сказала принцесса,—пойдемъ, пойдѣмъ.

И они отправились втроемъ по дорогѣ къ казино; Рено шелъ рядомъ съ принцессой, оба молчали, первое слово заранѣе ихъ пугало. Такъ они пришли въ садъ казино, почти пустой. Здѣсь они чувствовали себя свободнѣе и рискнули взглянуть другъ на друга. Взгляды ихъ встрѣтились, въ нихъ выражалось такое горе, что они одновременно вскричали «Джэнъ! Марсель!» и протянули другъ другу руки. Пожатіе сказало все. Принцесса вдругъ высвободила свою руку, какъ-бы стыдясь своего порыва, и прижалась къ Мари, ища у нея защиты и покровительства.

— Не станемъ говорить о невозвратимомъ прошломъ,—сказала она съ нечеловѣческой энергіей,—о себѣ я не имѣю права слушать, но расскажите что-нибудь о васъ.

— Не говорить о васъ?—вскричалъ Марсель,—да развѣ это возможно? И если бы еще вы были счастливы? О, въ такомъ случаѣ я молчалъ-бы, я не осмѣлился-бы разрушать ваше счастье. Но вѣдь я знаю вашу жизнь! Я не могъ относиться равнодушно къ вашей судьбѣ, я получалъ о васъ свѣдѣнія отъ Торнера, но скоро этого для меня было мало. Я понималъ, что онъ многого не знаетъ. Я хотѣлъ знать все, сдѣлать это было очень легко. У меня много друзей въ кружкѣ принца де-Саллерна, отъ нихъ я узналъ все! Вотъ почему я не прошелъ мимо, когда Богъ насъ свелъ для того, чтобы я могъ сказать вамъ Джэнъ,—въ эти пять лѣтъ не было ни одной минуты, чтобы я о васъ не думалъ, и повторить, что вся моя жизнь принадлежитъ вамъ.

— Замолчите, заклиная васъ,—съ ужасомъ произнесла принцесса.—Мари, уведите меня.

Она опиралась на Мари, которую хотѣла увести, но у нея не хватило силъ. Она готова была упасть въ обморокъ и съ помутившимся взоромъ повторяла:

— Вы ошибаетесь, я счастлива, очень счастлива. Разойдемтесь. Идите своей дорогой.

— Значитъ въ изгнаніе, откуда я вернусь только, когда вы призовете меня.

— А я отправлюсь къ своимъ дѣтямъ, ихъ ласки велятъ мнѣ все забыть, все перетерпѣть!

И протянувъ ему руки, она проговорила раздирающимъ голосомъ:

— Прощай... Марсель!..

Но ея руки вдругъ опустелись и на лицѣ выразился ужасъ, она не сводила глазъ съ начала аллеи, въ которой они находились, тамъ шелъ де-Марга. Мари Бренъ прослѣдила за взглядомъ своей воспитанницы и вздрогнула.

— Уходите! — сказала она вполголоса Марселю,—идите въ ту сторону,—къ морю.

— Да, да, уходите,—повторила принцесса.

— Что съ вами? Чего вы опасаетесь?..

— Умоляю васъ! Мари напишетъ вамъ! Прощайте, прощайте!

Рено, ничего не понимая, низко поклонился и ушелъ. Но было поздно, баронъ, увидавъ своихъ дамъ, ускорилъ шаги и подошелъ на столько во время, что узналъ удалявшагося Марселя. Баронъ невольно вздрогнулъ. Онъ хорошо зналъ Марселя, котораго въ прежнее время часто видалъ въ своемъ клубѣ. Когда пять лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ графиней д-Пенгре и теткой Пальмирой онъ устраивалъ бракъ принца, не разъ шла рѣчь

объ этомъ женихѣ, и черты Марселя Рено запечатѣлись въ памяти Армана.

Но что значила эта встрѣча? Условеннаго тутъ ничего не могло быть, принцесса не могла предвидѣть, что онъ отправится провожать ея отца. Какъ бы то ни было, принцесса видимо была взволнована: Арману вдумалось показать ей, что его обмануть нельзя, а напротивъ, слѣдуетъ привлечь его на свою сторону, и онъ ей сказалъ:

— Я должно быть очень измѣнился. Господинъ Рено повидимому не узналъ меня, между тѣмъ я его сейчасъ вспомнилъ. Онъ все тотъ же, одинъ изъ самыхъ изящныхъ нашихъ дипломатовъ.

— А! вы знакомы съ господиномъ Рено?— съ ужасомъ спросила принцесса, хотя она далеко была отъ мысли, что барону были известны ея отношенія къ Марселю.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я часто встрѣчалъ господина Рено въ клубѣ. Теперь онъ пріѣхалъ, вѣроятно, изъ Китая, куда былъ переправленъ изъ Чикаго.

— Мы съ нимъ познакомились въ Чикаго. Онъ принадлежалъ къ числу молодыхъ друзей моего отца.

— Онъ назначенъ секретаремъ въ Вашингтонъ. Быстро дѣлаетъ карьеру. Пожалуй, женится въ Америкѣ, найдетъ какую-нибудь красивую миссъ Дженъ.

Арманъ произнесъ послѣднія слова въ видѣ любезности, но принцесса не отвѣтила на нее. Она судорожно сжала руку своей пріятельницы и поспѣшила къ экипажу. Пріѣхавъ на поѣздъ, принцесса сѣла въ дамское отдѣленіе.

— Мы сядемъ здѣсь,—сказала она своему кузену,—я устала и попробую уснуть.

— Какъ вамъ угодно, принцесса,—отвѣчалъ баронъ, раздосадованный, что его такъ безцеремонно отстраняли.

Онъ помогъ дамамъ взойти въ вагонъ, а самъ отправился въ отдѣленіе для курящихъ, думая про себя:

— Прелестная кузина предпочитаетъ быть одна со своей сообщницей, чтобы на свободѣ говорить о прежнемъ возлюбленномъ. Что, они уже и раньше встрѣчались, или это въ первый разъ? Неужели принцу грозитъ мѣсть, Марсель за Лену? Кто выиграетъ? И Арманъ спокойно закурилъ сигару.

Хотя принцесса была вполне увѣрена, что Марга не позволитъ себѣ предположить что-нибудь дурное въ ея встрѣчѣ съ Марселемъ, во все же опасалась, что онъ расскажетъ объ ней принцу, которому можетъ быть было извѣстно имя ея бывшаго жениха. Принцъ, конечно, не имѣлъ права сомнѣваться въ ней, но пожелавъ отмстить ей за стѣздъ изъ Оперы, онъ могъ сдѣлать какое-нибудь прощическое замѣчаніе на счетъ испытаннаго ею удовольствія при встрѣчѣ. Она думала, не лучше ли все самой рассказать мужу и тѣмъ избѣжать неправильныхъ толкованій. Мари Брель не соглашалась съ нею: по ея мнѣнію, слѣдовало умолчать объ этой встрѣчѣ, какъ бы не придавая ей никакого значенія. Когда поѣздъ остановился, онъ еще ничего не рѣшилъ. Баронъ поспѣшилъ изъ своего отдѣленія, чтобы помочь принцессѣ и ея пріятельницѣ выйти, и очутился лицомъ къ лицу съ принцемъ, который казался весьма разстроеннымъ.

— Посадимъ скорѣе принцессу въ карету. Мнѣ нужно поговорить съ тобой,—сказалъ принцъ.

— Что случилось?

— Сейчасъ скажу. Вотъ моя жена. Развѣ вы не видите сидѣли?

— Она предпочла дамское отдѣленіе.

— Не лестно для тебя!

Принцъ поздоровался съ дамами и сказалъ Джэву:

— Карета ждетъ васъ.

— Благодарю,—отвѣчала принцесса, удивленная, что мужъ пріѣхалъ ее встрѣтить.

Она сѣла въ карету вмѣстѣ съ Мари, принцъ заперъ дверцу и махнулъ кучеру.

— Домой,—и можно распречь,—прибавилъ онъ.

Оставшись одинъ съ Арманомъ, онъ сказалъ ему:

— Поѣдемъ въ клубъ. Мнѣ нужно много рассказать тебѣ. Лена уѣхала.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Видъ замка Бальмораль въ Шотландіи.

Въ этомъ номерѣ «Живописнаго Обозрѣнія» мы помѣщаемъ видъ величественнаго замка Бальмораль, гдѣ Августѣйшая русская Чета гостила у королевы Викторіи. Этотъ замокъ, возвышающійся въ горахъ Шотландіи, весьма живописенъ. Замокъ состоитъ изъ двухъ отдѣльных зданій, соединенныхъ флигелемъ, и фланкированъ высокою башней, съ которой открывается чудесный видъ на долину рѣки Ди. Замокъ выстроенъ изъ эбердинскаго гранита свѣтло-сѣраго цвѣта и представляетъ издѣліе величественнаго вѣка. Очень широкій корридоръ раздѣляетъ зданіе, разбѣгаясь на двѣ части. Западная часть замка служитъ помѣщеніемъ для принца и принцессы Уэльскихъ, королева обитаетъ въ сѣверной и южной половинѣ. Особенно замѣчательна въ Бальморалѣ бальная зала, въ которую ведетъ двойная лѣстница. Эта зала урана роскошно, въ ней находится, между прочимъ, королевскій балдахинъ. Королева очень любитъ этотъ замокъ. Онъ составляетъ ея личную собственность, въ немъ она чувствуетъ себя дома, не то, что въ другихъ королевскихъ помѣщеніяхъ, гдѣ она не имѣетъ права сдѣлать малѣйшую перемѣну безъ разрѣшенія государственнаго сановника, избираемаго первымъ министромъ. Бальмораль выстроенъ принцемъ-сыномъ королевы Альбертомъ, о которомъ все здѣсь напоминаетъ его королевѣ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ королева писала: «Я съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе привязывалась къ тому мѣсту. Это мой рай, тѣмъ болѣе, что все здѣсь создано моимъ Альбертомъ, онъ все задумалъ и все совершилъ, какъ здѣсь, такъ и въ Осборнѣ. Его прегосподный вкусъ видѣнъ во всемъ».

Кортежъ Ихъ Величествъ на пути въ Бальмораль. Рис. худ. Форестье.

Въ этомъ же номерѣ мы помѣщаемъ картину величественнаго кавалькады съ факелами, сопровождавшей экипажъ Ихъ Величествъ по дорогѣ въ Бальмораль. Объ этомъ мы уже говорили въ хроникѣ № 39. Повторимъ важнѣйшія отличительныя черты этого величественнаго зрѣлища. Когда Императорская Чета, принцъ Уэльскій и герцогъ Коннаутскій пересѣли въ экипажъ для слѣдованія въ Бальмораль, на вершинахъ окрестныхъ горъ занялись въ знакъ радости зостры. Картина была тѣмъ болѣе эффектная, что ночь была очень темная. Около 8 часовъ верховой привезъ въ замокъ извѣстіе о приближеніи Государственныхъ Гостей. Въ недалекомъ разстояніи отъ замка Императорскій кортежъ былъ встрѣченъ мѣстными волонтерами, отрядомъ полка Scotts Greys и многочисленными горцами, державшими въ рукахъ зажженные факелы и игравшими на волынкахъ. Королева, выйдя на подѣздъ, приветствовала Императорскую Четву. Встрѣча была сердечная. Въ ту же минуту горцы стали махать факелами. Погода разъяснилась только въ моментъ пріѣзда Ихъ Величествъ въ Бальмораль, но на всемъ пути (девять миль) шелъ дождь. Несмотря на это, Ихъ Величества ѣхали все время въ открытомъ экипажѣ. Его Величество былъ все время въ мундирѣ полка «Scotts Greys».

Прибытіе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Шербургъ. Рис. художн. Ф. Джэнъ.

Мы уже подробно описывали въ хроникѣ № 40 величественное зрѣлище, представляемое двумя Императорскими яхтами въ сопровожденіи англійскихъ судовъ и французской эскадры, встрѣчающею Вы-

сожкихъ Гостей. Англійскія суда, при видѣ французской эскадры, отсалютовали 21 выстрѣломъ и повернули назадъ. Въ числѣ англійскихъ судовъ было много могучихъ морскихъ гигантовъ англійскаго флота. Вотъ уже показалась гавань Шербурга—и грандіозныя силуэты многочисленныхъ судовъ французской эскадры. И когда друзья-французы завидѣли «Полярную Звѣзду», на которой находилась Императорская Чета, и «Штандартъ»—разомъ грануль оглушительный салютъ изъ 101 пулечнаго выстрѣла. Густой дымъ, прерываемый красными молніями выстрѣловъ, окуталъ снасти кораблей. Императорскія яхты, смѣло разбѣгая пѣнистыми волнами, полетѣли навстрѣчу дружественному флоту. Такъ начались великія торжества «русской недѣли».

Прибытіе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Парижъ. Рис. художн. М. Бомблэ.

Послѣ того, какъ президентскій поѣздъ прибылъ на станцію Ранла, тамъ состоялась торжественная встрѣча и представленія, о чемъ мы подробно говорили уже въ хроникѣ № 40. Мы помѣщаемъ картину величественнаго царскаго кортежа у самой станціи. Пятнадцать роскошныхъ экипажей были запряжены чудными конями. Впереди красовались въ своихъ живописныхъ костюмахъ арабскіе шейхи. Въ коляскахъ, запряженныхъ à la Daumont, сидѣли на переднихъ мѣстахъ Государь Императоръ и Государыня Императрица, а президентъ республики Феликсъ Форъ сидѣлъ напротивъ Ихъ Величествъ. Эскортъ состоялъ изъ блестящихъ снагисовъ, въ красивыхъ, въ блестящей формѣ африканскихъ егерей и кирасиръ. Государыня Императрица была въ роскошномъ бѣломъ туалетѣ.

Ихъ Императорскія Величества въ Парижѣ на закладкѣ моста въ память Императора Александра III. Рис. худ. П. Мерваръ.

Въ № 40 журнала мы подробно описали церемонію закладки моста Александра III, а въ хроникѣ этого номера дополнили это описаніе еще нѣсколькими подробностями. Теперь даемъ прекрасный рисунокъ, изображающій моментъ, когда Государь Императоръ кладетъ первый камень этого знаменательнаго сооруженія. Церемонія эта началась только въ три часа дня, 25-го сентября. Передъ официальной трибуной президентъ Форъ встрѣтилъ Царственную Четву. На высокихъ мачтахъ надъ попятнымъ бѣлымъ навѣсомъ съ цинковымъ балдахинномъ возмѣсь два величественныя знамени—русскій Императорскій штандартъ и трехцвѣтное знамя республики. Около тѣлѣжки, на которой лежалъ гранитный камень, долженствовавшій служить для основанія моста однимъ изъ первыхъ, между гирляндами, украшавшими помостъ, находились все члены управленія будущей парижской выставки 1900 года. Тутъ были: Альфредъ Никаръ, главный директоръ выставки, Шардонъ, секретарь выставки и другіе члены ея управленія. Какъ мы уже описывали, Государю Императору подали для церемоніи закладки молотокъ и лопаточку... Объ этихъ послѣднихъ и о перѣ для подписанія протокола церемоніи тоже упоминалось у насъ въ № 40. Государыня Императрица подписала величественный букетъ архидей. На нашемъ рисункѣ представлено моментъ, когда Государь Императоръ ударяетъ молоткомъ по первому камню моста.

Въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Елисейскія поля. Рис. худ. Л. Тинера.

Въ такомъ порядкѣ, какъ у станціи Ранла, Императорскій кортежъ двинулся черезъ Елисейскія поля, переполненные народомъ. Во второй экипажѣ ѣхали президенты сената, палаты, генералы Турнье и Будадеффе. Въ третьемъ экипажѣ находились княгиня Голицына, Васильчикова, княжна Оболенская. Затѣмъ, въ другихъ коляскахъ ѣхали Мелниъ, Ганого, Шишкинъ, Барту, Кошри, Тюррель, генералъ Рихтеръ, Бенаръ, Лебонтъ. Величественныя арии, разбѣгающіяся флаги, крыши и окна, и ограды, занятые черною массою народа, кричащаго: «Да здравствуетъ Царь! Да здравствуетъ Россія!» Багрящая пѣнь кирасиръ съ двухъ сторонъ образовывала широкій проходъ, по которому и двигалась величественная процессія. Громъ привѣстій, въ который сливался голосъ всего французскаго народа въ этотъ торжественный моментъ, сопровождалъ кортежъ. На нашемъ рисункѣ представлена первая часть процессіи, эффектно выдѣляющаяся среди двухъ массъ нечисленнаго народа. Это было «с рдце Франціи», какъ сказали потомъ въ своихъ рѣчахъ Государь Императоръ и президентъ республики Феликсъ Форъ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ во Франціи. — 25-е сентября было посвящено Ихъ Величествами на осмотръ достопримѣчательностей Парижа. Въ 10 час. утра коляска Ихъ Величествъ прибыла къ собору «Notre Dame». У входа въ соборъ Ихъ Величества и Форъ были встрѣчены кардиналомъ Ришаромъ, котораго окружали генеральные викаріи, капитулъ и министр юстиціи. Руководимые кардиналомъ, Ихъ Величества и Форъ осмотрѣли среднюю часть храма и боковые приделы и на нѣсколько мгновений остановились у гробницы Пастера.

Въ Пантеонѣ. — Затѣмъ Ихъ Величества отправились во дворецъ юстиціи, послѣ чего посѣтили Пантеонъ. При входѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ и президентъ республики были встрѣчены министромъ народного просвѣщенія. Полюбовавшись фресками, которыми украшены стѣны зданія, Державные Гости спустились въ склепъ и остановились на минуту передъ гробницею Карно.

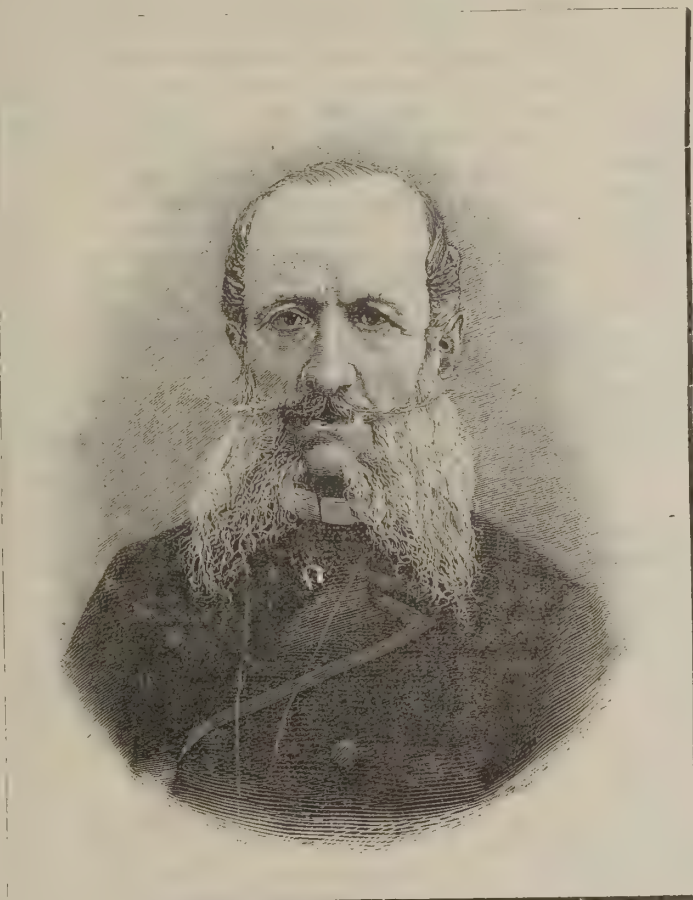
Въ домѣ Инвалидовъ. — Въ 11 ч. 30 мин. Ихъ Императорскія Величества прибыли въ домъ Инвалидовъ, гдѣ, въ ожиданіи Ихъ приѣзда, собрался многочисленный генералитетъ. Прежде всего Августѣйшіе Путешественники посѣтили гробницу Наполеона, передъ которой Государь молча остановился на минуту. Затѣмъ Государь, въ сопровожденіи генерала Бильо и нѣсколькихъ офицеровъ, спустился въ склепъ, затѣмъ осмотрѣлъ еще нѣсколько помѣщеній.

Во французской академіи. — Въ этотъ же день Ихъ Величества присутствовали на обыкновенномъ собраніи французскихъ «безсмертныхъ». Дежурный директоръ академіи Легуве открылъ засѣданіе привѣтствіемъ Высочайшимъ Посѣтителямъ и напомнилъ, что 200 лѣтъ назадъ въ работахъ академіи принималъ участіе Петръ Великій. Въ заключеніе Легуве сказалъ: «Посѣщеніе Петра Великаго связано съ посѣщеніемъ Вашихъ Величествъ. Позвольте же намъ праздновать сегодня двухсотлѣтіе сердечной дружбы Россіи съ Франціей». Затѣмъ Конне прочелъ свою оду въ честь Ихъ Величествъ, и академія приступила къ работамъ по составленію словари. Предъ уходомъ Государь Императоръ произнесъ нѣсколько словъ благодарности,

послѣ чего Ихъ Величества подписали протоколъ засѣданія.

На монетномъ дворѣ. — На монетномъ дворѣ Ихъ Величества и президентъ республики осмотрѣли различныя мастерскія и присутствовали при чеканкѣ медалей, которая и была Имъ поднесена.

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Баронъ А. П. Моренгеймъ.
Русскій посланникъ во Франціи.

Закладка моста Александра III. — Объ этой великолѣпной церемоніи мы уже говорили въ прошлой хроникѣ. Сообщаемъ еще нѣкоторыя подробности. На ней присутствовали громадная толпа и 13,000 человекъ приглашенныхъ на трибунахъ. Послѣ пѣнія хора солдатъ, актеръ Муно Сюлли прочелъ оду Императору, составленную поэтомъ Жозе-Маріа-Гередіа. Каждая строфа вызывала браво. Государь и Государыня благодарили автора и направились затѣмъ къ мѣсту закладки.

Обѣдъ въ посольствѣ. — Въ 7 час. 30 мин. вечера состоялся Высочайшій обѣдъ въ домѣ русскаго посольства. Всѣ присутствующіе на обѣдѣ были во фракахъ. Столъ былъ накрытъ въ столовой перваго этажа, убран-

ной растеніями и цвѣтами. Въ 7 ч. 25 мин. президентъ Форъ прибылъ, въ сопровожденіи генерала Турнье и съ почетнымъ конвоемъ кирасиръ. Президентъ прошелъ одинъ до пріемнаго зала, гдѣ былъ встрѣченъ Государемъ Императоромъ. За обѣдомъ президентъ Форъ сидѣлъ по правую руку отъ Государыни Императрицы, а г-жа Форъ — по лѣвую сторону отъ Государыни Императрицы.

Спектакль во французской комедіи. — Вечеромъ Ихъ Величества были на спектаклѣ французскаго театра. Государь былъ во фракѣ, придѣтъ Почетнаго Легіона, Форъ при андреевской лентѣ. Русскій гимнъ былъ прослушанъ въ глубокомъ молчаніи. Занавѣсъ взвился. Всѣ артисты стояли группой во кругъ бюстовъ Мольера, Расина и Корнеля. Муно Сюлли прочелъ привѣтствіе. Зала аплодировала особенно при фразѣ: «Надежда свѣтитъ намъ съ сѣвера». Прочитаны были и другія привѣтствія. Государь Императоръ бесѣдовалъ во время чтенія съ Форомъ и нѣсколько разъ улыбался. Представленіе началось съ «Каприза» Мюссе. Ихъ Величества аплодировали первые. Спектакль закончился въ полночь отрывками изъ Сиды и третьимъ актомъ изъ «Femmes savantes». Въ заключеніе исполнена была Марсельеза, которая была выслушана Ихъ Величествами стоя.

26-е сентября. Ихъ Величества посвятили слѣдующій день осмотру севрской фабрики и пребыванію въ Версалѣ. Императорская чета обѣдала версальскіе сады, обозрѣвая ихъ до 5 ч. 30 м. Публика привѣтствовала Ихъ Величества кликами. Возвращеніе въ версальскій

дворецъ состоялось чрезъ парадный дворъ, гдѣ находились министры и другія приглашенные лица. Ихъ Величества удалились въ отведенные Имъ апартаменты Людовика XIV и Людовика XV. Въ 6 ч. началась иллюминація. Въ 10 час. начался концертъ. Государь Императоръ предложилъ руку г-жѣ Форъ, президентъ — Государынѣ Императрицѣ. Въ концертѣ участвовали: Сара Бернаръ, Делонэ, Кокленъ, пѣвецъ Дельмъ-съ, пѣвица Мельба и танцовщицы Оперы. На концертѣ Сара Бернаръ замѣчательно прочла стихотвореніе Сюлли-Прюдома.

27-е сентября. Шалонскій смотръ. — На слѣдующій день въ Шалонѣ состоялось одно изъ величайшихъ торжествъ «русской недѣли» — какъ называли французы дни пребыванія

Царя во Франціи. Въ этомъ грандіозномъ смотрѣ участвовало 3,090 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, 66,756 нижнихъ чиновъ, 18,679 лошадей и 1,060 орудій для повозокъ. Въ 12 часовъ 20 минутъ раздались громовые выстрѣлы. Это—опади со стороны народа. Ихъ Величества и президентъ подъѣхали къ фронту войскъ. Барабанщики бьютъ, горнисты и трубачи всѣхъ полковъ играютъ встрѣчу, затѣмъ, по мѣрѣ того какъ Государь, который тѣмъ временемъ сѣлъ на коня, и Государыня съ президентомъ Форомъ, которые остались въ берлинѣ, объѣзжаютъ фронтъ каждой части, хоры музыки играютъ русскій народный гимнъ и марсельезу. Ихъ Величества и Форъ возвратились затѣмъ на трибуну, гдѣ и остались во время дефилированія войскъ. Направо отъ Ихъ Величествъ стояли президенты сената и палаты. Во главѣ войскъ ѣхалъ генералъ Билло, за нимъ слѣдовалъ генералъ Соссе. Войска шли колоннами въ четыре полка по линіи.

Военный банкетъ въ Шалонѣ.—Послѣ смотра въ Шалонѣ состоялся торжественный банкетъ, на которомъ Государь Императоръ произнесъ слѣдующія слова: «Въ петербургскомъ портѣ, въ моментъ Нашего приѣзда, Я восторгался французскою эскадрою, сегодня, уѣзжая изъ вашей прекрасной страны, Я имѣю удовольствіе присутствовать на самомъ величественномъ военномъ зрѣлищѣ, присутствуя на смотрѣ вашихъ прекрасныхъ войскъ на обычномъ мѣстѣ ихъ опытовъ. Франція можетъ гордиться своею арміею. Вы были правы, господинъ президентъ, заявляя, что обѣ страны связаны неизмѣнной дружбой, точно также какъ между нашими обѣими арміями существуетъ глубокое чувство братства по оружію. Подымаю бокалъ въ честь нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ и пью за здравіе господина президента республики».

Отбытіе изъ Франціи.—27-го сентября Ихъ Величества отбыли изъ Шалона въ Дармштадтъ. Въ вокзалѣ Государь простился съ министрами, съ Лубе, Бриссономъ, къ каждому обратился съ милостивымъ словомъ и выразилъ Барту удовольствіе по поводу порядка, которымъ сопровождался всѣ церемоніи. Форъ вошелъ въ Императорскій поѣздъ и, обмѣнявшись съ Ихъ Величествами нѣсколькими словами, поцѣловалъ руку Государыни. Затѣмъ среди общаго волненія Государь Императоръ и Форъ, пожавъ другъ другу руку, облобызались съ глубокимъ чувствомъ. 28-го сентября Ихъ Величества прибыли въ Дармштадтъ.

Англія.—Англійскія газеты заявляютъ, что сердечныя франко-русскія отношенія проявились въ такой блестящей формѣ, что не только не внушаютъ Англіи страха, но напротивъ, вызываютъ симпатію: «Ни Царь, ни Форъ, говоритъ газета, не произнесли ни одного слова, которое бы насъ покорило или которое намъ желательно было бы отбросить». «Daily Chronicle» находитъ, что рѣчь Государя Императора равнозначительна была провозглашенію союза и обнаруживала настроеніе, позволяющее надѣяться на скорый союзъ между Франціей, Россіей и Англіей».

Турція.—Изъ официальнаго турецкаго источника сообщаютъ: «Въ виду того, что часть европейской печати продолжаетъ утверждать, будто проживающимъ въ Константинополѣ иностранцамъ грозятъ серьезныя опасности, можно самымъ рѣшительнымъ образомъ заявить, что благодаря открытымъ

властями многочисленнымъ бомбамъ и задержанію лицъ, у которыхъ бомбы эти найдены, равно какъ высылкѣ всѣхъ подозрительныхъ элементовъ, положеніе вещей въ Константинополѣ принимаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе успокоительный характеръ. Пущенныя изъ Аѳинъ извѣстія о мнимыхъ неистовствахъ, учиненныхъ оттоманскими войсками въ Монастырскомъ и Салоникскомъ вилайетахъ не болѣе какъ тенденціозныя выдумки».

Болгарія.—«Свобода» сообщаетъ, что разбирательство дѣла объ убійствѣ Стамбулова начнется 13-го октября ст. ст. Вызвано 730 свидѣтелей, болѣею частью изъ внутреннихъ мѣстъ страны. Отданъ приказъ въ случаю надобности привести свидѣтелей насильно, при посредствѣ полиціи.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Петербургская дума выразила свое сочувствіе парижскимъ торжествамъ посланкою президенту парижскаго муниципальнаго совѣта телеграммы слѣдующаго содержанія: «Въ Парижѣ, президенту муниципальнаго совѣта. Все столичное населеніе глубоко тронута столь сердечнымъ, величественнымъ и торжественнымъ приѣмомъ, какой оказалъ Франціея нашему возлюбленному Царю. Городская дума, выражая эти чувства столичнаго населенія городу Парижу, высоко цѣнитъ все значеніе этого событія для обезпеченія всеобщаго мира и благоденствія народовъ. Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Россія! И. д. с.-петербургскаго городского головы Павелъ Лонгиновъ».

— Императорская академія художествъ объявивъ конкурсъ на составленіе проекта зданія музея изящныхъ искусствъ Имени Императора Александра III при московскомъ университетѣ, назначила послѣдній срокъ для представленія проектовъ 10-го января 1897 года.

— Утверждено постановленіе думы объ увеличеніи въ Петербургѣ числа мировыхъ участковъ до 35 со слѣдующаго трехлѣтія (1896—1899 гг.). Это одобрено министерствами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и утверждено сенатомъ. Мировой съѣздъ составилъ уже проектъ новаго раздѣленія столицы на мировые участки.

— Служащими на фабрикахъ и заводахъ, лежащихъ за Невскою и Московскою заставами, вырабатывается и вскорѣ будетъ представленъ на утвержденіе проектъ устава кассы взаимопомощи заводскихъ и фабричныхъ служащихъ и мастеровъ.

— 24 сентября въ Петербургѣ открылась выставка садоводства. «Акваріумъ» превратился въ чудный зимній садъ. Рѣдкіе по красотѣ и роскоши экземпляры растительнаго царства видѣются всюду. Тонкій нѣжный ароматъ цвѣтовъ и фруктовъ наполняетъ атмосферу. Витрины съ крупными овощами красиво выдѣляются среди экзотическихъ растений. Особенно эффектно разукрашено театральныя залы.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Шахматный турниръ за 320 лѣтъ назадъ. Въ настоящее время господствуетъ мода на шахматные турниры, и шахматные игроки постоянно гдѣ-нибудь съѣзжаются то въ Америку, то въ С.-Петербургъ, то послѣдній, теперь въ Нюрнбергъ. Но эти турниры далеко

не новость. Первый турниръ между четырьмя игроками былъ въ Мадридѣ въ 1575 году по желанію короля Филиппа II. Въ игрѣ принимали участіе два испанца и два итальянца, и именно Рюи Лопецъ и Альфонсо Церонъ съ испанской стороны, и Джіованни Леонардо и Паоло Бои съ итальянской. Лопецъ былъ ученое духовное лицо изъ Сафры въ Эстремадурѣ и считается основателемъ шахматной теоріи въ своемъ сочиненіи *Libro de la in vencion liberal y arte del juego del Axedrez*, появившемся въ 1561 году. Сочиненіе Церона о шахматной игрѣ затеряно; а самъ онъ былъ родомъ изъ Гренады. Итальянецъ Леонардо происходилъ изъ Кутри и за свой маленькій ростъ прозванъ *карликомъ*. Сиракузскій Бои или Буи умеръ въ Неаполѣ въ 1598 году, 70 лѣтъ отъ роду и былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ шахматныхъ игроковъ XIV столѣтія, первый который ради удовольствія развѣзжалъ по свѣту и отыскивалъ желающихъ сразиться съ нимъ въ шахматы и который могъ не смотря играть три партіи разомъ. Побѣдителемъ на турнирѣ четырехъ въ Мадридѣ оказался Леонардо, который, однако, въ одиночной партіи былъ побѣжденъ своимъ соотечественникомъ Буи, точно также какъ и испанецъ Лопецъ. Леонардо получилъ отъ короля Филиппа II 1000 дукатовъ, горностаевый плащъ и его родной городъ Кутри былъ на 20 лѣтъ освобожденъ отъ всякихъ платежей. Испанцу Рюи Лопецу не смотря на понесенное пораженіе, король пожаловалъ золотую ладью, для пошени на золотой цѣпи. Ему приписываютъ созданіе королевскаго гамбита и испанской партіи, которое еще и теперь принадлежатъ къ числу весьма любимыхъ игроками.

Луиджи Пальміери. 28-го августа (9-го сентября) въ Неаполѣ скончался профессоръ Пальміери, извѣстный изслѣдователь и наблюдатель Везувія. Его дѣятельность и дѣятельность вулкана были такъ тѣсно между собою связаны, что севѣрные жители окрестностей Везувія смотрѣли на него, какъ на заклинателя силъ, заключающихся въ горѣ; онъ пользовался между ними вполне заслуженнымъ уваженіемъ и популярностью. Пальміери родился 21-го октября 1807 г. въ Фавіо, въ Беневентѣ; изучалъ математику и естественныя науки въ неаполитанскомъ университетѣ. Прежде чѣмъ слѣлаться профессоромъ въ этомъ самомъ университетѣ, онъ уже читалъ лекціи во многихъ высшихъ школахъ. Въ 1860 году была создана специально для него кафедра теллурической физики. Эту кафедру и мѣсто директора обсерваторіи на Везувіи Пальміери занималъ до самой смерти. Его научная дѣятельность была, главнымъ образомъ, направлена на вулканическія явленія, вообще онъ былъ специалистъ Везувія. Его выдающіеся труды—«Ежегодникъ обсерваторіи Везувія» и изобрѣтенный имъ магнетическій сейсмографъ. Сочиненіе о теллурическихъ движеніяхъ осталось неоконченнымъ. Въ 1876 году за свои научныя заслуги онъ былъ возведенъ въ званіе сенатора королевства Італіи, но никогда почти имъ не пользовался. Среди потоковъ лавы на Везувіи онъ чувствовалъ себя свободнѣе, чѣмъ среди политическихъ интригъ. Пальміери умеръ отъ бронхита. Смерть его вызвала всеобщія сожалѣнія. Неаполитанскій университетъ былъ закрытъ въ знакъ траура, и похороны производились на счетъ государства.

Противочумная сыворотка.—Въ парижской медицинскій академіи было надняхъ прочтено письмо доктора Іерсина, который пишетъ изъ Кантона, что ему удалось примѣнить открытую имъ сыворотку въ борьбѣ съ чумой и что онъ получилъ благоприятные результаты. Французскій генеральный консулъ въ Кантонѣ, Гуаръ, подтверждаетъ фактъ излеченія. Трехъ впрыскиваній сыворотки, полученной по пастеровской методѣ, оказалось достаточно для излеченія настоящей бубонной чумы. Вслѣдъ за писемъ была получена и прочтена Бруарделемъ телеграмма, въ которой говорится о 25 радикальныхъ излеченіяхъ изъ 27 случаевъ. Такая чума, кака свирѣпствуетъ теперь въ Китаѣ, обыкновенно убиваетъ 95%. Достаточно сопоставить эти цифры. Доктору Іерсину едва за тридцать лѣтъ; это совсѣмъ еще молодой человекъ, худощавый, съ длин-

нимъ; костистымъ лицомъ, съ рѣдкой бородой, блестящими глазами, узкимъ лбомъ фанатика и коротко обстриженными волосами, одѣтый какъ протестантскій священникъ. Застѣнчивый и въ то-же время страстный въ своихъ поклоненіяхъ и порицаніяхъ, онъ представляетъ типъ преданнаго, вѣрнаго, но суроваго гугенота, предки его были гугеноты и послѣ уничтоженія Нантскаго Эдикта, бѣжали въ Швейцарію, гдѣ и поселились. Докторъ Іерсинъ не долго занимался въ парижскихъ лабораторіяхъ. Его тянуло путешествовать и въ одинъ прекрасный день онъ отправился въ Сіамъ, гдѣ прожилъ цѣлые мѣсяцы, безъ денегъ. — весь конвой его заключался въ проводникѣ и слонѣ. Съ хронометромъ за поясомъ, ружьемъ за плечами, онъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ ископалъ мѣстные дѣйственные лѣса, лечилъ туземцевъ, между которыми онъ сдѣлался весьма популярнымъ, они прозвали его «бѣлый колдунъ».

На другой годъ онъ отправился въ Тонкинъ, гдѣ чуть не былъ убитъ пиратами, которые бросили его замертво со сломанной ногой. Это не помѣшало ему, однако, черезъ три мѣсяца быть уже въ Гонг-Конгѣ, гдѣ свирѣпствовала чума, и Іерсинъ рѣшилъ тогда искать средство для излеченія этой ужасной болѣзни. 100,000 китайцевъ умерло въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, которыми онъ провелъ въ Гонг-Конгѣ. Онъ покупалъ даже трупы зачумленныхъ, чтобы имѣть возможность дѣлать опыты. Наконецъ ему удалось изолировать микроба, онъ прислалъ въ Пастеровскій институтъ множество разводовъ и наконецъ, самъ пріѣхалъ для отысканія возможности прививки этой страшной болѣзни. Онъ нашелъ ее и получилъ благоприятные результаты. Къ сожалѣнію приготовленіе цѣлительной сыворотки очень долговременно. Докторъ Іерсинъ прививаетъ сначала чумный ядъ крысамъ, полученную сыворотку переноситъ на лошадей, отъ которыхъ только получается цѣлительная сыворотка.

Новая группа солнечныхъ пятенъ наблюдается уже нѣсколько дней. Она все больше и больше подвигается къ серединѣ солнечнаго круга. Группа эта представляетъ длинную цѣпь одиночныхъ пятенъ, окруженныхъ разорванными, весьма различной формы и темноты пустыми пространствами. Среди всей группы можно видѣть болѣе 20 большихъ и безчисленнаго множества мелкихъ пятенъ, связанныхъ съ большими или окружающими ихъ. Впереди этой громадной цѣпи, имѣющей не менѣе 40,000 миль длины, идетъ одно большое темное пятно, окруженное свѣтящейся лентой. Какъ уже сказано, эта цѣпь приближается къ центру солнца и дѣлается все виднѣе, такъ что, вѣроятно, передъ заходомъ солнца ее можно будетъ наблюдать невооруженнымъ глазомъ.

Страхование отъ несчастныхъ случаевъ при велосипедной ѣздѣ. Ызда на велосипедкахъ на столько распространилась за послѣднее время, что это обстоятельство подало мысль штурмбергскому банку страхованія жизни устроить особый родъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ—спеціально для велосипедистовъ, при которомъ, всякій велосипедистъ, внося весьма незначительную премію, можетъ застраховать себя отъ матеріальныхъ потерь при несчастныхъ случаяхъ во время ѣзды на велосипедѣ. Этотъ спортъ, дѣйствительно, такъ часто везетъ за собой несчастныя паденія, что нельзя не горюдоваться за господъ велосипедистовъ и посоветовать имъ обязательно страховать себя.

Телеграфы какъ громоотводы. Статистическія изслѣдованія и произведенныя наблюденія въ 1895 году привели къ заключенію, что въ мѣстностяхъ съ сильно развитою сѣтью телеграфовъ и телефоновъ значительно уменьшилось количество поврежденій отъ ударовъ молній. Оказалось, что на 100,000 строеній въ мѣстностяхъ безъ телеграфовъ было 61.6 случаевъ удара молніи, а въ мѣстностяхъ съ телеграфами только 18.7. Получаемый изъ этихъ цифръ выводъ приводитъ къ предположенію, что телеграфная проволока проводитъ молнію въ землю, и такимъ образомъ служитъ къ разрядженію электричества. Въ Нейстредлицѣ (Швейцарія) замѣчено, что удары молній въ строенія, случавшіся

ежегодно, перестали повторяться съ 1893 г., когда тамъ была проведена телеграфная сѣть.

Вокругъ земли въ сорокъ дней. Читая Жюль-Верна нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы не могли не находить невѣроятною попытку одного изъ героев его многочисленныхъ романовъ объѣхать въ восемьдесятъ дней вокругъ земли. Въ настоящее время, только шесть разъ перемѣняя образъ путешествія, можно безъ труда пройти этотъ путь въ семьдесятъ дней, а съ началомъ вѣка, то есть въ 1900 на этотъ путь достаточно будетъ употребить всего сорокъ дней. Къ этому времени будетъ готовъ великій сибирскій путь и съ его открытіемъ явится полнѣйшій переворотъ въ кругосвѣтныхъ путешествіяхъ. Уже открытіе Суэскаго канала значительно уменьшило длину пути и укоротило время. Въ 1900 году кругосвѣтный путешественникъ, выѣхавъ изъ Лондона 1-го января, слѣдя черезъ Остенде и Берлинъ, будетъ въ Петербургѣ, спустя сорокъ пять часовъ, откуда онъ черезъ Россію и Сибирь достигнетъ въ теченіе 250 часовъ Порты-Артуръ. Значитъ отъ Лондона до Порты-Артуръ на путешествіе понадобится всего двѣнадцать дней и семь часовъ. Къ тому времени русскіе и американскіе капиталисты устроятъ специальное пароходное сообщеніе между Порты-Артуромъ и Санъ-Франциско. А тамъ путь пойдетъ дальше черезъ Сѣверную Америку и Атлантической океанъ назадъ въ Лондонъ. На это путешествіе едва понадобится двадцать восемь дней, — всего вмѣстѣ сорокъ дней. Нужно полагать, что и цѣнность путешествія уменьшится также, по крайней мѣрѣ, на половину.

БИБЛИОГРАФІЯ.

«Лепестки». Разказы, очерки и картинки Дмитрія Кайгородова. Изд. А. С. Суворина.

Любовь природу и умѣть описывать ее—этотъ рѣдкій даръ выпадаетъ на долю рѣдкаго писателя. Профессоръ Кайгородовъ, который умѣетъ быть поэтичнымъ и въ сухихъ краткихъ «объявленіяхъ» природы, въ вышеуказанной книжкѣ даетъ намъ чудныя картинки, кусочки природы. Мастерски владея литературнымъ языкомъ, влагая въ самый маленький рассказъ частицу своей души, Д. Кайгородовъ достигаетъ того, что эти маленькія вещицы являются чистыми образами, какъ писать о животныхъ, о лѣтѣ, веснѣ, осени, о дѣтяхъ. Строгий критикъ обвинялъ бы Кайгородова въ нѣкоторой сентиментальной стрункѣ, но въ наше сухое, прозаическое время души и сердца современнаго человѣка именно и не хватаетъ доброй, искренней сентиментальности.

По Дагестану. Вдали отъ родныхъ. В. С. Кривенко. Изд. А. С. Суворина. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Путевыя замѣтки, занимающія первую часть этой книги, отличаются отъ многихъ вещей въ этомъ родѣ серьезной исторической подкладкой. Живо и образно рассказываетъ намъ В. С. Кривенко геройскіе эпизоды покоренія и усмиренія Кавказа нашими богатырями-солдатами. Тутъ мы встречаемъ и величавую фигуру борца за свободу родныхъ горъ—анама Шамла; тутъ и болѣе скромные герои долга и присяги—наши офицеры и солдаты. Вторая часть книги—описание кадетской жизни стараго времени. Написано все чрезвычайно интересно и выказываетъ въ авторѣ недюжинный талантъ.

Джонъ-Булль и его колоніи. Максъ О-Релль. «Полезная Библіотека». Изданіе П. П. Сойкина Ц. 50 коп.

Англія—эта могущественная держава, всюду заступающая свои когти, возбуждаетъ живой интересъ служнымъ устройствомъ своего государственнаго механизма. Въ названной книжкѣ кратко, но подробно описаны и колоніи Британіи, а сама метрополія. Свообразная жизнь Англіи заставляетъ прочесть всю книжку, не отрываясь, съ неслабымъ интересомъ.

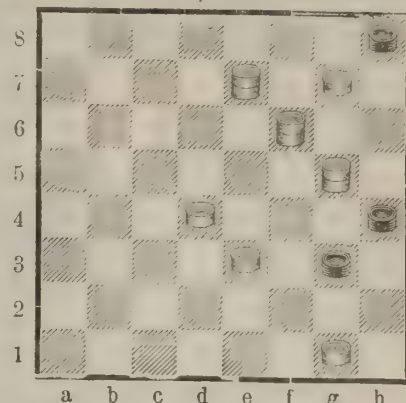
ШАШКИ.

Подъ редакціею В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 29.

А. И. Шошина (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

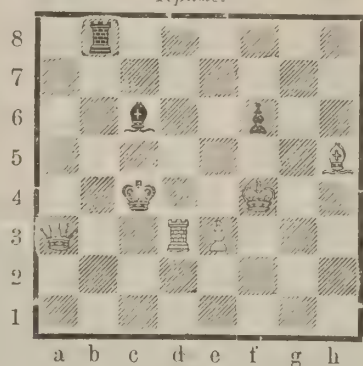
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 29.

Г. Мейера (въ Лондонѣ).

изъ «Шахматнаго обозрѣнія».

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 2 хода.

23-го сентября (5-го октября) въ Будапештѣ начался международный шахматный турниръ. Участвуютъ: Альбинъ, Вальбродтъ, Винаверъ, Мирно, Мароци, Ноа, Пильсбери, Попиль, Таррашъ, Харузенъ, Чигоринъ, Шлехтеръ и Яновскій. Призы турнира: 1-й призъ 2,500 кронъ, 2-й—2,000, 3-й—1,500, 4-й—1,000, 5-й—800 и 6-й—400 кронъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

Всѣ присылаемые въ редакцію рукописи и рисунки должны быть съ полнѣйшими адресомъ, фамиліей автора и съ обозначеніемъ желаемаго гонорара. Безъ указанія послѣднихъ свѣдѣній, рукописи и рисунки считаются безплатными. Рукописи не печатнаго листа и рисунки, непризнанные годными къ печатанію, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ уничтожаются безъ объясненія причинъ. Редакція не принимаетъ на себя обязательствъ вознаграждать рукописи и рисунки почтою, заисключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ. Для полученія отбѣта необходимо прилагать къ рукописи конвертъ со своимъ адресомъ и маркою. Относительно стихотвореній редакція не входить ни въ какіе письменные переговоры и предупреждаетъ гг. авторовъ, что этотъ матеріалъ присылается въ слишкомъ большомъ количествѣ и рѣдко годнымъ для печати, а потому всѣ стихи-отворенія, признанныя неудобными къ печати, послѣ отбѣта на нихъ въ почтовомъ ящикѣ, уничтожаются. Письма не вполнѣ оплаченныя почтовымъ сборомъ, съ почты редакціею не принимаются. Анонимныя письма не читаются.

За редактора—издатель С. Добробѣзъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ПРИГЛАШАЮТЪ дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Вилкереи дъ Гейтрихъ Блэкль. —1 СПб., Невскій, 59. № 2261.

П. Борманъ
Воеводский пр. 38.
ДЕПО РОЯЛЕЙ и
ПИАНИНО лучш. здѣшн.
и загранич. фирмъ.
Продажа и прокатъ на
самыхъ выгодныхъ условіяхъ. №2413-6

КОРОБКИ
со всѣми необходимыми принадлежностями для изготовления искусственныхъ цвѣтовъ по 5 р., съ прилож. руководства для начинающихъ по 10, 15, 20 руб. Руководство къ практ. изученію производства искусств. цвѣтовъ изъ матерій. 300 рис. Цѣна 1 руб. 50 коп. Изданіе
Р. Лютерманъ
Складъ Искусствен. зелен. цвѣтовъ и принадлежн. къ нимъ.
— Спб. Невскій пр. 34. —

ФАБРИКА
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ
торговаго дома
Андр. Емеляновича
КУЛАКОВЪ.
въ С.-Петербургѣ
Садовая ул. 33.
рекомендуетъ
ГИТАРЫ
солодной работы и отличнаго тона въ 2, 3, 4, 8, 10, 12, 15, 30, 50, 75 руб.
СКРИПКИ
въ 2, 3, 5, 6, 10, 15, 30, 100 рублей.
Юбилейный роскошно иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

ПАМЯТЬ
„Искусство укрѣпленія памяти“.
(Что такое мнемоника?)
книга (седьмое изданіе)
профессора мнемоники **С. Файнштейна**
и почтеннаго условнаго знаменнаго (письменнаго) курса изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія забывчивости (въ 10 ур.) высылаются за шесть 7 коп. мар. на вложенной бумагѣ вмѣстѣ съ условіями — за восемь 7 коп. марокъ.
Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогики, **ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ** потерявшимъ ее, дѣлается хорошей и умѣющей плохую, и лучшей — у обладающей хорошей.
Въ несомненной пользѣ и целесообразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, военные, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безъ книги высылаются за одну 7 коп. марку). Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Синь-виза) Ж. О. 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ) д. Бродскаго № 6 40, кв. 4-5-8, белъ-этажъ. Профессоръ мнемоники членъ парижскаго академіи С. Файнштейнъ. № 2298-15.

ФАБРИКА
РОЯЛЕЙ
И ПИАНИНО
Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ
рояли и пианино америк. констр. со всѣми новѣйш. усоверш., перекрестными струнами, модераторомъ, тусерегуляторомъ, двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самымъ луч. двойн. репетиціею, пріятн. и сильн. тона.
Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и др.
Пианино „ „ 350 375, 425, 460, 500, 550, 600 и др.
Армонипиано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантия на нѣсколько лѣтъ № 2321

Новый иллюстр. описательный каталогъ Фруктовыхъ деревьевъ, исполненной земляники, розамъ, многолѣтнимъ грунтов. цвѣтамъ, хвойнымъ и прочимъ растеніямъ, отпечатанъ и высылается по требованію бесплатно. Плодовый питомникъ и Садоводство Карла Георгиевича Мейера, Киевъ, Сырецъ, соб. домъ.

Поступила въ продажу **НОВАЯ КНИГА:**
ЖИЗНЬ ЛАССАЛЯ
въ связи съ его научн. и общественною дѣятельностью. Составилъ В. Я. Классень. Съ портретомъ Лассаля. Цѣна 1 руб.

ОСТОРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛКЪ
ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И
ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОУВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
Продается бездѣль
1/2 к. 50 к. 30 к.
Главный складъ для всей Россіи у Г. Ф. Юргенсъ въ Москвѣ.

для подарковъ
30,000 вещей
по 1 руб. **ПРЕДЛАГАЕТЪ**
Аничковскій базаръ.
Спб. Невскій пр. 68

Вырѣзанте
на память
МАРКУСА ЗАКОНА
29 городовъ
СПЕЦІАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
Завѣщаній, Вѣдомостей, Матронушниковъ, Супружескихъ разписокъ, Личныхъ записокъ, Соплатовъ, Показаній, Удѣльных расписокъ
КАБИНЕТЪ
Личныхъ записокъ, Показаній, Удѣльных расписокъ, Соплатовъ, Матронушниковъ, Супружескихъ разписокъ, Вѣдомостей, Завѣщаній

Главное депо часовъ
Эд. Бурхардъ.
Спб., Гороховая ул. у Краснаго моста, № 17.
2) по Невскому пр., № 6, прот. М. Морской.
Большой выборъ всевозможныхъ часовъ: лучшихъ фабричныхъ по самымъ умѣр. цѣнамъ.
Никелевые... съ 6 р. 50 к. до 15 р.
Стальные (чирные)... 10 р. — 20
Серебряные мужские и дамскіе... 12 — 75
Золотые мужскіе... 50 — 500
Золотые дамскіе... 25 — 100
Регуляторы 2-хъ недѣльных... 7 р. — 65
Будильники... 4 р. 50 к. — 25
Гг. Инороднымъ высылаю надлежащимъ платежомъ. Прейсъ-куранты высылаю бесплатно. Карманные часы съ сумасшедше 16 р. высылаются почтой на счетъ моего магазина. № 1229-16

ЦЫТРА-„АРФА“
съ 5 педальей, 24 струны, цѣна 5 р. 50 к., десять педальей 32 струны 10 р.
САМОУЧИТЕЛЬ по 50 к. и 1 р.
Цытра Арфа популярный и самый надежный для обученія инструментъ, на которомъ каждый въ состояніи сыграть желаемыя пѣсни, при помощи педальей получаютъ полные и пріятные акорды.
ФАБРИКА ТОРГОВАГО ДОМА А. Е. КУЛАКОВЪ.
Контора и склады Садовая улица № 83 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Юбилейный роскош. иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

Поступило въ продажу новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
АНТРОПОЛОГІЯ Крживицкаго.
Переводъ съ польскаго подъ редакціей Р. И. Сементновскаго. 350 стран. съ рисунками въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 к.

ГИТАРЫ въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и др. (отъ 7 р. съ механизмомъ для струнъ).
Школа по 1 р., 1 1/2 р. и 3 руб.
ЦИТРЫ въ 8, 12, 20, 30, 40, 60, 80, 100 и 125 р. Школа самоучитель 2 р. и 3 руб.
МАНДОЛИНЫ въ 8, 15, 22, 30, 50, 75, 100 и 125 р. Школа-самоучитель 2 р.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО и **ФАБРИКА**
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 84. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина. Нижегородская ярмарка, Главный домъ № 59-60.

— НОВОСТЬ! —
ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.
1896— **— 1897.**
новѣйшая **ПИШУЩАЯ**
АМЕРИКАНСКАЯ **МАШИНА.**
РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ
МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ
ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.
РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 руб.
Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ.
ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ СКЛАДЪ
Торгов. Домъ **М. Блокъ**
ГЛАВНАЯ КОНТОРА **МОСКВА.**
ОТДѢЛЕНІЯ:
С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ и др.

ИЗВѢСТНОЕ БѢЛЫЕ
Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворныя Поставщиковъ
МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ
изыск. практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Шуга только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стареющей нечистоты. После употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безужоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усиленномъ потѣнн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ и холостяковъ. Ниже поименованные представители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.
Танфани и Штейдль, Моск. а. Карлъ Шиммель, Садовая 18, С.-Петербургъ. Мансъ Тишбейнъ, Рига. Фабіанъ Клингсландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

№ 41 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2 1/2 листовъ съ 8-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) «Еженедѣльная хроника» № 41-й и III) Обертка съ котами «Марсельеза», соч. Байера. Кромѣ того, при этомъ номерѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылается еженѣднечное литературное приложение — десятая книга «Домашней Библіотеки» (за октябрь 1896 г.).

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

со всѣми бесплатными къ нему приложеніями и двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячнаго журнала «Домашняя Библіотека»: НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи) 8 р. НА ПОЛГОДА 4 руб. На ТРИ мѣсяца 2 руб. Заграницу на годъ 16 р. Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Въ Москвѣ—7 р. 75 к. Экземпляръ журнала, отпечатанный на слоеной бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 р.

1) Желающіе получать самостоятельно книги журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА» (безъ журнала «Живописное Обозрѣніе»), уплачиваютъ за годъ (съ доставкой)—4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

2) Подписка на журналъ «Живописное Обозрѣніе» безъ книгъ «Домашней Библіотеки» не принимается.

3) Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

Получающіе журналъ съ разсрочкою взносовъ добавляютъ къ объявленной подписной годовой цѣнѣ 50 коп. за напечатаніе адресовъ и другіе расходы.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

Осенняя ночь. Оригинальный рисунокъ художника Е. Степанова.

ОКТАБРЬСКИЙ ВѢТЕРЬ.

Я вздымаю холодныя волны Невы,
Бью я пѣною бѣлой угрюмый гранитъ,
Отряхаю я вѣтви отъ желтой листвы...
Я могучь, какъ гроза, я, какъ буря, сердитъ!..

* * *

И волну за волною во мракѣ nocturno
Шлю я ратью свирѣлою въ бѣдный пріютъ,
Гдѣ на мигъ безпокойнымъ, прерывистымъ сномъ
Позабылся голодный, измученный людъ..

* * *

Потрясаю я дверь и вливаю въ подвалъ
Воды грязной и мутной, и злобной рѣки;
И, шипя, по жилью разливается валь,
И съ отчаяннымъ крикомъ бѣгутъ бѣдняки.

* * *

И скитальцу nocturno въ лицо я сбѣку,
Рву я съ хитрою злобой лохмотья на немъ,
Нагоняю я скорбь, нагоняю тоску
И дразню его чуждымъ, домашнимъ огнемъ...

* * *

И взлетая на верхъ, я на городъ гоню
Вереницы холодныхъ и сумрачныхъ тучъ;
Въ мракѣ ночи грожу непогодному дню..
Я сердитъ, какъ гроза, я, какъ буря могучъ!..

Но послушный природѣ—природы дитя—
Безиредѣльное зло я мѣшаю съ добромъ;
И надъ городомъ саннымъ грозя и свистя,
Я рыдаю надъ нимъ, я тоскую о немъ!..

* * *

И упрекомъ полночнымъ стучу я въ окно,
Пѣсю горя пою, про нужду говорю—
Тѣмъ, кому безъ труда все на свѣтѣ дано,
Тѣмъ, кто въ грезахъ лѣнивыхъ встрѣчаютъ зрю.

* * *

Сердца струнъ задремавшихъ касаюсь у нихъ,
Вызываю потокъ сострадательныхъ слезъ,—
И смущаю въ просторѣ палатъ золотыхъ,
Золотое теченіе радужныхъ грезъ!..

* * *

И на-утро къ бездомнымъ влеку богатей,
Открываю ихъ сердце благому лучу;
Бѣдныхъ братьевъ любить, сострадать горячѣй,
Съ обездоленнымъ нищимъ дѣлиться—учу!..

* * *

Только ночь пронеслась—я замолкъ, я затихъ,
И nocturno бѣду рвусь загладить я днемъ;
И надъ городомъ рѣя на крыльяхъ своихъ,
Я рыдаю надъ нимъ, я тоскую о немъ!..

С. Лебедевъ.

Б Л А Ж Ъ.

(Р а з с к а з ъ).

I.

МОЛОДАЯ, стройная, какъ украинская дивчина, береза, взбѣжавъ на пригорокъ, свѣсилась своими густыми вѣтвями надъ оврагомъ, точно прислушиваясь къ шуму ручья, бѣгущаго на днѣ его; другая, извиваясь, какъ ужъ, своимъ упругимъ стволомъ, тянется къ первой и запыленные листья ея уже о чемъ то шепчутся съ листьями первой... Третья совсѣмъ нависла надъ оврагомъ и, кажется, вотъ-вотъ бросится туда, въ быстрый потокъ... Направо опять березы, рассыпавшіяся безпорядочной толпой; надъ ними онѣ тянутся уже стройными, какъ молодая гвардія, рядами и привѣтливо киваютъ солнцу...

Тутъ—березы, тамъ березы; спереди и сзади... Это—березовая роща...

Я люблю березовыя рощи, чистыя, свѣтлыя, душистыя. Въ лѣтній день, когда солнце пылаетъ на небѣ и льетъ на землю горячіе лучи—хорошо броситься подъ сѣнь кудрявыхъ березъ и отдохнуть, придти въ себя отъ житейскихъ тревоженій и суеты. Снопъ солнечныхъ лучей падаютъ на верхушки березъ и, затопивъ ихъ, расплываются по стволамъ, текутъ внизъ, теряются въ травѣ.

А по песку стелются причудливыя тѣни, дрожать, растутъ и пропадаютъ въ рѣчкѣ, которая змѣится между деревьями, блестя чедвижной и гладкой поверхностью.

Небо чисто: ни облачка. Воздухъ нѣмъ.

А изъ травы несутся неумолчный шумъ и трескотня. Какофонія ужасная... Впечатлѣніе такое, какъ будто многочисленный оркестръ настраиваетъ свои инструменты.

Огромный коршунъ поднялся надъ рощей, расправилъ крылья и, распростершись въ воздухѣ, поплылъ...

Я дремалъ, лежа подъ березой, уже съ полчаса, какъ вдругъ мой сестеръ, расположившись поодаль, громко залагалъ и вскопчилъ на ноги...

Я раскрылъ глаза.

Предо мной точно изъ земли выросъ маленькій толстенькій человѣчекъ, лѣтъ 65-ти, съ худощавымъ безбородымъ лицомъ, крохотными свинными глазками и такимъ миниатюрнымъ носикомъ, который, казалось, безъ труда можно было упрятать въ наперстокъ.

На сморщенныхъ щекахъ толстенькаго чело-вѣчка лежалъ густой румянецъ, рѣденыя усы торчали, какъ иголки.

На немъ была разлетайка и фуражка съ большимъ козырькомъ.

Пыхтя окуркомъ сигары, старикъ добродушно улыбался и грозилъ пальцемъ не-унивавшемуся сестеру.

Я приподнял голову,—онъ снялъ фуражку, причемъ обнажилась его лысая голова, и произнесъ пискливымъ голосомъ:

— Глубочайшее почтеніе-съ.

— А, Яковъ Ивановичъ... Здравствуйте... Крабъ, иси!

Яковъ Ивановичъ торопливой походкой приблизился ко мнѣ. Мы съ нимъ были старые знакомые. Старикъ почти безвыѣздно жилъ на берендѣевскомъ хуторѣ, по соседству, «на цепціонѣ», какъ онъ выражался. Это былъ очень милый, любезный чело-вѣкъ, большой говорунъ и политикъ.

Ослуживъ нѣсколькимъ поколѣніямъ баръ,

онъ доживалъ теперь свой вѣкъ въ обществѣ стараго кота Василія Ивановича, совершенно облѣнивагося и вѣчно спавшаго на лежанкѣ, свернувшись ко-омъ, и многочисленныхъ птицъ: канареекъ, щегловъ, перепеловъ и т. п., за которыми старикъ ухаживалъ заботливо до смѣшного. Поднявшись чуть свѣтъ, Яковъ Ивановичъ прежде всего принимался за чистку кѣттокъ, перемѣнялъ воду, насыпалъ зеренъ и только послѣ всѣхъ этихъ операций садился за ярко начищенный самоварчикъ и выпивалъ его до дна. Послѣ чаю читалъ газеты или старые журналы, потомъ что-нибудь мастерилъ, а вечеромъ или отправлялся на «посидѣлки», если была зима, или къ дьячку Филарету Ивановичу, своему старому другу.

Такой образъ жизни Якова Ивановича нарушался только съ пріѣздомъ барина, которому старикъ служилъ во все пребываніе Берендѣева на хуторѣ.

— Такъ говоря-съ, натурой наслаждаетесь и благовоніе древеснаго дышете?— жестикуюлирую и улыбаясь, произнесъ Яковъ Ивановичъ.

— Какъ видите.

— Такъ съ... Пріятное, такъ говоря-съ, времяпровожденіе...

Молчаніе.

— Ну, а какъ наша политика, Яковъ Ивановичъ?

Разговоръ о политикѣ былъ слабой стрункой его.

— Какъ вамъ сказать-съ, сударь?—Яковъ Ивановичъ скосилъ въ сторону глаза, помычалъ и, поигравъ пальцами, заговорилъ со-лиднымъ резонерскимъ тономъ:

— Аглицкая королева Вихторія дама, такъ говоря-сь, очень привлекательная, но изъ-за коварства ихнихъ министровъ турецкія злодѣйства не скоро еще снизойдутъ съ египетскаго горизонта, а что касаемо троинственнаго союза, то, такъ говоря-сь, это одна паутина: фу! И «прошаюсь, андель мой, съ тобою»... Былъ и нѣтъ его.

— По вашему, значить, шатокъ, Яковъ Ивановичъ?

— Слабѣ червя ползучаго.

— Ну, а Франція?

— Франція, одно слово, твердыня-сь. Во! Онъ досталъ табакерку, съ ожесточеніемъ попиохла и, вытевъ пальцы объ нижнюю часть разлетайки, присовокупилъ:

— И даю съ изволите тутъ проклаждаться?

— Недавно.

Онъ шлепнулъ головой.

— А вы куда это плывете, Яковъ Ивановичъ?

Яковъ Ивановичъ насупился.

— По «дѣлу съ» посланъ. (Онъ проинчски улыбнулся). Блажной посланъ...

— Какъ, Берендѣевъ прѣхалъ!

— Какже-сь, съ недѣлю почтось... Прѣхалъ, вишь, и заблажилъ...

— Что-же?

— Скучно, вишь, хе, хе... Веселья намъ подавай!

— Это въ деревнѣ-то?

— Такъ, вотъ, подите... Развѣ его вразумишь! Блажной, такъ блажной онъ и есть. Потому привыкъ смолоду куралесить, такъ и подъ старость... Такъ говоря, карахтеръ у его чисто Везувій, гора огнедышущая...

— Однако, я васъ задерживаю, Яковъ Ивановичъ...

— Ничего-сь, подождеть. Дѣло не важное-сь...

Въ то время, какъ Яковъ Ивановичъ говорилъ это, по ту сторону рѣчки, между берегами, показалась высокая, могучая фигура человека, лѣтъ семидесяти, съ окладистой сѣдой бородой, съ густыми, тоже сѣдыми волосами и съ симпатичнымъ чисто русскаго типа лицомъ.

Это былъ Берендѣевъ, «блажной баринъ».

На немъ былъ изящный костюмъ изъ лѣтней матеріи и соломенная шляпа. Въ одной рукѣ онъ держалъ черную съ серебромъ трость, въ другой — монокль.

Подойдя къ рѣкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ поперекъ ея лежало широкое дерево, замѣнявшее мостикъ, онъ остановился и, вскинувъ въ глазную орбиту монокль, сердито закричалъ:

— Жакъ?!

— Ухожу-сь...

Яковъ Ивановичъ проворчалъ себѣ подъ носъ еще что-то, отвѣсилъ мнѣ поклонъ и удалился.

II.

Берендѣевъ, между тѣмъ, осторожно перешелъ по дереву черезъ рѣчку и, привѣтливо улыбаясь, подходилъ ко мнѣ.

Я поднялся съ земли.

— Мы незнакомы, не правда-ли? Константинъ Михайловичъ Берендѣевъ... Вы..

Я назвалъ себя, мы познакомились. Не смотря на то, что я жилъ близко, по соседству, и на то, что Берендѣевъ почти каждое лѣто по долгу гостилъ на хуторѣ, я не былъ знакомъ съ Константиномъ Михайловичемъ.

А между тѣмъ Константинъ Михайловичъ Берендѣевъ была очень интересная личность, о которой по уѣзду ходило множество анек-

дотовъ, рассказовъ, былей и небылицъ. Разсказывали, напримѣръ, что еще относительно недавно берендѣевская усадьба славилась отменнымъ гостеприимствомъ, берендѣевскіе повара пользовались репутацией «маэстро кулинарныхъ дѣлъ», а про самого Константина Михайловича говорили, что это былъ хлѣбосоль и кутила, какихъ мало, цыганоманъ и страстный охотникъ. Но все это было, во всякомъ случаѣ, лѣтъ двадцать назадъ, въ настоящее же время Берендѣевъ не имѣлъ уже ничего. Имѣнія да и мѣ-да-но отошли въ купеческія руки, а лукулловскіе обѣды — въ область преданій, охота-же и многочисленный штатъ лакеевъ, поваровъ, пекарей и т. д. существовали лишь въ разсказахъ уѣздныхъ старожиловъ и ихъ матерей.

Берендѣева считали отъявленнымъ крѣпостникомъ и ретроградомъ и, по обыкновенію, не впопадъ. Напротивъ, Берендѣевъ былъ очень и очень либералъ, — отъ всей его могучей вѣншности, отъ его остроумныхъ рѣчей такъ и вѣяло этимъ духомъ; онъ не стѣснялся громко и всегда красиво, остроумно и краснорѣчиво порицать то, что ему не нравилось, и наоборотъ — отстаивать то, въ чемъ онъ видѣлъ несомнѣнную пользу, вѣяніе прогресса, культурное значеніе.

Берендѣевъ былъ прекрасно образованъ, отлично владѣлъ нѣсколькими европейскими языками, много ѣздилъ, много видалъ, много читалъ.

Даже и теперь, живя на счетъ двоихъ племянниковъ, крупныхъ петербургскихъ чиновниковъ и дѣльцовъ, выдававшихъ ему ежемесячно опредѣленную сумму, Константинъ Михайловичъ, какъ неутомимое перекати-поле, перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто, то появляясь въ петербургскомъ свѣтѣ, то на горизонтѣ ялтинскаго неба, то у насъ въ уѣздѣ, то на западныхъ курортахъ.

До нынѣшняго дня я не разъ видалъ Берендѣева мелькомъ, но сойтись не случалось...

— Не стыдно, а? не стыдно? Жить подъ рукой и избѣгать знакомства съ соседомъ и, притомъ, старикомъ... Ай, ай, ай! — добро душо улыбаясь, произнесъ Берендѣевъ, медленно, слегка растягивая слова, приятнымъ груднымъ голосомъ.

— Что дѣлать, Константинъ Михайловичъ, не представляюсь случая...

— Ахъ, полноте, не представлялся съ случая... Не оправдывайтесь: qui s'excuse — s'accuse, ха, ха... Признайтесь лучше, что не хѣтели... Mon Dieu! Le vieillard! O, la vieillesse est grondeuse! Sais, sais!

— Помилуйте, Константинъ Михайловичъ... Напротивъ, я-бы почелъ за...

— Assez, assez! — замахалъ онъ руками и, изобразивъ на лицѣ комически-печальную мину, протянулъ:

Были когда-то и мы рысакими...

Ну, ничего! Если хстите загладить свою вину, вы должны слѣдовать за мною... ко мнѣ... Я васъ поподчую отличной спаржей и мадерой... Eh bien!

Allons, enfants de la patrie...

Ха, ха... Не сердитесь и не обижайтесь, — дурачусь всегда, какъ мальчишка... Говорять, — это лучшее лекарство отъ сплина, скуки. За то, когда я въ дѣлахъ... о-о! Ха, ха, ха...

— Но скука, какъ сказано въ «Фаустѣ», отдохновеніе души.

— Абсурдъ! Не признаю и не допускаю этого... Мой девизъ: «живи — живи!» Отди-

хать или дѣмать можно только, полулежа въ качалкѣ, разбитому параличемъ, или какъ это называютъ буржуа, ко... ко... кондрашкой, ха, ха, ха...

Между тѣмъ, мы уже приближались къ хутору...

III.

Въ небольшой столовой, куда ввелъ меня хозяинъ, сълѣзъ сервировать завтракъ для одного лица, стояла бутылка мадеры, сыръ, икра и ваза съ фруктами.

Константинъ Михайловичъ позвонилъ. Вошелъ мальчикъ-подростокъ, съ голубыми веселыми глазами, блѣдно лицы, курчавый, въ голубой рубашкѣ съ серебрянымъ наборнымъ поясомъ, безрукавкѣ, плисовыхъ шараварахъ и высокихъ сапогахъ, отороченныхъ краснымъ сафьяномъ.

— Жанъ, еще приборъ

Жанъ удалился, а минуту спустя возвратился съ приборомъ для меня.

— Подавайте завтракъ.

— Слушаю-сь.

— Это мой любимый Лепорелло, — обратился ко мнѣ Берендѣевъ по уходѣ мальчика, — услужливъ и, по своему, очень не глупъ. Мы съ нимъ проѣхали весь Крымъ, были на Волгѣ, на Кавказѣ и, какъ бы вы думали, за-границей, въ Крейцнахъ! Онъ у меня недурный швецъ... послѣ завтрака хотите послушать?

— Съ удовольствіемъ.

— Мы больше, знаете, это насчетъ цыганскаго... Тяготѣние какое-то, родъ недуга, ха, ха... Дуэты распѣваемъ... Вы смѣетесь? Дѣйствительно, смѣшны... Прежде, бывало, у Яра услаждались, теперь... теперь въ Чертополоховскомъ уѣздѣ... ха, ха, ха... Времена мѣняются, что дѣлать! — гсворилъ Берендѣевъ, и по лицу, по губамъ его то-и-дѣло скользила горькая усмѣшка, а въ голосѣ слышались и грусть, и иронія, и тоска.

Жанъ внесъ на блюдѣ завтракъ.

— Поваръ трезвъ? — какъ ни въ чемъ не бывало, весело и беззаботно спросилъ у него Берендѣевъ.

— Какъ всегда-сь, — улыбнулся углами губъ Жанъ, стаивъ на столѣ съ ловкостью заправскаго лакея розбѣ.

— Ну, а ты, mio amico, въ какомъ сегодня настроеніи?

Жанъ вмѣсто отвѣта хихикнулъ и отошелъ въ уголъ.

Послѣ завтрака перешли въ гостиную и и Берендѣевъ сказалъ:

— И такъ, угодно вамъ послушать «комическаго шпія»?

Я вопросительно посмотрѣлъ на него; Берендѣевъ отъ души расхохотался.

— Вы въ недоумѣніи? Ха, ха!.. Успокойтесь, сейчасъ поймете все. Жан!

Тотъ вырвался, какъ изъ земли.

— Жанъ, il m'ennuie! — процѣдилъ сквозь зубы Константинъ Михайловичъ и откинулся къ спинкѣ почтеннаго бархатнаго дивана.

Жанъ улыбнулся улыбкой, которая ясно говорила: «понимаю, молъ»... и сконфуженно-стыдливо глянулъ на меня!

— Tu comprends?... — продолжалъ Берендѣевъ лѣниво.

— Комприней.

Ваня повернулся на каблучкахъ, выбѣжалъ изъ комнаты, а нѣсколько минутъ спустя возвратился съ гитарой.

Берендѣевъ поднялся съ дивана и прошелъ по комнатѣ.

Прогулка верхами въ окрестностяхъ Ялты. Оригинальный рисунокъ художницы Е. Красущинскій.

Сортировка перьевъ. Съ картины профессора А. Кившенко.

— Eh bien?

— Романъсь.

И Ваня молодцовато тряхнул кудрями и подбоченился.

— Vous comprenez enfin? — улыбнулся мнѣ Константинъ Михайловичъ.

— Догадываюсь.

— Ха, ха... Jean, je commence.

— Вуй.

Берендѣевъ еще разъ улыбнулся, какъ-бы заранѣе прося у меня спискожденія и, кивнувъ головою Ванѣ, заплѣлъ «Пару гнѣдыхъ». Ваня вторилъ и аккомпанировалъ ему...

Пѣли они, — одинъ баритонсмы, другой дискантомъ, и какъ-то тяжело становилось на душѣ отъ этого, правду сказать, очень недурного дуэта.

Берендѣевъ пѣлъ, видимо, съ наслажденіемъ... Онъ словно цѣликомъ уходилъ въ пѣніе, забывая всѣхъ и вся въ мірѣ: голосъ его былъ сильно разбитъ, онъ надрыбался, — этотъ голосъ, переходилъ въ хрипоту, въ какой-то рокотъ, но пѣвецъ, точно спохватившись, вдругъ овладѣвалъ имъ и вотъ-уже слышались чистые, музыкальные, ласкающіе слухъ звуки...

Нужно, дѣйствительно, любить цыганскіе мотивы, чтобы такъ ихъ пѣть...

Чуть-чуть потряхивая свей красивой головой и глядя въ окно, къ которому тянулись густыя сочныя вѣтви липы, онъ, очевидно, избѣгалъ моего взгляда и только произносилъ: «были когда-то и вы рысакими», взглянувъ на меня, лихорадочный огонекъ блеснулъ у него въ глазахъ... по лицу его пробѣжала тѣнь, и онъ опять перенесъ взоръ свой на окно...

Но я не спускалъ глазъ съ Берендѣева; меня, признаюсь, увлекало его пѣніе, меня очаровывалъ его разбитый голосъ. Я слушалъ, и вся прежняя безалаберная, шумная и, если хотите, бесполезная жизнь «благного барина», съ псовыми охотами, съ лукуловскими обѣдами и тому подобными широкими затѣями скучающаго празднаго челоуѣка, возставала передо мной... Давно-ли лѣтъла она, какъ эта воспѣваемая Берендѣевымъ «пара гнѣдыхъ», захватывая по пути всѣ тѣ земныя блага, какія только Константинъ Михайловичъ зналъ или о которыхъ мечталъ, еще сѣди на школьной скамѣ полу-русскаго, полу-французскаго московскаго pensionnat!..

Онъ бралъ отъ жизни все возможное, выжималъ всѣ ея соки, чтобы поддерживать шумный жизненный пиръ, чтобы никогда не дать остановиться конямъ... И кони мчались, мчались, пока хватало силъ, — годъ, пять, десять, двадцать лѣтъ, но вдругъ... вдругъ они споткнулись.

Очень просто, — силы надломались. ..Пиръ, какъ по маговенію, разомъ притихъ и разомъ-же улетучился угаръ... Голая истина, нисколько не стѣняясь, предстала предъ Берендѣевымъ, именно: двѣсти-триста рублей du don, подачки, — «несеніи», — въ мѣсяцъ и имя приживальщика богатыхъ, «умѣющихъ» жить племянниковъ...

У Вани былъ пріятный, сильный голосъ, но пѣніе его не захватывало, не производило даже большого впечатлѣнія. Такъ поютъ большинство архіерейскихъ пѣвчихъ.

Слушая, мнѣ становилось жалъ мальчика. Онъ былъ красивъ и хорошо сложенъ, грамотный, козеркалъ изъ угоды къ барину французскія слова и, безъ сомнѣнія, былъ избалованъ, какъ настоящій барчонокъ. Ре-

меса никакого не знаетъ и не будетъ знать слово: «деревня» возбуждаетъ уже съ немъ безразличную гримасу... Что ждетъ его въ будущемъ?...

Они кончили.

— Allez, Jean!

Jean поклонился и вышелъ.

Я разсыпался въ похвалахъ Константину Михайловичу, — онъ слушалъ и хохоталъ...

— Не пойте намъ диопримбовъ, но и не судите строго: мы только дилеттанты...

— Вы, очевидно, цыганофилы!

Берендѣевъ вздохнулъ комически — грустно.

— Былъ.

— А теперь?

— Горькая истина... Ха, ха, ха, ха...

Вошедшій тутъ Яковъ Ивановичъ доложилъ: «можно-съ».

— Что? — радостно вскрикнулъ Берендѣевъ.

— Можно т. е., такъ говоря, послушать, — флегматично произнесъ Яковъ Ивановичъ.

— Да? — И Берендѣевъ зашагалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. — Знаете, что, — ухватился онъ за меня, — мы съ вами сейчасъ побѣдимъ. Куда? Узнаете! Ну! О, честное слово, вамъ въ голову-бы никогда не пришло! Ново батенька, ново... Ахъ, comme c'est magnifique! Merci, Якакъ! Ну, что-же, такъ вы и не отгадаете, куда, а? Ха, ха! О, c'est ridicule, c'est drole mais c'est si agréable Якакъ, велите запретъ лошадей... Four in hands, на выносъ, слышите?

— Слушаю-съ.

— Мы съ вами въ цыганскій таборъ махнемъ... Изумлень! Ха, ха... Цыганъ, настоящаго цыганя послушать... Не дурно, а! Я думаю.

Мы живемъ среди полей

И лѣсовъ дремучихъ...

Ха, ха!.. Эти Домаши и Аниоты... О, я понимаю Пушкина воспѣвавшего Таню, я понимаю Языкова, засыпавшаго у ногъ цыганки, Листа, забывавшаго даже о своихъ концертахъ, я понимаю плакавшую отъ восторга Каталани!..

Берендѣевъ радовался, какъ ребенокъ; онъ сиялъ...

И, можетъ быть, никогда еще не оправдывался его девизъ въ такой степени, какъ въ эти минуты... «Живя — жить»...

IV.

Цыганскій таборъ, расположившійся на зеленомъ лугу, сбоку лѣса, еще издали привлекалъ вниманіе своимъ шумомъ и гамомъ...

Около грязныхъ шатровъ и нагруженныхъ телѣгъ копошились и галдѣли дѣти, утопившіе въ лохмотьяхъ; цыгане, одни задавали корма лошадямъ, другіе играли въ карты, поодаль высокій старикъ разводилъ костеръ, между телѣгами мелкали силуэты цыганокъ.

Не добывая четверти-версты до табора, мы вышли изъ экипажа и отправились туда пѣшкомъ.

Насъ замѣтили; въ таборѣ все зашевелилось; толпа ребятишекъ выбѣжала на встрѣчу намъ. Худенькія, смуглыя рученки вытянулись впередъ, и безпорядочный хриплый хоръ простуженныхъ дѣтскихъ голосовъ, наперерывъ одинъ передъ другимъ затанцевалъ:

— Таларіэнца! Гаспари! Гаспари! 1).

Берендѣевъ, спискодительно улыбаясь, вы-

сыпалъ на землю горсть мелкихъ серебряныхъ монетъ.

— Набуты! Набуты! 2) — раздалось въ отвѣтъ, но грязныя рученки закопошились въ травѣ, собирая монеты.

Между тѣмъ, къ намъ приблизился старикъ-цыганъ съ толпой ребятъ и, поздоровавшись, пригласилъ въ таборъ.

Гостей ждали. На столѣ, покрытомъ красивымъ азіатскимъ ковромъ, стояла бравина-та (вино), маро (хлѣбъ), сухое мачо (рыба) и ярэ (яйца).

Мы сѣли за столъ. Цыгане обоого пола образовали полукругъ и о чемъ-то зашептались.

Старикъ налилъ три кружки вина и чокнулся. Выпили.

— Гилы 3)? А? — молодцовато тряхнувъ сѣдыми кудрями, воскликнулъ старикъ, ставя на столъ кружку.

— Гилы! Гилы! — радостно отвѣчалъ ему Берендѣевъ.

— Гей, башады мангэ! 4).

И въ мигъ въ рукахъ пфуро 5) очутилась гитара.

Встрепенулись «дѣти степей»... заколыхались высокія груди, зардѣлись щеки, заискрились черныя очи...

Берендѣевъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, тяжело дышалъ и судорожно вздрагивалъ... Глядя на него, такъ и казалось, что вся цѣль жизни «благного барина», всѣ ея прелести заключались лишь въ этой пѣснѣ, которую вотъ-вотъ грянетъ хоръ. Улыбка, которую онъ старался подавить, безпрестанно появлялась на лицѣ Берендѣева и что-то пріятно щекотало старческіе нервы. Константинъ Михайловичъ улыбался хору и, казалось, готовъ былъ броситься на шею старику и задушить его въ своихъ объятіяхъ.

— Заира! Адарикъ 6), Заира! — крикнулъ пфуро въ толпу, а неуклюжіе костлявые пальцы его уже перебирали струны башады.

— Заира! — повторила старая отвратительная цыганка — жена пфуро, — стоявшая спереди хора.

— Заира! — какъ эхо, повторили всѣ, и красавица-цыганка, раздвигая толпу, появилась на сценѣ...

Заирѣ лѣтъ восемнадцать... Краса всего табора, — въ самомъ дѣлѣ, хороша черноокая Заира! Она беззаботна, какъ птичка, она не знаетъ жизни и горя и бѣды... Она не умѣетъ плакать, за то умѣетъ смѣяться... И далеко слышенъ бываеъ этотъ металлическій русалочій смѣхъ, когда онъ, какъ остріе кинжала, пронизываетъ голубой переливающейся воздухомъ, когда онъ, взлетѣвъ могучимъ долгимъ аккордомъ надъ гладью полей, будитъ безбрежныя нивы и дремучіе лѣса, и долго-долго не замираетъ... дрожитъ, и звенитъ... Хороша, чудно-хороша Заира, когда, отбросивъ назадъ волну своихъ черныхъ шолоховъ волосъ, улыбается она красавицу-цыгану, когда алые, какъ кровь, губы ея страстно дрожатъ и открываютъ два ряда чудныхъ жемчужныхъ зубовъ, или шепчутъ слова любви... Но еще лучше Заира въ минуты ревности! Черныя очи смуглянки то вдругъ еще больше потемнѣютъ какъ ночь, то заволакиваются дымкой, то вновь загорятся пожаромъ, то будто зарница блеснутъ изъ нихъ, то вспыхнетъ молнія... какой-то

1) Мало! Мало! 2) Песня. 3) Гей, гитару мнѣ.

4) Старикъ. 5) Сюда.

6) Денегъ! Денегъ!

токъ пробѣжалъ по тѣлу чародѣйки и гибкой, какъ лоза, стройный, какъ тополь, станъ ея и зыблется и извивается, какъ зигзагъ молніи... Яркій бухарскій кушакъ, перехваченный крупнымъ аметистомъ, канризно обвилъ унругій станъ роскошной дочери «лѣсовъ и полей», дукаты, какъ тяжелая броня, прикрыли шйку ея, голубая лента уговнула въ океанъ волосъ, которые, подобно многочисленнымъ тоненькимъ змѣйчикамъ, извиваются по плечамъ, каскадомъ спадая внизъ...

О, эти черноокія Заиры!

Граціозно улыбаясь, Заира поклонилась гостямъ и, подбоченясь, гордымъ взглядомъ окинула толпу своихъ.

Пфуро съ размаху ударилъ по струнамъ... Дрогнули струны, имъ откликнулись башадъ ребята, т. е. молодыхъ цыганъ, и могучій, рѣзкій аккордъ задрожалъ въ воздухѣ... Точно въ догонку за нимъ взлетѣлъ другой — и затренили струны...

Страстно изогнувшись впередъ, какъ наядъ, вся трепеща, какъ подстрѣленная птица, запѣла Заира, высоко вздымая грудь:

Мэ камава лэсъ¹⁾...

Отвратительная пфуромны²⁾ взвизгнула, махнула алымъ платкомъ и безшабашно-веселая, разудалая хоровая пѣсня полилась надъ таборомъ.

И не знаю, что это была за пѣсня... Но въ ней было все — и веселье и грусть... Звукъ, то страстные, какъ эти дочери свободы, то печальные, какъ трина, разгульные, какъ волна, когда вѣтеръ крѣпнѣетъ, нѣжныя, чѣмъ взглядъ красавицы, чередовались между собой, сталкивались, разбивались одинъ о другой, боролись, поглощали другъ-друга. Имъ вторили словно сердившіяся струны башадъ, топотъ аккомпанирующихъ... Восхитительное ріано, въ которомъ замиралъ хоръ и которое такъ гармонировало съ вечернимъ затихшемъ, неожиданно смѣнялось могучимъ, какъ ураганъ, forte... Звукъ все растетъ и растетъ, какъ растутъ морскіе валы въ часы прибоя, захватываютъ все ваше существо, уносятъ, точно на коврь-самолетъ, въ край невѣдомый, въ царство розъ и вѣчной любви, иллюзій и вакханалій... Пѣсня увлекала невольно.

Чѣмъ-то новымъ, сладкимъ вѣяло въ душу и закрадывалось въ сердце, хотѣлось безконечно слушать это волшебное «Мэ камава лэсъ...» хотѣлось безконечно смотреть въ бездонные, чертовски-очаровательные, жгучіе, какъ песокъ Сахары, глаза Заиры и ласкать, и цѣловать, и любить ее... Я глянулъ на Константина Михайловича...

«Блажной баринъ», что называется, таялъ. Подсородокъ у него трясся, лицо было залито сплошнымъ румянцемъ, на глазахъ выступили слезы.

Онъ пожиралъ глазами Заиру, подносилъ ко рту кружку съ прескверной бравинтой и то какъ-то растерянно-виновато улыбался, то лицо его выражало въ одно время и тоску, и досаду, и мольбу...

Наконецъ, пѣсня смолкла... Но чаще зарокотали, загремѣли струны башадъ, взвизгнули тамбурины, зазвѣзѣлъ самодѣльный бунчусъ... Выхлестъ изъ-за кушака бубень, Заира взмахнула имъ надъ головой... Колокольцы да бубенчики заговорили-зарыдали, какъ-бы прося снисхожденія...

— Ге-ей! — пронеслось протяжное, какъ стонъ.

— Громче, башадо! — крикнулъ пфуро.

— Ге-ей, — прилясывалъ хоръ.

— Адарикъ, адарикъ! адай-бахто, адай-гилы³⁾! махая шелковымъ платкомъ и топчась на мѣстѣ, какъ индюшка, вопила пфуромны...

— Ге-ей! Ге-ей...

Заира уже неслась въ сладострастной пляскѣ.

— Камъ манъ! Мэсомъ лачі! О, камъ манъ⁴⁾! — вся пылая страстью, извиваясь, какъ угорь, шептала она, какъ пьяная вакханка...

Берендѣевъ не выдержалъ наконецъ.

— Довольно! довольно! — замахалъ онъ руками и, бросивъ на столъ десятирублевку, первой торопливой походкой вышелъ изъ табора, отвертываясь отъ меня. Я, конечно, поспѣдовалъ за нимъ.

— Дэ мангэ про вастъ, бахтало панъ⁵⁾! — ухватясь за мой рукавъ простонала пфуромны. — Ту санъ лачо мануть⁶⁾!

Я сунулъ ей сколько-то въ руку. Она проворно спрятала деньги въ лохмотьяхъ и исчезла.

— Джа атася⁷⁾! — Это восклицаніе долго слышалось вслѣдъ мнѣ.

V.

— Замѣчательная красавица, — эта Заира! И какъ она поетъ... Сколько нѣги, сколько страсти!... подѣзжая къ хутору, не то восторженно, не то печально произнесъ Берендѣевъ и глубоко вздохнулъ.

Онъ былъ чрезвычайно взволнованъ и... смѣшонъ. Синія жилы, которыхъ я не замѣчалъ раньше, ярко выступали на его щекахъ, и лобъ бороздился глубокими морщинами, посинѣлыя губы казались совершенно безкровными. Берендѣевъ всю дорогу ерзалъ на мѣстѣ, откидываясь назадъ, прижимался ко мнѣ, опять отодвигался, какъ-будто все стараясь поудобнѣе усесться и не умѣя это сдѣлать.

— Да, дѣйствительно, отозвался я. Можно съ удовольствіемъ и слушать и смотрѣть!

— Можно...

И, рѣзко повернувшись ко мнѣ, Берендѣевъ громко и съ желчью добавилъ:

— О, если бы вы знали, голубчикъ, что это за ужасное несчастіе — обнищанность и какъ тяжело жить прошлымъ!

Я смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ...

Но Константинъ Михайловичъ ничего больше не сказалъ, отвернулся и раза три кивнулъ головой... Потомъ онъ поднялъ голову, и какая-то неопредѣленная усмѣшка, искрививъ ротъ, застыла на лицѣ Берендѣева...

Кругомъ все безмолствовало — и поля съ дозрѣвающимъ хлѣбомъ, и сѣрая дорога, и темнѣющая синева неба. Молчали и мы, и только въ ушахъ у меня назойливо, какъ комаръ, звѣзѣла фраза, сказанная Берендѣевымъ въ лѣсу и все еще звучащая проницей и грустью...

Были когда-то и мы рысакани...

П. Россіевъ.

¹⁾ Сюда, сюда! Здѣсь счастье, здѣсь пѣсни!...

²⁾ Люби меня! Хороша я! О, люби меня!

³⁾ Положи мнѣ на руку, счастливый баринъ

⁴⁾ Ты добрый человекъ.

⁵⁾ Приходи завтра.

¹⁾ Я люблю его...

²⁾ Старуха.

* * *

Что значатъ люди съ ихъ борьбою,
Съ тупымъ злоключеніемъ ихъ устъ,
Волны разбитая волною,
Лишенный листьевъ мертвый кустъ.

* * *

Ихъ жизнь, исполненная яда,
Промчится въ Лету безъ следа.
Одно имъ счастье — вражда,
Одно забвеніе — имъ награда.

* * *

Безсмертныхъ слава — имъ укоръ,
Имъ торжество — добра гонимъ,
Ихъ роковыя заблужденія
Тысятъ ихъ душъ кругозоръ...

К. Фофановъ.

ЖИТЕЙСКІЕ РАЗСЧЕТЫ.

ВЪ ДОМѢ Переверзевыхъ — крупное со-
бытіе.

Этотъ домъ, — въ обыкновенное время такой пустынный и мрачный, всѣмъ своимъ обветшалымъ великолѣпіемъ укоризненно напоминающій о настоящемъ оскуднѣвшемъ старомъ, дворянскомъ родѣ, — теперь вдругъ какъ-бы очнулся и повеселѣлъ, припарядился и ожилъ; превращенія подобнаго же рода произошли и съ его обитателями: такъ, у татапа Переверзевой почти внезапно прошла ея вѣчная, неизлечимая невралгія, а вмѣстѣ съ нею исчезло и то желчно-недовольное отношеніе ко всѣмъ окружающимъ, которое, за послѣдніе годы особенно, проявляла татапа. Рара, раздуренный и веселый, съ шаловливой улыбкой на губахъ, свидѣтельствующей лучше всякихъ словъ объ его блаженномъ настроеніи, выказывалъ необычайную жизнѣдѣтельность. Онъ поминутно суетился и волновался, отдавая разнообразныя приказанія, которыя самъ же вскорѣ отмѣнялъ и придумывалъ новыя. Онъ жаждалъ дѣятельности, бездѣйствіе давно уже его угнетало, потому что переписываніе старыхъ долговыхъ обязательствъ и ночи, проведенныя въ клубѣ за картами, даже самъ рара Переверзевъ не былъ въ состояніи считать дѣятельностью. Крупныя проигрыши и матеріальныя заботы за послѣдніе годы совсѣмъ было убили въ немъ всякую энергію. А когда-то, въ молодости, онъ во всемъ любилъ «проявленія жизни» и самъ проявлялъ такую «жизнь», о которой даже теперь вспомнить пріятно. И, вѣроятно, подъ наплывомъ молодыхъ мыслей и воспоминаній, рара съ шляпой въ рукахъ и съ легкомысленной улыбкой на лицѣ, ходилъ по кабинету, придумывая, куда-бы лучше всего приложить свою пробудившуюся жажду дѣла, свою воскресшую энергію. Онъ чувствуетъ себя необыкновенно спокойно и легко, какъ будто тяжелая ноша, много лѣтъ давившая своею тяжестью его плечи, теперь спала. И всѣ обитатели Переверзевскаго дома, начиная со швейцара Терентія, облекшагося въ новую ливрею, испытываютъ тоже: словно лучъ солнца проникъ, наконецъ, въ домъ, гдѣ столько времени царилъ мракъ и запыленіе, и согрѣлъ его своимъ яркимъ, живительнымъ свѣтомъ и тепломъ. Этотъ живительный, солнечный лучъ, по фигуральному выраженію самой татапа Переверзевой, былъ никто иной, какъ князь

Валеріанъ Тинскій... Конечно, нужно было обладать особо-пылкой фантазіей (каковую, безспорно, имѣла татап), чтобы рѣшиться дѣлать сравненія между такими несравнимыми предметами, какими были: сухой и поблекшій князь Тинскій и вѣчно юный солнечный лучъ. Но умъ татап охотно допускалъ подобное сравненіе, а ея чувствительное сердце было такъ дружески расположено къ князю, что оно допустило-бы въполнѣ безирепятственно и не такія еще сравненія! Вѣдь и то сказать: когда они, Переверзевы, «задыхались,

иниціативы. Онъ всегда поетъ лишь съ чужого голоса, всегда подъ чѣмъ-либо влияніемъ. На житейскихъ талантахъ рара, татап давно уже поставила крестъ... Но дочь, та единственная дочь, какъ двѣ капли воды похожая на татап въ молодости, кажется, она-то уже могла-бы оцѣнить все то, что сдѣлала для нея татап; однако, она рѣшительно игнорируетъ участіе татап, и предложеніе князя приписываетъ исключительно своимъ личнымъ достоинствамъ. Подобной неблагодарности татап не ожидала. Когда татап,

ее до глубины души, но теперь душа татап была слишкомъ переполнена ощущеніями болѣе радостнаго свойства, чтобы проявлять какое-либо возмущеніе. И татап отвѣтила лишь: «Я весьма счастлива, Зина, что могу поздравить тебя—ты дѣлаешь партію блестящую во всѣхъ отношеніяхъ».

Рара, присутствующій здѣсь, ничего не сказалъ. Огъ полноты чувствъ, охватившихъ родительское сердце, онъ могъ только пролепетать: поздравляю, поздравляю.

А затѣмъ пошліи радостныя ликованія по

Доголая бутылочка. Съ картины художника П. Массани.

буквально задыхались, подъ бременемъ долговъ и обязательствъ, когда послѣднее имѣніе было готово идти съ молотка и дому грозила та же участь, кто пришелъ? Кто спасъ? Князь Валеріанъ! Все князь! князь!»

При тонкой организаціи своей натуры, при необыкновенной впечатлительности нервовъ, татап не могла не чувствовать всего этого. Но, выдвигая князя на первый планъ, татап отнюдь не желала предоставить князю первой роли, а самой затеряться въ ряды безмолвствующихъ статистовъ. Своимъ жизненнымъ талантамъ и опытности она тоже знала цѣну, безъ нихъ ничего-бы не вышло. Умаленіе ея заслугъ, или полнѣйшее непониманіе, которыя она видитъ со стороны мужа и дочери, ужасно возмущаютъ татап. Ничто никогда такъ не возмущаетъ ее, какъ неблагодарность. Впрочемъ, въ мужѣ она давно уже разочаровалась: у него нѣтъ никакого умѣнія вести дѣла: ни самостоятельности, ни

вся трепещущая отъ скрытаго восторга—слѣдствія одержанной побѣды,—но съ горделивымъ достоинствомъ и съ полнымъ сознаніемъ блестяще выполненной своей миссіи, заявила дочери, что никто иной, какъ князь, князь Валеріанъ Валеріановичъ Тинскій, просить ея руки, на лицѣ Зиночки не отразилось ничего: ни восторга, ни изумленія. Она отнеслась къ этому, какъ къ факту, который рано или поздно, но долженъ былъ осуществиться. Когда же татап начала распространяться о добродѣтеляхъ князя вообще и о своихъ въ частности, проявившихся именно въ этомъ дѣлѣ, Зиночка нетерпѣливо подернула плечами и заявила гордо:—«Merci, татап, я все-это давно знаю... Я попросила-бы васъ передать князю, что я принимаю его предложеніе. Вы и рара, конечно, не имѣете ничего противъ?» Татап только вздохнула; при другихъ обстоятельствахъ такая неблагодарность со стороны дочери возмущала-бы

всему дому, рара повеселѣлъ окончательно; у татап почти исчезла ея невралгія, и весь домъ, страхиувъ заботу о близящемся разореніи, точно проснулся и ожилъ: Зиночка была официально объявлена невѣстой князя Валеріана Тинскаго.

Всѣ были согласны, что партія, дѣлаемая Зиночкой, блестяща. Князь былъ богатъ, съ прекраснымъ прошлымъ, съ отличнымъ положеніемъ въ настоящемъ. Объ этомъ не могло быть двухъ различныхъ мнѣній. Но злые языки, преимущественно маманекъ, имѣющихъ взрослыхъ дочерей, однако, порицали и князя, и его выборъ. Порицали конечно, не за то, что онъ женится на дѣвушкѣ второе моложе себя, объ этомъ даже злые языки умалчивали. Самый фактъ женитьбы князя—никого не возмущалъ, возмущало лишь то обстоятельство, что князь женится именно на Зиночкѣ Переверзевой. Тогда

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Ф. КЛЕЙНМИХЕЛЯ.

Перывъ вѣтра.

же была произведена самая строгая критическая оценка добродетелей Зиночки и по общему приговору критики их оказалось весьма и весьма немного; однако, это несколько не помешало «искренно» поздравлять будущую княгиню Тинскую; впрочем, Зиночку несколько не занимало, кто и что говорит про нее. Она и сама, в свою очередь, была не прочь дать волю своему острому языку среди общего злостовья штофных и триповых гостиных...

Теперь же она была озабочена более важным, чѣмъ какіе-либо пересуды и толки. Предъ нею открывался тотъ міръ удовольствій, богатства и роскоши, о которомъ она такъ давно мечтала. Она была убѣждена, что «жизнь есть вѣчный праздникъ; быстрая смѣна разнообразныхъ наслажденій и утѣхъ—есть жизнь».

Такой-же взглядъ на жизнь имѣли и татап и рара и Зиночка унаследовала его отъ нихъ, какъ примѣрная дочь своихъ родителей. «Жить—значитъ не отказывать себѣ ни въ чемъ» не разъ изрекала татап, рара молчаливымъ, но краснорѣчивымъ, вздохомъ скрѣпляла слова татап и они рано западали въ голову Зиночки. Она восприняла ихъ на вѣру, псецѣло довѣряя житейской мудрости татап и опытности рара; подступающее разореніе семьи, поздиѣ, окончательно закрѣпило эти взгляды въ глазахъ Зиночки. Они стали уже убѣжденіями. Она отлично поняла на опытъ, что отказывать себѣ во всемъ и вѣчно пуждаться въ средствахъ далеко не пріятно...

Лѣтняя поѣздка въ свою разоренную деревню, вмѣсто предполагаемаго путешествія на заграничныя воды, постоянная озабоченность рара, первозность татап и тысячи другихъ мелочей больно кололи ея самолюбіе и ясно подсказывали, что жизнь безъ средствъ есть ничто иное, какъ положеніе раба обстоятельства. Эту мысль давно и усердно развивала татап передъ Зиночкой. Это было песенно, тяжело! Зиночка, въ своихъ мечтахъ видѣвшая себя героиней, вдругъ, — раба какихъ то тамъ обстоятельствъ! Она, привыкшая къ поклоненію, она царица всѣхъ баловъ, собиравшая кругомъ себя сотни поклонниковъ, должна задыхаться въ какой-то деревенской глуши, гдѣ нѣтъ никого кромѣ мужиковъ, въ то время когда все лучшее общество проводить такъ мило время за границей. Зиночка негодовала и плакала; татап вздыхала и мягко, но внушительно укоряла рара за деревенскую скуку вообще и за Зиночкину въ частности; рара советомъ надалъ духомъ и съ какой-то невѣроятной торжественностью подчинился и выговорамъ татап, и негодованію Зиночки, и деревенской скукѣ. Но Зиночка подчиняться чему-бы то ни было не желала. До сихъ поръ ея желанія были закономъ для всѣхъ. Она пробовала бороться, по средства для подобной борьбы не оказались. Слезы, первы, злоба не производили никакихъ эффектовъ, кромѣ невралгій у татап... А другихъ средствъ у Зиночки не было. Тогда пришлось, если не подчиниться, то примириться съ обстоятельствами.

И она примирилась съ настоящимъ, чтобы потомъ въ будущемъ жестоко отомстить за себя. Она вѣрила въ это будущее, а пока замкнулась въ области своихъ мечтаній и глупій. Она пріучила себя смотрѣть на свою настоящую жизнь не болѣе какъ на переходную ступень къ чему-то новому и, конечно, неизмѣримо лучшему. Этотъ переворотъ столь естественный въ жизни каждой дѣвушки—

былъ, конечно, ничто иное какъ замужество. Въ десяткахъ окружавшихъ ее поклонниковъ она не стѣснѣла ни одного, подходящаго къ ея взглядамъ на замужество. Взгляды эти были далеко не мечтательнаго свойства, они имѣли вполне реальную подкладку. Зиночка вполне точно и опредѣленно могла отдать себѣ отчетъ въ своихъ требованіяхъ къ своему будущему супругу. Она отлично поняла теперь, что даже тотъ десятокъ-другой напболѣе пламенныхъ поклонниковъ ея красоты, который она записала въ свой штатъ, никогда не сдѣлаютъ никакого рѣшительнаго шага, ограничиваясь поклоненіемъ, комплиментами. Одни изъ нихъ сами ищутъ того-же, чего и она: средствъ. Женившись они хотятъ поправить свои дѣла; другіе хотя и ничего не ищутъ, но они еще слишкомъ молоды: предъ ними еще школьная скамейка, наконецъ, за третьихъ она сама-бы не вышла...

Она смотритъ теперь на бракъ просто и серьезно; ни о какихъ герояхъ она не мечтаетъ; это было позволительно въ шестнадцать лѣтъ дѣвочки-подростку. Имя, положеніе и средства—вотъ ея требованія отъ будущаго супруга. Это называется сдѣлать «партію». «Бракъ и любовь—дѣла вещи глубоко различныя», таково мнѣніе татап и Зиночки въ то-же время. Нужны большія гарантіи, чѣмъ одно скорпроходящее чувство любви. Всѣ такія гарантіи и представлялъ князь Тинскій. Но среди всѣхъ этихъ меркантильныхъ расчетовъ, пошлыхъ, житейскихъ соображеній, гдѣ-то глубоко, въ сердцѣ Зиночки уцѣлѣлъ уголокъ не затянутый еще жизненной тивой. Въ этомъ уголкѣ еще робко копошились шестнадцатилѣтнія мечтанія, осыпшія, но когда-то горячія чувства дѣвочки-подростка. Тамъ еще жилъ какой-то мечтательный образъ невѣдомаго героя,—героя ея сердца. Эго-ли мечтательный образъ она перенесла тогда на живаго человека, или этотъ живой человекъ помогъ ей дорисовать свой идеалъ, но, какъ бы то ни было, сердце ея не было тогда пусто. Тогда ей было шестнадцать лѣтъ, теперь же двадцать, но все прошедшее кажется ей какимъ-то сномъ, какой-то сказкой. Она теперь смѣется надъ прошлымъ, краснѣетъ за тѣ строки, которыя когда-то чертила ея рука на листахъ забытыхъ писемъ, на страницахъ забытаго дневника. Ей стыдно прошлаго, словно раскаявшейся грѣшницѣ былыхъ прегрѣшеній. Но отчего же еще недавно, еще только вчера, когда она хотѣла вполне покончить съ прошлымъ и сжечь послѣднюю еще уцѣлѣвшую переписку юности, хранимую въ шкатулкѣ подъ замкомъ, ей вдругъ стало какъ-то грустно, не по себѣ и невольно въ ея воображеніи рядомъ съ сухой, старческой фигурой князя вырисовывалось какое то другое, молодое, красивое и знакомое ей лицо? И ей сдѣлалось какъ будто жалъ юности, ея незрѣлыхъ мечтаній, ея надеждъ, грезъ п... Чернова. Въ воображеніи Зиночки Черновъ и ея юность были нераздѣлимы, какъ юность съ первою любовью. Опъ далеко теперь, но онъ все еще любитъ ее. Это она знаетъ изъ его писемъ. Она сама вдругъ круто оборвала переписку съ своей стороны, послѣ помолвки съ княземъ. И теперь ей захотѣлось, какъ бывало, присѣсть къ своему письменному столу и, какъ давно бывало, искренно и просто сказать обо всемъ ему «пустъ хотя одинъ онъ не вѣритъ, что она счастлива».

Но это было мгновеннымъ порывомъ. И какъ бы устыдась своего невольнаго порыва, она быстро взяла связку писемъ и бросила

въ каминъ. Прошлое было погребено; одинъ сѣроватый пепелъ тлѣющей бумаги говорилъ еще о немъ... Настоящее заключалось въ какихъ-то лихорадочно поспѣшныхъ приготовленияхъ, къ свадьбѣ и только одно будущее какъ ясное, майское утро разстилалось передъ Зиночкой такое спокойное, тихое, улыбающееся. «Жизнь есть вѣчный праздникъ; быстрая смѣна разнообразныхъ наслажденій и утѣхъ—есть жизнь». Эгого-то вѣчнаго праздника она и справляла канунъ, нетерпѣливо ожидая его наступленія.

И этотъ день, наконецъ, наступилъ.

Еще съ утра рара проявлялъ необычайную жизнедѣятельность и необыкновенную разсѣянность. Опъ поминутно отдавалъ различные приказанія и забывая о нихъ, отдавалъ новыя, противорѣчащія первымъ; однако, не сердился и лишь весьма мягко бранилъ людей за неповинливость. Матап гордо и безшумно скорѣе проплывала, чѣмъ проходила по комнатамъ съ озабоченнымъ видомъ и съ постоянной улыбкой на лицѣ. Зиночка еще почивала. Она никогда не любила различныхъ приготовленій и сутолоки, предпочитая имъ теплую и покойную постель. Она проснулась, по обыкновенію, поздно, когда уже озабоченность рара достигла высшаго напряженія, когда татап тоже устала волноваться. Мягкіе лучи веселнаго солнца пробілись сквозь не плотно спущенную занавѣсь окна, рассыпались по комнатѣ, скользя по розовой обивкѣ ея стѣны.

Зиночка закрыла глаза и зажмурилась, отдаваясь утренней нѣгѣ и мечтамъ. Она мысленно представила себѣ великолѣпную картину, какъ она гордо и величественно войдетъ сегодня въ церковь во всемъ ослѣпительномъ блескѣ своего подвѣнчнаго наряда. Блескъ огней, брилліантовъ промелькнулъ передъ ней... Но мечтать ей не пришлось долго... Дверь слегка скрипнула; Зиночка недовольно подняла голову.

Въ комнату вошла тихо и степенно пожилая женщина.

— Что скажешь, няня?—спросила Зиночка съ любопытствомъ.

Приходъ няньки возмѣчалъ всегда нѣчто необычное.

— А все то же говорить-то мнѣ приходится...—со вздохомъ отвѣтила старуха.—Затѣвали вы это дѣло и меня, старуху, припутали...

— Ну, полно, полно няня! Что письмо? Письмо опять?

— Вамъ хорошо говорить, а опъ вѣдь изпылъ поди тамъ сердечный, то и дѣло письмо за письмомъ шлетъ. Хотъ бы отписали ему сами, что такъ молъ и такъ и всей перепискѣ конецъ. Одинъ конецъ-то лучше...

Няня одна въ домѣ недовольна свадьбой Зиночки. Она вполне на сторонѣ Чернова. У Зиночки нѣтъ отъ нея тайны, она является наперсницей всѣхъ ея тайнъ.

Зиночка молчитъ и смотритъ въ сторону. Няня вздыхаетъ и лѣзетъ въ карманъ. Изъ бездонныхъ глубинъ этого кармана она медленно вытаскиваетъ письмо, проводитъ по нему рукою и подаетъ его Зиночкѣ, а сама, искоса смотря на Зиночку, глядитъ въ сторону. Но Зиночка ничего не видитъ и не слышитъ. Лицо ея то всматривается, то блѣднѣетъ. Старуха не сводитъ глазъ съ Зиночки и сокрушенно качаетъ головою.

— Опъ все знаетъ, няня... все.

Нянька молчитъ, теребя уголь передника.

— Ахъ, няня, няня, какъ тяжело все это! Зачѣмъ пишешь такъ? Вѣдь онъ знаетъ, что

не можетъ на мнѣ жениться... Какъ это жестоко! Ты не поймешь меня, но онъ, онъ-то могъ бы понять, что я не могу любить князя, хотя и буду его женой. И къ чему эти упреки, какая-то ревность, злоба къ князю? Я не дала никакого повода къ этому. Это такъ мелко, мелко и... Зиночка не договорила и задумалась.

— Да, если бы на это письмо и отвѣтила вамъ mademoiselle Переверзеева, то княгиня Тинская не отвѣтитъ вамъ никогда!—проговорила Зиночка не безъ пафоса, разрывая письмо на мелкіе клочки. И затѣмъ уже болѣе спокойно и холодно произнесла, обращаясь къ нянѣ:

— Позовите горничную и велите дать мнѣ одѣваться!

Она выдержала свою роль до конца. Но когда дверь закрылась за нянкой, Зиночка не могла совладать съ возрастающимъ волненіемъ. Не то чтобы ей жаль было Чернова, но во всякомъ случаѣ крутого разрыва съ нимъ она отнюдь не желала. Разрывъ еще могъ послѣдовать, но никакъ уже ни съ его стороны. Она вѣрила въ свою будущность, а въ этомъ будущемъ на него, Чернова, возлагались кое какія и немаловажныя надежды. Онъ этого не понималъ. Бракъ и любовь двѣ вещи глубоко различныя и она можетъ быть женою князя и все таки любить его—Чернова.

Въ лихорадочно-возбужденномъ настроеніи всѣхъ обитателей Переверзеевскаго дома чувствуется праздникъ; подобное настроеніе передается Зиночкѣ и всецѣло овладѣваетъ ею. Она чувствуетъ себя героинею дня и это льститъ ей, правится, какъ капризному ребенку новая погрешка. А такихъ погрешекъ сегодняшній день припасъ не мало...

Сборы къ вѣнцу начались рано. Въ бѣломъ платьѣ съ длиннымъ трепомъ, съ гирляндами разбросанныхъ цвѣтовъ Зиночка была хороша, обычно. Въ сто первый разъ она глядитъ на себя въ зеркало и остается довольна собою. Сборъ оконченъ; наступаютъ непріятныя минуты ожиданія. Князь медлитъ; рара въ водненіи ходитъ по комнатамъ, поминутно вынимая часы изъ кармана; тамапъ озабоченно смотритъ на рара и тоже выражаетъ нетерпѣніе.

Стукъ колесъ подъѣзжающей кареты раздается подъ окнами. Рара дѣлаетъ впередъ нѣсколько стремительныхъ шаговъ и не желая, вѣроятно, столь поспѣшнымъ движеніемъ уронить всей солидной важности своей фигуры, останавливается посреди комнаты. Мамап, вся проникнутая важностью наступающей минуты, съ глубокимъ вздохомъ опускается на диванъ. Одна Зиночка улыбается и гордо окидываетъ взоромъ собравшихся подругъ. Водворяется общее молчанье. Но вмѣсто ожидаемаго пріѣзда шафера князя, въ дѣржахъ залы появляется незнакомая фигура, человѣка въ пзмятомъ фракѣ, безъ перчатокъ и уводитъ рара въ сосѣднюю комнату. Проходитъ нѣсколько долгихъ минутъ и рара жалкій, убитый, растерянный снова появляется въ залѣ. Онъ растерянно глядитъ по сторонамъ и, обращаясь къ тамап, бормочетъ нѣчто непонятное:—князь дурно... съ княземъ ударъ...

— Ударъ?—переспрашиваетъ тамап съ ужасомъ и безъ чувствъ опускается на диванъ. Зиночка вскрикиваетъ и падаетъ на полъ...

— Воды! Дайте сюда воды!—кричитъ неистово рара и самъ чувствуетъ тоже, что ноги у него подкашиваются. Онъ безпомощно машетъ рукою и нетвердо выходитъ изъ залы...

Съ княземъ дѣйствительно приключился ударъ.

Рара уже засталъ холодющій трупъ.

Всѣ честолюбивыя планы и надежды Зиночки разлетѣлись въ прахъ. Она чувствовала себя окончателно подавленной случившимися событіями. Она заперлась въ своей комнатѣ не желая никого видѣть. Въ каждомъ словѣ близкихъ людей ей слышалось нѣчто похожее на утѣшеніе, на участіе, которыя больно задѣвали ея самолюбіе. Вѣра въ «жизнь» жестоко обманула ее. «Вѣчный праздникъ», котораго еще такъ недавно она ждала отъ жизни смѣнился въ настоящемъ сѣрыми буднями. И прежняя вѣра Зиночки замѣнилась сплошнымъ отрицаніемъ. Тогда-то невольнo въ ея непривыкшей къ усиленной работѣ головѣ явился вопросъ:—стоитъ ли жить? Она стѣбала на него, ни мале не задумываясь, отрицательно. Рядъ томительныхъ, скучныхъ дней, близкое раззореніе, которое послѣ помолвки съ княземъ она привыкла считать уже несуществующимъ призракомъ, промелькнули передъ нею. «И это то будущее, о которомъ столько мечтала она сама, о которомъ столько твердили ей и тамап и рара и князь?» Какая-то злоба на весь міръ Божій и всѣхъ людей овладѣла Зиночкой. Она невиндѣла теперь все до своего собственнаго существованія включительно. Какъ въ ненависти, такъ и во всѣхъ остальныхъ своихъ чувствахъ она привыкла доверяться порыву безъ раздумья, безъ анализа. Она, какъ челнокъ, плывущій безъ руля, всегда была игрушкою своихъ чувствъ, которыя управлялись сами собою безъ всякаго вѣдома и контроля съ ея стороны. О цѣли, о смыслѣ жизни ей никогда задумываться не приходилось, никогда подобныя вопросы не посѣщали ея головы. Она жила, какъ живутъ «всѣ», и если чего желала, то жить лучше, богаче, веселѣе, чѣмъ живутъ эти «всѣ». Иныхъ запросовъ къ жизни, кромѣ удовлетворенія своего личнаго, тщеславнаго «я», у Зиночки не было. Да и откуда, на какой почвѣ могли вырасти они? Прежде она мечтала о будущемъ, теперь будущее сѣро и мрачно и мечтать о немъ нельзя; она не вѣритъ въ него. Она убѣждена въ томъ, что жить не стоитъ.—Лучше умереть! Это рѣшеніе не было ни сознательнымъ, ни исполнѣ определеннымъ. Оно пришло въ голову Зиночки вмѣстѣ съ тѣмъ злобнымъ чувствомъ, которое охватило ее. «Да, она отомститъ за себя. Она не покорится дѣйствительности!» И въ ея воображеніи вырисовывались такъ ясно лица рара, тамап, Чернова и всѣхъ окружающихъ, встревоженные, разстроенныя лица. Ей ни жаль ихъ нисколько... Да и ни о жалости, а объ эффектѣ своего поступка думала Зиночка. Даже смерть, смерть величественную именно въ своей простотѣ она желала-бы обставить возможно

большими эффектами. Мысль Зиночки, какъ рѣка, попавшая въ одно русло, продолжала бѣжать въ томъ же направленіи. Умереть она не боится нисколько, но какъ умереть?—вогъ вопросъ. Развѣ она, Зиночка, можетъ умереть такъ, какъ умираютъ какія-либо мѣщанки, или горничныя, отравившись фосфорными спичками. Такая смерть слишкомъ позорна и... мучительна. Она знаетъ средство гораздо лучше и радикальнѣе. Мамап постоянно прибѣгаетъ къ нему для возобновленія жизненной энергіи, Зиночка поступитъ наоборотъ. Она приметъ этого же самаго морфія и заснетъ навсегда. Это такъ просто и нисколько не мучительно. Объ этомъ она слышала не разъ, и гдѣ-то, въ какомъ то французскомъ романѣ, героиня умерла именно такъ, оставивъ длинное письмо герою.

Зиночка присѣла къ столу и на листкѣ розовой бумаги начала что-то писать.

Подъ вліяніемъ своего письма она начала самой себѣ казаться какой-то невѣдомой героиней, рѣшающейся на безспорно геройскій поступокъ.

Затѣмъ изъ висячаго шкафика Зиночка бережно вынула флаконъ съ ядомъ, похищенный изъ комнаты тамап, и приложила къ нему губами. Все это она произвела безъ малѣйшаго замѣшательства, но затѣмъ уже пошли колебанія. Зиночка весьма практично разочла, что пить всего не стоитъ, потому что тогда уже можно «навѣрно» умереть. А «навѣрно» умереть—въ этомъ она уже начала колебаться. Ей казалось теперь, пожалуй, достаточнымъ одного эффекта, вызваннаго ея рѣшимостью.

Она проглотила нѣсколько капель яда и ей вдругъ стало страшно и жутко, словно она сдѣлала болѣе серьезный поступокъ, чѣмъ думала объ этомъ раньше. Но тотчасъ же ее охватило какое то возбужденіе, какой то приливъ силъ и энергіи, и жизнь, такъ презираемая ею за минуту, теперь рисовалась въ таккихъ яркихъ, заманчивыхъ краскахъ.

— Спасите меня! Спасите!—крикнула Зиночка, выбѣгая изъ комнаты. Ни рара, ни тамап, никого не было: всѣ уѣхали на похороны князя. Прислуга тоже куда-то разбѣжалась. Зиночка чувствуетъ, что преемное, долгое возбужденіе, какъ слѣдствіе принятаго яда, проходить, силы слабѣютъ, и глаза ея застилаются какой-то туманъ, голова кружится. Зиночка только можетъ слабо вскрикнуть и падаетъ около постели на полъ. Силъ уже нѣтъ, чтобы подняться; смыкаются отяжелѣвшія вѣки, и Зиночкѣ хочется спать, такъ хочется спать, какъ никогда съ ней не бывало. И она засыпаетъ такъ тихо и сладко, затѣмъ, чтобы уже никогда болѣе не проснуться, незамѣтно пройдя границу, отдѣляющую жизнь отъ смерти...

Жизнь всегда была для Зиночки сказкой со всѣми ея миражами и ужасами, и этой сказкѣ наступилъ конецъ. Впннть ли ее? Виноваталн она за тѣ условія жизни, въ которыхъ выросла, за то воспитаніе, которое дали ей, за ту ложь, фальшь и обманъ, за ту пустоту жизни, среди которыхъ пришлось ей вращаться. Чѣмъ бросать укоризною въ мертвыхъ, по лучше-ли обратиться къ живымъ...

Николан Дмнтріевъ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА В. ФОГЛЕРА.

ПРІЯТНАЯ НАХОДКА ВЪ БУКЕТѢ.

РИСОВАЛЪ А. ВИРУШЪ-КОВАЛЬСКІЙ.

Уличныя сценки въ Бердичевѣ.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

— Уѣхала? Куда?
— Въ Вѣну. Понимаешь?
— Понимаю. Ты думаешь о бѣднякѣ Моріесѣ? Если-бы Лена захотѣла обманывать, ей не зачѣмъ было-бы ѣхать на берега синяго Дуная. Но она навѣрное сказала себѣ, что ея пребываніе тамъ будетъ тебѣ особенно неприятно. Что заставило ее уѣхать?

— Тотъ вечеръ въ Оперѣ.

— Она черезчуръ трагически отнеслась къ этому.

Когда они пріѣхали въ клубъ и заперлись въ отдѣльной комнатѣ, принцъ далъ Арману прочесть письмо Реджи. Прочитавъ, Арманъ сказалъ:

— Она не вернется, пока...

— Пока я не разойдусь съ женою.

— Боюсь, что такъ.

— Я разведусь, я рѣшился. Я съ ума сойду, я не могу жить безъ Лены.

— Ты мнѣ не одинъ разъ это говорилъ. Но только я не знаю, какъ ты сдѣлаешь съ принцессой? Она безупречна.

— Это-то меня и бѣситъ.

— Вотъ странный мужъ!

— Я просто предложу принцессѣ разойтись по добровольному согласію. Я дамъ ей понять, что не хочу разрывать съ Леной и что ея достоинство требуетъ нашего развода.

— А если она откажетъ?..

— Если откажетъ?.. Я пойду! Всегда можно найти, я заставлю ее просить объ разводѣ.

— Если ты не найдешь, я укажу тебѣ!

— Ты? Что такое?

— Не теперь! Ты поспѣшишь воспользоваться и только испортишь дѣло. Притомъ, ты совсѣмъ забываешь ликвидацію, которая тебѣ грозитъ; ты вѣдь долженъ заплатить послѣ-завтра триста тысячъ франковъ. Спасти тебя можетъ только твоя жена. Впрочемъ, по свадебному контракту, въ случаѣ развода ты имѣешь право на шесть милліоновъ.

— Тѣмъ скорѣе мнѣ нуженъ разводъ, онъ во всякомъ случаѣ выручитъ меня. Что до того, чтобы спросить у Джэпъ нужную мнѣ сумму...

— Попробуй. Если она откажетъ, у тебя будетъ еще поводъ къ ссорѣ съ ней. Да она не можетъ отказать,—слишкомъ будетъ стыдно.

— Хорошо, я завтра поговорю съ принцессой... Я написалъ Ленѣ, что хочу развестись съ женой, пусть она возвращается—все ея желанія будутъ исполнены. Я просилъ ее телеграфировать и до сихъ поръ нѣтъ отвѣта.

— Да она еще не успѣла получить твое письмо. Успокойся, не сумасшествуй. Все устроится. Прежде всего думай о твоей ликвидаціи.

— Ты правъ! Завтра утромъ я поговорю съ принцессой. Приходи завтракать. Будемъ одни, принцесса большею частью завтракаетъ у себя.

На другое утро, часовъ около десяти, огорченный, что изъ Вѣны не было ни письма, ни телеграммы, принцъ колебался, не лучше-ли будетъ письменно объясниться съ женою, но наконецъ, стыдясь своей нерѣшительности, онъ поднялся на верхъ. Въ будuarѣ онъ нашелъ горничную, которая побѣжала преду-

предить свою госпожу. Удивленная такимъ раннимъ визитомъ, Джэпъ подумала, что онъ хочетъ говорить съ ней по поводу ея встрѣчи съ Рено, и нѣсколько блѣдная, вышла въ сопровожденіи своихъ дѣтей. Маргерита подбѣжала къ отцу, онъ холодно обнялъ ее и попросилъ госпожу Бренъ увести дѣтей, потому что ему нужно говорить насчетъ съ женою. Едва за ней закрылась дверь, какъ Робертъ торопливо сказалъ:

— Другъ мой, я въ большомъ затрудненіи и только вы можете меня выручить.

— Въ чемъ дѣло? — спросила принцесса, радуясь, что рѣчь идетъ не о встрѣчѣ въ Гаврѣ, о которой де-Марга должно быть забытъ.

— Въ деньгахъ; моя честь тутъ замѣшана. Меня запереть завтра на биржѣ, если я не уплачу разницы.

— Вы сообщасте мнѣ очень печальную вѣсть. Я падѣлась...

— Я увлекся, это несомнѣнно. Но во всякомъ случаѣ, я долженъ расплатиться по этой разорительной ликвидаціи.

— Разорительной!.. Значитъ вы задолжали очень большую сумму?

— Четыреста тысячъ франковъ.

— Почти годъ нашего дохода!.. Что же я могу тутъ сдѣлать?

— Дать вашу подпись, я тогда найду нужную мнѣ сумму.

— Я не могу ее вамъ дать.

— Почему?

— Двѣ недѣли тому назадъ, когда мой отецъ пріѣхалъ въ Парижъ, господинъ Мансіонъ пришелъ ко мнѣ съ герцогомъ де-Можолемъ, объяснилъ мнѣ наше положеніе, оказалось, что наши долги простраются до двухъ милліоновъ,—я говорю нашимъ, потому что давала свою подпись. И это не считая вашихъ личныхъ долговъ, которые, какъ они мнѣ сказали, должны быть очень велики.

— Не понимаю, зачѣмъ вы позволяете герцогу де-Можолю и нашему нотаріусу становиться между нами?—Принцъ произнесъ эти слова рѣзкимъ голосомъ и подошелъ къ камину. Онъ съ трудомъ сдерживался.

— Вы сами подняли денежный вопросъ,—отвѣчала принцесса съ нѣкоторою твердостью, —а если я упомянула о герцогѣ и нотаріусѣ, то потому, что, объяснивъ мнѣ положеніе нашихъ дѣлъ, господинъ Мансіонъ заявилъ, что не желаетъ брать на себя ответственности и считаетъ себя обязаннымъ предупредить моего отца, если я въ нашемъ обществѣ интересъ не дамъ обѣщанія не подписывать никакой бумаги, не посоветовавшись съ нимъ. Господинъ Мансіонъ просилъ герцога присутствовать при нашемъ разговорѣ, потому что знаетъ, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ и привязанностью я отношусь къ вашему дядѣ.

— Герцогъ мѣшается не въ свое дѣло, и я скажу ему это. А Мансіонъ никогда не осмѣлится рассказывать что-либо мистеру Гаррису.

— Вы ошибаетесь, я упростила его не оскорблять вашего самолюбія. Крімъ того, я оласалась, что бы нотаріусъ не передалъ моему отцу нѣкоторыхъ вещей, которыя-бы очень огорчили моего отца,—простите, что я упоминаю объ этомъ, очень печальномъ для меня обстоятельстве,—и я обѣщала все, что отъ

меня требовало. Нашъ нотаріусъ прибавилъ, что если вы обратитесь къ нему, онъ беретъ въ довольно короткое время возстановить равновѣсіе нашего бюджета.

— Изъ всего этого я только вижу ясно, что вы отказываете мнѣ въ вашей подписи и я долженъ буду занимать деньги за чудовищные проценты, въ то время, какъ у моей жены двѣнадцать милліоновъ приданого. И то еще если Арманъ найдетъ мнѣ подходящихъ ростовщиковъ.

— Я думаю, что наше финансовое и семейное положеніе было бы гораздо лучше, если бы господинъ баронъ де-Марга никогда не переступалъ порога этого дома.

— Я не понимаю, что вы имѣете противъ Армана, онъ всегда такъ хорошо отзывался о васъ. И такъ это рѣшено? Вы не хотите выручать меня?

— При всемъ моемъ желаніи я не могу.

— Дѣлать печего,—и онъ сердито отворилъ дверь, собираясь уйти.

— Погодите минутку... Я думаю... Четыреста тысячъ франковъ, вы говорите?

Принцъ де-Саллернъ повернулся, глаза его засверкали жадностью, но онъ счѣмъ съ сохранилъ маску спокойствія и презрѣнія.

— Да,—продолжала Джэпъ, ничего не замѣчая,—я думаю, я могу достать вамъ нужную сумму.

— Мнѣ нужны деньги сегодня вечеромъ или завтра утромъ.

— Мнѣ нужно только узнать, могу-ли я получить деньги сегодня. Вы будете дома завтракать?

— Да, но у меня будетъ Арманъ, я просилъ его зайти, чтобы поговорить съ нимъ.

— Я позавтракаю у себя, когда вернусь.

— И такъ, до свиданія.

— Черезъ часъ. Будьте спокойны.

Принцесса прошла въ уборную и быстро одѣлась, затѣмъ велѣла запереть лошади и позвала Мари, которой рассказала происшедшую сцену.

— Но откуда ты достанешь эту сумму?—спросила испуганная Мари.

— Очень просто,—сказала Джэпъ, подходя къ шкафчику, въ которомъ были спрятаны ея драгоценности и вынимая большой бѣлый ящикъ.—Пойдемте вѣстѣ. Мой отецъ заплатилъ за него около милліона, следовательно я могу смѣло надѣяться получить за него четыреста тысячъ.

Нѣсколько минутъ спустя Джэпъ, которому было приказано сторожить отъѣздъ его госпожи и подслушать, куда она поѣдетъ, явился доложить, что принцесса уѣхала съ госпожею Бренъ и велѣла ѣхать на бульваръ Мадленъ.

— Она не хочетъ, чтобы знали, куда она поѣхала,—подумалъ Робертъ.—Мнѣ это все равно, лишь бы она привезла мои четыреста тысячъ. И вездѣ съ этой Бренъ. Нужно положить этому конецъ! Она имѣетъ такое вліяніе на Джэпъ, которое мнѣ не нравится. Эта Бренъ богаче меня, у меня ничего не осталось изъ двѣнадцати тысячъ дохода, оставленнаго отцомъ!

Онъ сталъ раздумывать, какъ онъ употребитъ деньги, которыя жена доставитъ. Онъ заплатитъ часть своему агенту, купитъ еще какихъ-нибудь акцій, уплатитъ нѣкоторые кричащіе долги. У него еще останется ско-

до ста тысячъ, на нихъ онъ снова попытаетъ счастье, не всегда же оно будетъ измѣнять ему. Во время этихъ расчетовъ вошелъ Арманъ и спросилъ, чѣмъ кончился разговоръ съ женой. Робертъ разсказалъ ему все и прибавилъ:

— Ты видишь, что не легко было. О тебѣ почему-то она отзывалась скверно, на что я ей отвѣтилъ, что она не права, такъ какъ ты никогда не говоришь о ней дурно.

— А, она бранитъ меня; можетъ быть, мы оба ошибаемся.

— Что ты хочешь сказать?

— Что моей прелестной кузинѣ слѣдовало бы быть снисходительнѣе къ другимъ. И въ одинъ прекрасный день... Что это, Жеромъ отворяетъ ворота.

Принцъ подбѣжалъ къ окну. Экипажъ принцессы подѣхалъ къ подъѣзду.

— Такъ скоро! — сказалъ онъ, — нѣтъ еще сорока минутъ, какъ она уѣхала.

— Уйти мнѣ въ другую комнату?

— Нѣтъ, оставайся. Если нужно будетъ, она попроситъ меня подняться къ ней наверхъ.

Но въ эту минуту дочь Джона Гарриса появилась въ дверяхъ, она была блѣдна какъ смерть и сильно взволнована. Робертъ и Арманъ, испуганные, бросились къ ней, но движеньемъ руки она остановила ихъ. Марга взяла шляпу и хотѣла уйти, предчувствуя семейную сцену, свидѣтелемъ которой не желала быть. Джэнъ насмѣшливо замѣтила:

— Оставайтесь пожалуйста. Вы можете дать мнѣ необходимыя свѣдѣнія.

— Что съ вами? — спросилъ принцъ. — Что случилось?

— Весьма непріятная вещь! Для разъясненія ея я прошу васъ собрать всю нашу прислугу.

— Зачѣмъ? Я не понимаю!

— Зачѣмъ, что ко мнѣ забрались воры, поддѣльными ключомъ открыли шкафъ, въ которомъ хранятся мои драгоценности, и замѣнили фальшивыми камнями драгоценные камни въ моемъ жемчужномъ ожерельи. Чтобы выручить васъ, я хотѣла продать его. Вотъ смотрите!

Она бросила ящикъ съ ожерельемъ на столъ. Робертъ въ ужасѣ обмѣнялся взглядомъ съ Арманомъ.

— Что-же? Зовите прислугу. У меня въ комнатахъ совершенно воровство совзмомо, въ вашемъ интересѣ столько-же, сколько и въ моемъ, найти вора. Или, можетъ быть, вы и вашъ кузенъ знаете его?

— Сударыня! — вскричалъ Арманъ высокомерно.

— Мое ожерелье было извѣстно всѣмъ ювелирамъ Парижа. Ювелиръ, у котораго я была, общалъ черезъ нѣсколько часовъ дать мнѣ знать, когда и кто поддѣлывалъ жемчугъ. Что-же господа, должна я обратиться къ прокурору?

— Будетъ, сударыня! — вскричалъ Робертъ, покраснѣвъ скорѣе отъ униженія и гнѣва, чѣмъ отъ стыда. — Никто не заставлялъ вашего шкафа. Я думалъ, что вы давно знаете... Прошлое лѣто всѣ ваши драгоценности лежали въ Лионскѣмъ Кредитѣ въ нашемъ супдукѣ, отъ котораго ключъ у меня. Мнѣ нужно было немедленно уплатить большую сумму. Вы были въ Диниѣ, больная, я не могъ васъ беспокоить. И тогда...

— И тогда, вы укр... Господи! Я надѣялся, что это не вы! Вы, принцъ де-Саллернъ, вы, баронъ де-Марга, французскіе дворяне!

Молодая женщина едва держалась на но-

гахъ. Глубокое презрѣніе слышалось въ ея голосѣ.

— Я прощала вамъ все, — обратилась она къ принцу, — вашу невнимательность, вашу небрежность, ваши постоянныя отлучки изъ дому, ваши безумныя траты, наносимое мнѣ оскорбленіе, какъ женѣ и матери. Все это я приписывала вашей молодости, слабости характера, желанію казаться, вліянію вашихъ друзей. Я надѣялась, что вы, наконецъ, вернетесь ко мнѣ. А въ это время вы играли моимъ довѣріемъ и топтали въ грязь имя вашего сына. Жалѣю васъ! А вы, баронъ де-Марга, будьте прокляты! Вашему злополучному вліянію этотъ домъ обязанъ всѣми своими несчастіями и стыдомъ. Будь моя воля, я бы выгнала васъ.

И шатаясь, принцесса отворила дверь курительной и упала на руки Мари, которая ждала ее.

— Видишь, я былъ правъ, — сказалъ Арманъ, — когда въ прошломъ году совѣтовалъ тебѣ разсказать все твоей женѣ. Она не приняла бы такъ этого къ сердцу. Ее больше всего сердить, что ей не удалось свелікодушничать и ожерелья она лишилась.

— Она напишетъ своему отцу и скажетъ герцогу де-Можолу...

— Она ничего никому не скажетъ. Она вполне женщина. Она никогда не сознается, что надѣвала поддѣльные камни. Притомъ она слишкомъ гордится твоимъ именемъ и не захочетъ паложить пятно на имя, которое носитъ сама и которое принадлежитъ ея сыну. Не бойся. Она скоро перестанетъ сердиться.

— За то я не скоро забуду. Я никогда не прошу ей сегодняшней сцены.

— А мнѣ смѣшно! Меня проклинали жепщина, отецъ которой ограбилъ и чуть не убилъ моего отца. Дочь Джо Гарриса должна быть снисходительнѣе къ сыну барона де-Марга.

— Что ты хочешь сказать?

— Ахъ да! Ты не знаешь. Ты замѣтилъ, какъ мой отецъ относится къ янки и что онъ избѣгалъ встрѣчи съ Гаррисомъ?

— Да, онъ даже не былъ у меня на свадьбѣ. Почему?

— О, исторія не длинная, но интересная. — И шутивымъ тономъ Арманъ разсказалъ все, что зналъ о пребываніи своего отца въ Америкѣ.

— Да это мошенникъ, разбойникъ, этотъ америкецъ! И на его дочери мы заставили меня жениться! Почему вы скрыли отъ меня эту гадость?

— Не говори глупостей. У миссъ Гаррисъ было двѣнадцать милліоновъ, плюсъ тринадцатый. Ты все равно бы на ней женился. Ты зналъ, что у твоей будущей жены былъ уже женихъ, но это тебя не остановило. Ахъ да, кстати, мы вчера видѣли этого жениха въ Гаврѣ.

— Кто это мы?

— То-есть, твоя жена видѣла его. Я провозжалъ твоего тестя на рейдъ, а они тѣмъ временемъ встрѣтились на берегу. Я засталъ ихъ за нѣжнымъ разговоромъ въ присутствіи господина Бренъ, конечно!

— Вездѣ она! Почему ты не сказалъ мнѣ этого вечера?

— Не подумалъ.. или лучше сказать, тержалъ про себя. Когда я подходилъ къ дамамъ, собесѣдникъ поспѣшно удался, но я успѣлъ узнать нашего общаго знакомаго — господина Марсеа Рено, который былъ консуломъ въ Чикаго.

— О! мой соперникъ въ министерствѣ испуганныхъ дѣлъ! И моя жена видѣлась съ

нимъ, разговаривала, — эта строгая, безупречная принцесса де-Саллернъ? И что-же, онъ вернулся въ Парижъ въ одномъ поѣздѣ съ вами?

— Не знаю. Не могъ-же онъ сидѣть съ ними въ дамскомъ отдѣленіи. Ужъ не думаешь-ли ты преслѣдовать господина Рено, ты будешь только смѣшонъ. Прежде всего нужно искать денегъ. Это будетъ трудненько.

— Не настолько, какъ ты думаешь.

И взявъ листъ бумаги, принцъ написалъ:

«Милостивая Государыня.

Я увѣренъ, вы вполне со мной согласитесь что послѣ сегодняшней сцены жить вмѣстѣ намъ нельзя. Развестись мы должны безъ шума и скандала. Выберите адвоката, который переговоритъ съ моимъ адвокатомъ относительно нашего развода. Мы оба будемъ свободны, и общество ничего не узнаетъ о причинахъ, также, какъ о происхожденіи состоянія вашего отца и вашей вчерашней встрѣчѣ въ Гаврѣ, отчета въ которой я имѣю полное право у васъ требовать.

Принцъ Робертъ де-Саллернъ».

— Прочти. — Онъ передалъ письмо Арману.

— Презосходно, но не понимаю, какъ-же деньги...

— Ты забываешь что въ моемъ свадебномъ контрактѣ сказано, что въ случаѣ развода я получаю шесть милліоновъ въ полную собственность.

— Превосходно! Но если твоя жена откажется отъ развода?

— Я принужу ее. Да она побойтса, что похождения ея отца въ Калифорніи станутъ извѣстны и что я могу сдѣлать что-нибудь ея Марселю Рено.

— Правда. Еще письмо?

— Только два слова, — и принцъ лихорадочно писалъ:

«Дорогая моя.

Твое желаніе равняется приказанію. Просьба о разводѣ будетъ подана завтра, и дѣло пойдетъ быстро, потому что моя жена не меньше меня желаетъ освободиться. Возвращайся, умоляю тебя, единственная, любимая, обожаемая. Возвращайся, если не хочешь, чтобы я сошелъ съ ума отъ отчаянія. Твой Робертъ».

Принцъ запечаталъ оба письма и письмо къ Ленѣ положилъ въ бумажникъ, не желая никому довѣрять его, и позвонилъ.

— Отнесите принцессѣ это письмо и этого ящика, — сказалъ онъ вошедшему Баптистину. — Я не буду дома ни завтракать, ни обѣдать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА СО ДНЯ КОНЧИНЫ Н. В. СТАСОВОЙ.

27-го сентябля, текущаго года, исполнилась первая годовщина смерти Надежды Васильевны Стасовой — извѣстной труженицы по дѣлу женскаго образованія. Н. В. родилась въ 1822 году въ довольно богатой семьѣ. Мало-помалу въ душѣ ея пробудилось призваніе труженицы и общественнаго дѣятеля. Н. В. вполне посвятила себя движению въ пользу женскаго образованія, развившемуся сперва въ горячей критикѣ дореформеннаго женскаго воспитанія и образованія, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ учрежденіе въ 1858 г. женскихъ гимназій, а затѣмъ въ концѣ 60-хъ годовъ вызвавшее ими стремленіе къ высшему женскому образованію. Последнее скоро нашло свое осуществленіе съ учрежденіемъ высшихъ женскихъ курсовъ, сначала въ Москвѣ

—Лубянскихъ (1869 г.) и курсовъ Герье (1872 г.), потомъ въ Кіевѣ и Казани (1876 г.) и, наконецъ, въ Петербургѣ (1878 г.). Еще за нѣсколько лѣтъ до учрежденія петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, а именно съ 29-го ноября 1869 г., въ Петербургѣ были открыты, по инициативѣ Е. И. Конради и благодаря энергіи Е. Н. Ворониной, А. П. Филосовой и проф. А. Н. Бекетова, такъ называемые Владимірскіе курсы, въ формѣ публичныхъ лекцій для мужчинъ и женщинъ, совместно, по предметамъ историко-филологическихъ и физико-математическихъ. Какъ горячая поборница высшаго женскаго образованія, Н. В. Стасова принимала самое живое участіе въ дѣятельности этихъ курсовъ. Владимірскіе курсы просуществовали не долго. Они имѣли временное значеніе, возникнувъ лишь въ видѣ суррогата правильно организованнаго высшихъ женскихъ курсовъ, успѣвшихъ уже въ то время открыться въ Москвѣ, Кіевѣ и Казани, или подобныхъ женскимъ медицинскимъ курсамъ, учрежденнымъ въ Петербургѣ въ 1872 г. Благодаря энергіи небольшого кружка частныхъ лицъ, во главѣ котораго стояла А. П. Филосова, въ Петербургѣ 20 сентября 1878 года открылись Бестужевскіе высшіе женскіе курсы и учредилось поддерживающее ихъ «Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ». Н. В. Стасова, бывшая съ самаго начала въ числѣ дѣятелей создавшаго курсы кружка, вошла въ первый же составъ комитета указаннаго сейчасъ общества и приняла на себя должность распорядительницы на курсахъ. Въ этой отвѣтственной роли она проработала нѣсколько лѣтъ, т. е. до введенія въ 1889 году новаго положенія о курсахъ, совершенно измѣнившаго ихъ организацію. За тѣмъ упомянемъ ея дѣятельность въ «Обществѣ дешевыхъ квартиръ», членомъ котораго она состояла, кѣмъ, съ самаго его возникновенія, Н. В. примкнула къ обществу «Дѣтская помощь», организовала такъ называемыя «Ясли» для дѣтей фабричныхъ работниковъ, дежурила даже въ воскресныхъ школахъ. «Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ», открылось 22-го октября 1893 г. На первомъ же собраніи этого общества Н. В. была избрана его почетнымъ членомъ, а затѣмъ и его председателемъ. Наконецъ, въ послѣдній годъ своей жизни, уже имѣя 72 года и почти слѣпая, Н. В. принимала самое дѣятельное участіе въ созданіи новаго общества: «Русское женское взаимно-благотворительное общество» и 25-го мая 1895 г. была избрана на торжественномъ открытіи этого общества его председателемъ. Во всѣхъ этихъ обществахъ Н. В., сильная духомъ, не смотря на большую физическую слабость, принимала самое активное и горячее участіе. 27-го сентября Н. В. Стасову съ грустью похоронили многочисленные ея почитатели.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Лунная ночь. Оригинальный рисунокъ художника Е. Степанова.

«Ночь осенняя полна
Луннымъ трепетнымъ сіяньемъ,
Спать прелесть; тишина...
Даже вѣтеръ въ чаряхъ сна
Словно дышетъ обаяньемъ.»

* * *

Ниспадаетъ желтый листъ
Тихо съ вѣтокъ оголенныхъ;
Мохъ и влажень, и дунасть,
Лунный отблескъ серебристъ
На просторѣ вождь безсонныхъ!..»

Прогулка верхомъ въ Ялтѣ. Рисунокъ художн. Е. Краснушкиной.

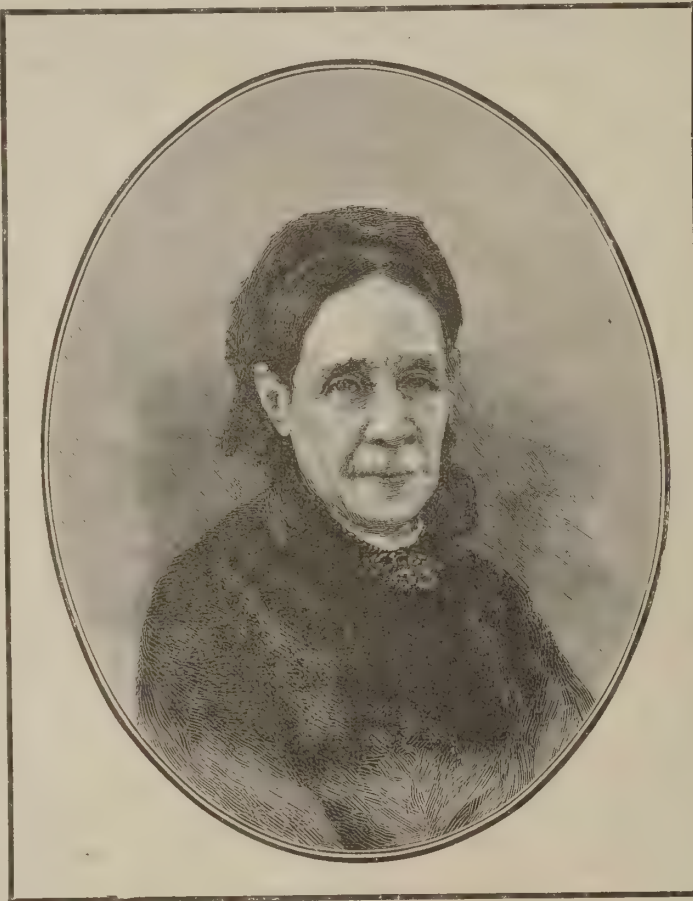
Живописныя окрестности Ялты привлекаютъ много туристовъ и туристокъ. Но, какъ говорятъ злые языки, послѣднія—т. е. туристки—интересуются не только природой, но и красавцами-проводниками татарамъ. Легкій ятинскій фаворъ съ проводникомъ до такой степени распространился, что наши беллетристы и художники берутъ его очень часто сюжетомъ для своихъ произведеній. Вспомнимъ рассказы Щеглова и даже картину на этотъ сюжетъ самого И. Е. Рѣпина. Молодая художница Е. Краснушкина изобразила эти интересныя сценки въ цѣломъ рядѣ изящныхъ картинокъ, проникнутыхъ тонкимъ юморомъ. Мы уже давали не одну изъ нихъ въ нашемъ журн. лѣ. На рисункѣ въ этомъ номерѣ изображенъ благодушно кейфующій татаринъ, развалившійся у ногъ

щихъ сѣдлать сѣдлачекъ изъ бутылки. Сцена эта исполнена мастерски, живо, реально.

Дорогая бутылочка. Съ картины художника П. Массени.

Старичекъ, котораго нарисовалъ художникъ Массени, видимо большой охотникъ выпить стаканъ другой хорошаго вина. Но такъ-какъ это ему не вредитъ, то старушка-жена очень снисходительно относится къ слабости мужа. Вотъ и теперь, когда изъ лавки принесли недѣльный запасъ вина, старичекъ схватилъ самую большую бутылку и сказалъ: «Это моя! Эта дорогая бутылочка. Вотъ я ее сейчасъ выпью...» И онъ прижимаетъ къ сердцу бутылку. А старушка добродушно смѣется и твердитъ сквозь смѣхъ: «А ну, выпей-ка! Я тебѣ задамъ тогда!»

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА СО ДНЯ СМЕРТИ.

Н. В. Стасова.

Извѣстная труженица по дѣлу женскаго образованія.

Порывъ вѣтра. Съ картины художника Ф. Клейнмихеля.

Просто ужасъ, какихъ хлопотъ можетъ надѣлать такая ничтожная вещь, какъ внезапный порывъ вѣтра!.. Сидѣла себѣ мирно и благодушно за завтракомъ пожилой панаша и молоденькая дочка. Даже успѣли начать партію въ шахматы, послѣ того, какъ весело закусили.. Уже молодая, но ловкая противница успѣла сказать шахъ королю и сильно смутила этихъ отца. Вдругъ вѣтеръ хлестнулъ скатертью, закрылъ ею посуду и разсыпалъ такъ интересно начатую партію. Такая досада! Отецъ схватилъ поспѣше доску съ шахматами, а дочка сплела кувшинъ и сахарницу отъ гибели. Но сахарницу-то спасти можно, а вотъ вернуть почти выигранную партію нельзя теперь. Воо ще обѣды и завтраки на воздухъ сопряжены со многими неприяностями и неожиданностями.

Пріятная находка въ букетѣ. Съ картины худ. В. Фоллера.

Эта эффектная молодая красавица сегодня очень весела и догольна. Она получила объясненіе въ любви, письменное, съ массою во клицательныхъ знакахъ. Конечно, это далеко не первое письмо такого рода, ихъ у нея хранится нѣсколько десятковъ—но лишній разъ насладиться филіамомъ, который всѣ курятъ ея красотѣ, все-таки пріятно. И письмо-то это доставлено такъ романтически, такъ таинственно—его привнесъ въ букетъ невѣстный лакей по порученію какого-то таинственнаго незнакомаго. Да, красавица очень довольна пріятной находкой и со вниманіемъ читаетъ пылкія признанія. «Кто-бы это могъ быть?»—думаетъ она.—«Гдѣ и когда меня видѣлъ?» И горделивая улыбка озаряетъ прелестное личико молодой кокетки. Сегодня къ радужнымъ поклонникамъ, жаждущимъ только новенія ея розового пальчика, присоединился новый. Какъ польщено тщелавіе красавицы! Да, въ букетѣ была пріятная находка!

Уличная сценка въ Бердичевѣ. Съ картины художника А. Вируш-Ковальскаго.

Южно-русскіе города кишатъ тысячами евреевъ самыхъ разнообразныхъ профессій, сводящихся, конечно, въ общемъ къ одной цѣли: нажить деньги. Особенно богаты евреями Бердичевъ, отличающийся еще и неимоверной грязью. Уличная сценка на картинѣ Вируш-Ковальскаго чрезвычайно характерна. Улица залита глубокой, жидкой грязью. Сторонкой у забора, выбирая мѣстечко посуше, пробираются городеки обывательницы съ покупками. Осенній дождикъ моросилъ съ утра и теперь только на минуту утихъ. Возница на незграбной тележкѣ ждетъ, но тщетно, сѣдокъ. Одинъ юркій еврей съ длинными пейсами, только-что обработавшій выгодный гешефтъ, не смущается ни глубокой грязью, ни сыростью. Онъ невозмутимо шагаетъ по лужамъ и, открывъ большой кошелекъ, пересчитываетъ барыши. Удачный день ему удался наживать столько, то онъ скоро бы открылъ сначала лавочку стараго тряпья, потомъ уже магазинъ поддержанныхъ вещей и наконецъ—вѣнецъ своихъ желаній—банкирскую контору. Да, навѣрно это такъ и будетъ, судя по его хитрому лицу!..

Сортировка перьевъ. Съ картины профессора А. Кившенко (Выставка картинъ русскихъ художниковъ въ Императорской академіи художествъ 1896 года).

Эта замѣчательная картина покойнаго профессора А. Д. Кившенко пользовалась огромнымъ успѣхомъ на парижской выставкѣ картинъ. Исполненіе ея нѣсколько напоминаетъ французскую манеру письма, а сюжетъ словно взятъ изъ какой-нибудь ультра-реальной сцены Золя. Напримѣръ, перебранка прачекъ въ романѣ «Западня» очень похожа на эту сцену сортировщицъ перьевъ у Кившенко. Въ пыльной, душной комнатѣ, за грошовую плату, молодыя и старыя работницы сортируютъ перья битой птицей. Работа не легкая и непріятная, по своей пыли, набирающейся въ ротъ и глаза. Неудрено, что работницы не могутъ похвалиться хорошимъ расположеніемъ духа. Вотъ и затѣялась довольно горячая ссора, которая сильно занимаетъ всѣхъ. Одна изъ спорящихъ, сильно жестикулируя, уличаетъ противницу въ какой-то погрѣшности. Но та, молодцевато подперевъ бока руками, отвѣчаетъ тоже бранью и насмѣшками. Пользуясь остановкой въ работѣ, одна изъ присутствующихъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

Габріель Ганото.
Министръ иностранныхъ дѣлъ.

Помѣщая портреты наиболѣе выдающихся дѣятелей французскаго министерства Мелина, на долю котораго выпала великая честь представлять свою страну Царственному Союзнику, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать краткую ихъ характеристику.

Министръ земледѣлія и министръ-президентъ Мелинъ, президентъ Вогезскаго генеральнаго совѣта, бывшій президентъ палаты депутатовъ, бывшій министръ земледѣлія въ самомъ прочномъ и долготѣнемъ изъ кабинетовъ третьей республики, Жюль Ферри. Годился въ 1838 году, получилъ юридическое образованіе, но, посвятивъ себя всецѣло вопросамъ земли и тарифовъ, считается отцомъ покровительственной системы и боевымъ представителемъ умѣренныхъ

республиканцевъ. Въ личныхъ отношеніяхъ мягкій, сердечный и добродушный человѣкъ съ безукоризненнымъ прошлымъ и незапятнаннымъ именемъ; пользуется любовью друзей и уваженіемъ враговъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Габріель Ганото, одинъ изъ талантливейшихъ представителей молодой Франціи. Началъ карьеру на дипломатической аренѣ, выдѣлившись въ качествѣ совѣтника посольства въ Константинополь. Специалистъ по колоніальнымъ вопросамъ, и искусный дипломатъ. Несмотря на молодость (ему теперь тридцать шесть лѣтъ), успѣлъ стоять три раза во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, обеспечивъ за собой крупныя заслуги, въ качествѣ по-

Мелинъ.
Министръ земледѣлія и министръ-президентъ.

литика. Искренній и убѣжденный другъ Россіи и защитникъ колоніальнаго могущества Франціи; авторъ превосходнаго труда о Рিশелье. Выпущено пока два тома.

Министръ народнаго просвѣщенія Рамбо, сенаторъ, примыкающій къ лѣвой радикальной; вотируя за кабинетъ Буржуа и навлекъ на себя гнѣвъ друзей, вступивъ въ умѣренное министерство Мелина. Въ качествѣ профессора литературы извѣстенъ учеными трудами о Россіи и русской литературѣ, давшими ему громкое имя. Онъ прекрасно владѣетъ, между прочимъ, практически русскимъ языкомъ.

Вице-адмиралъ Бенаръ.
Морской министръ.

Морской министръ, вице-адмиралъ Бенаръ, специалистъ морскаго дѣла; строгій и требовательный, но благородный и прямой характеръ; одинъ изъ лучшихъ представителей французскаго флота, гдѣ такъ много славныхъ именъ, и боевыхъ репутацій.

Военный министръ генералъ Билльо, другъ Гамбетты, бывшій генералъ-инспекторъ арміи. Достигнувъ предѣльнаго возраста, перешелъ въ сенатъ, гдѣ, въ качествѣ законодателя, выступалъ всегда въ защиту военныхъ реформъ; очень популяренъ въ арміи, гдѣ имя его связано съ славными страницами франко-германской кровавой эпопеи 1870 года.

Генералъ Билльо.
Военный министръ.

Рамбо.
Министръ народнаго просвѣщенія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

5-го октября, въ 4 часа 15 мин. утра, въ Новомъ Петергофѣ, въ Знаменскомъ дворцѣ, въ имѣніи Великаго Князя Петра Николаевича, супруга Его Императорскаго Высочества Великая Княгиня Милица Николаевна благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нарѣченнымъ при святой молитвѣ Романомъ. Здоровье Августѣйшей родильницы и Высокопорожденнаго вполнѣ удовлетворительно. Бюлетень о разрѣшеніи отъ бремени Ея Императорскаго Высочества подписанъ лейбъ-акушеромъ Оттомъ и докторомъ Драпичнымъ. Въ прибавленіи къ «Правительственному Вѣстнику» напечатанъ слѣдующій бюлетень о состояніи здоровья Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Милицы Николаевны: «Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Милица Николаевна ночь провела хорошо, самочувствіе отличное. температура 36,4, пульсъ 66 ударовъ въ минуту. Состояніе здоровья Высокопорожденнаго также вполнѣ удовлетворительно. Лейбъ-акушеръ *Оттомъ*».

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Путешествіе Ихъ Императорскихъ Величествъ. — 4-го октября въ Гомбургѣ состоялась, въ присутствіи Высочайшихъ особъ, прибывшихъ съ многочисленной и блестящей свитой, торжественная закладка православной русской церкви. Присутствовали также члены распорядительнаго комитета по сооруженію храма т. с. Проворовъ и петербургскій городской голова Ратьковъ-Рожновъ, а также профессор архитектуры Л. Н. Бенуа и строитель ея Якоби. Протоіерей Протопоповъ прочелъ актъ о закладкѣ церкви. Ихъ Величества и другія Августѣйшія Особы положили монеты на краеугольный камень. Государь Императоръ положилъ первый камень тремя ударами молотка, вдовствующая императрица Викторія, Государыня Императрица и прочія Августѣйшія Особы, а также лица свиты положили около пятнадцати камней въ формѣ креста.

7-го октября въ 2 ч. пополудни въ Дармштадтѣ прибылъ императоръ Вильгельмъ, чтобы сдѣлать визитъ Государю Императору. Въ вокзалѣ желѣзной дороги императоръ Вильгельмъ былъ встрѣченъ великимъ герцогомъ гессенскимъ и вѣдетъ съ нимъ просѣдовалъ въ Новый дворецъ, гдѣ состоялся фамильный обѣдъ. Публика привѣтствовала императора Вильгельма восторженными кликами.

Франція. — Командиръ французскаго 6-го армейскаго корпуса генералъ Гервье издалъ приказъ по корпусу, въ которомъ благодарить всѣ части корпуса за то, что онѣ отвѣтили его ожиданіямъ и ожиданіямъ всей страны. Онъ счастливъ, что имѣетъ возможность объявить имъ, что прежде чѣмъ оставить Францію, въ П. н. с. юр. Мозель, Царъ выразилъ генералу Буадефру свое чувство удивленія къ прекрасному 6-му армейскому корпусу. Для увѣковѣченія памяти этого достопамятнаго дня, главнокомандующій рѣшилъ, что настоящий приказъ будетъ внесенъ въ исторію всѣхъ частей войскъ, расположенныхъ въ районѣ 6-го армейскаго корпуса.

2-го (14-го) октября Ганото и Гальди подписали соглашеніе, распространяющее на Тунисъ договоры и конвенціи, существую-

щіе между Франціей и Швейцаріей. Въ силу этого соглашенія Швейцарія будетъ пользоваться въ Тунисѣ правами наиболѣе, за исключеніемъ Франціи, благопріятствующей державы.

Германія. — 6-го (18) октября въ Мпиденѣ въ присутствіи германской императорской четы, состоялось торжественное открытіе памятника императору Вильгельму I, воздвигнутаго Вестфальскою провинціей у Porta Westfalica. Послѣ рѣчи президента провинціального сейма и по поднесеніи императору почетнаго бокала, императоръ выразилъ благодарность за сооруженіе памятника его дѣлу и присовокупилъ: «Какъ въ счастливые дни, такъ и въ години бѣдствій, Вестфалія оставалась преданною моему дому. Надѣюсь, что и въ будущемъ, если опять наступятъ серьезныя времена и ей кликнуть кличъ, — она съ готовностью отвѣтитъ на призывъ. Пью за благоденствіе провинціи».

Въ Кобленцѣ состоялось открытіе памятника императрицѣ Августѣ. На церемоніи присутствовали вдовствующая императрица Викторія и, въ качествѣ представителей императорской четы, принцъ Фридрихъ-Леопольдъ съ супругою, а также нѣсколько другихъ Августѣйшихъ Особъ. Оберъ-бургомистръ Шюллеръ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на благодѣтельныя, возвышенныя стремленія покойной императрицы и въ особенности объ ея отношеніяхъ къ обществу «Крестнаго Креста».

Англія. — Въ основѣ распространившихся въ Англіи слуховъ о переговорахъ, которые велись маркизомъ Салисбюри съ Австро-Венгріей и Италіей о совмѣстномъ вооруженіи на Турцію, лежитъ существовавшее тайное соглашеніе между Великобританіей, Австріей и Италіей въ цѣляхъ защиты Константинополя. Маркизъ Салисбюри, повидимому, попытался возобновить это соглашеніе, нѣсколько его видоизмѣнивъ. Лондонскія газеты по этому поводу говорятъ: «Если на этотъ разъ султанъ дѣйствительно пользуется охраною Франціи и Россіи, то Англія лучше всего будетъ служить интересамъ человѣчества и Европы, вступивъ въ соглашеніе съ Австро-Венгріей и Германіей. Тогда Франція и Россія придутъ къ убѣжденію, что вслѣдствіе защиты ими султана европейское равновѣсіе обратится противъ нихъ».

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Городской голова города Оренбурга Н. А. Середа передалъ 21-го сентября находящемуся тамъ ученому французскому археологу и путешественнику барону де-Бей для поднесенія супругѣ президента французской республики г-жѣ Форъ отъ города Оренбурга шкатулку со вложеннымъ въ нее пуховымъ платкомъ мѣстнаго оренбургскаго издѣлія.

Митавскимъ русскимъ кружкомъ собранъ такъ называемый «аксаковский капиталъ», который рѣшено употребить на открытіе школы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ значительный процентъ населенія нынѣ переходитъ въ православіе.

1-го октября въ Хабаровскѣ въ присутствіи властей состоялась торжественная закладка каменнаго трехъ-этажнаго зданія городского училища, основываемаго въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и съ Высочайшаго соизволенія наименованнаго Николаевскимъ.

6-го октября въ Челябинскѣ коммисіею освидѣтельствована западно-сибирская желѣзная дорога и признана вполнѣ оконченною. Правильное движеніе отъ Челябинска до рѣки Оби разрѣшено открыть съ пятнадцатаго октября.

Въ настоящее время организованы особая коммисія для разработки въ проса о введеніи въ губерніяхъ Западнаго края земскаго самоуправленія.

Сельско-хозяйственнымъ обществомъ открыта въ Тифлисѣ 6-го октября. молочная выставка. Экспонируютъ сыроваренные и масляные заводы Закавказья и Сѣвернаго Кавказа.

Дворянство волынской и подольской губерній учредило при мѣстныхъ женскихъ гимназіяхъ по одной стипендіи имени императрицы Екатерины II для дѣтей потомственныхъ дворянъ этихъ губерній.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

4-го октября л.-гв. казачій Его Величества полкъ праздновалъ свой полковой праздникъ. Торжество началось церковнымъ парадомъ. На торжествѣ присутствовали августѣйшія командующій 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи Е. И. В. Великій Князь Павелъ Александровичъ, бывший начальникъ той же дивизіи г.-л. Шиповъ, бывший л.-гв. казакъ Его Величества ген.-отъ-кавалеріи Чингисъ-Ханъ, бригадные командиры г.-м. Турчаниновъ и г.-м. Волькенуа.

Предсѣдателемъ организаціоннаго комитета по устройству въ Петербургѣ праздника итальянцевъ по случаю бракосочетанія итальянскаго наслѣдника избранъ г. Дадіаро, а секретаремъ баронъ Нардуччи. Банкетъ состоится 12-го октября.

Управляющій главной палатой мѣръ и вѣсовъ проф. Д. И. Менделѣевъ командированъ съ 5-го октября по 20-е ноября за границу для осмотра и ознакомленія съ Бретельскимъ международнымъ бюро мѣръ и вѣсовъ и главнымъ провѣрочнымъ учрежденіемъ Австро-Венгріи.

НОВОСТИ ИСКУССТВА.

Французскій художникъ г. Жервексъ пишетъ нѣсколько картинъ, иллюстрирующихъ торжества Священнаго Коронованія въ Москвѣ. На этотъ же сюжетъ пишутъ картины французскіе художники гг. Порше и Форестье. Картины зимою будутъ выставлены въ Петербургѣ.

И. Е. Рѣпинъ устраиваетъ своеобразную и еще небывалую выставку «эскизовъ» современныхъ художниковъ, т.-е. такихъ опытовъ художественнаго творчества, въ которыхъ хотя и не совершенно, но ярко выразилась какая-нибудь сторона художника, присущая его таланту.

Въ ноябрѣ устраивается въ Петербургѣ выставка картинъ французскихъ художниковъ. Для выбора картинъ, въ Парижѣ командированъ секретарь общества поощренія художествъ г. Осбо. Осмотрѣвъ оба салона, г. Осбо выбралъ до 300 картинъ; остальные картины будутъ выбраны извѣстнымъ художникомъ Детайль изъ произведеній тѣхъ художниковъ, которые не участвуютъ въ выставкахъ.

Въ Петербургѣ, въ Демидовомъ переулкѣ готовится въ настоящее время по-

мещение для ремесленно - художественного училища. Курсь школы 4—5-летний, причем учениками будут приниматься 14—15-летние дети, уже немного подготовленные. В половине октября последует освящение и открытие училища. Откроются классы: декоративный, малярный и ремесленно - скульптурный.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Прославленные дѣятели. Кн. А. Б. Гобановъ-Ростовскій С о портр. Сост. А. М. Уманскій.

Небольшая, обстоятельно составленная брошюра, посвященная памяти недавно умершего князя Лобанова-Ростовского, дает несравненно больше интересных фактов, относящихся к этому славному деятелю, чем вызванный его смертью многочисленный некрологический статьи. Под названием «Прозвучавшие деятели» готовится издана серия кратких биографий русских государственных мужей. В названной брошюре хорошо составлены исторический обзор рода князей Лобановых-Ростовских.

«Новая библіотека». Необыкновенные
разсказы Эдгара Поэ. Изд. А. С. Суво-
рина. Цѣна 00 коп. за томъ.

Громкая известность фантастического таланта Эдгара Поэ доставила этому смелому писателю большую любовь и русской публики. Мы в нашем журнале не прошлою году тоже дали отбланным приложением сборник рассказов Эдгара Поэ. В ночном издании рассказов Поэ мы встречаем опять такие чудесные перлы повествовательного искусства, как: «Бочка Амонтигадо», «Красная Смерть». Не столь значуи интерес, но важное значение представляют собой, если можно так выразить—«криминальные» рассказы, т. е. необычайные способы для открытия

преступленія, Къ сожалѣнію, мы не нашли въ этихъ двухъ томахъ «Полой Библіотеки» разсказа о заманчивизированіи мертвеца, производящаго хотя тяжкое, но сильное впечатлѣніе.

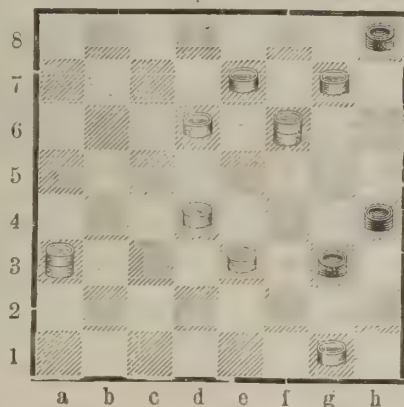
ШАШКИ.

Подо редакцію В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 30.

Д. И. САРГИНА (въ Москвѣ).

Черныя.

Бтлыя:

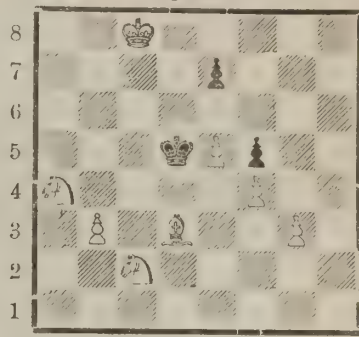
ЗАПЕРЕТЬ ДАМБУ.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 30.

Э. ПРАДИНЬЯ (ВО ФРАНЦІИ).

Черные.

a	b	c	d	e	f	g	h
1	1	1	1	1	1	1	1
2	2	2	2	2	2	2	2
3	3	3	3	3	3	3	3
4	4	4	4	4	4	4	4
5	5	5	5	5	5	5	5
6	6	6	6	6	6	6	6
7	7	7	7	7	7	7	7
8	8	8	8	8	8	8	8
9	9	9	9	9	9	9	9
10	10	10	10	10	10	10	10
11	11	11	11	11	11	11	11
12	12	12	12	12	12	12	12
13	13	13	13	13	13	13	13
14	14	14	14	14	14	14	14
15	15	15	15	15	15	15	15
16	16	16	16	16	16	16	16
17	17	17	17	17	17	17	17
18	18	18	18	18	18	18	18
19	19	19	19	19	19	19	19
20	20	20	20	20	20	20	20
21	21	21	21	21	21	21	21
22	22	22	22	22	22	22	22
23	23	23	23	23	23	23	23
24	24	24	24	24	24	24	24
25	25	25	25	25	25	25	25
26	26	26	26	26	26	26	26
27	27	27	27	27	27	27	27
28	28	28	28	28	28	28	28
29	29	29	29	29	29	29	29
30	30	30	30	30	30	30	30
31	31	31	31	31	31	31	31
32	32	32	32	32	32	32	32
33	33	33	33	33	33	33	33
34	34	34	34	34	34	34	34
35	35	35	35	35	35	35	35
36	36	36	36	36	36	36	36
37	37	37	37	37	37	37	37
38	38	38	38	38	38	38	38
39	39	39	39	39	39	39	39
40	40	40	40	40	40	40	40
41	41	41	41	41	41	41	41
42	42	42	42	42	42	42	42
43	43	43	43	43	43	43	43
44	44	44	44	44	44	44	44
45	45	45	45	45	45	45	45
46	46	46	46	46	46	46	46
47	47	47	47	47	47	47	47
48	48	48	48	48	48	48	48
49	49	49	49	49	49	49	49
50	50	50	50	50	50	50	50
51	51	51	51	51	51	51	51
52	52	52	52	52	52	52	52
53	53	53	53	53	53	53	53
54	54	54	54	54	54	54	54
55	55	55	55	55	55	55	55
56	56	56	56	56	56	56	56
57	57	57	57	57	57	57	57
58	58	58	58	58	58</		

Мать въ 2 хода.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

Не будетъ напечатано:

«Первый грѣхъ», поэма Н. Сул-П-скаго; «Осень» и др. ст. Б. А. Бѣт-скаго; «На праздникъ дружбы и мира», Н. К-ва; «Мѣсяцъ свѣтитъ въ ночной тишинѣ», ст. Бор-ца; «Воспоминаніе», В. П-ниа; «Изъ осеннихъ мотивовъ», Г. И. Ск-ва; «Торжество Франціи», М. В. Бр-ва; «Прошлое», А. С. Гол-ва.

ЗА РЕДАКТОРА—ИЗДАТЕЛЬ С. ДОБРОДѢЕВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

**НОВОЕ
ФРАНЦУЗСКОЕ
ПЕЧЕНІЕ**

**С. СІУиК:
PETIT BEURRE
МОСКВА**

С. СІУиК.

**ФАБРИКА
музыкальных
инструментовъ
торгового дома
Анд. Емеляновичъ
КУЛАКОВЪ.
въ С.-Петербургѣ
Садовая ул. 1. 33.
рекомендуетъ
ГИТАРЫ
солодной ра-
боты и отлич-
наго тона въ
2, 3, 4, 8, 10,
12, 15, 30, 50,
75 руб.
СКРИПКИ
въ 2, 3, 5, 6,
10, 15, 30, 100
рублей.**

Ю. илейный роскошно иллюстрированный
прейс-курантъ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

ГИТАРЫ

от 2 руб., 3 р., 5 р. сь механизмоу 7 р.,
10 р., 15 р., 20 р., 25 р., и дороже, по
заказу до 150 рублей.

Сь десятиль грифомъ въ 25 р., 40 р.
и дороже, по заказу до 150 рублей.

Концертныя гитары 85 р., 150 р., и
200 рублей.

готовыя и по заказу

Мастерская **Ф. ПАСЕРБСКАГО**.

СПбуръ, Караванная, 3—35.

Остерегаться подделок!

ДЪТСКОЕ
РОМАШКОВОЕ МЫЛО
Лабораторіи А. Энглундъ.

Цейтрадное мыло, не содержащее въ себѣ эфирныхъ маселъ. — Рекомендуются какъ туалетн. мыло для ежедневнаго употребленія.

Цѣна 30 к.

за кусокъ, съ пересылкою 4 куска
1 руб. 50 коп.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въездъ. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., д. Жеренна.

№ 2. № 246-5

ИЗДАНИЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

2-й годъ издания. „НОВООСЛОВ“ 2-й годъ издания.

Выходить ежемесично отъ 25 до 30 печатных листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, „НОВОЕ СЛОВО“ поставило себѣ цѣль, обрѣтати особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ получении непосредственно и изъ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній по всемъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще „письма изъ провинцій“.

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской действительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В. М. Горькинъ, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златоврацкій, Н. А. Кабуковъ, С. Н. Гривенко, Д. Н. Мамина-Сибирякъ, Г. А. Мачетъ, Н. Максимовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай — онъ Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. Н. Поталенко, А. С. Прогавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Сабачевскій, К. М. Станковиичъ, В. А. Тимирязевъ, проф. К. Тимирязевъ, Ант. П. Чеховъ, Щепотьевъ (Е. С. и С. А.), проф. В. Г. Яроцкий, И. Эртель и др.

Примѣняя къ теченію нашей общественной жизни, новый годовою періодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ целесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Слѣдствіемъ этого годовая подписка на „НОВОЕ СЛОВО“ принимается

съ 1-го октября 1896 года по 1-ое октября 1897 года.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р. — к.
„ „ „ „ „ полугода	5 „ — „
„ „ „ „ „ на три мѣсяца 2 „	50 „ — „
„ „ „ безъ пересылки на годъ	9 „ — „
„ „ „ съ перес. за границу на годъ	12 „ — „

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10%, со всѣхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ.

Адресъ конторы редакціи: С—Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской), домъ № 15 въ № 1. Отдѣленіе конторы: С.—Петербургъ, Невскій пр., д. № 54. „Бислютенъ Чежеговъ“.

Москва: отдѣленіе конторы журнала „НОВОЕ СЛОВО“, книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины, при полной годовою подписною платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныихъ читателей о затрудненіяхъ въ выборѣ и выискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на все запросы провинціального читателя.

Лица, высылающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи и ея отдѣленія, за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ; за пересылку которыхъ взимается по разстоянію. Каталогъ изданій потребованію высылается бесплатно.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться пись-
менно: Банкирскій дѣль Генрихъ Блокъ.
— С.П., Невскій, 59. № 2261.

СТРУНЫ
ПРОДАЮ НЕДОРОГО
ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА
5, 10, 15 и 20 коп. шт.
скрипичный и гитарный мастеръ Ф.
ПАСЕРВСКІЙ. Св. Караванная 3-35.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обзоръ»
(Сиб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб.

КАРАМЕЛЬ
изъ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
Б. Семадени въ Киевѣ.
Цѣна коробки 25 коп. Малая короб. 15 коп.
Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ГЕН-
ЦЕЛЯ. С. Петербургъ, Гороховая ул., 38.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекар-
скихъ магазинахъ Россіи.

ПОПРОБУЙТЕ МЫТЬСЯ
МЫЛОМЪ
ЮМЪ-ЮМЪ
ПАРФЮМЕРА ПЬЕРЪ и вы другимъ мыломъ
мыться не будете. Цѣна 20 к. за кусокъ.
Получать можно во всѣхъ аптекахъ,
аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.
Складъ въ Харитоновъ, Пассаажъ,
у П. УШАНОВА.

П. Борманъ
Вознесенскій пр. 38.
ЛЕПО РОЯЛЕЙ и
ПИАНИНО лучш. зѣлн.
и заграничн. фирмъ.
Продажа и прокатъ на
№ 2413-6
сплнмъ выднмъ условіяхъ.

НОВОСТЫ!
ПАРУСНЫЯ ЛЫЖИ
Для лапировки на снѣжной поверхности!
См. рефератъ К. Комета О «бѣгѣ на лы-
жахъ» въ № 6 «Нивы» за 1896 г. Наставл. и
прейсъ-куррантъ **БЕЗПЛАТНО**.

ЦЫТРА-„АРФА“
съ мѣдальей, 24 струны, цѣна
5 р. 50 к., десять педальей 32
струны 10 р.
САМОУЧИТЕЛЬ по 50 к. и 1 р.
Цытра АРФА популярный и са-
мый надежный для обученія
инструментъ, на которомъ каж-
дый въ состояніи сыграть же-
лаемыя пьесы, при помощи пе-
далей получаютъ полныя и при-
ятныя акорды.
2305-1
ФАБРИКА ТОРГОВАГО ДОМА А. Е. КУЛАКОВЪ.
Контора и склады Садовая улица № 33 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Юбилейный роскош. иллюстрированный прейсъ-куррантъ высылается **БЕЗПЛАТНО**.

№ 2305-4
ВЫИГРЫШ
име 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, НЕВСКИЙ, СПБ.

СКЛАДЫ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
НЕВСКИЙ ПР.
№ 3.
О. ЮХИМЪ и К°
МОСКВА
ТЕАТРАЛЬНЫЙ
ПРОДАВЪ
ПОСЛѢДНІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
состоящій изъ 424 СТРАНИЦЪ въ 8°
ЛИСТА съ 710 РИСУНКАМИ ТЕКСТЪ
ВЫШЕЛЪ изъ ПЕЧАТИ. ВЫСЫЛАЕТСЯ
ПОТРЕБОВАНІЮ 450 КОП. ПОЧ. МАГ.
ВСѢ НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФИИ

Ахроматическ. универсальн. бинокли
„АРГУСЪ“
Карманнаго формата въ замшевомъ ко-
желькѣ 8 руб., перес. за 3 ф. Большого
формат. въ шагреновомъ футлярѣ съ рем-
немъ 9 руб., перес. за 4 ф.
«Аргусъ» имѣетъ превосходныя оптиче-
скія качества, одинаково пригоденъ для
военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра,
а потому вполне заслуживаетъ названіе
«Универсальн. бинокля».
Предостереженіе. Въслѣдствіе усила. спроса
на наши универс. бинокли «АРГУСЪ» и
«ЛИЛИПУТЪ», возникли дешев., но край-
не плохія поддѣлки, поэтому считаемъ
долгомъ предупредить гг. покупателей,
что настоящ. бинокли нашей фабр. про-
изводятся въ Россіи исключ. только въ на-
ше указанномъ складѣ.
Е. КРАУСЪ и К°
Спеціальная фабрика оптическихъ инстру-
ментовъ въ Парижѣ.
Единственный складъ для Россіи
С.-Петербургъ,
Мойка, № 42 (у Полицейскаго моста).
Иллюстр. прейсъ-куррантъ высылается за
семь коп. марку. 2409-2

ПАМЯТЬ
„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“.
(Что такое мнемоника?)
книга (седьмое изданіе)
профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА
и печатныя условія въ злочный (письмен-
ный) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти
и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.)
высылаются за шесть 7 коп. мар.; на поже-
ловой бумагѣ вмѣстѣ съ учебными — за
восемь 7 коп. марокъ.
Посредствомъ моего метода, основаннаго
на законахъ физиологіи, психологіи, логики
и педагогіи, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ по-
терявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣ-
ющихъ плохую, и лучшей — у обладающ.
хорошей.
Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразно-
сти моего метода убѣдились гг. врачи, пе-
дагоги, возмнн. студенты и тысячи ду-
гихъ лицъ разныхъ профессій, званій и
возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ
укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня
благодарности. (Условія за курсъ безъ
книгъ высылаются за одну 7 коп. марку).
Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Сиповина
Ж. О. 40) (рядомъ съ Гиродскимъ садомъ)
д. Бродскаго № 6 40, кв. 4-5-8, бель-этажъ.
Профессоръ мнемоники членъ парижской
академіи С. Файнштейнъ. № 2298-15.

— НОВОСТЫ! —
ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.
1896— **— 1897.**
НОВАЯ
АМЕРИКАНСКАЯ
ПИШУЩАЯ
МАШИНА.
РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ
МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ
ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.
РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 РУБ.
Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ.
Единственный для всей Россіи СКАДЪ
Торгов. Домъ **М. Блокъ**
ГЛАВНАЯ КОНТОРА
МОСКВА.
ОТДѢЛЕНІЯ:
С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
Екатеринбургъ, Копенгага, Ростовъ и/Д.
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

ФИСТАРМОНІИ
ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ
ШИДМАЙЕРА,
КАРПЕНТЕРА
и другихъ лучшихъ фабрикъ:
въ 85, 100, 110, 130, 135, 150,
160, 180, 190, 200, 225, 240,
250, 300, 325, 350, 400, 450,
500, 550, 750, 800 и 1,000 рубъ
Школа-самочиталь — Паке 2 р.
Иллюстрированный прейсъ-куррантъ
БЕЗПЛАТНО. -39
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

№ 42 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2½ листовъ съ 13-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) «Еженедѣльная хроника» № 42-й, III) «Новѣйшія Парижскія Моды», № 10-й, IV) Раскрашенная картинка «Свадебные туалеты» и V) Листъ канвовыхъ узоровъ.

Дозволено цензурою: Свѣ., 5 октяб. 1896 г.

Типография С. Довродева, Козенскій пер., д. № 14.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

съ двѣнадцатью большими книгами ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений (въ объемъ и форматъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ), а также и другими приложеніями:

НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи)	8 р.	Безъ доставки на годъ: въ С.-Петербургѣ	7 » 50 к
» ПОЛГОДА.	4 »	» » » Москвѣ	7 » 75 »
» ТРИ мѣсяца.	2 »	ЗАГРАНИЦУ на годъ: безъ книгъ 8 рублей, съ книгами .	16 р. — »

Экземпляръ журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, напечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 рублей.

1) Разсрочка взносовъ допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ чрезъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, по соглашенію съ Главною Конторою.

2) Не внесеннымъ до 1-го числа слѣдующаго, по условію взноса, журналъ не высылается.

3) Получающіе журналъ съ разсрочкою взносовъ, добавляютъ къ объявленной подписной годовой цѣнѣ 50 коп. за напечатаніе адресовъ и другіе расходы.

4) Желающіе получать самостоятельно книги журнала „ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА“ (безъ журнала „Живописное Обозрѣніе“), уплачиваютъ за годъ (съ доставкой) — 4 рубля. За полгода 2 руб. 50 к.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 63—40.

Собачники. Съ картины художника А. Эверле.

НА ВОЛГѢ.

Тамъ, гдѣ горы ушли
Вдоль отъ Волги-рѣки,
Замелькали кругомъ
По водѣ огоньки.

Припадая къ волнамъ,
Посреди темноты
Полосою сплошной
Протянулись плоты.

Завтра—вмѣстѣ съ зарей
Внизъ по стрѣжню пойдутъ,—
Понесутъ на себѣ
Потъ народный и трудъ...

Вотъ—сидятъ у костра
На плоту рулевымъ,
Собрались бурлаки
Передъ дымнымъ котломъ.

Ложки черпаютъ въ ладъ,
Хвалятъ парни наваръ:
Знать, на славу сварили
Ужинъ имъ кашевары!

Вся широкимъ крестомъ
Осѣнившись заразъ,
Трудовая семья
По плотамъ разбрелась...

Улеглись—гдѣ пришлось:
Дорогъ сонъ, не постель!
Лечь успѣла едва,
Захрапѣла артель...

Ночь плыветъ... Съ темнотой
Споръ заводитъ вода:—
„Люди-ль гонятъ плоты?
„Ихъ-ли—гонить нужда?!”

Аполлонъ Коринфскій.

БОЛЬНОЙ № 377.

РАЗСКАЗЪ.

«Докторъ!

Когда Вы получите это письмо и прилагая къ нему записки, я буду далеко отъ Вашего заведенія, внѣ вліянія «успокоительныхъ» вашихъ капель (къ слову сказать, необходимость регулярныхъ приемовъ этихъ капель всегда страшно меня раздражала), внѣ власти больничныхъ надзирателей и сторожей и внѣ сферы тиранніи «смирительной» рубашки, одинъ видъ которой приводитъ въ самое яростное бѣшенство Вашихъ пациентовъ.

Я сбѣжалъ, докторъ, сбѣжалъ очень просто, не прибѣгая для этого ни къ веревочнымъ лѣстницамъ, ни къ подпиливанію оконныхъ рѣшетокъ, я просто вышелъ изъ нашего главнаго подъѣзда, мимо Игнатія, швейцара нашего, и этотъ черберъ не только пропустилъ меня, но еще и весьма любезно раскланялся мнѣ. Игнатій и любезность—страшное сопоставленіе!

Удачею моего побѣга я обязанъ всецѣло Вамъ, докторъ, такъ какъ я воспользовался Вашей шубой и шапкой, которыя Вы любезно оставили на вѣшалкѣ, въ корридорѣ; впередъ никогда не дѣлайте этого, докторъ, вѣдь вѣшалки есть и внизу, въ швейцарской. Итакъ, съ лицомъ, закрытымъ снизу роскошнымъ енотовымъ воротникомъ и сверху—шапкой, въ сапогахъ, добытыхъ мною въ сундукъ нашего сторожа (не подумайте, что я укралъ ихъ—я положилъ за нихъ въ сундукъ сторожа пять рублей), я спокойно вышелъ на улицу и, не торопясь, отправился къ ближайшему вокзалу. Дальнѣйшаго своего пути слѣдованія я Вамъ не сообщу по причинамъ для васъ понятнымъ. Скажу только, что постараюсь забраться какъ можно дальше отъ Вашего заведенія, а не удасться—застрѣлюсь, удавлюсь, отравлюсь, но обратно въ тюрьму, то бишь, въ больницу,

ни за что не пойду ни волею, ни противъ воли.

А, между тѣмъ, развѣ такъ худо было въ Вашемъ заведеніи? Развѣ съ нами, пациентами, дурно обращались? Вовсе нѣтъ. Помѣщеніе большое, свѣтлое, пища обильная и прекрасно приготовленная, докторскій надзоръ неусыпный, обращеніе самое кроткое. Да, говорю, все было очень хорошо, холодные души на голову отослали въ область предацій, тѣлесныя наказанія безусловно отмѣнены и Вашимъ пациентомъ, докторъ, быть очень хорошо. Для больныхъ заведеніе, находящееся въ Вашемъ управленіи—просто рай земной, ну, а для здоровыхъ? Подумайте, легко-ли человѣку, совершенно нормальному, видѣть и понимать, что его считают сумасшедшимъ и какъ съ такимъ обращаются съ нимъ! Когда же, введенный изъ терпѣнія постоянными, кроткими увѣщаніями «не волноваться», этотъ здоровый человѣкъ начинаетъ горячиться и, всплывъ, ударить кого-нибудь изъ «успокаивающихъ» его надзирателей,—на него надѣваютъ длинный, бѣлый балахонъ съ двухъ-аршинными рукавами и обвязываютъ этими рукавами вокругъ тѣла! И, однако, я, человѣкъ съ совершенно здоровымъ разсудкомъ, провелъ въ Вашемъ заведеніи цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ! Вы улыбаетесь, докторъ, любимая фраза Ваша мелькаетъ у Васъ въ умѣ: «всѣ сумасшедшіе считаютъ себя нормальными людьми». Я знаю, докторъ, эта фраза принята за правило многими психіатрами. Вотъ для того-то, чтобы доказать вамъ, что вы вмѣстѣ съ цѣлымъ синклитомъ врачей лечили совершенно здороваго человѣка, я и посылаю вамъ теперь, когда вырвался, наконецъ, изъ вашего заведенія, свои записки. Мысль описать под-

робно событія, предшествовавшія моему заключенію, пришла мнѣ съ первыхъ же дней моего пребыванія въ больницѣ; посредствомъ этихъ записокъ я хотѣлъ провѣрить самъ, въ здоровомъ-ли я умѣ или нѣтъ? Теперь, когда открылась возможность къ побѣгу (послѣднія двѣ недѣли, вслѣдствіе холодовъ, Вы стали раздѣваться въ корридорѣ, а не въ шинельной), я рѣшилъ послать свои записки къ Вамъ, чтобы Вы могли убѣдиться, какъ неосторожно признали Вы меня сумасшедшимъ. Авось это принесетъ пользу другимъ здоровымъ людямъ, которые попадутъ въ Ваши руки.

Прежде, однако, чѣмъ читать эти мемуары, вспомните, докторъ, при какихъ обстоятельствахъ попалъ къ Вамъ въ «больницу для душевно-больныхъ», я, Павелъ Петровичъ Леонидовъ, кандидатъ правъ: меня препроводили къ Вамъ по распоряженію высшаго начальства, передъ которымъ мною было возбуждено обвиненіе противъ иностранной подданной, актрисы, m-lle Алисы М*. Обвиненіе это казалось чудовищнымъ и несообразнымъ съ здравымъ смысломъ, помилуйте, я чуть-ли не въ людоѣдствѣ обвиняю ее, и меня отправили на испытаніе къ Вамъ, доктору-психіатру, Адольфу Адольфовичу П. Вамъ я свое обвиненіе подтвердилъ, но подробностей не сообщалъ, и Вы, о, прозорливый врачеватель души человеческой, признали меня ненормальнымъ. И вотъ, по слову Вашему, сняли съ меня шегольскую одежду мою, тонкое бѣлье, удобные легкіе сапоги и дали взамѣнъ холщевое бѣлье (совсѣмъ новое, но очень грубое), синій халатъ и туфли-шлепанцы (изъ-за этого-то мнѣ и пришлось взять сапоги у сторожа, докторъ, это на Вашей душѣ грѣхъ). Мнѣ отвели койку, дали табуретъ, и столъ и я сталъ № 377.

Какъ Вы меня лечили, какъ надѣвали на

меня смиренный балахонъ, какъ сажали въ одиночную камеру (брр... какъ тамъ холодно!), какъ Вы меня простужали гидротерапией, пробирали электрическими токами, мнѣ Вамъ рассказывать не къ чему, сами знаете... Ну, да Богъ съ Вами, у меня за все это противъ Васъ злобы нѣтъ, Вы вѣдь дѣлали это, твердо увѣренные въ своей непогрѣшимости, для моего блага. На прощаніе желаю Вамъ одного—никогда не попасть въ больницу для душевно-больныхъ въ качествѣ пациента. П. Леонидовъ.

Р. С. Насчетъ Вашей шубы и шапки не беспокойтесь, докторъ, и вѣрьте, что при первой же возможности я отошлю Вамъ вашу собственность».

У меня на лѣвой рукѣ чуть-чуть пониже локтя странный знакъ, темно краснаго цвѣта съ легкимъ лиловатымъ оттѣнкомъ. Прежде онъ былъ свѣтло-краснымъ, но со временемъ все темнѣлъ и темнѣлъ. Онъ изображаетъ совершенно правильный кругъ съ буквой, похожей на G посерединѣ; кругъ раздѣленъ крестообразно на четыре части и въ каждой изъ этихъ частей разныя фигуры: змѣя съ оговкомъ на головѣ, что-то въ родѣ песочныхъ часовъ, какія-то геометрическія фигуры и пентаграмма. Знакъ этотъ отдѣляется на кожѣ очень ясно; мѣсто, гдѣ онъ находится, воспалено и по временамъ горитъ.

Постараюсь вспомнить какъ можно подробно всѣ обстоятельства, при которыхъ я впервые замѣтилъ его.

Впрочемъ это сдѣлать не трудно, такъ какъ все, что относится до этого событія, сохранилось удивительно точно въ моей памяти, чего я не могу сказать про годы предшествовавшіе тому дню, въ который я въ первый разъ услышалъ про этотъ знакъ. Годы эти совершенно ступевались въ моей памяти, ступевались до того, что я даже не могу вспомнить фамилій моихъ товарищей по факультету, хотя лица нѣкоторыхъ изъ нихъ помню.

* * *

Во французскомъ театрѣ шла какая-то пьеса, съ ничего неговорящимъ заглавіемъ: «La princesse Paul», «la comtesse Charles», не знаю, словомъ, пьеса, какихъ много въ современномъ французскомъ репертуарѣ. Залъ былъ блестящій, такъ какъ это былъ день «première», а въ этотъ день свѣтъ и полусвѣтъ привыкъ устраивать себѣ всеобщее rendez-vous въ театрѣ. Лица все знакомыя, лица первыхъ представленій и всевозможныхъ «открытій». Ложи блестятъ брилліантами и пестрыми туалетами представительницъ высшей аристократіи, плутократіи и кокотеріи (туалеты кокотеріи вѣскольکو приличнѣе прочихъ—по этому-то и отличаешь «этихъ дамъ» отъ не «этихъ»), партеръ мрачно черенъ, и только бѣлые пластроны смокинговъ въ первыхъ рядахъ, да нѣскольکو гвардейскихъ мундировъ выдѣляются на этомъ темномъ фонѣ. Пьесы не слышатъ. Въ ложахъ царитъ флиртъ, въ партерѣ глядятъ на ложи, лорнируя тѣ изъ нихъ, гдѣ декольтѣ пооткровеннѣе. Признаюсь, я перваго акта тоже не слушалъ; да и слушать-то было нечего, курить хотѣлось страшно, а дѣйствіе тянулось безъ конца. Ждешь антракта съ нетерпѣніемъ и по лицамъ окружающихъ видишь, что большинство ждетъ того-же. Наконецъ занавѣсъ опустили, партеръ поднялся, какъ одинъ человѣкъ, и въ про-

ходы между креслами, устремились жаждущіе и алчущіе табачнаго дыма. Я сидѣлъ близко отъ прохода и потому скоро попалъ въ желанную курилку, миновать черезъ пять. Тамъ уже собралось цѣлое общество, больше изъ тѣхъ, кто пріѣхалъ къ концу перваго акта и въ залу не входилъ. У буфетной стойки стоятъ два моихъ пріятеля, Дандинъ и Ониковъ, оба во фракахъ и въ черныхъ галстукахъ.

— Что это вы въ траурѣ, — спрашиваю, здороваясь съ ними—съ чего это ошейники черные нацѣпили?

— Ужъ и не говори, братецъ,—отвѣчалъ Дандинъ,—все жизнь собачья, холостецкая—въ четыре часа на панихидѣ, въ шесть въ ресторанѣ обѣдали, а въ девять въ театрѣ, ну, и некогда было галстуковъ перемѣнить, просто хотѣ въ карманѣ двѣ перемѣны носи!

— На панихидѣ? У кого?

— У Коки Шаляпова.

— Кто же у него умеръ?

— Да онъ самъ!

— Не можетъ быть, я его третьяго дня въ Шато де-Пезири видѣлъ!

— То было третьяго дня, а вчера въ шесть часовъ утра его подняли на льду около Н-скаго моста съ разбитой головой.

— Убийство? Самоубійство?..

— Вѣроятно, послѣднее. Страннѣе всего,—продолжалъ Дандинъ, обращаясь къ Оникову—что знакъ, бывшій у Шаляпова на лѣвомъ вискѣ, помнишь, какъ онъ его тщательно прикрывалъ волосами, совершенно исчезъ, только небольшое пятно осталось, точно кожа у него съ этого мѣста слѣзла.

— Ничего нѣтъ мудренаго,—отвѣчалъ Ониковъ,—вѣдь Кока какъ разъ этимъ вискомъ ударился объ острую льдину.

— Какой знакъ?—спросилъ я.—Я ничего подобнаго у Коки не замѣчалъ.

— Ты, братъ, ничего не замѣчаешь, а между тѣмъ въ городѣ только объ этомъ знакѣ и говорятъ.

— Да что же говорятъ, объ чемъ тутъ говорить?

— А вотъ о томъ, что у Воронскаго, помнишь, который повѣсился мѣсяца два тому назадъ, на ладони былъ точно такой же знакъ, который тоже пропалъ послѣ его смерти.

— Что же изъ этого заключаютъ?

— Собственно никто ничего не заключаетъ, только вотъ этотъ прокуроръ,—Дандинъ указалъ на пожилого человѣка съ совершенно кривой физиономіей изъ породы мышиныхъ жеробчиковъ,—какъ, бишь, его, говорить, что это знакъ какого-нибудь тайнаго общества, вродѣ клуба самоубійцъ, что-ли, и что слѣдовало-бы назначить слѣдствіе.

— Ну,—проговорилъ Ониковъ,—если прокуроръ Хмѣлевскій взялся за это дѣло, то ужъ онъ что-нибудь да придумаетъ, коли ничего не найдетъ подозрительнаго.

— Ничего не найдетъ, вскрывали Воронскаго, нашли измѣненія въ мозгу, помѣшательство, говорятъ; вскроютъ Шаляпова—найдутъ тоже самое и...—Оглушительный звонокъ раздался въ буфетѣ, и курильщики, толкаясь, наступая другъ другу на ноги и говоря небрежно «pardon», поспѣшно пошли на свои мѣста.

Второй актъ начался такъ же скучно, какъ кончился первый, но, къ счастью, Дандинъ сидѣлъ около меня и своей непрерывной болтовней вѣскольکو развлекалъ меня. Дандинъ человѣкъ, знающій всѣхъ и все, у него всегда цѣлый запасъ новостей и

сплетень, онъ знаетъ наперечетъ, какая камелія пользуется карманомъ такого-то и сердцемъ того-то, какой великосвѣтскій мужъ получилъ новое украшеніе на лбу и кто виновникъ сего, сколько долговъ у того или другого богача, но сколько у него самого—ей Богу, не знаетъ. Въ ту минуту, какъ на сценѣ какой-то маркизъ объяснялся въ любви какой-то графинѣ, Дандинъ шепталъ мнѣ:

— А славный малый былъ этотъ Кока Шаляповъ, онъ даже и по смерти сдѣлалъ мнѣ одолженіе. Представь, на сегодняшний день не было ни одного мѣста, хотя бенефициантъ и назначилъ цѣны варварскія, а я опоздалъ и не получилъ мѣста. На имени Коки Шаляпова было записано кресло, я это зналъ, пошелъ на квартиру бенефицианта, заплатилъ двадцать пять рублей, какъ-бы отъ его имени, и мѣсто получилъ.

— Шшш!—раздалось сзади насъ.

Дандинъ хотѣлъ еще что-то сказать, вѣроятно, по адресу шикнувшей намъ сзади дамы, но въ это время на сцену вышла героиня пьесы, которую играла Алиса М. Что за страшная женщина! Тонкая, тонкая, но не худая, узкая въ плечахъ, но круглая въ талии, съ движеніями змѣи, со взглядомъ пантеры. Цѣлый лѣсъ волосъ черныхъ, какъ смоль, обрамляетъ бѣлый гладкій лобъ, тонкія, яркія губы, улыбаясь (лицо оставалось серьезнымъ), открывалъ рядъ бѣлыхъ, мелкихъ и ровныхъ зубовъ, а глаза... про эти глаза надо написать или цѣлый томъ, или ничего. Съ момента ея выхода въ залѣ стали слушать, шепотъ и сдержанный смѣхъ прекратились, каждое слово артистки ловилось съ жаднымъ вниманіемъ. Голосъ ея, слабый, но ясный, звучалъ какъ-то странно: мягкій по звукамъ, онъ былъ странно жестокъ по интонаціямъ. Даже Дандинъ замолчалъ, и когда занавѣсъ упалъ послѣ второго дѣйствія, партеръ не сразу всталъ съ мѣста и медленно, словно нехотя, одинъ за другимъ публика пошла въ курилку и въ фойѣ. Дандинъ, держа меня подъ руку, говорилъ мнѣ:

— Чортъ ее побери, что за женщина! Какъ играетъ, а вѣдь между тѣмъ у нея на сердцѣ кошки скребутъ, вѣдь она любила его!

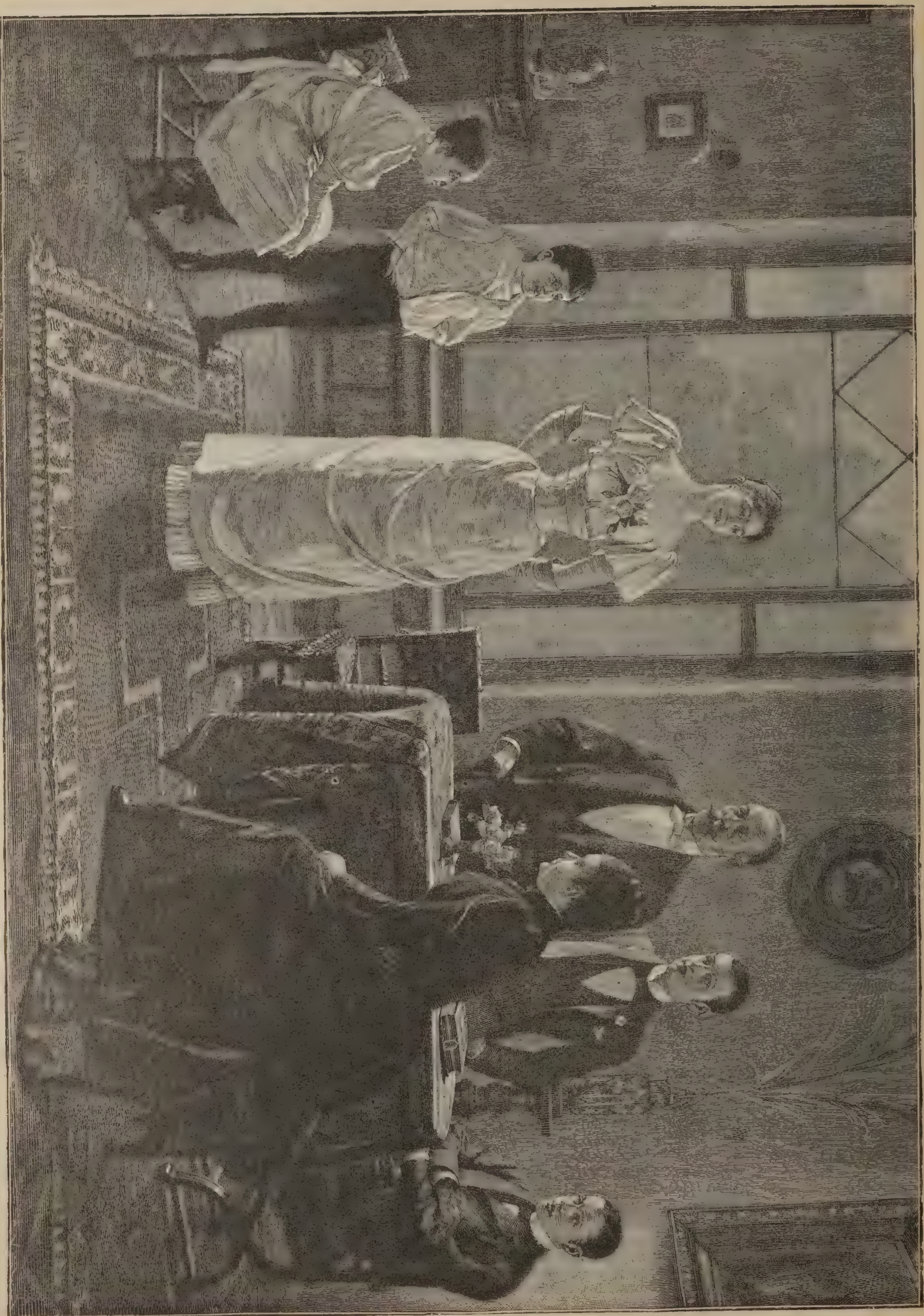
— Кого?

— Шаляпова.

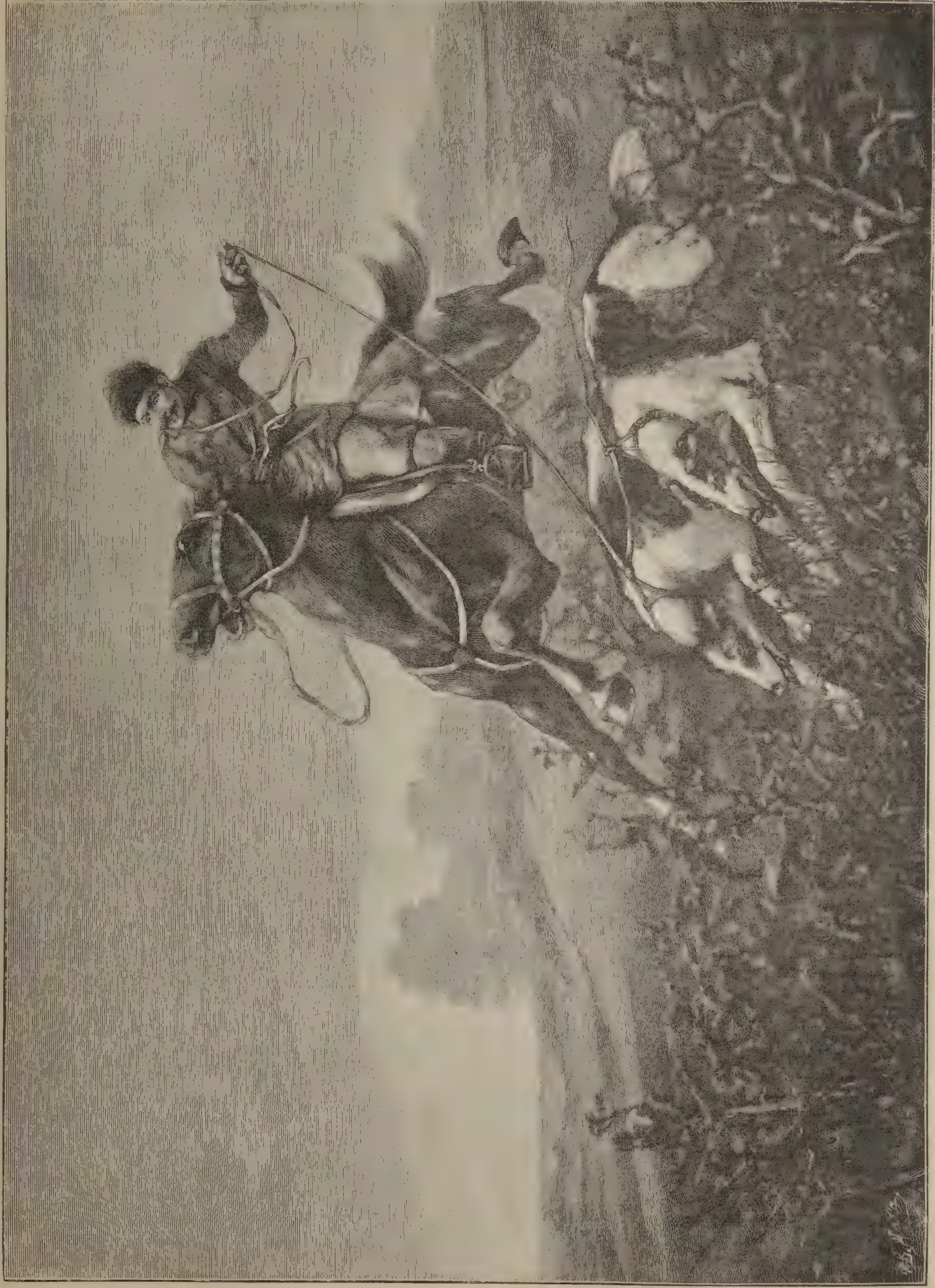
— Алиса М. любила Коку Шаляпова? Да развѣ Алиса М. можетъ любить что-нибудь, кромѣ денегъ?

— Эхъ ты,—отвѣчалъ Дандинъ,—если женщина живетъ со старикомъ-банкиромъ, такъ ужъ ты думаешь, что и вмѣсто сердца у нея денежный мѣшокъ. Да вѣдь деньги ей нужны для ея красоты, для ея таланта, для роскоши въ жизни и на сценѣ, а для сердца, для темперамента? Да, она любила Коку Шаляпова, любила и покойнаго Воронскаго, отъ нихъ она не принимала не только денегъ, но даже и цѣнныхъ подарковъ. Толко цвѣты они ей дарить могли, и они, оба богачи страшные, у Шаляпова пятьсотъ тысячъ долгу, а у Воронскаго двѣсти тысячъ, буквально осыпали ея квартиру и даже лѣстницу цвѣтами. Бѣдная Алиса—въ два мѣсяца она потеряла двухъ любимыхъ ею людей!

Я ничего не отвѣчалъ. Странное чувство зашевелилось во мнѣ. До сихъ поръ я считалъ Алису М. только куртизанкой и вдругъ узнаю, что это женщина съ сердцемъ. Надо сказать, что я часто открывалъ такія Америки. Я никогда не умѣлъ распознавать людей и считалъ ихъ такими, какими они кажутся. Говорятъ, что надо дѣлать какъ разъ

Первый выезд на балъ. Съ картины художника П. Маргитав.

НА ОХОТЬ! СЪ НАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Р. ФРЕНЦА.

наоборотъ. «Да», думалъ я, «если Алиса М. полюбитъ, то любовь ея дастъ любимому человѣку счастье и какое счастье? Жгучее, знойное!» Раздался звонокъ, я пошелъ въ залъ, и какъ только Алиса М. вышла на сцену, я забылъ все окружающее. Я смотрѣлъ на нее уже другими глазами; я видѣлъ въ ней женщину въ борьбѣ съ тяжелымъ горемъ, женщину, которая усиленъ воли перестаетъ быть на время самой собой и воплощается въ то лицо, которое играетъ. И я самъ жилъ вмѣстѣ съ этимъ лицомъ и понималъ, что вся зала испытываетъ то же самое, и вся глупая, ходульная, французская пьеса приняла другой оттѣнокъ, сдѣлалась полна смысла. Но такое напряженіе нервовъ не прошло мнѣ даромъ, къ концу акта у меня страшно разболѣлась голова, и я уѣхалъ домой, не дослушавъ пьесы.

Я часто подверженъ головной боли. Она начинается у меня обыкновенно въ затылкѣ и понемногу охватываетъ всю голову. Боль, сначала слабая, дѣлается все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, доходитъ до того, что мнѣ начинаетъ казаться, будто голова моя трескается. Я чувствую, точно отъ затылка до лба проходить что то острое, сверлитъ мнѣ черепъ, переворачиваетъ все внутри. Глазные орбиты ломятъ такъ сильно, что я не могу открывать глазъ, въ ушахъ шумитъ и отъ малѣйшаго шума въ комнатѣ я чувствую, точно по моей больной головѣ бьютъ молоткомъ. Въ такихъ случаяхъ единственное средство, помогающее мнѣ—это завалиться спать и спать какъ можно дольше. Такъ и теперь, вернувшись домой, я наскоро раздѣлся и легъ въ постель. Какъ и всегда при головной боли, я заснулъ сейчасъ-же, заснулъ тяжелымъ сномъ, безъ сновидѣній и проснулся только въ десять часовъ утра. Меня разбудилъ корридорный (я жилъ въ меблированныхъ комнатахъ), вошедшій ко мнѣ съ письмами и газетами и принесшій мой утренній кофе. Я всталъ, голова точно свинцомъ налита, и принялся обливаться холодной водой, операція, которую я продѣлываю ежедневно по совѣтамъ докторовъ, утверждающихъ, что это прекрасное средство отъ мигрени. Послѣ этого я почувствовалъ себя нѣсколько лучше и сталъ пить кофе, проглядывая въ то же время газеты. Покопавшись въ газетахъ, въ которыхъ не было ничего интереснаго, какъ и всегда, я взялся за письма: нѣсколько пригласительныхъ записокъ и между ними одна, привлекавшая мое вниманіе. Пронскій, мой товарищъ по университету, человѣкъ очень богатый, приглашалъ меня вечеромъ на товарищескую пирושку въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ. Въ концѣ было сказано: «будутъ дамы». Приписка эта заставила меня рѣшиться ѣхать на эту пирושку, такъ какъ я зналъ, что Пронскій, періодически устраивающій маленькія товарищескія собранія, всегда умѣлъ сдѣлать ихъ интересными, приглашая къ ужину кое-кого изъ театралныхъ знаменитостей, которыхъ нерѣдко послѣ ужина пѣли или читали какіе-нибудь монологи. Въ этотъ разъ слово «дамы» въ запискѣ было подчеркнуто два раза, и я заключилъ изъ этого, что дѣло касается какой-нибудь представительницы оперы или драмы.

День я провелъ, какъ всегда, т. е. очень скучно и, странное дѣло, съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ вечера; ровно въ десять часовъ, часъ, назначенный въ запискѣ Пронскаго, я входилъ въ подъездъ ресторана. Меня встрѣтилъ хозяинъ ресторана, тол-

стый, добродушный эльзасецъ, который, узнавъ меня, спросилъ, не къ Пронскому-ли я. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ самъ провелъ меня въ предназначенный для нашей компаніи кабинетъ, гдѣ я засталъ самого амфитріона и Дандина.

Мой первый вопросъ былъ: «кто будетъ изъ дамъ?»

— M-lle Lanі, — шансонетки, im-lle Алиса М.

Я даже вздрогнулъ, услышавъ послѣднее имя; странно, я понималъ, что весь день ожидалъ этого, а, между тѣмъ, теперь, узнавъ, что Алиса будетъ на ужинѣ, меня покорило: «такъ вотъ», — подумалъ я — «какая это женщина! Не смотря на свое горе, она принимаетъ приглашенія на ужины! Вчера, въ театрѣ она была принуждена играть, не смотря ни на что, но что же теперь помѣшало ей отказать?» Съ этимъ вопросомъ я хотѣлъ уже было обратиться къ Дандину, но въ это время въ комнату ввалилась цѣлая компанія молодежи. Поздоровались — и пошли шумѣть!

Прежде всего началась баллотировка вина. Это былъ всегдашній обычай, введенный на пирושкахъ, устраиваемыхъ Пронскимъ. Гостямъ раздавались карточки винъ, на которыхъ каждый отмѣчалъ тѣ вина, которые онъ желалъ бы пить, и затѣмъ выбиралось нѣсколько сортовъ изъ тѣхъ винъ, за которыми было больше голосовъ. Я ничего не отмѣчалъ; я вообще въ винѣ толку не понимаю, да и не люблю пить, а хмѣлю чрезвычайно легко. Къ тому же послѣ первыхъ же рюмокъ у меня начинается мигрень.

Только что окончили выборъ винъ, какъ въ дверь вошли Lanі и Алиса М. Первая какъ вошла, сбросила накиннутый на плечи *sortie de bal* и оказалась одѣта (вѣрнѣе, было сказать: раздѣта) во что-то очень пестрое, блестящее, съ невообразимымъ декольте. Драгоценныхъ камней — масса; Алиса была вся въ черномъ, закрытомъ до верха платьѣ, безъ драгоценныхъ украшеній, только все платье было осыпано чернымъ стеклярусомъ. Въ этомъ костюмѣ, со своимъ блѣднымъ лицомъ, невѣроятными глазами, со своими змѣиными движеніями, она казалась какимъ-то страннымъ, почти сверхъестественнымъ существомъ. Съ этой минуты я плохо помню, что со мною происходило.

Помню, что за ужиномъ я сидѣлъ рядомъ съ Алисой М., но говорилъ мало, а только слушалъ ея чудный вкрадчивый голосъ. Помню также, что она все время не сводила съ меня своихъ чудныхъ глазъ, и подъ этимъ взглядомъ, словно замagnetизированный, я терялъ свою личную волю и, противъ обыкновенія, пилъ каждый разъ, какъ она говорила мнѣ: «*Mais prenez donc du vin, cela vous fera plus gai*», а говорила она это часто, слишкомъ часто. Дальше я ничего не помню.

* * *

Я проснулся и оглядѣлся кругомъ. Я лежалъ на турецкомъ диванѣ, кругомъ незнакомая обстановка, на полу разбросаны принадлежности женскаго туалета, вѣеръ, браслеты. Ничего не понимаю. Протираю глаза, шиплю себѣ руку, чтобы убѣдиться, что я не сплю — все по прежнему. Голову ломитъ, припомнить, какъ я попалъ сюда, не могу. Тутъ только я замѣтилъ, что въ лѣвомъ углу комнаты крѣло. На его подушкѣ покоилась голова Алисы М., только теперь выраженіе ея лица перестало быть страннымъ — глаза ея, эти необыкновенные глаза, были закрыты. Алиса спала. Вѣроят-

но, во снѣ ей было жарко, — она спала съ совершенно открытой шеей. Обвитое вокругъ ея шеи ожерелье невольно привлекло мое вниманіе. Оно состояло изъ какихъ-то кружечковъ, не то изъ пергамента, не то изъ какой-то матеріи и на каждомъ кружкѣ видѣлись какіе-то лиловые знаки и письма. «Какой нибудь амулетъ», — подумалъ я. — «Алиса нѣсколько лѣтъ провела въ Капрѣ, вѣроятно, оттуда». Я тихо, неслышно вышелъ изъ двери и очутился въ передней. Моя шинель и шапка висѣли на вѣшалкѣ. Я одѣлся и поспѣшно вышелъ на улицу. Стояло морозное утро, и свѣжій воздухъ нѣсколько отрезвилъ меня. — «Экая гадость!» — думалъ я, шагая по улицѣ, — «вотъ тебѣ и любовь Алисы М. Нѣтъ, видно я былъ правъ, считая ее только куртизанкой». Размышляя такимъ образомъ, я дошелъ до своего дома и поднялся къ себѣ въ комнату. Но какъ только я вошелъ въ теплый, комнатный воздухъ, тупая боль въ головѣ вдругъ усилилась, и я долженъ былъ ухватиться за двери, чтобы не упасть. «Все отъ вина, вѣдь знаю, что мнѣ пить вредно, а пью», — подумалъ я. Я позвалъ корридорнаго, потребовалъ содовой воды и сталъ раздѣваться, чтобы освѣжиться холодными обливаніями. Едва я раздѣлся, какъ замѣтилъ, что на лѣвой рукѣ у меня пониже локтя едва замѣтное красное пятно. «Неужели, — думаю — я былъ такъ пьянъ вчера, что ударился обо что нибудь и не замѣтилъ?» Разглядывая пятно внимательно и вижу, что оно совершенно круглое и въ немъ замѣтны какіе-то неясные и странные знаки. Начинаю мыть это пятно, тру его губкой и чувствую легкую боль. Знаки отъ воды стали еще яснѣе и, странное дѣло, мнѣ показалось, что я ихъ видѣлъ уже гдѣ-то раньше. Я помазалъ руку вазелиномъ, обвязалъ тонкимъ платкомъ и, только что я успѣлъ одѣться, какъ вошелъ корридорный.

«Къ вамъ, баринъ, письмо послышный принесъ», — сказалъ онъ, подавая мнѣ пакетъ изъ толстой слоеной бумаги. Открываю — изъ пакета выпадаетъ нѣсколько кредитныхъ билетовъ, тѣ самые, что я оставилъ у Алисы М. и одна строчка, написанная на ея карточкѣ:

«*Je ne suis pas à vendre*».

Я былъ просто пораженъ. Не теряя ни минуты, я одѣлся, выбѣжалъ на улицу и, сломя голову, поспѣшилъ къ ней. Что ей скажу — я не знаю, но я рѣшилъ на колѣняхъ просить прощенія у этой женщины за нанесенное ей оскорбленіе, потому что я оскорбилъ ее, страшно оскорбилъ.

Какъ сумасшедшій выбѣжалъ я по лѣстницѣ и нервно дернулъ за ручку звонка.

Хорошенькая субретка отворила дверь, но узнавъ меня, заявила: «*Madame est sortie*», и захлопнула дверь. Меня не велѣли принимать — это ясно. Задумчивый и грустный вернулся я домой и тотчасъ же написалъ ей письмо. Отвѣта на это письмо я не получилъ. Послѣ этого я писалъ еще нѣсколько разъ, — все такъ же безуспѣшно, заѣзжалъ къ ней самъ и получалъ неизмѣнный отвѣтъ: «*Madame est sortie*».

Описанныя мною событія происходили въ концѣ октября мѣсяца, а въ ноябрѣ мнѣ слѣдовало отбывать воинскую повинность. Я заявилъ еще раньше куда слѣдуетъ о желаніи моемъ поступить на службу вольноопредѣляющимся и въ срединѣ ноября долженъ былъ отправиться въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, расположенныхъ въ западномъ краѣ.

Я даже былъ радъ своему отъѣзду, потому что онъ являлся естественной развязкой моего инцидента съ Алисой М. Къ тому же я думалъ, что правильная жизнь, въ связи съ постоянными физическими упражненіями на открытомъ воздухѣ, принесетъ мнѣ пользу и облегчитъ, если не совсѣмъ вымечитъ мои головныя боли, которыя за послѣднее время стали особенно часты и сильны. Покончивъ всѣ свои дѣла и распрощавшись съ товарищами на «отвальной» пирушкѣ, я съ легкимъ сердцемъ отправился въ дорогу.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня полковой средой, было очень благопріятное. Офицеры, все больше люди, съ которыми мнѣ и раньше приходилось встрѣчаться въ свѣтѣ, приняли меня радушно и первую недѣлю, «спрыскивая погоню», я провелъ очень бурно. Вольноопредѣляющихся въ полку было мало, всего четверо, и они снимали сообща въ городѣ квартиру, а въ казармы являлись только на ученье, да въ рѣдкіе дни караульной службы.

Съ первыхъ же дней они предложили мнѣ вступить въ ихъ компанію и поселиться на одной квартирѣ съ ними, на что я согласился съ удовольствіемъ, во первыхъ, чтобы не быть одному (въ послѣднее время я какъ-то боялся одиночества), а во вторыхъ потому, что жизнь на товарищескихъ основаніяхъ стоила гораздо дешевле, обстоятельство, сдѣлавшееся для меня очень важнымъ, такъ какъ разсѣянный образъ жизни, который я велъ до поступленія въ полкъ, нѣсколько разстроилъ мое состояніе. О моихъ сотоварищахъ, вольноопредѣляющихся, я распространяться не буду, потому что объ нихъ рѣшительно нечего сказать. Это были добрые малые, любящіе покутить и выпить въ веселой компаніи и поступившіе въ полкъ ради блестящаго мундира.

Офицеры, все больше люди молодые, были народъ милый, веселый, во всѣ, кромѣ нѣсколькихъ старшихъ изъ нихъ, къ службѣ относились довольно небрежно, а солдата почти совсѣмъ не знали, причемъ большинство изъ нихъ говорило, что въ немъ, въ этомъ стромъ солдатѣ, и знать-то нечего. Исключеніе составлялъ поручикъ Акуловъ, про котораго за то и говорили, что онъ не отъ міра сего, а командиръ полка однажды даже прямо заявилъ: «Вамъ бы, поручикъ, не офицеромъ быть, а воспитателемъ въ школѣ для маленькихъ дѣтей». Полковникъ говорилъ такъ потому, что Акуловъ обращался съ солдатами, какъ съ дѣтьми, никогда никого не наказывалъ и даже избѣгалъ дѣлать имъ выговоры. Если, бывало, онъ идетъ по улицѣ и видитъ солдата своего полка, сильно подгулявшаго, онъ и съ дороги своротитъ, потому что долгъ службы велитъ ему или наказать виновнаго, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать строгое замѣчаніе, а какъ это было не въ его мягкомъ характерѣ, то онъ и дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Если же встрѣчи избѣжать не было возможности—Акуловъ только скажетъ шатающемуся, едва на ногахъ стоящему воину: «Что, братъ, вѣтеръ сильный съ ногъ сбиваетъ?» и пройдетъ поскорѣе мимо. Бывало, случалось ему во время дежурства по эскадрону услышать шумъ или ругань въ казармѣ; позоветъ онъ къ себѣ вахмистра, да и говоритъ: «скажи ты тамъ, голубчикъ Филиппенко, чтобы потише кричали», а самъ сконфузится, точно стыдно ему передъ вахмистромъ, что обезпокоилъ его. Или, случалось, докладываетъ ему вах-

мистръ, что какой-нибудь ефрейторъ Провада или рядовой Бахинюкъ не явились къ повѣркѣ; «скажи ему»,—говоритъ поручикъ и замнется—чувствуетъ, что надо эпитетъ какой-нибудь прибавить, да словечко съ языка не идетъ,—«что я его подъ арестъ посажу!»

А вахмистръ только ухмыляется—знаетъ, что угрозы своей Акуловъ никогда не исполнитъ. За то и любили же солдаты своего «Акулыча», какъ называли они его между собой, и одинъ недовольный взглядъ, кинутый имъ на кого-нибудь изъ подчиненныхъ, производилъ гораздо больше впечатлѣнія, чѣмъ всевозможные «простые», «строгіе» и «усиленные» аресты, которыми весьма щедро надѣляли солдатъ прочіе офицеры. Акуловъ въ своемъ эскадронѣ завѣдывалъ эскадронной школой и надо было видѣть, съ какимъ умѣньемъ и любовью объяснялъ онъ своимъ ученикамъ грамату и первыя правила ариеметики. И его школа была лучшею въ полку.

Былъ у насъ въ полку и другой замѣчательный офицеръ—ротмистръ Скабѣевъ, но онъ былъ замѣчательнѣе совершенно въ обратномъ смыслѣ. Онъ былъ представителемъ уже отжившаго типа бурбоновъ.

Требовательный до неумѣренности, взыскательный часто безъ всякой причины, онъ, наказывая солдатъ, нерѣдко доходилъ просто до звѣрства, давая волю своимъ рукамъ. Впрочемъ, объ этомъ офицерѣ я говорить не стану—*de mortuis aut bene aut nihil*, а онъ уже умеръ. О его смерти я расскажу подробнѣе въ свое время, такъ какъ смерть эта находится въ тѣсной связи съ моимъ разсказомъ.

Съ поручикомъ Акуловымъ я скоро сблизился, и мы проводили вмѣстѣ почти все свободное отъ ученья время. Я любилъ слушать его и часто мы проводили долгіе зимніе вечера, бесѣдуя о всевозможныхъ вещахъ.

Особенно я былъ радъ ему въ то время когда у меня болѣла голова, потому что тогда онъ проводилъ со мною цѣлыя ночи и я не такъ тяготился бессонницей. Въ одну изъ такихъ ночей я разсказалъ ему мое приключеніе съ Алисой М. и показалъ знакъ, бывшій у меня на рукѣ. Въ это время знакъ сталъ уже темно-краснымъ, и я постоянно чувствовалъ на его мѣстѣ зудъ, усиливавшійся съ каждымъ днемъ. Акуловъ долго и внимательно разсматривалъ странныя очертанія знака и посоветывалъ обратиться къ доктору, говоря, что я могу не объяснять, какъ и гдѣ получилъ его. Я послѣдовалъ этому совѣту и обратился къ нашему полковому доктору. «Вы татуированы», рѣшилъ эскулапъ, «но при татуировкѣ были употреблены сильныя, разлагающія вещества, чѣмъ и объясняется зудъ въ рукѣ». Я рѣшительно не могъ понять, какъ я могъ быть татуированъ божьимъ именемъ, но доктору ничего не сказалъ, да по правдѣ сказать и самъ старался не думать объ этомъ.

Акуловъ во время нашихъ разговоровъ знакомилъ меня съ солдатскимъ бытомъ и научалъ меня понемногу понимать и, главное, любить солдата. Такого рода разговоры были его любимой темой и надо было слышать, когда онъ говорилъ про этихъ простыхъ, темныхъ людей. Поручикъ самъ тоже началъ съ вольноопредѣляющагося и уже шестъ лѣтъ какъ жилъ среди солдатъ.

II. Загуляевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Нѣтъ, не надо мнѣ словъ утѣшеній,
Такъ легко расточаемыхъ словъ,
Въ жизни мрачной и полной лишеній
Я страдаю терпѣливо готовъ!

* * *

Вы забыться могли тишиною
И мечтать, закрывая глаза...
Нѣтъ, коль тучи висятъ надо мною,
Пусть гремитъ роковая гроза!

* * *

Не отдамъ я за радости ваши
Безотрадную долю свою,—
И коснуться отравленной чашы,
И всю горечь, всѣ слезы допью!

А. Лукьяновъ.

НАРОДЪ ТЕМНЫЙ.

Разсказъ Грентъ-Аллена.

◆◆◆

— Безполезно!—сказала Гуэнь Гриффисъ, выглядывая изъ за свѣей маслостойки, — ге стоитъ трудиться, Айло. Пока жива старая Олуэнь Люляйянь, масло не будетъ сбиваться. Она не дастъ ему сбиться. Старая вѣдьма заколдовала его!

— Такъ толковали въ старое время,—отвѣчалъ Айло,—ни одинъ разумный человѣкъ теперь не вѣритъ этому.

Однако, онъ съ любопытствомъ заглянулъ въ маслостойку и, повернувшись бокомъ, бросилъ сомнѣтельный взглядъ въ сторону котѣджа Олуэнь Люляйянь. Онъ больше вѣрилъ, чѣмъ хотѣлъ показать.

Дѣло происходило на грубо выстроенной фермѣ въ самой глухой мѣстности дикаго Уэльса, пріютившейся у подошвы горы, склоны которой были покрыты скудною растительностью, а вершина совершенно голая. Ферма вмѣсто забора была окружена каменной стѣной, кругомъ ни деревца, ни кустика, ни живого существа, только горныя овцы и голодныя коровы бродятъ тамъ и сямъ по пастбищу, съ трудомъ поддерживая свою жизнь скверной, едва видной на землѣ, травой. Достаточно изглянуть на нихъ, чтобы убѣдиться въ трудности получить масло изъ ихъ жидкаго молока, помимо даже сверхъестественнаго вліянія колдуньи Олуэнь Люляйянь.

— Странно,—говорилъ Айло, снова заглядывая въ маслостойку, — по все это колдовство чистый вздоръ; правда, что мистеръ Ивэнсъ разсказывалъ мнѣ, что и въ Лондонѣ водятся колдуны. Странно только, что масло перестало сбиваться съ тѣхъ поръ, какъ сынъ Олуэнь уѣхалъ въ Африку.

— Она можетъ обратиться въ зайца,—прибавила Гуэнь,—она обладаетъ такимъ же могуществомъ, какъ маленькая Гуайонъ въ сказкѣ. Колдуня, она можетъ принять какой угодно видъ.

— Сомнѣваюсь,—упрямо отвѣчалъ Айло, скрывая подъ упрямствомъ слабость своего убѣжденія.—Все это чистѣйшій вздоръ... Правда, мы читали объ эндорской волшебницѣ...

Пока онъ говорилъ, дверь фермы отворилась и старая, хилая женщина съ трудомъ вошла въ нее. Это была больше ничего, какъ несчастная старуха, у которой болятъ всѣ суставы и подслѣпватые глаза плохо видятъ, но для обитателей этого уединеннаго уголка

она казалась страшнымъ созданіемъ, котораго слѣдовало бояться и избѣгать.

— Съ добрымъ утромъ васъ, моя милая, — сказала она, едва слышно бормоча, подходя къ Гуэнь, опираясь на свою палку.

Гуэнь косо на нее взглянула.

— И вамъ также добраго утра, бабушка, — отвѣчала она, недовольная ея посѣщеніемъ и въ то-же время опасаясь вызвать гнѣвъ таковой могущественной особы. Можно ненавидѣть колдунью, но нужно поддерживать съ ней хорошія отношенія.

хотя Айло дѣлалъ ей знаки, чтобы она этого не говорила.

— Люди говорятъ, сами не знаютъ, что, — сердито возразила старуха. — Никогда въ жилищахъ моей матери не текла кровь волшебницы. Дайте, я посмотрю, что съ вашимъ масломъ? — И она принялась вертѣть ручку маслобойки.

Гуэнь стояла подлѣ и сомнительно смотрѣла. Олуэнь сбивала масло и что-то бормотала. «Заговоръ, несомнѣнно», — думала Гуэнь. Масло было сбито очень скоро. Полуслѣпая ста-

вѣчала Айло, пожимая плечами. Онъ вынулъ эту фразу изъ «Кембрийскихъ Новостей», газеты, проникшей и въ этотъ глухой уголокъ.

Прогрессъ или нѣтъ, но Гуэнь рѣшила слѣдить за появленіемъ таинственной голубой бабочки, когда на слѣдующую недѣлю наступило время сбиванія масла. Дѣйствительно, едва она начала пахтать масло, какъ, привлеченная, вѣроятно, запахомъ сливокъ, бабочка прилетѣла и закружилась надъ маслобойкой.

— Вотъ, Айло, вотъ она! — громко закричала Гуэнь, въ суетѣ ужасъ.

Видъ Неаполя.

— Масло бьете? — спросила старуха, любопытно заглядывая въ маслобойню.

— Вы сами знаете, — раздражительно отвѣчала Гуэнь.

— И масло не сбивается? — продолжала старая Олуэнь, не зная, на какой опасный путь ступаетъ.

— Какъ-же оно можетъ сбиться, Олуэнь Льюлинь, — возразила Гуэнь Гриффисъ, — если какая-то старая, злая вѣдьма заколдовала сливки.

— Ха! ха! ха! — засмѣялась старуха. — Такъ бывало и въ старину. Я сама этому вѣрила, когда бывало сбивала масло. Дѣти волшебницы могутъ заколдовать сбиваніе масла. А здѣсь живетъ много людей, родившихся отъ нихъ.

— Люди говорятъ, что ваша мать дочь волшебницы, — замѣтила Гуэнь, помолчавъ,

руха, жмурясь, близко заглянула въ маслобойку.

— Вотъ! Кто говоритъ, что оно заколдовано? — спросила она, торжествуя. Больше ничего, Гуэнь Гриффисъ, что вы не имѣете понятія, какъ нужно сбивать масло.

Но Гуэнь послѣ этого еще больше увѣрилась, что старая Олуэнь колдунья. Сбивъ масло, Олуэнь ползла въ свою хату, бормоча что то себѣ подъ носъ.

— Когда я сбиваю масло, — злобно сказала Гуэнь, обращаясь къ Айло, — большая голубая бабочка кружится надъ моей головой. И пока она здѣсь, масло не сбивается. Когда Олуэнь отворила сейчасъ двери, бабочка исчезла. Я убѣждена, что это она сама обращается въ бабочку, чтобы легче колдовать.

— Люди говорятъ, что глупо вѣрить та-

кимъ вещамъ въ нашъ вѣкъ прогресса, — отвѣчала Айло, пожимая плечами. Онъ вынулъ эту фразу изъ «Кембрийскихъ Новостей», газеты, проникшей и въ этотъ глухой уголокъ.

Прогрессъ или нѣтъ, но Гуэнь рѣшила слѣдить за появленіемъ таинственной голубой бабочки, когда на слѣдующую недѣлю наступило время сбиванія масла. Дѣйствительно, едва она начала пахтать масло, какъ, привлеченная, вѣроятно, запахомъ сливокъ, бабочка прилетѣла и закружилась надъ маслобойкой.

— Вотъ, Айло, вотъ она! — громко закричала Гуэнь, въ суетѣ ужасъ.

Гуэнь и онъ смотрѣли другъ на друга и оглядывались кругомъ, какъ очарованные.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Л. ШМИДТЪ-КОНСТАНА.
Гравированъ на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. А. Д. Т.

Весна любви въ осенній день.

— Ушла! — вскричала Гуэнь.

Ей вдруг сдѣлалось холодно.

— Ушла! — повторилъ Айло.

Нѣсколько секундъ оба молчали; наконецъ Гуэнь съ любопытствомъ заглянула въ маслобойку.

— Сбилась! — проговорила она дрожащимъ голосомъ, — мы испугали ее и уничтожили ея колдовство.

Пока они говорили, дверь коттеджа старой Олуэнь растворилась и оттуда съ крикомъ и слезами выбѣжалъ ребенокъ.

— Это внукъ старой Олуэнь, — вскричала Гуэнь, задыхаясь, — сынъ ея сына, который ушелъ въ Африку.

Ребенокъ вбѣжалъ къ нимъ, полуживой отъ страха.

— Идите, идите! — кричалъ онъ, хватая Гуэнь за платье, — идите къ бабушкѣ!

— Что случилось? — спросила Гуэнь; чувство ужаса все сильнѣе и сильнѣе ее захватывало.

— Я... Я не знаю! — отвѣчалъ мальчикъ, — она, должно быть, умираетъ, она такъ страшно смотритъ... Я былъ въ коттеджѣ, какъ вдругъ задняя дверь открылась и бабушка вошла, спотыкаясь и охая... Она держится рукой за сердце и я не знаю, что это значитъ.

— Мы убили ее, — прошептала Гуэнь, пристально глядя на Айло и съ ужасомъ думая, — изъ-за псѣбывавшагося масла.

Они побѣжали въ коттеджъ. Старуха лежала на постели, тяжело дыша, охая и держась за бокъ.

— Что съ вами случилось? — спросилъ Айло, но старуха не въ состояніи была говорить. Она жалобно на него взглянула и не произнесла ни слова. Тогда, рассказывая Айло послѣдствіи, онъ почувствовалъ себя какъ-бы убитой.

«Причина смерти — болѣзнь сердца, ускоренная паденіемъ». Таково было прозаическое объясненіе доктора. Онъ полагалъ, что

старая Олуэнь упала съ каменныхъ ступенекъ сзади ея хижины, съ трудомъ поднялась и умерла отъ испуга. Но съ тѣхъ поръ никто не видалъ болѣе голубой бабочки и во всемъ околѣдѣ до сихъ поръ убѣждены, что Айло Гриффисъ ударомъ полотенца убилъ Олуэнь Льюлинь, во время ея превращенія въ большую голубую бабочку; у нея только хватило силы вернуться въ св.ю хижину и подобно христіанкѣ умереть въ постели, въ противномъ же случаѣ ей пришлось-бы умереть смертью вѣдьмы, тогда дьяволъ непременно завладѣлъ-бы ею.

Айло, который былъ не только фермеръ, но и каменщикъ, въ видѣ раскаянія сложилъ ей памятникъ; хотя онъ и полагалъ, что убить вѣдьму хорошее дѣло, согласное съ Писаніемъ, но все-же чувствовалъ нѣкоторые упреки совѣсти, что впускъ Олуэнь осиротѣлъ по его винѣ, такъ какъ онъ зашибъ полотенцемъ большую голубую бабочку.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (продолженіе).

XII. Драма во дворцѣ де-Саллернъ.

УПРЕЗЪ подчасъ кузены сидѣли за небольшимъ столикомъ и обсуждали вопросъ, какъ и гдѣ вайти денегъ. Оба они, впрочемъ, были убѣждены, что найдется много ростовщиковъ, которые сейчасъ дадутъ деньги, разъ ознакомятся съ содержаніемъ свадебнаго контракта и узнаютъ, что просьба о разводѣ подана. Они не были-бы такъ спокойны, если бы услышали слова Джонъ, прочитавшей письмо мужа.

— Развестись? Мнѣ, католичкѣ, дочери святой Фанни Бессонъ? Никогда! Хотя-бы меня до смерти замучили.

Позавтракавъ, принцъ отправился искать денегъ и ему обѣщали только двѣсти тысячъ къ завтрашнему дню и то прочитавъ его свадебный контрактъ и получивъ увѣреніе, что просьба о разводѣ подана. Онъ могъ, слѣдовательно, отдать своему биржевому маклеру только сто тысячъ, а на остальные онъ хотѣлъ попытать счастья въ игрѣ. Затѣмъ Робертъ отправился къ адвокату, господину Рубо, который давно уже ждалъ подобной просьбы. Онъ замѣтилъ только своему кліенту, что его причины къ разводу такъ неважны, что ни одинъ судъ не приметъ ихъ; если бы госпожа де-Саллернъ просила о разводѣ...

— О, мнѣ все равно, мнѣ нуженъ результатъ, — отвѣчалъ принцъ.

— Очень хорошо, принцъ: едва я узнаю, кому принцесса поручить защиту своихъ интересовъ, я переговорю съ тѣмъ адвокатомъ, чтобы покончить дѣло безъ шума.

Въ восторгѣ Робертъ отправился къ своему кузену, сообщилъ ему все, что сдѣлалъ, пообѣдалъ съ нимъ, и затѣмъ они вмѣстѣ провели вечеръ въ клубѣ; Робертъ вернулся домой въ три часа съ небольшимъ выигрышемъ. Утромъ, когда онъ позвонилъ, камердинеръ открылъ занавѣски и подалъ принцу письмо его жены, которое, уходя изъ дому, она велѣла передать.

— Отвѣтъ на мое письмо. Пошла, должно быть, къ адвокату. Посмотримъ, что она пишетъ.

— Онъ началъ читать, но черезъ минуту вскричалъ, покраснѣвъ отъ гнѣва:

— Вы не хотите развода, миссъ Гаррисъ? Посмотримъ.

Онъ вскочилъ съ постели, сталъ одѣваться и велѣлъ предупредить себя, когда принцесса вернется. Одѣвшись, принцъ еще разъ перечиталъ письмо своей жены, которая писала:

«Я вполнѣ въ вами согласна, жить вмѣстѣ мы не можемъ; у меня не хватаетъ больше силъ. Но на разводъ я не согласна. Ни непонятные мнѣ оскорбительные намеки на счетъ моего отца, ни то, что вы относите ко мнѣ, ни ваши угрозы, ничто не заставитъ меня согласиться на другой разрывъ, какъ разѣхаться съ вами. Только такой разрывъ допускаетъ наша церковь, Я попрошу совѣта у герцога де-Можоля, и сдѣлаю все возможное въ предѣлахъ сохраненія безупречнаго имени, которое будетъ принадлежать моему сыну.

Принцесса де-Саллернъ, рожденная Джэнь Гаррисъ».

Принцъ былъ вполнѣ увѣренъ, что угрозами сломить свою жену, но письмо указывало на большую твердость характера, принцесса выразила свой отказъ такъ рѣшительно, что принцъ почувствовалъ, что борьба продолжится долго. А онъ хотѣлъ кончить какъ можно скорѣе. Услыхавъ что отворяются ворота, Робертъ бросился къ окну, жена его возвратилась. Не давъ ей времени сбросить шляпку, онъ вошелъ въ ея будуаръ и сказалъ, захлопывая дверь:

— Я прочелъ ваше письмо и полагаю, что вы написали его, не давая себѣ отчета...

— Вы ошибаетесь, — отвѣтила Джэнь рѣшительнымъ голосомъ, — я никогда не подамъ просьбы о разводѣ съ вами, во первыхъ потому, что считаю себя обязанной скрывать нѣкоторыя вещи, а во вторыхъ потому, что наша церковь не допускаетъ развода. А вы, съ вашей стороны, въ чемъ можете вы обвинить меня?

— Я предпочту не распространяться.

— Но я должна-же знать мои вѣны.

— Напримѣръ, происхожденіе сестолнія вашего отца и вашей встрѣчи съ господиномъ Рено. Джэнь вздрогнула и поспѣшила запереть дверь, которая вела во внутреннія комнаты.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? — спросилъ принцъ.

— Я опасаясь, что вы перестанете держать себя порядочнымъ человѣкомъ и не хочу

чтобы кто нибудь другой кромѣ меня слышалъ васъ. Говорите теперь! Въ чемъ вы обвиняете моего отца и меня?

Принцесса сдѣлала этотъ вопросъ такимъ твердымъ и требовательнымъ голосомъ, что Робертъ былъ пораженъ, — передъ нимъ стояла не та покорная жена, къ которой онъ привыкъ, а энергичная американка.

— Меня нечего учить! — отвѣчалъ онъ, — согласны вы на разводъ или нѣтъ?

— Никогда! Я вамъ написала причину.

— Обратите вниманіе, что просьбу о разводѣ подадите вы, я оправдываться не стану и буду признанъ виноватымъ.

— Мнѣ все равно! Я противъ развода вообще. Я не хочу быть разведенной женой, то-есть попирающей религію, въ которой я воспитана.

— Вы помѣшались на вашихъ допотопныхъ вѣроваіяхъ! Вы отказываетесь отъ развода мнѣ наперекоръ. Я хочу развода потому, что ваше обращеніе со мной оскорбляетъ мой авторитетъ.

— Но я предлагаю вамъ разѣхаться!

— Я хочу развода и заставляю васъ просить его! — Робертъ сжалъ кулаки.

— Я не уступлю вамъ, — сказала Джэнь, поднявъ голову, — какія-бы мученія вы ни заставили меня вынести. Моя совѣсть не допускаетъ такой уступки.

— Ваша совѣсть! Что-то она скажетъ, когда я громкогласно объявлю, что Джо Максимъ Гаррисъ воръ и убійца, и что это причина, по которой я не хочу, чтобы его дочь носила имя принцессы де-Саллернъ!

Джэнь была такъ ошеломлена этими словами, что пошатнулась, но разомъ оправившись, вскричала:

— Принцъ де-Саллернъ, вы лжете! У моей матери не было жемчужнаго ожерелья.

— Возможно, — отвѣчалъ Робертъ, — но тѣмъ не менѣе господи де-Пенгре и де-Марга были на присккахъ ограблены Джо Гаррисомъ, и этотъ самый Гаррисъ въ Санъ-Франциско, въ игорномъ домѣ, пытался убить барона Пьера. На этихъ фактахъ будетъ основано мое обвиненіе, къ нимъ я прибавлю обвиненіе въ забвеніи вами вашихъ супружескихъ обязанностей.

— Забвеніе моихъ супружескихъ обязанностей потому, что я сказала нѣсколько словъ съ порядочнымъ человѣкомъ? Я желала-бы, чтобы всѣ женщины, носившія имя, которое я имѣю несчастье носить теперь, столько-же уважали его, сколько я. Дѣлайте, что вамъ угодно! Обвиняйте меня и моего отца въ чемъ вамъ угодно. Оскорбляйте меня, я останусь христіанкой и матерью. Я готова развѣхаться съ вами, но на разводъ не согласна.

— Посмотримъ! И скоро, клянусь вамъ, миссъ Джэнь Гаррисъ!

Принцъ выбѣжалъ изъ комнаты. Онъ грубо объявилъ своей женѣ войну и готовъ былъ на всевозможныя средства, чтобы добиться развода, то-есть получить шесть милліоновъ, которые ему присуждалъ въ этомъ случаѣ свадебный контрактъ.

Когда принцъ ушелъ, Джэнь собрала все свое мужество и взглянула въ лицо ужасному положенію, въ которое ее поставили пороки человѣка, чье имя ее отецъ купилъ для нея, не только цѣною своихъ милліонсвъ, но и ее счастья. Она сѣла къ письменному столу и написала своему отцу письмо, въ которомъ рассказала все случившееся. «Принцъ успокоится,—писала она,—если получить свои шесть милліоновъ. Но я не хочу развода. Только ты, отецъ мой, можешь все примирить, подаривъ ему эти деньги. Онъ согласится развѣхаться со мной и избавитъ меня отъ совѣстной жизни, которая приносить мнѣ только горе и униженіе».

Написавъ письмо, Джэнь задумалась, не вызветъ-ли ее письмо какого-нибудь непріятнаго столкновенія. Она не сомнѣвалась, какъ въ томъ, что отецъ ее не пожалѣетъ денегъ, такъ и въ томъ, что онъ посѣтитъ въ Парижѣ, гдѣ его появленіе можетъ привести къ какой-нибудь непріятной стычкѣ съ ее мужемъ, а можетъ быть, и съ господами де-Пенгре и де-Марга. Она рѣшила поговорить прежде съ герцогомъ де-Можолемъ и написать добрую Самми. Кромѣ того ей пришло въ голову, что получивъ свои шесть милліоновъ въ видѣ подарка, принцъ не откажется отъ права получить по свадебному контракту другіе шесть милліоновъ и, растративъ первые, возобновить свои требованія. И она рѣшила до поры-до-времени бороться одна. Въ эту минуту въ будуаръ вошла Маріа съ письмомъ въ рукахъ.

— Прочти,—сказала она, подавая его принцессѣ, которая прочла:

«Милостивая Государыня!

Съ сожалѣніемъ имѣю честь васъ увѣдомить, что я уже распорядился помѣщеніемъ, занимаемымъ вами. Вы меня премного обяжете, выѣхавъ въ теченіе сутокъ изъ дому.

Принцъ де-Саллеръ».

— Несчастный! Несчастный! — вскричала принцесса, — это начало его враждебныхъ отношеній!

Бѣдная женщина горько расплакалась, у нея отнимали не только преданнаго друга, старшую любимую сестру,—но и у ее дѣтей вторую мать. Маріа ничѣмъ не могла себѣ объяснить эту неожиданную грубость принца.

— Что такое случилось, что принцъ меня такимъ образомъ выгоняетъ? Съ ума онъ сошелъ, что-ли?

Джэнь рассказала позорную исторію ожерелья и свою ссору съ мужемъ, не пропуская и не скрывая ничего.

— Я не вѣрю клеветамъ принца,—сказала она въ заключеніе,—но такъ какъ онъ указываетъ на де-Пенгре и де-Марга, я спрошу ихъ. Я даже не знаю, жилъ-ли мой отецъ въ

Калифорніи. Жаль, что я не знала этого раньше, чѣмъ повидаться съ герцогомъ де-Можолемъ. Онъ сильно возмущенъ поведеніемъ своего племянника; а адвокатъ господинъ Рубо, къ которому онъ меня проводилъ, не сомнѣвается въ легкости получить для меня разрѣшеніе разойтись съ мужемъ.

— Въ послѣднемъ не можетъ быть сомнѣнія. Напишешь ты отцу? Мистеру Торнеру?

— Не теперь, когда его имя замѣшано... И Самми подожду писать. Но, слушайте: отецъ говорилъ, что онъ съ дѣтства не разставался съ Самми... Значитъ, они вмѣстѣ были въ Калифорніи, вмѣстѣ... Мнѣ страшно, а если Робертъ говоритъ правду?

И принцесса закрыла лицо руками.

— Умоляю тебя, Джэнь, не преувеличивай ничего. Вѣдь это такая старая исторія. Развѣ мистеръ Гаррисъ и Торнеръ не пользуются общимъ уваженіемъ въ Чикаго? А твоя покойная мать, вѣдь она любила и уважала своего мужа.

И обнявъ бѣдную женщину, она ласкала ее и говорила слова утѣшенія, какъ бывало въ дѣтствѣ. Успокоившись понемногу, Джэнь, однако, осталась при своемъ намѣреніи спросить де-Пенгре и де-Марга, и вспомнивъ, что герцогъ хотѣлъ послѣ двѣнадцати прѣхати поговорить со своимъ племянникомъ, она послала сказать Жерому, чтобы онъ передалъ герцогу ее просьбу подняться къ ней.

Въ это-же время Робертъ завтракалъ внизу съ своимъ кузеномъ и поторопился сообщить Арману все, что произошло утромъ между Джэнь и имъ. Арманъ былъ очень недоволенъ его выходкой противъ Гарриса, онъ находилъ ее по меньшей мѣрѣ преждевременной. Въ сущности онъ опасался, что принцесса обратится за разъясненіями къ его отцу и графу де-Пенгре, которые не поблагодарятъ его. Если дѣло принца и принцессы дойдетъ до суда, барона Пьера де-Марга не похвалятъ за то, что онъ такъ долго молчалъ и допустилъ дочь Гарриса сдѣлаться принцессой де-Саллеръ. Тѣмъ падетъ и на Армана, и кромѣ того онъ со всѣми рассорится.

— Чортъ возьми, — говорилъ онъ, — такъ нельзя терять голову. Если бы твоя жена была не такъ разсудительна и не съ такимъ твердымъ характеромъ, твои угрозы, можетъ быть, испугали-бы ее. А она и не повѣритъ этой калифорнійской исторіи! Мало-ли что тамъ дѣлалось?

— Но это превосходный аргументъ для требованія развода.

— Не знаю! Я думаю, что придется некачъ-нибудь другое. Милѣйшая кузина обладаетъ такой силой сопротивленія, о которой мы не подумали, религіей.

— Да, идея отказываться отъ развода потому, что церковь не допускаетъ его!

— А между тѣмъ религіозныя идеи придаютъ женщинѣ мужество бороться.

— Но что-же дѣлать? Ты понимаешь, что я не хочу простого прекращенія сожителства.

— Оно не дастъ тебѣ шести милліоновъ. Нужно дѣйствовать осторожно, утомить твою жену, тогда она сама...

— Мнѣ некогда ждать! Лена вернется, только прочитавъ въ газетахъ, что мое прошеніе о разводѣ подано. А изъ двухсотъ тысячъ франковъ, которыя я получу сегодня вечеромъ, большую часть придется употребить на уплату разницы, что-же мнѣ останется? Ты теперь при деньгахъ?

— Только двѣ тысячи, что я вчера вы-

игралъ. Больше у меня нѣтъ ничего. О чемъ ты думаешь?

Принцъ положилъ локти на столъ и сильно задумался.

— Я думаю, что если-бы этотъ Рено былъ въ Парижѣ, можно было-бы устроить такую ловушку, которая скомпрометировала-бы принцессу. Нельзя-ли узнать?

— Узнать не трудно. Но я полагаю, ты придумываешь опять что-нибудь невозможное. Джэнь честная женщина, и хотя она помнитъ своего бывшаго жениха, тѣмъ болѣе, что ты не постарался заставить ее забыть его...

— Покорнѣйше благодарю!

— Не за что! Но не смотря на эту память, трудно обвинить ее. Впрочемъ, я узнаю, гдѣ Рено.

Въ эту минуту Баптистенъ доложилъ принцу, что герцогъ де-Можоль поднялся къ принцессѣ. Робертъ приказалъ сказать, когда герцогъ спустится.

— Я иду,—сказалъ Арманъ,—я вовсе не желаю встрѣчаться съ твоимъ дядюшкой.

— Ты не встрѣтись съ нимъ. Когда Баптистенъ придетъ сказать, что герцогъ вышелъ отъ Джэнь, ты уйдешь въ паркъ, куда и я спущусь послѣ его ухода. Смотря по тому, что онъ мнѣ скажетъ, мы будемъ дѣйствовать. У меня есть идея!

— Что такое?

— Хочешь ты получить пятьсотъ тысячъ франковъ?

— На вопросъ ты отвѣчаешь вздорнымъ вопросомъ. Хочу-ли я получить пятьсотъ тысячъ франковъ? Конечно, съ восторгомъ. Польша-милліона! И это твоя идея должна принести мнѣ поль-милліона? Да? Говори скорѣе.

— Не сейчасъ! На этихъ дняхъ! Это будетъ зависѣть!

— Ну, въ такомъ случаѣ я ихъ никогда не получу. А что Лена?

— Прислала телеграмму: «Письма получены. Жду. Твоя по-прежнему».

— Что-же тебѣ еще больше? Я очень люблю эту краткость. Ее можно понять, какъ угодно...

— Прошу тебя безъ шутокъ на счетъ Лены. Ты знаешь...

И принцъ сталъ распространяться объ умѣ, красотѣ, прелестяхъ, талантѣ и любви Лены до тѣхъ поръ, пока Баптистенъ не доложилъ:

— Герцогъ де-Можоль.

Арманъ въ одну минуту очутился въ паркѣ.

Принцесса рассказала герцогу грубую сцену, которую ей сдѣлалъ мужъ утромъ, и онъ отговорилъ ее отъ намѣренія обратиться за разъясненіями къ де-Пенгре и де-Марга. Это было такъ давно. И то, что происходило тогда въ Калифорніи, нельзя судить законами цивилизованныхъ странъ. Герцогъ былъ увѣренъ, что эти господа со смѣхомъ вспоминаютъ старыя калифорнійскія исторіи. Въ противномъ случаѣ они предупредили-бы принца о прошломъ его будущаго тестя. Они были честные люди, хотя и порядочные кутилы, такъ думалъ герцогъ. Во всякомъ случаѣ дочь Максима Гарриса была вполнѣ безупречна. Принцесса легко сдалась на доводы своего родственника. Она ему ни слова не сказала объ исторіи съ ожерельемъ, но тѣмъ не менѣе герцогъ былъ очень сердитъ на своего племянника. Робертъ это замѣтилъ, едва герцогъ вошелъ и постарался высокочиннымъ видомъ дать ему понять, что онъ мѣшается не въ свое дѣло.

— Тебѣ непріятно,—сказалъ герцогъ, са-

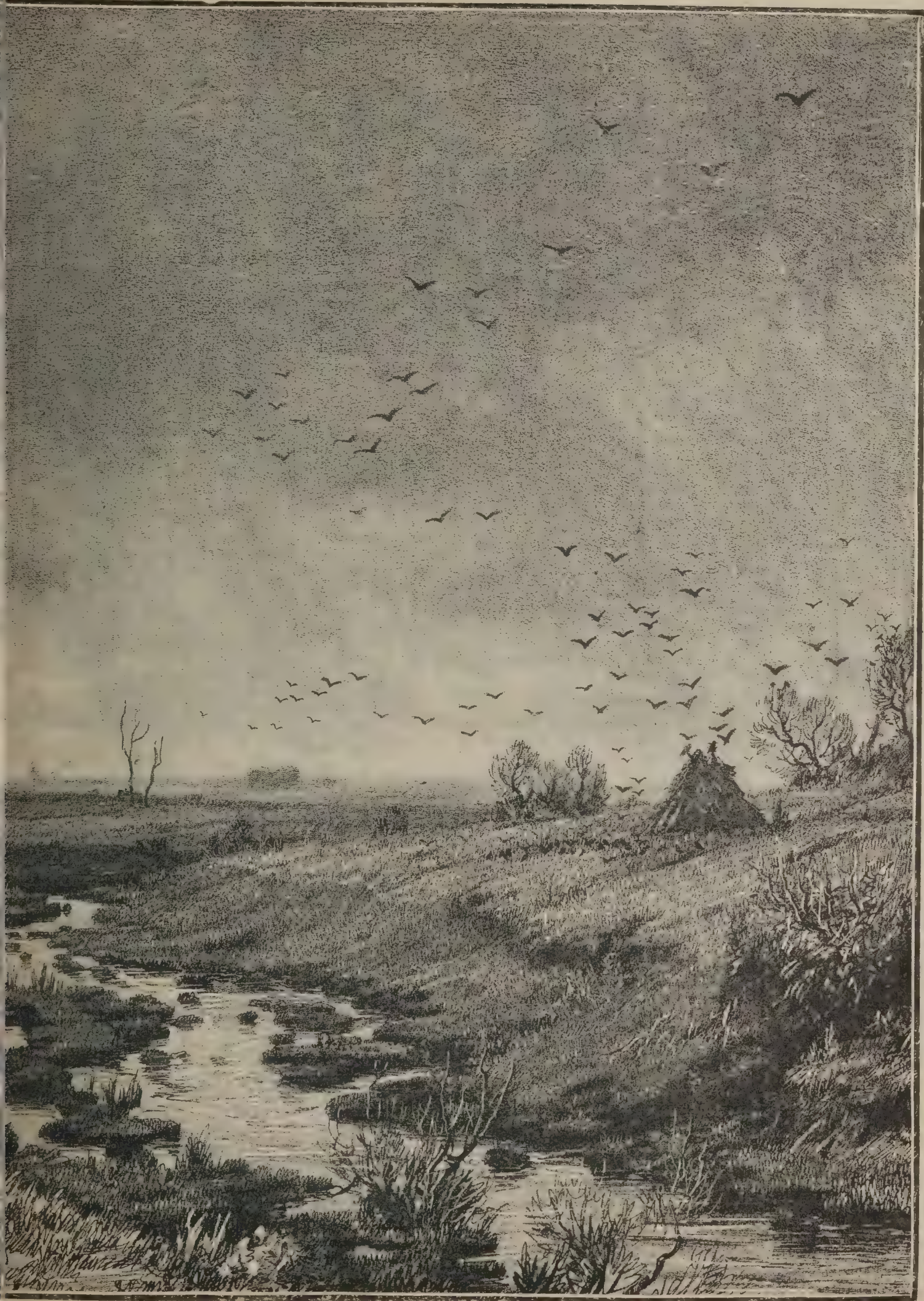
ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОК

(Право на воспроизведение составляет исключительное)

ПОЗДН

УДОЖНИКА А. ШИЛЬДЕРА.
СОБСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРЕНИЕ“).

СЕНЬ.

дась въ кресло и не протягивая руки Роберту,—тебѣ непріятно, что я пришелъ говорить съ тобою о твоей ссорѣ съ женою. Будь увѣренъ, что мнѣ это еще болѣе непріятно. Но выслушать меня ты долженъ.

— Я не отказываюсь выслушать,—насмѣшливо отвѣчалъ принцъ,—но это нисколько не измѣнитъ моихъ намѣреній.

— Я вовсе не желаю толковать тебѣ, что твое поведеніе скверно, я хочу только указать тебѣ, какъ ты неловокъ. Я видѣлъ Джэнь сегодня два раза, сводилъ ее къ своему адвокату и былъ у твоего. Ты хочешь начать процессъ о разводѣ съ женой. Но надъ тобою будутъ смѣяться. Всѣ поймутъ, что ты ищешь развода только ради того безнравственнаго параграфа твоего свадебнаго контракта, дающаго тебѣ шесть милліоновъ въ случаѣ развода. Если бы не это, ты-бы согласился разойтись съ ней, какъ та тебѣ предлагаетъ. Конечно, ты не получишь шести милліоновъ, но Джэнь предлагаетъ тебѣ сто тысячъ въ годъ, оставляетъ себѣ и дѣтямъ столько-же, чтобы остальнымъ годовымъ доходомъ выплатить твои долги. Что ты имѣешь противъ твоей жены?

— Достаточно прошлаго ея отца... Я не думалъ, что дочь бандита сдѣлается принцессой де-Саллернъ.

— Это пустяки. Миссъ Джэнь Гаррисъ ни въ чемъ нельзя упрекнуть. И это все?

— А ея встрѣча въ Гаврѣ съ Рено?

— Конечно лучше было-бы, если-бы она его не встрѣтила, но разъ они встрѣтились, невѣжливо было-бы не обмѣняться нѣсколькими словами.

— Найдется еще многое, поважнѣе, о чемъ я умолчу покажѣсь.

— И такъ ты рѣшился хлопотать о разводѣ?

— Непремѣнно!

— Ты не думаешь о дѣтяхъ?

— Законъ отдастъ ихъ мнѣ.

— Тебѣ? Чтобы ты награждалъ ихъ машинкой въ родѣ Лены?

— Я не понимаю, герцогъ, къ чему вы примѣшиваете сюда госпожу Реджи?

— Потому что ты хлопочешь о разводѣ, мой милый, не только для того, чтобы получить твои шесть милліоновъ, но еще, чтобы жениться на твоей любовницѣ. Твоя танцовщица въ одинъ прекрасный день приведетъ тебя къ этому. Я долженъ предупредить тебя, что Джэнь никогда не согласится на разводъ, и что если ты въ теченіе двухъ недѣль не одумаешься, твоя жена будетъ просить о прекращеніи сожителства, а у нея причинъ найдется побольше, чѣмъ у тебя. Ты не отвѣчаешь?

— Изъ уваженія къ вамъ. Госпожа Гаррисъ нанесла мнѣ новое оскорбленіе, доверившись вамъ; мнѣ не пужны ни ея милость, ни ея сожалѣнія.

— Только ея шесть милліоновъ?

— Господишь герцогъ!

Герцогъ всталъ и выпрямился,—онъ былъ очень высокаго роста, и строго посмотрѣлъ на своего племянника.

— Принцъ Робертъ де-Саллернъ, вы глухи, и я опасаясь, что вы скоро сдѣлаетесь негодяемъ.

Герцогъ вышелъ, не оглядываясь. Принцъ бросился въ садъ, говоря про себя:

— А! Миссъ Джэнь Гаррисъ, вы однимъ разомъ заплатите мнѣ за все.

Нѣсколько минутъ спустя онъ нашелъ Армана, который спокойно курилъ сигару въ глубинѣ парка. Онъ спросилъ:

— А! Чортъ возьми, битва была жаркая?

— Герцогъ позволилъ себѣ такіа замѣчанія, что я прогвалъ его.

— Скверно, и если твой дядя вмѣшается...

— Передъ нами двѣ недѣли! Такъ ты желаешь получить полъ-милліона?

— Я думалъ, что ты забылъ?

— Идемъ!

И принцъ послѣшно повелъ своего кузена къ маленькой калиткѣ парка, вынулъ ключъ изъ кармана, отворилъ и снова заперъ ее.

— Въ эту калитку, въ одну прекрасную ночь изъ этихъ двухъ недѣль,—сказалъ онъ, отдавая ключъ Арману,—ты придешь за своимъ полумилліономъ и отмстишь одновременно за себя!

Арманъ не понималъ. Робертъ увелъ его въ чащу, минутъ черезъ двадцать они вышли, пожимая другъ другу руки. Но вдругъ баронъ сдѣлалъ отрицательный сердитый жестъ, который удивилъ Роберта. Баронъ сказалъ вполгоса, не переставая жестикулировать.

— Я вижу на балконѣ г-жу Бренъ, а около оранжереи стоитъ Багистенъ. Превосходный случай показать, что мы поссорились.

Пожавъ плечами, Арманъ пробѣжалъ черезъ оранжерею и сердитымъ голосомъ спросилъ свое пальто у лакея.

— Какъ, поссорились!—пробормоталъ тотъ съ удивленіемъ.

Съ этого для дружескія отношенія между кузенами повидимому прекратились, это всѣмъ бросилось въ глаза. При встрѣчѣ они поворачивались спиною другъ къ другу. Принцъ давалъ понять, что Арманъ употребилъ во зло его довѣріе и принялъ сторону принцессы—ссора между мужемъ и женой была всѣмъ извѣстна, а Марга, будто въ порывѣ чувства, выражалъ, что принцъ во всемъ виноватъ. Онъ доводилъ свое краснорѣчіе до того, что многіе считали его влюбленнымъ въ его престестную кузину. Арманъ не появлялся больше ни за кулисами, ни въ клубахъ, ни въ кафе-концертахъ, однимъ словомъ, въ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ до сихъ поръ такимъ усерднымъ посѣтителемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Успѣхи и способы освѣщенія.

НѢКОГДА люди вставали и ложились съ пѣтухами. Они вели совершенно животную жизнь и потому отсутствіе свѣта часто большую половину сутокъ не составляло для нихъ чувствительнаго недостатка. Открытіе огня, который и грѣлъ и освѣщалъ, произвело сильную перемѣну въ жизни людей. Въ наше время всякаго комфорта мы не можемъ уже обойтись безъ искусственнаго освѣщенія. Мы стремимся отдавать сну не двѣ трети или половину жизни, какъ то было прежде, а только нѣсколько болѣе четверти или одну треть.

Но не смотря на наше стремленіе къ искусственному свѣту, еще недавно онъ былъ весьма недостаточенъ, и всѣ усилія къ полученію хорошаго искусственнаго свѣта были мало успѣшны. Въ древности прибѣгали къ факеламъ или лучинамъ изъ смолистаго дерева и, наконецъ, къ растительному маслу. Позднѣе сѣверные варвары ввели салную свѣчу, а средніе вѣка восковую свѣчу, которая, однако была такъ дорога, что составляла предметъ роскоши и была доступна только богатымъ людямъ и то въ умѣренномъ количествѣ. Египтяне, греки, римляне употребляли растительное масло, но сосуды, гдѣ горѣло

это масло, были ужъ чересчуръ несовершенны,—лампа ихъ или свѣтильникъ ничто иное, какъ чашка, въ которую положенъ фитиль и налито масло, никогда не пропитывавшее его въ достаточномъ количествѣ, для этого не существовало никакихъ приспособленій, кромѣ естественной капиллярности фитиля или свѣтильника. Пламя было красноватое, страшно дымило, коптило, при горѣніи исходилъ рѣзкій, раздражающій запахъ. И такіа лампы существовали тысячелѣтія. Изображенія ихъ можно найти при всѣхъ древнихъ раскопкахъ. И въ теченіе весьма долгаго времени до конца XVIII столѣтія, не смотря на изобрѣтеніе многіхъ замѣчательныхъ вещей, люди не додумались ни до стеклянныхъ цилиндровъ, ни до кенкетовъ. Все воображеніе художниковъ было специализировано архитектурой лампъ и многія изъ нихъ представляютъ дѣйствительно образцы искусства, которые тѣмъ не менѣе не освѣщали, а только портили воздухъ. Зажиточные классы были вынуждены отъ нихъ отказаться и обратиться къ свѣчамъ, сгоравшимъ при томъ безъ остатка, а если остатки и были, ихъ переливали на новыя свѣчи. Характеристической чертой для выраженія скупости въ XVII вѣкѣ служило замѣчаніе, что такое то лицо употребляетъ масло для освѣщенія. А между тѣмъ масло далеко не отличалось дешевизной, оно добывалось изъ орѣховъ, сѣмянъ льна, конопли, мака, или изъ рыбы. Конечно, съ открытіемъ новыхъ маслянистыхъ растений и улучшеніемъ фабрикаціи цѣна его уменьшалась. Но во всякомъ случаѣ и свѣчи и масло всегда составляли продуктъ слишкомъ дорогой для употребленія крестьянина, который довольствовался смолистыми факелами или лучинами, которая щипется изъ смолистаго дерева. При такомъ освѣщеніи можно было молиться, разговаривать, рассказывать сказки пѣть, но крестьянинъ ложится рано и для всего этого достаточно огня на очагѣ, потому что все равно и при лучинѣ никакой работой заниматься нельзя. Факелы употреблялись также для освѣщенія пути. До изобрѣтенія уличныхъ фонарей, всякій горожанинъ шелъ съ факеломъ въ рукѣ, богатымъ освѣщали дорогу слуги или пажи.

Въ тѣ времена и салныя свѣчи цѣнились дорого, были очень тонки и доходили до шестнадцати на фунтъ. Четверикъ былъ много толще обыкновенной стеариновой свѣчи, а шестнадцатая на фунтъ представляла тонкую свѣчку нищихъ, съ нея приходилось ежеминутно снимать пагарь. Цвѣтъ салныхъ свѣчей былъ грязно-желтый, ихъ пробовали бѣлить, но противъ бѣлыхъ свѣчей существовалъ предрасудокъ, — что онѣ плохо горятъ. Наши маканныя свѣчи горѣли еще хуже и постоянно оплывали.

Мы такъ избалованы постояннымъ, почти непрерывнымъ улучшеніемъ искусственнаго освѣщенія, что для насъ полутьма, господствовавшая при помянутомъ освѣщеніи, была бы невыносима. Но нельзя сказать, чтобы отъ нея очень страдали современные поколѣнія. Ихъ жилища получали даже весьма мало дневнаго свѣта. Узкія окна, въ видѣ амбразуръ, въ которыя вставлялось вошедшее или намащенное полотно, пропускали свѣтъ скупю. Въ оконныя отверстія вмѣстѣ со свѣтомъ входилъ холодный воздухъ, во избѣжаніе чего ихъ уменьшали на счетъ свѣта. Употребленіе стеколъ въ окнахъ введено не болѣе трехсотъ лѣтъ; въ Парижѣ еще въ началѣ царствованія Людовика XV въ службахъ въ окна вставляли бумагу. Съ увеличеніемъ

количества дневного свѣта, согласно требованіямъ комфорта, увеличилась потребность въ искусствѣнномъ свѣтѣ, благодаря которому человекъ можетъ дѣлать сутки, болѣе сообразуясь со своимъ вкусомъ. Эти перемѣны въ дѣйствительности еще очень недавни. А усовершенствованный искусственный свѣтъ настоящаго времени и совсѣмъ еще молодъ. Электричеству едва насчитывается лѣтъ пятнадцать, керосину около тридцати лѣтъ, газу пятьдесятъ, и новые способы освѣщенія каждые три, четыре года постоянно открываются и изобрѣтаются. Старыя изобрѣтенія забываются, на мѣсто ихъ вступаютъ новыя, чтобы въ свою очередь кануть въ вѣчность. Масляныя лампы, рѣнное масло, стеариновая свѣча, все это казалось въ свое время верховъ совершенства и въ свою очередь забыто.

Стеаринъ вытѣснилъ восковыя свѣчи, которыя удержались только въ церквахъ — на основаніи преданій. Пчелиный воскъ встрѣтилъ соперниковъ въ нѣкоторыхъ экзотическихъ деревьяхъ, какъ рафія, коккусъ и бразильскія пальмы. Около этого же времени исчезли и салныя свѣчи, не смотря на всѣ свои усовершенствованія; онѣ спустились въ погребъ, гдѣ виноторговцы употребляютъ ихъ для заклопачиванія щелей въ бочкахъ. Масляная лампа, вонявшая и коптившая сотни лѣтъ, исчезла только при Людовикѣ XVI когда, жеверскій физикъ Аргандъ (Aimé Argand) изобрѣлъ лампу, имѣвшую горѣлку съ двойнымъ притокомъ воздуха; лампа эта извѣстна подъ названіемъ *кенкета*, потому что аптекарь Кенкетъ воспользовался идеей Арганда, который умеръ въ 1803 году въ глубокой бѣдности. Въ 1784 году въ залѣ французской академіи была выставлена собранная Кенкетомъ лампа, снабженная горѣлкой съ двойнымъ притокомъ воздуха. Она одна освѣщала какъ десять или двѣнадцать восковыхъ свѣчей. Особенно удивило публику отсутствіе копоти и запаха во время горѣнія.

Свойства пламени были уже въ это время изслѣдованы извѣстными химикомъ Лавуазье, который доказалъ, что внутренность свѣщающаго конуса не служитъ ни къ чему, потому что не подвергается вліянію атмосфернаго воздуха и что свѣтятъ только наружныя части пламени. Основываясь на этомъ открытіи, Аргандъ примѣнилъ круглый фитиль, чтобы привести все пламя въ прямое сообщеніе съ наружнымъ воздухомъ. Фитиль пропускался между двумя металлическими цилиндрическими трубками, и зажженный конецъ его приходился такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ среди раскаленной атмосферы. Для усиленія притока воздуха, поддерживающаго горѣніе, изобрѣтатель снабдилъ свою лампу трубою, свачала изъ листового желѣза, а впоследствии стеклянной, когда на заводахъ достигли, наконецъ возможности дѣлать стеклянные цилиндры, не лопавшіеся отъ перваго жару. Труба эта помѣщалась на извѣстномъ разстояніи отъ пламени.

Принципы, на которыхъ основано устройство этой горѣлки, не измѣнились до нашихъ дней. Всѣ появившіяся впоследствии лампы въ этомъ отношеніи мало разнились отъ кенкета. Улучшенія ограничивались способомъ доставленія масла горящему рожку. Между прочимъ аргандова лампа обладаетъ однимъ существеннымъ недостаткомъ, — резервуаръ ея устроенъ такъ, что закрываетъ свѣтъ съ одной стороны. Для избѣжанія этого пробовали наливать масло въ родъ желобка, подерживавшаго абажуръ и помѣщавшагося на

высотѣ фитиля, который получалъ такимъ образомъ питаніе съ двухъ сторонъ. Но и эти, такъ называемыя «астральныя» лампы были брошены, когда часовой мастеръ Карсель изобрѣлъ способъ помѣщать резервуары съ освѣтительнымъ матеріаломъ подѣ горѣлкой.

Въ началѣ выпѣшняго столѣтія Карсель придумалъ примѣнять часовой механизмъ для приведенія въ движеніе миниатюрной помпы, поднимавшей изъ резервуара масло къ горѣлкѣ. Ганьо скоро улучшилъ эту систему, замѣнивъ одну помпу двумя. Прочностью и удобствомъ карселевыя лампы не отличались и были замѣнены модераторами, въ которыхъ часовой механизмъ уступилъ мѣсто проволоочной пружинѣ, дѣйствующей на поршень. Но и эта лампа была брошена какъ непрактичная, особенно съ началомъ повсемѣтнаго распространения керосина.

Почти одновременно съ появленіемъ очень дорогихъ аргандовыхъ и карселевыхъ лампъ являлись попытки преобразовать салную свѣчу. Для уплотненія массы, служившей для формовки салныхъ свѣчей, нужно было выдѣлать жидкій жиръ *олеинъ*, отсутствіе котораго только могло обратить мягкую оплавляющую салную свѣчу въ твердую и сухую. Еще въ 1818 году химикъ Бракомъ, прессуя бараний жиръ, выдѣлялъ изъ него жирный сокъ. Позднѣе Шеврель и Гей-Люссакъ открыли способъ раздѣлять животный жиръ на три составныхъ части: олеинъ, стеаринъ и маргаринъ. Въ настоящее время олеинъ употребляется для производства мыла и при отдѣлкѣ шерсти; маргаринъ примѣшивается къ коровьему и различнымъ растительнымъ масламъ, — изъ этой смѣси получается извѣстное маргаринное масло, которое такъ трудно вытѣснить, и наконецъ стеаринъ служитъ для производства свѣчей. Первые стеариновые свѣчи появились на выставкѣ 1834 года. Но для того, чтобы получить ихъ, то-есть обратитъ научную теорію въ практику, потребовалось много труда и усилій. Сначала оставалась невозможность дешевымъ способомъ выдѣлать стеаринъ изъ жира. Всѣ употреблявшіяся средства были или очень дороги или очень опасны. Наконецъ при помощи извести и гидравлическихъ прессовъ успѣхъ былъ достигнутъ. Оставался вопросъ фитиля, и опять таки ушло много времени, пока былъ придуманъ наконецъ этотъ тонкій фитиль, изгибающійся во время горѣнія свѣчи и исчезающій безъ слѣда. Фитиль плетется особеннымъ способомъ изъ хлопчатобумажныхъ нитей и передъ употребленіемъ для свѣчи погружается въ борную кислоту.

Въ настоящее время добываніе стеарина настолько усовершенствовано, что фабрикантамъ только остается выборъ между нѣсколькими системами, имѣющими каждая свои выгоды. Перегонка даетъ возможность добывать продукты освѣщенія не только изъ животныхъ жировъ, но и изъ всякихъ отбросовъ оливковаго масла, рыбьяго жира, внутренностей животныхъ, костей, обезжирѣнія суповъ и даже кухонныхъ помоевъ. Сюда же можно отнести и пальмовое масло. На этихъ основаніяхъ свѣчное производство сильно удешевилось, но сравнительно съ другими, новѣйшими продуктами освѣщенія, стеаринъ все еще очень дорогъ. И стеариновые свѣчи начинаютъ исчезать. Наступитъ время, когда онѣ будутъ только служить математическимъ мѣриломъ свѣта. Къ нормальнымъ образцамъ метрической системы для измѣренія поверхности, содержанія и вѣса, уже около столѣ-

тія присоединились новыя основанія для опредѣленія скорости, силы и свѣта. Образцовая мѣра свѣта изобрѣтена Вюлемъ, замѣчательнымъ физикомъ. Для опредѣленія ея Вюль принимаетъ свѣтъ, издаваемый въ минуту застыванія квадратнымъ сантиметромъ раскаленной до бѣла платины. Этотъ свѣтъ равняется свѣту двухъ карселевыхъ лампъ съ лишнимъ (2.6) или двадцати обыкновенныхъ, нормальныхъ стеариновыхъ свѣчей.

Съ начала текущаго столѣтія особенно сильно начинаютъ развиваться различныя способы освѣщенія. Къ этому же времени относится и открытіе каменноугольнаго газа французскимъ инженеромъ Филиппомъ Лебонемъ, весьма трагически кончившимъ свою многострадальную жизнь.

Ни одинъ продуктъ освѣщенія не пробивалъ себѣ дороги съ такимъ трудомъ, какъ газъ, за то онъ теперь не менѣе упорно удерживаетъ за собою завоеванное мѣсто. Съ самаго начала въ публикѣ распространилось убѣжденіе, довольно долго державшееся, въ сильной взрывчатости и воспламеняемости этого газа, къ этому присоединилось мнѣніе, что онъ дѣйствуетъ удушающимъ образомъ. Но не смотря на это, газъ твердо и упорно шелъ впередъ. Его распространеніе пошло быстрыми шагами, когда англичанинъ У. Мардохъ усовершенствовалъ способъ добыванія газа изъ каменнаго угля, введя перегонку. Съ годами способъ и стоимость обработки доведены до возможнаго совершенства.

Главное условіе при добычѣ газа представляетъ выборъ подходящаго сорта каменнаго угля, потому что не всякій ископаемый уголь годится для этой цѣли. Иногда случается, что эксплуатируются громадныя залежи каменнаго угля, изъ котораго, однако, нельзя добыть никакого газа. Идеальный газоспособный уголь долженъ обладать огромною освѣтительною силою и оставлять послѣ выдѣленія газа хорошій коксъ, годный для топки. Газъ въ сущности даетъ прибыли только въ связи съ прибылями, получаемыми отъ продажи побочныхъ, остающихся послѣ выдѣленія газа продуктовъ. Продажная цѣна остатковъ почти равняется цѣнѣ газа.

Усовершенствованіе перегонки газа доведено въ настоящее время до довольно высокой степени, она продолжается вмѣсто прежнихъ восьми часовъ только три, — вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось количество получаемаго газа. Для усиленія работы температура реторты доведена до 900—1,200 градусовъ. Для нагрѣванія въ прежнее время употреблялся коксъ, а теперь для этой цѣли выдѣляютъ изъ кокса согрѣвающий газъ, окись углерода, обладающій особенною нагрѣвательною способностью. Новыя печи устроены чрезвычайно остроумно: — окись углерода для горѣнія требуетъ притока воздуха, и чтобы ничего не терять изъ своего тепла, горячаго воздуха, съ этой цѣлью воздухъ пропускается черезъ помѣщеніе, кирпичныя стѣны котораго накалены до бѣла прошедшимъ черезъ это помѣщеніе дымомъ кокса. Свѣтильный газъ послѣ перегона немедленно удаляется изъ реторты. Оставаясь въ нѣхъ раскаленной атмосферѣ, онъ легко можетъ потерять свою свѣтящую способность, потому что бензинъ, толуэнъ, амилъ и другія углеводистыя соединенія, единственно дающія свѣтъ, сгораютъ безъ всякой пользы. Газъ, слѣдовательно, выгоняется въ конденсаторы и затѣмъ проходитъ цѣлую систему различныхъ трубъ, медленно, непрерывно и постепенно охлаждающагося и оставляя на пути всѣ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

12-го октября въ Римѣ состоялось торжественное бракосочетаніе наслѣднаго принца Неаполитанскаго Виктора — Эммануила съ третьей, по старшинству, дочерью князя Николая Черногорскаго, княжною Еленою. Княжна Елена Черногорская воспитывалась въ Россіи, въ петербургскомъ Смольномъ институтѣ. Княжнѣ Черногорской теперь 24 го-

искусствамъ и художествамъ. Онъ всегдашній посѣтитель картинныхъ музеевъ и другихъ хранилищъ драгоценныхъ древностей Италіи. Самъ лично наслѣдный принцъ со страстью предается составленію коллекцій старыхъ монетъ и медалей. Выборъ наслѣднаго Неаполитанскаго принца пришелся по вкусу и королевской четѣ, и всему итальян-

въ Туринѣ и наслѣдовалъ своему отцу въ 1878 году. Король Гумбертъ тоже много поработалъ на пользу объединенія своего отечества. По этому поводу въ 1866 году онъ былъ посланъ съ дипломатической миссіей въ Парижъ. Въ сраженіи при Кустоцѣ принцъ Гумбертъ умѣло и храбро прикрывалъ отступленіе войскъ генерала Дурандо. Въ 1868

БРАКОСОЧЕТАНІЕ НАСЛѢДНАГО ПРИНЦА ВЪ ИТАЛІИ.

ПРИНЦЕССА ЕЛЕНА.
Супруга наслѣднаго принца Неаполитанскаго.

ВИКТОРЪ-ЭММАНУИЛЬ.
Наслѣдный принцъ Неаполитанскій.

да; она отличается выдающеюся красотой, которая и плѣнила царственного ея жениха во время посѣщенія княгиней Черногорскою съ дочерью національной художественной выставки въ Венеціи въ 1895 году. Княжна Елена Черногорская отличается мягкимъ сердцемъ, прекраснымъ воспитаніемъ, и разнообразными талантами. Принцъ Виктор-Эммануиль немного старше своей невесты: ему 27 лѣтъ; онъ единственный сынъ короля Гумберта и королевы Маргариты. По традиціямъ савойскаго дома, большое вниманіе было обращено на военное воспитаніе принца, причемъ стараніями полковника Озіо, изъ принца вышелъ знающій, способный кавалерійскій офицеръ. Но всего больше принцъ чувствуетъ склонность къ

искусствамъ и художествамъ. Онъ всегдашній посѣтитель картинныхъ музеевъ и другихъ хранилищъ драгоценныхъ древностей Италіи. Самъ лично наслѣдный принцъ со страстью предается составленію коллекцій старыхъ монетъ и медалей. Выборъ наслѣднаго Неаполитанскаго принца пришелся по вкусу и королевской четѣ, и всему итальян-

году принцъ Гумбертъ сочетался бракомъ съ дочерью принца Фердинанда Генуэзскаго—Маргаритой. Это былъ счастливый выборъ; семейная жизнь итальянской королевской четы вполне счастлива. Высокообразованная, съ добрымъ отзывчивымъ сердцемъ—королева Маргарита составляетъ украшеніе трона. Ея благотворительность, ея живѣйшій интересъ къ искусствамъ — все дѣлаетъ изъ итальянской королевы постоянную любимицу народа. Король Гумбертъ управляетъ Италіей въ строго-конституціонномъ духѣ. Его любятъ за доброту, за самоотверженіе, за милосердіе, ярко выказавшіяся въ двѣ тяжелыя для Италіи бѣды—во время землетрясенія 1883 года и холерной эпидеміи въ Неаполѣ въ 1886 г.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Италія.—8-го октября въ Римѣ, въ церкви св. Николая, невѣста принца Неаполитанскаго княжна Елена черногорская произнесла католическій символ вѣры въ присутствіи герцога Генуэзскаго, принца Неаполитанскаго и министровъ итальянскихъ и черногорскихъ. Послѣ принятія княжны въ лоно католической церкви, совершена была торжественная месса и произведены пушечные салюты.

— 11-го октября король, королева и принцъ Неаполитанскій принимали въ тронной залѣ Квиринала поздравленія министровъ, палаты и сената по поводу свадьбы наслѣднаго принца. Король, между прочимъ, выразилъ желаніе, чтобы не было чрезмѣрнаго энтузіазма по случаю свадебныхъ празднествъ, такъ какъ Италія должна въ трудѣ и сосредоточеніи черпать силы, необходимыя для своего величія и благоденствія. Наслѣдіе великаго и независимаго отечества — фамиліная традиція, которой сынъ его не забудетъ. Выборъ его невѣсты изъ рода доблестныхъ защитниковъ своей независимости доказываетъ его характеръ. Его домъ и черногорскій домъ — значатъ освобожденіе и независимость.

— Въ субботу, въ 10 час. утра, въ большой бальной залѣ Квиринальскаго дворца совершено бракосочетаніе по гражданскому обряду, а въ 11½ час. бракосочетаніе по церковному обряду въ церкви Santa Maria degli Angeli. Актъ гражданского бракосочетанія совершилъ президентъ сената, ди-Рудини исполнялъ обязанности королевскаго нотаріуса, герцогъ Аостскій и графъ Туринскій были свидѣтелями. Принцъ Викторъ-Эммануиль и княжна Елена громко произнесли «да», подписались подъ брачнымъ актомъ, изготовленнымъ въ двухъ экземплярахъ, и затѣмъ отбыли въ церковь. Невѣста была въ свѣтложелтомъ шелковомъ туалетѣ; на волосахъ красовалась чудесная брилліантовая діадема, — подарокъ Его Величества Государя Императора. Она вошла объ руку съ отцомъ, княземъ Николаемъ, и стала у алтаря; рядомъ съ ней помѣстился принцъ Неаполитанскій, нѣсколько позади — князь Николай черногорскій, король Гумбертъ и королева Маргарита. Черезъ нѣкоторый промежутокъ размѣстились кавалеры ордена Аннуляціи, въ томъ числѣ гг. ди-Рудини и Кристин. Балдахинъ надъ головой новобрачныхъ держали принцъ Аостскій и князь Мирко; великій пріоръ Писчители совершалъ обрядъ.

Франція.—11-го октября Вальдекъ-Руссо, на банкетѣ въ Роаниѣ, сказалъ, что франко-русское соглашеніе тверже и устойчивѣе всякихъ писанныхъ договоровъ, потому что, прежде чѣмъ быть урегулированнымъ дипломатами, оно было создано обоими народами. Соглашеніе это было вызвано глубокою взаимною любовью Франціи и Россіи, и эти братскія чувства подготовили братство по оружію. Это событіе служитъ санкціей многовѣковой цивилизаторской роли Франціи и мудрости ея государственныхъ людей съ 1870 г. «Европа, — сказалъ ораторъ, — начинаетъ понимать, что она совершила громадную ошибку, допустивъ наше расчлененіе».

Болгарія.—10-го октября, по требованію Стоилова, князь согласился на роспускъ собранія, и министры собрались для совѣта подѣ предсѣдательствомъ князя. Вечеромъ же

подписавъ княземъ указъ о распусканіи народного собранія. Новые выборы назначены повсемѣстно 17-го ноября. Новое собраніе будетъ созвано въ началѣ декабря. Причиной распусканія выставлено желаніе дать народу возможность выбрать своихъ представителей безъ давленія партій. За день до того бюро цанковистской партіи разослало циркуляръ, въ которомъ заявлено, что партія отчуждается отъ правительственной партіи вслѣдствіе избирательной политики и двусмысленной вѣннской политики этой послѣдней.

Турція.—Возникъ слухъ о скоромъ назначеніи, безъ различія вѣроисповѣданій, сбора отъ 5 до 250 піастровъ съ дѣлю собрать 2½ милліона турецкихъ фунтовъ. Сумма эта предназначена для образованія военнаго фонда, сформированія фонда для обезпеченія продовольствія войскъ и закупки оружія для всего магометанскаго населенія, съ дѣлю образоватъ, на случай величайшей нужды, нѣчто вродѣ народной обороны. Послы вручили Портѣ коллективную ноту, въ которой просятъ объясненія извѣстія объ этомъ предложеніемъ Портою чрезвычайномъ сборѣ и военныхъ мѣропріятіяхъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Открытіе памятника въ Бозѣ почивающему Императору Александру III въ гор. Θεοδοσί, Таврической губ., послѣдуетъ въ день Рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Θεодоровны. 14-го ноября.

— Жители и духовенство г. Углича ходатайствуютъ о разрѣшеніи перенести къ себѣ хранящіяся въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ при рацѣ св. мощей царевича Димитрія, убитаго при Угличѣ въ 1591 году, бывшіе при немъ въ моментъ убійства предметы: рубашку, поясъ, тафью и прочія вещи св. мученика.

— 4-го октября батумскими обывателями была послана телеграмма г. министру финансовъ съ ходатайствомъ о выраженіи согласія на учрежденіе въ гор. Батумѣ классической гимназіи, подписанная 80-ю лицами.

— Чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода В. М. Сворцовъ командированъ въ приволжскія губерніи для обследованія сектантства, раскола и успѣховъ мисіонерства въ этихъ губерніяхъ.

— 19-го октября начинаются занятія учрежденнаго при министерствѣ земледѣлія кустарнаго комитета. Въ первомъ засѣданіи будетъ обсуждаться выработанный департаментомъ земледѣлія проектъ учрежденія школы для ткачей-инструкторовъ.

НОВОСТИ ИСКУССТВА.

Государь Императоръ заказалъ скульптору Антокольскому вѣнокъ на могилу Карно. Это — символическій барельефъ изъ различныхъ металловъ. Его основу или фонъ составить оливковый стволъ, символически изображающій миролюбіе, характеризующее какъ покойнаго президента Карно, такъ и направленіе современной политики Франціи. На фонѣ рельефно видѣется идущая полукругомъ снизу вверхъ, съ правой стороны налѣво, орнаментная вѣтвь, раздѣляющаяся на два стебля, концы которыхъ поддерживаютъ: одинъ — русскаго орла, другой — сердце. На этомъ

сердцѣ бѣдетъ начертано «Марно — Николай II».

— Императоръ Вильгельмъ, обладающій, какъ извѣстно, недюжиннымъ талантомъ художника, нарисовалъ новую картину, которая будетъ воспроизведена во многихъ экземплярахъ, такъ какъ императоръ желаетъ, чтобы она была подарена семействамъ бравыхъ моряковъ, погибшихъ на службѣ отечеству. Рисунокъ изображаетъ Германію, покрывающую флеромъ возвращающееся въ портъ судно; вдали свѣтятъ маячные огни; вверху крестъ, окруженный сіяніемъ; посрединѣ ликъ Христа въ медальонѣ.

— 10-го октября въ помѣщеніи общества поощренія художествъ въ Петербургѣ открылась выставка женскаго художественно-промышленнаго труда. Выставлены кружева, тисненіе по кожѣ, рисунки по фарфору, по атласу, выжиганіе и рѣзба по дереву, лѣтотѣліе, фарфоровая лѣпка. Красива золотомъ шитая подушка работы монахинь Курскаго женскаго монастыря; изящна по своей простотѣ вышитая скатерть работы г-жи Кнопомустъ и салфеточки, кошельки и прочее работы г-жи Фрей. Все это интересно, какъ приложеніе художественнаго вкуса и мастерства въ женскомъ рукодѣліи.

— Въ Казани, по инициативѣ преподавателей художественной школы, устраивается первая мѣстная художественная выставка картинъ. Инициаторы обратились съ просьбою къ нѣкоторымъ столичнымъ и провинціальнымъ художникамъ о доставленіи на проектируемую выставку своихъ картинъ.

— Телеграфъ сообщилъ о смерти извѣстнаго англійскаго каррикатуриста и талантливаго романиста Жоржа дю-Морье. Ж. дю-Морье въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ снабжалъ своими рисунками страницы «Punch». Его изящныя, тонкія каррикатуры, нарисованныя съ большимъ вкусомъ, всегда были очень мѣткі. Онъ написалъ кромѣ того популярный романъ «Трильби».

БИБЛИОГРАФІЯ.

Въ море! Повѣсть К. М. Станюковича. Изданіе 2-е М. М. Ледерле. Ц. 1 р.

Интересные очерки К. М. Станюковича изъ быта нашихъ бравыхъ моряковъ давно уже знакомы читающей публикѣ и любимы ею. Повѣсть «Въ море!» даетъ намъ и картинку изъ береговой жизни моряковъ, и эпизоды изъ походно-морского ихъ быта. Рѣзкую черту проводятъ авторъ между старыми, преданными дѣлу флотскими служаками и молодыми карьеристами, безъ любви къ морю, къ матросу. Описаніе смотря крейсера строгомъ, но прямымъ и добрымъ адмираломъ, столкновеніе послѣдняго съ щеголемъ капитаномъ, сильнымъ протекціей — все это описано легко и живо. Романтическая интрига умѣло и красиво слита съ разсказомъ.

«Просвѣтъ». Четыре разсказа Вас. Ив. Немировича-Данчен. о. Изд. М. М. Ледерле.

Въ новой книгѣ нашего извѣстнаго беллетриста помѣщены разсказы: «Въ дудѣ», «Богъ проститъ», «Притворенный», «Все чужая». Всего болѣе впечатлѣнія производитъ первый. Мастерское изображеніе голодной и холодной жизни русскихъ мужиковъ-рукокоповъ западаетъ прямо въ душу. Безыскусственъ и простъ тонъ писателя, да и развѣ можно расцвѣтить какими-нибудь эффектами безпрощитную мглу, величаво-простое, обыденное страданіе вѣчно трудящагося сѣраго рабочаго люда. Вас. Ив. Немировичъ-Данченко понималъ это, и потому намъ такъ просто, такъ искренно, тепло жаль незамѣтныхъ его героевъ. Вообщемъ, большая часть этой книги посвящена крестьянскому, рабочему тяжелому быту.

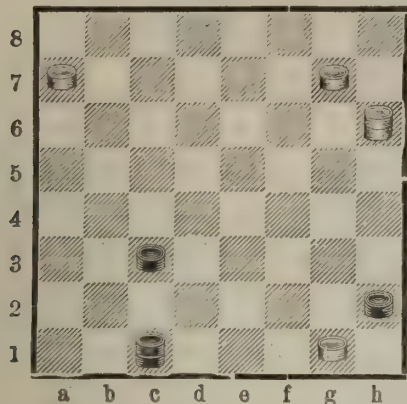
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. Н. Шопина.

ЭТЮДЪ № 13.

Н. А. Кукуева (въ Москвѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

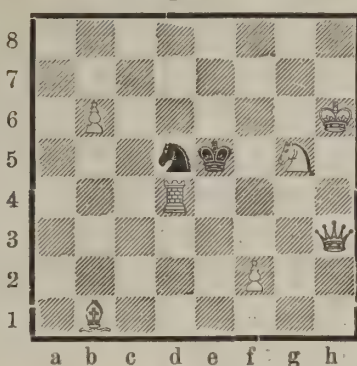
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 31.

В. Н. Шопина (въ С.-Петербургѣ).

изъ „Шахматнаго обозрѣнія“.

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 2 хода.

РѢШЕНИЯ ШАХМАТНЫХЪ ЗАДАЧЪ.

- № 19. *Феллоу*. 1. Ф b2-c1, ∞; 2. Кх.
 № 20. *Роса*. 1. С b6-a7, ∞; 2. Ф или Сх.
 № 21. *Эрмин*. 1. С d8-e7, Кр e3-d4; 2. с2-с3+, ∞; 3. Ф или Сх. 1... С e6-d5; 2. С с7-f4+ и 3. с2-с3х. 1... С с6-d7; 2. d4: e4, ∞; 3. Ф и и Лх. 1... С g1-f2; 2. Л d4-d8+ и 3. Фх.
 № 22. *Корриаса*. 1. Ф b2-b1, f5-f4; 2. Ф b1-e4+ и 3. Лх. 1... d5-d4; 2. Л b4: b5+ и 3. Фх. 1... b5:a4; 2. Л b4-h4, ∞; 3. Ф или Лх. 1... d2-d1; 2. Ф b1:d1 и 3. Фх. 1... e8-e2; 2. Ф b1-g1 и 3. Фх.
 № 23. *Хиткото*. 1. С d8-e4, ∞; 2. Ф. Л, К или Пх.
 № 24. *Ботца и Кокелькорна*. 1. С b4-e7, ∞; 2. Ф или Сх.
 № 25. *Галицкая*. 1. С с6-a4, ∞; 2. Ф. Л, С или Кх.
 Рѣшили: К. Подольскій, Е. Ф. Андреевъ (Спб.) и П. Н. Поповъ (Саратовъ)—всѣ; И. В. Петровъ (Ко трона)—№№ 19, 20 и 24; И. И. Голубевъ (Спб.)—№ 23 и 24; М. Т. Левской (Новгородъ)—№ 19; Н. И. Знаменскій (Тверь)—№ 23.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Тулъчинъ. Н. В. Куз-ву.
 «Сказка-загадка» написана нѣсколько небрежно и сюжетъ не интересенъ.
 Ярославская губ., пошехонск. уѣздъ. Семеновская почт. станція. М. П. Илимпс—му.
 «Концертъ въ уѣздномъ городѣ», какъ дѣйстви- тельно только анекдотъ, для нашего журнала не под- ходитъ.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

Издатель С. Е. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

новость ДЛЯ ВОЛОСЪ новостъ
 экстрактъ **НАРЗАНЪ**
 Средство для очищенія волосъ, уничто- жающаго головной жиръ
ДИОСПИРОСЪ

Краска для волосъ безъ януса. Придаетъ волосамъ желаемый цвѣтъ, не пачкаетъ кожу и не содержитъ никакихъ вред- ныхъ для здоровья веществъ. Цѣна бол- коробки 1 р. 75 к., мах. 1 р. 25 к., для усовъ цѣна 75 коп.

Зубной Элексиръ ФРИНА
 охъ освѣжаетъ ротъ и оставляетъ при- ятный вкусъ во рту. Цѣна мал. фла. 40 к., средн. фла. 75 к., больш. фла. 1 руб. Раз- рѣшено Врачебнымъ управленіемъ.
 Главный складъ: В. О. Кадетская л. № 9. Депо химическихъ лабораторій. Для гг. торговцевъ дѣлается скидка.

КОРОБКИ
 со всеми необходимыми принадлежно- стями для изготовления искусственныхъ цвѣ- товъ по 5 р., съ прилож. руководства для начинающихъ по 10, 15, 20 руб.
 Руководство въ практ. изученію прои- зводства искусств. цвѣтовъ изъ матеріи. 300 рис. Цѣна 1 руб. 50 коп. Изданіе
Р. Лютерманъ
 Складъ Искусствен. зелен. цвѣтовъ и принадлежн. къ нимъ.
 — Спб. Невскій пр. 34. —

ФАБРИКА
 музыкальныхъ инструментовъ
 торговаго дома
 Анд. Емеляновичъ
КУЛАКОВЪ.
 въ С.-Петербургѣ
 Садовая ул. 33.
 рекомендуетъ
ГИТАРЫ
 солидной ра- боты и отлич- наго тона въ 2, 3, 4, 8, 10, 12, 15, 30, 50, 75 руб.
СКРИПКИ
 въ 2, 3, 5, 6, 10, 15, 30, 100 рублей.
 Юбилейный роскошно иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

СКЛАДЫ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
В. О. ИОХИМЪ и К^о
 Спб. ПЕТЕРБУРГЪ
 НЕВСКІЙ ПР. № 3.
 МОСКВА
 ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПРОЕЗДЪ
 ПОСЛѢДНІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
 состоящій изъ 4-24 СТРАНИЦЪ въ 8^е ЛИСТА съ 740 РИСУНКАМИ въ ТЕКСТѢ
 ВЫШЕЛЪ изъ ПЕЧАТИ и ВЫСЛАЕТАСЯ ПОТРЕБОВАНІЮ ЗА 50 КОП. ПОЧ. МАР.
 ВСѢ НОВОСТИ по ФОТОГРАФІИ

для подарковъ
 30,000 вещей
 по 1 руб.
 ПРЕДЛАГАЕТЪ
 АНИЧКОСКИЙ БАЗАРЪ.
 Спб.
 Невскій пр., 60.

ПАМЯТЬ
 „Искусство укрѣпленія памяти“.
 (Что такое мнемоника?)
 книга (седьмое изданіе)
 профессора мнемоники **С. ФАЙНШТЕЙНА**
 и печатныя условія за злочинъ (письмен- ный) курсъ изощренія мнѣмоники памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.)
 высылаются за шесть 7 коп. мар.; на веле- ной бумагѣ выхлѣтъ съ условіями—за восемь 7 коп. марокъ.
 Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогики, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ по- терявшимъ ее, дѣлается хорошей у умѣ- ющихъ плохую, и лучшей—у обладающ. хорошею.
 Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообраз- ности моего метода убѣдились гг. врачи, пе- дагоги, военныя, студенты и тысячи дѣ- тей изъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безъ книгъ высылаются за одну 7 коп. марку).
 Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Спб. высл. Ж. О. 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ) д. Бродскаго № 640. въ 4-5-8. безъ-вѣстн. Профессоръ мнемоники членъ парижск. ака- деміи С. Файнштейнъ. № 2298—19.

Въ конторѣ журнала „Живоп. Обозр.“ (Спб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“
 Историческій романъ А. Михайлова.
 Цѣна 1 руб.

Въ конторѣ журнала „Живописное обозрѣ- ніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петер- бурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга
„ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА“.
 Романъ изъ жизни червоныихъ вѣлетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

Поступило въ продажу нов. изд. Ф. Павленкова:
ЖЕНЩИНА
 ПРЕДЪ СУДОМЪ НАУКИ.
 Жака Лурбе, автора „Essai sur l'évolution humaine“. Перев. съ франц. Е. Предтечен- ского. 100 страницъ. Цѣна 30 коп.

П. Борманъ
 Вознесенскій пр. 38.
 ДЕПО РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО лучш. зѣтш. и заграничн. фирмъ.
 Продажа и прокатъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. № 2413-10

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:
ФИЗИОЛОГІЯ СТРАСТЕЙ Шарля Летурно,
 автора „Прогресса нравственности“, „Соціологіи“ и пр. Переводъ со 2-го франц. изданія д-ра В. В. Святловскаго. Цѣна 1 рубль.

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕССЪ И РЕГРЕССЪ ГРЕЕФА,
 профессора вольнаго Брюссельскаго университета. Переводъ съ французскаго Г. Па- перна. Цѣна 1 руб. 50 коп. 2443—1.

Продолжается подписка на 1896 г.
 Остается немного экземпляровъ, цѣна будетъ возвышена.
 Подписной годъ начался съ 15 ноября 1895 г.
«МУЗЫКА И ПѢНІЕ»

ежемесячный музыкальный журналъ для пѣнія, одноголоснаго и хорового, фортепiano и другихъ инструментовъ. Одобрень Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, среднего и старшаго возраста, библиотекъ, среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. Рекомендованъ Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній кадетскимъ корпусамъ для пробрѣтенія въ фундаменталь- ной библиотекѣ. Журналъ „Музыка и Пѣніе“ выходитъ ежемесячно тетрадями по 44 стр. большого нотнаго формата. Годовой экземпляръ составитъ болѣе 500 страницъ и дастъ своимъ подписчикамъ до 200 лучшихъ музыкальныхъ произведеній по всемъ отраслямъ музыкальнаго творчества, стоящихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ сорокъ рублей. Въ журналѣ „Музыка и Пѣніе“ помѣщаются выдающіяся му- зыкальныя новосты, исполняемыя въ концертахъ, какъ въ Россіи, такъ и заграничѣ.
 Вышелъ № 12—й. Содержаніе: Отдѣлъ I текстъ: 1) О естественной постановкѣ голоса А. Ф. Рокиджани (лекц. чит. въ Спб. Консерваторіи). 2) Двоякая музыка. Новѣйшія открытія въ Дельфакъ. Ж. Тьерсо. Отдѣлъ II пѣніе: 3) Гуно. К. Раскайне. На 1 гол. съ форт. 4) Шведская пѣсня. На 1 гол. съ форт. 5) Тоже. На 2 гол. 6) Тоже. На 3 гол. 7) Легкія пѣсень для фортепiano: 7) Мендельсонъ. Ф. Проманіе съ лѣсомъ 8) Lille, G. Polka des roses. 9) Гуно. К. Маршъ изъ оп. „Фаустъ“. Отдѣлъ IV пѣсцы для форт. средней трудности: 10) Gillet, E. Le rouet de grand' mamam. 11) Nel- dy, A. La voix du ciel. Reverie. 12) Philipp, J. En dansant. 13) Grieg, Ed Berceuse. 14) Ego-je. Yolkswiese. 15) Adam, A. Si j'étais roi. Увертюра. Отдѣлъ V. пѣсцы для разн. инструментовъ: 16) Adam, A. Si j'étais roi. Увертюра для скрипки съ форт. 17) Тоже. Для флейты съ форт. 18) Тоже. Для виолончели съ форт. 19) Тоже. Для трубы съ форт. Эту увертюру можно исполнять какъ дуэтъ, тріо, квар- тетъ и квинтетъ. 20) Приложение. Новая рациональная метода пѣнія Н. П. Брянскаго. 21) Объявленія. Цѣна № въ отд. продажѣ 50 к., съ перес. 63 к., съ нал. платеж. 79 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.
 Изданія годъ 3-й.
 Подписной годъ начинается 15 Ноября 1896 г.
 Допускается разсрочка. 1-й взносъ одинъ рубль.
 Подписка принимается въ главной конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая, 22, противъ Го- стинаго двора при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. К. Селиверстова.
 2442—1. Редакторъ-издатель П. Селиверстовъ.

ИЗВѢСТНОЕ БѢЛЫЕ
Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворных
Поставщиков

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ

езычно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ
лучшаго полотнянаго бѣлья. Штукъ только нѣсколько копѣекъ.
При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой несприятностей. После
употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-си-
дающее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усиленномъ по-
тѣнн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ и холостяковъ.
Ниже поименованные представители сообщать, по желанію, гдѣ
оно продается.

Танфани и Штейдель, Москва. Карлъ Шиммель, Садовая 18, С.-Петербургъ. Мансъ
Тишбейнъ, Рига. Фабіанъ Клингсландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

НОВОСТЫ!
ПАРУСНЫЯ ЛЫЖИ

Для лавировки на снѣжной поверхности!
См. рефератъ К. Кометса О «бѣгѣ на лы-
жахъ» въ № 6 «Нивы» за 1896 г. Наставл. и
прейсъ-курантъ **БЕЗПЛАТНО.**

К. КОМЕТСЪ
СПЕЦ. СЛАДЬ ЛЫЖЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЖДАНОВСКАЯ УЛ. № 19.

СИМФОНІОНЫ

Музыкальныя шкатулки съ пріятнѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ
возможность мѣнять по произволу пѣсни, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручкой безъ нотъ.	5
Ноты по	125
Заводной безъ нотъ.	10
Ноты по	25
Заводной 60-тонный безъ нотъ.	28
Ноты по	50
Заводной 84-тонный безъ нотъ.	40
Ноты по	60
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	70
Ноты по	80
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie Piccolo	10
Ноты по	1

НОВОСТЬ: Часы съ музыкой. Солидные часы,
разъ въ день заведенные, играютъ сами
черезъ каждый часъ выбранныя по про-
изволу пѣсни. Въ случаѣ желанія — играютъ,
когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.
Цена 225 руб. Ноты по 1 руб.

Списки пѣснь для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ въсѣмъ
инструментамъ бесплатно. № 805-43

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

„ГУНИАДИ ЯНОСЪ“

представляетъ собою продуктъ природы, слабительное дѣйствіе котораго извѣстно. Для нормальн. пріема достаточно 1/2, обыкн. стакана.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА

Источника „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Просимъ обратить вниманіе на предохранительную марку «портретъ», которая неизмѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей воды.

Владѣлецъ АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ БУДАПЕШТѢ.
ПРОДАЕТСЯ у всѣхъ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ № 2392-5

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ЗАКАЗЫВАЙТЕ ЗАВЛАГОВРЕМЕННО УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛОКЪ.

Высылаются во всѣ мѣста Россіи новѣйшіе сорта Елочныхъ украшеній, составленные коллекціями изъ громаднаго и прелестнаго выбора по ниже-означеннымъ цѣнамъ:

Коллекція № 1 для семейной елки, содержащая прелестныя украшенія. Цѣна **5 руб. 80 коп.**

Коллекція № 2-й для большой семейной елки, содержащая между прочимъ и выборъ хлопушекъ, подвѣсочниковъ и блестящихъ новинокъ, цѣна **10 рублей.**

Коллекція № 3-й для особо роскошной большой семейной елки, содержащая между прочимъ японскія и китайскія оригинальныя новинки и интересныя новинки сезона, цѣна **14 руб. 75 коп.**

Для Школъ, Вазаровъ, Клубовъ, Приютовъ и пр. имѣются роскошныя коллекціи въ **20, 30, 40, 50 и 75 руб.**

Просту обратить вниманіе на то, что мои коллекціи елочныхъ украшеній отличаются богатымъ выборомъ прелестныхъ новинокъ и особенно дешевиною.

Вышеупомянутыя коллекціи высылаются немедленно по полученіи, лишь прибли-
зительно третей части стоимости задатка, а остальная сумма вѣстѣ съ пересылоч-
ными уплачивается при полученіи посылки.

При требованіяхъ прошу указать подробный адресъ для высылки, и выслать за-
датокъ по слѣдующему адресу:

въ гор. НАРВУ Спб. губ.
Въ Депо Елочныхъ Украшеній. Купцу Вѣнтимиу Давидовичу
Михайловскому.

2437-1

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ НОВ. АМЕРИК. КОНСТ. ИЗМ. П. ЗРОТА Н. С. С. П.

рояли и пианино америк. констр. со всѣми новѣйш. усоверш.,
перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ,
двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч.
двойн. репетицією, пріятн. и сильн. тона.

Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и др.
Пианино „ „ „ 350 375, 425, 460, 500, 550, 600 и др.
Армоніопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантия
на нѣсколько лѣтъ № 232

ЦЫТРА-„АРФА“

съ 24 струнами, 24 педалями, цѣна
5 р. 50 к. десять педалей 32
струны 10 р.

САМОУЧИТЕЛЬ по 50 к. и 1 р.
Цытра АРФА популярный и са-
мый нагляднѣйшій для обученія
инструментъ, на которомъ каж-
дый въ состояніи сыграть же-
лаемыя пѣсни, при помощи пе-
далей получаютъ полные и прі-
ятные акорды.

2305-3

ФАБРИКА ТОРГОВАГО ДОМА А. Е. КУЛАКОВЪ.

Контора и склады Садовая улица № 33 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Юбилейный роскош. иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

Поступило въ продажу новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
КОМЕТЫ И ПАДУЧІЯ ЗВѢЗДЫ.

Популярно-научныя бесѣды Е. А. Предтеченскаго. Съ 26 рисунками въ текстѣ. Цѣна 40 к.

РЕМИНГТОНЪ

Торговый Домъ **К. Бюк**

Около 1000 машинъ РЕМИНГТОНЪ въ употребленіи въ
Министерствахъ въ одномъ Петербургѣ.
Общій свѣтъ около 150,000.

№ 43 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ 2½ листовъ съ 9-ю рисунками, а именно: I) два листа текста и II) «Еженедѣльная хроника» № 43-й.

ИЗДАНІЕ С. А. ОБОЗРѢВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1897 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

съ двѣнадцатью книгами ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній (въ форматѣ большихъ журналовъ), 40 нумерами „Ежедневной хроники“, 12 нумерами „новѣйшихъ модъ“, 12 раскрашенными картинами, 12 выкройками, 12 музыкальными пьесами, образцами вышивочныхъ и дамскихъ работъ, стѣннымъ календаремъ и другими бесплатными приложеніями:
 НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) . . . 8 р. { БЕЗЪ ДОСТАВКИ на годъ: въ Спб. 7 р. 50 к. — Въ Москвѣ. 7 р. 75 к.
 „ ПОЛГОДА (съ доставкою). 4 р. — На ТРИ мѣсяца (съ доставкою). 2 р. { ЗАГРАНИЦУ на годъ (съ книгами). 16 р. —
 Экземпляръ журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, напечатанный на слоеной бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 рублей.
 Новое роскошное изданіе — „БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОУЭ“ (200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ оберткѣ).
 Для подписчиковъ цѣна ОДИНЪ р. 50 к. за экз. (съ доставкою). За прежнія художественныя изданія, на выборъ, уплачивается ОДИНЪ р. за экз. (съ доставкою). Безъ доставки 75 к.
 Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

ЧТЕНІЕ ПСАЛТІРЯ. Рисовать художникъ Д. Раппъ.

ВЕСТАЛКА.

Скромна, какъ нѣжная фіалка,
Чиста, какъ снѣгъ, и непорочна,
Она,—изваянная точно
Изъ глыбы мрамора—весталка.

* * *

Въ ней не кипятъ любви желанья
И огнедышася страсти;
Надъ нею грѣхъ, съ тоской страданья,
Не проявляетъ силы власти.

* * *

Въ душѣ ея надеждъ сіянье
Не гонитъ мрачная тревога;
Ея мечты и упованья
Устремлены къ престолу Бога

Ея глаза глядятъ безстрастно,
Въ нихъ не горитъ мятежный пламень;
Она къ земному безучастна
И холодна, какъ мертвый камень.

* * *

Влечетъ небесное одно лишь
Ея мечты и упованья!
И ты, о Боже, не позволишь
Смутить души ея сіянье!

* * *

Она, какъ нѣжная фіалка,
Какъ снѣгъ чиста и непорочна,
Она,—изваянная точно
Изъ глыбы мрамора—весталка!

Леонидъ Афанасьевъ.

БОЛЬНОЙ № 377.

(Окончаніе).

ОДНАЖДЫ утромъ, ввремя дежурства Акулова, я зашелъ къ нему въ дежурку, чтобы поболтать съ нимъ и помочь ему скоротать время, остававшееся до смѣны. Разговоръ нашъ, какъ водится, склонился къ его любимой темѣ, т. е. къ солдатикамъ. «Знаете», сказалъ поручикъ, «вѣдь среди нихъ вы положительно не встрѣтите зауряднаго человѣка, что ни солдатъ—то типъ и типъ цѣльный, самобытный. Возьмите вы хоть сегодняшняго вѣстового моего, Ладика. Сами вы его не разъ видѣли. Вѣдь мусорь-солдаты Богъ его знаетъ, на что онъ похожъ: и ростомъ не вышелъ, и лицо у него такое, про которое говорятъ, что по ночамъ на немъ черти горохъ молотятъ, и умомъ что младенецъ малый. Ну, словомъ, изъ тѣхъ солдатъ, что всегда въ деньщики попадаютъ. А вѣдь что храбрости въ этомъ человѣкѣ! Три года назадъ стояли мы съ нашимъ эскадрономъ въ Г. Дѣло было зимою. Отъ эскадрона ежедневно посылались вѣстовые въ штабъ для посылокъ, а штабъ отъ казармы былъ верстахъ въ четырехъ и дорога шла лѣсомъ. Волковъ въ томъ краю масса, и поэтому изъ штаба посылали вѣстовыхъ всегда вдвоемъ и съ заряженными ружьями. Только разъ какъ-то попалъ и мой Ладикъ въ вѣстовые и послали его зачѣмъ-то въ казарму съ письмомъ. Какъ это случилось, не знаю, только послали его въ одиночку. Шолъ это онъ лѣсомъ да и набрелъ на двухъ «сѣрыхъ». Душа у него, что называется, вь пятки ушла и съ дуру али съ пьяна (пьеть оно здорово) онъ, вмѣсто того, чтобы стрѣлять, возьми да и брось ружьемъ въ волковъ-то. Попалъ удачно—одному штыкомъ въ бокъ угодилъ да самъ-то съ голыми руками остался. Вѣрно, другой волкъ съ голодухи ужъ очень золь сталъ, только онъ не пустился на утекъ, по волчьему обыкновенію, а прямо таки бросился Ладикъ на грудь. Тотъ видѣть—бѣда пришла, куда и трусость дѣлалась! Ухватилъ онъ волка одной рукой за горло, а другой давай бить куда ни попало. Вѣрите-ли, вѣдь убилъ его, кулаками убилъ! Послѣ принесъ на себѣ обо-

нихъ—у одного штыкомъ бокъ и брюхо распороты, а у другого, котораго онъ, что называется, руками взялъ, на горлѣ шкура прорвана, одинъ клыкъ сломанъ и глазъ вытекъ, Ладикъ ему кулакомъ вышибъ.

— Да вотъ спросите его сами, онъ вамъ все это въ двухъ словахъ скажетъ. Эй, Ладикъ! Ладикъ явился, точно изъ подъ земли выскочилъ.

— Расскажи, Ладикъ, барину, какъ ты волка убилъ.—Ладикъ вытянулся въ струнку, покраснѣлъ, какъ ракъ, и молчалъ, уставясь въ поручика глазами.—Ну, расскажи барину, онъ мнѣ не вѣритъ,—повторилъ Акуловъ.

Ладикъ еще сильнѣе покраснѣлъ, крихтѣлъ, сопѣлъ и вдругъ, все не поворачиваясь ко мнѣ, брякнулъ:

— А я ему... морду набилъ, ваше благородіе.

Мы такъ и покатались со смѣху.

— И много у насъ еще такихъ оригиналовъ,—сказалъ Акуловъ, когда вѣстовой, видя, что отъ него ничего болѣе не требуется, вышелъ.

Вотъ вы сами, я думаю, замѣтили у насъ Попова во второмъ эскадронѣ.

— Это «фокусника» то?

— Вотъ, вотъ! — отвѣчалъ поручикъ, — я думаю, вы не разъ видѣли, какія онъ головоломныя штуки выкидываетъ?

— Да какже, еще вчера я видѣлъ его, какъ онъ потѣшая товарищей, вытанцовывалъ какой-то дикій танецъ на самомъ краю крыши конюшни и, признаюсь, подивился смѣлости этого человѣка.

— Тутъ нечего удивляться—Поповъ до поступленія на службу былъ клоуномъ въ циркѣ и даже не разъ заставлялъ и васъ смѣяться его забавными шутками на аренѣ. Конечно, теперь вы не узнали въ красивомъ, стройномъ драгунѣ Поповѣ клоуна-эксцентрика «Попо», котораго никогда не видали иначе, какъ съ фizioноміей вымазанной мѣломъ и мукой и въ пѣгомъ парикѣ, но видали вы его часто. Солдатики просто обожаютъ его, онъ всегда веселъ, у него всегда

найдется для нихъ остроумная шутка или веселая пѣсенка. За то, когда приходитъ ему очередь идти въ караулъ, то попавшіе съ нимъ вмѣстѣ въ нарядъ всегда очень довольны, знаютъ, что въ караулѣ не будетъ скучно. Помню я, какую онъ штуку удраля въ прошломъ году. Ъхали мы по желѣзной дорогѣ въ лагерь, въ Кузьминское, солдаты были размѣнены въ товарныхъ вагонахъ, въ которыхъ обѣ половинки дверей были раздвинуты и перегорожены только одной доской. Только что отѣхали мы отъ вокзала, слышимъ страшный, жалобный собачій визгъ и лай. Высунулся я изъ окна посмотреть, что случилось, и вижу эскадронную собаку «Куцку», которая бѣжитъ рядомъ съ вагономъ второго эскадрона и такъ жалобно взвизгиваетъ, точно проситъ, чтобы помогли ей вскочить въ него. Въ суматохѣ-то на вокзалѣ видно про нее забыли, въ вагонъ она не попала, а отстать отъ эскадрона не хотѣло вѣрное животное. Поздъ все прибавлялъ ходу, Куцка бѣжала во всю собачью прыть, языкъ высунуль, дышетъ тяжело и видимо не долго выдержитъ такую гонку. Вдругъ, смотрю, изъ вагона высовывается Поповъ. Одинъ мигъ, и онъ уже повисъ внизъ головою, ногами держась за доску, перегородившую дверь вагона, схватилъ Куцку руками. Одно усиліе мускуловъ—и онъ въ вагонѣ вмѣстѣ съ собакою. Для меня, однако, этотъ Поповъ часто представляется загадкою. Надо вамъ сказать, что онъ иногда заливается, но запою обыкновенно предшествуетъ хандра, онъ перестаетъ шутить и пѣть и даже, чему трудно повѣрить, зная, какой это примѣрный солдатъ, начинаетъ уклоняться отъ службы, ссылаясь на болѣзнь. Не разъ въ такихъ случаяхъ посылаю я его въ лазаретъ—не идетъ, говоритъ, что докторъ ему помочь не можетъ, у него, молъ, болитъ внутри головы, а туда никто заглянуть не можетъ. Однажды, въ періодъ такой хандры, его изъ петли вынули—повѣситься хотѣлъ. Спрашивалъ я его потомъ, съ чего это ему вздумалось,—«не помню»,—говоритъ,—«ваше благородіе», да и все тутъ.

Въ эту минуту дверь съ шумомъ распахнулась и въ комнату вбѣжалъ корнетъ Ансфельдъ, совсѣмъ еще мальчикъ, только недавно сошедшій со школьной скамьи. На немъ, что называется, лица не было. Блѣдный, дрожащій, съ блуждающими глазами, онъ остановился посреди комнаты и видимо хотѣлъ что-то сказать, но отъ волненія не могъ слова выговорить. Акуловъ бросился къ нему, усадилъ на стулъ и, пока я приготовлялъ для корнета сахарной воды, сталъ заботливо расспрашивать его, что случилось. Ансфельдъ не отвѣчалъ и сидѣлъ на стулѣ съ видомъ челоуѣка, который только что былъ свидѣтелемъ чего-то ужаснаго. Только выпивъ поданную мною воду, онъ немного успокоился и прерывающимся отъ волненія голосомъ проговорилъ:

— Это ужасно... онъ убитъ, убили его.

— Кого убили, что вы говорите?—спросилъ Акуловъ.

— Скабѣева, ротмистра Скабѣева убили, на пристрѣлкѣ.

Понемногу, однако, корнетъ успокоился на столько, что могъ намъ довольно толково объяснить случившееся. Оказалось, что сегодня въ эскадронѣ Скабѣева происходила пристрѣлка ружей. Пристрѣлка производится обыкновенно каждую весну, передъ выходомъ полка въ лагерь, въ специально устроенномъ для этого манежѣ, на одномъ концѣ котораго ставятся мишени, а на другомъ устанавливаются станки съ ружьями, изъ которыхъ стрѣляютъ лучшие полковые стрѣлки, а офицеры и вахмистры отмѣчаютъ неправильности боя каждаго ружья. Впрочемъ, стрѣлки, наиболѣе увѣренныя въ себѣ, обходятся и безъ станковъ, а стрѣляютъ прямо «съ руки». Стрѣляютъ нѣсколько челоуѣкъ сразу по сигналу гарниста «стрѣлай» и выпускаютъ по четыре пули. Затѣмъ, по сигналу «отбой» стрѣлка прекращается, и «махальные» идутъ осматривать мишени, чтобы опредѣлить мѣста попаданія пуль. Попасть между стрѣляющими и мишенями послѣ сигнала «стрѣлай»—значитъ идти на вѣрную смерть. И вотъ, когда эскадронъ Скабѣева началъ пристрѣлку, какъ только былъ поданъ означенный сигналъ и раздалась первая выстрѣлка, Скабѣевъ вдругъ бросился передъ линію стрѣлковъ. Вѣроятно, солдаты за дымомъ не видали его, и онъ упалъ мертвымъ, пораженный въ голову, почти въ упоръ. Стрѣлка прекратилась, и Скабѣева, окровавленнаго и обезображеннаго, унесли изъ манежа. Ансфельдъ, бывшій очевидцемъ всего этого, былъ страшно потрясенъ и положительно не помнилъ, зачѣмъ прибѣжалъ къ Акулову. Но послѣдній и самъ догадался, что корнета послали за нимъ, какъ за дежурнымъ офицеромъ, и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Мы остались вдвоемъ съ Ансфельдомъ, который все еще не могъ окончательно успокоиться. — Это ужасно, ужасно,—все повторялъ онъ,—знаете, Павелъ Петровичъ, я не могу видѣть крови; еще въ дѣтствѣ, бывало, упаду, ушибусь—ничего, но если ушибу носъ и пойдетъ кровь я сейчасъ въ слезы и долго, долго не могу успокоиться. Да вотъ и теперь вѣдь ужъ, слава Богу, не ребенокъ я,—при этомъ корнетъ попытался покрутить усъ (увы—это такъ и осталось попыткой—усы отсутствовали)—а видъ крови какъ-то болѣзненно дѣйствуетъ на меня. Вѣдь я теперь буду болѣнъ, со-

всѣмъ болѣнъ—нервы эти самыя у меня—бѣда! А между тѣмъ мнѣ сегодня очередь дежурить по госпиталю. —Отъ нашего полка ежедневно назначались въ военный госпиталь дежурный офицеръ и нѣсколько нижнихъ чиновъ—дневальными.

— Я не могу, ей-Богу не могу! Я очень болѣнъ!

— Такъ помѣняйтесь съ кѣмъ-нибудь очередью,—предложилъ я ему.

Корнетъ съ радостью ухватился за эту мысль.

— Непремѣнно, неперемѣнно, попрошу поручика Лишина, ему дежурить по госпиталю черезъ два дня. Онъ добрый мальчикъ, не откажетъ.

— Вотъ и отлично,—отвѣчалъ я,—мнѣ тоже придется быть тамъ дневальнымъ вмѣстѣ съ вами, сыграемъ, по крайней мѣрѣ, въ картишки или въ шахматы.—Корнетъ, успокоенный возможностью отложить неприятное дежурство еще на два дня, простился со мною и пошелъ искать поручика Лишина.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулся Акуловъ, видимо встревоженный и раздосадованный.

— Ну, что,—спросилъ я,—видѣли?

— Видѣлъ,—конечно,—коротко отвѣчалъ онъ и сталъ нервно ходить по комнатѣ. —И къ чему они тамъ канитель завели,—вдругъ съ раздраженіемъ заговорилъ онъ, отчего да почему? Слѣдствіе, протоколъ, рапортъ. А тутъ докторъ нашъ подвернулся, освидѣтельствовать, говорить, надо, вскрывать. Да къ чему вскрывать? «Надо», говорить, «удостовериться въ его умственныхъ способностяхъ, безумный поступокъ его показываетъ, что у покойнаго въ головѣ не все было въ порядкѣ. На самоубійство ужъ слишкомъ похоже». Страхъ какъ любить эти доктора вскрывать, разсѣловать; потащили теперь его въ госпиталь для вскрытія. И покойника-то не оставлять въ покоѣ!

— Чтоже, докторъ, пожалуй, правъ,—возразилъ я,—все это дѣйствительно очень странно.

— Ничего нѣтъ страннаго,—отвѣчалъ поручикъ.—Скабѣевъ просто замѣтилъ какую-нибудь неправильность въ прицѣлкѣ у кого-нибудь изъ солдатъ и со своею всегдашнею вспыльчивостью, не размышляя, бросился впередъ, чтобы остановить стрѣлку и разругать виновнаго... Эхъ, ужъ и не любилъ-же покойнаго солдатики!—Я замолчалъ.

На слѣдующій день, по окончаніи утренняго ученія я проходилъ изъ манежа по двору казармъ, направляясь къ себѣ домой. На встрѣчу мнѣ шелъ Ансфельдъ, который еще издали что-то кричалъ мнѣ, махая руками. Когда я подошелъ къ нему, онъ весело объявилъ мнѣ, что Лишинъ согласился перемѣниться съ нимъ очередью, такъ что мы вмѣстѣ будемъ дежурить по госпиталю.—А теперь пойдемте къ конюшнямъ втораго эскадрона,—продолжаетъ корнетъ, тамъ Поповъ на крышѣ опять разныя штуки выдѣлываетъ. И ловкачъ-же!

Я согласился; послѣ того, что я слышалъ объ этомъ солдатикѣ отъ Акулова, мнѣ хотѣлось поближе приглядѣться къ нему. Когда мы вошли, во дворъ втораго эскадрона стояла уже кучка солдатъ, собравшихся къ конюшнямъ. Мы подошли къ нимъ. Дѣйствительно, на крышѣ, на вышнѣ, по

крайней мѣрѣ, сажень шести, на самомъ краю, стоялъ Поповъ и что-то говорилъ стоявшимъ внизу товарищамъ. Тѣ закричали ему:

— Трепака станцуй, трепака! А чей-то голосъ добавилъ: «Станцуешь — полштофъ за мной!» Я обратился къ Ансфельду, состоявшему тоже во второмъ эскадронѣ, съ вопросомъ, какъ это эскадронный командиръ разрѣшаетъ Попову продѣлывать такія опасныя штуки?

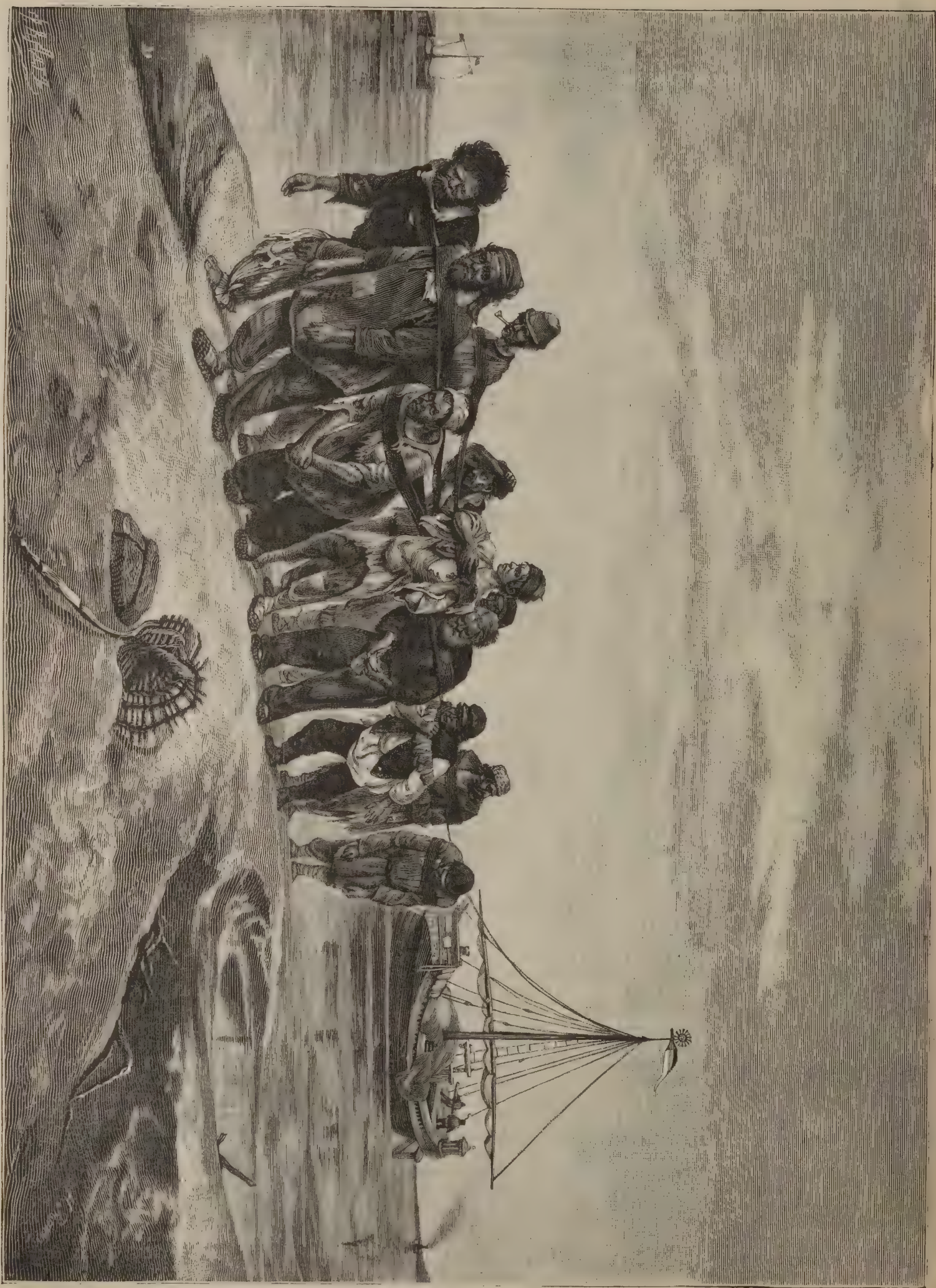
— Пробовалъ онъ запрещать,—отвѣчалъ корнетъ,—да Поповъ чуть не въ ноги ему кланялся, чтобы не мѣшали ему. Онъ, видите-ли, послѣ службы опять въ циркъ пойдетъ, такъ для практики, знаете, чтобы не разучиться, не потерять ловкости. Ну, нашъ эскадронный разсудилъ, что, пожалуй, и впрямь не слѣдуетъ мѣшать Попову въ его упражненіяхъ.

Между тѣмъ, Поповъ, отпавъ трепака, взобрался на самый гребень крыши и побѣжалъ по нему съ удивительной быстротой и ловкостью. Добѣжавъ до противоположнаго конца, онъ повернулся лицомъ къ намъ и опять побѣжалъ съ еще болѣею скоростью; добѣжавъ до края крыши, на секунду остановился и вдругъ, съ размаху, бросился головою внизъ на мостовую. Всѣ въ ужасѣ бросились къ нему. Бѣдняга лежалъ на груди, раскинувъ руки. Голова была какъ-то свернута на бокъ и по ней ручьями текла кровь. Бросились за носилками, привели фельдшера, а черезъ нѣсколько минутъ прибѣжалъ и нашъ докторъ. За нимъ слѣдомъ шелъ Акуловъ. Пока докторъ осматривалъ бывшаго клоуна, Акуловъ сталъ расспрашивать солдата о томъ, что дѣлалъ Поповъ въ теченіе сегоднѣшняго утра, не видалъ-ли кто-нибудь его вчера или сегодня выпившимъ лишнее.

Отвѣтъ получился—утвердительный: Поповъ сильно пилъ послѣдніе дни. Акуловъ молча взглянулъ на меня. Я его понялъ. Въ это время докторъ кончилъ осмотръ и, такъ какъ Поповъ былъ еще живъ, хотя и безъ сознанія, велѣлъ перенести его прямо въ госпиталь, находившійся отъ казармъ всего черезъ улицу, такъ какъ тамъ можно подать необходимую помощь лучше, чѣмъ въ полковомъ лазаретѣ. Солдаты положили своего товарища на носилки, при этомъ мундиръ его распахнулся и обнажилъ часть груди. Я остоленѣлъ: у Попова на самой серединѣ груди виднѣлся красноватый знакъ, который, какъ мнѣ показалось, походилъ на знакъ, находившійся на моей рукѣ.

Въ первую минуту я хотѣлъ сообщить объ этомъ Акулову, но что-то удержало меня. Мнѣ пришло въ голову, что такъ какъ на завтра я буду дневальнымъ въ госпиталѣ, то я могу удостовѣриться, не ошибся-ли я. Поповъ врядъ-ли будетъ въ состояніи шевелиться и такимъ образомъ ничто не помѣшаетъ мнѣ разсмотрѣть то, что меня интересовало.

Домой я вернулся со страшною головной болью и немедленно легъ спать, думая, что боль послѣ сна пройдетъ, какъ обыкновенно. Однако, мои надежды не оправдались—послѣ тяжелаго сна голова продолжала болѣть. Черезъ силу отправился я на вечернія занятія въ казармы и вернулся домой съ еще болѣею тяжестью въ головѣ. Ночь я провелъ тревожно, почти безъ сна, какъ только начиналъ засыпать, предо мною появляется фигура Попова съ

«Буря на Волге». Съ картины профессора И. Е. Рьпина.

«Авонъ при лунномъ освещеніи». Съ новой картины профессора Ю. Ю. Клевера.

окровавленной головою и съ таинственным знакомъ на обнаженной груди. На утро я всталъ совершенно больной. Смѣрилъ температуру—высока: тридцать восемь градусовъ. Сначала я хотѣлъ послать своему эскадронному командиру рапортъ о болѣзни съ просьбою отложить мою очередь дежурства въ госпиталь, но желаніе видѣть Попова взяло верхъ, и къ двѣнадцати часамъ я былъ уже на разводѣ караула. Ансфельдъ былъ тоже тамъ, и мы съ нимъ вмѣстѣ отправились въ госпиталь. Первое, что я сдѣлалъ по приходѣ туда, это было освѣδο-миться, гдѣ находится Попоу. Оказалось—въ покойницкой; онъ умеръ ночью, не приходя въ сознаніе. Въ первую минуту это меня сильно озадачило, потомъ я сообразилъ, что теперь мнѣ еще легче привести въ исполненіе задуманный планъ, потому что ключъ отъ покойницкой находится въ комнатѣ дежурнаго офицера, а такъ какъ сегодня дежурный Ансфельдъ, то нѣтъ ничего легче какъ взять незамѣтно этотъ ключъ у него. Въ покойницкой же мнѣ будетъ еще удобнѣе произвести осмотръ, чѣмъ въ общей палатѣ.

Съ этою мыслью я отправился къ корнету. Онъ лежалъ на жесткомъ кожаномъ диванѣ и читалъ газету. Я оглядѣлъ комнату,—ключъ висѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ на стѣнѣ, около дивана. Мы съ нимъ играть въ шахматы. Мнѣ нужно было находиться въ палатѣ, помѣщавшейся рядомъ съ дежурной комнатою, въ открытую дверь которой я могъ видѣть все, что дѣлалось въ помѣщеніи, находившемся подъ моимъ надзоромъ, такъ что въ случаѣ появленія начальства я могъ своевременно быть на своемъ мѣстѣ. Вскорѣ корнетъ вышелъ изъ комнаты, чтобы распорядиться насчетъ обѣда, и я воспользовался этимъ моментомъ, чтобы положить ключъ себѣ въ карманъ.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ вечера, такъ какъ въ темнотѣ мнѣ было легче пройти незамѣченнымъ въ покойницкую, помѣщавшуюся въ отдѣльномъ зданіи, во дворѣ. По мѣрѣ наступленія желаннаго момента я чувствовалъ, что жаръ у меня усиливался и голова болѣла все сильнѣе и сильнѣе. Даже Ансфельдъ замѣтилъ, что я чѣмъ-то взволнованъ, и я долженъ былъ, сославшись на головную боль, прекратить игру, чтобы имѣть возможность уйти изъ комнаты и избѣгнуть вопросовъ корнета. Время тянулось для меня страшно медленно. Вотъ, наконецъ, больные отужинали, вотъ ихъ собираютъ на вечернюю молитву, на дворѣ совершенно темно. Я оцупываю ключъ въ карманъ, тихонько прохожу мимо комнаты Ансфельда, дверь къ нему, по счастью, закрыта, прохожу на лѣстницу и оттуда во дворъ. Вотъ и покойницкая. Дрожащей рукой вставляю я ключъ въ замокъ, быстро открываю дверь и еще быстрѣе захлопываю ее за собою. Покойницкая слабо освѣщена лампой, повѣшенной высоко подъ потолкомъ. На двухъ деревянныхъ козлахъ лежатъ два трупа. Вѣроятно, вслѣдствіе странности обстановки или вслѣдствіе моего болѣзненнаго состоянія мнѣ становилось жутко, и холодный потъ выступилъ по всему тѣлу. Ноги трясутся, въ ушахъ сильный шумъ... Я пересиливаю себя и подхожу къ одному трупу—капитанъ Скабѣевъ. Я поворачиваюсь къ другимъ козламъ—онъ, Попоу! Я уже протягиваю къ нему руку, но въ эту минуту слышу скрипъ входной двери, которую я, вѣроятно, позабылъ затворить на ключъ.

Боясь быть кѣмъ нибудь замѣченнымъ, я бросаюсь подъ козлы, на которыхъ лежить тѣло Попова. Съ этого момента событія принимаютъ такой странный оборотъ, что мнѣ теперь, когда я пишу эти строки, трудно припомнить все по порядку. Помню, что изъ своего убѣжища я могъ видѣть входную дверь. Въ тотъ мигъ, какъ я бросился подъ козлы, въ нее входила высокая женщина, одѣтая во что-то черное. Женщина, въ госпитальной покойницкой, въ такое время! Въ ея фигурѣ мнѣ почудилось что-то знакомое... Вотъ свѣтъ упалъ на ея лицо, и я узнаю... Алису М. Я замеръ, казалось, кровь остановилась во мнѣ. Алиса медленно нагнулась надъ тѣломъ Скабѣева, что-то блестящее сверкнуло въ ея рукѣ... Потомъ также медленно повернулась она къ козламъ, подъ которыми лежалъ я, но со своего мѣста я не могъ видѣть, что она дѣлала. Черезъ минуту она отошла отъ меня, повернулась и вышла изъ покойницкой. Дрожа вытѣлъ я изъ своей засады, бросился къ Попову, распнулъ его мундиръ, разорвалъ рубашку—на груди покойнаго на мѣстѣ, гдѣ былъ знакъ, виднѣлось красноватое пятнышко величиною съ двугривенный. Оборачиваясь къ Скабѣеву, у него лѣвый рукавъ высоко засученъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ у меня находится знакъ, я увидѣлъ такое же пятно, какъ и на груди Попова. Я вспомнилъ рассказъ Дандина о смерти Воронскаго и Шалыпова и о знакахъ, бывшихъ у нихъ у одного на ладони, у другого на вискѣ... Я вспомнилъ ожерелье изъ пергаментныхъ кружковъ на шеѣ у Алисы М... Голова моя закружилась, и я потерялъ сознаніе. Очнувшись въ госпиталь на кровати, передо мною на стѣнѣ висѣли часы. Они показываютъ девять часовъ. Спрашиваю, что со мною случилось, какъ я сюда попалъ? Подошедшій фельдшеръ объяснилъ, что меня перенесли сюда со двора госпиталя, гдѣ я былъ найденъ безъ памяти.

— А гдѣ корнетъ Ансфельдъ?—спрашиваю.

— Въ лагерѣ,—отвѣтилъ фельдшеръ.

— Какъ въ лагерѣ, вѣдь онъ сегодня дежурный?

— Эхъ, баринъ,—отвѣчалъ фельдшеръ,—вѣдь дежурнымъ-то ихъ благородіе были въ тотъ день, какъ вы заболѣли, а съ тѣхъ поръ прошло уже шесть недѣль.

И такъ я былъ боленъ шесть недѣль!

Скабѣевъ и Попова успѣли похоронить, я не могу провѣрить себя. Да и кто знаетъ, не бредъ-ли все это, вѣдь у меня была горячка. Я больше не спрашивалъ. Съ этого дня мое выздоровленіе быстро подвигалось и черезъ двѣ недѣли меня выпустили изъ госпиталя.

Во время моей болѣзни ко мнѣ пріѣзжали мои родные и просили полкового командира, чтобы мнѣ по выздоровленіи данъ былъ отпускъ. Просьба ихъ была уважена и по выходѣ изъ госпиталя я могъ уѣхать къ себѣ домой. Такъ я и сдѣлалъ. Хотя у меня почти ежедневно болѣла голова, однако, память мнѣ еще не измѣнила и по пріѣздѣ на мѣсто я немедленно принялся излагать на бумагѣ мои подозрѣнія относительно Алисы М. По окончаніи этой работы я представилъ ее прокурорскому надзору, а недѣлю спустя за мною пріѣхали какіе-то два господина и вѣжливо попросили меня прогуляться съ ними за городъ. Я понялъ, что меня сочли за помѣшаннаго и хотѣли отправить въ «сумасшедшій домъ», я этого почти ожидалъ, но думалъ, что слѣдствіе докажетъ, что я въ здоровомъ умѣ, и показанія мои

подтвердятся. Кажется я ошибался, ибо вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я въ больницѣ для душевно-больныхъ и меня еще не собираются освободить отсюда. Ну, что-жъ, видно, придется къ самому себѣ прійти на помощь.

Выписка изъ газеты:

«Вчера, 5-го декабря, въ шесть часовъ утра, на одной изъ аллей ***скаго парка проходившимъ городовымъ былъ усмотрѣнъ трупъ неизвѣстнаго молодого человѣка съ огнестрѣльной раной на лѣвомъ вискѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трупа лежалъ шестиствольный револьверъ Смита и Вессона. Дознаніемъ обнаружено, что покойный—недавно скрывшійся изъ больницы для душевно-больныхъ, Павелъ Петровичъ Л. Знакомъ насилій на тѣлѣ не найдено. Только на лѣвой рукѣ, немного ниже локтя обнаружено небольшое, круглое пятно, краснаго цвѣта, происхожденіе котораго опредѣлить трудно. Смерть послѣдовала отъ раны въ високъ, изъ которой была извлечена пуля револьвера большого калибра. Причины самоубійства не выяснены, но полагаютъ, что покойный лишилъ себя жизни въ припадкѣ умоизступленія».

И. Загуляевъ.

МИССЪ АНЕТТА.

Рассказъ.

ВЕСЬ день мои дѣвочки вели себя особенно хорошо. Это меня не могло не радовать, такъ какъ случалось рѣдко. Обыкновенно, не успѣю еще выпроводить ихъ послѣ утренняго чая въ классы, а ужъ голова моя кружится. То нарядъ очередныхъ на кухню не выслать, то у какой-нибудь изъ воспитанницъ вдругъ не оказалось учебниковъ, то на гимнастикѣ поизорвали платьица и не починили во-время и т. д. А главное цѣлый рядъ жалобъ: тамъ перессорились, тѣ чуть не подрались; и все это бѣжитъ ко мнѣ со слезами и причитываніями. Только я слышшишь:

— Ольга Львовна! Степанова отняла у меня мою ручку и не отдаетъ!.. Ольга Львовна! Петрова изорвала мнѣ передникъ!..

Конца этому нѣтъ.

Въ этотъ же день все обошлось спокойно и какъ нельзя лучше. Я отдыхала.

Вечеромъ отъ нашего начальства я получила записку о томъ, чтобы на другой день, съ цѣлью доставить удовольствіе дѣтямъ, свести ихъ на утреннее представленіе въ циркъ, который гостилъ тогда въ городѣ. Записка эта явилась какъ нельзя болѣе кстати: представилась возможность поощрить дѣвочекъ за ихъ хорошее поведение.

Послѣ вечерняго чая, при роспускѣ, я объявила объ этомъ воспитанницамъ, прибавивъ, чтобы на будущее время онѣ старались вести себя такъ же хорошо.

Едва онѣ узнали, въ чемъ дѣло, крики восторга огласили залу. Въ порывѣ радости дѣвочки мои цѣловались одна съ другой, прыгали и искренно, по-дѣтски, благодарили меня.

Радость дѣтей была естественна. Губернскій спротскій пріютъ, въ которомъ я занимала должность старшей надзирательницы, пополнялся исключительно дѣтьми бѣдными, дѣйствительно нуждающимися въ прирѣвн; всѣ заботы здѣсь были направлены къ тому, чтобы предоставить пріютянкамъ лишь крайне

необходимое: одежду, пропитаніе и, по возможности, научить их грамотѣ и ремеслу. Объ удовольствіяхъ для нихъ не могло быть рѣчи; если же случалось иногда что-либо въ родѣ сказаннаго, то этимъ дѣти были обязаны личной заботливости и благоволенію нашего почетнаго попечителя.

На другой день мои дѣвочки повскакивали съ постелей ранѣе обыкновеннаго, будить никого не приходилось. И все безъ шума, въ полномъ порядкѣ. Самыя маленькія изъ нихъ посматривали на старшихъ, стараясь быть исправными и ни въ чемъ имъ не уступать.

Разумѣется, большинство изъ нихъ, можетъ быть даже всѣ, не могли объяснить себѣ, что за зрѣлище будетъ предстоять, но инстинктивно готовились увидѣть что-то особенное, такое, чего въ жизни еще не случалось имъ ни видѣть, ни, пожалуй, слышать. Какая-нибудь изъ болѣе разбитныхъ—«старшихъ» по своему рассказывала другой про «театръ», про «фокусы», и толпа живо окружала ее.

Классы окончились по этому случаю раньше и велѣно было приготовиться,—надѣвать праздничныя платья и мантильки. Чѣмъ меньше оставалось времени до назначеннаго часа, тѣмъ радостное нетерпѣніе у дѣтей возрастало и, наконецъ, достигло высшей своей степени, когда я, совершенно одѣтая, вышла и объявила: «стать по-парно».

Циркъ помѣщался недалеко отъ нашего пріюта, въ центрѣ города, на площади, и дошли мы скоро. Не безъ хлопотъ, однако, мнѣ удалось разсадить моихъ шестьдесятъ питомцевъ на отведенныхъ намъ скамейкахъ. Суеты, перебѣганій съ мѣста на мѣсто, вѣстѣ съ восклицаніями удивленія въ виду необычной обстановки, было не мало. Наконецъ, кое-какъ разсѣлись. Заиграла музыка, и дѣти съ нетерпѣливо-радостными личиками замерли въ ожиданіи представленія.

У входа на арену появилась цирковая прислуга, раздалися звонки, и выбѣжали три акробата. Глаза дѣтей разбѣжались, послышался сдержанный шопотъ: «смотри... смотри...» Предъ каждымъ номеромъ я объясняла, что будетъ слѣдовать далѣе, и это удваивало ихъ интересъ.

Прошло уже нѣсколько номеровъ. Выбѣжали наѣздники, забавляли клоуны, лазили по лѣстницамъ отважные гимнастеры. Главный интересъ, однако, былъ сосредоточенъ впереди. Въ печатной афишкѣ значилось, что въ слѣдующихъ номерахъ выступитъ «знаменитая наѣздница, акробатка и танцовщица миссъ Анетта». «Что это за маленькая наѣздница? Что за акробатка? Скоро-ли?»—спрашивали поминутно дѣти, задѣтая въ своемъ интересѣ, что называется, за-живое.

— Смотрите, дѣти,—предупредила я,—сейчасъ выступаетъ миссъ Анетта.

Не успѣли дѣти сосредоточить свое вниманіе, какъ музыка заиграла бравурный галопъ, вывели красивую бѣлую лошадку, а вслѣдъ за ней выбѣжала маленькая, хорошенькая, бѣлокурая наѣздница въ атласной розовой юбочкѣ, осыпанная массою блестящихъ и цвѣтныхъ камешковъ, эффектно переливающихся при свѣтѣ. На головѣ ея красовался небольшой вѣночекъ изъ незабудокъ. Граціозно посплавъ поцѣлуй публикѣ, она проворно и смѣло вскочила на лошадь и помчалась.

— Прелесть! голубушка! дѣточка!.. безпрестанно слышалось между моими.

Уставъ послѣ перваго пробѣга, миссъ Анетта отдыхала на идущей шагомъ лошади.

Но вдругъ музыка грянула какой-то скорый маршъ, и лошадь рванулась въ карьеръ.

Безстрашно стоя на хребтѣ и по временамъ покрикивая на лошадь, Анетта дѣлала различныя трудныя гимнастическія упражненія,—прыгала черезъ обручи и другія препятствія, потомъ быстро поворачивалась кругомъ, ловко садилась и опять вставала; иногда казалось, что вотъ—вотъ упадетъ, но она ступѣла удерживаться на самомъ крупѣ. Разъ-таки соскользнула на землю, но въ одинъ мигъ была опять на лошади, что доставило новое торжество маленькой наѣздницѣ. Въ заключеніе, на лету, ей подали большую корзину съ цвѣтами, которыми она осыпала публику, а наибольше моихъ дѣвочекъ, которыя отъ восторга не знали, что дѣлать. Когда Анетта остановила лошадь, и вко, какъ мячикъ, прыгнула на землю и, посплавъ поцѣлуй, моментально исчезла, публика громко зааплодировала, а съ ней и мои дѣти. Они повскакивали съ мѣстъ и съ розовыми отъ возбужденія личиками долго безъ устали хлопали въ ладоши и выразительными жестами благодарили, когда маленькая наѣздница выходила раскланиваться.

— Что за прелесть, какая славенька! Какъ она научилась такъ ѣздить?—повторяли онѣ въ упоеніи.

Во второмъ отдѣленіи миссъ Анетта выступила въ качествѣ акробатки. На разостланномъ по серединѣ арены коврѣ она, въ новомъ эффектномъ костюмѣ гимнастерки, производила удивительныя эволюціи: то извивалась, какъ змѣйка, то, свернувшись въ кольцо, быстро вертѣлась, точно мельничное колесо. Съ огромнымъ вниманіемъ, смѣшаннымъ, какъ мнѣ показалось, со страхомъ, слѣдили дѣти за этими выходящими изъ ряда обыкновеннаго и никогда не виданными ими упражненіями маленькой акробатки. Онѣ и радовались за нее, и жалѣли. Инстинктивно сознавая, что ей не легко это дается, чуткими своими сердечками онѣ страдали вмѣстѣ съ ней. У самыхъ маленькихъ показались даже на глазахъ слезы. Но—послѣ громкихъ рукоплесканій публики откуда-то съ потолка опустили длинный канатъ, на которомъ, подъ звуки марша, гимнастерка, какъ кошка, стала взбираться вверхъ и, наконецъ, устѣлась на высшей высоко-высоко, у самого потолка, трапеціи. Дѣвочки притихли и съ испугомъ смотрѣли, что будетъ. А когда, послѣ нѣсколькихъ отважныхъ, и прямо кружащихъ голову эволюцій, маленькая акробатка съ размахомъ ринулась головой внизъ и удержалась на трапеціи только кончиками пальцевъ ногъ, дѣти въ ужасѣ вскрикнули, и затѣмъ послышались общія громкія всхлипыванія, которыя сдержать было трудно...

Находясь подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ видѣннаго, онѣ ужъ не замѣтили, какъ при громкихъ оваціяхъ публики миссъ Анетта убѣжала съ арены, какъ много еще разъ возвращалась и, съ довольнымъ лицомъ, раскланивалась. И только, когда объявили второе отдѣленіе оконченнымъ и музыка заиграла, дѣти стали приходить въ себя.

— Бѣдненькая... она измучилась, какъ могутъ они заставлять ее это дѣлать!.. сочувствуя ей, дѣлились онѣ своими впечатлѣніями; вдругъ, какъ одна, всѣ пристали ко мнѣ:

— Голубушка, Ольга Львовна! Поведите насъ посмотрѣть на нее близко... мы просимъ... пожалуйста, добрая, Ольга Львовна!

Не желая отказывать въ искренней дѣтской просьбѣ, я послала купить большую коробку конфетъ для подарка Анеттѣ и, заручившись разрѣшеніемъ дирекціи цирка, повела ихъ за кулисы.

Среди массы толпившихся людей—актеровъ и прислуги и нагроможденныхъ вещей и хлама, мы съ трудомъ разыскали маленькую акробатку. Она полулежала, видимо утомленная, на деревянной скамейкѣ уборной, одѣтая въ тотъ-же роскошный гимнастическій костюмъ. Увидя насъ, она вскочила и какъ-то испуганно посмотрѣла своими большими сѣрыми глазами. При бѣгломъ взглядѣ на нее, личико ея показалось мнѣ худенькимъ и истомленнымъ,—бѣлила и румяна не могли скрыть этого.

Дѣти смѣло ее обступили, подавали ей руки, благодарили и поднесли конфеты. Анетта сначала робко посторожилась отъ нихъ, сдѣлавъ два шага назадъ, и тихо, неуверенно проговорила: «Благодарю... благодарю... этого...» указывая на конфеты,—не надо... благодарю... Но, очевидно, понявъ искренность дѣтей, и сама, какъ дитя поддаваясь ей, она съ прояснившимся личикомъ горячо стала отвѣчать на пожатія и, спустя минутъ пять, вела съ ними себя вполне непринужденно, какъ своя.

— Голубчикъ, вамъ, вѣрно, тяжело было, вы очень устали?...—участливо приговаривали дѣти...

— О, нѣтъ, что вы?! Совсѣмъ не тяжело,—отвѣчала она съ улыбкой.

И маленькая Анетта, и дѣти были въ сказанномъ восторгѣ отъ свиданія и долго еще весело болтали-бы, если-бы не предупрежденіе, что сейчасъ кончается антрактъ и начнется слѣдующее отдѣленіе. Мы ушли на свои мѣста.

Въ заключеніе послѣдняго отдѣленія миссъ Анетта, одѣтая опять въ новый изъ голубого бархата съ бѣлой лебяжьей опушкой костюмъ мальчика, сіяющая и радостная, граціозно протанцовала національный польскій танецъ при шумномъ одобреніи публики и общемъ удовольствіи дѣвочекъ, дружно ей аплодировавшихъ. Анетта посыпала дѣтямъ сотни воздушныхъ поцѣлуевъ.

Всю дорогу до пріюта дѣти шли въ возбужденномъ настроеніи, и перебивая другъ дружку, рассказывали про видѣнное, удивляясь и восторгаясь.

За обѣдомъ и послѣ, въ остальную часть дня, только и было у нихъ разговору, что о циркѣ, о представленіи, объ удивительной миссъ Анеттѣ. Даже когда легли уже спать, то долго еще по койкамъ шла тихая бесѣда, прерванная только моимъ обходомъ спящихъ...

Большое зданіе нашего пріюта одной стороной обращено на улицу, и парадный ходъ всегда плотно на ночь заперся. Черны-же ходъ, ведущій въ просторный пріютскій дворъ, былъ общій съ ходомъ въ квартиру начальника пріюта и потому стоялъ всегда почти открытымъ. Тамъ постоянно сновала прислуга, а у нашихъ дверей спала привратница. По обыкновенію, я вставала ночью не менѣе двухъ-трехъ разъ прослѣдить за порядкомъ и повѣрить по кроватамъ воспитанницъ. И въ ту ночь я, спустя три часа, обошла спальни. Дѣти спали спокойно, все было въ порядкѣ. Тишина...

Подъ утро я была разбужена какимъ-то непонятнымъ шумомъ въ спальнѣ. Слышались голоса привратницы, нѣкоторыхъ дѣвочекъ и еще чей-то посторонній.

Торопливо одѣвшись, я направилась туда. Едва я успѣла переступить порогъ послѣдней спальни, какъ ко мнѣ въ ноги съ громкимъ рыданіемъ бросилась какая-то дѣвочка, закутанная въ платокъ.

— Спасите, Бога ради, спасите меня!.. захлебываясь отъ слезъ, молила она.

Я остановилась въ удивленіи, какъ вкопавшаяся. Потомъ быстро подняла ее съ пола за руки; но при тускломъ свѣтѣ вочниковъ трудно мнѣ было рассмотреть лицо. Я постаралась ближе и пристальнѣе взглянуть на... глазамъ своимъ не повѣрила.

Передо мною, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, сдерживаясь съ тяжелыхъ рыданій, безпорядочно одѣтая, стояла миссъ Анетта.

— Вы... Анетта?

— Я... Я... О, не гоните меня! За мной бѣгутъ... спасите!.. И опять она падала на колѣни, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Успокойтесь, дитя. Богъ съ вами, рассказывайте, что случилось, какъ вы попали сюда?—спокойно, какъ только умѣла, проговорила я.

— Все, все расскажу вамъ, сударыня, но, не гоните, спасите меня! Сейчасъ они придутъ, убьютъ меня. У, какъ страшно!.. Ахъ!—вскрикнула она,—вотъ они!

Своими худенькими, протянутыми рученками она старалась отъ кого-то заслониться и жалась ко мнѣ.

— Да спасите-же!.. Развѣ не видите, умоляю!..

Цѣлѣбая походила на изступленный бредъ больной. Цѣлѣбы обступили дѣвочки, успѣвшія повскакивать. Сообща мы дали ей воды напиться, увели въ отдѣльный уголъ и усадили на первую появившуюся кровать.

— Никто не посмѣетъ зайти сюда,—твердо сказала я.—У насъ здѣсь прислуга, а начальство позоветъ полицію. Не скажите, Анетта, что васъ привело сюда?

Чуть-чуть успокоившись отъ нашего доброго участія, Анетта тихо, но съ прежнимъ лихорадочнымъ возбужденіемъ, выговорила:

— Мнѣ тяжело, очень тяжело, сейчасъ меня били, больно такъ... всегда, всегда бьютъ, мучать. Вчера и сегодня за то, что дѣвочки ко мнѣ приходили, я взяла конфеты...

Далѣе Анетта не могла говорить. Ее душили слезы.

Я не настаивала, а поручила дѣтямъ успокоить ее, какъ сумѣютъ, по своему. Сама же увѣдомила о такомъ случаѣ свое начальство, которое не замедлило принять мѣры для огражденія несчастной бѣглянки.

Наступилъ день. Обычный порядокъ въ заведеніи, временно поколебавшійся, вновь установился и вступилъ въ свою колею. Дѣти ушли въ классы.

Миссъ Анетта, оказавшаяся Надей Колчаковой, блѣдная, какъ полотно, съ слѣдами

тому хозяину. Отецъ мой когда-то, давно, былъ чиновникомъ, имѣлъ хорошій чинъ; но въ то время, какъ я его помню, онъ былъ очень бѣдный; ѣсть намъ было нечего, ходили въ трактиры и тамъ давали иногда что-нибудь поѣсть. Кромѣ меня, еще были двѣ старшія мои сестры. Куда онѣ дѣвались, я не знаю, кто-то мнѣ говорилъ, что онѣ за границей, какъ и я, въ циркѣ Аменяотецъ продалъ Маркусу.

Послѣднія слова она проговорила еле слышно и на глазахъ показались слезы.

— Да, продалъ. Я хорошо помню. Это было семь лѣтъ тому, въ маленькомъ уѣздномъ городѣ, на границѣ. Два дня мы предъѣхали ничего не ѣли. Вечеромъ зашли въ одинъ трактиръ. Тамъ къ намъ подошелъ какой-то человекъ, съ длинными волосами... Теперь въ циркѣ его нѣтъ. Онъ намъ предложилъ поѣсть. А потомъ цѣлую ночь пилъ съ отцомъ и торговался. Я все слышала. Подъ утро этотъ человекъ далъ мнѣ двадцать пять рублей, а меня взялъ съ собой и повезъ тогда-же въ другой городъ; привелъ къ Маркусу и сказалъ мнѣ: «это твой хозяинъ, слушайся его». Больше я его не видѣла.

Надя замолчала.

— Что-же потомъ? Рассказывайте.

— Потомъ... меня учить стали. Трудное это ученіе. По цѣлымъ днямъ у меня выпрямляли и выламывали руки и ноги. Больно было очень... Я всегда плакала, а они меня били за это. Больше всѣхъ самъ Маркусъ. Охъ, онъ сердитый! Какъ придетъ утро, онъ не даетъ мнѣ ничего ѣсть и приказываетъ при себѣ повторять упражненія, долго, до обѣда... И когда изъ всѣхъ силъ постараюсь и продѣлаю, какъ слѣ-

дуетъ, онъ даетъ мнѣ кусокъ хлѣба... все равно, какъ собакѣ... А если нѣтъ у меня силъ сдѣлать, онъ бьетъ... такая плетенка кожаная у него есть...

Она при этомъ вздрогнула.

— Такъ продолжалось семь лѣтъ, до вчерашняго дня. Послѣ я и предъ публикой стала выступать, но мнѣ было не легче. Случалось, на первыхъ порахъ, я испугаюсь людей-публики, не такъ сдѣлаю, какъ надо, меня долго сѣкутъ за это... Два раза хотѣла

Гравировка на деревѣ для журнала «Живописное Обозрѣніе» Е. Лыговъ.

«Альма». Съ картины художника К. Зихеля.

недавнихъ слезъ на худенькомъ, но симпатичномъ, дѣтски-наивномъ личикѣ, уже всѣмъ почти успокоившаяся, въ присутствіи нашего попечителя, начальника пріюта и моего, тихо, просто рассказывала свою грустную исторію:

— Мнѣ теперь двѣнадцать, а можетъ тринадцать лѣтъ, не знаю. Мамы своей не помню, а отца... не забыла. Еще два года тому назадъ я его видѣла, кажется, это онъ былъ, такой... нищій... приходилъ къ Маркусу, на-

«Въ добрый путь». Съ картины художника Г. Монтегадо.

утопуть въ рѣкѣ, но меня спасали и наказывали... Я молила Бога, чтобъ умереть скорѣй... И все напрасно. Часто я засматривалась на вольныхъ дѣтей, которыя бывали на представленіяхъ. Они смѣялись, были вѣсѣмъ довольны, аплодировали... Я убѣгала въ уборную и долго плакала тамъ...

И Нади залилась слезами. Успокоившись, продолжала:

— Вчера эти дѣвочки зашли ко мнѣ, принесли конфетъ, благодарили... Со мной никто еще такъ не говорилъ никогда. Я прыгала отъ радости... Но хозяйинъ по окончаніи представленія, подозвалъ меня, кричалъ, какъ я смѣла безъ его позволенія принимать конфетъ и разговаривать съ дѣтьми. Онъ ударилъ меня три раза по лицу, а послѣ вечерняго представленія... выскѣ... все тѣло и теперь горитъ еще отъ боли... Я знала раньше по другимъ городамъ, что есть пріюты для

бѣдныхъ дѣтей... Давно уже имѣла мысль въ головѣ, а вчера рѣшила... больше не могу... силы нѣтъ...

Она опять начала усиленно вздрагивать отъ рыданій, наконецъ, дала имъ волю и бросилась къ намъ въ ноги.

— Все, все дѣлайте изъ меня... я буду вѣрно служить вамъ... въ кухнѣ для дѣтей посуду мыть... бѣлье... только... не гоните меня! заключила Нада, цѣлуя наши ноги.

— Довольно, бѣдная дѣвочка, встаньте! — сказалъ рѣшительно попечитель, поднимая ее. — Успокойтесь, постарайтесь забыть тяжелое прошлое и съ надеждою начните новую жизнь. Богъ не оставляетъ несчастныхъ и увидѣлъ ваши слезы. Полюбите своихъ новыхъ подругъ... Васъ навѣрно уже полюбили... тутъ васъ не обидать...

Онъ, старикъ, не смогъ скрыть своихъ слезъ, какъ и мы...

Надю Колчанову, дѣйствительно, полюбили, и было за что. Въ чертовой средѣ и обстановкѣ она не успѣла утратить прекрасныхъ задатковъ своей натуры. Грязь не пристала къ ней. Быстро она освоилась съ порядками, стала старательно учиться, и вслѣдствіе выдающихся способностей въ слѣдующемъ году была предназначена, въ числѣ нѣкоторыхъ, къ опредѣленію въ гимназію.

Противъ иностранца-содержателя цирка было возбуждено судебное преслѣдованіе и, по всей вѣроятности, онъ понесетъ законную кару.

Я рассталась съ Надей Колчановой въ то время, когда она была въ пятомъ классѣ гимназіи и шла по успѣхамъ отлично.

Гдѣ она и что съ ней теперь — не знаю. Но изъ памяти моей никогда не изгладится симпатичный образъ такъ много пострадавшей, моей бѣдной, маленькой «миссъ Анетты».

А. Писанецкій.

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

Романъ Рене де Понъ-Жеста (окончаніе).

ПРИНЦЪ тоже сталъ рѣже бывать въ клубѣ, не желая, какъ онъ говорилъ, встрѣчаться съ де-Марга. Дома онъ капризничалъ, требовалъ между прочимъ, чтобы всѣ письма проходили черезъ его руки. Разспрашивалъ у прислуги, кто бывалъ у принцессы и куда она выѣзжала. Жеромъ получилъ приказаніе не пускать г-жу Бренъ, которая поселилась поблизости въ гостиницѣ, гдѣ Джэнь съ дѣтьми навѣщала ее. Баптистенъ не разъ заставлялъ его въ паркѣ, будто онъ кого нибудь подкарауливалъ. Говоря о своей семьѣ, принцъ давалъ понять, что имѣетъ право подозрѣвать свою жену. Всѣ, кому было извѣстно желаніе его развестись съ женой и сопротивленіе принцессы, легко объясняли раздражительность принца. Но трудно было объяснить перемѣну происшедшую съ де-Марга. Герцогъ де-Можоль обратилъ вниманіе только на то, что баронъ хорошо отзывался о принцессѣ де-Саллернъ, и рѣшилъ, что баронъ вѣроятно раскаивается, что способствовалъ заключенію этого брака. Никто не догадывался, что кузены видались по почтамъ. Принцъ сообщилъ Арману, какъ шло дѣло о разводѣ и горько, съ отчаяніемъ жаловался на Лену, которая не хотѣла возвращаться раньше окончанія процесса.

Принцесса, между тѣмъ, занималась своими дѣтьми, принимала только герцога де-Можоля и своего адвоката Рубо. Графиня де-Пенгренъ не покрывалась, ей было очень неловко при мысли, какъ скверно кончается устроенный ею бракъ. Джэнь, не смотря на совѣтъ герцога, не написала ни отцу, ни Самми и просила Мари не писать ничего Марселю Рено. «За меня Богъ и моя совѣсть», — говорила она.

Принцъ де-Саллернъ дѣлалъ все возможное, чтобы утомить свою жену и вывести ее изъ терпѣнія. Онъ слѣдилъ за нею, требовалъ, чтобы она всегда говорила, куда идетъ или ѣдетъ. Кучеру было приказано докладывать, подѣ страхомъ лишиться мѣста, куда принцесса ѣздила, съ кѣмъ говорила. Узнавъ однажды, что она баталась съ дѣтьми въ лѣсу и, встрѣтивъ госпожу Бренъ, посадила ее съ собою въ экипажъ, онъ написалъ жентъ грозное письмо, въ которомъ выговаривалъ, какъ ей не стыдно показываться въ обществѣ съ

особой, которую онъ выгналъ изъ дому. Однимъ словомъ, желая во что бы то ни стало достигнуть своей цѣли, онъ совсѣмъ потерялъ голову.

Такъ прошли двѣ недѣли, назначенныя Джэнь своему мужу, и Робертъ получилъ отъ своего адвоката увѣдомленіе, что принцесса подала прошеніе о разрѣшеніи развѣхаться съ мужемъ и до судебного рѣшенія просила позволенія оставить домъ мужа и переѣхать къ его дядѣ, герцогу де-Можолю.

— А, вы начинаете войну, — вскричалъ взбѣшенный принцъ. — Посмотримъ, миссъ Джэнь Гаррисъ!

Два часа спустя Арманъ получилъ телеграмму: «Сегодня, въ десять часовъ вечера, на извѣстномъ мѣстѣ». Отправивъ телеграмму лично, принцъ вернулся домой, позавтракалъ и въ три часа велѣлъ привести къ себѣ дѣтей, которая прилила съ Кэтъ, горничной Джэнь. Кэтъ сказала, что принцесса собирается съ ними въ лѣсъ.

— Одна? — спросилъ Робертъ.

— Принцесса беретъ съ собой няньку и мисс Темплъ.

Миссъ Темплъ была немолодая и серьезная англичанка, жившая въ домѣ уже другой годъ и исполнявшая при дѣтяхъ обязанности бонны и учительницы. Получивъ желаемое свѣдѣніе, принцъ на легу поцѣловалъ дѣтей и отправилъ ихъ къ матери. При стукѣ отворявшихся воротъ, онъ подошелъ къ окну и, прослѣдивъ, что жена его точно уѣхала, поспѣшно поднялся по главной лѣстницѣ въ комнаты Джэнь, отодвинулъ задвижку у двери, которая вела въ оранжерею, и отперъ ее своимъ ключомъ. Пройдя въ нее, онъ заперъ ее на ключъ съ другой стороны, прошелъ черезъ оранжерею и вернулся въ свою курильную, откуда позвонилъ. Его отсутствіе продолжалось не болѣе пяти минутъ. Когда пришелъ камердинеръ, онъ переодѣлся и отдалъ приказаніе, чтобы въ одиннадцать часовъ ночи былъ готовъ экипажъ: «Я поѣду въ Сентъ-Клу, къ графу Бераръ». Графъ дѣйствительно давалъ въ этотъ день вечеръ, о которомъ много говорили.

Послѣдовавъ съ нѣсколькими друзьями, которые тоже собиравлись въ Сентъ-Клу, но много раньше, принцъ стравился въ циркъ и выйдя

оттуда черезъ конюшни, пришелъ на бульваръ Габріель, гдѣ уже засталъ Армана. Поговоривъ нѣсколько минутъ, Робертъ передалъ своему кузену небольшой ключъ. Разойдясь, они отправились по разнымъ направленіямъ, но къ одному мѣсту. И въ то время, какъ Робертъ звонилъ у подъѣзда своего дома, Арманъ отворялъ маленькую калитку парка. Въ паркѣ было такъ темно, что Арманъ съ трудомъ выбрался на большую аллею. Во дворцѣ, въ комнатѣ принцессы былъ небольшой свѣтъ, но внизу сквозь деревья зимняго сада видно было, что кабинетъ Роберта ярко освѣщенъ. Нѣсколько не безпокоясь этимъ, онъ вошелъ въ оранжерею и проскользнулъ между растеніями къ лѣстницѣ, которая вела на половину принцессы. Поднявшись осторожно, онъ отперъ дверь ключомъ, полученнымъ имъ отъ принца полчаса тому назадъ, и вошелъ въ будуаръ, изъ котораго дверь вела въ спальню. Принцъ де-Саллернъ видѣлъ въ окно, какъ прошелъ Арманъ, и бросившись въ переднюю, гдѣ его ждалъ Баптистенъ, сердито приказалъ:

— Приведите сюда Клода и Джемса! Только не шумѣть; живо!

Не понимая, что сдѣлалось съ его господиномъ, Баптистенъ побѣжалъ за названными людьми. Всѣ выскѣли они вошли въ курильную. Подумавъ нѣсколько секундъ, Робертъ выхватилъ изъ ящика письменнаго стола заряженный револьверъ и спряталъ его въ карманъ. Когда люди пришли, онъ поставилъ одного изъ нихъ у лѣстницы въ оранжерею, а съ другими двумя отправился на верхъ.

Джэнь не воображала, какая грозитъ ей опасность. Она пообедала съ дѣтьми и уложила ихъ спать, послѣ долгихъ капризовъ Маргериты, которая ни за что не хотѣла ложиться. Оставшись одна, Джэнь читала до одиннадцати часовъ и затѣмъ, послушавъ у дверей дѣтской, тоже отправилась спать. Но тревожныя мысли не давали ей заснуть. Съ одной стороны разводъ былъ соблазнительнъ, но она прогоняла всякую мысль о свободѣ, которую получила бы благодаря разводу, потому что въ такомъ случаѣ она нарушила бы свои обязанности матери-христіанки. Вдругъ ей послышались голоса въ дѣтской. Поспѣшно набросивъ капоть, она прошла въ дѣтскую.

Маргерита жаловалась, что не может уснуть. Мать взяла ее на колѣни и, поцѣловавъ, сказала:

— Богъ наказываетъ тебя за то, что ты не хорошо помолилась вечеромъ. Помолитесь вмѣстѣ, хочешь?

— Да,—проговорила успокоенная дѣвочка.

Прочитавъ молитву, дѣвочка вдругъ прибавила отъ себя: «Святая Дѣва Маріа, дай счастье и здоровье всѣмъ, кого я люблю: дѣдушкѣ, который далеко, мамочкѣ и папѣ». Прогворивъ эти слова, малютка обняла мать и спокойно легла въ постель, а мать ея вернулась въ спальню, куда Арманъ вошелъ въ ту минуту, какъ она выходила. Онъ былъ свидѣтелемъ всей сцены и, услышавъ молитву за этого недостойнаго мужа и отца, онъ вдругъ прозрѣлъ и понялъ всю подлость того дѣла, на которое онъ согласился. Принцъ задумалъ поймать принцессу будто бы на мѣстѣ преступленія и во избѣжаніе скандала заставить ее согласиться на разводъ. Вспомнивъ эту прелестную женщину, безупречную жену и мать, онъ хотѣлъ бѣжать, но было поздно, Джэнь уже вошла въ спальню и увидела его. Разсердившись больше, чѣмъ испугавшись, она прямо подошла къ нему и вскричала:

— Что вамъ здѣсь угодно, милостивый государь? Зачѣмъ вы пришли? Ступайте вонъ.

— Сударыня, я негодяй, простите меня. Но знайте...

— Я ничего не хочу знать, ступайте вонъ!

Арманъ опустился на колѣни, лицо его выражало такое уваженіе къ ней и такой стыдъ за свой поступокъ, что принцесса, можетъ быть, позволила бы ему говорить, но въ эту минуту въ комнату ворвался принцъ въ сопровожденіи лакеевъ и, подойдя къ женѣ и Арману, крикнулъ:

— А, наконецъ-то я васъ обоихъ поймалъ!—и прежде, чѣмъ кто-нибудь успѣлъ остановить его, онъ два раза выстрѣлилъ въ Армана, въ лицо и въ грудь. Арманъ упалъ, обливаясь кровью.

— О, подлый убійца,—проговорилъ онъ,—принцесса, берегитесь... простите меня...

— Вотъ что я имѣлъ полное право сдѣлать и съ вами, преступной женой,—сказалъ Робертъ,—но я васъ жалю... Клодъ и Баптистенъ, вы свидѣтели, что я убилъ этого предателя родственника, потому что засталъ его ночью на колѣняхъ передъ принцессой! Идемъ!

Джэнь была ошеломлена. Опираясь на миссъ Темплъ, которая прибѣжала на выстрѣлъ, она переводила глаза съ де-Марга, истекавшаго кровью, на своего мужа, который уходилъ. Ей казалось, что она видитъ кошмаръ, сходный съ уму. Миссъ Темплъ позвонила, прибѣжала Кэтъ. При звукѣ ея голоса, принцесса пришла нѣсколько въ себя и поняла ужасное обвиненіе, которое ея мужъ бросилъ ей въ лицо, и какія ужасныя послѣдствія могла имѣть эта драма для ея чести. Быстро оправившись, она бросилась за своимъ мужемъ, она хотѣла убить его въ своей невинности, но въ то время, какъ она выбѣжала на подъѣздъ съ крикомъ «Робертъ, Робертъ! послушайте меня!», купе принца выѣзжало за ворота. Она позвала Жерома, Тотъ подошелъ и спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— Что случилось, г-жа принцесса? Джэнь мнѣ сказала, что у васъ въ комнатѣ убилъ человѣкъ. Баринъ поѣхалъ въ полицію.

Джэнь подумала минуту и сказала:

— Да, Жеромъ, мой мужъ убилъ барона де-Марга, съ которымъ онъ, должно быть, вер-

нулся вмѣстѣ сегодня вечеромъ. Въ которомъ часу?

— Принцъ вернулся въ одиннадцать часовъ одинъ. Баронъ уже двѣ недѣли не переступалъ порога этого дома.

— Но какъ онъ могъ попасть въ мои комнаты? Можно съ ума сойти. Поищите за докторомъ Руссо. Или нѣтъ, идите за нимъ сами и попросите также герцога де-Можоль. Попросите ихъ придти сейчасъ. Расскажите, что случилось.

Къ счастью, оба—и герцогъ и докторъ—жили близко. Когда Жеромъ побѣждалъ за ними, принцесса вернулась къ себѣ и твердо подошла къ жертвѣ своего мужа. Въ эту минуту Арманъ, получившій глубокую рану въ щеку, открылъ глаза и, узнавъ принцессу, проговорилъ:

— Вы! Слава Богу! Я умираю и справедливо! Но... — Онъ съ трудомъ произносилъ слова и видимо ужасно страдалъ.

— Говорите, говорите! Умоляю васъ,—сказала Джэнь, между тѣмъ, какъ миссъ Темплъ подложила подушку подъ голову раненаго.—Говорите, я прошу васъ.

Сдѣлавъ сверхъестественное усиліе, больной заговорилъ послѣднее:

— Робертъ хотѣлъ поймать васъ на мѣстѣ преступленія и сдѣлать прислугу свидѣтелями... Я согласился играть роль въ этомъ заговорѣ... Въ надеждѣ на то, что вы согласитесь на разводъ во избѣжаніе скандала и онъ получитъ свои шесть милліоновъ... Онъ обѣщаль мнѣ пятьсотъ тысячъ. Но услышавъ, какъ вы съ вашей дочкой молились... я понялъ всю гадость своего поступка. Я опустился на колѣни передъ вами, чтобы просить у васъ прощенія. Онъ убилъ меня, желая избавиться отъ сообщника.

Принцесса пришла въ ужасъ отъ всѣхъ этихъ сообщеній, но молчала, опасаясь прервать умирающаго.

— Но все это нужно скрыть, ради имени вашего сына. Скажите, что я сумасшедшій... или... да... да... что я хотѣлъ обокрасть васъ. Да, да... украсть, какъ онъ укралъ ожерелье... Воръ! Это будетъ мое искупленіе!—Арманъ опустилъ голову.

Джэнь заглушила крикъ и прислушалась къ шагамъ во дворѣ. Черезъ нѣсколько минутъ комната была полна народу. Пришелъ полицейскій комиссаръ, его секретарь и два агента, между которыми высокомѣрно стоялъ, повидимому, спокойный принцъ де-Саллернъ; за ними вошла прислуга.

— Это человѣкъ, въ котораго вы выстрѣлили?—спросилъ комиссаръ, подводя принца къ раненому.

— Да,—отвѣчалъ Робертъ.—Изъ окна своего кабинета я видѣлъ, какъ кто-то вошелъ въ оранжерею и поднялся по лѣстницѣ. Я сейчасъ-же позвалъ людей и вошелъ въ эту комнату. Я ждалъ увидѣть не господина де-Марга на колѣняхъ передъ моей женой. Я убилъ его по праву оскорбленнаго мужа.

— Вы лжете,—энергично возразила Джэнь, ничто не угрожало вашей чести. Вашъ кузенъ просилъ у меня прощенія, что забрался ко мнѣ. Какими путями? Не могу понять. Съ какою цѣлью? Не знаю.

Въ эту минуту на сцену явились еще два лица: герцогъ де-Можоль и докторъ Руссо. Герцогъ уже успѣлъ распросить Жерома и, быстро подойдя къ Джэнь, взялъ ее за обѣ руки, будто бралъ подъ свое покровительство. Докторъ принялся изслѣдовать раненаго.

— Баронъ де-Марга еще живъ,—сказалъ онъ комиссару,—но очень плохо. Лучше

всего отнести его въ больницу; очень можетъ быть, что онъ и умретъ дорогой. Можно отвезти его въ каретѣ, или взять большое кресло изъ оранжереи. Больница близко отсюда.

— Очень хорошо, докторъ,—сказалъ полицейскій офицеръ, диктуя протоколъ секретарю.

Клодъ и Баптистенъ подтвердили показаніе своего господина. Затѣмъ подняли раненаго, положили его на кресло и понесли въ сопровожденіи доктора въ больницу. А полицейскій комиссаръ отправилъ принца подъ надзоромъ своихъ агентовъ въ другую комнату, осмотрѣлъ помѣщеніе и сказалъ принцессѣ:

— Сударыня, я долженъ арестовать вашего мужа. Прокуроръ рѣшитъ, выпустить-ли его на свободу или задержать. А васъ попрошу не выѣзжать изъ этого дома, чтобы вы могли явиться по вызову суда.

— Я не тронусь отсюда, мнѣ не въ чемъ упрекать себя,—сказала Джэнь.

— А я,—сказалъ герцогъ, взявъ племянницу за руку,—я ручаюсь за принцессу, въ ея словахъ сомнѣваться нельзя. Завтра я прежде всего стану хлопотать, чтобы ей было разрѣшено съ дѣтьми жить у меня, ея дяди, до тѣхъ поръ, пока не прійдетъ ея отецъ изъ Чикаго, которому я сейчасъ телеграфирую.

Полицейскій комиссаръ зналъ герцога и вполне одобрилъ его. Поклонившись почтительно обоимъ,—въ вину принцессѣ де-Саллернъ онъ не вѣрилъ,—комиссаръ ушелъ и увелъ своего арестанта.

Не смотря на всѣ предсказанія докторовъ, баронъ пролежалъ въ больницѣ двѣ недѣли и затѣмъ лечился дома и могъ отвѣчать на вопросы слѣдователя. Онъ неизмѣнно повторялъ одно и то-же. Согласно съ своими послѣдними словами, когда онъ говорилъ, что нужно спасти имя де-Саллерновъ отъ позора, онъ показывалъ, что чувствовалъ безумную любовь къ этой несчастной, обманутой женщинѣ, и зная, что она не приметъ его, если онъ къ ней явится, онъ потихоньку взялъ у своего кузена ключъ отъ двери и пробрался къ ней комнату. И въ ту минуту, какъ онъ раскаивался и на колѣняхъ просилъ прощенія у принцессы, принцъ выстрѣлилъ въ него два раза. Онъ даже и не подозрѣвалъ, что принцъ дома. Джэнь показала то-же самое, а мужъ ея повторялъ одно, что найдя ночью мужчину въ комнатѣ жены, онъ считалъ себя вправѣ убить его. Судьи подозрѣвали какую-то тайну, но ничего добиться не могли. И принцъ былъ оправданъ, а Арманъ де-Марга за вторженіе въ чужую квартиру осужденъ на три мѣсяца въ тюрьму. Принцу отказали въ его просьбѣ о разводѣ, и разрѣшили его женѣ жить отдѣльно, отдавъ дѣтей подъ ея исключительный надзоръ.

Джо Гаррисъ, кающійся и огорченный, не оставлялъ своей дочери ни на минуту; она вышла изъ этого ужаснаго испытанія, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ. За то всѣ отвесились съ презрѣніемъ и негодованіемъ къ принцу де-Саллернъ и Арману де-Марга.

XIII. Неониданный мститель.

Джо Гаррисъ, поспѣшавшій пріѣхать изъ Чикаго, чтобы защитить свою дочь, счастье которой онъ такъ безразсудно пожертвовалъ, провелъ нѣсколько весьма неприятныхъ дней, хотя господа де-Пенгре и де-Марга, опасаясь, чтобы ихъ самихъ не судили строго, сильно смягчили факты, особенно баронъ де-Марга, который даже не пожелалъ видѣть своего сына.

Принцесса не позволила отцу улатить

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Г. КСОРНЕЛЯ.

Передъ ученьемъ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА М. КРАСНИЦКАГО.

Въ горахъ Кавказа.

долги мужа. Она рѣшила, что принцъ будетъ получать сто тысячъ, столько же она будетъ тратить на себя, а остальные пойдутъ въ уплату долговъ. Она согласилась принять отъ отца только небольшую отель, въ которомъ и поселилась, поспѣшивъ призвать госпожу Бренъ. Джэнь жила только для своихъ дѣтей и постоянно внушала имъ любовь и уваженіе къ ихъ отцу. Она нигдѣ не бывала, не интересовалась свѣтской жизнью и выдавала только герцога де-Можоля. Принца снова преслѣдовали кредиторы, а онъ думалъ только о Ленѣ, отказавшейся вернуться къ нему, потому что не получилъ развода. Последняго онъ не могъ простить своей женѣ и возненавидѣлъ ее страшно. Онъ шпионилъ за каждымъ ея шагомъ, надѣясь добиться, наконецъ, своего. Арманъ де-Марга почти исчезъ изъ Парижа, его встрѣчали изрѣдка, мрачнаго, отпустившаго бороду, чтобы скрыть полученную имъ ужасную рану. Рено все еще былъ въ Вашингтонѣ, откуда онъ написалъ нѣсколько словъ госпожѣ Бренъ, выражая свое удовольствіе, что Джэнь избавилась отъ своего мужа. Госпожа Бренъ отвѣчала ему и поблагодарила его отъ имени принцессы. На этомъ ихъ переписка остановилась.

Такъ прошло около двухъ лѣтъ, какъ однажды утромъ принцесса прочла въ газетахъ извѣстіе о приѣздѣ Марселя Рено въ Парижъ. Это ее сильно взволновало, она знала, что принцъ де-Саллернъ способенъ на все. Нѣсколько дней спустя, просматривая «Фигаро», она съ ужасомъ прочла, что принцъ и Рено поссорились въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и вызвали другъ друга на дуэль. Далѣе газета относилась причину ссоры къ давнимъ временамъ, указывая на принцессу, какъ на косвенную причину. Конечно, замѣтка вполне выгораживала принцессу, какъ женщину вполне безупречную и пользующуюся всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Дуэль была назначена въ тотъ же день пополудни и на самыхъ жестокихъ условіяхъ.

Джэнь позвала Мари и, съ ужасомъ показывая ей газету, сказала глухимъ голосомъ:

— Прочтите, прочтите. Предчувствія не обманули меня.

Мари пробѣжала извѣстіе, на которое ей указывали, и замѣтила:

— Чѣмъ объяснить этотъ вызовъ принца? Если господинъ Рено согласился драться, зная, какъ дорога тебѣ его жизнь, нужно чтобы его жестоко оскорбили!

— Я не допущу этой дуэли!

— Но какъ?..

— Все равно; одѣвайтесь скорѣе, ѣдемъ вмѣстѣ.

— Куда? Къ принцу?

— Онъ меня еще разъ оскорбитъ! Мы поѣдемъ къ господину Рено! Я не хочу, чтобы онъ дрался! Я знаю, это безразсудно, но ничто меня не удержитъ. Нѣсколько минутъ спустя, обѣ женщины были уже въ экипажѣ, который скоро подвезъ ихъ къ дому, гдѣ жила мать Рено. Джэнь ужасно боялась, что не застанетъ его, но выйдя изъ экипажа, она вдругъ остановилась, ей вспомнилась угроза развода и что своимъ посѣщеніемъ она дастъ хорошій поводъ къ нему.

— О чемъ ты думаешь?—спросила Мари.

— Я боюсь. Что я ему скажу?

— Правду, что ты не хочешь, чтобы онъ дрался.

— Вы правы,—и она рѣшительно вошла въ домъ.

Обѣ онѣ не замѣтили, что слѣдомъ за ними проскользнули въ домъ два человѣка. Госпожа

Рено была со своей прислугой въ деревнѣ, но сынъ ея былъ дома.

Поднявшись во второй этажъ, онѣ позвонили, и Марсель самъ отворилъ дверь. Джэнь вскрикнула, увидавъ его. Марсель былъ не менѣе пораженъ неожиданнымъ посѣщеніемъ.

— Вы, принцесса, вы?—вскричалъ онъ.— Простите меня, но я не могъ ожидать...—онъ пригласилъ ихъ войти. — Вы въ домѣ моей матери, принцесса.

Онѣ вошли. Мари наклонилась къ принцессѣ и сказала ей нѣсколько словъ.

— Да, Мари права,—вскричала принцесса, протягивая руку Марселю,— намъ некогда терять время. Я пришла просить васъ о великой жертвѣ, не ради себя,—я не имѣю на это никакого права,—но въ память моей матери, которая любила васъ какъ сына, и ради вашей матери... Я умоляю васъ отказаться отъ дуэли съ принцемъ де-Саллернъ...

— Какъ, вы знаете?..

— Да, въ «Фигаро» напечатано, что ваша дуэль назначена сегодня послѣ полудня.

Рено поблѣднѣлъ и прошепталъ: — Я такъ и зналъ!...

— Вы отказываете мнѣ въ моей просьбѣ?—вскричала Джэнь.

— Я не могу ее исполнить. Моя жизнь принадлежитъ вамъ, но моя честь велитъ принять вызовъ принца де-Саллернъ. Онъ оскорбилъ меня... онъ поднялъ на меня руку.

— Возможно-ли? Боже мой! А если онъ убьетъ васъ?

— Если онъ убьетъ меня? Уже давно, съ той роковой минуты, когда... жизнь для меня ничто. Если бы не моя мать, Франція никогда больше не увидала бы меня.

— А я?—вскрикнула принцесса де-Саллернъ съ такимъ отчаяніемъ и любовью, что Рено невольно подошелъ къ ней и протянулъ ей обѣ руки.

— Вы, Джэнь, вы! Я знаю, вы не забудете меня и скажете: онъ исполнилъ свою обязанность!

— Я не хочу вашей смерти, я не хочу, чтобы вы дрались. А если вы убьете принца?

— Значитъ небо выберетъ меня мстителемъ. Но успокойтесь!

— Успокойтесь? Вы думаете я боюсь смерти принца? Я ему простила и зла не желаю! Но главное, чего я не хочу, чтобы онъ погибъ отъ вашей руки. Это было бы ужасно...

— Я не понимаю васъ.

— Вы не понимаете? Мари, онъ не понимаетъ! Что же со мной будетъ, если одинъ изъ васъ будетъ убитъ? Или я потеряю единственнаго друга, защитника, или я должна буду на вѣки разстаться съ человѣкомъ, который сдѣлаетъ меня вдовой! Вотъ почему я не хочу вашей дуэли! Понимаете?...

Молодая женщина была внѣ себя отъ ужаса и страха и только повторяла нѣжно, горячо: — Понимаете? Теперь понимаете?

Марсель схватилъ ея руки, покрывалъ ихъ поцѣлуями и, опустившись на колѣни, говорилъ:

— Понимаю, Джэнь, понимаю и чувствую себя страшно несчастнымъ... я не долженъ вамъ повиноваться, я не буду васъ достоинъ. Мой стыдъ отразится на васъ. Если вы меня любите,—вѣдь вы любите меня, да, оставьте мнѣ эту увѣренность,—моя честь принадлежитъ вамъ столько-же, сколько и мнѣ.

— А если я отдамъ вамъ свою честь за вашу, Марсель?

Рено вскочилъ и бросился къ молодой женщине, но встрѣтилъ Мари, которая стала

между ними. Принцесса упала въ обморокъ. Они положили ее на диванъ и страшно растерялись оба. Нѣсколько минутъ спустя Джэнь пришла въ себя.

— Джэнь,—прошепталъ Марсель, взявъ ея холодныя руки, но она оттолкнула его.

— Я сходилъ съ ума,—казала она твердымъ голосомъ,—мы оба должны забыть это. Простите меня, господинъ Рено, что не подумавъ, я просила у васъ жертвы, какой не просить у такого человѣка, какъ вы. Я потеряла голову. Вся моя надежда на Бога.

Она протянула ему руку и сказала:

— Прощайте! Прощайте!

Взявъ Мари подъ руку, она пошла къ выходу, Марсель отворилъ дверь, въ это время два человѣка, стоявшіе на площадкѣ у дверей, спросили поклонившись:

— Вы госпожа принцесса де-Саллернъ?

— Да, господа, что вамъ угодно?—сказала Джэнь съ инстинктивнымъ испугомъ.

— А вы господинъ Рено?—спросилъ тотъ же человѣкъ у Рено, который стоялъ на порогѣ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на нихъ.

— А вамъ какое дѣло до моего имени?—спросилъ онъ сухо. — По какому праву вы осмѣливаетесь заговаривать съ этой дамой?

— Намъ поручено сѣдѣть за принцессой, и мы свидѣтельствуемъ, что сегодня утромъ она провела около часу у васъ въ квартирѣ, гдѣ были одни, даже безъ прислуги.

Джэнь крикнула. Слово разводъ звучало въ ея ушахъ похороннымъ звономъ. Марсель понялъ ея испугъ и возразилъ:

— Надѣюсь, вы засвидѣствуете также, что принцесса была у меня не одна?

Агентъ не отвѣчалъ и спустился съ лѣстницы.

Рено хотѣлъ успокоить Джэнь, но она сама достаточно оправилась и, казалось, пришла къ какому-то рѣшенію, и протянувъ руку Рено, она ушла.

Садясь въ экипажъ, принцесса дала адресъ своего мужа.

— Ты ѣдешь къ твоему мужу?—спросила Мари съ удивленіемъ.

— Да, къ нему! Есть мужчины, у которыхъ честь выше всего, но есть и такіе, которыхъ легко купить.

— Джэнь!

— Я давно это знаю! У принца весь вопросъ въ цѣнѣ. Я заплачу все, что только могу, лишь-бы не допустить этой проклятой дуэли.

Когда экипажъ остановился, принцесса вышла одна и просила Мари ждать ее въ каретѣ.

— Лучше если я буду говорить одна съ принцемъ, онъ настолько тщеславенъ, что въ присутствіи третьяго лица захочетъ казаться честнымъ человѣкомъ.

Трудно описать тонъ презрѣнія, съ которымъ Джэнь произнесла эти слова. Войдя въ калитку, принцесса спросила Жерома, дома ли принцъ? и получивъ утвердительный отвѣтъ, велѣла позвонить. На подъѣздѣ вышелъ незнакомый лакей.

— Гдѣ я найду вашего господина?

— Въ курительной, сударыня! Какъ прикажете доложить?

— Никакъ! Я принцесса де-Саллернъ!—Молодая женщина быстро прошла черезъ переднюю и отворила дверь въ ту комнату, гдѣ жила, что застанетъ своего мужа.

Въ это самое время въ глубинѣ парка тихо отворилась маленькая калитка и въ нее проскользнулъ какой-то человѣкъ, который, видимо хорошо знакомый съ мѣстностью, на-

правился прямо къ оранжереѣ. Здѣсь онъ прислушался и хотѣлъ войти въ курильную, но вдругъ остановился и проговорилъ: «Она! она!» Спрятавшись за японскія ширмы, онъ сталъ ждать.

Когда Джэнь появилась въ дверяхъ курильной, принцъ грубо вскричалъ:

— Вы, сударыня! Вы здѣсь?

— Да, принцъ, это я,—спокойно отвѣчала Джэнь,—и если позволите, мы не будемъ тратить время на взаимные упреки, а поговоримъ прямо о дѣлахъ.

Принцъ былъ пораженъ, никогда его жена не выказывала столько хладнокровія и твердости, даже лицо ея только слегка поблѣднѣло. Однако, презрительно пожавъ плечами и указавъ ей на кресло, онъ проговорилъ:

— Будемъ говорить о дѣлѣ, которое васъ привело!

— Я прочла въ газетахъ, что вы деретесь сегодня на дуэли,—сказала принцесса, садясь.

— А, вотъ что доставило мнѣ неизяснимое удовольствіе видѣть васъ у себя? Какъ я этого сразу не угадалъ! Вы бонетесь за господина Рено!..

— Я боюсь скандала, разговоровъ, которые эта встрѣча неизбежно вызоветъ! Я берегу ваше имя...

— А за меня вы не бонетесь? Это по крайней мѣрѣ откровенно. Но мое имя не пострадаетъ, если я накажу человѣка, вашего жениха по сердцу, а можетъ быть и больше, который осмѣлился въ Гаврѣ остановить васъ, принцессу де-Саллернъ, и проводить въ го. тиницу, гдѣ въ его принимали.

— Въ саду, въ присутствіи госпожи Бренъ.

— Госпожа Бренъ вообще очень снисходительна! Развѣ черъзъ ея посредство вы не переносились съ вашимъ красавцемъ-секретаремъ?

— Вы прекрасно знаете, что это неправда!

— Мнѣ все равно. Я давно ненавижу господина Рено. Мы встрѣтились съ нимъ на балу, наговорили другъ другу много обиднаго и результатъ—сегодняшній поединокъ. Вотъ и все. Перейдемъ теперь къ дѣлу, которое васъ привело ко мнѣ. Видѣ не ради дуэли вы явились?

— Напротивъ, исключительно ради дуэли. Я прошу васъ отказать отъ нея.

— Вы съ ума сошли? Развѣ господинъ дипломатъ поручилъ вамъ передать мнѣ, что онъ готовъ извиниться?

— Въ эту минуту принцу подали письмо, онъ прочелъ его, искра удовольствія сверкнула въ его глазахъ.

— Хорошо, отвѣта не будетъ,—сказалъ онъ.—Такъ господинъ Рено не поручалъ вамъ говорить со мною объ его извиненіи? — продолжалъ онъ, обращаясь къ своей женѣ.

Принцесса догадалась, что въ письмѣ полученномъ сейчасъ ея мужемъ, заключалось сообщеніе о ея посѣщеніи Марсея.

— Господинъ Рено ничего не поручалъ мнѣ,—твердо отвѣчала она.

— Но видѣ вы у него были сегодня утромъ?

— Была; я надѣялась упросить его отказать отъ поединка.

— А онъ?

— Онъ говоритъ, что вы его такъ сильно оскорбили, что это невозможно.

— На какомъ же основаніи вы просите у меня, вашего мужа, еще болѣе оскорбленнаго, того, что вы не получили отъ... него?

— Потому что съ вами я могу употребить особенное средство.

— Именно?

— Дать вамъ возможность выйти изъ вашихъ финансовыхъ затрудненій.

— То-есть вы хотите купить меня?

Принцъ страшно поблѣднѣлъ, онъ задыхался отъ гнѣва.

— Это не совѣтъ вѣрно,—спокойно отвѣчала принцесса. Я знаю отъ господина Мансиона, что ваши дѣла очень плохи,—откажитесь отъ этого поединка, и господинъ Мансионъ приведетъ ваши дѣла снова въ порядокъ. А отъ меня изъ рукъ въ руки вы получите миллионъ.

Принцъ вскопчилъ. Въ немъ видимо происходила постыдная борьба между нуждой въ деньгахъ и гордостью дворянина. Принцесса со страхомъ слѣдила за нимъ.

— Нѣтъ!—вскричалъ онъ, остановясь передъ нею.—Мнѣ нужно еще другое!

— Если возможно...

— Я требую развода.

— Никогда!

— На этотъ разъ я получу разводъ. Сегодня утромъ вы провели цѣлый часъ въ квартирѣ господина Рено. Полицейскій инспекторъ, которому было поручено слѣдить за вами, сейчасъ донесъ мнѣ это.

— Я не отрицаю этого посѣщенія. Я была съ госпожею Бренъ.

— Да! Неразлучная охранительница! Судь оцѣнить ея свисходительность!

— Госпожа Бренъ честная женщина, въ это превосходно знаете. Притомъ вы забыли, какую неудачу потерѣла ваша первая просьба о разводѣ, и что мнѣ извѣстна вся изнанка происшествія той ночи!

— Что вы хотите сказать?—принцъ сжалъ кулаки и съ трудомъ удержался, чтобы не броситься на жену.—Почему вы не хотите развода, который освободилъ бы насъ обоихъ?

— Я вамъ говорила: потому что моя религія не допускаетъ этого и потому что я не хочу, чтобы вы какимъ нибудь постыднымъ бракомъ опозорили имя вашего сына!

— Я же на васъ женился?

— О!!

— Вы не хотите отдать мнѣ шесть миллионъ, которое я получу въ случаѣ развода?

— Вы будете получать доходъ съ нихъ.

— Я хочу капиталъ!—и забывшись, онъ бросился на принцессу, которая въ испугѣ закрыла лицо руками.—Я хочу капиталъ и разводъ.

— Нѣтъ,—вскричала Джэнь, гордо поднимая голову,—вы можете убить меня, но разводъ вы не получите.

Принцъ готовъ былъ задушить свою жену.

— Уходите!—закричалъ онъ,—сегодня вы будете плакать кровавыми слезами, я убью вашего Марсея, вашего любовника! А затѣмъ получу разводъ и шесть миллионъ.

— Моего...? О, подлый человѣкъ!—вскричала принцесса,—вы осмѣливаетесь? Мать вашихъ дѣтей!..

— Уходите! Уходите!—и онъ снова готовъ былъ на нее броситься.

Джэнь гнѣвно отворила дверь и вышла, опуская вуаль на лицо, чтобы не дать прислугѣ замѣтить своего горя.

— Да, я его убью, этого господина Рено! А затѣмъ разводъ и шесть миллионъ,—крикнулъ онъ ей вслѣдъ.

Но едва онъ произнесъ эти слова, какъ съ угасомъ отступилъ въ глубь комнаты: передъ нимъ стоялъ Арманъ де-Марга, который былъ свидѣтелемъ всей сцены.

— Вы ошибаетесь, Робертъ де-Саллернъ,—сказалъ онъ,—вы не будете драться съ господиномъ Рено, вы не получите ни развода, ни шести миллионъ!

— Что вамъ угодно? Какъ вы сюда попали?—спросилъ мужъ Джэнь, поблѣднѣвъ.

— При помощи вашего ключа, который вы мнѣ дали, чтобы я въ качествѣ любовника прошелъ къ вашей женѣ,—помните, когда вы меня убить хотѣли!—Сегодня я явился сюда защитникомъ принцессы де-Саллернъ. Повторяю, вы не будете драться съ господиномъ Рено потому, что я васъ убью.

Принцъ въ ужасѣ растерялся, хотѣлъ крикнуть, но Арманъ поднялъ револьверъ и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ него два раза. Принцъ де-Саллернъ упалъ. Убѣдившись, что его жертва дѣйствительно убита, баронъ вынулъ изъ кармана большой запечатанный конвертъ, адресованный на имя принцессы, положилъ его на виду, сѣлъ въ кресло и проглотилъ содержимое маленькаго флакончика. Черезъ минуту въ курильную вбѣжали люди, услышавшіе выстрѣлы. Принцъ былъ уже мертвъ, а Марга, котораго Жеромъ узналъ и назвалъ, проговорилъ умирающимъ голосомъ:

— Да, Жеромъ, баронъ де-Марга... Я убилъ принца... тамъ, на столѣ... письмо принцессы... Отнесите ей сами...—Это были его послѣднія слова, онъ откинулся назадъ и застылъ.

Минутъ десять спустя полиція уже была въ домѣ и составляла протоколъ. Часа черезъ два явился прокуроръ, допросилъ прислугу, особенно Джемса и Жерома, которые не могли понять, какими судьбами прошелъ въ домъ де-Марга, гдѣмъ наложить печати, убрать тѣла. Де-Саллернъ положили тутъ-же въ домѣ, а де-Марга отправили на его квартиру.

Въ письмѣ, адресованномъ Джэнь, Арманъ повторялъ исторію своего ночного посѣщенія, говорилъ о своемъ желаніи отмстить принцу и тѣмъ искупить свою вину передъ Джэнь и Марселемъ, такъ какъ участвовалъ въ заговорѣ, разлучившемъ ихъ, и о которомъ принцъ очень хорошо зналъ,—прибавлялъ онъ.

Несчастная Джэнь прочла это письмо и ничего не понимала, ей представлялась какая-то кровавая галлюцинація. Мари напрасно старалась ее успокоить. Въ это время доложили, что господинъ Вернеръ, прокуроръ республики, желаетъ видѣть принцессу.

— О! Боже мой!—сказала она въ ужасѣ,—теперь допросы, шумъ, скандалъ и имя моего сына будетъ обезчещено. Да, да,—продолжала она, подумавъ,—для спасенія дѣтей отъ стыда матери имѣютъ право лгать. Спрятавъ письмо, она сдѣлала Мари знакъ молчать и велѣла просить прокурора, который, войдя, почтительно ей поклонился и сказалъ:

— Простите меня, принцесса, что я вынужденъ беспокоить васъ въ такую печальную для васъ минуту. Но я обязанъ раскрыть истину. Принцъ убить сейчасъ послѣ свиданія съ вами и кажется, будто это убійство было вызвано этимъ свиданіемъ. Присутствовалъ при немъ господинъ де-Марга или нѣтъ?

— Я дѣйствительно была сегодня у принца де-Саллернъ,—отвѣчала Джэнь, собравшись съ духомъ и довольно твердымъ голосомъ.—Я узнала изъ газетъ о предлагаемомъ поединкѣ и считала своею обязанностью просить принца отказать отъ него. Но принцъ не хотѣлъ даже слушать меня. Убѣдившись,

что всё мои доводы бесполезны, я ушла; онъ былъ очень раздраженъ, но былъ совершенно одинъ, я не понимаю даже, какъ попалъ къ нему господинъ де-Марга.

— Позвольте еще одинъ вопросъ: принцъ де-Саллернъ, раздраженный вашей просьбой, не позволилъ себѣ никакого насилія относительно васъ, никакой угрозы?

— Ничего подобнаго, господинъ прокуроръ, — онъ былъ на это неспособенъ! Принцъ де-Саллернъ!.. Отецъ моихъ дѣтей!.. — Джэнь разрыдалась.

Понимая, что принцесса ничего не знаетъ и что онъ только напрасно будетъ настаивать, Вернеръ сказалъ ей нѣсколько сочувственныхъ словъ и ушелъ.

Принца похоронили съ большою пышностью. На другой день послѣ его похоронъ молодая женщина въ глубокомъ траурѣ, съ дѣтьми, молилась на его могилѣ.

Черезъ недѣлю Марсель уѣхалъ въ Вашингтонъ, онъ не пытался передъ отъѣздомъ видѣться съ принцессой, а написалъ ей нѣсколько словъ на прощаніе. Когда онъ сѣлся на пароходъ, ему подали телеграмму, въ ней стояло только два слова: «До свиданія». — Джэнь».

Спустя два года Джэнь обвѣнчалась съ Марселемъ и жила въ Вашингтонѣ. Самыя бросилъ всё дѣла и поселился подлѣ своей дорогой Джэвочки. Гаррисъ часто навѣщалъ свою дочь, онъ очень любилъ одинъ гулять со своими внучатами, причемъ вешемѣнно называлъ ихъ: «дорогой принцъ, дорогая принцесса». Джэнь простила миссисъ Дерсонъ всё свои огорченія, а та еще разъ перемѣнила религію и перешла въ католичество.

К О Н Е Ц Ъ .

КЪ РИСУНКАМЪ.

Чтеніе псалтыря. Рисовалъ художникъ *Д. Ратъ*.

Безпросвѣтна и тяжка жизнь бѣдныхъ людей, въ непрерывной заботѣ, въ мѣлкой нуждѣ и въ крупныхъ лишенияхъ. Такою нуждой, такимъ дыханіемъ нищеты ищетъ отъ всей бѣдной коморки, гдѣ сидятъ дряхлая бабушка и грюшка-внучка, которыхъ такъ живо изобразилъ художникъ на своей дышащей правдой картинѣ. Скучная утварь въ углу и на столѣ показываетъ, что все лишнее давно продано, давно заложено. Но, видно, обитатели бѣдной лачуги не теряютъ еще надежды, не впадаютъ въ полное уныніе и печаль. У бѣдныхъ есть высшее, ненарушимое, всегдашнее утѣшеніе — это вѣра. Сладкія, утѣшительныя слова молитвы проливаютъ цѣлительный бальзамъ въ измученную невзгодами душу. И вотъ въ этотъ печальный сумрачный день, въ этой темной и низкой бѣдной коморкѣ раздаются святые слова. Старушка-бабушка, которая всю свою жизнь почернала въ этихъ словахъ силу на борьбу и на терпѣливую надежду, старается передать и внучкѣ всю свою вѣру. Дрожащимъ благоговѣйнымъ голосомъ читаетъ она по дорогой заветной книгѣ, и что-то высшее, что-то неземное вѣетъ по всему бѣдному жилищу. И, видимо, эти полныя высокаго значенія слова проникаютъ въ душу малютки. Ея умное личико не по-дѣтски серьезно, она вся какъ будто замерла на мѣстѣ въ трогательномъ грустномъ вниманіи.

Бурлаки на Волгѣ. Съ картины профессора *И. Е. Рѣпина*.

Этотъ художественный перлъ мощной кисти И. Е. Рѣпина пользуется громкой извѣстностью. Волгаматюшка когда живописной красоты, но и часто встрѣчаются на ней печальныя, даже мрачныя картины, производящія тяжелое впечатлѣніе, бросающія черную тѣнь на прекрасные берега Волги. И. Е. Рѣпинъ создалъ чудные, тонко выхваченные прямо изъ жизни своеобразные типы бурлаковъ. Это въ то-же время и типы всякаго измученнаго непосильною работою русскаго рабочаго. Осмыслите этого бурлака золой и закончите дымомъ — и, передъ вами кочегаръ,

облывающійся потомъ передъ раскаленной топкой. Мѣрными шагами бредутъ бурлаки, впряженные въ лямку, по сыпучему, песчаному берегу. Страшно взглянуть на эти потерявшія всякое осмысленное выраженіе лица. Это люди, превратившіеся въ какихъ-то животныхъ отъ непосильной работы, отъ крайней усталости. Скрипя, тянется тяжелая барка, и словно вѣбѣтъ съ нею трещать молодецкія, натрудившіяся груди... «То бурлаки плутъ бичевой...» — сказала поэтъ. И. Е. Рѣпинъ уловилъ эти тяжелыя сцены, которыхъ къ счастью теперь остается все меньше и меньше...

Подписчики нашего журнала могутъ получить эту картину, прекрасно исполненную въ 18 красокъ (Размѣръ картины: длина 22 вершк., ширина 14 вершк.).

Аеонъ при лунномъ освѣщеніи. Съ новой картины профессора *Ю. Ю. Клевера*.

Что-то волшебное, величаво-прекрасное, доступное только по описанію для кисти художника, представляетъ собою древняя гора Аеонъ, озаренная голубымъ сіяніемъ мѣсяца. Живописными уступами поднимается эта гора отъ пѣнистой поверхности воды, отъ грядъ быстро-бѣгущихъ волнъ, съ жемчужной, сверкающей каймой. Густая растительность богатаго гористаго берега одѣваетъ всё склоны и выступы шумящею темною листвою, на которой играютъ мягкіе перемены луны. Аеонъ, мѣсто дрогою сердцу каждаго христианина... Сколько монастырей, русскихъ и греческихъ, ютится на этой горѣ!.. Историческое прошлое горы Аеона и всего полуострова Аеона очень интересно. Еще корабли Ксеркса приставали къ его берегамъ и терпѣли гибельные удары вѣтровъ. На Аеонѣ стоялъ по временамъ древній Греціи храмъ Зевса, называемаго по имени полуострова. Христианство давно уже избрало это уединенное мѣсто своимъ убожищемъ. Еще въ 880 году былъ основанъ на горѣ Аеонъ первый монастырь, и эти твердыни вѣры христіанской умножались до 1385 года. Всѣхъ большихъ монастырей на Аеонѣ около двадцати, кромѣ того, тамъ масса монашескихъ скитовъ или обществъ и пустынножителействующихъ монаховъ. Нѣкоторые монастыри очень крѣпко защищены стѣнами. Въ Аеонскихъ монастырскихъ обществахъ царствуетъ строгая дисциплина, настоятели пользуются неограниченною властію и глубокимъ уваженіемъ. Масса пожертвованій стекается отъ вѣрующихъ въ аеонскіе монастыри, всего болѣе изъ нашей православной мѣтупки-Ро сіи. Гора Аеонъ, которую итальянцы называютъ «Monte Santo», Святая Гора, достигаетъ вышины 1935 метровъ. Много паломниковъ посѣщаютъ эту святую гору, гдѣ уже такъ давно теплится неугасаемый свѣтъ вѣры христіанской.

Картина Ю. Ю. Клевера, отпечатанная въ 20 краскахъ, представляетъ собою тоже одно изъ художественныхъ изданій, предназначенная для подписчиковъ журнала «Живописное Обозрѣніе» (Размѣръ картины: длина 22 вершк., ширина 16 вершк.).

Альмэ. Съ картины художника *К. Зихеля*.

Вотъ одна изъ восточныхъ красавицъ, такъ чудно изображенныхъ ловкою охотною кистью художника Зихеля. Боть любимца муромскаго бей или султана, въ та-емъ котораго она цвѣтетъ, роскошно и величаво, какъ великолѣпный тропическій цвѣтокъ. Ярко-красныя, полныя губы ея созданы для поцѣлуевъ и для сладкихъ пѣсенъ. Глубокіе черные глаза дышатъ невозмутимой нѣгой, привычной страстью, вѣчнымъ пламенемъ востока. Длинная, мягкая ткань восточной одежды покойно облегаетъ пышный станъ восточной красавицы. Въ голыхъ краяхъ ея рукахъ ея большая арфа, мелодичныя струны которой издаютъ нѣжныя аккорды. Около альмэ дымятся жаровня съ углями и ароматными куреньями. Сейчасъ красавица, для услажденія слуха своего повелителя запоетъ пѣсню, потомъ, увлекшись, и развеселившись, быстрѣе газели вскочитъ съ ковра и начнетъ, по выраженію одного поэта «граціозно-медлительный танецъ»...

«Въ добрый путь!» Съ картины художника *Г. Монтегаю*.

Премиленькую сценку представляетъ это стадо гогоучихъ гусей, ихъ шаловливый пастухъ и хладнокровный большой пѣсѣ, ихъ товарищъ. Въ большой лужѣ около полати желѣзной дороги, подоскалось гусиное стадо и чувствовало себя счастливейшими птицами въ мірѣ. Пѣсѣ, гогоучи и пастухъ смѣшались одно другимъ. Мальчишка-пастухъ валился на травѣ и дремалъ, вѣбѣтъ съ собакой. Но вдругъ неожиданный случай нарушилъ эту мирную идиллію. На полатѣ, гремя, звеня, грохоча и дымя, показался поѣздъ и полетѣлъ все ближе, ближе... Съ испуганнымъ крикомъ вскочили изъ воды гуси и побѣжали спасаться на берегъ. Мальчишка-же это неожиданное развлеченіе привело въ во-

сторгъ: онъ вскакивалъ, какъ ужасенный, заплясавъ по травѣ, мсхаетъ шапкой и кричитъ вагонамъ: «Добрый путь!». Поѣздъ, не обращая, конечно, вниманія на непрошенныя привѣтствія, летитъ себѣ своей дорогой. Одна собака осталась спокойна и флегматично сидитъ за дымящимся поѣздомъ.

Передъ ученіемъ. Съ картины художника *Г. Ксортелла*.

Раздалась рѣзкая повелительная команда фельдфебелей и офицеровъ, и стройные ряды солдатъ начали вытѣгиваться въ походный порядокъ. Наступаетъ хлопотливое, тяжелое время лагернаго сбора: марши, маневры, усиленные переходы. Не особенно приятно солдатамъ разставаться съ теплой казармой, съ знакомыми въ городѣ... А нѣкоторыхъ печалитъ и другая причина: въ городѣ остается ихъ сердце, отданное какой-нибудь красоткѣ. Вотъ одинъ молодой солдатъ въ темномъ коридорѣ прощается со своей возлюбленной, которая посиѣла-таки прокрасться на дворъ казармы, чтобы проститься со своимъ милымъ. Торопясь и горяча прощальный поцѣлуй. Когда-то свидимся? — вздыхаютъ оба они. Но все сильнѣй гремитъ барабанъ, всё уже на мѣстахъ...

Въ горахъ Кавказа. Съ картины художника *М. Красникова*.

«Чуденъ и грозенъ Кавказъ;
Трудною, горной дорогой
Путникъ проходитъ съ тревогой,
Слушая вѣтра разсказъ».

Плещетъ подъ мостикомъ горнымъ
Бурный, рокошачій валъ;
Валится быстрый обвалъ
Съ выси, чудовищемъ чернымъ...

А далеко въ небесахъ,
Тамъ, гдѣ гуляютъ туманы,
Горы стоятъ — великаны
Въ дѣвственныхъ, бѣлыхъ снѣгахъ...

КЪ ПОРТРЕТУ.

Архіепископъ Савва. Тринадцатаго октября скончался преосвященный Савва, архіепископъ тверской и кашинскій, докторъ церковной исторіи, старѣйшій изъ русскихъ архіепископовъ. Родился преосвященный 15-го мая 1819 года. Первоначальное образованіе получалъ въ швейцарскомъ духовномъ училищѣ, среднее — во владимірской семинаріи. Въ продолженіе почти двухъ лѣтъ заимъ онъ (съ 1842 года) былъ священникомъ при муромскомъ соорѣ и учителемъ 1-го класса духовнаго училища. Смерть сына и супруги побудила молодого священника въ 1845 году поступить въ московскую духовную академію, въ которой онъ окончилъ курсъ магистромъ, 1850 года. Въ академіи отецъ Іоаннъ Тихомировъ принялъ и монашество, съ именемъ Саввы. По избраніи московскій митрополитомъ Филаретъ, іеромонахъ Савва назначенъ былъ ризничимъ въ московскую синодальную (бывшую патриаршую) ризницу. Здѣсь онъ выдвинулся своимъ замѣчательнымъ трудомъ: «Указатель для обозрѣнія московской патриаршей (синодальной) ризницы и библиотеки», который удостоенъ былъ академіей наукъ демидовской преміи. Вскорѣ ризничій Савва возведенъ былъ въ санъ архимандрита — званіе, котораго до него никто изъ ризничихъ не имѣлъ. Въ 1859 г., архимандритъ Савва опредѣленъ былъ ректоромъ московской духовной семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ, а потомъ назначенъ былъ и ректоромъ московской духовной академіи. Въ концѣ 1862 г. возведенъ въ санъ епископа — викарія московскій митрополитъ; въ 1866 г. назначенъ на самостоятельную архіерейскую кафедру въ Вятскъ; въ 1874 году перемѣненъ въ Харьковъ, гдѣ не мало помогалъ бѣдствующимъ славянамъ Балканскаго полуострова. Въ 1879 г. епископъ Савва переведенъ былъ въ Тверь. Изъ числа ученыхъ трудовъ преосвященнаго, за которые онъ получалъ въ 1894 году степень доктора церковной исторіи, — назовемъ слѣдующіе: «Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей московской синодальной библиотеки VI—XVII вѣка», «Письма московскаго митрополита Филарета къ покойному архіепископу тверскому Арсенію, 1843—67 годовъ», «Собраніе мѣстныхъ и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, по учебнымъ и церковно-общественнымъ вопросамъ», «Письма Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго къ Высочайшимъ Особямъ и разнымъ другимъ лицамъ», «Воспоминанія о высокопреосвященномъ Леонидѣ, архіепископѣ ярославскомъ и ростъ вскомъ».

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Франція.—15-го (27-го) октября произошло первое засѣданіе нынѣшней, осенней ординарной законодательной сессіи обѣих палатъ французскаго парламента, причемъ, какъ и слѣдовало ожидать, занятія начались великолѣпной манифестаціей въ честь Ихъ Императорскихъ Величествъ и Россіи. По прочтеніи первымъ министромъ декрета республики, созывающаго парламентъ въ 15 (27) октября на ординарную сессію, председатель палаты депутатовъ г. Бриссонъ взошелъ на трибуну и прочелъ громкогласно извѣстную телеграмму, адресованную Его Величествомъ президенту республики при переездѣ изъ французскихъ границъ въ нѣмечкія. По прочтеніи этой депеши, г. Бриссонъ обратился къ депутатамъ съ краткой, но знаменательной рѣчью. Взрывъ оглушительныхъ и восторженныхъ рукоплесканій, трижды повторившійся, покрылъ слова президента палаты.

— 18-го (30-го) октября. Министръ колоній получилъ отъ генерала Галлиени телеграмму изъ Портъ-Луи отъ 18-го (30-го) октября съ донесеніемъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ Райна-дриямантанри и принцъ Ратсимананга, будучи уличены въ сообщничествѣ съ мятежниками, были приговорены къ смертной казни и что приговоръ уже приведенъ въ исполненіе въ Тананаривѣ. Первый министръ Райна-самбасари вышелъ въ отставку и никто на его мѣсто назначенъ не будетъ.

Италія.—17-го (29-го) октября, вечеромъ, въ театрѣ «Argentina» въ Римѣ состоялся, какъ извѣстно, спектакль-гала, данный городомъ Римомъ въ честь королевской семьи и принца и принцессы Неаполитанскихъ. Король, королева, принцъ и принцесса Неаполитанскіе и князь Николай черногорскій прибыли, въ одиннадцать часовъ, ко второму акту «Пуританъ». Оркестръ исполнилъ итальянскій національный гимнъ, выслушанный всѣми стоя. Высокіе гости прослушали затѣмъ второй и третій акты и въ три четверти перваго покинули залъ. На слѣдующій день принцъ Неаполитанскій съ принцессой, бывшей княжной Еленой, отбыли въ Флоренцію; князь Николай и его сынъ Мирко—въ Цетинье, и король и королева съ королевой португальской Маріей-Шіей и герцогомъ Опорскимъ—въ Монцу.

Румынія.—На парадномъ обѣдѣ король Карлъ провозгласилъ тостъ въ честь сербскаго короля, причемъ восхвалялъ существующія между Сербіей и Румыніей отношенія, пожелалъ королю Александру и сербскому народу счастья и благоденствія и благодарилъ за визитъ. Король Александръ благо-

Провидѣніе да благословитъ народъ въ дальнѣйшемъ его стремленіи къ умственному и матеріальному прогрессу и да дастъ ему пользоваться плодами этого стремленія подѣ охраной внѣшняго и внутренняго міра».

— 16-го (28-го) октября начались выборы въ палату депутатовъ. По сіе время извѣстны результаты выборовъ въ 38 округахъ; избраны 34 либерала, 2 члена національной партіи, 1 членъ фракціи аграріевъ, 1 лицо ни къ какой партіи не принадлежащее. Банфи избранъ единогласно въ Силаги-Сомлю, Деизидерій Стилаги, также единогласно, въ Прессбургъ.

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ САВВА.

(Скончался 13-го октября 1896 г.).

дарилъ и выразилъ согласное своимъ желаніямъ убѣжденіе, что традиціонныя, основанныя на искренней дружбѣ и общности интересовъ отношенія между обоими государствами станутъ впредь еще болѣе прочными и сердечными.

Австро-Венгрія.—16-го (28-го) октября опубликованъ рескриптъ императора къ Банфи съ выраженіемъ радости по поводу величественнаго теченія торжествъ въ честь тысячелѣтія Венгріи и съ указаніемъ на политическій прогрессъ, умственное и матеріальное развитіе народа со времени существованія Венгріи. «Восторженный патриотизмъ, вѣрность и преданность монарху,—сказано въ рескриптѣ, служатъ гарантіей для будущаго тысячелѣтія.

Англія.—15-го (27-го) октября статсъ-секретарь по военнымъ дѣламъ Лансдаунъ произнесъ рѣчь, въ которой высказался противъ одиночныхъ дѣйствій со стороны Англіи, направленныхъ къ испроверженію султана. Если Англія станетъ держаться такой политики приключеній, то военный бюджетъ достигнетъ очень крупной цифры и придется поставить вопросъ объ обязательной военной службѣ. Правительство довѣряетъ европейскому концерту, который, безъ сомнѣнія, сумѣетъ рѣшить возложенную на него задачу.

Турція.—Послы заявили, что данныя турецкимъ правительствомъ объясненія относительно проектированнаго денежнаго сбора для приобрѣтенія оружія ихъ не удовлетворили, вслѣдствіе чего проектъ, повидимому, оставленъ. Ходящіе по городу слухи продолжаютъ тревожить публику, но въ дипломатическихъ кругахъ сомнѣваются въ серьезности армянскихъ заговоровъ.

— 16-го (28-го) октября послы возбудили передъ Портой протестъ противъ двухъ турецкихъ делегатовъ въ комиссіи по преобразованію жандармеріи на о. Критѣ, такъ какъ лица эти облечены слишкомъ низкимъ чиномъ и не владѣютъ французскимъ языкомъ. Послами выражено желаніе, чтобы эти два лица были замѣнены другими.

Абиссинія.—Инженеръ Ильгъ изъ Адис-Абаба отъ 12-го (24-го) сентября сообщаетъ, что мирные переговоры съ Менеликомъ идутъ успѣшно и заключеніе ихъ зависить отъ Италіи; что захватъ парохода «Doelwusk» вызвалъ временное неудовольствіе и что миссія епископа Макарія оказала неблагоприятное дѣйствіе, такъ какъ абиссинское духовенство негодуетъ на внимательство папы.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

19-го октября, въ 7 часовъ вечера, по варшавской желѣзной дорогѣ прибыли въ Гатчину изъ заграницы Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ Ихъ Императорскими Высочествами Великою Княжною Ольгою Николаевною, Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ и Великою Княгинею Елизаветою Ѳеодоровною. Сопровождали Ихъ Величества генералъ-адъютанты Рихтеръ и Гессе.

— 15-го октября, въ 7 часовъ вечера, прибыла въ Батумъ изъ Абастумана Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна съ августѣйшими дѣтьми: Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ и Великою Княжною Ольгою Александровною. Государыню Императрицу сопровождали: Великій Князь Николай Михайловичъ, помощникъ главноначальствующаго графъ Татищевъ, кутаисскій губернаторъ Шаликовъ; тифлиссскій губернаторъ князь Шервашидзе.

— Дума въ Екатеринославѣ постановила, въ ознаменованіе исполнившагося 6-го ноября столѣтія со дня смерти Императрицы Екатерины II, созвать въ тотъ день торжественное засѣданіе думы; выразить Государю Императору вѣрноподданническія чувства; устроить обѣдъ для бѣдныхъ и улучшить пищу въ тюрьмахъ; наименовать Екатеринбургскими городскую женскую гимназію и одну городскую стипендію; просить о наименованіи Екатеринбургскимъ горнаго учебнаго заведенія.

— При департаментѣ торговли и мануфактуръ въ ноябрѣ созывается совѣщаніе для обсужденія вопроса о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ дѣйствующемъ объ артеляхъ законодательствѣ.

— Экспонентами рыболовнаго и рыбодовнаго отдѣла всероссийской выставки собранъ капиталъ, который долженъ составить основной фондъ для устройства школы рыболовства и рыбодовства. Школа будетъ открыта подл Петербургомъ.

— Нѣсколько агентовъ иностранныхъ промышленныхъ фирмъ намѣрены сдѣлать предложеніе почтовому вѣдомству уплачивать ему ежегодно 100,000 руб. за дозволеніе дѣлать свои публикаціи на почтовыхъ маркахъ и на телеграфныхъ бланкахъ.

НОВОСТИ ИСКУССТВА.

Среди служащихъ на юго-западныхъ жел. дор., какъ извѣстно, возникла мысль воздвигнуть памятникъ Императору Александру III на берегу рѣки Тетерева. Памятникъ представляетъ собою стройный обелискъ, установленный на квадратномъ пьедесталѣ, отъ цоколя котораго расположены на четыре стороны наклонныя уступы, въ видѣ ступеней, окруженныхъ землянымъ пандусомъ (pente-douce) для травниковъ, съ изображеніемъ ковровыми-растеніями государственнаго герба, а также герба волынской губерніи (въ районѣ которой будетъ сооруженъ памятникъ), и буквъ ю.-з. ж. д. На лицевой сторонѣ пьедестала вмѣстѣ надпись золочеными буквами: «Императору Александру III». На щекахъ пьедестала помѣщены золоченые вензеля $\frac{A}{M}$ подл Императорскою короною, а на задней сторонѣ пьедестала будетъ надпись: «сооруженъ служащими на юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ въ память про-

гулки и отдохновенія Государя Императора съ Августѣйшимъ Его Семействомъ (годъ, мѣсяцъ и число)».

— Парижская газета «Temps» издаетъ, подл названіемъ «Шербургъ, Парижъ, Тулонъ», альбомъ въ память пребыванія Ихъ Величествъ во Франціи. Вотъ слова «Temps»:

«Въ непродолжительномъ времени мы будемъ имѣть возможность предложить нашимъ читателямъ прекрасную книгу, гдѣ будутъ описаны эпизоды визита, сдѣланнаго Франціи Императоромъ и Императрицею Всероссійскими, и празднества. Изъ художниковъ въ альбомѣ участвуютъ: гг. Ренуаръ, Вьержъ и Луиджи Луаръ, Боррель, Муша, Э. Рошэ, Беро; гг. Шаплэнъ, Роти, Клеренъ, Жервексъ и гг. Жамбонъ, Шмиттъ, Седиль, Селлье де-Жизоръ.

— Московская итальянская колонія готовитъ для поднесенія высокопоставленной члѣ итальянскаго королевскаго дома серебряно-вызолоченное блюдо чеканной работы. Блюдо сдѣлано въ древне-русскомъ стилѣ и украшено видами московскихъ достопримѣчательностей.

— Въ залахъ академіи наукъ съ 15-го ноября по 15-е декабря открывается выставка картинъ голландскихъ художниковъ. На выставкѣ будетъ экспонировано свыше 120 картинъ различной величины. Благодаря содѣйствію нидерландскаго посланника въ Петербургѣ, голландцамъ разрѣшена безплатная доставка на выставку своихъ экспонатовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Природа. пчелы и пчеловоды на сѣверномъ Кавказѣ. Н. К. Кабардинъ. Ц. 1 р.

Г. Кабардинъ знаетъ и любитъ свое дѣло и это заставляетъ его часто принимать горячій тонъ, пронализировать и даже полемизировать со своими антагонистами. Это, конечно, совѣтъ не дѣлать книгъ, должностующей представлять собою учебникъ по пчеловодству. Но серьезные главы книги, напр.—«Пчеловодство и пчеловоды въ глубокую старину» и затѣмъ точное изложіе всѣхъ удачъ и неудачъ, успѣховъ и неуспѣховъ пчеловодства на сѣверномъ Кавказѣ—эти мѣста придаютъ трудъ г. Кабардина много вѣса. Заключительная статейка о свойствахъ меда, о его цѣлбныхъ свойствахъ—тоже очень интересна. Въ концѣ приложена таблица посѣтителей пасѣки г. Кабардина.

Руководство-справочникъ для чиновъ волостной и уѣздной полиціи и судебныхъ приставовъ. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Л. З-скій, судебный приставъ острожскаго окружнаго суда, составивъ названное руководство, оказалъ большую помощь должностнымъ лицамъ, приходящимъ въ исполненіе рѣшенія и опредѣленія земскихъ начальниковъ и друг. городскихъ и уѣздныхъ властей. Тутъ вкратцѣ, но ясно и толково изложены, между прочимъ, правила объ арестѣ и продажѣ движимостей и недвижимостей, правила охраненія насѣдственныхъ имуществъ, взысканій, оцѣнокъ... Словомъ, это руководство должно замѣнить при разбѣдахъ по должностнымъ занятіямъ нѣсколько толстыхъ томовъ. Такова задача составителя.

НЕКРОЛОГЪ.

В. О. Португаловъ.—Телеграфъ извѣстилъ изъ Самары о смерти Веніамина Осиповича Португалова, скончавшагося 20-го октября отъ грудной жабы. Покойный принадлежалъ къ числу извѣстныхъ врачей-публицистовъ, горячо ратовавшихъ на страницахъ періодическихъ изданій за необходимость улучшенія врачебнаго дѣла въ Россіи. Его популярныя очерки-статьи печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а также покойный много работалъ и въ «Живописномъ Обозрѣніи».

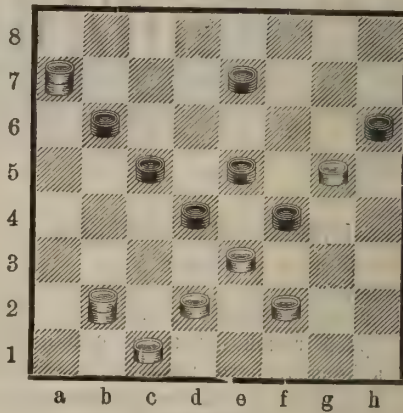
ШАШКИ.

Подл редакціею В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 31.

А. С. Егорова (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть простую.

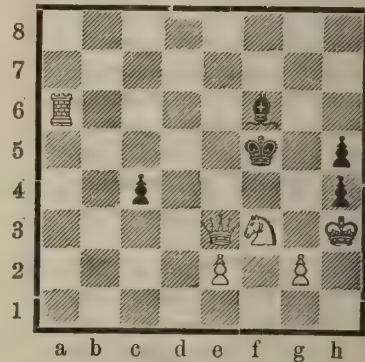
Между В. И. Шошинымъ (СПб.) и А. А. Овдовымъ (Екатеринбургъ) начался матч по перепискѣ изъ шести одновременныхъ шашечныхъ партій. Паря 25 рублей.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 32.

С. Циммермана (въ Мл. Болеслава).

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 3 хода.

На международномъ шахматномъ турнирѣ въ Була-Пештѣ, окончи шемся 9-го (21-го) октября, призы получили: 1-й — М. И. Чигоринъ, 2-й — Р. Харузенъ, 3-й — Г. Пильсберъ, 4-й — 5-й раздѣлили К. Шлегель и Д. Яновскій и 6-й — К. Вальбродтъ и С. Винаверъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Маленькіе люди въ Южной Америкѣ.—Одинъ американецъ, жившій по торговымъ дѣламъ въ Гуайанѣ, пишетъ въ еженедѣльную газету въ Нью-Йоркѣ «Наука», что онъ наткнулся на дѣлныя деревни, заселенныя карликами. Эти люди едва достигаютъ двухъ аршиннаго роста и имѣютъ блестящій красновато-желтый цвѣтъ лица. Американскій купецъ предполагаетъ, что это племя родомъ изъ Ориноко и достаточно многочисленно, чтобы дать возможность рѣшить въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о существованіи въ Южной Америкѣ народа-карликовъ. Еще Гумбольдтъ упоминаетъ о племени карликовъ, но сомнѣвается въ его дѣйствительномъ существованіи.

Броненосцы въ средніе вѣка.—Весьма несправедливо мнѣніе, относящее изобрѣтеніе броненосныхъ кораблей къ послѣднимъ грѣмъ, четыремъ десятилѣтіямъ. Еще орденъ Іоаннитовъ владѣлъ броненоснымъ кораблемъ, который, конечно, существенно отличался отъ нынѣшнихъ военныхъ гигантовъ. Упоминаемый корабль былъ построенъ въ 1530 году и принадлежалъ къ эскадрѣ, посланной имѣ

раторомъ Карломъ V въ Тунисъ. Экспедиціей начальствовалъ знаменитый Андреа Доріа, Тунисъ былъ завоеванъ и побѣдъ много способствовалъ броненосецъ «Санта Анна». На немъ находилось множество пушекъ, многочисленная по тому времени команда въ 300 человекъ, и вообще онъ былъ роскошно отдѣланъ. На кораблѣ была устроена капелла, затѣмъ пекарня, въ которой ежедневно пекли свѣжій хлѣбъ. Но удивительнѣе всего была свинцовая броня, приколоченная металлическими гвоздями къ остоу корабля. Незначительная въ сравненіи съ нынѣшними бронями, она все же защищала корабль отъ дѣйствія выстрѣловъ тогдашнихъ орудій.

Вліяніе телефона на развитіе слуха. Въ Берлинѣ недавно сдѣлано замѣчаніе, что очень многіе берлинцы лучше слышатъ на лѣвое ухо, чѣмъ на правое. Наблюденія за пятнадцать лѣтъ привели къ открытію, что это явленіе съ каждымъ годомъ усиливается. Когда стали доискиваться причины, то оказалось, что острота слуха лѣваго уха зави-

ситъ отъ частаго говоренія по телефону. Обыкновенно слуховая трубка телефона снимается съ крючка лѣвой рукой и приставляется къ лѣвому уху, между тѣмъ какъ правая рука тѣмъ временемъ пишетъ. Постоянное напряженіе изощряетъ слухъ одного уха на столько, что оно слышитъ малѣйшій шорохъ въ телефонѣ. Эти самыя лица, прикладывая правое ухо къ телефону, ничего не слышатъ. Такъ какъ телефонъ имѣетъ такое сильное вліяніе на изощреніе глухихъ нервовъ, не мѣшало бы обратить на это вниманіе и попеременно при слушаніи въ телефонъ пользоваться обоими ушами.

Опасное дерево. Извѣстный норвежскій путешественникъ Карлъ Лумгольдъ, изслѣдовавшій обитателей мексиканскихъ пещеръ, рассказываетъ объ одномъ замѣчательномъ деревѣ, которое онъ встрѣтилъ, проходя по Сьеррѣ Коліентъ. Это такъ называется Palo vno, сокъ котораго такъ ядовитъ, что все тѣло раненаго имъ распухаетъ. Утверждаютъ даже, что люди, отдыхавшіе въ тѣни этого

дерева, даже не дотрогиваясь до него, распухали до безформенности. Къ счастью, отъ этой опухоли можно вылечиться въ теченіе шести или семи дней, покрывъ все тѣло тѣстомъ изъ мансовой муки. Случалось, что болѣзнь продолжалась цѣлые мѣсяцы, если не прибѣгали къ этому средству; являлись раны, и болѣзнь кончалась смертью. На нѣкоторыхъ деревьяхъ такъ сильно вліяетъ, что они заболѣваютъ, проведя въ его близости очень короткое время, между тѣмъ какъ на другихъ оно не оказываетъ никакого вліянія, такъ что они могутъ даже рубить его. У слуги Лумгольда распухло лицо отъ дыма одного полѣна этого дерева, нечаянно попавшаго между остальными дровами. Названное дерево сильно напоминаетъ извѣстное ядовитое дерево уа на островѣ Явѣ. Путешественникъ упоминаетъ еще объ этой кожной болѣзни, свѣдѣствующей между населеніемъ въ юго-западной Мексикѣ. Пораженная этою болѣзнію кожа принимаетъ синий цвѣтъ, который остается до самой смерти и переходитъ даже на дѣтей. Ихъ называютъ *Пинтозъ*, то-есть цвѣтные.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

Издатель С. Е. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обозр.» (Спб., Невскій, д. 68—40) продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“
Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб.

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Невскій пр. № 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-Кур. высыл. безпл.

САМЫЕ БОЛЬШІЕ СКЛАДЫ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ въ РОССИИ
С. ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР. № 3.
О. ІОХИМЪ И К°
МОСКВА
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПРОИЗВЪДЪ
ПОСЛѢДНІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
состоящій изъ 424 СТРАНИЦЪ въ 84 ЛИСТА съ 710 РИСУНКАМИ и ТЕКСТЪ
ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ и ВЫСЫЛАЕТСЯ ПОТРЕБОВАНО по 50 коп. поч. мар.
ВСѢ НОВОСТИ по ФОТОГРАФІИ

ПАМЯТЬ

„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“
(Что такое мнемоника?)
книжка (седьмое изданіе)
профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА и печатныя условія за выучный (пнзмемоническій) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.) высылается за несть 7 коп. мар.; на веле-новой бумагѣ вылетѣ съ условіемъ — за восемь 7 коп. марокъ.
Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогикъ, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерянными ея, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую, и лучшей — у обладающихъ хорошей.
Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, поэты, студенты и тысячи д. у. и въ разныя профессіи, знаній и возраста, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня оцѣнокъ благодарности. (Условія за курсъ безъ вынѣтъ высылается за одну 7 коп. марку).
Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Спб.-вики д. 40) (районъ съ Городецкимъ садомъ) д. Бродскаго № 640, к. 4-5-8, безъ-этажъ.
Профессоръ мнемоники членъ парижской академіи С. Файнштейнъ. № 2298—20.

ФАБРИКА
Музыкальных
инструментовъ
торговаго дома
Андр. Емелѣвичъ
КУЛАКОВЪ.
въ С.-Петербургѣ
Садовая ул. 33.
рекомендуетъ
ГИТАРЫ
солодной ра-
боты и отлич-
наго тона въ
2, 3, 4, 8, 10,
12, 15, 30, 50,
75 руб.
СКРИПКИ
въ 2, 3, 5, 6,
10, 15, 30, 100
рублей.

Юбилейный роскошно иллюстрированный
прейсъ-куррантъ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

Для
подарковъ
30,000 вещей
по 1 руб.
ПРЕДЛАГАЕТЪ
Аничковскій базаръ.
Спб.
Невскій пр. 68.

вырѣжьте
на память
С.-Петербургъ
Одесса
МАРКУСА ЗАКСа
29, Городецкая 29,
у Измайловскаго моста 29.
СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
искусственныхъ БАНДАЖЕЙ НАБ-
РОШНИКОВЪ СУСПЕНЗІОНЪ И др.
ЛѢТЪ ДРУЗЬЯ ПОМОЩЬ СОСТАВЛЯЮТЪ
ВЪЗДЪ УДОБНОСТЕИ
КАБИНЕТЪ
Дача за садомъ въ саду, на лѣв. берегу, сибирскій климатъ

№ 2305—3
ВЫИГРЫШ
нме 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКІРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, Невскій, спб.

Главное депо часовъ
Эд. Вурхардъ.
Спб., Гороховая ул., у
Краснаго моста, № 17.
2) по Невскому пр.,
№ 6, прот. М. Морской.
Большой выборъ все-
возможныхъ часовъ
лучш. фабрикъ по са-
мымъ умѣр. цѣнамъ
Никелевые... отъ 6 р. 5) к. до 15 р.
Стальные (черные)... 10 р. — „ 20 „
Серебряные мужскіе „ „ „ 75 „
дамскіе „ „ „ 12 „ — „ 500 „
Золотые мужскіе... 50 „ — „ 100 „
Золотые дамскіе... 25 „ — „ 100 „
Регуляторы 2-хъ не-
дѣльных... 7 „ — „ 65 „
Будильники... 4 р. 50 к. „ 25 „
Гг. Инородимъ высылку наложеннымъ
платежемъ. Прейсъ-куррантъ высылку
безплатно. Карманные часы сумасшед-
ше 10 р. высылаются почтой на счетъ
иного магазина. № 1229-19

Фирма премирована на европейскихъ
выставкахъ десятию золот. медалями
и высшими знаками.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ
Косметика А. Энглундъ.
Для чистоты и свѣжести лица:
лино остается всегда чистымъ. Цѣна
банки 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к.
Для предупрежденія подблѣнокъ, про-
шу обратитъ вниманіе на подпись
А. Энглундъ красными чернилами и
марку С.-Петербургской Космети-
ческой Лабораторіи. Подучать можно
вездѣ. — Главный складъ для всей
Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ,
Михайловская площ., д. Жербина,
№ 2. 2042-6.

« ПОПРОБУЙТЕ МЫТЬСЯ »
МЫЛОМЪ
ЮМЪ-ЮМЪ
ПАРФЮМЕРА ПЬЕРЪ И ВЪ ДРУГИМЪ МЫЛОМЪ
МЫТЬСЯ НЕ БУДЕТЕ. Цѣна 20 к. за кусокъ.
Получать можно во всѣхъ аптекахъ,
аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.
Складъ въ Харьковѣ, Пассажъ,
у П. УШАНОВА.

Карманный формата въ записномъ ко-
шелькѣ 8 руб., перес. за 3 ф. Большого
формата. въ записномъ футлярѣ съ ре-
лемъ 9 руб., перес. за 4 ф.
«Аргусъ» имѣетъ превосходныя оптиче-
скія качества, одинаково пригоденъ для
военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра,
а потому вполне заслуживаетъ названіе
«Универсальн. бинокля».
Предостереженіе. Въ виду усиленнаго спроса
на наши универс. бинокли «АРГУСЪ» и
«ЛИЛИПУТЪ», возмѣнили дешев., но крайне
плохія подблѣнки; поэтому считаемъ
долгомъ предупредить гг. покупателей,
что настоящ. бинокли нашей фабр. про-
даются въ Россіи исключ. только въ на-
ше указанное складъ

Е. КРАУСЪ и К°
Спеціальная фабрика оптич. инстру-
ментовъ: въ Парижѣ.
Единственный складъ для Россіи
С.-Петербургъ,
Мойка, № 42 (у Палицейскаго моста).
Иллюстр. преісъ-куррантъ высылается за
семи коп. марку. 2409-2

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ ОКОНЧЕНЪ.

Изд. Т-ва А. ГРАНАТЪ и К°. Цѣль изданія — въ сжатомъ на-
ложеніи дать точныя и обстоятельныя свѣдѣнія по каждому пред-
мету знанія, ознакомить съ основными выводами всѣхъ наукъ
и болѣе важными вопросами жизни и тѣмъ содѣйствовать са-
мообразованію и болѣе разностороннему развитію. Въ изданіи
принимали участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. Г. Вино-
градовъ, прив.-доц. П. И. Вознесенскій, М. Я. Герценштейнъ,
В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, прив.-доц. И. Я. Гуляндъ,
Г. А. Джанинъ, Я. Н. Колубовскій, проф. В. Ф. Левинскій,
д-ръ М. Е. Лѣонъ, прив.-доц. И. Л. Лосъ, проф. И. В. Лучиц-
кій, П. И. Милославскій, С. А. Муромцевъ, В. А. Мякотинъ,
проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, В. П. Острогор-
скій, проф. З. Ю. Петри, А. С. Пругавинъ, проф. Э. Л. Рад-
ловъ, А. С. Размадзе, прив.-доц. А. Р. Свищевскій, прив.-доц.
В. Д. Соколовъ, проф. А. С. Таубертъ, маг. М. И. Туганъ Ва-
рановскій, проф. Н. А. Уховъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф.
О. Д. Хвольсонъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. В. Г. Щегловъ
и многіе другіе.

8 томовъ (бол. 11,000 столб., убористой печати), 71,890 статей и замѣтокъ, 1567
портретовъ и рисунковъ, 26 географич. картъ, 150 таблицъ рисунка, и статистич. таблицъ.
Цѣна 38 руб., въ перепл.—42 руб. За пересылку 10 проц. Допускается разсрочка отъ
1 р. 20 к. въ мѣс. ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ съ оцѣнками печати, выдержками
изъ текста и условіями разсрочки высылаются **БЕЗПЛАТНО.** 2445—1.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА
МОСКВА,
Б. Н. КИТАЯ Д. 5.

— БЕСПЛАТНО —

Лицамъ, интересующимся объявленіемъ Берковича въ Одессѣ высылаю брошюру подъ заглавіемъ

КОЕ-ЧТО

ИЗЪ ИСТОРИИ ОДНОГО ИСКУССТВА

БЕСПЛАТНО.

Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Сиповича 405.) д. Ж. О. Бродскаго № 6/405, кв. 4, 5, бель-этажъ.

Профессоръ мнемоники, членъ Парижской Академіи С. Файнштейнъ.

2447 1

НОВОЕ

ФРАНЦУЗСКОЕ

ПЕЧЕНІЕ

С. СІУИКЪ

PETIT BEURRE

МОСКВА

С. СІУИКЪ

ГИТАРЫ въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и др. (отъ 7 р. съ механизмомъ для струнъ).

Школа по 1 р., 1 1/2 р. и 3 руб.

ЦИТРЫ въ 8, 12, 20, 30, 40, 60, 80, 100 и 125 р. Школа самоучитель 2 р. и 3 руб.

МАНДОЛИНЫ въ 8, 15, 22, 30, 50, 75, 100 и 125 р. Школа-самоучитель 2 р.

Иллюстрированный прейсъ-куррантъ бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО и ФАБРИКА

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

С.-Петербургъ, В. Морская, д. 34. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина. Нижегородскіе ярмарки, Главный домъ № 50—60.

== НОВОСТЬ! ==

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.

1896—

НОВѢЙШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ

— 1897.

ПИШУЩАЯ МАШИНА.

РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ

МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.

РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 руб.

Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ СКЛАДЪ

Торговый Домъ *М. Блок*

ГЛАВНАЯ КОНТОРА МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ: С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ и/д.

КАТАЛОГИ БЕСПЛАТНО.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

ОСНОВАННАЯ ВЪ 1810 ГОДУ.

СПБ., Владимирская, № 8,

рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы

РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 700, 600 и 550 рублей.

ПИАНИНО въ 550, 500 и 450 рублей.

Прейсъ-куррантъ высылаютъ БЕЗПЛАТНО.

2453-1.

Изданіа К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 14.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Профессора А. ТРАЧЕВСКАГО.

2 исправл. и расширен. изданіе съ указателями именъ, годовъ и предметовъ, съ 98 рис. 6 картами, 6 планами и 3 распр. картинками.

2 тома VIII+587 и III+637 стр. 1895. Цѣна 8 р., въ изящномъ переплетѣ 9 р. 60 к.

Ограничиваемся замѣчаніемъ, что книга проф. Трачевскаго представляетъ единственное въ своемъ родѣ руководство по русской исторіи, особенно пригодное для лицъ, видящихъ въ исторіи не собраніе пустыхъ анекдотовъ, а науку.

2448-1.

см. Рецензія въ «Живописное Обозрѣніе» 1895 № 39.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ. Профессора А. Трачевскаго.

Изд. 2, съ 52 рисунками и 7 картами. 1899. 2 р., въ перепл. 2 р. 70 к.

НОВАЯ ИСТОРІЯ ЧАСТЬ I. Профессора А. Трачевскаго.

1899 2 р. 50 к.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ИСТОРІЯ РЕЛИГІИ А. МЕНЗИСА.

Переводъ съ англійскаго М. Чепинской. 340 стр. Цѣна 1 рубль.

2446 1.

ЦЫТРА-„АРФА“

семь педалей, 24 струны, цѣна 5 р. 50 к., десять педалей 32 струны 10 р.

САМОУЧИТЕЛЬ по 50 к. и 1 р.

Цытра АРФА популярный и самый легчайшій для обученія инструментъ, на которомъ каждый въ состояніи сыграть желаемыя пьесы, при помощи педалей получаютъ полныя и пріятныя акорды.

2305-3

ФАБРИКА ТОРГОВОГО ДОМА А. Е. КУЛАКОВЪ.

Контора и склады Садовая улица № 33 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Юбилейный раскоп. иллюстрированный прейсъ-куррантъ высылается БЕЗПЛАТНО.

КЪ ПРАЗДНИКАМЪ

НАИЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ МОЛОДЫХЪ и СТАРЫХЪ

ИНТЕРЕСНАЯ и НЕДОРОГАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ

НОВОСТЬ!

ПОЛЕЗНО и ЗАБАВНО ДЛЯ КАЖДАГО СЕМЕЙСТВА и ОБЩЕСТВА

Для танцевъ и вечеровъ

Каждый можетъ на немъ играть безъ предварительнаго обученія.

Прочный, пріятный и дешевый музыкальный инструментъ.

ОРГАНЪ-ИНТОНА

Ручной органъ съ металлическими нотами, пріятный по звуку, отличается прочностью и дешевизною, съ 16 стальными голосами, отпозированы по черному дереву, ноты прилагаются новѣйшія: вальсы, польки, мазурки, марши, пѣсни и пр. Органъ громкимъ и пріятнымъ звукомъ исполняетъ неограниченное число всевозможныхъ пѣсней, почему удобенъ для танцевъ и вечеровъ. Играть на немъ можетъ легко каждый, даже ребенокъ.

Цѣна Органа-Интона съ 15 разными нотами (пѣсами) только 15 руб. 50 коп., а съ прибавленіемъ еще 6 нотъ для игры 6-фигурной кадрили (итого 21 нота) только 17 руб. 50 коп. Органъ высылается во все мѣста Россіи немедленно по полученіи только 5 руб. задатка, а остальныя деньги выѣстъ съ пересылочными уплачиваются при полученіи органа. При требованіяхъ прошу обозначать подробный адресъ, кому и куда слѣдуетъ выслать. Требованія и деньги прошу посылать по слѣдующему адресу:

въ городъ НАРВУ С.-Петерб. губ.

Въ главное депо музыкальных инструментовъ КУЦЦУ

Веніамину Давидовичу

МИХАЙЛОВСКОМУ.

№ 44 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ съ 8-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) «Еже-недѣльная хроника» № 44-й, III) Объявленія и IV) Для иногороднихъ подписчиковъ—Подписные бланки и конверты.

Дозволено цензурою. СПб., 25 октября 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНИЕ С. А. ОБОБЩЕНА

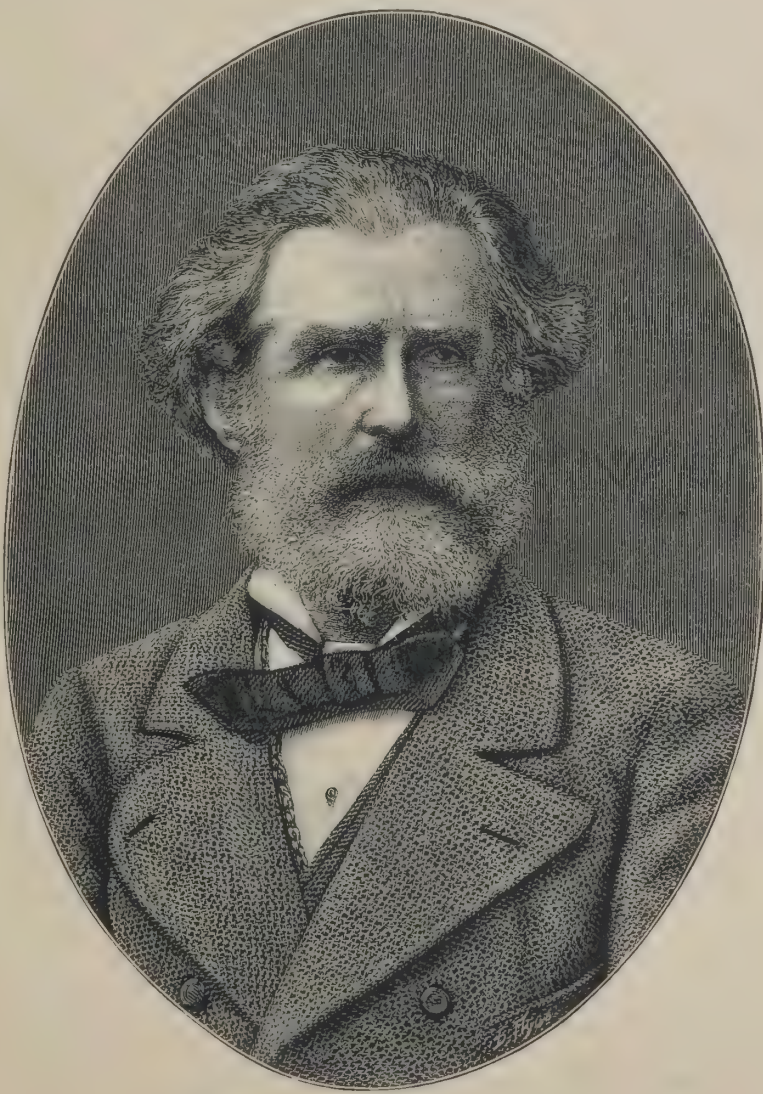
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1897 ГОДУ.

Тяжелую утрату понесло русское искусство въ лицѣ скончавшагося 26 октября, въ Парижѣ, профессора живописи извѣстнаго ма-риниста АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА БОГОЛЮБОВА, біографію котораго чита-тели прочтутъ на 356 страни-цѣ этого нумера. Маститый ху-дожникъ жилъ и работалъ по-слѣднее время постоянно въ Па-рижѣ, въ видахъ пользы для здоровья. Прежде чѣмъ пере-числять художественныя заслу-ги Алексѣя Петровича, надо обрисовать его, какъ человѣка. Это была въ высшей степени симпатичнѣйшая личность; от-зывчивое сердце, мягкая душа художника чутко относилась ко всѣмъ горестямъ и заботамъ да-же мало знакомыхъ, даже не близкихъ людей. Горячо люби-мый и уважаемый француз-скимъ обществомъ и какъ ху-дожникъ, и какъ человѣкъ, А. П. пользовался большимъ вліяні-емъ въ художественномъ мірѣ, которое онъ и употреблялъ по-стоянно на пользу нуждающим-ся, на поддержку молодежи. По инициативѣ Боголюбова съ нѣ-которыми проживающими въ Парижѣ друзьями-художни-ками образовано весьма скром-ное, но полезное «Общество вза-имнаго вспоможенія рус-скихъ художниковъ», которое, благодаря субсидіи отъ Госу-даря Императора, даетъ при-ютъ и возможность молодымъ художникамъ работать въ об-щественной мастерской съ на-туры безъ всякихъ затратъ. Бо-лѣ 15 лѣтъ А. П., по выбору своихъ собратій, предсѣдатель-ствовалъ въ комитетѣ общества.

А. П. Боголюбовъ высоко цѣ-нилъ задачи любимаго иску-ства, понималъ его образовательное значеніе и много содѣйствовалъ послѣднему. Самымъ лучшимъ памятникомъ А. П. можетъ служить созданный имъ художественный музей въ его родномъ городѣ Са-ратовѣ. Строго опредѣленные границы творчества Боголюбова поз-воляли ему не разбрасываться, но послѣдовательно и разумно, такъ

сказать, систематизировать свой крупный талантъ. А. П. всю свою жизнь былъ труженикомъ своего дѣла; онъ совершилъ много путе-шествій по Россіи и за границую для собиранія художественнаго

матеріала для своихъ деталь-но обдуманныхъ и тщательно выдержанныхъ произведеній. Эта строгая подготовка къ ра-ботѣ не мѣшала маститому ху-дожнику быть чрезвычайно пло-довитымъ. Съ 1863 до 1866 го-да въ этотъ незначительный трехлѣтній промежутокъ вре-мени А. П. успѣлъ написать 24 большихъ картины и болѣе двухсотъ эскизовъ, видовъ и на-бросковъ. Это была кипучая, мощная производительность, вполне созрѣвшаго таланта, когда каждый штрихъ изощрен-ной кисти улавливаетъ уже безъ борьбы и труда оттѣнки новой красоты въ природѣ и пере-даетъ на послушное полотно. А. П. Боголюбовъ имѣлъ зна-чительное состояніе, принесен-ное ему крупнымъ талантомъ и художникъ завѣщалъ все Ра-динцевскому музею. И послѣ смерти маститый, но вѣчно юный духомъ художникъ остался вѣ-ренъ самому себѣ, самоотвер-женной любви къ искусству. Многіе оплакиють почившаго художника; знакомые воспомина-ють его, тургеневскаго типа, умное и живое лицо, обрамлен-ное сѣдинами, его всегда оза-боченный взглядъ изъ подъ мяг-кой «боголюбовской» шляпы. Эта забота была не о себѣ, Бо-голюбовъ могъ заботиться и ду-мать лишь о другихъ. Многіе съ любовью вспоминають ма-стерскую-квартиру А. П. въ Парижѣ, большую комнату,

ПРОФЕССОРЪ А. П. БОГОЛЮБОВЪ.
(Скончался 26-го октября 1896 года);

полную работъ, гдѣ всегда можно было найти добрый совѣтъ, крѣпкую русскую помощь! Какъ-бы ни пошли дѣла русскихъ ху-дожниковъ въ Парижѣ, эти художники никогда не забудутъ своего стараго заступника. Хорошая память истинно-русскому художнику и доброму душевному человѣку—Алексѣю Петровичу Боголюбову!

НА СТРАЖѢ.

Почь.. Я—стражъ друзьямъ усталымъ;
Чутко вслушиваюсь я—
Не звенитъ-ли врагъ кинжаломъ,
Не ползетъ-ли съ острымъ жаломъ,
Ядовитая змѣя...

* * *

Одолбѣвъ nocturnу нѣгу,
На созвѣздья я смотрю—
По далекому ихъ бѣгу
Бурю-ль завтра ждать ночлегу,
Или мирную зарю?...

Сонъ тяжелый, сонъ свинцовый
Оковалъ моихъ друзей..
Скоро-ль день настанетъ новый?
Озаритъ-ли блескъ багровый
Тьму невѣдомыхъ стезей?

* * *

Грезы ночи, грезы страха
Бодрымъ сердцемъ я гоню;
Мощью гордаго размаха
Мысль паритъ изъ пыли праха
Въ высь, къ загадочному дню..

* * *

Тотъ-же сонъ.. и ночь все та-же..
О, друзья, счастливецъ тотъ,
За кого—во мракѣ даже—
На бессонной, чуткой стражѣ
Вѣрный другъ стоитъ и.. ждетъ!..

В. Лебедевъ.

НЕСЧАСТІЕ МАЛЕНЬКАГО ЧЕЛОВѢКА.

РАЗСКАЗЪ.

1.
Каждый разъ, когда маленький человекъ съ тяжелымъ вздохомъ говорилъ въ кругу своихъ пріятелей, что «сиротство тяжелая штука», онъ вызывалъ насмѣшливыя улыбки. Пріятели знали, что ему пошелъ двадцать девятый годъ, и трунили, что онъ даже столѣтнимъ старцемъ будетъ жаловаться на то, что онъ «сирота». Трунила, конечно, молодежь, радовавшаяся именно тому, что она пикѣмъ не связана и свободна, какъ вѣтеръ. Напротивъ того, чадолюбивыя мамы и взрослыхъ дочерей при этихъ вздохахъ соображали, что именно этотъ маленький и худенькій молодой человекъ, вздыхающій о томъ, что ему уже не нужно выбиваться изъ силъ, чтобы содержать стирку-мать, будетъ отличнымъ мужемъ, зятемъ и отцомъ, и сердились на своихъ дочерей, когда тѣ, гимназичка, замѣчали:

— Скудный человекъ этотъ Александръ Илюдоровичъ!

— Что же вамъ шутовъ гороховыхъ и скороходовъ въ мужья надо?—обрывали ихъ матери.—Замужъ-то выходятъ не для того, чтобы шутики шутить да плясать. Съ этимъ далеко не уйдете. А Александръ Илюдоровичъ Веретенниковъ — человекъ приличный.

И примѣрный человекъ начиналъ чувствовать, что его вербуютъ въ женихи. Онъ этому не удивлялся, зная въ практической жизни настоящую—не преуменьшенную, не преувеличенную, а именно настоящую цѣну каждой вещи, а въ томъ числѣ и самому себѣ. Самъ онъ, со своей стороны, былъ не прочь жениться, сознавая, что все равно холостымъ не проходить всю жизнь, и съ безразличностью чистоплотнаго человека относясь ко всякимъ грязнымъ похождениямъ и подленькимъ посягательствамъ на

чужихъ женъ и сестеръ. Затруднялся онъ только въ выборѣ невѣсты, ища среди барышень съ челками и барышень безъ челокъ такой дѣвушки, которая хотя немного напоминала-бы ему по характеру его покойную труженицу-мать.

Мать онъ боготворилъ.

Ему было семь лѣтъ, когда онъ остался всецѣло на ея попеченіи. Помнилъ онъ, какъ часто ему приходилось просыпаться ночью, видя ее сидящую за спѣшнымъ шитьемъ передъ лампой, въ то время, какъ всѣ окружающіе давно покоились сладкимъ сномъ. Иногда же, просыпаясь, онъ видѣлъ ее постель не смятую, и жившая съ ними старуха-тетка объясняла ему тогда, что его мама «на работѣ».

— Та полная дама, что была у мамы на прошлой недѣлѣ, заболѣла, вотъ мама и ушла на работу.

И онъ сталъ понимать, что какъ только у нихъ побываетъ какая-нибудь полная дама, такъ непременно черезъ недѣлю или черезъ двѣ она заболѣетъ, а мамѣ придется идти «на работу» иногда на нѣсколько дней и ночей.

— Устала, мамочка?—заботливо спрашивалъ ребенокъ мать, видя ее осунувшееся отъ ночныхъ бессонницъ лицо и впалые глаза.

— Безъ труда, дѣточка, бѣднымъ людямъ нельзя жить,—просто отвѣчала она.

Но такъ какъ трудъ и усталость были въ ихъ жизни явленіями обыденными, то и вопросы объ этомъ со стороны сына съ теченіемъ времени прекратились, а явилось одно сознаніе, что и онъ долженъ работать, какъ работали его мать и ея тетка, такъ какъ и онъ бѣдный человекъ. Когда онъ началъ работать, чтобы вносить и свою лепту въ домъ,—этого онъ точно не помнилъ,—а помнилъ только, что его мать стала уже со своей стороны говорить ему:

— Утомляешь ты себя очень, голубчикъ!
— Да вѣдь намъ съ неба ничего само-собой не упадетъ,—отвѣчалъ онъ и переводилъ разговоръ на другую тему.

Темъ для разговоровъ было всегда много. Говорилось о дороговизнѣ дровъ и говядины, о паденіи цѣвъ на трудъ, о томъ, что нуждающихся становится все больше и больше, о страшномъ положеніи сосѣдскихъ дѣтей, у которыхъ пьяница-отецъ пропилъ все и которымъ надо собрать хоть бѣлышко, о томъ, что надо подкормить какого-то голодающаго послѣ болѣзни и ненашедшаго еще работы студента, о хорошей прочитанной книгѣ, о впечатлѣніи, вынесенномъ изъ театра, куда, къ сожалѣнію, приходится такъ рѣдко попадать,—однимъ словомъ, обо всемъ, что можетъ интересоваться и тревожить маленькихъ людей съ мягкимъ сердцемъ, или, какъ говорилъ самъ Александръ Илюдоровичъ Веретенниковъ, «съ разбитыми нервами».

Не говорилось только объ одномъ,—о томъ, почему когда-то исчезъ изъ дому отецъ Александра Илюдоровича—Илюдоръ Николаевичъ Веретенниковъ. Не говорилось объ этомъ потому, что Александръ Илюдоровичъ совсѣмъ не помнилъ даже, когда это было, а мать и ея тетка старались забыть, что это когда-то было.

II.

Былъ дождливый осенній вечеръ, когда Александру Илюдоровичу пришлось задуматься о томъ, о чемъ покойница мать и ея тетка никогда не говорили съ нимъ.

Онъ возвратился съ уроковъ изъ гимназіи домой, промокшій и усталый, чувствуя легкое недомоганіе, и рѣшилъ провести этотъ вечеръ дома, принявъ нужныя мѣры противъ начинавшей разыгрываться простуды. Закутавшись въ халатъ и сидя одиноко въ удобномъ креслѣ, передъ огнемъ, догорав-

нимъ въ изразцовой печкѣ, онъ полудре-
мтно размечтался о дорогомъ для него
прошломъ и невольно началъ создавать воз-
душные замки будущаго. Непремѣнно ему
надо обзавестись семьей. Онъ слишкомъ при-
выкъ къ семейной жизни съ ея будничны-
ми радостями и горестями, и бобылемъ жить
не можетъ. Не заботится ни о комъ и ни
о чемъ, не дѣлится ни съ кѣмъ своею ду-
ховною жизнью, не встрѣчать ни отъ кого
ни ласки, ни привѣта, жить только для обо-
гащенія однихъ трактирщиковъ, сознать,
что дома никто не ждетъ, что никому ни
тепло, ни холодно отъ того, живъ онъ или
нѣтъ,—это не въ его натурѣ, не въ его при-
вычкахъ.

— А вѣдь Марья Александровна, должно
быть, очень несчастлива!—вдругъ ни съ то-
го, ни съ сего пронеслось въ его головѣ.

И передъ его глазами возсталъ, какъ жи-
вой, образъ прелестной бѣлокурой дѣ-
вушки съ покраснѣвшими отъ недавнихъ
слезъ вѣками. Сегодня онъ былъ обрадованъ
встрѣчей съ нею на улицѣ. Прежде онъ
встрѣчалъ ее ежедневно въ томъ богатомъ
домѣ, гдѣ онъ давалъ частные уроки, а она
жила въ гувернанткахъ. Но вотъ уже съ не-
дѣлю, какъ эти встрѣчи кончились, такъ
какъ она оставила свое мѣсто. Онъ уже хо-
телъ идти въ адресный столъ узнавать ея
новый адресъ—и вдругъ сегодня эта нежиданная
встрѣча на улицѣ! Онъ закидалъ ее
вопросами. Почему она оставила мѣсто? Что
случилось? Какъ она живетъ теперь? на его
быстрые вопросы она отвѣтила коротко, что
лучше питаться хлѣбомъ съ водою, чѣмъ
жить гувернанткой съ положеніемъ интелли-
гентной горничной, въ которой не стѣсняю-
тся даже заигрывать мужчины, и отцы се-
мейства, и ихъ сыновья... Заигрывать съ нею!
Негодяи! Обожать ее слѣдуетъ! На рукахъ
носить! Александръ Иліодоровичъ началъ
волноваться и словилъ себя тутъ же на этомъ
волненіи. За послѣднее время оно начина-
лось каждый разъ, какъ только онъ на-
чиналъ думать о Марьѣ Александровнѣ.
Чтожъ, она и стоитъ того. Положительно
ему слѣдуетъ, не долго думать, сдѣлать ей
предложеніе. Оба они бобыли.. оба малень-
кіе люди..

Его мысли прервала служанка, пришед-
шая доложить о приходѣ его школьнаго то-
варища, одного изъ подкармливавшихся
когда-то у его матери студентовъ, доктора
Василія Петровича Чирикова.

— Ты что же это у печи въ халатѣ нѣ-
жишься? Прихворнулъ, что-ли?—по-дружески
спросилъ Чириковъ.

— Да, простудился, должно быть, и ты,
докторъ, какъ нельзя болѣе кстати при-
шелъ,—проговорилъ хозяинъ, пожимая его
руку.—Мнѣ вѣдь, знаешь, не по чину хво-
рять..

— Ого, жарокъ-то порядочный!—сказалъ
докторъ, удерживая его руку въ своей и шу-
тая пульсъ.

— Ну, это отъ печи, можетъ быть.. и
дремалъ тоже..—пояснилъ Веретенниковъ.

Докторъ выслушалъ пульсъ, посмотрѣлъ
языкъ, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ и, давъ
кое-какіе совѣты, заявилъ, что особеннаго
ничего нѣтъ, но что дома придется посидѣть
дня два на діатѣ. Закуривъ папиросу, онъ
заговорилъ о разныхъ разностяхъ и, вдругъ
вспомнивъ что-то,—мимоходомъ спросилъ:

— У тебя, дружище, есть кто-нибудь въ
Петербургѣ изъ старыхъ родственниковъ?

— Нѣтъ, ни въ Петербургѣ, ни въ другихъ

городахъ никого нѣтъ, — отвѣтилъ Ате-
ксандръ Иліодоровичъ.—А что?

— Къ намъ въ больницу привезли какого-
то Веретенникова, — отвѣтилъ Чириковъ. —
Думалъ, что изъ родня-ли тебѣ.. Иліодоръ
Николаевичъ Веретенниковъ..

Видимо считая этотъ вопросъ исчерпан-
нымъ, а потому и мало интереснымъ, Чи-
риковъ заговорилъ снова о разныхъ ново-
стяхъ дня, но Александръ Иліодоровичъ
слушалъ его разсѣянно.

— Какъ странно, и Веретенниковъ, и Иліо-
доръ, вслухъ—проговорилъ онъ, продолжая
думать.

— Ахъ, ты объ этомъ пьяненькомъ ста-
рикѣ?—сказалъ докторъ.—Да, меня самого
съ перваго раза это поразило: и Веретен-
никовъ, и Иліодоръ.. Еще совсѣмъ бодрый
старикъ съ сѣдой львиной гривой, хотя ви-
димо изъ очень нуждающихся и пьяныхъ..
Подъ карету его подмяло на Невскомъ, по-
ломало немного ребры.. Подъ хмѣлькомъ
былъ, какъ оказалось.. Ну, да ничего, ком-
плекція здоровая, поправится.. опасаться
ничего..

Александръ Иліодоровичъ, какъ человѣку
первому, сильно впечатлительному, пока-
залось, что Чириковъ убѣжденъ въ томъ,
что этотъ поломанный каретою старикъ
подъ хмѣлькомъ не премѣнно родня ему,
Веретенникову, и онъ чуть-чуть раздражи-
тельно замѣтилъ:

— Я думаю, что вообще ничего опасаться,
если какой-нибудь старый пьяница и ум-
ретъ.

III.

Дня черезъ три Александръ Иліодоро-
вичъ шелъ на утренній урокъ въ гимназію.
Путь лежалъ мимо больницы, гдѣ занималъ-
ся Чирикъ, и въ головѣ Александра Иліо-
доровича невольно мелькнула мысль о по-
мятомъ каретою старикѣ. Странное совпа-
деніе: и Веретенниковъ, и Иліодоръ. Онъ
угрюмо посмотрѣлъ на больницу, точно же-
лая заглянуть въ нее сквозь стѣны, и уви-
далъ идущаго въ нее Чирикова. Докторъ
довольно сухо поздоровался съ нимъ и на-
смѣшливо спросилъ:

— Ну, что.. Какъ скривилъ?

— Ничего, поправился,—отвѣтилъ Вере-
тенниковъ и мимовольно спросилъ:—Ну, а
что твой больной?

— Какой мой больной?—переспросилъ док-
торъ.

— Да этотъ, поломанный пьянчужка, о
которомъ ты говорилъ,

— А—а! — протянулъ докторъ и опять
насмѣшливо усмѣхнулся. — Отчего же онъ
мой? Скорѣе онъ твой, потому что онъ и ты
Веретенниковы.. Ничего, поправляйтесь..
Это, братъ, натура не изъ дохленькихъ..
человѣкъ кряжистый.. Однако, прощай, я
тороплюсь..

Александръ Иліодоровичъ замѣтилъ что
то новое въ обращеніи пріятеля, какія-то
странныя нотки въ его голосѣ. Спросилъ съ
насмѣшкою, «какъ скривилъ». Замѣтилъ съ
ироніей, что этотъ старикъ не его больной,
а скорѣе самого Александра Иліодоровича.
Какъ-то особенно подчеркнул, что это на-
тура не изъ дохленькихъ, точно намекая,
что онъ, Александръ Иліодоровичъ, дохлень-
кій. Будешь дохленькимъ, когда придется
всю молодость уить въ труды!.. Уже не
думаешь-ли онъ въ самомъ дѣлѣ, что этотъ
старикъ его родственникъ, что онъ гнушаетъ
этимъ родственникомъ, потому что тотъ
бѣднякъ и пьяница?.. Онъ пришелъ въ гим-

назію, сталъ давать урокъ, а въ головѣ одна
неотвязная мысль, что надо выяснить Чи-
рикову, что никакихъ родственниковъ нѣтъ
у него, у Александра Иліодоровича Вере-
тенникова, ни молодыхъ, ни старыхъ, ни бѣд-
ныхъ, ни богатыхъ.. Проклятые эти разстроен-
ные нервы! При нихъ изъ каждой мухи сло-
вадѣлаешь! А какъ имъ было не разстроиться,
когда на нихъ всю жизнь играла судьба,
какъ пьяный мужикъ на баладайка?..

На слѣдующій день Александръ Иліодо-
ровичъ пошелъ на урокъ обходомъ, новою
дорогою, чтобы не видать больницы,—и всю
дорогу думалъ только о ней, о больномъ
старикѣ, о Чириковѣ.

— Нѣтъ, надо будетъ сходить къ Чири-
кову и выяснить этотъ вопросъ! Иначе я не
успокоюсь!—рѣшилъ онъ, возвращаясь вече-
ромъ домой.

IV.

— Ты меня ставишь въ очень неловкое
положеніе,—говорилъ Александру Иліодо-
ровичу Веретенникову Василій Петровичъ
Чириковъ, въ волненіи шагая въ своемъ ка-
бинетѣ. — Въ сущности, я не имѣю права
отвѣчать на твои вопросы, такъ какъ Иліо-
доръ Николаевичъ просилъ меня не говорить
именно съ тобою о немъ!..

— Просилъ не говорить? Значитъ ты го-
ворилъ съ этимъ старикомъ обо мнѣ?—спро-
силъ Александръ Иліодоровичъ.

— Ну, да, говорилъ,—отвѣтилъ Чириковъ.

— И онъ сказалъ, что онъ мнѣ родня?—
спросилъ прощически Веретенниковъ.

Чириковъ пожалъ плечами и отрывисто
отвѣтилъ:

— Твой отецъ!

— Что ты сказалъ?!—крикнулъ, вскочивъ
съ мѣста, Веретенниковъ.—Что ты сказалъ?
Онъ мой отецъ, мой отецъ? Онъ лжетъ! У
меня нѣтъ отца.

Чириковъ остановилъ его движеніемъ
руки.

— Вотъ видишь, я говорилъ тебѣ, что
тебѣ ничего разспрашивать! И онъ предви-
дѣлъ это и просилъ не говорить съ тобою о
немъ. Вы люди разныхъ понятій, разныхъ
привычекъ..

— Еще-бы, я не валяюсь пьянымъ по
улицамъ!—желчно и презрительно восклик-
нулъ Александръ Иліодоровичъ.—Я не бро-
саль..

Чириковъ опять пожалъ плечами.

— Да, онъ еще вчера говорилъ, что тебѣ
о немъ не слѣдуетъ говорить именно потому,
что ты, вѣроятно, совсѣмъ добродѣтельный
герой, какъ онъ выразился, шутилъ.

И дотрогиваясь до плеча пріятеля, док-
торъ, стараясь быть мягкимъ, закончилъ:

— Ты, голубчикъ, лучше не волнуйся, а
постарайся даже забыть объ этомъ казусѣ,
какъ о непріятномъ снѣ. Мало ли что снится
въ жизни! Самъ старикъ о себѣ не напоми-
нить тебѣ, какъ онъ никогда не напоминалъ
о себѣ твоей матери..

— Покуда не попадетъ въ пьяномъ видѣ
опять подъ какую-нибудь карету!—ѣдко
проговорилъ Александръ Иліодоровичъ.

— Ну, если это случится опять черезъ
двадцать два года, то едва-ли тебѣ придется
жаловаться, что онъ отравляетъ твою жизнь,
не безъ ѣдкости замѣтилъ въ свою очередь
Чириковъ.

— Онъ тебѣ говорилъ что-нибудь о своемъ
прошломъ, о моей матери?—спросилъ глухо
Веретенниковъ.

— Такъ.. кое-что, — уклончиво отвѣтилъ
докторъ.

РУССКАЯ ЭСКАДРА

А. А. П. БОГОЛЮБОВА.

РЕДЪ ТУЛОНОМЪ.

— Можетъ быть, ругалъ мою мать?

— О, онъ никого не ругаетъ... У него слишкомъ широкіе взгляды для этого на жизнь и людей.

Веретенниковъ взялъ крѣпко его за руку и, точно приказывая, сказалъ:

— Разъ ты выслушалъ его, ты долженъ и передать мнѣ все, что онъ говорилъ тебѣ о моей матери.

Чириковъ съ гримасой освободилъ свою руку и пояснилъ:

— Ничего особеннаго онъ не говорилъ. Если онъ и обвинялъ кого, такъ только себя за то, что женился когда-то на Маринѣ Осиповнѣ, не сообразивъ, что они люди разныхъ полюсовъ. Онъ, какъ настоящая широкая русская натура, любилъ кутнуть, велъ широкую картежную игру, а Марина Осиповна, тогда еще совѣтъ юная, естественно, не зная, что игроки сегодня выигрываютъ, а завтра проигрываютъ, живутъ приливами и отливами, испугалась за будущность семьи и стала задумываться, чѣмъ добывать деньги... Съ этой минуты началось ихъ охлажденіе: она стала учиться повивальному искусству, и онъ, эстетикъ по натурѣ, по воспитанію, не могъ помириться съ этой далеко не поэтической профессіей, съ этими запахами больницы и йодоформовъ, и охлаждалъ къ женѣ...

— И потому бросилъ и ее, и своего ребенка на произволъ судьбы,—вставилъ ѣдко Веретенниковъ.

— Ты, конечно, въ правѣ обвинять его, какъ онъ самъ обвиняетъ себя за это,—замѣтилъ докторъ,—хотя и охлажденіе къ твоей матери, и новая любовь къ другой женщинѣ, все это было вполне понятно при его натурѣ.

— Если бы у моей матери была такая же натура, то я давно бы погибъ какимъ-нибудь неучемъ-нищимъ, или умеръ бы съ голоду на мостовой,—опять вставилъ раздраженный Веретенниковъ.

— Конечно, конечно!—согласился Чириковъ.—Онъ это вполне понимаетъ,—понимаетъ, что ты долженъ его ненавидѣть, какъ ненавидѣла его твоя мать, именно потому-то онъ и сказалъ, что лучше не говорить съ тобой о немъ. Онъ вѣдь понимаетъ, что мать могла воспитать тебя только человѣкомъ долга, человѣкомъ строгой нравственности...

— И, конечно, глумится надъ этимъ, какъ надъ пошлостью и мѣщанствомъ!—сказалъ Веретенниковъ.

По лицу Чирикова скользнула едва замѣтная усмѣшка. Ему вспомнилось, какъ комично очерчивалъ старикъ Веретенниковъ добродѣтели мѣщанъ.

— Нѣтъ, не глумится,—проговорилъ онъ.— Но... какъ тебѣ сказать?.. Онъ говоритъ, что всѣ такіе люди—деревянные герои, съ которыми особенно тяжело жить грѣшнымъ живымъ душамъ...

— И ты, кажется, очень увлекся этою грѣшною живою душой?—съ ироніей спросилъ Веретенниковъ.

— Что-жъ, я не скрываю, что старикъ очень интересенъ и остроуменъ...

— Ну, а моя мать была, можетъ быть, и не интересна, и не остроумна, но это была святая женщина!—вызывающе сказалъ Веретенниковъ.—И ты первый долженъ бы былъ это знать.

— Кто же объ этомъ спорить?—проговорилъ холодно Чириковъ, почувствовавъ въ послѣднихъ словахъ мѣщанскій намекъ на прошлые благодѣянія покойной матери Ве-

ретенникова.—Ея добродѣтелей не отрицаетъ и твой отецъ!

— Еще бы онъ смѣлъ! Но я тебя попрошу никогда въ будущемъ не говорить мнѣ объ этомъ старомъ бродягѣ!—рѣзко сказалъ Веретенниковъ и холодно простился съ пріятелемъ.

V.

Александръ Илюдоровичъ пересталъ ходить на уроки въ гимназію мимо больницы, чтобы не вспоминать о находящемся въ ней старикѣ и не встрѣчаться съ Чириковымъ. Тѣмъ не менѣе онъ начиналъ думать только о нихъ, какъ только вступалъ на новую дорогу. Что-то они дѣлаютъ? Разговариваютъ, поди, о немъ, перемываютъ ему бока? Да развѣ онъ въ чемъ-нибудь виноватъ передъ отцомъ? Тотъ бросилъ его ребенкомъ, бросилъ его мать, не вспоминая о нихъ слишкомъ двадцать лѣтъ и вдругъ теперь явился, старый, пьяный, больной... Да, все это такъ, но что будутъ говорить люди, если этотъ старикъ-калѣка появится на улицѣ съ протянутой рукой и скажетъ: «у меня есть сынъ, имѣющій и свой уголъ, и свой кусокъ хлѣба, а я умираю съ голоду на улицѣ»... Въ этихъ думахъ, въ ихъ неотвязчивости было что-то болѣзненное, ненормальное... Еще болѣе болѣзненнымъ и ненормальнымъ было то обстоятельство, что Александръ Илюдоровичъ сталъ въ обществѣ замѣчать стремленіе поднимать толки объ отцахъ и дѣтяхъ, о широкихъ натурахъ и узкихъ мѣщанахъ. Прежде онъ не замѣчалъ, чтобы объ этомъ такъ много говорили въ его присутствіи. Или, можетъ быть, теперь въ кругу его знакомыхъ такъ много толкуютъ объ этомъ именно потому, что узнали объ его отцѣ отъ Чирикова и обсуждаютъ его поведеніе. Людишки всегда рады, если могутъ кинуть въ кого-нибудь грязью. Это успокаиваетъ ихъ совѣсти: не мы одни подлецы!.. Разъ два онъ, по обыкновенію сдержанный и деликатный, даже ни съ того, ни съ сего вышелъ изъ себя и наговорилъ рѣзкостей въ кругу знакомыхъ: «Какіе это отцы, которые бросаютъ на произволъ судьбы своихъ дѣтей и потомъ, когда тѣ встаютъ на дорогу, приходятъ грабить и срамить ихъ? Люди говорятъ, что нельзя судить человѣка за его широкую натуру? Знаемъ мы эти широкія натуры, живущія во всю, не отказывающія себѣ ни въ чемъ, губящія другихъ ради своихъ прихотей. Это разбойники съ большой дороги...» Онъ говорилъ, увлекаясь, и даже не замѣчалъ, что на него смотрѣли люди широко открытыми глазами, не понимая, съ чего онъ такъ кипитъ по поводу чисто теоретическихъ вопросовъ.

Но самымъ тяжелымъ днемъ для Александра Илюдоровича былъ день его новой встрѣчи съ Марьей Александровной. Она, всегда простая и прямодушная, участливо спросила его:

— Ну, что вашъ старичекъ подѣлываетъ?

— Какой старичокъ?—спросилъ, недоумѣвая, Веретенниковъ.

— Вашъ отецъ,—пояснила она.

— Развѣ вы знаете?..

— Какъ же, какъ же, въ газетахъ читала, потомъ Чирикова и его товарища по больницѣ спрашивала и подумала: «несчастный, несчастный Александръ Илюдоровичъ!»

— Да, ужъ именно несчастный!—съ горечью сказалъ Александръ Илюдоровичъ.— Имѣть отца пьяницу...

— Да, это большое несчастіе!—вздыхнула она.—За пьяненькими старичками, какъ за дѣтьми, надо слѣдить и присматривать.

— Но вамъ, по крайней мѣрѣ, пояснили, что я о своемъ отцѣ никогда въ жизни даже не слыхалъ до этого несчастнаго случая?—хмуро спросилъ Александръ Илюдоровичъ.

— Какъ же, какъ же! Вѣдь онъ двадцать два года провелъ гдѣ-то въ Сибири, куда былъ когда-то высланъ... Такой вѣдь несчастный!..

— Высланъ?.. За что?—какъ въ бреду спросилъ Веретенниковъ, услышавъ о совершенно неизвѣстномъ ему обстоятельстве.

— Какіе-то шулера его заманили въ свое общество... Да вы же, вѣрно, слышали всю эту исторію отъ него,—проговорила она, съ недоумѣніемъ смотря на растерянное выраженіе его лица и удивляясь тону его голоса.

— Всегда негодеешь быть!—воскликнулъ онъ; едва держась на ногахъ отъ охватившаго его волненія.

— Бѣдный вы, бѣдный, какъ все это должно быть тяжело вамъ! Но что дѣлать! У каждого свои невзгоды,—участливо замѣтила она.—Меня вотъ болѣе всего тяготитъ то, что у меня ни одной родной души нѣтъ, о которой-бы нужно было заботиться, къ которой можно-бы было приласкаться... а васъ то, что съ вашимъ старичкомъ надо возиться, какъ съ душевно-больнымъ.

— Да вы ошибаетесь... вы ошибаетесь!—воскликнулъ Александръ Илюдоровичъ.—У меня нѣтъ ничего общаго съ нимъ. Это врагъ покойной моей матери.

— О, о!—что вы! Развѣ за могилу уносятся гнѣвъ и вражду!—остановила она его. Да наконецъ, если онъ виноватъ передъ нею и передъ вами, то тѣмъ болѣе вы должны заглаживать это... заставить его забыть!..

— Ахъ, что вы мнѣ говорите объ этихъ теоріяхъ добродѣтели, объ этихъ всепрощеніяхъ?—съ гнѣвомъ воскликнулъ Веретенниковъ.—Я живой человѣкъ, а не кукла, а вы мнѣ совѣтуете по прописямъ поступать!

— Бѣдный, изстрадались вы!—пожалѣла она его.—Я это понимаю... У насъ въ семьѣ тоже такое несчастіе было... Моя мать лѣтъ семь билась такъ съ моимъ покойнымъ папой: тоже шилъ до бѣлой горячки... И что за чудный, добрый человѣкъ былъ въ трезвомъ видѣ! Мухи не обидитъ! А пьяный—даже до кражъ доходилъ!.. Да, въ жизни у всѣхъ свой крестъ!..

Она участливо, крѣпко пожала его руку и заторопилась: уроки не ждутъ, идти же нужно далеко, даромъ хлѣбъ не дается...

Веретенниковъ какимъ-то тупымъ взглядомъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Ему казалось, что это какая-то другая дѣвушка, а не та Марья Александровна, за которой, когда она была гувернанткой, ухаживали всѣ, и отецъ ея воспитанникъ, и ихъ братъ, кавалерійскій юнкеръ. И одѣта проще, бѣднѣе, небрежнѣе, и румянецъ исчезъ на исхудалыхъ щекахъ, и говорить не по прежнему, о покорности, о крестѣ. Вѣрно, и точно хлѣбъ съ водой ѣсть... Да, но лучше хлѣбъ съ водой ѣсть, чѣмъ быть въ его шкурѣ!.. Потому и читаетъ ему прописныя наставленія, что въ его шкурѣ не побывала! Вотъ-бы жениться на ней и поручить ей ходить за его милымъ папашей!..

Онъ даже громко засмѣялся при этой мысли какимъ-то страннымъ злораднымъ смѣхомъ.

VI.

Въ извѣстномъ муравейникѣ вкривъ и вкось толковали объ Александрѣ Иліодоровичѣ и о томъ, что онъ «подкинулъ» чужимъ людямъ старика-отца. Положимъ, старикъ очень интересный говорунъ, положимъ, онъ не особенно стѣсняется тѣмъ, что перехватываетъ въ долгъ безъ отдачи рублишки; положимъ, что мѣсто всегда найдется для его почевокъ... Но все-же, заставлять его жить безъ гроша денегъ, безъ своего угла, по чужимъ людямъ,—это безобразно со стороны сына... Наконецъ, старикъ нѣсколько разъ почевалъ въ полиціи, подобранный на мостовой въ пьяномъ видѣ. Нужно быть такимъ философомъ, какъ онъ, чтобы имѣть силы говорить даже объ этихъ неприятностяхъ въ комическомъ видѣ и ни разу даже не послать упрека по адресу сына. Онъ только шутить не безъ ѣдкости на счетъ того, что его добродѣтельный сынъ, вѣроятно, умеръ-бы отъ стыда, если-бы ему пришлось переночевать въ «полицейскомъ отелѣ», такъ какъ все достоинство этихъ людей завесить отъ того, гдѣ они почуютъ, во что они одѣты, кому они жмутъ руки. Вообще старикъ только ради своихъ широкихъ философскихъ взглядовъ на жизнь и можетъ еще примиряться со своимъ тяжелымъ положеніемъ и не проклинать сына за его бездушіе.

— Въ жизни, какъ только сдѣлаешься мелочникомъ, такъ и конецъ спокойствію, говоритъ онъ.—Нѣтъ денегъ—будешь ныть и трепетать за завтрашній день; явятся деньги—будешь опять ныть и трепетать, не падутъ-ли твои акціи, не пропадетъ-ли твой капиталъ, куда его спрятать и какъ уберечь... И вѣчно этимъ господамъ мелочникамъ приходится считать и считать, сколько рублей у нихъ завяли, сколько копѣекъ они сами взяли, когда имъ отдадутъ, когда они покроютъ свои должники. И ежеминутно занятые всей этой скучной ариеметикой, они ни на минуту не пользуются жизнью и вѣчно проклинаютъ свои обманчивые расчеты, не будучи въ то же время въ состояніи отдѣлаться отъ этихъ расчетовъ и понять, что сколько ни рассчитывай о завтрашнемъ днѣ—онъ все-таки останется неизвѣстнымъ...

Эта-ли добродушная безпечность старика, подкупала людей въ его пользу, или раздражало ихъ противъ его сына просто то, что все-же долженъ былъ старикъ занимать у нихъ, у постороннихъ людей, деньги и стѣснять ихъ, чужихъ, ночуя въ ихъ домахъ,—но только противъ Александра Иліодоровича стали шипѣть всѣ. Одни стали смотрѣть на него съ безразличіемъ, другіе съ негодованіемъ. «Мелочникъ, узкій буржуа, подкинулъ чужимъ людямъ своего отца; кто ему далъ право быть судьей между отцомъ и матерью; онъ и не знаетъ, виноватъ-ли былъ его отецъ, бросивъ жену, къ которой онъ почувствовалъ физическое отвращеніе, онъ даже не разспросилъ хорошенько, почему былъ сосланъ его отецъ, по легкомыслию молодости попавшій въ шайку шуллеровъ и, можетъ быть, поневолѣ лишившійся возможности помогать сыну и женѣ, даже видѣться съ ними».

Василій Петровичъ Чириковъ, какъ старѣйшій изъ пріятелей Александра Иліодоровича, первый рѣшился, наконецъ, выяснить ему, что его поведение во всякомъ случаѣ недостойно порядочнаго человѣка.

— Ты такъ или иначе долженъ пріютить

его, пристроить куда нибудь!.. сухо и рѣзко объяснялъ онъ Веретенникову, завернувъ къ нему.—Это даже въ твоихъ интересахъ, потому что въ концѣ концовъ вездѣ уже говорятъ о томъ, что твой отецъ ходитъ по міру и валяется по улицамъ...

— Какой онъ мнѣ отецъ!—воскликнулъ Александръ Иліодоровичъ.

— Какіе вообще бываютъ отцы—мужъ твоей матери... Вѣдь не заставишь-же ты его носить другую фамилію и не станешь-же ты рассказывать всюду о его провинностяхъ передъ тобою,—сухо сказалъ докторъ.—Кстати-же ты и не знаешь вовсе, въ чемъ онъ виноватъ предъ тобою... Во всякомъ случаѣ не ждаль-же того, что бы его привела къ тебѣ полиція, подобравъ его еще разъ на улицѣ... А ты въ концѣ концовъ дождешься и этого...

Разговоръ вышелъ не изъ пріятныхъ, и когда ушелъ Чириковъ, Александръ Иліодоровичъ глубоко задумался. Въ самомъ дѣлѣ онъ скоро сдѣлается сказкой города. Надо что нибудь предпринять. Взять отца къ себѣ? Возиться съ пьянымъ человѣкомъ? Какъ только отецъ почувствуетъ, что сынъ заботится о немъ—онъ станетъ еще развязнѣе пьянствовать, станетъ дѣлать долги, опять, можетъ быть, попадетъ въ скверную компанію. Такіе субъекты не исправляются. Только неопытные младенцы могутъ тѣшить себя надеждою и думать, что горбатаго можетъ исправить не одна могила.

— Вотъ-бы теперь жениться на Марьѣ Александровнѣ и заставить ее нянчиться со «старичкомъ», о которомъ она такъ трогательно говорила! съ горькой ироніей—проговорилъ Александръ Иліодоровичъ.—Каторгу-бы ей устроить!.. Нѣтъ, умереть легче, чѣмъ такъ жить!..

Онъ чувствовалъ, что у него мутится разсудокъ.

По его тѣлу пробѣжала дрожь. Въ головѣ мелькнула мысль, что надо затопить печку. Онъ затопилъ ее и сѣлъ у огня. Въ головѣ проходили воспоминанія. Сколько горя пережила его мать, сколько пережилъ онъ. Лучшие годы прошли въ тяжеломъ трудѣ. Этотъ трудъ и сдѣлалъ его «маленькимъ человѣчкомъ», какъ его шутили звали многіе. Да, онъ маленький человѣчекъ, какъ и его мать... А кто ихъ принизилъ?.. Не этотъ-ли старикъ?.. Мать и захирѣла, и умерла отъ бѣдности и труда, все изъ за этого старика... Теперь-же его, Александра Иліодоровича, осуждаютъ всѣ за безсердечіе, велѣтъ убить и остальные годы ради этого старика... Да нѣтъ, не за безсердечіе осуждаютъ, а потому, что съ такимъ сокровищемъ, какъ этотъ пьяница-старикъ, никому не хочется возиться и всѣ будутъ рады, когда эту обузу взвалить на себя онъ, его сынъ... Онъ опять поч. вствовалъ дрожь... Нѣтъ, умереть лучше, чѣмъ взять этотъ крестъ! И все равно скандаловъ не избѣжишь, не спасешь никого и только ненужною жертвою измучишь себя... Да умереть легче...

На другой день среди знакомыхъ Александра Иліодоровича Веретенникова разнеслась вѣсть, что Александръ Иліодоровичъ умеръ отъ угара. На первой-же панихидѣ собрались всѣ его товарищи и многіе изъ бывшихъ его учениковъ. Среди всѣхъ присутствующихъ рѣзко выдѣлялся высокій и осанистый старикъ съ большимъ красно-сизымъ носомъ, съ сѣдыми и косматыми, какъ львиная грива, волосами. Онъ подошелъ къ покойнику, казавшемуся теперь чуть не ре-

бенкомъ, и не безъ любопытства взглянулъ на его исхудалое, маленькое лицо.

— Весь въ мать! Весь въ мать!—проговорилъ со вздохомъ онъ, обращаясь къ Чирикову.—Такой-же микроскопическій человѣчекъ. И умеръ даже, оставаясь вѣрнымъ ей привычкамъ...

— То есть какъ-же?—спросилъ съ недоумѣніемъ Чириковъ.

Старикъ пожалъ плечами, опять грустно вздыхая.

— Она тоже изъ экономіи всегда сама топила въ комнатахъ печи и слѣдила, чтобы онъ пораньше закрывался, чтобы жаръ не пропалъ...

Онъ махнулъ безнадежно рукою.

— Я, бывало, головной болью только отдѣлывался... а вотъ онъ... Полюбовалась-бы теперь, къ какимъ результатамъ привела эта экономія. Охъ, ужъ эти хозяйственные мелочники!

Пришли священники и началась панихида... А. Михайловъ.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Разсвѣло. Какъ усталъ я. Въ эту ночь надо мною столько грѣзъ пронеслось, столько въ сердцѣ волнений. Трепетало,—то счастья, то любви и мученій, что не зналъ и минуты я ни сна, ни покоя. А теперь я скошко рстворилъ и вдыхаю всюю грудью прохладу. Утро тихо. Такъ нѣжно Упадаютъ снѣжинки и кружатся, мелкая. Какъ живыя. Любуюсь ихъ игрой безмятежной. Все забылъ я: усталость, грусть и уголь мой душевный. И какъ будто на волю упорхнулъ, превратился Незамѣтно въ снѣжинку, въ стаѣ ихъ закружился И слѣжу, упиваясь, за игрою воздушной.

Н. Боровскій.

M-LE ROJE.

Монологъ.

MESDAMES, если вы перешли предѣлы юности, если вамъ больше восемнадцати лѣтъ, не ходите на балы гимназистовъ, правовѣдовъ и разныхъ студентовъ... Совѣтую вамъ. Иначе самолюбіе ваше рискуетъ подвергнуться горькому испытанію. Молодежь откровенна до жестокости, и свои мнѣнія, симпатіи выражаетъ въ формѣ, какая ей взбредетъ въ голову. Ее ничѣмъ не введешь въ заблужденіе, ничѣмъ не прельстишь: ни туалетомъ, ни общественнымъ положеніемъ, ни душевными качествами, ни, даже, красотой—ничѣмъ. Она чувствуетъ шестнадцатилѣтній возрастъ подъ всякой оболочкой и стремится только къ нему. Я говорю вамъ по собственному опыту.

Вы видите меня: я не красавица, но вѣдь я, вѣжета, и не такъ ужъ дурна, а въ тотъ памятный вечеръ на балу у кузины, на моемъ первомъ балу—я произвела рѣшительный фуроръ. Всѣ находили меня прелестной. Въ блондъ платѣ, съ розовымъ кушачкомъ и вѣякомъ изъ розовыхъ бутоновъ на головѣ—я сама находила себя восхитительной, а кавалеры не давали мнѣ покоя своими комплиментами. Одни говорили мнѣ, что я пастоя-

шая Психея, другіе находили во мнѣ подобіе нимфы, третьи увѣряли, что я воплощеніе мечты поэта. Положимъ, это было двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, двѣнадцать лѣтъ.. Эти годы такъ быстро умчались, что я не успѣла оглянуться. Послѣ этого вечера мнѣ не пришлось больше насладиться очарованіемъ первыхъ успѣховъ юности. Вмѣсто того, чтобы порхать по баламъ, какъ это дѣлали мои подруги, кружить головы молодымъ

надѣялась, что онъ представится самъ собою, что и для меня взойдетъ когда-нибудь заря счастья. Правда, эти мечты меня посѣщали рѣдко. Я уже говорила, что въ водоворотѣ ежедневныхъ заботъ о другихъ—я забывала думать о себѣ. Но, признаться, въ нихъ, въ этихъ мечтахъ, я черпала силы, чтобы продолжать подвигъ, который я добровольно взяла на себя. Я не героиня, и подвигъ безъ возмездія меня не удовлетворялъ. И все жда-

— Наконецъ,—сказала я,—мнѣ будетъ скучно сидѣть съ десяти до трехъ часовъ и глядѣть на васъ, какъ вы будете прыгать.

— Какъ глядѣть!—воскликнули обѣ дѣвочки.—Вы не будете смотрѣть на насъ—вы сами будете танцовать! О, вы будете прехорошенькая въ бальномъ платьѣ.

— Разумѣется, тетя,—поддержалъ ихъ Кока,—вся гимназія будетъ у вашихъ ногъ. Петя-ка, вы знаете, даже въ васъ тайно влюбленъ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА І. ГАМЗА.

«ПЕЧАЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ».

людямъ и выбрать изъ ихъ среды одного, который старился-бы незаметно вмѣстѣ со мною, которому я была-бы всегда дорога, сколько-бы мнѣ ни было лѣтъ и какіе-бы узоры неумолимое время ни нарисовало на моемъ лицѣ—я посвятила себя воспитанію сиротъ моей умершей въ то время сестры. Въ хлопотахъ и заботахъ быстро уходило время. Мнѣ некогда было думать о себѣ, о потребностяхъ моего сердца, о собственной участи. Въ обществѣ я не бывала и поэтому у меня не было мѣрила, которое указывало-бы мнѣ на разрушительную работу времени надъ моею наружностью. Въ моемъ воображеніи я очень часто видѣла себя все той же нимфой, той же Психеей, какой я казалась въ тотъ незабвенный вечеръ моимъ временнымъ поклонникомъ. Я думала, что при случаѣ я еще способна зажечь въ глазахъ мужчины огонь восторга. Я все ждала этого случая. Я все

ла этого возмездія, но получила урокъ. И какой! Но вотъ слушайте.

Случай, который я расскажу, можетъ быть, покажется вамъ пустымъ, не имѣющимъ большого значенія. Можетъ быть, оно и такъ. Но, mesdames, не забудьте, что жизнь женщины, да и всѣхъ вообще людей, складается изъ пу-стаконъ, что можно уцѣлѣть подъ непріятельскими пулями и умереть отъ укуса ничтожной мухи.

Вотъ что было. Мои двѣ племянницы и племянникъ, которыхъ я вырастила и которые, по словамъ всѣхъ нашихъ родныхъ и близкихъ друзей, дѣлаютъ честь моимъ педагогическимъ талантамъ, вздумали упрашивать меня ѣхать съ ними на балъ гимназистовъ. Я всячески отказывалась, приводя тысячу причинъ, по которымъ я не могла исполнить ихъ желаніе, но они и слышать ничего не хотѣли и очень искусно разбивали всѣ мои доводы.

Онъ говоритъ, что у васъ глаза глубокие, какъ море, что въ нихъ можно захлебнуться, утонуть.

— Въ самомъ дѣлѣ, Hélène, отчего тебѣ не повеселиться немного,—замѣтилъ мой зять.—Ты все сидишь дома. Побѣжай, право. Кстати, Иванъ Семеновичъ меня зоветъ въ этотъ же вечеръ на вѣнчье.

— Ну, вотъ видите, тетя!.. Побѣжайте!—запѣли всѣ хоромъ.—Папа станетъ торопить насъ домой, а съ вами мы, по крайней мѣрѣ, натапцуемся вотъ до сихъ поръ.

Послѣ еще одного слабого сопротивленія—я уступила. Воспоминанія о моемъ первомъ и единственномъ успѣхѣ нахлынули на меня съ новой силой.

— Кто знаетъ?—подумала я,—быть можетъ... Но какой же мнѣ интересъ танцовать съ вашими мальчишками?—замѣтила я громко, въ видѣ протеста.

«Соблазнительница». Съ картины художника К. Саксенъ.

— Во-первыхъ, позвольте вамъ замѣтить, тетенька, возразилъ мой дорогой племянникъ, что мы восьмиклассники, а не мальчишки, во вторыхъ, у насъ танцуютъ не одни «мальчишки», какъ вы выражаетесь. Могу насъ утѣшить! У насъ пляшутъ и «старички»: студенты, офицеры, инженеры, учителя, съ бородами и вотъ какими усами. Мы вамъ доставимъ этихъ старичковъ, если вы пренебрегаете «мальчишками». Но все равно: и тѣ, и другіе будутъ отъ насъ безъ ума.

Хотя я остановила разглагольствованіе моего племянника, но въ душѣ эти грубые комплименты я не считала особенно преувеличенными.

— Почему мнѣ не ѣхать?—думала я.—Кто знаетъ?..

Мое неудовлетворенное сердце такъ жаждало любви! Мною иногда овладѣвало такое сильное желаніе быть любимой, быть предметомъ тѣхъ нѣжныхъ заботъ, которыми я окружала вотъ уже столько лѣтъ другихъ, — и я согласилась.

Что же надѣтъ? Туалетъ—это такая важная вещь! Сообщи съ племянницами мы припились обсуждать этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Я была точно въ лихорадкѣ. Мнѣ захотѣлось, во-что-бы то ни стало, исправить. Племянницамъ я рѣшила сшить бѣлые платья изъ шерстяного вуаля. А себѣ... тоже; бѣлое идетъ всѣмъ возрастамъ. Оно и нарядно, и скромно. Дѣти казались въ восторгѣ, что я буду въ бѣломъ.

— Вотъ что,—рѣшила старшая,—сдѣлаемъ всѣ къ платьямъ розовые кушачки, а въ волосахъ приколемъ по розѣ. Не правда-ли, тетенька, вы были такъ одѣты на вашемъ первомъ балу и вы всѣхъ очаровали. Помните, вы рассказывали намъ. Вотъ и теперь одѣемся точно также; всѣ одинаково. Подумають, что мы сестры. Это будетъ прелестно.

Она точно угадала мою мысль. Мой первый успѣхъ глубоко запалъ въ мою душу и мнѣ захотѣлось вновь испытать тотъ сладкій трепетъ, который я испытывала тогда подъ восторженными взорами танцоровъ.

Я совсѣмъ забыла, что послѣ этого вечера прошло столько лѣтъ, полныхъ мелкихъ заботъ и тревоженій. Мнѣ казалось, что это было вчера и что меня и на предстоящемъ балу встрѣтитъ рой поклонниковъ.

Наконецъ, давно жданный вечеръ насталъ. Мы одѣваемся. Горничная, парикмахеръ, портниха, принося намъ платья — переходятъ отъ одной къ другой. И вотъ мы готовы.

Мои племянницы въ своихъ бѣлыхъ платьяхъ прелестны. Я посмотрѣла на себя въ зеркало. Нѣтъ... рѣшительно... бѣлое платье мнѣ не къ лицу... Я кажусь въ немъ толстой, а блѣдная роза въ неистово взбитыхъ парикмахеромъ волосахъ... тоже мнѣ не идетъ... Я усиленно высвобождаю одну прядку волосъ и спускаю ее змѣйкой въ видѣ локона по плечу, какъ было тогда... Мы входимъ въ гостиную.

— Какая вы величественная тетюшка,—замѣчаетъ Кока.—Только зачѣмъ этотъ хвостикъ?—спросилъ онъ, тронувъ освобожденный локонъ.

— Оставь, такъ надо,—сказала я съ досадой.

— Ты ничего не понимаешь,—вступились за меня дѣвочки.—Такъ надо...

— Вотъ цѣтокъ немного торчить,—говоритъ старшая. Но тутъ портниха авторитетно объявляетъ, что теперь такая мода.

Вышелъ во фракъ зять и заявилъ, что и онъ

ѣдетъ съ нами, такъ какъ Иванъ Семенычъ заболѣлъ и свое рожденіе праздновать не будетъ, значить, не будетъ и вѣнча. Это обстоятельство, очевидно, разстроило планы молодежи. Лица ихъ вытянулись. Но маленькое замѣшательство, вызванное неожиданнымъ рѣшеніемъ главы семейства сопровождать насъ, скоро разошлось. Пріятныя ожиданія и послѣднія хлопоты поддержали бодрость духа моихъ спутниковъ. Веселое настроеніе снова воцарилось. Молодежь стала о чемъ-то перешептываться, чему-то смѣяться... Это-же настроеніе продолжалось и въ каретѣ, но мнѣ было какъ-то не по себѣ. Мое сердце тревожно билось. Я чувствовала, къ моему стыду, что поминутно краснѣла... Къ счастью, мои спутники этого не замѣчали. Они всецѣло были поглощены своими собственными дѣлами.

Такъ какъ зять слѣдовалъ за нами на извозчикѣ, то мои питомцы, не стѣсняясь, горячо обсуждали нѣкоторые важные вопросы. Ихъ очень занимало: пригласить-ли Костя Званцевъ Олю Померанцеву на котильонъ или не пригласить? Всѣмъ было извѣстно, что Оля равнодушна къ Званцеву, что и Костя былъ по уши влюбленъ въ Олю, но что съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ безсовѣстно ухаживать за Вѣрой Шаловской.

— Если Званцевъ не пригласитъ Олю, это будетъ очень плохо съ его стороны,—рѣшила младшая племянница.—Я съ нимъ говорить не буду. Это не честно...

Для молодежи въ этихъ дѣбатахъ время летѣло быстро, а мнѣ казалось, что мы ѣдемъ цѣлый вѣкъ и никогда не доберемся до цѣли.

Наконецъ мы пріѣхали. Поднимаясь на лѣстницу, по которой передо мною быстро всходили молоденькія дѣвушки и юноши, у меня болѣзненно сжалось сердце... Что мнѣ тутъ дѣлать?—подумала я, взглянувъ на моихъ товарищъ по второму дебюту. Могу-ли я соперничать съ ними и подъ стать-ли мнѣ товарищи Коки? Но вспомнивъ о «старичкахъ», я немного успокоилась.

Когда мы вошли въ залу—къ намъ подлетѣли нѣсколько гимназистовъ и два «старичка». Хотя кавалеровъ было, по крайней мѣрѣ, шесть-семь человекъ, а насъ, дамъ, всего трое, но на мою долю не оказалось ни одного танцора. Лишь только Маруся и Женья положили свои ручки на плечи своихъ кавалеровъ—какъ остальные немедленно испарились. Кока устремилась къ своему «предмету», а я осталась въ резервѣ и успѣла въ ряду цѣлой батареи мамашъ... Мимо меня летали пары. Юноши то приводили дамъ на мѣсто, то срывали ихъ съ мѣста и уносили въ вихрѣ танца... Меня никто не замѣчалъ. Я бы еще примкнулась къ этимъ, если-бы покроемъ моего платья явно не обнаруживалъ моихъ запоздалыхъ претензій. Мнѣ казалось, что всѣ окружающія меня мамы съ укоризной и злорадствомъ смотрятъ на мое декольтированное платье, прическу съ торчащимъ цѣткомъ... Я не смѣла оглянуться... Дѣ, mesdames, бываютъ непріятныя положенія! Каждый проходившій мимо гимназистъ, который, скользя по мнѣ взглядомъ, приглашалъ сидѣвшихъ около меня молодыхъ дѣвушекъ—больно уязвлялъ мое сердце. Для приличія, чтобы скрыть отъ другихъ волновавшія меня чувства, я дѣлала видъ, будто смотрю съ безкорыстнымъ интересомъ на танцующихъ. Я улыбалась, точно я радовалась ихъ веселію, а сама, стыдно признаваясь, сама я въ эту минуту ненавидѣла всю эту прыгающую, рѣвную молодежь. Пришелъ-бы хоть этотъ Петя, про котораго

мой племянникъ говорилъ, что онъ влюбленъ въ меня? Куда онъ скрылся?..

Такимъ образомъ я просидѣла вальсъ и двѣ кадрили и никто не вспомнилъ о моемъ существованіи. Даже зять, встрѣтивъ знакомаго, ушелъ съ нимъ въ гостиную оканчивать начатый имъ въ началѣ вечера споръ о ввозѣ свиней въ Австрію и предоставилъ меня собственной участи.

Снова заиграли вальсъ.

— Переступишь...—рекомендуетъ Кока, торжественно подводя ко мнѣ гимназистка лѣтъ шестнадцати, худого и блѣднаго...

Я поднялась и пошла. Пока мы топтались на мѣстѣ, дѣлая вступительныя къ вальсу па—еще было сносно, но лишь только мы закружились, то сейчасъ-же потеряли тактъ. Кто былъ изъ насъ виноватъ—не знаю. Я немного подпрыгнула и уже, было, попала кавалеру въ ногу—но тутъ подвернулась какая-то пара и такъ насъ толкнула, что мы опять выбились изъ такта. Потоптавшись на мѣстѣ, мы снова пустились, но чуть только дѣло у насъ ладилось, какъ та-же пара все выбивала насъ изъ колен.

— Merci, довольно,—сказала я, потерявъ надежду сдѣлать хотя бы десять па «настоящаго вальса», который я такъ легко и граціозно танцевала тогда, въ тотъ незабвенный вечеръ. Мой кавалеръ, весь въ поту, красивый и запыхавшійся, повелъ меня на мѣсто.

Черезъ минуту онъ подводилъ ко мнѣ толкаго и высокаго, какъ шесть, брюнета. Но и съ этимъ юнымъ кавалеромъ мнѣ не повезло. Молодые пары непрерывно насъ толкали и сбивали съ пути. Затѣмъ меня удостоилъ своимъ вниманіемъ самъ Званцевъ, знаменитый сердцеѣдъ. Но началась та же исторія... и я убѣдилась, наконецъ, что мнѣ не поспѣетъ въ ногу нынѣшней молодежи. Мнѣ было очень жалъ; музыка играла прѣвосходно, и я разохотѣлась... Во всякомъ случаѣ, я была въ душѣ благодарна этимъ молодымъ людямъ за то, что они не дали мнѣ окончательно засидѣться въ моемъ углу.

Наступилъ антрактъ. Мои племянницы, покраснѣвъ, съ блестящими глазами подбѣжали ко мнѣ, схватили меня подъ руки и увлекли въ смежныя комнаты. Выбравъ уютное мѣстечко въ одной полутемной гостини, мы успѣли отдохнуть. Недалеко отъ насъ стояла кучка гимназистовъ. Они о чемъ-то горячо и громко спорили. Шло дѣло о какой-то m-lle Роже, съ которой никто не желалъ танцевать, а, между тѣмъ, это было необходимо.—«Такъ какъ же, господа,—ясно раздался чей-то голосъ.—Кто же возьметъ m-lle Роже на котильонъ? Кончимте же. Сейчасъ заиграютъ ригурнель».

— Званцевъ, Званцевъ, пусть Званцевъ танцуетъ,—закричали многіе.

— Что вы, господа,—отозвался Званцевъ.—Я обязанъ танцевать съ Вѣрочкой...—отвѣтилъ онъ, чѣмъ вызвалъ негодованіе моихъ племянницъ.—Пусть Петя танцуетъ,—предложилъ онъ.

— Да нѣтъ,—возразилъ кто-то.—Петяка вовсе не желаетъ танцевать. Онъ сегодня не въ духѣ. Онъ даже угрожаетъ кому-то побить за m-lle Роже физиономію. Вотъ онъ какой рыцарь...

— Ну, вотъ что. Давайте тянуть жребій,—рѣшилъ одинъ изъ спорившихъ.

О чемъ говорилось дальше, кому досталась бѣдная m-lle Роже, мы не слышали. Моихъ двухъ племянницъ подхватили кавалеры, а я пошла отыскивать зятя.

Тутъ подбѣжалъ Званцевъ и представилъ

мнѣ гимназиста, юношу съ пріятнымъ, веселымъ лицомъ и умными глазами, который съ изысканной, церемонной важностью поклонился и пригласилъ меня на котильонъ. Получивъ мое согласіе, онъ снова поклонился и предложилъ мнѣ руку. Бережно, точно я была крупный сосудъ, наполненный драгоценной жидкостью, точно опасаясь расплеснуть ее—онъ повелъ меня на мѣсто.

Визави насъ танцевалъ Званцевъ съ веселой, востроносой и бѣлобрысой дѣвочкой, лѣтъ шестнадцати, очевидно, предметомъ его новой страсти. Она держалась развязно, бойко и очень много смѣялась.

Когда мнѣ случалось, повинувшись распоряженіямъ кричавшаго благимъ матомъ дирижера, дѣлать съ нею фигуру—я слышала, какъ ея кавалеръ говорилъ все о той же m-lle Роже. Всякій разъ, какъ Званцевъ произносилъ эту фамилію, дама его покатывалась со смѣху.

Мой кавалеръ тоже поминутно заговаривалъ съ нашими визави объ этой таинственной для меня особѣ. Всякій разъ имя ея, склоняемое, противъ грамматическихъ правилъ, во всѣхъ падежахъ, вызывало взрывы хохота. «Кто эта дѣвица, одно имя которой такъ веселитъ и забавляетъ моихъ компаньоновъ по котильону?»—думала я.

— Кто эта m-lle Роже?—спросила я моего кавалера...

— M-lle Роже?—повторилъ онъ, сдѣлавшись вдругъ необыкновенно серьезнымъ.—Какъ вамъ сказать?

— Моя дама желаетъ знать, кто такая m-lle Роже,—обратился онъ къ нашему визави такимъ тономъ, какимъ, я думаю, депутаты дѣлаютъ важные запросы въ парламентѣ.

При этомъ Званцевъ и его дама разразились неудержимымъ хохотомъ, который не раздался по всей залѣ, только благодаря невообразимому гаму, поднятому въ эту минуту двумя дирижерами, скандовавшими какую-то очень замысловатую фигуру. Однако, смѣхъ этотъ, точно электрическая искра, сообщенная сосѣднимъ парамъ и въ одно мгновеніе охватилъ чуть не половину танцующихъ.

Вокругъ меня образовались потоки смѣха. Мои дѣвочки танцевали на противоположномъ концѣ залы и я почувствовала себя одинокой, точно лутникъ, заблудившійся въ дремучемъ лѣсу, или пловецъ, очутившійся въ открытомъ бушующемъ морѣ. Посреди этого общаго веселья мнѣ вдругъ стало какъ-то грустно и больно...

— Кто эта m-lle Роже?—снова спросила я моего танцора. Голосъ мой теперь звучалъ уныло и глухо.

Мой кавалеръ, до сихъ поръ обращавшійся со мною съ почтительностью придворнаго, казавшейся мнѣ вычурной и, по временамъ, какъ будто притворной, преувеличенной, внезапно вышелъ изъ взятаго имъ тона. Онъ вдругъ прыснулъ, какъ настоящій школьникъ, и такъ выразительно перевелъ глаза отъ моего лица на мою прическу съ розовымъ цвѣткомъ—что у меня не оставалось больше сомнѣнія, что m-lle Роже... была именно я.

Да, mesdames, вы можете воспитать племянницъ и племянниковъ, но, пожалуйста, не сопровождайте ихъ на балы въ качествѣ подругъ, не претендуйте на соревнованіе съ ними. Вообще—предоставьте зыбкую почву бабовъ для болѣе смѣлыхъ ногъ.

Если бы не этотъ балъ—я мнутами и до сихъ поръ могла бы унести въ то далекое прошлое, когда меня уподобляли нимфѣ и

Психеѣ. Въ минуту забвенія я могла бы думать, что я еще не далеко ушла отъ этихъ образовъ человѣческой фантазіи. Но теперь я не могу болѣе предаваться этимъ иллюзіямъ. Мнѣ ясно доказано, что я ни то, ни другое, а m-lle Роже, или, говоря попросту, рожа.

И. Гриневская.

НЕИЗМѢННАЯ ЛЮБОВЬ.

Историческій разсказъ М. П. Шила.

ВЪ ОДИНЪ поздній вечеръ 1788 г., вокругъ бронзовой статуи Генриха IV на Понъ-Нефъ въ Парижѣ, ревѣла толпа,—ненавистный «Хранитель печати» Ламуансьонъ былъ, наконецъ, свергнутъ. Толпа сожгла нѣсколько чучелъ Ламуансьона, и заставляла всѣхъ встрѣчныхъ кричать «Да здравствуетъ Генрихъ IV. Долой Ламуансьона!»

Буйство достигло высшей степени, когда по мосту проходилъ молодой дворянинъ, Камилль де-Мунье, возвращавшійся ранѣе обыкновеннаго на свой мрачный чердакъ послѣ кутежа въ кофейнѣ дю Фга; богатый костюмъ его былъ въ лохмотьяхъ, и грязенъ; парикъ спутанъ; плаща не было. Шаги невѣрны, взглядъ совершенно пьянаго человѣка. Толпа, бросилась къ нему, требуя, чтобы онъ произнесъ обычную формулу.

— Долой Генриха IV!—закричалъ онъ, громко смѣясь и поднимая руку,—да здравствуетъ Ламуансьонъ!

Эта пьяная дерзость имѣла ужасныя послѣдствія. Молодого человѣка окружали бѣшенныя лица. Аристократъ, который осмѣливается проклинать народнаго короля! Юношу въ одну минуту схватили, весь его хмѣль пропалъ сразу. Толпа дергала, толкала его, ревѣла.

— Пустите, вскрѣчалъ онъ, я скажу все, что вы хотите.

Его освободили. Онъ съ полъ-минуты подумалъ и крикнулъ тѣмъ-же громкимъ, насмѣшливымъ голосомъ:

— Долой Генриха IV! Ха! ха! ха! Долой народъ! Да здравствуетъ Ламуансьонъ!

И прежде чѣмъ его успѣли удержать, онъ перекинулся черезъ парапетъ моста и бросился въ рѣку, оставивъ свой камзолъ въ рукахъ толпы. Раздался крикъ, полуголосный, полугнѣвный. Многие побѣжали по набережной, съ цѣлью перехватить де-Мунье, когда онъ выплыветъ. Но Камилль превосходно плавалъ и успѣлъ выскочить изъ воды прежде, чѣмъ его преслѣдователи добѣжали. Выскочивъ изъ воды, Камилль встряхнулся какъ собака и бросился въ первую попавшуюся улицу. Трудно было найти болѣе легкаго на ногу скорохода, чѣмъ этотъ юный дворянинъ, хотя ему сильно мѣшало мокрое платье и оборванные башмаки. Камилль обладалъ желѣзными мускулами, которые правда много пострадали отъ безпутной жизни, и погоня начинала его утомлять.—Любовь къ жизни придавала силъ, хмѣль вылетѣлъ изъ головы, но усталость сказывалась, нижняя губа отвисла, глаза сдѣлались совсѣмъ стеклянными, какъ бы подъ вліяніемъ новаго хмѣля. Крикъ торжества раздался въ толпѣ, Камилль попалъ въ глухой переулочекъ! Въ отчаяніи онъ остановился, толпа бросилась къ нему; онъ увидѣлъ, что это только ограда сада, а не стѣна дома. Съ трудомъ онъ вскарабкался на нее. Брошенный камень попалъ ему въ щеку и покрылъ все лицо его кровью. Камилль спустился по другую сторону стѣны и

очутился въ чащѣ деревьевъ густо заросшаго сада сзади большого дома. Онъ услышалъ негромкое пѣніе и въ ту-же минуту, освѣщенный луннымъ свѣтомъ, очутился лицомъ къ лицу съ молодой дѣвушкой, вышедшей изъ оранжереи, скрытой кустами. Увидавъ этого человѣка, мокраго, оборваннаго, покрытаго кровью, съ дикимъ взглядомъ заглазнаго звѣря, она съ ужасомъ отшатнулась. Эта была дочь графа д'Арріена, придворная дама, гостившая, пока дворъ былъ въ Версали, въ Парижѣ у своихъ родителей. Въ прежнее время, пока онъ еще такъ низко не опустился, Камилль встрѣчалъ ее раза два, три, и какъ говорили, но совсѣмъ былъ къ ней равнодушенъ, хотя не имѣлъ никакой надежды. Отцы ихъ когда то были закадычными друзьями. Онъ узналъ ее.

— О, Аделина, графиня, ради самого неба спрячьте меня!

— Какъ, это вы, господинъ графъ де-Мунье? Еще новая шалость? О, сумасшедшій, сумасшедшій!

Она улыбалась, но раздавшійся въ эту минуту крикъ его преслѣдователей казался хотѣлъ пробить стѣну.

— Спрячьте меня, сжальтесь!

Дрожа отъ страха, вопли потерявъ присутствіе духа, онъ забылъ ея опасность,—подлая привязанность къ жизни заглушила всякія другія чувства. Аделина смотрѣла на него внимательно и съ глубокимъ сожалѣніемъ. Стукъ ногъ, скачущихъ въ садъ заставилъ, ихъ опомниться.

— Спасите меня!

— Ступайте въ оранжерею,—сказала она, побѣдлѣвъ,—на томъ концѣ есть другая дверь, я постараюсь задержать ихъ, и пока они будутъ со мною говорить, вы успѣете выйти въ садъ, а затѣмъ въ ворота.

Неожиданнымъ порывомъ онъ наклонился и поцѣловалъ ее въ лобъ. Съ болѣзненно бьющимся сердцемъ она слѣдила, какъ онъ вошелъ въ бесѣдку, и заперла за нимъ дверь. Передовые изъ его преслѣдователей видѣли это. Съ крикомъ: «Наконецъ онъ въ нашихъ рукахъ!» они окружили Аделину, которая уперлась руками въ дверь, но отъ испуга не могла выговорить ни слова.

— Развѣ госпожа смѣетъ защищать человѣка, который проклиналъ народнаго короля?—спросилъ громадный мясникъ.

Преслѣдователи оттолкнули ее и вбѣжали въ оранжерею. Крикъ бѣшенства послѣдовалъ за открытіемъ существованія другой двери, въ которую скрылся бѣглець. Нѣкоторые, продолжали преслѣдованіе, а остальные съ угрозами окружили Аделину и кричали:

— Повѣсите ее! Повѣсите!

— Да! да! Она также врагъ...

— На фонарь! На фонарь!

Мясникъ и съ нимъ двое отошли въ сторону и, улыбаясь, пошептались. Отодвинувъ толпу назадъ, мясникъ со своими двумя товарищами, подобно ему всоруженными ружьями, оставилъ противъ Аделины и сказалъ:

— Барышню осудилъ народъ, и мы ее разстрѣляемъ.

Послышался счетъ разъ, два, три—и раздался трескъ выстрѣловъ. Аделина упала. Толпа со смѣхомъ разошлась.

Мясникъ и его товарищи знали, что ружья заряжены холостыми патронами. Аделина упала въ обморокъ отъ страха смерти. Спустя нѣсколько времени родные нашли ее и уложили въ постель; бѣдная дѣвушка получила воспаленіе мозга. Наконецъ, когда она совершенно открыла глаза, Аделина сѣла

«На охоту». Съ картины художника В. Грехейна.

«АЛАДЖИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ». СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА А. КИВШЕНКО.

на постели, повернула лицо къ окну и своимъ двѣтамъ, потомъ страннымъ движеніемъ обвела глазами всю комнату и съ ужасомъ вскрикнула:

— О, Боже мой! Мама, мама, я ничего не вижу!

Замокъ графа д'Аррѣна лежалъ близъ Авиньона среди виноградниковъ, апельсиновыхъ, лимонныхъ и оливковыхъ рощъ. Здѣсь, пріютилась вся семья, когда въ Парижѣ начали свирѣпствовать ужасы революціи. Графъ былъ старъ, при извѣстіи о слѣпотѣ дочери его разбилъ параличъ, — эмигрировать онъ былъ не въ силахъ, что впрочемъ спасло его имѣніе отъ конфискаціи. Графиня умѣла держать себя въ Авиньонѣ съ большимъ тактомъ и способствовала такимъ образомъ сохраненію ихъ головъ на плечахъ. Граждане — члены муниципалитета и самые могущественные изъ авиньонскихъ патриотовъ, гордясь оказываемою имъ честью, три раза въ недѣлю проходили по оливковой аллеѣ и поднимались по мраморнымъ ступенямъ замка, чтобы въ барской *юстиной* стараго графа д'Аррѣна сыграть партію въ вистъ или реверси. Нѣкій Филиппъ Дюваль, членъ муниципалитета въ Авиньонѣ, былъ одинъ изъ самыхъ постоянныхъ посѣтителей. Онъ не былъ провансалецъ родомъ, но отличаясь особенно революціонною ревностью въ окрестностяхъ, сумѣлъ стать высоко въ общественномъ мнѣніи и заставить всѣхъ бояться себя. Нельзя было не замѣтить, что онъ любитъ Аделину, отецъ и мать которой, повидимому, не относились къ его дерзости достаточно строго, какъ-бы этого можно было ожидать отъ нихъ. Но на ухаживанія Дюваля слѣпая красавица отвѣчала такою же холодною улыбкой, какъ былъ холоденъ взглядъ ея потухшихъ глазъ.

Огонь, тлѣвшій въ Авиньонѣ подъ пепломъ, наконецъ вспыхнулъ въ концѣ 1691 года. Въ одно воскресное утро графиня д'Аррѣнъ отправилась съ дочерью въ церковь Кордельеровъ. Въ рукахъ у графини, — немолодой женщины съ гордой улыбкой и добрыми голубыми глазами, былъ молитвенникъ. Въ серединѣ службы, когда головы присутствующихъ благоговѣнно склонились, въ церковь вошелъ какой-то патриотъ, и принялся громко бранными словами ругать рабочихъ, преимущественно женщинъ. Всѣ пришли въ ужасъ, раздались крикъ негодованія, несчастнаго схватили, бросили о землю, топтали, щипали, били и наконецъ оставили безжизненную массу у подножія каедръ. Графиня сидѣла близко къ выходу и въ самомъ началѣ буйства поспѣшила уйти съ Аделиной. Часа три спустя въ комнату, гдѣ сидѣла вся семья, вошелъ молодой человекъ.

— О! — вскричалъ онъ, — ради самого неба. — Онъ не могъ продолжать, лицо его выражало ужасъ. Это былъ Филиппъ Дюваль.

Графъ, спокойно спросилъ:

— Скажите, гражданинъ Дюваль, что это значитъ? Зачѣмъ вы такъ врываетесь къ намъ?
— Спасайтесь! — вскричалъ Дюваль, — спасайтесь! «Разбойники» идутъ за мною по пятамъ. Хотите арестовать васъ... Ваша жизнь... Моя...

— Но насъ не въ чемъ обвинять!..

— Васъ видѣли въ церкви. Мадемоазель Аделина, уговорите вашихъ родителей!

Но въ эту минуту въ сѣняхъ послышался топотъ ногъ и въ дверяхъ появилась два національных гвардейца. Черезъ полчаса вся семья была уже на пути въ авиньонскія за-

мокъ; Филиппъ предводительствовалъ отрядомъ, сопровождавшимъ арестованныхъ!

Въ тѣ дни въ странѣ неограниченно распространялись «Честные авиньонскіе разбойники», какъ они сами себя называли, съ «Журданомъ Палачемъ» во главѣ. Даже власть муниципалитета изъ патриотовъ обратилась въ тѣнь. Стѣны города были покрыты висѣлицами для «подозрительныхъ». Эмиссары Журдана рыскали по окрестностямъ, арестовывая всѣхъ съ цѣлью отомстить за убитаго. Подземелья замка были переполнены. И вотъ началась «Авиньонская рѣзня». Журданъ засѣдалъ въ маленькой комнаткѣ замковой башни, возвышавшейся прямо надъ Реной. Мѣсто судейскаго стола замѣнялъ небольшой сосновый столъ, покрытый бутылками съ водкой, табаконъ и пенномъ изъ трубокъ; вокругъ стояли импровизованные судьи изъ числа Патриотовъ, одѣтые въ коричневую *карманолу*. Дымящая лампа безъ стекла мрачно мерцала, отражаясь на лицахъ этого адскаго трибунала. Изъ списка прочитывалось имя, говорилось нѣсколько поспѣшныхъ словъ, и судъ былъ произнесенъ. Одинъ изъ разбойниковъ называлъ имя въ дверь, стоявшіе за которой люди съ обнаженными мечами приводили приговоръ въ исполненіе. Только одинъ изъ гражданъ муниципалитета присутствовалъ на этихъ оргіяхъ. — Это «хорошій патриотъ» Филиппъ Дюваль. Онъ стоялъ въ отдаленіи и, холодно молчалъ.

— Гражданинъ д'Аррѣнъ, его жена и дочь!

Это имя не вызвало даже обычныхъ переговоровъ. — Вина этихъ людей была несомнѣнна! Журданъ сдѣлалъ глотокъ изъ бутылки и кивнулъ головою на дверь. Филиппъ Дюваль ускользнулъ изъ комнаты. Графъ и его семья были брошены въ одно изъ самыхъ глубокихъ подземелій башни. Несчастные лежали въ грязи, застывшіе, почти окаменѣвшіе, потерявъ даже чувство самосожалѣнія.

Исполнители приговора спустились по ближайшей лѣстницѣ. Дюваль слѣдовалъ за ними. У дверей пустой круглой камеры Дюваль быстро подошелъ къ «разбойникамъ» и сказалъ:

— Ступайте сюда.

Они пошли за нимъ, два колосса... у одного изъ нихъ былъ фонарь въ рукѣ.

— Слушайте вы, Жанъ и Пьеръ, — продолжалъ Дюваль, — вамъ извѣстно, что я членъ авиньонскаго муниципалитета?

— Что-же изъ этого, гражданинъ? — спросилъ Пьерръ.

— Очень много. Три гражданина республики, которыхъ вы собираетесь убивать, не имѣютъ за собою никакой вины.

— О, позвольте! Вина достаточная, — они измѣнники-аристократы. Идемъ, Жанъ.

— Превосходно, друзья, но прежде, чѣмъ вы до нихъ дойдете, вы должны будете переступить черезъ меня.

Онъ оперся спиною въ запертую дверь. Его противники расхохотались.

— Еще одинъ! — вскричалъ Жанъ, — проткни его.

— Очень хорошо, — замѣтилъ Филиппъ, — вы видите эту шпагу?

— Боже мой! Будто у насъ тоже нѣтъ шпагъ?

Началась борьба. Удары сыпались за ударами. Дюваль ловко отбивалъ всѣ терціи, кватры и тому подобныя нападенія. На его сторонѣ было хладнокровіе, ловкость. Кровь отъ полученной раны на лицѣ Филиппа сдѣлала его противниковъ менѣе осторожными, еще одна минута, и Филиппъ, проткнувъ Жа-

на свою шпагой. Пьеру приходилось теперь одному защищать свою драгоценную жизнь, онъ поднялъ шпагу, чтобы ударить Филиппа по головѣ, но въ то-же время шпага Филиппа прорѣзала ему артерію и онъ упалъ, обливаясь кровью, на тѣло своего товарища. Раненый Дюваль поспѣшилъ отыскать заключенныхъ. Они сидѣли уже четвертые сутки. Замокъ шелкнулъ, несчастные думали, что пришелъ ихъ послѣдній часъ. Времени терять было нечего. Дюваль одною рукою взялъ слѣпую, и другой поддерживалъ графа. Графиня, въ слезахъ, слѣдовала за ними.

— Не бойтесь, — шепнулъ Филиппъ Аделинѣ, — все готово. Вы всѣ...

— А вы?

Онъ пожалъ ея руку и забылъ опосность и боль отъ раны, когда почувствовалъ, что она отвѣтила на его пожатіе. Они прошли множество темныхъ корридоровъ, залъ для пытокъ. Филиппъ постарался ознакомиться со всѣми тайнами громаднаго зданія. Наконецъ, онъ отворилъ небольшую дверь и они очутились на берегу Роны, подъ звѣзднымъ ночнымъ небомъ. Лодка ждала ихъ. Филиппъ шепнулъ на ухо графу имя друзей, жившихъ недалеко, которые пріютятъ всю семью. Графиня поцѣловала Филиппа на прощаніе, называя его «сыномъ». Графъ благословилъ его. Одна Аделина молчала. Дюваль долго стоялъ на берегу и слѣдилъ за плескомъ веселъ, пока лодка не пристала.

Измѣна Дюваля скоро сдѣлалась извѣстна «честнымъ разбойникамъ». Жанъ прожилъ достаточно времени, чтобы рассказать происшедшее, и одна Дюваль вернулся, его осудили, арестовали и бросили въ подземелье. Журданъ побоялся казнить его потому, что опасался его популярности и кромѣ того получилъ свѣдѣнія о приближеніи войска подъ командою Шуази. Рѣзая аристократовъ было одно, но убить патриота, члена муниципалитета — другое. Филиппъ провелъ больше двухъ недѣль въ подземельи, пока, наконецъ, не явилось войско.

Графъ д'Аррѣнъ могъ вернуться въ свое помѣстье. Пріемы графини посѣщались усерднѣе прежняго. Дюваль постоянно на нихъ присутствовалъ молча, погруженный въ самого себя, — неподвижный. Онъ пользовался слѣпотою Аделины, чтобы слѣдить за ея малѣйшимъ движеніемъ, за малѣйшею перемѣною въ ея лицѣ. Незамѣчаемый ею, онъ воображалъ, что и другіе ничего не замѣчаютъ, между тѣмъ, какъ его любовь была сказкой всего города.

Революція быстро развивалась, и значеніе Дюваля, имѣвшаго способности народнаго трибуна, увеличивалось. Когда были введены неумолимые революціонные трибуналы, онъ былъ назначенъ судьей.

Не одна только благодарность, но и политика заставляли графа и графиню стараться сохранить его благосклонность. Однажды графиня позвала Аделину и, глядя ея черные волосы, сказала:

— Ты поблѣднѣла, дитя мое, я вижу, ты догадываешься, о чемъ я хочу говорить съ тобою. Твой отецъ спросилъ меня... Этотъ предметъ такъ близокъ нашему сердцу. Не плачь... поцѣлуй меня! Ты доброе дитя и не захочешь ослушаться твоего отца. Въдь такъ?

— Да, мама, — отвѣчала Аделина, задыхаясь отъ рыданій.

— Дюваль хорошій человекъ, благородный: мы всѣмъ ему обязаны. Я бы очень хотѣла,

чтобы могла ты видѣть, какъ онъ красивъ. Власть въ его рукахъ и ты знаешь, онъ обожаетъ тебя.

— Но я не люблю...

— Молчи, дитя! Время творить чудеса. А если въ эти ужасные дни онъ перестанетъ покровительствовать намъ...

— Развѣ съ его стороны честно хотѣть получить меня, какъ награду за его не всегда вѣрное покровительство? Зачѣмъ онъ не оставилъ меня умереть въ подземельи!..

— Неблагодарный ребенокъ! Молчи. Вотъ твой отецъ!.. Ни слова при немъ!

Но великодушій Филиппа не было границъ. Онъ угадывалъ чувства дѣвушки и съ героическимъ терпѣніемъ ждалъ, надѣясь выиграть, постоянно доказывая свою преданность.

Такъ прошла большая часть страшнаго 93 года. Между графомъ д'Арреномъ и эшафотомъ едва былъ шагъ. Быть богатымъ значило быть «подозрительнымъ», а быть «подозрительнымъ» значило—смерть. По совету Дюваля графъ уступилъ значительную часть своихъ владѣній въ видѣ «патріотическаго подарка», но въ своемъ усердіи «революціонный судъ» рѣдко удовлетворялся такими уступками. Филиппу понадобились вся его ловкость и дѣятельность. Какъ председатель комитета, онъ не могъ не выказывать рвенія,—отъ этого зависѣла его жизнь. Немногіе не эмигрировавшіе дворяне въ окрестности одинъ за другимъ входили на эшафотъ. Три раза публичный обвинитель упоминалъ имя графа д'Аррена и три раза Филиппу удавалось отвратить отъ него гильотину. Но опасность не удалялась. Потихоньку раздавались замѣчанія, что гражданинъ Дюваль можетъ быть неискрененъ. Слышались вопросы, что у него можетъ быть общаго съ авиньонскими врагами, съ которыми онъ приводитъ тѣмъ много времени. Все выходящее изъ ряду казалось подозрительнымъ. Его экономка рассказывала, что онъ цѣлыя ночи просиживалъ надъ книгами. Что значило это бодрствованіе.

Изъ Парижа былъ присланъ, наконецъ, комиссаръ,—эти комиссары разсылались въ одиночку или вдвоемъ, чтобы вступать во владѣніе всякими имуществами. Дюваль сидѣлъ съ нимъ въ библиотекѣ Арренскаго замка и разсматривалъ планы владѣній графа.

— Замокъ нужно обратить въ складъ, — говорилъ комиссаръ,—а поля засѣять хлѣбомъ, мы въ немъ нуждаемся.

— Значить, вы все конфискуете?—спросилъ Филиппъ.

— Конечно!

— Вотъ здѣсь идетъ полоса лѣса...

— Продать его.

— Безполезно. Здѣсь находится старый домъ лѣсничаго...

— Продать тоже.

— Я полагаю, нельзя-ли оставить его своимъ?

— Развѣ это не аристократы стараго закала?

— Аристократы, — да,—но хорошіе патріоты.

— И безъ сомнѣнія, ваши друзья?

— О, да!

— Хорошо, пусть будетъ такъ. Оставимъ имъ домикъ лѣсничаго.

На другой день семья перебралась въ новое жилище,—двухъ-этажный домишко въ глубинѣ лѣса. Они находились вполне въ зависимости отъ Дюваля и каждый день ѣли хлѣбъ, получаемый отъ него: Онъ приходилъ каждый день, неизмѣнно въ красномъ колпакѣ и

карманболѣ, полный надеждъ, и проводилъ вечеръ у бѣднаго очага семьи. Старикъ удалялся къ себѣ рано и оставляли его со слѣпой одного. Они были хорошими друзьями. Она вѣрила ему и почитала его выше всѣхъ людей.

— Аделина,—сказалъ онъ однажды, взявъ ея руку,—скажите мнѣ правду, любилъ вы кого нибудь?

Она вспыхнула.

— И вы до сихъ поръ любите?

Склонивъ голову и глубоко вздыхая, она прошептала: «Да...»

— Значить для меня нѣтъ никакой надежды?

— Но я люблю васъ, Филиппъ! Если бы вы знали, какъ ваши слова терзаютъ меня! Но... о нѣтъ, нѣтъ, вы не знаете!

Онъ довольно долго молчалъ, потомъ, взглянувъ на нее, сказалъ:

— Въ моей власти дать вамъ счастье, самое драгоценное, самое большое, какого вы можете только желать... Но съ нимъ вы узнаете, что я не то, чѣмъ кажусь, и тогда будетъ поздно, поздно...

— Что вы говорите? Какое счастье?

— Взгляните на огонь. Видите вы что нибудь?

— Смутно—да, я будто вижу красноватый жаръ.

— Именно, вы вовсе не ослѣпили въ полномъ смыслѣ этого слова. А теперь открытъ вамъ тайну? Пять лѣтъ уже я ради васъ изучаю медицину и специально глазныя болѣзни, и если вы позволите, я увѣренъ, я возвращу вамъ зрѣніе. Я увѣжденъ, что видѣть вамъ мѣшаетъ утолщеніе хрусталика, вызванное испугомъ. Недѣлю тому назадъ, въ присутствіи трехъ авиньонскихъ врачей, я сдѣлалъ операцію подобнаго случая, и они говорятъ, что я сдѣлалъ чудо.

Въ волненіи Аделина схватила его руку и покрыла ее поцѣлуями. Такимъ образомъ наступилъ день, когда Аделина сидѣла у окна окруженная докторами, а ланцетъ Филиппа проникъ въ ея глазъ. Графиня въ ужасѣ и слезахъ стояла на колѣняхъ у своей постели, а графъ, онемѣвъ отъ страха и жалости, бродилъ изъ одной комнаты въ другую. Она видѣла! Въ одно пасмурное послѣ-обѣда она нетерпѣливо сорвала повязку съ глазъ. Дюваль былъ тутъ, онъ пришелъ прощаться, собирався ѣхать въ Парижъ, какъ онъ говорилъ. Держа ея руку, онъ наклонился и поцѣловалъ ее въ щеку,—молча принявъ эту ласку, Аделина какъ-бы давала свое согласіе. Графъ и графиня видѣли все, поняли и также молча поцѣловали ее какъ бы поздравляя.

Аделина быстро поправилась, и въ восторгѣ отъ давно неиспытаннаго чувства, она каждый день весело отправлялась гулять въ лѣсъ; глубокая зима въ ея воображеніи обратилась въ лѣто. Солнце уже садилось, какъ она какъ-то разъ замѣтила между деревьями человека. Пораженная, она вскрикнула, въ ея крикѣ выразился весь ея восторгъ: «Камилль де-Мунье—это оны!» Тотъ несчастный погибшій дворянинъ, которому она, пять лѣтъ тому назадъ, спасла жизнь. На немъ былъ тотъ-же костюмъ,—старый вышитый и покрытый кружевами камзолъ, запачканный и оборванный. Вѣжливо и спокойно онъ подошелъ къ ней и взялъ ея руку.

— Камилль! О, Камилль!—вскричала она, любовь освѣтила ея лицо,—какъ давно мы не видались!

— Вы думали, что, вѣроятно, отецъ Гильотенъ скушалъ меня?

— Скушалъ? Я? Нѣтъ, я знала, что вы живы. Иногда мнѣ казалось, что вы совсѣмъ близко меня, что я слышу вашъ голосъ. Но вы не писали мнѣ.

— Два раза, скоро послѣ того дѣла.

— Только два раза,—сказала она,—и клятвы и обѣщанія, вѣроятно, не были вполне искренни...

— Они были искренни во всякомъ случаѣ; я сдержалъ клятвы...

— Да?—она попробовала засмѣяться,—ихъ можетъ быть было слишкомъ много! Моя горничная впрочемъ съ трудомъ разбирала...

— Да, я слышала о вашей слѣпотѣ. Я полюбила васъ,—могу я сказать теперь?—тогда еще больше...

Камилль, — она склонила пылающее лицо ему на грудь.

Они часто послѣ того встрѣчались подъ покровомъ ночи, которая берегла ихъ тайну. Подходило время, когда Филиппъ Дюваль долженъ былъ вернуться и потребовать свою невѣсту. Въ одно утро графъ и графиня напрасно искали Аделину по всему дому. Наконецъ уже въ половинѣ дня они нашли на чернильницѣ записку Аделины.

«Дорогая мама,—писала она,—я уйду отъ васъ, хотя мое сердце разрывается отъ жалости, но я знаю, вы никогда не сочтете меня недостойной васъ. Власть любви сильнѣе воли,—пжалуйте меня и простите. Вы и папа знаете его и давно его знали. У него много душевные друзья заграницей, мы туда уйдемъ. Я знаю, что Филиппъ Дюваль будетъ на столько благороденъ, что не покинетъ васъ. Прощайте, прощайте только на время».

Читая это письмо, графъ опустилъ руки и чуть не свалился. Въ эту минуту ему подали запечатанный конвертъ. Графъ распечаталъ,—отъ Филиппа.

«Дорогой графъ,—писалъ тотъ,—пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я высказалъ вамъ свою любовь къ вашей дочери и четыре года, какъ вы перѣехали въ Авиньонъ, а я послѣдовалъ за вами, чтобы оберегать ее и васъ. Три мѣсяца тому назадъ ваша дочь призналась мнѣ, что любитъ другого. Я оставилъ надежду и рѣшился пожертвовать собою,—я возвратилъ ей зрѣніе, не рассчитывая показать ей, я боялся, что она возненавидитъ меня, и сказалъ, что уѣзжаю въ Парижъ. Но я остался здѣсь, смотря ночью на ея окно, слѣдя за мельканіемъ ея платья между деревьями. Но ѣхать было нужно, наступилъ послѣдній день, когда случай свелъ насъ. О, я никогда не забуду ея радостнаго восклицанія, раскрытыхъ объятій! Въ одну минуту мое сердце поняло все. Она меня любила! Меня! То-есть не меня, Филиппа Дюваля, а меня—Камилла де-Мунье! Никому изъ насъ ни разу не пришло на мысль, что ея неизмѣнное сердце было расположено не къ честному человеку, который оберегалъ ея жизнь, а къ кутилѣ, трусости котораго лишила ея зрѣнія».

Въ настоящую минуту я еще не могу во всемъ открыться моей Аделинѣ. Простите намъ наше бѣгство, въ настоящемъ положеніи оно разумно, ваша разлука съ вами будетъ непродолжительна. Я вернусь и снова надѣну маску «краснаго колпака», и мы будемъ жить всѣ вмѣстѣ, ожидая лучшихъ дней».

Директорія возвратила графу его имѣнія и вся семья съ Камилломъ и его женой продолжала жить въ замкѣ, который принадлежалъ теперь правнуку Аделины.

БОЙ НА АЛАДЖИНСКИХЪ ВЫСОТАХЪ.

(Къ рисунку на 353 страницѣ).

Изъ многочисленныхъ кровавыхъ эпизодовъ во время русско-турецкой войны 1877 года — однимъ изъ крупнѣйшихъ считается бой на Аладжинскихъ высотахъ, 2 и 3 октября. Профессоръ Алексѣй Даниловичъ Кившенко взялъ одинъ эпизодъ Аладжинскаго боя и передалъ его въ живописной картинѣ: «Нижегородскіе драгуны преслѣдуютъ турокъ по дорогѣ къ Карсу во время Аладжинскаго сраженія». Картина эту съ настоящей исторической справкой вмѣсто объясненія, мы помѣщаемъ въ сегодняшнемъ номерѣ. Бой на Аладжинскихъ высотахъ 2-го октября происходилъ между войсками мушкра Ахмедъ-Мухтар-паша и главными образцами отрядовъ русскихъ войскъ генералъ-лейтенанта Лазарева. Въ то время, какъ главные русскіе силы расположились четырьмя колоннами передъ занятыми непріятелемъ горными позиціями и выставили могучія батареи, въ то время колонна генерала Лазарева двинулась въ обходъ турокъ. Въ этой колоннѣ было 23½ батальона при 78 орудіяхъ и 28 эскадроновъ и сотенъ кавалеріи, между которой находились и храбрые нижегородскіе драгуны, молодецкій патисскъ которыхъ изобразилъ профессоръ А. Д. Кившенко. Первымъ дѣйствіемъ 2-го октября — было занятіе укрѣпленной возвышенности Шатырь-оглы, взятой колонной генералъ-майора Лорисъ-Меликова при поддержкѣ кавалерійскаго отряда полковника Маламы. Затѣмъ генералъ Лазаревъ двинулся на слѣдующую еще болѣе важную, еще болѣе укрѣпленную позицію турокъ. Укрѣпленная возвышенность была взята уже тогда, когда наступила темнота, и поэтому преслѣдованіе непріятеля продолжалось недолго. Бой 2-го октября далъ слѣдующіе результаты: мы поставили турецкую армію между двухъ огней, войсками генерала Лазарева и многочисленными колоннами генераловъ Геймана, Кузьминскаго, Граббе, Дена. — Турецкая армія упала духомъ, успѣхъ 3-го октября былъ подготовленъ. На слѣдующій день наши войска совокупными силами ударили на турецкія полчища. Въ половинѣ седьмого генералъ Гейманъ атаковалъ турокъ съ фронта, устремляя всѣ силы на Авдирскую возвышенность. Турки дрогнули, бросивъ на Авдирской возвышенности три орудія и множество запасовъ, отступили поспѣшно назадъ къ Визинкевскимъ высотамъ. Но и тамъ имъ пришлось выдержать съ тыла атаку колонны генерала Лазарева, авангардъ котораго геройскимъ успѣхомъ смаялъ и окончательно сбросилъ турокъ съ Визинкевской возвышенности. Оба отряда, Геймана и Лазарева, встрѣтились. Корпусный командиръ распорядился занять и самое селеніе Визинкевъ, а такъ-же одновременно отбѣжать непріятелю путь спасенія къ Карсу. Генералъ-лейтенантъ, во время занятія Авдиара, дѣйствовалъ противъ самой Аладжи, могучей, укрѣпленной по всѣмъ уступамъ возвышенности. Къ полудню артиллерійскій огонь турокъ сдѣлался торопливѣе, но заднія его батареи стали сжиматься и отступать. Видимо, на турокъ повлила вѣсть о занятіи Авдиара. Тогда генералъ-лейтенантъ Роопъ, приказавъ нашимъ батареямъ громить всѣми силами турецкія возвышенности, выстроилъ и повелъ въ атаку главныя силы. Соединенныя усилія всѣхъ полковъ сломили турокъ; часть турецкой пѣхоты положила оружіе и сдалась въ плѣнъ, окруженная елисаветпольскимъ и владикавказскимъ полками. Остальные турецкіе таборы укрѣпились поспѣшно на южный склонъ Аладжи. Круглая возвышенность не позволила ввезти орудія и преслѣдовать турокъ огнемъ ихъ. Кавалерійскіе отряды Лорисъ-Меликова, князя Щербатова, князя Вингенштейна преслѣдовали бѣгущую непріятельскую артиллерию по всѣмъ направленіямъ. Оставалось еще взять гору Чифтъ-Топеси и Базарджикскія высоты. Эти послѣднія турецкія позиціи были окружены уже кольцомъ войскъ генераловъ Геймана и Лазарева, а приведенный въ порядокъ отрядъ генерала Роопъ двинулся противъ послѣдняго оплота турокъ съ высотъ Аладжи. Уже были сдѣланы всѣ приготовленія къ общему штурму, когда пришло извѣстіе, что оцѣпенная и стѣсненная турецкая армія

сдается на капитуляцію. Въ этотъ день всѣми турецкими силами начальствовалъ Омеръ-паша. Онъ и вступилъ въ переговоры, изъявляя готовность сдаться. Всѣ три турецкія дивизіи со всѣмъ военнымъ матеріаломъ попали въ наши руки. Вмѣстѣ съ орудіями, взятыми во время боя, русской арміи досталось до 35 орудій. Плѣнныхъ оказалось семь тысячъ человекъ солдатъ, семь пашей и 250 офицеровъ. Слѣдствіями боя 3-го октября было то, что мушкра Ахмедъ-Мухтар-паша бѣжалъ съ уцѣлѣвшими таборами за Саганлугъ, шедшая на помощь армія Измаил-паша торопливо отступила, кидая оружіе и припасы. Мѣстное населеніе, особенно курды, изъявили полную покорность русскимъ. Капитуляція, заключенная командующимъ корпусомъ кавказской арміи генераломъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ съ Омеромъ-пашой, была несложна. Принимая въ соображеніе мужество турецкихъ офицеровъ, имъ было позволено сохранить оружіе и имущество. Лица турецкой арміи, не принадлежавшія къ войску, — какъ напримѣръ: три врача, переводчики, слуги, офицерскіе денщики, — получали позволеніе возвратиться домой. Должны были быть сданы: знамена, вооруженіе, орудія, заряды и патроны, артиллерійскіе и пѣхотные парки.

А. П. БОГОЛЮБОВЪ.

(Некрологъ).

Въ этомъ номерѣ мы помѣщаемъ портретъ Алексѣя Петровича Боголюбова, котораго лишился русскій художественный міръ. Истатъ въ этомъ же номерѣ помѣщаемъ гравюру съ одной изъ лучшихъ его картинъ, изображающую русскую эскадру на тулонскомъ рейдѣ. «Русская эскадра въ Тулонѣ» представляетъ собою великолѣпный художественный памятникъ незабвенныхъ франко-русскихъ празднествъ. А. П., художникъ очень почитаемый и любимый во Франціи, отозвался своей талантливой кистью на моментъ, въ который окрѣпла и осуществилась дружба двухъ великихъ націй. Онъ, близко знающій сердце Франціи, не могъ не одушевиться чувствомъ, одушевившимъ всю страну, и явился умѣлымъ, необходимымъ выразителемъ обоимъ горячимъ чувствамъ. А. П. родился 16 марта 1824 года и, получивъ воспитаніе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ сначала во флотѣ. Въ 1849 г. его художественное дарованіе замѣтилъ тогдашній президентъ академіи художествъ герцогъ Лейхтенбергскій и посоветовалъ молодому моряку посвятить себя всецѣло живописи.

Въ 1850 году А. П. поступилъ въ академію художествъ, учился у профессоровъ М. Н. Воробьева и Б. П. Виллевальде, написалъ нѣсколько картинъ, получилъ Высочайшіе подарки за два вида кронштадтской гавани. Скоро молодой художникъ получилъ и вторую золотую медаль за три картины: «Видъ Смоленскаго монастыря», «Бой брига «Меркурій» съ турецкими кораблями» и «Отбытіе герцога Лейхтенбергскаго изъ Лиссабона», а затѣмъ первую золотую медаль за работы по программамъ: три вида Ревеля и «Видъ Петербурга отъ взморья», и въ 1853 году кончилъ академическое художественное образованіе, получивъ тотчасъ по окончаніи курса приглашеніе занять должность художника главнаго морского штаба. Вскорѣ изъ подъ кисти А. П. вышелъ рядъ батальныхъ морскихъ картинъ. Весной 1854 года А. П. былъ отправленъ за границу въ качествѣ пенсіонера академіи на три года. Онъ пользовался въ Женевѣ совѣтами знаменитаго Калама, въ Парижѣ учился у Изабе и два года затѣмъ бралъ уроки у знаменитаго мариниста Андрея Ахенбаха. Въ Италіи онъ написалъ: «Видъ Соренто», «Римскую ночь», «Бурный видъ острова Капри», «Вечеръ въ Неаполѣ».

Изъ заграничьи художникъ привезъ цѣлую серію картинъ крымской войны, исполненныхъ по заказу покойнаго государя Николая I, за что былъ признанъ единогласно совѣтомъ академіи профессоромъ. Изъ картинъ этого періода дѣятельности Боголюбова, самыя крупныя: «Синонь» и «Взятіе парохода «Пер-

возъ-Бахре». Императоръ Александръ Николаевичъ поручилъ А. П. написать въ картинахъ исторію флота временъ Петра Великаго.

Затѣмъ А. П. предпринялъ выполненіе серіи картинъ, на сюжеты подвиговъ черноморскихъ и дунайскихъ моряковъ. По порученію гидрографическаго департамента морского министерства, Боголюбовъ съ капитанами Р. И. Баженовымъ и Е. Ф. Кроуномъ плавалъ нарочно по балтійскимъ портамъ, Финскому заливу и шхерамъ для исполненія атласа, изображая берега и промѣрные мѣста портовъ и шхерныхъ проходовъ. Такой же атласъ былъ имъ исполненъ подъ руководствомъ извѣстнаго нашего гидрографа капитана И. А. Ивашенцова въ Каспійскомъ морѣ. Изъ послѣдующихъ картинъ замѣчательны: «Видъ Казани въ разливъ», «Нижній-Новгородъ съ колокольнаго базара», «Ипатьевскій монастырь» и «Видъ Баку». Наиболѣе плодотворными для работъ Боголюбова были также путешествія въ 1863 г. въ свитѣ покойнаго цесаревича Николая Александровича по Волгѣ и въ Крымъ, затѣмъ пребываніе въ 1866 г. въ свитѣ въ Бозѣ почитающаго Императора Александра III во время путешествія по Россіи и въ Данію. Для полноты очерка упомянемъ еще названія послѣдующихъ произведеній художника во время расцвѣта его прекраснаго таланта: — «Бомбардированіе Петропавловска въ Камчаткѣ», «Абортное дѣло со шведями въ устьяхъ Невы въ 1703 году», «Походъ Петра I въ Дербентъ», «Высадка русскихъ войскъ въ Аграханскомъ заливѣ при Петрѣ Великомъ», «Гренгамское морское сраженіе», «Хожденіе Иисуса по водамъ», «Проповѣдь Иисуса къ народу съ лодки», «Двухсотлѣтній петровскій юбилей на Невѣ», «Ледоходъ на взморьѣ Петербурга», «Пожаръ въ Кронштадтѣ», «Невское взморье», «Дѣло лейтенанта Скрыдлова съ турецкимъ пароходомъ на Дунаѣ подъ Русукомъ», «Взрывъ турецкихъ мониторовъ въ Мачинскомъ рукавѣ въ виду города Бранлова». О жизни А. П. въ Парижѣ мы уже говорили. Не смотря на всю свою обширную художественную производительность, А. П. успѣвалъ ежегодно изготовлять нѣсколько произведеній для выставокъ Товарищества передвижныхъ выставокъ, въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе. Мазитый художникъ, неутомимый труженикъ, А. П. занялъ навсегда выдающееся мѣсто среди русскихъ маринистовъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Печальное извѣстіе. Съ картины художника *И. Гамза*.

Въ уютной комнатѣ зажиточнаго дома весело сидѣли и болтали двое молодыхъ людей: гость, красивый юноша, и хорошенькая дѣвушка, дочь хозяйки дома. Молодой хозяйкѣ принесли письмо, и только-что она его пробѣжала, какъ ея хорошенькое личико затуманилось, веселыя глаза наполнились слезами и отъ подступившихъ къ горлу рыданій начали вдрагивать розовыя пухлыя губки. Помните, она получила дурныя вѣсти о своемъ женихѣ, о томъ, кого она любила, а тутъ этотъ чужой надоѣдаетъ.

Соблазнительница. Съ картины художника *К. Саксена* (выставка картинъ въ Императорской Академіи Наукъ 1896 г.).

Молодой талантливый русскій художникъ К. Ф. Саксенъ, съ биографіей котораго мы знакомимъ сегодня читателя, избралъ для настоящей своей картины весьма характерныя типы.

На охотѣ. Съ картины художника *В. Гребхейна*.

Быстро одинъ за другимъ щелкаютъ мѣткіе выстрѣлы охотника, и то и дѣло подстрѣленная птица тяжело падаетъ на желтую, влажную траву. Охота съ ружьемъ и собакой по пернатой дичи считается наиболѣе интересной, да и требуетъ основательнаго опыта, недолгой ловкости.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

Франція.—Русскій посолъ баронъ Моренгеймъ возложилъ 22-го окт. на гробницу Карно въ Пантеонѣ вѣнокъ отъ имени Государя Императора въ присутствіи всѣхъ членовъ посольства, Мелина, генераловъ Вилло и Турнье и госпожи Карно съ тремя сыновьями. Посолъ произнесъ слѣдующія слова: «По повелѣнію Государя Императора я исполняю священный долгъ и отъ Его имени возлагаю на гробницу великаго президента Карно эту Августѣйшую дань его неизгладимой памяти».

— Министръ финансовъ Кошери изложилъ въ бюджетной коммисіи измѣненія, которыя предполагается ввести въ проектъ реформы прямыхъ налоговъ. Министръ подтвердилъ, что онъ отказывается отъ части проекта, которою устанавливается налогъ на французскую ренту, но сохраняется налогъ на иностранныя цѣнности. Для замѣны 25 милл., которые долженъ былъ доставить налогъ на французскую ренту, министръ предложилъ увеличить налогъ на движимыя цѣнности и ввести налогъ на денежные росписки. Реформы эти будутъ примѣнены къ бюджету 1897 г.

Сѣверо - Американскіе Штаты.—Хотя выборы президента еще не вполне можно считать окончанными, но неопровержимо извѣстно, что будетъ избранъ кандидатъ республиканской партіи—Макъ-Кинлей. За Макъ-Кинлея голосовали центральные, западные и сѣверные штаты, изъ южныхъ штатовъ—Мерилендъ, Кентукки и Западная Виргинія. Въ Нью-Йоркѣ Макъ-Кинлея оказалось большинство въ 16,000 голосовъ; въ штатѣ Нью-Йоркѣ—300,000 голосовъ, Чикаго далъ ему большинство въ 54,000 голосовъ. Предстоящій конгрессъ будетъ состоять на три четверти изъ республиканцевъ. Быстро опредѣлилось, что за Макъ-Кинлея уже имѣется 324 голоса. Всего же въ конгрессѣ насчитывается 447 депутатовъ.

— Новый президентъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки Макъ-Кинлей принадлежалъ къ эмигрировавшей въ Америку ирландской семьѣ. Вильямъ Макъ-Кинлей, седьмой сынъ въ семьѣ, родился 29-го января 1843 года; въ 1891 году былъ избранъ губернаторомъ Огіо, но потерялъ голоса своихъ сторонниковъ, благодаря экономическому кризису, какъ послѣдствію его запретительнаго тарифа.

НАШИ ХУДОЖНИКИ.

К. Ф. САКСЕНЪ.

(Авторъ картины „Соблазнительница“).

Англія.—Въ Англійской Индіи, въ Шоланурѣ, въ Бомбейской провинціи, произошли серьезныя безпорядки. Пятитысячная толпа принялась грабить амбаръ, гдѣ хранилось 1,500 кулей муки. Когда попытки образумить толпу оказались тщетными, полиція дала залпъ, при чемъ четыре грабителя были убиты и шесть ранены.

Турція.—Съ востока доходятъ все важныя извѣстія. Официально извѣщено, что при всѣхъ назначеніяхъ санджакъовъ будутъ образованы коммисіи изъ нотаблей, которыми будутъ выпущены билеты въ 5 до 100 піастровъ для пополненія запасовъ оружія, обмундировки и аммуниціи. Коммисіи эти будутъ находиться подъ вѣдѣніемъ главной коммисіи, въ которой предсѣдательствуетъ министръ общественныхъ работъ. Суммы болѣе назначенныхъ приписываются также, и кто внесетъ 2,000 піастровъ и болѣе, получитъ именную медаль. По слухамъ, султанъ закупилъ 2,000 ружей новой системы и намеренъ закупить еще 10,000 для пополненія нуждъ военнаго вѣдомства.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Императорскимъ слѣб. обществомъ естественныхъ наукъ возбужденъ недавно вопросъ объ изданіи перваго гербарія Россійской имперіи. Этотъ проектъ продолжаетъ дѣятельно разрабатываться обществомъ.

— Въ лабораторіи министерства финансовъ предполагается ввести чисто научныя работы по винокурению съ цѣлью поставить винокурное дѣло на почву, болѣе соотвѣтствующую успѣхамъ современной химіи.

— Съ разрѣшенія министерства путей сообщенія, на IX совѣщательномъ сѣздѣ представителей службы движенія русскихъ жел. дор. разсматривался вопросъ о примѣненіи метрической системы къ разнымъ видамъ желѣзнодорожнаго хозяйства.

— При ученѣмъ комитетѣ министерства земледѣлія учреждается особая химическая лабораторія. Лабораторія будетъ помѣщаться въ зданіи Лѣсного института и находиться въ завѣдываніи агрономическаго бюро комитета.

— Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ надѣянъ утвержденъ уставъ екатеринславскаго одонтологическаго общества. Оно является первымъ зубоохранительнымъ обществомъ въ провинціи. До настоящаго времени существовали лишь общества въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

— 28-го окт., въ селеніи Мендинныи бакинскаго уѣзда, на средства бакинскаго купца Тагіева, въ присутствіи властей открыта и освящена первая въ губерніи школа садоводства и огородничества. Принято 38 учениковъ.

НОВОСТИ ИСКУССТВА.

Въ отвѣтъ на подарокъ тулонскаго лица—статую—Морской кадетскій корпусъ послалъ живою картину наваринскаго сраженія, въ которомъ русская и французская эскадры участвовали въ качествѣ союзниковъ. Сюжетомъ для картины избранъ тотъ моментъ, когда французскій линейный корабль «Брессель», замѣтивъ опасное положеніе русскаго корабля «Азовъ», находившагося между огнями береговой батареи и турецкаго корабля, обрубилъ свои канаты и, поставивъ марселя, поспѣшилъ на помощь русскому кораблю. Картину писалъ знаменитый русскій маринистъ И. К. Айвазовскій, который исполнилъ дѣло со свойственнымъ ему талантомъ, причемъ отказался отъ всякаго за нее вознагражденія.

— Московское Общество любителей художествъ рѣшило устроить въ предстоящемъ зимнемъ сезонѣ выставки картинъ (открытіе назначено въ декабрѣ), акварелей, пастелей и рисунковъ (открытіе 26-го октября), организовать художественные вечера и объявить конкурсъ на соисканіе премій по пейзажу, жанру и портретамъ.

— Въ Одессѣ, гдѣ уже лѣтъ 6 или 7 существуетъ общество южно-русскихъ художниковъ, ежегодно устраивающее одну большую выставку картинъ и одну выставку этюдовъ, въ прошломъ году образовалось еще новое товарищество, которое во время великаго поста предполагаетъ открыть свою вторую выставку.

— Въ Симбирскѣ, по инициативѣ мѣстной интеллигенціи учреждается общество изящныхъ искусствъ съ отдѣлами драматическимъ, пѣнія, музыки, зодчества, скульптуры и литературы.

— Телеграфъ принесъ извѣстіе, что президентомъ королевской академіи въ Лондонѣ избранъ окончательно историческій живописецъ и директоръ національной галлерей Эдуардъ Джонъ Пойнтеръ. Пойнтеру шестьдесятъ первый годъ. Первоначальное художественное образованіе онъ получилъ въ Англіи, а потомъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, какъ ученикъ швейцарскаго художника Глейера. Общее вниманіе обратила на него выставленная имъ въ 1867 году картина со мно-

жествомъ фигуръ «Израильтяне въ Египтѣ», за которой въ слѣдующемъ году слѣдовала такая же большая картина «Катапульта», представляющая большую метательную машину при осадѣ города. Какъ художникъ, Пойнтеръ считается новокласснымъ и занимаетъ мѣсто между умершимъ лордомъ Лейтономъ и находящимся въ живыхъ Альма Тадема. Сюжеты онъ беретъ большею частью изъ древнихъ временъ, но въ общемъ онъ довольно многосторонній художникъ. Акварель, мозаика, рисунки монетъ ему не чужды. Кромѣ того онъ долго читалъ въ университетѣ лекціи объ искусствѣ. Мѣсто директора національной галлерей онъ имѣетъ намѣреніе оставить за собою, хотя «Times» рѣшительно совѣтуетъ ему отказаться отъ него, указывая на то, что съ большимъ развитіемъ искусства, «Национальная Галлерей» пріобрѣтаетъ все больше и больше научнаго значенія, такъ что чрезвычайно трудно будетъ совмѣстить эти двѣ должности президента академіи и директора галлерей.

КЪ ПОРТРЕТУ.

К. Ф. Саксенъ—талантливый русскій художникъ, портретъ котораго и копію съ новой его картины мы помѣщаемъ въ этомъ же номерѣ. Первая картина его была помѣщена нами въ 1893 году въ нашемъ журналѣ (№ 41)—«Въ игорномъ домѣ». Картина эта была встречена общимъ одобреніемъ, также какъ и вторая, помѣщаемая въ этомъ номерѣ. К. Ф. Саксенъ родился въ 1865 году въ Петербургѣ: онъ сынъ русскаго подданнаго слѣб. купца Ф. И. Саксена. Соотвѣтственно желанію отца: первоначально сдѣлать сына коммерсантомъ, К. Ф. получилъ образованіе въ здѣшнемъ высшемъ коммерческомъ училищѣ, а затѣмъ по окончаніи онаго, для полученія практическихъ коммерческихъ знаній былъ посланъ за границу. Двухгодичное пребываніе К. Ф. въ конторѣ выяснило окончательно и безспорно, что онъ къ коммерціи вообще неспособенъ. К. Ф. почувствовалъ въ себѣ призваніе къ живописи. Въ 1884 году, отецъ К. Ф. согласился съ доводами сына, послѣ безконечныхъ и настойчивыхъ просьбъ, и рѣшилъ взять К. Ф. обратно въ Петербургъ, гдѣ затѣмъ позволилъ ему поступить въ петербургскую академію художествъ. К. Ф. посѣщалъ въ академіи вечерніе классы. Пробывъ въ петербургской академіи не болѣе полугода, К. Ф. рѣшилъ уѣхать въ Мюнхенъ и поступилъ въ тамошнюю академію; но и въ этой академіи онъ пробылъ не болѣе недѣли и еще лишній разъ убѣдился въ томъ, что не можетъ подчиниться никакой академической рутинѣ. К. Ф. началъ заниматься по живописи по своей методѣ. Въ 1888 году К. Ф. вернулся въ Петербургъ и занялся портретной живописью. Въ 1890 году молодой художникъ оставилъ Петербургъ и избралъ себѣ постояннымъ мѣстомъ жительства Мюнхенъ, гдѣ и продолжаетъ въ настоящее время жить и работать.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Плѣнный турокъ. Шутка въ одномъ дѣйствіи. И. Л. Щелл еа. Ц. 40 к.

И. Л. Щелловъ много уже писалъ для сцены, и его бойкія псевдальные пьесы, какъ напр.: «Въ горахъ Кав-

каза», пользуются большимъ успѣхомъ. Названная пьеска представляетъ собою игривую бездѣлушку, годную и для постановки на домашней сценѣ. Избалованный купеческій сыночекъ, попавшій въ казармы, подѣ солдатскую шинель—обросивъ легко, но типично.

Разсказы маленькимъ дѣтямъ. А. П. Михневичъ. Изд. М. М. Ледерле. Ц. 30 к.

У насъ въ дѣтской литературѣ образовался совсѣмъ оригинальный, весьма удачный способъ проводить въ беллетристическомъ разсказѣ тонкою нитью элементарныя научныя указанія, свѣдѣнія. А. П. Михневичъ искусно раскрываетъ своимъ маленькимъ героямъ, а конечно съ ними—и маленькимъ читателямъ—повседневныя, мелкія, попоны интереса тайны природы. Для дѣтскаго сердца и для дѣтской души есть много привлекательнаго въ природѣ и, конечно, миръ животныхъ, миръ растений непосредственно близокъ ребенку. Такими соображеніями руководствуется А. П. Михневичъ, разсказывая дѣтямъ интересные вещи и въ то же время незамѣтно уча ихъ.

ШАШКИ.

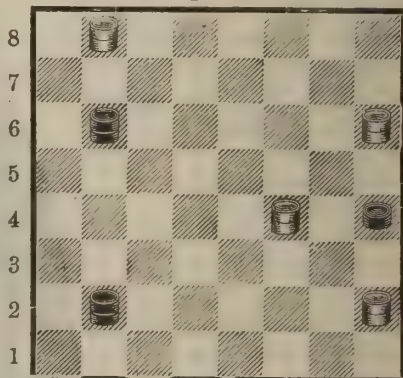
Подъ редакцію В. И. Шошина.

ЭТЮДЪ № 14.

Д. И. САРГИНА (въ Москвѣ).

Посвящается А. И. Шошину.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

ЗАДАЧА № 32.

Ф. М. Уткина (въ Муромѣ).

Изъ «Шахматнаго Обозрѣнія» 1893 г.

— a3, f2; — c1, d2, d4, e1, e3.
— a5, c7, f4, g5, g7.

ЗАПЕРЕТЬ ПРОСТУЮ.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 33.

И. Поспишля (въ Прагѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 2 хода.

25-го октября въ Москвѣ начался матчъ между В. Стойнинымъ и В. Ласкеромъ. Побѣдителемъ въ матчѣ будетъ признанъ выигравшій первымъ 10 партій; ничьи не считаются. Выигравшій матчъ получаетъ 2,000 руб., а проигравшій—1,000 руб. Кромѣ того, московскій шахматный кружокъ возмѣщаетъ всѣ расходы обоимъ игрокамъ.

новость **ДЛЯ ВОЛОСЪ** новостъ
экстрактъ НАРЗАНЪ
Средство для очищенія волосъ, уничто-
жаетъ головной жиръ

ДИОСПИРОСЪ

Краска для волосъ безъ липса. Придастъ
волосамъ желаемый цвѣтъ, не пачкаетъ
кожу и не содержитъ никакихъ вред-
ныхъ для здоровья веществъ. Цѣна бо-
лѣе 1 р. 75 к., мал. 1 р. 25 к., для
усовъ цѣна 75 коп.

Зубной Элексиръ ФРИНА

онъ освежаетъ ротъ и оставляетъ при-
ятный вкусъ во рту. Цѣна мал. фл. 40 к.,
средн. фл. 75 к., больш. фл. 1 руб. Раз-
рѣшено Врачебнымъ управленіемъ.
Главный складъ: В. О. Кадетская л. № 9.
Депю химическихъ лабораторій. Для гл.
торговцевъ дѣлается скидка.

№ 2305-4

ВЫИГРЫШ

име 1, 2 и 3 займы проактъ

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, НЕВСКІЙ, СПБ.

КОРНЕТЬ-А-ПИСТОНЫ

и всѣ др. духовые, мѣдные и
деревянные инструм. лты,
РОЯЛИ, ПІАНИНО
ФИСГАРМОНИИ.

Скрипки . . . отъ 2—100 р.
Гитары . . . 3—75 „
Валалайки . . . 1—20 „
Мандолины . . . 10—75 „
Цитры . . . 8—75 „

и всѣ проп. струнные, а также
и механические и самоигра-
ющіе инструм. и принадлеж-
ности рекомендуетъ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова.
Требуйте иллюстр. прейсъ-куранта

— БЕСПЛАТНО —

Лицамъ, интересующимся объявленіемъ
Бернотича въ Одессѣ, высылай брошюру
подъ заглавіемъ

КОЕ-ЧТО

ИЗЪ ИСТОРИИ ОДНОГО ИСКУССТВА
БЕСПЛАТНО.

Адресъ: Одесса, Гаванная
ул. (Сиповижа 405) д. Ж.
0. Бродскаго № 6/405, кв.
4. 5, безъ-этажъ.

Профессоръ мнемоники, членъ Париз-
ской Академіи С. Файнштейнъ.

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПІАНИНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ

НОВ. АМЕРИК.
констр. изм. п.
Зрота № 10 СПБ.

награда Большая Золотая Медаль въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г.

рояли и піанино америк. констр. совѣтъ новѣйш. усоверш.,
перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ,
двойн. резонансомъ (новостъ) и механикою съ самою луч. двойн.:
репетицією, пріятн. и сильн. тона. Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650,
750, 1000 и др. Піанино отъ Р. С. 375, 425, 460, 500, 550, 600 и
др. Армоніопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія
на нѣсколько лѣтъ. № 2324—33.

ИЗВѢСТНОЕ БѢЛЪЕ

Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворнымъ
Поставщикомъ

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ

изысканно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ
лучшаго полотнянаго бѣлья. Штукъ только нѣсколько копѣекъ.
При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой неприятностей. После
употребленія его бросаютъ. Настоянно новое, безукоризненно-си-
дающее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усилеиномъ по-
тѣи. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ и холостяковъ.
Ниже поименованные представители сообщать, по желанію, гдѣ
оно продается.

Танфани и Штейдль, Москва. Карлъ Шimmelъ, Садовая 18, С.-Петербургъ. Максъ
Тишбейнъ, Рига. Фабианъ Клингсландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

Варъзайте
на память

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Банданная Фабрика
МАРКУСА ЗАКСа
29-й Горюховой 29-й
у Именинаго мѣста 29-й
СПЕЦІАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
БАНДАННЫХЪ БАНДАЖЕЙ, НАВ-
РЮШИМЫХЪ СУСПЕНЗОРІА, РА-
БОТЪ ДРУГІХЪ ВОЗДУШН. ПОДЪДЪВЪ-
ЖЕНІЙ УСОБЖЕНІЙ И Т. Д.

КАБИНЕТЪ

ПАМЯТЬ

„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“.

(Что такое мнемоника?)

Книга (седьмое изданіе)

профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА
и печатныя условія заочнаго (письмен-
наго) курса изощренія и укрѣпленія памяти
и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.)
высылаются за шесть 7 коп. мар.; на теле-
графной бумагѣ въслѣдъ съ условіями—за
восемь 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго
на законахъ физиологіи, психологіи, логики
и педагогики, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ по-
терявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣ-
ющихъ плохую, и лучшей—у обладающ.
хорошей.

Въ несомнѣнной пользѣ и дѣлоспособности
этого метода убѣдились гг. врачи, пе-
дагоги, военные, студенты и тысячи дру-
гихъ лицъ разныхъ профессій, званій и
возраста, окончившихъ у меня курсъ
укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня
благодарности. (Условія за-курса безъ
книжки высылаются за одну 7 коп. марку).
Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Сип-
овижа Ж. О. 40) (рядомъ съ Горюховымъ садомъ)
д. Бродскаго № 640, кв. 4-5-8, безъ-этажъ.
Профессоръ мнемоники членъ Паризской
академіи С. Файнштейнъ. № 2328—21.

ФАБРИКА

музыкальныхъ

инструментовъ

торговаго дома

Андр. Емелъевича

КУЛАКОВЪ.

въ С.-Петербургѣ

Садовая ул. 33.

рекомендуетъ

ГИТАРЫ

солидной ра-

боты и отлич-

наго тона въ

2, 3, 4, 8, 10,

12, 15, 30, 50,

75 руб.

СКРИПКИ

въ 2, 3, 5, 6,

10, 15, 30, 100

рублей.

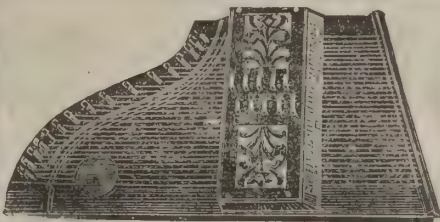
Юбилейный роскошно иллюстрированный
прейсъ-курантъ высылается **БЕСПЛАТНО.**

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ОЧЕРКЪ ПСИХОЛОГІИ

В. ВУНДТА.

Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Паперна. 224 страницы больш. формата. Цѣна 75 к.

2305-5

ФАБРИКА ТОРГОВАГО ДОМА

А. Е. КУЛАКОВЪ.

Контора и склады Садовая улица № 33 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Юбилейный роскош. иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается **БЕСПЛАТНО.**

ЦЫТРА-„АРФА“

съ 12 педалей, 24 струны, цѣна
5 р. 50 к., десять педалей 32
струны 10 р.

САМОУЧИТЕЛЬ по 50 к. и 1 р.
Цытра АРФА популярный и са-
мый наипростей для обученія
инструменту, на которомъ наж-
дѣ въ состояніи сыграть же-
лаемые пѣсни, при помощи пе-
далей получаютъ полные и прі-
ятные акорды.

НАСТОЛЬНЫЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ОКОНЧЕНЪ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА

МОСКВА,

Б. Никитская д. 5.

Изд. Т-ва А. ГРАНАТЪ и К^о. Цѣль изданія—въ краткомъ набо-
женіи дать точныя и обстоятельныя свѣдѣнія по каждому пред-
мету знанія, ознакомить съ основными выводами всѣхъ наукъ
и болѣе важными вопросами жизни и тѣмъ содѣйствовать са-
мообразованію и болѣе разностороннему развитію. Въ изданіи
принимали участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. Г. Вино-
градовъ, прив.-доц. П. И. Водосенскій, М. Я. Гершенштейнъ,
В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, прив.-доц. И. Я. Гурлинъ,
Г. А. Джаншиевъ, Я. Н. Колубовскій, проф. В. Ф. Левицкій,
д-ръ М. Е. Ломъ, прив.-доц. И. Л. Лосъ, проф. И. В. Луничъ,
П. Н. Милославскій, С. А. Муромцевъ, В. А. Мясотинъ,
проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, В. И. Острогор-
скій, проф. Э. Ю. Петри, А. С. Пругавинъ, проф. Э. Л. Рад-
ловъ, А. С. Размадзе, прив.-доц. А. Р. Свиридовъ, прив.-доц.
В. Д. Соколовъ, проф. А. С. Тауберъ, маг. М. И. Туганъ Ва-
рановскій, проф. Н. А. Умовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф.
О. Д. Хвольсонъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. В. Г. Щегловъ
и многіе другіе.

8 томовъ (бол. 11,000 столб., убористой печати), 71,890 статей и замѣтокъ, 1567
портретовъ и рисунковъ, 26 географич. картъ, 150 таблицъ рисунка и статистич. таблицъ.
Цѣна 38 руб., въ перепл.—42 руб. За пересылку 10 проц. Допускается разсрочка отъ
1 р. 20 к. въ мѣс. ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ съ отрывками печати, выдержка-
ми изъ текста и условіями разсрочки высылаются **БЕСПЛАТНО.** 2445—2.

Около 1000 машинъ РЕМИНГТОНЪ въ употребленіи въ
Министерствахъ въ одномъ Петербургѣ.
Общій свѣтъ около 150,000.

ФИСТАРМОНИИ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ФАБРИКЪ

**ШИДМАЙЕРА,
КАРПЕНТЕРА**

и другихъ лучшихъ фабрикъ:

въ 85, 100, 110, 130, 135, 150,
160, 180, 190, 200, 225, 240,
250, 300, 325, 350, 400, 450,
500, 550, 750, 800 и 1,000 руб.

Школа-самоучитель—Паке 2 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ
БЕСПЛАТНО. —39

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

1812.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1897.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й. — (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ) — ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й.

НА ГОДЪ:

8 РУБ.Съ доставкою и
пересылкою по
Имперіи.**СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА**

ПЕЧАТАЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

НА ПОЛГОДА:

4 РУБ.Съ доставкою и
пересылкою по
Имперіи.

Газета «Сынъ Отечества» въ 1897 году будетъ выходить подъ редакцію извѣстнаго русскаго писателя А. МИХАЙЛОВА (А. К. ШЕЛЛЕРА).

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ФОРМАТЪ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ.

Газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» съ 4-го октября 1896 года вступила въ восемьдесятъ пятый годъ своего существованія.

Газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» безусловно независимая и самостоятельная, попрежнему, служить общему дѣлу въ интересахъ дорогого Отечества, Церкви и Русскаго народа.

Въ виду совершенныхъ реформъ по улучшенію какъ внутренняго содержанія, такъ и внѣшняго вида, газета въ короткій срокъ снова заняла видное мѣсто среди ежедневныхъ изданій, что дало матеріальную возможность, не возвышая прежней скромной ея подписной цѣны, привлечь лучшія журнальныя силы къ постоянному сотрудничеству въ газетѣ и, такимъ путемъ, внести въ изданіе оживленіе и отзывчивость на всѣ общественныя явленія, а также увеличить размѣръ ежедневныхъ номеровъ газеты до формата дорогихъ большихъ столичныхъ изданій, помѣщая всѣ выдающіяся свѣдѣнія и извѣстія **ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.**

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» помѣщаются: руководящія политическія, экономическія, научныя статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызываемымъ общественною жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ и интересами всѣхъ сословій; административныя и придворныя извѣстія о церемоніяхъ и торжествахъ, а также корреспонденціи со всѣхъ мѣстъ Россіи, сообщаемыя специальными корреспондентами; телеграммы о всѣхъ событіяхъ (внутреннія и иностранныя); военное дѣло, сельское хозяйство, народная медицина, историческія статьи и замѣтки; торгово-промышленныя и биржевыя свѣдѣнія, судебныя отчеты, литературныя, театральныя, музыкальныя рецензіи, библиографіи, біографіи, некрологи современныхъ общественныхъ дѣятелей, спортъ и проч.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ помѣщаются новыя литературныя произведенія русскихъ и иностранныхъ писателей въ такомъ общемъ, какъ ни въ одномъ другомъ ежедневномъ изданіи.

Изъ краткой приведенной выше программы видно, что газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», въ обновленномъ видѣ,

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ, ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ, ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получаютъ бесплатно:

- 1) **52 НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ**, печатаемыхъ на веленовой глазированной бумагѣ, въ видѣ **ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА**, гдѣ помѣщаются: историческія и современныя романы, повѣсти, разказы и стихотворенія. Больше 300 художественныхъ рисунковъ, а именно: портреты историческихъ и современныхъ общественныхъ дѣятелей, историческія, бытовыя и современныя иллюстраціи, имѣющія непосредственное отношеніе къ совершившимся событіямъ, т. е. «злобѣ дня» за текущую недѣлю, а также карикатуры, шутливныя задачи и проч., что въ теченіе года составитъ большой сборникъ интересныхъ литературныхъ произведеній и иллюстрацій, всегда интересныхъ для чтенія и просмотра.
- 2) **ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ — «МОДЫ И РУКОДѢЛІЯ»**. Нумера выходятъ ежемѣсячно и замѣняютъ собою для семействъ дорогой специальный «Модный Журналъ». Въ каждомъ номерѣ помѣщаются рисунки костюмовъ, отличающихся изяществомъ и легкимъ исполненіемъ.
- 3) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ**, отпечатанный въ три краски, будетъ разосланъ, въ видѣ прибавленія, къ № 1-му газеты за 1897 годъ.

4) Въ числѣ 52-хъ воскресныхъ приложеній въ 1897 году будетъ выданъ

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго русскаго писателя **А. МИХАЙЛОВА — «ГРѢХИ ПРОШЛАГО».**

Это большое, еще не вошедшее въ полное собраніе сочиненій произведеніе популярнаго писателя, представляетъ громадный интересъ, такъ какъ выведенные талантливымъ авторомъ типы и характеры героевъ, а также поднятые въ романѣ вопросы — новы и интересны.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» (ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ):**НА ГОДЪ (съ доставкою) — 8 руб. На полгода — 4 руб. На три мѣсяца — 2 руб. На одинъ мѣсяць — ОДИНЪ РУБЛЬ.****РАЗСРОЧКА ВЗНЕСОВЪ НА ДРУГІЕ СРОКИ ДОПУСКАЕТСЯ** для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а для другихъ лицъ по соглашенію съ Конторою.**ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНІЕ** подписчиковъ газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», что они могутъ получать ежемѣсячно журналъ «ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» (дающій массу интереснаго чтенія) на льготныхъ условіяхъ, уплачивая, кромѣ подписной цѣны за газету, аккуратно по **ОДНОМУ РУБЛЮ** впередъ за два мѣсяца (всего 4 р. 50 к. въ годъ). Не внесшимъ до 1-го числа слѣдующаго очереднаго взноса — изданіе **НЕ ВЫСЫЛАЕТСЯ.**

Подписчики, желающіе получать газету и журналъ въ разсрочку, уплачиваютъ, при первомъ взносѣ, еще 50 коп. за печатаніе адресовъ и другіе канцелярскіе расходы. Мелкія суммы могутъ быть посланы почтовыми марками.

Требованія просимъ адресовать въ Главную контору: Невскій пр., у Аничкина м., д. № 68—40.

№ 45 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ съ половиною листовъ съ 8-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) «Еженедѣльная хроника» № 45-й, III) «Новѣйшія Парижскія Моды», № 11-й, IV) Раскрашенная картинка «Модные туалеты», V) Листъ выкроекъ и узоровъ и VI) Объявленіе.

Дозволено цензурою. Спб., 1 ноября 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1897 ГОДУ.

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРѢ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВСѢМЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ РАЗСЫЛАЕТСЯ:

Одиннадцатая книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений — «Домашняя Библіотекa», № II (за ноябрь 1896 года).

Всѣ нумера журнала сдаются на почту строго провѣренными и въ полномъ количествѣ всѣхъ тѣхъ приложений, о которыхъ заявляется въ нумерѣ. Не получившіе при нумерѣ какого либо приложения, благоволятъ заявить объ этомъ немедленно доставившему нумеръ журнала почтовому

служителю, а затѣмъ сообщить въ Главную Контору не позднѣе получения слѣдующаго нумера журнала, такъ какъ позднѣйшія претензіи почтamt не принимаются къ разсѣдованію, а высылать второй экземпляръ не всегда представляется возможнымъ для редакціи.

1796. — СТОЛѢТІЕ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. — 1896.

Сто лѣтъ тому назадъ, 6-го ноября 1796 г., къ великому горю всей земли русской, скончалась «мать отечества» — ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II, и съ этой величавой фигурой гениальной правительницы окончился блестящій, богатый славными событіями «екатерининскій вѣкъ». Петръ III (Феодоровичъ), назначенный императрицею Елисаветой Петровной наслѣдникомъ престола, по волѣ августѣйшей тетки своей, женился на принцессѣ ангальт-цербтской Софіи-Августѣ. Уже 14 лѣтъ принцесса Софія-Августа была призвана въ Россію, 15-ти лѣтъ приняла православіе и имя Екатерины Алексѣевны, а 16-ти лѣтъ сочеталась бракомъ съ Петромъ III, въ 1745 г. Одаренная гениальными способностями, глубокимъ и проницательнымъ умомъ, принцесса ревностно старалась ближе ознакомиться со своимъ новымъ отечествомъ, изучить его языкъ, понять душу его народа. И это удалось императрицѣ Екатерины Алексѣевнѣ... Въ то время какъ голштинскій принцъ Петръ Феодоровичъ оставался все-таки иностранцемъ, супруга его мало-по-малу превратилась въ истую русскую, умомъ и сердцемъ. Такой образъ дѣйствій неминуемо привлекъ къ ней много приверженцевъ, особенно горячими поклонниками Екатерины Алексѣевны были молодые офицеры гвардейскихъ петербургскихъ полковъ, а изъ этихъ офицеровъ — любимцы всей гвардіи: удалцы и богатыри братья Орловы. Въ 1761 году скончалась императрица Елисавета Петровна, и Петръ Феодоровичъ вступилъ въ пре-

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.
(Сконч. 6 нояб. 1796 г.).

столю. Какъ мы уже сказали — иностранецъ по духу, съ добрымъ, но слабымъ характеромъ, новый императоръ не могъ угадать духа времени, не могъ от- вѣчать его требованіямъ. Особенно вредили ему его горячія голштинскія симпатіи. Рос- сія, всего двадцать лѣтъ передъ тѣмъ осво- бодившаяся отъ тяжелаго кроваваго ига «биронорщины», Россія, перенесшая двѣ

тяжелыя войны — со шведами и семилѣтнюю — не могла быть покойна, видя опять наступив- шій фаворъ нѣмцевъ. Немногія разумныя и полезныя государ- ственныя мѣры Петра III про- шли незамѣченными. На матуш- ку-императрицу Екатерину Але- ксѣевну, любимую уже и вой- скомъ и народомъ, были устрем- лены всѣ глаза, всѣ ожиданія и надежды сходились на ней. И гениальная женщина не по- колебалась взять на себя тя- желое бремя царство-анія надъ неустроенной огромной импе- ріей: она чувствовала въ себѣ ги- гантскія силы, она давно уже любила Россію.

Твердую, мощную рукой взя- ла Екатерина II бразды прав- ленія. Сразу выказалась ея за- мѣчательная способность: вы- бирать себѣ сподвижниковъ изъ людей достойныхъ и дарови- тыхъ. Плеяда екатерининскихъ орловъ такъ блестяща, что не имѣетъ себѣ равныхъ. Екате- рина II, какъ и Петръ Вели- кій, была тоже «на тронѣ вѣч- ный работникъ». Возникновеніе оригиналь- ной, блестящей русской литературы, глу- боко-полезныя улучшенія и нововведенія въ дѣлахъ правленія, въ государственномъ устройствѣ, искусныя внѣшнія дипломати-

ческія сношенія, побѣдоносныя войны, прославившія русское оружіе — все это носило на себѣ слѣдъ генія новой императрицы, этой «Семирамиды сѣвера», какъ въ искреннемъ восхищеніи называлъ ее Вольтеръ. Первыми трудами Екатерины II было: улучшеніе русскаго законодательства и государственнаго управленія. Въ 1767 году въ Москвѣ открылись засѣданія «Коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія», состоящей изъ депутатовъ отъ разныхъ сословій и правительственныхъ мѣстъ. Для руководства этой коммисіи императрица составила сама свой знаменитый «Наказъ», гдѣ излагала свои новыя, гуманныя воззрѣнія на обязанности гражданина, на систему наказаній и другія важныя условія государственнаго строя. Внѣшнія происшествія прервали выполнение этой широкой задачи, но прямымъ слѣдствіемъ доставленныхъ коммисіей свѣдѣній явилось въ 1775 году учрежденіе о губерніяхъ. Вся Россія была раздѣлена на 50 губерній, и въ каждой губерніи образовано особое управленіе, чѣмъ Екатерина видимо хотѣла докончить дѣло Петра I, настойчиво сознававшего необходимость централизаціи мѣстныхъ областныхъ управленій. Въ то же время было издано императрицей новое положеніе о сословіяхъ, иначе называемое — «городовое положеніе». Городскіе обыватели, изъ числа податныхъ, раздѣлились на купцовъ, на мѣщанъ и на цехи ремесленниковъ. Изъ этихъ трехъ категорій состояла «общая городская дума», чѣмъ было положено начало городскому самоуправленію. Екатерина II позаботилась и о дворянствѣ. По-первыхъ, было подтверждено законъ Петра III о свободѣ дворянъ отъ обязательной государственной службы, срокъ которой былъ до того 25—30 лѣтъ. Отъ прямыхъ податей и тѣлесныхъ наказаній дворяне тоже были окончательно избавлены. Относительно крѣпостныхъ крестьянъ Екатерина II тоже думала ввести сначала улучшенія и облегченія, но внѣшняя политика отвлекла ее отъ этого важнаго вопроса, а въ послѣдствіи даже были приняты строгія мѣры противъ крѣпостныхъ крестьянъ. Продолжая мудрыя начинанія Петра Великаго, Екатерина II довершила «отобрание церковныхъ имуществъ»; въ 1764 году у монастырей и вообще духовенства были отобраны крѣпостные, болѣе 900,000 душъ, а взамѣнъ духовенству было назначено жалованье. По отношенію къ финансамъ государства Екатерина II тоже выказала кипучую дѣятельность. Въ 1768 году въ Москвѣ и Петербургѣ были учреждены, съ большимъ основнымъ капиталомъ «ассигнаціонный банкъ» съ цѣлью замѣнить огромное до неудобства количество мѣдной оборотной монеты бумажною, ассигнаціями. Екатерина II не пропустила также своимъ неослабнымъ вниманіемъ «питейныхъ сборовъ» и по утвержденію особой коммисіи была установлена признанная за выгоднѣйшую для государства «откупная система».

Перейдемъ теперь къ тѣмъ дѣламъ императрицы Екатерины II, которыя раздвинули и расширили пространство имперіи безъ войнъ. Малороссія, подпавшая давно уже подъ могучую московскую державу, все еще какъ будто сохраняла тѣнь автономіи, имѣла своего гетмана, особое подраздѣленіе. Это, конечно, не соответствовало понятіямъ геніальной правительницы о крѣпости и единствѣ государства, и вотъ уже къ 1783 году Малороссія была раздѣлена на губерніи, крестьяне прикрѣплены къ землѣ, церков-

ныя имущества отобраны. Когда-то буйная и грозная Запорожская сѣчь тоже должна была подчиниться новому порядку вещей и требованіямъ времени. Въ 1775 году это гнѣздо гайдамаковъ и казаковъ было занято русскими войсками. Часть вольнолюбивыхъ казаковъ ушла въ Турцію, часть переселилась на Кубань, для пограничной службы Россіи. Пустовавшія дотолѣ южныя степи Россіи населились нѣсколькими тысячами славянскихъ семействъ; у Волги, по самарскому краю, основались привлеченные льготами и выгодами иностранные колонисты. Въ Новороссіи населеніе увеличилось возвращенными и прощенными раскольниками; старообрядцы получили дозволеніе имѣть свои храмы, своихъ священниковъ. Послѣдніе, поставленные православными епископами, составили «единовѣрческую» церковь.

Какъ носительница гуманныхъ идей, какъ мудрая и проницательная государыня, императрица Екатерина II поняла, чѣмъ можно поднять нравственный уровень малокультурнаго русскаго общества. Она употребила для этого два могучіе двигателя: распространеніе образованія и поощреніе росту русской литературы. Была учреждена въ 1782 году «коммисія объ учрежденіи народныхъ училищъ», въ которой выработали планъ открытія повсемѣстно главныхъ народныхъ училищъ въ губернскихъ городахъ и малыхъ народныхъ училищъ въ уѣздныхъ городахъ. Кромѣ того предполагалось открыть нѣсколько университетовъ. Послѣднее не осуществилось, но открытіе народныхъ училищъ въ главныхъ городахъ принесло много пользы. Изъ военно-учебныхъ заведеній при Екатеринѣ II были учреждены: военные корпуса, инженерное и артиллерійское училища. Извѣстный дѣятель по дѣлу народнаго воспитанія Бецкій содѣйствовалъ основанію въ Москвѣ и Петербургѣ воспитательныхъ домовъ; онъ же подаль мысль основать при Смоленскомъ монастырѣ первое закрытое заведеніе для дѣвицъ. Все это, конечно, были еще начинанія, но положенныя такъ прочно, такъ геніально, что въ послѣдствіи дали обильные, богатые и пышные плоды. Наша литература подъ покровительствомъ свѣтлаго ума императрицы, подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей съ запада, зажила тоже въ эту славную эпоху новою жизнью. Еще живъ былъ Ломоносовъ, геніальный сынъ рыбака, и его согрѣла царственная милость Екатерины. Но уже выдвигались новые таланты, новыя силы. Поэзія окрѣпла и загрохотала уже самобытными, оригинальными и истинно-художественными аккордами державинской лиры, славившей «богоподобную Фелицу», иногда бросавшей стрѣлы желчной сатиры, иногда намѣчавшей высокіе пути, готовившіеся для чудной пушкинской музыки. Могучая фигура царедворца-поэта съ огромнымъ полчищемъ его твореній недаромъ высоко оцѣнена и высоко поставлена на уступахъ русскаго Парнаса. Княжанынъ, Богдановичъ, Капнистъ дѣятельно проби-вали тропинки на дѣвственной почвѣ русскаго литературнаго творчества. Главной характеристической чертой литературнаго екатерининскаго направленія является — сатира. Это весьма понятно. Тѣмъ невѣжествомъ, трясина предразсудковъ — эти два кита, на которыхъ держался строй тогдашней жизни, боялись одного только: громкаго смѣха, негодованія, прикрытаго колючей броней пронзительной насмѣлки. Только смѣхъ и публичное позорище могло заста-

вить тогдашнихъ недорослей взяться за указку, тогдашнихъ петиметровъ — поумнѣть и заняться дѣломъ. И вотъ отточенное перо Фонвизина бросило на погибель отживающему строю, прямо въ лицо ему, ѣдкую сатиру — «Недоросля» и «Бригадира». Вотъ блснуло незабвенное имя Новикова, благороднѣйшаго труженика въ области русской словесности, нападавшаго въ своихъ сатирическихъ журналахъ на обильные недостатки современнаго общества. Старый строй, задерженные обычаи, конечно, тоже опетились, вооружились, но уже противъ нихъ, съ богатой артиллеріей язвительной сатиры, двинулись: «Трутень», «Всякая всячина», «Адека почта» и еще многіе сатирические журналы екатерининской эпохи. Въ этой ожесточенной, плодотворной борьбѣ приняла участіе и сама державная повелительница государства. Въ 1769 г. императрица Екатерина II выступила впервые со своими сатирическими литературными произведеніями. Упомянутый журналъ «Всякая всячина» выходилъ летучими листками подъ негласнымъ наблюденіемъ самой императрицы. Въ 1783 году императрица выступила на поприще журнальной сатиры съ сочиненіемъ «Были и небылицы», помѣщеннымъ въ «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова». «Собесѣдникъ» былъ журналъ, издававшійся при академіи наукъ, подъ редакціей директора академіи — извѣстной сподвижницы императрицы и друга ея — княгини Дашковой. Въ области изящной словесности Екатерина II выступила со своими сатирическими комедіями, главнымъ образомъ бичующими современные пороки. Комедіи «О, время», «Имянины г-жи Ворчалкиной», «Обманщикъ» пользовались большимъ успѣхомъ. Своимъ сатирическимъ перомъ императрица поддерживала дѣйствіе своихъ гуманныхъ начинаній. Нельзя не отмѣтить также нравоучительныя сказки императрицы Екатерины II, имѣвшія воспитательное значеніе: «О царевичѣ Хлорѣ», «О царевичѣ Февѣ».... Кромѣ того, Екатерина находила время, среди тяжелыхъ занятій правленіемъ, и для чисто литературныхъ работъ, напимѣръ, для либретто комическихъ оперъ. Развѣтъ русской литературы при Екатеринѣ уже обѣщалъ многое, уже готовился выступить Карамзинъ и другія извѣстности. Обильный и хорошій посѣвъ готовилъ великолѣпную богатую жатву.

Велико число даровитыхъ дѣятелей на всѣхъ отрасляхъ государственной жизни при Екатеринѣ II. Съ ея именемъ, съ ореоломъ ея славы сливаются другія дорогія и памятные имена. Алексѣй Орловъ, графъ Панинъ, даровитый дипломатъ графъ Безбородко, князь Вяземскій, князь Потемкинъ, знаменитые полководцы — Румянцевъ и Суворовъ — все это были могучія силы, какъ нарочно соединившіяся волею высшаго порядка въ одну ослѣпительную плеяду. Но, какъ мы уже упоминали, страшно сложна и трудна была задача правленія такой огромной и малокультурной страной, какъ Россія. Несмотря на весь талантъ своихъ сподвижниковъ, на огромный запасъ своихъ собственныхъ силъ, императрица встрѣчала многія затрудненія и, къ сожалѣнію, не только въ борьбѣ съ внѣшними врагами, а и съ внутренними, такъ сказать, домашними неурядицами. Въ то время, когда Екатерина II одновременно воевала съ турками и съ Польскою барскою конфедераціей, въ степяхъ оренбургскихъ, въ краю индѣйскихъ казаковъ

вспыхнулъ мятежъ Пугачева, называвшагося императоромъ Петромъ Теодоровичемъ. Не вѣжественная, озлобленная масса крѣпостного народа, хищные казаки, недовольные раскольники съ восторгомъ приняли самозванца. Полчища его достигали колоссальныхъ размѣровъ, въ пустынныхъ краяхъ было мало войскъ. Пугачевъ взялъ много крѣпостей, взялъ Саратовъ, Пензу, сжегъ Казань; широко разлился кровавый призракъ мятежа вверхъ по Волгѣ, за Волгу. Съ этою стихійною неурядицею боролись посланные Екатериною II генералъ Бибииковъ, затѣмъ графъ Панинъ, былъ даже позванъ на помощь знаменитый герой Суворовъ. Пролитъ рѣки крови, погубивъ сотни тысячъ народа и, наконецъ, разбитый полковникомъ Михельсономъ, «маркизъ Пугачевъ» — какъ императрица называла его Гольтеру — былъ выданъ своимъ же въ 1775 году. Другая смута происходила въ Москвѣ, во время чумнаго повѣтрія, когда осы рѣившая и обезумѣвшая чернь убила архіепископа Амвросія, достойнаго пастыря, за то, что тотъ велѣлъ убрать любимую народомъ икону Богоматери, передъ которой собирались массы народа, заражавшія другъ друга. Это волненіе было усмирено княземъ Григоріемъ Орловымъ.

Перейдемъ къ многочисленнымъ и многотруднымъ войнамъ въ царствованіе Екатерины II. Исконный врагъ Россіи, турецкій султанъ, пользуясь тѣмъ, что Екатерина была занята усмирениемъ барскихъ конфедератовъ, объявилъ ей войну, которая продолжалась съ 1768 до 1774 года. Немного численно было русское войско, но во главѣ его стоялъ Румянцевъ. 1770 году доставилъ русскому оружію лавры Ларъ и Кагула. При Ларѣ Румянцевъ разбилъ 100-тысячную армию крымскаго хана; при Кагулѣ Румянцевъ съ 17,000 солдатъ уничтожилъ 150,000 турокъ подъ начальствомъ великаго визиря. Этотъ же годъ ознаменовался великолѣбною морскою побѣдою надъ турецкимъ флотомъ, въ Архипелагѣ, въ Чесменской гавани. Алексѣй Орловъ, адмиралы Спиридовъ и Грейгъ заперли турецкіе корабли въ гавань и сожгли ихъ всѣ. Алексѣй Орловъ за молодецкій подвигъ получилъ прозваніе Чесменскаго. Князь Долгорукій сдѣлалъ удачное движеніе на Крымъ. Три года еще длилась война; наконецъ, султанъ попросилъ мира. По Кучукъ-Кайнарджійскому миру, къ Россіи отошли: Азовъ, Керчь, Кинбурнъ; Крымъ получилъ независимость отъ Турціи; султанъ обѣщалъ уплатить 4½ милліона рублей контрибуціи. Прежній врагъ Россіи — Крымъ — былъ, однако, слишкомъ слабъ для самостоятельнаго существованія, и умѣлая дипломатическая тактика Екатерины сумѣла достигнуть того, что новый крымскій ханъ Шагинъ Гирей добровольно отрекся отъ власти, и богатый полуостровъ перешелъ въ подданство Россіи въ 1783 году. Около этого времени Екатерина II увлеклась, подъ вліяніемъ князя Потемкина, планомъ изгнанія турокъ изъ Европы и возстановленіемъ Греціи. Россія вошла въ соглашеніе съ австрійскимъ императоромъ, и вотъ въ 1787 г. снова вспыхнула война. На этотъ разъ съ русской стороны отличился всего болѣе Суворовъ, дѣйствовавшій подъ начальствомъ Потемкина. «Князь Тауриды» взялъ Очаковъ, а герой Суворовъ разбилъ турецкія полчища при Фокшанахъ, при Рымникѣ и отнялъ у нихъ геройскимъ приступомъ могучую крѣпость Измаилъ. Достигнувъ изгнанія турокъ не удалось: въ 1791 г. былъ заключенъ въ Яссахъ

миръ, по которому Россія получила мѣстность между Бугомъ и Днѣстромъ и утвердилась на берегахъ чернаго моря. Пока Суворовъ возился съ турками, шведскій король Густавъ III хотѣлъ отнять у Россіи Финляндію. Но морскія побѣды адмираловъ Грейга, Чичагова, Круза отразили новыхъ враговъ.

Теперь пора обратить вниманіе на долгую войну съ поляками, — такъ какъ Польша, собственно, тогда уже не существовала — и на важные результаты: возвращеніе Россіею западно-русскихъ областей. Это были послѣдніе счеты тщеславной и шумливой Польшы съ скрѣпшею, твердой Россіей. Екатерина II принадлежить честь окончанія этого многолѣтняго «спора слиявша между собою». Въ 1763 году по настоянію Екатерины II и Фридриха II прусскаго на польскій тронъ былъ избранъ графъ Станиславъ Понятовскій, и во время его правленія вліяніе Россіи на дѣла Польшы было почти безгранично. Екатерина II вступилась весьма энергично за угнетенныхъ православныхъ въ Польшѣ. Тогда нѣсколько польскихъ магнатовъ составили въ городѣ Барѣ конфедерацію въ 1768 г. — и повели возстаніе противъ Россіи и короля Понятовскаго. Русскія войска разбили поляковъ. Въ 1773 г. Россія, Пруссія и Австрія раздѣлили между собою всю обезсиленную и упавшую Польшу. Россія получила съвѣрь и востокъ Бѣлоруссіи.

Въ 1791 году польскіе патріоты, желавшіе возстановить свое королевство, затѣяли опять возстаніе. Королемъ былъ избранъ Станиславъ-Августъ изъ Саксонскаго дома, враждебная Россіи партія быстро росла. Но между поляками произошли несогласія, часть возставшихъ обратилась къ Россіи же за помощію. Силою оружія поляки были опять усмирены, и при второмъ раздѣлѣ Польшы Россія, по соглашенію съ Пруссіей, получила Волынскую и Минскую области. Не надолго покорились пламенные, но слабосильные польскіе патріоты; уже въ 1794 году опять вспыхнуло возстаніе, бывшее на этотъ разъ смертельной, послѣдней судорогой отжившаго королевства польскаго. Тайно подготовленное возмущеніе началось въ Краковѣ. Диктаторомъ возставшихъ силъ былъ популярный польскій полководецъ Косцюшко. Русскій отрядъ въ Варшавѣ былъ захваченъ въ располхъ. Но и эту отчаянную попытку подавили русскія и прусскія войска. «Finis Poloniae» — крикнулъ, проигравъ битву при Маціовицахъ, Косцюшко, и былъ взятъ въ плѣнъ. Суворовъ съ русскими войсками взялъ предмѣстье Варшавы — Прагу, и участь Польшы была рѣшена! По третьему раздѣлу, Россія получила Литву и Курляндское герцогство. Такъ могучъ и настойчивъ былъ политическій гений императрицы Екатерины II. Въ послѣдній годъ своей жизни, Екатерина II вела войну съ Персіей и, не окончивъ ея, скончалась 6 го ноября 1796 года, послѣ обильнаго событіями 34-лѣтняго царствованія.

Величавый образъ мудрой монархини, которая можетъ назваться второй преобразовательницей Россіи послѣ Петра Великаго, которая ода имѣла высокое право поставить Петру I-му достойный памятникъ съ простой надписью: «Петру Первому — Екатерина Вторая» — образъ этой монархини живъ и вѣченъ на скрижаляхъ исторіи. Она — какъ мудрый знающій архитекторъ намѣтила всѣ главныя черты плана для грядущаго непоколебимаго, величественнаго государственнаго зданія; она проложила не-

тинные пути, по которымъ ея потомки по вели Россію къ славѣ и силѣ. Послѣ ея кончины, наша родина, хотя истомленная боянами, хотя и не вполне освоившаяся съ нововведеніями — уже чувствовала возможность скоро расправить свои орлиныя крылья.

Да почитать же вся Россія столѣтнюю годовщину со дня смерти гениальной монархини Екатерины Великой!..

В. Л.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ и ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.

6-го ноября 1796 г. скончалась императрица Екатерина, и на престолъ всероссійскій взошелъ сынъ ея, Павелъ Петровичъ.

Новому императору было въ то время уже 42 года и не легкую школу жизни пришлось ему провести.

Великій князь Павелъ родился 20-го сентября 1754 г. Императрица Елизавета Петровна взяла его тотчасъ же на свое исключительное попеченіе.

Когда Павлу Петровичу было около 4 лѣтъ, Елизавета Петровна назначила къ нему гофмейстеромъ генералъ-поручика и дѣйствительнаго камергера Никиту Ивановича Панина. Сверхъ того, къ нему былъ представленъ цѣлый штатъ воспитателей и учителей, и его равно начали учить грамотѣ и ариметикѣ. При восшествіи своемъ на престолъ (28-го іюня 1762 г.), когда Павлу Петровичу было уже около 8 лѣтъ, Екатерина приглашала въ воспитатели къ нему извѣстнаго Даламбера, который отказался, однако, отъ этой высокой чести, и цесаревичъ остался на рукахъ графа Панина, помощниками котораго были: Порошинъ, оставившій столь любовитныя записки объ отроческихъ годахъ своего царственнаго воспитанника, Эллиусъ, Остервальдъ, Перфильевъ. Законоучителемъ великаго князя былъ назначенъ іеромонахъ Троицко-Сергіевской лавры, Платонъ, впоследствии митрополитъ московскій. Положеніе этого законоучителя было весьма затруднительно: онъ звалъ хорошо, какъ при всемъ виѣшнемъ уваженіи къ церковной обрядности, въ высшемъ столичномъ обществѣ и при самомъ дворѣ было мало лицъ истинно религіозныхъ; но онъ умѣлъ сохранить благотворное вліяніе на своего ученика, который во всю свою жизнь продолжалъ питать къ нему самую теплую привязанность и дѣлился съ нимъ самыми задушевными своими мыслями. Благодаря Платону, Павелъ остался навсегда глубоко религіознымъ. Порошинъ, человекъ весьма образованный, имѣлъ тоже хорошее вліяніе на него.

Природное слабое сложеніе Павла, неукрѣпленное съ его младенчества благоразумнымъ физическимъ воспитаніемъ, подвергало его частымъ заболѣваніямъ. Но слабость здоровья не мѣшала ему быть живымъ и рѣзвымъ ребенкомъ, по свидѣтельству Порошина, хотя ему приходилось расти одиноко, безъ товарищей-сверстниковъ. Лишь изрѣдка приглашались къ нему сыновья нѣкоторыхъ вельможъ: Шереметевъ, Разумовскій и др. Часте другихъ бывалъ племянникъ Панина, Куракинъ. Но, за то, къ столу великаго князя являлись постоянно взрослые лица: П. И. Панинъ, графъ Строгановъ, графъ Чернышевъ, голштинскій министръ Сальдернъ и проч. Многіе современники, въ томъ числѣ иностранные дипломаты, отдають справедливость быстротѣ ума, находчивости Павла, вѣсть

СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРС

Гравироваль на деревѣ исключительно для

ТОРЖЕСТВО ВЪ ДЕНЬ ЗАКЛАДКИ ВЪ

И АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ В. И. ЯКОБИ.

Пала «Живописное Обозрѣніе» Б. Пудъ.

И АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

его прирожденнымъ хорошимъ качествамъ.

Въ 1838 г., когда великому князю пошелъ 15-й годъ, Панинъ нашелъ полезнымъ ознакомить его съ началами государственной науки, т. е. «привести его къ познанію коммерціи, казенныхъ дѣлъ, политики внутренней и внешней, войны морской и сухопутной, учреждений мануфактуръ и фабрикъ, и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства». Наставникомъ по этимъ предметамъ былъ приглашенъ къ цесаревичу Тепловъ, — человекъ свѣдущій, но далеко не безупречнаго характера. Но кромѣ Теплова, въ число преподавателей къ великому князю были приглашены: Левеко, Николай и Лаферрьеръ. Эти лица познакомили Павла Петровича съ избранными произведеніями европейскихъ литературъ и развили въ немъ основательную любовь къ чтенію; онъ читалъ много, дѣлая выписки и извлеченія изъ прочитанныхъ книгъ. Между тѣмъ, цесаревичъ приходилъ уже въ возрастъ, и императрица озабочивалась пріисканіемъ ему невесты. Выборъ ея палъ на дочь ландграфа Гессенскаго, принцессу Вильгельмину, съ которою великій князь и вступилъ въ бракъ 29-го сентября 1773 г.; Супруга его, Наталія Алексѣевна, была женщина властолюбивая и рѣшительная. 5-го апрѣля 1776 года, великая княгиня скончалась отъ неблагополучныхъ родовъ.

Любящее сердце цесаревича было вполне вознаграждено, безавѣтною преданностью и любовью его второй супруги, принцессы вюртембергской Софіи-Доротеи, нареченной по святому муропомазаніи Маріей Θεодоровной. Первые года ихъ супружеской жизни протекали въ полномъ согласіи Марія Θεодоровна, кроткая и любящая, всецѣло преданная своимъ семейнымъ обязанностямъ, старалась сбодратить своего супруга, начинавшаго оказывать подозрительность и недовѣріе ко всему окружающему. Его рыцарски прямой, благородный характеръ, его величественная набожность не позволяли ему мириться со многими; съ своей стороны молодая великая княгиня, воспитанная въ строгихъ правилахъ, чуждалась большого двора, и это усиливало пристрастіе обоихъ супруговъ ко всему прусскому. Цесаревичъ видѣлъ въ Фридрихѣ II образецъ государственной мудрости, восхищался порядками его арміи, а Марія Θεодоровна была привязана къ нему родственными узами и тою благоговѣйною преданностью, которую ее родители питали къ великому королю. Лишенная счастья воспитывать самостоятельно своихъ дѣтей, она невольно переносила свои симпатіи на то, что было близко ей родной семьѣ и такъ цѣнилось тоже ее супругомъ.

Владѣя Павловскомъ и Гатчиною, цесаревичъ былъ истинно добрымъ владѣльцемъ этихъ двухъ мѣстъ, особенно Гатчины. Стараясь облегчить крестьянамъ ихъ тяготы, онъ помогалъ имъ ссудами, стараясь пріобрѣсти достаточнаго количества земли обезпечить труженикамъ безбѣдное существованіе, заботился объ устройствѣ пожарной части, производилъ эксплуатацию крестьянъ ростовщиками, устроилъ госпиталь на 100 кроватей съ бесплатнымъ въ немъ пользованіемъ; въ каждой волости, для лечившихся на дому, находились фельдшера, состоявшіе подъ надзоромъ окружнаго врача; опытная повивальная бабка обучала акушерству деревенскихъ повитухъ. Дѣти гатчинскихъ жителей, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, обучались бесплатно въ гатчинскомъ училищѣ; въ особомъ сиротскомъ домѣ солдатскія дѣти, сверхъ чтенія, письма и пр. пріобрѣтали

свѣдѣнія по разнымъ ремесламъ. На счетъ великаго князя въ Гатчинѣ были построены церкви: православная при госпиталѣ, затѣмъ общія для лютеранъ и католиковъ (богослуженіе совершалось поочередно); въ близкомъ посадѣ была еще финская кирка, и духовенство всѣхъ этихъ церквей получало содержаніе отъ цесаревича.

«Императоръ Павелъ, говоритъ Саблуковъ, былъ человекъ доброжелательный и великодушный, склонный прощать обиды, готовый каяться въ своихъ ошибкахъ, любитель правды, не вистникъ лжи и обмана, заботливый о правосудіи и гонитель всякаго злоупотребленія власти, въ особенности лихоимства и взяточничества.

Царствованіе императора Павла было кратковременно (1797—1801). 26 марта 1801 г. на престолъ вступилъ Александръ I.

Прошло сто лѣтъ съ того дня, какъ великая княгиня Марія Θεодоровна, супруга наследника Екатерины II, стала императрицей всероссійской.

Прошелъ цѣлый вѣкъ, пройдутъ еще вѣка, но имя императрицы Маріи Θεодоровны не умретъ въ памяти народной. Цѣлый рядъ благотворительныхъ или воспитательныхъ учреждений останется навсегда несокрушимой скрижалейю, на которой потомство будетъ читать лѣтописи добра и истиннаго поначенія о возраставшихъ поколѣніяхъ и объ обездоленныхъ судьбою.

Будущая русская государыня, вюртембергская принцесса Софія-Доротея, родилась въ Штеттинѣ, 14-го октября 1759 года. Отецъ ея, Фридрихъ-Евгеній, младшій членъ вюртембергскаго дома, занималъ второстепенное положеніе среди нѣмецкихъ князей и лишь под старость, въ силу сложныхъ фамиліальныхъ обстоятельствъ, былъ призванъ занять вюртембергскій престолъ. Могло быть, что родители малолѣтней принцессы мечтали уже заранѣе о ея бракѣ съ какимъ нибудь государемъ; такіе мечты были естественны для всѣхъ нѣмецкихъ княжескихъ фамилій того времени, видѣвшихъ въ подобномъ союзѣ единственное средство обезпечить свое положеніе; но, во всякомъ случаѣ, принцъ Фридрихъ-Евгеній и его жена постарались дать своей дочери возможно лучшее образованіе, и эта задача облегчалась для нихъ блестящими природными способностями самой юной принцессы. Мать ея, Фредерика-Доротея, дочь маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго и прусской принцессы, обращала большое вниманіе на воспитаніе своихъ дочерей, руководясь во многомъ идеями Руссо; даже много лѣтъ спустя въ своей перепискѣ съ дочерью, принцесса Фредерика-Доротея упоминаетъ объ «Эмилѣ», какъ о своей любимой пастольной книгѣ. Семья принца Фридриха-Евгенія не походила на семьи другихъ нѣмецкихъ фюретовъ, увлекавшихся безумнымъ подражаніемъ блеску, расточительности и легкости нравовъ французскаго высшаго общества. Принцесса Фредерика-Доротея наблюдала строгіи порядки чинности и благочестія въ своемъ домашнемъ быту. Дядя ея, Фридрихъ, король прусскій, могъ служить для нея образцомъ во многомъ, но, при всемъ своемъ благоговѣніи къ нему, принцесса умѣла, однако, избѣгать крайностей, не переводила бережливости въ скупость и старалась особенно о поддержаніи теплыхъ, дружественныхъ отношеній между членами своей многочисленной семьи. Идеаломъ принцессы было создать изъ своихъ дочерей хорошихъ семьянинокъ, заботливыхъ хозяекъ,

женщинъ религіозныхъ; она возмущалась такъ называемымъ «французскимъ» воспитаніемъ того времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ она понимала, что дочерямъ ея нуженъ тоже свѣтскій доскъ и старалась о развитіи ихъ артистическихъ способностей.

Императрица Екатерина, думая о бракѣ своего подроставшаго сына, обратила вниманіе на Софію-Доротею, во многомъ напоминавшую ее собственное дѣтство; но малолѣтство принцессы (ей было тогда около тринадцати лѣтъ) и другія соображенія остановили ея выборъ на принцессѣ дармштадской Вильгельминѣ, сестра которой была за послѣднимъ принцемъ прусскимъ. Король Фридрихъ искалъ сближенія съ русскимъ дворомъ и, благодаря его ловкости, принцесса Вильгельмина стала супругою великаго князя Павла Петровича, подъ именемъ Наталіи Алексѣевны (сентября 1773 г.). Но, менѣе чѣмъ черезъ три года (апрѣль 1776 г.), молодая великая княгиня скончалась отъ неблагополучныхъ родовъ, — императрица Екатерина, озабоченная новымъ бракомъ для сына, выбрала Софію-Доротею, намѣченную ей и прежде. Принцессѣ было тогда шестнадцать лѣтъ, и она была чрезвычайно образована для своего времени. Она начала учиться очень рано. Въ этомъ отношеніи мать ея отступила отъ правилъ Руссо, совѣтовавшаго не начинать ученія ранѣе 15 лѣтнаго возраста питомца; она не соглашалась и съ извѣстнымъ Базедовымъ, допускающимъ хотя и болѣе раннее обученіе, но лишь для мальчиковъ; для дѣвочекъ же, въ которыхъ этотъ педагогъ согласно старонѣмецкому взгляду на женщинъ, видѣлъ только будущихъ хозяекъ, онъ находилъ совершенно достаточнымъ самое элементарное образованіе. Но девятилѣтняя Софія-Доротея обучалась уже исторіи, географіи, геометріи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ ея дѣтская переписка. Позднѣе (около 1772—73 г.), она знакомится съ главными началами логики и психологіи, съ важнѣйшими свѣдѣніями изъ естествознанія; французскій и нѣмецкій языки усвоены ею съ дѣтства; къ нимъ прибавляется теперь итальянскій вмѣстѣ съ изученіемъ геральдики, знаніе которой считалось тогда обязательнымъ для лицъ высшаго общества. Безъ сомнѣнія, въ этой обширной программѣ были пробѣлы и недостатки, но она положила основаніе къ дальнѣйшему многостороннему развитію принцессы, внушивъ ей стремленіе къ обогащенію своего ума новыми познаніями. Принцъ Фредерикъ-Евгеній жилъ съ своею семьей сначала въ городѣ Трептовѣ, потомъ въ Монбельярѣ, городѣ небольшого графства, принадлежавшаго Вюртембергскому дому. Но княжескій дворецъ, находившійся здѣсь, не соответствовалъ скромнымъ привычкамъ принца и его супруги, и они перенесли свое лѣтнее мѣстопробываніе въ сосѣднее съ Монбельяромъ селеніе Эгюль, вездѣ здѣсь, среди прекраснаго парка, разныя постройки въ идиллическомъ вкусѣ. Въ этомъ прелестномъ мѣстечкѣ, княжескую семью окружало общество образованнѣйшихъ людей того времени; обычными гостями были здѣсь Шлоссеръ, землякъ и другъ Гете, Голландъ, извѣстный впоследствии писатель и ученый, и Моклеръ, сынъ лютеранскаго пастора, обучавшаго и Екатерину въ ея дѣтскіе года. Эти лица имѣли большое вліяніе въ развитіи молодой принцессы; жизнь ея въ Монбельярѣ и Эгюль протекала среди мирныхъ и занимательныхъ бесѣдъ, чтенія избранныхъ авторовъ, занятій рукодѣльями, музыкой, живописью, скромныхъ увеселеній и благотвори-

рительных дѣлъ. Эта идиллическая обстановка наложила свою печать на весь характер будущей русской государыни; но умилая красота природы и искусства, выдавая даже съ сантиментальность, молодая принцесса, съ тѣмъ вѣстѣ, имѣла здѣсь случай близко познакомиться съ практическою стороною жизни и потому, во всѣхъ своихъ послѣдующихъ начинаніяхъ, она не упускала никогда изъ вида именно прямыхъ, практическихъ цѣлей.

При выборѣ принцессы Софіи-Доротеи въ невѣсты русскому великому князю, король Фридрихъ не только не заявлялъ уже прежняго своего несогласія, но, напротивъ того, явно сочувствовалъ этому плану, видя въ немъ средство къ укрѣпленію своего вліянія на Россію. Вся мопбельярская семья была горячо предана Фридриху, какъ по родственнымъ, такъ и по политическимъ связямъ, и онъ надѣялся направить эту преданность въ свою пользу. Екатерина угадывала его планы, но она видѣла въ Софіи-Доротей такую невѣстку, которую желала: кроткую, красивую и здоровую, способную дать ей нукоть, которыми упрочивался бы порядокъ престопреемства въ Россіи. Первая супруга Павла Петровича, при своемъ властолюбивомъ характерѣ, не могла угождать своей державной свекрови, а неблагополучный исходъ ея родовъ лишилъ Екатерину желанной надежды имѣть царственного внука.

Согласно плану императрицы, принцесса Софія-Доротея должна была пріѣхать въ Берлинъ съ своею матерью; туда же въ сопровожденіи принца прусскаго, Георга, долженъ былъ пріѣхать великій князь Павелъ. Будущіе супруги встрѣтились впервые за ужиномъ у королевы прусской и произвели другъ на друга самое пріятное впечатлѣніе. Бракъ, предположенный, быть можетъ, преимущественно, по политическимъ расчетамъ, обѣщавъ быть и бракомъ по любви. Великій князь былъ невысокаго роста, но строенъ и весьма правильно сложенъ; глаза у него были прекрасные, въ нихъ свѣтилось остроуміе и доброта. Графъ Сольмсъ писалъ, незадолго до этого времени, барону Лесенбургу: «Въ великаго князя не трудно влюбиться всякой дѣвицѣ: онъ красивъ, манеры у него пріятны, онъ кротокъ, учтивъ, предупредителенъ, веселаго нрава... И подъ этой прекрасной наружностью душа превосходная»...

31-го августа 1776 г. принцесса Софія-Доротея, гостившая еще въ Мемелѣ лицами, посланными отъ русскаго двора ей на встрѣчу, пріѣхала въ Царское Село, гдѣ увидѣла, наконецъ, императрицу Екатерину, ожидавшую ее съ нетерпѣніемъ. Государыня приняла юную принцессу съ выраженіемъ истинно материнской любви, и эта нѣжность отразилась и на ея отношеніяхъ къ сыну, бывшихъ, до того времени, очень холодными. Сама Екатерина была очарована невѣстой великаго князя.

Англійскій повѣренный въ дѣлахъ Оксфордъ доносилъ тоже своему правительству о неотразимо-пріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ невѣстою великаго князя на весь дворъ. И принцесса, слыша оправданіе общаго о ней лестнаго мнѣнія, черезъ день по своему пріѣздѣ, не успѣвъ еще отдохнуть отъ длинной утомительной дороги, занималась уже изученіемъ православной вѣры подъ руководствомъ московскаго архіепископа Платона, объяснявшагося съ своею царственною ученицею по-французски. Вслѣдъ за тѣмъ, 11-го сентября, принцесса Софія-Доротея приняла православіе, при чемъ была наречена Маріею Оеодоровною. На слѣдующій день произошло ея

обрученіе съ великимъ княземъ, а 25-го октября совершилось самое бракосочетаніе высоконареченныхъ жениха и невѣсты. Цѣлый рядъ торжественныхъ празднествъ ознаменовалъ это радостное событіе.

Молодая великая княгиня вступила въ новую для нея жизнь, повидимому при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ: любимая супругомъ, сама обожаемая его, обласканная императрицей, она могла ждать только счастья; по ей пришлось скоро въ этомъ разочароваться. Слишкомъ несходенъ былъ ея взглядъ на жизнь, на семейныя обязанности, съ тѣмъ, что ее окружало. Екатерина требовала отъ своей невѣстки полнаго невѣдѣнія въ политическія дѣла, и въ этомъ она встрѣчала безусловную покорность со стороны молодой великой княгини, не имѣвшей ни малѣйшей склонности къ занятію политикой; по эта самая привязанность лишь къ одному семейному долгу мѣшала молодой великой княгинѣ оцѣнивать безпристрастно свою державную свекровь.

12 декабря 1777 г., великая княгиня счастливо разрѣшилась отъ бремени сыномъ, будущимъ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Это рожденіе скрѣпило вполне ея связь съ ея новымъ отечествомъ, и она писала московскому митрополиту Платону, своему бывшему наставнику: «Я очень счастлива, что, по волѣ Всевышняго, исполнились черезъ меня чаянія дражайшаго нашего отчества. Такое благодѣяніе Божіе признаю я съ благодарностью и чувствую не менѣ радости, въ которой вы столь искренно участвуете».

Эта естественная радость молодой матери была омрачена распоряженіемъ императрицы, вѣзавшей вслѣдъ за собой заботы о физическомъ и нравственномъ воспитаніи своего перваго внука, равно какъ и рожденныхъ впоследствии Маріею Оеодоровною дѣтей. Устраненная отъ этихъ, хотя и тяжелыхъ, но сладостныхъ заботъ, великая княгиня употребляла все свои досуги на пополненіе своего образованія. Она занималась со страстью музыкой, рисованіемъ, рѣзбою по кости и дереву, по, сверхъ того, расширяла кругъ своихъ свѣдѣній по математикѣ и физикѣ: подъ наблюденіемъ извѣстнаго Энциуса, брала тоже уроки русскаго языка у Пастухова, изучала географію Россіи подъ руководствомъ Пашеева. Стать совершенно русскою, какъ Екатерина, привезенная въ Россію 14-лѣтнею, она не могла, не могла она и усвоить себѣ русскаго языка въ такой степени, вслѣдствіе господствовавшего французскаго языка въ русскомъ высшемъ обществѣ, но она, по выраженію ея земляка, Массона, умѣла вполне заслужить любовь своихъ новыхъ соотечественниковъ своею добротою и добродѣтелями.

Лишенная заботъ о семьѣ, Марія Оеодоровна обращала свою потребность пещися о чемъ нибудь на возможное отвлеченіе своего супруга отъ тяжелыхъ думъ; съ этою цѣлью и удовлетворяя тоже своей любви къ природѣ и желанію воскресать вокругъ себя воспоминанія своего дорогаго дѣтства, она занималась украшеніемъ своей лѣтней резиденціи Павловска, пожалованнаго императрицей великому князю въ 1777 г., по бывшаго, въ то время, лишь глухою, дикою мѣстностью. Самый паркъ и художественныя сооруженія въ немъ напоминаютъ Мопбельяръ и Эгюль; здѣсь-же воздвигнуто нѣсколько памятниковъ, посвященныхъ лицамъ, нѣкогда дорогимъ сердцу императрицы. Она была вѣжно привязана къ своей семьѣ и потому были несказанно обрадована позволеніемъ императрицы на загранич-

ное путешествіе великаго князя. Молодые супруги подыменемъ графа и графини Сѣверныхъ, посѣтили Австрію, Италію и Францію, а на возвратномъ пути могли остановиться и въ Мопбельярѣ. Но имъ было не дозволено побывать и въ Берлинѣ: императрица опасалась возрастающаго вліянія прусскаго короля на великаго князя. Августѣйшіе путешественники были приняты повсюду съ большимъ почетомъ, но, принимая участіе во всѣхъ официальныхъ торжествахъ, они не забывали и тутъ цѣлей образовательныхъ, стараясь познакомиться со всѣмъ, что могло дать пищу ихъ любознательности. Они слѣдили и прежде съ живымъ интересомъ за умственной жизнью Парижа по обстоятельнымъ сообщеніямъ своихъ французскихъ корреспондентовъ, Лагарпа и Блэнъ-де-Сенъ Мора, такъ что ко многому были уже подготовлены, — хотя ко многому тоже они отнеслись весьма отрицательно. Парижская публика встрѣчала очень сочувственно царственныхъ гостей.

При возвращеніи великаго князя и супруги его изъ-за границы, самый близкій другъ и руководитель Павла Петровича графъ Панинъ вскорѣ умеръ. Это повергало въ грусть великаго князя; онъ находилъ одно утѣшеніе въ заботахъ своихъ объ украшеніи принадлежавшихъ ему Павловска и Гатчины. О первомъ изъ нихъ особенно заботилась Марія Оеодоровна, находя въ этомъ развлеченіе и отъ непріятностей, возникшихъ въ это время, въ ея собственной заграничной семьѣ. Она находила себѣ поддержку, среди этихъ горестей, въ постоянной и глубокой любви своего супруга. Ставъ императрицею, Марія Оеодоровна не оставляла своихъ прежнихъ занятій, но значительно расширила кругъ своей благотворительной дѣятельности, обративъ особенное вниманіе на женское воспитаніе. По смерти императрицы Екатерины она приняла въ свое завѣдываніе основанный покойною государыней Смольный институтъ и, въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ своего управленія, расширила или основала вновь множество подобныхъ же учрежденій. Сюда принадлежатъ: Сиротское училище (Маріинскій институтъ), училища ордена св. Екатерины (въ Петербургѣ и Москвѣ), Дѣвичье училище военносиротскаго дома (Павловскій институтъ), Патриотическій институтъ, Полтавскій институтъ, Акушерскій институтъ (въ Москвѣ), Повивальное училище (въ Петербургѣ), Александровское училище (въ Москвѣ), сельскій воспитательный домъ (въ Гатчинѣ), Харьковскій институтъ, училище для солдатскихъ дѣтей, училище для дочерей чиновъ черноморскаго флота, дома трудолюбія (въ Петербургѣ, Москвѣ и Симбирскѣ). Императрица Марія Оеодоровна заботилась объ обезпеченіи этихъ учреждений и съ матеріальной стороны: пяти столичнымъ институтамъ, она оставила, по завѣщанію, до 4 мил. рублей. У нея былъ свой взглядъ на воспитаніе, не согласный съ широкимъ планомъ Екатерины распространить образованіе во всѣхъ сословіяхъ безъ изъятія, чтобы создать «новую породу людей»; она стремилась болѣе лишь къ непосредственно практической постановкѣ дѣла и потому между всѣми ея воспитательными заведеніями проведено рѣзкое разграниченіе программъ, сообразно тѣмъ классамъ населенія, для которыхъ эти заведенія назначались, но при этомъ различіи, вызываемомъ мыслью о практическомъ приспособленіи ученія къ будущей судьбѣ питомцевъ, императрица одинаково простирала свою заботу

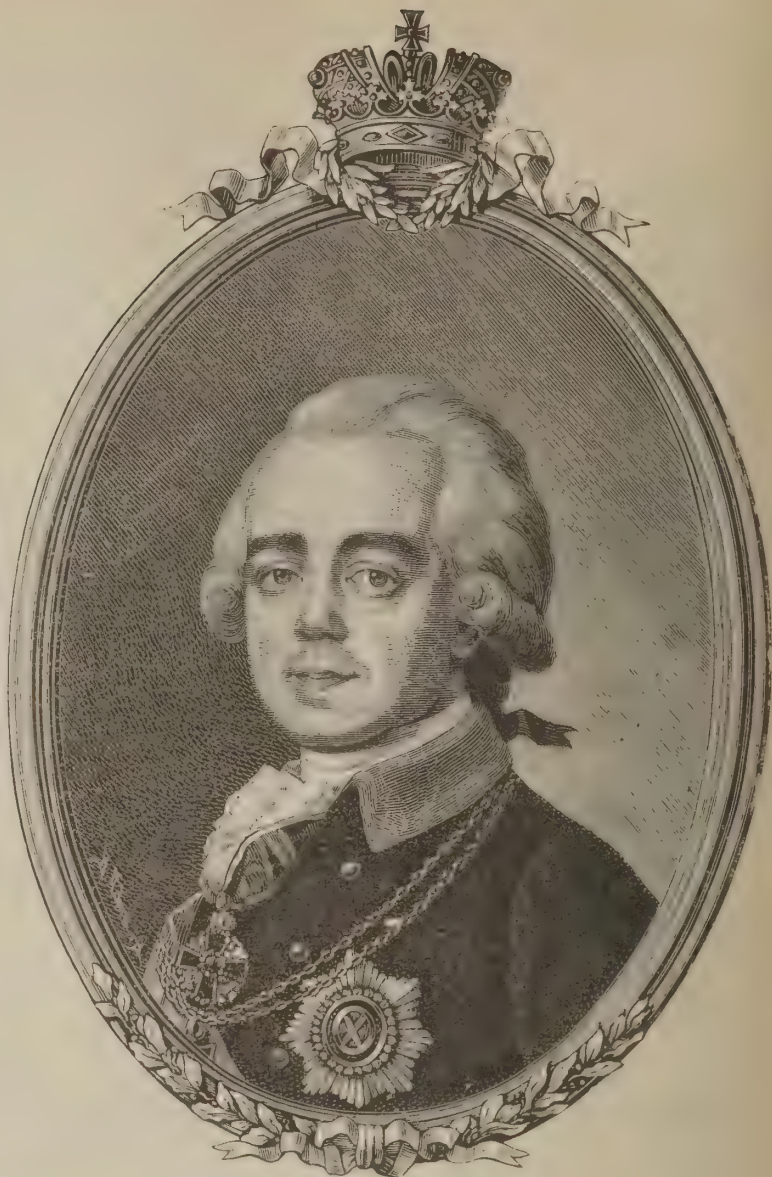

ИМПЕРАТРИЦА МАРІА ФЕОДОРОВНА.

на нихъ и для всѣхъ была истинной матерью. Она обратила тоже свое вниманіе на воспитательные дома для незаконнорожденныхъ; видя неудовлетворительность этихъ учреждений въ томъ, что число принимаемыхъ въ нихъ младенцевъ было неограничено, она опредѣлила его въ 500 дѣтей для каждой столицы; принсимыя сверхъ того дѣти должны были раздаваться въ казенныя деревни благонадежнымъ крестьянамъ, съ цѣлю пріученія къ сельскому домоводству; въ воспитательныхъ же домахъ должны были оставаться лишь самыя слабыя дѣти, требовавшія особаго попеченія.

Участіе Маріи Феодоровны въ государственной жизни, при царствованіи ея сыновей, Александра Павловича и Николая Павловича, ограничивалось исключительно заботою о женскомъ образованіи и благотворительными дѣлами.

Императрица, сдѣлавшая такъ много для блага Россіи, скончалась 24 октября 1828 г., на 69 году своей жизни. Она пользовалась всегда хорошимъ здоровьемъ, но оно значительно ослабло съ предшествовавшей еще осени, что заставило ее уделить менѣе времени своимъ художественнымъ занятіямъ и даже вовсе отказаться отъ любимой ею рѣзбы медалей. При этомъ, смерть ея ближайшаго дру-

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЬ I-й.

Е. И. В. Великій Князь
Константинъ Николаевичъ.
(Въ Бозѣ почившій 13-го января 1892 г.).

га, княгини Ливенъ, и постоянная тревога по случаю тогдашняго положенія политическихъ дѣлъ, окончательно потрясли ослабѣвшій организмъ всѣми обожаемой государыни. Последніе дни ея были запечатлены тою же кротостью и вниманіемъ къ окружающимъ, какъ и вся ея жизнь. Умилительно свидѣтельствуетъ о томъ разсказъ ея бывшей камеръ-юнкеры, Настасьи Петровны Чернышевой, описывающей болѣзнь и смерть императрицы въ письмѣ своемъ къ сестрѣ, находившейся при нидерландской королевѣ, Аннѣ Павловнѣ.

Въ память императрицы Маріи Феодоровны учрежденъ для женщинъ маринскій знакъ отличія за заслуги.
С. Варевскій.

СТОЛѢТІЕ ГОРОДА ПАВЛОВСКА.

1796—1896.

Павловскъ — созданіе энергіи великой княгини Маріи Феодоровны, сначала было только селеніе Павловское, а потомъ уже «городъ Павловскъ» который существовалъ уже сто лѣтъ. Съ этимъ городомъ, съ его живописнымъ мѣстоположеніемъ живо связано воспоминаніе о сіявшемъ всѣми добродѣтелями образѣ императрицы Маріи Феодоровны. Въ 1777

году двѣ деревеньки Ливна и Кузнецы были подарены, съ 362 десятинами земли, Екатериною II цесаревичу Павлу Петровичу и его супругѣ, а великій князь всецѣло предоставилъ этотъ кусокъ земли въ пяти верстахъ отъ Царскаго Села—великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Первыми зданіями въ мѣстности Павловска были охотничьи домики «Крикъ» и «Кракъ». Первый изъ этихъ домиковъ, сохранившійся донынѣ, былъ началомъ всего селенія Павловскаго. На берегу рѣчки Славянки, протекающей черезъ весь Павловскъ, есть обелскъ въ память основанія Павловска, сооруженный цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ въ октябрѣ 1782 г. Въ Павловскѣ, еще цесаревной, великая княгиня находила отдыхъ среди природы, ведя простой, тихій образъ жизни, счастливая въ кругу своей семьи. Сдѣлавшись императрицею, государыня Марія Ѳеодоровна все такъ-же осталась привязанной къ своему созданію. Въ 1796 году по смерти императрицы Екатерины II Павловскъ получилъ названіе и значеніе города.

Павловскій дворецъ, образовавшійся изъ увеселительнаго домика «Паульгуста», было еще въ 1782 году предпринято замѣнить новымъ дворцомъ; зданіе послѣдняго уже въ 1783 году

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня
Александра Іосифовна.

было готово вчернѣ, а въ 1784 году цесаревичъ съ супругою провели уже тамъ лѣтніе мѣсяцы. Великая княгиня Марія Ѳеодоровна, отличавшаяся благотворительностью, вскорѣ устроила въ своемъ Павловскомъ школу и богадѣльню. Императоръ Павелъ Петровичъ въ періодъ 1797—1800 годовъ часто посѣщали новый городъ, гдѣ дворцовые пышные праздники смѣнялись сельскими развлечениями и удовольствіями. Но праздникъ мальтійскаго ордена, устроенный императоромъ Павломъ I въ Павловскѣ былъ грандіозенъ; особенно блестяща и эффектна была церемонія съ факелами. По смерти императора, государыня Марія Ѳеодоровна рѣшила вполнѣ поселиться въ многолюдномъ уже и красиво застроенномъ Павловскѣ. Здѣсь, отдавая заботы свои на пользу страждущихъ, украшая Павловскъ и вводя въ немъ непрерывныя улучшенія, великая княгиня-благотворительница до 1828 года. Здѣсь поставила императрица величественный памятникъ «супругу-благодѣтелю»; здѣсь услышала государыня непріятныя вѣсти о кончинѣ великой княгини Александры Павловны — палатини венгерской, о кончинѣ великой княгини Елены Павловны и память объ авгу-

Его Императорское Высочество Великій Князь
Константинъ Константиновичъ.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня
Елисавета Мавриковна.

стѣйшихъ дочеряхъ была увѣковѣчена императрицей прекрасными монументами.

Въ этомъ же номерѣ нашего журнала мы помѣщаемъ портреты императора Павла I, императрицы Маріи Ѳеодоровны. Согласно завѣщанію императрицы Маріи Ѳеодоровны, 28 декабря 1828 года состоялся именной указъ императора Николая Павловича сенату о переходѣ Павловскаго имѣнія къ великому князю Михаилу Павловичу и далѣе «въ собственность мужского его поколѣнія съ тѣмъ, что въ случаѣ пресѣченія мужского поколѣнія его императорскаго высочества, Павловская вотчина переходить въ поколѣніе второго сына императора Николая I».

Великій князь Михаилъ Павловичъ значительно улучшилъ благоустройство города Павловска, увеличилъ число благотворительныхъ, учебныхъ заведеній и вообще много дѣлалъ благодѣлій жителямъ своей новой вотчины. Заботливость великаго князя о памятникахъ старины въ Павловскѣ была трогательна; на докладъ о ветхости дома «Крика» в. к. написалъ: «сколько можно его поддерживать, ибо одно изъ первыхъ основаній Павловска». Многія изъ улицъ самаго города Павловска проведены при в. к. Михаилѣ Павловичѣ. По смерти в. к. Михаила Николаевича Павловскъ, опять по именному указу, перешелъ въ собственность Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Іосифовна, вдовствующая съ 1892 года, — дочь герцога Саксенъ-Альтенбургскаго, родилась 26-го іюня 1830 г. и вступила въ супружество съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ 1848 г. 30-го авг.

Великая княгиня отличается обширною, сердечною благотворительностью и покровительствомъ искусствамъ. Сотни бѣдняковъ и, въ особенности, дѣтей благословляли и благословляютъ дорогое имя Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны.

Музыкальные дѣятели наши и петербургская консерваторія тоже многимъ обязаны великой княгинѣ, хорошо понимающей и любящей искусство, нерѣдко украшающая своими произведеніями музыкальное искусство, какъ талантливая композиторша.

Зданія, сады, паркъ и всѣ украшенія Павловска попрежнему оберегались въ полной сохранности таковыми, какими были во времена императрицы Маріи Ѳеодоровны. 26 лѣтъ назадъ къ многимъ благотворительнымъ заведеніямъ Павловска прибавилась еще школа для бѣдныхъ дѣвочекъ, состоящая и понынѣ подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны.

Въ 1877 году въ Павловскѣ была устроена обсерваторія.

Въ настоящее время владѣльцемъ всего Павловска состоитъ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Августѣйшій предсѣдатель императорской академіи наукъ. В. К. Константинъ Константиновичъ — покровитель наукъ и изящной литературы. Поэтическія произведенія Великаго Князя ставятся наравнѣ съ твореніями лучшихъ русскихъ поэтовъ. Кромѣ выдающихся чисто-художественныхъ достоинствъ, эти произведенія отличаются глубокою искренностью и сердечною. Императорская академія, подъ руко-

водствомъ Августѣйшаго предсѣдателя, славно подвизается на своемъ почтенномъ поприщѣ.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Мавриковна — принцесса Саксенъ-Альтенбургская, дочь герцога Саксенскаго, родилась 13-го янв. 1868 года. Въ 1884 году совершился бракосочетаніе Великой Княгини съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ.

Окрестности, мѣстоположеніе и вообще достопримѣчательности Павловска очень живописны; даже извѣстный В. А. Жуковский воспѣлъ берега рѣчки Павловска Славянки въ элегій: «Славянка тихая, сколь токъ пріятенъ твой!.. Прежде всѣхъ другихъ достопримѣчательностей парка въ Павловскѣ, снимки которыхъ помѣщаемъ мы сегодня назовемъ первымъ:

Большой дворецъ. Дворецъ, построенный въ 1784 году, заботливо украшенный императоромъ Павломъ I, любимый императрицей Маріей Ѳеодоровной — въ 1803 г. очень потерялъ отъ пожара, но въ томъ-же году былъ совершенно возстановленъ. Въ комнатахъ подъ названіемъ «общій кабинетъ» находится высокоинтересная семейная картинная галерея августѣйшихъ основателей дворца и ихъ потомства. Кромѣ того, богатая картинная галерея въ особомъ помѣщеніи отличается произведеніями кисти Рембранта, Корреджіо, Фанъ-деръ-Верфа. Художественный музей дворца состоитъ изъ многихъ прекрасныхъ статуй, мраморныхъ и глиняныхъ издѣлій. Затѣмъ замѣчательна бібліотека, вмѣщающая болѣе 20,000 томовъ, затѣмъ богатую коллекцію писемъ высочайшихъ особъ и многихъ семейныхъ реликвій.

Храмъ Дружбы — изящное зданіе это построено въ 1780—1782 годахъ. Ротонда обнесена колоннадой изъ шестнадцати дорическихъ колоннъ. Двери дубовыя съ бронзовыми украшеніями. Надъ входомъ — надпись: «Любовь, почтеніе и благодарность посвятили». Около «храма дружбы» растетъ сибирскій кедръ, посаженный въ Петергофѣ въ день рожденія цесаревича Павла и перевезенный въ Павловскъ. Тутъ-же растетъ серебристый тополь, любимое дерево, посаженное, по преданію, императрицею Марією Ѳеодоровною.

Пиль-Башня. Башня эта, построенная еще въ 1785 г., находится на берегу рѣчки Славянки и представляетъ собою остатокъ древней водяной мельницы, съ которой связано много преданій. Снаружи башня росписана фресками, внутри тоже украшена живописью, съ балкона ея — прекрасный видъ. Императрица Марія Ѳеодоровна часто любила заниматься литературою и живописью въ жаркіе дни подъ прохладными сводами «Пиль-башни».

Розовый Павильонъ. Эта мѣстность самая поэтическая во всемъ паркѣ. Розовый павильонъ построенъ въ честь государя Александра I. Послѣ взятія Парижа, побѣдитель Наполеона увидѣлся въ первый разъ по разлукѣ съ августѣйшею матерью. Здѣсь вѣчная мать императрицы Марія Ѳеодоровна встрѣчала празднествами и торжественными гимнами Побѣдоноснаго Сына. «Розовый павильонъ» построенъ въ 1813 году, это — домикъ съ куполомъ, съ флигелями въ греческомъ вкусѣ. Кисти Гонзаго и Бруни украсила павильонъ яркими фресками. Въ альбомахъ павильона, въ комнатахъ съ очень скромнымъ убранствомъ, писали: Карамзинъ, Нелединскій-Мелецкій, Жуковский, Крыловъ,

Глинка, — литераторы, обласканные привѣтливостью императрицы Маріи Ѳеодоровны. Вокругъ «Розоваго павильона» были разставлены карусели, качели и другія удовольствія для дѣтей обитателей гор. Павловска, что сохранилось и до сихъ поръ, вызывая благодарность мѣстныхъ жителей къ августѣйшимъ хозяевамъ.

Башня Маріенталь — напоминаетъ о древнемъ шведскомъ владычествѣ въ этой мѣстности. Во времена Павла I это зданіе, построенное на мѣстѣ прежняго шведскаго укрѣпленія, имѣло видъ форменной крѣпости, съ гарнизономъ, съ подъемными мостами. Главная часть Маріентала круглая башня съ куполомъ, отъ которой наружный ходъ по кровлѣ во вторую башню съ зубцами. Третья башня четырехугольная; подъ ней — «Никольскія ворота». Надъ воротами гербъ мальтійскаго ордена, доска съ датой постройки башни и другая доска со слѣдующею интересною надписью:

«Валъ сей остатокъ укрѣпленія, сдѣланнаго шведскимъ генераломъ Кроніортомъ въ 1702 г., когда онъ, будучи разбитъ околнѣющимъ Апраксинимъ, ретировался черезъ сей пость къ Дудоровой горѣ».

Валы и рвы и пушки на стѣнахъ дополняютъ впечатлѣніе крѣпости.

Эта постройка, находящаяся въ самомъ городѣ, запята теперь присутственными городскими аппаратами и бесплатными школами. Каждый павильонъ, каждое шале въ Павловскѣ дышетъ стариной, что еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе, производимое красотою окрестностей. Даже каменный краковскій мостикъ, помѣщаемый нами въ этомъ номерѣ, сохраняетъ строгій характеръ достопримѣчательной старины и весьма эффектенъ, какъ пейзажъ.

Изъ меньшихъ по размѣру, но все же весьма интересныхъ построекъ въ паркѣ Павловска мы упомянемъ тоже нѣкоторыя:

Старое шале — одноэтажная круглая хижина въ швейцарскомъ вкусѣ построена въ 1780 г. При жизни императрицы Маріи Ѳеодоровны при этомъ домикѣ былъ разбитъ огорокъ, гдѣ работали августѣйшія дѣти государыни.

Хижина пустынника (Эрмитажъ), съ которой связано преданіе объ императрицѣ Екатеринѣ, посѣтившей жившаго здѣсь монаха — тоже построена въ первые годы основанія Павловска.

Молочный домикъ, — построенный въ 1782 году, очень незатѣйливъ по архитектурѣ. Одноэтажное зданіе изъ булыжниковъ, съ высокой кровлею, края которой образуютъ широкій навѣсъ, предназначалось для угощенія молокомъ гуляющихъ въ паркѣ.

Новое шале, — очень красивое каменное небольшое зданіе, покрытое платформою; платформа поддерживается древесными столбами. Съ этой платформы прекрасный видъ, которымъ любовалась часто императрица Марія Ѳеодоровна.

Птичникъ, или Вольеръ, возникъ въ 1782 году — одноэтажное зданіе, состоящее теперь изъ залы и двухъ боковыхъ комнатъ. При императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ Вольеръ былъ населенъ птичками мелкой породы; отсюда его названіе.

Кромѣ памятника основанія Павловска, въ послѣднемъ есть еще много прекрасныхъ монументовъ.

Памятникъ родителямъ — сооруженіе императрицы Маріи Ѳеодоровны въ честь родителей ея герцога Фридриха-Ев-

генія и герцогини Фридерики-Софии-Доротеи вюртембергскихъ. Памятникъ имѣетъ видъ полукруглаго храма съ колоннами. Внутри чудные медальоны-барельефы.

Памятникъ супругу, — возникшій по мысли неутѣшной супруги императора Павла I, представляетъ собою древне-греческій храмъ, во внутренность котораго ведетъ желѣзная дверь. Въ полутемной залѣ съ потолка виситъ урна; на гранитной пирамидѣ медальонъ императора Павла I. Передъ ликомъ супруга поникла вѣнчательною главою императрица. На низкомъ пьедесталѣ барельефъ, изображающій осиротѣлое августѣйшее семейство Павла I. Памятникъ созданъ рѣзцомъ Мартоса. Въ печальные годы вдовства императрица Марія Ѳеодоровна любила гулять около памятника незабвеннаго супруга. Это мѣсто вообще производитъ глубокое и сильное впечатлѣніе. Здѣсь царятъ воспоминанія!..

ЭКСТРЕННОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Ихъ Императорскія Величества

Императоръ Николай Александровичъ

и
Императрица Александра Ѳеодоровна

съ
Е. И. В. Великою Княжною Ольгою Николаевною.

7-го ноября исполнилась первая годовщина высокородостнаго дня рожденія Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны, а потому мы помѣщаемъ гравюру, воспроизведенную съ фотографіи, изображающую Августѣйшихъ Родителей и Е. И. В. Великую княжну Ольгу Николаевну.

ЧАСТЬ ПОКОЯ.

(Изъ Ады Негри).

Нынче ночью съ неба поцѣлуи сыплются,
Точно хлопья снѣжные, плавные и чистые,
Сыплются сладчайшіе
Съ неба, гдѣ купаются звѣздочки лучистыя.

* *

Сыплются на очи, что любовь преслѣдуетъ,
Точно тѣнь несчастія, скорбно-безпошадная,
— Очи потускнѣвшіе, очи, гдѣ чуть теплится
Вѣра безотрадная.

* *

Сыплются на тѣло, ждущее объятія
И восторговъ трепетныхъ и минуты радостной.
О, свѣтильникъ пламенный, кротко умирающій,
Лилія, увядшая отъ истомы сладостной!

* *

Сыплются на сердце, полное желаніемъ,
Сердце, утомленное страстью безнадежною,
Радостью несбыточной, вѣчнымъ ожиданіемъ,
Что кричить мятѣжное: «О, любви! Любви!»

* *

Нынче ночью съ неба поцѣлуи сыплются,
Тихіе, безмолвные, благодарно-дивные,
Утоляя горести, вздохи, бредъ мучительный
Осушая жгучія слезы непрерывныя.

А. Ѳеодоровъ.

СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ.

Разсказъ.

I.

— Не плачь, мамуся...

— Ахъ, Боря, какъ я несчастна въ дѣтяхъ...

Дочь не принята на казенный счетъ въ институтъ, а ты долженъ бросить гимназію за невзносъ платы... Такъ и гибнуть наши дѣти... Умреть кормилецъ-отецъ, и остается семья нищихъ. У крестьянъ лучше, чѣмъ у насъ. Но неужели никто не могъ внести за тебя?

— Я вѣдь не одинокъ... За многихъ внесли, но у меня былъ худой баллъ въ поведеніи... Я нагрубилъ классному надзирателю... Да ты не плачь, мамуся.

Восемнадцатилѣтній юноша не могъ, однако, удержать собственныхъ слезъ и вынулъ платокъ изъ кармана.

— Не придумаю... Ничего не придумаю! Остался только одинъ годъ тебѣ... Вся надежда была на тебя. Если бы было что заложить, но уже все прожито у насъ.

— Теперь, мамуся, поздно...

— Не примутъ?

— Я думаю... Последній срокъ пропущенъ.

— Да и что значать сроки въ нашемъ положеніи, перебила мать. Около двадцати рублей пенсій... А жить чѣмъ, если заложить на нѣсколько мѣсяцевъ пенсіонную книжку?

— Мамуня, ты не плачь... Право, не плачь. Я не виноватъ.

— Милый мой! Жаль мнѣ тебя... Ахъ, какъ жалъ! Натерпѣшься ты въ жизни... Теперь и съ образованіемъ-то бѣдствуютъ. Бѣдный мой мальчикъ.

— Тебѣ бы было хорошо, мамуня, а я не пропаду, — съ воодушевленіемъ отвѣтилъ онъ ей. — Я мужичина...

Мать подняла на него въ упоръ заплаканные глаза и въ нихъ блеснуло чувство радости и восторга.

«Да, онъ уже скоро будетъ мужчиной», — подумала она, все еще любясь живымъ портретомъ своего покойнаго мужа. Она взяла его за руки и посадила рядомъ съ собой на диванъ.

— Дорогой мой, Боря...

— О, мамуся моя...

— Знаешь, Борисъ, пройдемся немного... душно у насъ... Сегодня не холодно?

— А все-таки, мамуся, падѣнь шубу... Коротенькую, мѣховую.

Онъ заботливо помогалъ ей въ передней, называя ее разными ласкательными именами. Они вдругъ забыли свое горе. Морозный воздухъ, съ легкимъ вѣтромъ, не мѣшалъ имъ говорить другъ съ другомъ.

— Для карьеры, мама, нужна протекція, а не дипломы...

— Не говори этого...

— Право, мама... Я знаю это хорошо.

— Откуда ты знаешь?

— Всѣ такъ говорятъ... Въ книгахъ тоже самое пишутъ. Я поѣду въ Петербургъ... Тыпусти меня.

— На какія же ты средства будешь жить?

— А здѣсь-то на какія? Сидѣть на твоей

шеѣ? Ни за что! Я много читалъ о томъ, что въ Петербургѣ есть хорошіе люди... Литераторы, профессора, молодежь... Я найду къ одному писателю и расскажу ему свое положеніе.

— Ахъ, Боря! Тамъ и безъ тебя столько студентовъ... Ты еще совсѣмъ мальчикъ...

— Тебѣ вѣдь, мама, хватаетъ твоей пенсій? Я не буду брать у тебя ничего... А оставаться здѣсь безъ дѣла гораздо хуже, чѣмъ искать счастья въ столицѣ. Тамъ есть хорошіе люди. Есть!

Его юношеская вѣра и въ писателей, и въ хорошихъ людей сообщалась и матери. Она еще болѣе была идеалисткой и охотно вѣрила тому, что честному и развитому человѣку не дадутъ погибнуть въ столицѣ.

Ровно черезъ недѣлю Борисъ Лавровъ былъ въ Петербургѣ, а мать осталась одна въ провинціи.

II.

Къ счастью онъ не ошибся въ любимомъ писателѣ, отождествляя автора съ его произведеніями. Писатель выслушалъ его съ участіемъ и разрѣшилъ ему бывать у себя. Въ слѣдующій визитъ онъ посоветовалъ ему лучше вернуться въ провинцію и изучить жизнь на мѣстѣ.

— Вамъ нравятся литературныя занятія, — сказалъ онъ, — но литература — это судъ надъ жизнью. А вы ее совсѣмъ не знаете... Вы составили себѣ о ней представленіе по моимъ романамъ, но она гораздо сложнее. Россію надо изучить въ провинціи и, послѣ этого, пріѣзжайте къ намъ писать о ней.

Молодого человѣка, однако, тянуло къ центру просвѣщенія, и онъ не торопился слѣдовать мудрому совѣту.

— А пока... Что же дать вамъ для работы? Вотъ переведите...

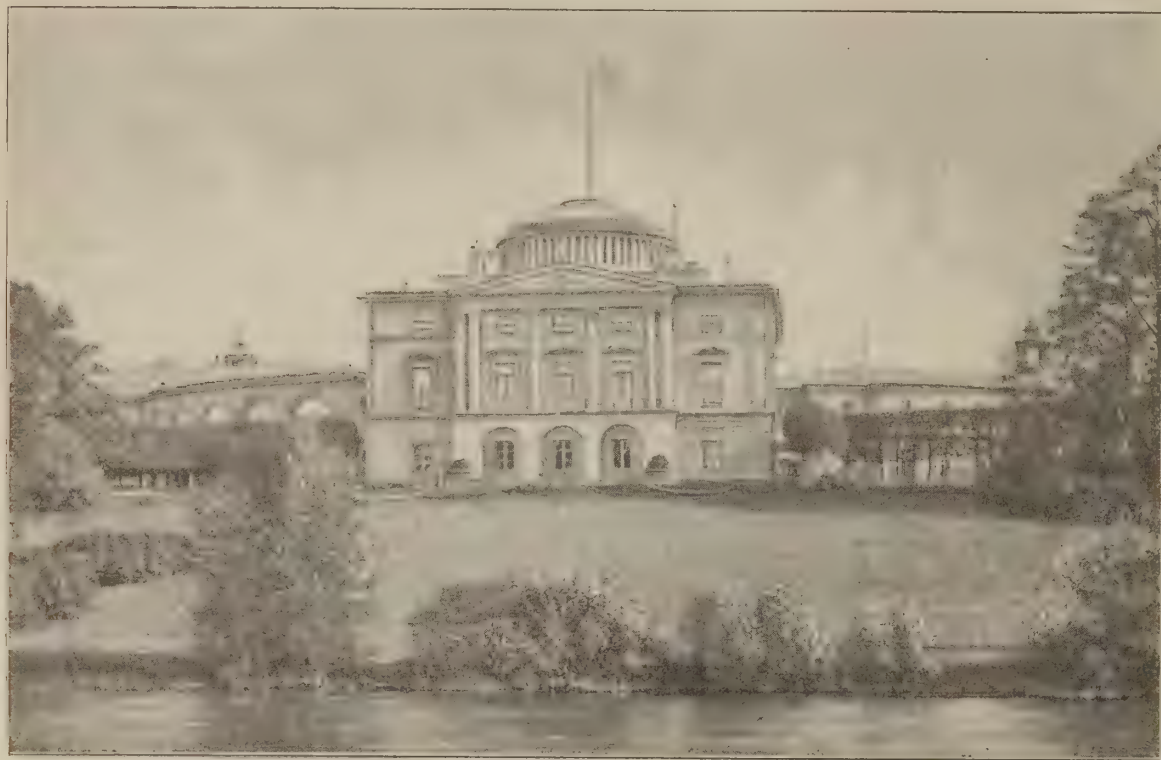
Это былъ первый заработокъ Лаврова. Потомъ опять такой же и опять... Вдругъ онъ узналъ, что вырванные листки изъ французскаго романа давно уже переведены въ томъ же журналѣ, гдѣ работалъ покровительствующій ему писатель.

— Не хочу, не хочу даромъ брать у него деньги, — воскликнулъ со слезами въ голосѣ Лавровъ у себя въ комнатѣ. — Онъ даетъ мнѣ свои деньги подъ переводъ, который ему не пуженъ. Я завтра же отнесу ему эти листки и болѣе не буду брать. Скажу, что уѣзжаю въ провинцію изучать не книги, а жизнь...

Онъ разсмѣялся горькимъ смѣхомъ и задумался о своемъ будущемъ. А это будущее было уже въ дверяхъ, и ему приходилось черезъ два дня платить за комнату. Онъ переѣхалъ въ другую комнату, окно которой выходило не на дворъ, а въ кухню.

— Все же лучше, чѣмъ уголь съ ширмами...

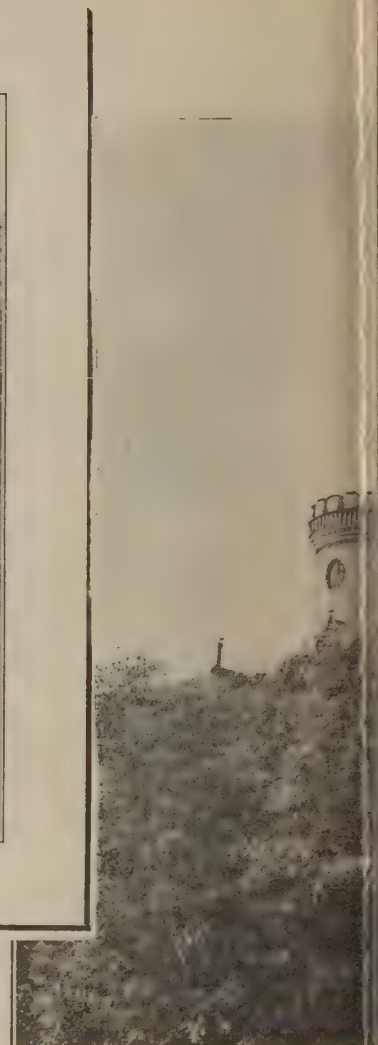
Но и за эту комнату черезъ мѣсяцъ нечѣмъ было платить. Онъ занялъ уголь, а матери писалъ, что имѣетъ педурной урокъ и не бѣдствуетъ. Потянулись безконечные дни нужды и безработицы. Онъ бросался изъ одного учрежденія въ другое и вездѣ требовали рекомендательныхъ писемъ сильныхъ людей или прямо отказывали въ мѣстѣ. Лавровъ сталъ заходить въ мелочныя лавочки, разговаривалъ съ простыми людьми на копейкахъ, на аликъ при переѣздахъ черезъ Нева и прежде всего старался узнать, кто изъ нихъ семейный, и не нужно ли учить ихъ дѣтей грамотѣ. Иногда эти разговоры достигали своей цѣли и однажды ему удалось сдѣлаться учителемъ нѣсколькихъ взрослыхъ рабочихъ съ одной изъ нашихъ фабрикъ. Странствующій учитель перебивался такимъ неопредѣленнымъ

Павловскій дворець.

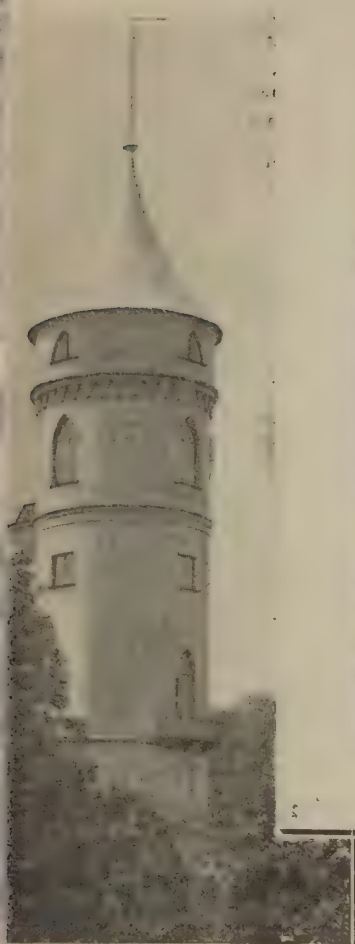
Шиль-башня.

Мал

Розовы

ль.

КРИКЪ-КРАКОВСКИЙ МОСТЪ.

ЦБОНЪ.

ХРАМЪ ДРУЖБЫ.

образомъ цѣлыхъ два года и въ это время успѣлъ уже обрости бородкой. Но такое учене не могло быть постояннымъ и однажды оно оборвалось совсѣмъ, по неимѣнію учителя установленнаго на преподаваніе правъ. Къ этому времени относится случайное его знакомство съ однимъ богатымъ артистомъ, принявшимъ въ немъ самое теплое участіе. Артистъ нигдѣ не служилъ, но жилъ на широкую ногу. Онъ заказалъ молодому человѣку переписку нотъ за очень высокую цѣну, дѣлалъ ему подарки, ввелъ его во многіе богатые дома, и, наконецъ, предложилъ ему занять въ его квартирѣ одну изъ комнатъ.

«Все это за переписку нотъ?» размышлялъ Лавровъ въ первый день переезда къ нему и, по чистотѣ своего сердца, долгое время не чувствовалъ компрометирующаго свойства новаго знакомства, пока не узналъ, что его хозяинъ состоитъ агентомъ какой-то негласной брачной конторы и уже готовится продать его за изрядный кушъ пожилой вдовушкѣ.

«Всѣ поддѣлы!» рѣшилъ Лавровъ въ отчаяніи, покидая теплую квартиру и выходя безцѣльно на улицу. «Въ мѣняльную лавку съ вожемъ я не пойду, а лучше попробую достать въ аптекѣ сильно дѣйствующее средство».

Но и тутъ ему не повезло.

— Безъ рецепта доктора не даютъ...

Онъ отеръ руками полные слезъ глаза и пошелъ бродить по улицамъ столицы. Часто изъ груди его вырывались громкіе вздохи, и онъ сдерживалъ съ трудомъ крики:

— Клевета... Обманъ... Одинокство... Бѣдная мама, и ты также одинока! Жива ли ты? Я не могъ притворяться и пересталъ писать тебѣ...

— Господинъ, подайте на ночлегъ...

— Пошла прочь, негодная обманщица! — крикнувъ онъ на малолѣтнюю дѣвочку, перебѣгавшую къ нему съ другой стороны улицы. — Господи, что это я?! За что? — мелькнуло тутъ же въ умѣ. — Она еще, можетъ быть, несчастнѣе меня».

Взволнованный, онъ повернулся назадъ и, догнавъ дѣвочку, отдалъ ей послѣдній пятакъ.

«Теперь самому надо просить на ночлегъ», горько засмѣявшись, подумалъ онъ и, въ знакомой ему лавкѣ, купилъ въ долгъ на ужинъ кусокъ чернаго хлѣба.

III.

Черезъ нѣсколько дней, съ необыкновенно блѣднымъ лицомъ, онъ вошелъ въ одно изъ нашихъ банковыхъ учреждений и попросилъ доложить о себѣ начальнику одного изъ отдѣловъ. Его приняли. Лавровъ подалъ визитную карточку одного вліятельнаго лица съ надписью объ опредѣленіи подателя на тридцать рублей въ мѣсяцъ.

— Вамъ будетъ предоставлено мѣсто тотчасъ же, — сказала начальникъ отдѣла. — Съ завтрашняго дня приходите къ одиннадцати часамъ.

Ему даже протянули руку, и Лавровъ ушелъ счастливымъ. Онъ аккуратно посѣщалъ службу и быстро осваивался съ дѣлами.

— Я выхлопочу вамъ прибавку, — сказалъ ему вскорѣ начальникъ отдѣла, прочитывая обстоятельно составленные имъ доклады и рапорты. — Къ новому году васъ можно будетъ зачислить и въ штатъ... Не благодарите, я радъ похлопотать за васъ.

Всѣ его доклады за послѣднее время проходили почти безъ возраженій въ высшей инстанціи, и только однажды заправила банка, при чтеніи весьма серьезной бумаги, воскликнула:

— Вотъ это дѣло! Всѣ справки на лицо и заключеніе неоспоримое. Кто это у васъ такъ хорошо сталъ составлять бумаги? Раньше мнѣ не приходилось видѣть такого яснаго пониманія и знакомства со всѣми обстоятельствами дѣла.

— Да это, Иванъ Александровичъ, молодой Лавровъ.

— Пожалуйста, приведите его какъ нибудь ко мнѣ. У меня есть очень запутанное дѣло и мнѣ нуженъ человѣкъ, владѣющій литературнымъ языкомъ. Я не могу никому поручить... У всѣхъ сухонное изложеніе и никакой убѣдительности.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Лавровъ получилъ повышеніе. Видя, какъ онъ быстро двигается по службѣ, начальникъ отдѣла пригласилъ его бывать у него въ семействѣ, и прошелъ слухъ, что Лавровъ женится на его дочери.

Между тѣмъ начальникъ отдѣла нѣсколько былъ озадаченъ тѣмъ, что Иванъ Александровичъ продолжалъ также мало замѣчать его самого и ничѣмъ не выразилъ ему признательности за опредѣленіе Лаврова. А бумаги заготовлялись послѣднимъ также съ полнымъ знаніемъ дѣла и изумительной быстротой.

— Да когда вы успѣваете? — радостно встрѣчалъ Иванъ Александровичъ начальника отдѣла. Неужели это то самое дѣло, что я на дняхъ далъ?

— Точно такъ... Совершенно закончено...

— Одинъ восторгъ! Не требуется даже никакихъ дополнителей свѣдѣній...

Желая услужить своему, можетъ быть, будущему зятю, начальникъ отдѣла замѣтилъ:

— Это все тотъ-же молодой человѣкъ составляетъ бумаги, въ которыхъ вы принимаете такое участіе.

— Я—участіе?! Вы, кажется, знаете, что на службѣ я никому не оказываю участія. Я врагъ протекцій и въ жизни своей ни въ комъ не принималъ участія. Сильные люди и безъ меня дѣлаютъ карьеру, а слабымъ—недобросовѣстно покровительствовать... Худая трава изъ поля вонъ!

— А какіе... господинъ Лавровъ... за котораго вы просили?..

— Что вы такое говорите? Какой Лавровъ? Я въ принципѣ ни за кого не прошу, чтобы не давать повода и у меня просить одолженій.

— Онъ говорилъ, что лично васъ знаетъ, и принесъ вашу карточку.

— Еще болѣе не понимаю. Для знакомыхъ и друзей я уже совсѣмъ ничего не дѣлаю. Ненавижу «родного человѣка»! Посторонній можетъ скорѣе разсчитывать на меня, а знакомые и родные—никогда. Это мой принципъ.

— Какъ странно...

— И очень! Принесите мнѣ эту карточку. Сожалѣю, если это подлогъ. Я хвалилъ Лаврова за образцово составленные имъ дѣла и самъ поручалъ ему ихъ... Но карточекъ своихъ я никому не даю.

«Вотъ исторія то, — думалъ начальникъ отдѣла, прямо вернувшись домой за карточкой. — Вѣдь текстъ и подпись фамилія, действительно, поддѣльны... Какъ я сразу не обратилъ на это вниманія? Подлогъ... Несомнѣнный подлогъ!»

На слѣдующій день онъ потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ Лаврова.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали, — спросилъ онъ прямо, показывая ему изъ своихъ рукъ фальшивую карточку.

— Для работы... Мнѣ никто не хотѣлъ помочь и я самъ себѣ сдѣлалъ карьеру.

— Работу нельзя доставать мошенничествомъ. Сильные люди пробиваютъ себѣ дорогу трудомъ, а не мошенничествомъ.

При вторичномъ оскорбленіи, Лавровъ рѣзко отвѣтилъ ему:

— Если-бы я имѣлъ такое-же аристократическое родство, какъ у Ивана Александровича, или женился-бы на богатой дѣвушкѣ, какъ вы, то и я былъ-бы сильнымъ.

— Сожалѣю, что у васъ такіе взгляды... Моя дочь тоже не одобритъ ихъ и вамъ лучше не видѣться съ ней. Вы и за ней ухаживали не безъ разсчета на мѣся...

— Намъ лучше не считаться на этихъ счетахъ, — поблѣднѣвъ, произнесъ молодой человѣкъ. — Мнѣ было нужно у васъ одной работы... Одной работы!

— Вы все это скажете судебному слѣдователю и на судѣ... Иванъ Александровичъ не согласится потушить это дѣло и ему будетъ данъ законный ходъ.

Вѣрнѣе, вѣрнѣе съ тяжестью на сердцѣ домой, Лавровъ ясно представилъ себѣ свою участь: Общая камера со всѣми арестантами въ домѣ предварительнаго заключенія... Не со всѣми, а съ привилегированными! О, нѣтъ, нѣтъ... Лучше буду проситься въ одиночное заключеніе съ книгами!

Занималась уже утренняя заря, а онъ все еще не ложился спать и не могъ отогнать отъ себя неотвязныя мысли:

— Оправдаютъ ли нѣтъ? Придутъ-ли, наконецъ, къ оправданному на помощь тѣ «сильные люди», которые сами себѣ пробили дорогу или, замаравъ мое имя, выпустятъ въ тиражъ безъ сожалѣнія, какъ худую траву—изъ поля вонъ?

Иногда Лаврову казалось, что въ тюрьмѣ ему будетъ гораздо покойнѣе, чѣмъ на волѣ безъ работы среди «сильныхъ людей». Теперь ему еще страшнѣе представлялись новыя поиски за хлѣбомъ въ случаѣ его оправданія, и онъ жаждалъ обвиненія и ссылки въ мѣста самыя отдаленныя отъ центровъ просвѣщенія и культуры. Между тѣмъ на другой день Иванъ Александровичъ позвалъ начальника отдѣла и сказалъ ему о Лавровѣ:

— Средство дурное, но дѣлъ у него была хорошая... Я еще подумаю о немъ... Мнѣ самому будетъ непротивенъ скапдакъ, случившійся въ нашемъ банкѣ...

— Конечно, лучше не придавать ему гласности, а молодой человѣкъ впередъ будетъ умиѣе.

— Ваша правда, — произнесъ Иванъ Александровичъ съ неудовольствіемъ, однако, почесывая затылокъ. Скажите ему, чтобы онъ зашелъ ко мнѣ завтра.

Въ тотъ-же день вечеромъ начальникъ отдѣла пріѣхалъ къ Лаврову съ радостной вѣстью отъ «самого».

— Явитесь къ нему и покайтесь во всемъ. Онъ пойметъ ошибки молодости.

— Моя молодость, — произнесъ Лавровъ, — полна страданіями, а не ошибками.

— Поѣзжайте къ нему и разскажите все... Утромъ пораньше... До пріема по службѣ. Я радъ, что все такъ кончилось. А какъ дочка то моя, Наденька, убѣдалась, узнавъ... Сама хотѣла ѣхать къ вамъ, да мать... Вы понимаете? Своимъ человѣкомъ мы считали васъ... Позвольте передать поклонъ Наденькѣ?

— Очень тронуть... Вашей супругѣ поклонъ особо.

Начальникъ отдѣла уѣхалъ къ себѣ счастливымъ, чувствуя, что черезъ «скапдакъ» онъ сталъ ближе и къ Лаврову, такому способному и быстро дѣлающему себѣ карьеру

молодому человѣку, и къ самому Ивану Александровичу, непосредственному своему начальству.

На другой день Иванъ Александровичъ Хрущевъ, всесильный заправила банка, весьма резонно замѣтилъ Лаврову въ заключеніе своей съ нимъ продолжительной бесѣды:

— Вы сильный человѣкъ... Вы сами себя сдѣлали карьеру, но не портите ее впередъ безчестными поступками. Вы можете далеко пойти впередъ, но надо только честно у меня служить...

Лавровъ прослезился, и карьера была сдѣлана.

А. Фаресовъ.

РАДОСТЬ.

Я очарованъ неожиданною радостью,
Только надолго-ли будетъ со мной она?
Сердце такъ ноевъ восторгомъ и сладостью,
Свѣтлою грезой душа упокоена.
Но и теперь опасаясь я, думаю:
Это не сонъ-ли, не сонъ-ли плѣнительный?
Вотъ онъ порвется—и снова угрюмая
Жизнь унесетъ меня въ холодъ мучительный.

Н. Васильевъ.

МОЛОХЪ.

Очеркъ Андре Пикара.

Въ одно жаркое июльское послѣ-обѣда банкиръ Ружелакъ сидѣлъ передъ своимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, и почти спалъ. Вошедшій тихо и почтительно курьеръ подалъ ему на подносѣ карточку. Банкиръ взялъ ее небрежно, кончиками пальцевъ, повертѣлъ и, зѣвая, прочелъ. Но прочитанное имя, плохо напечатанное на скверной бумагѣ, имя Жака Делоржа, такъ близкое ему нѣкогда, произвело на него сильное впечатлѣніе, заставило взволноваться этого усталого, изнуреннаго, охладѣвшаго ко всему человѣка, оно многое напомнило ему.

— Просите, просите!.. Сейчас! Сію минуту!..—приказалъ онъ.

Въ дверяхъ выдѣлился длинный, печальный, мрачный слуга посѣтителя. Ружелакъ раскрылъ объятія и горячо прижалъ стараго пріятеля къ сердцу, будто обвинялъ живою дорогомъ олицетвореніе далеко ушедшаго прошлаго.

— Сюда... сюда... — проговорилъ онъ, наконецъ, и, взявъ посѣтителя за руку, подвелъ его къ письменному столу. Делоржъ сѣлъ на кончикъ глубокаго кресла, съ видомъ бѣдняка-просителя, стѣсняясь, видимо не привыкшій къ такому комфорту. Слезы выступили у него на глазахъ, такъ его тронулъ дружескій пріемъ банкира.

Съ минуту оба они смотрѣли другъ на друга, молча разбирая подробности, съ удивленіемъ, настойчиво, невольно и жестоко угадывая другъ друга. Они съ трудомъ узнавали одинъ другого, такъ тяжело наложилось на нихъ свою руку неумолимое время. Ружелакъ первый прервалъ тяжелое молчаніе.

— Что дѣлать...—сказалъ онъ, фальшиво смѣясь,—старѣешь, мѣняешься!.. Я растолстѣлъ какъ Санчо, ты вытянулся и уподобился донъ-Кихоту... Но мы все тѣ же!..

— Конечно!..—подтвердилъ Делоржъ.

Сравненіе Ружелака превосходно опредѣлило обаяхъ. Банкиръ,—непомѣрно толстый,

лысый, несомнѣнная жертва роскоши, вкусныхъ обѣдовъ, удовольствій безъ разбора. Жестыя бакенбарды,—впрочемъ, крашенныя,—околожили черзуръ розовое лицо; онъ смотрѣлъ въ очки, подъ которыми скрывались холодные голубые глаза, заплывшіе подъ жирными вѣками. Онъ имѣлъ видъ довольный, гордый, но благосклонный... Делоржъ наоборотъ отличался чрезвычайно поношеннымъ костюмомъ и казался какимъ-то увядшимъ, засохшимъ, но гордымъ въ своемъ ничтожествѣ и невыставляющимъ своей бѣдности на показъ; желтое лицо, воспаленные глаза, упрямый лобъ мечтателя дополняли портретъ этого полусумасшедшаго, но не злого человѣка, истого рыцаря идеала или горя. Несомнѣнно онъ носилъ рукавички и воротнички изъ бумаги. По одной его манерѣ сидѣть, Ружелакъ предположилъ въ немъ избѣгателя.

— Ну, «путанный»... это видно!—подумалъ онъ.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобы эта идея не понравилась ему. Чего же ждать отъ пріятеля, тридцать лѣтъ потеряннаго изъ вида?..

Осмотрѣвъ другъ друга хорошенько, оба они почувствовали, что не смотря на восторженную дружескую встрѣчу, они вполнѣ чужіе между собою. По выраженію лицъ уже можно было заключить, что мѣтны ихъ мало въ чемъ сойдутся—по волѣ судьбы до сихъ поръ они шли слишкомъ разными дорогами. Тѣмъ не менѣе оба улынулись дружески и недовѣрчиво.

— Слушай?.. Помнишь?..—вдругъ спросилъ банкиръ.

И съ нетерпѣливымъ восторгомъ онъ пустился въ воспоминанія ихъ общаго прошлаго, съ удивленіемъ вызывая свой собственный образъ... Неужели это онъ?.. Вѣдны чиновникъ на жалованіи въ тысячу шестьсотъ франковъ, довольствовавшийся малымъ, скудно питавшійся, плохо одѣтый, богатый только желаніями и силами... Делоржъ слушалъ, качалъ головой, но не поддерживалъ его. Онъ не настолько измѣнился, ни характеромъ, ни положеніемъ и несомнѣнно чаще Ружелака вспоминалъ о томъ давно прошедшемъ времени, вспоминалъ съ сожалѣніемъ, но конечно безъ того впечатлѣнія увлекательной фантазмагоріи.

Вдругъ Ружелакъ заговорилъ серьезно, почти благоговѣнно:

— А вѣдь... знаешь... если ты сидишь здѣсь сегодня... это только благодаря мнѣ!.. Помнишь?.. Я спасъ тебѣ жизнь!..

— О, да! да!..—пробормоталъ тотъ,—о, я не забылъ!..

— Я!.. Я!.. Я!..—вскрикивалъ Ружелакъ, задыхаясь отъ самовосхищенія.

Онъ подошелъ къ зеркалу, будто желая убѣдиться, что это онъ, точно онъ, авторъ такого великаго подвига!.. Въ зеркалѣ отразилась фигура лысаго толстяка съ бакенбардами. Онъ расхохотался, въ восторгѣ отъ самого себя.

— Это неопѣнимо!.. Это верхъ совершенства,—повторялъ онъ.

— Да, въ шлюзахъ,—проговорилъ Делоржъ своимъ разочарованнымъ голосомъ,—да, у меня уже не было силъ бороться съ теченіемъ, когда ты меня схватилъ... Мы оба чуть не потонули тогда! Не будь багра шлюзочника...

— Да, не будь багра шлюзочника...—повторилъ Ружелакъ.

И онъ почувствовалъ, какъ у него по тѣлу пробѣжала пріятная дрожь давно прошедша-

го страха и гордаго сознанія. Онъ быстро подошелъ къ Делоржу, снова съ особенною нѣжностью пожалъ ему руки,—все эти воспоминанія прошлаго, въ которыхъ они постоянно попадались вмѣстѣ, ихъ снова сблизили.

— Ахъ!—дорогой мой!.. Такъ пріятно свидѣться!.. Почему ты не приходишь раньше?

Делоржъ началъ объяснять, что-то путалъ, но банкиръ слушалъ его разсѣянно. Не будучи въ силахъ долѣе противиться искушенію похвастаться своими успѣхами передъ другомъ юности, онъ небрежно сказалъ, указывая на окружающую обстановку и роскошь, которая даже виднѣлась на его собственной особѣ, покрытой различными драгоценностями.

— Я... какъ видишь... Мнѣ удалось... Дѣла мои пошли довольно хорошо... А ты?..

Делоржъ покорно улыбнулся.

— О! Я...—со вздохомъ сказалъ онъ.

И онъ разсказалъ свою жизнь, которую выдавалъ его костюмъ, его манеры, его нарядность. Жизнь неловкаго неудачника, не исправимо честнаго, наивнаго. Все его существованіе до сихъ поръ было одна ошибка и безплодное ученіе. Но теперь...

— А! теперь?—произнесъ Ружелакъ, слушавшій его съ оттѣнкомъ горечи и невольнаго презрѣнія.

Глаза мечтателя вспыхнули.

— Да! Теперь!.. Великолѣнное дѣло! Неисчислимыя прибыли!.. Одно даже въ ходу уже, близъ Шартра, гдѣ я живу. Сейчасъ разскажу тебѣ. Я за этимъ пріѣхалъ... просить у тебя услуги... денежной! — произнесъ Делоржъ, притворно увѣреннымъ голосомъ, съ трудомъ побѣждая застѣнчивость.

— А, вотъ оно что!—подумалъ Ружелакъ, и громко спросилъ:—сколько тебѣ нужно?..

Этотъ вопросъ, такой простой и точный, смутилъ Делоржа. Онъ пробормоталъ:

— Но я долженъ прежде объяснить тебѣ... нужно, чтобы ты узналъ...

— Ничего не нужно,—заявилъ Ружелакъ.—Слушай, откровенно сказать, ты принадлежишь къ такимъ людямъ, которымъ я меньше всего доверяю въ дѣлахъ. Достаточно взглянуть на тебя, на твой лобъ и на твои глаза... Я знаю, я чувствую, что твое дѣло нигде не годится. Если я ошибаюсь, тѣмъ лучше для насъ обоихъ. За мной останется заслуга, что я одолжилъ тебя, не зная... изъ привязанности къ тебѣ и въ воспоминаніе нашей дорогой, вмѣстѣ проведенной молодости.

Онъ произнесъ послѣднія слова дѣйствительно тронутымъ голосомъ, радуясь своему волненію. Делоржъ, наклонивъ голову, скорбуженно настаивалъ:

— Увѣряю тебя, что дѣло превосходное... Позволь объяснить тебѣ...

— Нѣтъ, прошу тебя! Сумма?..

— Сто тысячъ франковъ! — тяжело раздавалось среди молчанія.

Ружелакъ вскочилъ съ мѣста.

— Сколько? Ты сказалъ?.. Сколько?.. Сто тысячъ франковъ?.. Но ты съ ума сошелъ?.. Съ ума сошелъ!

Растерявшись, не смѣя поднять головы, Делоржъ повторилъ:

— Нѣтъ! Мнѣ именно нужно сто тысячъ,—въ голосѣ его слышалось сомнѣніе,—въ противномъ случаѣ мнѣ грозитъ разореніе, банкротство, безчестіе... все!.. Наконецъ, вотъ...

— Вотъ!.. Очень просто?—насмѣшливо повторилъ банкиръ.

Въ негодованіи онъ прошелся по комнатѣ, подаявъ руки, произнося восклицанія, и оста-

новился передъ Делоржемъ. Изумленіе пересиливало его негодованіе, которое было достаточно велико. Онъ ударилъ себя по лбу.

— Послушай, — сказалъ онъ, стараясь успокоиться, — кто могъ внушить тебѣ идею... идею... такую... такую несуразную? Иначе ее назвать нельзя. Какъ могъ ты предположить, что я вотъ возьму и отсыплю сто тысячъ франковъ? Человѣку... Онъ чуть не сказалъ въ порывѣ гнѣва: «первому встрѣчному».

Бѣднякъ не оправдывался, только растерянно развелъ руками. Вся его ловкость заключалась въ его неопытности. Если бы онъ сталъ оправдываться, защищаться, Ружелакъ

нулась и заглушила призывъ. Банкиръ упалъ въ кресло и не повторилъ его. Только въ теченіе трехъ дней онъ избѣгалъ читать «Разныя извѣстія» о самоубійствахъ въ газетахъ.

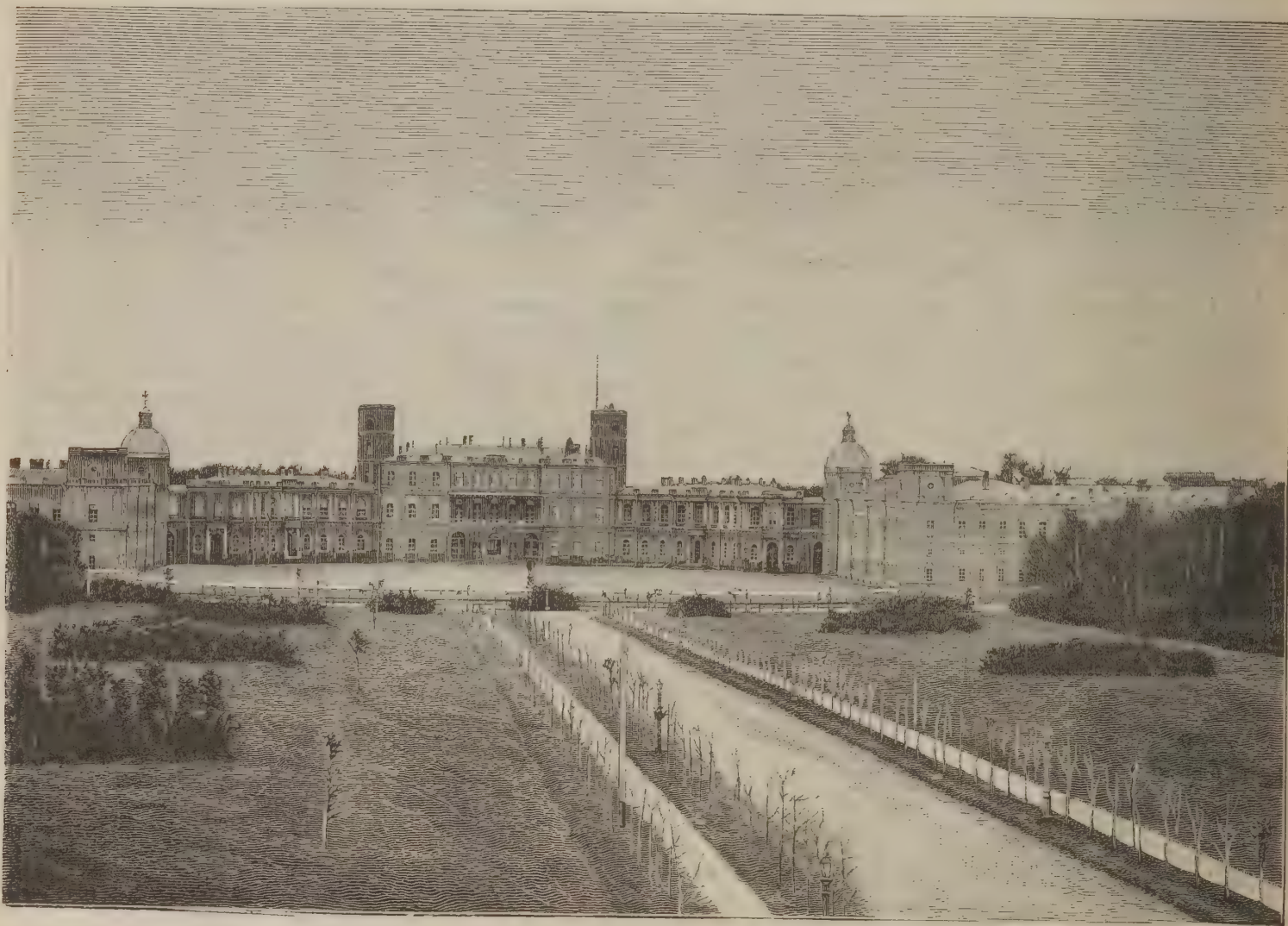
КЪ РИСУНКАМЪ.

Торжество закладки Императорской академіи художествъ 10-го іюля 1764 года съ картины профессора В. И. Якобія.

Посвящая этотъ номеръ журнала «Живописное Обозрѣніе», главнымъ образомъ, памяти императрицы Екатерины II, мы даемъ интересную картину профессора В. И. Якобія, переносающую насъ къ блестящимъ временамъ «ек-

И. Якобія представляетъ именно этотъ важный моментъ торжества. За трономъ императрицы стоитъ государь-наслѣдникъ Павелъ Петровичъ. Немного въ сторонѣ видна представительная фигура И. И. Бецкаго; представляемые члены академіи, преклоняясь передъ императрицей, поочередно дефилируютъ передъ трономъ. Возле великой императрицы окрѣпло это высокопозное учрежденіе и продолжаетъ развиваться и расти до настоящаго времени во славу и процвѣтаніе русскаго искусства.

Гатчинскій дворецъ. По поводу столѣтія со дня восшествія на престолъ императора Павла Петровича, мы помѣщаемъ видъ Гатчинскаго дворца, постоянного мѣстопробыванія цесаревича Павла Петровича и всегдашней лѣтней его резиденціи, которую онъ покидалъ только иногда для Павло-

Дворецъ въ городѣ Гатчинѣ.

несколькими словами доказаль-бы ему всю смѣшную сторону его фантазій и сразу поразилъ-бы его. Но его молчаніе сконфузило банкира. И невольно, онъ придумывалъ, что могъ-бы сказать Делоржъ, но Делоржъ ловкій и хитрый. Результатомъ его размышленій было, что онъ сталъ объяснять свой отказъ, выставляя своего товарища по фирмѣ, — И такъ, рѣшительно... нѣтъ? — въ голосѣ слышалась надежда.

Банкиръ взглянулъ на него, закрылъ глаза, и вдругъ взрывъ бѣшенства заставилъ его вскричать:

— Нѣтъ! Я не могу!..

И въ самомъ дѣлѣ, что ему было въ существованіи этого сумасшедшаго? Этого чужого, уже тридцать лѣтъ забытаго? Делоржъ, блѣдный, нахмурилъ лобъ, поклонился и ушелъ. Когда онъ отворялъ дверь, Ружелакъ, увидавъ вдругъ свою воскресшую молодость, вскричалъ:

— Жакъ!..

Но обитая кожей дверь безшумно захлоп-

нулась въ свое мудрое правленіе прочныя начала — въ наукѣ, и въ искусствахъ — осуществила въ прочномъ, обдуманномъ планѣ и русскую Императорскую академію художествъ, которая дала Россіи столько прославленныхъ именъ. Сподвижникъ Екатерины II Ив. Ив. Шуваловъ подалъ проектъ «учрежденія» академіи, которая до того существовала безъ определенныхъ уставовъ, регламентовъ и привилегій. Прежде всего было рѣшено перевести академію въ новое помѣщеніе, планъ котораго, составленный архитекторомъ Кокориновымъ, Жиле, Ламотомъ подъ предѣлительствомъ И. И. Бецкаго, былъ одобренъ особой комиссіей. Въ 1764 году, 10-го іюля, происходило торжество «посвященія» академіи, т. е. торжественное освященіе и закладка зданія. Императрица Екатерина II съ великимъ княземъ, наслѣдникомъ Павломъ Петровичемъ прибыла въ этотъ день по Невѣ на шлюпкѣ къ специально сооруженной каменной пристани. Первымъ происходило зложеніе церкви, на которомъ архимандритъ Павелъ сказалъ «слово». Затѣмъ императрица прошла классами академіи въ конференцъ-залъ, сѣла на тронъ и оттуда передала уставъ, регламентъ и привилегію академіи Ив. Ив. Бецкому, назначенному президентомъ новаго учрежденія. Затѣмъ состоялось торжественное представленіе императрицѣ членовъ академіи, причемъ представлялъ ихъ новый президентъ. Высокоинтересная картина В.

Здѣсь цесаревичъ Павелъ Петровичъ занимался обученіемъ своего гатчинскаго войска, отсюда выѣхалъ онъ 5-го ноября 1796 года, когда шталмейстеръ Зуковъ извѣстилъ о смертельной болѣзни императрицы Екатерины II. Мыза Гатчина была въ 1762 году пожалована императрицею Екатериною II Григорію Григорьевичу Орлову, а по смерти послѣдняго имѣніе было опять куплено въ казну и подарено въ 1784 году цесаревичу Павлу Петровичу. Еще Орловъ выстроилъ на берегахъ Бѣлаго или Большаго озера прекрасный домъ. Имѣніе цесаревича Павла Петровича было уже украшено прежнимъ владѣльцемъ прекраснымъ дворцомъ, при которомъ выѣхалъ великіе сады и оранжереи. Поэтому Гатчина являлась соперникомъ Павловскаго и августѣйшія основательница послѣдняго употребила много стараній на то, чтобы красотой и изяществомъ Гатчина не могла превзойти Павловска. «Гатчина соперница весьма опасная», — писала Государыня своему архитектору еще въ 1785 году. — «Необходимо приложить всю вашу дѣятельность и все усердіе, чтобы Павловское могло выдержать сравненіе». Домъ Гр. Гр. Орлова, возведенный архитекторомъ Ринальди, былъ въ то время чудомъ архитектуры. Императоръ Павелъ I приспособилъ Гатчину къ своимъ вкусамъ и любилъ это мѣсто за его строгій, меланхолическій характеръ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

4-го ноября совершено таинство св. крещенія надъ новорожденнымъ Княземъ Императорской крови, Романомъ Петровичемъ. Къ 2 часамъ дня залы загороднаго дворца «Знаменка» Великаго Князя Петра Николаевича наполнились съѣхавшимися поразосланнымъ отъ двора повѣсткамъ садовниками и придворными дамами и чинами великокняжескаго двора. Въ 1 ч. 48 м. къ специально на этотъ день устроенной платформѣ у Ропшинскаго переѣзда подошелъ съ Александровской станціи Императорскій поѣздъ, съ которымъ прибыли Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Освободительница. Въ сопровожденіи свиты, во дворецъ. При входѣ въ церковь изъ алтаря вышло на встрѣчу Ихъ Величествамъ и августѣйшимъ особамъ придворное духовенство, во главѣ съ духовникомъ Ихъ Величествъ протопресвитеромъ Янышевымъ и придворнымъ сакелларіемъ. Походная церковь, т.-е. походный алтарь, имѣетъ бѣлый съ золотомъ иконостасъ, на Царскихъ дверяхъ помѣщены изображенія четырехъ евангелистовъ, а надъ ними Благовѣщеніе. На серединѣ залы, передъ Царскими дверями, на возвышеніи малиноваго бархата съ золотымъ позументомъ, стояла серебряная купель съ золотой короною на боку, окруженная тремя выносными свѣчами въ серебряныхъ подсвѣчникахъ; передъ купелью аналой и молебный столикъ. У купели встали Его Величество и Великая Княгиня Александра Петровна, Великій Князь Николай Николаевичъ и Княжна Марина Петровна, Княгиня Анастасія Николаевна и Приицъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Передъ началомъ богослуженія августѣйшій родитель новорожденнаго В. К. Петръ Николаевичъ вышелъ изъ залы. По совершеніи таинства, когда пѣвчіе воспѣли «Тебе Бога хвалимъ», раздались салютъ изъ орудій, поставленной внизу подъ садомъ батареи л.-гв. 6-й Донской Его Величества батареи, пришедшей изъ Павловска. Послѣ богослуженія приносились поздравленія, а затѣмъ шествіе направилось обратно во внутренніе покои Знаменскаго дворца, который находится, какъ извѣстно, рядомъ съ Александріей, въ двухъ верстахъ отъ Петергофа. Ихъ Величества посѣтили августѣйшую родительницу новокрещеннаго, Великую Княгиню Милу Николаевну.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Италія.—Итальянскій уполномоченный Нераццини довелъ изъ Аддисъ-Абабы, отъ 14-го (26-го) октября: «Сегодня въ торжественной формѣ подписаны мною мирный договоръ и конвенція объ освобожденіи плѣнныхъ. Мир-

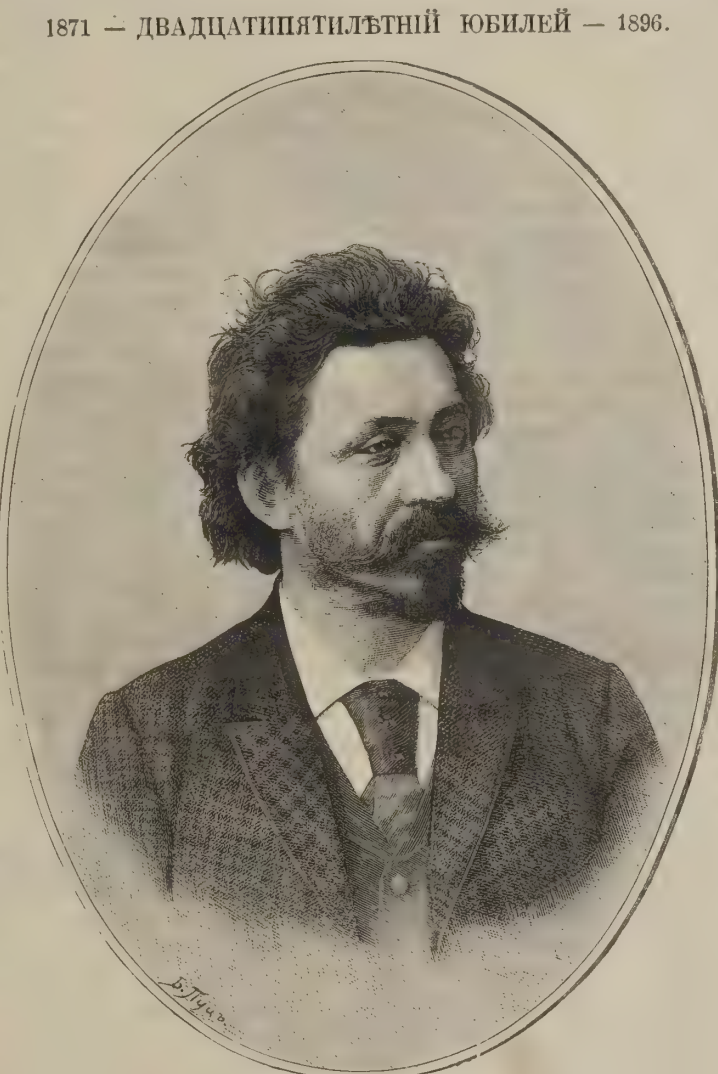
гаютъ границу путемъ дружественнаго соглашенія, а покаместъ остается въ силѣ status quo ante, т.-е. пограничная черта Марекъ-Белеза-Муна. Пятый пунктъ: до окончательнаго опредѣленія пограничной черты Италія обязуется не дѣлать никакихъ територіальныхъ уступокъ другой державѣ, если же она пожелаетъ добровольно уступить какую нибудь территорію, то территорія эта должна вновь поступить подъ владѣтельство Эіопіи. Шестой пунктъ: для развитія торговыхъ и промышленныхъ отношеній можетъ быть заключена особая конвенція. Седьмой пунктъ: договоръ этотъ будетъ договаривающимися сторонами сообщенъ державамъ. Восьмой пунктъ: ратификація договора должна состояться мѣсяцъ спустя по подписаніи его. Вслѣдствіе заключенія мира плѣнные объявляются свободными».

— Въ этотъ-же день Менеликъ прислалъ телеграмму королю Гумберту: «Я счастливъ, что могу довести до свѣдѣнія вашего величества, что мирный договоръ сегодня подписанъ. Да сохранитъ насъ Богъ друзьями навсегда. Такъ какъ мы извѣстно, что 8-го (20-го) октября состоялось въ августѣйшей семьѣ вашей великое торжество, то я радуюсь, что королевскою волею вашего величества и благодаря осмотрительности и серьезному характеру полномочнаго посланника Нераццини, намъ представилась возможность превратить этотъ достопамятный день въ день ликоваій для отцовъ и матерей итальянскихъ плѣнныхъ. Да хранитъ Господь ваше величество многая лѣта».

Франція. — 4-го (16-го) ноября президентъ Форъ получилъ отъ Менелика слѣдующую телеграмму: «Такъ какъ Богу было угодно воз- вратить народу нашему миръ, бла-

годаря состоявшемуся сегодня подписанію мирнаго договора съ уполномоченнымъ его величества короля Италіи—мы почтемъ за счастье, если друзья наши возрадуются вмѣстѣ съ нами». Президентъ Форъ отвѣтилъ: «Я былъ очень тронутъ тѣмъ, что ваше величество успѣли уведомить меня о восстановленіи мира. Сердечно васъ поздравляю и радуюсь вмѣстѣ съ вами столь счастливому результату, какъ сосѣдъ и какъ другъ».

— Ганото сообщилъ совѣту министровъ, что Муниръ уведомилъ его о мѣрахъ, принятыхъ съ цѣлью осуществить общанія султана по армянскому вопросу, по первымъ достигнутыхъ по этому вопросу результа-

П. Е. РѢПИНЪ.

(Профессоръ Императорской академіи художествъ).

ный договоръ начинается обычнымъ предисловіемъ и выраженіемъ желанія о возстановленіи прежней дружбы. Далѣе постановляется прекращеніе военнаго положенія и заявляется, что между обоими государствами должны царить вѣчный миръ и вѣчная дружба. Второй пунктъ касается отмены учіалнскаго договора, третій—признанія независимости Эіопіи. Четвертый пунктъ гласитъ: такъ какъ обѣ стороны не пришли къ соглашенію относительно окончательнаго опредѣленія пограничной черты, но въ то же время не желаютъ прерывать мирныхъ переговоровъ, то въ годичный срокъ особые уполномоченные обоехъ правительствъ устанавли-

тахъ. Всѣ арестованныя въ Константинополѣ лица, предполагаемыя невиновными, въ настоящее время уже освобождены. Декретъ о распространѣніи реформъ на всю имперію официально опубликованъ. Полиція въ Константинополѣ будетъ преобразована по европейскому образцу. Ганото присовокупили, что между европейскими кабинетами и Константинополемъ ведутся дѣятельные переговоры о примѣненіи разрѣшенныхъ уже реформъ.

Сѣверо-американскіе штаты.—Кливлендъ сообщилъ одному сенатору, что поведение Соединенныхъ Штатовъ въ вопросѣ о Кубѣ осталось такимъ же, какимъ изложено оно было въ его послѣднемъ посланіи къ конгрессу. Приняты мѣры къ тому, чтобы Соединенные Штаты, если окажется необходимымъ, могли поддержать свои взгляды силою, но онъ, Кливлендъ, не думаетъ, чтобы это понадобилось.

— Повѣрка голосовъ, поданныхъ при выборѣ президента Соединенныхъ Штатовъ, показала, что Макъ-Кинлей одержалъ верхъ большинствомъ только 20,000 голосовъ при общемъ числѣ 13-ти миллионныхъ избирателей. Штаты, въ которыхъ большинство голосовъ подано было за Брайона, занимаютъ двѣ трети всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ, но они мѣтѣе густо населены.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ русскомъ женскомъ взаимномъ благотворительномъ обществѣ въ Петербургѣ во вторникъ, 5-го ноября, въ память столѣтія со дня кончины императрицы Екатерины II, прочитанъ рядъ докладовъ, посвященныхъ великой императрицѣ. Нѣсколько докладчицъ сдѣлали характеристику различныхъ отраслей дѣятельности Екатерины II.

— 3-го ноября въ Москвѣ въ присутствіи Великаго Князя Сергія Александровича и его супруги освященъ и открытъ состоящій подъ покровительствомъ Императрицы Александры Оеодоровны городской пріютъ для сиротъ.

— Орловская ученая архивная коммиссія предполагаетъ устроить общій губернский музей, заключающій слѣдующіе отдѣлы: 1) естественно-историческій, 2) археологическій, 3) этнографическій, 4) сельско-хозяйственный, 5) кустарно-промышленный, и 6) экономической жизни и народнаго образованія въ саратовской губерніи.

— Туркестанское общество сельскаго хозяйства и отдѣленіе императорскаго русскаго техническаго общества рѣшили устроить въ Ташкентѣ сельско-хозяйственную и промышленную выставку, приурочивъ ея открытіе ко времени окончанія желѣзно-дорожной вѣтви Самаркандъ—Ташкентъ.

— При финляндскомъ сенатѣ учреждена казенная въ 3,000 марокъ стипендія, которая, по усмотрѣнію учебнаго управленія, будетъ ежегодно выдаваться одному изъ учителей элементарныхъ школъ для поѣздки за границу съ цѣлью теоретическаго и практическаго усовершенствованія въ преподаваніи.

НОВОСТИ ИСКУССТВА.

4-го ноября въ конференцъ-залѣ императорской академіи художествъ состоялся обычный годичный актъ. Почетныя мѣста за-

нимали вице-президентъ академіи художествъ графъ Н. И. Толстой и ректоръ академіи профессоръ живописи В. Е. Маковский. За ними помѣстился весь совѣтъ высшаго художественнаго училища, члены совѣта академіи и нѣсколько почетныхъ гостей. Интересенъ былъ прочтенный секретаремъ академіи художествъ В. И. Лабодковымъ обзоръ дѣятельности академіи и высшаго художественнаго училища, и указаніе на распространіе художественнаго образованія въ Россіи.

— Совѣтъ высшаго художественнаго училища, совмѣстно съ совѣтомъ Императорской академіи художествъ, осмотрѣвъ, 30-го октября, выставку ученическихъ работъ, призналъ достойными званія художника по живописи двухъ учениковъ профессора И. Рѣпина: Бразы и Щербиновскаго; трехъ учениковъ и одну ученицу профессора А. Куинджи: А. Кондаурова, Бровара, Бубликова и Марію Педашенко, которая первая изъ женщинъ удостоивается званія художника по новому уставу. Изъ нихъ г. Щербиновскій и г. Кондауровъ получили званія художниковъ съ правомъ поѣздки за границу на казенный счетъ.

— 3-го ноября происходило празднованіе юбилея 25-ти-лѣтней художественной дѣятельности архитектора И. П. Ронета, въ одномъ изъ залъ Императорской академіи художествъ. Большую золотую свою медаль онъ получилъ въ 1871 году. Празднество началось скоро послѣ 8 часовъ вечера и отличалось теплотой и оживленностью.

— Въ Москвѣ открыта выставка акварелей, настелей и рисунковъ. Вещей болѣе 130, при чемъ встрѣчаются работы Н. А. Бенуа, проф. Лагоріо, г. Досѣкина и другихъ извѣстныхъ художниковъ. Выставка просуществуетъ до 6-го декабря.

— Въ первыхъ числахъ декабря въ залахъ академіи художествъ состоится выставка 250 японскихъ картинъ, нѣсколькихъ сотенъ этюдовъ, цвѣтныхъ гравюръ и художественно раскрашенныхъ фотографій, принадлежащихъ г-жѣ Китаевой.

— Въ Вѣнѣ выставлена новая картина Мункачи «Ессе homo». О ней заранѣе разглашалось, что тутъ художникъ достигъ апогея своей творческой дѣятельности. Подобно его знаменитой картинѣ «Христосъ передъ Пилатомъ», и въ новой изображено множество фигуръ. Главная фигура, Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ, не удалась художнику. Рембрантовскій колоритъ прежнихъ картинъ Мункачи на этотъ разъ замѣняется сухимъ и жесткимъ. Въ живописномъ отношеніи все вообще не удалось. Только двѣ—три характерныя головы, ликъ Богоматери и нѣкоторыя отдѣльныя подробности свидѣтельствуютъ, что тутъ имѣешь дѣло съ крупнымъ художникомъ.

КЪ ПОРТРЕТУ.

И. Е. Рѣпинъ.

4-го ноября исполнилось двадцать пять лѣтъ художественной дѣятельности нашего выдающагося художника профессора Императорской академіи художествъ И. Е. Рѣпина. Съ первой же своей картины «Бурлаки на Волгѣ», даже начиная со своей программы на большую золотую медаль «Воскресеніе дочери Іанра» (съ чего и считается двадцатипятилѣтіе) — И. Е. Рѣпинъ всегда давалъ новыя, сильныя, продуманныя вещи. Вспом-

нимъ «Іоанна Грознаго», «Николая чудотворца», «Запорожцевъ»...

Академикъ исторической живописи Илья Ефимовичъ Рѣпинъ родился 24-го іюля 1844 года въ харьковской губерніи. Въ ранней юности еще началъ онъ учиться рисовать. Въ 1863 г. И. Е. пріѣхалъ въ Петербургъ и въ 1864 г. поступилъ въ академію художествъ. Въ 1869 г. И. Е. получилъ золотую медаль и денежную премію за программу и эскизы. Въ 1872 г. была написана художникомъ знаменитая картина «Бурлаки», по заказу Великаго Князя Владимира Александровича. Въ 1873 г. И. Е. совершилъ путешествіе по заграничью и, пробывъ тамъ до 1876 года, выставилъ свои картины въ парижскомъ «Салонѣ». Съ 1874 г. И. Е. участвовалъ въ выставкахъ «Товарищества передвижныхъ выставокъ», съ 1878 года сдѣлался членомъ «Товарищества». Кто не знаетъ картинъ Рѣпина! Вспомните вѣстную фигуру «Правительницы Софіи въ заключеніи въ Новодѣвичьемъ монастырѣ», «Проводы новобранца», гоголевскаго «Поприщина», «Не ждали», «Крестный ходъ», «Прогулку» петербургской дамочки, заглядывающей въ глаза крымскаго татарина-проводника, наконецъ, «Іоанна Грознаго» съ умирающимъ сыномъ на рукахъ. И. Е. тоже неподражаемъ, какъ портретистъ. Большинство его портретовъ нашихъ знаменитыхъ людей чрезвычайно близки къ оригиналамъ, типичны. Въ этомъ отношеніи Рѣпинъ вѣтъ всякой конкуренціи. Портреты А. Г. Рубинштейна, Н. И. Пирогова, графа Л. Толстого, А. О. Писемскаго, Спасовича, баронессы Исккуль, В. М. Гаршина, А. П. Бородина, Герарда и другихъ—образцовые произведенія. То же самое можно сказать и объ его этюдахъ головъ, на примѣръ: «Протоіакоу», «Горбунъ», «Монахиня».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Луи Пастеръ и его научныя открытія. О. М. Мижусовой. Изд. М. М. Ледерле.

Эта полезная книжка принадлежитъ къ довольно уже многочисленной серіи научно-популярной бібліотеки, издаваемой М. М. Ледерле подъ общимъ названіемъ: «Нашему юношеству. Разказы о хорошихъ людяхъ». Достоинство очерка О. М. Мижусовой—въ ясномъ, краткомъ изложеніи, въ простомъ языкѣ, который легко понять и малообразованному люду. Эта книжка должна получить хорошее распространеніе въ народѣ.

Въ странѣ льдовъ. И. И. Кузнецовой. Изд. М. М. Ледерле. Ц. 40 к.

Краткое изложеніе путешествій по Гренландіи знаменитостей вроде Норденшильда, Нансена—вотъ содержание труда г. Кузнецова, причемъ краткіе очерки эти дополняются пояснительными картинками. Конечно, полнаго впечатлѣнія, полнаго отчета о всѣхъ гренландскихъ экспедиціяхъ нельзя дать на пространствѣ 40 страницъ небольшой книжки, но все-же всѣ необходимыя свѣдѣнія, всѣ характеристики мѣстности имѣются налицо. Въ видѣ краткаго комплекта долгой исторіи о гренландской борьбѣ человека съ природой—книжка г. Кузнецова не безполезна.

Тиражъ погашенія 5% съ выигр. займа Госуд. Двор. Зем. Банка 1839 г., произведенный 1-го ноября 1896 года.

На основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденаго, 12 октября 1889 г. положенія о 5% закладныхъ съ выигрышами листахъ Государственнаго дворянскаго земельного банка и согласно утвержденнымъ министромъ финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража по-

гашения означенных листов, 1-го ноября 1896 года советом банка, в присутствии товарища управляющего Государственным дворняским земельным банком, депутатов от всех сословий по назначению с.-петербургской городской думы, депутатов с.-петербургской биржи, произведен четырнадцатый публичный тираж погашения означенного займа.

НУМЕРА СЕРИЙ:

каждая из нижеследующих серий заключается в себя 50 билетов, с № 1 по № 50-й включительно.

00009	02101	04601	06360	08987	11092	13688
00015	02151	04647	06352	09027	11281	13693
00148	02249	04663	06701	09173	11283	13809
00200	02429	04732	06702	09231	11348	13825
00297	02486	05003	07035	09294	11431	13881
00345	02544	05029	07201	09298	11516	13899
00385	02689	05031	07258	09450	11540	13962
00402	02771	05088	07287	09475	11549	14183
00422	02774	05133	07385	09530	11658	14445
00430	02797	05138	07441	09538	11683	14537
00540	02878	05274	07606	09572	11734	14628
00544	02894	05301	07684	09576	11904	14793
00633	02913	05354	07875	09610	11967	14913
00791	03226	05363	07764	09756	12088	14945
00891	03406	05366	07858	09767	12224	15048
00898	03514	05527	08033	09827	12239	15101
00902	03682	05534	08247	09882	12278	15370
00934	03681	05568	08293	09886	12589	15388
01120	03750	05800	08336	10039	12613	15494
01285	03757	05804	08368	10043	12658	15631
01610	03776	05842	08372	10219	12716	15706
01630	03792	05835	08401	10285	12753	15714
01698	03832	05843	08403	10314	12794	15734
01700	03843	05932	08459	10346	12795	15835
01738	03878	06031	08482	10539	12799	15861
01797	03922	06062	08533	10605	12902	15984
01945	04033	06116	08564	10844	13518	
01959	04211	06137	08581	10874	13595	
02084	04373	06164	08684	10899	13599	
02086	04413	06228	08979	11074	13638	

Всего 206 серий, составляющих 10,300 листов, на сумму 1,339,000 руб.

Уплата капитала по вышедшим в тираж листам, по 130 руб. за лист, будет производиться с 1-го февраля 1897 года в конторах и отделениях Государственного Банка.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Производство чрезвычайно тонких металлических листов — Обыкновенно, для получения чрезвычайно тонкой золотой пластинки, золотых дѣл мастера прибѣгаютъ къ довольно простому способу, полживъ обрабатываемое золото между двумя пергаментными листами, по которым коло-

татъ молотками. Но при такой обработкѣ неизбежна граница толщины, потому что механическая работа требуетъ обязательнаго сопротивленія предмета. Чтобы получить пластинку чрезвычайной тонины, теперь прибѣгаютъ къ гальванопластикѣ. Тонкую гладко отполированную мѣдную пластинку опускаютъ въ ванну, приготовленную известнымъ образомъ, при пропускании тока въ ванну золото отлагается на мѣди. Для удаленія мѣди, двойную пластинку опускаютъ въ растворъ двухлористаго жѣлѣза, которое вполнѣ мѣдь разлагаетъ, оставляя нетронутый золотой листъ толщиной въ десяти тысячную долю миллиметра. Американецъ Аутербриджъ разлагаетъ мѣдь въ селитряной кислотѣ, на которой плаваетъ освобожденный золотой листикъ. Онъ доводитъ толщину золотого листика до 893 десяти-миллионной доли миллиметра, то-есть до 10584 части толщины обыкновенной печатной бумаги. Известно, что такія металлическія пластинки пропускаютъ свѣтъ. Толщину ихъ измѣрять нельзя, она высчитывается изъ увеличенія вѣса мѣдной подкладки.

ШАШКИ.

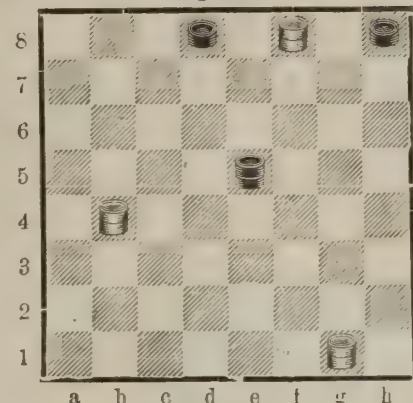
Подъ редакцію В. Н. Шошина.

ЭТЮДЪ № 15.

Д. Н. САРГИНА (въ Москвѣ).

Посвящается Н. А. Куневу.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

ЗАДАЧА № 33.

А. Г. МАТРИНА (въ Москвѣ).

Изъ „Шахматнаго Обозрѣнія“ 1893 г.

— g7, h6; — a3, c1, d2, d4, f4, g1, g5.
— b4, b6, c5, d6, e3, e7, f2.

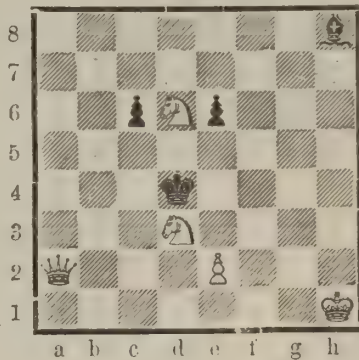
Запереть дамку.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 34.

Л. ВЕТЕШНИКА (въ Австріи).

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 3 хода.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

Всѣ присылаемые въ редакцію рукописи и рисунки должны быть съ полнымъ адресомъ, фамиліей автора и съ обозначеніемъ желаемаго гонорара. Безъ указаній послѣднихъ свѣдѣній, рукописи и рисунки считаются безплатными. Рукописи не печатнаго листа и рисунки, непризнанные годными къ печатанію, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ уничтожаются безъ объясненія причинъ. Редакція не принимаетъ на себя обязательствъ возвращать рукописи и рисунки почтой, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ. Для полученія отвѣта необходимо прилагать къ рукописямъ конверты съ своимъ адресомъ и маркою. Относительно стихотворной редакція не входитъ ни въ какіе письменные переговоры и предупреждаетъ гг. авторовъ, что этотъ матеріалъ присылается въ слишкомъ большомъ количествѣ и рѣдко годится для печати, а потому всѣ стихотворенія, признанныя неудобными къ печати, послѣ отвѣта на нихъ въ почтовомъ ящикѣ, уничтожаются. Письма не вполнѣ означенныя почтовымъ сборомъ, съ почты редакція не принимаетъ. Анонимныя письма не читаются.

Издатель С. Е. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОПРОБУЙТЕ МЫТЬСЯ

МЫЛОМЪ

ЮМЪ-ЮМЪ

ПАРФЮМЕРА ПЬЕРЪ и въ другихъ мыломъ

мыться не будете. Цѣна 20 к. за кусокъ.

Получать можно во всѣхъ аптекахъ,

аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

Складъ въ Харьковѣ, Пассажъ.

у П. УШАНОВА.

НЕ ПОКУПАЙТЕ ружей, не прочитавши иллюстрир. прейсъ-куранта Оружейнаго Магазина А. В. ТАРНОПОЛЬСКАГО, Москва, Мясницкая ул. около Спасской.

ФАБРИКА музыкальных инструментовъ торговаго дома Агд. Емеляновъ и кулаковъ.

въ С.-Петербургѣ Садовая ул. 33.

рекомендуетъ

ГИТАРЫ

солидной работы и отличнаго тона въ 2, 3, 4, 8, 10, 12, 15, 30, 50, 75 руб.

СКРИПКИ

въ 2, 3, 5, 6, 10, 15, 30, 100 рублей.

Юбилейный роскошно иллюстрированный прейсъ-куронтъ высылается БЕЗПЛАТНО.

НОВОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ПЕЧЕНІЕ

С. С. ЦУКЪ PETIT BEURRE МОСКВА

С. С. ЦУКЪ

— БЕЗПЛАТНО —

Лицамъ, интересующимся освѣщеніемъ Берновича въ Одессѣ, высылаю брошюру подъ заглавіемъ

КОЕ-ЧТО

изъ исторіи одного искусства

БЕЗПЛАТНО.

Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Спасская 405) д. Ж.

О. Бродскаго № 6/405, кв. 4, 5, бель-этажъ.

Профессоръ мнемоники, членъ Парижской Академіи С. Файнштейнъ.

2447 3

Новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ПРОГРЕССИВНАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ

Фаулера,

б. профессора Оксфордскаго университета, Переводъ съ англ. подъ ред. Владиміра Соловьева II. 40 к.

ПАМЯТЬ

„Искусство укрѣпленія памяти“.

(Что такое мнемоника?)

книга (седьмое изданіе)

профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА и послѣднія условія заочнаго (письменнаго) курса изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.) высылаются за шесть 7 коп. мар. на вложенной бумагѣ вмѣстѣ съ условіями за шесть 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологіи, психологіи, логики и педагогики. ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерявшимъ ее, дѣлается хорошей у умнѣющихъ психую и лучшей у обладающихъ хорошею.

Въ неопровержимой истинѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдился гг. врачи, педагоги, воины, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ. „Сокращеніе“ у меня курса укрѣпленія памяти и удовольствіе моею благодарности. (Условія за курсъ безплатны высылаются за одну 7 коп. марку) Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Спасская Ж. О. 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ) д. Бродскаго № 640, кв. 4-5-8, бель-этажъ. Профессоръ мнемоники членъ Парижской академіи С. Файнштейнъ. № 2447-3

Фирма премирована на европейскіхъ выставкахъ десятию золотыми медалями и высшими знаками.

ДЛЯ ВОЛОСЪ.

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ

Косметика А. Энглундъ.

средство для волосъ, осмѣжаетъ головную кожу. Цѣна. флак. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ перес. 3 р.

50 к. Для предупрежденія подбавки, прошу обратить вниманіе на подпись:

А. Энглундъ красными чернилами и маркою С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ

С.-Петербургъ, Михайловская площ., д. ЖЕРБИНА, № 3.

ОСТЕРЕГАТЕСЯ ПОДЪЛЖЕКЪ.

САМЫЕ БОЛЬШІЕ СКЛАДЫ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ въ Россіи

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
НЕВСКИЙ ПР.
№ 3.
О. ЮХИМЪ и К^о
МОСКВА
ТЕАТРАЛЬНЫЙ
ПРОЕЗДЪ

ПОСЛѢДНІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
СОСТОЯЩІЙ ИЗЪ 424 СТРАНИЦЪ въ 8^е
ЛИСТА съ 740 РИСУНКАМИ въ ТЕКСТѢ
ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ и ВЫСЫЛАЕТСЯ
ПОТРЕБОВАНІЮ ЗА 50 КОП. ПОЧ. МАГ.
ВСѢ НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФИИ

КАРАМЕЛЬ

изъ ТРАВЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

Б. Семадени въ Кіевѣ.

Цѣна коробки 25 коп. Малая кор. 15 коп.
Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕИ-
ЦЕЛЪ. С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекар-
скихъ магазинахъ Россіи

ПРЕВОСХОДНЫЯ НОВЫЯ

ПІАНИНО

продается по весьма умереннымъ цѣ-
намъ и отдается на прокатъ въ депо
музыкальнаго магазина

К. ЛЕОПАСА.

НЕВСКИЙ пр., № 80 близъ Литейнаго.

ПСИХИЧЕСКІЕ ФАКТОРЫ ЦИВИЛИЗАЦІИ

Л. Уорда.

Переводъ съ англійскаго Л. Давидовой 326 стр. Цѣна 80 к.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
ФАБРИКА РОЯЛЕЙ и ПІАНИНО

ОСНОВАННАЯ въ 1810 году.

СПБ, Владимирская, № 6.

рекомендуетъ превосходнаго то-
на и отличной работы

РОЯЛИ въ 1100, 900, 800,
700, 600 и 550 рублей.

ПІАНИНО въ 550, 500 и
450 рублей.

Прейс-курранты высылаются

БЕЗПЛАТНО.

2453-2.

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ!

механическіе инструменты:

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ 8 руб., ИНТОНА 10 руб., ДОЛБИНА 10 р.
СЕРАФИМЪ 14 руб., АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ 18 р., ГЕРОФОНЪ 25 р.,
КАЛЛИСТОНЪ 40 р., МАНОПАНЪ 55 р., ПІАНО-МЕЛОДИКО 70,
75 и 90 р., самоиграющіе съ моторомъ 225 р., ОРГАНЫ съ
деревянными флейтами, самоиграющіе 225 рублей.

Механич. піанино на которомъ можно играть руками и посред-
ствомъ жерч. ручки 550, 600, 650, 700 р.
СІМФОНІОНЫ съ ручкою 5 р. самоиграющіе въ 10,
20, 25, 40, 70 и 100 рублей.

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
МОСКВА, ПЕТРОВКА

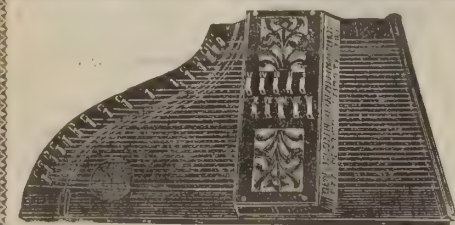
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, дома Волкова.
Иллюстрированный преис-куррантъ БЕЗПЛАТНО.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ ПРАВЛЕНІЕ.

Публицистическіе очерки Дж. Стюарта Милля.

Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. 200
страницъ большаго формата. Цѣна 60 коп.

ЦЫТРА-„АРФА“

семь педалей, 24 струны, цѣна
5 р. 50 к., десять педалей 32
струны 10 р.

САМОУЧИТЕЛЬ по 50 к. и 1 р.
Цытра АРФА популярный и са-
мый надежный для обученія
инструментъ, на которомъ ка-
ждый въ состояніи сыграть же-
лаемую пьесу. при помощи пе-
далей получаютъ полные и прі-
ятные аккорды.

2805-6
ФАБРИКА ТОРГОВАГО ДОМА А. Е. КУЛАКОВЪ.

Контора и склады Садовая улица № 33 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Юбилейный роскош. иллюстрированный преис-куррантъ высылаются БЕЗПЛАТНО.

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ОКОНЧЕНЪ.

Изд. Т-ва А. ГРАНАТЪ и К^о. Цѣль изданія—въ сжатомъ набо-
женіи дать точныя и обстоятельныя свѣдѣнія по каждому пред-
мету знанія, ознакомить съ основными выводами всѣхъ наукъ
и болѣе важными вопросами жизни и тѣмъ содѣйствовать са-
мообразованію и болѣе разностороннему развитію. Въ изданіи
принимали участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. Г. Вино-
градовъ, прив.-доц. П. И. Вояжесенскій, М. Я. Герценштейнъ,
В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, прив.-доц. И. Я. Гурьянъ,
Г. А. Джалишевъ, И. Н. Колубовскій, проф. В. Ф. Левинскій,
д-ръ М. Е. Лисовъ, прив.-доц. И. Л. Лосъ, проф. И. В. Луниц-
кій, П. Н. Милуковъ, С. А. Муромцевъ, В. А. Мякотинъ,
проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Печавъ, В. И. Острогор-
скій, проф. Ф. Ю. Петри, А. С. Пругавинъ, проф. Э. А. Рад-
ловъ, А. С. Размадзе, прив.-доц. А. Р. Смирновскій, прив.-доц.
В. Д. Соколовъ, проф. А. С. Тауберъ, маг. М. И. Тузвѣтъ Ва-
рановскій, проф. Н. А. Умовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф.
О. Л. Хвольсонъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. В. Г. Шегловъ
и многіе другіе.

8 томовъ (бол. 11,000 столб. убористой печати), 71,890 статей и замѣтокъ, 1567
портретовъ и рисунковъ, 26 географич. картъ, 150 таблицъ рисунка и статистич. таблицъ.
Цѣна 38 руб., въ перепл. — 42 руб. За пересылку 10 проц. Допускается разсрочка отъ
1 р. 20 к. въ мѣс. ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ съ отзывами печати, выдержан-
ными изъ текста и условіями разсрочки высылаются БЕЗПЛАТНО.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА

МОСКВА,

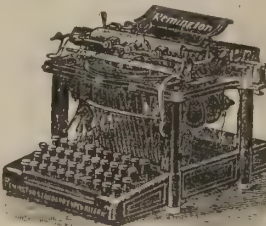
Б. Никитская д. 5.

= НОВОСТЫ! =

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.

1896—

НОВѢЙШАЯ
АМЕРИКАНСКАЯ

ПИШУЩАЯ
МАШИНА.

—1897.

РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ

МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ
ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.

РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 РУБ.

Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ.
ЕДИНСТВЕННЫЙ для всей Россіи СКЛАДЪ

Торговый
Домъ

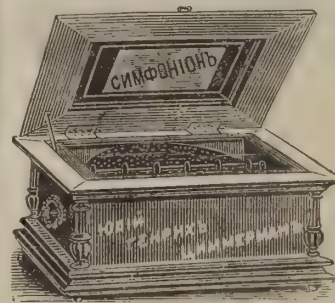
М. Блокъ

ГЛАВНАЯ КОНТОРА
МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:
С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ и/д.

СИМФОНІОНЫ

Музыкальныя шкатулки съ пріятнѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ
возможность мѣнять по произволу пьесы, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручною безъ нотъ	5 —
Ноты по	25 —
Заводной безъ нотъ	10 —
Ноты по	25 —
Заводной 60-тонный безъ нотъ	28 —
Ноты по	50 —
Заводной 84-тонный безъ нотъ	40 —
Ноты по	60 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	70 —
Ноты по	80 —
Заводной 100-тонный Sublime Harmo- nie Piccolo	10 —
Ноты по	1 —

НОВОСТЬ: Часы съ музыкой. Солнечные часы,
разъ въ день заведенные, играютъ сами
черезъ каждый часъ выбранную по про-
изволу пьесу. Въ случаѣ желанія — играютъ,
когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.

Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.

Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный преис-куррантъ всѣхъ
инструментовъ бесплатно. № 805-46

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальных инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

№ 46 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ двухъ съ половиною листовъ съ 16-ю рисунками, а именно: I) два
листа текста и II) «Еженедѣльная хроника» № 46-й.

Кромѣ того, при этомъ номерѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылаются: I) зчетнѣйшее литера-
турное приложеніе—одинадцатая книга «Домашней Библіотеки» (за ноябрь 1896 г.) и 2) экстренное художественное приложеніе:
«Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Е. И. В. Великой Княжною Ольгою Николаевною».

Дозволено цензурою. СПб., 7 ноября 1896 г.

Типография С. Добродѣева, Козенскій пер., д. № 11.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. А. ОБОЗРѢВА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1897 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ, 40 НУМЕРАМИ „ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЙ ХРОНИКИ“, 12 НУМЕРАМИ „НОВѢЙШИХЪ МОДЪ“, 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, 12 МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПЬЕСАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВЧНЫХЪ И ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ И ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:
 НА ГОДЪ (СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ СПБ. И ПЕРЕСЫЛКОЮ ПО ИМПЕРІИ) . . . 8 р. } БЕЗЪ ДОСТАВКИ НА ГОДЪ: ВЪ СПБ. 7 р. 50 к. — ВЪ МОСКВѢ. 7 р. 75 к.
 » ПОЛГОДА (СЪ ДОСТАВКОЮ). 4 р. — НА ТРИ МѢСЯЦА (СЪ ДОСТАВКОЮ). 2 р. } ЗАГРАНИЦУ НА ГОДЪ (СЪ КНИГАМИ). 16 р. —
 Экземпляръ журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, напечатанный на слоеной бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 рублей.
 Новое роскошное изданіе — „БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ“ (200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ оберткѣ).
 Для подписчиковъ цѣна ОДИНЪ р. 50 к. за экз. (съ доставкою). За прежнія художественныя изданія, на выборъ, уплачивается ОДИНЪ р. за экз. (съ доставкою). Безъ доставки 75 к.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

СЪ НОВОЙ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА Ю. Ю. КЛЕВЕРА (Собствен. журн. „Живописное Обозрѣніе“).

«Первый снѣгъ».

* * *

*Не властенъ я въ своей печали,
Въ своей душѣ не властенъ я,—
Мнѣ сны восторговъ нашептали
Про свѣтъ иного бытія.*

* * *

*И я виновенъ-ли, что рано
Отринувъ жизни суету,
Я жизнь провидѣлъ изъ тумана
Какъ неземную красоту?*

* * *

*Что сталъ рабомъ воображенья
И тяжесть жизненныхъ веригъ
Смѣнилъ на пути вдохновенья
И на миражъ прекрасныхъ книгъ;*

* * *

*И угнетаемый измѣной,
Въ земной борьбѣ лишенный силъ,
Я сны и муки жизни тлѣнной
Въ земное счастье претворилъ?!*

Н. Фофановъ.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ ПЕТРА ИВАНОВИЧА.

РАЗСКАЗЪ.

◆◆◆

СТОЯЛЪ одинъ изъ рѣдкихъ знойныхъ петербургскихъ дней. Душно въ конторѣ. Открытыя окна нисколько не способствуютъ прохладѣ, такъ какъ воздухъ почти недвижимъ и накаляется все болѣе и болѣе лучами жгучаго солнца.

Несмотря на то, что время приближается къ часу, служащіе банка не успѣли войти въ обычную колею дѣла, — какъ-то не клеится сегодня оно у нихъ, видимо непривычная жара дѣйствуетъ не особенно хорошо, ослабляя энергію и мыслительныя способности. Но подъ влияніемъ строгаго, бдительнаго ока бухгалтера Пергаментова, — сухощаваго старика съ холоднымъ буржуазнымъ лицомъ, всѣ мало-по-малу подтягиваются, стряхиваютъ съ себя обуревающую лѣнь, и черезъ нѣсколько минутъ невозмутимая тишина, среди которой явственно слышенъ шелестъ бумагъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что служащіе вступили, какъ подобаетъ, въ исполненіе своихъ обязанностей.

Одинъ только конторщикъ Петръ Ивановичъ Викторовскій вмѣсто того, чтобы послѣдовать примѣру остальныхъ, положилъ перо и, взявъ голову въ обѣ руки, задумался, задумался такъ глубоко, что даже частые пронзительныя свистки финляндскихъ пароходиковъ, шныряющихъ взадъ и впередъ по рѣкѣ, заставляли его невольно каждый разъ вздрагивать.

Петръ Ивановичъ очень некрасивъ и не казистъ. Ему лѣтъ подъ сорокъ, хотя смотреть онъ моложе. Большого роста, чрезвычайно худой, съ впалой грудью и узкими плечами, съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ, на которомъ бѣгали глаза голоднаго, загнаннаго, но злого звѣрька, и которое было безпорядочно-усѣяно чахлой рыжей растительностью, съ вѣчно лохматой шевелюрой — Петръ Ивановичъ рѣдко на кого производилъ пріятное впечатлѣніе.

Викторовскому въ жизни положительно не везло. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, по окончаніи житомирской гимназіи, пріѣхалъ въ Петербургъ, и благодаря кое-какимъ мелкимъ связямъ, поступилъ въ банкирскую контору на маленькое мѣсто. За этотъ долгій промежутокъ времени, въ теченіе котораго иные дѣлаютъ довольно крупную карьеру, онъ успѣлъ дослужиться всего до конторщика съ содержаніемъ около тысячи двухсотъ руб., состоя пятый годъ въ этой должности.

Между тѣмъ Петръ Ивановичъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы выдвинуться впередъ по службѣ; онъ былъ аккуратенъ и исполнителенъ до пунктуальности; съ начальствомъ держалъ себя болѣе чѣмъ почтительно, — часто съ холопскимъ раболѣпствомъ, разговаривалъ мало и либеральнымъ образомъ мыслей не отличался. Чѣмъ бы,

кажется, не образцовый банковскій служащій, которому надо дать ходъ? Однако подите же, нѣтъ движенія Викторовскому.

Вообще, трудно сказать, въ чемъ нашъ герой былъ удачливъ. Но быть можетъ у семейнаго очага онъ испытываетъ счастье, отдыхая душой отъ всѣхъ пошлыхъ житейскихъ дразгъ и черная силы для борьбы съ ними? Увы, и этимъ не можетъ похвастаться Петръ Ивановичъ! Рядъ неудачъ и разочарованій мало-по-малу притопталъ въ Викторовскомъ и безъ того слабые хорошіе зачатки къ добру и обратилъ въ жалкаго, пошленькаго пресмыкающагося и озлобленнаго чловѣчка. Года четыре назадъ Петру Ивановичу пришлось побывать на Подоліи, сопровождая туда одного крупнаго служащаго, посланнаго въ довольно продолжительную командировку по дѣламъ банка. Въ одномъ изъ уѣздныхъ городковъ Викторовскій влюбился въ дочь мелкаго помѣщика Ядвигу Брониславовну Пшебытскую. И немудрено. Ядвига Брониславовна считалась одной изъ первыхъ красавицъ на Подоліи. По ней сходили съ ума всѣ обитатели городка, начиная съ гимназистовъ и кончая драгунскими офицерами. Подвернулся Викторовскій, въ теченіе нѣсколькихъ встрѣчъ влюбившійся въ великолѣпную панну и начавшій за ней настойчиво ухаживать. Сначала всѣ его исканія были встрѣчены Ядвигой съ высоко-

мѣрнымъ презрѣніемъ, такъ какъ ей слиш-комъ не нравился этотъ невзрачный петербургскій молодой человѣкъ. То ли дѣло кор-неть баронъ Экъ! Какъ онъ превосходно сло-женъ. А его ноги? Но опытная мамаша панны Ядвиги, послѣ нѣсколькихъ серьезныхъ раз-говоровъ, дала совершенно другое направ-леніе мыслямъ дочери, такъ что та круто перемѣнила обращеніе съ Викторевскимъ. Результатомъ явилось то, чего и слѣдовало ожидать, — спустя мѣсяць панна Пшебыт-ская стала madame Викторевской, а спустя еще двѣ недѣли молодые уѣхали въ Петер-бургъ, гдѣ и устроились очень скромно въ маленькой квартиркѣ.

Не долго продолжались медовые мѣсяцы для Петра Ивановича. Какъ-то разъ онъ ушелъ раньше со службы по случаю нездо-ровья. Придя домой, онъ засталъ выходную дворъ отпертой и безпрепятственно вошелъ въ квартиру; достигнувъ комнаты жены, Викторевскій услышалъ хохотъ, прерванный горячимъ подѣлуемъ. Бѣдный мужъ заша-тался, больно пораженный такой неожидан-ностью и прислонился къ косяку, чтобы не упасть. Потомъ, собравшись съ силами, онъ отворилъ дверь и глазамъ его представился баронъ Экъ tête-à-tête съ его женою. Пер-вою мыслью Викторевскаго было размо-зжить голову сопернику, но онъ вспомнилъ, что Экъ свободно гнетъ подковы, и поэтому, хлопнувъ дверью, Петръ Ивановичъ отпра-вился въ гостиную, гдѣ принялся швырять объ полъ въ припадкѣ безсильной злости различныя грошевыя бездѣлушки.

Со времени этого случая прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ у Ядвиги Брони-славовны успѣло перебивать много поклон-никовъ, которыхъ всѣхъ не перечетъ зналъ мужъ. Сначала его огорчали и возмущали измѣны жены, но потомъ привычка взяла свое, и онъ мало-по-малу примирился съ этимъ грустнымъ фактомъ, чему много спо-собствовало отсутствіе въ Викторевскомъ сильной впечатлительности.

Въ своихъ многочисленныхъ похожденияхъ Ядвиги Брониславовны ни разу не увлека-лась.

Мы оставили Петра Ива-новича въ конторѣ глубоко задумавшимся. Однако, что же это могло заставить его, всегда прилежнаго служа-щаго, прекратить работу и погрузиться въ какія-то ду-мы, которымъ онъ могъ пре-даться на свободѣ дома по-слѣ службы?

Вчера вечеромъ онъ на-шелъ въ комнатѣ жены муж-ской носовой платокъ съ мѣткой К. В. Конечно, дѣ-ло не въ томъ, что длин-ный списокъ поклонниковъ жены увеличился еще од-нимъ и что къ другимъ не-счастіямъ Викторевскаго прибавилось еще одно. Съ этимъ онъ давно свыкся, чтобы оно заставило его серьезно задуматься, да еще въ такое неурочное время.

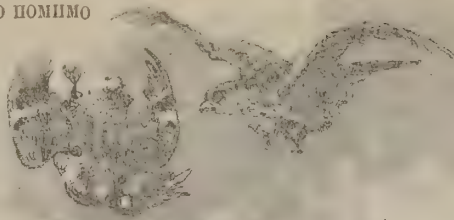
Нѣтъ, здѣсь кроется что-то другое.

Съ вечера Петра Ивано-вича неотступно преслѣду-етъ дерзкая мысль, не даю-щая ни минуты покоя. Въ

то время, какъ онъ перебиралъ имена лю-дей, могущихъ быть собственниками плат-ка, и не находилъ подобныхъ, у него помимо его воли промелькнуло и засѣло въ головѣ имя хо-зяина конторы Карла Адольфовича Вексельба-ума. Что за вздоръ? Съ чего это ему вдругъ по-казалось? — гналъ отъ се-бя подобное предположе-ніе Викторевскій. — Быть не можетъ!

Этотъ спѣсивый важ-ный старикъ, показывающійся изрѣдка среди нихъ во всемъ блескѣ своего недосягаемаго олимпійскаго величія, могущій однимъ рос-черкомъ пера лишить любого изъ нихъ кус-ка хлѣба, занимающій роскошную квартиру и подѣзжающій къ банку на великолѣпныхъ рысакѣхъ, — вдругъ очутился въ крохотной квартиркѣ на пятомъ этажѣ во дворѣ и лю-безничаетъ съ вѣтренной женой своего под-чиненнаго.

Нелѣпость! По истинѣ нелѣпость! ста-рался разувѣрить себя Викторевскій, при-чемъ въ его воображеніи рисовалась вы-сокая, полная фигура Вексельбаума, одѣ-таго въ элегантный смокингъ, надменное лицо директора с рогомъ смотрѣло на него, какъ-будто вопрошая, какое онъ имѣетъ право думать подобное про своего началь-ника, который можетъ его стереть съ лица земли. — Ну, а вдругъ? — Если и въправду онъ? — законопало въ мозгу у Петра Ива-новича, ему стало какъ то жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно. Глаза приняла хищное выраженіе. Тогда бы настала конѣцъ его жалкому существованію, онъ получилъ бы хорошее мѣсто съ большимъ содержаніемъ и былъ бы спокоенъ, зная, что есть кому заступиться, помочь! Да, если дѣйствительно Вексельбаумъ близокъ съ Ядвигой, то изъ этого можно извлечь многое, — и глаза Петра Ивановича забѣгали еще хищнѣе. Онъ былъ гадокъ въ эту минуту. Но вотъ, лицо его омрачилось и въ немъ промелькнуло что-то похожее на стыдъ предъ самимъ собою.

— Но вѣдь какимъ путемъ покупается подобное благосостояніе? Путемъ возмущи-тельной продажи, путемъ неизгладимаго позора! — припомнилась ему ходячая фраза, вычитанная недавно изъ газетъ.

«А покойная матушка — мелькнуло у него въ головѣ, — что бы сказала эта чудная, свя-тая женщина, узнавъ, какими житейскими приѣмами хочетъ упрочить свое положеніе ея ненаглядный Петя, которымъ она ды-шала и на котораго возлагала столько на-дежд!» — Викторевскій инстинктивно вздро-гнулъ и закрылъ лицо руками.

Въ эту минуту Пергаментовъ попросилъ его къ себѣ. Когда онъ подошелъ къ этому бухгалтеру, лицо Петра Ивановича уже приняло безстрастно-почтительное выраженіе.

— Снесите, пожалуйста, эту бумагу къ директору и попросите ее подписать, такъ какъ намъ нужно ее отослать сейчасъ въ провинцію, — обратился Пергаментовъ къ Вик-торевскому, передавая четко и красиво на-писанный листъ.

Петръ Ивановичъ прошелъ сначала цѣлую анфиладу конторскихъ комнатъ, прежде чѣмъ добрался до директорскаго кабинета, у дверей котораго находился черберообраз-ный служитель.

— Что, голубчикъ, Карлъ Адольфовичъ у себя? — заискивающе спросилъ у него Вик-торевскій.

— Никакъ нѣтъ, они изволили полчаса тому назадъ уѣхать! — отвѣтилъ черберъ.

Вернувшись, Петръ Ивановичъ передалъ

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ХУДОЖНИКА Н. Н. КАРАЗИНА.
(Собственность журнала „Живописное Обзорѣніе“).

ТУРКМЕНЫ НА ОХОТѢ.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ХУДОЖНИКА Н. Н. КАРАЗИНА.
(Собственность журнала „Живописное Обозрѣніе“).

«ЗНАМЕНОСЕЦЪ».

Пергаментову назадъ бумагу и сѣлъ на свое мѣсто, сдѣлавъ попытку приняться за работу. Но видно, ему не суждено было сегодня чѣмъ-нибудь заняться. Перо вывалилось изъ рукъ, и онъ опять погрузился въ раздумье.

«Гдѣ могъ быть Вексельбаумъ? Вдругъ онъ теперь тамъ, у Ядвиги? Фу, какой издоръ, почему именно тамъ! А платокъ? Вѣдь, это его платокъ! Нѣтъ, навѣрное директоръ теперь поѣхалъ къ его женѣ! Онъ, Викторовскій, отправится сейчасъ домой, застанетъ его, будетъ съ нимъ внимателенъ, любезенъ, предупредителенъ; тотъ это пойметъ, оценитъ его тактъ, а тамъ...» — И самыя радужныя перспективы начали вырисовываться въ воображеніи Петра Ивановича, причемъ ротъ его искривился усмѣшкой.

И опять живымъ укоромъ предсталъ предъ Викторовскимъ образъ матери, причемъ лицо его просвѣтлѣло и онъ отдался воспоминаніямъ того далекаго, чуднаго, незабвеннаго прошлаго, въ которомъ Петръ Ивановичъ часто отдыхалъ душой отъ мрачной дѣйствительности.

Первое мѣсто въ этихъ воспоминаніяхъ всегда принадлежало матери.

Это была положительно святая женщина. Жена мелкаго провинціальнаго чиновника, горячѣйшаго пьяницы, пропивавшаго всѣ свои скудные гроши и часто жестоко колотившаго ее, она съ удивительнымъ героизмомъ несла свой тяжелый крестъ. Никогда никто не слышалъ, вырвавшегося изъ ея устъ ропота или жалобы даже въ самыя тяжелыя и трудныя минуты. Всю свою наболевшую душу, все свое истерзанное сердце отдала эта несчастная женщина своему ненаглядному Петѣ, которымъ только и дышала. Она отказывала себѣ во всемъ необходимомъ, часто не допивала, не доѣдала, чтобы сдѣлать ему что нибудь пріятное. Боже, сколько безсонныхъ ночей провела она за скудно оплачиваемой работой, желая сшить гимназисту Петѣ мундирчикъ или купить учебныя книги. Мать старалась смягчить и скрыть отъ него всю неприглядность окружающей мрачной обстановки. Вспомнились Петру Ивановичу нескончаемыя бесѣды съ ней, когда онъ, блѣдный, задумчивый юноша, почти съ благоговѣніемъ внималъ ея рѣчамъ, въ которыхъ было столько всепрощающей любви, смиренной доброты, неподкупной правды и стремленія къ свѣту.

Она заклинала Петю быть честнымъ, хорошимъ, чтобы онъ, несмотря на тяжелыя испытанія, которыя ему пошлетъ суровая жизнь, сохранилъ свѣжесть и чистоту души, чтобы сердце его не очерствѣло въ борьбѣ, а было бы всегда отзывчиво къ чужой бѣдѣ и страданіямъ.

Жадно воспринималъ тогда все это Петя, но вотъ онъ окунулся въ житейское море и измѣнилъ завѣтамъ матери.

Идеалы, теплившіеся гдѣ-то тамъ, мало-по-малу угасали, пока совсѣмъ не потухли. Не хватило силъ въ борьбѣ съ жизнью. Смяла она его, исковеркала, душу опошילה, сердце сдѣлала каменнымъ.

Но вотъ взоръ Петра Ивановича скользнулъ въ пространство и остановился на бѣлоромъ гладко выстриженномъ затылкѣ помощника бухгалтера барона Игрекѣ. Это вернуло Викторовскаго къ дѣйствительности. Онъ съ ненавистью впивался взоромъ въ затылокъ барона и въ сердцѣ его закипала злоба, причемъ лицо приняло опять нехорошее выраженіе. И ему припомнилось,

какъ началъ службу и служить баронъ. Въ то время, какъ Петръ Ивановичъ работаетъ, не разгибая спины, Игрекъ приходитъ поздно, чиститъ свои выхоленные ногти, куритъ сигары и, пересмотрѣвъ отъ скуки кое-какія бумаги, уходитъ во свояси. А почему все это такъ складывается? — Потому что у барона кромѣ имени есть большія связи. И онъ родственникъ Вексельбаума.

— Теперь или никогда! — шептали губы Викторовскаго, причемъ все лицо его какъ то странно перекошилось и на немъ появилось выраженіе мрачной рѣшимости.

— Николай Сергѣевичъ! — обратился онъ, подойдя къ Пергаментову, — вы ничего не имѣете противъ моего желанія уйти, я чрезвычайно скверно себя вдругъ почувствовалъ.

Пергаментовъ внимательно посмотрѣлъ на Викторовскаго и, убѣдившись, что съ нимъ дѣйствительно происходитъ что-то пеладное, короткимъ кивкомъ изъявилъ свое согласіе, послѣ чего опять погрузился въ бумаги.

Какъ угорѣлый, бѣжалъ домой Петръ Ивановичъ, толкая прохожихъ.

«Бѣги, бѣги, онъ тамъ!» — нашептывалъ ему какой-то внутренній голосъ.

Вотъ и огромный пятиэтажный домъ, въ которомъ живетъ Викторовскій; онъ быстро поднялся въ пятый этажъ и очутился у дверей своей квартиры. Отъ безостановочнаго бѣга Петръ Ивановичъ запыхался и тяжело дышалъ, къ чему примѣшалось весьма понятное волненіе. Постоявъ минуты двѣ, онъ протянулъ было руку къ звонку, но нерѣшительно остановился.

— А можетъ быть, его тамъ нѣтъ, можетъ быть это только игра воображенія, основанная на совершенно случайномъ совпаденіи буквъ.

— Нѣтъ, онъ тамъ, тамъ, — продолжалъ ему шептать все тотъ же внутренній голосъ. Викторовскій собрался съ духомъ, сильно дернулъ за звонокъ и замеръ въ ожиданіи.

Прошло нѣсколько томительныхъ для него секундъ. Наконецъ, раздалось за дверью шлепанье туфель и на порогѣ предсталъ предъ Петромъ Ивановичемъ его толстая, грязная прислуга Мавра. Барина она видимо никакъ не ожидала и глупо смотрѣла на него, загорюничавъ, однако, входъ своей грузной фигурой.

— Что, развѣ не узнала меня? — съ досадой окрикнулъ ее Петръ Ивановичъ. — Барыня дома?

— Нѣтъ, онѣ вышли, скоро придутъ! — отвѣчала Мавра, не оставляя своей позиціи.

«Онъ здѣсь, навѣрное здѣсь!» промелькнуло у Викторовскаго и, видимо что-то сообразивъ, онъ преувеличенно громко спросилъ:

— А нашъ директоръ здѣсь давно?

— Что вы, что вы, баринъ! Господь съ вами, никакого директора нѣту! — тревожнымъ полушепотомъ отвѣчала Мавра, блѣдая.

— Что ты врешь, старая дура. Я знаю отлично все! — пусти меня!

Мавра видимо была окончательно ошеломлена и продолжала глупо растерянно смотрѣть на барина.

Это его не на шутку взбѣсило.

— Ты долго будешь еще стоять въ дверяхъ, глупое животное! — крикнулъ онъ и, оттолкнувъ ее грубымъ пинкомъ, вошелъ въ квартиру, рѣшительно направившись черезъ

гостиную и столовую въ третью и послѣднюю комнату — будуаръ жены.

Какъ ни странно, но Карлъ Адольфовичъ Вексельбаумъ былъ дѣйствительно въ это самое время у Ядвиги Брониславовны. Незадолго до прихода Петра Ивановича, Викторовская вышла изъ дому на нѣсколько минутъ и Вексельбаумъ ожидалъ ея прихода. Онъ комфортабельно усеѣлся въ кресло и закурилъ сигару.

Это былъ высокій полный старикъ съ такой печатью важности на лицѣ и во всей фигурѣ, что съ перзаго взгляда заставлялъ относиться къ себѣ чуть-ли не со страхомъ. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, Карлъ Адольфовичъ былъ еще очень бодръ; правда, лицо его немного обрюзгло, но это все-таки не мѣшало ему быть красивымъ.

Роскошныя каштановыя баки уже на половину подернулись серебристой сѣдиной. Его телячи на выкатѣ глаза смотрѣли тупо, но самоувѣренно, съ сознаніемъ силы и власти. Одѣтъ былъ Вексельбаумъ въ элегантно сшитый смокингъ. Въ ту минуту, когда онъ былъ весь погруженъ въ созерцаніе ароматичнаго дыма своей сигары, причемъ на лицѣ его блуждала счастливая улыбка, раздался рѣзкій, властный звонокъ Петра Ивановича. Вексельбаумъ стремительно вскочилъ съ кресла; онъ сильно перетрусилъ.

— Это мужъ, навѣрное мужъ; кому-же быть, какъ не ему? — Ядвига ушла чернымъ ходомъ! Вотъ такъ штука! Что дѣлать? Что дѣлать? — шептали въ отчаяніи дрожащія губы Карла Адольфовича. — Боже, до чего онъ только дожилъ? Онъ, Вексельбаумъ, повластный хозяинъ банка, застигнуть подчиненнымъ въ будуарѣ его жены, опозоренъ, уничиженъ! Это ужасно! — Карлъ Адольфовичъ прислушался... въ передней громкій говоръ; такъ можетъ говорить только хозяинъ.

Въ отчаяніи обвелъ онъ взоромъ комнату, ища выхода, но его не было. Блуждающій взглядъ Вексельбаума остановился на шкапѣ, но любитель чужой собственности сразу рѣшается, что шкапъ малъ для его внушительной фигуры. Тогда видя, что другого спасенія нѣтъ и надо торопиться, во что бы то ни стало, Карлъ Адольфовичъ быстро полѣзъ за драпировку, за шкапъ.

— А вдругъ, у этого негодяя револьверъ съ собою, онъ убьетъ его, застрѣлитъ, какъ перепелку!

При одной подобной мысли бѣлое чело Карла Адольфовича обильно оросилось холоднымъ потомъ и онъ чуть не потерялъ сознаніе.

О, Вексельбаумъ слишкомъ любилъ жизнь тѣмъ болѣе, что она всегда была къ нему такъ благосклонна. У него есть въ виду нѣсколько выгодныхъ предпріятій, и вдругъ этотъ мелкотравчатый конторщикъ однимъ нажимомъ дурацкой револьверной собачки разрушить все... Ну, а если не убьетъ, если только обезчеститъ, приѣдетъ, пожалуй! Вѣдь это чудовищно! — Станетъ всѣмъ извѣстно; жена узнаетъ и есѣ, всѣ! О, скандалы! И дернулъ же чортъ его, Вексельбаума, на старости лѣтъ поставить себя въ положеніе какого-нибудь забубеннаго корнета. И гдѣ же, гдѣ? — Въ квартирѣ своего подчиненнаго! Что можетъ быть ужаснѣе?

Положеніе Карла Адольфовича становилось все болѣе и болѣе трагическимъ. Обильно пыли за шкапомъ положительно не позволяло свободно дышать бѣдному Вексельбауму. Она забиралась ему въ ротъ, слѣпила

глаза и немилосердно щекотала ноздри, такъ что, наконецъ, Карлъ Адольфовичъ не выдержалъ—и громкое, протяжное чиханье огласило комнату...

— Погибъ, погибъ, все пропало!—въ холодномъ поту шептала побѣлѣвшими губами Вексельбаумъ, закрывая глаза, замирая и предаваясь на волю Божию.

Викторовскій, удивленный, что никого не видно и предположившій было, что предчувствие его обмануло, какъ хорошо выдрессированный сеттеръ бросился къ драпировкѣ на это роковое чиханье. И, приподнявъ пестрый кретонъ, сталъ съ любопытствомъ разсматривать своего начальника, еще не виданнаго имъ при такой болѣе чѣмъ оригинальной обстановкѣ.

«Что же онъ медлитъ, не стрѣляетъ, чего ждетъ?»—проносилося въ мозгу у помертвѣвшаго отъ страха и боявшагося открыть глаза Карла Адольфовича.

— Карлъ Адольфовичъ! Карлъ Адольфовичъ! Позвольте, я вамъ помогу!—раздался голосъ Петра Ивановича, деликатно дотрогивающагося до директора.

Петръ Ивановичъ стоялъ передъ начальникомъ въ почтительной позѣ. Карлъ Адольфовичъ оправился, повернулся къ нему лицомъ и одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что роли обоимъ опредѣлились. Страненъ былъ видъ всегда джентльменски безукоризненнаго и приличнаго Вексельбаума. Шевелюра и роскошные бакены, всегда тщательно расчесанные, растрепались до невозможности и запорошились пылью, густымъ слоемъ которой покрылось и вспотѣвшее лицо Карла Адольфовича. Костюмъ весь перепачкался и мѣстами къ нему прилипла паутина...

— Вы изволили сильно перепачкаться, Карлъ Адольфовичъ! Вотъ я сейчасъ щеточкой! Простите, по бѣдности своей не могу содержать всего въ чистотѣ и порядкѣ. Что дѣлать, еда на одну прислугу хватаетъ; да и та лѣнивая дура! Вотъ здѣсь, около рукава! Это ничего, пыль, слѣда не останется!—и съ этими словами Петръ Ивановичъ проворно забѣгалъ, Богъ вѣсть откуда появившейся у него въ рукахъ, щеткой по директорскому костюму, стараясь привести его въ надлежащій видъ.

Вексельбаумъ выпрямился—въ глазахъ и въ лицѣ появилось прежнее спокойное величіе. И онъ строго-начальническимъ взоромъ обдалъ мизерную фигуру Викторовскаго, отъ чего тотъ оробѣлъ и приостановилъ чистку жилета.

— Вотъ, здѣсь еще не совсѣмъ чисто, видите?—почти прикрикнувъ Карлъ Адольфовичъ на своего подчиненнаго, указывая на рукавъ.

— Простите, пропустилъ!—извинился Петръ Ивановичъ и поспѣшно принялся поправлять свою ошибку.

Н. Брешко-Брешковскій.

СЕРЕНАДА ТРУБАДУРА.

Предъ твоею красотою
Меркнетъ солнце и луна,
И склоняется Киприда,
Тайной зависти полна.

* * *

И несутся съ небосклона
Кони Феба-Аполлона,
Фебъ стремится въ чашъ ночной
Поборотися здѣсь со мной.

* * *

Не боюсь, готовъ я къ бою;
Есть оружье у меня.
Знаю, я люблю тобою,
И, клянусь самой судьбою,
Онъ уйдетъ, главу склоня!

Н. Леонтьевъ.

БАНКРОТЪ.

Рассказъ.

НОСЛѢ тяжелой и продолжительной болѣзни Анатолий Николаевичъ замѣтно поправлялся.

Онъ сталъ ѣсть, спать я передвигаться по комнатѣ. Лицо его, еще очень блѣдное и худое, утратило выраженіе безразличія, которое такъ пугало его брата, не отходившаго отъ него во время болѣзни. Теперь Степанъ Николаевичъ успокоился, и только одно странное обстоятельство удивляло и слегка тревожило его. Наконецъ, онъ не выдержалъ.

— Анатоша, — робко спросилъ онъ какъ-то, — ты помнишь, какъ ты заболѣлъ?

— Ну, помню, — мрачно отозвался Анатолий Николаевичъ. — А что?

— Ну, ничего. Я такъ.

Этотъ короткий разговоръ не выяснилъ ничего по тому вопросу, который занималъ Степана Николаевича, но ему скоро удалось успокоиться и на этомъ. Голова его была слишкомъ занята разрѣшеніемъ иныхъ задачъ въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова. Онъ преподавалъ математику въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи и на это у него уходило все утро; вечеромъ онъ готовился къ этому преподаванію и, кромѣ того, писалъ сочиненіе. Наука настолько поглощала его, что стала какъ-бы его второй натурой. Когда онъ шелъ по улицѣ или входилъ въ незнакомое ему общество, ему иногда приходило въ голову, что окружающіе не знаютъ, что онъ математикъ, и ему казалось страннымъ, что люди могутъ видѣть въ немъ чело-вѣка просто, не связывая личности этого человека съ цифрами и формулами. Ему казалось, что самая наружность его должна была возбуждать нѣкоторое недоумѣніе, подобно неразгаданному іероглифу: какъ будто значить что-то и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто не значить ничего. Поэтому, рекомендуясь, онъ говорилъ скороговоркой:

— Степанъ Николаевичъ Савинъ, профессоръ математики.

Это было смѣшно, но послѣ такого точнаго опредѣленія онъ чувствовалъ себя спокойно и просто. Съ людьми, за единственнымъ исключеніемъ, онъ соприкасался только съ математической точки зрѣнія: у него были товарищи—математики; у него были ученики, и тѣ, естественно, были математиками; у него, наконецъ, была прислуга, кухарка, и онъ сводилъ ея счеты и выдавалъ ей деньги. Всякій разговоръ, если онъ не касался его любимой науки, казался ему скучнымъ и натянутымъ. Случалось, за чаемъ, или ужиномъ у одного изъ своихъ коллегъ, онъ обращался къ своей случайной собесѣдницѣ и говорилъ:

— Интересная вещь: одинъ мой товарищъ задавалъ мнѣ слѣдующую задачу. Не пугай-

тесь! Я только оттого беру на себя смѣлость: затруднить ваше вниманіе, что увѣренъ въ общемъ интересѣ вопроса.—И онъ излагалъ задачу.

— Побойтесь Бога!—кричала ему хозяйка дома, а онъ недоумѣвалъ и продолжалъ увѣрять, что вопросъ вполнѣ общій.

Единственное исключеніе составлялъ его братъ Анатолий. Мало того, что онъ не былъ математикомъ, онъ съ раздраженіемъ и неприязнью относился къ занятіямъ брата и отношенія своего не скрывалъ. Степанъ Николаевичъ огорчался, жалѣлъ брата, но давно уже отчаялся въ своихъ попыткахъ заинтересовать его наукой и задачекъ ему не задавалъ.

— У брата Анатолия художественныя наклонности. У него нервная, чуткая, впечатлительная натура,—думалъ онъ про брата. И онъ не только прощалъ ему его отношенія къ математикѣ, онъ самъ какъ-бы помного побаивался Анатолия Николаевича и заискивалъ въ немъ, не смотря на то, что былъ старше на два, или три года.

Дѣйствительно, Анатолий Николаевичъ очень недурно игралъ на роялѣ и писалъ короткіе очерки и этюды въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Лѣтомъ онъ много путешествовалъ, набирался впечатлѣній, зная, ради заработка, служилъ секретаремъ въ учебномъ заведеніи, гдѣ преподавалъ братъ, и писалъ свои очерки.

Жизнь шла однообразно. Анатолий часто скучалъ, дѣлался злымъ и раздражительнымъ; онъ придирался къ брату и дѣлалъ все возможное, чтобы разсердить его и отвлечь отъ занятій.

— Взгляни на себя: ты уже весь высохъ и пожелтѣлъ!—говорилъ онъ ему съ насмѣшкой и презрѣніемъ. Степанъ Николаевичъ испуганно оглядывалъ свою худощавую фигуру рыжеватаго блондина, свои поразительно блѣдныя, худыя руки съ длинными пальцами и затѣмъ съ удовольствіемъ останавливался на стройной фигурѣ брата, его подвижномъ лицѣ съ русой бородкой и темно-карими, горящими глазами.

— Ну, что я! Что я! — тономъ извиненія говорилъ онъ и махалъ рукой. Одну зиму Анатолий Николаевичъ все чаще и чаще уходилъ изъ дому по вечерамъ. Степанъ Николаевичъ сперва не обращалъ на это вниманія, но потомъ сталъ замѣчать, что братъ совсѣмъ забросилъ свои занятія. Какъ-то разъ онъ спросилъ:

— Ты куда-же это уходишь, Анатолий?

Анатолий Николаевичъ сощурилъ заблестѣвшіе глаза и сталъ усиленно дымить папирсосою.

— Нѣтъ, серьезно: гдѣ ты бываешь?

Анатолий сдѣлалъ лукавое лицо.

— Вообрази, Степа, такую штуку: вдругъ я возьму и женюсь.

Степанъ Николаевичъ чуть не подпрыгнулъ.

— Ты? Женишься?

— Ну, а вдругъ? Отчего-бы этому не быть? Мнѣ 34 года. Экая штука такая! Въ самый разъ. На мои заработки широко не проживешь, но зачѣмъ же мнѣ отдѣляться отъ тебя? Квартира достаточно велика, перетащу сюда жену. Ну, какъ?

Степанъ Николаевичъ смотрѣлъ на него и моргалъ. Взглядъ у него былъ испуганный и безпомощный, какъ у ребенка.

— Ну, успокойся, успокойся: я пошутилъ!—засмѣялся Анатолий. — И женился-бы, пожалуй, да «она» замужемъ.

— «Она» замужемъ? — недоумѣвая, переспросилъ Степанъ Николаевичъ.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ПРОФЕССОРОВЪ: В. И. ЯКОБІЯ, АНТОКОЛЬСКАГО и ХУДОЖНИКА-ПИСАТЕЛЯ Н. Н. КАРАЗИНА.

— Съ тобой говорить все равно, что разсуждать съ лунатикомъ, — съ легкой досадой замѣтилъ Анатолій Николаевичъ. — Ты никогда не слыхалъ, что женщины бываютъ замужемъ? И что ихъ, все-таки, можно любить, ну, и... положимъ... пользоваться взаимностью?

— Ты со мной, Анатоша, точно съ ребенкомъ.

— Такъ не дѣлай глупаго лица и глупыхъ вопросовъ!

Анатолій Николаевичъ нахмурился, но черезъ нѣсколько времени онъ засмѣялся и спросилъ:

— А скажи, пожалуйста: неужели ты такъ-таки никогда не увлекался женщинами?

— Некогда было, ну, и не увлекался. Все это времени требуетъ! — серьезно отвѣтилъ Степанъ Николаевичъ. — Иногда, знаешь, если дать себѣ волю, немного жалко становится. Да, нѣтъ! Богъ съ ней, съ этой любовью! Сколько отъ нея зла. Говорятъ: «міровой стимулъ»; а, собственно, чепуха: каждое чувство въ себѣ побороть можно, надо только знать чѣмъ.

— Ужъ не математикой-ли? — насмѣшливо спросилъ Анатолій.

— Яубѣжденъ. Это точная, разумная наука. Умъ приучается къ дисциплинѣ, а это важнѣе всего.

Н. Н. Каразинъ.

(Художникъ-иллюстраторъ и писатель).

— Можетъ быть, правда. Я не разбираю, что тамъ по вашему красиво, а что некрасиво. Волосы, такъ волосы. Что-жъ такое!

Анатолій Николаевичъ продолжалъ уходить по вечерамъ, а Степанъ Николаевичъ, успокоенный заявленіемъ брата, что «она» замужемъ, совсѣмъ пересталъ замѣчать отсутствіе брата.

Но тутъ пришла неожиданная бѣда. Въ одинъ вечеръ Анатолій Николаевичъ вернулся домой въ такомъ состояніи, что перенугалъ брата: лицо его было мертвеинопоблѣдно и весь онъ трясся, какъ отъ озноба.

— Крейцера соната! — сказалъ онъ Степану съ кривой усмѣшкой и сталъ поспѣшно развязывать галстухъ. — Крейцера соната!

— Что это ты, Анатоша? Какая соната? — растерялся Степанъ Николаевичъ.

— Ну, Толстого... Крейцера соната! Неужели не знаешь?

— Знаю, знаю. Только какое же отношеніе? Объясни, Бога ради.

Анатолій сморщилъ лицо такъ какъ будто братъ ему дѣлалъ очень больно.

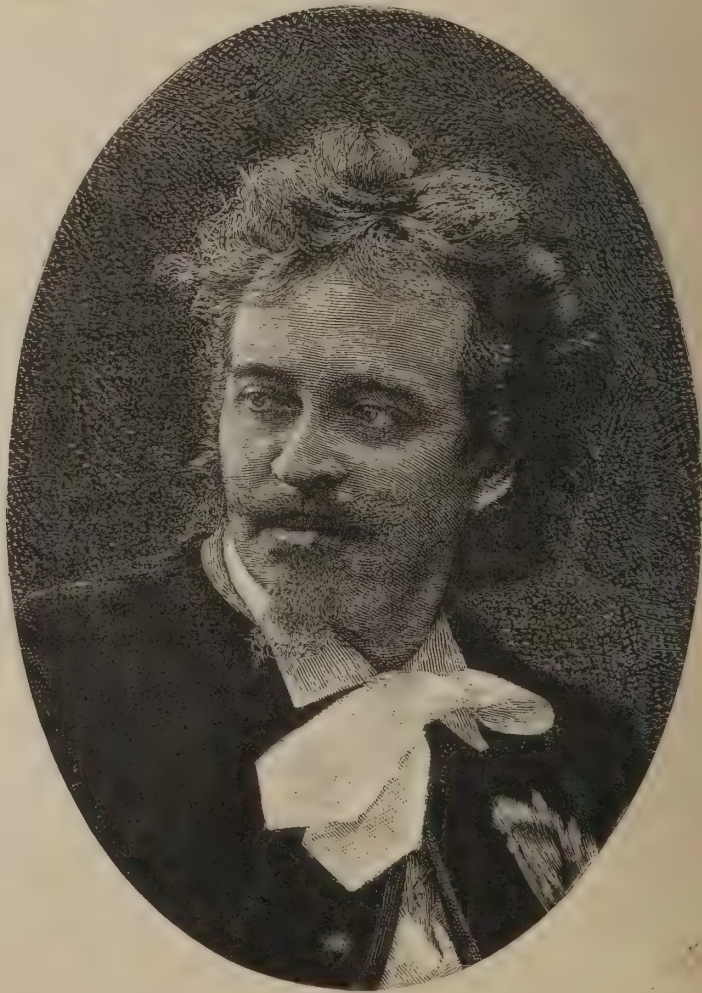
— Ахъ! тебѣ, какъ младенцу, надо все пояснять, разъяснять... Я былъ у «нея», понимаешь? Она

М. М. Антокольскій
(Профессоръ скульптуры).

Анатолій Николаевичъ съ раздраженіемъ пожалъ плечами.

— Мнѣ про тебя рассказывала одна дѣвушка,

ка... правда это? «Я, говоритъ, захотѣла ему поправиться: волосы распустила, красивую позу приняла, а онъ и не замѣтилъ! Помнишь это?

В. И. Яковій
(Профессоръ живописи).

писала, что мужа не будетъ дома. Онъ вернулся. Оказывается, онъ давно ревновалъ, подозревалъ.

Св. Николай, освобождающій отъ казни трехъ невинно осужденныхъ.

— Неужели убилъ ее?—съ ужасомъ спросилъ Степанъ Николаевичъ. Анатолий глухо отвѣтилъ:

— Онъ только вошелъ и... упалъ. Ударъ, что-ли.

Онъ залпомъ выпилъ стаканъ воды и растерянно оглянулся.

— Вотъ, сию здѣсь, а передъ глазами его лицо, какъ онъ упалъ.

Глаза его округлились, и онъ сталъ дрожать сильнѣй.

— Тебя бьетъ лихорадка, — сказалъ Степанъ Николаевичъ;—что бы такое сдѣлать? Ложись, я тебя накрою потеплѣй.

— Мнѣ кажется, что и у меня его лицо съ такимъ выраженіемъ.

Анатолий сдѣлалъ жестъ, полный ужаса.

— И у тебя. Ты видалъ, какъ закалываютъ быка? Я никогда не видалъ, но мнѣ кажется, что у него должно быть именно такое выраженіе. Что-то животное, тупое. Онъ жилъ, смотрѣлъ, а мнѣ хотѣлось броситься и придушить его собственными руками. Унизительно такъ страдать человѣку! Знаешь, мнѣ его не жалко было, а только... противно, и хотѣлось, чтобы онъ умеръ поскорѣй. Мнѣ все кажется, что у меня его лицо!

— Ты не говори, ты ложись, — посоветовалъ Степанъ Николаевичъ.

— Если-бы онъ умеръ, это было-бы все. Милочка била себя въ грудь и кричала что-то. Но это пустяки! Отчего-же я не чувствую угрызений? Это было-бы благородно и романчно. Отчего мнѣ его не жалко? Развѣ я такой извергъ? Противно! и... это лицо... вездѣ...

Анатолий Николаевичъ легъ и съ этой ночи началась та болѣзнь, которая едва не свела его въ могилу.

Станнымъ казалось Степану Николаевичу то, что Анатолий никогда не упоминалъ о случившемся и какъ-бы совсѣмъ забылъ о своемъ несчастномъ романѣ. Степанъ Николаевичъ зналъ теперь, что «ее» звали Людой, Милочкой, какъ часто называлъ ее Анатолий, когда онъ лежалъ въ бреду; онъ зналъ также, что чувство брата къ этой Милочкѣ было сильнымъ чувствомъ, а между тѣмъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ пересталъ бредить, онъ пересталъ упоминать о ней.

Степанъ Николаевичъ замѣтилъ еще, что послѣ болѣзни характеръ Анатолия сильно измѣнился: онъ не раздражался болѣе, не ворчалъ и словно съ какимъ-то возобновленнымъ интересомъ присматривался ко всему окружающему. Къ брату онъ тоже относился теперь такъ, какъ будто давно не видалъ его, или только что началъ знакомиться съ нимъ. Онъ часто приходилъ въ комнату Степана Николаевича, садился около его стола и задумчиво слѣдилъ за тѣмъ, какъ тотъ быстро покрывалъ страницы тетрадей буквами и цифрами, какъ онъ хмурилъ лобъ и осторожно чесалъ длиннымъ блѣднымъ пальцемъ скудно обросшія подбородокъ.

— Что ты такъ смотришь? — разсѣянно спрашивалъ братъ.

— Такъ, смотрю, — уклончиво отвѣчалъ Анатолий Николаевичъ.

— Ничего не болѣитъ?

— Ничего.

Степанъ Николаевичъ успокаивался и опять погружался въ свои вычисленія.

Чаше всего братья разговаривали за обѣдомъ.

— Ты хорошо знаешь себя?—какъ то неожиданно спросилъ Анатолий. — Ты ясно представляешь себѣ свою личность?

Степанъ Николаевичъ недоумѣвалъ.

Въ эту минуту онъ испыталъ то-же чувство, какъ тогда, когда онъ, рекомендуясь, говорилъ скороговоркой: «Степанъ Николаевичъ Савинъ, профессоръ математики».

Онъ глядѣлъ на брата и моргалъ своими покраснѣвшими, подслѣповатыми глазами.

— Это удивительно! — продолжалъ Анатолий,—живешь, живешь и вдругъ тебя ослѣвитъ: будто-бы и не ты жилъ, а кто-то тамъ другой за тебя.

— Ну, это философія!—поморщился Степанъ Николаевичъ.

— Нѣтъ, это любопытно, — сказалъ Анатолий. — Любопытно! Еще недавно человѣкъ представлялся мнѣ чѣмъ-то законченнымъ, единой, такъ сказать. Теперь мнѣ кажется, что это не такъ. Мнѣ кажется, что для того, чтобы жить, надо непременно броситься въ какую-нибудь крайность, надо быть слѣпымъ и глухимъ ко всему, что не составляетъ избранной сути жизни: надо глядѣть на эту суть, какъ на солнце, чтобы въ яркомъ свѣтѣ его померкло все, все остальное. Если такой сути нѣтъ, жить... трудно.

— Нуженъ разумъ, нужна наука, — сказалъ Степанъ Николаевичъ.

— Да, да, и наука. Это тоже одна изъ крайностей. Наука, искусство, любовь, подвигъ, мученичество, психопатія, что нибудь, что бы могло увлечь, захватить, убаюкать, обмануть самого себя. Каждый цѣлится за что попало. О, это безпокойство, это исканіе! Мужчина, большей частью, эксплуатируетъ свой разумъ, женщина—чувство. Все правдивое, духовные банкроты съ истерикой и надрывомъ вмѣсто жизни. И замѣть: нѣтъ ничего страшнѣй, какъ заглянуть въ собственную душу, и дѣлаютъ это люди случайно, въ крайности, когда жизнь ошеломитъ. Страшно, за себя страшно.

— Видишь, у тебя есть потребность въ точной наукѣ. Когда знаешь, что $2 \times 2 = 4$, такіа мысли о жизни не могутъ придти въ голову.

Но Анатолий Николаевичъ продолжалъ:

— Мнѣ кажется теперь, что даже дѣйствительности въ жизни нѣтъ, или почти нѣтъ. Больше всего обмана. Намъ кажется, что мы чувствуемъ, намъ кажется, что мы страдаемъ, потому что хочется и чувствовать и страдать. Но этого нѣтъ, это обманъ. Это почти то-же, что въ музыкѣ. Ты никогда не испытывалъ, какъ музыка обманываетъ?

Она даетъ тебѣ такіа впечатлѣнія, какихъ въ жизни нѣтъ, по тебѣ будетъ казаться, что они есть, и ты будешь искать ихъ, тосковать по нимъ. Музыка—это другъ предатель: ты вѣришь ему, ищешь въ немъ утѣшенія, а онъ предастъ тебя.

— Я, лично, не нахожу: я не понимаю музыки, не чувствую ея,—равнодушно замѣтилъ Степанъ Николаевичъ.

— Жизнь пуста, жизни нѣтъ,—упавшимъ голосомъ заключалъ Анатолий Николаевичъ.

Время шло, и Анатолий Николаевичъ оправился настолько, что началъ выходить и онягъ принялся за свои обязанности по службѣ. Онъ сталъ задумчивѣе, молчаливѣе, но такъ какъ онъ молчалъ, то Степанъ Николаевичъ пересталъ замѣчать странности, еще недавно беспокоившія его въ выздоравливающимъ.

Дома Анатолий Николаевичъ не дѣлалъ ничего: онъ ходилъ по комнатамъ и видимо тосковалъ, не зная куда дѣвать себя и свое время.

— Отчего ты не пишешь?—спрашивалъ его Степанъ Николаевичъ.

— О чемъ?

— Ну, о чемъ раньше писалъ?

— Я тогда вѣрилъ, а теперь я не вѣрю а, обманывать не могу,—мрачно отвѣчалъ Анатолий.

— Чему ты не вѣришь?

— Не вѣрю счастью, любви, солнцу, природѣ... Ничему не вѣрю. Я буду говорить людямъ на языкѣ, котораго они не поймутъ, потому что я знаю то, чего они не знаютъ.

— Вотъ и скажи имъ... чтобы знали.

— Нѣтъ, этого нельзя. Это страшно,—говорилъ Анатолий и рѣзко блѣднѣлъ.—Это страшно,—повторялъ онъ, оглядываясь растеряннымъ и какъ-бы недоумѣвающимъ взглядомъ.—Страшно жить.

— Хорошо жить! — разсѣянно отзывался Степанъ Николаевичъ, — интересно! Еще сколько новаго, умнаго выдумаютъ люди!

— А страданья? Смерть? Могутъ люди побѣдить ихъ? Побѣдить природу, которой они рабы? Я не хочу быть рабомъ! Я не хочу жить рабомъ! Сколько мечтаній! Сколько иллюзій! А въ сущности, строгое, послѣдовательное исполненіе законовъ природы. Развѣ это я? Гдѣ я? Нѣтъ меня! Жизнь пуста, жизни нѣтъ, есть одни законы, а ты говоришь: хорошо жить!

— Я думаю,—спокойно сказалъ Степанъ Николаевичъ и вытянулъ впередъ свою руку съ длинными безкровными пальцами,—я думаю, что вопросы личной жизни такъ глубоко волнуютъ тебя только оттого, что ты слишкомъ высоко цѣнишь людей и... себя. Когда ломаешь свою голову надъ математической задачей, то знаешь заранее, что у нея есть разумное, логическое рѣшеніе. Въ людскихъ отношеніяхъ, я убѣжденъ, нѣтъ ни логики, ни разума и все это потому, что умъ людей еще не привыкъ къ дисциплинѣ. Советую тебѣ очень серьезно: займись математикой, и ты найдешь равновѣсіе.

Въ одинъ день Анатолий Николаевичъ не обѣдалъ дома, а когда вернулся вечеромъ и засталъ Степана Николаевича за работой, онъ сталъ ходить по комнатамъ взадъ и впередъ.

— Не кружи передъ глазами,—разсѣянно попросилъ Степанъ Николаевичъ.

Анатолий повиновался и съ улыбкой остановился передъ столомъ брата. Нѣсколько разъ онъ собирался сказать что-то, но только откашливался и какъ-то странно, порывисто краснѣлъ, точно кровь бросалась ему въ голову.

Потомъ онъ ушелъ къ себѣ, сѣлъ къ роялю и сталъ играть. Онъ не игралъ такъ давно, что Степанъ Николаевичъ удивился неожиданнымъ звукамъ и на минуту поднялъ голову, прислушиваясь.

Музыка, дѣйствительно, не говорила ему ничего: онъ только слышалъ шумъ.

— Играешь!—отмѣтилъ онъ мысленно, радуясь тому факту, что жизнь брата все больше входила въ привычныя рамки. И онъ продолжалъ свою работу.

— Степа!—позвалъ вдругъ Анатолий.

— Спать пора? знаю. Еще нѣсколько минутъ.

— Степа!—повторилъ тотъ, показываясь, весь блѣдный, въ дверяхъ комнаты.—Я чувствую себя нехорошо, Степа, я чувствую себя совсѣмъ нехорошо!

Онъ сѣлъ на первый попавшійся стулъ и сжалъ голову руками. Степанъ Николаевичъ приподнялся и глядѣлъ на него испуганными глазами.

— Но что съ тобой? Головная боль? Лихорадка?

— Мнѣ страшно!—шопотомъ проговорилъ Анатолій!—Скажи мнѣ, что это — сумасшествіе... что это пройдетъ.. Скажи, что я существую, что въ жизни все по прежнему, что есть счастье, любовь, страданье... Мнѣ страшно дышать въ этой пустотѣ... съ этой пустотой въ душѣ!

— Тебѣ-бы хорошо принять это лекарство, знаешь? которое тебѣ прописали...

Но Анатолій вдругъ выпрямился и блеснулъ глазами.

— Лекарство? Къ чему? Чтобы перестать видѣть и понимать? Чтобы опять стать рабомъ... орудіемъ вашихъ законовъ? Я не хочу! Я вижу: вотъ оно, синее лицо, на лбу жиры и глаза, какъ у животнаго. Это все. Что же въ томъ, что небо синее, что весной поютъ соловьи, что я хочу жить и любить? Это все законы, холодные и рассчитанные, и чтобы находить въ нихъ наслажденіе, не надо ихъ ни сознать, ни чувствовать. Нужно обманывать себя, опьянять чѣмъ попало, но я усталъ. Мнѣ только скучно и противно, и когда я даю себѣ волю, мнѣ страшно, потому что... я еще не знаю.

Онъ ходилъ по комнатѣ и говорилъ медленно, медленно, какъ-бы обдумывая и подыскивая слова.

— Есть!—радостнымъ возгласомъ перебилъ его Степанъ Николаевичъ.

Анатолій вздрогнулъ и остановился.

— Продолжай, говори, Анатоша. Я слушаю, но это не мѣшаетъ мнѣ соображать. И вотъ, я нашелъ,—сказалъ Степанъ Николаевичъ и съ виноватой улыбкой записалъ что-то на клочкѣ бумаги.—Ты еще нервничаешь и тебѣ необходима правильная жизнь. Правильность и точность. Ты возмущенъ противъ непоколебимости закона, но законъ и есть свобода, знаніе его—высшее могущество разума. Идемъ спать.

— Еще одно слово, — сказалъ Анатолій, останавливаясь въ дверяхъ.—Знаешь, я встрѣтилъ Людмилу Юрьевну. Она, знаешь, овдовѣла. У ея мужа, оказывается, раньше уже былъ ударъ. Его предупреждали, но онъ не умѣлъ быть умѣреннымъ въ пищѣ. Онъ слишкомъ много ѣлъ и пилъ. Да. Ну, ложись, ложись.—И онъ ушелъ.

Въ квартирѣ братьевъ Савиныхъ было темно и тихо. Степанъ Николаевичъ уже давно спалъ, когда Анатолій отворилъ входную дверь имѣвшимся у него ключемъ и сталъ поспѣшно отыскивать по карманамъ спички. Онъ зажегъ свѣчу, поставилъ ее на столъ и сѣлъ, оглядываясь возбужденнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ.

— Анатоша!—позвалъ его изъ другой комнаты сонный голосъ Степана Николаевича.—Ты здоровъ и съ тобой ничего не случилось? Анатолій обрадованно оживился.

— Я войду къ тебѣ, Степа, на минутку. Только нѣсколько словъ. Со мной, дѣйствительно, случилось. Вотъ подожди, сейчасъ.

Онъ безпорядочно засуетился, взялъ свѣчу и быстро вошелъ съ нею въ комнату брата.

— Отчего ты спросилъ, не случилось-ли со мной чего-нибудь?

— Но ничего дурного? Ты здоровъ?

— Да, да, я здоровъ и, знаешь, даже... даже счастливъ.—Онъ сѣлъ на край постели и повернулъ къ брату свое возбужденное лицо.—Я очень счастливъ! Все уже рѣшено: Милочка будетъ моею женой и, если ты хочешь, мы будемъ продолжать жить вмѣстѣ. Ты знаешь самъ, я давно люблю Милочку.

При свѣтѣ свѣчи безцвѣтное и безкровное лицо Степана Николаевича слабо выдѣлялось на подушкѣ и видно было, какъ онъ удивленно и растерянно моргалъ глазами.

— Ты не радъ? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Анатолій.—Скажи: ты не вѣришь, что я счастливъ? Если-бы ты вѣрилъ, ты былъ-бы радъ. Отчего ты не вѣришь?

— Нѣтъ, я вѣрю, вѣрю. Я радъ!—сказалъ Степанъ Николаевичъ.

— Ты, однако, знаешь: я ее давно любилъ. Судьба была за насъ, она берегла намъ счастье. Ты понимаешь, какъ я счастливъ?

— Да, я понимаю. Я радъ! — повторилъ Степанъ Николаевичъ, видимо недоумѣвая и чувствуя себя неловко отъ сознанія, что онъ смотритъ и говоритъ въ такой часъ, который прямо опредѣленъ для отдыха и сна.

— Я ужасно счастливъ! Мнѣ казалось одно время, что между мной и ею встала какая-то непреодолимая преграда. Я ужасно тосковалъ. Помнишь, какъ я тосковалъ и сомнѣвался въ существованіи любви и счастья? Ты никогда не сомнѣвался? Ты смѣялся надо мной?

— Нѣтъ,—все съ тѣмъ же чувствомъ неловкости за свое поведеніе, сказалъ Степанъ Николаевичъ.—Въ твоихъ словахъ была доля правды. Впрочемъ, лично я никогда не понималъ увлеченій: жить однимъ чувствомъ недостойно человѣка. Въ жизни, дѣйствительно, господствуетъ извѣстный обманъ, отсюда вредная экзальтація, нервность. Нѣтъ, я не смѣялся; я видѣлъ, что ты ищешь путь и, признаюсь, надѣялся, что ты найдешь другой.

— Наука?—криво усмѣхаясь, спросилъ Анатолій. Возбужденіе его быстро падало, глаза тускнѣли, и все лицо принимало выраженіе глубокой усталости и грусти.

— Да, наука!—торжественно подтвердилъ Степанъ Николаевичъ.

— Но если я не могу? Если у меня нѣтъ ни любви, ни интереса.

— Не говори такъ! Этого не можетъ быть!—строго остановилъ его братъ.

— Нѣтъ,—упрямо повторилъ Анатолій.—Одно громадное сознаніе ничтожества всего человѣческаго, сознаніе пустоты, безцѣльности и рядомъ, близко, необъяснимое ощущеніе чѣй-то власти, могущества, вѣчности. И какъ-бы я чувствовалъ свое ничтожество, если-бы я не ощущалъ величія, котораго въ жизни нѣтъ?

— Нельзя думать о смерти, когда счастливъ,—со смѣхомъ сказалъ Степанъ Николаевичъ.

— Да, да!—встребенулъ Анатолій.

— Однако, спи. Я обезпokoилъ тебя. Не думай ни о чемъ. Это правда, что нельзя думать о смерти, когда счастливъ. Ты правъ. Ну, завтра. Спи.

Онъ взялъ свѣчу, хотѣлъ идти, но опять обернулся и подошелъ къ постели брата.

— Какой ты худой!—сказалъ онъ. Ты слишкомъ много работаешь, надо беречь себя!

Степанъ Николаевичъ улыбнулся.

— Я умру, останутся мои труды; останется то, что есть лучшаго во мнѣ.

— Отчего же, въ такомъ случаѣ, такъ громко и возмущенно порицаютъ самоубійцъ? Это тоже самоубійство, идейное, если можно такъ выразиться. Ты не цѣнишь жизни?

— По мѣрѣ ея полезности, цѣню.

— Такъ береги же себя,—сказалъ Анатолій и вдругъ нагнулся и приложился губами къ высокому блѣдному лбу брата. Степанъ Николаевичъ засмѣялся.

— Что счастье-то съ людьми дѣлаетъ!—замѣтилъ онъ.

— Да, счастье, счастье,—повторилъ Анатолій Николаевичъ и поспѣшно вышелъ.

На другой день утромъ, когда Степанъ Николаевичъ уже совершенно одѣтый вошелъ въ комнату брата, онъ сначала ничего не понималъ. Комната была полутемная, но онъ сразу увидалъ, что большой стѣнной гардеробъ открытъ настежь, а платье изъ него выброшено на полъ. Онъ увидалъ еще, что въ углу гардероба въ странной и неподвижной позѣ стоялъ Анатолій. Почему-то Степанъ Николаевичъ сразу засмѣялся.

— Анатоша!—весело позвалъ онъ, дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ. И тогда только замѣтилъ, что ноги брата не касаются пола, а шея туго перевязана полотенцемъ...

— Зачѣмъ же ты сдѣлалъ это?—съ тоскливымъ недоумѣніемъ спрашивалъ Степанъ Николаевичъ, мысленно обращаясь къ брату.—Какъ ты могъ это сдѣлать?

Передъ нимъ лежала записка, написанная възвѣлованнымъ почеркомъ Анатолія, онъ прочелъ ее не разъ, но она ничего не объяснила ему.

«Я банкротъ! — писалъ Анатолій Николаевичъ,—жить невозможно. Если надо объяснить мое самоубійство такъ, чтобы причина казалась общедоступной, говори, что я умеръ отъ угрызений совѣсти. У насъ любить, чтобы было ясно, просто и опредѣленно. На прощаніе одно короткое разсужденіе. У насъ опредѣленія, вродѣ: совѣсть, любовь, сдѣланы такъ давно и стали такой звонкой ходячей монетой, что за словомъ уже не чувствуется смысла. Можетъ быть, меня, дѣйствительно, замучила совѣсть? Я не знаю.

«Если-бы я могъ жить, я-бы остался. Если-бы мнѣ не противно было, я-бы сталъ пить, или впрыскивать себѣ морфій, потому что это было-бы такимъ же опьяненіемъ, которыми другіе замѣняютъ жизнь. Но мнѣ противно пить, и я не могу принимать обманъ за дѣйствительность.

«Я признаюсь тебѣ: я тоскую ужасно! Я глажу на свою руку, на стѣны, рояль, мебель. Я вспоминаю, какъ я сейчасъ поцѣловалъ тебя въ лобъ и все это умиляетъ меня несказанно, и я плачу отъ боли и жалости къ себѣ. Я страстно хочу жить и не умѣю! Еще сегодня я хотѣлъ обмануть и себя, и другихъ: я увѣрялъ тебя и хотѣлъ вѣрить самъ, что я счастливъ. Я страстно хочу жить! Но надо помнить: во мнѣ говорить инстинктъ жизни, говорятъ воспоминанія и впечатлѣнія тѣхъ лѣтъ, когда я жилъ, не сознавая жизни; и, если я останусь, воспоминанія разсѣются и останется пустота, или неизбежность обмана. Нѣтъ, я не хочу! Я уйду безъ сожалѣнія, безъ раскаянія и только одно пугаетъ меня безмѣрно: и у меня будетъ такое же синее, тупое лицо».

— Какъ ты могъ не найти себѣ мѣста въ жизни? Какъ ты могъ это сдѣлать?—тоскую и недоумѣвая, мысленно обращаясь къ брату Степанъ Николаевичъ.

Но, когда ломалъ свою голову надъ математической задачей, то знаешь заранее, что у нея есть разумное, логическое рѣшеніе. Въ людскихъ же отношеніяхъ, въ душахъ людскихъ, онъ былъ убѣжденъ, нѣтъ ни логики, ни здравого смысла.

Л. Авилон

ДВАДЦАТИПЯТИЛІТНЬОЇ РОБІТІЙ ПРОФЕСОРА Н. Е. РЫБИНА.

ВОСКРЕШЕНИЕ ДОЧЕРИ ЛАРА.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ НОСОБРАЧНЫХЪ ВЪ «ЛЕДЯНОМЪ ДОМѢ», ПОСТРОЕННОМЪ ПРИ АННѢ ІОАННОВНѢ 1740 ГОДУ.

АУКЦИОНЪ.

Очеркъ Эдгара Торнера.

ДѢЛО происходило въ Брюссель, въ аукціонномъ залѣ на углу улицъ Леопольдовой и Вирца. У меня былъ пріятель, англичанинъ, долго жившій въ Бельгій; онъ былъ большой любитель всевозможныхъ образцовъ бельгійскаго искусства и сдѣлался, благодаря этому, почти коллекционеромъ. Аукціонная зала была какъ всѣ залы, а каталогъ указывалъ множество оригинальныхъ манускриптовъ, рѣдкихъ изданій и сотни подобныхъ вещей, любимыхъ собирателями. Пріятель мой пришелъ на этотъ аукціонъ, желая пріобрѣсти кое-какія рѣдкія гравюры, а я пошелъ съ нимъ, потому что было воскресенье и мнѣ нечего было дѣлать. Мы пришли рано и въ ожиданіи начала аукціона разсматривали каталогъ, и мой пріятель указывалъ мнѣ на особенности того или другого записаннаго предмета.

— Вотъ это замѣчательная вещь, — сказалъ онъ, указывая мнѣ одну строчку на первой страницѣ каталога, — «Любовныя письма Гитина», нашего поэта любви. Помните, въ Лондонѣ были недавно проданы письма Китса и одинъ изъ вашихъ риеноплетовъ написалъ по этому поводу весьма плачевный сонетъ. Гитинъ не былъ такой замѣчательный поэтъ, какъ Китсъ, но его любовь къ Геттѣ Тетероль была не менѣе извѣстна, какъ и любовь того къ Фанни Броунъ. Вашъ риеноплетъ правъ; тяжело думать, что если человѣкъ отдастъ міру часть своей души, міръ имѣетъ право требовать всю душу. Но любопытство всегда нескромно, а поэтому эта вещь весьма интересна.

— Вы полагаете, что изъ за этихъ писемъ будетъ борьба? — спросилъ я.

— Непремѣнно. Гитинъ теперь въ большомъ ходу. Женщины открыли, что онъ писалъ такъ, какъ онъ въ лучшія минуты жизни думаетъ. И въ самомъ дѣлѣ его муза — нѣжная женская муза. Вотъ тотъ маленькій человѣчекъ въ очкахъ не премѣнно завладѣетъ письмами. Это профессоръ университета и несомнѣнно уже задумалъ въ одинъ изъ журналовъ статью. Самому ему никакое чувство незнакомо, а онъ хочетъ разбирать ихъ чувства. Онъ написалъ не мало скверныхъ вещей о нравственности Гитина. Письма дадутъ ему новый матеріалъ.

Минуту или двѣ я смотрѣлъ на худое, жесткое лицо профессора и мнѣ стало очень жаль покойнаго поэта. Когда аукціонаторъ появился и поднялся на свое мѣсто, я принялся разсматривать присутствующую публику. Почти все были мужчины, книгопродавцы или случайные покупатели, но здѣсь и тамъ мелькали также и женщины съ каталогомъ и карандашемъ въ рукахъ. Одна изъ нихъ обратила на себя мое вниманіе, — ея костюмъ и манеры невольно бросались въ глаза. Она стояла недалеко отъ насъ и нетерпѣливо застегивала и разстегивала перчатку; я замѣтилъ, что она очень красива, но что туалетъ ея слишкомъ роскошенъ и что на ней надѣто чересчуръ много драгоценностей.

— Не знаете ли вы, — спросилъ я у своего пріятеля, — кто эта дѣвушка тамъ направо?

Онъ взглянулъ и пренебрежительно пожалъ плечами.

— Это Мари Карбара, — сказалъ онъ, — одна изъ актрисъ новаго театра. Въ настоящій сезонъ она каждое утро катается верхомъ съ барономъ Дегремонъ, а въ будущій будетъ съ кѣмъ нибудь другимъ кататься. Она изъ маленькихъ актрисъ, но взгляните на ея платье, на ея брошку. Онѣ всѣ одинаковы, эти прелестныя пѣвицы и танцовщицы; всѣ любятъ солнечное сіяніе и жизнь бабочки. Но я никакъ не могу сообразить, что привело Мари сюда и за что она такъ сердита на свою перчатку. Въ ея будуарѣ, вѣроятно, не достаетъ картинъ, а баронъ такъ невѣжливъ, что предоставляетъ ей самой покупать ее. Мало дали за лавы времени Людовика! А вотъ и письма Гитина, — они пойдутъ дороже.

Аукціонаторъ сказалъ нѣсколько словъ о поэтѣ, о его любви къ Геттѣ Тетероль, о его письмахъ къ ней; пока онъ говорилъ, я снова разсматривалъ присутствующихъ. Многие за-

мѣтно мало интересовались связкой пожелтѣвшихъ листочковъ, но нѣкоторые видимо готовились надбавлять. Профессоръ улыбался, слушая аукціонатора, и видимо забавлялся; другіе, не такъ осведомленные, какъ профессоръ, слушали почтительно; только Мари перестала играть перчаткой и крѣпко сложила руки. Я смотрѣлъ на нее довольно долго, у нея было особенно серьезное выраженіе лица, которое было пріятно видѣть, выраженіе было на столько серьезно, что навело меня на мысль.

— Не за картиной пришла сюда госпожа Карбара, — сказалъ я своему пріятелю, — а за этими письмами. Посмотри на нее.

— Несомнѣнно, что она заинтересована ими; быть можетъ, вы правы, — возразилъ онъ. Я говорилъ вамъ, что женщины начинаютъ читать и любить Гитина; да, пожалуй вы правы. Тш! профессоръ говоритъ. О! онъ не легко отступитъ!

Профессоръ поправилъ очки и сказалъ:

— Десять франковъ! — и надбавка началась.

— Двадцать, — произнесла Мари. Мнѣ понравился ея голосъ, и кромѣ того я былъ радъ, что угадалъ.

— Тридцать, — сказалъ какой то человѣкъ надѣво отъ меня. — Тридцать, — повторилъ аукціонаторъ.

— Да, цѣлое сраженіе, — замѣтилъ мой пріятель, когда десять безостановочно прибавлялось къ десяти, — но только между тѣми двумя. Этотъ третій агентъ, и дойдя извѣстной границы, онъ остановится; да, онъ дальше не пойдетъ.

— Двѣсти, — сказала молодая дѣвушка. — И десять, — произнесъ профессоръ. — Двѣсти пятьдесятъ, — надбавила дѣвушка, щеки ея порозовѣли. — Триста, — вскричалъ профессоръ сжимая губы.

Третій покушникъ замолчалъ, и борьба продолжалась между этими двумя. Дѣвушка стояла у одного конца стола и серьезно смотрѣла на аукціонатора и связку писемъ; у другого конца стоялъ профессоръ, сердито смотрѣвшій на молодую дѣвушку. Я былъ увѣренъ, что побѣда останется за нею.

— Четыреста!

— Пятьсотъ!

— Шестьсотъ!

Присутствующіе заинтересовались. Въ дѣйствительности сумма была не велика, — передъ этимъ картина пошла за нѣсколько тысячъ, — но и того казалось много за нѣсколько бѣдно написанныхъ полинявшихъ листочковъ. Всѣ столпились къ столу; тутъ не было никакихъ остановокъ или расчетовъ, возбужденіе слушателей было понятно.

— Тысяча!

— Пятьсотъ!

— Карбара выиграетъ, — замѣтилъ мой пріятель, — профессоръ не надбавитъ много. Какъ онъ сердитъ!

— Двѣ тысячи!

— Двѣ тысячи пятьсотъ, — сказала дѣвушка.

— Двѣ тысячи пятьсотъ, — повторилъ аукціонаторъ и ждалъ надбавки. — Двѣ тысячи пятьсотъ, — снова повторилъ онъ, глядя на профессора, но тотъ покачалъ головой.

Борьба была кончена. Съ видомъ притворнаго равнодушія профессоръ поправилъ очки и сталъ перелистывать каталогъ. — Двѣ тысячи пятьсотъ, — еще разъ произнесъ аукціонаторъ, и продажа была закончена. Письма Гетты Тетероль принадлежали Мари Карбара, а между тѣмъ Гетта Тетероль умерла цѣлую сотню лѣтъ тому назадъ.

Одинъ изъ ассистентовъ взялъ связку писемъ, чтобы отнести ее въ сосѣднюю комнату, а аукціонаторъ сталъ вызывать слѣдующій номеръ. Молодая дѣвушка снова въ нетерпѣніи застегивала и разстегивала перчатку. И вдругъ съ нетерпѣливымъ движеніемъ перестала, оперлась рукою на столъ и сказала:

— Извините меня, но если можно, я бы хотѣла получить ихъ сейчасъ. Пожалуйста отдайте ихъ мнѣ. Вотъ билеты за нихъ, два по тысячѣ и одинъ въ пятьсотъ. Ничто не мѣшаетъ?

— Ничто не мѣшаетъ, — отвѣчалъ аукціонаторъ, улыбаясь, — обыкновенно это не водится, но здѣсь ничто не мѣшаетъ. — И обра-

жаясь къ своему письмоводителю, прибавилъ: — возьмите деньги и вручите госпожѣ Карбара письма. Мы всѣ знаемъ и восхищаемся госпожей Карбара. Конечно, она можетъ получить письма.

Дѣвушка взяла связку и развязала связывающую письма веревочку, въ залѣ навѣрное не было ни одного человѣка, который бы не слѣдилъ за нею. Многие, подобно мнѣ, занимала ея страстность. Двое или трое ничего не понимали; профессоръ былъ мраченъ и сердитъ. Я стоялъ къ Мари ближе другихъ. Въ ея рукахъ было писемъ двадцать или тридцать; она развернула верхнее, пробѣжала его отъ начала до конца и положила къ остальнымъ.

«Son coeur est un luth suspendu;
Sitôt qu'on le touche il résonne»;

(Сердце его лютнѣ подобно, оно звучитъ, едва его коснутся).

Сказала она будто про себя, нерѣшительно кругомъ оглядываясь. Онъ не долго такъ стояла.

— Извините, — говорила она направо и налево, направляясь въ уголъ, гдѣ топился каминъ. Подвигаясь, чтобы пропустить ее, я понялъ ея намѣреніе и могъ только съ восторгомъ удивляться ей.

Она взяла прочтенное ею письмо, пробѣжала его еще разъ и бросила на уголья. Такъ она побросала въ каминъ всѣ письма одно за другимъ. Бросивъ послѣднее, она еще поправила его ногой, чтобы и пепелъ сгорѣлъ. Когда послѣдній желтый листикъ былъ такимъ образомъ истребленъ, она улыбнулась и пошла къ двери.

Публика все время молчала, затаивъ дыханіе, и только когда Мари ступила на порогъ, всѣ опомнились, поняли, что видѣли, что она сдѣлала, сколько настоящаго чувства, глубокой поэзіи въ ея поступкѣ: ее воодушевлялъ духъ любви! И вдругъ раздался взрывъ аплодисментовъ; она на минуту остановилась, будто испугавшись; потомъ улыбнулась, поклонилась и вышла на улицу.

— Чудесно сдѣлано, — сказалъ мой пріятель, — куда лучше вашего риеноплета и его сонета. Даже профессоръ не могъ не любоваться. И эта дѣвушка читаетъ Беранже! Стихи вполне кстати. Что вы обо всемъ этомъ думаете?

— Что я думаю? Я завидую барону Дегремону, — отвѣчалъ я.

ЮБИЛЯРЫ-ХУДОЖНИКИ.

ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧЪ РѢПИНЪ.

Профессоръ исторической живописи — одинъ изъ четырехъ художниковъ, юбилей которыхъ совпадаютъ почти въ одно время — высоко держитъ знамя русскаго искусства.

Поклонники таланта И. Е. Рѣпина 4-го ноября текущаго года праздновали двадцатипятилѣтіе его художественной дѣятельности. Мы уже дали читателямъ въ прошломъ номерѣ обстоятельныя біографическія свѣдѣнія относительно этого первостепеннаго художника. Теперь дополняемъ краткій перечень біографическихъ фактовъ характеристикой И. Е. Рѣпина, какъ человѣка и художника. Какъ человѣкъ, какъ увлекающаяся, горячая натура, И. Е. Рѣпинъ еще на дняхъ высказался очень полно и ярко въ своемъ письмѣ въ газету по поводу своего юбилея. Онъ выразилъ мнѣніе, что художникъ вполне вознаграждается за трудъ во первыхъ — славой, во вторыхъ — удовольствіемъ испытываемой прелести творчества. Дѣтски-мягкая, добрая душа артиста-человѣка простила жизни и первые трудные шаги по тернистой дорогѣ искусства, и больные уколы завистниковъ, недоброжелателей. Это, конечно, выказываетъ еще и большую душевную силу въ И. Е. Рѣпинѣ, которому, какъ и всякому таланту пришлось много вытерпѣть. Какъ художникъ, какъ искатель новыхъ оригинальныхъ путей искусства, И. Е. Рѣпинъ можетъ быть названъ почти всеобъемлющимъ талантомъ. Историческая картина, жанръ, портретъ, — все покорно кисти И. Е. Рѣпина. И слѣшкомъ глубоко въ немъ сознаніе силы его таланта, дарованной свыше, не вымученной,

свободной оригинальности—чтобы увлекаться чужими идеалами искусства. Вот почему Римъ и всѣ заграничныя святилища искусства не поразили Рѣпина, какъ говорить одинъ изъ его биографовъ. Его само-бытная натура чувствовала себя среди всѣхъ этихъ заморскихъ чудесъ—одинокой. Памятникомъ этого впечатлѣнія художника служить картина его, представляющая Садко въ палатахъ морского царя. Это душа русскаго вольнаго Садко-Рѣпина, подавленная чудесами искусства, гдѣ все опредѣленно, строго и холодно-прекрасно, гдѣ порывистое жгучее чувство гонятъ, если оно красиво и нестройно.

Въ этомъ номерѣ нашего журнала мы помѣстили копию въ картины «Святитель Николай», произведшей много толковъ среди художниковъ и знатоковъ живописи. Сюжетомъ картины взятъ моментъ, когда св. Николай извѣщаетъ отъ смертной казни трехъ невинно осужденныхъ въ городѣ Мирахъ-Ликійскихъ. Потрясающій моментъ начала казни, который чуть ли не страшнѣе самой казни—тотъ моментъ, когда обвѣщенный мечъ палача уже сверкаетъ надъ трепещущей головою преступника—разработана съ огромной силой. На первомъ планѣ—фигура мускулистаго палача, скорѣе животнаго, чѣмъ человѣка. Но ни особой отвратительной свѣрзости, ни злобы нѣтъ въ его лицѣ. Покрыто склоненная голова перваго осужденнаго, безпомощно связанная фигура другихъ двухъ—и надъ всею этой жалкой человѣческой группой величавая фигура святителя, олицетвореніе небесной любви и всепрощенія... Сильная композиція фигуръ выше всякихъ похвалъ.

Другая картина Рѣпина, помѣщенная въ этомъ же номерѣ—«Воскрешеніе дочери Іаира»—дышетъ библейскою величавою простотою. Библейскіе сюжеты удаются И. Е. не менѣе другихъ, хотя въ нихъ всегдашнее сильное чувство, вдохновляющее художника, выливается въ болѣе мирныя, тихія формы. Вотъ лежитъ она, прекрасная дочь Іаира, на смертномъ ложѣ, покрытая саваномъ. Красноватый блескъ трехконечнаго свѣтильника освѣщаетъ ликъ ея. Но есть что-то въ этомъ напряженномъ ожиданіи родныхъ, въ божественномъ лицѣ Христа, что отнимаетъ власть у смерти, царящей въ покое. Талантъ художника уловилъ едва замѣтное вѣяніе надежды, предчувствія чуда, и зритель вмѣстѣ со всѣми ждетъ и надеется.

О другихъ его знаменитыхъ картинахъ, какъ напримѣръ, недавно помѣщенной нами въ копіи съ его картины—«Бурлаки на Волгѣ», изданной нами въ большомъ размѣрѣ и отпечатанной въ 23 краски, а также о портретахъ, писанныхъ И. Е. Рѣпинымъ, мы уже говорили и надѣемся, что долго еще, долго мы будемъ имѣть пріятную обязанность говорить о новыхъ и новыхъ произведеніяхъ нашего художника.

ВАЛЕРІЙ ИВАНОВИЧЪ ЯКОБЪ,

Профессоръ исторической живописи, тоже праздновалъ 4-го ноября двадцатипятилѣтіе художественной дѣятельности. В. И. Яковъ потомокъ извѣстнаго врача Іоанна Грознаго. Онъ не сразу вступилъ на то поприще, гдѣ сильный талантъ доставилъ ему такую громкую извѣстность. В. И. Яковъ получилъ образованіе въ казанской гимназіи, затѣмъ поступилъ въ казанскій университетъ, но курса въ немъ не окончилъ, потому что въ рядахъ казанскаго ополченія отправился тогда въ Крымъ для участія въ крымскій кампаніи. Но уже на пути В. И. узналъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. В. И. тогда рѣшилъ поступить въ академію художествъ, куда влекла его любовь къ рисованію, обпаружившаяся еще на школьной скамьѣ. Съ 1856 г. онъ посѣщалъ академическіе классы; подъ руководствомъ А. Т. Маркова въ теченіе 4 лѣтъ онъ успѣлъ получить много награды, а затѣмъ быстро выдвинулся своими успѣхами во мнѣніи профессоровъ и публики. Въ 1861 г. В. И. получилъ большую золотую медаль за картину «Привалъ арестантовъ», а въ 1862 г. былъ отправленъ пенсіонеромъ академіи за границу на 6 лѣтъ. И художникъ вполнѣ воспользовался этимъ срокомъ. Талантъ его росъ и крѣпъ подъ руководствомъ

заграничныхъ профессоровъ. В. И. жилъ и работалъ въ Парижѣ, Неаполѣ и Римѣ и написалъ, между прочимъ, двѣ большія картины изъ иностранной исторіи, изъ которыхъ картина «Кардиналъ Гизу показываютъ голову Колинны» доставила В. И. Якову званіе академика. Въ 1869 г. В. И. возвратился въ Петербургъ, получилъ званіе профессора за картину «Арестъ Бирона». Дѣятельный участникъ академическихъ выставокъ, отличающійся многочисленностью произведеній своей кисти, В. И. Яковъ, въ то же время неутомимый путешественникъ, ищущій въ заграничныхъ поѣздкахъ художественныхъ, новыхъ впечатлѣній. Глубокое знаніе русской исторической старины, любовь къ ней, умѣніе постигнуть и передать въ краскахъ духъ эпохи—вотъ чему обязанъ высокодаровитый В. И. Яковъ своею славой. Особенно любима профессоромъ эпоха императрицы Анны Іоанновны. Блестящія празднества этой царицы дали художнику обильный матеріалъ.

Въ этомъ номерѣ мы помѣщаемъ копіи съ извѣстной его картины «Ледяной Домъ». Шутъ и шутка императрицы Анны Іоанновны, послѣ потѣшной свадьбы, были оставлены въ специально построенномъ ледяномъ домѣ на ледномъ ложѣ. Картина изображаетъ поздравленіе полузамерзшихъ новобрачныхъ поѣзжающими, въ числѣ которыхъ были всѣ народности Россіи въ національных костюмахъ. Въ толпѣ этихъ ряженыхъ есть знакомыя всѣмъ лица, какъ, напримѣръ, пляшущая впереди женщина—портретъ покойной Д. М. Леоновой... Кромѣ этой картины кисти В. И. Яковъ увѣковѣчила еще многія историческія сцены, какъ напримѣръ, кабинетъ-министра Волынскаго, въ спорѣ со своими сотоварищами, мечущаго грома на голову Бирона; а временщикъ злобно подслушиваетъ за ширмой неосторожнаго слова. Потомъ передъ нами тотъ-же Биронъ въ рукахъ вратовъ, схваченный желѣзными руками солдатъ въ своемъ-же роскошномъ дворцѣ. Въ картинахъ В. И. Яковъ замѣчательно то, что всѣ историческія лица списаны точно съ сохранившихся портретовъ. Напримѣръ, на картинѣ «Актъ въ академіи художествъ», которую мы помѣстили въ прошломъ номерѣ, кромѣ уже указанныхъ лицъ, можно узнать Разумовскаго, Румянцева, Дашкову, Сумарокова, Орловыхъ... Такая дѣятельность на художественномъ поприщѣ, какую проявилъ профессоръ В. И. Яковъ, не забудется скоро. Имя почтеннаго юбиляра дорого всѣмъ любящимъ русское искусство...

М. М. АНТОКОЛЬСКІЙ.

Третій юбиларъ, профессоръ скульптуры съ 1880 года, сдѣлалъ такъ-же много для искусства своимъ рѣзцомъ, какъ два предыдущіе художника своей кистью. Живую душу вѣщаетъ нашъ знаменитый скульпторъ въ безжизненную глыбу мрамора, онъ согрѣваетъ ее жаромъ своего таланта, и оттого-то статуи Антокольскаго—живутъ!.. Поступилъ онъ въ 1863 г. 21-го года вольноприходящимъ ученикомъ въ академію художествъ замѣчательное дарованіе его быстро выдѣлилось. Въ 1867 году М. М. Антокольскій получилъ малую серебряную медаль, въ слѣдующемъ году уѣхалъ за границу, а черезъ три года всѣ знатоки восхищались его знаменитымъ «Іоанномъ Грознымъ». Государь Императоръ Александръ II велѣлъ вылить эту статую изъ бронзы для «Эрмитажа»; академія признала молодого скульптора академикомъ. Затѣмъ, кромѣ меньшихъ по размѣру работъ, слѣдовала колоссальная статуя «Петръ I и три историческія фигуры «Ярославъ Мудрый», «Дмитрій Донской» и «Иванъ III». Къ сожалѣнію, наша статья слишкомъ коротка для перечисленія всѣхъ колоссальныхъ по замыслу и исполненію работъ М. М. Антокольскаго. «Христосъ передъ народомъ» производитъ неотразимое впечатлѣніе. Эти связанная грубо руки, этотъ глубокой взглядъ Божественнаго страдальца—все доверевкоу сандалій, въ этой статуѣ поразительно и велико. «Смерть Сократа»—это дѣлая поэма въ мраморѣ, сильная, драматическая поэма, славный страдальческій апофеозъ мученика за высокую идею, древне-греческаго мудреца.

Въ этомъ номерѣ нашего журнала мы помѣщаемъ копію-гравюру съ «Ермака» Антокольскаго, одной изъ замѣчательнѣйшихъ

скульптуръ. «Ермакъ»—олицетвореніе той могучей русской мощи и удали, которая раздробила и подавила обширное царство сибирское... Это та русская, та геройская жажда приключеній, которая жила и въ новгородскихъ ушкуйникахъ, и въ казакахъ, которая присуща эпическимъ фигурамъ нашихъ былинныхъ богатырей. Ее сумѣлъ понять, ее сумѣлъ выразить Антокольскій своимъ волшебнымъ рѣзцомъ. Замѣчательны еще слѣдующія произведенія М. М. Антокольскаго:—«Голова Мефистофеля»,—на васъ смотритъ злое и лукавое лицо врага рода человѣческаго, съ тонкими насмѣшливо сжатыми губами, съ огромнымъ лбомъ, изборозженнымъ морщинами губительной ироніи; «Голова Іоанна Крестителя»—произведеніе оригинальное и по мысли и по исполненію. На большомъ блюдѣ лежитъ отрубленная голова Предтечи съ закрытыми глазами. Около мечъ, орудіе злобы и ненависти Иродіады. Сжатые смертію, безмолвные пророческія уста, откуда вылетали рѣчи, жгущія сердца людей. Эта работа профессора недаромъ пользуется громкой извѣстностью. Затѣмъ упомянемъ: «Добзаніе Іуды», «Скупой», «Школьникъ, крадущій яблоки», «Бюстъ В. В. Стасова», «Спиноза»... Всѣ эти произведенія поражаютъ не только силой мысли, вложенной въ нихъ, но и могучимъ развитіемъ техники. Тонкость отдѣлки въ работахъ Антокольскаго не уступаетъ въ некоторыхъ вещахъ даже пресловутой итальянской школѣ. Въ 1871 г. М. М. Антокольскій былъ сдѣланъ академикомъ и въ настоящемъ году приходится и его юбилей.

Главная отличительная черта въ творчествѣ М. М. Антокольскаго, это—служеніе серьезной мысли. М. М. Антокольскій любитъ изображать великія страсти, великія страданія и въ этомъ отношеніи онъ очень сходится съ И. Е. Рѣпинымъ. Такъ, «Грозный» Рѣпина и «Грозный» Антокольскаго одинаково великія олицетворенія мрачной жестокости.

Н. Н. КАРАЗИНЪ.

Совершенно оригинальную, самобытную личность представляетъ собою среди своихъ трехъ собратьевъ-юбиларовъ талантливый художникъ Николай Николаевичъ Каразинъ, неподражаемый иллюстраторъ, авторъ многихъ батальныхъ картинъ и, кромѣ всего этого обладающій недюжиннымъ талантомъ беллетриста. Совершенно справедливо нѣкоторые художественные критики называютъ Н. Н. Каразина драгоцѣннымъ самородкомъ въ области искусства живописи. Читатели нашего журнала отлично знаютъ и талантливаго карандашъ художника, и живое перо романиста—Н. Н. Каразина. Заслуживаетъ ли постоянное сотрудничество въ «Живописномъ Обозрѣніи» изъ года въ годъ. Юбилей двадцатипятилѣтней литературной и художественной дѣятельности Н. Н. Каразина приходится на 10 ноября сего года, но любители русской живописи и почитатели русской литературы собираются отпраздновать двадцатипятилѣтіе художественной дѣятельности Н. Н. Каразина 27 ноября текущаго года.

Въ этомъ номерѣ нашего журнала мы помѣщаемъ портретъ многоуважаемаго юбиляра и снимки съ его двухъ рисунковъ; кромѣ того, на второй и третей страницахъ журнала читатели найдутъ образцы выѣтокъ и иллюстрацій талантливаго художника, изъ коихъ одна выполнена на тоновой бумагѣ, а другая—перомъ. Миръ произведеній Н. Н. Каразина—преимущественно наши восточныя окраины. Въ этомъ жанрѣ Н. Н. Каразинъ неподражаемъ. Смуглыя лица нашихъ киргизовъ, живописные наряды туркменовъ и туркменокъ, оригинальная фигура «корабля пустыни»—верблюда—все это постоянно фигурируетъ на картинахъ художника. Но если азиатскіе типы, азиатскіе виды—любимые сюжеты Н. Н. Каразина, то это не мѣшаетъ художнику быть такъ же сильнымъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ сюжетовъ. Ниже мы перечислимъ нѣкоторые изъ работъ почтеннаго юбиляра. Н. Н. Каразинъ отличается необыкновенной легкостью и быстротою работы. Изъ подъ его руки является масса, иллюстрацій, выѣтокъ, жанровыхъ картинокъ, пейзажей и пр. Не надо поднимать подъ картиной, чтобы угадать рисунокъ Н. Н. Каразина съ

перваго взгляда. Эти лошади, почти не уступающія знаменитымъ «сверчковскимъ», эти тины и породцевъ, исполненные съ большою силой, это горячее жгучее солнце азиатской пустыни—и на всемъ на этомъ характерный отпечатокъ каразинской фотографически точной и жизненной оригинальности въ каждомъ смѣломъ штрихѣ—вотъ чѣмъ ярокъ и неподражаемъ талантъ художника.

Въ этомъ номерѣ мы помѣщаемъ два наиболѣе характерныхъ рисунка Н. Н. Каразина. На первомъ изображены туркмены во время охоты, съ ихъ старинными ружьями, въ ихъ оригинальныхъ, красивыхъ костюмахъ. Фономъ, очень подходящимъ для этихъ дикихъ фигуръ служитъ суровая азиатская природа. Второй рисунокъ изображаетъ мощнаго русскаго воина, знаменщика, въ полномъ вооруженіи приготовившагося идти въ походъ. Крепко-грудый бѣлый конь готовъ, кажется, сейчасъ ринуться въ самую густую жаркую сѣчу. Отдѣлка всѣхъ деталей рисунка—превосходна!

Нельзя не отмѣтить еще громадной заслуги Н. Н. Каразина въ развитіи за послѣднее время художественнаго литографскаго дѣла въ Россіи. Никто изъ современныхъ художниковъ не исполнялъ и не исполняетъ такъ точно эффектно оригиналы картинъ и виньетокъ, которые предназначаются исключительно для литографскаго печатанія. Художники, перерисовывающіе оригиналы Н. Н. Каразина на литографскіе камни, всегда съ восторгомъ берутся за исполненіе его работъ.

Въ числѣ такихъ работъ мы издали альбомъ «Русской жизни въ картинахъ», «Сцены къ сочиненіямъ М. О. Достоевскаго» и нѣсколько отдѣльных картинъ.

Биографическія данныя нашего выдающагося иллюстратора, конечно, тоже будутъ весьма интересны читателямъ.

Н. Н. Каразинъ окончилъ курсъ во второмъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Онъ участвовалъ въ усмирении польскаго мятежа, затѣмъ поступилъ въ академію художествъ. Съ 1865 по 1871 гг. Каразинъ служилъ въ Туркестанѣ; здѣсь онъ удостоился, между прочимъ, ордена Владимира съ мечами и золотого оружія. Послѣ выхода въ отставку Н. Н. вполне посвятилъ себя литературной и художественной дѣятельности и сразу привлекъ вниманіе истинныхъ знатоковъ и цѣнителей искусства. Въ 1874 г., по порученію Императорскаго географическаго общества, г. Каразинъ предпринялъ научную экспедицію въ центральную Азію. Въ 1879 г. онъ участвовалъ въ экспедиціи для изслѣдованія всего бассейна Аму-Дарьи. Конечно, все это способствовало развитію въ художникѣ любви къ вышеуказаннымъ сюжетамъ изъ жизни Востока. При неутомимости и колоссальной продуктивности художника, нѣтъ возможности въ коротенькой замѣткѣ перечислить подрядъ всѣ его произведенія.

Изъ художественныхъ произведеній Н. Н. Каразина, написанныхъ масляными красками, отмѣтимъ семь большихъ батальныхъ картинъ для галлерей Зимняго дворца, изо-

бражающихъ главнѣйшіе эпизоды завоеванія Туркестана. Затѣмъ взятіе Ташкента, Самарканда, Махрама, эпизоды изъ похода черезъ пески въ Хиву, первое появленіе русскихъ войскъ на Аму-Дарьѣ, Зарабулакъ, взятіе Геокъ-Теле. Участіе во всѣхъ выставкахъ, главнымъ образомъ, на выставкахъ общества

русскихъ изданій. Относительно послѣднихъ читатели «Живописнаго Обозрѣнія» уже составили себѣ лестное для художника понятіе.

Литературная дѣятельность Н. Н. Каразина не менѣе значительно важна. Онъ началъ ее въ журналѣ «Дѣло», во время заведыванія литературнымъ отдѣломъ теперешнимъ редакторомъ журнала «Живописное Обозрѣніе» А. К. Шеллеромъ (А. Михайловымъ). Затѣмъ, Н. Н. Каразинъ участвовалъ почти во всѣхъ лучшихъ изданіяхъ. Н. Н. Каразинъ немало тоже поработалъ и для дѣтской литературы. Кромѣ участія въ дѣтскихъ журналахъ, онъ издалъ двѣ иллюстрированныя книги для дѣтей: «Воспоминаніе стараго журавля» и «Мои сказки». Изъ крупныхъ литературныхъ произведеній Н. Н. назовемъ: «На далекихъ окраинахъ», «Въ погоню за наживой», «Въ камышахъ», «Двуногий волкъ», «Тигрица» и еще многія другія вещи, гдѣ беллетристическій талантъ почтеннаго юбиляра выказался во всей своей недюжинной силѣ. Первый романъ Н. Н. Каразина появился въ «Дѣлѣ» въ 1871 году, въ это же время въ иллюстрированномъ журналѣ появились его первые рисунки.

За послѣднее время мы слышали, что почтенный юбиляръ собирается издать «Полное собраніе своихъ сочиненій», что составляетъ двадцать томовъ.

Нельзя забыть дѣятельности Н. Н. Каразина какъ военнаго корреспондента-иллюстратора во время сербско-турецкой войны. Нѣмецкіе, англійскіе, французскіе журналы пользовались тогда трудами Н. Н. Каразина. До сихъ поръ иностранные журналы внимательно слѣдятъ за рисунками Н. Н. Каразина, многіе изъ нихъ воспроизводятъ. Почтенный юбиляръ пользуется большою извѣстностью, и его заслуги всегда остаются на страницахъ исторіи развитія художественной дѣятельности Россіи замѣтнымъ вкладомъ.

Отмѣчая юбилей Каразина-художника и Каразина-литератора, пожелаемъ уважаемому юбиляру въ полномъ здоровьи дожить и до «золотого» юбилея!..

КЪ РИСУНКУ.

Первый снѣгъ. Съ новой картины профессора Ю. Ю. Клевера.

Мягокъ и пушистъ первый дѣвственный налетъ молодого снѣга. Въ шумномъ городѣ перваго снѣга почти не заметишь, его сейчасъ же растопчутъ ноги пѣшеходовъ, разметутъ колеса экипажей и уберутъ метлы дворниковъ. Но въ деревнѣ, на безлюдь, эта чистая, бѣлая пелена очень красива и ярка. На бурныхъ осеннихъ поляхъ, на черныхъ бревнахъ избъ и на сѣрой лентѣ дороги, бархатъ снѣгозастаго снѣжка отдѣляется какимъ-то шеголеватымъ нарядомъ. Это первый слой того теплаго покрыва, подъ которымъ должно сохраниться брошенное въ землю зерно. И тихо, тихо сыплются бѣлые снѣжинки на скромный деревенскій уголочекъ Ю. Ю. Клеверъ сумѣлъ придать своему незатѣйливому пейзажу мечтательную, тихую, задумчивую прелесть. Умыло плетется скрипучая телега по вязкой дорогѣ. Скоро вся окрестность опкроется густой бѣлой шубой матушки студеной зимы.

СКУЛЬПТУРА ПРОФЕССОРА М. М. АНТОКОЛЬСКАГО.

ЕРМАКЪ.

(Собственность Е. И. В. Государя Императора).

русскихъ акварелистовъ, не мало способствовало популярности Н. Н. Каразина. Не лишне замѣтить при этомъ, что основателемъ названныхъ выставокъ является тотъ-же Н. Н. Каразинъ. Заслуживаютъ большаго вниманія 300 иллюстрацій, исполненныхъ Н. Н. Каразинымъ къ пяти томамъ изданій кн. Ухтомскаго—«На Востокъ» (путешествіе Наслѣдника Цесаревича), которые, къ сожалѣнію, мало извѣстны русской публикѣ и до четырехъ тысячъ иллюстрацій, исполненныхъ для различ-

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНИЕ СУЩЕСТВУЕТЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДВА ГОДА.

Единственный изъ всѣхъ русскихъ иллюстрированныхъ журналовъ, достигшій такого долголѣтняго существованія — это «Живописное Обозрѣніе». Постоянное прогрессивное улучшеніе художественнаго и литературнаго содержанія журнала, обиліе и разнообразіе всегда новаго матеріала для чтенія, а также аккуратное выполненіе своихъ обязательствъ передъ подписчиками, создали ему вполне опредѣленную репутацію, и, такимъ образомъ, благодаря общему труду и энергіи опытныхъ сотрудниковъ, журналъ «Живописное Обозрѣніе» сдѣлался, за послѣднее время, почти необходимою принадлежностью каждой русской семьи. Сбереженіе наличныхъ суммъ, поглощавшихся до сихъ поръ на изготовленіе ежегодно новыхъ

олеографическихъ картинъ для премій и возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «Живописное Обозрѣніе», даютъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ иллюстрированномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изыщества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ, дастъ гг. подписчикамъ —

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНИЯ,
ДАЮЩИХЪ МАССУ НОВАГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАТЕРІАЛА.

1) ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ, ВЪ КОТОРЫЙ ВХОДЯТЪ:

ПЯТЬДЕСЯТЬ ДВА РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА большого формата, отпечатанныхъ на высокаго достоинства бѣлой веленовой бумагѣ. Нумера журнала выходятъ по прежнему, еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ общемъ объемѣ, отъ двухъ до трехъ листовъ. Въ литературномъ отдѣлѣ журнала будутъ помѣщаться только новыя произведенія исключительно извѣстныхъ писателей, при чемъ каждый номеръ журнала въ 1897 году будетъ содержать въ себѣ небольшія, но изящныя и вполне законченныя литературныя произведенія, такъ какъ всѣ большіе романы и повѣсти будутъ печататься исключительно въ ежемѣсячныхъ книгахъ журнала, чтобы дать возможность читателю прочесть все произведеніе сразу и, такимъ образомъ, получить цѣлостное впечатлѣніе. Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться: портреты современныхъ и историческихъ дѣятелей, иллюстраціи къ современнымъ выдающимся событіямъ и литературнымъ произведеніямъ, а также большія гравюры-копіи съ новыхъ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, бывшихъ на выставкахъ и обратившихъ на себя вниманіе общества или критики.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ВЪ ЖУРНАЛѢ.

Кромѣ громадныхъ улучшеній въ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложенияхъ журнала «Живописное Обозрѣніе», въ 1897 году вводимъ не менѣе важныя усовершенствованія, какъ въ внѣшнемъ видѣ изданія, такъ и въ художественномъ отдѣлѣ, а именно:

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА СЪ КАРТИНАМИ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ
ОТПЕЧАТАННЫМИ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ

(ПО ОБРАЗЦУ ДРОГОИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ).

Но такъ какъ художественное печатаніе картинъ на страницахъ журнала, по новому способу ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ, требуетъ независимо отъ техническихъ затрудненій, еще безусловно бѣлый тонъ и лучшую добротную бумагу, то мы заключили контрактъ съ одной извѣстной въ Россіи бумажною фабрикою на изготовленіе исключительно для нашего журнала особой **ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА БѢЛОЙ БУМАГИ**, на которой и будемъ печатать въ теченіе 1897 года всѣ еженедѣльные нумера нашего журнала.

КРОМѢ ТОГО ПРИЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХЪ НУМЕРАХЪ ЖУРНАЛА ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА, БУДЕТЪ ВЫДАНО:

I. **40 НУМЕРОВЪ** — «Хроника событій за недѣлю». Это приложение выходитъ въ видѣ еженедѣльной газеты, въ которой, въ сжатой формѣ, въ каждомъ номерѣ тщательно сгруппированы всѣ выдающіеся факты изъ современныхъ событій, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ. Въ отдѣлѣ «Игры и Забавы» помѣщаются еженедѣльно задачи для шахматъ, шашекъ, и проч.

II. **12 НУМЕРОВЪ** «Парижскихъ Новѣйшихъ Модъ», съ рисунками, воспроизведенными по моделямъ лучшихъ модныхъ парижскихъ мастерскихъ, выходящихъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. При чемъ каждый рисунокъ костюма или другой какой-либо принадлежности дамскаго туалета подробно описывается въ описаніи. Кромѣ того въ каждомъ номерѣ помѣщаются совѣты по домоводству, сельскому хозяйству, рецепты по медицинѣ, парфюмеріи и проч.

III. **12 ВЫКРОЕКЪ** въ натуральную величину, съ костюмовъ, обращающихъ вниманіе своею практичностью и изяществомъ.

IV. **12 РАСКРАШЕННЫХЪ КАРТИНЪ** («Дамскіе модные костюмы» и «Образцы дамскихъ рукодѣлій»). Картины эти будутъ отпечатаны цвѣтными красками, что дастъ нашимъ подписчикамъ полное понятіе о существующихъ модныхъ тонахъ для костюмовъ, по образцамъ дорогихъ модныхъ парижскихъ изданій.

V. **РИСУНКИ ДЛЯ ВЫШИВКИ** бѣлыя, плащевъ и костюмовъ, — шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.

VI. **РИСУНКИ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ** (оригинальные) различныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.

VII. **12 НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ** (романсы, танцы и проч.), русскихъ и иностранныхъ композиторовъ (для фортепiano и цѣмбля).

VIII. **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ**, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

(См. продолженіе).

2) ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ, СОСТАВЛЯЮЩЕЕ ВЪ ГОДЪ: 12-ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ-12

(КАЖДЫЙ ТОМЪ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМЕСЯЧНО ВЪ ОБЪЕМѢ И ФОРМАТѢ КНИГЪ ДОРОГИХЪ ЖУРНАЛОВЪ).

ВЪ СОСТАВѢ КАЖДАГО ТОМА ВХОДЯТЪ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ (СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ)

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, А ТАКЖЕ СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЮБИМЫХЪ ПОЭТОВЪ.

Въ предлагаемыхъ двѣнадцати большихъ томахъ, выдаваемыхъ бесплатно, ежемесячно (1—10 числа), при еженедѣльныхъ номерахъ журнала «Живописное Обзорѣніе», помѣщаются только **НОВЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ**, а не перепечатки старыхъ сочиненій, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно **ОДИНЪ** или **ДВА** законченныхъ романа. Вообще обиліе и разнообразіе новаго интереснаго литературнаго матеріала для легкаго чтенія, помѣщаемого въ этихъ томахъ, вполне замѣняетъ дорогой ежемѣсячный журналъ.

Кромѣ того, въ 1897 году, въ этихъ томахъ, будутъ помѣщаться научныя и сельско-хозяйственныя новости, біографіи, бібліографіи и смѣсь, а также **ПОРТРЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ** и художественныя **ИЛЛЮСТРАЦІИ** въ романахъ.

Для двѣнадцати большихъ ежемѣсячныхъ томовъ и 52-хъ еженедѣльныхъ номеровъ журнала «Живописное Обзорѣніе» приобрѣтены новыя литературныя произведенія слѣдующихъ писателей:

МИХАЙЛОВЪ, А. (А. К. ШЕЛЛЕРЪ).—«Лѣсъ дремучій». Большой романъ.	ТИХАНОВЪ, В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера»).—«Нехорошее дѣло», романъ.	ЛЕМАНЪ, А. И.—«Подвигъ», больш. ром.	ГЕРБАНОВСКИЙ, Т. М.—«Солнышко пригрѣло», рассказъ.
СОЛОВЬЕВЪ, Всев. Серг. (авторъ романовъ: «Сергѣй Горбатовъ» и др.)—«Упавшая звѣзда», романъ.	ЧЕХОВЪ, А. П.—«Контрабандисты», большой романъ.	ЯКОВЛЕВА, З. Ю. I) «Ненужная жертва» и II) «Кто виноватъ?» романъ.	ЯКУНИНЪ-ЗАХАРЬИНЪ, И. Н.—«Споха», разск.
ПОЛЕВОЙ, П. Н.—«Странный анекдотъ», большая повѣсть.	ЩЕГЛОВЪ-ЛЕОНТЬЕВЪ, И. Л.—Повѣсть.	ВЕДОРОВЪ, А. М.—«Въ степи», больш. ром.	ЛЕОНТЬЕВЪ, Н. В.—«Бродяжка», рассказъ.
ЯСНИНСКИЙ, I. I. («Максимъ Бѣлинскій»).—«Ясное утро». Большой романъ.	СТАНИЦКІЙ (А. Е. Головачева).—«Любимца», повѣсть.	ЧУМИНА, О. Н.—«Злые чары», повѣсть.	ГИПЛУСЪ, З. Н.—«Неудовимая», рассказъ.
СЛУЧЕВСКИЙ, К. К.—«Мой дядя», разск.	ВЕЛИЧКО В. П.—«Принципы». Рассказъ.	КРАСНОВЪ, П. Н.—«Между двухъ огней», романъ.	МАЙКОВЪ, М.—«Друзья-соперники», рассказъ.
ГОЛИЦЫНЪ, Д. П., князь (Муравлинъ) «Рѣзаниповы», романъ изъ больш. свѣта.	БАЖИНЪ, Н. В.—«Часъ», повѣсть.	МАКСИМОВЪ, А. К.—«Такъ суждено», большой романъ.	ИЗМАЙЛОВЪ (СМОЛЕНСКІЙ), А. А.—«На зарѣ жизни».
ГНѢДИЧЪ, П. И.—«Разгромъ», комедія.	МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д.—«Святой городъ», пов.	СВѢТЛОВЪ, В.—«Черный призракъ», пов.	МЕНШИКОВЪ, Н.—«Игра судьбы», ром.
ВОЛКОНСКИЙ, М. Н., князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.	НАЗАРЬЕВА, К. В.—«Болотныя огоньки», большой романъ.	ЗАРИНЪ, А. Е.—«Призваніе», больш. ром.	ИЛОВАЙСКИЙ, П. I.—«Дочь ростовщика», ром.
СТАНОКОВИЧЪ, К. М.—Рассказъ.	РЫШКОВЪ, В. А.—«Старыя дѣвы» пов.	БУДИЩЕВЪ, А. Н.—«Рѣка Калхансъ», большая повѣсть.	СВЕРЦОВЪ, Г. Т.—«Нравственный казнь», повѣсть.
БАРАНЦЕВИЧЪ, К. С.—Большая повѣсть.	ТАНГЕВА, Е. А., княгиня—«Чужая тайна», большой романъ.	ЕЖОВЪ М. Н.—«Случайные гости», пов.	КАЗИ-БЕКЪ, ЮРИЙ.—Рассказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.
	ЛЕБЕДЕВЪ В. П.—«Стрѣлецъ царя Александра Михайловича», истор. повѣсть.	ДУБЕЛЬТЪ, Е. А. (ЗЕЛАНДЪ)—«Безуміе», рассказъ.	АВОНАСЬЕВЪ, И. И.—«Позорное наслѣдство», романъ.
		УМАНЕЦЪ, Е. О.—«За что?», повѣсть.	

Кромѣ того въ двѣнадцати томахъ и номерахъ журнала будутъ помѣщены стихотворенія: Аванасьева, Л. Н.; Бера, Б. В.; Будищева, А. Н.; Величко, В. Л.; Гербановскаго, М. М.; Дмитриева, В. А.; Коринескаго, А. А.; Лебедева, В. П.; Леонтьева, Н. В.; Лукьянова, А. А.; Мережковскаго, С. Д.; Медвѣдева, Л. М.; Медвѣдскаго, К. П.; Мокринскаго, Г. А.; Полонскаго, Я. П.; Порфинова, П. Ф.; Случевского, К. К.; Соллогуба, Ѳ. Ѳ.; Трефолева, Л. Н.; Фофанова, К. М. и друг.

Въ книжкахъ журнала съ 1897 г. будетъ, между прочимъ, напечатанъ новый большой романъ **ЖЮЛЯ ВЕРНА** (съ иллюстраціями). Другія произведенія иностранныхъ писателей не перечисляемъ, такъ какъ все **НОВОЕ** и **ИНТЕРЕСНОЕ**, появляющееся въ иностранной литературѣ, будетъ печататься немедленно.

Не смотря на новыя, весьма цѣнныя улучшенія въ изданіи, въ 1897 г., какъ въ художественномъ, такъ и литературномъ отдѣлѣ, дающія въ **ЧЕТЫРЕ РАЗА** болѣе, сравнительно съ прошлыми годами, литературнаго матеріала для чтенія,

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ.

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи): 8 рублей.—Безъ доставки: въ Спб. 7 рублей.—Въ Москвѣ 7 руб. 75 коп.
НА ПОЛГОДА (съ доставкою)—4 руб.—НА ТРИ МѢСЯЦА—2 рубля.—За границу: на годъ—16 рублей.

Годовой экземпляръ журнала «Живописное Обзорѣніе», печатающійся для **ЛЮБИТЕЛЕЙ**, на слоеной бумагѣ (разсылаемой безъ сгиба), съ приложеніемъ 12-ти книгъ (съ доставкою)—15 РУБЛЕЙ.

Разсрочка взносов допускается для служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ г. казначейвъ или управляющаго, а для другихъ лицъ исключительно по соглашенію съ Главною Конторою (С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 68—40). Подписывающіеся на журналъ въ разсрочку, уплачиваютъ, при первомъ взносѣ, еще 50 к. за лишнее печатаніе адресовъ.

Мелкія суммы могутъ быть высланы почтовыми марками.

Вмѣсто новыхъ этнографическихъ картинъ, мы приступили къ новому, очень сложному и роскошному художественному изданію, по нашему мнѣнію, не только полезному, но даже почти необходимому для каждой семьи, подъ названіемъ:

НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ—

БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ

(200 КАРТИНЪ СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ И ВЪ ИЗЯЩНОЙ ОБЕРТКѢ).

Полнаго альбома картинъ Густава Дорэ къ Вѣтхому и Новому завету—до сихъ поръ **НЕ БЫЛО** не только въ Россіи, но и за границею. Библія же съ иллюстраціями Г. Дорэ, имѣющаяся въ про- рѣшались пополнить существующій пробѣлъ и употребимъ всѣ усилія дать это изданіе подпис- счикамъ нашихъ изданій въ возможно лучшемъ видѣ, при чемъ нѣкоторыя картины будутъ дажѣ, стоитъ 40 рублей за экземпляръ, что, понятно, большинству недоступно, а потому мы отпечатаны цвѣтными красками въ нѣсколько томовъ.

ЦѢНА АЛЬБОМА СЪ ДОСТАВКОЮ для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ нашихъ изданій—**ОДИНЪ РУБЛЬ 50 КОП.**

Крайне дешевая цѣна за это изданіе назначена нами только для **ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ** (не позднѣе 20 декабря 1896 г.). Во всякомъ случаѣ, по выходѣ въ свѣтъ этого из- сданія, цѣна на него въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно повышена.

Годовые подписчики, желающіе получить, вмѣсто премій, художественныя изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Адонъ прилуномъ освѣщеніи», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года, уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—**ОДИНЪ РУБЛЬ**. Безъ доставки—75 коп.

ТРЕБОВАНИЯ ПРОСИМЪ АДРЕСОВАТЬ ВЪ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ: НЕВСКІЙ ПР., У АНИКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Повреждение кабеля муравьями. Въ іюль 1894 года въ одномъ рукавѣ устья Красной Рѣки изъ города Гайфонгъ былъ проложенъ телеграфный кабель. Уже въ началѣ 1895 г. въ немъ были замѣчены поврежденія, которыя на столько увеличивались, что потребовалось исправленіе кабеля, прослужившаго всего два года, не смотря на то, что онъ былъ устроенъ весьма тщательно. Почти во всю свою длину онъ былъ покрытъ цементомъ и заключалъ три проводящихъ проволоки, изъ которыхъ каждая состояла изъ семи мѣдныхъ нитей, попеременно покрытыхъ слоями гуттаперчи и чѣтертона (чѣтертономъ называютъ смѣсь дегтя, смолы и гуттаперчи). Три проводящихъ проволоки скручены вмѣстѣ съ тремя продублированными шнуромъ, которые заполняютъ пустыя мѣста, въ толстый канатъ. Подушка изъ продублированной индѣйской конопли спирально обвиваетъ этотъ родъ цилиндра. Двѣ тоже продублированныя ленты изъ хлопчатой бумаги сдерживаютъ все, обвиваясь въ противоположномъ направленіи. Наконецъ, приготовленный такимъ образомъ кабель заключенъ былъ въ свинцовую трубку. Нельзя было сомнѣваться въ виду такого устройства кабеля, что какойнибудь организмъ внутри кабеля могъ его разрушить. По наружному виду даже нельзя было предложить, чтобы термиты-древоточцы тронули его. Кромѣ того почва дна рѣки не благоприятствуетъ жизни этихъ насекомыхъ, она болотная, сырая и солоноватая. Кусокъ этого кабеля былъ отправленъ въ этномологическую лабораторію естественнаго музея въ Парижѣ, гдѣ Бувье изслѣдовалъ его и нашелъ внутри кабеля двѣ системы галерей, проходящихъ отъ концовъ къ серединѣ присланнаго куска, не встрѣчаясь однако. Всѣ эти ходы направлялись отъ периферіи къ центру и не затрогивали свинцовой трубы и мѣдныхъ проволокъ, но проточили бумажную и свинцовую оболочку, проходили въ шнуръ и продолжались въ немъ и въ гуттаперчѣ. Ходы имѣли направленіе отъ периферіи къ центру и не затрогивали металлическихъ частей, но обнажали ихъ. Ширина ходовъ около $\frac{1}{16}$ доли першка. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были остатки животныхъ, по изслѣдованію оказавшіеся остатками термитовъ (бѣлыхъ муравьевъ) которымъ и приходится приписать порчу кабеля. Должно полагать, что при соединеніи металлической оболочки кабеля осталось гдѣ нибудь незна-

чительное отверстіе, куда и пробрались муравьи, потому что проточить свинецъ они не въ состояніи, челюсти ихъ не достаточно для того крѣпки. Бувье, производившій изслѣдованіе, сообщаетъ, кромѣ, конечно, тщательной герметической спайки отдѣльных частей оболочки, испытать пропитываніе шнуровъ, конопли и хлопчатобумажной подушки мѣднымъ купоросомъ.

Лечение отъ укушенія бѣшеной собакой.—Во французскомъ журналѣ «Médicine moderne» приведенъ слѣдующій способъ леченія укушенныхъ бѣшеной собакой. О способѣ этомъ разсказываетъ одинъ миссіонеръ, носильщикъ котораго были укушены бѣшеной собакой. Судьба этихъ слугъ сильно его безпокоила, и онъ сказалъ это нѣсколькимъ китайцамъ, которые принялись его успокоивать, говоря, что въ мартѣ они всѣ тоже были укушены бѣшеной собакой и вотъ сентябрь, а они совершенно здоровы. Это произошло отъ того, что немедленно по укушеніи они прибѣгли къ средству, употребляемому въ такихъ случаяхъ всѣми китайцами: они съѣли сырую печень укусившей ихъ собаки, и несомнѣнно носильщики миссіонера сдѣлали то же. Не мѣшаетъ замѣтить, что еще Плиній рекомендуетъ это средство противъ укушенія бѣшеной собакой, а въ наше время многіе европейскіе доктора будто-бы съ успѣхомъ употребляли это средство. У китайцевъ происхожденіе этого способа леченія теряется въ глубокой древности.

Анекдотъ о Вальтерѣ-Скоттѣ. Знаменитому писателю случилось какъ то заболѣть, и его вѣрный слуга Джонъ-Брюкъ, чрезвычайно суетливый, отправился въ горы искать средство къ излеченію своего господина. Цѣлый день онъ собиралъ двѣнадцать большихъ камней изъ двѣнадцати на югъ текущихъ ручьевъ. На этихъ камняхъ Вальтеръ-Скоттъ долженъ былъ провести ночь, и тогда непременно выздоровѣетъ. Вальтеръ-Скоттъ не хотѣлъ обижать старика, но въ то же время не имѣлъ ни малѣйшаго желанія ложиться на жесткіе камни, и сказалъ ему: «Да, твое средство очень хорошо, но помочь оно можетъ только въ такомъ случаѣ, если камни завернуть въ юбку женщины, никогда не имѣвшей желанія выйти второй разъ замужъ». Старикъ пришелъ въ отчаяніе. «Такихъ женщинъ не бываетъ! значить для моего дорогаго господина нѣтъ спасенія и онъ долженъ умереть!»

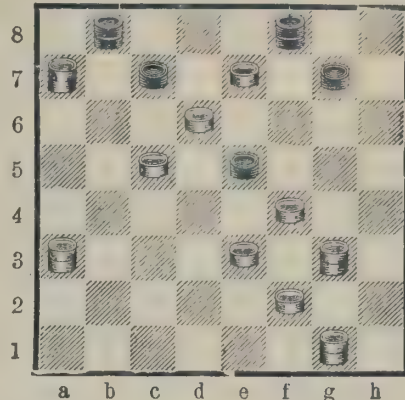
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 34.

П. М. Нѣмцова (въ Москвѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

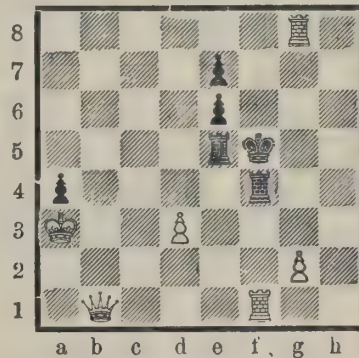
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 35.

С. Циммермана (въ Мл. Болеславѣ).

Изъ „Cerké Listy Sachové“.

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 2 хода.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

Издатель С. Е. Добролюбъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинныхъ С.-Петербургѣ и Москвѣ, поступила въ продажу новая книга:

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».

Романъ изъ жизни черноморскихъ вояковъ
Владимірова. Цѣна 1 рубль.

ФАБРИКА
Музыкальныхъ
инструментовъ
торговаго дома
Анд. Емеляновича

КУЛАКОВЪ.

въ С.-Петербургѣ
Садовая ул. 33

рекомендуетъ
ГИТАРЫ

солидной работы и отличнаго тона въ 2, 3, 4, 8, 10, 12, 15, 30, 50, 75 руб.

СКРИПКИ

въ 2, 3, 5, 6, 10, 15, 30, 100 рублей.

Юбилейный роскошно иллюстрированный
прейсъ-курантъ высылается БЕЗПЛАТНО.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ,
—1 СПб., Невскій, 59. № 2261.

САМЫЕ БОЛЬШІЕ СКЛАДЫ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ въ РОССИИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
МОСКВА
ТЕАТРАЛЬНЫЙ
ПРОЕЗДЪ
0.10ХИМЪ и Ко
НЕВСКІЙ ПР. № 3

ПОСЛѢДНІЙ РЕЙСЪ-КУРАНТЪ
состоящій изъ 424 СТРАНИЦЪ въ 8^м
ЛІСТА съ 710 РИСУНКАМИ и ТЕКСТЪ
ВЫШЕЛЪ изъ ПЕЧАТИ и ВЫСЫЛАЕТСЯ
ПОТРЕБОВАНІЮ за 50 коп. почт. маж
ВСѢ НОВОСТИ по ФОТОГРАФІИ

№ 2805—1

ВЫИГРЫШ

выигр. 1, 2 и 3 займы продаетъ

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, НЕВСКИЙ, СПБ.

со всѣми необходимыми принадлежностями для изготовленія искусственныхъ цвѣтовъ по 5 р., съ прилож. руководства для начинающихъ по 10, 15, 20 руб. Руководство къ пратт. изученію производства искусств. цвѣтовъ изъ матеріи. 300 рис. Цѣна 1 руб. 50 коп. Изданіе Р. Лютерманъ
Складъ Искусствен. зелени, цвѣтовъ и принадлеж. къ нимъ.
—СПБ. Невскій пр. 34.—

Главное депо часовъ
Эд. Вурхардъ.

Спб., Гороховая ул., у
Краснаго моста, № 17.

2) по Невскому пр.,
№ 6, прот. М. Морской.

Большой выборъ всевозможныхъ часовъ
лучш. фабрикъ по самымъ умѣр. цѣнамъ

Никелевые... отъ 6 р. 50 к. до 15 р.
Стальные (черные)... 10 р. — " 20 "
Серебряные мужскіе и дамскіе... 12 — " 75 "
Золотые мужскіе... 50 — " 500 "
Золотые дамскіе... 25 — " 100 "
Регуляторы 2-хъ и 3-хъ дѣльных... 7 — " 65 "
Будильники... 4 р. 50 к. — " 25 "
Гг. Инороднымъ весьма изложеннымъ платкомъ. Прейсъ-курантъ высылаю бесплатно. Карманные часына суммусамыше 10 р. высылаются почтой на счетъ моего магазина. № 1229-20

УВЕЛИЧЕНІЕ БОЛЬШИХЪ ПОРТРЕТОВЪ
съ маленъ. фотограф. карточекъ по 8 р. 50 коп. за экземпляръ, за пересылку почтой 50 коп. Подробное объясненіе высылается бесплатно. С.-Петербургъ, Николаевская д. 4. „Студія Свѣтлосила“. Принимаются заказы въ провинцію для принятія заказовъ.

ПАМЯТЬ

„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“.

(Что такое мнемоника?)

книжка (одежное изданіе)

профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА и печатныя условія за значный (письменный) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.) высылаются за шесть 7 коп. мар.; на вложенной бумагѣ вмѣстѣ съ условіями—за восемь 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогикъ, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую, и лучшей—у обладающихъ хорошей.

Въ несомнѣнной пользѣ и целесообразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, военныя, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безъ книгъ высылаются за одну 7 коп. марку). Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Сип. вѣща 4к. О. 40) (рядомъ съ Городецкимъ садомъ) д. Бродскаго № 640, кв. 4-5-8, белъ-этажъ. Профессоръ мнемоники членъ парижскаго академіи С. Файнштейнъ. № 2298—28.

Сезонъ 1897 года.

САРАТОВСКІЯ САРПИНКИ

Альбомъ Новый иллюстрированный натуральными образцами САРПИНОКЪ для ПЛАТЬЕВЪ и БѢЛЫХЪ

съ декабря сего года будетъ высылаться по требованію за 56 коп., которыя могутъ быть присланы почтовыми марками.

АДРЕСЪ ДЛЯ ТРЕБОВАНІЙ

МОСКВА, Петровка, Саратовскимъ фабрикантамъ Торговому Дому „А. БЕНДЕРЪ съ С-ми и В. БЕНДЕРЪ“.

При альбомѣ прейсъ-курантъ мужского и дамского бѣлья.

„ПРЕЛЕСТЬ-АККОРДЕОНЪ“

наилучшія въ настоящее время ручныя гармоніи. Отличаются замѣчательной легкостью, прѣстаннымъ тономъ, удобной игрой, новыми патен. грифомъ и метала. углами у мѣховъ; одиоради. дамская 5 р.; обыкновенн. 8, 10 и 14 р.; двухрадн. 20 и 30 р.; трехрадн. 40 рублей.

„КРЕМОНА-АККОРДЕОНЪ“

послѣдняя новостъ въ ручныхъ гармоніяхъ съ чрезвычайно прѣстаннымъ тономъ. 10 клас. въ 8, 10 и 12 руб. 19 клас. 16 рублей. Самоучитель Алексѣева 1 руб.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Подробное описаніе и полный иллюстрированный прейсъ-курантъ БЕЗПЛАТНО. № 2440-1.

РЕМИНГТОНЪ

Торговый Домъ И. Б. Б.

Около 1000 машинъ РЕМИНГТОНЪ въ употребленіи въ Министерствахъ въ одномъ Петербургѣ.

ОБЩІЙ СБЫТЪ ОКОЛО 150,000.

Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ

Высшая награда Большая Золотая Медаль въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г.

рояли и пиано америк. констр. совѣсны новѣйш. усоверш., перекрестными струнами, модераторомъ, тшерегуляторомъ, двойн. резонансомъ (новостъ) и механикою съ самою луч. двойн. репетицією, прѣст. и сильн. тона. Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и дор. Пиано отъ Р. С. 375, 425, 460, 500, 550, 600 и дор. Армоніпиано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія на нѣсколько лѣтъ. № 2324-42.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

НАСЛѢДСТВО и РАЗДѢЛЪ

(№ 2 Популярно юридической библиотекѣ составленъ А. В. Абрамовымъ).

Вся библиотечка будетъ состоять изъ 11 книжекъ: № 1. Духовныя завѣщанія. — № 2. Наслѣдство и раздѣлъ. — № 3. Приобрѣтеніе имущества. — № 4. Аренда и наемъ имущества. — № 5. Судъ и заемъ. — № 6. Личный наемъ и служба. — № 7. Опека. — № 8. Бракъ и семья. — № 9. Разводъ. — № 10. Усыновленіе. — № 11. Какъ исвать и отвѣчать на судѣ. Цѣна каждой книжки 25 коп. Первые двѣ книжки находятся въ продажѣ. Третья книжка будетъ выпущена въ декабрѣ нынѣшняго года. № 4, 5, 6 и 7-й въ будущемъ 1897 году, остальныя — въ 1898 году.

ГИТАРЫ въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. (отъ 7 р. съ механизмомъ для струнъ). Школа по 1 р., 1 1/2 р. и 3 руб.

ЦИТРЫ въ 8, 12, 20, 30, 40, 60, 80, 100 и 125 р. Школа самоучитель 2 р. и 3 руб.

МАНДОЛИНЫ въ 8, 15, 22, 30, 50, 75, 100 и 125 р. Школа-самоучитель 2 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО и ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

С.-Петербургъ, В. Морская, д. 34. Москва, Кузнецкій м., д. 3-хвѣрина. Нижегородская армарка, Главный домъ № 59-60.

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ ОКОНЧЕНЪ.

Изд. Т-ва А. ГРАНАТЪ и КО. Цѣль изданія — въ сжатомъ изложеніи дать точныя и обстоятельныя свѣдѣнія по каждому предмету знанія, ознакомить съ основными выводами всѣхъ наукъ и болѣе важными вопросами жизни и тѣмъ содѣйствовать самообразованію и болѣе разностороннему развитію. Въ изданіи принимали участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. П. И. Вознесенскій, М. И. Герценштейнъ, В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, прив.-доц. И. И. Гурландъ, Г. А. Джаншиевъ, Я. Н. Колубовскій, проф. В. Ф. Левицкій, д-ръ М. Е. Ломъ, прив.-доц. И. Л. Лосъ, проф. И. В. Лучинскій, П. Н. Милуновъ, С. А. Муромцевъ, В. А. Мякотинъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Песакъ, В. Н. Острогорскій, проф. Э. Ю. Петри, А. С. Пруцковъ, проф. Э. Л. Радловъ, А. С. Размадзе, прив.-доц. А. Р. Свиридовскій, прив.-доц. В. Д. Соколовъ, проф. А. С. Тауберъ, маг. М. И. Туганъ-Барановскій, проф. Н. А. Умовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. В. Г. Щегловъ и многие другіе.

8 томовъ (бол. 11,000 столб. убористой печати), 71,890 статей и замѣтокъ, 1567 портретовъ и рисунковъ, 26 географич. картъ, 150 таблицъ рисунка и статистич. таблицъ. Цѣна 38 руб., въ перепл. — 42 руб. За пересылку 10 проц. Допускается разсрочка отъ 1 р. 20 н. въ мѣс. ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ съ отзывами печати, выдержками изъ текста и условіями разсрочки высылаются БЕЗПЛАТНО. 2445-4.

Фирма сущ. съ 1848 г.

БЕРЕГИТЕ ВАШИ ГЛАЗА

ЭКОНОМІЯ СЪ ИЗЯЩЕСТВОМЪ!

Очки и пенсы въ оправкахъ изъ настоящаго наладнаго золота „Double d'or“. Оправы эти, сильно отличающіяся въ цѣнѣ отъ массовыхъ золотыхъ, имѣютъ видъ настоящей масс. золотой оправы, работы. Цѣна съ перископическими „Périscope“ стеклами выс. качества, шифрованными согласно научнымъ вычисленіямъ, съ дифференциальными правильными фокусомъ, съ перес. 4 р. Оправка изъ настоящ. золота 56-й пр., заграни. роскош. работы 12, 14, 16 руб. изъ чистаго никеля 2 р. 50 коп. ПРИМѢЧАНІЕ: при заказѣхъ обозначать, на какомъ разстояніи ясно различаются стекла, для близорукаго или для дальнорукораго, на какомъ разстояніи ясно различаются предметы, употреблены-ли имъ уже раньше стекла, то какой № и сколько лѣтъ? Адресъ: Я. Вурцельдорфъ, оптикъ-механикъ, г. Варшава, ул. Королевская № 49-5. Прейсъ-курантъ бесплатно — высыл. наложен. платежомъ. — НВ. Ручаюсь только за тѣ стекла и оправы, которыя выходятъ изъ моего магазина. № 2455-1.

ЦЫТРА-„АРФА“

семь педалей, 24 струны, цѣна 5 р. 50 н., десять педалей 32 струны 10 р.

САМОУЧИТЕЛЬ по 60 н. и 1 р. Цытра АРФА популярный и самый наглядный для обученія инструментъ, на которомъ каждый въ состояніи сыграть желаемыя пѣсни, при помощи педалей получаютъ полныя и прѣстанныя акорды.

№ 2305-7

ФАБРИКА ТОРГОВОГО ДОМА А. Е. КУЛАКОВЪ.

Контора и склады Садовая улица № 33 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Юбилейный роскош. иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаются БЕЗПЛАТНО.

ИЗВѢСТНОЕ БѢЛЪЕ

Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворныя Постыжики

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ

извѣстно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штукъ только извѣстнаго количества. Ири немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой несприятностей. После употребленія его бросать. Постоянно новое, безукоризненно-сильное бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усиленномъ по-тѣнн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ и холостяковъ. Наше поименованное предствители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.

Танфани и Штейдль, Москва. Карлъ Шиммель, Садовая 18. С.-Петербургъ. Максъ Тишбейнъ, Рига. Фабіанъ Клингсландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

„ГУНИАДИ ЯНОСЪ“

представляетъ собою продуктъ природы, слабительное дѣйствіе котораго извѣстно. Для нормальнаго приема достаточно 1/2 обмыл. стакана.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА

Источника „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

ПРОСИМЪ ОБРАТИТЬ ВНИМАНІЕ НА предохранительную марку „портрета“, которая неизменно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей воды.

ВЛАДѢЛЕЦЪ АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ ВЪ БУДАПЕШТѢ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА

№ 2392-6

№ 47 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ двухъ съ половиною листовъ съ 13-ю рисунками, а именно: I) два съ половиною листа текста и II) Обложка съ нотами: «Салонная пѣса», соч. П. Гефле.

ДЛЯ ЛЕТО ЦЕНЗУЮ. Спб., 15 ноября 1896 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1897 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 40 НУМЕРАМИ «ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ХРОНИКИ», 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, 12 МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПЬЕСАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВЧНЫХЪ И ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ И ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) . . . 8 р. { БЕЗЪ ДОСТАВКИ на годъ: въ Спб. 7 р. 50 к.—Въ Москвѣ. 7 р. 75 к.
„ ПОЛГОДА (съ доставкою). 4 р.—На ТРИ мѣсяца (съ доставкою). 2 р. { ЗАГРАНИЦУ на годъ (съ книгами). 16 р. —

Экземпляръ журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, напечатанный на слоеной бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 15 рублей.

Новое роскошное изданіе—„БИБЛІА ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ“ (200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ оберткѣ).
Для подписчиковъ цѣна ОДИНЪ р. 50 к. за экз. (съ доставкою). За прежнія художественныя изданія, на выборъ, уплачивается ОДИНЪ р. за экз. (съ доставкою). Безъ доставки 75 к.

1) Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ С.-Петербурга, Москвы и другихъ городовъ. Взносы могутъ быть дѣлаемы отъ 75 коп. въ мѣсяцъ, съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а другихъ лицъ, исключительно, по соглашенію съ Главною Конторою.
2) Подписывающимся на журналъ съ разсрочкою и не внесшимъ до 1-го числа слѣдующаго по условію взноса, долге журналъ не высылается.
3) Получающіе журналъ съ разсрочкою взносовъ добавляють къ объявленной подписной годовой цѣнѣ 50 коп. за лишнее печатаніе адресовъ.

Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

СЪ АКВАРЕЛИ ХУДОЖНИКА В. МЕШЕРСКАГО (Собств. журнала «Живописное Обозрѣніе»).

Лунная ночь на морѣ.

ПОСЛѢ ТЕАТРА.

Сегодня, изъ театра поздно возвратясь,
Я испыталъ порывъ знакомаго волненья:
Я ощущалъ душой таинственную связь
Давно минувшихъ дней съ интригой представленья.

Та драма скучная съ обыденнымъ концомъ,
По нервамъ бѣжущая картинсми терзаній,—
Прошла въ умѣ моемъ однимъ тяжелымъ сномъ,
Сплошной агоніей мучительныхъ страданій.

Герой— съ возвышеннымъ, мечтательнымъ умомъ,
Подъ знаменемъ труда выносить бремя жизни,
На скромномъ поприщѣ работая своемъ,
Безъ звука ропота, безъ слова укоризны...

Она— красавица, безъ денегъ, безъ связей,
Натура слабая, съ наивною душою...
И вотъ въ кругу чужихъ, безвѣстныхъ имъ людей,
Столкнувшись было имъ назначено судьбою...

Они сошлись... Прошли туманные года...
Житейская борьба имъ не подъ силу стала,—
Онъ изнемогъ, ослабъ подъ тяжестью труда,
Отъ пошлыхъ мелочей давно она устала...

Жизнь! Не зови меня! Ты призрачна, блѣдна,
И, пусть сулишь ты мнѣ однихъ блаженствъ избытокъ,
Я чашу горечи всю осушилъ до дна,
И все убилъ во мнѣ губительный напитокъ!

Позднѣе, испытавъ удары злыхъ невзгодъ,
Она со всѣмъ, казалось, примирилась...
И стала веселѣй, спокойнѣе, но вотъ
Бѣда надъ нимъ, какъ громъ, неожиданно разразилась...
На письменномъ столѣ однажды застаешь
Онъ отъ нея письмо... Дрожащею рукою
Онъ вскрылъ конвертъ, прочелъ... и словно тяжкій гнетъ
Имъ сразу овладѣлъ... Съ безмолвною тоскою
Онъ тихо въ кресло сѣлъ, виски руками сжалъ,
Чуть слышно прошепталъ: «она меня бросаетъ»...
И вдругъ, съ отчаяньемъ безумнымъ зарыдалъ...
Такъ плачетъ только тотъ, кто въ жизни все теряетъ!
Не тѣ-же-ль испыталъ страданія и я?
Не такъ-же-ли теперь живу я безотрадно?
Какъ осень сбруя, проходитъ жизнь моя,
И вѣчной жду зимы тревожно я и жадно...
Не страшень мнѣ судьбы жестокой приговоръ:
Я не боюсь его,—я испыталъ измѣну,
Я роль сыгралъ свою, забытъ я актеръ—
И мой чередъ пришелъ покинуть жизни сцену.

А. Френкель.

ДОЛЯ МАТЕРИ.

О черкъ.

ПОСЛѢДНІЙ экипажъ съѣхалъ со двора; затворились рѣшетчатые ворота, кучеръ Федотъ, онъ же дворникъ и сторожъ, вставилъ деревянный шестъ въ желѣзные пробойны, подергалъ для чего то его руками и направился въ кухню, лѣниво шаркая по травѣ огромными валенками. Только свѣжія полосы примятой колесами травы отъ крыльца до воротъ да удаляющійся звонъ колокольцевъ доказывали, что сейчасъ еще здѣсь была жизнь и суматоха.

На всемъ пространствѣ двора въ ясныхъ сумеркахъ лѣтняго вечера вырѣзалась одиноко фигура пожилой женщины, застывшей на крыльцѣ, съ котораго она въ послѣдній разъ махнула платкомъ удаляющемуся экипажу.

Она знала, что путешественники, свернувши съ деревенской улицы налѣво и взобравшись на гору, будутъ видны ей еще разъ съ крыльца, и ждала только этой минуты. Дѣйствительно скоро колокольчики зазвучали явнѣе, незаглушаемые строеніемъ, и большая коляска, а за ней рессорная тележка показались на горѣ, окутанные облакомъ пыли. Изъ экипажей махали платками и фуражками, и столпная женщина кланялась тоже, что-то шепча и крестя воздухъ. Но вотъ они и совсѣмъ скрылись, и пыль, поднятая ими, улеглась, а женская фигура все еще стояла на крыльцѣ, неподвижно глядя въ даль.

— Сударыня, серебро сами убирать будете, или мнѣ прикажете? — окликнула ее вдругъ пожилая женщина въ бѣломъ чепцѣ

и темномъ шерстяномъ платьѣ, появившаяся въ сѣняхъ.

— Что это вы, сударыня, на вѣтру, расквашившись, стоите, еще простудитесь чего добраго, не ровень частъ,—добавила она съ заботливой фамильярностью старой прислуги, — пожалуйте-ка въ комнаты; выкушали бы чайку чашечку, а и самоваръ подогрѣть велѣла, а то вторыхъ вамъ и покушать то не пришлось.

Хозяйка дома послушно повернулась и побрела въ слѣдъ за своей домоправительницей старой Григорьевной.

Въ залѣ все прибрали: въ переднемъ углу еще оставался столъ, покрытый скатертью, съ забытой на ней восковой свѣчей. Тутъ служили напутственный молебенъ; въ другомъ углу на большомъ кругломъ столѣ стояла неприбранная чайная посуда, небрежно разбросанныя остатки печеній, блюдецки съ недоѣденнымъ вареньемъ, крошки сухарей.

— Ишь, разгромъ какой,—сама себя сказала Григорьевна, быстро прибирая и очищая мѣсто на столѣ.

Но осиротѣвшей хозяйкѣ легче было бы сидѣть среди этого безпорядка и хотя на мигъ обмануть себя, что кругомъ есть люди, чѣмъ оставаться одинокой среди этого огромнаго семейнаго стола и сознавать, что она осталась одна, совсѣмъ одна.

— Живе докатятъ наши молодые до Заполья, а тамъ и подстава скѣжая,—начала экономка, желая «разговорить» барыню, ви-

дя, какъ безучастно относится та къ своей чашкѣ горячаго чая.

Но хозяйка молчала, безцѣльно глядя передъ собою, и все неотвязно думала одно и то же.

— Вѣдь вотъ полчаса не прошло, какъ всѣ ея дѣти были съ нею, вотъ здѣсь, за этимъ столомъ, а когда еще она увидитъ ихъ снова!

Да и увидитъ ли... А ей всѣ завидуютъ, она счастливая мать: два сына молодца служатъ въ гвардіи, теперь пристроена и единственная дочь, выдана замужъ за хорошаго, честнаго, богатаго человека... Кажется, чего же еще! Сейчасъ она проводила своихъ молодыхъ, зять даже сдѣлалъ большую уступку материнскому сердцу: вмѣсто того, чтобы ѣхать съ женой тотчасъ изъ подъ вѣнца за границу, какъ предполагали раньше, онъ остался цѣлыхъ три дня у нея; кстати кончился и срокъ отпуска сыновей, пріѣзжавшихъ къ сестрѣ на свадьбу. И вотъ всѣ они уѣхали, и она не смѣетъ роптать, таковъ законъ природы. Она даже должна сознавать и помириться съ мыслью, что чѣмъ меньше дочь будетъ думать объ ней, тѣмъ лучше, значить она вполнѣ счастлива, значить мужъ сумѣлъ вполнѣ вытѣснить мать изъ сердца своей жены и это идеалъ любви мужа. Печальное, горькое сознаніе!

— Вотъ не дождался баринъ, порадовался бы на своихъ дѣтокъ: лѣтъ то молодецъ къ молодцу,—начала снова Григорьевна, впадая вдругъ въ меланхолическій тонъ и подпирая

рукой шеку.—Александръ Петровичъ будто крошечку пожимолостиѣе, а ужъ Николай Петровичъ чисто богатырь, ну и то сказать—старшій... Надежда Петровна тоже отъ братьевъ не отстала, что твоя королева: пышная, бѣлая, высокая... И злѣкъ красавецъ, дай имъ Богъ совѣтъ да любовь, а намъ внуковъ и правнуковъ дожидаться.

Да, былъ бы живъ мужъ, не чувствовалось бы такой тоски одиночества!

Хозяйка еще ниже поникла головой.

Тогда, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда она ходила какъ помѣшанная отъ горя, ей въ голосъ говорили всѣ: «не убивайтесь, полноте, у васъ есть цѣль въ жизни—дѣти, живите для нихъ!» И она стала жить дѣйствительно ими и для нихъ забыла себя, забывала личные интересы, не говоря уже—личное счастье. О, ей оно и въ голову не приходило, а между тѣмъ она еще была молода тогда и хороша, но ея девизъ «все для дѣтей» предохранилъ ее отъ всѣхъ соблазновъ, стеръ все личное, утопивъ и заглушивъ его въ материнской любви, заботахъ и волненіяхъ. Отстояла она своихъ любимцевъ, отстояла своей грудью отъ всѣхъ невзгодъ, болѣзней и простудъ, пережила, переболѣла за одно съ ними всѣми ихъ страданіями, мелкими неудачами, трудными уроками, экзаменами, безсонными ночами... И вотъ птенцы выросли, выросли и... разлетѣлись, а она, одинокая горлица, осталась одна доживать въ осиротѣломъ и опустѣломъ гнѣздѣ и ждать, смутно надѣясь, что, быть можетъ, въ далекомъ будущемъ явится новое поколѣніе, новые птенцы, которымъ приголятся еще ея заботы, для которыхъ снова раскроется ея горячее сердце и вторично переживетъ оно и радость, и страхъ, заботу, боязнь и надежду—все, чѣмъ обильна безкорыстная и неблагодарная любовь матери.

О. Демертъ.

ГОЛОСЪ КРОВИ.

Рассказъ.

ДЮБЕЗНѢЙШІЙ братецъ! Ваше письмо дышетъ неподдѣльнымъ негодованіемъ. Вы возмущены моимъ поведеніемъ. Вы желаете знать, почему я, вашъ братъ, не пожелалъ васъ ввести въ то общество, гдѣ я вращаюсь, въ «наше» общество по праву рожденія.

Живя въ деревнѣ, занимаясь нашимъ имѣніемъ и доставая мнѣ вашимъ безкорыстнымъ трудомъ возможность легкаго и беззаботнаго существованія въ Петербургѣ, вы думали, что стоить вамъ, барону Николаю Андреевичу Штерну, появиться здѣсь и «наше» общество откроетъ вамъ свои двери. Вы считывали на ваше имя и на мой примѣръ. Вы ошиблись въ вашихъ расчетахъ. Да, это правда. Я—любимецъ, я—баловень этого «нашего» общества. Я одинъ изъ его законодателей. Я дѣлаю людямъ репутаціи и рожаю ихъ однимъ словомъ. Я открываю и закрываю людямъ двери. Меня уважаютъ и боятся, у меня заискиваютъ. И при всемъ этомъ вы, пріѣхавъ въ Петербургъ, въ «наше» общество не попали. Выводъ отсюда очевидный, и вы его сдѣлали: вашъ братъ Дмитрій не пожелалъ ввести васъ въ общество. На этомъ выводѣ былъ основанъ вашъ внезапный отъѣздъ въ деревню и изъ него же вытекло ваше письмо, полное самаго справедливаго и законнаго негодованія. Вы

такъ настоятельно требуете объясненія моего поступка, что я не рѣшаюсь отказать вамъ. Но предупреждаю—объясненіе будетъ непріятное для насъ обоихъ. Я радъ все-таки, что вы вызвали меня на него: слишкомъ давно болѣло у меня въ душѣ то, что вы узнаете сегодня.

Начнемъ же—и издалика.

Вамъ извѣстно, конечно, что нашъ дѣдъ со стороны отца Василій Антоновичъ Штернъ, дослужившійся до «степеней извѣстныхъ» и получившій въ награду за свою безпорочную полувѣковую службу баронство, былъ рагвену. Угодничествомъ высокопоставленнымъ лицамъ и ихъ связями, онъ сдѣлалъ свою дорогу. Гибкая спина и такая-же совѣсть—вотъ его характеристика. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ и почтенномъ санѣ онъ женился на единственной наслѣдницѣ стараго рода и крупнаго состоянія, немолодой и некрасивой дѣвицѣ П***. Свѣтъ нашелъ этотъ бракъ приличнымъ, и дѣвица П*** ввела понемногу своего супруга въ общество. Отъ этого «приличнаго» брака родился нашъ отецъ.

Къ сожалѣнію дѣдъ, будучи рагвену, не былъ ното повис. Онъ былъ потомокъ длиннаго рода чиновничьихъ геморондалныхъ поколѣній, изнывавшихъ всю жизнь подъ непосильной и безсмысленной работой.

То, что онъ передалъ своему сыну, не было особенно блестящимъ даромъ. Невзрачная наружность, воспаленные глаза, впалая грудь.

Бабка нѣсколько скрасила эту жалкую породу. Въ ней текла синяя кровь и ее то и влила она въ жилы нашего отца. Вы, конечно, понимаете, почему я придаю такое важное значеніе силей крови. Вы ее такъ сильно чувствуете въ себѣ и всегда такъ много о ней говорите.

Вы не помните отца. Вы моложе меня на десять лѣтъ, а онъ умеръ, когда мнѣ было одиннадцать. Это былъ слабый, но благородный человѣкъ. Это былъ образецъ порядочности. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ подъ руководствомъ своей высокообразованной матери, а послѣ ея смерти поступилъ интерномъ въ одно изъ нашихъ лучшихъ учебныхъ заведеній и такимъ образомъ избѣгъ всякаго вліянія со стороны отца. Служить онъ не пожелалъ и рано женился на княжнѣ Маріи Львовнѣ Тамбулатовой. Молодость, красота и имя—вотъ что заставило его жениться. Княжна была бѣдна, но она была послѣдняя въ родѣ и можно было надѣяться на княжескій титулъ. Къ сожалѣнію, надежды не оправдались, старый князь, выдавъ свою дочь, продалъ свое имя какой-то старухѣ съ хорошимъ приданымъ и произвелъ новое потомство. Впрочемъ, это мало касается дѣла. Надо быть краткимъ. Васъ, я думаю, и такъ удивляетъ это странное вступленіе аб оро и напоминаніе того, что вамъ давно и хорошо извѣстно. Дѣло въ томъ, что это не вступленіе, а самая суть. Вотъ почему я такъ настаиваю на всѣхъ этихъ подробностяхъ.

Отъ брака отца на княжнѣ Тамбулатовой первымъ родился я.

Я былъ жалкій и бѣдный ребенокъ. Первые три года моей жизни прошли въ борьбѣ со смертью. Только на четвертомъ началъ я ходить. Дальнѣйшую исторію моего развитія вы знаете изъ рассказовъ нашей матери. Я поражалъ окружающихъ раннимъ умомъ, любознательностью и болѣзненной странной красотой. Я былъ блѣденъ и худъ, задумчивъ и вялъ, и только большіе черные глаза выдавали душу, полную жизни. Когда мнѣ было

лѣтъ шесть, умеръ старый князь Тамбулатовъ и въ его бумагахъ былъ найденъ его собственный миниатюрный портретъ въ моемъ возрастѣ. Сходство этого портрета со мной было поразительное. И я въ теченіе всей жизни продолжалъ быть похожимъ на моего дѣда.

Черезъ десять лѣтъ послѣ моего рожденія, появились вы на свѣтъ. Между нами другихъ дѣтей не было. За этотъ десятилѣтній промежутокъ времени въ нашей семьѣ было не мало происшествій.

У отца было два первыхъ удара. Второй всего за три или четыре мѣсяца до вашего рожденія. Когда вы родились, его возили въ креслѣ. А черезъ годъ случился третій ударъ, и отецъ скончался. Мнѣ было одиннадцать лѣтъ. Я живо помню его смерть. Помню, какъ мало она произвела впечатлѣнія на мать и помню тѣ неожиданныя и быстрыя перемены, которыя произошли тогда.

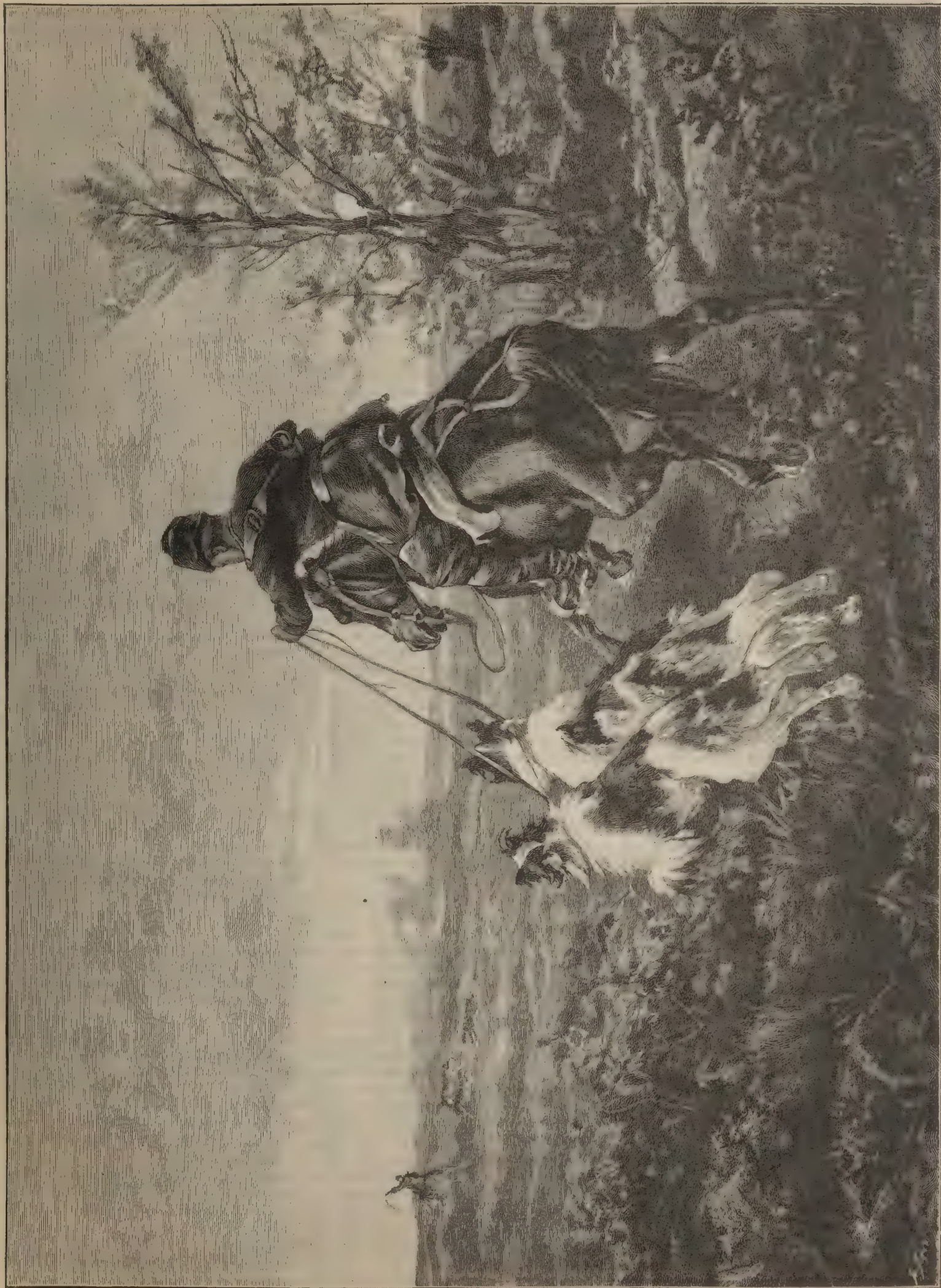
Я былъ немедленно отданъ въ закрытое учебное заведеніе, а мать съ вами оставила Петербургъ и, переѣхавъ въ городъ N., на всю жизнь осталась въ провинціи. Почему былъ избранъ этотъ городъ, я не могъ понять и узналъ это много лѣтъ спустя.

Первый годъ моей жизни въ училищѣ былъ ужасный годъ. Я боготворилъ мою мать, и разлука съ ней была для меня невыносима. Я ненавидѣлъ училище и ждалъ лѣтнихъ каникулъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ. Мать писала мнѣ часто, но письма ея не удовлетворяли мое нѣжное чувство. Когда я перечитываю теперь эти блѣдныя жалкія письма—мнѣ больно и стыдно, и жалко несчастную мать. Каждое слово этихъ писемъ, каждая ласка—вымученное, написанное истерзаннѣмъ сердцемъ, въ которомъ гаснеть чувство любви и борется съ умираніемъ чувство долга. Наконецъ настала весна. Кончились экзамены. Каждый день ждалъ и призывной депеши. Ея все не было, я наконецъ я получилъ письмо, длинное, печальное письмо. Мать писала, что она очень больна и должна уѣхать за границу, что она лишена возможности взять меня съ собой и даже видѣть передъ отъѣздомъ, что нужно покориться необходимости и что я проведу лѣто у дальнихъ родственниковъ Кулимскихъ въ ихъ имѣніи. Письмо это поразило меня, какъ громомъ. Но дѣлать было нечего. Я покорился. Поѣхалъ на лѣто къ Кулимскимъ и сталъ мечтать объ осени. Осенью мать не вернулась изъ за границы. Она провела тамъ три года. Я ждалъ, надѣялся. Письма были рѣдки и холодны. И скоро я пересталъ надѣяться. Мама, та мама, которую я боготворилъ, не существовала больше. Это было видѣніе, смутная греза. Я помнилъ дѣтскую и кроватку съ переплетомъ. Трешетный свѣтъ лампы и тонкую прекрасную женщину надо мной. Помнилъ ея бѣлое платье и чудесные золотые волосы, которыми я любилъ играть. Помнилъ бѣлыя ручки, ласкавшія меня и благословлявшія на сонъ грядущій, и милый голосъ, шептавшій милая, дорогія слова... Но все это было только воспоминаніе, только смутная греза.

Жизнь шла своимъ чередомъ. Я полюбилъ училище и товарищей. И шумные классы, и полутемный длинный дортуаръ. Учился я плохо, но былъ любимъ и начальствомъ, и товарищами. А сердце мое съ каждымъ днемъ черствѣло и черствѣло. Оно умирало естественной смертью существа, лишеннаго любви. Такъ проходило время. И вотъ однажды меня позвали въ пріемную комнату. Я думалъ, что увижу кого нибудь изъ Кулимскихъ,

«Любятъ». Съ картины художника Г. Зенасъ.

«Охота на лисицу», съ картины художника Р. Френца.

единственныхъ родственниковъ, съ которыми я изрѣдка видѣлся. Въ пріемной я увидѣлъ незнакомую молодую даму въ изысканномъ туалетѣ. Она держала за руку маленькаго разряженнаго бобу. Лицо ея показалось мнѣ похожимъ на чье то знакомое лицо. Это были вы и наша мать.

— Развѣ ты не узнаешь меня, Митя?—спросила нарядная дама по французски. И голосъ ея мнѣ показался тоже какъ будто знакомымъ.

— Non, madame,—отвѣчалъ я, шаркая ножкой и недоумѣвая, съ кѣмъ я говорю.

— Не узнаешь... маму!

— Мама! мама!—я судорожно разрыдался, когда мать начала обнимать и цѣловать меня. Нѣтъ! это была не моя мама, это была другая, совсѣмъ другая мама. И мнѣ было горько и страшно, и я продолжалъ плакать и сторониться отъ нея. Побѣжали за водой и едва-едва успокоили начинавшійся истерическій припадокъ. Теперь я сидѣлъ на стулѣ противъ матери и упорно смотрѣлъ на подарки, лежавшіе у меня на колѣняхъ.

— А что же ты не поцѣлуешь Колю?—спросила меня мать и подвинула ко мнѣ разряженнаго бобу:—Это твой братъ, Митя.

Я поднялъ глаза. Передо мной было круглое голубоглазое лицо ребенка съ румяными толстыми щеками. О, я уже тогда возненавидѣлъ это лицо! Я до сихъ поръ ненавижу, ненавижу и его и тебя, ненавижу и презираю за все, за все... Да, ты заставилъ меня говорить. И я все скажу, все. Да, я презираю тебя, какъ послѣднюю гадину! Но слушай.

Вы уѣхали. Я роздалъ всѣ подарки и сласти товарищамъ и весь день проплакалъ. Я хорошо помню этотъ день. Съ него началась каторга всей моей жизни.

Весну вы прожили въ Петербургѣ, и я ходилъ къ вамъ въ отпускъ. На лѣто мы всѣ вмѣстѣ уѣхали въ наше имѣніе, которое я такъ любилъ прежде. За то какъ я его возненавидѣлъ потомъ. Теперь начинается самая трудная часть моего разсказа. Я никогда не думалъ объ ней, но всегда глубоко ея чувствовалъ. Есть вещи, не поддающіяся мысли. Какъ будто мнѣ жилось хорошо въ деревнѣ. Мать была добра ко мнѣ, заботилась о моемъ здоровьѣ; она находила, что я худъ и блѣденъ, и говорила, что это огорчаетъ ее. Она ставила мнѣ примѣромъ цвѣтущаго здоровья вась, моего румянаго и веселаго брата, а я чувствовалъ, что оба вы чужіе для меня и что я не люблю васъ. Прошло лѣто, мать перѣѣхала опять въ N., я отправился въ училище. И все потянулось своимъ чередомъ. Тѣ же рѣдкія письма, то же одиночество и сознаніе того, что вы чужіе, но что я съ вами чѣмъ-то неразрывно связанъ. Наконецъ, я кончилъ училище. Мнѣ было двадцать лѣтъ, я созрѣлъ для жизни и созрѣлъ въ моей нелюбви къ своей семьѣ. Я уѣхалъ доучиться за границу. Вернулся черезъ два года, поступилъ на службу. Тамъ мы не видались лѣтъ шесть. Я зналъ, что вы учитесь въ N-ской гимназіи однимъ изъ первыхъ учениковъ. Обо всѣхъ вашихъ успѣхахъ я зналъ изъ писемъ матери, она писала мнѣ еще рѣже, чѣмъ прежде и все исключительно о вашихъ добродѣтеляхъ и талантахъ. За эти годы началось мое вступленіе въ свѣтъ, превратившееся мало-по-малу въ триумфальное шествіе. Я зналъ жизнь и рано понялъ условную цѣнность всего существующаго. Я былъ красивъ, образованъ и богатъ. Какъ Онѣгинъ, поражалъ «огнемъ неожиданныхъ энграммъ», занималъ уже видное служебное положеніе и носилъ придворный мундиръ. Этого, кажется, было бы уже доста-

точно, чтобы пользоваться всѣми милостями свѣта. Но у меня было еще нѣчто иное, поставившее меня выше его законовъ.

Теперь мнѣ 36 лѣтъ, и я смѣло могу говорить о себѣ правду, не боясь, что меня упрекнутъ въ самомнѣіи. Эта правда признана всѣми.

Люди никого такъ не боятся и не уважаютъ, какъ людей, ихъ презирающихъ. А чтобы имѣть право ихъ презирать, надо встать выше законовъ, ими создаваемыхъ. Надо въ себѣ имѣть законъ для нихъ. Печать оригинальности. Непризнаніе ихъ законовъ. Все это дается отъ природы и достигаетъ своего апогеоза съ познаніемъ людей. Для человека, который этого достигъ, нѣтъ уже общества хорошаго и дурнаго, высшаго или низшаго. Всѣ они равны и со всѣми онъ одинаковъ. Онъ побратался со всѣми и побратимство это вытекло изъ равнаго ко всѣмъ презрѣнія. Вотъ это равное ко всѣмъ презрѣніе и есть та сила, которая ставитъ человека внѣ закона и дѣлаетъ его самого закономъ.

Если при этомъ въ сердцѣ человека живо лишь одно презрѣніе, онъ будетъ спокоенъ и счастливъ. Если же въ его сердцѣ не умерли и другія чувства—горе ему! Это послѣднее и случилось со мной. Во мнѣ не умерли другія чувства и не умерла, главнѣйшимъ образомъ ненависть къ вамъ, мой другъ, и къ вамъ подобнымъ.

Вы поражены, не правда-ли? Вы никогда не подозревали во мнѣ этой ненависти? Вы вѣрили въ мои нѣжныя, братскія чувства. Да и съ какой стати мнѣ васъ ненавидѣть? Откуда она взялась, эта ненависть? Когда?..

Но слушайте, слушайте...

Я сказалъ: мы не видѣлись шесть лѣтъ. Это было въ 1865 году. Я былъ посланъ въ N. на ревизію. Тогда мы встрѣтились опять. Наша мать, казалось, была рада меня видѣть. Она собрала у себя всю fine fleur мѣстнаго общества въ день моего пріѣзда къ обѣду и угощала мной. «Мой старшій сынъ, камеръ-юнкеръ»... представляла она меня. Обѣдъ былъ прекрасный. Общество избранное. А главное, хозяйка съумѣла подъ всѣми соусами поднести лучшей лакомства. Какъ бы мимоходомъ были выставлены и мои петербургскія связи, и мое знаніе дѣла, и мое остроуміе... Однимъ словомъ, меня вкушали и мною наслаждались, и это продолжалось двѣ недѣли, все время моего пребыванія на ревизіи.

Вы, мой братъ, вели себя тоже безукоризненно. Вы тоже представляли меня: «мой братъ, камеръ-юнкеръ»... Вы спрашивали почтительно моего мнѣнія о томъ, какой факультетъ вамъ избрать, какая служебная дорога выгоднѣе и болѣе приличествуетъ посетелю старыхъ дворянскихъ традицій, однимъ словомъ барону Штерну, въ жилахъ котораго течетъ такая синяя кровь. Вы говорили мнѣ, что намѣрены высоко держать знамя дворянства, не забывая, что вы рожденіемъ своимъ призваны для этой задачи, что аристократія есть опора трона. Вы разсказывали мнѣ, что занимаетесь геральдикой, дѣлали изысканія о нашемъ родѣ и нашли, что онъ беретъ свое начало отъ временъ крестовыхъ походовъ и только временно нашими предками было утрачено дворянство, что пожалованіе баронскаго титула нашему дѣду не было даже возстановленіемъ прежнихъ правъ, такъ какъ Штерны были когда то графами Штернь-фонъ-Аусербергъ и т. д., и т. д.

Вы вѣдь это помните, конечно? Тѣмъ болѣе что вы и до сихъ поръ не измѣнили вашихъ взглядовъ на вещи. Вы всегда были человекъ

комъ цѣльнымъ. Вы жили голосомъ крови. Такія натуры застываютъ разъ навсегда въ прирожденномъ наслѣдственномъ благородствѣ своихъ убѣжденій.

Мое пребываніе въ N., благодаря вамъ и нашей матери, оставило во мнѣ самое отрадное впечатлѣніе.

Прошло еще лѣтъ восемь. Я увидѣлъ васъ уже окончившимъ курсъ университета на похоронахъ нашей матери. Молодой дворянинъ и помѣщикъ, кандидатъ на предводителя дворянства—вы блистали въ мѣстномъ обществѣ, васъ не тянуло въ столицы, и вы говорили мнѣ, что пока, послѣ тяжелой утраты, только что понесенной вами, вы рѣшились поселиться въ деревнѣ и привести въ порядокъ наши имѣнія.

Дѣла наши были нѣсколько запущены, — говорили вы, въ послѣдніе годы жизни матери. Вы просили у меня полной довѣренности на управленіе моими дѣлами. Я далъ вамъ эту довѣренность и мы разстались лучшими друзьями. Съ тѣхъ поръ вы пять лѣтъ прожили въ деревнѣ и привели все въ блестящее состояніе. Меня вы аккуратно снабжали деньгами съ каждымъ годомъ все въ большемъ и большемъ количествѣ. Благодарю васъ. Вы честно исполнили взятыя на себя обязательства.

Вы видѣли, какъ я отблагодарилъ васъ, когда вы пожаловали къ намъ въ Петербургъ и пожелали, даже потребовали того общества, къ которому вы, баронъ Штернь, принадлежите по рожденію.

Я закрылъ передъ вами всѣ двери. Je vous ai couvert de ridicule—и вы должны были со стыдомъ уѣхать.

Мы подходимъ къ развязкѣ, а вы все еще ничего не понимаете.

«Да я велъ себя всю жизнь безупречно относительно брата!»—говорите вы себѣ:—«что-же все это значитъ?»

Теперь я разскажу вамъ одинъ эпизодъ, который объяснитъ вамъ все. Я былъ тогда на университетскихъ курсахъ и пользовался жизнью.

Однажды, послѣ театра, съ однимъ изъ моихъ товарищей мы поѣхали ужинать въ Милютинны лавки.

Я всегда любилъ атмосферу этихъ кабинетовъ, съ услужливымъ лакеемъ и накрытымъ столикомъ. Всѣ условности свѣта какъ-то исчезаютъ тутъ и чувствуешь себя за бутылкой вина просто добрымъ малымъ.

Намъ подали устрицъ и вино, дверь за лакеемъ закрылась, и мы принялись болтать.

Выпили мы, должно быть, очень много, такъ какъ разговоръ становился все болѣе и болѣе непринужденнымъ. Мой товарищъ былъ уроженецъ города N., гдѣ вы жили тогда, и постоянно бывалъ тамъ. Онъ зналъ весь городъ и даже бывалъ у васъ въ домѣ. Рѣчь зашла, между прочимъ, и о васъ.

— Отчего ты не бываешь въ N.?—спросилъ меня мой товарищъ:—вѣдь тамъ у тебя мать и братъ?

— Такъ. Мнѣ и здѣсь хорошо,—отвѣчалъ я.—Да я и не привыкъ совсѣмъ къ семейной жизни. Своихъ я знаю мало. Мы почти чужіе.

— Что ты не любишь ихъ, я это понимаю.

На этотъ разъ я не понималъ, но не подалъ вида.

— А что?

— Послушай, Дмитрій, можно говорить откровенно?

Такой вопросъ не поставилъ меня въ тупикъ. Когда люди начинаютъ съ такого во-

проса, они намѣрены такъ или иначе вторгнуться въ душу своего собесѣдника или разсказать какую-нибудь мерзость. И это правило зналъ и тогда и поэтому только отвѣчалъ:

— Пожалуйста...

— Вѣдь видишь, Дмитрій. Прости, что я объ этомъ заговорилъ. Ты такой скрытный, а это нехорошо. Вѣдь я твой лучший другъ (кстати замѣчу, что друзей у меня никогда не было, ни лучшихъ, ни худшихъ). Я думаю, что тебѣ будетъ легче, если ты подѣлишься со мной своимъ горемъ.

Какое горе? Что такое? Я уже начиналъ недоумѣвать. Но вступленіе было такъ хорошо! Бѣсъ любопытства начиналъ точить меня. Я могъ услышать много интереснаго.

— Да, ты правъ, — отвѣчалъ я, подливая вина своему собесѣднику и притворяясь, что я самъ начинаю сильно хмѣлѣть: — я скрытный, а ты мой лучший другъ, — и я пожалъ ему руку: — Но какъ я могу разсказать о своемъ горѣ, когда я не знаю, какъ къ нему отнестись.

Мой товарищъ былъ милый человѣкъ. Онъ былъ тронутъ моимъ рукопожатіемъ и моею откровенностію.

— Голубчикъ! — воскликнулъ онъ: — какъ ты можешь въ мнѣ сомнѣваться. Я все знаю и понимаю тебя совершенно, бѣдный другъ! — Дѣло начинало пахнуть драмой.

— Благодарю. Отъ души благодарю! — И я крѣпко обнялъ его.

Онъ даже прослезился: — Спасибо тебѣ. Вотъ это называется другъ!

— Но скажи мнѣ, разъ ты ужъ началъ говорить, скажи, какъ ты это узналъ? Неужели это знаютъ вообще?

Казалось, онъ только и ждалъ стихъ вопроса.

— О нѣтъ! Не бойся. Это почти забыто. Такая старая исторія. Мнѣ ее разсказывалъ мой дядя. Онъ былъ другомъ твоего отца.

Во мнѣ начинало разгораться нетерпѣніе. Искусными вопросами я сталъ доводить его до сути. И вотъ что я узналъ. За два года до смерти моего отца у насъ въ домѣ сталъ бывать нѣкій господинъ Васильевъ. Это былъ красивый молодой человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, которые десятками встрѣчаются въ любой изъ гостинныхъ бюрократическаго Петербурга на поискахъ карьеры и богатой невѣсты. Такіе люди, пожалуй, умны. У нихъ нѣтъ средствъ — и они ищутъ ихъ. У нихъ нѣтъ имени — и они стремятся завоевать социальное положеніе.

Удача зависить отъ искусства и назойливости. Этотъ Васильевъ былъ изъ послѣднихъ, т. е. изъ искусныхъ и назойливыхъ.

Тамбовскій мѣщанинъ, сынъ сидѣльца въ кабацѣ, благодаря честолобію отца и кое-какимъ награбленнымъ грошамъ, онъ попалъ въ гимназію. Благополучно ее окончивъ и пошелъ въ петербургскій университетъ, поближе къ «источникамъ свѣта». Въ университетѣ онъ сначала давалъ уроки, потомъ былъ на содержаніи у своей квартирной хозяйки, сороканятилѣтней вдовы-пѣмки, какой то фрау Шульцъ.

За свою ласковость онъ получалъ даровую квартиру и столъ, т. е. два блюда на прогорѣлымъ маслѣ въ день, и изрѣдка умѣлъ выпросить у разсчетливой пѣмки нѣсколько рублей на удовольствія «Vergnügungen», какъ она это называла сама. Всѣ эти подробности я имѣю отъ самой фрау Шульцъ, которую мнѣ удалось разыскать вскорѣ послѣ моего разговора съ товарищемъ.

Вообще все слѣдствіе по этому дѣлу было мною ведено крайне тщательно. И на все, что я вамъ пишу теперь, любезный братецъ, у меня имѣются подлинныя документы, списокъ которыхъ и прилагаю.

Въ теченіе университетскихъ лѣтъ господинъ Васильевъ старался завести полезныя знакомства. Онъ втирался въ общество титулованныхъ и богатыхъ товарищей, умѣлъ имъ угождать, не роняя особенно своего собственного достоинства, и, окончивъ курсъ, благодаря этимъ знакомствамъ, получилъ недурное для начала мѣстечко.

Всегда въ безукоризненномъ бѣлѣ (правда, только снаружи) онъ носилъ манишки и манжеты и имѣлъ всего двѣ перемѣны нижняго бѣлья. (Это я тоже знаю отъ фрау Шульцъ, которая сохранила au souvenir счета прачки) въ платьѣ самаго моднаго покроя, господинъ Васильевъ началъ появляться и въ свѣтѣ.

Какимъ образомъ онъ попалъ въ домъ моего отца, мнѣ неизвѣстно, но онъ былъ обласкавъ имъ и, пользуясь его безграничною добротою, сталъ проникать черезъ него и въ остальное лучшее общество, «наше» общество, какъ вы любите говорить.

Кончилось все это такъ, какъ часто кончается въ подобныхъ случаяхъ. Баронесса Штернъ сдѣлалась жертвой господина Васильева и у нея родился сынъ. Надѣюсь, мнѣ этого сына не надо называть по имени. Вы меня понимаете.

Прошу васъ не думать ни одной минуты, что здѣсь есть хотя бы малѣйшая доля клеветы.

Мой разсказъ документаленъ, и я готовъ, если вы пожелаете, выслать вамъ нотаріальныя копии съ подлинниковъ.

Черезъ годъ послѣ рожденія этого ребенка, мой отецъ (вы замѣчаете, я давно уже говорю мой, а не нашъ) случайно нашелъ письмо господина Васильева къ нашей матери. Въ этомъ письмѣ этотъ господинъ требовалъ отъ нашей матери уплаты долга въ нѣсколько тысячъ рублей, грозя въ случаѣ отказа все открыть ей мужу. Мой отецъ призвалъ къ себѣ свою жену, вручилъ ей это письмо и чекъ на имя своего банкира и на сумму означенную въ письмѣ. Онъ хотѣлъ еще что-то ей сказать. Но съ нимъ сдѣлался третій ударъ и онъ умеръ. Остальное вамъ уже извѣстно. Баронесса Штернъ переехала въ N., потому что туда вскорѣ послѣ смерти ея мужа былъ назначенъ по судебному вѣдомству господинъ Васильевъ.

Замужъ за него она не вышла, не желая дѣлать mesalliance'a, а за границу уѣхала оттого, что господинъ Васильевъ нашелъ въ N. подходящую невѣсту изъ купечества и женился.

Теперь господина Васильева уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ умеръ, достигнувъ виднаго служебнаго положенія и оставивъ свою вдову тайной совѣтницей. Послѣ его смерти опытный и надежный человѣкъ осмотрѣлъ его столы, и часть бумагъ изъ ящиковъ перешла въ мое владѣніе.

Довольны ли вы вашимъ братомъ, мой другъ? Понимаете ли вы его? Если нѣтъ, то вспомните начало этого письма.

У меня отняли отца и мать. Меня лишили семьи съ самаго ранняго дѣтства. Мнѣ навязали въ братья человѣка органически мнѣ ненавистнаго, человѣка, съ глубоко аристократическими унаслѣдованными традиціями и корявыми руками.

Взгляните на себя, мой милый. И отыщите въ старыхъ альбомахъ вашей матери

портреты господина Васильева. Вы и онъ — двѣ капли воды. Я былъ настолько любопытенъ, что прослѣдилъ наслѣдственность глубже. У меня имѣется чрезвычайно интересный дагеротипъ вашего дѣдушки-сидѣльца въ преклонныхъ уже годахъ. Вы общаете передатъ въ потомство и этотъ доблестный аристократическій обликъ.

Теперь вы знаете, мой дорогой, отчего я не могу не любить васъ. Мы во всемъ братья до мозга костей.

Я всю жизнь былъ счастливъ. Вы тоже утопали въ блаженствѣ левѣдѣнія среди ласкъ матери, краденаго богатства и положенія.

Желаю вамъ и впредь пользоваться такъ же спокойно и безмятежно вашимъ счастьемъ.

Простите, что я доставилъ вамъ нѣсколько непріятныхъ минутъ этимъ письмомъ. Вы ихъ легко забудете. Вспомните поучительную исторію вашего напани и постарайтесь быть достойнымъ сыномъ такого родителя. А пока вѣрьте въ доброжелательность вашего друга и брата Дмитрія.

В. Сергѣевъ.

СВАДЕБНЫЙ ЗВОНЪ.

Разсказъ Натаніеля Готорна.

ВЪ НЬЮ-ІОРКЪ есть церковь, на которую я всегда смотрѣлъ съ особымъ интересомъ вслѣдствіе разсказа объ одной свадьбѣ, которая была тамъ совершена при весьма странныхъ обстоятельствахъ во времена дѣвчества моей бабушки. Бабушкѣ удалось быть свидѣтельницей этого происшествія, которое съ тѣхъ поръ сдѣлалось ея любимымъ разсказомъ.

Меня еще въ то время не было на свѣтѣ, поэтому я не знаю навѣрное, стоитъ-ли теперь эта церковь на томъ-же самомъ мѣстѣ, на которое указывала бабушка, но если-бы кто нибудь захотѣлъ въ этомъ убѣдиться, для этого стоитъ только прочесть на дощечкѣ, прибитой къ церковной двери, о времени сооруженія зданія.

Церковь эта великолѣпна и окружена прелестнымъ садомъ, въ которомъ виднѣются урны, колонны,obelisks и разныя другіе мраморныя и гранитныя памятники. Съ этимъ мѣстомъ, хотя близъ него и движется огромный городъ, невольно хочется связать какую нибудь легенду.

Свадьба эта была результатомъ давнишней привязанности, несмотря на то, что, до совершенія ея, невѣста уже дважды была замужемъ, а женихъ прожилъ жизнь холостякомъ.

Шестидесятипятилѣтній мистеръ Эленвудъ не былъ свѣтскимъ человѣкомъ, хотя его нельзя было-бы назвать вполне нелюдимымъ. Будучи, какъ и всѣ люди, любящіе исключительно самихъ себя, до крайности себялюбивъ, онъ однако-же, хотя въ очень рѣдкихъ случаяхъ, умѣлъ быть великодушнымъ. Всю жизнь свою онъ провелъ въ наукѣ, но занимался ею безстрастно, не увлекаясь какимъ нибудь отдѣльнымъ предметомъ. Все у него было направлено на удовлетвореніе личнаго честолобія и на полученіе преимущества передъ другими.

Человѣкъ хорошей фамиліи, до мелочности щепетильный, онъ, однако-же, позволялъ себѣ по временамъ совершенно пренебрегать соблюденіемъ свѣтскихъ приличій. Въ характерѣ его было столько странностей, что хотя

онъ и боялся болѣе всего на свѣтъ обратить на себя вниманіе, различныя дикія выходки его служили часто злобой дня и заставляли думать, что онъ страдаетъ наслѣдственнымъ умопомѣшательствомъ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Его странности проходили отъ ума, который искалъ выхода и не находилъ. Если онъ и былъ безумецъ, то это было слѣдствіемъ, а не причиною его безцѣльной и неудачной жизни.

Вдова во всемъ, кромѣ возраста, была полнѣйшимъ контрастомъ своего третьяго

хладнокровно могутъ заглушить сердечную печаль, благоразумно пользуясь тѣмъ, что имъ осталось.

Она была вообще умной женщиной, но у нея была одна слабость, которая дѣлала ее комичной.

Не имѣя дѣтей, она не могла сохранить памяти о своей красоте въ лицѣ своей дочери; на этомъ основаніи она отказалась дурнѣть и стариться и рѣшила вступить въ борьбу со временемъ, твердо, на зло ему, поддерживая румянецъ на своихъ отцвѣтшихъ щекахъ.

было въ обычаяхъ времени, что обѣ стороны должны были прослѣдовать въ церковь отдѣльно. Случилось такъ, что обстоятельства помѣшали жениху быть такимъ же пунктуальнымъ, какъ его невѣста и ея свадебныя подружки. Теперь можно сказать, что съ ихъ приходомъ, послѣ скучнаго, но необходимаго вступленія, дѣйствіе нашего разсказа началось.

Послышался грохотъ неуклюжихъ колесъ подъѣзжающихъ аристократическихъ экипажей и въ церковь вошли приглашенные на

«Спрячемся». Съ картины художника М. Вюнша.

жениха. Принужденная въ молодости побороть свою первую любовь, она была выдана за человека вдвое старше себя, была ему примѣрной женой, а послѣ его смерти осталась обладательницей превосходнаго состоянія. Какой-то южанинъ явился новымъ претендентомъ на ея руку, увезъ ее въ Чарльстонъ, гдѣ послѣ долгихъ лѣтъ несчастливой жизни она снова осталась вдовой. Было-бы странно, если бы у миссисъ Дабней послѣ такой жизни нѣжность ея первой любви сохранилась во всей силѣ, но все-таки пылкая любовь ея юности не могла быть вырвана съ корнемъ вслѣдствіе ея ранняго разочарованія и холодныхъ обязанностей перваго брака. Вторичное неудачное супружество, жестокость и безсердечіе второго мужа привело ее къ заключенію, что только съ его смертью наступитъ для нея покой и счастье.

Чтобы быть краткимъ скажу, что она принадлежала къ числу тѣхъ умныхъ, но несимпатичныхъ женщинъ - философовъ, которыя

Свадьба миссисъ Дабней съ мистеромъ Эллсвудомъ была объявлена вскорѣ послѣ возвращенія невѣсты въ родной городъ. Всѣ, и поверхностные и болѣе тонкіе наблюдатели, сошлись во мнѣніи, что почтенная леди не оставалась безучастной въ устройствѣ этого дѣла. Было очевидно въ этомъ позднемъ соединеніи двухъ старыхъ влюбленныхъ присутствіе романческаго чувства, отъ котораго женщина иногда теряетъ разсудокъ, забывая о прожитой уже жизни. Но удивительно было то, какъ мистеръ Эллсвудъ съ его болѣзненной щепетильностью показаться комичнымъ могъ рѣшиться на эту свадьбу. Пока объ этомъ толковали, день свадьбы насталъ. Церемонія должна была быть отпразднована, согласно правиламъ англиканской церкви, въ открытомъ храмѣ, съ гласностью, которая привлекала массу зрителей, занявшихъ всѣ переднія скамьи въ галлерейхъ, лавки около алтаря и вдоль широкаго боковаго придѣла. Было такъ условлено, а можетъ быть, это

свадьбу мужчины и дамы, производя впечатлѣніе неожиданно ворвавшегося радостнаго солнечнаго луча. Всѣ гости, кромѣ главнаго дѣйствующаго лица, было олицетвореніемъ молодости и веселья. Въ то время, какъ они устремились къ боковому придѣлу, казалось, что всѣ скамьи и колонны озарились какимъ то яркимъ свѣтомъ, а шаги ихъ были такъ легки, будто они всѣ собирались танцовать, забывая, что они въ церкви, а не въ балномъ залѣ. Зрѣлище это было настолько блестяще, что почти никто не обратилъ вниманія на одно странное обстоятельство, сопровождавшее входъ невѣсты въ церковь. Въ тотъ моментъ, когда миссисъ Дабней переступала порогъ храма надъ нею глухо зазвѣл колоколъ и продолжалъ уныло благовѣстять. Звукъ замирали и раздавались снова съ какой то удручающей торжественностью, какъ будто встрѣчая въ церкви покойника.

— Боже мой! Какое ужасное предзнаме-

СЪ КАРТИНЫ СЛАВЯНСКАГО ХУДОЖНИКА В. ЧЕРНЕРА.

Въ ожиданіи начальниа.

пованіе,—шенила молоденькая дѣвушка своему возлюбленному.

— Клянусь честью,—отвѣчалъ юноша,—что колоколь гудитъ такъ уныло по собственному влеченію. Пристало ли ей думать о свадьбѣ? Вотъ если бы вы, дорогая Жюли, приближались къ алтарю, колоколь навѣрно затрезвонилъ бы самымъ радостнымъ образомъ. Для нея же у него остался одинъ погребальный звонъ.

Невѣста и большинство гостей были слишкомъ заняты суетой при входѣ, чтобы обратить вниманіе на особенность перваго удара колокола и подумать объ этой странной встрѣчѣ. Они продолжали подвигаться впередъ съ менѣйшимъ весельемъ. Пышные наряды того времени, малиновыя бархатныя платья, золотыя, ажурныя шапочки, кринолины, шелкъ, атласъ, парча и вышивки, локонныя шпиги,—все это въ самомъ выгодномъ свѣтѣ выставило лицъ, привыкшихъ носить эту роскошь, и дѣлало ихъ болѣе похожими на превосходную картину, нежели на дѣйствительность. Но по какой же странной случайности вкусъ измѣнилъ художнику, и онъ изобразилъ главное лицо, центръ всей картины, такимъ морщинистымъ и дряхлымъ, между тѣмъ какъ оно вырядилось въ этотъ необычайно роскошный нарядъ? Это производило впечатлѣніе, точно прелестная дѣвушка вдругъ сразу поблѣкла и состарилась и сдѣлалась какъ бы ходячимъ правоучіемъ окружающимъ ея красоткамъ.

Шествіе, между тѣмъ, все двигалось впередъ, какъ вдругъ новый ударъ колокола, казалось, наполнилъ церковь видимымъ уныніемъ, омрачая своимъ печальнымъ звономъ это великолѣпное зрѣлище. Теперь толпа заволновалась, остановилась, всѣ ближе прижались другъ къ другу, кое-гдѣ между дамами раздался легкій крикъ, мужчины начали смущенно перешептываться. Волнуясь такимъ образомъ, они походили на роскошный букетъ цвѣтовъ, заколебавшійся отъ неожиданнаго налетѣвшаго порыва вѣтра, угрожающаго разсѣять лепестки старой увядшей розы, находившейся по странной случайности на одномъ стеблѣ съ двумя свѣжими бутонами. Вотъ эмблема вдовы между двумя хорошенькими молодыми свадебными подружками.

Невольная дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу; казалось, ударъ колокола былъ направленъ ей прямо въ сердце, но она тотчасъ же овладѣла собой и спокойно прошла впередъ, между тѣмъ, какъ друзья ея все еще не могли придти въ себя отъ ужаса. Колоколь продолжалъ колебаться, звенѣть и замирать все съ той же печальной равномерностью, точно провожая умершаго на кладбище.

— Какіе, однако, слабые нервы у моихъ юныхъ друзей,—съ улыбкой сказала вдова, обращаясь къ священнику, стоявшему у алтаря.—Что касается меня, я совершенно покойна; я знаю столько свадебъ, совершенныхъ при веселомъ трезвонѣ и бывшихъ впослѣдствіи несчастными, что надѣюсь, несмотря на это грустное предзнаменованіе, на лучшую судьбу.

— Сударыня, — отвѣчалъ священникъ въ большомъ смущеніи, — это странное обстоятельство приводитъ мнѣ на память свадебную проповѣдь знаменитаго епископа Тайлора, въ которой онъ высказалъ столько мыслей о смерти и будущиxъ страданіяхъ, что, по его словамъ, слѣдовало-бы комнату новобрачныхъ обтягивать чернымъ, а свадебныя наряды выкрашивать изъ погребальнаго покрова. У мно-

гихъ народовъ было даже въ обычаѣ вводить что-нибудь печальное въ свадебныя церемоніи, чтобы и во время совершенія брака, который составляетъ главнѣйшую цѣль жизни, не забывать о смерти. Такимъ образомъ, мы можемъ извлечь, хотя и печальное, но полезное правоученіе изъ этого погребальнаго звона.

Хотя священникъ и могъ бы придать своей проповѣди еще болѣе тѣдкій характеръ, однако, онъ тотчасъ же распорядился послать одного изъ присутствующихъ разузнать объ этомъ таинственномъ приключеніи и немедленно остановить звонъ, который такъ зловѣще преслѣдовалъ эту свадьбу. Прошло нѣсколько минутъ, во время которыхъ молчаніе прерывалось лишь вздохами и сдержаннымъ пересмѣиваніемъ между гостями и зрителями, которые, придя въ себя отъ охватившаго ихъ ужаса, почувствовали наплывъ какого-то неестественнаго веселья и рѣшились вдоволь посмѣяться надъ всѣмъ происходившимъ. Молодежь строго относится къ старческимъ дурачествамъ, нежели старики къ проказамъ молодости. Было подмѣчено, что взоръ вдовы остановился на минуту на церковномъ окнѣ, какъ-бы лица поврежденный временемъ памятникъ ея перваго мужа, затѣмъ вѣки ея опустились на поблѣкшія орбиты, а мысли невольно обратились къ другой могилѣ. Она слышала, какъ оба умершіе мужа зывали къ ней, приглашая ее лечь между ними. И вдругъ ей пришла въ голову мысль, что она была-бы гораздо счастливѣе, если бы колоколь возвѣщалъ нынѣ объ ея погребеніи, а юноша, котораго она полюбила впервые, теперь уже старикъ, послѣ многихъ лѣтъ счастливаго супружества, съ любовью и грустью провожалъ бы ее въ могилу. А то зачѣмъ вернулась она къ нему теперь, когда ихъ холодныя сердца уклоняются отъ объятій?

Колоколь тѣмъ временемъ звучалъ до того заунывно, что, казалось, даже солнце померкло. Вдругъ по всей церкви разнеслись вздохи лицъ, стоявшихъ у оконъ. Они увидѣли погребальную колесницу, двигавшуюся вдоль улицы по направленію къ церкви, въ которой невѣста, стоя у алтаря, ожидала своего жениха. Не прошло и пяти минутъ, какъ у дверей раздался шагъ жениха и его друзей. Вдова подняла глаза и съ такой безсознательной силой сжала руку одной изъ своихъ подружекъ въ своей костлявой рукѣ, что хорошенькая дѣвушка задрожала.

— Вы пугаете меня, дорогая!—вскрикнула она.—Скажите, ради Бога, что съ вами?

— Ничего, ничего, милочка,—сказала вдова, а затѣмъ, нагнувшись къ ней, прошептала:—Что за странная у меня фантазія, мнѣ все кажется, что мой женихъ придетъ въ церковь съ моими первыми мужьями, въ качествѣ друзей!

— Смотрите, смотрите!—воскликнула молодая дѣвушка.—Что это, похороны!

Въ то время какъ она это говорила, печальное шествіе вошло въ церковь. Первыми вошли старикъ со старухой, бывшіе во главѣ церемоніи. Они были облечены въ глубочайшій трауръ, позволяющій лишь различать ихъ блѣдныя черты и сѣдые волосы. Старикъ опирался высохшей рукой на высокую палку. За ними шли новыя пары, такія же старыя, мрачныя, печальныя, какъ и первая. По мѣрѣ того, какъ они подходили, вдова узнавала въ каждомъ изъ нихъ своихъ старыхъ, давно забытыхъ друзей, явившихся теперь, какъ бы изъ могилъ, сказать ей, чтобы и она приготовляла себѣ саванъ. Въ ихъ появленіи

она предусмотрѣла намѣреніе показать ей свои морщины и дряхлость и своимъ видомъ напомнить о ея собственномъ разрушеніи. Много веселыхъ ночей за танцами провела она съ ними въ молодости, и теперь она, сѣдая старуха, съ ужасомъ ждала, что какой-нибудь дряхлый кавалеръ возьметъ ея руку и они всѣ соединятся въ танцѣ смерти подъ звуки погребальнаго звона.

Когда эти мрачныя лица прошли на мѣста, видно было, какъ зрители на всѣхъ скамьяхъ содрогнулись отъ безотчетнаго ужаса. Одни отворачивались, остановившійся взоръ другихъ выражалъ страхъ, испугъ; какая то молодая дѣвушка истерически хохотала и съ застывшимъ смѣхомъ на лицѣ потеряла сознание. Когда эта призрачная процессія приблизилась къ алтарю, пары раздѣлились и медленно стали расходиться. Но вотъ въ самомъ центрѣ показалось лицо, появленіе котораго было достойно встрѣчено всѣмъ этимъ мрачнымъ блескомъ, погребальнымъ звономъ и похоронной процессіей. Это былъ женихъ въ саванѣ!

Только изъ могилы могло предстать подобное загробное видѣніе; глаза дико горѣли какимъ то неземнымъ огнемъ и были устремлены впередъ съ суровымъ спокойствіемъ. Самъ онъ стоялъ безъ движенія, а звукъ его голоса, обращеннаго ко вдовѣ, казалось, замиралъ вмѣстѣ съ ударами колокола, который все еще продолжалъ уныло гудѣть.

— Приди, моя невѣста!—говорили его блѣдныя губы.—Колесница подана и могильщикъ уже ждетъ насъ у открытой могилы. Обвѣчаемся и разойдемся по нашимъ гробамъ!

Невозможно описать того ужаса, который охватилъ невѣсту. Смертная блѣдность покрывала ея лицо. Молодые друзья ея содрогались при видѣ этихъ мрачныхъ призраковъ, жениха въ саванѣ и самой невѣсты. Вся эта сцена походила на сильно написанную картину, изображающую напрасную борьбу земныхъ честолюбій со временемъ, дряхлостью, печалью и смертью. Благоговѣнное молчаніе было, наконецъ, прервано священникомъ.

— Мистеръ Элленвудъ,—сказалъ онъ ласково, но властно,—вы нездоровы. Вашъ умъ возбужденъ тѣми необычными обстоятельствами, въ которыхъ вы находитесь. Церемонія должна быть отложена до другого времени. Именемъ давнишняго вашего друга, умоляю васъ, возвратитесь домой.

— Домой! хорошо. Но не иначе какъ съ моей невѣстой,—отвѣчалъ женихъ тѣмъ же глухимъ голосомъ.—Быть можетъ, вы принимаете мое поведеніе за насмѣшку или безуміе. Нѣтъ, вотъ если бы я разодѣлъ свое старое, изсохшее тѣло въ дорогія вышивки и одежды, заставилъ бы блѣдныя губы улыбаться умершему сердцу—это можно было бы назвать насмѣшкой и безуміемъ. Теперь же пусть рѣшатъ безпристрастно и старыя, и молодыя, кто одѣтъ болѣе къ лицу, женихъ или невѣста?

Онъ пошелъ впередъ медленнымъ, торжественнымъ шагомъ, сталъ рядомъ съ невѣстой, причемъ ужасающая простота его савана рѣзко отличалась отъ пышнаго наряда несчастной вдовы. Никто изъ видѣвшихъ ихъ рядомъ не могъ отрицать всей силы его правоученія.

— Боже, Боже, какъ вы жестоки!—просто-нала, пораженная до глубины сердца, миссисъ Дабней.

— Какъ, я жестокъ?!—проговорилъ женихъ, и дикая злоба смѣнила его мертвенное выраженіе.—Богъ разсудитъ, кто изъ насъ былъ

ТАЛИСМАНЪ.

Разсказъ К. де-Вариньи.

I.

болѣе жестокъ! Въ молодости вы разрушили мое счастье и надежды. Вы уничтожили смыслъ всей моей жизни, превратили ее въ какой-то тяжелый сонъ, сквозь который я все-таки чувствовалъ всю печаль и пустоту моего существованія. И вдругъ черезъ сорокъ лѣтъ, когда мысли мои обращены къ смерти, когда не можетъ оставаться надежды на ту жизнь, которую мы нѣкогда себѣ рисовали, ты призываете меня къ алтарю. По вашему требованію я здѣсь. Но вѣдь другіе мужья наслаждались вашей молодостью, красотой, жаромъ вашего сердца. Что же осталось на мою долю, кромѣ разрушенія и смерти? Поэтому-то я и просилъ моихъ приглашенныхъ друзей быть въ траурѣ, заказала попомарю погребальный звонъ и пришелъ вѣнчаться съ вами въ саванѣ. Вѣчаніе наше должно походить на отпѣваніе, у входа въ могилу мы соединимъ наши руки и войдемъ туда вмѣстѣ.

Миссисъ Дабней не зарыдала и не унала въ обморокъ. Суровый урокъ этого дня сдѣлалъ свое дѣло: жизнерадостность ея исчезла. Она схватила руку жениха.

— Да, вы правы!—закричала она.—Не мѣшайте намъ обвѣчаться передъ смертью! Вся моя жизнь прошла въ тщеславіи и пустотѣ. Но на закатѣ дней моихъ я узнала истину; благодаря ей, я стала тѣмъ, чѣмъ была въ молодости: я сдѣлалась достойной васъ. Время уже ничто для насъ обоихъ. Дайте намъ вѣнчаться на вѣчность.

Долгимъ и глубокимъ взглядомъ взглянулъ женихъ въ лицо своей невесты, и слеза выкатилась изъ его глазъ. Странно было видѣть у этого призрака проявленіе человѣческаго чувства. Саваномъ отеръ онъ слезу.

— Возлюбленная моей молодости,—сказалъ онъ,—я былъ безумецъ. Мнѣ вспомнилась вся моя неудавшаяся жизнь, отчаяніе овладѣло мной и свело меня съ ума. Но въ пшавіи говорится: «Прощайте и прощены будете». Мы теперь на склонѣ нашихъ дней, не осуществивъ мечты о счастьи, грезившемся намъ въ юности. Дайте же намъ соединить наши руки передъ алтаремъ, какъ возлюбленнымъ, которыхъ различныя обстоятельства разлучили на всю жизнь. Встрѣтившись снова послѣ всего пережитого, мы увидѣли, что наша ранняя любовь перешла въ нѣчто болѣе возвышенное и евитое. Что значитъ для насъ время, когда мы вѣчаемся на вѣчность?

Среди слезъ и волненія окружающихъ совершился этотъ необыкновенный свадебный обрядъ, соединившій двѣ безсмертныя души. Толпа старцевъ въ траурѣ, сѣдовласый женихъ въ саванѣ, блѣдныя черты старухи-невесты, не прекращающійся погребальный звонъ, заглушавшій слова свадебной церемоніи, все указывало на погребеніе земныхъ надеждъ. Въ то время, какъ служеніе шло своимъ порядкомъ, органъ, какъ бы не желая оставаться безучастнымъ къ этой поразительной церемоніи, заигралъ антифоны, звуки которыхъ сначала смѣшались съ заунывнымъ звономъ колокола, затѣмъ постепенно начали принимать все болѣе и болѣе возвышенный характеръ, точно соединяясь съ душой, которая отлетаетъ въ вѣчность и бросаетъ послѣдніе прощальные взгляды на землю.

Когда этотъ ужасный церковный обрядъ былъ конченъ и обвѣчаніе на вѣчность, взявшись за похолодѣвшія руки, медленно удалялись изъ церкви, торжественный, побѣдоносный звукъ органа заглушилъ собой печальный свадебный звонъ.

Изъ всѣхъ присковыхъ лагерей, разбросанныхъ по берегамъ Американъ-Риверъ, несомнѣнно самый живописный Лосъ-Анжелесъ, а въ Лосъ-Анжелесѣ самый мужественный работникъ и лучший товарищъ былъ Франкъ Морганъ. Къ тому еще тщетно перевернули-бы вы всю Калифорнію, отыскивая болѣе страстнаго игрока, не отказывавшагося при случаѣ и выпить. При всемъ томъ, не смотря на всѣ его недостатки, а можетъ быть именно за эти недостатки, вмѣстѣ съ качествами, товарищи любили его и поклонялись ему. Его желаніе было законъ. Брюэръ, собственникъ кабака и единственной лавки на прискѣ, не отказывалъ ему никогда въ кредитѣ. Пальмеръ и Декстеръ, двѣ другія сильныя головы околodka, всегда во всемъ съ нимъ соглашались и поддерживали его. Все шло на прискѣ тихо и мирно, когда неожиданный случай взволновалъ всѣхъ мѣстныхъ обитателей.

Въ одно прекрасное воскресенье въ Лосъ-Анжелесъ пришелъ маленький, худенькій, блѣзненный человѣчекъ, одѣтый въ черный длинный и потертый балахонъ. Онъ пришелъ изъ сосѣдняго лагеря Мормонъ-Гилль, на палкѣ у него висѣлъ узелокъ съ бѣднымъ скарбомъ. Онъ боязливо остановился у дверей кабака, попросилъ сухарь и стаканъ воды, жадно попилъ, заплатилъ и спросилъ, не можетъ ли онъ здѣсь работать. Брюэръ взглянулъ на него и, пожавъ плечами, позвалъ Морганъ, Пальмера, Декстера и остальныхъ прискателей. Узнавъ въ чемъ дѣло, они были поражены смѣлостью пришельца. Они принимали въ товарищи только здоровыхъ работниковъ, а не такихъ бѣднягъ. Но выслушать его все-таки можно.

Его звали Бертонъ, онъ родился въ Нью-Йоркѣ, рано лишился родителей, последовательно былъ приказникомъ, землемѣромъ, школьнымъ учителемъ, женился поздно, въ минуту относительнаго благоденствія. Но затѣмъ нищета охватила его своими когтями,—онъ за все принимался, чтобы только прокормить свою болѣзненную и слабую жену и маленькую дочку. Жена не вынесла нищеты и умерла. Въ отчаяніи, онъ уѣхалъ въ Санъ-Франциско, помѣстивъ дѣвочку у своей невестки до тѣхъ поръ, пока будетъ имѣть возможность взять ее къ себѣ. Восемь мѣсяцевъ онъ уже странствуетъ по Калифорніи, зарабатывая то здѣсь, то тамъ нѣсколько піастровъ, не теряя мужества, но имѣя мало силъ. Онъ былъ въ Мормонѣ, Гилль, но тамъ не нашлось для него мѣста. Можетъ быть здѣсь... Но нѣтъ... его не примутъ... Онъ поинтеръ въ другомъ мѣстѣ. Онъ такъ усталъ... не позволять ли ему остаться здѣсь ночь? Онъ никому не будетъ въ тягость, у него есть чѣмъ заплатить за ужинъ и почлегъ... И дрожащею рукою онъ сталъ доставать свои піастры изъ кожаннаго мѣшка и вынулъ при этомъ небольшую фотографію, которую поспѣшно поднялъ.

— Это твой портретъ?—спросилъ Франкъ Морганъ.

— Нѣтъ, это портретъ... моей маленькой Модъ...

— Покажи.

Онъ подалъ фотографію нерѣшительно, какъ скупой, которому приходится разставаться со своимъ сокровищемъ. Это былъ

портретъ блѣлурой и блѣдной дѣвочки, съ вьющимися волосами, задумчивымъ личикомъ, освѣщеннымъ большими мечтательными и глубокими глазами. Не говоря ни слова, золотоискатели передавали другъ другу карточку. Ихъ грубыя и заскорузлыя руки осторожно до нея дотрогивались; сравнивая черты лица отца и ребенка, они у обоихъ находили одно и то-же выраженіе грусти и терпѣливой покорности.

— Конечно... мы не звѣри,—сказалъ наконецъ Морганъ, обращаясь къ остальнымъ—я не вижу причины отказать Бертону въ позволеніи переночевать здѣсь. Вы не богаты, товарищъ,—прибавилъ онъ, смотря на нѣсколько піастровъ, которые тотъ разложилъ на столѣ,—и я отъ всего сердца предлагаю вамъ переночевать въ моей палаткѣ, если никто ничего не имѣетъ противъ.

Всѣ одобрительно отнеслись къ предложенію Морганъ, а Пальмеръ прибавилъ:

— Лосъ-Анжелесъ не есть гнѣздо ося подобно Мормонъ-Гиллю, и никто не скажетъ, что мы отказали въ кровѣ, кускѣ хлѣба и... мѣстѣ несчастному прискателю. Брюэръ, виски въ круговую, я плачу.

Прискатели съ удивленіемъ переглянулись. По обычаямъ лагеря, круговая виски за пришельца равнялась приему его въ число членовъ. Съ этой минуты онъ дѣлался гражданиномъ Лосъ-Анжелеса и имѣлъ право на мѣсто въ золотоносномъ рудникѣ. Морганъ понялъ и, протягивая руку Бертону, сказалъ:

— Пальмеръ правъ... Мы всѣ согласны, Бертонъ, ты нашъ, завтра тебѣ укажутъ твой участокъ и дай Богъ успѣха. Нашъ рудникъ хорошъ и нужно быть неудачникомъ, если не найти здѣсь кое-чего для твоей маленькой Модъ. Да благословитъ ее Богъ... А теперь, друзья, за здоровье новаго товарища... и Модъ Бертонъ.

Тостъ былъ произнесенъ съ громкимъ ура! Бертонъ смотрѣлъ на нихъ удивленный, тронутый, какъ человѣкъ, растерявшійся отъ неожиданнаго ласковаго приема. Двѣ слезы скатились по его морщинистымъ щекамъ. Онъ поблагодарилъ и медленно спряталъ свои піастры и портретъ.

II.

Лагерь Лосъ-Анжелесъ не пришлось раскаиваться въ своемъ великодушіи. Бертонъ полюбилъ. Онъ вставалъ рано, усердно работалъ, стараясь уморствомъ попоинитъ недостатокъ силъ и неопытность. Но когда Декстеръ сломалъ ногу, онъ сдѣлался его сидѣлкой, проводилъ подлѣ него ночи, посвящая ему часы отдыха даемъ; когда Морганъ отъ неумѣреннаго пьянства получилъ горячку, Бертонъ нянчился съ нимъ какъ съ ребенкомъ, застѣпчиво уговаривая его бросить бутылку, жить скромнѣе и меньше тратить. Изъ его словъ кое-что оставалось въ памяти, выздоравливающій Морганъ не могъ не согласиться съ этимъ и въ концѣ говорилъ:

— Бертонъ, покажи намъ Модъ.

Бертонъ жилъ съ ними уже восемь мѣсяцевъ и не проходило недѣли, чтобы, подлѣ тѣмъ или другимъ предлогомъ, къ нему не обращались съ просьбою показать фотографію Модъ. Эти грубые люди не уставали любоваться нѣжными и тонкими чертами дѣвочки. Большіе, нѣжные и печальные глаза говорили съ этими первобытными людьми понятнымъ имъ языкомъ,—обращеніе слабости къ силѣ. Такъ проходили дни мирно, когда неожиданное происшествіе всѣхъ взволновало. Бертонъ получилъ изъ Нью-Йорка письмо, окаянное

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА А. КОЗАКЕВИЧА.

ПРІЯТНАЯ БЕСЬДА.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА ГАНСА ЗЕНТЦЪ.

Къ именинамъ.

чернымъ. Его невѣстка умерла и зять увѣдомлялъ его, что уѣзжаетъ въ Австралію и просилъ одну эмигрантскую семью, отправляющуюся въ Санъ-Франциско, отвезти Модъ къ отцу. На дняхъ они должны быть на мѣстѣ. Онъ очень извинился въ своемъ поступкѣ, но иначе не могъ сдѣлать за немѣнимъ времени. Вечеромъ разстроенный Бертонъ сообщилъ эту новость своимъ друзьямъ, говоря, что на другой день хочетъ отправиться въ Санъ-Франциско на встрѣчу Модъ. Можетъ быть, ему удастся найти тамъ какое-нибудь занятіе. Ему и Модъ такъ немного нужно. Господь не оставитъ ихъ. Его выслушали молча и растерянно, будто ужасное горе обрушилось на лагерь. Морганъ первый заговорилъ:

— Я не знаю, что вы объ этомъ думаете, товарищи, но по моему мнѣнію Бертонъ не долженъ уходить отъ насъ. Во-первыхъ, я не полагаю, чтобы лагерь согласился взять обратно то, что онъ разъ далъ. Участокъ принадлежитъ Бертону, онъ устроилъ его, работалъ въ немъ, и если онъ будетъ настаивать на желаніи покинуть его, я покупаю его у него за пятьдесятъ унцій на вѣсъ золота*).

— Вѣрно Морганъ,—замѣтилъ Декстеръ.

— Потомъ,—продолжалъ Морганъ, чувствуя поддержку,—гдѣ онъ найдетъ лучше? Въ Санъ-Франциско?... Въ этой разбойничьей трущобѣ, гдѣ люди рѣжутъ другъ друга среди бѣла дня, гдѣ сходятся мошенники всего міра? Тамъ оставить ребенка... ни за что!

— Морганъ правъ,—сказалъ Декстеръ.—Тамъ не мѣсто для Модъ. Пускай Бертонъ привезетъ малютку сюда, и чортъ поберетъ, если мы объ ней не позаботимся...

— Модъ... Сюда?—переспросилъ Бертонъ.

— Да, сюда,—отвѣчалъ Морганъ,—здѣсь ей будетъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо. Мы знаемъ ее п... любимъ. Вотъ что, друзья, дадимъ Модъ участокъ. Мы обяжемся два часа въ недѣлю на немъ работать: доходъ будетъ принадлежать дѣвочкѣ,—это будетъ ея приданое. Два часа въ недѣлю для насъ ничего не значить. Пусть Лосъ-Анжелесъ усыновитъ дѣвочку, она дочь Бертонна... Пусть она будетъ нашей дочкой. Только нужно будетъ удерживаться отъ бранныхъ словъ и пьянства. Если Лосъ-Анжелесъ дѣлаетъ что-нибудь, онъ долженъ дѣлать его хорошо.

Крики удовольствія покрыли его голосъ. Тронутый Бертонъ не находилъ словъ отъ волненія. На гругой день онъ уѣхалъ въ Санъ-Франциско и спустя три недѣли вернулся вмѣстѣ съ Модъ. Въ Сакраменто для нихъ былъ приготовленъ мулъ, и въ три часа дня они торжественно вѣхали въ лагерь. Модъ была предестина; вѣтеръ развѣивалъ ея вьющіеся волосы, щеки раскраснѣлись отъ свѣжаго воздуха. Ея большіе ласковые глаза застѣнчиво оглядывали грубыхъ людей, дружески встрѣчавшихъ ее. Во время пути отецъ много рассказывалъ ей о своихъ товарищахъ, и ея дѣтское воображеніе при каждомъ описаніи и при каждомъ имени рисовало портретъ.

— Отецъ... Это Морганъ,—вскричала она, протягивая руки загорѣлому гиганту, подходившему къ нимъ.

Это дѣйствительно былъ Морганъ, лицо котораго просіяло, когда онъ услышалъ свое имя.

— Она признала меня!—вскричалъ онъ, нѣжно приподнимая дѣвочку.

Въ лагерьъ былъ настѣяній праздникъ. Бертонъ и Модъ, крѣпко державшую руку Мор-

гана, торжественно проводили до ихъ хижины, которой Бертонъ не узналъ. Она была увеличена, покрыта новыми досками. На лицевой сторонѣ было устроено крыльцо. Въ комнатѣ Модъ стояла кровать и небольшой столъ и стулъ.

Золотоискатели Лосъ-Анжелеса серьезно отнеслись къ принятому ими на себя обязательству. Участокъ ея превосходно обрабатывался и когда въ субботу осматривали промысловую и выбирали золото, всѣ освѣдомлялись, сколько приходится на долю Модъ и радовались, если полученіе превышало среднее. Всѣ въ лагерьъ боготворили дѣвочку, которая въ свою очередь не могла не любить ихъ; они такъ нѣжно съ ней говорили, утраивали ей всевозможнѣйшія игрушки, рассказывали чудесныя исторіи о путешествіяхъ по безконечнымъ преріямъ, покрытымъ безчисленными цвѣтами. Въ особенности Морганъ рассказывалъ чудеса и знакомилъ ее съ жизнью лѣса, которая особенно увлекала ее; ея щеки вспыхивали яркимъ румянцемъ подъ вліяніемъ живительной атмосферы лѣса. Отецъ радовался, видя, какъ она здоровѣетъ. Самъ онъ не могъ сопровождать ее нигуда, силы его падали. Онъ это чувствовалъ и молчалъ; работая цѣлый день, онъ добывалъ достаточно для прокормленія своей дѣвочки и себя, не желая брать ничего изъ доли, отведенной для нея. Онъ даже отказался собирать получаемое золото, имъ завѣдывали Морганъ, Пальмеръ и Декстеръ. Наконецъ, въ одно утро онъ не всталъ, Модъ не отходила отъ него. Вечеромъ Морганъ навѣстилъ его вмѣстѣ съ Пальмеромъ. Онъ молча и грустно улыбаясь слушалъ ихъ увѣренія, что завтра ему будетъ лучше.

— Не думаю,—сказалъ онъ, потомъ, ото-славъ дѣвочку съ Пальмеромъ, онъ сказалъ Моргану:—Это конецъ, я чувствую. Послушайте, Морганъ, я любилъ въ жизни только свою жену, Модъ и васъ. Я поручаю вамъ ребенка, она тоже любитъ васъ больше другихъ. Вы не оставите ее?

— Клянусь!

— Вотъ что, безъ меня Модъ не можетъ здѣсь оставаться. Вы меня понимаете... Ее нужно помѣстить въ какой-нибудь пансіонъ... Боже мой, сколько я вамъ навязываю заботъ! Бѣдная Модъ!

— Не бойтесь ничего. Если вашъ конецъ пришелъ, старина, отправляйтесь съ миромъ... И пусть небо накажетъ меня, если я покину ребенка.

И Морганъ утеръ катившуюся по его щекамъ слезу.

III.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ смерти Бертонна, Морганъ отвезъ Модъ въ Санъ-Франциско и поручилъ ее женѣ протестантскаго пастора, которая, узнавъ исторію дѣвочки, согласилась принять ее до тѣхъ поръ, пока не представится случай отправить ее въ Восточные Штаты. Пасторша воспитывалась въ заведеніи нѣкоей госпожи Ормъ и сказала Моргану, что Модъ можно было бы помѣстить въ это заведеніе, гдѣ она получитъ необходимыя попеченія и полное образованіе. Только, прибавила она, госпожа Ормъ весьма разборчива въ выборѣ своихъ воспитанницъ и беретъ за нихъ большую плату. На что Морганъ отвѣтилъ, что все, сколько нужно, будетъ заплачено, и вручилъ пасторшѣ порядочную сумму за пребываніе Модъ въ Санъ-Франциско. Черезъ два мѣсяца Модъ отправилась въ Нью-Йоркъ, гдѣ ее ждала госпожа Ормъ, которая увезла ее въ Нью-Джерсей.

Тамъ дѣвочка выросла, развилась и похорошѣла. Первое время ей жилось тяжело, она скучала, но скоро подруги ее полюбили и ея доброе отзывчивое сердце не могло не привязаться къ нимъ.

Не смотря на свою молодость, Модъ не была эгоисткой, инстинктивно она высоко ставила свой долгъ признательности. Она помнила, что ей пришлось вытерпѣть у своей теткѣ, которой она была въ тягость, и какъ она была счастлива, вернувшись къ отцу. Онъ былъ бѣденъ, но его любили и уважали въ Лосъ-Анжелесѣ, потому что онъ былъ добръ. И какіе они всѣ были славные, эти грубые рудокопы, подлѣ которыхъ она жила. Вѣдь она имъ обязана, что находится въ этомъ прекрасномъ домѣ, гдѣ ее хорошо кормятъ, хорошо одѣваютъ, гдѣ о ней такъ заботятся. А тамъ у нея есть свой участокъ, на которомъ они работаютъ, отнимая время у своего отдыха, чтобы помочь сиротѣ. Слезы набѣгали ей на глаза, когда она объ нихъ думала, а думала она о нихъ часто, хотя мало говорила. Надъ ней посмѣялись, когда она разъ объ нихъ намекала... рудокопы, грубые люди, которые пьянствовали и ругались... Она возмущалась, протестовала, но потомъ замолчала... Къ чему? подруги не поймутъ ее. Она еще не умѣла находить слова, чтобы выражать свои мысли, но она очень, очень ихъ любила и признавалась въ этомъ. Она торопилась выучиться писать, чтобы высказать своимъ друзьямъ всю свою привязанность. И первое написанное ею письмо было адресовано Моргану. Можно себѣ представить, какъ онъ былъ радъ, какъ былъ счастливъ весь лагерь.—Письмо отъ Модъ... и ни одной орфографической ошибки,—такъ думали они по крайней мѣрѣ. И она не забыла ихъ, всѣхъ называла по именамъ и всѣхъ цѣловала. И съ какимъ стараніемъ послѣ того всѣ они работали надъ участкомъ Модъ. Къ счастью, пріискъ ихъ былъ хорошъ; весеннія воды смывали къ нему золото съ возвышенностей и каждую недѣлю добыча увеличивалась. Наконецъ, добыча сдѣлалась такъ велика, что Морганъ уговорилъ своихъ товарищей купить за счетъ дѣвочки долю въ кварцевыхъ милахъ Вирджинія-Сити. То-же онъ сдѣлалъ и для себя. Недавно открытыя, эти мины обѣщали громадную прибыль. Морганъ тогда переехалъ въ Вирджинія-Сити и скоро весь лагерь разсѣялся. Многіе изъ рудокоповъ отправились дальше въ глубь Сьерры; доля Модъ была продана за хорошую цѣну, Морганъ получилъ довѣренность отъ своихъ товарищей и остался одинъ опекуномъ сироты.

Интересы Модъ попали въ хорошія руки. Морганъ превосходно велъ и свои и ея дѣла и прошло весьма немного лѣтъ, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ богатыхъ капиталистовъ въ Вирджинія-Сити. Самыя смѣлыя спекуляціи ему удавались. Владѣя миллионами, часть которыхъ онъ отдалъ на долю Модъ, Морганъ рѣшилъ реализовать дѣла и отправиться въ Восточные Штаты, куда его тянуло желаніе повидать Модъ.

Жизненный опытъ, веденіе обширныхъ дѣлъ, столкновеніе съ болѣе выдающимися людьми, чѣмъ его прежніе товарищи, не могли не повліять на бывшаго беззаботнаго рудокопа Лосъ-Анжелеса. Передъ нимъ открылись новыя горизонты, кругъ идей его расширился. Ничто ни въ его манерахъ, ни въ языкѣ не выдавало прежняго принсковаго рудокопа. Теперь его единственное желаніе было повидать Модъ, которой онъ своимъ трудомъ и умѣлымъ веденіемъ создалъ цѣлое

* 3 фунта съ англійскимъ.

состояніе и вліянію которой, по какому то суевѣрію сердца, онъ приписывалъ свой собственный успѣхъ. Развѣ не ради этого ребенка онъ отказался отъ своихъ грубыхъ удовольствій, водки и игры въ карты? Развѣ не для нея онъ работалъ въ Лосъ-Анжелесѣ? Для нея онъ переѣхалъ въ Вирджинія-Сити, для нея онъ день за днемъ увеличивалъ ея состояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое. Не будь ея, что бы онъ былъ теперь? Взятая имъ на себя обязанность охраняла его, и если онъ теперь одинъ изъ первыхъ миллионеровъ Калифорніи, а не бѣднякъ, живущій день за день, кому, какъ не ей, онъ этимъ обязанъ? Ему писали, что его воспитанница выросла и похорошѣла, что онъ будетъ гордиться ею. Они поѣдутъ путешествовать, побываютъ въ Европѣ, Модъ объяснитъ ему, чего онъ не знаетъ. Онъ будетъ ея отцомъ и покровителемъ, будетъ радоваться ея успѣхамъ, ея дочерней привязанности, а тамъ... позднѣе, Модъ найдется жениха, выйдетъ замужъ. Онъ поставится жить въ одномъ городѣ съ нею, близко отъ своей пріемной дочери, она его дочь, его товарищи разсѣлялись и предоставили ему всю заботу.

Онъ разсуждалъ какъ человѣкъ гораздо старше лѣтами, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Ему казалось, онъ такъ уже много прожилъ. А въ дѣйствительности ему было всего сорокъ два года. Если черты его лица носили слѣды понесенныхъ трудовъ, за то черные и блестящіе глаза указывали еще на молодость и крѣпкое здоровье.

IV.

Когда Морганъ увидалъ Модъ, сердце его затрепетало. Онъ не узнавалъ дѣвочки, которую онъ такъ часто носилъ на рукахъ, сажалъ на колѣна. Правда, вотъ ея бархатистый взглядъ, нѣжный и ласковый голосъ, чудные бѣлокурые волосы, на этотъ разъ положенные торсдой вокругъ головы. Какъ она похорошѣла! Изящный туалетъ прелестно обрисовывалъ фигуру. Въ глазахъ молодой дѣвушки стояли слезы радости, и рука ея дрожала въ его рукѣ.

— Наконецъ... наконецъ то... столько лѣтъ разлуки!

— И ты меня узнала, Модъ?

— Конечно. Вы нисколько не измѣнились, опекунъ. Такимъ вы сохранились въ моихъ воспоминаніяхъ дѣтства. Я такъ часто о васъ думала.

— Я также, Модъ, и не могу тебѣ въ сказать, какъ я счастливъ, видя тебя.

— И вы останетесь со мной? Не правда-ли? Вы писали, что вы пріѣдете навсегда, что вы туда больше не вернетесь. Я хочу, чтобы вы оставались со мной, опекунъ. Вы мнѣ такъ нужны и... кромѣ васъ, у меня никого нѣтъ.

Она замолчала, ожидая отвѣта. Онъ, казалось, все еще въ восторгѣ слушалъ. То, что ему оставалось сдѣлать, было не трудно. Красавица, богатая, Модъ могла выбирать между самыми достойными. Но торопиться нечего. Прежде всего она должна узнать свое положеніе. Когда Модъ услышала, какъ она богата, она была поражена и съ трудомъ сроднилась съ этой мыслью; во время совместнаго путешествія въ Европу, куда ее еще провожала компаньонка, она поняла, какъ велико значеніе этого человѣка, котораго единственною мыслью она была столько лѣтъ. Она видѣла, съ какимъ уваженіемъ къ нему всѣ обращались, какъ за ней ухаживали. Еще болѣе она поняла значеніе Морганъ, когда

въ Нью-Йоркѣ увидѣла себя царицей общества, у ногъ которой лежали самыя блестящія партіи. Морганъ торопилъ ее сдѣлать выборъ, говоря, что эта праздная жизнь роскоши тяготитъ его. Въ дѣйствительности же онъ чувствовалъ, что въ сердце его закрадась любовь къ Модъ, на взаимность которой онъ не рисковалъ претендовать. Онъ спѣшилъ удалиться, спѣшилъ положить непреодолимую преграду между ними, хотя выдать Модъ замужъ было выше его силъ. А Модъ? Модъ сильно задумывалась. Всѣ эти женихи, искавшіе ея руки и ея состоянія, казались ей такими ничтожными въ сравненіи съ этимъ человекомъ, который такъ много для нея сдѣлалъ. Она равнодушно, съ презрѣніемъ отстраняла ихъ. Сердце ея очнулось, и она чувствовала, что любима. Любима имъ... но онъ никогда не скажетъ ей этого, никогда не попроситъ ея любви, онъ будетъ молчать... и покинетъ ее...

Такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы. Кто первый заговоритъ? Модъ заставила замолчать свою гордость и рѣшилась. Въ одно утро Морганъ съ письмомъ въ рукахъ вошелъ въ ея будуаръ.

— Надѣюсь, Модъ, что это письмо положить конецъ твоей нерѣшительности. Леланъ Стаффордъ проситъ твоей руки.

— Леланъ Стаффордъ?

— Да; это самая богатая и самая блестящая партія въ Нью-Йоркѣ; его ужъ никакъ нельзя заподозрѣть въ желаніи получить только твое состояніе. Подумай, Модъ, и завтра...

— Нѣтъ, опекунъ, я отказываю.

— Чего-же ты ждешь, Модъ, чтобы сдѣлать твой выборъ?

— Я жду, чтобы... тотъ, кого я люблю, сказалъ мнѣ, что любить меня.

— И... этотъ человѣкъ?—спросилъ Морганъ дрожащимъ голосомъ.

Она встала и, смотря на него, сказала:

— Этотъ человѣкъ... вы!

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Возрожденіе литографіи. Съ развитіемъ фотографіи литографическіе снимки картинъ стали выходить изъ употребленія и художественная самостоятельность литографіи потеряла значеніе, не смотря на то, что этимъ дѣломъ занимались такіе художники какъ Адольфъ Менцель, Э. Гильдебрандтъ, Густавъ Тейхертъ, но за послѣднее время литографія снова выступила на сцену. Во Франціи къ литографіи стали относиться какъ и къ гравюрѣ. Нѣкоторые молодые художники въ Дюссельдорфѣ стали употреблять литографію для художественной непосредственной передачи картинъ, создаваемыхъ фантазіей. Артуръ Кампфъ произвелъ нѣсколько весьма остроумныхъ и эффектныхъ рисунковъ на камнѣ. Особенно замѣчательны его «Переселенцы» и «Большая дорога». Александръ Френцъ затѣмъ выказалъ гениальную технику, громадную фантазію и замѣчательную образность въ большихъ литографіяхъ: «Христосъ и Пилатъ передъ народомъ», «Кантата» и «Судъ Париса». Несомнѣнно, что примѣру этихъ художниковъ послѣдуютъ многіе.

Американскій судъ. Быстрота американскаго суда бываетъ иногда замѣчательна. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ негоціантовъ въ Монтерѣ былъ вызванъ къ мировому судѣ по обвиненію въ нарушеніи какого-то обязательнаго закона относительно порядка на улицѣ. Занятой цѣлый день, онъ не имѣлъ времени явиться на вызовъ и рѣшилъ пригнать къ телефону. Узнавъ, въ чемъ его обвиняютъ, онъ отвѣтилъ, что признаетъ себя виновнымъ. «Хорошо,—сказалъ судья, также по телефону,—десять долларовъ штрафа». «Согласенъ,—отвѣчалъ негоціантъ,—къ сожалѣнію не могу заплатить вамъ по телефону,

но посылаю деньги съ разсылнымъ». «Очень хорошо,—сказалъ судья,—до свиданія». «До свиданія».

Ошибка эксперта. Въ одномъ сараѣ въ Парижѣ найдена была отрубленная голова. Полиція не сомнѣвалась въ убійствѣ и поручила одному эксперту—доктору дать свои показанія относительно этой головы. Экспертъ сообщилъ, что голова отрублена неумѣлою рукой, а судя по блеску глазъ убійство совершено не далѣе какъ года полтора тому назадъ. Стали искать убійцу. Тѣмъ временемъ оказалось, что блестящіе глаза—стеклянные, далѣе, что голова набальзамирована, а позднѣе изъ свѣдѣтельскихъ показаній узнали, что это голова убитого въ 1870 году при Ла-Мансѣ солдата, товарищъ котораго вздумалъ сохранить ее на память и набальзамировать ее.

Трагедія въ картинахъ. Анна Костнобль выставила въ своей мастерской въ Берлинѣ цѣлый рядъ картинъ, названныхъ ею «Трагедія женщины». Художница имѣла мужество изобразить обыденную жизнь безъ всякихъ прикрасъ. Она стремится представить душевное состояніе женщины, которая послѣ многочисленныхъ мечтаній и исканій успокоивается, сознательно исполняетъ свое призваніе женщины и послѣ внутренней борьбы покоряется ему. Трагическая сторона превосходно прочувствована художницей и захватывающимъ образомъ представлена, просто и величественно, какъ мысль. Для пробудившейся сознательно женщины любимый мужчина составляетъ все, пока они только вдвоемъ. Является ребенокъ, и природа заставляетъ женщину обращать на него исключительное вниманіе. Сердце ея раздѣляется, мужчина отступаетъ на задній планъ. Пути ихъ начинаютъ расходиться.

Художница видимо не желала затрогивать стремленія женщины выбиться изъ узкихъ рамокъ окружающей ее жизни. Она стоитъ далеко отъ женскихъ вопросовъ и женскихъ движеній и видитъ трагедію въ безплодной борьбѣ матери и жены.

Много труда, много прилежанія потратила художница на свое произведеніе и нужно отдать ей справедливость, создала вещь, которая поднимаетъ ее высоко надъ большинствомъ ея товарокъ по искусству, ставя въ ряду настоящихъ художницъ. Женщины художницъ много, но что онѣ по большей части рисуютъ? Цвѣты, неизбѣжныя сцены домашней жизни, пейзажи. Творчества здѣсь не замѣтно. Портреты рисовать нѣсколько труднѣе, одной техники мало и число художницъ портретистокъ не такъ значительно. Вообще мало хорошихъ картинъ, нарисованныхъ женщинами. Но картины Анны Костнобль принадлежатъ къ лучшимъ. Она серьезно изображаетъ окружающую ее мелкую и крупную жизнь. Весь трудъ дѣлится на двѣ части. Весна и молодая дѣвушка мечтаютъ. Вокругъ нея зелѣетъ лѣсъ, луга, въ лучахъ солнца кружатся мошки. Теплый лучъ солнца пробудилъ природу, душа пробуждается также, познаетъ окружающій міръ со всею его роскошью красоты, возбужденіе ея растетъ, она стремится къ неизвѣстному; въ этомъ стремленіи, въ этомъ исканіи она приходить въ сознаніе, и такъ выполняется ея судьба. Изъ безсознательно ищущей дѣвушки вырастаетъ сознающая женщина. Ея желанія, ея стремленія удовлетворяются. Она будетъ матерью. Начинается внутренняя борьба. Диссонансы изгоняютъ покой и слѣдствіемъ борьбы, мать оставляетъ мужа и отдается ребенку.

Все это превосходно написано. Можно только пожалѣть, что художница не отправила свои шесть картинъ на выставку.

Исторія изобрѣтенія пишущей машины.—Недавно О. де-Рошефоръ-Люкей собралъ историческія свѣдѣнія объ изобрѣтеніи пишущей машины. Первая машина, о которой вообще извѣстно, были устроены въ Англіи въ 1714 г. для слѣпыхъ. Первый патентъ на производство этихъ машинъ былъ выданъ въ Америкѣ въ 1829 г. Только въ 1833 г. Ксавье Прогренъ въ Марсели приспособилъ такую машину, въ которой отдѣльныя литеры помѣщаются на независимыхъ одинъ отъ другого рычагахъ. Затѣмъ амери-

канецъ Чарльзъ Тѳрберъ прибавилъ основаніе, поддерживающее бумагу, и имѣющее форму введеннаго теперь во всѣ пишущія машины вала и одновременно ввелъ оригинальный типъ машины съ двойнымъ движениемъ. Джонъ Кляйдъ въ 1852 году усовершенствовалъ это устройство приспособленіемъ подвижной ваги, подпирющей валь, на которой навита бумага,—это приспособленіе въ настоящее время всеобщимъ примѣнено. Въ 1856 г. американецъ Вахъ сталъ употреблять пропитанную черниломъ двѣтнную полосу, но къ сожалѣнію на его машинѣ можно было писать исключительно на очень узкихъ полоскахъ бумаги. Только съ 1857 г. С. У. Френсисъ устроилъ первую пишущую машину, которая производила правильную и скорую работу. Десять лѣтъ спустя Джонъ Праттъ придумалъ новую систему, названную имъ *стереотипомъ*, здѣсь литеры не помѣщаются на отдѣльных рычагахъ, а рельефомъ на пластинкѣ, и бумага прижимается къ нимъ небольшими молоточками. Позднѣе эта пластинка была замѣнена секторомъ и образовалась такимъ образомъ первая пишущая машина съ барабаномъ, съ двойнымъ движениемъ и молоточкомъ, литеры помѣщаются на барабанѣ. Пишущая машина вошла во всеобщее употребленіе только съ 1875 г., и именно машина Шалля, изобрѣтенная въ 1868 г. и извѣстная теперь повсюду подъ названіемъ машины Ремингтонъ, по имени фирмы, пустившей ее въ ходъ. Съ тѣхъ поръ фабрикація и примѣненіе пишущихъ машинъ пошло быстрыми шагами. Съ 1875—1896 гг. устроено 450,000 скорописующихъ машинъ на сумму въ 150 милліоновъ франковъ. Въ настоящее время извѣстны три типа машинъ: первая съ литерами на отдѣльных рычагахъ, къ нимъ принадлежатъ Ремингтонъ, Каллиграфъ, Баръ-Докъ, Юстъ, Уилліамъ, Франклинъ, Интернаціональ Мериттъ. Ко второму типу, съ секторомъ, на которомъ помѣщаются литеры, и молоточкомъ, лежащимъ за бумагой, сюда относятся: Праттъ, Гаммондъ, Менсонъ и наконецъ третій, недавно изобрѣтенный типъ Дактилъ, устроенный Крандземъ, здѣсь барабанъ съ литерами приводится въ движеніе непосредственно у бумаги. О сильномъ распространѣніи пишущихъ машинъ нечего теперь и говорить. Достаточно сказать, что въ Америкѣ ихъ около 150,000 въ употребленіи. Можно съ увѣренностью сказать, что и въ Европѣ распространеніе машинъ придется скоро считать десятками тысячъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Лунная ночь на морѣ. Съ акварели художника В. Мещерскаго.

«Прекрасно море при лунѣ;
Сверкая блескомъ серебристымъ,
Волна сплываетъ къ другой волнѣ
Съ журчаньемъ радостнымъ и чистымъ.

Скользять-дымится пароходъ,
Стремясь куда-то въ путь безвѣстный,
И на щитѣ недвижныхъ водъ
Плыветъ и таетъ ледъ небесный.

Прекрасно море при лунѣ;
Земли не слышно отдаленной
И засыпаетъ въ тишинѣ
Заливъ, лунной осеребренный...»

Охота на лисицу. Съ картины художника Р. Френца (выставка картинъ русскихъ художниковъ въ Императорской академіи наукъ 1896 года).

Бѣда пришла хитрой кумушкѣ-лисицѣ!.. Съ двухъ сторонъ оцѣпили ее жестокіе враги. Рвутся свирѣпыя, жадныя собаки, и ихъ алчныя зубы того и гляди выхватятъ въ пушистую шкурку кумушки. На-

пасны всѣ лѣсы увертки. Какъ она ни прячется за кочки, кустики и пни—зоркіе охотники непремѣнно настигнутъ ее. Трубой распустивъ свой великолѣпный хвостъ, несется, какъ молнія, хитрая и увертливая лиса. Слышитъ она за собой ворчаніе своихъ четвероногихъ враговъ, слышитъ молодецкій посвистъ и громкое «улюлюканье» охотниковъ и частый дробный топотъ разгоряченныхъ коней. Специалистъ по изображенію жанровыхъ охотничьихъ сценъ, художникъ Френцъ на этомъ рисункѣ вполне поддержалъ свою давнишнюю извѣстность. Фигуры бравыхъ охотниковъ, бѣшено скачущихъ лошадей и улетающей вдаль лисицы сдѣланы арко, красиво и жизненно..

Клюеть. Съ картины художника Г. Экенаса.

Веселая, оживленная компанія рыболововъ усажена на этой старой лодкѣ. Эти мальчуганы и дѣвочки ревностно предались своему серьезному занятію. Тихій затонъ съ плавающими по нимъ листьями

СОВРЕМЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Вилльямъ Макъ-Кинлей

(Вновь избранный президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ)

кувшинокъ, видимо, изобилуетъ рыбою. Вотъ уже одинъ изъ мальчугановъ вытаскиваетъ крупную рыбу и сияетъ восторгомъ отъ удачи. Товарища по ловлѣ съ завистью смотрятъ на счастливца. Младшій мальчуганъ вылавливаетъ изъ лодки набравшуюся туда воду. Милую картину представляетъ собою эта веселая дѣтская группа на старой лодкѣ, въ тихой заводѣ.

Спрячемся. Съ картины художника М. Вюнша.

Германскій художникъ Вюншъ чудесно изображаетъ пухленькія смѣющіяся личики дѣтей. Сценки изъ дѣтской жизни, ссоры, игры, забавы дѣтскаго міра—все даетъ сюжеты талантливому художнику. Въ помѣщенномъ нами въ этомъ номерѣ рисункѣ, мы видимъ двоихъ дѣтей, видимо идущихъ изъ школы. Ребятишкамъ пришла фантазія подшутить надъ своими товарищами, и вотъ проказники спрятались за уголъ дома и устроили такимъ образомъ нѣчто вродѣ засады. Вотъ сейчасъ они съ крикомъ и шумомъ набросаются на толпу другихъ мальчугановъ... То-то будетъ смѣху, возни и ребячяго веселаго звонкаго крика!..

Въ ожиданіи начальника. Съ картины славянскаго художника В. Чернера.

Кто читалъ извѣстные романы Сенкевича «Огнемъ и мечемъ» и «Потопъ» тому эти польскіе латники, нарисованные художникомъ, покажутся очень знакомыми. Это тѣ самые крылатые панцирники, одинъ желѣзный натискъ которыхъ сметалъ съ поля битвы

тысячи запорожцевъ, казаковъ, шведовъ, турокъ. Это они—любимые воины знаменитаго героя короля Яна Собѣскаго, остановившіе своей желѣзной грудью потокъ мусульманскаго наводненія. Длинная копия съ пестрыми значками, тяжелыя польскія сабли—все это было знакомо когда-то и страшило враговъ «Рѣчи Посполитой». Художникъ нарисовалъ латниковъ у воротъ какого-нибудь магнатскаго дворца. Они ждутъ начальника, который передъ походомъ захватитъ послѣднее прощаніе какой-нибудь чернорубовой паненки. Одинъ изъ латниковъ сѣзъ съ коня и держитъ коня начальника. Другой величаво сидитъ на своемъ высокомъ сѣдлѣ. Перья, изъ которыхъ сдѣланы крылья латниковъ, въ бою, въ атакѣ давали латникамъ видъ какихъ-то страшныхъ, летящихъ, сверхъ-естественныхъ существъ. Враги издавна дрожали, завидя эти крылья.

Пріятная бесѣда. Съ картины художника А. Козакевича.

Въ работѣ настала перерывъ. Молодая парочка—работникъ и работница присѣли отдохнуть и ведутъ пріятную бесѣду. Вѣроятно, это женихъ съ невѣстой, вѣроятно, они толкуютъ о будущемъ общемъ хозяйствѣ, о тихой, счастливой трудовой жизни. Это видѣлія на мѣстѣ работы выполнена чрезвычайно живо и талантливо художникомъ Козакевичемъ. Надъ молодой парочкой—голубое небо. Ласково шумятъ зеленые волны листвы и золотое море сплываго хлѣба. Такъ и хочется пожелать счастливой парочкѣ всегда и всегда такого мира и покоя.

Къ именинамъ. Съ картины художника Ганса Зейтца.

Скоро, скоро именины всѣми любимой старушки-бабушки и, кромѣ того, съ этимъ семейнымъ праздникомъ совпадаетъ еще день именинъ всѣми любимой племянницы-крошки. И вотъ молодая вучка и юная тетюшка устроили потихоньку цѣлую мастерскую для приготовленія именинныхъ подарковъ. Тайкомъ запершись въ дальней комнатѣ, молодая дѣвушка занялась рукодѣльемъ. Одна изъ заговорщицъ стоитъ на стражѣ, чтобы внезапный посѣтитель не разоблачилъ секретнаго сюрприза. Другія работаютъ живо и прилежно... Одна вышиваетъ подушку для бабушки; другая вышиваетъ красною берлинскою шерстью туфли для старушки. Третья одѣваетъ въ новое яркое платье куклу племянницы. Работа кипитъ ключемъ, и навѣрное, всѣ эти сюрпризы доставятъ именинницамъ много удовольствія. Веселы лица рукодѣльницъ, улыбаются дѣвушечки; онѣ заранѣе предвкушаютъ удовольствіе внезапно поднести сюрпризъ любимой особѣ. Да кромѣ того эта торопливая, таинственная работа такъ интересна, такъ завлекательна!..

КЪ ПОРТРЕТУ.

Вилльямъ Макъ-Кинлей.

Въ одномъ изъ прошлыхъ номеровъ, въ политическомъ обзорѣ, мы уже привели краткую біографію новаго президента Соединенныхъ Штатовъ Вилльяма Макъ-Кинлея. Дополняемъ эти свѣдѣнія нѣкоторыми подробностями. Горячій покровитель крайняго протекціонизма, Макъ-Кинлей пользуется огромной популярностью въ своемъ отечествѣ. «Законъ Макъ-Кинлея», «Тарифъ Макъ-Кинлея» два очень важныя и полезныя для Американскихъ Штатовъ мѣропріятія. Независимость отъ Европы, повышение ввозной пошлины, золотая валюта—вотъ программа Макъ-Кинлея. Родившись 14-го февраля 1844 года въ штатѣ Огайо, Макъ-Кинлей уже семнадцатилѣтнимъ юношей принималъ горячее участіе въ междоусобной войнѣ подъ командой генерала Шеридана. Послѣ войны Макъ-Кинлей занялся адвокатурой. Въ 1876 году его выбрали впервые въ члены конгресса, и тамъ находился онъ тринадцать лѣтъ. Послѣ горячихъ рѣчей въ пользу покровительственной системы, Макъ-Кинлей былъ избранъ въ губернаторы роднаго штата Огайо. Энергія Макъ-Кинлея блестяще высказалась во время избирательной борьбы со своимъ соперникомъ Брайаномъ. Сотни рѣчей, повздки по желѣзнымъ дорогамъ, безпрерывная агитація—все это Макъ-Кинлей вынесъ настоящимъ богатыремъ, съ блестящими успѣхомъ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

Италія.—Король Александръ Сербскій посѣтилъ короля Гумберта и былъ принятъ чрезвычайно радушно. 13-го (25-го) ноября король Гумбертъ пожаловалъ сербскому королю орденъ Благовѣщенія. Сербскому военному министру пожалованъ орденъ св. Маврикія и Лазаря 1-й степени. Офицеры свиты

ложили конкордаты между св. престоломъ и Сербіей; бесѣда ихъ продолжалась три четверти часа.

Болгарія.—Присходящія на дняхъ выборы сопровождалась большими безпорядками. Въ первый же день выборовъ, тысячи сторонниковъ оппозиціи съ шумомъ двинулись изъ избирательнаго бюро къ дворцовой площади

и пятнадцати. Многочисленная толпа народа, узнавъ, что Стоиловъ находится въ телеграфномъ департаментѣ, устроила министру овацию. Стоиловъ вышелъ на балконъ и, выразивъ народу благодарность, заявилъ, что будетъ держаться и впредь такой же политики.

— Стоиловъ получилъ 6,714 голосовъ, т. е. такое число голосовъ, которое еще ни разу никто изъ кандидатовъ въ собраніи не полу-

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ СООРУЖЕНІЯ.

Новое зданіе Спб. консерваторіи.

сербскаго короля также получили знаки отличія. Послѣ полудня у короля Гумберта было продолжительное совѣщаніе съ сербскимъ королемъ. Вечеромъ въ Квириналъ парадный обѣдъ въ честь гостя. На другой день послѣ завтрака въ Квириналъ, сербскій король со свитой въ придворной каретѣ отправился около 2 час. пополудни съ визитомъ къ по-слапнику Богичевичу, который уже нѣсколько недѣль живетъ въ «Grand Hôtel du Quirinal». Оттуда король въ частномъ экипажѣ отправился на аудіенцію къ папѣ въ Ватиканъ. Въ 3½ ч. сербскій король со свитой прибылъ на аудіенцію къ папѣ. Итальянскіе карабинеры по-взводно ѣхали впереди и позади коляски короля. Свита ѣхала въ трехъ коляскахъ. Предъ отелемъ, гдѣ живетъ сербскій посланникъ, и у Ватикана военныя почести оказаны были бригадой итальянской пѣхоты. Папа Левъ XIII встрѣтилъ короля самымъ радужнымъ и сердечнымъ образомъ. Послѣдній пред-

сѣ намѣреніемъ устроить здѣсь митингъ протеста. Прискакавшій отрядъ конной полиціи былъ встрѣченъ градомъ камней. Три жандарма были ранены, но толпу все-таки удалось разогнать, не прибѣгая къ оружію. Затѣмъ къ дворцовой площади двинулась толпа, преимущественно изъ лицъ, не пользующихся избирательнымъ правомъ, а также изъ учащейся молодежи. Цанковъ оставилъ избирательное бюро, гдѣ выборщики кричали: «Долой Цанкова!» Впослѣдствіи передъ избирательнымъ бюро собралась многочисленная толпа сторонниковъ правительства и стала бросать камнями въ нападавшую на бюро толпу, которая вынуждена была отступить. Дальнѣйшихъ инцидентовъ не было. Холодный вѣтеръ заставилъ манифестантовъ разойтись по домамъ.

— Вообще правительственная партія одержала большую побѣду. Изъ 160 мѣстъ на долю оппозиціи врядъ-ли придется болѣе

сидѣть. Министръ Гешовъ и прочіе принадлежащія къ правительственной партіи кандидаты избраны подобнымъ же числомъ голосовъ. Въ Филиппополь подано за Стоилова и Маджарова по 4,000 голосовъ, въ Русчукѣ избраны Тодоровъ и Беневъ. Съ другой стороны сообщаютъ, что оппозиціонная партія получила 15 полномочій и что всѣ ея вожди: Радославовъ, Грековъ, Цанковъ и Каравеловъ не избраны.

Австро-Венгрія.—14-го (26-го) ноября въ тронной залѣ Офенскаго дворца императоромъ открытъ рейхстагъ. Въ тронной рѣчи сказано, что помимо установленія бюджета на будущій годъ предстоитъ прежде всего урегулировать таможенный и торговый союзъ обоимъ государствъ монархій и долю каждаго въ общемъ перскихъ расходахъ. На очереди стоятъ еще другіе экономическіе вопросы. Въ рѣчи высказана надежда, что при взаимномъ внима-

віи къ существующему положенію и матеріальнымъ силамъ каждой изъ частей, равно какъ при соблюденіи интересовъ, на которыхъ поконится державное положеніе монархій, удастся всѣ эти вопросы своевременно разрѣшить ко всеобщему удовольствію.

Германія.—Въ берлинскомъ рейхстагѣ идутъ горячія пренія о расходахъ на флотъ и о прочемъ бюджетѣ. Статсъ-секретарь Гольманъ доказывалъ, что требованія на флотъ стоятъ на 12 милліоновъ ниже средней цифры подобныхъ требованій. Онъ въ горячихъ словахъ вспоминалъ о геройской смерти погибшихъ на «Ильнѣ» моряковъ и выражалъ увѣренность, что рейхстагъ и народъ не откажутся признать за этими героями пальму победы. Посадовскій выражалъ надежду на энергичное продолженіе погашенія долговъ и замѣтилъ, что преждевременно было бы теперь уже судить о налогѣ на сахаръ. Пааше привѣтствовалъ бережливость, которою отмѣченъ бюджетъ, и указалъ на вредъ, который принесли германскому національному труду англійскіе агитаторы, вызвавшіе гамбургскую стачку. Весьма прискорбнымъ призналъ министр то обстоятельство, что руководители германскихъ рабочихъ ввели этихъ рабочихъ въ заблужденіе въ интересахъ англійскихъ капиталистовъ. Въ заключеніе ораторъ выразилъ желаніе, чтобы отдѣльныя статьи бюджета подвергались тщательному разсмотрѣнію.

Румынія.—15-го (27-го) ноября парламентская сессія открыта королемъ тронною рѣчью, въ которой констатируется, что отношенія Румыніи ко всѣмъ государствамъ отличны. Далѣе говорится, что возростающее значеніе Румыніи въ особенности сказалося въ нынѣшнемъ году, при томъ отмѣчается сердечный приемъ, оказанный наслѣдному принцу и его супругѣ въ Москвѣ во время коронаціонныхъ торжествъ. Это служитъ доказательствомъ значенія, которое родственныя отношенія румынскаго королевскаго дома къ русскому Императорскому Двору имѣютъ для сохраненія и развитія дружественныхъ отношеній между обоими государствами.

Китай.—Богдыханъ назначилъ Ло-Фенгъ-Ло посланникомъ въ Лондонъ, Ву-Тингъ-Фанга посланникомъ въ Вашингтонъ и Хвангъ-Чунгъ-Шіена посланникомъ въ Берлинъ. Всѣ три вновь назначенные посланники были приняты богдыханомъ въ аудіенціи. Посланникъ въ Вашингтонъ Янгъ-Ю переводится въ Петербургъ.

Персія.—Первый министръ подалъ прошеніе объ отставкѣ, которая принята шахомъ. Сообщаютъ также, что Муширъ эдаулехъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Му-Каберъ эдаулехъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ, Мусретъ эдаулехъ—военнымъ министромъ и Аббасъ-Мирза-Мулкара, дядя шаха—министромъ юстиціи.

Абиссинія.—Возвращеніе итальянскихъ плѣнныхъ изъ Абиссиніи уже началось. Какъ сообщаютъ въ «Агентствѣ Стефани» изъ Джигути, майоръ Нераццини рассчитываетъ скоро доставить въ Харраръ 300 плѣнныхъ. Самъ Нераццини выѣхалъ изъ Аддис-Абеба съ 26 плѣнными, въ томъ числѣ и съ полковникомъ Гамарей. Генералъ Альбертоле остался при Менеликѣ, чтобы руководить отправкой остальныхъ итальянцевъ. Вторая пар-

тія освобожденныхъ прибудетъ въ Харраръ только въ январѣ. Итальянскому обществу «Краснаго Креста» разрѣшенъ свободный пропускъ въ Комболо, гдѣ плѣнные расположились лагеремъ. Списокъ всѣхъ итальянскихъ плѣнныхъ будетъ вскорѣ обнародованъ въ официальной римской газетѣ.

Корея.—По поводу безпорядковъ въ Корейской парижская газета «Nord» пишетъ: «Отношенія, существующія между русскимъ Императорскимъ правительствомъ и корейскимъ, законнымъ и единственнымъ представителемъ котораго является король—далеко не таковы, какими хотѣли бы видѣть ихъ нѣкоторые американскія и англійскія изданія. Корейскій король—независимый государь, отдавшій себя добровольно подъ охрану Россіи, единственно съ цѣлью защитить свою независимость противъ разныхъ инопоземныхъ завоевателей. Протекторатъ Россіи не имѣетъ официальнаго характера, она только охраняетъ личность короля отъ всякаго посягательства и стремится замирить страну и вывести ее на путь свѣтлаго развитія и разумнаго прогресса».

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Императорское русское географическое общество, по ходатайству туркестанскаго генералъ-губернатора, постановило въ предстоящемъ 1897 году снарядить экспедицію въ Туркестанскій край для научнаго изслѣдованія въ орографическомъ, геологическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ той области Памира, которая, послѣ ихъ разграниченія, вошла въ составъ Россійской имперіи.

— Съ разрѣшенія преосвященнаго Макарія, епископа калужскаго и боровскаго, съ декабря мѣсяца при калужской духовной семинаріи открываются миссіонерскіе курсы, по инициативѣ преподавателя обличительнаго богословія, обличенія русскаго раскола, М. П. Чельцова.

— При министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ организована особая коммиссія изъ представителей министерствъ: земледѣлія и государственныхъ имуществъ, императорскаго двора, военнаго, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, для собиранія и разработки свѣдѣній о сибирской золотопромышленности.

— На дняхъ, въ Харьковѣ, въ горнопромышленномъ сѣздѣ обсуждался вопросъ о горномъ учебномъ заведеніи на югѣ Россіи. Сѣздъ постановилъ ходатайствовать объ открытіи въ Екатеринославѣ горнаго учебнаго заведенія, въ которое имѣли бы право поступленія окончившіе среднее учебное заведеніе. Срокъ ученія трехгодичный.

— Въ Нижнемъ Новгородѣ, 16-го ноября, въ присутствіи управляющаго губерніей барона Фредерикса состоялась окончательная передача генеральнымъ комиссаромъ выставочныхъ построекъ и имущества въ вѣдѣніе губернской администраціи.

— Историко-археологическій отдѣлъ при обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія приступаетъ къ историко-статистическому описанію церквей и монастырей московской епархіи, для чего избрана особая редакціонная коммиссія, съ предсѣдателемъ А. П. Доброклюнскимъ.

— Среди крупныхъ представителей горнаго дѣла возникла мысль объ организаціи само-

стоятельнаго горнозаводскаго банка, для выдачи краткосрочныхъ и долгосрочныхъ ссудъ.

— На дняхъ состоялось, подъ предсѣдательствомъ Л. И. Перля, совѣщаніе изъ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ, участвующихъ въ прямыхъ русско-германскихъ сношеніяхъ, для разсмотрѣнія правилъ о порядкѣ выдачи вознагражденія хлѣботорговцамъ за недостачи въ хлѣбныхъ грузахъ, перевозимыхъ въ сыпную. Большинство русскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ цѣляхъ содѣйствія русскому хлѣбному вывозу, отказалось отъ предоставленія въ ихъ пользу прежними правилами льготной убыли въ вѣсѣ, за которую вознагражденіе не выдавалось.

— Открыты новыя одноклассныя министерскія училища, по имѣющимся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свѣдѣніямъ, — при станціи Кошечары, либаво-роменской желѣзной дороги, — всецѣло на средства управленія этой дороги, и въ дер. Егודהево, рязскаго уѣзда, рязанской губ., — на средства мѣстной землевладѣлицы Яковлевой и крестьянскаго общества.

— Въ скоромъ времени заканчивается разработка проекта о введеніи у калмыковъ административнаго общественнаго и поземельнаго устройства. Проектъ реорганизаціи судебна-судѣбной части въ калмыцкой степи уже законченъ. Въ недалекомъ будущемъ предполагается введеніе среди калмыковъ института земскихъ начальниковъ.

— На устройство помѣщеній для храненія желѣзнодорожныхъ грузовъ ассигновано 640 тысячъ рублей и вся сумма, поступившая въ министерство путей сообщенія со сборовъ за храненіе грузовъ, взимаемая по 1/4 копѣйки съ каждаго пуда.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

12-го ноября, въ 6 ч. веч., состоялось торжественное открытіе новаго зданія спб. консерваторіи. Снимокъ съ этой прекрасной, обширной постройки мы помѣщаемъ въ сегодняшней хроникѣ. На торжество въ роскошный театральнй залъ собралась масса высокопоставленныхъ лицъ и артистовъ. Тутъ были члены государственнаго совѣта Н. С. Ганецкій, графъ Н. П. Игнатьевъ, М. О. Гольдгоеръ, Т. И. Филипповъ, И. Н. Дурново, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ. Ровно въ 6 час. веч. въ зданіе консерваторіи, съ Офицерской улицы, прибыли Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Осодоровна и Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ Августѣйшею супругою Великою Княгинею Марією Павловною и другія Августѣйшія Особы. Послѣ краткой эктени съ многолѣтіемъ въ консерваторской церкви Ихъ Величества прошли въ малый залъ консерваторіи, гдѣ къ этому времени собрались: члены Высочайше учрежденной строительной коммиссіи, члены главной и мѣстной дирекціи, всѣ лица учебнаго персонала, служащіе по администраціи консерваторіи. Здѣсь отдѣльной группой стояли малолѣтніе учащіеся. При входѣ Ихъ Величествъ въ этотъ залъ дѣти спѣли привѣтствіе Ихъ Величествамъ, соч. профессора А. И. Рубца; послѣ представленія по группамъ всѣхъ собравшихся лицъ, Ихъ Императорскія Величества, въ предшествіи гофъ и камеръ-фурьеровъ, въ парадной формѣ, прошли съ Особами Императорской фамилии и блестящей свитой чрезъ бібліотеку и каби-

нетъ председателя общества въ большой залъ. Занявъ мѣста въ поставленныхъ противъ сцены креслахъ, Ихъ Императорскія Величества и Высочества выслушали чтеніе Ц. А. Кюи обзора дѣятельности Императорскаго русскаго музыкальнаго общества и состоящей въ вѣдѣніи его слѣб. консерваторіи. Послѣ этого былъ исполненъ гимнъ «Боже, Царя храни», и увертюра покойнаго А. Г. Рубинштейна, написанная для открытія зданія слѣб. консерваторіи. Послѣ исполненія увертюры, Ихъ Императорскія Величества, поблагодаривъ за исполненіе, отбыли, при пѣніи гимна, изъ большого зала музыкальнаго общества, черезъ подъѣздъ противъ Маринскаго театра. По отъѣздѣ Ихъ Величествъ, въ новомъ залѣ состоялся для воспитанниковъ и воспитанницъ консерваторіи балъ.

НОВОСТИ ИСКУССТВА.

13 ноября состоялось, наконецъ, открытіе для публики французской художественной выставки на Юльшой Морской, 38, въ пользу попечительства о сестрахъ Краснаго Креста. Картины жанровыхъ на выставкѣ много; преобладаютъ батальныя, гдѣ, главнымъ образомъ, изображаются различные эпизоды франко-прусской войны, сраженія бретонцевъ съ республиканскими войсками или моменты наполеоновскихъ войнъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и картина г. Бугини «Бонапартъ въ Италіи», одна изъ лучшихъ на выставкѣ. Масса публики стремится къ огромной аллегорической картинѣ Рошгросса «Погоня за счастьемъ»,—здѣсь на первомъ планѣ идея. По живописи—это вещь великолѣпная. Затѣмъ выставка обогатилась уже послѣ открытія новой картиною художника Филибера-Лева Кутюрье «Преслѣдованіе». Въ дорогѣ находятся отправленные изъ Парижа на эту выставку картины художниковъ гг. Детайля, Фламенга и Бейль, которые будутъ выставлены одновременно съ 15 гравюрами извѣстнаго французскаго гравера г. Сальмонъ.

— 15-го ноября въ залахъ Императорской академіи наукъ происходило открытіе выставки картинъ, акварелей современныхъ голландскихъ художниковъ, организованной обществомъ художниковъ «Artis et Amicitiae» въ Амстердамѣ, находящимся [подъ покровительствомъ нидерландской королевы-регентши. Почетный председатель выставки нидерландскій посланникъ Втеваль ванъ-Штеттень обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой благодарилъ собравшихся на ея открытіе, благодарилъ академию наукъ за ея гостепріимство и объяснилъ цѣль дѣятельности общества «Artis et Amicitiae», знакомящаго русскую публику съ современнымъ голландскимъ искусствомъ.

— Нижегородскій художественный музей, учрежденный мѣстнымъ обществомъ художниковъ исторической живописи, передавъ на дняхъ въ вѣдѣніе города. Музей помѣщается въ Дмитровской банѣ нижегородскаго Кремля. Въ немъ хранятся 55 принадлежащихъ ему масляныхъ картинъ и, кромѣ того, реставрируются слѣдующія художественныя произведенія, составляющія собственность музея: «Орлы» А. Л. Обера, бюсты Рубинштейна и четыре бюста: «Діана» Гудона, «М. О. Микѣшина» Опекушина и античные—«Флора» и «Геркулесъ».

— Художникъ И. К. Айвазовскій пожертвовалъ севастопольскому морскому музею двѣ картины: «Предсмертныя минуты Нахи-

мова» и «Плѣненіе Корниловымъ египетскаго парохода въ 1853 г.».

— Одинъ изъ екатеринославскихъ купцовъ, уроженецъ и старожила Екатеринослава, въ те.еніе многихъ лѣтъ собиралъ коллекцію картинъ, оружія, старинной одежды и прочихъ предметовъ, относящихся въ екатеринославской старинѣ и исторіи Запорожья. Въ настоящее время коллекція эта занимаетъ нѣсколько большихъ залъ въ собственномъ имѣніи этого любителя, а по словамъ лицъ, имѣвшихъ возможность подробно осмотрѣть ее, представляетъ крупную цѣнность въ историческомъ и матеріальномъ отношеніяхъ.

— Въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ залахъ Императорской академіи художествъ, будетъ устроена выставка 250 японскихъ картинъ, нѣсколькихъ сотенъ гравюръ, этюдовъ и эскизовъ лучшихъ японскихъ художниковъ, а также болѣе тысячи раскрашенныхъ фотографій.

— Курьезная выставка открывается на дняхъ въ Петербургѣ—выставка афишъ. Тутъ будутъ выставлены всевозможные экземпляры афишъ, начиная съ дубочныхъ-багажныхъ афишъ Петра I-го и кончая напечатанной на дорогомъ атласѣ, великолѣпнымъ шрифтомъ, продуманной Iгіс'омъ афиши-миньонъ конца XIX вѣка.

— Императоръ Вильгельмъ II нарисовалъ модель кубка въ 3 фута высоты, который будетъ именоваться «юбилейнымъ кубкомъ» (по случаю 60-лѣтія царствованія королевы Викторіи) и будетъ данъ тому, кто возьметъ призъ въ юбилейномъ состязаніи англійскихъ яхтъ между Дувромъ и Гельголандомъ.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Театральный сезонъ въ разгарѣ. Начались бенефисы. 19-го ноября былъ бенефисъ г-жи Абариновой на Александринской сценѣ. Цветы, лавровые вѣнки разныхъ размѣровъ, подарки и рукописныя ознаменовали бенефисъ. Пьеса г. Крылова «Радости жизни» слушалась съ интересомъ и со смѣхомъ. Пьеса нѣмецкаго драматурга Фулды «Женскій вопросъ» заключаетъ въ себѣ мало интереснаго. Женскій вопросъ въ ней совсѣмъ отсутствуетъ и публика стала оставлять театръ уже въ срединѣ 1-го д. (пьеса въ 2 д.). Въ общемъ, однако, бенефисъ удался.

— 19-го ноября, на сценѣ Маринскаго театра, послѣ долгихъ сборовъ, наконецъ, дана была въ первый разъ опера «Самсонъ и Далила», въ 3-хъ дѣйствіяхъ, музыка Сент-Санса. Петербургская публика давно интересовалась этой оперой, такъ какъ съ изящною музыкою нѣкоторыхъ ея нумеровъ давно уже познакомили концерты. Опера имѣла большой успѣхъ, благодаря г. Ершову и г-жѣ Славиной.

— Нѣсколько почитателей таланта г. Ю. Арнольда, 60-лѣтній юбилей котораго праздновался на дняхъ, устроили концертъ изъ сочиненій юбиляра, вообще мало исполнявшихся въ Петербургѣ. Для программы были выбраны сочиненія,—начиная съ сороковыхъ годовъ и кончая текущими годами,—оркестровыя, вокальныя и инныя. Успѣхъ этихъ сочиненій оказался столь же искреннимъ, сколько и большимъ.

— Въ память дня рожденія А. Рубинштейна, въ Неаполѣ, 26-го ноября н. ст. былъ данъ концертъ, посвященный исключительно сочиненіямъ покойнаго. Залъ былъ переполненъ публикою и мѣстныя газеты свидѣтельствуютъ о блестящемъ успѣхѣ этого вечера.

НЕКРОЛОГИ.

Ф. П. Засѣ.—18-го ноября скончался скоропостижно бывшій начальникъ 33-й пѣхотной дивизіи, отставной генералъ-отъ-пѣхоты, баронъ Фридрихъ Петровичъ Засѣ. Покойный родился въ 1827 году, образованіе получилъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Служилъ опъ съ 1846 года, командовалъ Красноярскимъ полкомъ и первой бригадой 8-й пѣхотной дивизіи. Ф. П. участвовалъ въ кампаніяхъ 1849, 1854 и 1863 гг. и за боевыя отличія получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени и св. Станислава 2-й степени—оба съ мечами.

А. Н. Ветхеръ.—16-го ноября скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни помощникъ главнаго начальника женскихъ гимназій, вѣдомства Императрицы Маріи, Александръ Николаевичъ Ветхеръ. Покойный принадлежалъ къ числу извѣстныхъ педагоговъ, посвятившихъ свою дѣятельность всецѣло школьному дѣлу. Родился А. Н. въ 1840 г. По окончаніи курса въ слѣб. университетѣ со степенью кандидата естественныхъ историческихъ наукъ онъ поступилъ на педагогическіе курсы при 2-ой военной гимназій, которыми руководилъ въ то время Г. Г. Даниловичъ. Здѣсь покойный за кончилъ свое образованіе. Съ 1866 года онъ трудился въ качествѣ преподавателя естественной исторіи во многихъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ: учительской земской школѣ, въ пріютѣ принца Ольденбургскаго, василеостровской и Петровской женскихъ гимназій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Федоръ Сологубъ. «Тѣни», рассказы и стихи. С.-Петербургъ, 1896 г. Цѣна 1 р.

Оригинальничать—не значить быть оригинальнымъ. Этого не хотятъ понять многіе изъ молодыхъ писателей. Когда кривляются безнадѣльно бездѣлности, то и Богъ съ ними. Но когда видишь въ человѣкѣ искорки таланта и видишь, что онъ напрасно силится сказать что то небывалое, что то совсѣмъ новое,—невольно становится тяжело. Такое напряженное стремленіе быть оригинальнымъ, во что бы то ни стало, мы на каждой страницѣ встрѣчаемъ у г. Ф. Сологуба, и эти усилія, этотъ рабочий потъ поэта, просто раздражаютъ. У человѣка истинный талантъ, а онъ словечка въ простотѣ не скажетъ, все съ ужимкой. Ну, и выходить то, что и критика, и читатели болѣе обращаютъ вниманія на его ужимки, чѣмъ на его талантъ, подхватывая отъ курьезы и смѣшныя стороны въ его стихахъ и разсказахъ и за этими кричащими погугами пропускаютъ истинную поэзію многихъ его вещей. Изъ его разсказовъ лучше и проще другихъ «Тѣни»; этотъ разсказъ положительно «гипнотизируетъ», если можно такъ выразиться; прочитавъ его хочется самому продѣлать опытъ съ тѣнями на стѣнѣ...

Коневодство. П. Н. Кулешова 3-е изд. А. Ф. Девріена. Ц. 1 р. 20 к.

П. Н. Кулешовъ—бывшій профессоръ Петровской сельско-хозяйственной академіи, магистръ сельскаго хозяйства и ветеринарный врачъ—на-только хорошо изучилъ важную отрасль сельскаго хозяйства—коневодство, что учебникъ выходитъ уже третьимъ изданіемъ. Важно отмѣтить и то, что учебникъ по коневодству г. Кулешова составленъ по порученію департамента земледѣлія. 123 прекрасныхъ позитива въ текстѣ хорошо иллюстрируютъ указанія и поясненія автора.

Лекціи по молочному хозяйству и скотоводству. В. П. Заварина.

Небольшая книжка В. П. Заварины—собраніе лекцій, читанныхъ авторомъ въ Единоумской школѣ молочнаго хозяйства министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ тѣрской губ. корчовскаго уѣзда. Эти лекціи, получая изданными, читались въ зиму 15—16 годовъ.

Руководство къ устройству и ведению школьных садовъ. В. А. Алексеева. Изд. 2-е А. Ф. Девриена. Ц. 40 коп.

Значительно дополненное, снабженное 29-ю рисунками руководство В. А. Алексеева выходит вторым изданием, что показывает несомненную его полезность. Устройство и ведение школьных садовъ при сельскихъ училищахъ—очень важная вещь, если исполнить въ точности программу г. Алексеева. Онъ указываетъ, какъ мало по малу образовать садъ съ плодовыми деревьями, устроить пасеку, огородъ. Конечно, всѣ эти работы подъ руководствомъ учителя дадутъ ученикамъ хорошую практическую подготовку.

Плуги, бороны, сѣялки. Составилъ К. К. Веберъ. Изд. А. Ф. Девриена.

Это въ оконопеченное издание служить великодушнымъ подспорьемъ для нашихъ сельскихъ хозяевъ при выборѣ разныхъ земледѣльческихъ машинъ. Кроме вышеуказанныхъ въ заглавіи орудій, книга г. Вебера даетъ подробныя свѣдѣнія о культиваторахъ, каткахъ, волокушкахъ, маркерахъ, окучникахъ, пропашникахъ, мотыгахъ и т. д. Ведущее рациональное хозяйство на вѣрное не обойдется безъ этой популярно-справочной книги по выбору машинъ. Инженеръ-технол. К. К. Веберъ, составляя книгу, не только далъ подробныя объясненія относительно конструкции рекомендуемыхъ имъ орудій, но также своими указаниями облегчаетъ практическое примѣненіе ихъ въ хозяйствѣ.

Земледѣльческія машины и орудія. Атласъ. Сост. К. К. Веберъ. Изд. А. Ф. Девриена.

Эта книга, вся наполненная чертежами и рисунками разнообразнѣйшихъ земледѣльческихъ орудій, составляетъ дополненіе къ первой книгѣ того же составителя, инженеръ-технол. К. К. Вебера—«Плуга, бороны и сѣялки». Около четырехсотъ чертежей, тѣсно исполненныхъ, и рисунковъ, прекрасно отбѣланныхъ, дѣлаютъ этотъ земледѣльческій атласъ драгоценнымъ

для сельскаго хозяина. Обѣ книги г. Вебера—и текстъ, и атласъ—стоятъ 3 рубля, что ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать дорогой цѣной.

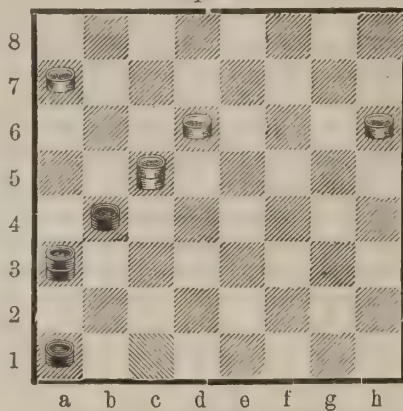
ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шомина.

ЭТЮДЪ № 16.

П. И. Холодова (въ Курскѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

ЗАДАЧА № 35.

Д. А. Краюшкина (въ Сызрани).

Изъ «Шахматнаго Обозрѣнія» 1893 г.

— b8, f6; — d4, d6, g7, h4, h6.
— e5, h2; — b2, b6, e3, e7, f2, f4.

Запереть дамку.

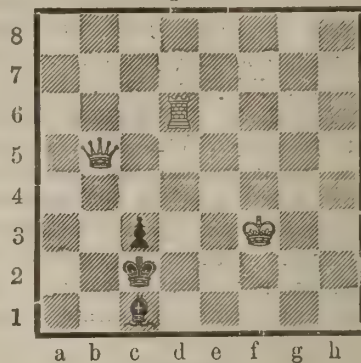
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 36.

В. Цинкмана (въ Америкѣ).

Изъ «La Stratégie».

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 2 хода.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Симбирскъ. Н. И. Лещ—бу.

Стихотвореніе «Воронъ» можетъ быть помѣщено, если оно не было уже напечатано въ недавнѣйшемъ сборникѣ стиховъ Андерсена.

Кіевъ. С. М. Гр—ву.

Стихотвореніе въ прозѣ, а особенно поэмы въ прозѣ, какъ ваша «Шалость», рѣдко удачны.

Не будутъ напечатаны:

Стихи: «Почъ осенняя намъ помогла», Л. Са—скаго; «Да угасъ...», Н. В. Каз—ва; «Хлебное зерно», Петра Са—ва; «Сонъ», А. Доб—тоса; «Истина» и др., Г. Н. Склад—ва; «Тринадцать лѣтъ...» З. В. Раб—на; «Помѣнный», Н. Е—ко; «Лѣсъ» и др., Е. М.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

Издатель С. Е. Добродѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обозр.»
Спб., Невскій, д. 68—40 продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб.

ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ
Афонъ, Синай, Баръ-Градъ и Римъ. 8-е изд. 1896 г. стран. 36, картинъ 36. Цѣна книжки 10 к. п. съ перес. п.чт. мар. За 1 рубль 10 книж. застрах. Спб. Бронницкая 11, кв. 2. П. П. Свѣткому, Чл. Им. Прав. Пал. Общ. № 2465 1-1

ПОСПѣШИТЕ ВЫПИСАТЬ ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ.

Громадный выборъ всѣхъ размѣровъ и величинъ съ 12-ю и больше картинками. Цѣна 2 р. 50 к., 3 р. 50 к., 4 р. 50 к. и т. д. до 100 р. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Большая Морская, 33. Высылаются немедленно, можно и наложеннымъ платежомъ. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 1 коп. марками. № 2468 1-10

НЕ ПОКУПАЙТЕ ружей, не прочитавши иллюстрир. прейсъ-куранта Оружейнаго Магазина А. В. ТАРНОПОЛЬСКАГО, Москва, Шаинская ул., домъ Сытова.

ПРЕВОСХОДНЫЯ НОВЫЯ ПИАНИНО

продается по весьма умереннымъ цѣнамъ и отдаются на прокатъ въ депо музыкальнаго магазина

К. ЛЕОПАСА.

НЕВСКІЙ пр., № 80 близъ Литейнаго.

ПОПРОБУЙТЕ МЫТЬСЯ МЫЛОМЪ

ЮМЪ-ЮМЪ
ПАРФЮМЕРА ПЬЕРЪ и въ другихъ мыломъ мыться не будете. Цѣна 20 к. за кусокъ. Получать можно во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинкахъ. Складъ въ Харьковѣ, Пассаажъ, у П. УШАНОВА.

Народная ЦИТРА

Очень любимый и легко изучаемый музыкальный инструментъ.

Въ 1 часъ можно выучиться играть. Звукъ очень малъ и привлекательный. Подходящее описание высылается бесплатно. 7-ми педальная съ приспособленіемъ для настройки только 6 р. Лучшей работы и сильнѣе въ тонѣ 8 р. Ноты—14 альбомовъ по 50 коп., пересылка за 15 ф.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золот. медалями и высшими знаками.

Косметическія СПЕРМАЦЕТОВЫЕ ЛИЧНЫЕ **УТИРАЛЬНИКИ.**

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 к., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 р., 4 пачки съ пер. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе: на подлинъ Энглундъ красными чернилами и марку С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ Косметической ЛАБОРАТОРИИ. Получать можно всѣхъ. Главный складъ для всей РОССІИ А. Энглундъ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Михайловская площ., д. Жербина, № 2. № 2044-7

№ 2305-2

ВЫИГРЫШ

ИМЕ 1, 2 и 3 ЗАЙМЫ ПРОДАЕТЪ

БАНКІРСКИЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, НЕВСКІЙ, СПБ.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО

въ изображеніяхъ державныхъ его правителей профессора исторической живописи В. П. ВЕРЕЩАГИНА. Альбомъ, состоящій изъ 71 рисунка большого формата, изображающихъ всѣхъ русскихъ державныхъ правителей, начиная съ Рюрика и кончая царствующимъ Монархомъ. Рисунки представляютъ картины событій и портреты правителей и сопровождаются пояснительнымъ текстомъ.

Цѣна альбома въ изящной папкѣ 6 руб. съ перес. 7 руб. Альбомъ продается въ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ. Требуемая информация адресуется: Спб. В. О. 9 линія, д. 20. Профессору В. П. Верещагину. № 2464 1-1

Гротъ-Коллекціи

ИЗЪ УРАЛО-СИБИРСКИХЪ минераловъ, въ видѣ писемъ, приборовъ, пресспапье, подѣлочныхъ, нательныхъ и др. кабинетныхъ вещей. Сработанныя мастеромъ реальнымъ способомъ изъ цѣнныхъ сибирскихъ камней, въ число которыхъ входятъ между прочимъ настоящіе: Александриты, Аквамарины, Аметисты, Изумруды, Гранаты, Руины (корунды), Хризолиты, Малахиты, Яшмы и множество другихъ интересныхъ породъ.

Прейсъ-курантъ выс. бесплатно. Адресъ. ЕКАТЕРИНБУРГЪ. Маст. Ка. вещей

А. Н. НАСОНОВУ.

2467-1.

НОВОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ПЕЧЕНІЕ

С. СІУИКЪ
PETIT BEURRE
МОСКВА

ПАМЯТЬ

„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“
(Что такое мнемоника?)
книга (седьмое изданіе)
профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА

и печатныя условія за златный (письменный) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.) высылаются за шесть 7 коп. мар.; на велевой бумагѣ высылка съ условіями—за восемь 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогики. ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерянными ея, дѣлается хорошей и умѣющей плохую, и лучшей—обладающей хорошей.

Въ несомнѣнной пользѣ и дѣлоспособности моего метода убѣдился гг. врачи, педагоги, воины, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званий и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безъ книгъ высылаются за одну 7 коп. марку). Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Сиповника Ж. О. 40) (рядомъ съ Гаванскими садами) д. Бродскаго № 640, кв. 4-5-8, бель-этажъ. Профессоръ мнемоники членъ парижской академіи С. Файнштейнъ. № 2298-24.

1897

БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1897

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНИЕ СУЩЕСТВУЕТЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДВА ГОДА.

Единственный изъ всѣхъ русскихъ иллюстрированныхъ журналовъ, достигшій такого долговѣснаго существованія — это «Живописное Обозрѣніе». Постоянное прогрессивное улучшение художественнаго и литературнаго содержанія журнала, обиліе и разнообразіе всегда новаго матеріала для чтенія, а также аккуратное выполненіе своихъ обязательствъ передъ подписчиками, создали ему вполне определенную репутацию, и, такимъ образомъ, благодаря общему труду и энергіи опытныхъ сотрудниковъ, журналъ «Живописное Обозрѣніе» сдѣлался, за послѣднее время, почти необходимою принадлежностью каждой русской семьи. Сбереженіе наличныхъ суммъ, поглощавшихся до сихъ поръ на изготовленіе ежегодно новыхъ

олеографическихъ картинъ для премій и возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «Живописное Обозрѣніе», даютъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать важныя и существенныя улучшения въ изданіи, небывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ иллюстрированномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида издательства дорогихъ иностранныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ, дастъ гг. подписчикамъ —

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНИЯ,

ДАЮЩИХЪ МАССУ НОВАГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАТЕРІАЛА.

1) ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ, ВЪ КОТОРЫЙ ВХОДЯТЪ:

ПЯТЬДЕСЯТЬ ДВА РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА большого формата, отпечатанныхъ на высококачественной бѣлой веленовой бумагѣ. Нумера журнала выходятъ по прежнему, еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ общемъ объемѣ, отъ двухъ до трехъ листовъ. Въ литературномъ отдѣлѣ журнала будутъ помѣщаться только новыя произведенія исключительно извѣстныхъ писателей, при чемъ каждый номеръ журнала въ 1897 году будетъ содержать въ себѣ небольшія, но изящныя и вполне законченныя литературныя произведе-

нія, такъ какъ всѣ большіе романы и повѣсти будутъ печататься исключительно въ ежемѣсячныхъ книгахъ журнала, чтобы дать возможность читателю прочесть все произведеніе сразу и, такимъ образомъ, получить цѣлостное впечатлѣніе. Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться: портреты современныхъ и историческихъ дѣятелей, иллюстраціи къ современнымъ выдающимся событіямъ и литературнымъ произведеніямъ, а также большія гравюры-копіи съ новыхъ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ бывшихъ на выставкахъ и обратившихъ на себя вниманіе общества или критики.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ВЪ ЖУРНАЛѢ.

Кромѣ громаднхъ улучшеній въ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ журнала «Живописное Обозрѣніе», въ 1897 году вводимъ не менѣе важныя усовершенствованія, какъ въ внѣшнемъ видѣ изданія, такъ и въ художественномъ отдѣлѣ, а именно:

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА СЪ КАРТИНАМИ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

ОТПЕЧАТАННЫМИ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ

(по образцу дорогихъ иностранныхъ иллюстрированныхъ изданій).

Но такъ какъ художественное печатаніе картинъ на страницахъ журнала, по новому способу цвѣтными красками, требуетъ независимо отъ техническихъ затрудненій, еще безусловно бѣлый тонъ и лучшую добротную бумагу, то мы заключили контрактъ съ одной извѣстной въ Россіи бумажною фабрикою на изготовленіе исключительно для нашего журнала особой **ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА БѢЛОЙ БУМАГИ**, на которой и будемъ печатать въ теченіе 1897 года всѣ еженедѣльные номера нашего журнала.

КРОМѢ ТОГО ПРИ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХЪ НУМЕРАХЪ ЖУРНАЛА ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА, БУДЕТЪ ВЫДАНО:

I. **40 НУМЕРОВЪ** — «Хроника событій за недѣлю». Это приложеніе выходитъ въ видѣ еженедѣльной газеты, въ которой, въ сжатой формѣ, въ каждомъ номерѣ тщательно сгруппированы всѣ выдающіеся факты изъ современныхъ событій, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ. Въ отдѣлѣ «Игры и Забавы» помѣщаются еженедѣльно задачи для шахматъ, шашекъ, и проч.

II. **12 НУМЕРОВЪ** «Парижскихъ Новѣйшихъ Модъ», съ рисунками, воспроизведенными по моделямъ лучшихъ модныхъ парижскихъ мастерскихъ, выходящихъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. При чемъ каждый рисунокъ костюма или другой какой-либо принадлежности дамскаго туалета подробно объясняется въ описаніи. Кромѣ того въ каждомъ номерѣ помѣщаются совѣты по домоводству, сельскому хозяйству, рецепты по медицинѣ, парфюмеріи и проч.

III. **12 ВЫКРОЕКЪ** въ натуральную величину, съ костюмовъ, обращающихъ вниманіе своею практичностью и изяществомъ.

IV. **12 РАСКРАШЕННЫХЪ КАРТИНЪ** («Дамскіе модные костюмы» и «Образцы дамскихъ рукодѣлій»). Картины эти будутъ отпечатаны цвѣтными красками, что дастъ нашимъ подписчикамъ полное понятіе о существующихъ модныхъ тонахъ для костюмовъ, по образцамъ дорогихъ модныхъ парижскихъ изданій.

V. **РИСУНКИ ДЛЯ ВЫШИВКИ** бѣлья, платьевъ и костюмовъ, — шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.

VI. **РИСУНКИ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ** (оригинальные) различныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.

VII. **12 НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ** (романсы, танцы и проч.), русскихъ и иностранныхъ композиторовъ (для фортепiano и пѣнія).

VIII. **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ**, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

(См. продолженіе).

12-ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ-12

2) ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ, СОСТАВЛЯЮЩЕЕ ВЪ ГОДЪ
(КАЖДЫЙ ТОМЪ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО ВЪ ОБЪЕМѢ И ФОРМАТѢ КНИГЪ ДОРОГИХЪ ЖУРНАЛОВЪ)
ВЪ СОСТАВЪ КАЖДАГО ТОМА ВХОДЯТЪ:
НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ (СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ)
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, А ТАКЖЕ СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЮБИМЫХЪ ПОЭТОВЪ.

Въ предлагаемыхъ ДВѢНАДЦАТИ БОЛЬШИХЪ ТОМАХЪ, выдаваемыхъ бесплатно, ежемесячно (1—10 числа), при еженедѣльныхъ номерахъ журнала «Живописное Обозрѣніе», помѣщаются только НОВЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ, а не перепечатки старыхъ сочиненій, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно ОДИНЪ или ДВА законченныхъ романа. Вообще обиліе и разнообразіе новаго интереснаго литературнаго матеріала для легкаго чтенія, помѣщаемого въ этихъ томахъ, вполне замѣняетъ дорогой ежемѣсячный журналъ.

Кромѣ того, въ 1897 году, въ этихъ томахъ, будутъ помѣщаться научныя и сельско-хозяйственныя новости, біографіи, бібліографіи и смѣсь, а также ПОРТРЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ и художественныя ИЛЛЮСТРАЦИИ къ романамъ.

Для ДВѢНАДЦАТИ большихъ ежемѣсячныхъ томовъ и 52-хъ еженедѣльныхъ номеровъ журнала «Живописное Обозрѣніе» приобретены новыя литературныя произведенія слѣдующихъ писателей:

МИХАЙЛОВЪ, А. (А. И. Шеллеръ).—«Дѣсь дремучій». Большой романъ.	ТИХАНОВЪ, В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») — «Похороше дѣло», романъ.	ЛЕМАНЪ, А. И. — «Подвигъ», больш. ром.	ГЕРБАНОВСКІЙ, Т. М. — «Солнышко пригрѣло», рассказъ.
СОЛЮЗЕВЪ, Всев. Серг. (авторъ романовъ: «Сергѣй Горбатовъ» и др.) — «Упавшій зѣзда», романъ.	ЧЕХОВЪ, А. П. «Контрабандисты», большой романъ.	ЯКОВЛЕВА, З. Ю. 1) «Ненужная жертва» и 2) «Кто виноватъ?» романъ.	ЯКУНИНЪ-ЗАХАРЬИНЪ, И. Н. «Сноха», рассказъ.
ПОЛЕВОЙ, П. Н. — «Странный анекдотъ», большая повѣсть.	ЩЕГЛОВЪ-ЛЕОНТЬЕВЪ, И. П. — Повѣсть.	ВЕДОРОВЪ, А. М. — «Въ степи», больш. ром.	ЛЕОНТЬЕВЪ, Н. В. — «Бродяжка», рассказъ.
ЧЕЛИНСКІЙ, І. І. («Максимъ Бѣлинскій»). — «Ясное утро». Большой романъ.	СТАНИЦКІЙ (А. Е. Головачева) — «Любимница», повѣсть.	ЧУМИНА, О. Н. — «Злые чары», повѣсть.	ГИППУСЪ, З. Н. — «Неуловимая», рассказъ.
СЛУЧЕВСКІЙ, К. К. — «Мой дядя», рассказъ.	ВЕЛИЧКО В. Л. — «Принципы». Рассказъ.	КРАСНОВЪ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.	МАЙКОВЪ, М. — «Друзья-соперники», рассказъ.
ГОЛИЦЫНЪ, Д. П., князь (Муравинъ) «Рѣзаниновъ», романъ изъ больш. цикла.	БАЖИНЪ, Н. В. — «Часъ», повѣсть.	МАКСИМОВЪ, А. К. — «Такъ суждено», большой романъ.	ИЗМАЙЛОВЪ (СМОЛЕНСКІЙ), А. А. — «На зарѣ жизни».
ГНѢДИЧЪ, П. П. — «Газгольдъ», комедія.	МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. «Святой городъ», пов.	СВѢТЛОВЪ, В. «Чорный призракъ», пов.	МЕНЬШИКОВЪ, Н. — «Игра судьбы», ром.
ВОЛКОНСКІЙ, М. Н., князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.	НАЗАРЬЕВА, К. В. — «Болотныя огоньки», большой романъ.	ЗАРИНЪ, А. Е. — «Призваніе», больш. ром.	ИЛЪВАНСКІЙ, П. І. «Дочь ростовщика», ром.
СТАНЮКОВИЧЪ, К. М. — Рассказъ.	РЫШКОВЪ, В. А. — «Старыя дѣвы» пов.	БУДИЩЕВЪ, А. Н. — «Рѣка Калхансъ», большая повѣсть.	СВЕРЦОВЪ, Г. Т. — «Нравственный казнь», повѣсть.
БАРАНЦЕВИЧЪ, К. С. — Большая повѣсть.	ТАНГЕВА, Е. А., княгиня — «Чужая тайна», большой романъ.	ЕЖОВЪ, М. Н. — «Съ учайные гости», пов.	КАЗИ-БЕНЪ, ЮРІЙ. — Рассказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.
	ПЕБЕДѢВЪ В. П. — «Стрѣлецъ цари Александры Михайловны», истор. повѣсть.	ДУБЕЛЬТЪ, Е. А. (ЗЕЛАНДЪ) — «Везуміе», рассказъ.	АВОНАСЬЕВЪ, И. И. — «Позорное наслѣдство», романъ.

Кромѣ того въ двѣнадцати томахъ и номерахъ журнала будутъ помѣщены стихотворенія: Аванасьева, Л. Н.; Бера, Б. В.; Будищева, А. Н.; Величко, В. Л.; Гербановскаго, М. М.; Дмитріева, В. А.; Коринескаго, А. А.; Лебедева, В. П.; Леонтьева, Н. В.; Лукьянова, А. А.; Мережковскаго, С. Д.; Медвѣдева, Л. М.; Медвѣдскаго, К. П.; Мокринскаго, Г. А.; Полонскаго, Я. П.; Порфинова, П. Ф.; Случевского, К. К.; Соллогуба, О. О.; Трефолева, Л. Н.; Фофанова, К. М. и друг.

Въ книжкахъ журнала въ 1897 г. будетъ, между прочимъ, напечатанъ новый большой романъ ЖЮЛИ ВЕРНА (съ иллюстраціями). Другія произведенія иностранныхъ писателей не перечисляемъ, такъ какъ все НОВОЕ и ИНТЕРЕСНОЕ, появляющееся въ иностранной литературѣ, будетъ печататься немедленно.

Не смотря на новыя, весьма цѣнныя улучшенія въ изданіи, въ 1897 г., какъ въ художественномъ, такъ и литературномъ отношеніи, дающія въ ЧЕТЫРЕ РАЗА болѣе, сравнительно съ прошлыми годами, литературнаго матеріала для чтенія,

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ.

НА ГОДЪ (съ доставкой въ Слб. и пересылкою по Имперіи): 8 рублей. — Безъ доставки: въ Слб. 7 рублей. — Въ Москвѣ 7 руб. 75 коп. НА ПОЛГОДА (съ доставкой) — 4 руб. — НА ТРИ МѢСЯЦА — 2 рубля. — За границу: на годъ — 16 рублей.

Годовой экземпляръ журнала «Живописное Обозрѣніе», печатающійся для ЛЮБИТЕЛЕЙ, на слоеной бумагѣ (разсылаемой безъ сгиба), съ приложеніемъ 12-ти книгъ (съ доставкой) — 15 РУБЛЕЙ.

Разсрочка взносовъ допускается для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а для другихъ лицъ исключительно по соглашенію съ Главною Конторою (С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 68—40). Подписывающіеся на журналъ въ разсрочку, уплачиваютъ, при первомъ взносѣ, еще 50 к. за лишнее печатаніе адресовъ.

Мелкія суммы могутъ быть высланы почтовыми марками.

Вмѣсто новыхъ этнографическихъ картинъ, мы приступили къ новому, очень сложному и роскошному художественному изданію, по нашему мнѣнію, не только полезному, но даже почти необходимому для каждой семьи, подъ названіемъ:

НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ—

БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ

(200 КАРТИНЪ СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ И ВЪ ИЗЯЩНОЙ ОБЕРТКѢ).

Полнаго альбома картинъ Густава Дорэ въ Вѣтхому и Новому завету—до сихъ поръ НЕ БЫЛО не только въ Россіи, но и за границею. Библія же съ иллюстраціями Г. Дорэ, вмѣщаясь въ про- рѣшили пополнить существующій пробѣлъ и употребимъ все успія дать это изданіе подписчикамъ нашихъ изданій въ возможно лучшемъ видѣ, при чемъ нѣкоторыя картины будутъ даваться, понятно, большинству недоступно, а потому мы отпечатаны цѣтными красками въ нѣсколько тоновъ.

ЦѢНА АЛЬБОМА СЪ ДОСТАВКОЮ для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ нашихъ изданій—ОДИНЪ РУБЛЬ 50 коп.

Крайне дешевая цѣна за это изданіе назначена нами только для ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ ВСѢХЪ НАШИХЪ ИЗДАНІЙ, заявившихъ объ этомъ и выславшихъ деньги заблаговременно (не позднѣе 20 декабря 1896 г.). Во всякомъ случаѣ, по выходѣ въ свѣтъ этого изданія, цѣна на него въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно повышена.

Годовые подписчики, желающіе получить, вмѣсто премій, художественныя изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Авонъ при лунномъ освѣщеніи», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года, уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкой—ОДИНЪ рубль. Безъ доставки—75 коп.

ТРЕБОВАНИЯ ПРОСИМЪ АДРЕСОВАТЬ ВЪ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ: НЕВСКІЙ ПР., У АНИКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій д. м. Генрихъ Блокъ. — 2 С.П., Невскій, 59. № 2261.

ФАБРИКА
Музыкальных
инструментовъ
торгового дома
Анд. Емеляновича

КУЛАКОВЪ.
въ С.-Петербургѣ
Садовая ул. 33.

рекомендуетъ
ГИТАРЫ
солидной ра-
боты и отлич-
наго тона въ
2, 3, 4, 8, 10,
12, 16, 30, 60,
75 руб.

СКРИПКИ
въ 2, 3, 5, 8,
10, 16, 30, 100
рублей.

Юбилейный роскошно иллюстрированный
прейсъ-курантъ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР.
№ 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-Кур. высыл. безпл.

КОРНЕТЬ-а-ПИСТОНЫ
и всѣ др. духовые, мѣдные
и деревянные инструменты.

**РОЯЛИ, ПИАНИНО,
ФИСТАРМОНІИ.**

Скрипки . . . отъ 2—100 р.
Гитары . . . 3—75 "
Балалайки . . . 1—20 "
Мандолины . . . 10—75 "
Цитры . . . 8—75 "

и всѣ проч. струнные, а
также и механическіе и
самоиграющіе инструм.
и принадлежности

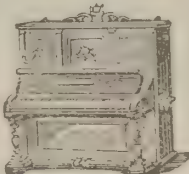
рекомендуетъ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова.

Требуется иллюстр. прейсъ-курантъ.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА
Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
ФАБРИКА РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО
основанная въ 1810 году
СПБ., Владимирская, № 8,
рекомендуетъ превосходнаго то-
на и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800,
700, 600 и 550 рублей.
ПИАНИНО въ 550, 500 и
450 рублей.
Прейсъ-куранты высылаются
БЕЗПЛАТНО.

2453-2.

Вышла изъ печати новымъ изданіемъ книга:

«ЗРИТЕЛЬНЫЙ ДИКТАНТЪ»

Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система практическаго самоученія
русскаго правописанія. Составилъ В. ЗЕЛИНСКІЙ. Часть I. Этимологія. Изд. 7-е. Цѣна
50 коп., съ перес. 65 коп., съ нолж. платежъ 75 коп. — Часть II. Знаки препинанія.
Изд. 4-е. Цѣна 40 коп., съ перес. 55 коп., съ нолж. платеж. 65 коп. — За обѣ части
вмѣстѣ пересылка 20 коп., съ нолж. платеж. 30 коп.

Задачи и цѣли «ЗРИТЕЛЬНОГО ДИКТАНТА». Удовлетворяя всѣмъ требованіямъ, ка-
кія обыкновенно предъявляются къ сборникамъ для систематическихъ занятій со
слуха, это руководство, сверхъ того, имѣетъ еще слѣдующія особенноти: 1) оно
представляетъ собою неразрывно-соединенную практику орфографіи съ ея теоріей;
2) кромѣ послѣдовательнаго изученія орфографіи, тутъ еще попутно указываются
въ каждомъ словѣ диктанта сомнительные случаи правописанія съ соответственными
разъясненіями; 3) особеннымъ способомъ печати развиваетъ орфографическую зор-
кость и укрѣпляетъ зрительныя навыки правильнаго письма; 4) система руководства,
будучи основана на новейшей методикѣ, предупреждаетъ ошибки, а не засилываетъ
учениковъ прежде дѣлать ихъ, а потомъ уже исправлять; 5) даетъ значительную
возможность изучать правописаніе самостоятельно, безъ помощи учителя; 6) по этой
книжкѣ каждый безъ посторонней помощи можетъ проверить себя, насколько онъ
грамотно или неграмотно пишетъ; 7) имѣя въ рукахъ это руководство, каждый
отецъ, мать, репетиторъ, гувернантка и т. п. не будучи особенными знатоками какъ
самой орфографіи, такъ и методики ея преподаванія, — съ успѣхомъ могутъ руководить
и контролировать дѣтей въ занятіяхъ по орфографіи; 8) почему-либо отставшіе въ
школѣ отъ товарищей и вообще неуспѣвающіе въ орфографіи ученики, съ помощью
этого руководства, посредствомъ самостоятельности, легко и скоро приобретаютъ орфо-
графическія знанія и прочный навыкъ правильно писать; 9) эта книжка весьма при-
годна для людей, самостоятельно готовящихся къ какому-либо экзамену, а еще
болѣе для самоучекъ; 10) въ школахъ, гдѣ учителя приходится заниматься однопре-
менно съ двумя—тремя группами, по этой книжкѣ весьма удобно начинать той или
другой группѣ самостоятельныя классныя занятія по русскому языку; 11) при веде-
ніи обученія орфографіи по этому руководству, проверка ученическихъ тетрадокъ
идетъ во много разъ легче и скорѣе, чѣмъ при обыкновенномъ способѣ диктовки;
12) эта книжка совмѣщаетъ въ себѣ всѣ три способа обученія правописанію, а именно:
писаніе съ книги, диктовку и писаніе заученнаго наизусть.

Складъ изданій В. Зелинскаго: Москва, Патриаршіе пруды, д. Мозжухина.

МОДНЫЕ ДУХИ — Виола Одората Ауриха
О-ДЕ-КОЛОНЪ — Виола Одората Ауриха
ЖИРНАЯ ПУДРА — Виола Одората Ауриха

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ

Колокольная, 18/19.

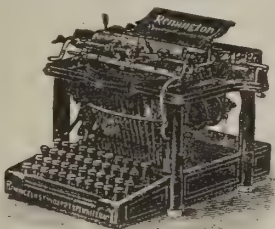
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

2469-1.

— НОВОСТЬ! — ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.

1896—

НОВѢЙШАЯ
АМЕРИКАНСКАЯ

ПИШУЩАЯ
МАШИНА.

— 1897.

РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ

МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ
ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.

РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 Руб.

Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ СКЛАДЪ

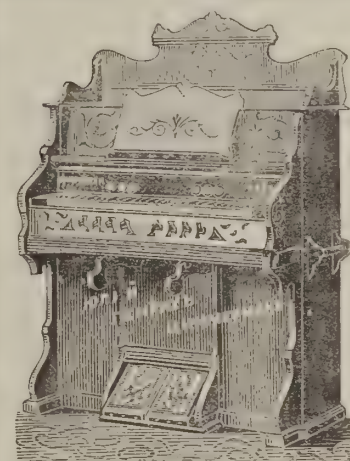
Торговый
Домъ

М. Блокъ

ГЛАВНАЯ КОНТОРА
МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
Екатеринбургъ, Копенга, Ростовъ н/Д.

ФИСТАРМОНІИ

ИЗВѢСТНѢЙШЕЙ ФАБРИКѢ

ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ:

въ 85, 100, 110, 130, 135, 150,
160, 180, 190, 200, 225, 240,
250, 300, 325, 350, 400, 450,
500, 550, 750, 800 и 1,000 руб.

Школа-самоучитель Нахѣ—2 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ
БЕЗПЛАТНО.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ. Б. Морская № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

Сезонъ 1897 года.

САРАТОВСКІЯ САРПИНКИ

АЛЬБОМЪ Новый иллюстрированный натураль-
ными образцами **САРПИНОКЪ**
для ПЛАТЬЕВЪ и БѢЛЫХЪ

съ декабря сего года будетъ высылаться по требованію за 56 коп., которыя могутъ
быть присыланы почтовыми марками.

АДРЕСЪ ДЛЯ ТРЕБОВАНИЙ:

МОСКВА, Петровка, Саратовскимъ фабрикантамъ Торговому Дому

„А. БЕНДЕРЪ съ С-ми и В. БЕНДЕРЪ“.

При альбомѣ прейсъ-курантъ мужскаго и дамскаго бѣлья.

№ 2305-7

ЦЫТРА-„АРФА“

семь педаль, 24 струны, цѣна
5 р. 50 к., десять педаль 32
струны 10 р.

САМОУЧИТЕЛЬ по 50 к. и 1 р.
Цытра АРФА популярный и са-
мый наизящнейшій для обученія
инструментъ, на которомъ каж-
дый въ состояніи сыграть же-
ланныя пѣсни, при помощи пе-
далей получаютъ полные и при-
ятные акорды.

ФАБРИКА ТОРГОВОГО ДОМА

А. Е. КУЛАКОВЪ.

Контора и склады Садовая улица № 33 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Юбилейный роскош. иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

— БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА —

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й. — (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ) — ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й.

НА ГОДЪ:

8 РУБ.

Съ доставкою и
пересылкою по
Имперіи.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

НА ПОЛГОДА:

4 РУБ.

Съ доставкою и
пересылкою по
Имперіи.

ПЕЧАТАЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

Газета «Сынъ Отечества» въ 1897 году будетъ выходить подъ редакцію извѣстнаго русскаго писателя А. МИХАЙЛОВА (А. К. ШЕЛЛЕРА).

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ФОРМАТЪ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ.

Газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» съ 4-го октября 1896 года вступила въ восемьдесятъ пятый годъ своего существованія.

Газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» безусловно независимая и самостоятельная, непрежнему, служить общему дѣлу въ интересахъ дорогого Отечества, Церкви и Русскаго народа.

Въ виду совершенныхъ реформъ по улучшенію какъ внутренняго содержанія, такъ и внѣшняго вида, газета въ короткій срокъ снова заняла видное мѣсто среди ежедневныхъ изданій, что дало матеріальную возможность, не возвышая прежней скромной ея подписной цѣны, привлечь лучшія журнальныя силы къ постоянному сотрудничеству въ газетѣ и, такимъ путемъ, внести въ изданіе оживленіе и отзывчивость на всѣ общественныя явленія, а также увеличить размѣръ ежедневныхъ номеровъ газеты до формата дорогихъ большихъ столичныхъ изданій, помѣщая въ выдающихся свѣдѣнія и извѣстія **ОДНОВРЕМЕННО СЪ** ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.

Въ ежедневныхъ номерахъ газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» помѣщаются: руководящія политическія, экономическія, научныя статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызываемымъ общественною жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ и интересами всѣхъ сословій; административныя и придворныя извѣстія о церемоніяхъ и торжествахъ, а также корреспонденція со всѣхъ мѣстъ Россіи, сообщаемыя специальными корреспондентами; телеграммы о всѣхъ событіяхъ (внутреннія и иностранныя); военное дѣло, сельское хозяйство, народная медицина, историческія статьи и замѣтки; торгово-промышленныя и биржевыя свѣдѣнія, судебныя отчеты, литературныя, театральныя, музыкальныя рецензіи, библиографіи, біографіи, некрологи современныхъ общественныхъ дѣятелей, спортъ и проч.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ помѣщаются новыя литературныя произведенія русскихъ и иностранныхъ писателей въ такомъ общемъ, какъ ни въ одномъ другомъ ежедневномъ изданіи.

Изъ краткой приведенной выше программы видно, что газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», въ обновленномъ видѣ,

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ, ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ, ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получаютъ бесплатно:

- 1) **52 НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ**, печатаемыхъ на веленовой глазированной бумагѣ, въ видѣ **ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА**, гдѣ помѣщаются: историческія и современные романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія. Более 300 художественныхъ рисунковъ, а именно: портреты историческихъ и современныхъ общественныхъ дѣятелей, историческія, бытовыя и современные иллюстраціи, имѣющія непосредственное отношеніе къ совершившимся событіямъ, т. е. «злѣбъ дня» за текущую недѣлю, а также карикатуры, шахматныя, шашечныя задачи и проч., что въ теченіе года составитъ большой сборникъ интересныхъ литературныхъ произведеній и иллюстрацій, всегда интересныхъ для чтенія и просмотра.
- 2) **ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ — «МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ»**. Нумера выходятъ ежемѣсячно и замѣняютъ собою для семействъ дорогой специальный «Модный Журналъ». Въ каждомъ номерѣ помѣщаются рисунки костюмовъ, отличающихся изяществомъ и легкимъ исполненіемъ.
- 3) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ**, отпечатанный въ три краски, будетъ разосланъ, въ видѣ прибавленія, къ № 1-му газеты за 1897 годъ.

4) Въ числѣ 52-хъ воскресныхъ приложений въ 1897 году будетъ выданъ

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго русскаго писателя **А. МИХАЙЛОВА — «ГРѢХИ ПРОШЛАГО»**.

Это большое, еще не вошедшее въ полное собраніе сочиненій произведеніе популярнаго писателя представляетъ громадный интересъ, такъ какъ выведенные талантливымъ авторомъ типы и характеры героевъ, а также поднятые въ романѣ вопросы — новы и интересны.

Подписная цѣна на газету «Сынъ Отечества» (первое изданіе):

НА ГОДЪ (съ доставкою) — **8 руб.** На полгода — **4 руб.** На три мѣсяца — **2 руб.** На одинъ мѣсяць — **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

РАЗСРОЧКА ВЗНОВЪ НА ДРУГІЕ СРОКИ ДОПУСКАЕТСЯ для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербурѣ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а для другихъ лицъ по соглашенію съ Конторою.

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНІЕ подписчиковъ газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», что они могутъ получать ежемѣсячно журналъ «ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» (дающій массу интереснаго чтенія) на льготныхъ условіяхъ, уплачивая, кромѣ подписной цѣны за газету, аккуратно по **ОДНОМУ РУБЛЮ** впередъ за два мѣсяца (всего 4 р. 50 к. въ годъ). Не внесшимъ до 1-го числа слѣдующаго очереднаго взноса — изданіе **НЕ ВЫСЫЛАЕТСЯ**.

Подписчики, желающіе получать газету и журналъ въ разсрочку, уплачиваютъ, при первомъ взносѣ, еще 50 коп. за печатаніе, адресовъ и другіе канцелярскіе расходы. Мелкія суммы могутъ быть высланы почтовыми марками.

Разсчитывая на сочувствіе подписчиковъ всѣхъ нашихъ изданій, мы приступили къ новому, очень сложному и роскошному художественному изданію, по нашему мнѣнію, не только полезному, но даже почти необходимому для каждой семьи, подъ названіемъ:

НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ —

БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ
(200 КАРТИНЪ СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ И ВЪ ИЗЯЩНОЙ ОБЕРТКѢ).

Полнаго альбома картинъ Густава Дорэ въ Вѣтхому и Новому завету — до сихъ поръ **НЕ БЫЛО** не только въ Россіи, но и за границею. Библия же съ иллюстраціями Г. Дорэ, имѣющаяся въ про- рѣшили пополнить существующій пробѣлъ и употребимъ всѣ усилія дать это изданіе подпис- дажъ, стоитъ 40 рублей за экземпляръ, что, понятно, большинству недоступно, а потому мы счиная нашихъ изданій въ возможно лучшемъ видѣ, при чемъ нѣкоторыя картины будутъ отпечатаны цѣтными красками въ нѣсколькихъ томахъ.

ЦѢНА АЛЬБОМА СЪ ДОСТАВКОЮ для годовыхъ подписчиковъ **всѣхъ** нашихъ изданій — **ОДИНЪ РУБЛЬ 50 коп.**

Крайне дешевая цѣна за это изданіе назначена нами только для годовыхъ подпис- менно (не поздне 20-го декабря 1896 г.). Во всякомъ случаѣ, по выходѣ въ свѣтъ этого из- счиковъ **всѣхъ** нашихъ изданій, заявившихъ объ этомъ и выславшихъ деньги заблаговре- данія, цѣна на него въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно повышена.

Годовые подписчики, желающіе получить, въ видѣ преміи, художественныя изданія (портреты Ихъ Величествъ, «Авонъ при лунномъ освѣщеніи», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою — **ОДИНЪ рубль**. Безъ доставки — **75 к.**

ТРЕБОВАНІЯ ПРОСИМЪ АДРЕСОВАТЬ ВЪ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ: НЕВСКІЙ ПР., У АНИКИНА МОСТА, Д. № 68 — 40.

№ 48 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ съ 9-ю рисунками, а именно: I) два листа текста II) «Еженедѣльная хроника» № 48-й и III) Объявленія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1897 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 40 НУМЕРАМИ „ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ХРОНИКИ“, 12 НУМЕРАМИ „НОВѢЙШИХЪ МОДЪ“, 12 РАСКРАШЕННЫМИ НАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, 12 МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПЬЕСАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ И ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ И ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ СЛБ. И ПЕРЕСЫЛКОЮ ПО ИМПЕРІИ) . . . 8 р. { БЕЗЪ ДОСТАВКИ НА ГОДЪ: ВЪ СЛБ. 7 р. 50 к.—ВЪ МОСКВѢ. 7 р. 75 к.
 » ПОЛГОДА (СЪ ДОСТАВКОЮ). 4 р.—НА ТРИ МѢСЯЦА (СЪ ДОСТАВКОЮ). 2 р. { ЗАГРАНИЦУ НА ГОДЪ (СЪ КНИГАМИ). 18 р. —

Экземпляръ журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, напечатанный на слоновой бумагѣ (безъ сгиба) за годъ 16 рублей.

◆ Новое роскошное изданіе—„БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ“ (200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ оберткѣ). ◆

Для подписчиковъ цѣна ОДИНЪ р. 50 к. за экз. (съ доставкою). За прежнія художественныя изданія, на выборъ, уплачивается ОДИНЪ р. за экз. (съ доставкою). Безъ доставки 75 к.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА К. БЕРГЕРА.

МѢДОВЫЙ МѢСЯЦЪ.

БЕЗУМНЫЙ.

*Вздымайтесь, крылья! Прочь отъ этой жизни,
Прочь отъ земли, отъ этихъ пошлыхъ сновъ!
Лети, мой духъ, къ невѣдомой отчизнѣ,
Гдѣ въ тишинѣ звучитъ лишь музыка міровъ.*

* * *

*Цѣпей раба что можетъ быть позорнѣй!
Прочь отъ земли,—ея не жаль ничуть.
Свободенъ духъ въ пустынѣ этой горней,
И не страшитъ его ни ночь, ни дальній путь.*

*Лети, мой духъ! Земля во тьмѣ глубокой
Такъ далека. Восторгу нѣтъ границъ.
Поютъ созвѣздя; раздражая око,
Зоветъ издалека манящій свѣтъ зарницъ.*

* * *

*Туда, туда! Надъ бездной смерти рѣя,
Пускай стремглавъ я въ бездну упаду,—
Иль я дерзну, подобно Прометею,
Сорвать съ небесъ горящую звѣзду...*

Н. Полиловъ.

ГОРДИЕВЪ УЗЕЛЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ камерѣ мирового судьи Ильи Ильича Чернышова оканчивался разборъ одного изъ мелкихъ дѣлъ по обвиненію какого-то оборванца-старика изъ бродягъ-пропойцъ, привлеченнаго къ суду за прошеніе милостыни. Разборъ близился къ концу, и находившаяся въ камерѣ довольно многочисленная публика тоскливо позѣвывала. «Ну, просилъ милостыню, такъ просилъ. Чтожъ изъ этого? За горло никто не бралъ—хотѣли, такъ и давали», резонно разсуждала сбѣрая толпа. Она ожидала, скоро ли судья покончитъ съ этимъ неинтереснымъ, «шлевымъ», какъ говорила она, дѣломъ и примется за слѣдующее, ради котораго собственно и сошлась вся эта масса мелкихъ купцовъ и мѣщанъ, пришедшихъ послушать, какъ будетъ тягаться одинъ изъ ея среды со своимъ приказчикомъ и чью сторону приметъ судья,—сторону хозяина или сторону приказчика. Настроеніе у всѣхъ было тоскливое, скучающее, какъ вдругъ послѣдовало неожиданное событіе, оживившее всѣхъ. Въ дверяхъ камеры раздался необычайный шумъ, и громкій женскій голосъ огласилъ комнату криками.

— Да какъ ты смѣешь меня не пускать? Хамъ! Да ты знаешь ли, кто я?—кричала женщина, отбиваясь кулаками отъ удерживавшаго ее сторожа.—Илья Ильичъ, Илья Ильичъ, вы это что же, оглохли или ослѣпли, что ли? Меня хамъ какой то не пускаетъ, а вы сидите, какъ истуканъ. Цѣлую то васъ къ стѣнѣ приковали, что ли?

Чернышовъ дѣйствительно на минуту словно остоленѣлъ. Съ его лица разомъ сбѣжала краска и онъ какъ бы застылъ на минуту. Но это состояніе продолжалось недолго, и онъ поспѣшно обратился къ своему письмоводителю, попросивъ его шопотомъ провести буянившую даму къ себѣ въ кабинетъ. Волнуясь и глотая слова, прочелъ онъ свое рѣшеніе по дѣлу нищаго-бродяги и поспѣшилъ удалиться въ свой кабинетъ, откуда все еще неслись крики бунтующей женщины, уведенной письмоводителемъ.

— Вотъ такъ дама! шептались въ сбѣрой публикѣ, когда удалился мировой

судья.—Хоть кому задастъ перцу. Одно слово, бой-баба! Ей бы полковымъ командиромъ быть!

Среди этихъ отрывочныхъ восклицаній толпы, чей то степенный голосъ онасливо, но явственно проговорилъ своему сосѣду: — Супруга-съ ихняя!

Всѣ обернулись съ выраженіемъ изумленія на лицахъ въ сторону говорившаго купца.

— Къ вину очень приверженны-съ,—лаконично пояснилъ тотъ, не обращая ни къ кому въ особенности.

Въ толпѣ опять зашумукались...

А изъ кабинета Ильи Ильича Чернышова раздавались громкіе возгласы пьянаго женскаго голоса...

Когда минутъ черезъ двадцать мировой судья вышелъ опять въ камеру, онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и, какъ это бываетъ съ нервными людьми, казался осунувшимся и вдругъ постарѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ...

II.

Еще дѣла въ камерѣ не окончились, когда къ Ильѣ Ильичу пріѣхалъ одинъ изъ его старыхъ однокашниковъ и пріятелей Петръ Николаевичъ Щербинскій, занимавшій довольно видное мѣсто по министерству юстиціи. По четвергамъ онъ всегда обѣдалъ у Чернышова. Введенный слугою въ кабинетъ Чернышова, Щербинскій присѣлъ къ письменному столу и закурилъ папиросу. Прежде всего его поразилъ нѣкоторый беспорядокъ въ комнатѣ и на письменномъ столѣ,—поразилъ потому, что Чернышовъ былъ всегда до мелочности аккуратенъ и педантиченъ. Это была эстетическая натура — «старая дѣва» и «классная дама», какъ его, шутя, звали товарищи по училищу. Всѣ они знали, что ничѣмъ нельзя было его такъ разсердить, какъ растрепать его волосы, произвести беспорядокъ въ его вещахъ или испачкать его книгу.

— Ну, и достанется же сегодня Андрею на орѣхи!—съ улыбкой подумалъ Щербинскій, глядя на столъ Чернышова, и машинально взявъ въ руки первую попавшуюся изъ разбросанныхъ на столѣ вещей.—Револьверъ, проговорилъ онъ, вертя въ рукахъ и разсматривая маленькій

бульдогъ.—Заряженный, кажется? И что за охота держать на столѣ?..

Дверь въ комнату въ эту минуту отворилась и на порогѣ, снимая съ себя на ходу цѣпь, появился Илья Ильичъ.

— Уфъ, чертовски усталъ!—проговорилъ онъ, здороваясь съ Щербинскимъ.

— Да, на тебѣ сегодня лица нѣтъ!—замѣтилъ Щербинскій, вглядываясь въ него.—А еще я тутъ съ дурною вѣстью...

— Ахъ, какія могутъ быть тутъ дурныя вѣсти, когда все пропало!—безнадежно проговорилъ Чернышовъ, махнувъ рукою.—Ольга пріѣхала!—пояснилъ онъ.

— Ты уже знаешь?—съ удивленіемъ воскликнулъ Щербинскій.—А я ѣхалъ именно затѣмъ, чтобы предупредить тебя.

— Сейчасъ была здѣсь!—пояснилъ Илья Ильичъ.—Наскандальничала. Все перерыла. Едва удалось увезти ее Андрею...

Чернышовъ заходилъ въ волненіи по кабинету, проводя отъ времени до времени рукою по лбу, какъ бы чувствуя нестерпимую боль въ головѣ.

— Четвертый разъ изъ за нея службу мѣняю... скрываюсь по разнымъ городамъ, какъ бродяга, и всюду скандалы и скандалы... Нѣтъ, такъ жить нельзя... больше у меня нѣтъ силъ,—отрывисто бормоталъ онъ, думая вслухъ.—Ты ее гдѣ встрѣтилъ?—обратился онъ къ Щербинскому.

— Въ судъ къ намъ приходила жаловаться на тебя,—пояснилъ Петръ Николаевичъ,—накричала, набурлила...

— По обыкновенію, пьяная, въ полуроздранной одеждѣ?—вставилъ Чернышовъ.

— Да!

Чернышовъ круто остановился передъ пріятелемъ и рѣзко, съ выраженіемъ отчаянія въ голосѣ, сказалъ:

— Ну, скажи-же, что мнѣ дѣлать, какъ быть?.. Дальше я не могу этого выносить, силъ нѣтъ, говорю я тебѣ!.. Держать подъ домашнимъ арестомъ, на привязи... нельзя и этого сдѣлать. Вѣдь она бьетъ и ломаетъ все, когда ей не даютъ пить, и дѣлаетъ то же самое, когда пьяна...

— Нельзя ли устроить разводъ?—началъ нервно Щербинскій.

— На какомъ это основаніи? Согласно какой статьѣ?—рѣзко перебилъ его Чернышовъ.

Щербинскій промолчалъ. На минуту воцарилось тяжелое молчаніе. Потомъ опять Петръ Николаевичъ высказалъ свое мнѣніе.

— Нельзя ли посадить ее въ сумасшедшій домъ?..

— Пробовалъ я хлопотать... Изслѣдовали, признали, что организмъ сильно пострадалъ отъ алкоголизма, что умственные способности также пострадали... Но, другъ мой, кто же признаетъ это за сумасшествіе, какъ же рѣшиться запереть въ сумасшедшій домъ здороваго человѣка за то только, что у него немного трясутся руки, что у него ослабла немного память и слегка оупѣлъ умъ... Ее даже въ простую больницу не возьмутъ, она только пьяница, вотъ и все!

Онъ въ безсильномъ отчаяніи сжалъ такъ руки, что послышался хрустъ, заходивъ опять изъ угла въ уголъ, какъ звѣрь запертый въ клѣтку.

III.

Когда ему доложили, что обѣдъ поданъ, Щербинскій хотѣлъ уѣхать.

— Сегодня, голубчикъ, тебѣ не до меня, сказалъ онъ сердечнымъ тономъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, прошу не уѣзжай,—заговорилъ Чернышовъ,—а то... я Богъ знаетъ что готовъ натворить сегодня...

У Щербинскаго при этихъ словахъ невольно мелькнула мысль о револьверѣ. И на какого чорта въ такомъ состояніи духа держать заряженный револьверъ на своемъ столѣ?.. Чернышовъ, должно быть, подмѣтилъ взглядъ своего пріятеля и горько усмѣхнулся.

— Ты что смотришь на револьверъ: думаешь, застрѣлюсь?—съ горькой усмѣшкой спросилъ онъ.—Ну, нѣтъ... этого то я не сдѣлаю, не разыграю жалкой роли труса... Стыдно и обидно было бы изъ за какой то пьяной бабы покончить съ собою...

— А все же я не понимаю, зачѣмъ держать на столѣ заряженный револьверъ,—замѣтилъ Петръ Николаевичъ.

— Привычка. Мнѣ вѣдь приходилось жить по такимъ трущобамъ, что эта игрушка оказывалась вовсе не лишнею...

— Да, но здѣсь то не трущоба...

Пріятели направились въ столовую...

— Знаешь, иногда я готовъ на подлость, на преступленіе,—началь, хмуря брови, Чернышовъ,—готовъ подкупить кого бы то ни было, чтобы совратить ее съ пути истиннаго и накрыть. Тогда бы—разводъ и конецъ моимъ мукамъ. Но... и самому все это гадко, и она формально остается честною женщиною... меня даже къ кому то ревнуешь, приписывая моей измѣнѣ то, что я не могу съ ней жить... Врывается ко мнѣ въ домъ, подматриваетъ въ окна, чтобы накрыть меня... Она дошла до того состоянія, что даже не можетъ понять, какъ она стала противна въ пьяномъ видѣ.

— Особенно тебѣ-то!—проговорилъ Щербинскій, зная, съ какой гадливостью относился Чернышовъ ко всякимъ кутиламъ и пьяницамъ.—Ей братцы вотъ, я думаю, смотреть на нее вовсе не такъ, какъ ты...

— Смотрѣли, — да, пока спаивали ее вмѣстѣ съ другими купчиками,—сказалъ Чернышовъ,—но теперь и они не пускаютъ ее къ себѣ въ дома: «у насъ дочери, говорятъ, какой-же примѣръ»... Мерзавцы...

Да, теперь и они передъ ней закрыли двери, а прежде...

И передъ нимъ пронеслась картина прошлаго.

IV.

Онъ женился на Оленькѣ Кузнецовой, во первыхъ, потому, что былъ очень молодъ и, заброшенный въ глухую провинцію на службу, страшно скучалъ, не будучи ни картежникомъ, ни кутилой, ни пьяницей, ни любителемъ чужихъ женъ, а во вторыхъ, потому, что Оленька Кузнецова была очень хороша собою и,—какъ въ восторгъ отъ нея говорилъ онъ—являлась еще тѣмъ мягкимъ чистымъ воскомъ, изъ котораго можно вылѣпить все, что угодно. Онъ не принялъ только въ расчетъ того, что зарекомендовать себя усерднымъ и даровитымъ дѣятелемъ съ первыхъ шаговъ на служебномъ поприщѣ и быть въ то же время Пигмаліономъ своей жены положительно невозможно. На сколько онъ скучалъ въ провинціи до женитьбы, настолько же стала скучать послѣ замужества Оленька, попавъ изъ довольно шумной купеческой семьи въ кокетливо обставленное, но почти всегда пустынное гнѣздышко мужа, находившагося то на службѣ, то въ командировкахъ. Въ недолгіе минуты и часы, когда мужъ бывалъ дома, обоимъ молодымъ людямъ всецѣло поглощала любовь и мужу было вовсе не до формировки изъ «мягкаго чистаго воска» того или другого характера; когда же его не бывало дома—родные и двоюродные братцы Оленьки считали своимъ долгомъ развлекать ее отъ скуки и чего было нельзя дѣлать дома у строгаго тятеньки, чего нельзя было дѣлать при сестрѣ-дѣвицѣ, то дѣлалось въ домѣ замужней сестры—у нея кутили юные саврасики. Здѣсь лилось шампанское и плло безобразное пьянство. Прежде всего Ильѣ Ильичу, возвратившемуся изъ одной поѣздки домой, бросились въ глаза только безпорядокъ въ домѣ и неряшливость въ туалетѣ жены, что заставило его слегка поворчать и прочитать маленькую нотацию Оленькѣ, что, впрочемъ, длилось недолго, такъ какъ болѣе продолжительныя пренія о необходимости порядка въ домѣ и кокетливости въ нарядѣ молодой женщины отняли-бы слишкомъ много времени у нѣжнаго воркованія и горячихъ поцѣлуевъ, а это была необходимая награда за скучныя служебныя обязанности, развѣды и командировки...

Ильѣ Ильичу вдругъ стало жутко, когда передъ его глазами промелькнула одна изъ страшныхъ картинъ его прошлаго. Разъ онъ три дня пробылъ въ скучнѣйшихъ и томительныхъ развѣздахъ и, окончивъ дѣла быстро, чѣмъ ожидалъ, сломя голову летѣлъ въ свое прекрасное домашнее гнѣздышко. Когда онъ переступилъ порогъ передней, до него донеслись громкіе возгласы кутипей компаніи. Это изумило его, и онъ, нахмуривъ брови, направился въ гостиную. Тамъ пировали всѣ юные родственники его жены, крича и распѣвая пьяными голосами. Въ комнатѣ былъ отвратительный безпорядокъ. Люди были безъ сюртуковъ, въ разстегнутыхъ жилетахъ, по холостому. Завидѣвъ мужа, на встрѣчу ему бросилась Оленька съ радостнымъ крикомъ:

— Ильюша! вотъ-то не ожидала сегодня. Милый, милый,—сюрпризъ, сдѣлать!

Она пошатнулась и истерически захотала...

— А я... ха, ха, ха... пьяна!..

И съ тѣмъ-же хохотомъ упала на коверъ передъ мужемъ...

— И какъ могъ я все это пережить!—неожиданно прервалъ молчаніе Ильѣ Ильичъ,—обращаясь къ Щербинскому.—Сегодня вотъ все вспомнилось, всѣ безобразія Ольги... всѣ мои попытки спасти и ее, и себя...

Онъ скомкалъ салфетку и, бросивъ ее на столъ, заходилъ по комнатѣ.

— Я то въ ногахъ у нея валялся, то чуть не ломалъ ей въ ярости рукъ, крича, что я ее буду связывать, буду бить, но отучу отъ вина,—отрывисто говорилъ онъ.—Положительно я дѣлался безумцемъ, звалъ знахарокъ, докторовъ приглашалъ, лечилъ народными средствами... А потомъ... потомъ остался одинъ исходъ—бѣжать отъ нея, удѣляя ей ежемѣсячныя средства на прожитіе... и вотъ я бѣгаю, преслѣдуемый ею... Сколько-бы я ни давалъ ей—она пропиваетъ все и срамить меня, нищенствуя... мало этого, она шпионитъ, подсматриваетъ за мной, желая узнать, кто та разлучница, ради которой я ее бросилъ...

По его лицу скользнула горькая улыбка при послѣдней фразѣ.

V.

Былъ довольно поздній часъ, когда Петръ Николаевичъ Щербинскій уѣхалъ отъ Ильи Ильича.

По прежнему возбужденный, Ильѣ Ильичъ не находилъ себѣ мѣста. Онъ то ходилъ по своему кабинету, то присаживался къ письменному столу, не находя себѣ покоя, не имѣя силы хотя на мигъ отвлечь свое вниманіе отъ однѣхъ и тѣхъ же думъ, отъ одного и того же вопроса: что же дѣлать дальше. Сколько скандаловъ онъ пережилъ въ разныхъ городахъ, сколько мѣстъ онъ перемѣнилъ ради этого.

Въ одномъ мѣстѣ его призывали къ началнику полиціи и интимно совѣтовали ему давать приличное содержаніе женѣ, чтобы не доводить ее до прошенія милостыни, и въ отвѣтъ на его объясненія, что онъ даетъ это приличное содержаніе, но что она его пропиваетъ, пожимали съ сожалѣніемъ плечами и съ брезгливой гримасой неопредѣленно замѣчали: «да, но все-же она ваша жена». Въ другомъ мѣстѣ изъ за нея перенесла крупный скандалъ одна очень хорошая и развитая дѣвушка, у которой онъ часто отводилъ душу: жена высѣдила его посѣщенія меблированныхъ комнатъ, гдѣ жила эта дѣвушка-учительница, вообразила, что именно эта особа и есть «разлучница», ворвалась въ ея комнату при мужѣ и такъ набушевала тамъ, что на ея крики сбѣжались всѣ жильцы меблированныхъ комнатъ и ни въ чемъ неповинная личность была сильно скомпрометтирована въ глазахъ людей, придерживающихся только одного убѣжденія, что безъ огня дыма не бываетъ. Не было такого начальника надъ нимъ, который бы не слышалъ о немъ, что онъ злодѣй, бросившій жену, что онъ развратникъ, имѣющій вездѣ любовницъ, что онъ моритъ голодомъ жену. Онъ доходилъ до того, что избивалъ ее до синяковъ... И все это

РИСОВАЛЪ ХУДОЖНИКЪ М. ПЯСЕЦКІЙ.
(Собственность журнала „Живописное Обозрѣніе“).

Зима въ лѣсу.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ВЪ ПАРИЖѢ 1896 ГОДА.

Гравированъ на деревѣ исключительно для журнала «Живописное Обозрѣніе» В. А. Г. Г.

«Пльница». Съ картины художника Е. Люминэ.

приходилось переживать ему, надъ которымъ съ юности глумились за то, что онъ держится *zierlich-manirlich*, что онъ всегда *est tiré à quatre épingles*, что онъ шепетильно «старая дѣва», что онъ ужъ слишкомъ сильно обращаетъ вниманіе на то «что скажутъ!» И гдѣ же исходъ, гдѣ же конецъ всѣмъ этимъ скандаламъ, всей этой тревогѣ?

Илья Ильичъ присѣлъ къ письменному столу и его взглядъ упалъ на револьверъ. Онъ взялъ эту игрушку въ руку и почти безсознательно началъ разглядывать его, точно прежде онъ никогда не видалъ его.

— Да, я понимаю, что Николай могъ побояться за меня,—проговорить онъ, вспомнивъ предостереженіе Шербинскаго.—Этотъ способъ такъ легко разсѣкаетъ всякіе Гордіевы узлы. Поднесъ къ виску револьверъ, одинъ выстрѣлъ—и все разрушено!.. Человѣкъ въ моемъ положеніи можетъ дойти до самоубійства... Немножко меньше характера... немножко меньше твердости—и конецъ!.. Только я не сдамся такъ легко судьбѣ...

Въ его головѣ стали мелькать мысли о томъ, что онъ еще можетъ распродать все и уѣхать «на край свѣта...» Мало ли есть уголковъ, кромѣ европейской Россіи, гдѣ можно исчезнуть безслѣдно, гдѣ можно начать новую жизнь и гдѣ никакая пьяная жена не найдетъ его. У него есть кое-какіе средства, есть знаніе, есть энергія. Онъ не только не пропадетъ, но еще, можетъ быть, найдетъ счастье, то семейное счастье, о которомъ онъ такъ страстно мечталъ еще десять лѣтъ тому назадъ. Жизнь тѣмъ и хороша, что пока живешь—можно надѣяться. Да, да, ради этого надо жить.

— Порвать жизнь этой игрушечкой легко, но...

Онъ безсознательно приподнял револьверъ, слегка потрясая имъ въ воздухъ...

— Ильяша! Ильяша! Илья Ильичъ, что ты хочешь дѣлать!—раздался за его спиной неистовый крикъ.

Это былъ голосъ Ольги Семеновны, по обыкновенію подсматривавшей у окна за мужемъ съ той самой минуты, какъ изъ дома уѣхалъ Петръ Николаевичъ Шербинскій. Увидавъ, что мужъ взялъ со стола револьверъ, она бросилась въ домъ. Вѣрный барину Андрей загородилъ ей дорогу къ кабинету, но она вырвалась изъ его рукъ и бросилась къ мужу, стараясь вырвать у него револьверъ.

— Ахъ! это вы, это вы! Вы за мной на край свѣта бѣжать готовы! Вы всю жизнь хотите мнѣ исковеркать!—неистово крикнулъ, какъ безумный, Чернышовъ.—Такъ нѣтъ же, нѣтъ же, вамъ не удастся это!

И прежде, чѣмъ жена и Андрей успѣли понять что-нибудь, онъ направилъ револьверъ на нее. Раздался одинъ выстрѣлъ, потомъ щелкнувъ другой,—и Ольга Семеновна слабо вскрикнувъ, упала мертвою на полъ. Чернышовъ въ изнеможеніи, тяжело дыша, выронивъ револьверъ, опустился на кресло. Онъ, очевидно, не вполне ясно, не вдругъ понялъ, что онъ надѣлалъ.

А. Михайловъ.

ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА.

Будто греза любви вдохновенная,
Красотой лучезарной горда,
По воздушному морю, мгновенная,
Пронеслась золотая звѣзда.

* * *

Золотая звѣзда одинокая,
Что тебя приманило къ землѣ?—
Тамъ—тамъ висите далѣ звѣздоокая,
Здѣсь—міръ дремлетъ въ туманѣ и мглѣ

* * *

Словно юность, порокомъ сраженная,
Ты погибла во тьмѣ навсегда...
Гдѣ ты въ грѣшную землю влюбленная,
Гдѣ же ты, золотая звѣзда?

А. Мейснеръ.

ПОЛВѢКА ВЪ ТАЙГѢ.

(Изъ разсказовъ ссыльнаго).

Въ старикомъ Иваномъ Кузьминимъ мнѣ удалось видѣться лѣтомъ. Это дѣйствительно чрезвычайно интересный субъектъ, представляющій собой живую руину давно минувшей эпохи. Кузьминъ пришелъ нѣшкомъ изъ Красноярска въ Петербургъ, имѣя 98 лѣтъ отъ роду. Онъ бывший крѣпостной г. Ш., родился въ тульской губерніи. Помѣщикъ сослалъ его въ Сибирь на поселеніе въ 1842 году; Кузьминъ былъ дворовый; исполнялъ должность кучера. О бытѣ крѣпостныхъ 40-хъ годовъ онъ разсказываетъ много любопытнаго.

Но сначала я опишу его наружность.

Для своихъ лѣтъ Кузьминъ очень бодръ, пользуется прекраснымъ аппетитомъ, любитъ пить чай и не отказывается отъ рюмки водки. Въ домѣ, гдѣ онъ квартировалъ, была прачешная; Кузьминъ часто заходилъ туда поферлакурить съ молодыми работницами и, когда онѣ пачинали надъ нимъ подтрунивать, онъ сердился и грозилъ имъ палкой, что, разумѣется, еще болѣе вызывало смѣхъ прачекъ.

Кузьминъ средняго роста, худощавъ, съ правильными чертами лица, испещренными глубокими морщинами, на его чернѣйшіе волосы желтаго цвѣта съ сѣдиною. Полное отсутствіе растительности на бородѣ и щекахъ даетъ Кузьмину видъ стараго скопца. Глаза его тусклы и стеклянны, оживляются лишь тогда, когда онъ о чемъ-нибудь съ жаромъ говоритъ. Память достаточно сохранилась; Кузьминъ помнитъ, чему онъ былъ свидетелемъ, но эпохи часто путаетъ, такъ, напр., онъ говоритъ, что императоръ Николай I-й вступилъ на престолъ въ 1848 году, что Пугачевскій бунтъ былъ при Петрѣ III-мъ. По приходѣ его въ Петербургъ онъ былъ помѣщенъ довольно удобно у старшаго дворника, жилъ въ отдѣльной комнатѣ съ двумя окнами, спалъ на желѣзной кровати, матрацъ которой былъ застланъ чистой простыней и байковымъ одѣяломъ. Воздухъ въ комнатѣ мнѣ показался не спертымъ, температура умеренной. По приходѣ Кузьмина въ Петербургъ ему предложили мѣсто въ богадѣльнѣ, но онъ энергично возсталъ противъ этого.

— Какъ,—говорилъ старикъ,—меня въ богадѣльню? Да я еще думаю отправиться по святымъ мѣстамъ, мнѣ рапо быть на покоѣ. Пусть только паспортъ перемѣнитъ, я и пойду.

Протестъ этотъ, разумѣется, вызвалъ улыбку въ тѣхъ, кто принималъ участіе въ Кузьминѣ. Впоследствии, Кузьминъ отправился бродить по святымъ мѣстамъ. На мои вопросы, почему Кузьминъ не воспользовался манифестами императоровъ Александра II-го и Александра III-го, Кузьминъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ въ это время былъ въ тайгѣ, на пріискахъ, куда никакихъ газетъ не доходитъ, а потому и не могъ знать о существованіи манифестовъ.

— А помните-ли вы,—спросилъ я,—то время, когда вы были крѣпостнымъ и жили въ деревнѣ своего барина въ тульской губерніи?

— Извѣстно, помню,—живо отвѣчалъ мнѣ Кузьминъ,—все помню, словно вчера было. Меня часто изъ застольной призывали въ хоромы. Бывало, господа сѣдуютъ къ нашему барину и ну въ картежъ дуться; все больше въ проферанецъ; да въ штоссъ. Я тоже былъ куда мастеръ по карточной части, особенно въ штоссъ; игралъ лихо. Бывало, баринъ призоветъ меня въ кабинетъ и скажетъ:

— Садись, Ванька, за меня играть; мнѣ что-то не везетъ. Я, почитай, ужъ цѣлую вотчину проигралъ. Ну, я сяду; случалось, что и отыгрывалъ.

— А о нашествіи французовъ въ 12-мъ году вы помните?

— Извѣстно помню. Мы въ тѣ поры съ баринкомъ въ калужскую вотчину ѣздили.

Объ этой знаменитой эпохѣ нашествія французовъ мнѣ, однако, ничего не удалось добыть любопытнаго. Разсказы Кузьмина вообще вращались лишь на томъ, что говорили дворовые на застольной о Наполеонѣ I-мъ. Было очевидно, что бывший крѣпостной Иванъ мало интересовался нашествіемъ французовъ. Гораздо интереснѣе было узнать, за что Кузьмина сослали въ Сибирь на поселеніе.

— Барину не угодилъ,—коротко отвѣчалъ мнѣ старикъ.

— Чѣмъ-же вы ему не угодили?

— А видите-ли,—продолжалъ Кузьминъ,—около насъ по сосѣдству жилъ одинъ молодой помѣщикъ. Онъ съ моимъ баринкомъ за-всегда игралъ въ штоссъ на дворовыхъ. Сосѣдь-то, бывало, выложитъ деньги или поставитъ въ банкъ собакъ борзыхъ, а не то лошадей. А нашъ то противъ него выставитъ кого-нибудь изъ дворовыхъ. Сосѣдь всегда заставлялъ нашего барина писать вольную людямъ, безъ того, бывало, и картъ въ руки не возьметъ. Если, примѣрно, выиграетъ, то сейчасъ-же призоветъ тѣхъ людей, которыхъ выигралъ, и отдастъ имъ вольныя на руки. «Мнѣ, молъ, васъ не нужно, я и своихъ всѣхъ отпустилъ». Такой чудакъ былъ этотъ молодой баринъ. Разъ какъ-то молодой баринъ сдѣлался съ нашимъ-то въ картежъ, цѣлую вязанку денегъ выложилъ на столъ и говоритъ: «ты на кого будешь играть?»—Хочешь выиграть повара Тимошку или портнаго Кирьянку? отвѣтилъ нашъ.—«Ладно, сказалъ сосѣдь,—пиши вольныя». Баринъ обоимъ написалъ вольныя, а потомъ приказалъ позвать меня и обратился къ сосѣду съ такой рѣчью:—«Я, молъ, на этотъ разъ съ тобой играть не буду, а вотъ посажу его»,—указалъ на меня.—«Мнѣ все одно, сажай, кого хочешь»,—отвѣчалъ молодой баринъ.—«Ну, Ванька, держись, не да-

вай меня въ обиду!»—мой-то мнѣ говорить. Сперва на первыя рублевѣ съ триста я выигралъ, а потомъ все спустил, и вольныя Тимофею и Кирыню перешли въ карманъ къ сосѣду. Мой баринъ такъ и заголосилъ.—«Что ты со мной надѣлалъ, пестъ ты этакій!»—кричалъ онъ, да и ну тузить меня по щекамъ.—Ты знаешь-ли, Тимошка поваръ по всему округу славился своимъ мастерствомъ. Кирыню тоже у меня откушали за 500 рублей, а ты ихъ проигралъ! да я тебя!»—и пошелъ, и пошелъ. Въ тотъ-же день меня, добраго молодца, заковали, на-утро жестоко отодрали на конюшнѣ и отравили въ Тулу. Тамъ я до самой весны сидѣлъ въ острогѣ, потомъ приковали меня къ пруту съ другими колодниками и погнали въ Сибирь. Тутъ я много горя принялъ,—прибавилъ, вздыхая, Кузьминъ.—Очень тяжело было идти: кандалы ноги трутъ, а пруть вывертываютъ руку; смерть, да и полно! Придешь въ этапный домикъ на ночлегъ, вонь, сырость, крысы цѣлыми стадами ходятъ, да такіа смѣлыя: прямо сапоги грызутъ и не боятся. Денегъ не было ни монетки; приходилось черствымъ хлѣбомъ питаться да пустыми щами. Такъ я маялся съ самой ранней весны до глубокой осени, пока дошли до Сибири. Тамъ маленько лучше стало. Въ большихъ городахъ насъ сажали въ остроги, водили въ баню и позволяли по улицамъ и базарамъ собирать подаяніе. Потомъ меня отправили на поселеніе въ енисейскую губернію. Придя на мѣсто, я присталъ къ артели рабочихъ и ушелъ съ ними въ тайгу на принскы.

— Развѣ вамъ позволяли отлучаться съ мѣста водворенія?—спросилъ я.

— А кто-бы мнѣ запретилъ?

— Какъ кто? разумѣется, начальство.

— Ахъ, начальство,—вскричалъ, улыбаясь, Кузьминъ и, махнувъ рукой, прибавилъ:—ну, тамъ, куда меня пригнали, не то что начальства, да и собаки то живой не было. Избы стояли пустыя, поселенны, почитай, всѣ разбрелись, кто куда пошло: кто въ тайгу, кто въ Россію, а были и такіе, которые уходили въ китайчину. До волостнаго правленія считалось безъ малаго тысячу верстъ, а до уѣзднаго города и того больше.

— Какъ-же вы дѣлали съ паспортомъ?

— А зачѣмъ опъ мнѣ былъ нуженъ? Въ Сибири паспорта ни у кого не спрашиваютъ, особливо на принскахъ. Руки есть, можете работать, ну, и берутъ. Не только поселенцами, не брезгаютъ даже бѣлыми каторжниками, варяками.

— Долго вы были рабочимъ на принскахъ?

— Почитай, все время жилъ въ тайгѣ.

— Кто-же заведовалъ работами, инженеры?

— Никакихъ тамъ инженеровъ не было. Всѣми дѣлами распоряжались развѣдчики. Я тоже сначала былъ простымъ рабочимъ, а потомъ попалъ въ развѣдчики.

— Объясните мнѣ, въ чемъ заключается должность развѣдчика?—спросилъ я.

— А вы, баринъ, видали, какъ лягавыя собаки дичь ищутъ?—спросилъ въ свою очередь меня Кузьминъ.

— Видалъ. Что-же изъ этого слѣдуетъ?

— Ну, вотъ, и мы развѣдчики такъ-же искали золото по тайгѣ, какъ собаки дичь ищутъ—чутьемъ. Придешь съ рабочими на берегъ какой-нибудь рѣки и словно почувешь въ пескѣ золото. Промывай, ребята, песокъ! Рабочіе начинаютъ промывать песокъ, глядишь, и крупинки есть.

— Однако-же, вы руководствовались какими-нибудь примѣтами?

— Какъ вамъ сказать? Смотришь, бывало, на цвѣтъ воды, покапашься въ ржавчинѣ болота, постукаешь сюда и туда ломомъ или киркой. Случалось, бывало, наткаться на жилы и самородки находить. Я,—продолжалъ Кузьминъ,—жаловаться не могу. Бывало, гдѣ укажу промывать песокъ или копать, глядишь, и пошли крупинки или золотая руда. Другіе развѣдчики мнѣ завидовали. Иной ходитъ, ходитъ съ рабочими день-деньской и копаетъ, и промывку дѣлаетъ—все ничего нѣтъ.

— Что же, вы были довольны вашей жизнью на принскахъ?—спросилъ я.

— Житіе было ничего, только звѣрье очень одолевало. Особливо первое время безъ привычки даже было боязно. Отойдешь, бывало, отъ артели, глядь изъ за сосны Михайло Ивановичъ (медвѣдь) и высочилъ и паровитъ тебя облапить.

— Что-же вы дѣлали въ такихъ случаяхъ?

— Что дѣлалъ? Кипнешъ на него, бывало, зинунъ, онъ и начнетъ его мять, а самъ наровишь, какъ-бы удрать, ну, а коли есть ножикъ, полыхнешъ имъ звѣря подъ лѣвую лопатку, онъ и растянется и зареветъ на весь лѣсъ. Только надо вѣрно потрафлять въ самое сердце—а то изломастъ. Старые рабочіе меня научили, какъ въ такихъ дѣлахъ поступаютъ. Сначала я не зналъ; бывало, встрѣтишь медвѣдя, да такъ и обомрешь.

— Но, мнѣ думается, и съ ножомъ бросаться на медвѣдя опасно,—замѣтилъ я.

— Я уже говорилъ вамъ, надо потрафлять въ самое сердце, а то изломастъ. У насъ на принскахъ бывали такіе случаи. Разъ помню, рабочій, Трофимомъ звали, повстрѣчалъ медвѣдя и бросилъ ему на морду кафтанъ, звѣрь-то пригнулся и началъ лапами сдирать кафтанъ съ головы; въ это время Трофимъ ударилъ его ножомъ подъ лѣвую лопатку, да не попалъ въ сердце то, а около, значитъ, сразу не убилъ, ну, медвѣдь-то спалалъ Трофима и до смерти его загрызъ.

— Вы говорили, что васъ въ тайгѣ звѣри безножили, значить, были и другіе, кромѣ медвѣдей?

— Да, волковъ тамъ болѣе много рыскало, да все такіе здоровые, но тѣ только пугали рабочихъ. Бывало, ночью такое вытье заведутъ, что ни приведи Царица Небесная. Ажъ-но жутко становится. А зла намъ не дѣлали, потому трусы. Бывало, чуть увидишь человека и наровишь удрать.

— Въ то время, когда проѣзжалъ черезъ Красноярскъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣшній Государь, гдѣ вы были?

— Въ тайгѣ, отъ того-то я и не могъ просить Его милости. Я ужъ много времени спустя узналъ о томъ, что Государь-то черезъ Красноярскъ проѣзжалъ.

— О чемъ же вы хотѣли просить Государя?

— Да все же о перемѣнѣ паспорта. Сами подумайте: куда я могу сунуться съ паспортомъ, въ которомъ написано, что я ссыльный,—очень оживленно отвѣчалъ Кузьминъ.—А я еще думаю побородить по бѣлому свѣту,—прибавилъ онъ.

— Гдѣ вы узнали о восшествіи на престолъ Императора Николая II-го?

— Въ Красноярскѣ. Насъ всѣхъ хозяинъ отпустилъ, значить, расчетъ намъ далъ, я и ушелъ съ артелью рабочихъ. Въ городѣ и узналъ, что царь насъ всѣхъ помиловалъ.

— Скажите мнѣ,—спросилъ я,—вы такъ долго были въ тайгѣ на принскахъ, по всей вѣроятности, должны были сохранить жалованье, которое получали?

Кузьминъ улыбаясь и сказалъ:

— Ничего я не сохранилъ, потому на принскахъ за все приходилось платить дорого, что за одежду, что за обувь, а ну же всего за водку. При расчетѣ получилъ я рублей двадцать, да пока мы дошли до города-то, я ихъ всѣ рѣшилъ. Потому нельзя, словно чутьемъ слышать разные торговцы, что на такомъ-то принскѣ разсчитали рабочихъ и отъ самой тайги, почитай, до города все стоятъ шалаши, гдѣ торгуютъ водкой. Ну, разумѣется, рабочій народъ, съ голодухи-то накинется и пропиваетъ все до копѣйки.

— Зачѣмъ-же вы пьянствовали съ рабочими; вы же сами говорили, что задумали пробраться въ Россію: слѣдовало прибережъ копѣйку.

— Нѣтъ въ артели этого дѣла дѣлать нельзя, рабочіе пьютъ и ты пей, а то просто укокошатъ и возьмутъ деньги.

— Ну, а скажите мнѣ, пожалуйста,—продолжалъ я,—гдѣ вы жили на принскахъ и кормили васъ?

— Въ шалахахъ. Ну, а кормили, извѣстно, солониной да вяленой рыбой. Солонина-то часто червивѣла, ну, тогда поѣшь черстватаго хлѣба—и ладно. Вотъ потому-то за водку дорого и платили. Бывало, какъ придетъ торговецъ съ водкой, бери, что хочешь. Рабочіе ничего не жалѣютъ: за штофъ водки готовы отдать хоть все свое годовое жалованье.

— Долго-ли вы шли изъ Красноярска до Петербурга?—спросилъ я.

— Нѣсколько мѣсяцевъ; не поболѣли года,—отвѣчалъ мнѣ Кузьминъ.—Да я не все шелъ, приходилось и ѣхать и на пароходахъ, и на баркахъ, и по чугункѣ. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей: возили даромъ. Хлѣба тоже давали; случалось и деньгами награждали.

— Куда-жъ вы теперь думаете отправиться?

— Да я еще и самъ не знаю; пойду по святымъ мѣстамъ.

— А деньги-то у васъ есть?

— А на что онѣ мнѣ понадобятся, эти самыя деньги то?

— Какъ на что? Вѣдь пить, ѣсть надо и за проѣздъ необходимо заплатить.

— Эхъ, баринъ,—отвѣчалъ мнѣ старикъ,—Богъ дастъ день, Богъ дастъ и пику. Пойду опять Христовымъ именемъ. Въ Россіи народъ православный: авось не обидятъ меня. Гдѣ хлѣбца подадутъ, гдѣ даромъ подвезутъ. Ну, а коли велятъ покупать билетъ на чугункѣ, я и пѣшкомъ пойду. Слава Богу, ноги есть.

Намѣреніе свое Иванъ Кузьминъ исполнилъ. Онъ отправился изъ Петербурга къ Святымъ мѣстамъ.

Н. Поповъ.

ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ ГОСТЬ.

Рассказъ Н. Готорпа.

I.

ОДНАЖДЫ въ сентябрьскую ночь одно семейство собралось вокругъ пылающаго камина, до верха наложеннаго различнымъ топливомъ: щепками, принесенными быстрыми горными ручьями, сухими еловыми шишками, обломками большихъ деревьевъ, найденныхъ на днѣ глубокой пропасти. Все это весело трещало въ каминѣ и озарило комнату яркимъ свѣтомъ. Лица матери и отца выражали тихую радость, дѣти смѣялись, старшая дочь олицетворяла собой счастье семнадцати-лѣтняго возраста, а старушка-бабушка,

сидѣвшая въ большомъ креслѣ у самаго камина, была олицетвореніемъ счастливой, спокойной старости. Эта семья жила на возвышенности Нотча въ Бѣлыхъ горахъ. Здѣсь круглый годъ дулъ рѣзкій вѣтеръ, который дѣлался зимой нестерпимо холоднымъ, обдувая домны своими суровыми порывами. Мѣсто, гдѣ они жили, было холодное и опасное. Надъ ихъ головами висѣли отвѣсныя горы и часто огромные камни, обрываясь около самаго дома, заставляли ихъ вскакивать среди ночи.

И такъ, вся семья сидѣла вокругъ очага. Дочь только что насмѣшила всѣхъ какой то простодушной шуткой, какъ вдругъ въ горахъ пронесся сильный порывъ вѣтра и, остановившись, какъ имъ показалось у ихъ дверей, съ воплемъ ужаса и отчаянія понесся далѣе по долинѣ. Это на минуту омрачило ихъ тихое веселье, хотя въ этомъ завываніи вѣтра и не было ничего необыкновеннаго. Всѣ снова оживились, когда услышали, что некогда двери приподнялась какимъ то путешественникомъ, шаги котораго были слышны за страшнымъ порывомъ вѣтра. Когда онъ входилъ, вѣтеръ завывалъ снова, и со стономъ понесся прочь отъ дверей.

Хотя эти горцы жили въ такомъ уединенномъ мѣстѣ, однако, черезъ путешественниковъ имѣли ежедневныя сношенія съ міромъ. Романическій горный проходъ Нотчъ — большая лоцина, служащая путемъ постоянного сообщенія Майна съ одной стороны съ Зелеными горами и берегами Св. Лаврентія съ другой. Почтовая карета всегда считала долгомъ остановиться передъ дверью этой хижины. Одинокій путникъ никогда не проходилъ мимо, не обмѣнявшись парой словъ съ привѣтливымъ семействомъ. Это нѣсколько разсѣивало то чувство одиночества, которое овладевало странникомъ при длинномъ переходѣ черезъ пустынную, горную долину. Погонщикъ по дорогѣ въ Портлендскій рынокъ, останавливался здѣсь для ночлега. Это былъ одинъ изъ тѣхъ примитивныхъ постоянныхъ дворовъ, въ которыхъ прохожіе платили за столъ и помѣщеніе и встрѣчали тотъ ласковый и радушный пріемъ, котораго нельзя получить ни за какія деньги. Какъ только раздавались шаги между внутренней и наружной дверью, вся семья вскакивала; бабушка, дѣти и всѣ шли привѣтствовать того, кто временно долженъ былъ принадлежать къ ихъ семьѣ.

Въ этотъ вечеръ, когда дверь открылась, они увидѣли вошедшаго молодого человѣка. Сначала выраженіе лица его было болѣе чѣмъ грустно, оно было какое то угнетенное. Это выраженіе часто встрѣчается у путниковъ, прошедшихъ въ одиночествѣ ночью по суровому и дикому мѣсту. Юноша, впрочемъ, скоро развеселился отъ привѣтливаго и теплаго пріема, который ему оказали. Они всѣ сразу расположили себя въ его пользу, начиная со старушки, вытиравшей ему передникомъ стулъ, и кончая малюткой, доверчиво протягивавшей ему ручку. Быстрый взглядъ и улыбка тотчасъ же сблизили его со старшей дочерью.

— Какая славная вещь горящій каминъ! — воскликнулъ онъ, — въ особенности когда около него собирается такое пріятное общество.

Я совсѣмъ околѣлъ. Вѣтеръ свиститъ въ Нотчѣ со всѣхъ сторонъ. Онъ дулъ мнѣ прямо въ лицо отъ самаго Бартлета.

— Вы, значить, направляетесь къ Вермонту? — спросилъ хозяинъ дома, помогая молодому человѣку снять съ себя небольшую сумку.

— Да, въ Берлингтонъ, и даже немного далѣе, — отвѣчалъ онъ. — Къ ночи я надѣялся уже быть въ Крауфордѣ, но при такой дорогѣ это просто невозможно. Впрочемъ, все равно. Когда я увидѣлъ пылающій каминъ и ваши веселыя лица, мнѣ показалось, что каминъ затопленъ для меня и вы всѣ ожидали моего прихода. Такъ что я сяду здѣсь съ вами, вообразивъ, что я дома.

Не успѣвъ юноша подвинуть свой стулъ

ДВАДЦАТИНАТИЛѢТНИЙ ЮНИИЕЙ.

1871. — 7-го декабря. — 1896.

К. М. Станюковичъ.

поближе къ огню, какъ снаружи послышался шумъ чего-то тяжелого, скатывавшагося внизъ по отвѣсной скалѣ. Казалось, будто кто-то спускался огромными, быстрыми шагами, рѣшивъ исполнить прыжкомъ перешагнуть черезъ хижину и перескочить въ сосѣднюю пропасть. Вся семья притаила дыханіе, потому что звукъ этотъ былъ имъ слишкомъ знакомъ, и прохожіи инстинктивно поняли его.

— Это старая гора бросила въ насъ камнемъ, чтобы мы о ней не забывали, — сказалъ отецъ, придя въ себя. — По временамъ она киваетъ головой и грозитъ сама спуститься внизъ, но мы старые сосѣди и умѣемъ съ ней ладить. Да сверхъ того у насъ есть здѣсь по близости надежный пріютъ на случай, если бы она вздумала не на шутку разсердиться на насъ.

Прохожіи кончили свой ужинъ, состоявшій изъ медвѣжьяго мяса, и съ присущей ему ласковостью обращенія сразу поставили себя въ такія дружескія отношенія со всей семьей, что они разговаривали между собой съ такой свободой, точно онъ тоже принадлежалъ къ ихъ горной семьѣ.

Въ своемъ обращеніи онъ былъ надмененъ и сдержанъ съ богатыми и высокопоставленными. Что же касается бѣдныхъ и несчастныхъ, то онъ всегда былъ готовъ посѣтить самую убогую хижину и быть братомъ или сыномъ простаго крестьянина. Въ семействѣ Нотча онъ встрѣтилъ ласку и простоту, не лишенную нѣкотораго просвѣщенія, занесеннаго изъ Новой Англіи. Они были знакомы съ поэтическими родными сказаніями, которыми были такъ богаты горныя вершины, скалистые обрывы, бездонныя пропасти и романческія, убогія хижины. Юноша путешествовалъ много и въ одиночествѣ, да и весь жизненный путь его былъ одинокъ. Онъ былъ всегда очень осмотрителенъ и держался въ

сторонѣ отъ тѣхъ, которые при другихъ обстоятельствахъ могли бы быть его товарищами. Семья эта также, несмотря на ласковость и гостепріимство, была до того проникнута чувствомъ единенія между собой и отчужденности отъ всего остального міра, что не могла бы допустить въ свой тѣсный, родной кругъ никого посторонняго. Но въ этотъ вечеръ какая-то необъяснимая сила заставила этого сдержаннаго и воспитаннаго юношу излить передъ простодушными горцами свою душу, а ихъ принудила отвѣчать ему съ той же сердечной откровенностью.

Наиболѣе характерной чертой этого молодого человѣка было необычайное честолюбіе. Его всегда страшила и преслѣдовала мысль, что онъ будетъ забытъ послѣ смерти, точно его никогда и не было на землѣ. Желаніе не быть забытымъ перешло у него даже, съ теченіемъ времени, въ тайную надежду, и иногда ему казалось, что желаніе его будетъ удовлетворено.

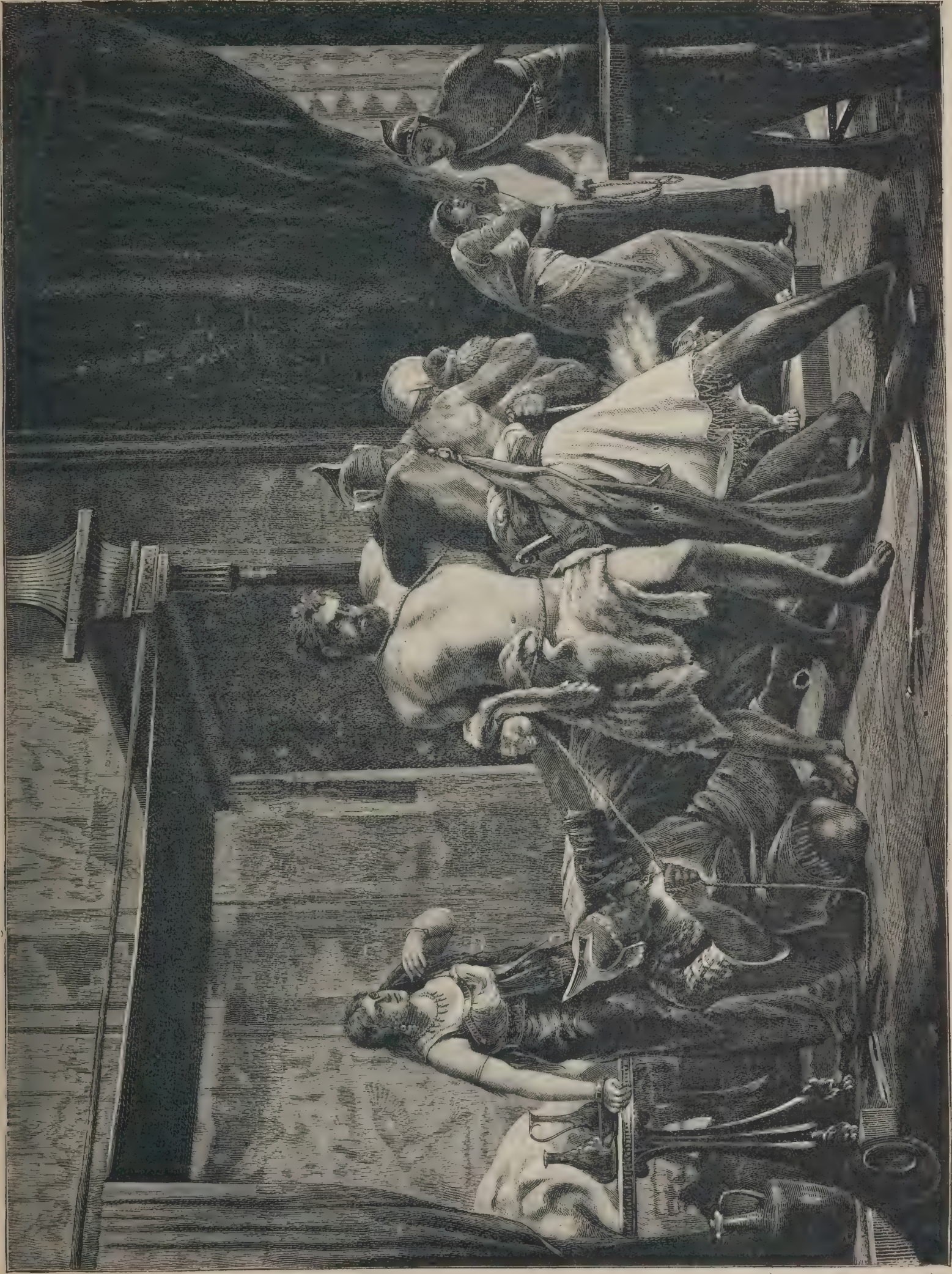
— А пока, — воскликнулъ юноша и щеки его запылали, а глаза заблестали восторженностью, — пока я еще ничего не сдѣлалъ, и если мнѣ суждено исчезнуть завтра съ лица земли, никто не будетъ знать обо мнѣ больше вашего. Узнаютъ только, что какой-то неизвѣстный юноша проходилъ ночью изъ долины

Сако и открылъ вамъ, сидя у ярко пылавшаго камина, свою душу, а при восходѣ солнца ушелъ по ущелью Нотча и послѣ этого его уже никто больше не видалъ. Ни единая душа не спроситъ: «Кто онъ былъ? Куда пошелъ?» Но я не могу, не хочу умереть, пока не совершу моего назначенія! Пока не воздвигну себѣ безсмертнаго памятника. Пусть тогда приходитъ смерть. Я готовъ буду встрѣтить ее!

Вся семья чувствовала въ этотъ вечеръ какое-то необъяснимое волненіе, которое какъ-то сблизало ихъ и помогало понимать другъ друга.

Молодой человѣкъ всегда боялся показаться смѣшнымъ и потому покраснѣлъ, замѣтивъ свою горячность.

— Вы смѣетесь надо мной, — сказалъ онъ, взявъ руку старшей дочери, и засмѣялся, — считаете мое честолюбіе безсмысленнымъ и думаете, что я готовъ даже заморозить себя до смерти на вершинѣ Вашингтонской горы, для того только, чтобы народъ могъ видѣть меня отовсюду. А говоря откровенно, гора эта послужила-бы чудеснымъ пьедесталомъ для человѣческой статуи!

«Самсонъ и Далила». Съ картины профессора А. Кившенко.

— Не лучше-ли сидѣть здѣсь, подлѣ этого огня,—отвѣчала молодая дѣвушка, краснѣя,—быть спокойными и довольными, несмотря на то, что никто не думаетъ о насъ и даже не подозрѣваетъ о нашемъ существованіи.

— Мнѣ кажется,—сказала ей отецъ, послѣ минутной задумчивости,—что въ словахъ молодого человѣка есть доля правды. Если бы и когда-нибудь задумывался надъ этими вопросами, то навѣрно сказалъ бы то же самое! Какъ странно, жена, что разговоръ его заставилъ меня думать о вещахъ, которыя безъ всякаго сомнѣнія сами никогда бы не пришли мнѣ въ голову.

— Кто знаетъ—быть можетъ, и пришли бы, замѣтила жена.—А какъ вамъ кажется, думаетъ-ли мужъ о томъ, что бы онъ дѣлалъ, если-бы былъ вдовою?

— Нѣтъ, нѣтъ,—съ жаромъ воскликнулъ онъ и посмотрѣлъ съ нѣжнымъ укоромъ на любимую жену.—Когда я думаю о твоей смерти, Эсмеръ, то сейчасъ же думаю и о своей. А знаете-ли вы мое единственное желаніе? Я хотѣлъ бы имѣть хорошую мызу въ Барлетѣ, Лилльтонѣ или въ какомъ-нибудь другомъ городѣ около Бѣлыхъ Горъ, но не тамъ, гдѣ бы онъ ежеминутно грозилъ упасть намъ на голову. Я хотѣлъ бы быть дворяниномъ, имѣть хорошихъ сосѣдей и дожить съ тобой до глубокой старости, съ тѣмъ, чтобы намъ не пришлось уже разставаться надолго. Я былъ бы счастливъ умереть у себя дома, въ любящемъ семейномъ кругу. Желалъ бы, чтобы на моей могилѣ былъ поставленъ гранитный памятникъ, который удовлетворилъ бы меня, не менѣе мраморнаго, на немъ я хотѣлъ бы, чтобы обозначили мое имя и возрастъ, стихъ священнаго писанія и еще что-нибудь такое, что оповѣщало бы міръ, что я жилъ честнымъ человѣкомъ, а умеръ добрымъ христіаниномъ.

— Да!—воскликнулъ знакомецъ—это уже въ природѣ человѣка желать себѣ послѣ смерти памятникъ, какой бы онъ ни былъ, мраморный или гранитный, не говоря уже о памятникѣ безсмертной славы!

— Однако, какія у насъ страшныя темы для разговоровъ въ эту ночь,—почти со слезами на глазахъ сказала мать.—Говорятъ, что это не къ добру, когда мысль становится такой непокойной! Прислушайтесь къ дѣтямъ!

Всѣ притихли. Младшихъ дѣтей уложили спать въ сосѣдней комнатѣ; дверь была отворена и легко можно было слышать, о чемъ они говорили между собой. Дѣти, повидимому, находились подъ влияніемъ тѣхъ разговоровъ, которые они слышали отъ старшихъ, и старались превзойти одинъ другого необыкновенными желаніями и планами о будущемъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, маленькій мальчикъ, вмѣсто того, чтобы обратиться къ кому-нибудь изъ братьевъ или сестеръ, позвалъ мать:

— Хочешь, я скажу тебѣ, мамочка, чего мнѣ хочется,—закричалъ онъ.—Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты, папа, бабушка и мы всѣ пошли сейчасъ пить изъ Флюмскаго ключа!

Никто изъ присутствующихъ не могъ удержаться отъ смѣха, при выраженіи этой дѣтской фантазіи оставить теплую постельку, уютную комнатку, для того, чтобы въ бурную, холодную ночь отправиться къ Флюмскому ручью, который падалъ въ пропасть. Только что мальчикъ кончилъ говорить, какъ послышался стукъ проезжающей по дорогѣ телеги. Въ телегѣ было повидимому, двое или трое мужчинъ, которые увеселяли свой путь довольно

грубымъ пѣніемъ, распосившимся въ горахъ отрывочными звуками. Пѣвцы на минуту замолкли, какъ-бы не рѣшаясь, продолжать-ли путь, или остановиться на ночь въ хижинѣ.

— Отецъ,—сказала дѣвушка,—они назвали тебя по имени.

Но тотъ не былъ вполне въ этомъ увѣренъ и, не желая выказать себя слишкомъ заинтересованнымъ въ числѣ останавливающихся у него проезжихъ, не поторопился подойти къ двери.

Раздался ударъ плети и путешественники двинулись въ дальнѣйшій путь, направляясь къ Нотчу. Снова послышалось ихъ пѣніе и смѣхъ, постепенно замирая въ мрачныхъ горныхъ громадахъ.

— Мама!—воскликнулъ снова мальчикъ.—Они бы насъ подвезли къ ручью!

Всѣ снова засмѣялись неотступному желанію ребенка совершить ночную прогулку.

Вдругъ неожиданно легкое облако грусти омрачило пѣжное личико дѣвушки, и она тяжело вздохнула. Затѣмъ она встала и, покраснѣвъ, быстро взглянула на всѣхъ сидѣвшихъ въ комнатѣ, точно боясь, что они могли уловить то, что происходило у нея на душѣ. Незнакомецъ спросилъ, что съ нею было.

— Да ничего,—отвѣчала она съ печальной улыбкой.—Но въ ту минуту я почувствовала себя одинокой.

— О, у меня всегда былъ даръ отгадывать то, что происходитъ въ душѣ другого,—сказала она полусерьезно.—Могли-ли я не обнаружить тайны вашей? Я знаю, что означаетъ дрожь молодой дѣвушки, сидящей у горящаго каминна, и чувство одиночества въ кругу ласковой семьи. Позвольте выразить это состояніе вслухъ?

— Коль скоро вы выразите это чувство словами, оно уже не будетъ чувствомъ молодой дѣвушки,—возразила горная нимфа, смѣясь и избѣгая его взгляда.

Весь этотъ разговоръ произошелъ въ сторонѣ. И, быть можетъ, сѣмя чистой, юной любви уже было брошено въ ихъ сердца. Характеръ юноши былъ изъ тѣхъ, которыми наиболѣе увлекаются женщины, а натуры, подобныя его, гордыя и задумчивыя, часто притягиваются простотой, какой отличалась эта молодая дѣвушка. Однако, въ то время, какъ они нѣжно бесѣдовали и юноша любовался легкой грустью и застѣнчивостью молодой, дѣвичьей души, вѣтеръ по всему Нотчу становился все сильнѣе и суровѣе. Мечтательный юноша замѣтилъ, что звуки этого вихря походили на хоры духовъ, которые, если вѣрить преданіямъ, въ древнія времена водились въ этихъ горахъ. Кругомъ въ горахъ и на дорогѣ стоялъ стогъ и плачь, точно здѣсь только что прослѣдовала погребальная процессія. Чтобы разсѣять охватившее всѣхъ уныніе, всѣ начали бросать въ огонь сухія еловые вѣтки, пока онѣ, затрещавъ, не разгорѣлись яркимъ пламенемъ и не освѣтили снова картину мирнаго и скромнаго счастья. Свѣтъ проникалъ всюду и привѣтливо озарялъ ихъ: тамъ выглядывали изъ кроватокъ малыя, дѣтскія личики, здѣсь видно было строгое лицо отца, сдержанная и ласковая фигура матери, благообразный юноша, цвѣтущая дѣвушка, добрая старая бабушка, сидѣвшая съ вязаньемъ въ рукахъ въ самомъ тепломъ мѣстечкѣ. Старушка вязала, не глядя на работу, и первая прервала молчаніе:

— У стариковъ, какъ и у молодыхъ, свои фантазіи,—сказала она.—Вы до того договорились, что и я даже начала мечтать. Но что за мечты и желанія могутъ быть у ста-

рухи, по рукамъ и по ногамъ связанной близостью могилы? Но я не успокоюсь, пока не выскажу вамъ, друзья мои, того чего желаю.

— Что же это, мамаша?—въ одинъ голосъ воскликнули мужъ и жена.

Тогда старушка, принявъ таинственный видъ, который заставилъ всѣхъ тѣснѣе усясться вокругъ огня, сообщила имъ, что она нѣсколько лѣтъ тому назадъ приготовила себѣ саванъ, чепчикъ съ кисейной рюшкой и вообще все, что нужно, чтобы лечь въ гробъ. Все очень хорошее, даже лучше ея свадебнаго туалета. Въ этотъ вечеръ странное, давно знакомое суевѣрное чувство вернулось къ ней. Нужно замѣтить, что въ молодые годы ей всегда представлялось при видѣ покойника, у котораго замѣтна была небрежность въ туалетѣ, помятая ли рюшка, или криво надѣтый чепчикъ, что мертвецъ будетъ употреблять усиліе поднять свои окоченѣвшія руки и оправиться. Одна мысль объ этомъ разстраивала ея нервы.

— Ахъ, какъ мнѣ страшно, не говорите такъ бабушка,—сказала молодая дѣвушка, задрожавъ.

— И теперь,—продолжала старушка, съ какой-то особенной торжественностью, какъ-то странно улыбаясь своимъ собственнымъ словамъ,—я бы желала, чтобы кто-нибудь изъ васъ, дѣти мои, поддержалъ передъ моимъ лицомъ, когда я уже буду въ гробу, зеркальцо. Почему знать, можетъ быть, я буду въ состояніи взглянуть на себя и посмотрѣть, все-ли на мнѣ въ порядкѣ.

— Старые и молодые, всѣ мы думаемъ о смерти,—тихо промолвилъ незнакомецъ.—Я желалъ бы знать, что чувствуютъ моряки, видя, что судно ихъ тонетъ, а они, никому неизвѣстные, всѣ безъ различія должны быть погребены въ океанѣ, въ этой необъятной и безымянной могилѣ.

На мгновеніе ужасныя мысли старой жепщины до того овладѣли всѣми ея слушателями, что они не сразу могли сообразить, что обозначалъ все усиливающийся шумъ снаружи при страшной темнотѣ ночи. Шумъ этотъ, походившій на оглушительный ревъ бури, успѣлъ принять колоссальныя размѣры. Домъ и все, что въ немъ было, дрожало: казалось, основы земли были потрясены, а этотъ страшный грохотъ былъ громкимъ, трубнымъ звукомъ, возвѣщающимъ о концѣ всего земного. Всѣ обмѣнялись дикими отъ ужаса взглядами и, блѣдныя, перепуганныя на смерть, не могли двинуть не единымъ членомъ, не въ состояніи произнести ни одного слова. Затѣмъ всѣ сразу отчаянно закричали:

— Это Слэйдъ! Это Слэйдъ!

Изобразить весь неопредѣлимый ужасъ катастрофы невозможно. Жертвы бросились вонъ изъ дома, надѣясь найти пріютъ въ томъ мѣстѣ, которое они считали вполне безопаснымъ и гдѣ въ предупрежденіе такой случайности устроили себѣ родъ каменной ограды. Но увы!

Покинувъ защищенное мѣсто, они бросились на встрѣчу гибели и разрушенію.

Огромная часть горы летѣла внизъ, подобно каменному потоку. Но не успѣвъ донестись до хижины, потокъ этотъ раздѣлился на двѣ вѣтки, осыпая всю окрестность, загораживая дорогу и уничтожая все, что попадалось на его грозномъ пути. Вскорѣ ревъ большаго Слэйда началъ мало-по-малу затихать въ горахъ, предсмертныя мученія кончились и жертвы нашли свой покой. Но трупы ихъ никогда не были найдены. На слѣ-

дующее утро легкая синеватая струйка дыма спокойно подымалась из трубы домика, сливаясь съ цвѣтомъ безоблачнаго неба. Внутри огня все еще глѣлъ въ каминѣ, кругомъ стояли стулья и казалось, что обитатели домика вышли взглянуть на опустошенія, произведенныя Слэйдомъ, и сейчасъ вернутся поблагодарить Небо за свое чудесное спасеніе.

Много было различныхъ толковъ между тѣми, кто зналъ несчастную семью, и никто не могъ удержать невольной слезы сожалѣнія, вспоминая погибшихъ. Но кто не зналъ погибшихъ? Ихъ исторія рассказывалась всюду и навсегда осталась легендой этихъ горъ. Имена ихъ воспѣвались поэтами.

Нѣкоторые обстоятельства заставляли предполагать, что въ эту ужасную ночь въ хижину былъ принятъ прохожій, который вмѣстѣ со всей семьей сдѣлался жертвой катастрофы. Другіе находили эти предположенія неосновательными. «Горе тебѣ, несчастный юноша, мечтавшій о земномъ безсмертіи». Его имя и личность остались неизвѣстными; его исторія, образъ жизни, планы, намѣренія—все это необъяснимая тайна, а его смерть и самое существованіе навсегда остались подъ сомнѣніемъ! Каковы должны были быть его послѣднія минуты?!

БАБУШКА.

Рассказъ М. Книгъ

(изъ южно-американской жизни).

ТО произошло въ части города, прежде справедливо, а теперь условно называемой, «окраинной города»; она служила скромнымъ пріютомъ для тѣхъ семейныхъ очаговъ, которымъ не подобало быть въ парадной части города; масляныя лампы тамъ экономно замѣняли газъ, а полиція равнодушно бездѣйствовала.

Длинный рядъ тополей, а мѣстами вперемѣшку съ дубами, осыпая немощную улицу и непрерывную линію низенькихъ домиковъ, съ тяжелыми, зелеными дверями и окнами и съ деревянными, невысокими крыльцами, выступавшими на дорогу.

Ихъ простая архитектура гармонировала съ пустынной, тускло освѣщаемой мѣстностью и была лишена всякой красоты и живописности. Ступени были покрыты краснымъ кирпичемъ или желтой, дикой ромашкой, которая, кромѣ яркости, придавала имъ еще пріятный ароматъ. Опустѣлый видъ домиковъ былъ бы угнетающъ, если-бы тамъ не было дѣтей, не было-бы этой пестрой толпы, родственной черному племени, болтающей на столь-же разнообразныхъ діалектахъ, какъ и ея разнообразность, полной неугомонной энергіи разнообразной крови, текущей въ ея жилахъ. Одетыя съ тропическимъ презрѣніемъ къ приличіямъ, дѣти были откровенны, безстыжи, неукротимы; вѣчно шумливыя, дѣйствующія единодушно, они носились по улицѣ, посѣщая на всякій тревожный призывъ, или ютились на вѣхъ крыльцахъ, съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ правамъ домохозяевъ.

Заборъ вокругъ большого квадратнаго дома былъ-бы выкрашенъ въ другой цвѣтъ, но здѣсь онъ проходилъ всѣ степени ветхости и разрушенія. Позади дома росли апельсинныя деревья и, гордо вздымая свои вершины къ солнцу, освѣщали зимой убогое мѣстечко своими золотистыми плодами, а весной украшали его своими ароматными цвѣтами.

Отверстіе въ заборѣ позволяло заглядывать

въ таинственный домъ, откуда дѣти постоянно ожидали разныхъ удивительныхъ открытій, и въ случаѣ необходимости всегда можно было разсчитывать на своевременное предостереженіе и найти пріютъ на порогѣ сосѣдняго углового домика. Это было идеальное убѣжище для дѣтей, гдѣ не было ни кирпичнаго песку, ни желтой ромашки, которые можно было-бы смести; гдѣ дверь не открывалась внезапно, заставляя ихъ въ смутеніи разбѣгаться; гдѣ изъ окна не раздавались проклятія и ругань; здѣсь можно было за то, заглянувъ въ щель опущенныхъ ставней, увидѣть личико «бѣлой барышни» за шитьемъ.

Дѣти были слишкомъ малы и потому не замѣчали, что ставни были всегда спущены при нихъ, и не удивлялись, что только имъ, дѣтямъ, удавалось видѣть «бѣлую барышню»; но они знали, что лицо у ней бѣлье, а волосы тоньше и прямѣе, чѣмъ у кого-либо; и они, не отрывая глазъ, ждали пріѣзда отъ нея, уста ихъ улыбались ей, а языки изощрились въ остроуміи, предназначенномъ только для ея ушей. Но сегодня она не обращала вниманія на нихъ. Они слышали, какъ она съ нетерпѣніемъ восклицала: «досада какая!» и раздражительно топала ногой; но они не видѣли, что она трудилась надъ какой-то пестрой, шерстяной матеріей, которая упрямо не ложилась діагональными складками вокругъ пояса.

— Глара!—окликнулъ слабый голосъ изъ другой комнаты.

Она недовѣрчиво подняла голову. Тѣнь недовольства мелькнула на ея лицѣ.

— Бабушка!

Она сложила свою работу и завернула ее въ салфетку, прежде чѣмъ пошла въ другую комнату.

— Что ты тамъ дѣлаешь, дитя?

— Работаю, бабушка.

Старушка лежала на своей постели, подъ сѣткой, прямая складки ея широкой блузы покрывали ея тонкую фигуру. Клара взяла вѣтеръ и, снявъ сѣтку, начала опохивать старушку.

— Бабушка, постарайтесь заснуть. Можетъ быть, вы поспите еще.

Ласкающій голосъ и тихое вѣяніе опухала имѣли убаюкивающее дѣйствіе, и хотя бабушка нѣсколько разъ повторила: «Право, мнѣ пора вставать»,—тѣмъ не менѣе она не двигалась.

— Погода такая жаркая и тяжелая,—продолжала молодая дѣвушка.—Закройте глаза, бабушка, и постарайтесь заснуть. Вы нѣсколько не отдохнули.

— Отдохнула,—повторила та.—Вовсе я не нуждаюсь въ отдыхѣ, я мало работала сегодня, почти совѣмъ не работала.

— О, я подразумѣвала: отдохнуть отъ мыслей. Боже мой! если бы я такъ много думала, какъ вы, я бы не могла глазъ открыть.

Бабушка опустила голову на подушку и закрыла глаза. Клара весело улыбнулась. Она собиралась выйти на цыпочкахъ изъ комнаты.

— Клара, почему ты не принесешь свою работу сюда ко мнѣ?

— Какъ, вы не спите?

— Ты глупости болтаешь, дитя! Спать, когда мнѣ надо кончать работу.

— О, еще много времени для этого, бабушка. Побудьте въ постели еще немножко.

— Можно подумать, что я твоя внучка, а ты моя бабушка.

Клара принесла свою работу; не пеструю матерію, а какую-то вышивку и сѣла поодаль постели, въ полосу свѣта. Старушка тяжело

вдохнула; ея глаза были пристально устремлены на Клару.

— Что съ вами, бабушка?

— Ничего, ничего, дружокъ... Зачѣмъ ты такъ горбишься, Клара?

— Ахъ, эта противная привычка!—И Клара ударила себя по лбу.— Это удивительно, сколько дурныхъ привычекъ водилось за мною въ монастырѣ.—Она выпрямилась до ощущенія неловкости.—Они усиливались отъ исправленія. Дурныя отмѣтки, дурацкій колпакъ, 25 строчекъ наизусть и вѣчныя при этомъ фразы: «ваша бабушка никогда этого не дѣлала», «если бы вы видѣли вашу тетюшку Стефанію! поглядите на вашу кузину Аделаиду!» Право! Я прежде всего узнала, что непохожа ни на кого изъ нашей семьи. Ужъ какъ мнѣ хотѣлось, чтобы въ нашемъ роду отыскался хоть одинъ человѣкъ такой же дурной, какъ я. Мнѣ твердили, что я лѣнива и не могу учиться. Меня это бѣситъ, когда я вспоминаю. Я выучила наизусть чуть не всего Шатобриана въ наказаніе. Это было убійственно. Учиться!.. Когда я думала совершенно о другомъ, напрягая слухъ, не услышу-ли я вдали грохотъ пушекъ.

Клара услышала новый вздохъ и быстро выпрямилась.

— Извините, бабушка! Я позабыла... Вы увидите, что я могу исправиться. О, я все могу, что захочу, только вотъ не могу быть такой набожной, какой меня хотѣли сдѣлать въ монастырѣ. Монахинымъ легко было твердить: «Учите исторію! учите географію!» И совать мнѣ Жизнь Святыхъ. Я не осыпала ихъ о дьяволахъ изъ пренеподней думала, которые вотъ падали изъ пушекъ. Я несправедлива, меня до сихъ поръ тошнитъ при видѣ перьевъ, чернилъ и бумаги; но я любила вышивать, потому что, когда вышиваешь, можно слушать и думать. Я была набожна, когда приходила почта. О, какъ я только вспомню тѣ дни... Какъ мы любили тогда Бога и святыхъ! И какъ мы молились! Вѣдь получить письмо въ то время было все равно, что узнать, что кто-нибудь въ семьѣ вашей убитъ. Вотъ были времена, бабушка!

— Бабушка?...

— Дитя...

— Бабушка, вы не слушаете меня, не отвѣчаете мнѣ!

— Я думала, дитя, что ты желаешь, чтобы я заснула.

— И вы заснули? А я разбудила васъ! Вотъ-то я дурочка.

— О чемъ ты говорила, дитя? Я слушаю теперь.

— Ахъ, дѣтъ, бабушка, не слушайте. Не стоитъ слушать. Постарайтесь снова заснуть. И я же разбудила васъ, а мнѣ такъ хотѣлось, чтобы вы заснули.

— Клара, я теперь встану.

Бабушка сѣла на постели.

— Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, бабушка, положите еще минутку.

— Сдѣлать тебѣ удовольствіе... ну, если это доставитъ тебѣ удовольствіе!—И бабушка снова легла.

— Клара...

— О, бабушка, я забыла...

— Клара, какъ бы мнѣ хотѣлось снова увидѣть мой зеленый рабочій столикъ!

— Такъ вотъ вы о чемъ думали. А я поняла, что вы это про мой плечикъ...

— Мой зеленый рабочій столикъ,—повторила старушка самой себѣ.

— Который стоялъ у окошка въ вашей комнатѣ, которая выходила на галлерею, откуда

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА К. ТРЕНТЕНА

БЕЗДОМНЫЕ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ВЪ БЕРЛИНѢ 1896. ГОДА.

Скульптора художника Р. Кель.

«НАКАЗАННЫЙ АМУРЪ».

были видны апельсиновые деревья, плотина на рѣкѣ...

— Какъ могла я забыть его? Забыть мой зеленый рабочий столикъ!

— Но, бабушка, такъ много вещей вамъ надо было забыть.

— Но это былъ мой свадебный подарокъ, отъ Геслера изъ Парижа. Свадебный подарокъ!—повторила она, скорѣе говоря сама съ собою, чѣмъ съ внучкой.—Я отлично помню день и часъ, когда его привезли. Мое огорченіе и разочарованіе... Я чуть не плакала, такъ какъ это было «по мѣщански»: рабочий столикъ съ ножницами, нитками, иглами, не было ни fleurs d'orange, ни кружевъ, ни вѣсровъ, ничего такого. Господи! Какія мысли у меня были. Но Аза была при мнѣ. Она была настоящій чертенокъ. Дерзкая, смѣлая, ничего не боявшаяся. Говорили, что я избаловала ее, но она обожала меня, ходила за мной, какъ собаченка. Мнѣ кажется...—тутъ слабый голосъ зазвучалъ такъ жалобно,—мнѣ кажется, что всѣ блестящія надежды, которыя некогда улыбались мнѣ, остались теперь позади меня, какъ одно лишь воспоминаніе.

— Это естественно,—весело отвѣтила молодая дѣвушка.—Мы съ вами, какъ два рака, все пятимся назадъ. Впереди у насъ ничего вѣдь нѣтъ.

— Клара, я все забываю. Я должна встать и кончить работу.

— О, только одну минутку... повремените минутку.

— Подай мнѣ вышивашье, Клара. Оно въ корзинкѣ, на каминѣ.

Бабушка медленно встала съ постели и подошла къ своей качалкѣ. Клара опустила въ корзинку вышиванье, которое держала въ рукѣ.

— Вотъ, бабушка.

— Это не мое вышиванье.

— Ваше, бабушка.

— Клара, какъ ты можешь это говорить? Подойди и убѣдись. Смотри! Это кончено, а въ моемъ цѣлый кусокъ оставался невышитымъ.

— Но...

— А, я понимаю! Клара, ты копчила за меня.

— Ну, такъ чтожъ! Я кончила свою работу, мнѣ нечего было дѣлать. Не сидѣть же сложа руки! Вы не очень-то разглядывайте стежки. Они не такіе правильные и красивые, какъ ваши, но они достаточно хороши для этой совы Варовъ...

Бабушка вздрогнула при внезапномъ стукѣ въ дверь.

— Господи! Что такое?

— Это Бетси; я спрошу, что ей надо.

— Ахъ, эта Бетси! Такая она невоспитанная. Вотъ Аза...

Клара вышла изъ комнаты и заперла за собою дверь.

— Барышня,—сказала Бетси,—негрятянка пришла за своимъ платьемъ.

— Тихе, Бетси! Бабушка проснулась.

— У нихъ сегодня вечеромъ какой-то праздникъ, и она хочетъ, во что бы ни стало, вырядиться въ новое платье.

— Но оно не готово. Я шила его, а бабушка проснулась.

— Я подозрѣвала, что вы не кончили его, и старалась спровадить ее, но что подѣлаешь съ такой упрямой, горластой негрятяной.

— Если бы бабушка поснала еще немножко...

— Не пойти-ли вамъ въ кухню съ шитьемъ? Вы скажите, что я просила васъ присмотрѣть за супомъ, а сама вышла на улицу.

— Неужели ты думаешь, что бабушка не придетъ взглянуть?

— Навѣрно придетъ... Но эта дѣвчонка такая грубая и дерзкая; она цѣлый часъ бранится, я всячески уговаривала ее... Нельзя-ли вамъ сказать, что вамъ надо сшить лифъ для меня?

— Она велитъ мнѣ принести къ ней и сама захочетъ кроить. Бабушку не легко обмануть, Бетси.

Яркое солнце выдавало слѣды усталости и грусти на лицѣ молодой дѣвушки, незамѣтная въ полумракѣ спальни. Дѣвушка прислонилась къ запертой двери и подняла руки, чтобы защитить глаза отъ свѣта.

— Скажи ей, пусть она немного подождетъ; можетъ...

— Подождетъ! Господь съ вами! Да она и не думаетъ уходить. Самъ архангелъ Гавріиль въ день страшнаго суда не вытаскилъ бы ее отсюда безъ новаго платья. Пусть бы она убиралась, только вѣдь орать она будетъ, и барыня услышитъ...

Клара тревожно заглянула въ комнату. Все было тихо. Она вошла на цыпочкахъ. Бабушка сидѣла съ закрытыми глазами, съ вышивкой въ рукѣ. Лицо молодой дѣвушки оживилось и повеселѣло. Наконецъ-то бабушка заснула! Она поспѣшно схватила пеструю матерію и поспѣшествовала за Бетси на дворъ. Въ маленькой кухнѣ стояла двойная жара отъ солнца и печки, и въ ней стало тѣсно втроемъ. Единственный стулъ былъ занятъ чернокожей модницей, которая монотонно болтала передъ молчаливыми слушательницами.

— Я, вотъ, говорила этой леди,—она обращалась къ Клара и показывала на Бетси,—я говорила, что платье мнѣ нужно сегодня, потому что лунный пикникъ наконецъ-то состоится. Вы ничего не слышали? Я и мое общество затѣяли его. Я хотѣла вчера придти сказать вамъ, да времени не было; полагаю, что въ педѣлю можно сшить платье; а если нельзя, такъ вы бы должны были прямо и откровенно сказать мнѣ о томъ, прежде чѣмъ брать за иголку. Лунный пикникъ, Богъ знаетъ, сколько времени откладывался. Чтонибудь вѣчно мѣшалось. Они пришли ко мнѣ за деньгами послѣ полуночи... Вдругъ говорить, что надо ждать луны. Но сестры рѣшили: нѣтъ, сэръ, вы должны сегодня устроить лунный пикникъ, все равно, съ луной или безъ луны, потому что легче устроить пикникъ съ деньгами, нежели съ луной. Да и я говорила вотъ этой леди, что скажи вы мнѣ педѣлю тому назадъ, что вы не можете приготовить мнѣ платье къ лунному пикнику, такъ я бы заказала кому-нибудь другому. Слава Богу, народу много даже бѣлаго! Должны же вы понять, что я внесла вчера свою долю для луннаго пикника и потому должна быть на пикникѣ, и я должна быть въ новомъ платьѣ, разъ оно у меня есть.

— Да не кричи ты такъ! Видишь, что барышня почти кончила его!

Платье лежало на столѣ, точно грудка ярко блестящихъ овощей. Молодая негрятянка схватила лифъ.

— Надѣюсь, что вы не сдѣлали мнѣ талию слишкомъ узкой. Цвѣтъ совсѣмъ модный. Не продадите ли вы мнѣ воротничка? Я бы заплатила вамъ сейчасъ же,—и она начала шарить у себя на груди,—вотъ смотрите,—и она развязала узелъ на платкѣ. — Господу Богу извѣстно, какъ мнѣ трудно было получить свои

собственные трудовыя деньги. Я цѣлыхъ два часа кричала, не переставая, пока бѣлая женщина не сооблаговолила отдать мнѣ ихъ. Но я должна была получить ихъ... Она выбросила мнѣ деньги и умоляла ради самого Господа замолчать, убираться вонъ и никогда не показываться ей на глаза. Если у васъ найдется какой-нибудь воротничекъ, я сейчасъ отдамъ вамъ деньги.

— Бетси?—спросила Клара, кончая платье. Бетси отвѣтила быстрымъ попяткомъ:—Если у васъ есть какой-нибудь старый воротничекъ, который вы не носите, такъ, знаете, деньги были бы кстати.

Клара вышла изъ кухни, торопливо прошла маленькій дворикъ и съ прежней предосторожностью вошла въ комнату. Пальцы у ней дрожали, когда она отпирала шкафъ, возлѣ спавшей бабушки, и доставала изъ старой кардонки первое попавшееся ей на глаза кружево—широкій старинный воротничекъ изъ валансескихъ кружевъ...

— Годится это, Бетси?—спросила она, войдя въ кухню.

— Сколько ты дашь за него?—спросила Бетси у покупательницы.

— Ну, я не могу дать больше того, что сама получила. Я охотно отдамъ всю свою полочку... Вотъ вамъ шесть монетъ за платье, какъ былъ у насъ уговоръ, а вотъ тутъ еще двѣ монеты, а это вотъ мой послѣдній центъ!

— Я согласна, Бетси, я согласна. Увѣраю тебя, за глаза довольно,—поспѣшно сказала Клара...

— Ну, какъ долго!—Молодая негрятянка ждала на порогѣ.—Я готова объ закладъ биться, что лунный пикникъ опять будетъ отложенъ.

Она ушла, болтая.

— Бетси!—воскликнула Клара.—А вдругъ бабушка узнаетъ?

Старушка не открывала глазъ, когда Клара вернулась въ комнату, а потомъ она заговорила, точно продолжая вслухъ свои думы:—Удивительно, что я только сегодня вспомнила про свой рабочий столикъ. Моя свадебная корзинка. Это Аза разгадала тайну столика... Аза...—Она задумчиво покачала головой, повторяя это имя.—Мнѣ говорили, что я избаловала ее; можетъ быть! Она была для меня скорѣе куклой, чѣмъ человекомъ. Ея мать отдала мнѣ ее годовалую. Такъ было интересно имѣть живую куклу, особенно въ то время, когда мнѣ надобно всѣ мои старыя куклы. Какіе планы я строила для нея! Но на то была воля Господа. Когда я стояла со слезами на глазахъ, смотря на иглы и нитки, Аза ощупала зеленый мѣшокъ внизу. Помнишь ты зеленый мѣшокъ, Клара?

— Какъ не помнить, бабушка! Конечно...

— Аза потянула ящикъ и вдругъ все было передо мной.

Синеватые руки бабушки съ темными узловатыми жилами нервно терли ручки кресла, и она часто дѣлала паузы, откидываясь назадъ, тяжело дыша.

— Право, если бы Аза подождала, не мѣбона была бы тогда обязана своей свободой. Она способна была умереть для меня, но она не могла быть доброй въ отношеніи меня. Клара, мнѣ-бы такъ хотѣлось взглянуть на мой рабочий столикъ. Многое-бы мнѣ припомнилось, если-бы я могла взглянуть на него. Я иногда думаю, дитя, что потеря дорогихъ сувенировъ—самая горестная потеря для насъ, женщинъ. Съ ними мы никогда не забываемъ. Въ старости вещи имѣютъ большое значеніе. Когда мы молоды, мы, какъ собаки, причесъ для

будущаго изъ запаса настоящаго обрывки лентъ, кружевъ, перчаток... что ни пошло... и какъ больно, когда придешь въ старости—голодная, въ пстаенное мѣстечко и ничего не найдешь. Пусть наши сувениры превратились въ глѣнь, и все-же они свѣжѣе, чѣмъ мы на склонахъ нашей жизни. Я совѣтую тебѣ, дитя мое, крѣпко хранить свои сувениры; береги ихъ, какъ пищу для чувства, такъ сказать, когда состаришься...

Бабушка снова забылась. Закрытые глаза, однако, не были смежены сномъ; подъ блѣдыми вѣками они со страхомъ прозрѣвали иѣчто неопредѣленное, медленно складывающееся изъ туманной неизвѣстности въ роковое убѣжденіе.

Она слабѣла... слабѣла физически и умственно.

Малютка Клара работала за нее. Пришла пора подумать о концѣ. Но зачѣмъ-же прошлое угнетаетъ ее, заполонивъ воздушными призраками каждый уголокъ ея памяти?

«Вотъ каковъ конецъ жизни, основанной на принципахъ, навѣянныхъ героическими внушеніями прежняго времени. Принципы остались тѣ-же, но человѣческая природа измѣнилась съ тѣхъ поръ... Женскія сердца оказались столь сильны, что не разбили среди пушечныхъ ранъ, сабельныхъ ударовъ, увѣчий отъ лошадиныхъ подковъ. Женскія руки оказались настолько умѣлы, что схватили и удержали бразды хозяйства, покинутого мужчиной. Все шло дурно». Старушка прикрыла платкомъ свои глаза.—«Да, все пошло дурно. Битва кончилась не побѣдой, а поражениемъ; сынъ вернулся на щитѣ, а не со щитомъ. Не будь наводнѣній, несчастій, неудачъ, неурожая, эпидемій, не будь столько безнолезнаго, темнокожаго народа, который надо было кормить—можетъ быть, и она была-бы хорошей плататоршей. Но результатъ былъ таковъ, что, когда къ ней явился съ отчетомъ ея управляющій, она откровенно и твердо призналась, что не имѣла права ни на одну десятину въ своихъ плантаціяхъ. Можно было-бы обойти законъ, но развѣ она могла поступиться своей честью ради мѣдныхъ грошей? Она могла уѣхать во Францію, и многіе предполагали, что она такъ и сдѣлала; и покинуть страну, за которую сложила свою жизнь ея сынъ?»

Но послѣ войны она менѣе всего была французенка, она была американка больше чѣмъ когда-либо.

Мужчины сражались, а женщины переносили тяжелыя превратности. И она покинула прекрасную страну, свои плантаціи, свой домъ, полный воспоминаній молодости и счастья, и пріѣхала въ ненавистный городъ, отыскала жалкую кануру, опустѣвшую со смертью стараго невольника, и повела съ Кларой жизнь, на которую, какъ она себя убѣдила, ее осудили судьба и принципы.

Солнце заходило въ переулкѣ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что большой домъ занималъ всю западную часть. По мѣрѣ того, какъ исчезали солнечные лучи, открывались окна и двери и скрывавшіеся обыватели заканчивали дневную работу при открытых дверяхъ, пока сумерки не разрѣшали имъ насладиться болтовней съ сосѣдями. Одинъ только угловой домикъ сохранялъ свою недопрѣчную утрюмость. Когда всѣ выслали на улицу для обиденной болтовни, Клара и бабушка удалялись на задворокъ, между домикомъ и кухней. Старушка прогуливалась отъ куста къ кусту, перебирая съ материнской опытностью своимъ слабыми, исхудалыми ру-

ками зеленые листья, выпрямляя покривившіяся вѣтки и отыскивая поврежденные мѣста. Сердце ея тоскливо сжималось отъ сдерживаемаго волненія. Слезы снова выступили на глазахъ, теперь ихъ можно было не скрывать, потому что Клара ушла, понесла работу. Но старушка измѣнила выраженіе своего лица, когда услышала звукъ замка въ маленькой калиткѣ за колодезьемъ. Клара съ шумомъ вошла, сопровождаемая Бетси со сверткомъ.

— О, бабушка! Какая прелестная прогулка! Если бы можно было каждый вечеръ относить работу! Старуха Варонъ была какъ нельзя болѣе любезна.

Она обняла бабушку и порывисто поцѣловала ее.

— Такъ пріятно пройтись по улицамъ, бабушка. Сколько людей на свѣтѣ! А я знаю только тропы, вась, Бетси и старуху Варонъ. Ритмическіе звуки шумнаго, страстнаго вальса раздались изъ-за кирпичной, поросшей травой стѣны. Клара начала вертѣться, точно подхваченная мелодичнымъ вихремъ, пока не запылалась.

— Когда я слышу такую вотъ музыку, бабушка, у меня кровь точно хочетъ вылиться изъ жилъ и пуститься въ плясъ передо мной. Я слышу иногда по ночамъ эту музыку; я думаю, что это грезится мнѣ, но я не сплю и прислушиваюсь, пока не заткну ушей и не заставлю лежать себя смиренненько. Мнѣ хочется встать, бабушка, и пойти, пойти за музыкой, пока я, наконецъ, не приду въ то мѣсто, откуда она раздается.

Слова эти были сказаны съ нескрываемой пылкостью, и глаза ея блестя лихорадочнымъ блескомъ. Бетси схватила Клару за платье.

— Барышня...

— Иногда я удивляюсь, въ музыкѣ-ли есть что-нибудь или во мнѣ самой...

— Мамзель Клара, на одно слово.

— Эта Бетси положительно невоспитанна, замѣтила бабушка вполголоса.

— Барышня!—Негритянка порывисто положила руку на плечо Клары, чтобы привлечь ея вниманіе.

— Если бы это видѣла Аза!—Старушка брезгливо удалилась.

— Барышня! Я не могу стоять и видѣть, какъ вы танцуете и поете подъ эту музыку, и слышать, какъ вамъ хочется ночью встать и пойти за ней.—Голосъ чернокожей старухи дрожалъ, и ея пальцы судорожно сжимали тонкую, бѣлую руку.—Я не говорю барыни, потому что не хочу беспокоить ее; но, барышня, это такъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что Господь слышитъ меня, тамъ наверху негры играютъ для чертей, и бѣлой барышни неприлично слушать ихъ музыку.

— Что ты хочешь сказать?

— Барышня...

— Развѣ музыку портить тотъ, кто играетъ?

Ты думаешь, что меня такъ тянетъ танцовать и слушать ее?.. Развѣ я сказала, что буду вставать по ночамъ, что пойду вслѣдъ за звуками? Говорила я, что буду ходить по улицамъ каждый вечеръ? Говорила, что пойду къ людямъ, чтобы они хоть разъ только пожали мнѣ руку? Я только...—Тутъ голосъ ея прервался,—я только сказала, что мнѣ хотѣлось бы.—Музыка звучала теперь тише, мягче. Дѣвушка заткнула себѣ уши.

— Вотъ! Такъ, что-ли, мнѣ надо сдѣлать?

— Но, барышня...

— Вѣдь это же ничего не стоитъ.—вспыльчиво перебила та.—Даромъ вѣдь можно слушать музыку!

Двѣ слезинки выкатились изъ ея воспаленныхъ глазъ; она въ страхѣ остановилась и прикрыла глаза руками.

— Клара! Клара-Бланш! Шла бы ты въ комнаты, дитя...

— Да, бабушка!

На крыльцахъ собирались женщины въ бѣлыхъ балахонахъ. Мужчины разставили стулья вдоль деревьевъ и домиковъ и курили свои сигаретки. Ребятишки—улица могла бы снабдить цѣлый городъ дѣтьми—носились изъ края въ край, выплывая подъ звуки уличной шарманки. Фонарички пробирались между стульями оставляя за собой легкій слѣдъ на зеленой листвѣ. По мѣрѣ того, какъ сумракъ заволакивалъ густыя вершины анелсинныхъ деревьевъ, ступенчатая смутная очертанія загороженнаго дома,—взрывы веселья оттуда, казалось, летѣли на улицу съ вызывающей безпечностью: стремительные звуки танцевъ, обрывки пѣсенъ и хора, сливавшихся въ громкомъ хотѣ и топотѣ пляшущихъ ногъ.

Женщины тѣсно прижимались другъ къ другу, занятыя своими пересудами; а мужчины съ сигарами, вспыхивающими среди мрака, молча прислушивались, бросая украдкой многозначительные взоры въ сторону таинственнаго веселья.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Ли-Хунгъ-Чангъ—поэтъ. Сердечный пріемъ голландцевъ сдѣлалъ на Ли-Хунгъ-Чанга такое впечатлѣніе, что въ Гагѣ въ золотую книгу Индѣйской Гостиницы онъ вписалъ стихотвореніе на китайскомъ языкѣ, которое профессоръ Шлегель въ Лейденѣ перевелъ слѣдующимъ образомъ: «Болѣе чѣмъ 50 лѣтъ я состою членомъ и великимъ секретаремъ Императорской Китайской Академіи. Никогда не могъ я ожидать, что переплывъ моря и океаны, я попаду въ рай земной, подобно этому увеселительному мѣсту. Я упивался музыкой (онъ говоритъ о шевенингскомъ оркестрѣ) и для меня было большою неожиданностью, когда въ фейерверкѣ я прочелъ желаніе долго жить. Я захотѣлъ воспѣть это стихами». Подъ этимъ Ли-Хунгъ-Чангъ подписалъ еще: «Въ Голландіи много ученыхъ людей; во время моего посѣщенія Европы, я былъ и въ этой странѣ. Какъ служащій, такъ и народъ встрѣтили меня въ одномъ городѣ на берегу Сѣвернаго моря. Тамъ были концерты и иллюминація. Они не могли оказать мнѣ большаго вниманія, какъ показавъ въ фейерверкѣ пять китайскихъ буквъ, въ которыхъ заключалось желаніе долгой жизни и счастья, и въ тоже время эти буквы обозначали мое достоинство, какъ перваго чловека послѣ императора. Это побудило меня написать стихи. 25 числа пятаго мѣсяца 26 года Куангъ-Гсу. Ли-Хунгъ-Чангъ».

Глубина моря. Въ прошломъ году въ англійскомъ флотѣ были произведены измѣренія морской глубины; особенно интересныя свѣдѣнія добыты «Пинчвиномъ», который нашелъ наибольшую глубину въ южной части Тихаго океана. Приблизительно около 28° южной долготы и 176° западной широты были спущены два превосходныхъ лота въ 9414 и 9428 метровъ (около 5000 саж.). Оба лота подняли значительное количество осадковъ морского дна. До сихъ поръ наибольшая измѣрявшаяся глубина находилась къ сѣверо-востоку отъ Японіи и составляла 4655 саженей. Произведенныя измѣренія указали еще на тотъ фактъ, что мѣста наибольшей глубины отдѣлены между собою плоскостями и подтвердили уже раньше дѣлавшіяся наблюденія, что наиболѣе глубокія мѣста всегда вѣхаются вблизи земли.

К. М. СТАНЮКОВИЧЪ.

(Двадцатипятилѣтній юбилей литературной дѣятельности).

Пользуемся съ удовольствіемъ случаемъ, чтобы отмѣтить достойный двадцатипятилѣтній юбилей нашего извѣстнаго писателя Константина Михайловича Станюковича, составившаго себѣ солидное имя своими «Морскими разсказами».

Наши читатели знакомы съ талантливыми его произведеніями, печатавшимися на страницахъ журнала «Живописное Обозрѣніе», а въ будущемъ году наши читатели прочтутъ одинъ изъ новыхъ удачныхъ его разсказовъ въ нашемъ журналѣ.

Читающая публика всегда съ удовольствіемъ видитъ имя почтеннаго автора на страницахъ ежемѣсячныхъ журналовъ. К. М. Станюковичъ родился въ 1844 году въ Севастополѣ, въ дворянскомъ семействѣ. Отецъ К. М. былъ морякъ-адмиралъ. Сначала К. М. учился въ Пажескомъ корпусѣ, а затѣмъ поступилъ въ Морской корпусъ. Въ 1860 году К. М. отправился въ кругосвѣтное путешествіе, которое продолжалось три года и хорошо ознакомило молодого моряка съ разностороннимъ и интереснымъ бытомъ моряковъ. Посланный, послѣ трехлѣтняго плаванія съ деньгами къ генералъ-адмиралу и морскому министру въ Петербургъ, К. М. проѣхалъ черезъ Китай и Сибирь, чѣмъ, конечно, еще болѣе обогатилъ запасъ своихъ впечатлѣній. Тутъ въ молодомъ морскомъ офицерѣ пробудилось влеченіе къ литературѣ, и онъ рѣшилъ выйти въ отставку. Прежде чѣмъ достигнуть этого результата, К. М. долженъ былъ выдержать серьезную борьбу со старикомъ-отцомъ, желавшимъ сдѣлать изъ сына зайдлага моряка. Наконецъ, К. М. вышелъ въ отставку съ чиномъ лейтенанта. Желая изучить поближе и жизнь деревни, К. М. былъ съ 1865 по 1866 годъ сельскимъ учителемъ во владимірской губерніи, муромскаго уѣзда, въ селѣ Чаадаевѣ. Свою литературную дѣятельность К. М. Станюковичъ началъ довольно рано и сразу съ выдающимся успѣхомъ. Его «Очерки морского быта» помѣщены были впервые въ «Морскомъ Сборникѣ». Вскорѣ очерки и разсказы К. М. Станюковича стали появляться и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, какъ напр. въ «Эпохѣ», въ «Искрѣ», въ «Будильникѣ». Кромѣ того, молодой талантливый писатель принялся и за публицистическую дѣятельность: онъ сталъ писать фельетоны общественной жизни въ «Женскомъ Вѣстникѣ» и въ газетѣ «Гласность». К. М. попробовалъ себя тоже и на драматическомъ поприщѣ. Его пьеса «На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ» не могла пойти на сценѣ по цензурнымъ условіямъ. Все болѣе и болѣе развиваясь, талантъ К. М. сталъ захватывать широкое поле творчества. Однимъ за другимъ появились его прекрасные, захватывающіе общественные вопросы романы, окончательно упрочившіе его литературное положеніе. Въ 1873 году появился романъ «Безъ исхода»; въ 1880 году—романъ «Два брата»; въ 1881 году—романъ «Омутъ». Въ 1878 году К. М. написалъ свою вторую пьесу «Родственники». Вращаясь постоянно въ журнальномъ мірѣ и обладая тонкой публицистическо-сатирической жилкой, К. М. много сотрудничалъ въ разныхъ изданіяхъ, ведя постоянные отдѣлы. Въ журналѣ «Дѣло», гдѣ съ 1876 по 1884 годъ К. М. былъ постояннымъ,

полезнымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ, онъ велъ общественные фельетоны подъ названіемъ «Картинки общественной жизни». Къ той-же серіи, въ томъ-же журналѣ принадлежали фельетоны К. М. «Письма знатныхъ иностранцевъ». Псевдонимъ К. М. Станюковича въ это время былъ—«Откровенный писатель» и этотъ псевдонимъ имѣлъ большое число поклонниковъ. Отличаясь способностью быстро и много работать, К. М. въ то-же время сотрудничалъ и въ газетахъ. Въ журналѣ «Дѣло» К. М. сдѣлался въ 1881 году редакторомъ, а черезъ два года приобрѣлъ этотъ журналъ въ свою собственность. Но издавать журналъ ему не удалось вълѣдствіе многихъ обстоятельствъ, зависящихъ отъ него. Проживая съ 1885 по 1888 годъ въ томской губерніи, К. М. не переставалъ заниматься литературой. Онъ присылалъ въ журналы: «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ» и «Русскую Мысль» свои «Морскіе разсказы», принятые публикою съ тѣмъ-же интересомъ. Въ настоящее время К. М. живеть въ Москвѣ и продолжаетъ писать. Еще недавно въ библиографическомъ отдѣлѣ нашего журнала мы говорили о повѣсти К. М. изъ морской жизни: «На морѣ». Произведенія К. М. сначала отличались тенденціознымъ характеромъ, преимущественно два первые романа: «Безъ исхода» и «Два брата». Но затѣмъ, найдя золотую середину, прекрасный талантъ К. М. вступилъ въ область реально-художественной беллетристики, гдѣ занялъ видное мѣсто. Читающая публика особенно любитъ морскіе разсказы К. М. Станюковича, гдѣ авторъ всегда умѣетъ въ небольшую вещь вложить и интересъ содержанія, и чувство, и драматизмъ.

Заканчивая краткую нашу замѣтку о литературныхъ трудахъ К. М. Станюковича, нельзя не пожелать ему благополучно дожить и до пятидесятилѣтняго юбилея въ добромъ здоровьи!

КЪ РИСУНКАМЪ.

Медовый мѣсяцъ. Съ картины художника К. Бергера.

Промчался-прошумѣли блестящіе, безпечные свадебные дни, и молодые, оставшись наединѣ, наслаждаются невозмутимымъ, сладкимъ счастьемъ, которое для нихъ еще болѣе дорого, потому что ново. О, эти первые дни супружескаго счастья, когда влюбленные понимаютъ другъ-друга съ одного взгляда, когда въ мирный, блаженный уголокъ не проникаетъ еще шумъ окружающей суеты и далека еще злая старуха—житейская забота. Вотъ передъ нами такая блаженствующая парочка молодыхъ супруговъ, еще въ медовомъ мѣсяцѣ. Художникъ изобразилъ ихъ тонко и поэтично. Утренній кофе... Въ уютной, съ любовью убранной комнатѣ—тишина, прерываемая только шипѣніемъ кипящаго кофейника. Они молчатъ, да и къ чему говорить? Тамъ гдѣ чувства, тамъ—людскія такъ грубы слова, по выраженію поэта. Одно легкое прикосновеніе къ рукѣ любимаго человека, одинъ трепетный жгучій вздохъ—и все ясно. Будьте-же счастливы, молодые влюбленные, пока жизнь не трогаетъ васъ!

Зима. Рисунокъ художника М. Пясекаго.

Только каркаютъ вороны
И дерутся на снѣгу;
Лѣсъ нахмурился безмолвно,
Лѣсъ замерзъ, и ни гу-гу!

Знаешь, старый, что не станеть
Съ нимъ шутить лихой морозъ,
Что развѣситъ онъ по вѣткамъ
Ледяныя капли слезъ.

Дремлетъ озеро лѣсное
Подъ броней тяжелой льда;
И затихла-притаилась
На сырое дно—вода.

Только каркаютъ вороны,
И на мохъ, какъ на постель,
Стелеть хлопьевъ серебристыхъ
Блѣдоснѣжная мятель!...

Плѣнница. Съ картины художника Е. Люмина (выставка картинъ въ Парижѣ 1896 г.).

Талантливый французскій художникъ взялъ сюжетъ для своей искусно скомпонованной картины эпизодъ изъ IX столѣтія. Страшный бичъ терзалъ тогда Европу: это были разбойничьи набѣги норманновъ, «королей моря», какъ ихъ тогда называли. Ихъ предводители—«викинги» считали гребель и войну цѣлью своей жизни. Мощное тѣлосложеніе, привычка къ походамъ, навыкъ владѣть оружіемъ и безумная храбрость дѣлали норманновъ непобѣдимыми. Изъ своей суровой, гористой Скандинавіи, гдѣ сдѣлае барды славили въ длинныхъ пѣсняхъ ихъ подвиги, налетали «викинги» на англо-саксонскіе берега, на берега богатой Франціи, поднимались вверхъ по теченію по рѣкамъ въ самую глубь страны, сжигали селенія, брали города, разбивали войска, и нагнуживъ добычей, плѣнниками, золотомъ—свои легкіе остроносые корабли, уносились, какъ вихрь. Тысячу разъ французскіе и англо-саксонскіе короли откупались отъ разбойниковъ, но это не спасало. На картинѣ Люмина два норманна, захватившіе на неприятельской землѣ молодую красавицу, тащутъ ее по водѣ къ своему кораблю. Несчастная бьется, кричитъ. Она только сейчасъ видѣла убитыми всѣхъ близкихъ; видѣла пожаръ родного дома, и теперь передъ ней плѣнь, позоръ.

Самсонъ и Далила. Съ картины профессора А. Кившенко.

Во время сна Самсона, Далила, лукавая филистинянка, обрѣзала ему волосы. По библейскому сказанію, Самсонъ далъ обѣтъ никогда не стричь волосъ, и въ нихъ таилась вся его сила. Вошла, предупрежденная Далилой, филистинянка и связала сначала. Есть чудная поэма Мей о томъ, какъ плѣнный Самсонъ былъ приведенъ послѣ долгаго заключенія въ капище Дана, гдѣ филистиняне хотѣли надругаться надъ нимъ. Но уже у Самсона отросли волосы, къ нему возвратилась прежняя мощь. Онъ потрясъ козанны, поддерживающія своды капища—и все рухнуло. Погибли и враги, и Самсонъ. Самсонъ и Далила служили неразъ сюжетомъ художникамъ, имъ музыкантамъ... Въ настоящее время въ Петербургѣ идетъ опера Сень-Санса «Самсонъ и Далила». Профессоръ Кившенко взялъ очень интересный моментъ. Самсонъ видитъ, что онъ въ рукахъ враговъ, но не замѣчаетъ, что волосы его обрѣзаны, что сила его пропала. Онъ не можетъ отбросить враговъ. Гнѣвъ, изумленіе, отчаяніе видны на лицѣ его. Далила, около смятаго ложа, злобно слѣдитъ за борьбой. Въ шатеръ бѣгутъ еще воины, которыхъ призываетъ на помощь служанка. Вся картина полна экспрессіи и движенія.

Бездомные. Съ картины художника К. Тренгсена.

Унылая, мрачная картина! Горько глядѣть на эту бездомную мать съ двумя дѣтьми. Всѣ они въ лохмотьяхъ; зимній вѣтеръ рветъ худую одежду, сыплетъ безпріютнымъ странникамъ въ лицо колючимъ снѣгомъ. Бѣдная, бѣдная вдова! Лишилась она мужа, лишилась она жилища, проданнаго за долги, и безжалостный заподоваецъ выгналъ ее на улицу. И пошла бѣдная женщина, глотая горькія слезы, искать добрыхъ людей по свѣту, искать хоть неопыльной работы, чтобы прокормить своихъ ребятишекъ. Гдѣ-то далеко-далеко есть у нея дальніе родственники; можетъ, у нихъ найдется кусокъ хлѣба. И бредутъ-бредутъ бездомные по холодному полю. Дойдутъ-ли они? Не замерзнутъ-ли они темною, злою ночью...

Наказанный амуръ. Скульптура художника Г. Келя (Художественная выставка въ Берлинѣ 1896 г.).

Изящная мраморная группа Келя была выставлена на художественной берлинской выставкѣ этого года. Молодая красавица, передъ которою чѣмъ-то провинился амуръ-проказникъ, схватила его, вырвала колчанъ и сбѣчетъ шалуна цвѣтами. Младушка испуганно бѣется крылышками и умоляетъ о прощеніи. Но затѣнная лукавая усмѣшка на его личикѣ говоритъ: «Погоди, погоди! Я тебѣ тоже отомщу. Притаюсь за кустомъ розъ и, когда пройдетъ передъ тобою безобразный сатиръ, я пушу тебѣ въ сердце стрѣлу. Ты полюбишь чудовище!» Да, эта юная римлянка въ аллегорической группѣ Келя, тоже не избѣжитъ любви, какъ и борись она съ этими чувствами.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Италія.—Италіи опять не повезло въ Африкѣ. Правительствомъ получена депеша отъ занзибарскаго консула, сообщающая, что караваны консула Чекки были отправлены для изслѣдованія берега рѣки Вебишебели. Караваны вышли изъ Могадоксо и 25-го ноября переночевали въ Софоли, въ 20 километрахъ отъ границы. Участвовали: капитаны «Стафета» Маффен и «Вольтурно» Монджардини, директоръ таможи, 7 офицеровъ, 6 унтеръ-офицеровъ и 70 солдатъ-аскариевъ. Въ 1 ч. ночи лагерь подвергся нападенію кочевниковъ-сомалиевъ и съ обѣихъ сторонъ было нѣсколько человѣкъ убитыхъ. 26-го караванъ возвращался, причемъ битва возобновилась. Изъ каравана убитъ только одинъ; раненые капитанъ и два солдата спасены; изъ аскариевъ 18 убиты и 17 ранены. Итальянскій комисаръ послалъ отрядъ морскихъ солдатъ, которые отыскали 14 труповъ европейцевъ и привезли ихъ обратно, наказавъ сомалиевъ. «Стафета» отправился въ Занзибаръ, «Вольтурно» остался въ Могадоксо, «Говероло» stationируетъ въ Меркѣ. Итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ объяснилъ палатѣ, что Чекки было правительствомъ поручено отправиться къ берега Эльбснадира и передать управление тамошними станціями итальянскому частному обществу. Министръ не могъ себѣ объяснить, почему Чекки проникъ внутрь страны по направлению къ рѣкѣ Вебишебели, но думалъ, что у него было для этого достаточное основаніе. Министръ отъ имени правительства и палаты высказалъ глубокое прискорбіе по поводу смерти этихъ храбрыхъ людей. Строгое наказаніе виновныхъ будетъ предписано правительствомъ съ цѣлью охранить безопасность итальянскихъ владѣній на этомъ побережьи. Военное судно «Volta», съ пятью ми-тральезами и другимъ военнымъ матеріаломъ, ушло изъ Неаполя въ Могадоксо. «Opinione» подтверждаетъ, что «Volta» зайдетъ въ Масову, гдѣ будутъ съ нимъ отправлены въ Могадоксо 200 аскариевъ.

Египетъ.—Апелляціонный судъ присудилъ египетское правительство возратить въ кассу государственнаго долга взятые на донгольскую экспедицію 500,000 ф. ст. вмѣстѣ съ процентами и уплатить всѣ судебныя издержки, за исключеніемъ издержекъ по процессу первой инстанціи, которыя возлагаются на комисаровъ Англіи, Германіи, Австріи и Италіи. Въ противность постановленію первой инстанціи, выполненіе приговора не возложено теперь на французскаго и русскаго комисаровъ, Апелляціонный судъ признаетъ, что каирскій судъ былъ компетентенъ въ рѣшеніи этого дѣла, ибо ни одна группа владѣльцевъ облигацій не имѣла «locus standi», но, съ другой стороны, каждый членъ долговой кассы имѣетъ право возраженія другимъ членамъ

и правительству, если онъ признаетъ ихъ постановленіе неправильнымъ: для извлеченія суммъ изъ резервнаго фонда необходимо единогласіе комиссіи.

— Лордъ Кромеръ сообщилъ египетскому правительству, что онъ уполномоченъ заявить, что если правительство признаетъ приговоръ суда объ уплатѣ долговой кассѣ 500,000 ф. ст., отвѣтственность падетъ на египетское правительство, но англійское правительство готово дать взаймы эту сумму, такъ какъ, по мнѣнію англійскаго правительства, египетское не въ состояніи покрыть ее.

Сѣверо-Американскіе Штаты.—25-го ноября Кливлендъ обратился къ конгрессу съ посланіемъ, которое начинается указаніемъ на Арменію, при чемъ поставляется на видъ чтобы добиться отъ Турціи предъявленныхъ къ ней американскимъ правительствомъ требованій. Кливлендъ полагаетъ, что нынѣшніе прискорбные государственные порядки Турціи, представляющіе такой контрастъ съ просвѣщеннымъ девятнадцатымъ вѣкомъ, не долго будутъ еще терпимы; это оскорбительно для христіанскаго міра. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ нельзя признать кубанскихъ плесурентовъ воюющею стороною. Затѣмъ въ посланіи съ участіемъ говорится о затрудненіяхъ, съ которыми приходится бороться испанцамъ, имѣющимъ дѣло съ одной стороны съ непріятелемъ, который избѣгаетъ боя въ открытомъ полѣ, а съ другой съ лицами, проживающими въ Соединенныхъ Штатахъ и противъ которыхъ американскіе законы безсильны. Посланіе отвергаетъ мысль приобрести Кубу за деньги до тѣхъ поръ, пока Испанія не выразитъ желанія продать островъ. Далѣе высказывается мнѣніе, что Испанія слѣдовало бы предложить Кубѣ автопомію.

Румынія.—Въ Бухарестѣ сформированъ новый кабинетъ въ слѣдующемъ составѣ: Ау-релианъ—министръ-президентъ и министръ государственныхъ имуществъ; Ласкаръ—министръ внутреннихъ дѣлъ; Полумборо—министръ общественныхъ работъ; Морцеску—министръ исповѣданій и народнаго просвѣщенія; бывший министръ Кантакузенъ—министръ финансовъ; Стоическу—министръ иностранныхъ дѣлъ и временно управляющій военнымъ министерствомъ. Парламентское большинство, во главе Стурдзоу во главѣ, заявило, что оно будетъ самымъ энергичнымъ и искреннимъ образомъ поддерживать новое министерство. Во время кризиса произошли уличныя манифестаціи.

Сербія.—Изъ Ускюба сообщаютъ, что изъ городовъ и селъ ускубской епархіи посланы по телеграфу вселенскому патриарху многочисленные протесты противъ избранія Амвросія митрополитомъ ускубскимъ. Въ этихъ протестахъ, въ числѣ которыхъ находится

протестъ духовенства съ болѣе 70 подписями, избраніе Амвросія объявляется недействительнымъ, такъ какъ предварительно не было спрошено мнѣнія епархіи. Въ ускубской епархіи имѣется 11,000 сербскихъ и всего только 50 греческихъ домовъ, а потому назначеніе греческаго митрополита, вовсе незнакомаго съ сербскимъ языкомъ, представляется невозможнымъ. Сверхъ того, противъ митрополита Амвросія предстоитъ, какъ говорятъ, судебное преслѣдованіе по обвиненію въ совершеніи безправственнаго поступка.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Министромъ финансовъ утвержденъ уставъ торговыхъ классовъ, учреждаемыхъ обществомъ распространенія низшаго коммерческаго образованія въ Кіевѣ, съ цѣлью «сообщать лицамъ всѣхъ возрастовъ, не моложе 12 лѣтъ, преимущественно состоящимъ на службѣ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ, начальныя коммерческія познанія, необходимыя въ торговомъ дѣлѣ».

— Управление казенныхъ желѣзныхъ дорогъ отпустило 80,000 руб. управленію Николаевской дороги для устройства въ будущемъ 1897 году электрическаго освѣщенія въ пакгаузахъ и на путяхъ товарной и пассажирской станцій этой дороги въ Петербургѣ.

— Товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, 20-го ноября текущаго года, утверждено положеніе о стипендіяхъ имѣи заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго московскаго университета, тайнаго совѣтника И. Н. Новицкаго, учреждаемыхъ при смоленской мужской гимназіи на проценты съ пожертвованнаго имъ для этой цѣли капитала въ 5,000 р.

— Министерство путей сообщенія внесло на разсмотрѣніе государственнаго совѣта проектъ объ углубленіи Очаковскаго канала до 32 футъ. Всѣ работы по этому углубленію предполагается закончить въ теченіе 6 лѣтъ, при расходѣ въ десять милліоновъ рублей.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

24-го ноября Николаевская инженерная академія и училище праздновали 77-ю годовщину своего основанія. Въ 10¹/₂ часовъ утра, въ церкви академіи и училища была отслужена литургія, по окончаніи которой въ 11¹/₂ часовъ, въ рекреационномъ залѣ было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе. На этотъ разъ, кромѣ чиновъ академіи и училища и обучающихся въ академіи офицеровъ и юнкеровъ училища, на годичный праздникъ alma mater собрался самый тѣсный кружокъ бывшихъ питомцевъ этихъ заведеній.

— Михайловское артиллерійское училище и академія праздновала на этой недѣлѣ 76-ю

свою годовщину. Утромъ въ церкви училища совершена торжественная литургія съ молебствомъ. Собралось много старыхъ и юныхъ артиллеристовъ. Затѣмъ въ сборной залѣ инспекторъ генер.-м. Гукъ поздравилъ юнкеровъ съ праздникомъ, а одинъ изъ старѣйшихъ артиллеристовъ генералъ Эгерштремъ сказалъ молодежи назидательное слово. Затѣмъ послѣдовалъ праздничный обѣдъ.

— 24-го ноября происходило освященіе и открытіе начального училища въ память Императора Александра III на Большой Охтѣ. Это училище, съ курсомъ городскихъ начальныхъ школъ, является первымъ на Охтѣ, учрежденнымъ мѣстнымъ пригороднымъ обществомъ. Оно основано благодаря энергіи исправляющего должность старшины Р. В. Анкина, и на содержаніе его асигновано изъ общественныхъ суммъ 2,700 р.

— 23-го ноября, въ день кончины хирурга Н. И. Пирогова, въ залѣ Главнаго управленія «Краснаго Креста» состоялось торжественное засѣданіе соединенныхъ обществъ: русскаго хирургическаго Пирогова, русскихъ врачей, спб. медико-хирургическаго.

— 21-го ноября исполнилось 50 лѣтъ служенія наукъ профессора кафедры еврейскаго языка и словесности въ спб. университетѣ Давида Абрамовича Хвольсона. Поздравить юбиляра, между прочимъ, прибыла депутація отъ профессоровъ университета, во главѣ съ профессоромъ В. П. Васильевымъ.

— Одинъ изъ петербургскихъ архитекторовъ надняхъ передалъ въ думу проекты своихъ воздушныхъ сухопутныхъ мостовъ, которые онъ предполагаетъ поставить на Невскомъ проспектѣ, съ цѣлью облегчить пѣшеходамъ переходъ съ одной стороны улицы на другую.

НОВОСТИ ИСКУССТВА.

Въ Оеодосіи сооруженъ монументъ Александру III. Памятникъ поставленъ на концѣ бульвара Айвазовскаго, у древней Генуэзской башни. Фигура Императора, изъ темной бронзы, работы профессора Баха, изображена во весь ростъ, въ генеральскомъ сюртукѣ, съ обнаженной головою. Лицомъ въ Бозѣ почивающій Государь обращенъ къ Оеодосіи. Въ правой рукѣ Императоръ держитъ военную фуражку, а лѣвую заложилъ за бортъ сюртука. Голова слегка склонена. Пьедесталъ—изъ чернаго кievскаго лабрадора. На лицевой сторонѣ, обращенной къ городу, надписи: «Императору Александру III благодарная Оеодосія», а на задней: «Сооруженъ въ царствованіе Императора Николая II. 1896 года».

— Президентъ республики намѣревается скорѣ послать Ихъ Величествамъ Императору и Императрицѣ Всероссійскимъ, въ видѣ сувенира, великолѣпный альбомъ, состоящій изъ написанныхъ самими авторами произведеній, которые были прочитаны или декламированы въ присутствіи Царственной Четы, а также изъ рисунковъ, которыми были украшены меню или программы празднествъ, автографовъ артистовъ, игравшихъ передъ Ихъ Величествами и, наконецъ, изъ изображеній наиболѣе художественныхъ декоративныхъ украшеній. Въ альбомѣ этотъ гг. Жюль Клареси, де-Эредіа, Коппэ и Сюлли-Прюдомъ внесли свои стихотворенія; Рейеръ—отрывокъ изъ «Сигурда»; Елервонъ, Жервэ и Кутюрве—дубликаты своихъ рисунковъ; Сара Бернаръ, Режанъ, Кокленъ, Мюне-Сюлли, Вормсъ и Поль Мунэ—свои автографы; Жамбонъ—

рисунки главнѣйшихъ своихъ декоративныхъ мотивовъ.

— Прибавляемъ нѣкоторыя подробности относительно предстоящей японской выставки. Дополненіемъ къ пей будетъ служить художественно-этнографическій отдѣлъ, состоящій изъ нѣсколькихъ рядовъ фотографическихъ снимковъ: 1) жизни японскихъ женщинъ отъ рожденія до смерти (изъ элементовъ всѣхъ классовъ и сословій), 2) всевозможныя профессіи Японіи, 3) религія и религіозныя процессіи, 4) виды Японіи: береговой полосы и постепенный переходъ въ глубь страны и тѣ. др., какъ, напримѣръ, японская архитектура и проч. Изъ выдающихся работъ на выставкѣ будутъ работы художниковъ школы Шиджо, Киши, Укио-Э, Кало и нѣкоторыхъ другихъ школъ художниковъ Е-И, Шу-Хо, Ге-Шей и др.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

24-го ноября въ Москвѣ чествовалась память императрицы Екатерины II. Въ Императорскомъ Большомъ театрѣ спектакль былъ составленъ изъ комедіи «О время» и оперы «Федулъ съ дѣтьми»; въ театрѣ Корша давали комедіи: «Недоросль» и «О время». Оба спектакля сопровождался апотеозомъ.

— Въ Александринскомъ театрѣ на этой недѣлѣ былъ тоже данъ спектакль въ память императрицы Екатерины II, и онъ отличался особенною торжественностью. Давали три одноактные пьесы императрицы Екатерины II (двѣ русскія—«Госпожа Встинкова съ семьей», «Передняя знатнаго боярина» и одна французская—«La rage aux proverbes»); затѣмъ музыкальное отдѣленіе и въ заключеніе живая картина-аптеозъ.

— Въ театрѣ Литературно-артистическаго кружка готовится къ постановкѣ «Гризельда» (Grisélidis), пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ Армана Сильвестра и Морана, въ стихотворномъ переводѣ кн. В. В. Барятинскаго. Фабулой служитъ средневѣковая легенда, переработанная изъ послѣдней новеллы «Декамерона» Боккаччо, о Гризельдѣ, маркизѣ де-Салюсъ.

— 22-го ноября, въ театрѣ Литературно-артистическаго кружка, была поставлена новая пьеса «Разгромъ», принадлежащая перу П. П. Гнѣдича; она должна быть причислена къ разряду наиболѣе удачныхъ пьесъ этого сезона. Это талантливо, ярко выписанный эпизодъ изъ событій отечественной войны, и авторъ удачно свелъ въ своей пьесѣ разнообразные типы этой эпохи. Особенно хороши были, г. Далматовъ и г. Бастуновъ.

— Гастроли Сальвини-сына въ «Акваріумѣ» даютъ истинно-художественное наслажденіе. Каждый спектакль Сальвини-сына возбуждаетъ восторгъ. Передъ немногочисленными любителями драматическаго искусства онъ выступилъ въ «Отелло», роли Коррадо въ «Семѣ преступника»... Яркій реализмъ игры, художественная правдивость тона очаровали зрителей и вызываютъ бурю оваций по адресу даровитаго трагика.

— Состоялся первый симфоническій вечеръ русскаго музыкальнаго общества подъ управленіемъ г. Эрмандерфера. Капитальнымъ нумеромъ программы была восьмая симфонія Бетховена, которую исполнилъ талантливый дирижеръ прямообразово. Г. Эрмандерферъ отличный толкователь произведеній Бетховена, онъ не помышляетъ о какихъ-либо добавочныхъ оттѣнкахъ и не старается перефразировывать гениальное сочиненіе.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Настольная книга по лѣсоводству. А. Ф. Рудзкаго. Изд. А. Ф. Девриена.

Эту прекрасную книгу, дающую рѣшительно всѣ важнѣйшія указанія, справки, свѣдѣнія относительно лѣсоводства, составили профессоръ с.-петербургскаго лѣсного института А. Рудзкій. Все, что касается изученія древесныхъ породъ въ Россіи, о лѣсномъ хозяйствѣ—все это можно найти въ пространномъ подробномъ изложеніи г. профессора. Маса рисунковъ въ текствѣ, двѣ фототипическія таблицы и два алфавитныхъ указателя дополняютъ полезнае руководство г. Рудзкаго.

Курсъ законовѣднія. В. А. Долбина. Изд. А. Ф. Девриена. Ц. 1 р.

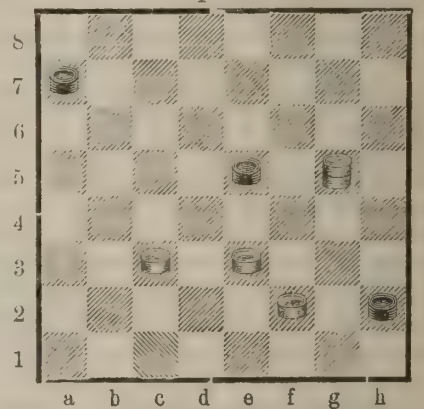
Практическое руководство къ изученію законовъ и пользованію ими, составленное В. А. Долбинымъ, содержитъ въ себѣ: обзоръ основныхъ законовъ, обзоръ законовъ о государственномъ управленіи, обзоръ гражданскихъ законовъ и уголовныхъ законовъ и дѣлѣнныя подраздѣленія особенно той русскаго законодательства. Особенное вниманіе обращено на отношеніе русскаго законодательства къ сельскому хозяйству и землевладѣнію.

ШАШКИ.

Подъ редакцію В. И. Шенина. ЭТЮДЪ № 17.

А. Иванова (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

Рѣшенія шашечныхъ задачъ.

№ 24. Подкова. 1. c7-f6; 2. f2-g3; 3. g1-f2; 4. a5-b6; 5. a8-e8 и 6. b8-g3.

№ 25. Сарыня. 1. f6-e7; 2. c5-d6; 3. h4-g3; 4. g5-f6; 5. e1-f2; 6. g3-c1 и 7. c1-e8.

№ 26. Петрова. 1. h4-g5, c6-e8; 2. g3-f2 и 3. h2-d2. 1... h6-f4; 2. g3-e1; 3. h2-f4; 4. e1-h4; 5. h4-g3 и 6. c1-b2.

№ 27. Андреева. 1. c5-d4, a7-e8; 2. g7-f6; 3. g3-h2; 4. h2-d2 и 5. g1-e3. 1... a7-e7; 2. g3-f2; 3. d4-c3; 4. f2-e1 и т. д.

№ 28. Егорова. 1. c5-b6; 2. g7-c8; 3. c1-b2; 4. b2-g7; 5. a7-e8; 6. e8-c1; 7. c1-f2, g5-f4 (g5-h4); 8. h2-g3; 9. h2-g8 и 9. f2-g1.

Рѣшилъ: К. Подольскій, Е. Ф. Андреевъ (Спб.) и И. В. Петровъ (Кострома)—всѣ; П. М. Нѣминовъ (М. св.)—№ 24 и 26; И. И. Мосоловъ, А. Г. Савельевъ и А. А. Савельевъ (Спб.)—№ 26; М. И. Ивановъ (Москва)—№ 25; А. Гусевъ (Воронежъ)—№ 28.

Опечатка. Въ этюдѣ г. Холодова, помѣщенномъ въ № 48, на a1 должна стоять черная ладья, а на a3—проста.

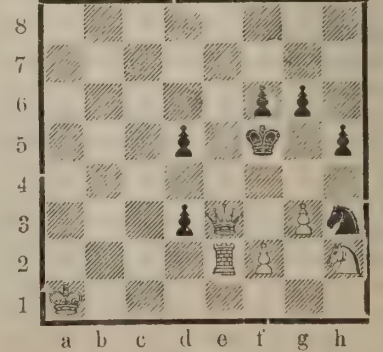
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 37.

Ю. Хохолуша (въ Прагѣ).

Изъ „České listy Sachové“.

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 2 хода.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

№ 2905-3
ВЫИГРЫШ
име 1, 2 и 8 займы продаетъ
БАНКІРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, НЕВСКИЙ, СПБ.

Жирная Пудра Дуриха
для бѣлизны лица
НЕЗАМѢТНА НА КОЖѢ
Василій Дурихъ
С-Петербургъ
Колокольная 18-19

Постергаться подолокъ!
Провизора
Г. Ф. Юргенсъ
Борно-Тимоловое Мыло
ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И
ДЕЗОРИРУЮЩЕЕ
Благоухонное Туалетное Мыло
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
Продается вездѣ
Кв. 50 1/2 кв. 30

Главный складъ для всей Россіи у Ф.
Юргенсъ въ Москвѣ.

«Изящно и Эффектно!»
Электрическое освѣщ. для экипажей по
новѣйш. способу устраиваютъ недорого
Э. КИНКМАНЪ и К°.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ 17.

Имѣется вездѣ. Депо фирмы въ Москвѣ: Лу-
бянская площ. д. Общество Россія.

Открыта подписка на 1897 годъ:
„НОВОСТИ ДНЯ“ ежедневная газета 8 р.
(Годъ изд. XV). На 6 мѣсяцевъ—5 р. на 1 мѣсяць—1 р.
„НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ ежемѣсячный журналъ 3 р.
(Годъ изданія VI).
съ еженедѣльнымъ иллюстрир. приложеніемъ „СЕМЬЯ“ 4 р.
„СЕМЬЯ“, еженедѣльное иллюстрирован. изданіе, отдѣльно 2 р.
(Годъ изд. IV).
Всѣ три изданія въ годъ 12 руб.
Альбомъ: „КОРОНАЦІОННЫЙ АЛЬБОМЪ“ (изд. „Нов. Дня“) роскош. издан. — 2 р.
Адресъ: Москва, „Новости Дня“.

СИМФОНІОНЫ
Музыкальныя статулки съ пріятнѣйшимъ тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ
возможность имѣть по произволу пѣсни, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручкой безъ нотъ.	5 —
Ноты по	25 —
Заводной безъ нотъ.	10 —
Ноты по	25 —
Заводной 60-тонный безъ нотъ	28 —
Ноты по	50 —
Заводной 84-тонный безъ нотъ	40 —
Ноты по	60 —
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	70 —
Ноты по	80 —
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie Piccol.	100 —
Ноты по	1 —

НОВЫЕ: Часы съ музыкой. Силдвые часы, разъ въ день заведенные, играютъ сами черезъ каждый часъ выбранныя по произволу пѣсни. Въ случаѣ желанія—играютъ, когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.
Цѣна 225 руб. Ноты по 1 руб.
пѣсни пѣсь для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. № 805-49

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ и нотная торговля
С.-Петербургъ, В. Морская, № 84 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

Поставщикъ Высочайшаго Двора
КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ
складъ РЕЗИНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ И НОВОСТЕЙ
Большая Морская, № 34.
Получилъ много новостей къ праздникамъ.

РЕМИНГТОНЪ
Торговый Домъ *И. Блок*
Около 1000 машинъ РЕМИНГТОНЪ въ употребленіи въ
Министерствахъ въ одномъ Петербургѣ.
Общій сбытъ около 150,000.

ЦЫТРА-„АРФА“
семь педальей, 24 струны, цѣна 5 р. 50 к., десять педальей 82 струны 10 р.
САМОУЧИТЕЛЬ по 60 к. и 1 р.
Цытра АРФА популярный и самый наисогчайшій для обученія инструментъ, на которомъ каждый въ состояніи сыграть желаемыя пѣсни, при помощи педальей получаютъ полные и пріятные аккорды.
№ 2905-7
ФАБРИКА ТОРГОВАГО ДОМА А. Е. КУЛАКОВЪ.
Контора и склады Садовая улица № 33 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Юбилейный роскош. иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается БЕЗПЛАТНО.

ПО НЕБЫВАЛО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ.
НОВОСТЬ!
Часы карманные накладнаго золота, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ, золотыхъ, прекрасной конструкціи. Элегантной отдѣлки 10 р. 50 к. Къ праздникамъ заготовлены въ большомъ выборѣ для ПОДАРОКОВЪ изящныя гарнатуры, состоящія изъ одной пары золотыхъ серегъ, одного кольца и одной брошки, всѣ 56 пробы элегантн. отдѣл. отъ 10 руб. до 15 р. Такой-же гарн. еще съ изящнымъ золотымъ браслетомъ 56 пробы отъ 25 р. до 75 руб. Изящныя серебряныя элегантныя цѣпочки дамскія отъ 1 р. 50, 2 р. и 3 р. штука. Мужскіе съ брелокомъ въ 2 р. 25 к., 3 и 4 р. Цѣпи накладнаго золота мужскія и дамскія отъ 1 р. 75 до 5 рублевъ.
Адресъ для требованій:
ДЕПО
Ш. Биткеръ,
Королевская ул. № 51.
г. ВАРШАВА.

ИЗВѢСТНОЕ БѢЛЪЕ
Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворныя Поставщикова
МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ
извѣстно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штукъ только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой неприятностей. После употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безужоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усиленномъ потѣнн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ и холостяковъ. Ниже поименованные представители сообщаютъ, по желанію, гдѣ оно продается.
Танфани и Штейдль, Москва. Карлъ Шиммель, Садовая 18, С.-Петербургъ. Максъ Тишбейнъ, Рига. Фабіанъ Клингсландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНИЕ.

Новое это изданіе, имѣвшее въ первые два года своего существованія громаднѣйшій успѣхъ, выходитъ въ видѣ большаго самостоятельнаго литературнаго ежемѣсячнаго журнала, подъ названіемъ:

НА ГОДЪ
4 РУБ.

съ доставкой
по Имперіи.

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА

ВЪ СОСТАВЪ КНИЖЕКЪ ВХОДЯТЪ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ (ИСТОРИЧЕСКІЕ и СОВРЕМЕННЫЕ)
РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, а ТАКЖЕ СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЮБИМЫХЪ ПОЭТОВЪ.

ВЪ ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ или 5,000 СТРАНИЦЪ ИНТЕРЕСНАГО ЧТЕНІЯ.

НА ПОЛГОДА
2 РУБ.

съ доставкой
по Имперіи.

„Домашняя Библиотека“ редактируется извѣстнымъ русскимъ писателемъ А. МИХАЙЛОВЫМЪ (А. К. ШЕЛЛЕРЪ).

Въ 1894 г. приступая къ изданію новаго ежемѣсячнаго журнала **«ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА»** мы ставили себѣ исключительную задачу: дать подписчикамъ разнообразный и интересный матеріалъ для чтенія въ видѣ **новыхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ**, сюжеты которыхъ черпаются изъ современной, русской и иностранной жизни.

«ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» даетъ обильный и полезный матеріалъ для семейнаго чтенія, какъ для городскихъ и сельскихъ подписчиковъ, такъ и вообще для лицъ, неимѣющихъ возможности выписывать дорого стоящіе журналы.

Въ двѣнадцати томахъ **«ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ»** въ 1897 году будутъ, попрежнему, помѣщаться только **новые и интересные романы, повѣсти и разсказы (историческіе и современные)**, а также **стихотворенія любимыхъ читателями поэтовъ**.

Каждый томъ **«ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ»**, между прочимъ, содержитъ непременно одинъ или два **новыхъ законченныхъ романа** русскаго или иностраннаго писателя, а не перепечатку старыхъ произведеній, какъ это нерѣдко практикуется въ послѣднее время.

Строгое соблюденіе послѣдняго условія совершенно выдѣляетъ наше новое изданіе изъ другихъ существующихъ дешевыхъ журналовъ. Произведенія иностранныхъ писателей печатаются въ **«ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКѢ»** со строгимъ выборомъ, исключительно такіе, которые дѣйствительно представляютъ выдающееся явленіе современной литературы или имѣютъ особый интересъ для русскихъ читателей.

Книги **«ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ»** выходятъ ежемѣсячно аккуратно, между первымъ и десятимъ числами, въ **ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ**, какъ напримѣръ: «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль» и др. въ размѣрѣ 20—25 листовъ (отъ 320—400 страницъ) убористой печати, что составляетъ въ годъ болѣе **5,000 СТРАНИЦЪ** интереснаго чтенія, въ изящномъ изданіи.

Громаднѣйшій успѣхъ, который встрѣтилъ нашъ новый ежемѣсячный литературный журналъ, въ первые два года своего существованія, превзошелъ скромныя ожиданія редакціи. Первые три книги журнала **«ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА»** были отпечатаны вторымъ изданіемъ, а въ настоящее время подписка на журналъ за 1896 годъ не принимается, такъ какъ всѣ книги журнала израсходованы.

Встрѣтивъ со стороны читателей какъ матеріальную поддержку, такъ и выраженіе сочувствія въ многочисленныхъ письмахъ, мы не остановимся въ дальнѣйшихъ расходахъ, чтобы поставить журналъ на ряду лучшихъ и полезныхъ изданій. Съ этою цѣлью мы пригласили къ участию въ нашемъ изданіи **извѣстныхъ русскихъ писателей и журналистовъ**, новыя литературныя произведенія которыхъ будутъ помѣщаться съ первыхъ же книжекъ журнала.

Болѣе, чѣмъ скромная подписная цѣна, назначенная нами за двѣнадцать книгъ **«ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ»**, при томъ обилии помѣщаемого въ нихъ разнообразнаго новаго литературнаго матеріала и изящной внѣшности, которые возможны лишь исключительно въ виду обширности нашихъ издательскихъ предпріятій, доказываетъ, что мы отказались на первое время отъ всякихъ выгодъ, стремясь поставить новое дѣло на прочную почву.

Для книгъ **«ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ»** приобретены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, въ числѣ которыхъ **находятся романы и повѣсти извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:**

МИХАЙЛОВЪ, А. (А. К. ШЕЛЛЕРЪ).—«Лѣсъ дремучій». Большой романъ.
СОЛОВЬЕВЪ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергій Горбатовъ» и др.).—«Угасшая звѣзда», романъ.
ПОЛЕВОЙ, П. Н.—«Странный анекдотъ», большая повѣсть.
ЯСИНСКИЙ, І. І. («Максимъ Бѣлинскій»).—«Ясное утро». Большой романъ.
СЛУЧЕВСКИЙ, К. К.—«Мой дядя», разск.
ГОЛИЦЫНЪ, Д. П. кн. («Муравлинь») «Рязаньновы», ром. изъ большого свѣта.
ГНѢДИЧЪ, П. П.—«Разгромъ», комедія.
ВОЛКОНСКИЙ, М. Н., князь (бывшій редакторъ «Нивы»).—«Дуэль», повѣсть.
СТАНЮКОВИЧЪ, К. М.—Разсказъ.
БАРАНЦЕВИЧЪ, К. С.—Большая повѣсть.

ТИХАНОВЪ, В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») — «Нехорошее дѣло», романъ.
ЧЕХОВЪ, А. П. «Контрабандисты», большой романъ.
ЩЕГЛОВЪ-ЛЕОНТЬЕВЪ, И. Л.—«Неудача», повѣсть.
СТАНИЦКИЙ, (А. Е. Головачева) — «Любимцы», повѣсть.
ВЕЛИЧКО, В. Л.—«Принципы», разсказъ.
БАЖИНЪ, Н. В.—«Часъ», повѣсть.
МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.—«Святой городъ», повѣсть.
НАЗАРЬЕВА, К. В.—«Болотные огоньки», большой романъ.
РЫШКОВЪ, В. А.—«Старыя дѣвы», пов.
ТАНГЕВА, Е. А., княгиня — «Чужая тайна», большой романъ.
ЛЕБЕДЕВЪ, В. П.—«Стрѣлецъ царя Александра Михайловича», историч. повѣсть.

ЛЕМАНЪ, Н. И.—«Подвигъ», бол. романъ.
ВЕДОРОВЪ, А. М.—«Вѣстепи», больш. ром.
ЯКОВЛЕВА, З. Ю.—«Кто виноватъ?» ром.
ЧУМИНА, О. Н.—«Злые чары», ром.
КРАСНОВЪ, П. Н.—«Между двухъ огней», романъ.
МАКСИМОВЪ, А. К.—«Такъ суждено», большой романъ.
СВѢТЛОВЪ, В. А.—«Черный призракъ», повѣсть.
ЗАРИНЪ, А. Е.—«Призваніе», больш. ром.
БУДИЩЕВЪ, А. Н.—«Рѣка Калканскъ», пов.
ЕЖОВЪ, М. Н.—«Случайные гости», повѣсть.
МЕНШИКОВЪ, Н.—«Игра судьбы», ром.
УМАНЕЦЪ, Е. І.—«За что?» повѣсть.
ГЕРБАНОВСКИЙ, Т. М.—«Солнышко пригрѣло», разсказъ.

ЯКУНИНЪ-ЗАХАРЬИНЪ, И. И.—«Сноха», разсказъ.
ЛЕОНТЬЕВЪ, Н. В.—«Бродяжка», разсказъ.
ГИППИУСЪ, З. Н.—«Неуловимая», разсказъ.
МАЙКОВЪ, М.—«Друзья соперники», разсказъ.
ИЗМАЙЛОВЪ («СМОЛЕНСКИЙ»), А. А.—«На зарѣ жизни».
ИЛОВАЙСКИЙ, П. І.—«Дочь ростовщика», романъ.
СВѢРЦОВЪ, Г. Т.—«Нравственные калѣбки», повѣсть.
КАЗИ-БЕКЪ, ЮРІЙ.—Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.
АВОНАСЬЕВЪ, И. И.—«Позорное наслѣдство», романъ.

Въ книжкахъ журнала **«Домашняя Библиотека»** въ 1897 г. будетъ напечатанъ новый большой романъ **ЖЮЛЯ ВЕРНА**.

Другія произведенія иностранныхъ писателей мы не перечисляемъ, такъ какъ все **НОВОЕ и ИНТЕРЕСНОЕ**, появляющееся въ иностранной литературѣ, печатается въ журналѣ **«Домашняя Библиотека»** немедленно.

Подписная цѣна на **«Домашнюю Библиотеку»** (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи):

На годъ—**ЧЕТЫРЕ** рубля. — На полгода—**ДВА** рубля. За границу (на годъ)—**8** руб.

УСЛОВІЯ РАЗСРОЧКИ. Желающіе получать журналъ **«ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА»** на льготныхъ условіяхъ, уплачиваютъ аккуратно по одному рублю впередъ за два мѣсяца. Невнесшимъ до 1-го числа слѣдующаго очереднаго взноса—журналъ не высылается.

Подписчики, желающіе получать журналъ въ разсрочку, уплачиваютъ при первомъ взносѣ еще 50 коп. на печатаніе адресовъ и другіе расходы по записи.

Подписка на журналъ **«Домашняя Библиотека»** принимается, какъ на изданіе совершенно самостоятельное, но во избѣжаніе недоразумѣній, поясняемъ, что подписавшимся на полученіе журнала **«Живописное Обозрѣніе»**, въ 1897 году, нѣтъ необходимости выписывать **«Домашнюю Библиотеку»** отдѣльно, такъ какъ эти-же книги выдаются при журналѣ **«Живописное Обозрѣніе»** бесплатно, въ видѣ **«Ежемесячныхъ литературныхъ приложеній»**.

Съ подпискою на **«Домашнюю Библиотеку»** просятъ обращаться исключительно въ главную контору: **С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.**

ПЕРВОЕ ВЪ РОССІИ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

НА ГОДЪ

4 Р.

Съ доставкою и пересылкою по Имперіи.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

(ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ)

ВЫХОДИТЬ СЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ, А ИМЕННО:

ПОРТРЕТАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ, А ТАКЖЕ РИСУНКАМИ, ОТНОСЯЩИМИСЯ КЪ СОВРЕМЕННЫМЪ СОБЫТІЯМЪ.

Газета «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», безусловно независимая и самостоятельная, по мѣрѣ силъ, служить общему дѣлу въ интересахъ дорогого Отечества, Церкви и Русскаго народа.

ВТОРОЕ изданіе газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» представляетъ собою въ Россіи ПЕРВОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ. Наше желаніе дать читателямъ за скромную подписную цѣну ЕЖЕДНЕВНУЮ политическую и литературную газету, отражающую въ сжатыхъ описаніяхъ, статьяхъ, фельетонахъ и замѣткахъ весь ходъ общественной, государственной и международной жизни, съ дополненіемъ всѣхъ сообщений, посвященныхъ интереснымъ событіямъ, художественными иллюстраціями, встрѣтило общее сочувствіе, и газета достигла въ короткій срокъ громаднаго распространенія въ Россіи.

НА ТРИ МѢСЯЦА

1 Р.

СЪ ДОСТАВКОЙ.

Въ каждомъ номерѣ газеты помѣщаются передовыя статьи, обсуждающія различные выдающіеся событія, какъ внутреннія, такъ и иностранныя, а также вопросы столичной и провинціальной жизни, съ точки зрѣнія интересовъ и пользы всего населенія; затѣмъ сообщаются всѣ новости дня изъ придворной, духовной, административной, военной, ученой и общественной жизни; рецензіи, судебные отчеты (интересные въ бытовомъ отношеніи), спортъ, торговые, биржевые бюллетени, телеграммы и корреспонденціи.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ газета даетъ оригинальные романы, повѣсти, рассказы, историческіе анекдоты, стихотворенія, а также разные, полезные въ сельской жизни, научные, врачебные и хозяйственные совѣты, въ такомъ обиліи, какъ ни въ одномъ другомъ дешевомъ изданіи.

ВАЖНОЕ УЛУЧШЕНІЕ ВЪ ИНТЕРЕСАХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ. Въ 1897 году каждый воскресный номеръ газеты «Сынъ Отечества» (второе изданіе) будетъ выходить отъ 12 до 16 страницъ, украшенныхъ художественно исполненными иллюстраціями, отпечатанными на велевой илизированной бумагѣ, въ видѣ иллюстрированного журнала, и въ числѣ большого новаго литературнаго произведенія будетъ напечатанъ новый романъ любимаго русскаго писателя **А. МИХАЙЛОВА**—«Послѣ насъ». Это нововведеніе даетъ возможность подписчикамъ составить въ теченіе года совершенно самостоятельный большой и полезный сборникъ новыхъ литературныхъ произведеній и художественныхъ иллюстрацій, всегда интересныхъ для чтенія и просмотра.

Всѣ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ въ 1897 г., получаютъ БЕЗПЛАТНО при первомъ номерѣ газеты — «СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ».

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», какъ дешевое ежедневное иллюстрированное изданіе, имѣетъ неоспоримое преимущество передъ другими подобными, во-первыхъ, потому, что каждый номеръ его составляется со строгимъ выборомъ специально газетнаго «злободневнаго» матеріала, включая и ночныя извѣстія, что даетъ возможность, ежедневно, въ сжатомъ изложеніи, знакомить читателя со всѣми государственными и другими важными новостями дня

ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.

Во-вторыхъ, статьи и замѣтки, имѣющія, въ извѣстный моментъ, особый интересъ для русскаго общества, всегда дополняются, не смотря на громадные расходы и техническія затрудненія, дѣйствительно художественными иллюстраціями, а не начатнею, которою ограничиваются другія изданія. Въ число иллюстрацій входятъ: портреты Высочайшихъ Особъ, современныхъ русскихъ, иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, какъ-то: министровъ, администраторовъ разныхъ вѣдомствъ, писателей, художниковъ, артистовъ, ученыхъ и знаменитыхъ историческихъ лицъ, а также иллюстраціи современныхъ и историческихъ событій, виды мѣстностей, зданій (памятники, дворцы, монастыри, церкви и проч.)

Газета въ 1897 году будетъ выходить подъ редакцію извѣстнаго русскаго писателя **А. МИХАЙЛОВА** (А. К. ШЕЛЛЕРА).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»:

На годъ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи)—4 руб. На полгода—2 руб. На три мѣсяца—1 рубль.

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНІЕ гг. подписчиковъ газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» (второго изданія), что они могутъ получать ежемѣсячно журналъ «ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» (дающій массу интереснаго чтенія) на льготныхъ условіяхъ, уплачивая, кромѣ подписной цѣны за газету, аккуратно по ОДНОМУ РУБЛЮ впередъ за ДВА мѣсяца (всего 4 р. 50 к. въ годъ). Не внесшимъ до 1-го числа слѣдующаго очереднаго взноса—изданіе не высылается.

Подписчики, желающіе получать газету и журналъ въ разсрочку, уплачиваютъ, при первомъ взносѣ, еще 50 коп. за печатаніе адресовъ и другіе канцелярскіе расходы. Мелкія суммы могутъ быть высланы почтовыми марками.

Разсчитывая на сочувствіе подписчиковъ всѣхъ нашихъ изданій, мы приступили къ новому, очень сложному и роскошному художественному изданію, по нашему мнѣнію, не только полезному, но даже почти необходимому для каждой семьи, подъ названіемъ:

НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ—

БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ

(200 КАРТИНЪ СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ И ВЪ ИЗЯЩНОЙ ОБЕРТКѢ).

Полнаго альбома картинъ Густава Дорэ въ Ветхомъ и Новомъ заветѣ—до сихъ поръ НЕ БЫЛО не только въ Россіи, но и за границею. Библія же съ иллюстраціями Г. Дорэ, имѣющаяся въ про- рѣшили пополнить существующій пробѣлъ и употребимъ всѣ усилія дать это изданіе полнѣ- сичкамъ нашихъ изданій въ возможно лучшемъ видѣ, при чемъ нѣкоторыя картины будутъ дажѣ, стоитъ 40 рублей за экземпляръ, что, понятно, большинству, недоступно, а потому мы отпечатаны цвѣтными красками въ нѣсколько тоновъ.

ЦѢНА АЛЬБОМА СЪ ДОСТАВКОЙ для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ нашихъ изданій—ОДИНЪ РУБЛЬ 50 КОП.

Крайне дешевая цѣна за это изданіе назначена нами только для ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ ВСѢХЪ НАШИХЪ ИЗДАНІЙ, заявившихъ объ этомъ и выславшихъ деньги заблаговре- менно (не позднѣе 20 декабря 1896 г.). Во всякомъ случаѣ, по выходѣ въ свѣтъ этого из- данія, цѣна на него въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно повышена.

ТРЕБОВАНИЯ ПРОСИМЪ АДРЕСОВАТЬ ВЪ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ: НЕВСКІЙ ПР., У АНИЧКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генриха Блокъ. — 2 СПб., Невскій, 59. № 2261.

ПАМЯТЬ

„Искусство укрѣпленія памяти“.

(Что такое мнемоника?)

книга седьмое изданіе)

профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА и печатный условія за заочный (письменный) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.) высылаются за шесть 7 коп. марк. на вложенной бумагѣ вмѣстѣ съ условіями — за восемь 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогики, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ по утраченной еѣ, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую, и лучшей — у обладающихъ хорошей.

Въ несомнѣнной пользы и дѣлособразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, военные, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безъ книгъ высылаются за одну 7 коп. марку). Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Сиповица Ж. О. 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ) д. Бродскаго № 640, кв. 4-5-8, безъ-адреса. Профессоръ мнемоники членъ парижской академіи С. Файнштейнъ. № 2298—24.

Кто хочетъ ЗАБАВИТЬ СЕБЯ ДѢТЕЙ и ДРУЗЕЙ

тотъ выписывая заблаговременно нашу новѣйшую коллекцію интереснѣйшихъ фокусовъ и забавъ, по 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 12 и 15 р. Въ сѣз по робиннымъ поставленнымъ заказамъ исполняются немедленно по полученіи стоимости или $\frac{1}{2}$ задатка Адресъ: С.-Петербургъ, складъ новыхъ изобрѣтеній Большая Морская, 33 Новый выставитъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 14 к. марками.

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО Г. ЛЕППЕНБЕРГЪ

Высшая награда Большая Золотая Медаль въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г.

рояли и пианино америк. констр. со всѣми новѣйш. усоверш., перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ, двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою лут. двойн. репетицією, пріятн. и сильн. тона. Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и др. Пианино отъ Р. С. 375, 425, 460, 500, 550, 600 и др. Армоніиано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія на нѣсколько лѣтъ. № 2324—25.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ

Москва, Петровка, № 2. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ.

ЗИМНІЯ НОВОСТИ.

ВЫШЕЛЪ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

на ЗИМНІЙ СЕЗОНЪ 1896 года

Высылается БЕЗПЛАТНО всѣмъ желающимъ.

Пересылка товара наложеннымъ платежомъ по всѣмъ мѣстамъ Европейской Россіи.

При выпискѣ на 75 руб. (въ Европ. Россіи) пересылку принимаемъ на свой счетъ.

Охотно высылаемъ образцы всѣхъ матерій, но вслѣдствіе громаднаго выбора просимъ всегда точно обозначить родъ товара, цвѣтъ, ширину, приблизительную цѣну и для какой вещи товаръ предназначается.

НАШИ ОТДѢЛЕНІЯ:

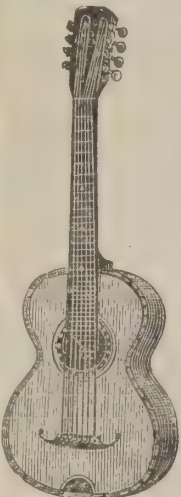
Кружевное.
Ленточное.
Шелковыхъ матерій.
Мануфактурное.
Ситцевое.
Полотняное.
Ахромное.
Дамскихъ рукодѣлій.

Корсетное.
Чулочное.
Зонточное.
Мужского бѣлья.
Дамского бѣлья.
Дамскихъ вещей.
Дамскихъ платьевъ.
Дѣтскихъ костюмовъ.

Мужского платья.
Дамскихъ шляпъ.
Мужскихъ шляпъ.
Салонное.
Галантерейное.
Парфюмерное.
Перчаточное.

Игрушечное.
Оружейное.
Дорожныхъ вещей.
Письмен. принадлежн.
К ртижъ и предм. роск.
Хозяйствен. принадлежн.
Ламповое.

Фарф., фаянса и хруст.
Ковровое.
Избыльнхъ матерій.
Гардиннаго тюля.
Клеенокъ.
Мебели.
Электрическ. аппаратъ.
№ 2475-1

ФАБРИКА
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ
торговаго дома
Андр. Емельяновича
КУЛАКОВЪ.

въ С.-Петербургѣ
Садовая ул. 33.

рекомендуетъ
ГИТАРЫ
солидной работы и отличнаго тона въ 2, 3, 4, 8, 10, 12, 15, 30, 50, 75 руб.

СКРИПКИ
въ 2, 3, 5, 6, 10, 15, 30, 50, 100 рублей.

Юбилейный роскошно иллюстрированный преисъ-курантъ высылается БЕЗПЛАТНО.

Карманнаго формата въ замшевомъ кошелькѣ 8 руб., перес. аз 3 ф. Большаго формата въ шагреневомъ футлярѣ съ ремнемъ 9 руб., перес. аз 4 ф. „Аргусъ“ имѣетъ превосходныя оптическія качества, одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра, а потому вполне заслуживаетъ названіе „Универсальн. бинокля“.

Предостереженіе. Вслѣдствіе усилен. спроса на наши универс. бинокли „АРГУСЪ“ и „ЛИЛИПУТЪ“, возникли дешев., но крайне плохія поддѣлки; поэтому считаемъ долгомъ предупредить гг. покупателей, что настоящ. бинокли нашей фабр. продаются въ Россіи исключ. только въ ниже указанномъ складѣ

Е. КРАУСЪ и К°

Спеціальная фабрика оптическихъ инструментовъ въ Парижѣ.

Единственный складъ для Россіи

С.-Петербургъ,

Мойка, № 42 (у Полицейскаго моста).

Иллюстр. преисъ-курантъ высылается за семи коп. марку. 2409-2

МУЗЫКА! ВСЯКАГО РОДА! МУЗЫКА!**І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.**

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ. Москва, Петровка, домъ Волкова. МОСКВА, ПЕТРОВКА.

заказы исполняются по полученіи $\frac{1}{2}$ стоимости наложеннымъ платежомъ.

Скрипки въ 2, 3, 5, 8, 10, 15, 25 р. и до 100 р.
Смычки для нихъ въ 50, 75 к. 1, 2, 8 р. и 25 р.
 $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ скрипки въ 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, и 15 р.
Мандолины въ 8, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р.
отъ 15 р. итальянской работы.
Цитры обыкновенныя, концертныя и эстетичныя въ 8, 15, 20, 30, 45, 60, 75 и 100 р.
Цитра „Эрато“ съ 38 аккордами въ 18 и 25 р.
„Самозвучитель“ въ 48 „50 коп.“ 40 р.
Корнетъ-а-пистоны въ 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 руб.
Флейты отъ 2 руб. Кларнеты отъ 6 руб.
Барабаны дѣтскіе, школьныя, концертныя и военные.
Вальдгорны, Рожки, Бубны и Тарелки.
Народныя цитры на которыхъ въ теченіи 1 часа можно выучиться играть 6 р. и 8 р.
Піесы въ нѣмъ 14 альбомовъ по 50 коп.

Самоиграющіе и механическіе инструменты съ ручками.
Музыкальные ящики малые отъ 2 до 10 р.
„Средніе въ 15, 20, 30 и 40 р.“
„Большіе въ 50, 60, 70, и 90 р.“
Такіе-же съ колокольчиками 90, 100 и 130 р.
и съ перемѣн. валами въ 150, 200 и 350 р.

„Симфоніоны“
№ 1. Съ ручкой. . . 5 р. Піесы по 25 к.
2. Самоиграющій. . . 10 р. — 25 к.
3. Самоиграющій 40-тонный 20 руб. Піесы по — 40 коп.
4. 60-тонный 28 руб. Піесы по — 50 коп.
5. 84-тонный 40 руб. Піесы по — 60 коп.
6. Sublime Harmonie 70 руб. Піесы по — руб. 80 коп.
7. 12. Piccolo 100-тонный 100 руб. Піесы по 1 руб. — коп.
8. 150. Вол. рѣз. языкъ, шкѣфъ съ 144 тон. 350 р. Піесы по 3 р.
Часы съ музыкой 200 руб. Піесы по 1 рублю.

На которыхъ можно играть руками или на обменномъ, а также и посредствомъ жерчненія

Механическіе пианино: р. 550, 600, 650 и 700 руб.

Лучшихъ русскихъ и иностранныхъ фабрикъ.

Рояли отъ 550 руб. до 1000 руб.
Пианино отъ 350 руб. до 700 руб.

Исполненіе всѣхъ заказовъ СКОРЕЕ и ДОБРОСОВѢСТНОЕ.

Народныя Цитры съ подкладными нотами 8 руб.

Подкладные листы съ 2-мя піесами по 30 к.

Гитары:

въ 3, 5, 7, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 р.

Гитары отъ 7 р. съ машинкой для струнъ.

Школы для гитары Сырцова ч. I и II по 2 р. 50 к.

Любавина ч. I по 1 руб.

Балалайки въ 2, 3, 4, 7, 10 и 15 руб.

РУЧНЫЯ ГАРМОНИИ

наилучшія въ настоящее время

„ПРЕСТЬ-АККОРДЕОНЫ“

Дамскія въ 5 р. обыкновен. размѣр. въ 8, 10 и 14 р.

Двухрядныя въ 20 и 30 р. Трехрядныя 40 р.

„Кремона-Аккордеоны“

Однорядныя въ 8, 10, 12 р. Двухрядныя 19 руб.

Гармонія имѣются русскаго и нѣмецкаго строенія.

Каллофонъ со стальными голосами 25 р. Піесы по — 60 коп.

Каллистонъ со стальными голос. съ барабаномъ и колокольч. 40 руб. Піесы по — 75 коп.

Оркестръ-Монапанъ 55 руб. Піесы по 1 руб.

Піано мелодію въ 70 и 75 руб. Піесы разлнчн. длинны

Тоже форма стола 90 руб. } за одинъ метръ 60 коп.

Тоже самоиграющее 225 р. } Піесы за одинъ метръ

Піано Мелодію концертное 150 р. } 90 коп.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

Тоже самоиграющее 400 руб.

СПИСОКЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ИЗДАНИЙ:

БОЛЬШІЯ ХУДОЖЕСТВЕННО ИСПОЛНЕННЫЯ КАРТИНЫ, ОТПЕЧАТАНЫЯ ВЪ 18 И 25 КРАСОКЪ:

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ. Это Императорское Иудейство изображено (будучи Пасхальникомъ), на сѣмъ, скачущемъ конѣ, въ доблѣ-гусарской парадной формѣ. Оригиналъ картины писанъ подъ непосредственнымъ наблюдениемъ профессора батальной живописи Императорской академіи художествъ Б. П. Виллевальде. Картина эта отпечатана въ 23 краски (размѣръ: вышина 30 д., шир. 23 д.). Цѣна ОДИНЪ руб.

«КНЯЖНА ТАРАКАНОВА» (ВО ВРЕМЯ НАВОДНЕНІЯ). Копія съ картины извѣстнаго профессора исторической живописи К. Д. Флавицкаго, отпечатана въ 20 красокъ (размѣръ: выш. 28 дюйм., ширина 17 дюйм.). Небольшая судьба исторической личности, извѣстной подъ именемъ «Княжны Таракановой», многимъ знакома изъ романовъ Днязевскаго и друг. Талантливый художникъ замѣчательно удачно воспользовался драматическимъ моментомъ изъ ея жизни и соединилъ въ своей картинѣ — роскошь, нищету и ужасы наводненія на столько художественно и эффектно, что картина производитъ всегда на зрителя глубокое впечатлѣніе. Цѣна ОДИНЪ руб.

«БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ». Большая акварель съ картины профессора И. Е. Рѣпина. (Размѣръ картины безъ полей: длина 22 вершка, высота 14 вершковъ). Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ, хранящимся во дворцѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича. Всякъ интеллигентный читатель и любитель искусства должны быть памятны та сенсация, кото-

рую произвела эта картина какъ своимъ изображеніемъ, такъ и художественнымъ творчествомъ, при спеціальномъ повѣреніи на выставку. Маса гравюръ и фототипій съ этой картины, разошедшихся по Россіи, не могутъ дать понятія о той простотѣ и силѣ, которыми отличается это замѣчательное художественное произведеніе. Цѣна ТРИ руб.

«ЖЕРТВА ВОЛГИ». Съ картины извѣстнаго художника С. Верещагина. (Размѣръ картины: длина 22½ вершка, вышина 16 вершковъ). Картина воспроизведена въ 23 краски. Цѣна ТРИ рубля.

«СМЕРТЬ ИВАНА СУСАНИНА» (Жизнь за Царя). Размѣръ картины: длина 1 арш., высота ¾ арш. Цѣна 75 коп.

«МОЛЕНІЕ О ЧАШѢ». Большая картина, отпечатанная въ 22 краски, съ знаменитаго художественнаго произведенія профессора Императорской академіи художествъ Ф. Бруни. Оригиналъ этой картины хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ и составляетъ одинъ изъ выдающихся шедевровъ христіанскаго творчества нашего вѣка. Цѣна 1 руб.

«ЛУННАЯ НОЧЬ НА РѢКѢ».

«ЗАКАТЪ СОЛНЦА ЗИМОЮ ВЪ ЛѢСУ». Обѣ эти картины составляютъ pendant и отпечатаны въ 28 красокъ съ оригинала извѣстнаго пейзажиста, профессора Императорской академіи художествъ Ю. Ю. Клевера. Цѣна каждой картинѣ ОДИНЪ руб. Выписывающіе одновременно двѣ картины 1 руб. 50 коп.

БОЛЬШІЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ГРАВЮРЫ.

(До сихъ поръ эти картины, гравированныя на мѣди, въ этомъ же размѣрѣ, продавались въ эстампныхъ столичныхъ магазинахъ по 50—60 р. за экз.).

«ШЕСТВІЕ ИСУСА ХРИСТА НА ГОЛГОФУ». Съ картины художника Г. Дорэ (Размѣръ картины: длина 18 в., шир. 12½ в.). Картина отпечатана на слововой бумагѣ. Великій драматическій моментъ, въ который изображенъ Христіанскій Божественный Страдалецъ, совершающій Свой Крестный путь, въ сопровожденіи архіереевъ, судей, военачальниковъ, исполнителей приговора и массы народа, невольно сосредоточиваетъ на себѣ все вниманіе зрителя. Цѣна ОДИНЪ руб.

«ИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА КРЕСТѢ». Съ картины профессора М. Мункачи. (Размѣръ картины: длина 18 в., ширина 12½ в.). Картина отпечатана на слововой бумагѣ.

АЛЬБОМЫ ИЗЪ КАРТИНЪ, ОТПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ 15 КРАСОКЪ:

«АЛЬБОМЪ АКВАРЕЛЕЙ СЪ КАРТИНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА И АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ». Въ коллекцію нового аль-

бома вошли произведенія: профессора Айвазовскаго, проф. Семирадскаго, проф. Клевера, Грузинскаго, Журавлева, Френца, Корзухина, Платонова, Загорскаго, Краснушинной и др. Поводомъ къ изданію альбома акварелей съ картинъ ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА И АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ послужило множество заявленій лицъ, проживающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, нередко далеко отъ столицы и не имѣющихъ никакой возможности обозрѣвать сокровищницу русскаго искусства — Императорскій Эрмитажъ и Академію художествъ. Картины отпечатаны въ 18 красокъ и вложены въ изящную папку, отпечатанную цѣлыми красками и золотомъ.

Цѣна альбома въ папочномъ переплетѣ 2 р.

«ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ»

Альбомъ состоитъ изъ десяти акварельныхъ копій, отпечатанныхъ въ 17—25 красокъ: 1) «Самозванецъ и Ксения», И. В. Неврева; 2) «Меншиковъ въ сѣмѣхъ», В. Сурикова; 3) «Ирва варенія», В. Г. Маковского; 4) «Жестокій романсъ», И. М. Пришвинкова; 5) «Разлучница», К. Трутовскаго; 6) «Стриптишъ», В. Г. Маковского; 7) «Сватовство», Н. С. Неврева; 8) «Возвращеніе изъ школы», Г. Ф. Рыбкова; 9) «Хуторъ зимою», П. Н. Дубовскаго; 10) «Стадо коровъ», Н. А. Эллерта. Одни имена художниковъ говорятъ за достоинство и выборъ картинъ для альбома. Цѣна альбома въ папочномъ переплетѣ 2 р.

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ И ПРИРОДА ВЪ КАРТИНАХЪ»

Альбомъ, состоящій изъ пятнадцати акварельныхъ картинъ, рисованныхъ художникомъ Н. Н. Каразинымъ. 1) Возвращеніе отъ пасхальной заутрени. 2) Обозъ въ мѣтель. 3) Охотники на при-

валѣ. 4) На рѣкѣ. 5) Выговоръ дочери. 6) Пиръ князя Владимира. 7) Схватка. 8) Гибель корабля. 9) Передъ грозой. 10) Последнія минуты бабушки. 11) Прогулка въ паркѣ. 12) Буря въ пустынѣ. 13) Тройка. 14) Текиши на соколиной охотѣ. 15) Спѣжки. Цѣна въ папочномъ переплетѣ 2 рубля.

Альбомъ — пятнадцать акварельныхъ картинъ къ сочиненіямъ В. М. ДОСТОЕВСКАГО. Этимъ альбомомъ мы познаемъ крупный пробы, такъ какъ, не смотря на великое значеніе произведеній В. М. Достоевскаго и массу даваемого имъ матеріала для художниковъ, произведенія эти до сихъ поръ не были иллюстрированы. Картины отпечатаны въ 17 красокъ и вложены въ изящную папку.

Цѣна альбома въ папочномъ переплетѣ 2 рубля.

АЛЬБОМЫ ИЗЪ ГРАВЮРЪ:

«СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТО-

РИИ» (2-е изданіе). Художественно-историческій альбомъ гравюръ съ приложеніемъ описанія картинъ: 1) Первые проповѣдники христіанства въ Кіевѣ, В. В. Верещагина; 2) Убіеніе Аскольда и Дира на берегу Днѣпра, В. Топоркова; 3) «Не поспрашивайъ землѣ русской» (рѣчь Овгослава), А. Сафонова; 4) Первые жертвы христіанъ въ Кіевѣ, В. Топоркова; 5) Князь Владимиръ разсматриваетъ изображеніе «Страшнаго суда», М. Лебедева; 6) Князь Владимиръ у Рюрика, В. Топоркова; 7) Крещеніе князя Владимира, В. Топоркова; 8) Князь Михаилъ Черниговскій въ ордѣ,

«КРЕЩЕНІЕ КІЕВЛЯНЪ ПРИ Св. КНЯЗѢ ВЛАДИМИРѢ». Большая картина воспроизведена съ оригинала художника В. И. Думитрашю и изображаетъ великое событіе, совершившееся въ нашемъ отечествѣ въ 989 году. (Размѣръ картины: длина — 1 арш. 2 вер., высота — 14 вершковъ). Цѣна ОДИНЪ руб.

«ЮАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ». Съ картины худ. С. Верещагина. (Размѣръ картины: длина 19 верш., высота — 14 вершковъ). Картина изображаетъ одинъ изъ важныхъ моментовъ возрожденія Русскаго Государства, именно уничтоженіе татарскаго владычества. Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ одной изъ царскихъ приемныхъ палатъ. Цѣна ОДИНЪ руб.

«СТРАНА ЧУДЕСЪ», отпечатана масляными красками (олеотипія) въ 26 тоновъ, съ новой большой эффектной и художественно выполненной картины знаменитаго пейзажиста проф. А. Ригера. (Размѣръ картины: длина 16 верш., высота 12 вершковъ). Цѣна ОДИНЪ руб.

«ПРОВОДЫ НОВОБРАНЦА» профес. И. Рѣпина. Ц. 75 коп.

«НА БЕРЕГУ ОЗЕРА» (большая акварель). Лѣтній пейзажъ. Художника Н. Каразина. Цѣна 75 коп.

«ПЕРЕПУТЬЕ» (большая акварель). Зимній пейзажъ худож. В. Богданова. Величина каждой изъ этихъ двухъ картинъ: длина 13 верш., высота 10 верш. Ц. 75 коп.

Г Р А В Ю Р Ы:

- 1) «ФРИНА», съ картины Г. Семирадскаго.
- 2) «ЗАПОРОЖЦЫ, ПИШУЩЕ ОТВѢТЪ СУЛТАНУ», съ картины проф. И. Рѣпина.
- 3) «СВАДЕБНЫЙ ПИРЪ БОЯРЬ», съ картины проф. К. Маковского.
- 4) «БОЯРЫШНЯ ПЕРЕДЪ ВѢНЦОМЪ», съ картины проф. К. Маковского.
- 5) «СМОТРЪ НЕВѢСТЪ», съ картины профессора К. Маковского.

Цѣна за каждый экземпляръ 75 коп.

Досева; 9) Юноша Варлаамъ и Антоній Печерскій, А. Земцова; 10) Юаннъ III разрываетъ ханскую грамоту С. И. Верещагина. 11) Юаннъ IV и Сильвестръ во время пожара въ Москвѣ, А. Земцова; 12) Юаннъ Грозный и князь перекрестокъ, Н. Шварца; 13) Юаннъ Грозный принимаетъ посольство Ермака, С. Растворовскаго; 14) Юаннъ Грозный и Василиса Мелентьевна, Г. Садова; 15) Юаннъ Грозный, его мамка и Малюта Скуратовъ, В. Шварца; 16) Смерть шута Гвоздева, Н. В. Неврева; 17) Дорогой гость, Н. В. Неврева; 18) Судъ Божій (изъ романа «Князь Серебряный»), А. Сафонова; 19) Борисъ Годуновъ умоляетъ Юанна Грознаго пощадить сына, В. Топоркова; 20) Митрополитъ Филиппъ и Юаннъ Грозный въ Успенскомъ соборѣ; 21) Борисъ Годуновъ и астрологъ, предсказывающій его судьбу, П. В. Неврева; 22) Игра въ шахматы, Н. Шварца; 23) Селаргическій союзъ князя Юрія Дмитриевича Краснаго, Селезнева; 24) Последнія минуты Годуновыхъ, К. Велика; 25) Убіеніе Феодора Борисовича Годунова, К. Маковского; 26) Смерть Васманова, И. Творожникова; 27) Царяца Марья и Лжедмитрій, А. Земцова; 28) Последнія минуты Лжедмитрія, К. Лебедева; 29) Лезуитъ, утѣшающій Марину Мишкевъ послѣ убіенія Лжедмитрія, М. П. Клода; 30) Патриархъ Гермогенъ въ заключеніи, П. Чистякова; 31) Посольство въ домъ князя Пожарскаго, А. Савицкаго; 32) Смерть Ивана Сушнина, А. Земцова; 33) Стрѣлецкій бунтъ во время дѣтства Петра I. А. Корзухина; 34) Спускъ на воду перлаго ботика, въ селѣ Измайловѣ въ 1688 г., В. Топоркова; 35) Петръ I среди заговорщиковъ, Шарлеманя; 36) Пугачевъ и Гриневъ въ домѣ Швабринъ, К. Лебедева; 37) Башкиры, уводящіе плѣнныхъ изъ Казани, К. Лебедева; 38) Военный советъ въ Фаллахъ, Кившенко; 29) Бѣство Наполеона изъ Москвы (7 октября 1812 г.), А. Сафонова; 40) Пѣльмисъ французъ въ 1812 году. Пришвинкова.

Цѣна въ папочномъ переплетѣ 2 рубля.

«ЖАНРЪ И ПЕЙЗАЖЪ» Альбомъ, состоящій изъ СТА гравюръ съ картинъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ отпечатанъ на роскошной бумагѣ и представляетъ собой изящное настольное украшеніе каждой гостиной.

Цѣна альбома въ папочномъ переплетѣ 2 рубля, въ обложкѣ 1 р. 50 в.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ: ПРИ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», СПБ., НЕВСКІЙ ПРОСП., Д. 68—40.

ПРОСЯТЪ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ ВІВЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ.

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ).

СОДЕРЖАНІЕ КАРТИНЪ:

I. 1. И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ. 2. Созданіе Евы. 3. Изгнаніе Адама и Евы изъ Рая. 4. Жертвоприношеніе Каина и Авеля. 5. Убіеніе Авеля. 6. Потопъ. 7. Ной выпускаетъ изъ ковчега голубя. 8. Ной проклинаетъ Хама. 9. Башня Вавилонская. 10. Переселеніе Авраама въ землю Ханаанскую. 11. Истребленіе Содома и спасеніе Лота. 12. Изгнаніе Авраамомъ Агари. 13. Агаръ и Измаилъ въ пустынь. 14. Авраамъ и Исаакъ, идущіе для жертвы. 15. Елизаръ и Ревекка. 16. Исаакъ встрѣчаетъ Ревекку. 17. Исаакъ благословляетъ Иакова. 18. Сонъ Иакова. 19. Борьба Иакова съ Богомъ. 20. Примиреніе Иакова съ братьями Исавомъ. 21. Иосифъ продается братьями. 22. Иосифъ изъясняетъ сны Фараону. 23. Иосифъ открывается братьямъ. 24. Переселеніе Иакова въ Египетъ. 25. Моисей въ тростникъ у берега Нила. 26. Спасеніе младенца Моисея. 27. Моисей и Ааронъ предъ Фараономъ. 28. Язва Египетская. 29. Тьма Египетская. 30. Пораженіе первенцевъ Египетскихъ. 31. Фараонъ умоляетъ Моисея оставить Египетъ. 32. Гибель войска Фараонова въ Черномъ морѣ. 33. Гора Синай и откровеніе Божіе. 34. Моисей спускаетъ съ горы Синай. 35. Наказаніе Корея, Давана и Авирона. 36. Извлеченіе Моисеемъ воды изъ скалы. 37. Мѣдный змѣй. 38. Валаамъ, удерживаемый Ангеломъ. 39. Переходъ израильтянъ чрезъ рѣку Иорданъ. 40. Паденіе стѣнъ Иерихона. 41. Иисусъ Навинъ прощаетъ Рааву. 42. Аханъ, побитый камнями. 43. Иисусъ Навинъ останавливаетъ солнце. 44. Явленіе Ангела Иисусу Навину. 45. Давидъ прославляетъ Бога. 46. Выборъ войска Гелеономъ. 47. Дочь Іефея и ея подруги. 48. Самсонъ растерзываетъ льва. 49. Смерть Авимилеа. 50. Дочь Іефея, идиущая на встрѣчу отца. 51. Пораженіе Гелеономъ Маданитянъ. 52. Смерть сыновей Іеровоама.	53. Самсонъ избиваетъ Филистимлянъ. 54. Самсонъ уноситъ ворота на гору. 55. Самсонъ и Далила. 56. Смерть Самсона. 57. Поруганная жена Левита. 58. Вениамиты похищаютъ дочерей въ Силомѣ. 59. Возвращеніе ковчега. 60. Самуилъ передаетъ смерти Агага. 61. Саулъ бросаетъ копье въ Давида. 62. Бѣгство Давъ да. 63. Давидъ показываетъ Саулу край одежды его. 64. Саулъ передъ волшебницей. 65. Смерть Саула. 66. Жители Гизы убираютъ тѣло Саула и его сыновей. 67. Сраженіе единоплеменниковъ Иевосфея и Давида. 68. Пораженіе Давидомъ Аммонитянъ. 69. Смерть Авессалома. 70. Ездра показываетъ текстъ закона. 71. Плачь Давида о смерти Авессалома. 72. Риппа стережетъ тѣла своихъ сыновей. 73. Ависа спасаетъ жизнь Давида. 74. Судъ Соломона. 75. Царица Савская у Соломона. 76. Соломонъ. 77. Пророкъ Іудейскій. 78. Илія воскрешаетъ сына Сарептской вдовы. 79. Илія умерщвляетъ пророковъ Ваала. 80. Ангелъ приноситъ пищу пророку Ілїи. 81. Ахавъ поражаетъ сто тысячъ Сирійцевъ. 82. Смерть Ахава. 83. Иосафатъ пользуется плодами побѣды безъ борьбы. 84. Илія поражаетъ молніею посланныхъ Охозіемъ. 85. Илія возносится на огненной колесницѣ. 86. Іууъ низвергаетъ Іезавель. 87. Посланные Іуземъ находятъ черепъ, ноги и кисти рукъ Іезавели. 88. Смерть Гоолиъ. 89. Чужестранцы, поселенные въ Самарію, пожираются львомъ. 90. Ангелъ истребляетъ войско Сеннахирима. 91. Навуходоносоръ умерщвляетъ дѣтей Седекіи. 92. Киръ отдаетъ сосуды храма Іерусалимскаго. 93. Возстановленіе храма. 94. Артаксерксъ соглашается на освобожденіе Израильтянъ. 95. Ездра на молитвѣ. 96. Неемїа и его спутники предъ вратами Іерусалима. 97. Товїа и Ангелъ. 98. Ангелъ Рафаилъ улетаетъ на небо въ виду семейства Товїа. 99. Іудифъ и Олофернъ.	100. Іудифъ показываетъ голову Олоферна. 101. Царица Астия не повинуется приказаніямъ Артаксеркса. 102. Торжество Мардохея. 103. Эсфиръ безславитъ Амана. 104. Іовъ узнаетъ о своемъ несчастіи. 105. Пиръ Вальтасара. 106. Пророкъ Ісаїа. 107. Видѣніе Ісаїа о разрушеніи Вавилона. 108. Гибель Лавіаона. 109. Іремія дингуется свои пророцтва Варуху. 110. Плачь о Іерусалимѣ по его паденіи. 111. Пророкъ Варухъ. 112. Іезекииль пророчествующій. 113. Видѣніе пророка Іезекиила. 114. Пророкъ Даниїль. 115. Три отрока въ печи Вавилонской. 116. Даниїль во рвѣ львиномъ. 117. Видѣніе пророка Даниїла. 118. Сусана на купаніи. 119. Оправданіе Сусаны. 120. Даниїль посрамляетъ жрецовъ. 121. Пророкъ Амосъ. 122. Іона изверженный китомъ. 123. Наказаніе Іліодора въ храмѣ. 124. Видѣніе жителями Іерусалима. 125. Мученичество старца Елеазара. 126. Мать Маккавеевъ. 127. Матафія убиваетъ осквернителя святыни. 128. Матафія призываетъ къ оружію Іудеевъ, убѣждавшихъ въ горы. 129. Маккавей преслѣдуетъ Тимофея, вождя Аммонитянъ. 130. Паденіе Антиоха. 131. Ангелъ Маккавеевъ. 132. Смерть Елеазара, сына Саваканїа. 133. Іуда Маккавей передъ войскомъ Никомора. 134. Іонаванъ разрушаетъ капище Дагона.	151. Нагорная бѣда. 152. Укрощеніе бури. 153. Воскресеніе дочери Іаира. 154. Иисусъ исцѣляетъ нѣмого бѣсноватаго. 155. І. Хр. защищаетъ учениковъ, срывавшихъ колосья въ субботу. 156. Иисусъ Христосъ идетъ по водамъ. 157. Чудесное умноженіе хлѣбовъ. 158. Преображеніе Господне. 159. Исцѣленіе бѣсноватаго отрока. 160. Добрый Самарянинъ. 161. Прибытіе добраго Самарянина въ гостиницу. 162. Иисусъ у Марѣи. 163. Встрѣча блуднаго сына. 164. Лазарь и несчастный богачъ. 165. Иисусъ и помилованная грѣшница. 166. Фарисей и Мытарь. 167. Благословеніе дѣтей. 168. Воскресеніе Лазаря. 169. Входъ Иисуса Христа въ Іерусалимъ. 170. Иисусъ изгоняетъ изъ храма торговцевъ. 171. Динаріи Кесаревъ. 172. Лепта вдовицы. 173. Тайная вечеря. 174. Молитва Иисуса Христа въ саду Гетсиманскомъ. 175. Іуда лобзаніемъ предастъ Иисуса. 176. Отреченіе Апостола Петра. 177. Бичеваніе Иисуса. 178. Возложеніе тернового вѣнца. 179. Поруганіе Иисуса. 180. Пилатъ выводитъ народу поруганнаго Иисуса Христа. 181. Изнемогшій Иисусъ Христосъ подъ тяжестью креста. 182. Иисусъ Христосъ приходитъ на вершину Голгофы. 183. Пригвожденіе ко кресту. 184. Поднятіе креста. 185. Тьма, бывшая по распятіи Господа. 186. Снятіе Иисуса Христа со креста. 187. Положеніе Иисуса Христа въ гробъ. 188. Ангелъ и жены мироносицы. 189. Иисусъ и Эммаусскіе ученики. 190. Вознесеніе Господа на небо. 191. Сошествіе Св. Духа. 192. Апостолы проповѣдуютъ Евангеліе. 193. Стефанъ первый мученикъ. 194. Савлъ (ап. Павелъ) на пути въ Дамаскъ. 195. Ап. Петръ въ домъ Корнилія сотника. 196. Ангелъ освобождаетъ Петра изъ темницы. 197. Возмущеніе Іудеевъ противъ Ап. Павла въ Іерусалимѣ. 198. Гибель корабля, на которомъ плылъ въ Римъ Ап. Павелъ. 199. Смерть (видѣніе Ап. Іоанна). 200. Последний судный день.

Полнаго альбома картинъ Густава Дорэ къ Вѣтому и Новому завету—до сихъ поръ **НЕ БЫЛО** не только въ Россіи, но и за границею. Библія же съ иллюстраціями Г. Дорэ, имѣющаяся въ продажѣ, стоитъ 40 рублей за экземпляръ, что, понятно, большинству недоступно, а потому мы рѣшились по-

ЦѢНА АЛЬБОМА СЪ ДОСТАВКОЮ для годовыхъ подписчиковъ газеты Сынъ Отечества—ОДИНЪ РУБЛЬ 50 КОПѢКЪ.

Доступная для всѣхъ цѣна за это изданіе назначена нами только для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ нашихъ изданій: («Сынъ Отечества» (первое и второе изданіе), «Живописное Обозрѣніе» и «Домашняя Библиотека», заявившихъ объ этомъ и выславшихъ деньги за-благовременно (не позднѣе 1-го января 1897 года), такъ какъ такая цѣна возможна лишь при печатаніи альбома одновременно и въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Во всякомъ случаѣ, по выходѣ въ свѣтъ этого изданія, цѣна на него въ

полнѣе существующій пробѣлъ и употребимъ все усилія дать это новое художественное изданіе подписчикамъ газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» въ 1897 году, въ возможно роскошномъ видѣ, при чемъ нѣкоторыя картины будутъ отпечатаны цвѣтными красками, а другіе и въ нѣсколько тоновъ.

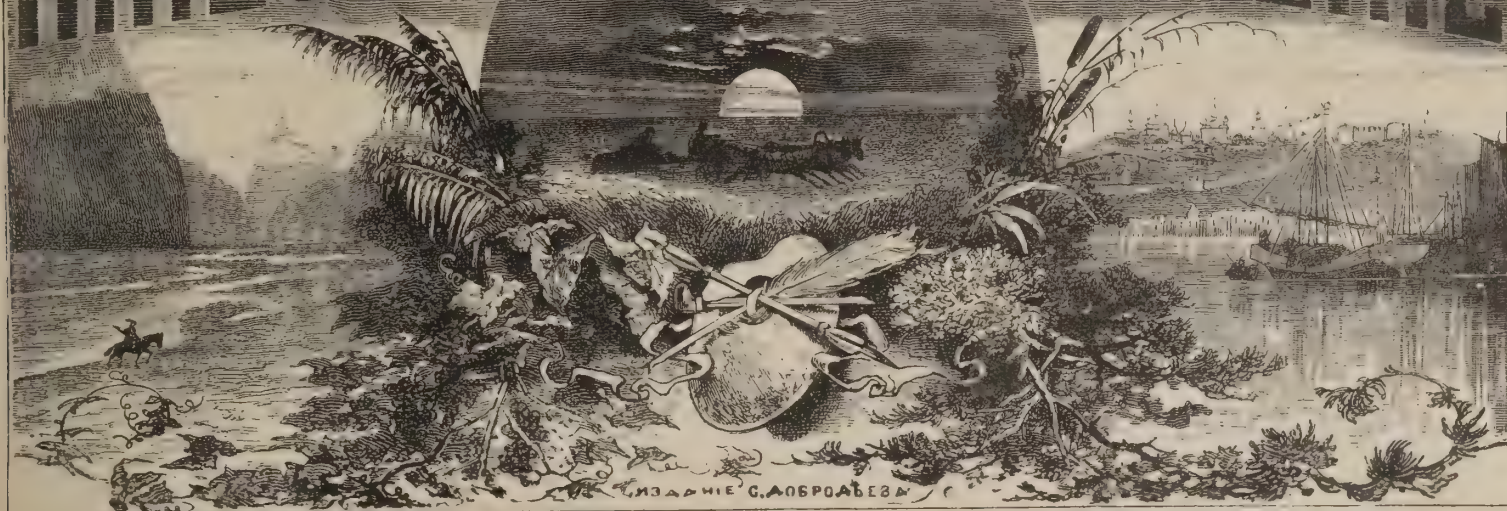
отдѣльной продажѣ будетъ значительно повышена. Желающіе имѣть этотъ альбомъ въ изящномъ шагреновомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, доплачиваютъ еще за переплетъ и за его пересылку—рубль 50 коп. (всего три рубля), о чемъ необходимо заявить при подпискѣ.

Во избѣжаніе задержки въ разсылкѣ альбома, требующей прочной укупорки, просимъ желающихъ получить это новое изданіе своевременно, поспѣшить заявленіями.

ПОДПИСКУ и ТРЕБОВАНІЯ ПРОСЯТЪ АДРЕСОВАТЬ въ главную контору: Спб., невскій пр., д. №68—40.

№ 49 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ четырехъ листовъ съ 7-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) «Еженедѣльная хроника» № 49-й, III) «Новѣйшія Парижскія Моды», № 12-й, IV) Раскрашенная картинка «Модные туалеты», V) Листъ выкроекъ и узоровъ и VI) Объясненія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

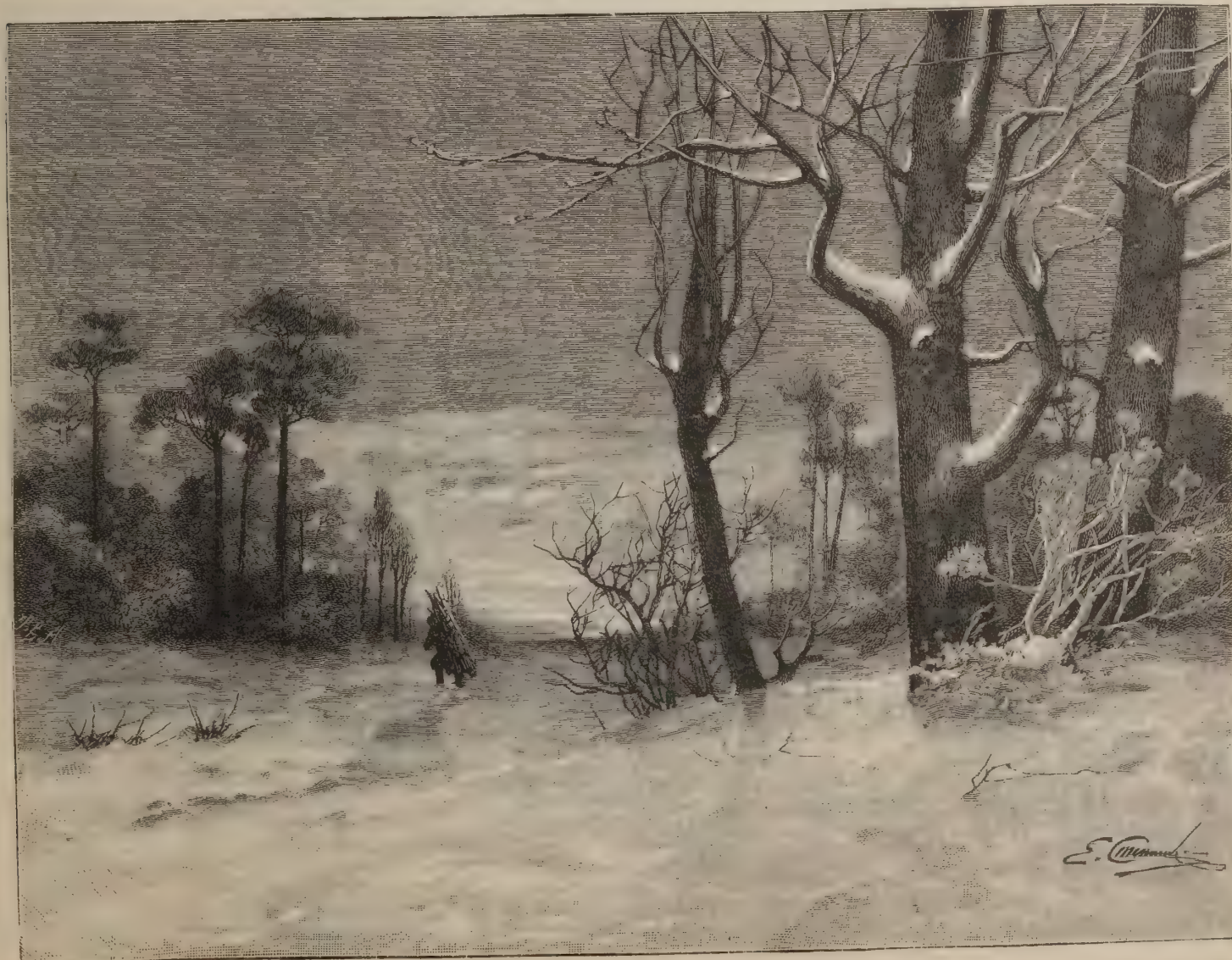
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1897 ГОДУ.
Главная Контора журнала: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТЪ, У АНИЧКИНА МОСТА, ДОМЪ № 68—40.

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВСѢМЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ РАЗСЫЛАЕТСЯ:

Двѣнадцатая книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений — «Домашняя Библіотечка», № 12 (за декабрь 1896 года).

Всѣ номера журнала сдаются на почту строго провѣренными и въ полномъ количествѣ всѣхъ тѣхъ приложений, о которыхъ заявляется въ номерѣ. Не получившіе при номерѣ какого либо приложения, благоволятъ заявить объ этомъ немедленно доставившему номеръ журнала почтовому

служителю, а затѣмъ сообщить въ Главную Контору не позднѣе получения слѣдующаго номера журнала, такъ какъ позднѣйшія претензіи почтамтъ не принимаются къ разслѣдованію, а высылать второй экземпляръ не всегда представляется возможнымъ для редакціи.

«За дровами». Рис. съ натуры художн. Е. Степановъ.

АГАРЬ ВЪ ПУСТЫНѢ.

(къ рисунку на стр. 426).

Свою наложницу—рабыню,
Ревнивой Сарры внявъ словамъ,
Изъ кущи въ дикую пустыню
Изгналъ столбѣтній Авраамъ.
Съ ней—Измаиль... Лучъ солища знойный
Жжетъ липа имъ и давитъ грудь...
Вкругъ—ни куста, ни пальмы стройной,
Гдѣ въ тѣнь прилежъ-бы отдохнуть.
А солнце выше... Жаръ полдневный
Переливался, какъ туманъ.
Пустыня знойная Фаранъ
Кипѣла, словно демонъ гнѣвный...
Мѣхъ пусть,—воды имъ негдѣ взять!..
Кругомъ песковъ безбрежныхъ море.
Агарь, съ отчаяньемъ во взорѣ,
Глядитъ сынъ сталъ изнемогать..
Стеная, жаждою томимый,
Воды молилъ онъ;—тщетный крикъ...
Мутился умъ, слабѣлъ языкъ...
А мать—одна въ необозримой
Пустынѣ... Чѣмъ помочь?! Безъ силъ
Къ нему припала...

Измаиль

Закрывъ глаза, дышалъ слабѣе.
И вдругъ... о, ужасъ!—видитъ мать,
Какъ стали коршуны смѣлѣе
Кружить и, плавно въ небѣ рѣя,
Казалось, смерти ожидать...
Но съ дикимъ воплемъ отгоняя
Отъ Измаила хищныхъ птицъ,
Въ молитвѣ руки простирая,
Агарь къ землѣ припала ницъ.
И—чудо!.. Къ плачущей рабынѣ
Склонился ангелъ: встань, Агарь,
Не плачь! Земли и неба царь
Тебѣ, раба, глаголетъ нынѣ:
«Зачѣмъ скорбишь? Живъ будетъ онъ...
Въ языкъ-бо велій Измаила
Я сотворю...» И, словно сонъ,
Исчезъ посланникъ бѣлокрылый.
Но на пескѣ, гдѣ онъ стоялъ,
Склонясь къ изгнанникѣ печальной,—
Ключъ, пробивался, зажурчалъ
Изъ нѣдръ земли волной кристальной...
И день еще пылалъ вдали,
За грань песковъ лучи бросая,
Когда, усталости не зная,
Въ Кадись изгнанники пришли.

П. Порфирьевъ.

ВЫДУМКА ДѢДА ПАХОМА.

Рассказъ.

ДѢДЪ пять я не бывалъ въ этихъ мѣстахъ. Однако, когда я вышелъ на крылечко желѣзнодорожной станціи, около которой, въ ожиданіи сѣдокъ, стояли ящики—крестьяне сосѣднихъ деревень—они сразу узнали меня и указывая на своихъ лошадокъ и на свои возочки и расхваливая рѣзвость первыхъ и удобства послѣднихъ, стали наперевѣвъ предлагать свои услуги.

— Сколько разъ возилъ вашу милость! кричалъ одинъ...

— Баринъ!.. Въ Стальное?.. Садись!.. Лихо домчу!—обѣщала другой.

Кумъ! Кумъ... Неужли меня обойдешь? Неужли кума обидишь?! высканивая впередъ, спрашивалъ и пріятель мой и кумъ—Егоръ—плотный мужичокъ небольшого роста.

Ибѣтъ, сани ты тутъ, съ тобою и поѣду,—рѣшилъ я.

Егоръ побѣждалъ къ санкамъ, живо спрашивая: подкатилъ на двухъ крѣпкихъ лошадакъ къ крылечку... Я усѣлся, и мы поѣхали...

Отъ этой станціи до Стального, куда я ѣхалъ, было верстъ тридцать, только на полъ-пути лежала деревня Глухое, изъ котораго и былъ мой возница, а до Глухого верстъ пятнадцать предстояло ѣхать сначала моноками да лядами, а потомъ—и лѣсомъ...

Стоялъ декабрь. Обильный снѣгъ залегъ давно и хорошо держался по дорогамъ, и лошади катили легкой возочекъ

бодро и весело... Ъхали мы съ Егоромъ да болтали о деревенскихъ новостяхъ, о томъ, что произошло, за эти пять лѣтъ—кто деревнѣ, и въ селѣ, и въ уѣздѣ:—кто умеръ, кто разорился, кто и какое имѣнье продалъ, и кто какое—купилъ... Но, когда мы въѣхали въ лѣсъ,—Егоръ замолкъ, посвистывая да помахивая кнутомъ, онъ поглядывалъ, съ облучка, на дорогу и, на—рыскахъ, обѣждалъ ухабы... А я потонулъ въ согрѣтомъ и уютномъ мною-же снѣгѣ, и мнѣ было тутъ уютнѣе и удобнѣе, чѣмъ въ самомъ покойномъ креслѣ. Я дышалъ съ наслажденіемъ морознымъ, чистымъ воздухомъ и смотрѣлъ на мелькавшіе по сторонахъ дороги прямые и гладкіе свѣтло-желтые стволы огромныхъ сосенъ и на зеленныя вѣтви елокъ, отягченныя толстымъ слоемъ пушистаго снѣга, ровно-ровно покрывавшаго и землю и вѣчно-зеленую хвою...

Версты четыре оставалось до деревни... Былъ пятый часъ въ началѣ. Солнце зашло, и въ воздухъ быстро, замѣтно темнѣло... Въ лѣсу было тихо, беззвучно... Ни жилья одинокаго, ни человѣка встрѣчаю, ни даже птицы залетной, или звѣря забѣглаго. Только сами мы нарушали тишину: или санки коротко стучали полозьями на незамѣченной Егоромъ выбоинкѣ, или онъ посвистывалъ протяжно, въ отвѣтъ на тревожное рычанье прістѣжковаго...

Вдругъ я услышалъ за собою мягкіе, по торопливые шаги... Я обернулся... «Звѣ-

ри!» Два рослыхъ и длинныхъ, но тонкихъ, и поджарыхъ волка бѣжали за возочкомъ, держась отъ него пагахъ въ десяти... Они бѣжали, будто въ дышло запряженные лошади, время-отъ-времени поглядывали другъ на друга, не то ободряя другъ друга, не то совѣтуясь, и стучали—«лязгали»—зубами...

— Егоръ, волки!—объявилъ я куму... Но и онъ услышалъ уже ихъ шаги и обернулся... Почуяли «звѣря» и кони: уже обѣ лошади фыркали, тревожно насторожили уши и самовольно прибавили ходу...

— Пара,—говорилъ Егоръ.—Это ништо. Забоятся... При человѣку онъ трусливъ, звѣрь—атъ; ну, а ужъ со скотиной—храброй... Ахъ, храброй, штобъ ему!..

Я опять обернулся. Любопытно, потому что все-таки рѣдко доводится видѣть, на свободѣ, этого лукаваго звѣря-разорителя. Волки не нагоняли пока возочекъ, но не упускали его изъ вида. Съ тайной надеждой, они оглядывались по сторонамъ и тихо, будто съ жалобной досадой, подвывали...

— Товарищевъ подзываютъ, анафемы!—замѣтилъ опять Егоръ.—Во, коли тѣ подоспѣютъ—плохо намъ съ тобой придется, кумъ!.. Голодень онъ о сю пору звѣрь... Ливальверъ-то съ собой?—спросилъ онъ...

— Съ собою... Шестъ зарядовъ есть... А ты возьми-ка возки въ руки!—посоветовалъ я ему.—Смотри, какъ кони прибавляютъ: вывернуть насъ, на поворотъ, да уйдутъ тогда памъ съ тобой будетъ и—очень «плохо»!..

— И то!—похватился Егоръ, крѣпко на-
тигивая возки, и добавилъ, уже не обо-
рачиваясь:—Кони молодые, непривычные...
А пристяжной и не видывалъ звѣря, хотъ
самъ на звѣриныя деньги купленъ...

«Что это онъ такое городить?! На какія
это «звѣриныя» деньги?!» подумалъ я. Но
теперь было не до разспросовъ...

Мракъ ранней зимней ночи быстро сгу-
стился на столько, что волчьи глаза свѣ-
тились уже тѣмъ особеннымъ блескомъ,
по которому ночной путникъ замѣчаетъ
издали близость этого звѣря. И въ тем-
нотѣ волки становились храбрѣе. Раз-
стояніе между ними и нашимъ возочкомъ
все уменьшалось; наконецъ, по-прежнему
подвывая, они догнали насъ, и одинъ изъ
нихъ бѣжалъ уже рядомъ съ возочкомъ,
за пристяжной...

— Стрѣляй, кумъ!—сказалъ Егоръ.

— Стрѣлять?

— Да не ждаль-же!.. Того гляди—при-
стижку рванетъ!..

— Заряды надо приберечь для товари-
щей!.. Попробуй раньше кнутомъ!.. Погля-
димъ—что будетъ!..

Другой волкъ бѣжалъ уже съ правой
стороны!.. Егоръ скосилъ глаза, прищип-
ываясь, уловилъ моментъ и сильно вы-
тинулъ кнутомъ сначала одного волка,
потомъ—другого. Лѣвому попало, прав-
ый—увернулся!.. Но оба они отскочи-
ли къ деревьямъ, встряхнулись, на мгно-
веніе сбѣжались опять, позади саней и,
будто снова пошептавшись тамъ, взвыли
уже громче и бросились догонять насъ
съ удвоенной злобою!..

— Голодны, черти! И страхъ забыли!.. Те-
перь ужъ стрѣляй, кумъ!—сказалъ Егоръ.
И дѣйствительно, больше ничего не оста-
валось: волкъ, бѣжавшій съ лѣвой сторо-
ны, нагонялъ пристяжную, съ явнымъ на-
мѣреніемъ «цануть» ее, а другой бѣ-
жалъ опять рядомъ съ возочкомъ, нагло
и нахально смотрѣлъ мнѣ прямо въ гла-
за и мысленно будто лакомился мною.

«Ахъ ты, мерзавецъ! Нахалище!.. Ну—
лови! Я-жъ тебѣ влѣплю горошину!»—по-
думалъ я. Глядя на него, не смѣша, я на-
цѣлился и съ удовольствіемъ «бабах-
нулъ»!.. Волкъ отчаянно взвылъ, смѣшно,
будто кувиркаясь для развлечения, пере-
вернулся на мѣстѣ и, когда сани про-
скользнули, скатился на середину доро-
ги!.. А черезъ мгновеніе, и онъ, и его то-
варищъ, ступавшійся куда-то послѣ
выстрѣла, пропали въ темнотѣ, и мы съ
кумомъ услышали только протяжный вой,
и, Богъ вѣсть, котораго волка—здороваго,
или раненаго!..

— Ловко!—воскликнулъ Егоръ, — Эка
штучка!.. Это—не то, что—кнутомъ! Запла-
салъ!..—Но едва онъ проговорилъ это, вда-
ли взвыло уже нѣсколько волковъ!..

— Теперь давай Богъ ноги!—прошеп-
талъ Егоръ и ударилъ кнутомъ скакав-
шихъ лошадей!..

Немного погодя, я обернулся и увидѣлъ
съ десятокъ свѣтлыхъ точекъ; онѣ мель-
кали и будто дрожали въ темнотѣ, а то-
потъ многочисленныхъ лапъ слышался
яснѣе и яснѣе.

— Уйдемъ!.. До деревни—съ версту!.. За-
ряды береги, баринъ!.. Сѣно жги!.. И то-
поръ—подъ облучкомъ!..—шепталъ Егоръ,
поглядывая то на несущихся лошадей,
то на свѣтящіяся точки.—За родителейъ
за своихъ па папихъ лошадейъ злоб-

ствуютъ, проклятые!—добавилъ онъ нѣчто,
для меня опять совсѣмъ непонятное!..

Теперь, и подавно, я не могъ спросить
разъясненія!.. Слышались уже и «ляз-
ганье», и злобно-радостная воркотня звѣ-
рей, и—черезъ мигъ—волки обступили со
всѣхъ сторонъ словно нырившую по уха-
бамъ повозку!.. Ихъ было штукъ пять, или
шесть!.. Ужасная, отвратительная картина
будто промелькнула предо мною: взбѣ-
сившіяся лошади шарахнулись въ сторо-
ну, выбросили насъ изъ возочка и летѣли,
покинувъ дорогу, по полю, сами не зная
куда летятъ, и ломая повернутыя на бокъ
санки!.. А насъ—меня и Егора—волки тер-
зали, таская по бѣтому снѣгу, разрывая
наши полушубки и добираясь до тѣла и
до теплой крови!.. И кровь, и рваное мясо,
и адская боль, и эта страшная смерть—
такъ ясно представились мнѣ, что страхъ
охватилъ меня ледяными объятіями и
будто тискал, сдавилъ мое сердце!.. Я
выстрѣлилъ, не цѣлясь, и!.. промахнулся!..
Волки отскочили лишь на мгновеніе, а въ
слѣдующее—обступили возочекъ еще съ
большимъ ожесточеніемъ; я стрѣльнулъ
второй разъ; они повторили то-же самое!..
Я вспомнилъ, что у меня осталось всего
три пули!.. Волкъ схватилъ пристяжного
за ногу, но тотъ ударилъ его съ такою
силой, что онъ откатился!.. Егоръ былъ
весь «на возжахъ»!.. Я схватилъ клокъ
сѣна, зажегъ его и, подержавъ, швырнулъ
на волковъ:—они отступили разомъ!.. Лѣсъ
кончился, и мы выскочили къ деревен-
скимъ огородамъ; въ полувѣрствѣ видѣ-
лись освѣщенные окошечки!.. Егоръ сви-
снулъ, напуганныя лошади будто вытя-
нулись, и санки понеслись съ невѣроятной
быстротой!.. А наглые волки нагнали насъ
опять и, чуя неудачу, видя что вотъ-вотъ
мы уйдемъ, хватили зубами оглобли, по-
лезья, откосы, лѣзли въ возочекъ!.. Я бро-
салъ на нихъ горящее сѣно, они, всей
гурьбой, обгали его и гнались за нами
опять, гнались до самой деревни!.. И
только у деревенскихъ воротъ они оста-
новились!.. Какъ и всѣ наглецы, и они,
все-таки—трусы!..

Егоровъ дворъ стоялъ четвертый отъ
въѣзда, и, раскатившись, мы подлетѣли
къ нему во всю прыть.

— Пронадите вы пронадомъ, черти!—во-
скликнулъ кумъ, быстро соскакивая съ об-
лучка и, перво-на-перво, осматривая заднія
ноги пристяжного!.. Волки, оказалось, не
порвали ихъ, а только поцарапали кое-гдѣ!..

Заслышавъ изъ избы шумъ, все семей-
ство Егора высыпало на крылечко, и—не
смотря на морозъ—кто въ чемъ сидѣлъ:—
баба—въ сарафанѣ, ребята—въ рубашен-
кахъ; а старый дѣдъ, отецъ Егора, По-
тапъ, вышелъ тоже въ одной рубахѣ, да,
къ тому-же, распоясанный и съ разстег-
нутымъ у шеи воротомъ. Онъ былъ крѣп-
кій, плотный старикъ, лѣтъ шестидесяти
лѣтъ, съ «сивой гривой», длинной бородою
и умными карими глазами, подъ кото-
рыми висѣли густыя «сѣдые брови», ли-
цо его казалось отъ того суровымъ, но
онъ былъ, напротивъ, добродушный и
общительный старикъ.

— Ну, волки—волками, а барина-то на
улицѣ держимъ!—остановилъ онъ Егора,
ахавшаго и горопливо рассказывающаго о
происшествіи.—Фенька, иди-ка самоваръ
наставляй!.. Пожалуйте, сударь, пожалуй-
те въ свѣтелку!..

Я пошелъ за Фенькой, а старикъ—за
мною.

— Коней поставишь, приходи грѣть-
ся, тама и расскажемъ,—сказалъ сыну
Потапъ.—Васька!.. Ишь—лодырь!—крик-
нулъ онъ, тутъ-же, на старшаго внука
побѣжавшаго-было съ нами въ избу:—По-
шелъ, батькѣ помоги!

Пока наставляли самоваръ, пришелъ и
Егоръ. Мы рѣшили ѣхать дальше часа
черезъ три, когда лошади отдохнутъ и
успокоятся, и засѣли за чай. И, конечно,
разговаривали мы о волкахъ!..

— Опять они у васъ появились!.. А то,
я помню, совсѣмъ-было пропали,—замѣ-
тилъ я.

— Страсти, сколько развелось!—восклик-
нулъ Егоръ.—На дняхъ, приказчикъ ѣхалъ
какой-то съ женой и съ рабенкомъ, то-
же, было, погибъ!.. Вотъ, какъ и насъ,
стадомъ провожали!.. А Сидора-рыжого
ужъ и трепать зачали, на дровосѣкъ, и,
кабы отецъ-дьяконъ не подоспѣлъ тогда
со своимъ работникомъ—не жить-бы Си-
дору!

— Не жить!—подтвердилъ и Потапъ!..

— А скотины, скотины что загубили!—
вздыхнула Фенька:—Господи милосерднѣй!..

— Чего-жъ вы не стрѣляете? Вѣдь у
васъ въ каждомъ дворѣ ружье!

— Тешерича наши ружья на спокоѣ ви-
сятъ!..

— Почему, Потапъ?..

— А законъ-то новый забыли?—напом-
нилъ мнѣ старикъ:—Заплатить надо за
билетъ на охоту!.. А гдѣ-жъ мужику за
это платить! Никогда онъ этого не ста-
нетъ платить!..

— Никогда не станетъ, потому никогда
не платилъ!—подтвердилъ и Егоръ.

— Оно, въ другихъ мѣстахъ, платятъ се-
бѣ безъ всякаго билета,—продолжалъ По-
тапъ:—потому исправникъ не услышитъ
изъ города, а въ каждомъ лѣсу урядника
тоже не поставишь! Ну, а у насъ—свой
исправникъ есть!..

— Да,—улыбнулся Егоръ:—свой! Сей-
часъ донесетъ!..

— Это кто-же? Баринъ вашъ? Гусевъ?

— То-то!.. Онъ, Гусевъ!.. И такъ, по
птицѣ, али тамъ по зайцу, стрѣляетъ себѣ
въ волю и безъ билета; а по сѣрому—не
смѣй!.. Тутъ какъ тутъ:—«билетъ»?.. П—
нѣтъ билета—къ исправнику, и—штрахъ!..
А все потому, что сами эту охоту обо-
жаютъ!.. Приводы поналожетъ кругомъ—
лѣсъ-то евоный!—а пока-то охотиться на-
думаетъ, пока соберется, мы тутъ, подъ
лѣсомъ сидя, кто безъ коровы, кто безъ
коня, по его милости!..

— Да, коротко вздохнулъ опять Егоръ.—
Помнишь, баринъ, нашего Сиваго да ко-
былку чалуую?

— Ну?

— Тоже волки задрали! Такъ, въ одинъ
день двоихъ и зарѣзали:—и Сиваго, и ко-
былку!..

— Да что ты?! Давно-ли?..

— Ей Богу!.. Осенью два года было!..

— Тутъ вотъ, на огородахъ, и навали-
лись на сердечныхъ, окаинныхъ!—вздохну-
ла и Фенька.

— То-то я замѣтилъ, что у тебя новыя
лошади!.. Лихо мчали!..

— Да, эти новыя!.. И на звѣриныя день-
ги куплены!..

— Какъ—«на звѣриныя деньги»?—спро-
силъ я наконецъ!..

«Асарь и Измаиль въ пустынь». Съ картины художника Дюмидь.

«Концертъ у Гайднъ». Съ картины художника П. Розье.

— А ужь это ты дѣда попытай! Его выдумка, онъ и разскажетъ!.. Тятя! Разскажи-ка ты барицу, какъ ты лошадокъ промышлялъ!—сказалъ Егоръ, самодовольно улыбувшись.—Разскажи, а я пойду:—поди остыли кони, подкормить надо малость!.. Дѣдъ Потапъ началъ разсказъ охотно и тоже самодовольно и нѣсколько лукаво улыбаясь...

— А вотъ,—говорилъ онъ, сидя на лавкѣ противъ меня:—какъ задрали они «сиваго» да кобылицу, остались мы вовсе безъ коней, и задумался я крѣпко... не то, что ужь—двухъ, а и одного-то коня купить, чтобы справный былъ,—четвертной надо... А четвертной понашему—полгода работы!.. А работать какъ-же безъ коня?.. Просто, ты хотъ себѣ—вой!.. Думалъ я, думалъ, и одинъ думалъ, и съ сыномъ, да и надумали мы, что виновать въ нашемъ дѣлѣ—баринъ,—Гусь... Онъ... И подумавши, къ чему-же я и пошелъ.—Ты что,—говорить, Потапъ?—Къ вашей милости, на счетъ лошадокъ.—«Да, да, слышалъ, братъ! Такое несчастіе!»—Такъ точно—несчастіе!—«Такъ ты съ чѣмъ-же ко мнѣ-то?»—Да вотъ, баринъ, извольте подсобить!.. Волковъ для охоты прикармливаете! Стрѣлять запрещаете!—«Что ты! стрѣлай, сколько хочешь; только билетъ выправь по закону!» И засмѣялся. «Что-жъ ты меня братъ, виноватишь! Волки не моя скотина, а Божья!.. Съ Его и ищи!.. А я, говоритъ, чѣмъ могу—подсоблю, пока справишься!»... И вынесъ—пятерку!..—Покорнѣйше благодаримъ,—говорю; и пошелъ отъ него!.. Что-жъ ты будешь дѣлать! Божья скотинка—волки!.. Ну, ладно!.. На другой день, помню, какъ разъ, воскресенье было,—пошелъ я въ храмъ... Пришелъ, стою у стѣны, а молиться не могу: ни того, что батюшка читалъ, не слышу, ни дьячка не понимаю!.. Они—свое, а я—свое!.. Волки да волки, да кони зарѣзанные, да горе наше горькое какъ вотъ засѣли въ башкѣ—не исходятъ и въ храмъ, хотъ ты што!.. Говню, молиться хочу угодникамъ... нѣтъ,—не идетъ!.. И вотъ, тутъ-то, въ храмъ-же, и надумалъ я это свое дѣло!.. Грѣхъ-отъ, а ужь лгать не буду и вашей милости—тутъ надумалъ... тутъ!.. И вотъ, съ поне-дѣльника же и сталъ на работу,—продолжалъ Потапъ.—Лѣсъ-то барина, Гуся, а коло лѣса—моложи съ ельничкомъ наши, деревенскія!.. И наша полоска, какъ разъ, вотъ такъ, межа съ межою, около лѣса и тянется. А для меня—лучше и не надо!.. Нарубилъ я деревовъ, натесалъ кольевъ высокихъ, да кружокъ этакій—большой кружокъ!—тутъ-же, на своей полоскѣ, у самага лѣса, и огородилъ.

Плетень заплелъ крѣпкій-прекрѣпкій, и кругомъ, для обмана значить, ельничкомъ его утыкалъ. Снизу дверку оставилъ не большенькую, такъ, чтобы волку пройти, а самую-то дверку сверху прикрѣпилъ на возжахъ, на здоровыхъ. Дверка-то досчатая, камень къ ей подвязалъ громаднѣйшій, такъ что, какъ спущу возжи, она на зѣмь—ахъ! и, межъ пазовъ, крѣпко держится!.. Ну, ладно!.. А для себя насѣсть подстроилъ наверху, небольшую, а такъ, чтобы только сѣсть можно было надъ дверкой!.. Съ недѣлю я эту ловушку мастерилъ, и никому, ни Боже мой,—слова не сказалъ!.. Только Егоръ сказалъ, а то—ни сусѣдамъ, ни бабѣ!.. Потому—разболтали-бы, и баринъ-бы узналъ, Гусь...

Ну, а какъ кончилъ я этотъ свой шалашикъ, взялъ ружье, вотъ это самое,—показалъ Потапъ на стѣну, гдѣ висѣла старая двухстволка:—пороху взялъ, картечи, поросенка въ мѣшокъ—порядочнаго поросенка!—да и къ мѣсту!..

Ранѣе немного этого времени было... да, все-таки ужь темно было!.. Пришелъ, ружье—на верхъ, и самъ съ поросенкомъ... на насѣсть!..

Перекрестился, сѣлъ да и давай поросенка мять!.. Визжитъ, оретъ, будто я его рѣжу! А я—помню, помню да и опушу!.. А самъ все въ лѣсъ поглядываю!.. Ну, прошло времени порядочно!.. съ часъ, должно быть!.. Вдругъ, вижу я—заблестѣли!.. Глазница-то у ихъ, словно лѣтомъ—свѣтляки, только—еще ярче!.. И ужь тутъ близко, на межѣ!.. А поросенокъ у меня приспособленъ:—заднія ноги туго скручены, и на длинномъ обрывкѣ. Я его за плетень, и веревку держу въ лѣвой рукѣ; и, какъ только онъ внизъ головою повисъ—заоралъ пуще прежняго!.. А я ужь въ правую-то руку отъ дверокъ возжу схватилъ!.. И—готовъ!.. Сажу!.. А волки—по одному, по одному, гусемъ-то, въ ловушку, въ плетень!.. Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть!.. семь!.. А грабители!.. Ужь не ваша-ли артель и коней моихъ обработала! Такъ вотъ-же, анафемы! Бросилъ веревку, дверь-то съ камнемъ-то—хлопъ!.. Здравія желаю, соколы!.. Бросилъ я и другую веревку, съ поросенкомъ, и—за ружьемъ!.. Только ужь торопиться и не къ чему! Сиди да сверху и пали: въ упоръ не въ упоръ, а—почти что такъ!.. «Бацъ!»—одинъ кувыркнулся!.. «Бацъ!»—второй заплесалъ!.. Зарикаю опять два ствола да и гляжу!—струсили товарищико!.. другъ къ дружкѣ жмется!.. «Бацъ!» «Бацъ!»!.. Опять нара!.. Перестрѣлявъ всѣхъ, сѣлъ и даже трубку закурилъ:—такъ мнѣ весело стало!..

— Ахъ ты, молодчина-дѣдъ!—воскликнулъ я.

— Да,—продолжалъ Потапъ:—Поутру попросилъ у сусѣда лошадку, перевозъ во дворъ упокойниковъ, шкуры поободралъ, ухи пообрѣзалъ, и—разживаться!.. Ухи въ земскую управу представилъ:—двадцать одинъ рубль за семь волковъ выдалъ; а шкуры по пяти рублей тамъ-же, въ городѣ продалъ—купцу!.. пятьдесятъ шесть рублей всего получили!..

— Такъ на эти деньги и лошадокъ купили?

— Ага! Полсотни за пару, тогда-же, и отдали—на ярмаркѣ!.. И добрые кони попались—молодые!.. Ну, рушъ прошли тогда съ Ягоркой—на радостяхъ, а пятерку снесъ барину—должокъ отдалъ!.. «Справился, говорю, покорнѣйше благодаримъ!» Ахъ, ты, говоритъ, Потапъ, Потапъ! Всю охоту мнѣ испортилъ! Я, вотъ-вотъ, собирался! Шутка-ли, говоритъ—семь волковъ сразу загубилъ!—А я ему:—что-жъ вы меня, сударь, виноватите? Сами сзывали:—волкъ—не ваша скотинка, а Божья!..

И дѣдъ Потапъ засмѣялся, все съ тѣмъ-же добродушнымъ лукавствомъ!.. Но и широкое, скуластое лицо Феньки расплылось въ улыбку, и внуки, внимательно слушавшіе разсказъ дѣда, смѣялись!..

Викторъ Рынковъ.

Ты—принцесса. Страна твоя—грезы.
Въ брилліантахъ твой балный нарядъ.
Какъ пышны эти бѣлыя розы
И придворныхъ комическій штатъ!..

И любовь, и волна аромата
Закружили головку твою,
И, закованъ въ желѣзные латы,
Я у входа, твой рыцарь, стою!..

А у люстры, въ сверкающемъ свѣтѣ,
Вьется силфовъ и бабочекъ рой,
Но смотри не запутайся въ сѣти
Паутины своей золотой.

А. Бобринцевъ-Мушкетъ.

ВЪ ГЛУХУЮ НОЧЬ.

Разсказъ.

ЕГО всегда ненавидѣлъ. Я его ненавидѣлъ за то, что онъ былъ богатъ, а я нищій, за то, что онъ былъ красивъ, а я уродъ, за то, что онъ былъ добръ, а я злой. Я не хочу описывать себя лучше, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ, но я хочу доказать, что я не сумасшедшій, что меня напрасно держать въ этой больницѣ, я здоровъ, и моему здоровью могутъ все позавидовать, хотя бы тѣ же доктора, которые упрятали меня въ этотъ Бедламъ! «Онъ убилъ, говорятъ, а не было никакихъ причинъ!» Если бы не снѣжное дѣло, я сказалъ бы имъ: «поройтесь, поройтесь, голубчики, можетъ быть, и отыщется какая-нибудь причина, можетъ быть и очень маленькая, по вашему, причина. А я подожду, да посмотрюсь. Изподтишка буду смѣяться, укутавшись въ одѣяло буду смѣяться, такъ, чтобы не подсмотрѣли, не догадались!» Вотъ глупе-то, вотъ глупе-то! Все на свой аршинъ мѣрять! Эта не причина, да та не причина! Для васъ не причина, а для меня, можетъ, очень большая причина.

Но мнѣ надоѣло смѣяться, мнѣ надоѣло ждать, пока они съ помощью своей хваленной науки доберутся до чегонибудь! Меня дѣло зоветъ, меня дѣло призываетъ! Я долженъ сегодня же, сейчасъ же быть у нея и доказать, что я не сумасшедшій, и какъ много она потеряла, выбравъ его, а не меня! А лекаришки эти пускай, пускай прочтутъ этотъ маленькій разсказецъ. Авось, тогда поймутъ причину!.. А то: нѣтъ причины! А ненавижу, которую я всегда къ нему чувствовалъ, это не причина?.. О, какъ я его не терпѣлъ! И теперь его ненавижу, я его теперь еще больше ненавижу, потому что онъ умеръ и изъ могилы киваетъ мнѣ, къ постели моей подходитъ и шепотомъ являетъ мнѣ: «вотъ я умеръ, это ты меня убилъ, это ты меня убилъ!» О, я-бы вторично убилъ его, чтобы онъ замолчалъ, я-бы пустилъ въ него чѣмъ попало, но, вѣдь, я сознаю, что это призракъ, бредъ разстроеннаго воображенія, потому, что у кого не разстроится воображеніе, сидя въ сумасшедшемъ домѣ, вѣдь я сознаю это и молчу, скрежеща зубами и кусая себѣ губы, чтобы сдержатъ себя, чтобы эти лекаришки не сказали: «а вѣдь мы правы, онъ сумасшедшій!» Но я увлекаюсь, а мнѣ надо торопиться.

ипаче скоро настанетъ день, а ночь такъ коротка, я не успѣю сегодня убѣжать, а ждать еще одинъ день я не могу, у меня не хватаетъ силъ...

... Мы съ нимъ учились вмѣстѣ, мы даже сидѣли на одной скамейкѣ. О, я помню эту минуту, когда мы первый разъ встрѣтились. Я никогда ее не забуду. Я тогда же почувствовалъ что-то такое, что я всегда чувствую, когда мокрица пробирается ко мнѣ. Я не знаю, почему я это почувствовалъ. Онъ былъ такъ красивъ, такъ идеально красивъ, его большіе глаза съ длинными рѣсницами глядѣли такъ добродушно и открыто, отъ вѣя его фигуры вѣяло такимъ тепломъ, что всѣ въ классѣ очаровались имъ. Онъ въ скоромъ времени такъ всѣхъ расположилъ къ себѣ, что его считали чуть не божествомъ, учителя строили такія убійственныя гримасы, которыя должны были сходить за доброжелательныя улыбки, что я моментально возненавидѣлъ его. Да и кто-бы на моемъ мѣстѣ не возненавидѣлъ! Каждый порядочный человекъ возненавидѣлъ бы! Сажите, за что такая любовь? За смазливую рожицу, за то, что его отецъ обладалъ милліонами, за то, что онъ самъ, всегда имѣя при себѣ деньги, разбрасывалъ ихъ направо и налево, стоило ему только намекнуть, что такъ и такъ, у тебя есть, а у меня нѣтъ! За это всеобщая любовь, за это какое-то дурацкое обожаніе!

Я не вижу, какая разница была бы между нами, если бы я также былъ богатъ и красивъ, какъ онъ? Никакой! Изъ-за того, что я уродливъ, и мой отецъ—нищій чиновникъ, живущій чуть не въ подвалѣ,—изъ-за того меня можно не любить, а его боготворить? Правда, онъ былъ очень добръ, чересчуръ добръ, я не хочу и не могу отрицать этого, а я былъ всегда злымъ, но если бы я обладалъ всѣмъ тѣмъ, что онъ имѣетъ, можетъ быть, я былъ бы въ семьдесятъ тысячъ разъ добрѣе! О, сколько разъ, сколько разъ, засыпая, на своемъ пабитомъ сѣномъ тюфякѣ, я рисовалъ себѣ картину, что его отецъ вдругъ разорился, что самъ онъ обезображенъ оспой и живетъ, какъ я, въ подвалѣ. О, эта мечта стала моею постоянной мечтой. Я не могъ заснуть иначе, какъ представить его оборваннымъ нищимъ, выпрашивающимъ себѣ копѣйку на хлѣбъ.

Такъ шли года...

А онъ, кажется, не замѣчалъ, что я его не терплю. Изрѣдка лишь при моемъ иногда рѣзкомъ отзывѣ о немъ, что бывало со мной, когда я уже не въ силахъ былъ скрыть накопившей злобы, которую я обыкновенно не обнаруживалъ, онъ поднималъ свои большіе синіе глаза, которые, казалось, говорили: ты меня обижаешь, а я, право, не знаю, за что!

Въ такихъ случаяхъ онъ уходилъ въ сторону, но потомъ опять минуты чрезъ три возвращался и говорилъ, протягивая руку:

— Не сердись, если я тебя обидѣлъ, то, правда, не нарочно.

О, я-бы хотѣлъ растерзать его въ эту минуту, я-бы истопталъ его, я-бы исцарапалъ все его лицо, я-бы продѣлалъ все, что я сдѣлалъ потомъ, но я не смѣлъ, потому что былъ лодыжъ трусомъ, я боялся, что скажутъ товарищи, если я не подамъ ему руки. И я подавалъ и видѣлъ его телачій восторгъ, и видѣлъ, какъ онъ отходилъ довольный и счастливый. Если бы онъ видѣлъ, какая ненависть душила меня!

Разъ, я помню, я не выдержалъ, я выдержалъ руку, которую онъ схватилъ, я вспомнилъ всѣ ругательства, которыя только слы-

шалъ и всѣ высыпалъ на него. О, если-бы вы видѣли, съ какимъ лицомъ онъ ушелъ! Еще бы, онъ, всеобщій кумиръ, привыкшій, что все дѣлается такъ, какъ онъ хочетъ, и вдругъ такая неожиданность! Понятно, что всѣ стали на его сторону и съ тѣхъ поръ меня прозвали злоучкой. Ну что-жъ. Пусть! Очень я нуждаюсь!

Я, восторженный, побѣжалъ домой. Я не ожидалъ, что судьба готовила мнѣ новый ударъ! Дома я нашелъ полицію, дворниковъ, глазбюющихъ бабъ и доктора. Мой отецъ, которому не здоровилось дня два, внезапно скончался. Я былъ потрясенъ его смертью. Мало того, что судьба лишила меня единственнаго человека, который меня любилъ, она меня выбрасывала на улицу. Съ его смертью рушилось все. Я окаменѣлъ. Я сомнѣлся бы съ ума, или убился бы, чтобы скорѣе умереть, а не терзаться муками подкавшагося голада. На другой день ко мнѣ явилось нѣсколько товарищей. О, будь проклятъ этотъ часъ, когда они пришли ко мнѣ! Они мнѣ предложили свои услуги и выжили паче приличнаго урока. И дѣйствительно я получилъ урокъ за такое вознагражденіе, о которомъ я и думать не смѣлъ. По нѣчужему велѣнію меня перевели на стипендію, и я отдышался, будущее не казалось мнѣ такимъ мрачнымъ, я даже съ гордостью глядѣлъ впередъ, я говорилъ: «Я поборюсь съ тобой, судьба; кто такъ твердъ, что въ мои года самъ себя содержитъ, тотъ не пропадетъ». Я налегъ на занятія, не смотря на то, что мнѣ было трудно и самому учиться, и другихъ учить, т. е. терять время, я сталъ однимъ изъ первыхъ.

И вдругъ все это лопнуло, какъ мыльный пузырь, какъ воздушный замокъ, какъ мечта...

Какъ ни былъ я серьезенъ, но года берутъ свое, я съ чего то разъ развеселился и, уходя съ урока, спросилъ у горничной, подававшей мнѣ пальто: а что, Соколовъ часто бываетъ у васъ? (Соколовъ это тотъ, кто доставилъ мнѣ урокъ). Та съ недоумѣніемъ посмотрѣла на меня. Оказалось, она такого не знала. Я ее началъ распрашивать и узналъ, что единственный изъ моихъ сотоварищей бываетъ въ этомъ домѣ онъ, этотъ красавецъ, этотъ крестъ и святоша. На слѣдующій же день я узналъ, въ чемъ дѣло. Это онъ, моя ненависть, мой антипатія, доставилъ мнѣ этотъ урокъ, но такъ какъ онъ замѣтилъ, что я на него «въ последнее время сержусь», то просилъ Соколова сказать, что это тотъ досталъ мнѣ урокъ. Мало того, выяснилось, что и стипендію хлопоталъ его отецъ! Какъ! Значитъ почти цѣлый годъ изъ милости и пользы крохамъ этого семейства. Я, не говорившій съ нимъ, ѣмъ его хлѣбъ, я, желающій видѣть его на низшей ступени надеждъ, я сталъ его паразитомъ. Боже! И не знаю, что тогда произошло со мной. Я не умѣю это описать! Я тогда чувствовалъ тоже, когда я его высмѣивалъ, когда я мучился, что вдругъ онъ не пойдетъ по сосновой аллеѣ, гдѣ я ждалъ его съ револьверомъ, гдѣ я молилъ Бога такъ, какъ никогда не молилъ, чтобы онъ, мокрица, пошелъ по этой дорогѣ. Я сознаюсь, я каюсь, я не зналъ, что дѣлать. Я хотѣлъ публично оплевать его, надавать несчетное число пощечинъ, но голодъ, смерть, университетъ, слава, все это поперемѣнно кружилось предо мной. Я рѣшилъ, что надо выжидать, я унизился до слезной мольбы предъ тѣмъ начальникомъ, гдѣ служилъ мой отецъ, я получилъ это позорно добытое мѣсто и вышелъ изъ училища; да, я вышелъ изъ училища, я бросилъ урокъ, я разбилъ свою карьеру и все изъ-за него, изъ-за

этого наглаго красавца, который съ годами становился красивѣе, котораго слава, какъ святого, прогремѣла въ нашемъ глухомъ городишкѣ, и его отецъ получилъ еще откуда то лишній милліонъ...

Я сталъ чиновникомъ, я сталъ мелкимъ чиновникомъ, а между тѣмъ я чувствовалъ, что такая жизнь меня не удовлетворяетъ, и удовлетворить не можетъ. Я сознавалъ, что я рожденъ для иной цѣли, что что-то другое великое должно бы было ожидать меня. Что изъ того, что я нищій? Богатство придетъ? Слава придетъ, все придетъ. Красоты нѣтъ! Да развѣ мужинѣ пужа красота? Надо быть только немного покрасивѣе чорта и все сойдетъ за красоту! Да и это развѣ важно! Умъ нуженъ! И не какой нибудь ужъ гениальный умъ, а такъ, чтобы немного быть умнѣ другихъ. Слава Богу, судьба хоть въ этомъ не обидѣла меня. Я умѣю, я это сознаю. Тутъ не надо какихъ нибудь формулъ, тутъ нужна только логика! О логика, это великая вещь! хотѣлъ бы я знать, кто выдумалъ логику? Но это глупый вопросъ, логика выросла вмѣстѣ съ людьми, съ Адамомъ появилась она, съ Каиномъ укрѣпилась. Большая загадка, этотъ Каинъ, говорятъ, убійца, а съ чего онъ убилъ?.. Съ чего, съ чего? Опять причины потребовались...

Я служилъ лѣтъ пять, я служилъ примѣрно, начальство было довольно, съ товарищами я старался держаться по товарищески, хотя они были страшные кутилы: пытался объяснить, что дважды два—четыре! Нельзя этого объяснить. Это аксіома, а аксіому никакъ не объяснить; вѣрить надо; можете же себѣ представить, вы, лекарщики, до чего они довели меня.—До судорогъ довели, до боли довели. Погодите, погодите, это все не то...

Разъ былъ вечеръ у нашего начальника. Я былъ приглашенъ! О, что это былъ за вечеръ! Я никогда подобнаго не видалъ! Я откровенно сознаюсь, что подобной роскоши никогда не видалъ. Однимъ словомъ, тутъ было все... Я тогда въ первый разъ увидѣлъ ее. О, если бы турпъ Магомета непоходили на нее, если бы онъ хоть немного не походили на нее, я отрекся-бы отъ его вѣры, если-бы былъ магометаниномъ.

Она была такъ ласкова, такъ упоительно ласкова, что я тотчасъ же влюбился въ нее. Да, влюбился. Я привыкъ анализировать себя, я на другой же мигъ рѣшилъ, что воплощеніе моей мечты это—она! Она долго разговаривала со мной, несмотря на мое безобразіе, она долго разговаривала со мной. И это не было состраданіе къ моему уродству. О, я привыкъ къ нему и всегда уловлю его. Всѣ мельчайшія уклоненія, все, все, замѣчаю я! Нѣтъ, она разговаривала со мной, потому что ей было это пріятно. Я сейчасъ замѣтилъ, что это ей было пріятно. Она, казалось, не была удивлена, что видѣть меня на этомъ базѣ, меня, мелкаго изъ самыхъ мелкихъ чиновниковъ. Впрочемъ, вѣдь она знала, что патронъ хотѣлъ щегольнуть либерализмомъ: ну да, вѣдь и какое воспитаніе получила она! Она, какъ я это потомъ тщательно разузналъ, воспитывалась въ самомъ лучшемъ изъ самыхъ лучшихъ пансіоновъ. Хотя что тутъ удивительнаго? И меня если-бы такъ воспитывали, такъ что-бы вышло? А то, что я видѣлъ въ жизни: канура, да подвалъ, да чердакъ, да злобой и голодомъ истощенныя лица! Я проклинаю тотъ часъ, когда я впервые сознательно протянулъ свои руки къ хлѣбу! Желалъ бы я знать, почему меня не убили сейчасъ же, какъ я родился! Клянусь чѣмъ угодно, я не былъ-бы въ наклади! Я бы никогда не видалъ этихъ боль-

шихъ глазъ, которые съ дѣтства до этой самой минуты, когда я пишу, пронизываютъ меня, мучать своей глупой, доверчивой наивностью, съ которой они не могли растаться даже въ тотъ мигъ, когда въ послѣдній разъ глядѣли на землю, на небо, на весь міръ, на меня... О, я ихъ выкололъ, эти глаза! Я съ наслажденіемъ раздавилъ ихъ, я думалъ тогда, что они никогда не посмѣютъ такъ нагло смѣяться надомною! А нѣтъ же! Вотъ они опять! Вотъ, вотъ онъ глядитъ на меня! Не гляди на меня! Не смотри съ такимъ удивленіемъ, будто ты не знаешь, за что я убилъ тебя! Ты знаешь, ты знаешь! Ты нарочно притворяешься, что не знаешь! Будь проклятъ! Будь проклятъ! Ага, исчезъ! Всю свою жизнь отравлялъ онъ меня и теперь послѣ смерти, когда я, по его милости, сижу здѣсь, чуть не на цѣпи, и рѣшаюсь наконецъ, сорвать съ себя эту маску безумія, которую мнѣ насильно навязываютъ и тутъ онъ старается помѣшать мнѣ! Но нѣтъ голубчикъ, увидишь, я сильнѣе, я рѣшилъ и напишу; смотри, сколько хочешь, я глазъ не подниму съ бумаги!.. О, Боже! Сколько даромъ потрачено времени, а надо торопиться, торопиться, чтобъ все, все было подробно...

Я рѣшилъ пригласить ее на кадрили и самъ удивился своей дерзости, но она согласилась, и мы пошли танцевать. Во время танцевъ я подмѣтилъ, какъ кто-то хихикнулъ. Невольно я посмотрѣлся въ большое зеркало, и какой ужасной показалась мнѣ наша пара: она — чудная, эфирная красавица, я уродливѣе, чѣмъ когда либо, съ раскраснѣвшимся лицомъ, въ отвратительно сидящемъ фракѣ. Я самъ улыбнулся и не разсердился на того, кто хихикнулъ. Я былъ счастливъ, находясь рядомъ съ ней, и, кажется, это былъ единственный моментъ въ моей жизни, когда я былъ вполне

счастливъ. Но, вѣдь, это было неестественно, и судьба тотчасъ доказала мнѣ это. Еще во время пятой фигуры я замѣтилъ, какъ онъ появился среди гостей. Онъ появился, и каждый, къ кому онъ подходилъ, начиналъ сіять глупой улыбкой. «Есть люди, — говорили про

мы не даромъ всѣ трое сошлись на этомъ вечерѣ. Съ его приходомъ пропалъ мой праздникъ, мое веселье улетучилось, и чувствовалась лишь потребность, доходящая до боли, слѣдить и слѣдить.

Я видѣлъ, какъ они встрѣтились, какъ старые знакомые, мало того, я видѣлъ, какъ вспыхнулъ румянецъ на ея пушистыхъ щекахъ, я все это видѣлъ и сейчасъ же понималъ, въ чемъ дѣло. Я проклялъ себя, зачѣмъ я явился на этотъ вечеръ, я рѣшился сейчасъ же уйти и остался до самаго конца.

Онъ меня замѣтилъ и подошелъ ко мнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я бросилъ свое ученіе, я ни разу не видѣлъ его. Онъ похорошѣлъ еще больше, впрочемъ, его костюмъ очень шелъ къ нему и не мало способствовалъ его красотѣ. Я не хочу сказать, что онъ былъ красивъ по милости своего портного, сохрани меня Богъ отъ такой напраслины, я хочу быть правдивъ и не буду даже щадить себя. Я хочу только сказать, что онъ былъ одѣтъ со вкусомъ. Когда я бросалъ училище, я имѣлъ благоразуміе скрыть, почему я это дѣлаю, и ужъ, конечно, не ему было разгадать, что онъ этому причиной. Да если бы кто ни-

будь и сказалъ ему это, онъ не повѣрилъ бы. Онъ бы идиотски посмотрѣлъ только, да развѣ подѣлъ бы съ телячьими нѣжностями за разъясненіями.

— Какъ я радъ, что вижу тебя! сказалъ онъ, — вотъ, право, не думалъ-то, что здѣсь увижу тебя!

— А ты полагаешь, что только вы, баловни счастья, можете пользоваться жизнью, а намъ, паріямъ, это недоступно?

— Чего ты волнуешься, я просто не зналъ что ты знакомъ съ моимъ будущимъ тестемъ. Тестемъ! Такъ вотъ оно что! Такъ онъ

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА Ѳ. КОЗАЧИНСКАГО.

Сиротка.

своимъ приходомъ него, — есть люди, которые оживляютъ всю мерзость нашей жизни. Точно животворящіе лучи воскрешаютъ они безплодную почву. Ихъ появленіе это праздникъ, съ ними счастье и тепло».

Я слышалъ, какъ это говорили про него. Но, вѣдь, это ложь, страшная и гнусная ложь! Тѣ же лучи, что живутъ природу, тѣ же лучи и сжигаютъ ее. Все зависитъ оттого, какъ упадутъ они!

Когда мы кончили танцевать, и я замѣшался среди гостей, я все время слѣдилъ и за ней и за нимъ. Я уже тогда предчувствовалъ, что

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА Н. МАХОВА.
(СОБСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“).

СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ.

снова сталъ на моей дорогѣ! Я и теперь удивляюсь, почему я тутъ же не удушилъ его.

Я не знаю, откуда у меня явилось столько хладнокровія, но я и виду не показавъ, что хотѣлъ бы уничтожить его.

— А, такъ ты женишься, поздравляю тебя!

Я сказалъ это такъ естественно, такъ просто, что самъ же себѣ задалъ вопросъ: интересно знать, имѣлъ ли бы я успѣхъ на сценѣ.

Я продолжалъ разговоръ, сказалъ, что служу въ вѣдомствѣ его будущаго тестя, и вообще говорилъ съ нимъ такъ по товарищески, какъ никогда, и мнѣ показалось даже, что онъ замѣтилъ мою фальшь и спрашиваетъ себя, не готовлю ли я ему какой пакости. Вирочемъ, къ чему злословить мертвыхъ, вѣроятно, онъ и не подумалъ этого, вѣроятно, его глупая башка и не была способна на анализъ.

Я воротился домой, шатаюсь, какъ пьяный. Я заперся въ своей комнатѣ и бросился на кровать. Меня душили рыданія, и чтобы только не вырвался предательскій звукъ, чтобы только квартирная хозяйка или ея прислуга, глупая толстая деревенская баба, чтобы только онъ не слышалъ ничего, я искасалъ, я изорвалъ зубами подушку, я кусалъ себѣ пальцы, я готовъ былъ кататься по полу и разможить голову о стѣны.

Нѣтъ, я напалъ на себя, я не злой, совсѣмъ не злой человѣкъ. Я и тогда, и въ тѣ чудовищныя минуты, анализировалъ себя и рѣшилъ, что никому не пожелалъ бы такой участи... развѣ ему... да, ему я желалъ и большаго. Но, вѣдь, на это я имѣлъ право, кажется, никто никогда не оскорблялъ человѣка такъ, какъ онъ меня. Господи, отчего человѣкъ не обладаетъ такой властью, такой силой, чтобы проклясть, уничтожить совсѣмъ другого, который былъ и будетъ паразитомъ, который можетъ уничтожить тысячи и взаимно не дать ничего, который можетъ порази́ть на смерть такого человѣка, чьи руки и чей умъ могли бы создать, конечно, великое и грандіозное. О, почему нѣтъ такой силы? Я уничтожилъ бы его. И кто посмѣлъ бы сказать, что я дѣлаю преступленіе! Онъ меня погубилъ, онъ, навѣрно, и другихъ погубилъ, но они только въ слѣпотѣ не хотятъ сознаться! Я всю ночь не спалъ, я все время страдалъ и думалъ о такой силѣ. На другой день я былъ на службѣ, и никто ничего не замѣтилъ. Да и гдѣ имъ, пустоголовымъ! Я служилъ по прежнему, я писалъ и строчилъ, но я былъ, какъ пальной, мнѣ казалось, что я схожу съ ума, мой мозгъ пылалъ, моя голова пылала, и я молчалъ, молчалъ все время, боясь выдать себя. Но такъ какъ я всегда былъ молчаливъ, то никто не обратилъ вниманія.

Когда я, возвращаясь домой, увидѣлъ ее въ коляскѣ, кровь бросилась мнѣ въ лицо, ноги задрожали, я раскланялся.. Она отвѣтила. О, она не забыла меня. Недаромъ во время разговора она устремляла на меня свой чистый, ангельскій взоръ, не даромъ она два раза сказала, что я очень оригиналенъ, она не могла забыть меня, она нѣсколько разъ повторяла мое мѣткое и остроумное сужденіе объ одномъ очень высокопоставленномъ, но глупомъ лицѣ.

— Позвольте, сударыня, да какъ же вы сказали свое роковое «да» этому Апполону Бельведерскому, за котораго только и говорятъ лицо да кошелекъ?

Но развѣ она виновата въ этомъ! Мало-ли какія бываютъ семейныя обстоятельства, мало-ли какъ складывается жизнь, да наконецъ, можетъ быть, она и никогда не встрѣчала,

если не умныхъ, то все-таки далеко не глупыхъ людей! Мало-ли что бываетъ! Да, но зачѣмъ предательскій румянецъ? Красота прельстила! Да, вѣдь, были же примѣры, что красавицы, идеальныя красавицы, а любялись въ уроковь. Ахиреонъ и ста лѣтъ одерживалъ побѣды! Я тогда думалъ такъ, теперь я такъ не думаю. Теперь я знаю, что имъ подавай красоту, имя и непремѣнно офицерскіе погоны, или богатство. Будь ты хоть Соломонъ, или Аристотель, или другой мудрецъ, онъ плюнуть на тебя, онъ посмѣется надъ тобой, но надо, необходимо доказать ей, что она ошибается, что не въ этомъ счастье, что богатство и красота—это чужъ и вздоръ.

Черезъ недѣлю дѣй я узналъ на службѣ, что дочь нашего начальника выходитъ замужъ. Такъ это правда! Такъ судьба не растроила этотъ по истинѣ чудовищный бракъ, такъ она не отказала ему! Я не зналъ, что дѣлать, мои мысли перепутались, одна возникала за другой безъ всякой связи. Я строилъ разные проекты, одни несбыточнѣе другихъ, я совсѣмъ погрузился въ міръ фантазій, мечты и грезы. Мнѣ кажется, что если бы я тогда началъ писать, то сталъ бы, если не первокласснымъ, то во всякомъ случаѣ, не заурядномъ писателемъ! Я не признаю писателей за здоровыхъ людей! Какой это здоровый человѣкъ, что вѣчно возится съ созданнымъ имъ самимъ міромъ. Ему этотъ міръ интересенъ, а другимъ-то! Ну два, три скажутъ, и мнѣ этотъ міръ интересенъ, а другіе, какъ стадо барановъ, сейчасъ же загаладятъ: и мнѣ, и мнѣ! А на самомъ дѣлѣ все чужъ и гнилъ! Пишутъ что-то! Сочиняютъ что-то? Просто, какъ малые ребята, играютъ въ солдатики. Недоразвитые они люди, а совсѣмъ не гении! Я признаю философскій умъ, математическій; здѣсь все ясно, перпендикуляръ, такъ знаешь, что такое перпендикуляръ, гипотенуза,—само собой гипотенуза, прямая линія, соединяющая оба катета. Здѣсь все ясно, кто мало мальски разсуждаетъ! А тамъ что? Все туманно, одному кажется одно, другому другое, понастроили воздушные замки, одинъ выше другого и тѣшатся, а не видятъ того, что стоитъ дунуть, и распались ихъ картонныя домики. Нѣтъ, я не признаю писателей!.. Боже, вотъ заговорился-то, вотъ что пазывается увлеченіемъ, а про суть-то, про суть-то ни слова. Нѣтъ, я не долженъ такъ распространяться, я долженъ разсказать одни факты и вкратцѣ.

Былъ жаркій, лѣтній вечеръ (какое пошлое начало). Я гулялъ въ паркѣ. Этотъ паркъ когда-то принадлежалъ одному очень богатому сановнику, графу или князю. Но его дѣти вздумали дѣлится, надѣлали кучу долговъ, и все, все у нихъ было продано, и какой-то купчишко купилъ паркъ и вздумалъ подражать старымъ, родовитымъ дворянамъ. Онъ не вырубилъ лѣса, что всегда дѣлаетъ его братія, а самъ со своимъ семействомъ гулялъ и охотился тамъ. Я никогда его не видѣлъ, но воображаю, какая это была глупая, набитая спѣсью семейка. Къ чорту купцы! Этотъ паркъ былъ очень хорошъ, особенно въ его залушенномъ мѣстѣ. Я часто гулялъ тамъ и думалъ и мечталъ. Одна дорожка вела прямо къ горкѣ, гдѣ была земляная скамейка, покрытая дерномъ. Напротивъ стояла статуя Гименея съ обломленными крылышками. О, время, это лучший выразитель вѣка! Дѣйствительно, что такое Гименей безъ крылышекъ? Но это все глупости и я опять уклоняюсь. Странное дѣло, я не могу совладать съ моимъ перомъ, я хочу написать одно, а

оно пишетъ себѣ другое! И это хоть бы одно перо, а то мѣний сколько хочешь, а они все свое. Вотъ психіатрамъ надо бы было обратить вниманіе на это явленіе, а то вдругъ задался вопросомъ, въ своемъ-ли я умѣ, или нѣтъ. Глупцы, лучше бы о своемъ разсудкѣ поразмыслили!

О, какъ хорошъ былъ этотъ вечеръ, онъ вкладывалъ какое-то спойствие, онъ какъ-то нѣжился и ласкалъ. Все дышало счастьемъ; и эти деревья, замороженные тишью, и эти пруды, гдѣ изрѣдка показывалась чешуйчатая рыбка, и эти цвѣты, что манили своимъ ароматомъ. Это была восточная почва. Она опьяняла. Въ эти минуты можно было забыть себя, можно было погрузиться въ неземное блаженство. Я шелъ и разгнѣвался, я хотѣлъ спать...

Вдругъ я услышалъ сдержанный шопотъ!

Я въ послѣдніе дни былъ очень подозрителенъ, я подкрался, чтобы подслушать. Я подслушалъ и все, все услышалъ съ самаго начала до конца. Имъ мало было того, что они были объявлены женихомъ и невѣстой, они свиданіе себѣ устроили. Я слышалъ, какъ они говорили другъ другу нѣжно-миндальныя слова, я слышалъ, какъ она называла его своимъ божествомъ, я слышалъ, какъ они цѣловались. Проклятье, проклятье, проклятье! Какъ онъ могъ, какъ онъ могъ увлечь ее. О, если бы мы жили въ давно минувше вѣка, я обвинилъ бы его въ чародѣйствѣ. Да чѣмъ, чѣмъ онъ увлечь, объясните мнѣ, разясните! Я путаюсь, я теряю способность разсуждать. Онъ называлъ ее самыми нѣжными именами, такими именами, что я самъ въ своей трехнедѣльной горячкѣ не могъ бы выдумать ихъ, а она мѣла, она готова была упасть на его грудь! Она смотрѣла на него и любовалась имъ. Проклятье! Проклятье! Я все это выслушалъ, я все это перенесъ. Наконецъ, они разстались, онъ проводилъ ее до дачи, которая была въ концѣ парка. Я пошелъ за ними. Я видѣлъ ихъ глупо-трогательное прощаніе!.. Я понимаю его, онъ могъ увлечься, но она, она, послѣ того, какъ разговаривала... Но нѣтъ, нѣтъ, къ чорту анализъ, одни факты, одни голые факты... Они разошлись. Онъ проводилъ ее до дому и повернулъ назадъ. Я удивляюсь, какъ воспитывали ее, лучший пансіонъ, говорятъ, а между тѣмъ съ женихомъ гуляетъ до поздней ночи, назначаетъ свиданія! Нѣтъ, этого я понять не могу. Слава Богу, Онъ не обидѣлъ меня разсудкомъ, но этого я понять не могу, этого я не въ силахъ понять. Смазливая рожица и богатство, и все воспитаніе къ чорту!.. Они простились, и онъ сталъ возвращаться домой, онъ былъ счастливъ и веселъ, онъ насвистывалъ какую-то арію и тросточкой ударялъ по травѣ. Я пошелъ за нимъ. Я пошелъ, крадучись. Я тутъ же рѣшилъ, что вдвоемъ мы не можемъ жить на свѣтѣ, что одинъ долженъ уступить другому дорогу, и что уступить онъ. У меня въ карманѣ былъ револьверъ, я въ послѣднее время всегда бралъ его съ собою; я былъ спокоенъ, болѣе спокоенъ, чѣмъ когда либо. Глупости говорятъ и пишутъ, что люди, убивая, волнуются. Напротивъ: я нисколько не волновался и я былъ твердо убѣжденъ, что моя рука не дрогнетъ... Я все шелъ за нимъ, я бы могъ пристрѣлить его тутъ же, на мѣстѣ, какъ собаку, но этого я не хотѣлъ. Здѣсь темно, и онъ тогда не увидалъ бы, кто отправляетъ его на тотъ свѣтъ. Я зналъ, что по пути ему придется переходить одну лужайку. Тамъ-то я и убью его! Я посмотрѣлъ на часы: былъ часъ ночи!

Я был пораженъ. Мнѣ казалось, что прошло всего нѣсколько минутъ, какъ я засталъ ихъ, а оказалось, что часы уже успѣли пролетѣть...

Мы подходили къ лужайкѣ; мнѣ хотѣлось крикнуть ему: «помолись Богу, сейчасъ, сію минуту ты растанешься со всѣмъ, что такъ долго отнималъ у меня и у прочихъ людей», я хотѣлъ крикнуть ему еще много другого, но удержался...

Мы подошли къ лужайкѣ...

Я почувствовала какую-то неизъяснимую радость и легкость во всѣхъ своихъ членахъ. Казалось, что я долго, очень долго сидѣла въ цѣпяхъ и вотъ теперь сбросила ихъ. Я окликнула его. Онъ обернулся. Онъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ, вѣроятно, выразить что-нибудь въ родѣ радости по поводу нашей встрѣчи, но не сказалъ ничего. Кажется, его, поразила видъ моего лица.

Я не далъ ему сказать ни слова, направилъ револьверъ и пристрѣлилъ его. Онъ слегка зашатался и упалъ. Какъ коршунъ, я кинулся на него. Я никогда не видѣлъ, какъ коршунъ бросается на свою добычу, но думаю, что такъ. Онъ былъ еще живъ и даже въ сознаниі. Онъ успѣлъ даже проговорить: «Вѣдь мнѣ очень больно!»

— А, больно,—закричалъ я, я именно помню, что кричалъ,—а мнѣ не было больно, что ты укралъ ту, которую я любилъ и которая создана только для меня, мнѣ не было больно, когда мнѣ всѣ тыкали въ глаза твою красоту, твою доброту, твоё богатство и чортъ знаетъ, что еще! Тебѣ больно! Такъ пусть будетъ еще больнѣе.—Я началъ колотить его ручкой револьвера, я выдавилъ ему глаза, я топталъ его и смѣялся. Впрочемъ, я не помню теперь, былъ-ли онъ уже въ живыхъ. Не въ оправданіе себѣ пишу я это, а просто потому что хочу рассказать истину, все такъ, какъ было. Я не помнилъ себя отъ бѣшенства и отъ неземной радости. О, это была такая блаженная минута, что я сто разъ бы повторилъ ее!

И вдругъ въ то время, какъ мой каблукъ пришелся какъ разъ по его переносицѣ, и она затрещала, я почувствовалъ, что меня схватили, что мои руки держатъ, что я весь въ какихъ-то тискахъ. Я былъ неостороженъ, и на мой выстрѣлъ сбѣжались и скрутили меня. О, отъ злобы я просто потерялъ рассудокъ! Я хотѣлъ вырваться, я пытался кусаться и царапаться, я не помню даже, что я еще дѣлалъ. И вотъ они, идиоты, вообразили, что я сумасшедшій, они запрятали меня сюда! Я покажу имъ! Какой я сумасшедшій! Я докажу имъ, что они сами безумны. Я докажу это всему міру! Докажу вопреки тому, что онъ хочетъ помѣшать мнѣ. Гляди, гляди теперь на меня, я не боюсь тебя, слышишь, не боюсь! Я написалъ все, что хотѣлъ написать! Не тебѣ препятствовать мнѣ! Я сейчасъ уйду. Я знаю дорогу хорошо, я проберусь опять черезъ тотъ паркъ, какъ тогда когда я уничтожилъ тебя въ эту глухую ночь, я влѣзу къ ней въ окно, я расскажу ей, что люблю ее...

И она полюбитъ меня, она не сможетъ не полюбить. Это было бы абсурдъ!.. Не гляди на меня такъ! Ты не побѣдишь меня! Она будетъ моею, и когда мы умремъ и встрѣтимся тамъ, то я представлю тебѣ ее, какъ мою жену, какъ мою жену, я представлю ее! Но скорѣй, скорѣй за дѣло... время не терпитъ! Надо все кончить до зари... Надо кончать писать, а жаль: все хочется написать еще побольше, еще побольше... Впередъ!..

Изъ Н** вѣдомостей: «23 сего сентября произошло печальный случай въ* лечебницѣ для душевно-больныхъ. Курасовъ, помѣщенный туда, какъ помнятъ наши читатели, для психотрическихъ наблюдений, такъ какъ почти было доказано, что убійство А. Г. Нуранскаго было совершено имъ въ припадкѣ умственного растройства, пытался бѣжать изъ третьяго этажа. Для этого онъ приготовилъ веревку изъ простынь, но она оборвалась, и онъ упалъ съ высоты болѣе чѣмъ восьми саженей. Когда служители сбѣжались надворъ, онъ еще дышалъ, но перенесенный въ больницу, вскорѣ скончался. Курасовъ оставилъ въ своей комнатѣ тетрадь, гдѣ объясняетъ причины, побудившія его къ убійству».

Н. Леситъевъ.

БАБУШКА.

Рассказъ М. Книгъ

(изъ южно-американской жизни).
(Окончаніе).

ЗАДОЛГО до начала дня, Бетси тщательно заперла за собою маленькую дверку и пустилась въ путь, съ палкой въ рукѣ и съ мѣшкомъ за плечами. Она принадлежала къ тому классу человечества, который итается чужими отбросами. Она была трапичница, собирала по ночамъ жатву съ полей большого города. Жатва ея не была обильна и ароматна; но за то отсутствіе конкуренціи, независимость отъ погоды и рыночныхъ цѣнъ имѣли свою выгоду, въ особенности, для того, кого не пугали темнота и одиночество. Плечи у ней согнулись отъ частаго заглядыванія въ боченки, бочки, кадья и въ линку глубину грязныхъ канавъ. Одѣта она была въ пестрые лохмотья и говорила про себя. Генеруаръ ея монологовъ былъ не великъ и не разнообразенъ; начинались они неизвѣстно воспоминаніемъ о такомъ же раннемъ утрѣ, какъ сегодня. «Тогда три тому назадъ», когда, отправившись на свой промыселъ, она нашла себѣ барыню и вмѣсто ежедневнаго заработка приобрѣла вѣчную обузу. Она перебрала въ то утро содержимое брошеннаго ящика, какъ вдругъ дверь позади ея открылась, и вышла молодая блѣлая дѣвушка.

— Молодая блѣлая дѣвушка въ этомъ кварталонскомъ предмѣстьи! Боже мой! что бы это значило?...—воскликнула она по своей чрезвычайной подозрительности.

Молодая дѣвушка откровенно, съ довѣріемъ невинной юности, съ привѣтливой улыбкой, сказала на плохомъ англійскомъ языкѣ:

— Я слышу васъ каждое утро: сегодня я поджидала васъ. Мнѣ надо, чтобы вы показали мнѣ дорогу на рынокъ.

— Вы встали такую ранъ, чтобы спросить у меня дорогу на рынокъ?

— Да, потому что моя бабушка еще спитъ. Мнѣ хочется сходить на рынокъ, прежде чѣмъ она проснется.

— Неужели у васъ никого нѣтъ, кто бы могъ сходить вмѣсто васъ?

— Нѣтъ никого, потому что...

Это былъ случай, который сводитъ мужа съ женой, низвергаетъ династію, приводитъ бѣглеца въ радужный домъ.

Обстоятельства сложились такъ, что дѣтская просьба о помощи не прекращалась, а любвеобильное, пѣжное сердце никогда не могло отказать на нее отказомъ. Три года прошло съ тѣхъ поръ, но солнце, часами измѣнявшее ихъ горизонтъ, ни разу еще не

было свидѣтелемъ разочарованія въ ихъ взаимномъ довѣріи.

— Я предвижу конецъ,—говорила Бетси, роясь въ вонючей грязи,—но я не знаю, что будетъ дальше. Старая барыня слабѣетъ, а молодая барышня растетъ и зрѣетъ и многое уже замѣчаетъ. Старая барыня ничего не подозреваетъ, молодая барышня тоже. Конецъ близокъ и долженъ наступить.

А старая барыня въ это утро тоже размышляла, что будетъ послѣ конца, и въ первый разъ сознала, что Клара уже не ребенокъ, а взрослая дѣвушка, полная созрѣвшей красоты и силы, что она жаждетъ дружбы, умственной пищи. Оторванная близорукостью отъ друзей, родныхъ, одинокая, имѣющая около себя одного только близкаго человѣка—женщину изъ простонародья, подобранную на улицѣ! Бабушка сама послала Клару сегодня утромъ въ церковь, чтобы привести въ исполненіе одинъ планъ, который пришелъ ей на умъ въ ея тоскѣ. Она подговаривала Бетси къ своей качалкѣ.

— Бетси, приди ко мнѣ.

Англійскій языкъ, какъ и бывшее богатство ея, требовалъ напряженія памяти съ ея стороны. Она говорила очень медленно, подыскивая нужныя выраженія...

— Бетси, мы всѣ должны умереть.

— Господь съ вами, барыня.

— Бетси, ты должна умереть, и я должна умереть, по я, пожалуй, скорѣе тебя. Когда приходитъ пора умирать, мы посылаемъ за друзьями... такъ вѣдь?

— Я полагаю такъ, барыня.

— Бетси, а какіе у меня друзья? Милая Клара и ты. Ты и Клара, и никого больше, такъ вѣдь?

— Да, барыня.

— Бетси, все это время я была сумасшедшей. Не я работала, а Клара работала за меня, ты работала за меня; но я сама не работала. Теперь я знаю. Мои глаза были закрыты, но теперь они видятъ все.

Слезы обиды блестѣли въ гордыхъ глазахъ, кокетливыя искорки которыхъ были глубоко схоронены подъ слоемъ гора всей жизни.

— Я давно уже не работаю. Клара-Бланшъ виновата за меня. Я ничего теперь не дѣлаю. Почему? Потому, что я умираю. Два года я умираю.

— Не такъ ужъ вамъ плохо, барыня.

— Сегодня, завтра, или на дняхъ. Я не знаю когда, но скоро.

— Не принялъ-ли вамъ чего-нибудь, барыня?

— Нѣтъ, Бетси. Мнѣ не нужны лекарства: мнѣ нужна смерть. Бетси, смерть—это нѣчто страшное; не для умирающаго, а для другихъ. Иногда она длится долго... не такъ-ли Бетси?

— Господь знаетъ, барыня.

— Бетси, когда наступитъ моя смертная часъ, ты стой возлѣ меня, а Клара пусть будетъ тамъ,—и она показала на соседнюю комнату.—Ты здѣсь, она тамъ; тогда она не увидитъ.

Ея голосъ, послушный ея волѣ, былъ ясенъ, но ослабѣвшее сердце, по временамъ, скрадывало звуки и превращало приказаніе въ мольбу.

— Я понимаю, барыня.

— Бетси, я видѣла много разъ, какъ люди умирали. Мнѣ было все равно. Почему? потому, что я была счастлива. Я держала руки умирающихъ; я читала молитвы. У меня тогда было много родныхъ. Бетси, когда я буду умирать... моя добрая Бетси, не

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА МАЛЬДАРЕЛЛИ.

ОСУЖДЕННАЯ НА ГОЛОДНУЮ СМЕРТЬ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА П. ГАЙССЕРА.

Веселая компания.

позволяй Кларѣ смотрѣть. Бетси, поклонись мнѣ. Боже мой! Бетси, неужели ты думаешь, что она въ состояніи будетъ смѣяться, какъ вчера вечеромъ, послѣ того, какъ увидитъ, какъ умираетъ ея бабушка. Бетси, поклонись мнѣ.

— Я кланусь Библіей, барыня.

— Бетси, ты ей ничего не говори... ничего... Господь скажетъ ей, когда надо будетъ. А ты скажи, что я здорова... да, Бетси? Вотъ и все... пока.

— Вы кое-что забыли, барыня,—заговорила негритянка, продолжая стоять на колѣняхъ, со слезами, блестящими на ея короткихъ, густыхъ рѣсницахъ, съ мольбой въ голосѣ.— Барыня, развѣ вы не дадите знать своимъ роднымъ... друзьямъ? Барыня, вѣдь вы же слышали вчера вечеромъ, какъ малютка горевала, что у ней нѣтъ родныхъ и друзей. Барыня, позвольте мнѣ сходить за ними. Я обойду весь городъ, съ конца въ конецъ, и разыщу ихъ. Барыня, ради самого Господа Бога, не оставляйте барыню на рукахъ нищей старухи-негритянки! Барыня...—она приложила свои молившія губы къ блѣднымъ, прозрачнымъ ушамъ,—позвольте мнѣ сходить за ними.

Бабушка протянула руку и положила ее на повязанную платкомъ голову Бетси.—Ты права, Бетси; ты умѣе меня, Бетси. Ты единственная добрая женщина, и я молю Бога, да благословитъ онъ тебя. За меня и за мою вучку. Я не умѣю высказать Бетси, но...—она потянула къ себѣ черное лицо и прикоснулась губами ко лбу.—Вотъ что я хотѣла сказать, Бетси.

— Барыня, вы пошлете за своими родными?

— Да, Бетси, завтра. Бетси,—снова позвала она, когда та выходила изъ комнаты,—ты ничего не говори Кларѣ, ничего; она и такъ скоро узнаетъ.

— Передъ Господомъ Богомъ обещаю вамъ, барыня.

Въ старинномъ, креольскомъ городѣ, съ торжественнымъ погребальнымъ ритуаломъ, не требовалось разрѣшенія на то, чтобы войти въ домъ, отмѣченный чернымъ флагомъ. Смерть отомкнула сама угрюмую, зеленую дверь и расположилась тутъ хозяйкой. А въ домѣ, гдѣ Смерть—хозяйка, входъ доступенъ всѣмъ: и прачкамъ, и кухмистерамъ, и сидѣлкамъ, и маленькому горбуну съ аукціона, и всѣмъ проходящимъ. идущимъ къ обѣдѣ или отъ обѣда, и торговкѣ съ корзиной, и мальчишкѣ, торгующему бумагой; всѣ входили въ маленькую комнату хоть на минутку, прочитать молитву или смиренно поклониться побѣдительницѣ или побѣжденной. Старая аристократка лежала въ своемъ гробу, въ пустой комнатѣ, въ которой она жила со своей гордостью и своимъ горемъ; лежала съ слѣдами старости и болѣзни, вся въ морщинахъ, съ застывшимъ видомъ мертвеца, съ терпимымъ смиреніемъ мраморной статуи среди грязнаго ручья, между тѣмъ какъ глаза, отъ которыхъ она заботливо сторонилась при жизни, могли теперь всласть наглядѣться на нее.

Высокая, полная женщина, разряженная съ вызывающей роскошью, медленно шла по улицѣ и остановилась на минуту передъ дверью. И ея глаза съ томнымъ любопытствомъ вымѣривали длину и ткань флага. Она уже переступила средній возрастъ, но ея красота сохранила еще роскошь расцвѣта; она нахально откидывала назадъ голову, съ вызывающимъ видомъ, выставляя и торжествуя въ своей пресыщенной невмѣстимости. Сквозь черное кружево ея вуаля сверкали драгоценныя кам-

ни на нѣжной, темной кожѣ. Темные большіе глаза были устремлены на дверь, пока она колебалась между инстинктивнымъ любопытствомъ взглянуть на покойницу и воспоминаніемъ о недавнемъ наслажденіи; не взглянувъ на билетъ на двери, она вошла въ комнату. Она поклонилась надъ гробомъ съ изнуренными, жалкими, человѣческими останками, и ея глаза расширились, какъ-бы очарованные.

— Бѣлая!—прошептала она въ удивленіи, съ презрительной улыбкой на своихъ чувственныхъ губахъ.

— Но! Я не знала этого. Странно какъ! Господи Боже мой!—взвизгнула она въ порывѣ волненія.—Это она! Она, я увѣрена! Она вспомнила про билетъ на двери, сорвала его и прочла.—Говорю вамъ, она! снова взвизгнула она, обращаясь къ безстрастной зрительницѣ—Бетси.—Говорю это вамъ, она! Мамзель Нензъ! Мамзель Нензъ!—прошпилила она тоскливымъ шепотомъ, бросившись на колѣни передъ гробомъ.—Вы-ли это? О, это вы?—Она посмотрѣла вокругъ себя дико и злобно.—Что это значитъ? Что это значитъ? Развѣ ты не можешь мнѣ отвѣтить?—обратилась она по-англійски къ Бетси.—Какимъ образомъ эта леди очутилась здѣсь? Кто это сдѣлалъ? Я хочу знать, кто осмѣлился это сдѣлать.

Бетси почтительно встала. Желая почтить память умершей и оказать уваженіе живой, она сбросила съ себя грязныя лохмотья и—последняя жертва ея любвеобильнаго сердца—надѣла новое черное платье и бѣлый платокъ на шею—ея похоронный костюмъ, приобретенный цѣною холода и голода и набожно сохраняемый въ теченіе бродячей жизни для смертнаго часа.

— Ты кто такая? Что ты здѣсь дѣлаешь? спрашивала строгая постытельница.

— Я, сударыня! Я покойной барыни служанка.

— Ты лжешь, лжешь! У барыни никогда не бывало такой невольницы.

— Я не говорила, что я невольница, я жила по найму.

Постытельница, казалось, не могла найти подходящихъ выраженій для той ярости, которая бушевала въ ней. Она была руками по холоднымъ, пустымъ стѣнамъ, тонала полами о грубый, ничѣмъ непокрытый полъ; ея взглядъ упалъ на драгоценности на ея рукахъ: она сорвала тяжелые браслеты, разорвала платье на себѣ, чтобы облегчить сдавленное горло, и грудь ея тяжело дышала подъ толстыми бѣлыми кружевами. Она снова упала подлѣ гроба и, заливаясь слезами, спрятавъ лицо въ складки зантопанной, ветхой, бѣлой «блузы покойницы» она громко стонала, тоскливо выкрикивая: «Мамзель Нензъ! Мамзель Нензъ!...»

— Гдѣ ея друзья?

— Извините, сударыня, друзей у ней не было, кромѣ господина аптекаря на углу. Онъ былъ очень добръ и обязателенъ; онъ пришелъ, когда я позвала его, и оставался всю ночь.

— Боже мой! Но гдѣ же ея родные?

— Я никогда не слыхала о родныхъ, кромѣ мамзель Клары.

— Mademoiselle Клара? Дитя господина Одгара.

Она замолчала, словно ничего не понимая.

— И Господь допустилъ это? Давно-ли онѣ живутъ здѣсь... въ этой капурѣ?

— Я не знаю, сударыня; я нахожусь при нихъ почти три года, и въ это время онѣ жили здѣсь.

Бетси смотрѣла на нее своими пронзительными глазами, точно въ черную бездну;

солнце, какъ будто, выглянуло изъ за облака, потому что въ комнатѣ стало свѣтлѣе.—Я теперь вижу васъ, сказала она грубымъ шепотомъ.—Прежде я не могла разглядѣть васъ, въ комнатѣ было такъ темно.—Отбросивъ всякую сдержанность, она повелительно объявила:—Убирайтесь вонъ отсюда! Какъ вы смѣли явиться сюда? Уходите, говорю вамъ, а не то...

— Га!—воскликнула квартиронка. Въ голосѣ звучала опасная угроза челоука безстрашнаго и безсовѣстнаго.

— Убирайтесь вонъ,—говорю вамъ!—Бетси повысила голосъ и тонъ.—Не смѣйте глядѣть на мою барыню! Не смѣйте прикасаться къ ней.

— Твоя барыня! Твоя барыня!..

И квартиронка выругала ее по-французски.

— Не смѣй называть ее такъ! Она была моя госпожа. Я была ея Азой. Я принадлежала ей. Меня отдали ей, когда я только что родилась. Я спала рядомъ съ ней на ея постели; она носила меня на своихъ маленькихъ рукахъ, какъ куклу; она воспитала меня, какъ свое дитя; она была моей крестной матерью; она отпустила меня на волю. Я любила ее; я боготворила ее. О, Боже мой, какъ я боготворила ее! Мамзель Нензъ, вы знаете, что это правда. Мамзель Нензъ, хоть-бы вы что нибудь сказали Азѣ. Хоть одно словечко... только одно словечко...

Потокъ слезъ прервалъ ея голосъ. Бетси отступила въ ужасѣ.

— Ваша госпожа? Ваша... О, Царь небесный! И она умерла вотъ здѣсь, а барыня голодала, а ты, ея раба, тамъ въ домѣ наверху! Ты... скандалила, рядилась и веселилась, каталась въ экипажахъ со своими товарками мимо этого дома? Вела дьявольскую жизнь тутъ рядомъ, а твоя госпожа работала и голодала! Ты!.. Негритянка!..—Согбенная спина старухи выпрямилась, такъ что она могла смотрѣть прямо въ глаза квартиронкѣ.

— Ты... ты... такъ развѣ ты...

— Да! Я та самая грязная старуха тряпичница, что прибираетъ вашу грязь. Не для себя, пойми! А чтобы купить лекарство для бѣдной старой барыни; я унижалась, голодала и мерзла для нея, между тѣмъ какъ ты швыряла по улицамъ деньги, которыя ты крада изъ кармановъ бѣлыхъ мужчинъ.

— Тише! Ради Бога, не говори такъ громко...

— А прошлой ночью, когда наступилъ конецъ... наступилъ конецъ, а на улицѣ слышно было, какъ гремѣла музыка, слышны были ревъ и хохотъ, а барышня...

— Mademoiselle Клара-Бланшъ? машинально произнесла квартиронка.

Бетси не поняла ее.

— Последнія мои слова были, когда барыня умираетъ, а ваша музыка и бѣснованіе не прекращались... Я сказала ей, что буду беречь барыню, какъ берегла-бы и ея собственная, купленная ею невольница; и я исполню это. И я тебѣ объявляю, негритянка, вотъ ты стоишь передо мной разодѣтая, въ грѣхъ и безъ стыда, прежде чѣмъ ты скажешь хоть одно слово ребенку, прежде чѣмъ ты прикоснешься къ подолу платя я ея,—ты должна будешь затоптать меня до смерти твоими ногами.

Взволнованная фигура чернокожей старухи подходила все ближе и ближе, двигаясь между Азой и гробомъ и показывая на дверь. Квартиронка въ смущеніи опустила глаза. Повинуясь грозно вытянутому черному пальцу, она покинула комнату.

Посѣщенія прекратились, наступила благоговѣйная тишина вокругъ старой леди. Бетси, сидя у изголовья гроба и онахивая, не переставая, вѣромъ, услышала въ другой комнатѣ, гдѣ находилась Клара, шумъ шаговъ, шопотъ голосовъ и свое имя, со стономъ произнесенное; она подумала, попригрезилось ли ей это, потому что торжественность и гнетъ смерти отуманили ей голову, и она чувствовала себя растерянной. Чтобы разрѣшить свое недоумѣніе, она пошла узнать и въ первый разъ оставила старую леди одну въ комнатѣ.

Дѣти — молчаливая, притихнувшая толпа, собравшаяся на крыльцѣ съ какимъ-то бумажнымъ сверткомъ, — давно уже подкарауливали удобную минуту. Минута наступила и повергла ихъ въ ужасъ. Сперва они никакъ не могли сладить съ дверью своими дрожащими пальцами, затанъ дыханіе, работая сообща. Дверь медленно поддавалась, и передъ ними открылась темная комната. Между ними было условлено войти всѣмъ вмѣстѣ, но когда дверь открылась, всѣ остались на своихъ мѣстахъ. Всѣ, кромѣ дѣвочки, державшей свертокъ, — испуганнаго, исхудалаго, дикаго созданья въ лохмотьяхъ, съ черной всклокоченной головой, желтой кожей, голыми руками и дрожащими голыми ногами, которая точно приросла къ полу; съ стиснутыми бѣлыми зубами, съ глазами, вытаращенными отъ ужаса, избѣгающими взглянуть на туманный предметъ посреди комнаты. На пути встрѣтилось препятствіе. Она невольно взглянула вперед. Крикъ замеръ въ стиснутыхъ зубахъ, но бумага въ судорожно сжатыхъ рукахъ порвалась, и бѣлые цвѣты разлетѣлись, нарушивъ своимъ краспорѣчивымъ ароматомъ тяжелое безмолвіе смерти, прелестной гипридой обвивъ застывшій трупъ и дѣвственнымъ вѣнкомъ увѣнчавъ земляное лицо, обращенное къ небу съ послѣднимъ земнымъ воспоминаніемъ — любви, а не ненависти. Дверь закрылась за убѣжавшей дѣвочкой, дѣти снова убѣжали на свой дальній обсервационный постъ.

Бетси не ошиблась: спальня была полна народу — леди и джентльмены шептались и двигались, называя Клару по имени, ласково поглаживая ее по головѣ и плечамъ. Дѣвушка все ниже припадала къ постели и крѣпче прижималась закрытыми глазами къ подушкѣ, взятой изъ подъ головы бабушки, и стонала: «Бетси, Бетси!» Бетси поглядѣла вокругъ съ удивленіемъ.

— Не угодно-ли вамъ пройти въ сосѣднюю комнату? — проговорила она, но замѣтивъ, что они настоячиво продолжали утѣшать Клару, она протискалась между ними и, вставъ передъ дѣвучкой, сердито сказала: — Оставьте барышню въ покоѣ; она никому не мѣшаетъ; зачѣмъ вы надѣждаете ей?

Она сначала не поняла ихъ объясненій, потому что совсѣмъ отупѣла отъ усталости и волненія. Но, когда она поняла ихъ, радость смягчила ее. Она наклонилась и положила свою дрожащую руку на голову Клары:

— Дитя, это ваши родные. Они желаютъ познаться съ вами. Они желаютъ полюбить васъ.

Но головка уходила все глубже въ подушки.

— Вы должны извинить ее, — сказала Бетси, желая смягчить обиду. — Вы должны извинить ее; она сама не понимаетъ, что дѣлаетъ. Со вчерашней ночи она не поднимала головы съ подушки.

Послѣ приличнаго молчанія, леди и джентльмены снова зашептали между собою, какъ

это водится на похоронахъ. Но это было простиительно на первомъ собраніи родственниковъ, разединенныхъ десять лѣтъ тому назадъ вихремъ революціи. Было о чемъ говорить; а, главное, каждому надо было сказать свое прискорбное, сильное удивленіе, вызванное извѣстіемъ, которое сообщила имъ сегодня Аза. Слово огненный крестъ, передавала она эту вѣсть изъ дома въ домъ и соединила ихъ опять вокругъ стараго родового знамени семейной гордости и любви. Съ какимъ страстнымъ краспорѣчіемъ рассказала она имъ про смерть «бабушки...» когда они предполагали, что она живетъ среди довольства во Франціи! Умерла... несчастной, брошенной изгнанницей... въ ихъ же городѣ! Умерла въ двухъ шагахъ отъ нихъ! Умерла одинокая! Недавно еще они окружали ее почтительной, лстивой толпой. Они вспоминали о былой жизни въ плантаціи, съ великолѣпнымъ, роскошнымъ, безпечнымъ гостепріимствомъ и оглядывали маленькую комнату съ ея безпощаднымъ убожествомъ; для нихъ стало ясно — ясно, какъ нищенская обстановка, окружавшая ихъ, — что они связаны неоплатнымъ долгомъ и обязательствомъ въ отишеніи своей умершей родственницы и, за отсутствіемъ ея, въ отношеніи сторонившейся ихъ, испуганной, бѣлорукрой дѣвочки, стоявшей на колѣняхъ возлѣ постели. Квартеронка, въ старинной одеждѣ невольницы, прислушивалась въ углу съ горькими слезами. При стукѣ колесъ она встала и прошла по комнатѣ. Называя присутствующихъ по имени, она показала на Бетси и торопливымъ, прерывающимся голосомъ сообщила о ея преданной службѣ людямъ, которымъ она принадлежала въ силу ихъ зависимости отъ нея, которые могли отплатить ей одной лишь благодарностью. Бетси, прислушивавшаяся со слезами, безпрестанно катившимися по ея щекамъ на ея бѣлый шейный платокъ, возвысила свой голосъ и, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, проговорила:

— А господинъ аптекаръ, что на углу, былъ очень добръ и услужливъ; онъ пришелъ, когда я позвала его, и оставался всю ночь. Звучащее искренности голоса, среди которыхъ ежеминутно упоминалось имя «бабушки», дошли, несмотря на подушку, до слуха Клары. Она встала въ порывѣ любви и волненія, показавъ своимъ роднымъ свое грустное, похуѣвшее, красивое личико, свое изношенное, старое платье, изъ котораго она выросла, и когда всѣ бросились къ ней съ объятіями, она прижалась къ нимъ, какъ къ людямъ, замѣнившимъ бабушку.

Добрый аптекаръ заказалъ похороны, какія полагаются для бѣдняковъ, но родные и друзья, созванные Азой, составили толпу провожатыхъ, которая заняла всю маленькую улицу, а въ церкви, передъ которой Аза велѣла остановиться дрогамъ, была совершена служба, какую могъ заказать только очень состоятельный человѣкъ. Въ концѣ процессіи шли — гдѣ только Аза розыскала ихъ такъ скоро? — бывшіе невольники, въ знакъ послѣдняго, высшаго свидѣтельства родovitости семьи: среди нихъ шла и Аза, неся обычный вѣнокъ изъ чернаго и бѣлаго бисера съ надписью: «молитесь за меня».

Поздно вечеромъ она торопливо пробиралась пустыннымъ улицамъ, гдѣ никто не могъ ее встрѣтить, и крадучись вошла въ боковую калитку въ заборѣ, въ платьѣ невольницы, которое она надѣла въ послѣдній разъ. Плясовые звуки фортепьяно уже гремѣли.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Первая газета. О чести быть первой страной, гдѣ была выпущена первая газета, въ настоящее время спорятъ Нидерланды, Франція и Бельгія. Брюссель основываетъ свою претензію на то, что уже въ 1605 году въ немъ издавался неправильно выходящій военный бюллетень, подъ названіемъ «Nieuwe Tydinghen» (Новый журналъ). На что одна французская газета заявляетъ, что въ Парижѣ еще въ 1494—95 году, во время похода Карла VIII противъ Италіи выпускались извѣстія, подобныя теперешнимъ прибавленіямъ, сообщавшія народу о положеніи вещей, сраженіяхъ и побѣдахъ. Но и французы этимъ ничего не доказываютъ, потому что такой родъ газетной литературы въ XV столѣтіи существовалъ въ Италіи, Англіи и Австріи, гдѣ довольно правильно давались свѣдѣнія объ явленіяхъ природы, несчастныхъ случаяхъ и убійствахъ. Въ половинѣ XVI столѣтія въ Кельнѣ тогдашнемъ центрѣ Германіи, выходили уже правильныя еженедѣльныя корреспонденціи. Въ 1608 году появилась въ Лондонѣ первая англійская газета «Weekly News» (Еженедѣльные Новости). Въ 1609 появилась газета въ Страсбургѣ, въ 1615 во Франкфуртѣ на Майнѣ; во Франціи первая газета стала издаваться въ 1631 г., а въ Россіи въ 1702 г.

Вулканъ Стромболи (на Липарскихъ островахъ) еще въ древности слылъ за предсказателя погоды. Чуть не со временъ Гомера толкуютъ и во всѣ учебники помѣщаютъ, что въ бурную погоду и зимою Стромболи выказываетъ особенную дѣятельность. Но наблюденія, сдѣланныя естествоиспытателемъ Спалланцони и метеорологомъ Бержо, не доказали этого. Оба наблюдателя въ разное время прожили на островѣ довольно долго. Такимъ образомъ распадается легенда, понавшая во всѣ учебники географіи.

Сувениръ Наполеона I. Въ Лондонѣ недавно на одномъ аукціонѣ былъ проданъ наполеоновскій сувениръ, имѣющій историческую цѣнность. Это прядь волосъ Наполеона I, посланная отъ его имени графомъ де-Миллерей одному англійскому писателю — Капель Лоффу, въ благодарность за его успѣхи добиться освобожденія побѣжденнаго, котораго тогда задержали на «Норсомберлендѣ». Юристъ по профессіи, Капель Лоффъ не полагалъ возможнымъ задерживать Наполеона, какъ военнопленнаго, такъ какъ онъ самъ по своей волѣ явился на бортъ «Беллерофона». Юристъ составилъ мемуаръ и далъ его прочесть Наполеону. Не задумываясь, Капель Лоффъ въ своемъ мемуарѣ вызывалъ перваго англійскаго министра къ суду полиціи. Правительство доказывало въ свою защиту, что habeas corpus (то есть личное задержаніе) не распространяется на иностранцевъ. Тогда англичанинъ-бонапартистъ, а такихъ въ Англіи въ то время было не мало, отправился къ одному французу въ Лондонѣ, который велъ процессъ противъ англичанина и посоветовалъ ему вызвать Наполеона свидѣтелемъ. Тутъ ничего нельзя было сдѣлать, законъ былъ ясенъ и пришлось-бы везти Наполеона въ Лондонъ, но постарались поспѣшить его отъѣздомъ на Св. Елену, чтобы не дать ему возможности получить вызовъ. Если бы онъ побывалъ въ Лондонѣ, трудно было-бы его потомъ отправить къ берегамъ Африки. Вотъ этому-то неизвѣстному другу Наполеонъ и послалъ свой сувениръ, велѣвъ написать почти дружеское письмо. Эта прядь волосъ была продана за 750 франковъ.

Самому Капель Лоффу она обошлась-таки довольно дорого, преслѣдованія, которымъ онъ подвергался, вынудили его покинуть Англію. Онъ умеръ въ Парижѣ въ 1824 году.

Картина Ролла. — Французское правительство поручило знаменитому художнику Роллу увѣковѣчить открытіе моста Императора Александра III въ Парижѣ Ихъ Величествами. Г. Ролль находится въ настоящее время въ Петербургѣ; кромѣ Высочайшихъ особъ, онъ началъ портреты министра двора, графа Воронцова-Дашкова, генерала Рихтера, княгини Голицыной, фрейлины Васильчиковой и князя Долгорукаго. Всѣ эти особы будутъ фигурировать на картинѣ. Вотъ сюжетъ послѣдней. Г. Ролль остановился на томъ мо-

ментъ, когда кортежъ изъ шестнадцати молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ туалетахъ подноситъ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ художественный даръ, и одна изъ нихъ цѣлуетъ руку Ея Величества. Шестнадцать дѣвушекъ, принадлежащихъ къ высшей финансовой знати Парижа, будутъ также воспроизведены кистью Ролла. Изъ официального міра Франціи на полотнѣ будутъ увѣковѣчены президентъ республики Феликсъ Форъ, гг. Бриссонъ и Лубе, министры Мелинъ, Ганото, Буше, Барту, Рамбо, Дарланъ, Коприн, Тюррель и Андре Лебонъ и т. д.

Жестокая мать. Въ патологическомъ институтѣ вѣнской общественной больницы докторъ Альбинъ Габерда демонстрировалъ слѣдующій случай. Одна мать надѣла своему ребенку на голову гуттаперчевую тесемку (резинку) будто бы для того, чтобы придержать волосики. Резинка приходилась очень туго и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе вливалась въ черепъ. Ребенокъ страдалъ невыносимо, но мать никогда резинки не снимала. Никто не догадывался, отчего ребенокъ не переставалъ кричать, узенькая мало замѣтная резинка никому не бросалась въ глаза, а сама мать увѣряла, что ребенокъ страдаетъ какою-то внутреннею болѣзнью, отъ которой, вѣроятно, скоро умретъ. Понемногу резинка эта совершенно распилла черепъ. Не смотря на сопротивление матери, трупъ ребенка доставили въ больницу для судебно-медицинскаго вскрытія, на тѣлѣ не оказалось никакихъ поврежденій, но подъ кожей на черепѣ была найдена резинка, которая распилла его и вошла въ него. Мать ушла отъ суда земнаго, она тѣмъ временемъ умерла. Черепъ ребенка помѣщенъ въ музей. Но этотъ случай, замѣчаетъ докторъ Габерда, навелъ на мысль испытать способъ раздѣленія костей посредствомъ резинки. Опыты удались и навѣрное принесутъ пользу въ области хирургіи.

С. В. МАРКОВЪ.

(50-лѣтній юбилей).

Въ декабрѣ, 13 числа, исполнится пятьдесятъ лѣтъ служебной дѣятельности Сергѣя Владимировича Маркова, занимающаго въ настоящее время постъ начальника главнаго управленія неокладныхъ сборовъ казенной продажи питей. Начавъ службу въ гвардіи, С. В. въ эпоху «реформъ» перешелъ въ министерство финансовъ и, въ должности управляющаго акцизными сборами, былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ проведеніи акцизной реформы вмѣсто откупной. Значительная часть его жизни, послѣ севастопольской кампаніи, проведена въ провинціи и здѣсь, помимо служебной дѣятельности, необходимо отмѣтить его постоянную отзывчивость на всѣ мѣстныя нужды. Назначенный прежде всего въ 1862 г. во Владимиръ, онъ не нашелъ тамъ ни одного частнаго или правительственнаго учебнаго заведенія для дѣвочекъ. Наиболѣе богатые родители посылали дѣвочекъ учиться въ Москву или держали въ домѣ полуграмотныхъ гувернантокъ; а главная масса дѣвочекъ оставалась безграмотной. Маркову удалось найти средства и открыть городское училище для нихъ. Только черезъ годъ или два училище приняло подобающій ему видъ и, по переѣздѣ въ 1866 г., г. Маркова на службу въ г. Тамбовъ, въ основанномъ при его содѣйствіи училищѣ было до 70—80 дѣвочекъ.

Въ г. Тамбовѣ С. В. также послужилъ не мало дѣлу женскаго образованія. Онъ былъ приглашенъ въ попечительный совѣтъ женской гимназіи и, вполнѣдствіи, состоялъ предсѣдателемъ этого совѣта. Гимназія въ то время была въ страшномъ упадкѣ, но, при энергичномъ содѣйствіи г. Маркова, число уче-

ницъ стало увеличиваться и къ 1872 году, при перемѣщеніи его въ Орель, уже имѣлись средства для пристройки лишняго этажа надъ зданіемъ гимназіи. Какъ мѣстный землевладелецъ, г. Марковъ, съ переѣздомъ въ г. Орель, не переставалъ нести гражданскую повинность мѣстнымъ нуждамъ тамбовской губерніи. Пріѣзжая на земскія собранія и не заинтересованный личными чувствами, онъ былъ полезенъ своимъ безпристрастіемъ и постоянно выбирался во всякія коммисіи по земскимъ дѣламъ. Въ г. Орлѣ ему предстояло содѣйствовать Обществу «Краснаго креста» во время войны съ Турціей. Прослуживъ затѣмъ съ 1872 г. по 83 годъ въ воронежской губерніи, Марковъ здѣсь положилъ основаніе къ дѣятельности попечительства о слѣпыхъ и учрежденію для нихъ школы. Затѣмъ онъ былъ командированъ въ эстляндскую губернію, гдѣ особенности края, по введенію акцизныхъ порядковъ, требовали особеннаго такта для водворенія желательныхъ мѣропріятій. Въ 1886 г. его назначаютъ на ту же дѣятельность на Кавказъ. Здѣсь фруктово-виноградо-водочное производство находится по преимуществу въ рукахъ кустарей и имѣетъ до 4500 садовладѣльческихъ заводовъ. Разумѣется, акцизная реформа требовала здѣсь отъ г. Маркова страшной энергіи и постоянныхъ разбѣздовъ по дѣламъ службы. Память о немъ на Кавказѣ жива до сихъ поръ съ самой лучшей сердечной стороны. Въ 1892 г. Марковъ былъ приглашенъ въ Петербургъ директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ и здѣсь, вскорѣ, началъ разрабатывать планъ казенной продажи питей для борьбы съ кабацкимъ режимомъ, разорившимъ повсюду крестьянъ и стѣбившимъ ихъ сивухой. Въ 1896 г. было учреждено главное управленіе неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, а г. Марковъ назначенъ его начальникомъ. Слѣдуетъ ожидать, что подъ руководствомъ С. В. Маркова реформа съ такимъ же успѣхомъ будетъ проведена повсемѣстно. Озабоченное главной цѣлью реформы по огражденію народа отъ пьянства, министерство финансовъ отпускаетъ на этотъ предметъ въ распоряженіе провинціальныхъ комитетовъ и попечительства значительныя денежныя средства. Дѣятельность г. Маркова по казенной продажѣ питей имѣетъ не только финансовый характеръ, но и бытовой. Сосредоточиваясь не только въ Петербургѣ, но и въ рукахъ лучшихъ силъ провинціи, питейная реформа имѣетъ такимъ образомъ во главѣ человека, прошедшаго большую часть своей жизни по провинціямъ въ борьбѣ съ пагубнымъ вліяніемъ кабаковъ на народонаселеніе и, конечно, это практическое знаніе городовъ и уѣздовъ чрезвычайно важно въ служебномъ положеніи почтеннаго юбиляра.

КЪ РИСУНКАМЪ.

За дровами. Оригинальный рисунокъ художника *Е. Степанова*.

Мирный и пустынный зимній пейзажъ, изображенный художественно и тонко молодымъ художникомъ Е. А. Степановымъ, оживляется человѣческой фигурой. Пейзажъ рисованъ съ натуры, а потому правдивъ во всѣхъ деталяхъ, а это уже большое достоинство каждаго рисунка.

Концертъ у Гайдна. Съ картины художника *П. Розе*.

Музыка—одно изъ наивсвершеннѣйшихъ изящныхъ искусствъ, непосредственно дѣйствующее на чувство,

на душу. Поэтому всѣ великіе композиторы—вродѣ Бетховена, Гайдна, Моцарта—жили и дышали одной музыкой и, если доживали до старости, то и умирали подъ звуки сладкихъ мелодій. Давая въ этомъ нумерѣ сцену изъ семейной жизни великаго композитора Гайдна, мы должны сказать нѣсколько словъ и объ этомъ гениальномъ человѣкѣ. Иосифъ Гайднъ родился въ 1732 году и дожилъ до 1809 года. Онъ написалъ за свою долгую жизнь 118 симфоній, 83 квартета, 19 оперъ, 5 ораторій, 24 концерта, 15 мессъ, 44 сонаты для фортепiano, 42 пѣсни или романса, и массу другихъ мелкихъ музыкальных вещей. Жизнь Иосифа Гайдна слишкомъ обильна приключеніями, удачами и неудачами, терніями и лаврами, чтобы прослѣдить ее всю въ короткомъ очеркѣ. Въ 1803 году, утомясь творчествомъ, насытивъ славою, Иосифъ Гайднъ удалился на покой. 6 лѣтъ жилъ маетный композиторъ въ своемъ маленькомъ имѣніи въ Австріи. Къ этому времени и относится картина Розе: Гайднъ въ кругу семьи и близкихъ знакомыхъ наслаждается домашнимъ концертомъ.

Сирота. Оригинальный рисунокъ художника *Ө. Козачинскаго*.

«Она бездомная сиротка,
Предъ нею—мракъ и нищета,
Но все-жъ глаза сияютъ кроко,
Но все-жъ душа ея чиста!..»

«Кто пріютитъ? Куда бѣдняжка
Пойдетъ искать кусокъ и кровъ?
На сердцѣ горестно и тяжело,
Крикъ боли вырваться готовъ...»

Дитя, молись я помни Бога,—
И посреди мірскихъ заботъ
Тебя тернистая дорога
Къ земному счастью приведетъ!»

Секретное посланіе. Оригинальный рисунокъ художника *Н. Мазова*.

«—Маша, Маша! Ты куда—въ лавку?» спрашиваетъ, украдкой подходя къ дачной калиткѣ, юная барышня вертлявую горничную.—Вотъ письмо... Ты опусти его, пожалуйста, въ кружку, да смотри не говори мамашѣ про это... Я тебѣ дарю мою старую кофточку... знаешь, полюбуюсь? Ну, скорѣй бѣги, чтобы никто не замѣтилъ!..—Съ лукавой усмѣшкой беретъ вертлявая Маша барышнину письмо. Она отлично знаетъ, что оно адресовано тому усатому поручику, который такъ часто лихо проѣзжаетъ мимо ихъ дачи на горячемъ ковшѣ. Но какое-же дѣло до этого горничной. Ей обѣщана награда въ видѣ красивой кофточки, и за это она, конечно, будетъ хранить барышнину секретъ... пока!..»

Осужденная на голодную смерть. Съ картины художника *Б. Мамьдарелли*.

Несчастная весталка прельстилась красивымъ юношей-римляниномъ и отважилась назначить ему свиданіе около заветнаго храма Весты. Но жрецы зорко и строго слѣдятъ за юными дѣвами, обреченными на вѣчную службу цѣломудренной богини. Влюбленныхъ настигли, уличили—и страшный приговоръ поразилъ юную весталку. Она обречена на заключеніе въ подземелья и на ужасную, медленную, голодную смерть. Сосудъ съ водой, немного пищи и свѣтъ—полный масломъ—вотъ все, что ей оставили ея палачи. Запаса хватить всего на два, на три дня! И съ ужасомъ смотритъ весталка, какъ удаляется изъ подземелья лѣстница, по которой спустились ея мучители. Скоро тяжелый камень задвинетъ ея могилу, ея могилу при жизни. Какія мученія должна она вынести! «Пощадите!» молятъ страдалаца, протягивая руки къверху, но молебны ея напрасны, ибо ея участь рѣшена!

Веселая пѣсня. Съ картины художника *К. Гезера*.

Веселый кавалеръ—изъ странствующихъ рыцарей—потѣшаетъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ въ средневѣковомъ замкѣ веселыми романсами. Прихлебывая золотистую виноградную влагу, весельчакъ вполнѣ доволенъ своею участіемъ. Служанки замка, къ которымъ онъ забрался въ кухню, гораздо веселѣе, чѣмъ чопорныя и важныя ихъ госпожи. На своей бродячей жизни бѣдному кавалеру пришлось узнать всякія мытарства, и приходилось голодать, и мерзнуть, и мокнуть. А тутъ тепло и весело, и есть надежда, что хозяйни замка возьмется его въ кастеляны или управители. Пѣсню за пѣсней поетъ онъ, и весело хохочутъ дородныя, свѣжія служанки.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Турція. — Недавно баронъ Калице былъ принятъ султаномъ въ аудіенціи, длившейся полтора часа. Указавъ на уже проведенныя или приводимыя въ исполненіе реформы въ Малой Азіи, которыя будутъ распространены въ послѣдствіи на всю имперію, султанъ, ссылаясь на пропаганду, производимую эмигрировавшими въ Болгарію армянами, выразилъ опасеніе относительно изданія амнистіи, такъ какъ большинство его подданныхъ желаетъ, чтобы виновники армянскихъ интригъ понесли должное наказаніе. На это австро-венгерскій посолъ возразилъ, что амнистія была бы лучшимъ средствомъ затормозить движеніе, возстановить довѣріе и побудить эмигрировавшихъ армянъ вернуться на родину. Султанъ принялъ во вниманіе доводы барона Калице, обѣщавъ созвать совѣтъ министровъ и сообщить сегодня же барону результатъ совѣщанія. Въ заключеніе султанъ выразилъ довѣріе къ политикѣ Австро-Венгрии и къ совѣтамъ барона Калице, въ пользу которыхъ онъ имѣлъ уже случай убѣдиться на дѣлѣ.

— Извѣстіе, что Порты уведомила патриархатъ о своемъ осужденіи румынскихъ стремленій, невѣрно. Порты официально передала патриархату указаніе о выборахъ румынскихъ делегатовъ, что доказываетъ, что она не осуждаетъ румынскихъ стремленій. Отношеніе Фонаря къ запросу сербскаго посла не измѣнилось. Говорятъ, что если сербское населеніе Ускюбской епархіи откажется давать епископу Амвросію содержаніе, патриархатъ дастъ ему субсидію.

— Султанъ, принимая въ аудіенціи новаго болгарскаго дипломатическаго агента, выразилъ удовольствіе по поводу его назначенія, а также по поводу исхода выборовъ, образа дѣйствій Болгаріи вообще и ея корректнаго отношенія къ Портѣ въ особенности. Въ заключеніе султанъ увѣрялъ агента въ своей дружбѣ и расположеніи къ князю и къ Болгаріи.

— Судя по сообщеніямъ изъ турецкаго источника, арестованы двѣ прибывшія изъ Болгаріи армянки, привезшія съ собою обращенія къ армянамъ и туркамъ революціонныя прокламаціи. Этимъ обстоятельствомъ и былъ обусловленъ приказъ къ полиціи и жандармеріи, заключающій строгія предписанія, стѣсняющія свободу сообщеній.

— Согласно телеграммѣ «Daily News» изъ

Константинополя отъ того-же числа, аресты среди зажиточныхъ турокъ не прекращаются, и ежедневно въ Ильдизъ-Кіоскъ засядаетъ особая коммиссія по разслѣдованію взводимыхъ на мусульманъ обвиненій.

Болгарія. — 1-го (13-го) декабря, болгарское народное собраніе созывалось на первую оче-

распущенія предшествовавшего собранія и на то, что выборы въ нынѣшнее народное собраніе произошли особенно спокойно и увѣчались благоприятнымъ результатомъ. Далѣе говорится, что призваніе князя великими державами упрочило положеніе страны въ международномъ отношеніи, но для того, чтобы заслужить расположеніе великихъ державъ на-

всегда, Болгарія должна доказать, что она исполнена рѣшимости быть на Востокѣ элементомъ и стражею порядка и прогресса. Какъ сюзеренъ Болгаріи, такъ и главы другихъ государствъ отнеслись къ ней съ доброжелательствомъ и довѣріемъ. Сдѣланное князю приглашеніе на коронацію Императора Всероссійскаго связало Болгарію съ Россіей болѣе тѣсными узами, а визитъ королю Александру въ Бѣградѣ явился доказательствомъ тѣснаго единенія между братственными народами. Въ заключеніе объявляется о внесеніи въ собраніе бюджета, а также многочисленныхъ законопроектовъ, въ томъ числѣ законопроектовъ, касающихся выборовъ, уголовного судопроизводства, золотой валюты и народнаго просвѣщенія.

Франція. — Жервиль-Реашъ внесъ въ палатѣ запросъ о неожиданномъ отозваніи генерала Доддса, командовавшаго войсками въ Индо-Китаѣ, и говорить, что мѣра эта произвела дурное впечатлѣніе. Ораторъ обвиняетъ морского министра въ томъ, что онъ отозвалъ Доддса, чтобы замѣстить его однимъ изъ своихъ «протекж». Адмиралъ Бенаръ горячо протестуетъ противъ этого обвиненія и оправдываетъ отозваніе Доддса тѣмъ, что необходимо было поставить дивизионна-

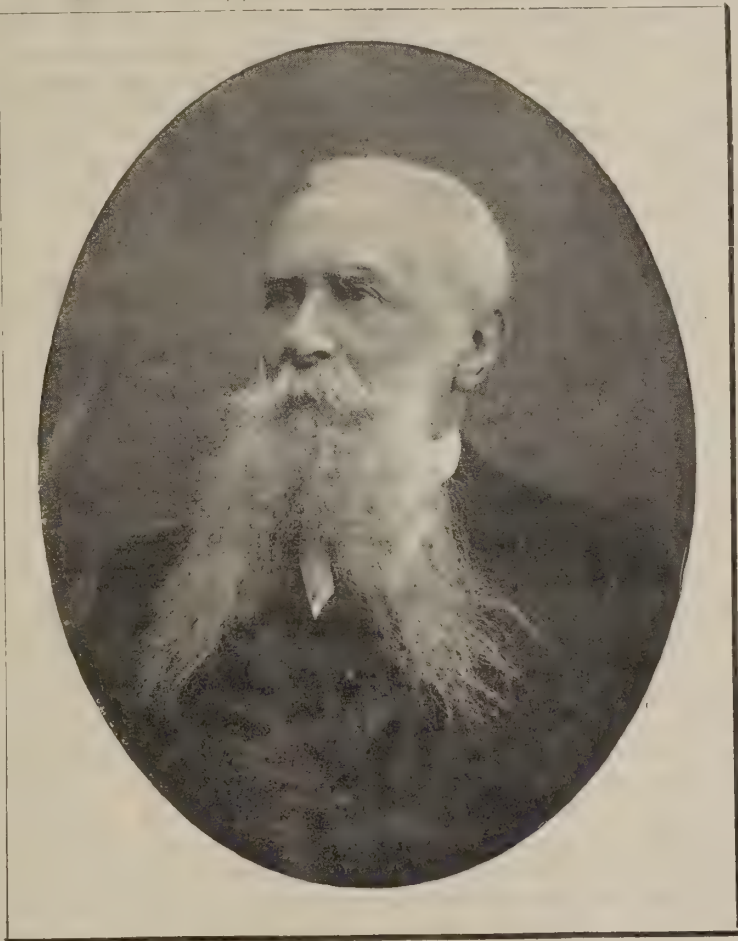
го генерала во главѣ войскъ Индо-Китаѣ.

— Парижская офиціозная газета «Nord» говоритъ въ послѣднемъ своемъ номерѣ:

«Англійскія и австрійскія газеты продолжаютъ приписывать Россіи честолюбивые замыслы относительно Турціи, и толковать о проектахъ радикальныхъ реформъ, которыя будутъ предложены Турціи, по ихъ словамъ, той же Россіей.

Мы считаемъ необходимымъ заявить по этому поводу слѣдующее: Россія не имѣла и не имѣетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ на территорію Оттоманской имперіи. Что касается проектовъ реформъ, то они разработаны, по соглашенію съ Франціей и другими державами, считающими ихъ необходимыми. Но какъ бы радикальны эти реформы

1846 — ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ. — 1896.

С. В. МАРКОВЪ.

Начальникъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ.

реднюю сессію. Какъ извѣстно, характерною особенностью новаго софійскаго собранія, сравнительно съ предшествовавшимъ ему, является низведеніе оппозиціи съ 50 голосовъ до 15. Въ то же время правительственное большинство, состоявшее изъ двухъ почти равныхъ группъ: изъ соединистовъ Восточной Румелии и консерваторовъ, сторонниковъ Стоилова, скомплектовано теперь въ нѣсколько иной пропорціи. Изъ 135 голосовъ, готовыхъ поддерживать кабинетъ, насчитывается не больше 24 соединистовъ. Остальные — исключительно стоиловцы, присоединя къ нимъ и двѣнадцать мусульманъ.

— Въ тронной рѣчи, прочитанной при открытіи народнаго собранія, прежде всего указывается на существовавшую необходимость

ни были, онъ всё пропущено однимъ желаніемъ,—утвердить авторитетъ и права судана, гарантировавъ въ то же время самоуправленіе различныхъ находящихся подъ его скипетромъ, народностей».

Италія. Въ итальянскую палату депутатовъ министръ общественныхъ работъ внесъ докладъ о злоупотребленіяхъ и хищеніяхъ въ ведомствѣ путей сообщенія.

Цѣны на отдачу подрядовъ ставились всегда произвольныя; казна принимала лѣнны, которыхъ никто не думалъ возродить. Всего правительство уплатило за желѣзныя дороги 1106 милліоновъ, вмѣсто настоящей стоимости ихъ въ 630 милліоновъ.

Министръ прибавляетъ въ утѣшеніе, что изъ виновныхъ въ хищеніяхъ никто въ настоящее время не состоитъ на государственной службѣ.

Докладъ произвелъ глубокое впечатлѣніе во дворцѣ Монтенитторіо.

— Отъ Нераццини получена телеграмма изъ Зепли отъ 30-го ноября (12-го декабря). Нераццини сообщаетъ, что 23-го ноября (5-го декабря) онъ съ 215 плѣнными, въ томъ числѣ 7 офицеровъ, выступилъ изъ Харрара и что 5-го (17-го) или 7-го (19-го) онъ надѣется прибыть съ ними въ Зеплу.

Австрія.—При обсужденіи бюджета по статьямъ, происходящемъ въ палатѣ депутатовъ, когда на очередь былъ поставленъ параграфъ, касающійся расходовъ по имперскимъ дѣламъ, Вашатый сталъ нападать на тройственный союзъ и утверждать, что Бисмаркъ заключилъ союзъ этотъ лишь поневолѣ и послѣ того, какъ его неоднократно обращенія къ Россіи потерпѣли неудачу. При этомъ ораторъ ссылался на недавнія разоблаченія. Младочехъ Слама заявилъ, что на заявленія Вашатаго онъ возражать не намѣренъ. Менгеръ замѣтилъ Вашатому, что отношенія Австріи къ Россіи не только не враждебныя, но даже дружественныя. Такое положеніе соответствуетъ безспорно интересамъ Австріи и, можетъ-быть, также интересамъ Россіи. Основой австрійской политики служить и будетъ, вѣроятно, еще долго служить тройственный союзъ и какъ ораторъ, такъ и его друзья даже желаютъ, что они, впрочемъ, никогда и не скрывали, чтобы союзу придана была еще большая устойчивость и чтобы имперіи заключили между собою долговѣчный союзъ, основанный на государственно-правовыхъ отношеніяхъ (оживленныя рукоплесканія слѣва). Докладчикъ Стефановскій также далъ отпоръ нападкамъ Вашатаго на тройственный союзъ, послѣ чего стоявшая на очереди статья была принята палатою.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Московский городской голова К. В. Рукавишниковъ вычеркнулъ свое имя изъ списка кандидатовъ, заявленныхъ для баллотировки въ гласные думы. Въ виду этого, предъ засѣданіемъ думы, 27-го ноября, собравшіеся въ большомъ числѣ гласные обратились къ К. В. Рукавишникову съ просьбой не отказываться отъ баллотировки въ гласные, выставивъ на видъ его заслуги передъ городомъ и то рѣдкое согласіе и единеніе, какое существовало между думою и управою при его управленіи городскими дѣлами. Рѣшительно заявляя о своемъ намѣреніи оставить должность городского головы, К. В. Рукавишниковъ

сказалъ, что окончательный отвѣтъ на просьбу баллотироваться въ гласные онъ дастъ въ не продолжительномъ времени.

— Русскіе скупщики дичи въ Финляндіи исчезли, да имъ и нѣтъ возможности покупать финляндскую дичь, которая здѣсь, какъ напр. рябчикъ, на мѣстѣ цѣнится въ 50 пени (т. е. 19 копѣекъ). При такихъ условіяхъ петербургскіе дичники, понятно, предпочитаютъ покупать олонекскую дичь, которая на мѣстѣ, какъ напр. рябчикъ, стоитъ 3—5 к. штука. Заграничные же коммиссіонеры, которыми круглый годъ кишитъ Гангъ, отбивая дичь другъ отъ друга, сильно поднимаютъ цѣну на дичь. За послѣдніе два года замѣчается успѣшеніе отправки чрезъ Гангъ за границу мукки. Отправка этой послѣдней, въ большинствѣ, увеличивается съ замерзаніемъ Финскаго залива. Мукку отправляютъ обыкновенно по финляндской желѣзной дорогѣ изъ Петербурга прямо на Гангъ, гдѣ и происходитъ перегрузка на суда. Вообще Гангъ, какъ портовому городу, можно предсказать великое будущее.

— Кавказскій военно-окружной судъ, послѣ трехдневнаго судебнаго разбирательства дѣла Караканянца и бѣлаго каторжника Аминова, обвиняемыхъ въ убійствѣ купца Геворкова и рядѣ покушеній на убійство купцовъ Абовянца, Сираканянца, Аюпова, призналъ обоихъ подсудимыхъ виновными въ покушеніяхъ на Аюпова и Сираканянца, причемъ они дѣйствовали по предварительному между собою соглашенію—первый какъ заговорщикъ, а второй—какъ сообщникъ, и приговорилъ ихъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы: Караканянца—срокомъ на 20 лѣтъ, а Аминова—на 25 лѣтъ; по обвиненію же въ убійствѣ купца Геворкова и покушеніи на убійство Абовянца оба подсудимые за недоказанностью оправданы.

— Запрещенныя до сего времени сочиненія извѣстнаго нашего писателя А. К. Шеллера (Михайлова), исполняющаго въ настоящее время обязанности редактора «Сына Отечества» и «Живописнаго Обозрѣнія», разрѣшено допустить къ обращенію въ публичныхъ бібліотекахъ и общественныхъ читальняхъ.

— Этнографическое отдѣленіе Императорскаго русскаго географическаго общества въ засѣданіи 29 ноября рѣшило приступить къ выпуску полнаго изданія русскіхъ сказокъ, въ виду отсутствія въ настоящее время, въ особенности за выходомъ изъ продажи извѣстнаго сборника сказокъ Афанасьева. Для разрѣшенія вопроса о томъ, въ какомъ видѣ издать сказки—однимъ выпускомъ, или же частями по мѣрѣ поступленія матеріала, и всё вмѣстѣ, или разгруппировать по народностямъ: на малорусскія, бѣлорусскія, великорусскія и проч., избрана коммиссія, въ составъ которой вошли: гг. Ломанскій, Майковъ, Соболевскій, Пынинъ, Ждановъ, Ольденбургъ, Истомина, Шахматовъ, Шефферъ, Туниковъ, Коробка и Ляшенко.

— Общество любителей древней письменности получило отъ графини П. С. Уваровой въ даръ роскошное изданіе ея «Каталога рукописей графа А. С. Уварова», составленнаго покойнымъ архимандритомъ Леонидомъ.

— Министерство финансовъ признало цѣлесообразнымъ разрѣшать право торговли виномъ безсрочно, а не ежегодно, такъ какъ акцизное управленіе во всякое время можетъ лишиться этого права и закрыть торговое заведеніе. Ежегодная выдача подобныхъ разрѣшеній требуетъ весьма сложной работы и большаго числа служащихъ по управленіямъ.

— Департаментъ земледѣлія разослалъ на

дняхъ въ губернскія управы южныхъ губерній атласы по шелководству, составленные проф. Тихомировымъ, для отправки въ тѣ народныя училища, гдѣ идетъ изслѣдованіе шелководства. Атласы эти въ картинахъ представляютъ все производство шелка и разведеніе шелкопитнаго червя съ показаніемъ болѣе этого насекомага и мѣръ прекращенія ихъ.

— Въ Вильманстрандской русской школѣ состоялось второе народное собесѣдованіе, причемъ мѣстный священникъ, отецъ Михаилъ Успенскій, сдѣлалъ сообщеніе, съ соотвѣтствующими свѣтовыми картинками, о началѣ христіанства на Руси. Какъ при первомъ собесѣдованіи, бывшемъ 27-го октября, такъ и при второмъ, слушателей собралось столько, сколько могло помѣститься въ помѣщеніи. Этимъ между прочимъ подтверждается, что русскіе люди, проживающіе въ Финляндіи, гдѣ они лишены всякихъ развлеченій, заинтересованы собесѣдованіями.

— Вотъ какъ празднуютъ финляндцы свои юбилеи. Надняхъ чествовался 350-ти-лѣтній юбилей города Борго. По случаю этого праздника было совершено торжественное богослуженіе, по окончаніи котораго боргоская публика съ пѣніемъ «патріотическихъ пѣсень» собралась у памятника поэта Сюнеберга, автора извѣстнаго анти-русскаго гимна. Бѣднѣйшимъ жителямъ города былъ предложенъ по случаю праздника бесплатный обѣдъ, а боргоской интеллигенціи можно бы предложить бесплатный урокъ исторіи на тему о всемъ томъ, что сдѣлала Россія добраго для Финляндіи.

— Черезъ Суэцъ и Адентъ въ продолжительное путешествіе по Африкѣ отправился штабсъ-ротмистръ Гудринъ, уже совершающей не первое путешествіе по африканскому матеріку.

— Расположенный на глубоко вдающемся въ море полу, при соединеніи Финскаго залива съ Балтійскимъ моремъ, гор. Гангъ съ устройствомъ здѣсь образцоваго порта, сдѣлался выдающимся по обширной торговлѣ Финляндіи. Ледъ образуется у Гангъ только въ особенно суровыя зимы, но и то онъ бываетъ на столько слабымъ, что имѣющіеся въ порту пароходы-ледорѣзы безъ всякаго труда разбиваютъ его. Въ большинствѣ же Гангъ остается свободнымъ ото льда круглый годъ. Съ благоустройствомъ порта сюда-то теперь и устремляется множество иностранныхъ кораблей. За истекающій годъ въ Гангъ разгружался въ большинствѣ иностранные корабли, прибывшіе съ грузами: фруктъ, кофе и чай. За послѣдніе года въ Гангъ особенно замѣтно возрастаетъ отпускная торговля. Она состоитъ въ большинствѣ въ отпавкѣ за границу строевого дѣса, дичи и мелкихъ звѣрей. Благодаря развитію Гангъ, сильно сократилось товарное движеніе по финляндской желѣзной дорогѣ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

29-го ноября, въ Михайловскомъ манежѣ состоялся въ Высочайшемъ присутствіи парадъ 145 пѣхотному новочеркасскому Императора Александра III полку, по случаю его столѣтняго юбилея и освященія вновь Высочайше жалуемаго полку знамени. Къ одиннадцати часамъ дня въ манежѣ собралась свита Государя Императора и генералитетъ. Въ 11 часовъ утра въ манежъ прибыли Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Але-

ксандра Оеодоровна. При входѣ Государя Императора въ манежъ музыка заиграла встрѣчу и знамена плавно склонились, салютуя. Его Императорское Величество, принявъ рапортъ отъ командира полка полковника Воронова, въ сопровожденіи Особъ Императорской фамилии, начальствующихъ лицъ и свиты, обходилъ фронтъ выстроившихъ новочеркасцевъ, здоровался съ ними и поздравлялъ съ вѣковымъ праздникомъ. Послѣ молебна, во время котораго было освящено новое знамя, Государь Императоръ въ предшествіи протопресвитера А. А. Желобовскаго, вторично обходилъ фронтъ; при этомъ протопресвитеръ кропилъ войска святой водою. Вслѣдъ затѣмъ началась присяга полка новому знамени. Въ четвертомъ часу дня Ихъ Императорскія Величества отбыли изъ Петербурга по варшавской желѣзной дорогѣ.

— 29-го ноября, въ Елисаветинскомъ институтѣ состоялось освященіе новой церкви института. Къ часу освященія церкви въ институтъ собрались всѣ начальствующія лица. Къ молебену прибыла въ институтъ Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Оеодоровна. Во время молебствія было возглаголено многостѣе Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему дому. По окончаніи молебствія Государыня Императрица прикладывалась ко св. кресту и была окроплена св. водою. Ея Императорское Величество присутствовала на обѣдѣ воспитанницъ, а затѣмъ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ института, посѣтила начальницу его Е. Н. Книгенбергъ. Воспитанницы проводили Государыню Императрицу Марію Оеодоровну восторженными кликами «ура».

— 3-го декабря, во второмъ часу дня, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Оеодоровна прибыли по варшавской желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Съ вокзала желѣзной дороги Ихъ Императорскія Величества проѣхали въ зданіе Императорской академіи наукъ, гдѣ въ Маломъ конференцъ-залѣ академіи устроена обществомъ художниковъ «*Artis et Amicitiae*» въ Амстердамѣ выставка картинъ, акварелей, рисунковъ, офортовъ и скульптуръ современныхъ голландскихъ художниковъ. При входѣ въ зданіе Императорской академіи наукъ Ихъ Императорскія Величества были встрѣчены Августѣйшимъ Президентомъ академіи. При входѣ на выставку Ихъ Императорскія Величества ожидали почетный предсѣдатель сиб. комитета выставки, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ королевы нидерландской при Его Величествѣ Государѣ Императорѣ, Стутвегенъ съ супругою. Во время обзора выставки Его Императорское Величество Государь Императоръ приобрѣлъ картину художника г. Шроебель «Совѣщаніе бургомистровъ въ городѣ Мидельбургѣ (въ Зеландіи) въ XVII столѣтіи». Ихъ Императорскія Величества, въ исходѣ третьяго часа, отбыли изъ зданія Императорской академіи наукъ.

— Въ Петербургѣ въ настоящее время находится нѣкто К. Н. Виноградовъ, который усиленно хлопочетъ о предоставленіи ему права поднять съ мели крейсеръ «Россія». Виноградовъ предполагаетъ поднять крейсеръ въ теченіе самаго короткаго времени, посредствомъ изобрѣтеннаго имъ примитивнаго способа. Составленные имъ планы уже представлены въ морское министерство. Поднятіе крейсера по способу Виноградова обойдется по составленной сметѣ въ 20,000 р.

— Представитель французскаго министерства изящныхъ искусствъ г. Жюль Дюпрэ уѣхалъ въ Парижъ.

— Въ вновь учреждаемомъ сиб. присутствіи по дѣламъ промышленности предсѣдательство будетъ возложено на градоначальника; вице-губернатора въ этомъ присутствіи замѣнитъ помощникъ градоначальника; губернскаго инженера старшій техникъ при градоначальствѣ; губернскаго врачебнаго инспектора—инспектора врачебнаго управления.

— 11 ноября будущаго 1897 г. исполнится 25 лѣтъ со дня основанія сиб. земской учительской школы. На бывшемъ засѣданіи совѣта школы, при участіи предсѣдателя управы г. Маркова и гласнаго г. Зеленина, подробно разрабатывался планъ и проектъ предполагаемаго отчета о школѣ, по всѣмъ сторонамъ ея жизни. Для детальной разработки этого вопроса предложено организовать особъ и комиссію изъ преподавателей и др.

— Изъ вышедшаго на-дняхъ отчета о дѣятельности санитарнаго врача и санитарныхъ попечителей петербургскаго уѣзда видно, что въ продолженіе прошлаго года въ пригородныхъ медичинскихъ участкахъ было дезинфицировано 966 квартиръ послѣ больныхъ оспою, скарлатиною, корью, дифтеритомъ и сыпнымъ тифомъ. Осмотровъ было произведено 5868, въ томъ числѣ домовъ и дворовъ 4320, лавокъ и другихъ торгово-промышленныхъ заведеній 1106, трактировъ и т. п. заведеній 284. Замѣчныя санитарныя нарушенія, въ большинствѣ случаевъ, хотя и послѣ неоднократныхъ напоминаній, устранялись. Протоколовъ для привлеченія къ отвѣтственности за неисполненіе требованій санитарнаго надзора было составлено всего лишь 53. Въ лабораторіи уѣзднаго земства, состоящей въ завѣдываніи врача К. И. Бобрицкаго, произведено 112 химическихъ, микроскопическихъ и бактериологическихъ изслѣдованій.

— 6-го декабря въ Солянмъ Городкѣ (входъ съ Фонтанки) подъ высокимъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини Елизаветы Мавриковны открывается базаръ въ пользу Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ.

НОВОСТИ ИСКУССТВА.

Выставка японской живописи въ академіи художествъ восполняетъ пробѣлъ въ нашемъ знакомствѣ съ этимъ интереснымъ и оригинальнымъ искусствомъ дальняго Востока. Она размѣщена въ шести залахъ. Отдѣлы ея—картины (какемоно), этюды и эскизы (штаэ), гравюры (нисикиэ)—сгруппированы по художественнымъ школамъ, различающимся между собой манерой письма и характеромъ сюжетовъ. Сверхъ того, въ этой обширной коллекціи, принадлежащей г-жѣ Китаевой, есть иллюстраціи недавней китайско-японской войны и раскрашенные фотографіи. Въ странѣ «Восходящаго солнца» фотографія процвѣтаетъ, раскрашиваніе производится, повидимому, людьми со вкусомъ, знающими свое дѣло, и не оставляетъ желать ничего болѣе изящнаго. Безчисленное множество гравюръ, иллюстрирующихъ исторію страны, обычаи, карикатуры на важныя событія въ народной жизни, сцены изъ театральнахъ пьесъ поражаютъ своимъ изяществомъ по рисунку и краскамъ. Что касается отдѣла картинъ, то, помимо эстетическаго удовольствія, какое можетъ доставить эта чрезвычайно своеобразная и

декоративная живопись, выставка наглядно знакомитъ съ исторіей развитія японскаго искусства и его значенія въ національной жизни.

Величайшій и плодотворнѣйшій изъ рисовальщиковъ въ Японіи въ иллюстраціонномъ жанрѣ—вышепаванный Хоксай. Быть можетъ, онъ даже величайшій изъ японскихъ художниковъ. Онъ издалъ живописную энциклопедию міра, своего рода «*Divina Commedia*», въ которой весь міръ изображается съ точки зрѣнія милаго юмора. Половина жизни Хоксай (1760—1849) принадлежитъ прошлому столѣтію, а вторая половина—нынѣшнему. Онъ умеръ 89 лѣтъ. Онъ неутомимо рисовалъ и въ старости называлъ себя «безумцемъ рисованія». Такъ и подписывались его картины. Хоксай умеръ бѣднякомъ, тогда какъ издатели его иллюстрацій и альбомовъ нажили миллионы. Въ настоящее время его листы цѣнятся очень дорого. Англійскіе, французскіе и американскіе коллекціонеры платятъ большія деньги за его наброски. Нѣкоторыя изъ его картинъ, по вѣжкости колорита, сравниваются съ произведеніями великаго европейскаго мастера по этой части Ватто. Какъ рисовальщикъ, Хоксай обладаетъ удивительною увѣренностью. Онъ рисуетъ и женщинъ, и пейзажъ, и звѣрей.

— Профессоръ Эдуардъ фонъ-Гебгардтъ окончилъ новую картину «Распятіе Христа» и выставилъ ее въ Дюссельдорфѣ. Картина производитъ сильное впечатлѣніе. Тѣло Христа нѣсколько наклонено впередъ, онъ распятъ на высокомъ грубо сколоченномъ крестѣ, у подножія котораго лежитъ въ обморокѣ отъ глубокаго горя Марія Магдалина, молодая женщина съ бѣлокурыми волосами. На право отъ креста Іоаннъ съ ласкою поддерживаетъ Мать Спасителя, которая тоже лишилась чувствъ. Эта картина представляетъ замѣчательное произведеніе искусства, точно такъ же какъ и его «Во крещеніе Лазаря», которое находится въ галлерей Ельбермана въ Кельнѣ.

— Нѣкто г. Бодруттъ заявилъ, что находящаяся у него въ коллекціи картина «Успеніе Богоматери» есть доподлинная работа Рафаэля, названная имъ «Сикстинской Мадонной». Послѣ сравненія «Сикстинской Мадонны» Рафаэля и «Успенія Богоматери», находящейся во владѣніи г. Бодрутта, многими художниками и знатоками, всѣ пришли къ убѣжденію, что послѣдняя картина ни въ какомъ случаѣ не была написана Рафаэлемъ. Моделировка головы, рукъ, рисунокъ волосъ далеко не совершенны и не могли быть сдѣланы такимъ мастеромъ, какъ Рафаэль. Складки одежды падаютъ грубо, безъ выраженія, тяжело. Краски жестки, холодны, тяжелы. Выраженіе Мадонны, Младенца Христа, Сикста и Варвары нисколько не напоминаетъ глубины, величія и сердечности истинно Рафаэлевской картины. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Мадонна, находящаяся во владѣніи г. Бодрутта, копія, и не особенно хорошая.

— 12-го декабря уѣзжаетъ въ Абиссинію художникъ г. Поляковъ, который везетъ за-казанную секретаремъ негуса, по порученію Менелика II, картину, изображающую битву подъ Адудей. Картина около 3 арш. длины и около 2 арш. ширины. Картина г. Полякова предназначается для дворца негуса и изображаетъ разстроенныхъ, пошатнувшихся каре итальянцевъ, массу убитыхъ и раненыхъ ихъ сотоварищей и вихремъ на нихъ несущихся съ св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ абиссинцевъ.

Материаломъ при писаніи картины послужили привезенные секретаремъ негуса Атто Юсифомъ абиссинское снаряженіе, вооруженіе, костюмы и фотографіи мѣстности.

НАУЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ минувшемъ ноябрѣ къ рукописнымъ сокровищамъ Императорской публичной библиотекы присоединилось новое, которое по своей важности и цѣнности должно быть поставлено наряду съ Синайскою библіею IV вѣка и Остромировымъ евангеліемъ 1057 года. Государию Императору благоудно было пожаловать библиотекѣ приобретенное Его Величествомъ въ нынѣшнемъ году греческое рукописное евангеліе VI вѣка, писанное на пурпуровомъ пергаментѣ.

Объ этомъ приобритеніи извѣстно слѣдующее. Въ концѣ 1895 года русскій археологъ Я. И. Смирновъ извѣстилъ русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ, что въ Малой Азій, въ селеніи Сармасахлы, близъ Кесаріи Кападокійской, имѣется весьма замѣчательное рукописное греческое евангеліе, что подтверждали ранѣ ходившіе объ этомъ слухи. Нашъ посолъ А. И. Нелидовъ, черезъ посредство Президента Императорской академіи наукъ Великаго Князя Константина Константиновича, счелъ долгомъ обратиться на нее Августѣйшее вниманіе Государию Императору; Его Величество повелѣлъ приобрѣсти сармасахльское евангеліе въ Свою личную собственность и нынѣ, соизволивъ пожаловать эту драгоценную рукопись Императорской публичной библиотекѣ. Рукописей, писанныхъ на пурпуровомъ пергаментѣ, дошло до нашего времени очень мало; вслѣдствіе этого понятно, какую высокую цѣну имѣетъ сармасахльское евангеліе. Евангеліе столь роскошнаго выполненія, какъ сармасахльское, могло быть списано только съ лучшихъ по исправности списковъ, а потому значеніе этой рукописи для исторіи евангельскаго текста приобрѣтаетъ особую важность. Помимо этого, рукопись даетъ новыя данныя для палеографіи и исторіи языка. Нѣтъ сомнѣнія, какъ говорить «Правит. В.», что сармасахльское евангеліе, являющееся теперь однимъ изъ лучшихъ украшеній богатаго рукописнаго отдѣленія Императорской публичной библиотекы, сдѣлается предметомъ внимательнаго изученія какъ богослововъ, такъ и палеографовъ. Эта драгоценная рукопись, заслуживающая, подобно Синайской Библии, самаго тщательнаго изданія, будетъ помѣщена въ особой витринѣ, рядомъ съ Синайскою библіею и Остромировымъ евангеліемъ.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

«Гризельда», въ переводѣ князя В. Барятинскаго, имѣла большой успѣхъ на сценѣ Лит.-арт. кружка. Пьеса видимо понравилась публикѣ своей поэтичностью, какъ въ прошломъ году понравилась «Принцесса Греза». Артистовъ и артистокъ много вызывали, вызывали также переводчика, который выходилъ то со всѣми артистами, то вдвоемъ съ г-жей Яворской, которая прекрасно исполнила роль Гризельды. Передъ «Гризельдой» шла одноактная комедія г-жи Гриневской «Трудовой день», въ которой были очень хороши г. Высоцкій и г-жа Домашева. Комедію эту можно рекомендовать для домашнихъ спектаклей, какъ вещь

талантливую и написанную въ стилѣ добрыхъ нравовъ.

— 2-го декабря въ Маломъ театрѣ состоялось первое представленіе г-жи Дузе. Театръ былъ полонъ и сборъ простирался свыше 4,000 руб. Знаменитую артистку встрѣтили такъ задушевно, какъ встрѣчаютъ русская публика своихъ любимцевъ и любимыхъ. Она выступила въ «La dame aux camélias» и вызвала восторги и обильныя слезы.

— Въ воскресенье, 1-го декабря, въ Маринскомъ театрѣ былъ данъ старинный балетъ «Тщетная предосторожность», который собралъ почти полный театр. Г-жа Кшесинская 2-я была въ особенномъ ударѣ и провела свою роль безукоризненно.

— Въ воскресенье, 1-го декабря, въ залѣ кредитнаго общества состоялся первый изъ пяти концертовъ, устраиваемыхъ бывшимъ профессоромъ консерваторіи А. И. Рубцовъ. Довольно многочисленная аудиторія состояла преимущественно изъ бывшихъ учениковъ и ученицъ всѣми уважаемаго А. И. Рубца, находящагося въ настоящее время въ тяжеломъ болѣзненномъ положеніи, не только вслѣдствіе полной потери зрѣнія, но и потому, что недавно онъ сильно повредилъ себѣ ногу, упавъ съ лѣстницы, что заставило его лечиться въ Маринской больницѣ. А. И. Рубецъ, не получившій пенсіи отъ русскаго музыкальнаго общества за неимѣніемъ у послѣдняго соответствующаго фонда, удостоился получить таковую въ размѣрѣ 900 рублей изъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи за свою долголѣтнюю службу въ женскихъ институтахъ въ качествѣ преподавателя хорового пѣнія и теоріи музыки.

— 3-го декабря, въ залѣ дворянскаго собранія состоялся обычный вечеръ въ пользу общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, при благосклонномъ участіи многихъ извѣстныхъ артистовъ и артистокъ: г-жъ д'Аллемандъ, Анненковой-Бернаръ, Ильиной и гг. Далматова, Дятлева, и др. Но особеннаго вниманія заслуживало любезное участіе въ этомъ добромъ дѣлѣ нашего гостя г. Анжело Мазини.

НЕКРОЛОГЪ.

Модестъ Ивановичъ Галанинъ, редакторъ «Вѣстника Судебной Медицины» скончался въ ночь на 29-ое ноября послѣ продолжительной болѣзни. Покойный принадлежалъ къ числу извѣстныхъ русскихъ гигиенистовъ и врачей—писателей. Покойный медицинское образованіе получилъ въ мед.-хирургической академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1877 году. Тотчасъ по окончаніи академическаго курса онъ былъ назначенъ врачомъ военнаго лазарета передоваго отряда ген. Гурко и провелъ зиму 1877—78 годовъ на Шипкѣ. Въ послѣдніи семь лѣтъ редактировалъ «Вѣстникъ общественной гигиены, судебной и практической медицины», издаваемый медицинскимъ департаментомъ. Его популярныя очерки находили себѣ мѣсто и въ педагогическихъ журналахъ и въ общей печати. Какъ врачъ, покойный заботливо ухаживалъ за больными, не отличалъ бѣдныхъ отъ богатыхъ. Умеръ онъ 44 лѣтъ, давно уже страдая бугорчаткой. Воспаленіе легкихъ въ послѣднее время осложнилось болѣзью сердца— и М. И. не стало.

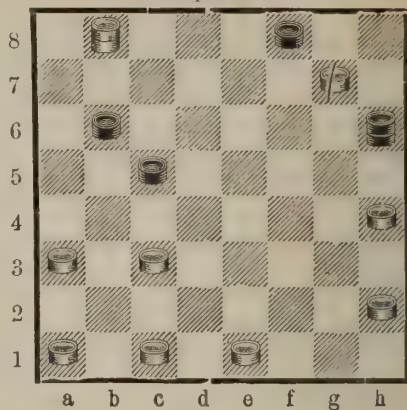
ШАШКИ.

Подъ редакціею В. И. Шошина.

ЗАДАЧА № 36.

М. И. Иванова (въ Москвѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть простую.

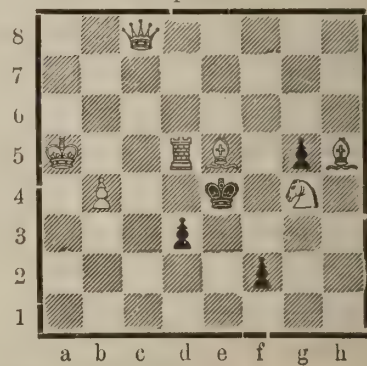
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 38.

Л. К. Истоминна (въ Харьковѣ).

Изъ «Deutsche Schachzeitung».

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 3 хода.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Профессоръ В. Я. Добровлянскій. Маленькая ботаника. Изданіе С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ. 1899 г. 2 р. 7 к.

Маленькая ботаника профессора Добровлянского составлена очень просто и вполне толково знакомитъ дѣтей съ такими растеніями и цвѣтами, которые попадаются намъ на каждомъ шагѣ. Такихъ книгъ можно желать какъ можно больше. Ей можно сдѣлать упрекъ за аляповатое изданіе, за плохія антропографіи картинокъ. Налѣпленные въ текстъ эти картинки дѣлаютъ книгу крайне некрасивой и часто страдаютъ раскраской. Для книги, стоящей недорого можно бы сдѣлать нѣчто болѣе изящное, чѣмъ то, что сдѣлано для этой книги. Люди, платящіе за небольшую книгу въ 140 стр 2 р. 70 к., конечно, вѣдутъ правотребовать отъ книги того изыщества, которымъ отличаются не только иностранныя изданія въ этомъ родѣ, но даже многія изъ книгъ, изданныхъ у насъ въ Россіи.

Вѣчные спутники. Д. С. Мережковский. Портреты изъ всемірноі литературы. С.-Петербургъ 1897 г. Цѣна 3 руб. Изд. П. П. Перцова.

Въ своей прекрасно изданной книгѣ Д. С. Мережковский собралъ рядъ своихъ критическихъ статей. Тутъ вы встрѣтите имена Марка Аврелія и Гончарова, Плинія и Достоевскаго, Сервантеса и Майкова, и т. д. Самъ авторъ говоритъ, что его «критика есть критика субъективная, что его критическіе очерки—записки, дневники читателя въ концѣ XIX вѣка». Кто знаетъ г. Мережковского, какъ поэта, беллетриста и всесторонне образованнаго человѣка, тому, конечно, будетъ крайне интересно прослѣдить, какъ смотрѣлъ молодой писатель на тѣ или другія литературныя явленія раз-

ныхъ вѣковъ и народностей. Съ его взглядами можно спорить, но, во всякомъ случаѣ, ему нельзя отказать въ оригинальности и большой начитанности. Последнее очень важно. Въ наше время особеннаго процвѣтанія журналистовъ и оскуднѣнія писателей начитанность является чуть не заслугой. Особенно интересны тѣ страницы, гдѣ авторъ касается произведеній и писателей ближайшаго къ намъ времени, Пушкина, Майкова, Достоевскаго и въ особенности Льва Толстого. О Левѣ Толстомъ авторъ говоритъ, что это «антиподъ, совершенная противоположность и отрицаніе Пушкина, въ русской литературѣ; въ Пушкинѣ мыслитель и художникъ сливаются въ одно существо, у Льва Толстого мыслитель презираетъ художника, художнику дѣла нѣтъ до мыслителя». Пріятны библиографическая замѣтка не даютъ намъ возможности подробно говорить объ этой книгѣ, но мы можемъ сказать, что это книга вполне заслуживающая вниманія и будищая мысль.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

Издатель С. Е. Добродѣевъ.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обзоръ»
Спб., Невскій, д. 68—40 продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“
Историческій романъ А. Михайлова.
Цена 1 руб.

КАРАМЕЛЬ
изъ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
Б. Семадени въ Кіевѣ.
Цена коробки 25 коп. Малая кор. 15 коп.
Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ІЕНЦЕЛЪ. С.-Петербургъ, Гороховая ул. 33.
Продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи

для курящихъ
Небывалая новость
ТОЛЬКО 7 рублей
Машинка для набивки папирсъ
Дѣлаетъ въ 1 часъ 600 штукъ. Чрезвычайно прочна, изящна и годна для крутыхъ папирсъ всѣхъ померовъ. Высылается немедленно по полученіи 3-хъ рублей задатка. Адресъ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Складъ новыхъ изобрѣтеній. Большая Морская 33. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 14 коп. марками.

ПРЕВОСХОДНАЯ НОВАЯ ПИАНИНО
продается по весьма умѣреннымъ цѣнамъ и отдается на прокатъ въ депо музыкальнаго магазина
К. ЛЕОПАСА.
НЕВСКІЙ пр., № 80 близъ Литейнаго.

№ 2305—3
ВЫИГРЫШ
иже 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, НЕВСКІЙ, СПБ.

КОРНЕТЬ-А-ПИСТОНЫ
и всѣ др. духовые, мѣдные и деревянные инструмнты.
РОЯЛИ, ПИАНИНО, ФИСГАРМОНИИ.
Скрипки, отъ 2—100 р.
Гитары... 3—75 „
Балаалайки... 1—20 „
Мандолины... 10—75 „
Цитры... 8—75 „
и всѣ проч. струнные, а также и механическіе и самоиграющіе инструм. и принадлежн.ности
рекомендуетъ
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, д. Волкова.
Требуйте иллюстр. прейсъ-куранта.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Для чистоты лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требовать подписи А. Энглундъ красными чернилами. Подкупать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ лавкахъ Россійской Имперіи. № 2045

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Викирейнъ д. нѣ Генрихъ Блокъ. —2 Спб., Невскій, 59. № 2261.

НЕ ПОКУПАЙТЕ ружей, не прочитавши иллюстраціи, прейсъ-куранта Оружейнаго Магазина А. В. ТАРНОПОЛЬСКАГО, Москва, Мясницкая ул. Дѣла Сытова.

Лучшій подарокъ
КАРМАННЫЕ АНКЕРНЫЕ ЧАСЫ. Вѣрный ходъ, заводъ безъ ключа, въ нихъ цѣпочка новаго золота и два интересныя брелока.
ТОЛЬКО 4 руб.
Высылаются немедленно по полученіи 1 р. адатка. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ Новыхъ Изобрѣтеній. Б. Морская № 33.

ФАБРИКА
музыкальныхъ инструментовъ
торговаго дома
Ард. Емеляновича
КУЛАКОВЪ.
въ С.-Петербургѣ
Садовая ул. 33.
рекомендуетъ
ГИТАРЫ
солидной работы и отличнаго тона въ 2, 3, 4, 8, 10, 12, 15, 30, 50, 75 руб.
СКРИПКИ
въ 2, 3, 5, 6, 10, 15, 30, 100 рублей.
Юбилейный роскошно иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается **БЕЗПЛАТНО**.

ВЪКУЛИ
НАИЛУЧШІЙ ВОСХВЪ
ЛИКЕРОВЪ
высокаго достоинства
ПРІЯТНАГО ВКУСА
СВѢЖЕЮ ПАЛЬМИРЪ
питъ послѣ обѣда какъ
АППЕТИТНЫЙ ЛИКЕРЪ
ВЪКУЛИ
ОБЩЕСТВА
Берманъ
С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Имѣется всѣхъ. Депо фирмы въ Москвѣ: Лубянская площ. д. Общество Россіи.

ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ № 143.
Гостиный дворъ
Имѣетъ честь извѣстить св. ихъ уважаемыхъ покупателей, что для предстоящихъ праздниковъ заготовленъ громадный выборъ шерстяныхъ матерій такого же высокаго качества и также
КРАЙНЕ ДЕШЕВО
какъ въ прошлую гогу: матерія чистой шерсти, двойной ширины, одностѣнная отъ 35 к., нестрия въ англійскомъ жандрѣ отъ 60 к. за аршинъ, а также
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
голландскаго, прославившагося ирландскаго полотна, столоваго бѣлья, подотеней, носонныхъ платковъ, готованаго дамскаго и мужскаго бѣлья, теплыхъ юбокъ, крѣсортъ, фуфаякъ, чулокъ, дамскихъ и дѣтскихъ, носокъ, отбѣлять, пледовъ, шалей, платковъ и пр. Особенно дешевыя цѣны низмачены на товары, пр. нитые отъ № 2481-1
Ф. СМЕЛЬТЪ,
въ числѣ которыхъ много мужскаго и столоваго бѣлья англійскихъ, французскихъ и здѣшнихъ матерій въ большомъ количествѣ и крайне дешево.
ОСТАТКИ
Только что вновь получены
Н О В О С Т И
матерій шерстяныхъ и шерстяныхъ съ шелкомъ для визитныхъ, вечернихъ и балныхъ платьевъ, французскихъ, англійскихъ и русскихъ фабрикъ.
БОГАТЫЙ ОТДѢЛЪ ЧЕРНЫХЪ МАТЕРІЙ.

ИЗДАНИЯ
годъ 3-й.
Подписной годъ начинается съ 15 Нюбря 1896 года по 15 Нюбря 1897 года.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1897 годъ
самы распространенный въ Россіи
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„МУЗЫКА И ПѢНІЕ“
для ПѢНІЯ ОДНОГОЛОСНАГО И ХОРОВОГО. ФОЛІО ПІАНО и другихъ инструментовъ.
Одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учебныхъ, среднихъ и старшаго возраста библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. Рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній кадетскихъ корпусамъ для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки. Журналъ „Музыка и Пѣніе“ выходитъ ежемѣсячно тетрадями по 44 страницъ большого нотнаго формата. Годовой экземпляръ составивъ болѣе 500 страницъ и давъ своимъ подписчикамъ до 20 лучшихъ музыкальныхъ произведеній во всѣхъ отрасляхъ музыкальнаго творчества, стоющихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ сорокъ рублей! въ журналѣ „Музыка и Пѣніе“ помѣщаются выходящія музыкальныя новости, исполняемыя въ концертахъ какъ въ Россіи, такъ и за границей.
Подробныя объясненія, содержанія 1-го и 2-го года изданія и начала мелодій выслаются бесплатно. Цѣна № 1-го въ отдѣльной продажѣ 50 коп., съ поре. 71 коп., съ наложеннымъ платежомъ 81 коп. Часті рубля можно почтовыми марками. Купившіе для ознакомленія № 1-й при дальнѣйшей подпискѣ удѣрживаютъ изъ подписной суммы 33 к., т. е. стоимость № для гг. подписчиковъ. Подписка принимается въ главной конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая 22, прот. Гостиного двора, при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. К. Селиверстова.
№ 2428-1.
Редакторъ-издатель П. СЕЛИВЕРСТОВЪ.

ПО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ.
НОВОСТЬ!
Часы карманные накладнаго золота, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, прекрасной конструкции. Элегантной отдѣлки 10 р. 50 к. Къ праздникамъ заготовленъ въ ольмовъ выборъ для ПОДАРКОВЪ изящныя гарнитуры, состоящія изъ одной пары золотыхъ серегъ, одного кольца и одной брошки въ 56 пробы элегантн. отдѣл. отъ 10 руб. до 15 р. Такой-же гарн. еще съ изящнымъ золотымъ браслетомъ 56 пробы отъ 25 р. до 75 руб. Изящныя серебряныя элегантныя цѣпочки дамскія отъ 1 р. 50. 2 р. и 3 р. штука. Мужскіе съ брелокомъ въ 2 р. 25 к. 3 и 4 р. Цѣпи накладнаго золота мужскія и дамскія отъ 1 р. 75 до 5 рублей.
Адресъ для требованій:
ДЕПО
Ш. Биткертъ,
Королевская ул. № 51.
г. ВАРШАВА.

Поставщикъ Высочайшаго Двора
КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ
СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ И НОВОСТЕЙ
Большая Морская, № 34.

Получилъ много новостей къ праздникамъ.

ИЗВѢСТНОЕ БѢЛЪЕ

Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворныя
Поставщики

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ

изящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ
лучшаго полотнянаго бѣлья. Штука только изъ одного конфекъ.
При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой непріятностей. После
употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безъ извѣстнаго
дальшаго бѣлья. Превосходно сохраняется даже при усиленномъ по-
тѣи. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ и холостяковъ.
Ниже помѣняемые представители сообщать, по желанію, гдѣ
оно продается.
Танфани и Штейдль, Москва. Карлъ Шimmelъ, Садовая 18, С.-Петербургъ. Максъ
Тишбейнъ, Рига. Фабіанъ Клингсландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

ФРИДРИХЪ ВИНТЕРЪ.

ФАБРИКА
И
ДЕПО
ЧАСОВЪ.

Невскій
просп., № 78
Въ
С.-Петербургѣ

ЗОЛОТАЯ
медаль
на выставкѣ
въ
Нижнемъ
Новгородѣ
1896 г.

РЕКОМЕНДУЕТЪ ОГРОМНѢЙШІЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ.

Никелевые отъ 6 р. до 20 р.
Стальные (черные) 8 " 30
Серебряные мужскіе 10 " 100
" дамскіе 10 " 30
Золотые 25 " 225
" мужскіе 40 " 800
Стальные часы 2 " 200

Регуляторы двухне-
дельнаго завода отъ 15 р. до 100 р.
Столовые часы 4 " 275
Будильники 4 " 100
Симфоніи, (муз.instr.) 6 " 110
Полифоны 20 " 125
Вашенные часы 125 " 4 00

По желанію гг. покупателей часы высылаются съ наложеннымъ платежемъ.
Подробные прейсъ-курранты высылаются **БЕЗПЛАТНО**. № 2485-1

—!! Изящно и Эффектно !!—

Электрическое освѣщ. для амплажей по
новѣйш. способу устраиваютъ недорого

Э. КИНКМАНЪ и К°.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ 17.

Главное депо часовъ
Эд. Вурхардъ.

Спб., Гороховая ул., у
Краснаго моста, № 17.

2) по Невскому пр.,
№ 6, прот. М. Морской.

Большой выборъ все-
возможныхъ часовъ
лучш. фабрикъ по си-
мму у мѣр. дѣлать

Никелевые отъ 6 р. 50 к. до 15 р.
Стальные (черные) 10 р. — " 20
Серебряные мужскіе и
дамскіе 12 " — " 75
Золотые мужскіе 50 " — " 500
Золотые дамскіе 25 " — " 100
Регуляторы 2-хъ не-
дельныхъ 7 " — " 65
Будильники 4 р. 50 к. — 25
Гг. Инородицѣмъ высылка наложеннымъ
платежемъ. Прейсъ-курранты высылаю
бесплатно. Курьерные часы суммъ вы-
ше 10 р. высылаются почтой на счетъ
нашего магазина. № 1229-20

При выпискѣ на 75 руб. (въ Европ. Россіи) пересылку принимаемъ на свой счетъ.

Охотно высылаемъ образцы всякихъ матерій, по вслѣдствію громаднаго выбора просимъ всегда точно обозначить родъ това-
ра, цвѣтъ, ширину, приблизительную цѣну и для какой вещи товаръ предназначенъ.

НАШИ ОТДѢЛЕНІЯ:

Кружевное.
Ленточное.
Шелковыхъ матерій.
Мануфактурное.
Ситцевое.
Полотняное.
Бахромное.
Дѣтскихъ рукодѣлій.

Корсетное.
Чулочное.
Зонточное.
Мужского бѣлья.
Дамскаго бѣлья.
Дамскихъ вещей.
Дамскихъ платьевъ.
Дѣтскихъ костюмовъ.

Мужского платья.
Дамскихъ шляпъ.
Мужскихъ шляпъ.
Сапожное.
Галантерейное.
Парфюмерное.
Перчаточное.

Игрушечное.
Оружейное.
Дорожныхъ вещей.
Письманъ, принадлежи.
К ртинъ и предм. росн.
Хозяйствен. принадлежи.
Ламповое.

Фарф., фаянса и хруст.
Ковровое.
Мебельныхъ матерій.
Гардиннаго тюля.
К тееновъ.
Мебели.
Электрическ. аппарат.
№ 2475-2

МОДНЫЕ ДУХИ — Виола Одората Ауриха
О-ДЕ-КОЛОНЪ — Виола Одората Ауриха
ЖИРНАЯ ПУДРА — Виола Одората Ауриха

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ

Колокольная, 18/19.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

2469-2.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
ФАБРИКА РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

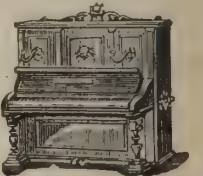
основанная въ 1810 году.

СПБ., Владимирская, № 8,
рекомендуетъ превосходнаго то
на и отличной работы

2454-2.

РОЯЛИ въ 1100, 900, 800,
700, 600 и 550 рублей.
ПИАНИНО въ 550, 500 и
450 рублей.

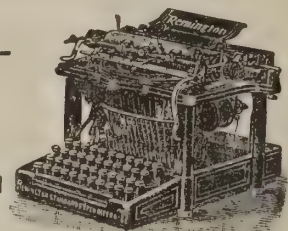
Прейсъ-курранты высылаются
— **БЕЗПЛАТНО** —

= НОВОСТЬ! =

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.

1896—

НОВѢЙШАЯ
АМЕРИКАНСКАЯ

—1897.

ПИШУЩАЯ
МАШИНА.

РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ

МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ
ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.

РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 руб.

Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ.
ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ СКЛАДЪ

Торговый
Домъ

М. Блок

ГЛАВНАЯ КОНТОРА
МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ и/д.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ,

Москва, Петровка, № 2,
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ.

ЗИМНІЯ НОВОСТИ.

ВЫШЕЛЪ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

на ЗИМНІЙ СЕЗОНЪ 1896 года

Высылается **БЕЗПЛАТНО** всѣмъ желающимъ.

Пересылка товара наложеннымъ платежомъ во всѣ мѣста
Европейской Россіи.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербургъ и Москвы, поступила въ продажу новая книга

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».

Романъ изъ жизни червонныхъ вылетовъ Владимірова. Цена 1 рубль.

— ПОПРОБУЙТЕ МЫТЬСЯ —
МЫЛОМЪ
Ю М Ъ - Ю М Ъ
ПАРФЮМЕРА ПЬЕРЪ и въ другихъ мыломъ мыться не будете. Цена 20 к. за кусокъ.
Получать можно во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.
Складъ въ Харьковѣ. Пассажи, у П. УШАНОВА.

Leichner's Fettmilder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цена коробки 1 рубль.

Лучшая пудра для вечера, а также и дня. Незамѣтна на кожѣ. Косметическое средство для красоты кожи!

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ГРИМИРОВКИ!

РУМЯНА, БѢЛИЛА и КАРАНДАШИ ДЛЯ БРОВЕЙ!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Непосредственно въ королевскихъ театрахъ Берлина и Брюсселя.
Главное депо для Россіи у В. АУРИХЪ, Колокольная № 18—19 Спб. -1.

Д-ра НАНСЕНА

нормальная зимняя шапка съ откиднымъ козырькомъ, откидными наушниками и застѣжками, защищаютъ какъ глаза отъ солнечныхъ лучей или бѣснаго снѣга, такъ уши и шею отъ холода. Застѣжки изъ жемчужной проволоки, шарфы или бахилы. Цена 2 р. 50 коп.—5 руб. Высылаются наложеннымъ платежомъ при закладѣ 1/3. Сообщать о нуждѣ головы. Особый подарокъ въ Рождество. Специальный складъ бѣговыхъ, охотн. и парусныхъ лыжъ К. КОМЕТСА, Контора С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Ждановская ул. 17—19 к. 3. Наставленія и прейсъ-курантъ безплатно.

УПОТРЕБЛЯЙТЕ

Crème Valetudo

Фармац. В. Л. Табанскаго

Совершенно уничтожаетъ веснушки, желтые пятна, прыщи, угри, загаръ и красноту лица. Вѣшать, осыпается и смывается кожу лица и рукъ. Цена малой баночки 1 р., больш. 1 р. 75 к. Изящно упакована въ перѣ, по почте и упаков. мал. 6. 1 р. 35 к., больш. 6. 2 р. 10 коп. Адресъ: В. Л. ТАБАНСКОМУ Варша а.

**НОВОЕ
ФРАНЦУЗСКОЕ
ПЕЧЕНІЕ**

С. СІУИКЪ
PETIT BEURRE
МОСКВА

С. СІУИКЪ

ПАМЯТЬ

„Искусство укрѣпленія памяти“.

(Что такое мнемоника?)

книга (седьмое изданіе)

профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА и печатныя условія за зочный (психический) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.) высылаются за шесть 7 коп. мар.; на вѣсной бумагѣ выѣстъ съ условіями—за восемь 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологіи, психологіи, логики и педагогикѣ. ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерявшимъ ее, дѣлается хорошей умишляющихся плохую, и лучшей—у обладающихъ хорошей.

Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, воины, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, звѣний и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня одобрительности. (Условія за курсъ безъ книгъ высылаются за одну 7 коп. марку).

Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Сиповина Ж. О. 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ) д. Бродскаго № 640, кв. 4-5-8, боль-этажъ. Профессоръ мнемоники членъ парижской академіи С. Файнштейнъ. № 2298—24.

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

со всеми

ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

съ пересылкою

на годъ

4 РУБ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

со всеми приложеніями

съ пересылкою

на три мѣсяца

ГЛАВНАЯ КОНТОРА

СПБ., Невскій, 28.

1 Р.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА

САМОСТЯТЕЛЬНОЙ и БЕЗУСЛОВНО НЕЗАВИСИМЫЙ ОРГАНЪ ПЕЧАТИ. Освободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета является наиболее полнымъ

ВЫРАЗИТЕЛЕМЪ НУЖДЪ ПРОВИНЦІИ.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, телеграммъ, корреспонденцій и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней принимаютъ участіе цѣлый рядъ

извѣстѣйшихъ русскихъ писателей, произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

Знамя газеты—стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ касающихся какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей входящихъ въ составъ Русской Имперіи.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

НА СОБЫТІЯ ДНЯ

какъ русской, такъ и иностранной политической и общественной жизни будутъ помѣщаться не только въ литературной части воскресныхъ номеровъ, но и въ самой газетѣ по мѣрѣ надобности нѣсколько разъ въ недѣлю или же

ЕЖЕДНЕВНО.

ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРАХЪ

состоящихъ каждый изъ 12—16 страницъ (изъ коихъ 8—12 печатаются въ форматѣ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, на бѣлой глазированной бумагѣ) въ наступающемъ году, будутъ напечатаны, сверхъ большого романа въ 3-хъ частяхъ

І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)

„ТАЙНА ЗАГОРСКОЙ УСАДЬБЫ“, повѣстия беллетристическія произведенія слѣдующ. извѣстныхъ русскихъ писателей:

Вас. Ив. Немировича-Данченко

большой романъ въ 3-хъ частяхъ

„ЖЕРТВА ПОКАЯННАЯ“.

П. Д. Боборыкина

рассказъ

„ДВѢ КАФЕДРЫ“.

Кота Мурлыки (проф. Вагнера), повѣсть,

„Доброе дѣло“.

Н. И. Шердеръ, „Искательница“, очеркъ

изъ петерб. нравовъ.

Л. А. Авилловой, рассказъ

„Злая воля“.

В. С. Мережковскаго, историческ. повѣсть

„Микель Анжело“.

Федора Сологуба, рассказъ

„Женя“.

П. А. Сергѣенко, повѣсть

„Встрѣча“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

и съ пересылкой въ Россіи:

на годъ . . . 4 руб.

на 3 мѣсяца 1 руб.

ноябрь } на мѣ-

на полгода . 2 } декабрь } сязъ . 35 коп.

январь }

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:

С.-Петербургъ, Невскій, 28.

Открыта подписка на 1897 годъ:

„НОВОСТИ ДНЯ“ ежедневная газета 8 р. въ годъ

(Годъ изд. XV). На 6 мѣсяцевъ—5 р. на 1 мѣсяць—1 р.

„НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ ежемѣсячный журналъ 3 р. (Годъ изданія VI).

съ еженедѣльнымъ иллюстрир. приложеніемъ „СЕМЬЯ“ 4 р.

„СЕМЬЯ“, еженедѣльное иллюстрирован. изданіе, отдѣльно 2 р. (Годъ изд. IV).

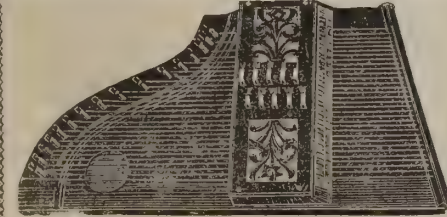
Всѣ три изданія въ годъ 12 руб.

Альбомъ: „КОРОНАЦИОННЫЙ АЛЬБОМЪ“ (изд. „Нов. Дня“) роскош. издат. — 2 р.

Адресъ: Москва, „Новости Дня“.

ЦЫТРА-„АРФА“

с 16 педалью, 24 струны, цѣна 5 р. 50 к., десять педаль 32 струны 10 р. САМОУЧИТЕЛЬ по 50 к. и 1 р. Цытра АРФА популярный и самый наглядный для обученія инструментъ, на которомъ каждый въ состояніи сыграть желаемыя пѣсни, при помощи педаль получаютъ полные и пріятные акорды.

№ 2305—10

ФАБРИКА ТОРГОВАГО ДОМА

А. Е. КУЛАКОВЪ.

Контора и склады Садовая улица № 33 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Юбилейный роскош. иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается БЕЗПЛАТНО.

СПИСОКЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ИЗДАНИЙ

Гг. годовые подписчики всѣхъ нашихъ изданій, желающіе получить какое-либо художественное произведеніе, на выборъ, изъ предлагаемаго списка, пользуются уступкою.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

Разсчитывая на ссучетіе подписчиковъ всѣхъ нашихъ изданій, мы приступили къ новому, очень сложному и роскошному художественному изданію, по нашему мнѣнію не только полезному, но даже почти необходимому для каждой семьи, подъ названіемъ:

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

1) НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ—

БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖН. Г. ДОРЭ

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ въ изящной оберткѣ).

Полнаго альбома картинъ Густава Дорэ къ Ветхому и Новому завету—до сихъ поръ не было не только въ Россіи, но и за границею. Библия-же съ иллюстраціями Г. Дорэ, имѣющаяся въ продажѣ, стоитъ 40 рублей за экземпляръ, что,

понятно, большинству недоступно, а потому мы рѣшили пополнить существующій пробѣлъ и употребимъ всѣ усилія дать это изданіе подписчикамъ нашихъ изданій въ возможно роскошномъ видѣ.

Цѣна альбома съ доставкою для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ нашихъ изданій—**ОДИНЪ РУБЛЬ 50 коп.**

Доступная для всѣхъ цѣна за это изданіе назначена нами только для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ нашихъ изданій, заявившихъ объ этомъ и высланныхъ денегъ заблаговременно, такъ какъ такая цѣна возможна лишь при печатаніи альбома одновременно и въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Во всякомъ случаѣ, по выходѣ въ свѣтъ этого изданія,

цѣна на него въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно повышена. Желающіе имѣть этотъ альбомъ въ изящномъ шагреновомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, доплачиваютъ еще за переплетъ—**РУБЛЬ** и за его пересылку—**50 коп.** (всего **ТРИ РУБЛЯ**), о чемъ необходимо заявить при подпискѣ. Изданіе выйдетъ не ранѣе 1-го марта 1897 года.

2) КОРОНАЦІОННЫЙ АЛЬБОМЪ.

Роскошный альбомъ этотъ разошелся въ громадномъ количествѣ и, въ настоящее время, отпечатанъ вторымъ изданіемъ на роскошной бумагѣ, большого формата и состоитъ изъ подробнаго описанія всѣхъ торжествъ, бывшихъ по поводу священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и большихъ художественно выполненныхъ съ натуре рисунковъ, изображающихъ всѣ выдающіеся моменты изъ коронаціонныхъ празднествъ

и торжествъ, виды дворцовъ, церквей, историческихъ памятниковъ и мѣстностей, а также портретовъ современныхъ и историческихъ личностей. Кромѣ того къ альбому приложены 1) ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ коронаціонномъ облаченіи—порфирѣ и коронахъ, отпечатанные въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками. 2) КОРОНАЦІОННЫЙ МАРШЪ (для фортепiano), соч. Н. АРТЕМЬЕВА.

Цѣна за экземпляръ альбома для годовыхъ подписчиковъ нашихъ изданій—**1 р. 50 коп.** (съ пересылкою). Неподписчиковъ цѣна **2 рубля**.

3) Новая большая картина, воспроизведенная въ 25 красокъ, съ оригинала извѣстнаго русскаго художника-профессора Императорской Академіи художествъ **Ю. Ю. КЛЕВЕРА**—

«АВОНЪ ПРИ ЛУННОМЪ ОСВѢЩЕНІИ»

(Размѣръ картины: длина 22 вершка, ширина 16 вершковъ).

Имя и творчество талантливаго художника хорошо извѣстно не только въ Россіи, но и за границею. Новая картина профессора Ю. Ю. КЛЕВЕРА писана для выставки Императорской Академіи художествъ, но приобретена нами исключительно для нашихъ изданій, такъ

какъ, по отзывамъ извѣстныхъ художниковъ, картина эта одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по богатству красокъ и эффектамъ. Цѣна для годовыхъ подписчиковъ нашихъ изданій—**ОДИНЪ РУБЛЬ** (съ доставкою). Неподписчиковъ—**ДВА РУБЛЯ**.

4) Большая картина съ оригинала извѣстнаго художника-профессора Императорской Академіи художествъ **И. Е. РѢПИНА**—

БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ.

Картина эта воспроизведена въ 25 крас. совершенно тождественно съ оригиналомъ, хранящимся во дворцѣ Е. И. В. Вели. Кн. Владимира Александровича.

(Размѣръ картины: длина 22 вершка, ширина 14 вершковъ).

Всѣмъ любителямъ искусства должна быть памятна та сенсация, которую произвела эта картина, какъ своимъ интереснымъ сюжетомъ, такъ и художественнымъ творчествомъ, при своемъ появленіи на выставкѣ. Гравюры съ этой картины не могутъ дать понятія о

той простотѣ и силѣ, которыми отличается это замѣчательное художественное произведеніе, всегда производящее на зрителя сильное впечатлѣніе. Цѣна для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ нашихъ изданій—**ОДИНЪ РУБЛЬ** (съ доставкою). Неподписчиковъ—**ДВА РУБЛЯ**.

5) Новая большая картина, художественно воспроизведенная въ 23 краски, съ оригинала извѣстнаго художника **С. И. ВЕРЕЩАГИНА**—

ЖЕРТВА ВОЛГИ

(Размѣръ картины: длина 22½ вершка, ширина 16 вершковъ).

Талантливый художникъ С. И. Верещагинъ взялъ сюжетомъ для предлагаемой картины извѣстный въ русской исторіи эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина, а именно тотъ моментъ, когда онъ, возвращаясь съ добычей изъ Астрахани, по Волгѣ, на стругахъ, со своею вольницею, вѣдуемыхъ принести Волгѣ—нормилицѣ жертву, схватилъ на руки восточ-

ную красавицу—плѣнную персидскую царевну и при общемъ изумленіи бросаетъ ее въ Волгу. Прекрасная перспектива и удачный подборъ красокъ въ картинѣ производятъ замѣчательно художественный эффектъ. Цѣна для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ нашихъ изданій **ОДИНЪ РУБЛЬ** (съ доставкою). Неподписчики **ДВА рубля**.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ.

— МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ —

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ.

РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ, ПИСАТЕЛЕЙ и КОМПОЗИТОРОВЪ.

(Величина большихъ бюстовъ: высота 12—14 дюймовъ, ширина 7—9 дюймовъ).

Давно ощущается потребность среди интеллигентнаго класса, въ особенности проживающаго въ провинціи, имѣть бюсты государственныхъ дѣятелей или нѣкоторыхъ любимыхъ русскихъ писателей и композиторовъ въ художественномъ выполненіи. Между тѣмъ очень высокая цѣна за металлическіе бюсты (отъ 25 до 50 руб. за экземпляръ), находящіеся въ продажѣ въ столицахъ, большинству совершенно недоступна. Желая дать возможность подписчикамъ нашихъ

изданій, а также другимъ любителямъ изящества, имѣть прочные металлические бюсты въ художественномъ выполненіи и притомъ за баснословно дешевую цѣну, мы выпустили первую серію бюстовъ изъ легкаго металла, одинаковой прочности и вида дорогой бронзы, по совершенно новымъ моделямъ, воспроизведеннымъ по нашему специальному заказу, съ извѣстныхъ портретовъ и сохранившихся точныхъ масокъ, скульпторами Императорской Академіи Художествъ.

Цѣна для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ нашихъ изданій, за одинъ металлическій бюстъ, на выборъ—**ЧЕТЫРЕ рубля**. Неподписчиковъ **ПЯТЬ рублей**. Бюсты композиторовъ **М. И. Глинки** и **П. И. Чайковского** имѣются пока только изъ цейлонскаго гипса, цѣною **3 руб.** за бюстъ (безъ пересылки и укупорки).

1) Е. И. В. Гос. Имп. **АЛЕКСАНДРЪ III.**

ПИСАТЕЛИ:

2) Е. И. В. Гос. Имп. **МАРІЯ ФЕОДОРОВНА.**

4) **А. С. ПУШКИНЪ.** 5) **М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.**

3) Е. И. В. Гос. Имп. **АЛЕКСАНДРЪ II.**

6) **Н. С. ТУРГЕНЕВЪ.** 7) **Н. В. ГОГОЛЬ.**

8) **Ф. М. ДОСТОЕВСКІЙ.** 9) **Графъ Л. Н. ТОЛСТОЙ.**

10) Протоіерей **ІОАННЪ СЕРГІЕВЪ** (Кроншт.).

Имѣется въ двухъ форматахъ:

большой **4 руб.** и малый въ **2 р. 50 коп.**

№ 50 «Живописнаго Обзорія» состоитъ изъ трехъ листовъ съ 8-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) «Еженедѣльная хроника», № 50-й и III) Объявленія.

Кромѣ того, при этомъ номерѣ журнала «Живописное Обзоріе» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылается ежемѣсячное литературное приложеніе—двѣнадцатая книга «Домашней Библіотеки» за декабрь 1896 г.

ВЫДАЮТСЯ И ВЫСЫЛАЮТСЯ ПРИ ПОДПИСКѢ.

ВЫДАЮТСЯ И ВЫСЫЛАЮТСЯ ПРИ ПОДПИСКѢ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ВЪ 1897 ГОДУ

СЪ ДВѢНАДЦАТЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 40 НУМЕРАМИ «ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ХРОНИКИ», 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, 12 МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПЬЕСАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ И ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ И ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) . . . 8 р. } БЕЗЪ ДОСТАВКИ на годъ: въ Спб. 7 р. 50 к.—Въ Москвѣ. 7 р. 75 к.
„ ПОЛГОДА (съ доставкою). 4 р.—На ТРИ мѣсяца (съ доставкою). 2 р. } ЗАГРАНИЦУ на годъ (съ книгами) 16 р. —

Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

«Въ погоню за ефрымъ». Съ картины художника В. Ковальскаго.

СТАРЫЙ ПАСТОРЪ.

(Изъ Гейне).

Сквозь тучи осеннія мѣсяцъ
Летѣть тускло сіянье кругомъ.
Стоитъ, покоясь, одиноко,
На кладбищѣ пастора домъ.

* * *

Мать Библию тихо читаетъ,
Сынъ молча, на свѣчку глядитъ,
Дочь, старшая, дремлетъ, зѣвая,
А младшая такъ говоритъ:

* * *

«Какъ скучно у насъ; не увидишь
Хорошаго здѣсь ничего,
Одно развлеченіе только,
Когда здѣсь хоронятъ кого!»

* * *

«Неправда», оставивши чтенье,
Сказала ей мать наконецъ,
«Ужъ тутъ четверыхъ схоронили,
Какъ умеръ твой бѣдный отецъ!»

«Я мучиться больше не въ силахъ»,
Сказала имъ старшая дочь,
Пойду я и графу продамъ,
Мнѣ съ вами приходитъ не—въ мочь!»

* * *

А сынъ заливается смѣхомъ:
«Прощай нищета на всегда,—
Меня научить общали,
Какъ деньги достать безъ труда!»

* * *

Въ лицо его наглое съ гнѣвомъ
Бросаетъ тугъ Библию мать,
«Несчастный, ты—проклятый Богомъ,
Задумалъ разбойникомъ стать!»

* * *

Вдругъ стукъ они слышатъ и видятъ:
Въ окошко имъ палецъ грозитъ...
То, въ черномъ своемъ одѣяньи,
Самъ пасторъ умершій стоитъ!

ИСКУПЛЕНІЕ.

РАЗСКАЗЪ.

Въ березовой палочкой въ рукѣ и лыковой котомкой за плечами, дядя Аггей приближался къ усадьбѣ генерала Срывалина. До усадьбы оставалось не болѣе полуверсты, но ея все еще не было видно за огромными деревьями старинной рощи, примыкавшей къ самому барскому дому. Роща зеленой стѣною спускалась съ пригорка къ маленькой, но быстрой и прозрачной рѣчкѣ, скорѣе ручью, который катился къ ней по каменному руслу съ такимъ веселымъ журчаньемъ и торопливостью, точно за нимъ гнались, какъ дѣти, съ другой стороны выбѣжавшіе на опушку и безпорядочно разбросанные кустики лѣса, откуда этотъ ручей бралъ свое начало. Ручей разсѣкалъ рощу и образовывалъ около помѣщичьего дома большой и глубокий прудъ, на которомъ стояла мельница.

Солнце собиралось закатиться за высокую гору, покрытую лѣсомъ, но передъ этимъ рѣшительнымъ шагомъ, оно на минуту задумалось, точно еще разъ хотѣло внимательно посмотрѣть на землю и запечатлѣть ее въ памяти вплоть до слѣдующаго утра. Розовые лучи его замерли на травѣ, на деревьяхъ, на рѣкѣ, отчего все это вспыхнуло вечернимъ румянцемъ. Особенно ясно этотъ румянецъ сквозилъ на бѣлыхъ стволахъ березокъ и на водѣ: вода казалась оранжевой. Горлилки, купавшія въ ней свои красивыя головки, были такъ удивлены этой переменой, что перестали волновать воду и неподвижно глядѣли на нее своими свѣтлыми глазами.

«Ишь, какъ славно я угодилъ»,—вслухъ подумалъ дядя Аггей.—«Можетъ, нынѣ все и устроить Господь приведетъ... Тото было бы ладно!»

И, постукивая палочкой о лапти, чтобы выбить изъ нихъ дорожную пыль, онъ спустился съ косога къ рѣкѣ. Горлилки испуганно на него посмотрѣли, переглянулись другъ съ дружкой и, сразу вспорхнувъ, полетѣли налѣво къ лѣсу, мимо полуразрушенныхъ строеній, нѣкогда представлявшихъ поташный заводъ.

— Чего вы, глупенькія, испугались?—проговорилъ имъ вслѣдъ дядя Аггей.—Развѣ я бы тронулъ Божью птицу? Всѣмъ хватитъ напиться... Ишь ты, какая вода-то чистая, словно слеза,—продолжалъ онъ, сорвалъ на берегу большой зеленый лопухъ, сбѣлалъ изъ него подобіе ковша и, вставъ на колѣни, наклонился надъ ручьемъ, чтобы зачерпнуть воды.

Зеркало ручья отразило опаленное солнцемъ, морщинистое лицо, съ ясными, какъ у ребенка, голубыми глазами, кротко и даже нѣсколько боязливо глядѣвшими изъ-подъ сѣдыхъ клочковатыхъ бровей, съ рѣдѣющей сѣдою бородкой, чуть-чуть се-ребришей щеки, и рѣдкими, но длинными косицами волосъ, дѣлавшими его похожимъ на духовное лицо.

— Господи Іисусе Христе...—въ благоговѣніи забормоталъ Аггей, снявъ шапку, поднесъ ко рту лопухъ съ водою и сталъ медленно пить.

Слышно было, какъ вода переливалась и булькала у него въ горлѣ. Голова его была чуть-чуть закинута назадъ, и кадыкъ на черной и морщинистой, какъ голенщике, шеѣ ходилъ взадъ и впередъ. Но вотъ онъ кончилъ пить, стряхнулъ рукавомъ серебряныя капельки влаги съ усовъ и бороды и, снова водрузивъ обѣими руками шапку на голову, бодро поднялся вверхъ на пригорокъ.

Съ этого пригорка село Зеленкино от-

крывалось, какъ на ладони. Село было бѣдное. Избы, крытыя соломой, грязныя и полуразвалившіяся. Господскій домъ съ службами возвышался въ сторонѣ, точно аристократъ, окруженный свитой, брезгливо сторонившійся бѣдноты, чтобы не загрязниться.

Собственно говоря, Зеленкино не имѣло права называться селомъ, потому что церковь, построенная въ немъ предками генерала Срывалина, бывшими нѣкогда владельцами Зеленькина, была давно уже упразднена по бѣдности прихода и служила пріютомъ для голубей. Однако, при видѣ ея, Аггей снова снялъ шапку и набожно сталъ креститься. Каждый разъ, какъ онъ кланялся, его рѣдкіе сѣдые волосы прядями падали ему на лобъ и глаза, и, крестясь, попутно поднималъ онъ ихъ корявыми пальцами и водворялъ на мѣсто. Изъ села доносился лай собакъ и мычанье скота, возвратившагося съ пастбища.

На встрѣчу Аггею, поднимая пыль, катилась телѣжка. Худая, шаршавая лошадевка, съ выпяченными ребрами и брюхомъ, бѣжала, мотая головой и невѣроятно векидывая ногами. Въ телѣжкѣ сидѣлъ такой-же шаршавый мужиченко: онъ былъ пьянъ и немилосердно хлесталъ лошадь.

— Эй, милячекъ!—окликнулъ его дядя Аггей.—Что это ты такъ скотинку-то пугаешь?

Мужиченко остановился.

— А ты кто будешь?

— Савеловскій.

— А я думалъ странникъ,—разочарованно протянулъ шаршавый и, что есть силы, вытянулъ лошадь кнутомъ. Лошадь вскинула ногами и еще сильнѣе понеслась внизъ по косога.

Аггей покачалъ головой, сокрушенно по-

смотрѣлъ ему во слѣдъ и, вздохнувъ, побрѣлъ во своей. Обогнувъ рощу, онъ вошелъ въ отворенныя настежь ворота и остановился посреди двора. Двѣ кудлатыя собаки яростно бросились на него, и Аггей сталъ безпомощно отъ нихъ обороняться.

— Цыцъ вы, подлые!—неожиданно крикнулъ на псовъ кривой работникъ Семень, выходя изъ конюшни, гдѣ онъ засыпалъ лошадямъ овесъ. Его зычный окликъ отогналъ собакъ, хотя онѣ и продолжали огрызаться... Семень былъ босикомъ, но въ резиновыхъ рваныхъ калошахъ,— до нельзя вытертыхъ и полинялыхъ плисовыхъ шароварахъ и красной, неподпоясанной рубашкѣ.

— Тебѣ чего надо?—обратился Семень къ Аггею тѣмъ нѣскольکو высокомѣрнымъ тономъ, которымъ барская дворня говорить съ простымъ мужикомъ.

Аггей поклонился ему и отвѣтилъ:

— Слышно, вашему барину сторожа надо, такъ вотъ я пришелъ наняться.

— А ты кто такой?

— Савеловскій я, сторожъ савеловскій.

— Вижу, что не здѣшній. Баринъ здѣшняго и не возьметъ-бы. А ты развѣ не странникъ?

— Нѣтъ, не странникъ.

— А я тебя за странника почелъ,—весело продолжалъ Семень и самъ разсмѣялся надъ своей ошибкой.

— Меня многіе такъ почитаютъ,—благодарушно возразилъ Аггей.—Я когда и помоложе-то былъ, такъ ужъ у меня обличіе-то странное было. Монахомъ меня звали.

И дядя Аггей улыбнулся при этомъ всѣмъ своимъ загорѣлымъ, морщинистымъ лицомъ.

— Ты что-же изъ Савеловки-то ушелъ?—продолжалъ допрашивать его Семень.

— Да не въ терпежъ стало. Голодъ у насъ, милые. Голодъ, родименькій. Да-а.—Парень протяжно свиснулъ.

— Работенка какая была и та повывелась. Рукъ хоть отбавляй. Дѣлать нечего. Самъ знаешь, какой понѣ урожай-то былъ. На сѣмена не хватило. Осими засѣвать нечѣмъ. Почитай, что вся Савеловка разбрелась кто-куда, и скотинку всю распродали у кого была. Караулить-то и нечего стало. Прослышалъ я, что вашему барину сторожа надо, вотъ я и пошелъ. Оно и сподручно мнѣ, наняться-то сюда. Бабенка моя здѣсь.

— Бабенка!—недовѣрчиво протянулъ парень, словно что-то соображая.—Ужъ это не Афросинья-ли?

— Афросинья.

Парень опять засвисталъ.

— Те-те-те—Афросинья Никаноровна... Такъ-такъ. Знаемъ-съ.

И осмотрѣвъ какъ-то сбоку единственнымъ глазомъ съ ногъ до головы Аггея, онъ глубокомысленно замѣтилъ:

— Ежели-бы Афросинья Никаноровна допрежъ того не говорила, что ейный мужъ вродѣ какъ бы блажененькій, ни въ жисть бы я тебѣ не повѣрилъ.

Иные, какъ у ребенка, глаза дяди Аггея подернулись облакомъ: ему было непріятно, что Афросинья такъ отзывалась о немъ. Пускай всѣ говорили то же самое, онъ ничего противъ этого не имѣлъ, но Афросинья это какъ будто не пристало.

— Повидать-бы мнѣ ее,—проговорилъ Аггей.

— Ну, братъ, врядъ-ли ты ее сейчасъ увидишь!—лукаво подмигнувъ самому себѣ, возразилъ Семень.

— А что?—встревожился дядя Аггей.

Парень щелкнулъ языкомъ и плутовато прищурилъ глаза.

— А то, что она на пчельникъ пошла. Сынь управляющаго тамъ, такъ она ему ужинъ, кажись, понесла. Оченно онъ у насъ это занятіе любитъ: на пчельникъ ходить... Всѣ бабы страсть какія охотницы до меду!—развязно докончилъ онъ и съ веселымъ смѣхомъ похлопалъ Аггея по животу.

Аггей молча посмотрѣлъ на него и подумалъ: «экое парень несурзное несетъ».

Ему было непріятно спрашивать его, и онъ поторопился попросить Семена указать ему, какъ пройти къ барину.

Парень, все еще продолжая скалить зубы, указалъ ему на «черное» крыльцо, куда въ это время, съ доенкой, полной дымившагося молока, съ высоко подоткнутымъ подоломъ входила толстая, грудастая баба.

— Авдотья! Доложи барину, что савеловскій мужикъ въ сторожъ пришелъ наниматься!—крикнулъ ей Семень.

— Что я буду докладывать... Мое-ли это дѣло?—огрызнулась Авдотья.—Пусть Фроська докладываетъ, она, чай, горничная-то.

— А это мужъ ейный,—брякнулъ Семень и загоготалъ.

Баба сплюнула и сердито замѣтила:

— Фу, ты, зубоскалъ этакій! Надъ старикомъ смѣется... Пойдемъ, старичекъ, такъ и быть, я доложу. Онъ у насъ ужъ отъ природы дурень этакій... Никому проходу не даетъ: ни старому, ни малому.

— Нѣтъ, што-жъ, это онъ вѣрно сказалъ,—застѣнчиво замѣтилъ Аггей.—Я и точно мужъ Афросининъ.

— Му-у-жъ!—съ соболѣзнованіемъ протянула Авдотья, испуганно оглядывая его своими крошечными, заплывшими глазами.—Тузить ее, знать, пришелъ? Давно бы ужъ пора. Совѣмъ бабенка избаловалась... Вотъ и теперь, небось, на пчельникъ убѣжала. «Ужинъ, дескать, понесла», а какой ужинъ, когда вѣдомо, что и безъ того къ ужину домой пріѣдетъ нынѣ молодецъ-то.

«И эта о томъ-же»,—съ тоскою подумалъ Аггей, и въ сердцѣ его завозилось что-то осклизлое и холодное. Однако, онъ и тутъ не хотѣлъ ни о чемъ разспрашивать Авдотью и сталъ дожидаться, когда его позовутъ къ барину.

II.

Генералъ Срывалинъ, отлично выпавшій послѣ сытнаго обѣда и выкупавшійся въ пруду, здоровый, бодрый и веселый, сидѣлъ на террасѣ своего дома, выходящей въ садъ, и кушалъ чай.

Оставивъ свой коробокъ и палочку въ кухнѣ, Аггей робко приблизился къ террасѣ съ шапкою въ рукахъ и низко поклонился барину.

Тотъ внимательно оглядѣлъ его большими на выкатѣ глазами и, откинувшись на спинку кресла, отрывисто спросилъ:

— Въ сторожа?

— Коли ваша милость будетъ, въ сторожа,—съ поклономъ отвѣтилъ Аггей.

— Да справишься-ли ты?—сомнительно спросилъ генералъ, оглядывая мизерную фигуру Аггея.

— Чего не справиться,—отвѣтилъ Аггей,—дѣло не мудрящее.

— Дѣло-то не мудрящее, да народъ у насъ разбойникъ.

— Противъ лихого человѣка не сила, а глазъ нуженъ,—замѣтилъ Аггей.

— Ну, съ однимъ глазомъ немного сдѣлаешь,—возразилъ генералъ,—а вотъ ружье,—это другая статья. Я прикажу управляющему ружье тебѣ дать. Какъ только замѣтишь что, стрѣляй въ мою голову. Съ этими разбойниками нечего церемониться, а то они сами тебѣ башку свернуть и не поморщутся... Они у меня вотъ гдѣ сидятъ!..

Генералъ похлопалъ себя при послѣднихъ словахъ по жирной, лоснившейся отъ недавняго купанья шеѣ и продолжалъ:

— Каждую ночь что-нибудь да стянуть: то мѣшокъ муки, то сбрую. Въ погребѣ забираются, а позавчера, такъ шкатулку съ сахаромъ у меня черезъ окно стащили!—негодующе закончилъ онъ.—Думали, что деньги—и стащили. Вѣдь такая наглость!

— Съ голода народъ воруетъ. Вѣтъ нечего, батюшка-баринъ!—робко заявилъ Аггей.

— Вѣтъ нечего!—оборвалъ его генералъ.—Вѣтъ нечего, а пьянствуютъ... Пили бы меньше, разбойники, такъ было-бы что вѣтъ!—громко закончилъ онъ, покраснѣвъ отъ гнѣва.

— Вѣтъ нечего!—повторилъ онъ, отхлебнувъ большой глотокъ и тщательно расправляя свои роскошные съ просѣдью усы...—Вѣтъ нечего... Жалостливъ ты больно, какъ я вижу... Пожалуй, еще потакать имъ будешь... Свой братъ... И потому человѣка изъ чужой деревни и беру, чтобы потачки этимъ негодиямъ не было.

— Зачѣмъ потакать. Коли ежели я къ примѣру, взялся за дѣло, я исполню его должень... И въ писаніи сказано...—убѣжденно началъ Аггей, но генералъ не далъ ему договорить.

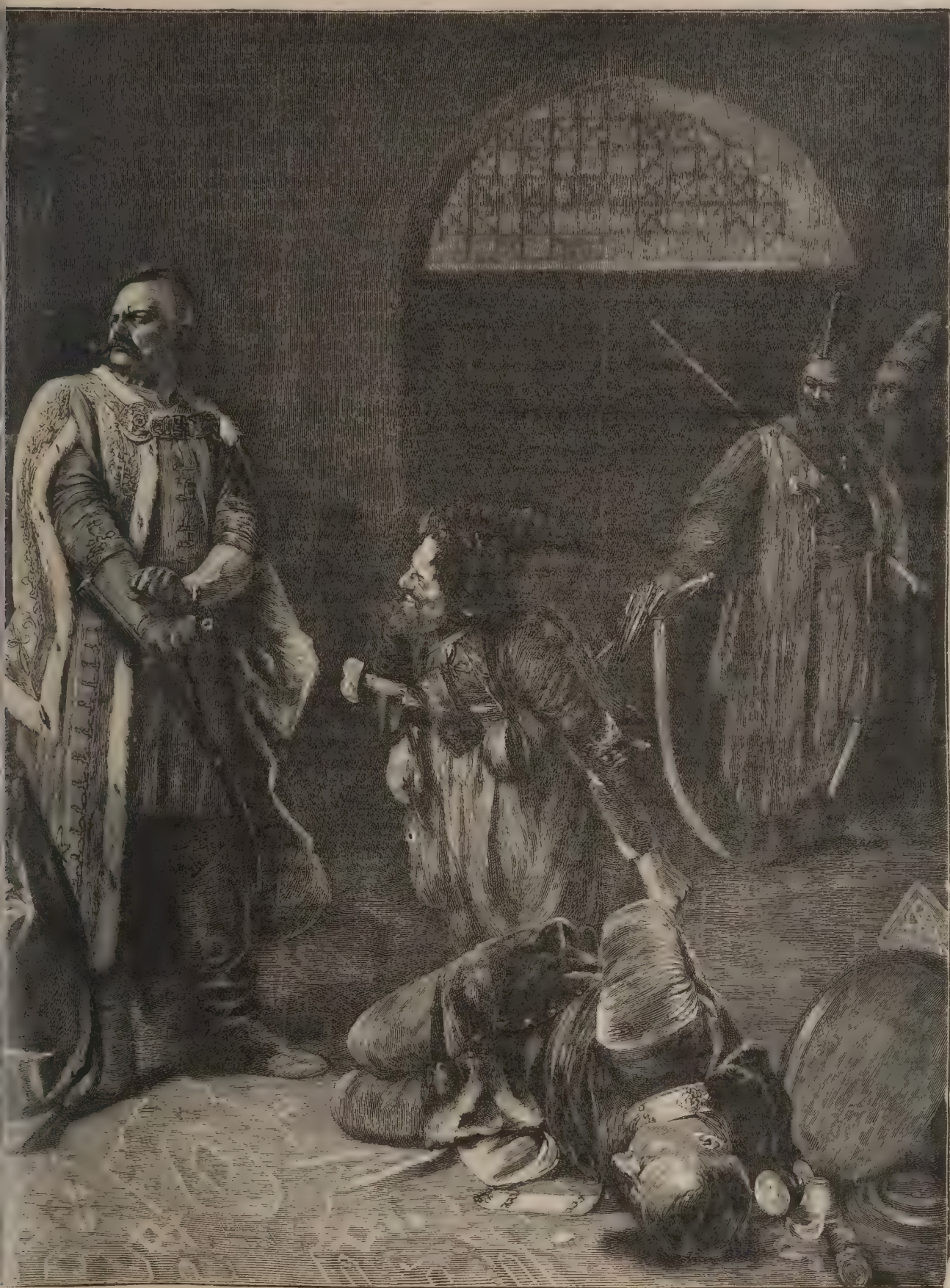
— Те-то... «Въ писаніи...» Смотри у меня, держи ухо востро... Ночью такимъ образомъ будешь сторожить. Вотъ тутъ, рощей, до пруда, тамъ гumno обойдешь и вокругъ дома... Мальчишка тебѣ укажетъ дорогу!—обводилъ генералъ указательнымъ пальцемъ, украшеннымъ драгоценнымъ перстнемъ...—А то изъ рощи у меня тоже два дерева украли. Иди.

Аггей поклонился снова генералу и направился въ кухню, гдѣ экономка приказала его покормить, но Аггею, несмотря на то, что онъ во весь день съѣлъ только корочку хлѣба по дорогѣ, ѣда какъ-то не шла на умъ. Слова Семена и Авдотьи гвоздемъ засѣли у него въ головѣ. Все это, въ связи еще съ кое какими соображеніями, казалось ему похожимъ на правду, но одного слова Афросиньи достаточно было бы, чтобы разсѣять эту подозрительность, вотъ почему Аггей тоскливо ждалъ возвращенія своей жены и поминутно заглядывалъ въ окно. Онъ не столько опасался за свое семейное благополучіе, сколько за душу Афросиньи. Ему было-бы горько и мучительно за нее, если бы только она и вправду грѣшила и обманывала его. Онъ отно-

ФЕССОРА В. ШРАММА.

ное Обзоръ Н. Геданъ въ Лейпцгъ.

въ плѣну у турокъ.

сился къ ней не какъ мужъ, а скорѣе, какъ отецъ. Три года тому назадъ онъ женился на Афросиньѣ изъ жалости, потому что опозоренная какимъ то молодымъ и, беременною, выгнанная изъ чужого дома, она умерла бы съ голода и съ холода, если бы онъ не прикрылъ ея грѣхъ. Ребенокъ родился мертвымъ, — но Афросинья тогда-же поклялась быть вѣрной мужу, какъ собака, и дѣйствительно, первое время безупречно выполняла свою клятву.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ дядя Аггей былъ отправленъ обществомъ въ городъ по мірскому дѣлу. Дома вѣсть было нечего, и Афросинья нанялась въ услуженіе къ генералу Срывалину, гдѣ пребывала и доселѣ.

Дядя Аггей поглоталъ щецъ и вышелъ на крыльцо.

— Что, сударку свою посматриваешь? — весело обратился къ нему Семень. — Пришла она сейчасъ. Тебя, чай, дожидается.

— А развѣ вѣдомо ей, что я здѣсь? — встрепнулся Аггей.

— Я ее оповѣстилъ, какже! — загоготалъ Семень.

«А она и не пошла ко мнѣ», — съ горечью подумалъ дядя Аггей. — «Знать и вправду совѣсть не чиста». — И разспросивъ, гдѣ Афросинья уголь, Аггей направился къ ней.

Афросинья занимала въ барскихъ покояхъ полутемный чуланчикъ, въ которомъ стояла ея кровать, деревянный сундучекъ, облѣпленный картинками, табуретъ и столикъ съ осколкомъ зеркала. Когда она услышала отъ Семена о томъ, что пришелъ ея мужъ, она побѣлѣла, какъ бумага, и бросилась къ себѣ.

Засвѣтивъ жестяную лампочку, Афросинья схватила зеркало и стала всматриваться въ свое лицо, какъ будто хотѣла убѣдиться, что на немъ не осталось слѣдовъ преступнаго свиданія, съ котораго она только что возвратилась.

Зеркало отразило молодое красивое лицо съ большими, не то испуганными, не то смущенными темными глазами, обведенными тонкими, полукруглыми, далеко расходившимися бровями. Волосы ея, мягкіе и пушистые, были слегка растрепаны и падали на загорѣлый низкій лобъ и маленькія, какъ двѣ бабочки, уши. Афросинья слегка вздрагивала порою и торопливыми путавшимися руками поправляла свою кричescu и не разъ проводила ладонями по горѣвшему лицу, точно стараясь разгладить его и охладить отъ недавнихъ поцѣлуевъ. Съ минуты на минуту собиралась она побѣжать въ кухню, но что-то тяжелое, свинцовой гирей лежавшее на ея сердцѣ, падало въ ноги, холодило ихъ и удерживало ее на мѣстѣ. Сердце Афросиньи, стараясь освободиться отъ этой тягости, то тревожно билось, то замирало, и она почти вслухъ повторяла сухими губами: «Господи, ну, какъ ему все рассказали! Ну, какъ ему все рассказали!» Эта мысль вызывала въ ней не страхъ, а стыдъ. Она больше всего боялась не того, что онъ станетъ упрекать ее въ невѣрности, а что она сама не выдержитъ и расскажетъ ему все, все: и какъ она долго боролась съ лукавымъ искушеніемъ и — какъ, наконецъ, не выдержала и вступила въ грѣховную связь съ сыномъ управляющаго.

«Господи! Прости и помилуй!» — вѣ себя шептала Афросинья, и, рѣшившись, наконецъ, идти, съ строгимъ лицомъ и стиснутыми на груди руками, встала съ мѣста. Но въ это время въ корридорѣ послышались знакомые, тяжелые шаги. Афросинья вздрогнула. Строгое выраженіе сразу пропало съ ея лица, она пугливо взглянула въ уголь, гдѣ висѣлъ стертый образокъ съ бумажнымъ цвѣткомъ, съ лампадкой и подвѣшеннымъ внизу сахарнымъ яичкомъ, почернѣвшимъ отъ пыли и засиженнымъ и извѣденнымъ мухами, помядѣла и въ безсильи, какъ подкошенная, опустилась на постель.

Дядя Аггей появился на порогѣ. Афросинья его фигура почему-то показалась необыкновенно выросшей и большою.

— Здравствуй, Фрося, — ласково обратился къ ней Аггей, перекрестившись на образъ.

У Афросиньи отъ этого ласкавого привѣта кровь бросилась въ голову и къ вискамъ, но чтобы не дать ему этого замѣтить, она проворно встала съ мѣста и трижды, крестъ-на-крестъ, поцѣловалась съ мужемъ.

Онъ молча смотрѣлъ на нее. Афросинья отошла въ уголь, сѣла на табуретку около столика и, стараясь открытымъ взоромъ встрѣтить его взоръ, проговорила, какъ могла ласково: — Садись.

Аггей молча сѣлъ на краешекъ табурета.

— Ты зачѣмъ сюда? — спросила Афросинья, чувствуя необходимую потребность что-нибудь сказать, потому что молчаніе давило ее.

— Дома больно плохо. Вѣсть нечего. Въ сторожа пришелъ найматься.

— Нанялся?

— Нанялся.

Она покрутила концы своего розоваго платка, накинутаго на плечи, опустивъ къ груди голову: ей было страшно взглянуть въ его ясные, голубые глаза. Она боялась, что ея преступная душа отразится въ этихъ глазахъ, какъ въ зеркалѣ. Ей ужъ и то казалось, что они видятъ ее насквозь и жгутъ своимъ наивнымъ, чистымъ блескомъ.

— Ты что-же давно вѣсточки о себѣ никакой не давала? — спросилъ ее Аггей.

«Начинается!» — подумала Афросинья, но еще не отнимая головы отъ груди, сказала неровнымъ голосомъ:

— Оказіи не было... А что?

— Ничего, — равнодушно отвѣтилъ Аггей. — Думалъ, ужъ здорова-ли?

Но въ этомъ простомъ отвѣтѣ Афросинья почувствовалась нѣчто другое. Она сперва покраснѣла, потомъ поблѣднѣла, для чего-то завязала быстро узломъ вокругъ шеи концы платка и вдругъ, точно собравшись съ силами, какъ будто въ отчаяніи взмахнула своимъ длиннымъ рѣсницами и, широко открывъ свои темные, глубокіе глаза, не своимъ голосомъ проговорила, глядя и вмѣстѣ съ тѣмъ не глядя на мужа:

— Можеть тебѣ наболтали здѣсь что про меня?

Онъ не отвѣчалъ, и она порывисто продолжала:

— Тутъ народъ злыдни; такъ и нарочитъ очернить другъ-друга. Говори, ежели что слышалъ? — вызывающе закончила Афросинья.

Аггей удивленно на нее посмотрѣлъ и, потупивъ глаза, точно считая себя виновнымъ, отвѣчалъ тихо:

— Болталъ тутъ народъ... негоже...

— А ты и радъ былъ повѣрить? — злобно подхватила она и искося на него посмотрѣла.

— Чего мнѣ радоваться? Радости тутъ мало, — также тихо возразилъ Аггей.

Она не нашла, что отвѣтить на это замѣчаніе и вдругъ расплакалась. Аггей растерялся отъ неожиданности и сталъ испуганно утѣшать жену.

— Врутъ они все... — сквозь слезы вырывалось у Афросиньи. — Злы они все... Зависть ихъ беретъ, что господа милостивы ко мнѣ, вотъ они и плетутъ нивѣсть что... А я передъ иконою готова поклясться, что ничею худого не дѣлала... Вотъ... — почти выкрикнула она, обращая полные слезъ глаза въ передній уголь... — Вотъ, пусть меня...

Но Аггей не далъ договорить ей и вволнованно прервалъ ее, какъ ребенка:

— Что! ты Что ты... Ласточка... Господь съ тобою... Грѣхъ божитья...

Не останови ее мужъ, Афросинья дала-бы самую страшную клятву въ своей невинности. Ей уже самой казалось, что весь ея грѣхъ только нехорошій сонъ... не больше. Остановленная, она сразу опомнилась и опять принялась плакать.

Наконецъ, Аггей почти успокоилъ ее, хотя и былъ до глубины души смущенъ этой странной вспышкой, въ которой ему чужилось что-то недоброе. Афросинья замолкла и еле-еле отвѣчала на его разспросы о господахъ и прочихъ обиходныхъ предметахъ... Аггей сообразилъ, что ему пора уходить и, попрощавшись съ женой, пошелъ къ управляющему за ружьемъ.

Когда Афросинья осталась одна, ею овладѣло глубокое отчаяніе. Она упала передъ образомъ и, ломая руки, съ рыданными повторяла: «Матушка Владычица, Пресвятая Богородица, прости меня, прости меня недостойную! Опуталъ меня лукавый... Помоги мнѣ, спаси меня, научи меня избавиться отъ него! Замолю я свой грѣхъ, въ монастырь пойду, на Афонъ пойти общаюся, только помоги мнѣ разлюбить его!»

Она долго еще молилась предъ иконою, судорожно сжимая руки и ссохшимися дрожащими губами повторяя безсвязную, но жаркую молитву.

Эта исповѣдь успокоила Афросинью. Она рѣшила, наконецъ, что у нея теперь достаточно силъ, чтобы порвать свою преступную связь. Нынче ночью сынъ управляющаго велѣлъ ей придти на гумно. Она общала. Теперь это общаніе волновало ея мысли. Она хотѣла сразу положить всему конецъ: не пойти, да и только. Сразу обрѣзать. Но какой-то неутолимый голосъ звалъ и искушалъ ее. Голосъ этотъ побѣдилъ. Тогда Афросинья ухватила за послѣднюю соломку... «Пойду, пусть пойду... въ послѣдній разъ... пойду и скажу ему, чтобы онъ отсталъ отъ меня... забылъ меня... что совѣсть меня замучила... Что нѣтъ моей силушки грѣшить. А потомъ... потомъ во всемъ спокоюсь передъ мужемъ... Онъ проститъ меня... Онъ добрый... добрее всѣхъ... Его въдесятеро грѣшнѣе обманывать...»

И, отеревъ свои влажные еще отъ слезъ глаза, Афросинья снова взяла зеркальце

и стала поправлять безпорядочно разсыпавшіеся волосы.

Покачивая сомнительно головой и нерѣшительно ступая съ ноги-на-ногу, дядя Аггей вышелъ на дворъ и направился къ флигелю управляющаго: ему пора было взвиться за свое дѣло. Уже вечеръ погасъ. На потемнѣвшемъ небѣ, точно бриллиантовые брызги, заискрились звѣзды. Семенъ водилъ по двору разсѣдланную всѣгнѣнную лошадь: на ней только что прѣѣхалъ сынъ управляющаго... Съ деревни доносился лѣнивый собачій лай и прерывистая пьяная пѣсня. При видѣ Аггея, Семенъ мигнулъ ему на лошадь, потомъ на флигель управляющаго. Аггей отвернулся. На порогѣ флигеля онъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ высокимъ румянымъ молодцомъ въ лакированныхъ сапогахъ и полотняной вышитой рубахѣ. Это и былъ сынъ управляющаго. Онъ уже, очевидно, былъ увѣдомленъ о приходѣ Афросиньи мужа и, насмѣшливо оглядывая его влажными голубыми глазами, вышелъ на дворъ, откуда скоро до Аггея донесся его мягкій, пѣвучій грудной голосъ, отдававшій заботливыя приказанія относительно коня. Аггей посмотрѣлъ ему вслѣдъ, тяжело вздохнулъ и пошелъ къ управляющему за ружьемъ и колотушкой.

Получивъ и то, и другое, да вдобавокъ бойкаго мальчишку для ознакомленія съ мѣстоположеніемъ господской усадьбы, Аггей, вооруженный, вышелъ наружу.

Усадьба генерала Срывалина лицевымъ фасадомъ своимъ выходила въ поле. Позади дома былъ огорокъ. Слева къ ней примыкало гумно и рига, справа — роца. Провожая Аггея черезъ эту роцу, мальчишка боязливо держался за его руку. Огромныя деревья, густыя и молчаливыя, стояли по обѣимъ сторонамъ точно заколдованное войско гигантовъ. Сквозь вѣтви ихъ, сверху проблескивали звѣздочки. Пахло сыростью, грибами, крапивой... Мракъ здѣсь точно сговаривался съ деревьями о чемъ-то страшномъ и преступномъ. Казалось, что какія-то безглазые чудовища притаились со всѣхъ сторонъ и стерегли кого-то. Хрустнеть вѣтка — и все вокругъ наполняется таинственнымъ шорохомъ, точно заговорщики смущенно перешептываются между собою.

Дядя Аггей чувствовалъ, какъ торопливо мальченко тащить его по аллеѣ, но съ непривычки онъ осторожно и медленно ступалъ по незнакомой дорогѣ: ему казалось, что вотъ-вотъ въ темнотѣ онъ провалится въ какую-то бездонную яму. Вдругъ онъ увидѣлъ впереди, на поворотѣ, бѣлую полосу, и одновременно почувствовалъ, что воздухъ сталъ еще влажнѣе и сырѣе. Мальчишка пугливо прижался къ нему. Они прошли еще нѣсколько шаговъ впередъ, и дядя Аггей услышалъ рѣдкіе всплески воды, а затѣмъ — тоскливое шуршанье камышей.

— Это прудъ? — спросилъ онъ мальчишку.

— Прудъ, — чуть слышно прошепталъ тотъ.

Парень вплотную подходилъ къ пруду. Налѣво отъ плотины, въ избушкѣ мельника горѣлъ огонекъ. Кое-гдѣ прудъ заросъ камышами, водорослями и зеленою

мѣстами берегъ былъ обрывистый, вода подъ нимъ была чистая, и здѣсь чувствовалась большая глубина. Дядя Аггей хотѣлъ остановиться около пруда, но мальчишка боязливо потянулъ его въ сторону, бормоча:

— Идемъ, дяденька... Христа ради, идемъ отсель скорѣе.

— Да чего ты боишься, глупышъ? — спокойно спросилъ его дядя Аггей.

— Нечисто здѣсь, дяденька... Утопленница у насъ тутъ есть... Года съ два утопла. Мариска съ «Зеленыхъ межей». Съ тѣхъ поръ кажущую ночь на берегъ выходитъ, волосы чешетъ, да по пруду плаваеетъ... Ай! — вскрикнулъ вдругъ мальчишка и бросился бѣжать къ опушкѣ.

«Почудилось, видно, ему», — подумалъ Аггей и взглянулъ на прудъ.

Изъ-за рощи, перекинувшейся на другую сторону пруда, точно призракъ выплылъ блѣдный мѣсяцъ, отразился въ пруду среди камышей, и это отраженіе, очевидно, напугало мальчишка.

«Господи Іисусе Христе», — набожно прошепталъ старикъ... На него также пахнуло отъ этого безмолвнаго пруда чѣмъ-то таинственнымъ и страшнымъ. Онъ быстро пошелъ по аллеѣ къ опушкѣ, гдѣ его уже ожидалъ мальчишка и, покосившись на прудъ, обогнулъ огорокъ и гумно, и пришелъ опять на прежнее мѣсто въ роцу.

Мѣстоположеніе, такимъ образомъ, ему стало извѣстно, и съ ружьемъ за плечами и съ колотушкой въ рукахъ, онъ пошелъ въ обходъ, наполняя воздухъ, точно горехомъ, сыпавшимся дробью деревянной колотушки. Въ отвѣтъ ему съ деревни лаяли собаки и недовольно шумѣла разбуженная этими сухими звуками роца.

Аггей уже разъ пять успѣлъ обойти усадьбу, не встрѣтивъ ничего подозрительнаго. Каждый разъ, проходя мимо пруда по роцѣ, онъ съ невольной боязнью всматривался въ него, но прудъ таинственно молчалъ, завороченный луннымъ свѣтомъ, точно, дѣйствительно, таилъ въ себѣ какую-то ужасную тайну. Даже камыши перестали шуршать и не плескалась рыба. Было такъ тихо, что слышалось, какъ вода просачивалась сквозь плотину и, звеня, падала въ омутъ. Мельница тоже молчала, точно заколдованное чудовище, и, невольно подчиняясь этому всеобщему молчанію, сторожъ опустил свою колотушку. Такимъ образомъ, молча обогнувъ огорокъ, онъ пошелъ около плетня, окружавшаго гумно, и вдругъ замѣтилъ двѣ тѣни, мелькнувшія по направленію къ овину. Аггей невольно схватился за ружье и сталъ красться около плетня, по направленію къ овину, куда скрылись тѣни. «Затѣмъ только онъ скрылся туда? Вѣрно, верно тамъ ссыпано...» подумалъ сторожъ и, подкравшись къ овину, сталъ прислушиваться.

— Бѣдная моя головушка! — шепталъ женскій голосъ: — погубилъ ты меня... Околдовалъ ты меня... Зелемъ опоилъ... Затѣмъ-ли я явилась къ тебѣ, чтобы грѣшничку?

— Будетъ тебѣ ханжичить-то!.. — съ легкой досадой отвѣтила молодой мужской голосъ, и вслѣдъ затѣмъ раздался звучный поцѣлуй.

Но Аггей не могъ разобрать этого шепота, потому что въ ушахъ у него зве-

нѣло, и стукъ своего собственнаго сердца казался ему сильнѣе шепота.

Повинуясь какому-то безотчетному влеченію, онъ дрожащими руками нащупалъ въ карманѣ спички и, внезапно появившись у открытой двери овина, чиркнулъ спичкой по коробку... Двѣ тѣни метнулись въ разныя стороны, одновременно послышался слабый женскій крикъ, и блѣдный свѣтъ спички озарилъ забившуюся въ уголокъ Афросинью.

Глаза ея были широко открыты, и въ нихъ свѣтился животный ужасъ. Блѣдныя, искривленныя губы дрожали. Она вся съежилась, какъ лисица, которой больно прищемилъ ногу кашканъ и она при видѣ охотника старается пританиться, чтобы не быть замѣченной.

Спичка погасла. Аггей совѣтъ не замѣтилъ парня, хотя тотъ стоялъ посреди овина. Внутри овина опять воцарилась темнота, но Аггею все еще казалось, что испуганные глаза Афросиньи фосфорическимъ свѣтомъ блестятъ изъ угла, точно она исчезла, и остались на ея мѣстѣ только одни эти, проникнутые ужасомъ глаза. Аггею стало невыразимо жалъ ее, но у него помимо воли сорвался укоръ:

— Эхъ ты! А еще передъ образомъ кланялась... Грѣхъ.

Вслѣдъ за этими словами послышалось хрустѣнье соломы и удалявшіеся отъ овина шаги.

Въ овинѣ слышно было прерывистое дыханіе Афросиньи: она какъ стояла, такъ и не шевельнулась въ углу...

Парень повернулся къ двери и высунулъ наружу свою бѣлокурую, кудрявую голову. Въ лунномъ свѣтѣ русые кудри его точно покрылись инеемъ.

— Слава Создателю, унесло! — облегченно вздохнувъ, произнесъ онъ... — А я ужъ думалъ, что застрѣлитъ. Съ ружьемъ тоже! — презрительно скрививъ губы, закончилъ молодецъ и дѣлanno засмѣялся.

Вдругъ Афросинья сорвалась съ мѣста и чуть не сбила въ дверяхъ его съ ногъ. Не успѣлъ онъ еще оцѣниться, какъ она бросилась вслѣдъ удалявшемуся Аггею, за которымъ слѣва тянулася длинная тѣнь по росистой травѣ.

— Куда ты? — бросилъ ей въ догонку парень.

Но она не слышала его и, какъ стрѣла, полетѣла впередъ.

— Подожди, сумасшедшая... дура... — Но Афросинья ничего не слышала. — Ну и чертъ съ тобой, если такъ... — кинулъ онъ ей въ догонку и беззаботно встряхнулъ кудрями. — Нашкодила, а теперь и бѣсится.

И, кое-какъ нащупавъ въ темнотѣ овина валявшуюся фуражку, онъ ухарски заломилъ ее на бокренъ и съ видомъ привычнаго къ побѣдамъ. Донъ-Жуана, твердо ступая на свои упругія стройныя ноги, обутыя въ лакированныя сапоги, блестяшіе при лунѣ, онъ направился въ усадьбу... спать.

Между тѣмъ, Афросинья скоро настигла своего мужа. Перегородивъ ему дорогу, она бросилась передъ нимъ на колѣни и безъ слезъ, безъ плача, обхвативъ его ноги, забормотала жаднымъ, прерывистымъ шепотомъ:

— Убей меня... убей... Провинилась я и передъ Богомъ и передъ тобой... убей...

— Господь тебѣ судья, — тихо отвѣтилъ Аггей.

— Прости и убей... Все равно, уже не жить мнѣ послѣ этого на свѣтъ... Прости и убей... — быстро и часто повторяла она, точно у нея и не было уже другихъ словъ. Эта мольба вырывалась у нея какимъ-то сдвоеннымъ хрипѣньемъ... Ея тяжелыя черныя

«Успокойся», — не безъ горечи подумалъ онъ и направился къ рощѣ.

Прудъ загадочно блестѣлъ подъ луннымъ свѣтомъ, точно чего-то ждалъ, и камыши снова шуршали что-то тоскливое и странное. Сторожу вдругъ стало не по себѣ. Онъ

снова подходилъ къ пруду, ему послышался издали какъ бы слабый стонъ и всплескъ воды, точно чьи-то тяжелыя крылья били по ея поверхности. вмѣстѣ съ суевѣрнымъ ужасомъ, страшное подозрѣніе мелькнуло въ умѣ Аггея. Это подо-

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ 1896 ГОДА.

«Швея». Съ картины художн. баронессы М. И. Паленъ.

косы разметались и покрывали блѣдное лицо и плечи точно трауръ.

— Господь проститъ, — тихо повторилъ Аггей... — Вольному воля, спасенному рай... А я тебѣ не судья, — добавилъ онъ и, освободивъ свои ноги изъ ея цѣпью сомкнувшихся рукъ, пошелъ къ рощѣ, оставивъ Афросинью распростертой на травѣ, блестѣвшей брилліантами подъ лунными лучами. Окруживъ усадьбу и проходя вторично по этому мѣсту, Аггей уже не нашелъ здѣсь своей жены.

отвелъ глаза отъ его стеклянной поверхности, напоминавшей глаза мертвеца, отвелъ глаза и вдругъ ему показалось, что кто-то мелькнулъ межъ кустовъ у обрыва.

«Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!» — въ страхъ прошепталъ Аггей. — «Экое мнѣ померещилось... Не даромъ говорятъ, что нечисто здѣсь...»

И, продолжая торопливо шептать молитву, онъ на этотъ разъ пошелъ не рощей, а опушкой.

Когда, почти передъ разсвѣтомъ, онъ

зрѣніе перебороло ужасъ и, стараясь звуками колотушки заглушить страхъ, онъ почти побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ на обрывѣ недавно мелькнула ему чья-то тѣнь.

Но прудъ молчалъ холодно и таинственно, точно взоръ мертвеца, и только около камышей расходилась загадочная рябь и камыши шептались между собою въ какомъ-то подавляющемъ ужасѣ.

А. Ѳ. доровъ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Е. МЕЦМАХЕРЪ.

Съ натуры.

ВЪ СТЕПИ.

Мертвой степью, завѣянной снѣгомъ,
Въ холодъ зноимъ и паромъ дыша,
Мчится поѣздъ стремительнымъ бѣгомъ,
Все впередъ торопливо спѣша.

Лышетъ въ тѣмъ огненное пламя,
Разсыпаюся искры огнемъ,
И летитъ, разбѣваясь, какъ знамя,
Къ небу дымъ, возносясь съ торжествомъ.

Вьются клубы гигантской змѣей,
Разстилаются слѣдомъ въ пути,
Гдѣ ни крова подъ дымкой сѣдою,
Ни нощлега въ степи не найти.

Только пустыри бѣлой дорогой
Блещутъ искрами снѣжной парчи,
Только стрѣлами мѣсяцъ двурогій
Разсыпаетъ съ лазури лучи.

Воздухъ, сквашенный мертвымъ морозомъ,
Налитъ блещущей синею мглой,
И, въ бросаемый дымъ паровозомъ,
Внеситъ пламя каскадъ золотой.

И въ глуши разостлавшейся степи,
И въ безлюдіи мертвыхъ равнинъ,
Словно узникъ, закованный въ цѣпи,
Мчится съ грохотомъ поѣздъ одинъ.

И, уйдя отъ волненія къ безлюдью,
И уснувъ подъ дыханіемъ вьюгъ,
Степь вздыхаетъ встревоженной грудью,
Въ мертвой тѣмѣ хороня свой испугъ.

Леонидъ Афанасьевъ.

МѢДНАЯ ДОЩЕЧКА.

(Поэма въ прозѣ).

МНѢ привелось разъ быть въ одномъ изъ жилищъ нищеты и страданій, призракъ котораго навсегда запечатлѣлся въ моей памяти. Сѣроватая, грязная, изъѣденная сыростью стѣна, сѣровато-блѣдная изборожденная пуждой и порокомъ лица; тускляя, покрытая слоемъ копоти и грязи, едва пропускающая свѣтъ, окна, — тускляе, тупо смотрящія, не отражающія ни малѣйшаго признака внутренней жизни глаза; давно не топленный, холодный и мрачный, какъ могила, очагъ, — давно не согреваемый ни любовью, ни надеждой, не болѣе теплый и не болѣе свѣтлый, чѣмъ могила, сердца, — все такъ страшно гармонировало одно съ другимъ, все заставляло содрогаться, какъ царившая надъ всѣмъ этимъ сырая, холодная, гнетущая, мутно-сѣрая полутьма, какъ все это покрывавшая, не поддающаяся никакому описанію грязь. Въ одномъ изъ угловъ этого жалкаго жилища угасала, какъ гаснетъ лучъ заходящаго осенняго солнца, не вызывая ни чьего сожалѣнія, жизнь никому ненужнаго, всѣмъ чужого, никогда не знавшаго отца и брошеннаго матерью ребенка, мальчика лѣтъ семи. Прикованный несокрушимой цѣпью немощи къ грязному углу сырого подвала, маленький страдалецъ умиралъ не зная ни любви, ни ласки, умиралъ, не слыша ни отъ кого ни одного слова участія или ободренія, ничья

заботливая рука не старалась, хотя сколько нибудь, облегчить его страданія, а улыбка счастья не сходила съ его худого, измученнаго личика, большіе голубые глаза его смотрѣли такъ радостно, какъ будто между нимъ и свѣтлымъ Божьимъ міромъ, который онъ такъ любилъ, не было этихъ страшныхъ, покрытыхъ грязными язвами стѣнъ, какъ будто его не окружали люди такіе же страшные, такіе же грязные, такіе же холодные, какъ и эти стѣны. Что же дѣлало этого бѣднаго, всего лишеннаго ребенка счастливымъ? Что помогало ему страдать, улыбаясь? Какъ могъ онъ смотрѣть такъ радостно, когда все, что было передъ его глазами, вызывало ужасъ и отвращеніе? Что? — небольшая, ярко вычищенная мѣдная дощечка, съ которой, какъ мнѣ сказали, онъ не разставался ни на минуту, которую даже ночью не выпускалъ изъ рукъ. Она помогала ему не видать окружающаго. Онъ чистилъ ее своими слабыми руками, любовался ею по цѣлымъ днямъ, называлъ ее своимъ солнышкомъ и увѣрялъ, что когда онъ на нее смотритъ, ему и тепло, и свѣтло, и весело, и слышится, какъ птички поютъ, и видится большой, большой садъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Судьба бросала меня изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, сталкивала меня съ людьми всевозможныхъ національностей и сословій; я объѣхалъ полъ-свѣта; я много видѣлъ, много наблюдалъ, много пережилъ и пришелъ къ тому убѣжденію, что въ жизни каждаго человѣка есть своя, болѣе или менѣе ярко выраженная, мѣдная дощечка и что радости и муки людей зависятъ отъ большого или меньшаго умѣнья согрѣваться ея холоднымъ блескомъ, какъ лучами солнца, и видѣть и слышать, при помощи ея, то, что намъ нужно, а не то, что есть въ дѣйствительности.

Я зналъ человѣка, который, послѣ продолжительной нервной болѣзни, сталъ видѣть простыми глазами съ тою ясностью, какая обыкновенно возможна только при помощи сильнаго микроскопа. Несчастный умеръ отъ голода, потому что съ ужасомъ отталкивалъ отъ себя всякую пищу. Худой, съ искаженнымъ страшными муками лицомъ, съ дикими, безумными, лихорадочно горящими впалыми глазами, онъ съ мольбой протягивалъ къ окружающимъ его людямъ свои изсохшія руки и надрывающимъ душу голосомъ просилъ дать ему воды и хлѣба, а когда ему подавали просимое, приходилъ въ страшную ярость и, осыная проклятіями того, кто исполнялъ его желаніе, кричалъ:

— Я просилъ хлѣба, я просилъ воды, а ты мнѣ что даешь!! Что!!

Не пришлось ли бы каждому изъ насъ испытывать подобныя же нравственныя муки, если бы то, къ чему мы стремимся, чего желаемъ, что любимъ, не освѣщалось волшебнымъ блескомъ мѣдной дощечки? Уморившій себя голодомъ, слишкомъ ясно видѣвшій страдалецъ былъ признанъ помѣшаннымъ, хотя то, что онъ видѣлъ въ отвергаемой имъ пищѣ не принадлежало никакому образомъ къ области фантазій. Онъ былъ помѣшанъ, потому что утратилъ присущую всѣмъ людямъ способность или не замѣчать дѣйствительности, или видѣть ее видоизмѣненною магическимъ блескомъ мѣдной дощечки. Дощечки необходимы для счастья людей и играютъ огромную роль, какъ въ жизни отдѣльных личностей, такъ и въ жизни народовъ.

О. Леваневскій.

НЕУДАВШІЙСЯ ГЕНІЙ.

Разсказъ У. Норриса.

Въ одно жаркое, ясное іюньское пополудни лэди Сорпъ, прелестная молодая женщина, настоящій типъ истинной саксонской красоты, выскользнула изъ студии мистера Эдгара Пэннента въ Челси и съѣла въ бругамъ, около получаса ждавшій ее. Ее сопровождала горничная, на обязанности которой лежало оправлять туалетъ лэди, когда художникъ писалъ съ нея портретъ, и одновременно отчасти играть роль скромной дуэни. До экипажа молодую женщину провожалъ самъ артистъ, стройный, красивый молодой человѣкъ, съ большими, мягкими карими глазами и небольшой бородкой, которому въ это время вся лондонская знать поклонялась.

— Обыкновенно, конца ждешь съ нетерпѣніемъ, — замѣтила лэди Сорпъ, протягивая артисту руку, затянутую въ перчатку, — а когда конецъ наступаетъ, жалѣешь объ этомъ. Мнѣ кажется, я много капризничала, — а сказать правду, вы также... но между нами, мы успѣли и произведемъ впечатлѣніе, да?

— О, я надѣюсь, — отвѣчалъ онъ, глядя на нее, — по крайней мѣрѣ, что касается сходства, оно несомнѣнно. Но, мнѣ тоже очень жаль, что сеансы кончились... и подозреваю, что сожалѣю объ этомъ гораздо больше, чѣмъ вы, — рискнулъ онъ прибавить, помолчавъ минуту, пока она разсматривала небольшую записную книжку.

Она не подняла глазъ и не отвѣчала, онъ продолжалъ:

— И вы пріѣдете въ среду и будете хозяйкой на моемъ скромномъ вечерѣ?

— Скромный вечеръ, на которомъ должны присутствовать владѣтельные особы? — возразила она, смѣясь и сверкая глазами. — Конечно, я буду! Я не хочу, чтобы подумали, что я не приглашена.

Она уѣхала, и Эдуардъ Пэннентъ, глубоко вздохнувъ, вернулся въ свою обширную мастерскую, съ ея отъѣздомъ она показалась ему такой пустой и холодной. Онъ задумчиво остановился передъ полотномъ, изъ котораго выступалъ живыми красками портретъ этой прелестной вдовствующей виконтессы. Сходство было замѣчательное; поза, улыбка, широко-открытые ясные голубые глаза несомнѣнно были ея, но исполненіе, какъ вообще во всѣхъ его картинахъ, было причудливо и неопредѣленно, и нельзя сказать, чтобы онъ самъ былъ доволенъ.

— Это лэди Сорпъ, но не въ ея лучшія минуты; она, можетъ быть, будетъ такою, но далеко не теперь, благодаря Богу! — разбиралъ онъ свою работу.

Онъ навѣрное не сталъ бы себя такъ безпощадно критиковать, если бы съ первыхъ же сеансовъ не влюбился столько же страстно, сколько и безнадежно въ свой оригиналъ. Конечно, она относилась къ нему дружески, и онъ былъ по рожденію джентльменъ, но все же она была знатная лэди, а онъ только фешенебельный художникъ... Онъ бросился въ большое кресло и вынулъ изъ кармана газету, доставленную ему въ это утро какимъ то добрымъ пріятелемъ, взявшимъ на себя трудъ отмѣтить синимъ карандашомъ мѣсто, на которое желалъ обратить вниманіе художника. «Мы видимъ всѣ признаки, — начиналась статья, — что мистеръ Пэннентъ дѣлается работъ чрезвычайной манерности». Далѣе говорилось, что постоянный

выборъ смѣшного и уродливаго мало обѣщаетъ для его будущей карьеры, что молодой художникъ не долженъ забывать, что ничто такъ скоро не надѣдаетъ публикѣ, какъ эксцентричность, что перепроизводство вызоветъ небрежность работы, и что онъ, слѣдовательно, не долженъ такъ дорого цѣнить свои портреты. Были еще болѣе частныя обвиненія, справедливость которыхъ, однако, художникъ безпрекословно призналъ.

— О, это вѣрно, совершенно вѣрно,—шепталъ онъ.—Я всегда зналъ, что къ этому должно рано или поздно придти. Я обманщикъ.

Онъ не былъ обманщикъ, онъ приобрѣлъ славу портретиста особой манерой работы, которая была въ своемъ родѣ прелестна, но представляла обширное поле для критики, благодаря его нервозности и чувствительности, всегда сильно мучившей его. Между тѣмъ, пока онъ читалъ газету, у его дверей находился человекъ, который былъ въ состояніи еще болѣе увеличить его разладъ съ самимъ собою. На карточкѣ, поданной Пэнненту, стояло—Юсифъ Когенъ. Это имя напомнило ему студенческіе годы въ Парижѣ, безумныя оргіи, при воспоминаніи о которыхъ онъ теперь покраснѣлъ, различныя собранія, митинги, на которыхъ красивый, смѣлый молодой еврей игралъ выдающуюся роль. Сказать правду, къ удовольствію неожиданнаго появленія стараго товарища примѣшалась мысль, что у банкира въ его распоряженіи находится весьма небольшая сумма. Можно брать большія суммы за свои портреты, но долго ждать ихъ полученія. Плохо одѣтый, но красиво сложенный человекъ, которому онъ дружески протянулъ руку, далеко не носилъ на себѣ слѣдовъ благополучія. Платье его было потерто, сапоги сбиты и нечищены. Но лицо его съ черными блестящими глазами и типичной, слегка иронической улыбкой, вполне сохранило свою замѣчательную красоту.

— И такъ ты сталъ знаменитостью!—замѣтилъ Когенъ, послѣ первыхъ взаимныхъ распросовъ. Онъ говорилъ по французски, хотя одинаково легко объяснялся чуть не на полудюжину языковъ.—Ты можешь быть всегда увѣренъ, что дѣлаешь хорошо! Посредственность, — прости мою откровенность, — ничѣмъ не рискуешь. Впрочемъ, нельзя не согласиться, что счастливое вдохновеніе внушило тебѣ идею обратитъ портретъ въ сатиру и заставлять людей восхищаться каррикатурой ихъ недостатковъ.

Онъ ходилъ по мастерской, разсматривая конченныя и неоконченныя произведенія, — вызывавшія не одинъ разъ восторгъ и похвалы авторитетовъ,—останавливаясь передъ каждымъ на минуту, и, наконецъ, разразился короткимъ, рѣзкимъ смѣхомъ.

— Что-же,—сказалъ онъ, кончивъ свой быстрый осмотръ и заложивъ руки въ карманы, я не отрицаю у тебя нѣкотораго таланта; но ты такъ-же хорошо знаешь, какъ и я, что это не имѣетъ никакого отношенія къ искусству. Умные фокусы, которымъ удалось завладѣть вниманіемъ минутъ, вотъ все, что можно сказать.

— Тѣмъ не менѣе произносились болѣе благоприятныя приговоры,—замѣтилъ Пэннентъ, съ любопытствомъ смотря на человека, котораго онъ зналъ, какъ хорошаго судью, нѣкогда не лстившаго.

— Мы знаемъ, чего стоятъ эти приговоры! Ты былъ счастливъ, другъ мой; ты по время приглашалъ газетныхъ критиковъ обѣдать;

у тебя были покровители, а главное,—покровительницы. При нынѣшнемъ строѣ общества онѣ необходимы. Но чтобы быть вполне честнымъ относительно тебя, я признаюсь, что я здѣсь съ дѣлю просилъ тебя доставить и мнѣ это покровительство.

Онъ быстро объяснилъ, что много лѣтъ прожилъ въ бѣдности, не выставивъ и не продавая ни одной картины, терпѣливо ожидая минуты, когда можетъ сразу подняться на высоту славы и богатства. Этотъ день близокъ,—онъ намѣренъ нанять помѣщеніе и выставить передъ восхищенной публикой — результаты своего неутомимаго труда. Но ему нужны знатные покровители и съ этой дѣлю онъ обращается къ Эдгару Пэнненту, у котораго много знатныхъ покровителей.—Его самомнѣніе было колоссально, онъ говорилъ о себѣ, какъ о самомъ великомъ геніи столѣтія.

— Я постараюсь сдѣлать для тебя все, что могу,—сказалъ, наконецъ, Пэннентъ,—въ среду вечеромъ у меня будетъ владѣтельная книжка Гогенфельса, которой портретъ я рисую...

— Знаю! И потому то я пришелъ къ тебѣ. Эта женщина баснословно богата; пригласи меня на свой вечеръ и представь ей.

— Но какъ же? Такихъ лицъ предупреждаютъ, кого они встрѣтятъ.

— Очень просто; ты пошлешь мою карточку ея камергеру. Мое имя теперь неизвѣстно, продолжалъ Когенъ,—но не пройдетъ году, всѣ будутъ считать за честь пожать мою руку.

Эдгаръ Пэннентъ былъ радъ, что эта будущая знаменитость не попросила у него денегъ.

Княгиня Гогенфельсъ была весьма извѣстная и замѣчательная особа. Она отличалась особою эксцентричностью, любила всевозможный спортъ. Получивъ разрѣшеніе рисовать ея портретъ, Эдгаръ сначала затруднился, какъ изобразить эту полную блондинку съ рѣзкими мужскими манерами. Наконецъ, онъ рѣшилъ изобразить ее окруженною атрибутами спорта и получилъ ея полное одобреніе. Не смотря на ея снисходительность, Эдгара сильно волновалъ вопросъ, какъ она взглянетъ на представленіе ей Юсифа Когена, отъявленнаго социалиста, и онъ рѣшилъ, какъ шибудь обойти этотъ вопросъ, что будетъ очень легко въ толпѣ гостей, тѣмъ болѣе что самъ онъ рѣшилъ посвятить весь вечеръ леди Сорпъ. Дѣйствительно, ему вполне удалось усадить княгиню подлѣ рояля, на которомъ игралъ извѣстный пьяненькій, и самому остаться подлѣ леди Сорпъ, восторгъ которой исполненіемъ музыканта не помѣшалъ ей осмотрѣть присутствующихъ и замѣтить увлекательную красоту Когена.

— Кто этотъ красавецъ?—спросила она, я увѣждена, что это выдающійся человекъ.

— Я не сомнѣваюсь,—сказалъ Эдгаръ, улыбаясь,—что онъ вамъ это самъ скажетъ; но пока никто. Его зовутъ Когенъ. Мы были товарищами въ Парижѣ. Онъ, кажется, имѣетъ намѣреніе сдѣлать выставку своихъ картинъ, чтобы насильно завладѣть общимъ вниманіемъ. Вы должны быть непременно въ числѣ патронессъ.

— Обязательно я буду покровительствовать ему,—заявила леди Сорпъ,—особенно, если его картины хотя немного похожи на него, онѣ должны быть увлекательны. Подите къ нему и представьте его мнѣ.

Эта просьба не могла быть исполнена, пока пѣвица, отъ контрольнаго голоса кото-

рой дрожали окна, не кончитъ своего романса, а въ это время Когенъ уже былъ погруженъ въ разговоръ съ княгиней. Кто-то исполнилъ церемонію представленія, которой такъ боялся Эдгаръ, и, судя по оживленію и веселой улыбкѣ знатной леди, можно было вывести заключеніе, что представленіе этого молодого человека было ей пріятно. Прервать ихъ разговоръ было нежелательно, да Эдгаръ и не желалъ этого особенно. Ему было гораздо пріятнѣе проходить по своей громадной мастерской рядомъ съ женщиной безнадёжно любимой, и слышать ея похвалы портретамъ, много разъ ею видѣннымъ. За ними слѣдовалъ цѣлый хвостъ дамъ и мужчинъ, въ назиданіе которымъ леди Сорпъ указывала на то, что составляло красоту и оригинальность работъ мистера Пэннента.

— Онъ изображаетъ насъ, какъ мы есть,—говорила она,—онъ не боится сдѣлать насъ некрасивыми, если мы некрасивы. Онъ прекрасно умѣетъ захватить удобную минуту. Мы можемъ быть недовольны, но не можемъ сказать, что онъ нарисовалъ каррикатуру.

Ея похвалы были очень пріятны художнику; и, сказавъ правду, похвалы такъ-же сильно приводили его въ восхищеніе, какъ критика въ отчаяніе. Несомнѣнно, что это была причина, заставившая его сказать въ подголоса:

— Когенъ говоритъ, что это умная ложь!

— Да?—спросила она быстро,—какая дерзость! Хотя честно! Чувствуя свою слабость, онъ не боится оскорбить силу. Представьте его мнѣ,—княгиня отпустила его.

Эдгару ничего не оставалось болѣе, какъ повиноваться, и съ чувствомъ, близкимъ къ ревности, онъ замѣтилъ, что весь остатокъ вечера этотъ самоувѣренный Когенъ занималъ леди Сорпъ. Впрочемъ, настоящею ревностью этого чувства нельзя назвать, потому что ея лордство принадлежало совсѣмъ къ другому міру, стоящему неизмѣримо выше всякихъ художниковъ, но это было раздраженіе и очень сильное. Она замѣтно была увлечена, и Эдгаръ услышалъ это изъ ея собственныхъ устъ.

— Вашъ пріятель болѣе чѣмъ увлекателенъ,—сказала она ему, прощаясь,—онъ увѣряетъ меня, что онъ геній, и я не могу не вѣрить, что онъ говоритъ правду. Я непременно пойду посмотрѣть его картины.

Княгиня, уходя, тоже сказала нѣсколько словъ о томъ же:

— Большой оригиналъ вашъ Когенъ! Я въ восторгѣ отъ него... Я ему обѣщала побывать въ его галлерей. Мнѣ очень хочется, какъ можно скорѣе, приобрести его расположеніе. Мнѣ также очень хочется сдѣлать и вамъ удовольствіе.

Обѣ эти рѣчи произвели на Пэннента весьма непріятное впечатлѣніе. Онъ понималъ ласковую внимательность княгини, но не понималъ внезапнаго расположенія леди Сорпъ. Такъ что, оставшись одинъ со своимъ бывшимъ товарищемъ, который пересидѣлъ всѣхъ гостей, онъ рѣзко сказалъ ему:

— Мнѣ было бы пріятно, Когенъ, если бы ты держалъ про себя твои превратныя теоріи! Тебѣ не было никакой надобности приходить сюда, но разъ ты пришелъ, ты не долженъ былъ забывать, что я отвѣчаю передъ своими гостями за поведеніе присутствующихъ.

Когенъ расхохотался.

— Не сердись такъ, ты, бѣдная игрушка знатныхъ барынь. Я знаю, что я могу и какъ слѣдуетъ обращаться съ твоими патронес-

ЗИМНЯЯ НОЧЬ.

Сонъ на землѣ воцаряется,
Пусто въ селѣ, тишина,
Странникъ одинъ пробирается...
Бъ дальній-ли путь, старина?

* * *

Въ Кіевѣ, къ Москвѣ бѣлокаменной
Или на самый Аѳонъ,
Движимый вѣрою пламенной,
Къ Божьимъ Святымъ на поклонъ?

* * *

Видно, исполненный битвою,
Полный невзгодъ и трудовъ,
Вѣкъ свой закончить молитвою
Божья дитя, ты готовъ.

А. Комаровъ.

«Зимняя ночь». Рисоваль художникъ М. Казанскій.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА И. ТВОРОЖНИКОВА.

«Хриета-ради».

сами, можетъ быть, даже лучше тебя. Онѣ сдѣлають для меня то, что мнѣ нужно; онѣ поддержать мою выставку и часть моей славы отразится на тебѣ, въ благодарности за небольшую услугу, которую ты мнѣ окажешь. Ты знаешь, что помѣщеніе даромъ получить нельзя и кромѣ того есть множество необходимыхъ расходовъ по устройству ея, перевозкѣ картинъ изъ Парижа; а попросить у тебя тысячу фунтовъ стерлинговъ, которые я тебѣ въ будущемъ году отдамъ съ процентами, не значить просить много.

— Тысячу фунтовъ?—вскричалъ Эдгаръ въ негодованіи,—отъ какого чорта хочешь ты, чтобы я досталъ тысячу фунтовъ? Я рѣшительно прошу тебя отказаться отъ этой мысли.

— Совѣтую тебѣ дать; я не желаю ссориться съ тобой, добрый Пэннентъ. Мнѣ нужна твоя помощь, и если ты мнѣ въ ней откажешь,—Когенъ приподнял плечи и развелъ руками,—я весьма полезный союзникъ и опасный врагъ,—договорилъ онъ.

— Ты нелѣпый идиотъ,—вскричалъ Эдгаръ, выведенный изъ терпѣнія,—у меня нѣтъ тысячи фунтовъ для тебя, а если бы и были, угрозами отъ меня ты ихъ не получишь. Въ память стараго, и потому что я полагаю, ты дѣйствительно нуждаешься, я дамъ тебѣ двадцать фунтовъ и ни монеты больше.

Послѣдовала ссора, и Когенъ ушелъ безъ денегъ, взбѣшенный, и обѣщая отмстить безсовѣстному обманщику, какъ онъ выразился.

— Пожалѣешь, — были его послѣднія слова,—для тебя же хуже; ты скоро убѣдишься, что ты вовсе не необходимъ и что ты сдѣлалъ большую ошибку, поссорившись съ Иосифомъ Когеномъ!

II.

Спустя очень короткое время въ одномъ иллюстрированномъ журналѣ была напечатана злая статья противъ Эдгара Пэннента, авторъ которой заявляетъ, что считаетъ своею обязанностью разоблачить его въ глазахъ публики. Эдгаръ полагалъ, что узнаетъ слогъ обвинителя, но чего онъ сразу не узналъ, это руки, изукрашившей эту гадкую статью эскизами, представлявшими его лучшія произведенія! А на нихъ, къ сожалѣнію, такъ легко было нарисовать карикатуру! Лэди Сорпъ глядѣла сумасшедшей; герцогиня Уинблдонъ, возлежа на цѣлой грудѣ подушекъ, представляла зрителю пару громадныхъ ступней и все въ томъ-же родѣ и, наконецъ, что хуже всего, толстая княгиня Гогенфельсъ на велосипедѣ.

Несомнѣнно это сдѣлалъ Когенъ,—догадалась наконецъ несчастная жертва, вспомнивъ, какъ легко его перо производило юмористическіе эскизы. Но развѣ не все равно, кто рисовалъ? Одно представлялось Эдгару, когда онъ лежалъ на диванѣ со снятой газетой въ рукахъ, что онъ разоренъ, что онъ выкинутъ прочь, сдѣланъ посмѣшищемъ тысячъ дураковъ, которые теперь надъ нимъ потѣшаются. Мы уже говорили, что бѣднякъ былъ чрезчуръ чувствителенъ къ такимъ нападкамъ; прибавимъ, что онъ не обладалъ ни мужествомъ, ни самоуваженіемъ, которымъ долженъ обладать всякій ищущій вниманія публики. Къ тому еще онъ до безумія любилъ женщину, сочувствіе которой къ обидѣнному было предупреждено. Слава Пэннента стала меркнуть, отчасти по его собственной винѣ. Онъ избѣгалъ всѣхъ, навѣщавшихъ его и тѣмъ ясно показывалъ, какъ глубоко уколола его анонимная статья.

А когда княгиня Гогенфельсъ прислала ему сказать, что она раздумала, и не желаетъ безпокоить его своимъ портретомъ, онъ рѣшилъ, что его карьера кончена. Его отчаяніе довершила встрѣча съ Когеномъ, который преважно ѣхалъ по Пиккадилли въ экипажѣ лэди Сорпъ. Кто далъ деньги для открытія выставки, которая была объявлена съ трескомъ и блескомъ—неизвѣстно; весьма возможно, что лэди Сорпъ: она была богата и великодушна; при томъ она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя на слово вѣрятъ самовосхваляющимся людямъ. Кто знаетъ, Когенъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ гений; нѣсколько газетъ, по открытіи выставки, дня два-три несомнѣнно провозглашали его такимъ. Эдгаръ Пэннентъ вмѣстѣ съ другими тоже отирали смотръ эти странныя, чарующія картины и постарался произнести разумное и безпристрастное сужденіе. Нѣкоторыя картины хороши, рѣшилъ онъ, нѣкоторыя скорѣе плохи, немногія же совершенно плохи. Но всѣ представляютъ обдуманную и намѣренную борьбу съ трудностями.

— Честное слово, я не умѣю сказать, что такое этотъ малый, гигантъ или дерзкій, самоувѣренный пигмей!—вскричалъ онъ, обойдя выставку.

Спутникъ Эдгара, Улькомбъ, съдой академикъ, возразилъ:

— О, онъ далеко не гигантъ, онъ превосходный рисовальщикъ и кое что, — немного,—смыслить въ краскахъ. Смотрите,—а вы можете это разобрать,—онъ принадлежитъ къ тѣмъ несчастнымъ, которые осуждены на паденіе. Если бы онъ хотѣлъ ограничиться работами, на которыя способенъ, онъ имѣлъ бы деньги и столько славы, сколько заслуживаетъ; а онъ хочетъ захватить солнечную колесницу! Его ждетъ неизбежное паденіе.

— Вы думаете? — спросилъ Эдгаръ.

— Я не думаю, я увѣренъ. Несчастный ничто болѣе, какъ неудавшійся гений,—самое жалкое изъ людскихъ созданій. Я видалъ его вчера на одномъ обѣдѣ, и не смотря на то, что онъ оскорблялъ всѣхъ, мнѣ его было ужасно жалко. Онъ имѣетъ несчастье поклоняться самому себѣ и это неизлечимо. Онъ кончитъ тѣмъ, что перерѣжетъ себѣ горло.

— Никогда... онъ выиграетъ много своей выставкой.

— Онъ соберетъ много денегъ, и знатныя барыни, которыя отъ васъ отвернулись, покровительствуютъ ему, хотите вы сказать. Да, но онъ разстрѣлялъ свои стрѣлы, и черезъ годъ будетъ основательно забытъ. Между тѣмъ, какъ вы, мой дорогой Пэннентъ, имѣете въ себѣ всѣ задатки совершенствоваться. Послѣднее время вы пѣсочкомъ увлеклись и переступили границы, — простите меня, что я такъ говорю,—и потеряли за это. Но человекъ, направившій противъ васъ статью, сдѣлалъ вамъ большую услугу, не рассчитывая на это, если вы вступите на другой путь и относитесь къ себѣ строже... Мы съ вами здоровые люди и знаемъ, что мы не Рафаэли и не Миккель-Анджело, но цѣну себѣ знаемъ, и поэтому мы проживемъ достаточно, а Когенъ не проживетъ.

Добрый-академикъ ушелъ, ободривъ и утѣшивъ Эдгара. Но никакого ободренія и утѣшенія онъ не получилъ отъ лэди Сорпъ, которую онъ встрѣтилъ передъ своимъ отъѣздомъ.

— Вы гдѣ это такъ долго пронадали? — спросила она,—мнѣ такъ васъ нужно было видѣть и задать вамъ тысячу вопросовъ о вашемъ чудномъ другѣ.

— Онъ вовсе мнѣ не другъ, и я не нахожу его такимъ чуднымъ,—рѣзко отвѣчалъ Эдгаръ.—Лучше задайте вашу тысячу вопросовъ ему самому, онъ съ восторгомъ на нихъ отвѣтитъ. Ничто такъ не восхищаетъ его, какъ имѣть возможность говорить о самомъ себѣ.

Лэди Сорпъ нахмурилась.

— Вы завидуете ему? Этого я отъ васъ не ожидала.

— Я согласенъ, что это нехорошо. Во всякомъ случаѣ, моя собственная звѣзда не такъ ярко блеститъ, чтобы обязать меня поклоняться блеску Когена.

— Другими словами, вы ревнуете его?

— Можетъ быть; можетъ быть, я имѣю на то основаніе.

— Вы дѣйствительно находитесь въ опасности, что онъ затмитъ васъ,—холодно сказала лэди Сорпъ.

Она ушла, поднявъ голову; но черезъ секунду вернулась и ударила уходящаго Пэннента зонтикомъ по плечу.

— Приходите черезъ недѣлю ко мнѣ обѣдать,—пригласила она,—вы встрѣтите вашего предполагаемаго соперника.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ Эдгаръ,—но, къ сожалѣнію, я долженъ сказать вамъ, что завтра или послѣзавтра я уѣзжаю въ деревню, и раньше зимы не вернусь въ Лондонъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Значитъ до свиданія въ будущемъ году.

Эдгаръ снялъ шляпу, поклонился и пошелъ своей дорогой. Раньше шла рѣчь о его посѣщеніи лэди Сорпъ въ ея помѣсть, но она не повторила приглашенія. Забыла! Такъ лучше. Улькомбъ правъ,—онъ долженъ вступить на новый путь и забыть то, что должно быть забыто.

III.

Хорошо говорить,—удивиться въ деревнѣ, но полное удивленіе въ нашъ вѣкъ существованія телеграфовъ и частыхъ почтовыхъ сообщений немислимо. И хотя Эдгаръ на цѣлыхъ четыре мѣсяца удалился въ глухую деревню въ Уэльсѣ и не видалъ никого изъ своихъ друзей, но онъ не могъ не слышать объ нихъ. Онъ узналъ, что выставка Когена, не смотря на аристократическихъ покровителей, потерѣла отчасти крушеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, ему сообщили, что одна аристократка, не смотря ни на что, пригласила Когена къ себѣ въ помѣстье, прося его оставаться у нея сколько ему будетъ угодно. Правда, подобное же приглашеніе получилъ и Эдгаръ, но онъ имѣлъ удовольствіе письменно сообщить лэди Сорпъ, что, къ сожалѣнію, онъ не можетъ воспользоваться ея гостепріимствомъ.

Миліонъ лэди Сорпъ объ этомъ отказѣ осталось неизвѣстно, она не отвѣчала на письмо Эдгара.

Живя въ деревнѣ, Эдгаръ не потерялъ времени; онъ заставилъ себя возвратиться къ старой манерѣ рисованія, которую оставилъ ради легкихъ успѣховъ. И теперь, убѣжденный въ потерѣ поклоненія непостоянной публики, онъ сумѣлъ приобрести увѣренность въ своихъ собственныхъ силахъ. Между прочимъ онъ надѣялся, что, хотя стѣсненъ, побѣдилъ свою безумную страсть.

Весьма возможно, что онъ радъ бы былъ доказать лэди Сорпъ, что вовсе не желаетъ быть, какъ Когенъ невѣжливо выражался, «игрушкой знатныхъ барынь». Если ему угодно, Когенъ самъ можетъ занять это мѣсто. Конечно, Эдгару не особенно было пріятно скоро по возвращеніи слышать, что краса-

вещь-еврей сдѣлался своимъ въ домѣ лэди Сорпъ, которая даже раньше вернулась въ городъ, чтобы быть поближе къ его мастерской... Пэнненту нѣтъ дѣла до поведенія лэди Сорпъ, но жалъ вообще, что она допускаетъ чтобы объ ней говорили такіа вещи.

Нѣсколько времени спустя, гуляя въ паркѣ, онъ встрѣтилъ ее въ экипажѣ, она сдѣлала движеніе рукой, будто желая остановить его, но онъ поклонился и прошелъ мимо. Потомъ она пригласила его обѣдать,—онъ отказался. Затѣмъ прошло недѣли двѣ, она не подавала признака жизни, и онъ рѣшилъ, что она перестала о немъ заботиться. Все это время онъ былъ занятъ картиной, которая должна была удивить знавшихъ его и поставить его выше, чѣмъ онъ стоялъ до сихъ поръ. Сюжетомъ картины послужила поэма Шиллера «Перчатка»—отказъ рыцаря Делоржа отъ дѣвицы Кунигунды. Разсматривая какъ-то вечеромъ свою картину, онъ былъ пораженъ сходствомъ оскорбленной Кунигунды съ извѣстной лэди,—сходствомъ, которое произошло совершенно безсознательно,—въ это время дверь его мастерской быстро отворилась и эта лэди вошла.

— Вы видите, Магометъ пришелъ къ горю,—сказала она, нѣсколько бравируя, что еще сильнѣе выказывало ея нервозность.—Съ той минуты какъ васъ нельзя убѣдить переступить порогъ дома старого друга, этому другу приходится спрятать свою гордость въ карманъ и перешагнуть вашъ порогъ.

Въ ту минуту, когда онъ взялъ ея протянутую руку, она увидала неоконченную картину и нахмурилась.

— Вы замѣтили сходство?—послѣдовалъ онъ сказать,—я только что самъ открылъ его и увѣряю васъ, никогда не думалъ дѣлать портрета. Исправить это недолго, стоитъ только переменить цвѣтъ волосъ. Кунигунда могла имѣть черные волосы.

— Благодарю васъ,—нѣсколько холодно отвѣчала лэди Сорпъ,—вы меня очень обяжете, если только это не составитъ вамъ большихъ затрудненій. Но я желала бы знать поводъ къ вашему невольному портрету. Съ какими дикими звѣрами и когда заставляла я васъ бороться?

Эдгаръ улыбнулся.

— А Когенъ!—не могъ онъ не сказать.

— Да, Когенъ! Конечно, я знаю, что онъ достаточно дикъ и опасенъ, чтобы замѣнить тигра. Но я никогда не просила васъ бороться съ нимъ. Или вѣрите, я надѣялась, что вы станете бороться съ нимъ, потому что вы такъ значительно выше его. Почему вы бѣжали отъ этого человѣка? Почему вы позволили этому паразиту нападать на васъ?

— Я не отъ него бѣжалъ,—отвѣчалъ Эдгаръ,—а отъ самого себя и разныхъ другихъ вещей. Когена не такъ легко понять. Я до сихъ поръ не знаю, можетъ быть, онъ великій художникъ, какъ и не менѣе безжалостный критикъ. Но вы дали поводъ всему міру полагать, что вы цѣните его очень высоко.

— Онъ гостилъ у меня, и я избѣгала съ нимъ ссориться. А какъ вы думаете, ради чего я выносила эту скуку и невозможную дерзость? Сначала я видѣла въ немъ только вашего друга и притомъ онъ въ самомъ дѣлѣ весьма интересенъ. Я не поссорилась съ нимъ послѣ его недостойной выходки противъ васъ, потому что не чувствовала себя достаточно сильной бороться одной. Но я опасалась, что онъ скоро сдѣлается моимъ врагомъ, и я пріѣхала предупредить васъ, чтобы вы защищали свое собственное дѣло. Увѣ-

рю васъ, мистеръ Пэннентъ, вамъ нечего бояться такого антагониста. Я плохой критикъ, но вижу, что у него весьма мало таланта и безконечно много тщеславія. Только его злоба дѣлаетъ его опаснымъ.

Пораженный Эдгаръ хотѣлъ высказаться, но въ эту минуту вошелъ слуга и подаль карточку.

— Когенъ самъ!—вскричалъ Эдгаръ.—Что ему отъ меня нужно? Просите,—разсѣянно сказалъ онъ слугѣ.

— А я?—въ испугѣ вскричала лэди Сорпъ, когда лакей вышелъ,—неужели вы не понимаете, что я нарушила всѣ приличія, пріѣхавъ сюда одна, и что я меньше всего желаю, чтобы господинъ Когенъ меня нашелъ у васъ. Нѣтъ здѣсь другого выхода?

Но выйти оказалось уже невозможнымъ, и она только успѣла спрятаться за занавѣсь, закрывшую одинъ уголъ мастерской, какъ Когенъ вошелъ, насмѣшливо улыбаясь. Однако его улыбка пропала, когда онъ замѣтилъ полотно, стоявшее какъ разъ противъ входа.

— Чортъ возьми,—вскричалъ онъ,—это лучше!.. Это превосходно! Я никогда не предполагалъ бы, что ты можешь нарисовать подобную вещь!

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, затѣняя глаза рукою. Вдругъ онъ засмѣялся.

— Наша прелестная лэди Сорпъ!—замѣтилъ онъ.—А ты, должно быть, тотъ храбрый рыцарь, лица котораго мы не видимъ и который отдаетъ ей перчатку. Превосходная аллегорія, дорогой мой, но, къ сожалѣнію, я долженъ сообщить тебѣ, что она непримѣнима къ существующимъ обстоятельствамъ. Эта лэди нисколько не заботится о томъ, съѣдятъ ли тебя львы и тигры; и она, и ея перчатка,—обѣ ея перчатки,—принадлежать мнѣ. Миѣ, Юсифу Когену, понимаешь?

— Нисколько,—холодно отвѣчалъ Эдгаръ.

— А между тѣмъ понять нетрудно. О, я нисколько не горжусь своей побѣдой, напротивъ, я униженъ. До сихъ поръ женщины для меня не существовали. Я пользовался ими какъ средствомъ, потому что власть въ ихъ рукахъ. Но я всегда презиралъ ихъ, первый и единственный разъ въ жизни, вѣрь мнѣ или нѣтъ, какъ хочешь, я узналъ теперь, что такое любовь къ женщинѣ. До сихъ поръ я имѣлъ въ виду двѣ цѣли—славу и распространеніе моихъ политическихъ вѣрованій. Все остальное для меня пустяки. Своихъ цѣлей я достигну, имѣя женой лэди Сорпъ...

— Лэди Сорпъ твоя жена!—прервалъ Эдгаръ,—ты съ ума сошелъ, милѣйшій!

— Не думаю,—холодно возразилъ тотъ,—я сказалъ тебѣ, что мы любимъ другъ друга,—положимъ, всякая любовь есть сумасшествіе. Но женитьба на ней вполнѣ отвѣчаетъ моимъ интересамъ, даже если бы я къ ней былъ совершенно равнодушенъ. Я къ деньгамъ всегда относился такъ-же безучастно, какъ и къ женщинамъ; но деньги полезная вещь и ея деньги доставятъ мнѣ ту помощь, которой я ждалъ отъ своего генія.

— Вы съ ума сошли!—вскричалъ Эдгаръ.—Говорите о себѣ, хвастайтесь, сколько вамъ угодно,—мнѣ впрочемъ кажется, что ваши картины, которыя должны были доказать всему міру, что вы единственный геній столѣтія, не сдѣлали этого,—онъ провалились,—но ради васъ самихъ, прошу васъ не рассказывать такихъ вещей о лэди Сорпъ. И чего ради пришли вы ко мнѣ съ этими смѣшными розказнями?

— Чего ради?—отвѣчалъ Когенъ,—оттого, что я не особенно долюбиваю васъ, мистеръ

Пэннентъ; потому что вы отказались мнѣ помочь, когда я просилъ васъ объ этомъ, и я общалъ вамъ, если вы помните, отомстить. Развѣ я не сдержалъ обѣщанія? Вы говорите, мои картины провалились,—ничего, мы нарисуемъ другія, которыя не провалятся, между тѣмъ, какъ вы...—Онъ какъ то бокомъ взглянулъ на полотно передъ нимъ и отвернулся.—Да, не я, а вы упали, и сбросили васъ я! Я побѣдилъ васъ здѣсь, и побѣдилъ васъ еще, отнявъ у васъ женщину, которую вы любите. Не отрицайте вашей любви, эта тайна всѣмъ извѣстна! Какая жалость, не правда-ли? Въ-сто того, чтобы любить васъ, она обожаетъ меня... Меня!

— Въ самомъ дѣлѣ, Когенъ,—сказалъ Эдгаръ, вспомнивъ, кто скрывался за занавѣской,—я не хочу слушать васъ больше, уходите пожалуйста. И позвольте на прощаніе разувѣрить васъ: лэди Сорпъ столько же вздумаетъ выходить за васъ замужъ, какъ и за своего дворецкаго или кучера. Сама она говорила мнѣ про васъ, что вы дерзкій, невыносимый человѣкъ, и что у васъ при весьма небольшомъ талантѣ неизмѣримо много самоувѣренности. Это ея собственныя слова и надѣюсь, что они заставятъ васъ одуматъ ся.

Судорога искривила лицо Когена, его черные глаза засверкали.

— Вы лжете!—вскричалъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Эдгаръ, сдерживаясь,—я говорю правду. Мнѣ совершенно безразлично, что вы называли меня лжецомъ, но я не хотѣлъ бы приказывать вывести васъ изъ дому; прошу васъ, уходите, не доводите меня до крайности.

— Дерзкій, невыносимый человѣкъ!—повторилъ Когенъ, не обращая вниманія, что Эдгаръ указывалъ ему на дверь.—Она не могла этого сказать! Если же она сказала это, то только потому, что боится васъ и потому, что она питаетъ къ вамъ сентиментальное чувство. Впрочемъ, она больше боится меня, чѣмъ васъ, и она права. Слушайте, господинъ Пэннентъ,—продолжалъ онъ, ставъ между Эдгаромъ и дверью,—я женюсь на этой женщинѣ, правится-ли вамъ это или нѣтъ, и не уйду изъ этой комнаты прежде, чѣмъ не получу отъ васъ обѣщанія не становиться моимъ намѣреніемъ поперекъ.

— Убѣрайтесь къ чорту, осель!—коротко отвѣчалъ Пэннентъ.

Когенъ выхватилъ револьверъ.

— Гляните, или я убью васъ! Вы сдѣлали глупость, рассказавъ мнѣ, что вы съ ней обо мнѣ говорили. Я даю вамъ минуту одуматься! Черезъ минуту...

Послышался шелестъ платья, и прежде чѣмъ онъ договорилъ, передъ нимъ стояла лэди Сорпъ.

— Если вы желаете убить мистера Пэннента, вы должны прежде убить меня!—вскричала она.—Вы смѣтаете? Вы думаете, мы въ вашей власти, потому что вы застали меня въ его мастерской? О, вы имѣете право рассказывать эту новость сколько вамъ угодно. Мой отвѣтъ на это,—я выхожу замужъ за мистера Пэннента и пришла къ нему съ цѣлью предупредить его противъ васъ. Боюсь васъ? Да, я боялась, что вы можете сдѣлать ему зло за спиной, и вотъ почему я хотѣла помирить васъ. Теперь я васъ больше не боюсь; я увѣрена, что страхъ быть осмѣяннымъ заставить васъ удерживать вашъ языкъ. Впрочемъ, идите и рассказывайте.

Эти слова страшно поразили обоихъ мужчинъ. Одинъ изъ нихъ схватилъ ея руку и говорилъ что-то непонятное, да что она не

отвѣчала, потому что не спускала глазъ съ Когена. Кто знаетъ, какія дикія и отчаянныя мысли промелькнули въ эту минуту въ его головѣ? Онъ понялъ, что для него все погибло. Одну минуту онъ поглядѣлъ въ синіе безстрашные глаза лэди Сорпъ, увидалъ, что при малѣйшемъ враждебномъ движеніи съ его стороны любимая имъ женщина готова броситься между нимъ и своимъ милымъ,—и повернулъ дуло револьвера къ своему виску.

— Ни вы, и ни кто другой не станетъ никогда смѣяться при имени Иосифа Когена!— вскричалъ онъ...

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Птицы-метеоры.—Извѣстный астрономъ Уильямъ Бруксъ наблюдалъ недавно прохожденіе какого-то темнаго тѣла передъ солнечнымъ дискомъ, которое онъ принялъ за метеоръ. Но одинъ американскій ученый, Чэпмэнъ, занимающійся въ американскомъ музеѣ естествознанія въ Нью-Йоркѣ, даетъ другое объясненіе этому факту. Онъ предполагаетъ, что упомянутый метеоръ есть ничто иное какъ птица. Немногіе астрономы, говоритъ онъ, имѣютъ точное представленіе о количествѣ ночныхъ перелетныхъ птицъ, которыхъ при извѣстныхъ условіяхъ и въ положенное время года можно наблюдать въ атмосферѣ. Если во время сентябрьскаго перелета птицъ на югъ на полную луну направить даже слабый телескопъ подѣ извѣстнымъ угломъ къ горизонту, можно замѣтить передъ дискомъ луны почти непрерывное теченіе птицъ. Чэпмэнъ, въ ночь на 3 сентября 1887 года, отъ 8 до 11 часовъ вечера, въ обсерваторіи въ Тенефлей, въ Нью-Джерси, наблюдалъ въ 6½ дюймовый телескопъ прохожденіе не менѣе 262 птицъ передъ дискомъ луны. Нѣсколько лѣтъ спустя тотъ-же самый ученый дѣлалъ подобныя наблюденія въ обсерваторіи университета Колумбіи въ Нью-Йоркѣ, пользуясь для нихъ только катетеромъ большого телескопа. Въ Прейнстонѣ въ Нью-Джерси, дѣлались наблюденія въ октябрѣ 1880 и апрѣлѣ 1881 года, въ первомъ случаѣ насчитали 4½ птицы въ одну минуту, во второмъ 13 въ ¼ часа. Въ среднихъ широтахъ весенній перелетъ птицъ начинается въ февралѣ, наибольшей силы достигаетъ въ маѣ и кончается въ юніѣ. Обратный перелетъ начинается уже 1 юлія, сильнѣе всего въ сентябрѣ и кончается въ декабрѣ. Такимъ образомъ не бываетъ ни минуты, когда наблюдатель луны не замѣтитъ въ свой телескопъ птицы. Чэпмэнъ указываетъ, какое значеніе могутъ имѣть эти наблюденія надъ пернатыми метеорами для изученія птицъ. Почти принято за правило, что птицы во время своихъ ночныхъ перелетовъ руководствуются топографіей страны, и потому долины, дожа рѣкъ, линіи береговъ служатъ имъ руководящими путями. Одновременныя наблюденія за пернатыми метеорами въ самое усиленное время перелетовъ докажутъ безъ труда правильность или неправильность этого мнѣнія. Также очень мало извѣстно о высотѣ полета перелетныхъ птицъ. Если опредѣлить границу отдаленности, въ которой должна находиться птица отъ телескопа, чтобы быть въ него видимымъ можно принять за вѣрное, что птицы летятъ на высотѣ отъ 1½ до 5 километровъ (безъ малаго отъ 1½ до 5 верстъ). 30 сентября 1894 года въ Англіи Брэй наблюдалъ полетъ птицъ въ

телескопъ, направленный на солнце, и опредѣлилъ, что эти птицы, невидимыя простымъ глазомъ, летѣли на высотѣ отъ 3 до 5 километровъ (отъ 3 до 5 верстъ приблизительно). Большое значеніе имѣетъ также количество времени, которое употребляетъ птица, чтобы пролетѣть черезъ дискъ луны или солнца. Оно весьма различно. Нѣкоторыя птицы кажутся только промелькнувшими тѣнями, другія рѣзко выдѣляются на свѣтломъ фонѣ и остаются видимы въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Если принять скорость полета маленькихъ птицъ въ 65 километровъ въ часъ и полагая, что полетъ совершается отвѣсно къ зрительной линіи, легко опредѣлить высоту нахождения птицъ надъ землей по высотѣ угла луны или солнца.

Антитоксинъ.—Въ послѣднюю войну на Мадагаскарѣ французы сильно страдали отъ тетаноса,—столбняка, происходящаго отъ ранъ и всегда кончавшагося смертью. Недавно профессоръ Берингъ и Кнорръ дѣлали опыты надъ составленнымъ ими изъ красокъ Гохста (въ нихъ входитъ кальціева соль), антитоксиномъ-тетаноса. Зараженные тетаносомъ морскія свинки и мыши несомнѣнно излечивались. Цѣлебное дѣйствіе констатируется какъ при паразитномъ, такъ и при ядовитомъ зараженіи. Этотъ препаратъ вызвалъ также быстрое излеченіе тетаноса у лошади, при значительномъ уже стравленіи крови. Процентъ антитоксина выражается въ нормальныхъ антитоксинныхъ единицахъ. Краски Гохста даютъ два препарата, одинъ въ сухомъ видѣ, другой въ растворѣ; первый служитъ для терапевтическихъ цѣлей при уже развившемся тетаносѣ у людей и лошадей, второй для профилактическаго употребленія. У лошадей слѣдуетъ предпочитать дѣлать впрыскиванія между венами, потому что оно дѣйствуетъ гораздо скорѣе, чѣмъ подкожное; если же по вѣшнымъ причинамъ только можетъ быть выбрано подкожное впрыскиваніе, то благоприятнаго дѣйствія въ острыхъ случаяхъ можно ожидать только если леченіе началось не позже 36-ти часовъ по проявленіи болѣзни. «Мы надѣемся,—говорятъ Берингъ и Кнорръ,—на основаніи сдѣланныхъ наблюденій, что процентъ смертности больныхъ тетаносомъ людей при употребленіи антитоксина сильно уменьшится. Антитоксинъ содержитъ въ 100 разъ болѣе дѣлительныхъ частицъ, чѣмъ прежде употреблявшаяся противу-тетаносовая сыворотка».

Воздушное торпедо.—Американскій инженеръ Г. Д. Ричъ, въ штатѣ Iowa, изобрѣлъ новую разрушительную машину для бомбардированія крѣпостей и вообще для военныхъ цѣлей. Приблизительно 10 килограм. (2¼ ф.) взрывчататаго вещества привѣшиваются къ небольшому шару, наполненному водороднымъ газомъ, который поднимаетъ эту тяжесть на 350 метровъ (163 сажени) высоты. Посредствомъ электрическаго, саморегулирующагося приспособленія газъ въ шарѣ зажигается и все вмѣстѣ падаетъ на землю, гдѣ взрывчатое вещество отъ удара взрывается. Для примѣненія аппарата нужно какъ можно ближе подойти къ атакуемому мѣсту, имѣя вѣтеръ сзади. Скорость движенія воздушныхъ слоевъ имѣетъ большое значеніе, такъ какъ зажигающее приспособленіе устраивается на основаніи предполагаемой скорости движенія шара. Это изобрѣтеніе довольно остроумно и серьезно; но можетъ случиться, что при перемѣнѣ вѣтра въ верхнихъ слояхъ атмосферы

шаръ можетъ перемѣнить направленіе и отнестись свою разрушительную силу на нежелательное мѣсто.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Въ погоню за «сѣрымъ». Съ картины художника *В. Ковальскаго*.

За «сѣрымъ» гонятся... и хотя на картинѣ его нѣтъ, но сосредоточенное выраженіе лица охотника, напряженный алжуръ лошади, разинутыя пасти собакъ даютъ всей картинѣ пзумительное стремленіе впередъ... Чувствуется, что часы «сѣраго» сочтены и что, спрятавшись за рамками картины, онъ все равно почувтается притороченнымъ къ сѣдлу охотника. Художникъ, не даромъ стяжавшій славу тонкаго наблюдателя природы и опытнаго изобразителя лошадей, собакъ и вообще охотничьихъ сценъ очень удачно справился съ своей задачей, и его картина, помимо оригинальности композиции, полна экспрессіи яркаго таланта.

Венгерскій графъ Текели въ плѣну у турокъ. Съ картины художника *В. Шрамма*.

Новая картина проф. В. Шрамма является дѣльнымъ вкладомъ въ всемірно-историческую галлерію картинъ. Она переноситъ насъ въ отдаленную эпоху XVIII столѣтія, ко времени возстанія Венгріи противъ турецкаго владычества. Графъ Текели, одинъ изъ партіи предводителей турецкими порядками венгровъ, былъ предводителемъ этого возстанія, и помѣщаемая картина знакомитъ съ суровой рѣшимостью графа въ дѣлахъ его личнаго убѣжденія. Художникъ изобразилъ его въ положеніи плѣнника, окруженнаго насмѣшками и издѣвательствомъ враговъ. Съ гордымъ презрѣніемъ сноситъ онъ глумленіе турокъ, готовый претерпѣть всѣ муки и страданія, какъ подобаетъ полководцу, безъ страха встрѣтить смерть за освобожденіе народа.

Швея. Съ картины художницы баронессы *М. И. Палмъ* (выставка картинъ въ Императорской Академіи наукъ 1896 г.).

Уже далеко за полночь... Лампа догораетъ, работа падаетъ изъ рукъ и глаза невольно смыкаются отъ усталости. Весь день молодой швея провела за сѣтной кропотливой работой; къ утру надо кончить, а между тѣмъ голова отекаетъ, руки стѣсываются служить и злодѣй-сонъ разрушаетъ всѣ радужныя мечты о завтрашней полнучкѣ, которая такъ же нужна ей, какъ нуженъ изготовляемый ею нарядъ ея заказчицѣ. Картина эта обращала общее вниманіе посѣтителей выставки.

Съ натуры. Картина художника *О. Мецлахера*.

Полудреанный художникъ закончилъ картину и прокладываетъ послѣдніе штрихи на своей пасторади. Нахмуривъ склонилась прелестная головка, вдохновившая его на трудъ и отъ нея онъ ждетъ себѣ приговора. Можно, впрочемъ, съ увѣренностью сказать, что послѣдній будетъ не слишкомъ суровъ, и сомнѣнія молодого художника разрѣшатся мечтательнымъ настроеніемъ пасторади, вродѣ той, которую онъ только что изобразилъ на полотнѣ. Картина Мецлахера принадлежитъ къ числу тѣхъ «нарядныхъ» произведеній, которыми щеголяютъ такіе художники, какъ Швейнигеръ, Гейзеръ и прочіе художники, любящіе черпать свои сюжеты въ прошломъ столѣтіи, богатомъ костюмами.

«Христа-ради». Съ картины художника *Н. Теорозникова*.

Не правда-ли, какъ давно знакомы намъ эти двѣ фигуры—старуха и дѣвочки? Мы встрѣчаемъ ихъ почти каждый день: встрѣтили вчера и, быть-можетъ, встрѣтимъ сегодня. Никто не знаетъ, что застало ихъ просить милостыню, но ежедневно около забора, не взирая ни на какія перемѣны погоды, стоятъ онѣ въ своихъ лохмотьяхъ, уныло опустивъ голову, и губы дѣвочки робко и епчутъ: «подайте милостыньку, Христа-ради!». Старуха безучастно смотритъ куда-то впередъ, но глаза маленькой нищенки полны горькаго раздумья и укоризненно глядятъ изъ-подъ большаго платка на прохожихъ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ).

1646. — ДВУХСОТЪ-ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ СО ДНЯ КОНЧИНЫ КІЕВСКАГО МИТРОПОЛИТА ПЕТРА МОГИЛЫ. — 1896.

Въ декабрѣ этого года исполнится 250 лѣтъ со дня кончины кіевскаго митрополита Петра Могилы оказавшаго столь важныя услуги русскому просвѣщенію. Въ предлагаемой замѣткѣ мы постараемся напомнить главнѣйшія изъ заслугъ, оказанныхъ просвѣщенію на- стырель русскому образованію.

Главной заслугой Петра Могилы было преобразование братскаго кіевскаго училища, которое послѣ этой реформы стало называться «Могилянскимъ коллегіумомъ». Въ Кіевѣ, при братствѣ Богоявленской церкви, съ 1794 года существовала школа, называвшаяся «школою эллино-славянскаго и латинско-польскаго письма». Средства школы, какъ видно, были весьма скудны. Въ 1625 году поступилъ въ монахи Кіево-печерской лавры сынъ молдавскаго воеводы Петръ Могилъ, а въ 1628 году онъ сдѣланъ былъ архимандритомъ лавры. П. Могилъ свое образованіе получалъ за границей, учился въ Парижѣ, служилъ въ Польшѣ въ военной службѣ и потому могъ ясно видѣть недостатокъ просвѣщенія между православными. Поэтому первой заботой его было по возможности обстоятельнѣе ознакомить учащееся юношество съ западной наукой, для чего онъ отправилъ на свой счетъ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ монаховъ и мірянъ въ римскую и другія заграничныя академіи. Когда, по окончаніи образованія, они возвратились, Могилъ намѣревался открыть, при лаврскомъ больничномъ монастырѣ, училище. Но богоявленское братство упростило его не открывать новаго училища, а присоединить свои средства къ братскому училищу, которое такимъ образомъ перешло въ управленіе Могилы и получило названіе «Кіево-могиланской коллегіи». Въ началѣ же XVIII столѣтія, при Петрѣ В., эта, коллегія была переименована въ «Кіевскую Академію», имѣвшую столь важное значеніе въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія и литературы.

Принявъ въ свое управленіе «коллегію», Петръ Могилъ преобразовалъ ее въ самое корнѣ и устроилъ ее по образцу іезуитскихъ школъ. Курсы ученія или классы въ кіевской коллегіи были раздѣлены на два отдѣленія: низшее, состоящее изъ 6 классовъ, и высшее, въ которомъ было два класса: философіи и богословія. Впрочемъ, главное сходство кіевской коллегіи съ іезуитскими школами, сходство, имѣвшее большое вліяніе на характеръ образованности и на русскую литературу

XVII и XVIII ст., заключалось въ качествѣ преподаваемыхъ наукъ и въ строго-схоластическомъ методѣ преподаванія. Въ низшихъ классахъ коллегіума преподавали грамматику, «поэзію» (т. е. пѣтику) и риторику; въ преподаваніи послѣдней руководствовались правилами, извлеченными изъ сочиненій Ари-

стотеля, Цицерона и Квинтилиана. Большое вниманіе обращалось на изученіе языковъ: славянскаго, греческаго и латинскаго, въ особенности послѣдняго, на которомъ преподавали въ коллегіумѣ всѣ предметы, велись диспуты и писались ученическія сочиненія.

ЗНАМЕНИТЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Петръ Могилъ.
(Кіевскій митрополитъ).
1646—1896.

Какъ писатель, Петръ Могилъ извѣстенъ своимъ сочиненіемъ «Православное исповѣданіе вѣры», краткимъ катехизисомъ (подъ заглавіемъ «Малый Катехизисъ»), который онъ издалъ на бѣлорусскомъ и польскомъ языкахъ, и наконецъ «Требникомъ». Малый катехизисъ Могилы, съ небольшими перемѣнами, перепечатанъ былъ въ Москвѣ, при патриархѣ Іосифѣ. Кромѣ того, П. Могилъ первый сталъ писать драматическія сочиненія

СТОЛѢТІЕ СО ДНЯ СМЕРТИ
Е. И. КОСТРОВА.

9-го декабря исполнилось столѣтіе со дня смерти Ермила Ивановича Кострова, стихотворца екатерининскихъ временъ, писавшаго торжественныя оды на всѣ замѣательныя событія своего времени. Кромѣ одъ и другихъ мелкихъ стихотвореній, Костровъ занимался и переводами. Онъ перевелъ стихами «Тактику» Вольтера, «Эльвиру» Арно и восемь съ половиною пѣсенъ «Иліады». Самымъ удачнымъ трудомъ Кострова былъ его переводъ Апулея «Золотого осла». Кромѣ Гомера и Апулея, Костровъ въ 1792 году перевелъ «Пѣсни Оссіана, сына Фингалова». Костровъ посвятилъ свой трудъ русскому герою—Суворову, бывшему съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Костровъ родился въ семьѣ крестьянина въ вятской губерніи, вобловской волости, въ 1752 г., обучался сперва въ вятской семинаріи, затѣмъ въ московской славяно-греко-латинской академіи и, наконецъ, въ московскомъ университетѣ, изъ котораго былъ выпущенъ въ 1778 году, со степенію бакалавра. Въ 1782 году онъ былъ произведенъ въ чинъ провинціального секретаря, въ которомъ и оставался до самой смерти, послѣдовавшей въ Москвѣ 9-го декабря 1796 г. Костровъ былъ истинный

чуждакъ, и знавшіе его коротко разсказываютъ о немъ много забавныхъ странностей. Вотъ, напр., одна изъ многихъ. Бывало, входилъ онъ въ комнату пріятелей своихъ въ шляпѣ трехуголкой, сниметъ для поклона и съ ва надѣнетъ на глаза, сидеть въ уголѣ и молчать. Только когда услышитъ отъ разговаривающихъ рѣчь любопытную или забавную, то приподниметъ шляпу, взглянетъ на говорущаго и опять ее насушитъ. Вообще Костровъ является въ нашей литературѣ типичнымъ представителемъ дѣятелей XVIII столѣтія, сохраняя въ своемъ обликѣ всѣ характерныя черты людей той эпохи.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Австрія. — Въ Вѣнѣ, какъ уже извѣстно, нашъ посоль въ Константинополь г. Нелидовъ имѣлъ продолжительныя совѣщанія съ австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Голуховскимъ.

Совѣщанія происходили въ зданіи министерства на Баллацѣ. Въ нихъ принимала участіе и нашъ посоль въ Вѣнѣ, графъ Канинскій.

Основные пункты переговоровъ послужатъ исходомъ для обмѣна мыслей и между остальными кабинетами. Но содержаніе ихъ рѣшено хранить пока въ тайнѣ.

Своихъ взглядовъ относительно Турціи Россія, во всякомъ случаѣ, не измѣнила. Въ Петербургѣ не желали бы прибѣгать къ рѣзкимъ мѣрамъ, и соглашеніе между державами будетъ, вѣроятно, достигнуто на такой именно почвѣ.

Китай. — Въ хорошо освѣдомленныхъ русскихъ сферахъ ничего неизвѣстно о заключеніи русско-китайскаго договора. Что касается проведенія сибирскаго пути черезъ Манчжурію, то вопросъ идетъ о незначительной территоріи Небесной имперіи. При этомъ участокъ будетъ считаться, конечно, китайскимъ, а не русскимъ.

— Изъ Пекина сообщаютъ, что нашъ недавній гость, бывший печилійскій вице-король Ли-Хунгъ-Чжанъ, поселился навсегда въ столицѣ Небесной имперіи.

Испанія. — Въ «New-York Herald» напечатана слѣдующая версія смерти главнокомандующаго кубанскими повстанцами генерала Масео.

Глава инсургентовъ былъ отравленъ своими приближенными, подкупленными испанцами. Ядъ, купленный въ Нью-Йоркѣ, былъ пересланъ въ Кубу для отравленія не только Масео, но и Максимо Гемеса. Планъ былъ раскрытъ, но все успѣли предупредить во-время Масео оказался безуспѣшнымъ. Докторъ Чертуша, бѣжавшій къ испанцамъ, могъ бы много разсказать по этому поводу.

Согласно другой версіи, Масео былъ предательски убитъ испанцами, отравившись на совѣщаніи о перемиріи, согласно предложенію испанскаго генерала, маркиза Агуада. Изъ сѣхъ, сопровождавшихъ Масео, лишь спасся одинъ докторъ Чертуша.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Недавно произошелъ въ Рязани слѣдующій случай летаргическаго сна. На краю города, въ бѣдной лачугѣ, жилъ скупилихъ и продавецъ разнаго хлама. Захворавъ по возвращеніи съ базара, онъ проболѣлъ дня три и отдалъ Богу душу. Вдова, собравъ послѣдніе гроши, купила гробъ и другія погребальныя принадлежности. Какой-то знакомый умершаго началъ читать псалтырь. Вечеромъ на другой день, по словамъ «Рус. Вѣд.», собравшіеся на панихиду замѣтили на щекахъ умершаго легкій румянецъ. Поднялась тревога, прибылъ врачъ и, послѣ принятыхъ мѣръ, покойникъ очнулся и пришелъ въ себя. Видъ гроба и погребальная обстановка комнаты такъ перепугали воскресшаго, что волосы его покрылись сѣдиною.

— Шедшій изъ Риги въ Аленаде съ грузомъ жмыховъ, пароходъ «Віола» былъ захваченъ въ морѣ штурмомъ, разбитъ и пошелъ ко дну въ 20 миляхъ отъ лизерортскаго мая-

ка. Капитанъ парохода Бергъ и одинъ матросъ 48 часовъ носились по волѣ волнъ, при 14° холода, и были усотрѣны, чуть не замерзшими, пароходомъ «Руть». Спасенные, по словамъ «Кр. В.», были приведены въ чувство. Команда парохода состояла изъ капитана и 11 матросовъ. Что стало съ остальными 10 матросами — неизвѣстно.

— 2-го декабря, въ 9 часу вечера, потерпѣлъ крушеніе почтовый поѣздъ № 3, шедшій изъ Грязей въ Орель. Въ 39 верстахъ отъ ст. Орель, между станціями «Моховая» и «Архангельская» орловско-грозской линіи, пассажиры поѣзда были встревожены сильными толчками, а затѣмъ раздался трескъ, и нѣкоторые изъ вагоновъ повалились съ линіи подѣ откосъ. Глазамъ перепуганныхъ пассажировъ, передаетъ кор. «Рус. Сл.», представилась ужасная картина. Паровозъ поѣзда вмѣстѣ съ тендеромъ и однимъ вагономъ свалился съ полотна дороги и лежалъ на лѣвую сторону подѣ откосомъ; слѣдующіе за ними три вагона упали подѣ правый откосъ пути и разбились. Слѣдующіе за ними, остальные семь вагоновъ, хотя и остались на пути, но тѣмъ не менѣе, оказались сильно поврежденными. Катастрофа, къ сожалѣнію, не обошлась и безъ несчастія съ людьми: раненыхъ насчитывается болѣе 20 человекъ. Изъ нихъ получили сильное увѣче: машинистъ поѣзда и его помощникъ. Для оказанія пострадавшимъ медицинской помощи, изъ Орла былъ вытребованъ вспомогательный поѣздъ съ медицинскимъ персоналомъ и рабочими. Всѣ раненые, по оказаніи помощи, были перевезены на ст. Орель. На мѣсто происшествія прибыла слѣдственная власть. Причина катастрофы пока не выяснена.

— Въ латышскихъ газетахъ въ послѣднее время, сообщаетъ «Ри. Вѣст.», довольно часто стали появляться объявленія, приглашающія молодыхъ дѣвушекъ, желающихъ выйти замужъ, вступить въ переписку съ объявителями и доставить имъ свои фотографическія карточки. Объявители, хотя и даютъ о себѣ кое-какія свѣдѣнія (сколько имъ лѣтъ, сколько у нихъ капитала, какое они занимаютъ мѣсто и т. п.), но все-таки остаются инкогнито: письма имъ присылаются съ отмѣткой «до востребованія», тогда какъ дѣвушки не могутъ скрыть своихъ фамилій. Такимъ образомъ эти господа имѣютъ возможность въ слѣдствіи безнаказанно глумиться надъ дѣвушками, отозвавшимися на объявленія. Помѣщаются подобныя объявленія, разумѣется, лишь ради потѣхи, потому что мужчина, серьезно рѣшившійся на женитьбу, врядъ-ли станетъ отыскивать себѣ невесту путемъ газетныхъ объявленій.

— Императорскому московскому археологическому обществу разрѣшено созвать въ Москвѣ предварительный комитетъ по вопросамъ, предстоящихъ въ 1899 году, въ Кіевѣ XI археологическаго съѣзда. Комитетъ откроетъ свои дѣйствія въ Москвѣ 4-го января 1897 года и продлитъ свои занятія до 7-го января.

— Мы слышали, что главное управленіе финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ намѣревается ходатайствовать передъ министромъ путей сообщенія о разрѣшеніи служащимъ на финляндскихъ правительственныхъ дорогахъ прикомандировываться на станціи русскихъ желѣзныхъ дорогъ, для практическаго изученія русскаго языка.

— Служащимъ въ строевыхъ частяхъ омскаго, иркутскаго и приамурскаго военныхъ округовъ нижнимъ чинамъ, уроженцамъ Европейской Россіи, при увольненіи въ запасъ

или отставку, предоставлено ходатайствовать, вмѣсто возвращенія на родину, о поселеніи ихъ съ семействами въ предѣлахъ Сибири и степного генералъ-губернаторства. Для облегченія пользованія упомянутымъ правомъ, въ настоящее время на упомянутыхъ «желающихъ» распространены всѣ льготы, установленныя для лицъ, переселяющихся въ Сибирь съ разрѣшенія правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право проѣзда по льготному тарифу и на перевозку переселенцевъ.

— Устроенная на Новой Землѣ, въ мѣстечкѣ Малыхъ Гармакулахъ, ученой экспедиціей Императорской академіи наукъ, будка для метеорологическихъ наблюденій, при бывшемъ минувшимъ лѣтомъ солнечномъ затмѣніи, въ настоящее время обращена въ постоянную метеорологическую станцію и снабжена всѣми наиболѣе необходимыми приборами, для постоянныхъ и правильныхъ научныхъ наблюденій. Завѣдываніе станціей поручено настоятелю имѣющейся въ Малыхъ Гармакулахъ церкви, игумену Іонѣ, хорошо знакомому съ производствомъ метеорологическихъ наблюденій.

— Недавно открытый въ Самаркандѣ областной музей постепенно пополняется новыми предметами. Такъ, поступила въ даръ отъ капитана Барцевскаго большая коллекція животныхъ и растительныхъ окаменѣлостей, положившая основаніе дѣлу палеонтологіи. Постоянно также поступаютъ пожертвованія отъ многихъ лицъ монетами, мѣдными кушинами, фотографіями и другими предметами. Число фотографій быстро увеличивается и общаются въ недалекомъ будущемъ дать наглядную картину области. Кроме того, на средства музея сдѣланъ заказъ г. Барцевскому на 200 фотографическихъ снимковъ, которые будутъ выбраны изъ весьма разнообразной и многочисленной коллекціи негативовъ, полученныхъ при его поѣздкахъ по Бухарѣ и самаркандской области.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

6-го декабря, въ высокочествовавшій день тезоименитства Государа Императора, въ 12 часовъ дня, въ Михайловскомъ манежѣ состоялся, въ Высочайшемъ присутствіи, церковный парадъ: взводу представителей отъ роты дворцовыхъ гренадеръ, гвардейскому полковому жандармскому эскадрону, л.-гв. 4-му стрѣлковому Императорской фамилии батальону, гвардейскому экипажу, кадровому батальону л.-гв. резервнаго пѣхотнаго полка, сводной ротѣ изъ полуротъ: 1-го железнодорожнаго батальона и военной электротехнической школы, а также батареямъ: 1-й Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича л.-гв. 1-й артиллерійской бригады и 4-й гвардейской конной, — всѣмъ по случаю ихъ праздниковъ.

— Въ четвергъ, 12-го декабря, въ 12 часовъ, въ С.-Петербургѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, былъ церковный парадъ лейбъ-гвардіи финляндскому полку, по случаю его праздника. Его Императорское Высочество Главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа приказалъ полку построиться въ манежѣ инженернаго замка, при полковыхъ лѣвчихъ и духовенствѣ, за полчаса до парада, по распоряженію штаба гвардейскаго корпуса. Форма одежды — парадная.

— Изъ разработанныхъ на-дняхъ въ министерствѣ путей сообщенія статистическихъ

свѣдѣній о движеніи хлѣбовъ за октябрь текущаго года, по нашимъ рельсовымъ и воднымъ путямъ, оказывается громадное увеличеніе подвоза зерна вообще въ Петербургъ, какъ на вывозъ за границу, такъ и для мѣстнаго потребленія. Именно, сюда прибыло за этотъ мѣсяцъ по желѣзнымъ дорогамъ свыше 5,655 тысячъ, по рѣкѣ Невѣ 1,017 тысячъ пудовъ хлѣба, или съ лишнимъ на два съ половиною милліона пудовъ больше, чѣмъ въ тотъ же періодъ 1895 года. Главное усиленіе подвоза замѣчается въ особенности по Николаевской желѣзной дорогѣ.

— 5-го декабря состоялось освященіе новаго вокзала приновской дороги на Невѣ, какъ разъ противъ Смольнаго монастыря. Новый вокзалъ состоитъ изъ небольшого деревяннаго зданія, выстроеннаго, какъ разъ у перевоза; рельсовый путь проложенъ вдоль всей Панафиловой улицы.

— Въ субботу, 7-го декабря, въ ресторанѣ «Медвѣдь», друзья и почитатели писателя К. М. Станюковича чествовали 35-тилѣтіе его литературной дѣятельности. Собралось человѣкъ до 140, среди которыхъ были моряки, дамы, литераторы, художники, юристы, и проч. Передъ обѣдомъ поднесли юбиляру адресъ, украшенный его портретомъ, исполненный художникомъ Н. А. Богдановымъ. Было заявлено о присужденіи комитетомъ грамотности юбиляру большой золотой медали за морскіе рассказы; объ учрежденіи народной читальни при школѣ на родинѣ юбиляра (рязанской губ., ряжскаго уѣзда, дер. Еглатеевъ). Прочитано до 30 телеграммъ и письменныхъ привѣтствій.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Какъ сообщаютъ, закрытіе выставки картинъ французскихъ художниковъ назначено было на 15-го декабря. Вопросъ объ устройствѣ ея въ Москвѣ рѣшенъ. Выставку предложено устроить въ свободныхъ верхнихъ залахъ историческаго музея. Въ Москву будетъ привезено около 400 картинъ и нѣсколько бронзъ. Половина дохода съ выставки предназначается въ пользу приюта гр. П. С. Уваровой, а другая пойдетъ въ пользу французскаго общества, заведующаго выставкой.

— Въ послѣднее время интересъ къ развитію русскаго художественнаго искусства все болѣе и болѣе проявляется въ заграничныхъ художественныхъ обществахъ. Такъ, въ Императорскую академію художествъ, въ теченіе октября и ноября сего года, обратились нѣсколько международныхъ художественныхъ обществъ (берлинское, мюнхенское и копенгагенское), а также представители отдѣльных городовъ (Нидцы, Барселона и др.) съ предложеніемъ объ устройствѣ русскаго отдѣла на международныхъ выставкахъ, устраиваемыхъ въ означенныхъ городахъ въ 1897 г. Академія, избравъ изъ среды своихъ членовъ особую коммисію, въ составъ коей между прочимъ вошли В. Е. Маковский, И. Е. Рѣпинъ и А. Н. Бенуа, уже приступила къ разработкѣ основныхъ принциповъ участія академіи и русскихъ художниковъ въ международныхъ выставкахъ.

— Изъ достовѣрнаго источника намъ извѣстно, что проживающій въ Римѣ извѣстный художникъ нашъ Семирадскій занятъ въ настоящее время исполненіемъ большаго, задуманнаго имъ на сюжетъ «Неронъ въ циркѣ», картины, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, предстанетъ на судъ публики на, имѣющій быть

въ текущемъ сезонѣ, великимъ постомъ, академической выставкѣ.

— Альбомъ фотографическихъ снимковъ московскаго большаго Успенскаго собора изданъ въ Москвѣ, въ память обновленія собора ко дню священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ. Фототипическіе снимки сдѣланы съ внѣшняго вида собора, въ цѣломъ и въ деталяхъ, со всей соборной живописи, гробницъ святителей, мощи которыхъ почитаютъ подъ сѣнью всероссійскаго храма, и, наконецъ, съ древнѣйшихъ священныхъ предметовъ соборной ризницы.

— Академикъ архитекторъ Марфельдъ составилъ два проекта памятниковъ въ Бозѣ почившимъ Императорамъ Александру II и Александру III въ гор. Черниговѣ. Проекты эти уже утверждены техническимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ и одобрены въ художественномъ отношеніи Императорскою академіею художествъ.

— Закрытіе японской выставки было назначено на 15 декабря. Владѣлица выставки г-жа Китаева предполагаетъ перевести ее въ Москву, если не найдется кто-либо купить цѣлкомъ все выставленное.

— Въ числѣ собранія картинъ, оставшихся послѣ смерти французскаго художника Емилія Жерара, и принадлежащаго теперь его женѣ, находится картина Мурильо, мѣсто которой въ дѣйствительности въ какой-нибудь національной галлерей, а не въ частномъ владѣніи. Картина рисована на полотнѣ, имѣетъ 92 сантиметра высоты и 80 сантиметровъ ширины, превосходно сохранилась и изображаетъ св. Антонія Падуанскаго на колѣняхъ на возвышеніи передъ какимъ-то зданіемъ, отъ котораго мы видимъ направо только низкую стѣну и завѣсу передъ частью каменной стѣны. Взглядъ святого обращенъ на темное небо съ выраженіемъ благоговѣнія; на заднемъ планѣ, скорѣе намѣченный, чѣмъ ясно изображенный, ландшафтъ. Правая рука его положена на сердце, съ жестомъ глубокаго самопожертвованія, а лѣвая держитъ символическій цвѣтокъ бѣлой лиліи. Ненужность картины замѣчается съ перваго взгляда. За нее говорить и присутствіе одной только фигуры, при весьма сокращенныхъ аксессуарахъ, и сочетаніе цвѣтовъ, и глубокое религиозное чувство, которымъ проникнута вся картина.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Въ воскресенье, 8-го декабря, нашъ извѣстный балетмейстеръ М. И. Петина справлялъ 50-ти лѣтній юбилей своего служенія балету и эстетикѣ. Бенефисный балетъ «Синій борода» (муз. г. Шенка) понравился публикѣ. Изъ солистовъ имѣли успѣхъ г-жи Леняни, Кшесинская 2-ая и Преображенская.

— Возобновленная въ субботу, 7 декабря, въ Михайловскомъ французскомъ театрѣ трехъ-актная комедія Жюна «Mademoiselle Eve» собрала полный театръ, и бенефисъ г-жи Томасъ съ внѣшней стороны увѣнчался блестящимъ успѣхомъ.

— Изъ Флоренціи сообщаютъ о смерти даровитаго трагика Александра Сальвини, сына знаменитаго Томазо Сальвини и брата недавно подвизавшагося у насъ Г. Сальвини. Александръ Сальвини пожиналъ обильные лавры въ Америкѣ, такъ какъ игралъ исключительно на англійскомъ языкѣ.

— 10-го декабря извѣстный нѣмецкій трагикъ Барнай началъ въ «Акваріумѣ» рядъ

своихъ гастролей. Для перваго представленія артистъ избралъ «Уріель Акоста» и собралъ многочисленныхъ зрителей. Его игра произвела впечатлѣніе на публику, но врядъ-ли г. Барнаю удалось захватить кого-нибудь въ этотъ вечеръ первымъ подъемомъ своей игры, такъ какъ его исполненіе, безукоризненное съ внѣшней стороны, «изнутри» остается холоднымъ и безстрастнымъ.

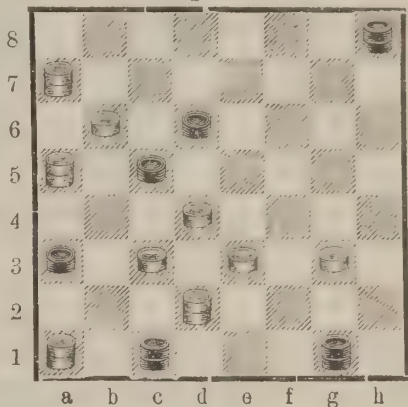
ШАШКИ.

Подъ редакціею В. П. Шошина.

ЗАДАЧА № 37.

М. В. Краснухина (въ Дорожеевъ).

Черныя.

Лѣвыя.

Запереть дамку.

Рѣшенія шашечныхъ этюдовъ.

№ 11. Паникратова. 1. d6—f4, g7—h8 (если 1... g7—f6, то 2. f4—g5); 2. e1—h4, h8—a1; 3. h4—g5 и выигрышъ.

№ 12. Ето же 1. d6—f8, g7—h8; 2. f8—g7; 3. c1—c3 и 4. e1—b8 или d8.

№ 13. Кукуева. 1. g7—h8, c8—d2 (если 1... c1—b2, то h6—g7); 2. h8—c8; 3. a7—b8, c1—a3 (если 3... c1—b2, то 4. b8—g3 и выигрышъ; если же 3... b4—a8 или c3, то 4. b8—f4); 4. b8—d6, b4—c3; 5. h6—f8 и 6. f8—c1.

№ 14. Сарина. 1. b8—a7, b6—d8 (если 1... b6—a5, то 2. a7—b6 и 3. h2—a1; если же 1... b6—g1, то 2. a7—f2 и 3. h6—a3); 2. f4—c7, d8—a5; 3. h6—d2; 4. a7—f2; 5. h2—a1 и 6. a1—d4.

№ 15. Ето же 1. g1—h2, e5—a1; 2. h2—e5, a1—f6; 3. b4—c7; 4. e7—f6 и 5. f8—h6 или d6.

Рѣшили: К. Подольскій, И. И. Мосоловъ, А. А. Савельевъ (Спб.), Д. И. Сагинъ (Москва), И. В. Петровъ (Кострома), П. И. Холодовъ (Курскъ) и Е. Ф. Андреевъ (Саратовъ)—все; П. М. Нѣмцовъ (Москва)—№ 11 и 12; М. И. Ивановъ (Москва)—№ 11 и 15; Ф. А. Кауленъ (Москва)—№ 13; Н. А. Кукуевъ (Москва)—№ 15.

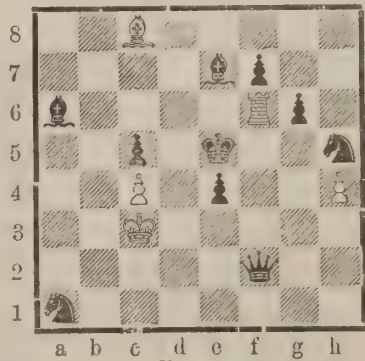
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 39.

Н. И. Максимова (въ С.-Петербургѣ).

Изъ «Шахматнаго журнала».

Черныя.

Лѣвыя.

Мать въ 2 хода.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ.

№ 26. Лойда. 1. Кр b2—c2, Кр c4—b4+; 2. К d1—c3, 3. Ф×. 1... Кр c4—b5+; 2. Кр c2—b3, 3. Ф или К×. 1... Л c5—e5; 2. К d1—b2+ и 3. Ф×.

№ 27. Бенши. 1. Л b6—f6, 2. Ф или К×.

№ 28. Нестоминъ. 1. Ф h3—b3, 2. Ф или Л×.

№ 29. Мейера. 1. Л d3—d1, 2. Ф, Л или К×.

№ 30. Прадилья. 1. С d3—e2, 2. С или К×.

№ 31. Шошина. 1. Ф h3—c8, 2. Ф или К×.

Рѣшили: К. Подольскій, Е. Ф. Андреевъ (Спб.) и П. Н. Поповъ (Саратовъ)—все; И. В. Петровъ (Кострома)—№ 27—31; Н. И. Знаменскій (Тверь)—№ 27; А. Руденко (Полтава)—№ 28, Л. Богдановъ (Спб.)—№ 31.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ:

1) Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», внесшіе одновременно сполна подписную годовую сумму, а также 1 р. 50 к. за художественный альбомъ—«БИБЛІА ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ (200 картинъ съ текстомъ въ изящной оберткѣ), съ доставкой и пересылкою, могутъ получить таковой немедленно, по выходѣ его въ свѣтъ въ 1897 году.

2) Годовые подписчики, внесшіе сполна подписную годовую сумму, могутъ получить, немедленно при подпискѣ, большіе художественно исполненные портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ, или «Авонтъ при лунномъ освѣщеніи», отпечатанные въ 23—27 красокъ, а также и другія художественныя изданія за прежніе года, уплативъ ОДИНЪ рубль за каждый экземпляръ портрета или картины (съ доставкой и пересылкою). Безъ доставки—75 коп. Мелкія суммы могутъ быть высланы почтовыми марками.

3) Годовые подписчики, подписывающіеся на журналъ «Живописное Обозрѣніе» съ разсрочкою взносов, могутъ получить альбомъ «БИБЛІА ВЪ КАРТИНАХЪ» и другія художественныя изданія только по уплатѣ ими сполна годовой подписной суммы за журналъ, а также объявленную стоимость альбома «БИБЛІА ВЪ КАРТИНАХЪ» и другихъ картинъ. Просить гг. подписчиковъ требованія на альбомъ или картины заявлять при подпискѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы новое изданіе романа

ЭМИЛЯ ЗОЛІА «ПОГРОМЪ»

Переводъ П. А. Кайшина. Три части (бездъ сокращеній). Цѣна 75 коп. Въ книгѣ 566 страницъ.

Предлагаемый романъ извѣстнаго талантливаго французскаго писателя полонъ самаго живого интереса, гдѣ, между прочимъ, авторъ художественно знакомитъ читателя съ причинами и со всѣми ужасами воинныхъ дѣйствій, пронесшихся опустошительнымъ ураганомъ по Франціи въ 1870—1871 годахъ.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Требования исполняются съ первою почтой, но только при полученіи денегъ. Для удобства покупателей стоимость книги можетъ быть выслана почтовыми марками.

Складъ изданія при конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе»

Невскій пр. у Аничкина моста, д. 68—40.

Изъ конторъ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».

Романъ изъ жизни червошнихъ вѣлотовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

!! ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОДАРОКЪ !!

8 р. ТОЛЬКО 8 р.

пишущая машина, самая простая изъ всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ. Писать можетъ каждый даже ребенокъ, какъ на 1/2, 1/3 и цѣломъ листѣ, подробное наставленіе прилагается. Высылается немедленно по полученіи 8 руб. задатка. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Большая Морская, 33.

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

КОНСУЭЛО.

(Consuelo).

Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣгьева, 460 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

№ 2305—3

ВЫИГРЫШ

нме 1, 2 и 3 займы проааетъ

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.

59, невскій, спб.

Вышло новое изданіе Ф. ПРАВЕЛКОВА:

НАУЧНЫЯ ЗАБАВЫ Федо.

Популярное описаніе явленій и опытовъ съ ованнхъ на области чувствъ (осзнаніе, обонаніе, вкусъ, слухъ и зрѣніе). Около 200 страницъ, 128 рисунковъ. Цѣна 60 коп. въ переплетѣ 1 руб. 10 коп. № 2489-1

Остерегайтесь поддѣлокъ.

ДѢТСКОЕ РОМАШКОВОЕ МЫЛО Лабораторіи А. Энглундъ.

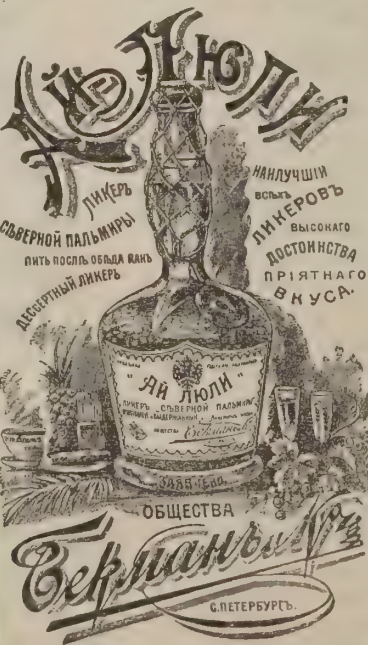

Нейтральное мыло, не содержащее въ себѣ эфирныхъ маселъ. — Рекомендуется какъ туалетное мыло для ежедневнаго употребленія.

Цѣна 30 к.

за кусокъ, съ пересылкою 4 куска 1 руб. 50 коп.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и мафку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. — Главныя склады для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., д. Жеренина. № 2.

Имеется вездѣ. Депо фирмы въ Москвѣ: Лубянская площ. д. Общества Россіи.

Сезонъ 1897 года.

САРАТОВСКІЯ САРПИНКИ

Альбомъ Новый иллюстрированный натуральными образцами САРПИНОКЪ для ПЛАТЬЕВЪ и БѢЛЫХЪ

высылается по требованію за 56 коп., которыя могутъ быть прислаемы почтовыми марками.

Адресъ для требованій

МОСКВА, Петровка, Саратовскимъ фабрикантамъ Торговому Дому

„А. БЕНДЕРЪ съ С-ми и В. БЕНДЕРЪ“.

№ 2492-1

При альбомѣ преис-куррантъ мужскаго и дамскаго бѣлья.

Около 1000 машинъ РЕМИНГТОНЪ въ употребленіи въ Министерствѣхъ въ одномъ Петербургѣ. № 2491-8
Общій сбытъ около 150,000.

Открыта подписка на 1897 годъ:

„НОВОСТИ ДНЯ“ ежедневная газета 8 р. въ годъ

(Годъ изд. XV). На 6 мѣсяцевъ—5 р. на 1 мѣсяць—1 р.

„НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ ежемѣсячный журналъ 3 р. (Годъ изданія VI).

съ еженедѣльнымъ иллюстрир. приложеніемъ „СЕМЬЯ“ 4 р.

„СЕМЬЯ“, еженедѣльное иллюстрирован. изданіе, отдѣльно 2 р. (Годъ изд. IV).

Всѣ три изданія въ годъ 12 руб.

Альбомъ: „КОРОНАЦИОННЫЙ АЛЬБОМЪ“ (изд. „Нов. Дня“) роскош. издан. — 2 р. Адресъ: Москва, „Новости Дня“.

№ 2474-1

ФРИДРИХЪ ВИНТЕРЪ.

ФАБРИКА
И
ДЕПО
ЧАСОВЪ.

Невскій
просп., № 78.

Въ
С.-Петербургѣ.

ЗОЛОТАЯ
медаль

на выставкѣ

въ

Нижнемъ
Новгородѣ

1896 г.

РЕКОМЕНДУЕТЪ ОГРОМНѢЙШІЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ.

Никелевые	отъ 6 р. до 20 р.	Регуляторы двухне-	
Стальные (черные)	8 „ 30	дѣльнаго завода	отъ 15 р. до 100 р.
Серебряные мужскіе	10 „ 100	Столовые часы	4 „ 275
„ „ „ дамскіе	10 „ 30	Будильники	4 „ 100
Золотые	25 „ 225	Симфоніонъ (муз. инстр.)	6 „ 110
„ „ „ мужскіе	40 „ 800	Нодифоны	20 „ 125
Стѣнные часы	2 „ 200	Вашенные часы	125 „ 4000

По желанію гг. покупателей часы высылаются съ наложеннымъ платежемъ.

Подробные прейсъ-курранты высылаются БЕЗПЛАТНО. № 2485-1

Существуетъ съ 1849 года.

Телефонъ № 1337.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ИВАНА ЕКИМОВИЧА МОРОЗОВА

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

С.-Петербургъ. Гостиный дворъ, № № 85, 86 и 87 (по Садовой улицѣ, противъ Пажескаго корпуса).

**БРИЛЛАНТОВЫЯ,
ЗОЛОТЫЯ**

И

СЕРЕБРЯНЫЯ ВЕЩИ

ИЗГОТОВЛЯЮТСЯ

въ собственныхъ мастерскихъ.

ЧАСЫ:

карманные золотые, серебряные и стальные, а также столовые и стѣнные.

ОБРАЗА:

живописные и иконописные, въ серебряныхъ ризахъ и аппликэ.

ЦЕРКОВНЫЯ ВЕЩИ

изъ серебра, бронзы и мельхиора.

Бронзовыя издѣлія

изготавливаются въ собственныхъ мастерскихъ.

ЛАМПЫ:

висячія, столовыя, половыя кабинетныя и стѣнныя изъ бронзы, фарфора, маіолики и композиціонныя.

МЕЛЬХІОРОВЫЯ ВЕЩИ

въ большомъ выборѣ

ЛУЧШАГО ПОСЕРЕБРЕНІЯ.

Постоянно громадный выборъ готоваго товара. Приѣмъ заказовъ.

ТОРГОВЛЯ ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Торговый домъ нашъ не имѣетъ никакихъ отдѣленій.

ПРИ ЗАКАЗАХЪ СЛѢДУЕТЪ ВЫСЫЛАТЬ $\frac{1}{2}$ СТОИМОСТИ ТОВАРА.

ПОДРОБНЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

№ 2493—1.

Поставщикъ Высочайшаго Двора
КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ
СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ И НОВОСТЕЙ
Большая Морская, № 34.

Получилъ много новостей къ праздникамъ.

„ГУНИАДИ ЯНОСЪ“

представляетъ собою продуктъ природы, слабительное дѣйствіе котораго извѣстно. Для нормальн. приема достаточно 1 обмыл. стакана.

Просимъ обратить вниманіе на предохранительную марку «портрета», которая неизменно находится на этикеткѣ каждой бутылки настоя щей воды

ВЛАДѢЛЕЦЪ АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ БУДАПЕШТѢ
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Лучшій подарокъ

КАРМАННЫЕ АМЕРИКАНСКІЕ ЧАСЫ. Самый изящный ходъ, заводъ безъ ключа, въ нихъ цѣпочка новаго золота и два интересныя брелока.

2479—2 ТОЛЬКО 4 руб.

Высылаются немедленно по полученіи пр. задатка. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ Новыхъ Изобрѣтеній, Б. Морская № 33.

ПАМЯТЬ

„ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“
(Что такое мнемоника?)
книжка (седьмое изданіе)

профессора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА и печатныя условія за значимый (письменный) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.) высылаются за шесть 7 коп. мар. на вложенной бумагѣ вмѣстѣ съ условіями—за восемь 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологіи, психологіи, логики и педагогикѣ, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потеряннѣе ея, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую, и лучшей—у обладающихъ хорошей.

Въ несомнѣнной пользѣ и дѣлесеобразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, воины, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. (Условія за курсъ безъ книгъ высылаются за одну 7 коп. марку). Адресъ: Одесса, Галацкая ул. (Сиповича Ж. О. 40) (рядомъ съ Городскимъ садомъ) д. Бродскаго № 640, кв. 4-5-8, бель-этажъ. Профессоръ мнемоники членъ парижской академіи С. Файнштейнъ. № 2298—24.

ПО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ.

НОВОСТЬ!

Рекомендуемъ часы карман. никель-выз мужск. 3р. 25 к. Вороненой стали 4 р. 50 к. Такия-же дамск. 5 р. 50 коп. Сереб. 84 проб. дахуе 7 р. 50 к. Сереб. заводъ ключ. мужск. 7 р. 75 к. тоже Ремонтуръ 9 р. 75 к. Золотые дамскіе 56 проб. заводъ ключ. и на ремонтуръ отъ 19 до 50 рублей Мужскіе отъ 35 до 150 рублей.

Часы карманные накладнаго золота, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ, прекрасной конструки. Элегантной отделки 10 р. 50 к. Къ праздникамъ заготовленъ въ большомъ выборѣ для ПОДАРКОВЪ изящныя гарнитуры, состоящія изъ одной пары золотыхъ серегъ, одного кольца и одной брошки въ 56 пробъ, элегантно отдел. отъ 10 руб. до 15 р. Такия-же гарн. еще съ изящнымъ золотымъ браслетомъ 56 пробъ отъ 25 р. до 75 руб. Изящныя серебряныя элегантныя цѣпочки дамскія отъ 1 р. 50, 2 р. и 3 р. штука. Мужскіе съ брелокомъ въ 2 р. 25 к., 3 и 4 р. Цѣпи накладнаго золота мужскія и дамскія отъ 1 р. 75 до 5 рублей.

Адресъ для требованій:
ДЕПО
Ш. Биткеръ,
Королевская ул. № 51.
г. ВАРШАВА.

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО **ГЛЕППЕНБЕРГЪ** НОВА АМЕРИКАНСКАЯ КОНСТРУКЦІЯ Л. ЭРАТА И Ю. СЛЕ

награда Большая Золотая Медаль въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г.

рояли и пианино америк. констр. со всѣми новѣйш. усовершен. перекрестными струнами, модераторомъ, тушерегуляторомъ, двойн. резонансомъ (новость) и механикою съ самою луч. двойн. респетіею, пріятн. и сильн. тона. Рояли отъ Р. С. 525, 550, 650, 750, 1000 и др. Пианино отъ Р. С. 375, 425, 460, 500, 550, 600 и др. Армониопіано сист. В. И. Главача по особому заказу. Гарантія на пѣтьколько лѣтъ. № 2324—25.

МУЗЫКА! ВСЯКАГО РОДА! МУЗЫКА!

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
МОСКВА, ПЕТРОВКА, ДОМЪ ВОЛКОВА.

заказы исполняются по полученіи 1/3 стоимости наложеннымъ платежѣмъ.

Скрипки въ 2, 3, 5, 8, 10, 15, 25 р. и до 100 р.
Смычки для нихъ въ 50, 75 к. 1, 2, 3 р. и 25 р.
1/2 и 3/4 скрипки въ 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, и 15 р.
Мандолины въ 8, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р.
отъ 15 р. итальянской работы.
Цитры обыкновенныя, концертныя и элегантныя въ 8, 15, 20, 30, 45, 60, 75 и 100 р.
Цитра „Эрата“ съ 36 аккордами въ 18 и 25 р.
„Самоучитель“ къ нимъ 50 коп.
Корнетъ-а-пистоны въ 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 руб.

Флейты отъ 2 руб. Кларнеты отъ 6 руб.
Баррабны дѣтскіе, школьныя, концертныя военныя.
Вальгорны, Рожки, Бубны и Тарелки.
Гармонія цитры на которыхъ въ теченіи 1 часа можно научиться играть 6 р. и 8 р.
Піесы къ нимъ 14 альбомовъ по 50 коп.

амоиграющіе и механическіе инструменты съ ручками.
Музыкальные ящики малые отъ 2 до 10 р.
„Симфоніоны“
№ 1. Съ ручкой. . . . 5 р. Піесы по 25 к.
№ 9. Самоиграющій . . . 10 р. . . . 25 к.
№ 11. Самоигр. щій 40-тонный 20 руб. Піесы по — р. 40 коп.
60-тонный 28 руб. Піесы по — р. 50 коп.
84-тонный 40 руб. Піесы по — р. 60 коп.
№ 8. Sublime Harmonie 70 руб. Піесы по — руб. 80 коп.
№ 12. Piccolo 100-тонный 100 руб. Піесы по 1 руб. — коп.
№ 150. Бол. рѣз. пизц. шкафы отъ 164 тон. 350 р. Піесы по 3 р.
Часы съ музыкой 200 руб. Піесы по 1 рублю.

Механическіе пианино: На которыхъ можно играть руками какъ на обыкновенномъ, а также и посредствомъ верченія ручки 500, 600, 650 и 700 руб.

Лучшихъ русскихъ заграничныхъ фабрикъ.
Рояли отъ 550 руб. до 1000 руб.
Пианино отъ 350 руб. до 700 руб.

Исполненіе всѣхъ заказовъ СКОРОЕ
и ДОБРОСОВѢСТНОЕ.

Народныя Цитры съ 8 дѣтскими нотами 8 руб.
Подкладные листы съ 2-мя піесами по 30 к.

Гитары:

въ 3, 5, 7, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 р.
Гитары отъ 7 р. съ машинкою для струнъ.
Школы для гитары Сырцова ч. I и II по 2 р. 50 к.
Любавина ч. I по 1 руб.

Балалайки въ 2, 3, 4, 7, 10 и 15 руб.

РУЧНЫЯ ГАРМОНИИ
напущающія въ настоящее время
„ПРЕЛЕСТЬ-АККОРДЕОНЫ“:

Дамскія въ 5 р. обыкновенн. размѣр. въ 8, 10 и 14 р.
Двухрядныя въ 20 и 30 р. Трехрядныя 40 р.

„Кремона-Аккордеоны“:

Однорядныя въ 8, 10, 12 р. Двухрядныя 19 руб.
Гармоніи имѣются русскаго и нѣмецкаго строю.

инструменты съ ручками.

Аристонъ дѣтскій 6 р. Піесы по — р. 20 к.

Органъ Дольщина 10 р. Піесы по — р. 25 к.

Интона Органъ 10 руб. Піесы по — р. 35 к.

Серафинъ Органъ 14 р. Піесы по — р. 35 к.

Аристонъ большой 20 р. Піесы по — р. 50 к.

Герофонъ большой 25 р. Піесы по — р. 50 к.

Налюфонъ со стальными голосами 25 р. Піесы по — р. 60 коп.

Каллистонъ со стальными голос. съ барабанами и колокольч. 40 руб. Піесы по — р. 75 коп.

Оркестръ-Монапанъ 55 руб. Піесы по 1 руб.

Піано мелодико въ 70 и 75 руб. Піесы различной длины

Тоже форма стола 90 руб. Тоже самоиграющее 225 р. { за одинъ метръ 60 коп. Піесы за одинъ метръ 90 коп.

Піано Мелодико концертное 150 р. Тоже самоиграющее 400 руб.

Фисгармоніи.

Американской фабрики Стори и Кларкъ въ 180, 200, 250, 300, 400 и до 1000 руб.
Нѣмецкія въ 90, 110, 130, 150, 200, 300 и 400 р.

Иллюстрированный Прейсъ-Курантъ
бесплатно.

Где конторъ журнала «Живоп. Обзоръ»
Сиб., Невскій, д. 68—40 продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
Историческій романъ А. Михайлова.
Цена 1 руб.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться пись-
менно: Банкирскій д. н. Генрихъ Блокъ.
— 2 Сиб., Невскій, 59. № 2361.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопр. лавчери новое изданіе Ф. Павликова:
10-й томъ СОЧИНЕНІЙ ДИККЕНСА (полное собраніе)
Съ портретомъ и биографіей автора.

Въ этомъ томѣ помѣщены: романъ „Ляшка древностей“ и рассказы: „Занесеніе путеше-
ственника не по торговому дѣлаю“, „Станція Мейби“, „Медфогскія записки“, „Рецепты
доктора Меритъ-Фидла“, и „Безъ выхода“. Содержаніе предыдущихъ томовъ: 1-й — „Да-
видъ Копперфильдъ“, 2-й — „Домби и Смитъ“, 3-й — „Холодный домъ“ и Повѣсть о друж-
бѣ горахъ, 4-й — „Крошки Дорритъ“ и „Большія ожиданія“, 5-й — „Нашъ общій другъ“ и
„Оливеръ Твистъ“, 6-й — „Записки Пиквикскаго клуба“ и „Тяжелыя времена“, 7-й —
„Николай Никльбой“ и три „Святочныхъ разсказа“, 8-й — „Маргитъ Чезельвортъ“,
„Римъ рождеству“ и „Затравленъ“, 9-й — „Барини Реджъ“, „Тайна Эдвина Дрюда“ и
„Колокола“. Цена каждаго тома 1 руб. 50 коп.

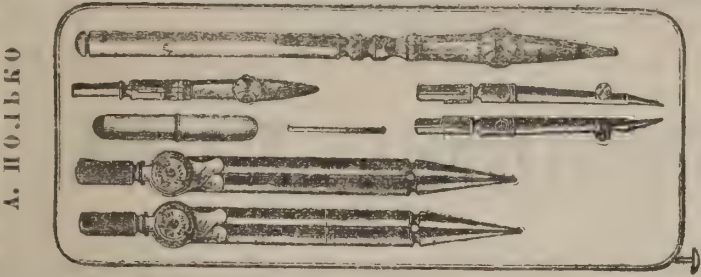
Фирма суш. съ 1848 г.

БЕРЕГИТЕ ВАШИ ГЛАЗА

ЭКОНОМІЯ СЪ ИЗЫСЦЕСТВОМЪ!

Очки и пенсы въ оправкахъ изъ настоящаго наладнаго золота „Double d'or“. Оправы эти, сильно отличающіяся въ цѣнѣ отъ
массовыхъ золотыхъ, имѣютъ видъ настоящей масс. золо-
той издѣл. работы. Цѣна съ перископическими „Periscopique“
стеклами выс. качества, шлифованными согласно научнымъ
вычисленіямъ, съ повѣренными правильными фокусомъ,
съ перес. 4 р. Оправа изъ чистаго золота 56-й пр., загранич. работы 12, 14, 16 руб.,
изъ чистаго никеля 2 руб. 50 коп. ПРИМѢЧАНІЕ: при заказахъ обозначать, какія требуются
стекла, для близорукости или для дальнозоркости, на какомъ разстояніи ясно различаетъ
предметы, употребляетъ-ли имъ уже ранѣе стекла, то какой № и сколько лѣтъ? Адресъ: Я.
Вурцельдорфъ, оптикъ-механикъ, г. Варшава, ул. Королевская № 49—5. Прейсъ-курантъ
бесплатно—высыл. наложен. платежомъ.—NB. Рукажу только за тѣ стекла и оправы,
которыя выходятъ изъ моего магазина. № 2455-1.

ГОТОВАЛНИ наивысшаго достоинства завода Fochon & Lepage à Paris отъ 1 руб.
50 к. до 50 р. и др. чертежные инструменты предлагаются по фабричнымъ цѣнамъ

СКЛАДЪ: А. ПОЛЬКО.

Сиб. Фонтанна, д. № 99. Иллюстрирован. каталогъ при высылкѣ 7 к. марками на пер-
есылку высылается БЕЗПЛАТНО. № 2488-1.

БАЛЬНЫЕ ЦВѢТЫ.

Складъ Р. ЛЮТЕРМАНЪ Мастерская Невскій 34.
Прейсъ-курантъ бесплатно. 2483-1

ФОТОГРАФ. АППАРАТЪ

ТОЛЬКО 5 руб.

не штука, коимъ каждый, даже ре-
беночекъ, можетъ снимать съ натуры
портреты, виды, ландшафты и проч., съ
подробными снимками и руководствомъ.
Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ
изобрѣтеній, Большая Морская 33.
Заказы высыл. немедл. Можно и налож.
платежемъ.

Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и по-
дарковъ за 14 коп. марку. 2468-4

БЮРЕНЪ и К^о.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Внутри Гостиного Двора, № 102—103

Золотопромышленные маши-
ны и ус.ройства:

толчеи, амальгамационные аппараты, обо-
гатители, шиховые очистители, бутары
штокерды, кергерды.

Дробильныя машины всякаго
рода:

камнеомы, вальцовыя мельницы, патен о-
ванныя шаровыя мельницы съ постояннымъ
пускомъ и выпускомъ, бѣгуны, простыя
и двойныя мельницы „Эксельзиоръ“.

Всѣ машины, аппараты и при-
надлежности для обогащенія
рудъ.

Полныя устройства заводовъ:
цементныхъ, шашотныхъ, химическихъ,
удобрительныхъ веществъ, и для соляныхъ,
костомольныхъ, мукомольныхъ и маслобѣ-
ныхъ мельницъ.

Прокатныя машины
для жести, проволоки и желѣза разнаго
калибра, равно какъ для мѣди, свинца,
платины, серебра и пр.

Вальцы изъ закаленной го чу-
гуна

для мельничнаго, металлическаго, суконна-
го, резинового и бумажнаго производства.

Гидравлическіе прессы для
свинцовыхъ трубъ.

ПАРОВЫЕ КОТЛЫ.

Паровыя машины, локомобили, газовыя двига-
тели, краны всѣхъ системъ.

Устройство доменныхъ печей.
Токарныя станки всевозможныхъ системъ
машины для сверленія, строительныя машины.

По полученіи запроса немедленно точныя
и подробныя отвѣты. При заказѣ бесплат-
но составленіе смѣтъ, чертежей, анали-
зовъ и пр.

Агентъ для Урала:
В. К. ПАВЛОВСКІЙ

гор. Верхнеуральскъ, Оренбургск. гус.

Торговый домъ А. Е. Кулаковъ въ С.-Петербургѣ, Садовая ул., 33.

ВСЕ ДЕШЕВО
и
ЛУЧШАГО
КАЧЕСТВА.

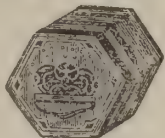
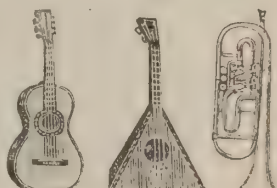

ТЫСЯЧИ
ЛЕСТНЫХЪ
ОТЗЫВОВЪ.

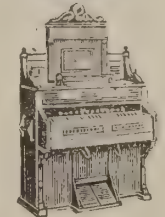
Торговый домъ музыкальныхъ инструментовъ
А. Е. КУЛАКОВЪ
Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Садовая улица, 33.

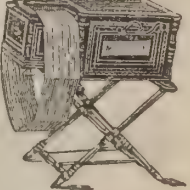
СКРИПКИ 1 р. 50 к. до 200 р.
ГИТАРЫ 2 р. — „ 150 „
МАНДОЛИНЫ 7 „ — „ 100 „
БАЛАЛАЙКИ 2 „ — „ 50 „
ЦИТРЫ 7 „ — „ 100 „
КОРНЕТЫ 10 „ — „ 100 „
ФЛЕЙТЫ 1 „ 50 „ 150 „

КОНЦЕРТИННЫ
пѣмечки и англійскія
отъ 2 р. 25 к. до 200 р.
ГАРМОНИФ.ЮТЫ
10 р., 15 р., 45 р. и 60 р.
ФИСГАРМОНИИ
85 р., 110 р. до 300 р.
ПИАНИНО
375 р., 425 р., 475 р.
ОРКЕСТРІОНЫ
200 р., 250 р., 400 р.
ПИАНО-МЕЛОДИКО
60 р. и 85 р.
ПИАНО-КОНЦЕРТО
150 р. и 350 р.
ПОЛИФОНЫ
8 р., 18 р., 35 р., 60 р., 110 р.
и 165 р.
СИМФОНІОНЫ
4 р. 50 к., 9 р., 17 р., 25 р.,
55 р. и до 190 р.
ЧАСЫ СЪ МУЗЫКОЙ
75 р., 160 р. и 190 р.

ОРГАНЫ
И Н Т О Н А
8 руб., ноты 30 коп.
ГЕ.Н.КОНЪ
5 р., ноты 15 коп.
АРИОЗА
12 руб., ноты 40 коп.
АРИСТОНЪ
17 руб., ноты 40 коп.
МАНОНАНЪ
27 руб., ноты 60 коп.
ФЕНИКСЪ
23 руб., ноты 50 коп.
КАРИ.ПОНЪ
25 руб., ноты 60 коп.
ВЪН.СКІЯ
ГАРМОНИИ
20 р., 30 р., и 50 руб.
НѢМ.ЕЦКІЯ
ГАРМОНИИ
отъ 3 руб. до 75 руб.
ЦИТРЫ НАРОДНЫЯ
отъ 2 р. 50 к. до 40 руб.

Подробный роскошно иллюстрированный
юбилейный прейсъ-курантъ высылается
бесплатно. 2305—11
ЗАКАЗЫ ИЗЪ ПРОВИНЦІИ ИСПОЛНЯЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО И АКУРАТНО.

Торговый домъ А. Е. Кулаковъ въ С.-Петербургѣ, Садовая ул., 33.

1897. — БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ — 1897.
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

◆◆ ИЗДАНИЕ СУЩЕСТВУЕТЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДВА ГОДА. ◆◆

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «Живописное Обозрѣніе» даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать ВАЖНЫЯ И СУЩЕСТВЕННЫЯ УЛУЧШЕНІЯ въ изданіи, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія ВЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛѢЕ противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшнго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, НЕ ВОЗВЫШАЯ ПРЕЖНЕЙ СКРОМНОЙ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ, что, въ общемъ, дастъ гг. подписчикамъ—

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ,
ДАЮЩИХЪ МАССУ НОВАГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ХУДОЖЕСТВЕННАГО МАТЕРІАЛА.

1) ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ, ВЪ КОТОРЫЙ ВХОДЯТЪ: ПЯТЬДЕСЯТЬ ДВА РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА БОЛЬШОГО ФОРМАТА, ОТПЕЧАТАННЫХЪ НА ВЫСОКАГО ДОСТОИНСТВА БѢЛОЙ ВЕЛЕНЕВОЙ БУМАГѢ.

Кромѣ того, при еженедѣльныхъ номерахъ журнала въ теченіе года, по прежнему, будетъ выдано:
I. 40 номеровъ—«Хроника событій за недѣлю». Это приложение выходитъ въ видѣ еженедѣльной газеты и знакомитъ со всѣми выдающимися событіями въ мірѣ.—II. 12 номеровъ «Парижскихъ Новѣйшихъ Модъ», съ рисунками, воспроизведенными по моделямъ лучшихъ модныхъ парижскихъ мастерскихъ, выходящихъ одинъ разъ въ мѣсяцъ.—III. 12 выкроекъ въ натуральную величину, съ костюмовъ, обрабатывающихъ вниманіе своею практичностью и изяществомъ.—IV. 12 раскрашенныхъ рисунковъ («Модные дамскіе костюмы» и «Образцы дамскихъ изящныхъ рукодѣлій»).—V. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ и костюмовъ, — шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) различныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.) русскихъ и иностранныхъ композиторовъ (для фортепіано и пѣнія).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ВЪ ЖУРНАЛѢ

Съ 1896 года въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе» введены громадныя улучшенія въ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложенияхъ, а теперь, съ 1897 года, вводятся не менѣе важныя усовершенствованія и въ художественномъ отдѣлѣ, а именно:

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

СЪ КАРТИНАМИ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,
ОТПЕЧАТАННЫМИ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ

(ПО ОБРАЗЦУ ДОРОГИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ).

2) Ежемѣсячное большое литературное приложение, состоящее въ годѣ—

12—ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ—12
(КАЖДЫЙ ТОМЪ ВЫХОДИТЪ ВЪ ОБЪЕМѢ И ФОРМАТѢ КНИГЪ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ» И ДР. ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ДОРОГИХЪ ЖУРНАЛОВЪ).
ВЪ СОСТАВЪ КАЖДАГО ТОМА ВХОДЯТЪ:
НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ (СОВРЕМЕННЫЕ, ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, А ТАКЖЕ СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЮБИМЫХЪ ПОЭТОВЪ.

Въ предлагаемыхъ ДВѢНАДЦАТИ БОЛЬШИХЪ ТОМАХЪ, выдаваемыхъ безплатно ежемѣсячно (1—10 числа), при еженедѣльныхъ номерахъ журнала «Живописное Обозрѣніе», помѣщаются только **НОВЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ**, а не перепечатки старыхъ сочиненій, какъ это практикуется въ некоторыхъ изданіяхъ. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно **ОДИНЪ** или **ДВА** законченныхъ романа, научныя и селско-хозяйственныя новости, смѣсь и проч. Вообще обиліе и разнообразіе новаго интереснаго литературнаго матеріала для легкаго чтенія, помѣщаемого въ этихъ томахъ, вполне замѣняетъ дорогой ежемѣсячный журналъ.

Кромѣ того, въ ежемѣсячныхъ книгахъ будутъ помѣщаться **ПОРТРЕТЫ** писателей и художественныя **ИЛЛЮСТРАЦИИ** къ романамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ.

НА ГОДЪ (съ доставкой въ Спб. и пересылкою по Имперіи): 8 рублей. — Безъ доставки: въ Спб. 7 руб. 50 коп. — Въ Москвѣ 7 руб. 75 копѣекъ.
НА ПОЛГОДА (съ доставкой) — 4 рубля. — **НА ТРИ МѢСЯЦА** — 2 рубля. За границу на годъ — 16 рублей.

Годовой экземпляръ журнала «Живописное Обозрѣніе», печатающійся для ЛЮБИТЕЛЕЙ на слоеной бумагѣ (разсылаемый безъ сгиба) съ приложеніемъ двѣнадцати большихъ книгъ (съ доставкой) — 15 рублей.

РАЗСРОЧКА ВЗНОСОВЪ НА ДРУГІЕ СРОКИ ДОПУСКАЕТСЯ для гг. служащихъ въ казенныхъ и въ другихъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и прочихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ, а для другихъ лицъ исключительно по соглашенію съ Главной Конторой журнала (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 68—40).

Подписывающіеся на журналъ съ разсрочкою доплачиваютъ при первомъ взносѣ 50 коп. за лишнее печатаніе адресовъ.

Вмѣсто изготовленія новыхъ олеографическихъ картинъ, въ видѣ премій, мы приступили къ новому, очень сложному и роскошному художественному изданію, по нашему мнѣнію, не только полезному, но даже почти необходимому для каждой семьи, а именно:

НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ—

БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ

(200 КАРТИНЪ СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ И ВЪ ИЗЯЩНОЙ ОБЕРТКѢ).

Полнаго альбома картинъ Густава Дорэ къ Ветхому и Новому завету—до сихъ поръ НЕ БЫЛО не рѣшились пополнить существующій пробѣлъ и употребимъ всѣ усилія дать это изданіе подписчикамъ нашихъ изданій въ возможно лучшемъ видѣ, при чемъ нѣкоторыя картины будутъ даже, стоить 40 рублей за экземпляръ, что, понятно, большинству недоступно, а потому мы отпечатаемъ цвѣтными красками въ нѣсколько тоновъ.

ЦѢНА АЛЬБОМА СЪ ДОСТАВКОЮ для годовыхъ подписчиковъ журнала «Живописное Обозрѣніе»—ОДИНЪ РУБЛЬ 50 коп.

Крайне дешевая цѣна за это изданіе назначена нами только для ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ, Во всякомъ случаѣ, по выходѣ въ свѣтъ этого изданія, цѣна на него въ отдѣльной продажѣ бы и подписавшихся съ разсрочкою взносовъ, но заявившихъ объ этомъ при подпискѣ, — даже будетъ значительно повышена.

Подписчики, подписывающіеся на журналъ «Живописное Обозрѣніе» съ разсрочкою, могутъ получить альбомъ—«**БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ**», а также и другія художественныя изданія, только по уплатѣ ими сполна подписной годовой суммы и объявленной стоимости за альбомъ и картины.

Годовые подписчики, желающіе получить, въ видѣ премій, художественныя изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Аѳонъ при лунномъ освѣщеніи», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другія за прежніе года, уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкой—ОДИНЪ рубль. Безъ доставки—75 к.

Главная контора: Невскій пр., у Аничкина м., д. № 68—40.

№ 51 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ трехъ листовъ, съ 8-ю рисунками, а именно: I) два листа текста, II) «Еженедѣльная хроника» № 51-й и III) Объясненія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБЗОРЕНИЕ

ВОЛХВЫ.

(ПѢ РИСУНКУ НА 458 СТРАН.)

Бдуть они неоглядною степью
На поклоненье къ Младенцу-Христу;
Звѣзды надъ ними алмазною цѣпью
Ярко горятъ, озаривъ темноту

* * *

Молча сгупаетъ верблюды за верблюдомъ,
Въ сонной тиши колокольцы гремятъ;
Изумлены совершившимся чудомъ,
Тихо волхвы въ темнотѣ говорятъ.

* * *

Пальмъ неподвижныхъ гигантскія тѣни,
Переплетаясь, легли на песокъ;
Путь указываетъ съ лазоревой сѣни
Старцамъ угрюмымъ звѣзда на Востокъ,

* * *

Гдѣ возсіяло нежданное чудо,
Гдѣ совершилось Христа Рождество,
Люди, погрязшіе въ мракѣ, откуда
Чаютъ спасенья для міра всего.

* * *

Въ бѣдности жалкой—сокровищъ источникъ,
Свѣтомъ пролившій любви благодать,
Въ мракѣ блеснувшій, какъ мѣсяцъ-полночникъ,
Давшій о свѣтѣ и жизни понять.

* * *

Съ Тѣмъ, Кто принесъ своимъ тайнымъ рожденьемъ
Съ неба на землю спасенье и свѣтъ,
Съ Тѣмъ, Кто любовью и дивнымъ ученьемъ
Міру оставилъ великія завѣты!

Леонидъ Афанасьевъ.

* * *

Въ хрупкомъ созданьи—могучая сила,
Всесцѣляющій жизненный лучъ;
Робость миліоны людей покорила;
Слабость открыла могущества ключъ.

* * *

Бдуть волхвы неоглядною степью,
Путь ихъ короче и сумракъ блѣднѣй..
Вотъ ужъ хо-мы развернулись цѣпью
Въ сѣрой дали, извиваясь, какъ змѣй.

* * *

Вотъ ужъ видны очертанья селеній,
Тонущихъ въ дымкѣ таинственной мглы;
Вотъ ужъ встаютъ, какъ гигантскія тѣни,
Горъ кремнистыхъ крутые уалы.

* * *

Идутъ верблюды пустынной дорогой,
Рѣющій сумракъ недвижимъ и нѣмъ,
Скоро предъ ними и городъ убогій,
Бѣдности городъ—святой Вифлеемъ.

* * *

Скоро и кровли завѣтнаго хлѣба,
И, средь убожества, въ бѣдныхъ стѣнахъ,
Матерь святая—пречистая Дѣва,
Съ свѣточемъ міра—Младенцемъ въ рукахъ.

* * *

ПЕРЕДЪ ЗАМУЖЕСТВОМЪ.

РАЗСКАЗЪ.

—♦—

— Такъ будить тебя, что-ли, къ ранней то? Или ты такъ пошутила?—недовѣрчиво спросила няня Агаповна, помогая своей большой барышнѣ укладываться на ночь въ постель.

— Непремѣнно разбуди, няня. Да смотри, не уйди безъ меня! Общаешь?—горячо заговорила Лива, увертываясь въ одѣяло и безпричинно смѣясь.—Общай, нянюся!

— Да ужъ ладно, если не шутишь,—отвѣтила старуха, все еще съ видимымъ недовѣріемъ,—мнѣ побудить не трудно, только развѣ тебѣ встать? Ранняя-то, знаешь, завтра въ пять часовъ. Праздникъ-то какой!..

— Ну такъ что-жъ, что въ пять? Я встану

— А мамаша не разсердится на меня? Да что—мамаша! Вотъ придетъ завтра Алексѣй Александровичъ, да и начнетъ меня старуху, бранить: «что, скажетъ, старая, изъ ума выжила? Моей невѣстѣ покою не дала. Отчего у красавицы сегодня глазки не веселы?» Что я ему тогда скажу?

Лива весело смѣялась, выглядывая изъ-подъ одѣяла.

— Не спросить, няня,—сказала она:—и глазки веселы будутъ, не бойся. Развѣ мнѣ теперь можетъ быть не весело?

— Ну, и спи скорѣй, коли такъ. Нечего зря время проводить. Да чего это тебѣ

вздумалось-то непременно къ ранней? Выхала бы съ мамашей...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я ужъ такъ хочу! — воскликнула Лива.—Слышишь, няня: мнѣ такъ надо!

— А если хочешь, значить такъ тому и быть,—спокойно замѣтила старуха и потушила лампу.—Спи, Алексѣтина Николаевна. Раннимъ-ранехонько приду.

Няня ушла. Но Ливѣ не хотѣлось спать, и она лежала въ темнотѣ съ широко раскрытыми, улыбающимися глазами. Это послѣднее время Лива чувствовала себя положительно слишкомъ счастливою. Свѣтлое, радостное настроеніе не покидало ее ни на минуту; стоило ей пожелать чего-нибудь, какъ это желаніе уже исполнялось, но кромѣ того, каждый день приносилъ съ собой какой-нибудь сюрпризъ, какую-нибудь восхитительную неожиданность. Впрочемъ, нельзя было не признать, что радости Ливы, которыя такъ наполнили теперь ея жизнь, были нѣсколько однообразны и что Лива сама не была слишкомъ требовательной и строгой. Ливѣ едва минуло двадцать лѣтъ, а въ эти года чувство любви даетъ именно то счастье, которое можно испытать только одинъ разъ въ жизни и не забыть уже больше никогда. Лива любила и готовилась стать

женою любимого человѣка, и эта любовь не встрѣтившая ни малѣйшихъ преградъ, превращала теперь ея жизнь въ сплошной праздникъ. Стоило ей увидеть еще издали стройную фигуру Алексѣя Александровича, услышать его голосъ, какъ все окружающее словно освѣщалось ярче, приобретало неожиданную прелесть, а въ груди Ливы разгоралась жгучая радость, отъ которой лицо дѣвушки хорошѣло еще больше и принимало глубокое, трогательное выраженіе. Когда встрѣча являлась неожиданною, она дѣлала Ливу еще болѣе счастливою, и тогда дѣвушка уже не могла скрыть своего чувства; Алексѣй Александровичъ замѣчалъ ея радость, или чувствовалъ ее самъ и не скупился на неожиданности.

— Лива! это безуміе! — съ ласковымъ укоромъ восклицала мать Ливы, замѣчая внезапную блѣдность дочери и яркій блескъ ея глазъ, — но неужели же вы не достаточно выдаетесь и говорите по вечерамъ?

Лива краснѣла и виновато улыбалась.

— Мама! — говорила она иногда, когда онѣ съ матерью были одни, — мама, милая!

Она наклонялась къ уху матери и ложилась щекой на ея плечо.

— Мама! я такъ люблю его, такъ люблю...

И вдругъ она начинала плакать.

— Да о чемъ же, дурочка? О чемъ плакать? Ну, любишь... Ну, и Христосъ съ вами. Вѣдь и онъ тебя любитъ, Лива. Полно, дѣвочка!—ласково говорила мама.

Но и плакать было хорошо и отрадно, потому-что Лива знала, что «онъ», конечно, тоже любитъ, а мама ласкала и цѣловала головку дочери и у нея тоже почему-то на глазахъ навертывались слезы.

Лива чувствовала себя слишкомъ счастливою, но это счастье напрягало ея нервы и, не отдавая себѣ отчета въ своемъ чувствѣ, она безсознательно искала отдыха и возможности сосредоточиться въ самой себѣ. Теперь, лежа въ постели, она думала о томъ, что вставать, будетъ темно и холодно, что улицы будутъ пусты, а въ церкви, тоже темной и пустой, будетъ толпиться народъ и стоять будетъ тѣсно и неудобно. Но все это не пугало ее, а радовало. И когда она подумала о томъ, что въ то время, какъ она будетъ молиться въ церкви, ея женихъ будетъ спать и что на этотъ разъ самая неожиданная встрѣча съ нимъ невозможна, она не огорчилась и не почувствовала обычной въ этихъ случаяхъ скуки.

Въ четыре часа въ ея комнату тихо, въ однихъ чулкахъ, вошла няня, поставила свѣчу на умывальникъ и потрясла Ливу за плечо.

— Вставай, Алевтина Николаевна, вставай, голубка! Никакъ ужъ ударяютъ, — сказала няня.

Лива проснулась, шурялась и никакъ не могла открыть глазъ. Она видѣла передъ собой огонь свѣчи, но кругомъ этого огня располагались радужные круги и наполняли комнату сіяніемъ, которое ослѣпляло Ливу и заставляло ее отворачиваться къ стѣнѣ.

— Да ты что-же? Не встанешь, должно? Уйти, что-ли?—спрашивала няня.

— А зачѣмъ мнѣ вставать?—соображала Лива.—Идти съ няней въ церковь. Развѣ это необходимо? Въ церкви темно, а вставать и одѣваться холодно.

— Холодно, няня?—спросила Лива.

— А почему мнѣ знать? Должно быть, не тепло. Будешь, что-ли, вставать?

Лива вспомнила свои мечты о молитвѣ и вдругъ всколыхнулась.

— Вотъ это такъ!—похвалила няня.—Идемъ-ка, идемъ... И какъ тебѣ не молиться, когда Богъ тебѣ судьбу посылаетъ. Одѣвайся-ка, а я пойду соберусь.

Няня вышла безшумно, какъ тѣнь.

Теперь свѣча уже не слѣпила Ливу; она горѣла тускло, едва освѣщая комнату, колыхаясь отъ движений воздуха и колыхая за собой цѣлый рядъ тѣней по потолку и стѣнамъ. Не хотѣлось думать ни о счастіи, ни о молитвѣ; хотѣлось броситься въ теплую, смятую постель, закутаться потѣпѣе одѣяломъ и не бороться больше противъ той силы, которая смыкала вѣки и нагоняла сладкую обезсильвающую нѣгу.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я буду жалѣть! — подбодряла себя Лива. Она быстро умылась и пригладила волосы, не переключая своихъ длинныхъ густыхъ косъ.

— Никакъ еще рано, — шепотомъ заговорила няня, появившись въ дверяхъ въ шубѣ и платкѣ. — Послышалось мнѣ наемни, что ударили гдѣ-то, а теперь и не слышать.

— Ну, не бѣда, — сказала Лива. — Не надо будетъ пробираться сквозь толпу. Посидимъ, подождемъ.

Няня взяла съ умывальника свѣчу, и онѣ пошли по дому, по тихимъ темнымъ комнатамъ, которые, казалось, тоже были погружены въ сонъ.

Въ передней ждала горничная, полуодѣтая и сонная.

— Рано идете, — сказала она, зѣвая. — Вѣдь ужъ няня какъ соберется, такъ спозаранку. Еще благовѣсту не слышно.

— Ну, не слышно!—неожиданно обидѣлась няня. — Какъ же это я слышала? Выдумала я, что-ли?

— А я-то что же не слышала?

— Ты? Да ты развѣ что услышишь, если я тебя насилу дотолкала.

На улицѣ было темно. Мела вьюга и снѣгъ свертывался воронкой, поднимался высоко и опять разлетался во все стороны. Пламя фонарей колыhalось и давало мало свѣту.

— Ишь, погода! — сказала няня. — Для праздника-то великаго...

Онѣ пошли медленно, наклоняя головы и зажмуриваясь отъ вѣтра и снѣга. Няня боялась поскользнуться и сѣменила ногами, едва подвигаясь впередъ. Лива думала объ Алексѣ Александровичѣ и опять чувствовала странное удовольствіе при мысли, что онъ теперь спитъ и что она никакъ, никакъ не можетъ встрѣтить его. Она чувствовала холодъ и обычный утренній ознобъ, но на душѣ у нея было хорошо и непривычно спокойно.

Церковь была недалеко, но когда онѣ женщины добрались до нея и вошли на паперть по занесеннымъ снѣгомъ ступенямъ, дверь оказалась запертой.

Кругомъ было тихо и безлюдно и только вѣтеръ гулялъ свободнѣе, захватывая по дорогѣ свѣжій снѣгъ и наматывая кругомъ церкви высокіе сугробы.

— Знать я и впрямь ослышалась, — сказала няня, дергая и толкая запертую дверь церкви. — Ишь ты! заперто еще.

Лива засмѣялась.

— Будемъ ждать, — сказала она.

— Какъ тутъ ждать, когда снѣгомъ такъ и заноситъ, такъ и заноситъ!—ворчливо вскрикнула няня.

— Ну, пойдемъ гулять!—смѣясь, предложила Лива.

— Тебѣ-бы все шутки шутить!—обидѣлась няня, — а я и такъ насилу ноги доволокла.

— Такъ какъ же быть? Чего же ты сердишься?

— Чего сержусь? А того и сержусь! Хорошо, что ли, надъ старухой смѣяться?

— Заперто еще, заперто, — сказалъ сторожъ, проходя мимо и сбивая съ себя рукавицами снѣгъ.

— Видимъ, что заперто, — отвѣтила няня. — Домой, что-ли, идти? Что у васъ поздно-то такъ?

— Гдѣ поздно! теперь еще рано, — сказалъ сторожъ. — А хотите обождать, такъ въ богадѣльнѣ можно. Вотъ огонь-то свѣтитъ. Туда пустять.

— Вотъ спасибо, милый человѣкъ, что надоумилъ, — обрадовалась няня. — Да только пустять-ли?

— Ничего, идите. Пустять, пустять, — отвѣтилъ сторожъ. — Тамъ ужъ, небось, и сейчасъ народъ дожидается.

Когда Лива съ няней вошли въ «чи-

стую» комнату богадѣльни, тамъ уже, дѣйствительно, было людно: сидѣли на лавкахъ, на табуретахъ. На столѣ горѣла маленькая жестяная лампочка.

— Пустите, миленькіе, обождать. На дворѣ-то вьюга, — сказала няня.

Никто не отвѣтилъ, но все присутствующіе внимательно оглядѣли и ее и дѣвушку.

— Господи Иисусе Христе! — громко вздохнула няня, крестясь на образа, передъ которыми горѣла лампадка.

— Сѣсть-то здѣсь негдѣ?

Кто-то молча подвинулся и освободилъ мѣсто.

— Должно, въ шесть ранняя-то?—спросила няня.

— Въ шесть, — вяло отвѣтилъ кто-то.

— А я-то свою барышню подняла! Показалось мнѣ, старой, что ударили. Стульчикъ-бы барышнѣ-то!—суетливо говорила няня.

— А вотъ, барышня, пожалуйста въ соседнюю комнату. Вамъ то можно. Здѣсь двери отворяютъ: какъ-бы не застудились, — предложила женщина, одѣтая въ ситцевое платье съ засученными рукавами.

— Иди, Лива, иди!—подтвердила няня.

Лива вошла въ полутемное помѣщеніе, освѣщенное двумя или тремя лампадами. Поперекъ всей комнаты стояли кровати.

— Старушки-то еще не вставали; спать еще, — сказала женщина. — Вотъ садитесь сюда. Скоро теперь и благовѣститъ будутъ.

Лива сѣла на табуретку и стала приглядываться къ окружающему. Спертый воздухъ комнаты сразу сжалъ ей горло. Она брезгливо отодвинулась отъ кучи тряпья, которое оказалось рядомъ съ ней, но такое-же странное тряпье лежало на полу и висѣло по стѣнамъ. При свѣтѣ лампадъ она увидала сперва на кроватяхъ очертанія лежащихъ фигуръ; теперь, приглядѣвшись, она стала различать головы на подушкахъ и даже нѣкоторые лица. Одна старуха сидѣла на кровати и кашляла. Она кашляла такъ долго и какъ-то систематично, что, казалось, не должна была перестать никогда. Лива глядѣла на ея согнутую дугой спину и думала, что она сохраняетъ это положеніе для того, чтобы кашлять было легче. Но когда старуха, наконецъ, кончила и встала на ноги, она оказалась сгорбленной на столько, что ея голова не поднялась выше колѣнъ. Она пошарила у себя подъ матрацемъ и потомъ легла, все не разгибая спины, едва утѣхаясь на своей узкой жесткой постели. Другія старухи тоже кашляли, вздыхали и громко бормотали какія-то невнятные слова. Изрѣдка одна изъ старухъ произносила краткую молитву и опять умолкала.

Казалось, онѣ не спали, а томились на своихъ жесткихъ постеляхъ въ спертомъ воздухѣ комнаты, завѣшанной и заваленной тряпьемъ. Лампадки мигали и потрескивали, какъ будто и имъ не было на-стоящаго покоя.

Скрюченная старуха опять залилась кашлемъ, завопилась и сѣла на кровати, опустивъ голову къ колѣнямъ, которые будто притягивали ее.

Вдругъ кто-то не то крикнулъ, не то застоналъ. Лива вздрогнула, но никто, кромѣ нея, не обратилъ вниманія на этотъ стонъ, какъ будто здѣсь, среди этого ти-

РИСОВАЛЪ ХУДОЖНИКЪ ГУСТАВЪ ДОРЭ.

«Волхвы».

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Л. КНАУСЪ.

«Бѣгство въ Египетъ».

гостнаго соннаго томленія, всякое выраженія страданія было обычнымъ и естественнымъ явленіемъ.

— И это тоже жизнь!—думала Лива.— И у этихъ несчастныхъ старухъ есть свои интересы, свои радости, которыя привязываютъ ихъ къ землѣ. Кто знаетъ? Есть, можетъ быть, среди нихъ такія, которыя считаютъ себя счастливыми, потому что не видали лучшихъ дней.

Ей припомнилась банка съ червями, которую она часто видала лѣтомъ у брата Коли. Въ черной сырой землѣ черви шевелились, ползали и приподнимались передней частью туловища. Но они были слѣпы и не видали солнечнаго свѣта и не стремились къ нему.

— Знаютъ-ли онѣ, какое бываетъ настоящее счастье?—опять думала Лива о старухахъ,—развѣ онѣ любили? И развѣ ихъ любилъ кто-нибудь?

Вдругъ близко и гулко раздался первый ударъ колокола и наполнилъ душную атмосферу комнаты. За стѣной зашевелились и задвигали скамейками.

— Вставайте, старушки!—сказала женщина съ засученными рукавами, появляясь на порогѣ.

Старушки не отвѣчали. Онѣ кашляли, вздыхали, и видно было, что пробужденіе для нихъ такъ же тягостно и томительно, какъ томителенъ былъ сонъ.

Началось одѣваніе. Длинные костявые руки влизили въ рукава, поднимались и опускались неловкими движеніями; головы съ остатками сѣдыхъ включенныхъ волосъ вздрагивали отъ кашля, тряслись отъ старости... Слышались разговоры.

— Семитку-то ты мнѣ отдала?—спрашивалъ хриплый старческий голосъ.—Подай, подавай!

— Да не размѣнена. Ну!—сердито отвѣчалъ другой голосъ, грубый и вздрагивающій.

— Давай неразмѣненныя, давай! Знаю я тебя.

— Чего знаешь? Тебѣ вотъ повѣрить, никогда нельзя.

Старухи ссорились, бранились, но слова ихъ ссоры заглушались залихватнымъ кашлемъ ужаснаго существа, принявшаго форму обруча. Въ углу одна фигура, наклоняясь къ другой, кричала ей на ухо, шамкая и шепелявя:

— Отецъ Дмитрій приказалъ...

— Не слышу!—отвѣчала фигура.

— Отецъ Дмитрій приказалъ... приказалъ... отецъ...—надрывалась первая фигура.

— Не слышу!—повторяла другая.

— И отдашь неразмѣненныя! отдашь!—слышался опять хриплый и дрожащій отъ злобы голосъ.

— Барышня, пожалуйста, васъ кличутъ,—сказала женщина въ засученныхъ рукавахъ, отворяя дверь. Лива быстро встала и вышла въ сосѣднюю комнату.

— Богатый онъ, да знатный. Имѣніевъ у нихъ во всѣхъ губерніяхъ,—повѣствовала няня, сидя на лавкѣ. Какая-то женщина въ байковомъ платкѣ, съ широкимъ румянымъ лицомъ, слушала ее и покачивала головой, какъ будто нинины слова были прекрасной музыкой. Лива поняла, что няня рассказываетъ о ней и о ея женихѣ, и вдругъ радость охватила ее и она покраснѣла отъ счастья.

— Ишь, богадѣльня!—сказала няня,

когда онѣ опять вышли на воздухъ.—Старушки живутъ. Буду стара и ни на какое дѣло не пригодна, ты меня тоже въ богадѣльню опредѣли.

— Ни за что!—вскрикнула Лива, подѣлываясь впечатлѣніемъ тѣхъ минутъ, которыя она только что провела,—никогда!

— Да кто-же будетъ держать-то меня старую, да хворую? Ты-то у насъ просто-та, ты бы и не погнушалась старухой нянькой, да не одна твоя будетъ волюшка, а какъ еще Алексѣй Александровичъ прикажутъ—спокойно, безъ малѣйшей горечи замѣтила няня.—Тебѣ Богъ такую судьбу посылаетъ! Другая такого жениха и во снѣ не видала. Не какой-нибудь... А въ богадѣльнѣ чѣмъ худо? Живутъ себѣ старушки, никто ихъ не трогаетъ и никому онѣ не мѣшаютъ. И служба Божія близко, и все...

Няня съ умиленіемъ вздохнула, и стала взбираться на ступеньки церковной паперти. Лива поглядѣла ей вслѣдъ, и вдругъ, въ первый разъ съ начала ея большого счастья, она подумала о томъ, что въ сущности ничего въ мірѣ не измѣнилось, что не смотря на радость, которая почти оняняла ее, Ливу, кругомъ нея люди не переставали старѣться, болѣть, страдать, взывать о помощи... Ничто не измѣнилось, ничто не стало лучше, и только на долю ея выпало еще неизвѣданное ею свѣтлое чувство и захватило ее всю. Ей одной стало такъ хорошо, что она перестала думать о другихъ, отдалилась отъ нихъ, словно порвала всякую связь съ тѣмъ, что окружало ее. Лива вспомнила чувство безгнѣвности и превосходства, которое только что испытала при видѣ больныхъ старухъ, и подумала о томъ, что и няня ея кашляетъ по утрамъ и что волосы ея такъ же сѣды и рѣдки и торчатъ безпорядочно и некрасиво, когда Лива, шутя, сдергиваетъ съ нея ея неизмѣнный темный платочекъ.

Церковь была еще пуста и темна. Тяжелые шаги служителя гулко раздавались то здѣсь, то тамъ; передъ иконами кое-гдѣ свѣтились лампады и тоненькія восковые свѣчи. Служба еще не начиналась. Лива слѣдила за няней, которая усердно клала земные поклоны и шептала что-то, покачивая головой. Почему-то ей стало страшно. Въ этой большой, холодной церкви ее словно сторожили неожиданные вопросы и она сознавала себя неподготовленной и слабой. Въ душѣ ея поднимались эгоистичное требованіе счастья и громадная боязнь потерять его, но когда она представляла себѣ мысленно того, кому уже отдала свое сердце, она уже не ощущала прежняго блаженнаго покоя.

— А если онъ не будетъ любить тѣхъ, кого я люблю? Жалѣть тѣхъ, кого я жалѣю?—спрашивала себя Лива.—Я люблю его! Но отчего я устала? Отчего мое счастье такъ порывисто и такъ тревожно?

Она смутно сознала то, что составляло теперь ея наибольшую заботу: она хотѣла быть красивой, только красивой, потому что такой она нравилась Алексѣю Александровичу и хотѣла нравиться ему еще больше.

— Отчего мнѣ не легко, не просто съ нимъ, какъ легко и просто съ мамой, съ няней? А я такъ сильно, такъ мучительно его люблю!

Къ подъѣзчику подбѣжали двѣ старуш-

ки изъ богадѣлокъ; онѣ стали ставить свѣчи, и Лива поняла по ихъ лицамъ и жестамъ, что онѣ спорили и ссорились между собой. Обѣ онѣ были маленькія, темненькія и у обѣихъ руки тряслись не то отъ старости, не то отъ гнѣва. Наконецъ, онѣ разбѣжались и стали усердно молиться передъ образами, кланяясь и касаясь пола вытянутыми пальцами руки.

Народу становилось все больше и больше. Началась обѣдня.

Лива оглянулась и не увидела ни одного знакомаго лица. Въ этотъ ранній часъ молился только рабочій людъ, привыкшій рано вставать для каждодневнаго и, подѣлываясь, непосильнаго труда. Лива была серьезна и сосредоточенна. И вдругъ Ливѣ представилось, что если-бы среди нихъ, сейчасъ, она увидела-бы красивое, гордое лицо своего жениха, она не обрадовалась бы ему наивно и безмысленно, она въ первый разъ заглянула бы въ глубь его души и потребовала бы у него отвѣта на такіе вопросы, которыхъ онъ еще не слышалъ отъ нея.

Но Алексѣй Александровичъ спалъ, и Лива опустила на колѣни и стала молиться такъ, какъ не молилась еще ни разу въ жизни.

— Няня!—тихо сказала Лива, когда обѣ медленно шли домой,—я скажу сегодня Алексѣю Александровичу, что ни за что до самой смерти не разстанусь съ тобой.

— И-и! Христосъ съ тобой, касатка!—ласково и удивленно вскрикнула няня,—вздумала тоже чего! Такого важнаго барина да беспокоить изъ-за меня, старухи. Мнѣ и жить-то на свѣтѣ долго-ли осталось. Была-бы ты счастлива, голубка!

Лива вспомнила, какъ еще недавно, нѣсколько часовъ назадъ, счастье казалось ей такимъ большимъ и несомнѣннымъ.

— Но чего-же я боюсь? Отчего?—спросила она себя, удивляясь страху, который охватилъ ее.

Теперь онъ разсѣивался опять.

Небо свѣтлѣло и расчищалось. Впереди, за низкой крышей дома, ярко алѣла полоса востока.

— Я увижу его и мы будемъ говорить,—думала Лива,—и, если онъ любитъ меня, онъ пожалѣетъ тѣхъ, кого я жалѣю, и полюбитъ тѣхъ, кого я люблю.

Опять большая, свѣтлая радость входила въ ея душу. Она обернулась къ нянѣ и, глядя на ея доброе, усталое лицо, тихо засмѣялась сквозь навернувшіяся слезы.

— Да, мы будемъ счастливы!—сказала она.

Л. Авилова.

ХРИСТОСЛАВЫ.

Рождественскій разсказъ.

І.

АТЪЯНА Афанасьевна Званцева была очень довольна прогулкой.

День (то былъ рождественскій сочельникъ) выдался такой теплый, знакомыхъ на Невскомъ встрѣтилось такое множество и ей такъ часто приходилось останавливаться и сообщать то одному, то другому, что у нихъ, Званцевыхъ, сегодня елка и будутъ такой-то и такой-то, что она чувствовала полное нравственное удовлетвореніе.

Къ довершенію благополучія, сопровождав-

пий ее шестилѣтній Миша не капризничалъ и не просился домой, какъ это случалось въ другіе дни. Напротивъ, онъ важно и чинно шелъ впередъ, въ своей теплой, отороченной соболемъ курточкѣ и такой-же шапочкѣ, изъ-подъ которой золотистыми прядями рассыпались по плечамъ мягкіе, волнистые, слегка подбитые, бѣлокурые волосы.

Время отъ времени ей приходилось даже умѣрять его прыть, когда ея вниманіе привлекала какая-нибудь интересная вещь въ окнѣ того или другого магазина, и нужно было остановиться, чтобы лучше ее рассмотреть. Тогда она подзывала къ себѣ Мишу и вмѣстѣ съ нимъ подходила къ окну, послѣ чего прогулка продолжалась своимъ чередомъ.

Смеркалось. Пошелъ мелкій снѣгъ. Серебристыя его звѣздочки лѣниво кружились въ воздухѣ, какъ-бы не рѣшаясь опуститься на землю. На улицѣ было еще очень хорошо, но приближался обѣденный часъ и потому Татьяна Афанасьевна, дойдя до Апичкина моста, крикнула ушедшему далеко впередъ сыну:

— Миша! пора домой.

Они повернули назадъ.

На углу Караванной молодую женщину окликнулъ знакомый голосъ:

— Вы-ли это, Татьяна Афанасьевна?

Она взглянула на говорившую и съ веселой улыбкой воскликнула:

— Боже мой, вотъ неожиданная встрѣча! Здравствуйте, милая Анна Александровна! Давно-ли вы въ Петербургѣ?

— Уже двѣ недѣли. Къ вамъ все собиралась, да, представьте, затеряла вашъ адресъ! Зато теперь я могу на опытѣ убѣдиться, что когда понадобится, кого-бы то ни было, изъ знакомыхъ увидѣть, стоитъ только выйти на Цевскій—непрѣмѣнно встрѣтись.

Дамочка, какъ видно, была изъ болтливыхъ, и пріятельницы разговорились. Стали вспоминать общихъ знакомыхъ, прошлогодній зимній сезонъ, Мазини и, наконецъ, заговорили о нарядахъ, а разъ бесѣда перешла на эту почву, ей ужъ и конца не предвидится.

Немудрено поэтому, что Миша успѣлъ уже совершенно скрыться изъ виду, когда Татьяна Афанасьевна вспомнила о его существованіи.

— Ахъ, какъ я заболталась съ вами, — спохватилась она, пожимая руку пріятельницѣ.—Простите, вѣдь я не одна, съ сыномъ... охъ, вѣроятно, тутъ, недалеко... До свиданья... Пріѣзжайте сегодня на елку... Будетъ Становъ, ваша давнишняя симпатія... Пріѣзжайте-же...

Залпомъ проговоривъ это, она запахнула ротонду и поспѣшно направилась въ ту сторону, въ которую, по ея соображеніямъ, пошелъ Миша. Она зорко всматривалась впередъ, въ толпу гуляющей публики. Но скоро снѣгъ повалилъ такими хлопьями, что прохожіе, въ нѣсколькихъ шагахъ, едва различали другъ друга.

Молодая женщина встревожилась. Ускоряя шагъ, она нѣсколько разъ, по давешнему, громко крикнула:

— Миша! Мишенька!

Но отвѣта не было. Только нѣсколько паръ любопытныхъ глазъ заглянули ей въ лицо.

Тогда она растерялась. Смутный страхъ и предчувствіе несчастія охватили ее и бросали попеременно то въ жаръ, то въ холодъ. Тяжело дыша, готовая расплакаться, она стремительно подавалась все дальше и дальше, прибавляя шагъ и не замѣчая, что на нее начинаютъ оглядываться прохожіе. Дѣйствительно, странно было видѣть на солнечной сторонѣ Невского проспекта, въ этотъ часъ, когда всѣ движутся чинно и петоролично,

почти бѣгомъ бѣгущую, прилично одѣтую и довольно красивую молодую женщину съ разтеряннымъ выраженіемъ лица.

Она миновала обѣ Конюшенныя, Полицейскій мостъ и Морскую, и очутилась у Главнаго Штаба. Дальше идти уже было некуда.

Она остановилась перевести духъ и вдругъ истерически зарыдала.

— Миша, мой Миша! Мальчикъ мой... Господи!...

Мгновенно ее окружила толпа.

Подожелъ полицейскій и сталъ производить дознаніе. Но изъ отрывочныхъ, безсвязныхъ фразъ трудно было вывести какое нибудь заключеніе.

— Мальчикъ потерялся!—передавалось изъ устъ въ уста, но какъ онъ выглядитъ, во что одѣтъ, какого роста, ничего этого нельзя было узнать отъ бывшей въ истерикѣ, Татьяны Афанасьевны...

II.

Куда-же дѣвался Миша?

Отойдя довольно далеко отъ матери, онъ сообразилъ, что нужно подождать ее, и потому, какъ часто случается съ дѣтми, по сходству костюма, принявъ за Татьяну Афанасьевну одну изъ проходившихъ мимо дамъ и пошелъ съ нею рядомъ.

Дама шла довольно быстро и свернула въ одну изъ боковыхъ улицъ. Мальчикъ не привыкъ къ быстрой ходьбѣ и едва поспѣвалъ за нею. Выбившись изъ силъ, онъ крикнулъ умоляющимъ голосомъ:

— Мамочка, пойдемъ потише!

На него, сквозь снѣжную сѣтку, глянуло незнакомое смѣющееся лицо и, прежде чѣмъ онъ, остановившись отъ нежданности, успѣлъ опомниться, дама исчезла.

Онъ очутился въ незнакомой улицѣ. Снѣжная пелена все густѣла, газовые фонари тускло мерцали въ воздухѣ неясными желтоватыми пятнами и концы улицы пропадали во мглѣ.

Ему стало жутко тутъ одному, среди мертвой тишины и хлопьевъ снѣга, но онъ бодрился еще, помня поставленія отца, что мужчине не слѣдуетъ быть трусомъ и плакать не годится.

— Какой хорошенькій мальчикъ! Вы не мамашу-ли, миленькій, поджидаете?—раздался надъ его ухомъ чей-то вкрадчивый голосъ.

Онъ поднялъ голову и увидѣлъ склонившееся къ нему, довольно благообразное лицо пожилой женщины, одѣтой въ черную шубку и повязанной такимъ-же шерстянымъ платкомъ, похожей на одну изъ тѣхъ богомолокъ, которыхъ Татьяна Афанасьевна любила принимать въ великомъ посту.

— Мамашу, говорю, поджидаете?—ласково повторила свой вопросъ женщина.

— Да,—отвѣтилъ Миша.

— Такъ пойдемте-же къ ней, дорогой, она тутъ недалеко и послала меня за вами.

Мальчикъ довѣрчиво послѣдовалъ за женщиной.

— Вы, можетъ, золотой мой, устали?—заботливо осведомилась она, погодя немного.

— Усталъ,—простоудшно сознался Миша.

— Ахъ вы, мой бѣдный! Дайте-же, я понесу васъ, а то, храни Богъ, еще ножки заболѣтъ.

Она подхватила его на руки и быстро зашагала по тротуару.

Миша видѣлъ, что они миновали много улицъ, сдѣлали нѣсколько поворотовъ и очутились въ какомъ-то темномъ безлюдномъ переулкѣ. Времени прошло уже довольно много, и мальчику стало страшно.

— Скоро-ли къ мамѣ?—тоскливо спросилъ онъ.

— Сейчасъ, мой красавецъ, сейчасъ.

Переулокъ упирался въ высокій каменный, мрачной архитектуры домъ. По близости не было ни души и царилъ глубокая тьма.

Женщина, крѣпко придерживая ребенка, нѣтливо оглянулась по сторонамъ и шмыгнула въ ворота.

Почувявъ недѣльное, Миша сталъ вырывать-ся у нея изъ рукъ и закричалъ было:

— Я не хочу сюда!..

Но ротъ его былъ мгновенно зажатъ ладонью, послѣ чего мальчикъ отъ испуга лишился чувствъ.

III.

Когда онъ очнулся и открылъ глаза, то увидѣлъ себя въ низенькой, душной комнатѣ съ закопѣлыми стѣнами и перышистой обстановкой. Стеариновая свѣчка, воткнутая въ бутылку, свѣтила тускло, оставляя углы комнаты въ глубокой тѣмѣ, отчего она казалась и больше, и мрачнѣе.

Прямо противъ него, на выкрашенномъ масляной краской табуретѣ, сидѣлъ коренастый, съ непріятнымъ лицомъ, рыжей бородою и быстрыми сѣрыми глазами мужчина. Онъ внимательно разсматривалъ его и, покуривая коротенькую трубку-посогрѣйку, время отъ времени перекидывался дѣловыми замѣчаніями съ сидѣвшей поодаль знакомой намъ женщиной.

Съ первымъ проблескомъ сознанія, у мальчика вырвался крикъ:

— Мама! мама!

Бородачъ усмѣхнулся же токой усмѣшкой.

— Какъ-же, услышитъ она тебя, держи карманъ шире! Ей, поди, отецъ-то такую баню задалъ, что и въ три дня не очухается.

Мальчикъ не понялъ его и широко раскрылъ свои наполненные слезами глаза.

— Ну, чего смотришь? Вѣрно тебѣ говорю, не услышитъ... И не плачь лучше...

Потомъ, обращаясь къ женщинѣ, бородачъ замѣтилъ:

— Не находка для насъ, скажу я тебѣ, Митревна, этотъ мальчуганъ. Ребенокъ барскій, избѣженный, куда его намъ? Нешто пошлешь его съ нашими ребятами? Тѣ-то вѣдь во всему привычны: и голодь и морозъ ни по чемъ, знай, себѣ попрыгиваютъ, да въ кулаки дуютъ... А этотъ... Опять-же и признать могутъ, не расчерпаешься потомъ...

— Признать-то не признаютъ, не впервой вѣдь,—возразила Митревна.—Гривку-то евою мы у него срѣжемъ, костюмчикъ долой, да какъ побудетъ недѣлку-другую на нашихъ харчахъ, то и съ лица спадетъ... Посмотри, коли мать родная не отречется...

Услышавъ про мать, Миша громко заплакалъ.

— Цыцъ! поори у меня!—зыкнулъ на него бородачъ.

Мальчикъ испуганно стихъ.

— А что до прочаго, Прохоръ Ивановичъ,—продолжала между тѣмъ Митревна,—то вѣдь и не такихъ обламывали... Нѣжность-то евоная для насъ тѣфу!

— Ну, да ладно,—согласился съ нею Прохоръ Ивановичъ.—Годится... все лишній стрѣлокъ, и то правда, все лишняя котѣйка переладеть.

Было уже довольно поздно.

За дверью послышался шумъ, зазвенѣли дѣтскіе голоса и въ комнату, вмѣстѣ съ широкой волной холоднаго воздуха, ввалилась ватага мальчишекъ, грязныхъ, оборванныхъ,

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ГИМНЪ.

Ярко елка горитъ,
Ярки свѣчекъ ряды;
Ослѣпительнъ видъ
Золоченой звѣзды.

И просясь на просторъ,—
Въ честь царицы лѣсовъ,
Разливается хоръ
Молодыхъ голосовъ...

Стихъ внимательный залъ,
Слышенъ шопотъ едва;
Зазвенѣлъ-зазвучалъ
Свѣтлый гимнъ Рождества!.

„Возрождается мѣръ:
Хародился Христось...
Всѣ кто бѣденъ и сиръ,
Что страданій не снесъ,—

Всѣ, кто сердцежь болѣлъ
И душой изнемогъ
Между низменныхъ дѣлъ
И житейскихъ тревогъ,—

Всѣ придите къ Нему,—
И младенецъ-Христось
Просвѣтитъ вашу тьму,
И избавитъ отъ слезъ!

Искупитель людей—
Свѣточъ міра всего
И послѣдній злодѣй
Такъ-же милъ для него!..

Клавишъ звукъ все теплѣй,
Задушевнѣй слова;
Лейся, лейся смѣлѣй,
Свѣтлый гимнъ Рождества!.

В. Лебедевъ.

«Елку принесли». Оригинальный рисунок художника Н. Сахарова.

изможенных, съ истощенными зеленоватыми лицами.

— А-а, вот и команда явилась!—вернулся на таберетѣ бородачъ.—Собирай-ка, Митревна, ужимать. Ну, много-ли настрѣляли, архаровцы? Хвастайте... День-то праздничный...

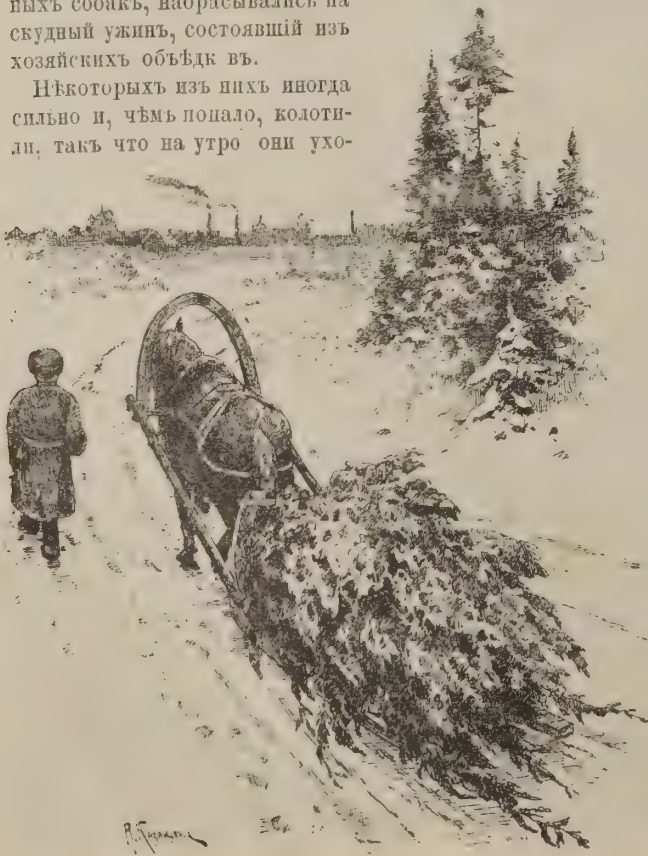
Мальчики, ежесть и отряхиваясь отъ налипшаго на лохмотья снѣга, стали по очереди подходить къ столу и выкладывать свою добычу, при чемъ каждый, смотря по ея количеству, былъ надѣляемъ либо похвалой, либо ругательствами, либо подзатыльниками. Нѣкоторые изъ мальчишекъ, постарше и побойчѣе, въ долгу не оставались и крѣпко отругивались, отчего въ комнатѣ стоялъ невообразимый гамъ.

Миша, забывъ на время плакать и, затаивъ дыханіе, съ безмолвнымъ ужасомъ смотрѣлъ на эту сцену.

Впослѣдствіи подобныя-же картины ему пришлось видѣть изо-дня-въ-день.

Рано утромъ мальчики, числомъ до десяти, напутствуемые наставленіями и угрозами, расходились, и къ ночи возвращались, принося съ собой деньги, и, съ жадностью голодныхъ собакъ, набрасывались на скудный ужинъ, состоявшій изъ хозяйскихъ обѣдъ въ.

Нѣкоторыхъ изъ нихъ иногда сильно и, чѣмъ пошло, колотили, такъ что на утро они ух-

дили въ синякахъ, и зато подъ вечеръ приносили больше денегъ.

Очевидно, почтенный Прохоръ Ивановичъ и сожительница его принадлежали къ числу тѣхъ непріимчивыхъ людей, которыхъ множество ютится по разнымъ трущобамъ столицы, которые не сѣютъ и не жнутъ, а набираютъ и содержатъ артели ребятъ для выпрашивания милостыни, вырабатывая изъ нихъ тѣхъ несносныхъ, хотя и жалкихъ нытиковъ, что преслѣдуютъ васъ вездѣ:—на гуляньяхъ, въ садахъ, въ общественныхъ экипажахъ, — своимъ дѣланно-жалобнымъ, душу вытягивающимъ речитативомъ:

— Добрый баринъ!.. Христа-ради копѣечку, ку-у-ша-ать нечего!

Иногда, впрочемъ, характеръ попрошайства нѣсколько видоизмѣняется, смотря по времени года и по изобрѣтательности хозяина.

Тѣхъ-же измученныхъ, оборванныхъ, полуголодныхъ ребятишекъ можно встрѣтить съ пачками «счастія» или съ корзинками бутоньерокъ и т. п., при чемъ назойливость ихъ неизмѣнна и можетъ дать нѣкоторое представление о тѣхъ обѣдахъ, что ожидаютъ ихъ въ случаѣ неудачи.

Мишу первое время «работать» не заставляли. Только пышные волосы его были острижены да щегольской, бархатный костюмчикъ замѣнился лохмотьями, сквозь которые мѣстами просвѣчивало нѣжное тѣлце малютки.

И Митревна была права. Еслибы его въ этомъ видѣ, истерзаннаго разлукой съ родными, окружающей обстановкой и дурнымъ обращеніемъ, поблѣднѣшаго и осунувшагося, показывать Татьянѣ Афанасьевнѣ, — врядъ-ли она бы узнала въ немъ своего любимца и общаго баловня Мишу, которымъ когда-то любовались знакомые.

Такъ прошло нѣсколько недѣль, и наконецъ Прохоръ Ивановичъ сказалъ однажды своей сожительницѣ:

— Ну, что-жъ, Митревна, пора бы за паренька-то и приняться... Не въ пансіонъ, чай, попалъ. Приучать-бы къ «дѣлу» надо.

И началось ученіе.

Мальчикъ плакалъ, просился къ отцу съ матерью, но его стращали разными ужасами, иногда колотили и, наконецъ, добились того, что онъ пересталъ и заикаться о родныхъ.

Затѣмъ мѣсяць-другой дрессировки—и Миша въ совершенствѣ сталъ подражать прочимъ «воспитанникамъ» Прохора Ивановича въ искусствѣ выпрашивания «копѣчки».

И онъ всегда приносилъ наибольшую выручку. Должно быть, его миниатюрная фигурка и неподдѣльно скорбное личико внушали болѣе состраданія.

Но ему не довѣряли и одного его не пускали на «промыселъ», опасаясь побѣга и, связанныхъ съ нимъ, нежелательныхъ послѣдствій.

IV.

Съ того дня, какъ пропалъ Миша, Татьяна Афанасьевна, привезенная домой безъ чувствъ, опасно заболѣла и провела въ постели два мѣсяца. Доктора опасались за ея разсудокъ. Да

и самъ Званцевъ, Евгений Михайловичъ, мужъ ея, чуть не сошелъ съ ума отъ горя.

Немедленно было дано знать о случившемся въ сыскную полицію, по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ были разосланы телеграммы съ подробнымъ описаніемъ примѣтъ мальчика; словомъ, начались самые дѣятельные, но тѣмъ не менѣе безуспѣшные розыски.

Если трущобные герои столицы захотятъ, во что-бы то-ни стало, схоронить концы, то сдумаютъ сдѣлать это такъ, что никакая полиція не найдетъ ихъ, развѣ въ дѣло вмѣшается случай.

Прошелъ цѣлый годъ, и опять наступило Рождество.

Утромъ въ первый день праздника Званцевы собирались въ одинъ изъ монастырей къ обѣднѣ.

Татьяна Афанасьевна провела безпокойную ночь. Она вообще плохо спала въ послѣднее время, преслѣдуемая какими-то смутными, но ужасными грезами. Она постарѣла и подурнѣла до неузнаваемости.

Евгений Михайловичъ тоже находился въ подавленномъ состояніи духа, и оба хмуро сидѣли за чайнымъ столомъ, охваченные какимъ-то непріятнымъ нервнымъ чувствомъ, похожимъ на напряженное ожиданіе чего-то, хотя на самомъ дѣлѣ ожидать было нечего.

Со дня исчезновенія сына, послѣ первыхъ недѣль переполоха и розысковъ, жизнь ихъ потекла грустно и однообразно, наполненная воспоминаніями о пропавшемъ любимцѣ. Гости у нихъ больше не собирались и въ домѣ царилъ нестерпимая скука.

— Господи, если-бы я могла предвидѣть тогда!—со слезами въ голосѣ проговорила Татьяна Афанасьевна. — И пужно-же было встрѣтиться этой противной Аннѣ Александровнѣ!...

— Ну, матушка,—угрюмо перебилъ ее Евгений Михайловичъ, не старый, но почти совершенно сѣдой господинъ,—она тутъ менѣе всѣхъ виновата. Не нужно было самой рото-зѣйничать... Что вамъ, Даша?

Послѣднія слова относились къ горничной, появившейся на порогѣ столовой.

— Тамъ мальчики пришли,—отвѣтила она.— Просить позволенія,—Христа прославить... Я не знаю, пускать-ли?

— Отчего-же, впустите, конечно...

— Но они такіе грязные, оборванные...

— Тѣмъ болѣе, по крайней мѣрѣ, обогрѣются. Сегодня, кажется, ужасный морозъ. Введите ихъ сюда.

Горничная повиновалась и, минутой спустя, взорамъ Званцевыхъ предстало четверо мальчиковъ, изъ которыхъ старшему было лѣтъ десять, а самому маленькому едва можно было дать семь.

Всѣ они дрожали отъ холода и потирали посинѣлыя руки. Ихъ измороженные, озябшія лица пугливо озирались по сторонамъ столовой, тонувшей въ полусвѣтѣ насмурнаго дня и приспущенныхъ гардинъ.

— Ну, начинайте, мои милые, — ласково сказала имъ Татьяна Афанасьевна.

Они запѣли довольно нестройно дрожащими, осипшими голосами: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови», пропѣли весь тропарь и кондакъ и хоромъ промовили:

— Съ праздникомъ поздравляемъ!

— Спасибо, милые,—отозвался Евгений Михайловичъ, а Татьяна Афанасьевна достала бошелекъ и отошла къ окну.

Христославы вытолкнули изъ своей группы впередъ самаго маленькаго, такъ что тотъ

очутился лицомъ-къ-лицу къ наклонившейся къ свѣту молодой женщиной.

И тутъ произошло нѣчто совѣмъ неожиданное.

Мальчикъ вдругъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, судорожно обвилъ холодными ручками шею Татьяны Афонасьевны и съ громкимъ плачемъ воскликнулъ:

— Мама моя, милая мамочка!

Этотъ, изъ глубины маленькой истомившейся дѣтской души вырвавшійся, крикъ нестерпимой болью и радостью отозвался въ сердцѣ изстрадавшейся женщины.

Она отвела отъ себя на мгновение личико мальчика и, взглядывшись въ дорогія черты, стала цѣловать его, какъ безумная...

Остальныхъ мальчиковъ задержали и, при помощи ихъ, Прохоръ Ивановичъ и Митревна были арестованы.

А. Ключинъ.

НА ЧАСАХЪ.

Рождественскій разсказъ.

ВЫ жили когда-нибудь на берегу Чернаго моря? Нѣтъ? Ну, тогда, значитъ, вы не имѣете никакого представленія о тѣхъ страшныхъ буряхъ, какія случаются здѣсь, чаще всего осенью и зимой. Въ особенности потрясающее впечатлѣніе буря производитъ ночью, когда въ городѣ настаетъ тишина. Днемъ вѣзда, звонки, свистки, крикъ, говоръ, вообще тотъ сплошной шумъ, который царствуетъ цѣлый день въ городахъ, заглушаетъ отчасти гулъ моря, но ночью вы, далеко отъ берега, слышите этотъ ревъ, безпрерывный, грозный, зловѣще-необытный. Приближаетесь къ берегу—и къ вамъ уже отчетливо долетаютъ какіе-то особенные звуки, вырывающіеся изъ общаго шума; вотъ вы ясно различаете тяжелые, скорбные стоны, вотъ глухой раскатъ, точно раскатъ грома, вотъ долгій, пронзительный свистъ, а вотъ стукъ, похожій на грохотъ множества экипажей, на топотъ бѣгущихъ лошадей... Вы подходите совѣмъ близко къ берегу, вы, едва держась на ногахъ, останавливаетесь гдѣ-нибудь высоко на скалѣ и всматриваетесь вдаль. Мгла, тяжелая, непроницаемая нависла кругомъ... ни огонька, ни единого свѣтлага пятна. Близко, у ногъ своихъ, вы едва разглядываете что-то волнующееся, живое, ворчащее и охающее, что-то безформенное, черное и огромное... а вдали, среди страшнаго шума, къ вамъ идутъ—вы это слышите, чувствуете,—идутъ высоко-звонящіе и могуче-громкіе голоса. Ближе... ближе... громче, побѣдѣ звучитъ торжественная пѣсня, и вдругъ, точно подземный ударъ, разражается вблизи васъ... Вы невольно отпрянули назадъ и прикрыли глаза; невольно рука подается впередъ, какъ бы защищаясь отъ чего-то ужаснаго; вамъ кажется, что какал-то необъятно-огромная глыба страшной тяжести рушилась у вашихъ ногъ... Мигъ—около васъ тишина, потомъ снова кто-то охаетъ и жалобно стонетъ, а вдали уже опять растетъ невидимая, грозная сила, неотражимая, какъ смерть, и среди общей, дикой, торжествующей пѣсни, потрясающей и ужасной, кто-то плачетъ и молить о пощадѣ и мечется въ предсмертной тоскѣ, чей-то нѣжный голосъ проситъ небо вернуть хотя не надолго иззолотую весну, и любовь, и чистое счастье!.. Вы слушаете эти звуки, какъ оча-

рованный; нѣтъ силъ оторваться отъ этой власти моря, завожнившаго васъ, и вы стоите часами надъ пѣнящимися волнами, вглядываясь въ черную, клочущую громаду, а брызги, легкіе и холодные, обвиваются вокругъ васъ, лнутъ къ вамъ со всѣхъ сторонъ, вы чувствуете влагу на своемъ лицѣ и рукахъ...

Въ такую бурную ночь, какъ разъ на первый день Рождества Христова, я, только что окончившій въ томъ году учебное заведеніе и отбывающій воинскую повинность, стоялъ на часахъ. Мнѣ не къ кому было проситься на праздники изъ крѣпости въ городъ, я былъ одинокъ на югѣ, а потому я ничего не имѣлъ противъ того, что мнѣ пришлось въ праздникъ идти на часы.

Разводящій поставилъ меня у пороховаго погреба, въ пустынной мѣстности, далеко отъ казармъ. Пороховой погребъ, какъ и вся крѣпость, находился высоко надъ уровнемъ моря и, стоя на часахъ, я слышалъ шумъ волнъ внизу, у своихъ ногъ. Я, сынъ сѣверныхъ лѣсовъ и полей, не видавшій моря и не знавшій его бурь, былъ пораженъ этимъ страшнымъ ревомъ. Сначала я просто не могъ опомниться отъ неожиданныхъ ощущений, охватившихъ меня, и невольное чувство страха и самосохраненія заставило меня прижаться ближе къ стѣнамъ погреба. Мнѣ казалось, что эти бѣшенныя волны взлетятъ съ визгомъ и крикомъ, какъ дикій непріятель, на валъ, захлестнутъ меня, смоятъ, какъ былинку, и унесутъ въ морскую глубину!..

Я долго простоялъ въ одномъ положеніи, руки и ноги мои озябли, вѣтеръ рвалъ полы моей солдатской шинели и грозилъ снести меня самого внизъ.

— А-а-а-а...—издалека неслись звуки сто- нущаго моря.

— А-а-ахъ!—вдыхало гдѣ то близко, надъ самымъ моимъ ухомъ.

— Ты одинъ, ты одинъ!..—кричало мнѣ море, и злобный хохотъ неся надъ скалами.

— Я одинъ...—вторила моя душа.

— Здѣсь холодъ и буря, и ужасъ грозной стихіи, несущей смерть и разрушеніе!..—ревѣло море.

— Здѣсь холодъ и буря...—плакало въ отвѣтъ мое сердце.

— А сегодня Рождество... хорошо дома, въ семьѣ...—летѣлъ къ небу чей-то звонкій, печальный голосъ.

— Рождество! Сегодня Рождество!—шеп- талъ я, какъ въ забытыя.

— Тамъ, дома, уютно и тепло, тамъ—ласка и любовь, теперь тамъ собрались всѣ вмѣстѣ... горитъ каминъ... какой яркій огонь... Говорятъ о тебѣ, читаютъ твое письмо... а въ другой комнатѣ смѣхъ и шутки, и веселые разговоры молодежи... А вонъ, твоя комната съ чистой постелью, освѣщенная лампадой, и тамъ теперь пусто безъ тебя... Рождество, Рождество!..—плакалъ робкій голосъ, и я вдругъ почувствовалъ, что этотъ голосъ, несущійся изъ моря, я гдѣ-то слышалъ, онъ мнѣ родной и близкій... Не онъ ли убаюкивалъ меня, когда я малюткой засыпалъ въ колыбели? Не онъ ли поддержи- валъ меня въ тяжелыя минуты жизни и за- ставлялъ горло и съ вѣрой молиться. Чѣмъ-то далекимъ, безконечно-милымъ, невозврат- нымъ повѣяло на меня, и я жадно слушалъ, я плакалъ, я хотѣлъ... безумно хотѣлъ до- мой, въ свою семью!.. И въ безысходной тоскѣ я припадалъ головой къ земной

стѣнѣ погреба и все ближе и ближе прижи- малъ къ себѣ холодное ружье.

— А-а-а-а...—стонало рокочущее море.

— А-а-ахъ...—вдыхали невидимыя уста и шептали мнѣ бывшія, давно забытыя сказки.

О, никогда въ моей жизни я не любилъ такъ мой родной кровъ, мою семью, никогда я такъ сильно не хотѣлъ быть вмѣстѣ съ ними, никогда, никогда не казался мнѣ та- кимъ торжественнымъ, великимъ праздни- комъ этотъ день святаго Рождества Хри- стова, какъ теперь! Никогда я не испыты- валъ такой тоски и готовъ былъ бѣжать, чтобы не слышать этихъ пѣжныхъ, рыдаю- щихъ звуковъ, но я не могъ, я не смѣлъ.

Я слушалъ пѣсни моря и переживалъ всю мою жизнь, и, мечтая подъ шумъ, я забывалъ, точно убаюкаемый этимъ безконечнымъ гу- ломъ.

— Спа-а-сите!..—чуть слышно, издалека до- несло къ мнѣ. Я сразу встрепенулся.

— Что это? Вѣдь я же не дремалъ? Не- ужели это человѣческій голосъ?

— Спа-а-си-те!

Нѣтъ, я слышалъ ясно, какъ среди ужа- сающей, адской бури, среди этой массы все- возможныхъ звуковъ, этого шума и ярост- наго плеска волнъ—несся мучительный, раз- дирающій душу голосъ: спа-а-сите!..

Что было со мной! Я отскочилъ отъ зем- ланой стѣны и въ секунду уже былъ на валу, забывъ о бѣшенномъ вихрѣ, о волнахъ, отъ которыхъ я инстинктивно сторонился, при- поднявъ мое ружье и остановился, не зная, что дѣлать.

Я не могъ уйти съ по- ста, а кто- то просить о помощи, чей-то го- лосъ, заглу- шаемый ре- вомъ бури, нечеловѣ- ческимъ во- лемъ, кол-

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА В. АМОСОВА.

Елку зажигаютъ.

ОРИГІНАЛЬНИЙ РІСУНОКЪ ХУДОЖНИКА В. ТАБУРІНА.

Елка бѣдняковъ.

нымъ ужаса и страха смерти, зоветь: спа-си-те! Я не могъ разобрать, откуда несется мольба, гдѣ этотъ человѣкъ, ожидающій помощи? Въ морѣ ли, или въ степи? Стоя на валу, я былъ еще болѣе оглушенъ воємъ вѣтра и налегавшей бурей. Такимъ маленькимъ, безпомощнымъ и несчастнымъ казался я себѣ передъ этой стихіей. Я вытягивалъ голову то къ морю, то къ степи, чтобы услышать этотъ крикъ, но ничего не слышалъ, кромѣ бури, да въ степи завывали голодные собаки, которыя здѣсь часто бродили цѣлыми стадами.

Я чувствовалъ бѣшеніе моего сердца, кровь прилиwała къ вискамъ и я весь превратился въ слухъ и ожиданіе.

Вдругъ у самыхъ моихъ ногъ что-то шарахнулось въ сторону и взвизгнуло. Я невольно приподнялъ ружье.

— Кто тамъ?—Молчаніе и какіе-то вздохи. Мнѣ сдѣлалось жутко, какъ-то не по себѣ.

— Кто тамъ?

Я торопливо обошелъ мой постъ, осмотрѣлъ дверь погреба и, мѣрно шагая взадъ и впередъ, стараясь не пошатнуться отъ вѣтра, я вдругъ услышалъ чьи-то робкіе шаги тутъ-же за собою, за спиной... Холодный потъ выступилъ у меня на лбу.

— А-а-а-а... — кричало разсвирѣпѣвшее море.

— У-у-ухъ!—падала на берегъ морская глыба.

На мигъ тишина, и я вновь слышу робкіе шаги за собою, такіе тихіе, что они трудно уловимы ухомъ.

Я сразу, рѣшительно обернулся. Никого. Но кто-то приметъ къ моимъ ногамъ. Я нагнулся. Это было наша ротная собака—Орелъ. Какъ она сюда попала? Я обрадовался ей, какъ человѣку. Мнѣ стало какъ-то легче, и я подумалъ, что крики, вѣрно, мнѣ просто почудились.

Я снова ушелъ къ стѣнѣ, прислонился, прижалъ къ себѣ ружье, спрятавши руки въ рукава шинели. Орелъ улегся у моихъ ногъ.

— Спа-а-сите!—раздалось яснѣе и ближе. Я могъ уже различать, что это кричитъ со стороны моря охрипшій отъ напряженія сильный, молодой голосъ. Орелъ встрепенулся, насторожилъ уши и завылъ такъ ужасно, жалобно, протяжно. У меня волосы встали дыбомъ. Я не могу уйти, бросить мой постъ, а вся душа моя рвется на помощь ближнему. Я тогда не зналъ, не соображалъ, какъ бы я спасъ погибающаго, что бы я предпринялъ, но мнѣ нужно было движеніе, а не тяжкое бездѣйствіе. Орелъ тянулъ меня за полу шинели, бѣгалъ, какъ угорѣлый, съ мѣста на мѣсто, исчезалъ подъ валомъ и вновь вбѣгалъ на валъ весь мокрый и дрожащій отъ холода и страшно вылъ, поднимая голову кверху. Я переживалъ такіе муки, какихъ больше никогда не переживалъ. Тутъ близко гдѣ-то погибалъ человѣкъ, мнѣ казалось, я видѣлъ ясно его искаженное ужасомъ, блѣдное лицо, полные смертельнаго страха глаза, прилившіе ко лбу волосы, протянутые впередъ руки... Я зналъ, я чувствовалъ, какъ онъ страдаетъ, борется съ волнами... что онъ видитъ теперь свою жену и дѣтей и не хочетъ умирать, полный силъ... онъ хочетъ жить и зоветь своихъ братьевъ на помощь! Мнѣ чудилось, я вижу въ непроглядномъ мракѣ, какъ его захлестнула волна, огромная, съ пѣнящимся бѣлымъ гребнемъ...

Я въ отчаяніи поднялъ кверху ружье и выстрѣлилъ разъ... другой... Глухо прозвучали выстрѣлы, и я былъ увѣренъ, что за этимъ свистомъ и грохотомъ бури ихъ не слышали въ казармахъ.

Я началъ кричать и не узнавалъ своего голоса: онъ былъ точно чужой мнѣ.

— Помогите! Помогите!—вопилъ я въ изступленіи и въ какомъ-то бѣшенномъ волненіи стучалъ ногами, и до боли сжималъ кулаки.

— Господи... Господи! — молился я,—Боже мой, что-же это такое? нѣтъ большаго страданія, какъ присутствовать при гибели ближняго и не имѣть возможности ему помочь.

— Прости меня, братъ мой, я не могъ спасти тебя, я не могу уйти... мой долгъ, святой долгъ, ты знаешь, я присягалъ...—шептала я, какъ безумный.

Я прижался головой къ дверямъ погреба, стиснулъ зубы и замолкъ: казалось, мое сердце, моя грудь разорвутся отъ горя.

Буря ревѣла: ты одинъ, ты одинъ! Чтоты можешь сдѣлать противъ меня?.. И злобный хохотъ носился надъ крѣпостными валами.

— Я одинъ... стояла моя душа.

— Кто смѣетъ вырвать добычу изъ моихъ рукъ? Я возьму мою жертву на дно и спрячу ее глубоко-глубоко... Кто помѣшаетъ мнѣ?

— Кто помѣшаетъ?—рыдало мое сердце.

— Онъ умираетъ, а нынче Рождество!.. цѣлъ робкій голосъ со слезами.

— Онъ умираетъ, а нынче Рождество... сверкала молніей во мнѣ мысль.

Вдругъ сильный, пронзительный, какъ острая боль, крикъ «спа-а-сите!» раздался близко,— у берега. Я въ пѣломъ ужасѣ, безмолвный, упалъ на колѣни и припалъ головой къ холодной землѣ.

Сколько я пробылъ въ такомъ состояніи, я не помню... Мнѣ казалось, что скалы рушились и надвигались одна на другую въ какой-то гигантской борьбѣ, что море, необозримое и великолѣпное въ своемъ глѣбѣ, вылилось изъ береговъ и яростно хлестало волнами въ дома и храмы, что совершалась какая-то ужасная казнь надъ человѣческимъ родомъ!.. И не было спасенія, не откуда было его ждать... Я потерялъ возможность мыслить; казалось, я перестаю жить...

И вотъ неожиданно раздался вблизи ясно, отчетливо, сильные, смѣлые шаги людей.

Въ минуту я былъ на ногахъ: во мнѣ сразу проснулся солдатъ, которому его душевная мука не помѣшала-бы никогда защищать свой постъ.

— Кто идетъ?..

— Смѣла!

— Слава Богу!..

Когда на мое мѣсто сталъ другой часовой, я обратился къ разводящему и, сбиваясь, волнуясь, торопливо рассказалъ ему, въ чемъ дѣло.

Мы съ нимъ быстро сбѣжали съ вала на берегъ моря, но близко нельзя было подойти къ пѣнящейся, взбурдаженной массы воды. Мы долго прислушивались, уходя то вправо, то лѣво, цѣпляясь руками за холодные, скользкіе, мокрые, прибрежные камни. Мы совсѣмъ измокли, продрогли, но не слышали ничего, кромѣ непрерывнаго, сплошнаго шума.

Спотыкаясь и молча, шли мы въ казармы. Я дрожалъ первой лихорадкой, зубы мои неудержимо стучали. Ни шинель и одѣяло, ни растиранье меня добрыми товарищами не избавили меня отъ мучительнаго озноба и бессонницы. На другой день я былъ отвезенъ въ лазаретъ, и цѣлый мѣсяцъ я боролся со всевозможными видѣніями, цѣлый мѣсяцъ я то слышалъ крики утопающаго и свистъ бури, то мнѣ казалось, что умираю, тону я самъ, уносимый волнами въ зіяющую, черную глубину, а на верху, на скалѣ, одинокій часовой стрѣляетъ и кричитъ...

Я выздоровѣлъ. Подъ благодатнымъ небомъ юга я скоро оправился совсѣмъ; этому помогъ и уходъ моей матушки, пріѣхавшей ко мнѣ.

Первыми моими словами послѣ болѣзни было: кто погибъ?

Оказалось, что разбилось маленькое судно, что со спасательной станціи посылали лодки, и нѣсколькихъ человѣкъ спасли; одинъ трупъ былъ выброшенъ моремъ у самыхъ крѣпо-

стихъ валовъ: на другой же день послѣ бури захлебываясь его тамъ нашли.

Уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Я вновь живу далеко отъ моря, среди родныхъ лѣсовъ и полей, но когда мнѣ случается провести нѣкоторое время на югѣ, уморя, которое я очень люблю, я прямо самъ не свой во время ночной бури; нѣтъ силъ оторваться отъ этой адской музыки, точно невидимая сила приковала тебя къ скалѣ... но душа замираетъ въ какомъ-то безотчетномъ страхѣ, и вспоминается подробно, какъ я, въ такую-же бурю, прижимая близко къ себѣ свое ружье и дрожа въ тонкой, солдатской шинели, стоялъ на часахъ въ день святаго Рождества Христова, и среди шума и воя бури мнѣ чудятся крики: спасите! спасите!

А. Георгіевъ.

НЕ УСТУПИЛЪ.

Святочный рассказъ.

Въ усадьбѣ Булатовыхъ въ рождественскій сочельникъ было хоть и не шумно, но и не скучно. Молодая вдовушка, Анна Григорьевна Румянцова, дочь хозяина дома, отставнаго майора Григорія Ивановича, пріѣхавшая изъ Петербурга и поселившаяся въ имѣніи родителей послѣ кончины мужа — пожилого бюрократа, по которому она, нельзя сказать, чтобы очень печалилась — была настолько завлекательной приманкой, что у Булатовыхъ бывали почти всѣ уѣздные молодые и старые холостяки.

Въ сочельникъ, однако, гостей было всего четверо: тщедушный прилизанный юноша, Петръ Семеновичъ Прутковъ, служившій въ одномъ изъ мѣстныхъ казенныхъ учреждений, слонообразный старый холостякъ, богачъ-заводчикъ Маркъ Веніаміновичъ Гвоздинъ, молодой земскій врачъ Сергій Андреевичъ Мѣдниковъ и стройный, высокій красавецъ мрачнаго вида, сосѣдъ по имѣнію съ Булатовыми, человекъ лѣтъ сорока, Юрій Николаевичъ Красный-Молчановъ. Съ прибавкою къ гостямъ самого хозяина дома, добродушнаго, крѣпкаго усатаго старика съ военной выправкой, хозяйки — маленькой, худощавой старушки, Марьи Тихоновны, да Анны Григорьевны, составилъ довольно разнородное общество.

— Сергій Андреевичъ, будьте добры, — сказала Анна Григорьевна, стройная, очень недуренькая брюнетка лѣтъ двадцати съ небольшимъ, — переставьте-ка это кресло поближе къ печкѣ, я что-то озябла. Пойдите! Оно старинное, тяжелое, напрасно вы берете его одной рукой...

— Сергью Андреевичу хочется показать свою силу, — насмѣшливо замѣтилъ Красный-Молчановъ, вставая, чтобы помочь врачу, но не успѣлъ: Мѣдниковъ уже передвинулъ кресло какъ взялъ — одною рукой — безъ особеннаго усилія.

— Э! Да вы силачъ, Сергій Андреевичъ! — проговорилъ хозяинъ.

— Силачъ не силачъ, а сила кое-какая есть, — съ улыбкой отвѣтилъ Мѣдниковъ и шевельнулъ своими широкими плечами. Дѣйствительно, вся его невысокая, широкоплечая фигура свидѣтельствовала о недюжинной силѣ.

— Ну, какая у васъ можетъ быть сила! — презрительно сказалъ Юрій Николаевичъ, свисока глядя на едва хватавшаго ему по плечо врача.

— Да ужъ противъ васъ, конечно! У васъ, вѣдь, такая сила, такая!.. — говорилъ, точно

отъ восхищенія, прилизанный Петръ Семеновичъ.

— Не скажете и про Сергія Андреевича, — пробасилъ богачъ-заводчикъ, — я видѣлъ, какъ онъ тройку коней садилъ разъ — понесли они — такъ залюбовался-сь!

— А въ самомъ дѣлѣ, почему Сергій Андреевичъ долженъ быть слабѣе васъ? Вы черезчуръ уже высокаго мнѣнія о своей силѣ! — съ легкой досадой замѣтила Анна Григорьевна. Ей эти споры надоѣли.

Юрій Николаевича передернуло: между нимъ и молодымъ врачомъ существовали довольно натянутыя отношенія, причиною которыхъ была молодая вдовушка; каждый знакъ ея вниманія къ Мѣдникову раздражалъ Краснаго-Молчанова, и, увы! ему приходилось довольно часто раздражаться, потому что Анна Григорьевна оказывала Сергью Андреевичу замѣтное предпочтеніе.

— Напрасно вы на меня взводите такое обвиненіе, сказалъ Красный-Молчановъ: — гордиться силой — смѣшно! Но что я силенъ — это извѣстно не одному мнѣ...

— Полноте, господа! Это становится, наконецъ, скучно! Неужели вы не можете придумать ничего лучшаго, какъ превозносить свою силу? — недовольно замѣтила вдовушка, видѣвшая, что между соперниками, — того гляди выйдеть ссора.

— Правда твоя, Нюта, правда! — проговорилъ хозяинъ. Эхъ, совсѣмъ другой народъ нынѣ сталъ! То-ли дѣло въ наше время! Помню, когда я былъ юнкеромъ и нашъ полкъ стоялъ въ Польшѣ, чего-чего мы въ этотъ день не продѣлывали! И гаданье тутъ всякія и катанья. Папачки молодые, веселыя, черноглазныя!

— Ишь, старый ты, старый! съ добродушной улыбкой сказала Марья Тихоновна.

— «Старый, старый!» — пересмѣивалъ жену майоръ. — Былъ и не старымъ. А то вотъ разъ пришлось мнѣ въ эту-же ночь на кладбищѣ быть, — панна Стася заставляла.

— Вотъ какъ! Ну-ка расскажите!

— Да рассказъ не долугъ. Ухаживалъ я за ней. Ну, конечно, вздыхалъ, въ любви признавался и все такое. Разъ въ ночь подъ Рождество, ѣхали мы съ ней на тройкѣ. Дорога гладкая, кони что звѣри, и ямщикъ изъ нашихъ-же солдатиковъ — то и дѣ-

ло еще подхлестываетъ. Луна свѣтитъ во всю. Панна Стася такою миленькою смотрѣла въ это время, что просто я млѣлъ и себя не помнилъ. Завелъ я, разумеется, подобающій разговоръ о другѣ миломъ, о страсти нѣжной. А она мнѣ и говорить: — «Вы, мой рыцарь, на всякія жертвы для меня готовы?» — «Жизни не пожалѣю!» — «Увидимъ. Подвергну васъ испытанію. Стой, ямщикъ!» А надо замѣтить, что ѣхали мы тогда аккуратно мимо кладбища католическаго.

— «Что вы, панна?» спрашиваю. — «А вотъ увидите! Усыпальницу Маевскихъ знаете?» — «Знаю». — «Подите и сядьте у гробницы пана Казимира. Увижу, какъ-то вы храбры! Черезъ часъ-полтора пріѣду за вами».

— Съ превеликимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я и выпрыгнулъ изъ саней.

— Смотрите, панъ, не струсьте! — насмѣшливо крикнула мнѣ панна, и тройка укатила.

Я крикнулъ, что не струю. Ни въ какіе призраки я не вѣрилъ и, потому спокойно пошелъ отыскивать могилу пана Казимира. А эта могила была известна въ околоткѣ, какъ мѣсто нечистое. Нашъ Казиміръ Мас-

ривъ — ну, просто вѣки такъ сами собой закрываются! А знаю засну: замерзну. Волей-неволей, нужно было встать и пройтись. Только это я приподнимаюсь — вдругъ, панъ! кто-то сзади охватилъ меня за шею. Я опомниться не успѣлъ. Холодные пальцы такъ и впиваются мнѣ въ горло, душатъ. Рванулся я — не тутъ то было! шея, словно въ клѣпахъ. Правду скажу, волосы у меня дыбомъ стали. ей-ей! А потомъ созна-

— Вы не вѣрите мнѣ? — живо спросила Анна Григорьевна.

— Смѣшно вѣрить! — пожалъ плечами красавецъ.

— Такъ подите просидите часа два на кладбищѣ.

— Анна Григорьевна! Я вышелъ изъ школьнаго возраста. Предложите этолучше Петру Семеновичу или, вотъ, Сергѣю Андреевичу, они еще юны, а я уже старъ для такихъ забавъ.

скій, богатый помѣщикъ, иногда славился своею раснущенностью и жестокостью и былъ убитъ во время одной изъ оргій какою-то своею возлюбленною. Говорили, что панъ выходитъ по ночамъ изъ могилы садится на надгробномъ камнѣ и стоить не то жалостно, не то яростно, и въ это время лучше не встрѣчаться съ мертвецомъ — догонитъ, загрызетъ и кровь выпьетъ. Встрѣчали иногда этого пана и на дорогѣ. Отыскалъ я гробницу, смахнулъ съ надгробнаго камня снѣгъ и усѣлся. Тишина, знаете, такая, что слышишь, какъ кроль въ ухахъ шумитъ. Признаться, сперва немощно жутко стало. Однако, я оправился, попробовалъ, хорошо-ли вынимается пистолетъ изъ кармана, и сталъ думать о глазахъ Стаси. Морозъ былъ сильный, шипель, знаете, легенькая, нельзя сказать, чтобы мнѣ было тепло, а все сижу, терплю, встать не хочется. Понемножку сонъ сталъ мо-

ние явилось, что, вѣдь, это смерть моя приходитъ, дышать не могу. Тутъ я и пистолетъ вспомнилъ. Выхватилъ его, загнулъ назадъ руку, да и выстрѣлилъ наобумъ.

Маіоръ остановился, набилъ табаконъ трубку и сталъ раскуривать ее.

Прилизанный юноша, съежась отъ страха, сидѣлъ на стулѣ, «фль» старика глазами и нетерпѣливо бормоталъ:

— Ну, ну?

— Ну, и ничего, — услышалъ, наконецъ, бормотанье юноши маіоръ, — убилъ призрака наповаль: бѣглымъ солдатомъ оказался, здоровымъ такимъ.

— А! — разочарованно протянулъ Петръ Семеновичъ.

— А вы думали, побось, что, дѣйствительно, было привидѣнье? — насмѣшливо сказалъ Юрій Николаевичъ. — Нѣтъ, юноша, въ нашъ вѣкъ они перестали водиться.

— Я пѣтъ! Я не пойду! — воскликнуть съ такимъ ужасомъ Петръ Семеновичъ, что все разсмѣялись.

— Храбрецъ! — проговорила вдовушка. — Ну, а вы, Сергѣй Андреевичъ, тоже откажетесь?

— Хотя я тоже далеко уже не школьникъ, какъ угодно думать обо мнѣ Юрію Николаевичу, но отъ этого легкаго испытанія моей храбрости не откажусь.

— Молодчина! — одобрительно замѣтилъ маіоръ.

— А знаете, не совѣтоваль-бы это: все-таки, того, опасно — кладбище далеко отъ деревни. Мало-ли что можетъ случиться, — пробасилъ Маркъ Веніамшиновичъ.

— Пустяки. Разбойниковъ въ нашей мѣстности нѣтъ.

— Подите! Вы серьезно задумали это? Я вѣдь пошутила, — сказала Анна Григорьевна.

ОРИГІНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА В. ТАБУРИНА.

Гусь на свободѣ, въ неволѣ и на блюдѣ...

— Нѣтъ, отчего-же не попробовать? Въ двѣнадцать часовъ ночи, съ третьяго на четвертый день праздниковъ, я буду на кладбищѣ.

— А чѣмъ вы докажете, что были тамъ?— спросилъ Красный-Молчановъ.

— Изберите могилу—и напишу на могильномъ крестѣ свое имя.

— Пусть это будетъ могила моего отца. Вы знаете, гдѣ она?—продолжалъ красавецъ.

— Знаю, видѣлъ! Хорошо, напишу.

— Впрочемъ, вѣдь написать имя можно и утромъ...—вскользь замѣтилъ Юрій Николаевичъ.

— Вы слишкомъ далеко заходите, господинъ Красный-Молчановъ!—кинулъ ему, вспыхнувъ, Мѣдниковъ.

Въ дверяхъ проснувшись голова служанки.—Сергѣй Андреичъ! За вами прѣхалъ вашъ человѣкъ, сказывается, ждутъ къ больному,—сказала она.

Молодой врачъ началъ посѣбно прощаться.

— И посидѣть не удалось вамъ, батюшка!—замѣтила Марья Тихоновна.

— Что дѣлать! Служба!—отвѣтилъ, уже направляясь къ двери, Мѣдниковъ.

II.

Спусти съ полчаса послѣ ухода Сергѣя Андреевича, поднялся и Маркъ Вепіановичъ.

— Что-же вы? Посидѣли-бы—оставляли его хозяинъ.

— Нѣтъ, пора-съ, дѣла есть,—отвѣтилъ толстякъ: не могъ-же онъ сказать маіору, что причина его послѣдшаго удаленія кроется въ томъ, что Анна Григорьевна, съ уходомъ молодого врача, стала задумчивой и не принимала участія въ общей бесѣдѣ.

— И я съ вами... Вы меня подвезете?.. Одному, знаете, страшновато—мѣсто глухое. Прощайте, Григорій Ивановичъ! Прощайте, Марья Тихоновна!—заспѣшили прощаться и Петръ Семеновичъ.

Такимъ образомъ изъ гостей остался одинъ Юрій Николаевичъ. Григорій Ивановичъ зналъ его еще мальчикомъ, а потому не стѣснялся съ нимъ, какъ съ роднымъ.

— Вы тутъ бесѣдуете со вдовой молодой, а я того, знаете, привалюсь!—позѣвывая, сказалъ маіоръ.—Вы ужъ простите старика.

— Помилуйте, Григорій Ивановичъ! Неужели вы меня стѣсняться будете. Да и не вамъ, а мнѣ надо извиняться, что засидѣлся я такъ долго.

— И—и, полноте! Сидите себѣ на здоровье, а я съ Марьей на покой удалюсь. Пойдемъ, старуха!

— Анна Григорьевна!—заговорилъ Красный-Молчановъ, едва остался наединѣ съ молодой вдовой.—Анна Григорьевна!—повторилъ онъ:—скажите, за что я вамъ такъ ненавистенъ?

— Вы? Ненавистны? Что вы выдумали!

— Развѣ это неправда? Развѣ вы не предпочитаете мнѣ этого безусаго врача?

— Юрій Николаевичъ! Я только могу удивляться.

— Анна Григорьевна! Милая, простите! Вы разсердились?

— Нѣтъ.

— Я давно хотѣлъ поговорить съ вами, но не рѣшался,—волнуясь, говорилъ Красный-Молчановъ.—Вы знаете, я уже пережилъ первую молодость, повидалъ и испыталъ многое. Меня теперь тянетъ къ мирной, скромной жизни, и я ищу подругу, которая раздѣлила-бы эту жизнь со мной. Я знаю, что любя изъ нашихъ уѣздныхъ барышень пойдетъ

за меня: я богатъ и... и, не хвастаясь, скажу,—кумиръ здѣшнихъ дамъ и дѣвицъ. Но ни одной изъ нихъ мнѣ не надобно. И знаете почему? Потому, что ни одна изъ нихъ не стоитъ и вашего мизинца.

Анна Григорьевна сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Нѣтъ! позвольте! Не прерывайте меня, дайте досказать, что началъ... Анна Григорьевна, божественная! Я люблю васъ такъ, какъ никогда никого не любилъ, а я зналъ многихъ женщинъ. Отвѣтите на мое чувство, сдѣлайтесь моею женою! Согласитесь! Я не могу жить безъ васъ! Не могу!

Когда Анна Григорьевна увидѣла этого гордаго, сильнаго человѣка робко стоящимъ передъ нею, она испытала то чувство, которое бываетъ у укротителя звѣрей, когда онъ смотритъ на поработеннаго льва. Но это быстро прошло, и она, подумавъ, отъ красавца, покачала головой и тихо промолвила:

— Нѣтъ, я не могу принять вашего предложенія.

— Почему?—глухо спросилъ Юрій Николаевичъ.—Я гадокъ, противенъ, да?

— Я люблю другого.

— Любите другого?

— Да. И уже дала ему слово.

Юрій Николаевичъ быстро выпрямился и побѣднѣлъ.

— Я догадываюсь, кто вашъ избранникъ!

Молодая женщина подняла голову и посмотрѣла на него—ей не понравился его тонъ.

— Тѣмъ лучше,—холодно проговорила она.

— Это Мѣдниковъ?

— Вы не ошиблись.

— Этотъ ничтожный мальчишка, недавно сорвавшійся со школьной скамьи! Ха! Нечего сказать, нашли въ кого влюбиться!

— Юрій Николаевичъ! вы забываетесь.

— И я ему долженъ уступить! Я, Красный-Молчановъ! Никогда!

— Юрій Николаевичъ, я должна прекратить съ вами разговоръ!—тихо сказала Анна Григорьевна, быстро поднимаясь.

— Да, да! Прекратимъ его, прекратимъ лучше, вы правы! А то я Богъ знаетъ что наговорю! Прощайте. Видите, какъ я покоренъ? А только помните—я люблю васъ и ему не уступлю... Не уступлю,—почти крикнулъ онъ и толкнулъ ногой.

— У васъ являются манеры ломового извозчика! Теперь вы, дѣйствительно, дѣлаетесь мнѣ противны.

Красавецъ сжалъ руками свою голову.

— Ахъ, я самъ не знаю, что со мной!—простоналъ онъ.—Если-бы вы знали только, что дѣлается у меня на душѣ! Анна Григорьевна! Милая, дорогая!—онъ упалъ передъ нею на колѣни.—Простите! Вы видите, я чуть не плачу, я—мужчина! Измѣните свое рѣшеніе. Онъ вамъ не дастъ того счастья, котораго вы достойны! Онъ не можетъ дать! Не отталкивайте меня! Я буду рабомъ вашимъ, чѣмъ хотите. Не отталкивайте!

— Мнѣ жаль васъ, Юрій Николаевичъ, но я не могу ничѣмъ помочь вамъ.

— Вы не измѣните рѣшенія?

— Нѣтъ, не могу измѣнить.

— Это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее.

Юрій Николаевичъ молча поднялся съ колѣнъ и, пошатываясь, направился къ двери.

— Прощайте,—сказалъ онъ уже въ дверяхъ, обернувшись къ молодой женщинѣ,—прощайте и помните:—вамъ не быть за Мѣдниковымъ.

И взглядъ его вспыхнулъ такимъ мрачнымъ огнемъ, что Анна Григорьевна вздрогнула.

Когда на другой день Румянцева передала свой разговоръ Сергѣю Андреевичу и сказала, что боится угрозы Краснаго-Молчанова, счастливый женихъ только усмѣхнулся.

— Что онъ можетъ сдѣлать? Развѣ онъ въ силахъ помѣшать намъ любить другъ друга?—сказалъ онъ.

III.

Было около полуночи, когда Сергѣй Андреевичъ подходилъ къ кладбищу. Ночь была тихая, но морозная, и луна отъ мороза казалась окруженною радужнымъ кольцомъ. Далеко, по обѣ стороны дороги, раскидывалась бѣлая равнина, справа темнѣлъ вдали лѣсокъ, впереди видѣлись покосившіеся, обсыпанные снѣгомъ кресты деревенскаго кладбища. Кутаясь въ воротникъ своего пальто, молодой врачъ крупными шагами шелъ къ кладбищу. Онъ не испытывалъ никакого волненія—для него ничего особеннаго, страшнаго или таинственнаго мѣсто погребенія не представляло.

Онъ уже издала нашелъ могилу отца Юрія Николаевича и направился прямымъ путемъ къ ней, мечтая, что, вотъ, сейчасъ, онъ напишетъ свое имя на крестѣ, да и маршъ домой, гдѣ его предупредительный лакей Сенька уже вѣрно поставилъ самоваръ и ждетъ барина. Онъ уже вынулъ карандашъ, готовясь исполнить свое намѣреніе, когда вдругъ остановился, какъ вкопанный: передъ нимъ появилась, словно поднялась изъ могилы, высокая, темная фигура. «Убѣжденный матеріалистъ» почувствовалъ, что у него волосы зашевелились отъ страха.

— Что, храбрѣе, трусили?—насмѣшливо спросила фигура, Мѣдниковъ узналъ голосъ Юрія Николаевича.

— Фу! Сказать правду, струхнулъ!—сознался, приходя въ себя, Сергѣй Андреевичъ.—И чего вамъ вздумалось меня пугать?—съ неудовольствіемъ добавилъ онъ.

— Я и недумалъ, что вы такъ слабонервы... Однако, я пришелъ сюда собственно вовсе не затѣмъ, чтобы васъ пугать... Мнѣ нужно поговорить съ вами.

— Пришли-бы ко мнѣ на квартиру.

— Тамъ такой разговоръ вести неудобно—для этого нужно болѣе уединенное мѣсто,—странно смѣясь, отвѣтилъ Красный-Молчановъ. Пойдемте, сядемте на могилку.

— Признаюсь, я крайне удивляюсь, что вы выбрали для разговора со мной такое мѣсто и такое время,—проговорилъ Сергѣй Андреевичъ, когда они усѣлись на могильной плитѣ.

— Не будьте такъ нетерпѣливы, юноша. Погодите, все скоро узнаете, тѣмъ болѣе, что и я долженъ торопиться—время не ждетъ!

Что-то странное показалось молодому врачу въ рѣчи и голосѣ Юрія Николаевича. Это заставило его внимательно взглянуть на своего собесѣдника, и тутъ только онъ замѣтилъ, что красавецъ Красный-Молчановъ измѣнился за истекшіе нѣсколько дней до неузнаваемости: лицо его—быть можетъ, отъ луннаго свѣта—казалось зеленовато блѣднымъ, носъ заострился, глаза ввали и напоминали Мѣдникову глаза трупа—неподвижные, стеклянныя. Сергѣй Андреевичъ перевелъ взглядъ на одежду Юрія Николаевича и ахнулъ: его собесѣдникъ былъ одѣтъ въ легкій домашній костюмъ, даже камизъ не было надѣто на его шею; тутъ-же молодой врачъ замѣтилъ, что и шапки не было на головѣ у Краснаго-Молчанова. Отъ дома Юрія Николаевича до клад-

бища было, по крайней мѣрѣ, около двухъ верстъ и бѣжать въ такой морозъ въ легкомъ пиджакѣ Мѣдникову казалось безуміемъ.

— Чего вы ахнули?

— Удивляюсь на васъ—вы, вѣрно, хотите на смерть простудиться, что отваживаетесь такъ налегкѣ отправиться въ путь.

— Ничего! Меня никакая простуда не можетъ взять, — усмѣхаясь, отвѣтилъ Красный-Молчановъ.

Въ то время, какъ Сергѣю Андреевичу было холодно въ тепломъ пальто, Юрій Николаевичъ, казалось, не испытывалъ ни малѣйшаго холода—онъ даже не пряталъ рукъ въ карманы.

— Да, время не ждеть.. Я буду кратокъ. Вотъ, что я хотѣлъ сказать вамъ: вы не пара Аннѣ Григорьевнѣ—быстро проговорилъ Юрій Николаевичъ.

Молодой врачъ не ожидалъ такого крутого приступа и въ первую минуту потерялся.

— То есть, какъ не пара?

— Такъ! Что вы изъ себя представляете? Вы еще полушкольникъ, вамъ учиться надо. Вы-бы лучше думали о диссертациі, а не о женитьбѣ. «Не хочу учиться, а хочу жениться», Митрофанушка!

— Позвольте, милостивый государь!—вскричалъ, покраснѣвъ отъ гнѣва, Мѣдниковъ.

— Ничего не позволю! Вы мальчишка-съ!—оралъ Юрій Николаевичъ, уже давно соскочившій съ плиты и стоявшій, размахивая руками, передъ Сергѣемъ Андреевичемъ, — Вамъ еще букварь надо въ руки! Вы не смѣете на ней жениться, да-съ, не имѣете права! Я не допущу этого! Не допущу.

— Что вы съ ума сошли, сударь! Да кто васъ спроситъ?—Какъ вы не допустите? Что я вамъ? Я нахожу глупыми подобныя рѣчи! Надо быть безумнымъ, чтобы такъ, какъ вы, говорить! Онъ не допуститъ! Смѣшно,—кричалъ въ свою очередь, до крайности разсердившійся Мѣдниковъ, уже не сидя, а тоже стоя, передъ Краснымъ-Молчановымъ и, подобно ему, размахивавшій руками.

— Такъ я тебя придушу, щенокъ!—равкнулъ Красный-Молчановъ и навалился всѣмъ тѣломъ на молодого человѣка.

Тотъ пошатнулся, но выдержалъ напоръ и обхватилъ своими руками туловище Юрія Николаевича.

Завязалась борьба.

IV.

Такъ бороться могли только атлеты. Сила столкнулась съ силой. Руки обвились вокругъ туловища противника, и пальцы впивались въ тѣло, лица побагровѣли, глаза налились кровью, но ни тотъ, ни другой не подавался. Оба замерли въ страшномъ напряженіи. Мѣдниковъ чувствовалъ, что страшная тяжесть гнетъ его къ землѣ, поясница его ныла, голова кружилась отъ прилившей къ ней крови. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ чувствовалъ, что въ груди его kloпочетъ бѣшенство, и руки сами собой все крѣпче сжимаютъ станъ Краснаго-Молчанова; онъ слышалъ, какъ подъ его пальцами гнутся ребра противника. Онъ готовъ былъ бороться сутки, но не уступить. Внезапно Юрій Николаевичъ измѣнилъ тактику: пригибая до сихъ поръ къ землѣ своего малорослаго противника, онъ вдругъ, вмѣсто этого приподнял его. Маневръ удался—Мѣдниковъ былъ сорванъ со своей позиціи. Обутыя въ резиновыя галоши, ноги скользили по снѣгу. Кромѣ того, толстое пальто стѣсняло движенія. Красный-Молчановъ не давалъ ему опомниться: онъ напиралъ на Мѣдникова

съ удвоенною силою и заставлялъ его катиться по снѣгу на галошахъ, какъ на лыжахъ. Молодой врачъ не могъ найти точки опоры. Вдругъ правая нога Сергѣя Андреевича скользнула и подвернулась, онъ упалъ на одно колено и не могъ подняться: Юрій Николаевичъ наскочилъ на него, какъ медвѣдь на охотника. Положеніе Мѣдникова стало критическимъ. Руки противника сжали ему горло. Онъ начиналъ терять сознание. Какъ сквозь туманъ, передъ нимъ мелькнуло блѣдное лицо Краснаго-Молчанова, съ безумными, широко открытыми глазами, съ злобой улыбки губъ.

— Да чтожь?! Неужели умирать?—мелькнула мысль въ мозгу Мѣдникова. И всѣ силы его молодой души возмутились противъ этого. Жажда жизни охватила его, пробудила его угасавшее сознание. Съ тѣмъ страшнымъ напряженіемъ, которое дается отчаяніемъ, и которое, можетъ быть, только послѣднимъ, потому, что за нимъ слѣдуетъ смерть или побѣда, онъ сжалъ противника такъ, что хрустнули кости, приподнял и отбросилъ отъ себя. Слышно было, какъ тяжелая масса упала на снѣгъ. Но Сергѣю Андреевичу было не до Краснаго-Молчанова—онъ даже не посмотрѣлъ въ его сторону. Онъ подобралъ полы пальто и бѣгомъ пустился съ кладбища. Мѣдниковъ чувствовалъ, что все тѣло его ноетъ, что теперь онъ слабѣе жеицины, и если Юрій Николаевичъ его настигнетъ, онъ пропадетъ: у него не хватитъ силъ для новаго отпора. А теперь, послѣ пережитой опасности, жизнь казалась ему такимъ великимъ, такимъ незамѣнимымъ благомъ, что ни до чего иного ему не было дѣла, какъ только спасти эту дорогую жизнь. И онъ бѣжалъ, бѣжалъ «быстрѣе лани», какъ Лермонтовскій герой. Между тѣмъ онъ не былъ трусомъ, но полная жизнеспособности натура влекла его прочь отъ «бездны смерти» такъ-же невольно, какъ невольно она заставляетъ человѣка, идущаго по краю дѣйствительной бездны, отвращать отъ нея взоръ.

Пришелъ окончательно въ себя молодой врачъ только тогда, когда очутился вблизи своего дома. Мысль стала работать правильно, и одинъ мелькнувшій въ головѣ вопросъ заставилъ его приостановиться. Почему онъ не бросился догонять меня? Отвѣтъ вернулся самъ собой: потому, что не могъ. Продолжая разсуждать далѣе, Мѣдниковъ пришелъ къ заключенію, что это «не могъ» должно обозначить нѣчто очень скверное: быть можетъ, Юрій Николаевичъ раненъ при паденіи или даже убитъ. Теперь Сергѣй Андреевичъ упрекалъ себя, зачѣмъ онъ не взглянулъ на упавшаго. Но дѣлать было нечего, приходилось лишь каяться, и Мѣдниковъ вошелъ въ свой домъ съ сознаниемъ, что ему только что пришлось пережить одинъ изъ самыхъ отвратительныхъ моментовъ своей жизни.

V.

Слуга встрѣтилъ вернушагося Сергѣя Андреевича словами:

— А за вами, баринъ, приходили... Приключилось тутъ...

— Что такое приключилось?

— А Молчановъ баринъ того, значить... Пожалте пальто. Чтой-то оно у васъ порвано? Вона, прорѣха какая, на сукъ али гвоздь напоротся изволили.

— Да ладно! Что Молчановъ-то, говори!

— Да, того, они съума снятили.

— Ну?!

— Вѣрно слово. Куфарка мнѣ ихъ рассказывала. Въ первый день праздника они не-

ладны что-то были, угрюмились такъ все, а на второй, это, значить, среди бѣла дня вдругъ пѣтухомъ зашѣлъ.

— Пѣтухомъ?

— Истинно-съ, пѣтухомъ. А потомъ стекла бить зачали и все кричать изволили: «Не бывать! Не допущу!» Да-съ, и почитай во всемъ домѣ стекла перебили, только въ куфѣ да прихожей оставили. Ну, тогда куфарка видѣть дѣло плохо, позвала кого слѣдуетъ, и ихъ заперли въ комнатѣ ихней... Да грѣхъ тутъ вышелъ...

— Какой?

— Какъ ночь пришла, они въ окно—шасты! и были таковы! Только ихъ и видѣли! И въ одномъ шинджакѣ-съ... Да-съ. Вездѣ теперь ихъ ищутъ, найти не могутъ.

Теперь для Сергѣя Андреевича все стало ясно: и странное поведение Юрія Николаевича и его легкій костюмъ.—«Помѣшался и приближалъ на кладбище встрѣтить меня—у помѣшанныхъ прекрасная память»—подумалъ молодой врачъ и тотчасъ-же снова надѣлъ только что скинутое пальто.

— Вы куда-же изволите? недоумѣвалъ Сенька.

— Позови фельдшера да мужиковъ чело-вѣкъ трехъ—я знаю, гдѣ сумасшедшій,—приказалъ Мѣдниковъ.

Когда Сергѣй Андреевичъ со своими со-путниками пришелъ на кладбище, онъ нашелъ Краснаго-Молчанова лежащимъ безъ чувствъ на снѣгу. Несчастный безумецъ при паденіи ударился о надгробный камень голо-вой и разбилъ ее до крови. Рана была не опасна, но все-же Юрію Николаевичу пришлось долго прохворать—прогулка по морозу и лежанье на снѣгу не прошло ему даромъ. Разсудокъ къ нему такъ и не вернулся, только помѣшательство приняло иную форму: онъ, казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ, сидѣлъ недвижный, какъ статуя. Давая ѣсть, ему вкладывали пищу въ ротъ, какъ ребенку—онъ самъ не дотронулся-бы до нея. Только по временамъ его глаза загорались дикимъ огнемъ. Тогда онъ вскакивалъ, бѣшено кричалъ: «Не уступлю! Не бывать! Не допущу!» и начиналъ неистовствовать. Онъ кончилъ дни свои въ [домѣ] умалишенныхъ. Однако, цѣли своей Красный-Молчановъ достигъ: предполагаемый бракъ Сергѣя Андреевича и Анны Григорьевны онъ разстроилъ.

Со времени помѣшательства Юрія Николаевича, молодая вдовушка начала замѣтно холоднеѣе относиться къ своему жениху, да и онъ понемногу открывалъ кое-какія пятна на нѣкогда блестящемъ солнцѣ. Казалось, между ними стала фигура безумца съ дико блистающими глазами, и отталкивала ихъ другъ отъ друга. Они разошлись мирно, безъ всякихъ ссоръ и размолвокъ. Разставшись со своимъ женихомъ, Анна Григорьевна стала каждую недѣлю навѣщать Краснаго-Молчанова въ больницѣ душевно-больныхъ, и фотографическая карточка красавца Юрія Николаевича постоянно стояла на ея рабочемъ столѣ: оттолкнувъ когда-то отъ себя полного силъ, горячо любившаго ее человѣка, Анна Григорьевна полюбила его безумнаго. За что? Можетъ быть, за то, что онъ принесъ ей въ жертву свой разсудокъ, а можетъ быть... просто такъ. Кто пойметъ тайну женскаго сердца?

Н. Алексѣевъ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Е. ГАУСМАНА.

Заготовка масокъ.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА П. РИЧЧИ

Маски сняты!

П А Р И.

Святочный рассказ.

СОЧЕЛЬНИКЪ. Окна обширнаго дома Барсовых, считающихся въ Н-скѣ чуть-ли не первыми богачами, ярко освѣщены. У подъѣзда то и дѣло останавливаются экипажи, подвозящіе новыхъ гостей.

Каждый сочельникъ Барсовы дѣлаютъ вечеръ, по случаю дня ангела своей единственной дочери Женички, но этого годъ ими рѣшено было устроить пиръ на славу, въ виду исполнившагося совершенполѣтія общей въ домѣ любимицы.

Добрая половина офицеровъ драгунскаго полка, квартировавшаго въ Н-скѣ, была принята въ домѣ родителей виновницы торжества, такъ какъ старики Барсовы, будучи сами людьми живыми и веселыми, любили смотрѣть на веселящуюся молодежь и рады были, при случаѣ, доставить возможность горячо любимой ими дочери потанцовать и вволю повеселиться.

Наканунъ этого вечера, нѣсколько офицеровъ собрался въ небольшой, но уютной квартирѣ подпоручика Земцова. Хозяинъ, слившій въ полку за перваго весельчака и кутилу, радушно угощалъ товарищей-гостей, то и дѣло заставляя ихъ хохотать до упаду надъ какой-нибудь нововыдумкой изъ своихъ безчисленныхъ шуточекъ и прибаутокъ. Разговоръ вертелся, главнымъ образомъ, на завтрашнемъ вечерѣ у Барсовыхъ.

— И что только эта вертушка Барсова нашла въ Лукинѣ! — замѣтилъ молоденькій корнетъ Павлищевъ, усаживаясь съ погами на кушетку. — Вѣчно-то думаетъ онъ о чемъ-то, вѣчно занятъ какими-то высшими соображеніями! Я сомнѣваюсь даже, чтобы любовь его къ дочери Барсовыхъ была вполнѣ искренна!

— Ну, въ такомъ случаѣ, — проговорилъ шагавшій изъ угла въ уголъ высокій штабъ-ротмистръ Вороновъ, — вы Лукина совсѣмъ не знаете. Я служу съ нимъ вотъ уже семь лѣтъ въ полку, да и въ гимназій были мы съ нимъ, что называется, закадычными друзьями. Могу васъ всѣхъ, господа, увѣрить, — обратился онъ къ остальной компаніи, — что рѣдко можно встрѣтить болѣе прямую, отзывчивую и честную душу, нежели Лукинъ. Единственной чертой его характера, которая часто заставляетъ меня подтрунивать надъ добрымъ пріятелемъ, является его чисто англійское хладнокровіе; я, поистинѣ, сомнѣваюсь, чтобы онъ былъ способенъ когда-либо выйти изъ себя, какъ это на каждомъ шагѣ случается съ нами, простыми смертными!

— Ну, штабъ-ротмистръ, позвольте въ этомъ съ вами не согласиться! — проговорилъ, улыбаясь, Земцовъ. — Посмотрѣлъ бы я, куда бы дѣлось все хладнокровіе Лукина, если бы завтра, на вечерѣ у Барсовыхъ, кто-нибудь изъ насъ сталъ серьезно ухаживать за его Женичкой!

— Увѣряю васъ, что Лукинъ слишкомъ уменъ для того, чтобы ревновать, и повторяю, что и тутъ, какъ и всюду, хладнокровіе не покинуло бы его.

— А не желаете ли держать пари на полдюжины шампанскаго? — предложилъ Земцовъ.

Пари, при общемъ хотѣніи офицеровъ, было принято, — послѣ чего компанія, поболтавъ еще немного, весело разошлась по домамъ.

Вечеръ въ полномъ разгарѣ. Лица танцую-

щей молодежи дышатъ веселостью и оживленіемъ. Мазуркой дирижируетъ Земцовъ, ухаживающій слишкомъ усердно за своей дамой хорошенькой Женей Барсовой. Вообще, за весь вечеръ, мало кто не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что подпоручикъ, словно тѣнь, слѣдуетъ всюду за молоденькой хозяйкой дома, заставившей, повидимому, повѣсу-офицера забыть ради нея весь окружающій его міръ.

— Земцовъ, однако, уже пересаливаетъ! — замѣтилъ, подходя къ кучкѣ офицеровъ, штабъ-ротмистръ Вороновъ.

— А пари-то, пожалуй, онъ выиграетъ! — отвѣтилъ молоденькій корнетъ. — Посмотрите, господа, Лукинъ и не думаетъ обращать вниманія на всѣ выходы подпоручика.

Лукинъ, дѣйствительно, стоялъ у камина и, куря сигару, серьезно бесѣдовалъ о чемъ-то съ сѣдѣвшимъ старичкомъ во фракѣ и со звѣздой на груди. Въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ жестѣ и мускулѣ лица сквозило полнѣйшее спокойствіе, граничившее, по виду, съ полнѣйшей апатіей ко всему окружающему.

Подъ конецъ вечера, когда къ Земцову подошелъ Вороновъ и поздравилъ его съ выиграннымъ пари, перваго словно что укололо, ему стало неловко за свою мальчишескую выходку. Домой онъ отправился въ самомъ дурномъ настроеніи духа, сердясь на себя за ту глупую комедію, которую позволилъ себѣ разыграть по отношенію къ солидному товарищу. — Явившись домой, Земцовъ далъ себѣ слово завтра же утромъ съѣздить къ Лукину, извиниться передъ нимъ и откровенно рассказать, что побудило его къ этой выходкѣ.

Отпустивъ денщика спать, онъ скинулъ сюртукъ и, сѣвъ у окна, сталъ перебирать въ умѣ впечатлѣнія минувшаго вечера. Долго ли просидѣлъ онъ такимъ образомъ, онъ не помнитъ, какъ вдругъ дверь изъ прихожей широко распахнулась, и въ комнату вошелъ своей обычной, неторопливой походкой Лукинъ. Усы его еще не успѣли оттаять, и онъ вытиралъ ихъ носовымъ платкомъ.

— Простите, подпоручикъ, за поздній визитъ! — проговорилъ онъ, бросая фуражку на столъ и отстегивая шашку. — Попрошу уделить мнѣ нѣсколько минутъ.

Земцовъ молча указалъ ему на стоящее противъ кресла и, не будучи въ состояніи вымолвить отъ изумленія ни одного слова, ждалъ, что скажетъ этотъ столь неожиданный гость.

— Я приступаю прямо къ дѣлу, — началъ Лукинъ, усаживаясь въ кресло. — Сознайтесь, Земцовъ, что поведеніе ваше на сегодняшнемъ вечерѣ, по отношенію ко мнѣ, было непозволительно! Я говорю вамъ прямо, что я не способенъ къ ревности, точно такъ же, какъ увѣренъ и въ томъ, что вы не искренно ухаживали за дочерью Барсовыхъ, а вами руководило лишь желаніе взбѣсить меня; не знаю — почему, но я глубоко убѣжденъ въ этомъ!

Земцовъ хотѣлъ перебить его, хотѣлъ объяснить всю суть дѣла, но слова словно застыли въ горлѣ и онъ не могъ произнести ни одного звука.

— Меня очень мало интересуетъ то обстоятельство, — продолжалъ Лукинъ своимъ ровнымъ и звучнымъ голосомъ, — чѣмъ я вызвалъ вашу немилость ко мнѣ; я явился, чтобы заявить вамъ, что готовъ дать удовлетвореніе, и желаю это сдѣлать немедленно же. Но, чтобы не вызывать лишнихъ толковъ, мы устроимся съ вами вотъ какъ.

При этомъ онъ взялъ свой носовой платокъ,

сдѣлавъ на одномъ концѣ его узелокъ и, взявъ въ ту же руку другой кончикъ платка, протянулъ оба ушка Земцову.

— Берите, — проговорилъ онъ твердо, при чемъ глаза его мрачно блеснули, — и помните, что всему долженъ быть предѣлъ! Кому изъ насъ достанется узелокъ, тотъ обязанъ немедленно же лишить себя жизни. Такимъ образомъ, тайна нашей дуэли будетъ сохранена.

Земцовъ молча потянулъ за кончикъ платка — узелокъ оказался въ его рукѣ.

Теперь уже поздно было пускаться въ какія бы то ни было разъясненія, такъ какъ Лукинъ могъ принять его за труса, — и подпоручикъ съ какой-то дикой злобой протянулъ руку къ револьверу, висѣвшему на стѣнѣ.

— И вамъ мѣшать не стану; увѣренъ, что вы честно выполните наше условіе! — проговорилъ Лукинъ, послѣ чего, взявъ со стола шашку и фуражку, вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одинъ, Земцовъ прислушивался, нѣкоторое время, какъ Лукинъ одѣвался въ прихожей, какъ запираетъ за собой дверь, — затѣмъ всѣ его мысли подернулись какимъ-то туманомъ, и изъ-за этого тумана ясно выплыло сознаніе, страшное сознаніе ужасной необходимости покончить съ собой.

Порывисто всталъ онъ съ кресла, въ которомъ сидѣлъ, взвелъ курокъ и поднесъ холодное дуло къ виску...

— Ваше благородіе! Никакъ и раздѣваться не изволили? — прозвучалъ густой басъ денщика Хвостова.

Земцовъ широко раскрылъ глаза. Что это? — Передъ нимъ стоитъ его денщикъ и протираетъ заснанные глаза; самъ онъ сидитъ, какъ усталъ съ вечера, за столомъ; свѣчка догорѣла, и въ окно пробивается утренняя заря.

— Неужели сонъ?! — радостно вскрикиваетъ онъ, утирая холодный потъ, катящийся крупными каплями по его лицу.

И. Дрексиръ.

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

(Изъ заграничныхъ студенческихъ воспоминаній).

Въ годъ моего поступленія въ швейцарскій университетъ, русскихъ студентовъ было такъ много, что къ нимъ начинали относиться уже съ пренебреженіемъ, потому каждая изъ насъ, которая чувствовала въ себѣ силы и знанія, сибѣшила заявить о нихъ швейцарцамъ.

И мы согласились съ одной знакомой студенткой въ первый же семестръ нашихъ занятій выдержать экзаменъ на степень учителя среднихъ учебныхъ заведеній (Secundar Schule), я по математикѣ, она по естественнымъ наукамъ. Мы хотѣли этимъ доказать, что привезли съ собой изъ Россіи солидныя знанія; съ этою цѣлью мы подали прошеніе кому слѣдовало и получили разрѣшеніе явиться на экзаменъ въ день Рождества. Въ университетской канцеляріи намъ объ этомъ торжественно объявилъ нашъ педагогъ и очень удивился, когда я и моя знакомая на нашемъ ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ объяснили, что у русскихъ это большой праздникъ.

— Что же дѣлать, сказалъ онъ, — мы уже справили свой праздникъ и не можемъ сообразоваться съ русскими...

На это мы, разумѣется, поспѣшили ему заявить о своей готовности съ удовольствіемъ покориться назначенію директора учебной

части кантона, а онъ въ утѣшеніи намъ прибавилъ:

— Навѣрное русскія дамы такъ блистательно выдержатъ свой экзаменъ, что этотъ день и будетъ для нихъ настоящимъ праздникомъ.

Намъ оставалось поблагодарить за доброе желаніе и стремиться къ тому, чтобы оно осуществилось.

Вскорѣ насталъ и день экзамена; моя знакомая нѣсколько трусила и защила за мной, желая, какъ она говорила, набраться отъ меня храбрости. Мы поздравили другъ друга съ праздникомъ и пошли въ университетъ, удивляясь дорогой тому что идемъ мы въ день Рождества въ лѣтнихъ кофточкахъ, видимъ вокругъ себя хотя и обнаженные, на совершенно безснѣжныя нозя, на которыхъ еще вчера мы находили даже кой-какіе полевые цвѣты. Поражало насъ также и то, что не слышимъ мы колокольнаго звона, что въ такой праздникъ идетъ здѣсь своимъ чередомъ будничная жизнь, да и намъ самимъ какъ будто нѣтъ дѣла до праздника. Однако, намъ не долго пришлось всему этому удивляться: мы жили въ двухъ шагахъ отъ университета и скорѣ видъ величественнаго, находящагося на возвышеніи зданія, вытѣснилъ у насъ всѣ мысли за исключеніемъ одной, какъ то сойдетъ нашъ экзаменъ. Моя спутница, блѣдная, поднималась по широкой лѣстницѣ университета и со страхомъ шептала мнѣ:

— Знаете, мнѣ кажется, что я рѣшительно все, все забыла.

— Успокойтесь, — сказала я, какъ болѣе припыкая къ экзаменамъ, — это всегда такъ кажется!

Но все же и я съ замираніемъ сердца подошла къ двери педеля и слегка постучала. Педель появился на порогѣ съ внушительнымъ видомъ, приличнымъ случаю.

— У васъ устный экзаменъ въ аудиторіи № 5, потрудитесь туда пожаловать, — объявилъ онъ моей знакомой, а васъ, — обратился онъ ко мнѣ, еще болѣе возвысивъ голосъ: — ждете строгое письменное испытаніе.

Онъ показалъ мнѣ запечатанный конвертъ съ задачами и повелъ меня куда-то наверхъ. Мы вошли въ небольшую комнату, въ которой стояли только деревянный столъ, стулъ и незатѣйливыя письменныя принадлежности. Въ присутствіи педеля я должна была распечатать конвертъ и позволить блюстителю университета порядку удостовѣриться въ томъ, что никакихъ книгъ и бумагъ нѣтъ у меня съ собою; послѣ всей этой процедуры педель ушелъ, заперевъ меня наключъ. Я же подошла къ окну и полюбовалась видомъ города, который такъ красиво расположенъ у подножія горы на берегу озера. «Стоитъ, какъ на серебряномъ подносіи», — замѣтила я про себя и начала одну за другой просматривать задачи. Радость переполнила мое сердце, когда я убѣдилась, что ни одна изъ нихъ не представляетъ для меня ни малѣйшаго затрудненія. Но когда я успѣлась, придвинула къ себѣ бумагу и взяла въ руки перо, я какъ то оцѣнѣла, вспомнивъ вдругъ слова моей няни: «Боже тебя сохрани что-нибудь дѣлать въ праздникъ: не будетъ успѣха, Богъ накажетъ». Это наставленіе было дано мнѣ няней въ то время, когда я сильно уколола себѣ палецъ ногой, пришивая въ день Рождества какой-то, баутикъ къ платью своей куклы. Все это было, конечно, очень давно, но пророческія слова няни, какъ всякая убѣжденная рѣчь, вѣзались въ памяти и дѣйствовали магически, не смотря

на то, что вызвали улыбку; конечно, я не считала грѣхомъ рѣшать задачи по праздникамъ! Однако, мнѣ было настолько неловко и непривычно работать въ первый день Рождества, что пришлось сдѣлать надъ собой большое усиліе прежде, чѣмъ одолѣть первую задачу; но за то съ остальными я справилась ранѣе назначеннаго мнѣ срока, и когда педель меня выпустилъ изъ подъ ареста, я вышла съ покойной душой и, можно сказать, въ праздничномъ настроеніи. Педель объявилъ мнѣ, что и экзаменъ моей подруги сошелъ вполне благополучно.

Такъ, какъ я опоздала къ студенческому обѣду вслѣдствіе законной причины, то хозяйка пансіона госпожа Бауеръ предложила мнѣ обѣдать вмѣстѣ съ своей семьей. Эта была очень строгая, но симпатичная старушка, горячо любившая свою родину, свои горы! Она говорила, что не въ силахъ понять, какъ это можно добровольно оставить свою родину, и къ студенткамъ-иностранкамъ относилась двойкою: однихъ ненавидѣла, другихъ очень жалѣла; я принадлежала къ числу послѣднихъ, потому что госпожа Бауеръ признавала серьезныя причины, заставлявшія меня стремиться къ высшему образованію. Узнавъ о моемъ удачномъ экзаменѣ, она поспѣшила устроить мнѣ наскоро праздничный обѣдъ съ виномъ и тостами въ честь мою, моихъ родныхъ и далекой родины.

Послѣ же обѣда я получила записку отъ своей подруги по экзамену; она звала меня къ себѣ на чай и просила по дорогѣ зайти въ кондитерскую за пирожнымъ, чтобы какъ-нибудь отпраздновать нашъ двойной праздникъ. Я должна сказать, что привезенный съ собою русскій чай и нерусское пирожное вообще служили единственной матеріальной услугой нашей студенческой жизни...

Мы съ трудомъ мирились съ швейцарской кухней и составили себѣ привычку заивать студенческіе обѣды чаемъ и заѣдать ихъ пирожнымъ, по крайней мѣрѣ, по праздникамъ. Но въ день *перваго* Рождества, проведеннаго мной за границей, я съ особеннымъ удовольствіемъ отправилась въ кондитерскую и отобрала самыхъ вкусныхъ пирожковъ въ такомъ количествѣ, что привела въ восторгъ кондитершу, которая, тщательно завертывая ихъ, лишь съ чувствомъ сказала:

— Не понимаю людей, недовольныхъ русскими студентками; по моему мнѣнію, все это самыя милыя дамы и, благодаря имъ я скоро разбогатею.

Войдя въ комнату своей подруги, я застала ее одѣтой по праздничному и въ самомъ разгарѣ хозяйскихъ хлопотъ. Двѣ спиртовыя машинки пылали голубоватымъ пламенемъ, чашки стояли на столѣ, покрытомъ скатертью съ русскимъ лиственнымъ. Всюду замѣтны были усилія придать нарядный видъ простой студенческой комнатѣ. Подруга моя была въ радужномъ настроеніи и очень одобрила мой выборъ пирожнаго. Мы подвинули нашъ чайный столъ поближе къ дивану, устланный какъ можно спокойнѣе и властью напился *рускаго* чаю, потомъ, вѣроятно, наши духовныя способности взяли свое и мы погрузились въ воспоминанія о родинѣ далекой, стараясь милое припомнить что-нибудь.

Мы обѣ принадлежали къ одному и тому же среднему помѣщичьему кругу и потому въ нашихъ воспоминаніяхъ было много общаго. Съ воспоминаніемъ о Рождествѣ, конечно, неразлучно связано воспоминаніе о дѣтствѣ и елкахъ. Я рассказала своей подругѣ, какъ меня переставали радовать елки, которыя изъ

году въ годъ были похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды. Всякій годъ, въ первый день Рождества, въ шесть часовъ вечера, насъ запирали въ уборную матери и приказывали намъ смиренно сидѣть въ темнотѣ и ждать большого сюрприза. Мы, разумеется, знали, что въ это время въ залу вносятъ разукрашенную елку съ традиционными золочеными орѣхами и яблоками, когда эту елку зажгутъ и позовутъ насъ, — думала я, — мы должны будемъ бѣгать и радоваться. И у меня являлось желаніе выступить медленнымъ шагомъ и не визжать болѣе отъ радости, которой отъ меня, какъ мнѣ казалось, требовали. Моя подруга, выслушавъ это сначала поемотрѣла на меня съ удивленіемъ, а потомъ сама вспомнила что искренно радовалась елкѣ только два раза, одинъ разъ когда наканунѣ Рождества родился у нея братъ и имъ объявили, что елка отложена, но за то, въ числѣ подарковъ, Богъ послалъ имъ на елку братца; тогда она съ петириемъ ждала запоздалой елки, но ее болѣе всего занимала мысль, что и братецъ будетъ висѣть на елкѣ. Въ другой разъ у нихъ долго не было елки, по случаю того, что отецъ зажилъ въ Москвѣ, но когда онъ, наконецъ, пріѣхалъ къ Крещенію и привезъ орѣховъ съ сюрпризами, то радость дѣтей была безгранична, потому что эти орѣхи были имъ еще въ диковинку. Во всякомъ случаѣ блестящія елки и подарки скорѣ отступили на задній планъ въ моихъ воспоминаніяхъ; я вспомнила, что въ тѣ годы, когда мы проводили зиму въ деревнѣ, у насъ вошло въ обыкновеніе приглашать священника служить всенощную у насъ на дому. Тогда къ назначенному часу вся предпраздничная суматоха останавливалась, въ домѣ все затихало; дѣти, въ ожиданіи чего то торжественнаго, безъ крика мылись въ своихъ дѣтскихъ и надѣвали чистое бѣлье и платье. Мать не кричала болѣе на прислугу, отецъ переставалъ читать наставленія матери о томъ, какъ все должно было быть въ порядочномъ домѣ на праздникъ; прислуга не суетилась, и ходила тихими, ровными шагами и вполголоса спрашивала старую няню, какъ и что слѣдуетъ приготовить въ залѣ ко всенощной. Няня не приказывала, а кротко наставляла, какъ поставить въ углу столъ, накрыть его бѣлой скатертью, она сама ставила на него образъ Спасителя въ золоченой ризѣ и приносила восковыя свѣчи. Вскорѣ же по всему дому передавалось изъ устъ въ уста вѣсть: «батьшка пріѣхалъ», и всѣ мы, старъ и младъ, собирались въ залѣ, прислуга занимала мѣста въ коридорѣ, но держалась съ достоинствомъ, думая, что передъ Богомъ всѣ равны. Нашъ сельскій священникъ называлъ себя грѣшнымъ человѣкомъ и, сколько помню, такого же мнѣнія о немъ были и другіе. Но надо отдать ему справедливость, онъ съ чувствомъ служилъ, и я какъ теперь вижу передъ собою его высокую, худощавую фигуру, его смуглое, рябое, изборозженное морщинами лицо, съ большими темносиними глазами, устремленными въ даль, когда онъ молился, то кротко, то горячо. Невозможно было не молиться вмѣстѣ съ нимъ и не переживать чувства раскаянія въ дурномъ, не ощущать желанія сдѣлаться лучше.

Мнѣ казалось, что пережитыя въ то время чувства и вся эта всенощная, вносящая въ нашу жизнь миръ и благовolenіе, лучшіе мои воспоминанія дѣтства, соединенныя со днемъ Рождества. Я высказала все это своей подругѣ, но когда я кончила свою тираду, въ двери постучали два раза; это былъ обычный

призывъ къ ужину; я поспѣшила домой, зная, что и у насъ ужинаютъ приблизительно въ то же время. Моя подруга не успѣла высказать мнѣ своего мнѣнія относительно моей тирады; на другой день мы встрѣтились на улицѣ; я шла съ лекціи, она бѣжала на лекцію и мимоходомъ шепнула мнѣ: «да, вы, пожалуй, правы; проводите васъ, и я погрузилась въ свое прошлое; самыя живучія и лучшія воспоминанія — о пережитыхъ нами хорошихъ чувствахъ».

Е. Литвиновъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Волхвы. Къ стихотворенію. Рисунокъ художника *Г. Дорэ*.

Бѣгство въ Египетъ. Съ картины художника *Л. Кнауса*.

Прекрасная картина европейски извѣстнаго художника Людвига Кнауса не нуждается въ подробномъ объясненіи и рекомендаціи, какъ и помѣщенная на первой страницѣ этого номера копія съ знаменитой картины Корреджіо, изображающая Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Достаточно мелькомъ взглянуть на фигуру Богоматери на картинѣ Л. Кнауса, любовно созерцающую Божественнаго Младенца, на радостно-возбужденное лицо Іосифа стоящаго вдали, чтобы сразу проникнуться торжественнымъ миромъ, озарившимъ свѣтъ съ первой рождественской ночи. Общее настроеніе картины, нѣсколько туманные краски, не мѣшающіе, впрочемъ, ясности деталей, наконецъ самая фигура Богоматери дѣлаютъ картину Л. Кнауса похожей на полотно Мурильо и придаютъ ей прелесть наивности старинныхъ мастеровъ.

Елку принесли. Оригинальная картина художника *Н. Сахарова*.

Елку принесли... Божь мой, какая радость!.. Этою радостью начинаются рождественскія праздники для дѣтей... Дѣти, услышавъ въ передней звонокъ, шумъ проталкиваемого въ двери дерева, чья-то незнакомые, тяжелые, шаги не могли сдержать своего любопытства и высунули изъ дѣтской. Ну, такъ и есть; принесли елку! Дѣтское сердечко, значитъ, не ошиблось и вѣрно подсказало имъ близкое веселье. Нацыпочкахъ прокрадываются въ гостиную, гдѣ мать разсчитывается съ продавцомъ, а отецъ разсматриваетъ густую, развѣсистую елку, помогшую передъ праздникомъ раздобыться грошомъ десятку труженниковъ... Ахъ, скоро-ли заигреть се!

Елку зажигаютъ. Оригинальная картина художника *В. Амосова*.

Елка зажжена — давно желанный моментъ! Въ яркомъ блескѣ своего праздничнаго наряда, вся залитая свѣтомъ, въ бусахъ, въ золотыхъ цѣпяхъ и драгоценныхъ нитяхъ, предстала она предъ глазами дѣтей, съ истерическимъ ждавшимъ этого вечера... Да что дѣти...

тѣ хотя малы, а вонъ и старикъ-дѣдъ, всего повидавшій на своемъ вѣку — тотъ, словно малое дитя, отдался рождественскому веселью и, забывъ про свои болящія ноги, полѣзъ зажигать свѣчи на елкѣ. Веселье большое, захватывающее: напрасно говорить, что Рождество — «дѣтскій праздникъ», но развѣ дѣтство чуждо старости и зрѣлымъ годамъ? По крайней мѣрѣ, на картинѣ г. Амосова мы видимъ противоположное. Здѣсь Рождество дѣлаетъ людей простыми,

понятъ тѣхъ думъ, которыя въ настоящую минуту тревожатъ ихъ отца, низко опустившаго свою голову.

Гусь на свободѣ, въ неволѣ и на блюдѣ. Оригинальный рисунокъ художника *В. Табурина*.

Гусь... Легко сказать это слово, но подумайте, сколько нѣжныхъ заботъ и попеченій, сколько людскихъ

палежъ и уповѣній окружаютъ гуся, прежде чѣмъ онъ займетъ предѣлательское мѣсто на рождественскомъ столѣ. Вы, конечно, помните того крыловскаго мужика, который «предлин юхворостинной гусей гналъ въ городъ продавать» — вотъ этому то мужику и обязаны гуси своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ. Затѣмъ, проданные на рынокъ, гуси обыкновенно попадаютъ на жирныя хлѣба къ ключницамъ, или къ кухаркѣ, и, пристрастно заведенные ими въ свѣтъ соблазнительныхъ яствъ, вскорѣ погибаютъ подъ ножомъ. Финалъ гусиной одиссеи извѣстенъ: украшенные со всѣхъ сторонъ гарниромъ, они подаются румяной горничной къ столу... Табурина отличается большимъ юморомъ и необходимой мѣрой художественнаго чутья, необходимаго въ данномъ случаѣ.

Заготовленіе масокъ. Съ картины художника *Е. Гаусмана*.

Бритый старичекъ, водруживъ на переносицу большія круглыя очки, усѣлся за свое оригинальное мастерство — раскрашиваніе масокъ. Вдали, у окна, молодая дѣвушка, дочь старичка, занялась сниманіемъ масокъ съ деревянныхъ формъ и ихъ просушкой. Мастерство это не въ легкость, такъ какъ оно сопряжено съ необходимой комической жимкой мастера, а нашъ старичекъ, вѣроятно, большой острякъ. Посмотрите, какъхитро уморительныхъ фазисомъ понабѣлалъ онъ вчера при помощи своей кисти и небольшого запаса красокъ. Здѣсь вы найдете самыя уродливыя профили и «en face», чудовищные носы и пасти, выпученные глаза и торчащія скулы. Работа не легкая, но веселая, и старичекъ коварной улыбочкой, какъ-бы предвкусывая несомнѣнный успѣхъ, трудится надъ своимъ масками. Въ рождественскія праздники на этотъ товаръ

почти такой-же спросъ, какъ и на елки. Маскарады въ эти дни вездѣ.

Маски сняты. Картина художника *г. Риччи*.

Галантный кавалеръ эпохи Генрихъ IV и его дама крайне смущены. Причина ихъ смущенія будетъ вполнѣ понятна, если мы скажемъ, что протанцовавъ вѣсело цѣлый вечеръ, они только сію минуту увидѣли другъ друга. Впрочемъ они, кажется, не разочарованы: лицо юноши полно восторженнаго удивленія, а молодая женщина опустила глаза подъ его пытливымъ взоромъ. Маскарадная интрижка, какъ видно, кончилась къ обоюдному удовольствію и не вызвала разочарованія. Картина художника Риччи очень правдиво передаетъ настроеніе этой парочки и поражаетъ мастерской выпиской многочисленныхъ аксессуаровъ.

На конькахъ.

добрыми и наступившій праздникъ одинаково радуетъ какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ.

Елка бѣдняковъ. Оригинальный рисунокъ художника *В. Табурина*.

Зайдя въ ярко освѣщенную комнату богатыхъ и довольныхъ людей, мы такъ занялись разсматриваніемъ елки, что намъ и въ голову не пришло подойти къ темному окну, выходящему на дворъ. А напрасно. Заглянувъ въ него, мы увидѣли-бы напиротивъ другое тускло освѣщенное окно, другую зажженную елочку, но маленькую и некъ вистую въ свѣтѣ, темной квартиркѣ бѣднаго семейства. Купленная на послѣдніе гроши эта елка мало тѣшитъ дѣтей: увидать въ противоположномъ окнѣ большую нарядную елку, они не могутъ оторвать глазъ отъ ея радужнаго сіянія, забывъ про свою тусклую елочку освѣщенную неуклюжими, заплясавшими огарками. Что-же дѣлать? Свѣтъ зачавши и изъ окна бѣдной квартирки, а дѣти не могутъ еще

КЪ СВДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ:

1) Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», внесшіе одновременно сполна подписную годовую сумму, а также 1 р. 50 к. за художественный альбомъ—«БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ (200 картинъ съ текстомъ въ изящной оберткѣ), съ доставкой и пересылкою, могутъ получить таковой немедленно, по выходѣ его въ свѣтъ въ 1897 году.

2) Годовые подписчики, внесшіе сполна подписную годовую сумму, могутъ получить, немедленно при подпискѣ, большіе художественно исполненные портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ, или «Авонтъ при лунномъ освѣщеніи», отпечатанные въ 23—27 красокъ, а также и другія художественныя изданія за прѣзенте года, уплативъ ОДИНЪ рубль за каждый экземпляръ портрета или картины (съ доставкой и пересылкою). Безъ доставки—75 коп. Мелкія суммы могутъ быть высланы почтовыми марками.

3) Годовые подписчики, подписывающіеся на журналъ «Живописное Обозрѣніе» съ разсрочкою взносов, могутъ получить альбомъ «БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ» и другія художественныя изданія только по уплатѣ ими сполна годовой подписной суммы за журналъ, а также объявленную стоимость альбома «БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ» и другихъ картинъ. Просятъ гг. подписчиковъ требованія на альбомъ или картины заявлять при подпискѣ.

ВЫПИСЫВАЙТЕ

КЪ ПРАЗДНИКАМЪ

новѣйшій музыкальный ящикъ

15 р. DOLCINE 15 р.

Играетъ всѣ танцы, вальсы, пѣсни и т. д.; звукъ необычайно пріятный и громкій, такъ что ящикъ этотъ вполне пригоденъ для увеселеній и танцевъ въ любомъ частномъ и общественномъ помѣщеніи. Прочтѣніи по конструкціи ящикъ этотъ по дешевизнѣ своей превосходитъ всѣ остальные. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, Большая Морская 33. Выдается немедленно по полученіи 5 руб. задатка.

Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ въ 14 коп. марками. 2468—5

Съ разрѣш. спб. столич. вѣдѣн. управ.

ПУДРА ПУХОВИИ ЮНОСТИ

косметикъ В. Липше.

придаетъ лицу нѣжность и бархатистость, уничтожаетъ красноту, не сушитъ кожу лица, удобно прилагается къ лицу и не застываетъ при дневномъ свѣтѣ.

Цѣна коробки 75 коп.

Съ перес. 3 коробки 2 руб. 75 коп.

Получать можно вездѣ.

Главный складъ для всей Россіи

А. ЭНГЛУНДЪ.

СПБ., Михайловская площадь, 2.

БАЛЬНЫЕ ЦВѢТЫ.

Складъ П. ЛЮТЕРМАНЪ Мастерская
Невскій 34. Невскій 3.

Прейсъ-курантъ безплатно. 2483-1

Въ конторѣ журнала «Живописное Обозрѣніе» и въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступила въ продажу новая книга

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».

Гоминъ изъ жизни черныхъ вѣтовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ!!

рекоменд. въ большомъ выборѣ и поумѣреннымъ цѣнамъ всевозможныя механическія инструменты:
дѣтскій АРИСТОНЪ 6 руб., ИНТОНА 10 руб., ДОЛЫЦА 10 р.
СЕРАФИНЪ 14 руб., АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ 18 р., ГЕРОФОНЪ 25 р.,
КАЛЛИСТОНЪ 40 р., МАНОПАНЪ 55 р., ПІАНО-МЕ ОДИНО 70.
75 и 90 р., самоиграющіе съ моторомъ 225 р., ОРГАНЫ съ
деревянными флейтами, самоиграющіе 225 рублей.

Механич. піанино на которомъ можно играть руками и посредствомъ перч. ручки 550, 600, 650, 700 р.
СІМФОНІОНЫ съ ручкою 5 р. самоиграющіе въ 10
20, 28, 40, 70 и 100 рублей.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

МОСКВА ПЕТРОКА

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ БЕЗПЛАТНО.

Открыта подписка на 1897 годъ:

„НОВОСТИ ДНЯ“ ежедневная газета 8 р.

(Годъ изд. XV). На 6 мѣсяцевъ—5 р. на 1 мѣсяць—1 р.

„НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ ежемѣсячный журналъ 3 р.

(Годъ изданія VI).

съ ежемѣсячнымъ иллюстрир. приложеніемъ „СЕМЬЯ“ 4 р.

„СЕМЬЯ“, ежемѣсячное иллюстрирован. изданіе, отдѣльно 2 р.

(Годъ изд. IV).

Всѣ три изданія въ годъ 12 руб.

Альбомъ: „КОРОНАЦИОННЫЙ АЛЬБОМЪ“ (изд. „Нов. Дня“) роскош. издат. — 2 р.

Адресъ: М.-сква, „Новости Дня“.

Имеется вездѣ. Дѣло фирмы въ Москвѣ: Лубянская площ. д. Общества Россіи. 2473-4

Фирма премірована на европейскіхъ выставкахъ десятию золот. медалями и высшими знаками.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

Косметикъ А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности и свѣжести лица;

лицо остается всегда чистымъ. Цѣна

банки 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к.

Для предупрежденія подблѣковъ, про-

шу обратить вниманіе на подпись

А. ЭНГЛУНДЪ красными чернилами и

марку С.-Петербургской Космети-

ческой Лабораторіи. Получать можно

вездѣ. Главный складъ для всей

Россіи А. Э. Лундъ, С.-Петербургъ,

Михайловская площ., д. Жербина,

№ 2.

Ахроматическ. универсал. бинокл.

„АРГУСЪ“

Карманнаго формата въ замкнутомъ ко-

мѣлькѣ 8 руб., перес. за 3 ф. Бѣлаго

формат. въ матрешевомъ футлярѣ съ рем-

немъ 9 руб., перес. за 4 ф.

„Аргусъ“ имѣетъ превосходныя оптиче-

скія качества, одинаково пригоденъ для

военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра,

а потому вполне заслуживаетъ названіе

„Универсальнаго бинокля“.

Предостереженіе. Вслѣдствіе успѣ. спроса

на наши универс. бинокли „АРГУСЪ“ и

„ПЛАНИТЪ“ въ козники дешев., но крайне

плохи по оптикѣ; поэтому считаемъ

долгомъ предупредить гг. покупателей,

что настоящ. бинокли нашей фабр. про-

даются въ Россіи исключ. только въ на-

ше указанномъ складѣ

Е. КРАУСЪ и К^о

Спеціалная фабрика оптическихъ инстру-

ментовъ въ Парижѣ.

Единственный складъ для Россіи

С.-Петербургъ,

Мойка, № 42 (у Полицейскаго моста).

Иллюстр. прейсъ-курантъ высылается за

семь коп. марку. 2469-2

МОДНЫЕ ДУХИ — Віола Одората Ауриха

О-ДЕ-КОЛОНЪ — Віола Одората Ауриха

ЖИРНАЯ ПУДРА — Віола Одората Ауриха

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ

Колокольная, 18/19.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

2469-3.

ПАМЯТЬ

ИСКУССТВО УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ.

(Что такое мнемоника?)

книга седьмоязд. издание)

проф. сора мнемоники С. ФАЙНШТЕЙНА и печатныя условія за авторомъ (исключен- ный) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 ур.) высылается за шестъ 7 коп. мар.; на вѣнечной бумагѣ вшитъ съ условіями—за восемь 7 коп. марокъ.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ филологіи, психологіи, логики и педагогикѣ, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую, и лучшей—у обладающихъ хорошей.

Въ несомнѣнной пользѣ и дѣлособразности моего метода убѣдился гг. врачи, педагоги, военные, студенты и тысячи другихъ лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, ознакомившись у меня курсъ укрѣпленія памяти и усовершенствованія памяти. (Условія за курсъ безъ книгъ высылается за одну 7 коп. марку). Адресъ: Одесса, Гаванная ул. (Синовиная № 40) (рядомъ съ Геродотіемъ садомъ) д. Бродскаго № 640, кв. 4-5-8, безъ этажа. Профессоръ мнемоники членъ парижской академіи С. Файнштейнъ. № 2298—24.

„МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

ВЪ 1897 ГОДУ

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬ ПОДЪ СВОЕЮ РЕДАКЦІЕЙ

А. ГРИНГМУТЪ.

условія подписки:

	На 1 мѣс.	На 3 мѣс.	На 6 мѣс.	На годъ.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Въ Россіи	1 80	5 40	10 50	17 —
За границей	2 50	7 50	14 —	26 —

Отъ священно- и церковно-служителей православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ и во всѣхъ Привислянскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерніяхъ и отъ находящихся въ означенныхъ губерніяхъ народныхъ школахъ принимается подписка по уменьшенной цѣнѣ, на сроки: 10 руб. въ годъ и 6 руб. на полгода.

Подписка принимается въ МОСКВѣ: въ конторѣ редакціи, въ университетскій типографіи; въ ПЕТЕРБУРГѣ: Большая Морская, № 11; въ ПАРИЖѣ Agence Havas 8 Place de la Bourse.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣлательныхъ агентовъ. Обращаться пись-
менно: Банкирскій д. м. Генрихъ Блокъ.
— 2 Спб., Невскій, 59. № 2261.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обзоръ»
Спб., Невскій, д. 68—40, продается:
„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.
Историческій романъ А. Михайлова.
Цена 1 руб.

№ 2305—3
ВЫИГРЫШ

ныя 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ.
59, НЕВСКІЙ, СПБ.

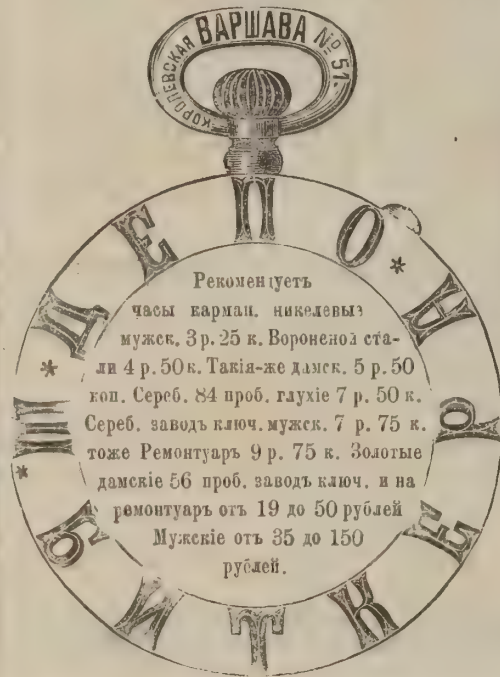
БИНОКЛЫ

павысшаго достоинства завода Stern & Co à Paris
За 7 р. 50 к. съ пересылкою, миниатюрный хрономиче-
скій бинокль «MIGNON». За 10 руб. съ пересылкою,
миниатюрный хрономическій бинокль «ARGUS».
Оба бинокля со шнуркомъ, въ замшевомъ кошелкѣ,
удобно помѣщаются въ карманъ и вполнѣ замѣняютъ
своими тяжелыми биноклями; они также хороши и для
военныхъ цѣлей.
Бинокли завода Stern et Co à Paris не имѣютъ ничего общаго съ издѣліями
другихъ заводовъ такого качества. Каждый бинокль снабженъ клеймомъ «Звѣзда».

СКЛАДЪ: А. ПОЛЬКО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ФОНТАНКА № 99.

ПО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ.

НОВОСТЬ!

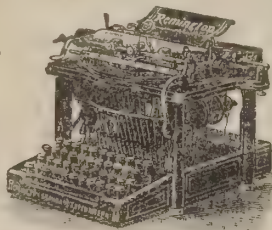
Часы карманные наклад-
наго золота, ничѣмъ не от-
личающіеся отъ настоящихъ,
золотыхъ, прекрасной кон-
струк. Элегантной отделки
10 р. 50 к. Къ праздникамъ
заготовленъ въ оольшомъ
выборѣ для ПОДАРОКОВЪ
изысканная гарнитуры, состоя-
щая изъ одной пары золотыхъ
сережек, одного кольца и
одной брошки, всѣ 56 пробъ
элегантн. отдѣл. отъ 10 руб.
до 15 р. Такой-же гарн. еще
съ изысканн. золотымъ бра-
слетомъ 56 пробъ отъ 25 р.
до 75 руб. Изысканн. сере-
бряныя дамскія цѣпочки
дамскія отъ 1 р. 50 к.
2 р. и 3 р. штука. Мужскіе
съ ореоломъ въ 2 р. 25 к.,
3 и 4 р. Цѣпи накладнаго
золота мужскія и дамскія
отъ 1 р. 75 до 5 рублей.

Адресъ для требованій:
ДЕПО
Ш. Биткеръ,
Королевская ул. № 51.
г. ВАРШАВА.

= НОВОСТЬ! =
ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.

1896—

НОВѢЙШАЯ
АМЕРИКАНСКАЯ

ПИШУЩАЯ
МАШИНА.

РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ

МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ
ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. ЦѢНА 325 руб.

РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 руб.

Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ СКЛАДЪ

Торговый
Домъ

М. Блокъ

ГЛАВНАЯ КОНТОРА
МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:
С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ и др.

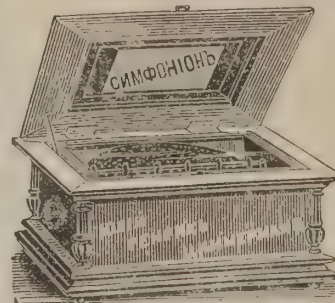

ИЗВѢСТНОЕ БѢЛЫЕ

Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворныхъ
Поставщиковъ

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ

изысканно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ
лучшаго полотнянаго бѣлья. Штукъ только нѣсколько копѣекъ.
При немъ нѣтъ сопряженныхъ со старкой непріятностей. После
употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безужоризненно-си-
дѣющее бѣлье. Неисходимо сохраняется даже при усиленномъ по-
тѣи. Неоходимо для военныхъ, путешествующихъ и холостяковъ.
Ниже поименованные представители сообщатъ, по желанію, гдѣ
оно продается.
анфаи и Штейдль, Москва. Карлъ Шгемель, Садовая 18, С.-Петербургъ. Максъ
Тишбинъ, Рига. Фабіанъ Клингсландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

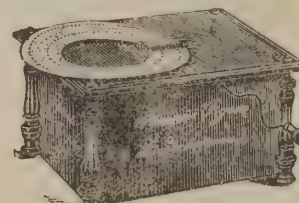
Симфоніоны

музыкальныя шкатулки, въ родѣ швейцар-
скихъ, но вмѣсто вала въ нихъ употре-
бляются стальные нотные листы, которые
удобно мѣняются и имѣются въ большомъ
выборѣ.

Съ ручкой, 5 рублей. Ноты по 25 коп.
Заводные 40 тонн. 10 руб. Ноты по 25 к.
Заводные 60 тонн. 28 руб. Ноты по 50 к.
Заводные 84 тонн. 40 руб. Ноты по 60 к.
Заводные 84 тонн. Sublime Harmonie
70 руб. Ноты по 80 коп.
Заводные Sublime Harmonie Piccolo
100 руб. Ноты по 1 руб.
Часы съ музыкой 100 тонн. 200 р. Ноты по 1 р.

Музыкальныя шкатулки

Малыя съ ручкой въ 1 1/2 и 2 1/2 руб.
Малыя заводныя въ 5 и 8 руб.
Большія заводныя въ 20, 25, 40, 65 и 80 р.
Большія заводныя съ перемѣняющимися палками
въ 175, 275 и 500 руб.

МАЛЫЙ ФЕНИКСЪ 10 р. Ноты по 35 к.
ФЕНИКСЪ ОРГАЪ 26 р. Ноты по 60 к.
ОРКЕСТРЪ ФЕНИКСЪ 40 р. Ноты по 60 к.
ГЕР. ФОНЪ 25 р. Ноты по 50 к.

Оркестръ-Манопанъ

очень удобенъ для танцевъ. Цѣна 55 руб.
Ноты по 1 р., 2 р. и дороже.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное дело и фабрика музыкальныхъ инструментовъ. Складъ нотъ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Б. МОРСКАЯ № 34. [МОСКВА, Кузнецкій м., д. Захарьина.
По полученіи заказа, приблизительно 1/3 стоимости, требуемое высылаю съ наложен-
нымъ платежемъ на остальную сумму.

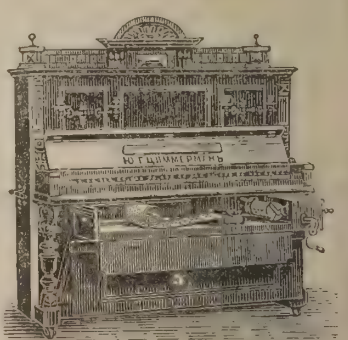

ПІАНО-МЕЛОДИКО

(новый механическій инструментъ со стру-
нами) цѣна инструмента безъ нотъ 70 р.
Ноты по 60 коп. за метръ (—1 1/2 арш.)

**САМОИГРАЮЩІЙ
ПІАНО-ОРКЕСТРІОНЪ**

механическій музыкальный инструментъ со
струнами, очень пріятнаго тона. Приводится
въ дѣйствіе безопаснымъ маленькимъ дви-
гателемъ. Цѣна безъ нотъ 225 р. Ноты по
60 коп. за метръ.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПІАНИНО

Прекрасный и практичный инструментъ.
Можно играть посредствомъ верченія руч-
ки и калѣ на обыкновенномъ піанино.
Цѣна 550, 600, 700 и 800 руб. Ноты
по 1 р. 25 к. за метръ.

Аппараты, которые можно приставлять къ
роялю или піанино, и посредствомъ верче-
нія ручкою отлично выголяютъ все возмож-
ныя пьесы.

МЕХАНИЧЕСКІЙ ТА ЕРЪ 160 и 189 руб.
Ноты по 1 р. 25 к. за метръ (—1 1/2 арш.).
МЕХАНИЧЕСКІЙ ПІАНИСТЪ 400 р. Ноты за
метръ 75 коп.

ПРОСЯТЪ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

Вмѣсто изготовленія новыхъ олеографическихъ картинъ, въ видѣ премій для подписчиковъ нашихъ изданій, мы приступили въ настоящее время, не щадя большихъ матеріальныхъ затратъ, къ очень сложному и роскошному художественному изданію, по нашему мнѣнію не только полезному, но даже почти необходимому для каждой семьи, а именно:

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ ВИБЛІА ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ.

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ).

СОДЕРЖАНІЕ КАРТИНЪ:

I. 1. И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ. 2. Созданіе Евы. 3. Изгнаніе Адама и Евы изъ Рая. 4. Жертвоприношеніе Каина и Авеля. 5. Убиство Авеля. 6. Потопъ. 7. Ной выпускаетъ изъ ковчега голубя. 8. Ной проклинаетъ Хама. 9. Башня Вавилонская. 10. Переселеніе Авраама въ землю Ханаанскую. 11. Истребленіе Содома и спасеніе Лота. 12. Изгнаніе Авраамомъ Агари. 13. Агаръ и Измаиль въ пустынѣ. 14. Авраамъ и Исаакъ, идущіе для жертвы. 15. Елазеръ и Ревекка. 16. Исаакъ встрѣчаетъ Ревекку. 17. Исаакъ благословляетъ Іакова. 18. Сонъ Іакова. 19. Борьба Іакова съ Богомъ. 20. Примиреніе Іакова съ братомъ Исавомъ. 21. Иосифъ продается братьями. 22. Иосифъ изъясняетъ сны Фараону. 23. Иосифъ открываетъ братьямъ. 24. Переселеніе Іакова въ Египетъ. 25. Моисей въ тростникѣ у берега Нила. 26. Спасеніе младенца Моисея. 27. Моисей и Ааронъ предъ Фараономъ. 28. Язва Египетская. 29. Тьма Египетская. 30. Пораженіе первенцевъ Египетскихъ. 31. Фараонъ умоляетъ Моисея оставить Египетъ. 32. Гибель войска Фараонова въ Черномъ морѣ. 33. Гора Синай и откровеніе Божіе. 34. Моисей сходить съ горы Синай. 35. Наказаніе Корея Дазана и Авирона. 36. Извлеченіе Моисеемъ воды изъ скалы. 37. Мѣдный змѣй. 38. Валаамъ, удерживаемый Ангеломъ. 39. Переходъ израильтянъ чрезъ рѣку Іорданъ. 40. Паденіе стѣнъ Іерихона. 41. Иисусъ Навинъ прощаетъ Рааву. 42. Аханъ, обитый камнями. 43. Иисусъ Навинъ останавливаетъ солнце. 44. Явленіе Ангела Иисусу Навину. 45. Девора прославляетъ Бога. 46. Выборъ войска Гедеона. 47. Дочь Іефая и ея подруги. 48. Сампсонъ растерзываетъ льва. 49. Смерть Авимилеха. 50. Дочь Іефая, ликующая при встрѣчѣ отца. 51. Пораженіе Гедеономъ Мадианитянъ. 52. Смерть сыновей Іерооама.	53. Сампсонъ избиваетъ Филистимлянъ. 54. Сампсонъ уноситъ ворота на гору. 55. Сампсонъ и Далила. 56. Смерть Сампсона. 57. Поруганная жена Левита. 58. Вениамиты похищаютъ дочерей въ Силомѣ. 59. Возвращеніе ковчега. 60. Самуиль предаетъ смерти Агага. 61. Саулъ бросаетъ копье въ Давида. 62. Бѣгство Давида. 63. Давидъ показываетъ Саулу край одежды его. 64. Саулъ передъ волшебницей. 65. Смерть Саула. 66. Жители Іависа убираютъ тѣло Саула и его сыновей. 67. Сраженіе единоборцевъ Іевосфея и Давида. 68. Пораженіе Давидомъ Аммонитянъ. 69. Смерть Авессалома. 70. Езра показываетъ текстъ закона. 71. Плачъ Давида о смерти Авессалома. 72. Рипца стережетъ тѣла своихъ сыновей. 73. Авеса спасаетъ жизнь Давида. 74. Судъ Соломона. 75. Царица Савская у Соломона. 76. Соломонъ. 77. Пророкъ Іудейскій. 78. Илія воскресаетъ сына Сарептской вдовы. 79. Илія умерщвляетъ пророковъ Ваала. 80. Ангелъ приноситъ пищу пророку Іили. 81. Ахавъ поражаетъ сто тысячъ Сирійцевъ. 82. Смерть Ахавъ. 83. Иосафатъ пользуется плодами побѣды безъ борьбы. 84. Илія поражаетъ молніею посланныхъ Охозіемъ. 85. Илія возносится на огненной колесницѣ. 86. Іуий низвергаетъ Іезавель. 87. Посланные Іуемъ находятъ черепъ, ноги и кисти рукъ Іезавели. 88. Смерть Говоліи. 89. Чужестранцы, поселенные въ Самарію, пожираются львами. 90. Ангелъ истребляетъ войско Сеннахирима. 91. Навуходоносоръ умерщвляетъ дѣтей Селеніи. 92. Киръ отдаетъ сосуды храма Іерусалимскаго. 93. Возстановленіе храма. 94. Артаксерксъ соглашается на освобожденіе Израильтянъ. 95. Ездра на молитвѣ. 96. Неемія и его спутники предъ вратами Іерусалима. 97. Товія и Ангелъ. 98. Ангелъ Рафаиль улетаетъ на небо въ виду семейства Товита. 99. Іудифъ и Олофернъ.	100. Іудифъ показываетъ голову Солоферна. 101. Царица Астия не повируется приказаніямъ Артаксеркса. 102. Торжество Мардохея. 103. Эсфиръ безславитъ Амана. 104. Іовъ узнаетъ о своемъ несчастіи. 105. Пиръ Вальтасара. 106. Пророкъ Ісаія. 107. Видѣніе Ісаи о разрушеніи Вавилона. 108. Гибель Лавиана. 109. Іремія диктуетъ свои пророчества Варуху. 110. Плачъ о Іерусалимѣ по его паденіи. 111. Пророкъ Варухъ. 112. Іезекииль п орочествующій. 113. Видѣніе пророка Іезекиила. 114. Пророкъ Даниль. 115. Три отрога во пещи Вавилонской. 116. Даниль во рвѣ львиномъ. 117. Видѣніе пророка Данила. 118. Сусана на купаніи. 119. Оправданіе Сусаны. 120. Даниль посрамляетъ жрецовъ. 121. Пророкъ Амосъ. 122. Іона изверженный китомъ. 123. Наказаніе Іліодора въ храмѣ. 124. Видѣніе жителей Іерусалима. 125. Мученичество старца Елеазара. 126. Мать Маккавеевъ. 127. Матафій убиваетъ оквернителя святыни. 128. Матафій призываетъ къ оружію Іудеевъ, убѣжавшихъ въ горы. 129. Маккавей преслѣдуетъ Тимоея, вождя Аммонитянъ. 130. Паденіе Антиоха. 131. Ангелъ Маккавеевъ. 132. Смерть Елеазара, сына Савахація. 133. Іуда Маккавей передъ войскомъ Никонора. 134. Іонаанъ разрушаетъ капище Дагона. II. 135. Благовѣщеніе. 136. Рожденіе Господанаго Иисуса Христа. 137. Волхвы путеводемые звѣздой.138. Бѣгство въ Египетъ. 139. Убиеніе невинныхъ младенцевъ. 140. Отрокъ Иисусъ среди учителей. 141. Проповѣдь Св. Іоанна Крестителя. 142. Крещеніе Иисуса Христа. 143. Испытаніе Спасителя отъ діавола. 144. Бракъ въ Канѣ Галилейской. 145. Иисусъ и самарянка. 146. Иисусъ въ Синагогѣ Назаретской. 147. Проповѣдь Иисуса Христа у моря Галилейскаго. 148. Чудесный ловъ рыбы. 149. Иисусъ проповѣдуетъ народу. 150. Иисусъ исцѣляетъ больныхъ.	151. Нагорная бесѣда. 152. Укрощеніе бури. 153. Воскресеніе дочери Іаира. 154. Иисусъ исцѣляетъ нѣмого бѣсноватаго. 155. І. Хр., защищаетъ учениковъ, срывающихъ колосья въ субботу. 156. Иисусъ Христосъ идетъ по водамъ. 157. Чудесное умноженіе хлѣбовъ. 158. Преображеніе Господне. 159. Исцѣленіе бѣсноватаго отрока. 160. Добрый Самарянинъ. 161. Прибытіе добраго Самарянина въ гостиницу. 162. Иисусъ у М. рѣи. 163. Встрѣча блуднаго сына. 164. Лазарь и несчастный богачъ. 165. Иисусъ и помилованная грѣшница. 166. Фарисей и Мытарь. 167. Благословеніе дѣтей. 168. Воскресеніе Лазаря. 169. Входъ Иисуса Христа въ Іерусалимъ. 170. Иисусъ изгоняетъ изъ храма торговцевъ. 171. Динарій Кесаревъ. 172. Лепта вдовицы. 173. Тайная вечеря. 174. Молитва Иисуса Христа въ саду Геоманскомъ. 175. Іуда лобзаніемъ предаетъ Иисуса. 176. Отреченіе Апостола Петра. 177. Бичеваніе Иисуса. 178. Возложеніе торговаго вѣнца. 179. Поруганіе Иисуса. 180. Пилатъ выводитъ народу поруганнаго Иисуса Христа. 181. Изнемогшій Иисусъ Христосъ подъ тяжестью креста. 182. Иисусъ Христосъ приходитъ на вершину Голгофы. 183. Пригвожденіе ко кресту. 184. Поднятіе креста. 185. Тьма, бывшая по распятіи Господа. 186. Снятіе Иисуса Христа со креста. 187. Положеніе Иисуса Христа въ гробъ. 188. Ангелъ и жены мироносицы. 189. Иисусъ и Еммаусские ученики. 190. Вознесеніе Господа на небо. 191. Сошествіе Св. Духа. 192. Апостолы проповѣдуютъ Евангеліе. 193. Стефанъ первый мученикъ. 194. Савль (ап. Павелъ) на пути въ Дамаскъ. 195. Ап. Петръ въ домѣ Корнилія сотника. 196. Ангелъ освобождаетъ Петра изъ темницы. 197. Возмущеніе Іудеевъ противъ Ап. Павла въ Іерусалимѣ. 198. Гибель корабля, на которомъ плылъ въ Римъ Ап. Павелъ. 199. Смерть (видѣніе Ап. Іоанна). 200. Послѣдній судный день.

Полнаго альбома картинъ Густава Дорэ къ Ветхому и Новому завету — до сихъ поръ **НЕ БЫЛО** не только въ Россіи, но и за границею. Библия же съ иллюстраціями Г. Дорэ, имѣющаяся въ продажѣ, стоитъ 40 рублей за экземпляръ, что, понятно, большинству недоступно, а потому мы рѣшились по-

ЦѢНА АЛЬБОМА СЪ ДОСТАВКОЮ для годовыхъ подписчиковъ газеты Сынъ Отечества — ОДИНЪ РУБЛЬ 50 копѣекъ.

Доступная для всѣхъ цѣна за это изданіе назначена нами только для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ нашихъ изданій: «Сынъ Отечества» (первое и второе изданіе), «Живописное Обозрѣніе» и «Домашняя Библиотека», заявившихъ объ этомъ и выславшихъ деньги одновременно, при подпискѣ, такъ какъ такая цѣна возможна лишь при печатаніи альбома въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Во всякомъ случаѣ, по выходѣ въ свѣтъ этого из-

данія, цѣна на него въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно повышена. Желающіе имѣть этотъ альбомъ въ изящномъ шпигелевомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, доплачиваютъ еще за переплетъ и за его пересылку — **рубль 50 коп.** (всего **три рубля**), о чемъ необходимо заявить при подпискѣ.

Во избѣжаніе задержки въ разсылкѣ альбома, требующей прочной упаковки, просимъ желающихъ получить это новое изданіе своевременно, поспѣшить заявленіями.

ПОДПИСКУ И ТРЕБОВАНІЯ ПРОСЯТЪ АДРЕСОВАТЬ ВЪ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ: СПБ., НЕВСКІЙ ПР., Д. № 68 — 40.

№ 52 «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ четырехъ листовъ, съ 20-ю рисунками, а именно: I) три съ половиною листа текста, II) Оглавленіе ко второму тому журнала «Живоп. Обозр.» за 1896 г. и III) Обложка съ нотами: «Елка-кадриль», соч. Н. Артемьева.

30p

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

3 0112 078031082